1-124 w

ЖИВОПИСНОЕ
ОБОЗРѢНІЕ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.
1877.

(ГОДЪ ПЯТЫЙ)

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

131

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1877.

ЖИВОПИСНОЕ
ОБОЗРѢНІЕ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

1877.

(ГОДЪ ПЯТЫЙ)

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Гос. Публичная
I
Ленинград

Цѣна въ бумажкѣ	6 руб.
» » каленкоровомъ переплетѣ	7 руб.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1877.

Оглавленіе I тома „ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ“ за 1877 годъ.

Повѣсти, разсказы, очерки и пр.

стр.
Бомбардированіе Сухума (разсказъ) *Аквилона*... 354
Въ устьяхъ Волги. Ст. *В. И. Немировича-Данченко* ... 146
Доктора-соперники (повѣсть)..... 182, 199, 213, 227
Имандра и Хибины. Очеркъ *В. И. Немировича Данченко* ... 134, 210, 226, 274
Капканы (очеркъ изъ народнаго быта) *Ив. Якунина* ... 19, 34, 50, 70, 100, 114, 130
Между жизнью и смертью (повѣсть) ... 2
Мировой судья (повѣсть) *Луи Колласа*. 6, 22, 36, 53, 67
Разсказъ бухарца *М. П. Стремоухова*. 306, 322, 338, 354
Съ розой въ волосахъ (разсказъ) ... 243
Судъ присяжныхъ. *Оч. Н. Чмырева* ... 258
Черная Индія (романъ) *Жюля Верна*. 259, 274, 294, 307, 323, 339, 355, 373, 388, 404

Стихотворенія.

Атилла (изъ Залѣсскаго) ... 234
Безсонница ... 99
Въ камышахъ (изъ Ник. Ленау) ... 70
Воронъ (изъ Андерсена) ... 84
Весной на полѣ битвы (изъ А. Петефи) ... 170
Вдова (изъ скандинав. поэзіи) ... 234
Встрѣча ... 362
Живіо, Сербія, живіо ... 250
Изъ А. Петефи ... 152
Измѣна женщины ... 202
Изъ воспоминаній ... 298
Литовская пѣсня (изъ Сырокомли) ... 311
Мѣдный змій ... 267
Непаханная полоса ... 344
Обманъ Фрины (по Плутарху) ... 3
Оставь въ покоѣ мертвыхъ! ... 407
Поздняя встрѣча (изъ Томаса Гуда) ... 20
Путникъ ... 51
Предсмертные звуки (изъ Людвига Уланда) ... 216
Поэту ... 282
Раненная птица ... 35
Романсъ ... 376
Сонъ негра (изъ Лонгфелло) ... 136
Сосѣдка ... 184

Фельетонъ.

Замѣтки изъ текущей жизни. *Полумаски* ... 28
Фельетонные эскизы. *Полумаски* ... 43
Мимолетные наброски. *Веселаго Поэта*. 311, 330, 342, 358, 376, 391, 407

Біографіи замѣчательныхъ дѣятелей.

Волковъ, Ѳ. Г. (основатель русскаго театра) ... 177
Мишле, Жюль ... 130
Майковъ, А. Н ... 289
Полонскій, Я. П ... 65
Соловьевъ, С М ... 18

Этнографическіе и культурно-историческіе очерки.

Бирючья коса ... 162
Мириды ... 362
Начало и постепенное развитіе письма.. 11, 26, 35, 75, 88
Поѣздка на Бѣлый мѣсяцъ. Ст. *С. Ш* ... 293

Статистика, путешествія и географическія статьи.

Въ улицахъ Каира ... 298
Восточныя границы Персіи ... 262
Картины изъ Персіи ... 229
Между болгарами. Путешествіе *Вильгельма Лежана*. 10, 27, 39, 56, 76, 92, 103, 119, 151, 167, 183, 200
Новая страна для охоты ... 246
Отъ Поти до Сухумъ-Кале ... 343
Отъ Карса до Эрзерума ... 362
Послѣдняя англійская полярная экспедиція ... 310
Путешествіе по Африкѣ ... 360
Письма изъ Америки ... 377, 390, 406
Сѣверная шведская полярная экспедиція подъ начальствомъ профес. *Норденскіольда*. 370, 386, 402

Популярныя статьи по разнымъ отраслямъ знаній.

Торпеды ... 392
Что такое огонь? (Изъ популярныхъ писемъ о химіи) *Б. Рейхмана* ... 20, 43, 58, 72

Картины животнаго и растительнаго царства.

стр.
Драма въ чащѣ лѣса ... 202
Морскія змѣи ... 326
Распространеніе животныхъ ... 117
Страшный сватъ (Приключеніе на остр. Цейлонѣ) ... 82
Физіологія вьющихся растеній по *Ч. Дарвину*.. 3

Статьи по искуствамъ, живописи и проч.

Александровская колонна въ С.-Петербургѣ... 158
Англійская набережная ... 270
Александровская зала въ Москвѣ, въ Кремлев. дворцѣ ... 287
Банкротство Товарищества на вѣрѣ Ѳ П. Байкова и К⁰ ... 16
Возьмите ягодку. Картина *де-Кониска* ... 48
Водопадъ Пауло Аффонсо въ Бразиліи ... 255
Говорящая машина ... 64
Григоровичъ, Викторъ Ивановичъ ... 100
Горный институтъ ... 319
Дурная книга ... 16
Домъ призрѣнія для работницъ, основанный Стюартомъ въ Нью-Іоркѣ ... 126
Дуиліо, одинъ изъ сильнѣйшихъ броненосцевъ настоящ. времени ... 287
Еврей на молитвѣ ... 191
Ecce homo. Картина *Гротгера* ... 223
Зданіе русскаго посольства въ Константинополѣ ... 48
Ковчегъ (эпизодъ изъ потопа). Съ картона *В. Каульбаха* ... 31
Критическая минута. Картина *Кнауса* ... 79
Колоссальный акварій ... 142
Катастрофа подъ Астабулой ... 158
Лѣсъ. Картина *И. И. Шишкина* ... 79
Локи и Сигина ... 110
Лѣсная дорога. Снимокъ съ карт. академика *Шишкина* ... 110
Матушка Іоанна Грознаго ... 16
Московскій театръ. *Н. А* ... 218
Марольскій кварталъ въ Брюсселѣ ... 270
Моей милой ... 271
Морскія свиньи въ лондонскомъ зоологич. саду. 287
Михайловскій дворецъ ... 335
Новое зданіе лондонскаго университета ... 64
Новый летательный аппаратъ *В. И. Льюиса* ... 80
Нищій. Съ карт. *Стамелло* ... 142
На выставкѣ. *Скептика* ... 230
На закатѣ. Рисун. *Андріолли* ... 255
Наяда ... 303
Неудовлетворимая кровожадность ... 319
Однимъ выстрѣломъ ... 255
Отъ Парижа до Гватемалы ... 304
Парусныя лыжи въ Сѣверной Америкѣ ... 15
Послѣ азартной игры. Картина *Мессонье* ... 64
Послѣ погребенія. Картина *Поля Делароша* ... 93
Первый пріятель. Картина *Ф. Штрейтта* ... 127
Послѣдняя сосна ... 158
Послѣ побѣды. Съ картины *Фэда* ... 191
При чтеніи. Съ карт. *А. Піото* ... 255
Перемѣна кочевья ... 319
Передъ купаньемъ ... 351
Разбойники ... 303
Связанные другъ съ другомъ. Картина *П. Валькера* ... 48
С.-Петербуг. биржа ... 175
Театральная хроника ... 46
Трубковидная рыба ... 142
Троицкій мостъ и Петропавловская крѣпость.. 208
Урокъ катанья на конькахъ ... 175
Финики и финиковая пальма ... 271
Художественныя новости ... 30
Человѣкъ-саламандра ... 319
Черкесъ на стражѣ ... 415
Элегія. Картина *Г. Семирадскаго* ... 208
Юдифь. Картина *Г. Семирадскаго* ... 223
Язычникъ передъ крестомъ ... 384

Изъ современной жизни.

Высочайшій манифестъ ... 242
Гейсъ, новый президентъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ ... 209
Донъ Карлосъ въ С.-Петербургѣ ... 92
Лорисъ-Меликовъ, Михаилъ Таріеловичъ ... 49
Непокойчицкій, А. А., начальникъ штаба дѣйствующей арміи ... 38
Николай Николаевичъ Старшій, Его Имп. Высоч. Великій Князь ... 2
стр.
Судьба русскихъ писателей ... 74—84
Циркуляръ русскаго государственнаго канцлера, 242

Статьи разнаго содержанія.

Великіе дни. И. З ... 280
Зданіе французской выставки ... 82
Изъ Константинополя ... 15
Музыкальныя замѣтки. *Б—на* ... 14—62
Нообыкновенная постель ... 134
Новые типы. *Полумаски* ... 168—184
Невская писчебумажная фабрика братьевъ Варгуниныхъ ... 279

Библіографія.

Библіотека путешествій. Современная Черногорія. Соч. Фриллея и Влохити. *В. Б—ва* ... 136
Вампиры русскаго народа. *И. З*.. 231, 248, 264, 277
«Дѣло», кн. XI ... 47
«Дѣло», кн. XII. «Древняя и новая Россія», кн. I. 59
«Для молодыхъ матерей и вѣрныхъ нянекъ». Наставленіе о содержаніи дѣтей и объ уходѣ за ними въ первые годы жизни. Сочиненіе доктора Карла Пидерита. *П. В. Б* ... 89
«Дѣло», кн. I и II за 1877 г ... 170
«Долгая жизнь и ея условія». Соч. доктора Нуаро. *П. Б—ова* ... 296
«Его Превосходительство Еженъ Ругонъ». Романъ Зола ... 232
«Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ». Соч. Ивана Забѣлина. Ч. I ... 77
«Исторія Сербіи по сербскимъ источникамъ». Соч. профес. Ранке ... 200, 216
«Литературныя воспоминанія и воспоминанія о Бѣлинскомъ». И. И. Панаева ... 233
«Отечественныя записки», № 11 ... 12
«Правда о сербской войнѣ». Соч. полковника Макъ-Ивера ... 51
«Петербургскія актрисы». Романъ И. Е. Чернышева. *П. Злобина* ... 77
«По Волгѣ». Очерки и впечатлѣнія лѣтней поѣздки». Соч. Немировича-Данченко ... 152
«Послѣднія пѣсни». Стихотв. Н. Некрасова *Ив. Я—на* ... 313
Романъ «Новь» Ив. Тургенева. *И. З*... 42, 100, 119
«Россія». Соч. Д. М’Кензи Уэллеса ... 327

Новости наукъ и жизни.

(Печать и образованіе, Правительственныя распоряженія, Статистика, Путешествія, Археологія, Ботаника, Естественная исторія, Минералогія, Геологія, Метеорологія, Физика, Химія, Астрономія, Живопись, Архитектура, Медицина и гигіена, Судебныя свѣдѣнія, Пути сообщенія и телеграфы, Военное и морское дѣло, Сельское хозяйство, Некрологи и пр.) 14, 31, 94, 104, 122, 138, 154, 172, 186 203, 218, 234, 250, 267, 299, 344, 363, 378, 395, 408

Смѣсь.

100, 126, 141, 157, 175, 191, 208, 222, 238, 254, 303, 346, 365, 379, 411

Со всего свѣта.

15, 30, 47, 63, 79, 90, 107, 123, 139, 155, 172, 189, 204, 220, 237, 252, 369, 286

Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій.

267, 283, 300, 314, 331, 347, 365, 379, 395, 411

Телеграммы.

31, 243, 302, 318, 334, 350, 367, 382, 398, 414

Рисунки.

Академія Художествъ ... 225
Англійская набережная ... 257
Александровская колонна въ С.-Петербургѣ... 145
Александровскій залъ въ московскомъ Кремлевскомъ дворцѣ ... 281
Болгарскій епископъ ... 89
Болгарскій цыганъ ... 156
Болгарскій священникъ ... 164
Болгарская дама изъ высшаго круга ... 165
Болгарская цыганка ... 172
Броненосецъ Дуиліо ... 285
Бунтъ софтовъ въ Константинополѣ ... 396
Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій, Его Имп. Высоч., главнокомандующій дѣйствующею арміею ... 1

стр.
Видъ въ окрестностяхъ Бирюча. Копія съ картины принца Ник. Ольденбургскаго 29
Возьмите ягодку. Съ картины г. де-Кониска 41
Водоносъ въ Рущукѣ 44
Волковъ, Ѳ. Г., основатель русскаго театра 177
Входъ въ монастырь на Синаѣ 221
Водопадъ Пауло Аффонсо въ Бразиліи 249
Водоносъ 301
Военные споры въ константинопольской кофейнѣ 364
Видъ крѣпости Баязета 372
Восточные типы 377
Видъ крѣпости Карса 388
Гейсъ, новый американскій президентъ 209
Городъ Кола 236
Говорящая машина 53
Григоровичъ, Викторъ Ивановичъ 97
Городъ Панама и Тихій океанъ 300
Горный институтъ въ С.-Петербургѣ, 305
Дурная книга 9
Домъ призрѣнія для работницъ 113
Деревня Килемба 361
Еврей на молитвѣ 180
Жилище самоѣдовъ 404
Жизнь птицъ Малайской области 116
Жизнь млекопитающихъ неотропической области 117
Жизнь млекопитающихъ въ неоарктической области 124
Заботы о сыновьяхъ 16
Зданіе русскаго посольства въ Константинополѣ. 45
Зданіе французской выставки 81
Изъ Петербургской жизни. Сцена на Невскомъ проспектѣ, у конторы Ѳ. П. Баймакова, въ день его банкротства 12
Ковчегъ (эпизодъ изъ потона). Копія съ картона Фридриха Каульбаха 21
Критическая минута. Копія съ картины Кнауса 73
Колоссальный акварій 132
Крушеніе поѣзда на мосту желѣзной дороги подъ Астабулой, въ шт. Огайо Сѣверн. Америки 149
Крестьяне съ румын. границы 204
Кайры 403
Карта къ сѣверной шведской полярной экспедиціи 387
Лорисъ-Меликовъ, генералъ-адъютантъ, командующій отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ 49
Лѣсъ. Копія съ картины И. И. Шишкина 69
Локи и Сигина 101
Лапландское озеро среди горъ 220
Лѣсная дорога. Снимокъ съ карт. академика Шишкина 105
Лоси 196
Лопарская вежа 273
Мамушка Іоанна Грознаго 13
Мишле, Жюль 129
Марольскій кварталъ въ Брюсселѣ 260
Моей милой. Рисунокъ Андріолли 265
Морскія свиньи въ лондонскомъ зоологическомъ саду 284
Майковъ, А. Н. 289
Милиціонеры подъ ружьемъ 300
Молодая индіянка изъ Санто Анна 301
Море вѣковыхъ льдовъ 317
Михайловскій дворецъ въ С.-Петербургѣ 321
Морскія змѣи 332—333
Мониторъ, разрушенный взрывомъ торпеда 393
Непокойчицкій, А. А. генералъ отъ инфантеріи, начальникъ штаба дѣйствующей арміи 33
Новое зданіе лондонскаго университета 57
Новый летательный аппаратъ В. И. Люиса 76
Нищій. Съ картины Е. Стаммело 137
На чердакѣ (юмористическія картинки) 142
На закатѣ 244
Невская пищебумажная фабрика братьевъ Варгуниныхъ 276
Наяда 292
Національный дворецъ 300
Неудовлетворимая кровожадность 317
Норденскіольдъ, А. Е., профессоръ 369
Станція желѣзной дороги въ Рущукѣ 402
Озеро Моріа 361
Озеро Санкора 360
Однимъ выстрѣломъ 252
Парусныя лыжи въ Сѣверной Америкѣ 5
Послѣ азартной игры. Копія съ карт. Мессонье 60, 61
Полонскій, Яковъ Петровичъ 65
Послѣ погребенія. Съ картины Поля Делароша. 85
Первый пріятель 121
Послѣдняя сосна 153
Послѣ побѣды. Съ картины Фэда 185
Павильонъ Шаха 228
Персидскій жилой домъ въ Тегеранѣ 233
При чтеніи. Снимокъ съ карт. А. Піото 241
Перемѣна кочевья 308
Приготовленіе турецкихъ судовъ для наведенія моста черезъ Дунай, между Виддиномъ и Калафатомъ 324
Приведеніе въ оборонительное положеніе форта Маджаръ 345
Передъ купаньемъ 348
«Превенъ» въ Кармакулѣ 385
Разбойники 297
Русскій лагерь на берегахъ Прута 353
Рыбы, водящіяся въ озерѣ Кассали 361
Соловьевъ, Сергѣй Михайловичъ 17
Спаситель въ терновомъ вѣнцѣ. Снимокъ съ картины Гротгера 112
Связанные другъ съ другомъ. Картина П. Валькера 37
С.-Петербугская биржа 161
Сборъ финиковъ 268
Средне-азіятскіе типы 356
Трудный выборъ. Копія съ картины Эдуарда Вритцнера 29
Торговка молокомъ въ Виддинѣ 44
Турецкій солдатъ въ нижней Болгаріи 77
Турецкій солдатъ на часахъ 108
Трубковидная рыба 133
Турецкіе армяне 188
Троицкій мостъ и Петропавловская крѣпость въ С.-Петербургѣ 193
Турецкій редутъ близъ Рущука, противъ Журжева 329
Турецкіе солдаты, распоряжающіеся въ болгарской деревнѣ 337
Типы южной Африки 360
Урокъ катанья на конькахъ 169
Чтеніе военныхъ извѣстій на константинопольскихъ улицахъ 340
Человѣкъ-саламандра 313
Элегія. Снимокъ съ картины г. Семирадскаго 201
Экипажъ «Алерта» и «Дисковери» расчищаетъ путь между льдами 316
Юдифь. Снимокъ съ картины Семирадскаго 217
Язычникъ передъ крестомъ 380

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 іюня 1877 года.

ПРОБНЫЙ НУМЕРЪ.

Живописное Обозрѣніе

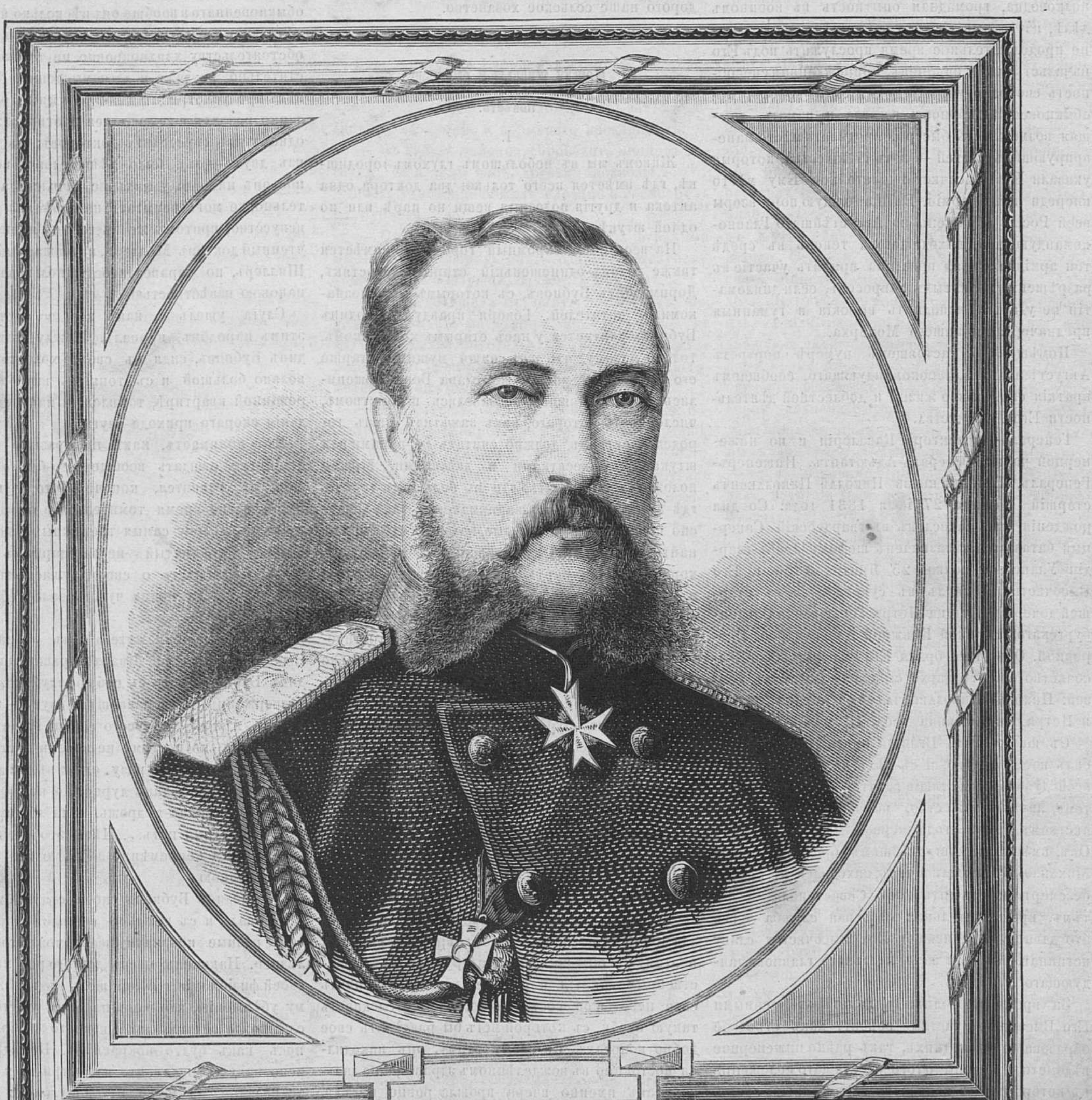
Гос. публичная

№ 1. На годъ, съ доставкою и пересылкою 7 руб.; на полгода 4 р. 50 к. Отдѣльн. №№ по 15 к.

С.-Петербургъ, 15 Декабря 1876 года.

Адресъ конторы редакціи: С.П.-бургъ, Васильевскій островъ, 3-я линія, д. № 48.

Годъ V



Е. И. В. Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій. Главнокомандующій дѣйствующею арміею.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Е. И. В. Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій.—Между жизнью и смертью (повѣсть).—Стихотвор.—Физіологія вьющихся растен.—Мировой судья (разск.).—Что такое огонь? (съ 9 рис.)—Между болгарами.—Начало и постепен. развитіе письма.—Крит. и библіогр.—Музык. замѣтк.—Новости наук. и жизни.—Со всего свѣта.—Изъ Константинополя.—Наши гравюры.

Гравюры: Портр. Е. И. В. Велик. Княз. Ник. Никол. Старшаго.—Парусныя лыжи въ Сѣверн. Амер.—Дурная книга (ориг. рис. М. Андріоли).—Сцена на Невск. пр. у конт. Ѳ. П. Баймакова въ день его банкротства.—Мамушка Іоанна Грознаго (рис. Шварца).—Девять рисунк. къ статьѣ: «Что такое огонь».—Юмористическая картинка.—Шахматы.

Его Императорское Высочество Великій князь Николай Николаевичъ старшій.

Назначеніе Его Императорскаго Высочества, Великаго князя Николая Николаевича старшаго, Главнокомандующимъ дѣйствующею арміею было встрѣчено всѣмъ русскимъ обществомъ съ громаднымъ сочувствіемъ. Высокія качества характера Его Высочества, прирожденныя способности полководца, громадная опытность въ военномъ дѣлѣ, извѣстныя всякому, кто имѣлъ честь, хотя не продолжительное время прослужить подъ Его начальствомъ и, наконецъ, прирожденная способность свободно управлять массами войскъ, необыкновенная вѣрность взгляда и память, дающая возможность быстро опредѣлять мѣсто маневрирующихъ частей — вотъ тѣ качества, которыя указали Его Высочеству достойное Ему мѣсто впереди нашей арміи. Въ настоящую пору взоры всей Россіи обращены на Августѣйшаго Главнокомандующаго, находящагося теперь въ средѣ той арміи, которая призвана принять участіе въ разрѣшеніи поднятыхъ вопросовъ, если дипломатіи не удастся исполнить высокія и гуманныя предначертанія нашего Монарха.

Помѣщая въ настоящемъ нумерѣ портретъ Августѣйшаго Главнокомандующаго, сообщаемъ краткія свѣдѣнія о жизни и доблестной дѣятельности Его Высочества.

Генералъ-Инспекторъ Кавалеріи и по инженерной части, Генералъ-Адъютантъ, Инженеръ-Генералъ, Великій князь Николай Николаевичъ старшій родился 27 іюля 1831 года. Со дня рожденія былъ зачисленъ въ гвардейскій Саперный баталіонъ и назначенъ шефомъ лейбъ-гвардіи Уланскаго полка. 25 Января 1856 г. Его Высочество вступилъ къ супружество съ старшей дочерью Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, Великой Княжной Александрой Петровной. Отъ этого брака Его Императорское Высочество имѣетъ двухъ сыновей, Великихъ князей: Николая Николаевича (род. 6 ноября 1856 г.) и Петра Николаевича (род. 10 января 1864 г).

Съ юныхъ лѣтъ Великій князь горячо полюбилъ военное дѣло, и съ тѣхъ поръ отдался ему всей душою. Блестящіе задатки боевыхъ талантовъ, личное мужество, выказанное Его Высочествомъ еще въ года первой молодости, когда Онъ, вмѣстѣ съ Августѣйшимъ братомъ своимъ Михаиломъ Николаевичемъ, находился въ рядахъ безсмертныхъ защитниковъ Севастополя, а затѣмъ, продолжительная строевая служба — все это давно уже снискало Его Высочеству славу истиннаго воина и замѣчательнаго главнокомандующаго.

За время постоянныхъ занятій ввѣренными Его Высочеству частями войскъ, какъ строевое образованіе послѣднихъ, такъ равно инженерное вѣдомство доведены до того блестящаго положенія, въ которомъ онѣ находятся въ настоящее время. Нужно, по истинѣ, удивляться той необыкновенной энергіи, съ которой Его Высочество отдавался любимымъ занятіямъ. Такъ, во время ежегодныхъ Красносельскихъ маневровъ Его Высочество не пропускалъ ни одного тактическаго упражненія въ полѣ и оставлялъ за собою самыхъ ревностныхъ командировъ. Когда 15 августа 1864 г. Его Высочество назначенъ былъ Генералъ-Инспекторомъ Кавалеріи, то и здѣсь весьма скоро сказалась Его неустанная и плодотворная дѣятельность. Отлично сознавая ту значительную пользу, которую можетъ оказывать хорошая конница въ дѣлахъ, Его Высочество дѣятельно занялся развитіемъ ея непремѣнныхъ свойствъ, дающихъ ей возможность оказывать во время войны существенное вліяніе на исходъ всякаго сраженія.

Но помимо постоянныхъ занятій любимымъ дѣломъ, Его Высочество находилъ возможность удѣлять время другому болѣе мирному, но не менѣе плодотворному, занятію. Сознавая вполнѣ, что могущество Россіи покоится также и на развитіи сельскаго хозяйства, Его Высочество относился съ большимъ вниманіемъ ко всему, что должно было повліять благотворно на экономическое положеніе Россіи. Въ этой мирной дѣятельности Его Высочество оказалъ важныя услуги, которыя справедливо оцѣнены всѣми, кому дорого наше сельское хозайство.

* * *

Между жизнью и смертью.

Повѣсть.

I.

Живемъ мы въ небольшомъ глухомъ городишкѣ, гдѣ имѣется всего только: два доктора, одна аптека и другія полезныя вещи по парѣ или по одной штукѣ.

На весь нашъ скромный городишко имѣется также одинъ-одинешенькій старый холостякъ, Доримедонтъ Бубновъ, съ которымъ мы и познакомимъ читателей. Говоря правду, господинъ Бубновъ считается у насъ старымъ холостякомъ, только потому, что всѣ наши мущины, старше его возрастомъ, давно уже, слава Богу, поженились, а поженившись—обзавелись потомствомъ, численность котораго, какъ замѣтилъ нашъ городской острякъ, должно считать не парами или штуками, а десятками и дюжинами. Можно положительно сказать, что въ большомъ городѣ, гдѣ имѣются славные парикмахеры, такъ искусно подкрашивающіе сѣдые волосы; гдѣ можно найти множество прекрасныхъ дантистовъ, хорошо реставрирующихъ сгнившія верхнія и нижнія челюсти; гдѣ, кромѣ того, живутъ отличные портные, способные скинуть любому старичку десятокъ лѣтъ, благодаря артистическимъ покроямъ платья, и гдѣ, наконецъ, только крикни, какъ тотчасъ явятся десятки болѣе дряхлыхъ холостяковъ, въ такомъ городѣ, говоримъ мы, господинъ Бубновъ, конечно, не обратилъ бы на себя особеннаго вниманія и не носилъ бы прозвища «стараго холостяка», которымъ окрестило его все наше городское общество.

Впрочемъ, нужно сказать, г. Бубновъ весьма значительно отличался отъ холостяковъ большихъ городовъ. Онъ никогда не считался за ненавистника прекраснаго пола, а, если не женился, то просто потому, что не спѣшилъ связывать себя узами гименея, и справедливо думалъ, что для этого у него еще много времени впереди; поэтому-то онъ весь былъ погруженъ въ хозяйственныя занятія и скорѣе старался увеличить свое небольшое состояньице, чѣмъ отыскивать такую особу, съ которой могъ бы раздѣлить свое добро пополамъ. Ко всему этому, онъ находился постоянно въ вожделѣнномъ здравіи, и не дальше какъ именно вчера прошла ровно недѣля, съ того времени, когда господинъ Бубновъ говорилъ, что въ жизни своей онъ, слава Богу, никогда не хворалъ долѣе трехъ дней сряду и ни разу не ступалъ, какъ обыкновенно говорится, ногою въ могилу и что, въ послѣдніе десять лѣтъ не лежалъ въ постели ни одного дня.

Именно вчера, говоримъ мы, была ровно недѣля, какъ г. Бубновъ находился въ полномъ здравіи, а вотъ сегодня съ нимъ случилось непредвидѣнное обстоятельство.

Но, чтобы не обезпокоить читательницъ, уже замѣтившихъ, конечно, что господинъ Бубновъ не принадлежитъ къ числу археологическихъ антиковъ, мы должны сказать, что онъ имѣетъ небольшое имѣньице, и совсѣмъ еще не отказывается отъ перемѣны образа жизни; мы спѣшимъ высказать это успокоеніе для тѣхъ изъ читательницъ, которыя, быть можетъ, могли бы заинтересоваться чѣмъ нибудь изъ всего сказаннаго о господинѣ Бубновѣ. — Нашъ герой не заболѣлъ ни одною изъ ужасныхъ болѣзней, а, просто-на-просто,—проснувшись утромъ, почувствовалъ только себя, что называется, не въ своей тарелкѣ. Сначала онъ не обратилъ было никакого вниманія на это обстоятельство, но когда сталъ бриться и въ зеркалѣ, предъ которымъ совершалъ всегда эту часть своего туалета, увидалъ, что цвѣтъ лица его сталъ нѣсколько желтѣе обыкновеннаго и вообще онъ нѣсколько измѣнился, то тотчасъ же рѣшилъ, что относиться къ этому обстоятельству хладнокровно не только не простительно, но даже и легкомысленно. Какъ человѣкъ предусмотрительный и разумный, онъ немедленно позвалъ своего лакея и отправилъ его къ одному изъ городскихъ докторовъ; къ которому изъ двухъ—ему было рѣшительно все равно, ибо онъ никогда у нихъ не лечился, а слѣдовательно, не могъ испытать на себѣ ихъ знаніе и искусство; притомъ же въ городѣ нашемъ и почтенный докторъ Миллеръ, и уважаемый докторъ Шиллеръ, по справедливости, пользовались одинаковою извѣстностью.

Слуга ушелъ и, какъ всегда случается съ этимъ народомъ, пропалъ. Между тѣмъ господинъ Бубновъ, сидя въ своей холостой, но довольно большой и съ тонкимъ вкусомъ меблированной квартирѣ, томился въ напрасномъ ожиданіи скораго прихода слуги.

Кто̀ понимаетъ, какъ невыразимо скучно и непріятно ожидать вообще чего-бы то ни было, тотъ не удивится, конечно, что у господина Бубнова, во время томительнаго ожиданія, полезли въ голову самыя тревожныя мысли; нашъ больной, покинутый неблагодарнымъ слугою, сталъ размышлять о своемъ ужасномъ положеніи, и въ тоже время чувствовалъ себя все хуже и хуже.

— Ну, что прикажете дѣлать съ такимъ негодяемъ, каковъ мой Иванъ,—разсуждалъ господинъ Бубновъ самъ съ собою, глубоко, конечно, разсерженный на пропавшаго слугу;—этотъ человѣкъ, я вижу, отъ всего сердца готовъ уморить меня, и только поэтому не зоветъ доктора.

— О, Боже! ни разу еще въ жизни я не чувствовалъ себя такъ дурно! По кожѣ то и дѣло пробѣгаетъ какая-то дрожь, и на лбу выступаетъ такой холодный потъ... Нѣтъ! это очень важные симптомы! я непремѣнно заболѣю или чахоткою или водянкою.

Господинъ Бубновъ снова сталъ смотрѣться въ зеркало и съ каждымъ взглядомъ находилъ въ себѣ разные признаки всевозможнаго рода болѣзней. Наконецъ, послѣ долгаго разсматриванія своей физіономіи, онъ пришелъ къ положительному убѣжденію, что сегодня глаза у него что-то слишкомъ велики, лице какъ-то впало, и даже носъ какъ будто покраснѣлъ. Но вдругъ онъ ясно почувствовалъ, что и внутри-то у него что-то неладно, да и во рту ощущается какая-то безвкусица. Господинъ Бубновъ высунулъ языкъ, посмотрѣлъ на него весьма внимательно, и нашелъ его преотвратительнымъ; затѣмъ сталъ усердно щупать свой пульсъ и хотя не могъ сказать, бьется ли онъ скоро или тихо, такъ какъ, Богъ миловалъ, ему никогда не приходилось наблюдать за правильнымъ біеніемъ пульса, но все же пришелъ къ убѣжденію, что біеніе не натурально и вообще предвѣщаетъ что-то необыкновенно ужасное.

Такимъ-то образомъ, зловѣщій страхъ, мало по малу, вкрался въ мужественное дотолѣ сердце господина Бубнова. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорили впослѣдствіи всѣ солидные люди нашего города и сомнѣваться въ этомъ могутъ только люди совсѣмъ незнакомые съ нашими почтенными обитателями; поэтому относительно мужества господина Бубнова не можетъ быть никакого спора, потому что никто еще ни разу не видѣлъ его въ такомъ положеніи, которое дало бы возможность отрицать въ немъ это качество.

— Господи, Господи! вчера еще я былъ здоровъ и крѣпокъ,—съ грустью разсуждалъ страдалецъ,—а сегодня, — но что это вдругъ сдѣлалось со мною? Быть можетъ я даже умру отъ этой болѣзни, которая развилась во мнѣ такъ быстро, что я едва узнаю себя въ зеркалѣ.

Это тяжелое предположеніе еще сильнѣе обезпокоило господина Бубнова и въ его головѣ невольно закопошились различныя философскія мысли о тлѣнности человѣческаго существованія.

— Вотъ она, эта жизнь человѣка,—думалъ онъ; — сегодня наслаждаешься ею, а завтра по тебѣ служатъ уже панихиду... Вчера ты еще былъ такъ же крѣпокъ и силенъ, какъ Самсонъ, а сегодня отъ какой нибудь болѣзни потеряешь всякія силы; пошлешь за докторомъ, и пока медицина собирается, можетъ все кончится. Но тутъ мрачныя мысли такимъ потокомъ нахлынули на господина Бубнова, что онъ упалъ въ кресло и, приложивъ руку къ своему холодному лбу, въ глубокомъ молчаніи ожидалъ страшной развязки.

Вдругъ, во время этого гробового молчанія, дверь открылась и въ компату вошелъ, какъ легко, конечно, догадаться, совсѣмъ не докторъ и не слуга.

II.

Вошедшій былъ здоровый, розовый, весело улыбающійся мужчина; выраженіе его лица составляло весьма рѣзкій контрастъ съ физіономіею г. Бубнова. Гость вошелъ, повидимому, съ намѣреніемъ сообщить веселую новость, но, увидя, что господинъ Бубновъ погрузился въ размышленія и не замѣчаетъ его присутствія, подошелъ къ нему поближе и, распростерши руки для объятія, весело проговорилъ:

— Здраствуй, дружище Бубновъ!...

Господинъ Бубновъ не бросился въ объятія гостя, такъ радушно поздоровавшагося съ нимъ. Онъ поднялъ на вошедшаго свои глаза, но тотчасъ же опустилъ ихъ, какъ человѣкъ, для котораго все уже кончено на этомъ свѣтѣ.

— Что съ тобою? какъ твое здоровье?—спросилъ вошедшій немного спустя, голосомъ, уже не столь веселымъ какъ прежде.

Господинъ Бубновъ въ отвѣтъ только махнулъ рукой.

— Къ чему спрашиваешь,—уныло добавилъ онъ—если бы ты видѣлъ, что я здоровъ, то, конечно, не спрашивалъ бы... Твой вопросъ яснѣе всякаго отвѣта.

Такая встрѣча окончательно умѣрила веселость гостя, и онъ замолчалъ.

—Къ чему тутъ объясненія,—съ досадой продолжалъ хозяинъ,—мое лицо лучшій отвѣтъ; всмотрись въ него хорошенько и ты увидишь, что я исхудалъ, какъ скелетъ.

Гость взглянулъ, но, ничего не понимая, отвѣтилъ:

— По моему,—нисколько!

Читатели! простите великодушно, автору этой повѣсти за небольшое наставленіе, которое можетъ принести вамъ въ жизни не малую пользу. Если кто нибудь станетъ жаловаться вамъ на нездоровье, никогда не отвѣчайте «нисколько», хотя бы и видѣли ясно, что больной только воображаетъ о своей болѣзни. Гораздо благоразумнѣе, сначала посочувствовать больному, а потомъ уже, мало по малу, можно дѣлать, и то лишь вѣжливо и осторожно, разнаго рода замѣчанія, въ родѣ того, что, дескать, не всѣ болѣзни, какъ бы онѣ не были опасны, кончаются смертью. Если больной не разсердится на это замѣчаніе и выскажетъ только недовѣріе, то можете начать убѣждать его, что знали нѣкоторыхъ лицъ, которыя страдали такими же болѣзнями, и, благодаря Бога, выздоравливали. Но сохрани васъ Создатель перейдти къ другому предмету, пока больной не разскажетъ вамъ о своемъ нездоровьѣ. Руководствуйтесь этимъ замѣчаніемъ, и, могу завѣрить, что у васъ на половину уменьшится враговъ и на столько же прибавится доброжелателей; я же скажу тогда, что вы понимаете загадки жизни.

О гостѣ господина Бубнова можно положительно сказать, что онъ этой загадки не понималъ.

Послѣ непродолжительнаго молчанія онъ откашлялся и, уже совершенно веселымъ голосомъ, началъ:

— Я пришелъ съ цѣлью...

Тутъ господинъ Бубновъ взглянулъ на говорившаго такъ, какъ могутъ смотрѣть только мрачныя личности въ мелодрамахъ; затѣмъ соскочилъ съ кресла и порывисто воскликнулъ:

— Съ цѣлью, конечно, спровадить меня, въ могилу... О! я знаю васъ, друзья, насквозь!...

Гость удивленно пожалъ плечами и посмотрѣлъ на Бубнова.

— Откуда у тебя, Бубновъ, такія странныя мысли?—проговорилъ онъ;—садись, пожалуйста, успокойся и выслушай, зачѣмъ я пришелъ...

Бубновъ подошелъ къ окну, посмотрѣлъ, но, убѣдившись, что ни докторъ, ни слуга еще не идутъ, вздыхая опустился въ кресло; соображая же, что во время разговора не будетъ такъ томительно ожиданіе, уныло отвѣтилъ:

— Ну, слушаю, слушаю, говори... только, пожалуйста, не распространяйся; ты самъ видишь, что на этомъ свѣтѣ мнѣ остается жить недолго, а у меня, кромѣ тебя, есть еще нѣсколько другихъ дѣлъ, которыя нужно окончить предъ смертью.

(Продолженіе въ слѣдующемъ №.)

Изъ „Воспоминаній на жизненномъ пути“.

(Чешскаго поэта **Вячеслава Штульца**.)

Пускай лазурь затмили тучи,
Пусть громъ грохочетъ въ вышинѣ!
Любви, надежды, вѣры вѣчной
Не сокрушить ему во мнѣ!

Тамъ, въ небесахъ—моя вся вѣра,
Любовь сверкаетъ, какъ звѣзда,
И Божьей правдою надежда
Живетъ, питается всегда...

Месть, заблужденья, гнѣвъ съ враждою,—
Исчезнетъ все, своей чредою,
Народъ мой Правдой Божьей вновь
Освободится отъ заботъ!

Петръ Быковъ.

Физіологія вьющихся растеній.

Новѣйшее кслѣдованіе Ч. Дарвина.

Знаменитый современный естествоиспытатель, Чарльзъ Дарвинъ, продолжаетъ обогащать науку новыми изслѣдованіями, проливающими свѣтъ на тѣ явленія органической жизни, которыя до сихъ поръ оставались почти совершенно нетронутыми. Къ числу такихъ замѣчательныхъ изслѣдованій слѣдуетъ отнести только-что вышедшій трудъ Дарвина о «движеніяхъ и привычкахъ вьющихся растеній», въ которомъ впервые устанавливаются законы физіологіи вьющихся растеній. Съ этимъ новымъ изслѣдованіемъ мы и ознакомимъ нашихъ читателей въ настоящей статьѣ.

Растительная физіологія можетъ назваться наукой относительно новой, современной. Древніе ботаники, Теофрасъ и Діоскоридъ только описывали и классифицировали растенія, не дѣлая ни малѣйшихъ изслѣдованій надъ ихъ природою и различными отправленіями; арабы и ученые среднихъ вѣковъ продолжали держаться того-же метода; только въ половинѣ XVII вѣка эта наука получила толчокъ впередъ, благодаря изобрѣтенію микроскопа, давшаго возможность изслѣдовать самыя незначительныя отправленія организмовъ. Левенхокъ въ Голландіи, Гревъ въ Англіи, Мальпиги въ Италіи, Камераріусъ въ Германіи — были первыми учеными, двинувшими ботанику значительно впередъ. Эмпедокль, Аристотель, Теофрастъ допускали только въ предположеніяхъ возможность оплотворенія растеній, Камераріусъ же и Вальянъ положительно подтвердили ее; Перроль, Маріотъ и Лагиръ уже предусматривали обращеніе сока въ растеніяхъ, но опытная физіологія все еще не нараждалась на свѣтъ. Начало ея было положено въ 1728 г. однимъ англійскимъ священникомъ, Стефанъ Галемъ; написанная имъ книга. «Растительная статика» впервые натолкнула ученыхъ на путь изслѣдованій той дѣятельности, которая свойственна всякой растительной жизни. Галь, впрочемъ, не оставилъ послѣ себя непосредственныхъ преемниковъ въ этой области знаній, и только въ концѣ XVIII вѣка Пристлей, Бонне, Дюгамель-дю-Мансо, Сенебье, а въ XIX в. Теодоръ де Соссюръ, Динети-Туаръ, Робертъ Браунъ, де Кандоль, Дютроше, Тревиранусъ, Либихъ и Буссеньоль,—стали, мало по малу, обогащать эту нарождившуюся науку своими изслѣдованіями. Въ настоящее время множество ученыхъ посвятили себя изученію растительной физіологіи, важность которой увеличивается съ каждымъ днемъ, благодаря примѣненіямъ къ общей біологіи, сдѣланнымъ Гербертомъ Спенсеромъ и къ агрикультурѣ —наукѣ, основанной на знаніи питательныхъ началъ, которыя растенія заимствуютъ изъ почвы и воздуха.

Чарльзъ Дарвинъ, труды котораго по естествознанію не оставили безъ вниманія ни одной отрасли этихъ наукъ, не могъ отнестись индефферентно въ растительной физіологіи. Уже въ своей книги «Оплодотвореніе ятрышниковыхъ» онъ открылъ то важное значеніе, которое имѣютъ насѣкомыя на оплотвореніе растеній; затѣмъ, цѣлымъ рядомъ долгихъ и неустанныхъ изслѣдованій надъ насѣкомоядными растеніями, онъ подтвердилъ свое открытіе. Послѣднее его сочиненіе «о движеніяхъ и привычкахъ вьющихся растеній», разошедшееся уже вторымъ изданіемъ, представляетъ еще большій интересъ, благодаря тѣмъ, совершенно новымъ и богатымъ вкладамъ, которое оно дѣлаетъ въ сокровищницу ботаники. Дарвинъ доказываетъ въ немъ, съ своей обычной ясностью, что растенія, какъ и животныя, совершаютъ различныя движенія, способствующія правильному отправленію ихъ питанія и оплодотворенія. Еще до Дарвина эта способность растеній была замѣчена нѣкоторыми учеными, но ихъ изслѣдованія не подтверждались никакими ясными аргументами; Дарвинъ же провѣрилъ своими личными наблюденіями изслѣдованія Дютроше, Гюго Моля, Пальма, Леона и Г. де-Фри, и обобщилъ ихъ подъ одинъ законъ.

Авторъ этого интереснаго сочиненія раздѣляетъ всѣ вьющіяся растенія на четыре класса:

1) растенія, вьющіяся по какимъ либо подпоркамъ; 2) тѣ, у которыхъ вьются собственно листья; 3) растенія, снабженныя цѣпкими усиками и, наконецъ, 4) тѣ, которыя вьются своими стеблями, или, вѣрнѣе, приростами стеблей.

Вьющіяся растенія, каковы, напримѣръ, вьюнокъ, хмѣль, фасоль, неспособные поддерживаться сами собою, охватываютъ обыкновенно спиралью какую либо цилиндрическую подпорку, къ которой тянутся прямо отъ земли; спираль эта обыкновенно бываетъ правильная, съ тою только разницею, что иной разъ она имѣетъ обороты справа на лѣво, другой же разъ — слѣва на право. Опредѣлить направленіе оборотовъ того или другаго растенія вовсе не трудно; для этого существуетъ весьма простой способъ: надо стать лицомъ къ сѣверу, передъ растеніемъ, вьющимся по вертикальной подпоркѣ и наблюдать видимую часть стебля; если онъ подпимается справа на лѣво, то спираль его должна идти по направленію солнца, т. е. съ востока на западъ; если же, напротивъ, онъ поднимается слѣва направо, то спираль имѣетъ обороты противъ солнца, т. е. съ запада на востокъ. Такимъ образомъ, хмѣль, *Tamus communis*, *Lapageria rosea*, вьются по солнцу, большая же часть другихъ растеній, каковы: сладкокорникъ, фасоль, *Ipomxa*, заборный вьюнокъ, кирказонъ, ихиновникъ и пр., и пр., вьются слѣва на право, т. е. противъ солнца. Песій гроздъ, или, попросту, псинка, — единственное растеніе въ Европѣ, которое вьется безразлично въ ту или другую сторону. Подобное обращеніе стебля объясняется его прикосновеніемъ къ какому либо твердому предмету, производящему слишкомъ сильное раздраженіе на стебель, вслѣдствіе чего онъ крутится вокругъ самаго себя.

Всѣ вьющіяся растенія требуютъ для себя подпорки, болѣе или менѣе опредѣленной толщины; такимъ, наприм., по наблюденіямъ Гюго Моля, многоцвѣтная фасоль и *Ipomxa purpurea* въ состояніи огибать подпорку, діаметръ которой не превышаетъ 7 сантиметровъ, песій гроздъ вьется только около тонкихъ стволовъ, а китайская жимолость *(Lonicera flexuosa)* лучше всего вьется вдоль протянутой вертикально веревки; впрочемъ Дарвинъ видѣлъ жимолость (*Lonicera periclymenum*), вившуюся вокругъ бука, имѣвшаго діаметръ въ 0,11, а въ дремучихъ тропическихъ лѣсахъ ему нерѣдко приходилось встрѣчать растенія, вившіяся вокругъ замѣчательно толстоствольныхъ деревъ.

Тѣ вьющіяся растенія, которыя, выходя изъ земли, не находятъ себѣ никакой подпорки или вѣтки, на которую могли бы упереться, — разстилаютъ свой стебель по землѣ, сначала прямо, затѣмъ дѣлая различныя искривленія, такъ что безпрестанно вытягиваясь и сгибаясь, онѣ совершаютъ обороты вокругъ того мѣста, гдѣ вышли изъ земли; если же, описывая оборотъ, стеблю случится встрѣтить на своемъ пути какое либо препятствіе въ родѣ кустика, палки или чего-нибудь въ этомъ родѣ, то изгибъ бываетъ болѣе сильный и растеніе опутывается вокругъ встрѣченнаго препятствія, зачастую, отдаляясь на довольно значительное разстояніе отъ того мѣста, откуда оно вышло первоначально.

Время, потребное стеблю для того, чтобы описать полный оборотъ вокругъ своей подпорки, т. е. такъ, чтобы оно могло стать вертикально къ своей исходной точкѣ, не одинаково для всѣхъ растеній и даже для одного и того же, въ различные періоды роста. Нашли, впрочемъ, что хмѣль можетъ сдѣлать оборотъ, приблизительно, впродолженіи двухъ часовъ, *Tamus communis* и сладкокорникъ требуютъ для этого три часа, заборный вьюнокъ — полтора.

Къ вьющимся растеніямъ принадлежатъ и такія, которыя вьются не стеблями, а своими листьями, цѣпляющимися за всякій, попадающійся имъ предметъ; таковы, напримѣръ, бородавники, капуцинка, различные роды паслена, *(Solanum)*, (*Lophospermum*), и пр. Дарвинъ останавливается на бородавникахъ, какъ на растеніи, болѣе другихъ распространенномъ въ Европѣ. Оно имѣетъ длинный, тонкій стебель, по которому идутъ довольно крупные листья, составленные изъ множества мелкихъ листочковъ, расположенныхъ вдоль главнаго черешка въ видѣ пера. Какъ только побочный черешокъ молодого листочка прикасается къ какому либо постороннему предмету, онъ моментально свертывается, обертывается вокругъ этого предмета, конечно, если діаметръ его соотвѣтствуетъ силѣ стебля и, такимъ путемъ, образуетъ собою крючокъ, поддерживающій стебель. Лучше всего это растеніе вьется по тонкимъ вѣтвямъ деревъ, по высокой травѣ, по протянутымъ веревкамъ и т. п. Успѣшный ростъ этого растенія обусловливается большимъ или меньшимъ препятствіемъ, какое оно встрѣчаетъ на пути своего роста, въ видѣ тѣхъ предметовъ, вокругъ которыхъ вьется; чѣмъ легче это препятствіе, тѣмъ растеніе идетъ шибче, такъ что впродолженіи нѣсколькихъ часовъ оно можетъ сдѣлать множество оборотовъ. Искривленіе черешка маленькаго листочка сопровождается измѣненіемъ въ его силѣ и тканяхъ, что окончательно обезпечиваетъ крѣпость стебля; дѣйствительно, этотъ черешокъ дѣлается толще; число мочковатыхъ пучковъ волоконъ, входящихъ въ его составъ, прибавляется и, мало по малу, составъ черешка становится сходнымъ съ составомъ самаго стебля, который имъ поддерживается. Явленіе это можно легко наблюдать на пасленахъ и бородавникахъ.

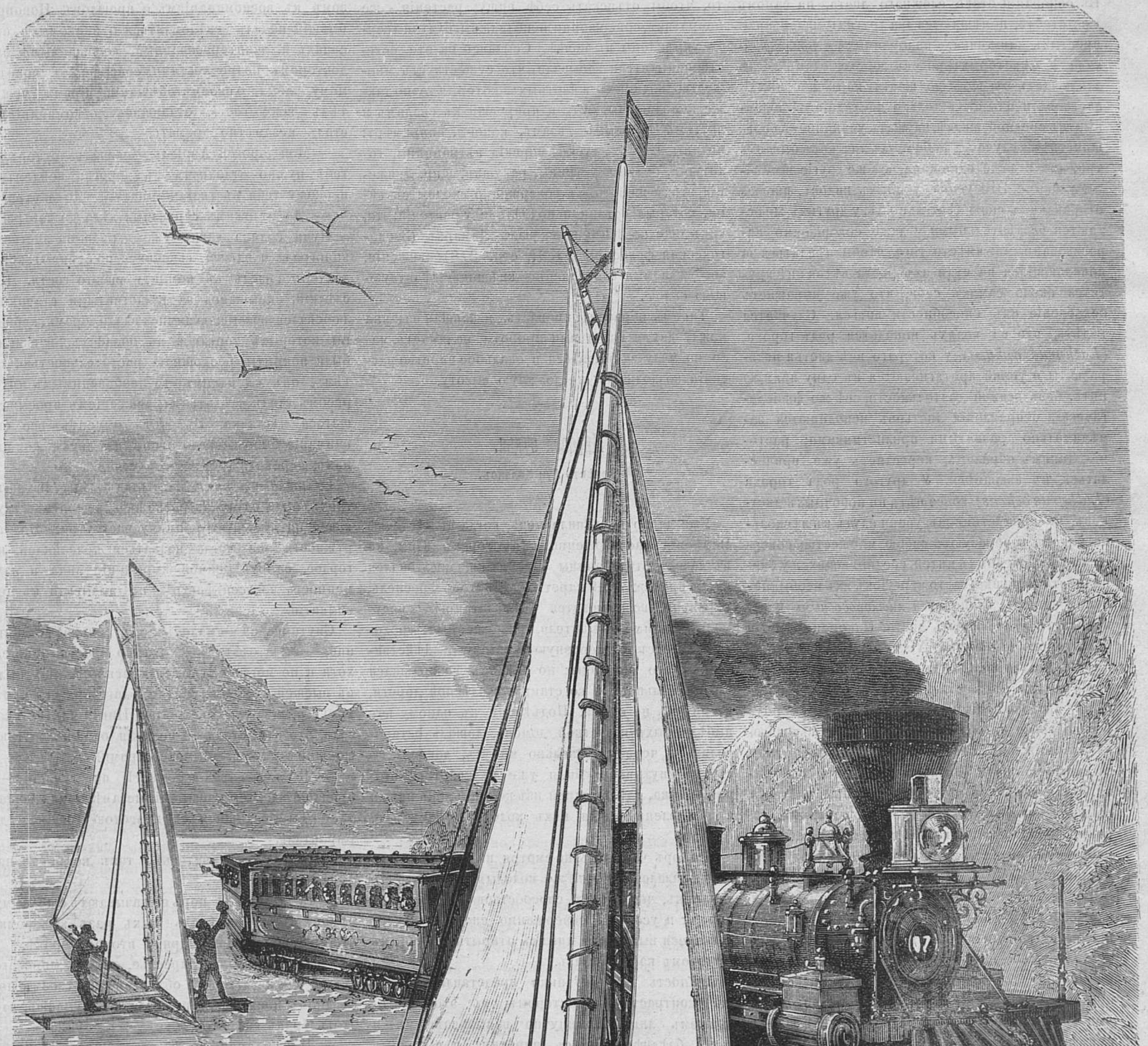
Растенія, снабженныя усиками, составляютъ третью категорію вьющихся. Эти усики ничто иное, какъ листочки или ножки измѣненныхъ цвѣтовъ; вмѣсто того, чтобы распуститься въ плоскій отгибъ, листочки сосредоточиваются около ихъ центральной жилки, пріобрѣтающей тогда способность виться вокругъ тонкихъ предметовъ, съ которыми приходитъ въ соприкосновеніе. Къ такимъ растеніямъ принадлежатъ: горохъ. *Cobxa scandens*, *bignonia*, и пр. Растенія, у которыхъ ножки цвѣтка переходятъ въ усики, суть: виноградъ, какъ дикій, такъ и воздѣланный, пятилистный плющъ, (*Cissus* и *Ampelopsis*), кавалерникъ или страстоцвѣтъ, и пр. Морфологическое строеніе усиковъ у тыквенныхъ растеній (тыквы, арбузы, бѣлая-матица) еще не достаточно объяснено. Каково-бы ни было ихъ строеніе, будь они неразвившіяся ножки цвѣтовъ, или черешки листьевъ, дѣятельность ихъ та-же самая, что и у другихъ вьющихся растеній: они зацѣпляются за вѣтви, къ которымъ прикасаются, завиваются вокругъ нихъ спиралью и этимъ даютъ возможность растенію подняться надъ землею, вмѣсто того, чтобы остаться лежать на ея поверхности. *Cobxa*, обыкновенно воздѣлываемая въ садахъ, — одно изъ растеній, лучше другихъ приспособленное природой къ своему назначенію; его усики снабжены на концахъ маленькими крючечками, которые, при малѣйшемъ прикосновеніи къ какому либо предмету, зацѣпляются такъ крѣпко, что распутать ихъ почти не бываетъ никакой возможности; вслѣдствіе этого стебель растенія можетъ развиваться успѣшнѣе другихъ благодаря тому, что у него есть надежная подпорка. Усики одарены такою-же чувствительностью, какъ и черешки листьевъ въ растеніяхъ, вьющихся при помощи ихъ: простое прикосновеніе, даже самое легкое, достаточно для искривленія усика; средняя часть усика, остающаяся свободною, завивается въ видѣ спирали, какъ пробочникъ, и представляетъ собою такимъ образомъ прочную, не ломающуюся зацѣпку; даже самый сильный вѣтеръ не въ состояніи отцѣпить усика отъ охватываемаго имъ предмета.

Дикій виноградъ имѣетъ, какъ извѣстно, способность разстилаться по самымъ высокимъ и гладкимъ стѣнамъ; эта способность объясняется двумя свойствами винограда: во первыхъ, усики его направляются всегда къ темной сторонѣ т. е., къ той, которая обращена къ стѣнѣ; во вторыхъ, развѣтвленіе винограда имѣетъ на концахъ маленькіе клубочки, заключающіе въ себѣ особенный сокъ, чрезвычайно клейкій, который и позволяетъ листьямъ цѣпляться даже за самыя ровныя поверхности и притомъ съ такою силою, что вѣтви въ состояніи выдерживать тяжесть самыхъ полныхъ гроздей плодовъ.

Послѣдняя категорія вьющихся растеній заключаетъ въ себѣ тѣ изъ нихъ, которыя цѣпляются за различные предметы при помощи маленькихъ корешковъ или приростовъ стеблей; эти побочные корешки разнятся отъ настоящихъ корней тѣмъ, что значеніе ихъ ограничивается способностью поддерживать стебель растенія, тогда какъ настоящіе корни, кромѣ того еще и питаютъ растеніе, всасывая въ себя необходимыя соки. Представителемъ этого рода вьющихся можетъ служить обыкновенный плющъ; сюда-же причисляются смоковницы и бигноніи (*Bignonia*). Ползучая смоковница стелется по стѣнамъ посредствомъ множества зацѣпокъ, которыя прилипаютъ къ самымъ гладкимъ поверхностямъ; душистая *Hoya carnosa* имѣетъ то-же свойство. Между бигноніями и *Tecoma*, которыми такъ богаты вьющіяся растенія, попадаются такія, которыя снабжены въ одно и то-же время и листовыми усиками и приростами стеблей, какъ напримѣръ *Tecoma twoeediana.* — Эти растенія представляютъ собою самый совершенный типъ вьющихся, такъ какъ онѣ соединяютъ въ себѣ всѣ качества и формы, которыхъ лишены другія: онѣ имѣютъ гибкій стволъ, усики и цѣпкіе приросты стеблей.

Въ концѣ своей статьи о вьющихся растеніяхъ, Дарвинъ пытается отыскать причину, по которой однѣ растенія одарены способностью виться, тогда какъ другія вовсе не имѣютъ ея. Прежде всего, онъ замѣчаетъ, что большая часть растительныхъ семействъ заключаетъ въ себѣ вьющіяся растенія; такимъ образомъ это свойство не ограничивается нѣсколькими спеціальными группами, какъ напримѣръ, тыквенными растеніями, бигноніями, кавалерниками, вьюнковыми, но оно проявляется также спорадически и во всѣхъ растительныхъ семействахъ, даже у сложныхъ растеній, какъ напримѣръ, у мареновидныхъ, лилейныхъ, и другихъ, у которыхъ, почти безъ исключенія стволъ прямой и твердый. Такимъ образомъ способность виться присуща вообще всѣмъ прозябаемымъ, но у нѣкоторыхъ семействъ она вовсе не замѣчается. Причина, обусловливающая ея проявленіе и развитіе, заключается въ свѣтѣ: однѣ растенія ищутъ свѣта, другія-же прячутся отъ него; вотъ почему нигдѣ нѣтъ столько вьющихся растеній, какъ въ темныхъ лѣсахъ Америки, гдѣ онѣ извѣстны подъ общимъ названіемъ ліанъ. Бигноніи, *Cobxa* и *Ampelopsis* — всѣ американскаго происхожденія.

Прослѣдя во всемъ растительномъ царствѣ видоизмѣнія и переходы способности растеній виться, Дарвинъ узналъ, что всѣ стебли, поднимающіеся при помощи своихъ листьевъ или усиковъ, имѣютъ своимъ прототипомъ вьющіяся растенія, и что они утратили эту способность сами собою, по какимъ-либо особеннымъ причинамъ. Къ такимъ растеніямъ принадлежатъ: жабрей, нѣкоторые виды пасленовъ, *Cocculus*, *Celastrus*, *Periploca*, и пр. Всякому легко прослѣдить, какъ способность виться теряется въ нѣкоторыхъ родахъ. Такъ, всѣ роды луговаго гороха или *Lathyrus*, къ которому принадлежитъ также и душистый горошекъ, имѣютъ перистые листья, въ которыхъ побочные листки расположены по обѣимъ сто-



Парусныя лыжи въ Сѣверной Америкѣ. (Рисовалъ Ж. Жераръ, гравировалъ Сметонъ).

ронамъ общаго черешка въ видѣ бородки пера. Въ основаніи этого сложнаго листа, на самомъ уже стеблѣ, помѣщаются два другихъ маленькихъ простыхъ листочка, называемыхъ *прилистниками.* У нѣкоторыхъ родовъ гороха одинъ листъ заключаетъ въ себѣ до шести паръ побочныхъ листковъ и изъ нихъ только послѣдніе, обращенные къ средней жилкѣ, служатъ усиками; въ большинствѣ же случаевъ побочныхъ листковъ бываетъ три, двѣ и даже одна пара, всѣ-же другіе замѣнены усиками. Эти усики, у иныхъ видовъ, вполнѣ отправляютъ свою дѣятельность, у другихъ же остаются бездѣятельными и даже совершенно парализованными: вмѣсто того, чтобы цѣпляться за попадающіяся на пути ихъ роста вѣтви онѣ крутятся около самихъ себя, что уже выражаетъ ослабленіе ихъ способности виться. Случается видѣть, что на поляхъ попадется родъ гороха, (*Lathyrus aphaca*), у котораго всѣ листья недоразвиты и усики протягиваются въ одну прямую нить, безъ всякой дѣятельности, всѣ-же физіологическія отправленія листьевъ исполняются замѣчательно развитыми прилистниками; растеніе, такимъ образомъ, перестаетъ уже причисляться къ вьющимся. У другого рода гороха (*Lathyrus ochrus*) вовсе нѣтъ ни побочныхъ листковъ, ни прилистниковъ, усики идутъ въ нѣсколько рядовъ и образуютъ собою множество совершенно безполезныхъ нитей, соединяющихся у оконечности черешка; за то черешокъ ихъ необыкновенно широкъ, становится *листоподобнымъ* и отправляетъ дѣятельность листа. Наконецъ, третій родъ гороха (*Lathyrus Nissolia*) совершенно не имѣетъ ни усиковъ, ни листковъ, ни прилистниковъ; всѣ-же эти составныя части замѣнены однимъ листоподобнымъ черешкомъ. Этотъ родъ гороха вовсе не обладаетъ свойствами вьющагося растенія; онъ не способенъ цѣпляться даже за самые тонкіе и близкіе къ нему стебли и вѣтки, тогда какъ всѣ другіе однородныя растенія обыкновенный горохъ, фасоль, журавлиный горохъ, принадлежатъ къ вьющимся и снабжены необходимыми частями, исполняющими эту дѣятельность.

Въ своихъ изслѣдованіяхъ причинъ проявленія и исчезновенія той или другой особенности растенія, естествоиспытатели упустили изъ виду одно весьма важное явленіе, могущее объяснить весьма многое; это—*атавизмъ*, т. е. случайное возобновленіе у потомковъ тѣхъ особенностей, которыя существовали у ихъ предковъ. Этотъ законъ примѣнимъ одинаково какъ къ человѣку, и всѣмъ животнымъ, такъ равно и къ растеніямъ. Такимъ образомъ, если у нѣкоторыхъ индивидуумовъ не вьющихся растеній, мы встрѣчаемъ органы, присущіе вьющимся, то, изъ этого слѣдуетъ, что предки ихъ были непремѣнно вьющимися растеніями. Всякому, конечно, извѣстно растеніе выжликъ или жаблей (*Antirrhinum masus*), которое, обыкновенно, служитъ украшеніемъ садовыхъ бесѣдокъ, дачъ, балконовъ, и пр. Наблюдалось два ростка выжлика, которые представляли при загибѣ своихъ листьевъ тонкія, длинныя, гибкія развѣтвленія, вившіяся вокругъ самаго растенія и вѣтвей сосѣдняго розоваго куста; эти ростки имѣли случайно цѣпляющіеся органы, которые исчезли почти у всѣхъ идивидуумовъ этого рода; способность-же виться сохранилась неприкосновенно въ отдѣльныхъ видахъ сосѣднихъ родовъ, каковы, напримѣръ: *Lophospermum, Maurandia, Rodochiton*, которыя рѣшительно всѣ вьющіяся.

Движенія, совершаемыя вьющимися растеніями при помощи своихъ листьевъ или усиковъ, съ цѣлью подняться надъ поверхностью земли и еще болѣе замѣтныя движенія, свойственныя насѣкомояднымъ растеніямъ, послужили основаніемъ тому различію, какое до сихъ поръ полагали между животнымъ и растительными царствами. Животныя, говорили, передвигаются съ мѣста на мѣсто, чтобы отъискать себѣ пищу; растенія - же напротивъ, совершенно неподвижны, будучи твердо укрѣплены въ почвѣ. Ссылаясь на это, естествоиспытатели забывали, что существуетъ множество водяныхъ животныхъ, которыя точно также неподвижны, будучи приросши къ скаламъ и другимъ твердымъ тѣламъ, каковы, напримѣръ: полипы, коралы, губки, морскія вѣтренницы, голотуріи, боланы, устрицы, ракушки, и пр. Движенія этихъ животныхъ совершенно сходны съ тѣми, которыя ботаники подмѣтили у растеній; это, какъ еще въ 1809 г. сказалъ Ламаркъ (Зоологическая философія, т. II, стр. 278) движенія, возбуждаемыя единственно внѣшнею дѣйствующею силою.

Такимъ образомъ, пропасть, лежавшая издавна между двумя царствами природы, начинаетъ, мало по малу закрываться и опальное царство растеній возводиться на должную высоту.

Мировой судья.

Повѣсть Луи Колласъ.

I.

Уже давно наступила ночь, когда въ мѣстечкѣ Вермонъ, расположенномъ въ горахъ Юры, не въ далекѣ отъ границы Швейцаріи, послышался стукъ проѣзжавшей кареты.—«Докторъ Фреснель, вѣроятно, возвращается съ визитаціи» — подумали мѣстные обыватели, разбуженные грохотомъ колесъ о неровную мостовую. Дѣйствительно, это былъ онъ; но докторъ возвращался не отъ больного, а со станціи желѣзной дороги, и притомъ не одинъ. Подъѣхавъ къ одному изъ выбѣленчыхъ известкой домовъ, лошадь остановилась и, черезъ нѣсколько минутъ, докторъ съ своимъ спутникомъ были уже въ квартирѣ второго этажа, гдѣ, въ одной изъ компатъ, они нашли приготовленную для нихъ холодную закуску и фрукты.

Докторъ Фреснель, не смотря на свои тридцать лѣтъ, казался такимъ же молодымъ, какъ и его спутникъ, чему много способствовало отсутствіе бороды и усовъ и совершенно спокойное, улыбающееся выраженіе лица съ открытымъ, яснымъ взглядомъ карихъ глазъ.

Личность его спутника представляла рѣзкій контрастъ съ докторомъ; въ этомъ загорѣвшемъ лицѣ, поминутно вспыхивавшемъ и опять блѣднѣвшемъ, съ широкимъ и высокимъ лбомъ, блестящими выразительными глазами, всякій съ перваго взгляда отгадывалъ энергичную и въ высшей степени впечатлительную натуру.

— Дорогой мой Авріаль,—обратился докторъ къ своему спутнику, — ты видишь, что твои инструкціи исполнены въ точности: мы совершенно одни: я нашелъ предлогъ отправить мою жену къ ея матери, вмѣстѣ со служанкой.

— Никто не подозрѣваетъ моего возвращенія?

— Никто; рѣшительно всѣ, какъ и я, до полученія твоего письма, думаютъ, что ты погибъ во время кораблекрушенія близъ Далмаціи. Уважая твою просьбу, я, конечно, не подѣлился ни съ кѣмъ радостнымъ извѣстіемъ о твоемъ спасеніи, предоставляя тебѣ самому удовольствіе объявить это нашимъ друзьямъ.

— Благодарю тебя, добрый Фреснель, что ты исполнилъ мою просьбу и даже не старался разгадывать причину, побудившую меня скрывать о моемъ возвращеніи; ты имѣешь полное право на мою откровенность: я разскажу тебѣ все.

Докторъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ начало разсказа, но его товарищъ не торопился говорить; онъ какъ будто углубился въ самого себя; затѣмъ, сдѣланный имъ, послѣ нѣкотораго молчанія, вопросъ далъ другое направленіе разговору, перешедшему весьма естественнымъ образомъ къ воспоминаніямъ о прошломъ. Новоприбывшій началъ освѣдомляться о знакомыхъ ему лицахъ и, заинтересованный сообщаемыми ему докторомъ подробностями, совершенно повидимому, забылъ о своемъ обѣщаніи. Время между тѣмъ шло; гость, отдавшись воспоминаніямъ. сталъ незамѣтно дремать.

—Мой дорогой Авріаль,—сказалъ докторъ,—тебѣ нужно отдохнуть съ дороги; пойдемъ, я провожу тебя въ твою комнату. — До завтра.

— Да, отложимъ серьезныя дѣла до завтра.

Лучи солнца давно уже играли на листьяхъ винограда и плюща, вьющихся по стѣнамъ, когда докторъ вошелъ въ комнату своего гостя. Послѣдній, скрывшись за рѣшетчатыми ставнями, любовался возвышающимися вдали горами, вершины которыхъ терялись въ облакахъ, а склоны были покрыты роскошною растительностью; затѣмъ, онъ съ какимъ - то необъяснимымъ интересомъ сталъ слѣдить за движеніемъ просыпавшагося мѣстечка. Въ этотъ моментъ все его вниманіе было сосредоточено на двухъ женщинахъ, переходящихъ черезъ улицу.

Старшая изъ нихъ, на взглядъ лѣтъ двадцати трехъ, была одѣта съ роскошью, не соотвѣтствующей ни мѣсту, ни раннему часу утра. По наружности она могла назваться красавицей, но гордое, самоувѣренное выраженіе лица и надменность во всей фигурѣ, не вызывали къ ней симпатіи.

Спутница ея — маленькое, худенькое созданьице, — была одѣта чрезвычайно просто; лице ея, хотя и не могло назваться красивымъ, но было въ высшей степени пріятно, благодаря его кроткому, ласковому выраженію. Никто-бы не сказалъ, что эти, столь не похожія одна на другую, женщины были родными сестрами.

— Я ловлю тебя на мѣстѣ преступленія,—произнесъ докторъ, вошедшій незамѣтно для Авріаля. — Ты восхищаешься красотою госпожи де Каранталь.

-- Марту дѣйствительно такъ когда - то называли.

—Да и до сихъ поръ ее называютъ еще этимъ именемъ; ты пріѣхалъ какъ разъ во время, чтобы присутствовать при ея второмъ бракѣ.

— Съ Морисомъ Марсолье, сыномъ мироваго судьи? Ты писалъ мнѣ объ этомъ въ твоемъ послѣднемъ письмѣ; но неужели ты думаешь, что этотъ бракъ состоится?

— По крайней мѣрѣ это общее мнѣніе. А развѣ его осуществленіе помѣшаетъ твоимъ планамъ?

Авріаль перенесъ свой взглядъ на мрачныя стѣны полу-барскаго, полу-мѣщанскаго зданія, выступавшаго среди деревьевъ на сосѣдней возвышенности. Онъ продолжалъ молчать, при чемъ физіономія его приняла какой-то грустный оттѣнокъ.

—Другъ мой,—произнесъ онъ наконецъ,—при взглядѣ на это старинное достояніе ла-Рикарде, я не могу удержаться отъ глубокаго волненія: меня связываютъ съ нимъ самыя лучшія воспоминанія, которыя не позволяютъ мнѣ относиться равнодушно къ судьбѣ тѣхъ, кто тамъ живетъ. Слушай, я откроюсь тебѣ во всемъ: быть можетъ, ты станешь меня бранить, но за то для тебя станетъ ясенъ мой образъ дѣйствій.

Онъ только что хотѣлъ начать, какъ въ двери кто-то легонько постучалъ. Докторъ направился въ сосѣднюю комнату, куда ввелъ за собою и вошедшаго старика высокаго роста, съ роскошными сѣдыми волосами. Въ умныхъ и кроткихъ глазахъ его, въ правильномъ очертаніи рта и вообще въ выраженіи всего лица сказывались честность и прямота характера, возбуждавшія сразу безграничное къ нему довѣріе. Это былъ мировой судья г. Марсолье.

По своимъ годамъ, проведеннымъ въ постоянныхъ трудахъ и заботахъ, этому достойному человѣку давно-бы уже слѣдовало пользоваться покоемъ, подъ сѣнью своего домашняго очага, но онъ продолжалъ нести на себѣ трудный постъ общественнаго дѣятеля, не мало не ропща на свою судьбу и относясь въ высшей степени добросовѣстно къ своимъ обязанностямъ. Господину Марсолье не давали отдыхать: онъ былъ нуженъ обществу, которое цѣнило его, понимало, слушалось его добрыхъ совѣтовъ, усмирялось его могущественнымъ словомъ. Когда онъ хотѣлъ было выдти въ отставку, въ мѣстечкѣ чуть не поднялась цѣлая революція; его пришли просить снова принять на себя обязанности мироваго судьи, усмирить взволнованные умы, водворить миръ и спокойствіе, нарушенные нѣкоторыми неугомонными жителями. Онъ согласился на просьбу гражданъ, а, разъ принявъ на себя какую-либо обязанность, отдавался ей всецѣло, честно, съ опытностью пожившаго человѣка, что и доставляло ему общую признательность и уваженіе мѣстныхъ обывателей и всѣхъ, кто только зналъ его.

Докторъ принялъ посѣтителя съ поспѣшностью, въ которой проглядывали дружба и уваженіе. Онъ замѣтилъ, что старикъ, обыкновенно совершенно спокойный, невозмутимый, на этотъ разъ былъ мраченъ и видимо чѣмъ-то озабоченъ.

— Какому счастливому случаю, мой дорогой г. судья, я обязанъ вашимъ посѣщеніемъ? — обратился докторъ къ гостю.

— Цѣль моего посѣщенія чрезвычайно важная и вмѣстѣ съ тѣмъ печальная; я буду говорить съ вами, какъ другъ и судья. Удѣлите мнѣ, прошу васъ, нѣсколько минутъ вниманія, такъ какъ и вамъ тоже, быть можетъ, придется принять участіе въ событіяхъ, имѣющихся совершиться въ недалекомъ будущемъ. Дѣло вотъ въ чемъ: немного больше года тому назадъ, мой сынъ, Морисъ, въ охотничій сезонъ, привезъ погостить къ себѣ одного изъ своихъ товарищей. Это былъ Семонсель, сынъ парижскаго негоціанта. Дни проходили у нихъ въ охотѣ, а вечеромъ, когда они возвращались домой, въ домѣ у меня раздавались шумный смѣхъ и говоръ. Сынъ мой представилъ своего друга семейству ла-Рикарде, гдѣ они стали потомъ бывать очень часто. Однажды, отправившись туда въ сопровожденіи Авріаля, они пошли оттуда всѣ вмѣстѣ поохотиться въ ла-Рокарде. Охота на этотъ разъ имѣла трагическій исходъ: несчастнаго Семонселя нашли убитымъ выстрѣломъ изъ ружья. Сначала предполагали, что онъ былъ жертвой не болѣе какъ своей собственной неосторожности, неловкости, столь нерѣдкой у большинства неопытныхъ охотниковъ; но, спустя нѣкоторое время, предположеніе это было отвергнуто, такъ какъ собранныя объ этой катастрофѣ подробности привели къ тому заключенію, что Семонсель погибъ не случайно, а отъ руки убійцы, и что убійцу слѣдуетъ искать въ ряду его товарищей, бывшихъ съ нимъ на охотѣ. Имя Авріаля упоминалось при этомъ сначала неохотно, а потомъ все съ большею и большею настойчивостью. Если его прошлое и не могло оправдывать этого обвиненія, то, во всякомъ случаѣ, находили страннымъ его внезапное исчезновеніе; къ тому-же припоминали, что онъ говорилъ тогда объ этомъ приключеніи съ большою сдержанностью и что отвѣты его, касавшіеся этого грустнаго событія, изобличали въ немъ замѣшательство человѣка, знающаго больше, чѣмъ онъ хотѣлъ высказать. Морисъ былъ убѣжденъ въ невинности своего друга; онъ защищалъ его противъ взводимыхъ на него подозрѣній; но его неточныя свѣдѣнія — просто потому, что не оправдывали Авріаля — служили противъ него обвиненіемъ.

— А вы, г. судья, тоже считаете его виновнымъ?

— Боже меня сохрани! Онъ принадлежитъ къ семейству, котораго не касалось никакое подозрѣніе, и никто никогда не сомнѣвался въ его честности. И неужели я произнесу противъ него преждевременный приговоръ, я, который знаетъ и цѣнитъ его лучше другихъ. Не мало вечеровъ мы провели вмѣстѣ, а еще больше исходили съ нимъ прекрасныхъ мѣстъ нашего Вермона; въ эти-то дни и вечера я успѣлъ узнать его лучше, чѣмъ кого-либо; по своей молодости, по великодушію и честнымъ порывамъ, съ какими онъ относился ко всему, затрогивавшему его вниманіе, онъ смѣло могъ назваться честнѣйшимъ юношей нашего вѣка, а то спокойствіе, обдуманность и зрѣлое сужденіе, какія я всегда находилъ въ немъ въ дѣлахъ серьезныхъ, могли рекомендовать его какъ умнаго, образованнаго и разсудительнаго мужчину. Я заранѣе пророчилъ ему блестящую будущность, и радовался за тѣхъ, кому придется имѣть его посредникомъ своихъ интересовъ. У меня были еще и другіе виды на него..... Но вдругъ, это обвиненіе, такое нежданное, нежданное.... Затѣмъ, онъ уѣхалъ и толки, волновавшіе нашъ городъ, начали мало по малу утихать; вскорѣ послѣ этого распространилось извѣстіе о его смерти, которое сразу положило конецъ всевозможнымъ обвиненіямъ; если говорили объ Авріалѣ, то лишь съ хорошей стороны, сожалѣли о его карьерѣ, такъ блистательно начатой и неожиданно прерванной, грустили о томъ, что потеряли въ немъ хорошаго товарища. Я, съ своей стороны, искренно оплакивалъ его кончину, съ другой-же, былъ радъ, что она пришла такъ во время и избавила его отъ тяжелой участи подсудимаго. Каково-же было мое горе, когда я оффиціальнымъ путемъ узналъ, что онъ живъ, такъ какъ его видѣли въ Ліонѣ, и мнѣ назначено непремѣнно розыскать его и нарядить надъ нимъ слѣдствіе.

— Вы думаете, что онъ возвратился?

— Сегодня еще я сообщилъ суду, что его, по всѣмъ признакамъ, здѣсь не находится.

— Если бы онъ возвратился, то, узнавъ объ ожидающей его опасности, конечно, поспѣшитъ бѣжать.

— Я только на это и расчитываю; но завтра, а быть можетъ даже сегодня, придутъ новыя, болѣе строгія инструкціи. Къ счастью, я буду далеко отсюда: такъ какъ просилъ объ отпускѣ, получилъ его нѣсколько времени тому назадъ, и уѣзжаю сегодня же вечеромъ. Вамъ извѣстно, что въ мое отсутствіе вы заступаете мое мѣсто; мэръ сообщитъ вамъ сегодня это распоряженіе оффиціально.

Голосъ старика дрожалъ; легко было догадаться, что онъ высказалъ далеко не все, что было у него на душѣ. Взглядъ его съ какой-то тоскливой нерѣшительностью бѣгалъ по сторонамъ; онъ, повидимому, подозрѣвалъ пріѣздъ Авріаля и, путемъ различныхъ намёковъ, хотѣлъ навести доктора на мысль спасти своего друга до принятія имъ на себя оффиціально должности, которая неизбѣжно стѣснитъ свободу его дѣйствій. Борясь между чувствомъ дружбы и долга, онъ упрекалъ себя въ неисполненіи строгихъ обязанностей, возлагаемыхъ на него занимаемою имъ должностью, и, въ то-же время, ему тяжело было уйти, не убѣдившись. что Авріаль можетъ быть спасенъ.

Давъ доктору нѣсколько инструкцій, касающихся его будущихъ обязанностей, въ отношеніи которыхъ тотъ былъ совершенный новичекъ, Марсолье поднялся со своего мѣста и распростился съ хозяиномъ. Послѣдній поспѣшилъ къ своему другу, котораго онъ нашелъ сидящимъ около стола, съ опущенною головою, погруженнымъ въ глубокое раздумье.

— Ты слышалъ нашъ разговоръ, спросилъ докторъ.

— Я не проронилъ изъ него ни одного слова. Благодарю тебя мой другъ за то, что ты вѣришь въ мою невинность въ то время, когда столько людей обвиняютъ меня.

— Я увѣренъ, что тебѣ ничего не стоило бы заставить ихъ замолчать.

Авріаль не отвѣчалъ.

— Что-же ты теперь намѣренъ дѣлать? — спросилъ его докторъ.

— Я воспользуюсь на сегодня твоимъ гостепріимствомъ; съ наступленіемъ же ночи уѣду.

(*Продолженіе слѣдуетъ*)

Что такое огонь?

Изъ популярныхъ писемъ о химіи, Б. Рейхмана.

Письмо I.

Вы спрашиваете меня, милостивая государыня, что такое огонь и каковы свойства пламени. Вопросъ этотъ дѣлаетъ вамъ большую честь, такъ какъ, въ продолженіи многихъ вѣковъ, онъ не переставалъ занимать умы величайшихъ мыслителей, не довольствовавшихся тѣмъ объясненіемъ, — вполнѣ, впрочемъ, удовлетворяющимъ профановъ, — что огонь грѣетъ и свѣтитъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вы высказываете предположеніе, что мнѣ, быть можетъ, трудно будетъ отвѣтить на ваши вопросы, если даже и совсѣмъ невозможно. Что касается послѣдняго обстоятельства, то я могу вполнѣ успокоить васъ: ученые уже изслѣдовали это явленіе и притомъ на столько подробно, что, основываясь на ихъ трудахъ, я, какъ мнѣ кажется, буду имѣть возможность отвѣчать на ваши вопросы вполнѣ ясно и понятно — не смотря даже на то, что соболѣзнуя въ своемъ письмѣ о неудовлетворительности женскаго образованія, вы сознаетесь чистосердечно, что область естественныхъ наукъ для васъ совершенная terra incognita.

Ученые, повторяю, на столько подробно изслѣдовали свойства пламени и въ этомъ отношеніи собрали такое множество данныхъ, что, отвѣчая на заданный вами вопросъ и желая сдѣлать этотъ отвѣтъ возможно болѣе понятнымъ, мнѣ приходится только заботиться о пріисканіи надлежащей формы изложенія. Но не то было лѣтъ сто тому назадъ. Вопросъ о свойствахъ огня принадлежалъ въ то время къ разряду такихъ загадокъ, къ какимъ въ настоящее время относится, напр., вопросъ о существѣ самопознанія — причемъ, самые глубокіе мыслители той эпохи изощряли напрасно свои умы для его разрѣшенія. Въ то время казалось, что этотъ вопросъ тотъ самый, на который, какъ тогда утверждали, «Создатель оставилъ отвѣтъ у Себя». Даже Вольтéръ, послѣ долгихъ и напрасныхъ попытокъ, отбросилъ всякую мысль — изслѣдовать это явленіе, и сталъ ѣдко насмѣхаться надъ химиками, пользующимися постоянно огнемъ, о составѣ и существѣ котораго они въ то же время не имѣли никакого понятія.

Однако то, что въ одну эпоху кажется неразрѣшимымъ, спустя нѣкоторое время объясняется безъ всякаго затрудненія — чему доказательствомъ можетъ служить вопросъ, занимающій насъ въ настоящую минуту.

Французскій химикъ Лавуазье *) (Lavoisier), рѣшилъ его самымъ блистательнымъ образомъ; послѣдствія же его открытія имѣли такое громадное значеніе, что, положивъ начало перевороту въ химіи, въ тоже время дали ей возможность стать на тотъ путь, по которому она слѣдуетъ и въ настоящее время, увеличивая все болѣе и болѣе кругъ нашего знакомства съ природою и тѣмъ доставляя человѣчеству несмѣтныя матеріальныя блага.

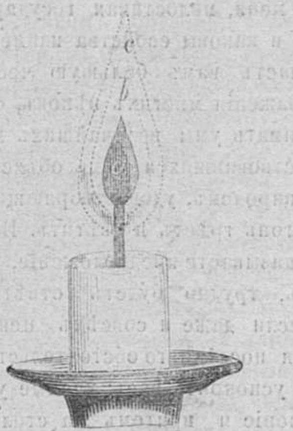
---

*) Лавуазье (Антонъ Лаврентій) родился въ Парижѣ въ 1743 г. и погибъ на гильотинѣ 8-го мая 1794 г. Онъ сдѣлалъ много чрезвычайно важныхъ открытій въ области химіи; составилъ для нея новую номенклатуру и написалъ нѣсколько весьма драгоцѣнныхъ сочиненій по этому предмету. Передъ смертью, онъ просилъ объ отсрочкѣ казни

Для разъясненія свойствъ и существа огня, займемся первоначально изслѣдованіемъ пламени свѣчи, какъ болѣе другихъ извѣстномъ намъ, и начнемъ съ описанія формы пламени.

Плямя горящей свѣчи имѣетъ видъ конуса или форму сахарной головы, но лишь съ нѣсколько закругленнымъ основаніемъ.

Присматриваясь къ пламени внимательнѣе, можно легко замѣтить, что оно состоитъ изъ блѣдно-синей огненной оболочки *c*, внутри которой виднѣется яркая часть *в*, окрашенная въ блѣдно-желтый цвѣтъ; наконецъ, самая середина пламени *a*, гораздо темнѣе внѣшнихъ слоевъ.



Фиг. 1.

Но что именно заключается въ этой внутренней части?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, намъ придется прибѣгнуть къ нѣкоторымъ опытамъ, которые на столько просты, что ихъ легко можно продѣлать, не употребляя для этого никакихъ сложныхъ приборовъ.

Первоначально, раздѣлимъ, помощью куска бѣлой бумаги, пламя горящей свѣчи почти надъ фитилемъ, лишь въ весьма незначительномъ отъ него разстояніи, и посмотримъ на бумагу сверху.

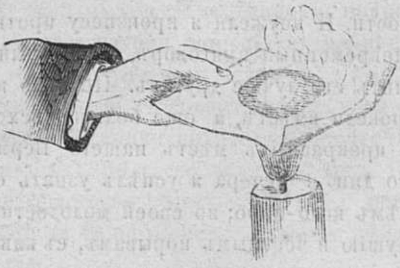
Что мы тогда увидимъ?

Многіе, конечно, тотчасъ отвѣтятъ: — «ничего особеннаго»; одно только выжженное круглое отверстіе. И дѣйствительно, сгоритъ нѣкоторая часть бумаги, но отверстіе будетъ не вполнѣ круглымъ. Прослѣдимъ весь процессъ этого опыта и будемъ слѣдить за бумагою внимательнѣе.

Прежде всего, на бумажкѣ появляется коричневый ободокъ, окружающій совершенно бѣлый, — а слѣдовательно не измѣненный дѣйствіемъ огня — кружокъ бумаги. Коричневый ободокъ, постепенно увеличиваясь, болѣе и болѣе темнѣетъ, наконецъ вспыхиваетъ и сгораетъ, также какъ и вся бумага.

Сдѣлаемъ еще одинъ опытъ, подобный предъидущему, но отличающійся отъ него только тѣмъ, что, вмѣсто бумаги, возмемъ кусокъ густой проволочной сѣтки, или иначе, металлическаго полотна. Въ серединѣ этого куска вырѣжемъ небольшое отверстіе и, накрывая сѣткою пламя свѣчи, также какъ и въ предъидущемъ опытѣ, постараемся только установить сѣтку такимъ образомъ, чтобы нарочно продѣланное въ ней отверстіе находилось въ темной части пламени. Хотя въ проволочной сѣткѣ и находятся мелкія отверстія во пламя, — на основаніи его свойства, о которомъ будемъ говорить ниже — не покажется на его верхней поверхности, сколько бы времени мы ни держали кусокъ сѣтки надъ свѣчею.

Если послѣ помѣщенія отверстія въ темную часть пламени, мы черезъ это отверстіе опустимъ въ пламя свѣчи головку спички, то послѣдняя не загорится, хотя и будетъ находиться внутри пламени; производя этотъ опытъ ловко и быстро, можно вынимать спичку изъ пламени совершенно неповрежденною.



Фиг. 2.

Что доказываютъ эти два опыта?

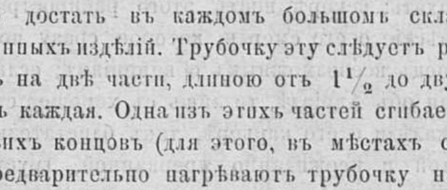
Отвѣтить не трудно: — они убѣждаютъ насъ, что внутренность пламени холодная и что въ ней нѣтъ огня.

— Что же въ ней заключается? или же въ ней находится пустота?

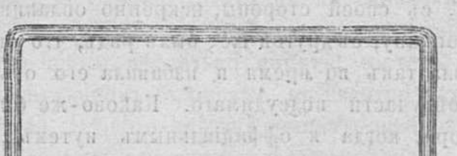
— Нисколько.

— Такъ что же?

Я сейчасъ отвѣчу на это новыми опытами. Но чтобы произвести ихъ, необходимо имѣть тоненькую стеклянную трубочку, которую легко можно достать въ каждомъ большомъ складѣ стеклянныхъ издѣлій. Трубочку эту слѣдуетъ распилить на двѣ части, длиною отъ $1^1/_2$ до двухъ футовъ каждая. Одна изъ этихъ частей сгибается съ обѣихъ концовъ (для этого, въ мѣстахъ сгиба, предварительно нагрѣваютъ трубочку надъ спиртовой лампой) и придаютъ ей форму, изображенную на фиг. 3. Другой же части придаютъ форму, показанную на фиг. 4.

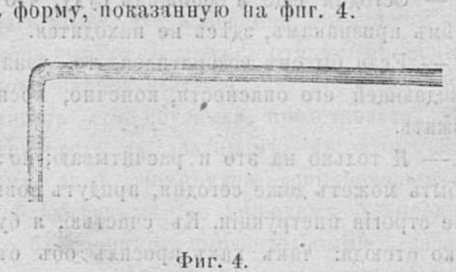


Фиг. 3.



Фиг. 4.

Чтобы произвесть первый изъ нижеслѣдующихъ опытовъ, нужно имѣть, кромѣ зажженной свѣчки и первой изъ этихъ трубочекъ, еще небольшую колбу, т. е. пузырекъ изъ тонкаго бѣлаго стекла съ закругленнымъ дномъ. Колбу эту, въ случаѣ надобности, можно замѣнить обыкновеннымъ пузырькомъ или графиномъ изъ чистаго бѣлаго стекла. Запасшись всѣми этими немудреными приборами, опустимъ одинъ конецъ трубочки (фиг. 3) въ темную часть пламени — а ся другой конецъ въ колбу, — какъ показано на фиг. 5.

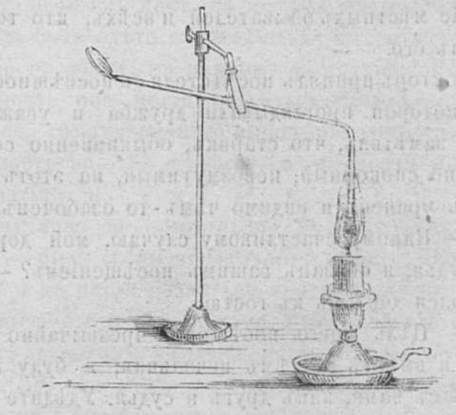


Фиг. 5.

Что произойдетъ тогда?

Скоро мы увидимъ, что въ колбу черезъ трубочку, пройдетъ облачко, которое затѣмъ начнетъ, мало по малу, сгущаться, т. е. осѣдать на стѣнкахъ сосуда. Такъ какъ облачко это, само по себѣ представляетъ какое-то вещество, то отсюда становится понятнымъ, что внутренность пламени отнюдь не пустота, но что она заключаетъ въ себѣ какую-то матерію. Эту матерію нельзя назвать ни твердымъ и ни жидкимъ тѣломъ; напротивъ, такъ какъ существованіе ея, въ видѣ облаковъ, обнаруживается только въ колбѣ посредствомъ улетучиванія черезъ трубочку, то, слѣдовательно, она — тѣло летучее, иначе говоря, газъ.

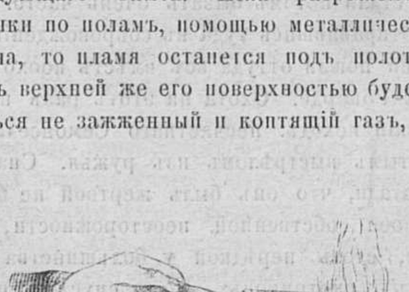
Чтобы ближе ознакомиться со свойствами этого газа, опустимъ въ темную часть пламени конецъ второй трубки (фиг. 4). Газъ будетъ выходить тогда изъ ея другого конца. Если къ последнему приблизить пламя, то газъ этотъ загорится (фиг. 6).



Фиг. 6.

Присматриваясь внимательнѣе къ пламени этого газа, мы замѣтимъ въ немъ такіе же три слоя, какъ и въ пламени свѣчи, т. е. наружный блѣдно-синій, средній — яркій и внутренній — темный. Изъ этого можно заключить, что между пламенемъ свѣчи и газа существуетъ какая то аналогія, и дѣйствительно — аналогія полная, ибо пламя свѣчи есть ничто иное, какъ *продуктъ горѣнія газа.*

Въ этомъ можно удостовѣриться помощью слѣдующаго опыта. Если разрѣжемъ пламя свѣчки по поламъ, помощью металлическаго полотна, то пламя останется подъ полотномъ, — надъ верхней же его поверхностью будетъ находиться не зажженный и коптящій газъ, (фиг. 7) который можно воспламенить, приблизивъ къ нему горящую свѣчу. По объясненіе *пламени* его *горючестью* было бы чохоже на извѣстное опредѣленіе доктора въ одной изъ комедій Мольера: «что опіумъ усыпляетъ, вслѣдствіе своихъ усыпительныхъ свойствъ».

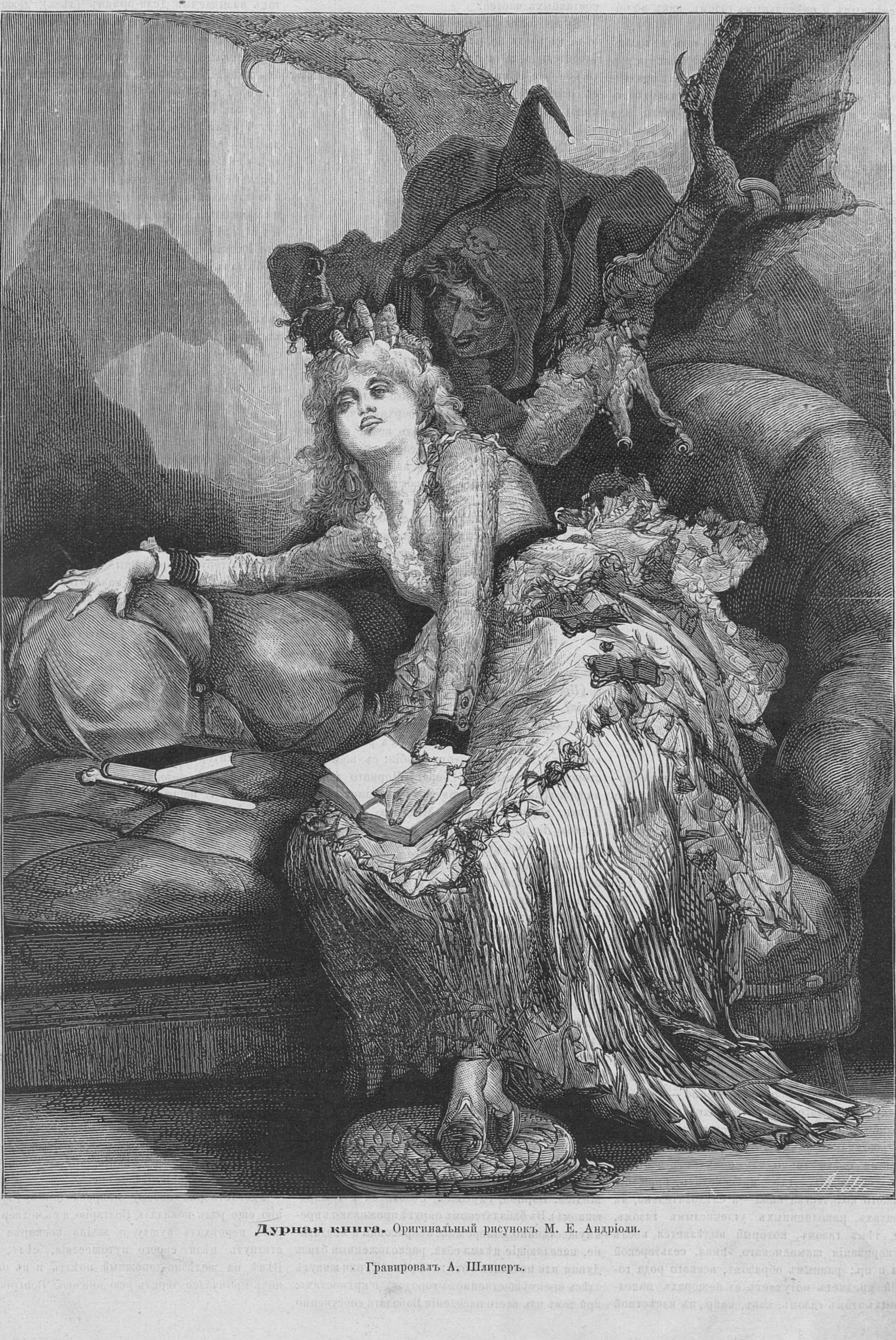


Фиг. 7.

Не ограничиваясь вышеприведеннымъ опредѣленіемъ пламени, дающемъ не совсѣмъ точное о немъ понятіе, я не замедлю дополнить его.

Теперь же возникаютъ два вопроса: откуда берется этотъ газъ и что происходитъ съ нимъ во время горѣнія? На первый изъ этихъ вопросовъ я отвѣчу очень коротко. Онъ образуется, при

только на нѣсколько дней — желая привести къ концу нѣкоторые начатые имъ опыты, могущіе пролить новый свѣтъ на изучаемую имъ науку. Но революціонный комитетъ отвергъ его просьбу и такимъ образомъ онъ окончилъ свое существованіе на 51-мъ году жизни.



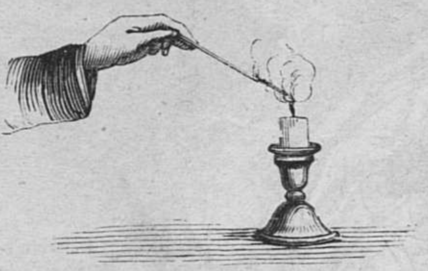
Дурная книга. Оригинальный рисунокъ М. Е. Андріоли.

Гравировалъ А. Шлиперъ.

посредствѣ тепла, изъ сала, стеарина, или воска, точно также, какъ свѣтильный газъ получается отъ нагрѣванія каменнаго угля. Не трудно поэтому убѣдиться въ существованіи сходства между свѣчнымъ и свѣтильнымъ газомъ, какъ по образованію, такъ и по свойству ихъ.

Этотъ горючій газъ можно получать не только изъ упомянутыхъ выше веществъ, но также и изъ дерева, холста, бумаги и многихъ другихъ предметовъ. Чтобы убѣдиться, что горючій газъ дѣйствительно можетъ образоваться изъ бумаги, для этого достаточно свернуть полълиста въ трубку, одинъ конецъ которой нужно загнуть такимъ образомъ, чтобы трубка съ одной стороны была плотно закрыта,—при чемъ въ небольшомъ разстояніи отъ загнутаго конца вырѣзывается небольшое отверстіе.

Если затѣмъ зажечь открытый конецъ такой трубки (держа открытый конецъ въ нѣсколько наклонномъ положеніи книзу), то черезъ отверстіе, находящееся у загнутаго конца трубки, начнетъ выходить газъ, который можно зажечь, приблизивъ къ нему горящую спичку. При горѣніи свѣчи, горючій газъ образуется такимъ же образомъ. Зажигая фитиль, мы тѣмъ самымъ растопляемъ нѣкоторое количество стеарина, находящагося около свѣтильни. Вслѣдствіе этого, вокругъ фитиля образуется углубленіе въ видѣ блюдечка, заключающее въ себѣ растопленный стеаринъ; послѣдній всасывается фитилемъ, и подъ вліяніемъ огня превращается въ газъ, который и горитъ въ видѣ конуса. Если мы дунемъ на свѣчку и потушимъ ее, то втеченіи нѣкотораго времени изъ фитиля будетъ отдѣляться газъ. Если къ этому газу поднесть зажженную спичку (фиг. 8), то онъ загарается,—при чемъ пламя отъ него сообщается и фитилю. Если же перевернемъ зажженную свѣчку пламенемъ внизъ, то растопленный стеаринъ зальетъ фитиль и пламя потухнетъ. Изъ этого слѣдуетъ, что въ свѣчѣ горитъ не растопленный стеаринъ, сало или воскъ, а газъ.



Фиг. 8.

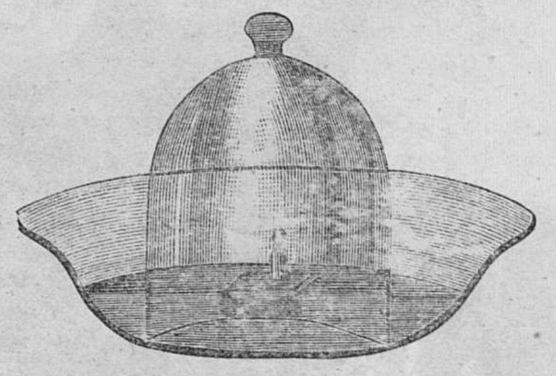
Теперь слѣдуетъ отвѣтить на вопросъ: что происходитъ съ газомъ во время его горѣнія. Такъ какъ въ этомъ отвѣтѣ заключается вся сущность вопроса о свойствахъ пламени, то я остановлюсь на немъ нѣсколько долѣе.

Всѣмъ извѣстно, конечно, что всякое тѣло можетъ горѣть только въ присутствіи воздуха. Если мы поставимъ зажженную свѣчу подъ колоколъ пневматической машины и станемъ выкачивать изъ него воздухъ, то пламя свѣчи начнетъ уменьшаться и наконецъ совсѣмъ потухнетъ. Всякому извѣстно также, что дрова въ печкѣ при слабой тягѣ горятъ вообще медленно,—и что если закроемъ бумагой отверстія, находящіяся подъ горѣлкой керосиновой лампы, служащія для притока воздуха, то лампа тотчасъ потухнетъ.

Пламя свѣчи точно также тухнетъ и въ такихъ погребахъ, гдѣ происходитъ броженіе большого количества вина—а слѣдовательно, въ подвалахъ, наполненныхъ углекислымъ газомъ, т. е. тѣмъ газомъ, который выдѣляется послѣ откупориванія шампанскаго, пива, сельтерской воды и пр.; равнымъ образомъ, всякаго рода горящій предметъ потухаетъ въ пещерахъ наполненныхъ этимъ газомъ, какъ, напр., въ извѣстной Собачьей пещерѣ. Изъ всего этого слѣдуетъ заключить, что безъ воздуха горѣніе невозможно.

— Но весь ли воздухъ необходимъ для поддержанія горѣнія, или только нѣкоторыя изъ его составныхъ частей?

Въ продолженіи многихъ вѣковъ добивались отвѣта на этотъ вопросъ, который разрѣшенъ, приблизительно, лѣтъ сто тому назадъ. Рѣшеніе этого вопроса принадлежитъ химику Лавуазье. Мы, въ свою очередь, попытаемся рѣшить этотъ вопросъ помощью опыта (фиг. 9).



Фиг. 9.

Нальемъ нѣкоторое количество воды въ большое блюдо, по серединѣ котораго положимъ камень такой величины, чтобы верхняя часть его выступала надъ поверхностью воды; къ этому камню прикрѣпимъ кусокъ стеариновой или сальной свѣчи. Впрочемъ, вмѣсто камня можно также взять деревянный поплавокъ, на которомъ могъ бы помѣститься кусокъ свѣчи. Затѣмъ, зажжемъ свѣчу, накроемъ ее обыкновеннымъ стеклянымъ колпакомъ, а при не имѣніи послѣдняго, и большою банкою изъ бѣлаго стекла.

Что тогда произойдетъ?

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Между Болгарами.

Путешествіе Вильгельма Лежана.

(*Предисловіе переводчика*). Гдѣ находится Болгарія? На такой вопросъ большинство отвѣчаетъ обыкновенно, что эта страна граничитъ съ сѣвера съ Дунаемъ, съ запада — съ рѣкою Тимокомъ, отдѣляющимъ ее отъ Сербіи; съ восточной стороны ее омываютъ берега Чернаго моря, а на югѣ границы ея составляютъ Балканскія горы. Турки, хорошо знающіе Молдавію и Валахію, Сербію, Боснію, Черногорію, обѣ Албаніи и даже свою Хорватію и Грецію — не имѣютъ ни малѣйшаго представленія о Болгаріи, не смотря на близкое сосѣдство съ нею. Они знаютъ только однихъ болгаръ, населяющихъ почти всѣ санджаки; имъ извѣстно также, что тамъ, гдѣ на географическихъ картахъ обозначено положеніе Болгаріи,—а именно подъ самыми Балканами,—дѣйствительно живетъ болѣе всего болгаръ. Въ такомъ наивномъ знаніи турки не ошибаются, такъ какъ у Балкановъ не только всѣ села, но даже цѣлые города населены исключительно болгарами, которые только на сѣверъ отъ этихъ горъ смѣшиваются съ другими племенами. Въ географическомъ отношеніи Болгарія, населенная 2.877,000 жителей, по свойству почвы, дѣлится на три части: восточную, среднюю и западную. Въ первой изъ нихъ можно различить еще двѣ половины: сѣверную или округъ Бабадагъ (между Мидіей, Дунаемъ и Гирсовой) и южную или Добруджскія степи (Добруджа,—между Мидіей, Варной, Гирсовой, Розоватой и Базарджикомъ). Въ бабадагскомъ округѣ проживаютъ преимущественно: запорожцы, некрасовцы и молдаване, населяющіе цѣлыя сёла, расположенныя близь Дуная или невдалекѣ отъ этой рѣки. Турки живутъ здѣсь преимущественно въ городахъ и крѣпостяхъ; при чемъ изъ всего населенія Бабадага собственно болгары составляютъ едва десятую часть. На Добруджѣ преобладающій элементъ мусульмане, болгаръ же можно встрѣтить исключительно только между рабочимъ классомъ. Средняя часть, или такъ называемый Дели-орманъ (лѣсъ), лежащая между Силистріей, Рущукомъ и Шумлой (Шумленомъ), населена преимущественно турками ($^4/_5$). Дели-орманъ граничитъ съ востока съ Добруджей, а съ сѣвера — съ Дунаемъ. Наконецъ, западная часть Болгаріи населена по большей части болгарами; она граничитъ на востокъ съ рѣкою Кара-Ломомъ или Чернымъ-Ломомъ, на сѣверѣ — съ Дунаемъ, на западѣ — съ Большимъ и Малымъ Тимокомъ, и на югѣ—съ Балканами. Здѣсь, въ южныхъ частяхъ видинскаго пашалыка, находятся селенія, почти исключительно населенныя болгарами, съ которыми сливаются также жители Ниша, Софіи и пр. На сѣверѣ, около Систова, Никополиса, Оравы или Раховы и Жибра, также живетъ очень много болгаръ, хотя здѣсь они и уступаютъ по численности мусульманамъ. — Ознакомившись съ Болгаріею въ географическомъ отношеніи, сдѣлаемъ краткій историко-этнографическій очеркъ той эпохи; когда существованіе болгарскаго государства было столь грозно для Турціи. Если мы станемъ приближаться къ Балканамъ съ западныхъ береговъ рѣки Черный Ломъ, то увидимъ, что населеніе Болгаріи становится все болѣе и болѣе однороднымъ, одноплеменнымъ, т. е., что оно состоитъ исключительно изъ болгаръ. Этотъ народъ, подвигаясь далѣе къ югу, достигаетъ Балканскихъ горъ, населяетъ ихъ и даже переходитъ по другую сторону, а выдвигаясь клиномъ между Тырновой, Софіей и Пловдиномъ, достигаетъ Орфанскаго залива Эгейскаго моря, гдѣ уже смѣшивается съ греками. Въ этой гористой Болгаріи, которую европейцы, неизвѣстно почему, называютъ Македоніею, находится болѣе $2^1/_2$ милліоновъ болгаръ и самое большое, 100,000 турокъ, живущихъ исключительно въ городахъ. Липранди, у котораго мы заимствуемъ эти подробности, дѣлитъ Болгарію на три части: собственно гористую (главн. гор. св. Софія и Тырново), загорную (Пловдинъ или Филиппополь) и собственно Македонію (Сересъ).

Дальнѣйшія этнографическія подробности мы будемъ сообщать читателямъ въ видѣ примѣчаній къ интересному путешествію Лежана.

(*Предисловіе автора*). Туристы, привыкшіе къ путешествію на рѣчныхъ пароходахъ и находящіе, что этотъ, нынѣ почти уже заброшенный modus eundi, заключаетъ въ себѣ особенную прелесть, безъ сомнѣнія, согласятся, что экскурсія по теченію Дуная отъ Вѣны до Галача, а оттуда къ Черному морю, производитъ самое пріятное впечатлѣніе и оставляетъ неизгладимыя воспоминанія въ каждомъ, кому удалось проплыть по этому пути. Поверхностному туристу, быть можетъ, надоѣла бы нѣкоторая однообразность первой половины этого путешествія, такъ какъ здѣсь приходится проѣзжать плоскую мѣстностью, равняющеюся по величинѣ, по крайней мѣрѣ, четверти Франціи, и гдѣ, на протяженіи ста миль, не видно даже и небольшаго холмика. Равнина эта—иначе, венгерская пушта. Повсюду встрѣчающіяся стада рослыхъ быковъ съ громадными рогами, а также стерегущіе ихъ конные пастухи, съ длинными усами и въ развѣвающейся одеждѣ, достаточно характеризующіе всю эту мѣстность. Конные пастухи — это дѣти Арпада, потомки воиновъ Гуннія (1400 — 1456), гонведы Клапки и Маврикія Перчеля.

Удовлетворяя своему непреодолимому желанію еще разъ повидать Болгарію, я въ четвертый разъ переѣхалъ пушту и, желая поскорѣе достигнуть цѣли своего путешествія, сѣлъ, въ Вѣнѣ, на желѣзно-дорожный поѣздъ и въ одну ночь промчался черезъ всю нижнюю Венгрію.

I.

Ниготинъ: историческія воспоминанія.—Видинъ. —Никополисъ.—Цивилизованный турецкій городъ Рущукъ. — Гостинницы cafés-chantants. Пріятная встрѣча.

Благодаря постоянно увеличивающимся сношеніямъ запада съ Придунайскими княжествами, путешествіе по Дунаю до границы Румыніи было описано такое множество разъ, что въ достаточной мѣрѣ успѣло уже понадоѣсть всѣмъ и каждому. Я поэтому уволю своихъ читателей отъ описанія Желѣзныхъ Воротъ и прекрасныхъ тѣнистыхъ холмовъ подъ Орсовой, гдѣ Австрія, Румынія и Сербія встрѣчаются между собою, и гдѣ населеніе отличается своими разнообразными костюмами. Прибрежье Румыніи, лежащее за Орсовой, представляетъ собою однообразно-зеленѣющую и утомительно-голую степь. Глаза невольно отварачиваются отъ нея и взоръ инстинктивно направляется къ холмамъ праваго берега, которые, вслѣдствіе сильнаго контраста съ лѣвымъ, кажутся еще болѣе живописными. Путешествуя на востокѣ, я привыкъ встрѣчать горы, покрытыя только одной травой; вотъ почему всѣ сербскіе горы и холмы, съ растущимъ на нихъ, отъ подошвы и до вершины, густымъ лѣсомъ, приводили меня въ восторгъ и удивленіе. Лѣсъ въ Сербіи находится подъ охраной народнаго суевѣрія. «Кто срубаетъ дубъ»—говоритъ мѣстная поговорка,—«тотъ убиваетъ Серба». Одно изъ самыхъ распространенныхъ бѣлградскихъ періодическихъ изданій носитъ заглавіе «Лѣсъ». Туземные пастухи—воины и имѣютъ хорошую память: они помнятъ, что въ темной чащѣ этихъ лѣсовъ ихъ, плохо вооруженные предки, семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, храбро сопротивлялись многочисленнымъ войскамъ великаго визиря и, помня это, не желаютъ истреблять лѣсовъ, — не желаютъ проводить въ нихъ дорогъ, потому что эти дороги могутъ служить для передвиженія по нимъ нарѣзныхъ орудій султана.

Холмы мало по малу удаляются на западъ, направляясь къ довольно населенной равнинѣ, въ которой находятся еще весьма свѣжія развалины — Ниготинъ. Съ чувствомъ глубокаго уваженія смотрю я на эти руины, напоминающія мнѣ геройскую, и вмѣстѣ съ тѣмъ мало извѣстную исторію.

Въ 1811 году, во время борьбы Сербіи за независимость, начальникъ отряда—Велико (Veliko), нынѣ сказочный народный герой, заперся въ Ниготинѣ съ горстью своихъ удальцевъ, и сталъ горячо отбиваться отъ цѣлой арміи видинскаго паши. Армія эта, состоявшая изъ 18,000 чел. турокъ, не могла справиться съ храбрымъ противникомъ; великій визирь и Валахскій господарь принуждены были собрать болѣе значительныя силы. Саперы и инженеры взрывали по очередно одну башню за другою; Велико укрылся въ погребѣ. Когда запасы истощились, онъ разрѣзалъ на куски всю кухонную посуду и мелкую монету, и выпустилъ все это въ видѣ зарядовъ въ своего противника. Осада могла бы длиться безконечное время — но въ одно утро Велико, осматривая свои батареи, былъ узнанъ турецкимъ артиллеристомъ, который мѣткимъ выстрѣломъ положилъ его на мѣстѣ. Падая на землю, онъ продолжалъ кричать своимъ товарищамъ: «не сдавайтесь!».

Велико былъ, безъ сомнѣнія, замѣчательнымъ патріотомъ и героемъ, но прежде всего онъ былъ страстнымъ воякой. «Я ничего не желаю» — говаривалъ онъ — «какъ только того, чтобы въ Сербіи война продолжалась до самой моей смерти и чтобы миръ былъ заключенъ только послѣ моей кончины». Подобную склонность къ войнѣ съ турками можно замѣтить на востокѣ между всѣми славянами. Если бы у насъ, на западѣ, нашелся такой войнолюбивый человѣкъ, то, безъ сомнѣнія, онъ показался бы для всѣхъ просто смѣшнымъ—хотя, съ другой стороны, я и не увѣренъ, смѣялись ли бы надъ нимъ лѣтъ триста тому назадъ Въ Сербіи же и въ Черногоріи такой воинственный пылъ вполнѣ натураленъ и слова, произнесенныя Велико, выражаютъ только общее настроеніе всѣхъ славянъ. Какъ бы то ни было, но я вывожу изъ этого то заключеніе, что Турція не можетъ спать спокойно, имѣя у себя подобныхъ сосѣдей. Во всякомъ случаѣ, ея хитрости и уловки не отстранятъ ожидающей ее въ близкомъ печальной участи.

Я не останавливался въ Видинѣ, потому что такого скучнаго города не найдешь, вѣроятно, нигдѣ, даже и въ самой Болгаріи. Населеніе этого города смѣшанное—преобладающій же элементъ болгарскій. Крѣпость его, окруженна двойнымъ валомъ, но, не смотря на это, ее продолжаютъ укрѣплять весьма сильно и до сихъ поръ. Не понимаю только, противъ кого, если не противъ самихъ болгаръ возводятся грозныя батареи. Впрочемъ, отсюда не далеко до Румыніи, Сербіи и Австріи. — Взвѣсивъ всѣ причины и pro и contra, необходимо приходишь къ тому убѣжденію, что истраченныя и истрачиваемыя суммы на укрѣпленіе Видина могли бы быть употреблены съ бо̀льшею пользою въ другомъ мѣстѣ, напр., въ Добруджѣ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Начало и постепенное развитіе письма.

При поверхностномъ взглядѣ на какое-либо изобрѣтеніе, доведенное до послѣдней степени совершенства и простоты, мы весьма часто упускаемъ изъ виду трудности, предшествовавшія появленію и развитію этого изобрѣтенія. Чтобы отыскать тотъ путь, по которому направлялись человѣческія усилія, — ведущія отъ усовершенствованія къ усовершенствованію, пока наконецъ не были достигнуты нынѣшніе результаты,—надобно владѣть почти тою же проницательность, какая необходима была для созданія самыхъ усовершенствованій. Въ настоящее время мы на столько удалены отъ тѣхъ первобытныхъ, грубыхъ средствъ, которыя служили исходною точкою, началомъ всякаго изобрѣтенія, что на первыхъ порахъ намъ трудно распознать внутреннюю связь того или другого изобрѣтенія съ современнымъ его развитіемъ и назначеніемъ. Все это вполнѣ относится и къ письму, (какъискусству) — этому замѣчательному изобрѣтенію, которое кажется столь простымъ на первый взглядъ, вслѣдствіе того, что мы съ самаго ранняго возраста освоились, свыклись съ нимъ. На самомъ-же дѣлѣ, потребовались вѣковыя попытки и усилія, чтобы создать нынѣшній методъ письма; большинство обыкновенно и не предполагаетъ возможности постепеннаго развитія этого изобрѣтенія, начало котораго теряется въ доисторическихъ временахъ; оно и понятно, такъ какъ извѣстно, что чѣмъ общеполезнѣе какое либо изобрѣтеніе, тѣмъ менѣе знакома намъ исторія его возникновенія и развитія.

Но что̀ другое, на самомъ дѣлѣ, можетъ быть интереснѣе исторіи развитія письма,—этого двигателя, увеличившаго значеніе и силу человѣческаго слова, сдѣлавшаго возможнымъ развитіе наукъ и значительно облегчающаго сохраненіе и передачу потомству свѣдѣній, добытыхъ путемъ опыта и наблюденій, словомъ, такого двигателя, которому обязаны своимъ распространеніемъ всѣ другія изобрѣтенія?

Исторія письма занимаетъ собою лучшія страницы исторіи развитія человѣческаго ума; она осязательно указываетъ на тѣ первобытныя грубыя средства, которыя употреблялись человѣкомъ съ цѣлью увѣковѣчить и распространять добытыя имъ знанія. Сколько истинъ, открытыхъ человѣческимъ умомъ исчезло-бы безвозвратно, если бы не существовало письма? Исторія развитія этого изобрѣтенія можетъ служить прекраснымъ доказательствомъ постояннаго прогрессивнаго совершенствованія умственныхъ способностей человѣка и той могущественной силы, которая присуща дѣяніямъ его генія; вся исторія развитія письма прекрасно свидѣтельствуетъ о плодотворныхъ усиліяхъ человѣчества, направленныхъ постоянно къ осуществленію, повидимому, невозможнаго; въ то же время она можетъ служить прекраснымъ примѣромъ для борьбы съ тѣми трудностями, предъ которыми никогда не долженъ отступать человѣческій умъ.

Въ концѣ прошлаго столѣтія еще не представлялось возможности составить даже самый бѣглый очеркъ исторіи письма. Кромѣ баснословныхъ преданій, унаслѣдованныхъ отъ грековъ, тогда не знали ни одного памятника, который могъ бы привести изслѣдователя къ началу этого изобрѣтенія; впрочемъ если-бы въ то время и были извѣстны памятники, при помощи которыхъ можно было отыскать это начало, то все-таки, едвали съумѣли-бы воспользоваться ими. Только въ новѣйшее время, вслѣдствіе археологическаго изслѣдованія Египта, Востока и Мексики, а также благодаря трудамъ путешественниковъ и филологовъ, былъ собранъ необходимый матеріалъ и представилась возможность прослѣдить тѣ превращенія, которыя испытывало письмо въ періоды своего развитія; сравненіе же особенностей различныхъ графическихъ системъ и измѣненій, которымъ онѣ подвергались, открыло путь болѣе широкому взгляду на это изобрѣтеніе; прежнее невѣроятное предположеніе, благодаря сохранившимся памятникамъ, стало теперь непреложной истиной. Письмо, равно, какъ и языкъ, представляетъ собою продуктъ медленнаго вѣковаго труда; оно, не смотря на свою правильность и однообразіе, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названо произведеніемъ чьего-либо личнаго генія, а составляетъ результатъ постепенной смѣны и совершенствованія разнаго рода системъ.

I.

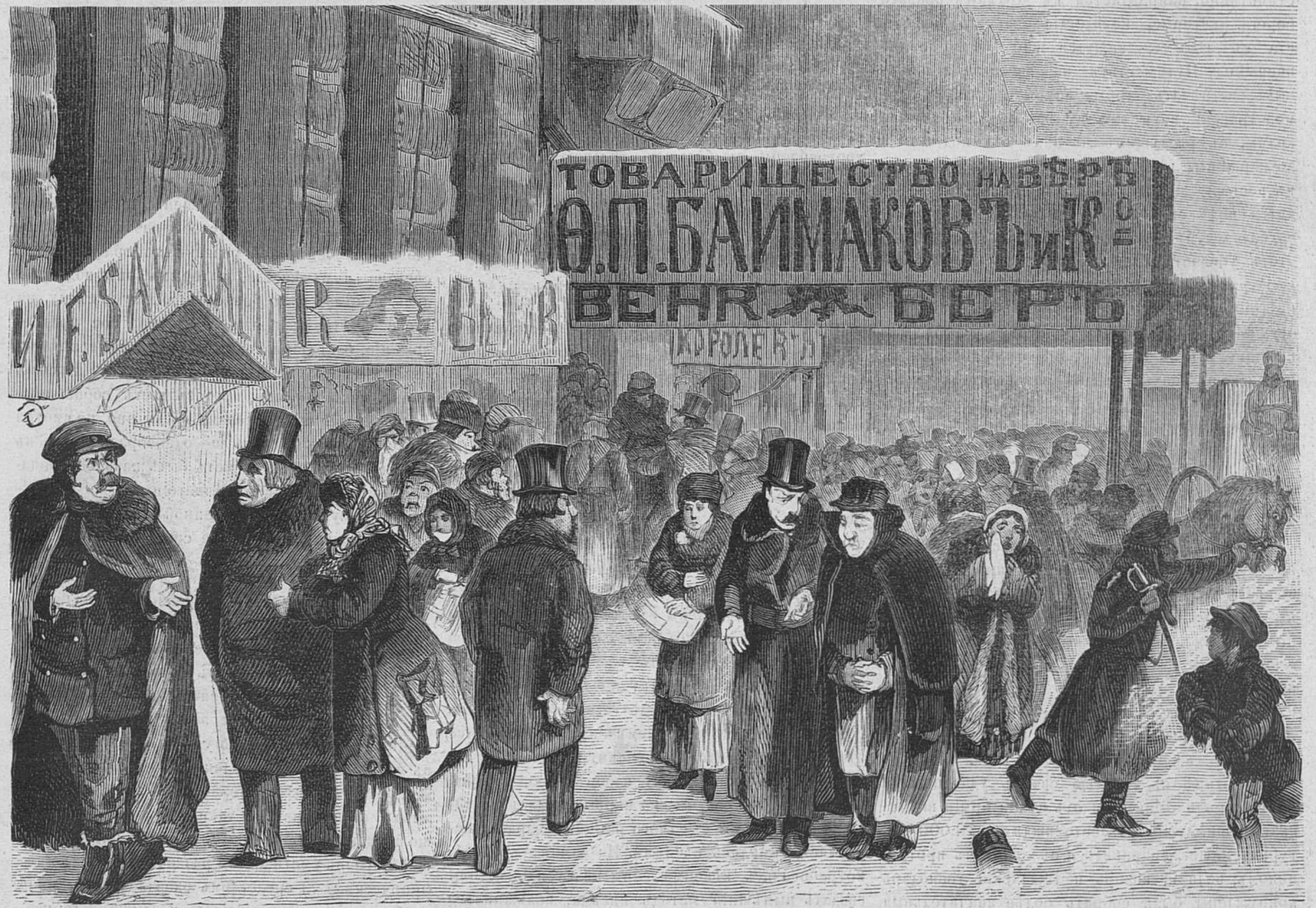
Далеко раньше, чѣмъ первобытный человѣкъ усвоилъ элементарныя понятія, необходимыя для его умственнаго и нравственнаго существованія, онъ созналъ необходимость помочь своей памяти —сохраненіемъ пріобрѣтенныхъ свѣдѣній. Вначалѣ, онъ пользовался для этого весьма несовершенными средствами, могущими только вызывать въ его памяти представленіе о томъ или другомъ фактѣ; съ этого цѣлью первобытный человѣкъ связывалъ воспоминанія о такихъ фактахъ съ хорошо извѣстными обыденными предметами. При высшей ступени умственнаго развитія лучшимъ мнемоническимъ *) средствомъ оказалось картинное изображеніе всего видѣннаго и слышаннаго; изображенія, вырѣзанныя на прочномъ матеріалѣ или начерченныя на гладкой поверхности, служили для передачи потомству извѣстныхъ представленій. Но у первобытнаго человѣка рука была непривычна и непослушна; вотъ почему многіе народы и до сихъ поръ довольствуются вырѣзанными на твердомъ матеріалѣ знаками, придавая которымъ разныя особенности, находятъ въ этомъ достаточное средство для передачи мыслей. Такіе, иногда весьма распространенные знаки, и обыкновенно очень не многочисленные, вырѣзывались на древесной корѣ, камнѣ, дощечкахъ, рисовались на кожѣ животныхъ или сухихъ листьяхъ. Равнымъ образомъ, для этой же цѣли пользовались ремнями и шнурками, навязывая на нихъ узлы. По сохранившимся въ Китаѣ преданіямъ, первые обитатели береговъ Гоанго пользовались даже привязанными къ палкамъ

---

*) ***Мнемоника***—искусство укрѣплять память вспомогательными средствами.

веревочками; это средство употребляется и до настоящаго времени у Міаосовъ,—дикихъ горцевъ, живущихъ въ юго-западной части Китая; весьма понятно, что подобнымъ способомъ нельзя было выразить ни многочисленныхъ историческихъ фактовъ, ни болѣе сложныхъ событій. Однако въ Перу способъ употребленія веревокъ вполнѣ развился въ письмо, которое, благодаря сочетанію разноцвѣтныхъ шнурковъ (*quipos*), довольно точно выражаетъ факты и нѣкоторыя понятія. Колѣнчатые бамбуки, связанные другъ съ другомъ веревками, положили начало тѣмъ причудливымъ знакамъ китайскаго письма, изобрѣтеніе котораго относится ко времени царствованія императора Фу-Хи. Татарскіе военачальники, до принятія татарами уйгурскаго алфавита (сирійскаго происхожденія), разсылали свои приказы, пользуясь для этого *Кхе-Му* т. е. палками, со сдѣланными на нихъ нарѣзами. Германскія племена, познакомившись съ латинскимъ алфавитомъ, назвали буквы—*Buch-Staben* (палки), такъ какъ испещренные извѣстными знаками большіе шесты служили у нихъ средствомъ для обмѣна мыслей; подобное же этому выраженіе — *bok-stafiv* означаетъ теперь въ Скандинавіи палочки съ таинственными знаками. У Тацита встрѣчается разсказъ о испещренныхъ разными надписями вѣтвяхъ фруктовыхъ деревьевъ, употреблявшихся при гаданіяхъ.

ИЗЪ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЖИЗНИ.



Сцена на Невскомъ проспектѣ, у конторы Ѳ. П. Баймакова въ день банкроства. (Рисовалъ съ натуры В. Шпакъ).

Изображеніе въ картинахъ тѣхъ или другихъ фактовъ вело къ большей наглядности; оттого большинство народовъ, одаренныхъ даже весьма слабыми художественными способностями, охотно прибѣгало къ этому способу, положившему начало собственно письму. У весьма многихъ дикихъ и полудикихъ народовъ почти всегда находили подобное картинное письмо изображавшее, съ большею или меньшею правильностью, множество предметовъ. Этодъ методъ нельзя назвать плодомъ подражательнаго инстинкта, свойственнаго человѣку; онъ прямо служилъ цѣлью для увѣковѣченія воспоминанія объ извѣстныхъ историческихъ фактахъ и добытыхъ понятіяхъ. Ста лѣтъ не прошло съ тѣхъ поръ, какъ американскіе индѣйцы перестали описывать свои военныя экспедиціи, охоту, рыбныя ловли и всякаго рода отважныя путешествія въ картинахъ. Этимъ путемъ краснокожіе, въ довольно безобразныхъ картинахъ, сохраняли свои знанія: миѳологію, медицинскія свѣдѣнія и извѣстнаго рода заклинанія; этимъ же путемъ у нихъ разсылались, по разнымъ сосѣднимъ племенамъ, распоряженія и поддерживались сношенія съ союзниками и врагами. Рисунки, образчики которыхъ можно найдти въ спеціальныхъ описаніяхъ, поразительнымъ образомъ похожи на маранье дѣтей.

На этой ступени начальное письмо совершенствуется съ развитіемъ искусствъ; при чемъ тѣ племена, которыя не были знакомы съ инымъ письмомъ, не подвинулись далѣе подражанія формамъ. Однако, нѣкоторые народы достигли довольно значительной степени искусства и ловкости и въ этомъ идеографическомъ родѣ живописи. Такъ, между различными племенами Сѣв Америки, мексиканцы владѣли истиннымъ искусствомъ и въ концѣ XV вѣка достигли замѣчательнаго умѣнья пользоваться идеографическими знаками, т. е. изображать добытыя понятія въ картинахъ.

Въ 1519 г., въ день Св. Пасхи, Фердинандъ Кортецъ завелъ переговоры съ посланнымъ мексиканскаго государя; посланный явился въ сопровожденіи многихъ туземцевъ, которые стали усердно рисовать кистями на бумажныхъ и агавовыхъ лентахъ все, что поражало ихъ, какъ-то: корабли, вооруженныхъ солдатъ, лошадей и т. п. По этимъ бѣлымъ эскизамъ мексиканскіе художники составили картины, вызывавшія невольное удивленіе испанскаго авантюриста; когда ихъ спросили, съ какою цѣлью они рисуютъ свои картины, туземцы отвѣчали, что они пошлютъ эти картины своему королю Монтезумѣ; испанцы были еще болѣе удивлены, когда увидали въ картинахъ вѣрное изображеніе маневровъ, кораблей съ пушечною пальбою, произведенныхъ съ цѣлью удивить мексиканцевъ.

Не всѣ однако народы, изображающія свои понятія въ картинахъ, достигли такого совершенства въ идеографической живописи. Передавать съ большой точностью тѣ или другіе предметы, изъ дѣйствительной жизни, вырисовывая детали ихъ, было затруднительно для многихъ народовъ; но такъ какъ подобные рисунки должны были дѣйствовать на зрителя и помогать его памяти, то у большинства эскизы рисовались весьма просто, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ состояли только изъ нѣсколькихъ, существенно необходимыхъ линій. Въ идеографическомъ письмѣ имѣли мѣсто: метафоры, метонимія, и т. п.; часть изображалась вмѣсто цѣлаго и наоборотъ, орудіе—вмѣсто совершаемой ими работы и т. д.

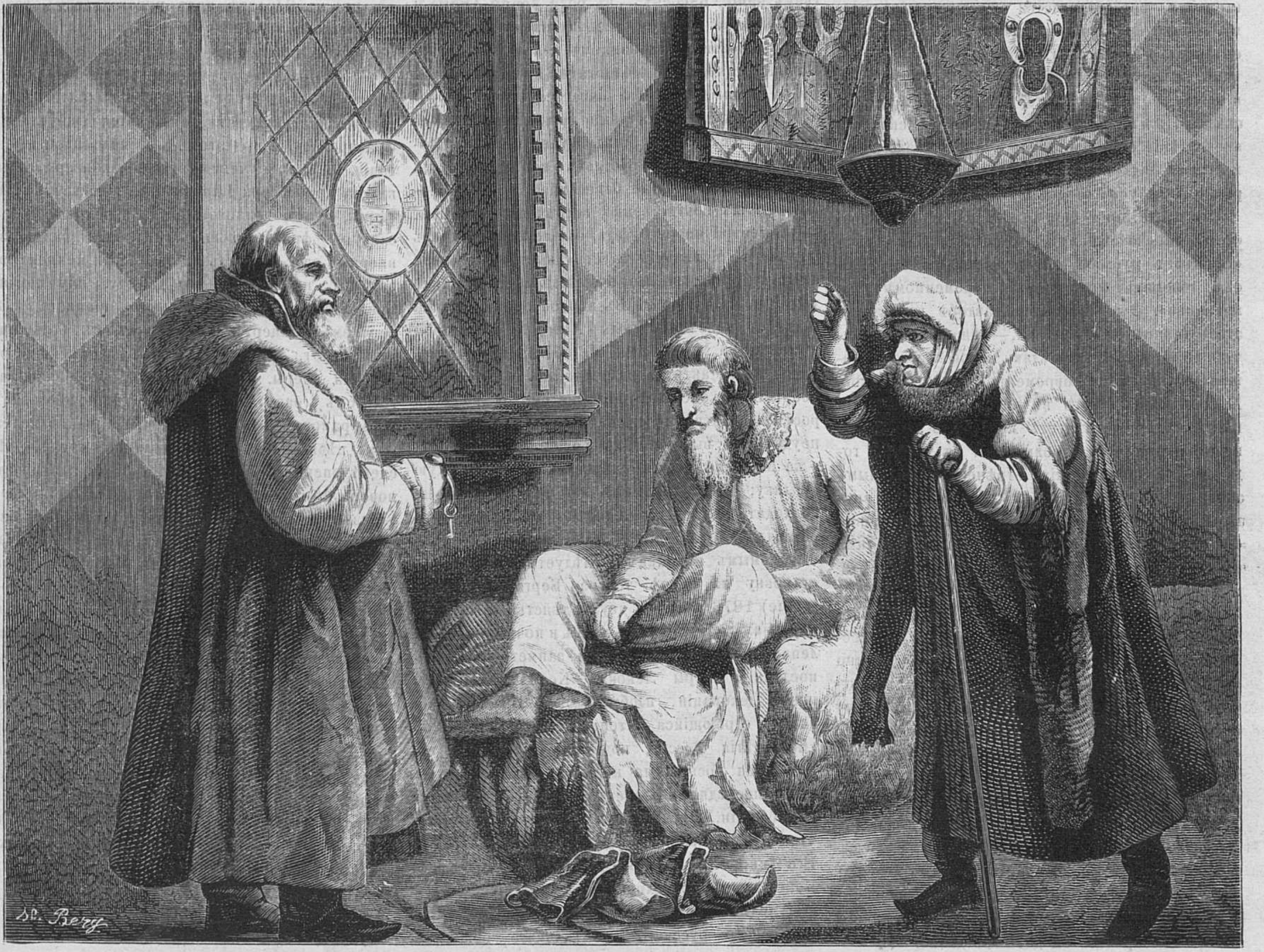
(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Критика и библіографія.

Отечественныя записки № 11. „Лихія болѣсти“, романъ П. Боборыкина.—„День прошелъ и слава Богу“, Н. Щедрина. — „Бесѣда о русской словесности“, А. Скабичевскаго. — „Бродячая Русь“, С. Максимова.

Пьеръ Боборыкинъ въ своемъ новомъ романѣ старается разыграть изъ себя роль психолога, которая однако ему совсѣмъ не дается. Начать съ того, что въ своемъ романѣ «Лихія болѣсти» г. Боборыкинъ пережевываетъ старую тему о «лишнихъ» людяхъ. Читатель, быть можетъ, подумаетъ что въ романѣ г. Боборыкина можно почерпнуть объясненіе, почему, напр., «лишніе» люди возможны у насъ еще и теперь, когда и пр.? Никакого подобнаго объясненія вы, читатель, не найдете, а лишь въ сотый разъ будете перечитывать то, что давно уже хорошо извѣстно всѣмъ и каждому. Герой романа «Лихія болѣсти», Мещериновъ,— одинъ изъ тѣхъ нравственно больныхъ людей, которые всю жизнь гоняются за какимъ-то дѣломъ, но котораго они не могутъ найти, несмотря на бѣшенныя поиски, и, въ концѣ-концовъ, снѣдаемыя своею собственною пустотой, сходятъ со сцены. Мещериновъ былъ уже одинъ разъ женатъ, но развелся съ Мартелью, причемъ эта женщина сама захотѣла развода, думая почему-то, что другая женщина воскреситъ этотъ трупъ, вызоветъ его къ новой жизни. Но, какъ оказывается и эта другая—не въ состояніи оживить больного, который, разочаровавшись въ своей новой подругѣ жизни, приходитъ наконецъ къ убѣжденію въ необходимости развестись и съ Идою Николаевною. Неудавшаяся жизнь, силы потраченныя въ борьбѣ съ окружающею средою,—все это сваливается, конечно, на самую жизнь, на другихъ людей, виновныхъ, яко-бы, въ тѣхъ неудачахъ, которые подъѣдаютъ въ корень существованіе «лишнихъ» людей, и выбрасываютъ ихъ за бортъ житейскаго корабля. Эту старую, довольно заѣзжанную мысль и проводитъ авторъ въ своемъ новомъ романѣ. Можно было бы подумать что нашъ «модный» романистъ,—какъ принято называть г. Боборыкина,—покажетъ въ своемъ герое новый своеобразный родъ лишнихъ людей, воспитанныхъ на почвѣ нашей, за послѣднія 10—15 лѣтъ, обновленной жизни. Но такое предположеніе оказывается неумѣстнымъ. Кромѣ старья, приправленнаго намеками на современность, да нѣсколькихъ сценъ, написанныхъ, правда, довольно удачно, въ романѣ «Лихія болѣсти» — новаго нѣтъ ничего. Откуда, зачѣмъ и почему продолжаютъ по старому мозолить свѣтъ «лишнія» люди—изъ новаго творенія г. Боборыкина, уразумѣть невозможно.

Въ ноябрьской же книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» помѣщена новая сатира Н. Щедрина: «День прошелъ и славу Богу», въ которой авторъ является такимъ же юмористомъ, какъ и въ извѣстныхъ «Губернскихъ очеркахъ» и «Благонамѣренныхъ рѣчахъ» Особенности этого юмора весьма удачно опредѣлены въ критической статьѣ Н. Языкова «Горькій смѣхъ, не легкій смѣхъ», помѣщенной въ журналѣ «Дѣло». «Смѣхъ г. Щедрина—говоритъ авторъ статьи—смѣхъ безпредметный и безцѣльный; онъ (т. е. Щедринъ) пишетъ разсказы, обличаетъ неправду и смѣшитъ читателя единственно потому, что умѣетъ писать легко и игриво, обладаетъ огромнымъ запасомъ диковинныхъ матеріаловъ и очень любитъ потѣшаться надъ этими диковинами вмѣстѣ съ читателемъ. Вслѣдствіе этихъ свойствъ автора, его произведенія въ высшей степени безвредны, для чтенія пріятны и, съ гигіенической точки зрѣнія, даже полезны, потому что смѣхъ помогаетъ пищеваренію, тѣмъ болѣе, что къ смѣху г. Щедрина, поразительно дѣйствующему на читателя, вовсе не примѣшиваются тѣ грустныя и серьезныя ноты, которыя слышатся въ глубоко прочувствованномъ смѣхѣ Диккенса, Теккерея, Гоголя, Гейне и всѣхъ дѣйствительно замѣчательныхъ юмористовъ».— Въ новой сатирѣ г. Щедрина проглядываетъ все тотъ же гигіеническій смѣхъ, не смотря на то, что онъ касается весьма грустнаго явленія,—пустоты жизни русскаго человѣка, пустоты, среди которой онъ убиваетъ все свое время. Повидимому, это печальное явленіе должно было бы оставить въ душѣ читателя глубоко-грустное впечатлѣніе; но не то выносится послѣ прочтенія сатирическаго разсказа г. Щедрина. Читатель посмѣется вмѣстѣ съ авторомъ надъ время—убиваніемъ современнаго человѣка, но въ душѣ его не закопошится никакихъ неотвязчивыхъ мыслей. Правда, у г. Щедрина, не въ примѣръ г. Боборыкину, мы видимъ желаніе объяснить причины такого грустнаго явленія, но съ объясненіемъ этимъ, смотря по вкусу, можно соглашаться и не соглашаться. Для доказательства, приводимъ небольшой разговоръ между Глумовымъ и Поликсеной Ивановной, въ которомъ сатирикъ объясняетъ причины нашего грустнаго время-провожденія.



Мамушка Іоанна Грознаго. Рисунокъ Шварца. Гравировалъ А. Шлипперъ.

— Смѣетесь вы надъ простотой, явное дѣло смѣетесь (говоритъ Поликсена Ивановна).

— Смѣхъ—это форма, а въ сущность я вникнуть прошу. Хорошо и благородно болѣть сердцемъ, какъ вы болѣете, да вѣдь и способность разсуждать не Богъ знаетъ какъ провинитесь, чтобы ее въ ссылку ссылать. Не станете-же вы, подобно вашему духовнику, отцу Арсенію, утверждать: чувство первѣе всего, а умъ, яко слуга, и на запяткахъ постоять можетъ.

— Это вы на счетъ «идей» что-ли? Зачѣмъ ихъ въ ссылку ссылать—Божьи вѣдь и онѣ? Только не ко двору онѣ у насъ, это я вѣрное слово вамъ говорю. Не бодрость онѣ придаютъ, а еще болѣе въ уныніе вводятъ. Примѣръ-то у меня на глазахъ. Нѣтъ, нѣтъ, да и заскучаетъ мой Павелъ Ермолаевичъ. Не любо съ идеями-то въ департаментъ ходить, а приходится.

— Приходится—вотъ это такъ, это вы правильно сказали. Я и самъ нынче этой вѣры сталъ, хотя все еще отъ старой привычки отдѣлаться не могу.... А вы мнѣ лучше вотъ, что скажите: почему у насъ всякое бѣдствіе, словно шабашъ какой-то въ россійскихъ сердцахъ производитъ? Вся мразь, все отпѣтое вдругъ оживаетъ и, пользуясь симъ случаемъ, принимается старые счеты сводить. О здравомъ смыслѣ, о свободѣ сужденія—нѣтъ и въ поминѣ. На всѣхъ языкахъ угроза, во всѣхъ взглядахъ—намѣреніе горло перекусить.... Булгаринъ изъ гроба всталъ: на потомковъ, говоритъ, полюбоваться пришелъ! Какъ вы полагаете, не позорно при этомъ «воскресеніи мертвыхъ» присутствовать?

— Да не преувеличиваете-ли вы?

— Нисколько не преувеличиваю, и говорю прямо: всякое бѣдствіе застаетъ наши лучшія силы въ расплохъ и дѣлается поводомъ для возбужденія какихъ-то непонятныхъ старыхъ счетовъ. И что всего ужаснѣе: люди, вполнѣ хорошіе, до того теряются при этомъ, что сами себя головой выдать готовы. Иной прямо говоритъ: виноваты, другой вторитъ въ тонѣ господамъ ташкенцамъ или хоронится.... Да-съ, не вымерли еще господа ташкентцы и долго не вымрутъ!

На сколько вѣрно подобное объясненіе, повторяемъ, предоставляется соглашаться каждому. Нельзя при этомъ не замѣтить, что въ своемъ новомъ разсказѣ г. Щедринъ остается все тѣмъ же глубокимъ наблюдателемъ, какимъ былъ и всегда, не смотря на то, что его сатира, какъ сказано, не производитъ на читателя сильнаго впечатлѣнія и не заставляетъ его глубоко задумываться надъ тѣми грустными явленіями, которыя онъ бичуетъ въ своихъ сатирахъ.

Отъ г. Щедрина переходимъ къ г. Скабичевскому, напечатавшему въ «Отечеств. Зап.» свои «Бесѣды о русской словесности», въ которыхъ онъ говоритъ о «нашемъ современномъ безвременьи». Это безвременье авторъ характеризуетъ такимъ образомъ: «Я,—пишетъ г. Скабичевскій,—вполнѣ раздѣляю недовольство большинства общества современной беллетристикой. Если и существуетъ въ литературѣ два—три имени, которыя слѣдуетъ исключить изъ этого недовольства; если и появляется въ теченіи года два-три произведенія, отмѣченныя сильнымъ талантомъ и обращающія на себя всеобщее вниманіе, то подобныя явленія представляются словно оазисами въ дикой пустынѣ. Они остаются сами по себѣ, а пустыня сама тоже по себѣ и, главное дѣло, продолжаетъ пребывать все той же безплодной пустыней». Принимаясь объяснять такое печальное положеніе русской словесности, г. Скабичевскій начинаетъ пространно говорить о существующихъ естетическихъ доктринахъ, противныхъ естественному инстинкту общества, но затѣмъ приходитъ къ сознанію, что современное безвременье объясняется не этими доктринами, а чѣмъ-то другимъ, но чѣмъ—г. Скабичевскій пока еще ничего не говоритъ. Мы же думаемъ, что относясь такъ легко къ доктринамъ, ему едва ли удастся подъискать надлежащее объявленіе разсматриваемому имъ явленію. Не можемъ не упомянуть только, что, говоря объ искусствѣ, г. Скабичевскій не сказалъ ничего, чего не говорилось бы давнымъ давно.

«Бродячая Русь» г. Максимова представляла бы громадный интересъ, если бы авторъ не растягивалъ своихъ статей ненужнымъ упоминаніемъ такихъ мелочей, которыя являясь въ статьяхъ излишнимъ балластомъ, только утомляютъ читателя. Этотъ недостатокъ прекрасныхъ статей, выкупается впрочемъ ихъ внутреннимъ содержаніемъ, поэтому статья г. Максимова можетъ быть прочитана всякимъ съ глубокимъ интересомъ.

Музыкальныя замѣтки.

Не смотря на тревожное время, порождаемое съ одной стороны неизвѣстностью исхода возникшихъ политическихъ затрудненій, съ другой — банковыми «крахами», петербургская публика продолжаетъ усердно заниматься музыкою и, что называется, «веселится отъ души». Спросъ—вызываетъ предложеніе, и эта истина находитъ блистательное приложеніе на нашемъ веселящемся Петербургѣ. Каждая недѣля наступившаго разгара музыкально-театральнаго сезона, приноситъ рядъ новинокъ, за которыми едва успѣваешь слѣдить. Откладывая, на время, нашу бесѣду о драматическихъ театрахъ, мы подѣлимся здѣсь съ читателями, музыкальными новостями, за истекшую недѣлю. Прежде всего, въ нашихъ замѣткахъ, мы должны упомянуть о бенефисѣ даровитаго артиста О. А. Петрова, поставившаго въ среду, 15-го декабря, на сценѣ Маріинскаго театра, оперу Даргомыжскаго «Каменный гость». Насколько намъ помниться, эта опера, появилась впервые въ 1869 году, а за тѣмъ послѣ нѣсколькихъ представленій сошла со сцены. Теперь «Каменный гость» не имѣлъ большаго успѣха, тѣмъ болѣе, что новыя исполнительницы ролей (какъ напр., Клебекъ — въ роли Донны-Анны) и Скальковская—Лауры) весьма сильно уступаютъ прежнимъ исполнительницамъ, какою была, напр, г-жа Платонова, такъ блистательно исполнявшая роль Донны-Анны. Что касается мужскихъ ролей, то какъ и въ первыя представленія «Каменнаго гостя», роль Донъ-Жуана игралъ г. Комисаржевскій, а г. Петровъ исполнялъ роль Лепорелло. Почтенный бенефиціанъ, по обыкновенію, былъ сочувственно встрѣченъ публикою. —Въ театрѣ опера-Буффъ, въ опереткахъ «Дочь рынка» и «Маленькій Фаустъ» выступила новая актриса, г-жа Минелли, о пріѣздѣ которой давно уже сообщали газеты. Въ первой опереткѣ г-жа Минелли исполняла роль Анго, а во второй пѣла партію Маргариты. На обоихъ представленіяхъ, новая актриса разочаровала присяжныхъ посѣтителей оперы Буффъ, не смотря на свой ростъ и плотное сложеніе. Нужно удивляться неудачному выбору тѣхъ ролей, въ которыхъ г-жа Минелли думала очаровать петербургскую публику; обѣ избранныя ею роли, далеко не подходятъ къ ней по ея годамъ, такъ какъ г-жа Минелли уже не первой молодости. — Къ скоро ожидаемымъ новинкамъ, слѣдуетъ отнести постановку на сценѣ театра Берга, обозрѣнія (revue) 1876 года, въ двухъ дѣйствіяхъ и 8-ми картинахъ: «Петербургъ днемъ и ночью», составленное г. Жоржемъ. Музыка заимствована изъ послѣдней оперы Лекока «Kosiki»; заказаны новыя декораціи, изображающія Невскій проспектъ, строющійся Литейный мостъ, памятникъ тысячелѣтія Россіи, подводное царство и пр. Готовятся роскошныя костюмы.—Наконецъ, въ числѣ послѣднихъ новостей, нельзя не упомянуть о сообщеніи, напечатанномъ въ «Правит. Вѣстн.», что Э. Ф. Направникъ удостоился получить отъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича слѣдующій рескриптъ: «Эдуардъ Францовичъ. Главная дирекція императорскаго русскаго музыкальнаго общества, согласно заключенію коммисіи, избранной для обсужденія достоинства сочиненій, представленныхъ на конкурсъ по отдѣлу камерной музыки, признала достойнымъ преміи въ двѣсти пятьдесятъ рублей тріо съ девизомъ: «Богъ Троицу любитъ». По вскрытіи конверта, подъ симъ девизомъ оказалось, что сочиненіе это принадлежитъ вамъ. Съ особымъ удовольствіемъ поздравляю васъ съ симъ новымъ успѣхомъ, свидѣтельствующимъ о высокомъ музыкальномъ дарованіи вашемъ на поприщѣ сочинительства. Отъ всей души желаю, чтобъ и на этомъ поприщѣ вы стяжали славу, какую, безспорно, пріобрѣли искуснымъ управленіемъ оркестромъ русской оперы. На подлинномъ подписано: «Константинъ»

Переходя за тѣмъ къ обзору музыкальныхъ новинокъ въ Москвѣ, прежде всего должно упомянуть о симфоническихъ вечерахъ, русскаго музыкальнаго общества, дающаго концертъ еженедѣльно по пятницамъ. Въ эти дни, по словамъ корреспондента «Голоса», Москва рѣшительно приступомъ беретъ подъѣздъ благороднаго собранія (гдѣ устраиваются концерты) и всякій, кто даже за полчаса до начала концерта войдетъ въ залы, не видитъ уже свободнаго мѣста и обреченъ два—три часа простоять на ногахъ. Музыкальное общество своимъ серьезнымъ отношеніемъ къ дѣлу въ теченіи десяти лѣтъ успѣло воспитать въ огромной части московскаго общества эстетическое музыкальное чувство и какую-то страстную любовь къ классической музыкѣ. Этимъ и объясняется успѣхъ концертовъ музыкальнаго общества. На послѣднихъ вечерахъ, изъ солистовъ особенное вниманіе обращали на себя гг. Шпаковскій и Галли—оба весьма крупные артисты. Г. Шпаковскій, младшій профессоръ московской консерваторіи, развилъ свой талантъ въ Берлинѣ подъ руководствомъ ветерана фортепьянной игры, Ѳедора Куллака. Исполненный имъ на одномъ изъ симфоническихъ вечеровъ извѣстный концертъ (Es-dur) Листа обличилъ въ немъ опытнаго музыканта. Игра его, полная изящества, отличается тщательною фразировкою и при этомъ лишена всякой афектаціи. Г. Галли—ученикъ здѣшней консерваторіи, класса профессора Клиндворта, поражаетъ блескомъ, силою, полнотою звука и неменѣе осмысленною фразировкою. Этотъ юный виртуозъ впервые еще вступилъ на подмостки концертной эстрады, и, судя по его дебюту, ему можно предсказать видную карьеру піаниста. Въ третьемъ концертѣ участвовалъ съ большимъ успѣхомъ г. Абрамовъ, бывшій пѣвецъ кіевской русской оперы. Съ своимъ сочнымъ, свѣжимъ голосомъ (басъ) и толковою манерою пѣть, г. Абрамовъ могъ бы быть чрезвычайно полезнымъ пѣвцомъ на любой столичной сценѣ.—На сценѣ опернаго театра въ Москвѣ, былъ отпразднованъ 26-го ноября сорокалѣтній юбилей оперы «Жизнь за царя». Но опера прошла довольно нескладно, начиная съ солистовъ и кончая оркестромъ. — Въ прощальный бенефисъ Патти, шла старинная итальянская опера Кампана — «Эсмеральда»; но не смотря на это «чарующая дива» была восторженно принята публикою. Этотъ бенефисъ доставилъ «царицѣ пѣнія» множество сувенировъ въ родѣ десяти тысячнаго сбора, золотого медальона и бриліантовыхъ серегъ, не говоря уже о букетахъ, цвѣтахъ, вѣнкахъ и пр. — Къ числу ожидаемыхъ новинокъ Москвы, слѣдуетъ отнести сообщеніе «Музыкал. Свѣта» о томъ, что въ театрѣ Солодовникова предполагается съ будущаго января мѣсяца открыть рядъ оперныхъ спектаклей, участіе въ которыхъ главнымъ образомъ примутъ ученики московской консерваторіи.

Новости наукъ и жизни.

Желѣзныя дороги земного шара.—Общество анатомируемыхъ и обезглавливаемыхъ.

— Въ вышедшей на дняхъ книжкѣ «Journal des economistes» напечатана весьма интересная статья о желѣзныхъ дорогахъ земного шара, изъ которой мы заимствуемъ нижеслѣдующія статическія данныя. Длина всѣхъ рельсовыхъ путей нашей планеты составляетъ 301, 056 километровъ (километръ почти равенъ верстѣ), которые по частямъ свѣта распредѣляются такимъ образомъ: Европа имѣетъ 140, 558 кил., Азія — 11, 102 кил., Австралія—3,489 кил., Африка 2, 409 кил., Сѣверная Америка—136, 687 и, наконецъ, Южная Америка—6,841 кил. Эти общія цифры выведены изъ предварительнаго и притомъ весьма обстоятельнаго очерка положенія желѣзныхъ дорогъ въ разныхъ государствахъ всѣхъ частей свѣта. Общая сумма стоимости постройки желѣзныхъ дорогъ и средняя стоимость одного километра представляется для разныхъ государствъ въ далеко-неодинаковомъ видѣ. Такъ, *Великобританія съ Ирландіей* обладаютъ сѣтью въ 26, 318 кил., которые стоили ей 15.248.748.000 франк., что составляетъ около 580,000 фр. на километръ. Валовой ежегодный доходъ ихъ возросъ до $49^1/_2$ мил. фунт. стерл., а чистый составлялъ болѣе $26^1/_2$ мил. фун. стерлинговъ. Во *Франціи*, къ 3 сентября нынѣшняго года эксплуатировалось 22, 337 кил. желѣзныхъ дорогъ, стоимость которыхъ доходитъ до 10.178.000,000 фр., что составляетъ среднимъ числомъ 461,000 фр. на километръ, доходъ съ котораго въ 1875 году дошелъ до 43,302 фр., что равняется общей суммѣ дохода въ $839^1/_2$ мил. франк.—Длина сѣти желѣзныхъ дорогъ въ *Россіи* доходитъ почти до 19,431 кил., стоимостью въ 4.770,000,000 фр. или около 245,000 фр. километръ. Авторъ статьи отдаетъ полную справедливость энергіи, съ какою проводились наши дороги, и утверждаетъ, что въ этомъ случаѣ впереди насъ могутъ быть поставлены только англичане.—*Германія* заключаетъ въ своихъ предѣлахъ 27,956 кил. желѣзныхъ дорогъ, цѣнность которыхъ равняется 8,797,000,000 франк. — На долю *Австро-Венгріи* приходится 16,228 кил. (около 3,000 въ постройкѣ), представляющихъ собою цѣнность въ 5,647.000,000 франковъ.—Въ *Италіи* проведено 7,521 кил. желѣзныхъ путей, а въ *Турціи*, вмѣстѣ съ Азіятскою, всего только 1,375 километровъ.

— Подъ эфектнымъ названіемъ «Association des Disséqués et des Décapités» (Общество анатомируемыхъ и обезглавливаемыхъ), въ Парижѣ образовалось общество, преслѣдующее научную цѣль. Извлекаемъ изъ устава его слѣдующее: «Умственная будущность человѣчества зависитъ отъ точнаго знакомства съ отправленіями мозга. Но особенно важно ознакомиться со спеціальными отправленіями отдѣльныхъ частей мозга. Желательныя въ этомъ отношеніи изслѣдованія преимущественно должны быть дѣлаемы надъ образованными и пользующимися нѣкоторою извѣстностью лицами, т. е. надъ учоными, писателями, политиками, представителями промышленности и проч. Вотъ почему необходимо приложить всевозможныя старанія, чтобъ сдѣлать всеобщимъ вскрытіе труповъ какъ въ госпиталяхъ, такъ и въ семействахъ. Особенно семействамъ необходимо вручать всякій разъ протоколъ вскрытія труповъ и протоколы эти должны храниться для предъявленія врачамъ, въ случаѣ болѣзни того или другого потомка. Всѣ члены общества постановляютъ, поэтому, что послѣ ихъ смерти тѣло ихъ подлежитъ вскрытію и передаютъ лицамъ, пользующимся ихъ полнымъ довѣріемъ, предсмертное распоряженіе слѣдующаго содержанія: «Я нижеподписавшійся, желаю и требую изслѣдованія моего трупа для того, чтобъ отысканіе органическихъ недостатковъ или наслѣдственныхъ болѣзней, къ которому вскрытіе можетъ привести, доставило возможность предотвратить развитіе этихъ недостатковъ и болѣзней въ моихъ потомкахъ. Сверхъ того, я желаю, чтобъ тѣло мое послужило наукѣ и потому завѣщеваю трупъ мой, особенно мозгъ и черепъ, антропологической лабораторіи, гдѣ онъ имѣетъ быть употребленъ въ дѣло, какъ это будетъ признано за нужное, безъ предоставленія кому бы ни было права задерживать исполненіе этихъ постановленій, составляющихъ выраженіе моей свободной воли». Учредители общества—разные знаменитые медики и учоные, въ томъ числѣ докторъ Бертильйонъ (первый антропологъ-статистикъ во Франція), археологъ де-Мортишэ, докторъ Топинаръ, докторъ Кудро, докторъ Коллино и др.

* * *

Со всего свѣта.

Сербія. Въ газетѣ «Српске Новине» обнародованъ княжескій указъ, которымъ объявляется, что министерство Ристича останется и на будущее время въ должности. Никола Христичъ предложилъ князю Милану условія на которыхъ онъ былъ-бы согласенъ принять на себя должность министра-президента: немедленное созваніе скупчины, представленіе ей обстоятельнаго очерка настоящаго положенія Сербіи и увеличеніе вновь содержанія должностнымъ лицамъ. Въ Бѣлградѣ все еще неизвѣстно, будетъ ли перемиріе продлено на 14 дней. Отъ генерала Игнатьева получена депеша, съ извѣщеніемъ, что турки не соглашаются на продленіе перемирія на какой бы то ни было срокъ. По сообщенію консульскихъ депешъ относительно конференціи, русскій посолъ дѣлаетъ послѣднюю попытку достигнуть окончательнаго рѣшенія по вопросу о перемиріи. Въ средѣ членовъ конференціи господствуетъ весьма напряженное настроеніе.

Франція. Въ Парижѣ развязка министерскаго кризиса вызвала чувства сильнаго облегченія и успокоенія. Всѣ слухи о распущеніи палаты и о возможности государственнаго переворота рушились. Появленіе г. Жюля Симона во главѣ кабинета удовлетворило и республиканцовъ, и консерваторовъ, которые, начали опасаться въ послѣднее время, что власть, пожалуй, попадетъ въ руки г. Леона Гамбетты и радикаловъ. Изъ «нединастическихъ» консервативныхъ группъ, одни только ультрамонтаны крайне недовольны исходомъ министеркаго кризиса. Въ новомъ кабинетѣ они не имѣютъ рѣшительно никакой поддержки. Г. Жюль Симонъ открыто объявляетъ себя свободнымъ мыслителемъ, а новый министръ юстиціи и вѣроисповѣданій, г. Мартель, далеко не отличается тѣми симпатіями къ католицизму, которыя питалъ г. Дюфоръ, одинъ изъ восьми или девяти «галиканцовъ», уцѣлѣвшихъ до нашего времени во Франціи. Ультрамонтаны хорошо понимаютъ, что при г. Жюлѣ Симонѣ дѣло ихъ окончательно проиграно. Они помнятъ, какъ онъ дѣйствовалъ при Тьерѣ въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія и исповѣданій. Разсыпаясь въ самыхъ утонченныхъ любезностяхъ передъ епископами, расточая имъ титулъ «монсиньйора», угождая имъ съ полною готовностью въ мелочахъ, онъ зорко слѣдилъ за ихъ дѣйствіями и энергически останавливалъ всякую попытку превышенія правъ, данныхъ французскому духовенству конкордатомъ и такъ называемыми «articles organiques», обязательность которыхъ ультрамонтаны упорно отказываются признавать на томъ основаніи, что они не подписаны уполномоченнымъ папы Пія VII-го, кардиналомъ Гонзальви. Съ такимъ главою министерства, ультрамонтанской партіи невозможно будетъ продолжать свой походъ, начатый не безъ успѣха мѣрами противъ «гражданскихъ» похоронъ.

Австрія. Въ послѣднее время Австрія серьезно занята военными приготовленіями. Съ этою цѣлью три корпуса, по 30,000 человѣкъ въ каждомъ, ставятся на военнопоходную ногу: первый будетъ стоять въ Трансильваніи и находиться подъ командою фельдмаршала-лейтенанта барона фон-Риндельсгейма; вторымъ корпусомъ, который будетъ выставленъ на Савѣ, будетъ командовать фельдмаршалъ-лейтенантъ Молинари; третьимъ, въ Далмаціи — фельдмаршалъ-лейтенантъ баронъ Родичъ. Начальникомъ главнаго штаба предполагается генералъ-майоръ Гуранъ. Сверхъ того, къ главной квартирѣ будетъ прикомандировать фельдмаршалъ-лейтенантъ Супдичъ (?). Перевозка обоихъ корпусовъ на Саву и въ Далмацію требуетъ самыхъ чрезвычайныхъ приготовленій; для одной дивизіи нужно не менѣе 9,000 (?) головъ вьючнаго скота, такъ какъ въ Босніи и Герцеговинѣ совсѣмъ нѣтъ (?) дорогъ, и потому военные снаряды и провіанты могутъ перевозиться только на вьючныхъ животныхъ.

* * *

Изъ Константинополя.

Въ послѣднее время турецкое правительство съ каждымъ днемъ выказываетъ все болѣе и болѣе военной дѣятельности, чтобъ, въ случаѣ безуспѣшности всѣхъ попытокъ поддержать миръ, быть готовымъ на самыя послѣднія крайности. Весь Стамбулъ запруженъ оружіемъ. Прибывающіе и отходящіе пароходы усѣяны войсками; на дворахъ казармъ, на всѣхъ площадяхъ, даже на старомъ мосту изъ Галаты въ Стамбулъ обучаются рекруты и маневрируютъ люди, вновь призванные на службу изъ резерва и милиціи. Спосъбъ маневрированія, пріемы и командныя слова довольно близко подходятъ къ прусскому образцу, особенно въ артиллеріи. Видъ этихъ маневровъ представляетъ съ разныхъ сторонъ большой интересъ: новобранцы чрезвычайно усердны и любознательны, но и начальники обращаются съ ними весьма любезно и снисходительно. Громкаго крика и брани, дружескихъ толчковъ и проч. не замѣчается, и, слѣдовательно, маневры происходятъ спокойно и довольно тихо. Мысль о сформированіи національной гвардіи изъ волонтеровъ снова одерживаетъ верхъ, повидимому, хотя и съ нѣкоторыми измѣненіями. Въ сераскеріатѣ принимаются теперь на службу молодые люди, обязывающіеся посвящать два или три часа въ день изученію пѣхотной службы. Въ провинціяхъ за дѣло взялись вали, а потому во всѣхъ значительныхъ мѣстностяхъ сформированы уже теперь отряды волонтеровъ. Замѣчательно при этомъ, что національная гвардія, не состоитъ исключительно изъ мохамеданъ: такъ, въ Драмѣ и Кантумѣ летучіе отряды сформированы на половину изъ христіанъ и евреевъ.—Всѣ эти военныя приготовленія неостанавливаютъ дѣятельности членовъ конференціи, которая представила уже Портѣ проэктъ реформъ; проэктъ этотъ заключаетъ въ себѣ слѣдующія положенія: а) Болгарія будетъ раздѣлена на двѣ провинціи. Меры избираются населеніемъ. Генералъ-губернаторъ будетъ располагать военными силами, достаточными для прекращенія злоупотребленій. Организація судовъ будетъ, главнымъ образомъ, предоставлена международной коммисіи. Иностранцы получатъ право быть избираемыми на должности судей, если коммисіею будетъ признано это необходимымъ. Портѣ будетъ выплачиваемо только $30^0/_0$ нынѣшнихъ налоговъ. Къ службѣ въ милиціи будетъ призываемъ только $1^0/_0$ населенія. Выраженіе: «иностранная оккупація» не было упомянуто въ проектѣ. Военная сила, назначенная для гарантированія выполненія реформъ, будетъ называться «жандармеріею» и будетъ состоять всего изъ 3-хъ или 4-хъ тысячъ иностранныхъ солдатъ. Мѣры, предложенныя для Герцеговины и Босніи, почти тождественны. Для Сербіи будетъ сохранено status quo, но съ тою лишь разницею, что пограничною линіею послужитъ Дрина и, такимъ образомъ, Малый Зворникъ отойдетъ къ Сербіи. Территорія Черногоріи будетъ значительно расширена,— она получитъ приморскіе порты.

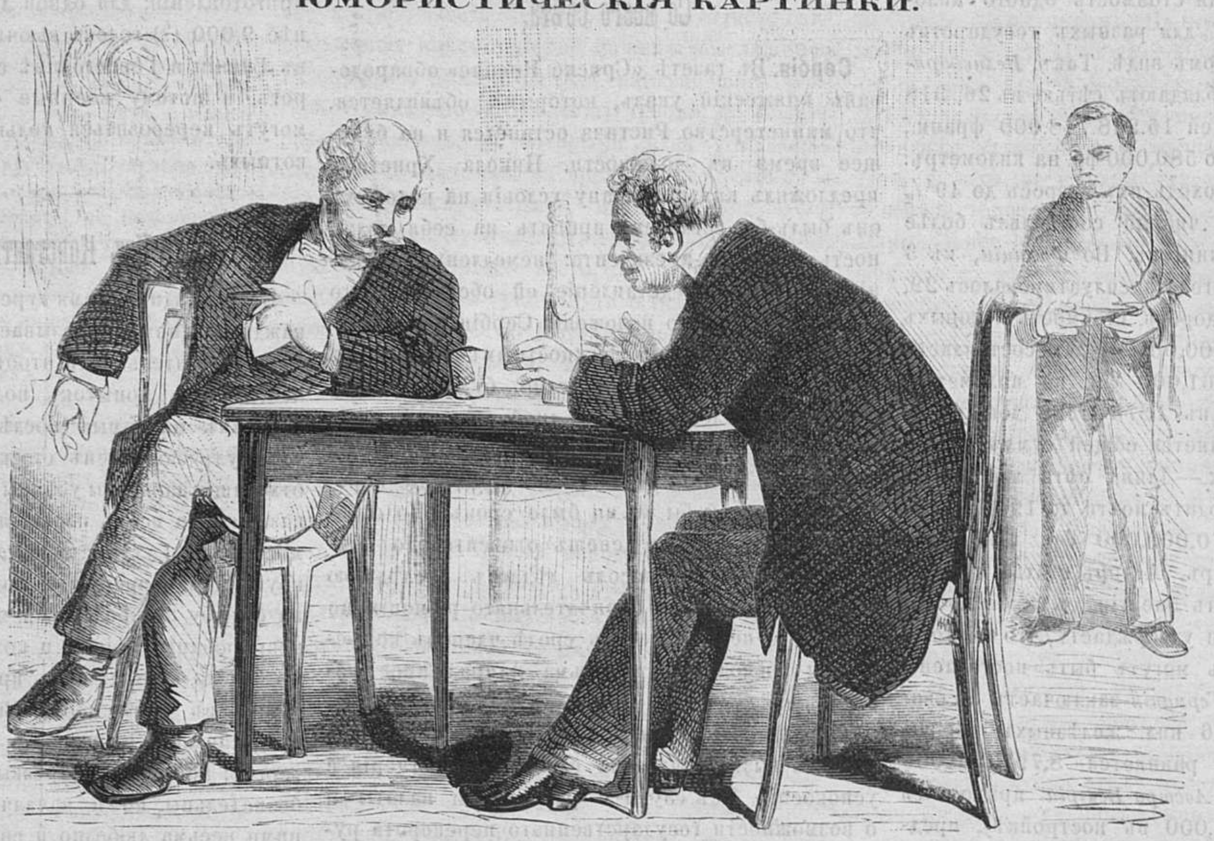
* * *

Наши гравюры.

Парусныя лыжи въ Сѣверной Америкѣ.

Рѣка Гудсонъ, какъ въ географическомъ, такъ и въ историческомъ отношеніяхъ, считается одною изъ замѣчательныхъ рѣкъ Соединен-

ЮМОРИСТИЧЕСКІЯ КАРТИНКИ.



Заботы о сыновьяхъ.

— Я, слыхалъ, что вы готовите вашего сына въ артисты? Но какіе?
— Да, признаться, я самъ еще хорошо не знаю; онъ отвратительно учится . . и вообще баклушничаетъ.
Поэтому я и думаю посвятить его искусству.
— На какомъ инструментѣ онъ играетъ?
— Правду говоря, лучше всего, на биллъярдѣ.
— Но все же и это знаніе; а вотъ мой, балбесъ, такъ даже и на биллъярдѣ проигрывается.

ныхъ Штатовъ. По этой рѣкѣ, Генрихъ Гудсонъ, по имени котораго она и названа, впервые проникъ въ глубь страны; на ней же Фультонъ показывалъ своимъ соотечественникамъ первый пароходъ. Ея берега между Нью-Іоркомъ и Албани чрезвычайно живописны; — правда ихъ не украшаютъ древніе замки, но тѣмъ не менѣе, по своей красотѣ они не уступаютъ берегамъ Рейна; кромѣ того имя рѣки связано со многими историческими воспоминаніями, напр. съ войною занезависимость и такими легендарными преданіями, какъ напрм., о Рипъ-Ванъ-Винклѣ (Rip-Wan-Winkl). Рѣка Гудсонъ представляетъ въ настоящее время одинъ изъ самыхъ оживленныхъ водяныхъ путей въ Сѣв. Америкѣ. Жители Мангаттана чрезвычайно любятъ кататься по ней; вслѣдствіе чего, во время лѣтней жары, желѣзная дорога до Албаны почти пустѣетъ, не смотря на то, что путешественники, ѣдущіе въ вагонѣ, могутъ любоваться тѣми же видами какіе представляются и съ парохода, такъ какъ желѣзный путь тянется вдоль рѣки. Но прохладная тѣнь пароходной палубы несравненно привлекательнѣе удушливаго воздуха вагона, вотъ почему лѣтомъ большинство предпочитаетъ ѣздить на пароходахъ. Съ наступленіемъ зимы, катанія по рѣкѣ прекращается, такъ какъ въ это время, р. Гудсонъ покрывается льдомъ. Но находчивые американцы, полюбившіе рѣку Гудсонъ, нашли возможнымъ не покидать ея и на это время; вслѣдствіе чего, съ наступленіемъ зимы по этой рѣкѣ въ разныхъ направленіяхъ носятся парусныя лыжи, подобныя тому, какія представлены на помѣщаемомъ рисункѣ. Эти лыжи, благодаря своему особенному устройству, а также — гладкой поверхности льда, двигаются съ такою скоростью, что перегоняетъ идущіе по берегу рѣки поѣзда желѣзной дороги. Въ городѣ Poughkeeps, между Нью-Іоркомъ и Албани, хозяева подобныхъ лыжъ устроили даже станціи, гдѣ любители этой оригинальной поѣздки находятъ все готовое. Самый видъ этихъ лыжъ чрезвычайно оригиналенъ и прекрасенъ; носясь же по льду съ быстротою вѣтра они напоминаютъ собою птица-великановъ.

Дурная книга. Рисунокъ М. Е. Андріоли.

Недобрыя мысли закопошились въ головѣ молодой дѣвушки, когда она, дойдя до интереснаго мѣста романа, невольно откинулась на спинку кушетки и схватилась руками за голову, которая горитъ, какъ въ огнѣ. Мысли одна неотвяжнѣе другой волнуютъ ее; точно какой-то невидимый злой духъ спустился надъ читающею и охватилъ ея мозгъ своими зловѣщими когтями. Тяжело дышится молодой груди, сердце бьется учащенно, и по всему тѣлу разлилась какая-то непонятная, до тѣхъ поръ неизвѣстная истома, которая и подавляетъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вызываетъ новыя желанія.... Дурная книга лежитъ на колѣняхъ замечтавшейся дѣвушки, которая при взглядѣ на раскрытыя страницы, всякій разъ все сильнѣе и сильнѣе поддается охватывающимъ ее чувствамъ. Въ прилагаемомъ рисункѣ г. Андріоли, какъ нельзя удачно, воспроизвелъ описанное нами.

Банкротство «Товарищ. на вѣрѣ Ѳ. П. Баймакова и К^0.»

3-го декабря утромъ на дверяхъ конторы Ѳ. П. Баймакова и К^0, на Невскомъ проспектѣ, появилось слѣдующее лаконическое объявленіе: «Контора товарищества закрыта по невозможности вести дѣла». Съ быстротою молніи это извѣстіе разнеслось по всему Петербургу и вскорѣ передъ подъѣздомъ конторы собралась громаднѣйшая толпа публики, прибѣжавшей убѣдиться лично въ потерѣ тѣхъ денегъ, которыя она такъ довѣрчиво отдала въ распоряженіе «солиднаго» товарищества. Какъ водится, явилась полиція и стала просить собравшихся разойтись; — но тутъ-то и начались тѣ потрясающія сцены, которыя лучше всякихъ словъ говорили, сколько людей было разорено такъ неожиданно обанкротившейся конторою. Въ толпѣ, собравшейся у подъѣзда, послышались рыданія, угрозы, крики: «насъ обокрали!», «отоприте контору!», «отдайте наши деньги»! Какъ бы въ отвѣтъ на эти восклицанія, у подъѣзда показались судьи коммерческаго суда и скрылись въ дверяхъ... Всѣ присутствующіе поняли, что г. Баймаковъ «банкротъ!»... На слѣдующій день стало уже извѣстнымъ, что фирма Баймакова объявлена несостоятельною, но какъ велика эта несостоятельность и до сихъ поръ еще положительно неизвѣстно: одни говорятъ, что банкротство простирается на нѣсколько милліоновъ, въ то время, какъ другіе утверждаютъ, будто разница между пассивомъ и активомъ Ѳ. П. Баймакова не болѣе 1,200,000.

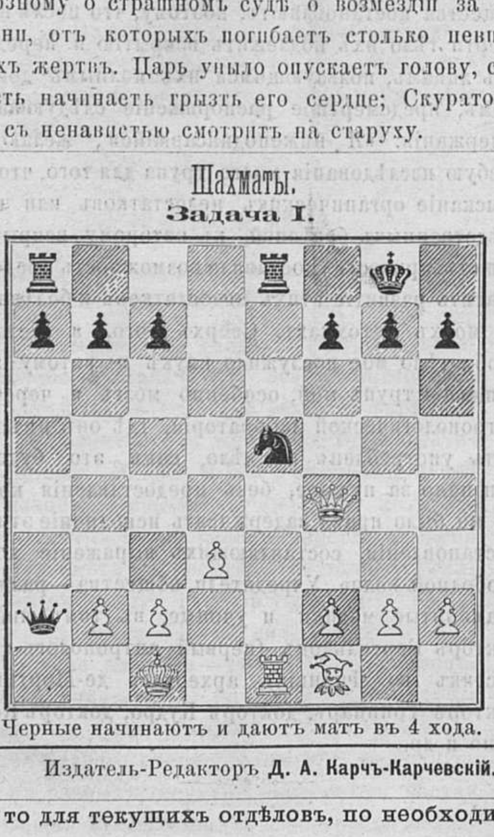
Помѣщаемый въ настоящемъ нумерѣ рисунокъ изображаетъ сцену передъ конторою Ѳ. П. Баймакова, въ тотъ моментъ, когда, вслѣдъ за пріѣхавшими членами суда, собравшаяся публика хлынула въ контору. Остальные, обобранные вкладчики, убѣдившись въ дѣйствительности происшествія, расходятся по домамъ. Вотъ, — бѣдная рыдающая старушонка, довѣрившая свои сбереженныя крохи, на которыя она думала прожить нѣсколько лѣтъ, не выпрашивая милости у другихъ, не попрошайничая.... Направо — какой-то, теперь очевидно разорившійся помѣщикъ, — офицеръ въ отставкѣ; его грозная физіономія, сильная жестикуляція лучше всякихъ словъ говорятъ, что и этотъ «бывалый человѣкъ», обобранъ Баймаковымъ до-чиста, до послѣдней копейки! Вотъ, наконецъ, какой-то купчикъ, бѣгущій въ контору спасать свои деньги, но спасать уже поздно!...

Мамушка Іоанна Грознаго. Рисунокъ Шварца.

Художникъ изображаетъ одну изъ сценъ извѣстнаго романа графа А. Толстаго «Князь Серебрянный». Царь Іоаннъ Грозный, окончивъ свои дневныя занятія, приходитъ въ опочивальню. Побесѣдовавъ съ совѣтникомъ Малютою Скуратовымъ, онъ раздѣвается, ложится на кровать и, передъ сномъ, выслушиваетъ послѣдній докладъ Скуратова, въ которомъ тотъ сообщаетъ Грозному о придуманныхъ казняхъ надъ новыми жертвами, сидящими въ тюрьмахъ за тремя замками, ключи отъ которыхъ находятся теперь у Скуратова въ рукахъ. Долго ведутъ между собою бесѣду эти кровожадные люди, когда вдругъ въ опочивальню вбѣгаетъ мамушка Грознаго, одѣтая въ шубку съ откидными рукавами и въ мѣховую шапку, держа въ рукахъ клюку. Узнавъ о новыхъ казняхъ надъ неповинными жертвами, она начинаетъ укорять Грознаго и ругать его страшнаго совѣтника Скуратова; напоминаетъ Грозному о страшномъ судѣ о возмездіи за тѣ казни, отъ которыхъ погибаетъ столько невинныхъ жертвъ. Царь уныло опускаетъ голову, совѣсть начинаетъ грызть его сердце; Скуратовъ же съ ненавистью смотритъ на старуху.

Шахматы.

Задача I.



Черные начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Такъ какъ настоящій нумеръ разсылается въ видѣ ПРОБНАГО нумера, то для текущихъ отдѣловъ, по необходимости, пришлось удѣлить небольшое мѣсто.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 23 декабря 1876 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 л., д. № 12.

Живописное Обозрѣніе

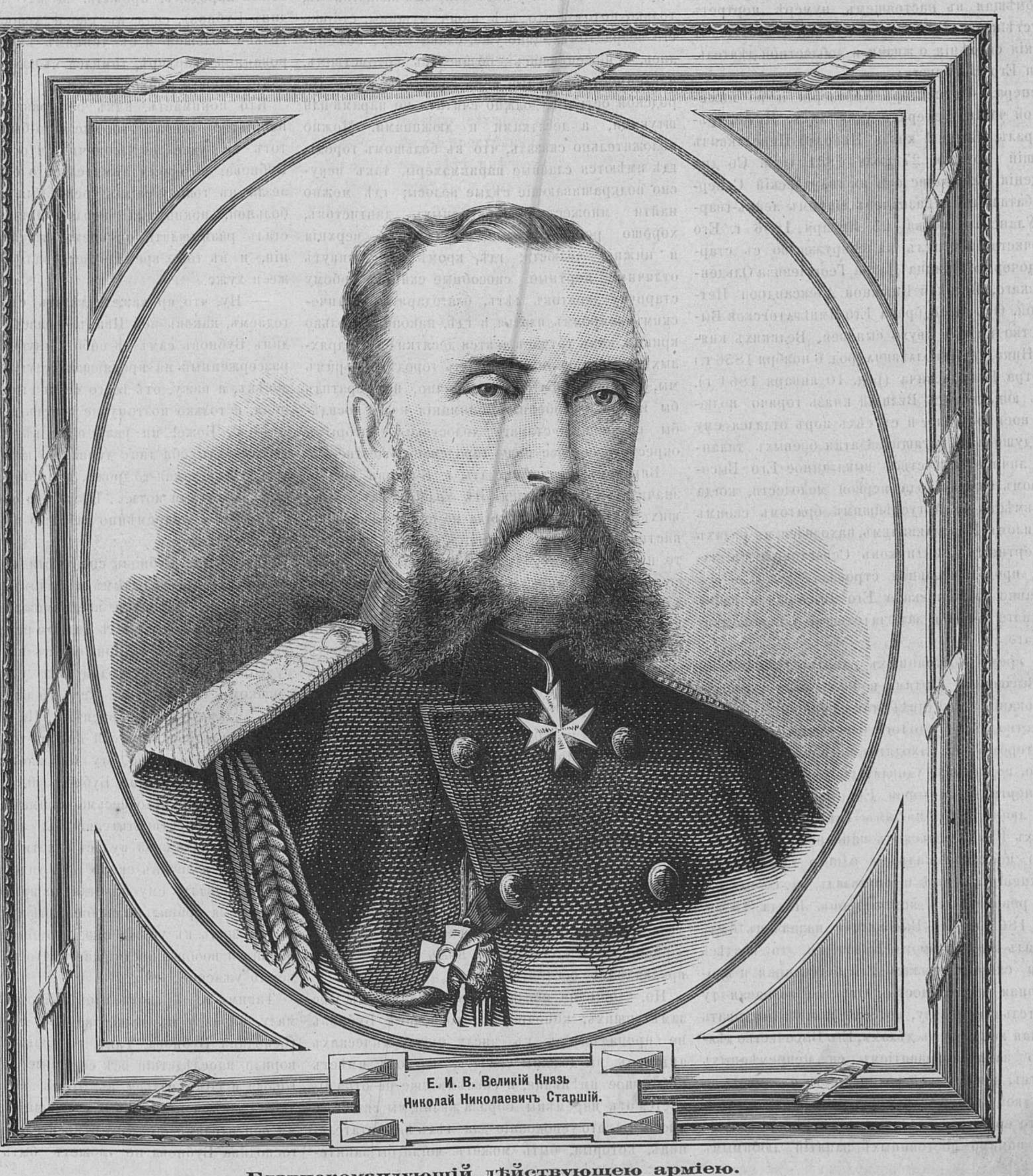
Гос. Публичная б-ка в Ленинграде

№ 1. На годъ съ доставкою и пересылкою 7 руб.; на полгода 4 р. 50 к. Отдѣльн. №№ по 15 к.

С.-Петербургъ, 2 Января 1877 года.

Адресъ конторы редакціи: С.П.-бургъ, Васильевскій островъ, 3-я линія, д. № 48.

Годъ V.



Е. И. В. Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій.

Главнокомандующій дѣйствующею арміею.

Его Императорское Высочество Великій князь Николай Николаевичъ старшій.

Назначеніе Его Императорскаго Высочества, Великаго князя Николая Николаевича старшаго, Главнокомандующимъ дѣйствующією арміею было встрѣчено всѣмъ русскимъ обществомъ съ громаднымъ сочувствіемъ. Высокія качества характера Его Высочества, прирожденныя способности полководца, громадная опытность въ военномъ дѣлѣ, извѣстныя всякому, кто имѣлъ честь, хотя не продолжительное время прослужить подъ Его начальствомъ и, наконецъ, прирожденная способность свободно управлять массами войскъ, необыкновенная вѣрность взгляда и память, дающая возможность быстро опредѣлять мѣсто маневрирующихъ частей — вотъ тѣ качества, которыя указали Его Высочеству достойное Ему мѣсто впереди нашей арміи. Въ настоящую пору взоры всей Россіи обращены на Августѣйшаго Главнокомандующаго, находящагося теперь въ средѣ той арміи, которая призвана принять участіе въ разрѣшеніи поднятыхъ вопросовъ, если дипломатіи не удастся исполнить высокія и гуманныя предначертанія нашего Монарха.

Помѣщая въ настоящемъ нумерѣ портретъ Августѣйшаго Главнокомандующаго, сообщаемъ краткія свѣдѣнія о жизни и доблестной дѣятельности Его Высочества.

Генералъ-Инспекторъ Кавалеріи и по инженерной части, Генералъ-Адъютантъ, Инженеръ-Генералъ, Великій князь Николай Николаевичъ старшій родился 27 іюля 1831 года. Со дня рожденія былъ зачисленъ въ гвардейскій Саперный баталіонъ и назначенъ шефомъ лейбъ-гвардіи Уланскаго полка. 25 Января 1856 г. Его Высочество вступилъ къ супружество съ старшей дочерью Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, Великой Княжной Александрой Петровной. Отъ этого брака Его Императорское Высочество имѣетъ двухъ сыновей, Великихъ князей: Николая Николаевича (род. 6 ноября 1856 г.) и Петра Николаевича (род. 10 января 1864 г).

Съ юныхъ лѣтъ Великій князь горячо полюбилъ военное дѣло, и съ тѣхъ поръ отдался ему всей душою. Блестящіе задатки боевыхъ талантовъ, личное мужество, выказанное Его Высочествомъ еше въ года первой молодости, когда Онъ, вмѣстѣ съ Августѣйшимъ братомъ своимъ Михаиломъ Николаевичемъ, находился въ рядахъ безсмертныхъ защитниковъ Севастополя, а затѣмъ, продолжительная строевая служба — все это давно уже снискало Его Высочеству славу истиннаго воина и замѣчательнаго главнокомандующаго.

За время постоянныхъ занятій ввѣренными Его Высочеству частями войскъ, какъ строевое образованіе послѣднихъ, такъ равно инженерное вѣдомство доведены до того блестящаго положенія, въ которомъ онѣ находятся въ настоящее время. Нужно, по истинѣ, удивляться той необыкновенной энергіи, съ которой Его Высочество отдавался любимымъ занятіямъ. Такъ, во время ежегодныхъ Красносельскихъ маневровъ Его Высочество не пропускалъ ни одного тактическаго упражненія въ полѣ и оставлялъ за собою самыхъ ревностныхъ командировъ. Когда 15 августа 1864 г. Его Высочество назначенъ былъ Генералъ-Инспекторомъ Кавалеріи, то и здѣсь весьма скоро сказалась Его неустанная и плодотворная дѣятельность. Отлично сознавая ту значительную пользу, которую можетъ оказывать хорошая конница въ дѣлахъ, Его Высочество дѣятельно занялся развитіемъ ея непремѣнныхъ свойствъ, дающихъ ей возможность оказывать во время войны существенное вліяніе на исходъ всякаго сраженія.

Но помимо постоянныхъ занятій любимымъ дѣломъ, Его Высочество находилъ возможность удѣлять время другому болѣе мирному, но не менѣе плодотворному, занятію. Сознавая вполнѣ, что могущество Россіи покоится также и на развитіи сельскаго хозяйства, Его Высочество относился съ большимъ вниманіемъ ко всему, что должно было повліять благотворно на экономическое положеніе Россіи. Въ этой мирной дѣятельности Его Высочество оказалъ важныя услуги, которыя справедливо оцѣнены всѣми, кому дорого наше сельское хозяйство.

* * *

Между жизнью и смертью.

Повѣсть.

I.

Живемъ мы въ небольшомъ глухомъ городишкѣ, гдѣ имѣется всего только: два доктора, одна аптека и другія полезныя вещи по парѣ или по одной штукѣ.

На весь нашъ скромный городишко имѣется также одинъ-одинешенькій старый холостякъ, Доримедонтъ Бубновъ, съ которымъ мы и познакомимъ читателей. Говоря правду, господинъ Бубновъ считается у насъ старымъ холостякомъ, только потому, что всѣ наши мущины, старше его возрастомъ, давно уже, слава Богу, поженились, а поженившись — обзавелись потомствомъ, численность котораго, какъ замѣтилъ нашъ городской острякъ, должно считать не парами или штуками, а десятками и дюжинами. Можно положительно сказать, что въ большомъ городѣ, гдѣ имѣются славные парикмахеры, такъ искусно подкрашивающіе сѣдые волосы; гдѣ можно найти множество прекрасныхъ дантистовъ, хорошо реставрирующихъ сгнившія верхнія и нижнія челюсти; гдѣ, кромѣ того, живутъ отличные портные, способные скинуть любому старичку десятокъ лѣтъ, благодаря артистическимъ покроямъ платья, и гдѣ, наконецъ, только крикни, какъ тотчасъ явятся десятки болѣе дряхлыхъ холостяковъ, въ такомъ городѣ, говоримъ мы, господинъ Бубновъ, конечно, не обратилъ бы на себя особеннаго вниманія и не носилъ-бы прозвища «стараго холостяка», которымъ окрестило его все наше городское общество.

Впрочемъ, нужно сказать, г. Бубновъ весьма значительно отличался отъ холостяковъ большихъ городовъ. Онъ никогда не считался за ненавистника прекраснаго пола, а, если не женился, то просто потому, что не спѣшилъ связывать себя узами гименея, и справедливо думалъ, что для этого у него еще много времени впереди; поэтому-то онъ весь былъ погруженъ въ хозяйственныя занятія и скорѣе старался увеличить свое небольшое состояньице, чѣмъ отыскивать такую особу, съ которой могъ бы раздѣлить свое добро пополамъ. Ко всему этому, онъ находился постоянно въ вожделѣнномъ здравіи, и не дальше какъ именно вчера прошла ровно недѣля, съ того времени, когда господинъ Бубновъ говорилъ, что въ жизни своей онъ, слава Богу, никогда не хворалъ долѣе трехъ дней сряду и ни разу не ступалъ, какъ обыкновенно говорится, ногою въ могилу и что, въ послѣдніе десять лѣтъ не лежалъ въ постели ни одного дня.

Именно вчера, говоримъ мы, была ровно недѣля, какъ г. Бубновъ находился въ полномъ здравіи, а вотъ сегодня съ нимъ случилось непредвидѣнное обстоятельство.

Но, чтобы не обезпокоить читательницъ, уже замѣтившихъ, конечно, что господинъ Бубновъ не принадлежитъ къ числу археологическихъ антиковъ, мы должны сказать, что онъ имѣетъ небольшое имѣньице, и совсѣмъ еще не отказывается отъ перемѣны образа жизни; мы спѣшимъ высказать это успокоеніе для тѣхъ изъ читательницъ, которыя, быть можетъ, могли бы заинтересоваться чѣмъ нибудь изъ всего сказаннаго о господинѣ Бубновѣ. — Нашъ герой не заболѣлъ ни одною изъ ужасныхъ болѣзней, а, просто-на-просто, — проснувшись утромъ, почувствовалъ только себя, что называется, не въ своей тарелкѣ. Сначала онъ не обратилъ было никакого вниманія на это обстоятельство, но когда сталъ бриться и въ зеркалѣ, предъ которымъ совершалъ всегда эту часть своего туалета, увидалъ, что цвѣтъ лица его сталъ нѣсколько желтѣе обыкновеннаго и вообще онъ нѣсколько измѣнился, то тотчасъ же рѣшилъ, что относиться къ этому обстоятельству хладнокровно не только не простительно, но даже и легкомысленно. Какъ человѣкъ предусмотрительный и разумный, онъ немедленно позвалъ своего лакея и отправилъ его къ одному изъ городскихъ докторовъ; къ которому изъ двухъ — ему было рѣшительно все равно, ибо онъ никогда у нихъ не лечился, а слѣдовательно, не могъ испытать на себѣ ихъ знаніе и искусство; притомъ же въ городѣ нашемъ и почтенный докторъ Миллеръ, и уважаемый докторъ Шиллеръ, по справедливости, пользовались одинаковою извѣстностью.

Слуга ушелъ и, какъ всегда случается съ этимъ народомъ, пропалъ. Между тѣмъ господинъ Бубновъ, сидя въ своей холостой, но довольно большой и съ тонкимъ вкусомъ меблированной квартирѣ, томился въ напрасномъ ожиданіи скораго прихода слуги.

Ктò понимаетъ, какъ невыразимо скучно и непріятно ожидать вообще чего-бы то ни было, тотъ не удивится, конечно, что у господина Бубнова, во время томительнаго ожиданія, полезли въ голову самыя тревожныя мысли; нашъ больной, покинутый неблагодарнымъ слугою, сталъ размышлять о своемъ ужасномъ положеніи, и въ тоже время чувствовалъ себя все хуже и хуже.

— Ну, что прикажете дѣлать съ такимъ негодяемъ, каковъ мой Иванъ, — разсуждалъ господинъ Бубновъ самъ съ собою, глубоко, конечно, разсерженный на пропавшаго слугу; — этотъ человѣкъ, я вижу, отъ всего сердца готовъ уморить меня, и только поэтому не зоветъ доктора.

— О, Боже! ни разу еще въ жизни я не чувствовалъ себя такъ дурно! По кожѣ то и дѣло пробѣгаетъ какая-то дрожь, и на лбу выступаетъ такой холодный потъ... Нѣтъ! это очень важные симптомы! я непремѣнно заболѣю или чахоткою или водянкою.

Господинъ Бубновъ снова сталъ смотрѣться въ зеркало и съ каждымъ взглядомъ находилъ въ себѣ разные признаки всевозможнаго рода болѣзней. Наконецъ, послѣ долгаго разсматриванія своей физіономіи, онъ пришелъ къ положительному убѣжденію, что сегодня глаза у него что-то слишкомъ велики, лице какъ-то впало, и даже носъ какъ будто покраснѣлъ. Но вдругъ онъ ясно почувствовалъ, что и внутри-то у него что-то неладно, да и во рту ощущается какая-то безвкусица. Господинъ Бубновъ высунулъ языкъ, посмотрѣлъ на него весьма внимательно, и нашелъ его преотвратительнымъ; затѣмъ сталъ усердно щупать свой пульсъ и хотя не могъ сказать, бьется ли онъ скоро или тихо, такъ какъ, Богъ миловалъ, ему никогда не приходилось наблюдать за правильнымъ біеніемъ пульса, но все же пришелъ къ убѣжденію, что біеніе не натурально и вообще предвѣщаетъ что-то необыкновенно ужасное.

Такимъ-то образомъ, зловѣщій страхъ, мало по малу, вкрался въ мужественное дотолѣ сердце господина Бубнова. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорили впослѣдствіи всѣ солидные люди нашего города и сомнѣваться въ этомъ могутъ только люди совсѣмъ незнакомые съ нашими почтенными обитателями; поэтому относительно мужества господина Бубнова не можетъ быть никакого спора, потому что никто еще ни разу не видѣлъ его въ такомъ положеніи, которое дало бы возможность отрицать въ немъ это качество.

— Господи, Господи! вчера еще я былъ здоровъ и крѣпокъ,—съ грустью разсуждалъ страдалецъ,—а сегодня, — но что это вдругъ сдѣлалось со мною? Быть можетъ я даже умру отъ этой болѣзни, которая развилась во мнѣ такъ быстро, что я едва узнаю себя въ зеркалѣ.

Это тяжелое предположеніе еще сильнѣе обезпокоило господина Бубнова и въ его головѣ невольно закопошились различныя философскія мысли о тлѣнности человѣческаго существованія.

— Вотъ она, эта жизнь человѣка,—думалъ онъ; — сегодня наслаждаешься ею, а завтра по тебѣ служатъ уже панихиду... Вчера ты еще былъ такъ же крѣпокъ и силенъ, какъ Самсонъ, а сегодня отъ какой нибудь болѣзни потеряешь всякія силы; пошлешь за докторомъ, и пока медицина собирается, можетъ все кончится. Но тутъ мрачныя мысли такимъ потокомъ нахлынули на господина Бубнова, что онъ упалъ въ кресло и, приложивъ руку къ своему холодному лбу, въ глубокомъ молчаніи ожидалъ страшной развязки.

Вдругъ, во время этого гробового молчанія, дверь открылась и въ комнату вошелъ, какъ легко, конечно, догадаться, совсѣмъ не докторъ и не слуга.

II.

Вошедшій былъ здоровый, розовый, весело улыбающійся мужчина; выраженіе его лица составляло весьма рѣзкій контрастъ съ физіономіею г. Бубнова. Гость вошелъ, повидимому, съ намѣреніемъ сообщить веселую новость, но, увидя, что господинъ Бубновъ погрузился въ размышленія и не замѣчаетъ его присутствія, подошелъ къ нему поближе и, распростерши руки для объятія, весело проговорилъ:

— Здраствуй, дружище Бубновъ!...

Господинъ Бубновъ не бросился въ объятія гостя, такъ радушно поздоровавшагося съ нимъ. Онъ поднялъ на вошедшаго свои глаза, но тотчасъ же опустилъ ихъ, какъ человѣкъ, для котораго все уже кончено на этомъ свѣтѣ.

— Что съ тобою? какъ твое здоровье?—спросилъ вошедшій немного спустя, голосомъ, уже не столь веселымъ какъ прежде.

Господинъ Бубновъ въ отвѣтъ только махнулъ рукой.

— Къ чему спрашиваешь,—уныло добавилъ онъ—если бы ты видѣлъ, что я здоровъ, то, конечно, не спрашивалъ бы... Твой вопросъ яснѣе всякаго отвѣта.

Такая встрѣча окончательно умѣрила веселость гостя, и онъ замолчалъ.

—Къ чему тутъ объясненія,—съ досадой продолжалъ хозяинъ,—мое лицо лучшій отвѣтъ; всмотрись въ него хорошенько и ты увидишь, что я исхудалъ, какъ скелетъ.

Гость взглянулъ, но, ничего не понимая, отвѣтилъ:

— По моему,—нисколько!

Читатели! простите великодушно, автору этой повѣсти за небольшое наставленіе, которое можетъ принести вамъ въ жизни не малую пользу. Если кто нибудь станетъ жаловаться вамъ на нездоровье, никогда не отвѣчайте «нисколько», хотя бы и видѣли ясно, что больной только воображаетъ о своей болѣзни. Гораздо благоразумнѣе, сначала посочувствовать больному, а потомъ уже, мало по малу, можно дѣлать, и то лишь вѣжливо и осторожно, разнаго рода замѣчанія, въ родѣ того, что, дескать, не всѣ болѣзни, какъ бы онѣ не были опасны, кончаются смертью. Если больной не разсердится на это замѣчаніе и выскажетъ только недовѣріе, то можете начать убѣждать его, что знали нѣкоторыхъ лицъ, которыя страдали такими же болѣзнями, и, благодаря Бога, выздоравливали. Но сохрани васъ Создатель перейдти къ другому предмету, пока больной не разскажетъ вамъ о своемъ нездоровьѣ Руководствуйтесь этимъ замѣчаніемъ, и, могу завѣрить, что у васъ на половину уменьшиться враговъ и на столько же прибавится доброжелателей; я же скажу тогда, что вы понимаете загадки жизни.

О гостѣ господина Бубнова можно положительно сказать, что онъ этой загадки не понималъ.

Послѣ непродолжительнаго молчанія онъ откашлялся и, уже совершенно веселымъ голосомъ, началъ:

— Я пришелъ съ цѣлью...

Тутъ господинъ Бубновъ взглянулъ на говорившаго такъ, какъ могутъ смотрѣть только мрачныя личности въ мелодрамахъ; затѣмъ соскочилъ съ кресла и порывисто воскликнулъ:

— Съ цѣлью, конечно, спровадить меня, въ могилу... О! я знаю васъ, друзья, насквозь!...

Гость удивленно пожалъ плечами и посмотрѣлъ на Бубнова.

— Откуда у тебя, Бубновъ, такія странныя мысли?—проговорилъ онъ;—садись, пожалуйста, успокойся и выслушай, зачѣмъ я пришелъ...

Бубновъ подошелъ къ окну, посмотрѣлъ, но, убѣдившись, что ни докторъ, ни слуга еще не идутъ, вздыхая опустился въ кресло; соображая же, что во время разговора не будетъ такъ томительно ожиданіе, уныло отвѣтилъ:

— Ну, слушаю, слушаю, говори... только, пожалуйста, не распространяйся; ты самъ видишь, что на этомъ свѣтѣ мнѣ остается жить недолго, а у меня, кромѣ тебя, есть еще нѣсколько другихъ дѣлъ, которыя нужно окончить предъ смертью.

(Продолженіе въ слѣдующемъ №)

Обманъ Фрины.

(По Плутарху).

«Бери что хочешь въ даръ!» сказалъ Пракситель нѣжный:
«Всѣ статуи равны, нѣтъ ни одной небрежной:
Вотъ рѣзвый Купидонъ, вотъ чувственный Сатиръ,
Вотъ македонскій царь, предъ кѣмъ трепещетъ міръ,
А рядомъ Архидамъ, спартанскій царь суровый,
А это—начатый Венеры образъ новый;
Одна лишь ты, мой другъ, сравниться можешь съ ней
Округлостію формъ и красотой своей».
— «Я послѣ выберу», въ отвѣтъ сказала Фрина:
«Мнѣ дорогъ всякій даръ, какъ ласка властелина».
И только къ ней пришелъ Пракситель славный въ домъ,—
Услышалъ крикъ раба: «Охвачены огнемъ
Всѣ статуи твои—и мастерская гибнетъ!»
— «Пропалъ! о, я пропалъ, коль Купидонъ погибнетъ!»....
Вскричалъ въ отчаяньи скульпторъ великій тутъ.
«Не бойся, милый мой! всѣ статуи спасутъ...
Пожара вовсе нѣтъ,—и это я шутила»,
Къ нему ласкаяся, такъ Фрина говорила:
«Узнала тайну я: твой дивный Купидонъ—
Изъ статуй лучшая,—и мой отнынѣ онъ».

Ив. Якунинъ.

Физіологія вьющихся растеній.

Новѣйшее изслѣдованіе Ч. Дарвина.

Знаменитый современный естествоиспытатель, Чарльзъ Дарвинъ, продолжаетъ обогащать науку новыми изслѣдованіями, проливающими свѣтъ на тѣ явленія органической жизни, которыя до сихъ поръ оставались почти совершенно нетронутыми. Къ числу такихъ замѣчательныхъ изслѣдованій слѣдуетъ отнести только-что вышедшій трудъ Дарвина о «движеніяхъ и привычкахъ вьющихся растеній», въ которомъ впервые устанавливаются законы физіологіи вьющихся растеній. Съ этимъ новымъ изслѣдованіемъ мы и ознакомимъ нашихъ читателей въ настоящей статьѣ.

Растительная физіологія можетъ назваться наукой относительно новой, современной. Древніе ботаники, Теофрасъ и Діоскоридъ только описывали и классифицировали растенія, не дѣлая ни малѣйшихъ изслѣдованій надъ ихъ природою и различными отправленіями; арабы и ученые среднихъ вѣковъ продолжали держаться того-же метода; только въ половинѣ XVII вѣка эта наука получила толчокъ впередъ, благодаря изобрѣтенію микроскопа, давшаго возможность изслѣдовать самыя незначительныя отправленія организмовъ. Левенхокъ въ Голландіи, Гревъ въ Англіи, Мальпиги въ Италіи, Камераріусъ въ Германіи — были первыми учеными, двинувшими ботанику значительно впередъ. Эмпедоклъ, Аристотель, Теофрастъ допускали только въ предположеніяхъ возможность оплотворенія растеній, Камераріусъ же и Вальянъ положительно подтвердили ее; Перроль, Маріотъ и Лагиръ уже предусматривали обращеніе сока въ растеніяхъ, но опытная физіологія все еще не нараждалась на свѣтъ. Начало ея было положено въ 1728 г. однимъ англійскимъ священникомъ, Стефанъ Галемъ; написанная имъ книга. «Растительная статика» впервые натолкнула ученыхъ на путь изслѣдованій той дѣятельности, которая свойственна всякой растительной жизни. Галь, впрочемъ, не оставилъ послѣ себя непосредственныхъ преемниковъ въ этой области знаній, и только въ концѣ XVIII вѣка Пристлей, Бонне, Дюгамель-дю-Мансо, Сенебье, а въ XIX в. Теодоръ де Соссюръ, Дюпети-Туаръ, Робертъ Браунъ, де Кандоль, Дютроше, Тревиранусъ, Либихъ и Буссеньоль,—стали, мало по малу, обогащать эту нарождившуюся науку своими изслѣдованіями. Въ настоящее время множество ученыхъ посвятили себя изученію растительной физіологіи, важность которой увеличивается съ каждымъ днемъ, благодаря примѣненіямъ къ общей біологіи, сдѣланнымъ Гербертомъ Спенсеромъ и къ агрикультурѣ —наукѣ, основанной на знаніи питательныхъ началъ, которыя растенія заимствуютъ изъ почвы и воздуха.

Чарльзъ Дарвинъ, труды котораго по естествознанію не оставили безъ вниманія ни одной отрасли этихъ наукъ, не могъ отнестись индеферентно въ растительной физіологіи. Уже въ своей книги «Оплодотвореніе ятрышниковыхъ» онъ открылъ то важное значеніе, которое имѣютъ насѣкомыя на оплотвореніе растеній; затѣмъ, цѣлымъ рядомъ долгихъ и неустанныхъ изслѣдованій надъ насѣкомоядными растеніями, онъ подтвердилъ свое открытіе. Послѣднее его сочиненіе «о движеніяхъ и привычкахъ вьющихся растеній», разошедшееся уже вторымъ изданіемъ, представляетъ еще большій интересъ, благодаря тѣмъ, совершенно новымъ и богатымъ вкладамъ, которое оно дѣлаетъ въ сокровищницу ботаники. Дарвинъ доказываетъ въ немъ, съ своей обычной ясностью, что растенія, какъ и животныя, совершаютъ различныя движенія, способствующія правильному отправленію ихъ питанія и оплодотворенія. Еще до Дарвина эта способность растеній была замѣчена нѣкоторыми учеными, но ихъ изслѣдованія не подтверждались никакими ясными аргументами; Дарвинъ же провѣрилъ своими личными наблюденіями изслѣдованія Дютроше, Гюго Моля, Пальма, Леона и Г. де-Ври, и обобщилъ ихъ подъ одинъ законъ.

Авторъ этого интереснаго сочиненія раздѣляетъ всѣ вьющіяся растенія на четыре класса:

1) растенія, вьющіяся по какимъ либо подпоркамъ; 2) тѣ, у которыхъ вьются собственно листья; 3) растенія, снабженныя цѣпкими усиками и, наконецъ, 4) тѣ, которыя вьются своими стеблями, или, вѣрнѣе, приростами стеблей.

Вьющіяся растенія, каковы, напримѣръ, вьюнокъ, хмѣль, фасоль, неспособные поддерживаться самими собою, охватываютъ обыкновенно спиралью какую либо цилиндрическую подпорку, къ которой тянутся прямо отъ земли; спираль эта обыкновенно бываетъ правильная, съ тою только разницею, что иной разъ она имѣетъ обороты справа на лѣво, другой же разъ—слѣва на право. Опредѣлить направленіе оборотовъ того или другаго растенія вовсе не трудно; для этого существуетъ весьма простой способъ: надо стать лицомъ къ сѣверу, передъ растеніемъ, вьющимся по вертикальной подпоркѣ и наблюдать видимую часть стебля; если онъ поднимается справа на лѣво, то спираль его должна идти по направленію солнца, т. е. съ востока на западъ; если же, напротивъ, онъ поднимается слѣва направо, то спираль имѣетъ обороты противъ солнца, т. е. съ запада на востокъ. Такимъ образомъ, хмѣль, *Tamus communis*, *Lapageria rosea*, вьются по солнцу; большая же часть другихъ растеній, каковы: сладкокорникъ, фасоль, *Ipomxa*, заборный вьюнокъ, кирказонъ, пхиновникъ и пр., и пр., вьются слѣва на право, т. е. противъ солнца. Песій-гроздъ, или, попросту, псинка,—единственное растеніе въ Европѣ, которое вьется безразлично въ ту или другую сторону. Подобное обращеніе стебля объясняется его прикосновеніемъ къ какому либо твердому предмету, производящему слишкомъ сильное раздраженіе на стебель, вслѣдствіе чего онъ крутится вокругъ самаго себя.

Всѣ вьющіяся растенія требуютъ для себя подпорки, болѣе или менѣе опредѣленной толщины; такимъ, наприм., по наблюденіямъ Гюго Моля, многоцвѣтная фасоль и *Ipomxa purpurea* въ состояніи огибать подпорку, діаметръ которой не превышаетъ 7 сантиметровъ, песій гроздъ вьется только около тонкихъ стволовъ, а китайская жимолость *(Lonicera flexuosa)* лучше всего вьется вдоль протянутой вертикально веревки; впрочемъ Дарвинъ видѣлъ жимолость (*Lonicera periclymenum*), вившуюся вокругъ бука, имѣвшаго діаметръ въ 0,11, а въ дремучихъ тропическихъ лѣсахъ ему нерѣдко приходилось встрѣчать растенія, вившіяся вокругъ замѣчательно толстоствольныхъ деревъ.

Тѣ вьющіяся растенія, которыя, выходя изъ земли, не находятъ себя никакой подпорки или вѣтки, на которую могли бы упереться,—разстилаютъ свой стебель по землѣ, сначала прямо, затѣмъ дѣлая различныя искривленія, такъ что безпрестанно вытягиваясь и сгибаясь, онѣ совершаютъ обороты вокругъ того мѣста, гдѣ вышли изъ земли; если же, описывая оборотъ, стеблю случится встрѣтить на своемъ пути какое либо препятствіе въ родѣ кустика, палки или чего-нибудь въ этомъ родѣ, то изгибъ бываетъ болѣе сильный и растеніе опутывается вокругъ встрѣченнаго препятствія, зачастую, отдаляясь на довольно значительное разстояніе отъ того мѣста, откуда оно вышло первоначально.

Время, потребное стеблю для того, чтобы описать полный оборотъ вокругъ своей подпорки, т. е. такъ, чтобы оно могло стать вертикально къ своей исходной точкѣ, не одинаково для всѣхъ растеній и даже для одного и того же, въ различные періоды роста. Нашли, впрочемъ, что хмѣль можетъ сдѣлать оборотъ, приблизительно, впродолженіи двухъ часовъ, *Tamus communis* и сладкокорникъ требуютъ для этого три часа, заборный вьюнокъ—полтора.

Къ вьющимся растеніямъ принадлежатъ и такія, которыя вьются не стеблями, а своими листьями, цѣпляющимися за всякій, попадающійся имъ предметъ; таковы, напримѣръ, бородавники, капуцинка, различные роды паслена, *(Solanum)*, *(Lophospermum)*, и пр. Дарвинъ останавливается на бородавникахъ, какъ на растеніи, болѣе другихъ распространенномъ въ Европѣ. Оно имѣетъ длинный, тонкій стебель, по которому идутъ довольно крупные листья, составленные изъ множества мелкихъ листочковъ, расположенныхъ вдоль главнаго черешка въ видѣ пера. Какъ только побочный черешокъ молодого листочка прикасается къ какому либо постороннему предмету, онъ моментально свертывается, обертывается вокругъ этого предмета, конечно, если діаметръ его соотвѣтствуетъ силѣ стебля и, такимъ путемъ, образуетъ собою крючокъ, поддерживающій стебель. Лучше всего это растеніе вьется по тонкимъ вѣтвямъ деревъ, по высокой травѣ, по протянутымъ веревкамъ и т. п. Успѣшный ростъ этого растенія обусловливается большимъ или меньшимъ препятствіемъ, какое оно встрѣчаетъ на пути своего роста, въ видѣ тѣхъ предметовъ, вокругъ которыхъ вьется; чѣмъ легче это препятствіе, тѣмъ растеніе идетъ шибче, такъ что впродолженіи нѣсколькихъ часовъ оно можетъ сдѣлать множество оборотовъ. Искривленіе черешка маленькаго листочка сопровождается измѣненіемъ въ его силѣ и тканяхъ, что окончательно обезпечиваетъ крѣпость стебля; дѣйствительно, этотъ черешокъ дѣлается толще; число мочковатыхъ пучковъ волоконъ, входящихъ въ его составъ, прибавляется и, мало по малу, составъ черешка становится сходнымъ съ составомъ самаго стебля, который имъ поддерживается. Явленіе это можно легко наблюдать на пасленахъ и бородавникахъ.

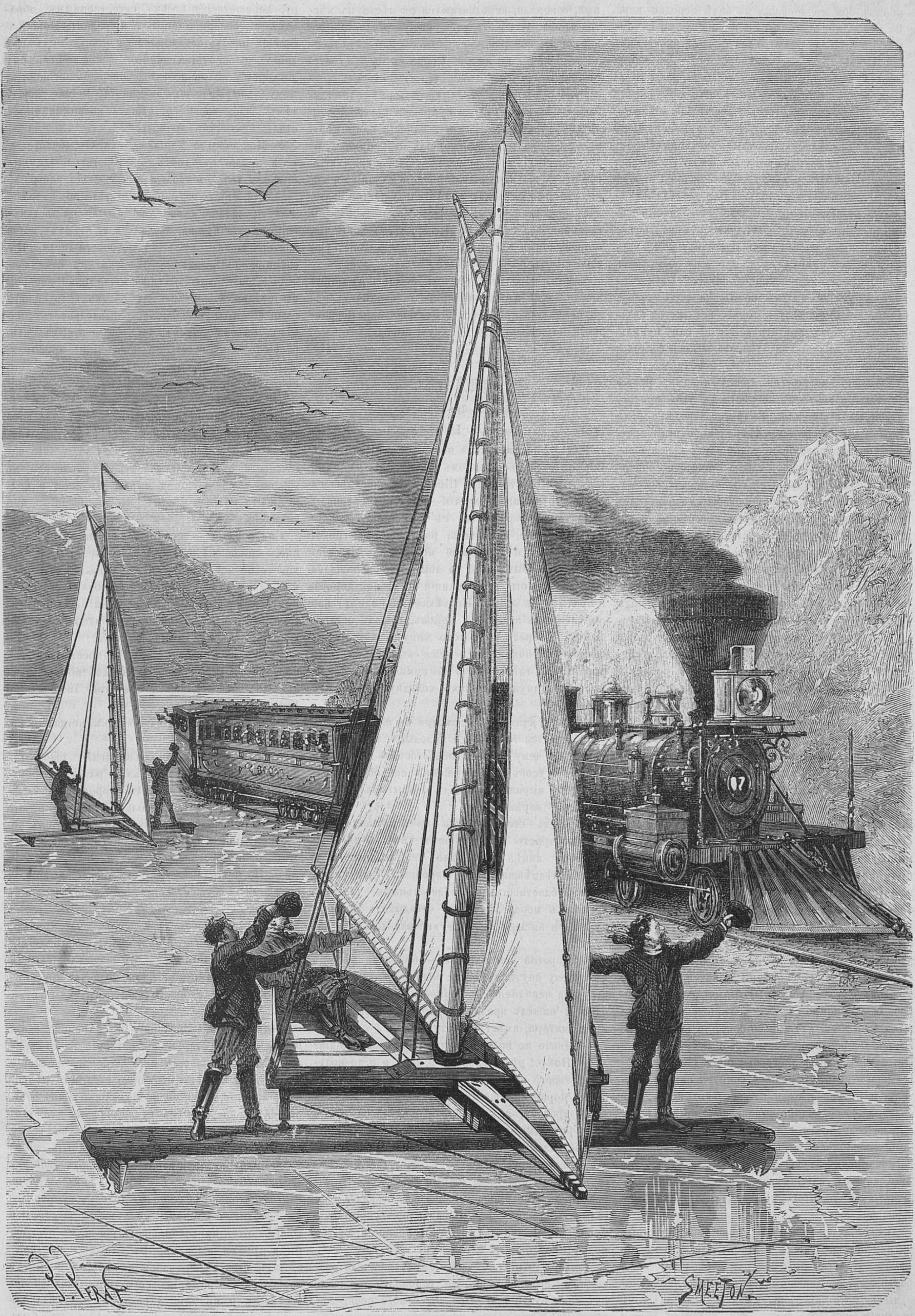
Растенія, снабженныя усиками, составляютъ третью категорію вьющихся. Эти усики ничто иное, какъ листочки или ножки измѣненныхъ цвѣтовъ; вмѣсто того, чтобы распуститься въ плоскій отгибъ, листочки сосредоточиваются около ихъ центральной жилки, пріобрѣтающей тогда способность виться вокругъ тонкихъ предметовъ, съ которыми приходитъ въ соприкосновеніе. Къ такимъ растеніямъ принадлежатъ: горохъ, *Cobxa scandens*, *bignonia*, и пр. Растенія, у которыхъ ножки цвѣтка переходятъ въ усики, суть: виноградъ, какъ дикій, такъ и воздѣланный, пятилистный плющъ, (*Cissus* и *Ampelopsis*), кавалерникъ или страстоцвѣтъ, и пр. Морфологическое строеніе усиковъ у тыквенныхъ растеній (тыквы, арбузы, бѣлая-матица) еще не достаточно объяснено. Каково-бы ни было ихъ строеніе, будь они неразвившіяся ножки цвѣтовъ, или черешки листьевъ, дѣятельность ихъ та-же самая, что и у другихъ вьющихся растеній: они зацѣпляются за вѣтви, къ которымъ прикасаются, завиваются вокругъ нихъ спиралью и этимъ даютъ возможность растенію подняться надъ землею, вмѣсто того, чтобы остаться лежать на ея поверхности. *Cobxa*, обыкновенно воздѣлываемая въ садахъ,—одно изъ растеній, лучше другихъ приспособленное природой къ своему назначенію; его усики снабжены на концахъ маленькими крючечками, которые, при малѣйшемъ прикосновеніи къ какому либо предмету, зацѣпляются такъ крѣпко, что распутать ихъ почти не бываетъ никакой возможности; вслѣдствіе этого стебель растенія можетъ развиваться успѣшнѣе другихъ благодаря тому, что у него есть надежная подпорка. Усики одарены такою-же чувствительностью, какъ и черешки листьевъ въ растеніяхъ, вьющихся при помощи ихъ: простое прикосновеніе, даже самое легкое, достаточно для искривленія усика; средняя часть усика, остающаяся свободною, завивается въ видѣ спирали, какъ пробочникъ, и представляетъ собою такимъ образомъ прочную, не ломающуюся зацѣпку; даже самый сильный вѣтеръ не въ состояніи отцѣпить усика отъ охватываемаго имъ предмета.

Дикій виноградъ имѣетъ, какъ извѣстно, способность разстилаться по самымъ высокимъ и гладкимъ стѣнамъ; эта способность объясняется двумя свойствами винограда: во первыхъ, усики его направляются всегда къ темной сторонѣ т. е., къ той, которая обращена къ стѣнѣ; во вторыхъ, развѣтвленіе винограда имѣетъ на концахъ маленькіе клубочки, заключающіе въ себѣ особенный сокъ, чрезвычайно клейкій, который и позволяетъ листьямъ цѣпляться даже за самыя ровныя поверхности и притомъ съ такою силою, что вѣтви въ состояніи выдерживать тяжесть самыхъ полныхъ гроздей плодовъ.

Послѣдняя категорія вьющихся растеній заключаетъ въ себѣ тѣ изъ нихъ, которыя цѣпляются за различные предметы при помощи маленькихъ корешковъ или приростовъ стеблей; эти побочные корешки разнятся отъ настоящихъ корней тѣмъ, что значеніе ихъ ограничивается способностью поддерживать стебель растенія, тогда какъ настоящіе корни, кромѣ того еще и питаютъ растеніе, всасывая въ себя необходимыя соки. Представителемъ этого рода вьющихся можетъ служить обыкновенный плющъ; сюда-же причисляются смоковницы и бигноніи (*Bignonia*). Ползучая смоковница стелется по стѣнамъ посредствомъ множества зацѣпокъ, которыя прилипаютъ къ самымъ гладкимъ поверхностямъ; душистая *Hoya carnosa* имѣетъ то-же свойство. Между бигноніями и *Tecoma*, которыми такъ богаты вьющіяся растенія, попадаются такія, которыя снабжены въ одно и то-же время и листовыми усиками и приростами стеблей, какъ напримѣръ *Tecoma twoeediana*. — Эти растенія представляютъ собою самый совершенный типъ вьющихся, такъ какъ онѣ соединяютъ въ себѣ всѣ качества и формы, которыхъ лишены другія: онѣ имѣютъ гибкій стволъ, усики и цѣпкіе приросты стеблей.

Въ концѣ своей статьи о вьющихся растеніяхъ, Дарвинъ пытается отыскать причину, по которой однѣ растенія одарены способностью виться, тогда какъ другія вовсе не имѣютъ ея. Прежде всего, онъ замѣчаетъ, что большая часть растительныхъ семействъ заключаетъ въ себѣ вьющіяся растенія; такимъ образомъ это свойство не ограничивается нѣсколькими спеціальными группами, какъ напримѣръ, тыквенными растеніями, бигноніями, кавалерниками, вьюнковыми, но оно проявляется также спорадически и во всѣхъ растительныхъ семействахъ, даже у сложныхъ растеній, какъ напримѣръ, у мареновидныхъ, лилейныхъ, и другихъ, у которыхъ, почти безъ исключенія стволъ прямой и твердый. Такимъ образомъ способность виться присуща вообще всѣмъ прозябаемымъ, но у нѣкоторыхъ семействъ она вовсе че замѣчается. Причина, обусловливающая ся проявленіе и развитіе, заключается въ свѣтѣ: однѣ растенія ищутъ свѣта, другія-же прячутся отъ него; вотъ почему нигдѣ нѣтъ столько вьющихся растеній, какъ въ темныхъ лѣсахъ Америки, гдѣ онѣ извѣстны подъ общимъ названіемъ ліанъ. Бигноніи, *Cobxa* и *Ampelopsis*—всѣ американскаго происхожденія.

Прослѣдя во всемъ растительномъ царствѣ видоизмѣнія и переходы способности растеній виться, Дарвинъ узналъ, что всѣ стебли, поднимающіеся при помощи своихъ листьевъ или усиковъ, имѣютъ своимъ прототипомъ вьющіяся растенія, и что они утратили эту способность сами собою, по какимъ-либо особеннымъ причинамъ. Къ такимъ растеніямъ принадлежатъ: жабрей, нѣкоторые виды пасленовъ, *Cocculus*, *Celastrus*, *Periploca*, и пр. Всякому легко прослѣдить, какъ способность виться теряется въ нѣкоторыхъ родахъ. Такъ, всѣ роды луговаго гороха или *Lathyrus*, къ которому принадлежитъ также и душистый горошекъ, имѣютъ перистые листья, въ которыхъ побочные листки расположены по обѣимъ сто-



Парусныя лыжи въ Сѣверной Америкѣ. Рисовалъ Ж. Жераръ, гравировалъ Сметонъ).

ронамъ общаго черешка въ видѣ бородки пера. Въ основаніи этого сложнаго листа, на самомъ уже стеблѣ, помѣщаются два другихъ маленькихъ простыхъ листочка, называемыхъ *прилистниками.* У нѣкоторыхъ родовъ гороха одинъ листъ заключаетъ въ себѣ до шести паръ побочныхъ листковъ и изъ нихъ только послѣдніе, обращенные къ средней жилкѣ, служатъ усиками: въ большинствѣ же случаевъ побочныхъ листковъ бываетъ три, двѣ и даже одна пара, всѣ-же другіе замѣнены усиками. Эти усики, у иныхъ видовъ, вполнѣ отправляютъ свою дѣятельность, у другихъ же остаются бездѣятельными и даже совершенно парализованными: вмѣсто того, чтобы цѣпляться за попадающіяся на пути ихъ роста вѣтви онѣ крутятся около самихъ себя, что уже выражаетъ ослабленіе ихъ способности виться. Случается видѣть, что на поляхъ попадется родъ гороха, (*Lathyrus aphaca*), у котораго всѣ листья недоразвиты и усики протягиваются въ одну прямую нить, безъ всякой дѣятельности, всѣ-же физіологическія отправленія листьевъ исполняются замѣчательно развитыми прилистниками; растеніе, такимъ образомъ, перестаетъ уже причисляться къ вьющимся. У другого рода гороха (*Lathyrus ochrus*) вовсе нѣтъ ни побочныхъ листковъ, ни прилистниковъ, усики идутъ въ нѣсколько рядовъ и образуютъ собою множество совершенно безполезныхъ нитей, соединяющихся у оконечности черешка; за то черешокъ ихъ необыкновенно широкъ, становится *листоподобнымъ* и отправляетъ дѣятельность листа. Наконецъ, третій родъ гороха (*Lathyrus Nissolia*) совершенно не имѣетъ ни усиковъ, ни листковъ, ни прилистниковъ; всѣ-же эти составныя части замѣнены однимъ листоподобнымъ черешкомъ. Этотъ родъ гороха вовсе не обладаетъ свойствами вьющагося растенія; онъ не способенъ цѣпляться даже за самые тонкіе и близкіе къ нему стебли и вѣтки, тогда какъ всѣ другіе однородныя растенія обыкновенный горохъ, фасоль, журавлиный горохъ, принадлежатъ къ вьющимся и снабжены необходимыми частями, исполняющими эту дѣятельность.

Въ своихъ изслѣдованіяхъ причинъ проявленія и исчезновенія той или другой особенности растенія, естествоиспытатели упустили изъ виду одно весьма важное явленіе, могущее объяснить весьма многое; это—*атавизмъ*, т. е. случайное возобновленіе у потомковъ тѣхъ особенностей, которыя существовали у ихъ предковъ. Этотъ законъ примѣнимъ одинаково какъ къ человѣку, и всѣмъ животнымъ, такъ равно и къ растеніямъ. Такимъ образомъ, если у нѣкоторыхъ индивидуумовъ не вьющихся растеній, мы встрѣчаемъ органы, присущіе вьющимся, то, изъ этого слѣдуетъ, что предки ихъ были непремѣнно вьющимися растеніями. Всякому, конечно, извѣстно растеніе выжликъ или жаблей (*Antirrhinum masus*), которое, обыкновенно, служитъ украшеніемъ садовыхъ бесѣдокъ, дачъ, балконовъ, и пр. Наблюдалось два ростка выжлика, которые представляли при загибѣ своихъ листьевъ тонкія, длинныя, гибкія развѣтвленія, вившіяся вокругъ самаго растенія и вѣтвей сосѣдняго розоваго куста; эти ростки имѣли случайно цѣпляющіеся органы, которые исчезли почти у всѣхъ индивидуумовъ этого рода; способность-же виться сохранилась неприкосновенно въ отдѣльныхъ видахъ сосѣднихъ родовъ, каковы, напримѣръ: *Lophospermum*, *Maurandia*, *Rodochiton*, которыя рѣшительно всѣ вьющіяся.

Движенія, совершаемыя вьющимися растеніями при помощи своихъ листьевъ или усиковъ, съ цѣлью подняться надъ поверхностью земли и еще болѣе замѣтныя движенія, свойственныя насѣкомояднымъ растеніямъ, послужили основаніемъ тому различію, какое до сихъ поръ полагали между животнымъ и растительными царствами. Животныя, говорили, передвигаются съ мѣста на мѣсто, чтобы отъискать себѣ пищу; растенія - же напротивъ, совершенно неподвижны, будучи твердо укрѣплены въ почвѣ. Ссылаясь на это, естествоиспытатели забывали, что существуетъ множество водяныхъ животныхъ, которыя точно также неподвижны, будучи приросши къ скаламъ и другимъ твердымъ тѣламъ, каковы, напримѣръ: полипы, коралы, губки, морскія вѣтренницы, голотуріи, боланы, устрицы, ракушки, и пр. Движенія этихъ животныхъ совершенно сходны съ тѣми, которыя ботаники подмѣтили у растеній; это, какъ еще въ 1809 г. сказалъ Ламаркъ (Зоологическая философія, т. II, стр. 278) движенія, возбуждаемыя единственно внѣшнею дѣйствующею силою.

Такимъ образомъ, пропасть, лежавшая издавна между двумя царствами природы, начинаетъ, мало по малу закрываться и опальное царство растеній возводиться на должную высоту.

Мировой судья.

Повѣсть Луи Колласъ.

I.

Уже давно наступила ночь, когда въ мѣстечкѣ Вермонъ, расположенномъ въ горахъ Юры, не въ далекѣ отъ границы Швейцаріи, послышался стукъ проѣзжавшей кареты.—«Докторъ Фреснель, вѣроятно, возвращается съ визитаціи» — подумали мѣстные обыватели, разбуженные грохотомъ колесъ о неровную мостовую. Дѣйствительно, это былъ онъ; но докторъ возвращался не отъ больного, а со станціи желѣзной дороги, и притомъ не одинъ. Подъѣхавъ къ одному изъ выбѣленчыхъ известкой домовъ, лошадь остановилась и, черезъ нѣсколько минутъ, докторъ съ своимъ спутникомъ были уже въ квартирѣ второго этажа, гдѣ, въ одной изъ комнатъ, они нашли приготовленную для нихъ холодную закуску и фрукты.

Докторъ Фреснель, не смотря на свои тридцать лѣтъ, казался такимъ же молодымъ, какъ и его спутникъ, чему много способствовало отсутствіе бороды и усовъ и совершенно спокойное, улыбающееся выраженіе лица съ открытымъ, яснымъ взглядомъ карихъ глазъ.

Личность его спутника представляла рѣзкій контрастъ съ докторомъ; въ этомъ загорѣвшемъ лицѣ, поминутно вспыхивавшемъ и опять блѣднѣвшемъ, съ широкимъ и высокимъ лбомъ, блестящими выразительными глазами, всякій съ перваго взгляда отгадывалъ энергичную и въ высшей степени впечатлительную натуру.

— Дорогой мой Авріаль,—обратился докторъ къ своему спутнику, — ты видишь, что твои инструкціи исполнены въ точности: мы совершенно одни: я нашелъ предлогъ отправить мою жену къ ея матери, вмѣстѣ со служанкой.

— Никто не подозрѣваетъ моего возвращенія?

— Никто; рѣшительно всѣ, какъ и я, до полученія твоего письма, думаютъ, что ты погибъ во время кораблекрушенія близъ Далмаціи. Уважая твою просьбу, я, конечно, не подѣлился ни съ кѣмъ радостнымъ извѣстіемъ о твоемъ спасеніи, предоставляя тебѣ самому удовольствіе объявить это нашимъ друзьямъ.

— Благодарю тебя, добрый Фреснель, что ты исполнилъ мою просьбу и даже не старался разгадывать причину, побудившую меня скрывать о моемъ возвращеніи; ты имѣешь полное право на мою откровенность: я разскажу тебѣ все.

Докторъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ начало разсказа, но его товарищъ не торопился говорить; онъ какъ будто углубился въ самого себя; затѣмъ, сдѣланный имъ, послѣ нѣкотораго молчанія, вопросъ далъ другое направленіе разговору, перешедшему весьма естественнымъ образомъ къ воспоминаніямъ о прошломъ. Новоприбывшій началъ освѣдомляться о знакомыхъ ему лицахъ и, заинтересованный сообщаемыми ему докторомъ подробностями, совершенно повидимому, забылъ о своемъ обѣщаніи. Время между тѣмъ шло; гость, отдавшись воспоминаніямъ, сталъ незамѣтно дремать.

—Мой дорогой Авріаль,—сказалъ докторъ,— тебѣ нужно отдохнуть съ дороги; пойдемъ, я провожу тебя въ твою комнату. — До завтра.

— Да, отложимъ серьезныя дѣла до завтра.

Лучи солнца давно уже играли на листьяхъ винограда и плюща, вьющихся по стѣнамъ, когда докторъ вошелъ въ комнату своего гостя. Послѣдній, скрывшись за рѣшетчатыми ставнями, любовался возвышающимися вдали горами, вершины которыхъ терялись въ облакахъ, а склоны были покрыты роскошною растительностью; затѣмъ, онъ съ какимъ - то необъяснимымъ интересомъ сталъ слѣдить за движеніемъ просыпавшагося мѣстечка. Въ этотъ моментъ все его вниманіе было сосредоточено на двухъ женщинахъ, переходящихъ черезъ улицу.

Старшая изъ нихъ, на взглядъ лѣтъ двадцати трехъ, была одѣта съ роскошью, не соотвѣтствующей ни мѣсту, ни раннему часу утра. По наружности она могла назваться красавицей, но гордое, самоувѣренное выраженіе лица и надменность во всей фигурѣ, не вызывали къ ней симпатіи.

Спутница ея — маленькое, худенькое созданьице, — была одѣта чрезвычайно просто; лице ея, хотя и не могло назваться красивымъ, но было въ высшей степени пріятно, благодаря его кроткому, ласковому выраженію. Никто-бы не сказалъ, что эти, столь не похожія одна на другую, женщины были родными сестрами.

— Я ловлю тебя на мѣстѣ преступленія,— произнесъ докторъ, вошедшій незамѣтно для Авріаля. — Ты восхищаешься красотою госпожи де Каранталь.

-- Марту дѣйствительно такъ когда - то называли.

—Да и до сихъ поръ ее называютъ еще этимъ именемъ; ты пріѣхалъ какъ разъ во время, чтобы присутствовать при ея второмъ бракѣ.

— Съ Морисомъ Марсолье, сыномъ мироваго судьи? Ты писалъ мнѣ объ этомъ въ твоемъ послѣднемъ письмѣ; но неужели ты думаешь, что этотъ бракъ состоится?

— По крайней мѣрѣ это общее мнѣніе. А развѣ его осуществленіе помѣшаетъ твоимъ планамъ?

Авріаль перенесъ свой взглядъ на мрачныя стѣны полу-барскаго, полу-мѣщанскаго зданія, выступавшаго среди деревьевъ на сосѣдней возвышенности. Онъ продолжалъ молчать, при чемъ физіономія его приняла какой-то грустный оттѣнокъ.

—Другъ мой,—произнесъ онъ наконецъ,—при взглядѣ на это старинное достояніе ла-Рикарде, я не могу удержаться отъ глубокаго волненія: меня связываютъ съ нимъ самыя лучшія воспоминанія, которыя не позволяютъ мнѣ относиться равнодушно къ судьбѣ тѣхъ, кто тамъ живетъ. Слушай, я откроюсь тебѣ во всемъ: быть можетъ, ты станешь меня бранить, но за то для тебя станетъ ясенъ мой образъ дѣйствій.

Онъ только что хотѣлъ начать, какъ въ двери кто-то легонько постучалъ. Докторъ направился въ сосѣднюю комнату, куда ввелъ за собою и вошедшаго старика высокаго роста, съ роскошными сѣдыми волосами. Въ умныхъ и кроткихъ глазахъ его, въ правильномъ очертаніи рта и вообще въ выраженіи всего лица сказывались честность и прямота характера, возбуждавшія сразу безграничное къ нему довѣріе. Это былъ мировой судья г. Марсолье.

По своимъ годамъ, проведеннымъ въ постоянныхъ трудахъ и заботахъ, этому достойному человѣку давно-бы уже слѣдовало пользоваться покоемъ, подъ сѣнью своего домашняго очага, но онъ продолжалъ нести на себѣ трудный постъ общественнаго дѣятеля, не мало не ропща на свою судьбу и относясь въ высшей степени добросовѣстно къ своимъ обязанностямъ. Господину Марсолье не давали отдыхать: онъ былъ нуженъ обществу, которое цѣнило его, понимало, слушалось его добрыхъ совѣтовъ, усмирялось его могущественнымъ словомъ. Когда онъ хотѣлъ было выйти въ отставку, въ мѣстечкѣ чуть не поднялась цѣлая революція; его пришли просить снова принять на себя обязанности мироваго судьи, усмирить взволнованные умы, водворить миръ и спокойствіе, нарушенные нѣкоторыми неугомонными жителями. Онъ согласился на просьбу гражданъ, а, разъ принявъ на себя какую-либо обязанность, отдавался ей всецѣло, честно, съ опытностью пожившаго человѣка, что и доставляло ему общую признательность и уваженіе мѣстныхъ обывателей и всѣхъ, кто только зналъ его.

Докторъ принялъ посѣтителя съ поспѣшностью, въ которой проглядывали дружба и уваженіе. Онъ замѣтилъ, что старикъ, обыкновенно совершенно спокойный, невозмутимый, на этотъ разъ былъ мраченъ и видимо чѣмъ-то озабоченъ.

— Какому счастливому случаю, мой дорогой г. судья, я обязанъ вашимъ посѣщеніемъ? — обратился докторъ къ гостю.

— Цѣль моего посѣщенія чрезвычайно важная и вмѣстѣ съ тѣмъ печальная; я буду говорить съ вами, какъ другъ и судья. Удѣлите мнѣ, прошу васъ, нѣсколько минутъ вниманія, такъ какъ и вамъ тоже, быть можетъ, придется принять участіе въ событіяхъ, имѣющихся совершиться въ недалекомъ будущемъ. Дѣло вотъ въ чемъ: немного больше года тому назадъ, мой сынъ, Морисъ, въ охотничій сезонъ, привезъ погостить къ себѣ одного изъ своихъ товарищей. Это былъ Семонсель, сынъ парижскаго негоціанта. Дни проходили у нихъ въ охотѣ, а вечеромъ, когда они возвращались домой, въ домѣ у меня раздавались шумный смѣхъ и говоръ. Сынъ мой представилъ своего друга семейству ла-Рикарде, гдѣ они стали потомъ бывать очень часто. Однажды, отправившись туда въ сопровожденіи Авріаля, они пошли оттуда всѣ вмѣстѣ поохотиться въ ла-Рокарде. Охота на этотъ разъ имѣла трагическій исходъ: несчастнаго Семонселя нашли убитымъ выстрѣломъ изъ ружья. Сначала предполагали, что онъ былъ жертвой не болѣе какъ своей собственной неосторожности, неловкости, столь нерѣдкой у большинства неопытныхъ охотниковъ; но, спустя нѣкоторое время, предположеніе это было отвергнуто, такъ какъ собранныя объ этой катастрофѣ подробности привели къ тому заключенію, что Семонсель погибъ не случайно, а отъ руки убійцы, и что убійцу слѣдуетъ искать въ ряду его товарищей, бывшихъ съ нимъ на охотѣ. Имя Авріаля упоминалось при этомъ сначала неохотно, а потомъ все съ большею и большею настойчивостью. Если его прошлое и не могло оправдывать этого обвиненія, то, во всякомъ случаѣ, находили страннымъ его внезапное исчезновеніе; къ тому-же припоминали, что онъ говорилъ тогда объ этомъ приключеніи съ большою сдержанностью и что отвѣты его, касавшіеся этого грустнаго событія, изобличали въ немъ замѣшательство человѣка, знающаго больше, чѣмъ онъ хотѣлъ высказать. Морисъ былъ убѣжденъ въ невинности своего друга; онъ защищалъ его противъ взводимыхъ на него подозрѣній; но его неточныя свѣдѣнія — просто потому, что не оправдывали Авріаля — служили противъ него обвиненіемъ.

— А вы, г. судья, тоже считаете его виновнымъ?

— Боже меня сохрани! Онъ принадлежитъ къ семейству, котораго не касалось никакое подозрѣніе, и никто никогда не сомнѣвался въ его честности. И неужели я произнесу противъ него преждевременный приговоръ, я, который знаетъ и цѣнитъ его лучше другихъ. Не мало вечеровъ мы провели вмѣстѣ, а еще больше исходили съ нимъ прекрасныхъ мѣстъ нашего Вермона; въ эти-то дни и вечера я успѣлъ узнать его лучше, чѣмъ кого-либо; по своей молодости, по великодушію и честнымъ порывамъ, съ какими онъ относился ко всему, затрогивавшему его вниманіе, онъ смѣло могъ назваться честнѣйшимъ юношей нашего вѣка, а то спокойствіе, обдуманность и зрѣлое сужденіе, какія я всегда находилъ въ немъ въ дѣлахъ серьезныхъ, могли рекомендовать его какъ умнаго, образованнаго и разсудительнаго мужчину. Я заранѣе пророчилъ ему блестящую будущность, и радовался за тѣхъ, кому придется имѣть его посредникомъ своихъ интересовъ. У меня были еще и другіе виды на него..... Но вдругъ, это обвиненіе, такое нежданное, негаданное.... Затѣмъ, онъ уѣхалъ и толки, волновавшіе нашъ городъ, начали мало по малу утихать; вскорѣ послѣ этого распространилось извѣстіе о его смерти, которое сразу положило конецъ всевозможнымъ обвиненіямъ; если говорили объ Авріалѣ, то лишь съ хорошей стороны, сожалѣли о его карьерѣ, такъ блистательно начатой и неожиданно прерванной, грустили о томъ, что потеряли въ немъ хорошаго товарища. Я, съ своей стороны, искренно оплакивалъ его кончину, съ другой-же, былъ радъ, что она пришла такъ во время и избавила его отъ тяжелой участи подсудимаго. Каково-же было мое горе, когда я оффиціальнымъ путемъ узналъ, что онъ живъ, такъ какъ его видѣли въ Ліонѣ, и мнѣ назначено непремѣнно розыскать его и нарядить надъ нимъ слѣдствіе.

— Вы думаете, что онъ возвратился?

— Сегодня еще я сообщилъ суду, что его, по всѣмъ признакамъ, здѣсь не находится.

— Если бы онъ возвратился, то, узнавъ объ ожидающей его опасности, конечно, поспѣшитъ бѣжать.

— Я только на это и расчитываю; но завтра, а быть можетъ даже сегодня, придутъ новыя, болѣе строгія инструкціи. Къ счастью, я буду далеко отсюда: такъ какъ просилъ объ отпускѣ, получилъ его нѣсколько времени тому назадъ, и уѣзжаю сегодня же вечеромъ. Вамъ извѣстно, что въ мое отсутствіе вы заступаете мое мѣсто; мэръ сообщитъ вамъ сегодня это распоряженіе оффиціально.

Голосъ старика дрожалъ; легко было догадаться, что онъ высказалъ далеко не все, что было у него на душѣ. Взглядъ его съ какой-то тоскливой нерѣшительностью бѣгалъ по сторонамъ; онъ, повидимому, подозрѣвалъ пріѣздъ Авріаля и, путемъ различныхъ намёковъ, хотѣлъ навести доктора на мысль спасти своего друга до принятія имъ на себя оффиціально должности, которая неизбѣжно стѣснитъ свободу его дѣйствій. Борясь между чувствомъ дружбы и долга, онъ упрекалъ себя въ неисполненіи строгихъ обязанностей, возлагаемыхъ на него занимаемою имъ должностью, и, въ то-же время, ему тяжело было уйдти, не убѣдившись, что Авріаль можетъ быть спасенъ.

Давъ доктору нѣсколько инструкцій, касающихся его будущихъ обязанностей, въ отношеніи которыхъ тотъ былъ совершенный новичекъ, Марсолье поднялся со своего мѣста и распростился съ хозяиномъ. Послѣдній поспѣшилъ къ своему другу, котораго онъ нашелъ сидящимъ около стола, съ опущенною головою, погруженнымъ въ глубокое раздумье.

— Ты слышалъ нашъ разговоръ, спросилъ докторъ.

— Я не проронилъ изъ него ни одного слова. Благодарю тебя мой другъ за то, что ты вѣришь въ мою невинность въ то время, когда столько людей обвиняютъ меня.

— Я увѣренъ, что тебѣ ничего не стоило бы заставить ихъ замолчать.

Авріаль не отвѣчалъ.

— Что-же ты теперь намѣренъ дѣлать? — спросилъ его докторъ.

— Я воспользуюсь на сегодня твоимъ гостепріимствомъ; съ наступленіемъ же ночи уѣду.

(*Продолженіе слѣдуетъ*)

Что такое огонь?

Изъ популярныхъ писемъ о химіи, Б. Рейхмана.

Письмо I.

Вы спрашиваете меня, милостивая государыня, что такое огонь и каковы свойства пламени. Вопросъ этотъ дѣлаетъ вамъ большую честь, такъ какъ, въ продолженіи многихъ вѣковъ, онъ не переставалъ занимать умы величайшихъ мыслителей, не довольствовавшихся тѣмъ объясненіемъ, — вполнѣ, впрочемъ, удовлетворяющимъ профановъ, — что огонь грѣетъ и свѣтитъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вы высказываете предположеніе, что мнѣ, быть можетъ, трудно будетъ отвѣтить на ваши вопросы, если даже и совсѣмъ невозможно. Что касается послѣдняго обстоятельства, то я могу вполнѣ успокоить васъ: ученые уже изслѣдовали это явленіе и притомъ на столько подробно, что, основываясь на ихъ трудахъ, я, какъ мнѣ кажется, буду имѣть возможность отвѣчать на ваши вопросы вполнѣ ясно и понятно — не смотря даже на то, что соболѣзнуя въ своемъ письмѣ о неудовлетворительности женскаго образованія, вы сознаетесь чистосердечно, что область естественныхъ наукъ для васъ совершенная terra incognita.

Ученые, повторяю, на столько подробно изслѣдовали свойства пламени и въ этомъ отношеніи собрали такое множество данныхъ, что, отвѣчая на заданный вами вопросъ и желая сдѣлать этотъ отвѣтъ возможно болѣе понятнымъ, мнѣ приходится только заботиться о пріисканіи надлежащей формы изложенія. Но не то было лѣтъ сто тому назадъ. Вопросъ о свойствахъ огня принадлежалъ въ то время къ разряду такихъ загадокъ, къ какимъ въ настоящее время относится, напр., вопросъ о существѣ самопознанія — причемъ, самые глубокіе мыслители той эпохи изощряли напрасно свои умы для его разрѣшенія. Въ то время казалось, что этотъ вопросъ тотъ самый, на который, какъ тогда утверждали, «Создатель оставилъ отвѣтъ у Себя». Даже Вольтéръ, послѣ долгихъ и напрасныхъ попытокъ, отбросилъ всякую мысль — изслѣдовать это явленіе, и сталъ ѣдко насмѣхаться надъ химиками, пользующимися постоянно огнемъ, о составѣ и существѣ котораго они въ то же время не имѣли никакого понятія.

Однако то, что въ одну эпоху кажется неразрѣшимымъ, спустя нѣкоторое время объясняется безъ всякаго затрудненія — чему доказательствомъ можетъ служить вопросъ, занимающій насъ въ настоящую минуту.

Французскій химикъ Лавуазье *) (Lavoisier), рѣшилъ его самымъ блистательнымъ образомъ; послѣдствія же его открытія имѣли такое громадное значеніе, что, положивъ начало перевороту въ химіи, въ тоже время дали ей возможность стать на тотъ путь, по которому она слѣдуетъ и въ настоящее время, увеличивая все болѣе и болѣе кругъ нашего знакомства съ природою и тѣмъ доставляя человѣчеству несмѣтныя матеріальныя блага.

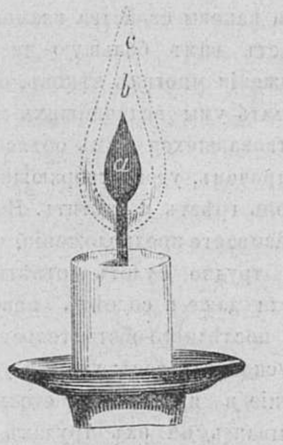
---

*) Лавуазье (Антонъ Лаврентій) родился въ Парижѣ въ 1743 г. и погибъ на гильотинѣ 8-го мая 1794 г. Онъ сдѣлалъ много чрезвычайно важныхъ открытій въ области химіи; составилъ для нея новую номенклатуру и написалъ нѣсколько весьма драгоцѣнныхъ сочиненій по этому предмету. Передъ смертью, онъ просилъ объ отсрочкѣ казни

Для разъясненія свойствъ и существа огня, займемся первоначально изслѣдованіемъ пламени свѣчи, какъ болѣе другихъ извѣстномъ намъ, и начнемъ съ описанія формы пламени.

Плямя горящей свѣчи имѣетъ видъ конуса или форму сахарной головы, но лишь съ нѣсколько закругленнымъ основаніемъ.

Присматриваясь къ пламени внимательнѣе, можно легко замѣтить, что оно состоитъ изъ блѣдно-синей огненной оболочки *с*, внутри которой виднѣется яркая часть *в*, окрашенная въ блѣдно-желтый цвѣтъ; наконецъ, самая середина пламени *а*, гораздо темнѣе внѣшнихъ слоевъ.



Фиг. 1.

Но что именно заключается въ этой внутренней части?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, намъ придется прибѣгнуть къ нѣкоторымъ опытамъ, которые на столько просты, что ихъ легко можно продѣлать, не употребляя для этого никакихъ сложныхъ приборовъ.

Первоначально, раздѣлимъ, помощью куска бѣлой бумаги, пламя горящей свѣчи почти надъ фитилемъ, лишь въ весьма незначительномъ отъ него разстояніи, и посмотримъ на бумагу сверху.

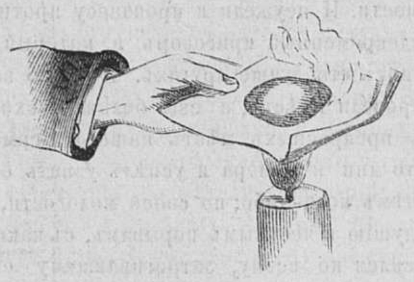
Что мы тогда увидимъ?

Многіе, конечно, тотчасъ отвѣтятъ: — «ничего особеннаго»; одно только выжженное круглое отверстіе. И дѣйствительно, сгоритъ нѣкоторая часть бумаги, но отверстіе будетъ не вполнѣ круглымъ. Прослѣдимъ весь процессъ этого опыта и будемъ слѣдить за бумагою внимательнѣе.

Прежде всего, на бумажкѣ появляется коричневый ободокъ, окружающій совершенно бѣлый, — а слѣдовательно не измѣненный дѣйствіемъ огня — кружокъ бумаги. Коричневый ободокъ, постепенно увеличиваясь, болѣе и болѣе темнѣетъ, наконецъ вспыхиваетъ и сгораетъ, также какъ и вся бумага.

Сдѣлаемъ еще одинъ опытъ, подобный предъидущему, но отличающійся отъ него только тѣмъ, что, вмѣсто бумаги, возмемъ кусокъ густой проволочной сѣтки, или иначе, металлическаго полотна. Въ серединѣ этого куска вырѣжемъ небольшое отверстіе и, накрывая сѣткою пламя свѣчи, также какъ и въ предъидущемъ опытѣ, постараемся только установить сѣтку такимъ образомъ, чтобы нарочно продѣланное въ ней отверстіе находилось въ темной части пламени. Хотя въ проволочной сѣткѣ и находятся мелкія отверстія, но пламя, — на основаніи его свойства, о которомъ будемъ говорить ниже — не покажется на его верхней поверхности, сколько бы времени мы ни держали кусокъ сѣтки надъ свѣчею.

Если послѣ помѣщенія отверстія въ темную часть пламени, мы черезъ это отверстіе опустимъ въ пламя свѣчи головку спички, то послѣдняя не загорится, хотя и будетъ находиться внутри пламени; производя этотъ опытъ ловко и быстро, можно вынимать спичку изъ пламени совершенно неповрежденною.



Фиг. 2.

Что доказываютъ эти два опыта?

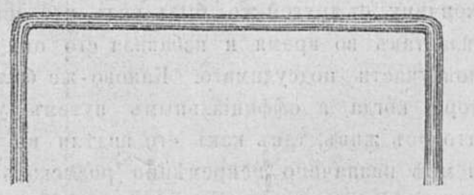
Отвѣтить не трудно: — они убѣждаютъ насъ, что внутренность пламени холодная и что въ ней нѣтъ огня.

— Что же въ ней заключается? или же въ ней находится пустота?

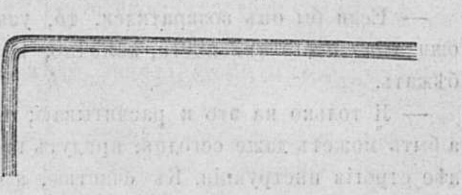
— Нисколько.

— Такъ что же?

Я сейчасъ отвѣчу на это новыми опытами. Но чтобы произвести ихъ, необходимо имѣть тоненькую стеклянную трубочку, которую легко можно достать въ каждомъ большомъ складѣ стеклянныхъ издѣлій. Трубочку эту слѣдуетъ распилить на двѣ части, длиною отъ $1\frac{1}{2}$ до двухъ футовъ каждая. Одна изъ этихъ частей сгибается съ обѣихъ концовъ (для этого, въ мѣстахъ сгиба, предварительно нагрѣваютъ трубочку надъ спиртовой лампой) и придаютъ ей форму, изображенную на фиг. 3. Другой же части придаютъ форму, показанную на фиг. 4.

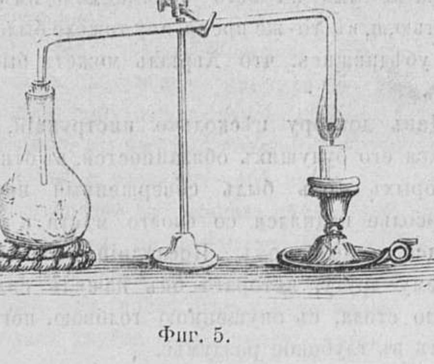


Фиг. 3.



Фиг. 4.

Чтобы произвесть первый изъ нижеслѣдующихъ опытовъ, нужно имѣть, кромѣ зажженной свѣчки и первой изъ этихъ трубочекъ, еще небольшую колбу, т. е. пузырекъ изъ тонкаго бѣлаго стекла съ закругленнымъ дномъ. Колбу эту, въ случаѣ надобности, можно замѣнить обыкновеннымъ пузырькомъ или графиномъ изъ чистаго бѣлаго стекла. Запасшись всѣми этими немудреными приборами, опустимъ одинъ конецъ трубочки (фиг. 3) въ темную часть пламени — а ея другой конецъ въ колбу, — какъ показано на фиг. 5.

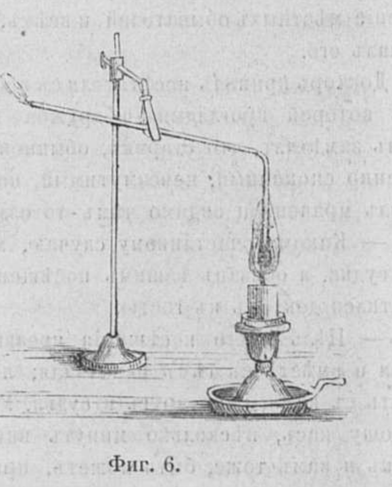


Фиг. 5.

Что произойдетъ тогда?

Скоро мы увидимъ, что въ колбу черезъ трубочку, пройдетъ облачко, которое затѣмъ начнетъ, мало по малу, сгущаться, т. е. осѣдать на стѣнкахъ сосуда. Такъ какъ облачко это, само по себѣ представляетъ какое-то вещество, то отсюда становится понятнымъ, что внутренность пламени отнюдь не пустота, но что она заключаетъ въ себѣ какую-то матерію. Эту матерію нельзя назвать ни твердымъ и ни жидкимъ тѣломъ; напротивъ, такъ какъ существованіе ея, въ видѣ облаковъ, обнаруживается только въ колбѣ посредствомъ улетучиванія черезъ трубочку, то, слѣдовательно, она — тѣло летучее, иначе говоря, газъ.

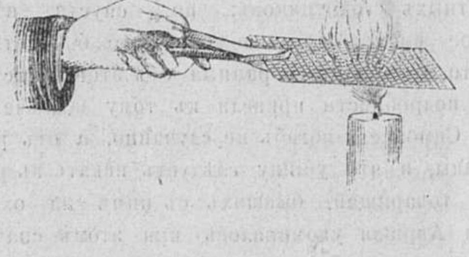
Чтобы ближе ознакомиться со свойствами этого газа, опустимъ въ темную часть пламени конецъ второй трубки (фиг. 4). Газъ будетъ выходить тогда изъ ея другого конца. Если къ послѣднему приблизить пламя, то газъ этотъ загорится (фиг. 6).



Фиг. 6.

Присматриваясь внимательнѣе къ пламени этого газа, мы замѣтимъ въ немъ такіе же три слоя, какъ и въ пламени свѣчи, т. е. наружный блѣдно-синій, средній — яркій и внутренній — темный. Изъ этого можно заключить, что между пламенемъ свѣчи и газа существуетъ какая то аналогія; и дѣйствительно — аналогія полная, ибо пламя свѣчи есть ничто иное, какъ *продуктъ горѣнія газа.*

Въ этомъ можно удостовѣриться помощью слѣдующаго опыта. Если разрѣжемъ пламя свѣчки по поламъ, помощью металлическаго полотна, то пламя останется подъ полотномъ, — надъ верхней же его поверхностью будетъ находиться не зажженный и коптящій газъ, (фиг. 7)



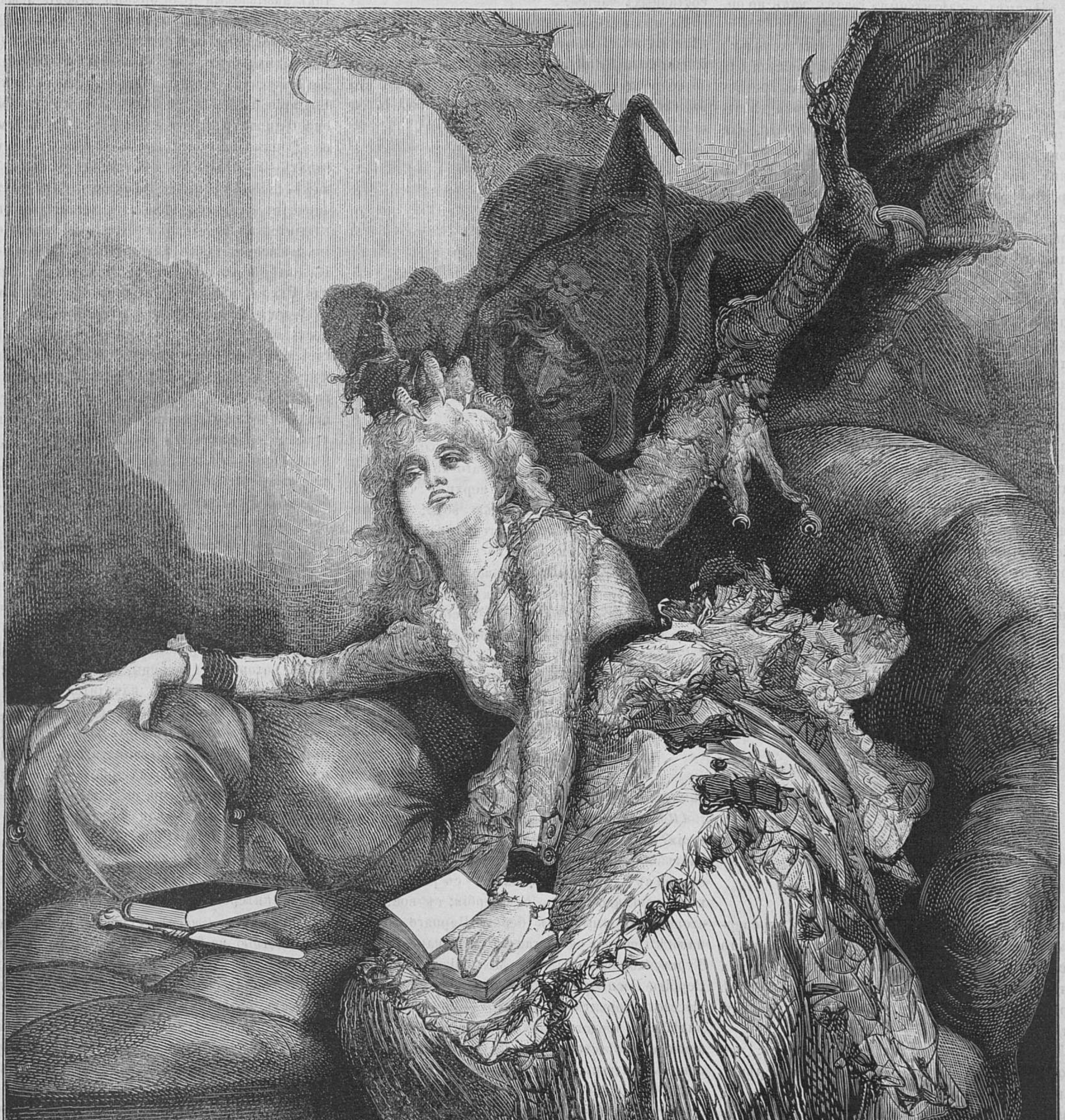
Фиг. 7.

который можно воспламенить, приблизивъ къ нему горящую свѣчу. Но объясненіе *пламени* его *горючестью* было бы похоже на извѣстное опредѣленіе доктора въ одной изъ комедій Мольера: «что опіумъ усыпляетъ, вслѣдствіе своихъ усыпительныхъ свойствъ».

Не ограничиваясь вышеприведеннымъ опредѣленіемъ пламени, дающемъ не совсѣмъ точное о немъ понятіе, я не замедлю дополнить его.

Теперь же возникаютъ два вопроса: откуда берется этотъ газъ и что происходитъ съ нимъ во время горѣніи? На первый изъ этихъ вопросовъ я отвѣчу очень коротко. Онъ образуется, при

только на нѣсколько дней — желая привести къ концу нѣкоторые начатые имъ опыты, могущіе пролить новый свѣтъ на изучаемую имъ науку. Но революціонный комитетъ отвергъ его просьбу и такимъ образомъ онъ окончилъ свое существованіе на 51-мъ году жизни.



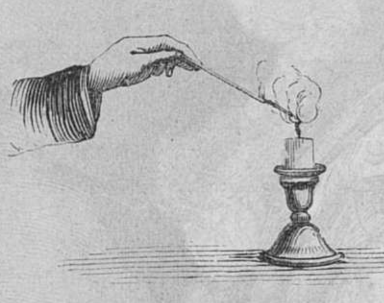
Дурная книга. Оригинальный рисунокъ М. Е. Андріоли.

Гравировалъ А. Шлиперъ.

посредствѣ тепла, изъ сала, стеарина, или воска, точно также, какъ свѣтильный газъ получается отъ нагрѣванія каменнаго угля. Не трудно поэтому убѣдиться въ существованіи сходства между свѣчнымъ и свѣтильнымъ газомъ, какъ по образованію, такъ и по свойству ихъ.

Этотъ горючій газъ можно получать не только изъ упомянутыхъ выше веществъ, но также и изъ дерева, холста, бумаги и многихъ другихъ предметовъ. Чтобы убѣдиться, что горючій газъ дѣйствительно можетъ образоваться изъ бумаги, для этого достаточно свернуть полълиста въ трубку. одинъ конецъ которой нужно загнуть такимъ образомъ, чтобы трубка съ одной стороны была плотно закрыта,—при чемъ въ небольшомъ разстояніи отъ загнутаго конца вырѣзывается небольшое отверстіе.

Если затѣмъ зажечь открытый конецъ такой трубки (держа открытый конецъ въ нѣсколько наклонномъ положеніи книзу), то черезъ отверстіе, находящееся у загнутаго конца трубки, начнетъ выходить газъ, который можно зажечь, приблизивъ къ нему горящую спичку. При горѣніи свѣчи, горючій газъ образуется такимъ же образомъ. Зажигая фитиль, мы тѣмъ самымъ растопляемъ нѣкоторое количество стеарина, находящагося около свѣтильни. Вслѣдствіе этого, вокругъ фитиля образуется углубленіе въ видѣ блюдечка, заключающее въ себѣ растопленный стеаринъ; послѣдній всасывается фитилемъ, и подъ вліяніемъ огня превращается въ газъ, который и горитъ въ видѣ конуса. Если мы дунемъ на свѣчку и потушимъ ее, то втеченіи нѣкотораго времени изъ фитиля будетъ отдѣляться газъ. Если къ этому газу поднесть зажженную спичку (фиг. 8), то онъ загарается,—при чемъ пламя отъ него сообщается и фитилю. Если же перевернемъ зажженную свѣчку пламенемъ внизъ, то растопленный стеаринъ зальетъ фитиль и пламя потухнетъ. Изъ этого слѣдуетъ, что въ свѣчѣ горитъ не растопленный стеаринъ, сало или воскъ, а газъ.



Фиг. 8.

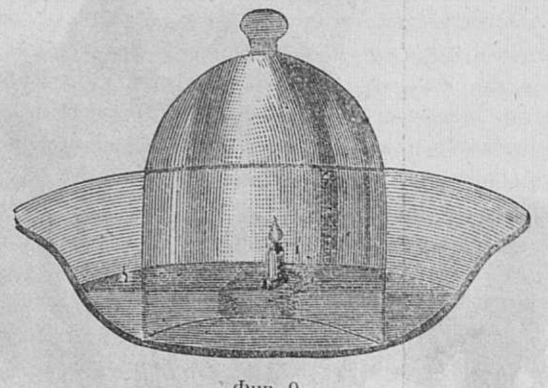
Теперь слѣдуетъ отвѣтить на вопросъ: что происходитъ съ газомъ во время его горѣнія. Такъ какъ въ этомъ отвѣтѣ заключается вся сущность вопроса о свойствахъ пламени, то я остановлюсь на немъ нѣсколько долѣе.

Всѣмъ извѣстно, конечно, что всякое тѣло можетъ горѣть только въ присутствіи воздуха. Если мы поставимъ зажженную свѣчу подъ колоколъ пневматической машины и станемъ выкачивать изъ него воздухъ, то пламя свѣчи начнетъ уменьшаться и наконецъ совсѣмъ потухнетъ. Всякому извѣстно также, что дрова въ печкѣ при слабой тягѣ горятъ вообще медленно,—и что если закроемъ бумагой отверстія, находящіяся подъ горѣлкой керосиновой лампы, служащія для притока воздуха, то лампа тотчасъ потухнетъ.

Пламя свѣчи точно также тухнетъ и въ такихъ погребахъ, гдѣ происходитъ броженіе большого количества вина—а слѣдовательно, въ подвалахъ, наполненныхъ углекислымъ газомъ, т. е. тѣмъ газомъ, который выдѣляется послѣ откупориванія шампанскаго, пива, сельтерской воды и пр.; равнымъ образомъ, всякаго рода горящій предметъ потухаетъ въ пещерахъ наполненныхъ этимъ газомъ, какъ, напр., въ извѣстной Собачьей пещерѣ. Изъ всего этого слѣдуетъ заключить, что безъ воздуха горѣніе невозможно.

— Но весь ли воздухъ необходимъ для поддержанія горѣнія, или только нѣкоторыя изъ его составныхъ частей?

Въ продолженіи многихъ вѣковъ добивались отвѣта на этотъ вопросъ, который разрѣшенъ, приблизительно, лѣтъ сто тому назадъ. Рѣшеніе этого вопроса принадлежитъ химику Лавуазье. Мы, въ свою очередь, попытаемся рѣшить этотъ вопросъ помощью опыта (фиг. 9).



Фиг. 9.

Нальемъ нѣкоторое количество воды въ большое блюдо, по серединѣ котораго положимъ камень такой величины, чтобы верхняя часть его выступала надъ поверхностью воды; къ этому камню прикрѣпимъ кусокъ стеариновой или сальной свѣчи. Впрочемъ, вмѣсто камня можно также взять деревянный поплавокъ, на которомъ могъ бы помѣститься кусокъ свѣчи. Затѣмъ, зажжемъ свѣчу, накроемъ ее обыкновеннымъ стеклянымъ колпакомъ, а при не имѣніи послѣдняго, и большою банкою изъ бѣлаго стекла.

Что тогда произойдетъ?

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Между Болгарами.

Путешествіе Вильгельма Лежана.

(*Предисловіе переводчика*). Гдѣ находится Болгарія? На такой вопросъ большинство отвѣчаетъ обыкновенно, что эта страна граничитъ съ сѣвера съ Дунаемъ, съ запада — съ рѣкою Тимокомъ, отдѣляющимъ ее отъ Сербіи; съ восточной стороны ее омываютъ берега Чернаго моря, а на югѣ границы ея составляютъ Балканскія горы. Турки, хорошо знающіе Молдавію и Валахію, Сербію, Боснію, Черногорію, обѣ Албаніи и даже свою Хорватію и Грецію — не имѣютъ ни малѣйшаго представленія о Болгаріи, не смотря на близкое сосѣдство съ нею. Они знаютъ только однихъ болгаръ, населяющихъ почти всѣ санджаки; имъ извѣстно также, что тамъ, гдѣ на географическихъ картахъ обозначено положеніе Болгаріи,— а именно подъ самыми Балканами,—дѣйствительно живетъ болѣе всего болгаръ. Въ такомъ наивномъ знаніи турки не ошибаются, такъ какъ у Балкановъ не только всѣ села, но даже цѣлые города населены исключительно болгарами, которые только на сѣверъ отъ этихъ горъ смѣшиваются съ другими племенами. Въ географическомъ отношеніи Болгарія, населенная 2.877,000 жителей, по свойству почвы, дѣлится на три части: восточную, среднюю и западную. Въ первой изъ нихъ можно различить еще двѣ половины: сѣверную или округъ Бабадагъ (между Мидіей, Дунаемъ и Гирсовой) и южную или Добруджскія степи (Добруджа,—между Мидіей, Варной, Гирсовой, Розоватой и Базарджикомъ). Въ бабадагскомъ округѣ проживаютъ преимущественно запорожцы, некрасовцы и молдаване, населяющіе цѣлыя сёла, расположенныя близь Дуная или невдалекѣ отъ этой рѣки. Турки живутъ здѣсь преимущественно въ городахъ и крѣпостяхъ; при чемъ изъ всего населенія Бабадага собственно болгары составляютъ едва десятую часть. На Добруджѣ преобладающій элементъ мусульмане, болгаръ же можно встрѣтить исключительно только между рабочимъ классомъ. Средняя часть, или такъ называемый Дели-орманъ (лѣсъ), лежащая между Силистріей, Рущукомъ и Шумлой (Шумeномъ), населена преимущественно турками ($^4/_5$). Дели-орманъ граничитъ съ востока съ Добруджей, а съ сѣвера—съ Дунаемъ. Наконецъ, западная часть Болгаріи населена по большей части болгарами; она граничитъ на востокъ съ рѣкою Кара-Ломомъ или Чернымъ-Ломомъ, на сѣверѣ—съ Дунаемъ, на западѣ—съ Большимъ и Малымъ Тимокомъ, и на югѣ—съ Балканами. Здѣсь, въ южныхъ частяхъ видинскаго пашалыка, находятся селенія, почти исключительно населенныя болгарами, съ которыми сливаются также жители Ниша, Софіи и пр. На сѣверѣ, около Систова, Никополиса, Оравы или Раховы и Жибра, также живетъ очень много болгаръ, хотя здѣсь они и уступаютъ по численности мусульманамъ. — Ознакомившись съ Болгаріею въ географическомъ отношеніи, сдѣлаемъ краткій историко-этнографическій очеркъ той эпохи, когда существованіе болгарскаго государства было столь грозно для Турціи. Если мы станемъ приближаться къ Балканамъ съ западныхъ береговъ рѣки Черный Ломъ, то увидимъ, что населеніе Болгаріи становится все болѣе и болѣе однороднымъ, одноплеменнымъ, т. е., что оно состоитъ исключительно изъ болгаръ. Этотъ народъ, подвигаясь далѣе къ югу, достигаетъ Балканскихъ горъ, населяетъ ихъ и даже переходитъ по другую сторону, а выдвигаясь клиномъ между Тырновой, Софіей и Пловдиномъ, достигаетъ Орфанскаго залива Эгейскаго моря, гдѣ уже смѣшивается съ греками. Въ этой гористой Болгаріи, которую европейцы, неизвѣстно почему, называютъ Македоніею, находится болѣе $2^1/_2$ милліоновъ болгаръ и самое большое, 100,000 турокъ, живущихъ исключительно въ городахъ. Липранди, у котораго мы заимствуемъ эти подробности, дѣлитъ Болгарію на три части: собственно гористую (главн. гор. св. Софія и Тырново), загорную (Пловдинъ или Филиппополь) и собственно Македонію (Сересъ).

Дальнѣйшія этнографическія подробности мы будемъ сообщать читателямъ въ видѣ примѣчаній къ интересному путешествію Лежана.

(*Предисловіе автора*). Туристы, привыкшіе къ путешествію на рѣчныхъ пароходахъ и находящіе, что этотъ, нынѣ почти уже заброшенный modus eundi, заключаетъ въ себѣ особенную прелесть, безъ сомнѣнія, согласятся, что экскурсія по теченію Дуная отъ Вѣны до Галача, а оттуда къ Черному морю, производитъ самое пріятное впечатлѣніе и оставляетъ неизгладимыя воспоминанія въ каждомъ, кому удалось проплыть по этому пути. Поверхностному туристу, быть можетъ, надоѣла бы нѣкоторая однообразность первой половины этого путешествія, такъ какъ здѣсь приходится проѣзжать плоскую мѣстностью, равняющеюся по величинѣ, по крайней мѣрѣ, четверти Франціи, и гдѣ, на протяженіи ста миль, не видно даже и небольшаго холмика. Равнина эта—иначе, венгерская пушта. Повсюду встрѣчающіяся стада рослыхъ быковъ съ громадными рогами, а также стерегущіе ихъ конные пастухи, съ длинными усами и въ развѣвающейся одеждѣ, достаточно характеризующіе всю эту мѣстность. Конные пастухи — это дѣти Арпада, потомки воиновъ Гуніяд (1400 — 1456), гонведы Клапки и Маврикія Перчеля.

Удовлетворяя своему непреодолимому желанію еще разъ повидать Болгарію, я въ четвертый разъ переѣхалъ пушту и, желая поскорѣе достигнуть цѣли своего путешествія, сѣлъ, въ Вѣнѣ, на желѣзно-дорожный поѣздъ и въ одну ночь промчался черезъ всю нижнюю Венгрію.

I.

Ниготинъ: историческія воспоминанія.—Видинъ. —Никополисъ.- Цивилизованный турецкій городъ Рущукъ. — Гостинницы cafés-chantants. Пріятная встрѣча.

Благодаря постоянно увеличивающимся сношеніямъ запада съ Придунайскими княжествами, путешествіе по Дунаю до границы Румыніи было описано такое множество разъ, что въ достаточной мѣрѣ успѣло уже понадоѣсть всѣмъ и каждому. Я поэтому уволю своихъ читателей отъ описанія Желѣзныхъ Воротъ и прекрасныхъ тѣнистыхъ холмовъ подъ Орсовой, гдѣ Австрія, Румынія и Сербія встрѣчаются между собою, и гдѣ населеніе отличается своими разнообразными костюмами. Прибрежье Румыніи, лежащее за Орсовой, представляетъ собою однообразно-зеленѣющую и утомительно-голую степь. Глаза невольно отворачиваются отъ нея и взоръ инстинктивно направляется къ холмамъ праваго берега, которые, вслѣдствіе сильнаго контраста съ лѣвымъ, кажутся еще болѣе живописными. Путешествуя на востокѣ, я привыкъ встрѣчать горы, покрытыя только одной травой; вотъ почему всѣ сербскіе горы и холмы, съ растущимъ на нихъ, отъ подошвы и до вершины, густымъ лѣсомъ, приводили меня въ восторгъ и удивленіе. Лѣсъ въ Сербіи находится подъ охраной народнаго суевѣрія. «Кто срубаетъ дубъ»—говоритъ мѣстная поговорка,— «тотъ убиваетъ Серба». Одно изъ самыхъ распространенныхъ бѣлградскихъ періодическихъ изданій носитъ заглавіе «Лѣсъ». Туземные пастухи—воины и имѣютъ хорошую память: они помнятъ, что въ темной чащѣ этихъ лѣсовъ ихъ, плохо вооруженные предки, семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, храбро сопротивлялись многочисленнымъ войскамъ великаго визиря и, помня это, не желаютъ истреблять лѣсовъ, — не желаютъ проводить въ нихъ дорогъ, потому что эти дороги могутъ служить для передвиженія по нимъ нарѣзныхъ орудій султана.

Холмы мало по малу удаляются на западъ, направляясь къ довольно населенной равнинѣ, въ которой находятся еще весьма свѣжія развалины—Ниготинъ. Съ чувствомъ глубокаго уваженія смотрю я на эти руины, напоминающія мнѣ геройскую, и вмѣстѣ съ тѣмъ мало извѣстную исторію.

Въ 1811 году, во время борьбы Сербіи за независимость, начальникъ отряда—Велико (Veliko), нынѣ сказочный народный герой, заперся въ Ниготинѣ съ горстью своихъ удальцевъ, и сталъ горячо отбиваться отъ цѣлой арміи видинскаго паши. Армія эта, состоявшая изъ 18,000 чел. турокъ, не могла справиться съ храбрымъ противникомъ; великій визирь и Валахскій господарь принуждены были собрать болѣе значительныя силы. Саперы и инженеры взрывали по очередно одну башню за другою; Велико укрылся въ погребѣ. Когда запасы истощились, онъ разрѣзалъ на куски всю кухонную посуду и мелкую монету, и выпустилъ все это въ видѣ зарядовъ въ своего противника. Осада могла бы длиться безконечное время — но въ одно утро Велико, осматривая свои батареи, былъ узнанъ турецкимъ артиллеристомъ, который мѣткимъ выстрѣломъ положилъ его на мѣстѣ. Падая на землю, онъ продолжалъ кричать своимъ товарищамъ: «не сдавайтесь!».

Велико былъ, безъ сомнѣнія, замѣчательнымъ патріотомъ и героемъ, но прежде всего онъ былъ страстнымъ воякой. «Я ничего не желаю» — говаривалъ онъ — «какъ только того, чтобы въ Сербіи война продолжалась до самой моей смерти и чтобы миръ былъ заключенъ только послѣ моей кончины». Подобную склонность къ войнѣ съ турками можно замѣтить на востокѣ между всѣми славянами. Если бы у насъ, на западѣ, нашелся такой войнолюбивый человѣкъ, то, безъ сомнѣнія, онъ показался бы для всѣхъ просто смѣшнымъ—хотя, съ другой стороны, я и не увѣренъ, смѣялись ли бы надъ нимъ лѣтъ триста тому назадъ Въ Сербіи же и въ Черногоріи такой воинственный пылъ вполнѣ натураленъ и слова, произнесенныя Велико, выражаютъ только общее настроеніе всѣхъ славянъ. Какъ бы то ни было, но я вывожу изъ этого то заключеніе, что Турція не можетъ спать спокойно, имѣя у себя подобныхъ сосѣдей. Во всякомъ случаѣ, ея хитрости и уловки не отстранятъ ожидающей ее въ близкомъ печальной участи.

Я не останавливался въ Видинѣ, потому что такого скучнаго города не найдешь, вѣроятно, нигдѣ, даже и въ самой Болгаріи. Населеніе этого города смѣшанное—преобладающій же элементъ болгарскій. Крѣпость его, окружена двойнымъ валомъ, но, не смотря на это, ее продолжаютъ укрѣплять весьма сильно и до сихъ поръ. Не понимаю только, противъ кого, если не противъ самихъ болгаръ возводятся грозныя батареи. Впрочемъ, отсюда не далеко до Румыніи, Сербіи и Австріи. — Взвѣсивъ всѣ причины и pro и contra, необходимо приходишь къ тому убѣжденію, что истраченныя и истрачиваемыя суммы на укрѣпленіе Видина могли бы быть употреблены съ бо̀льшею пользою въ другомъ мѣстѣ, напр , въ Добруджѣ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Начало и постепенное развитіе письма.

При поверхностномъ взглядѣ на какое-либо изобрѣтеніе, доведенное до послѣдней степени совершенства и простоты, мы весьма часто упускаемъ изъ виду трудности, предшествовавшія появленію и развитію этого изобрѣтенія. Чтобы отыскать тотъ путь, по которому направлялись человѣческія усилія, — ведущія отъ усовершенствованія къ усовершенствованію, пока наконецъ не были достигнуты нынѣшніе результаты,—надобно владѣть почти тою же проницательность, какая необходима была для созданія самыхъ усовершенствованій. Въ настоящее время мы на столько удалены отъ тѣхъ первобытныхъ, грубыхъ средствъ, которыя служили исходною точкою, началомъ всякаго изобрѣтенія, что на первыхъ порахъ намъ трудно распознать внутреннюю связь того или другого изобрѣтенія съ современнымъ его развитіемъ и назначеніемъ. Все это вполнѣ относится и къ письму, (какъ искусству) — этому замѣчательному изобрѣтенію, которое кажется столь простымъ на первый взглядъ, вслѣдствіе того, что мы съ самаго ранняго возраста освоились, свыклись съ нимъ. На самомъ-же дѣлѣ, потребовались вѣковыя попытки и усилія, чтобы создать нынѣшній методъ письма; большинство обыкновенно и не предполагаетъ возможности постепеннаго развитія этого изобрѣтенія, начало котораго теряется въ доисторическихъ временахъ; оно и понятно, такъ какъ извѣстно, что чѣмъ общеполезнѣе какое либо изобрѣтеніе, тѣмъ менѣе знакома намъ исторія его возникновенія и развитія.

Но что̀ другое, на самомъ дѣлѣ, можетъ быть интереснѣе исторіи развитія письма,—этого двигателя, увеличившаго значеніе и силу человѣческаго слова, сдѣлавшаго возможнымъ развитіе наукъ и значительно облегчающаго сохраненіе и передачу потомству свѣдѣній, добытыхъ путемъ опыта и наблюденій, словомъ, такого двигателя, которому обязаны своимъ распространеніемъ всѣ другія изобрѣтенія?

Исторія письма занимаетъ собою лучшія страницы исторіи развитія человѣческаго ума; она осязательно указываетъ на тѣ первобытныя грубыя средства, которыя употреблялись человѣкомъ съ цѣлью увѣковѣчить и распространять добытыя имъ знанія. Сколько истинъ, открытыхъ человѣческимъ умомъ исчезло-бы безвозвратно, если бы не существовало письма? Исторія развитія этого изобрѣтенія можетъ служить прекраснымъ доказательствомъ постояннаго прогрессивнаго совершенствованія умственныхъ способностей человѣка и той могущественной силы, которая присуща дѣяніямъ его генія; вся исторія развитія письма прекрасно свидѣтельствуетъ о плодотворныхъ усиліяхъ человѣчества, направленныхъ постоянно къ осуществленію, повидимому, невозможнаго; въ то же время она можетъ служить прекраснымъ примѣромъ для борьбы съ тѣми трудностями, предъ которыми никогда не долженъ отступать человѣческій умъ.

Въ концѣ прошлаго столѣтія еще не представлялось возможности составить даже самый бѣглый очеркъ исторіи письма. Кромѣ баснословныхъ преданій, унаслѣдованныхъ отъ грековъ, тогда не знали ни одного памятника, который могъ бы привести изслѣдователя къ началу этого изобрѣтенія; впрочемъ если-бы въ то время и были извѣстны памятники, при помощи которыхъ можно было отыскать это начало, то все-таки, едвали съумѣли-бы воспользоваться ими. Только въ новѣйшее время, вслѣдствіе археологическаго изслѣдованія Египта, Востока и Мексики, а также благодаря трудамъ путешественниковъ и филологовъ, былъ собранъ необходимый матеріалъ и представилась возможность прослѣдить тѣ превращенія, которыя испытывало письмо въ періоды своего развитія; сравненіе же особенностей различныхъ графическихъ системъ и измѣненій, которымъ онѣ подвергались, открыло путь болѣе широкому взгляду на это изобрѣтеніе; прежнее невѣроятное предположеніе, благодаря сохранившимся памятникамъ, стало теперь непреложной истиной. Письмо, равно, какъ и языкъ, представляетъ собою продуктъ медленнаго вѣковаго труда; оно, не смотря на свою правильность и однообразіе, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названо произведеніемъ чьего-либо личнаго генія, а составляетъ результатъ постепенной смѣны и совершенствованія разнаго рода системъ.

I.

Далеко раньше, чѣмъ первобытный человѣкъ усвоилъ элементарныя понятія, необходимыя для его умственнаго и нравственнаго существованія, онъ созналъ необходимость помочь своей памяти —сохраненіемъ пріобрѣтенныхъ свѣдѣній. Вначалѣ, онъ пользовался для этого весьма несовершенными средствами, могущими только вызывать въ его памяти представленіе о томъ или другомъ фактѣ; съ этого цѣлью первобытный человѣкъ связывалъ воспоминанія о такихъ фактахъ съ хорошо извѣстными обыденными предметами. При высшей ступени умственнаго развитія лучшимъ мнемоническимъ *) средствомъ оказалось картинное изображеніе всего видѣннаго и слышаннаго; изображенія, вырѣзанныя на прочномъ матеріалѣ или начерченныя на гладкой поверхности, служили для передачи потомству извѣстныхъ представленій. Но у первобытнаго человѣка рука была непривычна и непослушна; вотъ почему многіе народы и до сихъ поръ довольствуются вырѣзанными на твердомъ матеріалѣ знаками, придавая которымъ разныя особенности, находятъ въ этомъ достаточное средство для передачи мыслей. Такіе, иногда весьма распространенные знаки, и обыкновенно очень не многочисленные, вырѣзывались на древесной корѣ, камнѣ, дощечкахъ, рисовались на кожѣ животныхъ или сухихъ листьяхъ. Равнымъ образомъ, для этой же цѣли пользовались ремнями и шнурками, навязывая на нихъ узлы. По сохранившимся въ Китаѣ преданіямъ, первые обитатели береговъ Гоанго пользовались даже привязанными къ палкамъ

---

*) ***Мнемоника***—искусство укрѣплять память вспомогательными средствами.

веревочками; это средство употребляется и до настоящаго времени у Міаосовъ,—дикихъ горцевъ, живущихъ въ юго-западной части Китая; весьма понятно, что подобнымъ способомъ нельзя было выразить ни многочисленныхъ историческихъ фактовъ, ни болѣе сложныхъ событій. Однако въ Перу способъ употребленія веревокъ вполнѣ развился въ письмо, которое, благодаря сочетанію разноцвѣтныхъ шнурковъ (*quipos*), довольно точно выражаетъ факты и нѣкоторыя понятія. Колѣнчатые бамбуки, связанные другъ съ другомъ веревками, положили начало тѣмъ причудливымъ знакамъ китайскаго письма, изобрѣтеніе котораго относится ко времени царствованія императора Фу-Хи. Татарскіе военачальники, до принятія татарами уйгурскаго алфавита (сирійскаго происхожденія), разсылали свои приказы, пользуясь для этого *Кхе-Му* т. е. палками, со сдѣланными на нихъ нарѣзами. Германскія племена, познакомившись съ латинскимъ алфавитомъ, назвали буквы—*Buch-Staben* (палки), такъ какъ испещренные извѣстными знаками большіе шесты служили у нихъ средствомъ для обмѣна мыслей; подобное же этому выраженіе — *bok-stafiv* означаетъ теперь въ Скандинавіи палочки съ таинственными знаками. У Тацита встрѣчается разсказъ о испещренныхъ разными надписями вѣтвяхъ фруктовыхъ деревьевъ, употреблявшихся при гаданіяхъ.

Изображеніе въ картинахъ тѣхъ или другихъ фактовъ вело къ большей наглядности; оттого большинство народовъ, одаренныхъ даже весьма слабыми художественными способностями, охотно прибѣгало къ этому способу, положившему начало собственно письму. У весьма многихъ дикихъ и полудикихъ народовъ почти всегда находили подобное картинное письмо изображавшее, съ большею или меньшею правильностью, множество предметовъ. Этодъ методъ нельзя назвать плодомъ подражательнаго инстинкта, свойственнаго человѣку; онъ прямо служилъ цѣлью для увѣковѣченія воспоминанія объ извѣстныхъ историческихъ фактахъ и добытыхъ понятіяхъ. Ста лѣтъ не прошло съ тѣхъ поръ, какъ американскіе индѣйцы перестали описывать свои военныя экспедиціи, охоту, рыбныя ловли и всякаго рода отважныя путешествія въ картинахъ. Этимъ путемъ краснокожіе, въ довольно безобразныхъ картинахъ, сохраняли свои знанія: миѳологію, медицинскія свѣдѣнія и извѣстнаго рода заклинанія; этимъ же путемъ у нихъ разсылались, по разнымъ сосѣднимъ племенамъ, распоряженія и поддерживались сношенія съ союзниками и врагами. Рисунки, образчики которыхъ можно найдти въ спеціальныхъ описаніяхъ, поразительнымъ образомъ похожи на маранье дѣтей.

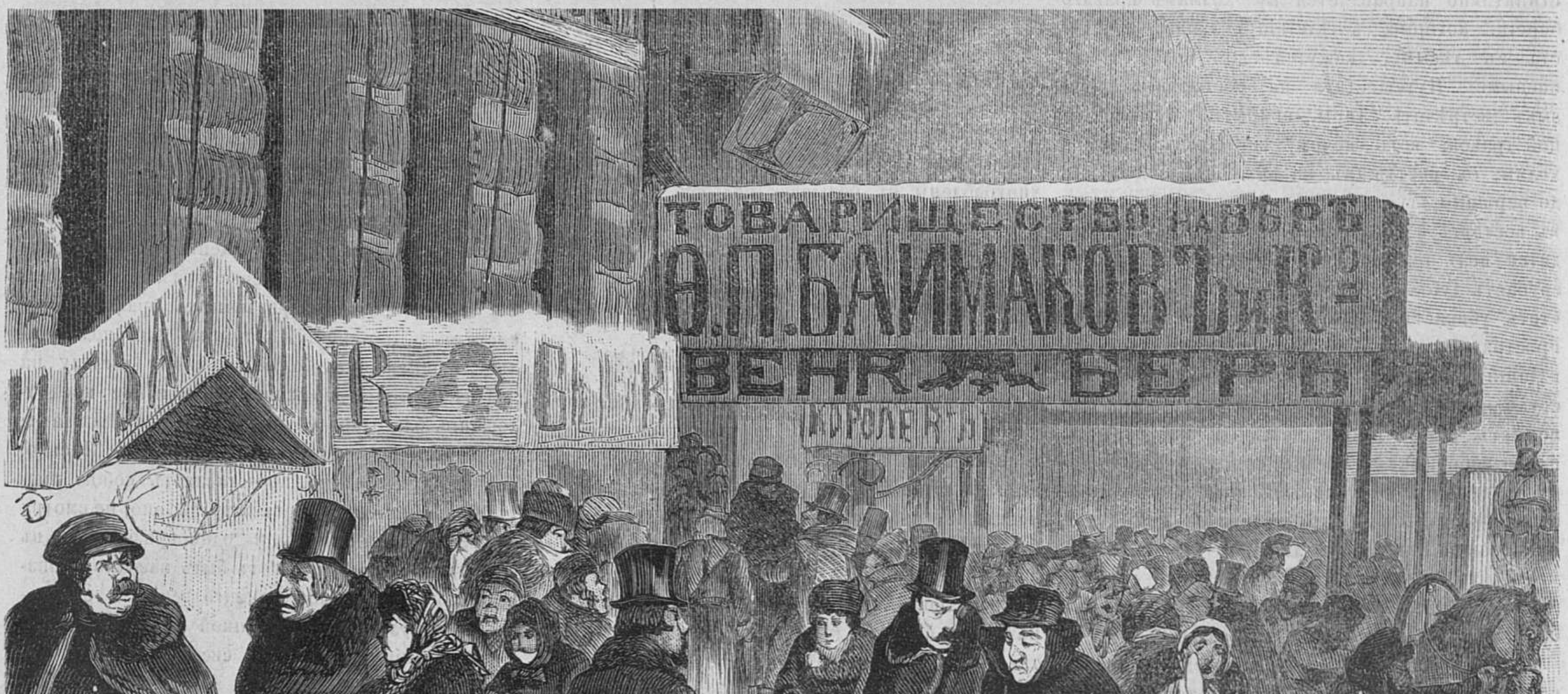
На этой ступени начальное письмо совершенствуется съ развитіемъ искусствъ; при чемъ тѣ племена, которыя не были знакомы съ инымъ письмомъ, не подвинулись далѣе подражанія формамъ. Однако, нѣкоторые народы достигли довольно значительной степени искусства и ловкости и въ этомъ идеографическомъ родѣ живописи. Такъ, между различными племенами Сѣв. Америки, мексиканцы владѣли истиннымъ искусствомъ и въ концѣ XV вѣка достигли замѣчательнаго умѣнья пользоваться идеографическими знаками, т. е. изображать добытыя понятія въ картинахъ.

Въ 1519 г., въ день Св. Пасхи, Фердинандъ Кортецъ завелъ переговоры съ посланнымъ мексиканскаго государя; посланный явился въ сопровожденіи многихъ туземцевъ, которые стали усердно рисовать кистями на бумажныхъ и агавовыхъ лентахъ все, что поражало ихъ, какъ-то: корабли, вооруженныхъ солдатъ, лошадей и т. п. По этимъ бѣлымъ эскизамъ мексиканскіе художники составили картины, вызывавшія невольное удивленіе испанскаго авантюриста; когда ихъ спросили, съ какою цѣлью они рисуютъ свои картины, туземцы отвѣчали, что они пошлютъ эти картины своему королю Монтезумѣ; испанцы были еще болѣе удивлены, когда увидали въ картинахъ вѣрное изображеніе маневровъ, кораблей съ пушечною пальбою, произведенныхъ съ цѣлью удивить мексиканцевъ.

Не всѣ однако народы, изображающія свои понятія въ картинахъ, достигли такого совершенства въ идеографической живописи. Передавать съ большой точностью тѣ или другіе предметы, изъ дѣйствительной жизни, вырисовывая детали ихъ, было затруднительно для многихъ народовъ; но такъ какъ подобные рисунки должны были дѣйствовать на зрителя и помогать его памяти, то у большинства эскизы рисовались весьма просто, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ состояли только изъ нѣсколькихъ, существенно необходимыхъ линій. Въ идеографическомъ письмѣ имѣли мѣсто: метафоры, метонимія, и т. п.; часть изображалась вмѣсто цѣлаго и наоборотъ, орудіе—вмѣсто совершаемой ими работы и т. д.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

ИЗЪ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЖИЗНИ.



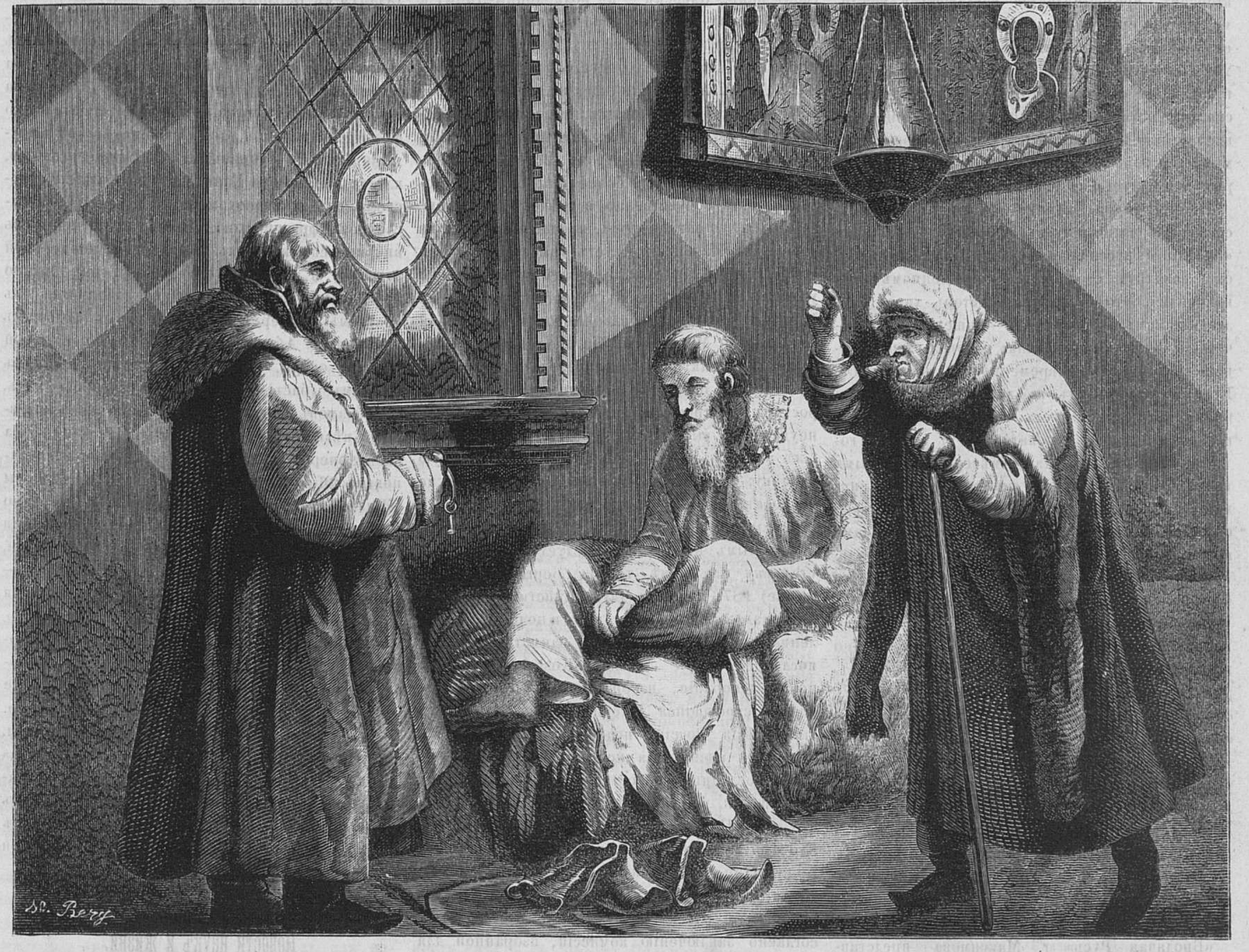
Сцена на Невскомъ проспектѣ, у конторы Ѳ. П. Баймакова, въ день его банкроства. (Рисовалъ съ натуры В. Шпакъ).

* * *

Критика и библіографія.

Отечественныя записки № 11. „Лихія болѣсти", романъ П. Боборыкина.—„День прошелъ и слава Богу", Н. Щедрина. — „Бесѣда о русской словесности", А. Скабичевскаго. — „Бродячая Русь", С. Максимова.

Пьеръ Боборыкинъ въ своемъ новомъ романѣ старается разыграть изъ себя роль психолога, которая однако ему совсѣмъ не дается. Начать съ того, что въ своемъ романѣ «Лихія болѣсти» г. Боборыкинъ пережевываетъ старую тему о «лишнихъ» людяхъ. Читатель, быть можетъ, подумаетъ что въ романѣ г. Боборыкина можно почерпнуть объясненіе, почему, напр., «лишніе» люди возможны у насъ еще и теперь, когда и пр.? Никакого подобнаго объясненія вы, читатель, не найдете, а лишь въ сотый разъ будете перечитывать то, что давно уже хорошо извѣстно всѣмъ и каждому. Герой романа «Лихія болѣсти», Мещериновъ,— одинъ изъ тѣхъ нравственно больныхъ людей, которые всю жизнь гоняются за какимъ-то дѣломъ, но котораго они не могутъ найти, несмотря на бѣшенныя поиски, и, въ концѣ-концовъ, снѣдаемыя своею собственною пустотой, сходятъ со сцены. Мещериновъ былъ уже одинъ разъ женатъ, но развелся съ Мартелью, причемъ эта женщина сама захотѣла развода, думая почему-то, что другая женщина воскреситъ этотъ трупъ, вызоветъ его къ новой жизни. Но, какъ оказывается и эта другая—не въ состояніи оживить больного, который, разочаровавшись въ своей новой подругѣ жизни, приходитъ наконецъ къ убѣжденію въ необходимости развестись и съ Идою Николаевною. Неудавшаяся жизнь, силы потраченныя въ борьбѣ съ окружающею средою,—все это сваливается, конечно, на самую жизнь, на другихъ людей, виновныхъ, яко-бы, въ тѣхъ неудачахъ, которые подъѣдаютъ въ корень существованіе «лишнихъ» людей, и выбрасываютъ ихъ за бортъ житейскаго корабля. Эту старую, довольно заѣзжанную мысль и проводитъ авторъ въ своемъ новомъ романѣ. Можно было бы подумать что нашъ «модный» романистъ,—какъ принято называть г. Боборыкина,—покажетъ въ своемъ героѣ новый своеобразный родъ лишнихъ людей, воспитанныхъ на почвѣ нашей, за послѣднія 10—15 лѣтъ, обновленной жизни. Но такое предположеніе оказывается неумѣстнымъ. Кромѣ старья, приправленнаго намеками на современность, да нѣсколькихъ сценъ, написанныхъ, правда, довольно удачно, въ романѣ «Лихія болѣсти» — новаго нѣтъ ничего. Откуда, зачѣмъ и почему продолжаютъ по старому мозолить свѣтъ «лишнія» люди—изъ новаго творенія г. Боборыкина, уразумѣть невозможно.



Мамушка Іоанна Грознаго. Рисунокъ Шварца. Гравировалъ А. Бергъ.

Въ ноябрьской же книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» помѣщена новая сатира Н. Щедрина: «День прошелъ и славу Богу», въ которой авторъ является такимъ же юмористомъ, какъ и въ извѣстныхъ «Губернскихъ очеркахъ» и «Благонамѣренныхъ рѣчахъ» Особенности этого юмора весьма удачно опредѣлены въ критической статьѣ Н. Языкова «Горькій смѣхъ, не легкій смѣхъ», помѣщенной въ журналѣ «Дѣло». «Смѣхъ г. Щедрина—говоритъ авторъ статьи—смѣхъ безпредметный и безцѣльный; онъ (т. е. Щедринъ) пишетъ разсказы, обличаетъ неправду и смѣшитъ читателя единственно потому, что умѣетъ писать легко и игриво, обладаетъ огромнымъ запасомъ диковинныхъ матеріаловъ и очень любитъ потѣшаться надъ этими диковинами вмѣстѣ съ читателемъ. Вслѣдствіе этихъ свойствъ автора, его произведенія въ высшей степени безвредны, для чтенія пріятны и, съ гигіенической точки зрѣнія, даже полезны, потому что смѣхъ помогаетъ пищеваренію, тѣмъ болѣе, что къ смѣху г. Щедрина, поразительно дѣйствующему на читателя, вовсе не примѣшиваются тѣ грустныя и серьезныя ноты, которыя слышатся въ глубоко прочувствованномъ смѣхѣ Диккенса, Теккерея, Гоголя, Гейне и всѣхъ дѣйствительно замѣчательныхъ юмористовъ». — Въ новой сатирѣ г. Щедрина проглядываетъ все тотъ же гигіеническій смѣхъ, не смотря на то, что онъ касается весьма грустнаго явленія,—пустоты жизни русскаго человѣка, пустоты, среди которой онъ убиваетъ все свое время. Повидимому, это печальное явленіе должно было бы оставить въ душѣ читателя глубоко-грустное впечатлѣніе; но не то выносится послѣ прочтенія сатирическаго разсказа г. Щедрина. Читатель посмѣется вмѣстѣ съ авторомъ надъ время—убиваніемъ современнаго человѣка, но въ душѣ его не закопошится никакихъ неотвязчивыхъ мыслей. Правда, у г. Щедрина, не въ примѣръ г. Боборыкину, мы видимъ желаніе объяснить причины такого грустнаго явленія, но съ объясненіемъ этимъ, смотря по вкусу, можно соглашаться и не соглашаться. Для доказательства, приводимъ небольшой разговоръ между Глумовымъ и Поликсеной Ивановной, въ которомъ сатирикъ объясняетъ причины нашего грустнаго время-провожденія.

— Смѣетесь вы надъ простотой, явное дѣло смѣетесь (говоритъ Поликсена Ивановна).

— Смѣхъ—это форма, а въ сущность я вникнуть прошу. Хорошо и благородно болѣть сердцемъ, какъ вы болѣете, да вѣдь и способность разсуждать не Богъ знаетъ какъ провинитесь, чтобы ее въ ссылку ссылать. Не станете-же вы, подобно вашему духовнику, отцу Арсенію, утверждать: чувство первѣе всего, а умъ, яко слуга, и на запяткахъ постоять можетъ.

— Это вы на счетъ «идей» что-ли? Зачѣмъ ихъ въ ссылку ссылать—Божьи вѣдь и онѣ? Только не ко двору онѣ у насъ, это я вѣрное слово вамъ говорю. Не бодрость онѣ придаютъ, а еще болѣе въ уныніе вводятъ. Примѣръ-то у меня на глазахъ. Нѣтъ, нѣтъ, да и заскучаетъ мой Павелъ Ермолаевичъ. Не любо съ идеями-то въ департаментъ ходить, а приходится.

— Приходится—вотъ это такъ, это вы правильно сказали. Я и самъ нынче этой вѣры сталъ, хотя все еще отъ старой привычки отдѣлаться не могу.... А вы мнѣ лучше вотъ, что скажите: почему у насъ всякое бѣдствіе, словно шабашъ какой-то въ россійскихъ сердцахъ производитъ? Вся мразь, все отпѣтое вдругъ оживаетъ и, пользуясь симъ случаемъ, принимается старые счеты сводить. О здравомъ смыслѣ, о свободѣ сужденія—нѣтъ и въ поминѣ. На всѣхъ языкахъ угроза, во всѣхъ взглядахъ—намѣреніе горло перекусить.... Булгаринъ изъ гроба всталъ: на потомковъ, говоритъ, полюбоваться пришелъ! Какъ вы полагаете, не позорно при этомъ «воскресеніи мертвыхъ» присутствовать?

— Да не преувеличиваете-ли вы?

— Нисколько не преувеличиваю, и говорю прямо: всякое бѣдствіе застаетъ наши лучшія силы въ расплохъ и дѣлается поводомъ для возбужденія какихъ-то непонятныхъ старыхъ счетовъ. И что всего ужаснѣе: люди, вполнѣ хорошіе, до того теряются при этомъ, что сами себя головой выдать готовы. Иной прямо говоритъ: виноваты, другой вторитъ въ тонѣ господамъ ташкенцамъ или хоронится.... Да-съ, не вымерли еще господа ташкентцы и долго не вымрутъ!

На сколько вѣрно подобное объясненіе, повторяемъ, предоставляется соглашаться каждому. Нельзя при этомъ не замѣтить, что въ своемъ новомъ разсказѣ г. Щедринъ остается все тѣмъ же глубокимъ наблюдателемъ, какимъ былъ и всегда, не смотря на то, что его сатира, какъ сказано, не производитъ на читателя сильнаго впечатлѣнія и не заставляетъ его глубоко задумываться надъ тѣми грустными явленіями, которыя онъ бичуетъ въ своихъ сатирахъ.

Отъ г. Щедрина переходимъ къ г. Скабичевскому, напечатавшему въ «Отечеств. Зап.» свои «Бесѣды о русской словесности», въ которыхъ онъ говоритъ о «нашемъ современномъ безвременьи». Это безвременье авторъ характеризуетъ такимъ образомъ: «Я,—пишетъ г. Скабичевскій,—вполнѣ раздѣляю недовольство большинства общества современной беллетристикой. Если и существуетъ въ литературѣ два—три имени, которыя слѣдуетъ исключить изъ этого недовольства; если и появляется въ теченіи года два-три произведенія, отмѣченныя сильнымъ талантомъ и обращающія на себя всеобщее вниманіе, то подобныя явленія представляются словно оазисами въ дикой пустынѣ. Они остаются сами по себѣ, а пустыня сама тоже по себѣ и, главное дѣло, продолжаетъ пребывать все той же безплодной пустыней». Принимаясь объяснять такое печальное положеніе русской словесности, г. Скабичевскій начинаетъ пространно говорить о существующихъ естетическихъ доктринахъ, противныхъ естественному инстинкту общества, но затѣмъ приходитъ къ сознанію, что современное безвременье объясняется не этими доктринами, а чѣмъ-то другимъ, но чѣмъ—г. Скабичевскій пока еще ничего не говоритъ. Мы же думаемъ, что относясь такъ легко къ доктринамъ, ему едва ли удастся подъискать надлежащее объявленіе разсматриваемому имъ явленію. Не можемъ не упомянуть только, что, говоря объ искусствѣ, г. Скабичевскій не сказалъ ничего, чего не говорилось бы давнымъ давно.

«Бродячая Русь» г. Максимова представляла бы громадный интересъ, если бы авторъ не растягивалъ своихъ статей ненужнымъ упоминаніемъ такихъ мелочей, которыя являясь въ статьяхъ излишнимъ балластомъ, только утомляютъ читателя. Этотъ недостатокъ прекрасныхъ статей, выкупается впрочемъ ихъ внутреннимъ содержаніемъ, поэтому статья г. Максимова можетъ быть прочитана всякимъ съ глубокимъ интересомъ.

Музыкальныя замѣтки.

Не смотря на тревожное время, порождаемое съ одной стороны неизвѣстностью исхода возникшихъ политическихъ затрудненій, съ другой—банковыми «крахами», петербургская публика продолжаетъ усердно заниматься музыкою и, что называется, «веселится отъ души». Спросъ—вызываетъ предложеніе, и эта истина находитъ блистательное приложеніе на нашемъ веселящемся Петербургѣ. Каждая недѣля наступившаго разгара музыкально-театральнаго сезона, приноситъ рядъ новинокъ, за которыми едва успѣваешь слѣдить. Откладывая, на время, нашу бесѣду о драматическихъ театрахъ, мы подѣлимся здѣсь съ читателями, музыкальными новостями, за истекшую недѣлю. Прежде всего, въ нашихъ замѣткахъ, мы должны упомянуть о бенефисѣ даровитаго артиста О. А. Петрова, поставившаго въ среду, 15-го декабря, на сценѣ Маріинскаго театра, оперу Даргомыжскаго «Каменный гость». Насколько намъ помнится, эта опера, появилась впервые въ 1869 году, а за тѣмъ послѣ нѣсколькихъ представленій сошла со сцены. Теперь «Каменный гость» не имѣлъ большаго успѣха, тѣмъ болѣе, что новыя исполнительницы ролей (какъ напр., Клебекъ — въ роли Донны-Анны) и Скальковская—Лауры) весьма сильно уступаютъ прежнимъ исполнительницамъ, какою была, напр, г-жа Платонова, такъ блистательно исполнявшая роль Донны-Анны. Что касается мужскихъ ролей, то какъ и въ первыя представленія «Каменнаго гостя», роль Донъ-Жуана игралъ г. Комисаржевскій, а г. Петровъ исполнялъ роль Лепорелло. Почтенный бенефиціанъ, по обыкновенію, былъ сочувственно встрѣченъ публикою. —Въ театрѣ опера-Буффъ, въ опереткахъ «Дочь рынка» и «Маленькій Фаустъ» выступила новая актриса, г-жа Минелли, о пріѣздѣ которой давно уже сообщали газеты. Въ первой опереткѣ г-жа Минелли исполняла роль Анго, а во второй пѣла партію Маргариты. На обоихъ представленіяхъ, новая актриса разочаровала присяжныхъ посѣтителей оперы Буффъ, не смотря на свой ростъ и плотное сложеніе. Нужно удивляться неудачному выбору тѣхъ ролей, въ которыхъ г-жа Минелли думала очаровать петербургскую публику; обѣ избранныя ею роли, далеко не подходятъ къ ней по ея годамъ, такъ какъ г-жа Минелли уже не первой молодости. — Къ скоро ожидаемымъ новинкамъ, слѣдуетъ отнести постановку на сценѣ театра Берга, обозрѣнія (revue) 1876 года, въ двухъ дѣйствіяхъ и 8-ми картинахъ: «Петербургъ днемъ и ночью», составленное г. Жоржемъ. Музыка заимствована изъ послѣдней оперы Лекока «Kosiki»; заказаны новыя декораціи, изображающія Невскій проспектъ, строющійся Литейный мостъ, памятникъ тысячелѣтія Россіи, подводное царство и пр. Готовятся роскошныя костюмы.—Наконецъ, въ числѣ послѣднихъ новостей, нельзя не упомянуть о сообщеніи, напечатанномъ въ «Правит. Вѣстн.», что Э. Ф. Направникъ удостоился получить отъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича слѣдующій рескриптъ: «Эдуардъ Францовичъ. Главная дирекція императорскаго русскаго музыкальнаго общества, согласно заключенію коммиссіи, избранной для обсужденія достоинства сочиненій, представленныхъ на конкурсъ по отдѣлу камерной музыки, признала достойнымъ преміи въ двѣсти пятьдесятъ рублей тріо съ девизомъ: «Богъ Троицу любитъ». По вскрытіи конверта, подъ симъ девизомъ оказалось, что сочиненіе это принадлежитъ вамъ. Съ особымъ удовольствіемъ поздравляю васъ съ симъ новымъ успѣхомъ, свидѣтельствующимъ о высокомъ музыкальномъ дарованіи вашемъ на поприщѣ сочинительства. Отъ всей души желаю, чтобъ и на этомъ поприщѣ вы стяжали славу, какую, безспорно, пріобрѣли искуснымъ управленіемъ оркестромъ русской оперы. На подлинномъ подписано: «Константинъ»

Переходя за тѣмъ къ обзору музыкальныхъ новинокъ въ Москвѣ, прежде всего должно упомянуть о симфоническихъ вечерахъ, русскаго музыкальнаго общества, дающаго концертъ еженедѣльно по пятницамъ. Въ эти дни, по словамъ корреспондента «Голоса», Москва рѣшительно приступомъ беретъ подъѣздъ благороднаго собранія (гдѣ устраиваются концерты) и всякій, кто даже за полчаса до начала концерта войдетъ въ залы, не видитъ уже свободнаго мѣста и обреченъ два—три часа простоять на ногахъ. Музыкальное общество своимъ серьезнымъ отношеніемъ къ дѣлу въ теченіи десяти лѣтъ успѣло воспитать въ огромной части московскаго общества эстетическое музыкальное чувство и какую-то страстную любовь къ классической музыкѣ. Этимъ и объясняется успѣхъ концертовъ музыкальнаго общества. На послѣднихъ вечерахъ, изъ солистовъ особенное вниманіе обращали на себя гг. Шпаковскій и Галли—оба весьма крупные артисты. Г. Шпаковскій, младшій профессоръ московской консерваторіи, развилъ свой талантъ въ Берлинѣ подъ руководствомъ ветерана фортепьянной игры, Ѳедора Куллака. Исполненный имъ на одномъ изъ симфоническихъ вечеровъ извѣстный концертъ (Es-dur) Листа обличилъ въ немъ опытнаго музыканта. Игра его, полная изящества, отличается тщательною фразировкою и при этомъ лишена всякой афектаціи. Г. Галли—ученикъ здѣшней консерваторіи, класса профессора Клиндворта, поражаетъ блескомъ, силою, полнотою звука и неменѣе осмысленною фразировкою. Этотъ юный виртуозъ впервые еще вступилъ на подмостки концертной эстрады, и, судя по его дебюту, ему можно предсказать видную карьеру піаниста. Въ третьемъ концертѣ участвовалъ съ большимъ успѣхомъ г. Абрамовъ, бывшій пѣвецъ кіевской русской оперы. Съ своимъ сочнымъ, свѣжимъ голосомъ (басъ) и толковою манерою пѣть, г. Абрамовъ могъ бы быть чрезвычайно полезнымъ пѣвцомъ на любой столичной сценѣ.—На сценѣ опернаго театра въ Москвѣ, былъ отпразднованъ 26-го ноября сорокалѣтній юбилей оперы «Жизнь за царя». Но опера прошла довольно нескладно, начиная съ солистовъ и кончая оркестромъ. — Въ прощальный бенефисъ Патти, шла старинная итальянская опера Кампана—«Эсмеральда»; но не смотря на это «чарующая дива» была восторженно принята публикою. Этотъ бенефисъ доставилъ «царицѣ пѣнія» множество сувенировъ въ родѣ десяти тысячнаго сбора, золотого медальона и бриліантовыхъ серегъ, не говоря уже о букетахъ, цвѣтахъ, вѣнкахъ и пр. — Къ числу ожидаемыхъ новинокъ Москвы, слѣдуетъ отнести сообщеніе «Музыкал. Свѣта» о томъ, что въ театрѣ Солодовникова предполагается съ будущаго января мѣсяца открыть рядъ оперныхъ спектаклей, участіе въ которыхъ главнымъ образомъ примутъ ученики московской консерваторіи.

Новости наукъ и жизни.

Желѣзныя дороги земного шара.—Общество анатомируемыхъ и обезглавливаемыхъ.

— Въ вышедшей на дняхъ книжкѣ «Journal des economistes» напечатана весьма интересная статья о желѣзныхъ дорогахъ земного шара, изъ которой мы заимствуемъ нижеслѣдующія статическія данныя. Длина всѣхъ рельсовыхъ путей нашей планеты составляетъ 301, 056 километровъ (километръ почти равенъ верстѣ), которые по частямъ свѣта распредѣляются такимъ образомъ: Европа имѣетъ 140, 558 кил., Азія — 11, 102 кил., Австралія—3,489 кил., Африка 2, 409 кил., Сѣверная Америка—136, 687 и, наконецъ, Южная Америка—6,841 кил. Эти общія цифры выведены изъ предварительнаго и притомъ весьма обстоятельнаго очерка положенія желѣзныхъ дорогъ въ разныхъ государствахъ всѣхъ частей свѣта. Общая сумма стоимости постройки желѣзныхъ дорогъ и средняя стоимость одного километра представляется для разныхъ государствъ въ далеко-неодинаковомъ видѣ. Такъ, *Великобританія съ Ирландіей* обладаютъ сѣтью въ 26, 318 кил., которые стоили ей 15.248.748.000 франк., что составляетъ около 580,000 фр. на километръ. Валовой ежегодный доходъ ихъ возросъ до $49\frac{1}{2}$ мил. фунт. стерл., а чистый составлялъ болѣе $26\frac{1}{2}$ мил. фун. стерлинговъ. Во *Франціи*, къ 3 сентября нынѣшняго года эксплуатировалось 22, 337 кил. желѣзныхъ дорогъ, стоимость которыхъ доходитъ до 10.178.000,000 фр., что составляетъ среднимъ числомъ 461,000 фр. на километръ, доходъ съ котораго въ 1875 году дошелъ до 43,302 фр, что равняется общей суммѣ дохода въ $839\frac{1}{2}$ мил. франк.—Длина сѣти желѣзныхъ дорогъ въ *Россіи* доходитъ почти до 19,431 кил., стоимостью въ 4.770,000,000 фр. или около 245,000 фр. километръ. Авторъ статьи отдаетъ полную справедливость энергіи, съ какою проводились наши дороги, и утверждаетъ, что въ этомъ случаѣ впереди насъ могутъ быть поставлены только англичане.—*Германія* заключаетъ въ своихъ предѣлахъ 27,956 кил. желѣзныхъ дорогъ, цѣнность которыхъ равняется 8,797,000,000 франк. — На долю *Австро-Венгріи* приходится 16,228 кил. (около 3,000 въ постройкѣ), представляющихъ собою цѣнность въ 5,647.000,000 франковъ.—Въ *Италіи* проведено 7,521 кил. желѣзныхъ путей, а въ *Турціи*, вмѣстѣ съ Азіятскою, всего только 1,375 километровъ.

— Подъ эфектнымъ названіемъ «Association des Disséqués et des Décapités» (Общество анатомируемыхъ и обезглавливаемыхъ), въ Парижѣ образовалось общество, преслѣдующее научную цѣль. Извлекаемъ изъ устава его слѣдующее: «Умственная будущность человѣчества зависитъ отъ точнаго знакомства съ отправленіями мозга. Но особенно важно ознакомиться со специальными отправленіями отдѣльныхъ частей мозга. Желательныя въ этомъ отношеніи изслѣдованія преимущественно должны быть дѣлаемы надъ образованными и пользующимися нѣкоторою извѣстностью лицами, т. е. надъ учоными, писателями, политиками, представителями промышленности и проч. Вотъ почему необходимо приложить всевозможныя старанія, чтобъ сдѣлать всеобщимъ вскрытіе труповъ какъ въ госпиталяхъ, такъ и въ семействахъ. Особенно семействамъ необходимо вручать всякій разъ протоколъ вскрытія труповъ и протоколы эти должны храниться для предъявленія врачамъ, въ случаѣ болѣзни того или другого потомка. Всѣ члены общества постановляютъ, поэтому, что послѣ ихъ смерти тѣло ихъ подлежитъ вскрытію и передаютъ лицамъ, пользующимся ихъ полнымъ довѣріемъ, предсмертное распоряженіе слѣдующаго содержанія: «Я нижеподписавшійся, желаю и требую изслѣдованія моего трупа для того, чтобъ отысканіе органическихъ недостатковъ или наслѣдственныхъ болѣзней, къ которому вскрытіе можетъ привести, доставило возможность предотвратить развитіе этихъ недостатковъ и болѣзней въ моихъ потомкахъ. Сверхъ того, я желаю, чтобъ тѣло мое послужило наукѣ и потому завѣщеваю трупъ мой, особенно мозгъ и черепъ, антропологической лабораторіи, гдѣ онъ имѣетъ быть употребленъ въ дѣло, какъ это будетъ признано за нужное, безъ предоставленія кому бы ни было права задерживать исполненіе этихъ постановленій, составляющихъ выраженіе моей свободной воли». Учредители общества — разные знаменитые медики и учоные, въ томъ числѣ докторъ Бертильйонъ (первый антропологъ-статистикъ во Франція), археологъ де-Мортиллэ, докторъ Топинаръ, докторъ Кудро, докторъ Коллино и др.

* * *

Со всего свѣта.

Турція. Конституція, дарованная султаномъ Абдулъ-Гамидомъ, и обнародованная 11 декабря состоитъ изъ слѣдующихъ основныхъ постановленій: 1) Нераздѣльность Отоманской порты. 2) Султанъ пользуется тѣми же прерогативами, какъ и западные конституціонные государи. 3) Свобода печати. 4) Каждый министръ отвѣтственъ за управленіе дѣлами своего вѣдомства. 5) Общее собраніе отомановъ, (которыми называются всѣ подданные) состоитъ изъ двухъ палатъ: сената и депутатовъ, которые собираются 1-го ноября каждаго года; 6) на каждые 100,000 жителей полагается одинъ депутатъ. 7) Засѣданіе палаты депутатовъ публичны 8) судьи несмѣняемы; засѣданія суда публичны и защита судебная свободна. 9) Провинціальное управленіе основано на началахъ самой широкой децентрализаціи. 10) Первоначальное образованіе обязательно. — Манифестъ султана, служащій введеніемъ къ конституціи, оканчивается такими словами: «настоящее великое событіе (обнародованіе конституціи) призвано возродить страну и дать самые счастливые результаты для всѣхъ населеній Турціи.

Англія. Лордъ Биконсфильдъ ожидаетъ только открытія засѣданій парламента, чтобы выйти въ отставку. Его восточная политика пала подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, и какъ правительство, такъ и народъ вполнѣ отказались отъ нея, почему слѣдовать ей далѣе невозможно. Одно преувеличеніе смѣнилось, какъ это обыкновенно бываетъ, другимъ, и теперь Англія намѣрена дѣйствовать за одно съ Россіей для улучшенія положенія восточныхъ христіанъ, а не придерживаться въ своей политикѣ, какъ это было прежде, исключительно принципа недовѣрія къ русскимъ. Фіаско восточной политики лорда Биконсфильда можно было предугадать заранѣе, такъ какъ онъ шелъ въ разрѣзъ съ общественнымъ мнѣніемъ и долженъ былъ уступить при первомъ напорѣ. Нація не понимала загадочныхъ намековъ Биконсфильда на связь между Калькуттой и Константинополемъ, а оцѣнила по достоинству злодѣйства въ Болгаріи и, въ силу прирожденнаго здраваго смысла, находитъ вполнѣ естественнымъ, что восточные христіанѣ хотятъ стряхнуть гнетущее ихъ иго. Вслѣдствіе этого, нація нашла нужнымъ взять въ свои руки управленіе восточной политикой и остановить правительство въ его дальнѣйшемъ слѣдованіи по прежнему пути. Прежде всего, Англія твердо рѣшилась не начинать, чтобы тамъ ни было, второй крымской компаніи. Дизраэли не могъ побудить миролюбивый англійскій народъ слѣдовать традиціонной политики Англіи, такъ какъ въ общественномъ мнѣніи, подобная политика уже давно утратила свое значеніе. «Традиціонная политика» Англіи отошла въ вѣчность вмѣстѣ съ лордомъ Пальмерстономъ, и нація сопротивлялась бы начатію войны, независимо отъ усилій Гладстона, Брайта, Лоу и другихъ.

Германія. Въ день Новаго года, въ Берлинѣ происходило большое торжество по случаю семидесятилѣтней годовщины вступленія императора Вильгельма (нынѣ уже почти 80-лѣтняго старца — онъ родился 22-го марта 1797 года) въ ряды пруской арміи. Берлинскія газеты ожидали было по этому случаю амнистій и т. п. Но императоръ Вильгельмъ пожелалъ придать этому торжеству исключительно военный характеръ, что и было исполнено. Императоръ принималъ въ этотъ день только военныхъ лицъ, къ парадному обѣду во дворцѣ были приглашены только представители арміи, и въ тостѣ, провозглашенномъ за этимъ обѣдомъ августѣйшимъ юбиляромъ, предлагалось выпить «за процвѣтаніе народа, созданное арміей».

* * *

Изъ Константинополя.

Собравшаяся въ Константинополѣ конференція для разрѣшенія вопроса о положеніи христіанъ не пришла и до сихъ поръ ни къ какому рѣшенію. Это обстоятельство приводитъ всякаго въ невольное удивленіе, если вспомнить, что представители державъ на этой конференціи считаются лучшими и извѣстнѣйшими дипломатами. Въ настоящую пору, причины, тормозящія дѣятельность конференціи, достаточно выяснились; главнымъ тормазомъ оказывается, конечно, само турецкое правительство, которое прибѣгаетъ ко всевозможнаго рода уловкамъ, чтобы парализировать дѣйствія представителей иностранныхъ державъ. Блестящимъ выраженіемъ чисто турецкой хитрости могутъ служить четыре первыя засѣданія конференціи.

Первое засѣданіе: Савфетъ-паша, уполномоченный турецкаго правительства и предсѣдатель конференціи, не явился. Безъ предсѣдателя какое же засѣданіе! — отложили. *Второе* засѣданіе: Савфетъ явился и прочелъ конституцію. Чтеніе заняло добрый часъ. За нимъ послѣдовало чтеніе объяснительной записки. Ни то, ни другое особеннаго эфекта не произвело, но время прошло и, когда провѣрили полномочія, оказалось уже поздно приступать къ преніямъ. Представили колективный меморандумъ, выработанный всѣми уполномоченными великихъ державъ на предварительныхъ засѣданіяхъ и содержащій въ себѣ требованія Европы отъ Турціи, и потомъ снова отложили. *Третье* засѣданіе: послѣ долгихъ пререканій на тему, можно или нельзя заниматься въ праздникъ курбана-байрама, подѣлили грѣхъ пополамъ и рѣшили засѣдать не въ первый день праздника, какъ предполагали, а въ третій. Собрались. Оказалось, что у турецкихъ уполномоченныхъ нѣтъ достаточныхъ полномочій и инструкцій для рѣшенія различныхъ вопросовъ, предложенныхъ на обсужденіе. Отложили еще на два дня. *Четвертое* засѣданіе: Савфетъ-паша представилъ контр-проектъ, выработанный турецкими министрами, но, къ сожалѣнію, проектъ этотъ еще не оконченъ переводомъ — все курбанъ-байранъ помѣшалъ — но его сейчасъ, сію минуту принесутъ. Онъ, Савфетъ-паша, самъ хотѣлъ принести его, но боялся заставить ждать своихъ высокихъ товарищей и просилъ быть столь любезными потерпѣть съ полчаса времени. Товарищи потерпѣли почти два часа, переводъ не явился; а какая же стать обсуждать проектъ, когда уже готовъ контрпроектъ? Чѣмъ даромъ терять трудъ и время, лучше подождать еще два дня и начать съ новорожденнаго контрпроекта. Рѣшили отложить.

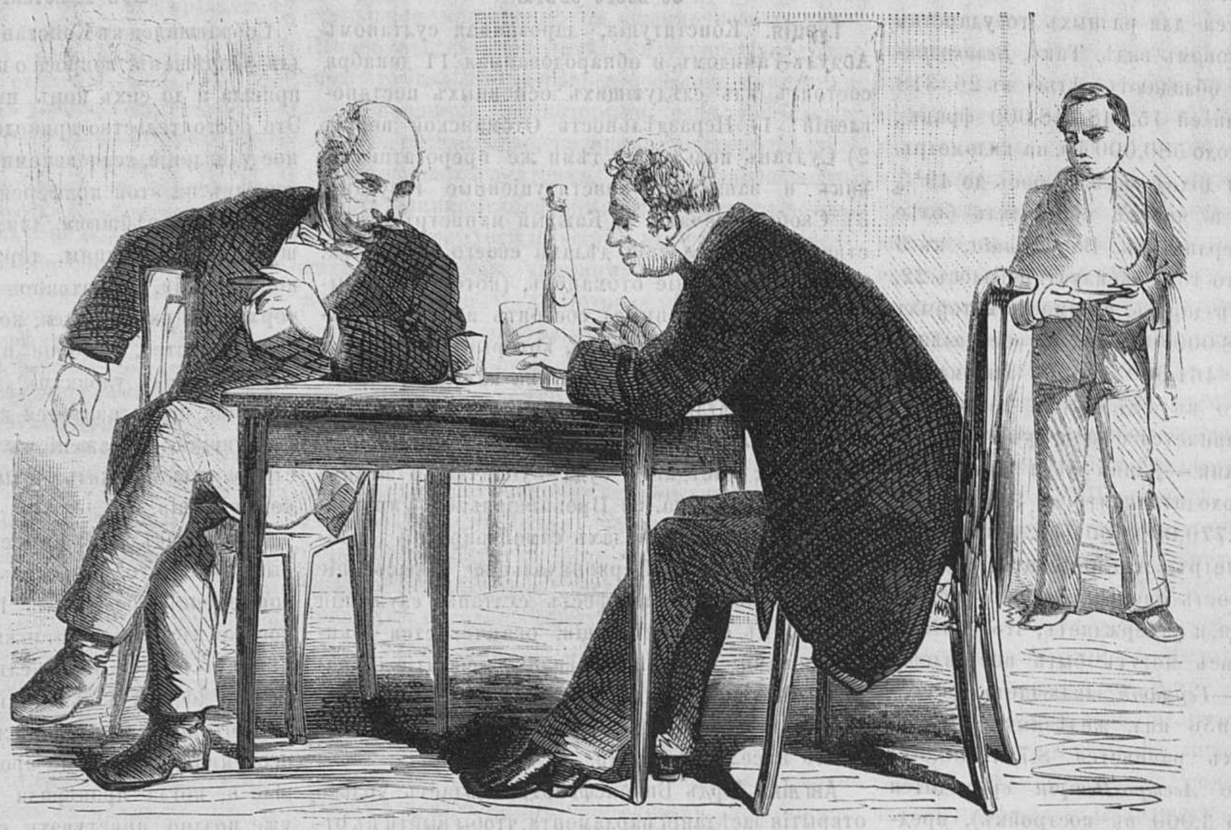
* * *

Наши гравюры.

Парусныя лыжи въ Сѣверной Америкѣ.

Рѣка Гудсонъ, какъ въ географическомъ, такъ и въ историческомъ отношеніяхъ, считается одною изъ замѣчательныхъ рѣкъ Соединенныхъ Штатовъ. По этой рѣкѣ, Генрихъ Гудсонъ, по имени котораго она и названа, впервые проникъ въ глубь страны; на ней же Фультэнъ показывалъ своимъ соотечественникамъ первый пароходъ. Ея берега между Нью-Іоркомъ и Албани чрезвычайно живописны; — правда ихъ не украшаютъ древніе замки, но тѣмъ не менѣе, по своей красотѣ, они не уступаютъ берегамъ Рейна; кромѣ того, имя рѣки связано со многими историческими воспоминаніями, напр., съ войною за независимость и такими легендарными преданіями, какъ наприм., о Рипъ-Ванъ-Винклѣ (Rip-WanWinkl). Рѣка Гудсонъ представляетъ въ настоящее время одинъ изъ самыхъ оживленныхъ водяныхъ путей въ Сѣв. Америкѣ. Жители Мангаттана чрезвычайно любятъ кататься по ней;

ЮМОРИСТИЧЕСКІЯ КАРТИНКИ.



Заботы о сыновьяхъ.

— Я, слыхалъ, что вы готовите вашего сына въ артисты? Но какіе?
— Да, признаться, я самъ еще хорошо не знаю; онъ отвратительно учится . . . и вообще, баклушничаетъ.
Поэтому я и думаю посвятить его искусству.
— На какомъ инструментѣ онъ играетъ?
— Правду говоря, лучше всего на биллье рдѣ.
— Но все же и это знаніе; а вотъ мой, балбесъ, такъ даже и на биллиардѣ проигрывается.

вслѣдствіе чего, во время лѣтней жары, желѣзная дорога до Албаны почти пустѣетъ, не смотря на то, что путешественники, ѣдущіе въ вагонѣ, могутъ любоваться тѣми же видами какіе представляются и съ парохода, такъ какъ желѣзный путь тянется вдоль рѣки. Но прохладная тѣнь пароходной палубы несравненно привлекательнѣе удушливаго воздуха вагона, вотъ почему лѣтомъ большинство предпочитаетъ ѣздить на пароходахъ. Съ наступленіемъ зимы, катанія по рѣкѣ прекращаются, такъ какъ въ это время, рѣка Гудсонъ покрывается льдомъ. Но находчивые американцы, полюбившіе рѣку Гудсонъ, нашли возможнымъ не покидать ея и на это время; вслѣдствіе чего, съ наступленіемъ зимы по этой рѣкѣ въ разныхъ направленіяхъ носятся парусныя лыжи, подобныя тому, какія представлены на помѣщаемомъ рисункѣ. Эти лыжи, благодаря своему особенному устройству, а также — гладкой поверхности льда, двигаются съ такою скоростью, что перегоняетъ идущіе по берегу рѣки поѣзда желѣзной дороги. Въ городѣ Poughkeeps, между Нью-Іоркомъ и Албани, хозяева подобныхъ лыжъ устроили даже станціи, гдѣ любители этой оригинальной поѣздки находятъ все готовое. Самый видъ этихъ лыжъ чрезвычайно оригиналенъ и прекрасенъ; носясь же по льду съ быстротою вѣтра они напоминаютъ собою птица-великановъ.

Дурная книга. Рисунокъ М. Е. Андріоли.

Недобрыя мысли закопошились въ головѣ молодой дѣвушки, когда она, дойдя до интереснаго мѣста романа, невольно откинулась на спинку кушетки и схватилась руками за голову, которая горитъ, какъ въ огнѣ. Мысли одна неотвяжнвѣе другой волнуютъ ее; точно какой-то невидимый злой духъ спустился надъ читающею и охватилъ ея мозгъ своими зловѣщими когтями. Тяжело дышится молодой груди, сердце бьется учащенно, и по всему тѣлу разлилась какая-то непонятная, до тѣхъ поръ неизвѣстная истома, которая и подавляетъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вызываетъ новыя желанія.... Дурная книга лежитъ на колѣняхъ замечтавшейся дѣвушки, которая при взглядѣ на раскрытыя страницы, всякій разъ все сильнѣе и сильнѣе поддается охватывающимъ ее чувствамъ. Въ прилагаемомъ рисункѣ г. Андріоли, какъ нельзя удачно, воспроизвелъ описанное нами.

Банкротство «Товарищ. на вѣрѣ Ѳ. П. Баймакова и К⁰.»

3-го декабря утромъ на дверяхъ конторы Ѳ. П. Баймакова и К⁰, на Невскомъ проспектѣ, появилось слѣдующее лаконическое объявленіе: «Контора товарищества закрыта по невозможности вести дѣла». Съ быстротою молніи это извѣстіе разнеслось по всему Петербургу и вскорѣ передъ подъѣздомъ конторы собралась громаднѣйшая толпа публики, прибѣжавшей убѣдиться лично въ потерѣ тѣхъ денегъ, которыя она такъ довѣрчиво отдала въ распоряженіе «солиднаго» товарищества. Какъ водится, явилась полиція и стала просить собравшихся разойтись; — но тутъ-то и начались тѣ потрясающія сцены, которыя лучше всякихъ словъ говорили, сколько людей было разорено такъ неожиданно обанкротившейся конторою. Въ толпѣ, собравшейся у подъѣзда, послышались рыданія, угрозы, крики: «насъ обокрали!», «отоприте контору!», «отдайте наши деньги»! Какъ бы въ отвѣтъ на эти восклицанія, у подъѣзда показались судьи коммерческаго суда и скрылись въ дверяхъ... Всѣ присутствующіе поняли, что г. Баймаковъ «банкротъ!»... На слѣдующій день стало уже извѣстнымъ, что фирма Баймакова объявлена несостоятельною, но какъ велика эта несостоятельность и до сихъ поръ еще положительно неизвѣстно: одни говорятъ, что банкротство простирается на нѣсколько милліоновъ, въ то время, какъ другіе утверждаютъ, будто разница между пассивомъ и активомъ Ѳ. П. Баймакова не болѣе 1,200,000.

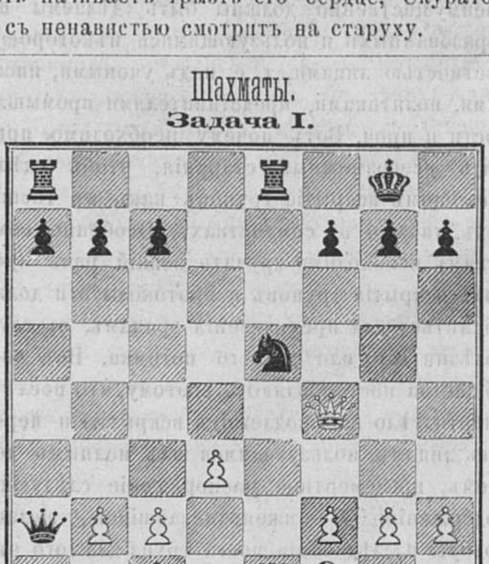
Помѣщаемый въ настоящемъ нумерѣ рисунокъ изображаетъ сцену передъ конторою Ѳ. П. Баймакова, въ тотъ моментъ, когда, вслѣдъ за пріѣхавшими членами суда, собравшаяся публика хлынула въ контору. Остальные, обобранные вкладчики, убѣдившись въ дѣйствительности происшествія, расходятся по домамъ. Вотъ, — бѣдная рыдающая старушонка, довѣрившая свои сбереженныя крохи, на которыя она думала прожить нѣсколько лѣтъ, не выпрашивая милости у другихъ, не попрошайничая.... Направо — какой-то, теперь очевидно разорившійся помѣщикъ — офицеръ въ отставкѣ; его грозная физіономія, сильная жестикуляція лучше всякихъ словъ говорятъ, что и этотъ «бывалый человѣкъ», обобранъ Баймаковымъ до-чиста, до послѣдней копейки! Вотъ, наконецъ, какой-то купчикъ, бѣгущій въ контору спасать свои деньги, но спасать уже поздно!...

Мамушка Іоанна Грознаго. Рисунокъ Шварца.

Художникъ изображаетъ одну изъ сценъ извѣстнаго романа графа А. Толстаго: «Князь Серебряный». Царь Іоаннъ Грозный, окончивъ свои дневныя занятія, приходитъ въ опочивальню. Побесѣдовавъ съ совѣтникомъ Малютою Скуратовымъ, онъ раздѣвается, ложится на кровать и, передъ сномъ, выслушиваетъ послѣдній докладъ Скуратова, въ которомъ тотъ сообщаетъ Грозному о придуманныхъ казняхъ надъ новыми жертвами, сидящими въ тюрьмахъ за тремя замками, ключи отъ которыхъ находятся теперь у Скуратова въ рукахъ. Долго ведутъ между собою бесѣду эти кровожадные люди, когда вдругъ въ опочивальню вбѣгаетъ мамушка Грознаго, одѣтая въ шубку съ откидными рукавами и въ мѣховую шапку, держа въ рукахъ клюку. Узнавъ о новыхъ казняхъ надъ неповинными жертвами, она начинаетъ укорять Грознаго и ругать его страшнаго совѣтника Скуратова; напоминаетъ Грозному о страшномъ судѣ о возмездіи за тѣ казни, отъ которыхъ погибаетъ столько невинныхъ жертвъ. Царь уныло опускаетъ голову, совѣсть начинаетъ грызть его сердце; Скуратовъ же съ ненавистью смотритъ на старуху.

Шахматы.

Задача I.



Черные начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Е. И. В. Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій.—Между жизнью и смертью (повѣсть).—Стихотвор.—Физіологія вьющихся растен.—Мировой судья (разск.).—Что такое огонь? (съ 9 рис.)—Между болгарами.—Начало и постепен. развитіе письма.—Крит. и библіогр.—Музык. замѣтк.—Новости наук. и жизни.—Со всего свѣта.—Изъ Константинополя.—Наши гравюры.

Гравюры: Портр. Е. И. В. Велик Княз. Ник. Никол. Старшаго.—Парусныя лыжи въ Сѣверн. Амер.—Дурная книга (ориг. рис. М. Андріоли).—Сцена на Невск. пр. у конт. Ѳ. П Баймакова, въ день его банкротства.—Мамушка Іоанна Грознаго (рис. Шварца).—Девять рисунк. къ статьѣ: «Что такое огонь?».—Юмористическая картинка.—Шахматы.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Приложеніе „ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО“ за Январь разсылается при № 2-мъ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 31 декабря 1876 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 л., д. № 12.

Живописное Обозрѣніе

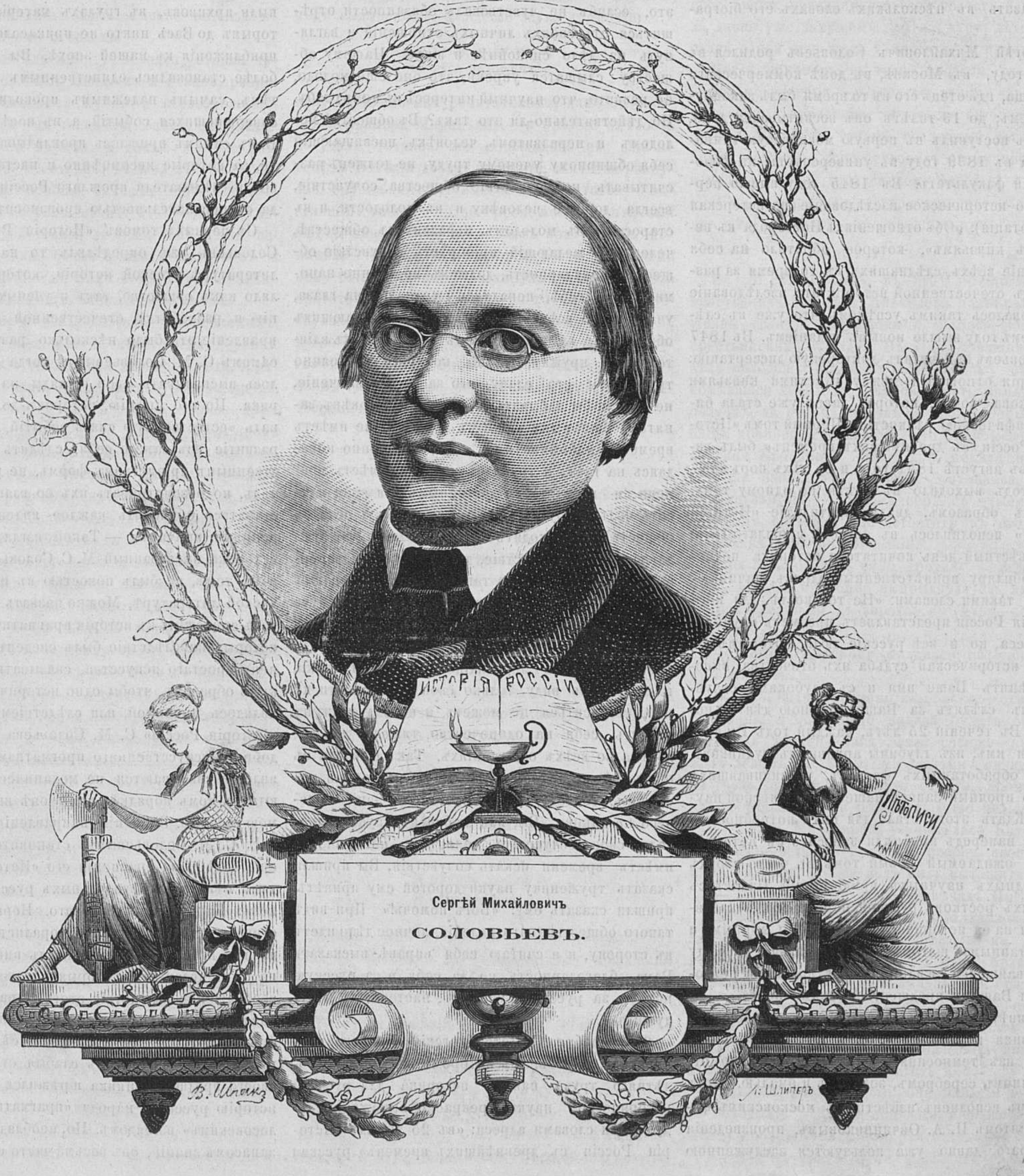
Гос. Публичная [illegible] в Ленинграде.

№ 2. На годъ съ доставкою и пересылкою 7 руб.; на полгода 4 р. 50 к. Отдѣльн. №№ по 15 к.

С.-Петербургъ, 9 Января 1877 года.

Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Васильевскій островъ, 3-я линія, д. № 48.

Годъ V.



Исторія Россіи
Лѣтописи
В. Шпанъ
Л. Шлиперъ

Сергѣй Михайловичъ

СОЛОВЬЕВЪ.

Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ.

(По поводу двадцатипятилѣтія его «Исторіи России».)

Въ прошломъ году, какъ извѣстно, исполнилось двадцатипятилѣтіе замѣчательнаго труда нашего историка: «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ». Почитатели С. М. Соловьева, его товарищи и сослуживцы пожелали привѣтствовать его за то, что онъ первый укрѣпилъ русскую исторіографію на почвѣ научной мысли и вывелъ ее изъ области простого воспоминанія и чувства. Вначалѣ, мирному привѣтствію предполагалось дать совершенно частный характеръ; но лишь только стало извѣстнымъ объ этомъ празднованіи двадцатипятилѣтняго юбилея, какъ къ заявленію сочувствія присоединилось множество лицъ изъ образованнаго общества, а въ концѣ года С. М. Соловьеву были присланы адреса С.-Петербургскимъ университетомъ и Академіею Наукъ. Въ этихъ привѣтственныхъ адресахъ вполнѣ опредѣленно выяснено громадное значеніе замѣчательнаго труда С. М. Соловьева, въ дѣлѣ развитія русской исторической науки. — Въ настоящемъ небольшомъ очеркѣ, прежде, чѣмъ перейдемъ къ опредѣленію значенія многолѣтняго труда нашего историка, считаемъ необходимымъ разсказать въ нѣсколькихъ словахъ его біографію.

Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ родился въ 1820 году, въ Москвѣ, въ домѣ коммерческаго училища, гдѣ отецъ его въ то время былъ законоучителемъ; до 13-тилѣтъ онъ воспитывался дома, потомъ поступилъ въ первую московскую гимназію, а въ 1839 году въ университетъ, на философскій факультетъ. Въ 1845 году вышло первое его историческое изслѣдованіе (магистерская диссертація): «Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ», которое обратило на себя вниманіе всѣхъ, слѣдившихъ въ то время за развитіемъ отечественной исторіи; это изслѣдованіе пользовалось такимъ успѣхомъ, что уже въ слѣдующемъ году вышло новымъ изданіемъ. Въ 1847 г. Соловьевъ напечаталъ докторскую диссертацію: «Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома», которая давно уже стала библіографическою рѣдкостью. Первый томъ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» былъ изданъ въ августѣ 1851 года и съ тѣхъ поръ каждый годъ выходило въ свѣтъ по одному тому. Такимъ образомъ, двадцатипятилѣтіе «Исторіи Россіи» исполнилось въ августѣ прошлаго года; въ извѣстный день почитатели историка поднесли юбиляру привѣтственный адресъ, начинающійся такими словами: «Не только тѣ, для кого исторія Россіи представляетъ предметъ научнаго интереса, но и всѣ русскіе люди, которымъ дорога историческая судьба ихъ отечества, высоко цѣнятъ Ваше имя и съ глубокимъ сочувствіемъ слѣдятъ за Вашею ученою дѣятельностью. Въ теченіи 25 лѣтъ, каждый годъ Вы приносили имъ, изъ глубины архивныхъ рудниковъ, рядъ обработанныхъ фактовъ, увеличивавшихъ собою прочный запасъ нашей исторической науки. Ждать этого стало для нихъ потребностью и они напередъ привыкли заносить съ нетерпѣніемъ ожидаемый новый томъ въ число своихъ ежегодныхъ научныхъ пріобрѣтеній. Начавъ съ первыхъ ростковъ русской народности, показавшихся на ея исторической почвѣ, Вы мѣрнымъ и безустаннымъ шагомъ шли все дальше въ чащу развивайшейся жизни Россіи, поднимая нетронутыя Вашими предшественниками нови».

Привѣтственный адресъ, какъ сообщаетъ «Древняя и Нов. Рос», былъ поднесенъ въ бюварѣ изъ темносиняго бархата, роскошно отдѣланномъ серебромъ, золотомъ и эмалью. Этотъ бюваръ исполненъ извѣстнымъ московскимъ фабрикантомъ П. А. Овчинниковымъ, произведенія котораго давно уже пользуются заслуженною извѣстностью какъ въ Россіи, такъ и заграницей. По срединѣ бювара находится серебряный медальонъ съ портретомъ С. М. Соловьева, обвитый золотымъ лавровымъ вѣнкомъ. Борта и остальныя украшенія бювара выдѣланы изъ разноцвѣтной эмали. На верху и внизу помѣщены виды двухъ городовъ — Кіева и Москвы, составляющихъ колыбель и центръ исторической жизни Россіи въ два долгіе періода, вполнѣ законченные въ изложеніи историка. По угламъ помѣщены памятники великихъ государей, которымъ Россія обязана своимъ возвышеніемъ и цивилизаціей. Въ четвертомъ углу помѣщенъ памятникъ тысячелѣтія Россіи, какъ выраженіе общаго желанія, чтобы историкъ довелъ до конца свой разсказъ и чтобы его историческій трудъ сталъ, такимъ образомъ, другимъ памятникомъ тысячелѣтнихъ судебъ Россіи.

На привѣтственный адресъ почитателей, и своихъ товарищей Соловьевъ отвѣчалъ, между прочимъ, въ такихъ выраженіяхъ: «Люди, очутившіеся въ положеніи, подобномъ тому, въ какое Вамъ угодно было поставить меня, господа, обыкновенно говорятъ, что не находятъ словъ для выраженія своей благодарности, полноты чувствъ, ихъ волнующихъ. И я имѣлъ бы право сказать это, еслибъ не чувствовалъ обязанности отрѣшиться отъ своихъ личныхъ отношеній и взглянуть на дѣло спокойнѣе и шире. Нашему обществу слышатся упреки, что оно еще молодо, не развито, что научный интересъ въ немъ слабъ. Но дѣйствительно ли это такъ? Въ обществѣ молодомъ и неразвитомъ, человѣкъ, посвящающій себя обширному ученому труду, не долженъ разсчитывать на сочувствіе общества, сочувствіе, всегда дорогое человѣку и въ молодости, и въ старости. Въ молодомъ, неразвитомъ обществѣ, человѣкъ, желающій пріобрѣсть сочувствіе общества, популярность, долженъ постоянно напоминать о себѣ, попадаясь ежедневно на глаза, участвуя во всѣхъ вопросахъ дня, занимающихъ общество, а главное долженъ примкнуть къ вліятельному кружку, члены котораго постоянно трубили-бы его славу, его заслуги и значеніе, не давали-бы забывать о немъ. Но человѣкъ, занятый обширнымъ ученымъ трудомъ, не имѣетъ времени напоминать о себѣ, постоянно попадаясь на глаза и трубя въ уши, не имѣетъ времени и не считаетъ достойнымъ для себя плясать подъ первую раздавшуюся музыку; если въ обществѣ происходятъ важныя явленія, возбуждающія его сочувствіе, то онъ одинъ изъ первыхъ выразитъ его, но такія явленія не бываютъ часты. Что же касается кружка, то примкнуть къ кружку обыкновенно значитъ отказаться отъ своей независимости, самостоятельности, на что ученый, крѣпко держащійся за знамя науки, имѣющій въ виду только свои обязанности къ ней, согласиться не можетъ, и потому долженъ осудить себя на одиночество, тяжелое для человѣка во всѣхъ отношеніяхъ. Такъ бываетъ въ обществѣ не зрѣломъ. Но Вашъ настоящій поступокъ, господа, показываетъ, что наше общество не таково. Вы, изъ любви къ наукѣ, выразили свое сочувствіе человѣку, который не имѣетъ времени искать сочувствія, Вы пришли сказать труженику науки дорогой ему привѣтъ, пришли сказать ему: «Богъ помочь!» При видѣ такого общественнаго явленія, личное дѣло идетъ въ сторону, и я считаю себя вправѣ высказать Вамъ благодарность не за себя, а за русскую науку, за русскихъ ученыхъ, настоящихъ и будущихъ».

9-го ноября С.-Петербургскій Университетъ прислалъ адресъ, въ которомъ значеніе многолѣтняго труда нашего историка для русской исторической науки прекрасно выражено слѣдующими словами адреса: «въ 25 томахъ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» русская наука получила первую попытку связать въ стройное цѣлое событія тысячелѣтней жизни народа, внести свѣтъ въ тѣ «темные лѣса», о которыхъ говорилъ Карамзинъ, поставить исторію Россіи на подобающее ей мѣсто во всемірной исторіи.... онъ съумѣлъ указать связь вѣка Петрова съ предъидущимъ, опредѣлить почву, на которой развилась дѣятельность Петра и тѣмъ перенести величайшаго изъ царей земныхъ изъ области миѳа въ область дѣйствительности; онъ съумѣлъ оцѣнить забытое и даже пристрастно истолкованное время Елизаветы». Въ заключеніе, Петербургскій университетъ заявляетъ о принятіи С. М. Соловьева въ число своихъ почетныхъ членовъ и выражаетъ желаніе видѣть въ историкѣ истолкователя вѣка Екатерины II и великой поры XII года.

Заканчиваемъ описаніе юбилейнаго торжества многознаменательными словами адреса, присланнаго Соловьеву Академіею Наукъ. «Въ теченіи 25 лѣтъ, — говоритъ Академія, — Вы неуклонно, съ неослабѣвающею дѣятельностью, съ правдивостью первыхъ нашихъ лѣтописателей знакомили насъ съ прошлыми судьбами отечества, дѣлились каждый годъ съ читающею Россіею новыми свѣдѣніями о ея жизни, добытыми Вами въ пыли архивовъ, въ грудахъ матеріаловъ, къ которымъ до Васъ никто не прикасался, и, по мѣрѣ приближенія къ нашей эпохѣ, Вы все болѣе и болѣе становились единственнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самымъ надежнымъ проводникомъ среди совершившихся событій, а въ новѣйшей исторіи Вамъ самимъ пришлось прокладывать первые пути, за которые несомнѣнно и настоящіе и будущіе изслѣдователи прошлаго Россіи будутъ всегда съ признательностью произносить Ваше имя».

Съ первыхъ томовъ «Исторіи Россіи» С. М. Соловьевъ уже опредѣлилъ то направленіе въ литературѣ русской исторіи, которое подготовляло какъ общество, такъ и ученыхъ къ пониманію и разработкѣ отечественной исторіи. Направленіе это было нѣсколько разъ опредѣлено самимъ С. М. Соловьевымъ, когда ему приходилось высказывать свои взгляды на задачи историка. По его мнѣнію, историкъ долженъ указывать «естественную связь событій, естественное развитіе изъ самого себя, слѣдить за непосредственнымъ пріемствомъ формъ, не раздѣлять началъ, но разсматривать ихъ во взаимодѣйствіи и стараться объяснять каждое явленіе изъ внутреннихъ причинъ». — Такой взглядъ на задачи историка, высказанный М. С. Соловьевымъ въ первомъ томѣ, не былъ новостью въ нашей исторической литературѣ. Можно назвать не мало попытокъ приложить къ исторіи прагматическій методъ, который впослѣдствіе былъ сведенъ даже на степень простаго искусства, связывать событія такимъ образомъ, чтобы одно историческое событіе являлось причиной или слѣдствіемъ другого. Въ «Исторіи Россіи» С. М. Соловьева не видно подобнаго искусственнаго прогматизма; у него всѣ явленія связываются не механически, а слѣдуютъ въ томъ порядкѣ, какъ онѣ вызывались самою жизнью. Значеніе направленія, опредѣленнаго С. М. Соловьевымъ, становится понятнымъ еще болѣе при сравненіи его «Исторіи» съ трудами нѣкогда замѣчательныхъ русскихъ историковъ: Карамзина и Полеваго. Первый, руководствуясь эстетическими и моралистическими задачами историка, останавливалъ вниманіе только на тѣхъ явленіяхъ, которыя поражали чувство и воображеніе; вслѣдствіе этого Карамзинъ затруднялся объяснять, а потому игнорировалъ, такіе факты, которые не уживались съ его взглядами. Полевой подмѣтилъ слабыя струны трудовъ своего предшественника и рѣшился пересмотрѣть исторію русскаго народа «прагматическимъ, философскимъ» взглядомъ. Но, необладая широкимъ запасомъ знаній, онъ весьма часто спѣшилъ обобщать явленія, и рѣшалъ тотъ или другой вопросъ путемъ сравненія съ западно-европейской исторіею. Не такъ смотритъ на историческій матеріалъ С. М. Соловьевъ. Онъ подходитъ къ каждому факту прямо, старательно изучаетъ его, отдѣляетъ случайныя особенности, опредѣляемыя мѣстомъ и временемъ, и тогда уже переноситъ его на страницы исторіи. Эта обработка матеріаловъ, соединяется въ трудѣ Соловьева съ другой заслугой: — найти въ событіяхъ и формахъ государственной жизни Россіи отраженіе развитія ея внутреннихъ силъ и, по наружнымъ явленіямъ, проникнуть въ самыя скрытыя движенія народной жизни.

Капканы.

(Очеркъ изъ народнаго быта).

Ив. Якунина.

Глава I.

Была масляница въ полномъ разгарѣ: до великаго поста оставалось всего три дня. На улицѣ деревни Дегтярново слышались громкія пѣсни, звуки гармоніи, топотъ пляски и, вообще, весь тотъ праздничный шумъ и гулъ, который, обыкновенно, сопровождаетъ крестьянское веселье въ нашихъ деревняхъ и селахъ.

Среди самой деревни, у колодца, стояла густая толпа молодыхъ женщинъ и дѣвокъ, разряженныхъ въ плисовыя шубки и всевозможныхъ цвѣтовъ платки на головахъ; около нихъ пристроилась толпа парней, а также и молодыхъ, женатыхъ уже, крестьянъ; тѣ же, кто былъ постепеннѣе, или, вообще, не былъ охочъ до игоръ, сидѣли на завалинахъ, вблизи этой пестрой, веселой и молодой толпы, любуясь на чужое веселье, подхваливая болѣе ловкихъ плясуновъ и подсмѣиваясь, иногда, надъ неумѣлыми, пускающимися въ плясъ подъ вліяніемъ похмѣлья.

Взамѣнъ хороводовъ, *основокъ*, устраиваемыхъ, обыкновенно, весною и осенью. среди деревни стояла теперь густая толпа молодого люда, образуя собою плотный, въ нѣсколько рядовъ, кругъ. Въ серединѣ этого круга *ходили* только двое: молодой и красивый парень Василій Кувшиновъ и первая деревенская плясунья Маремьяна Климчёнкова, дѣвушка высокаго роста, стройная, чернобровая, румяная—просто, заглядѣнье, а не дѣвка, какъ говорили о ней не только въ Дегтярновѣ, но и въ сосѣднихъ деревняхъ. Эта ловкая и красивая пара плясала въ кругѣ то подъ пѣсни, то подъ гармонію, на которой игралъ Василій; они плясали, какъ водится, чередуясь между собою: когда шла пò кругу Маремьяна, Василій игралъ и отдыхалъ въ это время; затѣмъ, когда наступала егò очередь идти пò кругу, онъ, не переставая играть на гармоньѣ, выдѣлывалъ, въ то же самое время, ногами такія мудреныя выкрутасы, что зрители только ахали и удивлялись. Вмѣстѣ съ тѣмъ, пляска ихъ сопровождалась тѣми отрывочными, характерными фразами, которыя на крестьянскомъ языкѣ носятъ названіе *приговдровъ*. Степень и смыслъ этихъ приговòровъ зависятъ, обыкновенно, отъ личныхъ качествъ, бойкости и, иногда, отъ взаимныхъ отношеній между собою пляшущей пары. Такъ было и на этотъ разъ: всѣ знали, что Василій и Маремьяна любятъ другъ друга уже съ годъ и что свадьба ихъ, какъ полагали, должна состояться весною, на Красную Горку,—и, слѣдовательно, Маремьяна проводитъ послѣдніе дни своей дѣвичьей воли; скоро постъ, а тамъ, по обычаю, наступитъ для нея невольное затворничество, какъ для невѣсты, которое уже продолжится вплоть до свадьбы; всѣ знали также, что эта дѣвушка была особенно смѣла и бойка въ хороводахъ и въ кругу, что она не боится употреблять въ пляскѣ такіе приговòры, на которые не хватитъ духу и смѣлости у другой дѣвушки, не столь бойкой и менѣе увѣренной въ своей доброй славѣ. Оттого-то, какъ только вошла Маремьяна въ кругъ и стала въ вызывающую позу противъ Василія,—вниманіе зрителей тотчасъ же усилилось, кругъ раздàлся пошире, и многіе, сидѣвшіе до этого на завалинахъ, встали, подошли тоже къ кругу и повытянули головы, чтобы слушать и видѣть...

Замѣтила, должно быть, Маремьяна это общее, устремленное на нее вниманіе: слегка смутившись и закраснѣвшись, она прошла, въ первый разъ, пò кругу очень сдержанно и видимо конфузясь, и ея простая, безъискусственная грація выступила при этомъ еще болѣе рельефно: слегка склонивъ голову на бокъ, опустивъ глаза и едва замѣтно шевеля плечами, медленно и тихо прошла она одинъ разъ и тотчасъ же остановилась, какъ бы собираясь съ духомъ и съ силами, какъ бы уже изнемогшая и отдыхающая...

— Король, а не дѣвка!—говорили, глядя на нее и любуясь сю, пожилые крестьяне.

— Погоди, она еще не разошлась!—замѣчали дегтярновскіе парни.

Какъ только она остановилась, ей на встрѣчу и на смѣну быстро и лихо пошелъ Василій, подъ вызывающіе, плясовые звуки гармоніи:

Ходи руки, ходи ноги,
Ходи весь человѣкъ!

приговаривалъ онъ речитативомъ, какъ бы ободряя и вызывая Маремьяну,—и эта его смѣлость и удаль тотчасъ же сообщались ей; еще не успѣлъ Василій дойдти до мѣста, какъ она рванулась ему на встрѣчу; высоко поднявъ голову и выставивъ впередъ свой роскошный, античный бюстъ, она, громко и въ тактъ притопывая, поманила его къ себѣ руками и, когда подошла къ нему ближе, широко раскинула руки, какъ бы приготовляясь обнять его; но тотчасъ же всплеснула ими передъ самымъ носомъ Василія и, ловко увернувшись отъ него въ быстромъ, круговóмъ движеніи, вновь пошла назадъ, трясясь всѣмъ тѣломъ, какъ бы отъ сладостной, неудовлетворенной истомы:

Говорила старой вѣдьмѣ:
Не пускай гулять одну!

вскрикнула она громко, въ тактъ пляски и гармоніи, на серединѣ круга.

— Это она про мачиху такъ?! Ну, ловко!— замѣтили въ толпѣ зрителей.

— Изъ пѣсни, братъ, слово не выкинешь,— отвѣчали на это другіе.

И какъ бы въ подтвержденіе той истины, что изъ пѣсни слово не выкидывается, Маремьяна, совсѣмъ уже доканчивая кругъ и подходя къ своему мѣсту, вдругъ приняла словно усталый, недовольный видъ, и нетерпѣливо, и какъ бы отвязчиво махнула обѣими руками:

Ай ну, не хочу,—
Понедѣльничаю!...

проговорила она, не глядя на народъ,—и, на дружный взрывъ хохота, пояснила:

Я поутру люблю—
Я овторничаю.

Новый взрывъ хохота привѣтствовалъ эту удалую, смѣлую и веселую выходку красавицы плясуньи, остановившейся, раскраснѣвшейся и усталой.

Тронулся Василій съ мѣста и пошелъ ей на встрѣчу... Когда онъ дошелъ до нея, то долго семенилъ около, глядѣлъ ей въ глаза и какъ бы ласкался, но не давалъ ей ходу—плясать. Ей, видимо, наскучило ея бездѣйствіе: ловкимъ движеніемъ въ сторону, она обошла его и сама пошла по кругу, впереди его. Василій тотчасъ же тронулся за нею, догналъ ее въ пляскѣ и сталъ наступать, по прежнему глядя любовно и ласково въ ея огневыя, черныя очи. Но она, вдругъ, какъ бы пожелала остановить это нѣжное преслѣдованіе своего жениха:

Не ходи, милый, на улицу—
Не ласкывайся,
Не хватай меня за рученьки—
Не хвастывайся!

проговорила она въ тактъ пляски, и затѣмъ быстро нырнула изъ круга въ толпу, и замѣшалась въ ней.

Вслѣдъ за нею, вышелъ изъ круга и Василій. Минутъ съ пять въ толпѣ слышенъ былъ одобрительный говоръ и гулъ: хвалили и разбирали пляску, ловкость и самыя личности пляшущихъ.

— А вѣдь Марянка-то замнетъ, пожалуй, и тетку Дарью, таперь?—говорилъ кто-то.

— Замнетъ, безпремѣнно замнетъ; потому,— тетка Дарья старѣть стала.

— Дѣти ее одолѣли, —вотъ што!—разсуждали въ толпѣ.

Тетка Дарья, бывшая когда-то дворовая дѣвушка, слыла первою плясуньей въ сосѣднемъ большомъ селѣ Никоновѣ, и была извѣстная, въ свое время, красавица во всей волости. Она была давно уже замужемъ, имѣла кучу дѣтей, но слава о ней еще жила у многихъ въ памяти.

Когда, наконецъ, въ толпѣ смолкли, въ кругъ вошла новая пара,—и веселье, такимъ образомъ, шло своимъ порядкомъ, вплоть до глубокихъ сумерекъ. Ясный и теплый солнечный день еще болѣе, казалось, способствовалъ этому простому и незатѣйливому деревенскому веселью.

И не подозрѣвали дегтярновцы, что бѣда стоитъ уже за угломъ—и сторожитъ ихъ.

II.

Въ это самое время, къ избѣ дегтярновскаго крестьянина Тимофея Михайлова подъѣхали ȍбшевни (сани), запряженныя парою рослыхъ, крестьянскихъ лошадей. Въ этихъ ȍбшевняхъ сидѣла молодая и красивая баба; рядомъ съ нею помѣщался довольно пожилой крестьянинъ, а на облучкѣ, за кучера, сидѣлъ молодой парень, мужъ бабы, правившій лошадьми. Это были *гости*, изъ деревни Красновки; всего двѣ недѣли назадъ, молодая баба, дочь Тимофея Михайлова, была выдана замужъ,—и вотъ теперь, съ мужемъ и съ свекромъ, пріѣхала она погостить въ свою деревню, въ домъ родительскій.

Едва остановились сани противу Тимофеевой избы, *молодая* проворно выпрыгнула изъ нихъ и направилась-было въ ворота; но мужъ остановилъ ее:

— Погоди, Катерина, маленько; надо батюшку вытащить.

— Онъ, видно, притомился, спитъ, —отвѣчала Катерина, и осторожно начала будить свекра. Но дядя Михей—такъ звали свекра—продолжалъ лежать съ закрытыми глазами и опущенной на грудь головой, и, вмѣсто отвѣта, промычалъ что-то такое, чего и разобрать было нельзя.

— Петръ Миколаичъ!—обратилась Катерина къ мужу:—я пойду въ избу, позову своихъ; а намъ съ тобой его не подъ силу вытащить.

— Ну, ладно; иди зови,—отвѣчалъ Петръ.

Но изъ оконъ избы Тимофея Михайлова уже замѣтили гостей и живо выбѣжали на улицу встрѣчать молодыхъ: вышла сестра Катерины, Варюша, дѣвушка лѣтъ пятнадцати, и братъ ея, довольно уже пожилой мужикъ Алексѣй, съ своею женой, теткой Агафьей; отецъ и мать Катерины остались въ избѣ, въ ожиданіи пріѣхавшихъ гостей,—чтобы встрѣтить ихъ.

Начались, прежде всего, обниманія и поцалуи съ молодыми... Когда всѣ уже перецаловались между собой, тогда вспомнили о дядѣ Михеѣ.

— Что же сватъ-то не вылѣзаетъ? аль сердитъ на насъ за что? — спросилъ Алексѣй у сестры.

— И, полно, братчикъ! какое сердитъ! онъ притомившись: передъ дорогой-то выпилъ; ну, видно, на ухабахъ-то и закачало.

— Сватъ! эй сватъ, сватушко! вставай, пріѣхали,—говорилъ Алексѣй, наклонившись къ дядѣ Михею и тормоша его за руку. Но Михей, по прежнему, лежалъ въ саняхъ безъ всякаго движенія и не давалъ отвѣта.

— Э, гляньте-ка, что-й-то у него? никакъ кровь... кровь и есть; вся шея въ крови,—замѣтилъ Алексѣй, осмотрѣвъ внимательно дядю Михея.

Дѣйствительно, волосы Михея на затылкѣ и шейный бумажный платокъ были слегка запачканы свѣжею, еще не запекшеюся кровью. Осмотрѣвъ раненаго свата со всѣхъ сторонъ, замѣтили въ спинкѣ саней конецъ гвоздя, вбитаго съ противоположной стороны и не загнутаго; объ этотъ-то гвоздь шея и голова дяди Михея колотились всю дорогу, и на шеѣ было видно нѣсколько неглубокихъ уколовъ.

— Ишь ты, бѣдняга, какъ окровянился весь! —замѣтилъ Алексѣй, подхватывая свата подъмышки и полегоньку вытаскивая его изъ саней, при помощи Петра, взявшаго отца за ноги; такимъ образомъ, дядя Михей былъ вытащенъ изъ саней и опущенъ на снѣгъ. Какъ только его опустили на землю, онъ опять замычалъ что-то и открылъ глаза; Катерина взяла комъ снѣгу и, снявъ шапку съ свекра, вытерла снѣгомъ ему всю голову и виски; это средство подѣйствовало очень хорошо: Михей сталъ понемногу приходить въ себя и, минуты двѣ спустя, оправился, и кое-какъ, съ помощію сына и снохи, поднялся на ноги и обвелъ всѣхъ мутнымъ и все еще безсознательнымъ взглядомъ.

А около саней, между тѣмъ, успѣла уже собраться куча любопытныхъ, бывшихъ до этого на улицѣ: пришли поглазѣть на *молодыхъ*, въ первый разъ еще пріѣхавшихъ въ деревню послѣ свадьбы.

— Нну, гостёкъ! не больно-то акуратенъ,— замѣтила на счетъ дяди Михея одна баба.

— Ужь на что лучше: въ самомъ настоящемъ видѣ!—подшучивали изъ толпы.

— Какой ужь это гость, когда съ него—вонъ, гляди-ка—штаны свалились...

— А затылокъ-то, затылокъ, погляди-тко, весь въ крови-и-и...

— Врешь?

— Лопни душа. Ай ты ослѣпъ—не видишь самъ-то.

Такими замѣчаніями встрѣченъ былъ изъ толпы гулявшихъ крестьянъ пріѣздъ дяди Михея. Когда, наконецъ, сынъ исправилъ на немъ пришедшую въ безпорядокъ сокровенную часть его костюма, а Катерина вытерла на немъ кровь, всѣ направились въ избу, гдѣ уже давно поджидали ихъ и не мало дивились, что они такъ долго не идутъ.

Послѣ первыхъ же привѣтствованій и обниманій въ избѣ, хозяева—то-есть, дядя-Тимофей и его старуха—сразу замѣтили, что ихъ сватъ что-то не въ себѣ; и хотя дядя Михей, придя въ избу, немного какъ будто опомнился и даже заговорилъ, но все-таки видно было, что ему сильно нездоровится; и даже лицо его какъ-то потемнѣло все и осунулось. Тѣмъ не менѣе, хозяева, соблюдая праздничный порядокъ и обычай гостепріимства, усадили дядю Михѣя въ передній уголъ и стали подносить ему водку и брагу.

— Выпей, сватушка дорогой, выпей; поневолься маленько—откушай,—приговаривали хозяева съ поклонами, угощая дядю Михея, сидѣвшаго на лавкѣ почти безъ всякаго сознанія.

Дядя Михей неволился, откушивалъ, но на третьемъ стаканчикѣ окончательно потерялъ сознаніе и владѣніе членами и кувырнулся носомъ въ столъ. Минутъ десять не трогали его и не безпокоили, находя, вообще, такое состояніе свата, на масляницѣ, очень обыкновеннымъ, и если сожалѣли, то развѣ только о томъ, что онъ *не у нихъ* напился,—и тѣмъ лишилъ ихъ пріятной возможности употчивать его, въ этой же пропорціи, въ своемъ домѣ. А когда прошли эти десять минутъ, и дядю Михея стали будить и расталкивать, въ намѣреніи поднести ему новый стаканчикъ, то уже никакъ не могли его добудиться, и рѣшили оттащить его въ лѣтнюю гòренку, находящуюся черезъ сѣни, и тамъ уложить на постель, пока проспится.

— На холодкѣ-то ему полегче будетъ, скорѣй прочнется,—замѣтила хозяйка.

Такъ и сдѣлали: взяли пріѣзжаго свата зà руки, зà ноги и зà голову и отнесли въ нетопленную, холодную гòренку, постелили тамъ войлокъ на полъ, положили дядю Михея на этотъ войлокъ, прикрыли полушубкомъ, а сами преспокойно отправились въ избу, усѣлись за столъ и стали продолжать масляничное пированье и угощенье молодыхъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

* * *

Поздняя встрѣча.

(Изъ Томаса Мура).

Нѣтъ, сердцу моему скорѣе дай покой....
Дни юности моей исчезли безъ возврата,
И нѣтъ въ душѣ моей надежды никакой,
И нѣтъ любви, въ которую я вѣрилъ свято...
Когда весна прошла, минули лѣта ласки,
Кто можетъ жизнь вздохнуть въ цвѣтокъ сухой,
Вернуть ему и блескъ, и ароматъ, и краски?..
Нѣтъ, сердцу моему скорѣе дай покой!

О, еслибъ встрѣтилъ я тебя, мой другъ прекрасный,
Въ тѣ дни, когда я молодъ былъ вполнѣ,—
Могла бъ ты воскресить своей улыбкой ясной
Надежды лучшія и грезы всѣ во мнѣ...
Теперь ты блещешь мнѣ, какъ блещетъ сводъ лазурный
Несчастному пловцу, когда убитъ, унылъ,
Онъ смотритъ на челнокъ, разбитый ночью бурной,
Гдѣ схоронилъ онъ все, что жарко такъ любилъ!...

Петръ Быковъ.

* * *

Что такое огонь?

Изъ популярныхъ писемъ о химіи, Б. Рейхмана.

(*Продолженіе*).

Вода начнетъ подыматься въ колоколѣ и опускаться въ открытой части блюда; спустя же нѣкоторое время, пламя станетъ постепенно уменьшаться, и затѣмъ, наконецъ, погаснетъ. Вода подымается въ колоколѣ вслѣдствіе того, что изъ него убыло нѣкоторое количество воздуха. Но почему вода не займетъ всего колокола, отъ его основанія до вершины? Потому, что пламя свѣчи не поглотило всего количества воздуха. Далѣе, почему сгорѣла не вся свѣча, а только нѣкоторая ея часть? Очевидно потому, что подъ колоколомъ не доставало того, что необходимо для горѣнія Весьма возможно, что читатели предложатъ такого рода вопросъ:

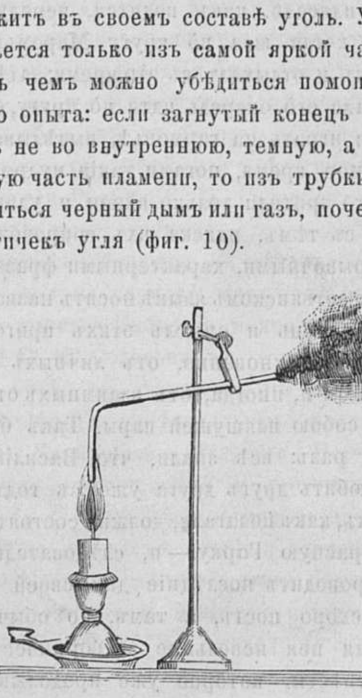
— Быть можетъ свѣча не на столько жадна къ воздуху, чтобъ поглотить все количество его, но не могутъ-ли сѣра и фосфоръ поглотить весь воздухъ, находящійся подъ колоколомъ?

Ни сѣра, ни фосфоръ и никакое другое горящее вещество не потребляютъ всего количества воздуха, заключеннаго подъ колоколомъ. Въ этомъ можно убѣдиться на опытѣ. Сожигая подъ колоколомъ, вмѣсто свѣчи, поименованныя тѣла, трудно не замѣтить, что вода всегда будетъ останавливаться на извѣстной отъ основанія колокола высотѣ. Этотъ опытъ даетъ возможность убѣдиться еще въ одномъ фактѣ. Если подъ колоколъ, въ которомъ горѣлъ большой кусокъ фосфора, помѣстить другой и зажечь его такимъ образомъ, чтобы въ колоколъ не прошелъ свѣжій воздухъ, то второй кусокъ погаснетъ гораздо скорѣе перваго, слѣдующіе же куски, вводимые подъ колоколъ, будутъ гаснуть почти моментально.

Отсюда слѣдуетъ, что тѣла во время горѣнія въ воздухѣ поглощаютъ изъ него нѣкоторую составную часть, и оставляютъ другую, неспособную поддерживать горѣніе. Такимъ образомъ, вещество свѣчи, сѣры, фосфора и пр. при горѣніи соединяется съ извѣстной составной частью воздуха, или говоря иначе: *горѣніе тѣлъ есть соединеніе ихъ съ нѣкоторою составною частью воздуха.*

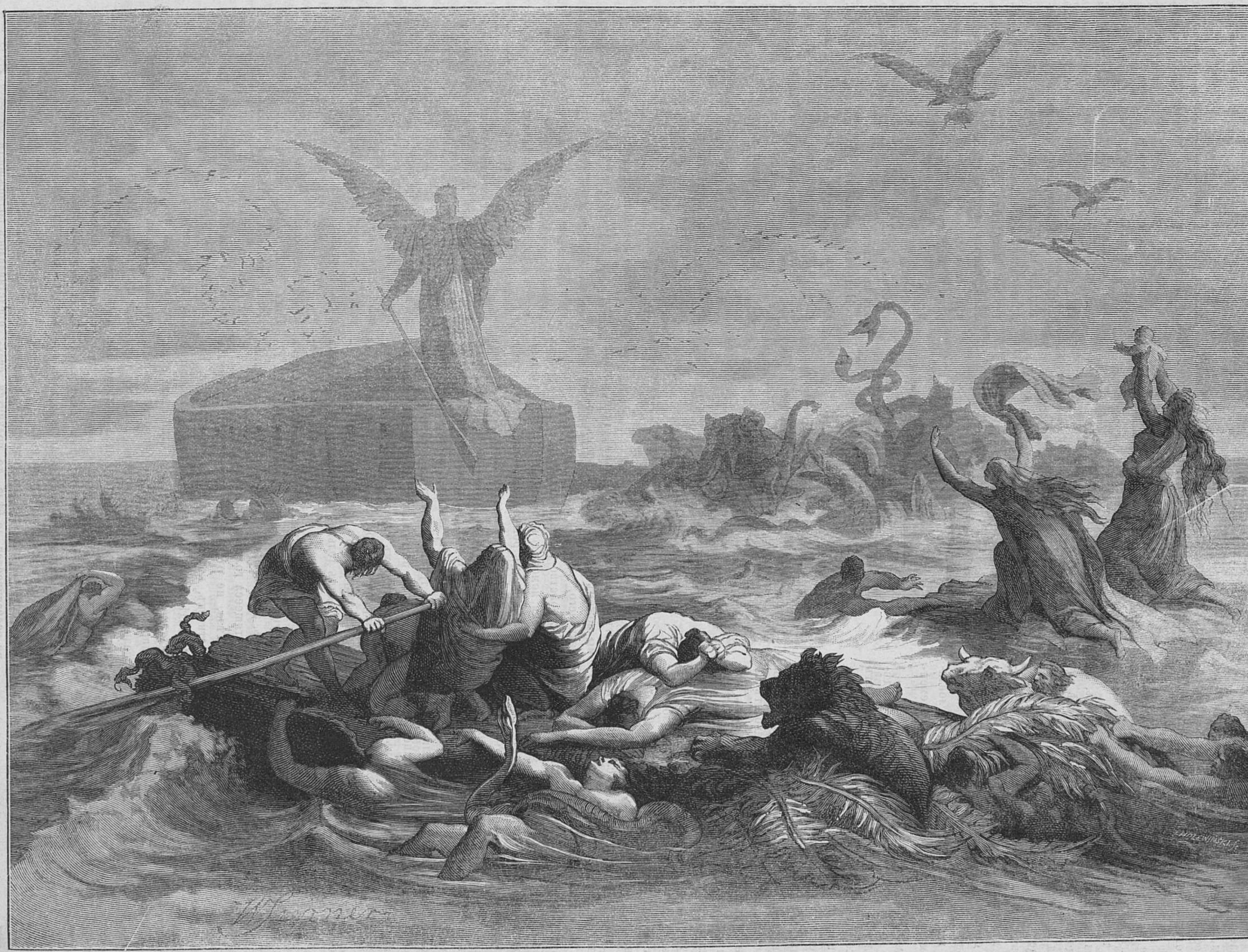
Вернемся теперь къ строенію пламени.

Горючій газъ, приготовленный изъ вещества свѣчи, можетъ воспламеняться только въ мѣстахъ соприкосновенія съ воздухомъ; при отсутствіи же воздуха, горѣніе невозможно. Отсюда становится понятнымъ, что внутренняя часть пламени состоитъ изъ газа негорящаго, а потому и темна. Въ двухъ слояхъ (оторочкахъ), окружающихъ темную часть пламени, происходитъ соприкосновеніе съ воздухомъ и соединеніе съ одной изъ составныхъ его частей. Весьма естественно, что внѣшняя часть пламени соприкасается съ воздухомъ болѣе, чѣмъ слѣдующая за нею; вотъ почему въ этомъ блѣдно-голубомъ слоѣ газъ сгораетъ совершенно, а въ яркой желтовато-бѣлой—несовершенно. Гдѣ горѣніе полнѣе, тамъ освобождается и больше теплоты, а потому блѣдный слой наиболѣе жаркій. Въ этомъ можно легко убѣдиться, вставивъ въ пламя свѣчи платиновую проволоку; тогда не трудно будетъ замѣтить, что часть платины, находящаяся въ блѣдномъ слоѣ пламени, раскаляется до-бѣла, въ то время, какъ въ яркомъ слоѣ только до-красна. Другой опытъ можетъ убѣдить въ томъ, что горѣніе въ яркой части не вполнѣ совершенно. Поставивъ поперегъ яркой части пламени холодное фарфоровое блюдечко, мы скоро замѣтимъ на немъ появленіе сажи. Послѣдняя представляетъ собою мельчайшія частички угля, образовавшагося (путемъ охлажденія) изъ горючаго газа, а слѣдовательно изъ вещества свѣчи, которая, какъ и всякое вообще вещество, служащее источникомъ свѣта или теплоты, содержитъ въ своемъ составѣ уголь. Уголь же получается только изъ самой яркой части пламени —въ чемъ можно убѣдиться помощью слѣдующаго опыта: если загнутый конецъ трубки вставить не во внутреннюю, темную, а въ среднюю, яркую часть пламени, то изъ трубки станетъ выдѣляться черный дымъ или газъ, почернѣвшій отъ частичекъ угля (фиг. 10).



Фиг. 10.

Если затѣмъ обратить вниманіе на яркость пламени и сопоставить разность полнаго и не-



„Ковчегъ". Эпизодъ изъ потопа. Копія съ картона Фридриха Каульбаха. Рисовалъ В. Чернеръ, гравировалъ І. Голевинскій.

полнаго сгоранія, въ двухъ внѣшнихъ слояхъ, съ разностью ихъ температуръ, то придется заключить, что несовершенное сгораніе обусловливаетъ собою яркость пламени, совершенное-же является источникомъ высокой температуры.

Тотъ фактъ, что болѣе полное сгораніе сопровождается выдѣленіемъ большаго количества теплоты, полагаю, понятенъ всякому, но отчего же полное сгораніе не вызываетъ большей яркости; отчего именно тамъ, гдѣ выдѣляется сажа и гдѣ не можетъ сгорать весь уголь, пламя наиболѣе ярко? На самомъ же дѣлѣ это такъ, и вполнѣ доказывается опытами; но какъ объяснить такой, повидимому, пародоксъ?

Если хотите, это дѣйствительно пародоксъ, но пародоксъ столь-же объяснимый, какъ и всѣ видимыя нами странныя явленія, когда мы присматриваемся къ нимъ ближе.

Извѣстно, что тѣла постоянныя, каковы: желѣзо, мѣдь, камни, уголь, свѣтятся только въ такихъ случаяхъ, когда бываютъ накалены на нѣсколько сотъ градусовъ. Свѣтъ, испускаемый тѣмъ или другимъ горящимъ тѣломъ, обусловливается свѣтимостью постоянныхъ тѣлъ (элементовъ), раскаленныхъ до-бѣла.

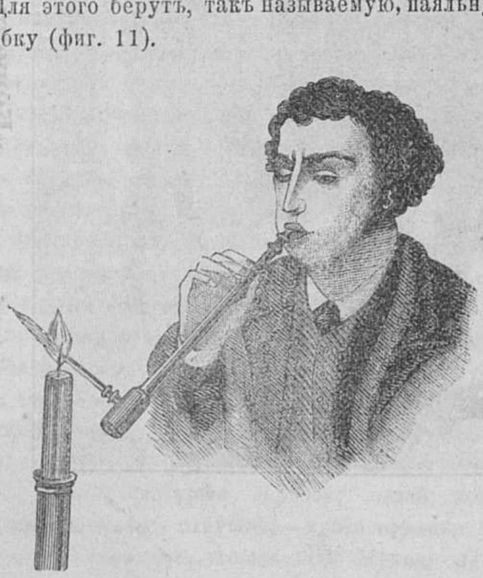
Въ самой яркой части пламени свѣчи выдѣляется свободный уголь, частички котораго, отъ высокой температуры пламени, раскаляются до-бѣла и оттого свѣтятся. Но, обладая столь высокой температурой, эти частички не могутъ не измѣняться отъ соприкосновенія съ воздухомъ; и дѣйствительно, въ блѣдно-голубой части пламени онѣ соединяются съ воздухомъ и переходятъ въ угольную кислоту или въ тотъ самый газъ, который выдѣляется изъ сельтерской воды.

Такимъ образомъ, въ яркой части пламени частички угля раскаливаются, а въ блѣдной онѣ сгораютъ; отсюда слѣдуетъ, что въ свѣтлой оторочкѣ не находится угля, а лишь одна только угольная кислота.

Но газы и вообще пары, а слѣдовательно и угольная кислота, даже сильно нагрѣтые, или совсѣмъ не свѣтятся, или же свѣтятся весьма слабо; потому-то голубой слой пламени и блѣденъ. Полное сгораніе происходитъ въ самой наружной части, вслѣдствіе того, что притокъ воздуха вполнѣ достаточенъ; напротивъ того, къ яркой части пламени воздухъ притекаетъ сравнительно въ меньшемъ количествѣ, и вотъ почему эта часть не прикасается непосредственно съ воздухомъ. Отсюда слѣдуетъ, что если провести въ яркую часть пламени достаточное количество воздуха, или, что все-равно, смѣшавъ газъ средней части съ большимъ количествомъ воздуха, пламя перестанетъ свѣтиться, приметъ блѣдно-голубой свѣтъ, но въ то же время будетъ болѣе горячимъ.

Въ этомъ можно удостовѣриться на опытѣ.

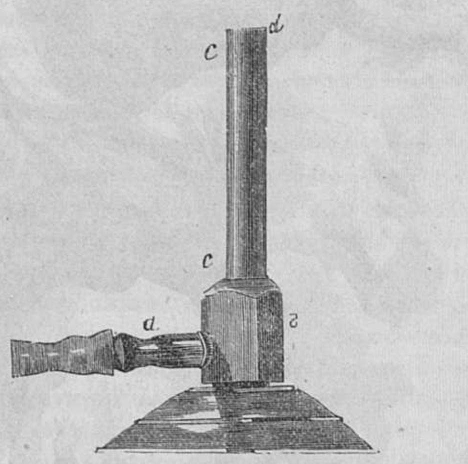
Для этого берутъ, такъ называемую, паяльную трубку (фиг. 11).



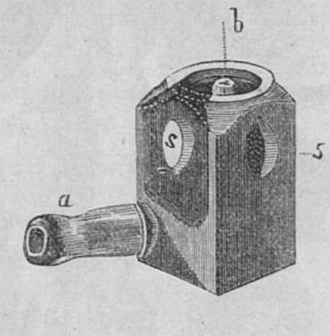
Фиг. 11.

У этой металлической трубки къ одному концу припаяна, подъ прямымъ угломъ, другая, оканчивающаяся узкимъ отверстіемъ. Если конецъ меньшей трубки ввести въ середину пламени, а черезъ другой конецъ начать вдувать воздухъ, то на сторонѣ пламени явится слабосвѣтящаяся часть пламени, имѣющая однако столь высокую температуру, что она плавитъ стекло и разные металлы.

То же самое можно провѣрить при помощи горѣлки Бунзена (фиг. 12 и 13). Въ этой горѣлкѣ сгораетъ обыкновенный свѣтильный газъ, который мы можемъ сжигать съ притокомъ воздуха или безъ него.



Фиг. 12.



Фиг. 13.

Устройство горѣлки слѣдующее: *aa* — трубка, которая, помощью каучуковой трубки, соединяется съ газовымъ рожкомъ; *b* — небольшое отверстіе, чрезъ которое проходитъ газъ. Надъ этимъ отверстіемъ ставится трубка *cc*, имѣющая снизу отверстія, которыя, по желанію, можно закрывать и открывать, для чего, въ первомъ случаѣ, отверстія трубки *cc* устанавливаются противъ отверстій *ss*, находящихся въ стѣнкахъ подставки, а во второмъ случаѣ, отверстія въ подставкѣ закрываются трубкою *cc*. Если отверстія *ss* будутъ закрыты, то чрезъ трубку станетъ проходить одинъ только чистый газъ, который, если зажечь у отверстія *d*, будетъ сгорать свѣтящимся пламенемъ; открывъ же отверстія, мы дадимъ доступъ воздуху, который, смѣшавшись съ газомъ, зажженнымъ у конца трубки, дастъ слабо свѣтящееся голубое пламя.

Тѣла, не отдѣляющія при горѣніи твердыхъ частичекъ, которыя могли-бы раскаляться, или же выдѣляющія ихъ въ небольшомъ количествѣ, свѣтятся вообще слабо. Сюда относятся: сѣра, спиртъ или алькоголь, въ особенности же газъ, называемый водородомъ, который свѣтится такъ слабо, что пламя его бываетъ едва замѣтно. Не смотря однако на это, пламя водорода даетъ болѣе высокую температуру, чѣмъ какая развивается при горѣніи другихъ веществъ; вотъ почему, если въ пламя водорода помѣстить кусокъ мѣла, который отъ высокой температуры пламени раскаливается до бѣла, то получится сильный, невыносимый для глазъ свѣтъ.

Изъ того опредѣленія, что пламя есть горящій газъ, слѣдуетъ также, что съ пламенемъ могутъ сгорать только газообразныя тѣла, каковы напр., свѣтильный газъ, водородъ и т. д., или тѣла твердыя и жидкія, но которыя, подъ вліяніемъ жара, переходятъ въ газообразное состояніе, напр. нефть, масло, жиръ, воскъ и, вообще, всѣ вещества, употребляемыя въ общежитіи для отопленія или освѣщенія.

Тѣла, не переходящія въ газообразное состояніе, и преимущественно металлы, не даютъ пламени и, при горѣніи, лишь накаливаются. Чтобы зажечь спиртъ, нефть, масло, жиръ, стеаринъ и т. д., сперва необходимо бываетъ нагрѣть ихъ, и тѣмъ дать имъ возможность сначала перейдти въ газообразное состояніе, а затѣмъ уже нагрѣть, до такой степени, чтобы получить возможность соединиться съ извѣстной частью воздуха; вотъ почему, для воспламененія того или другого тѣла необходима извѣстная температура. Такъ напр., фосфоръ загорается отъ теплоты, развивающейся во время легкаго тренія, или же отъ прикосновенія стекляннымъ или желѣзнымъ прутикомъ, нагрѣтымъ до 60°. Другія тѣла, какъ напр., спиртъ, нефть, сѣра загораются только при болѣе высокой температурѣ, а масло, стеаринъ и воскъ требуютъ болѣе значительной теплоты.

Отсюда слѣдуетъ, что если отъ горящаго тѣла отнять теплоту, необходимую для горѣнія, то оно потухаетъ.

Направляя на пламя свѣчи сильный токъ воздуха, (напр. дунувъ на него), мы понижаемъ температуру пламени, т. е. заставляемъ его гаснуть. Весьма часто невозможно бываетъ зажечь горючихъ тѣлъ, если онѣ соприкасаются съ веществами, поглощающими теплоту, напр. металлами.

Въ одномъ изъ выше упомянутыхъ опытовъ мы видѣли, что металлическая сѣтка отдѣляетъ горящую часть пламени отъ негорящей, и эта послѣдняя загорается лишь въ томъ случаѣ, когда сѣтка значительно накалится, для чего требуется однако довольно продолжительное время.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

* * *

Мировой судья.

Повѣсть Луи Колласъ.

II.

Лишь только сумерки спустились на землю, а вмѣстѣ съ этимъ замолкли и послѣдніе отголоски прожитаго дня, Авріаль простился съ своимъ другомъ и осторожно вышелъ изъ дому, по направленію къ деревнѣ. Проходя по этимъ, хорошо знакомымъ ему мѣстамъ, онъ испытывалъ странное чувство щемящей его сердце тоски и сладость воспоминаній давно минувшихъ дней. Картины, одна живѣе другой, приходили въ его памяти. Вотъ мрачно выступаютъ изъ за зелени высокія стѣны имѣнія ла-Рикарде... Боже мой, сколько хорошихъ дней прожито здѣсь, сколькихъ радостей были свидѣтелями эти веселыя лужайки, эти холмы, эти извивающіяся по разнымъ направленіямъ тропинки..... Его отца и г. Ботереля, родителя Марты и Урсулы, двухъ сестеръ, которыхъ видѣлъ онъ сегодня утромъ изъ окна, связывала давнишняя крѣпкая дружба. Случай далъ возможность Ботерелю оказать Авріалю отцу большую услугу: дѣла этаго послѣдняго приходили въ разстройство и онъ рисковалъ совершенно обанкротиться, когда Ботерель спасъ его въ самую критическую минуту, помогши раздѣлаться съ кредиторами. Авріаль чувствовалъ себя на вѣкъ обязаннымъ Ботерелю и сожалѣлъ только о томъ, что ему не представлялось возможности оказать другу взаимную услугу.

— Господи, да когда-же, наконецъ, я расквитаюсь съ тобою, и отблагодарю тебя за твою дружбу? — сказалъ однажды Авріаль.

— Скоро, можетъ быть, когда я поручу тебѣ заступить мое мѣсто при моихъ дочеряхъ, — отвѣчалъ Ботерель.

Безпрестанныя болѣзни давали чувствовать Ботерелю, что онъ не долгій жилецъ на этомъ свѣтѣ; а между тѣмъ одна мысль оставить дочерей безъ присмотра страшила его. Марта, старшая его дочь, испорченная излишнимъ баловствомъ своей матери, заставляла бояться за себя больше всего; капризы ея не знали границъ, такъ что всѣ лучшія качества ея совершенно стушевывались дурнымъ, капризнымъ характеромъ, не терпящимъ никакихъ стѣсненій своему своеволію. Урсула занимала въ семьѣ самое незначительное положеніе, благодаря гордости и самовластію старшей сестры; она была совершенно затерта, оттѣснена, подавлена. Самъ отецъ, безгранично любя кроткую, тихонькую Урсулу, не могъ бороться съ характеромъ Марты и обуздать ея произволъ относительно сестры.

Умирая, онъ могъ быть спокоенъ, поручивъ своихъ дѣтей только такому другу, какъ Авріаль. Дѣйствительно, принявъ на себя обязанности опекуна, Авріаль дѣлалъ въ отношеніи порученныхъ ему дѣвушекъ все, что указывали ему его совѣсть и разсудительность. Къ сожалѣнію, онъ и самъ не долго жилъ послѣ своего друга. Когда докторъ объявилъ ему о приближеніи дня его смерти, онъ больше всего скорбѣлъ о томъ, что дочери его друга останутся безъ должнаго попеченія.

— Я слишкомъ рано умираю, — говорилъ онъ на смертномъ одрѣ; — Богъ не судилъ мнѣ исполнить всего, что я долженъ былъ сдѣлать въ отношеніи ихъ за услугу, оказанную мнѣ ихъ отцомъ. Теперь кто меня замѣститъ?

— Если вы хотите и позволите, то этимъ намѣстникомъ буду я, — проговорилъ молодой голосъ подлѣ постели.

— Ты, Эдуардъ!

Больной грустно улыбнулся. Надо было быть слишкомъ наивнымъ или, напротивъ, самоувѣреннымъ, чтобы взять на себя такую великую отвѣтственность, какъ опеку надъ взрослыми дѣвушками, которыя были младше его только на нѣсколько лѣтъ. Между тѣмъ этотъ вызовъ вовсе не былъ словами, необдуманно брошенными на вѣтеръ; Эдуардъ Авріаль сознавалъ важность принятой на себя обязанности и, хорошо понимая всю шаткость и неловкость положенія молодого опекуна взрослыхъ дѣвушекъ, старался придать своей роли сколь возможно дѣловой, серьезный характеръ. Урсула, не смотря на свою молодость, инстинктивно понимала его услуги, всегда относилась къ нему съ уваженіемъ и признательностью, тогда какъ Марта, не допускавшая надъ собою никакого посторонняго контроля, даже въ качествѣ родныхъ, платила Эдуарду однимъ только презрѣніемъ, насмѣшками и даже дерзостями. Не разъ молодому Авріалю приходила мысль отказаться отъ своей обязанности по отношенію къ Мартѣ, но данное умиравшему отцу слово связывало его, и зачастую заставляло жертвовать своимъ самолюбіемъ ради интересовъ дѣвушки.

Обязанности своей онъ не забывалъ ни на одну минуту; счастье, благополучіе и спокойствіе семейства Ботерелей было для него такъ-же близко, какъ свое собственное, и онъ заботился о судьбѣ дѣвушекъ еще больше, чѣмъ о своей собственной. Узнавъ въ это утро о томъ, что бракъ Марты съ Морисомъ Марсолье почти рѣшенъ, онъ содрогнулся отъ ужаса за будущность молодой женщины и рѣшилъ во что-бы то ни стало помѣшать ему. Но слышанный имъ разговоръ доктора съ мировымъ судьей долженъ былъ разстроить всѣ его планы: Авріаля подозрѣвали въ убійствѣ, его розыскивали, его намѣревались посадить въ тюрьму; пока не поздно, надо было бѣжать, скрыться, спасать себя.... А Марта?... Эдуардъ, какъ околдованный, бродилъ вокругъ дома Ботерелей и не могъ выйдти изъ окружавшаго его парка; свѣтъ, видѣвшійся изъ оконъ, манилъ его къ себѣ и, незамѣтно, шагъ за шагомъ, молодой человѣкъ приближался къ нему; вотъ онъ достигъ живой изгороди, окружавшей садъ ихъ дома; отсюда слышны голоса и звуки фортепьяно, сладостно лившіеся сквозь открытое окно во мракъ сада. Авріаль перешагнулъ ограду и черезъ нѣсколько минутъ стоялъ уже у окна. Въ залѣ было четверо: мадамъ Ботерель, съ вязаньемъ на колѣняхъ, грустно смотрѣла на свою старшую дочь, игравшую на фортепьяно; ей, повидимому, тяжело было видѣть это гордое, презрительно улыбающееся лицо своей любимой дочери, на которую она излила всю нѣжность своего любящаго сердца и за что та платила ей самымъ обиднымъ снисхожденіемъ. Нѣсколько въ сторонѣ сидѣла Урсула, кроткая, смиренная, какъ всегда.

— Бѣдная мать! — проговорилъ Авріаль. — Ты жестоко наказана за свою слабость: гордость совершенно высушила сердце твоей старшей дочери.

И онъ перевелъ взоръ на Марту. Необыкновенно развившаяся красота, поразившая его утромъ, выступала теперь, при освѣщеніи, еще ярче, еще рельефнѣе; въ своемъ, даже дома, роскошномъ туалетѣ, она выглядѣла царицей, для которой не было ничего невозможнаго, одно слово, одинъ взглядъ которой заставлялъ трепетать ея подданныхъ. Подлѣ нея, у рояля, стоялъ молодой человѣкъ и перелистывалъ страницы тѣхъ нотъ, по которымъ играла Марта. Стройный, красивый, элегантно одѣтый въ модное платье, онъ могъ служить хорошимъ украшеніемъ даже самаго аристократическаго салона; но и только: это красивое лицо не могло пробудить ни въ комъ симпатіи, благодаря тому выраженію хитрости, притворства, черствости, которое ясно выступало въ его узкихъ глазахъ и въ углахъ тонкихъ губъ.

Въ то время, какъ Авріаль всматривался въ этихъ личностей, Урсула неожиданно повернула свое милое, кроткое лицо къ садовому окну, у котораго стоялъ Эдуардъ. Боясь быть замѣченнымъ, онъ быстро отскочилъ въ кусты сирени, растущей поблизости. Ночная прохлада начинала дѣлаться чувствительною.

— Урсула, поди съищи мой платокъ, — небрежно проговорила сестрѣ Марта, выходя изъ за фортепьяно. Черезъ минуту кашемкровый платокъ былъ принесенъ; Марта, даже не поблагодаривъ сестру, накинула его на плечи и подошла къ окну. Морисъ послѣдовалъ за нею. Авріаль, спрятавшись въ густыхъ кустахъ, хорошо могъ ихъ видѣть и слышать. Сынъ мироваго судьи разсыпался въ риторическихъ фразахъ о прелести осенняго вечера и о тѣхъ чувствахъ, которыя его волновали. Марта изрѣдка отвѣчала ему, но въ ея холодномъ лицѣ нельзя было прочитать того, какое впечатлѣніе производили на нея эти избитыя, свѣтскія фразы.

— Марта, — говорилъ Морисъ, — сегодня вечеромъ мой отецъ уѣхалъ; я не хотѣлъ ему сопутствовать потому, что не могъ рѣшиться оставить васъ; хотя вы и приняли мое предложеніе, хотя и не далекъ тотъ день, когда я, на глазахъ всего свѣта, назову васъ своею, но мнѣ всетаки чего-то страшно. Видно всегда такъ бываетъ, что когда надежды, лелѣянныя долгое время, начинаютъ осуществляться, человѣкъ не вѣритъ своему счастью и каждую минуту боится за него. Знаете, что говорятъ тѣ, которые завидуютъ моему торжеству? Они увѣряютъ, что ваши рѣшенія могутъ мѣняться каждый часъ.

— Такъ, значитъ, вы нынче слушаете мнѣнія толпы, — небрежно проговорила Марта, скрививъ ротъ въ презрительную улыбку.

— Если васъ и обвиняютъ, Марта, то это не только не роняетъ, но еще больше возвышаетъ васъ въ глазахъ свѣта; та женщина, о которой не говорятъ, на которую не клевещутъ, имѣетъ слишкомъ мало цѣны въ глазахъ общества, она, значитъ, не возбуждаетъ ни въ комъ ни малѣйшаго интереса, къ ней всѣ относятся индефферентно.

Марта промолчала; онъ также замолкъ на нѣсколько мгновеній.

— Я васъ люблю не съ сегодняшняго дня, — снова заговорилъ онъ. — Когда вы, на девятнадцатомъ году, выходили замужъ за человѣка, вдвое старше васъ, мнѣ казалось, что онъ кралъ мое счастье. Когда вы сдѣлались снова свободны, я ожилъ, надежды мои воскресли; я зналъ, что найдется много претендентовъ на вашу руку, но въ то же время я былъ увѣренъ, что ваше чуткое сердце съумѣетъ отличить между ними того, чьи чувства къ вамъ выше, чище и страстнѣе.....

— И которому эти высокія, чистыя, страстныя чувства не помѣшали уѣхать.

Морисъ на одно мгновеніе смѣшался подъ пытливымъ взглядомъ Марты, но тотчасъ-же опять оправился.

— Да, я оставилъ эти мѣста; я выдержалъ долгіе мѣсяцы добровольнаго изгнанія, но, знайте, что во всѣ эти тяжелые дни мои мысли были заняты вами, только вами одной. Я говорилъ себѣ: эта женщина создана для того, чтобы блистать и повелѣвать цѣлымъ міромъ; я не долженъ допустить, чтобы она осталась всю свою жизнь прозябать въ захолустьѣ, гдѣ даже мало найдется достойныхъ цѣнителей ея красоты; она должна жить въ Парижѣ, окруженная роскошью и великолѣпіемъ, которыя бы гармонировали съ ея величіемъ. Мечты эти придавали мнѣ силы, бодрости, подстрекали меня къ усиленной дѣятельности, и я успокоился только тогда, когда достигъ полнаго обезпеченія своего положенія.

— Правда?

— Можете справиться у г. Ферембаха, этого извѣстнаго богача, зàмокъ котораго расположенъ въ разстояніи одной мили отсюда. Онъ знаетъ мои планы и самъ помогалъ мнѣ своими совѣтами.... Кстати, вы должны были получить его приглашеніе.

— Которое я отдумала принять.

— А я поручился за васъ. Можно узнать причину вашего отказа?

Марта сослалась на тѣ нелестные слухи, которые ходятъ въ городѣ насчетъ Ферембаховъ и ихъ состоянія, составленнаго, будто-бы, какими-то нечестными путями.

Морисъ сталъ подсмѣиваться надъ легковѣрностью, съ какою Марта относится ко всевозможнымъ сплетнямъ и, зная ея самолюбивый характеръ, затронулъ эту больную ея сторону.

— Отказомъ своимъ вы даете только злымъ языкамъ поводъ посплетничать на вашъ счетъ: будутъ говорить, что вы не поѣхали въ замокъ де-Гранваль изъ боязни быть тамъ хуже другихъ дамъ, которыя затемнятъ васъ умѣньемъ держаться въ аристократическомъ салонѣ и блескомъ своихъ туалетовъ... Ахъ, впрочемъ, и то сказать, вѣдь Авріаль вамъ запретилъ всякія сношенія съ богатыми сосѣдями, ну а вы такъ слушаетесь его совѣтовъ, — добавилъ онъ съ ироническою улыбкой.

Никакіе доводы не могли подѣйствовать на Марту такъ сильно, какъ подобное оскорбленіе ея самолюбію.

— Я ѣду къ Ферембаху, — проговорила она, вся вспыхнувъ.

Авріаль съ трепетомъ ожидалъ исхода этого разговора. Рѣшительное слово, произнесенное Мартой, привело его въ ужасъ. Молодые люди давно уже отошли отъ окна, а Эдуардъ все еще стоялъ въ кустахъ до тѣхъ поръ, пока не погасъ послѣдній огонь въ окнахъ ла-Рикарде. Тогда онъ вышелъ изъ своей засады и принялся ходить по саду, раздумывая о той опасности, которой подвергался самъ, а еще больше о тѣхъ, кто жилъ въ этомъ заснувшемъ теперь домѣ друга его отца. — О Марта, Марта, — думалъ онъ съ горечью, — куда заведетъ васъ ваша гордость? И вы избираете этого человѣка своимъ руководителемъ, своимъ другомъ, мужемъ,— человѣка, для котораго никогда-бы не должны были отворяться двери вашего дома. Нѣтъ, чегобы это не стоило, но я приду къ вамъ на помощь; я останусь здѣсь до тѣхъ поръ, пока буду убѣжденъ, что уже больше ничего не въ состояніи сдѣлать для вашего спасенія.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ ла-Рикарде, было расположено ла-Роканде, глухое ущелье, гдѣ, среди лѣсовъ и скалъ, ютилась одинокая хижинка, принадлежавшая нѣкоему Жерому Боске; онъ былъ дровосѣкомъ, а жена его занималась выдѣлкою различныхъ бездѣлушекъ изъ букса. Къ этому-то жилью и направился Авріаль, будучи увѣренъ, что встрѣтитъ здѣсь ласковый пріемъ, такъ какъ Жеромъ Боске былъ многимъ обязанъ его покойному отцу; къ тому же, его жена была родною дочерью старой няни, выросшей и умершей въ домѣ Авріалей. Не желая безпокоить мирнаго дровосѣка своимъ появленіемъ въ такой глухой часъ ночи, Авріаль рѣшилъ дождаться разсвѣта и пріютился на берегу небольшаго озера, зеркальная поверхность котораго почти совсѣмъ скрывалась подъ нависшими надъ нею столѣтними деревьями. Улегшись на травѣ, молодой человѣкъ весь отдался прелести тихой, осенней ночи, наполненной ароматами прекраснаго сосноваго лѣса; онъ почти не замѣтилъ, какъ изъ-за вершинъ деревьевъ прокрался первый лучъ солнца, вслѣдъ за которымъ весь небосклонъ обагрился краснымъ заревомъ; въ воздухѣ пробѣжала легкая зыбь; заколыхалась трава, зашелестѣли листья, зашептались вѣтви; вотъ вспорхнула птичка, за нею другая, и лѣсъ огласился безконечно-веселыми пѣснями его пернатыхъ обитателей. Авріаль такъ былъ очарованъ охватившимъ его радостнымъ чувствомъ, что даже забылъ цѣль своего пребыванія здѣсь; онъ очнулся только тогда, когда услыхалъ подлѣ себя плескъ воды: это какая-то женщина пришла на озеро полоскать бѣлье; она съ удивленіемъ вглядывалась въ лицо молодаго человѣка и, казалось, что то припоминала; не вѣря себѣ, она подошла ближе и была замѣчена Авріалемъ.

— Здравствуйте Маріанна, — проговорилъ онъ, приподнимаясь съ травы.— Что, небось, не узнаете?

— Голосъ его... и лицо его...—пробормотала молодая женщина.—Какъ же, сказали, что онъ умеръ?...

Она положила на траву бѣлье и, какъ-бы желая увѣриться, что видитъ передъ собою живаго человѣка, а не призракъ, взяла его за руки.

— Слава тебѣ Господи!—воскликнула она, убѣдившись, что это дѣйствительно живой Авріаль.—Вотъ радость-то, что вы снова съ нами, господинъ Эдуардъ.

И добрая женщина пустилась въ распросы, разсказы, изліянія безъ конца.

— Вотъ-то обрадуется господинъ докторъ Фреснель, когда узнаетъ, что вы пріѣхали опять къ намъ. Мы съ нимъ часто вспоминали о васъ. Надо его поскорѣе увѣдомить.

— Ради Бога, ни его, ни кого другаго! Необходимо, чтобы никто не зналъ о моемъ присутствіи здѣсь, слышите-ли, Маріанна?

Она широко раскрыла свои удивленные глаза; но желаніе Авріаля было свято для нея, и она не смѣла распрашивать. Не переставая разговаривать, она повела дорогаго гостя въ свой домъ, по узкой тропинкѣ, протоптанной между чащею деревъ. Вскорѣ, Авріаль увидалъ передъ собою полуразвалившуюся избу, свидѣтельствовавшую наружнымъ видомъ о крайней бѣдности ея владѣтелей. Молодой человѣкъ вопросительно поглядѣлъ на Маріанну, какъ бы спрашивая о причинахъ, повлекшихъ за собою этотъ упадокъ ихъ благосостоянія. Жена дровосѣка въ короткихъ словахъ разсказала свою исторію, столь обычную въ ихъ сословіи: мужъ сталъ пить, лѣнится работать и всю тяжесть добыванія куска хлѣба для семьи возложилъ на свою жену. Не даромъ Авріаля поразила та рѣзкая перемѣна въ лицѣ женщины, которая произошла за это, сравнительно, не долгое время его отсутствія.

Войдя въ избу, они услыхали мужской, не совсѣмъ твердый голосъ.

— Это мужъ,—проговорила Маріанна;—онъ, можетъ быть, не одинъ; пойдемте, я проведу васъ, для безопасности, на чердакъ.

Къ счастью, съ дровосѣкомъ никого не было. Жерому Боске было не болѣе 40 лѣтъ, но его обрюзглая фигура, обросшая густой, длинной бородой, выглядѣла гораздо старѣе. Онъ замѣтилъ на полу слѣды ногъ посторонняго и, взявъ палку, грубо закричалъ:

— Кто пошелъ на чердакъ?

Авріаль показался въ дверяхъ.

— Такъ принимаютъ только враговъ, Жеромъ, —проговорилъ молодой человѣкъ.

Палка выпала изъ рукъ дровосѣка; онъ и обрадовался и сконфузился за себя. Чтобы какъ-нибудь замять эту неловкость, онъ ничего лучшаго не нашолъ, какъ предложить выпить стаканъ вина за здоровье новоприбывшаго.

— Вы сегодня и такъ много пили,—замѣтилъ гость;—пойдемте-ка лучше со мной.

Жеромъ покорно послѣдовалъ за молодымъ человѣкомъ.

— Жеромъ,—заговорилъ Авріаль, когда они отошли на нѣсколько шаговъ отъ дома,—я замѣтилъ у васъ, подлѣ печки, ружье съ плохо вытертымъ именемъ Мориса Марсолье; развѣ вы охотитесь?

— Иногда.

— Да, ктому-же всегда не мѣшаетъ имѣть въ домѣ оружіе, если занимаешься контрабандой.

— Какъ вы это узнали?

— Узнать нетрудно, стоитъ только повнимательнѣе осмотрѣть вашъ чуланъ и карманы, натисканные разными контрабандными предметами. Впрочемъ, я давно уже знаю, что вы частенько наѣзжаете въ Швейцарію и тамъ занимаетесь не совсѣмъ-то благовидными дѣлами; напримѣръ, вы употребляете насиліе противъ совершенно невинныхъ людей, за то только, что они исполняютъ свою обязанность.

Онъ остановился и внимательно поглядѣлъ въ лицо Жерому, который страшно поблѣднѣлъ.

— Нѣсколько времени передъ моимъ отъѣздомъ, — продолжалъ Авріаль, — погибъ одинъ изъ таможенныхъ надсмотрщиковъ; подозрѣваютъ васъ.

— Это ложь, увѣряю васъ; дѣло было вотъ какъ: я возвращался изъ Сенъ-Имье, съ хорошею добычей; ночь благопріятствовала мнѣ какъ нельзя болѣе; но, вдругъ, небо прояснилось, взошла луна; меня замѣтилъ таможенный надсмотрщикъ и сталъ преслѣдовать; достигнувъ одной изъ разсѣлинъ, онъ неожиданно надткнулся на западню, которую поставила чья то неизвѣстная мнѣ рука, и упалъ въ пропасть; увѣряю васъ, что ловушка эта была устроена не мною.

— Я вамъ вѣрю, но, между тѣмъ, все-же, по закону, вы отвѣчаете за смерть надсмотрщика. Да и въ своихъ собственныхъ глазахъ вы не считаете себя совершенно безучастнымъ въ смерти этого несчастнаго; насколько я припоминаю, съ тѣхъ самыхъ поръ лицо ваше сдѣлалось постоянно мрачнымъ и съ того же времени вы завели нехорошую привычку пьянствовать, показывая этимъ самымъ, какъ будто вы хотите отдѣлаться отъ какихъ-то угрызеній совѣсти и непріятныхъ воспоминаній.

Жеромъ не отвѣчалъ и это молчаніе свидѣтельствовало о его признаніи.

— На васъ отражается чье-то пагубное вліяніе,—продолжалъ Авріаль.—Вспомните какимъ славнымъ, терпѣливымъ работникомъ были вы нѣсколько лѣтъ тому назадъ; теперь же вы смѣнили покойную жизнь честнаго труженика на рисковую судьбу контрабандиста; вѣрный кусокъ хлѣба—на золото, добываемое разными нечистыми путями. Я знаю, кто внушилъ вамъ это: Морисъ Марсолье; онъ взялъ васъ въ свои помощники, когда ему нужно было препроводить во Францію иностранные товары; онъ нуждался въ деньгахъ и, прикрываясь отъ всевозможныхъ подозрѣній достоуважаемымъ именемъ своего отца, обдѣлывалъ свои грязныя дѣлишки. Конечно, кто бы могъ допустить хотя въ мысляхъ, что сынъ мироваго судьи занимается контрабандой, что онъ тайкомъ провозитъ въ домъ отца часы, кружева и, затѣмъ, препровождаетъ эти товары въ Парижъ, своимъ агентамъ, на обязанности которыхъ лежитъ какъ можно скорѣе спустить ихъ съ рукъ. Несчастный Семонсель служилъ ему невольнымъ помощникомъ въ этомъ дѣлѣ. Видите, Жеромъ, мнѣ все извѣстно... Вы сдѣлались соучастникомъ его темныхъ дѣяній; но Морисъ могъ сомнѣваться въ вашей скромности; ему надо было приковать васъ къ себѣ, закрѣпостить, поставить въ полную къ нему зависимость; вотъ почему онъ, помимо даже вашихъ просьбъ, давалъ вамъ постоянно деньги, много денегъ, столько, чтобы вы никогда не могли ихъ ему уплатить; этого, впрочемъ, было ему мало... Давали-ли вы себѣ трудъ, когда нибудь вдуматься, что эта случайная смерть таможеннаго надсмотрщика не была дѣломъ его рукъ? Морисъ часто выѣзжалъ ожидать вашего возвращенія. Увѣрены ли вы, что тою ночью онъ не былъ въ горахъ?... Ахъ, Жеромъ, Жеромъ, зачѣмъ вы раньше не вдумывались во все то, что дѣлалось вокругъ васъ, зачѣмъ вы дали опутать себя такимъ образомъ?

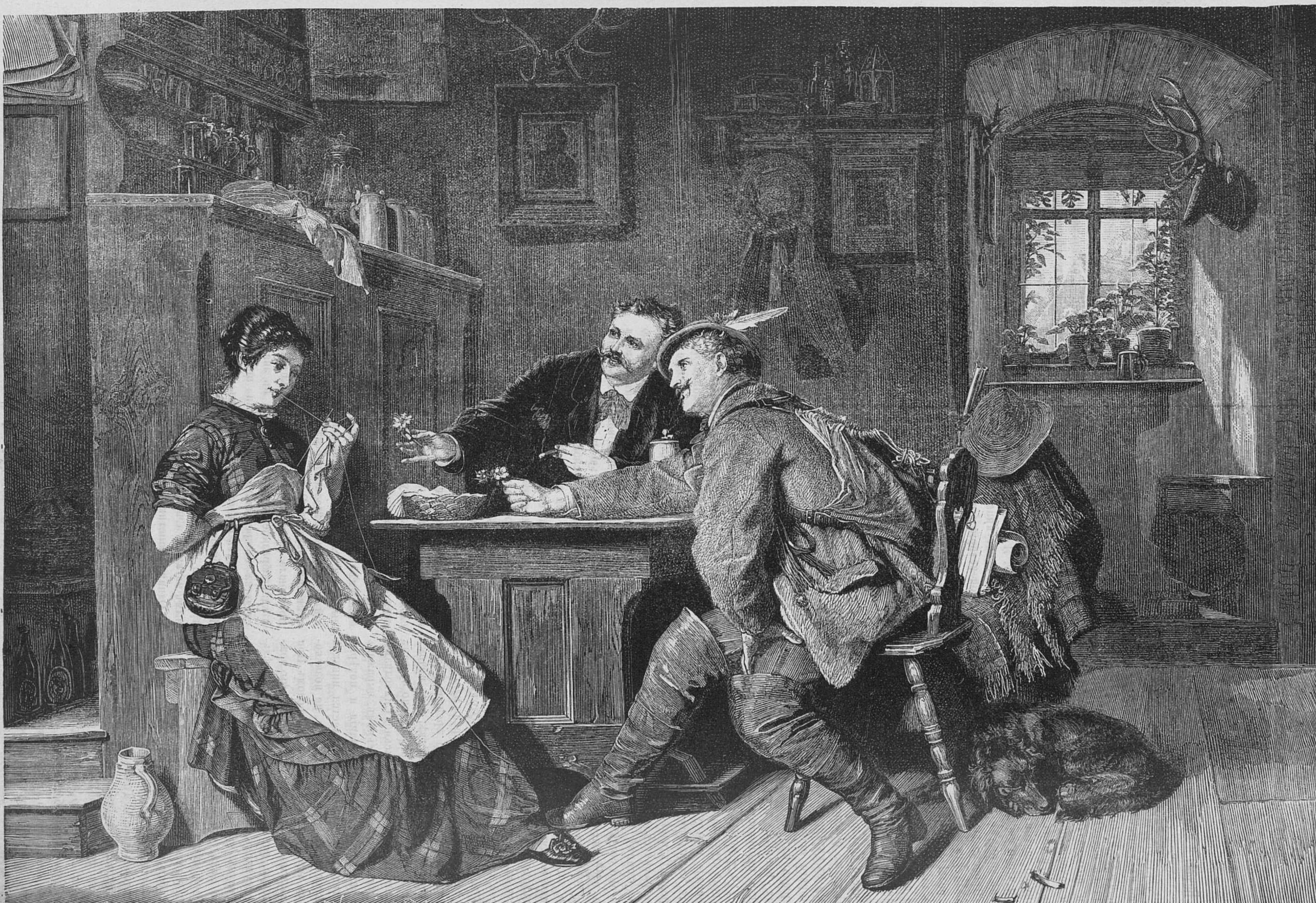
Жеромъ молчалъ; его самолюбіе не могло помириться съ тою ролью простофили, какъ обрисовалъ ее Авріаль; однако, онъ всетаки, былъ взволнованъ, обезпокоенъ. Авріаль, между тѣмъ, продолжалъ:

— Онъ зналъ, что ваше свидѣтельство не легко отзовется на немъ; но кромѣ этого, онъ еще имѣлъ и другой поводъ бояться васъ: вѣдь это здѣсь, очень близко отъ вашего дома, одинъ молодой человѣкъ былъ убитъ на охотѣ. Между вами никогда не было разговора по поводу этаго убійства?

— Одинъ только разъ, и то я потомъ раскаялся, что завелъ объ этомъ рѣчь; господинъ Марсолье ужасно былъ опечаленъ: вѣдь это онъ пригласилъ сюда своего товарища; онъ считаетъ себя поэтому невольною причиною его смерти и говоритъ, что никогда не проститъ ее себѣ. Я понялъ, какую неловкость сдѣлалъ, напомнивъ ему объ этомъ грустномъ событіи и, тогда же, я далъ ему честное слово никогда больше не говорить объ этой исторіи. Да я и не знаю ничего о ней, такъ какъ пришелъ на мѣсто событія уже тогда, когда выстрѣлъ былъ сдѣланъ.

Авріаль пытливо глядѣлъ на контрабандиста и увѣрился, что тотъ говоритъ совершенно искренне; онъ, дѣйствительно, жалѣлъ Мориса, не имѣя противъ него никакихъ подозрѣній.

— Вы правы,—проговорилъ онъ,—если дали



Трудный выборъ. Копія съ картины Эдуарда Гритцнера. Рисовалъ самъ художникъ, гравировалъ Кнезингъ.

слово, слѣдуетъ его держать. Морисъ имѣетъ слишкомъ хорошаго отца, надо его щадить. Но я всетаки повторяю, что вліяніе его на васъ пагубно и я во что бы то ни стало помогу вамъ отдѣлаться отъ него.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Начало и постепенное развитіе письма.

(*Продолженіе*).

То, чего нельзя было представить непосредственно на картинѣ, выражалось фигурами, которыя, послѣ нѣкотораго сравненія, приводили зрителя къ извѣстному понятію; такими средствами пользовалось картинное письмо египтянъ и мексиканцевъ. Первые изъ нихъ, желая, напримѣръ, изобразить борьбу, рисовали двѣ руки, одну со щитомъ, а другую съ копьемъ; мексиканцы, чтобы передать понятіе бѣгства, изображали двѣ ноги, въ положеніи, напоминающемъ бѣгъ. Происходящій отсюда символизмъ весьма рано овладѣлъ какъ идеографическимъ письмомъ, такъ и религіей. Сверхъ того, самое сопоставленіе фигуръ въ извѣстномъ порядкѣ и положеніи придавало картинѣ особое значеніе; этимъ путемъ передавались идеографическія понятія, не поддающіяся картинному воспроизведенію. Египтяне очень часто пользовались этимъ методомъ, знакомымъ также и мексиканцамъ. Слѣды его мы находимъ и въ китайскомъ письмѣ, графическіе знаки котораго произошли путемъ преобразованія несовершенныхъ рисунковъ, передававшихъ извѣстныя понятія; такъ, напримѣръ, человѣческія уста, нарисованныя возлѣ птицы, означаютъ пѣніе, ухо — между двумя половинами дверей — слухъ, вода струящаяся возлѣ глазъ — слезы. Даже краснокожіе пользуются подобными способами, которые, въ большинствѣ случаевъ, очень наглядно передаютъ извѣстныя понятія.

Идеографическое письмо не долго сохранило свой картинный (иконографическій) характеръ; вскорѣ оно создало рядъ картинъ, а также множество изображеній, имѣющихъ то прямое, то переносное значеніе и, наконецъ, много символовъ и загадокъ, понятныхъ только особенно проницательнымъ субъектамъ. На этой ступени идеографическое письмо является уже труднымъ искусствомъ, доступнымъ лишь извѣстному кругу людей, которые превосходятъ своихъ современниковъ знаніями и способностями. Этотъ классъ людей составляли обыкновенно жрецы илигадатели и чародѣи, заступавшіе мѣсто жрецовъ у народовъ, коснѣющихъ въ невѣжествѣ; вотъ почему этотъ родъ письма весьма основательно названъ «гіероглифами» или святое письмо. Символизмъ, тѣсно связанный съ этимъ письмомъ, выражалъ собою всѣ доступныя народу знанія и повѣрія; въ настоящее время не представляется никакой возможности разбирать это письмо, не познакомившись первоначально съ самимъ народомъ. При первомъ взглядѣ на египетскія гіероглифы можно, конечно, понять значеніе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ рисунковъ, но кто угадалъ бы, напримѣръ, что коршунъ выражаетъ собою идею размноженія, не зная, что египтяне считали эту птицу способной размножаться безъ самцевъ? Возможно ли догадаться, что, напримѣръ, гусь олицетворялъ собою понятіе о сынѣ, не зная, что эта птица, у обитателей береговъ Нила, считалась образцомъ дѣтской любви? Точно также не представляется возможности убѣдиться, что ястребъ, сидящій на грядѣ, изображаетъ собою «Бога», если намъ не извѣстно, что эта птица была символомъ величайшаго божества.

Картинное письмо воспроизводилось на деревьяхъ, скалахъ, группировалось въ короткія надписи и, по свидѣтельству египетскихъ и американскихъ памятниковъ, употреблялось для украшенія зданій, переходящихъ въ потомство; равнымъ образомъ, полагаютъ, что оно разсылалось и въ отдаленныя страны. Но людямъ необходимо было носить при себѣ свою мнемонику, а потому они приготовляли кожи, ткани и другіе матеріалы, съ цѣлью рисовать или вырѣзывать на нихъ фигуры, и такимъ образомъ носить съ собою нѣчто въ родѣ книгъ. Съ этого момента мысль и добытыя знанія могли уже легко сохраняться и передаваться потомству. Нѣкоторые дикіе народы, желая придать мысли большую выразительность, жертвовали своимъ тѣломъ; такъ, напримѣръ, у жителей Полинезіи татуированные рисунки представляли собою настоящее письмо, вслѣдствіе чего на кожѣ дикаря можно было прочитать его біографію, подвиги, а иногда и принятыя имъ обязательства. Поэтому-то нѣмецкій ученый г. Вуттке, которому мы обязаны весьма интересной «Исторіей письма» посвятилъ татуированію особую главу. И въ наше время буквы, выжигаемыя на тѣлѣ преступника, не выражаютъ ли собою краткой исторіи его преступленій?

Племена, употреблявшія картинное письмо и въ умственномъ отношеніи мало развившіяся, при воспроизведеніи той или другой мысли, довольствовались простыми изображеніями людей, животныхъ, растеній и т. п.; но народы, достигшіе цивилизаціи, не могли ограничиваться этимъ; вслѣдствіе развитія техники рисованія и значительныхъ сокращеній, фигуры, мало по малу, потеряли свои характерныя черты и впослѣдствіи превратились въ знаки, весьма непохожіе на первоначальные. Этотъ фактъ, наблюдаемый иногда въ картинномъ письмѣ мексиканцевъ, яснѣе всего виденъ въ Египтѣ, гдѣ гіероглифы употреблялись съ незапамятныхъ временъ; для обыкновенныхъ писемъ гіероглифы были замѣнены настоящею скорописью (тахиграфіей), названною *гіератическимъ* письмомъ; затѣмъ придумали еще болѣе удобную систему *демотическую* (демосъ — народъ), такъ какъ во времена Птоломеевъ ею пользовался почти весь народъ. Въ Китаѣ плохія вначалѣ картины перешли въ совокупность черточекъ, проводимыхъ кистью и не имѣющихъ ни малѣйшаго сходства со своими первообразами; въ скорописи же эти знаки измѣнились до того, что стали выражать собою чисто условныя формы. На этой ступени картинное письмо отдѣлилось отъ живописи и превратилось въ *семеографію*, т. е. собраніе знаковъ, представляющихъ извѣстныя понятія (идеи) и называемыхъ у археологовъ *идеограмами*. Семеографическій методъ не исключалъ символовъ и сочетанія образовъ, но постепенно преобразовалъ ихъ формы. Этимъ путемъ сложные знаки или группы нѣсколькихъ картинъ, судя по китайскому письму, стали представлять отдѣльныя слова (въ родѣ нынѣшнихъ ребусовъ), а затѣмъ уже эти картины стали означать извѣстные звуки (слоги); результатъ этихъ преобразованій — идеограмы сдѣлались впослѣдствіи истинными символами звуковъ. Эта перемѣна раньше всего произошла въ такихъ письмахъ, какъ китайское и клинообразное, гдѣ исчезновеніе въ знакахъ сходства съ реальными предметами не могло уже вызывать представленія о самомъ предметѣ. Такимъ образомъ явилась фонетика, т. е. употребленіе знаковъ, соотвѣтствующихъ голосовымъ звукамъ, а не понятіямъ.

Однако фонетика не уничтожила существованія идеограммъ и картинъ, имѣющихъ назначеніе передавать понятія въ прямомъ или переносномъ смыслѣ. Какъ тѣ, такъ и другія попрежнему продолжали оставаться письменами; но такъ какъ одинъ и тотъ же знакъ могъ выражать и понятіе, и звукъ, то, для устраненія недоразумѣній, нѣкоторымъ знакамъ придали фонетическія свойства, и такимъ образомъ, лишивъ ихъ идеографическаго характера, преобразовали ихъ въ буквы. Китайцы ограничиваются прибавленіемъ къ каждой группѣ двухъ знаковъ: одного, характеризующаго звукъ (выговоръ) и другого, поясняющаго идеографическое значеніе группы; этотъ второй знакъ зовутъ ключемъ, которыхъ въ китайскомъ письмѣ считается 214. Такимъ же путемъ и египтяне облегчали для себя выраженіе мыслей помощью гіероглифовъ.

Главнымъ недостаткомъ фонетики была полифонія (многозвучіе), происходящая вслѣдствіе того, что идеографическіе знаки, сдѣлавшись буквами, могли имѣть различные звуки, такъ какъ одинъ и тотъ же знакъ представлялъ собою нѣсколько предметовъ; поэтому для указанія истиннаго выговора извѣстнаго полифоническаго знака понадобились добавочные значки. Напримѣръ, гіероглифъ, отвѣчающій звукамъ «аб» и «мер», въ первомъ случаѣ получалъ значекъ характеризующій «б», во второмъ же два значка для «м» и «р»; эти средства были неизбѣжными при стремленіи письма къ той простотѣ, которая существуетъ въ немъ въ настоящее время. Добавочный знакъ иногда звучалъ различно и только сравненіе съ главнымъ гіероглифомъ позволяло распознавать его настоящій выговоръ; ассиріяне пользовались фонетическими дополненіями при послѣднемъ слогѣ слова. Графическія системы египтянъ и ассиріянъ, со всѣми добавочными знаками, были далеко неудовлетворительны и требовали большаго навыка. Затрудненіе при чтеніи было гораздо меньшимъ сравнительно съ тѣмъ хаотическимъ способомъ, который явился въ то время, когда фонетико-идеографическая система переходила отъ одного народа, создавшаго ее, къ другому, съ инымъ языкомъ и обычаями. Это случилось съ клинообразнымъ письмомъ. Ассиріяне, принявъ клинообразныя идеограммы отъ жителей Турана, старались примѣнить ихъ къ совершенно особеннымъ звукамъ собственнаго языка. Идеограммы служили для обозначенія корней словъ, фонетическіе же знаки выражали собою формы падежей, временъ, лицъ, словомъ, всѣхъ измѣненій, ведущихъ къ опредѣленности и ясности. Многозвучіе, плохо развитое, въ аккадійскомъ (туранскомъ письмѣ) достигло значительныхъ размѣровъ у ассиріянъ; одному знаку придавалось здѣсь иногда отъ десяти до двѣнадцати разныхъ звуковъ. Преобразованіе фонетическихъ знаковъ случилось въ то время, когда клинообразное письмо перешло къ племенамъ мидо-скиѳскимъ, или мидійскимъ туранцамъ, и обитателямъ Арменіи. Сравненіе текстовъ не привело бы къ открытію столь значительныхъ измѣненій: въ этомъ лабиринтѣ несомнѣнно заблудились бы всѣ лингвисты, если бы не было открыто неожиданнаго путеводителя, въ видѣ тѣхъ небольшихъ дощечекъ изъ обожженой глины, которыя найдены въ развалинахъ царскаго дворца въ Ниневіи. Онѣ представляютъ три таблицы графическихъ согласованій, составленныхъ, по объясненіямъ текста, для переписчиковъ, по приказанію царя Ассурбанипала. Это было, какъ полагаютъ, слѣпое подражаніе таблицамъ, употреблявшимся въ Вавилонѣ, что подтверждается недавними открытіями Жоржа Смита. Упомянутая ассирійская находка представляетъ три столбца: средній съ клинообразными знаками, звуковое произношеніе которыхъ вырѣзано въ лѣвомъ столбцѣ, въ правомъ же столбцѣ заключается значеніе клинообразныхъ знаковъ на ассирійскомъ языкѣ. Затѣмъ отыскали цѣлыя сравнительныя таблицы ассирійскихъ и аккадійскихъ словъ, родъ словарей, въ которыхъ каждое аккадійское слово передано по ассирійски фонетическими знаками. Труды I. Опперта и Ф. Ленорманта доказали, что ассирійскіе памятники заключаютъ въ себѣ всѣ преобразованія и перемѣны, которымъ подвергалось клинообразное письмо. Ассиріяне не съумѣли разрѣшить этихъ затрудненій, у нихъ была подъ руками система, пригодная для фонетическаго изображенія всѣхъ словъ, но лишенная простоты и порядка; въ Ассиріи, какъ и въ Египтѣ, народъ не могъ отрѣшиться отъ множества излишнихъ знаковъ для того, чтобы достигнуть одноообразія и ясности.

Между Болгарами.

Путешествіе Вильгельма Лежана.

(*Продолженіе*).

До самаго Виддина народонаселеніе Турціи почти исключительно состоитъ изъ румынскихъ крестьянъ; за Виддиномъ, а еще болѣе за Акчаръ Паланкой (крѣпостью Акчаръ), расположились преимущественно болгары; они рѣзко бросаются въ глаза своей типичной физіономіей съ широкими скулами. Я проѣзжалъ во время жатвы и имѣлъ возможность присмотрѣться къ этому многострадальному народу. Я увѣренъ, что жвецы, встрѣчавшіяся мнѣ на каждомъ шагу, не измѣнили ни обычаевъ, ни одежды, ни земледѣльческихъ орудій со временъ знаменитыхъ тырновскихъ царей.

На нѣкоторое время я остановился въ Никополисѣ. Этотъ городъ, именуемый Турками Небуль, расположенъ на правомъ берегу Дуная, въ 5 километрахъ разстоянія ниже впаденія Алуты. Расположенный въ оврагѣ, между двумя холмами, онъ имѣетъ весьма живописный видъ. На одномъ холмѣ построена крѣпость; надъ городомъ сверкаютъ цинковыя крыши мечетей. Нѣкоторые изъ путешественниковъ полагаютъ, что этотъ Никополь есть древній Nicopolis ad lustrum (Никополистро), но это мнѣніе положительно невѣрно, такъ какъ развалины послѣдняго лежатъ далѣе, около деревни Ески-Никупъ (старый Никупъ) въ 3 часахъ ѣзды отъ Тырнова, надъ рѣкой Русицей.

Древній Никополь былъ построенъ Трояномъ, послѣ побѣды надъ Дакійцами; мѣсто его нахожденія опредѣлилъ точно въ послѣдніе года нѣмецкій археологъ и путешественникъ Каницъ. Изъ Никополя я сдѣлалъ прогулку по окрестностямъ, тщетно стараясь услышать отъ народа воспоминанія о блистательныхъ побѣдахъ, которыя одержалъ здѣсь Баязетъ надъ Сигизмундомъ нѣмецкимъ въ 1370 и надъ французскими рыцарями, подъ предводительствомъ Іоанна Безстрашнаго и Филиппа д'Артоа въ 1396 г. Холмы, у подножья которыхъ лежитъ городъ, простираются на нѣсколько миль къ югу и къ юго-западу: благодаря этой не совсѣмъ благопріятной для жителей мѣстности, Турки не разъ дѣлали на эту страну набѣги, противъ которыхъ мужество христіанскихъ защитниковъ должно было уступать численной силѣ враговъ.

Вблизи Никополя, въ трехъ километрахъ къ Западу, невдалекѣ отъ Дуная, я открылъ въ живописныхъ развалинахъ, какъ мнѣ кажется, слѣды знаменитаго, въ исторіи Аттилы, города Asemus, который въ 442 г. былъ нѣсколько разъ безуспѣшно осаждаемъ предводителемъ Гунновъ. Не смотря на это, его развалины совершенно забыты, и мнѣ, только благодаря случайности, удалось отыскать ихъ: онѣ лежатъ при впаденіи Осьмы въ Дунай и называются Градиской или Оземъ-Кале; послѣднее названіе еще нѣсколько напоминаетъ средніе вѣка. Въ настоящее время отъ бывшаго хорошо укрѣпленнаго города остались только одни валы, заросшіе густою травою; впрочемъ, здѣсь всѣ римскія развалины представляются въ одинаковомъ видѣ. Только съ южной стороны я замѣтилъ древне-римскую стѣну, но и то увѣрять въ ея существованіи не могу, такъ какъ я проѣхалъ здѣсь очень быстро, и плохо ее разсмотрѣлъ.

Если кто когда нибудь посѣтитъ жалкія развалины Асемуса, пусть взберется на вершину горы, надъ крѣпостью; могу увѣрить, что усталость вполнѣ окупится тѣмъ наслажденіемъ, которое испытаетъ путешественникъ, благодаря очаровательному виду, открывающемуся передъ его глазами.

Здѣшніе берега кажутся обыкновенно скучными, однообразными, если смотрѣть на нихъ съ палубы парохода; совершенно другой видъ представляютъ они съ вершины горы; предъ вами разстилается роскошный садъ, изрѣзанный широкими дорожками и аллеями, усѣянный множествомъ красивыхъ деревень, бѣлыхъ виллъ, парковъ, лѣсовъ, среди которыхъ извивается многоводная Амота. За лѣсомъ бѣлѣетъ новый городокъ Турнъ Магореле, который соединяется съ Дунаемъ, или, вѣрнѣе сказать, съ Никополемъ, двухверстнымъ шоссе, оживленнымъ во всякое время дня и ночи. Въ Турнъ-Магореле считаютъ 5000 жителей. Вся окрестность этого города дышетъ богатствомъ, весельемъ, торговою жизнью, достаткомъ его обитателей, все это составляетъ сильный контрастъ съ мрачными мѣстами, которыя, я, вмѣстѣ съ Никополемъ, оставилъ за собою.

Этотъ же контрастъ повторяется почти на каждомъ шагу вдоль Дуная, потому что почти вездѣ, гдѣ на одномъ берегу лежитъ бѣдный городишко, на противоположномъ расположенъ богатый городъ. Изъ такихъ противоположныхъ городовъ болѣе замѣчательны: Виддинъ и Калафатъ, Систовъ и Зимница, Рущукъ и Гіургіево, Силистрія и Калярахъ. Допустимъ, что по Дунаю ѣдетъ путешественникъ, не изъ образованныхъ, но обладающій здравымъ разсудкомъ. Вы указываете ему на обѣ страны, раздѣленныя другъ отъ друга рѣкою, а что еще важнѣе, двумя разными степенями цивилизаціи, что сейчасъ-же можно замѣтить. Вы говорите этому путешественнику, который вовсе не знакомъ съ политикой, что одинъ изъ этихъ краевъ находится въ вассальномъ подданствѣ къ другому, что лѣтъ двадцать желаетъ освободиться отъ подданства, которое навязано ему трактатомъ, несмотря на то, что самъ онъ не принималъ въ немъ никакого участія.

— Какъ полагаете, спрашиваете вы у этого путешественника, который изъ этихъ двухъ краевъ сюзеренъ.

Понятно, отвѣчаетъ онъ, — вотъ этотъ, лежащій на югѣ, потому что его цивилизація выше. Самая простая логика это говоритъ. Логика.... да, но общеевропейская политика часто обходится безъ логики, а иногда и безъ всякой морали. Цивилизація, которую вы видите, принадлежитъ вассаламъ того невѣжества, которое васъ окружаетъ.

Однако много найдется такихъ господъ, которые утверждаютъ, что такое состояніе хорошо и можетъ еще долго продлится. Можетъ быть лѣтъ 10 и 20. 20 лѣтъ! Это вѣчность въ нашу эпоху.

Въ двухъ часахъ ѣзды за Никополемъ, напротивъ валахскаго города Зимницы, лежитъ болгаро-турецкій Систовъ.

Зимница, съ портомъ на Дунаѣ, имѣетъ 4300 жителей; въ ея окрестностяхъ отрываютъ очень много симскихъ медалей и монетъ временъ Септима, Александра Севера, Константина Великаго и Граціана. Систовъ расположенъ у подножья холма, усѣяннаго развалинами. Здѣсь Порта и Австрія въ 1791 г. заключили союзъ.

Не останавливаясь болѣе нигдѣ, я вскорѣ прибылъ въ Рущукъ. Когда я былъ въ этомъ городѣ 10 лѣтъ тому назадъ, мнѣ попалась румунская книжечка «путеводитель», которая въ нѣсколькихъ строкахъ характеризовала древній Рущукъ: «Запертыя двери, рѣшетчатыя окна, кое гдѣ грѣющаяся на солнцѣ собака; перелетающій голубь или нищій въ лохмотьяхъ — вотъ картина этого города. Въ разложенныхъ на рынкѣ товарахъ видны были только плохія вещи, не первой необходимосги, какъ напр.: трубки, табакъ, сушеная зелень.....

Какой-то проходящій жидъ во все горло восхваляетъ свои сорбеты и за 10 паръ*) готовый всякаго напоить прохладительнымъ напиткомъ».

Погруженный въ эти размышленія, я вышелъ на берегъ и былъ пораженъ тѣми неожиданностями, которыя увидѣлъ: улицы прямыя, длинныя, съ широкими тротуарами, множество фіакровъ, съ лучшей, нежели на западѣ упряжью, каждый фіакръ снабженъ тарифомъ за конецъ и часъ, тарифъ написанъ по болгарски и турецки. Дальше, городская площадь съ неизбѣжнымъ конакомъ. Я спрашиваю, гдѣ находится Lokanda Kyr Ангело, единственная гостинница, какая существовала въ Рущукѣ во время моего перваго пребыванія въ немъ; мнѣ отвѣчаютъ, что въ настоящее время здѣсь 15 отелей, устроенныя по образцу европейскому, а мой знакомый грекъ Ангело содержитъ гостинницу въ Константинополѣ. Случайно поднимаю голову и читаю Ξενοδοχεΐου τοΰ αίσενρπάνου. Это меня сбиваетъ съ толку Я знаю древне-греческій языкъ, немного новогреческаго, знаю что Τευδοχεΐυ гостинница; но что значитъ послѣднее выраженіе? Послѣ долгаго размышленія, благодаря моей этимологической догадливости, я понялъ, что это ложно — греческая вывѣска означала «гостинницу желѣзной дороги». Предварительно вхожу въ кофейню и спрашиваю «Indépendance Bélge», мнѣ подаютъ «Wiener Zeitung»: германизмъ преобладаетъ здѣсь во всей своей силѣ.

Я остановился въ гостинницѣ клахане, находящейся подъ покровительствомъ паши и чиновниковъ; паша завѣдывалъ ея постройкой, а чиновники составляютъ аристократію посѣтителей. Лучшею приманкою этой гостинницы служитъ обширный садъ съ очаровательнымъ видомъ на Дунай, и Зеленые острова, -- откуда въ 1854 г. русскіе обстрѣливали Рущукъ, — а также на сверкающія колокольни Гіургіева. Проѣзжающіе здѣсь туристы мало цѣнятъ эти живописныя мѣста; жители же проводятъ здѣсь лѣтніе вечера, слушаютъ музыку или пѣсни одного изъ четырехъ прагскихъ товариществъ хористовъ. Такихъ товариществъ въ Болгаріи насчитываютъ около 30. Въ современной Турціи это одинъ изъ оригинальныхъ цеховъ. Почти всѣ хоры пріѣзжаютъ изъ Чехіи и нельзя сказать, чтобъ это были авантюристы. Обыкновенно шесть или восемь человѣкъ молодыхъ людей обоего пола, учениковъ какого нибудь прагскаго орфеона, собираются и отправляются по бѣлу свѣту искать куска хлѣба. Они пріѣзжаютъ въ какой нибудь городъ на Дунаѣ съ музыкальными инструментами и, сдѣлавъ условіе съ хозяиномъ извѣстной гостинницы, играютъ въ ней, за что хозяинъ даетъ имъ безплатное помѣщеніе и столъ. Хористы поютъ отъ 7 до 10 часовъ вечера, а небольшая сумма, полученная изъ подаянія гостей, составляетъ весь ихъ бюджетъ. Молодой кружокъ хористовъ всегда, гдѣ я ни встрѣчалъ ихъ, отличался серьезностью и нравственностью отношеній между собою. Это происходитъ отъ того, что почти всѣ молодыя дѣвушки, или сестры, или невѣсты своихъ товарищей и трудятся, чтобы собрать приданное. Сознаюсь, что сначала мнѣ приходили дурныя мысли въ голову. Но, когда я увидѣлъ, какъ эти молодыя красавицы смѣются и пьютъ пиво въ компаніи турецкихъ офицеровъ, то вполнѣ убѣдился, что эти офицеры не опасны честнымъ женщинамъ. Съ другой стороны турки, пресытившись гаремной жизнью, жаждутъ только невиннаго развлеченія, веселаго разговора въ обществѣ молодыхъ хористокъ и желаютъ похвастаться знаніемъ нѣмецкаго языка.

---

*) Піастръ = 6 коп. = 40 паръ'амъ. Кеса = 500 піастрамъ; десиликъ = 5 піастр., меджидье = 20; юзлыкъ = 100 піастр. а длильскъ = 50 піастрамъ.

Рущукъ имѣетъ 30,000 жителей и считается столицей вилайета. Вокругъ города расположены сильныя укрѣпленія, возобновленныя послѣ крымской войны. Цитадель помѣщается на горѣ, у подножья которой раскинулся городъ съ своими безпорядочными надстройками; въ Рущукѣ находится много мечетей съ бѣлыми минаретами и, несмотря на это, турецкое народонаселеніе здѣсь не первенствующее. Если вычесть громадное число чиновниковъ, то Рущукъ имѣетъ весьма небольшое число богатыхъ мусульманъ. Таково, по крайней мѣрѣ, было мое впечатлѣніе. Наконецъ, всѣ промыслы, которые содержатъ османлисы, напр.: перевозъ, садоводство, водоносы, угольщики, торговцы, имѣютъ своихъ представителей, и это по большей части кровные османлисы, а не Помаки (болгарскіе ренегаты), какъ это можно встрѣтить во многихъ городахъ и деревняхъ. Однако очень трудно отличить ихъ, тѣмъ болѣе, что и тѣ и другіе обладаютъ одинаковыми правами и даже вступаютъ между собою въ браки.

(Продолженіе въ слѣдующемъ №.)

* * *

Замѣтки изъ текущей жизни.

Вступленіе. — Минувшій «грозный» годъ. — Съ чѣмъ мы встрѣчаемъ «новый» годъ? — Скромное желаніе, выраженное скромными стихами. — Всеобщіе «крахи» и провалы. — Провалившійся драматургъ. — Г. Боборыкинъ въ новой роли - лектора. — Европейскій человѣкъ и восточный перстъ.

На первый разъ, мнѣ приходится начать свою рѣчь не прямо, а нѣсколько издалека... о фельетонистахъ.

«Timeo Danaos et dona ferentes...» Не вѣрьте и нашимъ фельетонистамъ, когда они смѣются!.. Они лишь хотятъ вызвать вашу улыбку, боятся быть скучными, — и только. По словамъ Вольтера, всѣ роды литературы хороши, кромѣ скучнаго. Эта великая истина. Но фельетонъ, уже по самому своему исключительно легкокрылому положенію въ литературѣ, мало того, что не долженъ быть *скучнымъ*, — онъ долженъ быть непремѣнно *веселымъ*. Такъ, по крайней мѣрѣ, рѣшено и подписано. Ктò это рѣшилъ и когда — это остается, выражаясь словами историка Кайданова, покрыто мракомъ неизвѣстности.... По всей вѣроятности, это рѣшили на западѣ, у французовъ, — откуда и былъ пересаженъ къ намъ этотъ суточный цвѣтокъ. Да, суточный! — потому что, въ большинствѣ случаевъ, фельетонъ живетъ всего двадцать-четыре часа. И развѣ это не обидно?!.. И развѣ еще не обиднѣе роль — *непремѣнно быть веселымъ?* ....

Вы не разъ, вѣроятно, видали въ балетѣ легкій рой тѣхъ очаровательныхъ созданій, что зовутся *корифеями*, (въ балетномъ вѣдомствѣ это — второй чинъ, ровняющійся, напр., губернскому секретарю); вы, конечно, замѣтили, что онѣ всегда улыбаются... Но мнѣ никогда не нравились эти улыбки и я всегда жалѣлъ ихъ отъ всей души. Было время, когда я многихъ изъ нихъ зналъ лично, встрѣчалъ внѣ сцены; мнѣ было извѣстно, напр., что у одной изъ нихъ было горе, у другой потеря отца, брата, и пр.; но едва онѣ появлялись изъ-за второй кулисы на сцену, — онѣ улыбались... Это, иногда, были судорожныя, злыя, не хорошія улыбки; но всетаки это были — *улыбки...* И партеръ, вооружась биноклями, смотрѣлъ на эти улыбающіяся лица и, вѣроятно, думалъ о нихъ: «вотъ, вѣчно веселыя созданья!..» И никто, конечно, не хотѣлъ вглядѣться въ эти дѣланныя, казенныя улыбки попристальнѣе и отгадать ихъ «тайный смыслъ». Кчему?!...

Но вы, читатель, смѣю надѣяться, будете добрѣе и вдумчивѣе «брилліантоваго ряда» Большаго театра: вы не потребуете отъ фельетониста *вѣчной улыбки*. Это было бы слишкомъ тяжело для него и через-чуръ уже легко — для васъ. Но онъ не долженъ наскучать вамъ и напускною серьезностью; это было бы уже на оборотъ: тяжело для васъ — и легко для него; махать «мечомъ картоннымъ» — такъ не трудно!.. Поэтому, я васъ и попрошу не вѣрить, иногда, чужому смѣху, великодушно извинять невольную, мѣстами, серьезность и отнестись, на первый разъ, снисходительно — къ этому необходимому вступленію и, вообще, къ нѣкоторой непослѣдовательности и отрывочности предлагаемыхъ вамъ, *для легкаго чтенія*, эскизовъ — изъ текущей жизни.

Начну съ конца.

Минулъ высокосный, тысяча-восемьсотъ-семьдесятъ-шестой годъ.... Какой это былъ тяжелый, грозный годъ!.., Въ мартѣ мѣсяцѣ, мнѣ довелось прожить болѣе двухъ недѣль, за тысячу слишкомъ верстъ отъ Петербурга, въ глухой и бѣдной русской деревнѣ, въ которой было всего четырнадцать дворовъ и никакого начальства: ни старосты, ни соцкаго — никого. Я, понятно, блаженствовалъ, такъ какъ, мнѣ ни разу еще не доводилось жить внѣ властей, и я легкомысленно мнилъ, что ощущаю, наконецъ, всю прелесть бытія. Минувшая весна была, какъ извѣстно, чрезвычайно ранняя; но я все-таки былъ не мало изумленъ, когда, однажды — это было въ первой половинѣ марта, — въ избу, гдѣ я помѣщался, донеслись явственные удары грома... Я, вообще, очень люблю грозу; поэтому, я нà-скоро вышелъ изъ избы, прошелъ крытый крестьянскій дворъ, затѣмъ, на гумно — и сталъ жадно вдыхать въ себя этотъ немного влажный, густой, наэлектризованный воздухъ. Вотъ, блеснула молнія — раздался второй ударъ, и еще, еще.... Вдругъ темнѣть стало, наступила мертвая тишина... Прелесть!.. Но я не одинъ наслаждался грозою: вблизи меня, прислонясь грудью къ плетню, стоялъ сѣдой, какъ лунь, старикъ крестьянинъ, дѣдъ моего хозяина; при каждомъ ударѣ, онъ снималъ шапку и набожно крестился. Замѣтивъ меня, онъ проговорилъ тихимъ и не совсѣмъ спокойнымъ голосомъ:

— Восьмой десятокъ, вотъ, доживаю на свѣтѣ, а не запомню еще такой ранней грозы. Не къ добру это.

— А что? спросилъ я у старика.

— Грозенъ будетъ этотъ годъ, ай грозенъ! Попомни мои слова.

И я, дѣйствительно, попомнилъ ихъ... Сколько крови человѣческой, — Боже мой, сколько крови и слезъ пролилось въ этомъ грозномъ году!... Сколько вдовъ, сиротъ — сколько всѣхъ этихъ ужасовъ войны!... И все это въ девятнадцатомъ-то вѣкѣ, — «когда благодѣтельный прогрессъ», и пр... «Страшно за человѣка!» говорилъ Шекспиръ, устами Гамлета, триста почти лѣтъ тому назадъ; теперь же, великій серцевѣдецъ сказалъ бы, можетъ быть: «стыдно за человѣчество!...»

И съ чѣмъ же мы встрѣчаемъ новый годъ? — Все съ тѣмъ же восточнымъ вопросомъ... О, этотъ «восточный вопросъ!» — Это, просто, какой-то Аттила, *бичъ божій*, такъ много разъ ниспосылаемый на бѣдное человѣчество. Но нѣтъ! будемъ лучше считать этотъ «вопросъ» Гордіевымъ узломъ, которому провидѣніе судило быть разрубленымъ мечомъ *Александра....* Но — мимо, мимо!

Въ «Гугенотахъ» есть прелестныя слова, слѣдующаго, приблизительно, содержанія: «Раздоры и споръ возбудили весь міръ, кровь людская льется рѣкой, но въ пріютѣ моемъ обо всемъ позабыть я хочу — и душой отдохнуть». Если бы я владѣлъ стихомъ и мнѣ довелось бы писать либретто этой оперы, то вышеприведенныя слова я перевелъ бы, съ прозы, слѣдующими стихами:

По полямъ и лугамъ заалѣла трава,
Кровь, дымясь, полилася рѣкою...
«То — война!» слышу я роковыя слова,
И желаю забыться душою. Etc....

А такъ-какъ я не пишу стиховъ, то скромное желаніе — отдохнуть душой — позволяю себѣ выразить въ слѣдующей, менѣе поэтичной формѣ.

Молю добраго генія
Да подастъ мнѣ терпѣніе,
Для «вопроса восточнаго»
И пошлетъ мнѣ спасеніе
Отъ разбоя полночнаго,
Отъ конторы Лурія,
Отъ журнала З—ева,
Отъ мороза крещенскаго
И «Бесѣдъ» Аскоченскаго,
Отъ стиховъ Ковалевскаго,
Повѣстей Омулевскаго,
Отъ комедій Штеллера,
Популярности Шрейера,
Отъ порошка Киттарры
И отъ *таръ-тарары!..*

Впрочемъ, послѣднее желаніе выражено лишь ради рифмы, — неболѣе; такъ какъ, извѣстно, что у насъ никто еще не проваливался «въ бездны Аида», — исключая, конечно, землетрясеній, то-есть, такихъ экстраординарныхъ случаевъ, когда обыватели, по донесеніямъ полиція (напр., въ Шемахѣ), отлучаются неизвѣстно куда....

Въ переносномъ же, метафорическомъ, смыслѣ, у насъ «проваливаются» очень часто и очень многіе: банкиры, драматурги, издатели, адвокаты, лекторы и прочіе «общественные дѣятели», стремящіеся въ погоню за наживой и успѣхами. Такъ, недавно произошелъ «крахъ» Баймакова, за нимъ Лури петербургскій, потомъ Лури московскій.... «и пошло, и пошло», — какъ говоритъ прекрасная Елена, въ опереткѣ того же названія... И все это сваливаютъ на «восточный вопросъ». Одинъ лишь криминальный драматургъ г. Потѣхинъ не въ силахъ сдѣлать прикосновеннымъ къ своему паденію этотъ «вопросъ»: его новая мелодрама «Богатырь вѣка» провалилась въ Москвѣ такъ торжественно, что, по словамъ фельетониста «Голоса», «всегда добродушная публика Малаго театра, не пожелала видѣть автора и ни разу его не вызвала». Тутъ уже, согласитесь, политика — не причемъ.

Довольно трудно будетъ и лектору, г. Боборыкину, свалить свою неудачу на восточный вопросъ. Я былъ на его послѣдней лекціи, 23-го декабря, читанной при весьма немногочисленной публикѣ. На первыхъ пяти лекціяхъ я не былъ, собственно потому, что, лично для меня, г. Боборыкинъ, «въ большомъ количествѣ, — вещь не стерпимая»; не идя на первыя лекціи, я разсуждалъ такъ: пусть лекторъ хорошенько уходится и развернется — безъ меня; мнѣ вполнѣ будетъ достаточно и одной лекціи, изъ которой, къ тому-жь, согласно обѣщанію программы, я узнаю «заключительные выводы» г. Боборыкина: въ нихъ долженъ заключаться весь экстрактъ, вся квинтъ-эссенція первыхъ пяти лекцій. Но я — увы! — горько ошибся: именно въ этой-то лекціи г. Боборыкинъ, должно быть, и развернулся.

Сначала, все шло еще въ мѣру: лекторъ не одобрилъ г. Манна, пояснивъ, не безъ ироніи, что его пьесы «были напечатаны въ журналѣ г. Каткова»; разгромилъ покойнаго Дьяченко, Виктора Крылова, обозвавъ ихъ «театральными поставщиками»; небрежно отозвался о драматической фирмѣ «Братья Потѣхины и К°»; про Островскаго выразился «такъ грозно»... Но все еще, говорю, въ мѣру. За то, едва дошелъ до французскихъ драматурговъ, — и пошелъ, и пошелъ!... И всѣ-то они похожи другъ на друга, и герои-то ихъ говорятъ языкомъ авторовъ, и черезъ нѣсколько-де лѣтъ парижскіе театры останутся безъ пьесъ, и пр., и пр.... «Патріотъ!» подумалъ я про г. Боборыкина: «своего отечества патріотъ!» — и умилился... Но потомъ, явилась у меня иная мысль: «Если г. Боборыкинъ, дѣйствительно, патріотъ (думалъ я), то зачѣмъ же онъ всячески принижаетъ единственнаго даровитаго нашего драматурга — А. Н. Островскаго? Нѣтъ, тутъ что-то не такъ, не съ просту...» Сталъ я слушать дальше: «Графъ А. Толстой страдаетъ отсутствіемъ философскаго и *гражданскаго* направленія...» Эге! вонъ оно куда пошло!.. И меня, вдругъ, осѣнило; и понялъ я, что предо мною не безпристрастный и строгій лекторъ, а все тотъ же Пьеръ Боборыкинъ — публицистъ, романистъ и пр., съ извѣстною тенденціозною выправкою. Моя догадка вполнѣ подтвердилась, когда, наконецъ, г. Боборыкинъ договорился до «псевдоисторическаго мелодраматизма г. Аверкіева...» Воображаю, какъ нехорошо икалось г. Аверкіеву въ Москвѣ, 23-го декабря вечеромъ, когда г. Боборыкинъ «отдѣлывалъ» его со всѣхъ сторонъ; онъ отнялъ у г. Аверкіева даже и то, что признано за нимъ давно и очень многими: извѣстную долю таланта и несомнѣнныя достоинства двухъ его пьесъ — «Фрола Скабѣева» и «Каширской старины...»

Но за то, какая нѣжность пѣстуна, какой кокетливый тонъ послышался въ голосѣ лектора, когда онъ заговорилъ о «Блуждающихъ огняхъ» г. Луки А — ова.. «Что за притча!» думалъ я: «вѣдь оба они — и г. Аверкіевъ, и г. А — овъ — литераторы отъ Москвы, оба состоятъ, какъ извѣстно, въ штабѣ; М. Н. Каткова; почему же одинъ изъ нихъ такъ близокъ сердцу г. Боборыкина, а другой — такъ далекъ?...»

Это маленькое qui pro quo разъяснилось для меня по окончаніи лекціи... Когда г. Боборыкинъ изрёкъ свои «заключительные выводы» — что русская-де драматическая литература будетъ процвѣтать современемъ, при свободѣ театровъ (кому неизвѣстна эта избитая, минорная истина!), — когда онъ это изрёкъ и, откинувшись отъ пюпитра, шаркнулъ ножкой, въ залѣ послышались аплодисменты и крики «браво!..» Меня это, признаюсь, удивило. «За что?!..» думалъ я, — и оглянулся вокругъ. Болѣе чѣмъ на половину пустая зала; нѣсколько вольно-прак-

Видъ въ окрестностяхъ Бирюча. Копія съ картины князя Николая Ольденбургскаго. Гравировалъ Л. Сѣряковъ.

тикующихъ актеровъ (любителей); затѣмъ, юбки и очки, очки и юбки... Очевидно, это демонстрируетъ «нѣжный полъ», привѣтствующій автора пикантныхъ романовъ... «Браво, Боборыкинъ, браво!..» раздалось вновь надъ самымъ моимъ ухомъ; я оглянулся на этотъ крикъ: кричалъ и отчаянно хлопалъ какой-то господинъ, съ сѣдиною въ бородѣ и съ замѣтною плѣшью. Еще нѣсколько секундъ —и г. Боборыкинъ очутился въ крѣпкихъ и долгихъ рукопожатіяхъ этого господина. Души ихъ слились...

— Не знаете, ктò это? — полюбопытствовалъ спросить я одного моего знакомаго, завсегдатая клуба.

— Это авторъ «Блуждающихъ огней», г-нъ А—овъ.

— А-а-а, вотъ оно что!... Одинъ великодушнѣй другого, другой великодушнѣй одного. Понятно.

Но вотъ чего я уже рѣшительно не понимаю. Г. Боборыкинъ — человѣкъ европейскій, если, конечно, вѣрить въ этомъ случаѣ ему самому, утверждавшему даже, что онъ, разъ, говорилъ съ Боклемъ... И вотъ, этому самому «европейскому человѣку» я позволилъ бы сдѣлать слѣдующій вопросъ: видалъ ли онъ когда-либо, блуждая по просвѣщенному Западу, чтобы лекторъ, читая объ изящномъ искусствѣ, предъ публикою, состоящею преимущественно изъ дамъ, употреблялъ ежеминутно слѣдующій неизящный пріемъ: какъ только нужно было перевертывать страницу, Пьеръ Боборыкинъ отправлялъ указательный перстъ правой руки въ ротъ и, омочивъ его, пускалъ въ дѣло... Нѣтъ, видно «просвѣщенный Западъ» мало повліялъ на г. Боборыкина, и насъ, русаковъ, по пословицѣ, хоть въ десяти котлахъ вари, а мы все-таки, нѣтъ-нѣтъ, да и выкинемъ какую-нибудь восточную самодѣльщину, въ родѣ омоченія перста...

Одинъ талантливый нѣмецкій актеръ, имѣвшій дурную привычку размахивать на сценѣ, во время игры, правою рукою, сталъ привязывать непокорную руку на репетиціяхъ, и, такимъ образомъ, отучилъ ее отъ излишнихъ эволюцій. Но что можно подѣлать въ данномъ случаѣ съ игривымъ перстомъ г. Боборыкина—рѣшить довольно трудно...

Для меня гораздо легче рѣшить иной вопросъ: почему на лекціи г. Боборыкина было такъ пусто — всего нѣсколько десятковъ человѣкъ, — почему литература и сцена блистали своимъ отсутствіемъ? Думаю, потому, что отъ г. Боборыкина «новаго слова» никто ожидать не могъ. Дѣятельность этого, несомнѣнно талантливаго, писателя, такъ многостороння и разбросанна, что для новаго слова «о современномъ русскомъ театрѣ» нужно обладать и бòльшею суммою знаній — спеціальныхъ, а не диллетантскихъ, и полнымъ безпристрастіемъ, и беззавѣтною любовью къ дѣлу этого многострадальнаго театра. А такъ какъ нашъ доморощенный Лессингъ не обладаетъ данными качествами въ достаточной мѣрѣ, то, понятно, и не оказалось желающихъ возложить на себя добровольную эпитемію — прослушать всѣ шесть лекцій г. Боборыкина, этого *европейскаго* человѣка — *съ восточнымъ* перстомъ.

Полумаска.

Художественныя новости.

Въ послѣдніе годы русская живопись настолько подвинулась впередъ въ своемъ развитіи, что о ней теперь отзываются съ похвалою большинство западно-европейскихъ художественныхъ критиковъ. Имена нашихъ талантливыхъ художниковъ ставятся наравнѣ съ признанными знаменитостями, а русской живописи отводится самостоятельное мѣсто. Все это невольно наводитъ на мысль, что и само русское общество, изъ среды котораго вышло столько даровитыхъ артистовъ, также подвинулось впередъ въ своемъ художественномъ развитіи. Но такое предположеніе на самомъ дѣлѣ не находитъ оправданія; взгляните на нашу художественную литературу и васъ, прежде всего, поразитъ необыкновенная бѣдность во всемъ, что дѣйствительно можетъ двигать искусство впередъ. Даже больше того, можно спросить: гдѣ у насъ та художественная литература, которая на Западѣ давно уже служитъ отраженіемъ истинныхъ стремленій и является могучимъ двигателемъ въ дѣлѣ развитія художества? За исключеніемъ нѣкоторыхъ, весьма незначительныхъ попытокъ ознакомить общество съ задачами и требованіями искусства, у насъ нѣтъ ничего. Болѣе серьезные намѣренія не находятъ поддержки, и погибаютъ не находя сочувствія въ обществѣ. — Эти мысли невольно пришли намъ въ голову, при взглядѣ на вышедшій на дняхъ первый выпускъ періодическаго художественнаго изданія: «Картинная галлерея Европы». Это изданіе посвящено описанію замѣчательнѣйшихъ произведеній живописи, ваянія и зодчества, находящихся въ Италіи. Къ этому выпуску приложены шесть гравюръ на стали: «Рафаэлева Мадонна» (Madonna della Seggiola) изъ дворца Патти, о которой Ланци и Ричардсонъ писали цѣлые трактаты; «Три парки» Микель-Анджело; «Земная и небесная любовь» Тиціана; двѣ рафаэлевы фрески фарнезинскаго дворца, въ римскомъ Трастеверѣ, изъ исторіи Психеи и два архитектурные вида. Исполненіе этихъ гравюръ вполнѣ художественное. Описанію ихъ предпосланы краткіе очерки исторіи итальянской живописи и итальянской архитектуры, даже слишкомъ краткіе для такого спеціальнаго изданія. Годовая цѣна его — восемь рублей за 12 нумеровъ съ 70—80-ю гравюрами на стали, съ 300 — 400 страницами текста in-folio можетъ не быть признана весьма умѣренною, тѣмъ болѣе, что, при незначительномъ распространеніи въ нашемъ обществѣ любви къ изящнымъ искусствамъ и художественнымъ произведеніямъ, издатель не можетъ разсчитывать на значительную подписку. — Съ своей стороны мы искренно желаемъ успѣха этому прекрасному изданію, которому, мы увѣрены, удастся найдти популярность въ средѣ не только истинныхъ любителей и знатоковъ искусствъ, но и всѣхъ вообще, интересующихся произведеніями великихъ итальянскихъ художниковъ.

Со всего свѣта.

Турція. Изъ Константинополя сообщаютъ слѣдующія подробности относительно организаціи константинопольской національной гвардіи: Иниціатива въ этомъ предпріятіи исходитъ не отъ правительства, а отъ самаго населенія. Каждый участокъ столицы ставитъ одинъ или два батальона въ 1,000 человѣкъ. Каждый изъ гвардейцевъ самъ обязуется поставить свою обмундировку. Правительство ограничивается лишь доставкой оружія и отличительныхъ офицерскихъ знаковъ. Гражданскіе чиновники военнаго министерства, служащіе по прочимъ департаментамъ, и члены другихъ общественныхъ учрежденій за свой счетъ снаряжаютъ два батальона; затѣмъ будетъ батальонъ журналистовъ и типографщиковъ и, наконецъ, еще одинъ батальонъ доставятъ улемы. Большинство этихъ доблестныхъ воиновъ принадлежитъ къ разряду людей отъ 35—45 лѣтняго возраста. Всѣ они люди зажиточные и содержатъ не менѣе четырехъ или пяти одалискъ. Во всякомъ случаѣ эти по большей части дородные и степенные люди въ бѣлыхъ или зеленыхъ тюрбанахъ и своихъ длинныхъ одѣяніяхъ будутъ представлять курьезное зрѣлище во время своихъ военно-учебныхъ упражненій.

Греція. Греки горько раскаяваются теперь въ томъ, что не поддержали славянъ въ ихъ попыткѣ сбросить съ себя турецкое иго. Вотъ почему, греческое правительство приняло твердое рѣшеніе продолжать вооруженія съ еще большею противъ прежняго энергіею. Кромѣ закона, въ силу котораго правительство уполномочено произвести наборъ въ 120,000 ч., среди 200,000, имѣющихъ отъ 20 до 30 лѣтъ отъ роду, слѣдуетъ упомянуть объ обнародованномъ въ оффиціальной газетѣ кредитѣ въ 10.000,000 драхмъ. Въ силу этого кредита, правительство уполномочено заключить заемъ въ 10.000,000 франковъ, который, сказать мимоходомъ, уже почти покрытъ аѳинскими банкирами. Сумма эта предназначается для усовершенствованія вооруженія арміи, а также для усиленія флота и пріобрѣтенія торпедовъ.

Сербія и Черногорія. По мнѣнію цетиньскаго корреспондента «Politische Correspondenz», Россія едва ли можетъ надѣяться въ случаѣ войны на содѣйствіе Сербіи; за то въ черногорцахъ она найдетъ вѣрныхъ и храбрыхъ союзниковъ. Помимо того, что Сербія до нельзя изнурена продолжительною войною, страна эта уже потому не можетъ войдти въ районъ дѣйствія русской арміи, что она находится, такъ сказать, на порогѣ Венгріи. Черногорія — другое дѣло. Ея народное войско не только не потрясено неудачами, но, ободренное одержанными побѣдами, жаждетъ даже новыхъ трофеевъ. Князь Николай располагаетъ 18,000 человѣкъ войска; какъ онъ, такъ и его воины желаютъ возобновленія войны и уложатъ мечъ въ ножны тогда только, когда Черногоріи будетъ даровано вознагражденіе, вполнѣ соотвѣтствующее подвигамъ ея сыновъ.

Румынія. Провозглашенная Турціею конституція объявила Румынское княжество входящимъ въ составъ Оттоманской имперіи. Подобное нарушеніе отношеній между двумя государствами вызвало со стороны румынскаго правительства энергическій протестъ, который былъ предъявленъ Портѣ румынскимъ уполномоченнымъ. Въ настоящее время изъ Константинополя сообщаютъ, что, въ виду предъявленнаго румынскимъ правительствомъ протеста, по поводу 1-й, 2-й, и 8-й статей турецкой конституціи, совѣтъ турецкихъ министровъ рѣшилъ передать правительству Румыніи оффиціальное объясненіе означенныхъ статей. Объясненіе это рѣшено составить въ такомъ духѣ, чтобъ оно совершенно устраняло всѣ опасенія княжескаго правительства насчетъ будущихъ отношеній Румыніи, какъ государства, къ Турціи.

Египетъ. Послѣднія корреспонденціи изъ Каира наполнены описаніемъ тревожнаго положенія дѣлъ въ Египтѣ, вызванныхъ слѣдующими событіями: Бывшій египетскій министръ финансовъ, недавно уволенный отъ службы, занималъ постъ и при султанѣ. Отставка его возбудила недовѣріе Порты, и хедиву послана была телеграмма съ категорическимъ требованіемъ, чтобъ онъ пріѣхалъ въ Константинополь и лично объяснилъ султану причины увольненія министра. Послѣ бурнаго совѣта министровъ, хедивъ написалъ, что проситъ уволить его отъ столь продолжительнаго путешествія, въ виду преклонныхъ его лѣтъ, нездоровья и неустройства дѣлъ въ Египтѣ, и присовокупилъ, что готовъ отречься отъ престола въ пользу своего сына, если Порта его администраціей недовольна. Порта отвѣчала, что султанъ готовъ принять предложенное отреченіе, но долженъ предоставить себѣ выборъ ему преемника. Въ Каирѣ это дѣло причинило сильное волненіе.

Германія. Министръ финансовъ внесъ въ палату депутатовъ прусскаго сейма бюджетъ на 1877—1878 годъ. Въ этой росписи доходы исчислены въ 651,413,934, а обыкновенные расходы — въ 631,075,487 марокъ. Такимъ образомъ, превышеніе доходовъ надъ расходами составляетъ 11,915,639 марокъ. Чрезвычайные расходы исчислены по смѣтѣ въ 20,368,338 марокъ, слѣдовательно на 11,938,135 марокъ менѣе, чѣмъ въ прошломъ году. Уменьшеніе доходовъ ожидается по горнозаводскому вѣдомству, управленію соляными промыслами и по монетному управленію; по всѣмъ прочимъ вѣдомствамъ предстоитъ увеличеніе доходовъ. Увеличеніе расходовъ ожидается по вѣдомству государственныхъ долговъ (цифра этихъ расходовъ равняется 7,524,000 марокъ); остальное увеличеніе расходовъ распредѣляется па всѣ другія вѣдомства.

Соединенные Штаты Сѣв. Амер. Телеграма, полученная газетою «Times», отъ 10-го января, представляетъ въ интересномъ видѣ положеніе Нью-Орлеана. «Демократическія войска, подъ командою генерала Оджена, массированы въ скверѣ, противъ зданія присутственныхъ мѣстъ штата; гарнизонъ, усиленный одною ротою, имѣетъ, въ настоящее время, численность въ 1,300 человѣкъ. Губернаторъ Пакардъ, находящійся внутри зданія, говоритъ, что онъ станетъ сопротивляться всякому нападенію, которое только попытаются произвести противъ правительства. Онъ поддерживаетъ свои внѣшнія сношенія съ помощью сигналовъ, обмѣниваемыхъ между союзными офицерами, помѣстившимися на зданіи присутственныхъ мѣстъ штата и на таможнѣ. Предводители демократовъ объявили, что они вовсе не имѣютъ намѣренія аттаковать зданіе. Толпа продолжаетъ скопляться въ окружающихъ улицахъ. Республиканскій губернаторъ Никольсъ издалъ прокламацію, которою приглашаетъ жителей воздержаться отъ всякихъ крайностей, вести себя умѣренно и даже разойтись. Впродолженіи всего послѣполуденнаго времени продолжалось сильное волненіе, вслѣдствіе двухъ выстрѣловъ, раздавшихся изъ толпы и направленныхъ на зданіе, на что послѣдовало въ отвѣтъ три выстрѣла изъ ружей. Никто, однако, не былъ раненъ. Послѣ этого, городской голова (мэръ) прочелъ прокламацію губернатора Никольса къ собравшейся толпѣ, часть которой немедленно же разсѣялась. Затѣмъ, вслѣдствіе настояній губернатора, мэра и другихъ муниципальныхъ властей, и остальная часть толпы также разошлась.

Мексика. Вотъ, что пишутъ о революціи въ Мексикѣ: правительство Иглезіаса утвердилось въ Кверетаро, и одиннадцать мексиканскихъ штатовъ признало его. Въ Иглезіасѣ была армія въ 12,000 человѣкъ. Порфиріо Діазъ, командовавшій 18-ти тысячной арміей, держалъ сторону штатовъ Мексики, Хидальго, Пуэбла, Оаксака и Вера-Крузъ и двинулся противъ Кверетаро съ 10,000 человѣкъ войска. Нью-Іоркскія газеты напечатали телеграмму изъ Момамораса, извѣщавшую, что президентъ Лердо де-Теджадо взятъ въ плѣнъ, а нѣсколько министровъ его казнено; но это извѣстіе не подтверждается.

Послѣднія телеграфныя извѣстія.

Константинополь, среда, 17-го января. Сегодня, совѣтомъ турецкихъ министровъ составленъ докладъ для представленія большому совѣту, который соберется завтра; въ докладѣ предлагается совершенно отвергнуть европейскій проектъ. (Только-что полученныя телеграммы подтверждаютъ это). Выработанный Блак-беемъ законо-проектъ о печати представленъ въ министерство. Этимъ проектомъ отмѣняется система предостереженій и штемпеля; проступки по дѣламъ печати будутъ судимы судомъ присяжныхъ. Означенный проектъ долженъ быть утвержденъ парламентомъ.

11 января, т. е. въ послѣднемъ засѣданіи конференціи турецкіе делегаты заявили, что они могутъ вести пренія исключительно подъ условіемъ, чтобъ европейскіе делегаты взяли назадъ свои предложенія. «Въ такомъ случаѣ, конференція распущена, воскликнулъ въ негодованіи маркизъ Салисбери:—уѣдемъ». Графы Шодорди и Корти обратились къ Савфету-пашѣ съ вопросомъ: имѣетъ ли онъ оффиціальное полномочіе говорить такъ рѣшительно? На это Савфетъ-паша отвѣчалъ отрицательно. Уполномоченные отложили, въ послѣдній разъ, доставленіе категорическаго оффиціальнаго отвѣта Портою до понедѣльника. Въ этотъ день уполномоченные турецкаго правительства просили отложить въ послѣдній разъ засѣданіе конференціи до субботы.

Новости наукъ и жизни.

Умственный и физическій трудъ.

Профессоръ дублинской коллегіи Троицы, Гоугстонъ, произвелъ замѣчательныя химическія вычисленія *истощенія*, производимаго умственной и физической работой. По этимъ вычисленіямъ, *два часа* сильнаго умственнаго напряженія стоятъ человѣческому организму такого же количества жизненной силы, какъ *цѣлый день* работы механической. Фактъ этотъ, основанный на самыхъ строгихъ научныхъ законахъ, долженъ служить постояннымъ предостереженіемъ для людей, занимающихся умственнымъ трудомъ, дабы они не истощали себя слишкомъ продолжительными напряженіями и чтобы въ теченіи дня они непремѣнно доставляли себѣ физическій моціонъ, который могъ бы снова возстановить (нейтрализировать) равновѣсіе между нервной и мускульной системами. Далѣе профессоръ Гоугстонъ справедливо замѣчаетъ, что умственный трудъ, до сихъ поръ, къ сожалѣнію, мало вознаграждается и неравномѣрно оцѣняется, — и что это, относящееся къ стыду человѣчества, явленіе происходитъ отъ слѣдующей прискорбной аномаліи: въ большинствѣ случаевъ, умственный трудъ оцѣняется и вознаграждается не экспертами, такъ-сказать, *этого* труда, а его эксплоататорами — издателями, антрепренерами, и пр., и, затѣмъ, потребителями — то-есть, публикою, массою, имѣющей весьма слабыя понятія о громадной тяжести и убійственности умственнаго человѣческаго труда. Этимъ же фактомъ—физическаго истощенія организма—проф. Гоугстонъ объясняетъ и ту недолговѣчность жизни и преждевременную смертность, которая, по статистикѣ, выпадаетъ, преимущественно, на долю ученыхъ и литераторовъ.

Наши гравюры.

«Ковчегъ». Эпизодъ изъ потопа. Съ картона В. Каульбаха.

Послѣднія дни своей жизни Каульбахъ посвятилъ созданію картины громадныхъ размѣровъ — «Потопъ». Маститый живописецъ задумалъ выразить въ этой картинѣ глубокій трагизмъ, всю силу борьбы, страданія и отчаянія, присущихъ земной жизни. Разъяренныя волны ненасытной стихіи, поглотившія собою все живое,—вотъ та сфера, въ которой художникъ изображаетъ погибающее человѣчество. Представить эту страшную картину борьбы живыхъ существъ, со всемогущей силой природы, — вотъ основная идея художника, которая, по его мнѣнію, всего лучше олицетворялась въ потопѣ. Каульбахъ не успѣлъ кончить этой картины, такъ какъ для исполненія ея требовалось нѣсколько лѣтъ упорнаго труда. «Потопъ» не сложился еще въ фантазіи художника въ цѣльное твореніе, и о величественности его мы можемъ судить только по отдѣльнымъ сценамъ и деталямъ. Неумолимая смерть неожиданно пріостановила намѣреніе Каульбаха,—соединить въ одно цѣлое уже разработанныя имъ отдѣльныя части; послѣ смерти, остался рядъ картоновъ съ эпизодами Потопа, которые тѣмъ неменѣе даютъ полное понятіе о томъ, какъ сложилось въ фантазіи художника все твореніе. Эпизоды эти слѣдующіе: Ковчегъ; Смерть предводителя: Первосвященникъ; Женщины во время бури; Борьба съ орлами, чудовищами и львами; Упоеніе любви.

Первый изъ нихъ — «Ковчегъ»,—безспорно самый характерный изъ всѣхъ картоновъ; копію съ него мы и предлагаемъ читателямъ нашего журнала. Сколько драматизма, и полной движенія жизни, сказывается въ каждой фигурѣ картины! Вотъ—мать старается поднять возможно выше свое дитя, умоляя Ангела Хранителя Ковчега, сжалиться надъ невиннымъ ребенкомъ; тамъ—несчастныя женщины протягиваютъ руки, умоляя о спасеніи. Страхъ смерти довелъ однихъ до положительнаго безсилія, уничтожилъ всякую энергію, къ борьбѣ съ страшною стихіею; въ другихъ, при видѣ ужасной стихіи, разгорается послѣдняя искра угасающей жизни, напрягаются мускулы, и завязывается борьба на жизнь и смерть.

Вмѣстѣ съ этою борьбою погибающаго человѣчества, борется и весь остальной животный міръ. Левъ также ловко, какъ человѣкъ, хватается лапой за дерево, думая спастись на немъ. Крокодилы, змѣи, борятся другъ съ другомъ за всякій незначительный кусочекъ земли, непокрытой еще водою Даже птицы, носящіяся надъ волнами, и тѣ предчувствуя свою гибель въ неравной борьбѣ за существованіе, носятся въ воздухѣ безпорядочными стаями.

Но самый сильный контрастъ во всей композиціи представляетъ спокойное плаваніе Ковчега управляемаго Ангеломъ, среди смятенія, борьбы и отчаянія погибающаго міра. Все земное ничтожно передъ громадными размѣрами Ковчега. Люди, животныя, крокодилы, слоны и всѣ твари —это прахъ предъ небеснымъ обликомъ Ангела, распростершаго свои крылья надъ Ковчегомъ.

Трудный выборъ. Картина Эдуарда Гритцнера.

Въ неожиданномъ положеніи оказалась дѣвушка, когда вдругъ къ ней обратились, съ предложеніемъ своей руки и сердца, элегантный живописецъ, обладающій такими изящными манерами, и, не менѣе красивый, егерь, извѣстный за добраго и любезнаго господина. Эти предложенія заставляютъ дѣвушку невольно задуматься. Ея хорошенькая головка старается взвѣсить всѣ шансы за и противъ: художникъ, конечно, представительнѣе, изящнѣе, привлекательнѣе на видъ, но вѣдь она его почти не знаетъ; бархатный пиджакъ, правда, сильно говоритъ въ его пользу, но тутъ же у ней промелькаетъ мысль: «что, да какъ если этотъ нарядный костюмъ единственная собственность художника. Егерь одѣтъ гораздо проще и манеры его какія-то угловатыя, но за то у него есть въ околодкѣ свой домишко, это всѣмъ извѣстно; къ тому же, онъ человѣкъ дѣльный, работящій... а ужъ эти художники!.. Дѣвушка сильно призадумывается: красота и профессія молодаго живописца слишкомъ обаятельны, чтобы легко предпочесть имъ положительность егеря. Сдѣлаться женою художника, или стать егершей!... Какое сравненіе! Съ другой же стороны неизвѣстное, весьма шаткое положеніе перваго и вѣрное состояніе второго; жизнь, полная приключеній, кто еще знаетъ, можетъ быть, несчастныхъ, и пріятная перспектива покойной жизни въ своемъ углу, достатокъ въ хозяйствѣ, дѣловой мужъ. Да, есть надъ чѣмъ призадуматься молодой головкѣ!...

Видъ въ окрестностяхъ Бирюча. Картина князя Николая Ольденбургскаго.

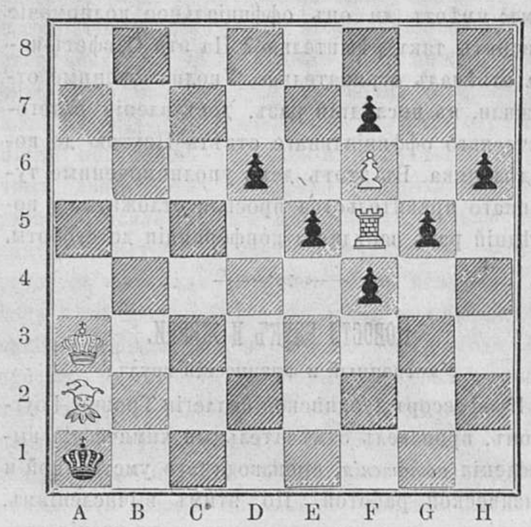
Картина, снимокъ съ которой мы помѣщаемъ въ настоящемъ нумерѣ, при появленіи своемъ на выставкѣ въ Академіи Художествъ, останавливала на себѣ вниманіе всѣхъ посѣтителей, и заслужила похвалы художественной критики. Молодой художникъ въ своей замѣчательно удачно написанной картинѣ представляетъ одинъ изъ самыхъ заурядныхъ видовъ, весьма часто встрѣчающихся въ средней полосѣ Россіи. Большинство находитъ эти виды однообразно скучными, унылыми и оттого немогущими обращать на себя вниманіе художниковъ. Не такъ взглянулъ Н. Ольденбургскій. Онъ представилъ въ своей картинѣ тотъ же однообразно-унылый видъ, но посмотрите, сколько красоты выражено во всемъ произведеніи. Зритель, смотря на это пустынное мѣсто, въ которомъ виднѣется одна только полуразвалившаяся избенка, невольно переносится въ эти прелестныя, по своей простотѣ, мѣста, и въ памяти его возстаютъ воспоминанія его прошлаго дѣтства, проведеннаго, быть можетъ, среди такихъ же видовъ. Простота, безъискуственность и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательная правдивость въ воспроизведеніи родной природы—вотъ тѣ качества, которыя доставили такую широкую извѣстность талантливому произведенію Н. Ольденбургскаго.

Шахматы.

Задача II.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Черные.



Бѣлые.

Рѣшеніе задачи, помѣщенной въ № 1.

Бѣлые.	*Черные.*
1) A2—A1†	1) C1—D2.
2) A1—E1 беретъ †	2, D2—E1 беретъ.
3) E5—F3 † †	3) E1—D1
4) E8—E1 † и матъ.	

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Сергѣй Мих. Соловьевъ.—Капканы (сцены изъ народн. быта).—Стихотвореніе.—Что такое огонь?—Мировой судья (повѣсть).—Начало и постепен. развитіе письма.—Между болгарами.—Изъ текущей жизни. — Художественныя новости. — Со всего свѣта. — Новости наукъ и жизни. — Наши гравюры. — Шахматы. — Тиражъ. — Объявленія.

Гравюры: Портретъ Сергѣя Мих. Соловьева.—Четыре рисунк. къ статьѣ «Что такое огонь?».—«Ковчегъ». Эпизодъ изъ потопа; копія съ картона В. Каульбаха.—Трудный выборъ; картина Эдуарда Гритцнера. – Видъ въ окрестностяхъ Бирюча; картина князя Н. Ольденбургскаго.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

24-й тиражъ выигрышей Государственнаго Банка.

На основаніи Высочайше утвержденнаго 1-го марта 1864 года положенія о внутреннемъ 5% съ выигрышами займа и согласно утвержденнымъ г. министромъ финансовъ правиламъ для тиража выигрышей и тиража погашенія билетовъ займа, 3 января 1877 года правленіемъ Банка, въ присутствіи членовъ совѣта государственныхъ кредитныхъ установленій, депутатовъ отъ всѣхъ сословій по назначенію с.-петербургской городской думы и депутатовъ отъ с.-петербургской биржи и публики, произведены тиражъ выигрышей и тиражъ погашенія билетовъ 1-го займа 1864 года.

Выигрыши пали на слѣдующіе билеты:

Нумера серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.	Нумера серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.	Нумера серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.	Нумера серій	№№ билет.	Сумма выигрыша.	Нумера серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.	Нумера серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.	Нумера серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.
17,088	12	200,000	8,789	10	ПО ПЯТИСОТЪ РУБЛЕЙ КАЖДЫЙ.	7,107	7	ПО ПЯТИСОТЪ РУБЛЕЙ КАЖДЫЙ.	3,161	36	ПО ПЯТИСОТЪ РУБЛЕЙ КАЖДЫЙ.	16,072	12	ПО ПЯТИСОТЪ РУБЛЕЙ КАЖДЫЙ.	16,676	7	ПО ПЯТИСОТЪ РУБЛЕЙ КАЖДЫЙ.	14,514	19	ПО ПЯТИСОТЪ РУБЛЕЙ КАЖДЫЙ
5	13	75,000	5,576	7		10,723	46		1,958	48		7,671	49		15,313	31		17,532	22	
12,043	44	40,000	12,330	37		12,907	22		6,890	6		973	50		18,219	50		2,891	18	
2,847	24	25,000	11,337	42		6,617	38		9,982	40		17,827	17		16,939	48		14.201	5	
5,232	30	10,000	8,335	50		18,718	29		19,444	31		3,787	15		10,988	19		3,345	39	
13,313	9	10,000	8,764	50		18,961	44		5,640	20		1,950	15		15,036	49		13,035	35	
2,298	37	10,000	14,963	36		8,426	19		14,588	22		7,261	12		10,059	16		1,626	17	
1,289	3	8,000	19,630	11		6,751	5		17,684	5		796	16		13,681	3		17,489	44	
15,708	13	8,000	533	23		6,168	33		13,730	1		6,148	11		3,454	7		12,782	18	
3,194	22	8,000	11,538	43		5,276	27		18,090	47		4,642	42		9,359	10		18,169	12	
6,199	27	8,000	17,418	46		13,956	26		12,818	9		10,196	49		14,464	3		7,594	14	
19,668	21	8,000	3,618	43		16,227	47		3,646	45		19,207	31		2,712	44		13,047	50	
12,957	39	5,000	7,879	43		15,789	5		18,092	7		14,826	26		2,307	37		9,399	29	
673	50	5,000	572	2		4,976	28		7,562	17		221	16		2,379	7		18,183	23	
10,580	14	5,000	31	21		4,916	46		459	21		1,706	48		14,494	19		11,163	30	
2,296	4	5,000	16,358	40		4,724	26		14,937	40		6,916	16		1,931	22		15,390	49	
9,707	31	5,000	19,079	34		16,252	38		16,552	13		12,156	16		11,769	18		15.969	49	
13,666	9	5,000	7,288	15		7,216	19		6,946	5		1,032	48		16,892	43		2,835	41	
6,004	26	5,000	11,927	9		18,470	12		2,166	7		4,819	32		1,594	38		19,209	16	
9,036	31	5,000	13,320	30		18,181	26		8,991	15		4,416	16		3,492	17		10,345	13	
16,094	10	1,000	17,580	39		5,520	24		18,759	21		17,488	14		18,661	26		14,386	18	
14,948	49	1,000	10,289	32		19,593	3		1,844	38		1,301	14		10,273	48		8,207	31	
13,803	18	1,000	7,736	43		7,511	42		13,302	22		3,706	24		13,150	39		536	3	
17,977	27	1,000	16,759	1		8,115	9		3,382	30		6,753	38		1,252	16		12,025	27	
1,665	39	1,000	17,640	42		4,291	40		2,284	43		11,376	17		10,376	8		6,959	18	
17,467	41	1,000	3,898	8		830	37		17,550	17		1,969	36		3,465	42		15,822	35	
1,996	48	1,000	2,766	22		1,638	11		18,469	29		15,495	23		8,777	17		3,756	33	
5,720	39	1,000	2,715	40		11,998	36		15,142	24		11,746	43		305	43		15,787	20	
955	50	1,000	4,497	7		18,953	38		11,272	45		15,722	16		9,682	46		15,147	5	
408	26	1,000	19,981	31		3,689	8		9,358	34		5,020	30		1,141	48		13,155	19	
11,653	35	1,000	19,378	32		2,861	14		19,502	3		8,166	29		986	12		7,806	27	
6,320	20	1,000	16,452	33		14,508	11		12,619	16		12,191	40		5	16		8,510	40	
2,865	38	1,000	12,147	3		12,039	2		17,711	38		16,380	10		17,793	24		18,004	24	
2,098	45	1,000	13,080	5		738	38		2,344	12		2,300	33		4,598	34		6,884	30	
4,717	19	1,000	11,034	44		6,618	12		3,765	31		7,990	27		17,364	6		7,324	29	
4,495	10	1,000	5,133	15		10,258	16		18,815	11		6,643	48		9,906	16		3,997	4	
10,427	35	1,000	15,263	36		5,443	10		12,532	27		12,922	6		18,069	22		12,633	28	
7,442	19	1,000	2,063	30		1,514	13		17,495	24		6,147	46		15,178	32		13,374	47	
9,306	41	1,000	16,065	29		15,409	14		3,337	18		16,850	10		10,568	29		8,966	4	
14,320	25	1,000	4,733	31		1,587	49		8,842	45		2,373	20		7,618	27		9,001	7	
8,414	29	500	7,671	25		14,901	34		12,615	45		11,812	34		9,623	5		1,587	17	
16,920	16	500	16,447	7		10,988	25		7,583	11		5,018	26		3,430	30		9,942	34	
5,014	1	500	7,988	47		2,511	37		16,457	50		18,349	50		4,297	40				

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ Банкѣ, въ С.-Петербургѣ съ 1-го апрѣля 1877 года.

ТАБЛИЦА

серій билетовъ 1-го внутренняго 5% съ выигрышами займа 1864 г., вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенный въ правленіи Государственнаго Банка, 3-го января 1877 года.

Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій
1,451	13,068	648	17,512	19,198	515	3,135	1,066	2,346	15,966	6,012	17,676	2,570	12,420	11,857
4,625	17,609	12,015	12,178	5,611	6,099	17,670	4,706	18,575	5,846	7,389	4,397	5,736	11,013	10,061
15,906	12,795	19,660	7,966	6,059	19,603	804	6,016	13,549	6,631	3,903	9,716	19,806	15,860	8,361
14,105	19,386	9,879	4,202	12,554	10,448	12,706	11,798	3,781	11,845	13,472	1,474	10,698		

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ по 125 руб. за билетъ, будетъ производиться съ 1-го апрѣля 1877 г., въ Государственномъ Банкѣ, его отдѣленіяхъ и конторахъ.

При этомъ нумерѣ разсылается приложеніе „ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО" за Январь.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 января 1877 года.
Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 л., д. № 12.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Гос. Публичная [illegible] в Ленинграде.

№ 3. Томъ I. На годъ съ доставкою и пересылкою 7 руб.; на полгода 4 р. 50 к. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ. 16 Января 1877 года. Адресъ конторы редакціи: С.П.-бургъ, Васильевскій островъ, 3-я линія, д. № 48. Годъ V

Подписка на „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ" 1877 г. продолжается.

Каждый новый подписчикъ получаетъ журналъ съ № 1 вмѣстѣ съ ежемѣсячнымъ приложеніемъ «Жизнь и Хозяйство».

Въ 1877 году журналъ выходитъ въ форматѣ большихъ иллюстрацій, **еженедѣльными** нумерами (въ годъ 52 №№ или 2496 столбцевъ), иллюстрированными множествомъ художественныхъ гравюръ. Въ концѣ года все изданіе будетъ состоять изъ *двухъ большихъ томовъ.* Всѣ подписчики получаютъ, **въ видѣ преміи**, ежемѣсячное приложеніе подъ заглавіемъ **„ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО“**, каждый нумеръ котораго заключаетъ въ себѣ отъ 15 до 20 рисунковъ (въ годъ болѣе 200). Кромѣ того, въ теченіи года всѣмъ годовымъ подписчикамъ разсылается

НѢСКОЛЬКО ДРУГИХЪ ПРЕМІЙ

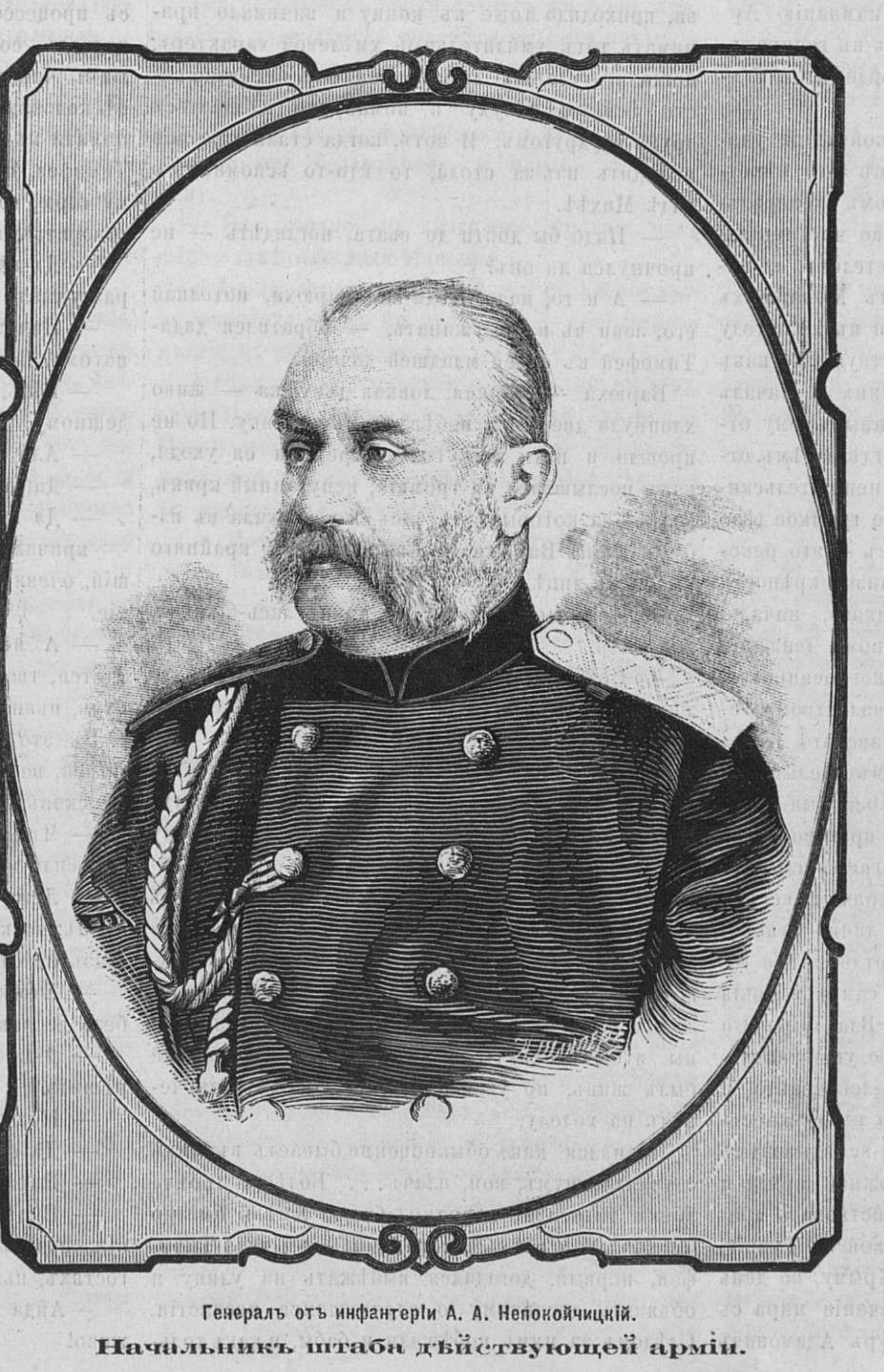
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: За годъ безъ доставки **6 руб.**, съ доставкою въ Спб. и *для иногородныхъ* **7 руб. Гг. иногородные** благоволятъ адресоваться съ своими требованіями *прямо и непосредственно* въ главную контору редакціи, по адресу: въ С.-Петербургѣ, Васильевскій о-въ, 3-я линія, д. № 48. **Гг. городскіе** подписчики могутъ абонироваться въ книжномъ магазинѣ М. В. Попова, на Невскомъ пр., въ зданіи Пассажа.

Генералъ отъ инфантеріи А. А. Непокойчицкій.

Начальникъ штаба дѣйствующей арміи.

Генералъ-адъютантъ, генералъ отъ инфантеріи, Артуръ Адамовичъ Непокойчицкій, занимая теперь главный постъ въ нашей южно-дунайской арміи, вполнѣ заслуживаетъ такого высокаго назначенія, какъ по своему военному образованію и личнымъ качествамъ, такъ и, въ особенности, по необыкновенной храбрости, которую онъ доказалъ, принимая лично самое близкое участіе въ дѣлахъ съ врагами Россіи во всѣхъ войнахъ, какія только велись ею въ настоящемъ столѣтіи, послѣ отечественной войны, при чемъ во время Крымской кампаніи онъ занималъ такое же важное мѣсто, какъ и въ настоящее время.

Артуръ Адамовичъ родился 8 декабря 1813 года, слѣдовательно въ настоящее время ему 64 года. По происхожденію своему онъ изъ дворянъ минской губерніи, гдѣ отецъ его былъ предводителемъ дворянства слуцкаго уѣзда. Онъ воспитывался въ пажескомъ Его Императорскаго Величества корпусѣ и, по окончаніи курса съ отличіемъ, поступилъ на службу офицеромъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ въ 1832 году, въ концѣ котораго зачислился въ число обучающихся въ Императорской военной академіи (нынѣ Академія генеральнаго штаба). Окончивъ съ успѣхомъ курсъ въ академіи, г. Непокойчицкій былъ командированъ въ 5-й пѣхотный корпусъ, съ прикомандированіемъ къ генеральному штабу въ 1835 году, а годъ спустя былъ переведенъ въ генеральный штабъ, штабсъ-капитаномъ. Съ 1841 года начинается боевая дѣятельность Артура Адамовича: въ этомъ году онъ перевелся на Кавказъ и тамъ не разъ участвовалъ противъ горскихъ народовъ, отличаясь своею храбростью; въ особенности онъ обратилъ на себя вниманіе 28-го сентября, при движеніи нашего отряда черезъ Колчинское дефиле, въ виду непріятеля, и чрезъ Емузашенскій лѣсъ къ рѣкѣ Ассѣ, при взятіи трехъ ауловъ, при взорваніи каменной башни, обстрѣливавшей занятую нами дорогу, при разрушеніи 8 ауловъ и прочихъ, болѣе или менѣе замѣчательныхъ схватокъ съ непріятелемъ. За эти военныя отличія Артуръ Адамовичъ получилъ именное Высочайшее благоволеніе, два ордена и чинъ подполковника. Въ 1843 году онъ снова участвуетъ также въ дѣлѣ противъ горцевъ на Кавказѣ, находясь въ составѣ дагестанскаго отряда, подъ начальствомъ генерала Лидерса, при чемъ отли-



Генералъ отъ инфантеріи А. А. Непокойчицкій.

Начальникъ штаба дѣйствующей арміи.

чился при всѣхъ почти движеніяхъ нашихъ войскъ, за что удостоился счастья получить нѣсколько наградъ въ одинъ годъ. Затѣмъ Непокойчицкій участвовалъ въ составѣ чеченскаго отряда, также противъ горцевъ, на Кавказѣ. Здѣсь Артуру Адамовичу прежде всего пришлось имѣть неоднократно дѣла съ извѣстнымъ предводителемъ враждебныхъ намъ горцевъ, Шамилемъ, занимавшимъ всегда сильнѣйшія позиціи, на высотахъ, при штурмѣ которыхъ и совершенномъ пораженіи непріятеля онъ доказывалъ необыкновенные подвиги замѣчательной личной храбрости, за что былъ награжденъ тремя орденами и получилъ именное монаршее благоволеніе. Послѣ этого боевая дѣятельность г. Непокойчицкаго переносится противу мятежныхъ венгровъ; въ это время онъ въ должности начальника штаба отряда войскъ 5-го пѣхотнаго корпуса, дѣйствовавшихъ въ Трансильваніи, находился въ походѣ въ Придунайскомъ княжествѣ, а потомъ выступилъ изъ Бухареста въ походъ противъ мятежныхъ венгровъ въ Трансильваніи, при чемъ особенно отличился въ авангардномъ дѣлѣ подъ монастыремъ Предялъ и при многихъ другихъ военныхъ подвигахъ, неоднократно показывавшихъ, что Артуръ Адамовичъ обладаетъ отличными военными способностями, прекраснымъ военнымъ образованіемъ и необыкновенною личною храбростью. За всѣ военныя отличія, оказанныя полковникомъ Непокойчицкимъ въ этихъ дѣлахъ, онъ получилъ, въ продолженіи одного года, пять именныхъ монаршихъ благоволеній отъ нашего Государя Императора и, независимо того, отъ его императорскаго величества императора австрійскаго, полковнику Непокойчицкому былъ присланъ орденъ желѣзной короны, 2-й степени. Наконецъ, за венгерскую-же кампанію Артуръ Адамовичъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и, кромѣ того, получилъ орденъ Св. Станислава 1-й степени.

Въ 1853 году генералъ Непокойчицкій участвовалъ противу турокъ въ составѣ 5-го пѣхотнаго корпуса, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Лидерса, и отличился во многихъ замѣчательныхъ стычкахъ съ непріятелемъ, за которыя былъ удостоенъ высокихъ Монаршихъ наградъ. Онъ участвовалъ также и въ 1854 году въ дѣлахъ съ непріятелемъ, дѣйствуя уже какъ болѣе самостоятельный начальникъ и началъ кампанію переправою, съ ввѣреннымъ ему отрядомъ, на правый берегъ Дуная, гдѣ, затѣмъ, отличился во многихъ стычкахъ съ непріятельскими войсками. Но едва ли не самое громкое дѣло изъ всѣхъ его военныхъ подвиговъ — это рекогносцировка, произведенная вблизи крѣпости Силистріи, подъ его, Непокойчицкаго, начальствомъ и, затѣмъ, въ наступательномъ движеніи около крѣпости Силистріи для рекогносцировки, произведенной подъ личнымъ начальствомъ генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго, графа Паскевича Эриванскаго. Приэтомъ нельзя не замѣтить, что съ нашей стороны осадныя работы противъ крѣпости Силистріи производились подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ изъ крѣпости и передовыхъ укрѣпленій, причемъ весьма нерѣдко генералъ Непокойчицкій лично руководилъ планомъ этихъ работъ. За отличія эти генералъ Непокойчицкій получилъ самыя высокія награды, а именно: орденъ Св. Владиміра 2-й степени съ мечами, золотую саблю, украшенную брилліантами, и чинъ генералъ-лейтенанта, и тогда же былъ назначенъ сперва въ должность начальника штаба южной арміи, а вслѣдъ затѣмъ начальникомъ главнаго штаба южной арміи и войскъ. Потомъ ему пришлось дѣйствовать противъ союзныхъ непріятельскихъ войскъ Турціи, Англіи, Франціи и Сардиніи въ Крыму, по день оффиціальнаго извѣстія о заключеніи мира съ непріятелями. Въ 1859 году Артуръ Адамовичъ назначенъ былъ на высокій постъ предсѣдателя военно-кодификаціонной коммиссіи; въ 1864 г.— членомъ военнаго совѣта, а въ 1868 году, т. е. на 56 году своей службы, онъ произведенъ былъ въ полные генералы, или въ генералы отъ инфантеріи. Это весьма рѣдкій примѣръ такого быстраго производства въ чины, и обстоятельство это возможно объяснить только тѣмъ, что генералъ Непокойчицкій почти всѣ чины свои получилъ за военныя отличія. Онъ участвовалъ въ весьма многихъ дѣлахъ, но ни разу не былъ ни раненъ, ни контуженъ.

Подводя итоги боевой жизни Артура Адамовича, должно признаться, что назначеніе его начальникомъ штаба дѣйствующей арміи какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало его заслугамъ, тѣмъ болѣе, если нашей дѣйствующей арміи придется выступить къ берегамъ Дуная, который такъ хорошо извѣстенъ уже Артуру Адамовичу изъ прежнихъ его военныхъ дѣйствій. Мы видѣли, что Артуръ Адамовичъ обладаетъ личною храбростью, военными способностями и высокимъ научнымъ образованіемъ.

* * *

Капканы.

(Очеркъ изъ народнаго быта).

Ив. Якунина.

Глава III.

Масляничный день склонялся уже къ вечеру; толпа гулящиковъ на улицѣ замѣтно рѣдѣла, и отъ избъ, по направленію къ колодцамъ, потянулась уже вереница бабъ съ коромыслами и ведрами на плечахъ, за водою, для скотины. Пированье въ избѣ, за столомъ Тимофея Михайлова, приходило тоже къ концу и начинало принимать тотъ умилительный, хмѣлевой характеръ, когда подгулявшіе люди начинаютъ несвязно нести всякую чепуху и поминутно цѣловаться другъ съ другомъ. И вотъ, когда стали уже всѣ выходить изъ за стола, то кто-то вспомнилъ о дядѣ Михѣѣ.

— Надо бы дойти до свата, поглядѣть — не прочнулся ли онъ?

— А и то, надо. Поди-ка, Варюха, потолкай его, зови въ избу, ужинать, — обратился дядя-Тимофей къ своей младшей дочери.

Варюха — бойкая, ловкая дѣвушка — живо хлопнула дверью и побѣжала въ горенку. Но не прошло и пяти минутъ со времени ея ухода, какъ послышался ея громкій, испуганный крикъ, вслѣдъ за которымъ тотчасъ же вбѣжала въ избу и сама Варюха, съ выраженіемъ крайняго ужаса въ лицѣ.

— Чего ты зазѣвала? — накинулась-было на нее мать.

— Подите-ка туда... дядя-то Михѣй... не живой, — отрывисто проговорила дѣвушка, едва переводя духъ отъ страха.

Всѣ бросились въ горенку. Хозяйка захватила со стола горѣвшую свѣчу и тоже пошла туда. Свѣча эта оказалась очень кстати, потому что въ темную горенку никто, безъ свѣчи, войти не рѣшался. Когда, наконецъ, всѣ вошли въ эту горенку и освѣтили ее, то увидали дядю Михѣя на полу, въ томъ же положеніи, въ какомъ его оставили часа два тому назадъ; но глаза его были открыты, зрачки страшно расширены, зубы стиснуты и самъ онъ не только не былъ живъ, но уже и успѣлъ совсѣмъ закоченѣть на холоду.

Поднялся, какъ обыкновенно бываетъ въ этихъ случаяхъ, шумъ, вой, плачъ... Болѣе и громче всѣхъ голосили, конечно, бабы. Хмѣль быстро выскочилъ у всѣхъ изъ головы, — и дядя-Тимофей, первый, догадался выбѣжать на улицу и объявить десяцкому о случившемся несчастіи. Слѣдомъ за нимъ побѣжали и бабы, и какъ только попали на улицу, то сейчасъ же и заголосили на всю деревню:—Отцы родные! кормилицы! Пропала наша горькая голо-о-овушка!..

А въ горенкѣ, между тѣмъ, происходила слѣдующая сцена: Алексѣй и Петръ, взявши дядю-Михѣя за руки, волокли изъ горенки вонъ, на дворъ и, затѣмъ, на улицу — и положили его около самыхъ воротъ, къ завалинѣ. Исполнивъ это, они, какъ ни въ чемъ не бывало, принялись тереть покойнику, полами своихъ кафтановъ, уши и снѣгомъ голову.

На голосъ причитывавшихъ бабъ живо собралась огромная толпа народу, на-половину пьянаго, и обступила покойника. Начались, конечно, прежде всего, распросы—какъ это случилось?... Алексѣй, тѣмъ временемъ, успѣлъ уже придумать отвѣтъ: что сватъ сидѣлъ-де за столомъ въ своемъ видѣ и пѣсни пѣлъ; потомъ, пошелъ маленько прохладиться, да и кувырнулся у воротъ. Ждать, пождать—свата нѣтъ; вышли его искать, —а онъ, вотъ, и лежитъ у заваленки, какъ будто и не живой...

Разсказу этому на-половину, конечно, не повѣрили,—такъ-какъ бабы изъ Тимофеевой избы, обѣжавшія уже полдеревни, успѣли поразсказать, ка̀къ было дѣло въ дѣйствительности: то-есть, что дядя Михѣй умеръ не на улицѣ, а въ холодной горенкѣ. Но никто изъ толпы не возражалъ разсказчикамъ, потому что, въ этихъ случаяхъ, потерпѣвшіе пользовались всегда общимъ сочувствіемъ и всѣ искренно жалѣли ихъ и никогда бы не выдали. «*Мертвое тѣло*» представляетъ всегда собою крупную бѣду для цѣлой деревни, бѣду, сопряженную съ наѣздомъ земской полиціи и съ неизбѣжными по этому поводу непріятностями и расходами: съ карауломъ у мертвеца, съ процессомъ потрошенія тѣла, съ нарядомъ подводъ, со сборомъ куръ и яицъ для прибывшихъ чиновниковъ и съ продовольствіемъ для нѣсколькихъ соцкихъ. Поэтому, всѣ горячо принимали къ сердцу горе, стрясшееся надъ семьей Тимофея, и всѣ охотно готовы были помочь этому горю, то-есть, подтверждать все, что будутъ говорить хозяева.

— Дд-д-да, придетъ бѣда — отворяй ворота, разсуждали въ толпѣ.

— Ничего не подѣлаешь! замѣчали на это:— потому, Божья воля!

— Вѣдь, вотъ, поди-жь ты! что̀ бы ему, сердешному, у себя дома помереть!..

— Али бы въ саняхъ, дорогою...

— Да; а вотъ, таперь и валандайся съ имъ!...

— Да гдѣ десяцкій? Отчего нѣтъ десяцкого? — кричалъ одинъ отставной солдатикъ, желавшій, очевидно, оформить прежде всего это событіе.

— А пёсъ его знаетъ, гдѣ онъ таперь шатается, твой десяцкій-то! Чай, дрыхнетъ гдѣ-нибудь, пьяный.

Въ это время подбѣжалъ къ толпѣ дядя-Тимофей, возвратившійся изъ своихъ напрасныхъ поисковъ за десяцкимъ.

— Что̀, дядя-Тимофей, гдѣ десяцкій-то? — спросили изъ толпы.

— Лежитъ, ровно пень, ножъ ему въ кадыкъ! пьянъ; толкалъ-толкалъ его въ бока-то, — онъ и глазъ не открываетъ.

— Что-жь, братцы, таперь мы будемъ дѣлать безъ десяцкого-то?

— Д-да, безъ начальства этакое дѣло нельзя рѣшить.

— Нѝшто, въ Харино, за старостой послать?

— Да старосто-то здѣсь.

— Вправду?!

— Выдь душа вонъ. Я его самъ, съ часъ мѣста, видалъ: у Петровыхъ въ избѣ сидѣлъ, въ гостяхъ, пьянё-ё-ёшенекъ.

—Айда за старостой! тащи его сюда, робята; живо!

Побѣжали за старостой и, минутъ черезъ пять, дѣйствительно, привели его. Староста, ведомый подъ руки, шелъ не охотно и упирался ногами, которыя, вдобавокъ, совсѣмъ отказывались ему служить, — потому что онъ былъ пьянъ, какъ стелька.

— Старосту привели! — радостно заговорили въ толпѣ.

— Тащи его сюда, къ покойнику.

Подвели старосту вплоть къ дядѣ-Михѣю.

— Несите фонарь скорѣй! — скомандовалъ кто-то.

Фонарь живо принесли и освѣтили картину. Староста пятился отъ покойника и начиналъ браниться.

— Вы чего же, братцы, ко мнѣ пристали?— ворчалъ онъ: — сами его укóкали, да таперь за мной послали!. . .

— А ты, дядя-Иванъ, не бреши пó-пусту: никто его не укóкывалъ; онъ самъ померъ, отъ Божьей воли.

Староста, отъ страху, при видѣ покойника, немного протрезвившійся, наклонился надъ дядей-Михѣемъ и, при свѣтѣ фонаря, разсмотрѣлъ кровь на его затылкѣ и на шеѣ.

— А это што? отколь кровь-то взялась? а?— проговорилъ староста несвязнымъ, пьянымъ языкомъ, но уже съ значительною дозою начальничьяго тона въ голосѣ, сознавая, очевидно, всю важность данной минуты, а также и своего положенія.

Вслѣдъ за старостой, нагнулись надъ покойникомъ и еще нѣсколько человѣкъ.

— А вѣдь, и вправду кровь, — подтвердили голоса.

Бабы, находившіяся въ заднихъ рядахъ толпы, услышавъ про кровь, сильно заволновались и затрещали, а нѣкоторыя даже и заголосили.

— То то, вотъ, и есть,—замѣтилъ староста съ укоризною: — упѣтали мужичка, да и хотятъ, штобъ я былъ въ отвѣтѣ предъ начальствомъ! А я—плевать на васъ хотѣлъ! не мое дѣло. У васъ свой десяцкій есть; его и зовите.

И староста юркнулъ-было въ толпу, съ явнымъ намѣреніемъ скрыться куда-нибудь, подъ прикрытіемъ наступившей темноты.

Но тутъ явились свидѣтели, подтвердившіе, что кровь на затылкѣ дяди-Михѣя была еще въ то время, когда онъ только-что пріѣхалъ въ Дегтярново и вылѣзалъ изъ саней. Староста упорствовалъ на своемъ—утверждалъ, что смерть дяди-Михѣя приключилась не отъ Божьей воли, и порывался скрыться. Въ виду такого упорства со стороны начальства, были приняты довольно крутыя мѣры.

— Вотъ што, робята, держите старосту за руки, штобъ не убѣгъ; а мы при ёмъ и будемъ рѣшать, всѣмъ міромъ, кàкъ намъ таперь быть, съ покойникомъ-то.

Два здоровыхъ мужика взяли старосту подъ руки и подвели его къ покойнику еще ближе; къ покойнику же пододвинулись и всѣ дегтярновскіе старики, которые теперь изображали собою экстренный сельскій сходъ, собравшійся для обсужденія происшедшаго несчастія. Обступившія со всѣхъ сторонъ бабы подняли еще бóльшую трескотню и вой, — такъ что мужики, наконецъ, нашли необходимымъ унять ихъ.

— Цыцъ вы, угомóну на васъ нѣтъ! — прикрикнулъ на бабъ бывшій староста Максимъ Степановъ, очень вліятельный и пóчтенный мужикъ Дегтярнова, оказавшійся трезвѣе прочихъ.

— Ровно сорóки стрекочатъ. А нѣтъ того, штобы помолчать; послушать — штó скажетъ міръ.

— Вездѣ ввяжутся, ножъ имъ въ кадыкъ! ужь это такое отродье.

— А вотъ, разогнать ихъ по ѝзбамъ,—дѣло-то ладнѣй будетъ.

— Какже! тàкъ мы сейчасъ васъ и послушали!—огрызались бабы.

— А вотъ, какъ возьму клюшку въ руки, такъ и послушаешь, — отвѣчалъ непокорной бабѣ дядя-Максимъ.

— Чай, клюшка-то объ двухъ концахъ,—живо возразила одна изъ бабъ.

— Ну, ну, поговори еще! я те поговорю!. . . Таперь, въ деревнѣ несчастье, а онѣ, прóклятыя, тутъ какъ тутъ: лѣзутъ, вотъ, не въ свое дѣло, да и нà поди!. . .

— Потому и лѣземъ, што вы всѣ пьянѣй вина, — вновь огрызались бабы, задѣтыя за живое предложеніемъ объ удаленіи ихъ со схода.

— Ахъ, подохнуть бы вамъ, окаяннымъ! бранились мужики:—И безъ того таперь горе, — а тутъ еще и онѣ!. . .

— Вы, вотъ, лучше объ дѣлѣ-то толкуйте, чѣмъ объ насъ. Съ нами-то поспѣете доругаться и послѣ,—отвѣчали бабы.

— Такъ какже, и вправду, братцы, быть съ дядей-Михѣемъ-то? — спросилъ, наконецъ, у міранъ Максимъ, видя, что бабъ переспорить невозможно.

— Да какъ быть-то? Извѣстно, какъ: какъ сходъ положитъ,—тàкъ и быть.

— Перво-нà-перво, его надо на бочкахъ покатать,—можетъ быть, еще и прочнется,—замѣтили въ толпѣ.

— А если не поможетъ, дегтемъ обмазать. Вы его не катали? — спросили мужики у Тимофея Михайлова.

— Гдѣ катать! не поспѣли еще; я за десяцкимъ бѣгалъ.

— Тащите скорѣй двѣ бочки, у кого есть, только поживѣй!—скомандовалъ дядя-Максимъ.

Двѣ небольшихъ бочки тотчасъ же были принесены; дядю-Михѣя положили на нихъ нàвзничь и принялись катать. Минутъ черезъ пять остановились, прислушались къ дыханью дяди-Михѣя, осмотрѣли съ фонаремъ его лицо и увидѣли, что онъ бездыханенъ и мертвъ по прежнему.

— Эхъ, поздно мы хватились, братцы, вотъ што!—замѣтилъ дядя-Максимъ.

—Д-д-да, это вѣрно: кабы его, съ первоначалу, покатали,—онъ бы прочнулся,—проговорили многіе въ толпѣ крестьянъ.

Затѣмъ, былъ принесенъ лагунъ съ дегтемъ; дядю-Михѣя раздѣли и обмазали, гдѣ слѣдовало. Послѣ этого, опять поднесли къ его безжизненному лицу фонарь съ огнемъ, посмотрѣли на него, прислушались къ дыханью. . .

— Померъ! замѣтилъ дядя-Максимъ.

— Должнó, такъ; нечего съ имъ зря и возиться,—отвѣчали мужики.

— Што-жь таперь съ имъ дѣлать, братцы? вѣдь такъ его оставить нельзя; надо караулъ приставить, да въ станъ дать объявку.

— А ужь это извѣстно. Эй, староста! это твое таперь дѣло.

Но староста, еще не вполнѣ протрезвившійся, продолжалъ упрямиться и стоять на своемъ: — Безъ меня вы его, други милые, укóкали, — безъ меня и хлопочите съ имъ, какъ знаете; я сказывалъ вамъ: мое дѣло сторона, — у васъ свой десяцкій есть.

— Ничегó съ имъ, съ Иродомъ, таперь не подѣлаешь! — замѣтили на старостинъ счетъ мужики.

— Да, упрямъ онъ, пока не выспится. А вотъ, взять его да помазать, тоже, деготькомъ маленько—штобъ онъ супротивъ міру не шелъ. . .

Долго толковали мужички въ этомъ родѣ, надъ прахомъ покойнаго дяди-Михѣя, и, наконецъ, рѣшили—послать сейчасъ же къ ближайшему соцкому, чтобы тотъ оповѣстилъ становаго, а къ дядѣ-Михѣю нарядить караулъ, на ночь, отъ трехъ дворовъ, по человѣку съ двора, чтобы втроемъ не такъ боязно было караулить его ночью.

— А рожу ему безпремѣнно надо прикрыть чѣмъ нибудь, штобы, грѣшнымъ дѣломъ, кошка его не испортила, али-бо гадъ (мышь),—посовѣтывалъ дядя-Максимъ.

Принесли широкую и тяжелую доску и положили ее, вдоль тѣла, на покойника; потомъ, принесли нѣсколько охабокъ соломы и прикрыли ею доску. Но не мало было хлопотъ съ назначеніемъ караульныхъ: всѣмъ пришлось конàться, потому что никому не хотѣлось попасть въ первую очередь; къ тому же, большинство молодыхъ ребятъ деревни было *на низу*, т. е. на зимнихъ заработкахъ въ низовыхъ губерніяхъ, и въ домахъ были только всего два-три парня, старики, бабы, да дѣвки. Кое-какъ, наконецъ, покончили и это дѣло: нà первую ночь, караулить *«мертвое тѣло»* довелось двумъ дѣвкамъ и парню лѣтъ 17-ти.

Не ближе, какъ часовъ въ восемь вечера, разошлась толпа отъ покойника и всѣ разбрелись по избамъ. Все сразу стихло въ деревнѣ: ни пѣсенъ не стало слышно, ни говору; у всѣхъ въ умѣ было несчастье, стрясшееся въ деревнѣ и испортившее всю масляницу. Только вблизи Тимофеевой избы мелькали три робкія фигуры караульныхъ, плотно жавшіяся другъ къ другу и кутавшіяся отъ ночного холода въ свои коротенькія шубы.

— Гос-по-ди! кàкъ намъ ночь-то пережить!— говорила, тяжело вздыхая, одна изъ караульщицъ, пугливо косясь въ ту сторону, гдѣ, у завалины, возвышалась небольшая куча соломы, наложенная надъ покойникомъ.

— А ну, какъ онъ, сердешный, да встанетъ?!. . .—прошептала другая.

— И не говори лучше, дѣвынька! тутъ, кажись, и помру, на мѣстѣ. . . . Петрунька! подвигайся плотнѣй, — теплѣй будетъ; да и нé такъ боязно.

— Ладно ужь, придвинусь,—отвѣчалъ ей, улыбаясь, бойкій парень Петръ, — и, подавшись къ дѣвушкѣ, обнялъ ее одной рукой и прижалъ къ себѣ.

— А ты не дури!—замѣтила ему дѣвушка:— эка ты, нашелъ время обниматься!

— Ничего, не бось; знай, помалчивай!—успокоивалъ ее парень, и придвигался къ ней все ближе и ближе. . .

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Ранняя птица.

Зима пронеслась,—и настала
Съ тепломъ и цвѣтами весна:
Согрѣлась бѣдняжка, и стала
Гостей дожидаться она.

Глядитъ она въ сторону Юга
И, вытянувъ шейку, дрожитъ
И ждетъ, что вотъ-вотъ къ ней подруга
Отъ Нила рѣки прилетитъ;—
Гдѣ не было бурь и мятелей,
И вьюги съ холодной зимой,
Гдѣ темныя пальмы шумѣли
Своею зеленой листвой.

Ив. Якунинъ.

Начало и постепенное развитіе письма.

(*Продолженіе*).

Египтяне, употреблявшіе письмена, столь близкіе къ алфавитному методу и иногда пользовавшіеся имъ, остались вѣрными идеографической системѣ, тѣсно связанной съ обычаями и религіей. Отречься отъ идеограммъ — символовъ многихъ божествъ и религіозныхъ обрядовъ — значило-бы для нихъ разорвать всякую связь съ прошедшимъ, о которомъ свидѣтельствовали надписи, начертанныя на общественныхъ зданіяхъ, а также отказаться отъ священныхъ книгъ, словомъ, отбросить все, составляющее предметъ народнаго почитанія; по понятіямъ египтянъ, іероглифы даны были народу богомъ Ѳотою (Thotha). Китайцы также слишкомъ долго пользовались своими идеограммами, нерѣшаясь разстаться съ ними: послѣднее могъ сдѣлать только народъ, не стѣсняемый преданіями, усвоившій письмо отъ сосѣдей, и пользовавшійся свободою выбора, а потому ограничившійся извѣстнымъ числомъ фонетическихъ знаковъ, изображающихъ слоги. Такъ случилось на восточной окраинѣ Азіи, въ Японіи, которая только въ III вѣкѣ христіанской эры познакомилась съ китайскимъ письмомъ. Знакомство съ языкомъ и литературой Небесной имперіи расширило кругъ употребленія знаковъ китайскаго письма; но грамматика и выговоръ китайцевъ и японцевъ весьма далеки другъ отъ друга; поэтому китайская грамота, переходя въ Японію, подверглась различнымъ измѣненіямъ и усовершенствованіямъ.

Главное отличіе состояло въ ограниченіи числа слоговъ до 47. Въ половинѣ VIII вѣка какой-то японскій бонза сократилъ и переобразовалъ эту систему такимъ образомъ, что только четыре знака сохранили сходство съ китайскими знаками; этимъ путемъ старое письмо переобразовалось въ новое, болѣе простое и удобное для рисованія кистью. Въ IX вѣкѣ двое бонзъ, округливъ формы и соединивъ отдѣльные знаки, ввели третій родъ письма, менѣе красивый и ясный, но зато болѣе практичный. Однако въ японскомъ языкѣ пестрѣетъ множество китайскихъ словъ, сохранившихъ въ письмѣ свою первоначальную форму.—Не смотря на свое умственное развитіе, жители персидской монархіи не умѣли отличить гласной отъ согласной; это отличіе было сдѣлано народомъ, живущимъ на другомъ концѣ Азіи, народомъ, не изобрѣвшимъ, но впервые установившимъ алфавитъ фонетическихъ звуковъ. Алфавитъ не былъ установленъ разомъ, подобно различнымъ системамъ японскаго письма — не составлялъ результатъ дѣятельности отдѣльныхъ бонзъ (монаховъ, жрецовъ), но былъ продуктомъ медленнаго труда или, вѣрнѣе, продолжительной графической практики, широко развитой въ Египтѣ, откуда ханаанскіе народы перенесли множество знаній.

III.

Мексиканцы, китайцы, ассиріяне остановились на фонетикѣ въ различныхъ ступеняхъ ея развитія; они выработали только картинное изображеніе слоговъ. Еще въ глубокой древности египтяне не только достигли тѣхъ-же результатовъ, но сдѣлали шагъ впередъ, такъ какъ отличали гласныя отъ согласныхъ, вслѣдствіе чего, въ концѣ концевъ, обширная идеографическая система, называемая іероглифами, путемъ редакцій и исключеній, преобразовалась въ систему буквъ. Первоначальныя фигуры стали идеограммами, идеограммы преобразовались въ слоги, которые, въ свою очередь, стали обозначать начальные звуки слоговъ, т. е. гласную и согласную. Тогда и здѣсь произошло то же, что и въ японскомъ языкѣ: для выраженія отдѣльной буквы употреблялось множество знаковъ.

Хотя это обстоятельство повело за собою цѣлый рядъ недоразумѣній, но тѣмъ не менѣе алфавитная система была уже установлена; въ глубокой древности ею пользовались на берегахъ Нила, одновременно съ идеографической системой; только финикіяне стали различать эти два метода и, отбросивъ второй, оставили у себя первый. Древніе писатели единогласно приписываютъ этому народу заслугу изобрѣтенія алфавита; однако Платонъ, Діодоръ Сицилійскій, Плутархъ и Тацитъ утверждаютъ, что это изобрѣтеніе получило начало въ Египтѣ; новѣйшія же изслѣдованія единогласно подтверждаютъ тотъ фактъ, что финикійская азбука имѣетъ свое начало въ Египтѣ. Элементы этого алфавита въ настоящее время еще неизвѣстны, такъ какъ онѣ явились и перешли въ Грецію въ доисторическое время.

Полувѣковыя изслѣдованія исторіи финикійской азбуки привели къ тому убѣжденію, что финикійская система знаковъ — первообразъ всѣхъ алфавитовъ, существующихъ въ Европѣ и Азіи. Послѣдующія измѣненія первоначальныхъ формъ и прибавленіе новыхъ знаковъ для выраженія звуковъ, свойственныхъ извѣстнымъ языкамъ, дали начало множеству алфавитовъ. Греки называли финикійскими буквами самыя древнія формы своего алфавита, хотя изобрѣтеніе его и приписывали баснословному Кадену; названія (альфа, вита) свидѣтельствуютъ о несомнѣнномъ финикійскомъ происхожденіи. Самыя древнія начертанія греческихъ буквъ найдены въ надписяхъ на островѣ Ѳерѣ, и восходятъ до IX вѣка до Р. Хр.; здѣсь буквы имѣютъ финикійское начертаніе. Въ позднѣйшія времена произошли значительныя перемѣны какъ въ формахъ буквъ, такъ и въ способахъ ихъ изображенія. Первоначально греки. по примѣру финикіянъ, писали отъ правой руки къ лѣвой; затѣмъ усвоили такъ называемую систему *бустрофедана* т. е. письма, въ которомъ первая строка идетъ справа въ лѣво, а слѣдующая слѣва вправо; эта послѣдняя система, заимствованная у ассиріянъ, преобладала и у грековъ. Кирхгоффъ, въ своемъ интересномъ трудѣ объ исторіи греческаго алфавита, утверждаетъ, что уже въ отдаленныя времена, племена, жившія на востокѣ, употребляли алфавиты, близкіе по формамъ къ первообразамъ семитическихъ народовъ; племена же, перешедшія на западъ, значительно измѣнили эти формы. Греческіе колонисты въ Сициліи и Кампаніи распространили въ Италіи эоло-дорическій алфавитъ (изъ 28 буквъ), положившій начало этрускому и латинскому — первообразу всѣхъ алфавитовъ Западной Европы. Въ Греціи четыре разные алфавита въ V ст. до Р. Хр были вытѣснены іоническимъ, который господствуетъ и въ настоящее время.

Народы, говорящіе на языкахъ, принадлежащихъ къ группѣ семитическихъ, тѣмъ легче усвоили знаки фонетическаго письма, что эти знаки не требовали значительныхъ дополненій и видоизмѣненій. Древнѣйшею отраслью этого первоначальнаго письма несомнѣнно слѣдуетъ считать старо-еврейскій алфавитъ (отличный отъ существующаго въ настоящее время); впослѣдствіи уже является письмо *магадское*, изъ котораго выработываются санскритское и всѣ системы графическихъ письмянъ, существовавшихъ нѣкогда въ Индіи.

Мы не будемъ перечислять множества алфавитовъ, берущихъ свое начало, посредственно или непосредственно, отъ магадскаго письма, а скажемъ только, что послѣднее несомнѣнно впервые явилось въ Японіи, и хотя было первоначально задержано въ своемъ распространеніи существовавшимъ уже китайскимъ письмомъ, но впослѣдствіи получило право гражданства во всемъ Китаѣ. Что касается распространенія этого алфавита въ Западной Европѣ, то хотя путь, по которому слѣдовалъ этотъ алфавитъ, не уясненъ надлежащимъ образомъ и до настоящаго времени, тѣмъ не менѣе большинство приходитъ къ тому убѣжденію, что онъ впервые былъ занесенъ финикіянами, даже въ Иберію (испанскую), гдѣ впослѣдствіи преобразовался въ совершенно своеобразное письмо, сохранившееся на древнихъ памятникахъ и монетахъ. Распространеніе алфавита совершалось, вѣроятно, вслѣдствіе того, что финикіяне и карѳагеняне основывали по берегамъ Атлантическаго океана свои многочисленныя колоніи. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что эти два предпріимчивые народа, отыскивая олово въ далекихъ сѣверныхъ странахъ, ознакомили жителей съ своимъ прекраснымъ изобрѣтеніемъ. Точно также не подлежитъ сомнѣнію, что у сѣверныхъ народовъ *руны* почитались, вначалѣ какъ откровеніе Одина, а письмена, какъ германцевъ, такъ и скандинавовъ, передъ распространеніемъ христіанства, замѣчательно похожи на нѣкоторыя финикійскія буквы. Какъ бы то ни было, такъ называемыя германскія руническія письмена, вырѣзанныя на дощечкахъ или древесной корѣ, происходятъ отъ скандинавскихъ рунъ, которыя первоначально считались волшебными знаками или, по крайней мѣрѣ, были простыми рисунками, вызывавшими въ памяти народа воспоминанія о тѣхъ или другихъ событіяхъ. Въ древнемъ ирландскомъ письмѣ видно уже вліяніе латинскаго алфавита. Англо-саксонскія племена также воспользовались скандинавскими рунами, которыя впослѣдствіи слились съ латинскими буквами для образованія алфавита. Такимъ же точно образомъ, германскія руническія письмена слились съ греческими буквами; во второй половинѣ IV вѣка, готскій епископъ Улфіаласъ составилъ готскій алфавитъ, на которомъ написанъ былъ знаменитый *«Codex argentus»*, заключавшій переводъ четырехъ евангелій на готскій языкъ. Сѣверные славяне также, вѣроятно, переняли руническое письмо отъ скадинавовъ; это письмо послужило св. Кирилу прекраснымъ средствомъ для составленія алфавита, въ основаніе котораго приняты были греческія буквы. Всѣ славяне православнаго вѣроисповѣданія приняли этотъ алфавитъ, знакомый намъ въ своей первоначальной формѣ по дошедшимъ до насъ многочисленнымъ лѣтописямъ; алфавитъ же русскій и сербскій составляютъ только видоизмѣненіе *кирилицы*. Около XII столѣтія далматскіе славяне католическаго вѣроисповѣданія приняли алфавитъ, составленный однимъ священникомъ и ошибочно приписываемый св. Іерониму. Этотъ алфавитъ есть ни что иное, какъ соединеніе знаковъ кирилицы съ латинскимъ алфавитомъ и отъ произношенія буквъ *Б* и *Г* называется *буквицею* или *глаголицею*.

На этомъ заканчивается развитіе начертанія всѣхъ алфавитовъ, получившихъ начало въ письмѣ, изобрѣтенномъ финикіянами, и, въ свою очередь, принятомъ отъ египтянъ. Всѣ существующіе въ настоящее время алфавиты составляютъ одну непрерывную цѣпь, составленную изъ семействъ, вѣтвей и отраслей, которыя, распространяясь отъ своего основанія въ разныя стороны, способствовали болѣе или менѣе дѣйствительному распространенію свѣта въ средѣ народовъ, коснѣвшихъ въ невѣжествѣ.

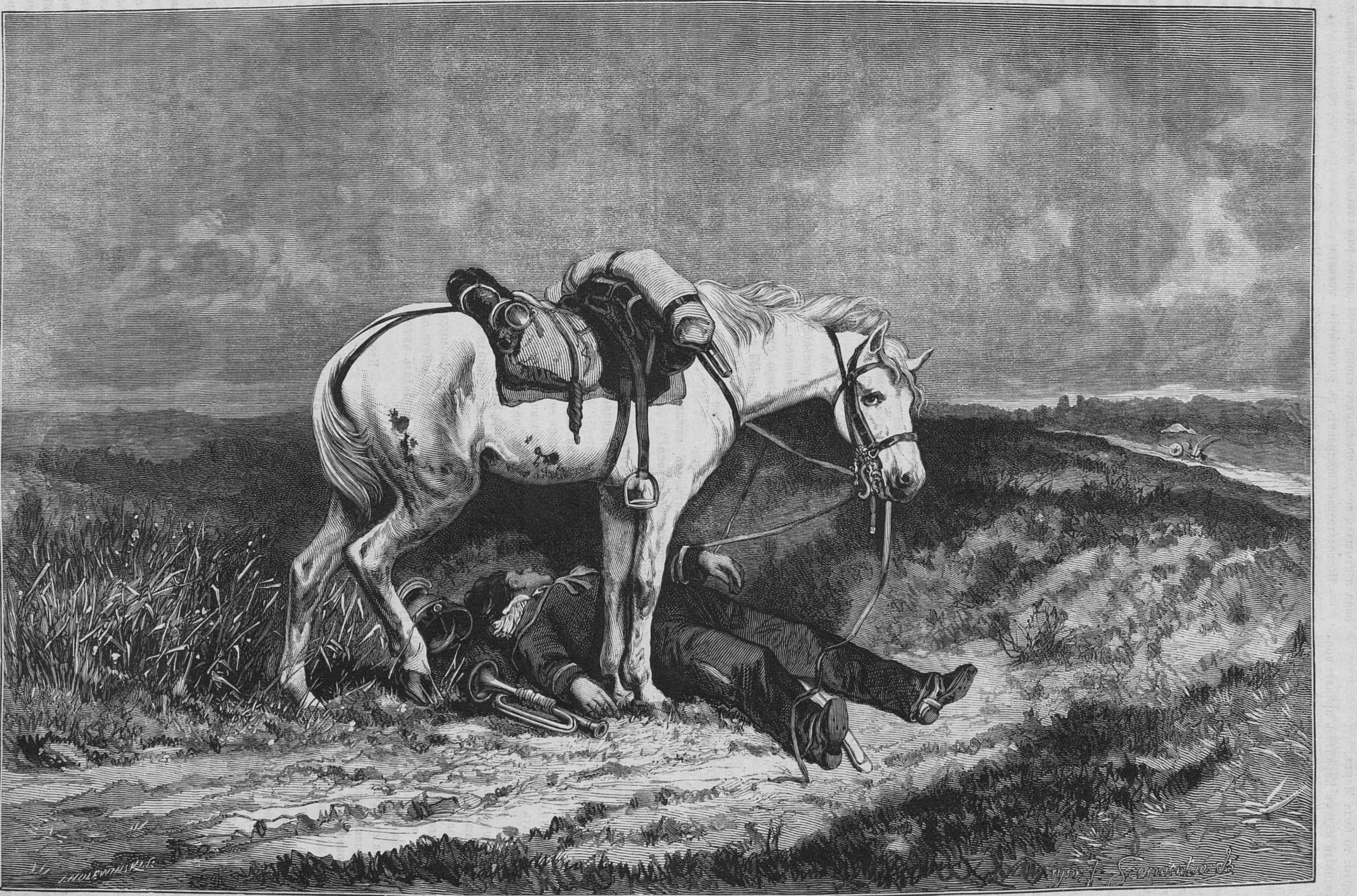
(Продолженіе въ слѣдующемъ №.)

Мировой судья.

Повѣсть Луи Колласъ.

III.

Послѣ полудня, Авріаль направился дальше, въ глубь лѣса. Онъ отыскалъ хорошо знакомую тропинку, почти совсѣмъ заросшую папоротникомъ и наперсточной травой, и по ней добрался до громаднаго бука, подъ которымъ онъ такъ любилъ прежде лежать съ книгою въ рукахъ, или дремать подъ нѣжное чириканье пташекъ. Все было ему здѣсь знакомо, близко, дорого; отдавшись воспоминаніямъ былыхъ дней, онъ незамѣтно добрался до опушки лѣса; въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него извивалась проселочная дорога; вдали онъ замѣтилъ ѣдущую на верховой лошади женщину; по мѣрѣ того, какъ


I. HOLEWINSKI Sc.
rys. J. Szermentowski

Связанные другъ съ другомъ. Картина П. Валькера. Рисовалъ на деревѣ І. Черментовскій, гравировалъ Голевинскій.

она приближалась, Адріаль могъ разглядѣть знакомыя черты: то была Марта.

— Угодно-ли мадамъ Каранталь принять привѣтствіе друга ея дѣтства?—проговорилъ молодой человѣкъ, выступая изъ-за деревьевъ.

При звукѣ этого хорошо знакомаго голоса, въ глазахъ Марты блеснула живая радость, но только на одно мгновеніе; затѣмъ, лицо ея выразило не болѣе, какъ простое удивленіе, вызванное появленіемъ человѣка, котораго всѣ считали умершимъ; однако, Авріалю удалось подмѣтить это невольно прорвавшееся чувство. По его просьбѣ, молодая женщина въѣхала въ лѣсъ и, когда ихъ совсѣмъ не стало видно съ дороги, она соскочила съ лошади, которую привязала у дерева.

Авріаль казался болѣе взволнованнымъ, чѣмъ Марта; въ его памяти живо воскресли веселые дни далекаго прошлаго, когда они, еще почти дѣтьми, беззаботно бѣгали по этому же самому лѣсу, прячась за деревья; и тогда Марта любила проявлять свои капризы, любила властвовать, повелѣвать; не разъ они серьезно ссорились между собою, расходились, дулись по нѣсколько дней, и снова сходились, послѣ какой нибудь уступки Эдуарда... Миновало дѣтство, въ отношеніяхъ молодыхъ людей стала, мало по малу, вкрадываться натяжка, тяжело отзывавшаяся на молодомъ Авріалѣ; затѣмъ Марта вышла замужъ и между ними легла цѣлая пропасть. Грустно было вспоминать объ этомъ, но еще тяжелѣе для Авріаля было видѣть теперь предъ собою Марту такою холодною, неприступною, величественною, какою она сдѣлалась особенно въ послѣднее время. Стоя, опершись на хлыстикъ, красавица, повидимому, совершенно безучастно относилась къ волненію, охватившему Эдуарда, и, играя вѣткою, она, самымъ обыденнымъ тономъ, бросала ему мимолетные вопросы, относящіеся до его временнаго отсутствія.

— Да, Марта, много дней прошло съ тѣхъ поръ, какъ я васъ не видалъ,—заговорилъ Авріаль, оправившись нѣсколько отъ волненія.— Вы еще болѣе расцвѣли, похорошѣли... и, кажется, еще болѣе сдѣлались неприступны. Боюсь, что вы не удостоите выслушать совѣтовъ, которые намѣренъ дать вамъ вашъ другъ.

Выраженіе лица молодой женщины, повидимому, вполнѣ оправдывало это опасеніе; она равнодушно расхаживала взадъ и впередъ; при послѣднихъ-же словахъ Эдуарда, сорвала листъ папоротника и нетерпѣливо начала щипать его. Авріаль сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ этого движенія, и продолжалъ:

— Привыкши съ самаго дѣтства видѣть постоянное исполненіе своихъ малѣйшихъ желаній и капризовъ, окруженная всегда, какъ ореоломъ, ухаживаніями молодежи, вы считали какимъ-то наслажденіемъ для себя дѣлать всевозможныя эксцентричности, которыя могли бы вызвать въ другихъ чувство зависти или ревности. Къ такимъ выходкамъ,—иначе я это не называю,— относится вашъ первый бракъ съ человѣкомъ, который годился вамъ въ отцы. Ваше замужество не могло назваться счастливымъ и, когда, спустя годъ, вашъ мужъ умеръ, сожалѣніямъ не нашлось мѣста въ вашемъ сердцѣ. Въ настоящее время вы намѣрены снова идти замужъ...

Авріаль замолкъ, ожидая отвѣта, но Марта молчала; взглядами она дозволила ему продолжать.

— Вы выходите вторично замужъ, Марта, и избранникъ вашъ—Морисъ Марсолье.

— Вотъ какъ, мосье Эдуардъ!—насмѣшливо улыбнулась молодая женщина.—Въ своей воображаемой могилѣ, изъ которой вы теперь вышли, вы занимались тѣмъ, что слѣдили за мною?

— Больше того, Марта: я укралъ тайну вашихъ разговоровъ; вчера я былъ подлѣ вашего окна и слышалъ все, до послѣдняго слова.

— Позвольте васъ поздравить съ ролью шпіона, до которой низвела васъ ваша заботливость обо мнѣ.

— Да, Марта, заботливость; она всегда заставляла меня быть на стражѣ и теперь привела меня сюда, чтобы предостеречь васъ отъ гибели.

— Оставимъ громкія фразы: онѣ уже надоѣли мнѣ. Скажите лучше, почему мой выборъ не приходится вамъ по вкусу?

— Почему? Отвѣтъ мой выяснился бы, еслибы я разсказалъ вамъ всѣ похожденія Мориса, которыя даютъ тысячи поводовъ удалить его изъ всякаго порядочнаго общества. Но я не стану утомлять васъ подобными скучными разсказами, и ограничусь только вопросомъ: желали-бы вы соединить свою судьбу съ преступникомъ, съ убійцей?

Марта невольно вздрогнула, но тотчасъ же оправилась.

— Ага, вы выдвигаете на сцену резервный корпусъ, — проговорила она съ насмѣшливой улыбкой.

— Не смѣйтесь Марта; еслибы я не взялъ на себя, у постели моего умиравшаго отца, священной обязанности заботиться о васъ, я бы не сталъ вовсе говорить объ этомъ. Теперь-же вы должны выслушать меня; только дайте слово, что разговоръ этотъ останется между нами.

Марта утвердительно кивнула головой.

— Изъ памяти вашей, по всей вѣроятности, не исчезло грустное событіе, случившееся въ здѣшнихъ окрестностяхъ; я говорю про смерть Семонселя. Увѣрены-ли вы, что причиной ея была не болѣе, какъ несчастная случайность?

— Это мнѣніе большинства, не мое только,— холодно отвѣтила Марта.

— Такъ значитъ, въ вашихъ глазахъ это убійство вполнѣ объяснено.

— Вы забываете о предполагавшейся, за нѣсколько времени до этого убійства, дуэли между двумя молодыми людьми, причины которой покрыты густымъ мракомъ.

Кокетство и романически настроенное воображеніе Марты часто вводило ее въ заблужденіе; она во всемъ готова была видѣть ревность, которую она возбуждала въ молодыхъ людяхъ. Двусмысленное выраженіе лица молодой женщины и ея послѣднія слова многое объяснили Авріалю; удивленный, онъ отступилъ на шагъ.

— Ахъ, Марта, Марта, какъ подобная мысль могла придти вамъ въ голову? Вы не знаете какую причину отыскать, чтобы оправдать въ собственныхъ глазахъ Мориса.

— Мориса?—сорвалось у Марты.—Кто вамъ сказалъ, что я думаю о немъ.

— Иначе быть не можетъ: или его, или меня.

Марта не отвѣчала. Авріаль съ минуту тоже молчалъ.

— Меня... меня... Скажите, Марта, зачѣмъ вы такъ зло смѣетесь надо мною? за что оскорбляете меня?... Впрочемъ, вы, можетъ быть, и не думали обо мнѣ; вамъ, по всей вѣроятности, просто хочется оправдать это страшное происшествіе. Но я твердо рѣшился раскрыть передъ вами эту тайну, я долженъ освѣтить тѣ темныя стороны, которыя могутъ повлечь васъ къ гибели.

— Только, пожалуйста, безъ излишнихъ подробностей; я вообще не терплю длинныхъ повѣствованій, — иронически проговорила молодая женщина.

— Въ тотъ памятный день мы втроемъ: я, Морисъ и Семонсель пріѣхали къ вамъ въ гости. Какъ и всегда, вы однѣ сосредоточивали на себѣ общее вниманіе, но никогда еще вы не были такъ хороши, такъ любезны, такъ очаровательны, какъ въ тотъ день; никто не могъ отдѣлаться отъ того чувства обаянія, которое, не знаю, разсчитанно или нѣтъ, вы навѣвали на всякаго.

— Ну, нѣтъ, не на всякаго: по крайней мѣрѣ, васъ я никогда не видала подъ вліяніемъ чего-либо подобнаго; всегда серьезный, скучающій, вы какъ нельзя лучше олицетворяли собою мрачный образъ Банко.

— Не скука дѣлала меня такимъ, Марта, а грусть и страхъ за васъ. Вы не замѣчали, что тогда происходило съ Морисомъ, а я видѣлъ все: я видѣлъ, съ какою ненавистью онъ глядѣлъ на Семонселя, какъ жадно ловилъ тѣ впечатлѣнія, которыя производилъ на васъ этотъ молодой человѣкъ, и я понялъ, что чувство, волновавшее его въ то время, было не ревность отъ любви къ вамъ, а что-то болѣе серьезное. Потомъ я узналъ, какое это было гадкое чувство: Морисъ вовлекъ несчастнаго Семонселя въ грязныя дѣла; когда тотъ сообразилъ всю рискованность подобныхъ занятій, онъ устрашился за свою будущность и требовалъ отъ Мориса возвращенія своего залога; у Марсолье не было денегъ, но, чтобы поддержать свой кредитъ, онъ увѣрилъ, что въ скоромъ времени женится на богатой и, въ доказательство, пригласилъ его къ себѣ погостить, чтобы тотъ увѣрился собственными глазами. Вы, своимъ поведеніемъ въ тотъ день, разбили всѣ его надежды, всѣ планы: вмѣсто того, чтобы играть роль вашего избранника, Морисъ очутился чуть-ли не на самомъ заднемъ планѣ; вы на него не обращали ни малѣйшаго вниманія и, по капризу-ли, или почему-нибудь другому, казались особенно заинтересованною своимъ новымъ знакомымъ. Вамъ, конечно, и въ голову тогда не пришло, какую дорогую и опасную игру вы повели; для васъ это было не болѣе, какъ забавой, тогда какъ Морисъ ставилъ на карту свою будущность; вы побили не только его самолюбіе, но и самые животрепещущіе интересы:—его кредитъ упалъ во всѣхъ отношеніяхъ.

—Когда онъ сталъ приглашать насъ на охоту, тяжелое предчувствіе чего-то недобраго сильно сжало мое сердце. Не смотря на непринужденность, съ какою старался держаться Морисъ, все выражало въ немъ сильное возбужденіе: ненормальный блескъ глазъ, дрожаніе въ голосѣ и даже самая эта напускная развязность, а тутъ еще Семонсель сталъ не къ мѣсту подшучивать надъ нимъ, задѣвая его самыя больныя стороны. Мнѣ пришлось на нѣсколько минутъ удалиться отъ нихъ, такъ какъ олень загналъ меня дальше, въ чащу; когда я вернулся, то увидѣлъ, что Морисъ взбирается на крутой утесъ, увлекая за собою Семонселя, который, съ непривычки, едва могъ передвигать ногами; на моихъ глазахъ, онъ протянулъ ему ружье, дуломъ впередъ, предлагая стрѣлять въ будто-бы показавшагося оленя, и тутъ-то произошла та странная случайность, что, вмѣсто оленя, упалъ Семонсель. Я тотчасъ же пришелъ на мѣсто преступленія и первое, что мнѣ бросилось въ глаза, это перемѣна ружей, которую поспѣшно сдѣлалъ Морисъ, и потомъ его безпорядочная суетливость около раненаго. Вмѣсто того, чтобы звать на помощь и послать за докторомъ, онъ, съ какимъ-то испугомъ наклонился надъ умиравшимъ, какъ будто боясь, что тотъ успѣетъ произнести страшныя для него слова. Опасеніе это, впрочемъ, было напрасно: Семонсель только нѣсколько минутъ прожилъ въ страшной агоніи и, затѣмъ, умеръ, не сказавъ ни слова. Не смотря однако на это, для меня было какъ нельзя болѣе ясно, что передо мной стоялъ умышленный убійца и я, не стѣснявшись, открыто заявилъ ему объ этомъ. Морисъ крикливо протестовалъ, наговорилъ кучу, ни къ чему не относившихся, пустыхъ фразъ, то блѣднѣя, то краснѣя, подъ моимъ пытливымъ взглядомъ.

— Вы его умышленно убили,—продолжалъ я;—совѣсть заставляетъ меня тотчасъ-же отдать васъ въ руки правосудія, но я слишкомъ уважаю вашего почтеннаго отца и къ тому же не хочу, чтобы другое, невинное имя, было замѣшано въ эту низкую исторію. Я буду молчать и ради того, чтобы не стать въ положеніе лгуна или, напротивъ, не поставить себя въ необходимость давать показанія противъ сына глубоко уважаемаго мною человѣка, я уѣду отсюда; поѣздка моя не должна никого удивить, такъ какъ я еще раньше намѣревался ѣхать путешествовать. Но, знайте, что я уѣду только подъ однимъ условіемъ: чтобы вы также немедленно уѣхали отсюда и, главное, чтобы вы навсегда отказались отъ намѣренія жениться на мадамъ де-Каранталь.

Онъ принялъ это двойное обязательство и мы разошлись. Но Морисъ не сдержалъ своего слова: узнавъ о моей смерти, онъ возвратился сюда и, желая совсѣмъ отклонить всякія подозрѣнія, могущія возникнуть на его счетъ, онъ принялся чернить меня и взводить гнусную клевету. Я тотчасъ же поспѣшилъ также сюда, не съ цѣлью оправдать себя, а для того, чтобы спасти васъ отъ страшной будущности.

— Все это очень удачно сопоставлено,—проговорила она съ недовѣрчивой улыбкой;—и въ эффектныхъ сценахъ нѣтъ недостатка; но, знаете, Эдуардъ, чтобы какое-нибудь показаніе, признаніе или свидѣтельство внушало къ себѣ довѣріе, надо, чтобы оно относилось совершенно безучастно къ той или другой личности.

— Безучастно! Нѣтъ, Марта, я этого не могу; мнѣ слишкомъ близко ваше счастье, чтобы я могъ такъ легко относиться ко всей этой исторіи; при одной только мысли о грозящей вамъ опасности, мое сердце сжимается отъ ужаса. Подумайте, Марта, еще есть время все поправить.

Волненіе Авріаля, казалось, обезоружило ее.

— Благодарю васъ за заботливость обо мнѣ,—проговорила она.—Могу узнать, можетъ быть она зашла такъ далеко, что отыскала мнѣ другого жениха.

— Нѣтъ, Марта; я бы вамъ могъ предложить только такого человѣка, который бы имѣлъ на васъ столько вліянія, чтобы оберегать васъ отъ самой себя.

— А вы не знаете такого человѣка?

— Не знаю.

Она замолчала; ея правая рука конвульсивно сжимала узду, а лѣвая нервически мяла листъ папоротника; ея роскошная грудь высоко вздымалась, глаза блистали какимъ-то страннымъ огнемъ, вся она казалась чрезвычайно взволнованною. Откинувъ, рѣзкимъ движеніемъ головы, упавшій на лобъ локонъ волосъ и глядя прямо въ упоръ въ глаза Авріаля, она заговорила не совсѣмъ ровнымъ голосомъ.

— Вы, Эдуардъ, всегда думали и говорили мнѣ, что успѣли узнать всѣ тонкости моего взбалмошнаго характера, и жестоко въ этомъ ошибались. Я долго слушала васъ, теперь позвольте говорить мнѣ. Откровенность, можетъ быть, единственное мое достоинство, которое даже вы никогда не отрицали; постараюсь еще разъ оправдать это мнѣніе... Вспомните, Эдуардъ, кѣмъ вы были въ отношеніи меня за все это время? Цензоромъ, строгимъ, ничѣмъ неподкупнымъ цензоромъ, и только. Но спросили-ли вы себя когда-нибудь, совсѣмъ-ли вы безучастны въ тѣхъ недостаткахъ моего характера, которые вы такъ безпощадно громите? Не лежитъ-ли и на васъ нѣкоторая за нихъ отвѣтственность?

— На мнѣ, Марта?

— Погодите, дайте мнѣ говорить; въ другой разъ у меня, можетъ быть, не хватитъ духу высказать вамъ все то, что лежитъ на сердцѣ... Мы росли вмѣстѣ; мой отецъ всегда расхваливалъ вашъ умъ, ваше доброе сердце, такъ что съ самаго дѣтства я привыкла слышать о васъ одно хорошее; я, мало по малу, такъ привыкла къ вамъ, что тотъ день, въ который васъ не видѣла, считала цѣлымъ годомъ, а съ вами часы бѣжали для меня совершенно незамѣтно. Однако, это хорошее время длилось не долго; вы взяли на себя роль ментора, опекуна, а это мнѣ въ высшей степени не нравилось; я вообще авторитетовъ не признаю, и ваше попечительство только злило меня. Неудивительно, поэтому, что, вмѣсто благодарности, я платила вамъ однѣми насмѣшками, иногда очень злыми, и колкостями. Я ждала отъ васъ чего то бо̀льшаго простой заботливости, мнѣ хотѣлось расшевелить въ васъ болѣе серьезное чувство и если я начинала кокетничать съ молодыми людьми, то ради того, чтобы побѣдить ваше холодное равнодушіе; этимъ я надѣялась вызвать въ васъ ревность, или хотя что-либо подобное; но вы продолжали оставаться все тѣмъ-же холоднымъ, строгимъ опекуномъ. Не спрашивайте, почему я рѣшилась вступить въ столь неравный бракъ. Но знайте, Эдуардъ, что одно ваше слово могло меня остановить, а вы не произнесли этого слова. Когда смерть мужа сдѣлала меня снова свободной, я нашла васъ все тѣмъ же, что и годъ назадъ... Я хорошо помню тотъ несчастный день, когда Семонсель былъ убитъ; видя васъ такимъ мрачнымъ и чѣмъ-то взволнованнымъ, я приписала это чувству ревности, которое вызвала въ васъ моя любезность съ новымъ гостемъ; послѣдствія заставили меня убѣдиться, что эта слабость вполнѣ чужда вамъ.

Марта на минуту замолкла и провела рукою по лбу, желая этимъ какъ-будто стереть мрачныя мысли; она была очень блѣдна, только глаза блистали какимъ-то лихорадочнымъ свѣтомъ.

— Что мнѣ за дѣло, что произошло потомъ!—продолжала она.—Вы тотчасъ-же уѣхали, не удостоивъ меня никакимъ откровеннымъ объясненіемъ; а тамъ распространилась эта комедія о вашей смерти; другіе повѣрили, я же была увѣрена, что вы снова возвратитесь въ наши края. И вотъ вы возвратились, опять таки все тѣмъже менторомъ, какъ и прежде. Скажите, что вамъ велитъ нести на себѣ эту трудную обязанность по отношенію такой испорченной, непокорной, взбалмошной женщины, какова я въ вашемъ мнѣніи. Откажитесь, прошу васъ, отъ нея и оставьте меня на произволъ моихъ капризовъ, какъ вы называете всѣ мои поступки. Пусть отвѣтственность за нихъ лежитъ на мнѣ одной.

— Между нами легло тяжелое недоразумѣніе, Марта,—проговорилъ Авріаль.—Не отъ меня зависѣло то, что я долженъ былъ побороть въ себѣ всякое чувство къ вамъ, кромѣ братской заботливости; ваши упреки совершенно не заслужены мною. Пусть Господь откроетъ вамъ глаза!

Въ это время съ дороги послышался стукъ каретныхъ колесъ, топотъ лошадиныхъ копытъ, веселые голоса молодежи. Сквозь вѣтви деревъ, Авріаль и Марта разглядѣли проѣзжавшую коляску, въ которой, развалившись, сидѣли роскошно одѣтыя, блестящія дамы; подлѣ коляски скакали на лошадяхъ молодые люди; между ними былъ и Морисъ. Кавалькада пронеслась очень быстро, оставивъ послѣ себя цѣлое облако пыли.

— Это изъ Гранваля,—проговорила Марта.—Я тоже обѣщала тамъ быть, но, благодаря вамъ, не исполнила своего обѣщанія.

— Хорошо, хоть наша бесѣда не осталась совсѣмъ безполезной: по крайней мѣрѣ, она остановила васъ отъ выходки, за которую вамъ-бы впослѣдствіи пришлось краснѣть.

Она не отвѣчала; молча сѣла на лошадь и тихо выѣхала изъ лѣсу; но потомъ, какъ-бы вспомнивъ что-то, пришпорила лошадь и скоро исчезла изъ глазъ Авріаля.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Между Болгарами.

Путешествіе Вильгельма Лежана.

(*Продолженіе*).

Я сдѣлалъ нѣсколько прогулокъ по окрестностямъ Рущука, проѣхалъ до караван-сарая, или гана Пантали, который представляетъ любимое мѣсто прогулки жителей. Всѣ путешественники, отправляющіеся на югъ, останавливаются здѣсь для отдыха. Этотъ ганъ относительно новый, потому что, насколько я припоминаю, онъ построенъ во время моей первой поѣздки по Болгаріи, въ 1857 году. Содержатель его венгерецъ, Пантали, здѣсь женился и ведетъ вполнѣ осѣдлую, прочно обезпеченную жизнь. Я остался очень доволенъ его гостепріимствомъ, въ которомъ нѣтъ ничего общаго съ угощеніями трактирщиковъ нѣмцевъ, этой язвы Венгріи и Придунайскихъ княжествъ.

Вернувшись послѣ небольшой прогулки въ Шумлу, я возвратился въ Рущукъ съ моимъ пріятелемъ Эрнестомъ Де-Жарденомъ. Онъ пріѣхалъ въ Румынію съ научной цѣлью, и теперь возвращался изъ Добруджи на французскомъ пароходѣ le Magicien, стоящемъ на якорѣ у устья Дуная. Де-Жарденъ свелъ меня на палубу и представилъ капитану Готье-де-ля-Ришери. И съ того времени я остался его гостемъ.

Султанъ и князь Карлъ. — Лекція нумизматики. — Гигенъ. — Анекдоты. — Албанскіе разбойники.

Пребываніе въ городѣ въ это время невыносимо. Завтра пріѣзжаетъ сюда султанъ, возвращающійся изъ Парижа со всемірной выставки; на встрѣчу ему выѣдетъ князь Карлъ, для принесенія поздравленія по случаю благополучнаго возвращенія султана. Я обойду молчаніемъ эти два дня, полные суматохи, крика и скуки. Всѣхъ насъ представили султану, что меня вовсе не интересовало, а также князю Карлу, чему я былъ очень радъ. Румынскій князь—личность чрезвычайно симпатичная, при томъ онъ держится крайне просто.

Когда всѣ торжества, по случаю пріѣзда султана, окончились, де-ля-Ришери предложилъ мнѣ проѣхаться въ верхъ по Дунаю до Виддина, выговаривая намъ право останавливаться по дорогѣ, гдѣ только будетъ желательно. Само собою разумѣется, что подобное предложеніе доставило мнѣ большое удовольствіе.

Предъ отъѣздомъ Де-Жарденъ купилъ нѣсколько медалей отъ одного телеграфнаго чиновника, который имѣлъ ихъ прекрасную коллекцію и запрашивалъ за нее немилосердную цѣну. Товарищъ мой не сталъ торговаться. Когда покупка совершилась, ко мнѣ подошелъ мой проводникъ, Димитрій, со словами:

— Вашъ товарищъ должно быть сошелъ съ ума; повѣрите ли вы, что онъ далъ три ливра (67 фраковъ 50 сантимовъ) за серебрянную бездѣлку, которая не стоитъ и двухъ піастровъ.

— Ты, любезный, въ этомъ дѣлѣ, должно быть, мало смыслишь,—отвѣчалъ я;—товарищъ же мой знатокъ, и, повѣрь, не передалъ лишняго.

Дмитрій недовѣрчиво улыбнулся и сталъ внимательно прислушиваться къ разговору покупателя и продавца. Когда телеграфистъ ушелъ, Дмитрій подошелъ къ Де-Жардену съ просьбой дать ему списокъ болѣе цѣнныхъ медалей.

— У насъ—сказалъ онъ — этого добра много; дайте мнѣ возможность сбыть ихъ и зашибить этимъ копѣйку.

Де-Жарденъ охотно согласился ипродиктовалъ ему цѣлую массу медалей съ обозначеніемъ ихъ стоимости.

Мы отправились въ путь далѣе. Первая наша остановка была при устьѣ Янтары, мѣстами очень живописной; на ея берегахъ расположенъ городъ Тырново; (объ этой бывшей послѣдней столицѣ болгарскихъ царей Лежанъ говоритъ немного). Обширное болгарское царство имѣло въ X вѣкѣ четыре столицы: Анхіалъ, Охриду, Тырново и Преславль, въ древности Марціанополь. Въ Тырновѣ Иванъ I, король болгарскій, приказалъ казнить побѣжденнаго въ 1206 г. Балдвина. Въ настоящее время въ Тырновѣ 30,000 жителей и онъ считается столицей одного изъ семи санджаковъ боснійскаго вилайета. Изъ древнихъ построекъ не осталось ничего. Городъ окруженъ монастырями, куда стекаются толпы пилигримовъ; въ немъ имѣетъ мѣстопребываніе болгарскій патріархъ. Тырново построенъ весьма неправильно, и примыкаетъ къ горѣ, окруженной Янтарой; на горѣ расположена крѣпость. Затѣмъ, мы прибыли въ Систовъ и Никополь. Здѣсь мы вышли на берегъ, такъ какъ намъ сказали, что въ одномъ изъ его предмѣстій найдены латинскія инскрипціи. Онѣ уже были написаны и переведены въ Insriptions de la Dacie Акнера, но Де-Жарденъ, къ величайшей радости, убѣдился, что онѣ списаны невѣрно. Онъ старательно списалъ эти памятники древности. Одна надпись стихами высѣчена на мраморной плитѣ, составляющей въ настоящее время основаніе общественнаго фонтана. Это—надгробный памятникъ, поставленный римскимъ чиновникомъ Mesiu, dispensator ad fisciam, для своей жены. Стихи вообще слабы, но полны чувствъ и могутъ служить хорошимъ опроверженіемъ того мнѣнія, что будто-бы древнимъ римлянамъ были чужды любовь къ родинѣ и другія нѣжныя чувства. Отсюда мы поплыли къ устью рѣки Искеръ (oskios Tucydy desa). Я забылъ сказать, что, не доѣзжая до устья Янтары, мы встрѣтили роту солдатъ турецко-болгарскаго корпуса, который Митхадъ-паша сформировалъ для наблюденія за болгарскими гайдуками на лѣвомъ берегу. Эти гайдуки, которыхъ впрочемъ нельзя безусловно назвать разбойниками, (въ глазахъ болгарина гайдукъ только мститель за обиды, нанесенныя турецкими чиновниками), наводятъ страхъ на весь этотъ берегъ, и солдатъ, который насъ встрѣтилъ, не особенно былъ увѣренъ, что мы не принадлежимъ къ шайкѣ гайдуковъ, особенно смотря въ самоувѣренное лицо моего Дмитрія. Онъ призвалъ капрала, чтобъ посовѣтоваться съ нимъ на этотъ счетъ.

— Не хочу класть себѣ на лобъ горячіе угли, — аллегорически выразился онъ.

На рѣкѣ Искеръ мы не видѣли ничего подобнаго. Мы поплыли вверхъ по этой рѣкѣ и черезъ нѣсколько времеми вышли на зеленый лугъ, вблизи развалинъ, граничащихъ съ деревней Гигенъ, населенной румынскими выходцами.

Здѣсь мы занялись тѣмъ, въ чемъ каждый находилъ для себя больше удовольствія и интереса: я снималъ планы, Де-Жарденъ копировалъ надписи, а матросы угощались въ сосѣдней распивочной.

Я говорилъ уже, что Гигенъ—деревня румынская, какъ и большая часть деревень на болгарскомъ берегу Дуная отъ Никополя до сербской границы. Эти румынцы принадлежатъ къ числу послѣднихъ выходцевъ, доказательствомъ чего служатъ болгарскія названія всѣхъ ихъ деревень—какъ-то: Мечка, Осѣровъ, Спляновица и т. д.

Образованные люди, съ которыми мнѣ приходилось разговаривать, утверждаютъ, что эмиграція, которая особенно сильна здѣсь, существуетъ съ давнихъ поръ, но я имѣю доказательства относительно этого обстоятельства въ прошломъ столѣтіи. И въ самомъ дѣлѣ нельзя не удивляться тому, что подданные болѣе или менѣе правильно организованнаго и гуманнаго правительства переходятъ, время отъ времени, въ подданство такого анархическаго правленія, какое существуетъ въ Турціи. Но если взглянуть внимательнѣе на фактъ эмиграція населенія, то нельзя не убѣдиться, что причины его кроются въ самомъ правительствѣ, которое прежде имѣло только видъ правильно организованнаго, а на самомъ дѣлѣ только лишь притѣсняло своихъ слабыхъ и бѣдныхъ подданныхъ. На турецкой территоріи крестьянинъ не имѣлъ бояръ (и чокоевъ, самыхъ худшихъ изъ нихъ), онъ не былъ обязанъ безплатно починять дороги, потому что въ Турціи дорогъ не было никакихъ. Онъ терпѣлъ притѣсненія и долженъ былъ работать, но это не дѣлалось такъ систематически, какъ подъ управленіемъ господарей; префекты и турецкіе мудире брали взятки, но, вопросъ, бралъ ли эффенди болѣе, чѣмъ зобчій (сборщикъ податей). Поэтому, какъ объясняетъ большинство, румынскіе переселенцы не желали прежде ворочаться на родину.

До Виддина мы не встрѣтили ничего интереснаго, въ Виддинѣ же прежде всего осмотрѣли цитатель. Въ городѣ 20,000 жителей, а четыреугольная цитатель, съ четырьмя укрѣпленіями по угламъ, составляетъ центръ крѣпости, о которой мы говорили выше. О виддинской цитатели существуетъ одна весьма интересная легенда.

Одинъ болгарскій король—передаетъ легенда, — имѣлъ трехъ дочерей: двѣ были скромныя дѣвушки, а третья развратная. Каждая изъ нихъ построила для себя по отдѣльному замку. Старшую звали Виддой и отъ ея имени городъ получилъ свое названіе «Виддинъ». Какъ звали остальнымъ двухъ не помню, но знаю только, что развалины двухъ остальныхъ замковъ находятся около Виддина и называются Видболь и Курвиграэъ.

Мы посѣтили также военный музей, находящійся въ цитатели; тутъ находится коллекція всякаго рода трофеевъ, отбитыхъ въ теченіи 200 лѣтъ у венгерскихъ, польскихъ и румынскихъ войскъ. Главную роль между этими трофеями играютъ различные головные уборы. Виддинскій губернаторъ Рассимъ паша пригласилъ насъ на чай. Мы говорили понемногу обо всемъ, даже и о политикѣ. Губернаторъ полугрекъ, полутурокъ, о чемъ можно было заключить съ перваго взляда на его наружность, а затѣмъ и на разговоръ. Онъ любитъ безконечные анекдоты, и выражается свойственнымъ востоку высокопарнымъ слогомъ. Онъ весьма остроумно охарактеризировалъ протекторатъ, который Англія распространяетъ надъ Турціей и, между прочимъ, разсказалъ намъ слѣдующій анекдотъ.

— Жилъ въ Самаркандѣ сапожникъ, который укралъ у своего товарища двадцать штукъ сукна, за что и былъ присужденъ къ отсѣченію правой руки. Когда уже бѣдный сапожникъ клалъ свою руку на колоду, явился неожиданно богатый милосердный человѣкъ, заплатилъ стоимость украденнаго преступникомъ сукна и испросилъ прощеніе для осужденнаго, который, вернувшись въ свою мастерскую, сталъ горячо благодарить своего избавителя. На другой день, сапожникъ, вмѣстѣ съ своими друзьями и товарищами, совершалъ свой кэфъ (отдыхъ) предъ магазиномъ, и въ это время увидѣлъ своего благодѣтеля. Тотъ, проходя мимо, спросилъ: «Ну что, какъ рука? Не было бы ея у тебя сегодня, если бы не я!» Сапожникъ ничего не отвѣтилъ, но подумалъ про себя, что лучше было бы, если бы благодѣтель не говорилъ этого, въ особенности при свидѣтеляхъ. На другой день та же сцена, сапожникъ вспылилъ, но удержался и не сказалъ ничего. Но благодѣтель не переставалъ ежедневно повторять одно и то же, такъ что однажды, выведенный изъ себя, сапожникъ протянулъ свою руку и, обращаясь къ своему избавителю, проговорилъ: «Возьми эту руку, отрѣжь ее здѣсь же сейчасъ, я лучше буду калѣкой, чѣмъ каждый день переносить такія мученья».

По всей вѣроятности за обиды признаются и вѣжливыя со стороны Англіи напоминанія о сохраненіи трактатовъ, повторяемыя два или три раза въ теченіе послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ. Но лучшимъ средствомъ для отстраненія этихъ толчковъ, впрочемъ, очень легкихъ, былъ бы какой нибудь новый hatti-humayrim, какая-нибудь невинная конституція, однимъ словомъ, что нибудь незначительное, но могущее удовлетворить западъ. Къ несчастію, насколько мнѣ кажется, Востокъ не остановится на чемъ-нибудь подобномъ, а здѣсь преимущественно is the question, который не позволяетъ рѣшить дипломатически восточный вопросъ. Впрочемъ, не всѣ исторійки гостепріимнаго паши имѣли политическій характеръ. Вотъ еще одна, которой я съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ даю здѣсь мѣсто, что она характеризуетъ то понятіе, какое имѣютъ на востокѣ объ альбанцахъ и курдахъ. Извѣстный шахъ персидскій, разговаривая о разныхъ дѣлахъ съ посланникомъ Порты, сказалъ:

— У меня въ государствѣ есть воры, какихъ нѣтъ въ цѣломъ мірѣ.

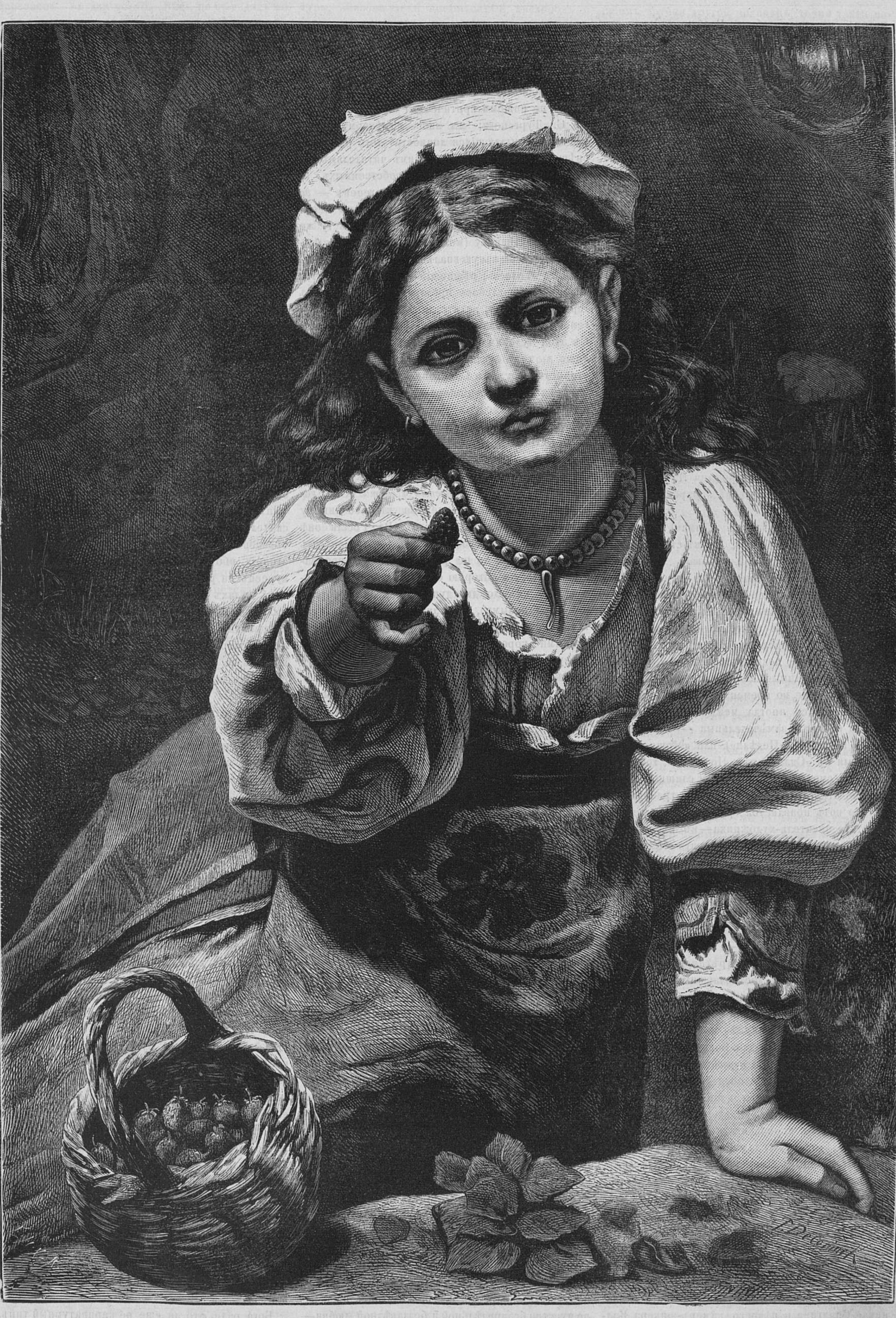
— Не сомнѣваюсь въ этомъ, —отвѣчалъ османлисъ, отвѣшивая поклонъ до земли.

— Есть у меня здѣсь одинъ курдъ, — продолжалъ шахъ, — который такъ навострился въ воровствѣ, что, кажется, съумѣлъ бы украсть бриліанты у падишаха съ его достойнаго чела. Я увѣренъ, что у себя вы такого мошенника не нашли бы.

Оскорбленный въ своей народной гордости, турокъ пишетъ письмо султану о хвастовствѣ перса. Падишахъ, не менѣе задѣтый за живое, сзываетъ совѣтъ и представляетъ все дѣло. Всѣ паши единогласно соглашаются, что только въ Албаніи можно найти такого индивидуума, который бы могъ поддержать честь Порты, въ подобнаго рода пари. Пишутъ къ одному изъ вліятельнѣйшихъ, на берегахъ Дрины, беевъ, съ просьбой — помочь имъ отыскать нужнаго человѣка. Бей не замедлилъ отвѣтомъ, при которомъ былъ присланъ и ожидаемый человѣкъ: это былъ момха (мальчикъ) съ весьма умнымъ лицомъ. Въ письмѣ было всего нѣсколько строкъ; «человѣкъ, котораго вамъ посылаю, можетъ считаться образцовымъ въ томъ родѣ, какого вы ищите. Если бы курдъ превзошелъ его дайте мнѣ знать, тогда я самъ его выручу». Въ Тегеранъ былъ немедленно посланъ курьеръ, и условленный конкурсъ совершился въ деревнѣ, въ присутствіи шаха и кружка избранныхъ лицъ. Первымъ предметомъ соревнованія были яйца орлицы; курдъ долженъ былъ взлѣсть на дерево, гдѣ орлица высиживала яйца, и украсть ихъ такъ ловко, чтобы она незамѣтила; если онъ удачно исполнитъ эту задачу, то альбанчику зададутъ болѣе трудную. Курдъ блистательно исполнилъ первую часть конкурса. Когда онъ, съ тріумфомъ и радостью, слѣзалъ съ дерева, публика стала требовать отъ альбанчика, чтобы тотъ исполнилъ что нибудь труднѣе; альбанчикъ призадумался на минуту, оглянулся во всѣ стороны и рѣшилъ воспользоваться своей наготой; быстро полѣзъ онъ навстрѣчу слѣзавшему съ дерева курду и съ поразительной ловкостью стащилъ съ того холстяные штаны, которые составляли единственную одежду курда».

Эта легенда вызвала въ памяти разсказы о похожденіяхъ албанскихъ разбойниковъ. Рассимъ познакомилъ насъ съ однимъ изъ нихъ, который ждетъ суда въ виддинской тюрьмѣ.

Это албанецъ изъ города Ниша; онъ обвинялся въ убійствѣ изъ мщенія; немолодой, крѣпкаго сложенія, одѣтый въ тулупъ, онъ напоминалъ, выраженіемъ своего пасмурнаго лица, хищную птицу; его самоувѣренный, гордый профиль дѣлалъ его похожимъ скорѣе на черногорца, чѣмъ на албанца; его выразительныхъ, блиставшихъ изъ подъ насупленныхъ бровей, глазъ я долго



„Возьмите ягодку“. Съ картины Г. де-Конинска. Гравировалъ Э. Германъ.

потомъ не могъ забыть. Вообще, съ виду онъ похожъ на разбойника, съ которымъ никто не пожелаетъ встрѣтиться гдѣ-нибудь въ темномъ углу, съ глазу на глазъ; но все же въ этомъ лицѣ я не нашелъ того отталкивающаго отпечатка нахальства и разнузданности, который встрѣчается у французскихъ галлеристовъ. Меня поразило выраженіе совершеннаго спокойствія въ лицѣ и во всей фигурѣ преступника, котораго, не сегодня, завтра, ждалъ для расправы палачъ. Потомъ, впрочемъ, это объяснилось; дѣло въ томъ, что турецкій судъ въ высшей степени снисходителенъ къ мусульманамъ, и если только родные убитаго не будутъ имѣть частныхъ претензій, то наказаніе убійцы ограничится только годичнымъ или двухгодичнымъ тюремнымъ заключеніемъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Романъ „Новь“, Ив. Тургенева.

«Какая это великая истина» — писалъ Бѣлинскій къ Гоголю, въ 1847 году, въ своемъ извѣстномъ письмѣ, по поводу «Переписки съ друзьями», — что когда человѣкъ отдается неправдѣ, его оставляетъ умъ и талантъ!».. Намъ невольно вспомнились эти слова, когда мы прочли первую часть новаго романа И. С. Тургенева «Новь», помѣщеннаго въ январской книжкѣ «Вѣстника Европы».

Когда появлялись (послѣ «Дыма») мелкія вещи г. Тургенева — въ родѣ «Стукъ-стукъ», «Бригадира», «Лейтенанта Ергунова», «Стучитъ», «Сна», и др. — никто, конечно, не думалъ относиться къ нимъ съ черезъ-чуръ большими требованіями и ожиданіями: это были, просто, мелкіе эскизы, забытые кописеки, появлявшіеся на свѣтъ «изъ портфеля автора», гдѣ они, забытые и недоконченные, покоились, можетъ быть, долгіе годы, написанные, какъ, напр., «Смерть Чертопханова», еще во времена «Записокъ охотника». Попадались иногда между этими мелкими вещами и очень замѣчательныя — какъ, напр., «Наши послали» («Недѣля»), или «Мощи», напечатанныя въ «Складчинѣ». Но все же, говоримъ, никто не смотрѣлъ на эти вещи слишкомъ строго и не относился къ нимъ очень требовательно. Но вотъ появляется «романъ» того же знаменитаго писателя-художника — въ первый разъ еще, *романъ*, — о появленіи котораго было предвозвѣщено съ такою помпой, въ томъ же «Вѣстникѣ Европы», — публика набрасывается на него, читаетъ — и... *не находитъ въ немъ Тургенева* — не находитъ *художника*.

Очень можетъ быть, что вторая часть романа искупитъ всѣ недостатки — а ихъ не мало! — первой, что тамъ опять мы встрѣтимся съ нашимъ старымъ любимцемъ, доставлявшимъ намъ такъ много сладостныхъ страданій и высокихъ наслажденій своими *повѣстями* — «Дворянское гнѣздо», «Рудинъ», «Наканунѣ» и мн. другими; — очень можетъ быть, и дай Богъ, чтобы это было. Но пока этого нѣтъ *въ первой* части романа, и мы, поэтому, воздерживаемся отъ произнесенія нашего послѣдняго слова о новомъ произведеніи г. Тургенева.

Но уже и въ первой части романа, не смотря на всю блѣдность и даже, прибавимъ, карикатурность главныхъ героевъ, встрѣчаются цѣльные, законченные характеры и даже типы. Къ таковымъ удачнымъ лицамъ у г. Тургенева слѣдуетъ отнести характеръ Маріанны — честной, пылкой и чрезвычайно симпатичной дѣвушки, отзывчивой на все доброе и правдивое и инстинктивно чующей всякое зло и неправду, какъ въ жизни, такъ и въ людяхъ. Еще болѣе полными являются въ романѣ типы «либеральнаго сановника» Сипягина и нѣкоего камеръ-юнкера Калломѣйцева — пошлаго фразера и консерватора до цинизма, до тоста «за кнутъ и редереръ». Оба послѣдніе типа сильно напоминаютъ знакомыя уже намъ, по «Дыму», лица «молодыхъ» генераловъ. Довольно хороша, также, у г. Тургенева и чета «старосвѣтскихъ помѣщиковъ» — Субочевыхъ.

Мы не пишемъ критической статьи о романѣ И. С. Тургенева; мы лишь намѣчаемъ болѣе удачныя и выдающіяся личности этого романа и спѣшимъ рекомендовать нашимъ читателямъ, въ интересахъ романиста и ихъ собственныхъ, *не читать* новаго произведенія г. Тургенева — *до его окончанія*. Въ противномъ случаѣ, они легко могутъ впасть, въ своихъ сужденіяхъ, въ ту же нехорошую ошибку (можетъ быть, даже преднамѣренную), въ какую впалъ недавно новый фельетонистъ «Голоса», рѣшившійся утверждать, что авторъ «самъ глубоко презираетъ этихъ своихъ героевъ», потому, видите ли, что онъ, т. е. Тургеневъ, «образованный человѣкъ и художникъ». Съ этой чудовищной мыслью можно согласиться лишь въ томъ случаѣ, если, подъ «героями», фельетонистъ разумѣлъ Сипягина съ женой, Калломѣйцева и «революціонера» Капитона Голушкина, — этого самодура раскольника, милліонера, безпросыпнаго пьяницу и протектора «каскадныхъ актрисъ».

Но можно ли, напримѣръ, «презирать» Маріанну — эту чудную дѣвушку, такъ искусно сотканную авторомъ *изъ чувства и свѣта*. «Она, (говоритъ авторъ), принадлежала къ особенному разряду несчастныхъ существъ. Въ Россіи онѣ стали попадаться довольно часто. Справедливость удовлетворяетъ, но не радуетъ ихъ; а несправедливость, на которую онѣ страшно чутки, возмущаетъ ихъ до дна души. Пока она говорила (съ Неждановымъ), онъ глядѣлъ на нее внимательно: ея покраснѣвшее лицо, съ слегка разбросанными короткими волосами, съ трепетнымъ подергиваніемъ тонкихъ губъ, показалось ему и угрожающимъ, и значительнымъ — и красивымъ. Солнечный свѣтъ, перехваченный частою сѣткою вѣтвей, лежалъ у ней на лбу золотымъ косымъ пятномъ — и этотъ огненный языкъ такъ шелъ къ возбужденному выраженію всего ея лица, къ широко-раскрытымъ, недвижнымъ и блестящимъ глазамъ, къ горячему звуку ея голоса».

Это внѣшній портретъ Маріанны. А вотъ портретъ ея *души*, ея, такъ сказать, внутренняго строя. «Если я несчастна, говоритъ она, — то *не своимъ* несчастьемъ. Мнѣ кажется иногда, что я страдаю за всѣхъ притѣсненныхъ, бѣдныхъ, жалкихъ на Руси... нѣтъ, не страдаю, — а негодую за нихъ, возмущаюсь... я за нихъ готова... голову сложить. Я несчастна тѣмъ, что я барышня, что я ничего, ничего не могу и не умѣю! Когда мой отецъ былъ въ Сибири, а я съ матушкой оставалась въ Москвѣ, — ахъ, какъ я рвалась къ нему! — и не то, чтобы я очень его любила или уважала — но мнѣ такъ хотѣлось извѣдать самой, посмотрѣть собственными глазами, какъ живутъ ссыльные, загнанные... И какъ мнѣ было досадно на себя и на всѣхъ этихъ спокойныхъ, зажиточныхъ, сытыхъ!... А потомъ, когда онъ вернулся — надломленный, разбитый — и началъ унижаться, хлопотать и заискивать... ахъ... какъ это было тяжело!... Какъ хорошо онъ сдѣлалъ, что умеръ... и матушка тоже! Но вотъ я осталась въ живыхъ... Къ чему? — Чтобы чувствовать, что я ничего, ничего не могу — ни для чего, ни для кого!»

Эта лихорадочная жажда дѣятельности и борьбы, эти порывы души и «жажда немедленной жертвы» находятъ, наконецъ, себѣ желанный исходъ. Политическая дѣятельность одного изъ героевъ романа, Нежданова — правда, ребяческая и малосмысленная — увлекаетъ ее по новому пути и, прежде всего, зажигаетъ въ сердце чувство безпредѣльной и беззавѣтной любви — къ этому самому Нежданову. Его миссія плѣняетъ ее своею новизной, таинственностью и нѣкоторою гармоніей съ ея бунтующимъ духомъ. Главное — таинственность; ибо, въ противномъ случаѣ, даже и такая, мало жившая на свѣтѣ дѣвушка, какъ Маріанна, не замедлила бы, вѣроятно, *прозрѣть* — и увидѣть эту дѣятельность во всей ея некрасивой, и даже смѣшной, наготѣ и мелкости.

Сцена, въ которой юная неофитка посвящается въ политическій чинъ (гл. XV-ая, стран. 86—87), написана художественно и въ ней, отчасти, видится прежній Тургеневъ; можетъ быть эта сцена удалась автору еще и потому, что тутъ же, рядомъ, слѣдуетъ взаимное объясненіе въ любви молодыхъ людей; а извѣстно, какой великій мастеръ г. Тургеневъ по части передачи любовныхъ ощущеній: тутъ уже, сразу, на читателя вѣетъ художественностью и тою свѣжестью и правдивостью чувствъ и яркостью красокъ, которыя составляютъ отличительныя свойства таланта г. Тургенева.

Но такихъ сценъ, къ сожалѣнію, очень не много въ романѣ «Новь», по крайней мѣрѣ, въ первой его части. Большинство же страницъ посвящено *описаніямъ* нигилистовъ и акушерокъ новѣйшей формаціи, описаніямъ до того блѣднымъ и неправдоподобнымъ, что отъ нихъ сильно вѣетъ какъ бы умышленною каррикатурою. Вотъ, напр., *описаніе* «революціонера» Капитона Голушкина. «Онъ былъ сынъ разбогатѣвшаго торговца москательнымъ товаромъ — изъ старовѣровъ-ѳедосѣевцевъ. Самъ онъ не увеличилъ отцовскаго состоянія, ибо былъ, какъ говорится, жупръ, эпикуреецъ на русскій ладъ — и никакой въ торговыхъ дѣлахъ сообразительности не имѣлъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ сорока, довольно тучный и некрасивый, рябой, съ небольшими свиными глазками; говорилъ онъ очень поспѣшно и какъ бы путаясь въ словахъ; размахивалъ руками, ногами, сѣменилъ, похохатывалъ... вообще, производилъ впечатлѣніе парня дурковатаго, избалованнаго и крайне самолюбиваго. Самъ онъ почиталъ себя человѣкомъ образованнымъ, потому что одѣвался по-нѣмецки и жилъ хотя грязненько, да открыто, знался съ людьми богатыми — и въ театръ ѣздилъ, и протежировалъ каскадныхъ актрисъ, съ которыми изъяснялся на какомъ-то необычайномъ, яко-бы, французскомъ языкѣ. Жажда популярности была его главною страстью: греми, молъ, Голушкинъ, по всему свѣту! — То Суворовъ или Потемкинъ, — а то Капитонъ Голушкинъ! — Эта же страсть, побѣдившая въ немъ прирожденную скупость, бросила его, какъ онъ не безъ самодовольства выражался — въ оппозицію (прежде онъ говорилъ просто: «въ позицію» — но потомъ его научили) — свела его съ нигилистами: онъ высказывалъ самыя крайнія мнѣнія, трунилъ надъ собственнымъ старовѣрствомъ, ѣлъ въ постъ скоромное, игралъ въ карты, а шампанское пилъ какъ воду». И т. далѣе, въ томъ же родѣ....

И вотъ, этотъ-то Голушкинъ увѣряетъ потомъ посѣтившихъ его нигилистовъ, что онъ «изъ самодуровъ вышелъ давно, что онъ хорошо знаетъ права пролетаріевъ (какъ будто у нихъ есть какія нибудь права!), что хотя онъ собственно торговлю бросилъ и занимается банковыми операціями — для нарощенія капитала, но это только для того, чтобы капиталъ сей, въ данную минуту, въ пользу могъ послужить.. въ пользу общему движенію, въ пользу, такъ сказать, народу; а что онъ, Голушкинъ, въ сущности *презираетъ капиталъ*. И этого-то самодура и безобразника авторъ заставляетъ пить «за республику», жертвовать «тыщу рублевъ *на дѣло*» и вскрикивать за обѣдомъ: «Полумѣры!... Тутъ одно: съ корнемъ вонъ!...»

Бога ради, это ли еще не карикатурный типъ, полный неправды и выдуманности! Съ кого онъ срисованъ — и для чего?!... Вѣдь не въ видахъ же «предупрежденія и пресѣченія преступленій»

Еще разъ повторимъ: мы воздерживаемся отъ болѣе опредѣленнаго, окончательнаго сужденія о новомъ произведеніи г. Тургенева, — до появленія второй его части, которая, вѣроятно, будетъ помѣщена въ слѣдующей же книжкѣ «Вѣстника Европы». На настоящій же нашъ отзывъ о «Нови» просимъ смотрѣть какъ на обязательное лишь отбываніе журнальной барщины, — не болѣе; ибо, нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, пройти совершеннымъ молчаніемъ такое крупное литературное событіе, какъ появленіе въ бѣдной и тощей русской беллетристикѣ — *романа И. С. Тургенева.*

* * *

Что такое огонь?

Изъ популярныхъ писемъ о химіи, Б. Рейхмана.

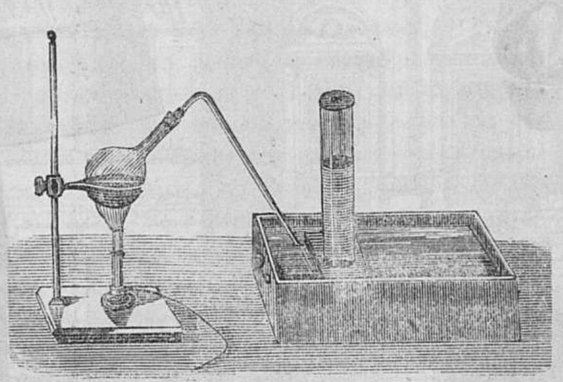
(*Продолженіе*).

Мы уже говорили, что горѣніе тѣлъ возможно только въ присутствіи воздуха. Поэтому, сама собою вытекаетъ необходимость ближе знакомиться какъ съ самымъ воздухомъ, такъ и тѣми частями его, которыя поддерживаютъ или, лучше сказать, обусловливаютъ горѣніе. Путемъ точныхъ наблюденій давно уже доказано, что воздухъ состоитъ изъ нѣсколькихъ составныхъ частей и что чистый воздухъ заключаетъ въ себѣ два вещества, изъ которыхъ одно называется *кислородомъ*, а другое *азотомъ*. Когда тѣло сжигается въ свободномъ воздухѣ, то оно соединяется съ кислородомъ и оставляетъ азотъ, который смѣшивается съ массою окружающаго горящій предметъ воздуха и продолжаетъ притекать непрерывно къ пламени вмѣстѣ съ свѣжимъ воздухомъ, съ которымъ въ каждый данный моментъ прибываетъ новое количество кислорода; подъ колоколомъ же, вслѣдствіе отсутствія притока свѣжаго воздуха, свѣча гаснетъ.

Чтобы ближе ознакомиться съ свойствами составной части воздуха, называемой кислородомъ, слѣдуетъ отдѣлить его отъ азота. Можно было бы думать, что если можно отдѣлить подъ колоколомъ азотъ воздуха, освобождая послѣдній отъ кислорода, вводя для этого подъ колоколъ кусочекъ воздуха, то слѣдовательно возможно получить и кислородъ въ свободномъ состояніи, выдѣляя изъ воздуха азотъ при помощи такого тѣла, которое столь-же энергично соединялось-бы съ азотомъ, какъ кислородъ соединяется съ фосфоромъ. Но это предположеніе въ дѣйствительности не находитъ оправданія, почему пытались пріискать иной способъ отдѣленія кислорода, пользуясь для этого такимъ веществомъ, которое имѣло бы весьма сильное сродство съ этимъ газомъ. Изъ опытовъ Лавуазье извѣстно было, что ртуть, или, такъ называемое живое серебро, будучи долгое время нагрѣваема въ воздухѣ, поглощаетъ кислородъ и превращается въ окись ртути, которая, въ свою очередь, будучи нагрѣта до высокой температуры, выдѣляетъ весь кислородъ, поглощенный ртутью. Но для полученія кислорода изъ окиси ртути, эту послѣднюю приходится нагрѣвать слишкомъ долго, почему этотъ способъ признанъ непрактичнымъ. Долгое время отыскивали такое тѣло, съ помощью котораго можно было бы въ болѣе короткое время совершать тѣ же измѣненія, что и съ ртутью. Химикъ Буссеньоль рѣшилъ эту задачу. Онъ доказалъ, что такимъ тѣломъ является окись барита, представляющая соединеніе металла, именуемаго баритомъ, съ кислородомъ. Это тѣло, нагрѣтое до температуры темнаго каленія въ фарфоровой трубкѣ, черезъ которую проходитъ воздухъ, поглощаетъ все количество кислорода, заключающагося въ воздухѣ, и переходитъ затѣмъ въ перекись барита. Перекись-же, нагрѣтая до высокой температуры, освобождаетъ поглощенный кислородъ и снова переходитъ въ окись, т. е. въ свое первоначальное состоніе. На этомъ основаніи, при помощи соотвѣтствующихъ приспособленій, можно выдѣлять кислородъ изъ воздуха, но притомъ не въ особенно значительномъ количествѣ, такъ какъ окись барита, остающаяся по разложеніи перекиси, послѣ нѣсколькихъ манипуляцій, теряетъ свойства поглощать, а потомъ выдѣлять кислородъ.

Гораздо легче получить кислородъ не изъ воздуха, но изъ постоянныхъ тѣлъ, содержащихъ въ себѣ значительное количество его. Такъ какъ кислородъ, полученный тѣмъ или другимъ способомъ, имѣетъ однѣ и тѣ-же свойства, то для опредѣленія особенностей этого газа, его получаютъ наиболѣе удобнымъ способомъ изъ такъ называемаго хлористаго поташа, состоящаго изъ поташа, желто-зеленаго газа, называемаго хлоромъ, и большаго количества кислорода. Это соединеніе (иначе соль) имѣетъ то свойство, что, будучи нагрѣто до высокой температуры, выдѣляетъ изъ себя весь кислородъ. Для этого хлористый поташъ кладется или въ пробирный стаканчикъ или въ большой, стеклянный цилиндръ, называемый иначе колбою.

Если опытъ производится въ колбѣ, то въ послѣднюю всыпается только такое количество хлористаго поташа, чтобы онъ, по меньшей мѣрѣ, занялъ четвертую часть сосуда. Чтобы провѣсти выдѣляющійся изъ колбы кислородъ въ закрытый сосудъ, для этого колбу соединяютъ, помощью стеклянной цилиндрической трубки, съ сосудомъ, наполненнымъ водою и поставленнымъ въ водѣ вверхъ дномъ, на подставкѣ, имѣющей отверстіе для прохода трубки. (фиг. 14.). Съ цѣлью избѣжать сильнаго бурленія хлористаго поташа и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣть возможность регулировать выдѣляющійся кислородъ, достаточно прибавить въ колбу порошку марганца, въ количествѣ десять разъ меньше съ хлористымъ поташемъ. Смѣсь мѣшаютъ, нагрѣваютъ въ колбѣ (тоже дѣлается если смѣсь находится въ пробирномъ цилиндрѣ), приэтомъ сначала нагрѣваютъ немного, а потомъ все сильнѣе и сильнѣе. Газъ, выдѣляющійся изъ нагрѣтой массы, или кислородъ прежде всего выгоняетъ воздухъ изъ колбы и изъ трубки и наполняетъ ихъ. Для того, чтобы добыть кислородъ, свободный отъ воздуха, слѣдуетъ вставить трубку подъ цилиндръ, наполненный водою. Когда, подъ конецъ опыта, пузырки газа начнутъ выдѣляться въ меньшемъ количествѣ изъ нагрѣтой массы, тогда слѣдуетъ вынуть трубку изъ воды прежде, чѣмъ будетъ погашенъ огонь подъ колбою, такъ какъ въ противномъ случаѣ, вслѣдствіе охлажденія газа въ колбѣ и трубкѣ, вызвало бы поднятіе воды черезъ трубку въ колбу; вода же, при соединеніи съ горячею еще массою, заключающеюся въ колбѣ, превратилась бы въ паръ и могла бы разорвать сосудъ на мелкія части.

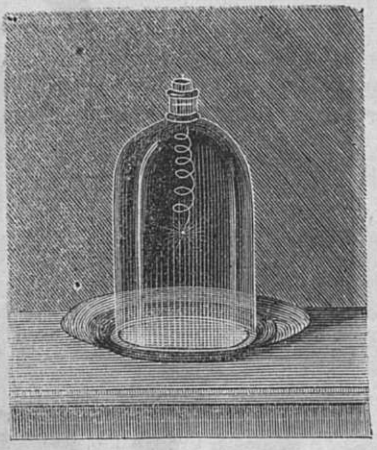


Фиг. 14.

Наполнивъ кислородомъ одинъ цилиндръ, закрываютъ его отверстіе стеклянною пластинкою и, отставивъ его въ сторону, ставятъ надъ отверстіемъ трубки другой цилиндръ, точно также наполненный водою. Когда и этотъ наполнится газомъ, его закрываютъ и ставятъ третій, и т. д.

Кислородъ можно добывать также и при помощи другихъ способовъ, которые весьма часто имѣютъ важное значеніе и широкое примѣненіе въ промышленности. Но мы не будемъ говорить о нихъ и перейдемъ прежде къ разсмотрѣнію свойствъ добытаго нами чистаго кислорода. Если въ цилиндръ, наполненный этимъ газомъ, ввести желѣзную пружину или спираль (какая бываетъ, напримѣръ, въ стѣнныхъ часахъ), накаленную съ одного конца, то она очень скоро сгораетъ, причемъ разбрасываетъ искры во всѣ стороны. Эти искры — ничто иное, какъ чрезвычайно сильно накаленные шарики расплавленнаго кислородомъ желѣза. Во время соединенія желѣза съ кислородомъ пламени не видно, и это отъ того, что при горѣніи не выдѣляется необходимаго газа.

Этотъ послѣдній опытъ производится такимъ образомъ. (фиг. 15). Кислородъ собирается въ широкій цилиндръ, имѣющій на днѣ отверстіе, затыкающееся пробкою. Затѣмъ, раскаливъ одинъ конецъ спирали, которая другимъ концомъ втыкается въ другую пробку, открываютъ цилиндръ и, опустивъ въ него спираль, замыкаютъ отверстіе пробкой, въ которой вставлена пружина. Какъ уже сказано, желѣзо начнетъ горѣть и разбрасывать искры, которыя входятъ въ стѣны цилиндра; если же цилиндръ стоитъ въ водѣ на тарелкѣ, то искры быстро пробѣгаютъ черезъ слой воды, а затѣмъ уже входятъ въ глазурь тарелки. Это обстоятельство можетъ дать представленіе о степени температуры этихъ раскаленныхъ шариковъ.



Фиг. 15.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

* * *

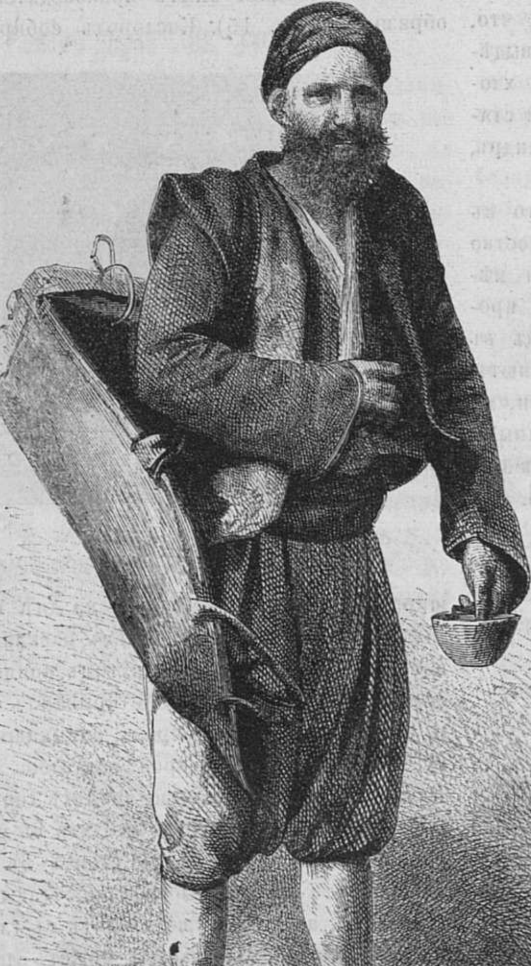
Фельетонные эскизы.

Напряженное состояніе народнаго духа. — Два эпизода на Невскомъ. — Чадолюбивый вотчимъ. — Замоскворѣцкій доброволецъ. — Манекены изъ сербской войны. — М. Г. Черняевъ — на выставкѣ. — Инквизиціонныя пытки и турецкій прогрессъ. — Некрологъ А. П. Чебышева — Дмитріева. — Годовщина Московскаго университета. — Застольныя пѣсни.

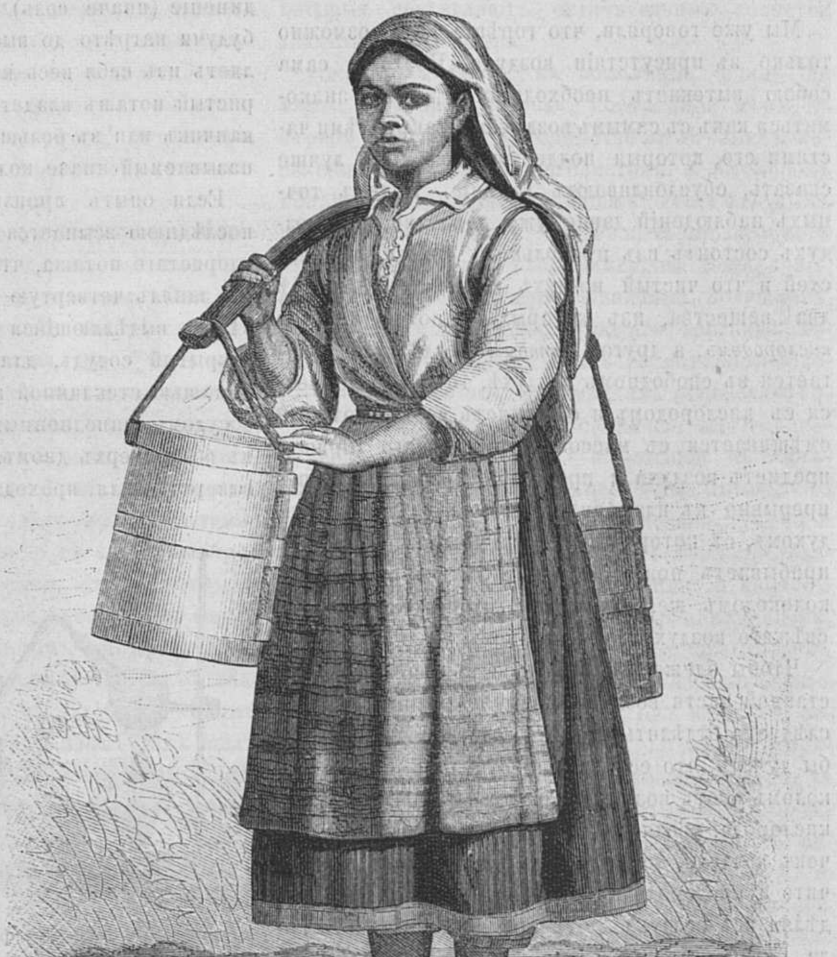
— «Телеграмма изъ Константинополя! Рѣшеніе восточнаго вопроса!» — этими заманчивыми словами, вечеромъ 8-го января, на Невскомъ, останавливали проходящую публику продавцы газетъ, предлагая заплатить пятачокъ — за рѣшеніе восточнаго вопроса... И публика охотно останавливалась, платила пятачки, пріобрѣтала послѣднія телеграммы, не вошедшія въ утреннія изданія газетъ, — и, такимъ образомъ, узнавала о предстоящемъ закрытіи безплодной конференціи въ Константинополѣ. Новость эта быстро перелетала изъ устъ въ уста, передавалась между знакомыми и незнакомыми, какъ общая радость, и варьировалась на различные лады....

И невольно вспомнились мнѣ при этомъ два другіе эпизода, совершенно различные между собою, но происходившіе тамъ же, на Невскомъ и при томъ же возбужденномъ состояніи народнаго духа.

Первый эпизодъ былъ въ концѣ августа 1870 года. Былъ душный, лѣтній вечеръ; смеркалосъ уже... Я тихо проходилъ по пассажу—съ Итальянской на Невскій. Зажигался газъ, мелькали тѣни, пары... Между публикою юрко сновали какія-то подозрительныя личности, и на ломаномъ русскомъ языкѣ, съ примѣсью нѣмецкихъ и жидовскихъ словъ, предлагали покупать пошлыя каррикатуры на принца Плонъ-Плона, на маленькаго Лулу и на самаго Наполеона — тогда еще императора, цезаря!.... Съ чувствомъ неопреодолимаго омерзѣнія, я сторонился отъ этихъ сомнительныхъ продавцевъ — по всей вѣроятности, нѣмецкихъ шпіоновъ. Вдругъ, быстро растворились двери пассажа и влетѣли нѣсколько «газетчиковъ,» съ маленькими печатными листками въ рукахъ: «Телеграмма изъ Берлина! Наполеонъ въ плѣну!..» Сначала, не вѣрилось ни ушамъ, ни глазамъ—даже по прочтеніи листка, быстро разобраннаго публикою. Но это былъ фактъ — неотразимый какъ смерть, непреложный, какъ истина. И точно также, знакомые и незнакомые, спѣшно обсуждали этотъ фактъ, вступали въ разговоры, дѣлились впечатлѣніями. И въ голосѣ всѣхъ говорившихъ, и въ словахъ ихъ, и въ чувствахъ слышалась скорбь—горькая, безнадежная, рыдающая скорбь... Но сожалѣли, очевидно, *Францію*, ту самую Францію, которая причинила намъ такъ много зла въ Крыму. Отчего же это было такъ?... Чѣмъ руководилась въ этомъ случаѣ толпа и какіе были скрытые стимулы, отъ которыхъ отправлялись эти глубокія, разумныя симпатіи народнаго духа? Одною незлопамятностью русскаго человѣка невозможно было объяснить этихъ симпатій,—и приходилось останавливаться на противоположныхъ чувствахъ, питаемыхъ искони къ торжествовавшимъ тогда побѣдителямъ «бѣдной Франціи».



Водоносецъ въ Рущукѣ.



Торговка молокомъ въ Виддинѣ.

Къ статьѣ: «*Между болгарами*». Рисовалъ и гравировалъ Эмиль Байяръ.

Съ тоской и мукою предсмертнаго страданья,
Съ мольбой въ потухнувшихъ очахъ,
Подъ тяжкимъ бременемъ грозы и испытанья,
Лежала ты, поверженная въ прахъ...
Но знала ли—какимъ глубокимъ горемъ
Недавніе враги скорбѣли о тебѣ?
И какъ бурлилъ народъ, подобно морю,
И былъ, какъ братъ, готовъ помочь твоей борьбѣ!...

А вотъ эпизодъ другой—противоположный, когда толпа—этотъ неразгаданный Сфинксъ—радовалась, торжествовала. Это было въ декабрѣ 1875 года, въ морозное зимнее утро, на томъ же Невскомъ. «Приговоръ по дѣлу Овсянникова! Виновенъ!!» кричали разнощики газетъ, и едва поспѣвали продавать нумера. И народный духъ ликовалъ, и у всѣхъ было такъ свѣтло и легко на душѣ: радовались торжеству правды, побѣдѣ *новаго суда*. О, этотъ Сфинксъ! самъ неразгаданный,—ка̀къ ясно и глубоко̀ онъ видитъ и чуетъ правду,—и привѣтствуетъ ее!...

Но никогда еще, быть можетъ, возбужденное состояніе народнаго духа не достигало того высочайшаго напряженія, до котораго оно дошло теперь. По крайней мѣрѣ, со времени 12-го года, новѣйшая русская исторія не представляетъ собою подобнаго примѣра. Печатное, разумное слово сослужило великую службу,— проникнувъ въ массы и наэлектризовавъ ихъ. Нервы возбуждены, струны натянуты до послѣдней степени... Является вопросъ: *долго-ли это будетъ?* и чѣмъ все это разрѣшится?

Уже и теперь, объ руку съ великимъ, идетъ, иногда, и смѣшное. Безъ этого, видно, нельзя. Я вамъ разскажу два курьеза, въ этомъ родѣ, порожденные все тѣмъ же «славянскимъ вопросомъ».

Въ одномъ изъ петербургскихъ клубовъ, сидѣлъ за картами весьма солидный господинъ. Во время игры, въ тотъ вечеръ, была доставлена въ клубъ телеграмма о дьюнишской катастрофѣ. Господинъ положилъ карты на столъ и сталъ внимательно слушать. Выслушалъ все, до конца, до словъ —«русскіе легли почти всѣ.»

— Слава Тебѣ, Господи! съ чувствомъ благодарности въ голосѣ, проговорилъ онъ.

— Какъ! вы радуетесь? — спросили его изумленные партнеры.

— Да-съ радуюсь. У меня тамъ двое пасынковъ; насилу уговорилъ ихъ ѣхать. Теперь, авось, не вернутся,—и моя жизнь будетъ проходить въ совершенномъ спокойствіи.

А вотъ другой случай. Къ одному изъ московскихъ адвокатовъ является богатая замоскворѣцкая купчиха.

— Не можешь ли ты, ваше благородіе, моего зятя ограничить?

— То-есть, какъ же это—ограничить? спрашиваетъ адвокатъ.

— А такъ, по статьѣ тамъ какой ни на есть: сдѣлать ему, значитъ, *асаже*.

— Я васъ не понимаю, сударыня; потрудитесь выражаться яснѣе. Въ чемъ дѣло?

— Да я и то, кажись, ясно говорю тебѣ. Вотъ, видишь ли, ваше благородіе, въ чемъ дѣло. У меня есть зять, Псой Климычъ — ты, чай, знаешь его?

— Не имѣю чести-съ.

— Еще москателью въ Проломномъ ряду торгуетъ... За нимъ моя дочка отдана. Ну, вотъ, жили они, семнадцать годовъ, ничего;—большихъ карамболей не бывало; а вотъ, теперь, какъ объявились эфти самые *добровольцы*, моей дочкѣ житья совсѣмъ не стало. Бывало, если пріѣдетъ хмѣленъ откуда, пошумитъ *маленько*, а потомъ и спать завалится; а нынче ужь не то: воевать зачалъ... Саблю откуда-то привезъ, ружье завелъ. Какъ выпьетъ, такъ сейчасъ за саблю, и ходитъ съ ней по всему дому и по двору: «Я, говоритъ, доброволецъ!» и кончено дѣло... Кошка попадется на дворѣ, али въ комнатахъ — сейчасъ пополамъ ее перерубитъ; собаку встрѣнитъ—и ту разсѣчётъ; намеднись, корову испортилъ—весь задъ такъ на̀-прочь и отмахнулъ... А сколько этой небели перепортилъ, посуды разной — страсть!.. Третёвднись сталъ въ цѣль палить, изъ ружья: купилъ патретъ какого-то турки—и палитъ въ его... Жена на-послѣдяхъ ходитъ,—а онъ палитъ. Самъ посуди, долго ли до грѣха: вѣдь, этакъ, онъ и въ хозяйку свою угодитъ, въ дочку мою, съ пьяныхъ-то глазъ; али напужаетъ ее такъ, что урода родитъ. «Я, говоритъ, доброволецъ!» и кончено дѣло.. А какой же такой онъ «доброволецъ»—откудова взялся? самъ ты посуди, коли ты умный человѣкъ.

— Чего же вы отъ меня желаете, я не понимаю,—проговорилъ, наконецъ, адвокатъ.

— Какъ, чего? извѣстно: ограничь его, по статьѣ. На то ты и аблакатъ. Возьми что хочешь, за деньгами не постоимъ.

— Совѣтую вамъ обратиться въ полицію.

— Ужь я и безъ твоего совѣта это дѣлала, просила.

— Ну-съ, и что же?

— Ничего не вышло; потому — ему отъ квартальнаго всякое уваженіе. «Коли убьетъ кого,—тогда и жалуйтесь; а по напрасну, говоритъ, раньше времени, не безпокойте начальства». Съ тѣмъ и отъѣхала.

— И я для васъ, тоже, ничего не могу сдѣлать,—отвѣчалъ защитникъ.

— Нельзя ли, по крайности, подъ сюркупъ его подвесть—за собакъ и за корову?

— За корову?.. гм... въ данномъ случаѣ, нельзя и за корову. А вы лучше обратитесь въ общество покровительства животнымъ.

— Это на какой же улицѣ?

— Общество это въ Петербургѣ.

— А въ Москвѣ нѣтъ такого?

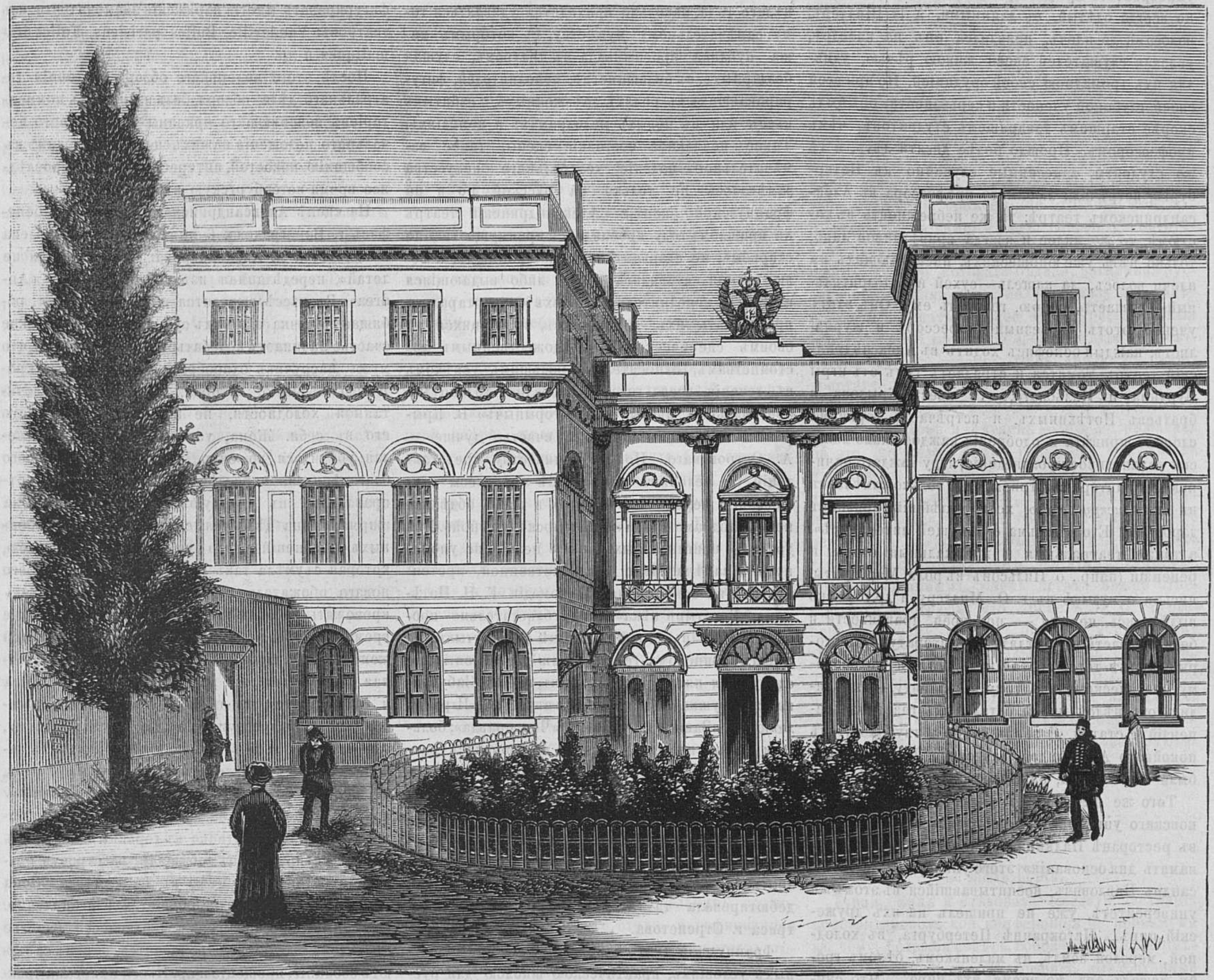
— Въ Москвѣ нѣтъ.

— Эка жалость!..

Тѣмъ, пока, и кончилось «дѣло,» имѣвшее своимъ началомъ «славянскій вопросъ».

Тотъ же «вопросъ» играетъ первую роль даже и на выставкахъ картинъ и манекеновъ — т. е. на зрѣлищахъ, предназначаемыхъ, преимущественно, для простаго народа. Такъ, мнѣ случилось, на дняхъ, зайдти на подобную «выставку» на Владимірской, и первое, что мнѣ бросилось въ глаза, это русскій доброволецъ, раненный въ грудь штыкомъ, тяжело дышащій (посредствомъ особаго механизма), умирающій.... Рядомъ съ нимъ лежитъ турокъ, унтеръ-офицеръ низама, пораженный пулею, въ грудь же. .. Но самое большее вниманіе привлекала къ себѣ восковая фигура русскаго генерала, сдѣланная въ натуральный ростъ, одѣтаго въ мундиръ, съ двумя звѣздами и въ лентѣ. Простой народъ (дѣло было въ праздникъ) безмолвно стоялъ около этой фигуры и пристально вглядывался въ эти черты. И какое глубокое негодованіе, какое страшное чувство оскорбленнаго народнаго достоинства слышалось въ отрывистыхъ фразахъ, невольно, по-видимому, вырывавшихся изъ толпы: «Арестованъ!!.. нѣмцами!!!...»

На той же выставкѣ я видѣлъ страшныя изображенія и картины пытокъ инквизиціи въ Испаніи.... Но, глядя на нихъ, я думалъ: кчему всѣ эти дыбы и вѝски, эти желѣзные шкафы и кресла съ гвоздями? Турецкій прогрессъ давно уже опередилъ все это—и *улучшилъ*: эти живые люди, распиливаемые пополамъ; эти болгарки, разрубливаемыя снизу вверхъ; эти плѣнные сербы *и русскіе*, обливаемые смолою, привязываемые къ деревьямъ и зажигаемые, затѣмъ, въ видѣ торжественной иллюминаціи на берегахъ Моравы!... А эти разрывныя пули, фактъ которыхъ былъ оффиціально и доподлинно засвидѣтельствованъ



Зданіе русскаго посольства въ Константинополѣ.

Рисовалъ В. Поповъ, гравировано въ ксилографіи А. Шлиппера.

во время послѣдней войны!... Все это далеко оставляетъ за собою инквизицію.

Повсюду ужасы—и смерть! О, какое тяжкое время!...

И еще одна смерть, одна невознаградимая, тяжкая утрата!... 9-го января, въ шесть часовъ утра, скончался въ Петербургѣ даровитый профессоръ, критикъ и публицистъ Александръ Павловичъ Чебышевъ-Дмитріевъ,... о которомъ я скажу только нѣсколько словъ. Казанскіе студенты начала шестидесятыхъ годовъ хорошо помнятъ покойнаго профессора, когда онъ, еще молодымъ человѣкомъ, имѣя всего 26—27 лѣтъ отъ роду, читалъ имъ лекціи уголовнаго права. Онъ и покойный Щаповъ были самыми любимѣйшими въ университетѣ профессорами. Маленькій, небрежно всегда одѣтый, съ длинными, à la Шиллеръ, волосами до плечъ, появлялся онъ на каѳедрѣ, увлекая слушателей своей живою рѣчью, удивляя ихъ громадною своей эрудиціей. Но при всей своей глубокой учености и серьезности, онъ былъ скорѣе старшимъ товарищемъ студентовъ, чѣмъ профессоромъ. Прошло болѣе десяти лѣтъ, и тѣ же студенты, занесенные случайно въ Петербургъ, встрѣчали любимаго профессора въ Александринскомъ театрѣ: та же небрежность въ костюмѣ, то же милое и всегда привѣтливое лицо; только нѣтъ уже юношескихъ, ниспадающихъ на плечи волосъ, да кашель—сухой и подозрительный—мѣшаетъ, порою, говорить ему. Онъ, этотъ ученый, этотъ серьезный профессоръ и журналистъ, каждый бенефисъ ходитъ въ Александринскій театръ, томится и страдаетъ тамъ отъ игры Бурдина и Нильскаго, отъ пьесъ Крылова и братьевъ Потѣхиныхъ, и встрѣчаетъ горячимъ словомъ привѣта и одобренія каждое, мало мальски талантливое произведеніе, игру каждаго начинающаго актера и актрисы, если только замѣчаетъ въ нихъ *искру божію*, хотя малѣйшій признакъ дарованія. Его «Письма о текущей литературѣ», а также театральныя и музыкальныя статьи и рецензіи (напр., о Нильсонъ въ роли Маргариты, письма о музыкѣ къ г. О. Миллеру и др.) рѣзко выдѣлялись, первыя — по своей правдивости и безпристрастному взгляду на литературу, а вторыя, кромѣ того, по талантливости и по особому поэтическому ихъ топу и колориту,—выдѣлялись отъ цѣлой массы остальныхъ газетныхъ рецензій и статей. Я зналъ лично и глубоко чтилъ покойнаго Александра Павловича. Похороны его были 12-го числа, на Волковомъ кладбищѣ.

Того же 12-го числа, бывшіе студенты московскаго университета собрались въ 5 часовъ, въ ресторанѣ Палкина, на обычный обѣдъ, «въ память дня основанія» этого университета. Александръ Павловичъ, воспитывавшійся въ этомъ же университетѣ, уже не пришелъ на ихъ дружескій пиръ.... На окраинѣ Петербурга, въ холодной, мерзлой землѣ, въ маленькомъ, бѣломъ гробу, лежалъ онъ во время ихъ пира.... Что снилось его поэтической, чистой какъ хрусталь и пылкой душѣ? и снилось ли что-нибудь?...

Я не былъ на студенческомъ обѣдѣ у Палкина, хотя и могъ бы быть: мнѣ было, просто, совѣстно и жаль проѣсть шесть рублей въ одинъ часъ. Вѣроятно, это—недостатокъ воспитанія.

Полумаска.

Театральная хроника.

Необходимое вступленіе.—Нѣсколько словъ о положеніи нашихъ театровъ въ минувшемъ году.—Новости александринскаго театра.—Дебютъ г-жи Толлеръ во французскомъ театрѣ.—Театръ Буффъ и его новинка.—Балаганъ Берга и злосчастное Revues.—Ожидаемый бенефисъ г. Каратыгина.

Въ видѣ вступленія къ обозрѣнію нашей многострадальной сцены, бросимъ взглядъ на положеніе нашего театральнаго дѣла въ прошломъ году и посмотримъ чѣмъ отличался этотъ годъ въ ряду своихъ печальныхъ предшественниковъ. Для русской сцены минувшій годъ былъ по истиннѣ «грознымъ» годомъ, такъ какъ прежнее прозябаніе нашихъ театровъ смѣнилось какою то необыкновенною мертвенностью, безжизненностью. Припоминая все, чѣмъ пробавлялась сцена въ теченіи цѣлаго года, невольно приходится удивляться тому замѣчательному мужеству, съ которымъ наша публика просиживала въ театрахъ, слушая бездарныхъ, въ большинствѣ, исполнителей, фигурировавшихъ въ роляхъ заѣзженныхъ и избитыхъ пьесъ или въ новыхъ мелодрамахъ и комедіяхъ. Такое печальное состояніе сцены, такое замѣчательное паденіе театральнаго искусства замѣчалось не только на русской, но и на французской сценѣ. — Александринскій театръ въ прошломъ году пробавлялся преимущественно старьемъ, но старьемъ плохо выбраннымъ, и если иногда ставились какія либо выдающіяся пьесы, то исполнители изо всѣхъ силъ старались проваливать ихъ. — Изъ пьесъ, выдающихся по своимъ сценическимъ и художественнымъ достоинствамъ, относительно большимъ успѣхомъ въ теченіи всего года пользовались только двѣ оригинальныя пьесы: «Змѣй горынычъ» В. Крылова и «Правда хороша, а счастье лучше»—А. Островскаго. Но по количеству представленій и величинѣ сбора обѣ эти пьесы стушевались передъ переводною и грубо обдѣланною мелодрамою: «За монастырской стѣной». Изъ другихъ оригинальныхъ пьесъ нельзя не упомянуть о замѣчательно безнравственной, претендующей на современность, комедіи Г. Н. Потѣхина «Богатырь вѣка», столь блистательно провалившейся въ Москвѣ. Кромѣ помянутыхъ, на Александринскомъ театрѣ были поставлены еще слѣдующія пять оригинальныхъ пьесъ: «Забубенная головушка», «Болѣзненная страсть», «Игра въ любовь», «Законная жена», и «Чья правда»; большимъ, сравнительно, успѣхомъ пользовалась грязная мелодрама «Забубенная головушка», выдержавшая цѣлый рядъ представленій. Отсутствіе выдающихся новинокъ, заставляло артистовъ ставить въ свои бенефисы старыя пьесы, какъ, напр. «Флора Скобѣева», «Виноватую», «Василису Мелентьевну» и «Горькую судьбину»; въ послѣдней дебютировала талантливая провинціальная актриса г. Стрепетова.

Французскій театръ, могущій быть, при извѣстныхъ условіяхъ, практическою школою для русскихъ образованныхъ артистовъ, за послѣдніе годы также значительно упалъ, вслѣдствіе того, что вмѣсто, нѣкогда замѣчательныхъ артистовъ, на подмосткахъ его фигурировали или сомнительные таланты или совершенныя бездарности. Упадокъ этотъ находитъ объясненіе еще и въ томъ, что репертуаръ французскаго театра, въ большинствѣ, заключаетъ въ себѣ старыя заигранныя пьесы, иногда же цѣлые спектакли составлялись почти изъ однихъ водевилей. Не смотря однако на все это, нашъ французскій театръ довольно усердно посѣщался и посѣщается интеллигентною публикою, живущею скорѣе прошлымъ, чѣмъ настоящимъ; мы говоримъ «прошлымъ», такъ какъ увѣряютъ будто большинство ѣздитъ съ спеціальною цѣлью сравнивать игру прежнихъ талантливыхъ артистовъ съ теперешними «знаменитостями», изъ которыхъ можно выдѣлить лишь немногихъ актеровъ, съ г-жею Депюи во главѣ.

Русская опера какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ находилась на точкѣ замерзанія: за немногими исключеніями, ничего выдающагося, что моглобы порадовать истинныхъ любителей и почитателей нашей оперы—вотъ все, что можно сказать о годовой дѣятельности русской оперной сцены. Объ итальянскомъ театрѣ мы неговоримъ; онъ, какъ и въ былые года, продолжаетъ процвѣтать и восхищать своихъ поклонниковъ. Что касается другихъ театровъ, какъ-то: театра Буффъ и постояннаго балагана Берга, то, удовлетворяя извѣстному кругу любителей легкой музыки, они лезли изъ кожи, чтобы поддержать свое существованіе и, дѣйствительно, достигли блистательныхъ результатовъ, особенно театръ Буффъ, на подмосткахъ котораго фигурировали и продолжаютъ фигурировать многія парижскія знаменитости изъ театровъ: Vaudeville, Buffes parisiens, Folies dramatiques и др.

Послѣ этого маленькаго обзора состоянія театральнаго дѣла, обзора, безъ излишнихъ комментаріевъ поясняющаго причины современнаго печальнаго положенія нашихъ сценъ, переходимъ къ сообщенію новостей, интересовавшихъ за послѣднее время петербургскую публику.

На сценѣ Александринскаго театра, въ бенефисъ г. Виноградова, 6 января, была поставлена новая пьеса В. Александрова: «Вокругъ огня не летай», передѣланная изъ комедіи Сарду: «Andrea». Въ пьесѣ выводится на сцену молодая, любящая парочка нѣжныхъ супруговъ. Супружеское счастье начинаетъ колебаться, вслѣдствіе того, что мужъ, наскучивъ однообразіемъ, увлекается проѣзжею пѣвицею, которая, съ помощью разсчитанной холодности, не на шутку влюбляетъ его въ себя. Жена, узнавъ объ этомъ и желая убѣдиться во очію въ невѣрности своего благовѣрнаго, переодѣвается горничною и отправляется въ уборную актрисы. Скрытая за ширмами, она дѣлается свидѣтельницею любовныхъ объясненій своего мужа съ ловкою актрисою, которая съумѣла такъ сильно обворожить своего новаго обожателя, что тотъ соглашается ѣхать провожать ее въ другой городъ, думая въ то же время вернуться къ своей ничего невѣдающей женѣ болѣе ласковымъ и любящимъ. Оскорбленная жена рѣшается разстроить бѣгство мужа и отправляется къ полиціймейстеру, съ просьбою «пресѣчь преступленіе», но, къ ужасу своему, узнаетъ, что она не только не имѣетъ никакихъ законныхъ правъ удерживать своего мужа при себѣ, но, наоборотъ, этотъ послѣдній всякую минуту можетъ потребовать ее всюду, гдѣ бы онъ ни находился. Снисходя однако къ горькимъ жалобамъ бѣдной супруги, онъ обѣщалъ разстроить бѣгство, арестовавъ ея мужа въ день выѣзда. Жена соглашается и все заканчивается благополучно. Невѣрный арестованъ, колеблющееся счастье супруговъ еще болѣе упрочивается, затѣмъ слѣдуютъ сознаніе, прощеніе и пр. Пьеса написана чрезвычайно живо и смотрится весьма легко, такъ какъ авторъ, передѣлывая комедію Сарду на русскій ладъ, съумѣлъ придать нѣкоторымъ дѣйствующимъ лицамъ болѣе опредѣленный характеръ; такъ, изъ простенькой свѣтской барыни, какою является у Сарду жена, г. Александровъ представилъ серьезную, энергичную женщину, которая, въ прекрасномъ исполненіи г. Савиной, вышла вполнѣ законченнымъ типомъ. Изъ исполнителей пьесы, помимо прекрасной игры г. Савиной, вниманіе публики обращалъ на себя г. Сазоновъ, игравшій умно и серьезно. Прочіе участвующіе исполняли свои роли крайне небрежно.

Въ день новаго года, на сценѣ французскаго театра, въ комедіи Дюма «L'etrangère», выступила новая актриса г-жа Толлеръ. Встрѣченная при своемъ выходѣ довольно холодно, дебютантка удостоилась потомъ шумныхъ и единодушныхъ

Въ конторѣ редакціи „Живописнаго Обозрѣнія" находятся въ продажѣ **ноты:**

МАРШЪ

РУССКИХЪ ДОБРОВОЛЬЦЕВЪ.

Сочиненіе **ФЛОРІАНА ГЕРМАНА.** (8 страницъ). Цѣна **1** руб. съ пересылкою **1** р. **50** коп.

вызововъ. Г-жа Толлеръ — актриса несомнѣнно хорошая. У нея выразительная физіономія, прекрасныя манеры и довольно граціозная фигура. Вначалѣ, правда, въ ея движеніяхъ видна была нѣкоторая манерность и заученность жестовъ, но потомъ она показала, что можетъ играть съ большимъ увлеченіемъ. Голосъ ея пріятенъ, звученъ. и она хорошо владѣетъ имъ, умѣя въ должныхъ мѣстахъ оттѣнять свою рѣчь. Вообще же г-жа Толлеръ можетъ считаться хорошимъ пріобрѣтеніемъ для французской сцены.

Въ театрѣ-Буффъ 4-го января дебютировала новая актриса — г-жа Паола Марье, пользующаяся извѣстностью, вслѣдствіе того, что она 400 разъ изо-дня-въ день пропѣла партію Клареты въ «La fille de m-me Angot». Г-жа Паоло Марье получила музыкальное образованіе въ Парижѣ, дебютировала въ театрѣ Vaudeville, откуда скоро перешла въ театръ Buffes parisiens; впослѣдствіи была приглашена въ театръ Folies dramatiques, гдѣ отличалась въ нѣсколькихъ опереткахъ. На самомъ дѣлѣ, она пѣвица недурная, обладаетъ большимъ звучнымъ и обработаннымъ голосомъ, тонко фразируетъ, но фигура ея довольно вульгарна. Она выступила въ роли Клареты въ «La fille de m-me Angot» и была встрѣчена публикою весьма сочувственно.

Балаганъ Берга задумалъ было перенести на русскую почву извѣстныя у французовъ revues, исполняющіеся въ концѣ каждаго года на всѣхъ второстепенныхъ парижскихъ театрахъ; съ этою цѣлью, въ бенефисъ камельмейстера г. Жоржа, была представлена оперетка «Обозрѣніе 1876 года, Петербургъ днемъ и ночью». Но попытка оказалась неудачной; въ опереткѣ не доставало того оживленія дѣйствія и остроумія, которыми отличается большинство французскихъ revues. Ко всему этому и исполненіе не отличалось особеннымъ согласіемъ; но, несмотря на это, театръ во всѣ послѣднія представленія бываетъ полонъ.

Изъ числа послѣднихъ театральныхъ новостей, нельзя не упомянуть о бенефисѣ П. А. Каратыгина, поставившаго на сценѣ александринскаго театра «Горе отъ ума» съ нѣсколько измѣненнымъ распредѣленіемъ ролей.

Критика и библіографія.

Дѣло, кн. XII-ая: „Развитіе первобытной культуры“, статья С. С. Шашкова.—Поэты *Дѣла*.—Беллетристы этого журнала—гг. Марковъ и Лѣтневъ.—„Израиль воинствующій“ г. Немировича-Данченко.—„Биржевыя вакханаліи въ Германіи“.—Фельетонъ „Дѣла“ и россійскія копыта.

Давно уже намъ не случалось встрѣчать въ русской журнальной литературѣ такой серьезной и замѣчательной научной статьи, какъ статья С. С. Шашкова «Развитіе первобытной культуры», окончаніе которой появилось въ недавно вышедшей декабрьской книгѣ «Дѣла». Имя автора этой статьи пользуется въ нашей литературѣ весьма почтенною и вполнѣ заслуженною извѣстностью, и намъ особенно пріятно, что мы можемъ остановиться на его трудѣ и обратить на него вниманіе читателей. Къ сожалѣнію, скромные размѣры нашихъ библіографическихъ замѣтокъ не дозволяютъ намъ пространныхъ компиляцій этой талантливой статьи, отличающейся строго-научнымъ содержаніемъ и изложенной, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ популярно, что она можетъ быть легко прочтена большинствомъ публики, массою. Въ этомъ и заключаются, по нашему мнѣнію, главныя достоинства названной статьи г. Шашкова.

Такъ, напр., въ седьмой главѣ своей статьи—«Политеизмъ»,—авторъ, говоря о развитіи первобытной культуры, останавливается на томъ его моментѣ, когда человѣческій умъ видимо уже сталъ освобождаться отъ мрака первичной тупости и апатіи. Въ это время, говоритъ авторъ, болѣе даровитые люди стали уже задаваться серьезными вопросами относительно смысла окружающихъ явленій. Къ разряду такихъ людей авторъ относитъ, напр., того кафра, который, однажды, обратился къ англійскому миссіонеру съ слѣдующимъ философскимъ лепетомъ дикаря, полнымъ неподражаемой прелести и поэзіи:

«Мнѣ нужны твои наставленія, — говорилъ кафръ:—еще когда я не зналъ тебя, я уже задумывался надъ *этимъ*... Двѣнадцать лѣтъ назадъ, я пасъ въ полѣ стадо. Погода была пасмурная. Я сидѣлъ на скалѣ и спрашивалъ себя съ печалью — *съ печалью*, потому что не могъ отвѣтить на свои вопросы.. Я спрашивалъ себя: кто тамъ поставилъ звѣзды? На чемъ держатся онѣ? Воды неустанно текутъ—и текутъ безпрерывно съ утра до ночи и съ ночи до утра; но гдѣ же онѣ останавливаются и кто движетъ ими?... Облака, тоже, приходятъ и уходятъ, и сыплютъ дождемъ на землю. Откуда приходятъ онѣ и кто посылаетъ ихъ? Не колдуны же даютъ намъ дождь; кàкъ бы они могли дѣлать это и почему я никогда не вижу своими глазами, кáкъ они поднимаются за дождемъ на небо? Я не могу видѣть вѣтра, но что онъ такое? Кто приноситъ его, заставляетъ дуть и шумѣть, и пугать насъ? Какъ ростетъ хлѣбъ? Вчера на моемъ полѣ не было ничего, кромѣ зерна, а сегодня я вернулся на него и нашелъ уже кое-что. Кто же это даетъ землѣ умъ и силу производить растенія? Такъ *съ печалью* спрашивалъ я себя—и закрылъ лицо своими руками!..»

Не правда ли, какая дѣвственная, такъ сказать, свѣжесть тона, какой поэтическій колоритъ заключаются въ этомъ младенческомъ любопытствѣ кафра, желающаго проникнуть и объять своимъ пытливымъ умомъ то, что было еще такъ недоступно его *духу*, его пониманію?... И какъ сильно напоминаетъ эта рѣчь дикаря одну изъ прелестнѣйшихъ одъ Горація къ Постумію; и какою богатою и благодарною фабулой могла бы послужить эта рѣчь для любого изъ поэтовъ «Дѣла», у которыхъ стихъ бываетъ, иногда, такъ бѣденъ содержаніемъ и «не вовсе гладокъ»...

Вотъ, напр., стихотвореніе г. Славянскаго, «Рождественскій вечеръ»; оно начинается такъ:

> Вечеръ рождественскій тихій и ясный,
> Снѣгъ серебромъ заблисталъ *подъ луною*;
> Звѣздная ночка красавицей властной
> Медленно сходитъ, повитая тьмою...
> Въ лунномъ сіяніи тонутъ громады
> Бѣлыхъ домовъ, силуэты соборовъ,
> Тѣни легли *подъ* мосты, *подъ* аркады,
> Синія *дали* уходятъ отъ взоровъ. И т. д...

Не споримъ, что стихотвореніе это написано и «выпущено въ свѣтъ» очень кстати — едва ли не въ самый рождественскій сочельникъ; но, воля ваша, это все-таки не стихи, а рифмованная проза. Въ нихъ не достаетъ очень многаго, чтобы ихъ можно назвать стихами: фактура стиха, слабая и растянутая, не отличается ни упругостью, ни металлическою сжатостью; описательная сторона блѣдна и водяниста; въ стихѣ нѣтъ ни граціи мысли, ни изящества формы; ухо шокируется однообразіемъ ритма, порождающаго монотонность; стихотвореніе прихрамываетъ даже въ стилистическомъ отношеніи: напр., этотъ «снѣгъ, заблиставшій *подъ луною*...» эта «*звѣздная* ночка», которая «медленно сходитъ повитая *тьмою*...» Замѣтьте: «*ясный* вечеръ,» «снѣгъ *блистаетъ*,» «лунное *сіяніе*,»—и въ тоже время, «сходитъ ночка, повитая *тьмою*...» Вотъ и извольте понимать, послѣ этого,—что такое на улицѣ: вечеръ или ночь? лунное ли «сіяніе», или «тьма?» Въ одно же время, согласитесь, невозможно допустить эти два различныя понятія, взаимно исключающія другъ друга. А эти тѣни, что легли «*подъ* мосты и аркады»—вмѣсто *отъ* мостовъ; а эти «синія *дали*, уходящія отъ взоровъ...» Способна ли «даль» «уходить», (особенно въ улицахъ Петербурга)—этого я не знаю; но что слово «даль» не имѣетъ множественнаго числа—это я знаю навѣрное и охотно даже готовъ подѣлиться этимъ скромнымъ знаніемъ съ поэтомъ «Дѣла,» г. Славянскимъ.

Я буду считать мою бесѣду о поэтахъ «Дѣла» совершенно законченною, если скажу о нихъ еще нѣсколько словъ. Въ этомъ же журналѣ встрѣчаются, иногда, стихи, напоминающіе дѣйствительную, а не искусственно сфабрикованную поэзію. Такъ, въ одной изъ послѣднихъ книжекъ «Дѣла» мы нашли очень недурное стихотвореніе г. Сурикова «Цвѣты» — рядомъ, впрочемъ, съ «Дубинушкой»—очень плохимъ и водянисто-тенденціознымъ стихотвореніемъ того же автора, заимствованнымъ имъ изъ репертуара пѣвца Славянскаго. Кромѣ того, въ той же декабрьской книгѣ «Дѣла» помѣщено прекрасное стихотвореніе г. А. М., изъ Виктора Гюго, и «Встрѣча», стихотвореніе г. Оболенскаго, исполненное неотразимой грусти.

Мы не безъ намѣренія остановились на поэтахъ журнала «Дѣла». Ни въ одномъ изъ нашихъ большихъ журналовъ не помѣщается такъ много стиховъ, какъ въ этомъ. И развѣ это не доброе знаменіе времени, не отрадный фактъ?... Значитъ, и въ самомъ дѣлѣ, свершится въ русской литературѣ тотъ желанный обществомъ поворотъ, въ силу котораго бѣдная, загнанная русская поэзія начинаетъ мало по малу подымать голову и вступать въ свои права, растоптанныя тенденціозною критикою шестидесятыхъ годовъ.

Отъ поэтовъ — одинъ шагъ внизъ, къ беллетристамъ «Дѣла». Но, при всемъ нашемъ желаніи сказать что либо пріятное объ этихъ господахъ — Марковѣ и Лѣтневѣ — мы не рѣшаемся на это, не желая брать грѣхъ на душу. Какъ публицистъ, г. Марковъ, по нашему мнѣнію, болѣе удаченъ и почтененъ. Романъ же его «Черноземныя поля», хотя и читается легко, но не оставляетъ въ душѣ и умѣ читателя никакихъ глубокихъ слѣдовъ и думъ. Къ этимъ «полямъ», мелко вспаханнымъ, очень кстати можно отнести тотъ эпиграфъ, что привелъ И. С. Тургеневъ къ своему, на дняхъ появившемуся, роману «Новь»: «Поднимать слѣдуетъ новь (полей) не поверхностно скользящей сохой, но глубоко забирающимъ плугомъ». А вся бѣда названныхъ беллетристовъ «Дѣла» въ томъ-то именно и состоитъ, что они слишкомъ мелко.... «забираютъ» —по обстоятельствамъ, можетъ быть, отъ нихъ не зависящимъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

Со всего свѣта.

Турція. Какъ и слѣдовало ожидать, засѣданія константинопольской конференціи не привели ни къ чему; большой совѣтъ, собранный Мидхатомъ-пашею, отвергнулъ предложенія, выработанныя уполномоченными европейскихъ державъ. Слѣдствіемъ этого было закрытіе конференціи и отъѣздъ ея членовъ. Уполномоченный Англіи, маркизъ Салисбери, уѣхалъ раньше всѣхъ; затѣмъ выѣзжаетъ генералъ Игнатьевъ, отъѣздъ котораго былъ задержанъ на нѣсколько дней сначала непогодою и бурями на Черномъ морѣ, а теперь отложенъ до субботы 15 января. Объявляя о закрытіи конференціи, послы державъ заявили въ тоже время турецкому правительству, что нарушеніе Турціею перемирія съ Сербіею и Черногоріею будетъ принято за вызовъ со стороны Турціи, обращенный ко всей Европѣ. Въ настоящее время въ Константинополѣ всѣ торжествуютъ и громко смѣются надъ неудавшимися попытками европейскихъ державъ учредить контроль надъ дѣйствіями турецкаго правительства. Но долго-ли будетъ продолжаться этотъ смѣхъ, несомнѣнно, покажетъ близкое будущее.... А пока турецкое правительство вступаетъ въ непосредственные переговоры съ Черногоріею и Сербіей, руководствуясь основаніями, выработанными конференціею и на всякій случай желаетъ упрочить себѣ спокойствіе этихъ двухъ княжествъ....

Австрія. Утверждаютъ, что, въ случаѣ войны Россіи съ Турціей, Австрія приметъ выжидательное положеніе и прибѣгнетъ, въ случаѣ надобности, только къ такимъ мѣрамъ, которыя вызываются необходимостью сохранить порядокъ и спокойствіе на ея окраинахъ.

Италія. Итальянская пресса дѣятельно занимается обсужденіемъ отношеній Италіи къ Австріи, и инпціатива въ этомъ пробужденіи старыхъ политическихъ стремленій Италіи принадлежитъ преимущественно органамъ итальянскаго министерства. Въ итальянскихъ газетахъ, между прочимъ, говорится, что Трентъ и Тріестъ несомнѣнно итальянскіе города, и слѣдовательно, въ случаѣ усложненій восточнаго вопроса и перемѣщенія перевѣса на Адріатикѣ въ сторону Австріи, итальянцамъ ничего не останется другого, какъ сдѣлать попытку возвратить утраченныя права. По общему мнѣнію, политика Италіи должна руководствоваться этой задачей, какъ аксіомой, которую слѣдуетъ громко высказывать, безъ утайки. «Честность — заявляетъ газета «Popolo Romano — должна составлять главнѣйшій принципъ мудрой и предусмотрительной политики. Пусть говорятъ, что хотятъ, но всѣмъ извѣстенъ фактъ, что послѣ отъѣзда Вимпфена изъ Рима, Австро-Венгрія не назначала постояннаго новаго представителя къ итальянскому двору». Какъ слышно, на этихъ дняхъ новый временный уполномоченный, баронъ Гравенигъ, замѣнитъ настоящаго временнаго уполномоченнаго, барона Зейлера. Все это служитъ указаніемъ, что внѣшняя политика Италіи весьма неопредѣленна и нерѣшительна.

Сербія. Всѣ извѣстія за послѣднюю недѣлю положительно опровергаютъ слухи о томъ, будто бы Сербія намѣревается заключить съ Турціей отдѣльный миръ. Сербія — говорятъ телеграммы — рѣшится на такой шагъ лиш ьвъ томъ случаѣ, если Россія окончательно откажется отъ войны съ Турціей. Военныя приготовленія въ Сербіи продолжаются энергично, причемъ въ настоящую пору во всемъ княжествѣ находится подъ ружьемъ до 30,000 человѣкъ.

Германія. Неудача константинопольской конференціи произвела въ Берлинѣ неблагопріятное впечатлѣніе. Тамъ опасаются, чтобы указанія французской печати на то, что Германія — главная виновница фіаско конференціи и слѣдовательно неудачи, постигшей восточную политику Россіи, не произвели въ петербургскихъ дипломатическихъ кружкахъ неблагопріятнаго впечатлѣнія. По слухамъ, также распускаемымъ французскою печатью, князь Бисмаркъ намѣренъ предпринять внѣшнее политическое дѣйствіе, съ цѣлью избавиться отъ подавляющихъ его внутреннихъ затрудненій. Такъ, военная французская газета «Avenir Militaire», довольно распространенная въ военныхъ кружкахъ, сообщаетъ весьма тревожныя извѣстія изъ Берлина, и утверждаетъ, что въ самомъ непродолжительномъ времени дѣло «дойдетъ до драки». Противъ кого, гдѣ, и съ какими союзниками — никто въ точности не знаетъ, но достаточно уже того, что война возможна, для того, чтобы каждый считалъ ее неизбѣжной. По словамъ корреспондента этой газеты армія, приготовляется къ предстоящему дѣйствію. Офицеры расплачиваются со своими долгами, приводятъ въ порядокъ свои дѣла, словомъ, принимаютъ всѣ мѣры, чтобы имѣть возможность при первомъ сигналѣ посвятить себя служебнымъ обязанчостямъ

Индія. По извѣстіямъ, полученнымъ изъ Индіи, страшный голодъ свирѣпствуетъ въ Бомбеѣ на пространствѣ 54,000 миль, а въ Мадрассѣ на протяженіи 80,000 квадр. миль. Въ одномъ только президентствѣ, число жителей, страдающихъ отъ голода, до пяти милліоновъ, въ другомъ до 18 милліоновъ. Бѣдствіе распространилось также на небольшія туземныя государства, лежащія средг великобританскихъ владѣній и достигло владѣній Низама. Майсору угрожаетъ также сильнѣйшій голодъ, хотя англійское правительство въ сущности не отвѣтственно за жизнь подданныхъ Низама, но, извѣстно, какъ мало способны туземные государи сколько-нибудь помочь бѣдствію и какъ мало они объ этомъ заботятся; случалось, что милліоны людей погибали жертвою голода; весьма вѣроятно, что если бездожіе продолжится еще нѣсколько мѣсяцевъ, то индѣйскому правительству придется оказывать помощь жителямъ Майсора наравнѣ съ жителями Мадраса и Бомбея. На долю великобританскихъ подданныхъ выпала тяжелая задача. По словамъ лорда Карнарвона, правительство учредило въ Бомбеѣ общественныя работы (на 250,000 и 840,000 чел.). съ цѣлью доставить пропитаніе несчастнымъ голодающимъ.

* * *

Наши гравюры.

Связанные другъ съ другомъ. Картина П. Валькера.

Давно уже окончено сраженіе. Движенія непріятеля заставили войска его противника покинуть прежнее поле битвы, на которомъ остался только убитый горнистъ. Пуля на повалъ сразила его, онъ свалился съ сѣдла, не успѣвъ выпустить изъ рукъ поводьевъ; вѣрный другъ и спутникъ убитаго остался привязаннымъ къ нему. Несчастное животное, какъ бы боясь нарушить мертвый сонъ товарища, неподвижно стоитъ на мѣстѣ. Какая печаль выражается въ этомъ умномъ животномъ; подогнувъ хвостъ, насторожнвъ уши и уныло смотря вдаль, оно прислушивается къ шуму вѣтра, стараясь различить въ немъ звуки человѣческаго голоса. Но вокругъ все мертво; сраженіе, происходившее на этомъ опустѣломъ теперь полѣ, уничтожило все живое, не пощадивъ и бѣднаго крестьянина, который, быть можетъ, такъ недавно еще обработывалъ свою землю; на недоконченной полосѣ валяется одинъ только плугъ, хозяинъ котораго также, вѣроятно, лежитъ гдѣ нибудь, сраженный пулею... Вотъ содержаніе помѣщаемой картины Валькера; объ исполненіи ея мы не говоримъ, такъ какъ всякій довольно хорошо можетъ оцѣнить самую картину, которая, конечно, вызоветъ въ каждомъ цѣлый потокъ мыслей;.. а это послѣднее обстоятельство и составляетъ достоинство каждаго истинно художественнаго произведенія.

„Возьмите ягодку". Картина Г. де-Конинска.

На картинѣ де-Конинска представлено красивенькое личико дѣвочки, набравшей въ корзинку ягодъ и предлагающей ихъ прохожему. Художникъ задумалъ воспроизвесть въ своемъ рисункѣ типическое личико итальянской дѣвочки, и нужно отдать полную справедливость талантливому произведенію художника. Красивое личико, съ правильными чертами лица, быстрыми огненными глазами, какъ нельзя лучше передаетъ то впечатлѣніе, которое производятъ на туристовъ итальянскія дѣти. Но особенное выраженіе, особенная прелесть рисунка сказывается въ томъ необыкновенномъ оживленіи, которое художникъ съумѣлъ придать дѣтскому личику; глядя на это добродушно-улыбающееся личико дѣвочки съ протянутою къ зрителю рукою, такъ и кажется, что милый ребенокъ произноситъ слова: «возьмите ягодку!...» Большей правды отъ художества невозможно и требовать — вотъ тотъ приговоръ, который произнесенъ всѣми видѣвшими въ оригиналѣ произведеніе де-Конинска. Къ этому вполнѣ справедливому приговору нельзя не прибавить только пожеланія, чтобы и послѣдующія произведенія этого, сравнительно еще молодого художника, отличались такою же простотою и правдою, какая проглядываетъ въ помѣщаемой картинѣ, а также чтобы произведенія его послужили образчикомъ и указаніемъ для другихъ художниковъ.

Зданіе русскаго посольства въ Константинополѣ.

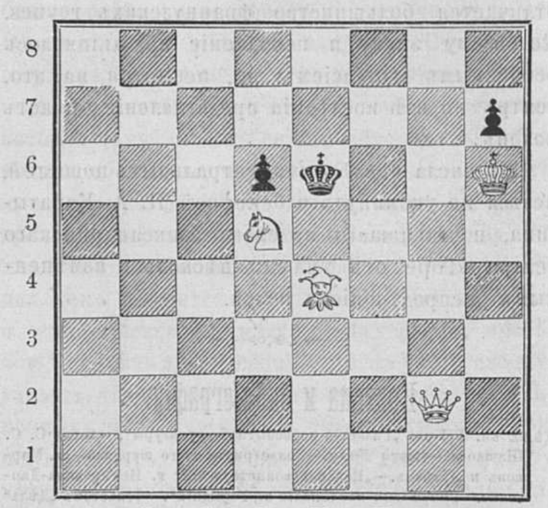
Громадное зданіе русскаго посольства въ Константинополѣ, изображеніе котораго представлено на помѣщаемой нами гравюрѣ, находится въ предмѣстьи Перы, гдѣ группируются зданія и другихъ европейскихъ посланниковъ. Окруженное небольшими домами, зданіе русскаго посольства выглядитъ красивою постройкою, выведенною въ нѣсколько этажей и состоящею изъ двухъ половинъ. Вверху углубленія, какъ бы соединяющаго обѣ эти половины, красуется русскій гербъ, который въ послѣднее время сдѣлался столь непріятнымъ для турокъ. Какъ извѣстно, въ зданіи русскаго посольства происходили предварительныя засѣданія, нынѣ разъѣхавшейся, конференціи; во время этихъ засѣданій, фанатизированныя толпы правовѣрныхъ не упускали случая, чтобы собраться передъ зданіемъ посольства, и заявить о своемъ неудовольствіи по поводу происходившихъ, подъ предсѣдательствомъ г. Игнатьева предварительныхъ совѣщаній уполномоченныхъ европейскихъ державъ. Въ настоящее время, вслѣдствіе плачевнаго исхода конференціи, нашъ посолъ уже выѣхалъ изъ Константинополя и зданіе русскаго посольства опустѣло.

Шахматы.

Задача III.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Черные.



Бѣлые.

Рѣшеніе задачи, помѣщенной въ № 2

Бѣлые. *Черные.*

1) A3—B3.

При движеніи которою либо изъ черныхъ пѣшекъ, бѣлая ладья даетъ матъ въ два хода.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Генералъ отъ инфантеріи А. А. Непокойчицкій.—Капканы (очеркъ изъ народн. быта).—Стихотвореніе.—Начало и постепен. развитіе письма.—Мировой судья (повѣсть). — Между болгарами. — Романъ «Новь» Ив. Тургенева. — Что такое огонь?—Фельетонные эскизы.—Театральная хроника.—Критика и библіографія.—Со всего свѣта. —Наши гравюры.—Шахматы.

Гравюры: Портретъ генерала отъ инфантеріи А. А. Непокойчицкаго.—Связанные другъ съ другомъ; копія съ картины П. Валькера.—«Возьмите ягодку»; копія съ картины Г. де—Конинска. — Два рисунка къ статьѣ: «Что такое огонь?»—Водоносецъ въ Рущукѣ.—Торговка молокомъ въ Виддинѣ.—Зданіе русскаго посольства въ Константинополѣ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

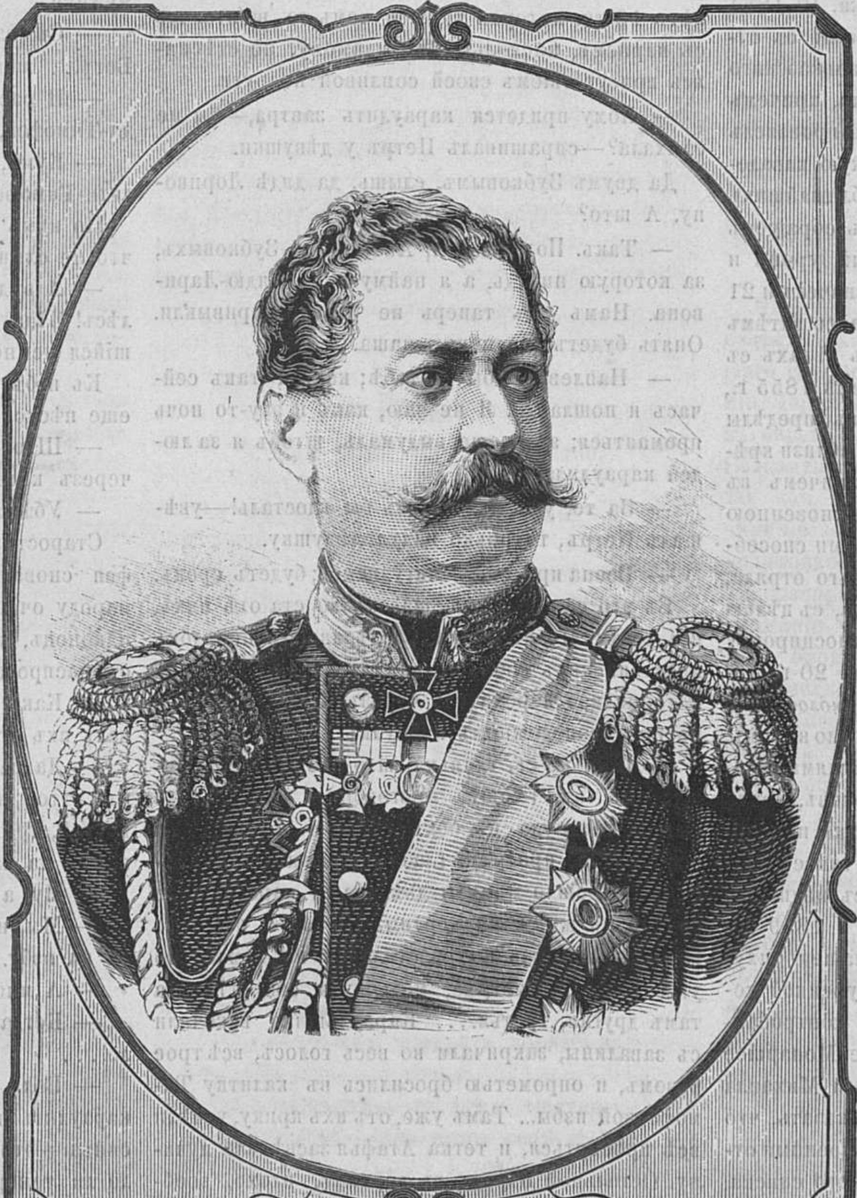
Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 15 января 1877 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 л., д. № 12.

Живописное Обозрѣніе

№ 4. Томъ I. На годъ съ доставкою и пересылкою 7 руб.; на полгода 4 р. 50 к. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 23 Января 1877 года. Адресъ конторы редакціи: С.П.-бургъ, Васильевскій островъ, 3-я линія, д. № 48. Годъ V.

Михаилъ Таріеловичъ Лорисъ-Меликовъ.

Михаилъ Таріеловичъ, въ настоящее время, одинъ изъ самыхъ храбрыхъ генераловъ русской арміи, родился въ 1825 году и давно уже состоитъ въ высокомъ чинѣ генералъ-адъютанта. По происхожденію своему, онъ изъ грузинскихъ дворянъ, вѣроисповѣданія армяно-григоріанскаго. Воспитывался онъ въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ и, по окончаніи въ ней полнаго курса наукъ, вышелъ офицеромъ лейбъ-гвардіи въ Гродненскій полкъ въ 1843 году, т. е. на 18 году отъ роду, и на первыхъ же порахъ своей службы заявилъ себя отличнымъ строевымъ офицеромъ. Въ 1847 году г. Лорисъ-Меликовъ назначенъ былъ состоять для особыхъ порученій при главнокомандовавшемъ кавказскимъ корпусомъ, генералъ-адъютантѣ, князѣ Воронцовѣ, который, оцѣнивъ военныя способности и необыкновенную храбрость молодого офицера, оставилъ его на постоянной службѣ на Кавказѣ, гдѣ Михаилъ Таріеловичъ провелъ большую часть своей службы и гдѣ въ постоянныхъ схваткахъ съ горцами и турками давно уже упрочилъ за собою славу замѣчательнаго храбреца. Одновременно съ переводомъ его на Кавказъ, въ этомъ краѣ возобновились военныя дѣйствія нашихъ войскъ съ непокорными въ то время горцами, и эти дѣйствія дали возможность Лорисъ-Меликову доказать свое удальство и храбрость. За военные подвиги, оказанные имъ въ 1847 и въ началѣ 1848 года, въ битвахъ съ врагами въ Малой Чечнѣ, онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 4-й степени, съ надписью «за храбрость» и, кромѣ того, за отличіе же въ дѣлахъ съ горцами, произведенъ былъ въ слѣдующій чинъ гвардіи, штабъ-ротмистра. Въ томъ же 1848 году онъ находился въ составѣ Дагестанскаго отряда, дѣйствовавшаго подъ начальствомъ генералъ-адъютанта князя Аргутинскаго-Долгорукова, при чемъ участвовалъ во всѣхъ дѣйствіяхъ противъ горцевъ и особенно отличился при взятіи штурмомъ укрѣпленнаго аула Гергебиля. За эти необычайные подвиги храбрости Лорисъ-Меликовъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3-й степени съ бантомъ и, независимо того, произведенъ въ чинъ гвардіи ротмистра. Въ слѣдующемъ, 1849 году, Михаилъ Таріеловичъ вновь находился въ Дагестанскомъ отрядѣ, причемъ особенно отличался въ многочисленныхъ сраженіяхъ съ непріятелемъ подъ укрѣпленіемъ Чахъ и въ особенности при бомбардированіи этого укрѣпленія съ 11 по 23 августа, когда всѣ непріятельскія верки были уничтожены и самъ непріятель потерпѣлъ необыкновенный уронъ.



Генералъ-адъютантъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ.

Командующій отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ.

Въ 1850 году, Лорисъ-Меликовъ участвовалъ, съ дагестантскимъ отрядомъ, во всѣхъ перестрѣлкахъ и дѣлахъ съ горцами почти-что ежедневно, въ періодъ времени съ 19 іюля по 16-е сентября. За всѣ эти отличія, оказанныя въ дѣлахъ съ горцами, онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени. Въ 1851 году, около восьми мѣсяцевъ онъ находился въ зимней экспедиціи на лѣвомъ флангѣ кавказской линіи. Дѣло 15-го сентября 1851 года, когда Лорисъ-Меликовъ съ весьма небольшимъ отрядомъ отразилъ громадную непріятельскую партію, покушавшуюся зажечь сѣно, заготовленное для новаго укрѣпленія, доставило громкую славу Михаилу Таріеловичу, и съ тѣхъ поръ на всемъ Кавказѣ имя его стало очень популярно и извѣстно всѣмъ жителямъ, а для непокорныхъ горцевъ оно было грозою. За эти отличія Лорисъ-Меликовъ удостоился счастья получить орденъ св. Анны 2-й степени съ императорскою короною. Въ 1852 году, онъ находился въ экспедиціи въ Большой Чечнѣ, гдѣ, по соединеніи съ отрядомъ полковника Бакланова, лично участвовалъ въ жаркомъ и блистательномъ дѣлѣ нашихъ войскъ противъ непріятеля въ Маіоръ-

Тунскомъ лѣсу, въ переправѣ черезъ рѣку Гонсаль, подъ сильнымъ ружейнымъ непріятельскимъ огнемъ, атакѣ непріятельской позиціи на Мичинѣ и полнѣйшемъ пораженіи непріятеля.

Въ 1853 году, съ 29 января по 9-е марта, г. Лорисъ-Меликовъ дѣйствовалъ подъ начальствомъ генералъ-адъютанта князя Барятинскаго, лично водившаго кавказскихъ героевъ нашихъ къ побѣдамъ, причемъ Михаилъ Таріеловичъ въ въ особенности отличился 17-го февраля, при атакѣ непріятельской позиціи у аула Гордолой, причемъ совершенно разсѣялъ скопища Шамиля и разорилъ до основанія нѣсколько ауловъ непокорныхъ горцевъ, защищаемыхъ непріятельскими партіями возмутившихся предводителей шаекъ. Въ томъ-же 1853 году, въ чинѣ ротмистра гвардіи, г. Лорисъ-Меликовъ отличался на кавказко-турецкой границѣ, гдѣ въ настоящее время, въ высокомъ чинѣ, онъ командуетъ, въ совершенно знакомой ему мѣстности, громадною боевою единицею — цѣлымъ корпусомъ, и гдѣ, 29 сентября 1853 г., т. е. почти 23 года тому назадъ, подъ личнымъ начальствомъ ротмистра гвардіи Лорисъ-Меликова, происходило жаркое дѣло нашихъ казаковъ съ турецкою конницею у Карчаха, причемъ весьма многочисленный непріятель былъ обращенъ въ бѣгство; но гораздо знаменательнѣе отличіе Михаила Таріеловича было вблизи Баяндурскаго поста, при которомъ онъ съ 30-ю казаками совершенно уничтожилъ сильный отрядъ турецкой кавалеріи, за что и произведенъ былъ въ чинъ полковника. Въ 1854 году, Михаилъ Таріеловичъ дѣйствовалъ въ отрядѣ подъ начальствомъ извѣстнаго кавказскаго героя, генералъ-лейтенанта Багговута, причемъ однажды, именно 13-го апрѣля, онъ произвелъ весьма удачное нападеніе на турецкую кавалерію, расположенную въ Аргинѣ и ближайшихъ къ нему деревняхъ, непріятель былъ обращенъ въ бѣгство, потерпѣвъ значительный уронъ и оставивъ въ нашихъ рукахъ большой значекъ и 21 человѣка нашихъ плѣнныхъ. Отличаясь затѣмъ весь 1854 годъ въ неоднократныхъ дѣлахъ съ непріятелемъ, Лорисъ-Меликовъ, въ маѣ 1855 г., выступилъ съ нашими войсками въ предѣлы Турціи, гдѣ и прославился побѣдами вблизи крѣпостей Александрополя и Карса, причемъ въ особенности отличился своею необыкновенною храбростью и замѣчательными военными способностями при движеніи нашего летучаго отряда, посланнаго въ обходъ крѣпости Карса, съ цѣлью произвести вблизи непріятеля рекогносцировку крѣпости съ сѣверной стороны. Дѣло 20-го декабря, получившее громкое названіе *«молодецкаго дѣла полковника Лорисъ-Меликова»*, состояло въ томъ, что Михаилъ Таріеловичъ, съ тремя сотнями казаковъ, уничтожилъ шайку въ 400 горцевъ, почти не потерявъ у себя ни одного человѣка и положивши у непріятеля до 60 тѣлъ. За такое отличіе онъ получилъ золотую саблю съ надписью «за храбрость». Наконецъ, въ 1858 и 1859 годахъ отличился при уничтоженіи нашею шхуною и двумя азовскими баркасами турецкой кочермы (большая парусная лодка) съ контробандою и т. д., за что получилъ именное Монаршее благоволеніе. Перечисляя всѣ подвиги Михаила Таріеловича, можно положительно сказать, что всѣ чины и ордена онъ получилъ за военныя отличія. Какъ видно изъ его послужного списка, онъ участвовалъ болѣе нежели въ 180 дѣлахъ съ непріятелемъ, въ самыхъ жаркихъ схваткахъ, бывши всегда въ первомъ огнѣ; но, не смотря на это, Михаилъ Таріеловичъ остался живъ, не бывши ни разу раненъ, ни контуженъ.

Необыкновенная храбрость, умѣнье каждую данную минуту пользоваться обстоятельствами, чтобы заставлять противника позорно проигрывать сраженія, и, наконецъ, предстоящія дѣйствія въ такой мѣстности и съ врагомъ, съ которымъ храброму и мужественному Лорисъ-Меликову приходилось уже имѣть дѣло — все это заставило русское общество привѣтствовать назначеніе М. Т. съ особеннымъ восторгомъ и полною надеждою на успѣхъ дѣла, если, въ случаѣ необходимости, наши войска должны будутъ вступить въ борьбу съ вѣковымъ врагомъ христіанства.

Капканы.

(Очеркъ изъ народнаго быта).

Ив. Якунина.

Глава IV.

Половина ночи прошла благополучно. Уже и пѣтухи пропѣли, и *тѐплина* (огонь), разведенная посреди улицы для согрѣванія, а больше для смѣлости, догорѣла и лишь едва-едва дымилась. Но наши караульные все еще были крайне неспокойны: до разсвѣта оставалось немало времени—добрыхъ часа три-четыре. Ночь была тихая, морозная, звѣздная, и хотя молодой мѣсяцъ давно уже скрылся за сосѣдній лѣсъ, но, при помощи звѣздъ и яркаго вешняго снѣга, было далеко видно вокругъ. Плотно и крѣпко прижавшись другъ къ другу, сидѣли караульные на завалинѣ Тимофеевой избы. Одна изъ дѣвушекъ — высокая, полная и довольно неповоротливая Лампея—давно уже дремала, прислонившись къ избяной стѣнѣ и положивъ голову на плечо своей подруги, бойкой и ловкой Аксиньи, дѣвушки лѣтъ 18-ти, которая тихо о чемъ-то шепталась съ парнемъ, нисколько, повидимому, не стѣсняясь присутствіемъ своей сонливой подруги.

— Кому придется караулить завтра,—ты не слыхала?—спрашивалъ Петръ у дѣвушки.

Да двумъ Зубковымъ, слышь, да дядѣ Лоривону. А што?

— Такъ. Подряжайся, Аксюха, за Зубковыхъ, за которую нибудь, а я наймусь за дядю-Ларивона. Намъ ужъ таперь не бо̀язно, привыкли. Опять будетъ вся ночь—наша.

— Наплевала бы я тебѣ; какже, такъ сейчасъ и пошла!... Я не чаю, какъ и эту-то ночь промаяться; а то еще, выдумалъ, штобъ я за людей караулила.

— За то, ужь нагулялись бы вдосталь!—увѣщалъ Петръ, тихонько цалуя дѣвушку.

— Весна придетъ,—нагуляемся; будетъ срокъ.

Въ это самое время, шагахъ во ста отъ нихъ, изъ сосѣдняго переулка, раздѣлявшаго порядокъ крестьянскихъ избъ, мелькнула какая-то тѣнь и, неторопливо перекатясь черезъ улицу, скрылась въ противоположномъ переулкѣ.

— Глянько-сь, глянька, што это такое?!... съ ужасомъ въ голосѣ, проговорила Аксинья, и сильно толкнула въ бокъ спящую Лампею. Та вскрикнула, продрала глаза и прижалась къ Аксиньѣ. Прошло минуты двѣ. Наши караульщики сидѣли ни живы, ни мертвы. Но вотъ, изъ того же переулка, плавно разстилаясь по землѣ, но уже гораздо быстрѣе, мелькнула еще тѣнь, а тамъ другая, третья.... Караульщики вскочили съ завалины, закричали во весь голосъ, всѣ трое разомъ, и опрометью бросились въ калитку Тимофеевой избы... Тамъ уже, отъ ихъ крику, успѣли всѣ проснуться, и тетка Агафья засвѣчала лучину. Остальной народъ въ деревнѣ, плохо, вообще, спавшій въ эту тревожную ночь, тоже услышалъ крики караульныхъ и началъ подыматься.

— Господи Іисусе! што тамъ такое еще вышло у васъ? — спросилъ вбѣжавшихъ караульныхъ дядя Тимофей.

— Оой, дядюшка, родименькій!.. въ проулкѣ... туча тучей... говорила Аксинья, едва переводя духъ отъ страха и усталости.

— Да што-жь тамъ такое? — спрашивалъ дядя-Тимофей у Петра, видя, что дѣвка, запыхавшись отъ быстраго бѣгу, ничего путнаго не можетъ ему сказать.

— Охъ, дядя Тимофей! бѣда!.. отвѣчалъ Петръ, тоже струхнувшій не на шутку: — Цѣлое стадо выскочило.. то ли волки, то ли это *они*, окаянные-то, за душой дяди-Михея пришли...

Вся семья Тимофея, накинувъ наскоро полушубки, выскочила на улицу. Къ избѣ ихъ подходилъ уже кой-кто изъ крестьянъ; по избамъ замелькали огни....

— Што тутъ такое у васъ вышло? гдѣ же караульные-то?—спрашивалъ староста, выспавшійся, какъ слѣдуетъ, и совсѣмъ уже протрезвившійся.

— Караульные въ избѣ сидятъ; не идутъ сюда больше; испугались, вишь, чего-то.

— Вотъ, глупые! испугались!.. Чай, ничего и не было: показалось имъ што нибудь зря, со сна; извѣстно, люди молод...

Но не успѣлъ еще староста окончить своей вразумительной рѣчи, какъ, шагахъ въ десяти отъ него, съ лѣваго боку, выскочилъ изъ-за избы матерой, старый волкъ, добѣжалъ до дороги, сѣлъ, мордой къ мужикамъ, и звонко и мѣрно защелкалъ зубами.... А въ то же самое время, за угломъ сосѣдней избы, раздался громкій и протяжный волчій вой — очевидно, цѣлой стаи.

Староста мгновенно согнулся въ дугу, словно кто его ударилъ сзади по поясницѣ, толстою палкой, и живо проскользнулъ къ Тимофею на дворъ. За нимъ убѣжали съ улицы и остальные мужики.

— Съ нами крестная сила! Да воскреснетъ Богъ!.. шепталъ староста, едва владѣя языкомъ.

— И расточатся врази Его,—продолжалъ дядя-Тимофей, пробиравшійся уже въ избу.

— Кумъ, а, кумъ! ты здѣсь? — спрашивалъ у дяди-Тимофея его сосѣдъ, мужикъ Ларіонъ.

Но кумъ уже былъ въ сѣняхъ и притворился, что не слышитъ.

— А вѣдь дядю-то Михея сволокутъ они въ лѣсъ! Бѣда будетъ!.. — проговорилъ опомнившійся немного староста.

Къ избѣ Тимофея подбѣжало, тѣмъ временемъ, еще нѣсколько крестьянъ.

— Што, сидитъ?—спросилъ у нихъ староста, черезъ калитку.

— Убѣжалъ, отвѣчали крестьяне.

Староста и всѣ бывшіе на дворѣ дяди-Тимофея снова вышли на улицу. Образовалось уже народу очень много; изъ избы Тимофея вышли, наконецъ, и караульные. Къ нимъ обратились съ распросами.

— Какъ было дѣло—сказывайте, — допрашивалъ ихъ староста.

— Да такъ и было, отвѣчалъ Петръ:—сидимъ мы этто, караулимъ; вдругъ, шасть!.. одинъ, другой, третій... туча тучей... И всѣ, этто, прямо на насъ бѣгутъ—къ дядѣ-Михею, то-ись...

— Ну, а вы — што?

— Мы, извѣстно: закричали благимъ матомъ, да въ избу.

— А много-ль ихъ всѣхъ-то было? не сочли?

— Когда тутъ считать! страсть сколько было!...

— Воля ваша, господа міряне, а мы больше караулить не станемъ, — бойко проговорила Аксинья:—это совсѣмъ не наше, дѣвичье, дѣло; мало ли таперь мужиковъ въ деревнѣ, а вы дѣвокъ нарядили.

— Да и я больше не пойду, хоть убейте меня, братцы,—заявилъ караулившій парень.

— Если это волки, то еще ничего, не велика бѣда,—замѣтилъ староста.—У кого изъ робятъ ружьи-то есть?

— У Васьки Калинкина есть ружье.

— Бѣги скорѣй къ ему въ избу, вели ему съ ружьемъ сюда идтить.

За Калинкинымъ побѣжали.

— А я полагаю, братцы,—заговорилъ сѣдой, и на одинъ глазъ кривой, старичекъ Алексѣй Иванычъ,—я полагаю, што это были не волки.

— А што же?—спросили его.

— Извѣстно, што: во образѣ только волковъ... Это *они*, за его душой приходили. Потому, померъ онъ не своей смертью, безъ покаянья, отъ опойства. . .

— Это вѣрно: это не волки были, — согласились съ дѣдушкой-Алексѣемъ очень многіе.

— Посмотри-ка, робята, тутъ онъ, ай ужь нѣту,—приказалъ староста, кивнувъ головой въ сторону дяди-Михея.

— Посмотри-ка ты самъ, коли больно смѣлъ, — отвѣчали крестьяне.

— Безъ огня никто къ ему не подойдетъ, — замѣтилъ дѣдушка Алексѣй.

Принесли фонарь; нѣсколько человѣкъ изъ крестьянъ, болѣе смѣлые, подошли къ дядѣ-Михею, сняли солому, приподняли доску — и осмотрѣли.

— Здѣсь, лежитъ.

— Ну, и слава те Господи, коли еще здѣсь! — перекрестился староста.

— Только, гляньте-ко, братцы, какъ у него всю рожу-то сплющило,—замѣтилъ кто-то.

Дѣйствительно, все лицо покойника, придавленное тяжелою доской, представляло собою почти гладкое мѣсто; особенно носъ былъ весь расплюснутъ и вдавленъ.

— Напрасно вы, не дамши застыть, доску эту на него навалили,—замѣтилъ староста, оглядѣвъ дядю-Михея:—таперь, на шеѣ у него кровь, рожа попорчена, — становой ни за што не повѣритъ, што онъ померъ отъ Божьей воли. Пожалуй, и слѣдователь наѣдетъ.

— Н-н-ну, дядя Тимофей, вѣкъ будемъ поминать тебя! — обратились крестьяне, съ укоризною, къ Тимофею: — по гробъ, то-ись, жизни станемъ благодарить тебя, за твоего гостя!. . .

— Что-жь, братцы, вы на меня наваливаетесь: чай, не отъ меня такой грѣхъ вышелъ, — робко возражалъ Тимофей.

— То-то, не отъ тебя!. . Онъ въ избѣ у тебя померъ,—въ избѣ ты и должо́нъ былъ его оставить. А ты взялъ, да выволокъ его на улицу; таперь, вотъ, всей деревнѣ сухота съ имъ: караулить надо, до становаго. А когда онъ таперь, становой-отъ, пріѣдетъ? пёсъ ему велитъ отъ блиновъ ѣхать! раньше первой недѣли не дождешься его.

Въ это время, къ толпѣ подбѣжалъ Василій Калинкинъ съ ружьемъ въ рукахъ.

— Заряжено у те ружье-то?

— Заряжено.

— Пойдемте, робята, въ проулокъ, — пригласилъ староста.

Пошли. Съ тропинки, которая была въ переулкѣ, увидали на снѣгу нѣсколько свѣжихъ волчьихъ слѣдовъ, въ сторону огородовъ, и едва сдѣлали по этимъ слѣдамъ нѣсколько десятковъ шаговъ, замѣтили за банею семерыхъ волковъ, пробиравшихся въ поле. Василій вскинулъ-было ружье и хотѣлъ выстрѣлить волкамъ въ слѣдъ, но ружье осѣклось; осмотрѣли ружье — на немъ вовсе не было пистона. Накинулись на Василія.

— Какого же ты рожна—прости Господи — съ ружьемъ прибёгъ, когда оно у те не заряжено?!. .

Василій божился, что ружье заряжено, но что пистонъ, видно, свалился дорогою. Пошумѣли въ-слѣдъ волкамъ и вернулись въ деревню, опять къ Тимофеевой избѣ.

— Какже таперь, робята, быть на-счетъ «мертваго тѣла?» — спросилъ староста: — вѣдь ежли бросить безъ караулу, волки безпремѣнно сволокутъ его въ лѣсъ и сжа̀мкаютъ такъ, што и костей потомъ не соберешь.

— Знамо дѣло, сволокутъ. Этто, они къ ему и приходили, про̀клятые.

— Извѣстно, къ ему; потому—чуютъ мертвечину.

— Да, чутки, подлые!

— Такъ какже насчетъ караулу-то? кому стеречи таперь? Дѣвки вонъ — раздуй ихъ горой! —не хотятъ.

— Надо мужиковъ нарядить съ кольями; дѣвки тутъ ничего не подѣлаютъ, — посовѣтывалъ дѣдушка-Алексѣй.

— Выходитъ, надо канаться съ-изнова; вотъ што. Канайтесь-ко!—приказалъ староста.

Стали вновь конаться, одни мужики ужь; тѣ дворы, откуда мужики, всѣ до послѣдняго, ушли «на низъ», не были уже приглашены къ кону.

— Вотъ, грѣхи-то тяжкіе! — ворчали крестьяне, во время ко́ну: — Н-н-ну, гостёкъ! удружилъ!.. Штобъ тебѣ...

Караульные, которымъ выпалъ жребій, сбѣгали въ избы, одѣлись какъ слѣдуетъ, вооружились кольями, захватили съ собой по нѣскольку полѣньевъ сухихъ дровъ и пришли.

— А вы не больно велику теплину-то разводите,—сказалъ имъ староста: — а то, пожалуй, деревню подожгете.

— Не сумлѣвайся, дядя-Иванъ, не подожгемъ, — успокоили его караульные.

— Ну, ладно, смотрите! А завтра, какъ только придетъ отвѣтъ отъ становаго, сейчасъ опять соберемъ сходъ—потолкуемъ,—проговорилъ староста, уходя.

Слѣдомъ за нимъ, разошлись и остальные всѣ. У «тѣла» остались лишь трое караульныхъ. Они живо развели огонь посреди улицы и стали грѣться; а для приданія себѣ большей храбрости, немилосердно застучали въ деревянныя доски, въ которыя, обыкновенно, колотили только лѣтомъ, когда приходилось сторожить деревню отъ «грѣховнаго случа̀я»—то-есть, отъ пожара.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Путникъ.

Стужа. Мгла. Ни зги не видно.
Снѣгъ валитъ. Вьюга гудётъ.
Столбовой, большой дорогой,
На угадъ, обозъ идетъ.

Что ни часъ,—морозъ крѣпчаетъ,
Санки по снѣгу визжатъ,—
Еле тащатся лошадки
И отъ холода дрожатъ.

За обозомъ, съ мужиками,
Въ ветхомъ, старомъ армякѣ,
И съ котомкой за спиною,
Съ длинной палкою въ рукѣ,

Много верстъ уже шагаетъ
Бѣдный путникъ молодой,
Весь, отъ хлопьевъ снѣга, бѣлый
И съ обмерзшей бородой.

Онъ усталъ, продрогъ порядкомъ,
На лицѣ его печаль. . .
Погруженный въ думы, тщетно
Устремилъ онъ взоръ свой въ даль.

Эта даль во мглѣ сокрыта,
Непривѣтна и темна,—
А межъ тѣмъ, къ себѣ невольно
Манитъ путника она. . .

И съ надеждой смутной въ сердцѣ
Онъ свершаетъ длинный путь. . .
Скоро-ль край обѣтованный,
Гдѣ онъ могъ-бы отдохнуть?. .

. . . Онъ въ селѣ своемъ родимомъ
Жилъ и здравъ, и невредимъ,
Никогда нужды не зная,
И семьею всей любимъ.

Но всегда задумчивъ, грустенъ,
Онъ завѣтной жилъ мечтой,
И туда, гдѣ жизнь иная,
Устремился всей душой. . .

Все читаетъ онъ, бывало,
Ночи цѣлыя не спитъ, —
И въ его умѣ пытливомъ
Много всякихъ думъ кипитъ. . .

. . . И безъ слезъ онъ тайно кинулъ
И друзей, и домъ родной,
И просторъ степей безбрежныхъ,
Старый лѣсъ заповѣдной!

Все онъ кинулъ!. . Жажда знанья
И науки, и труда
Увлекла его. . . И съ вѣрой,
Онъ пѣшкомъ бредетъ туда.—

Въ городъ тотъ, куда стремится
Разный людъ, со всѣхъ концовъ,
Гдѣ чудесъ такая бездна,—
Столько фабрикъ и дворцовъ!. .

Но найдетъ ли тамъ онъ счастье,
Все, о чемъ такъ грезилъ онъ,
Въ этомъ городѣ громадномъ,
. . . .

И найдетъ-ли тамъ онъ пищу
Сердцу честному, уму?. .
Не легка его дорога. . .
Помоги Господь ему!

Петръ Быковъ.

Правда о сербской войнѣ

(**«Впечатлѣнія о сербской войнѣ».** — Сочиненіе полковника Макъ-Ивера. Спб. 1877 г.)

На-дняхъ появилась въ Петербургѣ брошюра извѣстнаго полковника Макъ-Ивера, командовавшаго сборнымъ кавалерійскимъ отрядомъ въ арміи Черняева. Брошюра эта появилась, конечно, въ переводѣ (съ англійскаго) и издана «въ пользу Балканскихъ славянъ»; цѣна ея самая скромная— 20 коп. Если не ошибаемся, это небольшое сочиненіе достопочтеннаго автора было уже компилировано въ одномъ еженедѣльномъ журналѣ, малораспространенномъ; мы также обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на эту замѣчательную брошюру и рекомендуемъ имъ прочесть ее — если они съ нею еще не знакомы.

Въ своемъ сочиненіи, Макъ-Иверъ, этотъ *«сильный вѣрою»* англичанинъ, обращается, главнымъ образомъ, «къ погруженнымъ *въ безсиліе невѣрія* своимъ соотечественникамъ» — съ призывомъ любви, «во имя правды и человѣчества», съ призывомъ сочувствія къ сербскому народу, «такъ благородно возставшему за свою независимость!..» Но брошюра Макъ-Ивера важна, главнымъ образомъ, еще и потому, что она написана не только очевидцемъ, но и участникомъ этой «благородной» борьбы. «24 іюля 1876 года—говоритъ авторъ — я оставилъ Англію, для того, чтобъ примкнуть всей душой и всей силой къ дѣлу чести, вѣры, свободы и истины: я хотѣлъ раздѣлить гибель этого дѣла, или стать участникомъ его пользы. Спѣша, какъ только могъ, я пріѣхалъ въ Бѣлградъ вечеромъ 28 іюля, тотчасъ же представился военному министру и отдалъ себя въ его распоряженіе, съ полной готовностью на всякую службу для пользы христіанскаго дѣла. Утромъ 6 августа вступилъ я въ должность полковника сербской арміи и приступилъ къ организаціи кавалерійскаго легіона».

Какъ видите, все такъ скоро, просто, скромно и благородно — безъ нашей помпы, безъ рекламъ и гвалта, съ которыми отправлялись на театръ войны нѣкоторые наши соотечественники, менѣе скромные въ этихъ случаяхъ.

Въ нѣсколько дней достаточно оріентировавшись въ Сербіи и организовавъ свой отрядъ, Макъ-Иверъ тотчасъ же выступилъ съ нимъ изъ Бѣлграда и присоединился, затѣмъ, къ дѣйствующей арміи въ Делиградѣ.

О своихъ «новобранцахъ» — т. е. о сербскихъ солдатахъ — Макъ-Иверъ выражается слѣдующимъ образомъ: «Это были, по большей части, люди неприготовленные, необученные и неимѣвшіе понятія о дисциплинѣ. Многіе въ первый разъ еще только-что покинули плугъ для меча и хлѣбное поле для поля битвы». Тѣмъ не менѣе, эти пахари и земледѣльцы, въ первомъ же сраженіи, въ которомъ ихъ видѣлъ авторъ (11-го сентября, нов. стиля), «предводимые русскими офицерами, аттаковали непріятеля храбро, хотя, можетъ быть, и не съ большимъ энтузіазмомъ. Они народъ, вообще, тихій», — прибавляетъ авторъ, какъ бы объясняя это отсутствіе энтузіазма (т. е. храбрости) въ сербскихъ воинахъ, взятыхъ прямо отъ сохи и плуга.

Говоря о послѣдовавшемъ затѣмъ 10-ти-дневномъ перемиріи, авторъ заявляетъ: «Отвергаю рѣшительно всякія клеветы, распущенныя въ газетахъ (туркофильскихъ) и увѣряю торжественно, въ защиту сербской чести и доброй совѣсти, что это перемиріе свято соблюдалось сербскими войсками, и что, напротивъ того, оно было безчестно и измѣннически нарушаемо турками».

Мы, тоже, думаемъ «напротивъ того»: было бы странно и маловѣроятно, — если бы турки поступали иначе: т, е. честно и неизмѣннически. Они столько дали историческихъ примѣровъ и доказательствъ своего вѣроломства, что никто не въ правѣ и ожидать отъ нихъ иного поведенія въ данномъ случаѣ. Стоитъ лишь припомнить неоднократныя заключенія въ семи-башенный замокъ русскихъ пословъ, во второй половинѣ прошлаго столѣтія...

Военныя дѣйствія и схватки описаны авторомъ чрезвычайно просто и, вмѣстѣ съ тѣмъ, правдоподобно и живо. Но какъ болѣзненно щемитъ сердце отъ другихъ его «картинъ!..» Вотъ, напр,, день 1-го октября, когда, послѣ «жаркой схватки», сербы успѣли возвратить отъ турокъ редутъ, отданный наканунѣ. «Тутъ ожидало насъ страшное зрѣлище — разсказываетъ авторъ: — кровь застыла у насъ въ жилахъ и на минуту точно жизнь остановилась... Около насъ, повсюду, лежали разбросанные, изувѣченные трупы, а также и ноги, руки, кисти рукъ, съ дьявольскимъ варварствомъ отрубленныя отъ труповъ; чѣмъ дальше смотрѣли мы, тѣмъ ужаснѣе было глядѣть. Около насъ виднѣлись обугленные останки нашихъ раненыхъ: они прибиты были къ крестамъ и сожжены со страшнымъ мученіемъ; иные лежали тамъ, гдѣ пали, но всѣ стали жертвами турецкаго сostраданія, которое есть ни что иное, какъ подлое и дьявольское варварство. У однихъ отрѣзаны были уши, у другихъ носы, или глаза вырѣзаны изъ орбитъ, или языкъ изъ глотки, или руки и ноги отрѣзаны. Были еще и такіе постыдные виды искаженія, что приличіе не позволяетъ описывать ихъ; такъ они гнусны, такъ возмутительны, до того превосходятъ природу даже дикаго звѣря, что трудно себѣ представить ихъ человѣку цивилизованному. И еще я долженъ сказать, что какъ ни гнусны были варварства, совершенныя надъ сербами, — они уступаютъ тому, что дѣлалось *съ русскими ранеными;* точно хотѣли эти проклятые, эти варвары, турки, превзойти самого сатану и поспорить, въ изобрѣтеніи мукъ, съ цѣлымъ адомъ: на этихъ несчастныхъ совершены были преступленія, издревле знакомыя, но въ новыхъ, утонченныхъ видахъ; — это было все, что только могло придумать дьявольское, или хуже, чѣмъ дьявольское, — турецкое злобное изобрѣтеніе. И если бы могли знать въ Англіи всѣ тѣ ужасы, всѣ тѣ мерзкія неистовства, которыя совершены были надъ этими несчастными русскими ранеными, — англичане, по крайней мѣрѣ, испустили бы въ другой разъ вопль ужаса и отвращенія, — если не могли бы больше того ничего сдѣлать. Тѣ добросердечные люди въ Англіи, которые содрогнулись (увы! только содрогнулись, и почти что ничего больше!) отъ болгарскихъ ужасовъ, содрогнулись бы въ другой разъ, когда бы я могъ разсказать имъ *все*, отъ чего у меня языкъ нѣмѣетъ, и чего стыдъ не позволяетъ мнѣ описывать. Вотъ что я хочу сказать: все, что прочитано было англичанами о болгарскихъ ужасахъ въ корреспонденціи «Daily News» — еще не самое ужасное, въ сравненіи съ тѣми ужасами, которые совершены надъ русскими ранеными добровольцами, чего я даже и намекомъ не могу объяснить здѣсь. Если бы можно было преодолѣть чувство стыда, сродное всякому человѣку, кромѣ турка, если бы эти черныя изъ черныхъ дѣлъ можно было объявить свѣту, — то не только возмутилась бы Англія, но и весь остальной цивилизованный міръ возмутился бы и разразился бы проклятіемъ на этихъ тварей, покрывающихъ позоромъ весь родъ человѣческій!»

Далѣе достопочтенный авторъ говоритъ: «Я не выставляю себя набожнымъ человѣкомъ; но на пользу тѣхъ, которые такими считаютъ себя, скажу только, что если истинны слова Христовы, — если въ послѣдній день суда Онъ встрѣтитъ упрекомъ даже тѣхъ, кто оставляетъ бѣднаго безъ пропитанія, если скажетъ имъ: «взалкахся и не дасти ми ясти», — то ужъ навѣрное скажетъ Онъ инымъ изъ моихъ соотечественниковъ: «Меня муками мучили, — а вы не помогли мнѣ! Меня терзали въ смертной агоніи, — а вы отвернулись спиной отъ меня! Я воплемъ взывалъ къ вамъ въ отчаяніи, — а вы затыкали себѣ уши!..»

О русскихъ и сербскихъ офицерахъ Макъ-Иверъ, во многихъ мѣстахъ своей книги, отзывается съ полнымъ уваженіемъ и горячимъ сочувствіемъ. Вотъ, напр., что говоритъ онъ объ обращеніи этихъ офицеровъ съ плѣнными турками: «Я могу удостовѣрить, что этимъ плѣннымъ было оказываемо всевозможное доброе вниманіе и было дѣлаемо все, что только внушалось чувствомъ человѣколюбія и военной чести. Въ то время, какъ турки никому не давали пощады, никому не показывали чувства человѣческаго, нашимъ плѣннымъ и добровольно сдавшимся оказывалось всякое вниманіе, такъ что доброе обхожденіе съ этими турками подходило иной разъ къ гостепріимству. Вообще, о русскихъ и сербскихъ офицерахъ я, живя вмѣстѣ съ ними, по душѣ свидѣтельствую, что находилъ въ нихъ всегда благородныхъ, добрыхъ, великодушныхъ людей».

Въ другомъ мѣстѣ своей брошюры, Макъ-Иверъ говоритъ, собственно уже объ однихъ *русскихъ*, слѣдующія многознаменательныя слова: «О друзьяхъ — о вѣрныхъ друзьяхъ въ бѣдѣ — о русскихъ, скажу, что я благоговѣю передъ ихъ мужественнымъ человѣколюбіемъ почти въ той же мѣрѣ, какъ передъ славною, доблестною ихъ храбростью, и чту этотъ народъ за живущее въ немъ рыцарское чувство долга христіанскаго. Англійскій народъ упустилъ прекрасный случай поддержать свое старое званіе — званіе друзей свободы. Русскій народъ этимъ случаемъ воспользовался и первый явился на поле битвы, въ защиту свободы. За то достойно и праведно готовъ имъ лавровый вѣнецъ, и листъ его никогда не увянетъ, но будетъ вѣнчать чело ихъ красотою и славой изъ рода въ родъ на вѣчные вѣки!»

О достославномъ и доблестномъ вождѣ сербскомъ, о главнокомандующемъ арміей, генералѣ Черняевѣ, безпристрастный англичанинъ говоритъ, что «одно присутствіе этого человѣка внушаетъ почтеніе и восторженное чувство (admiration) всѣмъ его окружающимъ. Тѣмъ, кто знаетъ его, я не имѣю нужды объяснять, что онъ храбрый офицеръ, искренній христіанинъ и другъ вѣрный; но незнающимъ его скажу, что въ наше время, я не знаю въ мірѣ никого, кто бы былъ, своею личною храбростью и благородствомъ геройства, выше этого славнаго, преданнаго борца за сербское дѣло».

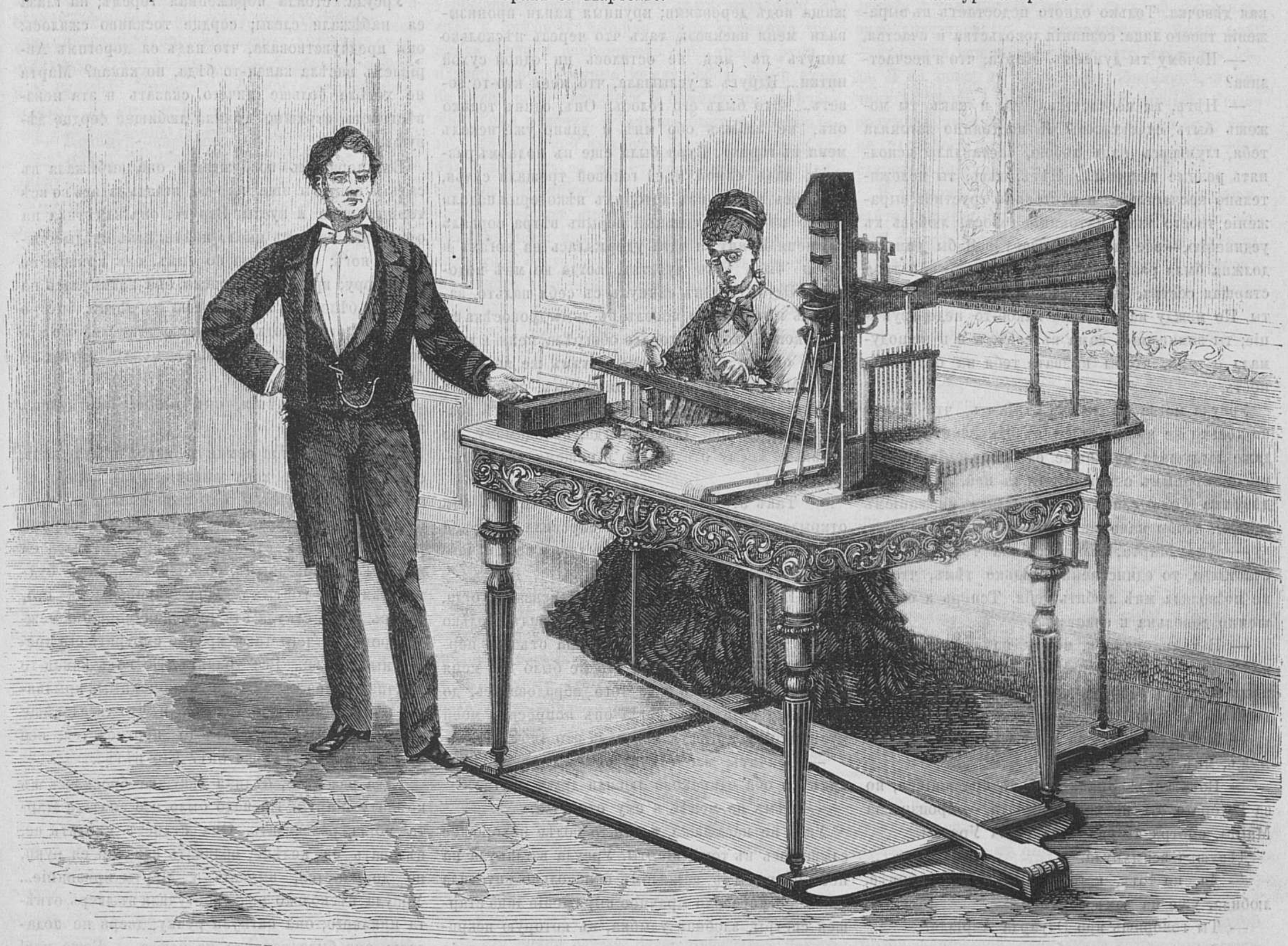
Вотъ какъ отзываются лучшіе люди Англіи объ этомъ человѣкѣ, которому, не безъ высшихъ причинъ, судило Провидѣніе стать во главѣ великой исторической борьбы сербовъ за свою свободу, о человѣкѣ, имя котораго перейдетъ въ исторію, въ пѣсни и легенды сербскаго народа; — и переживутъ эти сказанія и пѣсни славы всѣ тѣ малодушныя и легкомысленныя нападки, которымъ незаслуженно подвергся этотъ человѣкъ въ своемъ собственномъ отечествѣ. И слава Богу еще, что лучшіе люди Англіи не въ силахъ прочесть и узнать объ этихъ нападкахъ на человѣка, котораго они такъ глубоко чтутъ, — памятуя величіе его души и «благородное геройство» и не снисходя до обвиненій въ мелочныхъ ошибкахъ, — въ родѣ, напр., обвиненія за дрянной штабъ (какъ будто у него былъ *большой выборъ* для этого штаба!). Нечего, поэтому, удивляться, что насъ и наше печатное слово такъ мало, иногда, уважаютъ на западѣ, — когда мы сами не умѣемъ уважать себя и своихъ героевъ!...

У насъ обвиняютъ Черняева еще и за то, что онъ *не побѣдилъ*, и знать не хотятъ, что у него были *не воины, а пахари*, съ которыми немыслимы были побѣды. Вотъ, что говоритъ тотъ же Макъ-Иверъ объ этой «арміи»: «Въ юной странѣ, какова Сербія, гдѣ до этой войны давно не слышно было о военныхъ дѣйствіяхъ, нельзя было и разсчитывать на проявленіе военнаго духа... И притомъ, когда началась война, волонтеры вооружены были старыми, гладкоствольными ружьями стариннаго заряда». Затѣмъ, обращаясь къ спеціально военнымъ людямъ, авторъ, поясняя свою мысль, и подтверждая свои слова, предлагаетъ «составить бригаду, *въ земледѣльческой* мѣстности Англіи, изъ неловкихъ и невѣжественныхъ поселянъ, и затѣмъ, людей этихъ, плохо обученныхъ, дурно вооруженныхъ и незнающихъ ровно ничего, что касается до бригаднаго или полковаго ученья, — поставить на позицію и вытянуть въ боевую линію противъ равной по количеству и хорошо дисциплинированной непріятельской бригады, вооруженной превосходнѣйшимъ въ мірѣ оружіемъ».

Относительно же количества русскихъ добровольцевъ, достопочтенный авторъ говоритъ, въ концѣ своей интереснѣйшей брошюры, слѣдующее: «Вопреки извѣстію нѣкоторыхъ газетныхъ корреспондентовъ, извращающихъ истину изъ низкихъ политическихъ цѣлей, я удостовѣряю торжественно, что когда я выѣхалъ изъ Бѣлграда (по наступленіи перемирія), *во всей Сербіи было не болѣе трехъ тысячъ русскихъ*».

И такъ, съ одной стороны «три тысячи русскихъ» и нѣсколько тысячъ плохо вооруженныхъ земледѣльцевъ, — а съ другой стороны дисциплинированная и превосходно вооруженная армія, «имѣющая въ запасѣ своемъ — по словамъ того же автора, — безчисленныя орды азіятскаго и африканскаго населенія»... И при всемъ томъ — изумляется Макъ-Иверъ, — цѣлыхъ четыре мѣсяца, «Сербія, этотъ безсильный пигмей, отбивалась отъ Турціи, отъ этого звѣрскаго и подлаго гиганта!»

Закончимъ нашъ отзывъ о замѣчательной брошюрѣ Макъ-Ивера указаніемъ еще на одну, столь же интересную брошюру высокопочтеннаго Гладстона, «знаменитаго государственнаго мужа Британіи»—«Болгарскіе ужасы и восточный вопросъ», переведенную, также недавно, на русскій языкъ, и изданную въ пользу Балканскихъ славянъ. Рекомендуемъ, также, читателямъ, интересующимся безпристрастными взглядами англійской либеральной прессы на восточный вопросъ,—статью «Новѣйшая англійская литература по Восточному вопросу», помѣщенную въ № 1-мъ «Гражданина». Эта серьезная и прекрасно написанная статья представляетъ собою какъ бы полный сводъ мнѣній, отзывовъ, статей и рѣчей, напечатанныхъ и высказанныхъ на многочисленныхъ митингахъ, въ Англіи, всѣми лучшими и образованнѣйшими людьми этой страны,—начиная съ высокопочтеннаго мистера Гладстона и кончая симпатичнѣйшимъ поэтомъ Моррисомъ и первостепеннымъ историкомъ Фрименомъ, произнесшимъ свою знаменитую, энергическую рѣчь на лондонской Національной Конференціи 8-го декабря.



Говорящая машина, изобрѣтенная М. Фаберомъ въ Вѣнѣ. (Гравировалъ А. Шлиперъ.)

Мировой судья.

Повѣсть Луи Колласъ.

IV.

Госпожа Ботерель съ Урсулою сидѣли на террасѣ, въ саду. Несчастная мать грустно смотрѣла въ даль; ея глаза, повидимому, совершенно не видѣли той роскошной понорамы, какая разстилалась передъ нею. А между тѣмъ, было на что залюбоваться: у самыхъ почти ногъ разливался серебристою лентой небольшой ручей, извиваясь межь зеленѣющихъ береговъ, на которыхъ обрисовывались силуэты живописныхъ скалъ и утесовъ. Разсѣянные вдалекѣ холмы манили къ себѣ роскошными гроздями винограда, тяжело висѣвшими на своихъ вѣтвяхъ; густая зелень деревьевъ такъ и тянула отдохнуть подъ свой уютный кровъ. Но, повторяю, мысли г-жи Ботерель были далеки отъ всего этого; она съ грустью думала о своей старшей дочери, о ея предстоящемъ бракѣ съ Морисомъ Марсолье, который былъ сильно не по душѣ ей, матери; она чувствовала, что ея дорогое дитя стоитъ на порогѣ какой-то пропасти, но какой — она сама вѣрно не знала; да еслибъ и знала, что въ этомъ? вѣдь Марта не послушалась бы ея совѣтовъ и, привыкши все дѣлать по своему, настояла бы на своемъ бракѣ съ Марсолье.

Урсула, по обыкновенію, защищала сестру; она подъискивала оправданія ея ошибкамъ, ея недостаткамъ; она старалась успокоить мать, утѣшить ее въ горѣ. Среди этого разговора, молодая дѣвушка вдругъ вскрикнула: она замѣтила вдали быстро несущуюся лошадь съ едва державшеюся на ней Мартою; лошадь направлялась прямо къ обрыву, находящемуся на вершинѣ холма. Урсула готова была броситься на помощь, но Мартѣ удалось сдержать разгоряченнаго коня и повернуть его на дорогу домой. Молодая дѣвушка замѣтила, что Марта была страшно блѣдна, въѣзжая въ ворота ихъ дома; она надѣялась, что сестра придетъ на террасу сама и разскажетъ все происшедшее съ нею, но Марта не показывалась. Подождавъ нѣсколько минутъ, Урсула пошла въ комнату сестры и тихонько постучала въ дверь; отвѣта не послѣдовало; она стукнула еще разъ, и еще, но также безуспѣшно; она окликнула Марту; въ комнатѣ было все такъ же тихо. Урсула рѣшилась войдти безъ позволенія; тихонько пріотворивъ дверь, она увидала свою сестру въ сильно возбужденномъ положеніи: не снявъ даже съ себя костюма амазонки, Марта бросилась на диванъ и опершись головою на столъ, неподвижно устремила глаза въ землю. Поразительная блѣдность, разлитая по ея лицу, и судорожное подергиваніе всего тѣла свидѣтельствовали, что съ ней произошло что-то необыкновенное. Она не слыхала, какъ вошла Урсула, и очнулась только тогда, когда та осторожно обратилась къ ней со словами:

— Марта, отчего ты не подѣлишься со мной твоимъ горемъ?

Молодая женщина нетерпѣливо пожала плечами и нахмурила брови.

— Скажи мнѣ, что случилось съ тобой; можетъ быть я съумѣю успокоить тебя; тебѣ легче будетъ, если ты раздѣлишь со мной твое горе. Еслибъ ты знала, какъ мнѣ тяжело тебя видѣть такою. Нѣтъ, видно, случилось что нибудь особенное: ты всегда такъ сдержанна, а теперь.... эта страшная блѣдность, эта дрожь.... Марта, полно скрытничать; ты знаешь, какъ я тебя люблю, какъ мнѣ дорого твое счастье...

И Урсула, наклонившись надъ сестрой, долго еще уговаривала ее, стараясь всѣми силами успокоить ее. Но Марту не трогали ласки сестры; она обрывала ее сухими замѣчаніями, отвертывалась отъ ея поцѣлуевъ, отталкивала ея участіе.

— Прости сестра за мою навязчивость,—проговорила, наконецъ, Урсула грустнымъ тономъ упрека.—Я ухожу, не буду больше тебѣ надоѣдать.

Мартѣ сдѣлалось какъ будто совѣство за свою черствость; послѣднія слова Урсулы обезоружили ее.

— Нѣтъ, останься; я сегодня въ дурномъ расположеніи духа и меня все раздражаетъ. Я была всегда несправедлива къ тебѣ.... Послѣ когда нибудь ты все узнаешь, но не сегодня, прошу тебя.

Она усадила подлѣ себя Урсулу, которая, сильно обрадовавшись этому прорвавшемуся чувству, схватила руку сестры и крѣпко сжимала ее въ своей.

Марту тронула доброта Урсулы.

— Послушай, сестра, — заговорила она болѣе веселымъ тономъ,—знаешь о чемъ я думала, когда глядѣла на тебя въ зеркало? Что ты вовсе не такъ дурна, какою считаешь сама себя. Напротивъ, ты даже хороша, мила, а это почти главное въ женщинѣ; къ тому же ты очень умненькая дѣвочка. Только одного недостаетъ въ выраженіи твоего лица: сознанія довольства и счастья.

— Почему ты думаешь, Марта, что я несчастлива?

— Нѣтъ, ты несчастлива, да и какъ ты можешь быть счастливою? Я постоянно загоняла тебя, глумилась надъ тобою, заставляла исполнять разные капризы.... Нѣтъ, нѣтъ, ты положительно несчастлива: и постоянно грустное выраженіе твоего лица, интонація голоса, любовь къ уединенію,—все это доказываетъ. Я бы раньше должна была распросить тебя объ этомъ, я твоя старшая сестра, ты имѣешь право на мои совѣты. Но между нами стало какое-то недоразумѣніе; ты замкнулась сама въ себѣ, а я и не подумала о томъ, чтобы вызвать тебя на откровенность.

Урсула могла бы на это отвѣтить, что Марта не только не вызывала ее къ откровенности, но даже заглушала малѣйшее ея проявленіе своимъ высокомѣрнымъ отношеніемъ къ ней, но молодая дѣвушка была слишкомъ счастлива вниманіемъ сестры, чтобы напомнить объ этомъ.

— Ахъ, Марта, если я и была чѣмъ либо несчастлива, то единственно только тѣмъ, что ты не позволяла мнѣ любить тебя. Теперь я совершенно довольна и счастлива.

— И такъ, значитъ, между нами теперь полная откровенность,—проговорила Марта. Ну, покажи же ты первая ея примѣръ: скажи, почему тебѣ всегда такъ не нравилась идея замужества?

— Потому что тѣ, за кого я могла выдти замужъ, мнѣ не нравились.

— Вотъ какъ! Значитъ, былъ нравящійся, но за котораго ты не могла выйдти, — произнесла Марта, смотря въ упоръ въ глаза Урсулы.

Дѣвушка вспыхнула.

— Да, но тотъ, кого я люблю, или, вѣрнѣе, любила, уже на томъ свѣтѣ.

— Ты говоришь про Эдуарда Авріаля?

— Да, про него; онъ былъ для меня идеаломъ человѣка, я его почти боготворила, всѣ лучшія мои воспоминанія сосредоточиваются около него. И какъ же мнѣ было не любить его, когда это единственный человѣкъ, который не только никогда не третировалъ меня, но еще возвышалъ въ моихъ собственныхъ глазахъ. Съ какою нѣжностью, съ какимъ вниманіемъ относился онъ ко мнѣ, всѣми заброшенной. Какъ сейчасъ, помню я одинъ день, когда мы, цѣлымъ обществомъ, отправились на прогулку въ горы. Насъ было очень много, всѣ веселились, шумный смѣхъ далеко разносился въ воздухѣ; ты, какъ всегда, была центромъ, около котораго кружилась молодежь; мною же рѣшительно никто не занимался, меня какъ будто не было, никто не замѣчалъ моего присутствія. Я терпѣлива и не настолько мелочно самолюбива, чтобы завидовать кому либо, а особенно тебѣ, но на этотъ разъ мнѣ стало очень тяжело; я отдѣлилась отъ вашего веселаго общества, добрела до озера и сѣла подъ ивою; грустныя мысли толпились у меня въ головѣ; вслушиваясь въ вашъ смѣхъ, громкимъ эхомъ разносившійся по лѣсу, я думала, отчего я такая несчастная, что никому не нужна, для всѣхъ скучна, никто не хочетъ меня знать. Не помню, долго ли я сидѣла на берегу озера, знаю только, что когда я поднялась, вы всѣ уже уѣхали, оставивъ меня одну въ лѣсу; никто изъ васъ не вспомнилъ обо мнѣ, даже не замѣтилъ моего отсутствія. Я начала звать васъ, но никто не показался, никто не отвѣтилъ на мой зовъ. Кругомъ меня былъ незнакомый лѣсъ, неизвѣстныя мнѣ горы; я не знала куда, въ какую сторону идти, и продолжала стоять на одномъ мѣстѣ, такъ какъ иначе рисковала заблудиться. На небѣ стали показываться облака, собравшіяся, мало по малу, въ тучи; вдали слышались раскаты грома и скоро полилъ дождь; напрасно искала я убѣжища подъ деревьями; крупныя капли пронизывали меня насквозь, такъ что черезъ нѣсколько минутъ на мнѣ не осталось ни одной сухой нитки... Вдругъ я услышала, что меня кто-то зоветъ.... Это былъ его голосъ. Онъ, одинъ только онъ, не забылъ обо мнѣ и давно уже искалъ меня въ горахъ. Буря была еще въ полномъ разгарѣ; надъ самой моей головой трещали сучья, ломались вѣтви, изъ которыхъ нѣкоторыя падали прямо на меня; сильный порывъ вѣтра сорвалъ съ меня шляпу; я едва удержалась на ногахъ и почти была безъ чувствъ, когда ко мнѣ подошелъ Эдуардъ. Онъ скинулъ съ себя пальто, закуталъ имъ меня и повелъ въ домъ дровосѣка въ ла-Роконде, жена котораго обогрѣла меня и дала свою одежду, въ которую я тамъ же переодѣлась. Между тѣмъ буря угомонилась, небо стало проясняться, дождь прошелъ и мы вмѣстѣ возвратились домой. Никто тогда, повидимому, не удивился моему отсутствію и нашему возвращенію вмѣстѣ.

— Такъ это при этомъ удобномъ случаѣ онъ открылся тебѣ въ любви? — спросила Марта, и въ ея тонѣ слышалась насмѣшливая нотка, чего не замѣтила Урсула.

— Нѣтъ, онъ мнѣ ничего не сказалъ тогда, но я сама поняла, что онъ меня любилъ. Только черезъ нѣсколько дней я услыхала отъ него первое слово любви и, хотя это не было для меня неожиданностью, но я до того обрадовалась, до того была счастлива, когда онъ попросилъ моей руки, что словъ нѣтъ передать это тебѣ.

— Значитъ, все случилось къ лучшему, такъ какъ вы оба одинаково любили другъ друга.

— Тѣмъ не менѣе я ему отказала.

Уже не насмѣшка, а что-то болѣе нехорошее слышалось въ тонѣ Марты. Урсула взглянула на нее открытымъ взглядомъ и невольно опустила глаза: ее поразило мрачное выраженіе лица старшей сестры, злобная улыбка, въ которую искривился этотъ красивый ротикъ, нервное дрожаніе руки, которою она конфульсивно мяла салфетку, накрывавшую столъ. Слова замерли на устахъ Урсулы; она больше ничего не сказала; она не объяснила сестрѣ, что отказала любимому человѣку только потому, что не хотѣла возбудить въ своей семьѣ неудовольствіе, такъ какъ была увѣрена, что мать возмутится выходомъ замужъ ея младшей дочери прежде любимой ею старшей; къ тому же она хорошо знала, что лучшею мечтою матери было видѣть Марту женою Авріаля.. Урсула ничего этого не сказала; болѣе того — она раскаявалась даже, что такъ простодушно довѣрила сестрѣ свои сокровенныя мысли; но могла ли она думать, что та, наканунѣ своей свадьбы съ Морисомъ, отнесется такимъ образомъ къ ея сердечнымъ изліяніямъ.

Марта первая нарушила молчаніе.

— Ага, вотъ какъ! Онъ тебя любилъ, ты его, а я и не подозрѣвала этой очаровательной идиліи, — проговорила она съ злобнымъ дрожаніемъ въ голосѣ. — Теперь понятна его постоянная холодность и равнодушіе въ обращеніи со мною.... И онъ еще осмѣливается навязывать мнѣ свои совѣты, прикрываясь, яко-бы, расположеніемъ ко мнѣ, заботливостью...

Марта нервно захохотала. Урсула, стоявшая до сихъ поръ съ поникшею головою, при послѣднихъ словахъ сестры, подняла голову и внимательно поглядѣла ей въ глаза.

— Онъ тебѣ даетъ совѣты? Значитъ, онъ не умеръ? — порывисто спросила она.

— Умеръ, или нѣтъ, не льсти себя напрасными надеждами, — глухо проговорила Марта. — Онъ для тебя навсегда потерянъ, онъ никогда не придетъ больше къ тебѣ.

— Что ты этимъ хочешь сказать?

— Ничего особеннаго.

Урсула стояла пораженная горемъ; на глаза ея набѣжали слезы; сердце тоскливо сжалось: она предчувствовала, что надъ ея дорогимъ Авріалемъ висѣла какая-то бѣда, но какая? Марта не хотѣла больше ничего сказать и эта неизвѣстность страшно томила любящее сердце дѣвушки.

Въ нервномъ возбужденіи она выбѣжала въ садъ и, какъ-бы ища чего-то, вглядывалась во всѣ темныя аллеи и кусты. Вдругъ, она замѣтила на одной изъ грядокъ около цвѣтниковъ слѣды мужскихъ ногъ; она пошла по нимъ, они привели ее къ забору; продолжая поиски, она наткнулась на что-то бѣлое, зацѣпившееся на вѣткѣ; быстро схвативъ эту находку, дѣвушка увидѣла, что это былъ носовой платокъ; она отыскала мѣтку; то были литеры Э. А.

— Нѣтъ сомнѣнія, онъ живъ... онъ здѣсь... недалеко...

Урсула не могла сомкнуть глазъ цѣлую ночь; образъ Авріаля, какъ живой, стоялъ передъ ея глазами; она видѣла его то ласковымъ, нѣжнымъ, какъ въ тотъ памятный день, когда онъ первый разъ сказалъ ей «люблю», то представлялся ей мрачнымъ, серьезнымъ, безмолвнымъ, какъ будто чѣмъ-то убитымъ. Она спрашиваетъ его, что съ нимъ, откуда эта глубокая морщина между бровей, отчего такъ мрачно смотрятъ его прелестные глаза... Все молчитъ. Но вотъ какая-то мрачная птица размахиваетъ громадными крыльями надъ самой его головой и что-то зловѣще каркаетъ... Эдуардъ какъ-то пригибается, все ниже, и ниже... Гдѣ-же онъ? Его нѣтъ...

Едва разсвѣло, бѣдная дѣвушка бросилась въ комнату Марты. Ей надо было все знать, а Марта могла разсказать. Она станетъ умолять ее, цѣловать ея колѣни, обливать слезами ея руки, но допытается, вырветъ у Марты признаніе... Урсула нѣсколько разъ постучала въ дверь, отвѣта никакого; она нагнула ручку, дверь не подалась; она была заперта на ключъ. — Боже мой! Что-же дѣлать? Къ кому обратиться? Къ мировому судьѣ... Да, да... Онъ всегда принималъ живое участіе въ Авріалѣ, онъ добрый, онъ поможетъ...

Урсула быстро одѣлась и выбѣжала изъ дому. На встрѣчу ей попался Морисъ Марсолье, котораго она ненавидѣла всею душою. Свернувъ отъ него въ сторону, она съ тоскою подумала: «Недоброе предзнаменованіе». Дѣйствительно, придя въ домъ мироваго судьи, она узнала, что онъ уѣхалъ. Урсула едва не упала; шатаясь пошла она отъ дому судьи, куда? сама не знала. Ей было теперь все равно, куда идти, только бы не домой. Ноги подкашивались у бѣдной дѣвушки; замѣтивъ первую попавшуюся скамейку, она сѣла на нее. Въ это время по дорогѣ проходилъ докторъ Фреснель; его остановилъ крайне встревоженный видъ Урсулы; онъ нагнулся къ ней и съ участіемъ освѣдомился, что съ ней? Урсула подняла голову, увидала доктора и, вспомнивъ, что Авріаль былъ съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, рѣзко спросила его, не отвѣчая на его вопросъ.

— Послушайте, вы другъ Эдуарда Авріаля?

— Да, я былъ другомъ этого несчастнаго мальчика.

— Почему были, а не есть?

— Умершіе не имѣютъ друзей.

— Не говорите такъ: онъ не умеръ, и вы это знаете лучше меня... вы знаете, вы должны знать, гдѣ онъ теперь?

И она пытливо глядѣла ему въ глаза.

— Почему вы такъ думаете?

— Не думаю, а знаю навѣрно.

Тонъ ея голоса становился все болѣе и болѣе увѣреннымъ. Докторъ Фреснель подумалъ съ минуту.

— Вы правы, мадемуазель,—сказалъ онъ,—я глубоко преданъ Авріалю; вотъ почему я умоляю васъ; не говорите никому, что онъ живъ, и если вамъ удастся встрѣтить его, заклинаю васъ всѣмъ святымъ, сохраните это въ тайнѣ и, въ особенности, мнѣ не говорите, гдѣ его можно найдти.

Дѣвушка удивленно смотрѣла на него.

— Почему?—спросила она.

— Потому, что надъ нимъ тяготѣетъ важное обвиненіе.

— Докторъ, что вы говорите?! И неужели вы считаете его способнымъ на какое-либо преступленіе?

— Я, нѣтъ; я твердо вѣрю въ его честность, но правосудіе основывается не на одной увѣренности, а на фактахъ, на уликахъ.

Урсула была поражена; она не знала, что теперь дѣлать, что предпринимать. Въ это время къ нимъ подошелъ жандармскій офицеръ; онъ искалъ доктора Фреснеля, которому имѣлъ передать нѣкоторыя инструкціи отъ своего начальника и, въ свою очередь, получить для себя. Офицеръ сообщилъ, что судьи почти увѣрены въ возвращеніи Авріаля и потому отдано приказаніе во что-бы то ни стало отъискать его. Докторъ молча выслушалъ донесеніе жандарма. Въ эту минуту къ нимъ приблизился Морисъ Марсолье; онъ зналъ, что все мѣстное начальство было поднято на ноги, за поисками подсудимаго.

— Я очень радъ, что случай столкнулъ меня съ вами,—проговорилъ онъ, поздоровавшись съ офицеромъ и докторомъ Фреснелемъ.—У меня есть кой-какія свѣдѣнія по этому дѣлу, которыя, вѣроятно, вамъ пригодятся; дѣло въ томъ, что въ лѣсу ла-Рокаиде видали какого-то подозрительнаго человѣка, который, видимо, избѣгалъ встрѣчаться съ людьми. Вчера, этотъ неизвѣстный задержалъ въ лѣсу мадамъ де-Каранталь, въ то время, когда она ѣхала въ Гранваль; эта встрѣча до такой степени потрясла ее, что она слегла въ постель и сегодня не могла даже принять меня; въ то время, какъ я, въ ожиданіи доклада, ходилъ по ихъ саду, я наткнулся на слѣды мужскихъ ногъ въ цвѣточныхъ грядахъ, и вотъ на этотъ лоскутокъ сукна, который висѣлъ на заборѣ; нѣтъ сомнѣнія, что кто-то перелѣзалъ къ нимъ въ садъ черезъ заборъ; если онъ вамъ можетъ пригодиться къ дѣлу, возьмите, воспользуйтесь имъ.

Жандармъ поблагодарилъ Мориса за эти свѣдѣнія; докторъ же стоялъ сильно насупившись и не скрывалъ своего дурного расположенія духа. Въ это время поднялась Урсула, которую Морисъ сначала не замѣтилъ изъ-за спины доктора; она была очень взволнована и, видимо, хотѣла что-то говорить. Фреснель быстро предупредилъ ее.

— Не ходите къ тѣмъ бѣднякамъ, про которыхъ вы говорили,—сказалъ онъ;—вы слишкомъ устали, за васъ схожу я; подите лучше отдохните у меня, въ квартирѣ; жена будетъ очень рада васъ видѣть.

И взглядомъ, онъ просилъ ее послушаться.

Морисъ выразилъ желаніе сопровождать жандармскаго офицера въ его поискахъ, ссылаясь на свое хорошее знакомство съ краемъ; въ сущности, онъ не хотѣлъ оставить его глазъ на глазъ съ докторомъ. Урсула же отправилась къ г-жѣ Фреснель; но она сидѣла какъ на горячихъ угляхъ; ей все мерещилось, что Морисъ повелъ жандармовъ на вѣрный слѣдъ ея дорогого Эдуарда; ей уже представлялось, что его ведутъ въ тюрьму, какъ послѣдняго негодяя-преступника. Она не могла оставаться покойной; извинившись передъ женою доктора, она пошла по дорогѣ въ ла-Рокаиде; что-то ей говорило, что если Авріаль здѣсь, то онъ навѣрно нашелъ себѣ убѣжище въ той самой хижинѣ, гдѣ укрылъ ее отъ бури. Во всякомъ случаѣ, она должна была увидѣть его, чтобы предупредить объ опасности, ему угрожавшей; сознаніе этого долга придавало ей силу и смѣлость; избирая самыя укромныя тропинки, рискуя расцарапать себѣ лицо и руки о плотно переплетенныя между собою вѣтви елей, не боясь повредить ноги о поминутно встрѣчавшіяся пни и кочки, дѣвушка быстро направлялась къ знакомой хижинѣ. Достигнувъ просѣки, она оглядѣлась во всѣ стороны, думая, не увидитъ-ли гдѣ нибудь Авріаля, или онъ ее; въ это время раздался выстрѣлъ и показалось легкое облачко дыма: кто-то охотился въ лѣсу; вдали виднѣлись силуэты двухъ жандармовъ,—и больше никого и ничего. Урсула торопливо продолжала путь; скоро она увидала скрывавшуюся въ деревьяхъ избу дровосѣка; сдерживая дыханіе, едва касаясь земли, осторожно прокрадывалась она къ воротамъ; на скамьѣ, у калитки, сидѣла Маріанна съ ребенкомъ на рукахъ, котораго убаюкивала обычнымъ колыбельнымъ напѣвомъ. Увидавъ дѣвушку, она почти испугалась ея блѣдности и встревоженнаго вида.

— Что съ вами, барышня?—съ безпокойствомъ спросила она.

Урсула отвѣчала не вдругъ.

— Гдѣ Авріаль? — спросила она наконецъ, едва переводя дыханіе.

Маріанна молчала, не зная, что сказать. Оправившись отъ этого неожиданнаго вопроса, она стала увѣрять, что ничего не знаетъ, никого не видала и что̀ она спрашиваетъ про г. Авріаля, когда всѣмъ извѣстно, что онъ умеръ.

Но сбивчивость въ словахъ, и какая-то безпокойная суетливость доказывали, что Маріанна знаетъ, гдѣ находится Авріаль.

— Ваши отвѣты выдаютъ васъ, онъ долженъ быть здѣсь;—увѣренно проговорила Урсула.—Умоляю васъ, проведите меня къ нему, я его другъ, я должна спасти его, такъ какъ его ищутъ жандармы и, черезъ нѣсколько минутъ, можетъ быть, они придутъ сюда.

Въ это время изъ-за елей показалась чья-то тѣнь... Что это, обманъ воображенія?... Нѣтъ, это онъ, да, онъ... Онъ услыхалъ ея голосъ и вышелъ самъ... Урсула задрожала и вскрикнула, не будучи въ состояніи сдержать волненіе.

— Какая счастливая звѣзда привела васъ сюда, Урсула?—проговорилъ Авріаль.—А я ужъ думалъ, что мнѣ придется уѣхать отсюда, не видавъ васъ, не поговоривъ съ вами. Какъ мнѣ благодарить васъ, что вы пришли сюда.

Урсула перебила его, напомнивъ объ угрожавшей ему опасности. Маріанна ничего не понимала, но, видя волненіе и страхъ молодой дѣвушки, принялась дрожать и сама. По просьбѣ Авріаля и Урсулы, она указала первому глухую тропинку, по которой онъ могъ выбраться въ глухой лѣсокъ, гдѣ его никто не могъ преслѣдовать. Не подалеку былъ и Жеромъ; онъ станетъ караулить и его пѣснь будетъ служить предостереженіемъ объ опасности.

Авріаль и Урсула направились въ указанный лѣсъ; деревья были здѣсь до такой степени густы и часты, что въ нѣсколькихъ шагахъ нельзя было различить человѣка. Старательно раздвигая руками вѣтви, они выбрались на небольшую просѣку, всю устланную мохомъ, подобно бархатному ковру. Въ лѣсу было совершенно тихо, только изрѣдка встрепенется птица и, перелетѣвъ съ вѣтви на вѣтвь, пошумитъ листьями; Авріаль усадилъ дѣвушку на широкій пень, заросшій мохомъ, и самъ примостился подлѣ; ему было такъ хорошо, такъ покойно, что всякая мысль объ опасности оставила его.

— Мы думали, что вы умерли, — шепотомъ говорила Урсула,—и каждый день вспоминали о васъ. Зачѣмъ вы не пришли раньше разувѣрить насъ въ этомъ, столько мучили? И теперь, чѣмъ бы радоваться, наслаждаться счастьемъ, надо думать о томъ, чтобы никто васъ не замѣтилъ, надо прятаться, и... сознавать,—о Боже мой! —что надъ вашей головой виситъ страшная бѣда. Я не знаю, въ чемъ васъ обвиняютъ, я ничему не вѣрю, я знаю, что вы честный, благородный, искренній въ высшей степени, но, видно, случилось что-нибудь важное, что вы такъ старательно скрываетесь.

Я долженъ былъ уѣхать, Урсула; не спрашивайте, почему; возвратился же потому, что вашей сестрѣ угрожаетъ страшная будущность, въ случаѣ ея замужества съ Морисомъ Марсолье; я пріѣхалъ нарочно, чтобы разстроить этотъ бракъ.

— О, есть очень вѣрное средство для этого.

— Какое?

— Только исполнить завѣтное желаніе моего покойнаго отца, что сдѣлаетъ счастливою и Марту, и всѣхъ въ нашемъ семействѣ; это—жениться самому на Мартѣ.

Великодушное дитя хотѣло разомъ спасти двоихъ: и Марту, и самого Авріаля. Она хорошо знала свою сестру, для того, чтобы не ожидать отъ нея какихъ-либо непріятностей, послѣ вчерашняго объясненія; ея уколотое самолюбіе могло побудить ее даже на месть. Урсула хорошо поняла, что Марта сама любила Авріаля, теперь же это чувство могло обратиться въ ненависть къ нему, и надѣлать много зла. Въ то же время, она была увѣрена, что если Марта захочетъ, она можетъ спасти Авріаля.

— Жениться на вашей сестрѣ, Урсула?—Но развѣ вы не знаете, что она меня ненавидитъ.

— Ненависть иногда очень близка къ любви. Вы ее не понимали, ваша холодность и равнодушіе раздражали ее, возбуждали въ ней ревность, вотъ почему она держалась съ вами всегда такъ высокомѣрно. Ахъ, если-бы вы согласились позволить васъ любить. Вы бы все могли съ нею сдѣлать; она бы перестала быть такой гордой, капризной, самолюбивой; она сама говорила, что сойдетъ съ своего пьедестала только для того человѣка, котораго полюбитъ и будетъ взаимно любима. Вы были первымъ и, можетъ быть, послѣднимъ, съумѣвшимъ покорить ея непокорное сердце, въ вашей власти было взять ее въ свои руки, вы этого не хотѣли, не хотите и теперь, и вотъ почему она выходитъ замужъ за Мориса Марсолье, хотя болѣе чѣмъ равнодушна къ нему и не ожидаетъ съ нимъ счастья. Другъ мой! Не отталкивайте отъ себя Марту, разглядите въ ней тѣ хорошія стороны ея характера, которыя она умышленно заглушаетъ въ себѣ; сдѣлайте счастливыми и ее и себя!...

Урсула вся горѣла; въ эту минуту она была восхитительно хороша.

— И это говорите вы, Урсула, вы, которой я нѣсколько времени тому назадъ открылъ тайну моего сердца?

— Это былъ не болѣе, какъ сонъ; онъ ужъ давно прошелъ и вы сами отъ него отреклись.

— Если я и отрекся отъ него, то только потому, что та, которую я любилъ, меня оттолкнула. Отчего вы не вняли тогда моей просьбѣ? Тогда, можетъ быть, событія приняли-бы другой исходъ и намъ не было-бы нужды, какъ теперь, оплакивать невозможность съ нашей стороны предотвратить несчастія, грозящія какъ намъ самимъ, такъ и близкимъ намъ людямъ.

Урсула ничего не сказала; энергія, охватившая ее сначала, теперь совсѣмъ оставила ее; поникнувъ головой, она сидѣла смертельно блѣдная, надломленная, убитая горемъ, едва сдерживая подступавшія къ горлу рыданія.

— Теперь я уже ничего, ни для кого, не могу здѣсь сдѣлать, — продолжалъ Авріаль. — Но, прежде, чѣмъ я уйду, я хотѣлъ-бы сказать вамъ одно слово: Вы знаете, Урсула, въ какомъ преступленіи меня обвиняютъ?

— Нѣтъ, — прошептала она едва слышно.

— Подозрѣваютъ, что я убилъ Семонселя.

Урсула не была подготовлена къ этому новому горю.

— Вы! вы! вы!—вскрикнула она.—Боже, какая низость! Нѣтъ, это невѣроятно, невозможно! Они, должно быть, съумасшедшіе, всѣ тѣ, которые думаютъ такъ.

— Благодарю, Урсула; этотъ крикъ, вырвавшійся у васъ отъ сердца, придалъ мнѣ силы. Я хорошо сдѣлалъ, что пришелъ сюда и увидѣлся съ вами: мнѣ было бы слишкомъ тяжело думать, что и вы раздѣляете общія подозрѣнія. Когда я буду далеко отсюда, вы засвидѣтельствуете мою невинность, Урсула.

Пораженная неожиданностью, Урсула почти не слыхала, что говорилъ Авріаль; широко раскрывъ глаза, она безсознательно смотрѣла куда то вдаль, вся дрожа и блѣднѣя; ея полуоткрытыя губы что-то шептали и изъ этого безпорядочнаго лепета можно было различить короткія восклицанія:

— Боже мой!... это ужасно!... Господи!... За что!... Непостижимо!... Ахъ, Боже, Боже мой! сжалься!...

Авріаль страшно перепугался за Урсулу; около него никого не было, чтобы оказать какую-либо помощь бѣдной дѣвушкѣ, готовой лишиться чувствъ; положивъ на свое плечо ея пылающую голову, онъ старался, сколь возможно, словами успокоить ее, ободрить. Вдругъ, невдалекѣ подъ чьей-то ногой хрустнула сухая вѣтка. Урсула, какъ ужаленная, вскочила на ноги, но тутъ уже силы совсѣмъ ее оставили; она вскрикнула и, какъ снопъ, свалилась на руки Авріаля.

— Успокойтесь, это я,—послышался голосъ Жерома;—жандармы ушли, сегодня ужъ больше не вернутся, но г. Морисъ продолжаетъ еще охотиться въ окрестностяхъ. Ужъ поздно, позвольте я васъ провожу, барышня

Урсула не двигалась. Контрабандистъ нагнулся надъ ея ухомъ и прошепталъ нѣсколько словъ, которыя, повидимому, произвели сильное впечатлѣніе на дѣвушку; она очнулась и обвела кругомъ тусклымъ взглядомъ. Жеромъ сдѣлалъ ей знакъ молчанія.

— Да, правда, надо идти. Прощайте, Эдуардъ, нѣтъ, до свиданія! вы еще не уѣзжайте.

Урсула и Жеромъ пошли по направленію къ ла-Рикарде. Нѣсколько минутъ они ничего не говорили; Урсула первая прервала молчаніе.

— Это правда, что вы его спасете? Вы твердо увѣрены въ возможности этого?

— Да, обѣщаю вамъ, что спасу его; я слышалъ вашъ разговоръ; это обвиненіе—ужасно! Я знаю, что онъ невиненъ въ смерти Семонселя и хотя я связанъ честнымъ словомъ, но разскажу по этому дѣлу все, что знаю; я выгорожу г. Авріаля, клянусь вамъ.

Жеромъ одушевился и голосъ его громко раздавался по лѣсу; онъ не догадывался, что два глаза слѣдятъ за нимъ изъ-за кустарниковъ и что обладатель ихъ жадно ловилъ каждое его слово.

— Если вы только это сдѣлаете, Жеромъ, знайте, что не будетъ въ моей жизни того дня, когда бы я не благословляла ваше имя.

Они пришли въ ла-Рикарде уже вечеромъ.

— Считайте меня своимъ преданнымъ другомъ, — проговорила Урсула съ своей милой улыбкой, прощаясь съ контрабандистомъ.

— Я исполню свою обязанность, — отвѣтилъ онъ.

Она не замѣтила грустной ноты, прозвучавшей въ этой послѣдней фразѣ; радостныя надежды слишкомъ уже поглотили ея сердце.

Потрясенія, испытанныя Урсулою въ этотъ день, дали себя почувствовать бѣдной дѣвушкѣ; въ тотъ же вечеръ она захворала и должна была слечь въ постель.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

Между Болгарами.

Путешествіе Вильгельма Лежана.

(*Продолженіе*).

Губернаторъ Болгаріи Митхадъ-паша. Реформы, банкъ земледѣльческаго кредита, логичные ростовщики.—Основаніе Султаніи и будущность.

Вода стала спадать, а потому мы торопились вернуться въ Рущукъ. Послѣ Волги, Дунай величественнѣйшая рѣка въ Европѣ; въ августѣ онъ бываетъ на столько мелководенъ, что едва только легкіе пароходы «австрійскаго общества пароходства» могутъ двигаться по немъ; мы же съ трудомъ прошли около Систова, и если бы опоздали еще дня на два, то намъ пришлось бы нѣсколько мѣсяцевъ пробыть въ верху рѣки.

Въ Рущукѣ я простился съ моими любезными товарищами, которые отправились въ Галачь. Дежарденъ намѣревался посѣтить развалины Троезмиса на Добруджѣ, гдѣ ему пришлось прожить долѣе предположеннаго имъ времени, вслѣдствіе схваченной имъ сильной горячки. Съ своей стороны я также торопился поскорѣе выбраться изъ Рущука, чтобы пуститься въ дальнѣйшее изслѣдованіе страны. Троезмисъ была крѣпость, построенная римлянами для наблюденія надъ судоходствомъ по Дунаю; впослѣдствіи она была возобновлена Юстиніаномъ. Развалины этой крѣпости открылъ Энгельгардтъ, невдалекѣ отъ Браилова, а тщательное описаніе ихъ сдѣлано гг. Баассіэромъ и Бодри въ 1865 году.

Живя въ Рущукѣ, я счелъ вполнѣ естественнымъ и необходимымъ познакомиться со знаменитымъ диктаторомъ всей страны, человѣкомъ, о которомъ одновременно говорилось какъ много хорошаго, такъ и много дурнаго.

Митхадъ-паша занималъ должность генералъ-губернатора Болгаріи, переименованной въ Дунайскій вилайэтъ. Въ немъ я встрѣтилъ человѣка европейски образованнаго, обуреваемаго широкими планами, долженствовавшими, по его мнѣнію, поднять экономическое положеніе всей управляемой имъ страны. *).

Открытый Митхадомъ-пашею провинціальный банкъ давалъ деньги въ ссуду по 9%. При должномъ порядкѣ это учрежденіе являлось благодѣяніемъ для края, гдѣ средній процентъ былъ 12—15. Чтобы основать банкъ, Митхадъ потребовалъ помощь *чорбаджей* (чорбаджъ—муниципальный чиновникъ), которые состояли не только членами меджлиса, т. е. общиннаго совѣта, но были и наиболѣе крупными капиталистами.

Большинство чорбаджей такимъ образомъ отвѣтило на предложеніе Митхада-паши:

— Мы не можемъ принять вашего проекта потому, что живемъ ссудою денегъ. Сегодня мы получаемъ 12%, а изъ вашего банка будемъ получать только 9%, слѣдовательно, сразу теряемъ ¼ своей ренты.

Но несмотря на этотъ протестъ, Митхадъ осуществляетъ свой, якобы, благодѣтельный проектъ слѣдующимъ чисто турецкимъ способомъ: съ каждой деревенской общины по его приказанію собирается извѣстная часть ржи, которая продается въ Рущукѣ, Систовѣ или Никополѣ, а вырученная сумма поступаетъ въ основной капиталъ, изъ котораго и выдавались потомъ суммы по 9%.

Крестьяне сначала предполагали пользоваться услугами банка, открытаго на отнятые у нихъ крохи; но, какъ показали послѣдствія, предположеніямъ этимъ не суждено было осуществиться.

Въ банкъ стали обращаться люди различныхъ сословій изъ города, мусульмане, чиновники или тѣ изъ приближенныхъ паши, которыхъ игра, или гаремъ привели къ нуждѣ; банкъ, не обращая никакого вниманія на недостаточность залога такихъ заемщиковъ, совершенно свободно выдавалъ имъ деньги, но вотъ приходитъ срокъ платежа, у должника нѣтъ ничего; его вызываютъ въ контору, тотъ проситъ объ отсрочкѣ.

— Братъ, *кардахъ*, у меня нѣтъ ни гроша, но черезъ годъ, если Аллахъ позволитъ, инхаллахъ, все отдамъ.

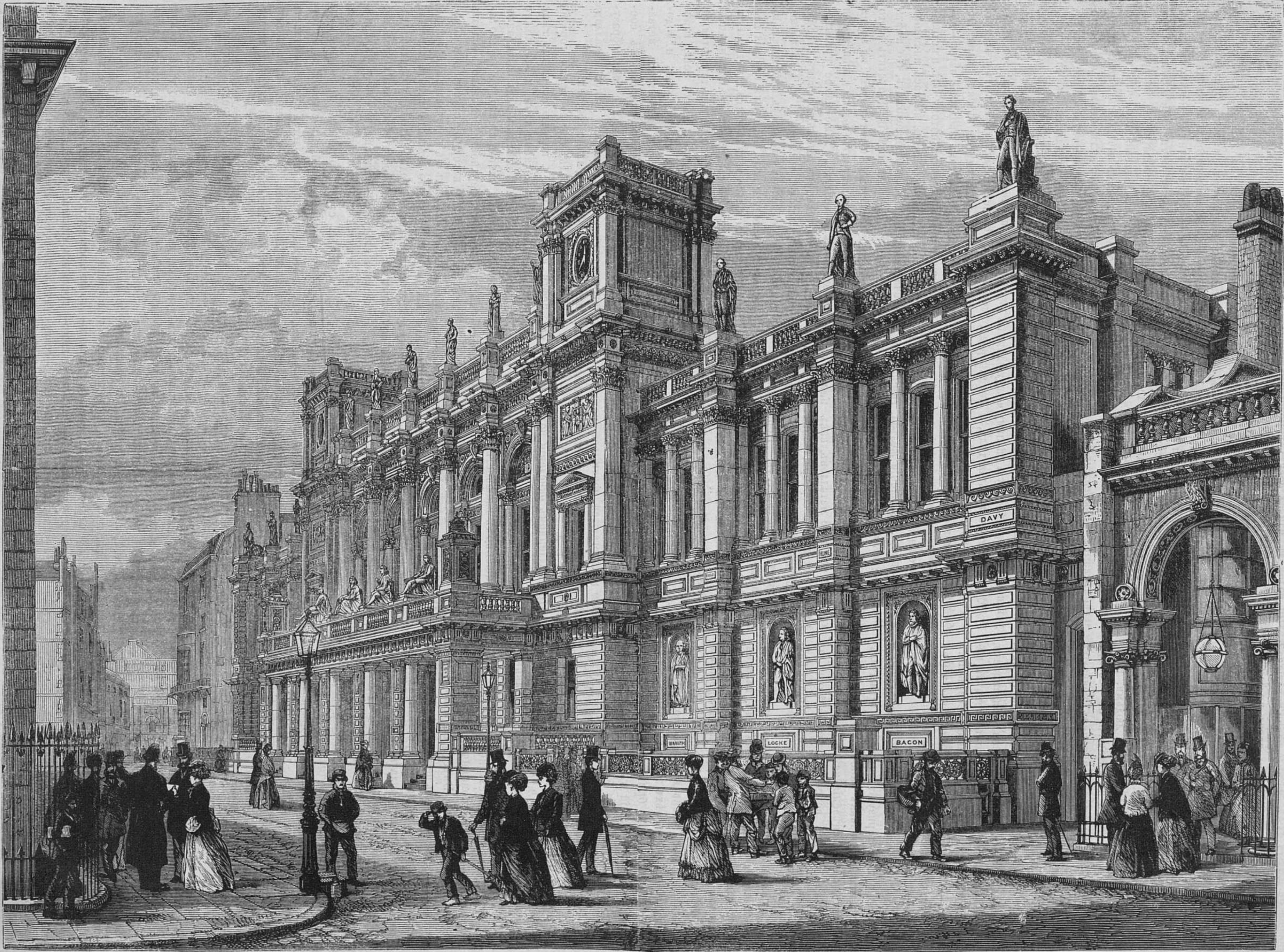
Какже тутъ взыскивать? Правленіе банка соглашается и отсрочка дается на годъ. Но чрезъ годъ та же исторія. Когда же приходитъ дѣйствительный кліентъ банка, крестьянинъ, положившій часть своего имущества въ основной капиталъ, и представитъ соотвѣтственный залогъ, то ему отвѣчаютъ.

— Пра яктуръ нѣтъ денегъ. Наивный читатель можетъ быть скажетъ, что дунайская провинція имѣетъ вполнѣ выработанныя спеціальныя постановленія; мы читали ихъ во всѣхъ европейскихъ газетахъ, онѣ были разосланы даже по всѣмъ министерствамъ иностранныхъ дѣлъ. Это дѣйствительно такъ, вполнѣ выработанныя постановленія были опубликованы... но только для того, чтобы пустить пыль въ глаза честной и легковѣрной Европѣ.

Мнимыя реформы, теперь, какъ и всегда, были и будутъ комедіею, по обстоятельствамъ, которыя исчезнутъ только вмѣстѣ съ Турціей; эти обстоятельства заключаются, вопервыхъ, въ неслыханной продажности всѣхъ чиновниковъ и, во вторыхъ, въ неравноправности мусульманъ и христіанъ. Я могъ бы привести много печальныхъ примѣровъ продажности должностныхъ лицъ; но такъ какъ нахожусь теперь въ Рущукѣ, то скажу лучше о безчисленномъ множествѣ казненныхъ и повѣшенныхъ болгаръ послѣ возстанія въ 1867 г. Іюньское возстаніе было вполнѣ политическое. Согласно постановленію международнаго конгресса, возставшіе сражались честно и не позволили себѣ ни одного насилія въ мѣстности, гдѣ въ теченіи двухъ недѣль они господствовали; а поэтому, наказавъ зачинщиковъ, не слѣдовало ли помиловать другихъ? Зачѣмъ было, напримѣръ, вѣшать шестнадцатилѣтнихъ

---

*) Г. Ламанъ, описывая далѣе Митхада-пашу, выставляетъ этого кровопійцу и деспота, мудрымъ и справедливымъ правителемъ. Даже редакція «Tour du monde», въ которомъ печатались путешествія Лежана, выражаетъ сомнѣнія въ описаніи автора о бывшемъ губернаторѣ, нынѣшнемъ великомъ визирѣ Турціи, творцѣ конституціи и виновникѣ тѣхъ ужасныхъ злодѣйствъ, которыя были совершены въ Болгаріи по его велѣнію. Впрочемъ, самъ авторъ помѣщаемаго нами путешествія, быть можетъ, невольно выводитъ Митхадъ-пашу въ истинномъ свѣтѣ, говоря объ устроенномъ имъ въ Болгаріи провинціальномъ банкѣ, который, въ концѣ концевъ, изъ благодѣтельнаго учрежденія, какимъ оно должно было быть по проекту Митхада-паши, преобразовалось въ учрежденіе, окончательно разорявшее—относительно состоятельный классъ болгаръ торговцевъ, промышленниковъ и мелкихъ крестьянскихъ собственниковъ.


DAVY
HUME
LOCKE
BACON

Новое зданіе лондонскаго университета. Рисовалъ П. Соколовъ, гравировалъ А. Шель.

дѣтей? Такая строгость возмущаетъ, особенно, когда подумаешь, вслѣдствіе какихъ, на самомъ дѣлѣ, ничтожныхъ причинъ начальники курдовъ приказывали мучить и терзать тысячи христіанъ?

Одинъ изъ молодыхъ инсургентовъ, по фамиліи Дрони, родомъ изъ Ескизагра, раненый въ одной изъ стычекъ съ турками, былъ взятъ въ плѣнъ и представленъ пашѣ. Послѣдній спросилъ, что вынудило его взяться за оружіе.

— Вы сами,— отвѣтилъ юноша.— Вы удвоили, даже утроили подать; принуждаете строить селенія для всѣхъ черкесскихъ эмигрантовъ и дѣлиться нашимъ сборомъ съ тѣми людьми, которые не только ничего не дѣлаютъ, но повсюду шляются, обворовываютъ и, наконецъ, убиваютъ насъ. Вы не принимаете насъ въ войска для того только, чтобы брать съ насъ выкупъ, который платятъ даже грудные дѣти. Мы просимъ, чтобы подати были уменьшены, а вы присылаете жандармовъ, которые, забывая свои обязанности, только безплатно живутъ на нашъ счетъ въ нашихъ деревняхъ и грабятъ насъ. Созрѣваетъ хлѣбъ — вы приказываете убирать наши жатвы безъ всякаго вознагражденія, не дозволяя намъ ни сѣять, ни жать...

Всѣ эти объясненія вполнѣ справедливы и прекрасно характеризуютъ турецкое правительство. Митхадъ призналъ наиболѣе радикальнымъ средствомъ для исцѣленія всѣхъ этихъ недуговъ нѣсколько аршинъ веревокъ, для висѣлицъ, на которыхъ погибли лучшіе люди и передовые бойцы во всей Болгаріи.

Уѣзжая изъ Рущука, я сдѣлалъ прощальный визитъ пашѣ. Я засталъ его занятымъ, заваленнымъ кипою картъ, плановъ и проектовъ. Онъ показалъ мнѣ нѣсколько образчиковъ рельсовъ для желѣзной дороги изъ Плевна къ Дунаю, и, повидимому, былъ очень доволенъ моими похвалами относительно всѣхъ этихъ проектовъ. Впрочемъ, похвалы мои были чистосердечные. Городъ Плевно — лежащій въ самомъ центрѣ Болгаріи, вообще городокъ самый красивый и чистый, окруженъ плодородной почвой, продукты которой имѣютъ плохой сбытъ вслѣдствіе несовершенной обработки. Въ тридцатишести киллограммахъ отсюда лежитъ Никополь, портъ Плевно, расположенный, къ несчастью, среди равнины, неудобной для желѣзной дороги.

Проведеніе здѣсь желѣзной дороги должно значительно поднять экономическое и земледѣльческое положеніе края. Вмѣстѣ съ тѣмъ удвоится значеніе Плевно, какъ центра торговли рожью для ловчанской провинціи. Крестьянинъ, зная, что обработка полей оплатится (въ настоящее время гектолитръ пшеницы стоитъ здѣсь шесть франковъ) возмется за плугъ, заткнетъ за поясъ топоръ и страна воскреснетъ для новой жизни. Но все это пока однѣ только предположенія, такъ какъ и всѣ вообще улучшенія въ Турціи; впрочемъ, гораздо лучше думать объ этомъ, чѣмъ, напримѣръ, о висѣлицахъ въ Систовѣ и Тырновѣ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

* * *

Что такое огонь?

Изъ популярныхъ писемъ о химіи, Б. Рейхмана.

(*Продолженіе*).

Кислородъ нѣсколько тяжелѣе воздуха. Его вѣсъ равенъ 1,43; это значитъ, что если данный объемъ воздуха вѣситъ, напр., одинъ фунтъ, то точно такой же объемъ кислорода вѣситъ 1,43 или почти полтора фунта. Кислородъ, кромѣ того, что поддерживаетъ горѣніе тѣлъ, составляетъ еще и непремѣнное условіе дыханія. Вотъ почему, мы можемъ жить только въ такомъ воздухѣ, который заключаетъ въ себѣ этотъ газъ. Въ одномъ азотѣ, который, какъ извѣстно, составляетъ другую часть воздуха, животныя не могутъ дышать и потому скоро умираютъ. Если мы помѣстимъ подъ стеклянный, герметически закрытый колоколъ, или въ сосудъ, хорошо закупоренный, мышь или воробья, то животныя, поглотивъ кислородъ, погибаютъ, а въ сосудахъ останется, кромѣ весьма незначительной части непоглощеннаго кислорода, другая составная часть воздуха, то есть азотъ, или газъ, возстановленный вслѣдствіе соединенія частей тѣла животнаго съ кислородомъ; вслѣдствіе такихъ свойствъ двухъ газовъ, входящихъ въ составъ воздуха, прежніе химики называли кислородъ газомъ *поддерживающимъ жизнь*; названіе же азота означаетъ на греческомъ языкѣ: *неподдерживающій жизни*.

Мы говорили уже о томъ, что желѣзо сгораетъ безъ пламени, не смотря на то, что это послѣднее явленіе обыкновенно считается непремѣннымъ условіемъ всякаго горѣнія. Однако химики установили опредѣленную разницу между однимъ и другимъ родомъ горѣнія тѣлъ, и первый родъ, обусловливающійся появленіемъ свѣта, назвали быстрымъ горѣніемъ, послѣднее же медленнымъ. Къ разряду медленнаго горѣнія, кромѣ дыханія, относятся еще и другія, всѣмъ извѣстныя явленія, какъ напр., ржавленіе желѣза, гніеніе и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, измѣняющіяся тѣла соединяются съ кислородомъ, или, выражаясь научно, *окисляются*. Окисленіемъ называется также и сгораніе металловъ, какъ напр., олова, ртути, или живого серебра, цинка и т. д., которое наступаетъ всякій разъ, когда эти металлы нагрѣваются въ воздухѣ. Первоначально на нихъ образуется легкій налетъ порошка, а послѣ дальнѣйшаго нагрѣванія тѣла все вещество металла измѣняется въ порошкообразную массу. Это окисленіе наблюдается и при обыкновенной комнатной температурѣ, такъ напр. ржавленіе желѣза, причемъ однако металлъ не окисляется совершенно, а теряетъ только блескъ, вслѣдствіе образованія на его поверхности тонкаго налета окиси этого металла. Такому окисленію подвергаются почти всѣ металлы, кромѣ такъ называемыхъ благородныхъ, каковы: золото, платина и т. д.

При медленномъ окисленіи большую роль играютъ водяные пары, находящіеся въ воздухѣ. Вновь-выполированное желѣзо, находясь въ воздухѣ, лишенномъ влажности, или же въ совершенно сухомъ кислородѣ, не лишается блеска, то есть не окисляется; но оно быстро ржавѣетъ, будучи предоставлено дѣйствію атмосфернаго воздуха, который заключаетъ всегда большее или меньшее количество влажности. Слѣдовательно, при окисленіи металловъ, вода играетъ роль высокой температуры.

Съ перваго взгляда кажется, будто существуетъ громадная разница между окисленіемъ металла и сгораніемъ сала, дерева, нефти, угля и т. п. Такъ, напримѣръ, по сожиганіи желѣза, образуется ржавчина или другая окись желѣза, смотря потому, происходило ли сгараніе медленно или быстро; послѣ сожиганія цинка остается окись цинка, послѣ магнезіи, ея окись или магнезія, употребляемая какъ лекарство и т. д.

Совершенно другое явленіе наблюдается въ томъ случаѣ, когда сгораетъ свѣтильный газъ, уголь, сало, воскъ, дерево, нефть и тому подобныя вещества, употребляемыя повсемѣстно или для отопленія, или для освѣщенія. По совершенномъ сгораніи ихъ или ничего не остается, или же получается относительно небольшое количество пепла. Что происходитъ съ этими веществами? Не уничтожаетъ ли ихъ огонь совершенно и не обращаетъ ли ихъ въ ничто? Такъ предполагали въ прежнее время и даже теперь существуетъ мнѣніе будто огонь только уничтожаетъ, истребляетъ, пожираетъ; кромѣ того предполагали еще будто огонь есть какое-то особенное вещество, стихія, которая сожигаетъ тѣла и уничтожаетъ ихъ. Но не такъ думаютъ въ настоящее время.

Выше мы говорили, что горѣніе тѣлъ есть соединеніе ихъ съ кислородомъ; самъ же огонь, т. е. свѣтъ и тепло отнюдь не какое либо вещество или матерія, но явленіе, которое при сожиганіи, напримѣръ, нефти, обусловливаетъ соединеніе ея съ кислородомъ, переводитъ ее въ другое состояніе, но ея отнюдь не уничтожаетъ и не обращаетъ ее въ ничто. Представленіе объ уничтоженіи дерева, нефти и т. д. во время ихъ горѣнія, явилось вслѣдствіе того, что продукты этого горѣнія невидимо исчезаютъ передъ нашими глазами. На самомъ дѣлѣ, однако, подобнаго исчезновенія тѣлъ не существуетъ. Продукты горѣнія этихъ тѣлъ улетучиваются въ видѣ газа, распространяются въ воздухѣ и тамъ остаются. Нефть, напр., заключаетъ въ своемъ составѣ уголь и газъ, называемый водородомъ; эти тѣла, соединяясь съ кислородомъ, образуютъ угольную кислоту и воду, находящуюся въ видѣ пара. Но какъ угольная кислота, такъ и водяные пары—тѣла летучія и безцвѣтныя, а потому онѣ и исчезаютъ въ воздухѣ, не производя, на насъ никакого впечатлѣнія. Нельзя ли предположить, что нефть уничтожается во время горѣнія? Допустить этого совершенно невозможно и вотъ почему: во время горѣнія нефти происходитъ только измѣненіе и переходъ ея въ воздухъ. Тоже самое происходитъ и съ свѣтильнымъ газомъ, деревомъ, саломъ, стеариномъ, масломъ, воскомъ и т. д., которые, заключая въ себѣ уголь и водородъ, переходятъ въ угольную кислоту и воду. Во время горѣнія они улетучиваются только въ томъ мѣстѣ, гдѣ сгораютъ, и гдѣ, слѣдовательно, соединяются съ кислородомъ, но не исчезаютъ совершенно, не уничтожаются, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Кромѣ того, горѣніе тѣлъ, заключающихъ въ себѣ уголь и водородъ совершенно сходно съ окисленіемъ металловъ. Какъ здѣсь, такъ и тамъ происходитъ соединеніе тѣлъ съ кислородомъ, при чемъ образующіяся отъ этого соединенія окиси металловъ переходятъ въ газообразное состояніе.

Я только что сказалъ, что во время горѣнія нефти, стеарина и т. д. получаются новыя тѣла: угольная кислота и водяные пары, и это можно доказать на опытѣ. Помѣстивъ надъ зажженною свѣчею холодное и чистое стекло, не трудно замѣтить, что на поверхности его станетъ осядать вода въ видѣ росы, которую, спустя нѣкоторое время, можно собрать въ подставленный сосудъ; мы увидимъ тогда, что эта вода имѣетъ качества дистиллированной воды. Чтобы убѣдиться затѣмъ въ дѣйствительности образованія угольной кислоты слѣдуетъ—зажженную свѣчу укрѣпить на перегнутой проволокѣ и опустить ее въ графинъ. Когда свѣча погаснетъ, то нальемъ въ графинъ немного чистой известковой воды; тогда увидимъ, что вода сдѣлается мутною и станетъ на видъ молочною. Это явленіе происходитъ вслѣдствіе поглощенія угольной кислоты известковою водою.

Въ прошломъ столѣтіи, передъ открытіемъ Лавуазье, доказавшемъ, что горѣніе тѣлъ есть ничто иное, какъ соединеніе ихъ съ кислородомъ воздуха, химики предполагали, что тѣла, во время горѣнія, выдѣляютъ изъ себя какое-то неизвѣстное вещество, которое и было названо ими *флогистономъ*. Далѣе химики допускали, что всѣ горящія тѣла состоятъ изъ этого предполагаемаго флогистона и изъ того, что остается отъ тѣлъ послѣ ихъ сожиганія; вслѣдствіе этого, желѣзо, по ихъ мнѣнію, состояло изъ окиси желѣза и флогистона, цинкъ изъ окиси цинка и флогистона, уголь —изъ флогистона и угольной кислоты и т. д. Наконецъ, думали, что когда сожигается цинкъ, то онъ распадается на двѣ свои составныя части. Одна изъ послѣднихъ, т. е. флогистонъ улетучивается въ воздухъ, а другая «цинковая известь», окись цинка остается. Эта теорія имѣла многочисленныхъ послѣдователей и только нѣкоторые не соглашались съ нею и то на основаніи нижеслѣдующаго: если свѣсить кусокъ цинка передъ сожиганіемъ, а затѣмъ получающуюся послѣ сожиганія тяжесть «цинковой извести», то окажется, что эта послѣдняя вѣситъ больше, нежели цинкъ въ его первоначальномъ состояніи. Если флогистическая гипотеза справедлива, и если бы она отвѣчала дѣйствительности, то цинкъ долженъ былъ бы вѣсить болѣе передъ сожиганіемъ, нежели продуктъ послѣдняго «цинковая известь», такъ какъ во время сожиганія цинка расходуется флогистонъ. Но послѣдователи флогистона не придавали особеннаго значенія этому противорѣчію. Одни изъ нихъ слѣпо вѣрили въ теорію и не обращали на это противорѣчіе никакого вниманія, вполнѣ, якобы, убѣжденные, что это увеличеніе вѣса было совершенно случайнымъ; другіе утверждали, что флогистонъ *не имѣетъ вѣса*. Никто однако не хотѣлъ поколебать мнѣнія о веществѣ флогистона, никто не хотѣлъ допустить мысли, что если тѣла, сгорая, увеличиваются въ своей тяжести то, быть можетъ, происходитъ не выдѣленіе, не разложеніе, и не припятіе какой-то сложной матеріи. Въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія *Лавуазье* впервые и окончательно доказалъ, что, во время сожиганія металла и угля, горящія тѣла соединяются съ составною частью воздуха и что продукты горѣнія вѣсятъ столько, сколько составляетъ вѣсъ ихъ передъ сожиганіемъ вмѣстѣ съ тяжестью газообразнаго тѣла, поглощаемаго изъ воздуха во время горѣнія.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*).

Критика и библіографія.

Дѣло. Книга XII (Окончаніе).

Гораздо большаго вниманія заслуживаетъ въ той же книгѣ «Дѣла» этнографическая статья талантливаго г. Немировича-Данченко—«Израиль воинствующій». Съ свойственнымъ ему мастерствомъ и художественностью, авторъ описываетъ еврейскій ауль, устроившійся на Кавказѣ. Понятно, что, поселившись въ такой боевой, воинствующей странѣ, какъ Кавказъ, евреи натурализировались отчасти и стали, тоже, «воинствующими», начавъ, прежде всего, менѣе рискованную и не столь опасную для нихъ войну — съ шайтаномъ, горнымъ духомъ. Въ статьѣ разсказываются всѣ, довольно интересныя и курьезныя перипетіи этой «войны», окончившейся все таки не въ пользу израильтянъ.

Не мало, также, горныхъ легендъ, преданій и повѣрій приводится въ этой интересной статьѣ г. Немировича-Данченко. Вотъ, напр., одна изъ такихъ легендъ о Змѣиной горѣ, въ которой когда-то жилъ царь змѣй, могучій царь, свободно принимавшій «всякій образъ на себя: и волкомъ, и лисицей, и чекалкой, и медвѣдемъ могъ быть. У него на головѣ три короны блистали: одна рубиновая, другая яхонтовая, а третья алмазная.... Большой былъ царь! Каждый день ему по три мальчика и по три дѣвочки приносили, за то змѣи не трогали никого. Христіанская Миріамъ (Богоматерь) помогла. Дочь одного священника должна была идти на съѣденіе змѣиному царю. Ну, отецъ молиться сталъ. Миріамъ приняла образъ дѣвочки и вмѣсто нея пошла къ змѣю. Какъ увидѣлъ ее змѣиный царь, дрогнулъ и въ самое нутро горы вползъ со всѣми своими подданными. Изъ пещеры въ «сердце» горы жила протянулась. Ну, тогда Миріамъ заклялa змѣй, что онѣ выйдутъ изъ своей тюрьмы лишь тогда, когда кто нибудь на этой горѣ храмъ ея разрушитъ.... А храмъ на горѣ стоитъ древній, пустой, но твердо стоитъ, не разрушается.... И какъ заклялa Миріамъ змѣй, ни одна не показывается здѣсь. Только путникъ, заночевавшій на горѣ, слышитъ иногда какъ внутри далеко, далеко подъ землею, что-то шуршитъ, и стонетъ, и шикаетъ, и свищетъ: это онѣ.... Это царь змѣиный ищетъ выхода, да не находитъ его, и шипитъ отъ злости; а то, волкомъ въ горѣ завываетъ или, какъ ребенокъ, плакать начнетъ. Тоже на свѣтъ выйти хочетъ. А то у него тамъ дня нѣтъ, все ночь, хоть и живетъ онъ въ алмазныхъ палатахъ, гдѣ чудесныя звѣзды....»

Въ той же книгѣ «Дѣла» помѣщена довольно интересная, компилятивная статья «Биржевыя вакханаліи въ Германіи», составленная по недавно вышедшей книгѣ Глагау. Въ статьѣ разсказывается исторія «новѣйшаго Креза», «желѣзнодорожнаго короля», еврея Гирши Струсберга, «доктора философіи», «втораго графа Монте-Кристо», отъ его колыбели до скамьи подсудимыхъ, на которую онъ неожиданно попалъ въ Москвѣ. Отсылаемъ читателей къ этой интересной статьѣ, гдѣ авторъ такъ мастерски компилируетъ книгу Глагау и ея главнаго героя, Струсберга, нахальство котораго не имѣло никакихъ границъ. Онъ, напр., выставлялъ себя «благодѣтелемъ, отдававшимъ (вѣрнѣе—грабившимъ) всегда *послѣднее....*», утверждалъ, что всѣ свои «предпріятія (т. е. грабежи) онъ велъ *безкорыстнымъ образомъ....*», что онъ «всѣмъ пожертвовалъ для осуществленія своихъ лучшихъ *идей*, для *музыки будущаго....*» Наглость всѣхъ подобныхъ завѣреній, говоритъ авторъ статьи, изумительна! Но она составляетъ характеристическую черту всѣхъ крупныхъ мошенниковъ (какъ и наши Овсянниковъ и Митрофанія), и господство биржевой буржуазіи давно уже прославляется преданной ей прессой, какъ царство мира и благоденствія, изливаемыхъ на родъ человѣческій этими «героями культуры».

Понятно, что появленіе подобныхъ «героевъ» стало всего легче въ Германіи, въ странѣ миліардовъ. «Громадные успѣхи нѣмцевъ и пять миліардовъ французской контрибуціи имѣли для Германіи самыя гибельныя послѣдствія. Безъ этого, говоритъ Глагау,—Струсберги были бы у насъ рѣшительно невозможны. Въ публикѣ родилось нелѣпое мнѣніе, что за политическимъ усиліемъ должно немедленно послѣдовать «соотвѣтственное ему пышное процвѣтаніе матеріальнаго благосостоянія.» Печать и биржевые агенты возбудили въ странѣ общую жажду обогащенія. «Князья, министры, важные сановники, говоритъ Тиссо,—всѣ только и мечтаютъ о биржѣ, о концесіяхъ, о торговыхъ предпріятіяхъ; фабриканты, купцы отыскиваютъ научные способы поддѣлокъ, школьники участвуютъ въ аукціонахъ и лотереяхъ». Высшіе чиновники, вродѣ друга Бисмарка, Вагенера, попадаются во взяточничествѣ. Съ 1858 по 1864 годъ три министра участвовали въ банковыхъ учрежденіяхъ, извлекали барыши изъ разныхъ коммерческихъ предпріятій и, когда нужно было—прекращали слѣдствіе, направленное противъ ихъ друзей и родственниковъ, обвиняемыхъ во взяткахъ. Въ 1871 году 18-ть государственныхъ чиновниковъ сидѣли въ тюрьмѣ за мошенничество или воровство; въ послѣдующіе два года цифра эта удвоилась.. Лучшіе изъ нѣмцевъ ужасаются громадности зла. «Большія несчастія принесла намъ побѣда! писалъ, еще въ 1872 году, знаменитый романистъ Густавъ Фрейтагъ:—всѣхъ охватила ненасытная страсть къ деньгамъ, жажда наживы; всѣ страдаютъ отъ нея; князья, генералы, придворные, высшіе сановники—всѣ ведутъ безумную игру, всѣ хитростями домогаются довѣрія мелкихъ собственниковъ, всѣ злоупотребляютъ своимъ положеніемъ, чтобы скорѣе обогатиться. Это своего рода пожаръ. Души мельчаютъ. При видѣ подобной испорченности, позволительно сомнѣваться въ будущемъ».

Это, по истинѣ, «биржевая вакханалія», безпросвѣтная Вальпургіева ночь! и въ этой вакханаліи не только «мельчаютъ души,» но и ставится на карту все великое и священное человѣчества—религія, честь, доброе имя, высшіе, нравственные идеалы... Стоитъ лишь припомнить тотъ же струсберговскій процессъ въ Москвѣ, гдѣ «именитыхъ людей, печальниковъ земли русской» публично, на судѣ, называли «ворами и мошенниками,» — и никого особенно не коробили эти техническія слова, и всѣ считали ихъ какъ бы обыкновенными, получающими, мало по малу, право гражданства въ русскомъ лексиконѣ общеупотребительныхъ, теплыхъ словъ...

Да, *души мельчаютъ*!.. Это мы можемъ заключить даже и изъ фельетона «Дѣла,» «Калейдоскопъ,» помѣщеннаго, къ сожалѣнію, въ той же XII-ой книгѣ этого почтеннаго журнала. Если г. Щедринъ, съ высоты своего злобнаго, сатирическаго величія, увидѣлъ въ славянскомъ движеніи Россіи одинъ лишь «безшабашный гвалтъ, на днѣ котораго лежитъ три цѣлковыхъ», то анонимный фельетонистъ «Дѣла» пошелъ еще дальше по этому пути: онъ тщательно собралъ въ своемъ фельетонѣ все, что только могло лечь тѣнью на генерала Черняева, этого «поверженнаго кумира» на которомъ теперь такъ «безшабашно» и не «робѣя» отбиваютъ дробь россійскія копыта... Невольно, при этомъ, вспоминаются стихи Пушкина, обращенные къ *другому* «герою», также закиданному, въ свое время, грязью и клеветой:

> О люди! жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха,
> Жрецы минутнаго, поклонники *успѣха*!..

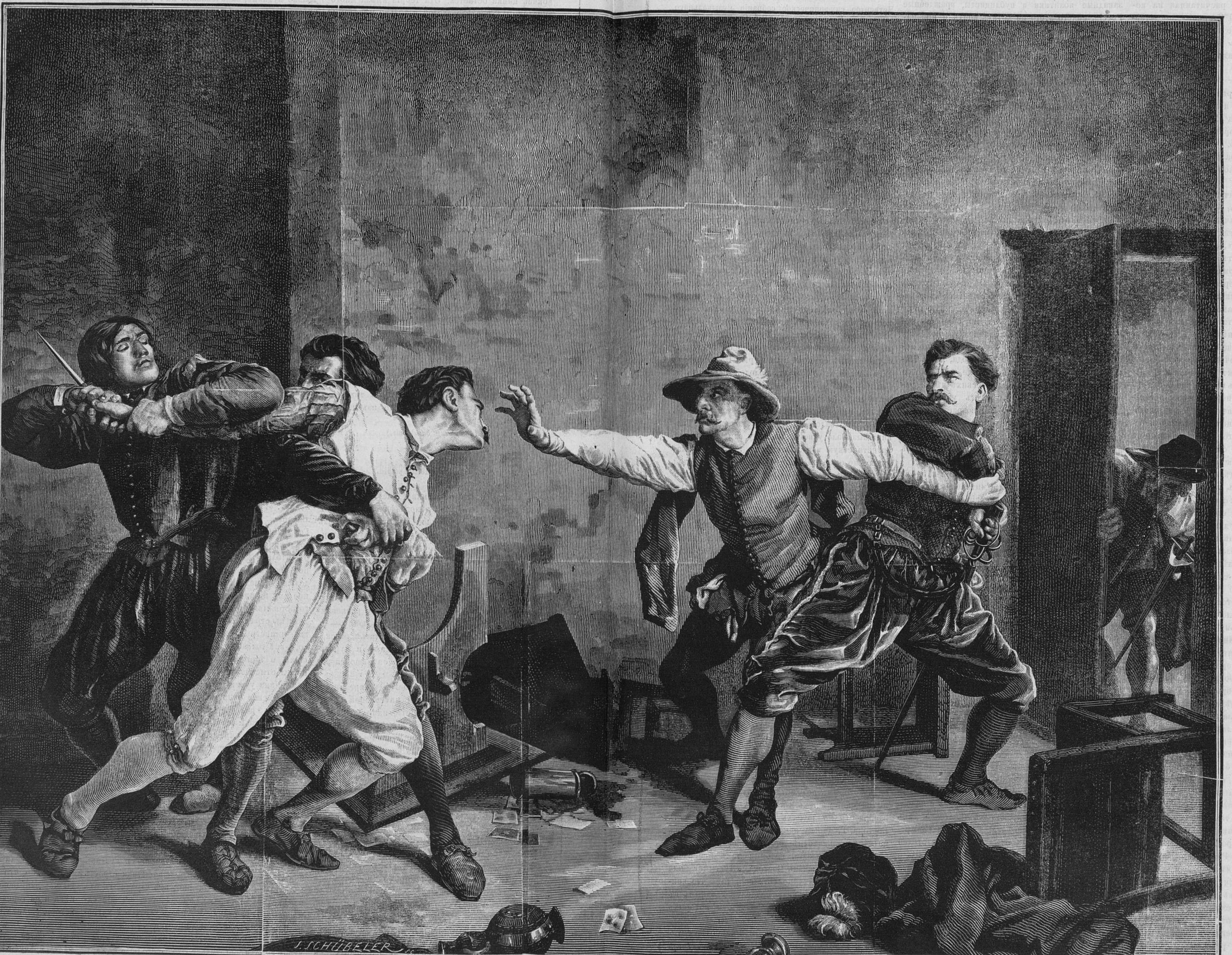
И неужели же этому идолопоклонству, этой языческой «религіи успѣха» суждено быть *послѣднимъ* словомъ девятнадцатаго вѣка?!...

„Древняя и новая Россія“, историческій, иллюстрированный сборникъ, кн. 1-ая, январь, 1877 года.

Третій годъ уже издается въ Петербургѣ этотъ серьезный и почтенный журналъ-сборникъ, столь замѣтно отдѣляющійся отъ остальныхъ двухъ нашихъ историческихъ же журналовъ — «Русской Старины» и «Русскаго Архива»,—строгимъ выборомъ научныхъ историческихъ статей, роскошными, изящными иллюстраціями и, вообще, обиліемъ матеріаловъ, имѣющихъ чисто-историческій характеръ. Въ этомъ журналѣ вы не встрѣтитесь съ тѣми курьезами, которые, напр., вамъ попадаются въ каждой почти книжкѣ «Русской Старины»: здѣсь нѣтъ ни біографій невѣдомыхъ міру полководцевъ, въ-родѣ какого-то Клюге-фонъ-Клюгенау, ни «записокъ» аракчеевскаго клеврета Жиркевича, ни «дневника» потемкинскаго шпіона Гарновскаго . . . Для всего этого открыты—и вѣроятно, не gratis — гостепріимныя страницы «журнала» г. Семевскаго. Въ «Древней и Новой Россіи» вы не встрѣчаете, также, водянистыхъ записокъ неизвѣстной графини Блудовой, имѣющихъ тенденціозный характеръ ни для кого не интересной семейной хроники; нѣтъ здѣсь и «переписки» Жуковскаго, набрасывающей многія неизгладимыя тѣни на имя поэта...

Взамѣнъ этого, quasi—историческаго матеріала, расчитаннаго на выслугу, или на обыкновенный «гешефтъ», въ «Древней и Новой Россіи» мы встрѣчаемся съ статьями иного рода, иного содержанія.

Понятно, что пикантные разсказцы и анекдоты изъ закулисной придворной жизни прошлаго вѣка и ея героевъ и героинь — въ-родѣ, напр., исторіи Іоганна и Анны Монсъ, леди Гамильтонъ и, позднѣе, людей «случая» — найдутъ себѣ гораздо болѣе читателей: масса охотно воспринимаетъ пряную, нездоровую пищу; но не думаемъ, чтобы кулинарное въ этомъ родѣ искусство г. Семевскаго было причтено ему въ особенную


J. SCHÜBELER sc.

ПОСЛѢ АЗАРТНОЙ ИГРЫ. Копія съ картины Мессоньера. Гравировалъ А. Шюблеръ.

заслугу: его журнальная *игра* историческими скандалами и анекдотами, расчитанная на повышеніе фондовъ «Русской Старины», представляетъ собою положительное кощунство надъ нашей исторіей и не дѣлаетъ никакого—даже самаго легковѣснаго — вклада въ ея сокровищницу.

* * *

Въ первой же книгѣ журнала «Древняя и Новая Россія» мы встрѣчаемъ полную глубокаго интереса статью профессора Бестужева-Рюмина «Чему учитъ русская исторія». Въ своей замѣчательной статьѣ, авторъ, прослѣдивъ постепенное государственное развитіе Россіи, останавливается на историческомъ призваніи великаго славянскаго племени.

«Каждый великій историческій міръ — говоритъ г. Бестужевъ-Рюминъ, — приноситъ съ собою свое животворящее начало и имъ ростетъ и движется. Учиться у другихъ должно: римляне многому учились у грековъ, но государственный смыслъ и юридическій тактъ у нихъ былъ свой; средневѣковой романо-германскій міръ много взялъ у римлянъ, но все пересоздалъ по своему, построилъ свой, а не римскій идеалъ. Принятіе славянами идеаловъ романо-германскихъ вело только ко вреду славянству; западная аристократія, съ ея исключительнымъ землевладѣніемъ, западный городъ, отрывающійся отъ земли, западная церковь, сосредоточивающаяся въ одно лицо,—даже и въ западномъ мірѣ вызвали противодѣйствіе: начался рядъ переворотовъ въ церкви и въ государствѣ, переворотовъ насильственныхъ, вызывающихъ неумолчное неудовольствіе и постоянно толкающихъ къ новымъ переворотамъ. Основы западнаго міра положительно противоположны основамъ славянскимъ: у насъ исконная поземельная община сохранилась въ то время, когда на западѣ существовали лишь слабые ея остатки; у насъ городъ всегда былъ представителемъ земли, ея *градомъ*; католичество, съ его видимымъ главою, его чужимъ языкомъ, его рѣзкимъ отдѣленіемъ духовныхъ отъ свѣтскихъ, могло быть для славянъ лишь властелиномъ, который вызвалъ возстаніе чеховъ, а для самихъ поляковъ — наиболѣе преданнаго латинству славянскаго народа—сдѣлался милымъ только въ борьбѣ съ западною Русью. Едва ли между народами запада найдется хоть одинъ, которому католичество принесло болѣе вреда, чѣмъ этому великому славянскому народу (т. е. полякамъ), такъ щедро одаренному отъ природы и такъ искаженному тѣмъ, что онъ рано сошелся съ западомъ и задумалъ поработить себѣ и западу другой великій народъ славянскій (т. е. русскій)». Упоминая о «борьбѣ съ Русью», авторъ, очевидно, подразумѣваетъ польскую попытку Уніи, которая повела лишь къ соединенію Руси Малой съ Русью Великою

Кромѣ названной статьи г. Бестужева-Рюмина, въ той же книгѣ журнала обращаетъ на себя вниманіе статья г. Шубинскаго «Мнимое завѣщаніе Петра Великаго», появляющаяся, въ настоящее время, такъ кстати. Извѣстно, что всякій разъ, какъ только появляется на политическомъ горизонтѣ Европы такъ-называемый «Восточный вопросъ», въ западной журналистикѣ начинается цѣлая буря противъ воображаемыхъ завоевательныхъ плановъ Россіи, при чемъ главнѣйшимъ доказательствомъ существованія подобныхъ плановъ является пресловутое «Завѣщаніе» Петра Великаго, въ которомъ онъ, будто бы, завѣщалъ своимъ преемникамъ и русскому народу неуклонно стремиться къ всесвѣтнымъ завоеваніямъ, не пренебрегая для этого никакими средствами. Но намъ, русскимъ, хорошо извѣстно, что геніальный преобразователь не оставилъ никакого «завѣщанія»,—что и подало, въ послѣдствіи, поводъ къ длинному ряду интригъ, смутъ и переворотовъ при русскомъ дворѣ. Но западные политики и публицисты, враждебные Россіи, ничего этого не хотятъ знать и признавать,—и «Завѣщаніе Петра Великаго», появившееся впервые въ политическомъ памфлетѣ Лезюра, изданномъ въ началѣ 1812 года, по приказанію Наполеона I-го, продолжаетъ, какъ и прежде, занимать легковѣрные и враждебные намъ умы западныхъ политиковъ и дипломатовъ.

Но «Завѣщаніе» это было сочинено не самимъ Наполеономъ: текстъ его хранился лишь во французскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ, куда оно попало *въ сочиненіе* извѣстнаго кавалера д'Еона— политическаго авантюриста, составившаго это «Завѣщаніе» въ 1757 г, по возвращеніи своемъ изъ Петербурга, гдѣ онъ состоялъ въ качествѣ шпіона при тогдашнемъ французскомъ посольствѣ. Сфабрикованный такимъ наглымъ образомъ документъ былъ представленъ д'Еономъ министру иностранныхъ дѣлъ аббату Берни и королю Людовику XV — «какъ буквально вѣрная копія съ завѣщанія, оставленнаго Петромъ Великимъ его потомкамъ и преемникамъ на тронѣ».

Но въ это время, французскій дворъ, находившійся въ дружественныхъ отношеніяхъ къ императрицѣ Елизаветѣ и зная нравственную цѣну личности проходимца д'Еона, не обратилъ никакого вниманія на мошенническую поддѣлку документа, — и «вѣрная копія» преспокойно лежала себѣ въ архивѣ — до 1812 года, когда Наполеонъ, не разборчивый, вообще, на средства къ достиженію своихъ политическихъ цѣлей, распорядился выпускомъ въ свѣтъ упомянутаго выше памфлета Лезюра — «О возрастаніи русскаго могущества съ самаго начала его до XIX столѣтія»,—гдѣ «Завѣщаніе» Петра играетъ уже первую роль. Вотъ какъ пишется на западѣ исторія Россіи!...

Въ той же первой книжкѣ «Древней и новой Россіи», сообщаются весьма интересныя свѣдѣнія объ «уничтоженіи диссертаціи Н. И. Костомарова, въ 1842 году». Диссертація эта, — «О причинахъ и характерѣ Уніи въ западной Россіи» — была, какъ сообщается теперь, уничтожена, хотя, ранѣе того, была не только одобрена къ публичной защитѣ большинствомъ факультета (Харьковскаго университета), но даже и напечатана. Въ уничтоженіи этого перваго замѣчательнаго труда нашего почтеннаго историка принимали участіе очень многія лица того тяжелаго времени; главная же роль, при наложеніи этого амбарго, принадлежала историку и академику Устрялову, тому самому Устрялову, «Воспоминанія» котораго (не представляющія никакого интереса) помѣщены въ той же книгѣ «Древняя и Новая Россія», рядомъ съ статьею объ уничтоженіи диссертаціи Н. И. Костомарова.. Это, по меньшей мѣрѣ, странно.

Гораздо большій интересъ, чѣмъ семейныя записки академика Устрялова, представляетъ собою *новый отдѣлъ*, введенный, со второй половины минувшаго года, въ этотъ почтенный журналъ и носящій скромное заглавіе «Замѣтки и Новости». Это, такъ сказать, историческій фельетонъ, исполненный живого интереса и значенія — какъ для современныхъ читателей, такъ равно и для будущихъ. Между этими «Замѣтками» обращаемъ особенное вниманіе читателей на ««Неизданное письмо митрополита Евгенія о непорядкахъ въ Кіевской лаврѣ», относящееся къ 1827 году и писанное къ намѣстнику этой лавры, Архимандриту Авксентію.

Z.

Въ конторѣ редакціи «ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ» находится въ продажѣ **большая гравюра.**

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ.

Снимокъ къ картины *Леонарда да Винчи.* Цѣна *50 коп.* съ пер. *75 коп.*

Музыкальныя замѣтки.

Четвертое симфоническое собраніе музыкальнаго общества.—Концертъ г. Гоула.—Статистика оперныхъ спектаклей за 1876 годъ.—Художественная точка въ «Музык. свѣтѣ». — Новости.

Со времени послѣдней бесѣды съ читателями, прошелъ почти мѣсяцъ, въ теченіи котораго въ нашемъ музыкальномъ мірѣ, не смотря на скорое закрытіе оперныхъ театровъ въ великомъ посту, не замѣчалось особеннаго оживленія. За истекшій промежутокъ времени, наибольшее вниманіе останавливаетъ на себѣ концертъ музыкальнаго общества, данный 6 января. Въ этомъ концертѣ была исполнена знаменитая пасторальная симфонія Бетховена, въ которой безсмертный маэстро столь блестяще передалъ въ неподражаемыхъ звукахъ, сначала тихую сельскую природу, затѣмъ начинающуюся бурю, которая постепенно увеличивается; удары грома становятся все сильнѣе, вѣтеръ пронзительно свиститъ; ко всему этому хаосу примѣшиваются попеременно трескъ и шумъ, раздающіеся въ разсвирѣпѣвшей стихіи; но постепенно буря стихаетъ; природа оживаетъ и, наконецъ, раздается благодарственный гимнъ. Къ сожалѣнію, исполненіе этой прекраснѣйшей симфоніи Бетховена въ оркестрѣ, управляемомъ г. Направникомъ, заставляло ожидать многаго; его буря скорѣе походила на обыкновенную театральную, но не бетховенскую, вполнѣ естественную бурю. Въ концертѣ 8-го января дебютировалъ молодой скрипачъ г. Галкинъ, ученикъ г. Ауэра. Имя г. Галкина уже встрѣчалось въ заграничныхъ музыкальныхъ хроникахъ, въ которыхъ объ игрѣ его отзывались съ большою похвалою, вотъ почему, появленіе г. Галкина вызывало у всѣхъ надежду, слышать вполнѣ артистическую игру. Надеждамъ этимъ, къ сожалѣнію, не суждено было осуществиться; молодой скрипачъ, выступившій съ 1-ю частью E—dur'наго концерта Вьетана, началъ неувѣренно, и кончилъ, доказавъ, что ему приходится еще немного поработать, прежде чѣмъ выступать съ такими трудными вещами, каковъ выбранный имъ концертъ Вьетана. Изъ новинокъ, имѣвшихъ мѣсто въ собраніи 8-го января, особенно удачнымъ вышло исполненіе какъ въ оркестрѣ, такъ и въ пѣніи (г-жи Раабь, гг. Орлова и Мельникова) отрывокъ изъ «Валькиріи» Р. Вагнера. Оркестръ чрезвычайно удачно исполнилъ фантастическую картину «полета Валькирій». Второй отрывокъ (прощаніе Вотана съ Брунегильдой), исполненный г. Мельниковымъ, даетъ должное понятіе о стилѣ знаменитой вагнеровской тетралогіи. Въ общемъ, 4-й концертъ музыкальнаго общества былъ несравненно интереснѣе предъидущихъ.

Переходя затѣмъ къ концерту дирижера итальянской оперы г. Гоула, не можемъ не сказать, что первая половина этого концерта доставила истинное наслажденіе любителямъ музыки. Исполнялась «Пустыня» Ф. Давида, которая не давалась въ Петербургѣ со времени бытности у насъ покойнаго композитора. «Пустыня»—замѣчательно-прекрасное и оригинальное произведеніе, передъ которымъ положительно блѣднѣютъ всѣ попытки французскихъ и нѣмецкихъ композиторовъ изобразить въ звукахъ поэтическую прелесть Востока. Г. Давиду какъ нельзя лучше удалось подмѣтить и вполнѣ оригинально разработать тѣ богатыя мелодіи, которыя такъ прекрасно иллюстрируютъ жизнь Востока. «Пустыня» была исполнена чрезвычайно согласно, такъ что концертъ г. Гоула вышелъ наиболѣе удачнымъ въ цѣломъ рядѣ другихъ концертовъ, о которыхъ мы не считаемъ нужнымъ упоминать.

Описанные два концерта были наиболѣе крупными и музыкальными новостями за послѣдній мѣсяцъ. По всему вѣроятію, наступающій съ великимъ постомъ концертный сезонъ выдвинетъ цѣлую массу интересныхъ новинокъ; въ ожиданіи ихъ, пока скажемъ нѣсколько словъ о дѣятельности нашей русской оперы, пользуясь для этого статистическими данными, сообщенными хроникеромъ «Нов. Времени». Всѣхъ спектаклей въ русской оперѣ въ теченіи 1876 года было 117. Репертуаръ состоялъ только изъ 17 оперъ, изъ нихъ пять—иностранныхъ, на долю которыхъ выпало 40 спектаклей (одинъ «Фаустъ» давался 20 разъ) т. е. 35 проц. всего числа. Изъ числа оставшихся 77 спектаклей—55, т. е. 47 процентовъ, приходится на долю умершихъ нашихъ композиторовъ, всѣмъ же остальнымъ композиторамъ вмѣстѣ досталось 22 спектакля, т. е. 18 процент. Новыхъ оперъ ежегодно представляется, среднимъ числомъ, двѣ, что указываетъ на затруднительное положеніе нашихъ композиторовъ. О причинахъ подобнаго положенія мы говорить не будемъ, ибо онѣ достаточно уже выяснены и извѣстны каждому. Одною изъ важнѣйшихъ причинъ, обусловливающихъ печальное состояніе нашей оперы и, вообще театра, служитъ отсутствіе серьезной критики, могущей выяснять для молодыхъ начинающихъ силъ, тотъ путь, по которому они должны идти въ своей дѣятельности. Взгляните на наши театрально-музыкальныя изданія, служащія проводникомъ знаній въ массу начинающихъ артистовъ, и вы удивитесь той замѣчательной бездарности, съ которой преподносятся въ этихъ изданіяхъ всякаго рода измышленія относительно задачъ и требованій искусства. За примѣрами далеко ходить не стоитъ, загляните лишь въ № 1-й «Музыкальн. Свѣта»; тамъ въ статьѣ «Два слова о театральномъ искусствѣ» какой-то *Любитель* предъявляетъ актеру такія требованія: «актеръ, опираясь на науку, не долженъ забывать, что служитъ искусству, *которое* требуетъ не только научной технической выработки, но и того художественнаго «дара», *который* чутко воспринимаетъ и ясно выражаетъ тѣ психическіе моменты, *которые* заставляютъ насъ созидать театръ, музыку и пр.» и *которые*, прибавимъ мы отъ себя, требуютъ значительной подготовки отъ тѣхъ, *которые* берутся печатно выражать такія неудобоваримыя мнѣнія, отъ *которыхъ* и т. д. Въ этой курьезной статьѣ, претендующей на серьезность и глубокомысліе, авторъ, между прочимъ, скорбитъ о томъ, что когда актеръ знакомится съ Дарвиномъ, Чарльзомъ, Белемъ, Грассіоле, Дюшеномъ и другими, то онъ теряетъ изъ виду *художественную точку* (!) и т. д. Вообще, прочитавъ эту смѣхотворную статью, выражаясь словами ея автора «мы поразились», какимъ образомъ на страницахъ почтеннаго изданія нашла мѣсто подобная безграмотная вещь?

Заканчиваемъ наши замѣтки сообщеніемъ, что первое представленіе давно ожидаемой оперы «Маккавеи» г. Рубинштейна состоялось вчера 22 января, въ бенефисъ хоровъ; второе предполагается дать 24 января. Первымъ спектаклемъ дирижировалъ самъ авторъ.

Б—нъ.

* * *

Со всего свѣта.

Турція. Турецкое правительство, съ Митхадомъ-пашею во главѣ, спровадивъ изъ Константинополя членовъ конференціи, занялось приведеніемъ въ исполненіе тѣхъ реформъ, которыя были намѣчены конференціей въ ея проектѣ. Прежде всего, турецкое правительство обратилось къ Черногоріи и Сербіи, съ предложеніемъ заключить миръ. Въ продолженіи всей недѣли получались телеграммы одна неопредѣленнѣе другой, вслѣдствіе чего исходъ сдѣланныхъ предложеній еще неизвѣстенъ. Затѣмъ, хитроумные турецкіе финансисты успѣли сдѣлать новый заемъ на крупную сумму и нашли деньги у банкировъ въ Парижѣ и Лондонѣ, подъ обезпеченіе лѣсовъ, находящихся на территоріи турецкой имперіи. Носятся слухи, будто турецкое правительство думаетъ назначить въ свои христіанскія провинціи губернаторовъ изъ христіанъ и, наконецъ, послѣднія телеграммы извѣщаютъ, что начальникъ башибузуковъ, въ Болгаріи, виновникъ тѣхъ несчастій, которыя разразились надъ этою несчастною страною, обвиненъ и приговоренъ къ смертной казни. Такимъ образомъ, турецкое правительство какъ бы старается доказать, что оно искренно готово позаботиться объ улучшеніи участи своихъ христіанскихъ подданныхъ; но врядъ ли кто либо повѣритъ этимъ прекраснымъ намѣреніямъ, особенно въ виду тѣхъ сообщеній, которыя являются одновременно съ извѣстіями о введеніи благодѣтельныхъ реформъ. Такъ, пресловутая конституція, гарантирующая собственность и личную неприкосновенность христіанскихъ подданныхъ Турціи успѣла оказать свое должное дѣйствіе. Изъ Салоникъ сообщаютъ, что тамъ мусульманское населеніе, узнавъ о дарованіи конституціею правъ гяурамъ, набросилось на христіанъ и разграбило нѣсколько деревень. Одновременно съ этимъ изъ Константинополя получено почти невѣроятное извѣстіе о полномъ оправданіи военнымъ судомъ, въ Болгаріи, Шефкетъ-паши, виновника болгарскихъ злодѣяній. Въ то же время оффиціальныя турецкія свѣдѣнія Филиппополя, гласятъ, что коммисія уже отстроила 800 домовъ, и что во всей Болгаріи нѣтъ ни единой семьи, лишенной крова. А между тѣмъ, по донесеніямъ Беринга и Скайлера, сожжено около 10,000 домовъ, и 60,000 человѣкъ лишены пристанища и живутъ въ поляхъ и лѣсахъ, какъ дикіе звѣри. Такимъ образомъ. восемьсотъ домовъ должны замѣнить 10,000 домовъ и вмѣстить въ себѣ 60,000 человѣкъ. Каждый школьникъ съумѣлъ бы солгать ловчѣе турка, тѣмъ болѣе, что и 800 домовъ оказываются выстроенными только на бумагѣ. Коммисія до сихъ поръ не наказала виновниковъ, а между тѣмъ нѣсколько сотъ болгаръ, арестованныхъ послѣ возстанія въ теченіи мѣсяца, судились и были приговорены къ казни и къ вѣчному заключенію. Коммисія находитъ, что противъ виновниковъ болгарской рѣзни нѣтъ достаточно доказательствъ.

Сербія. Получивъ отъ Турціи приглашеніе вступить въ переговоры о мирѣ, Сербія вначалѣ отвѣтила уклончиво, желая, съ одной стороны, войдти въ соглашеніе съ Черногоріей, съ другой, узнать мнѣніе великихъ державъ. Судя по послѣднимъ извѣстіямъ, сербское правительство, руководясь желаніями великихъ державъ, выразило уже согласіе на веденіе переговоровъ, но предварительно ожидаетъ отъ Турціи сообщенія тѣхъ основаній, на которыхъ турецкое правительство думаетъ вести переговоры о мирѣ. Сербія требуетъ для себя statu quo и исправленія границъ присоединеніемъ крѣпости Малаго Зворника. Но едва-ли это требованіе будетъ удовлетворено, такъ какъ Турція, съ своей стороны, думаетъ потребовать отъ Сербіи гарантій о сохраненіи прочнаго мира и съ этою цѣлью думаетъ занять своими войсками крѣпость Алексинацъ.

Черногорія. Хотя князь Николай и получилъ предложеніе турецкаго правительства о заключеніи мира, но не сообщилъ еще своего отвѣта, и вѣроятно не сообщитъ его до тѣхъ поръ, пока не узнаетъ основаній, на которыхъ Турція желаетъ заключить миръ.

Румынія. Княжество Румынія, какъ кажется, выиграетъ больше другихъ вассальныхъ княжествъ. Полагаютъ, что турецкое правительство согласится даровать Румыніи полную независимость съ цѣлью, конечно, создать на Дунаѣ государство, сходное по своему положенію, съ Бельгіею, и могущее служить оплотомъ противъ наступательнаго движенія со стороны Россіи. Оправдаются ли эти предположенія покажетъ недалекое будущее... Между тѣмъ въ настоящее время въ самой Румыніи финансовое затрудненіе страны, вызванное тревожнымъ ожиданіемъ неизвѣстной развязки восточнаго вопроса, составляетъ злобу дня не менѣе самаго политическаго кризиса. Бюджетъ на 1877 годъ не могъ еще быть утвержденъ, въ силу того, что предложенныя правительствомъ сокращенія расходовъ по содержанію администраціи не могутъ быть приняты безъ предварительнаго измѣненія многихъ изъ дѣйствующихъ органическихъ законовъ. Пока это не будетъ исполнено, финансовое положеніе Румыніи не можетъ придти въ порядокъ. Приходъ на 1877 годъ опредѣляютъ по бюджету въ 80.000,000; сумма однихъ процентовъ по государственному долгу, простирающемуся на $515\frac{1}{2}$ милліоновъ, по разсчету до 1-го января 1877 г., составляетъ, съ погашеніемъ, до 55 милліоновъ ежегоднаго расхода. Остатокъ въ 25 милліоновъ положительно нельзя считать достаточнымъ для покрытія всѣхъ остальныхъ правительственныхъ нуждъ. Степень истощенія силъ страны налогами весьма явственна уже изъ того факта, что изъ 98 милліоновъ дохода, ожидавшихся по бюджетной смѣтѣ на 1876 г., поступило всего 50, такъ что цифра недоимокъ возрасла за этотъ періодъ до 48 милліоновъ.

Греція. Тревожное состояніе умовъ въ Греціи и напряженность настроенія общественнаго мнѣнія въ данный моментъ достигли высшей степени, судя по извѣстіямъ, получаемымъ со всѣхъ сторонъ; послѣднее письмо изъ Аѳинъ корреспондента «Politische Correspondenz» подтверждаетъ это извѣстіе слѣдующими словами: Всякій часъ приноситъ намъ новыя и самыя разнорѣчивыя вѣсти объ условіяхъ. сопровождавшихъ закрытіе конференціи. Газеты всѣхъ оттѣнковъ взапуски стараются усилить мрачныя краски наступившаго момента съ цѣлью заставить депутатовъ спѣшить возвращеніемъ къ занятіямъ и ускорить возобновленіе парламентскихъ преній. Онѣ повторяютъ на всѣ лады, что эллинамъ напрасно было бы ждать справедливости и великодушія со стороны Европы и что имъ слѣдуетъ надѣяться единственно на собственныя силы. Въ политическихъ кружкахъ столицы, между прочимъ, идутъ самые горячіе и вмѣстѣ съ тѣмъ самые разнообразные толки по поводу одной статьи, помѣщенной въ органѣ, стоящемъ въ весьма близкихъ отношеніяхъ къ правительственной партіи; въ ней говорится, что обоюдные интересы Греціи и Турціи, требуютъ для сохраненія спокойствія въ этихъ государствахъ, чтобы Турція рѣшилась на жертву и отказалась въ пользу греческаго королевства какъ отъ своихъ провинцій Ѳессаліи и Эпира, такъ и отъ владычества надъ островами: Критъ, Инсара, Самосъ и Хіосъ и, путемъ этой уступки, скрѣпила бы дружескія отношенія съ сосѣдомъ.

Англія. Въ говарденскомъ училищѣ Гладстонъ произнесъ интересную рѣчь о настоящемъ положеніи дѣлъ въ Турціи. Началъ онъ свою рѣчь оговоркою, что не желаетъ затрогивать въ ней вопроса дня, по крайней мѣрѣ той его стороны, которая находится въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ англійскою политикою. Въ числѣ наилучшихъ сочиненій о Турціи, по словамъ Гладстона, особенно выдаются сочиненія двухъ дамъ, а именно: мистриссъ Макензи и мистриссъ Ирби. Сочиненія эти и послужили главною основою его нынѣшней рѣчи. Сначала онъ объяснилъ историческій процессъ завоеваній турокъ, причемъ сравнилъ ихъ съ завоеваніемъ Англіи норманнами. Но тогда какъ въ Англіи завоеватели въ самомъ скоромъ времени слились съ бриттами, саксонцами и датчанами въ одинъ народъ, въ Турціи существуютъ по сю пору, въ видѣ отдѣльныхъ народностей, не имѣющихъ ничего общаго между собою, съ одной стороны завоеватели — оттоманы, съ другой завоеванные—славяне, арнауты, греки, армяне, и т. п. Сказавъ нѣсколько сочувственныхъ словъ о сербахъ и черногорцахъ, Гладстонъ заявилъ, что если онъ долженъ былъ худо отозваться о туркахъ, то въ этомъ виноватъ ихъ характеръ и обстоятельства, потому что ничто не дѣйствуетъ столь растлѣвающимъ образомъ на народъ, какъ неограниченная власть, предоставленная ему надъ другими народами.

Средняя Азія. Судя по словамъ корреспондента «Deutsche Zeitung», съ мало-азіатской границы, владычество кашгарскаго эмира Якубе-бега подвергается сильной опасности: «Китайскія войска все глубже подвигаются внутрь страны и уже подступаютъ къ столицѣ. Что касается до Англіи и Россіи, то первая, находясь въ особенно дружелюбныхъ отношеніяхъ съ Китаемъ, едва ли захочетъ создавать препятствія успѣху его оружія противъ Кашгара. Со стороны Россіи Якубу-бегу тоже нельзя разсчитывать на помощь, такъ какъ для этой державы все же пріятнѣе имѣть ближайшей сосѣдкой Китайскую имперію, чѣмъ независимое магометанское государство, которое легко можетъ привлечь на свою сторону мусульманъ Кокана и Бухары, въ случаѣ войны противъ Россіи. Вѣроятно, вскорѣ предстоитъ Кашгару раздѣлить участь султана Гюньнана, которое въ нынѣшнемъ году присоединено къ Китаю.

* * *

Наши гравюры.

Говорящая машина, изобрѣтенная г. Фаберомъ.

Говорящая машина, издающая звуки, совершенно сходные съ человѣческими, давно уже служитъ предметомъ интереса во всемъ европейскомъ обществѣ; она была изобрѣтена въ Вѣнѣ, г. Фаберомъ.

По своему устройству, она близко напоминаетъ фортепьяно; главная ея составная часть, —большіе мѣхи, проводящіе воздухъ въ различныя трубочки, посредствомъ нажиманія клавишей. Отверстія трубочекъ снабжены, смотря по звукамъ, которые онѣ производятъ, или колеблющимися пластинками, или засовками, или же мундштуками, въ родѣ тѣхъ, какіе бываютъ въ органныхъ трубахъ. Посредствомъ нажиманія одного какого-нибудь клавиша, производится звукъ простой, одна гласная или одна согласная буква, когда-же нажать сразу нѣсколько клавишей, можно составить отдѣльные слоги и слова. Такая машина можетъ говорить на всѣхъ языкахъ, стоитъ только хорошенько освоиться съ удареніями клавишей. На первомъ опытѣ, произведенномъ съ этой машиной въ Грандъ-отелѣ, присутствовавшая публика услыхала совершенно ясно произнесенныя слова: мама, папа, Фанни, Марія, Эмма, Елизавета, названіе городовъ: Цинцинати, Филадельфія, Парижъ, Лондонъ и пр.

Наша гравюра изображаетъ такую многоязычную машину г. Фабера.

Новое зданіе лондонскаго университета.

Столица Англіи, по числу находящихся въ ней ученыхъ учрежденій, не можетъ соперничать съ знаменитыми разсадниками англійской науки, — Оксфордомъ и Кембриджемъ. Правда, въ этомъ всемірномъ городѣ имѣется два заведенія, носящихъ названіе университетовъ, именно: *University-College* и *University of London*, но первый изъ нихъ занимаетъ второстепенное мѣсто, а второй не представляетъ собою ни учебнаго заведенія, ни учрежденія для молодыхъ ученыхъ; это ничто иное, какъ корпорація ученыхъ, предназначенная исключительно для экзаменованія кандидатовъ, желающихъ получить ученыя степени. *University of London*, въ этомъ отношеніи, единственное учрежденіе во всей Европѣ. Его составляютъ: канцлеръ, вице-канцлеръ, 36 членовъ, кромѣ того всѣ тѣ ученые, которымъ, со времени основанія (1836), университетъ выдалъ степень *bachelor*'а, *master*'а или доктора какой-либо науки.

Владѣя громадными матеріальными и научными средствами, лондонскій университетъ, можно сказать, вмѣщаетъ въ себѣ нѣсколько университетовъ, въ томъ значеніи, какое присуще этимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ въ остальной Европѣ. Ученые лондонскаго университета живутъ не только въ Лондонѣ, но и во всей Англіи, а нѣкоторые находятся даже въ Австраліи. На основаніи университетскаго устава, теологія не входитъ въ программу занятій общества; она не имѣетъ мѣста и на экзаменахъ. Главныя отдѣленія университета слѣдующія; *Arts* (искусства), *Laws* (законовѣденіе), *Science* (науки математическія) и медицина. Лондонскій университетъ владѣетъ обширнымъ и великолѣпнымъ зданіемъ, находящимся около Бурмингтонъ Гауса, гдѣ изъ цѣлаго ряда другихъ построекъ выдѣляется своею красивою архитектурою. Это прекрасное зданіе увеличивается съ каждымъ годомъ новыми пристройками. Наша гравюра представляетъ университетское зданіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно отдѣлано въ послѣднее время.

Послѣ азартной игры. Картина Мессоньера.

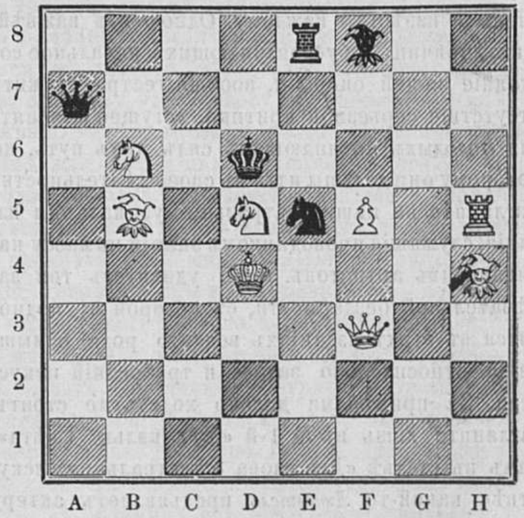
Сколько намъ извѣстно, немногія изъ картинъ, написанныя въ послѣднее время, обращали на себя такое вниманіе, какимъ пользовалась и продолжаетъ пользоваться талантливое произведеніе, копію съ котораго мы помѣщаемъ въ настоящемъ нумерѣ. Содержаніе картины понятно изъ одной надписи подъ нею. Художникъ изображаетъ двухъ игроковъ, изъ которыхъ одинъ, очевидно проигравшійся, оскорбленный насмѣшливымъ замѣчаніемъ своего противника, вскакиваетъ изъ-за стола, выхватываетъ ножъ и готовится убить оскорбителя, когда на мѣсто схватки подбѣгаютъ товарищи и начинаютъ разнимать соперниковъ. Вотъ и все содержаніе картины, которая производитъ глубокое впечатлѣніе на зрителя движеніемъ, такъ хорошо обрисованныхъ, фигуръ. Вглядываясь въ эти энергическія лица, невольно думается, что сцена закончится убійствомъ, если на помощь не подоспѣютъ своевременно лица, только что показавшіяся въ дверяхъ. Имя Мессоньера, давно уже пользующееся извѣстностью, стало особенно популярнымъ съ того времени, какъ появилась помѣщаемая нами картина, значительно увеличившая и безъ того значительный кругъ почитателей его таланта.

Шахматы.

Задача IV.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

Черные.



Бѣлые.

Рѣшеніе задачи, помѣщенной въ № 3.

Бѣлые. *Черные.*

1) G2—A2.................... 1) E6—E5 (a).
2) A2—A4.................... 2) E5—E6.
3) A4—E8 † и матъ.

(a) 1) E6--E7 или D7.
2) A2—A8 и т. д.

Почтовый ящикъ.

Въ г. Пермь. С. М. С-ву. Исполненіе вашего желанія можете видѣть въ № 3. Другими указаніями воспользуемся.

Въ м. Рѣшитиловку. А. В. О-му. На ваше письмо отвѣчаемъ латинскою пословицею: de gustibus et coloribus non est disputandum.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Генералъ - адъютантъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ.—Капканы (очеркъ изъ народн. быта).—Стихотвореніе.—Правда о сербской войнѣ.—Мировой судья (повѣсть). — Между болгарами.—Что такое огонь?—Критика и библіографія.—Музыкальныя замѣтки.—Со всего свѣта.—Новости наукъ и жизни.—Наши гравюры.—Почтовый ящикъ.—Шахматы.—Объявленія.

Гравюры: Портретъ генералъ - адъютанта М. Т. Лорисъ-Меликова. — Говорящая машина М. Фабера въ Вѣнѣ. — Зданіе лондонскаго университета. — Послѣ азартной игры; копія съ картины Мессоньера.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Объявленія.

О подпискѣ на „СТРЕКОЗУ“
въ 1877 году.

Нашъ журналъ началъ выходить съ 1-го декабря 1875 года, поэтому срокъ годичной подписки на „СТРЕКОЗУ“ оканчивается не 1-го января, а 1-го будущаго декабря. Подобный періодъ подписки оказался, однако, во многихъ отношеніяхъ неудобнымъ, и главнымъ образомъ, въ томъ, что онъ не совпадаетъ со сроками и правилами, установленными почтовымъ вѣдомствомъ для расчета платы, вносимой редакціями за пересылку изданій. Вслѣдствіе этого, мы теперь вынуждены срокъ подписки на „СТРЕКОЗУ“ на будущій годъ измѣнить. Подписка открывается не съ 1-го декабря 1876 г., а съ 1-го января 1877 г., при чемъ цѣна изданія остается прежняя, а именно:

За годъ съ перес.	9 р. 50 к.	Съ достав. на годъ.	9 р. — к.
За 1/2 года „	5 „ 50 „	Съ „ полугодіе	5 „ — „
Безъ дост. на годъ	8 „ — „	Безъ дост. на полуг.	4 „ 50 „

Но при этомъ измѣненіи между концомъ истекающей и началомъ новой подписки образуется перерывъ, равняющійся одному мѣсяцу (съ 1-го декабря 1876 г. по 1-ое января 1877 г.). Тѣмъ не менѣе „СТРЕКОЗА“ будетъ выходить и въ тотъ промежуточный мѣсяцъ, за который однако приходится назначить слѣдующую дополнительную плату:

Подписчики, желающіе получать и въ теченіи декабря мѣсяца нумера „Стрекозы“, благоволятъ выслать, независимо отъ денегъ на изданіе 1877 г., еще 50 коп. (т. е. подписывающіеся на годъ—10 р. сер., а на полгода—6 р. сер.), по полученіи которыхъ нумера за декабрь (числомъ 4) будутъ имъ высланы подъ бандеролью, съ марками. Этимъ путемъ подписка на „Стрекозу“ будетъ введена въ нормальные, общепринятые всѣми изданіями сроки.

Желающіе подписаться одновременно на 1877 годъ и на полученіе 4 нумеровъ за декабрь 1876 г. покорнѣйше просимъ адресовать свои требованія: въ контору редакціи журнала „СТРЕКОЗА“, въ С.-Петербургѣ, по Лиговкѣ д. № 32. Городскіе подписчики могутъ адресоваться въ городскую контору „Стрекозы“, на Михайловской, въ д. Европейской гостинницы. При этомъ намъ пріятно довести до свѣдѣнія нашихъ будущихъ годичныхъ подписчиковъ, что мы имѣемъ возможность обѣщать имъ нѣсколько особыхъ безплатныхъ приложеній къ „Стрекозѣ“. Редакція имѣетъ въ виду открыть „карикатурный альбомъ современныхъ дѣятелей“, который современемъ составится изъ отдѣльныхъ портретовъ болѣе извѣстныхъ лицъ и знаменитостей дня“, въ области наукъ, литературы, искуства и общественной жизни. Портреты эти, исполненные на камнѣ и напечатанные на толстой веленевой бумагѣ, будутъ, по мѣрѣ ихъ выхода въ свѣтъ, прилагаться, въ видѣ премій, для годичныхъ подписчиковъ „СТРЕКОЗЫ“.

Въ конторѣ редакціи «Живописнаго Обозрѣнія» и у всѣхъ книгопродавцевъ Спб. и Москвы поступила въ продажу книга:

„ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО“

Томъ I. Изданіе редакціи журнала «Живописнаго Обозрѣнія». Цѣна **3 р. 50 коп.**, съ пересылкой **4 руб.**

Гг. подписчики «Живописнаго Обозрѣнія» 1877 г. получаютъ эту книгу съ пересылкой за 3 р. 50 коп.

Въ конторѣ редакціи **„Живописнаго Обозрѣнія“**, а также въ музыкальныхъ магазинахъ В. Бесселя и К° и М. Бернарда, находятся въ продажѣ **ноты:**

МАРШЪ
РУССКИХЪ ДОБРОВОЛЬЦЕВЪ.

Сочиненіе **ФЛОРІАНА ГЕРМАНА.** (8 страницъ). Цѣна **1** руб. съ пересылкою **1** р. **50** коп.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1877 ГОДУ
„БУДИЛЬНИКА“,
САТИРИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА СЪ ХРОМО-ЛИТОГРАФИРОВАННЫМИ РИСУНКАМИ И КАРРИКАТУРАМИ,
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на годъ:		на полгода:	
Безъ доставки ...	6 р. — к.	Безъ доставки...	3 р. 50 к.
Съ доставкою....	7 „ — „	Съ доставкою...	4 „ — „
Съ пер. въ города.	7 „ 50 „	Съ пересылкою ..	4 „ 50 „

За перемѣну адреса редакція взимаетъ 20 к. с.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Москвѣ—въ редакціи (на Большой Никитской) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Кромѣ Москвы подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ: С.-Петербурга, Одессы, Харькова, Полтавы, Курска, Орла, Мценска и Воронежа.

Редакція покорнѣйше проситъ гг. иногороднихъ подписчиковъ присылать свои требованія заблаговременно, дабы предотвратить могущую быть несвоевременную высылку нумеровъ журнала.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 23 Января 1877 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 л., д. № 12.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Гос. Публичная в Ленинграде

№ 5. Томъ I. На годъ съ доставкою и пересылкою 7 руб.; на полгода 4 р. 50 к. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 30 Января 1877 года. Адресъ конторы редакціи: С.П.-бургъ, Васильевскій островъ, 3-я линія, д. № 48. Годъ V.

Подписка на „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ" 1877 г. продолжается.

Каждый новый подписчикъ получаетъ журналъ съ № 1 вмѣстѣ съ ежемѣсячнымъ приложеніемъ «Жизнь и Хозяйство».

Въ 1877 году журналъ выходитъ въ форматѣ большихъ иллюстрацій, **еженедѣльными** нумерами (въ годъ 52 №№ или 2496 столбцевъ), иллюстрированными множествомъ художественныхъ гравюръ. Въ концѣ года все изданіе будетъ состоять изъ *двухъ большихъ томовъ*. Всѣ подписчики получаютъ, **въ видѣ преміи**, ежемѣсячное приложеніе подъ заглавіемъ **„ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО"**, каждый нумеръ котораго заключаетъ въ себѣ отъ 15 до 20 рисунковъ (въ годъ болѣе 200). Кромѣ того, въ теченіи года всѣмъ годовымъ подписчикамъ разсылается

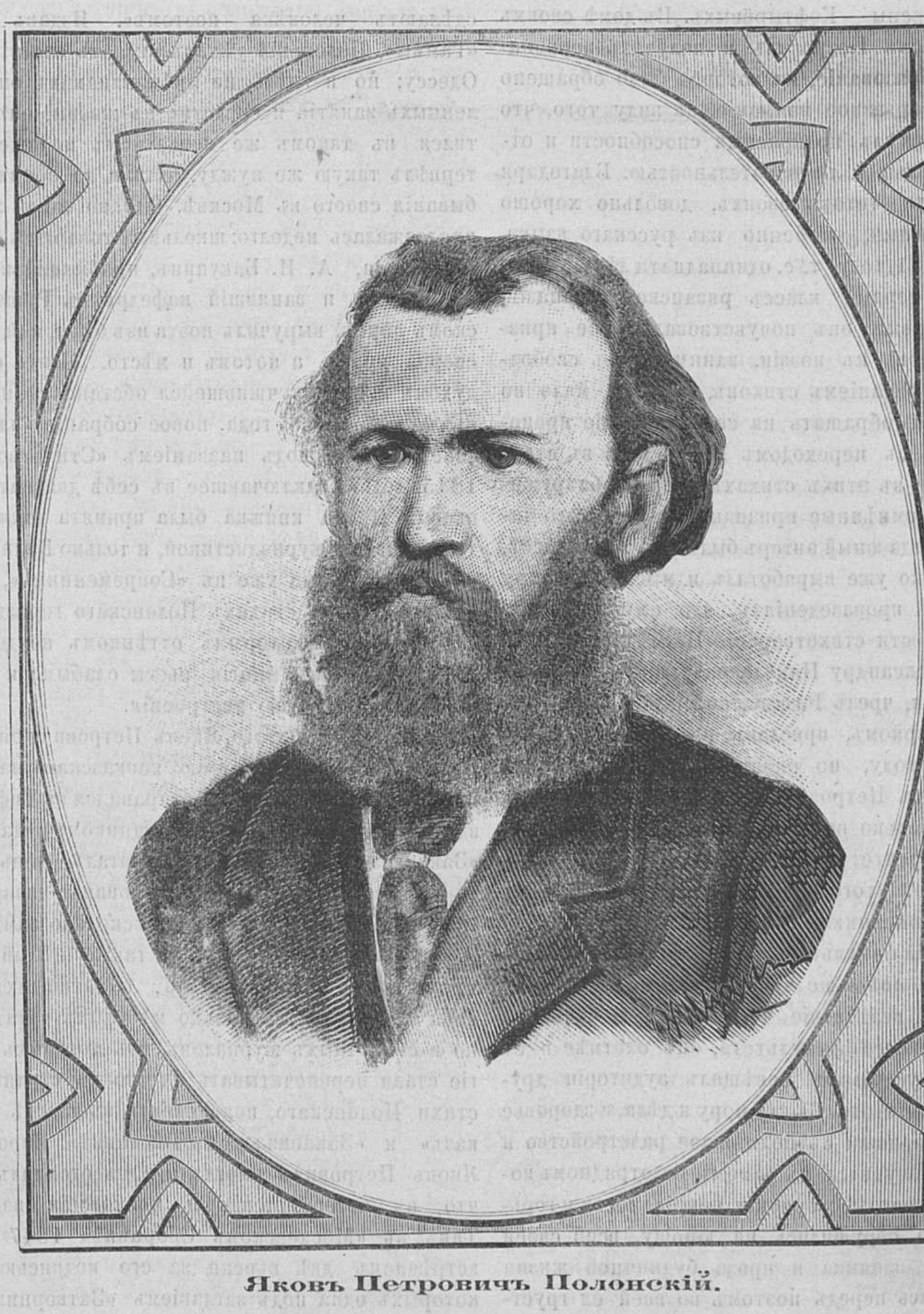
НѢСКОЛЬКО ДРУГИХЪ ПРЕМІЙ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: За годъ безъ доставки **6 руб.**, съ доставкою въ Спб. и *для иногородныхъ* **7 руб. Гг. иногородные** благоволятъ адресоваться съ своими требованіями *прямо и непосредственно* въ главную контору редакціи, по адресу: въ С.-Петербургѣ, Васильевскій о-въ, 3-я линія, д. № 48. **Гг. городскіе** подписчики могутъ абонироваться въ книжномъ магазинѣ М. В. Попова, на Невскомъ пр., въ зданіи Пассажа.

Современные русскіе писатели.

Я. П. Полонскій.

Семья современныхъ, русскихъ поэтовъ — далеко немногочисленна, но за то въ ней есть такія замѣчательно-даровитыя личности, какъ г. Полонскій, по своему оригинальному, самобытному дарованію, по необыкновенной теплотѣ и искренности своихъ произведеній, занимающій одно изъ весьма видныхъ мѣстъ въ нашей литературѣ, въ настоящую пору столь небогатой истинными талантами. Наврядъ-ли найдется у насъ, въ данную минуту, другой поэтъ, подобный Полонскому, поэзія котораго отличалась бы такою естественностью, чуждой всякаго напряженія, натянутости, муза котораго была бы такъ глубоко *правдива*, и носила характеръ простодушія, незлобивости и чрезвычайной мягкости. Задушевность и честность, правдивость впечатлѣній музы нашего симпатичнаго поэта невольно бросаются въ глаза, даже въ самыхъ маленькихъ, легкихъ пьескахъ его. Особенная прелесть манеры и, зачастую, необычайная музыкальность и граціозность стиха, нѣжнаго и мелодичнаго, а нерѣдко и неподдѣльная игривость — составляютъ отличительныя качества этого рѣдкаго дарованія. И въ то самое время, когда многіе изъ сверстниковъ поэта давно уже спѣли свою лебединую пѣсню, или, проще говоря, — исписались и не производятъ ничего, кромѣ жалкихъ, риѳмованныхъ строкъ, — г. Полонскій царитъ еще въ полной силѣ, въ полномъ блескѣ своего разцвѣтшаго таланта и продолжаетъ идти неуклонно по избранному имъ пути, всецѣло преданный искусству; онъ пріобрѣтаетъ все большую и большую извѣстность, увеличивая и безъ того уже многочисленный кругъ своихъ поклонниковъ, — настоящихъ цѣнителей и знатоковъ поэзіи. Его дарованіе, напротивъ, съ каждымъ годомъ, развивается и крѣпнетъ, ставя его на ряду со многими изъ лучшихъ представителей поэтической литературы запада. И хотя



Яковъ Петровичъ Полонскій.

произведенія Полонскаго не поражаютъ своей глубиной, особенной энергіей и силой, но всегда располагаютъ къ себѣ каждаго тѣмъ, что онѣ слишкомъ прочувствованы и чужды всякой фальши и дѣланности; отъ нихъ вѣетъ тихой грустью, сердечностью, которыя никогда не переходятъ въ приторность или узкій сентиментализмъ. И не однѣ только мимолетныя впечатлѣнія, легкіе образы способенъ воспринимать нашъ талантливый поэтъ, ему также доступны вообще всѣ лучшія человѣческія чувства во всей ихъ полнотѣ и глубинѣ; кругозоръ его никогда не отличался замкнутостью, узкостью. Полонскій не принадлежитъ къ числу нашихъ наиболѣе крупныхъ, выдающихся представителей лиризма и въ настоящее время, какъ лирикъ, имѣетъ очень мало соперниковъ, или, лучше сказать, едва ли имѣетъ ихъ.

Яковъ Петровичъ Полонскій родился 6-го декабря, 1820 года, въ городѣ Рязани, гдѣ онъ провелъ первые годы дѣтства, отъ брака Петра Григорьевича Полонскаго, (служившаго въ канцеляріи рязанскаго генералъ-губернатора Балашева), и дочери потомственнаго дворянина, Натальи Яковлевны Кофтырёвой, которая принесла своему мужу, въ приданое, весьма значительное состояніе, но въ замужествѣ прожила съ небольшимъ десять лѣтъ, оставивъ послѣ себя шестерыхъ дѣтей, изъ которыхъ Яковъ Петровичъ былъ самый старшій; она скончалась въ 1830 году. По смерти ея Петръ Григорьевичъ долженъ былъ перемѣнить службу, такъ какъ получилъ, въ городѣ Эривани, мѣсто Совѣтника Палаты, по отдѣленію казенныхъ сборовъ и податей. Уѣхавъ изъ Рязани, онъ всѣхъ своихъ шестерыхъ дѣтей, въ томъ числѣ и нашего поэта, поручилъ попеченію сестеръ покойной жены — Кофтырёвыхъ. Въ домѣ своихъ тетокъ Яковъ Петровичъ и получилъ первоначальное образованіе, на которое было обращено довольно серьезное вниманіе, въ виду того, что ребенокъ имѣлъ прекрасныя способности и отличался большой любознательностью. Благодаря заботливости тетокъ своихъ, довольно хорошо подготовленный, особенно изъ русскаго языка, онъ, въ 1831 году, т. е. одиннадцати лѣтъ, поступилъ въ первый классъ рязанской гимназіи. Здѣсь впервые онъ почувствовалъ свое призваніе, любовь къ поэзіи, занимаясь въ свободное время писаніемъ стиховъ, которые, мало по малу, стали обращать на себя вниманіе преподавателей; съ переходомъ Полонскаго въ старшіе классы, въ этихъ стихахъ начали обнаруживаться несомнѣнные признаки поэтическаго таланта. И когда юный авторъ былъ въ VI-мъ классѣ, то настолько уже выработалъ и мысль, и форму въ своихъ произведеніяхъ, что ему позволено было поднести стихотвореніе Наслѣднику Цесаревичу Александру Николаевичу, проѣзжавшему, въ то время, чрезъ Рязань, который и наградилъ поэта подаркомъ, приславъ ему золотые часы. Въ 1839 году, по окончаніи гимназическаго курса, Яковъ Петровичъ уѣхалъ въ Москву, гдѣ, чрезъ нѣсколько времени, поступилъ въ Московскій университетъ. Какъ и большая часть молодыхъ людей того времени, онъ избралъ себѣ карьеру чиновника, а потому и поступилъ на юридическій факультетъ; но къ юридической дѣятельности поэтъ не чувствовалъ ни малѣйшаго призванія, вслѣдствіе чего, зачастую манкируя лекціями своего факультета, онъ охотнѣе и съ большимъ усердіемъ посѣщалъ аудиторіи другихъ факультетовъ. Въ эту пору и дѣла, и здоровье отца его пришли въ полнѣйшее разстройство и Полонскій очутился въ самомъ безотрадномъ положеніи: хлопоты, огорченія, непріятности и горькая нужда обрушились на юношу, всей своей тяжестью; изнанка и проза будничной жизни развернулась передъ поэтомъ во всей ея грустной дѣйствительности и непривлекательности. Трудныя минуты пришлось пережить бѣдному поэту; онъ кое-какъ перебивался одними частными уроками, которые давали ему единственныя средства къ существованію; но изъ-за уроковъ, чтобы имѣть время, ему приходилось пожертвовать многими лекціями, а это, до нѣкоторой степени, затягивало его пребываніе въ университетѣ. Тѣмъ не менѣе житейскія невзгоды и испытанія не имѣли дурного вліянія на чистую, прекрасную душу поэта, не озлобили его музу, онѣ лишь сообщили ей оттѣнокъ какой-то грусти, затаенной скорби, прорывавшихся невольно и въ тогдашнихъ его произведеніяхъ, изрѣдка печатавшихся въ нѣкоторыхъ журналахъ и альманахахъ, безъ подписи имени автора. Однимъ изъ первыхъ произведеній его, напечатанныхъ за полной подписью, было весьма недурное стихотвореніе «Священный благовѣстъ торжественно звучитъ», помѣщенное въ «Отеч. Запискахъ» (1840 г. т. XII. Декабрь.) Въ 1844 году Яковъ Петровичъ окончилъ университетскій курсъ и въ концѣ этого-же года собралъ нѣсколько стихотвореній своихъ, бывшихъ уже въ печати, прибавилъ къ нимъ нѣсколько новыхъ, и, въ количествѣ тридцати двухъ пьесъ, издалъ отдѣльной книжечкой, подъ заглавіемъ «Гаммы». Объ этомъ сборникѣ петербургскіе и московскіе журналы: «Москвитянинъ», «Современникъ», «Литературная газета» и друг., отозвались съ похвалами, и даже покойный Бѣлинскій, всегда строго относившійся къ дебютировавшимъ поэтамъ, встрѣтилъ «Гаммы» довольно благосклонно, сказавъ въ «Отеч. Записк.», что «г. Полонскій обладаетъ въ нѣкоторой степени тѣмъ, что можно назвать чистымъ элементомъ поэзіи и безъ чего никакія умныя и глубокія мысли, никакая ученость не сдѣлаютъ человѣка поэтомъ». Издавъ свои «Гаммы», Полонскій уѣхалъ «искать счастія» въ Одессу; но и здѣсь, не имѣя никакихъ опредѣленныхъ занятій и средствъ къ жизни, онъ очутился въ такомъ же печальномъ положеніи и терпѣлъ такую же нужду, какъ и во время пребыванія своего въ Москвѣ. Однако такая жизнь продолжалась недолго: школьный товарищъ Якова Петровича, А. И. Бакунинъ, прибывшій вскорѣ въ Одессу и занявшій каѳедру въ Ришельевскомъ лицеѣ, выручилъ поэта изъ бѣды, найдя ему сперва уроки, а потомъ и мѣсто. Поэтъ ожилъ духомъ и, при улучшившейся обстановкѣ, издалъ, въ началѣ 1846 года, новое собраніе «плодовъ своей музы», подъ названіемъ «Стихотворенія 1845 года», заключавшее въ себѣ двадцать двѣ пьесы. И эта книжка была принята также радушно нашей журналистикой, и только Бѣлинскій, работавшій тогда уже въ «Современникѣ», отозвался о новыхъ стихахъ Полонскаго гораздо холоднѣе, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ неудовольствія, признавъ многія пьесы слабыми и страдающими легкостью настроенія.

Вскорѣ послѣ этого, Яковъ Петровичъ опредѣленъ былъ въ канцелярію кавказскаго намѣстника М. С. Воронцова и отправился въ Тифлисъ: здѣсь, онъ, назначенный помощникомъ редактора «Закавказскаго Вѣстника», работалъ очень много и, независимо отъ редактированія названной газеты, напечаталъ въ ней нѣсколько замѣтокъ и небольшихъ очерковъ, а также цѣлый рядъ прелестныхъ стихотвореній, обратившихъ на себя вниманіе не только мѣстныхъ читателей, но и столичныхъ журналовъ, изъ которыхъ многіе стали перепечатывать на своихъ страницахъ стихи Полонскаго, появившіеся въ газетѣ «Кавказъ» и «Закавказскомъ Вѣстникѣ». Впрочемъ, Яковъ Петровичъ иногда и самъ отсылалъ кое-что въ петербургскія и московскія изданія. Такъ, въ «Московскомъ Сборникѣ» 1847 г. мы встрѣчаемъ двѣ пьески за его подписью, изъ которыхъ одна подъ заглавіемъ «Затворница» — замѣчательна и по силѣ чувства, и по отдѣлкѣ стиха. Въ 1849 г. вышло въ свѣтъ третье изданіе его стихотвореній (всего 12), напечатанное въ Тифлисѣ и озаглавленное грузинскимъ словомъ «Сазандаръ» — означающее — пѣвецъ; эти двѣнадцать пьесъ отличаются силой и оригинальностью стиха, чрезвычайной образностью и картинностью описаній; онѣ заставили много говорить о себѣ, равно какъ и «Нѣсколько стихотвореній Я. П. Полонскаго, изданныхъ также въ Тифлисѣ, въ 1851 году. Съ этого времени имя Полонскаго начинаетъ пріобрѣтать еще большую извѣстность и чаще появляться въ столичныхъ періодическихъ изданіяхъ, гдѣ печатались тогда такія превосходныя пьесы Полонскаго, какъ: «Нищій», «Внутренній голосъ», «Наивная жалоба», («Литературные Вечера» 1850 г.), «Качка въ бурю» («Библ. д. Чтен.» 1850 г.) Лѣсъ», «Рыбакъ» («Современникъ» 1851 г.), «Примадонна», «Дубокъ» («Москвитянинъ» 1851 г.) и мног. друг.

Служа на Кавказѣ, поэтъ имѣлъ возможность разнообразить свои впечатлѣнія поѣздками въ Крымъ, въ Гурію и Мингрелію; совершая эти путешествія въ видахъ поправленія здоровья, Яковъ Петровичъ набрасывалъ на бумагѣ эскизы наиболѣе характерныхъ пейзажей и дѣлалъ замѣтки; великолѣпныя картины природы навѣвали на воспріимчивую душу поэта новыя ощущенія и грезы, новые образы, и все это вылилось впослѣдствіи въ замѣчательныя поэтическія произведенія, полныя вдохновенія и неподдѣльнаго чувства. Въ эту пору Яковъ Петровичъ участвовалъ почти во всѣхъ журналахъ, московскихъ и петербургскихъ и особенно много помѣстилъ стихотвореній въ «Москвитянинѣ»; здѣсь же напечатана и пятиактная его драма въ стихахъ «Дареджана Имеретинская» («Москвитянинъ» 1852 года № 7), изданная въ томъ же году отдѣльной книжкой.

Въ 1852 году Полонскій взялъ отпускъ и отправился въ Рязань, на свиданіе съ больнымъ отцомъ своимъ; однако на возвратномъ пути онъ долго зажился въ Москвѣ, и не вернулся къ мѣсту служенія, на Кавказъ, а поѣхалъ въ Петербургъ, въ надеждѣ найдти себѣ какое нибудь мѣсто. Но пока оно отыскалось, поэтъ снова принужденъ былъ жить одними приватными уроками и испытать столько горя и лишеній.... Хотя онъ и работалъ во всѣхъ журналахъ столицъ: въ «Современникѣ», «Отечественныхъ Запискахъ», «Пантеонѣ», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Русской Бесѣдѣ», «Библіотекѣ для чтенія», «Москвитянинѣ» и др. мелкихъ изданіяхъ, но литературный трудъ, поставленный у насъ и теперь въ крайне неблагопріятныя условія, давалъ ему очень и очень мало; къ тому же поэтъ не смотрѣлъ на писаніе стиховъ, какъ на ремесло, не писалъ *по заказу* и не наводнялъ своими пьесами періодическихъ изданій, помѣщая въ нихъ сравнительно мало, выбирая лучшія пьесы и избѣгая слабыхъ. Къ этому періоду дѣятельности Якова Петровича относится нѣсколько его прозаическихъ произведеній, отличавшихся тѣми же неоспоримыми достоинствами, какъ и стихотворенія его. Объ этомъ упоминаетъ и такой тонкій цѣнитель и знатокъ изящной литературы, какъ И. С. Тургеневъ, въ своей небольшой замѣткѣ о Полонскомъ («Спб. Вѣд.» 1870 г. № 8), говоря, что «Полонскій показалъ, что умѣетъ такъ же хорошо писать прозой, какъ и стихами....» Эти произведенія были слѣдующія: «Забытое преданье», «Квартира въ татарскомъ кварталѣ», разсказъ («Пантеонъ» 1853. Мартъ), «Тифлисскія сакли», повѣсть («Современн.» 1853, іюль), «Статуя весны», разсказъ («Отеч. Записки» 1854, нояб.), «Груня», разсказъ («Современн.» 1855, апрѣль), «Домъ въ деревнѣ» (Ibid. 1855, сентяб.) и «Шатковъ», повѣсть (Ibid. 1857, апрѣль). Трудовая жизнь изо дня въ день, тяжелыя,нравственныя огорченія, неудачи и лишенія, впродолженіи цѣлаго года, такъ разстроили, и безъ того слабое, здоровье поэта, что онъ вынужденъ былъ обратиться за совѣтомъ къ врачамъ, которые съ наступленіемъ весны 1855 года, отправили его лечиться морскими купаньями, сначала въ Гапсаль, а потомъ въ Гельсингфорсъ. Возвратясь къ концу того же года въ Петербургъ, Яковъ Петровичъ издалъ пятое собраніе своихъ стиховъ, куда вошли всѣ прежнія пьесы его, раньше напечатанныя въ первыхъ четырехъ изданіяхъ, исключая драмы «Дареджана Имеретинская», пяти стихотвореній изъ «Гаммъ» и тринадцати изъ «Стихотвореній 1845 года». Почти всѣ наши періодическіе óрганы печати посвятили рецензіи этой книжкѣ, отзываясь о ней съ особенной похвалой. Вотъ, что писалъ по поводу ея въ «Библ. для чтенія» (1856 г.) А. В. Дружининъ: «Яковъ Петровичъ Полонскій принадлежитъ къ числу безупречныхъ поэтовъ нашего времени. Мало того, онъ одинъ изъ талантливѣйшихъ. Молодое поколѣніе знаетъ наизусть многія стихотворенія г. Полонскаго; дѣти твердятъ его прекрасную пьесу «Солнце и Мѣсяцъ». Все это служитъ неоспоримымъ ручательствомъ искренности и оригинальности нашего поэта.... Г. Полонскій всѣхъ болѣе отличается теплотою чувства, проявленіемъ симпатической личности въ своихъ стихотвореніяхъ. Прямому, сильному выраженію этого чувства препятствуетъ какая-то робость, весьма объяснимая въ наше время застоя лиризма. Но возьмите любое изъ оконченныхъ стихотвореній г. Полонскаго, наиболѣе заставляющихъ подозрѣвать въ себѣ присутствіе объективнаго творчества, и вы увидите, что поэтъ прибѣгъ для выраженія своего чувства къ иносказательной формѣ. Это напоминаетъ намъ отчасти древнія народныя пѣсни, въ которыхъ душевныя ощущенія выражались соотвѣтствующими имъ образами природы.... Г. Полонскій не увлекается образами, рисуя ихъ, на сколько нужно ему, для выраженія своего чувства. Таковъ отличительный характеръ нашего поэта. Чтобъ убѣдиться, прочтите превосходныя стихотворенія его: «Дубокъ», «Въ одной знакомой улицѣ», «Качку въ бурю», «Пришли и стали тѣни ночи», «Мысли», «Не жди», «Моя судьба», «Лѣсъ», «Колыбель малютки», и проч., и проч.; для полноты указанія намъ бы нужно было перебрать всю книгу. Въ этихъ-то стихотвореніяхъ скрывается натура поэта, полная сочувствія и въ высшей степени симпатичная. Отсюда получаютъ значеніе пьесы, написанныя на Кавказѣ, подъ южнымъ небомъ, въ уединеніи, среди роскошной природы. Теплота и искренность разлиты въ этихъ задушевныхъ страницахъ г. Полонскаго; теплый лиризмъ сквозитъ во всѣхъ его произведеніяхъ. Изъ-за образовъ вы видите поэтическую натуру, сочувствующую благороднымъ стремленіямъ времени. Посмотрите, какъ хороши у него всюду описанія природы, когда онъ касается ихъ мимоходомъ. Но г. Полонскій поэтъ лирическій по преимуществу, онъ не увлекается, да и не можетъ увлекаться ими, точно также, какъ не въ силахъ былъ бы примкнуть и къ лиризму отрицательному, который не по плечу его кроткой, любящей, сочувствующей музѣ.»

(*Окончаніе въ слѣдующемъ №.*)

Мировой судья.

Повѣсть Луи Колласъ.

(*Окончаніе.*)

V.

Прошло нѣсколько дней. Мировой судья возвратился изъ отпуска, вызванный телеграммою изъ суда. Серьезный, сильно озабоченный, онъ, крупными шагами, расхаживалъ взадъ и впередъ по своему кабинету; время отъ времени онъ останавливался у окна, выходящаго въ садъ, и о чемъ-то думалъ, безцѣльно вглядываясь въ даль; или-же быстро подходилъ къ письменному столу и, въ десятый разъ, прочитывалъ бумаги, принесенныя курьеромъ.

Старушка-горничная доложила о приходѣ доктора Фреснеля.

— Я васъ съ нетерпѣніемъ ждалъ, мой другъ, — проговорилъ судья, идя на встрѣчу доктору; — садитесь и разскажите, какъ все это случилось.

— Возвращеніе Авріаля мнѣ было извѣстно, но я не зналъ, гдѣ онъ находился, и не добивался узнавать; жандармскій офицеръ, которому поручено было отыскать его, совсѣмъ почти не знаетъ нашихъ окрестностей, такъ что Авріаль имѣлъ всѣ шансы для того, чтобы скрыться, и онъ-бы ушелъ отъ преслѣдователей, еслибъ не вмѣшался вашъ сынъ.

Мировой судья не скрылъ своего недовольства.

— Онъ зналъ,—продолжалъ докторъ, — что судъ розыскиваетъ кого-то, но, конечно, не подозрѣвалъ, что дѣло идетъ объ Авріалѣ, котораго, вѣроятно, считалъ давно уже умершимъ. Какъ сынъ мирового судьи и, лицо, занимающее видное положеніе въ городѣ, онъ желалъ оказать дѣлу услугу, пользуясь своимъ знакомствомъ съ краемъ и, такимъ образомъ, былъ причиною того, что Авріаля съискали. Это было только еще вчера; правда, онъ имѣлъ достаточно времени, чтобы уѣхать отсюда, скрыться, но его сильно обезпокоивала внезапная, неожиданная болѣзнь m-elle Урсулы, и онъ не хотѣлъ уѣхать прежде, чѣмъ не узналъ, что здоровье ее поправилось. Болѣзнь Урсулы Ботерель вполнѣ объясняется сочувствіемъ къ положенію Авріаля, такъ какъ она захворала въ тотъ-же день, какъ видѣлась съ нимъ и, слѣдовательно, узнала о причинахъ, по которымъ онъ скрывается. Ночь она провела чрезвычайно дурно, бредила, металась, рвалась куда-то, такъ что, еслибъ болѣзнь не была такъ скоро захвачена, то, вѣроятно, она на долго бы удержала m-elle Урсулу въ постели. Къ ней, по ея-же желанію, каждую ночь приходила, въ качествѣ сидѣлки, жена дровосѣка, Маріанна. Авріаль ежедневно поджидалъ ее въ лѣсу, чтобы узнать о состояніи болѣзни m-lle Урсулы, и вотъ вчера утромъ, когда онъ надѣялся услышать что-нибудь утѣшительное, онъ и былъ схваченъ жандармами.

— Вы его видали послѣ этого?

— Да; онъ совсѣмъ спокоенъ; совершенно просто, твердо, безъ всякаго смущенія сказавъ мнѣ, что считаетъ себя невиновнымъ, онъ, въ то же время, прибавилъ, что не можетъ ничего представить въ доказательство своей невинности. Потомъ онъ распросилъ меня, какія инстанціи должно пройти это дѣло. Я сказалъ, что предварительный допросъ будетъ произведенъ здѣсь, для чего, вѣроятно, пріѣдетъ прокуроръ и будете вызваны вы; потомъ уже, коль скоро арестъ его будетъ утвержденъ, его препроводятъ для вторичнаго допроса въ окружной судъ. —«Гораздо-бы проще начать съ этого» — замѣтилъ онъ. Ему, повидимому, не хочется, чтобы вы присутствовали на допросѣ.

Мировой судья былъ очень взволнованъ; въ то время, какъ докторъ давалъ эти объясненія, онъ, повидимому, слѣдилъ на нитью своихъ собственныхъ мыслей и едва отвѣчалъ на вопросы, предлагаемые ему докторомъ. Когда Фреснель ушелъ, судья бросился въ кресло и охватилъ голову обѣими руками.

— Какое странное дѣло! — проговорилъ онъ. — Авріаль ведетъ себя такъ, что, поневолѣ, наводитъ мысль о подозрѣніи; съ другой стороны это спокойствіе, эта увѣренность въ тонѣ . . . Къ тому-же его безупречное прошлое сильно говоритъ въ его пользу.... Нѣтъ, тутъ есть какая-нибудь тайна и наша задача разгадать ее.

Онъ велѣлъ позвать къ себѣ сына.

— Морисъ,—обратился онъ къ нему, — тебѣ извѣстно объ арестованіи Авріаля?

— Да, извѣстно.

— И также о томъ, какое обвиненіе тяготѣетъ надъ нимъ?

— Да, я знаю.

— Припомни подробности того несчастнаго случая... Сначала смерть Семонселя была, дѣйствительно, приписана случайности; потомъ-же, когда его нашли жертвою гнуснаго убійства, ты сказалъ, что не думаешь, чтобы Авріаль былъ способенъ на это. Эти роковыя слова, которыя, можетъ быть, ты хотѣлъ сказать въ оправданіе его, послужили искрой, зажегшей подозрѣніе во всѣхъ и, такимъ образомъ, противъ Авріаля было начато слѣдствіе.

— Я долженъ былъ говорить правду, къ тому-же, коль-скоро фактъ преступленія былъ, болѣе или менѣе, выясненъ, то, поневолѣ, подозрѣніе должно было пасть на Авріаля, такъ какъ мы находились тогда только втроемъ.

— А ты никогда не вдумывался, какой мотивъ могъ руководить Авріалемъ?

— И тогда, и прежде, я серьезно задумывался надъ этимъ и рѣшилъ, что единственнымъ мотивомъ могла послужить — ревность. Марта оказывала Семонселю все время такое благоволеніе, что, конечно, онъ не могъ отнестись къ этому равнодушно.

— Однако-же, вѣдь Авріаль тотчасъ же уѣхалъ и ничто не доказываетъ, чтобы онъ домогивался ея руки?

— Я ничего не утверждаю, отецъ; это только мое предположеніе. Кто-же можетъ проникнуть во всѣ изгибы человѣческаго сердца?

— Марта страшная кокетка, — проговорилъ какъ-бы самъ съ собою г. Марсолье;—ея самолюбіе всегда потѣшается надъ тѣми ударами, которые она способна наносить другимъ; но всегда-ли она способна разсчитать ударъ?

И, потомъ, обратясь къ сыну, продолжалъ:

— Послушай, Морисъ, ты привлеченъ къ этому дѣлу въ качествѣ свидѣтеля. Помни, что ты долженъ отрѣшиться отъ всякаго личнаго мнѣнія, отъ всякихъ личныхъ чувствъ къ обвиняемому. Чтобы ни было между вами, ты обязанъ говорить одну только святую истину. Увѣренъ-ли ты въ себѣ?

— Вполнѣ увѣренъ; я никогда ничего не дѣлалъ и не говорилъ противъ своей совѣсти.

— Ну, иди съ Богомъ! Больше я ничего не имѣю тебѣ сказать.

Вслѣдъ за тѣмъ, мировой судья сошелъ въ садъ, чтобы нѣсколько освѣжиться. При поворотѣ на одной изъ аллей онъ услыхалъ, что его зоветъ чей-то женскій голосъ; огнянувшись, онъ увидалъ Урсулу; противъ его ожиданій, она не только не была грустна, но еще улыбалась и на ея миломъ, все-еще блѣдномъ послѣ болѣзни, лицѣ свѣтилась радость.

— Сядемте, мой добрый, — предложила она, указывая на ближайшую скамейку, — и поговоримъ кой о чемъ.

Мировой судья, ничего не понимая, сѣлъ возлѣ молодой дѣвушки; скамейка стояла подъ огромными кустами жимолости и жасмина; вѣтви ихъ ниспадали на голову Урсулы и, она, облитая золотыми лучами солнца, казалась въ высшей степени прекрасною.

— Я знаю, отчего вы такой сегодня мрачный, — заговорила она; васъ огорчаетъ арестъ Авріаля.

— Да; нѣтъ причинъ радоваться этому.

— Послушайте, вы, сами, считаете его способнымъ на это?

— Что въ томъ, что не считаю? Вѣдь правосудіе не принимаетъ во вниманіе личныхъ мнѣній... Да, тяжела иной разъ наша обязанность,— вздохнулъ онъ.

— Вы его любили, я знаю.

— Да, я его любилъ какъ сына; я на немъ основывалъ самыя блестящія надежды, въ лучшихъ мечтахъ моихъ онъ занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ: вѣдь я зналъ, что онъ любилъ васъ и, догадывался, что вы платили ему полной взаимностью: съ какою радостью я мечталъ о томъ, когда Морисъ женится на Мартѣ, а Авріаль на васъ, и мы составимъ, такимъ образомъ, одно семейство, соединенное крѣпкими узами родства, любви и дружбы. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ, и намъ надо благодарить Всемогущаго, что Онъ во время остановилъ этотъ союзъ, избавилъ васъ отъ позора носить фамилію человѣка, который завтра, можетъ быть...

— О, г. Марсолье...

— Что дѣлать?! Всѣ обстоятельства сопоставлены такъ, что не оправдываютъ его, а, напротивъ, обвиняютъ; его быстрый отъѣздъ, распространенные слухи о его смерти, эта таинственность, которою онъ самъ себя окружилъ, да и, наконецъ, неосторожныя слова, сказанныя вашею сестрой. Нелегкая судьба его ожидаетъ; если даже его и не обвинятъ, за недостаткомъ уликъ, то все-таки, испытавъ всю тяжесть допросныхъ мытарствъ предъ лицомъ большого собранія судей и публики, онъ будетъ оставленъ въ сильномъ подозрѣніи, — въ этомъ позорномъ клеймѣ, которое отравитъ всю его жизнь.

Урсула спокойно глядѣла въ глаза старика; ее, повидимому, не испугала эта мрачная картина будущности дорогаго ей человѣка.

— Вы довольно искусно сплетаете предположенія съ доказательствами, — проговорила она съ улыбкой.

— Если и не доказательства, то весьма опасные аргументы.—Ахъ, несчастное дитя, неужели вы думаете, что мнѣ самому пріятно убѣждаться въ виновности человѣка, котораго я всегда считалъ своимъ другомъ, когда я и относительно человѣка, вовсе мнѣ незнакомаго, не могу безъ сожалѣнія утверждать обвинительный приговоръ. Урсула, Урсула, плохо же еще вы меня знаете!....

— Нѣтъ, мой добрый, мой хорошій; я знаю, что вы любите Эдуарда, что вы, также, какъ и я, обрадуетесь, узнавши о томъ, что судъ долженъ будетъ освободить его.

— Что вы хотите этимъ сказать, Урсула?

— Что завтра г. Авріаль будетъ свободенъ и невинность его вполнѣ доказана.

— Скажите яснѣе.

— Есть одинъ человѣкъ, который знаетъ настоящаго преступника, и онъ его назоветъ, онъ мнѣ далъ въ этомъ честное слово, вызовите его въ судъ, онъ тамъ скажетъ.

— Кто-же преступникъ?

— Я сама не знаю, но Жеромъ Боске знаетъ.

Появившіяся сначала на лицѣ судьи радость и надежда снова угасли, и онъ сдѣлался еще грустнѣе прежняго.

— Бѣдное дитя! Если только въ этомъ ваша надежда, то вамъ придется отказаться отъ нея, такъ какъ этотъ свидѣтель не можетъ больше давать показаній ни за, ни противъ кого-либо.

— Отчего?! отчего?!...

— Онъ умеръ.

Урсула вскочила, задрожала всѣмъ тѣломъ и безумно бросилась на грудь старика.

— Да, Урсула, это грустная истина: онъ умеръ въ прошлую ночь; это было при такихъ обстоятельствахъ, какъ открылось теперь: Жеромъ Боске занимался контрабандой; кто-то предупредилъ таможенныхъ надсмотрщиковъ, что онъ въ эту ночь будетъ возвращаться изъ Швейцаріи съ различными драгоцѣнностями и, какъ годъ тому назадъ, случилось убійство одного таможеннаго, который былъ свалёнъ въ бездну съ высоты утеса, такъ, и теперь, Жеромъ Боске поплатился тѣмъ-же.

— Онъ умеръ!... умеръ!—безсвязно бормотала несчастная дѣвушка и, вдругъ, какъ бы очнувшись, выпрямилась во весь ростъ, подала холодную руку мировому судьѣ и мертвымъ голосомъ произнесла:

— Самъ Богъ противъ насъ. Прощайте г. Марсолье; мнѣ больше нечего здѣсь дѣлать.

Низко понуривъ голову, Урсула пошла домой; она ничего не видѣла, ничего не слышала; ей встрѣчались знакомые, кланялись, но она не отвѣчала на ихъ поклоны, потому что не замѣчала никого.

Придя въ свой садъ, она увидала Марту, сидящую у окна своей комнаты; лицо ея было блѣдно, потухшіе глаза печально смотрѣли въ садъ. Урсула направилась прямо въ комнату сестры.

— Радуйся, онъ въ тюрьмѣ... можетъ быть завтра его отправятъ въ окружной судъ . . . его осудятъ, ... сошлютъ, ... къ смерти приговорятъ. . . . Что-же не смѣешься?. . . . Тебѣ должно быть весело. . . . Вѣдь это дѣло твоихъ рукъ . . . .

Все это Урсула проговорила очень скоро, отрывисто, задыхаясь отъ слезъ и гнѣва . . .

Марта ничего не отвѣчала; она даже не повернулась, только еще больше поблѣднѣла, плотнѣе прижалась къ стеклу и изъ ея темныхъ глазъ на щеку скатилась жгучая слеза.

— Что-жъ ты ничего не говоришь, бездушная кокетка, эгоистка!? — рѣзко произнесла Урсула и почти дерзко рванула старшую сестру за плечо.

Та отшатнулась отъ окна и, будучи не въ состояніи совладать съ собою, громко зарыдала, упавши головой на столъ. Урсула была обезоружена.

—Прости, сестра,—ласково заговорила она;— я не должна была такъ говорить съ тобою, но вѣдь я не знала . . . меня такъ поразило это горе . . .

— Ты вправѣ упрекать меня, Урсула, я стою того. Я не могу и не должна оскорбляться всѣмъ тѣмъ, что ты наговорила . . . Но, знаешь, въ жизни бываютъ минуты, когда сразу образуется неизмѣримая пропасть между прошедшимъ и будущимъ, и вотъ эти-то минуты я переживаю теперь. Я много думала о своей жизни и, еслибъ ты только знала, какъ тяжело мнѣ было сознаться въ своемъ непростительномъ эгоизмѣ, въ своей дрянности, въ томъ вредѣ, который я наносила и себѣ, и, главное, другимъ. Что я переживала въ эти тяжелыя минуты, когда подводила итогъ своей прожитой жизни, какія мученія я испытывала при этомъ, ты едва-ли поймешь, Урсула, потому что ничего подобнаго твоей чистой душѣ никогда не приходится испытать. Другая на моемъ мѣстѣ впала-бы въ отчаяніе, въ апатію, махнула бы рукой на жизнь и выбрала бы исходомъ своего тяжелаго положенія — смерть, но меня спасаетъ отъ этой глупости сила воли. Я потеряла полжизни, я много дурного надѣлала за все это время, но вѣдь еще другая половина у меня впереди, я могу поправить все зло, я могу съ избыткомъ искупить всю пустоту прежней жизни; всю энергію свою, которая до сихъ поръ имѣла столь постыдное примѣненіе, я употреблю на пользу другихъ . . . Прежней тщеславной, самолюбивой, гордой Марты — не существуетъ; остается Марта, полная готовности оказывать всевозможную пользу ближнимъ . . . Ты улыбаешься, Урсула, тебѣ кажется невѣроятнымъ этотъ переворотъ, ты, можетъ быть, приписываешь это экзальтированному состоянію. Пусть будущее само оправдаетъ мои слова, первымъ-же моимъ дѣломъ будетъ,—возвратить тебѣ то счастье, которое я прежде похитила у тебя. . . . Да, Урсула, пройдетъ нѣсколько дней и ты увидишь, что Марта не на вѣтеръ бросала это вырвавшееся изъ глубины сердца признаніе . . . Я спасу Авріаля, онъ съ открытымъ челомъ выйдетъ изъ тюрьмы, а тамъ только за тобой будетъ дѣло, чтобы ввести его въ нашъ домъ, какъ жениха.

Закончивъ рѣчь, Марта сѣла къ столу, написала письмо и велѣла отнести его въ Вермонъ; затѣмъ, снова возвратилась къ сестрѣ, и онѣ долго еще говорили другъ съ другомъ. Мало по малу въ Урсулѣ снова зажглась искра надежды, которую старательно раздувала Марта.

Нѣсколько дней спустя, къ опушкѣ лѣса подъѣхала карета, изъ которой вышла Марта: она увѣренными шагами направилась по глухимъ тропинкамъ, пока, наконецъ, достигла того мѣста, гдѣ утесы, густо заросшіе зеленью, образовали изъ себя полукругъ, вполнѣ скрытый отъ глазъ, плохо знакомыхъ съ этимъ мѣстомъ. Тамъ ждалъ ее Морисъ.

— Видите, какъ священны для меня ваши желанія, — проговорилъ онъ, идя на встрѣчу Мартѣ.

— Благодарю, что пришли,—холодно отвѣтила она.—Вы, вѣроятно, догадались, что я имѣю въ виду говорить объ этомъ несчастномъ процессѣ, въ которомъ оба мы не останемся безучастны.

— Я васъ не понимаю, Марта.

— Насъ обоихъ призовутъ въ судъ, въ качествѣ свидѣтелей. Я должна буду дать показаніе о томъ, что говорилось и дѣлалось въ ла-Рикарде въ тотъ достопамятный день. Авріаль не способенъ ни на какіе грязные разсчеты; если онъ виновенъ, то причиною этого надо считать его возмущенное сердце, его помутившійся разумъ, и я имѣю въ этомъ нѣкоторую долю отвѣтственности и даже не малой, вслѣдствіе чего меня ужасно страшитъ предстоящее признаніе.

— Кто-же вынуждаетъ къ нему? Сговоримтесь, чтобы дать одинаковыя показанія, которыя бы нисколько не затронули васъ лично.

Она, повидимому, колебалась, на самомъ-же дѣлѣ, пытливо вглядывалась въ черты Мориса.

— Нѣтъ, — отвѣтила она, послѣ минутнаго раздумья,—еслибъ я и хотѣла исказить истину, я бы не могла; я не въ состояніи увертываться отъ вопросовъ, которые будутъ мнѣ предлагать; къ тому-же, могу-ли я оставаться равнодушной къ судьбѣ того, кого, можетъ быть, сама натолкнула на погибель; другіе могутъ быть неумолимы въ своихъ приговорахъ, я же не въ состояніи преодолѣть чувства глубокаго состраданія къ несчастному; я хочу, во что-бы то ни стало, спасти его, и призвала васъ сюда затѣмъ, чтобы сказать, что я разсчитываю на вашу помощь.

— Что-же я могу тутъ сдѣлать?

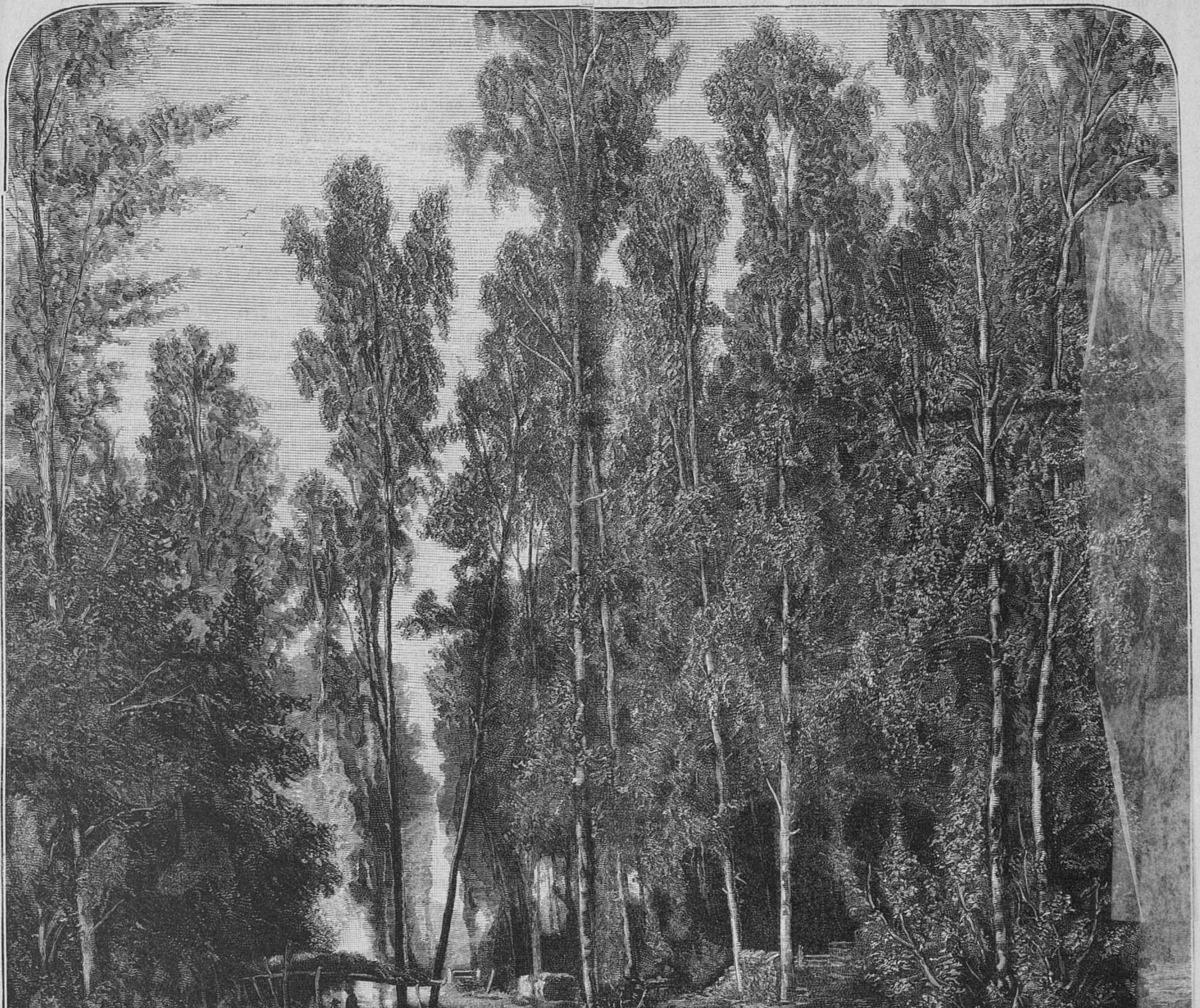
— Тюрьма окружнаго суда плохо защищена отъ побѣговъ; съ деньгами и ловкостью двери ея легко отворятся; всѣ уже мѣры къ этому приняты; дѣло только за одной небольшой задержкой, преодолѣть которую легко можетъ сынъ мирового судьи. Докторъ Фреснель уже предупрежденъ; вы условитесь другъ съ другомъ; Авріаль можетъ быть освобожденъ впродолженіи двухъ часовъ; карета моя будетъ его поджидать и отвезетъ на границу.

Морисъ сталъ энергично возражать.

— Надо, чтобы онъ былъ свободенъ прежде, чѣмъ до суда дойдетъ одна записка, которая разсѣетъ всѣ сомнѣнія по этому дѣлу.

— О какой запискѣ вы говорите, Марта? — встрепенулся Морисъ.

— О письмѣ, написанномъ Жеромомъ до его послѣдняго отъѣзда въ Швейцарію, и которое



Лѣсъ. Копія къ картины И. И. Шишкина. Гравировалъ на деревѣ Е. Ницъ.

онъ оставилъ своей женѣ съ тѣмъ, чтобы она передала его вашему отцу; я взяла на себя исполнить это порученіе, но прежде, чѣмъ письмо попадетъ по принадлежности, я хочу, чтобы Авріаль былъ далеко отсюда.

Лицо Мориса моментально вспыхнуло и тотчасъ-же поблѣднѣло.

— Марта, — сказалъ онъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ,—отдайте мнѣ это письмо.

Эта просьба сразу выдала преступника. Марта молча уставилась на него и заставляла его нѣсколько минутъ томиться подъ ея пытливымъ взглядомъ; Морисъ безсвязно бормоталъ что-то, краснѣлъ, блѣднѣлъ, — вообще, выказалъ сильное смущеніе. Видя его окончательно побѣжденнымъ, Марта рѣзко и громко бросила ему въ лицо обвиненіе.

— Убійца Семонселя, — вы. Письмо заключаетъ въ себѣ ваше обвиненіе.

Онъ даже не противорѣчилъ.

— А если и дѣйствительно такъ? — пробормоталъ онъ.

—Я вамъ скажу, что́ тогда: если вы дадите открытое признаніе, которое спасетъ невиннаго Авріаля, я вамъ подарю это роковое для васъ письмо и, кромѣ того, дамъ возможность бѣжать.

— Ну да, сознаюсь: это я убилъ Семонселя... Меня побудила къ этому ревность... Но, письмо, письмо?...

Марта протянула бумагу; Морисъ жадно схватилъ ее и въ одинъ мигъ разорвалъ въ клочки.

— Теперь бѣжите,—сказала Марта.

Онъ поднялъ голову и окинулъ ее торжествующимъ взглядомъ.

— Нѣтъ,—проговорилъ онъ,—я останусь. Къ чему мнѣ теперь бѣжать? единственное доказательство моей виновности уничтожено.

— Уничтожено письмо, но не единственное, какъ вы говорите, доказательство. Я разсчитывала на подлость съ вашей стороны и припасла свидѣтелей, чтобъ вы не увернулись.

Съ этими словами Марта раздвинула живую изгородь зелени и изумленнымъ глазамъ Мориса представились: Урсула и Маріанна.

— Каждая изъ насъ троихъ, — продолжала Марта, — имѣетъ исполнить свою обязанность: я, — загладить то зло, которое сдѣлала, Урсула —спасти своего жениха, Маріанна — отомстить за смерть мужа.

Морисъ опустилъ голову и, казалось, будто находился подъ вліяніемъ тяжелаго кошмара. Голосъ Марты вывелъ его изъ оцѣпенѣнія.

— Для васъ насталъ день суда Морисъ. Вы не имѣете права ни на снисхожденіе, ни на состраданіе. Если кого жаль, то только вашего отца, который ничѣмъ не заслужилъ такого горя; ваша прямая обязанность, — избавить его, по крайней мѣрѣ, отъ тяжелаго испытанія: видѣть своего сына на скамьѣ подсудимаго.

Молодая женщина удалилась съ своими спутницами. Морисъ нѣсколько минутъ еще стоялъ на одномъ мѣстѣ; потомъ онъ быстро пошелъ, по направленію къ границѣ; на пути, онъ нѣсколько разъ останавливался. ему казалось, что передъ нимъ выступали какія-то таинственныя чудовища, которыя заграждали ему дорогу; то были тѣни утесовъ и деревъ, которыя луна прихотливо разстилала по лѣсу.

На другое утро, въ то время, когда у доктора Фреснеля сидѣли, пришедшія по дѣлу, Марта и Урсула, за нимъ прислали съ просьбою немедленно пожаловать въ квартиру мирового судьи, гдѣ его ждалъ прибывшій по дѣлу Авріаля прокуроръ.

Старикъ Марсолье встрѣтилъ его такими грустными словами:

— Роковой часъ пробилъ для несчастнаго Авріаля.

— Скажите лучше: часъ его освобожденія.

— Боже мой! Неужели вы намъ принесли докторъ доказательство его невинности?! — радостно воскликнулъ судья.

— Да; но не радуйтесь, несчастный отецъ! обвиненіе спало съ Авріаля съ тѣмъ, чтобы лечь на человѣка, еще болѣе вамъ близкаго.

Мировой судья затрясся.

— Я звалъ къ себѣ Мориса... Отчего онъ не идетъ?

— Потому, что онъ навсегда отсюда уѣхалъ и больше уже не вернется.

Несчастный отецъ понялъ все. Въ это время у дверей послышался шумъ шаговъ нѣсколькихъ человѣкъ. Докторъ Фреснель размахнулъ дверь и въ комнату внесли трупъ Мориса; его нашли на днѣ оврага.

Стоявшій на часахъ таможенный надсмотрщикъ видѣлъ, какъ какой-то человѣкъ вскарабкался на доску, перекинутую черезъ оврагъ; въ эту минуту она закачалась и переходившій упалъ въ пропасть. Былъ-ли это несчастный случай, вслѣдствіе потери равновѣсія, или обдуманное самоубійство,—никто никогда не узналъ.

Черезъ нѣсколько времени въ замкѣ ла-Рикарде справляли свадьбу Урсулы съ Авріалемъ. Молодые намѣревались путешествовать и, передъ отъѣздомъ, зашли къ г. Марсолье. Онъ уже больше не былъ мировымъ судьей: вскорѣ послѣ смерти сына, онъ подалъ въ отставку и совершенно удалился отъ общества; за это время старикъ сильно измѣнился: весь посѣдѣлъ, сгорбился, казался старѣе лѣтъ на десять. При видѣ новобрачныхъ, онъ ласково поздоровался съ ними и, между прочимъ, освѣдомился о Мартѣ.

— Марта совсѣмъ отрѣшилась отъ себя, — отвѣчала Урсула.—Теперь она занимается тѣмъ, что покровительствуетъ счастью другихъ, помогаетъ бѣднымъ, ухаживаетъ за больными, утѣшаетъ тѣхъ, кого постигнетъ горе. Наша свадьба состоялась такъ скоро, также благодаря ея стараніямъ. Имя ея стало здѣсь въ такой степени популярнымъ, что вы не найдете ни одного бѣднаго дома, гдѣ-бы не благословляли ее. Семейство Жерома Боске она взяла на свое полное попеченіе: содержитъ его, воспитываетъ дѣтей, помогаетъ во всемъ бѣдной Маріаннѣ. Вчера мы говорили о васъ, ее глубоко печалитъ та мысль, что вы на нее сердитесь и она просила походатайствовать за нее.

— Она вполнѣ загладила свое прежнее поведеніе тѣми добрыми дѣлами, которыя распространяетъ теперь повсюду. Я на нее не могу и не вправѣ сердиться; пусть она придетъ ко мнѣ, мы потолкуемъ вмѣстѣ.

Въ этотъ же день молодая чета уѣхала; когда, черезъ нѣсколько дней, они снова возвращались, то ихъ поразилъ печальный звонъ въ мѣстной церкви; обѣимъ имъ пришла одна и та-же мысль: они переглянулись и слезы, невольно, навернулись на глаза ихъ. Предчувствіе ихъ не обмануло: городъ имѣлъ какой-то траурный видъ, и имъ попалось нѣсколько лицъ въ черныхъ платьяхъ. Не заѣзжая домой, они прямо прошли въ домъ стараго магистрата, гдѣ жилъ мировой судья. Въ передней, противъ обыкновенія, ихъ никто не встрѣтилъ; войдя въ залу, глазамъ ихъ представился катафалкъ съ гробомъ, въ которомъ покоился честнѣйшій изъ людей, старикъ Марсолье. Возлѣ гроба на колѣняхъ молилась Марта, одѣтая въ глубокій трауръ. Они безмолвно также опустились на колѣни.

— Дорогая Урсула, — прошепталъ Авріаль, вставая, — наше счастье такъ велико, что, дѣйствительно, оно должно было быть купленнымъ дорогою цѣною. На зачѣмъ устроилось такъ, что поплатиться за него пришлось этому прекрасному человѣку?

Въ камышахъ (Schilflieder).

(Изъ Николая Ленау.)

1.

Солнце прячется. . . Сонливый,
Утомленный гаснетъ день;
Надъ прудомъ поникли ивы
И трепещетъ въ немъ ихъ тѣнь.

Съ *ней* прощаясь,—терпѣливый,
Скрылъ всѣ муки я въ душѣ. . .
Слезы лейтесь. . . Шепчутъ ивы,
Вѣтеръ стонетъ въ камышѣ.

Мраченъ рокъ мой несчастливый,—
Но мнѣ блещетъ образъ твой,
Какъ сквозь вѣтви темной ивы
Блещетъ лучъ звѣзды златой.

2.

Мрачно. . . мгла. . . Несутся тучи,
И дождю конца все нѣтъ,
Громко вѣтръ шумитъ могучій:
«Прудъ, гдѣ дѣлъ ты звѣздный свѣтъ?»

И угасшаго сіянья
Ищетъ, роя дно пруда:
Ты-же, другъ, мнѣ въ глубь страданья
Не проникнешь никогда!

3.

Заповѣднымъ лѣсомъ длиннымъ,
Брелъ вечерней я зарей
Къ берегамъ пруда пустыннымъ —
И къ тебѣ летѣлъ мечтой!

Вотъ кусты всѣ потемнѣли,
Мракъ сгустился,—тростники
Грустно такъ зашелестѣли,
Что и я всплакнулъ съ тоски.

Мнилось, тѣнь твоя скользнула,
Нѣжный голосъ слышалъ я,
И въ прудѣ какъ-бы тонула
Пѣсня дивная твоя.

4.

Солнечный заходъ
Масса тучъ большихъ,—
Душно, зной гнетётъ,
Робкій зѣтеръ тихъ.

Въ мигъ весь сводъ небесъ
Молнія зажгла,
Гладь пруда и лѣсъ
Свѣтомъ залила̀.

Какъ гроза блеститъ,
Въ грезахъ ликъ твой мнѣ,—
Вотъ взвилась, летитъ
Вся коса въ огнѣ!

5.

Въ сонномъ озерѣ сверкаетъ
Дискъ луны, межъ облаковъ,
Розы блѣдныя вплетаетъ
Въ зелень темныхъ тростниковъ.

Тамъ оленей вереница,
Глядя въ мракъ, идетъ горой,
Кой-гдѣ дремлющая птица
Въ камышѣ шуршитъ порой.

Я въ слезахъ, поникъ главою,—
Глубина-жь моей души
Вся наполнилась тобою
Какъ мольбой, въ ночной тиши!

Петръ Быковъ.

Капканы.

(Очеркъ изъ народнаго быта).

Ив. Якунина.

Глава V.

На другой день, какъ только совсѣмъ разсвѣло, крестьяне, одинъ за однимъ, стали собираться къ избѣ дяди Тимофея, на сходъ. Собрались, наконецъ. Пришелъ и староста, совсѣмъ уже протрезвившійся, съ значкомъ на груди и съ клюшкой въ рукахъ. Онъ былъ въ новомъ полушубкѣ, крытомъ черпымъ сукномъ и подпоясаппомъ алымъ кушакомъ; шапка была заломлена на затылокъ, борода расчесана — какъ и слѣдуетъ быть у «начальства». Онъ явился на сходъ однимъ изъ послѣднихъ и, придя, поклонился міру.

— Здравствуйте, мужички!—проговорилъ онъ, не безъ достоинства приподнимая шапку и кланяясь сходу.

— Здравствуй, Иванъ Ликсандрычъ, — отвѣтили ему, тоже съ поклонами.

— Что, братцы, кàкъ дѣлà-то? — спросилъ староста.

— Дѣлà — дрянь, выходитъ...

— Пропала наша масляница, — вотъ што!

— Д-д-да, таперь ужь не до гулянья...

— И гости-то всѣ, у кого были, разъѣхались по деревнямъ, только давай Богъ ноги.

— Почéсь, никто не спалъ всю ночь: все калгатѝлись...

— Какой ужь тутъ сонъ, когда покойникъ на улицѣ лежитъ!

— Да еще эти волки прòклятые...

— Такъ какже, братцы, таперь быть-то? — вновь спросилъ староста.

— А вотъ, потолкуемъ.. Какой отвѣтъ-то отъ становаго пришелъ?

— А отвѣтъ такой, што будетъ онъ, примѣрно, въ чистый понедѣльникъ, а можетъ, и во вторникъ, не раньше.

— Пятница, суббота, воскресенье, понедѣльникъ... это, выходитъ, четыре дня ждать.

— Ждать — ничего; а ты говори: караулить надоть, — вотъ што!

— Вотъ, грѣхи-то тяжкіе! Наказалъ Господь...

— Н-н-ну, дядя Тимофей, — обратился бывшій староста, Максимъ Степановъ, къ виновнику всей этой бѣды, — употчивалъ ты міръ: испекъ блинковъ!..

— Д-д-да, вѣкъ поминать тебя будемъ.

— И тваво гостя, тожь.

— Што же вы, господа міряне, меня все точите!.. піяете... другой день ужь. Нешто это отъ меня вышло?

— А то, отъ кого же? Знамо отъ тебя. Не отъ насъ же эта бѣда вышла.

— Это все отъ божьей воли вышло, — оправдывался дядя Тимофей.

— Толкуй!.. Чай, въ твоей избѣ онъ опился-то. А ты его, первымъ дѣломъ, на улицу выволокъ.

Дядя Тимофей смутился отъ этого напоминанія, потупилъ глаза — и умолкъ.

— Ты ужь лучше помалчивай, — дѣло-то ладнѣй будетъ, — посовѣтывали ему.

— Такъ какже, міряне, на-счетъ караулу-то? — заговорилъ староста.

— Да ужь не миновать таперь самимъ старикамъ караулить, — отвѣчалъ дядя Максимъ: — потому, парней, почитай никого дома нѣтъ, а дѣвки — раздуй ихъ горой, — ни зà што не хотятъ.

— Што хотите дѣлайте, а мы караулить не станемъ, — отозвался чей-то бойкій голосъ изъ толпы бабъ и дѣвокъ, собравшейся позади схода.

Староста и многіе изъ стариковъ оглянулись.

— Успѣли ужь собраться, ножъ имъ въ кадыкъ! — проговорилъ староста, удивленный, повидимому, тою незамѣтностью, съ которою собрались на сходъ женщины.

— Кто васъ звалъ? а?.. вы зачѣмъ пришли? — обратился онъ въ ихъ сторону,

— Пёсъ съ ими, пущай дрогнутъ на холоду-то! — посовѣтывалъ дѣдушка Алексѣй: — таперь ужь ихъ ни зà што не отгонишь.

Женщинъ и дѣвокъ оставили въ покоѣ.

— Такъ, какже? Надоть черёдъ для караулу выбрать.

— Извѣстно, черёдъ. — отвѣтилъ староста: — всѣмъ старикамъ, по череду, и караулить надо.

— Съ твоей избы, дядя Максимъ, начинать придѐтся.

— За што же это такъ — прямо съ моей? а можетъ, караулъ до меня и совсѣмъ не дойдетъ, коли становой-то пріѣдетъ въ скорости.

— Да помногу-ль человѣкъ на караулъ-то вы полагаете?

— Да по два.

— По два мало: бòязно будетъ; надоть по три. Потому — и покойникъ, и волки...

— Однаво надоть безпремѣнно съ ружьемъ.

— Это такъ: ружье нужно.

— Нарядимъ по три, — рѣшилъ староста: — А коли не хотите по чередỳ, конайтесь.

На томъ и рѣшили. Стали конаться, — и распредѣлили всѣхъ наличныхъ мужчинъ въ Дегтярновѣ на четыре очереди, по три человѣка въ каждой. На послѣднюю очередь досталось караулить, между прочимъ, дядѣ Данилѣ, мельнику и извѣстному звѣролову.

— Дозвольте мнѣ, господа міряне, слово сказать, — проговорилъ Данило, входя въ самую середину схода.

— Што, видно, не хочется караулить-то?

— Нѣтъ, я совсѣмъ не къ этому, — отвѣчалъ Данило; — а я хочу объ одномъ дѣлѣ сказать...

— Ну, сказывай, што тамъ у тебя за дѣло такое, — согласился староста.

— Я, братцы, вотъ на счетъ чего: таперь, этто, примѣрно, дядя Михей четверо сутокъ будетъ лежать..

— Ну, и што-жь?

— И четыре, значить, ночи...

— Такъ; это вѣрно; до вторника четыре ночи какъ разъ выходитъ.

— И каждую ночь станутъ приходить къ ему волки...

— Ужь это безпремѣнно.

— Такъ, вотъ, братцы, я и хочу спросить міръ: дозвольте мнѣ, значитъ, поставить вокругъ «тѣла» *капканы.*

— Ну?

— И для караульщиковъ дѣло выйдетъ спокойнѣй, да и мнѣ, Господь дастъ, може, прибыль будетъ. *Четверть* я ставлю міру таперь же; а если будетъ удача — еще четверь.

— А ну, какъ пьяный какой ввàлится? таперь, дѣло праздницное, — замѣтилъ дѣдушка Алексѣй.

— Оборони Господи! какъ можно!.. Чай, всѣ знать будутъ — поостерегутся маленько, — отвѣчалъ Данило.

— Пьяный какъ разъ влопается — позабудетъ, — замѣтилъ еще разъ, дѣдушка Алексѣй.

— Да, вонъ не хуже того, какъ объ Илью пророка вышло: дядя Федулъ попалъ въ колодезь.

— Авось, Господь милостивъ!.. А нà день я ихъ убирать стану, капканы-то.

— Што-жь, братцы, коли онъ нà день убирать будетъ эти самые свои капканы, — такъ пущай его ставитъ, — замѣтилъ одинъ изъ крестьянъ.

— Собакъ ты перепортишь много, вотъ што! а больше ничего и не выдетъ, — объявилъ Данилѣ староста.

— Мой Лапка безпремѣнно влетитъ, — замѣтилъ дядя Иванъ: — потому, онъ вокругъ всей деревни всю ночь бѣгаетъ, сторожитъ.

— А ты его привязывай на ночь, — отвѣчалъ Данило.

— Привязку онъ перегрызетъ.

— Оно, конечно, братцы, это дѣло такое, што коли міръ дозволитъ, такъ онò можно, — внушительно заговорилъ дѣдушка Алексѣй — а только мой совѣтъ такой: не дозволяйте. Съ этими орудьями чистая бѣда! долго ли до грѣха: какъ разъ кому нибудь ногу — хапъ! — и перехватило. Помните, што было съ теткой Василисой-то?

— Эка ты, дѣдушка, што вспомнилъ! — накинулся Данило: — тому дѣлу-то ужь годовъ, чай, десятокъ будетъ.

— Такъ-то оно такъ, ужь это давно было; а тетка то Василиса и таперь воно все хрàмлетъ. А все отъ кого? Отъ этихъ вотъ самыхъ твоихъ капкановъ.

— Ужь это отъ божьей воли, — оправдывался Данило: — кто-жь ее зналъ, што она въ лѣсу, по волчьей тропѣ пойдетъ.

— То-то вотъ и есть! А таперь ты собираисси въ самой деревнѣ ихъ ставить! да еще въ праздницное время.

— Я вѣдь для волковъ, чай.

— Ты и тогда ставилъ для волковъ, — а попала баба! У тебя, въ ту пору, становой отобралъ весь этотъ штрументъ, а ты, вотъ, завелъ его съизнова.

— Я, братцы, хотѣлъ васъ же облѐгчить, караульщиковъ, то-ись. Я и четверть припасъ... — отвѣчалъ Данило: — Ежели міръ не велитъ, я, извѣстно, міру не супротивникъ — не насторожý; мало ли въ лѣсу мѣста!

Стали обсуждать предложеніе Данилы, столь соблазнительное, съ перваго разу... Кромѣ дѣдушки Алексѣя, всѣ единогласно рѣшили — дозволить.

На томъ этотъ вопросъ и былъ поконченъ. Поднятъ былъ новый.

— Вотъ што, Тимофей Михалычъ, — обратились крестьяне къ дядѣ Тимофею: — вся эта *штурма*, таперь, вышла черезъ тебя; значитъ, ты и должòнъ ублаготворить міръ — за его безпокойство...

— Я, братцы, понимаю это дѣло очепно хорошо, — отвѣчалъ, почесывая затылокъ, дядя Тимофей: — я съ полнымъ моимъ удовольствіемъ.. *Четверть* выставляю.

— Четверть!.. Нѣтъ, другъ милый, тутъ не четвертью пахнетъ!

— На первый случàй, ведро ставь, — вотъ што!

— Ужь и ведро! больно много будетъ, — отказывался дядя Тимофей.

— Не много, а мало. Сколько, таперь, черезъ тебя хлопотъ всякихъ, страху... да еще, вотъ неизвѣстно — какъ съ *мертвымъ тѣломъ* обойдется дѣло: што становой скажетъ... А ты: «много будетъ!»

— Ставь ведро, нечего тутъ разговаривать пò-пусту!

— Ведрà много, какъ передъ Господомъ. Пущай ужъ мое пропадетъ — видно грѣхъ такой, — полведра ставлю.

Потолковали немного, — и помирились на полуведрѣ.

— Вамъ бы только глотки наливать, — одно у васъ на умѣ-то, — попрекнули мужиковъ бабы, когда уже это рѣшеніе состоялось.

— Цыцъ вы, прòпасти на васъ нѣтъ! — огрызнулся староста.

— Извѣстно, вамъ бы пьянствовать только, пропойцы! — кричалъ чей-то бабій голосъ изъ середины толпы.

— Ахъ, раздуй васъ горой! Въ деревнѣ, таперь, несчастье, — а онѣ, прòклятыя, тутъ какъ тутъ!.. А нѣтъ того, штобы помолчать при этакомъ дѣлѣ, али пожалѣть міръ!.. Гдѣ, братцы, пить-то будемъ: въ Даниловой избѣ, аль у дяди Тимофея?

— Двигай къ дядѣ Тимофею, тутъ ближе, — скомандовалъ староста, — и всѣ, гуськомъ, направились въ калитку, во дворъ, откуда былъ ходъ въ сѣни и, затѣмъ, въ избу.

— Ты когдà будешь настороживать капканы-то? — спрашивалъ у дяди Данилы староста, входя въ избу.

— Да ужò пò вечеру, когда всѣ спать лягутъ.

— То-то; ты смотри: и вправду, кого не испорть.

— Какъ можно! будь безъ всякаго сумлѣнья,— успокоивалъ Данило.

— А за виномъ-то посылалъ? — спрашивалъ его дѣдушка Алексѣй, идя въ избу вмѣстѣ съ остальными.

— Какже: я моргнулъ *хозяйкѣ*, велѣлъ сюда же принесть.

— А можетъ. и вправду, Господь пошлетъ: *трёшницу* (три рубля) добудешь — изловишь, — говорилъ дядя Максимъ.

— Надо-бы изловить. Ишь, вонъ, эту ночь семеро индо приходило; кабы стояли капканы на проулкѣ, — безпремѣнно-бы какой ввалился, — разсуждалъ Данило.

— Д-д-да, кабы знатьё-то!

Вошли, наконецъ, всѣ міряне въ избу дяди Тимофея, помолились на образа, поздоровались съ хозяевами и стали разсаживаться по лавкамъ, около стола въ переднемъ углу.

— Ну-ка, старуха, подноси, — обратился дядя Тимофей къ женѣ.

У нея все уже было готово: и полуведерная жестяная посуда съ водкой, и стаканчики. Слышала она, дòлжно быть, изъ окна рѣшеніе схода — и припасла все заранѣе.

Приступили къ угощенію.

— Съ кого, братцы, начинать-то прикажете,— спрашивалъ, съ стаканчикомъ въ рукахъ, дядя Тимофей.

— Чай, съ дѣдушки Алексѣя, — отозвался одинъ изъ крестьянъ.

— Я поспѣю и послѣ, — скромно отвѣчалъ старикъ, — начинайте со старосты.

— Съ хозяина надоть зачинать, вотъ съ кого,— проговорилъ староста, отстраняя отъ себя подаваемый ему стаканчикъ.

— Съ хозяина слѣдуетъ, это вѣрно; ну-ка дядя Тимофей, хлопни!

— Господи благослови, въ добрый часъ! — проговорилъ Тимофей: — Съ широкой масляницей васъ, господа міряне!

— И тебя также. Не задерживай.

Дядя Тимофей выпилъ, крякнулъ, поморщился, взялъ кусокъ чернаго хлѣба, посолилъ его и сталъ закусывать.

Угощеніе пошло своимъ порядкомъ, пò ряду, начиная со старосты.

— Вотъ они, грѣхи-то тяжкіе! — толковали крестьяне, сидя за столомъ: — жилъ-жилъ мужичёкъ, — и, вдругъ, нако-сь вотъ поди! — заѣхалъ въ чужую деревню, да и померъ.

— Д-д-да, сердешный! и еще какъ померъ-то — безъ всякаго, значитъ, покаянья.

— Потому, не зналъ, не вѣдалъ смертнаго сваво часу.

— А намъ, вотъ, съ нимъ — сухотà!..

— Оборони Господь Богъ отъ этакой смерти всякаго человѣка! — съ чувствомъ въ голосѣ проговорилъ дѣдушка Алексѣй, опорожнивъ третій, по очереди, стаканчикъ.

— Это ты вѣрно сказываешь: оборони Богъ! безъ покаянья-то, значитъ... А што же это тетка Хавронья долго не идетъ?

Данило отодвинулъ оконную половину, просунулъ въ нее голову и посмотрѣлъ вдоль улицы.

— Несетъ, — успокоилъ онъ мірянъ.

— Не жалѣй каравая-то (хлѣба), нарѣжь еще, попросили Тимофееву хозяйку.

— Ты одно то вспомни: умеръ онъ у васъ въ избѣ, — а вы, значитъ, сейчасъ его, первымъ дѣломъ, зà ноги — и на улицу...

— И выходитъ, таперь, всему міру безпокойство; чрезъ васъ...

— А тебѣ, тетка, каравая жаль!...

Старуха, жена дяди Тимофея, молча взяла второй каравай хлѣба, нарѣзала его ломтями и положила на столъ. Тѣмъ временемъ въ избу вошла тетка Хавронья и передала мужу четвертной жбанъ съ водкой. Угощеніе началось съизнова...

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Что такое огонь?

Изъ популярныхъ писемъ о химіи Б. Рейхмана.

(*Окончаніе*).

Лавуазье всыпалъ нѣкоторое количество олова въ реторту (колбочку съ перегнутою шейкою), заткнулъ ее пробкой и свѣсилъ. Нагрѣвъ затѣмъ колбочку вмѣстѣ съ заключавшимся въ ней оловомъ, онъ получилъ окись олова и, послѣ охлажденія, свѣсилъ ее; вѣсъ реторты остался тотъ же. Но какъ только была открыта реторта, внѣшній воздухъ устремился въ нее, отчего вѣсъ реторты, вмѣстѣ съ содержимымъ, увеличился на столько же, на сколько стало тяжелѣе олово послѣ окисленія. Вы легко поймете причину этого явленія; Лавуазье взвѣсилъ сначала реторту съ оловомъ и воздухомъ (кислородомъ и азотомъ); во время нагрѣванія, олово поглотило кислородъ, и такъ какъ реторта была закрыта, то вѣсъ оставался прежній, ибо количество вещества не измѣнилось, а произошло только то, что въ свободномъ, не соединенномъ, состояніи оставался азотъ, кислородъ же соединился съ оловомъ; прямымъ слѣдствіемъ всего этого было уменьшеніе давленія въ ретортѣ, вслѣдствіе чего, послѣ открытія сосуда, воздухъ притекъ въ послѣдній почти въ такомъ же объемѣ, какъ и до нагрѣванія. Этотъ воздухъ вытѣснилъ весь азотъ и въ ретортѣ осталось: вѣсъ олова, вѣсъ кислорода и вѣсъ свѣжаго воздуха.

На сколько вѣсъ реторты съ ея содержимымъ увеличился при второмъ взвѣшиваніи? и не увеличился онъ на вѣсъ всего свѣжаго воздуха? Нисколько; въ обоихъ случаяхъ въ ретортѣ оставалось то же количество азота, увеличился же только вѣсъ кислорода, поглощеннаго оловомъ; поэтому увеличеніе вѣса прибора съ его содержимымъ равняется прибыли вѣса самаго содержимаго.

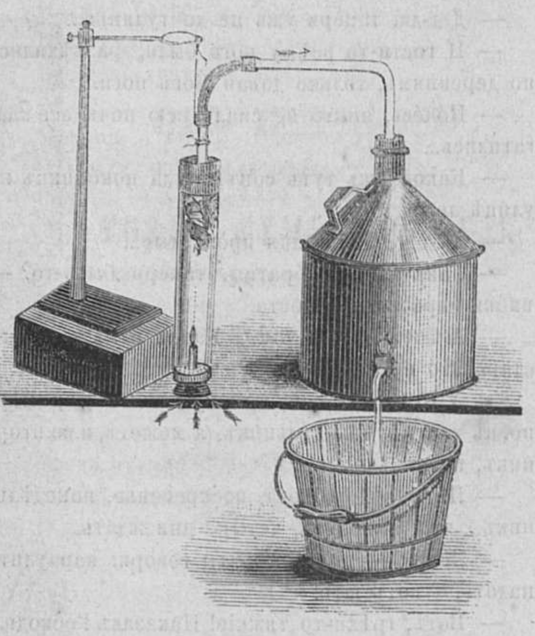
Опыты, доказывающіе, что вѣсъ продуктовъ горѣнія равняется суммѣ вѣсовъ сгорѣвшихъ тѣлъ и потребленнаго кислорода, весьма кропотливы; всего удобнѣе производятся опыты съ тѣлами, переходящими при горѣніи въ твердое, а не газообразное состояніе. Сюда относятся: желѣзо, магній, свинецъ, фосфоръ и т. п.

Сжигая, напр., 2 грана фосфора въ измѣренномъ объемѣ кислорода, получимъ $4^1/_2$ грана бѣлаго порошка, представляющаго соединеніе кислорода съ фосфоромъ и называемаго фосфорной кислотой; такимъ образомъ, фосфоръ поглотилъ $2^1/_2$ грана кислорода. Вмѣстѣ съ этимъ первоначальный объемъ кислорода уменьшился на 6 куб. дюйм., равныхъ по вѣсу $2^1/_2$ гранамъ.

Окисленіе ртути представляетъ собою наиболѣе осязательный примѣръ. Нагрѣвая продолжительное время при умѣренной температурѣ ртуть въ кислородѣ, получимъ красный порошокъ (окись ртути—киноварь), равный по вѣсу ртути и исчезнувшему объему кислорода. Нагрѣвая этотъ порошокъ до температуры краснаго каленія, мы разложимъ его на двѣ составныя части; ртуть и кислородъ, причемъ послѣдній освободится въ такомъ количествѣ. въ какомъ онъ былъ поглощенъ ртутью.

Хотя продукты горѣнія такихъ тѣлъ, какъ свѣча, уголья, керосинъ и т. д. газообразны и не уловимы для нашего зрѣнія, тѣмъ не менѣе, при помощи соотвѣтственныхъ приборовъ и нѣкоторомъ навыкѣ, можно доказать, что они тяжеле сгорѣвшаго вещества.

Продуктами горѣнія свѣчи, какъ мы уже говорили, являются угольная кислота и водяной паръ. Чтобы свѣсить ихъ, нужно удержать эти газы въ ограниченномъ пространствѣ, т. е. сжигая свѣчу, улавливать продукты ея горѣнія съ помощью тѣлъ, жадно поглощающихъ ихъ. Къ числу тѣлъ, поглощающихъ водяные пары, принадлежитъ поваренная соль, которую кладутъ обыкновенно между двойными рамами для уничтоженія влажности; гашеная же известь поглощаетъ угольную кислоту; вотъ почему, находясь на воздухѣ, на стѣнахъ каменныхъ зданій, она отвердѣваетъ, и образуетъ такое же твердое соединеніе, какъ и известняки, находимые въ землѣ. Но для нашего опыта мы возьмемъ другое менѣе извѣстное, но за то болѣе пригодное вещество — ѣдкій натръ. Приборъ, употребляемый для опыта, состоитъ изъ слѣдующихъ частей:



Фиг. 16.

А—стеклянный сосудъ съ деревяннымъ дномъ при *a* и *b*. Въ немъ сожигается свѣча, а продукты горѣнія улавливаются кусками ѣдкаго натра *B*. Большой жестяной сосудъ — D называется иначе аспираторомъ; онъ служитъ для вытягиванія воздуха изъ цилиндра А, вслѣдствіе чего свѣжій воздухъ входитъ чрезъ отверстія *a* и *b* и протекаетъ чрезъ цилиндръ. Съ этой цѣлью аспираторъ наполняется водою и затѣмъ открывается кранъ К, чрезъ который течетъ вода въ сосудъ G. Пространство, оставляемое вытекающею водою, будетъ, конечно, занято воздухомъ, а такъ какъ аспираторъ сообщается съ атмосферою только чрезъ цилиндръ А, помощью трубокъ Е, С и F, то свѣжій воздухъ долженъ протекать постоянно чрезъ цилиндръ, что даетъ возможность горѣть свѣчѣ болѣе продолжительное время и не потухаетъ, хотя она находится въ закрытомъ сосудѣ.

Установивъ приборъ, какъ показано на фиг. 16, сперва снимается цилиндръ А съ его трубкой Е (которая, помощью каучуковой трубки С, соединяется съ трубкой, идущей къ аспиратору) и взвѣшивается. Отмѣтимъ этотъ вѣсъ; свѣча зажигается и трубка Е соединяется съ трубкой F. Свѣча будетъ горѣть, пока не вытечетъ вся вода изъ аспиратора; спустя нѣсколько минутъ, цилиндръ съ трубкой Е отдѣляется отъ остальныхъ частей прибора. Свѣсивъ цилиндръ, мы замѣтимъ, что онъ сталъ тяжеле того, какимъ былъ до горѣнія свѣчи; это приращеніе вѣса, очевидно, обусловливается присоединившимся кислородомъ.

Какъ этотъ опытъ, такъ равно и предъидущіе могутъ убѣдить всякаго, что свѣча во время горѣнія не уничтожается, но лишь принимаетъ изъ воздуха другое тѣло и потому получаетъ иной видъ. Въ этомъ можно убѣдиться, дѣлая опыты съ углемъ, керосиномъ, дровами, соломой и т. п.

Такъ какъ всеуничтожающею способностью обладаетъ только огонь, а мы сейчасъ доказали, что огонь ничего не можетъ уничтожить, но лишь придать сгорающимъ тѣламъ иной видъ, МОСКВА, 20 ЯНВАРЯ 1877 ГОДА.

ИЗВѢЩЕНІЕ

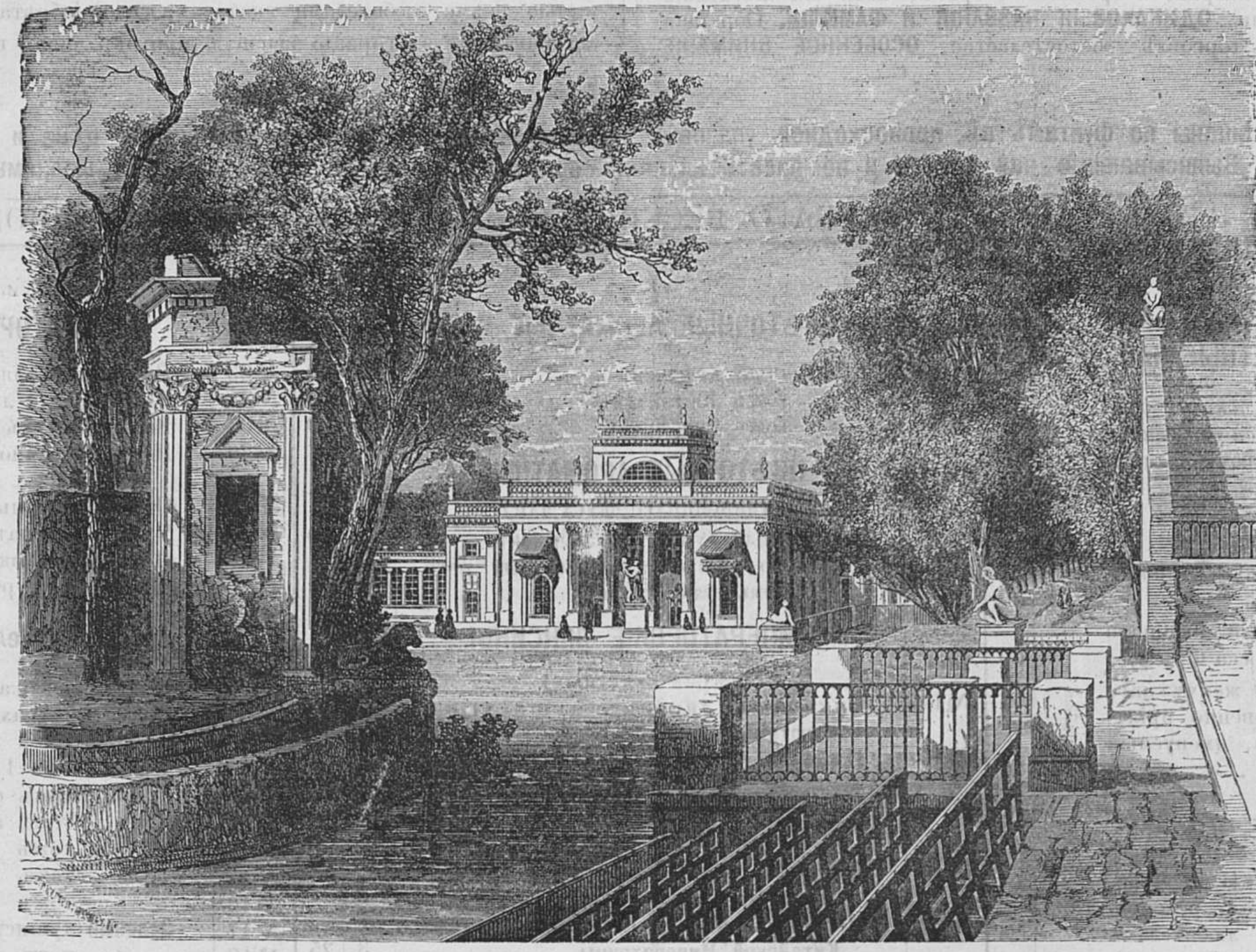
ГЛАВНЫЙ
ОПТОВО-РОЗНИЧНЫЙ СКЛАДЪ
КЯХТИНСКИХЪ
ПЕРВОСБОРНЫХЪ ЧАЕВЪ
ТОРГОВАГО ДОМА
ОЛЬГИ КОРЕЩЕНКО,
НАХОДИТСЯ
на Кузнецкомъ мосту,
въ д. Торлецкаго,
ВЪ МОСКВѢ.

◆

Оптовый складъ
въ Нижегородской ярмаркѣ,
по шоссе подъ № 1, 2, 3 и 4.

◆

ВЪ КИШИНЕВѢ
ПРОТИВЪ СОБОРНАГО БУЛЬВАРА,
въ домѣ Кишиневской Митрополіи.



Гг. ЛЮБИТЕЛИ
ЖЕЛАЮЩІЕ ПОЛУЧАТЬ
изъ первыхъ рукъ
высшей доброты свѣжій ароматическій
ПЕРВОСБОРНЫЙ ЧАЙ
НА УСЛОВІЯХЪ ИЗЛОЖЕННЫХЪ ВЪ
СЕМЪ ПРЕЙСЪ-КУРАНТѢ,
СЪ ТРЕБОВАНІЯМИ СВОИМИ
БЛАГОВОЛЯТЪ ОТНОСИТСЯ ВЪ
ГЛАВНЫЙ
ОПТОВО-РОЗНИЧНЫЙ СКЛАДЪ
торговаго дома
ОЛЬГИ КОРЕЩЕНКО,
на Кузнецкомъ мосту въ домѣ
Торлецкаго.
ВЪ МОСКВѢ.

ОТЪ ТОРГОВАГО ДОМА

ОЛЬГИ КОРЕЩЕНКО.

Извѣстно, что въ прошломъ Ноябрѣ состоялось постановленіе, въ силу котораго, съ новаго 1877 года пошлина съ привозныхъ товаровъ взимается уже **не кредитными билетами** какъ это было до сего времени,—**а золотомъ**. Обстоятельство это въ связи съ упадкомъ курса и дороговизною золота, имѣло своимъ послѣдствіемъ повсемѣстное **возвышеніе цѣнъ на чай** какъ равно и на прочія привозные товары.

Торговый домъ **Ольги Корещенко** предвидя заранѣе, что оплата пошлины золотомъ непремѣнно должна отразиться возвышеніемъ цѣнъ на чай, принялъ **заблаговременно** всѣ мѣры къ тому, чтобы партіи чаевъ своей собственной выписки оплатить пошлиною **до наступленія новаго года** по прежней системѣ т. е. Кредитными билетами, дабы чрезъ то самое имѣть возможность **удержать** для своихъ Гг. покупателей цѣны чаямъ прежнія.

Такимъ образомъ своевременно принятыми мѣрами, Торговый домъ **Ольги Корсщенко** обезпечилъ свои склады **громаднымъ запасомъ первосборныхъ чаевъ самыхъ высшихъ сортовъ** и притомъ **успѣлъ** оплатить оные чаи пошлиною по прежней системѣ кредитными билетами до наступленія Новаго года. Вслѣдствіе этого, въ настоящее время, когда цѣны чаямъ **повсюду** возвышаются, мы поставили свою торговлю **въ исключительно-благопріятное положеніе**, находя для себя совершенно возможнымъ продавать изъ нашихъ складовъ **самаго высшаго достоинства свѣжіе первосборные чаи** по тѣмъ же самымъ **умѣреннымъ** цѣнамъ **какъ и прежде.**

Что касается до чаевъ новаго полученія, то безъ всякаго преувеличенія можемъ сказать, что **отмѣнно превосходнѣйшее достоинство** оныхъ превышаетъ всякую похвалу, такъ какъ всѣ сорта отъ высшихъ до низшихъ цѣнъ, отличаются замѣчательною свѣжестію, а также **необычайно нѣжнымъ пріятнѣйшимъ вкусомъ и ароматомъ.** Съ 20-го сего января новополученные чаи поступили въ оптово-розничную продажу **въ наши склады по прилагаемому на оборотѣ** Прейсъ-Куранту.

НЕОБЫКНОВЕННАЯ НОВОСТЬ!

Въ числѣ прочихъ высшихъ сортовъ новоприбывшихъ чаевъ, вывезенъ нами изъ Китая для рѣдкости **„особый сортъ“** чернаго чая, которымъ мы можемъ **похвалится** предъ нашими Гг. покупателями тѣмъ болѣе, что столь необыкновенно высокаго рѣдкостнаго достоинства чернаго чая **какъ этотъ**, они, кромѣ какъ въ нашихъ складахъ, **нигдѣ получить не могутъ**. Значится этотъ необычайно рѣдкостный черный чай въ нашемъ прейсъ-курантѣ подъ **№** 66 цѣною по 2 р. 75 коп. за фунтъ.

Долгомъ считаемъ обратить особенное вниманіе любителей

На нижепоименованные сорта чаевъ новаго полученія отличающіеся своимъ чуднымъ необыкновенно пріятнѣйшимъ вкусомъ и ароматомъ: а именно: Значущійся въ Прейсъ-Курантѣ подъ № 3 черный, изъ Фузы Лозана-Ососка **Фучефу** 1 р. 60 коп. за фунтъ; подъ **№** 4, чуднаго аромата и вкуса свѣжій душистый черный чай **Букетъ-Фучана** 1 р. 80 коп. за фунтъ; подъ **№** 5, необычайно пріятнѣйшаго вкуса и аромата свѣжій съ сильнымъ букетомъ черный чай **Царскій Букетъ** 2 руб. за ф.; подъ **№** 6, необыкновенно нѣжнаго и чрезвычайно пріятнѣйшаго **розанистаго** вкуса и аромата черный чай **Царская Роза** 2 р. 30 коп. за ф.; и подъ **№** 7, любимѣйшій публикою превосходной доброты черный чай, выписки нашего торговаго дома, собранный на Императорскихъ плантаціяхъ по нашему заказу **Индѣйская Роза** 2 р. 60 коп. за. ф.

Изъ цвѣточныхъ и Лянсинныхъ чаевъ весьма хороши подъ **№№** 13, 14, 15 и въ особенности подъ **№№** 16, 17 и 18.

Прочіе Лянсины высокіе, а равно чаи желтые, зеленые и штучные отмѣнно высокаго достоинства.

ДО СВѢДѢНІЯ Гг. ИНОГОРОДНЫХЪ

долгомъ считаемъ довести, что нами обращено самое строгое вниманіе **на выборъ** отсылаемаго по ихъ требованіямъ чая, развѣска коего на фунты и отпускъ производится не иначе, какъ подъ нашимъ **личнымъ** надзоромъ.

Заказы Гг. Иногороднихъ исполняются **непремѣнно въ тотъ самый день**, когда они нами получены.

Выписывающіе чая единовременно на 50 руб., кромѣ 5 проц. уступки получатъ **БЕЗПЛАТНО** по своему выбору **ОДИНЪ** изъ нижеозначенныхъ предметовъ чайнаго сервиза.

1) **Новоизобрѣтенный** высшаго достоинства британскаго металла **Чайникъ** по красотѣ и изящности отдѣлки замѣняетъ собою серебро, а по примѣненіи къ практикѣ, способствуетъ полнѣйшему раствору чайнаго листа и чрезъ это самое вкусъ, ароматъ и колеръ завареннаго въ немъ чая сохраняются гораздо долѣе, чѣмъ въ обыкновенныхъ чайникахъ.
2) **Ларчикъ** для сбереженія вкуса и аромата чая, предназначеннаго для вседневнаго употребленія, **вмѣщаетъ** въ себѣ 1 ф. чая и запирается внутреннимъ замкомъ.
3) **Серебрянно-вызолоченная** 84 пробы **мѣрка** для опредѣленія количества чая, нужнаго для завариванія.
4) **Серебряная** 84 пробы **ситка** для чая, съ серебряной же ручкой.
5) **Серебряные** 84 пробы **щипцы** для сахара.
6) **Два римскіе подстаканника**, накладнаго серебра, весьма изящной работы.
7) **Три** серебряно-вызолочен. 84 пр. чайныхъ ложки, новаго фасона съ рисункомъ.
8) **Сахарница** изъ британскаго металла съ крышкой, превосходной отдѣлки по красотѣ замѣняющая серебро.
9) **Сливочникъ съ крышкой** британскаго металла весьма изящной работы.
10) **Чашка** британскаго металла, предназначенная для мытья чайной посуды.
11) Двѣ серебряные 84 пробы **вилочки** для лимона и ягодъ.
12) Серебряное 84 пробы **кольцо для солфетки.**
13) **Серебряно-вызолоченная** 84 пр. **десертная дѣтская ложка съ рельефнымъ рисункомъ**, отличной работы.
14) **Серебряно-вызолоченная** 84 пр. **столовая ложка** нов. фасон. съ рисункомъ.
15) Два **подсвѣчника съ гасильниками**, британскаго металла для чайнаго стола или кабинета, по своему изящному виду замѣняющія серебро.

Выписывающіе чай на сумму менѣе 50 р. но не менѣе 10 фунтовъ, если желаютъ получить какой-либо ОДИНЪ изъ предметовъ, означенныхъ выше, благоволятъ приплачивать за оный 3 р.

Цѣнность каждаго предмета одинаковая.

20 ЯНВАРЯ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ 1877 ГОДА.

СВѢЖИМЪ ПЕРВОСБОРНЫМЪ ЧАЯМЪ

Китайцы, какъ равно и лица ведущія съ ними торговлю и понимающія толкъ въ чаѣ, цѣнятъ чай **ПЕРВАГО ВЕСЕННЯГО СБОРА** по его превосходному достоинству на 30% и болѣе **ДОРОЖЕ** чаевъ втораго и третьяго сборовъ, хотя сіи послѣдніи носятъ съ первосборными чаями **ОДИНАКОВЫЯ НАЗВАНІЯ И ФАМИЛІИ.** Обращая на это весьма важное въ чайной торговлѣ обстоятельство, **ОСОБЕННОЕ ВНИМАНІЕ** нашихъ Гг. покупателей, мы просимъ ихъ замѣтить, что въ нашихъ складахъ находятся въ продажѣ чаи **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ПЕРВАГО ВЕСЕННЯГО СБОРА** столь цѣнимые всѣми любителями знатоками, и пріобрѣтаемые отъ Китайцевъ какъ самые достойнѣйшіе за гораздо высшую противъ чаевъ втораго и третьяго сборовъ цѣну.

Всѣ нижеозначенные чаи развѣшаны по фунтамъ въ превосходной упаковкѣ: на каждомъ фунтѣ обозначена печатно цѣна и названіе чая, а также, находится пломба фирмы. — Выписывающіе чай могутъ и не писать названія, обозначивъ лишъ №, подъ которымъ желаемый сортъ здѣсь значится.

ЗНАЧУЩІЕСЯ ЗДѢСЬ ЧАИ СУТЬ ПЕРВАГО ВЕСЕННЯГО СБОРА НАШЕЙ СОБСТВЕННОЙ ВЫПИСКИ.

№		ЦѢНЫ за фунтъ. Руб.	Коп.
	ЧЕРНЫЕ АРОМАТНЫЕ ИМПЕРАТОРСКІЕ БУКЕТНЫЕ ЧАИ.		
	По своему превосходному вкусу, аромату, а равно и по своей умѣренной цѣнѣ, вполнѣ заслуживаютъ *похвалу и рекомендацію.*		
№ 1	Красненькій хунмы отборный *) . . .	1	20
№ 2	Жемчужный, пріятнаго вкуса и аромата изъ Фузы **Ненхэо-пеха** **)	1	40
№ 3	Тоже душистый, ароматный, высшаго сорта Фузы Лозано-Ососка **Фучефу** .	1	60
№ 4	Самый высокій сортъ жемчужнаго чернаго чая, необыкновенно пріятнаго вкуса и аромата, именуемый **Букетъ Фучана.**	1	80
	ЧЕРНЫЕ ХАНСКІЕ ЧАИ		
	пріобрѣтенные нами на Императорскихъ плантаціяхъ Китая, рекомендуются знатокамъ и любителямъ какъ *особенная и необычайная рѣдкость.*		
№ 5	Новаго привоза душистый чрезвычайно пріятнаго вкуса и сильнаго аромата именуемый **Царскій Букетъ.** . . .	2	—
№ 6	Чуднаго аромата и вкуса, свѣжій душистый, новаго привоза рѣдкостный черный чай, именуемый **Царская Роза.**	2	30
№ 7	Любимѣйшій публикою превосходнаго достоинства черный чай собранный по нашему заказу на Императорскихъ плантаціяхъ. **«Индѣйская Роза».**	2	60
	НЕОБЫКНОВЕННАЯ НОВОСТЬ		
№ 66	**ОСОБЫЙ СОРТЪ** *чернаго чая необычайно высокаго достоинства* **вывезенный нами** *изъ Китая* **для рѣдкости.** . . .	2	75

№		ЦѢНЫ за фунтъ. Руб.	Коп.
	ЦВѢТОЧНЫЕ АРОМАТНЫЕ ЧАИ.		
№ 9	Цвѣточный **Кофаченъ**	1	50
№10	тожъ **Юйтайчанъ.**	1	70
№11	тожъ **Синьюцунъ.**	1	90
	ЦВѢТОЧНЫЕ АРОМАТНЫЕ. (лянсиннаго вкуса чаи).		
№12	Ароматный душистый **Мьюконъ.** . . .	2	10
№13	Высшаго достоинства **отборный** рекомендуемый любителямъ	2	25
	ИМПЕРАТОРСКІЕ ЛЯНСИНЫ. (бѣлые букетные).		
№14	Букетный лянсинъ душистый **Мьютанъ Наджинъ Пеха**	2	50
№15	Императорскій **Букетный Лянсинъ.** . .	2	70
	СРЕБРОВИДНЫЕ ХАНСКІЕ. (лянсин. буктн. чаи).		
№16	Ханскій чрезвычайно пріятнѣйшаго вкуса **Букетъ розы**	3	—
№17	Необыкновенно высок. достоинства **Китайской Императрицы.**	3	25
№18	Высшій сортъ ароматическаго лянсина изъ **Фузы Шилунга.**	3	50
№19	Отборный бѣлый букетный Лянсинъ чуднаго аромата и вкуса.	4	—
№20	Высшаго сорта ароматно-розанистый изъ **Фузы Фунлонью.**	5	—
№21	**Лянсинъ** сребровидный **рекомендуемый какъ рѣдкость.**	6	—
№22	Необыкновенно высокой доброты сребровидный душистый Лянсинъ **Бѣлый перлъ.**	7	—
	ОСОБЫЙ СОРТЪ		
№23	сребровиднаго ароматнаго Лянсина вывезенный нами изъ Китая для рѣдкости.	10	—
№24	За банку вѣсомъ 1/8 ф.	1	50
	ИМПЕРАТОРСКІЕ ЗЕЛЕНЫЕ АРОМАТНЫЕ ЧАИ.		
№25	**Зеленый** душистый.	2	50
№26	» **отборный лянзовый**	3	—
№27	» тожъ высшаго сорта ароматный.	3	50
№28	« Императорскій высшій сортъ.	4	—
№29	» Императорскій отборный душистый.	5	—
№30	» необыкновенно ароматный **Ханскій.**	6	—
№31	» рекомендуемый какъ рѣдкость.	8	—
№32	» чуднаго аромата и вкуса. .	10	—

№		ЦѢНЫ за фунтъ. Руб.	Коп.
	ИМПЕРАТОРСКІЕ ЖЕЛТЫЕ ЧАИ.		
№33	Сянь-Пхянь лянсинъ желтый.	2	70
№34	Златовидный лянсинъ душистый. . . .	3	50
№35	Высокій сортъ златовидный.	4	—
№36	Необыкновенно пріятнаго вкуса и аромата.	5	—
№37	Отборный самый высшій сортъ. . . .	6	—
№38	Чуднаго аромата и вкуса какъ рѣдкость.	8	—
№39	Новый, необыкновенно высокаго качества, изъ рѣдкостей-рѣдкость. . .	10	—
	Штучные Зеленые и Желтые чаи.		
№40	**Желтый** высокаго сорта въ атласныхъ банкахъ 1 ф.	10	—
№41	» тожъ необыкновенно ароматный 1 ф.	8	—
№42	» тожъ отборный душ. 1 ф. . .	6	50
№43	» тожъ ароматическій 1 ф. . . .	5	—
№44	» тожъ » 1/2 ф. . .	3	—
№45	» тожъ » 1/4 ф. . .	1	50
№46	» тожъ » 1/8 ф. . .	—	75
№47	**Зеленый** душистый рѣдкость 1 ф. . . .	10	—
№48	» тожъ Ханскій аром. 1 ф. . .	8	—
№49	» тожъ отборный Императорскій 1 ф.	6	50
№50	» тожъ необыкн. ароматный 1 ф.	5	—
№51	» тожъ » » 1/2 ф.	3	—
№52	» тожъ » » 1/4 ф.	1	75
№53	» тожъ » » 1/8 ф.	1	—
	Штучные Сребровидные Бѣлые Букетные чаи. (въ банкахъ и ящикахъ).		
№54	Цвѣточный въ банкѣ 1 ф.	2	50
№55	Лянсинъ сребровидный въ атласной банкѣ 1 ф.	4	50
№56	Лянсинъ отборный, высшій въ банкѣ 1 ф.	6	—
№57	Лянсинъ бѣлый, букетный, рѣдкость 1 ф.	8	—
№58	*Ханскіе Лянсины въ банкахъ.* вѣсу 1 1/2 ф.	8	—
№59	2 ф.	10	—
№60	3 ф.	12	—
№61	4 ф.	16	—
№61	Лянсинъ рѣдкостный бѣлый букетный 1 ф. въ банкѣ.	5	50
№62	» тожъ 1/2 ф.	3	—
№63	» тожъ 1/4 ф.	1	75
№64	» тожъ 1/8 ф.	1	—
№65	Сюрпризный ящикъ необыкновенно красиво отдѣлан. съ 12 фигурными банками наполненными высшими сортами **желтаго, зеленаго и бѣлаго букетнаго чая** вѣсомъ во всѣхъ 12 банкахъ 1 1/2 ф.	25	—

---

*) Чай цѣною 1 р. 20 коп. пересылается на нашъ счетъ только на разстояніи отъ Москвы до 1200 верстъ.

**) Чай цѣною 1 р. 40 коп. пересылается на нашъ счетъ только на разстояніи отъ Москвы до 2000 верстъ, а свыше этого разстоянія хотя пересылка онаго на счетъ нашъ и принимается, но ни уступки, ни безплатныхъ приложеній не дѣлается.

НЕОБХОДИМОЕ ЗАЯВЛЕНІЕ. Нашъ Прейсъ-Курантъ постоянно служитъ для нѣкоторыхъ чайныхъ торговцевъ предметомъ **подражанія**, и не только что выдаваемыя нами приложенія, но и самое названіе **чаевъ буквально** перепечатываются ими, почему въ избѣжаніе возможныхъ въ семъ случаѣ ошибокъ или недоразумѣній со стороны Гг. покупателей, покорнѣйше просимъ не **смѣшивать и не принимать за одно и тоже** продаваемые нами Собственной выписки **первосборные чаи** съ чаями иной выписки и инаго сбора, а слѣдовательно и худшаго качества продающимися въ подражаніе намъ, подъ тѣми же самыми названіями у другихъ торговцевъ.

Еще разъ позволяемъ себѣ обратить **особенное вниманіе** Гг. покупателей на замѣчательно **высокое достоинство** чаевъ нашего выбора и выписки, поступившихъ нынѣ въ продажу по вышеизложенному Прейсъ-Куранту.— Лучшаго выбора чаевъ **никогда еще небывало** да и ожидать невозможно.

Гг. ИНОГОРОДНЫЕ,

желающіе выписывать чай черезъ почту, съ требованіями своими благоволятъ относиться исключительно по слѣдующему адресу: Въ Москвѣ, на Кузнецкомъ мосту, въ домѣ Торлецкаго **ВЪ ГЛАВНУЮ КОНТОРУ ТОРГОВАГО ДОМА ОЛЬГИ АРСЕНЬЕВНЫ КОРЕЩЕНКО.** Требованіе исполняется непремѣнно **въ тотъ же самый день когда получено.**

Въ города, гдѣ существуютъ отдѣленія транспортныхъ конторъ, или на станціи желѣзныхъ дорогъ, гдѣ производится выдача клади, съ переводомъ полученія денегъ—высылка чая можетъ быть сдѣлана при полученіи отъ требователя задатка, въ размѣрѣ 10%, а остальные 90% уплачиваются транспортной конторѣ или желѣзно-дорожному управленію при полученіи товара на мѣстѣ назначенія.

ПЕРЕСЫЛКУ ЧАЕВЪ ЧРЕЗЪ ПОЧТУ

во всѣ города Имперіи, Контора принимаетъ на свой счетъ и сверхъ того дѣлаетъ уступку 5% съ рубля выписывающимъ изъ ближнихъ губерній на 25 р., а изъ отдаленныхъ на 50 р.

(Чай цѣною 1 р. 20 к. за фунтъ посылается на счетъ конторы только на разстояніи отъ Москвы до 1200 верстъ; чай цѣною въ 1 р. 40 коп. пересылается на счетъ конторы только на разстояніи отъ Москвы до 2000 верстъ а свыше этого разстоянія, хотя пересылка онаго на счетъ конторы и принимается, но ни уступки ни безплатныхъ приложеній не дѣлается).

Примѣчаніе: Кромѣ помянутой уступки, выписывающіе чай единовременно на 50 руб., безъ различія губерній, получатъ въ приложеніе **безплатно** по своему выбору **одинъ** изъ предметовъ, означенныхъ на оборотѣ сего, или же 1 ф. чаю **Букетъ розы** въ 3 руб.

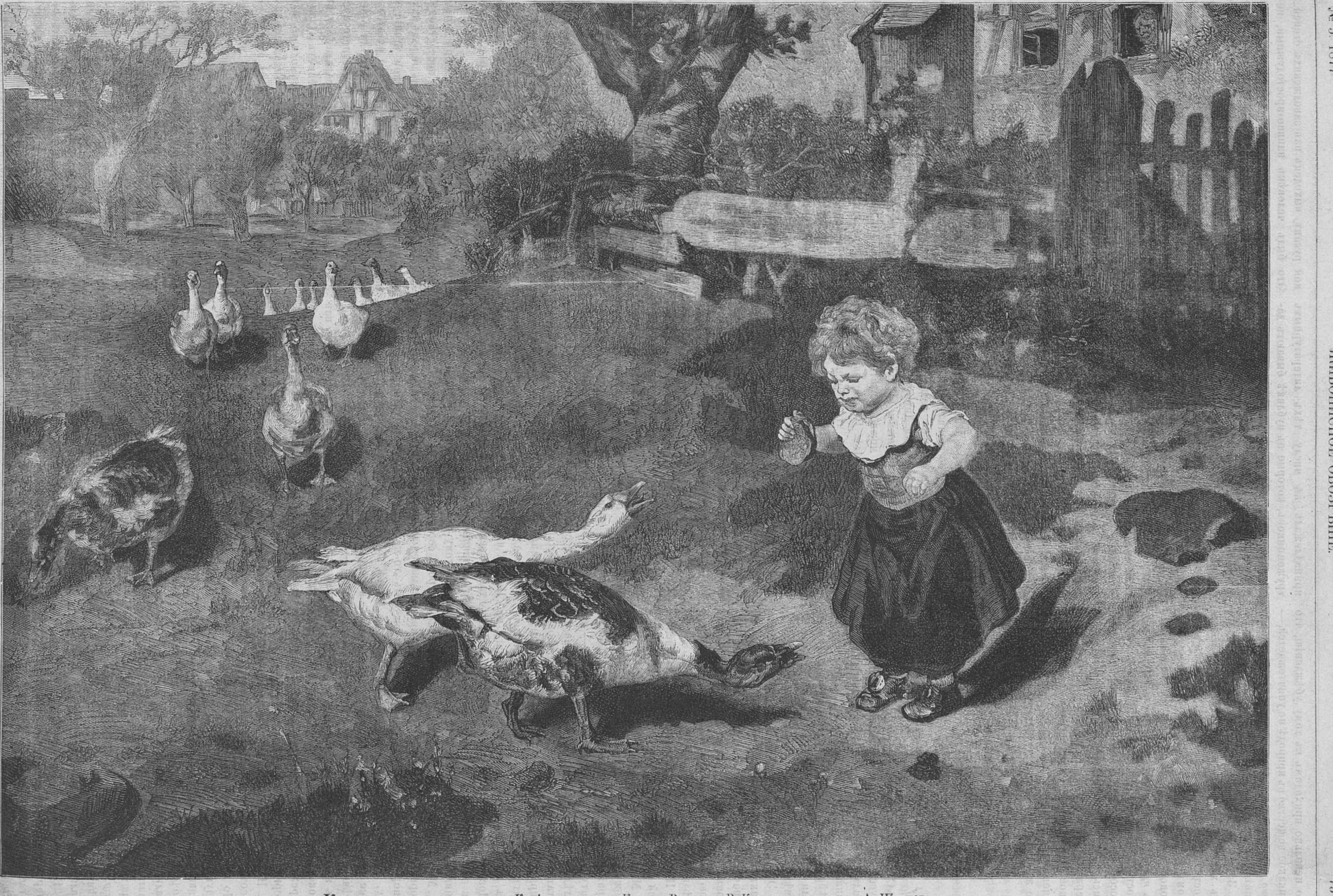
Только обширное производство и прямыя сношенія съ Китаемъ, даютъ возможность торговому дому **О. А. Корещенко** продавать по такой умѣренной цѣнѣ самого наивысшаго достоинства чай и притомъ на столь выгодныхъ для Гг. покупателей условіяхъ.

Къ особенному вниманію Гг. Иногородныхъ.

Имѣемъ честь присовокупить, что при высокомъ достоинствѣ чаевъ нашей фирмы и весьма ограниченной пользѣ своей, мы рѣшительно не имѣемъ возможности дѣлать уступки изъ умѣренныхъ цѣнъ нашего Прейсъ-Куранта болѣе той, какая здѣсь обозначена, а потому на какую бы большую сумму выписка чая отъ насъ ни воспослѣдовала, при пересылкѣ онаго съ почтою уступка будетъ одна и также т. е. 5% и на каждые 50 р. безплатное приложеніе одного изъ предметовъ чайнаго сервиза или же чая на 3 р.

Дозволено цензурою. Москва, Января, 12 дня 1877 г.

Типогр. А. Клейнъ, Столешниковъ пер., д. Ромейко.



Критическая минута. Копія съ картины Кнауса. Рисовалъ В. Косакъ гравировалъ А. Шлиперъ то невольно приходимъ къ тому убѣжденію, что никакое вещество въ природѣ не уничтожается,— *что матерія вѣчна*. Это заключеніе подтверждается всѣми химическими опытами.

Законъ сохраненія матеріи важенъ не только въ химіи, но и въ другихъ наукахъ, въ особенности же въ философіи. Рядомъ съ этимъ закономъ физики открыли другой — *сохраненіе силы;* сопоставляя эти два закона, мы заключаемъ, что *въ природѣ ничто не уничтожается*. Уже въ древности, какъ видно изъ сочиненій римскихъ философовъ, Лукреція Кара и Сенеки, догадывались о сохраненіи матеріи; того же взгляда придерживались и греки, положившіе начало римской философіи. Но эти догадки нисколько не уменьшаютъ заслуги Лавуазье, доказывающаго то же самое фактами и вычисленіями.

Конецъ.

Судьба русскихъ писателей.

> „Что́-же васъ гонитъ?—судьбы ли рѣшеніе,
> Зависть-ли тайная, злоба-ль открытая, —
> Или на васъ тяготитъ преступленіе?..“
> *Лермонтовъ.*

Странная, въ самомъ дѣлѣ, тяготѣетъ судьба надъ русскими писателями!.. Невольно задумываешься надъ этою «судьбою» — и, также невольно, спрашиваешь себя: «что̀ же *ихъ* гонитъ?..» Тяготѣетъ-ли, дѣйствительно, надъ ними «печать проклятья», или же, наконецъ, сами они не могутъ или не умѣютъ позаботиться о своей «судьбѣ?..»

Эти тяжелые, мучительные вопросы ставятся какъ бы сами собою за послѣднее время — по прочтеніи въ газетахъ нѣсколькихъ «некрологовъ», съ одною и тою-же лаконическою фразою въ концѣ: «Умеръ отъ чахотки, въ крайней бѣдности...»

Извѣстно, что большинство русскихъ писателей проживаютъ въ столицахъ — въ Петербургѣ и Москвѣ — и лишь немногіе въ провинціи. Возможно, поэтому, ожидать, что въ столицахъ, по крайней мѣрѣ, гдѣ существуетъ комитетъ литературнаго фонда и множество редакцій, — послѣдніе дни писателей и самая ихъ кончина достаточно ограждены отъ тяжелой обстановки «крайней бѣдности». Между тѣмъ, на дѣлѣ выходитъ не совсѣмъ такъ, — и тягостная обстановка послѣднихъ дней писателя, умирающаго въ Москвѣ или въ Петербургѣ, мало чѣмъ разнится отъ таковой-же обстановки писателя въ провинціи.

Мы обратимся, прежде всего, *къ фактамъ*, которые, въ данномъ случаѣ, будутъ гораздо краснорѣчивѣе всякихъ словъ. Возьмемъ, на выдержку, нѣсколько смертей, описанныхъ, за послѣднее время, въ газетахъ болѣе или менѣе краснорѣчиво, съ извѣстными минорными добавленіями въ концѣ — о томъ, напримѣръ, что «со смертію покойнаго, русская литература понесла-де преждевременную и весьма чувствительную потерю ..»

Ничего не можетъ быть противнѣе этой стереотипной фразы — «чувствительная потеря!..» Но позвольте, господа: кто же виноватъ въ этой «чувствительной потерѣ», какъ не вы сами, вопящіе о ней? Зачѣмъ вы допустили эту потерю — почему не предотвратили ее во̀ время? Что сдѣлали вы, дабы поддержать свѣточъ жизни угасшаго писателя и не допустить его до «преждевременной» могилы? — Вы не сдѣлали ровно *ничего*, не стукнули пальцемъ о палецъ, — и, затѣмъ, выполняете лишь незавидную роль плакальщицъ за гробомъ.

Вотъ, напримѣръ, исторія смерти Н. А. Демерта, бывшаго *постояннаго* сотрудника «Отечественныхъ Записокъ» и «Биржевыхъ Вѣдомостей» — т. е. одного изъ самыхъ видныхъ журналовъ и большой газеты.

Прежде всего скажемъ, что покойный Демертъ принадлежалъ къ числу тѣхъ литературныхъ труженниковъ, которые въ публикѣ бываютъ даже мало извѣстны. — Это истинные литераторы, не имѣющіе ничего общаго съ «пѣнкоснимателями» нашей прессы; они не гонятся ни за славой, ни за извѣстностью, ни за житейскою «карьерой». Горячо преданные идеѣ и тому дѣлу, которому они посвятили себя, они, до конца жизни, неумолимо и безропотно, несутъ обязанности литературнаго рабочаго, вынимая изъ огня каштаны — для своихъ издателей и редакторовъ. Покойный Демертъ былъ настолько скроменъ, что даже никогда не подписывалъ своихъ статей, и если имя его проникало, иногда, въ публику, то только благодаря тому обстоятельству, что онъ «неоднократно попадалъ на скамью подсудимыхъ, преслѣдуемый оскорбленными жертвами» своихъ статей въ «Отечественныхъ Запискахъ» по внутренней хроникѣ.

Въ этомъ журналѣ, по словамъ почтеннаго автора некролога («Бирж. Вѣд.» 1876 г. № 334), Демертъ работалъ «съ конца 60-хъ годовъ по 1875 годъ», самостоятельно ведя отдѣлъ внутренней хроники. «Хроники Демерта были явленіемъ весьма оригинальнымъ въ нашей современной литературѣ и, можно сказать, исключительнымъ въ своемъ родѣ. Въ настоящее время рѣдко приходится читать что нибудь такое, въ чемъ вы видѣли-бы, что писатель полагаетъ передъ вами всю свою душу, что-либо глубоко прочувствованное, непосредственно-живое. Хроники-же Демерта тѣмъ и отличались, что каждая была проникнута глубокою страстностью. Ни одного слова, ни одного факта не было въ нихъ, которые бы помѣщены были лишь для одного балласта, которые-бы не задѣвали автора за живое, изъ-за которыхъ не обливалось бы кровью его сердце. Это былъ, такимъ образомъ, не присяжный фельетонистъ, безучастно нанизывающій факты на факты, беря ихъ изъ газетныхъ корреспонденцій и разбавляя холодными резонерствами въ либеральномъ духѣ; отнюдь не петербургскій прогрессивный теоретикъ, обсуждающій русскую жизнь съ высоты птичьяго полета и представляющій вамъ рядъ проектовъ, очень остроумныхъ или глубокомысленныхъ на бумагѣ, но распадающихся въ пухъ и прахъ на практикѣ. Передъ читателемъ былъ земецъ-практикъ, испытавшій земское дѣло на своей собственной шкурѣ, отлично знавшій всѣ закулисныя его тайны и поэтому способный, какъ никто, читать между строкъ сообщенія мѣстныхъ газетъ и факты, выставляемые корреспондентами столичной прессы. Въ то-же время на земское дѣло онъ смотрѣлъ какъ на народное дѣло: былъ страстный трибунъ народныхъ, крестьянскихъ интересовъ въ земствѣ, — и съ ненавистью, доходящею до ярости, набрасывался онъ на каждый такой фактъ изъ жизни земства, гдѣ онъ видѣлъ извращеніе общественнаго земскаго дѣла въ исключительную пользу какого либо одного сословія и въ ущербъ всѣмъ другимъ, безсовѣстную подтасовку земскихъ выборовъ или рѣшеній земскихъ управъ, или же невѣжественное пониманіе общихъ и взаимныхъ выгодъ». И т. д...

Это — почти полный, литературно-формулярный списокъ покойнаго Демерта. Къ нему остается лишь добавить, что въ 1874 году, при перемѣнѣ редакціи «Биржевыхъ Вѣдомостей», Демертъ поступилъ въ число постоянныхъ сотрудниковъ этой газеты и занялъ въ ней, тоже, отдѣлъ внутренней хроники.

А вотъ, нравственный образъ покойнаго. Онъ является чрезвычайно симпатичнымъ въ описаніи того-же почтеннаго автора некролога Н. А. Демерта.

«Не смотря на свою нѣмецкую фамилію, Демертъ, во всѣхъ своихъ нравственныхъ качествахъ, во всей обстановкѣ жизни, былъ коренной русакъ, выходецъ изъ заволжскихъ степей... Это былъ человѣкъ наивно-простодушный, искренній, руководившійся какъ въ хорошихъ, такъ и въ дурныхъ своихъ поступкахъ тѣми страстными импульсами, которые всецѣло овладѣвали имъ въ данное время». Къ этому слѣдуетъ прибавить, что покойный писатель получилъ образованіе въ казанскомъ университетѣ и, прежде чѣмъ отдался всецѣло литературѣ, нѣсколько лѣтъ служилъ по земству, на своей родинѣ — въ Чистопольскомъ уѣздѣ Казанской губерніи.

И такъ, вотъ передъ нами внѣшній обликъ и внутренній покойнаго Демерта. Затѣмъ, въ началѣ 1875 года «въ немъ обнаружились нѣкоторые признаки умопомѣшательства. Несчастнѣе всего при этомъ для Демерта было то, что помѣшательство это было *не полное*: оно не имѣло ни остраго характера бѣшенства, ни тихаго вида какой-либо маніи или идіотизма. Демертъ сохранялъ полное сознаніе, отправлялъ всѣ свои служебныя и личныя дѣла, ходилъ въ гости, интересовался политикой и общественными вопросами, но во всемъ этомъ началъ обнаруживать ненормальную забывчивость, разсѣянность и сумбурность во всѣхъ своихъ разговорахъ и дѣйствіяхъ. Но при всемъ очевидномъ разстройствѣ мозга, оно однакоже не достигало все таки до такой степени, при которой человѣка подвергаютъ строгому медицинскому надзору, или сажаютъ въ съумасшедшій домъ. Это было гибельнымъ несчастіемъ для Демерта». И т. д...

Дѣйствительно, тихое помѣшательство Демерта — было великимъ несчастіемъ для него: онъ не попалъ ни въ лечебницу душевныхъ болѣзней, ни, просто, въ съумасшедшій домъ, — гдѣ, по крайней мѣрѣ, могъ бы умереть почеловѣчески: былъ бы, можетъ быть, похороненъ какъ слѣдуетъ и, наконецъ, самая могила его была бы извѣстна,—тѣмъ друзьямъ, которые теперь такъ усердно его оплакиваютъ, но которые, повидимому, не сдѣлали ровно ничего, чтобы предотвратить его трагическую кончину. Демертъ, страдавшій умственнымъ разстройствомъ, свободно однако уѣхалъ въ Москву, три дня кутилъ тамъ съ какими то «жуликами», былъ вмѣстѣ съ ними захваченъ полиціей, попалъ въ часть и, не смотря на то, что объявилъ свое имя, «былъ задержанъ при части *на испытаніи* (?), захворалъ, попалъ въ больницу, гдѣ вскорѣ и умеръ». Вотъ и все.

Въ концѣ своего некролога, авторъ вотще спрашиваетъ: «Кто закрылъ глаза несчастному? — Можетъ быть, пьяный фельдшеръ не разъ пихнулъ и дернулъ его въ предсмертной агоніи и напутствовалъ его въ могилу грубыми ругательствами... А гдѣ его могила? И есть ли у него могила? — Можетъ быть, какъ безвѣстнаго арестанта, умершаго въ части, отправили его въ университетскій анатомическій кабинетъ и тамъ распотрошили рядомъ съ трупомъ одного изъ жуликовъ, съ которыми онъ былъ захваченъ... Нужно ли что нибудь прибавлять къ этому? — Развѣ только то, что страшно быть русскимъ писателемъ!»..

Что русскимъ писателемъ, дѣйствительно, быть «страшно»—это такъ; но мы находимъ, что къ описанію трагической кончины Демерта можно, пожалуй, и еще кое что «прибавить». Мы позволимъ себѣ формулировать эти «прибавленія» въ видѣ слѣдующихъ — и думаемъ, не излишнихъ — вопросовъ.

Вопервыхъ, почему же это друзья Демерта, вотще теперь оплакивающіе его, допустили его, заболѣвшаго очевиднымъ умопомѣшательствомъ, до полной и безсознательной свободы дѣйствій, до поѣздки въ Москву, одного, внѣ всякаго, не только медицинскаго, но и простого дружескаго надзора? Почему они не отклонили его отъ этой ненужной поѣздки, не удержали?

Если они не хотѣли, или не въ силахъ были это сдѣлать, то почему не дали знать о поѣздкѣ Демерта въ Москву, въ любой изъ тамошнихъ литературныхъ кружковъ?

Если, наконецъ, они и этого не могли сдѣлать, то почему же, состоя членами общества литературнаго фонда, они не поспѣшили дать знать о неопредѣленной судьбѣ Демерта въ этотъ самый фондъ, въ общество, имѣющее въ Москвѣ многихъ своихъ членовъ, которые, вѣроятно, поспѣшили бы на помощь Демерту и спасли бы его и ужъ навѣрное выручили бы изъ полиціи своимъ участіемъ и вліяніемъ?

И отчего же, въ концѣ концовъ, комитетъ литературнаго фонда не взялъ на себя, непосредственно, иниціативу во всемъ этомъ прискорбномъ дѣлѣ? Неужели же, въ самомъ дѣлѣ, членамъ «Общества для пособія нуждающимся литераторамъ»—а въ числѣ этихъ членовъ находятся многіе сотрудники «Отечественныхъ Записокъ» и «Биржевыхъ Вѣдомостей»—неужели имъ было неизвѣстно ни о болѣзни одного изъ ихъ сотоварищей, ни о его безумной поѣздкѣ въ Москву?... Вѣдь тогда, по крайней мѣрѣ, самое извѣстіе о кончинѣ Демерта появилось бы во время, а не спустя полгода, «въ видѣ газетнаго слуха»...

Отчего же все это произошло такъ?

Отвѣтимъ на это словами прекрасной статьи «Русскаго Обозрѣнія» (№ 23, 1876 г.), посвященной памяти Н. А. Демерта. Все *это* происходитъ оттого, что у насъ «нѣтъ литературной семьи, нѣтъ солидарности въ средѣ литераторовъ! Писателю—да еще одинокому, не семейному—не съ кѣмъ дѣлить ни своихъ радостей, ни своихъ тяжкихъ душевныхъ скорбей; ему *не на кого* опереться во время матеріальной и нравственной невзгоды: кругомъ его — или равнодушная толпа собратовъ по перу, или враги, въ самомъ дурномъ, грубомъ значеніи этого слова. Вся литературная дѣятельность—это рядъ тяжкихъ оскорбленій, самая мучительная нравственная пытка, безпрерывная борьба...»

Оттого-то и не долго живется русскимъ литераторамъ,—и то-и-дѣло приходится читать о «преждевременной, чувствительной потерѣ»... «Все, что горячо и честно относится къ литературному труду, что душу свою влагаетъ въ него,—все это быстро и безвременно валится въ могилу!... И читающая публика, и литераторы слишкомъ равнодушны, индифферентны къ этимъ преждевременнымъ утратамъ».

Нельзя не согласиться съ этими горькими словами. Дѣйствительно — равнодушіе полное. Возьмемъ опять смерть того же Демерта. Это былъ не дюжинный, не заурядный писатель: онъ составилъ себѣ въ литературныхъ кружкахъ довольно почтенное имя. Но не полнѣйшее ли равнодушіе онъ встрѣтилъ со стороны литературы, какъ только заболѣлъ? Мало этого. Прошло со времени его смерти полгода. Начался обычный вопль и причитанія... Появился въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» весьма сочувственный фельетонъ о покойномъ. Почтенный авторъ фельетона, писавшій о Демертѣ, какъ о человѣкѣ ему близкомъ и, повидимому, хорошо извѣстномъ, объяснилъ окончательное нравственное потрясеніе (т. е. умопомѣшательство) покойнаго писателя «нѣсколькими трагическими катастрофами, въ видѣ цѣлаго ряда самоубійствъ въ средѣ его близкихъ родныхъ». Извѣстіе это было, конечно, очень многими газетами перепечатано. Прошелъ еще мѣсяцъ. И вотъ, въ № 360 тѣхъ же «Бирж. Вѣд.», въ фельетонѣ того же самаго г. «Зауряднаго читателя», появляется сознаніе автора «въ недостаточномъ знаніи обстоятельствъ жизни Демерта» и обыкновенная, въ этихъ случаяхъ, просьба—«да проститъ мнѣ читатель», и пр... Оказывается, что имя и фамильную память покойнаго писателя пришлось защищать отъ дружескихъ услугъ его брату, г-ну П. А. Демерту, напечатавшему письмо, изъ котораго, между прочимъ, оказывается, что никакихъ «трагическихъ катастрофъ», а также и «цѣлаго ряда самоубійствъ» въ семействѣ Демертовъ не было...

Слѣдовательно, не только «равнодушіе» встрѣчалъ покойный Демертъ въ своей средѣ, но въ этой средѣ не знали даже причинъ, вызвавшихъ въ немъ «нравственное потрясеніе», и измыслили по этому поводу небылицы, очень оскорбительныя и щекотливыя для живыхъ родственниковъ покойнаго литератора.

Дѣйствительно, г. «Заурядный читатель» вполнѣ вѣрно сказалъ, что страшно быть русскимъ писателемъ. Даже и послѣ смерти—«страшно»...

Но не для всѣхъ оно бываетъ такъ. Этотъ удѣлъ выпадаетъ на долю большинства, на долю тѣхъ тружениковъ мысли, «для которыхъ литературный трудъ есть серьезный, общественный долгъ, не терпящій ни уклоненій, ни заднихъ цѣлей, ни личныхъ выгодъ».

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Начало и постепенное развитіе письма.

(*Продолженіе*).

IV.

Сравнивая различные алфавиты, нельзя не замѣтить, что они отличаются одинъ отъ другого не только характеромъ и количествомъ буквъ, но и начертаніемъ послѣднихъ, соотвѣтственно времени ихъ появленія и роду самаго письма.

У каждаго алфавита имѣется своя исторія, свидѣтельствующая о постоянныхъ измѣненіяхъ, которымъ онъ подвергался. Буквы подвергались разнымъ случайностямъ, при чемъ ихъ начертаніе зависитъ отъ навыка пишущаго и пріемовъ письма. Одни алфавиты существовали недолго, другіе же переживали вѣка и переходили изъ одной страны въ другую; каждый болѣе развитый народъ навязывалъ сосѣдямъ свой языкъ, литературу и письмо; а потому, по степени распространенія той или другой графической системы, можно судить о вліяніи и развитіи народа, ее употреблявшаго. Религіи также способствовали распространенію алфавитовъ, ибо новые послѣдователи весьма часто получали священныя книги, на языкѣ своихъ учителей. Греческія (фокейскія колоніи) въ древней Галліи ввели въ страну греческій алфавитъ, вытѣсненный затѣмъ латинскимъ, послѣ завоеванія Галліи римлянами. Греки вытѣснили древнее священное египетское письмо съ береговъ Нила; христіанскіе апостолы отвергли іероглифы, напоминающіе народу о его языческихъ преданіяхъ. У обращенныхъ въ христіанство египтянъ мы находимъ то же, что у православныхъ славянъ, воспринявшихъ вѣру отъ св. Кирилла и Меѳодія. Греческій алфавитъ съ нѣсколькими знаками древняго іеротическаго письма замѣнилъ іероглифы, и съ тѣхъ поръ всѣ священныя книги въ Египтѣ стали писаться, такъ называемымъ, коптійскимъ письмомъ. Римская имперія занимала огромныя пространства въ трехъ частяхъ свѣта; вотъ почему латинскій алфавитъ обязанъ своимъ широкимъ распространеніемъ. Но, несмотря на все свое могущество, онъ подвергался различнымъ измѣненіямъ, соотвѣтственно мѣстности и времени, и, въ концѣ-концовъ, раздѣлился на множество графическихъ разновидностей. Это письмо въ каждой странѣ, мало по малу, усвоивало себѣ оригинальныя черты чисто мѣстнаго характера. Латинскій алфавитъ, подобно древнему финикійскому письму, подвергся значительнымъ измѣненіямъ, прежде чѣмъ въ немъ выработались тѣ прекрасныя формы, которыя находятъ теперь на памятникахъ временъ Августа.

Исторія латинскаго письма составляетъ предметъ спеціальной науки, называемой *палеографіей*. Французская палеографія, благодаря трудамъ монаховъ-бенедиктинцевъ и современныхъ ученыхъ, представляетъ собою капитальный, обстоятельно выработанный трудъ, неоцѣненный при историческихъ изслѣдованіяхъ. Рядъ измѣненій, которыя переживало письмо, составляетъ интересный отдѣлъ палеографіи, надъ исторической стороной котораго работали Natalis de Wailly, Wattenbock, I. Jupi. Музей народнаго архива въ Парижѣ заключаетъ въ себѣ интересную коллекцію разнаго рода документовъ, начиная съ VII вѣка и до нашихъ временъ. Эта коллекція представляетъ исторію измѣненій латинскаго алфавита. Среди безконечнаго множества особенностей и оттѣнковъ можно установить три большіе періода состоянія этого письма: первый — отъ образованія варварскихъ государствъ на развалинахъ римской имперіи до XIII вѣка, второй отъ XIII до начала XVI и третій,—доходящій до нашихъ временъ.

Въ двухъ первыхъ эпохахъ можно отличить три рода письма, сообразно размѣрамъ и формамъ буквъ: большія буквы (маюскулы), употреблялись въ надписяхъ, а также на монетахъ и титулахъ; малыя (минускулы) — въ литературныхъ произведеніяхъ и курсивъ—въ актахъ. Употребленіе для письма птичьихъ перьевъ, вмѣсто палочекъ, введенное между V и VII в., способствовало широкому распространенію весьма обыкновеннаго у римлянъ *курсива*, который въ эпоху меровинговъ представляетъ такую безтолковую связь буквъ, что часто не представляется возможности разобрать эти каракули; изуродованный курсивъ былъ вытѣсненъ ясными и чистыми формами унціяльнаго письма (*унція*=$^{1}/_{12}$ римскаго фута), получившаго названіе отъ высоты буквъ, доходящихъ до одной унціи.

Подъ вліяніемъ постепенныхъ преобразованій, къ концу первой эпохи создалось письмо, не вѣрно называемое готическимъ; нѣкоторые изслѣдователи даютъ ему гораздо болѣе подходящее названіе—схоластическаго. Оно породило страшный безпорядокъ въ чистописаніи; неопредѣленность начертаній схоластическаго письма привела къ тому, что не только каждая эпоха, но и каждая страна запечатлѣла на немъ свои особенности.

Въ XV вѣкѣ искусству чистописанія, благодаря употребленію разноцвѣтныхъ чернилъ, миніатюрныхъ рисунковъ и всякаго рода украшеній, былъ нанесенъ смертельный ударъ изобрѣтеніемъ книгопечатанія; съ этой поры письменные договоры и акты лишились прежнихъ образцевъ и правилъ. Печатный шрифтъ въ первыя времена своего существованія слѣпо подражалъ письму; въ позднѣйшія же времена произошло совершенно на оборотъ.

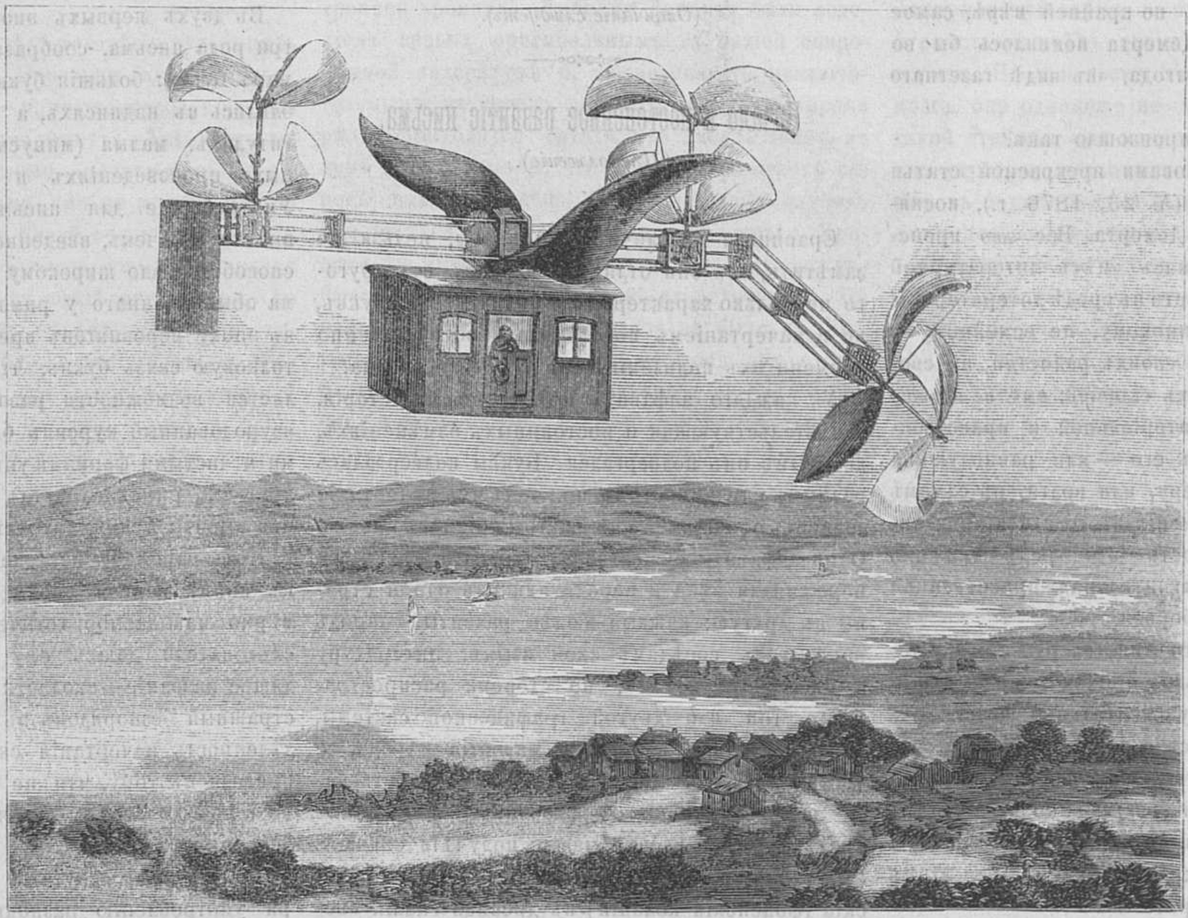
Быстрота, съ которою распространялось книгопечатаніе, не давала времени совершенствовать буквы; вотъ почему, ради скорости работы, не гнались за красотою формъ. Одни только монахи, въ тишинѣ своихъ келій, отдавались этому непроизводительному труду.

Одновременно съ сознаніемъ необходимости письма, обусловливающемъ преобладаніе курсива и исчезновеніе остроконечнаго *готическаго* письма и округленнаго *рондо*, въ письмѣ пропадаетъ однообразіе XVI и XVII в. в. Разсматривая коллекцію автографовъ этого времени, не трудно убѣдиться, что въ письмѣ проявляется не только индивидуальность пишущаго, но и его происхожденіе. Люди высшаго сословія придерживаются размашистыхъ, продолговатыхъ формъ, въ то время какъ мѣщане употребляютъ охотнѣе узкія мелкія буквы. Ученые, писатели и вообще труженики не отдѣлываютъ своихъ буквъ съ такимъ изяществомъ, какое проглядываетъ въ письмѣ Боссюета, Расина или Фенелона. Въ мелкомъ почеркѣ Кольбера видно его происхожденіе, между тѣмъ какъ его племянникъ, маркграфъ де Торси, чувствуетъ себя родовитымъ дворяниномъ. Вмѣстѣ съ правами и обычаями этого сословія онъ усвоилъ и его размашистость письма. Съ приближеніемъ революціи письмо аристократіи мельчаетъ также, какъ и она сама; въ этомъ можно убѣдиться при сравненіи почерка Людовика XVI съ рукою Людовика XIV. Обстоятельства заставляли Людовика XIV чаще браться за перо, и потому писать скорѣе, между тѣмъ какъ его предки и высшее дворянство брали перо въ руки лишь для того, чтобы подписать свою фамилію.

Съ половины XVIII вѣка письмо отрѣшилось отъ своего прошлаго, которое было вытѣснено анархіею, или вѣрнѣе, проявившеюся индивидуальностью. Каждый начинаетъ писать по своему, такъ что по особенностямъ буквъ гораздо легче узнать личность пишущаго, чѣмъ историческую эпоху. Письмо становится до того индивидуальнымъ, что подтверждаетъ часто повторяемое мнѣніе, будто почеркъ свидѣтельствуетъ о темпераментѣ пишущаго. Въ пользу этого мнѣнія можно привести множество примѣровъ. Слѣдуетъ только взглянуть на протоколы французскаго національнаго собранія и на фамиліи депутатовъ, подписавшихъ протоколъ, извѣстнаго засѣданія 20 іюня 1789 г. Въ мелкомъ, отрывистомъ, короткомъ почеркѣ Робеспьера проглядываютъ его позднѣйшія дѣянія; округлый и широкій почеркъ Буасси д'Агла составляетъ съ предидущимъ рѣзкій контрастъ. Рука Мирабо походитъ на почеркъ дворянъ XVII в.; въ немъ видиѣется гордость и вспыльчивость; въ подписи Талейрана отразилась его дипломатическая изворотливость; въ подписи Барнавэ—его душевное волненіе. Переходя отъ палачей къ жертвамъ, насъ поражаетъ благородная энергія почерка Маріи-Антуанеты въ письмѣ, написанномъ ею послѣ объявленія смертнаго приговора. Рука у нея не дрогнула, форма буквъ осталась та же, какая была и во времена пребыванія на престолѣ.

Въ настоящее время отъ письма требуется только чистота и разборчивость формъ. Ремесло переписчика, бывшее уважаемымъ искусствомъ въ тѣ времена, когда книга переписывалась столько разъ, сколько требовалось экземпляровъ, когда заглавныя буквы украшались причудливыми арабесками, это ремесло въ настоящую пору цѣнится мало. Успѣхамъ науки мы обязаны многими механическими способами переписыванія: печать, литографія и свѣтопечатаніе, электрическіе телеграфы сами пишутъ получаемыя депеши и, надо полагать, въ скоромъ времени машины замѣнятъ ручное письмо.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)



Новый летательный аппаратъ В. I. Льюиса.

Между Болгарами.

Путешествіе Вильгельма Лежана.

(*Продолженіе*).

Нижняя Болгарія. – Рѣки.—Ломъ.—Янтра.— Бей.— Makadam. – Кефъ.—Плевно.

Мнѣ, наконецъ, необходимо было оставить «цивилизованныя» чудеса Рущука и отправиться въ настоящую болгарскую провинцію. Мой греческій драгоманъ Димитрій купилъ для меня лошадей, я простился съ небольшимъ кружкомъ европейцевъ, общество которыхъ такъ оживляло мое пребываніе въ турецкомъ городѣ, и, въ сопровожденіи одного заптія и проводника, поѣхалъ дорогой на Плевно и Органіе къ Софіи.

Мѣстность, по которой въ теченіи четырехъ дней мнѣ приходилось ѣхать, представляетъ широкую равнину, къ сожалѣнію, весьма однообразную. Это именно и есть нижняя Болгарія, чрезвычайно сильно напоминающая южную часть Малороссіи. Во время жатвы, эти поля, на которыхъ не видно ни одного дерева, волнуясь, напоминаютъ разбушевавшееся море, на поверхности котораго колышатся громадныя волны. Одно, что нѣсколько разнообразитъ всю монотонную мѣстность, это рѣки, которыя прорыли для себя въ грунтѣ извилистыя и глубокія русла. Долины около этихъ рѣкъ, съ высоты птичьяго полета, должны казаться восхитительными. Берега рѣкъ чрезвычайно красивы, вслѣдствіе того, что деревья, которыхъ не видно на поляхъ, густыми рощами ростутъ надъ берегомъ. Я имѣлъ достаточно времени изучить все это, такъ какъ по дорогѣ мнѣ приходилось переправляться то чрезъ р. Ламу, то чрезъ р. Янтру. На третій день моего путешествія я остановился въ деревнѣ подъ названіемъ Бѣла, Бяла. Это названіе напоминаетъ мнѣ одинъ эпизодъ изъ пребыванія моего въ Рущукѣ. Будучи въ Рущукѣ, въ концертномъ саду изла-ханэ я встрѣтился съ прусскимъ консуломъ Калишомъ. Мы сидѣли рядомъ; въ числѣ слушателей находился одинъ турокъ съ весьма антипатичной наружностью. Проходя мимо насъ, онъ поклонился Калишу, но этотъ послѣдній не отвѣтилъ на его поклонъ.

— Кто это такой?—спросилъ я.

— Это бей изъ деревни Бѣла,—отвѣтилъ консулъ.—У него на душѣ лежитъ не одно звѣрство и преступленіе, но, не смотря на это, ему ничего не дѣлаютъ. Недавно въ Бѣлу пріѣзжалъ настоятель, который со всею наивностью запасся дѣйствительнымъ гаттигумаюномъ и потому хотѣлъ противустоять эффенди. Но послѣдній велѣлъ снять ему голову и этимъ доказалъ, что гаттигумаюнъ мертвая буква. Бей, повидимому, былъ извѣстенъ всѣмъ, потому что другой мой сосѣдъ, совсѣмъ мнѣ не знакомый, добавилъ:— «Когда чрезъ Бѣлу проѣзжали купцы райи съ богатыми товарами въ Тырново, онъ предлагалъ имъ въ проводники солдатъ, подъ предлогомъ, что озеро Самоводы представляетъ не безопасный переходъ. Тѣ изъ купцовъ, которые принимали это предложеніе, пропадали и о нихъ никто уже ничего не слыхалъ». Въ Плевно ведетъ хорошая дорога, проведенная въ прошломъ году и только что оконченная. Вдоль Янтры она показалась мнѣ чрезвычайно оригинальною; на желтомъ фонѣ степей, подъ деревней Студенкой, я увидѣлъ широкую зеленую полосу. Что это такое? Приближаясь, я пристально всматриваюсь и вижу, что это новый трактъ, успѣвшій уже зарости кустами осета, вышиною около метра и даже болѣе. По этой дорогѣ никто не ѣздилъ, а всѣ проѣзжали сбоку по лугу и поэтому кустарникъ росъ свободно. По откуда взялся осетъ, когда его не видно нигдѣ во всей мѣстности? Его сѣмяна принесены изъ далекихъ странъ быками, которые употреблялись крестьянами при постройкѣ дороги. Шоссе, повидимому, представляетъ хорошій грунтъ для этого растенія. Въ Румыніи осетъ распространило русское войско, пригоняя изъ-за Дуная скотъ, который и принесъ съ собою зародыши этого кустарника; по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ разсказывалъ одинъ молдавскій земледѣлецъ. Вскорѣ затѣмъ я прибылъ въ долину рѣки Осьмы, долину широкую, богатую лѣсами, полную деревень, хуторовъ, скота и, вообще, весьма оживленную.

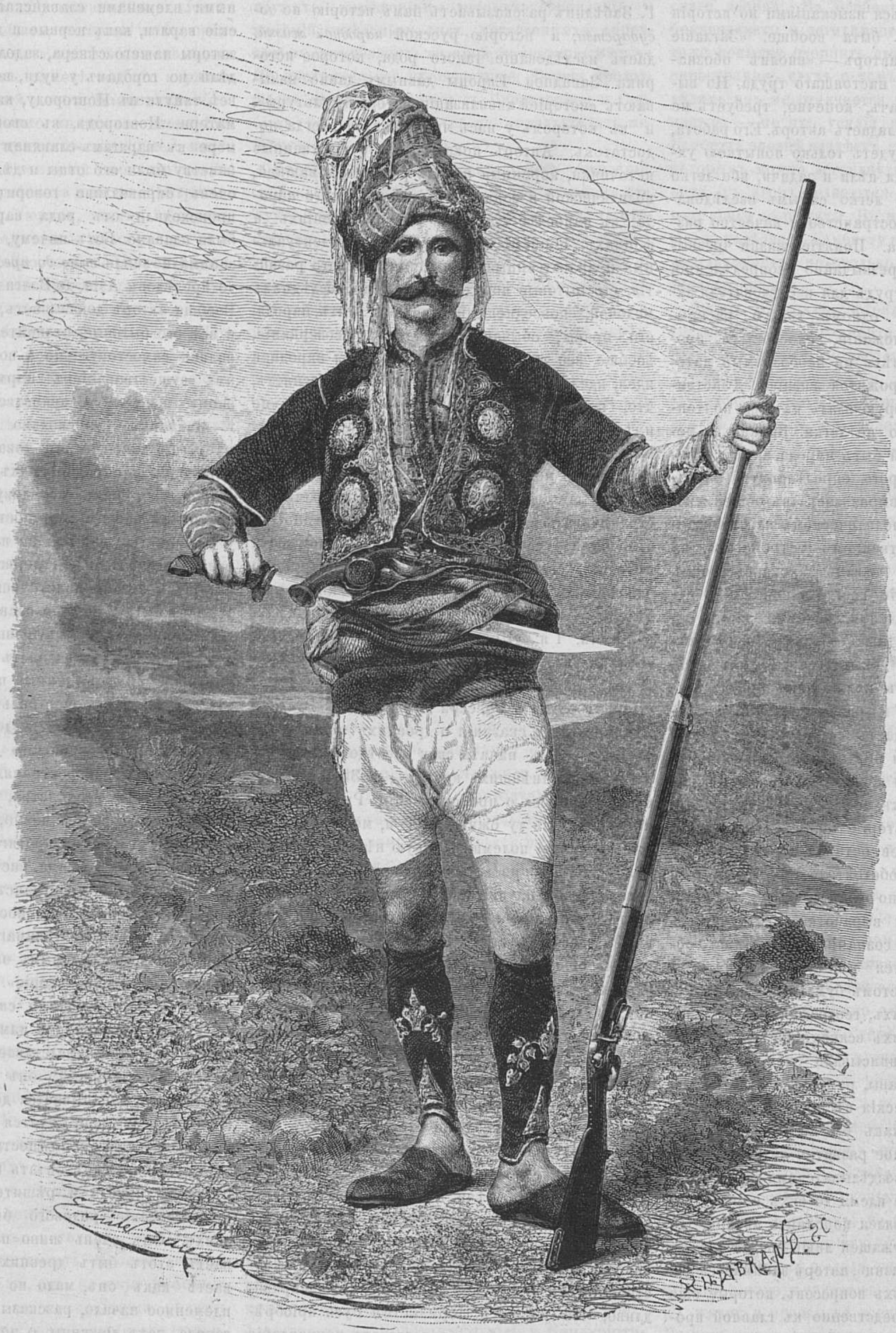
Рѣка течетъ здѣсь быстро, вода ея мутная; въ большинствѣ рѣка прячется между высокими берегами. Около дороги, по которой я ѣхалъ, тянется совершенно черное болото, въ которомъ лежатъ буйволы, погрузившись въ грязь по шею, спокойно отдыхаютъ въ немъ, и совершенно равнодушно смотрятъ на проходящихъ. Грязная болотная лужа совершенно покрывала ихъ, такъ что на поверхности ея виднѣлись одни только лбы съ широкими глазами, свѣтящимися на солнцѣ. Эта лужа заставила меня вспомнить другую лужу, видѣнную мною въ Суданѣ, надъ берегами Газели. То былъ простой ровъ; я перепрыгнулъ черезъ него и услыхалъ на днѣ какое-то бурлыканье, которое, какъ потомъ оказалось, было сапомъ отдыхавшаго тамъ гиппопотама, заставившаго меня задрожать отъ страха.

Наконецъ, я прибылъ въ Плевно. Это очень миленькій городокъ и болѣе ничего. Чрезъ нѣсколько часовъ я хорошо уже ознакомился съ нимъ. Одинъ изъ жителей рекомендовалъ мнѣ посѣтить одно интересное мѣсто, находящееся въ разстояніи одного километра отъ города; среди скалъ, окружающихъ долину Каялукъ, тамъ бьетъ изъ пещеры небольшая струя воды; войдя въ пещеру, мы прошли небольшое пространство и очутились у подземнаго озера, по которому могла плавать свободно не только лодка, но даже и небольшой пароходикъ. Мнѣ не хотѣлось вѣрить въ эти чудеса, вотъ почему я взялъ съ собою свѣчу и вошелъ въ пещеру.

Каялукъ. — Замки Юстиніана. — Прокопіусъ.

При входѣ въ пещеру, я невольно разочаровался. Струя воды выходитъ изъ трещины, лежащей на 6—7 футовъ надъ землею. Мы должны были сходить къ ближайшему мельнику, достать у него лѣстницу и подняться по ней. Пещера, дѣйствительно, чѣмъ дальше, тѣмъ становилась все шире, вода прозрачна и холодна, какъ ледъ, и быстро течетъ по скаламъ, покрытымъ, въ теченіи многихъ вѣковъ, гуаномъ летучихъ мышей. Моя свѣча, бросающая слабый свѣтъ, нисколько не безпокоила этихъ животныхъ, летавшихъ по стѣнамъ цѣлыми сотнями. Далѣе, мнѣ пришлось идти въ водѣ по колѣна и, признаться, я такъ закоченѣлъ отъ холода, что рѣшительно не могъ двигаться. Вотъ почему лишь только я дошелъ до озера, дѣйствительно глубокаго, но очень не большого, какъ тотчасъ же направился обратно.

Неудача этой экспедиціи была вполнѣ вознаграждена срисовкой прекраснаго римскаго castellum'а, лежащаго противъ пещеры въ мѣстности, называемой путешественниками Метта. Новаго названія она не имѣетъ. Турки, какъ и всѣ другіе, называютъ эти развалины генуезскимъ замкомъ. У нихъ всѣ остатки древности считаются генуезскими: медали—*джиневасъ пара*, трактъ римскій—*джиневисъ іолъ*. Это можетъ служить яснымъ доказательствомъ того вліянія, какое производитъ на ихъ воображеніе не многочисленный, но могущественный народъ, крѣпости котораго разбросаны по всему прибрежью Чернаго моря, въ Крыму и даже въ Греціи и Арменіи. Архивы Генуи должны быть очень богаты.



Турецкій солдатъ въ Нижней Болгаріи. (Рисовалъ Эмиль Байяръ).

Къ статьѣ: «*Между Болгарами*».

27 августа я уѣхалъ изъ Плевно, желая поскорѣе забыть эту утомительно-однообразную долину. для болѣе живописныхъ южныхъ мѣстностей. Послѣ двухдневной переѣздки я остановился, если не у подножья Балкановъ, то, по крайней мѣрѣ, вблизи невысокихъ холмовъ, которые составляютъ сѣверную стѣну послѣдняго уступа этихъ гигантскихъ горъ. Эти холмы оканчиваются здѣсь глубокою скалистою мѣстностью, которая въ иныхъ мѣстахъ поражаетъ путешественника своею величественною красотою; по этой мѣстности течетъ рѣка Видъ; воды ея задерживаются здѣсь и образуютъ продолговатый бассейнъ. Мнѣ сообщили, что нѣсколько далѣе къ сѣверу находятся интересныя развалины. Я направился къ нимъ и, проѣхавъ нѣсколько километровъ, находился въ широкой долинѣ, которая своимъ видомъ походитъ на зеленѣющій паркъ, длиною въ 4, а шириною 1$^1/_2$ мили, и притомъ окруженный со всѣхъ сторонъ лѣсистыми конусами послѣдняго уступа горъ, о которомъ я говорилъ. На скалистомъ мысу въ сѣверосточной сторонѣ парка находятся чрезвычайно живописныя развалины. Это—остатки нѣкогда болгарскаго монастыря Садовецъ, постройка котораго относится къ XIII или XIV столѣтіямъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Критика и библіографія.

Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ. Сочиненіе Ивана Забѣлина. Часть первая. М. 1876 г. Тип. Грачева и К⁰ 8 д. л. XII и 647 стр. Ц. 4 р.

Почтенное имя И. Е. Забѣлина давно уже пользуется у насъ заслуженной извѣстностью; еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, этотъ знатокъ и внимательный изслѣдователь русской старины и древностей издалъ большой томъ своего обширнаго труда, подъ заглавіемъ «Домашній бытъ русскихъ царей XVI и XVII стол.,»—сочиненіе, раньше появлявшееся отрывками, въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ пятидесятыхъ годовъ, и выдержавшее два изданія, что служитъ неоспоримымъ доказательствомъ его крайняго интереса, его занимательности. Нѣсколько лѣтъ спустя, какъ бы въ дополненіе къ названному сочиненію, явилась другая книга его «Домашній бытъ русскихъ царицъ», имѣвшая такой же успѣхъ и также вышедшая (М. 1872 г.) вторымъ изданіемъ. Теперь г. Забѣлинъ сдѣлалъ новый, весьма цѣнный вкладъ въ русскую историческую литературу, издавъ первую часть своего занимательнаго изслѣдованія, заглавіе котораго мы выписали; хотя эта книга составляетъ лишь вводную часть къ труду, задуманному авторомъ, но и по ней вполнѣ можно судить, что трудъ г. Забѣлина обѣщаетъ очень много и является совершенно своеобразнымъ, по замыслу, въ русской исторической литературѣ. Авторъ задался цѣлью прослѣдить постепенное развитіе русскаго народа, съ самыхъ древнѣйшихъ временъ, заняться изысканіями по исторіи русскаго домашняго быта вообще. «Заглавіе книги» — говоритъ авторъ — «вполнѣ обозначаетъ цѣли и задачи настоящаго труда. Но выполненіе этихъ задачъ, конечно, требуетъ не тѣхъ силъ, какими обладаетъ авторъ. Его работа, во всякомъ случаѣ, будетъ только попыткою уяснить себѣ эти самыя цѣли и задачи, ибо легко ставить и вовсе не легко самымъ изслѣдованіемъ опредѣлить пространство и качество разработки этого вопроса. Понятіе жизни чрезвычайно обширно и чрезвычайно неопредѣленно, поэтому не малый трудъ для изслѣдователя заключается уже въ одномъ только раскрытіи основныхъ положеній, способныхъ пролить какой либо свѣтъ на необозримый матеріалъ, оставленный прожитой жизнію». Дѣйствительно, задача, которую взялъ на себя почтенный авторъ, — далеко не легка. Вникая въ мелочной, каждодневный бытъ народа, авторъ стремится возсоздать строго опредѣленную народную идею, какъ она выразилась «въ общей жизни народа, въ его политическомъ или государственномъ и общественномъ устройствѣ», на томъ основаніи, что «жизнь народа въ своемъ постепенномъ развитіи всегда и неизмѣнно руководится своими идеями, которыя даютъ народному тѣлу извѣстный образъ и извѣстное устройство». Однако допытаться до этихъ идей, говоритъ г. Забѣлинъ, можно лишь при посредствѣ разнородныхъ и разнообразныхъ свидѣтельствъ, которыя даетъ сама эта, минувшая жизнь. Вотъ тутъ и представляется обширное, необъятное поле для всякихъ изслѣдованій, «на которомъ, въ добавокъ, не все то воздѣлано, чего требуетъ именно исторія жизни... Изыскателя русской бытовой древности на первыхъ же порахъ изумляетъ то обстоятельство, что русскій человѣкъ, относительно своей культуры, или исторической и бытовой выработки, и въ ученыхъ изслѣдованіяхъ, и въ сознаніи образованнаго общества представляется въ сущности *пустымъ мѣстомъ*, чистымъ листомъ бумаги, на которомъ, по волѣ историческихъ, географическихъ, этнографическихъ и другихъ всякихъ обстоятельствъ, всякія народности вписывали свои порядки и уставы, обычаи и нравы, ремесла и художества, даже народныя эпическія пѣсни и т. д., то есть, всякія народности, какъ бы не было незначительно ихъ собственное развитіе, являлись однако образователями и воздѣлывателями всего того, чѣмъ живетъ русское племя до сихъ поръ». Это «пустое мѣсто» и взялся пополнить авторъ. Но въ первой части, служащей лишь введеніемъ въ «Исторію русской жизни», авторъ занимается покуда разработкой тѣхъ вопросовъ, которые еще не относятся непосредственно къ главной проблемѣ автора, заключающейся въ изображеніи жизни русскаго люда, его міросозерцанія, мысли и труда, при тѣхъ или другихъ политическихъ условіяхъ. Руководствуясь той аксіомой, «что корни всякой исторической жизни всегда скрываются очень глубоко въ отдаленныхъ вѣкахъ», авторъ счелъ необходимымъ въ введеніи своемъ дать очеркъ «Исторіи Русской страны съ самыхъ древнихъ временъ». Однако, по собственному сознанію автора: «вступивъ въ эту древнѣйшую область съ цѣлью уяснить себѣ только русскую до-историческую старину, авторъ, конечно, не успѣлъ, да и не могъ воспользоваться многимъ, что даже прямо относилось къ его задачамъ. Онъ можетъ только желать, чтобы на этотъ предметъ обратилъ надлежащее вниманіе изслѣдователь, болѣе сильный познаніями въ этой области и болѣе знакомый съ источниками. Исторія Русской страны до варяговъ, въ настоящую минуту, необходимѣйшая книга, если обратить должное вниманіе на тѣ требованія, какія день-за-днемъ ставятъ науки антропологическія». — Г. Забѣлинъ разсказываетъ намъ исторію не *государства*, а исторію русской *народной жизни*, даетъ изслѣдованіе такого рода, которое историки Западной Европы давнымъ давно называютъ «исторіей цивилизаціи, исторіей культуры», и въ которомъ у насъ чувствовался всегда недостатокъ. Авторъ показываетъ существенные источники, коренныя начала развитія домашней, политической и социальной жизни рускаго народа, въ наиболѣе главныхъ ея проявленіяхъ и формахъ, причемъ раскрываетъ интеллектуальныя и нравственныя стремленія русскаго развитія, его бытовые порядки. Рисуя, до послѣднихъ мелочей, повседневный, частный бытъ народа, его нравы, обычаи, порядки, міросозерцаніе, вообще все то, изъ чего складывается народная идея, идеалъ народа, изслѣдователь объясняетъ, что, по общему плану своего труда, онъ «не имѣетъ ни силъ, ни возможности входить въ особыя ученыя изслѣдованія по всѣмъ тѣмъ вопросамъ, какіе могутъ возникать и нарождаться изъ самаго заглавія его книги. Онъ предполагаетъ ограничиваться только наиболѣе существенными сторонами русской жизни, дабы по возможности провести свое обозрѣніе Русской Исторіи до ближайшихъ къ намъ временъ. Вся книга раздѣлена на пять главъ, имѣющихъ слѣдующія названія: гл. 1 я: «Природа Русской Страны». 2-я: «Откуда идетъ русское имя?», 3-я — «Исторія Русской страны съ древнѣйшихъ временъ», 4-я — «Первые слухи о Русской Руси» и 5-я — Русская Лѣтопись и ея сказанія о древнихъ временахъ». Прежде, чѣмъ начать свои изслѣдованія съ самыхъ отдаленнѣйшихъ временъ, г. Забѣлинъ коснулся вопроса о происхожденіи Руси. подробно прослѣдивъ ту оживленную и, можно сказать, ожесточенную полемику, какую нѣкогда возбуждалъ этотъ вопросъ, между корифеями русской исторической науки; вопросу этому авторъ удѣляетъ довольно много мѣста въ настоящей книгѣ. Разсказавъ обстоятельно цѣлую исторію того, какимъ образомъ возникло и укрѣпилось мнѣніе о норманско-скандинавскомъ происхожденіи Руси, онъ, путемъ весьма интересныхъ и оригинальныхъ сопостановленій, доказываетъ ошибочность такого мнѣнія, происходящаго, по убѣжденію автора, вслѣдствіе отрицательнаго направленія русской образованности, которое невольно проглядываетъ у насъ вездѣ, не только въ мірѣ ученыхъ изслѣдованій и художественнаго творчества, но даже и въ обыденныхъ сужденіяхъ нашихъ, — въ нашей рѣчи. Такимъ образомъ, «исторія мнѣній о Норманствѣ Руси» — говоритъ авторъ — «въ сущности изображаетъ только отрицающее созерцаніе нашей образованности о собственной ея — Русской Исторіи... Если справедливо, что ученіе о Норманствѣ Руси пріобрѣтало свои силы больше всего отъ направленія отрицающихъ идей нашей образованности, то, можно надѣяться, оно просуществуетъ до тѣхъ поръ, пока русское общество не износитъ въ себѣ всѣхъ началъ своего отрицанья и своего сомнѣнья въ достоинствахъ своей собственной природы». Сведя всѣ самыя древнія свидѣтельства о землѣ русской и докопавшись до древнѣйшаго геологическаго пласта географическихъ именъ на ней, авторъ рѣшительно отвергаетъ Норманство Руси и съ чрезвычайной послѣдовательностью и убѣдительностью приводитъ доказательства того, что варяги представляютъ родственное намъ, славянское племя, и «въ собственномъ смыслѣ суть Балтійскіе Славяне, жившіе между Одеромъ и Дравою. Въ обширномъ смыслѣ, по имени Варяжскаго моря, варягами лѣтопись называетъ и всѣхъ сѣверныхъ поморцевъ, то есть скандинавовъ. Варяги появились въ нашей странѣ въ незапамятное время. Новгородцамъ они оставили въ наслѣдство западное имя славянъ, исключительно предъ всѣми остальными племенами славянскаго востока. Славянскіе варяги, какъ первые и древнѣйшіе колонизаторы нашего сѣвера, задолго до 9-го вѣка сидѣли по городамъ у чуди, веси, мери, муромы и всѣ тянули къ Новгороду, какъ къ своей родной матери. Новгородъ, въ свой чередъ, тянулъ за море къ варягамъ-славянамъ, которые по славянству были его отцы и дѣды, почему лѣтопись очень справедливо говоритъ, что новгородцы происходили отъ рода варяжскаго, а прежде были славяне. Вотъ почему, по лѣтописи, варяги занимали земли *сѣмо до предѣла Симова*, то есть до предѣловъ Азіи, до Волги и Каспійскаго моря». Вообще авторъ доказываетъ, что славянскій міръ и всѣ его бытовые, отличительные признаки развились самостоятельно и вовсе не обязаны своимъ существованіемъ норманству или германскому началу. «Славянство Руси» — говоритъ г. Забѣлинъ — «нисколько не устраняетъ норманства, какъ своего товарища въ боевыхъ и мореходныхъ предпріятіяхъ; но оно устраняетъ норманство, какъ передовую главную силу въ поттройкѣ нашего государства. Оно отнимаетъ у норманства никогда не принадлежавшую ему роль организатора и перваго строителя нашей исторіи и нашего политическаго и даже промышленнаго быта». Вообще, славянство Руси, по мнѣнію автора, «вноситъ въ древнюю русскую исторію полный свѣтъ, объясняетъ въ точности и безъ противорѣчій всѣ темныя показанія лѣтописи и тѣмъ возвышаетъ еще больше ея правдивыя достоинства, раскрываетъ до очевидности, что древнѣйшій ходъ нашего народнаго развитія укрѣплялся и распространялся собсвенными силами того же славянства, наиболѣе всего промысломъ торговли и, конечно, подъ защитою меча... Торговые интересы, протягивавшіе свои стремленія отъ моря до моря, засѣвшіе по выгоднымъ мѣстностямъ на пространствѣ всей нашей равнины, были прямыми и непосредственными строителями того могущественнаго единства всей русской земли, съ которымъ она сразу выступаетъ на поприще своей исторіи». Г. Забѣлинъ вполнѣ уясняетъ историческими свидѣтельствами и все то, о чемъ въ народной памяти сохранились неясныя, смутныя представленія и уцѣлѣвшіе обрывки воспоминаній; онъ старается находить имъ начало, докапывается до ихъ происхожденія. Наконецъ, онъ вооружается противъ мнѣній тѣхъ изслѣдователей, преимущественно нѣмецкихъ, которые стремятся втоптать въ грязь прошедшее русскаго народа и рѣшительно отрицаютъ сусуществованіе родового быта у славянъ русскихъ. Онъ очень живо и подробно обрисовываетъ, этотъ бытъ древнихъ славянъ, разсказываетъ какъ онъ, мало по малу, расширялся въ племенное начало, разсказываетъ происхожденіе города, какъ дружины, о первоначальномъ городовомъ промыслѣ и т. д. Много, очень много интересныхъ вещей заключается въ книгѣ г. Забѣлина; свѣжесть взгляда, полная добросовѣстность и строгость, съ которой авторъ относится къ тѣмъ или другимъ фактамъ, при своихъ изысканіяхъ, — составляютъ отличительныя качества его почтеннаго труда, надъ которымъ онъ такъ усердно работаетъ не одинъ десятокъ лѣтъ. Въ заключеніе первой части своей «Исторіи русской жизни», онъ приходитъ къ тому выводу, что «на основаніи свидѣтельствъ византійскихъ писателей, поясненныхъ договорами Олега и

Игоря и подтверждаемыхъ вещественными памятниками многочисленныхъ городовъ, можно съ достовѣрностію заключить, что передъ приходомъ Рюрика Русская Земля представляла клѣтчатку городства, представляла вполнѣ сложившееся историческое тѣло, своего рода организмъ, конечно, еще съ первородными силами и свойствами, но уже готовый и способный воспринять въ себя болѣе возвышенныя начала исторической жизни. Существенною силою и формою, и, такъ сказать, матеріею этого организма былъ городъ, не въ одномъ смыслѣ осыпи или окопа, но и въ смыслѣ особаго порядка, права и обычая самой жизни. Племенныя области, въ которыя пришло княжеское племя Рюрика, несомнѣнно существовали уже много вѣковъ и въ призваніи князей выразили только свою жизненную потребность и желаніе устроиться лучше прежняго. Рюрикъ, такимъ образомъ, засталъ Русское историческое дѣло уже въ полномъ ходу. Недоставало только храброй дружины, которая помогла бы прочистить во всѣ стороны давнишніе пути-дороги, отнятыя различными Соловьями-Разбойниками и Чудищами, Идолищами Погаными, а больше всего хитростями льстиваго Греко-Византійца, очень не желавшаго имѣть по сосѣдству сильную и непокорную народность». Въ концѣ книги авторъ помѣстилъ: «Ругія-Русія. Поморская земля. Карта Помераніи XVII ст. и Древняя Скиѳія въ своихъ могилахъ». Пожелавъ полнѣйшаго успѣха труду г. Забѣлина, мы можемъ смѣло надѣяться, что онъ доведетъ работу свою до конца, такъ какъ изданіе дальнѣйшихъ трудовъ автора обезпечено Васил. Андр. Дашковымъ. Книга издана весьма опрятно, напечатана четкимъ шрифтомъ, на порядочной бумагѣ.

П. Б—овъ.

Со всего свѣта.

Турція. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы Турція могла воскреснуть для новой государственной жизни, чтобы этотъ разлагающійся трупъересталъ наконецъ заражать воздухъ продуктами своего разложенія. Но становится во главѣ турецкаго правительства европейски образованный деспотъ, въ лицѣ Митхада-паши, и взгляды западно-европейскихъ политиковъ, мало по малу, начинаютъ измѣняться и большинство вѣритъ въ возможность дѣйствительнаго возрожденія Турціи. Конституція, дарованная мусульманскому и христіанскому населенію Турціи, назначеніе губернаторовъ изъ христіанъ въ возставшія провинціи и отпоръ со стороны турецкаго правительства вмѣшательству европейскихъ державъ во внутреннія дѣла Турціи — все это въ глазахъ туркофиловъ должно было окончательно разубѣдить тѣхъ, кто думалъ, что Турція по прежнему осталась чисто азіятскимъ государствомъ, государствомъ, погибающимъ подъ давленіемъ того анархическаго порядка, который подтачиваетъ его уже нѣсколько вѣковъ, а теперь готовитъ ему близкую и неминуемую смерть. Происшедшія на дняхъ событія доказали, что никакія реформы, никакая конституція не въ состояніи вызвать къ жизни умирающей Турціи — этого представителя деспотическихъ началъ, государства, существующаго на счетъ погибающаго подъ его игомъ христіанскаго населенія. Телеграммы принесли извѣстіе, что творецъ конституціи, человѣкъ, по желанію и ловкой игрѣ котораго случилось самоубійство Абдулъ-Азиса, помѣшательство Мурада V и восшествіе на оттоманскій престолъ Абдулъ-Гамида, великій визирь Митхадъ-паша, заподозрѣнъ въ государственномъ заговорѣ, клонившемся къ сверженію съ престола Гамида; за это, по велѣнію султана, онъ смѣщенъ съ своей должности и изгнанъ изъ отечества. Это-ли еще не анархическое государство? Тамъ, гдѣ возможны личности, подобныя Митхаду-пашѣ, тамъ нечего ждать возрожденія, обновленія. Смѣщеніе Митхада, а съ нимъ раскассировка и всѣхъ другихъ министровъ произвели потрясающее впечатлѣніе на всю Европу, доказавъ еще разъ, что Турціи чужды особенности правильно организованнаго государства, и что политика ея, какъ въ прошедшемъ такъ и въ настоящемъ, служитъ и будетъ служить выраженіемъ личныхъ стремленій и желаній отдѣльныхъ лицъ, возведенныхъ фортуною въ санъ великихъ визирей, министровъ и пр. — Не смотря на все происшедшее, Турція продолжаетъ вести переговоры съ Черногоріею и Сербіею; но чѣмъ окончатся они, предъугадать положительно невозможно.

Сербія. Послѣ продолжительныхъ ожиданій, сербское правительство получило наконецъ отъ Турціи тѣ условія, на основаніи которыхъ оттоманское правительство находитъ возможнымъ заключить миръ. Условія эти заключаются въ слѣдующемъ: 1) Въ Сербіи не должно существовать никакихъ укрѣпленій, кромѣ крѣпостей, существовавшихъ до войны; пограничныя укрѣпленія должны быть разоружены и срыты. 2) Въ Сербіи не должно быть формируемо инсургентскихъ бандъ, не должна быть оказываема имъ поддержка или допускаема отправка ихъ на турецкую территорію. 3) Общества, ведущія заговоръ противъ Порты, не могутъ быть терпимы. 4) Согласно гатти-шерифу 1867 года, на бѣлградской крѣпости долженъ быть водружонъ турецкій флагъ. 5) Въ Бѣлградѣ будетъ имѣть резиденцію турецкій консулъ. 6) Армяне и евреи, на всемъ пространствѣ княжества, должны пользоваться одинаковыми правами съ сербскимъ населеніемъ. Сербское правительство намѣрено немедленно принять первые пять пунктовъ, особенно въ виду того, что Порта уже не требуетъ упраздненія системы милиціи.

Румынія. На дняхъ 30 черкесовъ перешли румынскую территорію, умертвили одного солдата румынской пограничной стражи и угнали съ собою корову. Вслѣдствіе настоятельныхъ представленій румынскаго правительства, Порта приказала рущукскому вали Рифату-пашѣ нарядить по этому дѣлу слѣдствіе. Само собою разумѣется, что мѣра эта не должна была привести ни къ чему. Дѣйствительно въ оффиціальной газетѣ рущукскаго вали «Туна» появилось сообщеніе мѣстнаго управленія о томъ, что все это дѣло — гнуснѣйшая клевета, взведенная румынскими пограничными властями на мирныхъ, ни въ чемъ неповинныхъ черкесовъ. Доказательствомъ этого, говоритъ газета, служитъ, что въ округѣ Силистріи, откуда только и могъ быть совершенъ набѣгъ, расположены только низамы и редифы; черкесовъ же въ этомъ округѣ нѣтъ вовсе. — Вотъ образчикъ той справедливости, которую оказываетъ Порта своимъ вассальнымъ княжествамъ.

Греція. По послѣднимъ извѣстіямъ, Греція ведетъ переговоры съ Турціей относительно опредѣленія границъ Македоніи, вслѣдствіе чего происходитъ весьма оживленный обмѣнъ депешъ между греческимъ правительствомъ и его представителемъ въ Константинополѣ г. Кондуріотисомъ. Предметомъ этихъ депешъ служатъ весьма отвлеченные предметы, какъ-то: рѣшеніе вопроса объ опредѣленіи сѣверныхъ и западныхъ границъ Македоніи. Греческое правительство желало бы, чтобы такими границами Македоніи служила цѣпь Балканскихъ горъ. Не смотря на чисто теоретическій характеръ этого вопроса, г. Кондуріотису предписано обратить на него вниманіе Порты.

Франція. Гамбетта непреклонно идетъ къ своей цѣли — сдѣлаться со временемъ главою республики. Его поведеніе въ бюджетной коммисіи, настойчивость, съ которою онъ требуетъ, чтобы при государственныхъ расходахъ соблюдалась наибольшая бережливость, его щедрость относительно издержекъ на военныя потребности, не говоря уже о проявляемой имъ повсюду и во всемъ энергіи и о рѣшительномъ тонѣ статей его органа «République Française», — все это такія качества, которыя сдѣлали Гамбетту любимцемъ народа и предметомъ ненависти елисейскаго дворца. Въ особенности ненавидятъ его бонапартисты и легитимисты; послѣдніе сдѣлали даже попытку очернить его предъ народомъ, распространивъ слухъ о томъ, будто въ денежныхъ дѣлахъ онъ не отличается чрезмѣрною деликатностью, — но ихъ усилія пропали даромъ. Что Гамбетта вполнѣ владѣетъ средствами, благодаря которымъ можно достигнуть довѣрія и любви народа, въ этомъ сознаются даже его непримиримые враги — іезуиты. Въ проклятіяхъ, которыми щедро надѣляетъ Гамбетту ихъ органъ «Univers», проглядываетъ не столько ненависть къ нему, сколько боязнь.

Англія. На дняхъ состоялось, наконецъ, открытіе англійскаго парламента, начало занятій котораго совпало съ министерскимъ кризисомъ въ Турціи. Чѣмъ окончится этотъ парламентъ, и случится ли тотъ переворотъ, на который надѣятся либералы, мы узнаемъ на дняхъ.

Наши гравюры.

Лѣсъ. Картина И. И. Шишкина.

Кому не извѣстно имя нашего талантливаго пейзажиста И. И. Шишкина, кто не любовался его замѣчательными рисунками, обнаруживающими въ художникѣ глубокое знаніе природы, наблюдательность и необыкновенную правдивость, проглядывающія во всѣхъ его рисункахъ, написаны ли они тушью или масляными красками? Особенности художественнаго дарованія г. Шишкина давно уже оцѣнены истинными знатоками живописи, и имя нашего пейзажиста пользуется одинаковою извѣстностью и въ отечествѣ, и заграницею, гдѣ, какъ напримѣръ, во время всемірной парижской выставки его рисунки вызывали восторгъ и удивленіе всѣхъ посѣтителей. Можно думать, поэтому, что произведенія Шишкина извѣстны каждому, и что каждый съ удовольствіемъ еще разъ полюбуется рисункомъ, помѣщаемымъ нами въ настоящемъ нумерѣ. «Лѣсъ» г. Шишкина — это въ полномъ смыслѣ chef d'oeuvre пейзажной живописи; по одной этой картинѣ можно судить какою необыкновенною силою въ передачѣ картинъ природы владѣетъ нашъ художникъ. И что замѣчательнѣе всего: всѣ рисунки Шишкина, написаны ли они перомъ или кистью, всѣ одинаково прелестны, одинаково правдивы. Посмотрите на этотъ, наполовину вырубленный лѣсъ, по которому проходитъ лѣсная дорога; на эти гигантскія деревья, на ручеекъ, съ проложеннымъ черезъ него мостикомъ, на зеркальную поверхность воды, отражающую въ себѣ и лодку, и верхушки деревьевъ, а вдали еще свѣтлые лучи заходящаго солнца и спускающаяся темнота; — сколько жизни и правды во всемъ изображенномъ. — Помимо этого рисунка на страницахъ нашего изданія будетъ помѣщенъ снимокъ съ другой картины г. Шишкина, по которой читатели, мало знакомые съ нашимъ пейзажистомъ, могутъ основательно ознакомиться съ особенностями его таланта.

Критическая минута. Картина Кнауса.

Минута по истинѣ критическая! Малютка, осаждаемая прожорливою парою гусей, вотъ-вотъ разразится пронзительнымъ крикомъ, видя, какъ страшно шипитъ сѣрый гусь, какъ злобно онъ вытягиваетъ свою шею, чтобы отнять у нея кусочекъ булки. Бѣдняжка, не понимая причины нападенія, пятится назадъ, но въ то же время крѣпко сжимаетъ въ своей рученкѣ лакомый кусочекъ. Прочее стадо гусиное, заслышавъ крики своихъ товарищей, со всѣхъ ногъ спѣшитъ на мѣсто происшествія, чтобы принять участіе въ дѣлежѣ добычи. Художникъ Кнаусъ очень удачно воспроизвелъ описанное нами. Лучше всего, конечно, изображена на картинѣ дѣвочка, испуганное личико которой, поднятыя кверху рученки, и вообще вся фигурка выражаютъ тотъ ужасъ, тотъ страхъ, который переживаетъ она, видя передъ собою двухъ разсвирѣпѣвшихъ гусей. Нельзя не замѣтить, что и вся обстановка, среди которой художникъ рисуетъ сцену, передана прекрасно.

Новый летательный аппаратъ В. И. Льюиса.

Г. Льюисъ, въ Нью-Іоркѣ, изобрѣлъ новый летательный снарядъ, который, по своему устройству и оригинальной формѣ, заслуживаетъ большого вниманія. Предварительный опытъ изобрѣтатель сдѣлалъ съ небольшою моделью въ $1\frac{1}{2}$ метра длиною и 90 сантим. высотою и этотъ первый опытъ былъ столь удаченъ, что вся американская пресса прокричала о немъ. Нашъ рисунокъ изображаетъ летательный снарядъ Льюиса въ томъ видѣ, въ какомъ онъ думаетъ пустить его на практикѣ и находящійся пока еще въ проектѣ. Весь механизмъ заключается въ трубкообразномъ, длинномъ станкѣ, въ видѣ тупого угла, составленнаго изъ тонкихъ, но крѣпкихъ прутьевъ и брусковъ, и который, благодаря своей особенной формѣ, представляетъ вѣтру самое ничтожное сопротивленіе; для поднятія снаряда служатъ два вертикально стоящіе вала, изъ которыхъ каждый снабженъ четырьмя парусообразными крыльями, на подобіе корабельнаго винта; на заднемъ концѣ, въ наклонной части станка, находится валъ съ четырьмя такими же крыльями, помогающій ходу впередъ. Въ самой срединѣ всего аппарата заключается главный рычагъ; чтобы всѣ крылья одновременно привести въ движеніе, въ срединѣ трубкообразнаго станка помѣщенъ валъ, который, посредствомъ углового колеса, заставляетъ двигаться въ одно и то же время какъ оба вертикально стоящіе вала, такъ и задній валъ; послѣдній сообщается съ главнымъ валомъ посредствомъ такъ называемаго универсальнаго мослока (крыльнаго сгиба). Въ центрѣ тяжести летательнаго снаряда изобрѣтатель помѣстилъ два большихъ движущихся махала, на подобіе птичьихъ крыльевъ, имѣющихъ назначеніе способствовать правильному полету и также произвольному опусканію снаряда на землю. На переднемъ концѣ аппарата помѣщается руль, дающій возможность управлять ходомъ,—приспособленіе, имѣющее такое важное значеніе въ аэростатическихъ машинахъ. На показанномъ г. Льюисомъ опытѣ, модель его снаряда доказала, что рулемъ можно безпрепятственно управлять по своему желанію; это условіе столь важно для воздушнаго путешествія, что аппарату Льюиса заранѣе можно предсказать блестящее примѣненіе. На моделѣ, послужившей для перваго опыта, главнымъ рычагомъ служила часовая пружинка. Въ снарядѣ, проектируемомъ изобрѣтателемъ для практики, г. Льюисъ намѣренъ замѣнить паръ, или подобный ему двигатель, силою напора воздуха. Онъ утверждаетъ, что можетъ совершить на своемъ летательномъ снарядѣ путешествіе изъ Нью-Іорка въ Филадельфію, безъ всякаго посторонняго вспомогательнаго средства, кромѣ своихъ собственныхъ мускуловъ. Вообще, это открытіе столь интересно и имѣетъ такое важное значеніе въ области науки и жизни, что на него возлагаютъ большія надежды.

* * *

Почтовый ящикъ.

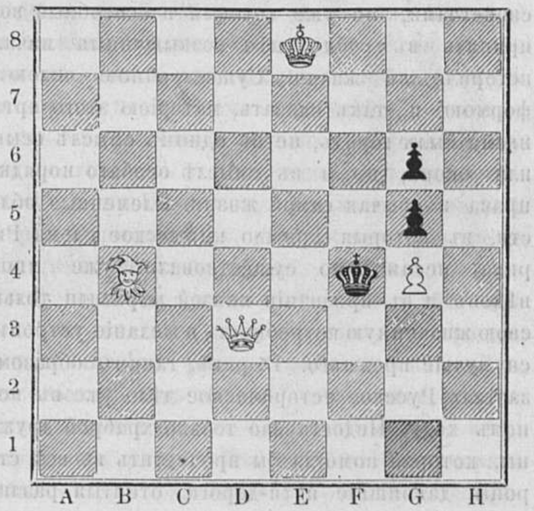
Въ г. Буинскъ. М. К. О-ву. Прочитавъ Ваше заявленіе о томъ, что почтовая контора не выдала Вамъ еще ни одного нумера, и высылая одновременно съ этимъ второй экземпляръ, мы не можемъ не воскликнуть: О почта! почта! и еще разъ почта! Ты, которой мы обязаны нашими допотопными почтовыми телѣгами, двигающимися съ быстротою рака, запряженнаго черепахою; ты, которая въ своей быстротѣ можешь сравняться развѣ только съ нашими телеграфами, сжалься надъ журналами и ихъ подписчиками: употреби свое вліяніе, чтобы провинціальные экспедиторы, обуреваемые жаждой знанія, отдавали подписчикамъ журналъ, по крайней мѣрѣ, прочитаннымъ и слегка измятымъ, и чтобъ эти господа насыщали только собственную политическую алчность . . . Заграницею водится такъ, что всякій журналъ доходитъ непосредственно въ руки подписчика вполнѣ свѣжимъ, чистымъ, а не теряется въ дорогѣ, какъ это практикуется у насъ. Мы желаемъ только, чтобъ всякій подписчикъ могъ получать свой экземпляръ хотя и „прочитанный“, но, чтобъ нумера не пропадали. Мы, наконецъ, требуемъ этого потому, что почта, взявъ деньги за пересылку журнала впередъ, обязываетъ насъ на вторичные нумера наклеивать марки, т. е. заставляетъ редакцію платить денежную пеню, за то, что почта не исполняетъ своихъ обязанностей и вводитъ редакцію въ излишнюю переписку со своими подписчиками, на что уходитъ много столь драгоцѣннаго времени.

Шахматы.

Задача V.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Черные.



Бѣлые.

Рѣшеніе задачи, помѣщенной въ № 4.

Черные.	*Бѣлые.*	
1) F3 - A3 †	1) A7 - A3 беретъ	ходы вынужденные.
2) H5—H6 †	2) F8—H6 беретъ	
3) B6—C8 †	3) E8—C8 беретъ	
4) H4—E7 † и матъ.		

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи. Современн. русскіе писатели: Я. П. Полонскій (съ портретомъ). — Мировой судья (повѣсть). —Стихотвореніе. — Капканы (очеркъ изъ народнаго быта).—Что такое огонь? (съ рис.).— Судьба русскихъ писателей.—Начало и постепенное развитіе письма.—Между болгарами (съ рис.).—Библіографія. — Со всего свѣта. — Наши гравюры. — Шахматы.—Почтовый ящикъ.—Отъ редакціи. — Объявленія.

Гравюры. Портретъ Я. П. Полонскаго.—Лѣсъ; копія съ картины И. И. Шишкина. — Рисунокъ къ статьѣ: «Что такое огонь?» — Критическая минута; копія съ картины Кнауса. — Новый летательный аппаратъ В. И. Льюиса. — Турецкій солдатъ въ Нижней Болгаріи.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

По примѣру прошлыхъ лѣтъ, съ новаго года въ контору редакціи поступаютъ отъ гг. подписчиковъ многочисленныя заявленія о недоставленіи нумеровъ журнала. Въ избѣжаніе обвиненій въ неаккуратной высылкѣ нумеровъ, редакція считаетъ долгомъ заявить, что *журналъ сдается всѣмъ безъ исключенія подписчикамъ одновременно*; поэтому, неполучившіе того и другого нумера, **вправѣ настоятельно требовать** ихъ отъ мѣстныхъ почтовыхъ учрежденій, не принимая во вниманіе никакія ссылки почтовыхъ чиновниковъ на неполученіе, недосылку нумеровъ редакціею и т. п.

Объявленія.

ОТЪ КОНТОРЫ „ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ“.

Контора редакціи „Живописнаго Обозрѣнія“ имѣетъ честь сообщить, что рукописи, рисунки и статьи, присылаемые въ редакцію и признанные почему-либо неудобными къ помѣщенію въ журналѣ, выдаются не иначе, какъ по личному востребованію и сохраняются въ конторѣ въ теченіи трехъ мѣсяцевъ со дня ихъ полученія. Обратную высылку присланныхъ статей по почтѣ редакція на себя не принимаетъ.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

„ЗНАНІЕ“

въ 1877 году (годъ VI).

Журналъ **„ЗНАНІЕ“** будетъ издаваться въ 1877 году по прежней программѣ и въ прежнемъ объемѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА ВЪ ГОДЪ:

Безъ доставки и пересылки . . . . . . 12 р. — к.
Съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ . 13 „ „
Съ пересылкою въ другіе города . . . . 13 „ 50 „

Подписка принимается:

Въ С.-Петербургѣ въ конторѣ редакціи, Караванная, 8. Въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, Страстной бульваръ, домъ Алексѣева.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться исключительно въ контору редакціи журнала „ЗНАНІЕ“, Спб., Караванная, 8.

NB. Редакція считаетъ себя отвѣтственною только передъ лицами, подписавшимися въ означенныхъ мѣстахъ.

Для подписавшихся въ редакціи допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится 5 руб. 50 коп., къ 1-му мая—4 руб. и къ 1-му сентября—4 рубля.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА СЪ ЯНВАРЯ 1877 ГОДА

„БИБЛІОГРАФИЧЕСКАГО УКАЗАТЕЛЯ

РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ КНИГЪ“.

Съ января 1877 года, „Библіографическій указатель русскихъ и иностранныхъ книгъ“, прилагавшійся къ журналу „Знаніе“, будетъ выходить отдѣльно въ значительно пополненномъ и расширенномъ видѣ. „Указатель“ будетъ представлять собою ежемѣсячный систематическій каталогъ всѣхъ вновь выходящихъ русскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ книгъ. Къ „Указателю“ будутъ прилагаться и частныя объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „УКАЗАТЕЛЯ“ ВЪ ГОДЪ:

Безъ доставки. . . . . 1 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ и пересылкою въ другіе города . . . . 1 „ 20 к.
Цѣна каждаго нумера отдѣльно. . . . . — „ 10 к.

Подписка и объявленія принимаются:

Въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи журнала „Знаніе“, Караванная, 8.

Въ Москвѣ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева, Страстной бульваръ, д. Алексѣева, и Н. И. Мамонтова, Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова.

NB. „Библіографическій указатель“ будетъ по прежнему прилагаться къ журналу „Знаніе“.

Издатели **Д. Коропчевскій. И. Гольдсмитъ**

ГАЗЕТА А. ГАТЦУКА.

Иллюстрированная политико-литературная, художественная и ремесленная.

Въ 1877 г. (въ 3-й годъ изданія) Газета будетъ выходить 1 и, при случаѣ, 2 раза въ недѣлю, въ объемѣ 2-хъ, 3-хъ листовъ и давать въ теченіи года до 300 художественно выполненныхъ рисунковъ. Цѣль ея—сообщать читателямъ, въ сжатомъ видѣ, со всевозможною полнотою и отчетливостію, всѣ новости наукъ и искуствъ, событія, распоряженія правительства, торговыя вѣсти, открытія, усовершенствованія, всѣ интересы дня и вопросы, занимающіе міръ. Постоянно помѣщаются статьи для легкаго чтенія: повѣсти, романы, разсказы, путешествія, анекдоты, а также критика, библіографія, моды и пр. Въ изданіи Газеты принимаютъ участіе лучшіе художники и извѣстные наши ученые и литераторы какъ-то: гг. Ѳ. И. Буслаевъ, Д. И. Иловайскій, П. А. Кулишъ, Н. И. Костомаровъ, А. Ѳ. Писемскій, Ольга Н., А. Шкляревскій, В. Маковскій и др.

Это изящное изданіе, по внѣшнему своему виду и рисункамъ, нисколько не уступаетъ лучшимъ иллюстрированнымъ журналамъ Европы: по дешевизнѣ же своей (3 руб. въ годъ безъ пересылки), представляетъ явленіе небывалое.

Подписная цѣна **съ пересылкою:** на годъ—4 р., на ½ года—2 р. 25 к., на ¼ года—1 р. 25 к., на 1 мѣс. 50 к.

Года 1875 и 1876 можно получать каждый по 3 р., а въ изящномъ переплетѣ по 4 р. На пересылку прилагается 75 к.

Адресъ: Москва, Арбатъ, домъ Общества Русскихъ Врачей.

КАЛЕНДАРЬ на 1877 А. Гатцука, полнѣйшій изъ календарей, иллюстрированный множествомъ портретовъ и рисунковъ. Цѣна 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 75 к. За пересылку прилагается за 2 фунта.

„Живописное Обозрѣніе“ за 1874, 1875 и 1876 года.

Въ журналѣ за 1874 годъ, (осталось 10 экземпляровъ) помѣщенъ цѣлый рядъ путешествій, географическихъ очерковъ и множество популярно-научныхъ статей, иллюстрированныхъ рисунками.—Въ 1875 году въ журналѣ были напечатаны разсказы, повѣсти, очерки, интересныя путешествія, до 200 популярныхъ статей по всѣмъ отраслямъ знаній, до 300 художественно-исполненныхъ рисунковъ (копіи съ картинъ извѣстныхъ художниковъ, виды городовъ, замѣчательныя сооруженія, портреты выдающихся дѣятелей въ сферѣ науки и общественной жизни съ обстоятельными біографіями и пр.). Въ журналѣ за 1876 годъ, кромѣ множества стихотвореній, небольшихъ очерковъ и разсказовъ помѣщены: *„Въ морѣ житейскомъ“* повѣсть **Ив. Якунина**, *„Бурный приливъ“* романъ **Фр. Шпильгагена**; разсказы **Бредъ-Гарда** и др.; до 250 популярно-научныхъ статей и пр. Въ цѣлой серіи роскошныхъ политипажей представлены снимки съ извѣстныхъ произведеній русскихъ и заграничныхъ художниковъ.

Цѣна каждому тому, т. е. годовому изданію:

Безъ пересылки за экземпляръ брошюрованный . . . 6 руб.
„ „ „ „ къ золоч. переплетѣ. . 7 „
Съ пересылкою за экземпляръ брошюрованный . . . 7 „
„ „ „ къ золоч. переплетѣ. . 8 „

При этомъ нумерѣ разсылается для гг. иногородныхъ подписчиковъ объявленіе отъ торговаго дома Ольги Корещенко.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29 января 1877 года.

Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 л., д. № 12.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Гос. Публичная

№ 6. Томъ I. На годъ съ доставкою и пересылкою 7 руб.; на полгода 4 р. 50 к. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 6 Февраль 1877 года. *Адресъ конторы редакціи:* С.П.-бургъ, Васильевскій островъ, 3-я линія, д. № 48. Годъ V.

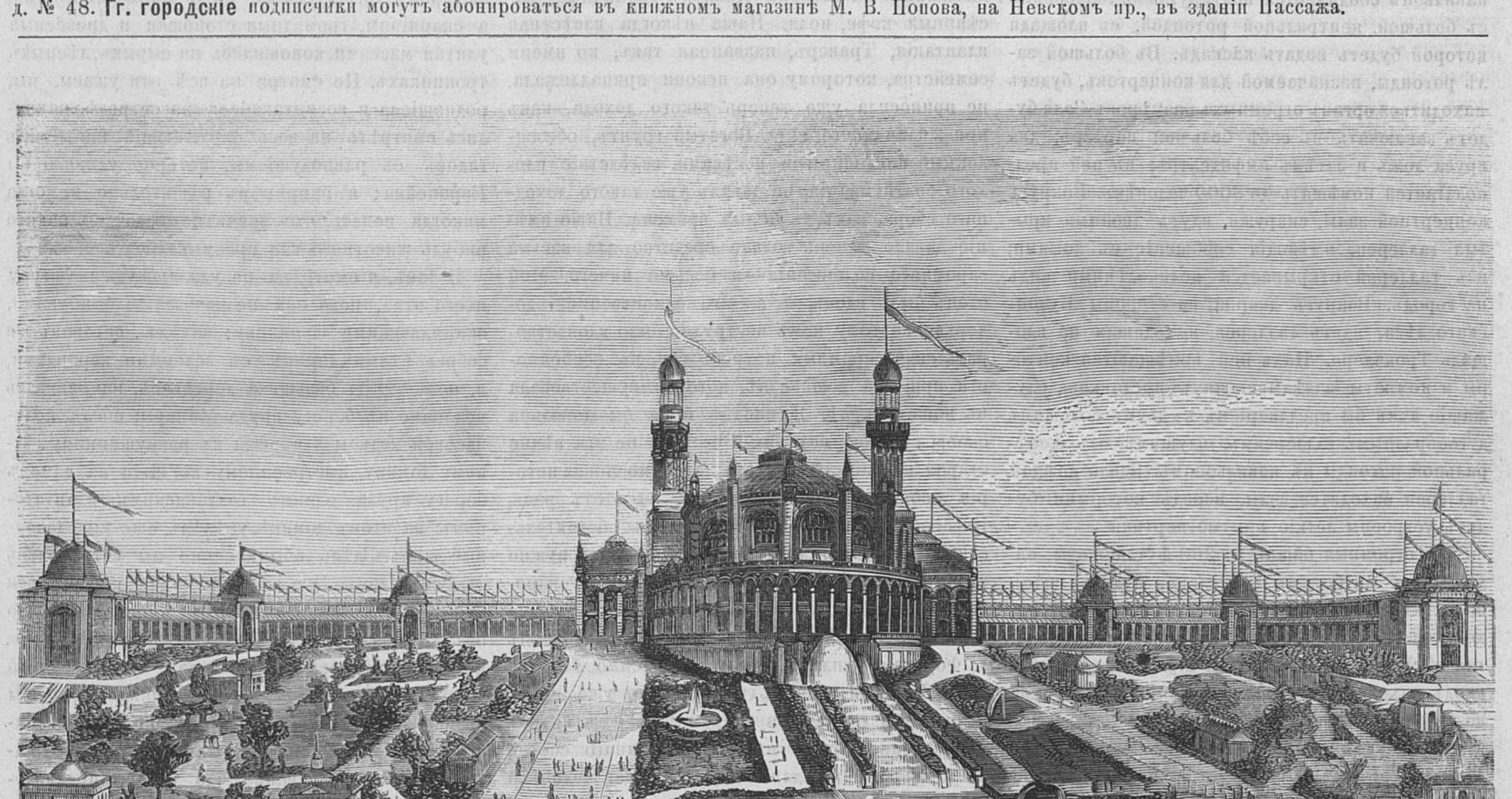
Подписка на „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ" 1877 г. продолжается.

Каждый новый подписчикъ получаетъ журналъ съ № 1 вмѣстѣ съ ежемѣсячнымъ приложеніемъ «Жизнь и Хозяйство».

Въ 1877 году журналъ выходитъ въ форматѣ большихъ иллюстрацій, **еженедѣльными** нумерами (въ годъ 52 №№ или 2496 столбцевъ), иллюстрированными множествомъ художественныхъ гравюръ. Въ концѣ года все изданіе будетъ состоять изъ *двухъ большихъ томовъ*. Всѣ подписчики получаютъ, **въ видѣ преміи**, ежемѣсячное приложеніе подъ заглавіемъ **„ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО"**, каждый нумеръ котораго заключаетъ въ себѣ отъ 15 до 20 рисунковъ (въ годъ болѣе 200). Кромѣ того, въ теченіи года всѣмъ годовымъ подписчикамъ разсылается

НѢСКОЛЬКО ДРУГИХЪ ПРЕМІЙ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: За годъ безъ доставки **6 руб.**, съ доставкою въ Спб. и *для иногородныхъ* **7 руб. Гг. иногородные** благоволятъ адресоваться съ своими требованіями *прямо и непосредственно* въ главную контору редакціи, по адресу: въ С.-Петербургѣ, Васильевскій о-въ, 3-я линія, д. № 48. **Гг. городскіе** подписчики могутъ абонироваться въ книжномъ магазинѣ М. В. Попова, на Невскомъ пр., въ зданіи Пассажа.



Зданіе французской выставки.

Зданіе французской выставки.

Въ Парижѣ идутъ усиленныя приготовленія къ международной всемірной выставкѣ 1878 г. Зданіе выставки будетъ, какъ и въ 1867 г., помѣщаться на Марсовомъ полѣ и займетъ всю парадную площадь отъ военнаго училища до рѣки Сены и Іенскаго моста. Выйдя изъ главнаго зданія выставки и перейдя мостъ, мы вступаемъ въ Трокадеро, великолѣпный садъ, составляющій одну изъ прелестнѣйшихъ частей знаменитаго Булонскаго лѣса.

Изъ прилагаемаго рисунка можно составить себѣ достаточное понятіе о томъ видѣ, который будетъ имѣть Трокадеро въ 1878 г.; художникъ снималъ этотъ видъ съ Іенскаго моста. Въ садахъ предполагается устроить нѣсколько второстепенныхъ зданій и въ дальнемъ концѣ, на возвышеніи, ближе къ Булонскому лѣсу, большую центральную залу для торжественныхъ случаевъ. Оба зданія, расположенныя полукругомъ, судя по рисунку, обѣщаютъ быть значительныхъ размѣровъ и предназначаются для исторической коллекціи картинъ; выставка современныхъ картинъ будетъ помѣщаться въ другомъ мѣстѣ. Фонтанъ и каскадъ будутъ представлять восхитительное зрѣлище, могущее служить доказательствомъ вкуса и умѣнья, съ какимъ французы пользуются водою для украшенія своихъ парковъ, садовъ и другихъ общественныхъ мѣстъ.

Каскадъ падаетъ нѣсколькими уступами съ высоты 160 фут. въ озеро, назначаемое для орошенія нѣкоторыхъ частей парка. Дворецъ Трокадеро занимаетъ отъ одного до другого павильона пространство въ 1330 фут. длины; каждый павильонъ соединяется полукруглыми галлереями съ большой центральной ротондой, съ площади которой будетъ падать каскадъ. Въ большой залѣ ротонды, назначаемой для концертовъ, будетъ находиться органъ огромныхъ размѣровъ. Зала будетъ заключать въ себѣ большой партеръ, два яруса ложъ и затѣмъ амфитеатръ; въ ней предполагается помѣщать до 8000 человѣкъ. Вокругъ концертной залы, снаружи, идутъ двойныя крытыя галлереи, имѣющія сообщеніе съ ложами; изъ галлерей открывается великолѣпный видъ на городъ. Вокругъ дворца, со стороны Булонскаго лѣса, идетъ галлерея, выходящая на площадь Трокадеро. Надъ ней помѣщаются конторы и комнаты завѣдывающихъ выставкою, служащіе какъ бы преддверіемъ къ двумъ большимъ дугообразнымъ галлереямъ, идущимъ отъ центральной ротонды къ павильонамъ. Вдоль каждой галлереи находятся залы, передъ которыми будутъ устроены легкіе крытые портики.

Двѣ огромныя башни въ 260 фут. высоты, находящіяся по бокамъ Трокадеро, будутъ видны со всѣхъ мѣстъ Парижа. Передъ дворцомъ находится большая терраса, къ ней ведетъ покатая лѣстница въ семнадцать ступеней. Главный входъ находится по срединѣ зданія, а по бокамъ возвышаются два огромныхъ купола изъ желѣза и стекла, увѣнчанныхъ фонарями и флагштоками. Между дворцомъ и аллеями находится садъ съ устроенными въ немъ многочисленными небольшими зданіями, такъ, напр., кіосками, образцовыми фермами, коттеджами, кафе, оранжереями и т. д. Середина сада, для удобства публики, представляетъ совершенно свободное пространство.

Выполненіе этого зданія выставки возложено на двухъ архитекторовъ, гг. Давіудъ и Бурдэ.

Мы теперь представляемъ читателямъ первый рисунокъ и надѣемся впослѣдствіи помѣстить цѣлый рядъ рисунковъ, относящихся до этой выставки, первой по своей величинѣ. Хотя открытіе выставки произойдетъ только черезъ шестнадцать мѣсяцевъ, но спросы на помѣщеніе начались уже въ настоящее время; а потому не мѣшало бы экспонентамъ, намѣревающимся участвовать въ выставкѣ, заранѣе вступить въ соглашеніе. Мы придаемъ парижской выставкѣ особенное значеніе еще потому, что имѣющія появиться русскія произведенія дадутъ возможность убѣдиться всей Европѣ, какими шагами идетъ наше отечество по пути развитія и совершенствованія и какого успѣха достигло оно со времени парижской всемірной выставки 1867 г. Нѣтъ сомнѣнія, что особенное вниманіе будетъ обращено на нашъ отдѣлъ французами, въ послѣднее время столь сильно интересующимися всѣмъ русскимъ.

* * *

Страшный сватъ.

Приключеніе на островѣ Цейлонѣ.

— Ты уже выходишь изъ дому Эллень?— спросилъ меня отецъ, останавливая свою верховую лошадь.— И хорошо дѣлаешь, мое дитя; мнѣ приходится ѣхать по этой нестерпимой жарѣ, потому мнѣ завидно, что ты будешь сидѣть въ тѣни твоихъ любимыхъ деревьевъ, около большого пруда. Малаецъ, о которомъ я уже говорилъ тебѣ, ожидаетъ меня около гостинницы въ Nal Tantee, чтобы условиться со мной на счетъ одной покупки. Поэтому, я вернусь, вѣроятно, только къ вечеру.

Проговорилъ это мой отецъ, въ знакъ прощанія, улыбаясь кивнулъ головою и поѣхалъ скорой рысью; сопровождавшій же его слуга помчался за нимъ молча, какъ черная тѣнь.

Уже прошли тѣ добрыя времена, когда г-нъ Праверъ считался богатѣйшимъ плантаторомъ, имѣвшимъ на островѣ Цейлонѣ громадные, засѣянныя кофе, поля. Наша нѣкогда извѣстная плантація, Траверъ, названная такъ, по имени семейства, которому она искони принадлежала, не приносила уже теперь такого дохода, какъ при жизни моего дѣда. Богатый грунтъ, обезсиленный постоянными посѣвами, вслѣдствіе плохого воздѣлыванія, не давалъ уже такого доходнаго сбора, какъ въ былыя времена. Наше имѣніе давало теперь только средство для весьма скромнаго содержанія—и больше ничего. Мой отецъ былъ вдовъ, а я—его единственною дочерью; поэтому намъ не трудно было удовлетворять свои скромныя потребности, въ особенности при той дешевизнѣ, которая существовала въ нашемъ краѣ. Я вполнѣ была бы довольна своею судьбою, если бы... если бы не эта вѣчно старая но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и вѣчно новая исторія любви, разрушить которую, на этотъ разъ, грозили нѣкоторыя непреодолимыя обстоятельства. Нашимъ ближайшимъ сосѣдомъ,—а нужно замѣтить, что сосѣди, христіане бѣлые, говорящіе на англійскомъ языкѣ, составляютъ вообще рѣдкость въ сѣверной части Цейлона;—былъ г. Форстеръ—плантаторъ несравненно богатѣе насъ. Его сынъ Освальдъ и я, давно уже полюбили другъ друга,—но одна мысль о женитьбѣ единственнаго сына на дочери бѣднаго сосѣда была невыносима для отца Освальда, человѣка гордаго, корыстолюбиваго, желѣзною рукою управлявшаго своею доходною плантаціею, умѣвшаго кромѣ того вытягивать изъ каждой пяди пахатной земли все то количество дохода, которое она можетъ принести.

Съ цѣлью заставить Освальда забыть о женитьбѣ на бѣдной Элленѣ Траверсъ, г. Форстеръ и его жена рѣшили отправить сына въ Европу, надѣясь, что какъ путешествіе по далекимъ странамъ, такъ и перемѣна мѣстностей скоро заглушатъ въ его памяти образъ дѣвушки, живущей въ уединеніи надъ большимъ прудомъ Минары. Теперь я скажу нѣсколько словъ объ этомъ прудѣ, одно названіе котораго не можетъ дать европейскимъ читателямъ должнаго понятія о его необыкновенной громадности. Прудъ Минары справедливо считается однимъ изъ чудесъ острова Цейлона, и въ самомъ дѣлѣ, быть можетъ, является однимъ изъ самыхъ большихъ искусственныхъ на свѣтѣ озеръ. За двѣ тысячи лѣтъ до христіанской эры, одинъ изъ буддійскихъ царей велѣлъ обнести этотъ прудъ, имѣющій 25 миль въ окружности, каменною стѣной.

Съ дѣтства я хорошо знала это озеро или прудъ Минары, лежащій вблизи отъ нашего дома; я любила его спокойную зеркальную поверхность, покрытую красными плавающими островками индійскаго каркаса, яркіе цвѣты котораго съ широкими зелеными листьями покрывали пространства въ нѣсколько тысячъ акровъ. Множество чудныхъ рыбъ, блестящихъ великолѣпными красками, кружились въ его чистой и глубокой водѣ, рѣдко когда потревоженной весломъ или колесомъ парохода; у береговъ его порхали покрытыя чрезвычайно красивыми перьями разной величины птицы, и все, начиная съ красноватаго фламинга и кончая крошечнымъ воробьемъ, а невдалекѣ росли гигантскія деревья, перевитыя цвѣтущими ліанами, образовавшія дѣвственные лѣса, среди которыхъ время отъ времени слышался или жалобный голосъ горнаго кота, крикъ оленя, шипѣніе пантеры, или трескъ камыша и хвороста, когда стадо дикихъ слоновъ прокладывало себѣ дорогу черезъ непроходимую чащу.

Должно однако сказать, что не все въ этой роскошной природѣ было такъ привлекательно, какъ прелестныя птицы съ блестящими перьями или хорошенькія ящерицы, грѣющіяся на солнцѣ. Нерѣдко здѣсь можно было встрѣтить крокодила; кромѣ того, тутъ-же было множество змѣй, а скарпіоны, громадныя стоножки и древесныя улитки массами копошились на сырыхъ, лѣсныхъ тропинкахъ. Не смотря на всѣ эти ужасы, мы, родившіеся и воспитавшіеся на островѣ, научились смотрѣть на весь окружающій насъ міръ гадовъ съ равнодушіемъ, которое удивило бы Европейца; я напримѣръ рѣшительно немогла никогда понять, что значитъ опасаться какого нибудь животнаго или пресмыкающагося.

Итакъ, я смотрѣла на удаляющуюся фигуру моего отца, пока она не исчезла за бамбуками, окаймляющими тропинку; затѣмъ, оставивъ за собою бѣлый домикъ съ зелеными верандами, я, подъ тѣнію большихъ деревьевъ, направилась медленно къ берегу пруда Минары; послѣ получасовой ходьбы я пришла къ разрушенному лѣтнему домику, выстроенному когда-то на самомъ берегу пруда однимъ голландскимъ плантаторомъ; на этомъ домикѣ уцѣлѣлъ еще вызолоченный шаръ. Здѣсь обыкновенно мы встрѣчались съ Освальдомъ. Эти встрѣчи стали повторяться рѣже съ тѣхъ поръ, какъ рѣшено уже было, что онъ, бѣдняжка, поплыветъ на кораблѣ «Dalhous», который ожидался въ Paul de galle 31 числа этого мѣсяца. Дорогою я часто останавливалась, чтобы полюбоваться на неизмѣримо широкое пространство озера, серебристыя волны котораго колыхались такъ величественно, что трудно предположить, чтобы это необъятное море воды было дѣломъ рукъ человѣческихъ. Стаи дикихъ птицъ съ пронзительнымъ крикомъ летали надъ роемъ блестящихъ рыбъ, плавающихъ въ водѣ около высокаго тростника; въ то же время тамъ и сямъ, между красными цвѣтами каркаса, показывалась какая-то темная масса, изъ-дали казавшая съ плавающою колодою, но въ которой опытный глазъ весьма легко могъ узнать крокодила, грѣющагося на солнцѣ.

Удушливый жаръ былъ такъ силенъ, что даже туземцы не могли работать, вслѣдствіе чего я не встрѣтила ни одного рыбака, обыкновенно плавающаго надъ волнами пруда въ своей легкой лодкѣ, или приготавливающаго сѣти изъ волоконъ кокосовой пальмы; даже сенегальскіе дровосѣки и тѣ бросили свою работу, оставивъ цѣлыя груды срубленныхъ пней и нѣсколько топоровъ, воткнутыхъ въ кедровые обрубки. Развалины лѣтняго домика находились въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этихъ пней, а за ними возвышался громадная пальма, talipot со своими широкими зазубренными листьями, которые сингальцы употребляютъ на паруса, покрываютъ ими крыши и т. д.; мы же съ Освальдомъ обыкновенно встрѣчались подъ тѣнью этой пальмы.

Съ грустью замѣчала я, что на этотъ разъ его не было тамъ и невольно подумала, что позабылъ меня; я подошла ближе.... Но то, что представлялось моимъ глазамъ, заморозило кровь въ моихъ жилахъ и подавило крикъ ужаса, готовый вырваться изъ груди. Освальдъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ страшной жары, спалъ на травѣ, у подножья громадной пальмы, тогда какъ вокругъ него обвилось что-то вродѣ толстаго каната съ пятнами чернаго, оранжеваго и бѣлаго цвѣта и, замѣтно шевелилось...

Никогда въ жизни я не видѣла живой палунги, но теперь съ перваго же взгляда узнала, что змѣя, которую я видала. принадлежала къ тому страшному роду пресмыкающихся, которыя на островѣ Цейлонѣ столь же ужасны какъ Кобра въ восточной Индіи, и противъ укушенія которыхъ до сихъ поръ не найдено никакихъ средствъ. Въ теченіи послѣднихъ трехъ лѣтъ, съ плантацій моего отца приносили двоихъ работниковъ, умирающихъ отъ яда палунги, но въ обоихъ случаяхъ мѣстнымъ чародѣямъ удалось поймать этихъ гадовъ и потому думали, что въ сосѣдствѣ не оставалось больше ни одной живой змѣи этого рода, на столько же рѣдкаго, какъ и вреднаго. Теперь я не сомнѣвалась, что передо мною была палунга длиною въ нѣсколько футовъ; она, какъ бы насмѣхаясь, обвила безпечно спящаго Освальда своими мягкими кольцами.

Огромная голова пресмыкающагося покоилась на травѣ среди цвѣтовъ и папоротника. Я ясно видѣла ея блестящіе, какъ брилліанты, глаза, такъ ужасно смотрѣвшіе на меня. Мое появленіе, повидимому, нисколько не разсердило ее и она преспокойно смотрѣла на непрошеннаго гостя, появившагося въ ея владѣніяхъ. Въ то время. какъ я стояла и смотрѣла на любимаго мною человѣка, спящаго тихимъ сномъ, и на спокойно лежащее, но осторожное чудовище, которое какъ бы составляло съ Освальдомъ одно цѣлое, мнѣ пришли на память всѣ разсказы о змѣяхъ, когда либо читанные или слышанные мною. Я знала что палунга, подобно большей части ядовитымъ змѣямъ, рѣдко пускаетъ въ ходъ свои ядовитые зубы, и то только въ томъ случаѣ, когда ее разсердятъ или станутъ нападать; но мнѣ было извѣстно также и то, что самый отважный охотникъ предпочитаетъ встрѣтиться съ разсвирѣпѣвшимъ стадомъ слоновъ, чѣмъ быть укушеннымъ этимъ страшнымъ обитателемъ береговъ озера.

Змѣя палунга въ этомъ отношеніи отличается отъ родственныхъ съ нею видовъ боа и питонъ (python) и почти никогда не нападаетъ на большихъ животныхъ, какъ напр. на быковъ или оленей, но большей части довольствуясь птицами, жабами и ящерицами. Испугавшая меня палунга, вѣроятно случайно, обвила своими мягкими кольцами спящаго Освальда; потому, если бы онъ не проснулся и не сталъ шевелиться, то она, по всей вѣроятности, не сдѣлала бы никакого вреда. Но одна мысль, что, проснувшись, Освальдъ можетъ однимъ неосторожнымъ движеніемъ разсердить этого страшнаго врага, приводила меня въ ужасъ. Правда, чтоОсвальдъ былъ силенъ и храбръ, но что значатъ эти достоинства въ борьбѣ съ такимъ страшнымъ врагомъ?

У меня вдругъ пришла счастливая мысль, какъ бы ниспосланная свыше, и подавшая искру надежды въ моемъ отчаянномъ положеніи. Мнѣ довольно часто приходилось видѣть въ домахъ обитаемыхъ колонистами, безвредныхъ змѣй и я знала ихъ нѣкоторыя привычки; такъ мнѣ извѣстно было, что змѣи особенно любятъ молоко. Если бы я могла достать скоро немного молока и принести сюда прежде, чѣмъ проснется Освальдъ, то дорогой для меня человѣкъ былъ бы спасенъ!.. Но какъ оставить его одного въ такомъ ужасномъ обществѣ? Эта мысль приковывала меня къ мѣсту, но я поборола въ себѣ чувство страха и убѣдилась, что въ концѣ концовъ, я изъ любви къ нему должна рѣшиться оставить на нѣкоторое время его одного въ обществѣ этого чудовища.

Я стала удаляться осторожно, боясь, чтобы шумъ шаговъ моихъ не разбудилъ спящаго или не раздражилъ чудовища, и, лишь отойдя на значительное разстояніе, пустилась бѣжать по лѣсной тропинкѣ.

Изъ европейскихъ жилищъ ближе всего находился теперь домъ семейства Форстеровъ. Правда, что избы, въ которыхъ жили рабочіе Форстера, были еще ближе, но я хорошо знала, что молоко можно было достать только въ домѣ самого плантатора. Въ другое время я ни за что бы не переступила границы владѣній отца Освальда, но теперь не время было думать объ этомъ тѣмъ болѣе, что жизнь и смерть моего милаго зависѣли отъ моей поспѣшности.

Наконецъ, я добѣжала до плетня, окружавшаго владѣнія Форстера, эта ограда защищала отъ набѣговъ леопарда и шакала; затѣмъ я вошла въ открытыя ворота. Встрѣтившійся слуга былъ мнѣ знакомъ, такъ какъ прежде онъ находился у насъ въ услуженіи, и я ухаживала за его ребенкомъ, заболѣвшимъ цейлонскою горячкою. Поэтому онъ встрѣтилъ меня, привѣтливо улыбаясь и приложивъ руку къ своему бѣлому, какъ снѣгъ, тюрбану.

— Lall Singh, — едва проговорила я, окажи мнѣ услугу, въ память твоей прежней службы у насъ. Дай мнѣ, ради Бога скорѣе, свѣжаго молока, не спрашивай зачѣмъ, оно мнѣ нужно.

Отчаяніе, слышавшееся въ моемъ голосѣ, произвело сильное впечатлѣніе на индійца, который, не говоря ни слова, убѣжалъ, но черезъ минуту вернулся, неся кувшинъ молока и пустую посуду, называемую lota, въ которой могло помѣститься около двухъ бутылокъ молока. Такое незначительное, повидимому, обстоятельство, какъ этотъ кувшинъ, не ускользнуло отъ моего вниманія, я догадалась, что Lall Singh давалъ мнѣ свой собственный кувшинъ, который, если только къ его краямъ прикоснутся уста человѣка, не происходящаго изъ чистой крови Индусовъ, то онъ уже не годится для него. Не теряя однако времени на выраженіе благодарности, я взяла молоко и мѣдное lota и побѣжала къ несчастному Освальду.

Быть можетъ, кому нибудь покажется страннымъ, что я не извѣстила никого изъ родныхъ Освальда объ угрожающей ему опасности; я сдѣлала изъ желанія не вызвать суматохи во всей плантаціи, что могло способствовать несчастію, которое рѣшилась устранить сама. Мать и сестры Освальда нѣжно и горячо любили его, но, какъ я знала, не отличались слишкомъ крѣпкими нервами, а потому если бы узнали о случившемся, то своими криками подняли бы на ноги цѣлую ватагу слугъ, шумная помощь которыхъ могла имѣть только самыя дурныя послѣдствія.

Точно выросли крылья у меня, такъ я бѣжала на мѣсто несчастія. Змѣя однако начинала безпокоиться и двигаться. Чудовищная голова ея покачивалась между бѣлыми лѣсными цвѣтами, а узкій языкъ былъ высунутъ изъ пасти. Однако, я не опоздала еще, и тотчасъ стала выливать принесенное мною молоко въ блюдо которое было поставлено мною на землю, стараясь въ то-же время какимъ нибудь рѣзкимъ движеніемъ не разсердить палунги.

Наступила минута рѣшительнаго ожиданья.— Черезъ нѣсколько мгновеній, къ моей невыразимой радости, чудовище начало освобождать Освальда и, затѣмъ двигаясь между травой и цвѣтами, приблизилось къ молоку и начало пить его. Когда я увидала Освальда свободнымъ отъ палунги все далѣе и далѣе удаляющейся отъ него, то чувствовала, что силы мои отъ долгаго потрясенія стали покидать меня: меня охватилъ какой-то невольный страхъ, а затѣмъ пробудилось то отвращеніе, которое я съ дѣтства питала ко всѣмъ гадамъ; въ глазахъ моихъ потемнѣло и ноги стали подкашиваться....

Въ глазахъ у меня что-то зарябило... Около были сѣни нежилаго лѣтняго домика голландскаго колониста, поросшія вьющимися растеніями. Я взошла туда машинально и, упавъ на деревянную скамеечку, нѣкогда покрытую шелковыми подушками, стала понемногу приходить въ себя. Я вспомнила про опасность, которой подвергался Освальдъ, про свои усилія, клонящіяся къ его спасенію, и... Вдругъ, послышался какой-то шумъ среди вѣтвей и листьевъ роскошной тропической растительности, покрывавшей окна лѣтняго домика.

Не-ужъ-то виновниками этого шелеста были волнообразныя движенія змѣя среди травы и папоротниковъ?.. Мои опасенія, къ сожалѣнію, оказались вѣрными, такъ какъ, среди зелени и разбитыхъ стеколъ, въ футахъ шести отъ земли, показалась пасть чудовища, угрожавшаго недавно Освальду. Теперь-то промелькнула у меня мысль, что оставленный кіоскъ былъ логовищемъ змѣя и что я пришла сюда, разсчитывая спастись, когда уже убѣдилась, что Освальдъ находится внѣ опасности. Я слышала, что змѣи, по своей странной привычкѣ, охотно поселяются въ долинахъ, оставленныхъ европейцами, и хижинахъ туземцевъ, и теперь сама, зная все это, попала въ ловушку.

Пресмыкающееся было, повидимому, раздражено: оно, точно лебедь, протягивало шею и слегка шипѣло, раскрывая свою широкую пасть; показались бѣлые зубы и глаза засверкали зловѣщимъ блескомъ... Сознавая свою безпомощность, я остановилась неподвижно, подобно статуѣ, олицетворявшей страхъ; я слышала тонкій, раздражающій нервы, запахъ, испускаемый змѣями, въ минуты сильнаго ихъ раздраженія, но, считая себя погибшей, я молча и безсознательно ждала нападенія...

Шипѣніе, раздававшееся изъ полуоткрытой пасти чудовища, становилось внятнѣе, искрящіеся глаза—болѣе грозными; плоская голова поднялась уже кверху и заколебалась. собираясь направить ударъ, какъ, вдругъ, что-то сверкнуло среди зелени,—и отвратительная голова и гибкое тѣло чудовища исчезли, словно отъ удара волшебнымъ жезломъ. Затѣмъ, стали доноситься звуки, свидѣтельствующіе о жаркой борьбѣ, повторяющіеся удары и топанье ногами; трескъ ломавшихся вѣтвей перемѣшивался съ людскими голосами; спустя минуту, вбѣжалъ чрезъ разломанныя двери Освальдъ, схватилъ меня въ свои объятія и вынесъ на дневный свѣтъ, гдѣ лежало въ послѣднихъ содроганіяхъ тѣло убитаго змѣя, распластаннаго однимъ ударомъ топора, бывшаго въ рукахъ у Освальда.

— Баста!—вскричалъ Лелль Сингъ, котораго смуглое лицо сіяло радостью; онъ съ удовольствіемъ толкалъ ногою трупъ убитаго чудовища. Къ счастію, первый ударъ былъ вѣренъ, иначе молодому саибу пришлось бы плохо.

— Брр!.. я лучше желалъ бы встрѣтиться съ тигромъ!—сказалъ Сингъ.

Этимъ спасеніемъ я была отчасти обязана и Лелль Сингу. Догадываясь, по моему сильному волненію, о какомъ-то несчастіи, благородный индѣецъ разбудилъ Освальда въ то время, когда эхо въ лѣсу повторяло мои пронзительные исполненные ужаса крики; тогда Освальдъ схватилъ одинъ изъ топоровъ, оставленныхъ дровосѣками въ срубленныхъ пняхъ, и однимъ ударомъ повалилъ змѣя.

Разсказъ мой конченъ. Остается еще сказать, что семейство Форстеровъ, бывшее ко мнѣ равнодушнымъ, осыпало меня нѣжностями и похвалами; на слѣдующій же день г. Форстеръ явился, не смотря на прежнія натянутыя отношенія, къ намъ въ домъ, предложилъ свою дружбу и умолялъ отца не отказать въ рукѣ его дочери для своего сына. Освальдъ лишился, конечно, обѣщаннаго мѣста на пароходѣ, собиравшемся зайдти въ Пуантъ-де-Галль; онъ, впрочемъ, позднѣе посѣтилъ Европу и взялъ уже съ собою свою жену—Элленъ Траверсъ.

Мы поселились вдали отъ тропическихъ странъ и ихъ опасныхъ обитателей; но ни я, ни мой мужъ, никогда не забывали тѣхъ нѣсколькихъ страшныхъ мгновеній, исполненныхъ неизвѣстности и ужаса, которыя мы провели на берегахъ пруда Минарэ, въ Цейлонѣ, и питали чувство нѣкоторой благодарности къ змѣю, содѣйствовавшему, невольно, нашему земному счастью...

КОНЕЦЪ.

Воронъ.

(Изъ Г.-Х. Андерсена.)

Поздно. Ночникъ начинаетъ мигать..
Въ часъ полуночный, угрюмый,
Съ нѣжностью сына баюкаетъ мать,
Вся погруженная въ думы.

«Спитъ, мой желанный!... Какъ тихъ его сонъ,—
«Ангелъ его охраняетъ...
«Что-жъ суждено ему? — Будетъ ли онъ
«Счастливъ, иль горе узнаетъ?»...

Буря завыла въ бору,—на соснѣ
Воронъ закаркалъ такъ грустно:
Сынъ твой—разбойникъ повѣшенный, мнѣ
Пищею будетъ превкусной!

Петръ Быковъ.

Судьба русскихъ писателей.

(Окончаніе.)

Иные писатели, напротивъ, умираютъ очень красиво и даже съ нѣкоторою помпой, доходящей до смѣшнаго, или, скорѣе, до излишняго. Вотъ, напр., какъ умираетъ *издатель* одного большого и очень распространеннаго журнала. Онъ самъ имѣетъ тщеславіе и досугъ описывать свои послѣдніе дни, стихами («Нов. Вр.» № 326), которые и предлагаетъ вниманію своихъ многочисленныхъ *по*читателей (у него нѣтъ простыхъ *читателей*). Онъ умираетъ, видите ли, окруженный полнымъ комфортомъ и «мудростью опытныхъ врачей»—т. е. извѣстностей; при немъ — толпа друзей «притворно безмятежныхъ»—т. е., надо полагать, сотрудниковъ,—и рядомъ съ ними—«угрюмый Кадо, вѣрный песъ»... Издатель мучится «до скрежета зубовъ», до «кромѣшной муки», и зоветъ на помощь музу, которая ему «въ колючій тернъ вплетала розы»... Поэтъ и теперь ждетъ ихъ, этихъ розъ. Вообще, онъ умираетъ какъ истый праведникъ: его мучатъ лишь *физическія* муки, «страданья тѣла», и о нихъ лишь до о друзьяхъ и собакѣ — онъ помышляетъ на смертномъ своемъ одрѣ. Виноватъ: онъ еще проситъ музу «зажечь въ его груди огонь *негодованья и мщенья*»... Противу кого это «негодованье» и кому, и за что предназначается «месть»—не говорится въ стихахъ... И не будь рѣчи объ этихъ неевангельскихъ, нехристіанскихъ чувствахъ,— совсѣмъ бы можно было принять издателя за праведника: ни объ одномъ грѣхѣ — вольномъ и невольномъ—онъ не вспоминаетъ передъ смертью... Святая душа! предвкушаетъ рай...

О «друзьяхъ» же—надо полагать, о сотрудникахъ—онъ заботится сугубо, и въ особомъ стихотвореніи печалуется о нихъ даже послѣ ихъ смерти, — желая имъ «въ такую могилу сойти, чтобы *широкіе* (?) лапти народные (т. е. крестьянскіе) къ ней проторили пути»... Желаніе, повидимому, очень скромное; но это—только *повидимому*. Пушкинъ былъ увѣренъ — и вполнѣ основательно, — что къ его памятнику «не заросетъ народная тропа». Но прошло сорокъ лѣтъ со времени смерти великаго поэта, а еще и «памятника» ему не воздвигнуто, и русскій «народъ» не знаетъ даже, гдѣ онъ похороненъ. Тѣмъ менѣе можно ожидать проторенія народныхъ путей къ могиламъ «друзей» умирающаго издателя, къ лику которыхъ, по всей справедливости, можно причесть и покойнаго Н. А. Демерта, не имѣющаго, какъ полагаютъ, даже и могилы... Вспомнилъ ли о немъ издатель-поэтъ, окруженный опытными врачами, друзьями и собаками?...

Какъ поэта, мы его глубоко чтимъ,—и искренно были рады его стихамъ: это вѣрный признакъ, что ему лучше. Умирающему человѣку, согласитесь, не полѣзетъ въ голову такой вздоръ, и если только онъ не папа Пій IX и заживо не канонизированъ, то непремѣнно вспомнитъ «о смертномъ своемъ часѣ»—какъ выражаются тѣ же носители «широкихъ лаптей» — т. е, прежде всего покается. А здѣсь выходитъ наоборотъ: на первомъ планѣ «народная тропа»... и «песъ Кадо».

Такъ умираютъ лишь въ Петербургѣ, издатели.

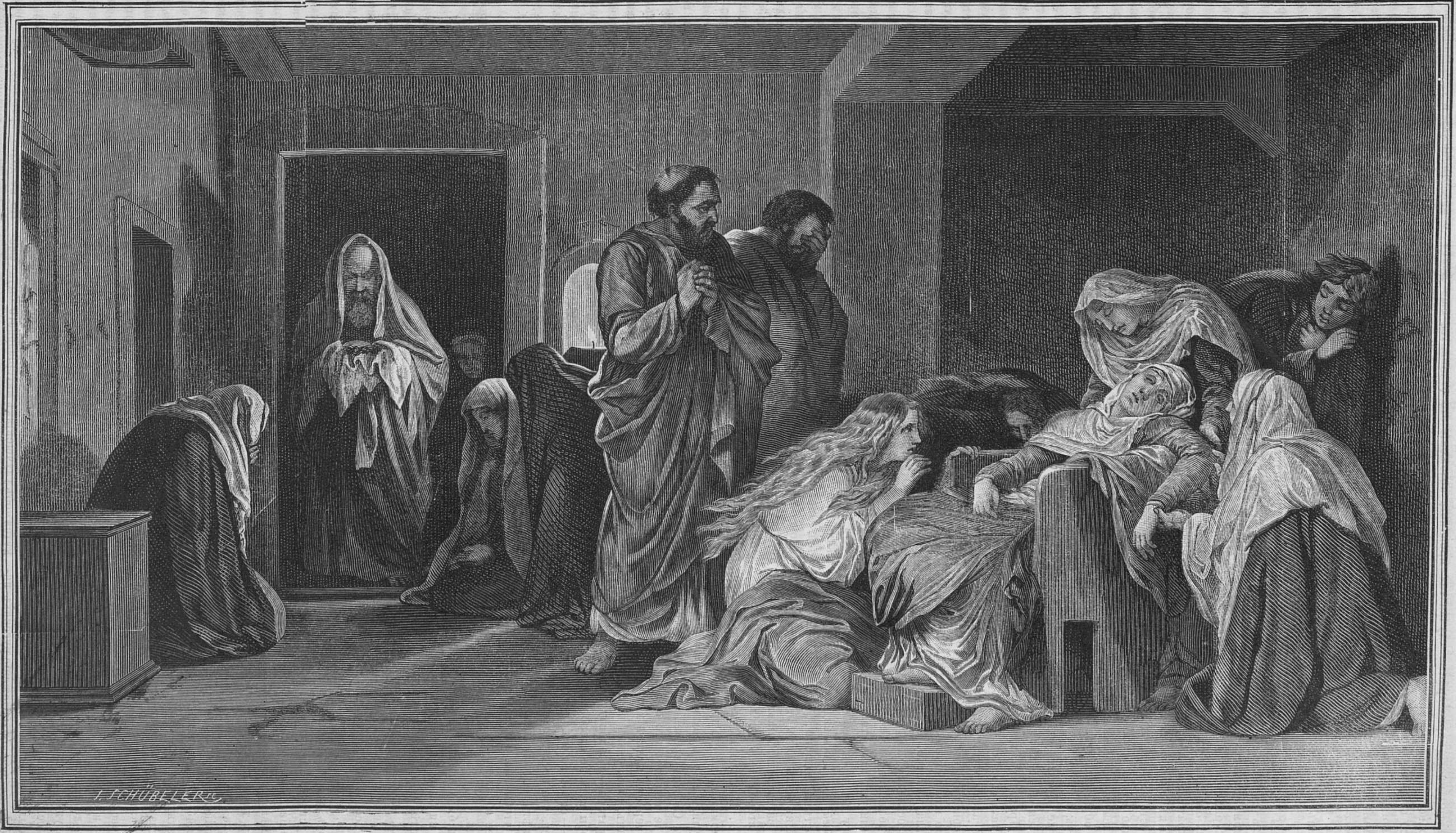
А вотъ, какъ умеръ «литераторъ», также даровитый какъ и Демертъ, и также работавшій когда-то на того же самаго издателя. 4-го января умеръ въ Москвѣ А. И Левитовъ. По словамъ «Новаго Времени», онъ умеръ 42-хъ лѣтъ, и умеръ какъ умираетъ большинство русскихъ писателей: отъ чахотки и въ той прискорбной внѣшней обстановкѣ, «какая, будто по программѣ, окружаетъ смертный одръ многихъ людей его профессіи» — то есть, въ больницѣ, въ душномъ городѣ, «совершенно надломленный и обезсиленный нуждою, въ крайней нищетѣ»... («Нов. Время», №№ 310 и 313). Знали ли о его послѣднихъ дняхъ редакторы и издатели тѣхъ журналовъ, гдѣ онъ работалъ, зналъ ли литературный фондъ?—Врядъ ли...

Въ той же Москвѣ, но въ обстановкѣ еще болѣе ужасной, способной—по словамъ журнала «Древняя и Новая Россія» (кн. 1-ая)—«тронуть самую черствую душу», умеръ недавно же, писатель-самоучка, крестьянинъ А. П. Суховъ. Онъ не былъ ни въ университетѣ, подобно Демерту, не пользовался и тою литературною извѣстностью, какую, несомнѣнно, имѣлъ Левитовъ. Но это былъ, также, очень даровитый человѣкъ — какъ писатель и какъ художникъ - каррикатуристъ. Онъ, подобно Демерту, никогда не подписывалъ своихъ статей (имѣя нѣсколько псевдонимовъ), самому себѣ обязанъ былъ своимъ образованіемъ и, если пробился изъ простыхъ ремесленниковъ въ литературу, то единственно благодаря своему природному уму и далекó недюжиннымъ дарованіямъ.

Въ нашемъ журналѣ за прошлый годъ (№ 51) была помѣщена со словъ «Голоса», біографія этого талантливаго писателя-самоучки, сведеннаго въ могилу, по словамъ той же газеты, «нечистыми руками газетныхъ доносчиковъ — отставного канцелярскаго служителя А. Лукина и отставного юнкера Е. Кочетова, оклеветавшихъ покойнаго Сухова въ мнимой растратѣ самарскихъ денегъ». По напечатаніи уже біографіи Сухова, въ нашу редакцію доставлены были нѣкоторыя новыя свѣдѣнія объ этомъ даровитомъ, но несчастномъ человѣкѣ. Въ настоящее время, позволяемъ себѣ, въ возможной мѣрѣ, воспользоваться этими свѣдѣніями. Оказывается, что клеветы на Сухова появились въ газетахъ въ началѣ февраля минувшаго года, нарочито расчитанныя на отсутствіе Сухова и его невольное молчаніе: въ это время онъ сидѣлъ въ долговомъ отдѣленіи, по векселю въ 200 р., по которому онъ добродушно поручился за одного изъ своихъ «друзей», г-на П—ева. Этимъ «отсутствіемъ» Сухова и удаленіемъ его, какъ соиздателя «Будильника», отъ дѣлъ журнала, постарались воспользоваться какъ можно скорѣе—тѣ лица, для которыхъ выгодно было избавиться отъ него, какъ отъ соиздателя и, слѣдовательно, участника въ выгодахъ изданія: обратились къ нѣсколькимъ газетнымъ прислужникамъ, къ числу коихъ мы можемъ причислить и еще одного — мѣщанина Ф. Нефедова (Уводина тожь), которые и сдѣлали доносъ... Суховъ, едва выпущенный изъ «ямы», былъ арестованъ—уже по распоряженію судебнаго слѣдователя. Остальное извѣстно: доносъ не подтвердился, изъ острога выпущенъ, позора не перенесъ—зачахъ, захархалъ кровью и умеръ, въ крайней нищетѣ»...

Прибавимъ къ этому, что объ этой его «нищетѣ» едва ли даже было и извѣстно комитету литературнаго фонда. Помощь Сухову была оказана со стороны лица, посторонняго литературѣ — П. Н. Шубинскаго, московскаго нотаріуса. У этого почтеннаго и добраго человѣка покойный Суховъ прожилъ, въ деревнѣ, все минувшее лѣто и, затѣмъ, вернувшись въ Москву, осенью, жилъ въ его же квартирѣ до самой своей кончины—то есть, до 18-го ноября. На средства того же П. Н. Шубинскаго Суховъ былъ и похороненъ. Не будь этого участія, то Сухова, по всей вѣроятности, похоронила бы полиція, какъ похоронила она Демерта и какъ, каждый день, она хоронитъ, въ обѣихъ нашихъ столицахъ, бездомныхъ нищихъ, умирающихъ въ частяхъ, подвалахъ и мансардахъ.

И никого особенно не возмущаетъ такая кончина литераторовъ — какъ Демерта, Левитова и Сухова,—и ничего ровно не дѣлается для предотвращенія, на будущее время, подобныхъ кончинъ, кладущихъ неизгладимыя тѣни на общество русскихъ писателей. Пошумятъ лишь послѣ каждой такой смерти, повопятъ за гробомъ — и только. «Недѣля», напр. (№№ 44 и 45 прошлаго года), написала, по поводу Сухова, очень сочувственную статью, оканчивающуюся словами: «это ли еще не возмутительная смерть!»... «Русское Обозрѣніе», также, почтило его память (№ 21), равно какъ и «Голосъ» (№ 324), и «Дѣло» (кн. 1-я), и «Нов. Вр.» (№ 270), и многія другія газеты. «Отечественныя Записки» (декабрь), «Биржев. Вѣд.», «Русское Оообозр.» и др. почтили память Демерта; о Левитовѣ, также, были помѣщены сочувственныя замѣтки во всѣхъ почти нашихъ газетахъ. Но все это — лишь «слова, слова и слова!»... Дѣло отъ этихъ теплыхъ и, въ сущности, пустыхъ словъ нисколько не измѣняется. Комитетъ литературнаго фонда остается во всей своей неприкосновенности и недоступности для истинныхъ тружениковъ: его аристократическій складъ и чисто-сыскной характеръ и тонъ производимыхъ имъ разслѣдованій по поступающимъ просьбамъ — сдѣлали, наконецъ, свое дѣло: въ настоящее время, считается неловкимъ всякое обращеніе въ этотъ фондъ; даже болѣе: писатель, дорожащій своимъ человѣческимъ достоинствомъ, не рѣшится принизиться до просьбы въ фондъ.


I. SCHÜBELER sc.

Послѣ погребенія. Съ картины Поля Делароша.

Намъ извѣстны многіе прискорбные случаи таковыхъ нравственныхъ приниженій и сыскныхъ дознаній со стороны фонда; этимъ экспериментамъ подвергались не тѣ *«извѣстные»* писатели (это любимый эпитетъ фонда) и не «жены» и «дѣти *извѣстныхъ* писателей», а истинные и горькіе труженики, въ родѣ Демерта и Сухова. Вотъ, напр., одинъ изъ многихъ случаевъ въ этомъ родѣ.

Въ концѣ 1875 года, случилась страшная болѣзнь глазъ съ однимъ русскимъ писателемъ, беллетристомъ, повѣсти котораго печатались во многихъ журналахъ, даже и въ большихъ, ежемѣсячныхъ. Заболѣли глаза, онъ пересталъ видѣть, прекратилась работа, а съ нею, конечно, и средства къ существованію. Но докторъ объявилъ, что есть еще надежда на излѣченіе,—для чего, прежде всего, требовались средства, т. е. деньги. Писатель вспомнилъ о литературномъ фондѣ—и обратился туда. Проходитъ недѣля — отвѣта нѣтъ; а глаза, съ каждымъ днемъ, видятъ хуже и хуже. Послалъ онъ квартирную хозяйку —справиться объ отвѣтѣ, но и она отвѣта не получила. Проходитъ, такимъ образомъ, еще недѣля... Глаза совсѣмъ уже ничего не видятъ.... И вотъ, писатель рѣшается, наконецъ, въ сопровожденіи прислуги, отправиться прямо во квартиру одного изъ главныхъ распорядителей фонда—генерала, конечно. Принимаютъ. Выслушиваютъ благосклонно; но все-таки сообщаютъ, что «рѣшеніе комитета еще не послѣдовало», а что вотъ-де, если ужь вамъ такъ нужны деньги, то я вамъ могу выдать «изъ собственныхъ средствъ», *десять рублей*.... Какъ видите, вышло нѣчто въ родѣ милостыни, подачки... Несчастный человѣкъ долженъ былъ взять эти десять рублей... Онъ самъ разсказывалъ намъ эту печальную исторію, на второй день послѣ своего визита къ генералу... Послѣдовало ли затѣмъ какое-либо рѣшеніе комитета на его просьбу и какое именно, и получилъ ли онъ желаемое пособіе — мы не знаемъ. Съ того времени, мы его не видѣли и ничего не знаемъ о его горькой судьбѣ.

— Въ первомъ пунктѣ моего завѣщанія—говорилъ намъ, разъ, одинъ почтенный петербургскій литераторъ—я заповѣдую моимъ роднымъ...

— Чтобы васъ не схоронили какъ нибудь живого, да? — спросили мы, думая, что его мучитъ та же идея, что преслѣдовала и Гоголя.

— О, нѣтъ, вы ошиблись. Я заповѣдую моимъ роднымъ, чтобы они, чтя мою память, не оскорбили бы ее обращеніемъ въ комитетъ литературнаго фонда.

И намъ было вполнѣ понятно его желаніе, — какъ оно ни было, на первый взглядъ, странно.

Еще болѣе намъ понятна инициатива, недавно возникшая, по словамъ «Голоса», въ средѣ московскихъ литераторовъ, пожелавшихъ, наконецъ, устроить особый отъ петербургскаго литературный фондъ. Можно лишь искренно привѣтствовать этотъ разумный починъ и пожелать ему полнаго успѣха. Извѣстно, что «Общество для вспоможенія нуждающимся литераторамъ и ученымъ», имѣя въ Мосввѣ многихъ своихъ членовъ, не имѣетъ тамъ ни своего особаго отдѣленія, ни бюро; такъ что, если бы, напр., какой нибудь «нуждающійся» литераторъ — будь это даже и «извѣстный», — проживающій въ Москвѣ, пожелалъ обратяться въ комитетъ фонда, то онъ долженъ выслать свое «прошеніе» въ Петербургъ; здѣсь его «заслушаютъ» и поручатъ кому-либо изъ московскихъ членовъ «поразузнать» о просителѣ, — и сообщить добытыя этимъ предварительнымъ дознаніемъ свѣдѣнія въ Петербургъ; и затѣмъ уже, по вторичномъ «заслушаніи дѣла», можетъ послѣдовать «резолюція» и распоряженіе о высылкѣ денегъ...

Таково-то незавидное положеніе русскихъ писателей въ столицахъ! Для проживающихъ въ провинціи положеніе это становится еще болѣе горшимъ. Вотъ фактъ, переданный въ «Недѣлѣ».

«Въ Бердянскѣ проживалъ недавно молодой докторъ Цвѣтовъ, служившій въ уѣздной земской управѣ и всегда отличавшійся акуратностью и безукоризнеонымъ поведеніемъ. На бѣду, обуяла его несчастная страсть къ «писательству», и началъ онъ громить мѣстныхъ баши-бузуковъ въ одной одесской газетѣ. Открывалъ Цвѣтовъ всему міру различныя слабости мѣстныхъ «радѣтелей», и, какъ вообще бываетъ, эти «откровенія» принесли ему цѣлую кучу непріятностей и по службѣ, и въ частной жизни. Цвѣтову не оставалось ничего болѣе, какъ оставить службу въ управѣ. Лишеніе заработковъ, непріятности со всѣхъ сторонъ и всякаго рода терзанія довели бѣднягу до полнѣйшей нищеты, и вдобавокъ ко всему онъ сильно простудился и долженъ былъ слечь въ постель. Затѣмъ, онъ помѣщенъ былъ въ земскую больницу, гдѣ пролежалъ весьма недолго и отдалъ Богу душу... Характерно въ этомъ случаѣ отношеніе къ несчастному Цвѣтову мѣстныхъ баши-бузуковъ, но еще характернѣе отношеніе къ нему редактора той одесской газеты, въ которую Цвѣтовъ писалъ и за корреспонденціи въ которую лишился занятій. Когда Цвѣтовъ оставилъ службу въ управѣ, онъ обратился къ редактору съ просьбой помочь его горькому положенію, чистосердечно разсказавъ весь ходъ дѣла. Отвѣта не было. Заболѣлъ Цвѣтовъ и опять пишетъ редактору: «Вышлите мнѣ хоть нѣсколько рублей!»... Отвѣта не было. Помѣстили бѣдняка въ больницу. Нѣтъ у него ни копѣйки денегъ, а за редакторомъ около 20-ти рублей. Опять пишетъ редактору, слезно молитъ о помощи... Отвѣта не было. За три дня до смерти, Цвѣтовъ въ послѣдній разъ обратился въ редакцію... Все напрасно! Такъ и умеръ бѣдняга, не дождавшись слѣдуемыхъ ему денегъ!»...

«Это ли не возмутительная смерть!» — заканчиваетъ «Недѣля», передавъ объ этой смерти.

По истинѣ, вомутительная! Но, опять-таки, кто же виноватъ въ ней, какъ не сама русская литература и ея дѣятели? и прежде всего, конечно, тотъ безчестный редакторъ, который не возвратилъ Цвѣтову даже и заработанныхъ уже имъ денегъ. Интересно бы знать—помогъ ли бы Цвѣтову литературный фондъ, если бы онъ догадался въ него обратиться?—Счелъ ли бы онъ Цвѣтова за «извѣстнаго писателя», которому слѣдуетъ помочь не ради его крайности, а ради «извѣстности», и какъ бы онъ, въ данномъ случаѣ, произвелъ свое предварительное дознаніе — въ Бердянскѣ, за тысячу слишкомъ верстъ отъ Петербурга?...

Всѣ эти «возмутительныя смерти» и обычные, ненужные послѣ нихъ вопли и причитанія будутъ продолжатся до тѣхъ поръ, пока русскіе писатели не позаботятся о себѣ сами — не устроятъ фонда на болѣе простыхъ и разумныхъ началахъ, дабы можно было отовсюду, всѣмъ и каждому изъ нуждающихся тружениковъ мысли обращаться въ такой фондъ, не рискуя подвергнуться ни оскорбленіямъ, ни малѣйшимъ приниженіямъ человѣческаго достоинства—въ такомъ, вообще, щекотливомъ дѣлѣ, какъ просьба о пособіи или ссудѣ. Если бы, напр., редакціи всѣхъ журналовъ и газетъ, издающихся въ Россіи, удерживали бы хотя только одинъ % изъ гонорара сотрудниковъ — на что, вѣроятно, каждый изъ сотрудниковъ охотно бы согласился,—то въ какіе нибудь 10, 20 лѣтъ образовался бы солидный фондъ, помимо всякихъ подачекъ и пожертвованій извнѣ, изъ сферъ, имѣющихъ съ литературою очень мало общаго.

Русскіе писатели, «вверху стоящіе, что городъ на горѣ», весьма великодушно и неуклонно пекутся «объ улучшеніяхъ матеріальнаго быта» всевозможныхъ классовъ нашего общества, а равно о нравственныхъ и умственныхъ совершенствованіяхъ этихъ классовъ. А между тѣмъ, свое собственное положеніе улучшить, или даже облегчить никакъ не могутъ. Мелкіе, горькіе труженики-писатели охотнѣе идутъ къ ростовщикамъ и закладчикамъ, чѣмъ въ свой, литературный фондъ. Въ другомъ же отношеніи—нематеріальномъ—такъ называемая «семья» русскихъ писателей представляетъ собою еще болѣе прискорбное явленіе. Ни въ одной корпораціи, ни къ одной изъ общественныхъ сферъ русской жизни нѣтъ такого изумительнаго разлада, розни и вѣчной вражды, какіе встрѣчаются въ литературной средѣ; нигдѣ не относятся такъ легкомысленно и безнаказанно къ чести и доброму имени человѣка. Ни въ одномъ, напримѣръ, ремесленномъ цехѣ не обвинятъ человѣка, публично, въ преступленіи,—пока не убѣдятся вполнѣ, что преступленіе это имъ совершено. Въ «интеллигентномъ же цехѣ» русскихъ писателей происходятъ то и-дѣло эти возмутительныя явленія. Можно, пожалуй, привести, для примѣра, нѣсколько недавнихъ «исторій» въ этомъ родѣ, бывшихъ съ небольшимъ годъ тому назадъ, съ двумя редакторами—одного почтеннаго журнала и крупной газеты. Перваго позорили и закидывали грязью цѣлый мѣсяцъ—за «рубль», неосторожно несланный имъ назойливому сотруднику; другого редактора оклеветали въ «распарываніи груди, ножомъ», у какой-то женщины на Бернаульскомъ заводѣ... А исторія съ несчастнымъ Суховымъ, доведеннымъ клеветою до острога и положительно убіеннымъ!... И вѣдь все это творится совершенно безнаказанно. «Суховъ умеръ — говоритъ «Русское Обозрѣніе», — а убійцы его благополучно здравствуютъ и *безнаказанно* могутъ продолжать свое гадкое ремесло»... Ремесло это почтенная газета называетъ «литеватурнымъ шантажемъ» — то есть, преступленіемъ, даже и не предусмотрѣннымъ нашимъ законодательствомъ.

Въ виду такого некрасиваго внутренняго устроенія русской литературной «семьи», какое же дѣйствіе могутъ производить на читающую публику частыя и громкія печалованія о незавидной долѣ русскихъ писателей? — Полагаемъ, что дѣйствіе это чисто-отрицательнаго свойства, и—каждый въ правѣ отвѣтить на всѣ эти печалованія извѣстнымъ изреченіемъ: «Врачу, исцѣлися самъ!»...

Z.

* * *

Современные русскіе писатели.

Я. П. Полонскій.

(*Окончаніе*).

Зиму 1856 г. Яковъ Петровичъ прожилъ въ Варшавѣ, а затѣмъ, съ весны слѣдующаго (1857) года, отправился въ заграничное путешествіе; впродолженіи лѣта и осени онъ проѣхалъ по всей Германіи и Швейцаріи, а на зимніе мѣсяцы остался жить въ Римѣ, гдѣ поселился въ той самой улицѣ «Felice», въ которой нѣкогда жилъ Гоголь. Въ Римѣ Полонскій познакомился съ извѣстнымъ меценатомъ и большимъ любителемъ литературы, гр. Гр. Ал. Кушелевымъ-Безбородко, постоянно вращался въ его кружкѣ и сопутствовалъ графу въ его поѣздкахъ въ Неаполь, а потомъ въ Парижъ. Тутъ, въ одномъ русскомъ семействѣ, онъ повстрѣчался съ молодой дѣвушкой, дочерью пѣвчаго Устюжскаго, которая произвела красотой своей, молодостью и нравственными качествами, такое сильное, обаятельное впечатлѣніе на поэта, что, черезъ нѣсколько дней послѣ перваго свиданія съ ней, онъ сдѣлалъ ей формальное предложеніе, и въ іюлѣ 1858 года обвѣнчался съ нею въ русской церкви Парижа. Но не долго пришлось ему прожить съ горячо любимой имъ женой: года черезъ полтора она скончалась скоропостижно въ Петербургѣ, куда Полонскій возвратился въ концѣ 1858 года. Въ бытность свою за границей, Яковъ Петровичъ получилъ предложеніе отъ гр. Кушелева-Безбородко быть однимъ изъ редакторовъ, основаннаго имъ, въ 1859 г., журнала «Русское Слово»; поэтъ принялъ это предложеніе и редактировалъ названный журналъ въ теченіи почти двухъ лѣтъ (съ 1859 г. до осени 1860 г.). Здѣсь онъ помѣстилъ нѣсколько рецензій и другихъ статей, какъ напримѣръ, разсказъ «Какъ иные люди путешествуютъ» (1860 г. Мартъ), «О выставкѣ Академіи Художествъ» (1860 г. Октябрь—Декабрь) и друг., и рядъ стихотвореній, сдѣлавшихъ имя его окончательно популярнымъ; таковы мелкія пьесы: «Утрата», «Хандра». «На берегахъ Италіи», «Диссонансъ», «Ночь въ Соренто», «Для немногихъ», «Иная зима», «За городомъ», «Тишь и мракъ», «Чайка», «Безуміе горя», и большія пьесы: «Караванъ» (отрывокъ изъ повѣсти) (1859. Апр.), «Больной писатель», сцены (1860. Сент.) и «Кузнечикъ-музыкантъ» (1859. Мартъ)—эту въ высшей степени граціозную, игривую и прелестную «шутку въ видѣ поэмы» (какъ назвалъ ее самъ авторъ), одно изъ лучшихъ и удачнѣйшихъ произведеній легкой литературы. Въ «Кузнечикѣ-музыкантѣ», подъ видомъ насѣкомыхъ, поэтъ выводитъ людей, съ ихъ недостатками и смѣшными сторонами, причемъ высказываетъ не мало тонкаго, безобиднаго юмора и наблюдательности. «Лучшимъ примѣромъ того»—говоритъ Добролюбовъ, по поводу выхода отдѣльныхъ экземпляровъ этой поэмки, въ 1859 г.,—«какъ г. Полонскій олицетворяетъ всю природу, можетъ служить шуточная поэма о кузнечикѣ-музыкантѣ; въ этомъ шуточномъ, фантастическомъ разсказѣ вы можете подмѣтить сердечную боль поэта и грустное недовольство міромъ, въ которомъ нигдѣ нѣтъ счастья.... Впрочемъ, мы совѣстимся дѣлать изъ этой поэмки моральные выводы, и рѣшаемся обратить на нее вниманіе читателей только какъ на образчикъ того, какимъ образомъ и съ какой простотой и любовью г. Полонскій одушевляетъ и очеловѣчиваетъ всю природу....» Сотрудничая въ «Русск. Словѣ», Яковъ Петровичъ не оставлялъ своимъ участіемъ и другія періодическія изданія и особенно «Современникъ», гдѣ напечаталъ слѣдующія пьесы: «Сумасшедшій», «Во снѣ», «Женщинѣ», «Моей молоденькой сосѣдкѣ», «По горамъ двѣ хмурыхъ тучи» и друг.

Въ томъ же 1859 г., «Русскимъ Словомъ» изданы: «Разсказы Я. П. Полонскаго» и «Стихотворенія Я. П. Полонскаго. Дополненіе къ стихотвореніямъ, изданнымъ въ 1855 г.». Сюда вошли пьесы, перепечатанныя изъ журналовъ 1856 — 1858 г.г.; изъ «Современника» («Царство науки незнаетъ предѣла», «Гаданье», «На кладбищѣ», «Ночь въ Крыму», «Соловьиная любовь», «Холодѣющая ночь» и др.)», изъ «Библіотеки для чтенія» («Е. Т—ой», «На пути изъ гостей», «Наяды», «Аполлону Николаевичу Майкову»), изъ «Русскаго Вѣстника» («Тѣнь ангела прошла съ величіемъ царицы») и проч. и проч. Обѣ книжки эти журналистика наша встрѣтила чрезвычайно радушно, а публика съ живымъ интересомъ и съ большимъ наслажденіемъ перечитывала стихи симпатичнаго поэта. «Задумчивость очень унылая»—говоритъ Добролюбовъ, разбирая разсказы и стихи Полонскаго—«но не совершенно безотрадная, и фантастическій колоритъ составляютъ отличительные признаки поэзіи г. Полонскаго. Въ его стихѣ нѣтъ той мрачной, демонической силы, отъ которой человѣкъ можетъ содрогнуться и почувствовать, что сердце его обливается кровью. Нѣтъ въ немъ и того размаха, той пылкости воображенія, при которыхъ поэтомъ создается цѣлый волшебный міръ фантастическихъ образовъ, міръ безконечно-разнообразный, яркій и оригинальный. Но въ застѣнчивомъ, часто неловкомъ и даже не всегда плавномъ стихѣ г. Полонскаго отражается необычайно-чуткая воспріимчивость поэта къ жизни природы и внутреннее сліяніе явленій дѣйствительности съ образами его фантазіи и съ порывами его сердца. Онъ не довольствуется пластикой изображеній, не довольствуется и тѣмъ простымъ смысломъ, который имѣютъ предметы для обыкновеннаго глаза. Онъ во всемъ видитъ какой-то особенный, таинственный смыслъ; міръ населенъ для него какими-то чудными видѣніями, увлекающими его далеко за предѣлы дѣйствительности... Подобное настроеніе... легко можетъ перейти въ безсмысленный мистицизмъ или разсыпаться въ натянутыхъ приноравленіяхъ и аллегоріяхъ... Но г. Полонскій довольно удачно умѣлъ избѣжать и того, и другого; отъ теологическаго мистицизма избавила его сила образованнаго ума, отъ бездушныхъ аллегорій спасла сила таланта... Мы видимъ, что онъ придумывалъ подобія, навязывалъ человѣческія думы — и тучамъ, и волнамъ, и утесамъ, и насѣкомымъ, и деревьямъ, не изъ желанія блеснуть оригинальностью разсказывалъ свои фантастическія грезы, — нѣтъ, у него въ самомъ дѣлѣ являлись въ душѣ эти грезы, предъ нимъ въ самомъ дѣлѣ одушевлялись по временамъ всѣ мертвыя явленія природы... Замѣчательно, что даже въ разсказахъ своихъ г. Полонскій не удаляется отъ того характера, который мы находимъ господствующимъ въ его стихотвореніяхъ. Г. Полонскій разсказываетъ самыя обыденныя, даже отчасти водевильныя приключенія... Но въ нихъ всегда рисуется предъ нами или какая-нибудь оригинальная личность, или странное явленіе душевной жизни, или, чаще, придается какая-нибудь таинственность во внѣшней обстановкѣ». Вообще талантливый критикъ находитъ много симпатичныхъ, оригинальныхъ сторонъ въ недюжинномъ дарованіи Полонскаго.

Въ одну изъ отлучекъ Якова Петровича изъ Петербурга, осенью 1860 года, завѣдываніе редакціей «Русскаго Слова» было поручено А. И. Хмѣльницкому, брату извѣстнаго драматическаго писателя Н. И. Хмѣльницкаго (1789—1846),—и Полонскій, волей-неволей, принужденъ былъ искать себѣ болѣе прочнаго мѣста, особенно въ виду того, что съ каждымъ днемъ онъ чувствовалъ себя хуже и хуже. Его организмъ, не особенно крѣпкій, и безъ того былъ разстроенъ, а журнальныя занятія и, сопряженныя съ редакторствомъ, всякія хлопоты и непріятности вполнѣ довершили это разстройство; явилась необходимость приняться за серьезное леченіе, на что, конечно, потребовались средства... Но на этотъ разъ судьба улыбнулась нашему поэту: въ мартѣ 1861 года, ему предложили занять открывшуюся вакансію секретаря Комитета Цензуры Иностранной; Яковъ Петровичъ съ радостью принялъ предложеніе, мечтая успокоиться отъ всякихъ житейскихъ заботъ и дрязгъ и поправить свое здоровье. Однако недугъ его, который начался еще годъ назадъ, развился на столько, что поэтъ рѣшился отправиться заграницу, на воды. Тамъ провелъ онъ цѣлое лѣто 1861 года, лечился въ Ишлѣ, Осбаденѣ и Теплицѣ,—и къ осени вернулся въ Петербургъ, гдѣ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, окончательно поздоровѣлъ, при болѣе благопріятныхъ жизненныхъ условіяхъ, пользуясь спокойствіемъ и благодаря искусству петербургскихъ докторовъ.

Съ наступленіемъ шестидесятыхъ годовъ, Полонскій продолжалъ по прежнему честно служить искусству, попрежнему живо чувствовалъ свою непосредственную связь съ явленіями окружавшей его жизни и относился съ большимъ сочувствіемъ къ стремленіямъ молодого поколѣнія, но, во время общественнаго движенія шестидесятыхъ годовъ, онъ не примкнулъ ни къ какой партіи, оставаясь совершенно въ сторонѣ, особнякомъ. Это обстоятельство и было причиной, почему критика прогрессивнаго лагеря, а за ней и большинство публики стали болѣе, чѣмъ холодно, относиться къ бывшему своему любимцу, которымъ нѣкогда зачитывались и осыпали такими вѣскими похвалами, и дарованіе котораго ни мало не измѣнилось, не утратило своихъ превосходныхъ качествъ. Въ ту пору многіе, весьма талантливые люди, въ порывѣ какого-то лихорадочнаго увлеченія реальными доктринами, принялись безпощадно отрицать и самое искусство,—а слѣдовательно и значеніе поэзіи вообще и такихъ ея представителей, какъ Полонскій, — въ особенности... Въ числѣ другихъ, и нашъ глубокодаровитый поэтъ не избѣжалъ глумленій и насмѣшекъ, иногда переходившихъ всякія границы... Но, не смотря на все это, Полонскій не озлобился, не сталъ, подобно другимъ, испытавшимъ его участь, врагомъ прогрессивнаго движенія и стремленій молодежи; онъ стоялъ выше всѣхъ этихъ дрязгъ и глумленій и невозмутимо дѣлалъ свое дѣло, остался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ, лишь изрѣдка парируя сыпавшіяся на него нападки, болѣе или менѣе удачной сатирой, злой, но не лишенной граціи, шуткой, помня вѣроятно слова одного стариннаго мыслителя, что «Of all weapons in the world, satire is the most dangerous», т. е. «Сатира наиболѣе опасное изъ всѣхъ оружій въ мірѣ»... Въ десятилѣтній періодъ времени, съ 1860 по 1870 г., Яковъ Петровичъ работалъ очень много, участвуя рѣшительно во всѣхъ нашихъ ежемѣсячныхъ журналахъ и даже мелкихъ изданіяхъ: въ «Современникѣ» (1861—1865), «Русскомъ Словѣ» (1861 и 1863), «Времени» (1861 — 1863), «Эпохѣ» (1864 — 65 г.), «Библіотекѣ для Чтенія» (1863 — 1865), «Русскомъ Вѣстникѣ» (1867—1869), «Литературной Библіотекѣ» (1867 г.), «Женскомъ Вѣстникѣ» (1866—1868), «Отечеств. Запискахъ» (1867 г.), «Вѣстникѣ Европы» (1868—1869), «Иллюстраціи» (1862—1863) «Искрѣ» (1862 и 1866 гг.), «Модномъ Магазинѣ» (1866 — 1867) и проч. и проч. Кромѣ цѣлаго ряда мелкихъ пьесъ, перечисленіе которыхъ заняло бы здѣсь слишкомъ много мѣста, Яковъ Петровичъ напечаталъ нѣсколько большихъ отрывковъ изъ поэмъ: «Свѣжее преданье», романъ въ стихахъ («Время» 1861 — 62 г.), «Братья» («Женскій Вѣстникъ» 1866—67, «Русск. Вѣстн. 1867—69 и «Вѣстн. Евр.» 1870), комедіи: «Разладъ». Сцены изъ послѣдняго польскаго возстанія, (въ стихахъ) («Эпоха» 1864. Апр.) и «Свѣтъ и его тѣни»—комед. въ 4 д. (Ibid. 1865. Янв.), романъ «Признанія Сергѣя Чалыгина» («Литер. Библіот.» 1867), разсказы: «Мѣдный лобъ самаго низкаго сорта. Разсказъ несовременный» («Современникъ» 1863. Октяб.) и «Женитьба Атуева» («Русск. Вѣстн.» 1869. Май) и нѣсколько критическихъ и другихъ замѣтокъ: «О спиритизмѣ» («Время» 1861. Февр.), «По поводу послѣдней повѣсти графа Л. Н. Толстого «Казаки» (Ibid. 1863. Мартъ), «Прозаическіе цвѣты поэтическихъ сѣмянъ» («Отеч. Зап.» 1867. Апр. кн. 2-я), и друг. О «Признаніяхъ Сергѣя Чалыгина» Тургеневъ говоритъ слѣдующее: «Уступая извѣстнымъ «Воспоминаніямъ» графа Л. Н. Толстаго въ изящной отдѣлкѣ деталей, въ тонкости психологическаго анализа, «Признанія Чалыгина» едвали не превосходятъ ихъ правдивой наивностью и вѣрностью тона—и, во всякомъ случаѣ, достойны занять мѣсто непосредственно вслѣдъ за ними. Интересъ разсказа не ослабѣваетъ ни на минуту; выведенныя личности очерчены немногими, но сильными штрихами (особенно хорошъ декабристъ, другъ матери Чалыгина), и самый колоритъ эпохи (дѣйствіе происходитъ около двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія) схваченъ и переданъ живо и точно... каждая подробность дышетъ правдой. Выраженія счастливыя, картинныя попадаются на каждой страницѣ»...

Въ 1866 году Яковъ Петровичъ вступилъ во второй бракъ съ дѣвицей Жозефиной Антоновной Рюльманъ. Въ этомъ же году онъ издалъ книжку стихотвореній подъ заглавіемъ «Оттиски». Въ ней поэтъ собралъ изъ своихъ послѣднихъ стихотвореній, за время 1863—1866 гг., разсѣянныхъ по разнымъ періодическимъ изданіямъ; хотя большая часть этихъ пьесъ отличалась несомнѣнными достоинствами и заслуживала полнаго вниманія,—но «Оттиски» прошли почти незамѣченными, и публика и журналистика отнеслись къ нимъ равнодушно. Черезъ три года книгопродавецъ Вольфъ издалъ «Сочиненія Я. П. Полонскаго», въ трехъ томахъ (Спб. 1869—1870.), куда вошло все написанное поэтомъ, въ прозѣ и въ стихахъ, съ перваго шага его литературной дѣятельности вплоть до 1870 года. Наши журналы посвятили этому полному собранію сочиненій уважаемаго поэта весьма ограниченное число самыхъ бѣглыхъ рецензій, изъ которыхъ много — двѣ-три отнеслись вполнѣ сочувственно къ поэту, подведшему, такъ сказать, итогъ своей литературной дѣятельности, остальные же встрѣтили названное изданіе недружелюбно, и какой-то критикъ помѣстилъ въ «Библіографѣ» 1869 г. совсѣмъ неприличную статейку, въ которой не было ничего, кромѣ глумленія надъ Полонскимъ. Не менѣе странный (удерживаемся отъ рѣзкаго, но болѣе подходящаго эпитета) отзывъ появился и въ «Отеч. Зап.» 1870 г., который настолько возмутилъ честную, чуткую душу нашего уважаемаго писателя И. С. Тургенева, что онъ напечаталъ въ «Спб. Вѣдом.» (1870 г. 8 Янв. № 8) письмо къ редактору, протестуя противъ недобросовѣстности автора статейки о Полонскомъ. Фактически опровергнувъ мнѣнія критика и сказавъ, что «послѣ свыше двадцати-пяти-лѣтней, честно пройденной карьеры» Полонскаго, онъ заслуживаетъ большаго сочувствія, Ив. Серг. въ слѣдующихъ выраженіяхъ отозвался о дарованіи Полонскаго: «Тамъ, гдѣ онъ (Полонскій) говоритъ о дѣйствительно пережитыхъ имъ ощущеніяхъ и чуствахъ, тамъ, гдѣ онъ рисуетъ образы, навѣянные ему то ежедневною, почти будничною жизнью, то своеобразной, часто до странности смѣлой фантазіей (укажу, напр. на стихотвореніе «Тишь и Мракъ») — тамъ онъ, если не всякій разъ заявляетъ себя мастеромъ, то уже навѣрное всякій разъ привлекаетъ симпатію читателя, возбуждаетъ его вниманіе, а иногда, въ счастливыя минуты, достигаетъ полной красоты, трогаетъ и потрясаетъ сердце. Талантъ его представляетъ особенную, ему лишь одному свойственную, смѣсь простодушной граціи, свободной образности языка, на которомъ еще лежитъ отблескъ пушкинскаго изящества, и какой-то иногда неловкой, но всегда любезной, честности и правдивости впечатлѣній. Временами, и какъ бы безсознательно для него самого, онъ изумляетъ прозорливостью поэтическаго взгляда...» Нечего и говорить, что этотъ отзывъ нашего маститаго беллетриста и правдивъ, и безпристрастенъ. «Всякій, даже поверхностный читатель», — говоритъ въ заключеніе Тургеневъ, — «легко замѣтитъ струю тайной грусти, разлитую во всѣхъ произведеніяхъ Полонскаго; она свойственна многимъ русскимъ, но у нашего поэта она имѣетъ особое значеніе. Въ ней чувствуется нѣкоторое недовѣріе къ себѣ, къ своимъ силамъ, къ жизни вообще; въ ней слышится отзвучіе горькихъ опытовъ, тяжелыхъ воспоминаній...»

Въ 1871 году Яковъ Петровичъ издалъ свои «Снопы.» (Стихи и проза. Книга 1-я). На этотъ разъ наши рецензенты отнеслись къ автору этой книжки гораздо благосклоннѣе; отзывъ о ней появился и въ англійской газетѣ «The Athenaem.»

Въ послѣдніе пять лѣтъ Полонскій снова совершилъ заграничное путешествіе; кромѣ нѣсколькихъ небольшихъ пьесъ, онъ напечаталъ двѣ большія поэмы: «Мими» («Отеч. Зап.» 1873 г. Сентябрь и Октябрь.) и «Келіотъ» («Дѣло» 1874 г. Октябрь). Первая изъ этихъ поэмъ страдаетъ растянутостью и нѣкоторой небрежностью отдѣлки, за то вторая — превосходна во всѣхъ отношеніяхъ и глубоко поэтична. Да и мелкія пьесы его послѣдняго времени, появлявшіяся далеко не часто на страницахъ лучшихъ нашихъ журналовъ: «Вѣстника Европы», «Недѣли», и другихъ, вполнѣ доказываютъ, что дарованіе поэта не угасло, а напротивъ, получило еще большую силу и развернулось еще шире.

Съ начала семидесятыхъ годовъ Яковъ Петровичъ занялъ мѣсто члена совѣта въ Комитетѣ Цензуры Иностранной. Въ прошломъ 1875 году онъ завѣдывалъ нѣсколько времени литературнымъ отдѣломъ журнала «Пчела», гдѣ помѣстилъ начало новой своей поэмы «Собаки» и нѣсколько рецензій. Участвовалъ также въ литературныхъ сборникахъ: «Складчина» (1874 г.) и «Братская помощь» (1876 г.).

Въ текущемъ году, онъ выпустилъ сборникъ новыхъ своихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ «Озими», (2 части, 8 д. л.) отзывъ о которомъ былъ помѣщенъ въ журналѣ «Жив. Об.» въ прошломъ году.

Якову Петровичу теперь 56 лѣтъ, и мы имѣемъ полное право ждать отъ него еще многаго...

Кромѣ названныхъ нами въ своемъ мѣстѣ отдѣльныхъ собраній стихотвореній нашего поэта, существуютъ еще слѣдующія: «Кузнечекъ-Музыкантъ». Шутка въ видѣ поэмы. Съ добавленіемъ стихотвореній за послѣдніе годы. Спб. 1863 г.— «Вакула Кузнецъ. Либретто для оперы». Спб. 1872 г. — «Разладъ. Сцены изъ послѣдняго польскаго возстанія». Спб. 1866 г. — «Рецензентъ Отечественныхъ Записокъ» и отвѣтъ ему Я. П. Полонскаго. Спб. 1871 г. (Оттискъ изъ журнала «Заря» 1871 г.).

П. В. Быковъ.

Начало и постепенное развитіе письма.

(Окончаніе).

Не слѣдуетъ, однако, думать, что новое, коренное преобразованіе письма и излишне и невозможно, нынѣшнія же формы алфавита и курсива ненарушимы. Въ виду всеобщаго употребленія письма, весьма многочисленныхъ корреспонденцій и необходимости болѣе частыхъ и близкихъ сношеній между цивилизованными народами, было бы весьма желательно принять всеобщій алфавитъ и вмѣстѣ съ нимъ одинаковое начертаніе буквъ (графику). Распространеніе всеобщей системы мѣръ, вѣсовъ и денежнаго счета пророчитъ хорошую будущность и всеобщему алфавиту, которому, однако, предстоитъ преодолѣть большія трудности, какъ, напр., введеніе у себя системы письма словъ, принадлежащихъ восточной семьѣ языковъ. Всякій народъ, даже почти всякій авторъ, создаетъ, на основаніи средствъ роднаго языка и личнаго взгляда, произношеніе восточныхъ словъ и передаетъ арабскія или тибетскія буквы и японскіе или китайскіе звуки одною или нѣсколькими буквами своего алфавита. Отсюда беретъ начало страшная путаница и уродованіе восточныхъ словъ, звучащихъ различно почти на всякомъ европейскомъ языкѣ. Всего яснѣе обнаруживается эта путаница въ географическихъ названіяхъ, доставленныхъ намъ англичанами изъ Индіи или изъ американскаго дальняго запада; вмѣстѣ съ англійскимъ произношеніемъ мы принимаемъ и англійскую орфографію, измѣняющую нерѣдко до крайности настоящее произношеніе слова. Вопросъ, касающійся раціональнаго способа писанія иностранныхъ названій, давно занимаетъ весь ученый міръ. Извѣстный путешественникъ и философъ Вольней (Volney) пытался составить гармоническій алфавитъ, задачей котораго было изображать всевозможные элементы рѣчи; но Вольней далеко не достигъ своей цѣли.

Создать всеобщую систему въ типографическихъ знакахъ легче, чѣмъ въ курсивѣ. Но однообразіе, существующее при изображеніи музыкальныхъ звуковъ, убѣждаетъ насъ въ томъ, что принятіе общей системы обозначенія. звуковъ человѣческаго голоса исполнимо. Сущность вопроса заключается въ томъ, чтобы ухо наше привыкло воспринимать и отличать чуждые звуки, что̀ несравненно труднѣе любой стенографической снаровки; къ тому же стенографія, оказывающая нынѣ несомнѣнныя услуги, не можетъ быть съ одинаковымъ удобствомъ примѣнена ко всякому языку. Здѣсь-то, если мы желаемъ пожертвовать правильностью письма ради скорости и ограничиться только точнымъ возсозданіемъ звука, слѣдуетъ условиться на счетъ общаго произношенія буквъ, что̀ весьма трудно, чуть ли даже не возможно, особенно для языковъ (говоровъ), различающихся своей фонетикой. Безъ сомнѣнія, наша стенографія стоитъ несравненно выше всѣхъ системъ, бывшихъ въ ходу въ древности и среднихъ вѣкахъ (такъ называемые тиронскіе знаки). Къ тому же можно значительно упростить средства исполненія; можно, напр., трудъ руки, вооруженной перомъ, замѣнить клавишей или педалью, производящими при нажимѣ извѣстный знакъ, что̀ дало бы возможность записывать рѣчь со скоростью, равной быстротѣ произношенія. Слѣдуетъ, однако, опасаться, чтобъ эта быстрота не увеличилась въ ущербъ ясности, притомъ невозможно изобрѣсть систему знаковъ, подходящихъ къ особенностямъ произношенія всякаго языка.

Желая разрѣшить вопросъ всеобщаго письма, пришлось бы, по всей вѣроятности, вернуться къ его первобытному состоянію, т. е. возсоздавать понятія помощью идеограммъ, значеніе которыхъ не зависѣло бы отъ фонетическихъ условій. Но въ такомъ случаѣ эта система всеобщихъ знаковъ привела бы насъ къ значительному ограниченію области нашей рѣчи и понятій, и довела бы наши умственныя способности къ такимъ размѣрамъ, какіе бываютъ у дѣтей и дикихъ народовъ. Идеографическая система годилась бы только для нѣкоторой, крайне элементарной корреспонденціи, для крайне ограниченнаго обмѣна мыслей и ею ни въ какомъ случаѣ не могли бы пользоваться ни ученые, ни литераторы, нуждающіеся въ средствахъ для яснаго и изящнаго выраженія мыслей.

И такъ, мы столь же далеки отъ всеобщаго письма, какъ и отъ всеобщаго языка, если невозможно сдѣлать болѣе однообразными давно употребительные и рѣзко другъ отъ друга отличающіеся алфавиты, то, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ позаботиться о томъ, чтобъ уменьшить число существующихъ нынѣ. Многіе алфавиты раздѣлятъ участь, постигшую многочисленные языки; мелкія нарѣчія постепенно исчезаютъ, уступая мѣсто нѣсколькимъ главнымъ, которыя могутъ сдѣлаться всеобщими и тогда съ отдѣльными второстепенными діалектами исчезнутъ и свойственные имъ алфавиты.

Исторія письма возбуждаетъ еще одинъ вопросъ: составляетъ ли алфавитная система послѣднюю ступень въ графическомъ развитіи письма или ее вытѣснитъ другая, болѣе упрощенная? Касательно этого можно сказать, что человѣческія изобрѣтенія не подчиняются закону безграничнаго усовершенствованія; предѣлъ нашихъ умственныхъ способностей служитъ главной помѣхой. Хотя кругъ дѣятельности и примѣненій этихъ способностей расширить возможно, но пересоздать ихъ природу не въ нашей власти. Коль скоро какое нибудь изобрѣтеніе исчерпало все содержаніе своей идеи, то оно останавливается въ своемъ развитіи, подобно тому, какъ въ геометріи, послѣ открытія способа измѣрять поверхности или объемы извѣстнаго тѣла нельзя ожидать изобрѣтенія какого-нибудь отличнаго средства.

Нѣтъ сомнѣнія, что почти всѣ, какъ умственныя, такъ и матеріальныя средства наши достигли значительной степени совершенства; человѣческій умъ производитъ въ наши дни чудеса но всетаки во многихъ нынѣшнихъ стремленіяхъ, послѣ достиженія извѣстнаго предѣла, средства исчерпываются и дальнѣйшее совершенствованіе дѣлается невозможнымъ.

Вотъ почему въ нѣкоторыхъ отрасляхъ, не требующихъ ни сложныхъ соображеній, ни новыхъ усилій ума, мы не подвинулись ни на шагъ дальше той черты, у которой стояли наши предки или древніе народы; въ Греціи, напр., изящныя искусства достигли высшей степени своего совершенства. Подобнаго рода явленія можно замѣтить и во многихъ отрасляхъ физическаго труда; приготовленіе многихъ вещей изъ обыденной жизни не подверглись никакимъ измѣненіямъ, наравнѣ съ четырьмя ариѳметическими дѣйствіями: изобрѣтательные умы обращаются къ болѣе сложнымъ вещамъ.

Все это объясняетъ намъ, почему общество, въ которомъ умственныя и матеріальныя потребности мало развиты, въ которомъ пользуются только элементарными методами, останавливается въ своемъ развитіи. Расширеніе круга потребностей, ихъ разнообразіе и утонченность даетъ начало изобрѣтеніямъ. На этомъ то основаніи животныя, повидимому, не подвигаются впередъ въ своихъ правахъ, на которые смотрѣли прежде не какъ на результатъ унаслѣдованныхъ и добытыхъ опытомъ познаній, но какъ на проявленіе инстинкта; хотя совершенно достаточно ближе приглядѣться къ ихъ жизни, чтобъ убѣдиться, что изобрѣтательность и умъ присущи, въ нѣкоторой степени, и имъ и что въ своихъ дѣйствіяхъ животныя руководятся нѣкоторыми соображеніями. Такъ какъ потребности и умственныя силы животныхъ ниже нашихъ, то и умъ ихъ достигъ скоро своего предѣла развитія, такъ что понадобилось не много поколѣній, чтобъ привести ихъ къ нынѣшнему состоянію.

Человѣкъ достигъ тоже во многихъ случаяхъ этой крайней черты; но въ нѣкоторыхъ другихъ предстоитъ ему много. Сообразно съ безконечнымъ разнообразіемъ формъ, въ которыхъ проявляется умственная и нравственная дѣятельность, является неисчислимое количество новыхъ потребностей, дающихъ начало новымъ изобрѣтеніямъ. Слово, въ своихъ многообразныхъ формахъ, и письмо, его возсоздающее, должны въ своемъ развитіи тоже со временемъ достигнуть предѣла, точно такъ же какъ на земномъ шарѣ не найдется неизвѣстныхъ странъ. Письмо прошло уже чрезъ существенные фазисы своего развитія: отъ идеограммъ къ силлабизму и отъ силлабизма къ алфавиту. Незначительныя же усовершенствованія, какъ кажется, не измѣнятъ ни самой системы, ни ея началъ.

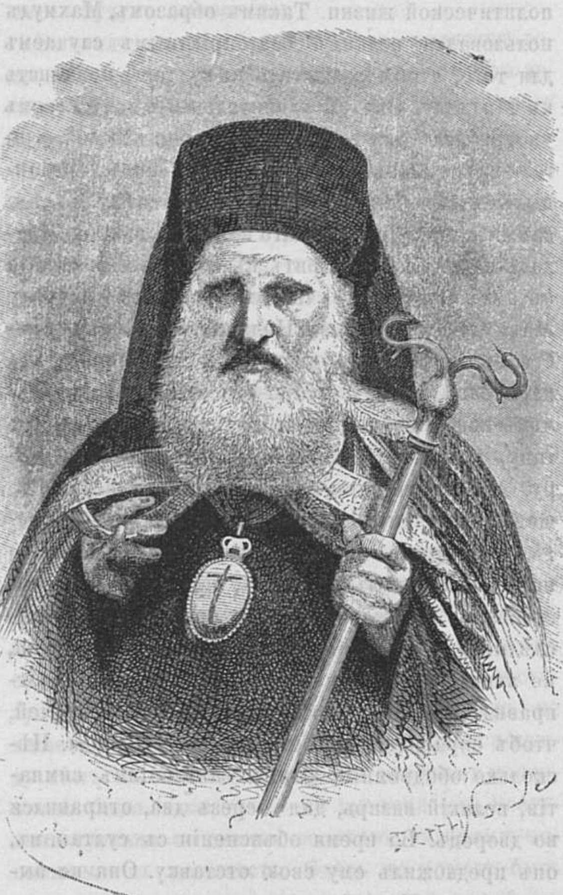
* * *

Критика и библіографія.

Петербургскія актрисы. Романъ И. Е. Чернышева. Автора „Не въ деньгахъ счастье“, „Испорченная жизнь“, и проч. Спб. 1876. Тип. Р. Голике. 12 д. л. 249 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Рѣшительно не понимаемъ и недоумѣваемъ, для какой цѣли неизвѣстный издатель тратился на изданіе этого посмертнаго и, очевидно, совсѣмъ неотдѣланнаго произведенія покойнаго Чернышева, которое имѣетъ вполнѣ фельетонный характеръ. И. Е. Чернышевъ и при жизни никогда не пользовался извѣстностью, ни какъ драматургъ, ни какъ беллетристъ, поэтому, надѣяться на сбытъ названнаго романа, подъ фирмой, яко-бы, знаменитаго имени автора, по меньшей мѣрѣ — неумѣстно. Это, собственно, и не романъ, а рядъ, набросанныхъ на скорую руку, сценокъ, почти не имѣющихъ между собою никакой связи. Въ нихъ разсказываются мелкія закулисныя дрязги и сплетни, до которыхъ читателю нѣтъ ровно никакого дѣла, которыя совсѣмъ неинтересны, такъ какъ представляютъ совершенно единичные факты, а ничуть не обрисовываютъ, въ общихъ чертахъ, закулисную жизнь театральнаго мірка. Авторъ часто дѣлаетъ «намеки тонкіе на то, что не вѣдаетъ никто», тщится выразить какую-то мысль, силится какъ будто бы что-то выяснить, но, разумѣется, ни до чего не договаривается, ничего не выясняетъ, ограничиваясь разсказомъ разныхъ анекдотцевъ и тому подобныхъ пустячковъ. И въ добавокъ, разсказъ ведется вяло, отрывочно и совсѣмъ не гладко, рѣшительно безъ соблюденія тѣхъ необходимыхъ условій, которыя требуются для всякаго, сколько нибудь сноснаго, литературнаго произведенія. По всему вѣроятію, этотъ разсказецъ написанъ на заказъ для какого нибудь убогонькаго журнальца или газеты, написанъ съ цѣлью скорѣйшаго сбыта, во время безденежья и «голодухи», которую, какъ и всѣ остальные литературные люди, испытывалъ нерѣдко и покойный Чернышевъ, получавшій, въ качествѣ артиста Императорскихъ театровъ, самое скудное содержаніе. Однако, изъ этого все-таки не слѣдуетъ, чтобы, по смерти автора, нужно было откапывать его плохое литературное упражненіе и пускать въ свѣтъ, да еще подъ громкимъ названіемъ «романа», какъ это сдѣлалъ таинственный издатель «Петербургскихъ актрисъ», въ довершеніе всего назначивъ за плохую, разгонисто напечатанную книжку цѣлыхъ полтора рубля. Несчастная литература наша и безъ того запружена всякимъ невозможнымъ хламомъ, разными «Варшавскими», «Петербургскими» и иными «трущобами», твореніями гг. Клюшникова, Авсѣенка, Болеслава Маркевича, Лѣскова-Стебницкаго и прочихъ «литературныхъ портныхъ». Зачѣмъ же увеличивать этотъ хламъ?

П. Злобинъ.



Болгарскій Епископъ.

Къ статьѣ: *«Между Болгарами»*.

Для молодыхъ матерей и вѣрныхъ нянекъ. — Наставленія о содержаніи дѣтей и объ уходѣ за ними въ первые годы жизни. Соч. д-ра Карла Пидерита. Со 2-го нѣмецк. изд. перевелъ Я. А. Цедербаумъ. Спб. 1876. Тип. Цедербаума и Гольденблюма. 8 д. л. 69 стр. Ц. 35 к., съ перес. 45 к.

Большинство матерей нашихъ, которыя любятъ дѣтей своихъ не одной только животной любовью, а болѣе осмысленно, пытаются обставить свое дитя такъ, чтобы оно постоянно пользовалось здоровьемъ, чтобы организмъ его какъ можно болѣе укрѣплялся и получалъ вполнѣ правильное развитіе; для достиженія этой цѣли необходимы и опытность, и умѣнье взяться за дѣло, нужно имѣть извѣстныя познанія въ медицинѣ, въ дѣтской гигіенѣ и діэтетикѣ и т. п. Но развѣ большая часть этихъ матерей получила такое воспитаніе, которое гарантировало бы имъ всѣ подобныя знанія, служащія краеугольнымъ камнемъ воспитанія? Конечно, нѣтъ. Вотъ для такихъ-то матерей (или родителей и воспитателей вообще), которыя нуждаются въ хорошихъ компетентныхъ совѣтахъ и указаніяхъ, и издана настоящая книжка. Она написана такъ просто, толково и ясно, безъ мудреной, научной терминологіи, и притомъ такъ сжато, что дѣлается вполнѣ доступной не только для тѣхъ, кто привыкъ къ чтенію серьезныхъ книгъ, но и для цѣлой массы, мало подготовленной къ такому чтенію. Не мудрствуя лукаво, матерямъ, или кому бы то ни было, остается лишь, въ большинствѣ случаевъ, слѣдовать совѣтамъ книжки д-ра Пидерита, при первоначальномъ уходѣ за ребенкомъ. Въ ней найдется много истинно полезныхъ указаній, наставленій и совѣтовъ, на которые смѣло можно положиться, такъ какъ они основательны, вполнѣ практичны и удобопримѣнимы къ дѣлу. Подобное руководство было бы настоящимъ кладомъ для воспитателей, боннъ и матерей, еслибы, при всѣхъ упомянутыхъ достоинствахъ своихъ, оно отличалось должною полнотою и основательностью. Къ сожалѣнію, книжка Пидерита грѣшитъ чрезмѣрной сжатостью, краткостью, ради которыхъ авторъ упускаетъ многія существенныя вещи, или говоритъ о нихъ мимоходомъ, дѣлая самыя поверхностныя указанія. Такъ, напримѣръ, у Пидерита ничего не сказано о выборѣ кормилицы, чѣмъ именно надо руководствоваться при этомъ, а также, какую жизнь должна вести кормилица, какія правила соблюдать въ періодъ времени, когда она кормитъ, и т. д. Не дано указаній и относительно химическаго состава женскаго и коровьяго молока и искусственнаго кормленія послѣднимъ. Очень мало, или лишь вскользь, упоминается объ уходѣ за больнымъ ребенкомъ, въ особенности тогда, когда нѣтъ по близости врача, къ которому Пидеритъ совѣтуетъ, прежде всего, поскорѣе обращаться въ случаѣ заболѣванія дитяти, упуская изъ виду, что иногда врачъ поможетъ менѣе, чѣмъ помогли бы простыя домашнія средства, и когда нужно лишь соблюденіе извѣстныхъ гигіеническихъ условій. О тѣхъ правилахъ, которымъ мать должна слѣдовать во время своей беременности, совсѣмъ и неупоминается въ книжкѣ Пидерита, тогда какъ утробная жизнь дитяти влечетъ за собою весьма важныя послѣдствія, вліяя и потомъ, гораздо позже, на организмъ ребенка. Однако всѣ эти, указанныя нами, упущенія и маленькіе недостатки нисколько не умаляютъ той дѣйствительной пользы, какую несомнѣнно принесетъ, кому слѣдуетъ, книжка д-ра Пидерита. И каждая мать, каждый воспитатель,—

всѣ, кто только не можетъ довѣриться своей опытности и своимъ знаніямъ, во время ухода за дѣтьми, въ первые годы жизни, обязаны пріобрѣсти эту прекрасную, весьма полезную книжку; кстати и стоитъ-то она очень дешево.

П. В. Б.

Со всего свѣта.

До сихъ поръ не вполнѣ еще выяснилось паденіе Митхада-паши и значеніе той странной, дворцовой, или, скорѣе, серальной революціи, которая произошла въ Константинополѣ. Если объ Испаніи сложилось мнѣніе, что въ этой странѣ возможны всякія невѣроятныя событія, то намъ кажется, что съ гораздо большимъ правомъ то же самое можно сказать и о Турціи. И мы думаемъ, что причины такого ненормальнаго порядка вещей, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ государствѣ, приблизительно, однѣ и тѣ же,—если, конечно, взять во вниманіе различія въ общественномъ и политическомъ строѣ. Долгая политическая жизнь въ Испаніи, ея традиціи, величія и силы съ абсолютизмомъ королей, вызвали, если можно такъ выразиться, раздробленіе партій, которыя, въ концѣ концовъ, стали руководствоваться въ своей дѣятельности почти исключительно эгоистическими и корыстными цѣлями. А страна, въ которой партіи имѣютъ въ виду не благо государства, а лишь свои личные интересы,—такая страна, говоримъ мы, подвержена всякаго рода случайностямъ, такъ какъ поле интриги всегда открыто, и партія пользуется всякими обстоятельствами, когда возможно произвести государственный переворотъ въ свою пользу. Когда благо государства не играетъ въ заботахъ партіи никакой роли, когда люди группируются въ одно организованное тѣло не для какихъ либо высшихъ интересовъ, а для удовлетворенія своихъ личныхъ, эгоистическихъ цѣлей, то, разумѣется, имъ никогда не приходитъ въ голову, что тотъ или другой поступокъ можетъ принести вредъ государству, имъ лично принося возможно большую пользу.

То, что въ Испаніи объясняется корыстолюбіемъ и эгоизмомъ партіи, то въ Турціи можно объяснить восточнымъ деспотизмомъ, отсутствіемъ политической честности въ служителяхъ государства и хаотическимъ состояніемъ государственнаго строя. Тамъ, гдѣ глава государства совершенно произвольно распоряжается жизнію и добромъ своихъ подданныхъ, тамъ, гдѣ общественный и политическій строй—не болѣе какъ организованный разбой, гдѣ нѣтъ ни политическаго развитія, ни образованія, гдѣ европейская цивилизація еще не привыкла, и природная косность народнаго характера не допускаетъ никакого прогрессивнаго движенія общества впередъ, — тамъ, разумѣется, вся исторія выражается или организованнымъ произволомъ со стороны султановъ, или организованнымъ насиліемъ со стороны государственныхъ сановниковъ. Само собой разумѣется, что какъ султанъ, такъ и сановники заботятся исключительно о своихъ собственныхъ интересахъ, въ то время, какъ народныя массы, обнищавшія и невѣжественныя, продолжаютъ страдать.

Хотя причины паденія Митхада-паши еще не выяснены вполнѣ, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что это паденіе—дѣло интриги. Въ газетахъ то и дѣло приходится встрѣчаться съ догадками, кому собственно могла принадлежать эта интрига, и кто воспользуется, въ концѣ концовъ, ея послѣдствіями? Но мы считаемъ лишнимъ передавать нашимъ читателямъ всѣ эти ежедневныя догадки, не имѣющія никакой достовѣрности, а предпочитаемъ передать кое какіе подробности со словъ одного иностраннаго корреспондента. Говорятъ, что честолюбіе Абдулъ-Гамида заключалось въ желаніи лично управлять государствомъ. По возшествіи на престолъ, онъ говорилъ часто своимъ приближеннымъ, что удивитъ Европу своими великими реформами. Но Митхадъ-паша отстранилъ его на второй планъ. Первому министру и великому визирю расточались похвалы, какъ виновнику реформъ и хартіи, а о султанѣ совсѣмъ не говорили. Враги Митхада-паши очень искусно воспользовались такимъ положеніемъ. Въ главѣ этихъ враговъ слѣдуетъ считать Махмуда-пашу, женатаго на Джемилѣ-султаншѣ, сестрѣ султана. Она питаетъ къ мужу нѣжную привязанность, какъ къ человѣку, обладающему физическою красотою. Въ этой красотѣ и вся основа его счастья. Обладая баснословнымъ невѣжествомъ, онъ, несмотря на это, занимаетъ постъ министра торговли и земледѣлія. Кромѣ того, Абдулъ-Гамидъ назначилъ его главнымъ начальникомъ артиллеріи, и теперь онъ уже мѣтитъ въ великіе визири. Роль его совсѣмъ опредѣлилась. Несмотря на свое невѣжество, онъ обладаетъ нѣкоторою остротою ума и занятъ всевозможными интригами, составляющими въ Константинополѣ основу соціальной и политической жизни. Такимъ образомъ, Махмудъ пользовался всякимъ благопріятнымъ случаемъ для того, чтобы разжигать въ султанѣ ненависть къ Митхаду. Онъ съ удивительнымъ искусствомъ употреблялъ для этого окружающихъ людей, флигель-адъютантовъ и камергеровъ—лицъ преданныхъ ему. Особенно способствовалъ успѣху его дѣла самый характеръ бывшаго великаго визиря. Митхадъ-паша твердо вѣритъ въ свой геній; отсюда въ немъ недостатки, также облегчавшіе интригу Махмуда-Дамата-паши. Недавнія назначенія христьянъ на высокія должности въ провинціяхъ переполнили чашу. Старо-турецкая партія: Намикъ-паша, Суби-паша и другіе представили султану, что Митхадъ-паша превзошелъ всякую мѣру. Это, собственно, и рѣшило его участь. Рѣшеніе, впрочемъ, сохранилось въ такомъ секретѣ, что другіе министры и не подозрѣвали о немъ; между тѣмъ Митхадъ, какъ бы предчувствовалъ угрожавшую ему опасность. Въ послѣднюю субботу онъ, подъ предлогомъ болѣзни, не явился во дворецъ. Султанъ тотчасъ же отправилъ къ нему своихъ адъютантовъ и врачей, чтобъ справиться о состояніи его здоровья. Нѣсколько ободренный этимъ заявленіемъ симпатіи, великій визирь, дня черезъ два, отправился во дворецъ. Во время объясненіи съ султаномъ, онъ предложилъ ему свою отставку. Она не была принята. На слѣдующее утро онъ былъ приглашенъ во дворецъ къ девяти часамъ. Султанъ не выходилъ еще изъ гарема. Когда Митхадъ вышелъ въ селамликъ, камергеръ потребовалъ отъ него государственную печать и приказалъ ему слѣдовать за собой. Тутъ присутствовало нѣсколько офицеровъ, которые были готовы принудить Митхада къ повиновенію. Однако, Мидхадъ не сопротивлялся и послѣдовалъ за камергеромъ до дворцовой набережной. Тамъ онъ сѣлъ въ каикъ и отправился на пароходъ, стоявшій подъ парами. Въ Константинополѣ, до сихъ, поръ неизвѣстна настоящая причина изгнанія. Въ городѣ ходятъ слухи о какомъ-то заговорѣ, имѣющемъ цѣлью низверженіе Абдулъ-Гамида и замѣну его бывшимъ султаномъ Мурадомъ, или третьимъ сыномъ Абдулъ-Меджидомъ, принцемъ Решидомъ-эфенди. Говорятъ также о томъ, что Мидхадъ хотѣлъ сдѣлаться диктаторомъ. Утверждаютъ даже, что существуютъ какія-то письменные документы, подтверждающіе эти тайныя намѣренія.

Намъ кажется, однако, что совершенно лишне объяснять паденіе Мидхада такими сложными и, во всякомъ случаѣ, ненужными причинами. Диктаторъ Митхадъ — миѳъ, не выдерживающій ни малѣйшей критики для того, кому знакомъ строй государственнаго организма въ Турціи и характеръ того государственнаго человѣка, о которомъ князь Бисмаркъ еще недавно выразился, какъ о человѣкѣ, обладающемъ необычайными способностями и даже геніемъ. Турціи, за послѣдніе годы, пришлось испытать много тяжелыхъ ударовъ, но паденіе Митхада, быть можетъ, окажется для нея самой жестокой потерей. Вмѣстѣ съ Митхадомъ. султанъ лишился весьма важной поддержки, какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніяхъ. Правда, Митхада упрекали за его несговорчивость относительно послѣднихъ требованій державъ на конференціи, но еще далеко неизвѣстно, на кого должна пасть отвѣтственность за несговорчивое упорство и есть основаніе предполагать, что въ немъ гораздо болѣе виновны другіе министры, чѣмъ опальный великій визирь. Истинная причина изгнанія Митхада, по прежнему, остается загадкой. Люди, находившіеся въ близкихъ сношеніяхъ съ турецкимъ премьеромъ, утверждаютъ, что за нѣсколько дней до своего удаленія, онъ еще высказывалъ полную увѣренность и надежду на успѣшное окончаніе своего дѣла и, повидимому, пользовался неограниченнымъ довѣріемъ своего государя. Такъ, напримѣръ, не болѣе какъ за 10 дней до своей опалы, Митхадъ получилъ отъ султана дорогой подарокъ — футляръ для храненія государственной печати, осыпанный брильянтами. Извѣстно же, что опальный визирь имѣлъ ожесточенныхъ противниковъ въ лицѣ зятя Абдулъ-Гамида (Махмуда-паши), и Редифа паши, военнаго министра. Родственныя отношенія Махмуда къ султану дали ему возможность заручиться довѣріемъ близкихъ къ султану лицъ. Второй-же, Редифъ-паша, выскочка безъ всякихъ серьезныхъ заслугъ и знаній, въ особенности-же несостоятельный по отношеніи къ посту имъ занимаемому. Такимъ людямъ, какъ легко можно себѣ представить, весьма неудобно было терпѣть Митхада во главѣ правительства. Его просвѣщенные взгляды, съ одной стороны, и стремленіе привлечь даровитыхъ и ителлигентныхъ людей къ высшимъ государственнымъ должностямъ съ другой, — все это пришлось сильно не по вкусу врагамъ бывшаго визиря. Но болѣе всего возмутились эти люди фактомъ конституціи и ея послѣдствіями — допущеніемъ христіанскаго элемента въ управленіе страной. Впрочемъ, люди, близко знакомые съ турецкими дѣлами увѣряютъ, что отставка Митхада есть, въ то же время, и отставка турецкой конституціи, хотя оффиціально этого и не заявляется, а говорится только о нѣкоторыхъ необходимыхъ измѣненіяхъ.

Корреспондентъ газеты «Daily Telegraph» описываетъ въ слѣдующемъ видѣ сверженіе Митхада и перемѣну министерства: Сегодня, утромъ, (5-го февраля) распространилось извѣстіе, что отправленъ гонецъ къ Митхаду-пашѣ съ приказаніемъ явиться къ султану. Слѣдующимъ фактомъ, сопровождавшимъ министерскій переворотъ и говорившемъ о чемъ-то необыденномъ, былъ звукъ трубъ, раздавшійся со стороны плашкоутнаго моста, переброшеннаго черезъ Золотой Рогъ, по которому переправлялась колонна войска, шедшая для занятія улицъ, примыкающихъ къ министерскому зданію. Войска, вступивъ во дворъ зданія, оцѣпили его, и часть войска размѣщена была даже внутри дома, вдоль лѣстницы, ведущей въ аппартаменты великаго визиря. Вскорѣ громадная уличная толпа, частью изъ горожанъ и турецкихъ офицеровъ, частью изъ европейцевъ и прочихъ любопытныхъ, тѣснилась около войска, привлеченная вѣстью, разлетѣвшеюся съ быстротою молніи о назначеніи новаго визиря. Въ то же время зало присутствія наполнилось пашами, беями и эфенди, между которыми шли оживленные толки и споры о причинѣ внезапнаго и необычайнаго происшествія. Публику внѣ зданія, возбужденную не менѣе самихъ пашей, удерживали въ границахъ порядка штыки солдатъ. Часть зрителей, расположенная въ большомъ скверѣ, первая затянула турецкій національный гимнъ, при первыхъ нотахъ котораго раздались одобрительные клики толпы. Тогда весь оффиціальный персоналъ, находившійся въ домѣ, хлынулъ къ окнамъ, любопытствуя узнать поскорѣе, кто былъ приближающійся счастливецъ, удостоенный званіемъ перваго министра. Улемы, генералы, дипломаты, наравнѣ съ толпой проталкивались и спѣшили протискаться впередъ, чтобы взглянуть собственными глазами на лицо того, кто былъ призванъ на смѣну смѣлому новатору. Въ это мгновеніе, посреди свободной дороги, очищенной войсками и полиціей отъ толпы, показался Эдхемъ-паша и рекомендовался громогласно великимъ визиремъ. За нимъ непосредственно шелъ шейхъ-уль-исламъ, въ золотой чалмѣ. Эдхемъ-паша былъ въ полной парадной формѣ, и во всѣмъ регаліяхъ и знакахъ отличія. Тотчасъ по вступленіи его въ зданіе минисерства, ему былъ врученъ императорскій гаттъ, утверждавшій его въ назначеніи. Онъ двоекратно поцѣловалъ пергаментъ и стоя, выслушалъ текстъ султанскаго декрета. По окончаніи чтенія, шейхъ-уль-исламъ проговорилъ молитву, реплика по которой дѣлалась многочисленнымъ хоромъ окружающихъ, послѣ чего сановники, стоявшіе впереди, начали приносить свои поздравленія новому великому визирю. Тотчасъ, вслѣдъ за этой церемоніей былъ созванъ государственный совѣтъ, главная обязанность котораго состоитъ, повидимому, въ чинномъ сидѣніи вокругъ стола и въ неподвижномъ куреніи изъ длинныхъ чубуковъ, съ видомъ умиленнаго и созерцательнаго глубокомыслія.

Едва ли, однакоже, глубокомысліе турецкихъ государственныхъ людей замѣнитъ умъ и способности Мидхада-паши. Изъ всѣхъ слуховъ, относящихся до причинъ паденія Митхада-паши, едва ли не самый достойный довѣрія есть слухъ, передаваемый газетою «Fremdenblatt». Митхадъ-паша старался заставить Савфета-пашу выразиться болѣе энергическимъ образомъ въ извѣстной, недавно отправленной, циркулярной нотѣ турецкаго правительства. На это, Савфетъ-паша возражалъ, что теперь не время вооружать противъ себя еще болѣе европейскія державы. Митхадъ настаивалъ. Тогда Совфетъ предоставилъ эти вопросы на рѣшеніе султану. Абдулъ-Гамидъ сталъ поддерживать мнѣніе министра иностранныхъ дѣлъ, вслѣдствіе чего, великій визирь позволилъ себѣ въ высшей степени оскорбительную выходку и затѣмъ сталъ указывать на неопытность султана въ дѣлахъ управленія страной. Султанъ велѣлъ великому визирю немедленно удалиться, оставивъ при себѣ министра иностранныхъ дѣлъ. Затѣмъ, Митхадъ не показывался болѣе, и оставался въ своемъ частномъ помѣщеніи, гдѣ его посѣщали многіе важные сановники и улемы; передъ ними то онъ выражался о султанѣ въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ, которыя, если и не могли считаться государственнымъ преступленіемъ, то, во всякомъ случаѣ, свидѣтельствовали о недостаткѣ уваженія къ монарху. Все это вскорѣ дошло до ушей султана, и затѣмъ послѣдовала отставка великаго визиря «впредь до тѣхъ поръ, пока падишахъ возвратитъ ему свою милость».

Какъ бы то ни было, но этотъ переворотъ не могъ не отразиться на всемъ ходѣ европейской политики, сосредоточенной въ настоящее время на восточномъ вопросѣ. О новомъ великомъ визирѣ, Эдхемѣ-пашѣ, говорятъ много хорошаго. Говорятъ, онъ человѣкъ прекрасно образованный, способный дипломатъ, бывшій долгое время посланникомъ въ Берлинѣ. Онъ, какъ и Митхадъ-паша, принадлежитъ къ партіи молодой Турціи, но гораздо умѣреннѣе бывшаго великаго визиря и гораздо сговорчивѣе его. Относительно того, послѣдуетъ ли какая либо перемѣна во внѣшней политикѣ Турціи съ перемѣной великаго визиря,—можно утвердительно сказать, на основаніи положительныхъ данныхъ, что такой перемѣны, по крайней мѣрѣ, въ настоящую минуту, не послѣдуетъ. Само собой разумѣется, что Эдхемъ-паша, какъ и его предшественники, будетъ играть на той же самой нотѣ, такъ успѣшно сыгранной Митхадомъ-пашой на Стамбульской конференціи: Турція, молъ, нисколько не прочь удовлетворить всѣмъ справедливымъ требованіямъ державъ-поручительницъ, она дастъ самыя широкія реформы возставшимъ провинціямъ Балканскаго полуострова, но не согласна только съ тѣми предложеніями конференціи, которыя непосредственно затрогиваютъ честь и независимость Порты. Порта сдѣлаетъ даже больше: она распространитъ эти реформы и на всю турецкую имперію. Другими словами, Порта, провозглашеніемъ конституціи, обѣщаетъ бо̀льше даже, чѣмъ требуетъ Европа, но отказывается дать какія бы то ни было серьезныя гарантіи въ томъ, что ея обѣщанія будутъ выполнены.

Въ виду этого обстоятельства, является вопросъ на сколько обѣщанія Порты достойны довѣрія? Какъ извѣстно, Европа, и въ особенности Россія, нисколько не питаютъ такого довѣрія къ обѣщаніямъ Порты, потому что Порта и прежде давала всяческія реформы на бумагѣ, но нисколько не примѣняла ихъ на дѣлѣ. Лично Митхаду-пашѣ можно было довѣрять: этотъ государственный человѣкъ всею своею жизнію доказалъ, что онъ искренно стремится къ водворенію конституціоннаго порядка вещей въ Турціи. Но самый фактъ паденія Митхада, доказываетъ лучше всякихъ соображеній, что довѣрять Портѣ невозможно, не потому, что государственные люди Турціи не желаютъ искренно выполнить обѣщаній данныхъ Европѣ, но потому, что выполненіе это почти невозможно. Ссылка Митхада — лучшее доказательство, что конституція — одно только слово, и что конституціонный порядокъ вещей — понимается какимъ-то особеннымъ оригинальнымъ образомъ султаномъ. Одна статья этой конституціи прямо гласитъ, что правительство не имѣетъ права изгонять никого безъ суда, а между тѣмъ, съ бывшимъ великимъ визиремъ поступлено было такъ, какъ во времена о̀ны поступалъ султанъ со своими великими визирями, попавшими въ немилость. Здѣсь не можетъ быть рѣчи ни о конституціонномъ порядкѣ вещей, ни о справедливости; это просто тотъ же восточный произволъ, съ которымъ мы такъ хорошо знакомы изъ прошлой исторіи Турціи.

Въ виду такого вывода, очевидно, что восточный вопросъ по прежнему открытъ и рѣшеніе его не такъ близко, какъ оно казалось недѣли двѣ тому назадъ. Циркуляръ князя Горчакова, недавно разосланный нашимъ представилямъ заграницей, открываетъ этотъ новый фазисъ восточнаго вопроса. Изъ него мы видимъ, что русское правительство нисколько не измѣнило своей прежней, основной точки зрѣнія, не отступило ни отъ своихъ намѣреній, ни отъ своихъ коренныхъ требованій, не смотря на неудачу конференціи, и въ виду этой неудачи, оно высказываетъ свой взглядъ на дальнѣйшій ходъ вещей. Наше правительство желаетъ, по прежнему, дѣйствовать по соглашенію съ державами-поручительницами, но будетъ дѣйствовать самостоятельно и отдѣльно, если державы, почему-либо, не примутъ болѣе дѣйствительныхъ мѣръ, для принужденіи Турціи дать требуемыя гарантіи.

Съ этой точки зрѣнія принимаютъ особенный интересъ пренія только что открывшагося англійскаго парламента. Въ настоящую минуту, когда восточный вопросъ еще открытъ, когда закулисная его сторона еще не вполнѣ выяснилась, когда мы не знаемъ еще не только дѣйствительнаго значенія событій, происходящихъ въ настоящую минуту въ Константинополѣ, но даже не знаемъ тайныхъ пружинъ, двигающихъ политикой того или другаго государства, — пренія въ англійскомъ парламентѣ составляютъ чрезвычайно важный, историческій документъ; тѣмъ болѣе важный, что онъ вполнѣ оффиціальный. Правда, никакихъ особенныхъ разобличеній пренія англійскаго парламента намъ пока не доставили, но они уже выяснили не только прошлую, но,—что важнѣе,—настоящую политику англійскаго министерства.

Съ перваго же засѣданія, какъ палата общины, такъ и палата лордовъ потребовали отъ кабинета объясненій, относительно событій, обращающихъ на себя вниманіе всего міра. Палаты не ждали даже раздачи дипломатическихъ документовъ, относящихся къ этому вопросу, и могущихъ,—по остроумному выраженію лорда Дерби, — просвѣтить само правительство въ главныхъ пунктахъ преній. Мы не остановимся на преніяхъ въ палатѣ общинъ; не остановимся на рѣчахъ лорда Гренвили, Стафорда Норткота, Гладстона; не остановимся даже на рѣчи лорда Биконсфильда; все это имѣетъ только второстепенное значеніе. Въ занимающемъ насъ вопросѣ важны въ особенности заявленія лорда Салисбери и рѣчи лорда Дерби.

Изъ заявленій лорда Салисбери слѣдуетъ ясно, что онъ никогда не расходился во взглядахъ съ остальными членами англійскаго кабинета, относительно задачъ конференціи. Конечно, со стороны могло казаться, что положеніе, принятое лордомъ Салисбери въ Константинополѣ далеко не отвѣчало дѣйствительнымъ видамъ англійскаго правительства, но самъ лордъ Салисбери опровергнулъ это мнѣніе, объясняясь вполнѣ откровенно, относительно плановъ вмѣшательства въ турецкія дѣла. На его долю выпалъ трудъ изложить опасность подобныхъ проектовъ, и онъ сдѣлалъ это такъ категорически, что, вѣроятно, тѣ, кто читаютъ протоколы конференціи, не мало будутъ удивлены. Онъ — противъ всякаго вмѣшательства въ турецкія дѣла, и полагаетъ, что все дѣло Европы заключается въ дипломатическомъ давленіи на Порту.

Но особенно замѣчательна рѣчь лорда Дерби. Изъ объясненій его слѣдуетъ, что Англія, принимая ноту графа Андраши, отрицая берлинскій меморандумъ и предлагая конференцію—имѣла въ виду только европейскій миръ и принципы международнаго права, на которыхъ покоится этотъ миръ. Поэтому-то она и не хотѣла присоединиться ко всему тому, что могло вызвать европейскую войну. Та же точка зрѣнія заставила Англію не признать берлинскій меморандумъ, а на конференціи Англія старалась измѣнить первоначальную программу Россіи. «Нѣтъ хуже правительства,—сказалъ лордъ Дерби,—какъ то, которое заключается въ коммисіи, составленной изъ иностранцевъ». Благодаря конференціи, первоначальныя предложенія Россіи были до такой степени измѣнены, что ихъ трудно было узнать. Тѣмъ не менѣе, Турція имѣла безтактность не согласиться съ нѣкоторыми изъ этихъ предложеній. «Теперь вопросъ заключается въ томъ, чтобъ знать, можетъ ли служить дѣйствительной причиной войны разница между тѣмъ, что можетъ быть получено отъ Порты мирными переговорами и тѣмъ, что Европа такъ напрасно отъ нея требовала». «Я не имѣю претензіи,— прибавилъ лордъ Дерби,—предвидѣть окончательную развязку, но думаю, что въ Константинополѣ отлично понимаютъ опасность положенія и будутъ дѣйствовать такъ, чтобы устранить ее». Что же касается Англіи, то, по словамъ лорда Дерби, ея положеніе вполнѣ опредѣленно. Она ни въ какомъ случаѣ не желаетъ войны; она не желаетъ дѣйствовать противъ Турціи, но также не сдѣлаетъ ничего противъ войны, если другое государство начнетъ ее. Она останется нейтральною до тѣхъ поръ, пока ея личные интересы не будутъ въ опасности. Англія сохранила полную свободу дѣйствій. Она будетъ дѣйствовать, или же останется нейтральной, смотря по ходу событій. «Я не сказалъ ни одного слова,—прибавилъ въ заключеніе лордъ Дерби,—изъ котораго бы можно было заключить, что въ извѣстныхъ обстоятельствахъ и, въ особенности, если Константинополю будутъ угрожать,—мы должны оставаться нейтральными.

Пока такимъ образомъ, мало по малу выясняется политика Англіи, восточный вопросъ идетъ своимъ путемъ. Переговоры о мирѣ между Турціей, Черногоріей и Сербіей не только не были прерваны, какъ объ этомъ сообщали газеты, а напротивъ, приходятъ почти къ концу. Эдхемъ-паша сдѣлалъ значительныя уступки: Порта отказалась отъ нелѣпаго требованія какихъ-то гарантій со стороны Сербіи,—всѣ предварительныя условія мира уже приняты и на дняхъ отправился уполномоченный Сербіи, Христичъ, въ Константинополь, гдѣ миръ долженъ быть заключенъ. Съ Черногоріей переговоры идутъ также успѣшно, съ тою только разницей, что Черногорія не желаетъ выслать своего уполномоченнаго въ Константинополь, а предпочитаетъ, чтобы миръ былъ заключенъ въ какомъ нибудь нейтральномъ мѣстѣ, напр. въ Рагузѣ.

Донъ-Карлосъ въ Петербургѣ.

Извѣстно, что въ настоящее время находится въ Петербургѣ Донъ-Карлосъ. Претендентъ на испанскій престолъ пріѣхалъ къ намъ съ юга. Онъ былъ въ Кишеневѣ, гдѣ представлялся В. К. Николаю Николаевичу, затѣмъ отправился въ Москву. Въ Москвѣ, Донъ-Карлосъ возбуждалъ всеобщее любопытство, какъ передаютъ московскія газеты. Остановился онъ въ Славянскомъ базарѣ и прежде всего посѣтилъ оперу въ день представленія «Тангейзера». Онъ — красивый брюнетъ, съ весьма развитымъ лбомъ, съ маленькой бородкой и закрученными усами. Одѣтъ онъ въ статскомъ. Съ нимъ въ ложѣ сидѣлъ московскій оберъ-полиціймейстеръ Араповъ. Извѣстно, что до сихъ поръ претендентъ на испанскій престолъ (а прежде отецъ его) получалъ пенсію, назначенную покойнымъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ. Пенсія эта теперь прекращена; вотъ въ чемъ проницательные люди видятъ объясненіе пріѣзда Донъ-Карлоса къ намъ въ Россію. Въ настоящую минуту Донъ-Карлосъ находится въ Петербургѣ.

Одно лицо, имѣвшее случай быть принятымъ принцемъ, прислало «Русскому Міру» описаніе этого свиданія. Герцогу Мадридскому и двумъ лицамъ, составляющимъ всю его свиту, отведено, какъ извѣстно, помѣщеніе въ отелѣ Демутъ. Въ стѣнахъ этого отеля, едва ли не самаго старѣйшаго въ Петербургѣ, перебывали многіе знаменитые люди Европы. Здѣсь останавливались княгиня Дадьянъ, многочисленное англійское посольство, посѣтившее Петербургъ въ 1856 году, по случаю коронаціи; бывшій президентъ французской республики г. Тьеръ и многіе другіе замѣчательные путешественники. Передаемъ письмо, напечатанное въ «Русскомъ Мірѣ».

«За 15 минутъ до назначеннаго часа, я уже былъ въ читальномъ кабинетѣ отеля Демутъ. Пройдя небольшую освѣщенную переднюю, я очутился въ изящной гостиной. Я окинулъ взглядомъ комнату, три окна которой выходятъ на Большую Конюшенную, а три окна — въ садъ, занимающій внутренній дворъ отеля. Убранство гостиной отличается простотой и вкусомъ. Вдоль стѣны стоитъ рояль. Когда я вошелъ, лампа горѣла на столѣ передъ диваномъ; открытый рояль съ разбросанными на немъ нотами, наглядно свидѣтельствовалъ, что хозяинъ — любитель музыки. Мнѣ пришлось ожидать не болѣе одной минуты. Ко мнѣ доносились голоса изъ сосѣдней комнаты, очевидно, служившей кабинетомъ, и, вслѣдъ за камердинеромъ, переставившемъ лампу на большой круглый столъ, быстрыми шагами шелъ мнѣ на встрѣчу мужчина высокаго роста, необыкновенно стройный, брюнетъ, съ лицомъ, окаймленнымъ небольшою, темною бородою, небольшими усами, и съ густыми, тщательно расчесанными, съ проборомъ по срединѣ, волосами. Привѣтливая улыбка и величавая, смѣлая осанка въ соединеніи съ необывновенно мягкимъ выраженіемъ лица, съ перваго-же момента производятъ въ высшей степени пріятное впечатлѣніе. Вы догадываетесь, что я стоялъ лицомъ къ лицу съ Донъ-Карлосомъ, представителемъ одной изъ старѣйшихъ династій въ Европѣ.

Герцогъ мадридскій, самымъ добродушнымъ образомъ, протянулъ мнѣ руку и, предложивъ занять стулъ, произнесъ:

— Очень радъ съ вами познакомиться, — отношусь съ большимъ уваженіемъ къ представителямъ печати. Я весьма благодаренъ печати. Мнѣ приходилось бороться съ трудными обстоятельствами, я терпѣлъ недостатокъ; но, благодаря волонтерамъ, благодаря сочувствію народа, я могъ поддерживать борьбу. Это большое несчастіе, когда приходилось имѣть дѣло съ народомъ, у котораго не лежитъ сердце къ дѣлу. Генералу Черняеву, кажется, въ этомъ отношеніи не посчастливилось. Подъ его командою были войска, не хотѣвшія сражаться.

— Это отчасти вѣрно, замѣтилъ я: сербы вообще народъ не воинственный и если у генерала Черняева хватило энергіи держаться такъ долго и бороться съ массой препятствій, то это объясняется лишь тѣмъ, что онъ былъ проникнутъ святостью принятой на себя задачи.

— Да, я слышалъ, продолжалъ Донъ-Карлосъ, что Черняевъ встрѣчалъ также оппозицію и въ членахъ сербскаго правительства.

Поинтересовавшись, гдѣ находится въ настоящую минуту бывшій сербскій главнокомандующій, герцогъ мадридскій, на сдѣланную мною попытку перенести разговоръ къ его теперешней бытности въ Россіи, продолжалъ:

— Я совершилъ весьма интересное путешествіе: побывалъ въ Константинополѣ, Аѳинахъ. Въ Кишиневѣ, главнокомандующій дѣйствующей арміи принялъ меня съ радушіемъ и любезностью, далъ возможность убѣдиться мнѣ лично, въ прекрасномъ, безукоризненномъ состояніи русскихъ войскъ. Я счастливъ, что совершилъ эту поѣздку. На мою долю достается самый радушный пріемъ. Пребываніе мое въ Петербургѣ продлится не долго. Полагаю выѣхать на будущей недѣли, въ понедѣльникъ, или во вторникъ прямо въ Парижъ, гдѣ я останусь болѣе продолжительное время.

Бесѣда происходила на французскомъ языкѣ, которымъ Донъ-Карлосъ владѣетъ въ совершенствѣ. Во время разговора благопріятное впечатлѣніе, производимое высокимъ путешественникомъ, усиливается. Какъ мнѣ удалось слышать, всѣ, имѣвшіе случай видѣть герцога мадридскаго, въ восхищеніи отъ него. Въ теченіе нѣсколькихъ дней его пребыванія въ Невской столицѣ, ему отдали визитъ всѣ министры и многіе генераль-адъютанты. Между прочими, его посѣтили: нашъ канцлеръ, князь Горчаковъ, генералъ-адъютантъ Тотлебенъ и другіе высшіе сановники».

Англія. Общественная жизнь Лондона продолжаетъ отличаться отсутствіемъ всякаго оживленія. Лондонская публика всецѣло поглощена политическими интересами и гораздо болѣе заботится о томъ, что́ происходитъ въ Константинополѣ, чѣмъ о томъ, что́ творится у нея подъ носомъ. Лондонская журналистика, какъ нельзя лучше понимаетъ это и тоже почти исключительно посвящаетъ свои столбцы иностранной политикѣ. Впрочемъ, въ этой журналистикѣ есть одна довольно интересная новость. Наиболѣе вліятельная изъ англійскихъ газетъ — «Times» объявила, что съ новаго года она будетъ выпускать по пятницамъ особое еженедѣльное изданіе, въ которомъ будутъ перепечатываться всѣ важнѣйшія извѣстія и статьи, появившіяся за предъидущіе семь дней въ ея ежедневномъ изданіи. Этотъ сборникъ будетъ издаваться въ форматѣ книги и, въ концѣ года, составитъ толстый волюмъ, заключающій въ себѣ громадное множество важныхъ и любопытныхъ матерьяловъ.

Между Болгарами.

Путешествіе Вильгельма Лежана.

(*Продолженіе*).

Развалины садовецкаго монастыря очень живописны. Недалеко отъ нихъ, на выступающей скалѣ противуположнаго берега рѣки (Видъ), я замѣтилъ нѣчто въ родѣ стѣнъ. И не ошибся — это другое castellum romanum странной архитектуры. Представьте себѣ скалу, отставшую отъ склона горы и сильно выдавшуюся въ поле; на ея крутыхъ бокахъ возносятся очень древнія постройки. Вообразимъ себѣ форму очень неправильной пирамиды, стоящей на краю обрыва, что́, по истинѣ, составляетъ невиданную игру природы; если же она была бы дѣломъ рукъ человѣка, то представляла бы собою гигантскую работу, потому что скала наклоняется 30—40 фут. надъ рѣкою. Во всякомъ случаѣ, легко догадаться, что это одинъ изъ 400—500 замковъ, построенныхъ, или возобновленныхъ Юстиніаномъ, для отпора варваровъ, господствовавшихъ уже надъ большею изъ европейскихъ рѣкъ.

Юстиніанъ былъ знаменитѣйшимъ инженеромъ и архитекторомъ изъ всѣхъ намъ извѣстныхъ монарховъ. Въ его время римско-византійская цивилизація была уже угнетаема молодымъ варварскимъ народомъ. Этотъ государь хотѣлъ дать ей возможность опять свободно вздохнуть, строя на границахъ безчисленныя укрѣпленія. Слабое средство!.. Къ чему могли послужить крѣпости, когда ослабѣли души?!.. При Стилихонѣ и Аэціѣ не нужно было столько стѣнъ. Все это нисколько не уменьшаетъ заслугъ Юстиніана и техниковъ, которые исполняли его планы. Нѣсколько мѣсяцевъ я провелъ между развалинами ихъ давнихъ дѣлъ и твореній рукъ ихъ; ознакомился съ системами ихъ защиты на столько, что стоило взглянуть на нѣкоторые пункты, рвы и овраги, и я былъ увѣренъ, что римляне не могли пренебрегать ими, и, приблизившись, убѣждался въ основательности своего мнѣнія. Не трудно было бы сдѣлать полный списокъ всѣхъ castella Iustiniana, а такой списокъ, съ приложенной еще картой, бросилъ бы новый свѣтъ на военную архитектуру Восточной Римской имперіи. Уже изъ того, что я видѣлъ, я убѣдился въ большой дѣятельности Юстиніана; съ другой же стороны пріобрѣлъ понятіе объ исторической важности Прокопа. Нѣтъ сомнѣнія, что De aedificiis, сочиненіе, гдѣ этотъ историкъ приводитъ большой списокъ castellorum, представляетъ государственный документъ, съ точностью скопированный изъ государственныхъ архивовъ. Вслѣдствіе этого, о немъ говорить нечего, а остается только сказать нѣсколько словъ объ авторѣ «Таинственной Исторіи».

Прокопій старается доказать, что господинъ его былъ — Неронъ, чему очень трудно вѣрить; что въ супружеской жизни онъ былъ обманутъ,— что, впрочемъ, случается съ знаменитѣйшими людьми, и, наконецъ, что онъ былъ фиктивнымъ монархомъ, — шутка ужь очень грубая.

Если бы этотъ скучный и безнравственный памфлетъ, достойный помѣщенія рядомъ съ нѣкоторыми книгами, публично продаваемыми въ Германіи на платформахъ желѣзныхъ дорогъ, былъ плодомъ какого нибудь приведеннаго въ отчаяніе патріота, вытерпѣвшаго 20-ти-лѣтнее заключеніе, можно было бы еще оправдать его; но такіе люди вообще не любятъ врать. А это поздняя месть придворнаго, осыпаннаго милостями, и считавшаго, всетаки, себя мало вознагражденнымъ.

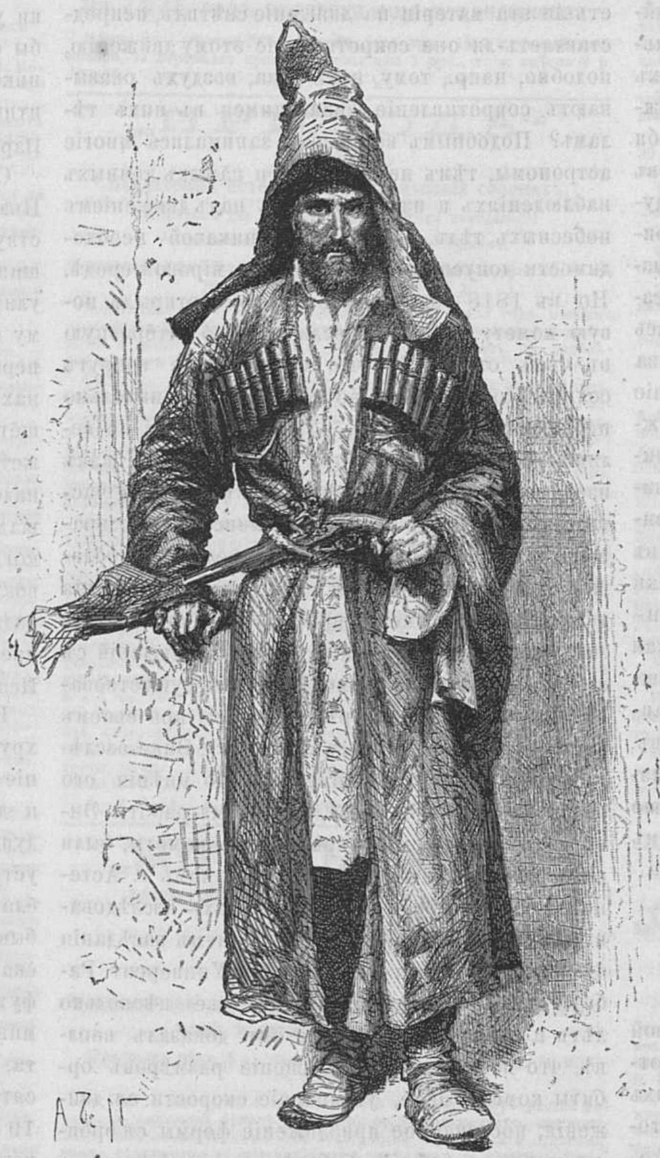
Берега Панеги. Языческая жертва. — Мусульманскій спиритуализмъ. — Орханіе. — Разбойникъ Илія. — Эмиграція черкесовъ. — Протестъ ногайцевъ.

Не требуйте отъ меня, читатель, перечисленія всѣхъ названій совершенно незнакомыхъ мѣстъ, гдѣ я останавливался на балканскомъ предгоріи во время пятидневнаго путешествія и путешествія очень пріятнаго. Это была безпрерывная панорама живописнѣйшихъ мѣстъ, но описаніе которыхъ показалось бы монотоннымъ. Я былъ уже среди горъ, хотя еще въ 20-ти километрахъ отъ центральнаго хребта, который я намѣренъ былъ перейти у Орханія. Все утро 30-го числа я шелъ пѣшкомъ вдоль прекрасной, богатой водою и капризной рѣки Панеги, которая, по временамъ, мелѣетъ, и не на шутку пугаетъ турецкихъ мельниковъ; эти прозорливые люди, послѣ долгихъ нареканій и жалобъ, рѣшили между собою устроить процессію и отправились къ источнику рѣки, гдѣ, убивши нѣсколько барановъ, принесли *курбанъ* (жертву) въ честь духа рѣки, которая, дѣйствительно, нѣсколько часовъ спустя, стала полноводна по прежнему.

Я хотѣлъ бы знать, что сказали бы объ этомъ *курбанѣ* тѣ, которые того мнѣнія, что исламъ выше христіанства, что онъ болѣе спиритуаленъ, и свободенъ отъ языческихъ суевѣрій?... Нѣтъ сомнѣнія, что коранъ, по своему содержанію, въ буквальномъ смыслѣ, имѣетъ спиритическій характеръ; но онъ подлежитъ такимъ же вліяніямъ, какъ и всѣ другія религіи человѣка и Богъ, безпредѣльность — это для умовъ самыя грозныя отвлеченности; что же удивительнаго, что міръ выдумываетъ для себя еще божковъ? Что касается до меня, то я сознаюсь, что не вижу ничего худаго въ этихъ чистосердечныхъ и наивныхъ почестяхъ, которыя, какъ бы то ни было, посредственно или непосредственно, возносятся къ Богу. Зло наступаетъ тогда только, когда въ этихъ народныхъ обрядахъ потеряется сознаніе и чувство; когда на мѣстѣ ихъ останутся только механическія формы, могущія служить безразличнымъ обрядамъ во всякомъ языческомъ вѣроисповѣданіи.

Исламъ хорошъ еще у старыхъ турокъ, потому что это народъ, отъ природы честный, упалъ нынѣ очень низко въ нѣкоторыхъ сферахъ: чтутъ тамъ Аллаха только въ теоріи, но на практикѣ Аллахъ стоитъ на второмъ планѣ, а на первомъ — необразованный, самоувѣренный, грязный дервишъ. Сорокъ лѣтъ тому назадъ, жители Каира были увѣрены, что заслужатъ рай, если поцѣлуютъ всякаго проходящаго по улицѣ дервиша. До этого вѣдь не дошло еще ни одно христіанское исповѣданіе, а теорія высокости людей «нечистыхъ» (блаженныхъ, юродивыхъ) надъ «чистыми» имѣетъ очень мало аргументовъ въ свое оправданіе и особенно потому, что и исторически ложна. Съ вершины горы Ветрехъ, къ западу отъ Орханіи, разстилается живописный видъ на равнину, которая, повидимому, составляетъ дно высохшаго озера. Въ Балканахъ такихъ бассейновъ есть около пятидесяти. Узкая полоса холмовъ отдѣляетъ ее отъ другой такой равнины, только менѣе и еще живописнѣйшей, по которой я прошелъ утромъ. Равнина нагая, голая: пять или шесть деревень, деревьевъ почти ни одного, грунтъ хорошій, напротивъ гора, на которой стою, и всѣ другія долины ея окружающія, за исключеніемъ сѣверныхъ, покрыты кустами и густымъ лѣсомъ. Къ западу, подъ самыми моими ногами, лежитъ котловина Ветрехъ, съ болгарской того же названья деревушкой, бѣдной, но богато украшенной зеленью. Здѣсь сходятся четыре продолговатыя долины, каменистыя и заросшія лѣсомъ; къ югу видѣнъ караванъ, тянущійся къ Софіи, лежащей отсюда только на полтора дня дороги.

Орханіе — городъ совершенно новый, съ простыми, прямоугольными улицами. Бѣлыя и желтыя его строенія составляютъ одну скученную массу.



Черкесъ въ Турціи.

Къ статьѣ *«Между Болгарами»*.

Городъ заложенъ, какъ показываетъ само названіе, нынѣшнимъ султаномъ въ честь Органа или Орхана, родоначальника нынѣшней династіи послѣ Османа. Абдулъ Азисъ, любитель старины, какъ и покойный король прусскій, не оставляетъ ни одной возможности почтить память своихъ предковъ. Городъ сильно пострадалъ отъ недавняго нападенія шайки болгарскихъ повстанцевъ, которая увела мудира, (вицебурмистра) и захватила его семь коней. Мудира впослѣдствіи, отпустили, но лошадей оставили у себя. Вотъ о повстанцахъ — я припоминаю, какъ въ Рущукѣ разсказывали нѣкоторые европейцы о нихъ страшныя исторіи и совѣтовали мнѣ въ окрестностяхъ Орханье и Ислади быть осторожнѣе. Но я слишкомъ хорошо зналъ Турцію, чтобы могъ бояться чего нибудь со стороны болгаръ, бѣжавшихъ въ горы; и вышло, что я былъ правъ. Оказалось, что въ этихъ мѣстахъ существовала только одна шайка, особенно шайка Иліи, о которой не знали даже, гдѣ она находилась въ то время... Илія — разбойникъ классическій, какихъ въ Турціи много. Это болгарскій крестьянинъ, неимѣвшій, вначалѣ, никакого желанія быть бандитомъ. У него была красивая сестра, которая понравилась мѣстному мудиру и тотъ пожелалъ ее увести. Но та на него не обращала никакого вниманія. Мудиръ воспользовался отсутствіемъ Ильи и, похитивъ его сестру, спряталъ ее у себя въ гаремѣ. Когда Илья вернулся, то нашелъ въ отчаяніи родственниковъ, которые и разсказали ему о похищеніи сестры. Зло случилось, и Илія, зная, что никакой турецкій судъ не признаетъ его правымъ, онъ прямо пошелъ къ мудиру и хладнокровно его убилъ; затѣмъ, боясь суда, убѣжалъ въ горы, гдѣ собралось около него много другихъ удальцовъ, которые, по такимъ же причинамъ, должны были скрываться. Илія — особый типъ: вѣшаетъ богатыхъ турокъ, а бѣдныхъ болгаръ осыпаетъ ласками.

Турецкое войско боится съ нимъ встрѣчаться, и всякій солдатъ готовъ поклятбся, что пули отскакиваютъ отъ одежды Ильи, какъ мячикъ, и лучшій кинжалъ отъ прикосновенія къ тѣлу, ломается какъ воскъ.

Одинъ изъ кварталовъ Орханіи населенъ одними только черкескими выходцами. Это одно изъ 200—300 селеній, которыя оттоманское правительство разсѣяло по Болгаріи, для пополненія вымирающей турецкой расы. Здѣшній народъ, какъ турки, такъ и болгары, очень недовольны этими пришельцами. Они не умѣютъ и не хотятъ работать; это неисправимые лѣнтяи, а иногда и разбойники; мнѣ привели даже два примѣра людоѣдства, вызваннаго голодомъ. Но народъ увѣренъ, что черкесъ находитъ человѣческое мясо очень вкуснымъ...

Отсюда я понимаю жалобы крестьянъ, кототорыхъ заставляютъ, какъ я уже сказалъ, строить безплатно для черкесовъ дома и уступать имъ землю безъ всякаго вознагражденія. Не входя въ эти объясненія, я констатирую фактъ, который бросился мнѣ въ глаза. — Гордая удаль и печаль, разлитыя на лицахъ этихъ выходцевъ, всегда одѣтыхъ по «кавказски», въ высокой угловатой шапкѣ, длинномъ бешметѣ, съ цѣлымъ вооруженіемъ на груди. Между собою разговариваютъ они по черкески, а къ туркамъ питаютъ отвращеніе. Мужчины росту высокаго, стройны, съ мужественными чертами лица. Женщины красивы, нарядны, но дики и грубы. Дѣти красивы; веселые, живые, они не знаютъ тоски по родинѣ, испытываемой ихъ родителями и быстро развиваются. Одинъ порокъ — слишкомъ любятъ выпрашивать милостыню.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Наши гравюры.

Послѣ погребенія, картина Поля Делароша.

Мы надѣемся доставить особенное удовольствіе нашимъ читателямъ, знакомя ихъ въ снимкахъ съ лучшими произведеніями современной живописи въ Европѣ, произведеніями, которыя, за малыми исключеніями, принадлежатъ частнымъ лицамъ, а поэтому недоступны большинству публики. Знаменитая картина Поля Делароша, снимокъ съ которой мы помѣщаемъ въ настоящемъ нумерѣ, принадлежитъ графу Гунольштейну и составляетъ первую картину цѣлой группы произведеній, писанныхъ на религіозные сюжеты Полемъ Деларошемъ. Слѣдующія за тѣмъ картины, представляющія какъ бы развитіе того же сюжета: «Богородица среди святыхъ женщинъ», «Возвращеніе съ Голгоѳы», и «Богородица въ созерцаніи передъ терновымъ вѣнкомъ», являются лучшими произведеніями нашего времени въ области религіознаго искусства.

Представьте себѣ Богородицу послѣ погребенія Христова; представьте себѣ трагическую сцену не самой смерти, а того душевнаго состоянія, которое всецѣло овладѣло Богородицей съ той минуты, когда тѣло Христово было предано землѣ. Таковъ сюжетъ знаменитой картины Поля Делароша. Задавшись этой идеей, онъ отодвинулъ на второй планъ собственно внѣшнюю сторону событія, и обратилъ все свое вниманіе на страданія Богородицы. Въ этомъ, именно, заключается то новое слово, которое внесъ Поль Деларошъ въ область религіознаго искусства. Внутренняя душевная драма, — вотъ дѣйствительная задача Поля Делароша, освободившагося отъ прежнихъ формъ живописи. Во всѣхъ религіозныхъ картинахъ этого великаго художника, — Богородица сосредоточиваетъ на себя вниманіе зрителя. Всмотритесь хорошенько въ картину «Послѣ погребенія»: внутренняя, душевная боль, трагическое сознаніе смерти Христа подавляютъ Богородицу, которая упала въ изнеможеніи на сидѣніе. Богородица почти безжизненна:—руки опустились, голова свѣсилась на бокъ, вся фигура точно безжизненна, глаза закрылись и все лицо представляетъ выраженіе той страшной внутренней драмы, которую суждено было вынести Богородицѣ, и которая обыкновенно подавляетъ всѣ нравственныя и физическія силы. Вокругъ Богородицы святыя женщины стараются облегчить великія страданія въ то время, какъ, нѣсколько въ дали, ученики Христа, въ нѣмомъ ужасѣ и столь же пораженные страданіемъ, молча стоятъ, плача и ломая себѣ руки. Вотъ и вся картина,— ничего внѣшняго, отзывающаго вниманіе зрителя отъ главнаго сюжета драмы—не существуетъ; напротивъ, всѣ второстепенныя лица, вся обстановка, направлены для того только, чтобы еще больше увеличить впечатлѣніе, возбуждаемое лицомъ Богородицы.

Новости наукъ и жизни.

Новая полярная экспедиція.—

— Въ Англіи идутъ приготовленія къ новой сѣверополярной экспедиціи, причемъ стараются устранить возможность неудачъ, постигшихъ суда «Алертъ» и «Дисковери», плаваніе которыхъ, очевидно, не охладило англичанъ къ этого рода научнымъ экспедиціямъ. Различные яхтклубы въ Великобританіи уже подписались на значительныя суммы въ пользу экспедиціи, которую предполагается отправить будущимъ лѣтомъ. Извѣстный нѣмецкій географъ Петерманъ пріѣзжалъ по этому случаю изъ Готы въ Лондонъ, гдѣ принималъ дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ.

Техника электрическаго освѣщенія недавно обогатилась новымъ изобрѣтеніемъ г. П. Яблочкова, въ которомъ совершенно уничтоженъ механизмъ, служащій обыкновенно для регулированія углеэлектродовъ. Новая лампа состоитъ изъ двухъ угольныхъ грифелей, укрѣпленныхъ параллельно и на весьма незначительномъ разстояніи одинъ отъ другого; между ними кладется какое-нибудь совершенно изолированное отъ нихъ вещество, которое можетъ истрачиваться одновременно съ углемъ. Когда токъ начинаетъ проходить, между обоими свободными концами угольныхъ грифелей образуется вольтова дуга. Близьлежащій слой изолированнаго вещества улетучивается, и такимъ образомъ, мало по малу, обнаруживаетъ двойную угольную палочку,—процессъ, совершенно сходный съ тѣмъ, какой мы замѣчаемъ при горѣніи свѣчи. Для такихъ изолированныхъ веществъ употребляютъ: песокъ, стекло, цементъ, лакъ, и т. п.; лучшими же между ними считается песокъ и толченое стекло. Свѣтъ, образующійся вслѣдствіе раскаливанія этого вещества, совершенно сходенъ съ извѣстнымъ Друммондовымъ свѣтомъ.

По существующей нынѣ теоріи свѣта, по которой распространеніе свѣта объясняется распространеніемъ колебанія въ особой матеріи—эфирѣ, необходимо допустить существованіе этой матеріи во всемъ міровомъ пространствѣ; иначе мы не видали бы звѣздъ на небѣ. Но разъ принято существованіе матеріи въ между-звѣздномъ пространствѣ—представляется вопросъ, не вліяетъ-ли эта матерія на движеніе свѣтилъ, непредставляетъ-ли она сопротивленіе этому движенію, подобно, напр., тому, какъ вода, воздухъ оказываютъ сопротивленіе движущимся въ нихъ тѣламъ? Подобнымъ вопросомъ занимались многіе астрономы, тѣмъ не менѣе, при самыхъ точныхъ наблюденіяхъ и изслѣдованіяхъ надъ движеніемъ небесныхъ тѣлъ, не оказалось никакой необходимости допускать сопротивленіе міровой средѣ. Но въ 1818 году профессоръ *Энке* открылъ новую комету, малую по величинѣ, но интересную въ томъ отношеніи, что ея движеніе вокругъ солнца совершается по эллипсу, сравнительно небольшихъ размѣровъ, и время оборота не велико—всего около 3 лѣтъ. Другія кометы, какъ извѣстно совершаютъ движенія въ большой части случаевъ по громаднымъ эллипсамъ и возвращаются вп солнечную систему черезъ очень большіе промежутки времени. Наблюдая и вычисляя движеніе этой кометы, профес. Энке пришелъ къ заключенію, что для согласованія наблюденій съ вычисленіями необходимо допустить существованіе сопротивленія, встрѣчаемаго ею при своемъ движеніи. Около 50 лѣтъ занимался Энке изслѣдованіями надъ этой кометой — но мнѣнія его оспаривались.—Въ послѣднее время работы Энке надъ движеніемъ открытой имъ кометы, были продолжены Пулковскимъ астрономомъ г. Астеномъ, объ интересныхъ результатахъ изслѣдованій котораго сообщено въ послѣднемъ засѣданіи Физическаго Общества при Спб. Университ. Работы г. Астена продолжаются уже нѣсколько лѣтъ и въ настоящее время онъ доказалъ вполнѣ, что постепенное уменьшеніе размѣровъ орбиты кометы Энке, увеличеніе скорости ея движенія, постепенное приближеніе формы ея орбиты-эллипса все болѣе и болѣе къ формѣ круга— все это вполнѣ объясняется предположеніемъ, что при движеніи своемъ эта комета, сама небольшой массы, встрѣчаетъ сопротивленіе своему движенію, причемъ это сопротивленіе уменьшается по мѣрѣ удаленія ея отъ солнца, для чего необходимо допустить уменьшеніе плотности матеріи съ удаленіемъ отъ солнца.—Такимъ образомъ вопросъ о сопротивленіи при движеніи кометы Энке рѣшается положительно. Весьма интересно, что наблюденія надъ другою кометою—кометою Фая—также небольшого времени обращенія, не показываютъ никакого измѣненія въ движеніи, подобно измѣненіямъ въ движеніи кометы Энке. Г. Астенъ объясняетъ это тѣмъ, что комета Энке ближе подходитъ къ солнцу, а слѣдовательно и сопротивляющаяся среда плотнѣе, комета же Фая удалена отъ солнца.

Электрическое растеніе.

Извѣстный ботаникъ и путешественникъ Леви нашелъ въ Никарагвѣ новый видъ растенія изъ рода фитолаковыхъ, которое онъ назвалъ фитолаковымъ электрическимъ растеніемъ. Леви хотѣлъ сорвать вѣтку этого растенія, но, дотронувшись до него, онъ почувствовалъ ударъ въ рукѣ, какъ отъ прикосновенія къ электрической машинѣ. Удивленный Леви началъ производить опыты съ компасомъ, который онъ помѣстилъ сначала на разстояніи 7—8 шаговъ отъ растенія. Въ магнитной стрѣлкѣ тотчасъ появилось колебаніе, которое увеличивалось по мѣрѣ приближенія компаса къ растенію; когда же Леви повѣсилъ компасъ на самое растеніе, колебаніе стрѣлки стало совершаться съ необыкновенной быстротой. При изслѣдованіи окружающей почвы, въ ней не найдено ни желѣза, ни титанія, ни никеля; колебаніе магнитной стрѣлки, очевидно, обусловливалось дѣйствіемъ самаго растенія. Интенсивность колебаній стрѣлки ночью уменьшалась и достигала своего максимума около 2 ч. пополудни. Въ бурную погоду колебаніе стрѣлки усиливалось. Во время дождя растеніе какъ бы съеживалось. На означенномъ растеніи Леви никогда не замѣчалъ присутствія какой либо птицы или насѣкомаго.

Паровая машина для сметанія снѣга съ рельсовъ.

Одно изъ желѣзнодорожныхъ обществъ въ Нью-Іоркѣ ввело недавно въ употребленіе дѣйствующую съ большимъ успѣхомъ паровую машину для сметанія снѣга съ проложенныхъ по улицамъ города рельсовъ. Эта машина, по своему виду, походитъ на обыкновенную повозку для перевозки тяжестей. На концахъ этой повозки находятся опущенныя на рельсы вращающіяся щётки; человѣкъ, сидящій внутри повозки, можетъ приподнимать или опускать ихъ, смотря по надобности. Повозка приводится въ движеніи лошадьми, а щётки — паромъ. Во время работы, когда машина двигается, снѣгъ подбрасывается на воздухъ щетками въ видѣ красиваго каскада и падаетъ на одну сторону рельсовъ, образуя непрерывную кучу снѣга.

Исполинскіе часы.

Исполинскіе часы, заказанные въ Лондонѣ для хрустальнаго дворца, устанавливаемые въ теченіе шести мѣсяцевъ, теперь совершенно готовы и дѣйствуютъ. Эти часы представляютъ почти дупликатъ Вестминстерскихъ, за исключеніемъ устройства боя и курантовъ; величина циферблата, по своимъ размѣрамъ никогда еще не бывалаго, равняется 40 фут. въ діаметрѣ, иначе сказать, площадь его занимаетъ почти 1300 кв. фут. Діаметръ извѣстныхъ до сихъ поръ Вестминстерскихъ часовъ составляетъ только 23 фута. Стрѣлки съ гирями въ новыхъ часахъ вѣсятъ около 25 пудовъ; длина минутной стрѣлки 19 фут., при каждомъ размахѣ маятника она передвигается на $^{1}/_{2}$ дюйма. Пространство, проходимое минутною стрѣлкою въ теченіе одной недѣли, равняется приблизительно 4 милямъ. Семнадцатидневныя наблюденія показали, что измѣненія въ ходѣ произошли только на восемь секундъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

Статьи. Зданіе французской выставки (съ рис.). — Страшный сватъ.—Стихотвореніе. — Судьба русскихъ писателей. — Современн. русскіе писатели: Я. П. Полонскій (оконч.).—Начало и постепенное развитіе письма (оконч.). — Критика и библіографія. — Со всего свѣта. — Между болгарами (съ рис.).—Наши гравюры. — Новости наукъ и жизни.—Объявленія.

Гравюры. Зданіе французской выставки. — Послѣ погребенія; картина Поля Делароша.—Болгарскій епископъ и черкесъ въ Турціи (къ статьѣ: Между Болгарами.)

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

При слѣдующемъ нумерѣ Живописнаго Обозрѣнія разошлется февральское приложеніе ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО".

Объявленія.

Въ конторѣ редакціи *«Живописнаго Обозрѣнія»*, а также въ книжномъ магазинѣ М. П. Попова, (Невскій пр. въ зданіи Пассажа), и у всѣхъ книгопродавцевъ Спб. и Москвы поступила въ продажу книга:

„ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО“

Томъ I. Изданіе редакціи журнала «Живописнаго Обозрѣнія». Цѣна **3** р. **50** к., съ пересылкою **4** р.

Гг. подписчики «Живописнаго Обозрѣнія» 1877 г. получаютъ эту книгу съ пересылкой за 3 р. 50 к.

Книгопродавцы пользуются обычною уступкой.

О ПОДПИСКѢ НА

РУССКІЙ АРХИВЪ,

въ 1877 году

(Годъ пятнадцатый).

Русскій Архивъ будетъ выходить въ 1877 году на прежнихъ основаніяхъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1877 года, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ **восемь рублей.**

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1877 году доставляютъ или высылаютъ эти восемь рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, въ Москву, на Никитскій бульваръ, въ домѣ Дюгамеля, въ Контору Русскаго Архива.

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается на Большой Морской № 11, въ Главной Конторѣ газеты Русскій Міръ.

Заграничные подписчики платятъ въ Германіи, Бельгіи и Франціи 10 рублей, въ Англіи, въ Швейцаріи и Италіи. 11 рублей.

Въ конторѣ Русскаго Архива, въ Москвѣ, на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ Дюгамеля, можно получать слѣдующія книги Русскаго Архива прежнихъ годовъ.

Главнѣйшія книги здѣсь исчисляются:

1872 годъ. *Книга первая.* (Воспоминанія Ѳ. П. Лубяновскаго. — Записка графа Нессельдорфа о Русской политикѣ послѣ Парижскаго мира.—Мининъ и Пожарскій, статьи И. Е. Забѣлина. Воспоминанія А. Н. Аѳанасьева.—Записки Вебера о Петрѣ Великомъ и пр.). Цѣна 4 рубля.

1872 годъ. *Книга вторая.* (Воспоминанія графини А. Д. Блудовой.—Записки Вебера о Петрѣ Великомъ.—Письма Поздѣева.—Письма графа С. Р. Воронцова къ графу Ѳ. В. Ростопчину.- Выдержки изъ Старой Записной Книжки. — Письма М. А. Волковой къ В. И. Ланской, 1812 года. — Общій указатель Русскаго Архива за первыя десять лѣтъ и пр.). Цѣна 3 рубля

1873 годъ. *Книга первая.* (Біографія князя Г. Г. Орлова.—Письма о Франціи, князя Куракина, 1810 г.—Письма Жуковскаго о воспитаніи Государя Императора Александра Николаевича.—Письмо жениха-Пушкина къ его тещѣ.—Политическія записки Ѳ. И. Тютчева. —Записки графа П. Х. Граббе.—Записки Н. И. Греча. — Записки графа І. И. Ростовцева. Записки И. П. Сахарова.—Записки И. А. Шестакова). Цѣна 4 рубля.

1873 годъ. *Книга вторая.* (Записки Фокерода о Петрѣ Великомъ. —Бумаги П. А. Демидова. - Е. И. Нелидова. Донесенія изъ Франціи графа А. И. Маркова. Записки о 1812 годѣ, П. А. Тучкова. Записки Фотія. Записки А. Я. Стороженки.—Воспоминанія графини А. Д. Блудовой. Россія и Германія, статья Ѳ. И. Тютчева. Замѣчанія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича на сочиненіе г-на Берга о Польскихъ заговорахъ. Выдержки изъ Старой Записной Книжки). Цѣна 4 рубля.

1874 годъ. *Книга первая.* Осьмнадцать писемъ В. А. Жуковскаго къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ (1826—1889) о воспитаніи, отроческихъ лѣтахъ и первой молодости Государя Императора Александра Николаевича.—Пятьдесятъ писемъ А. С. Пушкина къ князю П. Вяземскому (1816 1831) съ новыми стихами А. С. Пушкина. — Записка Мессельера о пребываніи его въ Россіи съ Мая 1757 по Мартъ 1759. Письма лорда Мальмсбюри о Россіи въ царствованіе Екатерины II-й. Записки князя Ѳедора Николаевича Голицына. — Записки Хршонщевскаго (1770—1820). Переводъ съ Польской рукописи.—Записки Ильи Ѳедоровича Тимковскаго. Изъ Записокъ Николая Ивановича Лорера (Декабристы на Кавказѣ). Воспоминанія графини А. Д. Блудовой. 1831 годъ. Польскій мятежъ и первая холера.—Уроки исторіи, статьи Д. И. Иловайскаго (Мнимые охранители). Съ гравированнымъ портретомъ князя В. Ѳ. Одоевскаго.

1874 годъ. *Книга вторая.* Кончина и духовное завѣщаніе графа М. П. Бестужева-Рюмина.—Два письма Д. В. Волкова къ Г. Г. Орлову о Петрѣ Третьемъ. — Секретные рескрипты Екатерины Второй князю Потемкину. — Предположенія князя Потемкина о Польскихъ дѣлахъ съ замѣтками Екатерины Второй.—Планъ князя Потемкина о наборѣ національныхъ войскъ въ Польшѣ съ замѣтками Екатерины Второй.—Канцлеръ князь Безбородко (Опыты разработки матеріаловъ для его біографіи) Н. И. Григоровича.—Черта Русской политики въ послѣдніе дни XVIII вѣка. Письмо императора Павла къ С. А. Колычову и тайный наказъ о переговорахъ съ Бонапартомъ.—Два письма графа Н. И. Панина къ его супругѣ въ Москву о первыхъ недѣляхъ царствованія Александра Павловича. — Два письма изъ Лондона отъ графа С. Р. Воронцова къ графу Н. П. Панину и къ императору Александру.—Изъ Записокъ Н. И. Лорера (Декабристы на Кавказѣ), съ приложеніями стиховъ А. С. Пушкина, князя А. И. Одоевскаго и письма А. Ѳ. фонъ-деръ Бриггена о Минихѣ въ Сибири.—Статья И. В. Кирѣевскаго о Баратынскомъ съ предисловіемъ Н. А. Елагина.—Семь стихотвореній С. А. Соболевскаго —Неизданные стихи Ѳ. И. Тютчева.—Еще стихи Ѳ. И. Тютчева (Какъ ни бѣсилося злорѣчье). — Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ. Статья И. С. Акакова съ гравированнымъ портретомъ Тютчева.

1875 годъ. *Книга первая.* Записки сенатора Е. Ѳ. Фонъ Брадке. Воспоминанія графини Блудовой.—Старая Записная книжка.—Письма императора Александра Павловича къ князю Васильчикову.—Записки и бумаги И. Б. Пестеля. Цѣна 2 рубля.

1875 годъ. *Книга вторая.* Сказаніе о Коліевщинѣ, М А. Максимовича.—Бумаги князя Васильчикова.—Старая записная книжка. — Москва въ 1812 году, сочиненіе А. Н. Попова. Цѣна 3 рубля.

1875 годъ. *Книга третья.* Москва въ 1812 году. Сочиненіе А. Н. Попова.—Записки графа Ростопчина о Мартинистахъ.—Первоначальное образованіе Петра Великаго.—Бумаги Жуковскаго и князя Васильчикова. Цѣна 3 рубля.

Пересылка каждой книги за три фунта, смотря по разстояніямъ; выписывающіе не менѣе двухъ книгъ, за пересылку ничего не прилагаютъ.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1877 ГОДУ ЖУРНАЛА

БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ

годъ третій

ПРОГРАММА

Въ журналѣ помѣщаются исключительно романы, повѣсти и разсказы въ переводѣ съ иностранныхъ языковъ на русскій.

Каждый померъ журнала будетъ содержать въ себѣ, по возможности, одинъ законченный романъ, или часть его и небольшую повѣсть или разсказъ.

Годовое изданіе состоитъ изъ 12-ти книгъ отъ 20-ти до 30-ти печатныхъ листовъ каждая. Срокъ выхода ежемѣсячный.

Въ концѣ года, подписчикамъ на **„Библіотеку для чтенія“** будетъ выдана въ видѣ преміи 13-я книжка, отъ 30 до 40 печатныхъ листовъ, которая будетъ заключать въ себѣ одинъ, вполнѣ законченный романъ.

Условія подписки на годъ.

Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки . . . 8 руб. — коп.
Съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ. . . . 8 — 50 „
Съ пересылкою **Иногороднымъ** . . . . 9 — — „

Редакція допускаетъ слѣдующую разсрочку подписныхъ денегъ: при подпискѣ 5 руб. и къ 1-му мая остальныя.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Для городскихъ подписчиковъ:—**Въ С.-Петербургѣ**, въ главной конторѣ редакціи при книжномъ магазинѣ **Исакова** и другихъ книжныхъ магазинахъ: **Въ Москвѣ**, въ главной конторѣ редакціи при книжномъ магазинѣ **Кашкина** и въ другихъ книжныхъ магазинахъ.

Гг. иногородные—адресуютъ свои требованія *непосредственно* въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала **„Библіотека для чтенія“** *Выборгская стор., Финскій пер., д. № 6. кв. № 11.*

Подписывающихся съ разсрочкой просятъ обращаться: *иногородныхъ исключительно* въ редакцію, а городскихъ въ книжный магазинъ **Бортневскаго**, *уголъ Троицкаго и Графскаго пер.*

Съ Январской книги „Библіотеки для чтенія“ начнется печатаніе весьма интереснаго романа, изъ современныхъ событій на востокѣ, подъ названіемъ *„Борьба на жизнь и смерть“.*

Такъ какъ начавшійся печататься въ 1876 году романъ *Георга Борна — „Султанъ и его враги“*, въ этомъ году не окончится, то новые подписчики на 1877 г. получатъ начало вышеназваннаго сочиненія безплатно.

На 1876 годъ подписка еще продолжается.

Цѣна, *до 1 января 1877 г.* та же, что и на 1877 г; послѣ же 1 января, за пересылку приплачивается еще 1 руб., т. е. вмѣсто 9 р. 10 руб.

„ПРИРОДА“

(годъ пятый).

Популярный естественно-историческій сборникъ,

(одобренъ для библіотекъ и учебныхъ заведеній).

Роскошное изданіе на веленевой бумагѣ.

Подписная цѣна 12 р., съ перес. 13 р. 50 к. (безъ хромолит. и литогр. прилож. 8 р., съ перес. 9 р.

Подписчикамъ на 1877 г. будетъ выдана, втеченіи года, особымъ приложеніемъ: *„Популярная физіологія, въ примѣненіи къ медицинѣ и гигіенѣ“*. Д-ра *Лебона*, которая будетъ стоить въ отдѣльной продажѣ 3 руб. 50 коп.

Сборникъ *„Природа“*, въ 1877 году выходитъ 4 раза въ годъ, книгами около 27 печ. листовъ, съ 7—9 хромо и лито-графіями, исполненными въ лучшихъ русскихъ и заграничныхъ литограф. завед., и 100—150 рисунками въ каждой книгѣ. Въ Сборникѣ принимаютъ участіе многіе извѣстные ученые популяризаторы и будутъ помѣщаться общедоступныя и общеинтересныя статьи по Естествознанію, Этнографіи, Путешествія, статьи по Медицинѣ, Гигіенѣ, Технологіи, Сельскому Хозяйству, Охотѣ, Военному и Морскому дѣлу и т. п.

Оставшіеся экземпляры Сборника за 1873 г. (2 кн.), 1874, 1875 и 1876 гг. можно пріобрѣтать въ конторахъ редакціи по 2 р. за томъ и по 7 р. за годъ безъ и по 3 р. за томъ и по 11 р. за годъ съ приложеніями, а за всѣ 14 томовъ (заключающіе, между прочимъ, статьи профессоровъ: *А. Н. Бекетова, А. П. Богданова, Ѳ. А. Бредихина, Н. П. Вагнера, И. Н. Мечникова, Столѣтова, С. А. Усова, И. Д. Чистякова, Д. Н. Анучина, М. Н. Богданова, Б. С. Розенберга, В. Кандинскаго, А. Н. Петунникова* и мног. др; изъ переводныхъ,—статьи и рѣчи Гёксли, Геккеля, Гельмгольца, Тиндаля и друг. знаменит. ученыхъ популяризаторовъ, а въ видѣ прилож. къ 3 и 4 кн. 1876 г. „Доисторическія времена“ Леббока, стоющ. въ отд. прод. 3 р. 50 к., а также до 100 хромолитографій и литографій, исполненныхъ частію въ литографіяхъ Лемерсье и Баха и изображающихъ сцены изъ жизни животныхъ, растенія, пейзажи, портреты, типы — и болѣе 1000 рисунковъ въ текстѣ) — платятъ безъ приложеній 25 р., съ подпиской на 1877 г. 32 р.; съ приложеніями: 35 р., а съ 1877 г. 45 съ пересылкой.

„ЖУРНАЛЪ ОХОТЫ“

органъ ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Охоты,

издаваемый подъ редакціей

Л. П. Сабанѣева.

(Четвертый годъ изданія).

Ежемѣсячное иллюстрированное изданіе съ хромолитограф. и литограф. приложеніями.

Подписная цѣна 8 р., съ перес. 9 р (На полгода 4 р. 50 к., съ перес. 5 р.).

Въ 1877 г. выходитъ книгами около 5 печ. листовъ убористой печати, на веленевой бумагѣ (не считая особо печатаемыхъ приложеній), съ хромолитографіей или литографіей въ каждой и многими, также исключительно оригинальными рисунками въ текстѣ,— изображающими охоту на звѣрей и птицъ, — охотничьихъ животныхъ, собакъ и т. п.—Независимо отъ сего, въ теченіи года будутъ выданы, въ видѣ преміи, 2 раскраш. рисунка лучшихъ собакъ 3-й очередной выставки. Въ журналѣ принимаютъ участіе: И. С. Тургеневъ, П. М. Мачеваріановъ, Ф. А. Арсеньевъ, А. С. Вышеславцевъ, С. М Глѣбовъ, П. Н. Даниловъ, Н. А. Дмитріевъ-Мамоновъ, Н. П. Ермоловъ, Н. В. Егорновъ, Квасниковъ, Н. И. Макаровъ. А. Селастенниковъ, Д. Челищевъ, В. В. Щербаковъ, П. Ѳ. Юрасовъ — и многіе другіе извѣстные охотники—и помѣщаются какъ охотничьи разсказы и очерки, такъ и спеціальныя статьи по ружейной и псовой охотѣ, о породахъ, содержаніи, дрессировкѣ и леченіи собакъ, ружьяхъ, монографіи охотничьихъ животныхъ, корреспонденціи, мелкія замѣтки, новости охотничьяго дѣла и т. п.

Оставшіеся экземпляры Ж. Охоты за 1874 г. (6 кн.), 75 и 76 гг., а всего 5 томовъ можно выписывать изъ конторъ редакціи по 3 р. 50 к, а всѣ 5 томовъ, заключающіе 30 хромолит. и литографій 5 премій и особыя приложенія 1876 г.; „Записки псоваго охотника“ П. М. Мачеваріанова (160 стр.) и Тетеревъ-косачъ Л. П. Сабанѣева (100 стр.)—за 16 р, съ подпиской на 1877 г. за 24 р. съ пер.

Подписка принимается: для иногородныхъ въ главной конторѣ редакціи Сборника Природа и „Ж. Охоты“ (Москва, Петровка, д. Самариной) для московскихъ подписчиковъ также въ кн. маг. Соловьева, Мамонтова и Васильева; для петербургскихъ—въ отдѣленіи конторы редакціи (Спб., Малая Садовая, д. Демидова, кв. № 60), въ кн. маг. редакціи журнала „Знаніе“ (Караванная, д. № 8) и Мамонтова.

Лица, подписавшіяся на оба изданія въ конторахъ редакціи платятъ 16 р. с. безъ и 20 р. съ прилож. Сборника.

Отъ редакціи „ГРАЖДАНИНА“.

Съ 1 января 1877 года началось печатаніе, по возможности въ каждомъ № „Гражданина“, „Дневника“ извѣстнаго нашего сотрудника-князя *Владиміра Петровича Мещерскаго.* „Дневникъ“ князя будетъ вестись аккуратно и просто; по возможности изо-дня-въ-день. Авторъ ежедневно будетъ записывать все интересное — слышанное, видѣнное и прочитанное имъ въ теченіе дня о событіяхъ и лицахъ какъ въ высшихъ, такъ и во всѣхъ другихъ сферахъ жизни, о политикѣ внѣшней и внутренней, о новыхъ книгахъ, о предметахъ искусства, о газетахъ и журналахъ, русскихъ и иностранныхъ, о происшествіяхъ, толкахъ и слухахъ, — и такимъ образомъ наши читатели получатъ возможность еженедѣльно, въ легкой и занимательной формѣ, слѣдить за всѣмъ выдающимся въ Россіи и Европѣ.

1877 (38-й) годъ.

НУВЕЛЛИСТЪ

Музыкальный журналъ для фортепіано.

До 1875 года „НУВЕЛЛИСТЪ“ издавался въ томъ видѣ и объемѣ, какіе онъ получилъ при своемъ основаніи въ 1840 году, и уже одинъ фактъ 36-ти лѣтняго существованія *„Нувеллиста“* очевиднымъ образомъ доказываетъ, что цѣль этого изданія выполнялась издателемъ съ надлежащимъ успѣхомъ и пользою. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, тотъ же долговременный опытъ убѣдилъ насъ также и въ томъ, что, не смотря на массу нотъ разнообразнаго характера, предоставленную *„Нувеллистомъ“* нашимъ подписчикамъ, за сравнительно весьма умѣренную подписную плату, изданіе наше не для всѣхъ любителей было доступно по цѣнѣ. Между тѣмъ, музыкальное развитіе постоянно возрастаетъ въ массѣ нашей образованной публики, увеличивая съ каждымъ годомъ въ самыхъ отдаленныхъ краяхъ Имперіи число любителей музыки, интересующихся ея успѣхами и современнымъ положеніемъ. — Желая, съ своей стороны, посредствомъ издаваемаго нами журнала, содѣйствовать развитію музыкальнаго вкуса въ массѣ нашей публики и предоставить даже наименѣе достаточнымъ любителямъ пользоваться тѣми выгодами и удобствами, которыя даетъ *„Нувеллистъ“*, составляющій къ концу каждаго года богатую коллекцію отборныхъ музыкальныхъ пьесъ, пріобрѣтеніе которыхъ въ отдѣльности обошлось бы несравненно дороже, мы, съ 1875 года, рѣшились: допустивъ въ прежней программѣ нашего журнала нѣкоторыя измѣненія—уменьшить подписную цѣну его *на половину.* Ожиданіе наше вполнѣ оправдалось: число подписчиковъ на „Нувеллистъ“ возрасло въ такой степени, что мы увидѣли себя въ необходимости печатать всѣ номера прошлаго года *вторымъ изданіемъ* — фактъ весьма замѣчательный для періодическаго, въ особенности музыкальнаго изданія.

Въ наступившемъ 1877 году „Нувеллистъ“ будетъ издаваться по той же программѣ и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ прошедшемъ году.

„Нувеллистъ“ выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца, тетрадями до 30 страницъ большаго нотнаго формата, въ которыхъ будутъ помѣщаться:

1) *Салонныя пьесы для фортепіано.*

2) *Новые танцы.*

3) *Лучшіе русскіе романсы.*

4) *Въ теченіи года въ „Нувеллистѣ“ будутъ помѣщены двѣ, болѣе или менѣе трудныя, пьесы въ четыре руки.*

5) *Сверхъ огромнаго количества музыкальныхъ пьесъ лучшихъ композиторовъ, которыя къ концу года составятъ обширный томъ отъ 350 до 400 страницъ музыки, гг. подписчики получатъ, въ видѣ ПРЕМІИ, полную оперу въ двѣ руки, по ихъ выбору изъ пятидесяти извѣстныхъ оперъ.*

Оперы, назначенныя для преміи:

Auber: La Muette de Portici. Fra Diavolo. Le Maçon. Le Domino noir. Les Diamants de la Louronne.—**Beethoven:** Fidelio. Prometheus. Egmont.—**Bellini** I Montecchi ed i Capuletti. Norma. I Puritani. La Sonnambula.—**Boieldieu:** La Dame blanche. Jean de Paris.—**Cherubini:** Les deux journées.—**Cimarosa:** Matrimonio segreto. — **Donizetti:** Elisir d'Amore. Favorita. Figlia del reggimento Lucia. Don Pasquale. Lucrezia Borgia.—**Flotow:** Martha.—**Gluck:** Orphée. — **Herold:** Zampa. Lecocq; Cent vierges. Fille de Madame Angot. — **Meyerbeer:** Robert le Diable.—**Mozart:** Don Juan. Figaro. L'Enlévement La flûte ènchantée. Titus — **Offenbach:** Grande Duchesse. Jolie Parfumeuse Périchole. Les Brigands. La Princesse de Trébisonde. Geneviève de Brabant —**Rici:** Crispino.—**Rossini:** Le Barbier de Séville. Guillaume Tell. Othello —**Verdi:** Ballo in Maschera. Ernani. Traviata. Trovatore. Rigoletto.--**Weber:** Freischütz. Euryanthe. Oberon. Preciosa.

Цѣна годовому изданію „Нувеллиста“ 5 руб.; съ доставкою въ С. Петербургѣ и пересылкою во всѣ города Имперіи 6 руб.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи при музыкальномъ магазинѣ М. Бернарда, поставщика Двора Его Императорскаго Величества. Невск. пр., № 10.

Въ Москвѣ, въ музыкальномъ магазинѣ А. Гутхейль, Кузнецкій мостъ, д. Бекерса, и въ „Центральной музыкальной торговлѣ“, Кузнецкій мостъ, д. Солодовникова; въ Казани въ музыкальномъ магазинѣ „Восточная Лира“.

Редакторъ **А. Бернардъ.**—Издатель **Н. Бернардъ.**

О подпискѣ на ежедневную юридическую газету

„СУДЕБНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

на 1877 годъ.

Программа газеты слѣдующая:

1) *Передовыя статьи* по вопросамъ матерьяльнаго права и процесса, городскаго и земскаго управленія; 2) Внутренняя и иностранная корреспонденція; 3) Судебная хроника, стенографическіе и краткіе отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ; 4) Юридическія замѣтки; 5) Рѣшенія судебныхъ мѣстъ: судебныхъ палатъ, кассаціонныхъ департаментовъ сената (до напечатанія ихъ въ оффиціальномъ сборникѣ), — коммерческихъ судовъ, главнаго военнаго суда, иностранныхъ судовъ; 6) Фельетонъ: періодическая юридическая лѣтопись, библіографія, русская и иностранная и пр.: 7) Разныя извѣстія; 8) Судебныя резолюціи: спб. судебной палаты по всѣмъ департаментамъ и кассаціонныхъ департаментовъ сената; 9) Судебный указатель дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію: въ спб. окружномъ судѣ по всѣмъ отдѣленіямъ; спб. судебной палатѣ по всѣмъ департаментамъ; кассаціонныхъ и другихъ департаментахъ сената; въ коммерческомъ судѣ; столичномъ и уѣздномъ мировыхъ съѣздахъ и 10) Судебныя публикаціи, которыя заключаютъ въ себѣ, въ алфавитномъ порядкѣ, имена лицъ, къ имуществу которыхъ вызываются наслѣдники, лицъ, вызываемыхъ въ судъ по 293 и 726 ст. Уст. Гр. Суд. и лицъ, объявленныхъ должниками несостоятельными, съ указаніемъ присутственнаго мѣста, дѣлающаго публикацію и № Сенатскихъ объявленій, изъ котораго извлечена публикація.

Въ случаѣ, если Россія будетъ вовлечена въ войну на Востокѣ, въ „Судебномъ Вѣстникѣ“ будутъ печататься политическія телеграммы, извѣстія и обозрѣнія.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Петербургѣ, для иногородныхъ исключительно: въ главной конторѣ редакціи, **Малая Итальянская улица, № 43,** для городскихъ въ конторѣ редакціи, и въ Русскомъ Товариществѣ Международныхъ Сношеній, Мойка, № 90. Въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Анисимова, Соловьева и въ „Центральномъ магазинѣ“ (на Никольской улицѣ). Въ прочихъ мѣстахъ Россіи и заграницей: въ агентствахъ Русскаго Товарищества Международныхъ Сношеній.

ЦѢНА ГАЗЕТЫ:

	безъ доставки:	съ доставкою:	съ пересылкою:
12 мѣсяцевъ	15 р. — к.	16 р. 50 к.	17 р. 50 к.
6 „	8 „ — „	8 „ 50 „	9 „ 50 „
3 „	4 „ — „	4 „ 50 „	5 „ — „
1 „	1 „ 30 „	1 „ 50 „	2 „ — „

Допускается разсрочка въ платежѣ подписныхъ денегъ по третямъ, четвертямъ года и помѣсячно: для служащихъ—при посредствѣ казначеевъ, для не служащихъ—по соглашенію съ конторою.

Въ Конторѣ „СУДЕБНАГО ВѢСТНИКА“ принимается подписка на **ЖУРНАЛЪ ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА**, издаваемый подъ редакціею А. А. Книрима и Н. С. Таганцева. Цѣна годоваго екземпляра безъ доставки **8** руб; съ доставкою **8** руб. **50** коп.; съ пересылкою **9** руб.

Кассаціонныя рѣшенія могутъ быть получаемы чрезъ посредство редакціи. Цѣна экземпляра съ доставкою и пересылкою **6** руб. **50** коп.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

„ЗНАНІЕ“

въ 1877 году (годъ VII).

Журналъ **„ЗНАНІЕ“** будетъ издаваться въ 1877 году по прежней программѣ и въ прежнемъ объемѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА ВЪ ГОДЪ:

Безъ доставки и пересылки	12 р. — к.
Съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ .	13 „ „
Съ пересылкою въ другіе города	13 „ 50 „

Подписка принимается:

Въ С.-Петербургѣ въ конторѣ редакціи, Караванная, 8. Въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, Страстной бульваръ, домъ Алексѣева.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться исключительно въ контору редакціи журнала „ЗНАНІЕ“, Спб., Караванная, 8.

NB. Редакція считаетъ себя отвѣтственною только передъ лицами, подписавшимися въ означенныхъ мѣстахъ.

Для подписавшихся въ редакціи допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится 5 руб. 50 коп., къ 1-му мая—4 руб. и къ 1-му сентября—4 рубля.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА СЪ ЯНВАРЯ 1877 ГОДА

„БИБЛІОГРАФИЧЕСКАГО УКАЗАТЕЛЯ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ КНИГЪ“.

Съ января 1877 года, „Библіографическій указатель русскихъ и иностранныхъ книгъ“, прилагавшійся къ журналу „Знаніе“, будетъ выходить отдѣльно въ значительно пополненномъ и расширенномъ видѣ. „Указатель“ будетъ представлять собою ежемѣсячный систематическій каталогъ всѣхъ вновь выходящихъ русскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ книгъ. Къ „Указателю“ будутъ прилагаться и частныя объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „УКАЗАТЕЛЯ“ ВЪ ГОДЪ:

Безъ доставки.	1 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ и пересылкою въ другіе города	1 „ 20 к.
Цѣна каждаго нумера отдѣльно.	— „ 10 к.

Подписка и объявленія принимаются:

Въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи журнала „Знаніе“, Караванная, 8.

Въ Москвѣ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева, Страстной бульваръ, д. Алексѣева, и Н. И. Мамонтова, Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова.

NB. „Библіографическій указатель“ будетъ по прежнему прилагаться къ журналу „Знаніе“.

Издатели **Д. Коропчевскій. И. Гольдсмитъ.**

О ПЕРЕМѢЩЕНІИ КОНТОРЫ И

ОТКРЫТІИ КНИЖНАГО МАГАЗИНА

РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА «ЗНАНІЕ».

Въ ноябрѣ настоящаго года контора редакціи журнала „Знаніе“ переводится на Караванную, д. № 8.

Вмѣстѣ съ тѣмъ при конторѣ редакціи открывается **книжный магазинъ** для продажи изданій редакціи журнала „Знаніе“, а также и всѣхъ другихъ вновь выходящихъ книгъ.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА „ЗНАНІЕ“ намѣренъ обратить **преимущественное** вниманіе на **научную и учебную** литературу.

Магазинъ принимаетъ заказы на доставленіе всѣхъ находящихся въ продажѣ книгъ.

Порученія иногородныхъ будутъ исполняться вполнѣ своевременно.

Въ книжномъ магазинѣ редакціи журнала „Знаніе“ принимается подписка на всѣ русскіе журналы и газеты, причемъ подписныя деньги тотчасъ же передаются въ редакцію выписываемаго изданія, и подписчику высылается билетъ означенной редакціи, по его желанію.

О всѣхъ изданіяхъ, поступающихъ въ книжный магазинъ редакціи журнала „Знаніе“, будетъ публиковаться въ особыхъ каталогахъ при „Библіографическомъ указателѣ русскихъ и иностранныхъ книгъ“, издаваемомъ редакціей.

NB. Подписчики журнала „Знаніе“, при покупкѣ изданій редакціи, по прежнему пользуются уступкой 20%, а при покупкѣ другихъ книгъ за пересылку ничего не платятъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1877 ГОДЪ НА НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ГИГІЕНИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„ЗДОРОВЬЕ“

Выходящій два раза въ мѣсяцъ, въ размѣрѣ отъ 1 до 2 печатныхъ листовъ большого формата.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На годъ безъ перес. и дост.	4 р. — к.
„ „ съ „ „ „	5 „ — „
На полгода безъ перес. и дост.	2 р. 50 к.
„ „ съ „ „ „	3 „ — „

Гг. служащіе могутъ подписываться съ разсрочной платы чрезъ своихъ гг. казначеевъ.

Гг. городскихъ подписчиковъ покорнѣйше просятъ адресоваться въ городскую контору журнала „ЗДОРОВЬЕ“, находящуюся при конторѣ газеты „Новое Время“ *въ книжномъ магазинѣ для иногородныхъ*, на Невскомъ № 44, гг. же иногородныхъ подписчиковъ въ *главную контору*, помѣщающуюся на *Новомъ проспектѣ № 15*.

Въ вышедшихъ до сихъ поръ нумерахъ „Здоровья“ между прочими помѣщены слѣдующія статьи:

Гигіена и ея предметъ проф. Скворцова, *Физическій трудъ и основныя его требованія* Г. И. Архангельскаго, *Гимнастика и отношеніе ея къ здоровью* Б. М. Шапиро, *Смертность дѣтей и мѣры противъ нея* П. Смоленскаго, *Смертность въ нашихъ войскахъ отъ чахотки и мѣры противъ нея* Н. С. Георгіевскаго, *О Петербургскіе ночлежные пріюты* Г. И. Архангельскаго, *Объ озонѣ* Вольфгюгеля, *свойствахъ воды употребляемой для питья* проф. А. Я. Щербакова, *Сифилисъ какъ общественное зло.* Проф. А. Г. Ге, *Земская медицина въ Самарской губ.* Ю. Б. Укке, *О мѣрахъ по увеличенію числа врачей въ Россіи* И. А. *IV. Международный медицинскій конгрессъ* В. Порай-Кошица.

О Карлсбадѣ Ф. Т. — *Вліяніе чумы рогатаго скота на смертность дѣтей.—Колебанія почвенной воды въ Петербургѣ.—Больничный вопросъ* В. Португалова.—*О почвѣ Петербургскихъ кладбищъ* А. Д.—*Значеніе верховой ѣзды для здоровья* А. Ефимова. — *Физическое здоровье и развитіе христіанъ и евреевъ* И. Веревкина. — *Опытъ рѣшенія оспопрививательнаго вопроса* М. Зенѣца. —*Брюссельская гигіеническая выставка 1876 г.* А. Д.—*Лихорадка* Н. Высоцкаго.—*Объ устройствѣ школъ* Вольфгюгеля.—*О расчетѣ вентиляціи* проф. А. Якобія и пр.

Кромѣ того, въ журналѣ постоянно ведется д-ръ Ю. Ю. Гюбнеромъ отдѣлъ *Санитарной хроники* С.-Петербурга и д-ромъ Эрисманомъ, доцентомъ Тархановымъ и проф. Доброславинымъ отдѣлъ *новѣйшихъ изслѣдованій и научной хроники гигіены.* Изъ наиболѣе интересующихъ общество вопросовъ разработывались въ вышедшихъ нумерахъ слѣдующіе: *объ обязательности врачебной помощи, объ обязательности оспопрививанія, о положеніи преподаванія гигіены въ университетахъ, о гигіенѣ школъ, о санитарныхъ мѣропріятіяхъ земствъ, городовъ, армій* и проч. Наконецъ о всѣхъ интересныхъ вновь появившихся гигіеническихъ сочиненіяхъ были даны *краткія библіографическія отзывы.*

Въ настоящемъ 1877 году

ОДЕССКІЙ ВѢСТНИКЪ

выходитъ въ форматѣ большаго листа, ежедневно, кромѣ дней послѣ праздничныхъ. Отдѣлы программы тѣ-же, что и большихъ стол. газетъ, за исключеніемъ особаго отдѣла *Югъ*, въ которомъ въ прошедшемъ году было помѣщено до тысячи корреспонденцій изъ всѣхъ губерній южной Россіи, органомъ которой газета служитъ.

Условія подписки:

Безъ пересылки или доставки. въ Россіи;		*Съ пересылкой или доставкой.* въ Россіи:	
За годъ.	12 р. — к.	За годъ	14 р. — к.
„ 6 мѣсяцевъ . . .	7 „ — „	„ 6 мѣсяцевъ. . . .	8 „ — „
„ 3 „ . . .	4 „ — „	„ 3 „ . . .	4 „ 50 „
„ 1 „ . . .	1 „ 30 „	„ 1 „ . . .	1 „ 50 „

За границу, къ стоимости экземпляра въ Россіи, слѣдуетъ присоединять за пересылку за каждый мѣсяцъ 50 коп.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка, если они заявятъ о томъ письменно, съ указаніемъ сроковъ взноса, которые могутъ быть или по полугодно, или по четвертямъ года.

Для различныхъ учрежденій также допускается разсрочка на означенныхъ условіяхъ, и газета можетъ высылаться по ихъ письменнымъ заявленіямъ впредь до полученія ими надлежащихъ ассигновокъ (о срокѣ полученія коихъ должно быть упомянуто въ заявленіи) для высылки подписныхъ денегъ.

Подписка принимается *въ Одессѣ, въ конторѣ „Одесскаго Вѣстника“*, на Полицейской улицѣ, въ домѣ Л. Нитче, № 30, по каковому адресу благоволятъ адресоваться и гг. иногородные подписчики.

Покорнѣйше просятъ гг. подписчиковъ: 1) заявлять свои требованія заблаговременно, такъ какъ заготовленіе печатныхъ адресовъ требуетъ времени; 2) присылать адресы четко написанные, съ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣста жительства, а также ближайшей почтовой конторы, отдѣленія или станціи, въ которой производится раздача газетъ и изъ которой подписавшійся можетъ получать свою корреспонденцію.

Городскіе подписчики могутъ подписываться съ какого угодно срока; иногородные же, неиначе, какъ съ 1 го числа каждаго мѣсяца

При перемѣнѣ адреса подписчики должны сообщить непремѣнно прежній адресъ и № билета или бандероли, подъ которою высылается газета, и, кромѣ того, приложить 20 коп., которыя могутъ быть высланы почтовыми марками.

Объ изданіи въ 1877 году въ г. Тифлисѣ ежедневной литературно-политической газеты

„КАВКАЗЪ“

Въ 1877 году газета „Кавказъ“ будетъ выходить ежедневно, кромѣ дней, слѣдующихъ за воскресными и праздничными.

Содержаніе ея составятъ: I. *Оффиціальная часть* (приказы, правительственныя распоряженія и сообщенія, оффиціальные документы и проч.). II. *Неоффиціальная часть*, съ слѣдующими отдѣлами: а) передовыя статьи по вопросамъ, имѣющимъ обще-государственное или мѣстное значеніе: б) внутреннія извѣстія, касающіяся мѣстной и русской жизни, во всѣхъ ея проявленіяхъ; в) политическія извѣстія, съ руководящими статьями редакціи и ежедневными телеграммами; г) статьи, знакомящія съ Кавказскимъ краемъ въ отношеніяхъ историческомъ, статистическомъ, этнографическомъ, экономическомъ, бытовомъ и пр.; д) фельетонъ и е) справочный указатель. III. *Объявленія* казенныя и частныя.

Цѣна газеты: для городскихъ подписчиковъ—на годъ 11 р. 50 к., на полгода 6 руб.; для иногородныхъ, съ пересылкою,—на годъ 13 руб., на полгода 7 руб

Допускается разсрочка уплаты подписныхъ денегъ: для служащихъ—чрезъ ихъ казначеевъ, для неслужащихъ — по соглашенію съ редакціею газеты.

Уплачивающіе болѣе 5 руб. и получающіе квитанцію прибавляютъ къ подписной цѣнѣ 5 коп. за гербовую марку.

Подписка принимается въ г. Тифлисѣ, въ конторѣ газеты „Кавказъ“, на Вельяминовской улицѣ. въ домѣ Хосроева. Иногородные адресуютъ свои требованія: въ Тифлисъ, въ редакцію газеты „Кавказъ“.

Редакторъ-издатель *Н. И. Вороновъ.*

Объ изданіи въ 1877 году иллюстрированнаго журнала для дѣтей и семейнаго чтенія и юношества

„СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА“

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

Удостоеннаго Высочайшаго покровительства Государыни Императрицы Маріи Александровны; рекомендованнаго Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для гимназій, уѣздныхъ училищъ и начальныхъ школъ; состоящимъ при IV Отдѣленіи Собственной Его Величества Канцеляріи, учебнымъ Комитетомъ для чтенія воспитанницамъ женскихъ учебныхъ заведеній Императрицы Маріи. ДуховноУчебнымъ Управленіемъ рекомендованнаго начальствамъ духовныхъ семинарій и училищъ, и Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебныхъ заведеній рекомендованнаго для библіотекъ Военныхъ Гимназій и Прогимназій, какъ изданіе, представляющее обильный матеріалъ для выбора статей, пригодныхъ для чтенія воспитанниковъ.

„СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА“ въ будущемъ 1877 году будетъ издаваться въ томъ же направленіи, подъ тою же редакціею, съ тѣми же сотрудниками, и будетъ выходить по прежнему, ежемѣсячно, книжками отъ 7 до 12 листовъ для каждаго отдѣла.

Отдѣлъ для дѣтей, какъ и въ прошломъ 1876 году, будетъ распадаться какъ бы на двѣ половины: одна будетъ заключать въ себѣ матеріалъ для чтенія дѣтямъ отъ 8 до 14 лѣтъ, а другая (въ видѣ приложенія къ каждой книжкѣ, подъ заглавіемъ для самыхъ маленькихъ дѣтей)—отъ 5 до 8 лѣтъ.

Что же касается отдѣла для семейнаго чтенія и юношества, то онъ будетъ наполняться, какъ и въ прошломъ году, такими статьями, которыя составили бы пріятный и полезный матеріалъ для чтенія всему семейству.

Въ иллюстрированіи журнала примутъ участіе лучшіе художники Петербурга и Москвы, также будутъ помѣщаться копіи съ лучшихъ гравюръ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	без достав.	съ достав.
Полный журналъ (въ 24 книж.)	10 р.	11 р. — к.
Отд. для дѣтей (12 книж.).	5 „	5 „ 50 „
„ для сем. чтен. (12 книж.).	5 „	5 „ 50 „

Для всѣхъ учебныхъ заведеній, подписывающихся прямо въ редакціи на полный журналъ уступается 1 р.

Для земскихъ школъ, записывающихся не менѣе, какъ на 25 полныхъ экземпляровъ, уступается 2 р.

Кромѣ того, плата можетъ быть разсрочена: для лицъ служащихъ въ казенныхъ заведеніяхъ, за ручательствомъ гг. Казначеевъ; для воспитательныхъ и учебныхъ заведеній—за ручательствомъ ихъ начальствъ; для частныхъ лицъ не иначе, какъ по соглашенію съ редакціей.

Разсрочка допускается по третямъ слѣдующимъ образомъ:

На одинъ изъ отдѣл. съ достав.		На полный журналъ съ достав.	
За 1-ю тр. впер.	2 р. 50 к.	За 1-ю тр. впер.	4 р.
„ 2-ю „	2 „ — „	„ 2-ю „	4 „
„ 3-ю „	1 „ — „	„ 3-ю „	3 „

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ редакціи журнала **„СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА“** у Симеоновскаго моста, уголъ Караванной и Фонтанки, д. № 1—7, кв. № 3.

Редакторъ-издатель **Кашпирева.**

ABONNEMENTS-EINLADUNG

auf den

„ST. PETERSBURGER HEROLD“.

Der **„St. Petersburger Herold“** ist das **grösste** in **deutscher** Sprache erscheinende **politische Organ Russlands**, denn der **„St. Petersburger Herold“** erscheint **täglich** (mit Ausnahme Montags) in der Stärke von wenigstens **zwei** Bogen — Format der **Wiener Presse** —; auch ist der **„St. Petersburger Herold“** das alleinige Blatt Russlands, welches regelmässige wöchentliche Gratis-Beilagen hat, und zwar

Donnerstags die Gratis-Beilage: Feuilleton-Beiblatt,

Freitags die Gratis-Beilage: Börsen-Kalender,

Sonntags die Gratis-Beilage: Land- und Hauswirthschaftliche Zeitung.

Die Montagsnummer des **„St. Petersburger Herold“**, von überwiegend feuilletonistischem Charakter mit interessanten Artikeln aus allen Gebieten, Plaudereien aus allen Hauptstädten, sowie aus den grösseren russischen Provinzial-Städten, Novellen, Humoresken, Kritiken, Biographien ect. etc. nebst politischer Wochenübersicht, neuester Post und neuesten Depeschen, hat wenigstens den Umfang von **einem** Bogen desselben Formats.

Laut der dem verantwortlichen Herausgeber des **„St. Petersburger Herold“** ertheilten Kaiserlichen Konzession erscheint der **„St. Petersburger Herold“ ohne Präventiv-Censur.** Das **Programm** des **„St. Petersburger Herold“** ist das weitgreifende eines **internationalen Vermittelungsorganes;** und zwar ist der **„St. Petersburger Herold“** ein wahrheitsgetreuer Berichterstatter über alle Vorgänge auf dem Gebiete der Politik und Gesellschaft, des Handels und der Industrie, der Kunst und der Wissenschaft, wie überhaupt aller Länder — **besonders Deutschlands und Oestereich-Ungarns** —, so in erster Linie

RUSSLANDS,

in welcher letzteren Hinsicht der **„St. Petersburger Herold“** namentlich auch die Anschauungen der gesammten russischen Presse dem Auslande treu vermittelt und mit unparteiischer Kritik begleitet.

Der **„St. Petersburger Herold“** enthält in leicht übersichtlicher Reihenfolge nachstehende tägliche Rubriken: **I. Officieller Theil. Allerhöchste** Manifeste und Rescripte, **Kaiserliche** Erlasse und Verordnungen der Regierung; amtliche Bekanntmachungen der einzelnen Ministerien und Behörden: Personalnachrichten. — Ernennungen, Auszeichnungen, Beurlaubungen, Entlassungen; Gesetzsammlung.— **II. Nicht-Officieller Theil. A) Politischer Theil:** Leitartikel, kürzere Besprechungen der wichtigsten Vorgänge, **russische** Rundschau: allgemeine Wochenübersicht; tägliche **Original-Korrespondenzen,** abwechselnd aus allen Theilen des Inlandes, wie aus dem Auslande; reichhaltige neueste politische Nachrichten; Verhandlungen der russischen Gouvernements-Versammlungen und -Landtage; Parlaments-Verhandlungen des Auslandes; vermischte Nachrichten aus allen Ländern; neueste Post; Telegramme. B) **Lokaler Theil:** Besprechung der wichtigsten Stadtereignisse; reichhaltige **Original-Nachrichten;** Gerichtszeitung: Berichte über die Stadtverordneten-Versammlungen; statistische Mittheilungen; Nachrichte nund Berichte über Gesellschaften und Vereine; Polizeiberichte: Nachrichten aus der Umgegend der Hauptstadt. C) **Wirthschaftlicher Theil:** nationalökonomische Leitartikel, Besprechung der wichtigsten Vorgänge auf den Gebieten der Finanzen, des Handels und der Industrie; Börsen-und-Handelsnotiezen aus dem Inlande und aus dem Auslande; Schiffsliste; Ziehungslisten; Patentertheilungen; Nachrichten über die russischen Banken; Eisenbahn-Nachrichten: industrielle Nachrichten; russische Fallissements-Nachrichten; Briefkasten der Handelszeitung; Telegramme. D) **Feuilleton** — erscheint gleichfalls täglich: Plaudereien aus St. Petersburg und aus anderen Städten Russlands; Briefe aus den Haupstädten des Auslandes; Theater-Recensionen und Kunstkritiken überhaupt; wissenschaftliche Aufsätze; Kunst- und Literaturberichte aus dem Inlande und aus dem Auslande; Biographien; **Original-Romane und Novellen** bewährter Autoren. Im Januar 1877 beginnen wir im täglichen Feuilleton mit dem für das Feuilleton des **„St. Petersburger Herold“** geschriebenen spannenden grossen Romane von **Rudolph Gottschall: „Welke Blätter“.** E) **Vermischtes:** kirchliche Anzeigen; meteorologische Mittheilungen vom physikalischen CentralObservatorium in St. Petersburg; Witterungsberichte; Eisenbahn-Fahrplan; Dampfschifffahrt; Familien-Nachrichten, Theater- und Vergnügungs-Anzeiger; Fremdenliste; allgemeiner Briefkasten. F) **Annoncen.**

ABONNEMENTSPREIS für den **„St. Petersburger Herold“ mit Zustellung in St. Petersburg** beträgt: **13** Rubel für das Jahr; **7** Rubel für $1/2$ Jahr; **3** Rubel **75** Kop. für $1/4$ Jahr; **1** Rubel **25** Kop. für den Monat. **An allen anderen Orten Russlands mit Zustellung: 14** Rubel für das Jahr; **7** Rubel **50** Kop. für $1/2$ Jahr; **4** Rubel für $1/4$ Jahr; **1** Rubel **50** Kop. für den Monat.

ABONNEMENTS, ausser direkter Aufgabe bei der unterzeichneten Administration, nehmen an: in **Moskau:** Buchhandl. **J. Deubner;** Buchhandl. **B. Post** (vorm. Sutthoff); **N. A. Meyer,** Ssoljanka, Haus Baburin; **C. E. Stephany.** Miljutinskij-Pereulok, Haus Karloni. In **Warschau: Ed. Wende & Co.** In **Riga:** Buchhandl. **A. Deubner;** Annoncen-Expeditions-Bureau **Hugo Langewitz.** In **Reval:** Buchhandl. **Kluge & Ströhm;** Buchhandl. **F. Wassermann.** In **Mitau:** Buchhandl. **F. Besthorn;** Buchhandl. **Friedr. Lukas.** In **Dorpat:** Buchhandl. **E. J. Karow.** In **Fellin:** Buchhandl. **E. J. Karow;** Buchhandl. **G. Aerfeld.** In **Walk:** Buchhandl. **Moritz Rudolff.** In **Pernau: R. Jacob & Co.** In **Goldingen:** Buchhandl. **F. Besthorn.** In **Helsingfors: O. Gesellius.** In **Libau:** Buchhandl. **G. E. Zimmermann.** In **Kijew:** Buchhandl **H: Laechelin.** In **Lodz:** Buchhandl. **C. Richter.** In **Wilna: E. Th. Lambeck.** In **Bjalostok.** Buchhandl. **Kaplan.** In **Charkow: Karl Steiner.** In **Odessa:** Buchhandl. **E. Bernd;** sowie **alle Agenturen der „Russischen Gesellschaft Internationaler Angelegenheiten“.**

INSERATE finden durch den **„St. Petersburger Herold“** nicht nur in St. Petersburg, sondern auch in allen Theilen Russlands bis in die entferntesten Provinzen Russlands **die weisteste Verbreitung.** Auch wird der **„St. Petersburger Herold“** auf allen Stationen sämmtlicher russischen Eisenbahnen einzeln verkauft, ebenfalls auch auf den Strassen von St. Petersburg und Moskau.

Zu recht zahlreichem Abonnement ladet ergebenst ein

Die Administration des „St. Petersburger Herold“.

St. Petersburg, Wosnessenskij-Prospekt (Blaue Brücke) Nr. 3.

ПОДПИСКА НА

„ДОНСКУЮ ГАЗЕТУ“

на 1877 г.

(ГОДЪ ПЯТЫЙ).

Редакція „ДОНСКОЙ ГАЗЕТЫ“ нашла возможнымъ, съ будущаго 1877 года, *понизить цѣну* на это изданіе, не уменьшая количества 100 нумеровъ въ годъ, при чемъ количество политическихъ извѣстій, если военныя событія продолжатся, будетъ увеличено. Телеграммы же о важнѣйшихъ внутреннихъ и внѣшнихъ событіяхъ во всякомъ случаѣ будутъ помѣщаемы въ „ДОНСКОЙ ГАЗЕТѢ“, цѣна которой назначается въ слѣдующемъ размѣрѣ, съ доставкою на домъ и пересылкою по почтѣ:

За годъ, съ 1 января 1877 по 1 января 1878 года	6 р. — к.
„ полгода	3 „ 50 „
„ мѣсяцъ	— „ 75 „

Отдѣльные нумера по 10 коп.

Подписка принимается: въ г. Новочеркаскѣ, въ Конторѣ Редакціи, на Платовскомъ проспектѣ, въ домѣ Карасева.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 февраля 1877 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 л., д. № 12.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

№ 7. Томъ I. На годъ съ доставкою и пересылкою 7 руб.: на полгода 4 р. 50 к. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 13 Февраль 1877 года. *Адресъ конторы редакціи:* С.П.-бургъ, Васильевскій островъ, 3-я линія, д. № 48. Годъ V.

Подписка на „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ" 1877 г. продолжается.

Каждый новый подписчикъ получаетъ журналъ съ № 1 вмѣстѣ съ ежемѣсячнымъ приложеніемъ «Жизнь и Хозяйство».

Въ 1877 году журналъ выходитъ въ форматѣ большихъ иллюстрацій, **еженедѣльными** нумерами (въ годъ 52 №№ или 2496 столбцевъ), иллюстрированными множествомъ художественныхъ гравюръ. Въ концѣ года все изданіе будетъ состоять изъ *двухъ большихъ томовъ.* Всѣ подписчики получаютъ, **въ видѣ преміи**, ежемѣсячное приложеніе подъ заглавіемъ **„ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО"**, каждый нумеръ котораго заключаетъ въ себѣ отъ 15 до 20 рисунковъ (въ годъ болѣе 200). Кромѣ того, въ теченіи года всѣмъ годовымъ подписчикамъ разсылается

НѢСКОЛЬКО ДРУГИХЪ ПРЕМІЙ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: За годъ безъ доставки **6 руб.**, съ доставкою въ Спб. и *для иногородныхъ* **7 руб. Гг. иногородные** благоволятъ адресоваться съ своими требованіями *прямо и непосредственно* въ главную контору редакціи, по адресу: въ С.-Петербургѣ, Васильевскій о-въ, 3-я линія, д. № 48. **Гг. городскіе** подписчики могутъ абонироваться въ книжномъ магазинѣ М. В. Попова, на Невскомъ пр., въ зданіи Пассажа.

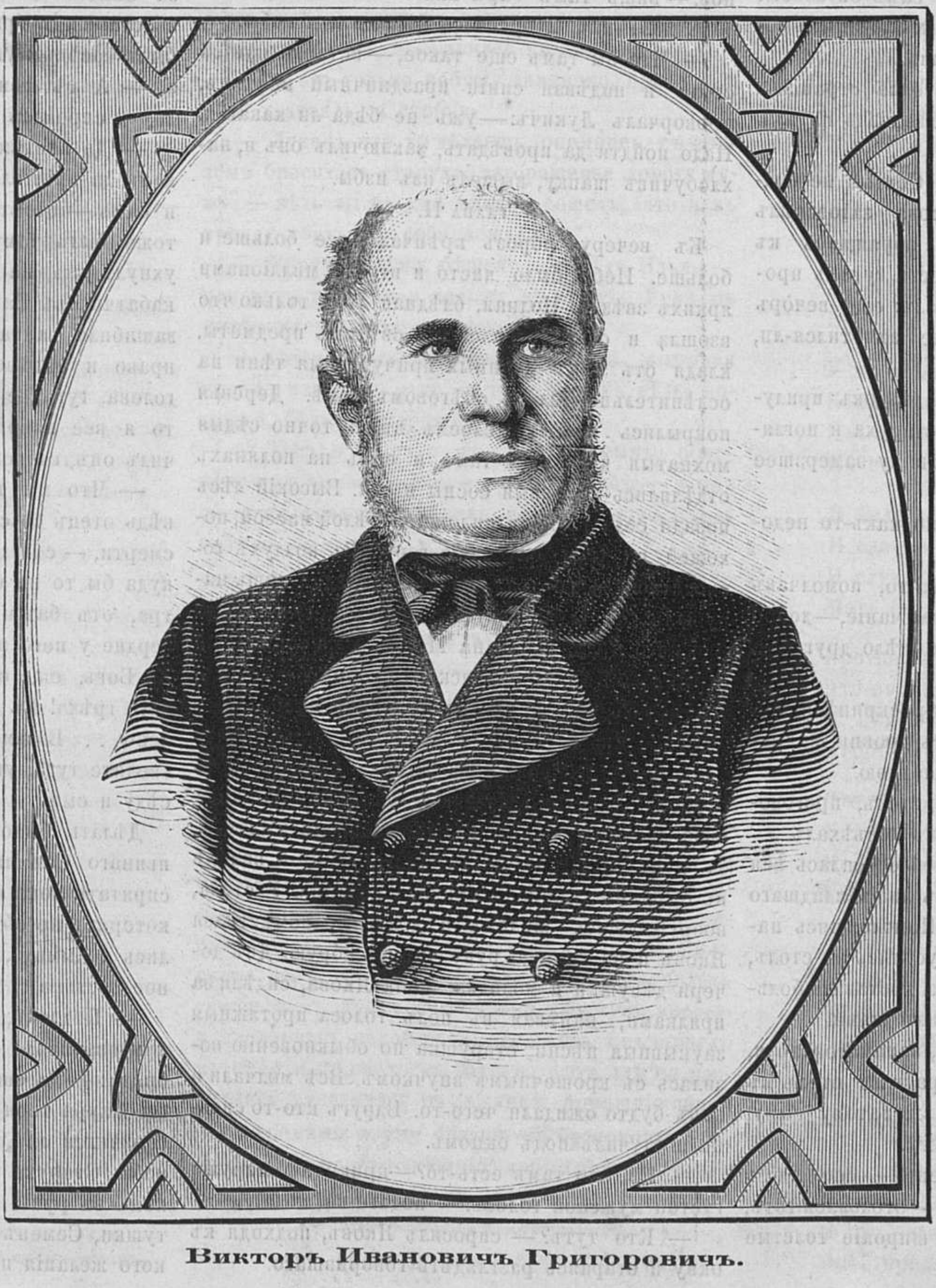
Добровольцъ.

(Разсказъ изъ народнаго быта).

(Б. Л. Я—вина).

ГЛАВА I.

Свѣтленькій и чистенькій одноэтажный съ мезониномъ домикъ на самомъ краю села. Лицевая комната, по просту «передняя», убрана опрятно и хорошо. Въ большомъ углу помѣстился громадный, орѣховаго дерева, кіотъ съ изображеніемъ Спасителя посрединѣ, по бокамъ—иконы Божіей Матери и Николая Чудотворца съ отдѣльною лампадкою передъ каждой, за ними — изображенія другихъ угодниковъ ярославской работы и, наконецъ, вдоль стѣнъ—грошевыя картины страстей Господнихъ, страшнаго суда и другихъ событій изъ священной исторіи. Подъ иконами, въ томъ же углу, расположился толстый дубовый столъ, покрытый бѣлою, какъ снѣгъ, скатертью, отъ него идутъ, параллельно стѣнамъ, длинныя лавки по ту и другую сторону, нѣсколько поодаль массивный посудный шкафъ, съ стеклянною дверцею, обличающею обильный запасъ всевозможныхъ столовыхъ принадлежностей, дальше — кумачная занавѣска, отдѣляющая отъ горницы небольшой уголъ; — вотъ и все незатѣйливое убранство этого уютнаго человѣческаго жилища Въ комнатѣ, повидимому, нѣтъ никого, только два или три крошечныхъ сѣрыхъ котёнка, да мать ихъ, вознею и мурлыканьемъ, повременамъ, нарушали царствующую тишину. Однако, горница казалась пустою только на первый взглядъ; за занавѣской, въ томъ самомъ уголкѣ, который она отдѣляла, находились два живыхъ существа — одно изъ нихъ безмятежно покоилось тѣмъ тихимъ, невиннымъ сномъ, какимъ покоился каждый въ раннюю пору своей младенческой жизни; другое—заботливо и чутко смотрѣло за нимъ, спокойно качая его висячее крошечное ложе—люльку. Противуположность ихъ возрастовъ была поразительна; лежавшему въ люлькѣ было не болѣе шести или семи мѣсяцевъ, и не менѣе шестидесяти годовъ старушкѣ, рядомъ съ нимъ сидѣвшей на скамейкѣ. Тѣмъ не менѣе много было и сходства между ними, если не въ чертахъ лица, то въ ихъ выраженіи. Старушка росту была немного повыше средняго, нѣсколько полна и оказалась еще очень бодрою, не смотря на свои уже преклонные годы. Темнаго цвѣта сарафанъ и ватная душегрѣйка составляли весь ея костюмъ, а бѣлый коленкоровый кокош-



Викторъ Ивановичъ Григоровичъ.

никъ придавалъ ся и безъ того симпатичному лицу какое-то особенное мягкое выраженіе. Густыя пряди уже значительно посѣдѣвшихъ волосъ выбились изъ-подъ него и окаймили лице. Старушка сидѣла молча, устремивъ заботливый взглядъ на ребенка и, время отъ времени, тихонько приводила въ движеніе люльку.

Но вотъ ребенокъ проснулся и заплакалъ, старушка спокойно, но проворно засуетилась около него и, убаюкивая снова, принялась укачивать. Однако, немного погодя, какъ будто сообразивъ что-то, она осторожно вынула изъ люльки раскричавшееся дитя и, тщательно завернувъ его въ ситцевое одѣяло, вынесла въ горницу. Въ это время дверь тяжело скрипнула и въ избѣ показалось новое лицо.

Вошедшій былъ плотный, высокій мужчина лѣтъ за шестьдесятъ. При первомъ взглядѣ фигура его невольно поражала своею строгостью и степенностью. Нѣсколько широкое, по сухощавое, морщинистое лице его обрамлялось густыми, русыми, еще нетронутыми сѣдиною, волосами и такою же густою и длинною бородою, сѣрые проницательные глаза глядѣли строго и даже сурово. Во всемъ, — какъ въ лицѣ и глазахъ, такъ и мѣрной, немного тяжелой походкѣ, — словомъ, во всей фигурѣ и осанкѣ этого человѣка ясно отпечатался твердый характеръ и желѣзная воля. Это былъ хозяинъ дома и мужъ старушки, зажиточный крестьянинъ Илья Лукинъ, или, попросту, какъ его звали односельцы, Лукичъ. Скинувъ мѣховую шапку и рукавицы и сбросивъ долой овчинный полушубокъ, Лукичъ остался въ одной теплой шерстяной рубашкѣ.

— Этакой холодъ Господь послалъ: просто страсть, проговорилъ онъ, потирая руки и усаживаясь на лавку. Совсѣмъ, голова, замерзнуть можно, — продолжалъ, какъ бы самъ съ собою, освобождаясь отъ многочисленныхъ ледяныхъ сосулекъ на бородѣ и усахъ, Лукичъ.

На улицѣ, дѣйствительно, стояла страшная стужа: морозу было градусовъ двадцать пять, а не то и больше.

— Чтой-то долгонько нашего Сеньки не видно — совсѣмъ запропалъ, — снова заговорилъ хозяинъ, теперь уже больше обращаясь къ женѣ: — вѣдь, почитай, уже шесть сутокъ прошло съ той поры, какъ онъ уѣхалъ: еще вечо̀ръ надо бы́ быть... Ужь опять не замутился-ли, какъ по осени?

— А, можетъ, какой дальній ѣздокъ прилучился, — вставила свое слово старуха и поглядѣла на улицу сквозь на половину замерзшее стѣкло окна.

Лукичъ ничего не отвѣчалъ, но какъ-то недовѣрчиво поглядѣлъ на хозяйку.

— Не чаялъ бы такого ѣздока-то, помолчавъ немного возразилъ онъ на ея замѣчаніе, — добро бы около самаго Рождества,-то дѣло другое, а теперь кому?..

Въ это время, подъ окнами проскрипѣли полозья и у воротъ остановились дровни, запряженныя круглою сытенькою лошадкою.

— Собирай-ка, старуха, на столъ, проговорилъ хозяинъ, кажись, это Яковъ подъѣхалъ..

Немного погодя, въ передней собралась вся семья Лукича за исключеніемъ лишь младшаго сына, уѣхавшаго въ извозъ. Помолившись набожно на иконы, всѣ чинно усѣлись за столъ, каждый на свое мѣсто. Старуха поставила большую глиняную чашку съ горячими щами.

— А сколько у насъ, Яша, запамятовалъ я, сажень дровъ напилено? — обратился отецъ къ сидѣвшему противъ старшему женатому сыну, только что пріѣхавшему изъ лѣсу.

— Да шестьдесятъ три сажени, — сегодня съ хозяйкой четвертую допилимъ, — отозвался тотъ, разрѣзывая мягкій хлѣбъ на широкіе толстые ломти.

— Ладно! значитъ, къ святкамъ до осьмаго десятка догонимъ?

— Не знаю, батька, — подумавъ отвѣчалъ сынъ: — не многонько ли будетъ: вѣдь до праздниковъ-то осталось всего одна недѣля, а вдвоемъ въ недѣлю немного ухватишь... Вотъ кабы Семену, еще попилить хоть съ малость — ну, тогда дѣло десятое! Да что его нѣтъ-то больно ужъ долго: почитай, пора бы и быть...

— А песъ его знаетъ, мошенника, — съ сердцемъ перебилъ Лукичъ: — сдается мнѣ, что онъ опять замотался.

— Вотъ, то-то и есть, батька, замѣтилъ Яковъ, — еще о ту пору я баялъ тебѣ: не пускай Сеньку, дай лучше я поѣду; а ты все свое: ничего, молъ, парень съ того разу образумился; а ужь гдѣ образумиться этой башкѣ, когда, ишь, у него компанія-то какая — народъ все такой, что хоть самаго святого съ толку собьютъ! Ну, значитъ, теперь и пенять не на кого!..

— Да что ты, Богъ съ тобой, Яша, — вмѣшалась мать, — ты говоришь, какъ будто ужь навѣрно знаешь, что Семенъ опять затѣялъ недоброе дѣло. Погоди маленько, авось пріѣдетъ какъ слѣдуетъ доброму человѣку; зачѣмъ же раньше поры и времени винить парня!..

— Да я и не виню его, матушка; — Богъ его въ заправду знаетъ, — смутился сынъ справедливымъ замѣчаніемъ матери: — я такъ только, про всякій случай, а не то, чтобы...

Тутъ дверь въ переднюю отворилась и на порогѣ показался весь посинѣвшій и дрожащій отъ холода небольшой мальчуганъ, внукъ сельскаго старосты.

— Что тебѣ нужно, Ѳедя? — спросилъ хозяинъ.

— Дѣдушка, я къ тебѣ: меня батька послалъ сказать, чтобы ты шелъ на сходку въ волостное: — вишь тамъ бары какіе-то наѣхали, отвѣчалъ мальчикъ, и бросился бѣжать изъ избы.

— Что бы тамъ еще такое, — вставая изъ за стола и надѣвая синій праздничный кафтанъ, проворчалъ Лукичъ: — ужь не бѣда ли какая?!.. Надо пойдти да провѣдать, заключилъ онъ и, нахлобучивъ шапку, вышелъ изъ избы.

ГЛАВА II.

Къ вечеру морозъ крѣпчалъ все больше и больше. Небо было чисто и играло милліонами яркихъ звѣздъ. Полная, блѣдная луна только что взошла и озарила палевымъ свѣтомъ предметы, кладя отъ нихъ длинныя причудливыя тѣни на ослѣпительно бѣломъ снѣговомъ фонѣ. Деревья покрылись густымъ слоемъ инея: точно сѣдыя мохнатыя чудовища тамъ и сямъ на полянахъ отдѣлялись кудрявыя сосны и ели. Высокій лѣсъ позади села глядѣлъ сплошной бѣлой массой, похожей на одну снѣговую гору. Въ воздухѣ господствовала мертвая тишина; изрѣдка лишь нарушали ее глухіе звуки ударовъ могучей руки русскаго молодца Ивана Морозко, да одиночный отрывистый лай деревенскаго сторожа — собаки. На колокольнѣ приходской церкви пробило девять часовъ.

Въ передней знакомаго домика еще блестѣлъ огонекъ. Домашніе Лукича давно ужь покончили свои дневныя работы и теперь собрались вмѣстѣ, за рукодѣльемъ коротая долгій зимній вечеръ въ ожиданіи ужина и прихода хозяина. У стола, вооружившись шиломъ и дратвою, помѣстился Яковъ и на скорую руку чинилъ сбрую. Двѣ дочери дѣвушки и молодка, жена Якова, сидѣли за прялками, напѣвая въ полъ голоса протяжныя заунывныя пѣсни; старушка по обыкновенію возилась съ крошечнымъ внучкомъ. Всѣ молчали и какъ будто ожидали чего-то. Вдругъ кто-то сильно постучалъ подъ окномъ.

— Ей, кто тамъ есть-то? — крикнулъ снаружи густой мужской голосъ: — по̀дьте-ка сюда!

— Кто тутъ? — спросилъ Яковъ, подходя къ окну и стараясь разглядѣть говорившаго.

— Это ты, Яковъ Ильичъ? Семена-то подите, возьмите — вонъ онъ у воротъ въ саняхъ чуть живъ лежитъ...

— Господи, спаси и помилуй! — простонала старуха, набожно крестясь на иконы: — что̀-то будетъ!

Поспѣшно схвативъ шапку и кое-какъ накинувъ кафтанъ, Яковъ бросился изъ избы. Черезъ нѣсколько минутъ въ сѣняхъ послышались тяжелые мужскіе шаги. Явственно слышно было какъ мужики, кряхтя, волокли мертвецки пьянаго Семена.

— Если бы не я, — говорилъ за дверью тотъ же голосъ, — совсѣмъ бы пропалъ молодецъ: и остальныхъ лошадей бы зарѣзалъ, и самъ бы замерзъ. Я ужь ему и тулупишко, и валенки спроворилъ — свое-то, ишь, все ужь давно пропито было! Денегъ, тоже, баютъ, цѣлковыхъ съ сорокъ шарахнулъ, да на парѣ вмѣсто тройки пріѣхалъ.

Дверь отворилась и мужики втолкнули въ избу Семена. Онъ такъ и грохнулся на полъ и какъ снопъ растянулся.

— Сеня, Сеня, голубчикъ, что ты надѣлалъ! — зарыдала мать, стараясь поднять сына.

Родной, знакомый голосъ любящей матери какъ будто вывелъ послѣдняго изъ совершенно безчувственнаго состоянія.

— Матушка!.. чуть слышно проговорилъ Семенъ, безуспѣшно силясь приподнять отяжелѣвшую голову. Виноватъ... простите... деньги... лошадь... несвязно лепеталъ Семенъ, безсмысленно ворочая тусклыми глазами.

— Родимой мой, да поднимись ты, ужь Богъ тебѣ проститъ за этотъ грѣхъ! — приговаривала старуха: — не замерзъ-ли, не отморозилъ-ли рукъ.

— Отморозить-то, кажись, ничего не отморозилъ: я та-ки приглядывалъ за нимъ, — отвѣчалъ за Семена тотъ самый мужикъ, который вмѣстѣ съ старшимъ братомъ привелъ его въ избу. Это былъ сосѣдъ Лукича, также ѣздившій въ извозъ.

— А съ кѣмъ онъ замотался-то, не знаешь-ли? — спросилъ мужика Яковъ.

— Да вѣстимо съ кѣмъ — все со своими дружками да пріятелями, такими же молодцами, какъ и самъ — отвѣтилъ тотъ. Мишка Безпа̀лой, ишь, тоже былъ тамъ. тотъ тамъ и всю свою тройку ухнулъ-ужь, на чужой подводѣ вечо̀ръ привезли; кабатчиковъ Ванюха, да Ѳедька... ну, денежку-то зашибили, а тамъ, значитъ, и пошла валять на право и налѣво, да все и проваляли!.. Меня-то, голова, тутъ не случилось раньше, а то Сенюху-то я все попридержалъ бы маненько, — заключилъ онъ, съ сожалѣніемъ разводя руками.

— Что мы теперь сь нимъ будемъ дѣлать, вѣдь отецъ со сходки придетъ — изобьетъ его до смерти, — со слезами говорила старуха. — Надо куда бы то ни было поприпрятать его, до завтра, отъ батькиныхъ-то глазъ, — авось за ночь сердце у него маленько и поуляжется, а то, храни Богъ, еще съ пьянымъ-то не сдѣлалъ бы какого грѣха! Въ клѣтушку бы — тамъ у насъ топлено... Возьмите-ка, родные, подымите его да сведите туда, упрашивала она, обращаясь къ сосѣду и сыну.

Дѣлать было больше дѣйствительно нечего: пьянаго Семена необходимо было какъ нибудь спрятать пока отъ отца, строгій и суровый нравъ котораго не обѣщалъ пощады. Мужики принялись подымать, снова впавшаго въ безсознательное состояніе, парня.

— Подлецъ, ты, подлецъ, бить тебя надо! — приговаривалъ Яковъ, поддерживая подъ руку брата: — да еще и бить-то какъ: во̀ какъ, что бы шкура твоя въ десяти мѣстахъ лопнула, — горячился онъ, уводя его съ помощію сосѣда изъ избы. Старуха провожала ихъ съ сальнымъ огаркомъ въ рукѣ. Въ сѣняхъ, передъ дверями клѣтушки, Семенъ уперся и не обнаруживалъ никакого желанія идти дальше.

— Ну, еще упирайся! — вспылилъ братъ, и хотѣлъ силою втолкнуть его во внутренность небольшой коморочки, но Семенъ не подавался и, растопыривъ руки и уставивъ ноги въ порогъ, оказывалъ сильное сопротивленіе.

— Такъ ты что же, еще добромъ идти не хочешь, волкъ тебя ѣшь! — закричалъ Яковъ и поднялъ сжатый кулакъ надъ затылкомъ упрямца.

Тотъ обернулся и въ свою очередь сжавъ кулакъ, прислонился къ стѣнѣ, принимая оборонительную позу.

— Не-тт-рошь!... Ра-зо-бью!... прохрипѣлъ онъ, на минуту выпрямляясь во весь ростъ и страшно глядя на своего противника.

— Сеня, родной мой, что ты! — бросилась старуха къ своему любимцу: — побойся Бога, дитятко, иди и засни, а неупрямься. Пойдемъ, я сведу тебя, — взяла она за руку сына и повела въ клѣтушку. Парень сразу смирился и, шатаясь, покорно послѣдовалъ за матерью. Яковъ показалъ ему въ слѣдъ кулакъ.

— Ишь Хамово отродье! — проворчалъ онъ, возвращаясь въ избу, чтобы захватить рукавицы и идти распрягать стоявшихъ у воротъ лошадей: — напакостилъ, такъ гдѣ бы молчать, да слушаться другихъ, а онъ туда же еще въ драку лѣзетъ! Ну, погоди, что-то ты завтра запоешь, какъ съ тобой батька расчитываться начнетъ!?...

Въ это время, Лукичъ былъ на сходкѣ и вмѣстѣ со своими односельцами разсуждалъ о мірскихъ дѣлахъ. Пріѣхавшіе въ волость лѣсничій и его помощникъ составляли различныя бумаги и заставляли крестьянъ подписываться на нихъ; уйдти домой не было ли какой возможности, а между тѣмъ старика давно уже подмывало узнать: пріѣхалъ-ли его Семенъ, не прокутилъ ли онъ добытыхъ денегъ, цѣлы ли его лошади, — и много подобныхъ же мыслей и догадокъ составлялось его недовѣрчивымъ, подозрительнымъ умомъ. А тутъ надо было присутствовать на собраніи, надо было ждать той поры, когда начальству заблагоразсудится покончить дѣла и распустить народъ.

— Скверное дѣло, думалъ про себя Лукичъ, нетерпѣливо переминаясь съ ноги на ногу, — никакъ сегодняшней сходкѣ конца не будетъ...

— Неужь-то онъ, мошенникъ, опять запьянствовалъ, неотступно преслѣдовала его мысль объ уѣхавшемъ сынѣ, — ну ужь тогда лучше бы не родиться ему на свѣтъ Божій!... А о чемъ, бишь, баяли-то сейчасъ, Климычъ, обратился онъ къ низенькому, рыжеватому мужичёнкѣ, стараясь прогнать отъ себя эту докучливую мысль.

— А все о нашемъ *заказникѣ* (*), отвѣтилъ тотъ, — ишь хотятъ въ казну отобрать покойнаго-то Егорши надѣлъ.

— Плохо, не слыхавъ ничего, замѣтилъ на это Лукичъ, а самъ въ тоже время подумалъ: а что какъ и въ самомъ дѣлѣ да пріѣхалъ онъ безъ гроша, да, можетъ, и не пріѣхалъ; а добрые люди привезли: свои-то лошадки, можетъ, давно у барышниковъ съ рукъ на руки переходятъ, — вотъ тогда ты, Лукичъ, и съ праздникомъ будешь!... тьфу и старикъ сердито плюнулъ на полъ.

— Что, Илья Лукичъ, такъ нехорошо отплюнулся, спросилъ подходя широкій черномазый мужикъ, добродушно улыбаясь, — аль нелюбо, что долго ѣсть не даютъ нашему брату? У меня у самого вотъ такъ животы и подводитъ, да ничего не подѣлаешь; говорятъ — жди!

— Ѣсть-то бы нештò, да что проку-то, что мы тутъ толкаемся: вѣдь все изъ пустой посудины ни какъ ужь три часа въ порожнюю переливаемъ — вотъ что, отозвался Лукичъ и отошелъ въ сторону.

— Ну, міряне, теперь пожалуй, пора вамъ и подомамъ, сказалъ наконецъ, вставая и собирая бумаги, лѣсничій — я думаю и спать ужь захотѣли?

— Какъ не захотѣть, ваше б-іе, послышались со всѣхъ сторонъ голоса: день деньской работали — измаялись, а завтра тоже — не мѣшало бы и встать по раньше...

— Такъ вы завтра соберитесь-ка еще вечеркомъ — мы и покончимъ. А теперь-съ Богомъ!

— Ну, слава тебѣ, Господи, никакъ кончилось, проговорилъ Лукичъ и, схвативъ шапку, выбѣжалъ на улицу.

Скорымъ шагомъ пройдя село, старикъ очутился у своего дома. Свѣжій слѣдъ полозьевъ у воротъ сразу обратилъ на себя его вниманіе.

— Ага, пріѣхалъ значитъ, подумалъ онъ и вошелъ въ избу, — посмотрю-ка: каковъ-то? У порога онъ повстрѣчался со старшимъ сыномъ.

— Пріѣхалъ, спросилъ Лукичъ, и окинулъ переднюю быстрымъ взглядомъ, отыскивая предметъ своего вопроса.

— Пріѣхать-то пріѣхалъ, да только... замялся тотъ.

— Что?! Пьяной?! Безъ денегъ?! Ну такъ я и думалъ! А гдѣ онъ, разбойникъ — давайте его сюда: убью!!! измѣнившимся голосомъ и побагровѣвъ отъ злости прокричалъ старикъ.

Никто ничего не отвѣтилъ; всѣ молчали и, дрожа отъ страха ожидали грозы.

— Гдѣ-же онъ, чтожь вы не говрите — аль у васъ у всѣхъ языки отсохли, такъ я размочу ихъ, уже вовсе не владѣя собою накинулся Лукичъ на перваго попавшагося Якова. Тотъ даже назадъ попятился отъ этой угрозы.

— Да въ клѣти спитъ, отвѣтилъ онъ, отходя въ сторону.

— А, въ клѣти спитъ, шипящимъ голосомъ повторилъ Лукичъ и, взявъ изъ подъ прилавка круглое полѣно, направился къ двери.

— Я его только побужу маненько, прибавилъ онъ, хватаясь за скобку.

— Лукичъ что ты дѣлаешь, опомнись, съ воплемъ бросилась старуха, загораживая дорогу мужу, — вѣдь ты съ ума никакъ сошелъ, что и въ правду убить его собираешься!!...

— Прочь, вѣдьма, бѣшено заревѣлъ Илья, — или вотъ тутъ же и положу на мѣстѣ. Рука съ полѣномъ поднялась высоко.

— Полно, батька, вмѣшался Яковъ, вырывая полѣно изъ руки отца, — ты и впрямь вѣдь, пожалуй, бѣды натворишь...

— Такъ и ты туда же, собачій сынъ, обернулся на сына Лукичъ — вотъ же тебѣ — и онъ со всего размаху ударилъ его по лицу. Якову крѣпко не полюбилась эта оплеуха.

— Меня-то ты за что бьешь, съ азартомъ бросился онъ къ отцу: — или я согрубилъ тебѣ, что тебя же отъ бѣды выручаю, или я одинъ не работаю на тебя, твои деньги пропиваю!? Ну, такъ убей же и меня, коли такъ, бей всѣхъ — все одно: семь бѣдъ — одинъ отвѣтъ!

Лукичъ немного, опомнился. Онъ любилъ Якова больше всѣхъ изъ своихъ дѣтей за его смирный, покорный нравъ и примѣрное трудолюбіе. Слова послѣдняго какъ-то болѣзненно уязвили его чувства; ктому же гнѣвъ перешелъ уже всякія границы и, какъ обыкновенно бываетъ, послѣ всякаго сильнаго напряженія долженъ былъ скоро наступить упадокъ. Такъ точно случилось теперь и съ Лукичемъ. Сильно хлопнувъ дверью и проворчавъ какое-то ругательство, онъ вышелъ въ сѣни и прошелъ въ заднюю избу, гдѣ не раздѣваясь растянулся на лежанкѣ. Домашніе знали эти перемѣны и уже больше не безпокоились за Лукича: — на сегодняшній день гроза миновала благополучно.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Безсонница.

(Посв. памяти Н. С. Быковой).

Проработавъ сегодня день цѣлый,
Я усталъ, истомился въ конецъ, —
Разболѣлось разбитое тѣло,
Голова тяжела, какъ свинецъ.

И я ждалъ съ нетерпѣніемъ ночи,
Я мечталъ, что могу отдохнуть,
И, смеживъ воспаленныя очи,
Позабыться, сномъ сладкимъ уснуть...

Но, вотъ полночь, а мнѣ все не спится,
Противъ воли работаетъ умъ, —
Въ головѣ, то-и-дѣло, толпится
Рой несмѣтный назойливыхъ думъ.

И изъ темныхъ могилъ возникаетъ,
Столько разныхъ картинъ предо мной,
Столько лицъ и событій мелькаетъ, —
Вѣетъ милою мнѣ стариной...

И встаютъ предо мною такъ живо
Дѣтскихъ лѣтъ лучезарные дни...
Этой чудной порою, счастливой
Зналъ я радости только одни...

Какъ и многіе дѣти, безпечно
Жилъ въ блаженномъ невѣдѣньи я,
И ко всѣмъ относился сердечно,
Лютой злобы въ душѣ не тая...

И я вѣрилъ, что всѣ, безъ изъятья,
И богатый, и нищій — равны,
Что должны мы другъ другу, какъ братья,
Помогать, и прощать всѣ вины...

Ни заботы, ни горя не зная,
Жилъ я жизнью невинной вполнѣ, —
И теперь эту жизнь вспоминая,
Какъ-то легче становится мнѣ.

Въ эти, полные счастья, свободы,
Невозвратные годы мои,
Я, среди деревенской природы,
Росъ въ кругу своей милой семьи.

И я былъ не бѣднякъ безпріютный
И ни кѣмъ не любимый, — о, нѣтъ:
Я имѣлъ уголокъ свой уютный,
Былъ любовью и лаской согрѣтъ!

У меня была мать... Какъ любила,
Какъ меня обожала она...
Изъ-за сына здоровье губила,
Ни покоя не знала, ни сна!..

Я болѣлъ въ мои дѣтскія лѣта,
И слабѣе былъ прочихъ дѣтей, —
И случалось, всю ночь, до разсвѣта,
Мать сидитъ у постели моей.

Кроткихъ, ясныхъ очей не смыкая,
Что-нибудь для меня она шьетъ,
И, цѣлуя меня, и лаская,
Чтобъ уснулъ я, мнѣ пѣсни поётъ...

Что за грустныя пѣсни ты пѣла!..
И въ тѣ годы, какъ ни былъ я малъ, —
Но, какъ много ты горя терпѣла,
Какъ страдала, — я все понималъ..

... И я помню, какъ жарко, бывало,
Ты молилась о счастьѣ моемъ, —
Чтобъ душа моя лжи не скрывала,
Чтобъ всегда шелъ прямымъ я путёмъ..

Чтобъ, плывя по житейскому морю,
Не разбился бы утлый мой челнъ, —
Чтобъ къ чужому страданью и горю
Я всегда былъ сочувствія полнъ...

И что если мнѣ долгіе годы
Быть придется подъ гнетомъ судьбы,

(*) *Заказникомъ* называются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ участки лѣса, принадлежащіе крестьянамъ.

Испытать нищету и невзгоды,—
Чтобъ не палъ я средь трудной борьбы...

Ты скрывать отъ меня не хотѣла,
Сколько въ жизни встрѣчается зла,
Какъ для тѣхъ, кто за правое дѣло
Вѣчно борется,—жизнь тяжела...

«Милый мой! Жизнь полна испытаній,
«Много терній на этомъ пути,—
«Честь тому, кто безъ громкихъ роптаній,
«Станетъ къ цѣли завѣтной идти!..

«Можетъ статься, тяжелую долю
«Жизнь готовитъ тебѣ впереди
«И не разъ ты наплачешься вволю,
«Будетъ ныть твое сердце въ груди!

«Но, мужайся, и съ волею гордой
«Все сноси ты, съ отвагой бойца,
«И всегда неуклонно и твердо
«Честный путь свой свершай до конца!..»

. . . Эти рѣчи я слушалъ такъ жадно,
Въ дѣтскомъ сердцѣ я ихъ затаилъ,—
И средь жизни моей безотрадной
Свято я твой завѣтъ сохранилъ...

О, родная! Твои предсказанья
Всѣ сбылись,—и терновый вѣнецъ
Я ношу, и терплю я терзанья,—
И не знаю, когда имъ конецъ!

Еслибъ видѣла ты, какъ я стражду,
И какъ тягостна доля моя,—
Какъ я ласкъ, утѣшенія жажду,
Злыя муки на сердцѣ тая!

Но давно спишь ты сномъ непробуднымъ...
Кто-жъ поддержитъ меня, ободритъ?...
Чуть бреду я путемъ своимъ труднымъ
И мой свѣточь такъ слабо горитъ...

О, скажи, скоро-ль сынъ твой дождется,
Что взойдетъ надъ нимъ счастья звѣзда?
Иль страдать ему вѣчно придется,
И отрады не знать никогда...
Никогда, до могилы?...

Петръ Быковъ.

Капканы.

(Очеркъ изъ народнаго быта).

Ив. Якунина.

Глава VI.

Долго пировали дегтярновцы въ Тимофеевой избѣ,—до тѣхъ поръ, пока выпита была послѣдняя рюмка водки, поставленной «на міръ» дядей Тимофѣемъ и Данилой. Когда кончили пить, и подгуляли немного, то затянули, по обыкновенію, пѣсни, которыя, впрочемъ, не шли на ладъ: пѣлъ кто въ лѣсъ, кто по дрова, а настоящаго запѣвалы не было; дядя Василій, первый пѣсенникъ, еще съ осени ушелъ «на низъ», вмѣстѣ съ другими овчинниками, на заработки. Видя, что дѣло съ пѣснями не клеится, мужички скоро умолкли, потолковали еще съ добрый часъ кой-о-чемъ и, наконецъ, стали расходиться по домамъ.

— Смотрите-же, братцы, на счетъ караула-то,—объявилъ староста, уже выйдя изъ воротъ:—не зѣвайте!.. Капканы—капканами, а штобъ караулъ всежь-таки былъ бы, про всякій случай.

— Будь безъ всякаго сумлѣнья, Иванъ Ликсандрычъ! мы это дѣло справимъ, не бойся,— отвѣчали мужички.

— То-то, справимъ!.. Знаю я васъ!..

— Сказано: не сумлѣвайся,—и кончено дѣло!—успокоивалъ старосту его двоюродный братъ, Иванъ Гаврилычъ, мужикъ, вообще, смирный и покладистый, никогда не прекословящій «начальству»—какое бы оно ни было.—Тимоха,—обратился онъ къ сыну, парню лѣтъ двадцати слишкомъ, давно женатому уже:—ты нонѣ ступай въ караулъ: нашъ черёдъ.

— Я, батюшка, съ собой *хозяйку* (жену) возьму; одному бо̀язно,—отвѣчалъ Тимофей.

— Вотъ, глупый,—бо̀язно!.. Чай, ты не одинъ будешь: еще двое съ тобой станутъ караулить.

— Такъ-то оно такъ, а все же съ хозяйкой-то смѣлѣй, будетъ,—отвѣчалъ Тимофей.

— Ты ужь говори прямо: *теплѣй* будетъ: а то—смѣлѣй!.. Эхъ, ты—бабій лапоть!—обозвалъ Тимофея староста.

— И въ правду, Тимоха, совсѣмъ ты на мужика не похожъ,—замѣтили парню крестьяне.

— Онъ у меня не больно бо̀екъ, это вѣрно,— отвѣчалъ за Тимофея отецъ:—онъ смирнѣй овцы, парень.

Дѣдушка Алексѣй, между тѣмъ, крѣпко обнимался съ Даниломъ. Оба они, сильно захмѣлѣвшіе, продолжали свой прежній споръ относительно капкановъ.

— Нѣтъ! ты мнѣ што ни говори,—утверждалъ дѣдушка Алексѣй,—а напрасно ты всю эту канитель затѣялъ. Первое дѣло, всѣхъ собакъ въ деревнѣ ты перепортишь...

— А онѣ не бѣгай зря,—возражалъ Данило.

— Второе дѣло: кто нибудь изъ мужиковъ безпремѣнно влетитъ; потому—дѣло праздничное...

— Пущай, съ опаской ходятъ.

— Съ опаской!.. И выходитъ дѣло—ты дуракъ,—вотъ што! Ночью, да еще въ праздничное время,—тутъ и съ опаской ничего не подѣлаешь. Разомъ—тюкъ!—ногу и перехватило. Ты вспомни-ка тетку Василису-то—ка̀къ ты ее ловко испортилъ. А?.. вѣдь на̀ вѣкъ бабу-то обезножилъ.

Данило начиналъ, наконецъ, сердиться серьезно.

— Да ты што, вправду, ко мнѣ все пристаешь съ твоей Василисой? Што̀ она тебѣ—родня, што ли, какая?—заговорилъ Данило.

— А хоша и не родня, а вотъ, пристаю! на̀ же вотъ, поди!...—отвѣчалъ расходившійся дѣдъ:—Ты мнѣ дай отвѣтъ: зачѣмъ ты испортилъ бабу? а? зачѣмъ?...

— А она не ходи по лѣсу зря, не попадай на волчью тропу!

— Идолъ ты, вотъ што! и весь тутъ сказъ... А вотъ, ужо по̀ вечеру, какъ только ты насторожишь эти свои про̀клятые капканы,—возьму топоръ и весь твой штрументъ изрублю.

— Попробуй, только!

— Безпремѣнно, изрублю. Потому,—тебѣ отъ начальства былъ запретъ ихъ ставить. А ты знать никого не хочешь, ослушникъ...

— А ты зачѣмъ мою водку пилъ? а?—вдругъ, вспомнилъ Данило.

Дѣдушка Алексѣй сразу сконфузился—и притихъ. Данило замѣтилъ это, и заговорилъ еще самоувѣреннѣе.

— Водку пить ты умѣлъ; а теперь споръ затѣваешь—препятствуешь: портить хочешь весь мой снарядъ. Ахъ, ты, *такой-сякой!* совѣсти въ тебѣ нѣтъ...

Дѣдушка Алексѣй принялся вытирать кулакомъ свой кривой глазъ, а здоровымъ возрился на Данилу.

— Ты чего-же лаисси-то, а? ка̀къ ты смѣешь меня, стараго человѣка, такъ обиждать? А въ *управленье*, за этакія твои слова,—хочешь?

Пришла очередь затихнуть Данилѣ; волостнаго правленья онъ побаивался-таки: тамъ шутить не станутъ, начальства тамъ много,—четвертью, пожалуй, не отдѣлаешься.

Минутъ черезъ пять, онъ вновь обнимался съ дѣдушкой Алексѣмъ, какъ будто ничего между ними и не было.

Вечеромъ, какъ только совсѣмъ стемнѣло, Данило принесъ три волчьихъ капкана къ тѣлу дяди Михея и принялся ихъ настороживать; окончивъ дѣло, онъ пошелъ домой и принесъ еще четыре капкана. Два поставилъ въ переулкѣ, три около самаго тѣла, полукругомъ, а остальные два насторожилъ въ огородѣ, по дорогѣ къ гумну, на той самой тропѣ, по которой, наканунѣ, прошли волки.

Пока онъ возился, явились къ тѣлу и караульные: двое пожилыхъ крестьянъ и парень Тимофѣй съ женою.

— Ну што, наладилъ?—спросилъ одинъ изъ караульныхъ у Данилы.

— Наладилъ, слава Богу!

— Съ нами останисси на всю ночь, аль домой пойдешь?

— Чего мнѣ тутъ дѣлать,—отвѣчалъ Данило:—я домой пойду. А вы—вотъ што: какъ только, Господь дастъ, влетитъ какой и заво̀етъ,— такъ сейчасъ ко мнѣ бѣгите и постучите въ окошко. Я ужь ждать буду.

— А *тѣплину* разложить ничего, можно?— спросилъ Тимофѣй.

— Вона! какую тамъ еще теплину?!... за какимъ псомъ! Ни одинъ и близко-то не подойдетъ тогда. А вы вотъ што: сидите у Зубкова избы, подъ воротами, на завалинѣ—тамъ тихо, вѣтру нѣтъ; да смотрите, не разговаривайте громко-то,— совѣтывалъ караульщикамъ Данило.

— Ладно; мы спать завалимся, всѣ въ кучку; теплѣй будетъ.

— И то, дѣло. Спите; а завтра утромъ зайдите ко мнѣ—я вамъ поднесу по рюмочкѣ,— пообѣщалъ Данило.

— Спасибо, зайдемъ.

— Ну, прощайте, братцы, пока!

— Прощай, дядя Данило!

— Смотрите же: какъ только влетитъ какой, вы послышите—заво̀етъ,—такъ сейчасъ и бѣгите ко мнѣ; а ужь я съ ко́ломъ..

— Ладно, прибѣжимъ!..

Проводя Данилу, караульщики проговорили еще съ часъ, сидя на завалинѣ; а потомъ, чувствуя холодъ, рѣшили разойтись по избамъ.

— Какого мы тутъ рожна—прости Господи!— караулить будемъ? Дядю Михея таперь волки не тронутъ; потому—кругомъ капканы стоятъ.

— А безъ тѐплины тутъ, за̀ ночь-то, совсѣмъ замерзнешь.

— Это такъ. Пойдемте-ка по избамъ,—дѣло-то лучше будетъ.

— А передъ свѣтомъ, соберемся опять сюда. Да смотри, ребята: ни гу-гу потомъ, што мы уходили-то.

— Извѣстно, объ этомъ—молчо̀къ.

— Вы, пожалуй, идите, а я съ хозяйкой останусь здѣсь,—заявилъ Тимофей.

— Ну, вотъ! иди и ты домой.

— Нѣтъ, я не пойду: меня батюшка заругаетъ.

— Ну, какъ знаешь,—отвѣчали ему;—и двое ушли, оставивъ его съ хозяйкой.

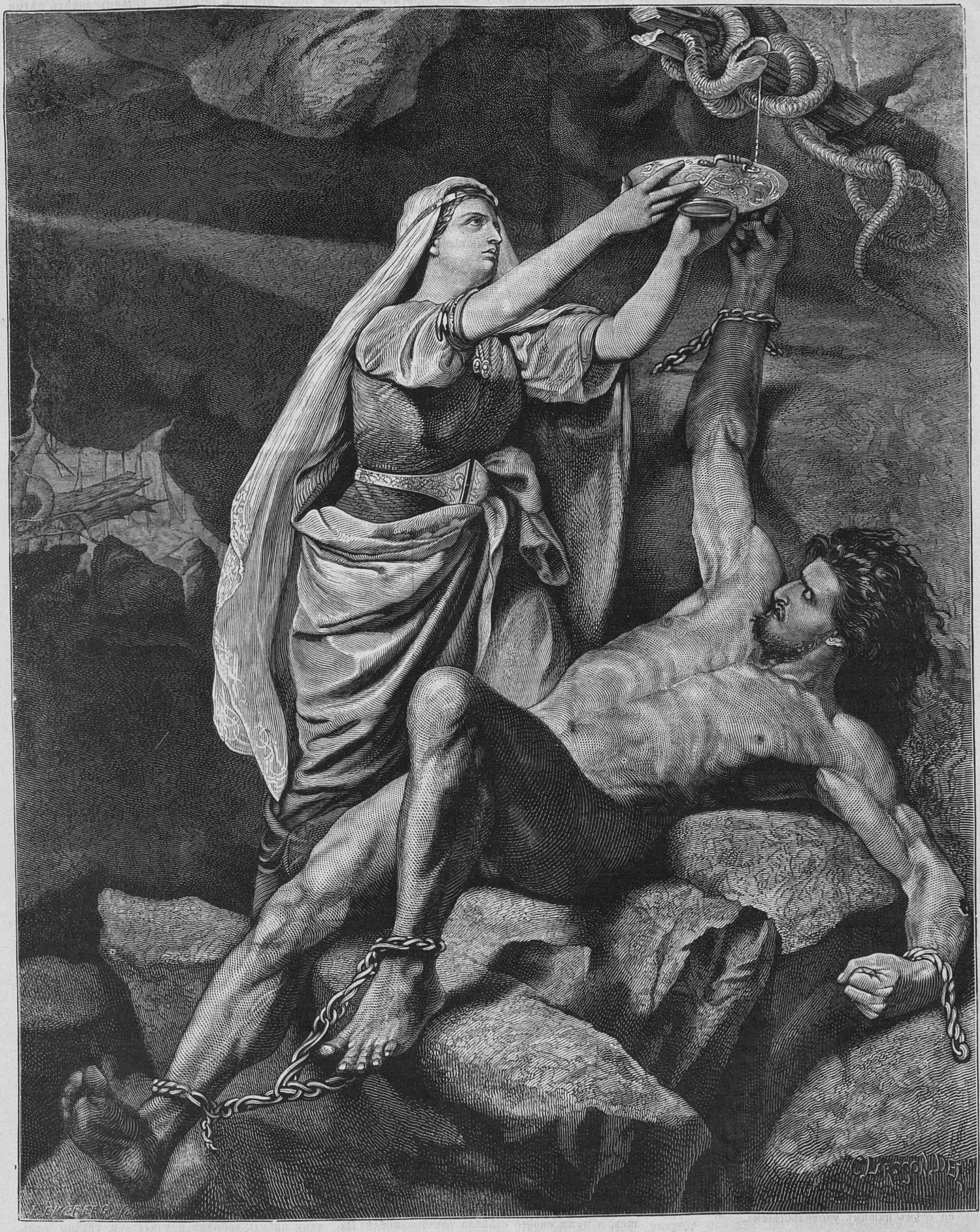
Тимофей сбѣгалъ на ближайшее гумно, захватилъ охабку соломы и постелилъ ее подъ воротами; потомъ набожно перекрестился нѣсколько разъ, снялъ съ себя большой нагольный тулупъ, и плотно, съ одного боку, укрылся имъ; съ другого боку легла его жена, и оба они, покрывшись съ головами, тотчасъ-же заснули крѣпкимъ, хотя и не совсѣмъ спокойнымъ, сномъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Библіографія и журналистика.

Новь, романъ И. С. Тургенева, часть вторая („Вѣстникъ Европы“, февраль).

Передавая содержаніе и указывая на главные достоинства и недостатки романа И. С. Тургенева («Жив. Об.» № 3), мы отказывались произ-



Локи и Сигина.

нести окончательное сужденіе объ этомъ новомъ произведеніи даровитаго писателя—до появленія второй части романа. Въ настоящее время, эта вторая часть появилась...

Но, прежде чѣмъ говорить что-либо о самомъ романѣ, постараемся, прежде всего, ознакомить читателей съ содержаніемъ его второй части.

Если припомнятъ читатели, первая часть романа остановилась на рѣшеніи Нежданова и Маріанны (главныхъ героевъ «Нови») оставить аристократическое семейство Сипягиныхъ и, затѣмъ, «идти въ народъ». Это рѣшеніе взаимно влюбленныхъ молодыхъ людей ускоряется еще слѣдующимъ обстоятельствомъ. Сипягину пришла блажь сманить на свою фабрику съ сосѣдней, купеческой, нѣкоего Соломина, сына дьячка, оченъ образованнаго и хорошаго механика. Соломинъ для Нежданова былъ *свой* человѣкъ, то есть, принадлежалъ къ тому же кружку молодыхъ людей, рѣшившихся «дѣйствовать». И вотъ, когда Соломинъ остался ночевать у Сипягиныхъ и пришелъ, по уговору, на ночное свиданіе къ Нежданову, туда же пришла и Маріанна. Валентина Михайловна выслѣдила свою племянницу, —и результатомъ этого было рѣзкое объясненіе между ними, окончившееся тѣмъ, что домашнему учителю (Нежданову) было отказано отъ дому, а Маріанна рѣшилась «бѣжать» вмѣстѣ съ нимъ. Бѣглецы, на первыхъ порахъ, поселились на фабрикѣ, у Соломина въ двухъ маленькихъ комнатахъ, заранѣе приготовленныхъ для нихъ. Они живутъ между собою «какъ братъ съ сестрою»—не болѣе: никакіе дурные грѣховные помыслы еще не закрались въ ихъ чистыя сердца. «Алеша, ты знаешь (говоритъ Маріанна Нежданову), что когда ты мнѣ скажешь, какъ честный человѣкъ—а я тебѣ вѣрю, потому что ты точно честный человѣкъ;—когдт ты мнѣ скажешь, что ты меня любишь той любовью... ну, той любовью, которая даетъ право на жизнь другого,—когда ты мнѣ это скажешь—я твоя».

Но Неждановъ не сказалъ ей о «той любви», —и отношенія ихъ, до самаго трагическаго конца, остались прежнія, то есть, дружественныя, взаимно преданныя—но не близкія.

Въ первый же день своей «новой жизни», они знакомятся съ приказчикомъ на фабрикѣ Павломъ и его женой Татьяной, присланной Соломинымъ собственно для услуженія Маріаннѣ. Въ послѣдовавшемъ между ними знакомствѣ и первомъ разговорѣ, авторъ, съ замѣчательнымъ искусствомъ, знакомитъ насъ съ характерами обѣихъ женщинъ и тѣми отношеніями, которыя устанавливаются сразу между «барышней» и «*настоящею* русскою женщиной — дородною, русою, простоволосою, съ широкою косой, туго завернутой около роговаго гребня, съ крупными, но пріятными чертами лица, съ очень добрыми сѣрыми глазами».

«Одѣта она была въ опрятное, хоть и полинялое ситцевое платье; руки у ней были чистыя и красивыя, хоть и большія. Она вошла, спокойно поклонилась, произнесла твердымъ, отчетливымъ выговоромъ, безо всякой пѣвучести: «Здравы будете»—и принялась устанавливать самоваръ, чашки, и т. д.

Маріанна подошла къ ней.

— Позвольте, Татьяна, я помогу вамъ. Дайте мнѣ хоть салфетку.

— Ничего, барышня, мы къ этому пріобыкли. Мнѣ Василій Ѳедотычъ (Соломинъ) сказывалъ. Коли что потребуется, извольте приказать,—мы со всѣмъ нашимъ удовольствіемъ.

— Татьяна, не зовите меня, пожалуйста, барышней... Одѣта я по барски,—а впрочемъ, я... я совсѣмъ...

Пристальный взглядъ Татьяниныхъ зоркихъ глазъ смутилъ Маріанну;—она умолкла.

— А кто же вы такая будете?—спросила Татьяна своимъ ровнымъ голосомъ.

— Коли вы хотите... я, точно... я изъ дворянокъ; только я хочу *все это* бросить—и сдѣлаться какъ всѣ... какъ всѣ простыя женщины.

— А, вотъ что! Ну, теперь знаю. Вы, стало, изъ тѣхъ, что *опроститься* хотятъ. Ихъ теперь довольно бываетъ.

— Какъ вы сказали, Татьяна? Опрòститься?

— Да... такое у насъ теперь слово пошло. Съ простымъ народомъ, значитъ, за-одно быть. Опрòститься. Что жъ? Это дѣло хорошее — народъ поучить уму-разуму. Только трудное, это дѣло! Ой, трудное! Дай Богъ часъ!

— Опрòститься!—повторяла Маріанна.—Слышишь, Алеша, мы съ тобой теперь опрòстѣлые!

Неждановъ засмѣялся и тоже повторилъ:

— Опрòститъся! Опрòстѣлые!

— А что̀ это у васъ, муженекъ будетъ—али братъ?—спросила Татьяна, осторожно перемывая чашки своими большими, ловкими руками, и съ ласковой усмѣшкой поглядывая то на Нежданова, то на Маріанну.

— Нѣтъ,—отвѣчала Маріанна:—онъ мнѣ не мужъ—и не братъ.

Татьяна приподняла голову.

— Стало, такъ, по вольной милости живете?... Теперь и это—тоже часто бываетъ. Допрежь, больше у раскольниковъ водилось, а нонѣ и у прочихъ людей. Лишь бы Богъ благословилъ—да жилось бы ладно! А то, попъ и не нуженъ. На фабрикѣ у насъ тоже такіе есть. Не изъ худшихъ ребятъ.

— Какія у васъ хорошія слова, Татьяна!... «По вольной милости...» Очень мнѣ это нравится.—Вотъ что, Татьяна, я о чемъ просить васъ буду.—Мнѣ нужно платье сшить или купить, такое вотъ, какъ ваше, или еще попроще. И башмаки, и чулки, и косынка,—все, чтобы было какъ у васъ.—Деньги у меня на это есть.

— Что же, барышня, это все можно... Ну не буду, не извольте гнѣваться: не буду васъ барышней называть. Только, какже мнѣ васъ звать-то?

— Маріанной.

— А по отчеству ка̀къ васъ величаютъ?

— Да на что̀ вамъ мое отчество? Зовите меня просто Маріанной. Зову же я васъ Татьяной.

— И то̀—да не то. Вы ужъ лучше скажите.

— Ну, хорошо: Моего отца звали Викентьемъ. —А вашего какъ?

— А моего—Осипомъ.

— Ну, такъ я буду васъ звать Татьяной Осиповной.

— А я васъ Маріанной Викентьевной. Вотъ оно какъ славно будетъ.

— Что̀ бы намъ съ вами чайку выпить, Татьяна Осиповна?

— На первый случай можно, Маріанна Викентьевна. Чашечкой себя побалую. А то, Егорычъ забрòнитъ.

— Кто это: Егорычъ?

— А Павелъ, мужъ мой.

— Садитесь, Татьяна Осиповна.

— И то̀ сяду, Маріанна Викентьевна.

Татьяна присѣла на стулъ и начала пить чай въ прикуску, безпрестанно поворачивая въ пальцахъ кусочекъ сахару и щурясь глазомъ съ той стороры, съ какой она прикусывала сахаръ. Маріанна вступила съ нею въ разгововъ. Татьяна отвѣчала не чинясь и сама распрашивала и разсказывала. На Соломина она чуть не молилась, а мужа своего ставила тотчасъ послѣ Василія Ѳедотыча. Фабричнымъ житьемъ она однако тяготилась:

— Ни тебѣ городъ здѣсь, ни деревня!... Безъ Василія Ѳедотыча и часу бы я не осталась!

Маріанна слушала ея разсказы внимательно. Усѣвшійся въ сторонкѣ Неждановъ наблюдалъ за своей подругой, и не удивлялся ея вниманію: для Маріанны это было все вновѣ—а ему казалось, что онъ подобныхъ Татьянъ видѣлъ цѣлыя сотни—и говорилъ съ ними сотни разъ.

— Вотъ что, Татьяна Осиповна,—сказала наконецъ Маріанна:—вы думаете, что мы хотимъ *учить* народъ; нѣтъ—мы *служить* ему хотимъ.

— Какъ такъ служить?—Учите его; вотъ вамъ и служба. Я хоть съ себя примѣръ возьму. Я какъ за Егорыча вышла—ни читать, ни писать не умѣла; а теперь вотъ знаю, спасибо Василію Ѳедотычу. Не самъ онъ училъ меня, а заплатилъ одному старичку. Тотъ и выучилъ.—Вѣдь я еще молодая, даромъ что рослая.

Маріанна помолчала.

— Мнѣ, Татьяна Осиповна,—начала она опять,—хотѣлось бы выучиться какому нибудь ремеслу... да мы еще поговоримъ объ этомъ съ вами.—Шью я плохо, еслибъ я выучилась стряпать—можно бы и въ кухарки пойти.

Татьяна задумалась.

— Какъ же такъ въ кухарки?—Кухарки у богатыхъ бываютъ, у купцовъ: а бѣдные сами стряпаютъ. А на артель готовить, на рабочихъ... Ну ужъ это совсѣмъ послѣднее дѣло!

— Да мнѣ бы хоть у богатаго жить, а съ бѣдными знаться. А то, ка̀къ я съ ними сойдусь? Не все же такой случай выдетъ, какъ съ вами.

Татьяна опрокинула пустую чашку на блюдечко.

— Это дѣло мудреное,—промолвила она наконецъ со вздохомъ;—около пальца не обвертишь. Что умѣю—покажу,—а многому я сама не учена́. Съ Егорычемъ потолковать надо. Вѣдь онъ какой? Книжки всякія читаетъ—и все можетъ сейчасъ какъ руками развести.—Тутъ она взглянула на Маріанну, которая свертывала папироску...—И вотъ еще что, Маріанна Викентьевна: извините меня; но коли вы точно опрòститься желаете,—такъ это ужь вамъ придется бросить.—Она указала на папироску.—Потому, въ тѣхъ званіяхъ, хоть бы вотъ въ кухаркахъ,—этого не полагается; и васъ сейчасъ всякій признаетъ, что вы есть барышня. Да.

Маріанна выбросила папироску за окно.

— Я курить не буду... отъ этого легко отвыкнуть. Простыя женщины не курятъ; стало быть, и мнѣ не слѣдъ курить.

— Это вы вѣрно сказали, Маріанна Викентьевна. Мужской полъ этимъ балуетъ и у насъ, а женскій—нѣтъ. Такъ-то!...»

Изъ этого разговора «барышни» и «настоящей русской женщины», полной ума и здраваго смысла, живо обозначаются тѣ несоединимые полюсы, что лежали между ними. Надо полагать, что онѣ плохо даже другъ друга понимали... «Погляжу я на васъ,—говоритъ Татьяна,—какіе же вы оба молоденькіе да квòленькіе... Такъ пріятно на васъ глядѣть, что даже печально! Эхъ, голубчики мои! Берете вы на себя тяготу не въ моготу!...»

Но «голубчики» не слишкомъ-то огорчаются этимъ вѣрнымъ и безпристрастнымъ приговоромъ, произнесеннымъ надъ ними «русскою женщиною»,—и въ скорости переряживаются въ простые костюмы и «идутъ въ народъ»—пропагандировать. То есть, идетъ собственно одинъ Неждановъ, а Маріанна, по совѣту Соломина, остается дома.

— «Это не женское дѣло,—говоритъ онъ ей: —А вотъ, вы сегодня какую-нибудь Лукерью чему нибудь доброму научите;—и трудно вамъ это будетъ, потому что не легко понимаетъ Лукерья, и васъ чуждается,—да еще воображаетъ, что ей совсѣмъ не нужно то̀, чему вы ее учить собираетесь;—и недѣли черезъ двѣ или три вы съ другой Лукерьей помучитесь; а пока—ребеночка вы помоете, или азбуку ему покажете, или больному лекарство дадите... вотъ вамъ и начало».

На возраженіе Маріанны, что вѣдь это сестры милосердія дѣлаютъ, а что ей бы «хотѣлось собой пожертвовать», Соломинъ строго замѣчаетъ ей, что, напримѣръ, «шелудивому мальчику волосы расчесать — жертва; и большая жертва, на которую не многіе способны».

Маріанна послушалась Соломина — осталась дома, принялась помогать Татьянѣ мыть горшки, щипать куръ и, наконецъ, нашла даже какого-то вихрястаго мальчика и причесала ему голову.

Этимъ, пока, и ограничились всѣ ея порывы къ «опростѣнію».

Не большій успѣхъ имѣлъ и Неждановъ, вернувшійся изъ своей экскурсіи въ тотъ же день, къ обѣду. Онъ возвратился усталый, запыленный—и, главное, разочарованный и убитый духомъ.

Вотъ какъ разсказываетъ онъ Маріаннѣ о своихъ похожденіяхъ:

— «Во первыхъ, я убѣдился, что ничего нѣтъ легче, какъ разыгрывать роль: никто и не думалъ подозрѣвать меня.—Только вотъ чего я не сообразилъ: надо сочинить какую нибудь исторію... а то спрашиваютъ: откуда? почему?—а у тебя ничего не готово. Впрочемъ, и это почти не нужно. Предложи только шкаликъ водки въ кабакѣ—и ври, что̀ угодно. Во-вторыхъ: всѣ, рѣшительно всѣ люди, съ которыми я разговаривалъ—недовольны; и никому даже не хочется знать, какъ пособить этому недовольству!—Но въ пропагандѣ я оказался—швахъ; двѣ брошюрки просто тайкомъ оставилъ въ горницахъ, одну засунулъ въ телѣгу... Что̀ изъ нихъ выдетъ—Ты единъ, Господи, вѣси!—Четыремъ человѣкамъ предлагалъ брошюры. Одинъ спросилъ: божественная ли это книга?—и не взялъ; другой сказалъ, что не знаетъ грамотѣ—и взялъ для дѣтей,—потому на обложкѣ есть рисунокъ; третій сперва мнѣ все поддакивалъ-«тэ-экъ, тэ-экъ...» потомъ вдругъ выругалъ меня самымъ неожиданнымъ образомъ, и тоже не взялъ; четвертый, наконецъ, взялъ—и много благодарилъ меня; но, кажется, ни бельмеса не понялъ изо всего того, что̀ я ему говорилъ. Кромѣ того, одна собака укусила мнѣ ногу; одна баба съ порогу своей избы погрозилась мнѣ ухватомъ, прибавивъ: «у, постылый! Шалопуты вы московскіе!—Погибели на васъ нѣту-ти!»—Да еще одинъ солдатъ безсрочный все мнѣ въ слѣдъ кричалъ: «Погоди, постой! мы тебя, братъ, распатронимъ!»—А на мои же деньги напился!

— А еще что?—спросила Маріанна.

— Еще что?—Я натеръ себѣ мозоль: одинъ сапогъ страшно великъ. А теперь я голоденъ,—и голова трещитъ отъ водки.

— Да развѣ ты много пилъ?

— Нѣтъ, не много—для примѣру; но былъ въ пяти кабакахъ. Только, я совсѣмъ этой мерзости—водки—не переношу. И какъ это нашъ народъ ее пьетъ—непостижимо! Если нужно пить водку, чтобы опроститься,—слуга покорный!»

Такимъ образомъ, проходитъ около двухъ недѣль. Чистыя, совершенно невинныя отношенія молодыхъ людей не измѣняются: они остаются между собою, по прежнему, братомъ и сестрою. Но въ это время Неждановъ начинаетъ замѣчать, что Маріанна все болѣе и болѣе поддается вліянію Соломина, который, въ свою очередь, привязывается къ ней. Вслѣдствіе этого, Неждановъ приходитъ къ убѣжденію, что онъ не достоинъ любви молодой дѣвушки, что самая пропаганда ему не по силамъ и что онъ, наконецъ, утрачиваетъ *вѣру* въ то дѣло, за которое взялся «охъ, трудно, трудно эстетику соприкасаться съ дѣйствительною жизнью!»—восклицаетъ онъ...

И въ самомъ дѣлѣ, эта «дѣйствительная жизнь» обдавала молодаго пропагандиста на каждомъ шагу холодною водой. То, вдругъ, въ одномъ кабакѣ, принимаютъ его за «жулика»; въ другомъ мѣстѣ вышло еще хуже. Одинъ мужичекъ слушалъ-слушалъ его, да и брякнулъ: «Ты, баринъ, не размазывай, а прямо скажи: отдашь ли ты всю свою землю, какъ есть,—аль нѣтъ?..»

Разъ ставъ на точку невѣрія, Неждановъ утрачиваетъ, мало по малу, вѣру и въ самого себя, и въ свои силы. «Нужно *вѣрить* въ то, что̀ говоришь. А я начну говорить, точно виноватый, все прощенья прошу.—Хоть въ раскольники бы пошелъ, право; мудрость ихъ не велика... Да, гдѣ вѣры-то взять, вѣры!!...» Далѣе (въ томъ же замѣчательно искреннемъ письмѣ Нежданова къ Силину), онъ прибавляетъ: «Право, мнѣ кажется, что если бы гдѣ нибудь теперь происходила народная война—я бы отправился туда не для того, чтобы освобождать кого бы то ни было (освобождать другихъ, когда свои не свободны!!)—но чтобы покончить съ собою».

Свое замѣчательное письмо Неждановъ заканчиваетъ довольно длиннымъ и желчнымъ, но очень сильнымъ и картиннымъ стихотвореніемъ «Сонъ», гдѣ вся Русь изображается погруженною въ непробудную, сказочно-волшебную спячку,—и лишь

«Одинъ кабакъ не спитъ и не смыкаетъ глазъ,—
И штофъ съ очищенной всей пятерней сжимая,
Лбомъ въ полюсъ упершись, а пятками въ Кавказъ,
Спитъ непробуднымъ сномъ отчизна, Русь святая!...»

Къ своему письму Неждановъ дѣлаетъ слѣдующій post-scriptum: «Да, нашъ народъ спитъ... Но, мнѣ сдается, если что̀ его разбудитъ—это будетъ не то, что *мы* (т. е. пропагандисты) думаемъ...»

И. З.

(*Окончаніе въ слѣдующемъ №.*)

Между Болгарами.

Путешествіе Вильгельма Лежана.

(*Продолженіе*).

Черкеская эмиграція надолго останется позорнымъ пятномъ современной турецкой администраціи, очень богатой, впрочемъ, подобнаго рода фактами. Послѣ окончательнаго завоеванія Кавказа, извѣстное число воинственныхъ племенъ, которыя до того времени жили на счетъ своихъ земляковъ, попали въ очень непріятное положеніе. Русское правительство не хотѣло признать существованія такихъ, ничего недѣлающихъ аристократовъ, которые пользовались привелегіями надъ трудящимся народомъ еще въ то время, когда Кавказъ считался свободнымъ. Эти племена нисколько не думали о трудѣ; въ ихъ глазахъ, какъ и въ глазахъ всѣхъ варваровъ, трудъ есть безчестье. Во время такого-то положенія, между ними появились турецкіе агенты и начали разсказывать, что загорные братья-мусульмане готовы ихъ принять въ распростертыя объятія. Человѣкъ обыкновенно вѣритъ тому, что для него пріятно и полезно, и черкесы повѣрили агентамъ Турціи, которой казалось, что этимъ она отплачиваетъ русскому правительству. Россія рада была эмиграціи, а мѣстами даже къ этому принуждена. О послѣднемъ фактѣ пишетъ и Верещагинъ.

Легко понять удивленіе Турціи: она ожидала тысячъ двадцать пришельцевъ, а между тѣмъ, въ нѣсколько мѣсяцевъ, прибыло ихъ четыреста тысячъ человѣкъ. Что дѣлать?! Надо же было какъ нибудь ихъ размѣстить по всей имперіи въ тридцати милліонномъ населеніи Турціи. Къ тому же нужно было поспѣшить, тѣмъ болѣе, что прежде объ этомъ не было подумано. Соображались, учреждали различныя коммисіи, высылали пашамъ указы, а собравшаяся огромная масса эмигрантовъ подъ городомъ на сырыхъ поляхъ вымирала отъ нужды, голода, холода и тифа. Пароходы переполнялись этими несчастными. На одномъ греческомъ пароходѣ, построенномъ только на сто человѣкъ, помѣстили ихъ до четырехсотъ, а довезено до Крита только сто пятьдесятъ, остальные больные и мертвые были брошены въ море. Этимъ болѣе всего пользовались торговцы невольниками. Нѣтъ ничего удивительнаго, что умирающіе съ голоду не колебались продавать своихъ дочерей за пятьдесятъ франковъ, а иногда и менѣе. Не одинъ также предпочиталъ продать роднаго ребенка скорѣе, чѣмъ любимую янычарку. Между другими былъ захваченъ египетскій корабль съ восемьюстами молодыхъ черкешенокъ, предназначаемыхъ для продажи въ Александріи. Владѣтель имѣлъ при себѣ тэскерэ (паспортъ) выданный, высшимъ константинопольскимъ правительствомъ. Въ этомъ тэскерэ владѣтель черкешенокъ былъ названъ «членомъ корпораціи торговли невольниками». Эта корпорація оффиціально существуетъ въ Стамбулѣ, хотя торгъ невольниками считается съ 1856 г. уничтоженнымъ; это лучшее доказательство какъ турецкій диванъ соблюдаетъ и исполняетъ реформы, о которыхъ столько пишутъ.

Выѣздъ изъ Органье. — Шарваркъ. — Караулъ. — Софія.

На другой день, около шести часовъ утра, я выѣхалъ изъ Органье въ Софію по дорогѣ, гдѣ встрѣтилъ много крестьянъ, занятыхъ шарваркомъ: били камень подъ шоссе. Безъ малѣйшаго удивленія я убѣдился, что между всѣми этими работниками не было ни одного мусульманина. Я вспомнилъ, не безъ грусти, о прекрасной реформѣ Митхада-паши «общая равноправность», о той прекрасной реформѣ, которая должна была быть введенною во всѣхъ турецкихъ вилайетахъ и столь восхваляемой всѣми европейскими либеральными публицистами. Я увѣренъ, что у Митхада намѣренія хорошія, но не хватаетъ энергіи для наблюденія за исполненіемъ своихъ приказовъ... Органическая равноправность, какъ и другія тому подобныя реформы, осталась утвержденной только для того, чтобы въ Красной книгѣ были аргументы для отвѣта на дипломатію Россіи, на умѣренныя замѣчанія Франціи. Если уже вопросъ въ такомъ направленіи утвержденъ, то его кладутъ подъ миндеръ атти (коверъ, покрывающій диванъ, на которомъ турецкій чиновникъ весь день сидитъ и лежитъ. Бумаги менѣе важныя обыкновенно онъ прячетъ подъ этотъ коверъ, миндеръ атти, а затѣмъ о нихъ забываетъ. Выраженіе это совершенно подходитъ къ нашему «подъ столъ, въ корзинку») откуда, при надобности, снова вынимается. Турецкое правительство притѣсняло болгаръ работами, за то оно обладаетъ множествомъ шоссе. Въ другихъ вилайетахъ было иначе. Напримѣръ, въ Эпирѣ было приказано одной волости внести извѣстную сумму денегъ на сооруженіе дорогъ; обремененные податями крестьяне просили дозволить имъ самимъ соорудить дороги, въ замѣнъ взноса налога. Власть отвѣтила, что ей, кромѣ труда, нужны и деньги. Дѣлать было нечего, налогъ «на дороги» нужно было внести, но дорогъ не сдѣлали никакихъ. Цивилизованныя учрежденія въ рукахъ варваровъ или продажныхъ агентовъ—самыя страшныя орудія къ преслѣдованіямъ и притѣсненіямъ.

Но вскорѣ я избавился отъ этихъ грустныхъ мыслей, въѣхавъ въ долину, представляющую роскошь дикой природы. Чрезъ два часа послѣ выѣзда изъ Органье я прибылъ къ *караулу* турецкихъ солдатъ. Эти караулы составляютъ домики различной конструкціи, и въ каждомъ изъ нихъ помѣщаются два или три солдата, которые смѣняются то для конвоя почты, то для сопутствованія правительственнымъ агентамъ или путешественникамъ, имѣющимъ султанскій фирманъ. Турки переняли караулы отъ Византійской имперіи, потому что въ *иституціяхъ* Константина Порфиророднаго есть особый отдѣлъ объ этихъ пикетахъ, по гречески φρουρια; эти послѣдніе, на сколько мнѣ кажется, были наслѣдниками блокгаузовъ, воздвигнутыхъ Юстиніаномъ противъ славянъ. Я вошелъ въ караулку. Булукъ-Баша (бригадиръ) меня попросилъ занять подлѣ него мѣсто на диванѣ и предложилъ кофе. Въ разговорѣ трунилъ надо мною, когда узналъ, что я намѣренъ карабкаться на горы.

— Это ему ничего не стоитъ,—сказалъ мой драгоманъ, Димитрій,—если бы видѣли, какъ онъ скачетъ по горамъ, то вы бы подумали, что это заяцъ, а не человѣкъ.

Начиная отъ Органье, дорога шла все въ гору, чего даже я и не замѣчалъ, но когда вышелъ изъ караулки, то вершину горъ я увидѣлъ уже предъ собою, не далѣе какъ на разстояніи одного километра.

Не знаю, какъ это случилось, но я достигъ до нея въ три четверти часа. Это своего рода округленный хребетъ, съ обнаженнымъ скатомъ къ сѣверу, съ котораго я долженъ былъ спускаться. Хребетъ балканскихъ горъ вездѣ одинаковъ; съ сѣвера отлогіе склоны его, покрытые дубовыми лѣсами, пересѣкаются крутыми оврагами; съ юга склоны круты, безлѣсны съ отлогими долинами и оврагами.

Около двухъ часовъ я кружился еще у подножья Балканъ, а около Ташкессе я вошелъ въ долину Софіи. Изъ Ташкессе я добрался до Софіи въ шесть часовъ по хорошему прямому шоссе. Въ Софіи австрійскій вице-консулъ, г. Лутеротти, принялъ меня радушно, такъ что я даже забылъ о тяжелой двухнедѣльной дорогѣ.

Софія—большой, но скучный городъ, съ 20,000 жителей и такъ раскинута, что кажется жителей должно было бы быть вдвое болѣе. Памятниковъ нѣтъ никакихъ, кромѣ древней болгарской базилики, передѣланной въ мечеть, которая, въ послѣднее землетрясеніе, превратилась въ развалины. Эта базилика построена въ честь св. Софіи по образцу царьградской, и отъ нея то городъ получилъ свое названіе.

Въ древности онъ назывался Традица, или Средецъ и былъ одною изъ трехъ болгарскихъ столицъ. Другія двѣ—Преслави и Тырново. Болгары жалуются, что при новой организаціи дунайскаго вилайета, турецкое правительство обошло всѣ эти три города, дорогіе ихъ сердцу и возвысило Рущукъ, на дунайскую крѣпость, не имѣющую никакой исторической извѣстности. Въ этомъ они видятъ намѣреніе турокъ преслѣдовать народныя преданія, которыя долго существуютъ и легко могутъ проснуться. Можетъ быть это и такъ, но, съ другой стороны, не трудно доказать, что Порта не могла иначе поступить

Хотя въ нѣкоторой степени ясно, что основаніе вилайета было въ извѣстномъ родѣ военно-политическимъ маневромъ противу болгаръ, но это была проба административной реформы. Рущукъ, по своему положенію, одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ, съ точки зрѣнія администраціи. Съ одной стороны онъ соединяется по Дунаю съ Виддиномъ, Силистріей, Тульчей и Кустендзе; съ другой, отъ Константинополя, Шумлы и Варны только нѣсколько часовъ ѣзды по желѣзной дорогѣ.

Ко всему этому нужно прибавить румынскую желѣзную дорогу изъ Бухареста въ Гургіево, чрезъ которую Рущукъ становится открытымъ портомъ для всей Италіи и восточной Венгріи. Достаточно взглянуть на карту, чтобы убѣдиться, что въ настоящее время, когда политическое и торговое значеніе города зависитъ отъ скорости сообщенія, Софія не имѣетъ никакой будущности, какъ перворазрядный городъ.

Черезъ нее можетъ проходить только одна желѣзная дорога, турецко-сербская, отъ Бѣлграда въ Константинополь чрезъ Нишъ, Софію и Адріанополь. Съ сосѣдними даже городами, какъ Враца, Плевно, Ловча, существуютъ шоссе, съ трудомъ и расходами содержимыя по крутымъ склонамъ высокихъ горъ. Торговое значеніе Софіи весьма малое, но производительная сила могла бы значительно развиться, если бы не позорная администрація. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, съ одной стороны бѣлградская, а съ другой—американская желѣзныя дороги (изъ Никополя въ Плевно), позволятъ отправлять за границу Болгаріи хлѣбъ и шерсть. Какъ только цѣны на хлѣбъ въ Софіи подымутся, то и земледѣлецъ болгарскій будетъ въ правѣ ожидать соотвѣтственнаго своему труду вознагражденія, котораго въ Молдавіи и Валахіи давно уже достигли.

Восхожденіе на Витошу.—Болгарское населеніе въ Софіи.—Чирбадзе.—Продажность чиновниковъ: дэветъ, эффенди.—Вопросъ будущности.

Желая пріобрѣсти понятіе объ окрестности, я постановилъ взобраться на Витошу, широкую, поросшую кустарникомъ, гору, вышиною около 7,000 футовъ, господствующую надъ Софіей съ южной стороны. Склоны горы, испещренные глубокими долинами, лѣсами, представляютъ удивительный контрастъ съ нагой вершиной, болотистой и совершенно безплодной. Частицы грунта, унесенныя водою со склоновъ, осѣли у подножья горы и образовали каменистую обручь мѣстами покрытую кустарникомъ. Сначала я пробирался сквозь эту обручь, затѣмъ, тропинкой среди густаго лѣса, достигъ небольшаго болгарскаго монастыря Спасителя, откуда открывается чудный видъ на окрестности. Подкрѣпивъ силы въ монастырѣ, я пошелъ далѣе; идти было хорошо, пока я могъ держаться тѣнистаго берега одного изъ хрустальныхъ потоковъ, называемыхъ турками *Балканчсу* (балканская вода), но чѣмъ дальше, тѣмъ скалы становились труднѣе. Болѣе получаса я долженъ былъ буквально прыгать съ одной на другую, и добрался до вершины измученный въ высшей степени. Отсюда вся равнина Софіи видна, какъ на ладони. И въ самомъ дѣлѣ, это дно красиваго, овальнаго озера, пропавшаго въ какую нибудь глубокую щель. Вдали, направо, чернѣетъ широкое русло Искера, прозрачнаго, быстраго и во время таянія снѣговъ разливающагося. Отъ Софіи эта рѣка находится на двухъ часовомъ разстояніи, а около города протекаетъ только маленькій ручеекъ, подъ драматическимъ названіемъ Канли-су (кровавая вода). По окрестности разсѣяно до пятидесяти деревушекъ, свидѣтельствующихъ о плодородности почвы и производящихъ на путешественника пріятное впечатлѣніе довольства.

Схожденіе съ горы представляло еще болѣе затрудненія. Мѣстами склоны были такъ круты, что, встрѣчая траву, я садился на землю и съѣзжалъ какъ по снѣгу. Въ монастырѣ предложили мнѣ монахи обѣдъ, и я не жалѣлъ бакшиша, который нужно было, при прощаніи, пожертвовать игумену или его помощнику. Читателю, можетъ быть, не понравится, что гостепріимство и радушіе, въ данномъ случаѣ, оказались не безплатны и нужно платить въ божьемъ домѣ за подкрѣпленіе силъ, но меня нисколько это не удивило. Я пріѣхалъ въ святое мѣсто не для молитвъ, и къ тому же я былъ не одинъ: я имѣлъ съ собою до восьми человѣкъ и двѣ лошади; ничего нѣтъ удивительнаго, что, причинивъ монахамъ хлопоты, я заплатилъ имъ за ихъ радушный пріемъ. Къ тому, нужно прибавить, что деньги съ меня взяли, но ихъ отъ меня не требовали; я могъ уѣхать ничего не заплативъ, и еще на дорогу меня бы навѣрно благословили, но составили бы не лестное обо мнѣ мнѣніе, чего я нисколько не желалъ. Въ болгарскихъ монастыряхъ, доступныхъ для всякаго путешественника, только одинъ разрядъ людей пользуется безплатностью, это —турецкіе агенты и вообще путешествующіе эффенди. Монахи отдаютъ имъ все лучшее, но не получаютъ за это ни гроша.

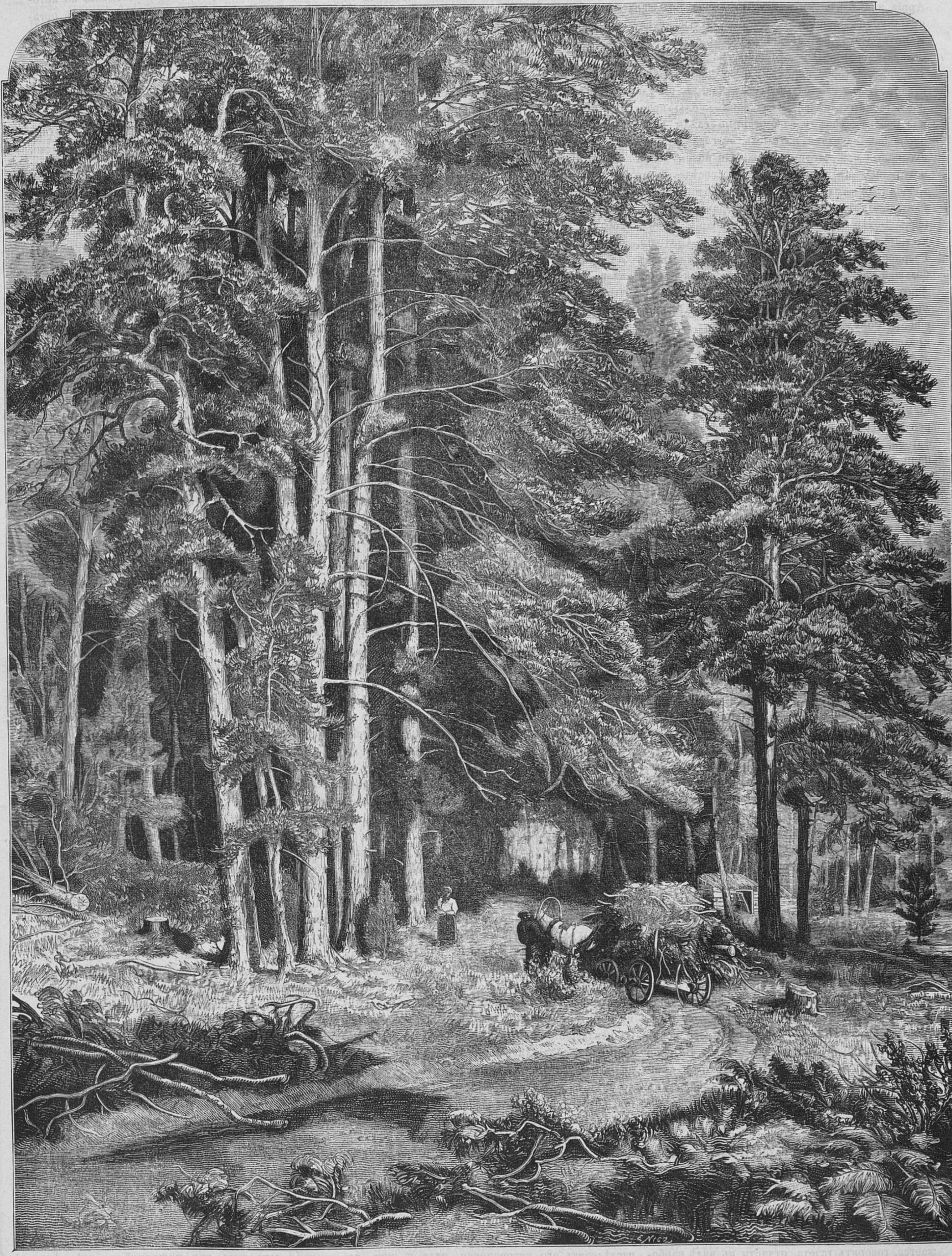
Нѣсколько дней моего пребыванія въ Софіи я посвятилъ небольшимъ прогулкамъ по окрестностямъ. Преимущественно интересуясь географіей, я обращалъ особое вниманіе на частное и политическое положеніе края. Не думаю, чтобъ въ Софіи существовала общественная жизнь, а во время моего пребыванія строгія мѣры правительства увеличивали обыкновенную народную апатію. Подъ предлогомъ сношеній съ инсургентами, власть арестовала и выслала въ Рущукъ множество чербадзовъ и, разумѣется, самыхъ богатыхъ. Такія мѣры трудно понять, потому что, насколько мнѣ кажется, у Порты нѣтъ подданнаго лучше этого христіанскаго народа. Можетъ быть, подобное мнѣніе удивитъ не одного читателя, а потому я долженъ нѣсколько объясниться.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

* * *

Новости наукъ и жизни.

Археологія. Открытіе гробницъ на эсквилинской горѣ. Въ Римѣ, археологическія открытія слѣдуютъ другъ за другомъ. Недавно, напр., открытъ интересный памятникъ римской древности, auditorium, или зала для совѣщаній, а теперь сообщаютъ объ открытіи римскихъ гробницъ на эсквилинской горѣ. Извѣстно, что на этой горѣ производится нивелировка для расширенія города, и вотъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, между желѣзной дорогой и Via di Porta Maggiore рабочіе наткнулись на часть древнихъ стѣнъ, которыя, по словамъ «Аугсбургской газеты», составляютъ одно изъ важнѣйшихъ археологическихъ открытій, сдѣланныхъ въ послѣдніе годы въ предмѣстьѣ Рима. Раскопки, производящіяся подъ руководствомъ инженера Джіовани Паннни, еще не кончены и быть можетъ, что самыя интересныя вещи еще находятся подъ землей. Несомнѣнно только то, что въ настоящее время открыто собраніе «колумбаріевъ», которое вполнѣ заслуживаетъ вниманіе археологовъ. Въ древнемъ Римѣ, колумбаріями называли ниши, въ которыхъ помѣщались урны съ пепломъ умершихъ; въ каждой ниши находилось по двѣ урны, а въ цѣлой гробницѣ иногда заключалось 100 и болѣе нишъ, причемъ урны нѣсколько выдавались изъ отверстій, а остальныя ихъ части помѣщались въ стѣнѣ, на которой изображены были имена умершихъ. До сихъ поръ открыто около 12 такихъ гробницъ: три самыя значительныя найдены близь Porta San Sabastiano, въ 1838 г. найдены двѣ гробницы въ Villa Pamfili и въ 1871 г. найдено 5 почти сохранившихся гробницъ съ урнами въ томъ мѣстѣ, гдѣ пересекаются Via Labicana и Via Proenestina. Во всѣхъ этихъ гробницахъ урны оказались или стоящими отдѣльно, или небольшими группами, между тѣмъ какъ въ нынѣ открытой гробницѣ всѣ урны помѣщены вмѣстѣ. Объ этомъ открытіи носились въ Римѣ различные толки: увѣряли, напр., что эти гробницы относятся въ эпохѣ римскихъ царей, основываясь на нѣкоторыхъ рисункахъ, представляющихъ сцены изъ первыхъ временъ существованія Рима, и даже говорили, что тамъ находятся остатки этрусской архитектуры. Открыто около 12 колумбаріевъ, изъ которыхъ только нѣкоторые хорошо сохранились, а нѣкоторые, по неизвѣстной причинѣ, были покрыты землей. Отдѣльныя



Лѣсная дорога. Снимокъ съ картинны Академика Шишкина.

гробницы не такъ велики и не такъ глубоки какъ, напримѣръ, гробницы, найденныя на Via Appia или близь Villa Pamfili; самая большая ихъ глубина равняется 4 метрамъ. Близь перваго открытаго колумбарія находится остатокъ строенія, безъ всякихъ «Iоculi», или углубленій для урнъ, которое вѣроятно было частной собственностью, или служило для какихъ нибудь общественныхъ цѣлей. Мозаиковый полъ, красная краска стѣнъ и несомнѣнные слѣды водопроводовъ наводятъ на мысль, что здѣсь были публичныя или частныя бани. Но почему бани находились въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ гробницами — это разъяснятъ археологи. — Затѣмъ слѣдуетъ самый центръ собранія колумбаріевъ. Болѣе сохранившійся колумбарій, принадлежитъ, какъ полагаютъ, семейству Статилія. Разрисованныя стѣны и сводъ представляютъ большей частью событія изъ древнѣйшей исторіи Лаціума, какъ напр. пріѣздъ Энея, его войны и миръ съ рутулами, построеніе города Лавиніи, юность Ромула и Рема и многія друг. событія, предшествовавшія основанію Рима. Нѣсколько далѣе слѣдуетъ меньшій колумбарій съ разными мраморными плитками съ круглыми отверстіями, въ которыя вѣроятно вставлялись вазы съ благовоніями. Тамъ же найдено много маленькихъ алтарей (oediculae), равно какъ и нѣсколько саркофаговъ, въ которыхъ сохранялись трупы; такъ напр., близь гробницы семейства Статилія, оказалась другая гробница, въ которой различные члены какого то семейства были похоронены въ саркофагахъ. Тамъ же найденъ гробъ изъ известняка, содержавшій въ себѣ скелеты 3 взрослыхъ людей и одного ребенка.—При этомъ вспоминаютъ, что люди богатые и принадлежавшіе къ привиллегированному классу первые отказались отъ сожиганія труповъ, а со времени Антоніевъ этой обычай сталъ выходить изъ употребленія.—Какъ внутри, такъ и въ окрестностяхъ колумбаріевъ встрѣчались человѣческія кости, и на этотъ разъ найдено нѣсколько хорошо сохранившихся череповъ.—Эти остатки, многочисленныя надписи (около 300), урны и домашняя утварь, относящіеся къ эпохѣ римскихъ императоровъ, помѣщены въ одномъ изъ сосѣднихъ зданій и представляютъ довольно значительный музей.—Говорятъ, что римское городское управленіе ведетъ переговоры съ Обществомъ, производящимъ работы, насчетъ уступки мѣстности, гдѣ сдѣланы послѣднія открытія; но до сихъ поръ эти переговоры не имѣли успѣха. Въ случаѣ же уступки, археологическая коммисія будетъ продолжать раскопки, съ необходимой въ данномъ случаѣ осторожностью.

Ботаника. Что такое юта. Это растительное волокно, которое 25 лѣтъ обрабатывается въ значительномъ количествѣ, особенно въ Англіи, принадлежитъ уже къ важнѣйшимъ матеріаламъ различныхъ тканей, составляющихъ предметъ европейской промышленности. Юта есть собственно лубъ индійскаго дерева, изъ породы липовыхъ, и разводится преимущественно въ Явѣ, Суматрѣ, Цейлонѣ и проч. Отдѣленіе юты, послѣ вымачиванія, производится очень легко. Волокно въ двое длиннѣе льнянаго и пеньковаго и отличается почти бѣлымъ цвѣтомъ, съ сильнымъ блескомъ, но подъ вліяніемъ воздуха скоро темнѣетъ. У насъ въ изрядномъ количествѣ получаются ютовые мѣшки вмѣстѣ съ кофе, индійскою или американскою ватой. Недавно въ «Рижскомъ Вѣстникѣ» сообщалось, что докторъ Д., завѣдующій приготовленіемъ юты, сдалъ 8½ пудовъ ютовой корпіи для отправленія, черезъ славянскій комитетъ, на театръ войны. Дальнѣйшее приготовленіе этой ютовой корпіи продолжается, говоритъ газета, отчасти въ видѣ карболовой, отчасти въ видѣ тимоловой и кровоостанавливающей. Въ виду частыхъ со стороны медиковъ жалобъ на совершенную негодность доставляемой корпіи, не рѣдко совершенно гнилой, даже съ непріятнымъ запахомъ—обстоятельство, имѣющее, какъ извѣстно, самое пагубное вліяніе на заживленіе раны — нельзя не обратить вниманія на эту новую отрасль производства ютовой корпіи.

Гигіена. Въ нѣмецкихъ газетахъ разсказанъ случай, могущій служить предостереженіемъ любителямъ цѣловать собакъ. Одна молодая дѣвушка впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ страдала сильными желудочными болями. Врачи посылали ее на всевозможныя воды, но ничто не помогало. Наконецъ, она обратилась къ новому врачу, который, осмотрѣвъ ее спросилъ: Есть у васъ собака? — Нѣтъ, отвѣчала она. «Но, можетъ быть, была»? — продолжалъ онъ настаивать. — Да, три года тому назадъ была. «И вы ее цѣловали»? — Да, цѣловала. Тогда докторъ объявилъ, что болѣзнь молодой дѣвушки происходитъ отъ того, что къ ней перешла отъ собаки, которую она цѣловала, пузырчатая глиста, крошечный червячекъ, водящійся у собакъ. Глиста проникнула, вѣроятно, черезъ слюну больной, въ ея печень и въ этомъ кроется причина болѣзни, отъ которой паціентка вскорѣ умерла. По вскрытіи оказалось дѣйствительно, что печень ея переполнена безчисленнымъ количествомъ крошечныхъ червячковъ.

— Вредъ шведскихъ спичекъ. Окружной пожарный инспекторъ въ Брауншвейгѣ недавно издалъ отчетъ о вредѣ шведскихъ спичекъ, отчетъ, который предназначался только для города Брауншвейга, но имѣетъ общій интересъ: «Замѣчательно, говорится въ отчетѣ, что за послѣднія пять лѣтъ значительно увеличилось число пожаровъ, именно причины этихъ пожаровъ—неосторожное обращеніе со спичками. Повсюду введены въ употребленіе шведскія спички, не содержащія ни сѣры, ни фосфора, но пропитанныя парафиномъ. Если неосторожно бросить горящую спичку на полъ, то движеніе воздуха при каленіи не въ состояніи потушить огня,—спичка нѣкоторое время горитъ и тлѣетъ до 20 и 30 секундъ. Понятно, что въ такомъ случаѣ легко могутъ загорѣться окружающіе предметы, въ особенности, напр., дамскіе шлейфы, ковры и т. п.». Затѣмъ авторъ приходитъ къ заключенію, что преимущества шведскихъ спичекъ вовсе не такъ значительны, чтобы ихъ можно было предпочесть спичкамъ другихъ фабрикъ.

Библіографія. На дняхъ вышла въ свѣтъ и поступила въ продажу книга Льюиса: «Актеры и сценическое искусство», въ русскомъ переводѣ Ф. И. Павлова, подъ редакціею профессора варшавскаго университета В. А. Яковлева. Сочиненіе Льюиса представляетъ рядъ талантливо написанныхъ литературныхъ портретовъ и профилей замѣчательныхъ актеровъ нашего столѣтія, по преимуществу англійскихъ, съ которыми авторъ, естественно, былъ близко знакомъ, и полезно, какъ одно изъ наиболѣе цѣлесообразныхъ пособій при изученіи драматическаго искусства. За исключеніемъ руководствъ Свѣдѣнцова и Боборыкина, составляющихъ, такъ сказать, теорію драматическаго искусства, на русскомъ языкѣ до сихъ поръ мы не имѣли еще ни одного пособія, которое бы знакомило съ преданіями и школою великихъ мастеровъ драматургіи; съ этой стороны книга Льюиса составляетъ замѣтный вкладъ въ нашу литературу и за переводъ ея нельзя не поблагодарить переводчиковъ. Начинающіе актеры и вообще всѣ любители драматическаго искусства, желающіе основательно изучить сцену, не будутъ принуждены знакомиться съ дѣломъ примитивнымъ способомъ, а могутъ изслѣдовать его исторически, если у нихъ постоянно будутъ подъ рукою такія сочиненія.

— Сіамскій король напалъ недавно на мысль издать сіамскую энциклопедію, въ которую предполагается включить свѣдѣнія по исторіи, географіи, литературѣ и политической организаціи края. Самъ король напишетъ вступленіе къ этой любопытной книгѣ.

Зоологія. Паркъ черепахъ. «Вѣстникъ Санфранциско» говоритъ, что одною изъ достопримѣчательностей этого города служитъ паркъ черепахъ, расположенный на морскомъ берегу, двѣ трети котораго покрываются во время прилива водою. Въ этомъ паркѣ находится около семи тысячъ черепахъ, и, какъ полагаютъ, въ пескахъ его зарыто не менѣе 30,000 черепашьихъ яицъ. Паркъ этотъ представляетъ любопытное зрѣлище. Подходя къ нему безъ шума, въ солнечное утро, можно видѣть цѣлую массу этихъ животныхъ, тѣсно прижавшихся другъ къ другу и покрывающихъ землю сплошною массою, такъ что песка совсѣмъ не видно. Но при малѣйшемъ шумѣ вся эта масса приходитъ въ движеніе. Страхъ какъ будто оживляетъ этихъ странныхъ животныхъ, и, при всей медленности ихъ движеній, они быстро исчезаютъ подъ водою. Но какъ только все утихнетъ, черепахи тотчасъ же снова выползаютъ на землю. Какъ извѣстно, онѣ кладутъ свои яица въ песокъ, гдѣ отъ солнечной теплоты изъ нихъ выводятся дѣтеныши. Послѣднихъ сажаютъ отдѣльно и покрываютъ отгороженное для нихъ мѣсто сѣткою, чтобы защитить ихъ отъ дикихъ кошекъ, которыя очень лакомы до нихъ. Когда же черепахи выростаютъ, то ихъ сажаютъ въ общій паркъ. Кормятъ ихъ живою рыбою, которую бросаютъ цѣлыми массами въ приготовленный для этого резервуаръ воды. Черепахи растутъ очень медленно; по достиженіи ими роста отъ 7 до 8 вершковъ, ихъ отправляютъ на рынокъ, гдѣ онѣ продаются по 15 — 18 долларовъ дюжина. Американцы — страстные охотники до черепашьяго супа, который составляетъ необходимую принадлежность карты каждаго ресторана.

Техника. Пишущая машина. Въ Америкѣ очень распространенъ остроумный и полезный снарядъ—пишущая машина, еще вовсе неизвѣстная въ Европѣ. Проф. Винклеръ сообщаетъ слѣдующія подробности объ этомъ аппаратѣ:

Пишущія машины фабрикуются американскою фирмою Remington and Sons, Jlon, N. J, и уже выпущено въ обращеніе нѣсколько сотъ тысячъ экземпляровъ. Съ перваго взгляда, эта машина напоминаетъ нѣсколько швейную машину, отъ которой она, впрочемъ, существенно отличается по своему устройству. Процессъ писанія (точнѣе печатанія) посредствомъ машины заключается въ надавливаніи клавишей, такъ что пишущій какъ бы играетъ на фортепьяно; клавиши расположены въ четыре ряда и каждый изъ нихъ соотвѣтствуетъ одной буквѣ или знаку. Управляться съ этими клавишами, по слухамъ, гораздо удобнѣе, чѣмъ съ фортепьянными: послѣ непродолжительной практики всякій новичекъ въ состояніи писать посредствомъ аппарата. Послѣдній устроенъ такъ, что допускаетъ употребленіе какого угодно формата бумаги.

Преимущества автоматическаго писанія передъ обыкновеннымъ многочисленны; но главнымъ образомъ сводятся къ слѣдующему: 1) *Отчетливость и красота шрифта*, качества, которыми обладаетъ лишь меньшинство пишущихъ, особенно при скорописаніи. 2) *Быстрота письма*; между тѣмъ какъ перомъ можно писать maximum отъ 15 до 30 словъ въ минуту, машина ставитъ отъ 30 до 60 словъ въ это же время, слѣдовательно искусный писецъ на машинѣ въ состояніи замѣнить двухъ искустныхъ скорописцевъ, работающихъ перомъ. 3) *Безвредность процесса писанія*, такъ какъ при машинной работѣ нѣтъ надобности придавать корпусу и рукѣ какое нибудь опредѣленное положеніе, но можно писать и сидя и стоя и даже лежа, ударяя по клавишамъ любымъ пальцемъ правой или лѣвой руки. Напрактиковавшемуся писцу не нужно уже и смотрѣть на клавиши точно также какъ опытный игрокъ, исполняетъ что нибудь на память или импровизируя, не смотритъ на клавиши фортепьяно. По этимъ причинамъ съ употребленіемъ машины устраняются всѣ болѣзни, происходящія отъ писанія перомъ, т. е. искривленіи спинныхъ позвонковъ, параличъ пальцевъ, слабость зрѣнія и пр. 4) *Удобство употребленія.* Пишущая машина во всякое время готова къ дѣлу, тогда какъ при ручномъ писаніи, работа часто замедляется недостатками пера или чернилъ. 5) *Экономія*, зависящая отъ быстроты машиннаго письма.

Въ силу своихъ преимуществъ пишущій аппаратъ можетъ быть полезенъ всякому, кто долженъ много и скоро писать, переписчикамъ, служащимъ въ правительственныхъ канцеляріяхъ или въ частныхъ конторахъ, сотрудникамъ газетъ, авторамъ и т. д.

Со шрифта, произведеннаго пишущею машиною, можно получать до 25 копій; уже (одно) это обстоятельство дѣлаетъ аппаратъ неоцѣненнымъ во многихъ случаяхъ.

Главный недостатокъ автоматическаго писанія заключается въ томъ, что, при немъ не такъ удобно дѣлать поправки, какъ при работѣ перомъ. Подобныя поправки приходится во всякомъ, случаѣ исполнять отъ руки, это должно сильно-безобразить шрифтъ. Цѣна пишущей машины еще довольно высока на мѣстѣ, въ Америкѣ, 125 долларовъ.

— Сравненіе качествъ бумаги и растительнаго пергамента. Приготовленіе растительнаго пергамента на фабрикахъ заключается, въ томъ, что безконечный бумажный листъ пропускается посредствомъ вальцевъ черезъ ванну съ крѣпкою сѣрною кислотою, а затѣмъ черезъ промывной чанъ съ водою, для удаленія кислоты Бумага, употребляемая для пергамента, должна быть тщательной выдѣлки и приготовляется изъ однихъ чистыхъ льняныхъ тряпокъ, или изъ одного хлопка. Примѣсь соломы, древесной массы и пр. въ данномъ случаѣ неумѣстна. На Дрезденской фабрикѣ, продуктъ которой былъ взятъ для нижеслѣдующихъ опредѣленій, употребляютъ бумагу изъ хлопка и сѣрную кислоту въ 58—60° Боме, при чемъ 9—9$^1/_2$ частей кислоты разбавляется 1 частью воды. На 100 кило. бумаги расходуютъ 500 кило. такой разбавленной кислоты. Пергаментированіе совершается при температурѣ 10° Ц; продолжительность его 3 секунды.

Только въ послѣднее время удалось разъяснить, въ чемъ заключается процессъ пергаментированія бумаги. Разъясненіе это дано Жираромъ, который доказалъ, что крѣпкая сѣрная кислота, дѣйствуя на поверхность бумаги, превращаетъ клѣтчатку въ клейкое, подобное крахмалу вещество *гидроцелюлезу.* Вещество это связываетъ неизмѣнившіяся волокна, какь бы цементомъ, отчего бумага и получаетъ свойство водо-и-воздухонепроницаемости. Переходя въ пергаментъ, бумага теряетъ около 10 проц. своего вѣса, поверхность же листа уменьшается при этомъ на 5—10 проц.

Сравнивая плотность и крѣпость бумаги съ тѣми же свойствами выдѣланнаго изъ нея пергамента, Menzel нашелъ значительную разницу въ пользу послѣдняго, что можно видѣть изъ чиселъ таблицы.

Матеріалы:	Толщина.	Удѣльный в.	Абсолютная крѣпость на 1 кв. миллим.
Бумага	0,234	0,617	1,415
Пергаментъ изъ нея.	0,152	0,964	6,436
Бумага.	0,178	0,543	1,483
Пергаментъ	0,113	0,937	5,111
Бумага	0,134	0,624	1,503
Пергаментъ	0,088	0,927	5,777

Такимъ образомъ, вслѣдствіе обработки сѣрною кислотою, толщина бумаги уменьшается на 34—37 проц.; за то уд. вѣсъ ея увеличивается на 34—42 проц., т. е. почти въ той же пропорціи. Весьма важно значительное приращеніе абсолютной крѣпости, величина которой для пергамента въ 3,5—4,5 раза больше, чѣмъ для бумаги. Изъ дальнѣйшихъ наблюденій оказывается, что пергаментъ гигроскопичнѣе бумаги, но бѣднѣе ея зольными составными элементами. Часть послѣднихъ, очевидно, растворяется въ кислотѣ.

При фабрикаціи пергамента значительную роль играетъ температура кислой ванны во время реакціи, такъ какъ крѣпость получаемаго продукта существенно зависитъ отъ этой температуры. Къ сожалѣнію, опредѣлить нормальный градусъ представляется въ данномъ случаѣ весьма затруднительнымъ, вслѣдствіе возвышенія температуры ванны отъ самой реакціи. (Тех. Сб.)

— Бумага и цивилизація. Кто бы хотѣлъ судить о степени цивилизаціи какого либо народа по качеству употребляемой имъ бумаги, тотъ бы долженъ поставить сѣверныхъ американцевъ во главѣ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ сѣверной Америки расходуется среднимъ числомъ на каждаго жителя по 17-ти фунтовъ бумаги; за ними слѣдуютъ англичанэ (11$^1/_2$ фунтовъ), нѣмцы (8 фунтовъ), французы (7 фунтовъ), италіянцы (3$^1/_2$ фунта), испанцы (1$^1/_2$ фунта) и наконецъ русскіе (1 фунтъ).

Статистика. Въ Лондонѣ больше евреевъ нежели въ Палестинѣ, болѣе католиковъ нежели въ Римѣ, болѣе ирландцевъ нежели въ Дублинѣ и болѣе шотланцевъ нежели въ Эдинбургѣ. Въ лондонскомъ портѣ можно найдти ежедневно тысячу кораблей и девять тысячъ моряковъ. Всякія пять минутъ одинъ человѣкъ рождается, а всякія восемь умираетъ. Строится ежегодно 9,000 новыхъ домовъ.

Со всего свѣта.

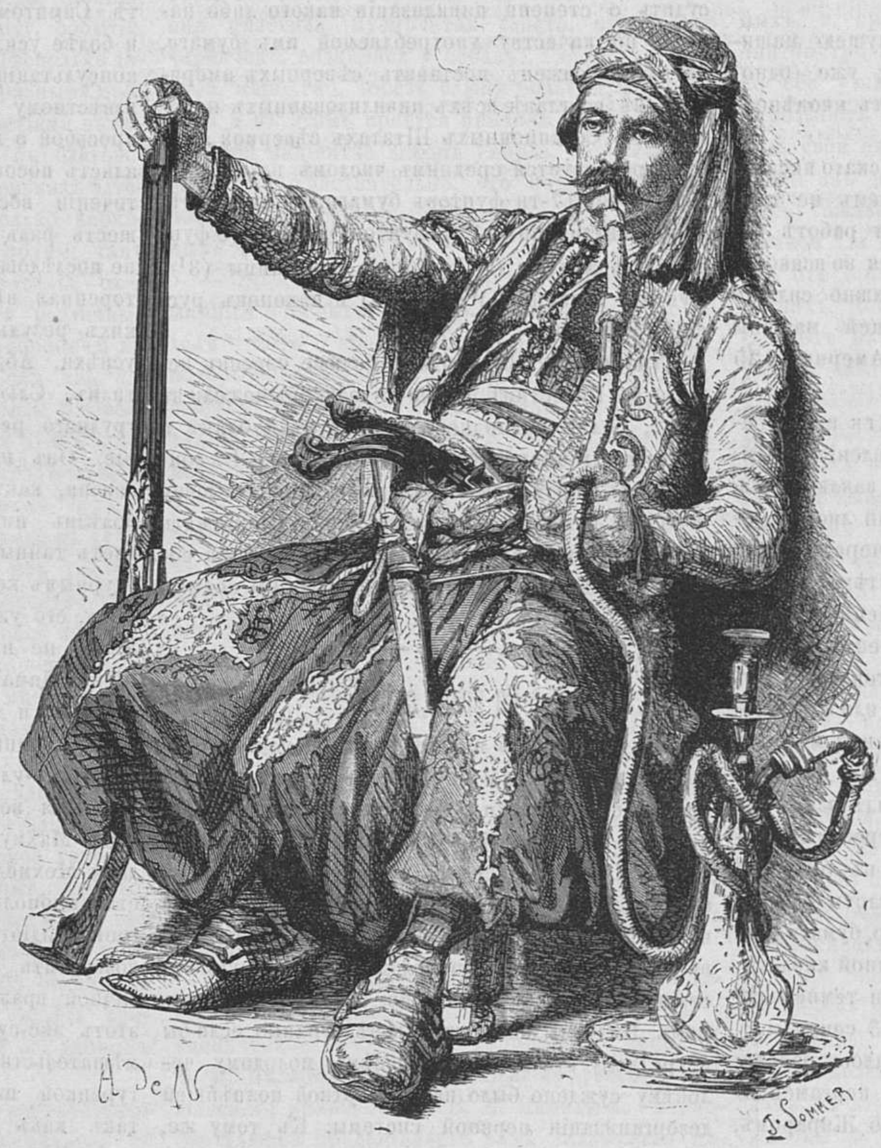
Еще въ самомъ началѣ прошлой недѣли стали ходить сначала смутные, а потомъ и болѣе опредѣленные слухи о болѣзни султана Говорили о его сумашествіи, о размягченіи и паралича мозга. Многіе относились недовѣрчиво къ этимъ слухамъ, основываясь на афоризмѣ: «исторія не повторяется». Сумасбродство Абдулъ-Азиса повременамъ доходило до положительнаго сумашествія, Мурадъ, какъ извѣстно, страдаетъ идіотизмомъ. Было бы, поменьшей мѣрѣ, странно, если бы и третьему султану, еще совсѣмъ молодому человѣку суждено было пасть жертвой полнѣйшей дезорганизаціи нервной системы. Къ тому же, еще не забыты слухи, ходившіе о причинахъ болѣзней первыхъ двухъ султановъ: причины эти, говорятъ, были вызваны политическими интригами; тѣ, кому было это выгодно — устраняли султановъ, или помощью яда, или просто, объявляя ихъ сумашедшими и неспособными управлять государствомъ. — Какъ бы то ни было, но въ настоящую минуту, слухи о болѣзни Абдулъ-Гамида приняли такой опредѣленный характеръ, что, кажется, не нашутку, идетъ рѣчь объ устраненіи и этой «надежды востока». — Оказывается, что востокъ — вообще внѣ историческихъ законовъ и историческіе афоризмы къ нему не примѣняются. Эта страна неожиданностей и фантасмагоріи, — какъ то необыкновенно однообразна въ своихъ историческихъ проявленіяхъ: исторія на востокѣ, какъ-то чрезвычайно однообразна повторяется: настоящій ея періодъ, какъ кажется, главнымъ образомъ выражается сумашествіемъ и устраненіемъ калифовъ.

Вотъ, что сообщаютъ о болѣзни Абдулъ-Гамида: Съ 26-го января (7 февраля) султанъ находится въ состояніи галлюцинаціи. Въ бреду онъ считаетъ себя «жертвой преслѣдованій». Отъѣздъ Митхада повергъ его въ уныніе, меланхолію и страхъ, онъ прячется въ самыя отдаленныя закоулки сераля и не допускаетъ къ себѣ никого за исключеніемъ Дамата-Махмуда и Риза-паши. 25-го янвавя, (на другой день послѣ изгнанія Митхада) онъ потребовалъ къ себѣ брата своего Мехмеда-Решида. Но такъ какъ въ забытьѣ онъ проговорился о своемъ намѣреніи убить принца, то послѣдній не явился на свиданіе. Съ той самой минуты онъ воображаетъ себя жертвой заговора. Въ ночь съ 25 по 26 января, потрясенный страшнымъ кошмаромъ и послѣ неоднократно повторявшихся галлюцинацій съ нимъ сдѣлалось нѣсколько послѣдовательныхъ нервныхъ припадковъ. День 26-го онъ провелъ спокойно, но затѣмъ, состояніе больнаго такъ ухудшилось, что принуждены были призвать во дворецъ доктора Монджіери. Въ пятницу пришлось вести его въ мечеть въ герметически закупоренной каретѣ. Симптомы бреднаго изступленія все болѣе и болѣе усиливается, такъ что въ субботу послѣ консультаціи докторовъ, послана въ Вѣну къ извѣстному психіатру Лейдесдорфу депеша съ просьбой о присылки его совѣта. Вѣнскій спеціалистъ посовѣтовалъ прогулки на Босфорѣ и въ теченіи воскресенія султана катали пять, или шесть разъ въ каикѣ. Но улучшенія отъ этого не послѣдовало и та же гигіеническая мѣра, повторенная въ понедѣльникъ, осталась безъ всякихъ результаковъ. Болѣзнь дѣлаетъ страшные успѣхи. Абдулъ-Гамидъ впалъ въ полный идіотизмъ. Слюня течетъ у него изо рта, какъ у груднаго ребенка и онъ потерялъ всякое сознаніе. Онъ пересталъ слышать — рѣчь его безсвязна, какъ у безнадежнаго сумашедшаго. Его болѣзнь ни для кого въ Стамбулѣ не составляетъ тайны и турки увѣрены, что его подпоили «дурнымъ кофе». На слѣдующую недѣлю въ пятницу, его уже не возили въ мечеть. Во дворцѣ никто не имѣетъ къ нему доступа, за исключеніемъ Дамата-Махмуда, одной изъ дочерей послѣднаго и докторовъ. Даматъ-паша рѣшаетъ государственныя дѣла его именемъ. 5-го февраля у шейхъ-уль-ислама собирался совѣтъ для обсужденія вопроса объ ниспложеніи султана. Дамадъ-Махмудъ желалъ бы предложить въ кандидаты Мехмеда-Решида, къ несчастью всему Константинополю извѣстно, что принцъ этотъ «убогонкій идіотъ». Партія младо-турокъ стремится возвратить тронъ Мураду, по тутъ помѣха въ личной враждѣ къ нему Дамата. Кромѣ того и этотъ экс-султанъ еще не освободился отъ помѣшательства. Повидимому, любимцемъ старотурецкой партіи слѣдуетъ считать Изздина, такъ какъ Махмудъ-Недили-паша выставляетъ его претендентомъ.

Если вѣрить, сообщеніямъ газеты «Times», то нисколько не забѣгая впередъ можно считать Гамида благополучно устраненнымъ съ престола османовъ. Чьярука тутъ дѣйствовала — пока остается въ тайнѣ, что безсомнѣнія вскорѣ откроется; вѣроятнѣе всего, это та же рука, которая подала ножницы Абдулъ-Азису и посадила «карбункулъ» на шею Мурада. Признаки сумашествія Гамида наблюдаются тѣ же самые, какія были у Мурада. Послѣднему былъ поднесенъ медленно дѣйствующій ядъ одною изъ одалисокъ, когда онъ испытывалъ первыя радости своего воцаренія въ кругу трехъ черкешенокъ и другихъ обитательницъ гарема. Кажется, что и его пріемникъ испилъ чашу одуряющаго восточнаго зелья въ такой же обстановкѣ. Какъ любитель сельскаго хозяйства, какъ человѣкъ бережливый, наконецъ, какъ властелинъ, приготовлявшійся, по настоянію Англіи, къ конституціонному правленію, султанъ Гамидъ распустилъ свой гаремъ; но во время послѣдняго байрама кто-то прилагалъ всѣ старанія окружить его роскошными женщинами

женщинами южныхъ странъ, и восточный человѣкъ не устоялъ противъ соблазна. Не было ли въ числѣ этихъ новыхъ одалисокъ одна, послушная чужимъ веленьямъ? Ядъ бывшій причиной душевнаго разстройства Мурада, впервые дни не имѣлъ особенно замѣтнаго дѣйствія, кромѣ сонливости; потомъ человѣкъ дѣлается задумчивымъ, его занимаютъ странныя мысли и преслѣдуютъ страшныя видѣнія; окончаніе — полное разстройство умственныхъ способностей. Такъ было съ Гамидомъ: онъ высиживалъ изъ куриныхъ яицъ какихъ-то обновителей Турціи, совершалъ таинственныя прогулки по Босфору, послалъ Митхада пашу въ ссылку, но рыдая при его отъѣздѣ и сказалъ ему прочувственное слово о скоромъ возвращеніи и, въ концѣ концовъ оказался помѣшаннымъ. Что будетъ теперь въ Константинополѣ? Отвѣтъ простой: будетъ царить тотъ же невообразимый хаосъ, какой царитъ уже съ годъ, со времени удаленія Абдулъ-Азиса. Наслѣдникъ престола, старшій въ родѣ, т. е. старшій братъ Гамида-Мехмедъ-Решаръ-эфенди, родившійся 22 октября 1844 года, ему слѣдовательно 22 года. Незадолго до своей ссылки Митхадъ-паша сдѣлалъ Мехмеду-Решару визитъ, который обратилъ на себя вниманіе Гамида.

Вопросъ о паденіи Митхада продолжаетъ чрезвычайно сильно интересовать Константинополь. Самъ Митхадъ, по сообщеніямъ англійскихъ газетъ, приписываетъ странный съ нимъ поступокъ султана «русской интригѣ», которая, по его мнѣнію, всесильно орудаетъ низшими слоями придворнаго персонала; вліяніе же ихъ распространилось и на оклеветавшихъ его сановниковъ. Самый фактъ своего ареста онъ считаетъ только подробностію одного обширнаго плана, осуществленіе котораго было рѣшено за нѣсколько дней до событія. Въ доказательство этого онъ приводитъ, что доносы тайной полиціи были помѣчены уже давнимъ числомъ и, капитанъ парохода «Изединъ», которому былъ порученъ увозъ эксъ-визаря, былъ нанятъ для этой цѣли за четыре дня до катастрофы. Митхадъ-паша опровергаетъ слухъ, по которому ссора его съ подипахомъ приписывается будто бы желанію послѣдняго присылкою англійскихъ офицеровъ на службу вътурецкія войска. Напротивъ, визирь стремился всѣми силами воспользоваться помощью англичанъ; въ доказательство чего онъ указываетъ на многочисленность британскихъ подданныхъ, находившихся на службѣ Порты, во время его пребыванія во главѣ администраціи въ Рущукѣ и Багдадѣ. Онъ совершенно отрицаетъ существованіе какой бы то ни было размолвки съ Савфетомъ-пашой. Какъ по вопросу заключенія мира съ Сербіей, такъ и по остальнымъ, между ними не было ни малѣйшихъ разногласій. Митхадъ улыбнулся при намекѣ, что турецкая конституція не принадлежитъ цѣликомъ его инціативѣ. Въ сущности, сказалъ онъ, только путемъ агитаціи возможно было добиться петицій, явившихся съ разныхъ сторонъ, съ цѣлью въ свою очередь подѣйствовать на умъ самаго султана и заставить его скрѣпить хартію своею подписью. Самой вѣрной оцѣнкой безпочвенности конституціонной рѣчи можетъ служить слѣдующая фраза, вырвавшаяся въ самозащиту у опальнаго: «Развѣ народъ, привыкшій къ гнету самовластья и палочнымъ ударамъ, способенъ усвоить себѣ принципы свободы въ теченіи двухъ мѣсяцевъ».



Турецкій солдатъ на часахъ.

Къ статьѣ *«Между Болгарами»*.

Софты подали султану петицію, въ которой категорически заявляется требованіе возвротить Митхаду-пашу изъ ссылки. Софты ожидаютъ только отвѣта султана для рѣшенія вопроса о дальнѣйшихъ своихъ дѣйствіяхъ. Они всѣ вооружены поголовно и учителя ихъ приняли на себя роль руководителей движенія. Въ случаѣ отказа, софты прибѣгнутъ къ силѣ оружія. Мирные жители турецкой столицы трепещутъ отъ страха въ ожиданіи событій. Торговля и промышленность окончательно остановились. Правительство окружаетъ строгимъ надзоромъ мечети и медресы, но, очевидно, всѣ плохо довѣряютъ административной правоспособности новаго визиря. Въ народѣ и войскѣ явно обнаруживаются признаки революціоннаго духа. По распоряженію султана два панцарныхъ парохода стоятъ постоянно на готовѣ у стѣнъ Долма-Бахче, въ видахъ предосторожности, чтобы облегчить ему бѣгство, если бы обстоятельства принудили его къ этой крайней мѣрѣ... Говорятъ, что неопредѣленное и случайное играетъ большую роль въ политикѣ Турціи. Это совершенно вѣрно; но едва ли когда нибудь съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ Турція, являлись въ ея политической жизни болѣе непредвидѣнная случайность, какъ та, которую мы видимъ теперь. Улемы и софты, закоснѣлые фонатики, отшатнувшіеся были, въ послѣднее время, отъ Митхада за его серьезное намѣреніе примѣнить конституцію, — не только возмущаются, что эту ненавистную имъ сперва конституцію нарушили, но даже находятъ ее недостаточно либеральной! Всѣ вообще, турецкія газеты держали себя такъ сдержанно и съ такимъ достоинствомъ, что сами, вѣроятно, удивились своему токту, а одна даже заговорила такъ разумно, толково и серьозно-либерально, что, право, хотя бы любому европейскому органу. Приводимъ выдержку изъ этой статьи, напечатанной въ «Голосѣ». «Было бы весьма страшно допустить въ конституціонной странѣ, что малѣйшее несогласіе между личными взглядами государя и его министровъ должно непремѣнно повлечь за собой отставку этихъ министровъ; еще менѣе возможно допустить необходимость ссылки министра, несошедшагося характеромъ, или не вполнѣ согласнаго въ мнѣніяхъ съ государемъ. Мы, съ своей стороны думаемъ, что единственное, что возможно сказать о грустномъ происшествіи, взволновавшемъ всю страну, есть слѣдующее: провозглашенная 23 декабря конституція содержитъ въ себѣ статью (113), дающую право государю сдѣлать то, что онъ сдѣлалъ. Мы не можемъ и не желаемъ, въ настоящее время входить въ обсужденіе статьи 113, или вообще всей конституціи; но мы, вмѣстѣ со всѣми народами, желаемъ, чтобъ правительство дало всѣ объясненія, необходимыя для оправданія такого пользованія вообще весьма щекотливымъ правомъ». Для болѣе полнаго объясненія, однакоже, (далъ въ Турціи необходимо прибавить), что по послѣднимъ извѣстіямъ, правительство запретило газетамъ не только обсуждать паденіе Митхада-паши, но даже говорить объ немъ. Вообще въ Турціи замѣтно сильное броженіе и, какъ бы напряженіе всѣхъ силъ народа. Правительство, видимо, напугано, боится какихъ то движеній, и живетъ, такъ сказать, въ осадномъ положеніи. Въ народѣ же слишкомъ замѣтно революціонное броженіе. Всѣ силы націи, разрозненныя, обнаружившіяся еще такъ недавно (по уличныя безобразія, но грабежъ, но наличная демонстрація), теперь, какъ будто соединились въ одно, для одной цѣли, и причина его соединенія есть паденіе Митхада. Это паденіе доказало во очію, что отъ восточнаго абсолютизма нечего ждать добра, и что единственное средство спасенія для государства, есть такой порядокъ вещей, который бы, хоть нѣсколько ограничивалъ произволъ, и подавилъ личныя, корыстолюбивыя интриги. Еще такъ недавно казавшійся фантастическимъ, проектъ Митхада возродить Турцію къ новой жизни помощью конституціонныхъ порядковъ — послужилъ какъ уже и теперь видно, воспитательнымъ средствомъ значительной части насенія, которая привыкла разсуждать. Но какъ и въ какой окончательной формѣ выразятся плоды этого воспитанія, — въ данную минуту совершенно невозможно отвѣтить. Кризисъ, переживаемый нынѣ Турціей, — совершенно исключительный кризисъ; онъ можетъ кончиться или «устраненіемъ» Турціи усильями Европы, или же совершенно ся обновленіемъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, кажется можно предвидѣть, что восточный вопросъ, въ той своей исторической формѣ, въ которой мы его знаемъ, — рѣшится окончательно и безвозвратно, можетъ быть съ тѣмъ, чтобы возникнуть въ другой.

Нельзя не признать громадную важность кризиса переживаемаго нынѣ Турціей. Что направленіе умовъ, указанное нами, дѣйствительно существуетъ,—сошлемся на газету «Новое Время», которую нельзя считать, какъ извѣстно, другомъ ни Турціи, ни турокъ. По словамъ корреспондента этой газеты конституціонное движеніе начинаетъ мало по малу проникать въ сознаніе нѣкоторыхъ классовъ народа и они начинаютъ проявлять стремленіе заставить правительство дѣйствовать согласно съ «Конституціей» и, ссылаясь на нее, требуютъ суда надъ Митхадомъ, или возвращенія его изъ изгнанія, причемъ довольно таки смѣло твердятъ, что разъ правительство издало законъ, оно должно ему слѣдовать и разъ конституція гласитъ, что безъ суда наказывать нельзя—правительство всегда обязано предварительно судить а затѣмъ уже изгонять. Написанная въ такомъ духѣ петиція была подана султану кѣмъ-то изъ толпы въ ту минуту, когда онъ выходилъ изъ мечети. Такимъ образомъ, правительство съ одной стороны объявляетъ, что оно дѣйствовало согласно закону и конституціи, а народъ, и другой, требуетъ, чтобы правительство не обходило этого самаго закона и конституціи. Обѣ стороны опираются на законъ и замѣчательно, что это уваженіе къ закону какъ-то странно мирится въ Турціи съ совершеннѣйшимъ произволомъ; а увѣреніе это дѣйствительно существуетъ, (но характеръ его чисто платоническій), потому что уважать законъ повелѣваетъ Коранъ. Согласно священной книгѣ магометанъ, султанъ управляетъ государствомъ на основаніи и во имя закона, и власть дана ему затѣмъ, чробы пользоваться сю по своему произволу, но чтобы и охранять интересъ той общины, которой онъ не болѣе, какъ делегатъ и подчиняться во всемъ закону, т. е. по Корану, падишахъ является конституціоннымъ монархомъ, но съ тѣмъ крошечнымъ отличіемъ, что законъ этотъ относительно государственнаго управленія выражается въ двухъ—трехъ крайне неопредѣленныхъ статьяхъ, въ общихъ правилахъ безъ всякихъ подробностей объ образѣ, форма правленія и потому даетъ широкую свободу толковать его, какъ ему вздумается. За нарушеніе этого закона султанъ отвѣчаетъ передъ народомъ, который имѣетъ право и долженъ по Корану сопротивляться такому нарушенію, и калифы, первые вступая на престолъ, давали слѣдующій обѣтъ: «Если я уклонюсь когда либо отъ закона Бога и пророка, то перестану пользоваться правомъ на ваше повиновеніе».

Чтобы убѣдиться до какой степени существуетъ хаосъ въ государственномъ управленіи современной Турціи, приводимъ выдержки изъ газеты «Politische Correspondenz»: Одіану-эфенди, путешествующему по Европѣ съ финансовыми порученіями, дано было знать, чтобъ онъ продолжалъ переговоры. Черезъ два дня онъ получаетъ приказъ бросить все и возвратиться въ Константинополь. Въ тотъ же день, какъ Одіанъ-эфенди получилъ этотъ приказъ, англійскій банкъ получилъ двѣ телеграммы отъ турецкаго министерства:—изъ которыхъ одна уполномочиваетъ банкъ употребить египетскую дань на уплату по купонамъ; другая же отмѣняетъ это распоряженіе. За нѣсколько дней передъ тѣмъ былъ рѣшенъ выпускъ извѣстной суммы бумажныхъ денегъ; нѣсколько дней спустя, рѣшеніе это отмѣняется. Затѣмъ, выходитъ распоряженіе о всеобщемъ разоруженіи магометанскаго населенія и въ тотъ же день выходитъ приказъ объ организаціи отрядовъ добровольцевъ на всемъ пространствѣ имперіи. Редифъ-паша получаетъ распоряженіе о скорѣйшемъ возвращеніи съ Крита, а черезъ нѣсколько дней ему предписывается по телеграфу ожидать прибытія своего преемника. На слѣдующій день, новымъ приказомъ требуютъ снова скорѣйшаго прибытія его въ Константинополь и, еслибы онъ тѣмъ временемъ не пріѣхалъ, то онъ, быть можетъ, получилъ бы еще нѣсколько противоположныхъ распоряженій.

Несмотря на этотъ хаосъ, несомнѣнно указывающій на внутренній кризисъ самаго остраго характера,—переговоры о мирѣ съ Сербіей и Черногоріей подвигаются весьма быстро. Великій визирь объявилъ, что намѣренъ поступать съ Сербіей и Черногоріей какъ можно мягче и значительно ослабить тѣ два пункта, которые вызвали протестъ со стороны Сербіи. Оттоманскій агентъ въ Бѣлградѣ не долженъ быть чиновникомъ, приставленнымъ для наблюденія, и ему исключительно поручено быть посредникомъ въ политическихъ и торговыхъ сношеніяхъ и дополнять дѣятельность сербскаго правительства въ Константинополѣ. Параграфъ о свободѣ исповѣданія евреевъ и армянъ вызванъ петиціями, которыя получены Портою въ то время, когда засѣдала конференція, а исполненіе его предполагается возложить на сербское правительство. За то Порта формально настаиваетъ на параграфѣ о трецкомъ флагѣ. Извѣстіе объ отказѣ отъ него совершенно вѣрно. Уполномоченные, которые будутъ присланы также и Черногоріей, могутъ прибыть въ Константинополь лишь черезъ недѣлю, и такъ какъ черногорскій вопросъ, по стратегическимъ соображеніямъ, представляется запутаннѣе сербскаго, то продленіе заключеннаго съ Черногоріей перемирія представляется необходимыми. За то, при доброй волѣ со стороны сербскихъ представителей, миръ съ Сербіей надѣются заключить весьма скоро. Сербскихъ уполномоченныхъ помѣстятъ на казенный счетъ въ «Hotel Royal». Слухи о назначеніи новаго великаго визиря распростррняются теперь въ болѣе слабой формѣ. Порта намѣревается, послѣ благополучнаго заключенія мира,—обратиться къ Европѣ съ возваніемъ для того, чтобъ она побудила Россію къ разоруженію. Во всякомъ случаѣ, нѣтъ сомнѣнія, что миръ будетъ заключенъ въ самомъ скоромъ времени. По офиціальнымъ свѣдѣніямъ, нѣкоторое затрудненіе представляетъ собою вопросъ объ исправленіи границъ Сербіи. Къ воскресенью надѣются покончить переговоры, чтобъ въ понедѣльникъ же внести ихъ результатъ на утвержденіе скупщины, которая, какъ извѣстно, на дняхъ будетъ созвана. Представители великихъ державъ оказываютъ давленіе на сербское правительство, побуждая его подписать мирный договоръ до открытія засѣданій скупщины. По этому поводу генеральные консулы германскій, графъ Брессей и австро-венгерскій, графъ Вреде, имѣли сегодня совѣщаніе съ Ристичемъ.

Выборы въ скупщину, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, окончились во всей Сербіи избраніемъ лицъ, склонныхъ къ миру, какъ и слѣдовало ожидать. Изъ правительственной партіи выбраны: бывшій министръ Кальевачъ, Лозеровичъ, Каржмановичъ и Корачъ. Кандидатура и избраніе одного еврея объясняется желаніемъ сербовъ доказать, что евреи пользуются въ Сербіи такими же правами, какъ и прочее населеніе. Англійскій генеральный консулъ согласно порученію, данному ему британскимъ правительствомъ, старается достигнуть уравненія всѣхъ вѣроисповѣданій въ Сербіи, посредствомъ финнъ ограничительныхъ законовъ. Большинство членовъ избранныхъ въ скупщину принадлежатъ, тѣмъ не менѣе, къ оппозиціи. Въ Крагуевацѣ и Ягодинѣ избраны сплошь соціалисты самаго крайняго оттѣнка. Четверо изъ избранныхъ въ Крагуевацѣ депутатовъ принимали участіе въ соціалистической демонстраціи, вслѣдствіе чего были арестованы. Сколько извѣстно, мелкіе безпорядки при выборахъ случались въ Крагуевацѣ, Ягодинѣ, Неготинѣ и Ужицѣ. Въ Бѣлградскихъ кружкахъ распространено мнѣніе, что министерство Ристича намѣрено добровольно подать просьбу объ отставкѣ до открытія засѣданій скупщины.

Недавно, во Франціи распространились слухи объ орлеанистскомъ заговорѣ, имѣющемъ въ виду агитаціи въ пользу герцога Омальскаго. Усиленіе этой партіи обусловливается административной тактикой Жюля Симона, нынѣшняго министра-президента. Съ тѣхъ поръ какъ онъ сталъ въ главѣ управленія, главной цѣлью своею онъ поставилъ очищеніе правительственной машины отъ бонапартистскаго сора. Преслѣдуя бонапартитовъ и не рѣшаясь въ тоже время замѣнять ихъ крайними республиканцами, онъ неизбѣжно долженъ искать людей между умѣренными республиканцами, а къ этому оттѣнку принадлежатъ, по большей части, орлеанисты. Не подлежитъ сомнѣнію съ другой стороны, что шансы успѣха начинаютъ склоняться на ихъ сторону; они не упускаютъ ни одного случая для того, чтобы увеличить число своихъ единомышленниковъ какъ въ управленіи, такъ и въ парламентѣ. Они разсчитываютъ на то, что или со смертью графа Шамбора имъ удается соединиться съ леготимостами, или численное превосходство ихъ въ парламентѣ перетянетъ на ихъ сторону всѣхъ остальныхъ умѣренныхъ республиканцевъ. Пока же они довели отъ всякихъ рѣшительныхъ шаговъ, зная, что за ними зорко слѣдятъ, какъ друзья ихъ леготимисты такъ и враги, бонапартисты. Практическія стремленія ихъ пока не идутъ далѣе старанія доставить молодому поколѣнію изъ семейства герцоговъ орлеанскихъ офицерскія мѣсто въ арміи и поощреніе маршала-президента къ назначеніямъ могущимъ благопріятствовать ихъ цѣлямъ.

Происходившее 3 февраля засѣданіе версальскаго сената началось сообщеніемъ предсѣдателя—смерти генерала Шангарнье, «этого выдающагося и многоуважаемаго члена сената», который, проходя службу въ африканской арміи, насчитывающій въ своихъ рядахъ столько хорошихъ офицеровъ, благодаря своему мужеству и осмотрительности, быстро повышался въ чинахъ. Въ 1848 году онъ слылъ въ качествѣ члена національнаго собранія свою политическую карьеру. Энергически защищая въ 1851 году на скамьяхъ собранія законный порядокъ, они обреченъ былъ на изгнаніе, откуда вернулся въ 1870 году съ тѣмъ, чтобъ стать въ ряды защитниковъ отечества. Генералъ Шангарнье принималъ горячее участіе въ дѣлѣ преобразованія военныхъ силъ Франціи. Послѣ избранія Наполеона въ президенты республики, Шангарнье былъ нѣкоторое время главнымъ командирамъ Парижа и заслуживъ популярность въ преобладающей тогда антиреспубликанской партіи своею ролью при подавленіи ничтожнаго возстанія буржуазной толпы, выразившій 13 іюня свой протестъ, противъ римской экспедиціи. Въ 1850 году, противясь намѣреніямъ Наполеона, онъ долженъ былъ оставить свой постъ. Военныя способности его могутъ быть охарактиризованъ его мнѣніемъ, что армія въ 150,000 человѣкъ—нелѣпость, такъ какъ ею невозможно руководить въ сраженіи. Послѣ франко-прусской войны, избранный депутатомъ въ національное собраніе и, затѣмъ, въ пожизненные сенаторы, онъ придерживался роялистовъ, хотя однажды, отдавалъ свои силы на служеніе республикѣ. Въ частной жизни, Шангарнье былъ человѣкъ очень пріятный, всегда одѣтъ по послѣдяей модѣ, и, не смотря на свой преклонный возрастъ, отличался особенной любезностью по отношенію къ прекрасному полу.

Пренія въ англійскомъ парламентѣ о восточныхъ дѣлахъ продолжаются и принимаютъ довольно рѣзкій оттѣнокъ. Мы однако предпочитаемъ отложить до слѣдующаго раза отчетъ объ нихъ, такъ какъ они еще не кончены.

Смѣсь.

Эпизодъ въ Черныхъ скалахъ Америки. Въ «Courrier de San-Francisco» читаемъ: Большая часть смѣлыхъ золотопромышленниковъ, которые, не смотря на многократныя предостереженія, рѣшились отправиться искать приключеній и золота въ область Черныхъ горъ, подверглись страшнымъ лишеніямъ и страданіямъ; ихъ упорно преслѣдовали своей неумолимой враждой индійскія племена, и счастливъ былъ тотъ, кому удалось избѣжать смерти и выбраться цѣлымъ и невредимымъ изъ этой проклятой страны, гдѣ даже наши войска были истреблены въ кровавой и ожесточенной борьбѣ съ болѣе сильнымъ врагомъ, котораго сначала только презирали. Уильямъ Дженкинсъ участвовалъ въ экспедиціи искателей приключеній, отправившихся изъ Санъ-Луи въ Черныя горы за золотомъ; онъ разсказываетъ слѣдующія печальныя событія, предшествовавшія смерти его спутниковъ, зарѣзанныхъ краснокожими 17-го іюня 1876 года. Со времени прибытія въ Черныя горы, все общество поселилось въ Сануои, гдѣ можно было ожидать самой обильной добычи золота. Отъ времени до времени, ихъ навѣщалъ самымъ дружескимъ образомъ бѣлый, одѣтый въ охотничье платье. Онъ расказывалъ про себя, что, будучи скомпрометированъ въ скандальной исторіи, онъ бѣжалъ отъ преслѣдованій правосудія и живетъ теперь въ первобытномъ состояніи, питаясь охотой. Частыя посѣщенія этого незнакомца не внушали золотопромышленникамъ никакихъ опасеній и они спокойно продолжали свои работы. Они не замѣчали никакихъ признаковъ близости индійцевъ и жили совершенно безпечно, но вечеромъ 17 іюня Дженкинсъ, готовившій ужинъ для себя и товарищей, былъ раненъ повыше бедра стрѣлой, которую пустила въ него невидимая рука. Онъ вскрикнулъ отъ боли и товарищи его услыхали его крикъ. Товарищи прибѣжали къ нему на помощь и съ большимъ трудомъ вынули изъ раны стрѣлу, которая глубоко вонзилась въ тѣло. Вся колонія тотчасъ вооружилась и отправилась на поиски незримаго врага. Но, пройдя двѣ мили и проискавши напрасно въ окрестностяхъ, золотопромышленники возвратились, не открывши ни малѣйшаго слѣда. Дженкинсъ утверждалъ, что ударъ былъ направленъ изъ углубленія въ скалѣ, близъ хижины, которая служила имъ пристанищемъ. Снова принялись за поиски въ указанномъ мѣстѣ, перерыли всѣ мышиныя норки, но не нашли ни малѣйшаго слѣда присутствія индійца. Отказавшись наконецъ отъ безполезной бѣготни и суеты, всѣ улеглись спать. Раненый былъ помѣщенъ на крышѣ, по случаю жары и цѣлыхъ сонмовъ мустиковъ, и, часа черезъ два, всѣ заснули крѣпкимъ сномъ. Даже самъ Дженкинсъ наконецъ заснулъ, но около полуночи онъ проснулся въ ужасѣ отъ воя и криковъ дикарей, которые ворвались въ хижину, гдѣ спали колонисты. Истощенный потерей крови отъ раны, Дженкинсъ едва могъ, собравши остатокъ силъ, приподняться и заглянуть, сквозь плохо сколоченныя доски крыши, въ хижину, гдѣ онъ увидалъ самое ужасное зрѣлище. Краснокожіе ворвались толпой въ хижину и въ неистовствѣ и изступленіи уродовали и терзали ошеломленныхъ, захваченныхъ въ расплохъ жителей. Дженкинсъ оцѣпенѣлъ отъ ужаса и только потому избѣгъ участи своихъ товарищей. Окончивши свое кровавое дѣло разрушенія, дикари захватили все оружіе, какое могли найдти, угнали лошадей, пасшихся близъ хижины, и ушли, не сжегши впрочемъ хижину, какъ они это дѣлали обыкновенно. Въ числѣ индійцевъ, которыхъ было человѣкъ 50, Дженкинсъ узналъ бѣлолицаго охотника, который посѣщалъ золотопромышленниковъ и осмотрѣлъ ихъ колонію. Онъ заключилъ изъ этого, что этотъ негодяй былъ однимъ изъ вождей краснокожихъ; онъ приходилъ на развѣдки, а потомъ самъ привелъ сюда кровожадныхъ дикарей. Дженкинсъ оставался на крышѣ, боясь пошевелиться, но, на зарѣ, онъ услыхалъ, что его окликаетъ робкій, слабый голосъ, и узналъ голосъ двухъ своихъ товарищей, которымъ удалось притаиться въ кустахъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ хижины, и такимъ образомъ спастись отъ рѣзни. Они помогли Дженкинсу сойти съ крыши и вмѣстѣ вошли въ хижину, гдѣ увидали на полу страшно изуродованныя тѣла своихъ зарѣзанныхъ товарищей. Пройдя черезъ весь домъ, они нашли еще двухъ товарищей, которые были ни живы, ни мертвы; имъ удалось скрыться въ темнотѣ за разными наваленными въ груду хозяйственными принадлежностями и потому они ушли отъ убійцъ. Эти пять человѣкъ стали совѣтоваться, что имъ предпринять. Замѣтивши, что, въ своемъ поспѣшномъ бѣгствѣ, дикари, оставили одну телѣгу и двухъ лошадей, они рѣшились положить раненаго въ телѣгу и какъ можно скорѣе ѣхать въ ближайшій лагерь, но путешествовать только ночью, чтобы не попасться на глаза какому нибудь отряду дикарей. Такимъ образомъ, испытавъ самыя ужасныя лишенія и натерпѣвшись страха, эти несчастные добрались, 8 іюля, до рѣки Миссури и благодарили небо, что не встрѣтились на пути съ шайкой Сіуксовъ, которые зарѣзали бы ихъ безъ всякаго милосердія.

— Въ Соединенныхъ Штатахъ со старыми почтовыми марками совершаются злоупотребленія въ грандіозныхъ размѣрахъ. Онѣ очищаются химическимъ способомъ отъ слѣдовъ наложеннаго на нихъ штемпеля и пускаются въ продажу. Такъ какъ фискальные интересы отъ этого сильно страдаютъ, то вашингтонское правительство назначило большую премію для изобрѣтенія чернилъ или краски, которую нельзя было-бы вытравлять никакими средствами.

Наши гравюры.

Викторъ Ивановичъ Григоровичъ.

На канунѣ новаго 1877 года умеръ въ Елисаветградѣ одинъ изъ первыхъ и лучшихъ изслѣдователей славянства въ Россіи, профессоръ Викторъ Ивановичъ Григоровичъ, болѣе сорока лѣтъ работавшій словомъ и дѣломъ въ области славянскихъ языковъ, литературы и исторіи. Григоровичъ родился въ 1815 году, въ городѣ Балтѣ; отецъ его былъ малороссъ изъ Чернигова а мать—полька. Начавъ учиться въ уніатскомъ монастырѣ въ Умани, онъ перешелъ затѣмъ въ Харьковскій университетъ. Отецъ предназначалъ его къ государственной службѣ, но Викторъ Ивановичъ предпочиталъ ученую карьеру, и вслѣдствіе этого отправился въ Дерптъ, гдѣ съ 1834 по 1839 занимался спеціально филологіей, тутъ то онъ и полюбилъ славянскій языкъ и литературу. Въ это время графъ Уваровъ, тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, открылъ во всѣхъ русскихъ университетахъ каѳедры «исторіи и литературъ славянскихъ нарѣчій», что было сдѣлано, главнымъ образомъ, по совѣтамъ покойнаго Погодина. Григоровичъ въ 1839 году получилъ каѳедру славянскихъ нарѣчій въ Казанскомъ университетѣ, гдѣ и написалъ свою магистерскую диссертацію въ 1841 году.

Въ 1844 году онъ уѣхалъ за границу съ цѣлью ближайшаго ознакомленія съ славянскими народностями, гдѣ и пробылъ болѣе трехъ лѣтъ, главнымъ образомъ среди славянскихъ народностей Балканскаго полуострова. На Аѳонской горѣ онъ собралъ громадное количество рукописей. Въ Болгаріи, Сербіи, Черногоріи, Герцеговинѣ и Босніи, Викторъ Ивановичъ изучалъ не только славяскія древности; онъ изучалъ также бытовыя стороны жизни и исторію. За исключеніемъ можетъ быть Гильфердинга, не одинъ изъ изслѣдователей славянства такъ много не путешествовалъ по Балканскому полуострову, и не ознакомился такъ хорошо съ исторіей и жизнію южныхъ славянъ. Затѣмъ, Григоровичъ побывалъ въ Далматіи, Хорватіи, Славоніи и Чехіи. Въ Прагѣ, Викторъ Ивановичъ поселился на нѣкоторое время, изучуя чешскій языкъ, которымъ владѣлъ въ совершенствѣ, даже писалъ на этомъ языкѣ. Изъ пражскихъ ученыхъ онъ ближе сошелся со Шафарикомъ.

Возвратившись въ Казань въ 1847 году, Григоровичъ приступилъ къ разработкѣ накопленныхъ и собранныхъ матеріаловъ. Очеркъ его путешествія по Турціи (напечатанный въ 1848 году), хотя и не значительнаго обьема, тѣмъ не менѣе заключаетъ въ себѣ весьма интересныя и важныя изслѣдованія. Затѣмъ, онъ написалъ цѣлый рядъ статей о старославянскомъ письмѣ, о славянскихъ апостолахъ, о рукописяхъ цареградскаго патріархата, о сербской исторіи XIV столѣтія, о болгарской исторіи X вѣка и проч. Всѣ эти труды составляютъ значительный историческій вкладъ.

Въ 1864 году, когда открылся Новороссійскій университетъ въ Одессѣ, Викторъ Ивановичъ перешелъ туда, гдѣ продолжалъ работать въ томъ же направленіи. Въ прошломъ году, онъ вышелъ въ отставку и поселился окончательно въ Елисаветградѣ, гдѣ смерть и похитила его, среди его занятій славянскимъ міромъ, которому онъ посвятилъ свою жизнь.

Локи и Сигина.

Скандинавскіе саги вспоминаютъ о полубогѣ *Локи*, олицетворяющемъ огонь въ его разрушительной силѣ. Этотъ полубогъ, о которомъ сѣверная миѳологія разсказываетъ столько-же веселыхъ продѣлокъ, сколько классическая миѳологія говоритъ о Меркуріѣ, не принадлежалъ къ породѣ боговъ, а только былъ принятъ въ компанію Одина и Озува. Онъ былъ красиваго, геркулесовскаго тѣлосложенія, злой, хитрый, радующійся злымъ намѣреніямъ другихъ боговъ и сквернымъ шуткамъ, интересное описаніе которыхъ встрѣчаемъ часто въ скандинавскихъ преданіяхъ.

Помѣщенный на страницѣ 000 нашего журнала рисунокъ, представляетъ эпизодъ изъ жизни Локи. Разсердивши однажды боговъ и боясь ихъ гнѣва, Локи убѣжалъ на высокую гору, выстроилъ замокъ и, превратившись въ лося, погрузился въ прудъ рядомъ съ дворцомъ.

Азувы нашли его мѣсто убѣжища и разставили сѣти, чтобы его поймать, но это имъ долго не удавалось, преслѣдуемый Локи ловко избѣгалъ разставленныхъ сѣтей, но наконецъ, Торъ, богъ бури, поймалъ его за хвостъ, обратилъ въ человѣка и плѣннаго заперъ въ долинѣ

Здѣсь мстительные Азувы приковали его къ скаламъ и надъ головою помѣстили змѣю, изорта которой вытекалъ ядъ и попадалъ въ ротъ прикованнаго Локи. Этотъ ядъ долженъ былъ отравить Геркулеса. Но вѣрная жена Локи, Сигина, встала около мужа и собирала въ чашу чародѣйственный ядъ. Когда чаша наполнялась и Сигина выливала изъ нея ядъ — вытекавшій ядъ, попадалъ на несчастнаго Локи и причинялъ страшнѣйшія мученія; его барахтанье было такъ сильно и ужасно, что дрожала вся земля.

По преданію, Локи долженъ остаться въ такихъ мученіяхъ до скончанія міра; только въ послѣдній день, онъ освободится отъ цѣпей и погибнетъ въ борьбѣ съ Азами и противникомъ Геймдалгемъ.

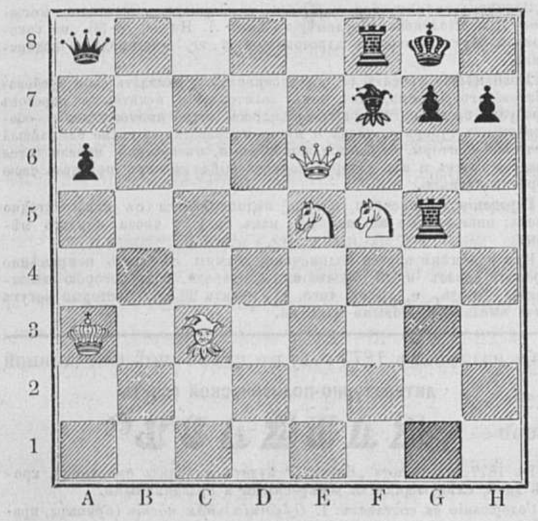
Лѣсная дорога, снимокъ съ картины академика Шишкина.

Въ пейзажѣ, Ив. Ив. Шишкинъ имѣетъ спеціальность: лѣсъ и лѣсную природу. Въ этой области, у него едва-ли есть достойный соперникъ. Его картины и въ особенности рисунки, отличаются необыкновенной свѣжестью и замѣчательной любовью и пониманіемъ лѣсной природы. Смотря на его картины, вы точно вдыхаете въ себя ароматъ сѣвернаго лѣса, точно живете среди этихъ сосенъ и березъ, чувствуете всю поэзію лѣсной чащи и понимаете всю прелесть сѣвернаго лѣса. Снимокъ, помѣщаемый въ этомъ нумерѣ, представляетъ намъ именно такой лѣсъ, или вѣрнѣе, лѣсную дорогу, такъ хорошо знакомую всякому, кому приходилось ѣздить по сѣверной Россіи. Это—природа во всей ея неприкосновенной чистотѣ и правдѣ, безъ прикрасъ и украшеній. Въ этомъ заключается характеръ таланта г. Шишкина, его самостоятельность, какъ пейзажиста. Онъ не копируетъ природу, онъ ее воспроизводитъ во всѣхъ ея подробностяхъ, во всей ея суровой правдѣ, придавая ей тотъ поэтическій оттѣнокъ, который такъ обаятельно дѣйствуетъ на зрителя.

Шахматы.

Задача VI.

Черные.



Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 5 ходовъ.

Почтовый ящикъ.

1) Вслѣдствіе жалобъ, поступившихъ отъ подписчиковъ о несвоевременной доставкѣ нумеровъ журнала, контора «Живописнаго Обозрѣнія» поспѣшила заявить объ этомъ въ С.-Петербургскій Почтамтъ, отъ котораго полученъ 8-го января с. г. слѣдующій отвѣтъ.

«С.-Петербургскій Почтамтъ увѣдомляетъ редакцію журнала «Живописнаго Обозрѣнія», что «журналы отправляются Газетною Экспедиціею, «по распоряженію Почтоваго Департамента, не «съ почтовымъ поѣздомъ, а съ товарнымъ. 28-го «января 1877 г. № 281».

Мы считаемъ всякія комментаріи къ этому излишними.

2) По особымъ обстоятельствамъ продолженіе повѣсти «Между жизнью и смертью» печататься не будетъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи. Добровалецъ. (Разсказъ изъ народнаго быта.)—(Безсонница(стихотвор.).—Капканы.(Очеркъ изъ народнаго быта.) — Библіографія и журналистика. — Между болгарами (съ рис.). — Новости наукъ и жизни. — Со всего свѣта. — Смѣсь. — Наши гравюры (съ рис.).—Шахматы — Почтовый ящикъ.—Объявленія.

Гравюры. Портретъ Виктора Ивановича Григоровича. — Локи и Сигина. — Лѣсная дорога; снимокъ съ картины Академика Шишкина. — Турецкій солдатъ на часахъ (къ статьѣ: Между Болгарами.)

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Объявленія.

О ПОДПИСКѢ НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
въ 1877 году
(Годъ пятнадцатый).

Русскій Архивъ будетъ выходить въ 1877 году на прежнихъ основаніяхъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1877 года, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ **восемь рублей.**

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1877 году доставляютъ или высылаютъ эти **восемь** рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, въ Москву, на Никитскій бульваръ, въ домѣ Дюгамеля, въ Контору Русскаго Архива.

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается на Большой Морской № 11, въ Главной Конторѣ газеты Русскій Міръ.

Заграничные подписчики платятъ въ Германіи, Бельгіи и Франціи 10 рублей, въ Англіи, въ Швейцаріи и Италіи. 11 рублей.

Въ конторѣ Русскаго Архива, въ Москвѣ, на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ Дюгамеля, можно получать слѣдующія книги Русскаго Архива прежнихъ годовъ.

Главнѣйшія книги здѣсь исчисляются:

1872 годъ. *Книга первая.* (Воспоминанія Ѳ. П. Лубяновскаго. — Записка графа Нессельдорфа о Русской политикѣ послѣ Парижскаго мира.—Мининъ и Пожарскій, статьи И. Е. Забѣлина. Воспоминанія А. Н. Аѳанасьева.—Записки Вебера о Петрѣ Великомъ и пр.). Цѣна 4 рубля.

1872 годъ. *Книга вторая.* (Воспоминанія графини А. Д. Блудовой.—Записки Вебера о Петрѣ Великомъ.—Письма Поздѣева.—Письма графа С. Р. Воронцова къ графу Ѳ. В. Ростопчину.- Выдержки изъ Старой Записной Книжки. — Письма М. А. Волковой къ В. И. Ланской, 1812 года. — Общій указатель Русскаго Архива за первыя десять лѣтъ и пр.). Цѣна 3 рубля.

1873 годъ. *Книга первая.* (Біографія князя Г. Г. Орлова.—Письма о Франціи, князя Куракина, 1810 г.—Письма Жуковскаго о воспитаніи Государя Императора Александра Николаевича.—Письмо жениха-Пушкина къ его тещѣ.—Политическія записки Ѳ. И. Тютчева. —Записки графа П. Х. Граббе.—Записки Н. И. Греча. — Записки графа І. И. Ростовцева. Записки И. П. Сахарова.—Записки И. А. Шестакова). Цѣна 4 рубля.

1873 годъ. *Книга вторая.* (Записки Фокерода о Петрѣ Великомъ. —Бумаги П. А. Демидова. - Е. И. Нелидова. Донесенія изъ Франціи графа А. И. Маркова. Записки о 1812 годѣ, П. А. Тучкова. Записки Фотія. Записки А. Я. Стороженки.—Воспоминанія графини А. Д. Блудовой. Россія и Германія, статья Ѳ. И. Тютчева. Замѣчанія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича на сочиненіе г-на Берга о Польскихъ заговорахъ. Выдержки изъ Старой Записной Книжки). Цѣна 4 рубля.

1874 годъ. *Книга первая.* Осьмнадцать писемъ В. А. Жуковскаго къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ (1826—1889) о воспитаніи, отроческихъ лѣтахъ и первой молодости Государя Императора Александра Николаевича.—Пятьдесятъ писемъ А. С. Пушкина къ князю П. Вяземскому (1816 1831) съ новыми стихами А. С. Пушкина. — Записки Мессельера о пребываніи его въ Россіи съ Мая 1757 по Мартъ 1759. Письма лорда Мальмсбюри о Россіи въ царствованіе Екатерины II-й. Записки князя Ѳедора Николаевича Голицына. — Записки Хршонщевскаго (1770—1820). Переводъ съ Польской рукописи.—Записки Ильи Ѳедоровича Тимковскаго. Изъ Записокъ Николая Ивановича Лорера (Декабристы на Кавказѣ). Воспоминанія графини А. Д. Блудовой. 1831 годъ. Польскій мятежъ и первая холера.—Уроки исторіи, статьи Д. И. Иловайскаго (Мнимые охранители). Съ гравированнымъ портретомъ князя В. Ѳ. Одоевскаго.

1874 годъ. *Книга вторая.* Кончина и духовное завѣщаніе графа М. П. Бестужева-Рюмина.—Два письма Д. В. Волкова къ Г. Г. Орлову о Петрѣ Третьемъ. — Секретные рескрипты Екатерины Второй князю Потемкину. — Предположенія князя Потемкина о Польскихъ дѣлахъ съ замѣтками Екатерины Второй.—Планъ князя Потемкина о наборѣ національныхъ войскъ въ Польшѣ съ замѣтками Екатерины Второй.—Канцлеръ князь Безбородко (Опыты разработки матеріаловъ для его біографіи) Н. И. Григоровича.—Черта Русской политики въ послѣдніе дни XVIII вѣка. Письмо императора Павла къ С. А. Колычову и тайный наказъ о переговорахъ съ Бонапартомъ.—Два письма графа Н. И. Панина къ его супругѣ въ Москву о первыхъ недѣляхъ царствованія Александра Павловича. — Два письма изъ Лондона отъ графа С. Р. Воронцова къ графу Н. П. Панину и къ императору Александру.—Изъ Записокъ Н. И. Лорера (Декабристы на Кавказѣ), съ приложеніями стиховъ А. С. Пушкина, князя А. И. Одоевскаго и письма А. Ѳ. фонъ-деръ Бриггена о Минихѣ въ Сибири.—Статья И. В. Кирѣевскаго о Баратынскомъ съ предисловіемъ Н. А. Елагина.—Семь стихотвореній С. А. Соболевскаго —Неизданные стихи Ѳ. И. Тютчева.—Еще стихи Ѳ. И. Тютчева (Какъ ни бѣсилося злорѣчье). — Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ. Статья И. С. Аксакова съ гравированнымъ портретомъ Тютчева.

1875 годъ. *Книга первая.* Записки сенатора Е. Ѳ. Фонъ Брадке. Воспоминанія графини Блудовой.—Старая Записная книжка.—Письма императора Александра Павловича къ князю Васильчикову.—Записки и бумаги И. Б. Пестеля. Цѣна 2 рубля.

1875 годъ. *Книга вторая.* Сказаніе о Коліевщинѣ, М. А. Максимовича.—Бумаги князя Васильчикова.—Старая записная книжка. — Москва въ 1812 году, сочиненіе А. Н. Попова. Цѣна 3 рубля.

1875 годъ. *Книга третья.* Москва въ 1812 году. Сочиненіе А. Н. Попова.—Записки графа Ростопчина о Мартинистахъ.—Первоначальное образованіе Петра Великаго.—Бумаги Жуковскаго и князя Васильчикова. Цѣна 3 рубля.

Пересылка каждой книги за три фунта, смотря по разстояніямъ; выписывающіе не менѣе двухъ книгъ, за пересылку ничего не прилагаютъ.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1877 ГОДУ ЖУРНАЛА
БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ
годъ третій

ПРОГРАММА

Въ журналѣ помѣщаются исключительно романы, повѣсти и разсказы въ переводѣ съ иностранныхъ языковъ на русскій.

Каждый померъ журнала будетъ содержать въ себѣ, **по возможности,** одинъ законченный романъ, или часть его и небольшую повѣсть или разсказъ.

Годовое изданіе состоитъ изъ 12-ти книгъ отъ 20-ти до 30-ти печатныхъ листовъ каждая. Срокъ выхода ежемѣсячный.

Въ концѣ года, подписчикамъ на **„Библіотеку для чтенія“** будетъ выдана въ видѣ преміи 13-я книжка, отъ 30 до 40 печатныхъ листовъ, которая будетъ заключать въ себѣ одинъ, вполнѣ законченный романъ.

Условія подписки на годъ.

Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки . . .	8 руб. — коп.
Съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ. . . .	8 — 50 „
Съ пересылкою **Иногороднымъ**	9 — — „

Редакція допускаетъ слѣдующую разсрочку подписныхъ денегъ: при подпискѣ 5 руб. и къ 1-му мая остальныя.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Для городскихъ подписчиковъ:—**Въ С.-Петербургѣ,** въ главной конторѣ редакціи при книжномъ магазинѣ **Исакова** и другихъ книжныхъ магазинахъ: **Въ Москвѣ,** въ главной конторѣ редакціи при книжномъ магазинѣ **Кашкина** и въ другихъ книжныхъ магазинахъ.

Гг. иногородные—адресуютъ свои требованія *непосредственно* въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала **„Библіотека для чтенія“** *Выборгская стор. Финскій пер., д. № 6. кв. № 11.*

Подписывающихся съ разсрочкой просятъ обращаться: *иногородныхъ исключительно* въ редакцію, а городскихъ - въ книжный магазинъ **Бортневскаго,** *уголъ Троицкаго и Графскаго пер.*

Съ Январской книги „Библіотеки для чтенія“ начнется печатаніе весьма интереснаго романа, изъ современныхъ событій на востокѣ, подъ названіемъ „*Борьба на жизнь и смерть*“.

Такъ какъ начавшійся печататься въ 1876 году романъ *Георга Борна — „Султанъ и его враги“*, въ этомъ году не окончится, то новые подписчики на 1877 г. получатъ начало вышеназваннаго сочиненія безплатно.

На 1876 годъ подписка еще продолжается.

Цѣна, *до 1 января 1877 г.* та же, что и на 1877 г; послѣ же 1 января, за пересылку приплачивается еще 1 руб., т. е. вмѣсто 9 р. 10 руб.

„ПРИРОДА“
(годъ пятый).

Популярный естественно-историческій сборникъ,

(одобренъ для библіотекъ и учебныхъ заведеній).

Роскошное изданіе на веленевой бумагѣ.

Подписная цѣна 12 р., съ перес. 13 р. 50 к. (безъ хромолит. и литогр. прилож. 8 р., съ перес. 9 р.

Подписчикамъ на 1877 г. будетъ выдана, втеченіи года, особымъ приложеніемъ: „*Популярная физіологія, въ примѣненіи къ медицинѣ и гигіенѣ*“. Д-ра *Лебона*, которая будетъ стоить въ отдѣльной продажѣ 3 руб. 50 коп.

Сборникъ „*Природа*“, въ 1877 году выходитъ 4 раза въ годъ, книгами около 27 печ. листовъ, съ 7—9 хромо и лито-графіями, исполненными въ лучшихъ русскихъ и заграничныхъ литограф. завед., и 100—150 рисунками въ каждой книгѣ. Въ Сборникѣ принимаютъ участіе многіе извѣстные ученые популяризаторы и будутъ помѣщаться общедоступныя и общеинтересныя статьи по Естествознанію, Этнографіи, Путешествія, статьи по Медицинѣ, Гигіенѣ, Технологіи, Сельскому Хозяйству, Охотѣ, Военному и Морскому дѣлу и т. п.

Оставшіеся экземпляры Сборника за 1873 г. (2 кн.), 1874, 1875 и 1876 гг. можно пріобрѣтать въ конторахъ редакціи по 2 р. за томъ и по 7 р. за годъ безъ и по 3 р. за томъ и по 11 р. за годъ съ приложеніями, а за всѣ 14 томовъ (заключающіе, между прочимъ, статьи профессоровъ: *А. Н. Бекетова, А. П. Богданова, Ѳ. А. Бредихина, Н. П. Вагнера, И. Н. Мечникова, Столѣтова, С. А. Усова, И. Д. Чистякова, Д. Н. Анучина, М. Н. Богданова, В. С. Розенберга, В. Кандинскаго, А. Н. Петунникова* и мног. др.; изъ переводныхъ,—статьи и рѣчи Гёксли, Геккеля, Гельмгольца, Тиндаля и друг. знаменит. ученыхъ популяризаторовъ, а въ видѣ прилож. къ 3 и 4 кн. 1876 г. „Доисторическія времена“ Леббока, стоющ. въ отд. прод. 3 р. 50 к., а также до 100 хромолитографій и литографій, исполненныхъ частію въ литографіяхъ Лемерсье и Баха и изображающихъ сцены изъ жизни животныхъ, растенія, пейзажи, портреты, типы — и болѣе 1000 рисунковъ въ текстѣ) — платятъ безъ приложеній 25 р., съ подпиской на 1877 г. 32 р.; съ приложеніями: 35 р., а съ 1877 г. 45 съ пересылкой.

„ЖУРНАЛЪ ОХОТЫ“
органъ **ИМПЕРАТОРСКАГО** Общества Охоты,
издаваемый подъ редакціей
Л. П. Сабанѣева.
(Четвертый годъ изданія).

Ежемѣсячное иллюстрированное изданіе съ хромолитограф. и литограф. приложеніями.

Подписная цѣна 8 р., съ перес. 9 р (На полгода 4 р. 50 к., съ перес. 5 р.).

Въ 1877 г. выходитъ книгами около 5 печ. листовъ убористой печати, на веленевой бумагѣ (не считая особо печатаемыхъ приложеній), съ хромолитографіей или литографіей въ каждой и многими, также исключительно оригинальными рисунками въ текстѣ,— изображающими охоту на звѣрей и птицъ, — охотничьихъ животныхъ, собакъ и т. п.—Независимо отъ сего, въ теченіи года будутъ выданы, въ видѣ преміи, 2 раскраш. рисунка лучшихъ собакъ 3-й очередной выставки. Въ журналѣ принимаютъ участіе: И. С. Тургеневъ, П. М. Мачеваріановъ, Ф. А. Арсеньевъ, А. С. Вышеславцевъ, С. М Глѣбовъ, П. Н. Даниловъ, Н. А. Дмитріевъ-Мамоновъ, Н. П. Ермоловъ, Н. В. Егорновъ, Квасниковъ, Н. И. Макаровъ. А. Селастенниковъ, Д. Челищевъ, В. В. Щербаковъ, П. Ѳ. Юрасовъ — и многіе другіе извѣстные охотники—и помѣщаются какъ охотничьи разсказы и очерки, такъ и спеціальныя статьи по ружейной и псовой охотѣ, о породахъ, содержаніи, дрессировкѣ и леченіи собакъ, ружьяхъ, монографіи охотничьихъ животныхъ, корреспонденціи, мелкія замѣтки, новости охотничьяго дѣла и т. п.

Оставшіеся экземпляры Ж. Охоты за 1874 г. (6 кн.), 75 и 76 гг., а всего 5 томовъ можно выписывать изъ конторъ редакціи по 3 р. 50 к, а всѣ 5 томовъ, заключающіе 30 хромолит. и литографій 5 премій и особыя приложенія 1876 г.; „Записки псоваго охотника“ П. М. Мачеваріанова (160 стр.) и Тетеревъ-косачъ Л. П. Сабанѣева (100 стр.)—за 16 р, съ подпиской на 1877 г. за 24 р. съ пер.

Подписка принимается: для иногородныхъ въ главной конторѣ редакціи Сборника Природа и „Ж. Охоты“ (Москва, Петровка, д. Самариной) для московскихъ подписчиковъ также въ кн. маг. Соловьева, Мамонтова и Васильева; для петербургскихъ—въ отдѣленіи конторы редакціи (Спб., Малая Садовая, д. Демидова, кв. № 60), въ кн. маг. редакціи журнала „Знаніе“ (Караванная, д. № 8) и Мамонтова.

Лица, подписавшіяся на оба изданія въ конторахъ редакціи платятъ 16 р. с. безъ и 20 р. съ прилож. Сборника.

Отъ редакціи „ГРАЖДАНИНА“.

Съ 1 января 1877 года началось печатаніе, по возможности въ каждомъ № „Гражданина“, „Дневника“ извѣстнаго нашего сотрудника—князя *Владиміра Петровича Мещерскаго.* „Дневникъ“ князя будетъ вестись аккуратно и просто; по возможности изо-дня-въ-день. Авторъ ежедневно будетъ записывать все интересное — слышанное, видѣнное и прочитанное имъ въ теченіе дня о событіяхъ и лицахъ какъ въ высшихъ, такъ и во всѣхъ другихъ сферахъ жизни, о политикѣ внѣшней и внутренней, о новыхъ книгахъ, о предметахъ искусства, о газетахъ и журналахъ, русскихъ и иностранныхъ, о происшествіяхъ, толкахъ и слухахъ, — и такимъ образомъ наши читатели получатъ возможность еженедѣльно, въ легкой и занимательной формѣ, слѣдить за всѣмъ выдающимся въ Россіи и Европѣ.

СИМБИРСКАЯ
ЗЕМСКАЯ ГАЗЕТА
выходитъ съ 1-го сентября еженедѣльно,
къ газетѣ прилагается
Систематическая лѣтопись Симбирскаго Земства.

Подписная цѣна за годъ.	5 руб.
Съ пересылкой	6 руб.

Подписка принимается въ Редакціи, въ г. Симбирскѣ и во всѣхъ Симбирскихъ Земскихъ Управахъ. Новые подписчики получаютъ всѣ вышедшіе съ 1-го сентября нумера газеты.

1877 (38-й) годъ.

НУВЕЛЛИСТЪ

Музыкальный журналъ для фортепіано.

До 1875 года „НУВЕЛЛИСТЪ“ издавался въ томъ видѣ и объемѣ, какіе онъ получилъ при своемъ основаніи въ 1840 году, и уже одинъ фактъ 36-ти лѣтняго существованія *„Нувеллиста“* очевиднымъ образомъ доказываетъ, что цѣль этого изданія выполнялась издателемъ съ надлежащимъ успѣхомъ и пользою. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, тотъ же долговременный опытъ убѣдилъ насъ также и въ томъ, что, не смотря на массу нотъ разнообразнаго характера, предоставленную *„Нувеллистомъ“* нашимъ подписчикамъ, за сравнительно весьма умѣренную подписную плату, изданіе наше не для всѣхъ любителей было доступно по цѣнѣ. Между тѣмъ, музыкальное развитіе постоянно возрастаетъ въ массѣ нашей образованной публики, увеличивая съ каждымъ годомъ въ самыхъ отдаленныхъ краяхъ Имперіи число любителей музыки, интересующихся ея успѣхами и современнымъ положеніемъ. — Желая, съ своей стороны, посредствомъ издаваемаго нами журнала, содѣйствовать развитію музыкальнаго вкуса въ массѣ нашей публики и предоставить даже наименѣе достаточнымъ любителямъ пользоваться тѣми выгодами и удобствами, которыя даетъ *„Нувеллистъ“*, составляющій къ концу каждаго года богатую коллекцію отборныхъ музыкальныхъ пьесъ, пріобрѣтеніе которыхъ въ отдѣльности обошлось бы несравненно дороже, мы, съ 1875 года, рѣшились: допустивъ въ прежней программѣ нашего журнала нѣкоторыя измѣненія—уменьшить подписную цѣну его *на половину*. Ожиданіе наше вполнѣ оправдалось: число подписчиковъ на „Нувеллистъ“ возрасло въ такой степени, что мы увидѣли себя въ необходимости печатать всѣ номера прошлаго года *вторымъ изданіемъ* — фактъ весьма замѣчательный для періодическаго, въ особенности музыкальнаго изданія.

Въ наступившемъ 1877 году „Нувеллистъ“ будетъ издаваться по той же программѣ и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ прошедшемъ году.

„Нувеллистъ“ выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца, тетрадами до 30 страницъ большаго нотнаго формата, въ которыхъ будутъ помѣщаться:

1) *Салонныя пьесы для фортепіано.*

2) *Новые танцы.*

3) *Лучшіе русскіе романсы.*

4) *Въ теченіи года въ „Нувеллистъ“ будутъ помѣщены двѣ, болѣе или менѣе трудныя, пьесы въ четыре руки.*

5) *Сверхъ огромнаго количества музыкальныхъ пьесъ лучшихъ композиторовъ, которыя къ концу года составятъ обширный томъ отъ 350 до 400 страницъ музыки, гг. подписчики получатъ, въ видѣ ПРЕМІИ. полную оперу въ двѣ руки, по ихъ выбору изъ пятидесяти извѣстныхъ оперъ.*

Оперы, назначенныя для преміи:

Auber: La Muette de Portici. Fra Diavolo. Le Maçon. Le Domino noir. Les Diamants de la Louronne.—**Beethoven:** Fidelio. Prometheus. Egmont.—**Bellini** I Montecchi ed i Capuletti. Norma. I Puritani La Sonnambula.—**Boieldieu:** La Dame blanche. Jean de Paris.—**Cherubini:** Les deux journées.—**Cimarosa**: Matrimonio segreto — **Donizetti**: Elisir d'Amore. Favorita. Figlia del reggimento Lucia. Don Pasquale. Lucrezia Borgia.—**Flotow:** Martha.—**Gluck:** Orphée. — **Herold:** Zampa. Lecocq; Cent vierges. Fille de Madame Angot. — **Meyerbeer:** Robert le Diable.—**Mozart:** Don Juan. Figaro. L'Enlévement La flûte ènchantée. Titus — **Offenbach**: Grande Duchesse. Jolie Parfumeuse Périchole. Les Brigands. La Princesse de Trébisonde. Geneviève de Brabant —**Rici**: Crispino.—**Rossini**: Le Barbier de Séville. Guillaume Tell. Othello.—**Verdi**: Ballo in Maschera. Ernani. Traviata. Trovatore. Rigoletto.--**Weber**: Freischütz. Euryanthe. Oberon. Preciosa.

Цѣна годовому изданію „Нувеллиста“ 5 руб.; съ доставкою въ С.-Петербургѣ и пересылкою во всѣ города Имперіи 6 руб.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи при музыкальномъ магазинѣ М. Бернарда, поставщика Двора Его Императорскаго Величества. Невск пр., № 10.

Въ Москвѣ, въ музыкальномъ магазинѣ А. Гутхейль, Кузнецкій мостъ, д. Бекерса, и въ „Центральной музыкальной торговлѣ“, Кузнецкій мостъ, д. Солодовникова; въ Казани въ музыкальномъ магазинѣ „Восточная Лира“.

Редакторъ **А. Бернардъ.**—Издатель **Н. Бернардъ.**

О подпискѣ на ежедневную юридическую газету

„СУДЕБНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

на 1877 годъ.

Программа газеты слѣдующая:

1) *Передовыя статьи* по вопросамъ матерьяльнаго права и процесса, городскаго и земскаго управленія; 2) Внутренняя и иностранная корреспонденція; 3) Судебная хроника, стенографическіе и краткіе отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ; 4) Юридическія замѣтки; 5) Рѣшенія судебныхъ мѣстъ: судебныхъ палатъ, кассаціонныхъ департаментовъ сената (до напечатанія ихъ въ оффиціальномъ сборникѣ), — коммерческихъ судовъ, главнаго военнаго суда, иностранныхъ судовъ; 6) Фельетонъ: періодическая юридическая лѣтопись, библіографія, русская и иностранная и пр.: 7) Разныя извѣстія; 8) Судебныя резолюціи: спб. судебной палаты по всѣмъ департаментамъ и кассаціонныхъ департаментовъ сената; 9) Судебный указатель дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію: въ спб. окружномъ судѣ по всѣмъ отдѣленіямъ; спб. судебной палатѣ по всѣмъ департаментамъ; кассаціонныхъ и другихъ департаментахъ сената; въ коммерческомъ судѣ; столичномъ и уѣздномъ мировыхъ съѣздахъ и 10) Судебныя публикаціи, которыя заключаютъ въ себѣ, въ алфавитномъ порядкѣ, имена лицъ, къ имуществу которыхъ вызываются наслѣдники, лицъ, вызываемыхъ въ судъ по 293 и 726 ст. Уст Гр. Суд. и лицъ, объявленныхъ должниками несостоятельными, съ указаніемъ присутственнаго мѣста, дѣлающаго публикацію и № Сенатскихъ объявленій, изъ котораго извлечена публикація.

Въ случаѣ, если Россія будетъ вовлечена въ войну на Востокѣ, въ „Судебномъ Вѣстникѣ“ будутъ печататься политическія телеграммы, извѣстія и обозрѣнія.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Петербургѣ, для иногородныхъ исключительно: въ главной конторѣ редакціи, **Малая Итальянская улица, № 43,** для городскихъ въ конторѣ редакціи, и въ Русскомъ Товариществѣ Международныхъ Сношеній, Мойка, № 90 Въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Анисимова, Соловьева и въ „Центральномъ магазинѣ“ (на Никольской улицѣ). Въ прочихъ мѣстахъ Россіи и заграницей: въ агентствахъ Русскаго Товарищества Международныхъ Сношеній

ЦѢНА ГАЗЕТЫ:

	без доставки:	съ доставкою:	съ пересылкою:
12 мѣсяцевъ	15 р. — к.	16 р. 50 к.	17 р. 50 к.
6 „	8 „ — „	8 „ 50 „	9 „ 50 „
3 „	4 „ — „	4 „ 50 „	5 „ — „
1 „	1 „ 30 „	1 „ 50 „	2 „ — „

Допускается разсрочка въ платежѣ подписныхъ денегъ по третямъ, четвертямъ года и помѣсячно: для служащихъ—при посредствѣ казначеевъ, для не служащихъ—по соглашенію съ конторою.

Въ Конторѣ „СУДЕБНАГО ВѢСТНИКА“ принимается подписка на **ЖУРНАЛЪ ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА,** издаваемый подъ редакціею А. А. Книрима и Н. С. Таганцева. Цѣна годоваго екземпляра безъ доставки **8** руб ; съ доставкою **8** руб. **50** коп.; съ пересылкою **9** руб.

Кассаціонныя рѣшенія могутъ быть получаемы чрезъ посредство редакціи. Цѣна экземпляра съ доставкою и пересылкою **6** руб. **50** коп.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

„ЗНАНІЕ“

въ 1877 году (годъ VII).

Журналъ **„ЗНАНІЕ“** будетъ издаваться въ 1877 году по прежней программѣ и въ прежнемъ объемѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА ВЪ ГОДЪ:

Безъ доставки и пересылки	12 р. — к.
Съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ .	13 „ „
Съ пересылкою въ другіе города	13 „ 50 „

Подписка принимается:

Въ С.-Петербургѣ въ конторѣ редакціи, Караванная, 8. Въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, Страстной бульваръ, домъ Алексѣева.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться исключительно въ контору редакціи журнала „ЗНАНІЕ“, Спб., Караванная, 8.

NB. Редакція считаетъ себя отвѣтственною только передъ лицами, подписавшимися въ означенныхъ мѣстахъ.

Для подписавшихся въ редакціи допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится 5 руб. 50 коп., къ 1-му мая—4 руб. и къ 1-му сентября—4 рубля.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА СЪ ЯНВАРЯ 1877 ГОДА

„БИБЛІОГРАФИЧЕСКАГО УКАЗАТЕЛЯ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ КНИГЪ“.

Съ января 1877 года, „Библіографическій указатель русскихъ и иностранныхъ книгъ“, прилагавшійся къ журналу „Знаніе“, будетъ выходить отдѣльно въ значительно пополненномъ и расширенномъ видѣ. „Указатель“ будетъ представлять собою ежемѣсячный систематическій каталогъ всѣхъ вновь выходящихъ русскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ книгъ. Къ „Указателю“ будутъ прилагаться и частныя объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „УКАЗАТЕЛЯ“ ВЪ ГОДЪ:

Безъ доставки.	1 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ и пересылкою въ другіе города	1 „ 20 к.
Цѣна каждаго нумера отдѣльно.	— „ 10 к.

Подписка и объявленія принимаются:

Въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи журнала „Знаніе“, Караванная, 8.

Въ Москвѣ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева, Страстной бульваръ, д. Алексѣева, и Н. И. Мамонтова, Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова.

NB. „Библіографическій указатель“ будетъ по прежнему прилагаться къ журналу „Знаніе“.

Издатели **Д. Коропчевскій. И. Гольдсмитъ.**

О ПЕРЕМѢЩЕНІИ КОНТОРЫ И

ОТКРЫТІИ КНИЖНАГО МАГАЗИНА

РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА «ЗНАНІЕ».

Въ ноябрѣ настоящаго года контора редакціи журнала „Знаніе“ переводится на Караванную, д. № 8.

Вмѣстѣ съ тѣмъ при конторѣ редакціи открывается книжный магазинъ для продажи изданій редакціи журнала „Знаніе“, а также и всѣхъ другихъ вновь выходящихъ книгъ.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА „ЗНАНІЕ“ намѣренъ обратить **преимущественное** вниманіе на **научную** и **учебную** литературу.

Магазинъ принимаетъ заказы на доставленіе всѣхъ находящихся въ продажѣ книгъ.

Порученія иногородныхъ будутъ исполняться вполнѣ своевременно.

Въ книжномъ магазинѣ редакціи журнала „Знаніе“ принимается подписка на всѣ русскіе журналы и газеты, причемъ подписныя деньги тотчасъ же передаются въ редакцію выписываемаго изданія, и подписчику высылается билетъ означенной редакціи, по его желанію.

О всѣхъ изданіяхъ, поступающихъ въ книжный магазинъ редакціи журнала „Знаніе“, будетъ публиковаться въ особыхъ каталогахъ при „Библіографическомъ указателѣ русскихъ и иностранныхъ книгъ“, издаваемомъ редакціей.

NB. Подписчики журнала „Знаніе“, при покупкѣ изданій редакціи, по прежнему пользуются уступкой 20%, а при покупкѣ другихъ книгъ за пересылку ничего не платятъ.

Объ изданіи въ 1877 году иллюстрированнаго журнала для дѣтей и семейнаго чтенія и юношества

„СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА“

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

Удостоеннаго Высочайшаго покровительства Государыни Императрицы Маріи Александровны; рекомендованнаго Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для гимназій, уѣздныхъ училищъ и начальныхъ школъ; состоящимъ при IV Отдѣленіи Собственной Его Величества Канцеляріи, учебнымъ Комитетомъ для чтенія воспитанницамъ женскихъ учебныхъ заведеній Императрицы Маріи. ДуховноУчебнымъ Управленіемъ рекомендованнаго начальствамъ духовныхъ семинарій и училищъ, и Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебныхъ заведеній рекомендованнаго для библіотекъ Военныхъ Гимназій и Прогимназій, какъ изданіе, представляющее обильный матеріалъ для выбора статей, пригодныхъ для чтенія воспитанниковъ.

„СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА“ въ будущемъ 1877 году будетъ издаваться въ томъ же направленіи, подъ тою же редакціею, съ тѣми же сотрудниками, и будетъ выходить по прежнему, ежемѣсячно, книжками отъ 7 до 12 листовъ для каждаго отдѣла.

Отдѣлъ для дѣтей, какъ и въ прошломъ 1876 году, будетъ распадаться какъ бы на двѣ половины: одна будетъ заключать въ себѣ матеріалъ для чтенія дѣтямъ отъ 8 до 14 лѣтъ, а другая (въ видѣ приложенія къ каждой книжкѣ, подъ заглавіемъ для самыхъ маленькихъ дѣтей)—отъ 5 до 8 лѣтъ.

Что же касается отдѣла для семейнаго чтенія и юношества, то онъ будетъ наполняться, какъ и въ прошломъ году, такими статьями, которыя составили бы пріятный и полезный матеріалъ для чтенія всему семейству.

Въ иллюстрированіи журнала примутъ участіе лучшіе художники Петербурга и Москвы, также будутъ помѣщаться копіи съ лучшихъ гравюръ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	безъ достав.	съ достав.
Полный журналъ (въ 24 книж.)	10 р.	11 р. — к.
Отд. для дѣтей (12 книж.).	5 „	5 „ 50 „
„ для сем. чтен. (12 книж.).	5 „	5 „ 50 „

Для всѣхъ учебныхъ заведеній, подписывающихся прямо въ редакціи на полный журналъ уступается 1 р.

Для земскихъ школъ, записывающихся не менѣе, какъ на 25 полныхъ экземпляровъ, уступается 2 р.

Кромѣ того, плата можетъ быть разсрочена: для лицъ служащихъ въ казенныхъ заведеніяхъ, за ручательствомъ гг. Казначеевъ; для воспитательныхъ и учебныхъ заведеній—за ручательствомъ ихъ начальствъ; для частныхъ лицъ не иначе, какъ по соглашенію съ редакціей.

Разсрочка допускается по третямъ слѣдующимъ образомъ:

На одинъ изъ отдѣл. съ достав.		На полный журналъ съ достав.	
За 1-ю тр. впер.	2 р. 50 к.	За 1-ю тр. впер.	4 р.
„ 2-ю „	2 „ — „	„ 2-ю „	4 „
„ 3-ю „	1 „ — „	„ 3-ю „	3 „

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ редакціи журнала **„СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА“** у Симеоновскаго моста, уголъ Караванной и Фонтанки, д. № 1—7, кв. № 3.

Редакторъ-издатель **Кашпирева.**

Въ настоящемъ 1877 году

ОДЕССКІЙ ВѢСТНИКЪ

выходитъ въ форматѣ большаго листа, ежедневно, кромѣ дней послѣ праздничныхъ. Отдѣлы программы тѣ-же, что и большихъ стол. газетъ, за исключеніемъ особаго отдѣла *Югъ*, въ которомъ въ прошедшемъ году было помѣщено до тысячи корреспонденцій изъ всѣхъ губерній южной Россіи, органомъ которой газета служитъ.

Условія подписки:

Безъ пересылки или доставки. **въ Россіи:**		*Съ пересылкой или доставкой.* **въ Россіи:**	
За годъ.	12 р. — к.	За годъ	14 р. — к.
„ 6 мѣсяцевъ . . .	7 „ — „	„ 6 мѣсяцевъ. . . .	8 „ — „
„ 3 „ . . .	4 „ — „	„ 3 „ . . .	4 „ 50 „
„ 1 „ . . .	1 „ 30 „	„ 1 „ . . .	1 „ 50 „

За границу, къ стоимости экземпляра въ Россіи, слѣдуетъ присоединять за пересылку за каждый мѣсяцъ 50 коп.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка, если они заявятъ о томъ письменно, съ указаніемъ сроковъ взноса, которые могутъ быть или по полугодно, или по четвертямъ года.

Для различныхъ учрежденій также допускается разсрочка на означенныхъ условіяхъ, и газета можетъ высылаться по ихъ письменнымъ заявленіямъ впредь до полученія ими надлежащихъ ассигновокъ (о срокѣ полученія коихъ должно быть упомянуто въ заявленіи) для высылки подписныхъ денегъ.

Подписка принимается *въ Одессѣ, въ конторѣ „Одесскаго Вѣстника“*, на Полицейской улицѣ, въ домѣ Л. Нитче, № 30, по каковому адресу благоволятъ адресоваться и гг. иногородные подписчики.

Покорнѣйше просятъ гг. подписчиковъ: 1) заявлять свои требованія заблаговременно, такъ какъ заготовленіе печатныхъ адресовъ требуетъ времени; 2) присылать адресы четко написанные, съ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣста жительства, а также ближайшей почтовой конторы, отдѣленія или станціи, въ которой производится раздача газетъ и изъ которой подписавшійся можетъ получать свою корреспонденцію.

Городскіе подписчики могутъ подписываться съ какого угодно срока; иногородные же, неиначе, какъ съ 1 го числа каждаго мѣсяца

При перемѣнѣ адреса подписчики должны сообщить непремѣнно прежній адресъ и № билета или бандероли, подъ которою высылается газета, и, кромѣ того, приложить 20 коп., которыя могутъ быть высланы почтовыми марками.

Объ изданіи въ 1877 году въ г. Тифлисѣ ежедневной

литературно-политической газеты

„КАВКАЗЪ“

Въ 1877 году газета „Кавказъ“ будетъ выходить ежедневно, кромѣ дней, слѣдующихъ за воскресными и праздничными.

Содержаніе ея составятъ: I. *Оффиціальная часть* (приказы, правительственныя распоряженія и сообщенія, оффиціальные документы и проч.). II. *Неоффиціальная часть*, съ слѣдующими отдѣлами: а) передовыя статьи по вопросамъ, имѣющимъ обще-государственное или мѣстное значеніе; б) внутреннія извѣстія, касающіяся мѣстной и русской жизни, во всѣхъ ея проявленіяхъ; в) политическія извѣстія, съ руководящими статьями редакціи и ежедневными телеграммами; г) статьи, знакомящія съ Кавказскимъ краемъ въ отношеніяхъ историческомъ, статистическомъ, этнографическомъ, экономическомъ, бытовомъ и пр.; д) фельетонъ и е) справочный указатель. III. *Объявленія* казенныя и частныя.

Цѣна газеты: для городскихъ подписчиковъ—на годъ 11 р. 50 к., на полгода 6 руб.; для иногородныхъ, съ пересылкою,—на годъ 18 руб., на полгода 7 руб.

Допускается разсрочка уплаты подписныхъ денегъ: для служащихъ—чрезъ ихъ казначеевъ, для неслужащихъ — по соглашенію съ редакціею газеты.

Уплачивающіе болѣе 5 руб. и получающіе квитанцію прибавляютъ къ подписной цѣнѣ 5 коп. за гербовую марку.

Подписка принимается въ г. Тифлисѣ, въ конторѣ газеты „Кавказъ“, на Вельяминовской улицѣ, въ домѣ Хосроева. Иногородные адресуютъ свои требованія: въ Тифлисъ, въ редакцію газеты „Кавказъ“.

Редакторъ-издатель *Н. И. Вороновъ.*

О подпискѣ въ 1877 году на еженедѣльную общественную и литературную газету

„ОРЕНБУРГСКІЙ ЛИСТОКЪ“

въ программу которой войдутъ

I. Отдѣлъ статей и изслѣдованій по исторіи, этнографіи, статистикѣ, торговлѣ и промышленности Оренбургскаго края.

II. Хроника, или лѣтопись событій и явленій мѣстной жизни, а также опубликованныя правительствомъ распоряженія, прямо или косвенно касающіяся жизни города Оренбурга и Оренбургскаго края.

III. Фельетонъ. Въ немъ будутъ помѣщаемы очерки мѣстныхъ нравовъ и другія мелкія беллетристическія статьи, и

IV. Справочныя свѣдѣнія по части торговой, промышленной, желѣзно-дорожной, театральный репертуаръ, почтовыя и календарныя свѣдѣнія, мѣстный метеорологическій бюллетень и т. п. свѣдѣнія, а также разнаго рода частныя объявленія.

„Оренбургскій Листокъ“ выходитъ и въ 1877 году еженедѣльно, по воскресеньямъ, въ размѣрахъ отъ одного до 2-хъ обыкновенныхъ газетныхъ листовъ и въ четыре столбца убористаго шрифта.

Подписная цѣна изданію въ годъ — пять рублей, съ доставкой и пересылкой.

Редакція покорнѣйше проситъ лицъ, знающихъ мѣстный край, присылать ей какъ отдѣльныя статьи и изслѣдованія, такъ сообщенія свои, касающіяся мѣстной жизни съ какой бы то ни было ея стороны.

Статьи, корреспонденціи и требованія на высылку изданія, редакція проситъ адресовать: въ Оренбургъ; въ редакцію газеты „Оренбургскій Листокъ“ Неплюевская улица, домъ № 10, при типографіи Ив. Ив. Евфимовскаго-Мировицкаго.

Редакторъ-издатель **Ив. Евфимовскій-Мировицкій.**

При настоящемъ нумерѣ Живописнаго Обозрѣнія разсылается февральское приложеніе ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО“.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 14 февраля 1877 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 л., д. № 12.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Гос Публичная б-ка в Ленинградѣ

№ 8. Томъ I. На годъ съ доставкою и пересылкою 7 руб.; на полгода 4 р. 50 к. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 20 Февраля 1877 года. *Адресъ конторы редакціи:* С.П.-бургъ, Васильевскій островъ, 3-я линія, д. № 48. Годъ V.

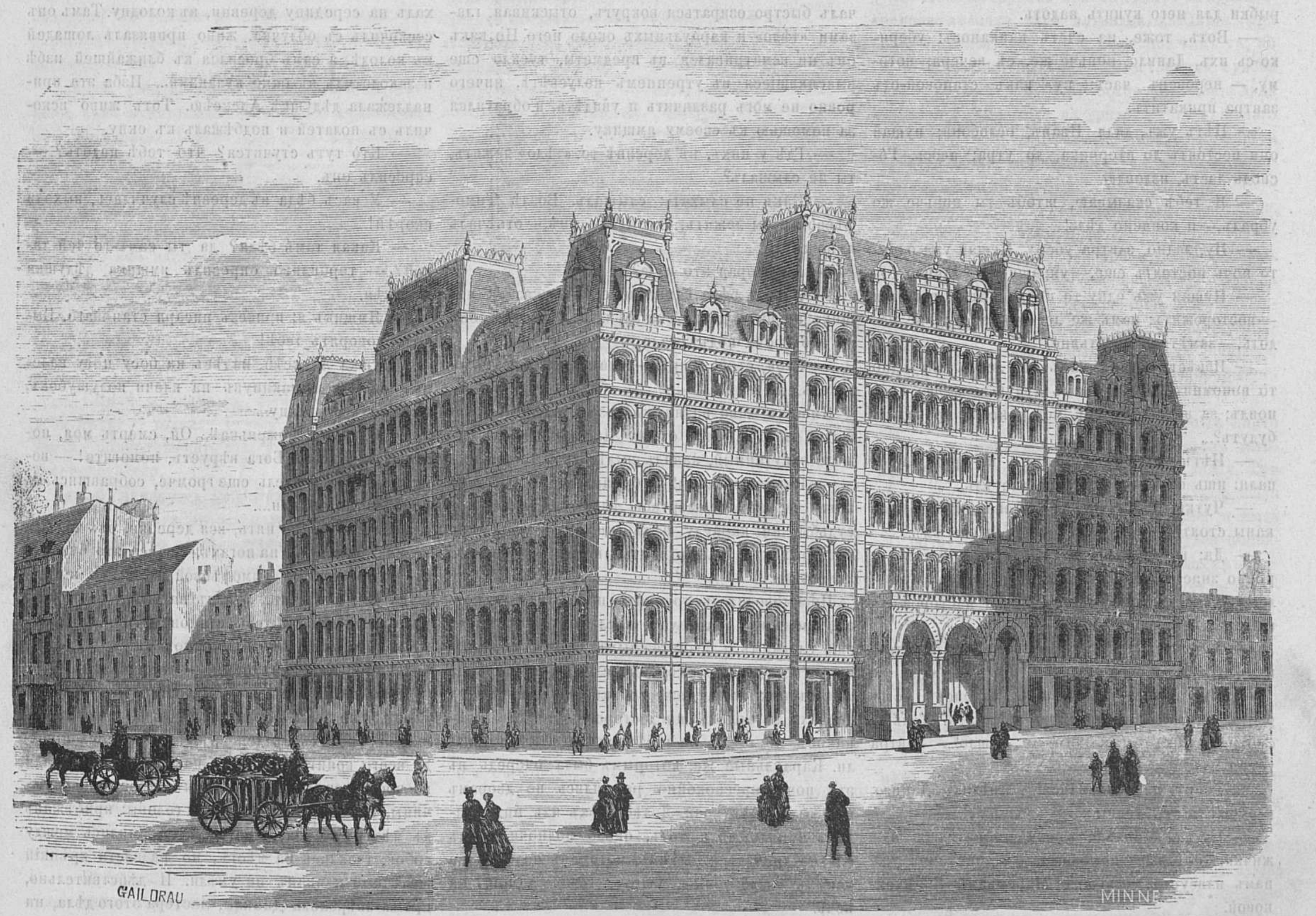
Подписка на „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ" 1877 г. продолжается.

Каждый новый подписчикъ получаетъ журналъ съ № 1 вмѣстѣ съ ежемѣсячнымъ приложеніемъ «Жизнь и Хозяйство».

Въ 1877 году журналъ выходитъ въ форматѣ большихъ иллюстрацій, **еженедѣльными** нумерами (въ годъ 52 №№ или 2496 столбцевъ), иллюстрированными множествомъ художественныхъ гравюръ. Въ концѣ года все изданіе будетъ состоять изъ *двухъ большихъ томовъ*. Всѣ подписчики получаютъ, **въ видѣ преміи**, ежемѣсячное приложеніе подъ заглавіемъ **„ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО"**, каждый нумеръ котораго заключаетъ въ себѣ отъ 15 до 20 рисунковъ (въ годъ болѣе 200). Кромѣ того, въ теченіи года всѣмъ годовымъ подписчикамъ разсылается

НѢСКОЛЬКО ДРУГИХЪ ПРЕМІЙ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: За годъ безъ доставки **6 руб.**, съ доставкою въ Спб. и *для иногороднихъ* **7 руб. Гг. иногородные** благоволятъ адресоваться съ своими требованіями *прямо и непосредственно* въ главную контору редакціи, по адресу: въ С.-Петербургѣ, Васильевскій о-въ, 3-я линія, д. № 48. **Гг. городскіе** подписчики могутъ абонироваться въ книжномъ магазинѣ М. В. Попова, на Невскомъ пр., въ зданіи Пассажа.



Домъ призрѣнія для работницъ.

Капканы.

(Очеркъ изъ народнаго быта.)

Ив. Якунина.

Глава VII.

Прошло еще два дня; наступилъ, наконецъ, и послѣдній день масляницы—воскресенье. О волкахъ не было ни слуху, ни духу, такъ что Данило начиналъ уже горевать о *четверти*, задаромъ поставленной имъ міру. По этому поводу, надъ нимъ начинали даже подтрунивать въ деревнѣ.

Въ воскресенье, послѣ обѣда—то есть, часу въ первомъ,—собралась на улицу вся деревня—провожать послѣдній день масляницы. Молодые ребята приготовили нѣсколько длинныхъ шестовъ, съ принязанными къ нимъ, на концѣ, большими пуками соломы. Вечеромъ, когда уже совсѣмъ окончится деревенское гулянье, солома эта, по обычаю, должна быть сожжена: масляница, значитъ, *сгорѣла*, окончилась. Но пока еще шло веселье—сильно, впрочемъ, стѣсняемое присутствіемъ «мертваго тѣла» на улицѣ: не ладились вполнѣ ни пѣсни, ни пляска; нѣтъ-нѣтъ, да и вспомнятъ о дядѣ Михеѣ—и невольно оглянутся въ сторону Тимофѣевой избы, гдѣ, у завалины, близъ проулка, возвышается небольшая горка соломы, закрывающая трупъ...

— Н-н-ну, гостекъ!... Далъ Богъ...—слышалось иногда въ толпѣ.

— Д-д-да, упòтчивалъ!—испекъ намъ блинковъ, на мàсляную...

— Таперь ужъ, объ этомъ поздно толковать,—замѣтилъ староста:—масляная прошла. А вы вотъ што: подумайте-ка лучше—кàкъ намъ становаго-то встрѣтить? Завтра—постъ, скоромнаго онъ ѣсть не станетъ; надо бы рыбки купить.

— Это ты, дядя Иванъ, вѣрно сказываешь: рыбки для него купить надоть.

— Вотъ, тоже, на счетъ капкановъ: убери-ко-сь ихъ, Данило, ноньче же, съ вечера; потому,—неровенъ часъ: ну, какъ становой-отъ завтра прикатитъ.

— Нѣтъ ужъ, дядя Иванъ, ослобони; пущай они постоятъ до вторника, до утра; авось, Господь дастъ, изловлю.

— Я тебѣ сказываю, штобъ ты ноньче же убралъ,—и кончено дѣло!

— Ну, ладно, завтра уберу. Пущай ужъ одну-то ночь постоятъ еще,—упрашивалъ Данило.

— Пущай ужь одну-то ночку онъ потѣшится—посторожитъ; намъ же легче—караулу не надоть,—замѣтили крестьяне.

— Извѣстно, такъ: вамъ же легче. Вы одно тò попомните: я вѣдь вамъ цѣлую *четверть* пропоилъ; за штожь, таперь, мои денежки пропадать будутъ?...

— Нѣтъ ужь, братъ, видно, и въ правду пропали: ишь вотъ, ни одинъ не влетѣлъ...

— Чутки, прòклятые: рòвно знаютъ, што капканы стоятъ,—и ходить перестали совсѣмъ.

— Да; вотъ, поди жь ты! звѣрь, кажись, а рòвно знаетъ. Первую ночь индо семеро пришло, а таперь вотъ, какъ Данило настороживъ капканы,—ни одного.

— А можетъ, Богъ дастъ, нынче, въ остàтную-то ночь, и придутъ.

— Ну, ладно!—согласился, наконецъ, староста:—пущай ужь эту ночь постоятъ. Только, смотри: грѣха бы какого не вышло!... Завтра убери ихъ.

— Уберу, не сумлѣвайся!—отвѣтилъ Данило, и отошелъ отъ толпы.

— Ну-ка, Маряша, *топни*,—обратились мужички, которые помоложе, къ знакомой уже намъ плясуньѣ, дѣвушкѣ Маремьянѣ Климченковой.

— Одной-то небольно охотно,—отвѣчала она, входя, однако, въ кругъ.

— Помогутъ. Эй, Василій! гдѣ ты тамъ?—кликнули ея жениха.

Василій живо явился на зовъ, вошелъ *въ кругъ*, заигралъ на гармоньѣ лихую плясовую пѣсню, подхваченную молодежью—и пляска пошла своимъ чередомъ...

———

На другой день, то-есть въ чистый понедѣльникъ, едва только началò разсвѣтать, къ деревнѣ подъѣзжали парныя крестьянскія обшевни (сани). Въ нихъ помѣщался довольно тучный и порядочно уже потертый жизнію господинъ, въ старой енотовой шубѣ и бараньей шапкѣ, подпоясанный вязаннымъ шерстянымъ шарфомъ. Это былъ письмоводитель становаго пристава, бывшій приказный. А позади этихъ саней, въ полверсты разстоянія, ѣхали другія сани, тоже парою; но лошади были получше, и сани были уже не крестьянскія, а городскія; въ нихъ помѣщался самъ становой; на облучкѣ, рядомъ съ ямщикомъ, сидѣлъ дюжій соцкій, отставной унтеръ. Все это ѣхало «на мертвое тѣло», въ Дегтярново. Письмоводитель нарочно ѣхалъ впереди, чтобы, пріѣхавъ въ деревню, распорядиться съ самоваромъ и все приготовить, какъ слѣдуетъ, въ избѣ, отведенной для ихъ помѣщенія. Они выѣхали «къ тѣлу» днемъ раньше—то есть не во вторникъ, какъ полагали, а въ ночь подъ понедѣльникъ,—потому, что наканунѣ, какъ имъ дали знать, въ большомъ селѣ Болохновѣ, по сосѣдству съ Дегтярновымъ, случилось въ кабакѣ убійство и грабежъ. Ѣхать на такое дѣло слѣдовало немедленно; и вотъ, они выѣхали,—рѣшившись, кстати, заѣхать по дорогѣ и въ Дегтярново—«поднять тѣло», сдѣлать опросы и распорядиться, затѣмъ, о преданіи тѣла землѣ, а дѣла—волѣ Божіей.

Въѣхавъ уже въ околицу, письмоводитель началъ быстро озираться вокругъ, отыскивая глазами «тѣло» и караульныхъ около него. Но, какъ онъ ни всматривался въ предметы, тускло еще выяснявшіеся въ утреннемъ полусвѣтѣ, ничего ровно не могъ различить и увидѣть, и обратился за помощью къ своему ямщику.

— Гдѣ у нихъ, въ деревнѣ-то, «тѣло» лежитъ, ты не слышалъ?

— Кàкъ не слыхать: слышалъ. Возлѣ Тимофѣевой избы лежитъ, сказывали мнѣ,—отвѣчалъ ямщикъ.

— А которая это изба?

— А вотъ эфта самая и есть,—указалъ ямщикъ на избу дяди Тимофѣя, къ которой они въ это время подъѣзжали.

— Стой, стой! Тпру!—остановилъ письмоводитель.

Ямщикъ живо натянулъ возжи и осадилъ лошадей назадъ. Онѣ стали. Письмоводитель тяжело закутанный, началъ вылѣзать изъ саней.

— Экіе мерзавцы!—бранился онъ:—такъ вотъ и кинули «мертвое тѣло» на произволъ судьбы! ни караулу нѣтъ, ни души на улицѣ: всѣ дрыхнутъ, должно быть, послѣ вчерашняго пьянства...

Письмоводитель говорилъ правду: дегтярновцы, проводивъ наканунѣ масляницу, всѣ спали еще сладкимъ и безмятежнымъ сномъ, который, извѣстно, бываетъ особенно сладокъ на зарѣ, да еще съ похмѣлья. Даже собаки, привязанныя на дворахъ въ видахъ предосторожности отъ капкановъ, не лаяли на пріѣхавшихъ и мирно спали. Караульные же, которымъ была очередь въ эту ночь, преспокойно разошлись по дворамъ еще въ началѣ ночи. Долѣе всѣхъ изъ нихъ сидѣлъ Данило; но и тотъ, около полночи, сталъ сильно дремать и, затѣмъ, потерявъ надежду на успѣхъ «изловленія», ушелъ, тоже, домой, на печь.

— Гдѣ у нихъ тѣло-то лежитъ?—спросилъ письмоводитель, вылѣзши изъ саней.

— Да видно, вотъ оно самое и есть: вишь у проулка-то куча соломы навалена; ну... это надъ «тѣломъ»...

— Ахъ, канальи, канальи!—бранился письмоводитель, прямикомъ направляясь къ дядѣ Михею:—Бросили «тѣло» безъ призору, безъ караулу... Ну, постойте же, я вамъ штуку подстрою! заплотите вы штрафъ... не отдѣлаетесь рыбкой да курочками, да яичками...

Но какую именно «штуку» хотѣлъ «подстроить» дегтярновцамъ письмоводитель—это осталось неизвѣстнымъ... Едва только онъ подошелъ къ «тѣлу» поближе и едва лишь началъ новую рѣчь въ прежнемъ порицательномъ родѣ, то есть:—«Ахъ, шельмы, шельмы! бросили тѣло безъ надлежащаго караул...»,—какъ, вдругъ, что-то выскочило изъ-подъ снѣгу, крѣпко стукнуло его по правой ногѣ съ обѣихъ сторонъ, ожгло эту ногу какъ огнемъ,—такъ что въ глазахъ позеленѣло и небо показалось съ овчинку,—и письмоводитель, какъ снопъ, повалился на земь, закричавъ отъ боли и испуга во весь голосъ, чтò только было мочи...

— Ай, нога! нога!!... Смерть моя!... Помогите!...

На этотъ отчаянный вопль, раздавшійся на всю деревню, отвѣтилъ, сначала, дружный лай нѣсколькихъ собакъ, привязанныхъ на дворахъ и проснувшихся отъ крику письмоводителя; затѣмъ, въ сосѣдней избѣ дяди Ларіона стукнуло окно и выглянула оттуда заспанная фигура старухи, матери Ларіона. Баба пристально всмотрѣлась въ письмоводителя—какъ онъ барахтался на снѣгу, съ капканомъ на ногѣ,—и, набожно перекрестившись, опять опустила окошко и скрылась въ избѣ.

Ямщикъ, между тѣмъ, видя, что дѣло плохо, ударилъ возжами по лошадямъ и быстро отъѣхалъ на середину деревни, къ колодцу. Тамъ онъ соскочилъ съ облучка, живо привязалъ лошадей къ колодѣ, а самъ бросился къ ближайшей избѣ и заколотилъ въ окно кулаками... Изба эта принадлежала дѣдушкѣ Алексѣю. Тотъ живо вскочилъ съ полатей и подбѣжалъ къ окну.

— Ктò тутъ стучится? чтò тебѣ надоть?—спросилъ онъ.

— У васъ бѣда въ деревнѣ случилась, выходи скорѣй!

— Какая тамъ бѣда? да ты самъ-то чей такой?—торопливо опросилъ ямщика дѣдушка Алексѣй.

— Ямщикъ я; привезъ писаря становаго. Выходи, говорятъ тебѣ!

Дѣдушка Алексѣй, надѣвъ на босу ногу валеные сапоги и накинувъ на плечи полушубокъ, выбѣжалъ на улицу...

— Ой, нога! ноженька!!.. Ой, смерть моя, помираю!... Кто въ Бога вѣруетъ, помогите!—вопилъ письмоводитель еще громче, собравшись съ послѣдними силами....

Минутъ черезъ пять, вся деревня, отъ мала до велика, была уже на ногахъ,—и все это бѣжало, сломя голову, къ Тимофѣевой избѣ, гдѣ, выбившись уже изъ силъ, лежалъ на снѣгу и стоналъ тучный письмоводитель становаго пристава, съ громаднымъ волчьимъ капканомъ на ногѣ, перехваченной пополамъ немного ниже колѣна.

Многія изъ бабъ, выбѣгая изъ своихъ избъ на улицу и не зная еще въ чемъ дѣло, глядя на общій переполохъ въ деревнѣ, принимались прежде всего вопить голосомъ, какъ это онѣ дѣлали во время пожара, или похоронъ. Крестьяне, мужчины, тоже совсѣмъ потеряли головы: прибѣжавъ къ мѣсту событія, они охали, бранились между собой, толклись на мѣстѣ, но развести крѣпкій желѣзный капканъ не умѣли. И дѣйствительно, кромѣ звѣролова Данилы, мастера этого дѣла, никто въ деревнѣ не умѣлъ ни насторожить капкана, ни развести его....

— Да гдѣ онъ, прòклятый, Данило-то?—спрашивали растерявшіеся крестьяне другъ у друга.

— Схоронился (спрятался), должно, вдолъ; вотъ нейдетъ же сюда.

Колокольчикъ становаго зазвенѣлъ, наконецъ, въ самой деревнѣ, и, минуты черезъ двѣ, сани его остановились возлѣ Тимофѣевой избы.

— Что тутъ такое? чтò это?!..

— Громко спросилъ онъ, не вылѣзая еще изъ саней.

— Батюшка! Семенъ Иванычъ! спасите! — простоналъ письмоводитель....

Становой—юркій, маленькій, рыженькій человѣчекъ изъ отставныхъ военныхъ — быстро выскочилъ изъ саней и, сквозь разступившуюся толпу, подбѣжалъ къ своему письмоводителю — своей «правой рукѣ», какъ онъ называлъ его;— эта «правая рука» была теперь безъ правой ноги и лежала на снѣгу въ самомъ разбитомъ положеніи — вполнѣ жалкомъ и, отчасти, смѣшномъ.

— Чтò это съ вами?! Господи Боже мой!! — вскрикнулъ становой, не понимая еще въ чемъ дѣло....

Ямщикъ, привезшій несчастнаго письмоводителя, подошелъ къ становому и снялъ шапку:

— Они, ваше-скородіе, въ капканъ попали,— проговорилъ онъ съ соболѣзнованіемъ въ голосѣ.

— Кàкъ — въ капканъ?! въ какой??.. Ахъ вы, разбойники, *такіе-сякіе* дѣти!... — забранился и закричалъ на мужичковъ становой: — Снимайте же капканъ скорѣй, анафемы вы этакіе!

Вокругъ стояла огромная толпа мужчинъ и женщинъ, безъ шапокъ, простоволосыхъ; многіе были босикомъ — какъ вскочили съ постелей; женщины были безъ сарафановъ, въ однѣхъ пестрядныхъ и набойчатыхъ юбкахъ и даже безъ платковъ на головахъ. Ребятишки дрогли отъ утренняго холода, но жадно вглядывались въ письмоводителя и вслушивались во все....

Вскорѣ, двое крестьянъ привели Данилу, подъ руки, какъ преступника, къ мѣсту совершоннаго имъ злодѣянія. Данило былъ блѣденъ, какъ полотно, и трясся всѣмъ тѣломъ.

— Вотъ, это все — онъ, ваше благородіе! — заговорили крестьяне, подводя Данилу къ становому приставу:—это его дѣло: и капканы его, и самъ онъ ихъ настороживалъ.

— А-а-а, разбойникъ! такъ это опять ты!...— закричалъ становой—ты опять за прежнее дѣло принялся!...

— Виноватъ, мой грѣхъ! — прошепталъ Данило.

— Сымай капканъ то, сымай, погибели на тебя нѣтъ! — толкали Данилу крестьяне, указывая на помертвѣвшаго отъ боли и потери крови письмоводителя.

Данило пригнулся къ капкану и сталъ разводить его; но руки его дрожали, какъ въ лихорадкѣ, и онъ плохо владѣлъ ими...

— Помогите, братцы, я не смогу одинъ, — взмолился онъ къ народу. Нѣсколько человѣкъ бросились къ нему на помощь, — и, минуты черезъ двѣ, нога письмоводителя была высвобождена изъ капкана. Самого его подняли съ земли и бережно отнесли въ ближайшую избу, къ дядѣ Тимофѣю. Нога, оказалась, къ счастію, не переломленною: содрана лишь была вся кожа вокругъ ноги и попорчены мускулы и поджилія.

— Всѣхъ васъ, разбойники, въ Сибирь упеку!—грозился становой, — и крестьяне тряслись отъ этихъ грозныхъ словъ и лишь робко переглядывались другъ съ другомъ.

— Воля ваша, батюшка Семенъ Иванычъ! — былъ одинъ покорный отвѣтъ....

Прискакалъ изъ Харина, верхомъ, староста, за которымъ, тоже верхомъ, ѣздили изъ Дегтярнова. На него обрушился первый пылъ и гнѣвъ становаго. Иванъ Александрычъ—мужикъ неглупый—безмолвно, не возразивъ ни единымъ словомъ, принялъ на себя этотъ гнѣвъ: онъ зналъ, что становой былъ горяченекъ на первыхъ порахъ, а потомъ, ничего — отойдетъ....

Послали за докторомъ въ ближайшую земскую больницу, верстъ за 12-ть, и часа черезъ три пріѣхалъ докторъ, осмотрѣлъ ногу раненаго письмоводителя и объявилъ, къ великой радости крестьянъ, что нога не переломлена и что, недѣльки черезъ двѣ-три, письмоводитель будетъ совсѣмъ здоровъ; совѣтовалъ лишь ему успокоиться....

Весь этотъ день становой пробылъ въ Дегтярновѣ; составилъ два акта: однимъ актомъ призналъ смерть дяди Михея происшедшею отъ пьянства и воли Божіей — и разрѣшилъ его похоронить; другой актъ былъ составленъ о капканахъ и дядѣ Данилѣ — о привлеченіи его къ уголовной отвѣтственности, по статьѣ такой-то, за противозаконную постановку капкановъ, жертвою коихъ сталъ отставной канцелярскій служитель Ардаліонъ Огнепещенскій, служащій, по вольному найму, въ канцеляріи становаго пристава N—скаго уѣзда, 2-го участка. Актъ этотъ былъ препровожденъ къ мировому судьѣ. Крестьяне не признались, что постановка капкановъ была разрѣшена сельскимъ сходомъ — то-есть, всѣмъ міромъ,—и уговорили Данилу взять отвѣтъ на себя, одного.

— Все едино ужь: тебѣ не миновать въ отвѣтъ идти; иди одинъ, а насъ не путай.

И Данило согласился.

Поздно уже вечеромъ уѣхалъ становой изъ деревни, въ село Болотново. И земскій врачъ уѣхалъ тоже, пообѣщавъ прислать на другой день фельдшера и новыхъ лекарствъ. Письмоводитель остался въ Дегтярновѣ—лечиться.

Проводивъ становаго, крестьяне сошлись потихоньку у колодца — и долго вздыхали, повѣсивъ головы....

— По многу ли же, братцы, собирать станемъ ещѐ-то—на излеченье-то?—глухо спросилъ у мірянъ староста.

— Да, видно, опять по стольку же, — отвѣчалъ дѣдушка Алексѣй: — опять по полтинѣ съ души....

— Што больно много!—замѣтилъ кто-то.

— Много!.... Ты говори: слава тебѣ, Господи! — а то: много!... Што она, нога-то писарева, стоитъ: чай не полтину! Вѣдь онъ, тоже, сказываютъ, изъ благородныхъ...

— То-то, вотъ, и есть! А все черезъ кого?— все, вотъ, черезъ этого идола, — указывали крестьяне на Данилу.

Данило молчалъ и лишь, порою, тяжко вздыхалъ, да безнадежно оглядывался вокругъ...

— Да еще, вотъ, сказывалъ становой, къ мировому погонятъ всѣхъ—свидѣтелями, значитъ.

— Да, ужь не миновать этого. Цѣлый день, гляди, и сотрешь задаромъ.

— Вотъ они, грѣхи-то тяжкіе!—вздыхалъ дѣдушка Алексѣй: — Это все за грѣхи за наши Господь наказуетъ. Я вѣдь говорилъ намеднись: не ставьте эти капканы!

— Говорить-то ты говорилъ, а самъ же послѣ водку пилъ съ Данилы, — упрекнулъ староста.

— Я міру не супротивникъ. Міръ рѣшилъ,— и я съ міромъ,—оправдывался дѣдушка.

— Н-н-ну, дядя Данила! попомни ты это! по рублю, вотъ, съ двора за твою четверть-то приходится отдавать таперь!... вотъ оно што.

— Изловилъ!... штобъ тебѣ!!..

(*Окончаніе въ слѣдующемъ №.*)

* * *

Доброволецъ.

(Разсказъ изъ народнаго быта.)

(Б. Л. Я—вина.)

Глава III.

Въ тотъ самый вечеръ, когда пріѣхалъ съ извоза пьяный Семенъ и въ домѣ Лукича по этому поводу разыгралась описанная сцена, въ небольшомъ домикѣ на самой серединѣ села также горѣлъ одинокій огонекъ. Въ горенкѣ этого домика у широкаго стола за шитьемъ сидѣла молодая, лѣтъ двадцати пяти, крестьянка. Высокая и стройная, съ темными, густыми волосами и выразительнымъ, правильнымъ лицомъ, она глядѣла настоящей красавицей, способной возбудить къ себѣ зависть даже въ любой свѣтской барышнѣ. Нарядъ крестьянки приходился ей какъ нельзя больше къ лицу; красный, кумачевый сарафанъ, обшитый бѣлымъ по оплечьямъ, тонкая, какъ снѣгъ, бѣлая сорочка, да широкій передникъ ловко, точно на модели, сидѣли на ней, обрисовывая изящныя, далеко немужицкія, ея округленныя формы. На головѣ небыло ничего; густыя, роскошные волосы заплелись на двѣ толстые косы и низко, низко спустились по ея плечамъ и груди. Молодая женщина торопливо и не отрываясь работала, но работа, какъ видно, не совсѣмъ-то шла ей на умъ — красивое, теперь чѣмъ-то озабоченное, лице ея то и дѣло принимало самыя различныя, самыя противуположныя выраженія;—то какъ будто какая-то тоска мелькнетъ въ ея лучистыхъ, карихъ глазахъ, то любопытство и какъ будто ожиданіе чего-то, то радость — и появится улыбка на тонкихъ губахъ, то опять тоска и грусть — видно было вообще, что какое-то назойливое чувство томило ея сердце и нагоняло цѣлый рой не менѣе назойливыхъ думъ. Неподалеку отъ нея на скамьѣ за прялкою дремала дѣвочка лѣтъ пятнадцати. Одѣта она была неменѣе хорошо и опрятно, чѣмъ та, но за то поразительная, почти неественная худоба тѣла и не по годамъ старческое выраженіе лица далеко не производили на зрителя того пріятнаго впечатлѣнія, какое давали нарядъ и фигура взрослой красавицы. Обѣ сидѣли молча и, повидомому, вовсе не интересовались другъ другомъ— вниманіемъ одной овладѣвала вполнѣ работа или, лучше сказать, различныя думы, другая только сидѣла за работою и давно всецѣло отдалась пріятному сну и заманчивымъ грезамъ. Тишина въ горенкѣ поэтому была полная, если не считать мѣрныхъ ударовъ маятника, да подчасъ тяжелыхъ, продолжительныхъ вздоховъ, непроизвольно вылетавшихъ изъ груди задумчивой деревенской красавицы.

Описанная только что женщина была никто иная, какъ жена покойнаго Егора, надѣлъ котораго порѣшили на сходѣ отобрать въ казну. Три года тому назадъ, когда Марья, — такъ звали молодую вдову, — была еще дѣвушкой и жила въ родительскомъ домѣ, ей приглянулся покойный, бывшій тогда бравымъ, молодцоватымъ парнемъ. Приглянулась, и больно приглянулась тогда и она Егору, полюбилъ ее дѣтина, какъ говорится, всей душой, да и какъ было не полюбить-то этакой дѣвки, и умной, и красивой, и работящей трудно было найдти во всемъ околодкѣ кромѣ Марьи! Марья слыла первой невѣстой во всей вотчинѣ. Ужь давненько холостые ребята и тороватыхъ, зажиточныхъ семей, не въ примѣръ бѣдняку Егору, засылали къ дѣвушкѣ своихъ сватовъ, предлагая привольную и сытную жизнь, — Марью не прельстили ихъ довольство и зажиточность: жить съ милымъ, хоть бы и въ бѣдности и на трудовые гроши, захотѣла лучше она, пошла съ Егоромъ подъ вѣнецъ. Полгода прожили молодые счастливо, какъ слѣдуетъ быть любящимъ другъ друга супругамъ, да только и было для нихъ, что полгода этого счастливаго времени: Егоръ вдругъ, ни съ того ни сего, какъ будто совсѣмъ переродился. Сталъ онъ на жену свою что-то больно косо поглядывать, сталъ придираться, сталъ намекать на что-то, а самъ подолгу пропадать и поздно разпьяно-пьянымъ возвращаться домой. А ужъ если вернулся мужъ пьянымъ — плохо Марьѣ: натерпится она бывало, бѣдная, и брани, и побоевъ, и упрековъ въ какой-то небывалой любовной связи, и другихъ всевозможныхъ обидъ и огорченій. Тошно, не въ терпежъ тошно стало подъ конецъ жить несчастной — слезы всѣ повыплакались, сердце изныло и — вотъ Марья возненавидѣла мужа и поклялась во что бы то ни стало отомстить за свое обманутое, оскорбленное чувство Отомстила ли она дѣйствительно или самъ Богъ наконецъ сжалился надъ бѣднягой — трудно сказать, только въ одну глухую осеннюю ночь, ровно черезъ полтора года, раньше совсѣмъ здоровый Егоръ, найденъ былъ на задворкахъ безъ всякихъ признаковъ жизни. Наѣхали разумѣется слѣдователи, пошли подозрѣнія, допросы, но какъ ни одной достаточной улики въ преступленіи не оказалось — дѣло тѣмъ и покончили. Ходили, правда, всетаки долго темные слухи, что съ Егоромъ было сдѣлано нечистое дѣло, что Марья передъ этимъ не разъ бѣгала по ночамъ въ конецъ села къ одной старухѣ, слывшей за знахарку и колдунью, которая давала ей будто разные зелья и травы для порчи мужа, но слухи эти такъ и остались слухами, никто не могъ за достовѣрное сказать — что тутъ случилось: Марья ли тутъ виновата и умышленно развязала руки, или внезапно какой-то тяжелый недугъ приключился съ Егоромъ и онъ отдалъ Богу душу. Такъ или иначе, а схоронила вдова своего мужа и зажила опять вольной и спокойной жизнью, какъ до замужества, ни отъ кого не завися и никому не кланяясь. Продала она подъ хлѣвъ сосѣду, мужику, убогую мужнину избенку, а сама поселилась въ уютномъ отцовскомъ домикѣ и, чтобы нескучно было, пріютила сироту-дѣвочку. И живетъ молодая вдова припѣваючи, забыла и свое недавнее горе и обиды, да сердце не забыло любить; не сломили ея молодую, страстную натуру минувшія напасти и огорченія. Чаще и чаще опять забило ретивое, снова подолгу лежитъ на рукѣ красивая головка, а глаза глядятъ куда-то далеко, далеко видится ей образъ статнаго, черномазаго молодца, слышится разудалая пѣсня сквозь унылый, протяжный звонъ почтоваго колокольчика, да рѣзкій визгъ полозьевъ по гладкой столбовой дорогѣ. А какъ хорошъ онъ въ своемъ ямщицкомъ нарядѣ, и этой ухарски надѣтой круглой барашковой шапочкѣ! Вотъ лихо мчится онъ на своей сытой тройкѣ по родному селу, вотъ круто подвернулъ къ своимъ воротамъ и, выскочивъ изъ саней, молодецки отряхнулся отъ налипнувшаго снѣга. На встрѣчу выходитъ старушка — мать и кидается на шею сыну, долго и крѣпко цѣлуетъ любимое дѣтище. Какая досада. Отчего она неможетъ тоже встрѣтить его и также долго, нѣтъ, — еще дольше и крѣпче его цѣловать!?.. Развѣ любитъ она его меньше матери?

А молодое сердце такъ и щемитъ, такъ и ноетъ. Да любитъ ли онъ-то меня, задаетъ себѣ вопросъ вдова, — не обманываетъ ли также, какъ обманывалъ ее Егоръ? Да и не видать-то ужь больно долго его: вѣть вотъ цѣлая недѣля прошла, какъ уѣхалъ онъ и съ той поры какъ въ воду канулъ. А можетъ быть гдѣ-нибудь далеко, ужъ гуляетъ теперь съ другой — вѣдь мало ли есть красавицъ на чужой сторонѣ?... Да Богъ съ нимъ впрочемъ, пусть бы вернулся только цѣлъ и невредимъ, а тамъ....

Вдругъ снаружи послышался легкій стукъ въ дверь и прервалъ размышленіе крестьянки. Вдова обернулась назадъ и посмотрѣла на спящую дѣвочку.

— Таня, а, Таня, — легонько толкнула она ее въ бокъ, — выйди-ка въ сѣни, да узнай, — кто тамъ стучитъ: не Доронична ли?... Если она — впусти.

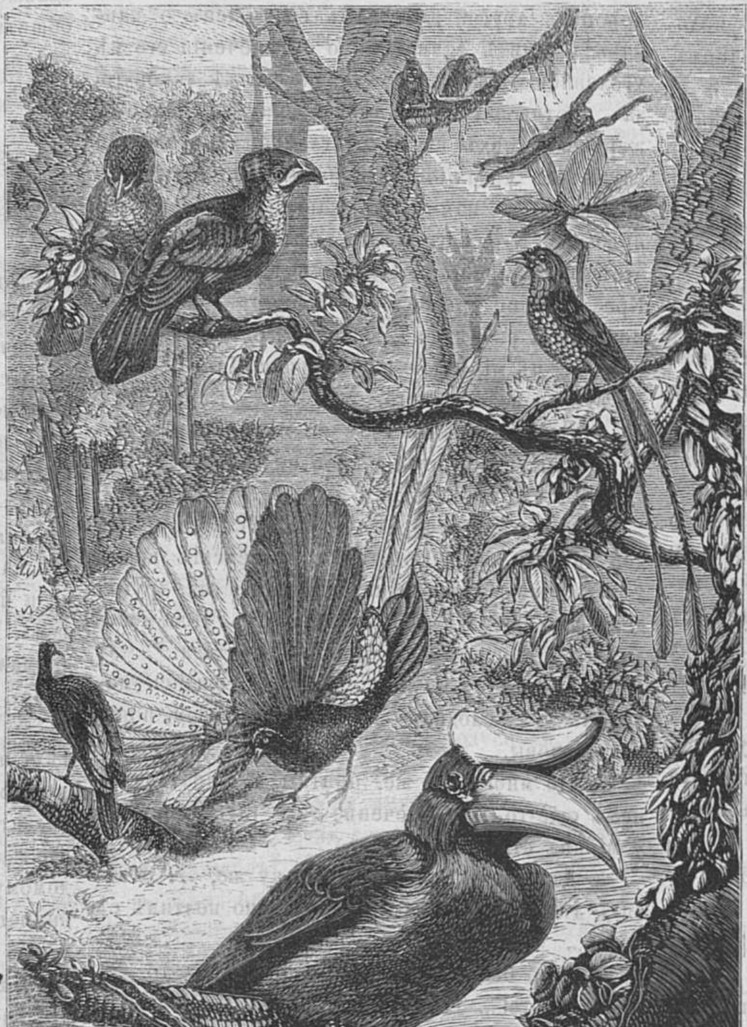


Рис. 1. **Жизнь птицъ Малайской области.**

Къ статьѣ: «*Распространеніе животныхъ*».

Дѣвочка очнулась, протерла глаза и, проворчавъ что-то спросонья, вышла изъ горницы. Черезъ минуту щелкнулъ замокъ, послышался скрипъ отпираемой и вновь запираемой двери; кто-то, кряхтя и охая, медленно поднимался по лѣстницѣ.

— Она и есть, проговорила Марья, прислушиваясь къ шагамъ, — какую-то вѣсточку несетъ: хорошую-ли?

Въ горенку вошла маленькая, какъ грибъ сморщенная старушка, это была дѣйствительно Дорофѣевна, та самая знахарка и колдунья, волшенобму дѣйствію снадобій и зелій которой народная молва приписывала неожиданную кончину Егора. Въ селѣ ее просто звали бабка Доронична.

Наружность вошедшей была отвратительна. Всякій, кто еще въ дѣтствѣ слыхалъ или читалъ пресловутые разсказы о бабѣ-ягѣ, при взглядѣ на Дороничну, представилъ бы себѣ бабу-ягу ничуть не хуже ея: одного только ей нехватало, чтобы сдѣлаться буквальнымъ портретомъ сказочной колдуньи — это клюки, взамѣнъ которой въ рукѣ у нея была, однако, толстая и длинная палка. Особенно гадки и даже нѣсколько страшны были у нея маленькіе, зеленоватаго цвѣта, глаза, какъ угольки сверкавшіе изъ подъ сѣдыхъ щетинистыхъ бровей; надо было запастись порядочной дозой самообладанія, чтобы выдержать на себѣ ихъ насквозь пронизывающій, рѣзкій взглядъ. Недаромъ въ народѣ ходилъ баснословный разсказъ о томъ, что будто у Дороничны прежде были не такіе глаза, но она ослѣпла, а дьяволъ пошутилъ надъ нею и вставилъ вмѣсто прежнихъ глазъ — кошачьи. Длинныя, жесткія космы совершенно сѣдыхъ волосъ ея вылѣзли изъ подъ темнаго платка и какъ-то дико, словно у фуріи, торчали наружу; нижняя челюсть постоянно находилась въ движеніи точно у жвачнаго животнаго.

— Здорова ли бабушка, — встрѣтила её хозяйка, — какъ живешь-можешь? Съ добромъ ли занесъ тебя Богъ въ мой домишко?

— Здорова, здорова, моя красавица, — прохрипѣла въ отвѣтъ колдунья, усаживаясь на скамью и подбородкомъ упираясь въ палку, — только не совсѣмъ-то съ добромъ пришла я къ тебѣ, шепотомъ добавила она, загадочно смотря на воду.

— Ну? — тревожно спросила та и бросила испуганный взглядъ на говорившую.

— Да ты ни робѣй гораздо-то, — постаралась успокоить ее Доронична: — не то, чтобы ужъ больно худо было, что я разскажу-то тебѣ — пожалуй, тутъ будетъ и радость, да ужь опосля будетъ и горе!... Слушай: сейчасъ пріѣхалъ съ извоза Семенъ — пріѣхалъ онъ чуть живъ, пьяный; пропилъ, смѣкай, весь свой заработокъ да лошадь, отецъ хотѣлъ бить да Яшка-большакъ *) помѣшалъ. Ну, что скажешь на это, моя лебедка?

— Мнѣ что за дѣло до этого, бабушка! Говори скорѣе дальше.

— Постой, постой, не спѣши: поспѣшишь, — говорится, — людей насмѣшишь, — наставительно перебила старушенка: — я тебѣ больше ничего не скажу — сама что хочешь теперь и придумывай. А подумать, кажись, есть о чемъ.

— Да что же мнѣ тутъ думать-то, нетерпѣли во возразила вдова — я одно знаю: Семенъ пріѣхалъ — ну, мнѣ больше ничего и не надо, а про другое людямъ вѣдать, да судить.

— Глупая, глупая, — покачала на нее головою Доронишна, — а ты знаешь, что тутъ-то все и горе-то твое и есть, что зазнобы своей невидать тебѣ, какъ ушей своихъ! А еще говоришь: — про то людямъ знать!

— Да что это такое, аль и вправду напасть какая, — вдругъ упавшимъ голосомъ прошептала Марья, — да все одно: говори Доронична, не томи!...

— Ага, говори Доронична, — повторила та, — то-то и есть, всѣ вы больно скоры, да прытки. Вотъ ни дать, ни взять и сердечный-то твой Сеня такой-же:

---

*) Большакъ — старшій сынъ.

— А ты знаешь, — таинственно спросила она, — что теперь подумываетъ объ этомъ Лукичъ? Послѣ святокъ, почитай въ третье воскресенье, поженятъ твоего дружка: у старика и невѣста ужь есть на примѣтѣ....

— Врешь, бабка, врешь: ты вѣрно издѣваться надо мной пришла, отчаянно промолвила Марья — тебѣ откуда знать это: Лукичъ не такой, чтобы болтать, когда что задумаетъ, да онъ и не сдѣлаетъ этого, нѣтъ, — не сдѣлаетъ!!..

— А! такъ ты вотъ какъ нынче голубушка, — прошипѣла злобно и пожирая рысьими глазами волновавшуюся вдову, — колдунья, — никакъ ты ужь больше Дороничны и знать-то нынѣ стала? Ну, дай Богъ, дай Богъ — эхидно прибавила она, поднимаясь со скамьи, — только мнѣ ужъ больше и дѣлать у тебя нечего, коли я вру. А я то, старая дура, пришла поучить тебя, какъ лихую бѣду избыть, да гдѣ ужъ, видно: сама больше знаешь! Ну, дождалась ты, Доронична, почета — нечего молвить. закончила старуха и направилась къ двери.

— Да что ты, бабушка, никакъ ты и взаправду асерчала, — спохватилась хозяйка, — вѣдь я это такъ только — съ-глупа...

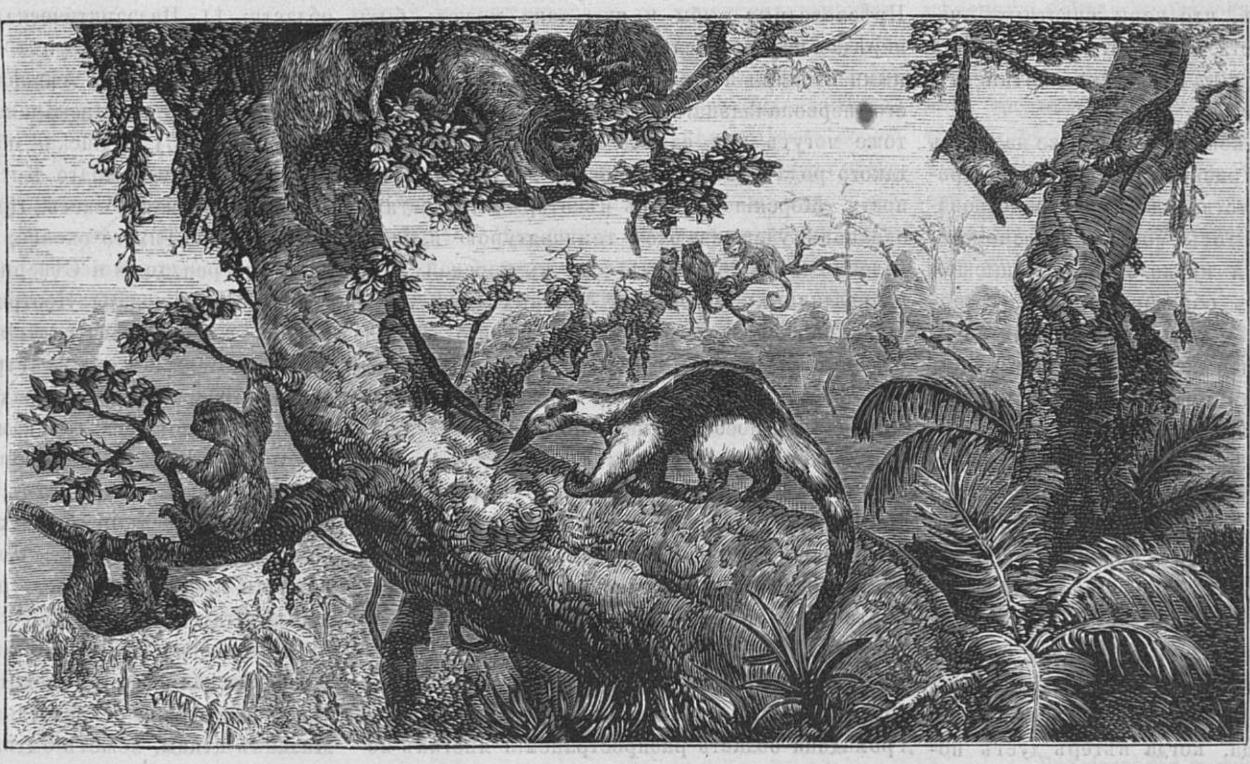


Рис. 2. **Жизнь млекопитающихъ животныхъ неотропической области.**

Къ статьѣ: *«Распрочтраненіе животныхъ»*.

Та ничего не отвѣтила и продолжала идти.

— Бабушка, а баушка, — повторила Марья вслѣдъ уходившей, — да ты не серчай; право слово — съ-глупа! Ужь прости ты меня, если я чѣмъ обидѣла, — покорнымъ голосомъ молила она.

— Такъ будешь говорить, что я вру? — отвѣтила, оборачиваясь, Доронична.

— Да Богъ съ тобой, развѣ я когда не вѣрила тебѣ, развѣ въ первый только разъ узнала тебя?! Я и сама не знаю, какъ это поганое слово сорвалось у меня съ языка!

— Ишь, вѣдь, хамово отродье! — погрозила на нее палкой колдунья, снова возвращаясь къ скамьѣ: — вамъ бы гдѣ уважить старуху, а вы только въ грѣхъ вводите! И за что подумаешь, терпишь-то: все за то только, чтб людямъ-же добра, да пользы хочешь, а они тебя же въ глаза аблыгой зовутъ!!..

Въ это время Марья достала съ посудника бутылку и рюмку, и то и другое поставила на столъ передъ гостьей.

— Выпейка-ка, бабушка, да ужъ не сердись на меня больше, — сказала она, наливая водки: — я, безтолковая и потодчивать-то тебя совсѣмъ позабыла.

— Вотъ такъ-то бы давно, а не то, чтобы стараго человѣка обижать, — жадно глядя на рюмку и уже успокоясь немного, прошамкала старуха. — Ну, ну, Богъ тебя проститъ: — я вѣдь не такая злая, какъ про меня говорятъ языки, — окончательно умаслилась Доронична, съ наслажденіемъ выпивая рюмку водки.

— А всетаки, Маша, грѣхъ тебѣ было говорить, что я врать пришла, сбиженнымъ тономъ продолжала знахарка, — видно скоро позабыла ты, что безъ меня и теперь тебѣ заливаться бы слезами, да мучиться....

— Перестань объ этомъ, бабушка, — вздрогнувъ перебила ее Марья и оглянулась на сидѣвшую въ углу Таню; — ты вотъ лучше разскажика мнѣ, какъ ты узнала, что Лукичъ-то задумалъ эту штуку: порѣшилъ женить Сеню?

— Какъ узнала? вишь, что спросила, — со смѣхомъ отозвалась старуха: — а развѣ соль, да травы ужь перестали служить службу Дороничнѣ? развѣ она ослѣпла, что и новолунья и полнопунья ей нѣтъ? развѣ пѣтухи не поютъ, когда захочетъ она? О охъ, грѣхи одни съ вами тяжкіе! Да и безъ этого-то: выдь ты только на улицу, да спроси у любой бабы, такъ и тѣ, всѣ до одной ужь знаютъ, что парня-то женить ноньче будутъ. Лукичъ, ишь, еще по осени, похвалился у свата, у Степки, что нонѣшней зимой остепенитъ сына, и что невѣста у него ужь есть на умѣ; баютъ, старостина Катерина, — пояснила колдунья. — А ужь этотъ сычь, что сказалъ, то навѣрно сдержитъ!...

— Пропала моя, значитъ, головушка, — неожиданно застонала вдова и безнадежно опустилась на столъ — недаромъ давно ужь болѣло мое ретивое, чуяло оно, знать, лиху бѣду! Да и за что это это все мнѣ, горемычной, такая недоля, за что, безталанной *) досталось только плакать, да надрываться, — роптала Марья, ломая бѣлыя руки.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Распространеніе животныхъ.

Новыя счастливыя мысли, едва лишь онѣ высказанны, дѣйствуютъ плодотворно по различнымъ направленіямъ. Такое производительное вліяніе на умственный трудъ человѣчества имѣло прежде всего Дарвиновское ученіе. Свою творческую и возбуждающую силу оно проявило во всѣхъ областяхъ естественнаго царства, въ особенности въ преобразованіи нашихъ воззрѣній на исторію творенія. Сюда принадлежитъ, какъ весьма существенная часть, исторія распространенія животнаго міра на земномъ шарѣ. Нѣкоторыя проблемы, относящіяся къ этой области изслѣдованія, вообще могутъ быть разрѣшены съ успѣхомъ лишь тогда, когда мы приступаемъ къ разсмотрѣнію ихъ въ Дарвинскомъ смыслѣ. Какимъ образомъ произошло распространеніе животныхъ — разсмотрѣть этотъ вопросъ съ указанной точки зрѣнія имѣлъ призваніе болѣе, чѣмъ кто-либо другой, человѣкъ почти одновременно съ Дарвиномъ создавшій и провозгласившій теорію эволюцій, — англійскій зоологъ Уалисъ *). Во время своихъ восьмилѣтнихъ богатыхъ результатами странствій по Остъ-Индіи и Малайскому архипелагу, отечеству райской птицы и орангъ-утанга, онъ безпрерывно наталкивался на вопросъ о происхожденіи животныхъ породъ; мы обязаны ему драгоцѣннымъ, составленнымъ на основаніи этихъ наблюденій, сочиненіемъ подъ заглавіемъ «Пособіе къ теоріи естественнаго подбора. Теперь и онъ сдѣлался нѣкоторымъ образомъ творцомъ новаго ученія о «географическомъ распространеніи животныхъ». Александръ Гумбольдтъ и другіе ученые уже прежде обращали вниманіе на этотъ предметъ, но это были еще только первые предъуготовительные шаги. Только Уалису принадлежитъ мысль взглянуть на дѣло съ точки зрѣнія эволюціонной теоріи, и онъ, бросивъ ретроспективный взглядъ на геологическое развитіе земли, нашелъ единственно правильный путь къ разрѣшенію цѣлаго ряда загадокъ. Еще въ доисторическое время совершились значительныя измѣненія въ распространеніи животной жизни на земной поверхности. Это неопровержимо доказываютъ заключавшіяся въ различныхъ слояхъ земли палеонтологическія находки, окаменѣлости. Прежній видъ земной поверхности не былъ похожимъ на теперешній-такъ какъ исчезли значительныя массы суши, а съ ними и многочисленныя породы животныхъ; соединявшіеся прежде между собою континенты, имѣвшіе одинаковую фауну, теперь раздѣлены подъемами провалами водами и прорывами. Этотъ фактъ потому имѣетъ важное значеніе, что съ помощію его можно вполнѣ объяснить нѣкоторыя явленія, играющія опредѣленную роль при переселеніи животныхъ въ новыя страны. Самое важное средство для распространенія животныхъ — это ихъ страствованія; всякая животная порода болѣе или менѣе хорошо приспособлена къ этому, каждая изъ нихъ располагаетъ для этого нѣкоторыми вспомогательными средствами, но и каждой въ то же время положенъ извѣстный опредѣленный предѣлъ.

---

*) Безталанный — употребляется иногда въ смыслѣ «несчастный».

*) Географическое распространеніе животныхъ въ связи съ ученіемъ о родствѣ живущей и вымершей фаунъ въ ихъ отношеніи къ прежнимъ измѣненіямъ земной поверхности. Альфреда Росселя Уалиса.

Млекопитающія животныя, при своемъ странствованіи, наталкиваются на естественныя границы, такъ какъ область ихъ пребыванія заключается только въ предѣлахъ пригоднаго для нихъ климата, и сами они большею частію поставлены въ зависимость отъ обусловливаемой климатомъ растительности. Но вѣдь и климатъ также измѣняется, а слѣдовательно и распространеніе животныхъ. Другія препятствія для переселенія млекопитающихъ животныхъ образуютъ затѣмъ горныя цѣпи, пустыни, рѣки и проливы. Однако послѣдніе нерѣдко могутъ быть переходимы при посредствѣ льда и пловучаго лѣса. Отсюда становится возможнымъ, что пары животныхъ, попавъ въ новую область, образуютъ тамъ колоніи и со своимъ потомствомъ населяютъ континентъ, свое новое отечество.

Птицы какъ и млекопитающія также находятъ преграды для своего распространенія; уже громадныя моря препятствуютъ ихъ странствованію и выселенію. Этотъ послѣдній феноменъ обычнаго переселенія проявляется въ высшей степени интереснымъ образомъ именно у многихъ породъ птицъ, у такъ называемыхъ перелетныхъ птицъ. Почти всѣ перелетныя птицы Европы въ извѣстный лишь не много измѣняющійся періодъ времени тянутся на югъ къ Средиземному морю, двигаются вдоль береговъ его на востокъ или западъ и перелетаютъ чрезъ это море лишь въ трехъ мѣстахъ; или къ югу отъ Испаніи, не подалеку отъ Гибралтара, или къ югу отъ Сициліи чрезъ Мальту, или далѣе на востокъ чрезъ Грецію и Кипръ. Такимъ образомъ онѣ никогда не теряютъ изъ виду сушу. Странствованіе происходитъ большею частію только по ночамъ, а чрезъ Средиземное море перелетаютъ онѣ только тогда, когда вѣтеръ дуетъ постоянно прямо съ востока или прямо съ запада и когда свѣтитъ луна. Самцы нерѣдко улетаютъ раньше самокъ; молодыя птицы слѣдуютъ потомъ за ними одни, однако они странствуютъ не такъ далеко, какъ старыя, и многія изъ нихъ не перелетаютъ чрезъ Средиземное море. Что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ странствуетъ только излишекъ населенія, это ясно видно на типическомъ примѣрѣ странствующей птицы, соловья, который зимой живетъ въ Сѣверной Африкѣ, Малой Азіи и Іорданской долинѣ, а въ апрѣлѣ тянется въ Европу до теплой Швеціи и нѣкоторой части Англіи, но помимо этого онъ размножается еще и въ Іорданской долинѣ.

Странствованіе такого рода по всей вѣроятности относится по меньшей мѣрѣ къ тому періоду, когда на переходимомъ теперь пути существовалъ еще сплошной материкъ; во всякомъ случаѣ эта сплошность материка существовала еще въ недавнія геологическія времена. Англія имѣла связь съ материкомъ еще во время, или по крайней мѣрѣ, незадолго до ледниковаго періода; Гибралтаръ, Сицилія и Мальта тоже соединились съ Африкой въ новѣйшее время, о чемъ свидѣтельствуютъ ископаемые слоны и другія млекопитающія, находимыя въ пещерахъ этихъ странъ; да о томъ же можно судить и по многимъ еще и теперь живущимъ по обоимъ берегамъ Средиземнаго моря сходнымъ сухопутнымъ животнымъ. Погруженіе въ воду, соединяющихъ здѣсь континенты, полосъ суши совершилось лишь очень медленно. Поэтому весьма понятно, почему могло обратиться въ привычку странствованіе, сначала совершавшееся по сплошнымъ сухопутнымъ пространствамъ, потомъ по лощинамъ и болотамъ, затѣмъ по узкому каналу и наконецъ по значительному морю, и ни одно поколѣніе птицъ не замѣтило перемѣны на пути. И на другихъ континентахъ,—лучше всего это наблюдается въ Сѣверной Америкѣ—происходятъ такія же правильныя переселенія птицъ, и всегда должно смотрѣть какъ на истинный районъ распространенія извѣстной породы птицъ, на всю ту площадь, которую она регулярно посѣщаетъ въ какое либо время года.

Подобно млекопитающимъ не могутъ переходить черезъ моря и океаны также пресмыкающіяся и земноводныя, такимъ образомъ и имъ природа поставляетъ опредѣленныя границы. Змѣи кромѣ того вполнѣ зависятъ отъ климата; они могутъ переплывать рѣки, но не моря. Ящерица напротивъ въ видѣ яйца быть можетъ переходитъ уже море, такъ какъ нѣкоторыя изъ ея видовъ живутъ на островахъ, на которыхъ нѣтъ ни млекопитающихъ, ни змѣй. Прѣсноводныя рыбы и ихъ яица можетъ быть нерѣдко переносятся черезъ суши и моря водяными птицами и выбрасываются далеко отъ своего первоначальнаго отечества. Вихри и бури тоже могутъ при случаѣ поднимать на высоту такого рода рыбъ и переносить въ другія мѣстности. Морскія рыбы въ нѣкоторыхъ областяхъ океановъ удерживаются температурою и опредѣленнымъ содержаніемъ соли въ морской водѣ на различныхъ глубинахъ, удобныхъ для нихъ. Малиновки расширяютъ область своего распространенія тѣмъ, что большею частію въ молодомъ состояніи переносятся перелетными птицами; такимъ способомъ наполняются населеніемъ изъ сухопутныхъ улитокъ острова, отстоящіе другъ отъ друга на значительномъ разстояніи. Насѣкомыя вслѣдствіе питанія растительной пищей ограничиваются областями особыхъ породъ растеній; для нихъ предназначена тропическая, арктическая и др. флоры. Но тѣмъ не менѣе средства къ ихъ распространенію значительны, такъ какъ они нерѣдко очень далеко уносятся вѣтрами, плавающими деревьями и т. д. Громадная область распространенія многихъ породъ насѣкомыхъ также объясняется только ихъ чрезвычайною жизненностью. Плавающее дерево и тропическіе плоды, достигающіе Ирландіи и Оркнейскихъ острововъ, кокосовые орѣхи, пересѣкающіе Индійскій океанъ отъ Сешельскихъ острововъ до берега Суматры, вѣтры, разносящіе вулканическую пыль и золу на тысячи англійскихъ миль, бури, странствующіе въ своемъ круговоротѣ по обширнымъ океанамъ—все это пути, по которымъ пары насѣкомыхъ чрезъ большія пространства переносятся въ отдаленныя страны и такимъ образомъ могутъ сдѣлаться родоначальникомъ группы родственныхъ формъ.

Однакоже нѣтъ никакой надобности предполагать всюду возможность такого перенесенія или путешествія для весьма различныхъ животныхъ, если желаютъ объяснить себѣ одинаковость породъ, сходство въ общемъ характерѣ формы въ двухъ отдаленныхъ зоологическихъ областяхъ. Сама собою напрашивается мысль, что на постепенное преобразованіе, какъ уже объяснено, должно смотрѣть, какъ на существенную причину существованія одинаковыхъ формъ, на раздѣльныхъ мѣстностяхъ земли. Суша и вода имѣли прежде совсѣмъ иное протяженіе, чѣмъ теперь, а потому существующее въ нынѣшнее время распредѣленіе и отечество животныхъ породъ во многихъ случаяхъ можетъ обусловливаться уже прежде существовавшими отношеніями. Не очень много времени назадъ значительная часть Сахары была еще подъ водою, которая, образуя внутреннее море, раздѣляла Африку на двѣ части, какъ преграда сильно затрудняющая или и совсѣмъ препятствующая сообщенію. Возьмемъ теперь другой примѣръ: судя по тождеству многихъ животныхъ породъ въ моряхъ по западную и восточную стороны Панамскаго перешейка напротивъ слѣдуетъ думать, что Атлантическій и Тихій океаны прежде соединялись другъ съ другомъ. Громадное вліяніе на распространеніе животныхъ породъ въ умѣренныхъ поясахъ имѣли, конечно, значительныя перемѣны уровней въ ледниковомъ періодѣ.

Если мы теперь съ Уаллисомъ будемъ разсматривать поверхность земли и ея форму, какъ она изображается на нѣсколькихъ картахъ его труда, то увидимъ, что главныя подраздѣленія географа почти согласуются съ подраздѣленіями зоолога. Всякій значительный отдѣлъ, каждое изъ общеупотребительныхъ подраздѣленій образуютъ ядро зоологической области; но границы такъ измѣнены, что географъ едва ли бы призналъ ихъ. Поэтому Уаллисъ далъ имъ особыя названія. По примѣру зоолога Склатера, Уаллисъ принимаетъ для распространенія животнаго міра слѣдующія области: 1) Палэарктическая область: Европа, умѣренная Азія и Сѣверная Африка до Атласа; 2) Эѳіопская область: Африка къ югу отъ Атласа, Мадагаскаръ и Маскаренскіе острова съ южной Аравіей; 3) Индійская область: Индія къ югу отъ Гималая до южнаго Китая, Борнео и Явы; 4) Австралійская область: Целебесъ, Австралія и островова Тихаго океана; 5) Неарктическая область: Гренландія и Сѣверная Америка до Сѣверной Мексики; 6) Неотропическая область: Южная Америка. Антильскія острова и Южная Мексика. Каждая изъ этихъ странъ имѣетъ въ свою очередь подраздѣленія, характеризующіяся различными животными группами.

Эти зоологическія области весьма наглядно иллюстрированы Уаллисомъ, преимущественно характеристическими для нихъ животными группами, которыя нарисовалъ на 13 таблицахъ; изъ нихъ мы приводимъ здѣсь три для примѣра нашимъ читателямъ.

Намъ весьма разнородною кажется малайская зоологическая область, съ которою Уаллисъ познакомился весьма основательно. На полуостровѣ Малаккѣ птицы, можетъ быть, многочисленнѣе и интереснѣе, чѣмъ въ какой либо другой части этой области; сцена на нашей иллюстраціи показываетъ, какою представляются тамъ въ лѣсу жизнь птицъ. Рис. 1. На переднемъ планѣ поражаетъ васъ громадная птица носорогъ, одна изъ самыхъ характерныхъ птицъ малайскихъ лѣсовъ, взмахъ крыльями которой можно слышать на разстояніи одной четверти англійской мили. Позади на землѣ стоитъ Аргусъ-фазанъ, красивыя пятнистыя крылья котораго почти безполезны для своей первоначальной цѣли, вслѣдствіе громаднаго развитія крыловыхъ перьевъ. Длиннохвостая птица на правой сторонѣ—Дронговюргеръ, длинныя голыя хвостовыя перья котораго особенно поражаютъ своею опушкою на концѣ. Съ лѣвой стороны виденъ большой плосконосикъ, суматрскій кoридонъ плодоядная птица съ крѣпкимъ клювомъ изъ породы воробьевъ. Надъ всѣми ими качается бѣлорукій Габбонъ, и бойкій Hylalater Car прыгаетъ по самымъ высокимъ вѣтвямъ лѣса.

Вторая картина представляетъ бразильскій горный лѣсъ съ характеризующими его, принадлежащими неотропической области млекопитающими животными. Рис. 2. Самая значительная фигура въ серединѣ муравьѣдъ, одинъ изъ красивѣйшихъ въ семействѣ, въ своемъ черномъ и бѣломъ одѣяніи. Налѣво отъ него видна пара лѣнивцевъ, окраски шкуры которыхъ, одинаковыя съ окраской многихъ американскихъ деревьевъ, по всей вѣроятности, защищаетъ ихъ отъ ихъ многочисленныхъ враговъ, хищныхъ орловъ. На правой сторонѣ видна пара опоссумовъ, изъ которыхъ одинъ качается на цѣпляющемся хвостѣ. Надъ ними на переднемъ планѣ сидитъ скорчившись група ревуновъ; mycetes urinus, кадыкъ котораго можетъ испускать страшный вой, величайшее американское четверорукое и самая крикливая изъ обезьянъ. Подъ ними въ отдаленіи видно нѣсколько копанго-обезьянъ, а пестрые кричащіе макао дополняютъ картину бразильскаго лѣса.

Третій нашъ рисунокъ приводитъ насъ въ неарктическую область, въ канадскій лѣсъ, гдѣ живутъ совсѣмъ другія млекопитающія. Рис. 3. На переднемъ планѣ замѣчательна воточка, принадлежащая къ встрѣчающемуся только въ Америкѣ роду изъ семейства ласокъ и отличающаяся своимъ пронзительнымъ запахомъ. Налѣво скачетъ странный маленькій прыщичикъ; на дерево взлѣзаетъ древесный дикобразъ, американскій представитель дикобразовъ стараго свѣта. На заднемъ планѣ выглядитъ американскій лось, можетъ быть тождественный съ европейскимъ лосемъ и самый замѣчательный обитатель лѣсовъ Сѣверной Америка, какъ бизонъ самый замѣчательный обитатель прерій.

Между Болгарами.

Изъ путешествія Вильгельма Лежана.

(*Продолженіе.*)

Извѣстно, что Магометъ II, вторгнувшись въ Константинополь побѣдителемъ, предложилъ побѣжденнымъ весьма умѣренныя условія капитуляціи; всѣ народности имперіи получили свое самоуправленіе и большія льготы, политическія и религіозныя; всѣ прославляли великодушіе побѣдителя. Но, увы! это было не великодушіе, а только тонкая дипломатическая шутка, которыми турки умѣютъ ловко пользоваться и удерживать подъ своей властью покоренные народы, въ десять разъ превосходящіе численностью своихъ побѣдителей. Утвердивши за побѣжденными народами особенныя привиллегіи, Порта вездѣ создала себѣ приверженцевъ, которые говоря словами Тацита, стали только instrumentum regni; тѣмъ болѣе, что существовалъ классъ заинтересованныхъ въ томъ, чтобъ народъ оставался подъ его гнетомъ. Этотъ фактъ существуетъ и по нынѣ. Старшины не ограничиваются властью въ вопросахъ внутренней администраціи, касающихся литургіи и церковныхъ дѣлъ, которые имъ подвластны; въ случаѣ надобности, при сопротивленіи ихъ распоряженіямъ, они обращаются за помощью къ общественной силѣ, т. е. попросту къ турецкой жандарміи.

Мнѣ самому пришлось быть свидѣтелемъ одной такой исторіи.

Въ первое мое путешествіе по Болгаріи въ 1857 г., въ Тырновѣ жилъ митрополитъ, который какъ и всѣ епископы въ этихъ странахъ, былъ кровопійцей своей паствы. Нѣсколько самыхъ богатыхъ и вліятельныхъ жителей подали жалобу на недостойные поступки своего духовнаго пастыря; жалоба была удостовѣрена множествомъ подписей, въ числѣ которыхъ были также и подписи мусульманъ, которымъ также извѣстны были злоупотребленія митрополита. Митрополитъ, пронюхалъ въ чемъ дѣло, добылъ какими-то путями списокъ лицъ, подносившихъ жалобы, и обратился къ высшей администраціи съ требованіемъ объ ихъ арестѣ.

По закону, видинскій паша, въ вѣдѣніи котораго находилось тогда Тырново, не могъ отказать митрополиту и, вотъ, явились «заптьи», похватавшіе всѣхъ винновныхъ, и отправили ихъ въ тюрьму на «неопредѣленное время».

Наступила Пасха. По древнему обычаю, всѣ христіане восточной церкви пользуются свободой въ теченіи нѣсколькихъ дней праздниковъ, если только на нихъ не лежитъ обвиненіе въ убійствѣ. Вслѣдствіе этого паша отпустилъ и заключенныхъ «на неопредѣленное время», но послѣдніе заявили, что не воспользуются этой льготой, если только не будутъ освобождены и заключенные вмѣстѣ съ ними магометане; въ этомъ имъ было отказано, и правомъ отпуска никто не воспользовался. Чѣмъ все это окончилось, не знаю, потому что дѣло не имѣло оффиціальнаго характера и, кажется, всѣ были освобождены, но только послѣ нѣсколькихъ недѣль заключенія. Въ продолженіе почти четырехъсотъ лѣтъ всѣ внутренніи дѣла христіанскихъ округовъ въ Турціи рѣшались епископами, какъ и во Франціи до VII столѣтія. Въ мѣстностяхъ, гдѣ христіанское народонаселеніе превосходило своею численностію турецкое, паша имѣлъ значеніе, подобное значенію майордомовъ во времена меровинговъ. Греческіе епископы управляли деспотически, и хотя подлежали высшему совѣту, но совѣты эти составлялись какъ имъ было угодно. Кандидатами въ эти совѣты являлись люди самые покладистые и сговорчивые, члены денежной аристократіи, такъ какъ другой аристократіи не существуетъ въ турецкихъ городахъ. Отсюда во многихъ большихъ христіанскихъ городахъ образовалась олигархія, въ которой титулъ «старшаго» нѣкоторымъ образомъ сталъ наслѣдственнымъ. *Тавзиматъ* представляетъ собою реформу, которая бы измѣнила къ лучшему этотъ порядокъ вещей, если бы она только строго соблюдалась. На основаніи этой реформы были устроены меджлисы, или муниципальные и провинціальные совѣты, въ которыхъ всѣ народности имѣли своихъ представителей. Этою мѣрою власть епископовъ пала на столько, на сколько возрасла власть центральная въ лицѣ паши и каймакана. Для народа это было нѣкотораго рода улучшеніемъ его положенія. Я знаю, какого сорта честностью отличаются люди, управляющіе судьбами Порты, но, тѣмъ не менѣе, не подлежитъ сомнѣнію и то, что между турецкими чиновниками есть честные и гуманные люди, которые всѣми силами стараются отклонить паденье.

Много такихъ людей есть между мудирами и пашами, они всѣми силами защищаютъ населеніе отъ алчности, фанатизма турецкихъ кади и звѣрства военной власти. Христіане очень хорошо знаютъ, что такое ихъ представители. Въ Софіи ихъ называютъ *дэветъ-эффенди*, что̀ означаетъ, что эти господа весьма быстро сходятся съ турецкими властями на основаніи слѣдующаго соображенія: «зачѣмъ намъ ссориться — лучше будемъ жить въ мірѣ. Будемъ обирать этихъ ничтожныхъ животныхъ; давай намъ девять (*дэвэтъ*) десятыхъ того, что мы награбили, а самъ бери себѣ десятую долю». Мнѣ говорили съ неудовольствіемъ: «Къ чему революція? Первые враги Болгаріи не турки, ея сюзерэны, потому что между ними есть много честныхъ. Самый главный и дѣйствительный врагъ Болгаріи это «старшій» христіанскаго округа; онъ живетъ злоупотребленіями настоящаго положенія вещей, нуждою угнетеннаго народа и, дѣлясь съ пашею доходами, оплачиваетъ такимъ образомъ содѣйствіе послѣдняго.

Въ случаѣ войны этотъ «старшій» будетъ агентомъ и шпіономъ турокъ, а въ случаѣ торжества революціи, все управленіе дѣлами, по необходимости, попадетъ въ его руки».

Послѣдняго мнѣнія я не раздѣляю. Если современемъ Болгарія завоюетъ себѣ независимость, если проснется въ ней общественная жизнь, то ей придется, прежде всего, освободиться отъ гнета мошенниковъ, и поставитъ во главѣ управленія людей честныхъ и образованныхъ, воспитавшихся въ Парижѣ, Вѣнѣ, Бухарестѣ, Одессѣ и особенно въ Чехіи. Не говоря о другихъ мѣстностяхъ, въ одномъ только реальномъ училищѣ въ Таборѣ воспитывается около восьмидесяти молодыхъ людей въ современныхъ понятіяхъ и славянскомъ духѣ. Эти молодые люди воспитываются на счетъ богатыхъ болгарскихъ купцовъ, основавшихъ для этой цѣли комитеты въ Вѣнѣ, Одессѣ и Браиловѣ, и воспитываются съ обязательствомъ посвятить себя въ свою очередь образованію народа въ отечествѣ. Всѣ они обязаны по окончаніи курса вернуться на родину и сдѣлаться учителями. Турки и ихъ добрые пріятели «старшіе» хорошо понимаютъ направленіе этой молодежи, и вслѣдствіе этого принимаютъ свои мѣры противъ молодыхъ людей, развившихся въ подозрительной для нихъ дѣйствительной цивилизаціи. Ихъ терроризмъ проявляется иногда весьма забавно. Три мѣсяца тому назадъ молодые болгары въ Систовѣ стали носить бороду и усы на манеръ австрійскихъ моряковъ, съ которыми имъ приходилось безпрестанно сталкиваться. Власть этимъ смутилась; въ этомъ она усмотрѣла нѣкій преступный духъ, и принялась устранять зло. Былъ арестованъ одинъ учитель, имѣвшій дерзость носить злонамѣренную бороду; урокъ оказался хорошимъ, потому что любители бороды и усовъ à la Franz Joseph исчезли безслѣдно. Этотъ маленькій эпизодъ весьма характеристиченъ; онъ даетъ понятіе о другихъ, болѣе важныхъ административныхъ мѣропріятіяхъ. Въ особенности школы систематически преслѣдуются, и по этому поводу ходятъ слухи, будто бы турецкое правительство имѣетъ намѣреніе закрыть всѣ учебныя заведенія христіанъ въ Болгаріи. Нельзя, однакоже, придавать вѣры этому слуху. Турція не преслѣдуетъ собственно образованіе, но желаетъ только, чтобы учитель былъ ея сторонникомъ, а въ случаѣ надобности и агентомъ тайной полиціи.

Конечно, молодые учителя, получившіе образованіе, въ иностранныхъ университетахъ, не могутъ подчиняться подобнымъ требованіямъ, вслѣдствіе чего являются постоянныя возмутительныя преслѣдованія, хотя и прикрытыя маской закона.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Библіографія и журналистика.

Новь, романъ И. С. Тургенева, часть вторая („Вѣстникъ Европы", февраль).

(*Окончаніе.*)

Развязка романа не замедлила наступить; а съ нею вмѣстѣ наступила и роковая судьба многихъ дѣйствующихъ лицъ романа.

Въ сосѣднемъ уѣздѣ, одинъ изъ пропагандистовъ, отставной офицеръ Маркеловъ, затѣялъ-было поднять крестьянское населеніе къ бунту; но крестьяне побили его, связали и отвезли въ губернскій городъ. Неждановъ, едва услышавъ о начавшемся «движеніи», отправился-было туда, на помощь Маркелову, но по дорогѣ попалъ въ крестьянскую компанію, гулявшую въ кабакѣ, и, ради сближенія съ народомъ и «опростѣнія», напился до безчувствія. Въ этомъ видѣ онъ и былъ доставленъ обратно на фабрику; приказчикомъ Соломина Павломъ. Этимъ и окончилось все «опростѣніе» героя романа... «Багровые носы лѣзли къ нему (въ кабакѣ), пыльные волосы, загорѣлыя шеи, затылки изсѣченные сѣтками морщинъ... Жосткія руки хватали его. «Усердствуй!» орали неистовые голоса. — «Бесѣдуй! Позавчера такой же *чужакъ* (т. е. Маркеловъ) расписывалъ важно.—Валяй, такой-сякой!»...

Эта компанія, въ кабакѣ, приняла его за «чужака»—то-есть, все-таки не *за своего* брата. Но съ Неждановымъ было и хуже. По дорогѣ къ этому кабаку, онъ не пропускалъ ни одной кучки крестьянъ, и «говорилъ съ ними поспѣшно, съ внезапными криками, на̀отмашь двигая руками. Слова: «За свободу! Впередъ! Двинемся грудью!» вырывались хрипло и звонко изъ множества другихъ, *менѣе понятныхъ* словъ»... Мужики, понятно, таращили на оратора глаза, ровно ничего не понимая изъ его криковъ.

— «Какой строгій!» промолвилъ, напримѣръ, одинъ изъ крестьянъ, самый прозорливый, глубокомысленно покачавъ головою. А другой замѣтилъ: «Знать, начальникъ какой!» — На что прозорливецъ возразилъ: «Извѣстное дѣло — даромъ глотку драть не станетъ. Заплачутъ теперича наши денежки!»...

— «Что̀ вы спите? Поднимайтесь! Пора! Долой налоги! Долой землевладѣльцевъ!»—кричалъ Неждановъ... Иные мужики глядѣли на него съ изумленіемъ; другіе шли дальше, мимо, не обращая вниманія на его возгласы:—они принимали его за пьянаго... (а онъ былъ еще трезвъ тогда); одинъ — такъ даже, придя домой, разсказывалъ, что ему на встрѣчу *французъ попался*, который кричалъ—«непонятно таково̀, картаво»...

Къ счастію для Маріанны, она не сопутствовала своему жениху въ этой крайне безумной и еще болѣе комичной поѣздкѣ «въ народъ»: ее отговорилъ ѣхать Соломинъ—этотъ хитроумный Улисъ романа г. Тургенева. А на любопытный вопросъ молодой дѣвушки: «Та̀къ мы и не дождемся?»... Соломинъ даетъ ей слѣдующій, многознаменательный отвѣтъ.

— Того, что̀ вы думаете, — *никогда*. Глазами мы *этого* не увидимъ; вотъ этими, живыми глазами. Ну—духовными... это другое дѣло. Любуйся хоть теперь, сейчасъ.—Тутъ контроля нѣтъ.

Когда Неждановъ, на другой день, протрезвился, то узналъ объ арестѣ Маркелова, а также и о томъ, что все ихъ «дѣло» — погибло, что купецъ Голушкинъ, тоже арестованный, «выдаетъ все и всѣхъ, желаетъ перейти въ православіе (изъ раскола), жертвуетъ въ гимназію портретъ митрополита Филарета и препроводилъ уже пять тысячъ рублей для раздачи «увѣчнымъ воинамъ»... Для Нежданова не было никакого сомнѣнія, что Голушкинъ выдалъ и его, и что полиція, слѣдовательно, можетъ ежеминутно нагрянуть на фабрику... Въ виду такого дурного оборота дѣла, Маріанна рѣшаетъ бѣжать съ фабрики вмѣстѣ съ Неждановымъ и обвѣнчаться съ нимъ у какого-то «податливаго попа Зосимы», родственника Соломина. Но Неждановъ отклоняетъ ея планъ—и рѣшается на иное...

Онъ уже давно утратилъ «вѣру» въ то дѣло, которому служилъ и всецѣло отдавалъ себя; онъ утратилъ даже вѣру въ собственныя силы и въ способность «опро̀ститься»; онъ, наконецъ, ясно увидалъ и понялъ, что самая любовь къ нему Маріанны порвалась и угасла, что она, противъ воли, привязывается къ Соломину сильнѣе и сильнѣй съ каждымъ днемъ и что тотъ, тоже, полюбилъ ее... И вотъ, подъ тяжкимъ гнетомъ этихъ многихъ, горькихъ разочарованій и въ сознаніи своего собственнаго безсилія и никуда непригодности (Я былъ рожденъ вывихнутымъ», пишетъ онъ въ послѣднемъ своемъ письмѣ: «хотѣлъ себя вправить, да еще хуже себя вывихнулъ»), — Неждановъ рѣшилъ покончить съ собою самоубійствомъ.

Замѣчательно нѣжно и трогательно его предсмертное письмо къ Соломину и Маріаннѣ, въ которомъ онъ проситъ у нихъ прощенія — за причиняемое имъ горе своимъ самоубійствомъ. «Но что же было дѣлать?—спрашиваетъ онъ въ этомъ письмѣ:—я другого выхода не нашелъ. Я не умѣлъ *опро̀ститься;* оставалось вычеркнуть себя совсѣмъ.—Маріанна! я былъ бы бременемъ и для себя, и для тебя. Ты великодушная — ты бы обрадовалась этому бремени, какъ новой жертвѣ... но я не имѣлъ права налагать на тебя эту жертву: у тебя есть лучшее и бо̀льшее дѣло. Дѣти мои, позвольте мнѣ соединить васъ какъ бы загробной рукою.—Прощай, Маріанна, моя хорошая, честная дѣвушка! — Прощай, Соломинъ! Поручаю тебѣ ее. Живите счастливо — живите съ пользой для другихъ; а ты, Маріанна, вспоминай обо мнѣ только, когда будешь счастлива. Вспоминай обо мнѣ, какъ о человѣкѣ тоже честномъ и хорошемъ, но которому было какъ-то приличнѣе умереть, нежели жить».

Самая смерть Нежданова, написанная авторомъ такъ мастерски и съ замѣчательною психическою вѣрностью, представляетъ собою положительно лучшія страницы въ романѣ—и вполнѣ миритъ читателя со всѣми маленькими слабостями и недостатками этого главнаго дѣйствующаго лица, съ «ложью», которая, по его собственному сознанію, была въ немъ (или, скорѣе, въ тѣхъ идеяхъ, что были въ немъ) и, наконецъ, съ тѣми безумными и страстными ошибками, которыя увлекли его честную и прямую натуру на ложный путь и, затѣмъ, сгубили его жизнь.

Вотъ описаніе этой смерти.

Пообѣщавъ Соломину, что черезъ часъ онъ будетъ готовъ (къ побѣгу съ фабрики, вмѣстѣ съ Маріанной) и простившись съ нимъ, «Неждановъ мгновенно вскочилъ съ дивана, прошелся раза два изъ одного угла въ другой, потомъ постоялъ съ минуту въ какомъ-то каменномъ раздумьи посреди комнаты; внезапно встрепенулся, торопливо сбросилъ съ себя свой «маскарадный» костюмъ (отправляясь «въ народъ», онъ перерядился мѣщаниномъ); отпихнулъ его ногою въ уголъ, досталъ и надѣлъ свое прежнее платье. Потомъ, онъ подошелъ къ трехногому столику, вынулъ изъ ящика двѣ запечатанныя бумажки (письма) и еще какой-то небольшой предметъ, сунулъ его въ карманъ, а бумажки оставилъ на столѣ. Потомъ онъ присѣлъ на корточки передъ печкой, отворилъ заслонку... Въ печкѣ оказалась цѣлая груда пепла: это было все, что̀ оставалось отъ бумагъ Нежданова, отъ завѣтной тетрадки его стиховъ... Онъ сжегъ все это въ теченіе ночи. Но тутъ же въ печкѣ, сбоку, прислоненный къ одной изъ стѣнокъ, находился портретъ Маріанны, подаренный ему Маркеловымъ. Видно, у него не хватило духа сжечь и этотъ портретъ! Неждановъ бережно вынулъ его и положилъ на столъ, рядомъ съ запечатанными бумажками.

«Потомъ, онъ рѣшительнымъ движеніемъ руки сгребъ свою фуражку и направился-было къ двери.... но остановился, вернулся назадъ и вошелъ въ комнату Маріанны. Тамъ онъ постоялъ съ минуту, оглянулся кругомъ и, приблизившись къ ея узенькой кроваткѣ, нагнулся — и, съ одиночнымъ нѣмымъ рыданіемъ, приникъ губами не къ изголовью, а къ ногамъ постели... Потомъ онъ онъ разомъ выпрямился — и, надвинувъ фуражку на лобъ, бросился вонъ.

«Ни съ кѣмъ не встрѣтившись ни въ корридорѣ, ни на лѣстницѣ, ни внизу, Неждановъ проскользнулъ въ палисадникъ. День былъ сѣрый, небо висѣло низко, сырой вѣтерокъ шевелилъ верхушки травъ и качалъ листья деревьевъ; фабрика стучала и шумѣла меньше, чѣмъ, о ту же пору, въ другіе дни; съ двора ея несло запахомъ угля, дегтя, сала. — Зорко и подозрительно оглянулся Неждановъ и пошелъ прямо къ той старой яблонѣ, которая привлекла его вниманіе въ самый день его пріѣзда, когда онъ въ первый разъ выглянулъ изъ окна своей квартирки. Стволъ этой яблони обросъ сухимъ мхомъ; шероховатые, обнаженные сучья, съ кое-гдѣ висѣвшими красновато-зелеными листьями, искривленно поднимались кверху, на подобіе старческихъ, умоляющихъ, въ локтяхъ согбенныхъ рукъ. Неждановъ сталъ твердой ногою на темную землю, окружавшую корень яблони и вынулъ изъ кармана тотъ небольшой предметъ, который находился въ ящикѣ стола. — Потомъ онъ внимательно посмотрѣлъ на окна флигелька... «Если кто-нибудь меня увидитъ въ эту минуту», подумалъ онъ, «тогда, быть можетъ, я отложу».... Но нигдѣ не показалось ни одного человѣческаго лица.... точно все вымерло, все отвернулось отъ него, удалилось навсегда, оставило его на произволъ судьбы. — Однака фабрика глупо гудѣла и воняла, да сверху стали сѣяться мелкія, иглистыя капли холоднаго дождя.

«Тогда Неждановъ взглянулъ сквозь кривыя сучья дерева, подъ которымъ онъ стоялъ, на низкое, сѣрое, безучастно-слѣпое и мокрое небо, зѣвнулъ, пожался, подумалъ: «вѣдь ничего другого не осталось, не назадъ же въ Петербургъ, въ тюрьму....» сбросилъ фуражку долой, и заранѣе ощутилъ во всемъ тѣлѣ какую-то слащавую, сильную, томительную потяготу, приложилъ къ груди револьверъ, дернулъ пружину курка...

«Что-то разомъ толкнуло его, даже не слишкомъ сильно.... но онъ уже лежалъ на спинѣ и старался понять,—что съ нимъ? и ка̀къ онъ это сейчасъ видѣлъ Татьяну?... Онъ дажѣ хотѣлъ позвать ее, сказать: «Ахъ, не надо!» — но вотъ уже онъ весь онѣмѣлъ и надъ лицомъ его, въ глазахъ, на лбу, вѣ мозгу завертѣлся мутно-зеленый вихрь — и что-то страшно-тяжелое и плоское придавило его навсегда къ землѣ.

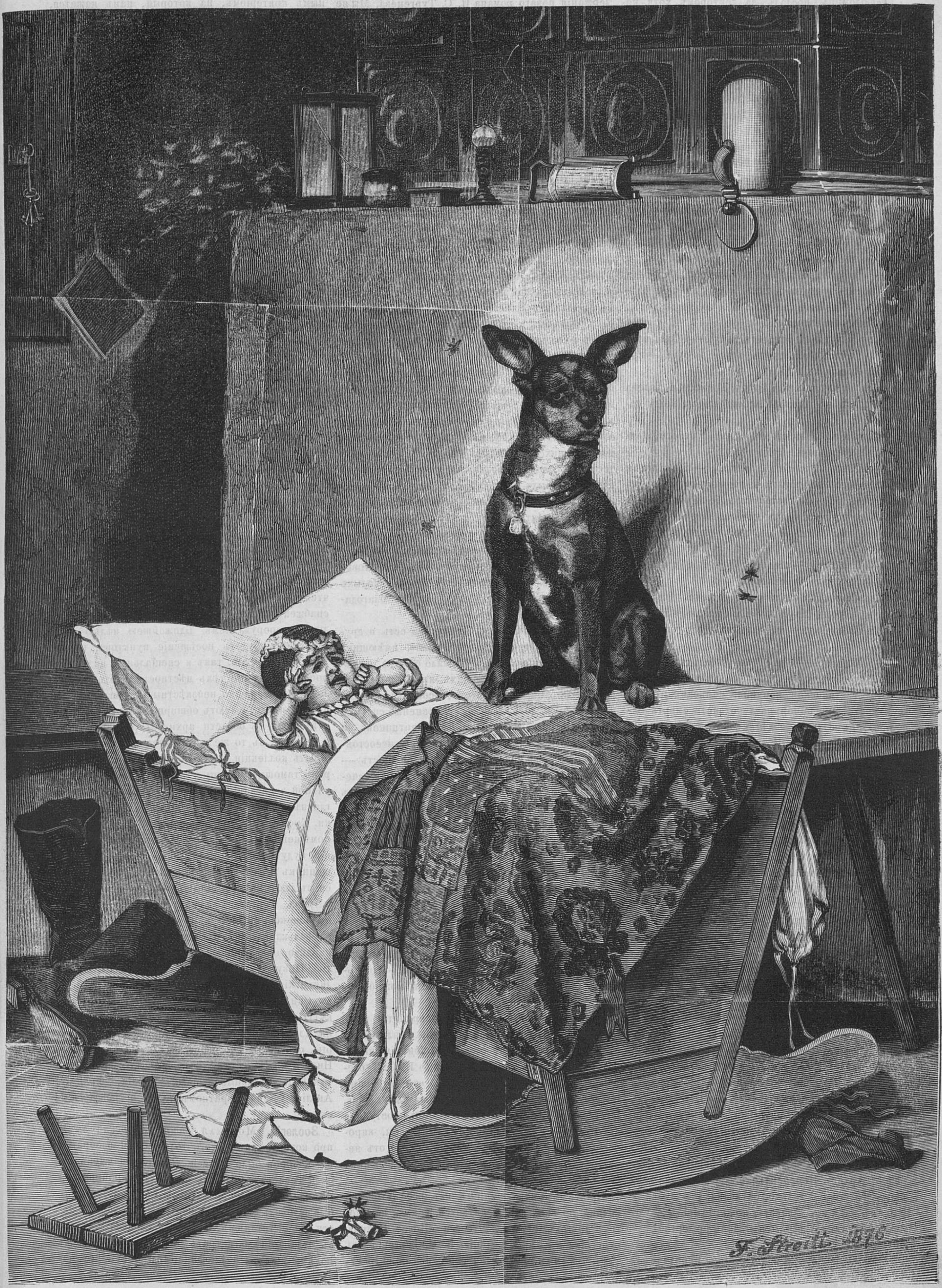
«Татьяна не даромъ померещилась Нежданову; въ ту самую минуту, какъ онъ спустилъ курокъ револьвера, она подошла къ одному изъ оконъ флигелька и увидѣла его подъ яблоней. Не успѣла она подумать: «что это онъ въ такую погоду торчитъ подъ яблонью, простоволосый»,— какъ онъ повалился навзничь, точно снопъ. Выстрѣла она не слыхала — звукъ его былъ очень слабъ, — но тотчасъ почуяла что-то недоброе и опрометью бросилась внизъ, въ палисадникъ.... Она добѣжала до Нежданова.... «Алексѣй Дмитричъ, что̀ съ вами?» Но уже имъ овладѣла темнота. Татьяна нагнулась къ нему, увидала кровь....

— «Павелъ! — закричала она не своимъ голосомъ: — Павелъ!!..

«Нѣсколько мгновеній спустя, — Маріанна, Соломинъ, Павелъ и еще двое фабричныхъ уже были въ палисадникѣ. Нежданова тотчасъ подняли, понесли во флигель и положили на тотъ самый диванъ, на которомъ онъ провелъ свою послѣднюю ночь.

«Онъ лежалъ на спинѣ съ полузакрытыми глазами, съ посинѣлымъ лицомъ, — и хрипѣлъ протяжно и туго, изрѣдка всхлипывая и какъ-бы давясь. Жизнь еще не покинула его....

«Маріанна и Соломинъ стояли по обѣимъ сторонамъ дивана, оба же почти такіе же блѣдные, какъ и самъ Неждановъ. Поражены, потрясены, уничтожены были оба — особенно Маріанна, — но не изумлены. «Ка̀къ мы этого не предвидѣли?» думалось имъ; и въ то же время имъ казалось, что они.... да, они этого не предвидѣли. — Когда *онъ* сказалъ Маріаннѣ: «что̀ бы я ни сдѣлалъ, говорю тебѣ напередъ: ничему ты не удивишься»— и еще, когда онъ говорилъ о тѣхъ двухъ человѣкахъ, которые въ немъ ужиться не могутъ—развѣ не пошевельнулось въ ней нѣчто въ родѣ смутнаго предчувствія?» — Почему же она не остановилась тотчасъ и не вдумалась въ эти слова и въ это предчувствіе? — Отчего она теперь не смѣетъ взглянуть на Соломина, какъ будто онъ ея сообщникъ.... какъ будто и онъ ощущаетъ угрызеніе совѣсти? Отчего ей не только безконечно, до отчаянія жаль Нежданова, но какъ-то страшно, и жутко — и совѣстно? — Можетъ быть, отъ нея зависѣло его спасти? Отчего они оба не смѣютъ произнести ни одного слова? почти не смѣютъ дышать — и ждутъ.... Чего? Боже мой!...


F. Streitt 1876

Первый пріятель.

«Соломинъ послалъ за докторомъ, хотя, конечно, надежды не было никакой. На маленькую, уже почернѣвшую безкровную рану Нежданова Татьяна наложила большую губку съ холодною водой, намочила его волосы тоже холодной водою съ уксусомъ. Вдругъ Неждановъ пересталъ хрипѣть и пошевельнулся.

— «Приходитъ въ память, — прошепталъ Соломинъ.

«Маріанна стала на колѣни возлѣ дивана... Неждановъ взглянулъ на нее.... до того времени его глаза были неподвижны, какъ у всѣхъ умирающихъ.

— «А я еще... живъ, — проговорилъ онъ чуть слышно. — И тутъ не съумѣлъ.... задерживаю васъ.

— «Алеша, — простонала Маріанна.

— «Да вотъ.... сейчасъ.... Помнишь, Маріанна, въ моемъ стихотвореніи.... «Окружи меня цвѣтами....» Гдѣ же цвѣты?... Но за то ты тутъ... Тамъ въ моемъ письмѣ...

«Онъ вдругъ затрепеталъ весь... — «Охъ, вотъ она... Дайте оба... другъ другу.... руки — при мнѣ.... Поскорѣе.... дайте....

«Соломинъ схватилъ руку Маріанны. Голова ея лежала на диванѣ. лицомъ внизъ, возлѣ самой раны.

«Самъ Соломинъ стоялъ прямо и строго, сумрачный, какъ ночь.

— «Такъ.... хорошо.... такъ.... — Неждановъ опять началъ всхлипывать, но какъ-то ужъ очень необычно.... Грудь выставилась, бока втянулись .. Онъ явно пытался положить свою руку на ихъ соединенныя руки, но *его* руки уже были мертвы.

— «Отходитъ, — шепнула Татьяна, стоявшая у двери, и стала креститься.

«Всхлипыванья стали рѣже, короче.... Онъ еще искалъ взоромъ Маріанну.... но какая-то грозная бѣлесоватость уже заволакивала изнутри его глаза....

— «Хорошо, — было его послѣднимъ словомъ....»

Эта трагическая кончина, написанная такъ художественно, напоминаетъ отчасти смерть Базарова, въ «Отцахъ и дѣтяхъ», того-же высокоталантливаго автора. И тамъ, также, она миритъ съ умершимъ всѣхъ тѣхъ, кто не могъ или не хотѣлъ мириться съ нимъ при жизни; и также могила Нежданова окружена тихою, полною грусти и боли, поэзіей, напутствіемъ молитвы — и вѣнками благоухающихъ, «кроткихъ» цвѣтовъ.

Участь остальныхъ дѣйствующихъ лицъ романа разсказывается авторомъ довольно сжато, на двухъ-трехъ страницахъ. Маркелова судили — и обвинили; онъ и не запирался, впрочемъ. Голушкинъ принесъ «чистосердечное раскаяніе—«все на колѣняхъ ползалъ», — и его подвергли довольно легкому наказанію. Соломина оставили въ нѣкоторомъ лишь подозрѣніи, а Маріанна вовсе даже и не привлекалась къ суду. Она вышла, конечно, замужъ за Соломина, открывшаго какой-то *свой* заводъ въ Пермской губерніи, «на артельныхъ началахъ»: «Онъ дѣла своего не оставитъ», — говоритъ о немъ Паклинъ: «онъ продолбитъ! Клювъ у него тонкій — да и крѣпкій за то. Онъ — молодецъ. А главное: онъ не внезапный исцѣлитель общественныхъ ранъ. — Потому, вѣдь мы, русскіе, какой народъ? мы все ждемъ: вотъ-молъ придетъ что-нибудь, или кто-нибудь и разомъ насъ излечитъ, всѣ наши раны заживитъ, выдернетъ всѣ наши недуги, какъ больной зубъ. Кто будетъ этотъ чародѣй? — Дарвинизмъ? Деревня? Архипъ Перепентьевъ? Заграничная война? — Что̀ угодно! только, батюшка, рви зубъ!! — Это все — лѣность, вялость, недомысліе! — А Соломинъ не такой; нѣтъ онъ зубовъ не дергаетъ — онъ молодецъ»!

Этою «моралью» мы и закончимъ передачу содержанія новаго романа И. С. Тургенева. Мы не думаемъ впасть въ большую ошибку, если назовемъ «Новь» — первымъ *политическимъ* романомъ, появляющимся у насъ на Руси. Это не романъ общественныхъ характеровъ или новыхъ типовъ — подобно прежнимъ романамъ того же автора — «Рудину», «Наканунѣ», «Отцамъ и дѣтямъ»; «Новь» нельзя отнести также и къ числу художественныхъ произведеній, изображающихъ дѣйствительную жизнь нашего общества въ настоящій моментъ. Напротивъ: въ этомъ романѣ очень много выдуманности и каррикатурной неправды, въ которую облечены многіе изъ дѣйствующихъ лицъ; въ немъ, мѣстами, есть даже положительное глумленіе надъ тѣми бѣдными «эстетиками», что вздумали «соприкасаться съ дѣйствительною жизнью».... Тѣмъ не менѣе, какъ политическій романъ, «Новь» скомпонована довольно искусно и, подобно таковымъ же романамъ Шпильгагена въ Германіи и Эмиля Золя во Франціи, читается съ живѣйшимъ и глубокимъ интересомъ и порождаетъ множество самыхъ жгучихъ вопросовъ и мыслей.

Первый вопросъ, какъ намъ кажется, могъ бы быть поставленъ такъ: — какую, вообще, цѣль имѣлъ авторъ, *сочиняя* свой политическій романъ? — Думалъ ли онъ сослужить послѣднюю службу своей родинѣ, изобразивъ ее въ моментъ начинающихся безумныхъ броженій — дабы предостеречь и, если возможно, спасти тѣхъ «первыхъ и вторыхъ, и десятыхъ, и двадцатыхъ *чужаковъ*» — отъ «непремѣнной погибели въ подобныхъ предпріятіяхъ»?.. (стран. 52, 4, февраль). Если это такъ, то цѣль почтеннаго автора вполнѣ достигнута и заслуга его громадна: *отрезвляющее* дѣйствіе романа несомнѣнно, — и если «Новь» г. Тургенева спасетъ хотя «единаго отъ малыхъ сихъ» — то за одно это слѣдуетъ уже благодарить его.

Но за романомъ И. С. Тургенева есть и другая заслуга. Отрезвляя «чужаковъ», имѣющихъ съ простымъ народомъ такъ мало общаго, не вѣдающихъ и не понимающихъ ни обычаевъ, ни языка этого народа, — авторъ, «соприкасая» ихъ съ народомъ, доказываетъ, несравненно сильнѣе и убѣдительнѣе любого изъ ихъ защитниковъ на судѣ, не только всю ихъ нравственную несостоятельность, но и положительную безвредность — какъ пропагандистовъ. Народъ, когда они, «переряженые», проникаютъ въ него, принимаетъ ихъ или за пьяныхъ, или за французовъ, или же, еще смѣшнѣе, за начальство.... Огнеустыхъ ихъ глаголовъ крестьяне, въ большинствѣ случаевъ, совсѣмъ не понимаютъ; а если, иногда, и начинаютъ брать въ толкъ ихъ воззванія, то, первымъ дѣломъ, схватываютъ оратора, вяжутъ и представляютъ «къ начальству». А «коли кто ужъ очень охотно слушаетъ и книжки сейчасъ беретъ — знай: этотъ изъ плохенькихъ, вѣтеркомъ подбитъ».... Или же, еще хуже: слушаетъ-слушаетъ, потребуетъ водки, напьется, — да потомъ и обругаетъ оратора, какъ можно хуже....

Этотъ послѣдній способъ воспринятія простымъ народомъ пропаганды очень аналогиченъ съ тѣми критическими отзывами, коими наши газетные рецензенты почтили «Новь» И. С. Тургенева: «съ жадностью» ожидали, «съ глубокимъ интересомъ» читали, — да потомъ и «выругались, какъ можно хуже»... Именно такъ поступили «С.-Петербургскія Вѣдомости». Было бы, впрочемъ, странно ожидать чего-либо иного отъ несостоятельной газеты несостоятельнаго должника Ѳ. Баймакова....

Пріятнымъ исключеніемъ изъ всей этой, на солнце лающей, клики, является, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, газета «Новое Время», отнесшаяся къ произведенію И. С. Тургенева съ тѣмъ чуждымъ предвзятой злобы и безпристрастнымъ критеріемъ, на который, намъ кажется, имѣетъ полное право расчитывать этотъ заслуженный, почтенный и даровитый писатель.

И. З.

Новости наукъ и жизни.

Техника. Въ Англіи, какъ пишутъ въ октябрскомъ нумерѣ «Revue Scientifique», недавно сдѣлано техническое открытіе, которому, вѣроятно, принадлежитъ блестящая будущность. Это — пороховая бумага, которой предстоитъ замѣнить нынѣшній порохъ. Эта бумага пропитана химическимъ веществомъ, въ составъ котораго входятъ хлорная, азотная, синильная и хромовая соли, древесный уголь въ порошкѣ и нѣкоторое количество крахмала; она свертывается въ формѣ патроновъ желаемой длины и желаемаго діаметра. Фабрикація ея не представляетъ ни малѣйшей опасности, такъ какъ она взрывается, лишь соприкасаясь съ огнемъ. При сгораніи, она не оставляетъ жирнаго налета, даетъ менѣе дыма, не такъ сильно отдаетъ и не такъ страдаетъ отъ сырости, какъ обыкновенный порохъ. Всѣ опыты, произведенные до сихъ поръ надъ пороховою бумагою, дали самые удовлетворительные результаты. Изобрѣтатель надѣется, что и цѣна ея можетъ быть дешевле цѣны пороха.

Путешествія. «Pall-Mall Gazette» передаетъ о предполагаемой въ Соединенныхъ Штатахъ организаціи кругосвѣтнаго плаванія, цѣль котораго будетъ чисто научная. Путешествіе это, имѣющее продлиться года два, будетъ совершено однимъ изъ первокласныхъ пароходовъ, въ 1,000 тоннъ вмѣстимости, со специально устроенными въ немъ салонами для ученыхъ занятій, чтенія и работы, причемъ пароходъ будетъ снабженъ также паровыми машинами и необходимымъ вооруженіемъ. Ближайшею цѣлью этой экспедиціи будетъ посѣщеніе пунктовъ, имѣющихъ какъ общій, такъ и специальный интересъ, преимущественно тѣхъ мѣстностей, которыя мало или совершенно неизвѣстны натуралистамъ и потому представляютъ обширное поприще для изслѣдованія въ области архитектуры, археологіи и геологіи; въ то же время, ученые будутъ собирать коллекціи замѣчательнѣйшихъ экземпляровъ тамошней флоры и фауны. Въ составъ этой ученой экспедиціи войдутъ 10 профессоровъ изъ главнѣйшихъ университетовъ Сѣверной Америки. Кромѣ того, на пароходѣ будетъ устроено помѣщеніе для 60 или 80 студентовъ. Экспедицію будутъ сопровождать врачъ, хирургъ, священникъ и фотографъ. Путешественники двинутся въ іюлѣ мѣсяцѣ изъ Нью-Іорка на багамскіе острова, Тертугасъ и Гаванну, на устье рѣки амазонской, Ріо-Жанейро и Монтевидео, острова фальклантскіе, Магеллановъ проливъ, Вальпарайзо, оттуда на острова Полинезіи, Австралію, Новую Гвинею, Целебесъ; (Макассаръ), филиппинскіе острова, Гонъ-Конгъ, Кантонъ, Формозу, Сингапуръ, Маллакку, Суматру и Яву, Калькутту, Цейлонъ, лаккедивскіе острова и Бомбей, на Аленъ, черезъ суэзскій каналъ, въ Александрію, откуда предполагается дѣлать экскурсіи по Нилу и въ Палестину, потомъ посѣтить Константинополь, главные города Италіи, Франціи, Англіи и, на обратномъ пути, острова азорскіе.

Зоологія. Морская змѣя. «Морская змѣя, про которую такъ много толковали и изображеніе которой было даже помѣщено въ «Лейпцигской Газетѣ», появилась снова. По крайней мѣрѣ, одинъ англійскій матросъ съ корабля, прибывшаго изъ Аннаба (городъ въ британской части Индо-Китая) въ Ливерпуль, явился недавно въ тамошній магистратъ и сообщилъ, что въ іюлѣ 1875 года онъ, офицеры и остальные матросы три раза встрѣчались на морѣ съ огромнымъ чудовищемъ. Всѣ три раза «морская змѣя» занималась тѣмъ, что «ловила китовъ и раздавливала ихъ между своихъ челюстей». Любопытнѣе всего то, что какъ самъ матросъ, такъ и капитанъ корабля, вмѣстѣ со всѣмъ экипажемъ, изъявили готовность подтвердить достовѣрность этихъ фактовъ присягой. Показанія экипажа занесены въ протоколъ. Въ одномъ изъ слѣдующихъ нумеровъ, мы дадимъ по этому предмету болѣе подробныя свѣдѣнія.

— Осушеніе озера Зюйдерзее. Голландцы намѣреваются осушить озеро Зюйдерзее. Если этотъ проектъ осущесгвится, пространство земли въ Голландіи увеличится почти на 30 кв. миль. Слѣдуетъ замѣтить, что это предпріятіе представляетъ собой огромныя затрудненія; но голландцы уже не разъ доказывали, что не страдаютъ недостаткомъ упорства въ трудѣ и умѣнья достигнуть своей цѣли; имъ уже не разъ приходилось бороться со стихіями и они выходили побѣдителями изъ этой борьбы. Во времена господства римлянъ, Зюйдерзее былъ еще твердой землей и на пространствѣ его находилось озеро Lacus flevo, впадавшее въ море; этотъ рукавъ, соединявшій озеро съ моремъ, назывался Flevum. Только въ 1282 году, волны Сѣвернаго или Нѣмецкаго моря совершенно затопили эту болотистую равнину. Въ настоящее время, озеро Зюйдерзее очень мелко и изобилуетъ мелями, покрытыми водой на три или четыре фута. Одна изъ такого рода отмелей тянется почти непрерывно, отъ Энкгунзена до Кампена, и существованіе этой отмели именно и послужило поводомъ и основаніемъ проекта постройки большой плотины отъ Энкгунзена до островка Урка, а оттуда до Калмена. Это гигантское предпріятіе никогда не могло бы возникнуть, еслибы голландцы не пробовали свои силы еще прежде, въ такого же рода подвигахъ, которые увѣнчались блистательнымъ успѣхомъ; правда, что всѣ прежніе дренажи были осуществлены въ значительно меньшимъ размѣрахъ. Всѣмъ и каждому извѣстно осушеніе Гарлемскаго моря, произведенное въ теченіи 13 лѣтъ, съ 1840 до 1853 года; оно увеличило пространство Голландіи на $3^1/_2$ квадратныхъ мили пахатной земли, и потребовало 5 милліоновъ талеровъ издержекъ. Въ 1860 году, это отнятое у воды пространство земли уже имѣло 7,000 жителей. Работы, произведенныя по вышеупомянутому осушенію, дали извѣстное количество практическихъ опытовъ, которыми воспользовались при осушеніи рукава *И*, оконченнаго въ 1872 году. Еще въ 1849 г., инженеръ фонъ-Диггеленъ представилъ проектъ осушенія Зюйдерзее, но этотъ проектъ былъ признанъ въ то время не осуществимымъ и непрактичнымъ. Но въ 1865 году, г. Резуссенъ, бывшій генералъ-губернаторъ голландскихъ колловій въ Остъ-Индіи, человѣкъ, отличавшійся самой смѣлой предпріимчивостью, поручилъ г. Бойернику, руководителю работъ при осушеніи Гарлемскаго моря, составить планъ для осушенія одной только южной части Зюйдерзее. Изслѣдованія, произведенныя съ этой цѣлью, привели къ весьма плодотворнымъ результатамъ и дали самыя полезныя указанія. Въ настоящее время уже доказано самымъ положительнымъ образомъ, что дно озера почти вездѣ представляетъ собой почву, пригодную для хлѣбопашества. Министръ внутреннихъ дѣлъ, г. Геемескеркъ, самъ дѣятельно занялся разработкой этого вопроса и составилъ отдѣльную коммисію для болѣе подробнаго изслѣдованія дѣла; въ 1873 году, наконецъ, большинство членовъ коммисіи признало проектъ совершенно исполнимымъ и полезнымъ. Въ сентябрѣ того же года, король объявилъ въ тронной рѣчи, что одобряетъ проектъ и сочувствуетъ ему, а генеральные штаты, въ своемъ отвѣтѣ на рѣчь короля, выразили желаніе, чтобы было немедленно приступлено къ осуществленію вышеупомянутаго плана. Съ своей стороны, палата ассигновала извѣстную сумму на окончаніе приготовительныхъ работъ, такъ, что, такимъ образомъ, можно надѣяться, что въ скоромъ времени слова перейдутъ въ дѣло.

Во всякомъ случаѣ, это предпріятіе не осуществится безъ большихъ расходовъ и упорнаго труда. Постройка плотины отъ Энкгунзена до Кампена, плотины, которая должна имѣть 50 метровъ ширины, 8 метровъ вышины надъ поверхностью воды и 40 метровъ длины, представляетъ собой дѣло вовсе не легкое и не пустое. Но исполненію этой работы благопріятствуетъ морское дно, потому что изъ практики уже извѣстно, что почва его не осѣдаетъ и не осыпается даже подъ самой значительной тяжестью. Когда главная плотина будетъ окончена, все пространство Зюйдерзее предполагается раздѣлить на квадраты, а воду отвести въ море, съ помощью каналовъ. Самый большой и главный изъ каналовъ пойдетъ по направленію отъ Энкгунзена къ Амстердаму, и будетъ соединяться съ моремъ посредствомъ боковыхъ каналовъ.

Статистика. «Биржевыя Вѣдомости» приводятъ очень интересныя данныя, собранныя изъ разныхъ иностранныхъ журналовъ, о пространствѣ, занимаемомъ всѣми лѣсами въ мірѣ. Европейскіе лѣса расположены на пространствѣ 500,000,000 акровъ и слѣдовательно занимаютъ около $20^0/_0$ всего протяженія европейскаго материка. Въ Сѣверной Америкѣ пространство, покрытое лѣсами, считается въ 1,460,000,000 акровъ; въ Южной — 700 милліоновъ акровъ, т. е. $21^0/_0$ всего пространства. Что касается собственно пространства, занимаемаго казенными лѣсами и лѣсными угодьями, то въ слѣдующихъ европейскихъ странахъ оно идетъ въ такомъ порядкѣ: въ Пруссіи — 6,200,000 акровъ, въ Баваріи — 3,294,000; во Франціи — 2,700,000; въ Австріи — 2,300,000; въ Ганноверѣ — 900 тысячъ; въ Виртембергѣ — 469 тысячъ; въ Саксоніи — 394 тысячи и въ Англіи — 112,376 акровъ. Лѣсоистребленіе повсемѣстно совершается въ ужасающихъ размѣрахъ. Такъ, даже въ Южной Америкѣ ежегодно уничтожается множество превосходныхъ деревьевъ, а въ Новой Зеландіи $30^0/_0$ лѣсныхъ деревьевъ, считавшихся въ 1830 г., снизошло до $28^0/_0$ въ 1867 г. и до $18^0/_0$ въ 1873 году. Если разрушеніе лѣсовъ будетъ идти въ той же пропорціи, то въ 1889 году не останется и слѣда отъ новозеландскихъ лѣсовъ. Въ Америкѣ, не смотря на строгое запрещеніе истреблять лѣса «на національныхъ земляхъ», это уничтоженіе доходитъ почти до невѣроятныхъ размѣровъ: въ одномъ 1871 году было вырублено до 10,000 акровъ лѣсовъ. При всемъ этомъ надо замѣтить, что нигдѣ не видно попытокъ сколько нибудь правильно регулировать потребленіе лѣсовъ одинаково — въ видѣ ли топлива или строеваго матеріала.

— По отчетамъ таможеннаго вѣдомства видно, что важнѣйшею, послѣ хлѣба, статьею отпускной торговли Россіи является ленъ съ льняною паклею. Требованія на этотъ товаръ, въ послѣднее время, сильно увеличились. Въ сороковыхъ годахъ, напримѣръ, средній отпускъ льна не достигалъ даже четырехъ милліоновъ пудовъ; но потомъ вывозъ его, постепенно и быстро возростая, достигъ, въ шестидесятыхъ годахъ, почти шести милліоновъ, а въ текущее десятилѣтіе — почти до 10 милліоновъ. Въ два послѣдніе года, льна вывозилось: въ 1874 году 10,680,819 пуд. и въ 1875 году 10,088,392 пуд. Главными потребительницами русскаго льна являются Англія и Германія. Въ первую изъ этихъ странъ отпускалось, въ послѣдніе годы, среднимъ числомъ, отъ четырехъ до шести милліоновъ пудовъ, а во вторую — болѣе двухъ съ половиною милліоновъ. Въ 1874 году, отпускъ въ Англію былъ нѣсколько ниже этого средняго числа, а именно 4,804,341 пудъ. Германія, напротивъ того, съ каждымъ годомъ увеличиваетъ свои требованія на этотъ товаръ, такъ что въ 1874 году туда было уже отправлено 3,432,086 пуд. Такимъ образомъ, требованія на ленъ въ Англію сократились почти на то самое количество, на которое увеличился спросъ на него въ Германію. Другими значительными рынками для русскаго льна въ 1874 году были: Франція, Бельгія и Австрія. Первенствующее значеніе въ льняной торговлѣ въ 1870—73 годахъ принадлежало балтійскимъ портамъ, черезъ которые, среднимъ числомъ, сбывалось болѣе $63^0/_0$ всего льна; изъ остальнаго количества $27^1/_2{}^0/_0$ шло черезъ сухопутную границу и $8^1/_2{}^0/_0$—черезъ Бѣлое море. Но 1874 годъ, представляетъ нѣкоторое уклоненіе: на балтійскіе порты въ этомъ году пришлось только $59^0/_0$, а на сухопутную границу $32^0/_0$. Эти измѣненія въ относительныхъ цифрахъ отпуска по той и другой границѣ являются естественнымъ послѣдствіемъ измѣненія въ требованіяхъ на двухъ главнѣйшихъ льняныхъ рынкахъ — Англіи и Германіи. Всего сильнѣе это измѣненіе отразилось на рижскомъ портѣ, которому доселѣ принадлежало первенство въ торговлѣ этимъ произведеніемъ. Отпускъ льна изъ Риги въ 1870 году доходилъ, напримѣръ, до трехъ съ половиной милліоновъ пуд., а въ 1874 упалъ до 2,621,997 пуд. Прошлогодняя торговля льномъ была еще слабѣе, ибо сбыто было заграницу только 1,882,949 пуд. Самый значительный отпускъ льна изъ с.-петербургскаго порта, въ текущемъ десятилѣтіи, приходится на 1871 годъ—2,328,000 пудовъ, а въ 1874 году было отпущено только 1,744,114 пудовъ, и въ 1875 году—1,895,559 пудовъ.

Со всего свѣта.

Среди политическихъ событій первой важности, бывшихъ въ теченіи этой недѣли, необходимо причислить тронную рѣчь германскаго императора при открытіи рейстага. Выписываемъ изъ этой рѣчи то ея мѣсто, которое касается восточнаго вопроса:

«Что же касается до внѣшнихъ опасностей, могущихъ возникнуть изъ нерѣшоннаго еще восточнаго кризиса, то онѣ менѣе угрожаютъ Германіи, чѣмъ другимъ странамъ. Моя политика неизмѣнно оставалась вѣрна принципамъ, которымъ она слѣдовала съ самаго начала восточныхъ усложненій. Константинопольская конференція не имѣла, къ сожалѣнію, успѣха въ своемъ стремленіи побудить Порту къ дарованію уступокъ, которыя европейскія державы считали нужнымъ требовать въ интересахъ человѣчества и для обезпеченія мира на будущее время. Переговоры на конференціи имѣли, однако, тотъ результатъ, что христіанскія державы пришли другъ съ другомъ къ соглашенію насчетъ размѣра гарантій, которыя слѣдуетъ требовать отъ Порты, и по поводу которыхъ не существовало еще до конференціи общепринятой формы. Черезъ это пріобрѣтены общія основанія для увѣренности, что миръ между державами будетъ сохраненъ и въ томъ случаѣ, когда надежды, что Порта проведетъ по собственной инціативѣ реформы, касающіяся управленія ея христіанскими подданными и признанныя конференціей необходимыми для спокойствія Европы,—не оправдаются. Если ожиданія, которыя соединяются въ этомъ отношеніи съ обѣщаніями Порты и начатіемъ мира и переговоровъ съ Сербіей и Черногоріей, не исполнятся, то мое правительство будетъ, какъ и прежде, стараться употребить свое вліяніе въ вопросѣ, относительно котораго германскіе интересы не предписываютъ ему заранѣе опредѣленнаго образа дѣйствій для защиты христіанъ въ Турціи и для сохраненія европейскаго мира, преимущественно же для поддержанія и упроченія своихъ собственныхъ хорошихъ отношеній къ союзнымъ и дружественнымъ правительствамъ. Для успѣха этого мирнаго дѣла я довѣрчиво разсчитываю на благословеніе Бога».

По поводу этихъ словъ, сказанныхъ германскимъ императоромъ при открытіи парламента,— какъ иностранная, такъ и русская печать пускаются въ глубокомысленныя размышленія, которыя доказываютъ только плодовитость фантазіи публицистовъ, и которыя всегда направлены къ тому, чтобы изъ словъ тронной рѣчи вывести заключенія, наиболѣе клонящіяся къ поддержкѣ политики, защищаемой этими публицистами. Между тѣмъ, строго говоря, изъ словъ тронной рѣчи нельзя вывести никакого опредѣленнаго заключенія, что, впрочемъ, и естественно, если принять во вниманіе, что тронныя рѣчи всегда отличаются намѣренно неопредѣленнымъ характеромъ.

Въ тронной рѣчи сказано, въ сущности, то, что восточный кризисъ не касается непосредственно Германіи и что, при этомъ условіи, все дѣло Германіи сводится на поддержку и упроченіе европейскаго мира, что, конечно, въ интересахъ Германіи. Ничего другого въ тронной рѣчи не заключается, и усиливаться выводить изъ нихъ заключенія для опредѣленія направленія германской политики на будущее время,—совершенно напрасно, по нашему мнѣнію.

Что же касается до нѣкоторыхъ подробностей, встрѣчаемыхъ въ тронной рѣчи, то онѣ еще разъ повторяютъ въ общихъ выраженіяхъ то, что уже нѣсколько разъ, въ такихъ же общихъ выраженіяхъ, было высказано и въ англійскомъ парламентѣ. Всеобщія установившіяся положенія носятъ на себѣ вполнѣ оффиціальный характеръ, весьма мало опредѣляющій направленіе политики. Сожалѣніе о томъ, что конференція не удалась; защита интересовъ мира; реформы въ христіанскихъ провинціяхъ; желаніе, чтобы Порта добровольно выполнила обѣщанія, данныя ею; необходимость гарантій, и надежды, что, во всякомъ случаѣ, миръ не будетъ нарушенъ, — вотъ эти общія, установившіяся положенія по отношенію къ восточному вопросу, которыя мы встрѣчаемъ теперь въ тронной рѣчи германскаго императора, и которыя нѣсколько дней тому назадъ мы читали въ рѣчахъ лорда Дерби и маркиза Салисбюри. Заключать, слѣдовательно, изъ этихъ положеній что либо относительно будущей политики германской имперіи въ томъ случаѣ напр. если переговоры ни къ чему не приведутъ, и Россія принуждена будетъ объявить войну Турціи, было бы слишкомъ легкомысленно.

Точка зрѣнія князя Бисмарка и послѣ тронной рѣчи остается не извѣстна, и намъ остается одно: ждать событій. События опредѣлятъ положеніе Германіи и раскроютъ дѣйствительныя намѣренія и цѣли германскаго канцлера.

Чтобы доказать какъ призрачны и неосновательны всѣ выводы изъ этой тронной рѣчи, мы для примѣра укажемъ на двѣ иностранныя газеты, изъ которыхъ каждая, по общему мнѣнію, выражаетъ опредѣленные взгляды. Это сопоставленіе лучше всякихъ фразъ подтвердитъ наше мнѣніе о томъ, что изъ этой рѣчи нельзя выводить никакихъ опредѣленныхъ заключеній, относительно будущей политики германской имперіи въ восточномъ вопросѣ.

Эти газеты: «Le Nord» и «Journal des Débats». По толкованію первой изъ этихъ газетъ, политика Германіи въ восточномъ вопросѣ идетъ рука объ руку съ политикой Россіи. Другая газета, напр. полагаетъ, что, въ тронной рѣчи. Германія даетъ державамъ урокъ благоразумія и умѣренности. Мы намѣренно сопоставляемъ эти же мнѣнія газетъ, діаметрально противоположныхъ въ своихъ взглядахъ относительно восточнаго вопроса. И что же мы видимъ? Основываясь на одномъ и томъ же текстѣ оффиціальной рѣчи, эти газеты выводятъ два противоположныхъ заключенія. Одна газета утверждаетъ, что тронная рѣчь *съ очевидностью* высказывается за поддержку русской политики; между тѣмъ, какъ другая газета, *съ такою же очевидностью* доказываетъ, что Германія дастъ Европѣ урокъ умѣренности и благоразумія.

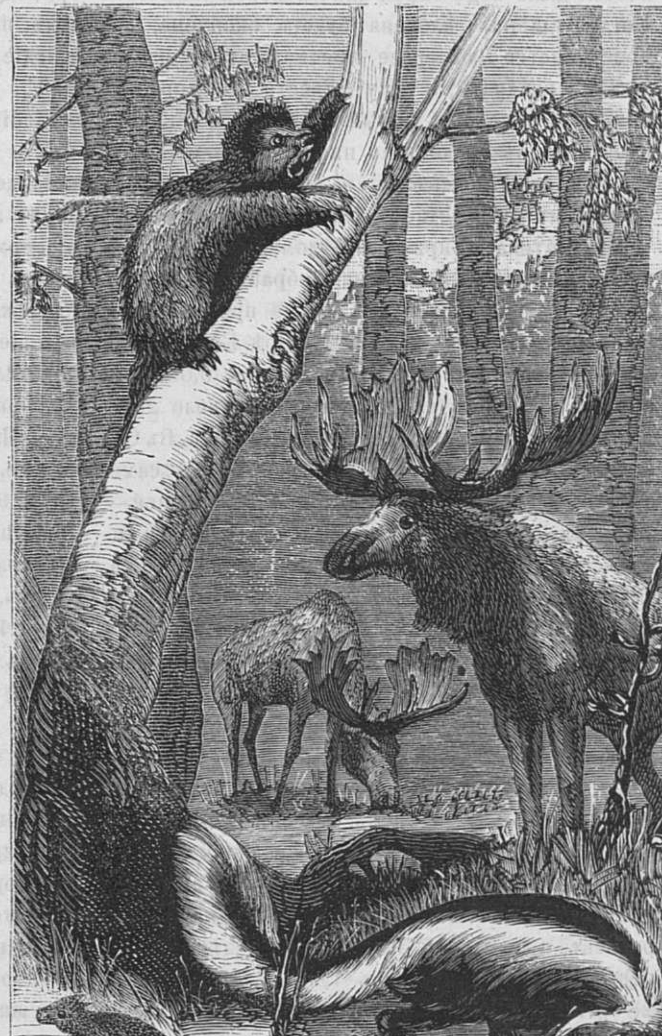


Рис. 3. **Жизнь млекопитающихъ животныхъ неарктической области.**

Къ статьѣ: *«Распространеніе животныхъ»*.

Подобныя же интересныя сопоставленія можно было бы произвести и въ русской печати, гдѣ, вѣроятно, мы бы встрѣтили еще болѣе курьезные выводы изъ тронной рѣчи императора Вольгельма. Такія сопоставленія, кромѣ своей курьезности, имѣютъ еще одну пользу: ими можно доказать на этотъ разъ уже съ полной и дѣйствительной очевидностью, что изъ тронныхъ рѣчей вообще нельзя выводить какихъ либо заключеній, и изъ тронной рѣчи германскаго императора въ частности, — и подавно. Вообще, можно, не боясь, ошибиться, сказать, что тронныя рѣчи пишутся и составляются съ тѣмъ, чтобы изъ нихъ нельзя было выводить какихъ либо опредѣленныхъ указаній. Настоящая полемика доказала эту аксіому, какъ нельзя болѣе, ясно.

Въ то время, какъ иностранная и русская печать занимались съ рвеніемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, разборомъ, тронной рѣчи и глубокими соображеніями, относительно *будущей* политики германской имперіи, — событія *настоящаго* шли своимъ чередомъ, доказывая въ сотый разъ, что нисколько не согласуются съ соображеніями глубокомысленныхъ политиковъ. Такими событіями являются, главнымъ образомъ, переговоры о мирѣ между Турціей и Сербіей и открытіемъ сербской скупчины, долженствовавшей утвердить мирный трактатъ. Еще въ самомъ началѣ выборной агитаціи въ Сербіи, газеты сообщали слухи, что оппозиція правительству оказывается въ значительной побѣдѣ, и что министерству Ристича придется, вслѣдствіе этого, выйдти въ отставку. Затѣмъ, послѣднія сообщенія международнаго агентства нѣсколько измѣнили характеръ этихъ извѣстій. Теперь, кажется, достовѣрно, что оппозиція дѣйствительно оказывается значительной въ новой скупчинѣ, и, кромѣ того, скупчина въ лицѣ своихъ депутатовъ высказывается за безусловное возобновленіе военныхъ дѣйствій. Въ этомъ отношеніи, особенно, будто бы, агитировали депутаты пограничныхъ округовъ: Алексинацкаго, Княжевацкаго, Зайчарскаго, Неготинскаго, Крушевацкаго, Вальевскаго, Ужицкаго и Лозницкаго. Сторонники войны, по толкованію международнаго агенства, утверждали, будто бы, что сербія не можетъ заключить почотный миръ, который былъ бы желателенъ въ интересахъ страны, и что, поэтому, слѣдуетъ возобновить борьбу противъ Порты для освобожденія братьевъ. Мнѣніе это, будто бы, было наиболѣе распространено въ кругу сельскихъ депутатовъ; городскіе же представители обнаруживали миролюбивое настроеніе. Въ числѣ избранныхъ депутатовъ находятся: бывшій министръ, 156 крестьянъ, 123 купца, 51 начальникъ милиціи, 51 бургомистръ (кмето), 25 лицъ духовнаго званія, 7 содержателей гостинницъ, 3 ремесленника, 2 писца въ судѣ и 1 таможенный чиновникъ. Вообще, если вѣрить доходящимъ до насъ свѣдѣніямъ, то выборъ въ скупчину имѣлъ тревожный характеръ для правительства. Во многихъ округахъ, крайніе социалисты одержали положительный верхъ, и къ тому же во всей Сербіи замѣчается броженіе, выразившееся во многихъ мѣстахъ уличными схватками съ представителями власти. Правительствомъ, вообще, недовольны; князь Миланъ потерялъ послѣдній призракъ авторитета и въ послѣдніе дни замѣчались такіе положительные признаки всеобщаго возбужденія, что даже одно время въ Бѣлградѣ опасались революціи. Говорятъ, что противъ правительства особенно сильно агитируетъ партія Карагеоргіевичей, которая намѣрена воспользоваться нынѣшнимъ положеніемъ вещей въ Сербіи, чтобы свергнуть съ престола династію Обреновичей.

Въ оппозиціонныхъ кружкахъ существуетъ намѣреніе сдѣлать запросъ правительству о настоящихъ отношеніяхъ Сербіи къ Россіи, чтобы выяснить, побуждала ли Россія Сербію къ войнѣ, и не лучше ли было бы обождать теперь съ заключеніемъ мира, пока разъяснится, начнетъ ли Россія дѣйствія противъ Турціи. Оппозиція намѣрена также потребовать отчота о дѣйствіяхъ правительства во время войны. Полагаютъ, что правительство откажется дать отвѣтъ на эти вопросы....

Признавая фактъ общаго броженія въ Сербіи, извѣстія, относящіяся собственно къ намѣреніямъ сербскихъ депутатовъ поддерживать политику войны, казались, тѣмъ не менѣе, весьма странными и подозрительными. И въ самъ дѣлѣ, если собственно министерство Ристича, принадлежащее къ партіи омладины, стоитъ за продолженіи войны, то сербскій народъ, вынесшій на своихъ плечахъ всѣ бѣдствія лѣтней кампаніи и убѣдившійся, что одна Сербія, какъ бы ни были велики, ея геройскія стремленія, не можетъ выйдти побѣдительницей изъ борьбы съ Турціей, — сербскій народъ, говорили мы, во всякомъ случаѣ желалъ и желаетъ немедленнаго заключенія мира — даже при неблагопріятныхъ условіяхъ. Событія, сопровождавшіе войну, точно также какъ и самая война, окончившаяся столь неудачно для Сербіи, — доказали, какъ намъ кажется, ясно, что сербскій народъ — весьма миролюбивый народъ и въ этомъ отношеніи его стремленія діаметрально противоположны намѣреніямъ омладинской партіи.

За доказательствами воинственныхъ намѣреній омладинской партіи, — незачѣмъ ходить далеко: они на лицо. Въ Сербіи, омладина чрезвычайно сильно агитируетъ. Южно-славянскія газеты, а также славянскія газеты, издающіяся въ Австріи, требуютъ войны на пожахъ, до послѣдней капли крови. Загребская газета «Обзоръ» увѣряетъ австрійскихъ сербовъ, что въ Бѣлградѣ усиленно заняты призывомъ резервовъ. По словамъ «Обзора», Сербія и Черногорія ведутъ мирные переговоры съ Портой только для виду. На дѣлѣ же они стремятся къ продолженію перемирія, которое доставитъ возможность Россіи окончить свои военныя приготовленія и выступить въ походъ. Россія, заключаетъ газета, не можетъ вернуться вспять; ей остается только одно — идти впередъ. Въ этомъ же тонѣ проповѣдуетъ войну издаваемая въ Новомъ Садѣ газета «Застава». «Сербія, — говоритъ она, — выступила во всеоружіи съ тѣмъ, чтобы основать большое сербское государство и освободить своихъ братьевъ Босніи отъ позорнаго рабства. Пока цѣль эта не будетъ дистигнута, о заключеніи мира не можетъ быть и рѣчи. Если русская армія стоитъ теперь на берегахъ Прута, то этимъ славянское дѣло обязано Сербіи. Они бы оскорбили всѣхъ славянъ и причинили бы Россіи серьезныя затрудненія, войдя въ соглашеніе съ Турціей». Такого рода статьи появляются въ южно славянскихъ газетахъ чуть-ли не ежедневно. Нѣмецкая «Національная Газета» объясняетъ поспѣшность въ приведеніи переговоровъ о мирѣ съ Сербіей къ концу тѣмъ важнымъ значеніемъ, которое можетъ имѣть Сербія, какъ точка опоры для Россіи въ случаѣ военныхъ дѣйствій противъ Турціи. Въ Константинополѣ остаются при прежнемъ убѣжденіи, что, въ случаѣ вооруженнаго вмѣшательства, Сербія будетъ избрана базисомъ военныхъ операцій. Поэтому, усилія турецкихъ дипломатовъ направлены къ тому, чтобы отнять у Россіи эту важную для нея, по ихъ мнѣнію, точку опоры.

Къ хроникѣ этого воинственнаго возбужденія, овладѣвшаго снова востокомъ, считаемъ нужнымъ прибавить и слѣдующія извѣстія, сообщаемыя газетою «Politik». По мѣрѣ приближенія марта мѣсяца, признаки, свидѣтельствующія о серьезномъ намѣреніи австрійскаго правительства занять Боснію, увеличиваются все болѣе и болѣе. Вдоль всей боснійско-хорватской границы сосредоточены болѣе, чѣмъ въ достаточномъ количествѣ орудія, боевые припасы и провіантъ. Эти приготовленія дѣлаются въ тайнѣ. Транспорты прибываютъ на границу въ ночную пору. Что же касается до войскъ, расположенныхъ на самой границѣ, то ихъ вполнѣ достаточно для одновременнаго занятія всей сѣверной Босніи, гдѣ нечего опасаться серьезнаго сопротивленія со стороны турокъ. Большая часть этихъ войскъ состоитъ изъ мадьярскихъ полковъ, призваніемъ которыхъ будетъ, вѣроятно, насильственное водвореніе мадьярской цививизаціи среди славянскаго населенія Босніи. Въ ожиданіи этого, мадьярскія части войскъ своимъ грубымъ поведеніемъ вызываютъ сильное негодованіе въ мѣстномъ населеніи, которое, между прочимъ, успѣло уже проявиться въ нѣсколькихъ кровопролитныхъ столкновеніяхъ между янычарами и венгерскими гусарами. Впрочемъ, сами мусульмане сознаются въ томъ, что вступленію австро-венгерскихъ войскъ въ турецкіе предѣлы они будутъ противиться только pro forma. Какъ только «честь знамени» будетъ спасена, они поспѣшатъ положить оружіе. По другимъ извѣстіямъ изъ Босніи, слухъ о предстоящей войнѣ съ Австріей посѣялъ паническій страхъ въ рядахъ боснійскихъ редифовъ и баши-бузуковъ, ибо эта трусливая сволочь, всегда готовая рѣзать беззащитныхъ старцевъ, женщинъ и дѣтей, не въ силахъ оказать малѣйшаго сопротивленія хорошо дисциплинированнымъ войскамъ. Изъ всего этого видно, что оккупація Босніи не представляетъ никакихъ существенныхъ затрудненій, но дѣло въ томъ, что здѣсь поговариваютъ не объ оккупаціи, а о *присоединеніи* этой области. Здѣсь питаютъ надежду, что дѣло дойдетъ до овладѣнія Босніей и присоединеніи ея къ Хорватіи, Славоніи и Далмаціи. Въ сліяніи этихъ четырехъ областей въ одно цѣлое, австрійцы усматриваютъ противное стремленіямъ Сербіи и препятствіе къ образованію большого южно-славянскаго государства. Это не мечты экзальтированной молодежи, а мысль, которую высказываютъ люди, вполнѣ знакомые съ австрійской политикой..

Какъ бы то ни было, но если вѣрить послѣднимъ извѣстіямъ, то надежды амладина и ея агитація, о которой мы говорили нѣсколько выше,—не привели, по крайней мѣрѣ, въ данную минуту ни къ какимъ результатамъ. 16 февраля скупщина была открыта лично княземъ Миланомъ въ тайномъ засѣданіи Въ президенты скупщины избранъ Топуцевичъ. Установленныя Портою основы мира приняты скупчиною, послѣ чего она, за выполненіемъ лежавшей на ней задачи, закрыта. Депутаты каждаго изъ сербскихъ округовъ отправились къ князю Милану, чтобы проститься съ нимъ передъ своимъ отъѣздомъ изъ Бѣлграда и просить о возможно скорѣйшей выдачѣ бѣднѣйшимъ жителямъ вознагражденія за убытки, причиненные войной. О ратификаціи мирныхъ условій скупщиною было немедленно сообщено въ Константинополь.

Въ протоколѣ о мирныхъ переговорахъ упомянуто о сохраненіи statu quo, объ амнистіи и очищеніи сербской территоріи турецкими войсками въ двѣнадцатидневный срокъ. Вслѣдъ за тѣмъ, Сербія препроводитъ Портѣ ноту съ изложеніемъ гарантій, относительно воспрещенія возводить новыя укрѣпленія, водруженія отоманскаго флага рядомъ съ сербскимъ, уравненія евреевъ въ правахъ съ сарбами и воспрещенія формировать вооруженныя банды. Пункты, касающіяся водворенія оттоманскаго комиссара въ Бѣлградѣ и вопроса о Зворникѣ—опущены въ протоколѣ.

По отношенію къ Черногоріи,—въ виду успѣшнаго хода мирныхъ переговоровъ, послѣдовало формальное продленіе перемирія съ Черногоріей на двадцать дней и отданы соотвѣтственныя приказанія. Черногорскіе делегаты должны пріѣхать въ Константинополь въ пятницу 18-го февраля. Такимъ образомъ, первый актъ восточной драмы долженъ окончиться на дняхъ: что послѣдуетъ за тѣмъ,—совершенно неизвѣстно, такъ какъ намѣренія державъ еще не вполнѣ выяснились. Что жо касается собственно Турціи, то, по нѣкоторымъ сообщеніямъ, Порта требуетъ отъ державъ, для выполненія права реформы, трехлѣтняго срока. При этомъ она обязывается, въ случаѣ неудачи системы реформъ, принять въ концѣ означеннаго срока предложенныя державами гарантіи. Съ другой стороны сообщаютъ, что лордъ Дерби предписалъ лорду Лофтусу открыть переговоры съ княземъ Горчаковымъ относительно годичнаго срока, который Англія считаетъ необходимымъ предоставить Турціи. Ведущіяся, въ настоящее время, только офиціознымъ образомъ переговоры примутъ офиціальный характеръ лишь по заключеніи мира между Турціей и княжествами.

Въ Константинополѣ, по свѣдѣніямъ «Politische Correspondenz», замѣчается мирное настроеніе, и Порта поспѣшитъ, даже цѣною жертвъ съ ея стороны, подписать миръ съ Черногоріей; потому что таково желаніе султана. Хотя извѣстіе о болѣзни султана въ послѣдніе дни неоднократно и оффиціально опровергались, однако, они имѣютъ несомнѣнное основаніе. Нервная его система сильно поражена; онъ сдѣлался трусливымъ и часто подвергается припадкамъ испуга. Онъ воображаетъ, что жизни его угрожаетъ опасность и что заговоръ когда нибудь свергнетъ его съ престола. Онъ опасается войны съ Россіей. Законы, возвѣщенные конституціей, изготовляются теперь въ Портѣ. Большая ихъ часть должна быть готова къ открытію парламента, 13-го марта. Помѣщенія для обѣихъ полатъ совершенно реставрированы и ихъ теперь стараются приспособить къ открытію засѣданій. Между тѣмъ, сераскеріатъ съ неизмѣннымъ усердіемъ производитъ приготовленія къ войнѣ. Въ Стамбулѣ замѣчается чрезвычайное передвиженіе войскъ. Нѣсколько транспортныхъ судовъ доставили войска изъ Сиріи, на другихъ же судахъ отправлены войска, предназначенныя въ Варну. Недавно прибылъ изъ Сенъ-Жанъ-д'Акра полкъ арабской конницы. Эти солдаты принадлежатъ къ племени сирійскихъ бедуиновъ; они малы ростомъ, но крѣпки и подвижны; арабскія лошади ихъ превосходны, а вооруженіе не оставляетъ ничего желать. Въ Стамбулѣ полкъ этотъ былъ принятъ со всѣми военными почестями. Еще четыре полка бедуиновъ формируются въ Дамаскѣ и Хауранѣ. Эти военныя приготовленія противорѣчатъ мирнымъ видамъ правительства, но не слѣдуетъ забывать, что до сихъ поръ не разрѣшенъ еще ни одинъ вопросъ.

Вожди герцеговинскихъ инсургентовъ въ письмахъ, отправленныхъ къ князьямъ Сербіи и Черногоріи, заявили о своемъ безусловномъ намѣреніи продолжать войну за освобожденіе христіанской райи въ Турціи. Такимъ образомъ, если это извѣстіе достовѣрно, то Порта, даже послѣ заключенія мира съ княжествами, очутится въ томъ же самомъ положеніи, въ какомъ была въ февралѣ прошлаго года.

Династіи османовъ пропѣта лебединая пѣсня, если вѣрить англійскимъ газетамъ. Существуетъ, будто бы, предположеніе, вмѣстѣ съ удаленіемъ Абдулъ-Гамида, объявить и всѣхъ его братьевъ и сыновей Абдулъ-Азиса недостойными наслѣдовать престолъ Османа. Гдѣ-то, въ Малой Азіи, нашли вѣтвь его династіи, члены которой всѣ сохранили свѣжесть тѣла и умственныхъ способностей. На нихъ-то и обращены взоры теперешнихъ рѣшителей судебъ Турціи: ихъ собираются призвать для возстановленія падающей имперіи. Англійскія газеты, пока, не передаютъ другихъ, болѣе обстоятельныхъ объ этомъ свѣдѣній. Но изъ вѣнскихъ источниковъ извѣстно, будто бы планъ этотъ возникъ въ младо-турецкой партіи. Заговоры въ средѣ ея приняли такіе обширные и грозные размѣры, что въ Портѣ исчезло воинственное настроеніе и появилась готовность къ борьбѣ за существованіе династіи. Душа заговора, будто-бы, — Митхадъ-паша; начальники въ придунайскихъ крѣпостяхъ, Рущукѣ, Варнѣ, Виддинѣ, открыто высказываютъ свою приверженность къ сосланному великому визирю; изъ другихъ городовъ получены донесенія губернаторовъ и мутесарифовъ о революціонномъ настроеніи милиціи, прогуливающейся по улицамъ съ криками: «Да здравствуетъ Митхадъ! Долой Махмуда-Дамада!» Въ виду этого пріостановлено образованіе національной гвардіи. Прибавьте къ этому денежныя затрудненія Порты, которая разослала приказъ провинціальнымъ властямъ поспѣшить сборомъ податей и недоимокъ, — и вы получите полную картину въ перспективѣ которой виднѣются новые переговоры. Тѣмъ не менѣе, къ подобнаго рода слухамъ, необходимо относится крайне осторожно.

Недѣли двѣ — три тому назадъ въ Константинополѣ вышла брошюра, подъ заглавіемъ: «Les Responsabilités» нѣкоего Джіякомети, направленная противъ Россіи и содержащая якобы подлинныя письма и депеши русскихъ государственныхъ дѣятелей. По этому поводу на дняхъ греки въ Перѣ сдѣлали демонстрацію, которой правительство не только не препятствовало, а напротивъ того, готово было поощрить, такъ какъ она направлена была противъ Россіи. Въ одномъ изъ писемъ брошюры Джіакомети упоминается, между прочимъ, о тріестскомъ журналѣ «Кліо», который, будто бы, подкупленъ русскимъ правительствомъ и работаетъ въ его интересахъ. Константинопольскіе греки подхватили это, повѣрили и достали гдѣ-то нумеръ злосчастнаго «Кліо», въ присутствіи многочисленной толпы на площади, они повѣсили его и потомъ сожгли при крикахъ негодованія и проклятія продажной редакціи, не погнушавшейся продать себя за московское золото! Толпа состояла почти изъ однихъ грековъ и нѣсколько турокъ и армянъ находились тутъ, какъ зрители, и въ сожженіи, ровно̀ какъ и въ крикахъ, участія не принимали.

По поводу брошюры «Les Responsabilités» было и еще одно замѣчательное происшествіе, хотя другого характера. Газета «Levand-Herald», отличающаяся полнымъ отсутствіемъ убѣжденій и говорящая pro и contro чего и кого угодно, но говорящая всегда смѣло, и часто мѣтко и умно, придралась къ этой брошюрѣ, чтобъ написать весьма хлесткую статью противъ турецкаго правительства, которое «зная всѣ интриги панславистовъ, такъ какъ перехватывало ихъ письма и депеши, не хотѣло или не умѣло воспрепятствовать этимъ интригамъ». Турецкое правительство отвѣтило на эту статью оффиціальнымъ заявленіемъ, что оно не только прежде не знало ничего, не имѣя обыкновенія перехватывать письма и депеши, но и теперь не признаетъ напечатанныхъ документовъ за подлинные, и если не препятствовало ихъ появленію въ печати, то единственно изъ уваженія къ свободѣ печати.

Приводя это курьезное заявленіе, константинопольскій корреспондентъ «Голоса» прибавляетъ: Если Порта оказывалась такъ же изворотлива и ловка на дѣлѣ, относительно внутренней администраціи, какъ на словахъ, то Турція не была бы теперь при послѣднемъ издыханіи и не пришлось бы ей присутствовать при собственномъ разложеніи. Къ несчастію османлисовъ, ихъ правительство вѣчно занималось только Tour de force'ами и теперь мы видимъ плоды такого порядка вещей!

— Изъ-за океана пришла неожиданная вѣсть. Въ письмахъ изъ Гаванны, отъ 21 января, сообщаютъ, что, послѣ слишкомъ десятилѣтней, кровавой распри, стоившей громадныхъ жертвъ, враждующія стороны на островѣ Кубѣ рѣшились примириться на слѣдующихъ условіяхъ: испанское правительство обяжется предоставить «Жемчужинѣ Антиловъ» полнѣйшую автономію; во главѣ управленія остается генералъ-капитанъ лишь на пятилѣтній срокъ, по истеченіи котораго жители острова Кубы будутъ призваны избрать себѣ правительство. Затѣмъ, генералъ Мартинесъ-Кампосъ долженъ будетъ отправиться въ Мадридъ, въ сопровожденіи начальника инсургентовъ, Максимо-Гомеса, котораго, въ ознаменованіе его боевыхъ подвиговъ, правительство короля Альфонса обяжется возвести въ званіе фельдмаршала испанской арміи. — Генералъ-капитанъ Іовелларъ выѣхалъ въ Ласбрусъ для свиданія съ Мартинесомъ-Кампосомъ и опредѣленія, сообща съ нимъ, главнѣйшихъ основаній примиренія.

Смѣсь.

Въ «Times» пишутъ изъ Канъ (на югѣ Франціи), что тамъ скончался, на-дняхъ, тряпичникъ, оставившій послѣ себя болѣе 400,000 фр. Когда онъ чувствовалъ себя больнымъ, то послалъ за адвокатомъ, чтобы составить завѣщаніе, но, прежде чѣмъ онъ успѣлъ привести въ исполненіе свое намѣреніе, сильный припадокъ кашля положилъ конецъ его жизни. Вскорѣ послѣ того, прибылъ законный наслѣдникъ, и приступили къ описи. При первыхъ поискахъ нашли 300,000 фр., въ рентѣ, акціяхъ и пр. Затѣмъ, нашли горшокъ съ наполеондорами на 15,000 фр.; въ одѣялѣ еще фондовъ на 91,000 фр. Этотъ богачъ жилъ въ нищетѣ и едва не умеръ съ голода.

— Англійскія газеты сообщаютъ слѣдующій драматическій эпизодъ, свидѣтельствующій о томъ, съ какими иногда затрудненіями сопровождается взиманіе податей въ нѣкоторыхъ земляхъ Африки. Губернаторъ Фашена (въ Дарфурѣ), Измаилъ-паша, послалъ недавно въ селеніе, лежащее въ окрестностяхъ столицы, отрядъ въ 100 солдатъ и 40 баши-бузуковъ, для взиманія поземельнаго налога. Жители селенія, съ притворною радостью, приняли солдатъ, накормили и напоили ихъ медомъ. Но вскорѣ послѣ того обнаружилось дѣйствіе напитка. Солдаты впали въ глубокій сонъ, изъ котораго они не проснулись, потому что поселяне перерѣзали ихъ всѣхъ.

— Вѣнскія газеты сообщаютъ слѣдующій эпизодъ изъ Венгріи, характеризующій мадьярскіе нравы: въ одномъ изъ комитетовъ верхней Венгріи составилась компанія азартныхъ игроковъ, состоявшая изъ извѣстнаго адвоката, мѣстнаго судьи, королевскзго прокурора и нѣкоторыхъ другихъ высокопоставленныхъ лицъ. Во время игры однако замѣтили, что адвокатъ — шуллеръ. Одинъ изъ мадьяръ прикололъ кинжаломъ его руку, совершившую подтасовку картъ, къ столу и, по предложенію прокурора, надъ шуллеромъ былъ произнесенъ приговоръ: ему предоставили выборъ между добровольной эмиграціей въ новый свѣтъ или — самоубійствомъ. Афера эта надѣлала много шума; всѣ участники привлечены къ отвѣтственности.

Наши гравюры.

Домъ призрѣнія для работницъ. Основанный Стюартомъ въ Нью-Іоркѣ.

Изъ всѣхъ американскихъ городовъ только въ Нью-Іоркѣ есть кварталъ, напоминающій своею скученностью и нищетою населенія: римское Гетто, подвалы въ Вѣнѣ и лондонскія Courts. Кварталъ этотъ называется Bowery. Здѣсь въ каждомъ домѣ тѣснятся десятки семействъ разноплеменныхъ бѣдняковъ, считающихъ чистый воздухъ и свѣжую воду роскошью, недоступною для нихъ. Тифъ, лихорадка и нужда вырываютъ изъ этихъ семействъ сотни жертвъ. Плачевное положеніе этихъ бѣдняковъ побудило нью-іоркскаго милліонера, Т. А. Стюарта, посильно улучшить ихъ участь.

Благодаря его щедрости сначала былъ основанъ домъ для призрѣнія работницъ, рисунокъ съ котораго помѣщаемъ на нашихъ страницахъ, а затѣмъ такой же другой для семейныхъ и холостыхъ работниковъ. Оба эти дома стоили $7^1/_2$ милліоновъ дол. Въ каждомъ изъ нихъ по 2000 комнатъ, отопляемыхъ паромъ, съ водопроводами и хорошей вентиляціей. Всѣ комнаты раздѣлены на группы, и каждая группа имѣетъ свою общую кухню и прачешную. Плата за помѣщеніе на половину меньше, чѣмъ въ какомъ нибудь самомъ бѣдномъ закоулкѣ квартала, и, не смотря на это, домъ приноситъ $5^0/_0$ дохода, который, по духовному завѣщанію основателя, долженъ капитализироваться для устройства новыхъ домовъ. Внутри тишина и порядокъ и принимаются люди только спокойные и трезвые.

Читая описанія этихъ домовъ, читатели не отнесутся безучастно и къ самому основателю пріютовъ Т. А. Стюарту, принадлежавшему къ разряду тѣхъ людей, которые посвящаютъ обыкновенно свою жизнь цѣлямъ, неимѣющимъ ничего общаго съ благотворительностью, но, подъ конецъ жизни, тѣмъ не менѣе, дѣлаются филантропами для славы, или для примиренія съ собственной совѣстью.

Т. А. Стюартъ поселился въ Нью-Іоркѣ лѣтъ сорокъ пять назадъ. Онъ родомъ изъ Ирландіи, получилъ университетское образованіе и, будучи изгнанъ изъ родины, отправился въ Америку съ капитальцемъ, простиравшимся до тысячи фунтовъ стерлинговъ.

Тамъ, по совѣту товарища, занялся торговлей, взявъ за правило продавать товаръ по возможно умѣреннымъ цѣнамъ и издерживать большія деньги на объявленія и рекламы. Счастье улыбнулось ему, и ко дню смерти капиталъ его достигъ 80 милліоновъ доллар., не считая дворцовъ, конюшенъ, съ великолѣпными лошадьми и картинной галлереи. За одного только «Наполеона подъ Эулау» имъ было заплачено художнику Мессонье 300,000 франковъ. Но все это онъ дѣлалъ только для славы, ходилъ всегда пѣшкомъ, или ѣздилъ въ омнибусахъ, съ утра до вечера сидѣлъ въ конторѣ, а дома жилъ по образцу и подобію своихъ скупыхъ ирландскихъ предковъ. Его зналъ весь городъ, ни одинъ газетчикъ не предлагалъ ему газеты, потому что хорошо знали, что богатѣйшій купецъ никогда не выдастъ 5 центовъ ($7^1/_2$ коп.) за нумеръ газеты.

Ровно въ $8^1/_2$ часовъ утра входилъ всегда въ свой магазинъ, казавшійся настоящимъ дворцомъ, гдѣ занималось 3000 конторщиковъ и прикащиковъ. Магазинъ представлялъ безконечную выставку вещей, относящихся къ комфорту и одеждѣ цивилизованнаго человѣка, и занималъ нѣсколько этажей, куда посѣтители подымались при помощи паровыхъ элеваторовъ. Каждому предмету былъ отведенъ особенный залъ; въ одномъ продавалась обувь, въ другомъ шляпы, въ третьемъ шали, въ четвертомъ тросточки и т. д. Какъ только посѣтитель что-нибудь покупалъ, прикащикъ извѣщалъ по телеграфу главному кассиру, что̀ и за сколько куплено. Въ долгъ не продавалось ничего. Кто не хотѣлъ покупать, могъ смотрѣть на выставленные предметы. Самъ старикъ сидѣлъ у кассы, или прохаживался по заламъ, наблюдая, чтобы прикащики исполняли требованія публики скоро и вѣжливо.

Послѣ смерти этого милліонера, изъ Англіи явилось нѣсколько тысячъ лицъ, представившихъ заявленія о родствѣ и правѣ на наслѣдство. Но все было напрасно, потому что Стюартъ, умирая бездѣтнымъ, отмстилъ родинѣ, оставивъ все состояніе старушкѣ женѣ, съ условіемъ, что она продастъ магазинъ по самой ничтожной цѣнѣ его любимому кассиру.

Первый пріятель. Картина Ф. Штрейтта.

Предъ нами комната, матери въ ней нѣтъ, но вездѣ видны слѣды ея рукъ и заботъ. Комната эта гдѣ нибудь высоко, какъ на это указываютъ маленькія квадратныя окна, сквозь которыя проникаетъ солнечный свѣтъ; она бѣдна, но въ ней такъ чисто, хорошо и покойно, что хотѣлось бы хоть минуту наслаждаться этимъ спокойствіемъ и тишиной, не лишенными игривыхъ лучей солнца, дѣтской головки съ плачемъ, выдающейся изъ подушекъ красивоубранной люльки. Повидимому трудолюбивая мать, не имѣя никого, кто бы ея выручилъ, воспользовалась сномъ ребенка, выбѣжала на минуту за какимъ нибудь дѣломъ, которыхъ такъ много у всякой матери.... Но осталась вѣрная собака, сторожащая колыбель; ее то художникъ и назвалъ «первымъ пріятелемъ». Содержаніе артистическаго произведенія легко понятнаго всякому, требуетъ ли еще какого-либо спеціальнаго описанія?

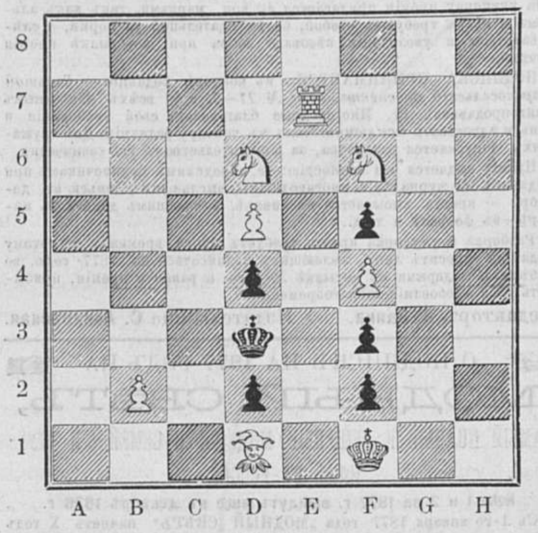
Если бы всѣ же подробности не были такъ красивы и такъ богаты колоритомъ и рисункомъ, то могъ ли бы представить себѣ читатель всѣ тонкости этой картины, выхваченной живьемъ изъ жизни?

Шахматы.

Задача VII.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Черные.



Бѣлые.

Рѣшеніе VI задачи, помѣщенной въ № 7.

Бѣлые.	*Черные.*
1) F5—H6 †.	1) S7—H6 берутъ (а).
2) E6—F6.	2) F7—D5.
3) F6—H8 †.	3) G8—H8 берутъ.
4) E5—F7 † †.	4) H8—G8.
5) E7—H6 беретъ † и матъ.	

(а) 1) G8--H8 берутъ.

Почтовый ящикъ.

Вслѣдствіе заявленій многихъ гг. подписчиковъ о затруднительности чтенія и однообразіи шрифта, которымъ, съ новаго года печатается «Живописное Обозрѣніе», редакція признала возможнымъ удовлетворить этимъ справедливымъ заявленіямъ,—и съ будущихъ нумеровъ вводитъ нѣсколько шрифтовъ, болѣе крупныхъ и, слѣдовательно, болѣе удобныхъ для чтенія.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи. Капканы. (Очеркъ изъ народнаго быта.) — Доброволецъ. (Разсказъ изъ народнаго быта.) — Распространеніе животныхъ (съ тремя рис.). — Между болгарами. — Библіографія и журналистика.—Новости наукъ и жизни.—Со всего свѣта.—Смѣсь.—Наши гравюры (съ рис.).—Шахматы.—Почтовый ящикъ.—Объявленія.

Гравюры. Домъ призрѣнія для работницъ.—Первый пріятель.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Объявленія.

ОТЪ КОНТОРЫ ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ.

За перемѣну адреса редакція проситъ гг. подписчиковъ высылать:

1) За перемѣну петербургск. на иногородн. 85 к.
2) » » иногородн. на петербургск. 50 »
3) » » иногороднаго на иногородн. 25 »

Въ конторѣ редакціи „**Живописнаго Обозрѣнія**“ а также въ музыкальныхъ магазинахъ В. Бесселя и К° и М. Бернарда, находятся въ продажѣ **ноты:**

МАРШЪ

РУССКИХЪ ДОБРОВОЛЬЦЕВЪ.

Сочиненіе **ФЛОРІАНА ГЕРМАНА.** (8 страницъ). Цѣна **1** руб. съ пересылкою **1** р **50** коп.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ НОВЫЯ КНИГИ.

Опредѣленіе жизни. Сочиненіе Клодъ Бернара. Переводъ съ франц. Спб. 1876. Ц. 35 коп., съ перес. 50 к.

Руководство кройки и шитья женскаго платья, по вновь изобрѣтенной, весьма простой и вѣрной системѣ, 3 отдѣл. и 2 част., съ 15 рисунками и многими планами. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.

Новый способъ рисованія, посредствомъ котораго, всякій, даже не имѣющій понятія о рисованіи, можетъ весьма легко, безъ всякой предварительной подготовки, снимать копіи съ рисунковъ, картинъ, фотографическихъ картъ, портретовъ, и проч., — совершенно сходныя съ оригиналомъ, съ приложеніемъ: **Новый способъ умноженія,** который изучается въ 5 минутъ безъ помощи учителя. Спб. 1877 г. Въ роскошномъ картонажѣ, съ приборомъ и объясненіемъ. Ц. 3 руб. съ перес.

Съ требованіемъ гг. иногородные благоволятъ обращаться исключительно на имя Петра Петровича **Федорова.** С.-Петербургъ, Большая Садовая улица, близъ церкви Покрова Богородицы, д. Артомоновыхъ № 88.

ОБЪ ИЗДАНІИ

„АЗОВСКАГО ВѢСТНИКА“

въ 1877 году

(годъ 7-й.)

„Азовскій Вѣстникъ“ выходитъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, и въ 1877 году листами увеличеннаго формата два раза въ недѣлю. Программа его прежняя. Издатель вошелъ въ соглашеніе со многими сотрудниками и корреспондентами, а потому можно надѣяться, что отдѣлъ иногородныхъ корреспонденцій увеличится. Уже съ 40 № истекшаго года „Азовскій Вѣстникъ“ началъ принимать характеръ мѣстной газеты, которою онъ вполнѣ сдѣлался въ настоящемъ году.

Подписная цѣна остается прежняя:

За годъ 7 р. безъ дост., 8 р. съ дост. 9 р. съ перес.
За ½ года 4 р. „ „ 4½ р. „ „ 5 р. „ „
За 1 мѣс. 70 к. „ „ 1 р. „ „ 1 р. 40 к. „

Подписка принимается исключительно въ типографіи П. С. Муссури.

ПРОГРАММА:

„Азовскій Вѣстникъ“ выходитъ въ Таганрогѣ.

Въ составъ его входятъ слѣдующіе отдѣлы:

I. **Внутреннія извѣстія.** Въ 1877 году особенно расширенъ отдѣлъ мѣстныхъ извѣстій и корреспонденцій изъ при-Азовскихъ городовъ. II. Иностранныя извѣстія. III. Судебный отдѣлъ. IV. Фельетонъ: Повѣсти, разсказы, стихотворенія и очерки мѣстной жизни. V. Торговыя свѣдѣнія. VI. Телеграммы. VII. Объявленія.

Редакторъ Ф. Браславскій.

ПОДПИСКА НА

„ВАРШАВСКІЙ ДНЕВНИКЪ“

въ **1877** году.

„Варшавскій Дневникъ“ въ 1877 году будетъ выходить ежедневно, листами большаго формата, по новоутвержденной программѣ, въ которую входятъ: А) Оффиціальный Отдѣлъ (Высочайшія повелѣнія; обнародованныя законоположенія; распоряженія и дѣйствія Правительства, касающіяся Привислянскаго края и Имперіи). — Б) Внутренній Отдѣлъ (редакціонныя статьи, касающіяся общественной жизни, статистики, экономическаго положенія губерній Имперіи и Привислянскаго края; выписки изъ журналовъ и газетъ, касающіяся тѣхъ же предметовъ; свѣдѣнія о важнѣйшихъ происшествіяхъ въ Варшавѣ и Привислянскомъ краѣ, взятыя изъ оффиціальныхъ источниковъ).—В) Заграничныя извѣстія.—Г) Фельетонъ (хроника общественной жизни въ Варшавѣ; художественная лѣтопись здѣшняго края и Имперіи; литературная лѣтопись).—Городской Справочный Листокъ (торговыя и биржевыя свѣдѣнія, объявленія и т. п.

(Въ „Варшавскомъ Дневникѣ“ помѣщаются всѣ объявленія присутственныхъ мѣстъ).

Подписная цѣна на „Варшавскій Дневникъ“ въ 1877 году: Для городскихъ подписчиковъ: въ годъ **9** руб., за полгода **4** р. **50** к., за три мѣсяца **2** руб. **25** к.. за одинъ мѣсяцъ **75** к. За доставку на домъ приплачивается **5** к. въ мѣсяцъ. Для иногородныхъ: въ годъ **12** р., на полгода **6** р., за три мѣсяца **3** р, за одинъ мѣсяцъ **1** р. Подписка принимается въ конторѣ Редакціи, на Медовой улицѣ, домъ № 18, куда благоволятъ адресоваться гг. иногородные.

Въ конторѣ редакціи «*Живописнаго Обозрѣнія*», а также въ книжномъ магазинѣ М. П. Попова, (Невскій пр. въ зданіи Пассажа), и у всѣхъ книгопродавцевъ Спб. и Москвы поступила въ продажу книга:

„ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО“

Томъ I. Изданіе редакціи журнала «Живописнаго Обозрѣнія». Цѣна **3** р. **50** к., съ пересылкою **4** р.

Гг. подписчики «Живописнаго Обозрѣнія» 1877 г. получаютъ эту книгу съ пересылкой за 3 р. 50 к.

Книгопродавцы пользуются обычною уступкой.

Въ конторѣ редакціи «ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ» находится въ продажѣ **большая гравюра.**

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ.

Снимокъ къ картины *Леонарда да Винчи.* Цѣна *50 коп.* съ пер. *75 коп.*

О подпискѣ на 1877 годъ на журналъ

ИНОСТРАННЫХЪ ПЕРЕВОДНЫХЪ РОМАНОВЪ,

издаваемый въ Москвѣ

Е. П. Вороновою.

Означенный журналъ издается въ 1877 году по той-же программѣ и въ томъ-же объемѣ, какъ и въ прошедшемъ, то есть: журналъ выходитъ ежемѣсячно книгами большаго формата и заключаетъ въ себѣ рядъ интересныхъ романовъ, принадлежащихъ перу лучшихъ иностранныхъ писателей.

Зная, какъ осуждается публикою растяжка интереснаго романа на многіе мѣсяцы, редакція рѣшилась, за рѣдкими только исключеніями, помѣщать въ каждой книгѣ по полному, совершенно законченному роману.

Подписная цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 12-ти книгъ, въ Москвѣ безъ доставки на домъ 10-ть руб., съ доставкой 11-ть руб., а съ пересылкою иногороднымъ 12 ть руб.

Подписавшіеся до 15-го февраля 1877 года получатъ, кромѣ означенныхъ книгъ, премію, въ видѣ отдѣльнаго романа.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ редакціи журнала, на Тверской улицѣ, въ домѣ Голяшкина и въ наиболѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Исакова.

Гг. иногородныхъ просятъ адресовать свои требованія на имя Редактора-издательницы, Елизаветы Петровны Вороновой.

Для чиновниковъ, служащихъ въ Москвѣ, допускается разсрочка черезъ гг. казначеевъ.

Въ первыхъ книгахъ журнала будутъ напечатаны слѣдующіе интересные романы: *Сынъ Роберта Дьявола, По слѣдамъ преступленія, Забытый уголокъ, Страшная тайна, Король Корсики.*

Впрочемъ, редакція оставляетъ за собой право замѣнить эти романы другими, если встрѣтятся болѣе интересные.

Редакторъ-издательница **Е. Воронова.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1877** ГОДЪ.

Основанъ въ 1831 году. **ВАЗА** Существуетъ 45 лѣтъ.

Женскій литературный и рукодѣльно-модный иллюстрированный журналъ

будетъ выходить въ 1877 году по той же программѣ и въ томъ же объемѣ какъ и въ настоящемъ году.

24 нумера журнала, **12** рукодѣльно-модныхъ и **12** литературныхъ. (Романы, повѣсти. стихотворен. путешествія, анекдоты, домашнее хозяйство и т. п.).

1000 политипажей въ текстѣ.

24 раскрашенныя модныя картинки.

12 листовъ литографированныхъ узоровъ и выкроекъ.

24 вырѣзныхъ выкроекъ во весь ростъ.

6 раскрашенныхъ узоровъ и до **30** листовъ узоровъ для различныхъ женскихъ работъ и рукодѣлій.

Каждый подписчикъ 1877 года получитъ ШЕСТЬ ПРЕМІЙ, а именно:

1) **Подушку** почти готовую, совершенно оригинальной, чрезвычайно красивой работы. Для совершеннаго окончанія ея требуется нѣсколько часовъ времени. (Цѣна этой подушки въ отдѣльной продажѣ 4 руб.).

2) **Табуретку** для фортепьяно, круглую (съ полнымъ матерьяломъ и узоромъ.)

3) **Вѣеръ** заграничной работы съ рѣзьбой и живописью.

4) **Альбомъ** для вышивокъ въ русскомъ стилѣ. (Въ отдѣльной продажѣ по 2 р. за экземпляръ.)

5) **Розетки** для двухъ подсвѣчниковъ (большія висячія), изъ серебрянаго и кораллового стекляруса. (Съ полнымъ матерьяломъ и узоромъ.)

6) **Бѣлую работу** новѣйшаго образца,—съ полнымъ матерьяломъ.

Сверхъ сего: къ № 1-му будетъ приложенъ **КАРМАННЫЙ КАЛЕНДАРЬ** на 1877 г.

Всѣ работы, предназначенныя для премій 1877 года, отличаются полнотою и изяществомъ.

Иногороднымъ подписчикамъ, выславшимъ подписныя деньги до 1-го января, преміи будутъ высланы въ январѣ,—приславшимъ деньги до 1-го февраля—въ февралѣ. Городскимъ подписчикамъ, внесшимъ деньги до 1-го января, преміи будутъ выданы съ № 1-мъ, остальнымъ-же съ № 4-мъ

Не дѣлая никакихъ заманчивыхъ воззваній, Редакція ручается за точное исполненіе всего обѣщаннаго въ настоящемъ объявленіи.

Для служащихъ, Редакція допускаетъ разсрочку по третямъ. Неслужащіе желающіе воспользоваться разсрочкой, благоволятъ войти въ соглашеніе съ Редакціей.

Письма съ подписными деньгами, Редакція покорнѣйше проситъ адресовать непосредственно въ редакцію журнала „ВАЗА“, **С.-Петербургъ, Большой Царскосельскій просп., домъ № 11—2.**

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На годъ безъ премій. . . . . . 7 р. — к. (безъ перес. 6 р. — к.)
На полгода безъ премій. . . . . 4 р. — к. „ „ 3 р. 40 к.)
На 3 мѣсяца безъ премій. . . . 1 р. 80 к. „ „ 1 р. 41 к)

Съ ПРЕМІЯМИ 5-ю руб. дороже. (Всѣ шесть премій высылаются одновременно).

Преміи 1877 года, требуютъ весьма тщательной укупорки, увеличивающей вѣсъ самой посылки, а потому лица, живущіе въ провинціи, благоволятъ сверхъ цѣны премій, высылать еще 40 коп. (марками) на укупорку.

☞ Заготовка, разборка и укупорка премій, предназначенныхъ для 1877 года, займетъ много времени, а потому Редакція покорнѣйше проситъ, во избѣжаніе задержки въ высылкѣ премій, а равно и 1-хъ №№ журнала, присылать требованія заблаговременно.

Редакторъ **Ж. Гедеонова.** Издатель **Сестрженцевичъ-Богушъ**

ОБЪ ИЗДАНІИ СБОРНИКА

„ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССІЯ“

въ 1877 году (третій годъ).

Ежемѣсячный, историческій, иллюстрированный сборникъ „Древняя и Новая Россія“ издается въ 1877 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшіе два года (1875—1876).

Сборникъ „Древняя и Новая Россія“ выходитъ каждый мѣсяцъ книжками, въ размѣрѣ до двѣнадцати и болѣе печатныхъ листовъ большаго формата, in 4⁰, въ два столбца печати на страницѣ, съ нѣсколькими портретами и рисунками и другими художественными приложеніями, такъ что, по окончаніи года, составятся три большихъ тома до 150 печатныхъ листовъ съ 50—60 гравюрами, литографіями и хромолитографіями.

Въ первыхъ книжкахъ сборника 1877 г. изъ значительнаго количества разнообразныхъ статей и матеріаловъ, находящихся въ распоряженіи редакціи, будутъ, между прочимъ, напечатаны слѣдующія:

Проф. Н. Я. Аристова: Невольное и неохотное постриженіе въ монашество у нашихъ предковъ.—Ф. А. Арсеньева: Шексна и Виртембергская система (Путевые очерки). — Проф. К. Н. Бестужева-Рюмина: Чему учитъ русская исторія?—Проф. А. Г. Брикнера: Русскіе дипломаты-туристы въ Италіи — Н. И. Греча: Отрывки изъ воспоминаній. — Акад. Я. К. Грота: Эпизодъ изъ Пугачевщины. — М. Ѳ. де-Пуле: А. В. Кольцовъ. Біографическій очеркъ. — Г. В. Есипова. 1) Выдержки изъ дѣлъ Преображенскаго приказа. 2) А. П. Ганнибалъ и княгиня А. П. Волконская.—И. Е. Забѣлина: Замѣтки о древне-русскомъ зодчествѣ. — Д. И. Завалишина: Кругосвѣтное плаваніе фрегата „Крейсеръ“. — Проф. Д. И. Иловайскаго: Древній Черниговъ.—Проф. В. С. Иконникова: Митрополитъ Арсеній Мацѣевичъ.—Е. П. Карновича: 1) Ассамблеи при Петрѣ I.—2) Великая княгиня Александра Павловна.—А. К. Киркора: 1) Озерное жилище въ Квачалѣ. 2) Покутье въ Галицкой Руси.—Проф. Д. А. Корсакова: А. П. Волынскій. Біографическій очеркъ.—Проф. Н. И. Костомарова: Императрица Екатерина I.—Проф. О. Ѳ. Миллера: Россія и Европа въ Восточномъ вопросѣ. — Д. Л. Мордовцева: 1) Графъ А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ въ случаѣ.—2) Л. А. Нарышкинъ. Біографическій очеркъ. — Проф. I. I. Первольфа: Фридрихъ, князь Острожскій.—Проф. Н. И. Петрова: Драматическія сочиненія Георгія Конисскаго. — Проф. Н. А. Попова: О. А. Баженинъ. Эпизодъ изъ исторіи общественныхъ нравовъ Петровской эпохи.—А. Н. Попова: Генералъ Моро въ русской службѣ. — А. И. Савельева: Нѣсколько памятниковъ старинной культуры, сохранившихся въ Россіи.—Проф. А. В. Романовича-Славатинскаго: Ю. Ѳ. Самаринъ въ Кіевѣ — А. Н. Сергѣева: Нижегородскій Кремль.—Акад. С. М. Соловьева: Восточный вопросъ пятьдесятъ лѣтъ назадъ. — Проф. Н. В. Сорокина: На Уралѣ.—В. Я. Стоюнина: Адмиралъ А. С. Шишковъ.—Акад. М. И. Сухомлинова: Уничтоженіе диссертаціи Н. И. Костомарова въ 1842 году. — Л. Н. Трефолева: Ярославль въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны.—Акад. Н. Г. Устрялова: Воспоминанія о моей жизни.—Проф. А. Ѳ. Хойнацкаго: Библія и народъ въ предѣлахъ Юго-Западнаго края Россіи. — Проф. С. М. Шпилевскаго: Дѣло секундъ-маіора Р. Н. Державина.

Къ январской книжкѣ сборника, между прочимъ, была приложена большая литографія на тону съ оригинальной картины художн. Ст. Хлѣбовскаго.

„Ассамблея при Петрѣ Великомъ“.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ двѣнадцать руб. сер., съ доставкою на домъ двѣнадцать руб. пятьдесятъ коп. сер., съ пересылкой тринадцать руб. пятьдесятъ коп. сер.; за границу 14 руб.

Главная Контора Редакціи сборника „Древняя и Новая Россія“ находится въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, рядомъ съ Пассажемъ, № 46, при хромолитографіи и типографіи издателя В. И. Граціанскаго, куда гг. иногородныхъ и просятъ исключительно обращаться со всѣми своими требованіями.

Въ Главной Конторѣ можно получать оставшіеся отъ подписки экземпляры „Древней и Новой Россіи“ за 1875 и 1876 годы. Каждый годъ состоитъ изъ трехъ большихъ томовъ съ 60 — 70 портретами и рисунками.

Цѣна каждаго года, безъ пересылки двѣнадцать руб. сер.; съ пересылкой тринадцать руб. пятьдесятъ коп. сер.

Издатель В. И. Граціанскій—Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ОБЪ ИЗДАНІЯХЪ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ДУХОВНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ 1877 ГОДУ.

А) Журнала «Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія».

Журналъ „Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“ издается и въ 1877 году.

Выполнявшаяся въ предшествующіе года программа журнала выполняется и въ 1877 году безъ существенныхъ измѣненій.

Журналъ этотъ съ 1875 года имѣетъ особое приложеніе, состоящее изъ перевода съ греческаго языка: правилъ апостольскихъ, соборныхъ, святыхъ отецъ, съ толкованіями Зонары, Аристина, Вальсамона и съ присовокупленіемъ къ нимъ текста славянской Кормчей.

Цѣна годоваго изданія „Чтеній въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“—6 р. 50 к., съ пересылкою въ города и доставкою въ Москвѣ 7 р.

Б) Церковной газеты «Московскія Епархіальныя Вѣдомости».

„Московскія Епархіальныя Вѣдомости“ издаются въ 1877 году по прежней программѣ.

Годовая цѣна „Московскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ въ 1876 г.: безъ достав. и перес. 3 р. 50 к., съ доставкою и пересылкою 4 р. 50 к. Полугодовая 2 р., съ перес. и достав. 2 р. 50 к., за три мѣсяца 1 р., съ перес. 1 р. 30 к., съ доставк. 1 р. 25 коп.; за мѣсяцъ 40 к., съ перес. и достав. 50 к.; отдѣльные №№ по 10 к. Лица, подписавшіяся на „Чтенія“ и „Московскія Епархіальныя Вѣдомости“ вмѣстѣ, безъ пересылки и доставки платятъ за изданіе 9 р., а съ доставкою и пересылкою—10 руб.

В) «Воскресныхъ Бесѣдъ».

„Воскресныя бесѣды“, издаваемыя Обществомъ любителей духовнаго просвѣщенія и печатаемыя первоначально за три недѣли впередъ въ „Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ и изъ нихъ, въ тоже время, переводимыя въ отдѣльные оттиски для своевременнаго полученія во всѣхъ мѣстностяхъ нашего отечества, тѣмъ же порядкомъ издаются и въ 1877 году.

„Воскресныя Бесѣды“ выходятъ еженедѣльно. Цѣна годоваго изданія изъ 52 листовъ—50 к., безъ доставки и пересылки; съ доставкою въ Москвѣ и пересылкою въ другіе города—1 р. 10 к.; за полгода 50 к., съ перес. и доставкою 60 к.; за три мѣсяца 20 коп., съ перес. и дост. 35 коп.; за мѣсяцъ 10 к., съ дост. и перес. 20 коп.

Подписка на всѣ изданія Общества любителей духовнаго просвѣщенія принимается въ Москвѣ: въ Епархіальной библіотекѣ, въ Высокопетровскомъ монастырѣ; въ редакціи изданій Общества любителей духовнаго просвѣщенія—на Донской, въ приходѣ Ризположенской церкви, въ квартирѣ священника Виктора Петровича Рождественскаго; въ павильонѣ Отдѣла Общества, близъ Иверской часовни у старыхъ присутственныхъ мѣстъ, и у книгопродавцевъ Ферапонтова и Соловьева; въ Петербургѣ — у Кораблева и Сирякова. Иногородные благоволятъ обращаться съ своими требованіями исключительно въ Редакцію изданій Общества.

Тамъ же можно получать и слѣдующія изданія Общества:

Правила святыхъ апостоловъ, святыхъ соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ и святыхъ отецъ съ толкованіями. Выпускъ 1-й. Правила святыхъ апостолъ съ толкованіями. Изданіе Общества любителей духовнаго просвѣщенія 1876 г. Цѣна безъ пересылки 80 коп., съ пересылкою 1 руб.; на веленевой бумагѣ безъ пересылки 2 руб., съ перес. 2 руб. 50 коп.

„Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“ за прежніе годы за 10 книгъ, выходившихъ до 1871 года отдѣльными выпусками, 3 р., съ пересылкою 4 р.; за 12 книгъ 1871 года 2 р., съ перес. 3 р.; за 12 книгъ 1872 года — 3 р., съ перес. 4 р.; за 12 книгъ 1873 г. — 4 р., съ перес. 5 р.; за 12 книгъ 1874 г. 4 р., съ перес. 5 р.; за 12 книгъ 1875 г. 6 р. 50 к., съ перес. 7 р.; за годовое изданіе 1876 г. 6 р. 50 к., съ перес. 7 р.

Записки на книгу Бытія митрополита московскаго Филарета — 50 к., съ перес. 75 к.

Лекціи по умозрительному богословію протоіерея Ѳ. А. Голубинскаго—50 к., съ перес. 75 к.

Воскресныя Бесѣды 1870-го, 1874-го, 1875-го, 1876-го годовъ по 50 к. за экз., съ перес. 70 к.

Бесѣды о говѣніи по уставу православной церкви 5 к., съ перес. 10 коп.

Избранныя бесѣды 1871 и 1872 года въ одной книжкѣ 50 к., съ перес. 70 к.

Если количество бесѣдъ одного и того же года, а не разныхъ годовъ, будетъ выписываемо не менѣе 50 экз. въ одинъ разъ, то совѣтъ Общества можетъ уступить ихъ по 50 коп. за экз., принимая и пересылку на свой счетъ; тоже и бесѣды о говѣніи могутъ быть уступлены по 5 к. за экз. съ пересылкою, если требованіе ихъ въ одинъ разъ будетъ не менѣе 50 экз.

Воскресныя Бесѣды, издаваемыя въ 1877 году, если количество ихъ будетъ требуемо не менѣе 50 экз. по одному адресу, могутъ быть уступлены вмѣсто 1 р. 10 к. по 50 к. за экз.

Московскія Епархіальныя Вѣдомости 1869, 1871, 1872, 1873, 1874 и 1875 года по 2 р за годовой экз., съ перес. 2 р. 50 к.; за 1876 годъ по 3 р. 50 к., съ перес. 4 р. 50 к. за каждый экз.

Программа закона Божія для преподаванія въ начальныхъ школахъ 5 к., съ перес. 10 к.

ПОДПИСКА НА 1877 ГОДЪ

(годъ 31-й)

ГАЗЕТА МУЗЫКИ, ТЕАТРА И ИЗЯЩНЫХЪ ИСКУССТВЪ

„МУЗЫКАЛЬНЫЙ СВѢТЪ“.

Будетъ выходить въ будущемъ 1877 году еженедѣльно въ количествѣ 50 нумеровъ въ годъ, отъ 1 — 2 листовъ убористой печати и будетъ заключать въ себѣ слѣдующіе постоянные отдѣлы:

1) *Театральная и концертная панорама.* Еженедѣльный полный обзоръ спектаклей, концертовъ и другихъ явленій общественной, театральной и музыкальной жизни.

2) *Критика и библіографія.* Подробный разборъ и критическая оцѣнка всѣхъ выдающихся новостей отечественной и иностранной музыкальной литературы.

3) *Біографіи* знаменитыхъ художниковъ, артистовъ и музыкантовъ, съ приложеніемъ ихъ портретовъ.

4) *Историческіе обзоры* музыки, театра и изящныхъ искусствъ у разныхъ народовъ и въ разные періоды ихъ существованія.

5) *Корреспонденціи* изъ всѣхъ городовъ Россіи и главнѣйшихъ городовъ Западной Европы.

6) *Хроника* текущихъ театральныхъ и музыкальныхъ явленій.

7) *Беллетристика.* Романы, повѣсти, разсказы, комедіи, драмы и т. п.

8) *Стихотворенія.* Романсы безъ музыки,—отдѣлъ, предназначенный спеціально для композиторовъ, затрудняющихся въ выборѣ стиховъ для романсовъ.

9) *Смѣсь.* Маленькіе разсказы и анекдоты изъ жизни артистовъ, характеризующіе ихъ; шутки, каламбуры и разныя извѣстія и курьозы музыкальнаго и театральнаго міра.

10) *Фельетонъ* и пр.

11) *Музыкальныя и театральныя новости*, — отдѣлъ, на который обращено особенное вниманіе редакціи и изъ котораго почти всѣ періодическія изданія дѣлаютъ заимствованія.

Въ газетѣ принимаютъ постоянное участіе: *С. З. Бураковскій* (исторія театра), *К. П. Галлеръ* (библіографія), *И. Н. Измайловъ* (клубныя сцены), *Н. П. Карцовъ* (C'est moi, музыкальные и театральные обзоры), *М. В. Кириловъ* (Карнѣевъ, біографіи и драматическая литература), *И. И. Калашниковъ* (стихотворенія), *И. А. Кузминскій* (корресподенціи изъ Одессы), *Г. А. Лишинъ* (Нивлянскій, стихотворенія), *Михневичъ* (очерки исторіи музыки), *А. А. Соколовъ* (театральный нигилистъ, беллетристика и критика), *В. Соколовъ* (профессоръ московской консерваторіи, московскіе музыкальные обзоры); *И. А. Устиновъ* (корреспонденціи изъ Харькова), *А. П. Толченовъ* (театральные обзоры и воспоминанія). *М. П. Федоровъ* (разныя извѣстія) и мн. др.

Обширный кругъ читателей, который наша газета пріобрѣла въ короткое время, краснорѣчивѣе всякихъ рекламъ говоритъ въ ея пользу; редакція будетъ, по возможности, стараться дѣлать ея содержаніе постоянно все болѣе разнообразнымъ, разностороннимъ и интереснымъ и надѣется на сочувствіе тѣхъ, кому дорого театральное и музыкальное дѣло.

Газета наша - первый и единственный въ Россіи спеціальный театрально-музыкальный органъ—является существенною необходимостію для антрепренеровъ и артистовъ всѣхъ казенныхъ и частныхъ театровъ и составляетъ легкое и интересноечтеніе для всѣхъ интересующихся развитіемъ и ходомъ театральнаго и музыкальнаго дѣла.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГАЗЕТУ:

На годъ, съ 1 январ. по 1 январ.:		На ½ съ 1 іюля по 1 января:	
Безъ доставки.	4 р. 50 к.	Безъ доставки.	2 р. 50 к.
Съ доставкою и перес.	5 р. 50 к.	Съ достав. и перес.	3 р. — к.

Подписчики на газету будутъ получать, въ видѣ безплатной преміи, одну музыкальную пьесу.

Годъ 31. „ЖУРНАЛЪ МУЗЫКАЛЬНЫЙ СВѢТЪ“ Годъ 31.

по примѣру прошлыхъ лѣтъ, будетъ и въ 1877 году выходить ежемѣсячно тетрадями отъ 50—60 страницъ музыки, что составитъ въ годъ коллекцію нотъ болѣе чѣмъ 650 страницъ музыки, т. е., по магазиннымъ цѣнамъ, болѣе чѣмъ на сто рублей.

Каждая тетрадь будетъ заключать въ себѣ одну трудную пьесу, пять, шесть и болѣе пьесъ салонныхъ, два или три танца и два романса. Кромѣ того, въ теченіи года будетъ помѣщено шесть пьесъ въ четыре руки.

Имена слѣдующихъ русскихъ композиторовъ встрѣтятся на страницахъ „Музыкальнаго Свѣта“: А. Рубинштейна, Чайковскаго, Ц. Кюи, Даргомыжскаго, Сѣрова, Дютша, Соловьева, Галлера, Лешетицкаго, Направника, Рейнбольда, Реша и другихъ. И иностранныхъ композиторовъ: Листа, Литольфа, Вагнера, Верди, Сенъ-Санса, Гуно, Кирхнера, Цельнера, Раффа, Страуса, Лекока, Оффенбаха и другихъ.

Подписчики на журналъ „Музыкальный Свѣтъ“ получатъ въ премію двѣ полныхъ оперы для фортепіано на выборъ изъ пятидесяти нумеровъ и газету *).

Подписная цѣна на журналъ съ газетою: безъ доставки 10 р.; съ доставкой и пересылкой 11 руб. 50 коп.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи „Музыкальнаго Свѣта“, на Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ № 27 (Лѣсникова), надъ Милютинымъ рядомъ.

Редакторъ-Издатель **Н. П. Карцовъ.**

---

*) Редакція журнала приметъ всѣ мѣры, чтобы сдѣлать его содержаніе возможно болѣе разнообразнымъ и потому на ряду съ классическими сочиненіями будетъ стараться знакомить подписчиковъ со всѣми новостями отечественной и иностранной музыкальной литературы.

ПОДПИСКА НА 1877 ГОДЪ ОТКРЫТА.

Женскій рукодѣльно-модный, хозяйственный, иллюстрированный журналъ

„АВРОРА“

СЪ ЛИТЕРАТУРНЫМЪ ПРИБАВЛЕНІЕМЪ.

Съ 1-го января 1877 года будетъ выходить 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца тетрадями большого формата.

Годовой составъ журнала слѣдующій:

Болѣе **40** большихъ печатныхъ листовъ текста; до **1500** оттиснутыхъ въ Парижѣ политипажныхъ рисунковъ; до **200** литографированныхъ выкроекъ на 12-ти большихъ листахъ; **24** раскрашенныя модныя, большія, картинки (Парижской работы); **24** вырѣзныя выкройки, въ натуральную величину; **6** раскрашенныхъ узоровъ для вышивокъ въ русскомъ стилѣ; до **30** листовъ съ рисунками узоровъ для различныхъ рукодѣлій и женскихъ работъ, самыхъ новыхъ образцовъ.

Объемъ литературнаго приложенія въ теченіи года равняется 400 страницамъ обыкновеннаго книжнаго формата. Для 1877 года, редакція пріобрѣла совершенно новый и весьма занимательный криминальный романъ, подъ заглавіемъ **„Убійство г-жи Рено“**. Сверхъ сего, въ теченіи года, редакція предложитъ своимъ читательницамъ рядъ любопытныхъ популярныхъ статей касающихся гигіены, хозяйства и другихъ знаній необходимыхъ въ домашнемъ быту.

ПРЕМІЯ предназначенная для подписчиковъ 1877 года состоитъ изъ *четырехъ работъ и двухъ готовыхъ предметовъ*, а именно:

1) **Подушка** для дивана, совершенно оригинальной работы бутонэ, изъ шерсти въ 4 тона. Чрезвычайно красивая подушка эта дается почти готовою, такъ что для окончанія ея требуется не болѣе 6-ти часовъ времени. (Оконченная, въ отдѣльной продажѣ стоитъ 4 р.)

2) **Табуретка** по канвѣ шерстью. Дается канва, шерсти и узоръ.

3) **Розетки** стеклярусныя, висячія, для двухъ подсвѣчниковъ. Дается разноцвѣтный стеклярусъ, шерсти и узоръ. Работа весьма красивая и можетъ быть окончена въ теченіи 2—3 часовъ.

4) **Бѣлая работа** съ полнымъ матерьяломъ.

5) Изящный **вѣеръ** съ рѣзьбой и живописью. Исполненъ по заказу редакціи въ Парижѣ

6) Великолѣпный **Альбомъ** раскрашенныхъ рисунковъ для вышивокъ, въ русскомъ стилѣ, на 12-ти листахъ. Альбомъ этотъ исполненъ по заказу редакціи и поступитъ въ отдѣльную продажу по 2 рубля за экземпляръ.

Цѣнность самой преміи почти уже равняется всей подписной суммѣ, а потому редакція не преувеличитъ если скажетъ, что

„АВРОРА“ самый полный и самый дешевый журналъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ безъ преміи и безъ перес.	5 р.,	съ перес. и дост.	6 р.
На полг. „ „ „	3 р.,	„ „	4 р.
На годъ съ преміей безъ перес.	10 р.,	съ перес. и дост.	11 р.
На полг. „ „ „	8 р.,	„ „	9 р.

(На укупорку преміи прилагается 40 коп. марками, такъ какъ альбомъ и вѣеръ требуютъ особой, болѣе тщательной укупорки, а слѣдовательно и увеличенія вѣсоваго сбора при пересылкѣ преміи почтою.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ конторѣ редакціи — *Большой Царскосельскій проспектъ, домъ № 11—2*, и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. Гг. Иногородные благоволятъ свои требованія и деньги адресовать *исключительно* въ контору редакціи. Для служащихъ, допускается разсрочка, за поручительствомъ гг. казначеевъ.

Премія выдается вся полностію: гг. городскимъ подписчикамъ при подпискѣ на журналъ; а иногороднымъ, выславшимъ деньги въ декабрѣ — премія высылается въ январѣ, выславшимъ деньги въ январѣ—въ февралѣ и т. д.

Разборка и укупорка преміи требуетъ много времени, а потому редакція проситъ лицъ, желающихъ подписаться на 1877 годъ, во избѣжаніе задержки въ высылкѣ № 1-го, а равно и преміи, присылать свои требованія заблаговременно.

Редакторъ **К. Заика.** Издательница **С. Лепковская.**

☞ О ПОДПИСКѢ НА 1877 ГОДЪ НА ☜

МОДНЫЙ СВѢТЪ,

САМЫЙ ПОЛНЫЙ И ДЕШЕВЫЙ МОДНЫЙ И СЕМЕЙНЫЙ ЖУРНАЛЪ ВЪ РОССІИ.

№№ 1 и 2 за 1877 г. выйдутъ еще въ декабрѣ 1876 г.

Съ 1-го января 1877 года „МОДНЫЙ СВѢТЪ“ начнетъ X годъ своего существованія и будетъ издаваться съ прежнею со стороны издателя заботливостью о наружныхъ и внутреннихъ его достоинствахъ.

Журналъ „МОДНЫЙ СВѢТЪ“ въ 1877 году будетъ выходить также *въ двухъ изданіяхъ*, въ количествѣ **48 нумеровъ** въ годъ, т. е. четыре нумера въ мѣсяцъ (**два модныхъ и два литературныхъ**) и будетъ заключать въ себѣ втеченіи года:

☞ Болѣе 2,000 политипажныхъ рисунковъ модъ рукодѣлій въ текстѣ.

☞ Рисунки канвовыхъ и тамбурныхъ работъ. Рисунки и выкройки бѣлья мужскаго, дамскаго и дѣтскаго.

☞ Раскрашенные рисунки канвовыхъ и друг. работъ.

☞ Болѣе 300 выкроекъ на 12 большихъ листахъ.

☞ 24 вырѣзныхъ выкройки въ натуральную величину.

☞ 24 (или 12 для I изданія) модныхъ раскрашенныхъ парижскихъ картины, исполненныхъ лучшими иностранными художниками.

☞ Новѣйшія музыкальныя пьесы (ноты) любимыхъ композиторовъ.

☞ Коллекцію рисунковъ: изъ семейной жизни, модъ стараго времени, характерныхъ костюмовъ для маскарадовъ, портреты, типы и проч.

☞ Новѣйшія и лучшія повѣсти, романы, фельетонъ, стихотворенія, анекдоты, хозяйственный отдѣлъ и разныя мелкія статьи.

Цѣна годовому изданію **„МОДНАГО СВѢТА“** на 1877 годъ:

I издан. съ 12 раскрашен. парижск. картин. и всѣми прилож. въ Спб. безъ доставки: 4 р. — к.
I издан. съ 12 раскрашен. парижск. картин. и всѣми прилож. въ Спб. съ доставкою: 5 р. 50 к.
I издан. съ 12 раскрашен. парижск. картин. и всѣми прилож. для иногородныхъ съ доставкою 6 р. — к.
II издан. съ 24 раскрашен. парижск. картин. и всѣми прилож. въ Спб. безъ доставки: 5 р. — к.
II издан. съ 24 раскрашен. парижск. картин. и всѣми прилож. въ Спб. съ доставкою: 6 р. 50 к.
II издан. съ 24 раскрашен. парижск. картин. и всѣми прилож. для иногородныхъ съ доставкою: 7 р. — к.

☞ Въ Москвѣ цѣна безъ доставки: I-му изданію 5 руб. II-му изданію 6 р. 50 коп.; съ пересылкою: I-е изданіе, 6 р., II-е изданіе—7 руб.

Издатель „Моднаго Свѣта“ **Германъ Гоппе.**

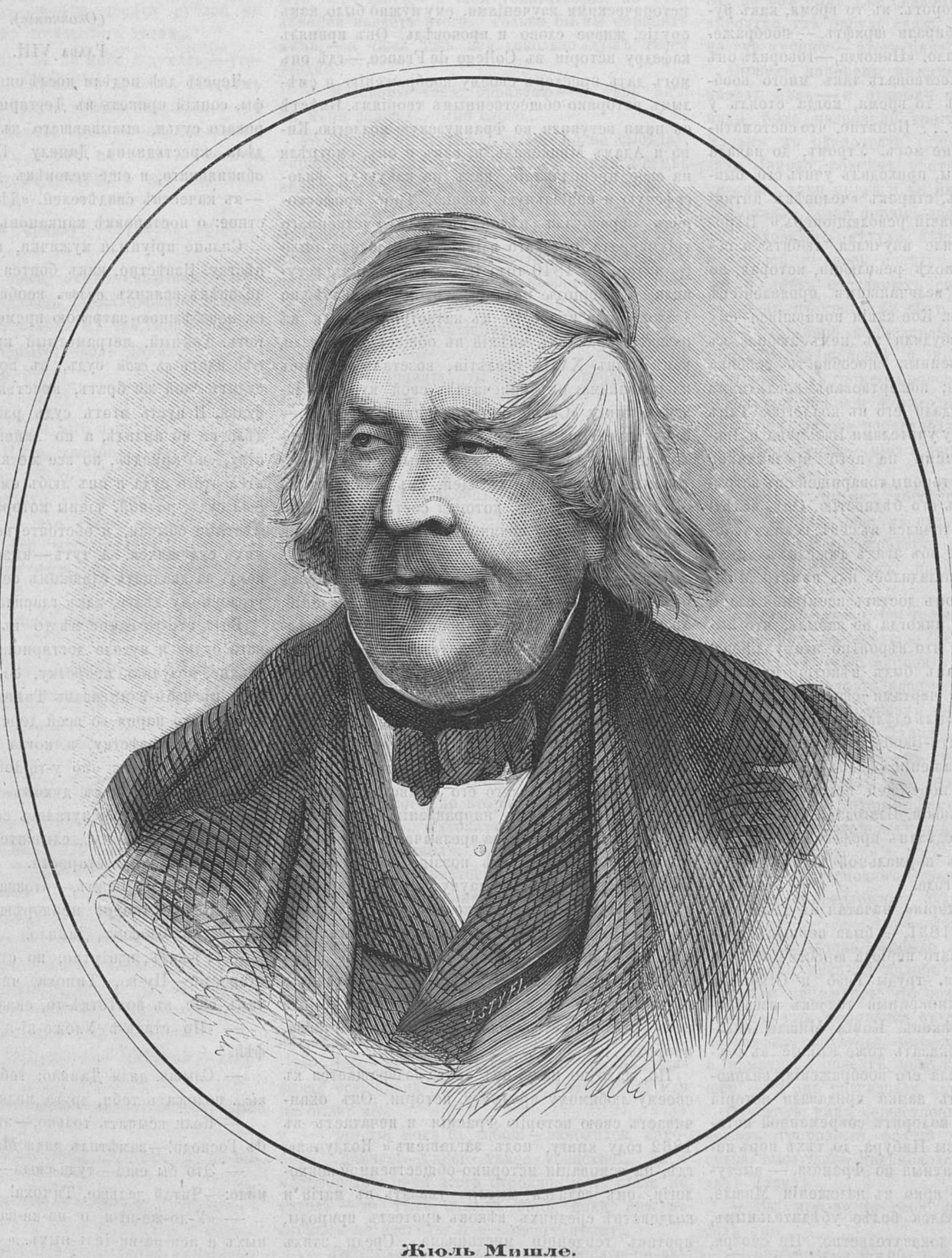
☞ Главная Контора Редакціи „МОДНАГО СВѢТА“ находится въ С.-Петербургѣ, по Большой Садовой улицѣ, домъ Коровина, № 16.

☞ Въ Москвѣ подписка принимается у книгопродавцевъ: *И. Г. Соловьева*, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Алексѣева; *А. Ланга*, на Кузнецкомъ мосту.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 18 февраля 1877 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 л., д. № 12.

Живописное Обозрѣніе

№ 9. Томъ I. На годъ съ доставкою и пересылкою 7 руб.; на полгода 4 р. 50 к. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ. 27 Февраля 1877 года. *Адресъ конторы редакціи:* С.П.-бургъ, Васильевскій островъ, 3-я линія, д. № 48. Годъ V.



Жюль Мишле.

Жюль Мишле.

Самъ Мишле разсказалъ въ предисловіи къ своей извѣстной книгѣ: «*Народъ*», — свое первое воспитаніе и неизгладимыя впечатлѣнія своихъ молодыхъ годовъ. Въ этихъ великолѣпныхъ страницахъ мы встрѣчаемъ, какъ бы въ зародышѣ, исходную точку всего его умственнаго и нравственнаго развитія. Его отецъ поселился въ Парижѣ вскорѣ послѣ террора, и основалъ тамъ типографію. 21-го августа 1798 года, въ ту смутную эпоху, которая образуетъ исходный пунктъ новѣйшей, европейской цивилизаціи,— родился Жюль-Мишле, будущій великій историкъ Франціи. Первые годы его жизни были печальны и трудны. Онъ росъ «какъ травка безъ солнца, между двухъ булыжниковъ Парижа.» Съ 1800 началась Наполеоновская реакція запрещавшая газеты и всѣми мѣрами препятствовавшая развитію печатнаго дѣла во Франціи. Бѣдность и нищета посѣтили семью Мишле, пришлось разсчитать рабочихъ; дѣдъ, отецъ, мать Мишле и онъ самъ—мальчикъ двѣнадцати лѣтъ, сдѣлались наборщиками. Этотъ трудъ, казалось бы, долженъ былъ притупить способности ребенка; но вышло наоборотъ: въ то время, какъ руки, машинально, набирали шрифтъ, -- воображеніе усиленно работало. «Никогда,—говорилъ онъ послѣ,—я не путешествовалъ такъ много воображеніемъ, какъ въ то время, когда стоялъ у кассы и набиралъ»... Понятно, что систематически онъ учиться не могъ. Утромъ, до начала типографской работы, приходилъ учить его, бывшій книгопродавецъ, старикъ «человѣкъ античныхъ нравовъ и горячій революціонеръ.» Вѣроятно отъ него Мишле научился любить и поклоняться первой эпохѣ революціи, которая, по его мнѣнію, была величайшимъ проявленіемъ французской энергіи. Кое-какія попавшіяся ему въ руки книги возбудили въ немъ любовь къ исторіи. Необыкновенныя способности ребенка поразили родителей; пожертвовавъ послѣдними средствами, они отдали его въ коллегію. Тамъ онъ встрѣтилъ между учителями Вильмена и Леклерка, дѣйствовавшими на него чрезвычайно благотворно, но со стороны товарищей онъ встрѣтилъ насмѣшки надъ его бѣдностію. Онъ, вслѣдствіе этого, сосредоточился въ себѣ, искалъ уединенія. Воспоминаніе объ этихъ тяжелыхъ дняхъ жизни никогда не изгладилось изъ памяти Мишле. Въ послѣдствіи онъ достигъ всемірной славы и состоянія, но онъ никогда не забылъ, что вышелъ изъ народа и что вѣроятно этому происхожденію онъ обязанъ былъ нѣкоторыми, наиболѣе выдающимися чертами своего характера. Въ 1821 году онъ былъ сдѣланъ учителемъ исторіи въ коллегіи Сентъ-Барбъ. Въ 1827 году онъ напечаталъ въ сокращеніи «философію исторіи» Вико̀ и «Очеркъ» новѣйшей исторіи, до сихъ поръ еще не устарѣвшій. Благодаря этимъ двумъ книгамъ, онъ былъ сдѣланъ профессоромъ исторіи и философіи въ нормальной школѣ, гдѣ и оставался до 1837 года.

Его «Римская исторія», начатая въ 1828 году и напечатанная въ 1831, — была первымъ плодомъ этого счастливаго періода юности и восторговъ. Въ это время, труды Гизо̀ и Огюстена Тьерри дали необыкновенный толчекъ изслѣдованіямъ среднихъ вѣковъ. Книга Мишле, казалось, должна была оказать тоже вліяніе въ изученіи древности. Сила его воображенія, великолѣпіе и картинность языка придавали исторіи Рима реальность и колоритъ современной исторіи. Смѣлыя гипотезы Нибура, до тѣхъ поръ неизвѣстныя и не понятныя во Франціи, — выступили необыкновенно ярко въ изложеніи Мишле. Разсказъ Мишле казался болѣе убѣдительнымъ, чѣмъ самое точное доказательство. Не смотря, однакоже, на это, книга оказала мало вліянія во Франціи; у ней оказалось много поклонниковъ, но мало послѣдователей. Самъ Мишле, увлеченный теченіемъ, оставилъ древности и погрузился въ средніе вѣка.

Въ 1833 году появился первый томъ его «Исторіи Франціи;» шестой, напечатанный въ 1843 году, оканчивался смертью Людовика XI. Эти шесть томовъ останутся, безъ всякаго сомнѣнія, лучшей частью трудовъ Мишле. Взглядъ на состояніе Франціи, которымъ начинается второй томъ, жизнь Жанны д'Аркъ, царствованіе Людовика XI могутъ считаться образцовыми произведеніями современной исторической литературы... Приблизительно въ это же время онъ напечаталъ, подъ заглавіемъ «Мемуаровъ Лютера,» цѣлый рядъ выдержекъ изъ сочиненій Лютера, которыя составляютъ чрезвычайно интересную и живую біографію великаго нѣмецкаго реформатора. Кромѣ того, онъ въ это же время написалъ «Начала Права», гдѣ доказывалъ, что древнее французское право было не собраніемъ абстрактныхъ формулъ, но живымъ выраженіемъ историческаго развитія человѣчества и націи.

Живая и чрезвычайно впечатлительная натура Мишле не удовлетворялась однакоже, сухими, историческими изученіями, ему нужно было, какъ орудіе, живое слово и проповѣдь. Онъ принялъ кафедру исторіи въ College de France,—гдѣ онъ могъ дать просторъ своему воображенію и смѣлымъ историко-общественнымъ теоріямъ. Вмѣстѣ съ нимъ вступили во Французскую коллегію, Кинэ и Адамъ Мицкевичъ, и, какъ и онъ, смотрѣли на свое преподаваніе, какъ на какую-то философскую и соціальную миссію. Трое профессоровъ образовали нѣчто въ родѣ умственнаго тріумвирата, котораго вліяніе на молодежь было громадно. Съ 1840 года іюльская монархія вступила въ періодъ реакціи, которая неизбѣжно должна была привести къ катастрофѣ, вліяя на развитіе крайнихъ мнѣній въ обществѣ. Мишле, какъ сынъ XVIII столѣтія, возсталъ противъ клерикализма; онъ напечаталъ свой курсъ «Іезуиты книгу «Священникъ, женщина и Семья»,— книгу чрезвычайно тонкаго и глубокаго психологическаго анализа... Увлеченный общимъ потокомъ революціонныхъ идей, онъ принялся за «Исторіи Революціи», которая составляетъ одно изъ важнѣйшихъ сочиненій по исторіи этой эпохи.

Послѣ революціонныхъ бурь 1848 года, послѣ разочарованій, борьбы и гражданскихъ страданій, въ немъ съ новою силой проснулся поэтъ и нѣсколько мечтательный мыслитель. Въ мертвомъ затишьѣ, которое низошло на Францію послѣ воцаренія Наполеона III, — Мишле на время оставилъ исторію, и занялся разработкой тѣхъ теорій и идей, относительно природы и нравственныхъ законовъ, которыя, такъ сказать, послужили выраженіемъ всего его нравственнаго существа. Этому новому направленію мы обязаны появленіемъ цѣлаго ряда чрезвычайно оригинальныхъ произведеній, гдѣ поэзія, такъ сказать, принималась объяснять науку: «Птица», «Море», «Гора», «Насѣкомыя»; нѣсколько позже, переходя отъ природы къ соціальнымъ основамъ жизни, онъ написалъ: «Любовь», «Женщина» и наконецъ «Наши сыновья» дали ему возможность высказать его идеи о воспитаніи, которое для него резюмируется словами: семья, отчизна, природа....

Но, мало по малу, онъ снова возвращается къ своему любимому предмету, исторіи. Онъ оканчиваетъ свою исторію Франціи и печатаетъ въ 1862 году книгу, подъ заглавіемъ « Колдунья», гдѣ, на основаніи историко-общественной психологіи, онъ задался мыслію указать въ магіи и колдовствѣ среднихъ вѣковъ протестъ природы, противъ тенденцій мистицизма. Среди этихъ занятій его застала катастрофа 1870 года.

Въ ту самую минуту, какъ Пруссія и Франція уже готовы были броситься другъ противъ друга, — онъ, кажется, былъ единственный человѣкъ, рѣшившійся протестовать противъ узко понимаемаго патріотизма; взглядъ историка и глубокое чувство справедливости заставляли его предвидѣть исходъ войны. Съ замѣчательной проницательностью онъ предсказалъ то, что случилось, въ одномъ только онъ ошибся: онъ полагалъ, что, въ данную минуту, Европа вступится за Францію, но этого не было, какъ извѣстно.

Не смотря на мрачную дѣйствительность, онъ все еще продолжалъ вѣрить и надѣяться; онъ принимался за новые труды, дѣлалъ планы будущихъ работъ, не смотря на то, силы измѣняли ему... Все болѣе и болѣе ослабѣвая, онъ умеръ въ Hyéres, около Тулона, 9 февраля 1874 года....

Какъ ученый, какъ гражданинъ и какъ поэтъ,— Мишле составляетъ гордость Франціи.

В. Ч—ко.

* * *

Капканы.

(Очеркъ изъ народнаго быта.)

Ив. Якунина.

(Окончаніе).

Глава VIII.

Черезъ двѣ недѣли послѣ описанной катастрофы, соцкій привезъ въ Дегтярново повѣстку мироваго судьи, вызывавшаго къ разбирательству дѣла крестьянина Данилу Григорьева, какъ обвиняемаго, и еще человѣкъ десять крестьянъ —въ качествѣ свидѣтелей. «Дѣло»—было извѣстное: о постановкѣ капкановъ.

Сильно пріуныли мужички, получивъ эту повѣстку. Извѣстно, какъ боится простой русскій человѣкъ всякихъ *судовъ* вообще, соединенныхъ съ неизбѣжною затратою времени и, часто, денегъ. Темный, неграмотный крестьянинъ охотнѣе идетъ *въ свой* судъ, въ волостной, гдѣ его судитъ свой же братъ, крестьянинъ—волостной судья. И пусть этотъ судъ разбираетъ, иногда, дѣло не по правдѣ, а по лицепріятію и кумовству, «по кривдѣ», но все же крстьянинъ не боится этого суда и онъ любъ ему и дорогъ, какъ *свой* судъ, родной, члены котораго знаютъ и всѣ мѣстные обычаи, и обстоятельства дѣла, и самихъ судящихся. А тутъ—вызываютъ къ мировому, за двадцать слишкомъ верстъ, да еще «по уголовному дѣлу», какъ гласила повѣстка...

Вотъ это-то самое мѣсто въ повѣсткѣ мироваго судьи и пугало дегтярновцевъ. Когда крестьяне, получивъ повѣстку, собрались у десяцкаго въ избѣ и призвавъ Тимоху, единственнаго грамотнаго парня во всей деревнѣ, заставили его читать эту повѣстку, и когда Тимоха прочелъ имъ, по складамъ: «по у-го-лов-но-му дѣ-лу»,— Данило сильно упалъ духомъ и всѣ остальные крестьяне, также, испугались серьезно.

— По уголовному!... слышите, братцы?—вздохнувъ, проговорилъ староста.

— Д-д-да, слышимъ,—отозвались крестьяне.

— Какже таперь меня рѣшатъ? — спросилъ, упавшимъ голосомъ, Данило.

— Рѣшатъ, извѣстно, по статьѣ...—отвѣчалъ староста:—Ну-ка, Тимоха, читай дальше—что̀ тамъ еще, въ повѣсткѣ-то, сказано?

— «По стать-ѣ Уложе-ні-я,»—читалъ Тимофѣй.

— Слышь, дядя Данило: тебѣ будетъ *уложеніе*... положатъ тебя, друга милаго, и всыпятъ...

— Коли всыпятъ только,—это еще, слава тебѣ Господи!—замѣтилъ дядя Максимъ.

— Это бы еще—туда-сюда—согласился и Данило:—Читай дальше, Тимоха!

— «У-ло-же-ні-я о на-ка-за-ні-яхъ у-го-лов-ныхъ и исп-ра-ви-тель-ныхъ...»

— Да; вонъ оно што!... куда мировой-то гнетъ!..

и по уголовному манеру тебя будетъ судить, и по исправительному...

— Значитъ, и всыпятъ тебѣ, — пояснилъ Данилѣ десяцкій.

— А вотъ, какъ въ острогъ рѣшатъ *на высѣдку* (т. е. сидѣть извѣстный срокъ),—ну, пропала тогда моя голова!..

— М-да; пожалуй, што и не миновать тебѣ высѣдки; потому—по уголовному тебя станутъ судить,—сказалъ староста.—А ты лучше вотъ што: къ мировому намъ идтить послѣ-завтра... ну, ты еще поспѣешь смахать въ городъ—аблаката напять. А съ аблакатомъ тебя не въ примѣтъ легче осудятъ.

— Да, это вѣрно,—согласился и дѣдушка Алексѣй:—съ аблакатомъ тебѣ не такъ боязно будетъ: онъ, братъ, оборудуетъ—оправитъ тебя.

Данило задумался. Ужъ онъ не разъ помышлялъ, еще ранѣе, до полученія повѣстки, принанять адвоката по своему дѣлу. Но дѣло въ томъ, что въ уѣздномъ городѣ, гдѣ была камера мироваго судьи, было, всего-навсего лишь два адвоката: одинъ, изъ поповичей, былъ недорогой, но безпросыпный пьяница; другой же—изъ отставныхъ чиновниковъ—менѣе десяти рублей не бралъ за защиту по уголовнымъ дѣламъ.

— Безъ аблаката ты не моги и думать,—уговаривалъ Данилу бывшій староста, Максимъ Степановичъ:—Я, братъ, видалъ ихъ, аблакатовъ то-ись: народъ бѣдовый! одно слово, шельмы!.. Мировой ему слово, а онъ на отвѣтъ—десять; мировой ему указуетъ статью, а онъ ему сейчасъ другую...

— Неужто, въ правду?—спросилъ пріободрившійся Данило.

— Выдь душа вонъ, вѣрно сказываю! Самъ видалъ; года два назадъ, лежаховскаго Митрія судили—за кражу, выходитъ... чай, помнишь?

— Ну?—полюбопытствовалъ Данило.

— И оправдалъ.

— Врешь?

— Лопни душа. При мнѣ и судили: я въ свидѣтеляхъ былъ. «Нѣтъ, говоритъ, уликъ и сознанья»,—это аблакатъ-то... А ужъ чего тутъ нѣтъ уликъ: Митюху-то, чай помните, въ амбарѣ накрыли... да, только што, убѣгъ, не поспѣли нагнать. Такъ вотъ онъ што значитъ—аблакатъ-то!... Да ужь и лихъ былъ, собака! и на законахъ—зубы съѣлъ.

— А какой это такой былъ—у Митюхи-то?—спросилъ Данило.

— Орѣховскій; барынинъ мужъ. Таперь, въ Питеръ, сказываютъ, уѣхалъ; тамъ, видно, доходнѣе.

— Ну, а мировой—што?—спросили у разсказчика.

— Мировой? ничего... супротивъ аблаката мировой ничего не можетъ подѣлать: слушаетъ все до конца. Потому -такой законъ: аблакатъ должонъ говорить, а мировой слушать. А рожа, братцы, у этого аблаката была—страсть Господня!... Самъ красный, волосы рыжіе, глаза кровью налились... страсть! На большой дорогѣ, кажись, не дай Господи такую рожу встрѣтить!.

— Я, братцы, ноньче же поѣду въ городъ, аблаката нанимать,—рѣшилъ Данило, видимо соблазненный разсказомъ дяди Максима.

— Съ Богомъ! безпримѣнно поѣзжай,—посовѣтовали ему.

— Безъ аблаката тебѣ никакъ нельзя: пропадешь совсѣмъ.

— И по уложенью тебѣ всыпятъ, и на-высѣдку приговорятъ.

— Безпремѣнно поѣду!—рѣшилъ Данило, и торопливо вышелъ изъ избы десяцкаго и направился домой—собираться немедленно въ городъ, для пріисканія подходящаго аблаката.

Вечеромъ того же дня, Данило сидѣлъ въ трактирѣ уѣзднаго города, вмѣстѣ съ желаннымъ аблакатомъ; Данило пилъ чай, а аблакатъ преимущественно налегалъ на графинчикъ съ водкой, стоявшій тутъ же на столѣ. Аблакатъ этотъ былъ очень недорогой, изъ поповичей, служившій когда-то въ уѣздномъ судѣ и оставленный за штатомъ, при упраздненіи этихъ судовъ. Ко второму представителю адвокатуры въ уѣздномъ городѣ Данило и не обращался, зная заранѣе, что менѣе «красненькой» онъ за защиту не беретъ; поповичъ же согласился защищать Данилу всего за три рубля, кромѣ угощенія. И вотъ, подсудимый и защитникъ сидѣли теперь за чайнымъ столикомъ, въ грязномъ трактирѣ, и благодушествовали.

— Ты ужъ, ваше благородіе, не подгадь!—просилъ Данило.

— Сказано: оправдаю,—и кончено дѣло! Чего еще тутъ раскомаривать-то!—говорилъ аблакатъ, немного уже захмѣлѣвшій.

— Первое дѣло, ты, сказываютъ, до вина больно охочъ... Послѣ-завтрева-то ужъ ты укрѣпись—не пей съ утра-то. А ужъ опосля суда—што Богъ дастъ,—я тебя ублаготворю; не сумлѣвайся насчетъ этого. Только бы ты оправилъ меня,—а тамъ ужъ пей, сколько душѣ твоей угодно.

— Я говорю тебѣ: оправдаю,—и вѣрь мнѣ; ты меня знаешь... одно слово...

— Пущай бы штрафъ, только не на высѣдку, упрашивалъ Данило:—потому,—я одинъ. а семья великая: мать-старуха, жена, ребетёнки, тоже...

— Ни ареста тебѣ не будетъ, ни штрафа, понимаешь! потому что ты, во-первыхъ хотѣлъ оказать пользу отечеству—уничтоженіемъ хищныхъ звѣрей, сирѣчь волковъ; а второе дѣло тебѣ разрѣшилъ міръ.

— Міръ мнѣ разрѣшилъ, это точно,—подтвердилъ Данило.

— Ну, и значитъ, ты будешь признанъ невиновнымъ и отъ суда свободнымъ.

— Дай-то Господи!

— Вотъ, увидишь. Только, смотри: угости какъ слѣдуетъ тогда.

— Ужъ будь спокоенъ: я свое дѣло справлю; и ты, гляди, не подгадь—не напейся до суда-то.

— Дуракъ ты, вотъ что!—выбранился, наконецъ, аблакатъ:—Если я и выпью немного, такъ это ничего—для куражу; въ нашемъ дѣлѣ безъ этого нельзя. Понимаешь?

— Понимаю,—отвѣчалъ ничего ровно не понимавшій Данило.

— Ну, а когда понимаешь, то и мочли. А то: «не подгадь!...» Серафимъ Неопалимокупинскій не подгадитъ, братъ, не бойсь! А ты вели-ка еще графинчикъ подать.

Данило—мужикъ прижимистый и скупой—посжился немного, но второй графинчикъ подать все-таки велѣлъ. Адвокатъ налилъ водку прямо въ стаканъ и выпилъ.

— Скажи мнѣ чистосердечно, яко отцу своему духовному—понимаешь, какъ защитнику,—приставалъ онъ, совсѣмъ уже запьянѣвшій, къ Данилѣ:—имѣлъ ты предварительное намѣреніе посягнуть на жизнь письмоводителя, или не имѣлъ?

Данило испугался такого неожиданнаго вопроса—и молчалъ.

— Чего ради не отвѣтствуешь? говори, сказывай всю правду. Были у тебя сообщники? или не были? а?...

— Что ты, Богъ съ тобой!—взмолился, наконецъ, Данило:—какое такое убивство!... Да я письмоводителя-то этого отродясь и въ глаза не видалъ,—до тѣхъ самыхъ поръ, пока онъ въ капканъ не влетѣлъ. Я и присягу приму...

— Тебѣ, какъ подсудимому, присяги не дадутъ и ни какимъ твоимъ словамъ не увѣруютъ. Понимаешь?.... А повѣрятъ только тому, что скажу я, твой защитникъ и покровитель.... чувствуешь ты это, али нѣтъ?

— Чувствую, какже....

— Ну, а когда чувствуешь, то.... закажи порцію солянки...

Бесѣда адвоката и Данилы длилась далеко за полночь, до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, въ трактирѣ стали тушить огни и попросили гостей убираться по неволѣ.

Черезъ день, наступило ожидаемое разбирательство у мирового судьи. Небольшая, но чистая и свѣтлая камера наполнилась, еще съ десяти часовъ, народомъ — тяжущимися, свидѣтелями, и пр.; посторонней публики — то-есть, празднаго люду — не было почти никого. Дегтярновскіе крестьяне всѣ были на-лицо; не было лишь одного Данилы: онъ болѣе часу ужъ бѣгалъ по городу — по всѣмъ трактирамъ и питейнымъ домамъ, — отыскивая своего защитника. Но всѣ поиски его были тщетны: защитникъ, какъ сквозь землю провалился; съ утра, правда, часовъ въ восемь, его въ городѣ видѣли очень многіе; но онъ былъ уже сильно пьянъ, — и теперь, вѣроятно, гдѣ нибудь спалъ мертвецкимъ сномъ; но гдѣ именно — этого никто не зналъ.

Вышелъ, наконецъ, въ камеру и мировой судья, надѣлъ цѣпь — и открылъ засѣданіе. Дѣло Данилы было назначено третьимъ къ слушанію. Часамъ къ одинадцати тихо вошелъ въ камеру дядя Данило, совсѣмъ убитый: своего адвоката онъ такъ-таки нигдѣ и не нашелъ.

Кончилъ судья первыя два дѣла: одно, о кражѣ годовалаго пѣтуха мѣщанкою Дарьей Терентьевой у своей сосѣдки, другое о взаимной дракѣ двухъ отставныхъ солдатъ; приступилъ, наконецъ, къ третьему дѣлу.

— Отставной канцелярскій служитель Ардаліонъ Огнепещенскій и крестьянинъ Данило Григорьевъ! — громко провозгласилъ судья.

Огнепещенскій и Данило поднялись съ своихъ мѣстъ и вошли за перегородку, къ столу.

— Свидѣтели — крестьяне такіе-то! — вновь вызвалъ судья.

Разомъ поднялись дегтярновскіе крестьяне и пошли — было, тоже, къ судьѣ.

— Уйдите въ особую комнату, — попросилъ ихъ судья. — Сторожъ! проведи ихъ въ свидѣтельскую.

Крестьянъ увели. Съ тоской посмотрѣлъ дядя Данило имъ въ слѣдъ.... Безнадежно оглянулся онъ вокругъ себя: «пропала моя голова!» подумалъ онъ.... и вдругъ повеселѣлъ сразу: на самой задней скамьѣ, положивъ голову въ ладони, сидѣлъ его защитникъ. Данило мигнулъ—было ему: «иди, дескать, сюда — къ столу поближе!» — но защитникъ сдѣлалъ ему рукою очень выразительный жестъ, который Данило объяснилъ себѣ такъ: «Не безпокойся-де: я и отсюда, все равно, могу дѣйствовать....»

— Ну-съ, господинъ Огнепещенскій, объясните дѣло, — предложилъ судья письмоводителю становаго.

Письмоводитель, прежде всего, заявилъ, что онъ, лично, никакой жалобы и претензіи по этому дѣлу не имѣетъ: что онъ, какъ лицо потерпѣвшее, уже помирился съ крестьянами; въ качествѣ же свидѣтеля, онъ, по чистой совѣсти и и памятуя о присягѣ, можетъ показать слѣдующее. — И онъ разсказалъ какъ было дѣло....

На столѣ, какъ вещественное доказательство, лежалъ громадный волчій капканъ. Мировой судья, выслушавъ письмоводителя, обратился къ дядѣ Данилѣ.

— Вы признаете себя виновнымъ? — спросилъ онъ.

— Занапрасно погибаю, ваше-скородіе! — отвѣчалъ Данило.

Мировой судья — человѣкъ уже пожилой и обладающій холерическимъ темпераментомъ — выразилъ знаки нетерпѣнія.

— Я васъ спрашиваю: признаёте-ли вы себя виновнымъ? — съ раздраженіемъ въ голосѣ, спросилъ судья.

Данило ничего не отвѣчалъ и лишь тоскливо оглянулся въ сторону своего защитника, на заднюю скамейку....

— Съ какою цѣлью вы поставили эти капканы? — снова спросилъ судья, указывая на капканъ.

— Д-д-для.... по-о-оль-зы.... от-е-е-че-ства.... — довольно громко проговорилъ кто-то изъ публики, съ задней скамьи....

— Это что значитъ? что̀ это такое?!.. — удивился судья: — кто̀ это тамъ позволяетъ себѣ говорить?...

— З-з-за-щит-ни-и-икъ... — былъ новый отвѣтъ.

Мировой судья вскочилъ съ мѣста, всмотрѣлся въ сторону говорившаго — и быстро позвонилъ. Явились два сторожа.

— Вывести вонъ господина Неопалимокупинскаго! — приказалъ судья, указывая сторожамъ на «защитника».

— Пр-р-ро-о-т-т-е-стую! — проговорилъ адвокатъ, силясь подняться съ мѣста, но, отъ опьянѣнія, не въ силахъ будучи этого сдѣлать.

Сторожа подошли къ нему и вѣжливо взяли подъ руки, подняли — повели... Защитникъ не сопротивлялся: онъ, повидимому, привыкъ уже къ подобнымъ случайностямъ, бывавшимъ съ нимъ не разъ въ этой же самой камерѣ. Только на порогѣ, онъ слегка заупрямился и, оборотясь къ судьѣ и указывая пальцемъ на дядю Данилу, громко и съ разстоновкою проговорилъ: — Подсудимый.... не ви-но-венъ!... Ж-жжду.... опр-рравдательнаго.... приговора....

Когда «защитника» совсѣмъ уже увели, разбирательство пошло своимъ порядкомъ. Изъ свидѣтельской комнаты вызваны были крестьяне — и, послѣ получасоваго разбора дѣла, мировой судья постановилъ: «крестьянина Данилу Григорьева оштрафовать пятнадцатью рублями».

— Если недовольны приговоромъ, потрудитесь заявить объ этомъ, — объяснилъ судья Данилѣ.

Данило повалился судьѣ въ ноги....

— Доволенъ, ваше — скородіе!.... Вѣчно буду Бога молить за васъ... — проговорилъ онъ радостнымъ голосомъ.

— Не надо этого, не надо! — торопливо заговорилъ судья, сконфуженный земнымъ поклономъ Данилы: — Потрудитесь лишь расписаться, — и болѣе ничего.

А Данило уже доставалъ мошну изъ-за пазухи и вынималъ оттуда деньги....

— Я, батюшка-баринъ, неграмотенъ, — отвѣчалъ онъ.

— Ну, попросите кого-нибуть за себя расписаться, — предложилъ судья Данилѣ.

— Промежъ насъ, ваше-скородіе, никто не гораздъ на это, — отвѣчалъ староста, Иванъ Александрычъ.

Судья вызвалъ кого-то изъ публики — и тотъ росписался.

— Свидѣтели! вы желаете получить вознагражденіе за потраченное время? — спросилъ судья у дегтярновцевъ.

— И-и-и, батюшка! на што намъ!.. Его и такъ Господь наказалъ... Мы съ его не желаемъ ничего, — дружно отвѣчали крестьяне.

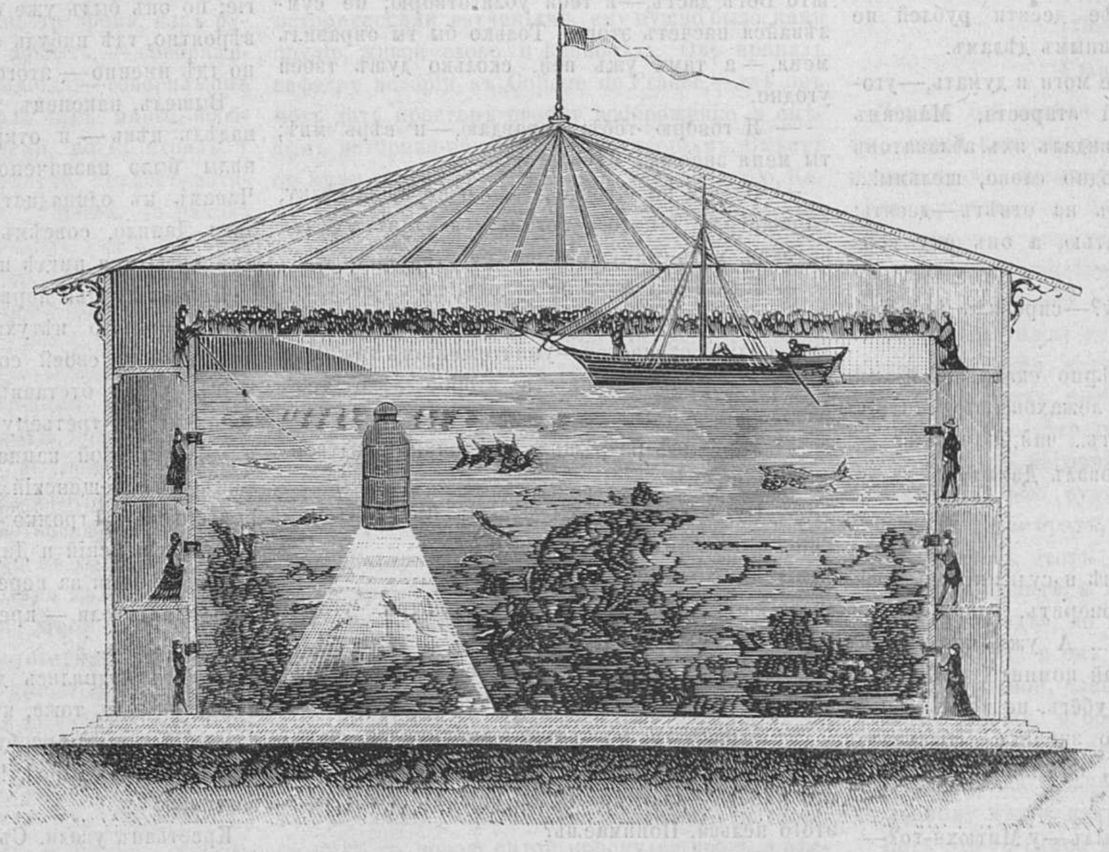
— Можете, въ такомъ случаѣ, всѣ идти домой, — объявилъ ммъ судья.

Крестьяне набожно перекрестились, поклонились судьѣ — и вышли.

На улицѣ къ нимъ подошелъ письмоводитель.

— Надо бы съ васъ еще, хоть по гривеннику, на излеченье, — попросилъ онъ.

— Будетъ съ тебя и того, што взялъ: по полтинѣ съ души содралъ, и все тебѣ мало!... Эхъ, господинъ, господинъ!... жалости въ тебѣ нѣтъ никакой!. — отвѣчалъ письмоводителю дѣдушка Алексѣй, много уже видавшій на своемъ долгомъ вѣку этого «приказнаго отродья» и много горя, когда-то, натерпѣйшійся отъ нихъ.



Колоссальный акварій.

Письмоводитель выбранился — и отошелъ прочь....

— Слава тебѣ, Господи! — крестился Данило: — и *уложенья* не было, и на-высѣдку не рѣшили.... А штрафъ этотъ — точно, жаль.... вѣдь пятнадцать рубликовъ надоть добыть, — заработать хребтомъ... а все же легче, чѣмъ въ острогъ идти: — на весь вѣкъ покоръ!...

— Это ты вѣрно сказываешь: вѣдь острогъ-то — ой, ой!... Много онъ нашего брата губитъ ни за̀ што! — отвѣчалъ староста.

— Д-д-да, это точно, — подтвердилъ дядя Ларіонъ: — А ты, Данило, все-таки по рюмочкѣ поднеси намъ; вѣдь цѣлый день изъ-за тебя стерли!

— По рюмочкѣ — можно, — согласился Данило, — и пригласилъ мірянъ въ ближайшій кабакъ, помѣщавшійся какъ разъ противу камеры мирового судьи.

* * *

Доброволецъ.

(Разсказъ изъ народнаго быта.)

(Б. Л. Я—вина.)

(*Продолженіе*).

Бабушка, — вдругъ поднялась она и устремила умоляющій взоръ на старуху, — ничего не пожалѣю, сама въ услуженіе къ тебѣ пойду, только выручи отъ злой напасти, прогони горе лютое! — Марья, рыдая, повалилась въ ноги Дороничнѣ.

— Что ты, голубка, что ты, встань, — говорила, подымая молодую женщину, старуха, причемъ на ея скаредномъ лицѣ мелькнуло и тотчасъ же пропало какое-то сатанинское, радостное выраженіе — зачѣмъ себя убивать не въ мѣру: вѣдь твой Семенъ не ушелъ еще подъ вѣнецъ — значитъ дѣло поправить можно, а ужь если Доронична поправлять возмется, то и ворогъ никакой ничего не подѣлаетъ, только слушай, что она скажетъ; а пока вотъ что скажи-ка мнѣ: давно ты не видалась съ нимъ?

— Съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ онъ, голубчикъ, въ извозъ; напослѣдокъ только потихоньку забѣжалъ попрощаться, — утирая передникомъ слезы, отвѣтила Марья.

— Ну, такъ вотъ о святкахъ ты сповидайся-ка съ нимъ, да и скажи, что, молъ, такъ и такъ, Сеня, дѣло плохо; безъ тебя, молъ, замѣтила и тово... понимаешь? — и старуха значительно указала пониже груди. — Семенъ паренъ...

— Да, бабушка, я и безъ того ужь замѣтила, — краснѣя прошептала вдова и снова еще пуще залилась слезами.

— Что? Аль ужь и вправду есть, — изумилась Доронична, — ну, молодцы ребята, — поторопились; нечего молвить!

— Да ты не плачь, глупая; что ты ревѣть-то вздумала; еще сосѣди услышатъ! Теперь, коли такъ, твое дѣло въ шапкѣ; — молись лучше Богу, да налей бабкѣ еще махонькую. Эхъ, ты, глупая, право, глупая, — качала она сѣдой головой, когда Марья, все еще не переставая плакать, наливала ей въ рюмку очищенной.

На минуту въ горенкѣ воцарилось молчаніе. Колдунья неподвижно сидѣла на скамьѣ — и упорно, какъ будто что-то раздумывая, смотрѣла въ полъ. Вдова уныло опустила голову на грудь и по временамъ тяжело вздыхала: печальныя мысли разомъ овладѣли несчастною и затуманили молодое, красивое лицо. Вотъ, сѣрый Васька потянулся на горячей лежанкѣ, мурлыкнулъ съ просонья, стряхнулся и весело бѣжитъ къ своей доброй и ласковой хозяйкѣ; ластится и вьется онъ около нея, тщетно стараясь обратить на себя вниманіе. До него ли теперь бѣдной, когда лихая бѣда непрошенной гостьей снова стучитъ подъ окномъ, снова готова нагрянуть въ ея одинокое, вдовье жилище? До его ли ласкъ, когда сердцу грозитъ явная опасность лишиться вѣрнаго друга и навсегда потерять надежду на счастье. Нѣтъ; одна мысль, только одна занимаетъ теперь ее; ужели, — думаетъ она, — суждено мнѣ и тутъ обмануться, ужели милый измѣнитъ ей и пойдетъ подъ вѣнецъ съ другой, и теперь-то, когда она вся отдалась ему, когда ужъ носитъ подъ сердцемъ залогъ взаимной любви! Быть не можетъ этого; не подѣлаютъ тутъ ничего ни злые люди, ни даже сама судьба-лиходѣйка—довольно она надсмѣялась надъ ней, теперь за нее заступится бабушка Дороничва: она вѣдь колдунья!

— Хе, хе, хе,—какъ бы въ отвѣтъ на эти размышленія, слышится отрывистый, точно кашель, смѣхъ,—что-то скажетъ теперь этотъ дьяволъ, когда узнаетъ, что сынокъ его насупротивъ его отцовской воли пошелъ, съ молодой бабой спознался! Ну, Лукичъ, ужъ угостить же тебя «вѣдьма Дороничва», будешь ты ее долго помнить! О-охъ, ужъ согну я тебя, старый лѣшій, въ бараній рогъ, отплачу за себя—тогда ты узнаешь, каково было меня обижать,—буквально захлебываясь отъ злости, заочно угрожала Лукичу старуха. Нижняя челюсть ея теперь не ходила ровно и мѣрно какъ всегда а скорѣе, прыгала.

— А ты, Маша, не робѣй теперь,—продолжала она;—придетъ пора, я научу тебя, какъ надо уладить дѣло, только поскорѣе увидайся съ дружкомъ, да все ему и разскажи—что, молъ, и бабка Дороничва за насъ, а я той порой стараго-то пса такъ обморочу, что онъ и себя потомъ не узнаетъ!

— Охъ, грѣхи мои тяжкіе, засидѣлась я больно: никакъ ужь вторые пѣтухи пропѣли, поднялась она со скамьи.

— Вотъ, бабушка, у меня есть лишній платокъ да ватная душегрѣйка—возьми ихъ себѣ; все старымъ костямъ потеплѣе будетъ! Завтра же, я пришлю тебѣ съ Таней къ празднику разговѣться, а если деньженки нужны: скажи-раздобудусь..

— Ну, деньженки-то ладно и послѣ, какъ дѣло уладимъ,—отвѣчала Дороничва,—а вотъ платокъ да душегрѣечка и вправду годятся старой, душеньку иногда отогрѣть! Смотри же, помни, что я наказывала тебѣ, да не кручинься много.

Глава IV.

Прошла недѣля. Наступили первые праздничные дни съ обычнымъ столованьемъ, угощеніями и неизбѣжнымъ пьянствомъ. На улицѣ села, то и дѣло, пестрѣли толпы празднаго народа, слышались тамъ и сямъ писклявые звуки гармоники, да разухабистая пѣсня деревенскаго гуляки. Въ каждой избѣ, буквально, шелъ пиръ горой; гости, и дальніе и сосѣдніе, поминутно входили и выходили въ ихъ открытыя, настежь, двери, безъ зова и знакомства, посѣщая поочередно каждаго домохозяина; всѣмъ былъ вездѣ одинаковый почетъ и одинаково радушный пріемъ. Таковъ ужь повсемѣстный, издавна заведенный, обычай, характеризующій наши деревенскіе праздники; праздновать, такъ праздновать, говоритъ русскій мужичекъ-хлѣбосолъ,—чтобы небу жарко стало, чтобы всѣмъ—и своимъ и чужимъ, и знакомымъ, и не знакомымъ,—любо, да довольно было! И чѣмъ только не угощали они своихъ гостей: водки и пива хоть опейся; на длинныхъ столахъ цѣлыя туши свинины и баранины, кучи всевозможныхъ пироговъ и короваевъ, до десяти и болѣе перемѣнъ горячихъ блюдъ и въ концѣ всего—любимое и неизбѣжное, при всевозможныхъ случаяхъ, чисто русское кушанье—овсяный кисель. За то ужъ никто и никогда, разъ побывавши на сельскомъ праздникѣ, не осмѣливался усумниться въ хлѣбосольствѣ и радушіи русскаго мужичка; эта черта такъ и остается его отличительною чертою.

Въ домѣ Лукича справляли праздникъ не хуже другихъ. Передняя горница, также какъ и въ другихъ избахъ, была полна народа; за огромнымъ дубовымъ столомъ, сплошь уставленнымъ явствами, сидѣло человѣкъ пятнадцать или двадцать гостей, да столько же стояло и сидѣло въ сторонѣ, ожидая очереди. Лукичъ въ праздничномъ кафтанѣ, съ бутылью въ рукахъ, стоялъ у стола и усердно угощалъ гостей виномъ; хозяйка и невѣстка суетились тутъ же, поминутно подбавляя, къ стоявшимъ на столѣ, новыя блюда. Слышались поздравленія и всевозможныя пожеланія хозяевамъ.

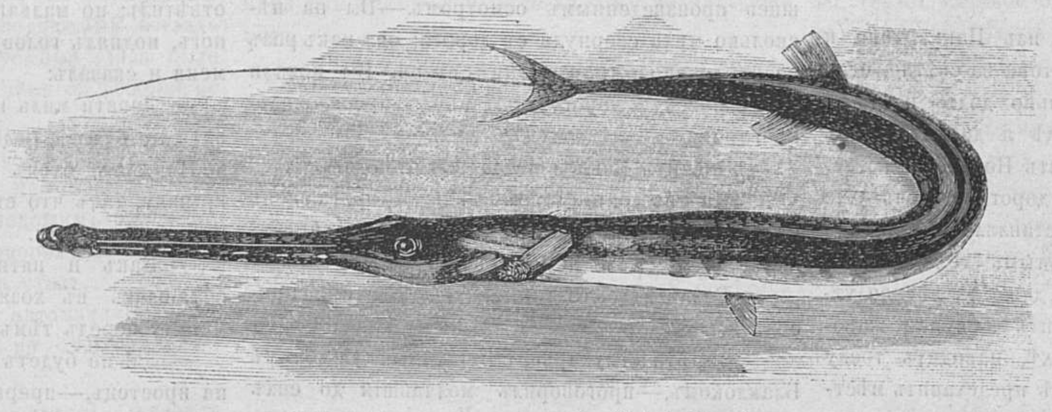
— А ну-ка, Илья Лукичъ, что ты тамъ стоишь, да только подчуешь, чокнемся-ка, братъ,—проговорилъ сельскій староста, сѣдой старикъ, возсѣдавшій въ большомъ углу подъ иконами.

— Изволь, Иванъ Ѳедорычъ, съ нашимъ удовольствіемъ чокнемся,—принялъ предложеніе хозяинъ, наливая изъ бутыли водки—только пить ужъ я не стану: мое дѣло хозяйское,—нельзя, надо дѣло свое править...

— Да я отъ дѣла тебя и не отрываю,—возразилъ старикъ,—мы только выпьемъ, а дѣло свое, вѣстимо, хозяину знать надо:

— А какъ позабудешь?—пошутилъ Лукичъ.

— Зачѣмъ забывать,—мы напомнимъ: безъ браги сидѣть не станемъ-не таковскіе,—въ тотъ же тонъ настаивалъ староста,—а только стыдненько тебѣ обижать пріятеля, Лукичъ; безъ тебя и я пить не стану, а смерть хотѣлось бы,—притворно обидѣвшись прибавилъ онъ, ставя рюмку на столъ.



Трубковидна рыба (fistularidae.)

— Такъ выпьемъ, чтоль?

— Да ужъ коли такъ, Иванъ Ѳедорычъ,—что дѣлать: я всякому гостю оказываю почетъ и уваженіе, а тебѣ и подавно кажись, и отцы наши хлѣбъ-соль межъ собой водили,—согласился хозяинъ и звонко чокнулся съ гостемъ.

— Ну, вотъ это дѣло,—подтвердилъ тотъ и, смѣясь, добавилъ: а я ужъ подумалъ, что ты и шапками врозь хочешь? Такъ на доброе здоровье, пріятель и опять,—по рукамъ, значитъ?!...

— Извѣстно дѣло по рукамъ,—тихо повторилъ Лукичъ, выпивая водку.

— Что это,—аль не лошадку ли продаешь, староста, Лукичу то?—спросилъ рядомъ сидѣвшій съ нимъ, гость.

— Да, лошадку,—ухмыльнулся тотъ,—знаешь, кобылку-то мою: важная вѣдь животина, какъ ты скажешь?

— А какой она шерсти-то,—вороная, чтоль?

— Нѣтъ, вороной-то она, кажись, отродясь не бывала, а все больше пѣгая, да саврасая, ну, а по праздникамъ и гнѣдая бываетъ.

— За много,—допытывалъ недогадливый.

— Какъ тебѣ сказать? Самъ ничего не беру, а еще хомутовъ да сбруи въ придачу цѣлый возъ даю, да и деньженокъ малость.

Гость изумленно вытаращилъ на говорившаго глаза.

— Слушай ты его, такъ онъ тебѣ всякой всячины наговоритъ,—сказалъ Лукичъ:—не смотри, что старъ—балагуръ извѣстный!

— Э-ге-ге, теперь смѣкаю немного,—догадался наконецъ гость,—а спервоначалу я и вправду подумалъ, что онъ лошадь тебѣ продаетъ. Ишь, старина, прямо не говоритъ, а все притчами; поди, догадайся!

— А это для того, дружокъ, чтобы ты догадался про себя, да до поры до времени помалкивалъ,—пояснилъ староста;—а если хочешь и Лукичъ не прочь,—на дняхъ пріѣзжай и лошадь торговать—литки пить будемъ...

— Что до перваго, то я и самъ эти дѣла туго знаю,—отвѣтилъ гость,—и во второмъ дѣлѣ не разъ бывалъ,—тоже не отказываюсь, потому, всегда мое уваженіе и тебѣ, Иванъ Ѳедорычъ, и хозяину. Значитъ, выпить надо, Илья Лукичъ!

— Безпремѣнно,—отозвался тотъ, снова наполняя рюмки,—теперь ужъ я и самъ съ вами выпью!

— Ну, дай Богъ, дай Богъ, всего вамъ хорошаго,—чокаясь говорилъ будущій сватъ *), только мнѣ кажется, Илья Лукичъ, тебѣ бы давненько не мѣшало объ этомъ подумать—авось дѣла-то шли бы тогда получше, а то, смотри-ка ты, какого онъ убытку надѣлалъ!...

— Да вѣдь мы и все такъ: какъ ударитъ громъ, тогда только и перекрестимся, а раньше думаемъ—авось пройдетъ, да минуетъ—отвѣтилъ за хозяина староста.—Ну, вотъ, глядишь, авось-то въ сто рублей и обошлось!

— Нѣтъ, считай побольше, Иванъ Ѳедорычъ, за лошадь-то я заплатилъ восемьдесятъ, да не работалъ на ней—все овсомъ откармливалъ: худа тѣломъ больно была; тулупъ совсѣмъ новый объ Успенской ярмаркѣ восемнадцать заплоченъ, да шапка, рукавицы и сорокъ рублей денегъ,—вотъ сколько мнѣ въ шею-то,—поправилъ Лукичъ.

— Ну, за то, впередъ умнѣе будешь!

— Да что умнѣе,—вотъ хоть и теперь будетъ послѣ праздниковъ: кого я въ извозъ-то пущу—Якова нельзя, безъ него дома все дѣло станетъ, значитъ—опять его же, или совсѣмъ извозомъ попускайся, а и то-нельзя: этимъ живемъ! Одно: кабы Богъ далъ—остепенился.

— Баба будетъ,—понятно, остепенится!

— Я и самъ такъ думаю, да гадаю; нѣштò, кабы Богъ смиловался, а то просто разоренье, а не парень!...—Лукичъ остановился на этихъ словахъ и оглянулся на скрипъ отворяемой двери.

— А, Степану Ивановичу,—подошелъ онъ къ вновь пришедшему средняго роста крестьянину,—милости просимъ не брезговать нашимъ хлѣбомъ-солью. Садись, сватушка, угощать буду какъ гостя желаннаго. Признаться, я вѣдь и ожидалъ тебя...

Мужикъ пожалъ руку Лукича, поздравилъ съ праздникомъ, поклонился хозяйкѣ, потомъ на всѣ четыре стороны, и степенно сѣлъ на указанное мѣсто.

— А что, развѣ безъ меня какое дѣло клиномъ стало?—весело отозвался онъ на послѣднее замѣчаніе хозяина.

— Не то, чтобы ужь клиномъ, а поговорить кое о чемъ найдется, когда гости всѣ разойдутся,—отвѣтилъ тотъ, и снова усердно принялся исполнять свои хозяйскія обязанности.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

---

*) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ существуетъ обычай посылать къ невѣстѣ съ предложеніемъ не свахъ, а сватовъ.

Необыкновенная постель.

(Съ англ. М. Е.)

Это было, если не ошибаюсь, въ 1823 г., въ холодный декабрьскій вечеръ; я, Джонъ Ньюстедъ, странствующій приказчикъ отъ оптовой суконной фирмы братьевъ Марріэтъ, въ Манчестерѣ, ѣхалъ верхомъ на своей покойной лошади, Полли, по дикой, безплодной Сефтонской степи, лежащей между городами Паккертонъ и Сефтонъ-на-Уольдѣ, въ графствѣ Іоркширѣ.

Въ то время, когда не существовало еще желѣзныхъ дорогъ, и странствующіе разносщики должны были переѣзжать изъ города въ городъ верхомъ или на одноколкѣ, жизнь коробейника представляла много романическаго; со мною случалось множество приключеній во время моихъ странствованій по сѣвернымъ графствамъ, уединеннымъ проселочнымъ дорогамъ, дикимъ горамъ и безплодным степямъ, подобно настоящему пути.

Цѣль моего путешествія состояла въ полученіи денегъ по счетамъ для моихъ хозяевъ гг. Марріэтъ, въ Паккертонѣ; въ боковомъ карманѣ моего кафтана лежалъ туго-набитый кожаный бумажникъ; въ немъ находилось около двухъ сотъ фунтовъ стерлинговъ золотомъ и билетами; я долженъ былъ ихъ внести на слѣдующій день въ Сефтонскій банкъ. Тюкъ съ товаромъ и чемоданъ съ своими вещами былъ привязанъ сзади къ сѣдлу, а въ чушкѣ лежали два пистолета, необходимые спутники одинокого путешественника въ то время.

Я выѣхалъ рано утромъ изъ Паккертона и непремѣнно достигъ бы Сефтона за-свѣтло, если бы меня не задержали довольно долго на дорогѣ въ небольшой кузницѣ, гдѣ я долженъ былъ остановиться, чтобы подковать Полли. Мнѣ оставалось еще болѣе половины дороги, а ночь уже приближалась и мнѣ представлялась пріятная перспектива быть застигнутымъ темнотою въ въ степи. Сефтонская степь, даже въ лѣтнее утро, когда солнце ярко свѣтитъ и пѣсни жаворонковъ раздаются въ воздухѣ, наводитъ тоску на пріѣзжаго; но трудно себѣ представить мѣстность, болѣе унылую, чѣмъ эта степь зимою; посмотрѣвши вокругъ себя, я почувствовалъ, какъ душа моя уходитъ въ пятки.

Вечеръ былъ очень холодный и темный; все небо заволоклось снѣжными тучами; туманъ поднимался и, наконецъ, началъ идти, къ моему отчаянію, снѣгъ; онъ шелъ все сильнѣе и падалъ большими хлопьями; мнѣ казалось, что по мѣрѣ того, какъ я подвигаюсь, постоянно спускалась вокругъ меня бѣлая завѣса. Я часто днемъ проѣзжалъ по этой степи, но это мнѣ ни къ чему не пригодилось въ настоящемъ случаѣ, потому что я и въ нѣсколькихъ шагахъ ничего не могъ различать.

Проѣхавши нѣсколько миль, я увидѣлъ, что сбился съ дороги и ѣду по одному изъ многочисленныхъ, перерѣзывающихъ степь, проселковъ. Я тогда только вспомнилъ, что дорога, по которой мнѣ прежде приходилось ѣздить, шла въ гору; теперь же я спускался и до моего слуха доходилъ издали шумъ быстро падающаго потока.

На каждомъ шагу попадались ямы и рытвины, и лошадь моя постоянно спотыкалась; я натянулъ поводья, намѣреваясь слѣзть съ нее, но вдругъ она упала; мое паденіе было легкое; я очутился въ вязкомъ болотѣ; хуже всего было однакоже то, что это неожиданное паденіе спутало всѣ мои понятія о мѣстности, такъ что я, выкарабкавшись кое-какъ изъ этого болота, никакимъ образомъ не могъ сообразить, откуда я ѣхалъ.

Я стоялъ въ недоумѣніи, держа поводья въ рукахъ, усиливаясь разглядѣть предметы сквозь «бѣлый», окружавшій меня, мракъ, прислушиваясь къ шуму горнаго потока, какъ вдругъ я услышалъ вдали лай собаки. Я крикнулъ, но такъ какъ на мой зовъ не послѣдовало отвѣта, я рѣшился идти по направленію лая, въ надеждѣ добраться до какого нибудь жилья. Съ полчаса подвигались мы впередъ по перекрестку, какъ вдругъ сквозь снѣгъ я увидѣлъ слабо мерцающій огонекъ; приблизившись я могъ замѣтить, что онъ выходилъ длинной узкой полосой чрезъ отверстіе закрытыхъ ставень нижняго окна на дорогѣ стоящаго дома. Съ трудомъ добравшись до главной двери, я постучалъ въ нее рукояткой моего хлыста. Послышались изнутри скорые шаги, стукъ отодвигавшихся стульевъ по каменному полу и наконецъ мужской голосъ спросилъ: «Кто тамъ?»

— Сбившійся съ дороги путешественникъ. Отворите дверь?

Послышался стукъ отодвигавшихся запоровъ, затѣмъ дверь отворилась, освѣтивши снѣгъ краснымъ отливомъ; на порогѣ показались двое мущинъ, темные силуэты которыхъ отразились на свѣтломъ фонѣ.

— Далеко-ли отсюда до Сефтона-на-Уольдѣ? —спросилъ я.

Оба съ любопытствомъ посмотрѣли на меня, а меньшій изъ двухъ, державшій въ рукахъ фонарь, поднялъ его въ уровень съ моимъ лицомъ, причемъ самъ остался въ тѣни.

— До Сефтона-на-Уольдѣ? — повторилъ онъ наконецъ, опустивши фонарь, какъ бы успокоившись произведеннымъ осмотромъ.—Вы на нѣсколько миль свернули съ дороги; онъ какъ разъ на противоположномъ концѣ степи. Вы попали на Беклевскую дорогу, кратчайшую проселочную къ городу.

— Значитъ Беклей не далеко отсюда?

— На разстояніи девяти миль; да дорога очень плоха. Не переночуете-ли вы у насъ?—прибавилъ онъ, немного помолчавши.

— Развѣ здѣсь гостинница?—удивленно спросилъ я.

— Да, это «Глухарь», содержимый Симономъ Блаклокомъ,—проговорилъ молчавшій до сихъ поръ человѣкъ.

— Это, собственно говоря, не гостинница,— пояснилъ другой, оказавшійся хозяиномъ;—это скорѣе постоялый дворъ на полу-пути. У насъ вы хорошенько отдохнете, а лошадь можно будетъ поставить въ сухой сарай. Передайте ее моему сыну, онъ ее отведетъ.

Я колебался. Имѣя при себѣ такую сумму денегъ, я, понятное дѣло, не охотно бы остановился на незнакомомъ постояломъ дворѣ; но я такъ промерзъ и усталъ, путь былъ еще такъ длиненъ, а огонь въ печкѣ такъ привѣтливо горѣлъ, что я наконецъ рѣшился здѣсь переночевать.

— Я самъ отведу лошадь въ сарай,—сказалъ я;—проведите меня только.

— Сынъ мой проводитъ васъ,—отвѣчалъ поспѣшно хозяинъ.—Нѣтъ, не ты, Ребенъ. Симъ, Симъ, поди сюда!

На этотъ зовъ вышелъ изъ дому мальчикъ, взялъ фонарь изъ рукъ отца, провелъ меня чрезъ ворота, на лѣво отъ входа, въ боковой дворъ, къ покрытому соломой небольшому, по сухому и уютному сараю, занятому коровой и осломъ, которыхъ безъ всякихъ церемоній вывели, чтобы очистить мѣсто для Полли. Задавши ей корму, я взвалилъ на плечи тюкъ, вынулъ изъ чушки пистолеты, вложилъ ихъ въ карманъ и послѣдовалъ обратно въ домъ.

Главная дверь отворялась прямо въ большую низкую кухню съ неровнымъ каменнымъ поломъ и большимъ очагомъ, въ которомъ былъ разведенъ сильный огонь; надъ очагомъ висѣлъ котелокъ, распространявшій весьма аппетитный запахъ. Комната болѣе ничѣмъ не была освѣщена, а огонь изъ очага бросалъ дрожащій свѣтъ, оставляя въ темнотѣ дальніе углы, чрезъ что комната казалась больше, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ. Ставъ передъ очагомъ, я началъ растегивать окоченѣвшими отъ холода пальцами верхнее платье, и принялся разглядывать хозяина и его старшаго сына въ то время, какъ они задвигали засовы и запирали на замокъ главную дверь. Оба были высокаго роста, крѣпкаго сложенія съ широкою грудью, длинными руками. Отецъ былъ ниже ростомъ, ему можно было дать лѣтъ 45, но выглядѣлъ онъ моложе, благодаря тому, что его волосы, брови, рѣсницы и кожа были одинаковаго желтаго цвѣта, а глаза были блѣдно-голубые Онъ былъ чрезвычайно любезенъ, и привѣтливая улыбка не сходила съ его тонкихъ губъ. Сыну можно было дать 21 годъ; онъ былъ угрюмъ, говорилъ грубымъ голосомъ, имѣлъ отцовскіе желтые волосы и свѣтло-голубые глаза, но безъ его улыбки.

Пока я ихъ разглядывалъ, они кончили засовывать и запирать дверь; хозяинъ подошелъ ко мнѣ, помогъ мнѣ снять пальто и, взявши его у меня изъ рукъ, заставилъ меньшаго сына стащить съ меня сапоги, а самъ приподнялъ крышку котелка, чтобы присмотрѣть за изготовляемымъ ужиномъ.

— Это не совсѣмъ удобное мѣсто для постоялаго двора,—замѣтилъ я, садясь и протягивая ногу мальчику;—онъ стоитъ посреди степи и въ девяти миляхъ отъ ближайшаго города.

Хозяинъ, возившійся у котелка, ничего не отвѣтилъ; но мальчикъ, стаскивая съ ноги сапогъ, поднялъ голову, удивленно посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— Девяти миль не будетъ до Берклей; даже пяти не будетъ, если...

Но тутъ отецъ вдругъ уронилъ желѣзную крышку, такъ что стукъ этотъ заглушилъ остальную часть фразы.

— Какъ и пяти не будетъ!?—повторилъ я, обращаясь въ хозяину.—Вы мнѣ говорили за минуту передъ тѣмъ...

— Да! не будетъ пяти миль, если вы пойдете на простецъ,—прервалъ онъ меня;—вотъ что хотѣлъ сказать Симъ, но если идти дорогой, то, по крайней мѣрѣ, будетъ цѣлыми четырьмя милями больше. Дорога проложена по извилинамъ потока. Зимою мало кто по ней ходитъ, но лѣтомъ фермеры и крестьяне преимущественно отправляются по ней на рынокъ. Ужинъ готовъ,—прибавилъ онъ, снимая съ огня горшокъ, распространившій аппетитный запахъ;—смѣю думать, сударь, что вы не откажетесь отъ ужина.

Поспѣшность, съ какою онъ перемѣнилъ разговоръ, поддержала мое подозрѣніе, что мой любезный и привѣтливый хозяинъ съ умысломъ накинулъ нѣсколько миль для того, чтобы удержать меня на ночь въ «Глухарѣ»; я готовъ былъ великодушно простить его хитрость, лишь бы приготовленный ужинъ былъ хотя на половину такъ вкусенъ, какъ обѣщалъ по запаху.

— Что это такое?—спросилъ я, заглядывая въ котелокъ.

— Это тушеное мясо изъ кролика, говядина, лукъ и картофель,—отвѣчалъ онъ, присмакивая и масляно улыбаясь;—это царскій ужинъ! Гдѣ же, Джоси? Зажигай свѣчи и накрывай на столъ; позовите же ее; ее никогда нѣтъ, когда нужно. Джоси!

На этотъ зовъ вышла изъ темнаго угла высокая, стройная 18-лѣтняя дѣвушка въ грубой сермяжной юбкѣ и короткомъ бѣломъ ночномъ платьѣ: съ дикими темными глазами и блѣдно-мертвеннымъ лицомъ; густые черные волосы, приподнятые вверхъ до висковъ и небрежно лежащіе на ея шеѣ, придавали ея лицу еще бóльшую блѣдность. Она съ перваго взгляда поразила меня не своею необыкновенною блѣдностію, по страннымъ выраженіемъ ея лица; оно показалось мнѣ застывшимъ, какъ будто оно замерло отъ страха, парализующаго всякое проявленіе мысли и уничтожающаго на ея лицѣ признаки жизни. Она двигалась точно автоматъ и глаза ея упорно глядѣли въ одну точку. Не смотря на то, что она была одѣта чрезвычайно бѣдно, наружный видъ ея имѣлъ какую-то необъяснимую прелесть; черты ея лица были неправильны, но тонки. Разстрепанные волосы были очень густы и волнисты; ея темные глаза были бы великолѣпны, если бы не ихъ странный, неподвижный взглядъ.

— Что съ ней? она, вѣрно, больна?—спросилъ я вполголоса.

Хозяинъ надулся.

— Она была больна, но теперь ей лучше; что касается физической боли, то все прошло, но тутъ чего-то недостаетъ, понимаете?—приэтомъ онъ значительно ударилъ себя по лбу,—у ней проявляется много странностей.

— Она ваша родственница?

— Нѣтъ, сударь; она подкидышъ; я взялъ ее изъ пріюта для того, чтобы она ходила за моей больной матерью. Но придется ее отправить обратно, потому что она съ каждымъ днемъ все больше чудитъ.

— Бѣдняжка!—невольно вырвалось у меня и я съ состраданіемъ глядѣлъ на нее.

Дѣвушка, не открывавшая до того времени глазъ, вдругъ подняла ихъ на меня. Что это былъ за странный взглядъ! мнѣ отъ него сдѣлалось жутко; это не былъ неподвижный взглядъ idіотки. Эти великолѣпные темные глаза были такъ выразительны, но я, не зная ея исторіи, не могъ ихъ понять.

— Чего остановилась, какъ вкопанная; лунатикъ-idіотка!—обратился къ ней хозяинъ грубымъ голосомъ совсѣмъ не похожимъ на медоточивый тонъ, какимъ онъ говорилъ со мною.—Зажигай свѣчи и накрывай на столъ.

Она повиновалась молча и автоматично. Я не могъ отвлечь глазъ отъ нее, но она болѣе ни разу не взглянула на меня.

— Ужинъ совсѣмъ готовъ, сударь,—сказалъ улыбаясь хозяинъ, потирая руки,—что вы хотите пить? у меня есть хорошій эль; а можетъ быть вы предпочитаете стаканъ горячаго...

Къ ужину подайте мнѣ элю, а передъ сномъ я выпью стаканъ водки, разбавленной водою,—отвѣчалъ я, садясь къ столу.

Эль былъ немного слабъ, но не дуренъ; духовая говядина была превкусная; я отлично поужиналъ; затѣмъ усѣлся передъ очагомъ въ покойномъ креслѣ, протянулъ ноги и чувствовалъ себя въ самомъ хорошемъ расположеніи духа, благосклонно относился ко всѣмъ и даже къ внимательному хозяину, который сѣлъ напротивъ меня и занималъ меня всевозможными разсказами о своей степи; сынъ между тѣмъ прибиралъ со стола, стуча стаканами и бутылками. Кипятокъ и графинъ съ водкою стояли возлѣ меня на маленькомъ кругломъ столѣ. Я налилъ себѣ въ стаканъ, размѣшалъ и по глоткамъ началъ потягивать горячій напитокъ. Когда я поставилъ стаканъ на столъ, Джоси вышла изъ темнаго угла, гдѣ она просидѣла въ теченіе всего времени, пока я ужиналъ, и подошла къ очагу.

— Ну, что тебѣ нужно?—спросилъ трактирщикъ.

Она указала на мои сапоги, стоявшіе между круглымъ столикомъ и стѣною:

— Да! возьми ихъ!—приказалъ онъ.

— Она нагнулась, чтобы взять ихъ и, подымаясь, умудрилась перевернуть столикъ. Кружка, графинъ и стаканъ съ трескомъ упали на каменный полъ; я вскочилъ, невольно вскрикнувъ: Чертъ!... кипятокъ попалъ на мои ноги.

Въ это время хозяинъ мѣшалъ огонь въ печкѣ и не видѣлъ, кто надѣлалъ эту бѣду.

— Кто опрокинулъ столикъ?—спросилъ онъ, бросивъ гнѣвный взглядъ на дѣвушку.

— Я опрокинулъ его,—поспѣшилъ отвѣтить я; колѣно мое попало между ножками столика и....

— Это Джоси перевернула столикъ, отецъ,—зарычалъ старшій сынъ.

— Да, Джоси виновата!—пропищалъ меньшій, сидѣвшій скорчившись, какъ лягушка, въ углѣ около очага. Я самъ видѣлъ, какъ она перевернула его.

Отецъ бросилъ кочергу, перешелъ на другой конецъ комнаты, и прежде чѣмъ я догадался, что онъ думаетъ сдѣлать, поднялъ руку и сильно ударилъ дѣвушку по виску.

— Вотъ тебѣ за твою неловкость!—сказалъ онъ, и опять было замахнулся, чтобы повторить ударъ, но я подскочилъ къ нему, схватилъ его за руку и съ такою силою оттолкнулъ его, что онъ отъ неожиданности пошатнулся и тяжело упалъ на полъ.

— Вотъ тебѣ за твою жестокость!—сказалъ я, задыхаясь отъ негодованія и отвращенія.

Въ другое время я бы навѣрное разсмѣялся, видя его въ такомъ положеніи; онъ, не вставая съ полу, потиралъ голову, ударившись при паденій о косякъ стола, причемъ прекомично оглядывался вокругъ.

— Вамъ не мѣшало бы поосторожнѣе обращаться съ людьми,—замѣтилъ сынъ, смотря на меня изъ подлобья и помогая отцу подняться на ноги.

— Я то же самое опять сдѣлаю, если онъ въ моемъ присутствіи еще разъ вздумаетъ замахнуться на дѣвушку.

Трактирщикъ наконецъ всталъ; онъ былъ блѣденъ, и его безцвѣтные глаза какъ то злобно смотрѣли на меня, когда я говорилъ эти слова. Но этотъ взглядъ былъ мимолетный; онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе, улыбка опять освѣтила его лицо и онъ сказалъ отряхиваясь:

— Этотъ господинъ немного вспыльчивъ, Ребенъ; это извинительно, да притомъ я и самъ отчасти виноватъ. Я нисколько не сержусь на него.

— А мнѣ какое дѣло, если бы вы и сердились,—отвѣтилъ я сухо и, повернувшись къ нему спиной, подошелъ къ Джоси, прильнувшей къ стѣнѣ и потиравшей високъ своими тонкими худыми пальцами.

— Онъ тебя, кажется, очень больно ударилъ, моя бѣдная дѣвушка,—спросилъ я ее вполголоса. Садись; дай я посмотрю.

Я осторожно отнялъ ея руки и съ трудомъ могъ удержаться отъ негодованія, увидѣвши, что ея високъ уже посинѣлъ. Я смолчалъ; посадилъ ее и такъ какъ она была совсѣмъ слаба, то я потребовалъ стаканъ воды, поданный мнѣ сыномъ по приказанію отца. Я далъ ей напиться, помочилъ ея лобъ и согрѣлъ ея холодныя руки; она, повидимому, хотя ко всему относилась безсознателъно, молчаливо и апатично, но я чувствовалъ, какъ она вздрагивала отъ моего прикосновенія; когда же она встала, чтобы удалиться, то остановила на мнѣ свои темные глаза и въ нихъ я прочиталъ выраженіе глубокой благодарности. Что это были за глаза! никогда ни чьи не производили на меня такого впечатлѣнія.

— Если комната моя готова, то я отправлюсь къ себѣ,—сказалъ я, отодвигая стулъ.

Отецъ и сынъ напрасно чего-то искали въ шкапу; послѣдній съ досадою затворилъ его.

— Не выпьете ли еще стаканъ водки съ водою?—спросилъ хозяинъ.

— Нѣтъ,—сухо отвѣтилъ я,—мнѣ больше ничего не нужно; гдѣ моя комната?

Онъ что-то проворчалъ, но не настаивалъ.

— Зажги свѣчу, Джоси, и отнеси вещи этого господина въ самую лучшую комнату. Въ вашей комнатѣ великолѣпная постель,—прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ; въ это время Джоси подошла своею тихою, автоматичною походкою;—такую постель вы не вездѣ достанете. Кому приходилось спать на Зеленой постели, тотъ никогда не жаловался на безпокойно проведенную ночь. Ну, что спишь! Развѣ не видишь, что господинъ ждетъ?

Джоси, стоявшая, какъ вкопанная, встрепенулась и, взявъ свѣчу, пошла впередъ по узкой, темной лѣстницѣ, ведущей изъ кухни; я послѣдовалъ за нею, неся свой тюкъ, а хозяинъ завершалъ шествіе. На верхней площадкѣ было три двери; пройдя мимо двухъ, мы вошли въ третью, въ концѣ корридора. Комната на видъ оказалась лучше, чѣмъ я ожидалъ. Стѣны были чисто выбѣлены, довольно ветхій коверъ покрывалъ половину пола, мебели было немного; кромѣ кровати, стояло только одно кресло, туалетъ и умывальникъ; но все было содержимо въ чистотѣ, и комната показалась мнѣ очень уютной. Единственное кресло было обито ситцемъ; это было одно изъ тѣхъ старинныхъ креселъ, которыя какъ бы съ распростертыми объятіями приглашаютъ васъ сѣсть на себя; кровать была также старинная о четырехъ столбахъ съ зеленымъ полинявшимъ пологомъ, обшитымъ желтымъ шнуркомъ, и обѣщала оправдать похвалы хозяина. Бѣлоснѣжное постельное бѣлье, большая подушка, теплое вязаное одѣяло такъ и манили усталаго путника. Одинъ видъ ея производилъ на меня какое-то усыпительное дѣйствіе; я чувствовалъ себя сильно уставшимъ; глаза слипались.

— Все ли для васъ приготовлено?—спросилъ меня хозяинъ, стоя въ дверяхъ, наклонивъ немного голову, потихонько потирая руки, причемъ не переставалъ ласково улыбаться.

— Мнѣ ничего не нужно. Разбудите меня утромъ въ шестомъ часу.

— Хорошо, сударь! вы можете запереть дверь, и въ ней есть и задвижка,—прибавилъ онъ, уходя.

— Благодарю васъ; спокойной ночи! я потянулся, страшно зѣвнулъ и выложилъ изъ кармана пистолеты на туалетъ, стоящій передъ окномъ.

Хозяинъ опять вернулся, сказавъ:

— Извините сударь! я хочу посмотрѣть, плотно-ли закрыто окно; оно отъ вѣтра стучитъ;—потомъ обратился къ Джоси, чтобы та посвѣтила, нагнулся черезъ туалетъ и принялся осматривать задвижки окна.

Я стоялъ въ сторонѣ, развязывая галстукъ, дѣвушка, видя, что хозяинъ обращенъ къ ней спиною, приблизилась ко мнѣ и шепнула мнѣ на ухо:

— Подождите ложиться въ постель и не запирайте двери.

— Теперь все въ порядкѣ,—проговорилъ хозяинъ, дернувши еще разъ окно, чтобы удостовѣриться, что оно плотно притворено;—желаю вамъ доброй ночи и крѣпкаго сна, на что вы заранѣе можете разсчитывать, ложась на Зеленую постель,—улыбнувшись напослѣдокъ, онъ удалился.

— Подождите ложиться и не запирайте двери. Я безсознательно, не понимая въ чемъ дѣло, повторилъ эту фразу, держа галстукъ въ рукахъ.

Сонъ мой пропалъ,—этотъ таинственный шепотъ произвелъ на меня такое же дѣйствіе, какъ бы душъ холодной воды; мнѣ было жутко. Какъ объяснить эти слова? Неужели дѣвушка сомнѣвается въ честности своего хозяина. Попалъ ли я въ шайку воровъ или можетъ быть хуже. При одной этой мысли меня бросало то въ жаръ, то въ холодъ. Я невольно ощупалъ боковой карманъ;

причемъ у меня такъ и отлегло. Но предостереженіе дѣвушки было непонятно для меня; зачѣмъ она мнѣ сказала не запирать двери; я хотѣлъ было разрѣшить эту загадку, но мнѣ становилось все болѣе жутко; во мнѣ зародилась мысль, что въ комнатѣ есть какой нибудь потаенный ходъ; я взялъ свѣчу и началъ осматривать свой номеръ.

Прежде всего я осмотрѣлъ дверь,—она была удивительно прочно сдѣлана, на желѣзныхъ петляхъ, къ ней было придѣлано кромѣ крѣпкаго замка, еще и тяжелый засовъ; я направился къ окну; оно выходило на боковой дворъ, было одностворчатое и открывалось, какъ дверь, такъ что его можно было только силою открыть снаружи. Я пошелъ вдоль стѣнъ, постукивалъ въ разныхъ мѣстахъ, но нигдѣ не было глухого звука; онѣ были сдѣланы изъ кирпича и известки. Я приподнялъ коверъ, чтобы убѣдиться, что въ полу не было никакой западни. Оглядѣвшись вокругъ и увидѣвши, что въ комнатѣ не было ни шкафа, ни печи, я принялся осматривать хваленую зеленую постель съ боковъ, съ низу, сзади я не могъ этого сдѣлать, такъ какъ она плотно прилегала къ стѣнѣ, — взлѣзъ на стулъ, думая увидѣть на верху постели матрасъ, на которомъ можно было бы спуститься и задушить меня, (я о подобнаго рода вещахъ читалъ въ запискахъ какого-то путешественника), обнюхалъ подушку, она издавала пріятный запахъ свѣжей травы, на которой просушивалась наволока; насмѣхаясь въ душѣ надъ всѣми этими предосторожностями, я началъ все же переворачивать матрасъ, думая открыть какую нибудь адскую машину, скрытую подъ простыней. Но ничего подобнаго не оказалось; постель заявляла о себѣ, что она старинная и удобная постель. Я увѣрился, что доступъ въ мою комнату былъ невозможенъ; кто вздумалъ бы напасть на меня, долженъ пролѣзть черезъ замочную дырочку; я совершенно успокоился и хотѣлъ даже пошутить надъ собою за всѣ свои опасенія. Джоси должна быть безъ всякаго сомнѣнія немного тронута, хозяинъ былъ правъ; предостереженіе ея ничто иное, какъ одна изъ «странныхъ фантазій». Мнѣ бояться нечего. Разсуждая такимъ образомъ, я однако порѣшилъ не запирать дверей впродолженіи получаса, а затѣмъ запереть дверь на замокъ, задвинуть засовъ, положить бумажникъ подъ подушку, пистолеты возлѣ себя и лечь въ постель. До того же я усѣлся въ кресло и началъ ожидать.

Это было удивительно удобное кресло, усѣвшись покойно, сонъ овладѣлъ мною съ большею силою; я вскорѣ началъ кивать то на право, то на лѣво.

Просидѣвъ на креслѣ около десяти минутъ, я съ жадностію сталъ смотрѣть на постель; она такъ манила съ себѣ своимъ теплымъ одѣяломъ и мягкою подушкою. Я только прилягу на нѣсколько минутъ; я отдавалъ себѣ отчетъ въ этихъ мысляхъ; но затѣмъ чувствовалъ такую усталость, что не помню, какимъ образомъ очутился на постели, протянулъ ноги; головѣ было такъ ловко лежать на мягкой, душистой подушкѣ. Впродолженіи трехъ минутъ я усиливался не смыкать глазъ; но они сами собою закрылись, мысли мои путались. Мнѣ казалось, что я опять въ степи и что на меня спускается со всѣхъ сторонъ бѣлая снѣжная завѣса; мнѣ даже чудилось, что Джоси опускается ко мнѣ, и затѣмъ я уже ничего не помнилъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Сонъ негра.

(Изъ „Poems on Slavery"—Лонгфелло.)

Крѣпко сжавши свой серпъ исхудалой рукой,
Онъ у рисовой нивы заснулъ;
Обнаженную грудь солнце жгло,—и въ пескѣ
Онъ своими кудрями тонулъ.
И вотъ, снова, во снѣ, сквозь туманную мглу,
Онъ въ отчизну свою заглянулъ.

Тамъ волну за волной свѣтлый Нигеръ катитъ,
Въ безграничномъ просторѣ своемъ;—
Онъ усѣлся въ тѣни пышныхъ пальмъ, и народъ
Избираетъ его королемъ...
Вонъ, синѣя, ползетъ съ крутизны караванъ
И звенятъ колокольчики въ немъ...

И опять съ нимъ жена, онъ ей въ очи глядитъ
Съ нѣжной лаской, съ любовью такой;
Льнутъ малютки къ нему, обнимаютъ отца,
Онъ головки ихъ гладитъ рукой...
И въ горячемъ бреду у него по щекамъ
Покатилась слеза за слезой.

Вотъ понесся онъ въ степь на лихомъ скакунѣ,
Передъ нимъ путь широкій лежитъ;
Съ золотою уздой, весь залитъ серебромъ,
Конь безъ устали полемъ бѣжитъ,
И порой длинный мечъ бьетъ слегка его въ бокъ,
И при каждомъ скачкѣ дребезжитъ...

Передъ нимъ словно флагъ, кровью смоченный весь,
Быстро красный фламинго мелькалъ,
И за нимъ, средь полянъ, гдѣ растетъ тамариндъ,
Онъ до сумерекъ, долго скакалъ;
Вотъ и Кафры, ихъ станъ... Наконецъ, впереди
Голубой океанъ засверкалъ.

Ночь пришла... Услыхалъ онъ рыканіе львовъ
И гіенъ раздирающій крикъ —
Какъ ступалъ тяжело бегемотъ, у рѣки,
Раздвигая, ломая тростникъ...
И какой-то вдругъ звукъ, словно къ битвѣ сигналъ,
Въ душу спящаго сладко проникъ.

Миріады живыхъ голосовъ стали пѣть
Гимнъ свободѣ, въ лѣсахъ, среди нивъ;
Въ вихрѣ, въ бурѣ морской, въ звукахъ неба, земли, —
Всюду слышался воли призывъ...
И бѣднякъ трепеталъ, улыбался во снѣ,
Крѣпче впалыя очи смеживъ.

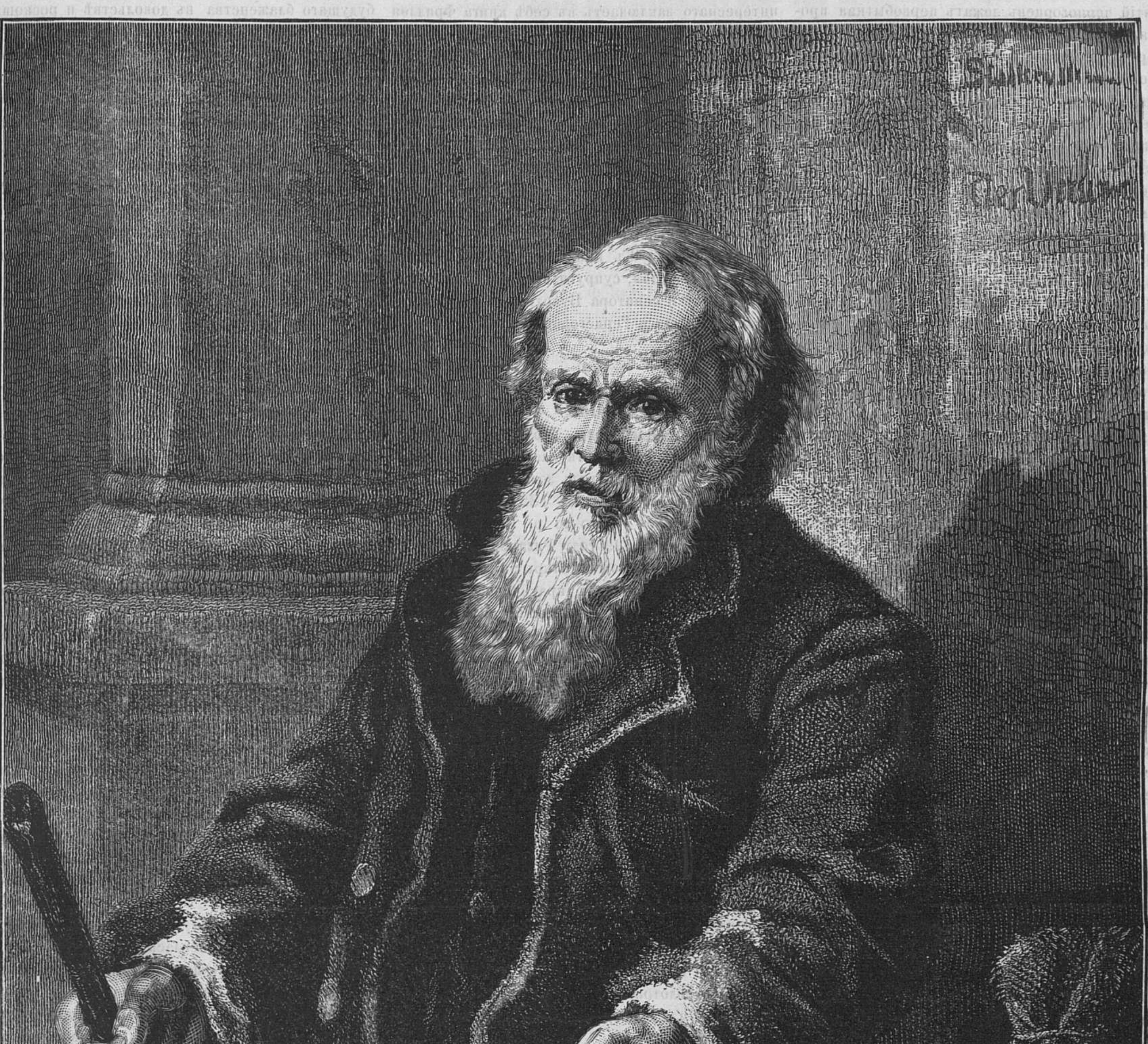
И не чувствовалъ онъ ни хлестанья бича,
Ни томительныхъ знойныхъ лучей:
Въ царство вѣчнаго сна унесла его смерть,
И остался для рабскихъ цѣпей
Только трупъ. . .

Петръ Быковъ.

Библіографія.

Библіотека путешествій. Современная Черногорія. Соч. Фриллея и Влохити. Спб. 1876. Тип. Товарищ. „Обществ. Польза". 8 д. л. стр. II и 187. Съ картою и 5 портретами. Ц. 1 р. 20 к.

Теперь, когда все вниманіе, и стараго, и новаго свѣта, обращено на ту кровопролитную борьбу на Балканскомъ полуостровѣ, которая принимаетъ все бо̀льшіе и бо̀льшіе размѣры, интересная книжка о Черногоріи Фриллея и Влохити является какъ нельзя болѣе кстати. Черногорія—эта небольшая, гористая страна, которая, не взирая на малочисленность своего населенія, принимаетъ такое живое и дѣятельное участіе въ борьбѣ за славянскую свободу и дальнѣйшая роль которой, въ этой борьбѣ, будетъ далеко немаловажна,—эта страна извѣстна многимъ изъ насъ лишь по наслышкѣ. Большинство русской публики знаетъ, что черногорцы народъ въ высшей степени воинственный и мужественный, что, благодаря счастливому географическому положенію страны, они сохраняютъ вполнѣ свою самостоятельность и т. п. Однимъ словомъ, наши свѣдѣнія объ этомъ небольшомъ уголкѣ земли, столь враждебномъ своимъ сосѣдямъ—мусульманамъ, крайне поверхностны, незначительны и неопредѣленны. Мы весьма мало знаемъ, или лучше, сказать, и вовсе ничего не знаемъ, ни о военной организаціи этой страны, ни о культурѣ ея и промышленности. Со всѣмъ этимъ превосходно знакомитъ, очень занимательно составленный, очеркъ современной Черногоріи Фриллея и Влохити. Они подробно и обстоятельно знакомятъ читателя какъ съ исторіей страны, такъ и съ теперешнимъ ея состояніемъ; сдѣлавъ бѣглый обзоръ географическаго положенія Черногоріи и давъ описаніе тѣхъ областей, на которыя она дѣлится и племенъ ее населяющихъ, составители книги приводятъ подробныя и живыя характеристики черногорскихъ жителей обоего пола и въ физическомъ и въ нравственномъ отношеніяхъ. Затѣмъ мы находимъ описаніе нравовъ и обычаевъ черногорцевъ, ихъ одежды, жилищъ, домашней обстановки, различныхъ народныхъ обрядовъ, игръ, празднествъ, суевѣрій, народной медицины и т. п. —всему этому посвящена цѣлая половина книги. У черногорцевъ замѣчается полное отсутствіе промышленности; ремеслами тамъ занимаются большей частью тѣ, которые временно селятся въ той странѣ, люди пришлые, преимущественно изъ Албаніи и Далмаціи и вообще эмигранты или, говоря проще, бродяги изъ всевозможныхъ странъ. Сами черногорцы, въ мирную пору, занимаются скотоводствомъ и земледѣліемъ, и ведутъ обыкновенно праздную жизнь. Но сфера черногорца—это война; только въ такое время онъ чувствуетъ себя вполнѣ на своемъ мѣстѣ, когда онъ можетъ выказать всю свою племенную гордость, необыкновенную храбрость и геройство; съ самаго ранняго дѣтства въ немъ проявляется воинственный духъ, который онъ всасываетъ вмѣстѣ съ молокомъ матери. Въ войнѣ и во всякихъ стычкахъ, дѣти зачастую принимаютъ серьезное участіе. «Однажды»,—разсказывается въ настоящей книжкѣ, — «во время осмотра бѣлопоповицкой нахіи, князь Николай остановился передъ молодымъ человѣкомъ, лицо котораго, обезображенное рубцами, невольно привлекало вниманіе. «Какое несчастье такъ тебя изуродовало?» — спросилъ князь. — «Государь»,—отвѣчалъ солдатъ,—«я раненъ на войнѣ, гдѣ былъ съ Миркомъ».—«А сколько тебѣ было лѣтъ? Ты теперь еще не взрослый».—«Государь, мнѣ было 13 лѣтъ»,—отвѣчалъ невозмутимо молодой герой. Женщины, наравнѣ съ мужчинами, принимаютъ участіе въ войнѣ и покорно и охотно несутъ ея бремя; онѣ доставляютъ пищу, ухаживаютъ за больными и ранеными; въ былые дни, онѣ, участвуя въ защитѣ родного края, не только доставляли съѣстные припасы и оружіе сражавшимся, но и сами лично участвовали въ битвахъ. Натура черногорца чрезвычайно крѣпка и вынослива, послѣднее качество просто не имѣетъ границъ; такъ, напримѣръ, черногорцы лечатъ головныя боли свои сверленіемъ черепа, и такой способъ леченія также популяренъ тамъ, какъ у насъ кровопусканіе. Между черногорцами можно встрѣтить много такихъ субъектовъ, у которыхъ на черепѣ бываетъ отъ 5 до 10 отверстій. Жилища черногорцевъ отличаются крайнимъ убожествомъ и вполнѣ гармонируютъ съ его незатѣйливымъ, простымъ образомъ жизни, который ведетъ черногорецъ, привыкшій ко всякимъ лишеніямъ и неудобствамъ. Его домашняя утварь, вся обстановка и самая постройка его, крытыхъ соломой, жилищъ, построенныхъ изъ простаго сѣраго камня,—во многомъ напоминаютъ спартанскій образъ жизни. У черногорцевъ весьма развита религіозность, которая, впрочемъ, имѣетъ внѣшнее проявленіе, состоитъ въ исполненіи преимущественно обрядовъ и строгихъ постовъ. Въ каждомъ жилищѣ, какъ бы бѣдно



Нищій. Снимокъ съ картины Е. Стаммела.

оно ни было, всегда имѣется нѣсколько образовъ Божіей Матери, предъ которыми набожно творитъ молитву каждый членъ семьи; если же семьѣ угрожаетъ какое либо несчастіе или заболѣваетъ кто нибудь въ домѣ, то зажигаются небольшія восковыя свѣчи предъ всѣми иконами. Въ основѣ нравственныхъ и юридическихъ понятій черногорцевъ лежатъ первобытная простота и своеобразность. Такъ, напримѣръ, черногорецъ не считаетъ грѣхомъ, на враждебной сторонѣ границы, воровать у турокъ хлѣбъ, скотъ, лошадей, оружіе; онъ даже считаетъ это доблестью. Не смотря на то, что черногорская женщина—не болѣе какъ раба въ своемъ семействѣ и вѣчная работница, но «можетъ свободно ходить изъ дома въ домъ, съ горы на гору, и при всемъ несчастномъ положеніи женщины гарантирована лучше, чѣмъ въ образованной Европѣ. Нерѣдко можно видѣть, какъ черногорская дѣвушка спокойно подходитъ къ незнакомому человѣку, и если только замѣтитъ на немъ знакъ отличія, то смиренно цѣлуетъ ему руку и спрашиваетъ, не можетъ ли она ему оказать какую-нибудь услугу, но горе тому, кто обидитъ ее: тогда каждый, идущій мимо, явится ея защитникомъ, а едва она возвратится въ деревню, то, можетъ быть, десять человѣкъ захотятъ отомстить за нее. Такимъ образомъ, вы можете встрѣтить ее во всякое время, и въ самыхъ уединенныхъ тропинкахъ она спокойно идетъ за своимъ осломъ или муломъ и совершенно безопасно пріѣзжаетъ на базаръ, чтобы продать жалкіе продукты своего хозяйства». Вообще же черногорка горда сознаніемъ того, что она или мать, или жена, или сестра геройскаго народа. Семейная жизнь въ этой странѣ отличается большой патріархальностью; иногда семейство бываетъ весьма многочисленно и состоитъ зачастую изъ 4—6 послѣдовательныхъ поколѣній. На сколько сильно развито поэтическое чувство черногорца, на столько же развиты въ немъ суевѣріе и предразсудки; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ крайне невѣжественъ. Лишь теперешній князь впервые началъ дѣлать попытки къ распространенію образованія, чему, однакоже, сильно мѣшаютъ очень ограниченныя финансовыя средства края; такъ что покуда страна преобразовывается преимущественно въ военномъ отношеніи. Остальная, меньшая половина книги содержитъ въ себѣ характеристику князя Николая, вмѣстѣ съ его семействомъ, описаніе его личности, а также и реформъ, въ управленіи страны, наконецъ изложеніе внутренней и внѣшней политики и теперешняго состоянія образованности въ княжествѣ. Описаніе организаціи его военныхъ силъ, въ настоящую минуту, представляетъ самыя любопытныя страницы разбираемой книги. Армія современной Черногоріи состоитъ изъ весьма ограниченнаго количества артиллеріи и довольно регулярной пѣхоты; всего страна можетъ выставить до 20,000 порядочно вооруженныхъ воиновъ, преданныхъ до фанатизма своему знамени и горячо, истинно любящихъ свою родину и князя; оттого армія черногорская, не смотря на свою малочисленность, очень сильна по своему духу. Чувство индивидуальности черногорскаго воина, проявляющееся въ фактахъ личной храбрости, возвышаетъ его надъ всѣми европейскими солдатами и составляетъ его отличительную, характерную черту. На сколько народъ любитъ своего князя, можно судить по слѣдующему эпизоду, разсказанному въ книгѣ: «Во время гибельнаго отступленія Петра Стефанова въ Бѣлонавичи, въ 1862 году, князь Николай I, вечеромъ въ день сраженія, посѣтилъ походный госпиталь, учрежденный въ его домѣ, въ Орья-Лука. Раненые всѣхъ возрастовъ лежали тамъ на соломѣ; при входѣ князя они забывали о своихъ страданіяхъ, чтобъ поздороваться съ нимъ. Вдругъ изъ груды мертвыхъ и умирающихъ, подобно привидѣнію, поднимается страшно изувѣченный молодой человѣкъ; собравъ для одного порыва весь остатокъ своихъ силъ, онъ скорѣе прохрипѣлъ, чѣмъ прокричалъ: «живіо, господаръ» и, какъ неподвижная масса, упалъ, умирающій, на свое кровавое ложе». Очень много интереснаго заключаетъ въ себѣ книга Фриллея и Влохити, но всего не перечтешь, а потому отсылаемъ любопытныхъ къ этому сочиненію. Мы нѣсколько недоумѣваемъ только къ чему составители, стараясь доказать права Черногоріи на независимость, столь усердно заботятся на счетъ освобожденія этой страны отъ «зависимости вассальной». Вѣдь фактъ независимаго состоянія Черногоріи и прежде существовалъ, существуетъ и теперь, — и лишь нѣкоторыя европейскія правительства не хотятъ признать его подлинности. Къ книгѣ приложены портреты: князя Николая, супруги его Милены, двухъ дочерей ихъ и сенатора Вукотича, и карта Черногоріи, Босніи и Герцеговины. Изданіе очень опрятное.

П. Б—въ.

Новости наукъ и жизни.

Золотопромышленность. Погоня за золотомъ. Въ первой четверти настоящаго столѣтія, въ Сибирь кинулись искать золота: Поповъ, Рязановъ, Зотовъ и другіе. Въ 1827 году Поповъ открылъ шлиховое золото по р. Бирикулю томскаго округа; въ 1829 году Рязановъ по р. Кундустуюлу. Потомъ пошли открытія въ тайгахъ: енисейской, минусинской, красноярской, иркутской, ачинской, томской, олекминской, якутской, забайкальской, кузнецкой, алтайской, золотопромышленниками: Зотовыми, Машаровыми, Гороховыми, Мясниковыми, Соловьевыми, Голубковыми, Подсосовыми, Щеголевыми, Кузнецовыми и другими. Золотопромышленность распространилась по всей восточной Сибири и была въ цвѣтущемъ состояніи до 1860 года, а потомъ стала мало по малу упадать; съ 1830 по 1860 г. поисковыя партіи исколесили всѣ рѣки, рѣчки, впадины, разломы, горы и ключи, вдоль и поперегъ; на каждой почти рѣчкѣ или ключѣ найдете шурфы, по инымъ площадямъ сотнями. Дозволеніе отъ правительства давалось на добываніе и разработку и другихъ рудъ, кромѣ золота, но такъ какъ золото дороже всѣхъ рудъ и металловъ, то профессіею богатыхъ людей вполнѣ сдѣлалась золотопромышленность; а наконецъ объявлена была свобода золотого промысла и для всѣхъ сословій.

Нѣтъ худа безъ добра, и наоборотъ; по объявленіи устава о частной золотопромышленности 1870 года, всѣ кинулись искать золото съ жадностію; всѣ сдѣлались золотопромышленниками; доказательствомъ можетъ служить многочисленность выдачи дозволительныхъ свидѣтельствъ на поиски золота въ обѣихъ полосахъ Сибири *).

Многіе воображаютъ, а въ особенности въ Россіи, что золото въ Сибири добывается очень легко; но исторія золотопромышленности въ Сибири показываетъ другое.

Золотая манія сдѣлалась какою-то особаго рода заразительною болѣзнію, поглотила не мало капиталовъ, сбила съ толку, какъ людей торговыхъ, такъ и чиновныхъ; даже духовенство (конечно не открыто, но частно и секретно); и крестьяне, покинувши свои мирныя дѣла, бросились пытать счастіе; даже ясачные инородцы, неимѣющіе о золотомъ дѣлѣ положительно никакого понятія, и тѣ кидались и кидаются въ этотъ омутъ. Въ прошедшіе года въ восточной Сибири составлялись и еще составляются довольно оригинальныя поисковыя партіи, изъ 2—3 и болѣе чѣмъ до 10 или 12 лицъ, которые, собравъ послѣднія крохи—временемъ, неусыпнымъ трудомъ и бережливостію скопленныя, ставятъ ихъ на карту. Все забыто; впереди одинъ идолъ—золото, а при золотѣ планы быстраго обогащенія, будущаго блаженства въ довольствѣ и роскоши; однимъ словомъ, воображеніе создаетъ волшебные замки. Здравый разсудокъ иной разъ и говоритъ: а если будетъ неудача?... но не до здраваго разсудка тутъ! Были же вѣдь счастливцы, отчего мнѣ не попытать счастья? А тутъ, глядь, на бѣду подвернется человѣкъ, желающій услужить человѣчеству своими знаніями о рѣчкахъ, которыя имѣютъ хорошее золотцо. Искушеніе!... Думаетъ, думаетъ нашъ мечтатель, не спитъ ночей, все думаетъ, а заснетъ,—мерещится ему гора, на горѣ лѣсъ, подъ горой рѣчка, и рѣчка та самая, которую ему описывалъ услужливый человѣкъ, а въ рѣчкѣ между породами блестятъ груды золота... Что дѣлать, бѣда да и только; жалко и денегъ, да и охота сдѣлаться богачемъ; посовѣтуется съ женой; у жены являются свои фантазіи будущаго богатства, роскошь платьевъ, серегъ, браслетовъ и тому подобныхъ искушеній, обольщающихъ прекрасный полъ. И вотъ зовутъ благодѣтеля, обѣщающаго богатство, но не имѣющаго капитальцу, на снаряженіе партіи: онъ опять принимается рисовать ту же картину рѣчки, и приэтомъ показываетъ породы и вѣскую пробу золота. При недостаткѣ собственнаго капитала составляется компанія, сначала изъ своихъ родственниковъ, а потомъ уже и изъ постороннихъ. Благодѣтель же, заманивши первую жертву, остается какъ бы въ сторонѣ, а субъектъ, обольщенный имъ, старается заманить на на ту удочку другихъ, а тѣ другіе—въ свою очередь слѣдующихъ; а между тѣмъ ни одинъ изъ нихъ не видалъ того золотаго руна и не знаетъ даже, въ какой оно сторонѣ. Такъ у насъ создаются подобнаго рода предпріятія и въ большинствѣ случаевъ кончаются ссорою, полнымъ разрывомъ между много ожидавшими золотоискателямя, а менторъ-благодѣтель, понабивши карманы, подъ шумокъ скрывается, а потомъ, послышишь, предлагаетъ свои услуги другимъ простачкамъ.

Года три или четыре тому назадъ, въ минусинскомъ округѣ разнеслась молва, что по одному притоку, впадающему въ Кинтигиръ (рѣка эта въ верховьяхъ Енисея и впадаетъ въ него съ лѣвой стороны, и притоковъ по немъ не перечесть; однихъ рѣчекъ подъ наименованіемъ «Паскиной» насчитываютъ болѣе десятка), открылось золото. Простосердечный людъ кинулся туда, очертя голову, перегоняя другъ друга. Молва эта была пущена сначала однимъ неудачнымъ золотопромышленникомъ, а потомъ подтверждена однимъ потомкомъ израиля; цѣлью перваго было пріобрѣсти компаніоновъ и поживиться отъ нихъ, а цѣль послѣдняго эксплуатировать одного ввѣрившагося ему желѣзно-заводскаго механика, въ чемъ, конечно, тотъ и другой успѣли. Потомъ принялись за это ремесло и другіе, совершенно не знакомые съ золотымъ дѣломъ люди, а для того, чтобы втянуть простачковъ, поддающихся соблазну обогатиться, создали разнообразныя легенды о томъ, какъ они узнали, что въ предлагаемой мѣстности есть золото. Приведемъ нѣкоторыя изъ этихъ легендъ. Одинъ по секрету, но за истину передаетъ, что они бѣлковали съ товарищемъ; онъ застрѣлилъ глухаря и въ зобу его нашелъ золотину, другой рылъ яму, для склада мяса, и наткнулся на золото, и т. д. Однимъ словомъ, на основаніи подобныхъ слуховъ и молвы, пущенной о Кинтигирѣ, одинъ, жившій въ с. А... мастистый старецъ лѣтъ 70, когда-то служившій у одного крупнаго и вліятельнаго въ

---

*) Мы думаемъ, что улучшеніе дѣлъ завода должно быть основано не на пониженіи рабочей платы, а на введеніи раціональнаго хозяйства и техническихъ улучшеній. *Ред.*

Сибири золотопромышленника, не только бросилъ въ печь послѣднія деньжонки, но отъ неудачи и истощенія силъ померъ. Плутъ-вожакъ завелъ его въ тайгу, проводилъ по разнымъ рѣчушкамъ нѣсколько недѣль въ тщетныхъ поискахъ видѣннаго будто бы имъ золота, и наконецъ скрылся... Старикъ съ печали и утомленія умеръ.

Но не одни крестьяне-вожаки и разныя золотопромышленные дѣятели изъ неудавшихся пользуются простотою другихъ и увлекаютъ ихъ въ рискованныя предпріятія. Такъ одинъ неудачный золотопромышленникъ, не имѣя средствъ не только на снаряженіе партіи, но и на обстановку его текущаго маленькаго дѣла, обратился за совѣтомъ къ одному изъ своихъ знакомыхъ, пріисковому аргусу, какъ поправить финансы; тотъ написалъ ему условіе, проектъ и смѣту о расходахъ. Въ условіяхъ онъ раздѣлилъ вклады на 12 акцій, оставилъ за собою одну акцію, въ случаѣ открытія золота, безъ внесенія денегъ за геніальную выдумку. Чтобы подѣйствовать на слабую струнку охотниковъ, они вмѣстѣ поѣхали вербовать компаніоновъ, убѣждая ввѣриться имъ, какъ людямъ опытнымъ въ дѣлѣ. Въ концѣ концевъ глупое человѣчество поняло пользу предпріятія, подписало условіе, пріобрѣло акціи и вручило деньги. Такимъ образомъ компанія осуществилась; денегъ собрали до 1500 р. У спеціалиста-золотопромышленника были и свои виды, а виды эти вотъ какіе: найду (авось) золото, разбогатѣю; не найду—убытку не будетъ, проѣдусь на чужой шеѣ; да и то разсчетъ, что у меня нѣтъ на своемъ пріискѣ продовольствія для рабочихъ, а они годовые, и нужно имъ платить жалованье, а у меня нѣтъ денегъ, между тѣмъ, платя у себя на пріискѣ по 6 р. въ мѣсяцъ, выведу по счету по 15 р. на человѣка, поэтому отъ каждаго работника останется по 9 р., а отъ 15-ти 135 р., что составитъ въ два мѣсяца 270 р., да кое отъ какихъ расходовъ останется малая-толика, да согласно условію по окончаніи этого дѣла должны поступить припасы, инструменты и проч. въ мою пользу. И вотъ снаряжается партія; аргусъ получаетъ все, чего ожидалъ, а компаніоны ничего.

Во всемъ этомъ прискорбно то, что люди, увлекшись золотой горячкой, бросаютъ дѣло, которое ихъ кормило, и гдѣ они были, можетъ быть, очень полезны, кидаются, очертя голову, въ безумные поиски и, потерпѣвъ неудачу, съ отчаянія теряютъ голову и способность къ дѣлу, сбиваются и дѣлаются ни къ чему негодными тунеядцами. Другіе же, похитрѣе, становятся піявками, пользующимися слабостью едва разжившихся простаковъ, и живутъ и разживаются посредствомъ плутней и обмана. И то и другое страшно деморализируетъ населеніе. **И. К—въ.**

— **Общество страхованія отъ воровства.** Въ «Спб. Вѣд.» передаютъ, что въ Нью-Іоркѣ недавно образовалось акціонерное Общество для страхованія отъ воровства и грабежа. Застрахованные предметы могутъ находиться въ запертыхъ и не запертыхъ помѣщеніяхъ, въ жилыхъ и не жилыхъ домахъ. Общество содержитъ отрядъ караульщиковъ, подъ начальствомъ опытнаго руководителя. Въ случаѣ пропажи, застрахованная вещь отыскивается при помощи особыхъ агентовъ и полиціи и возвращается страхователю въ теченіе 60 дней; въ противномъ случаѣ уплачивается полная ея стоимость.

— **Произведенія судана.** Передаемъ заимствованныя со словъ алжирской газеты «Mobacher» не лишенныя интереса свѣдѣнія о богатствѣ произведеній Судана или Нигриціи (въ Африкѣ, къ югу отъ Сахар)ы. Изъ разсказовъ путешественниковъ, посѣщавшихъ эту таинственную страну, можно судить о томъ, что такое Суданъ и какое онъ имѣетъ значеніе съ точки зрѣнія земледѣлія и промышленности. Сахаръ и кофе хотя и не разводятся тамъ въ большинствѣ случаевъ, но легко могутъ акклиматизоваться и, въ видѣ доказательства этого, Бартъ приводитъ успѣшное разведеніе небольшой сахарной плантаціи однимъ бывшимъ невольникомъ, который бѣжалъ изъ французскихъ колоній на Антиллахъ. Помимо этихъ произведеній, Суданъ изобилуетъ еще многими ему одному свойственными, которыя не безполезно было бы ввести и въ Европѣ. Между ними первое мѣсто принадлежитъ растительному маслу, которое можетъ со временемъ произвести цѣлую революцію въ экономическомъ мірѣ. Дерево, изъ котораго оно добывается, ростетъ почти въ дикомъ состояніи на весьма значительныхъ пространствахъ. Рене Калье встрѣчалъ сплошные лѣса такихъ деревьевъ на пространствѣ мѣсячнаго пути вдоль праваго берега Нигера, по направленію къ Іеніе. Масличное вещество добывается изъ плодовъ этого дерева, цѣнится туземцами наравнѣ съ коровьимъ масломъ и стоитъ на мѣстѣ производства не болѣе 40 сант. за килогр.

Со всего свѣта.

Единственное засѣданіе сербской скупщины, утвердившее мирный договоръ, было закрыто такъ внезапно, что трудно себѣ представить, что эта политическая драма могла быть разыграна такъ внезапно; а исполнители ея уже дома, вѣроятно, подумали надъ вопросомъ: дѣйствительно-ли стоило созывать ихъ на одинъ часъ. Извѣсто, что организація этого собранія была окончена избраніемъ 217 голосами шабацкаго купца, Топузовича, предсѣдателемъ; Тузаковичъ—братъ начальника бѣлградской полиціи—былъ избранъ вице-президентомъ, а Тоца Босковичъ секретаремъ. Депутаты отъ крагуевацкаго округа (одной изъ мѣстностей, гдѣ въ день выборовъ произошли безпорядки) были утверждены въ своемъ званіи, хотя и обвиняли ихъ въ принадлежности къ коммунизму и въ агитаціяхъ. Послѣ этихъ предварительныхъ приготовленій, скупщина собралась для формальнаго открытія. Въ 10 часовъ, скупщина отправила депутацію князю Милану, что собраніе готово принять его для открытія законодательнаго собранія. Князь въ полной формѣ, въ сопровожденіи штаба и свиты, тотчасъ же отправился въ театръ, гдѣ прежде происходили собранія скупщины. Министры уже находились тамъ. Князь, объявивъ скупщину открытой, началъ говорить рѣчь, длившуюся около часа. Его свѣтлость не читалъ рѣчь, а говорилъ бѣгло, не заглядывая въ записную книжку. Онъ началъ съ указанія на притѣсненія со стороны турокъ, вызвавшія возстаніе въ Босніи и Герцеговинѣ. Инсургенты просили помощи у Сербіи, а великія державы пытались ввести реформы, которыя должны были защитить христіанъ отъ дальнѣйшихъ стѣсненій; но всѣ эти попытки окончились ничѣмъ. Вслѣдствіе безпорядковъ въ Босни, Сербія принуждена была отправить свои войска на границу. Нарушеніе неприкосновенности сербской территоріи турками случались ежедневно, и сербское правительство отправило въ Виддинъ полковника Орѣшковича съ цѣлью устранить эти затрудненія. Эта миссія окончилась ничѣмъ, и, въ концѣ концовъ, Сербія принуждена была объявить войну Турціи для сохраненія своей чести и для оказанія помощи своимъ страждущимъ братьямъ. Сербія и Черногорія заключили между собою договоръ объ оборонительномъ союзѣ, и договоръ этотъ остался въ силѣ и по настоящее время. Сдѣлавъ довольно подробный очеркъ состояніи арміи и страны во время войны, князь сказалъ, что въ прошломъ августѣ Сербія просила о заключеніи мира, но Порта предложила такія условія, которыя были признаны невозможными со стороны великихъ державъ. Вскорѣ за тѣмъ, турки предложили перемиріе съ тою цѣлью, чтобъ обезпечить себѣ возможность реорганизаціи и соединенія силъ. Въ отвѣтъ на это Сербія согласилась на перемиріе въ продолженіи 14 дней, которое безпрестанно нарушалось турецкими войсками. Послѣ битвы при Дьюнишѣ, при содѣйствіи Россіи, было заключено правильное перемиріе. Затѣмъ, князь указалъ на неудачу константинопольской конференціи, на установленіе съ Портой прямыхъ переговоровъ о мирѣ, на требованіе турецкимъ правительствомъ посылки въ Константинополь сербской депутаціи для заключенія окончательнаго, мирнаго договора. Затѣмъ, князь заявилъ, что Сербія не въ состояніи продолжать войну, что Россія желала заключенія отдѣльнаго мира и что великой скупщинѣ остается только сказать: слѣдуетъ ли заключить миръ, или нѣтъ. Далѣе князь сообщилъ, что Порта позволила всѣмъ бѣглецамъ вернуться домой безъ всякаго наказанія и что срокъ перемирія долженъ истечь въ 10 часовъ ночью, что Порта согласна не продолжать перемирія и требуетъ отъ Сербіи рѣшительнаго отвѣта на вопросъ о мирѣ, или войнѣ. Послѣ этого Ристичъ прочелъ мирныя условія. Нѣкоторые депутаты прерывали чтеніе вопросами: заключаетъ ли Сербія миръ съ вѣдома и согласія Россіи. Условія мира слѣдующія: пограничныя линіи остаются прежнія. Положеніе евреевъ — дѣло внутреннее, а потому турки не настаиваютъ болѣе на этомъ предметѣ. Турецкій флагъ будетъ поставленъ на сербскихъ крѣпостяхъ, рядомъ съ сербскимъ. Пребываніе турецкаго агента въ Бѣлградѣ остается открытымъ вопросомъ, который впослѣдствіи будетъ разрѣшенъ сообща сербскимъ и турецкимъ правительствомъ. Турки должны приступить къ очищенію сербской территоріи и окончить его въ теченіи 12 дней. Скупщина, какъ уже ивѣстно, отвѣтила утвердительно на всѣ статьи мирнаго договора. По окончаніи голосованія князь поздравилъ собраніе съ окончаніемъ трудовъ и объявилъ миссію великой скупщины оконченною. Затѣмъ, Ристичъ прочелъ декретъ князя о распущеніи собранія. Декретъ этотъ произвелъ сильную сенсацію среди депутатовъ, но они повиновались и такимъ образомъ министерство одержало окончательную побѣду, избавившись отъ депутатовъ безъ предъявленія съ ихъ стороны какихъ либо неудобныхъ для министерства запросовъ. Въ умахъ членовъ скупщины произошла рѣшительная перемѣна относительно войны, или мира, послѣ ихъ прибытія въ Бѣлградъ, гдѣ они вполнѣ ознакомились съ дѣйствительнымъ положеніемъ страны. Партіи Карагеоргіевичей — не представилось случая устроить демонстрацію. Многіе агитаторы были разстрѣляны внутри страны и эта рѣшительная мѣра правительства будетъ въ состояніи предупредить всякую дальнѣйшую агитацію, такъ какъ сербскій народъ, по натурѣ своей, не принадлежитъ къ числу рѣшительныхъ заговорщиковъ.

Теперь остаются только мирные переговоры съ Черногоріей, съ которой перемиріе продлено на двадцать дней. Еще нѣсколько дней назадъ въ благопріятномъ исходѣ мирныхъ переговоровъ не могло быть сомнѣнія. Какъ съ одной, такъ и съ другой стороны были высказаны самыя горячія увѣренія въ искреннемъ желаніи заключить миръ; съ обѣихъ сторонъ на первыхъ порахъ, обнаружили обоюдныя уступки, которыя, казалось были результатомъ благополучнаго исхода дѣла. Но послѣднія телеграммы изъ Константинополя нѣсколько тревожнаго характера и заставляютъ бояться, что произошло нѣчто, могущее измѣнить направленіе политики того, или другого государства. Или въ Портѣ произошолъ крутой переворотъ въ сторону войны, или же на Черногорію оказало въ такомъ же направленіи давленіе извнѣ. Во всякомъ случаѣ, миръ, еще нѣсколько дней тому назадъ, казавшійся вполнѣ обезпеченнымъ, теперь нѣсколько колеблется, хотя переговоры по прежнему продолжаются. Заявляя 22 февраля министру иностранныхъ дѣлъ Порты, Савфету-пашѣ, свои письменныя условія мира, черногорскіе уполномоченные заявили категорически, что не могутъ сдѣлать ни одной уступки; ихъ требованія заключаются въ трехъ пунктахъ: 1) водвореніе герцеговинскихъ выходцевъ на ихъ родинѣ на счетъ турецкаго правительства; 2) исправленіе границъ по программѣ, выработанной конференціей, со включеніемъ порта Спиццы; 3) право свободнаго судоходства по рѣкѣ Боянѣ и на скутарійскомъ озерѣ.

Нѣкоторыя изъ этихъ условій, поставленныхъ такъ категорически черногорцами, — довольно тяжелы, и если они настаиваютъ на нихъ, то въ этомъ, повидимому, ничтожномъ обстоятельствѣ нельзя не видѣть внѣшняго давленія на Черногорію. Говорятъ, что, не смотря на обнаруженныя прежде добрыя намѣренія Порты, въ настоящую минуту, она оказалась весьма мало сговорчивой и это обстоятельство главнымъ образомъ заставляетъ бояться за упроченіе мира. Нѣсколько строкъ выше, мы сказали, что такая перемѣна во взглядахъ Порты можетъ быть объяснена до извѣстной степени внутренней неурядицей, происходящей въ Портѣ. Какъ бы въ отвѣтъ на такое мнѣніе, нѣкоторыя иностранныя газеты, передавая слухи о томъ, что Эдхемъ-паша подалъ въ отставку, говорятъ, что положеніе дѣлъ въ Константинополѣ опять сдѣлалось тревожнымъ благодаря продолжающимся дворцовымъ интригамъ. Извѣстіе о выходѣ въ отставку Эдхема и назначеніе на мѣсто великаго визиря Мехмеда-Рушди, конечно, требуетъ подтвержденія и можетъ оказаться сказкой, какъ многое, что исходитъ изъ Стамбула, но тѣмъ не менѣе вполнѣ справедливо, что Эдхемъ постоянно заявляетъ и въ Портѣ и во дворцѣ, что тяжесть высокой обязанности, такъ неожиданно возложенной на него, слишкомъ обременительна для его плечъ. Съ другой стороны, всѣмъ извѣстно, что султанъ не питаетъ къ нему никакого расположенія и если видится съ нимъ, то очень рѣдко. Кромѣ того, человѣкъ, котораго пагубное вліяніе преобладаетъ во дворцѣ, — зять султана, Махмудъ-Даметъ — тотъ самый, который, избравъ Эдхема послѣ переворота, изгнавшаго Митхада, — давалъ всѣмъ понять, — что Эдхемъ долженъ только подготовить визирьское мѣсто для другого человѣка, и что его власть будетъ эфемерною. Этотъ самый Махмудъ-Даметъ, еще недавно извѣстный за красиваго и веселаго сластолюбца, теперь, подъ вліяніемъ благосклонности своего повелителя, сдѣлался крайне властолюбивымъ и честолюбивымъ; пользуясь физической и умственной слабостью своего господина, возбуждая его ревность и преувеличивая его болѣзненныя опасенія, онъ получилъ самое безконтрольное вліяніе на волю султана и, кажется, рѣшился если не сдѣлаться великимъ визиремъ, то, по крайней мѣрѣ, дѣлателемъ великихъ визирей. Очень можетъ быть, что онъ считаетъ высокое званіе садразама не совмѣстнымъ съ неопредѣленнымъ, безграничнымъ вліяніемъ, которымъ онъ пользуется во дворцѣ. Можетъ быть также, непопулярность его, какъ дворцоваго фаворита, останавливаетъ его взять на себя постъ великаго визиря, гдѣ онъ былъ бы окруженъ врагами, которыхъ онъ можетъ укрощать теперь, поддерживая постоянныя сношенія съ дворцами. «Times» сообщаетъ, что Савфетъ-паша, министръ иностранныхъ дѣлъ и Джеветъ-паша, министръ юстиціи, объявили Махмуду-Дамету, или даже самому султану, что если Даметъ сдѣлается великимъ визиремъ, то ни они, ни ихъ товарищи, не будутъ служить подъ его начальствомъ. Это, вѣроятно пустяки: едва ли возможно найдти для нынѣшнихъ оттоманскихъ сановниковъ столько прямоты и независимости характера. Тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать того факта, что Даметъ до сихъ поръ еще не великій визирь и кажется колеблется занять этотъ высокій постъ, котораго никто не можетъ оспаривать у него. Чтобы получить вліяніе на слабый умъ султана, Даметъ внушаетъ ему, что конституція должна не уменьшать, а увеличить прерогативы султана, избавивъ его отъ давленія новыхъ великихъ визирей. Уменьшеніе власти великаго визиря было самою важною мѣрою, предложенной Митхадомъ въ первоначальномъ планѣ конституціи, но, занявъ въ Портѣ мѣсто Мехмеда-Рушди, Митхадъ тотчасъ же измѣнилъ свое мнѣніе объ этомъ предметѣ; однако, мысль уменьшить власть садразама крѣпко засѣла въ головѣ султана, понимавшаго, что это послужило бы не на пользу народа, а для большаго возвеличенія султана. Играя на этой слабой струнѣ падишаха, Дамету удалось возбудить въ султанѣ недовѣріе къ Митхаду и, наконецъ, убѣдить уволить послѣдняго въ отставку. Теперь Даметъ потерпитъ въ Портѣ только такого великаго визиря, который въ состояніи оттождествить свою волю съ волею султана, а слѣдовательно и самаго Дамета, или, который, подобно Эдхему, будетъ позволять султану, или зятю его отдавать приказанія министрамъ и ихъ подчиненнымъ безъ всякаго посредничества садразама. Такимъ образомъ, нынѣшнее положеніе дѣлъ въ Константинополѣ дѣлается похожимъ на положеніе дѣлъ во времена султана Абдулъ-Азиса; зданіе стараго абсолютизма, воздвигнутое великимъ визиремъ Махмудомъ-Надимомъ, снова возстановляется, хотя всѣ думали, что оно майской революціей было уничтожено навсегда.

Если теперь, принять во вниманіе, что Даметъ — одинъ изъ самыхъ закоснѣлыхъ старо-турокъ, что эта партія и во главѣ ея Даметъ стоятъ за войну à outrance, то сдѣлается понятною наша догадка въ томъ, что по поводу, переговоровъ о мирѣ съ Черногоріею, — константинопольская дворцовая интрига играетъ можетъ быть не послѣднюю роль. Ничего опредѣлительнаго, впрочемъ, пока, сказать невозможно, а передавать ежедневныя измышленія иностранной и русской печати по этому предмету, мы считаемъ совершенно лишнимъ.

Во всякомъ случаѣ, на первомъ планѣ въ политическихъ заботахъ Европы, ни положеніе дѣлъ въ Константинополѣ, ни заключеніе мира съ Сербіей и Черногоріей, очевидно, не играютъ особенно выдающейся роли. Положеніе дѣлъ въ Константинополѣ, — дѣло собственно внутренняго броженія Турціи, дѣло, могущее оказывать вліяніе на рѣшеніе восточнаго вопроса, только весьма второстепенное. Война же Турціи съ Сербіей и Черногоріей и затѣмъ мирный договоръ съ этими княжествами, — одинъ только эпизодъ въ великой исторической борьбѣ, которая разыгрывается не на Босфорѣ, и Балканскомъ полуостровѣ, а въ Лондонѣ и Петербургѣ. Здѣсь находится весь гордіевъ узелъ этого вопроса и возможная его развязка; если поэтому, мы желаемъ знать приблизительно какъ и въ какомъ направленіи восточный вопросъ можетъ разрѣшиться, то мы должны главнымъ образомъ прислушиваться къ голосамъ, исходящимъ изъ Петербурга и Лондона. Къ счастью, ежедневная хроника политической жизни даетъ намъ въ этомъ отношеніи кое-какія указанія не лишенныя интереса.

Такъ въ нашемъ «Gournal de St. Petersbourg», (не знаемъ справедливо-ли) офиціознымъ органѣ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, мы встрѣчаемъ статью, дающую понять о положеніи Россіи, по отношенію къ Европѣ. Иностранныя газеты распространяли въ послѣднее время особенно настойчиво два предположенія относительно русской политики: первое о переходѣ черезъ русскую границу русской арміи 1 марта, и второе, о демобилизаціи войскъ, состоящихъ подъ начальствомъ В. К. Николая Николаевича. Французская газета опровергаетъ самымъ энергическимъ образомъ оба эти слуха. Первый слухъ, — говоритъ газета, — достаточно опровергнутъ событіями, второй-же можетъ имѣть вѣроятіе только для тѣхъ, кто не понимаетъ, что неуспѣхъ конференціи не естъ рѣшеніе восточнаго вопроса ни въ ту, ни въ другую сторону; что этотъ неуспѣхъ не устраняетъ ни одного изъ вопросовъ, подлежащихъ рѣшенію, что онъ не рѣшитъ ни одной изъ задачъ, которыми занимались державы и преимущественно Россія. Нельзя же считать рѣшеніемъ неопредѣленныя обѣщанія, лишенныя всякой санкціи и исходящія отъ такого правительства, все прошедшее, котораго можетъ лишь внушить одно недовѣріе, и которое такъ слабо, что постоянно принуждено говорить европейскимъ державамъ одно, а своимъ фанатизированнымъ подданнымъ другое... Русское правительство, — продолжаетъ французская газета, — обнаруживая заботливость о судьбѣ славянъ балканскаго полуострова, прежде всего однако должно заботиться объ интересахъ собственныхъ подданныхъ и не можетъ оставаться равнодушнымъ и терпѣть дальнѣйшія промедленія съ сопряженными съ ними убытками и тягостями военнаго положенія. Европейскимъ державамъ можетъ быть выгодно ждать и «сообразоваться съ ходомъ событій», но интересы Россіи требуютъ наискорѣйшаго рѣшенія и выхода изъ настоящаго затруднительнаго положенія, которое тяжелымъ гнетомъ легло на національную промышленность и торговыя дѣла. Европа должна дать понять Турціи, что намѣрена требовать отъ нея серьезныхъ *гарантій и обязательствъ* и что не отступитъ и предъ вооруженнымъ вмѣшательствомъ для достиженія этой цѣли.

Въ этой статьѣ мы встрѣчаемся съ точнымъ изложеніемъ той политики русскаго кабинета, которая съ давнихъ поръ неуклонно стремится къ водворенію серьозныхъ административныхъ реформъ на балканскомъ полуостровѣ. Изъ этой статьи мы также видимъ, что русское правительство ни сколько не измѣнивъ свой взглядъ, а равно удержавъ въ полной силѣ европейскій концертъ, тѣмъ не менѣе смотритъ на дѣло прямо, видя передъ собой одну опредѣленную цѣль.

Не таковы, однакожъ, отношенія другой французской газеты «Le Nord». Эта газета особенно энергично съ нѣкотораго времени нападаетъ на англійскую теорію «нравственнаго давленія» Газета утверждаетъ, что одно лишь нравственное давленіе ни въ какомъ случаѣ не поможетъ дѣлу. Прошедшее Турціи доказало, что когда является «нравственное давленіе» со стороны Европы, то Турція обѣщаетъ реформы, которыя никогда не выполняетъ. Нападая такимъ образомъ на англійское правительство и англійскую теорію «нравственнаго давленія» въ приложеніи къ восточному вопросу, брюссельская газета намекаетъ, конечно, на другое средство, которое, по ея мнѣнію, гораздо дѣйствительнѣе. Вѣроятнѣе всего, то это средство есть «матеріальное давленіе», другими словами война. О вкусахъ, конечно, не спорятъ, но нельзя не замѣтить, что эти воинственныя фразы не имѣютъ никакого значенія и неизвѣстно, зачѣмъ говорятся. Война не есть цѣль, а средство, средство все же печальное, къ которому прибѣгаютъ только тогда, когда всѣ другія средства уже истощены.

Не смотря на воинственный пылъ газеты «Le Nord», мы не думаемъ, чтобъ она не согласилась съ нами въ этомъ отношеніи. Такъ какъ у русскаго правительства нѣтъ другой цѣли, кромѣ улучшенія быта и администраціи на балканскомъ полуостровѣ, то здравый смыслъ и логика требуютъ подождать, дѣйствительно-ли Турція выполнитъ обѣщанныя ею реформы. Пока этотъ опытъ не сдѣланъ, остается только «нравственное давленіе», которое, чтобы тамъ ни говорили, принесло уже свои плоды. Турція дала конституцію: турецкій парламентъ долженъ открыться на дняхъ. Мы — не изъ тѣхъ оптимистовъ, которые вѣрятъ въ дѣйствительность этой конституціи, но тѣмъ не менѣе нельзя не видѣть, что спасеніе Турціи, если оно еще есть, заключается только въ этой конституціи. — Турецкіе государственные люди также хорошо знаютъ это, какъ и публицисты газетъ «Le Nord», слѣдовательно, очень вѣроятно, что они искренно желаютъ введенія и упроченія конституціоннаго порядка вещей. Если это такъ, то, во всякомъ случаѣ, надо подождать результатовъ этого опыта, успѣхъ котораго можетъ спасти Европу и Россію отъ европейской войны. Другое дѣло утверждать, что опытъ непремѣнно удастся. Успѣхъ можетъ не зависѣть отъ воли и искренности Порты; побочныя обстоятельства съ одной стороны и внутреннее положеніе Турціи съ другой могутъ помѣшать упроченію конституціоннаго порядка и въ такомъ случаѣ, обязанность Европы будетъ заключаться въ томъ, чтобъ взять на себя осуществленіе дѣла, которое не по плечу Портѣ. Но раньше этого, Европѣ и Россіи остается только выжидательное положеніе вмѣстѣ съ «нравственнымъ давленіемъ», которое такъ не нравится пылкимъ публицистамъ «Le Nord».

Воинственный пылъ этихъ публицистовъ тѣмъ болѣе безтактенъ, что онъ идетъ въ разрѣзъ съ намѣреніями русскаго правительства, на сколько можно судить объ этихъ намѣреніяхъ по оффиціальнымъ заявленіямъ. Русскій циркуляръ, на который державы еще не отвѣчали, не есть выраженіе воинственныхъ намѣреній Россіи, а, напротивъ, выраженіе желанія, чтобъ по отношенію къ восточному вопросу, Россія шла рука объ руку съ Европой. Умѣренность и уступчивость Россіи на конференціи, — лучшее доказательство того, что Россія желала бы ограничиться «нравственнымъ давленіемъ» и только въ крайнемъ случаѣ прибѣгнетъ къ другимъ средствамъ. Въ настоящую минуту, иностранныя газеты наполнены комментаріями и догадками относительно поѣздки генерала Игнатьева заграницу. Они утверждаютъ, что эта поѣздка не есть результатъ желанія посовѣтоваться съ европейскими, медицинскими знаменитостями, но имѣетъ политическую цѣль. И въ самомъ дѣлѣ, генералъ Игнатьевъ, какъ извѣстно, въ Берлинѣ не совѣтовался съ берлинскими окулистами, но за то по долгу бесѣдуетъ съ княземъ Бисмаркомъ. Какъ бы то ни было, но если поѣздка генерала Игнатьева имѣетъ политическую цѣль, что очень вѣроятно, — то цѣль эта можетъ заключаться только въ желаніи достиженія полнаго согласія въ дальнѣйшихъ мѣрахъ для разрѣшенія восточнаго вопроса, путемъ мирныхъ переговоровъ. Другой цѣли быть не можетъ, потому что Россія вовсе не нуждается въ разрѣшеніи Европы объявить войну Турціи. Какъ бы ни смотрѣли на восточный вопросъ въ настоящей его формѣ, все таки неизбѣжно приходишь къ заключенію, что ждать лучше, чѣмъ дѣйствовать очертя голову, какъ этого желаютъ нѣкоторые неумѣренные и безтактные soit-disant доброжелатели Россіи и нѣкоторая, еще болѣе безтактная, часть русской печати.

Изъ Берлина, генералъ Игнатьевъ думаетъ отправиться въ Парижъ и Лондонъ. Въ Парижѣ, какъ сообщаютъ газеты, генералъ намѣренъ совѣщаться съ герцогомъ Деказомъ, а относительно Лондона, газета «Фигаро» сообщаетъ сенсаціонное извѣстіе, которое мы передаемъ не отвѣчая за его вѣрность: «Намъ извѣстно изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ, что генералъ Игнатьевъ везетъ съ собой инструкціи, способныя убѣдить англійское правительство отвѣчать на циркуляръ князя Горчакова въ томъ духѣ, что миръ будетъ обезпеченъ въ самомъ непродолжительномъ времени. Въ дипломатическомъ мірѣ придаютъ большое значеніе поѣздкѣ генерала Игнатьева».

Если генералъ Игнатьевъ въ своемъ портфелѣ везетъ съ собой миръ и разрѣшеніе восточнаго вопроса, то англійское правительство также не сидѣло сложа руки, и предлагаетъ свой проектъ мирнаго разрѣшенія восточнаго кризиса. Утверждаютъ, будто бы лордъ Дерби началъ переговоры съ русскимъ правительствомъ относительно того, что Турціи нужно дать годъ на выполненіе обѣщанныхъ реформъ; если же, по истеченіи этого срока, реформы не будутъ введены, то Европа обязуется сообща съ Россіей требовать ихъ выполненія болѣе настоятельнымъ и рѣшительнымъ образомъ. Но пока Англія, какъ и слѣдовало ожидать, желаетъ ограничиться «нравственнымъ давленіемъ». Съ другой стороны, утверждаютъ, что нѣчто подобное предложила и Турція съ тою только разницей, что срокъ долженъ простираться на три года. Въ сущности, однакожъ въ этомъ проектѣ мало новаго. Еще Мидхадъ паша предлагалъ нѣчто подобное конференціи; онъ далъ понять уполномоченнымъ, что если Порта не въ состояніи будетъ примѣнить предполагаемыя реформы, то тогда она прибѣгнетъ къ гарантіямъ, установленнымъ конференціей. Но говорятъ, что петербургскій кабинетъ не согласенъ на этотъ проектъ. Три, два, даже одинъ годъ, кажутся ей слишкомъ большимъ срокомъ, въ особенности, если допустить, что усилія Порты не приведутъ ни къ чему. Тогда, въ самомъ дѣлѣ, гарантіи, придуманныя конференціей окажутск недостаточными, и Европа принуждена будетъ рѣшиться на военное занятіе. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ возможно допустить, что Россія не приступитъ къ своему разоруженію въ теченіи такого долгаго времени, ожидая осуществленія реформаторскихъ попытокъ Порты? Вотъ почему, иностранная печать полагаетъ, что проектъ Россіи заключается въ очень корокомъ срокѣ, послѣ котораго, почти неизбѣжно, нужно будетъ приступить къ военной оккупаціи. Всѣ эти предположенія и догадки мы находимъ въ «Times», который ихъ разсматриваетъ весьма подробно и объявляетъ, что Англія никогда не согласится на нихъ. Англійская политика, по толкованію англійской газеты, стоитъ на прежней точкѣ зрѣнія: дѣйствовать на Турцію совѣтомъ, нравственнымъ давленіемъ, но ничего больше. Если Турція не въ состояніи будетъ сдѣлать что либо сама, — тѣмъ хуже для нея; Англія пожалѣетъ объ этомъ, но только платонически. Сама же она приступитъ къ какому либо рѣшительному шагу только въ томъ случаѣ, если ея личные интересы потребуютъ этого. Въ этомъ заключается англійскій планъ, который сводится на провозглашеніе чисто отрицательной политики въ настоящее время и выжидательной — на будущее.

Во всякомъ случаѣ, намъ кажется, что шансы мира, если таковыя дѣйствительно существуютъ, — покоятся не на этихъ полу-фантастическихъ планахъ. Они заключаются главнымъ образомъ въ дѣйствительной и настоятельной потребности мира, какъ въ Европѣ, такъ и въ Россіи.

Большинство нашихъ читателей привыкло видѣть въ политикѣ дѣло очень серьезное и скучное. Скучное-то оно скучное, когда не касается слишкомъ близкихъ интересовъ, но оно даетъ также значительный матеріалъ для сатиры, которою и занимаются нѣкоторые фантазеры-политики съ успѣхомъ. Какъ образчикъ политической сатиры, приведу слѣдующую выдержку, имѣющую нѣкоторое отношеніе къ предмету нашего обозрѣнія, и не лишенную остроумія.

Изъ Константинополя недавно телеграфировали, что Гамидъ II, одержимый припадками дикой ревности, запираетъ своихъ женъ подъ замокъ и носитъ постоянно при себѣ ключъ отъ гарема. Любуясь этимъ ключемъ, падишахъ по временамъ восклицаетъ: Какой-то французскій король, превращенный композиторомъ Верди въ оперу, говорилъ:

Souvent femme varie
Bien fou qui s'y fie.

Историческіе слова эти либретистъ Верди переложилъ въ извѣстный стихъ:

La donna è mobile
Qual piuma al vento.

Который поетъ съ такимъ увлеченіемъ теноръ Николини. Но все это вздоръ. Этотъ ключъ служитъ лучшимъ ручательствомъ вѣрности моихъ женъ, чѣмъ требуемыя отъ меня Европою гарантіи могутъ служить ручательствомъ равноправности презрѣнныхъ гяуровъ.

Вотъ вкратцѣ монологъ Абдулъ-Гамида, когда онъ въ позолоченной гондолѣ меланхолически качается по Босфору и, минуя Золотой рогъ, приближается къ Дарданелламъ, дабы, по совѣтамъ медиковъ, дующій съ Чернаго моря рѣзкій вѣтеръ освѣжалъ нѣсколько падишаха, разсѣялъ покрывающій его мозгъ туманъ, прогналъ бы овладѣвшій калифомъ сплинъ. Но увы! дующій съ Чернаго моря рѣзкій вѣтеръ еще болѣе усиливаетъ мрачное расположеніе «тѣни пророка», — «блаженствомъ міра» овладѣваетъ новый припадокъ ревности; его воображенію представляется ужасающая картина; его любимая фаворитка, очаровательная Фазиница — въ объятіяхъ гяура. Дикій порывъ гнѣва овладѣваетъ султаномъ; онъ жаждетъ крови, грознымъ голосомъ кричитъ онъ гондольерамъ: «Бишмалла! уко сераль!» и гондола, подъ могучими движеніями 48 веселъ, летитъ, какъ стрѣла, по зеленымъ волнамъ Босфора, и гуляющіе по берегу турки смотрятъ на гондолу и шепчутъ: вотъ ѣдетъ съумасшедшій султанъ! А Гамидъ, погруженный въ мрачныя думы, сидитъ, понуривъ голову; лицо его блѣдно, глаза блестятъ дикимъ огнемъ, онъ кричитъ неестественнымъ голосомъ: «Бишмалла! уко сераль!» И испугавшіеся гондольеры удвоиваютъ усилія, ихъ весла равномѣрно вонзаются въ черныя воды и подымаются на воздухъ, и дождь водяныхъ капель фосфорическаго цвѣта окружаетъ какимъ-то блѣднымъ, магическимъ огнемъ гондолу, киль которой съ быстротою молніи прорѣзываетъ зеркальную поверхность Босфора. А издали видно ярко освѣщенное, построенное въ мавританскомъ вкусѣ, зданіе сераля, къ которому стремится султанъ: горе вамъ, одалискимъ, горе тебѣ, полногрудая, черноокая фаворитка Фазиница!

Si non è vero, è ben trovato, говоритъ итальянская пословица.

* * *

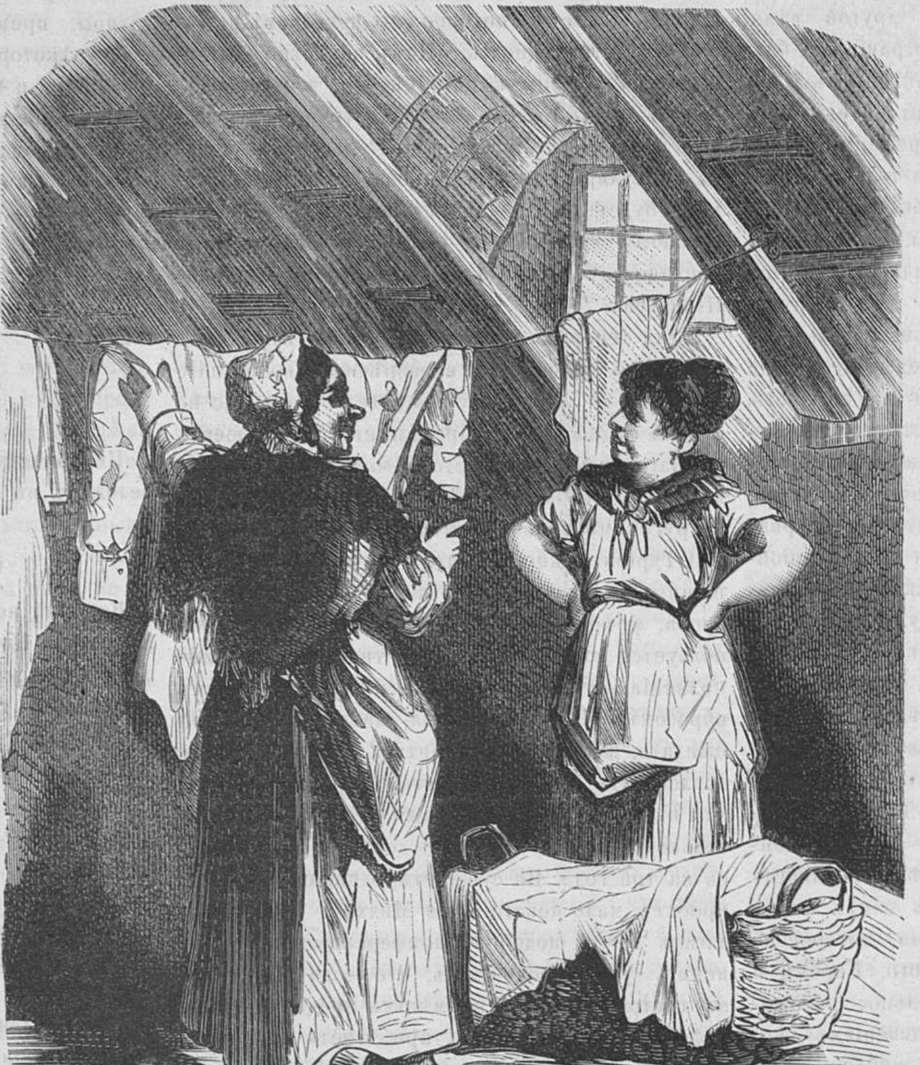
СМѢСЬ.

Въ «Московскихъ Епарх. Вѣд.» описанъ интересный обрядъ сожженія престола, который исполняется при упраздненіи пришедшей въ ветхое состояніе церкви. Понятно, что подобный обрядъ повторяется весьма рѣдко.

Во время пѣнія славословія, священники вошли въ алтарь, и разоблачивши престолъ, вынесли его на своихъ рукахъ изъ алтаря, а потомъ, въ предшествіи св. иконъ съ хоругв., и изъ церкви. Процессія медленно подвигалась къ Москвѣ-рѣкѣ, гдѣ на плоту, покрытомъ дерномъ, приготовлено было мѣсто и все нужное для сож-женія св. престола. Поставленный на приготовленное на плоту мѣсто, св. престолъ былъ обложенъ дровами, щепами и стружками и, при пѣніи церковныхъ пѣсней, былъ зажженъ за разъ съ 4-хъ сторонъ. Вечеръ былъ ясный, вѣтра почти не было, народъ стоялъ по обѣ стороны рѣки и съ нетерпѣніемъ ожидалъ появленія огня. Почти два часа длилось горѣніе: священники въ облаченіяхъ сидѣли на стульяхъ близь огня и, время отъ времени, помѣшивали дрова. Желая «видѣть кончину», остался и я, говоритъ очевидецъ, вмѣстѣ съ прочими; впрочемъ, народъ и не расходился. по крайней мѣрѣ, я не замѣтилъ чтобы кто-нибудь ушелъ отъ рѣки. Какъ вдругъ послышался въ народѣ около меня говоръ и всѣ стали указывать на престолъ; посмотрѣлъ и я туда же и увидалъ, что изъ верхней доски престола выходила вверхъ тонкая, но сильная струя дыма, точно струя воды изъ фонтана, «Это благодать, это святость выходитъ изъ престола», послышалось въ народѣ, многіе стали набожно креститься, какъ бы прощаясь съ этою благодатію. Но вотъ престолъ окончательно сгорѣлъ, сгорѣли и дрова; тогда раздвинули плотъ и оставшіеся уголья вмѣстѣ съ дерномъ глухо опустились въ воду. Многіе изъ народа, какъ только увидѣли этотъ послѣдній актъ праздника, тотчасъ бросились въ воду, кто купаться, какъ бы въ освященной водѣ, кто ловить плывшіе уголья и, поймавъ ихъ, прятали въ платки, вѣроятно, желая сберечь ихъ на память этого почти вѣкового событія. Съ рѣки церковная процессія тѣмъ же порядкомъ возвратилась въ церковь.

— Въ окрестностяхъ Нью-Іорка появилось множество бандитовъ, для которыхъ грабежъ составляетъ прибыльное ремесло. Пять изъ нихъ недавно пойманы, и ихъ показанія на судѣ довольно любопытны, относительно образа ихъ дѣйствій и истинно американскаго обхожденія съ ними ихъ жертвъ. Изъ числа пойманныхъ, только одинъ, нѣкто Джемсъ Рекли, сознался въ винѣ, между тѣмъ какъ прочіе, хотя были узнаны своими жертвами и при нихъ найдены многіе изъ похищенныхъ ими предметовъ, притворялись ни въ чемъ невиновными. Изъ слѣдствія оказалось,о какой степени окраденные относились къ нимъ благодушно. Нѣкто Вилліямъ Гринъ показалъ, что поступилъ съ бандитами такъ, что скорѣй ободрилъ ихъ, чѣмъ напугалъ. Онъ держалъ въ рукахъ револьверъ, но отдалъ его бандиту, который того требовалъ: «лишь бы ты пощадилъ нашу жизнь, можешь себѣ взять все, что у меня есть въ домѣ». Потомъ Гринъ постучался въ дверь сосѣдней комнаты, гдѣ находилась жена его брата, и сказалъ ей: «Сара! тебѣ нечего бояться. Къ намъ пришли четыре джентельмена, которые хотятъ лишь обокрасть насъ». Оригинальная сцена также происходила въ домѣ Михаила Галльера, котораго тѣ же бандиты обокрали. Старшая его дочь, Анна, забавлялась шутками съ бандитами въ то время, когда они по-своему распоряжались въ домѣ ея отца На вопросъ: «не найдете ли еще что либо въ ея комнатѣ?» — она отвѣчала: «Вы тамъ найдете священное писаніе, которое не мѣшало бы вамъ прочесть!» — Разставаясь съ ними, она имъ пожелала «веселыхъ праздниковъ (Рождества Христова) и благополучнаго новаго года!» Когда, наконецъ, бандиты ушли, она крикнула вслѣдъ за ними, что не мѣшало бы имъ зажечь домъ, на что одинъ изъ нихъ отвѣчалъ: «Съ величайшимъ удовольствіемъ, если вы того желаете».

ЮМОРИСТИЧЕСКІЯ КАРТИНКИ.



На чердакѣ.

— Пора бы, право, нашему барину сдѣлать себѣ новыя рубахи, а то, посмотри,— почти цѣлый рукавъ изодранъ....

— Ну, если цѣлый, значитъ не изодранный.... да, впрочемъ, и то сказать, развѣ кто-нибудь увидитъ подъ сюртукомъ?

— Такъ-то, оно, такъ; но вѣдь барыня купила-же себѣ дюжину шелковыхъ чулковъ?

— Это совсѣмъ другое дѣло, это всякій непремѣнно увидитъ.

* * *

Наши гравюры.

Колоссальный акварій.

Г. Тозелли задумалъ устроить для парижской всемірной выставки 1878 г. огромный акварій. Онъ предлагаетъ устроить круглое желѣзное зданіе въ 32 фут. высоты и 60 фут. въ діаметрѣ, внутри котораго онъ помѣститъ огромный бассейнъ, украситъ его скалами и морскою растительностію и наполнитъ его всевозможными рыбами. Въ стѣнки бассейна будутъ вставлены сильныя чечевицеобразныя стекла; вокругъ между бассейномъ и самымъ зданіемъ будутъ устроены галлереи, такъ что посѣтитель будетъ наблюдать изъ галлереи чрезъ чечевицеобразныя стекла подводную жизнь на разной глубинѣ. На днѣ бассейна г. Тозелли намѣренъ устроить выдуманный имъ подводный молъ, имѣющій нѣкоторое сходство съ водолазнымъ колоколомъ, съ тою только разницею, что молъ заранѣе наполняется воздухомъ; онъ можетъ свободно передвигаться и освѣщать окружающую воду электрическимъ свѣтомъ. Посѣтитель, прослѣдовавшій съ верхней галлереи за спускомъ этого снаряда, переходитъ затѣмъ въ нижнюю галлерею, какъ бы спускаясь въ море на глубину 10 фут.; вода на этой глубинѣ сохраняетъ еще голубой цвѣтъ. Посѣтитель, спустившись въ галлерею ниже первой, будетъ находиться на 22 ф. ниже поверхности моря, здѣсь вода имѣетъ уже зеленоватый цвѣтъ, и отсюда можно разсматривать вершины скалъ, на ходящихся на днѣ, и большихъ рыбъ. Затѣмъ, спустившись на самую нижнюю галлерею, посѣтитель будетъ въ состояніи обозрѣвать внутренность подводнаго мола, опущеннаго на дно, и слѣдить за движеніемъ губокъ, коралловъ и другихъ обитателей морского дна, освѣщаемыхъ электрическимъ свѣтомъ.

Г. Тозелли предполагаетъ въ этомъ акварiѣ показать крушеніе небольшого судна, нагруженнаго 10 тоннами камня, и затѣмъ вытащить его на поверхность посредствомъ изобрѣтеннаго и названнаго имъ снаряда ais hydric chain.

Молъ можетъ помѣщать въ себѣ 4 человѣка и желающія будутъ опускаемы на дно.

Планъ устройства и расположенія бассейна съ галлереями можно видѣть на прилагаемомъ рисункѣ, представляющемъ зданіе въ разрѣзѣ; мы позаимствовали этотъ рисунокъ изъ «Revue Industrielle».

Трубковидная рыба.

Рыбы, извѣстныя зоологамъ подъ названіемъ fistularidae имѣютъ весьма удлиненный ротъ, какъ напримѣръ у centriscidae или копьеобразной рыбы, у которой ротъ находится на концѣ длинной трубки. Рыба эта длинная и походитъ на змѣю, у не спинной хребетъ не доходитъ до заднихъ плавниковъ. Трубковидная рыба, показанная на приложенномъ рисункѣ, принадлежитъ къ самымъ замѣчательнымъ разновидностямъ этого семейства; она встрѣчается въ тропическихъ полосахъ антлантическаго океана. Она безъ чешуи и хвостъ ея имѣетъ вилообразную форму, половинки котораго иногда соединены и заканчиваются длиннымъ копьемъ, въ иныхъ же случаяхъ онѣ раздѣлены, но все же заканчиваются удлиненнымъ копьемъ.

Трубка снаружи почти гладкая или покрыта небольшими зазубринами и зелено-оливковаго цвѣта; верхняя же часть рыбы имѣетъ голубыя полосы и пятна. Въ нѣкоторыхъ разновидностяхъ этой рѣдкой породы спина темнокрасная.

Нищій. Снимокъ съ картины Стаммела.

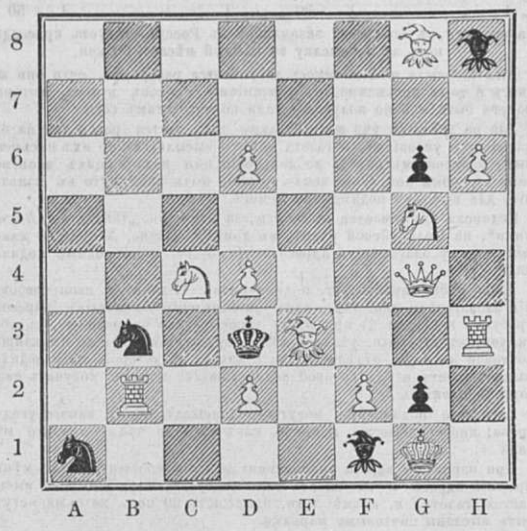
Обратите вниманіе на это изнуренное, старое лицо: сколько физическаго и нравственнаго страданія въ этомъ лицѣ. На гравюрѣ вы видите эти лихорадочно-блестящіе, но въ то же время утомленные глаза, эти морщины,— изъ которыхъ каждая представляетъ собою цѣлый міръ страданій, душевной боли, сожалѣнія неудавшейся жизни. Сѣдые, всклоченные волосы, видавшія, вѣроятно, на своемъ вѣку не одно униженіе, не одинъ позоръ, — это лицо, въ которомъ голодъ, можетъ быть, столько же, сколько и нравственное страданіе, — оставили свои слѣды, — вотъ мысли, неизбѣжно приходящія въ голову всякому, кто внимательно разсматриваетъ нашу гравюру. Картина замѣчательна именно тѣмъ, что все вниманіе зрителя неизбѣжно приковано къ лицу, на которомъ вы видите драму, столь часто встрѣчаемую въ жизни. По экспрессіи всего лица, по подробностямъ, по одеждѣ, и всѣми аксессуарами, вы неизбѣжно признаете въ этомъ старикѣ нищаго,— не того нищаго, для котораго собираніе милости — извѣстнаго рода профессія, иногда очень прибыльная и выгодная, а того, которому, дѣйствительно, нечего ѣсть, и который съ болью въ сердцѣ, со стыдомъ въ лицѣ протягиваетъ свою продыравленную шляпу прохожему. Въ этой картинѣ — цѣлая драма,— одна изъ самыхъ ужасныхъ драмъ, создаваемыхъ нашей цивилизаціей.

Шахматы.

Задача VIII.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 2 хода.

Черные.



Бѣлые.

Рѣшеніе VII задачи, помѣщенной въ № 8

Бѣлые. *Черные.*

Газета «Deutsche Schachzeitung» объясняетъ слѣдующимъ образомъ рѣшеніе этой задачи. «Мы видимъ здѣсь двоякую цѣль: первая состоитъ въ томъ, что пѣшка B2 желаетъ проникнуть въ ворота, кромѣ того дать матъ въ 3 хода. По первому ходу бѣлыхъ: E7—E4 опускается щитъ воротъ и образуется буква Н. Противникъ отвѣчаетъ: F5—E4 беретъ и буква Н измѣняется въ дамскую шкатулку. Такъ какъ для насъ эта вещица безполезна, играемъ далѣе: F6—G4, чѣмъ образуется вольтеровское кресло. Впрочемъ, сильное движеніе противника: E4—E3 ломаетъ пополамъ поручень кресла, но это нисколько не обезкураживаетъ насъ и послѣднимъ движеніемъ бѣлыхъ G4 — E5† и матъ получается красивый, стоящій налой».

Газета прибавляетъ, что «несмотря на всѣ эти чудеса, пѣшекъ B2 стоитъ какъ вкопанный, неподвижно».

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи. Жюль Мишле (съ рис.).—Капканы. (Очеркъ изъ народнаго быта.) — Доброволецъ. (Разсказъ изъ народнаго быта.) —Необыкновенная постель. (Съ англ. М. Е.)—Сонъ негра (стихотв.)—Библіографія.—Новости наукъ и жизни.—Со всего свѣта.—Смѣсь.—Юмористическія картинки. — Наши гравюры.—Шахматы —Объявленія.

Гравюры. Портретъ Жюль Мишле. — Колоссальный акварій.—Трубковид. рыба.—Нищій.—На чердакѣ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Объявленія.

ОТЪ КОНТОРЫ ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ.

За перемѣну адреса редакція проситъ гг. подписчиковъ высылать:

1) За перемѣну петербургск. на иногородн. 85 к.
2) » » иногородн. на петербургск. 50 »
3) » » иногороднаго на иногородн. 25 »

Въ конторѣ редакціи **„Живописнаго Обозрѣнія“** а также въ музыкальныхъ магазинахъ В. Бесселя и Кº и М. Бернарда, находятся въ продажѣ **ноты:**

МАРШЪ РУССКИХЪ ДОБРОВОЛЬЦЕВЪ.

Сочиненіе **ФЛОРІАНА ГЕРМАНА.** (8 страницъ). Цѣна **1** руб. съ пересылкою **1** р. **50** коп.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ НОВЫЯ КНИГИ.

Опредѣленіе жизни. Сочиненіе Клодъ Бернара. Переводъ съ франц. Спб. 1876. Ц. 35 коп., съ перес. 50 к.

Руководство кройки и шитья женскаго платья, по вновь изобрѣтенной, весьма простой и вѣрной системѣ, 3 отдѣл. и 2 част., съ 15 рисунками и многими планами. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.

Новый способъ рисованія, посредствомъ котораго, всякій, даже не имѣющій понятія о рисованіи, можетъ весьма легко, безъ всякой предварительной подготовки, снимать копіи съ рисунковъ, картинъ, фотографическихъ картъ, портретовъ, и проч., — совершенно сходныя съ оригиналомъ, съ приложеніемъ: **Новый способъ умноженія,** который изучается въ 5 минутъ безъ помощи учителя. Спб. 1877 г. Въ роскошномъ картонажѣ, съ приборомъ и объясненіемъ. Ц. 3 руб. съ перес.

Съ требованіемъ гг. иногородные благоволятъ обращаться исключительно на имя Петра Петровича **Федорова.** С.-Петербургъ, Большая Садовая улица, близъ церкви Покрова Богородицы, д. Артомоновыхъ № 88.

О ПОДПИСКѢ НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
въ 1877 году
(Годъ пятнадцатый).

Русскій Архивъ будетъ выходить въ 1877 году на прежнихъ основаніяхъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1877 года, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ **восемь рублей.**

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1877 году доставляютъ или высылаютъ эти **восемь** рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, въ Москву, на Никитскій бульваръ, въ домѣ Дюгамеля, въ Контору Русскаго Архива.

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается на Большой Морской № 11, въ Главной Конторѣ газеты Русскій Міръ.

Заграничные подписчики платятъ въ Германіи, Бельгіи и Франціи 10 рублей, въ Англіи, въ Швейцаріи и Италіи. 11 рублей.

Въ конторѣ Русскаго Архива, въ Москвѣ, на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ Дюгамеля, можно получать слѣдующія книги Русскаго Архива прежнихъ годовъ.

Главнѣйшія книги здѣсь исчисляются:

1872 годъ. *Книга первая.* (Воспоминанія Ѳ. П. Лубяновскаго. — Записка графа Нессельдорфа о Русской политикѣ послѣ Парижскаго мира.—Мининъ и Пожарскій, статьи И. Е. Забѣлина. Воспоминанія А. Н. Аѳанасьева.—Записки Вебера о Петрѣ Великомъ и пр.). Цѣна 4 рубля.

1872 годъ. *Книга вторая.* (Воспоминанія графини А. Д. Блудовой.—Записки Вебера о Петрѣ Великомъ.—Письма Поздѣева.—Письма графа С. Р. Воронцова къ графу Ѳ. В. Ростопчину. Выдержки изъ Старой Записной Книжки. — Письма М. А. Волковой къ В. И. Ланской, 1812 года. — Общій указатель Русскаго Архива за первыя десять лѣтъ и пр.). Цѣна 3 рубля

1873 годъ. *Книга первая.* (Біографія князя Г. Г. Орлова.—Письма о Франціи, князя Куракина, 1810 г.—Письма Жуковскаго о воспитаніи Государя Императора Александра Николаевича.—Письмо жениха-Пушкина къ его тещѣ.—Политическія записки Ѳ. И. Тютчева. —Записки графа П. Х. Граббе.—Записки Н. И. Греча. — Записки графа І. И. Ростовцева. Записки И. П. Сахарова.—Записки И. А. Шестакова). Цѣна 4 рубля.

1873 годъ. *Книга вторая.* (Записки Фокерода о Петрѣ Великомъ. - Бумаги П. А. Демидова. Е. И. Нелидова. Донесенія изъ Франціи графа А. И. Маркова. Записки о 1812 годѣ, П. А. Тучкова. Записки Фотія. Записки А. Я. Стороженки.—Воспоминанія графини А Д. Блудовой. Россія и Германія, статья Ѳ. И. Тютчева. Замѣчанія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича на сочиненіе г-на Берга о Польскихъ заговорахъ. Выдержки изъ Старой Записной Книжки). Цѣна 4 рубля.

1874 годъ. *Книга первая.* Осьмнадцать писемъ В. А. Жуковскаго къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ (1826—1889) о воспитаніи, отроческихъ лѣтахъ и первой молодости Государя Императора Александра Николаевича.—Пятьдесятъ писемъ А. С. Пушкина къ князю П. Вяземскому (1816 1831) съ новыми стихами А. С. Пушкина. — Записки Мессельера о пребываніи его въ Россіи съ Мая 1757 по Мартъ 1759. Письма лорда Мальмсбюри о Россіи въ царствованіе Екатерины II-й. Записки князя Ѳедора Николаевича Голицына. — Записки Хршонщевскаго (1770 –1820). Переводъ съ Польской рукописи.—Записки Ильи Ѳедоровича Тимковскаго. Изъ Записокъ Николая Ивановича Лорера (Декабристы на Кавказѣ). Воспоминанія графини А. Д. Блудовой. 1831 годъ. Польскій мятежъ и первая холера.—Уроки исторіи, статьи Д. И. Иловайскаго (Мнимые охранители). Съ гравированнымъ портретомъ князя В. Ѳ. Одоевскаго.

1874 годъ. *Книга вторая.* Кончина и духовное завѣщаніе графа М. П. Бестужева-Рюмина.—Два письма Д. В. Волкова къ Г. Г. Орлову о Петрѣ Третьемъ. — Секретные рескрипты Екатерины Второй князю Потемкину. — Предположенія князя Потемкина о Польскихъ дѣлахъ съ замѣтками Екатерины Второй.—Планъ князя Потемкина о наборѣ національныхъ войскъ въ Польшѣ съ замѣтками Екатерины Второй.—Канцлеръ князь Безбородко (Опыты разработки матеріаловъ для его біографіи) Н. И. Григоровича.—Черта Русской политики въ послѣдніе дни XVIII вѣка. Письмо императора Павла къ С. А. Колычову и тайный наказъ о переговорахъ съ Бонапартомъ.—Два письма графа Н. И. Панина къ его супругѣ въ Москву о первыхъ недѣляхъ царствованія Александра Павловича. — Два письма изъ Лондона отъ графа С. Р. Воронцова къ графу Н. П. Панину и къ императору Александру.—Изъ Записокъ Н. И. Лорера (Декабристы на Кавказѣ), съ приложеніями стиховъ А. С. Пушкина, князя А. И. Одоевскаго и письма А. Ѳ. фонъ-деръ Бриггена о Минихѣ въ Сибири.—Статья И. В. Кирѣевскаго о Баратынскомъ съ предисловіемъ Н. А. Елагина.—Семь стихотвореній С. А. Соболевскаго —Неизданные стихи Ѳ. И. Тютчева.—Еще стихи Ѳ. И. Тютчева (Какъ ни бѣсилося злорѣчье). — Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ. Статья И. С. Акакова съ гравированнымъ портретомъ Тютчева.

1875 годъ. *Книга первая.* Записки сенатора Е. Ѳ. Фонъ Брадке. Воспоминанія графини Блудовой.—Старая Записная книжка.—Письма императора Александра Павловича къ князю Васильчикову.—Записки и бумаги И. Б. Пестеля. Цѣна 2 рубля.

1875 годъ. *Книга вторая.* Сказаніе о Коліевщинѣ, М А. Максимовича.—Бумаги князя Васильчикова.—Старая записная книжка. — Москва въ 1812 году, сочиненіе А. Н. Попова. Цѣна 3 рубля.

1875 годъ. *Книга третья.* Москва въ 1812 году. Сочиненіе А. Н. Попова.—Записки графа Ростопчина о Мартинистахъ.—Первоначальное образованіе Петра Великаго.—Бумаги Жуковскаго и князя Васильчикова. Цѣна 3 рубля.

Пересылка каждой книги за три фунта, смотря по разстояніямъ; выписывающіе не менѣе двухъ книгъ, за пересылку ничего не прилагаютъ.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА
„ЗНАНІЕ“
въ 1877 году (годъ VII).

Журналъ **„ЗНАНІЕ“** будетъ издаваться въ 1877 году по прежней программѣ и въ прежнемъ объемѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА ВЪ ГОДЪ:

Безъ доставки и пересылки . . . . 12 р. — к.
Съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ. . 13 „ „
Съ пересылкою въ другіе города . . . . 13 „ 50 „

Подписка принимается:

Въ С.-Петербургѣ въ конторѣ редакціи, Караванная, 8. Въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, Страстной бульваръ, домъ Алексѣева.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться исключительно въ контору редакціи журнала „ЗНАНІЕ“, Спб., Караванная, 8.

NB. Редакція считаетъ себя отвѣтственною только передъ лицами, подписавшимися въ означенныхъ мѣстахъ.

Для подписавшихся въ редакціи допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится 5 руб. 50 коп., къ 1-му мая—4 руб. и къ 1-му сентября—4 рубля.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА СЪ ЯНВАРЯ 1877 ГОДА
„БИБЛІОГРАФИЧЕСКАГО УКАЗАТЕЛЯ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ КНИГЪ“.

Съ января 1877 года, „Библіографическій указатель русскихъ и иностранныхъ книгъ“, прилагавшійся къ журналу „Знаніе“, будетъ выходить отдѣльно въ значительно пополненномъ и расширенномъ видѣ. „Указатель“ будетъ представлять собою ежемѣсячный систематическій каталогъ всѣхъ вновь выходящихъ русскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ книгъ. Къ „Указателю“ будутъ прилагаться и частныя объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „УКАЗАТЕЛЯ“ ВЪ ГОДЪ:

Безъ доставки. . . . . 1 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ и пересылкою въ другіе города . . . . 1 „ 20 к.
Цѣна каждаго нумера отдѣльно. . . . . . — „ 10 к.

Подписка и объявленія принимаются:

Въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи журнала „Знаніе“, Караванная, 8.

Въ Москвѣ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева, Страстной бульваръ, д. Алексѣева, и Н. И. Мамонтова, Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова.

NB. „Библіографическій указатель“ будетъ по прежнему прилагаться къ журналу „Знаніе“.

Издатели **Д. Коропчевскій. И. Гольдсмитъ.**

О ПЕРЕМѢЩЕНІИ КОНТОРЫ И
ОТКРЫТІИ КНИЖНАГО МАГАЗИНА
РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА «ЗНАНІЕ».

Въ ноябрѣ настоящаго года контора редакціи журнала „Знаніе“ переводится на Караванную, д. № 8.

Вмѣстѣ съ тѣмъ при конторѣ редакціи открывается **книжный магазинъ** для продажи изданій редакціи журнала „Знаніе“, а также и всѣхъ другихъ вновь выходящихъ книгъ.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА „ЗНАНІЕ“ намѣренъ обратить **преимущественное** вниманіе на **научную и учебную** литературу.

Магазинъ принимаетъ заказы на доставленіе всѣхъ **находящихся** въ продажѣ книгъ.

Порученія иногородныхъ будутъ исполняться вполнѣ своевременно.

Въ книжномъ магазинѣ редакціи журнала „Знаніе“ принимается подписка на всѣ русскіе журналы и газеты, причемъ подписныя деньги тотчасъ же передаются въ редакцію выписываемаго изданія, и подписчику высылается билетъ означенной редакціи, по его желанію.

О всѣхъ изданіяхъ, поступающихъ въ книжный магазинъ редакціи журнала „Знаніе“, будетъ публиковаться въ особыхъ каталогахъ при „Библіографическомъ указателѣ русскихъ и иностранныхъ книгъ“, издаваемомъ редакціей.

NB. Подписчики журнала „Знаніе“, при покупкѣ изданій редакціи, по прежнему пользуются уступкой 20%, а при покупкѣ другихъ книгъ за пересылку ничего не платятъ.

СИМБИРСКАЯ
ЗЕМСКАЯ ГАЗЕТА

выходитъ съ 1-го сентября еженедѣльно,

къ газетѣ прилагается

Систематическая лѣтопись Симбирскаго Земства.

Подписная цѣна за годъ. . . . . 5 руб.
Съ пересылкой . . . . 6 руб.

Подписка принимается въ Редакціи, въ г. Симбирскѣ и во всѣхъ Симбирскихъ Земскихъ Управахъ. Новые подписчики получаютъ всѣ вышедшіе съ 1-го сентября нумера газеты.

„РУССКОЕ БОГАТСТВО“

кромѣ легкаго занимательнаго чтенія, т. е. повѣстей, разсказовъ и путешествій даетъ ежегодно **болѣе 300 изящно исполненныхъ рисунковъ** и въ каждомъ № руководящія статьи: какъ и изъ чего извлекать наибольшій доходъ, а также цѣлый рядъ статей по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства, технологіи и общедоступнымъ ремесламъ. Выписывающимъ „Русское Богатство“ на 1877 годъ, безплатно высылается: по ихъ выбору одна изъ слѣдующихъ премій: 1) **Купеческій календарь на 1877 годъ** и 6 большихъ гравюръ изъ сербско-турецкой войны; 2) **Сельская технологія** въ двухъ частяхъ съ 74 рисунками содержаніе которой слѣдующее: Приготовленіе бумаги изъ дерева. Издѣлія изъ папье-маше. Фабрикація толя и каменной бумаги. Приготовленіе разнаго рода клея. Фабрикація всевозможныхъ цементовъ и замазокъ. Глицериновое производство. Мыловареніе.—Фабрикація стеколъ.—Деготь изъ осины. Добываніе скипидара. Проволочное производство. Лудильное мастерство. Валяльновойлочное производство. Фабрикація спичекъ. Приготовленіе уксуса. Фабрикація колбасъ. Приготовленіе голландскихъ сыровъ и масла. Фабрикація сургуча и оплатокъ. Приготовленіе жидкаго стекла. Фабрикація веревокъ и канатовъ. Новые усовершен. машины и новости техники. **Книга эта въ отдѣльной продажѣ стоитъ 2 рубля.** 3) **Руководство къ постройкѣ сельскихъ зданій съ 200 рисунками** школъ, церквей, домовъ, конюшенъ, ригъ, погребовъ и проч.: содержаніе слѣдующіе: Заготовка матеріаловъ. Выборъ мѣста. Нивелировка. Возведеніе фундамента. Цоколь. Кладка стѣнъ. Плотничьи работы. Приготовленіе паркета. Стропила и крыши. Устройство печей и каминовъ. Несгораемыя постройки. Устройство громоотводовъ. Составленіе смѣтъ. Цѣна этой книги въ отдѣльной продажѣ **2 руб.** Цѣна „РУССКАГО БОГАТСТВА“ съ пересылкою **пять рублей.** Лица, желающія получить **всѣ три преміи:** Календарь, Технологію и Руководство къ постройкѣ зданій, высылаютъ **семь рублей** (т. е. 5 р. за журналъ и 2 р. за книги). Требованія адресовать въ С.-Петербургъ, редактору издателю „Русскаго Богатства“ *Н. Ф. Савичу* (уголъ Гороховой улицы и Загороднаго проспекта, домъ № 39).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПОЛУЧЕНІЕ ГАЗЕТЫ

„ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ“

въ 1877 году.

Подписная цѣна: Для городскихъ подписчиковъ съ доставкою: на годъ 2 руб., на полгода 1 руб. 50 коп., на три мѣсяца 80 к. Для иногородныхъ подписчиковъ съ пересылкою: на годъ 3 руб., на полгода 2 руб., на три мѣсяца 1 руб.

Распространяться о значеніи и популярности „Одесскаго Листка Объявленій“ считаемъ совершенно излишнимъ; четырехлѣтнее существованіе его ручается за дальнѣйшій успѣхъ его и доказываетъ, что принятыя нами для пользы изданія мѣры оказались вполнѣ цѣлесообразными. Возрастающій успѣхъ нашего изданія поощряетъ насъ неуклонно заботиться объ улучшеніи его во всѣхъ отношеніяхъ. Читателямъ извѣстно, что мы задались цѣлью придать своему изданію всеобщій интересъ, чему вполнѣ удовлетворяетъ отдѣлъ „городской хроники“, ежедневно сообщающій массу разнообразныхъ новостей дня, и по своей полнотѣ превосходящій подобные отдѣлы другихъ мѣстныхъ газетъ. Заботясь объ интересахъ читателей, мы въ тоже время не перестаемъ заботиться о самой широкой извѣстности нашего изданія, имѣя въ виду точно опредѣленную цѣль: сдѣлать **„Одесскій Листокъ Объявленій“** единственнымъ органомъ публикацій возможно широкаго района.

Продолжительный опытъ убѣдилъ насъ, что всѣ наши усилія, направленныя къ распространенію и общедоступности „Одесскаго Листка Объявленій“, рѣшительно содѣйствуютъ къ достиженію намѣченной нами цѣли, а потому мы намѣрены и на будующее время держаться прежнихъ пріемовъ.

Насколько мы успѣли поставить свое изданіе на прочныхъ и широкихъ началахъ, насколько оно уже сдѣлалось необходимымъ для объявителей и читателей, — за это можетъ ручаться общее мнѣніе тѣхъ и другихъ, на которое мы и ссылаемся. Съ будущаго же года мы намѣрены, въ интересахъ объявителей, значительно расширить кругъ читателей; для этой цѣли мы уже не ограничимся одесскимъ райономъ, гдѣ благодаря расклейкѣ многихъ экземпляровъ по городу, газета сдѣлалась извѣстной и доступной каждому жителю; не щадя издержекъ, мы обратимъ также вниманіе и на иногородныхъ читателей, для чего съ 1-го января ежедневные №№ „Одесскаго Листка Объявленій“ будутъ безплатно разсылаться въ большомъ количествѣ во всѣ земскія управы, на станціи желѣзныхъ дорогъ, въ клубы и книжные магазины Новороссійскаго края.

При такой распространенности нашего изданія помѣщеніе въ немъ публикацій становится въ высшей степени выгоднымъ для объявителей, и въ этомъ отношеніи съ „Одесскимъ Листкомъ Объявленій“ не можетъ выдержать сравненія ни одна изъ другихъ мѣстныхъ газетъ.

Подписавшіеся на весь 1877 годъ получаютъ газету со дня подписки.

Подписка принимается въ конторѣ **„Одесскаго Листка Объявленій“**, въ Одессѣ, въ домѣ Мими, на Преображенской улицѣ, противъ собора.

Редакторъ-издатель **В. В. Навроцкій.**

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1877 ГОДУ

ГАЗЕТЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЫ И ГИГІЕНЫ

„ВРАЧЕБНЫЯ ВѢДОМОСТИ“

Для врачей, публики и земства,

Выходящей два раза въ недѣлю.

Сообщеніе новостей въ области медицины и гигіены, разсмотрѣніе профессіональныхъ и общественныхъ вопросовъ, ознакомленіе публики и земства съ главными положеніями общественной гигіены и медицины, и пр.—вотъ въ главныхъ чертахъ задачи „Врачебныхъ Вѣдомостей“. Въ первый годъ изданія, въ каждомъ № „ВРАЧЕБНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“ помѣщались рефераты новѣйшихъ трудовъ по медицинѣ и гигіенѣ, какъ въ Россіи, такъ и за границей (всего болѣе 500), хроника событій во врачебномъ мірѣ и въ сферѣ науки, отчеты о засѣданіяхъ медицинскихъ и гигіеническихъ обществъ и съѣздовъ, сообщенія о преобладающей болѣзненности въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Всѣ текущія явленія и вопросы, особенно же интересующіе врачебную корпорацію и все общество, были не только сообщаемы, но, по возможности, и обсуждаемы въ газетѣ. Сверхъ того, мы можемъ указать на нѣкоторые замѣчательные труды нашихъ ученыхъ, помѣщенные въ „Врачебныхъ Вѣдомостяхъ“.

Вступительная лекція и курсъ общей терапіи. Проф. **Манассеина.**—Объ отношеніи анатоміи къ физическому воспитанію, проф. **Лесгафта.** — Туберкулы въ можжечкѣ. Проф. **Левицкаго.**—Одна изъ болѣзней кожи. Доц. **Полотебнова**—Кормленіе грудныхъ дѣтей. д-ра **Покровскаго.**—О сущности климатотерапіи. Пр. **Шрейбера.**—О вліяніи сгущеннаго воздуха на жидкости тѣла. Д-ра **Симонова.** — Физіологическое дѣйствіе раздражающихъ средствъ на кожу. Д-ра **Фейнберга.** — Кавказскія минеральныя воды. Д-ра **Купчинскаго.** — Климатолѣчебныя мѣстности въ Крыму. **А. Иванова.** — Промышленность, какъ причина болѣзней; Продовольствіе въ общественныхъ заведеніяхъ и пр. Д-ра **Николаева.** — О вліяніи умственныхъ занятій на здоровье въ школахъ. Д-ра **Шмелева.**—Гигіеническое значеніе спиртныхъ напитковъ, вредъ куренія табаку. Д-ра **Лесеневича,** и др.

„Врачебныя Вѣдомости“, будутъ выходить и въ будущемъ 1877 году два раза въ недѣлю. Всего выйдетъ въ 1877 году 100 №№ газеты.

Къ свѣдѣнію земствъ и врачей. Въ 1877 г., „ВРАЧЕБНЫЯ ВѢДОМОСТИ“ расширятъ справочный отдѣлъ преимущественно о свободныхъ вакансіяхъ въ земствахъ, городахъ, войскахъ и пр., чтобы земскія учрежденія могли получать свѣдѣнія о лицахъ, желающихъ поступить на медицинскую службу, и чтобы врачи послѣднія получали своевременныя извѣстія о свободныхъ мѣстахъ и условіяхъ службы. Подписная цѣна остается та же:

	На годъ	На 6 мѣсяц.	На 3 мѣсяц.	На 1 мѣсяцъ.
Безъ перес.	6 р.	4 р.	2 р.	75 к.
Съ дост. и перес. . . .	8 „	5 „	3 „	1 р. — к.

Подписка принимается: въ Петербургѣ—въ конторѣ редакціи, на углу большой Садовой и Кокушкина переулка, д. **Вуича** и, сверхъ того, въ книжныхъ магазинахъ гг. **Исакова, Попова, Риккера и Черкесова,** въ „магазинѣ для иногородныхъ“ и др. Въ Москвѣ—въ книжныхъ магазинахъ **Соловьева** и въ „центральномъ“. Въ Казани—въ магазинѣ **Восточная Лира.** Гг. иногородные адресуютъ письма и требованія исключительно въ контору редакціи „Врачебныхъ Вѣдомостей“. Въ конторѣ редакціи имѣется ограниченное число экземпляровъ изданія за 1876 годъ, которые высылаются желающимъ брошюрованными по цѣнѣ **8** р. за годовое изданіе.

Редакторъ-издатель **П. А. Илинскій.**

О подпискѣ на 1877 годъ на журналъ

ИНОСТРАННЫХЪ ПЕРЕВОДНЫХЪ РОМАНОВЪ,

издаваемый въ Москвѣ

Е. П. Вороновою.

Означенный журналъ издается въ 1877 году по той-же программѣ и въ томъ-же объемѣ, какъ и въ прошедшемъ, то есть: журналъ выходитъ ежемѣсячно книгами большаго формата и заключаетъ въ себѣ рядъ интересныхъ романовъ, принадлежащихъ перу лучшихъ иностранныхъ писателей.

Зная, какъ осуждается публикою растяжка интереснаго романа на многіе мѣсяцы, редакція рѣшилась, за рѣдкими только исключеніями, помѣщать въ каждой книгѣ по полному, совершенно законченному роману.

Подписная цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 12-ти книгъ, въ Москвѣ безъ доставки на домъ 10-ть руб., съ доставкой 11-ть руб., а съ пересылкою иногороднымъ 12 ть руб.

Подписавшіеся до 15-го февраля 1877 года получатъ, кромѣ означенныхъ книгъ, премію, въ видѣ отдѣльнаго романа.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ редакціи журнала, на Тверской улицѣ, въ домѣ Голяшкина и въ наиболѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Исакова.

Гг. иногородныхъ просятъ адресовать свои требованія на имя Редактора-издательницы, Елизаветы Петровны Вороновой.

Для чиновниковъ, служащихъ въ Москвѣ, допускается разсрочка черезъ гг. казначеевъ.

Въ первыхъ книгахъ журнала будутъ напечатаны слѣдующіе интересные романы: *Сынъ Роберта Дьявола, По слѣдамъ преступленія, Забытый уголокъ, Страшная тайна, Король Корсики.*

Впрочемъ, редакція оставляетъ за собой право замѣнить эти романы другими, если встрѣтятся болѣе интересные.

Редакторъ-издательница **Е. Воронова.**

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1877 ГОДУ

„НОВОРОССІЙСКАГО ТЕЛЕГРАФА“,

ГАЗЕТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ, ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ЛИТЕРАТУРНОЙ.

„Новороссійскій Телеграфъ“ будетъ выходить въ 1877 году ежедневно, кромѣ дней, слѣдующихъ за праздниками, листами большаго формата, по той же программѣ и съ тѣми же отдѣлами, какъ въ 1876 году.

Съ 1877 года **НИЛЪ АДМИРАРИ,** (**Л. К. Панютинъ**) будетъ въ числѣ постоянныхъ сотрудниковъ **„Новороссійскаго Телеграфа“.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ, печатающіяся въ „Нов. Тел.“, будутъ безплатно вывѣшиваться на главныхъ станціяхъ одесской желѣзной дороги и будутъ такимъ образомъ ежедневно распространяться на протяженіи около **тысячи верстъ** въ районѣ четырехъ губерній Новороссійскаго края. Право вывѣшивать 4-ю страницу газеты на главныхъ станціяхъ одесской желѣзной дороги исключительно принадлежитъ „Новор. Тел.“.

Подписка принимается въ Одессѣ, въ конторѣ редакціи на Соборной площади, въ домѣ Папудова.

Условія подписки.

	На годъ	На 6 мѣсяц.	На 3 мѣсяц.	На 1 мѣсяцъ.
Съ пер. или дост.	12 р.	7 р.	4 р.	1 р. 35 к.
Безъ доставки или пересылк.	10 р.	6 р.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.

Для городскихъ подписчиковъ допускается разсрочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ, если о ней будетъ заявлено при годовой подпискѣ письменно, съ указаніемъ сроковъ взноса, которые могутъ быть или полугодовые (6 руб.), или по четвертямъ года (3 руб.) но всегда впередъ.

Для различныхъ казенныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденій допускается выписка газеты въ кредитъ, по письменнымъ оффиціальнымъ предложеніямъ, съ условіемъ высылки денегъ втеченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ 1877 года.

Заявленія, предложенія, статьи, корреспонденціи и письма адресуются въ Одессу, въ редакцію „НОВОРОССІЙСКАГО ТЕЛЕГРАФА“.

Редакторъ **В. Золотовъ.** Издатель **М. Озмидовъ.**

1877 (38-й) годъ.

НУВЕЛЛИСТЪ

Музыкальный журналъ для фортепіано.

До 1875 года „НУВЕЛЛИСТЪ“ издавался въ томъ видѣ и объемѣ, какіе онъ получилъ при своемъ основаніи въ 1840 году, и уже одинъ фактъ 36-ти лѣтняго существованія „*Нувеллиста*“ очевиднымъ образомъ доказываетъ, что цѣль этого изданія выполнялась издателемъ съ надлежащимъ успѣхомъ и пользою. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, тотъ же долговременный опытъ убѣдилъ насъ также и въ томъ, что, не смотря на массу нотъ разнообразнаго характера, предоставленную „*Нувеллистомъ*“ нашимъ подписчикамъ, за сравнительно весьма умѣренную подписную плату, изданіе наше не для всѣхъ любителей было доступно по цѣнѣ. Между тѣмъ, музыкальное развитіе постоянно возрастаетъ въ массѣ нашей образованной публики, увеличивая съ каждымъ годомъ въ самыхъ отдаленныхъ краяхъ Имперіи число любителей музыки, интересующихся ея успѣхами и современнымъ положеніемъ. — Желая, съ своей стороны, посредствомъ издаваемаго нами журнала, содѣйствовать развитію музыкальнаго вкуса въ массѣ нашей публики и предоставить даже наименѣе достаточнымъ любителямъ пользоваться тѣми выгодами и удобствами, которыя даетъ „*Нувеллистъ*“, составляющій къ концу каждаго года богатую коллекцію отборныхъ музыкальныхъ пьесъ, пріобрѣтеніе которыхъ въ отдѣльности обошлось бы несравненно дороже, мы, съ 1875 года, рѣшились: допустивъ въ прежней программѣ нашего журнала нѣкоторыя измѣненія—уменьшить подписную цѣну его *на половину.* Ожиданіе наше вполнѣ оправдалось: число подписчиковъ на „Нувеллистъ“ возрасло въ такой степени, что мы увидѣли себя въ необходимости печатать всѣ номера прошлаго года *вторымъ изданіемъ* — фактъ весьма замѣчательный для періодическаго, въ особенности музыкальнаго изданія.

Въ наступившемъ 1877 году „Нувеллистъ“ будетъ издаваться по той же программѣ и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ прошедшемъ году.

„Нувеллистъ“ выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца, тетрадями до 30 страницъ большаго нотнаго формата, въ которыхъ будутъ помѣщаться:

1) *Салонныя пьесы для фортепіано.*
2) *Новые танцы.*
3) *Лучшіе русскіе романсы.*
4) *Въ теченіи года въ „Нувеллистъ“ будутъ помѣщены двѣ, болѣе или менѣе трудныя, пьесы въ четыре руки.*
5) *Сверхъ огромнаго количества музыкальныхъ пьесъ лучшихъ композиторовъ, которыя къ концу года составятъ обширный томъ отъ 350 до 400 страницъ музыки, гг. подписчики получатъ, въ видѣ ПРЕМІИ, полную оперу въ двѣ руки, по ихъ выбору изъ пятидесяти извѣстныхъ оперъ.*

Оперы, назначенныя для преміи:

Auber: La Muette de Portici. Fra Diavolo. Le Maçon. Le Domino noir. Les Diamants de la Couronne.—**Beethoven:** Fidelio. Prometheus. Egmont.—**Bellini:** I Montecchi ed i Capuletti. Norma. I Puritani. La Sonnambula.—**Boieldieu:** La Dame blanche. Jean de Paris.—**Cherubini:** Les deux journées.—**Cimarosa:** Matrimonio segreto. — **Donizetti:** Elisir d'Amore. Favorita. Figlia del reggimento. Lucia. Don Pasquale. Lucrezia Borgia.—**Flotow:** Martha.—**Gluck:** Orphée. — **Herold:** Zampa. Lecocq; Cent vierges. Fille de Madame Angot. — **Meyerbeer:** Robert le Diable.—**Mozart:** Don Juan. Figaro. L'Enlévement. La flûte ènchantée. Titus. — **Offenbach:** Grande Duchesse. Jolie Parfumeuse. Périchole. Les Brigands. La Princesse de Trébisonde. Geneviève de Brabant.—**Rici:** Crispino.—**Rossini:** Le Barbier de Séville. Guillaume Tell. Othello.—**Verdi:** Ballo in Maschera. Ernani. Traviata. Trovatore. Rigoletto.—**Weber:** Freischütz. Euryanthe. Oberon. Preciosa.

Цѣна годовому изданію „Нувеллиста“ 5 руб.; съ доставкою въ С. Петербургѣ и пересылкою во всѣ города Имперіи 6 руб.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи при музыкальномъ магазинѣ М. Бернарда, поставщика Двора Его Императорскаго Величества. Невск. пр., № 10.

Въ Москвѣ, въ музыкальномъ магазинѣ А. Гутхейль, Кузнецкій мостъ, д. Бекерса, и въ „Центральной музыкальной торговлѣ“, Кузнецкій мостъ, д. Солодовникова; въ Казани въ музыкальномъ магазинѣ „Восточная Лира“.

Редакторъ **А. Бернардъ.**—Издатель **Н. Бернардъ.**

Въ настоящемъ 1877 году

ОДЕССКІЙ ВѢСТНИКЪ

выходитъ въ форматѣ большаго листа, ежедневно, кромѣ дней послѣ праздничныхъ. Отдѣлы программы тѣ-же, что и большихъ стол. газетъ, за исключеніемъ особаго отдѣла *Югъ*, въ которомъ въ прошедшемъ году было помѣщено до тысячи корреспонденцій изъ всѣхъ губерній южной Россіи, органомъ которой газета служитъ.

Условія подписки:

Безъ пересылки или доставки. въ Россіи;		*Съ пересылкой или доставкой.* въ Россіи:	
За годъ.	12 р. — к.	За годъ	14 р. — к.
„ 6 мѣсяцевъ . . .	7 „ — „	„ 6 мѣсяцевъ. . .	8 „ — „
„ 3 „ . . .	4 „ — „	„ 3 „ . . .	4 „ 50 „
„ 1 „ . . .	1 „ 30 „	„ 1 „ . . .	1 „ 50 „

За границу, къ стоимости экземпляра въ Россіи, слѣдуетъ присоединить за пересылку за каждый мѣсяцъ 50 коп.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка, если они заявятъ о томъ письменно, съ указаніемъ сроковъ взноса, которые могутъ быть или по полугодно, или по четвертямъ года.

Для различныхъ учрежденій также допускается разсрочка на означенныхъ условіяхъ, и газета можетъ высылаться по ихъ письменнымъ заявленіямъ впредь до полученія ими надлежащихъ ассигновокъ (о срокѣ полученія коихъ должно быть упомянуто въ заявленіи) для высылки подписныхъ денегъ.

Подписка принимается *въ Одессѣ, въ конторѣ „Одесскаго Вѣстника“*, на Полицейской улицѣ, въ домѣ Л. Нитче, № 30, по какому адресу благоволятъ адресоваться и гг. иногородные подписчики.

Покорнѣйше просятъ гг. подписчиковъ: 1) заявлять свои требованія заблаговременно, такъ какъ заготовленіе печатныхъ адресовъ требуетъ времени; 2) присылать адресы четко написанные, съ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣста жительства, а также ближайшей почтовой конторы, отдѣленія или станціи, въ которой производится раздача газетъ и изъ которой подписавшійся можетъ получать свою корреспонденцію.

Городскіе подписчики могутъ подписываться съ какого угодно срока; иногородные же, неиначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

При перемѣнѣ адреса подписчики должны сообщить непремѣнно прежній адресъ и № билета или бандероли, подъ которою высылается газета, и, кромѣ того, приложить 20 коп., которыя могутъ быть высланы почтовыми марками.

ПОДПИСКА НА

„ВАРШАВСКІЙ ДНЕВНИКЪ“

въ 1877 году.

„Варшавскій Дневникъ“ въ 1877 году будетъ выходить ежедневно, листами большаго формата, по новоутвержденной программѣ, въ которую входятъ: А) Оффиціальный Отдѣлъ (Высочайшія повелѣнія; обнародованныя законоположенія: распоряженія и дѣйствія Правительства, касающіяся Привислинскаго края и Имперіи) — Б) Внутренній Отдѣлъ (редакціонныя статьи, касающіяся общественной жизни, статистики, экономическаго положенія губерній Имперіи и Привислинскаго края; выписки изъ журналовъ и газетъ, касающіяся тѣхъ же предметовъ; свѣдѣнія о важнѣйшихъ происшествіяхъ въ Варшавѣ и Привислинскомъ краѣ, взятыя изъ оффиціальныхъ источниковъ).—В) Заграничныя извѣстія.—Г) Фельетонъ (хроника общественной жизни въ Варшавѣ; художественная лѣтопись здѣшняго края и Имперіи; литературная лѣтопись).—Городской Справочный Листокъ (торговыя и биржевыя свѣдѣнія, объявленія и т. п.

(Въ „Варшавскомъ Дневникѣ“ помѣщаются всѣ объявленія присутственныхъ мѣстъ).

Подписная цѣна на „Варшавскій Дневникъ“ въ 1877 году: Для городскихъ подписчиковъ: въ годъ **9** руб., за полгода **4 р. 50 к.,** за три мѣсяца **2** руб. **25** к., за одинъ мѣсяцъ **75** к. За доставку на домъ приплачивается **5** к. въ мѣсяцъ. Для иногородныхъ въ годъ **12** р., на полгода **6** р., за три мѣсяца **3** р., за одинъ мѣсяцъ **1** р. Подписка принимается въ конторѣ Редакціи, на Медовой улицѣ, домъ № 18, куда благоволятъ адресоваться гг. иногородные.

Отъ редакціи „ГРАЖДАНИНА“.

Съ 1 января 1877 года началось печатаніе, по возможности въ каждомъ № „Гражданина“, „Дневника“ извѣстнаго нашего сотрудника-князя *Владиміра Петровича Мещерскаго.* „Дневникъ“ князя будетъ вестись аккуратно и просто; по возможности изо-дня-въ-день. Авторъ ежедневно будетъ записывать все интересное — слышанное, видѣнное и прочитанное имъ въ теченіе дня о событіяхъ и лицахъ какъ въ высшихъ, такъ и во всѣхъ другихъ сферахъ жизни, о политикѣ внѣшней и внутренней, о новыхъ книгахъ, о предметахъ искусства, о газетахъ и журналахъ, русскихъ и иностранныхъ, о происшествіяхъ, толкахъ и слухахъ, — и такимъ образомъ наши читатели получатъ возможность еженедѣльно, въ легкой и занимательной формѣ, слѣдить за всѣмъ выдающимся въ Россіи и Европѣ.

При слѣдующемъ нумерѣ Живописнаго Обозрѣнія разошлется мартовское приложеніе ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО“.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 26 февраля 1877 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 л., д. № 12.

Живописное Обозрѣніе

Гос Публична в Ленинграде

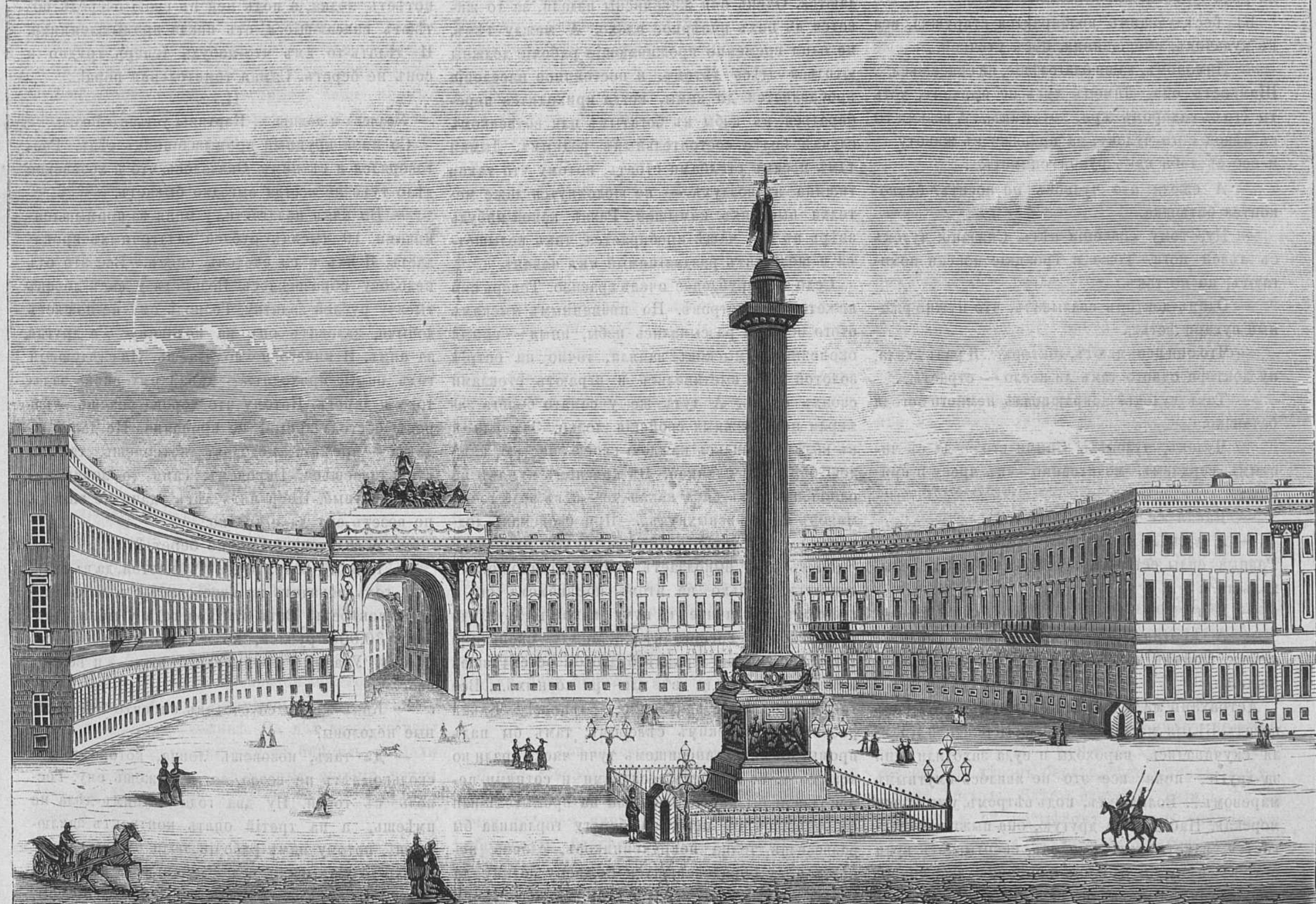
№ 10. Томъ I. На годъ съ доставкою и пересылкою 7 руб.; на полгода 4 р. 50 к. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 6 Марта 1877 года. *Адресъ конторы редакціи:* С.П.-бургъ, Васильевскій островъ, 3-я линія, д. № 48. Годъ V.

Въ ближайшихъ нумерахъ «Живописнаго Обозрѣнія», будутъ напечатаны между прочими: **Лекція о Бирманской Имперіи** нашего извѣстнаго путешественника **П. И. Пашинò**; въ редакціи уже находятся кромѣ того, статья **П. И. Пашинò: „Спиритъ Эдди и индостанскіе Кудесники“.**

За тѣмъ, — въ одномъ изъ слѣдующихъ нумеровъ, мы начнемъ печатаніе разсказа **Н. П. Стремоухова: „Истинное происшествіе, — разсказъ одного бухарца“.**

В. И. Немировичъ-Данченко тоже обѣщалъ намъ свое сотрудничество.

Подписка продолжается. Вновь подписавшіеся получаютъ всѣ вышедшіе въ 1877 году №№ вмѣстѣ съ приложеніями.



Александровская колонна въ С.-Петербургѣ.

Въ устьяхъ Волги.

В. И. Немировича-Данченко.

I.

Цитронъ отъ морской болѣзни. — Дельта Волги. — Семирублевое.

— Однако рано вы пожаловали на баржу.

— А что?

— Да выйдемъ часа черезъ три.

Выбирать было нечего. На баржахъ «Кавказа и Меркурія» хоть каюты чисты и удобны. Лучше было отсыпаться здѣсь, чѣмъ возвращаться въ грязный номеръ армянскаго трактира. Народу было немного. Какой-то таможенный чиновникъ, видимо изъ армянъ, весь обугленный, морякъ, собиравшійся сдѣлать экскурсію по Каспійской лужѣ, какъ онъ называлъ это море, да чахоточная дама, заранѣе приходившая въ ужасъ при одной мысли о морской болѣзни....

— Неужели будетъ качать? Приставала она ко всѣмъ.

— А вы не думайте....

— Какъ не думать, помилуйте.... Вѣдь это — мука.... Неужели опасно? обращается она къ священнику, мирно расчесывавшему браду растопыренными перстами.

— Въ руцѣ Божіей! Вздыхаетъ батюшка....

— Точно.... Но и цитронъ тоже пользителенъ....

— Ахъ нѣтъ.... Я въ прошломъ году сколько лимоновъ съѣла....

— Ну?... Оживляется пастырь.

— И не помогло....

— Ужли?... А я съ собою дюжину везу, страха ради іудейска....

Къ бесѣдующимъ подбирается старушка, вся въ кулачокъ, сморщенная, носъ уточкой....

— Лимономъ, ваше благолѣпіе, не спасешься.... Шамкаетъ она. Лимонъ тутъ не причемъ, хоть ты его съ сахаромъ жри, хоть такъ.... А возьми ты съ лѣвой ноги чулокъ, да привяжи къ животу — и все съ тебя какъ рукой сниметъ....

— А ежели кто чулковъ не носитъ? безпокоится батюшка.

— Ну, тому спасенія нѣтъ. Сказано: чулокъ съ лѣвой ноги. Тоже и Троицкіе пояски помогаютъ, но не такъ.

— Одинъ докторъ сказывалъ, что нужно ржаные сухари ѣсть....

— Что они понимаютъ, доктора?... Я разъ ѣхала, ну доктора одного такъ ли несло — страсть...

— Такъ чулокъ? допрашивалъ немного погодя батюшко.

— Чулокъ, чулокъ.... Сними его — да съ чистымъ сердцемъ, молитвенно — къ чреву и привяжи.

— Какая же въ немъ сила-то?...

— А ужъ я этого тебѣ сказать не умѣю.... Разныя силы есть. Ты про кошачій хвостъ слыхалъ-ли?

— Нѣтъ.

— А противъ насморка — первый медикаментъ. Поймай кота, опали ему хвостъ, да и понюхай....

Астрахань мало по малу отодвигалась отъ насъ назадъ. Бѣлыя массы ея домовъ, церквей и Кремля скучивались, пароходы и суда заходили одни за другіе, пока все это не явилось смутнымъ маревомъ.... Волна тутъ, подъ вѣтромъ, уже почти морская. Набѣгая на другую, она пыжится, вздувается, взметываетъ гребень, свертываетъ края его въ пѣну и, одолѣвъ покорившуюся соперницу-волну, обдаетъ ее всю бѣлою, взмыленною кипѣнью. Послѣ этого, точно истощивъ свои усилія, волны долго клубятся мутнякомъ, пока опять не сплотятся въ могучія гряды.... Вотъ онѣ вновь выгибаются и словно нацѣливаются, прежде чѣмъ кинуться на встрѣчныя. Что-то хищное сказывается въ этомъ, какая-то хитрая злоба въ стихійной борьбѣ ихъ.... Береговъ почти не видать. За Астраханью они совсѣмъ припадаютъ къ водѣ и стелются желтыми или зелеными низинами. Изрѣдка бурые, глинистые холмы чуть-чуть разнообразятъ едва замѣтныя линіи праваго берега, треплятся на нихъ по вѣтру кучки блеклой зелени — а тамъ, позади та же ровная, безъ перерыву степь.... Рѣка видимо мелѣетъ. Поперегъ тянутся зачастую сочныя луговины. Мѣсяцъ назадъ надъ ними легко проходили пароходы, а теперь мирно пасутся по мелевымъ понизямъ калмыцкія стада или камышъ привѣтливо киваетъ нáмъ своими серебристыми метелками. Вонъ по серединѣ рѣки плаваютъ въ лазуревомъ просторѣ вершины карагучей.... Рощица еще подъ водою.... Точно зеленое облако припало къ Волгѣ и отдыхаетъ на ея теплой въ эту пору груди...

— Ишь — село Семирублевое.... указываютъ мнѣ.

— Это ради чего такое названіе дали?

— А человѣка здѣсь за семь рублей убили.

Точно также слѣдующее село слыветъ Башмаковкой, потому что чья-то любовница здѣсь башмакъ потеряла. Названія становятся очень игривы. Вонъ, напримѣръ, точно змѣя серебрится на солнцѣ посреди зеленыхъ луговинъ.

— Хорошая рѣка, сообщаютъ мнѣ. Парашкина щель зовется... Рыбы здѣсь до пропасти!

Самый способъ построекъ совершенно другой уже. Дома точно въ плетневыя корзинки, забитыя землею, поставлены, чтобы не снесло водопольемъ. Избы маленькія, видимо лѣсъ дорогъ, низенькія, часто и камышовые шалаши попадаются. Очень они живописны издали, за то живется въ нихъ навѣрное плохо. А между тѣмъ, не одни временно проживающіе рабочіе должны ютиться здѣсь лѣтомъ, и постоянное населеніе пробавляется до зимы, когда приходится перебираться въ избы къ богатымъ или во всякомъ случаѣ болѣе состоятельнымъ роднымъ. Дымки тамъ и сямъ столбами стоятъ, потому что такая тишина въ воздухѣ — не шелохнутся даже метелки высокихъ камышей. Развѣ какой-нибудь звѣрь въ ихъ чащѣ пробирается, такъ колышется и шелеститъ раздвигаемый имъ чаканъ.

Село Семирублевое очень красиво. Теперь оно кажется на островѣ. По низменнымъ мыскамъ этого острова разсыпались избы, иныя — самыя оконечности мысковъ заняли, точно на остріѣ золотой косы выставились и играютъ стеклами своихъ оконъ. А тутъ же у самаго берега замерли неподвижныя свойскія лодки. Замерли и въ водѣ отразились каждою своею снастью, каждою бортовою планкой. Въ красномъ кумачѣ на одной изъ нихъ баба какая-то — и въ водѣ точно маковъ цвѣтъ вспыхнулъ... При свойскихъ лодкахъ — маленькіе челночки, будто муравьи... Одна въ рѣку выползаетъ. Веслами точно ногами двигаетъ. Только на этомъ насѣкомомъ вы и гребцовъ различите и кучу какой-то рухляди промысловой посерединѣ.... Между свойскими тоже заснули на зеркалѣ будтó бы остеклѣвшей Волги подчалки и двѣ или три косныхъ.... Все такъ тихо, такъ идиллично.... лѣниво!... Какая разница съ далекимъ сѣверомъ; тамъ бы надъ промысловымъ становищемъ тучи чаекъ орали во всю мочь, по бухтамъ десятками и сотнями переползали бы карбасы, спѣша на промыселъ или возвращаясь съ него, на берегу горланила бы развеселая толпа покрученниковъ, словно невѣсть чему обрадовавшихся Божьему солнцу да теплу, когда рыбка ловится добычливѣе.... Пѣсни бы неслись оттуда во весь этотъ просторъ и самый океанъ величаво гналъ бы все впередъ и впередъ, безъ конца, безъ края, свои неугомонныя волны.... И не понизью разстилался бы берегъ, не зеленѣлъ бы онъ луговинами, по которымъ отъ солнечныхъ лучей точно изумрудныя искры вспыхиваютъ, — нѣтъ. Позади становища вздымались бы мрачныя и унылыя сѣрыя стѣны гранитнаго вала, въ самый океанъ входили бы они и обрушивались круглыми горбинами; только изъ черныхъ разщелинъ трепалась бы по вѣтру ползучая сосна, да внизу въ логахъ, никому съ моря незамѣтныхъ, печально улыбнулась бы намъ скудная флора полярной украйны нашей.... Должно быть на этомъ зноѣ каспійскомъ, на этомъ привольѣ богоданномъ и работается не такъ, какъ работается тамъ, гдѣ ни съ того, ни съ сего, послѣ жаркой недѣли, морозомъ ударитъ, и еще вчера сверкавшее, словно золотой щитъ, озеро — корою ледяною покроется!...

— Рядомъ съ Семирублевымъ — другой островъ. Тамъ круглятся рапны садовъ, оттуда какимъ-то раздражающимъ нервы ароматомъ обноситъ; такъ и тянетъ съ палубы этой баржи, съ самаго солнечнаго припека, уйдти туда въ тѣнь и глушь карагачевыхъ аллей, подъ живые своды серебристаго тополя.... Воображаю, какъ тамъ у воды звѣнятъ теперь стрекозы, какъ заливается въ гущѣ перепутавшихся вѣтвей всякая мелкая пташка и какъ дѣтски задорливо перекидывается, злясь и ворча, съ камня на камень алмазный ручей.... А тутъ — жара, вонь отъ каменнаго угля, прокислый запахъ отъ персидскихъ бараньихъ шапокъ.

Пустынные острова потянулись. Иные песчаные совсѣмъ, ни одной былинки на нихъ, подъ солнцемъ — глаза слѣпятъ.... А у желтыхъ отмелей неводники пристали, челноки на самый песокъ вытащены и килемъ вверхъ опрокинуты. Жжетъ ихъ теперь, смола насквозь проступаетъ — потѣетъ лодка, а подъ ней въ свою очередь потѣютъ спасающіеся отъ пекла промышленники. И дѣлать-то имъ что-нибудь теперь трудно и сонъ не беретъ. Самая томительная пора!...

II.

Хозяева и ловцы. — Картины устьевъ Волги.

Со мной крупный промышленникъ сѣлъ. Разговорился я съ нимъ. Оказалось, что и хозяйское дѣло тутъ не всегда выгодно бываетъ.

— Вы какъ полагаете, у меня за промышленниками 19 тысячъ рублей задаточныхъ пропадаетъ. Я ихъ и со счетовъ снесъ. Все это отъ недолову образовалось. Возьметъ у васъ ловецъ тысячу рублей задатку. Господь ему не пошлетъ добычи, заловитъ онъ на половину — а другая за нимъ. И ничего не подѣлаешь. На слѣдующій годъ опять приходитъ — давай ему вновь задатокъ и денегъ. Потому что хорошо знаешь — парень обстоятельный, не пропойца. Не дашь задатка — прежній недоловъ потеряешь, такъ и втравливаешься. Впрочемъ, сами то ловцы народъ честный. Иной пять лѣтъ удачи не знаетъ, не везетъ ему да и только.

— А задатокъ ежегодно беретъ?

— Каждый разъ. Ну, а въ шестой, да въ седьмой годъ попадетъ на свое счастье и всѣ недоловы покроетъ. Вотъ эти три года у меня недолову 30,000 рублей, но я знаю, что верну его назадъ. Удачный промыселъ будетъ — и возьму свое.

— Какъ же вы со счетовъ сносите безнадежные недоловы?

— Да такъ, позовешь ловца, которому нѣсколько лѣтъ не везло, да и скажешь ему: Господь съ тобой. Ну два года съ нимъ дѣла не имѣешь, а на третій опять контрактъ заключаешь, потому намъ рабочіе люди нужны.

Что-то ужъ очень великодушничалъ этотъ патронъ. И хотѣлось вѣрить ему и невольно сомнѣнье брало. Знакомъ я и съ типомъ сѣверныхъ міроѣдовъ и кулаковъ, да и южные эксплуататоры мнѣ не въ диковинку. А тутъ вдругъ — Господь съ тобой! Поневолѣ шевелится на душѣ: врешь, братъ, что нибудь не такъ у тебя, У настоящаго скопидома-хозяина, рабочій, разъ задолжавшійся, никогда изъ кабалы не вылезетъ, такъ ему на чужой работѣ и вѣкъ свѣковать придется, да и дѣтямъ своимъ ту же кабалу, точно петлю на шею, оставить. Вонъ — поморье Кемское въ этой петлѣ сколько уже времени бьется, все выбиться не можетъ, да и рабочіе астраханскіе вовсе ужъ не такими благодѣтельствуемыми счастливцами смотрятъ. А впрочемъ. чѣмъ чортъ не шутитъ, сказываютъ, что въ Ильинъ день и кукушка пѣтухомъ поетъ, отчего же и астраханскому Китъ Китычу подъ веселую руку не подарить своимъ ловцамъ недолова, котораго все равно не вернешь съ нихъ!..

Я самъ убѣдился только въ одномъ: каждый ловецъ и добычникъ нашъ астраханецъ гораздо самостоятельнѣе держитъ себя съ хозяиномъ и пособачьи въ глаза ему не смотритъ. Такъ, напримѣръ, на Бирючей косѣ, у г. фонъ-Бремзена привелось мнѣ видѣть сговоръ передъ промысломъ хозяина съ ловцами. Воображаю, какъ-бы раздвинулъ свои сонные буркалы сѣверный паукъ. поморъ-міроѣдъ, если-бы къ нему такъ относились рабочіе, тамъ — вѣрные его рабы и безотвѣтные на хозяйскую мошну труженики. Въ одномъ, впрочемъ, я убѣдился въ Астрахани — недоловъ мужа не падаетъ на его жену, наслѣдующую послѣ смерти своего кормильца его снасти и судно. Вѣрными ловцами очень дорожатъ хозяева и всячески ублажаютъ ихъ. Ловецъ такой входитъ въ кабинетъ каспійскаго аристократа, какъ къ себѣ въ избу, садится и ведетъ съ нимъ толковый разговоръ, нисколько не принижая своего достоинства, какъ равный съ равнымъ. Разумѣется далеко не то съ наемными рабочими. Тѣмъ иная честь. Дальше передней они не заглядываютъ вовсе.

Чѣмъ ближе къ Каспію, тѣмъ больше птичьяго гама и стрекоту. Окрестности оживляются, больше судовъ идетъ на встрѣчу, чаще промысловыя ватаги. Вотъ на берегу какой-то накатъ, видимо отъ напора льда—валъ образовало. За валомъ кровли избъ, ближе—массы столбиковъ, на нихъ невода сушатся... Собаки бродятъ десятками. Пронзительный лай одной изъ нихъ даже сюда доносится и дразнитъ ухо.

— Маячки село! Чудесно здѣсь рыбка ловится. Хозяева живутъ исправно. И дѣйствительно —крыши тесовыя и избы понаряднѣе тѣхъ, что мы оставили за собою.

— Долго-ли еще до Бирючей косы?

— Всего отъ Астрахани восемьдесятъ четыре версты считается.

— Только вы нашему счету не вѣрьте, вмѣшивается здоровенная бабенка. Щеки, точно яблоки—поди и твердыя такія-же. Ядреная вся, румяная.

— Отчего не вѣрить?

— Да у насъ кто мѣрялъ-то? Мѣрялъ Тихонъ да Тарасъ, у нихъ цѣпь оборвалась. Тихонъ говоритъ: давай свяжемъ, а Тарасъ—и такъ скажемъ. Восемьдесятъ, такъ восемьдесятъ...

Камышевое царство пошло отсюда. Всѣ берега зеленой стѣной стали, только издали эта стѣна, разумѣется, жалкой полоской кажется. Изрѣдка только раздвинутся камыши, давая доступъ къ водѣ песчаной проложинѣ. На ней какія-то черныя точки. Всматриваешься въ бинокль—издали чуть село мерещится, громадные черные котлы тутъ-же: Прежде въ нихъ жиръ изъ бѣшенки топили...

— Ну, а теперь?

— Топимъ тоже, да рѣдко... Бѣшенка нонѣ въ цѣнѣ...

Иное село сквозь камышъ къ самому берегу протолкается, съ громадными выходами и всѣмъ своимъ промысловымъ обиходомъ, а о другомъ только догадываешься, видя какъ за зеленою стѣнкой чакана дымокъ стоитъ—то за камыши ушло, подальше отъ водополья да морянокъ. Ватаги все чаще и чаще. Къ самой промысловой кипѣни подходимъ. Къ сожалѣнію только въ это время года лова здѣсь не производится вовсе...

А разливъ еще далеко не вошелъ въ берега. Волга все еще пыжится. Вонъ опять деревья въ водѣ, однѣ только шапки ихъ видно; стволовъ — и званья нѣтъ надъ водою. Между этими зелеными шапками, надъ которыми то и дѣло вспархиваютъ цѣлыми стаями птицы, кровли избъ виднѣются. Всмотришься и замѣчаешь, что вода до половины стѣнъ стоитъ. Когда еще отойдетъ, да дастъ обсохнуть такому жилью.

— Когда же эти хижинки населятся?

— Разно. Это промысловые пріюты. Какіе въ іюлѣ, а другіе и въ концѣ іюня уже кишмя кишатъ народомъ.

Когда я возвращался назадъ этими же устьями Волги, дѣйствительно всѣ эти еще недавно полузатопленныя избушки, были какъ на ладони. Всѣ на виду. И обсохли хорошо. Еще бы при такой жарѣ да сохранить въ своихъ стѣнахъ хоть каплю влажности! Вокругъ суетился народъ, все готовилось къ привольному промыслу.

— Ишь овцы-ти сигаютъ! показываетъ баба на берегъ, столь далекій, что я и его едва различаю, какъ желтую полоску, которая то уйдетъ изъ глазъ то снова мерещится на окраинѣ широко разлившейся здѣсь Волги.

— Гдѣ овцы?

— А вонъ!

— Неужли ты видишь?

— Звянить (извините), глянь-кя сюда!

Даже и въ бинокль смутно различаю на берегу какое-то сѣрое, медленно движущееся пятно. Удивительно, какъ этотъ громадный просторъ изощряетъ глазъ. Намъ даже непонятна такая зоркость. Городскіе жители, горизонтъ которыхъ постоянно стѣсненъ стѣнами комнатъ или рядами домовъ, не повѣрятъ напримѣръ тому, что разъ лоцманъ камскаго парохода указалъ мнѣ приближающійся пароходъ и назвалъ его даже, тамъ, гдѣ я видѣлъ только синюю, прозрачную, заманчивую даль рѣки и голубую полоску ничего не обѣщающаго горизонта.

— Калмыцкое стадо?

— Не... русскій одинъ. Худобы (имущества) у няво страсъ!... Богатѣй первый по всей округѣ...

А Волга все шире и шире... Одинъ берегъ, именно правый, даже изъ подъ глазъ ушелъ уже. Плывешь впередъ и не знаешь—море ли кругомъ, или еще великая наша кормилица-рѣка разстилается передъ тобою. Не смотря на пекло, въ каюту уходить не хочется совсѣмъ. Очень ужъ просторъ этотъ обаятеленъ, глубже дышешь, точно и грудь ширится подъ впечатлѣніемъ этой безграничности... И вѣдь однообразіе какое. Голубое небо, вода голубая, какъ оно, да тонкая полоска берега—ничего больше, а глаза все чего-то ищутъ, все пытаютъ эти дали... Облако ли отразится жемчужное въ зеркальномъ разливѣ, птица ли, серебряной искрой рѣющая въ недосягаемой вышинѣ, той же искрой серебряной и въ недосягаемой глубинѣ меледится—слѣдишь за ними, пока пароходъ не уйдетъ, тяжело пыхтя и медленно влача за собою нашу баржу...

III.

Три полосы рыболовства.

Я уже говорилъ, что здѣсь, въ этой южной полосѣ волжскаго промысла, сосредоточивается самая рабочая кипѣнь. Волга по отношенію къ рыболовству раздѣляется обыкновенно на три части. Отъ Камышина до Свѣтлоярской ватаги купца Воронина въ царевскомъ уѣздѣ на 110 верстъ въ длину идетъ сѣверная полоса, по которой разбросано 19 ватагъ. Большинство ихъ на правомъ берегу, между городами и селами, въ пунктахъ весьма людныхъ. Не смотря на это — онѣ по своему промысловому обороту здѣсь самыя незначительныя. Тутъ ловятъ рыбу только весною, да и то одну воблу и бѣшенку. Ватаги тутъ не столь сложны и далеко не снабжены приспособленіями, встрѣчающимися въ южной полосѣ. Холодныхъ выходовъ вовсе нѣтъ — одни только лабазы или теплые амбары, гдѣ чаны зарыты прямо въ землю. Въ иныхъ ватагахъ — и лабазовъ нѣтъ, а только навѣсы, со всѣхъ сторонъ открытые вѣтру. Рабочіе живутъ въ шалашахъ или землянкахъ. Сами хозяева, пріѣзжая какъ кроты хоронятся въ послѣднихъ. Всѣ ватажныя строенія, параллельно берегу, тыломъ плотно прилегаютъ къ крутизнѣ его; иногда они построены на сваяхъ, и для осмотра ихъ приходится подниматься тропинками по крутизнѣ берега. Крутой правый берегъ понижается здѣсь постоянно террасами, ватаги устроены на первой или второй ступени, рѣдко на самой высокой. Нигдѣ нѣтъ дорожекъ къ лабазамъ; вездѣ страшная нечистота, какъ и на далекомъ сѣверѣ. Ватага, напримѣръ Челюканова, устроена на 80 фут. выше поверхности воды. Нѣсколько дней до пріѣзда одного туриста, шелъ сильный дождь и вся окрестность превратилась въ вонючее болото, отъ гніющихъ на поверхности земли рыбныхъ остатковъ прошлаго года. Подъемъ на ватагу затрудняетъ посѣтителя, дорожекъ къ ней нѣтъ, хотя самый берегъ очень удобенъ для ихъ устройства. Для храненія и приготовленія рыбныхъ товаровъ имѣются только лабазы, въ которыхъ громадные чаны наполнены прошлогоднимъ гніющимъ тузлукомъ. Земля пропитана жидкими рыбными остатками, избытокъ которыхъ узкимъ рвомъ изливается прямо въ рѣку. На краю первой ступени берега чаны и котлы для жиротопленія изъ рыбьихъ внутренностей, которыя собираютъ, пока всѣ чаны наполнятся ими, что продолжается нѣсколько мѣсяцевъ. Внутренности между тѣмъ гніютъ, распространяя невыносимый запахъ на далекое разстояніе. Когда всѣ чаны наполнятся, начинается топленіе, увеличивающее зловоніе. Послѣ операціи остатки выливаютъ прямо черезъ край ступени, а чтобы они на нижней части берега не разливались, внизу у самой стѣны, устроенъ земляной валъ, и въ этой ямѣ они, ничѣмъ непокрытые, ожидаютъ половодья, которое сноситъ ихъ прочь. Остатки старыхъ тузлуковъ разлиты на дворѣ ватаги и образовали вонючія лужи. То же самое и на другихъ сѣверныхъ ватагахъ. Около трехъ скученныхъ ватагъ живетъ въ землянкѣ 90 лѣтній старикъ, надзиратель. Хотя здѣсь, по заявленію его, уже три года не производились работы, тѣмъ не менѣе въ чанахъ, ларяхъ лабазныхъ и подъ навѣсами держатся старые тузлуки, издающіе такой запахъ, что даже опасно приближаться къ нимъ, такъ какъ одного изъ посѣтителей вонь довела до обморока. Въ такой-то ларь съ такимъ тузлукомъ успѣли уже погрузить свѣжую рыбу, а въ другомъ нашли утонувшаго хорька. Всѣ нечистоты отводятся прямо въ рѣку.

Средняя полоса волжскаго рыболовства начинается отъ сѣверной границы Астраханской губерніи и простирается до гг. Астрахани и Краснаго-Яра, по главному руслу Волги и рукава ея Бузана; она занимаетъ 400 верстъ по теченію.

Первыя ватаги этой полосы ничѣмъ не отличаются отъ ватагъ сѣверной. Только въ Булгаковской, на лѣвомъ берегу рѣки, начинаются холодные выхода. Здѣсь всего 47 ватагъ, 34 на правомъ, а 13 на лѣвомъ берегу; онѣ также, какъ и сѣверныя, скучены по нѣскольку, оставляя между собою большія пространства свободными. На каждой изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, одинъ холодный выходъ, для соленія и храненія свѣжей рыбы. Онъ строится всегда на возвышенности, перпендикулярно берегу, такъ что одинъ конецъ его обращенъ къ рѣкѣ, а другой, противоположный — въ степь. Съ выходомъ тѣсно связаны амбары, для храненія соли; здѣсь же мелютъ ее на ручныхъ мельницахъ. На каждой ватагѣ казармы для рабочихъ, пекарни и кухни, на многихъ есть бани. На болѣе важныхъ ватагахъ находятся еще заведенія для бондарныхъ работъ, изготовляющія нужное количество бочекъ (тарокъ и полутарокъ) для отпуска рыбы, и дубильни, гдѣ обработываютъ снасти и рыболовные снаряды.

Отличительная черта ватагъ средней полосы — недостатокъ пристаней или плотовъ, къ которымъ рыболовныя и другія суда могли бы приваливать для сдачи товара. Обыкновенно судно приближается къ нимъ, пока оно не коснется грунта килемъ; тогда перекидываютъ съ борта доски на берегъ и по нимъ выгружаютъ рыбу. Иногда подъѣзжаютъ къ лодкамъ на арбахъ. Всѣ ватаги на возвышенностяхъ, для защиты отъ половодья, но гдѣ мѣстность такого устройства не позволяетъ, тамъ онѣ обведены земляными валами.

Наружный видъ ватаги вѣрно указываетъ — армянинъ хозяинъ или русскій. Послѣдній присматриваетъ за чистотою вообще и за продовольствіемъ рабочихъ, не жалѣя издержекъ, — первый помышляетъ только о томъ, какъ-бы сократить расходы по всѣмъ статьямъ промысла и выручить побольше барышей. У армянина на ватагѣ крайняя нечистоплотность, казармы для рабочихъ плохи, на харчи всеобщія жалобы, бань нигдѣ нѣтъ. Вездѣ, и у русскихъ, принятъ обычай чистить рыбу на берегу, прямо на пескѣ, безъ всякихъ подмостокъ или подстилокъ. Запачканную рыбу, не обмывая, передаютъ въ лари. Навѣсы надъ чанами не имѣютъ боковыхъ щитовъ, которые предохраняли бы посоленную уже рыбу отъ пыли и нечистотъ, наносимыхъ вѣтромъ. На нѣкоторыхъ станахъ чаны закрываются плетеными изъ тальника кругами, незащищающими рыбы отъ сора.

Рыболовныя воды южной полосы находятся въ самой дельтѣ Волги, которою мы и идемъ теперь. Они занимаютъ рукава и протоки этой рѣки, на берегахъ которыхъ, на возвышенныхъ мѣстахъ, расположены остальныя рѣчныя ватаги, и большая часть ихъ находится здѣсь. Протяженіе всѣхъ рукаковъ, вмѣстѣ взятыхъ, составляетъ около 500 верстъ.

Ватаги здѣсь принадлежатъ къ важнѣйшимъ. Тутъ хозяйничаютъ самые крупные представители рыбной торговли. Ватаги похожи на морскія, у каждой на крѣпкихъ сваяхъ пристани, къ которымъ суда непосредственно подходятъ для сдачи улова; на этихъ же пристаняхъ навѣсы, гдѣ принимаютъ рыбу для отдачи солильщикамъ. На многихъ ватагахъ производится жиротопленіе изъ тюленей, причемъ на нѣкоторыхъ паровое. Многія роскошно устроены внутри; на иныхъ встрѣчаются недостатки въ гигіеническомъ отношеніи (преимущественно въ ватагахъ, хозяева которыхъ—армяне).

Сумерки ли теплаго вечера еще далѣе раздвинули берега Волги, только и лѣваго не стало вовсе....

— Море? озабоченно добивается батюшка.

— А что?...

— Какже.... Сейчасъ качка начинается. Надлежитъ пріуготовиться заблаговременно.

— Это на счетъ цитроновъ вашихъ?

— Нѣтъ, цитроны, что! цитроны — одинъ пустякъ выходитъ. Только деньги даромъ бросилъ. А вотъ ловецъ тутъ одинъ есть: совѣтуетъ трижды плюнуть въ воду и, совершивъ плюновеніе сіе, перетянуть животъ поясомъ елико возможно. За симъ лечь на спину и пребывать тако....

Я расхохотался. Надъ перетрусившимся батюшкой очевидно потѣшались.

— Самое лучшее—бросьте, не думайте.

— Какъ бросить, помилуйте! Я помню какъ еще во іереи посвященъ не былъ, въ чинѣ діакона священнодѣйствовалъ, привелось мнѣ по Черному морю. Такой эпитеміи пожалуй и преосвященному не выдумать.

— Трепало?

— Помирать собирался!...

— Ну, теперь погода тихая.

— Тихая, тихая, а вдругъ по грѣхамъ нашимъ буря подымется — что тогда?

— Барометръ спокоенъ.

— Съ вами и бесѣдовать-то досадно. Барометръ! Что въ немъ? У насъ іерей былъ, изъ ученыхъ, семинарію всю прошелъ, такъ тотъ и трубу завелъ для планетъ небесныхъ, а все-таки въ проруби утонулъ! А вы тоже — барометръ!

И батюшка отправился къ борту....

Гуще и гуще сумерки.... Нѣсколько звѣздъ робко мигнули съ высоты небесной.... Холодкомъ повѣяло съ моря.... Теперь уже ничего не видать, кромѣ рѣки.... Развѣ изрѣдка далеко, далеко въ сторонѣ огонекъ забрежжется. Всматриваешься. Берегъ ли тамъ, или съ кусовой лацьи мерещится—кто разберетъ. На палубѣ баржи говоръ все тише и тише. Какая-то пѣсня разносится только тихая, нервная....

— Я тебѣ говорилъ, купи поросенка въ городѣ.. Слышится чей-то недовольный голосъ.

— Ладно, и баранинки поѣшь. Сурово прерываетъ другой.

— Эхъ ты, для ради ангела своего, да поросенка пожалѣлъ.—Разъ то вѣдь въ годъ имянины. Хранителя то своего небеснаго потѣшить поскупился.... Заступничка....

— Балычка на Бирючьей купимъ....

Ярче разгораются звѣзды.... Гуще ночная тьма. Передо мной вспыхиваетъ и гаснетъ чья-то сигара, то выхватывая изъ мрака бородатое лицо, то опять заволакивая его пеленою.

— А все бы поросеночка!.. робко повторялось въ сторонѣ.

— Уйди, убью!... уже рычитъ другой. Поросеночка, да поросеночка! Мелево!... Ты у меня этимъ поросеночкомъ душу всю вымотаешь, дьяволъ....

— Для ради ангела небеснаго! еще ниже еще робче слышится видимо полупроглатываемый отвѣтъ....

Необыкновенная постель.

(Съ англ. М. Е.)

(*Продолженіе.*)

Я можетъ быть спалъ съ полъ-часа, но вдругъ проснулся отъ прикосновенія чьей то руки къ моему плечу и увидѣлъ надъ собою блѣдное лицо. Это была Джоси. Когда я хотѣлъ заговорить, она закрыла мнѣ ротъ, сказавши:

— Тише!

Я сѣлъ на постель и смотрѣлъ на нее; я находился еще подъ впечатлѣніемъ внезапнаго пробужденія и, увидя ее возлѣ себя вообразилъ, что это было продолженіе моего сна.

— Что случилось? что тебѣ нужно? прошепталъ я.

Она не съ разу отвѣтила, прислушиваясь къ какому-то воображаемому шуму; я отчетливо слышалъ, какъ билось ея сердце. Потомъ она нагнулась ко мнѣ и тихо на ухо сказала:

— Я пришла спасти васъ отъ ужасной смерти!

Я не могъ выговорить ни одного слова, но глаза мои выражали желаніе понять, что она хотѣла этимъ сказать; она пристально посмотрѣла на меня и затѣмъ прошептала:

— Помните, хозяинъ вамъ сказалъ: «Тотъ, кому приходится спать въ зеленой постели, всегда спитъ самымъ крѣпкимъ сномъ».

Я утвердительно кивнулъ головою. Она улыбнулась, но эта улыбка привела меня въ ужасъ.

— Они, конечно, спятъ самымъ крѣпкимъ сномъ, потому что никогда болѣе не просыпаются.

— Господи! Но...

— Она опять закрыла мнѣ ротъ рукою.

— Тсъ! я разсказать не могу, но пойдемъ, я покажу вамъ.

Я съ разу вскочилъ съ постели. Она взяла меня за руку — я чувствовалъ, какъ моя кровь отъ прикосновенія ея холодныхъ пальцевъ застывала въ жилахъ;—другою рукою взяла свѣчу и вывела меня изъ комнаты. Она потихонько открыла дверь сосѣдней съ моей комнаты и сдѣлала мнѣ знакъ войдти.

Эта комната была такихъ же размѣровъ, какъ и моя, и походила на кладовую; въ ней не было другой мебели, кромѣ разобранной кровати, разломанаго стола и двухъ или трехъ негодныхъ стульевъ. Въ стѣнѣ, отдѣляющей эту комнату отъ моей, находились широкія дверцы шкафа на разстояніи 4 фут. отъ пола; шкафъ не доставалъ до потолка на нѣсколько дюймовъ. Поставивъ свѣчу на столъ, Джоси растворила дверцы шкафа, и въ немъ оказался необыкновенно мелкій почти въ толщину стѣны другой шкафъ безъ полокъ; въ немъ лежала только большая, тяжелая, туго набитая подушка. Она вытащила ее изъ шкафа, — я замѣтилъ, съ какимъ содроганіемъ она дотронулась до нее, — потомъ подавила рукою уголъ стѣны сзади шкафа, и я увидѣлъ, что то была не стѣна, а дверь; она придавила пружину и дверь отворилась въ мою комнату, причемъ открылось отверстіе въ величину шкафа, черезъ него я смутно разглядѣлъ свою комнату.

Джоси подняла свѣчу; меня поразило то, что я узналъ. Эта дверь была ничто иное, какъ задняя половина зеленой постели, и подымалась на скрытыхъ шалнерахъ на одинъ или два дюйма надъ уровнемъ подушки. Просунувшись въ это отверстіе, я потрогалъ подушку, неуспѣвшую еще остыть.

Я началъ понимать въ чемъ дѣло, и чувствовалъ, какъ вся кровь прихлынула къ сердцу; я вопросительно глядѣлъ на свою спутницу. Она опять поставила свѣчу на столъ.

— Вамъ подали водку, начала было она...

— Съ снотворнымъ порошкомъ, перебилъ я ее. Она утвердительно кивнула головой.

— Они всыпали для васъ послѣдній порошокъ, и вотъ причина, почему хозяинъ такъ разсердился на меня за то, что я опрокинула столикъ. Если бы вы выпили извѣстное количество той водки, то спали бы безчувственнымъ сномъ.

Она остановилась, и молча продолжала мнѣ все показывать. Она указала мнѣ на подушку, на которой я лежалъ за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ; подняла тяжелую подушку, нагнулась черезъ порогъ двери и начала тихо опускать ее на изголовье и потомъ надавила ее всею своею тяжестью. Но представьте себѣ, если вмѣсто этой слабенькой дѣвушки, какой нибудь силачъ вздумалъ продѣлать всю эту операцію! отъ одной этой мысли я терялъ всякое сознаніе. Я отошелъ отъ отверстія, облокотился на столъ, стараясь прійти въ себя.

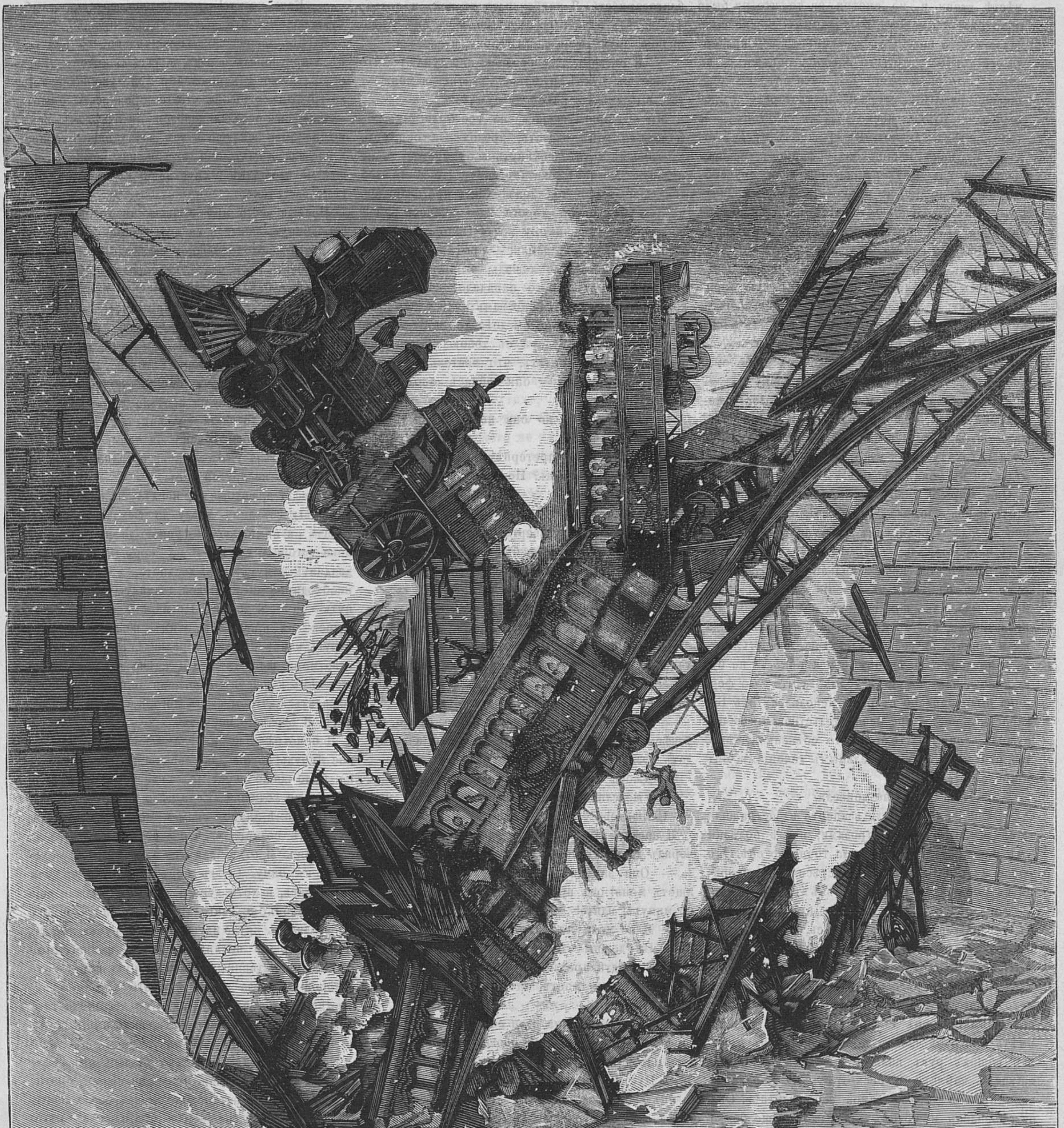
Джоси, оставивши дверцу открытой, подошла ко мнѣ и шепнула:

— Вы теперь поняли?

Я вмѣсто отвѣта кивнулъ ей и невольно подался назадъ; это движеніе не ускользнуло отъ ея вниманія, и слабая краска разлилась по ея блѣдному лицу. Немного спустя, я посмотрѣлъ на нее и сказалъ:

— Какъ можешь ты оставаться подъ кровлею, гдѣ совершаются такія дѣянія, и ѣсть хлѣбъ этихъ людей, зная....

— Беру небо въ свидѣтели, перебила она мемения, всплеснувъ руками — я ничего подобнаго не подозрѣвала, а узнала объ этомъ только мѣ-



Крушеніе поѣзда на мосту желѣзной дороги подъ Астабулой, въ Штат. Огайо Сѣвер. Америки.

сяцъ тому назадъ. Я живу у нихъ три года. При мнѣ ночью часто заѣзжали проѣзжіе, но я никогда не видѣла ихъ на слѣдующій день; когда я освѣдомлялась о нихъ у хозяина, онъ мнѣ отвѣчалъ, что они выѣхали, когда я спала. Одного изъ нихъ нашли мертвымъ въ самомъ глухомъ мѣстѣ степи и, не смотря на то, что не было никакихъ признаковъ, по которымъ можно было заключить о насильственной смерти, всѣ признали его убитымъ; другого нашли утопившимся въ потокѣ, что объяснили тѣмъ, что онъ, не дождавшись разсвѣта, отправился въ дорогу и проходя вдоль ручья, поскользнулся и утонулъ. Я вѣрила этимъ слухамъ. Въ прошломъ мѣсяцѣ заѣхалъ къ намъ переночевать фермеръ, возвращавшійся изъ Паккертона; они дали ему снотворнаго порошку, но вѣрно въ маломъ количествѣ; какъ бы то ни было, но когда они открыли дверцу, онъ проснулся и между ними произошла страшная свалка. Я услыхала шумъ и пришла узнать въ чемъ дѣло. Они черезъ дверь перегнулись въ комнату и я видѣла самую горячую свалку; у фермера въ рукахъ былъ ножъ, которымъ онъ оборонялся; хотя онъ былъ очень силенъ и могъ бы съ ними легко справиться, но въ то время, какъ онъ боролся съ Ребеномъ, хозяинъ схватилъ эту желѣзную палку и — она задрожала и не могла кончить. Послѣ небольшой паузы, она продолжала. Я не видѣла, какъ онъ замахнулся палкою,—я отвернулась,— но я услыхала этотъ ударъ,—онъ до сихъ поръ отдается въ моихъ ушахъ!»

Она закрыла лицо руками, облокотившись на столъ и вся дрожала. Чрезъ нѣсколько минутъ она отерла передникомъ выступившій на лбу потъ и продолжала:

— Послѣ этой ночи я сильно заболѣла—мнѣ даже кажется, что я, въ теченіе извѣстнаго времени, была, какъ помѣшанная; они держали меня взаперти, никого ко мнѣ не допускали; когда же я пришла въ себя,—или, лучше сказать, когда я выздоровѣла, потому что я никогда не буду такою, какъ была—я услыхала, что тѣло фермера было найдено въ рѣкѣ неподалеку отъ Беклейскаго моста; при освидѣтельствованіи обнаружилась рана на головѣ; это объяснили тѣмъ, что, отнесенный стремительнымъ теченіемъ, онъ ударился о скалы.

— Зачѣмъ же ты не донесла?

— Они меня держали взаперти и застращали меня всевозможными угрозами; послѣ болѣзни умъ мой притупился; я ходила точно во снѣ. Они сочли меня за идіотку и, не стѣсняясь, говорили въ моемъ присутствіи о всѣхъ этихъ ужасахъ, — вотъ почему я все знаю; я прислушивалась къ ихъ разговорамъ и поклялась, что фермеръ будетъ послѣднею ихъ жертвою. «Она опять замолчала. — Вы еще не успѣли войдти въ домъ, какъ хозяинъ порѣшилъ, что вы не выйдете изъ него живымъ. Вашъ тюкъ не ускользнулъ отъ его вниманія; онъ сообразилъ, что вы должны имѣть при себѣ часы и деньги; когда онъ взялъ изъ вашихъ рукъ пальто, я видѣла, какъ онъ ощупалъ карманъ и посмотрѣлъ на Ребена. Я вспомнила о данной самой себѣ клятвѣ». Она остановилась и потомъ продолжала еще болѣе тихимъ голосомъ. — «Если бы вы обошлись со мною также грубо и жестоко, какъ и мои хозяева, то и тогда спасла бы я васъ цѣною своей жизни; но послѣ того, какъ вы такъ ласково заговорили со мною, глядѣли на меня съ такимъ состраданіемъ, вступились за меня и затѣмъ старались облегчить мои страданія, однимъ словомъ, обошлись со мною, точно съ сестрою или своею милою —»

Голосъ ея задрожалъ; грудь начала подыматься, алая краска разлилась у ней по лицу и выраженіе ея глазъ сдѣлалось такое мягкое; она совсѣмъ неожиданно схватила мою руку и покрывала страстными поцѣлуями; потомъ закрыла лицо руками и разразилась истерическими рыданіями.

Мною овладѣла безпредѣльная жалость. Какова должна быть ея жизнь, если самое простое участіе вызывало въ ней такую чрезмѣрную благодарность. Я приблизился къ ней, и только что хотѣлъ обнять ее за талію, какъ она отклонилась, подняла на меня голову, и сказала.

— Я съ вами заговорилась; они думаютъ, что я еще въ кухнѣ и могутъ хватиться меня — тсъ! вы слышали какой-то шумъ?

Мы оба прислушались, но все было тихо. — Я должна вамъ сказать, продолжала она, если вы живымъ хотите покинуть этотъ домъ, то не медлите. Хозяинъ сказалъ вамъ, что до Беклей девять миль, но это—ложь! Самъ проговорился, не будетъ и пяти. Дорога идетъ черезъ ручей по старому деревянному мосту. Окно вашей комнаты на 9 фут. отъ земли, — прыгните изъ него во дворъ, осѣдлайте лошадь, выведите ее изъ боковыхъ воротъ, много нападало снѣгу, стука копытъ не будетъ слышно; вамъ надо ѣхать прямо и черезъ полъ-часа вы доѣдете до Беклей.

— А ты? что будетъ съ тобою? Когда они откроютъ дверь, увидятъ, что постель пуста — что птичка улетѣла — они сейчасъ заподозрятъ тебя и тогда....

Ее передернуло, но она поспѣшно и твердо отвѣтила.

— Я готова все претерпѣть; развѣ кому нибудь нужна моя жизнь? Не теряйте времени, идите — бѣгите!

— Неужели ты думаешь, что я оставлю тебя на произволъ этимъ извергамъ? за кого ты меня принимаешь? Ты должна бѣжать со мною.

— Нѣтъ, это невозможно. Они хватятся меня прежде, чѣмъ намъ удастся уйдти.—

— Пусть они приходятъ; у меня для каждаго изъ нихъ заготовлено по пули, отвѣчалъ я угрюмо.

— Вы ошибаетесь, возразила она! Хозяинъ утащилъ ваши пистолеты, когда затворялъ окно. Вы ничего не подѣлаете съ двумя злодѣями; они сильнѣе васъ.

— Я умру, защищая тебя. — Но, право, мы успѣемъ еще убѣжать; ну же рѣшайся, а то будетъ поздно!

Но Джоси стояла точно вкопанная.

— Уже слишкомъ поздно! «вырвалось у нее. — Слышите!»

Я наставилъ ухо и услышалъ, что кто-то отворялъ дверь лѣстницы.

— Они замѣтили мое отсутствіе! Хозяинъ ищетъ меня! онъ придетъ сюда черезъ нѣсколько минутъ! идите!

— Я не могу оставить тебя!

— Вы дожны это сдѣлать! вы еще успѣете; я могу найдти предлогъ, зачѣмъ я здѣсь; если онъ васъ не застанетъ, онъ ничего не заподозритъ. Уходите!

— Но и ты должна идти со мною. Я обнялъ ее, и хотѣлъ утащить съ собою, но она вырвалась изъ моихъ объятій.

— Пустите меня! если онъ меня не найдетъ, то онъ скорѣе заподозритъ; тогда мы оба погибли — двѣ жертвы вмѣсто одной! онъ идетъ по лѣстницѣ, ради Бога! уходите....

Она бросилась къ моимъ ногамъ и на лицѣ ея отразилась нѣмая мольба. Я все еще колебался. Оставалась еще одна надежда! я показалъ на потаенную дверь.

— Когда они придутъ?

— Это неизвѣстно; хозяинъ приходилъ уже посмотрѣть, потушена ли у васъ свѣча.

— Они не нападутъ на меня, пока въ комнатѣ будетъ свѣтъ.

— Они подождутъ ... онъ уже въ корридорѣ! и вскочивши на ноги, сунувъ въ руки свѣчу, проговорила:

— Перескакивайте черезъ дверь!

Я такъ и сдѣлалъ и попалъ прямо на постель.

— Прощайте, шепнула она. Да благословитъ васъ Богъ!

— И тебя, Джоси! но я не прощаюсь съ тобою!

— Какъ хотите! сказала она грустно улыбнувшись;—но это мое послѣднее прости!

Затѣмъ дверца закрылась; только что она успѣла притворить шкафъ, вошелъ Блаклокъ. Я наставилъ ухо и напряженно прислушивался; онъ ее грубымъ голосомъ что-то спрашивалъ, она отвѣчала; онъ остался доволенъ ея отвѣтомъ, какъ можно было заключить изъ затихавшаго говора; я слышалъ, какъ они вышли изъ комнаты, пошли по площадкѣ и спустились по лѣстницѣ. Затѣмъ все стихло.

Прежде всего мнѣ пришла въ голову мысль передвинуть постель на другой конецъ комнаты, но потомъ, облокотившись на туалетъ, я старался привести свои мысли въ порядокъ; мнѣ представлялось блѣдное лицо Джоси; въ моихъ ушахъ отдавалось ея отчаянное: Прощайте!

Но я мало по малу началъ приходить въ себя; съ этимъ вмѣстѣ засіялъ лучъ надежды о возможности нашего обоюднаго спасенія.

— Они не нападутъ на меня, пока въ комнатѣ будетъ свѣтъ; но на сколько времени достанетъ свѣчи? то была сальная свѣча, половина уже сгорѣла; посмотрѣвши на часы, я увидѣлъ, что она горѣла уже съ часъ; остальной половины станетъ на другой часъ.

Но если я, положимъ, послѣдую совѣту Джоси; убѣгу изъ дому, доѣду до Беклей и вернусь назадъ съ помощью? Но успѣю-ли я вернуться, пока догоритъ свѣча? Я на скоро расчиталъ — двадцать минутъ туда, двадцать, чтобы собрать необходимое число людей, двадцать, на обратный путь—да—, я успѣю! Но вправѣ-ли я оставить Джоси на произволъ этимъ извергамъ? Если вдругъ какое нибудь непредвидѣнное обстоятельство меня задержитъ; или свѣча догоритъ раньше, чѣмъ я расчитываю, или они не захотятъ дожидаться, чтобы огонь погасъ у меня въ комнатѣ. Я страшно рискую.

Я осмотрѣлъ комнату въ надеждѣ найдти какое нибудь орудіе для своей защиты; въ комнатѣ не было даже и стула, а тяжелое кресло для защиты не годилось. Если дѣло дойдетъ до свалки, то кромѣ личной силы у меня ничего нѣтъ; я вполнѣ сознавалъ, что я съ однимъ едва ли справлюсь. Я отказался отъ этой мысли и подошелъ къ окну. Снѣгъ пересталъ падать; тучи разсѣялись, и хотя луна и звѣзды не вышли еще изъ облаковъ, но, благодаря отливу снѣга, я могъ бы различать круто идущую вдоль ручья дорогу.

Я поспѣшно натянулъ сапоги, принесенные Джоси, и поставивши драгоцѣнную свѣчу, отъ которой зависѣла жизнь дорогаго уже мнѣ существа, въ такое мѣсто, куда не достигала тяга воздуха, открылъ окно и осторожно выпрыгнулъ на покрытый снѣгомъ дворъ.

Не знаю, какими судьбами удалось мнѣ осѣдлать въ темнотѣ Полли, чему она сильно противилась, я весьма осторожно вывелъ ее со двора, потомъ вскочилъ на нее и пустился въ путь. Сначала лошадь моя упрямилась, но когда я ей далъ почувствовать, что я не намѣренъ шутить, она пустилась въ галопъ.

Я не видѣлъ передъ собою дороги; всѣ мысли мои были обращены на домъ, изъ котораго я только что выѣхалъ и гдѣ я оставилъ безпомощную дѣвушку на произволъ двухъ убійцъ. Моему воображенію постоянно представлялась комната съ зеленою постелью. Я видѣлъ, какъ свѣча мерцала, затѣмъ погасла! Я видѣлъ также зеленую постель, такъ коварно къ себѣ манящую; вдругъ представилась мнѣ Джоси, лежащая на постелѣ съ отпечаткомъ какого-то страшнаго спокойствія; я никакими силами не могъ отогнать отъ себя ея образа. Не смотря на то, что я сознавалъ, что это представленіе было ничто иное, какъ дѣйствіе возбужденнаго и разстроеннаго воображенія, я безпрестанно невольно вздрагивалъ.

Наконецъ, до моего слуха донесся шумъ и грохотъ падающаго Беклейскаго водопада и черезъ нѣсколько секундъ я его увидѣлъ передъ собою. Въ этомъ мѣстѣ маленькая рѣчка круто измѣняетъ свое направленіе и стремительно падаетъ внизъ на девять или десять футъ.

Но гдѣ же мостикъ?

Я потянулъ поводъ и пристально вглядывался въ темноту. Но мостика не было; столбы, поддерживающіе его, стояли, а самый мостъ былъ снесенъ стремительнымъ теченіемъ потока.

Въ первую минуту я не зналъ, что предпринять; но вскорѣ пришелъ въ себя; я не могъ терять времени, здѣсь дѣло шло о спасеніи одного существа, я смѣрилъ ручей глазами, онъ имѣлъ въ ширину около 20 фут., противоположный берегъ былъ къ счастью ниже, я подался назадъ и потомъ припустилъ лошадь съ тѣмъ, чтобы она перескочила, но у самаго берега она попятилась, круто бросилась въ сторону и я чуть чуть не упалъ. Я снова попытался, но также неудачно. Выйдя изъ терпѣнія, я сталъ изо всей силы стегать ее хлыстомъ, понукалъ ее голосомъ, странно раздававшимся среди ночной тиши, и достигъ таки того, что она, какъ бѣшеная, съ разу перескочила черезъ ручей и понеслась, не останавливаясь, впередъ по дорогѣ.

Не прошло и пяти минутъ, какъ стукъ ея копытъ раздавался по главной улицѣ Беклей, я слѣзъ съ лошади передъ большимъ, стариннымъ каменнымъ домомъ, стоявшимъ въ сторонѣ отъ дороги; на дверяхъ была прибита мѣдная дощечка съ надписью: «*Сентимъ Ордли*».

Г. Ордли былъ Беклевскій городской голова и образцовый чиновникъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда онъ самъ занимался торговлею, у него были дѣла съ братіями Марріотъ и я зналъ его не только за мягкосердаго, но и за умнаго, быстро-соображающаго человѣка — это неоцѣненныя качества для внезапнаго случая.

Всѣ его домашніе разошлись, только г. Ордли сидѣлъ еще въ халатѣ и туфляхъ, онъ самъ мнѣ отворилъ дверь, и я въ нѣсколькихъ словахъ разсказалъ ему цѣль своего пріѣзда.

— Люди и лошади черезъ двадцать минутъ будутъ у крыльца,—сказалъ онъ.

— Есть другая болѣе узкая переправа черезъ ручей; впустивши меня въ домъ, онъ вышелъ.

Я ходилъ по комнатѣ въ страшномъ волненіи и нетерпѣніе мое съ каждой минутой увеличивалось. При малѣйшемъ стукѣ, я навострялъ уши. Наконецъ, услышавши у самаго крыльца голоса и стукъ копытъ, я поспѣшно вышелъ и впереди всѣхъ увидѣлъ самаго г. Ордли съ своимъ 24 или 25 лѣтнимъ силачемъ сыномъ верхомъ; тутъ былъ и коннетабль, одинъ изъ самыхъ богатыхъ купцовъ Беклея, и жандармъ, всѣ верхомъ.

Я поспѣшно вскочилъ на лошадь, и мы всѣ помчались по тихимъ улицамъ города. Я скакалъ впереди всѣхъ; всѣ неслись за мною, благополучно перескочили черезъ ручей и выѣхали на дорогу, по которой я ѣхалъ за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ.

Мы молча проѣхали нѣсколько миль, среди ночной тиши раздавалось только фырканье лошадей, стукъ копытъ и шумъ падающаго потока. Я мчался точно во снѣ; моему воображенію представлялась только что оставленная комната. Что произошло въ ней съ тѣхъ поръ, какъ я уѣхалъ? Подвигаясь впередъ, мнѣ послышался отчаянный крикъ женщины, я его такъ явственно услышалъ, что невольно остановилъ лошадь и наставилъ ухо, но только стукъ копытъ и шумящій ручей нарушали тишину. Наконецъ, предсталъ передъ нами скромный деревенскій домъ.

Окна «лучшей комнаты» были видны съ дороги. Я съ замираніемъ сердца бросилъ взглядъ на окно, отъискивая свѣтъ. У меня застучало въ вискахъ—въ окнѣ было темно.

— Мы опоздали! вырвалось у меня, и я указалъ на окно.

— Нѣтъ, вы ошиблись! сказалъ молодой Ордли; свѣча еще горитъ, посмотрите-ка хорошенько!

Онъ былъ правъ, я увидѣлъ слабое мерцаніе и тусклую полосу; значитъ окно было открыто. Но въ то время, какъ я смотрѣлъ, огонь вспыхнулъ въ послѣдній разъ и погасъ.

Г. Ордли посовѣтывалъ для большей осторожности ѣхать теперь шагомъ, что мы и сдѣлали; мы слѣзли передъ воротами двора съ коней, двое изъ насъ, молодой Ордли и жандармъ, обошли кругомъ, чтобы сторожить главную дверь, а г. Ордли, коннетабль и я вошли во дворъ.

Я еще прежде замѣтилъ въ сараѣ лѣстницу и поэтому предложилъ войти въ комнату черезъ окно; хозяева, застигнутые врасплохъ, будутъ лишены возможности обороняться.

Я вынесъ лѣстницу и приставилъ ее къ окну, я взлѣзъ прежде другихъ, за мною г. Ордли и коннетабль, мы всѣ трое были вооружены.

— Если вы ничего не имѣете противъ этого, сказалъ коннетабль, обращаясь ко мнѣ, — то лучше живыми ихъ арестовать, я готовъ дать 50 ф. стер. лишь бы увидѣть ихъ повѣшенными, сказалъ онъ такъ, какъ будто дѣло шло о хищныхъ звѣряхъ.

Влѣзть въ окно было труднѣе, чѣмъ выскочить изъ него; я безъ шума однако забрался въ комнату и сдѣлалъ знакъ остальнымъ подождать немного. Въ комнатѣ царствовала глубокая тишина и совершенная темнота, свѣча только что погасла, фитиль еще дымился. Въ домѣ все было тихо, я совершенно безсознательно приблизился къ кровати.

Я не знаю, что я ожидалъ найдти на ней, но моя рука дотронулась до женскаго платья и до ледяной руки.

— Ради Бога! посвѣтите сюда! сказалъ я хриплымъ голосомъ.

Г. Ордли, державшій въ рукахъ потаенный фонарь, отодвинулъ заслонку и освѣтилъ лицо и фигуру бѣдной Джоси, которая лежала въ такомъ же положеніи, какъ я видѣлъ ее въ своемъ воображеніи.

Постель была въ порядкѣ, на ней не было слѣдовъ борьбы, но какъ это объяснить? я скоро догадался. Послѣ того, какъ я выскочилъ изъ окна и послѣ того, какъ хозяинъ остался въ полномъ убѣжденіи, что Джоси преспокойно отправилась въ свою комнату, она прокралась сюда и легла на постель, твердо рѣшившись встрѣтить смерть, отъ которой она меня избавила.

— Она еще жива, но безъ чувствъ, прошепталъ г. Ордли, приложивъ руку къ ея сердцу.— Она—тише! слышите!—

Онъ задвинулъ заслонку фонаря и мы навострили уши. Кто-то украдкою поднимался по лѣстницѣ; они перешли площадку, остановились на минутку у двери и вошли въ кладовую.

— Они въ кладовой, черезъ нѣсколько минутъ они откроютъ дверь! мы имъ зададимъ! шепталъ мнѣ на ухо коннетабль. Перенесите дѣвушку съ постели, сударь!

Я обхватилъ ее и отнесъ на дальній конецъ комнаты, и помѣстился какъ разъ у узголовья; г. Ордли и коннетабль стали на противоположномъ концѣ постели. Наступила тишина; мы услышали, какъ щелкнула пружина, но такъ тихо, что не приготовленное ухо не могло бы его разслышать, затѣмъ мы скорѣе почувствовали, чѣмъ увидѣли, какъ отворялась дверь, образуя широкое отверстіе надъ изголовьемъ. Когда дверь широко открылась, г. Ордли отодвинулъ заслонку фонаря и поднялъ его какъ разъ къ лицу двухъ злодѣевъ, стоявшихъ на порогѣ двери. Они испустили крикъ, въ которомъ слышалось изумленіе, ярость и испугъ, бросились внутрь кладовой и хотѣли затворить за собою дверь, но прежде, чѣмъ это имъ удалось, мы перескочили черезъ дверь и очутились всѣ вмѣстѣ въ кладовой.

Тогда началась страшная свалка, слышались брань, проклятія, яростные возгласы, стоны, топотъ ногъ — все смѣшалось. Г. Ордли такъ ударилъ Ребена Блаклока, что тотъ упалъ за мертво на полъ. Коннетабль и я дрались съ отцомъ, который защищался, точно бѣшеный. Онъ держалъ въ одной рукѣ мой пистолетъ и употреблялъ всевозможныя усилія, чтобы высвободить правую руку.

— Берегитесь, сударь! закричалъ мнѣ коннетабль, видя, что ему удалось высвободить руку и что онъ прямо на меня направилъ дуло пистолета.

Но прежде, чѣмъ онъ спустилъ курокъ, я оттолкнулъ его руку, раздался выстрѣлъ и онъ тяжело упалъ. Пуля, предназначавшаяся для меня, сразила его самого.

Ребенъ Блаклокъ былъ въ ту же ночь подвергнутъ предварительному заключенію, а затѣмъ переведенъ въ главную тюрьму.

Джоси, остававшаяся безъ чувствъ, была перевезена, по предложенію г. Ордли, къ нему въ домъ, гдѣ за ней ходила добрая жена его. Она, благодаря постояннымъ материнскимъ заботамъ г-жи Ордли, хотя не скоро, но выздоровѣла; послѣ болѣзни память ея страшно ослабѣла, прошедшія событія представлялись ей точно во снѣ, и воспоминанія о нихъ производили на нее подавляющее дѣйствіе. Такъ какъ она была не въ состояніи дать требуемыхъ показаній, относительно прежнихъ совершенныхъ убійствъ, то Ребенъ Блаклокъ былъ только судимъ за покушеніе на мою жизнь, и былъ приговоренъ къ ссылкѣ.

Полли сопровождала меня и въ послѣдующихъ моихъ странствованіяхъ; вскорѣ затѣмъ я получилъ наслѣдство, оно мнѣ дало возвожность самому открыть торговый домъ, а потомъ я женился. На комъ? На Джоси.

Мы съ ней прожили 50 лѣтъ; она была вѣрная и нѣжно-любимая жена. Вспоминая далекое прошлое, я благословляю судьбу за то, что она меня свела съ нею на томъ уединенномъ постояломъ дворѣ, гдѣ я чуть чуть на вѣки не заснулъ въ *«необыкновенной постели»*.

Конецъ.

Между Болгарами.

Изъ путешествія Вильгельма Лежана.

(*Продолженіе.*)

Теченіе Искера мнѣ было незнакомо, а потому, чтобы узнать его, я рѣшилъ отправиться въ Вратцу, городъ, лежащій на другой сторонѣ Балканскихъ горъ. Послѣ двудневной ѣзды, я вернулся въ Органы, на третій день прибылъ въ окрестности Новачки и ночевалъ въ деревнѣ Реберково, расположенной надъ Искеромъ, въ трехъ часахъ ѣзды отъ Вратцы, куда прибылъ на другой день утромъ.

Городъ скучный и населенъ янычарами. Кто жилъ въ Турціи, тотъ пойметъ, сколько фанатизма и суевѣрія заключается въ этомъ названіи. Расположившись на балконѣ гостинницы, я занялся куреньемъ наргилье и смотрѣлъ на комическую сцену, какъ нѣсколько пьяныхъ евреевъ поддерживали своего товарища, ѣхавшаго на ослѣ, который артачился и старался свалить сѣдока на землю. Евреи пьютъ мало, но если напьются, то стоитъ посмотрѣть. Кварталъ евреевъ въ Вратцѣ очень большой.

Вечеромъ мнѣ посчастливилось встрѣтить г. Леонидисъ, постоянно скитающагося по Болгаріи и попавшаго въ Вратцу за покупкой шелковыхъ матерій. Леонидисъ — человѣкъ весьма замѣчательный. Родомъ онъ грекъ изъ Адріанополя, commis-voyageur какой-то торговой фирмы. Болгарію онъ знаетъ вдоль и поперегъ, всякая деревушка имъ посѣщена и онъ видѣлъ всѣ историческіе памятники этого края. Я собрался уже оставить Вратцу, какъ онъ уговорилъ меня осмотрѣть остатки древняго города, такъ называемаго «Сожженнаго» въ получасѣ ѣзды отъ моего гана.

Отправились мы туда на другой день утромъ чрезъ предмѣстье Палилюля. Это художественное названіе носятъ многіе предмѣстья болгарскихъ городовъ и, какъ кажется, происходитъ оттого, что крестьяне, ѣдущіе на рынокъ, въ корчмахъ въ предмѣстьи закуриваютъ трубки-Люльки. Вдоль Палилюли и чрезъ рѣку тянется древнеримскій водопроводъ, ветхіе дома покрыты зеленымъ мхомъ и грозятъ совершенно развалиться, но турецкое правительство не заботится объ ихъ починкѣ. Это хорошій археологическій образчикъ, приготовляющій путешественника къ «Сожженному городу».

Подвигаясь ровной тропинкой къ водопроводу, мы дошли до долины, составляющей ложе множества ручейковъ, которые соединяются подъ «сожженнымъ городомъ» и образуютъ рѣчку Бресницу или Вратцу.

Здѣсь я нашелъ цѣлый лабиринтъ старыхъ стѣнъ, въ развалинахъ которыхъ я безъ труда узналъ древній римскій городъ, который болгары называютъ «Сожженнымъ». Это была сильная крѣпость, съ трехъ сторонъ доступная только орламъ. Какъ она называлась—неизвѣстно. По всей вѣроятности это мѣстность, которую Прокопій въ (de Edificiis называетъ Βρατεξα). Преданіе говоритъ, что городъ этотъ долго осаждался варварами и, наконецъ, былъ сожженъ. Царь, который въ немъ пребывалъ, испугался и, позорно оставивъ своихъ подданныхъ, бѣжалъ въ горы, гдѣ въ наказаніе былъ превращенъ въ камень вмѣстѣ съ своей дочерью и телѣгой, на которой ѣхалъ. Какъ бы въ доказательство этой исторіи, мѣстный народъ указываетъ не вдалекѣ отъ «сожженнаго города» группу скалъ, будто бы представляющую царя, дочь и телѣгу. Что сталось съ лошадьми легенда не упоминаетъ.

Вскорѣ я простился съ г. Леонидисъ и выѣхалъ въ Берково, расположенное у подножья Балканскихъ горъ, и оттуда черезъ день долженъ былъ пріѣхать въ Софію. Сначала я ѣхалъ по очень красивой мѣстности, среди которой течетъ Ботунь, притокъ Огости, и къ вечеру увидѣлъ Берково. Такъ какъ заѣзжать въ городъ не было никакой надобности, то я проѣхалъ мимо и остановился ночевать въ Клиссурѣ, представляющей длинный рядъ строеній вдоль дороги, между которыми большинство гановъ.

Напрасно я стучался въ множество воротъ, трактирщики ханджисы поссорились съ правительствомъ изъ за какого-то налога и закрыли свои заведенія. Наконецъ, послѣ долгихъ поисковъ, намъ удалось найдти помѣщеніе для ночлега. Съ разсвѣтомъ мы выѣхали изъ Клиссуры.

Густой туманъ покрывалъ окрестности. По скользской и мягкой дорогѣ лошади моей *арбы* безпрестанно спотыкались, такъ что я долженъ былъ замѣнить ихъ волами, нанятыми по дорогѣ. Я вышелъ изъ телѣги и пошелъ около дороги, чтобы лучше вглядѣться въ восхитительную мѣстность южнаго склона, который не уступитъ лучшимъ швейцарскимъ и швабскимъ пейзажамъ. Къ несчастью, погода не благопріятствовала, но по этой окрестности я проѣзжалъ второй разъ.

Окрестность безопасна, но я встрѣтилъ четыре турецкихъ караула, изъ которыхъ каждый состоитъ подъ завѣдываніемъ *булукъ-баши* (бригадира) изъ нѣсколькихъ человѣкъ крестьянъ, солдатъ или башибузуковъ, обыкновенно Арнаутовъ, т. е. представителей расы, которая, кажется создана, чтобы курить и забавляться кинжаломъ и ружьемъ. Въ Турціи и Египтѣ ихъ множество. Отличаются они своимъ небольшимъ ростомъ и комическо-воинственнымъ видомъ. Черногорцы, враги албанцевъ, на нихъ похожи, но гораздо представительнѣе. Впрочемъ одни и другіе носятъ съ собою цѣлый арсеналъ оружія, безъ котораго они не могутъ обойтись.

Самъ Николай, князь черногорскій, говорилъ мнѣ въ Парижѣ, что, когда надѣваетъ англійское пальто, то ему кажется, что онъ не совсѣмъ одѣтъ. Въ одномъ караулѣ, *Дервентъ-караулъ*, я остановился. Булукъ баша оказалъ мнѣ очень радушное гостепріимство, посадилъ на чардакъ и предложилъ кофе. Въ это время проходили два черкескіе эмигранта, ведя за собою тощую клячу. Солдаты остановили ихъ и потребовали тэскерэ (паспорты). Все, къ счастью, было въ порядкѣ, но все-таки турки обругали черкесовъ. Я не расположенъ къ черкесамъ, но подобные поступки заптьевъ меня глубоко взорвали. Какъ бы то ни было, но этотъ народъ не побѣжденъ турками; это несчастные пришельцы, искавшіе пріюта у своихъ единовѣрцевъ. Они, правда, пали низко, но развѣ не по винѣ самихъ турокъ, которые такъ безчеловѣчно ихъ приняли? Смотря на это, я негодую на слезы дивана, пролитыя объ участи кандіотовъ, которые эмигрировали въ Грецію и тамъ вымерли съ голоду. Если когда нибудь я напишу воспоминанія изъ путешествія по Греціи, то опишу истинное положеніе дѣлъ: Кандіоты тамъ были приняты радушно, хорошо одѣты, счастливы, не смотря, что немногочисленный эллинскій народъ несетъ на себѣ обязанность содержать 73,000 турецкихъ бѣглецовъ.

Послѣ черкесовъ прошелъ слѣпой нищій, въ сопровожденіи своего товарища, съ наружностью, не внушающей къ себѣ ни малѣйшаго довѣрія. Затѣмъ нѣсколько цыганъ и толпа болгарскихъ погоньщиковъ муловъ, которые «заморили червячка» и оглашали окрестность воемъ, носящимъ названіе пѣсни. «Это вино кричитъ» говорятъ турецкіе солдаты. Турки любятъ смотрѣть на пьяныхъ христіанъ и, благодаря такому разсужденію, составляютъ о себѣ болѣе благопріятное мнѣніе. Турокъ ни за что не выпьетъ ни капли вина, даже самаго легкаго, но охотно пьетъ кружками сливовицу, которая тоже опьяняетъ. Но необходимо прибавить, что это турокъ позволяетъ себѣ только вечеромъ, въ четырехъ стѣнахъ своего дома, и не дѣлаетъ никакого скандала.

Вблизи Дорука лѣса на вершинахъ горъ исчезаютъ и увеличивается холодъ. Въ ганѣ Дорукъ я позавтракалъ нѣсколькими яйцами и отправился дальше.

Едва мы минули голую некрасивую долину Гинцу, какъ сорвался громадный снѣжный обвалъ, такъ что мы съ трудомъ доѣхали до гана «Печеный Бродъ».

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Изъ А. Петефи.

I.

Успокоеніе.

Въ колыбели мальчикъ плачетъ, пробудившись,
И тихонько мамка колыбель качаетъ
И, качая, пѣсню напѣваетъ нѣжно, —
И ребенокъ тотчасъ снова засыпаетъ.

Вотъ такой же точно плачущій ребенокъ —
Я съ моей печалью!... Точно также горе
Я лечу стихами и слагаю пѣсни, —
И печаль отъ пѣсенъ затихаетъ вскорѣ.

II.

Надежды.

Надежды наши — точно птички,
Что пò небу летаютъ
Веселымъ роемъ, и такъ звонко
Щебечутъ, напѣваютъ...

Но вотъ, стрѣлокъ-дѣйствительность
Прицѣлился ужъ въ нихъ, —
И нѣтъ надеждъ — и въ стороны
Всѣ разлетѣлись въ мигъ!...

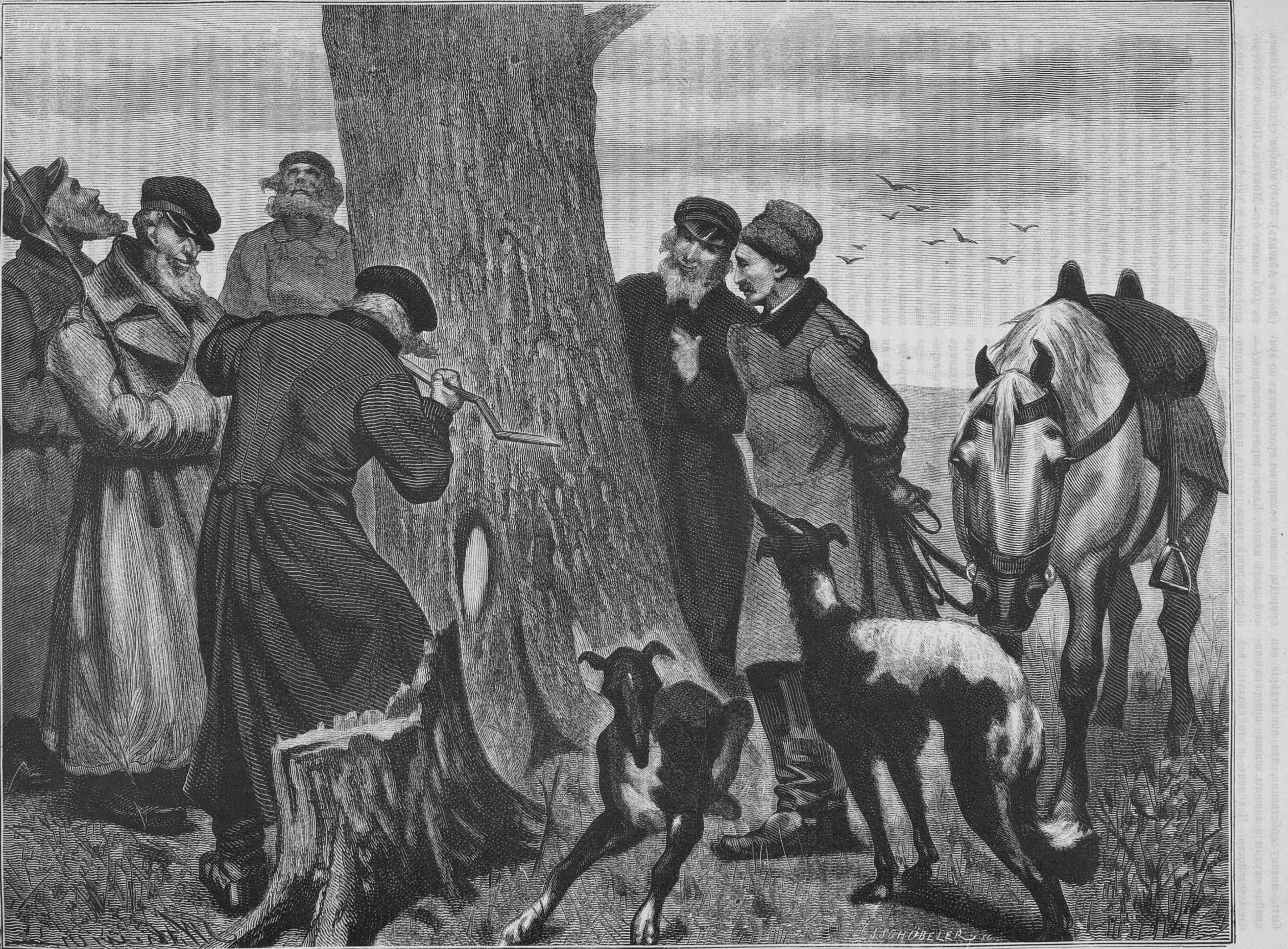
А. —овъ.

Библіографія.

«По Волгѣ», очерки и впечатлѣнія лѣтней поѣздки.— Соч. В. И. Немировича-Данченко. Спб. 1877 года.

Эта, вышедшая на дняхъ, интересная книга заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ блестящихъ и талантливо написанныхъ очерковъ и сценъ, имѣющихъ этнографическій и, преимущественно, бытовой характеръ. Въ книгѣ есть, также, многія статистическія данныя, мѣстныя былины и легенды, собранныя авторомъ на мѣстѣ и, отчасти, почерпнутыя имъ у другихъ писателей. Но главнѣйшій интересъ книги г. Немировича-Данченко заключается, по нашему мнѣнію, въ слѣдуюещмъ. Авторъ изображаетъ намъ приволжскій край — *въ данный моментъ*, — и рисуетъ его не съ одной лишь *внѣшней*, такъ-сказать, стороны — богатства, промышленности, торговли, и пр., — но и изображаетъ *внутренній*, духовный міръ нашего громаднаго Поволжья; а съ этимъ-то именно внутреннимъ строемъ обширнаго края и многомилліоннаго населенія и не мѣшаетъ, въ настоящее время, русскому обществу ознакомиться какъ можно ближе: что̀ чувствуютъ эти милліоны наканунѣ великихъ историческихъ событій, что̀ думаютъ они — и ка́къ относятся къ этимъ всемірнымъ событіямъ?... Мы находимъ, что г. Немировичъ-Данченко, какъ этнографъ-публицистъ, даетъ, въ талантливомъ описаніи своего путешествія, достаточно ясные и правдивые отвѣты на эти жгучіе современные вопросы.

Каждое лѣто, по Волгѣ ѣздятъ англійскіе туристы и русскіе «ученые чиновники» — этою кличкою народъ окрестилъ извѣстную категорію россійскихъ путешественниковъ. Эти послѣдніе ѣздятъ всегда на казенный счетъ, или на великодушный счетъ какого нибудь ученаго общества. Они производятъ различныя геологическія изслѣдованія «портятъ бабъ и дѣвокъ (стран. 56)» — и, затѣмъ, преблагополучно возвращаются къ осени въ столицы: Русскому обществу отъ этихъ путешествій ни тепло, ни холодно, — потому что, «ученые чиновники» не дѣлятся своими впечатлѣніями съ публикою — можетъ


J.SCHÜBELER sc.

Послѣдняя сосна. Рисовалъ В. Виткевичъ.

быть, потому собственно, что впечатлѣнія эти крайне скудны и лишены всякаго интереса и наблюдательности. Наконецъ и то сказать: всѣ «впечатлѣнія» этихъ господъ, составляемыя по казенному шаблону, никогда не выходятъ за предѣлы заранѣе указанныхъ рамокъ, и поэтому, въ большинствѣ случаевъ, лишены бываютъ живого интереса, правдиваго слова и фотографической истины. Что же касается до англійскихъ туристовъ, то они пишутъ и издаютъ свои путевыя записки для Англіи, и записки эти рѣдко бываютъ извѣстны и доступны русскимъ читателямъ, и, къ тому же, не всегда отличаются безпристрастіемъ и пониманіемъ чуждаго имъ края и народа.

Совсѣмъ не то представляетъ намъ книга В. И. Немировича-Данченко, путешествовавшаго, на этотъ разъ (употребляя фразу Тургенева), «по вольной милости» и главное, безъ всякихъ субсидій и подачекъ извнѣ. Живой и оригинальный языкъ книги — особенно разговорный, — глубокая наблюдательность, мастерскія и чистохудожественныя описанія природы и роскошныхъ волжскихъ картинъ и, наконецъ, тотъ добродушный, безобидный юморъ, которымъ изобилуетъ книга «По Волгѣ», дѣлаютъ ее въ высшей степени интересною, живою и очень полезною, для всякаго, книгою.

Но мѣстами отъ книги г. Данченко вѣетъ и инымъ чувствомъ — чувствомъ боли и опасенія за недалекое будущее нѣкоторыхъ поволжскихъ губерній. Вотъ что, напр., говоритъ авторъ о «пагубномъ и даже преступномъ» истребленіи лѣсовъ. «Во Владимірской губерніи прежде было пропасть лѣсу, теперь его сплошь валятъ. Подъ топоромъ исчезаютъ трехсотлѣтнія, выхоленныя рощи. Ничему пощады нѣтъ: въ бывшихъ крупныхъ имѣніяхъ вырубаются даже сады! Поэтому, во всей этой мѣстности климатъ ухудшился донельзя. Песчаная часть губерніи, еще недавно занятая лѣсами, скоро обратится въ Сахару. Деревья вырублены, — безъ нихъ песокъ влаги не держитъ; понятно, что скоро мы у самихъ себя будемъ видѣть прекрасныя среднеазіятскія степи съ голоднымъ и одичавшимъ населеніемъ. Зло, дѣйствительно, страшное. Лѣса, преимущественно, рубятся на постройки москвичей, до сихъ поръ предпочитающихъ деревянные дома каменнымъ».

Далѣе, авторъ, какъ очевидецъ, описываетъ слѣдующую картину: «У станціи Сеймы мы нашли громадныя массы только что нарубленнаго въ окрестностяхъ лѣса. Оказалось, что до 1-го мая, за весну, подрядчикъ Бугровъ съумѣлъ уже свалить сюда 14 тысячъ кубическихъ саженъ дровъ. Сверхъ того, онъ же валитъ, разумѣется, и строевой лѣсъ. Бугровъ рубитъ лѣса, купленные имъ у помѣщика Турчанинова, и рубитъ ихъ сплошь, безъ промежей, безъ выбора. Скоро отъ громадныхъ здѣшнихъ лѣсныхъ угодій не останется ничего. Участокъ за участкомъ сваливается. Бугровъ, такимъ образомъ, выручаетъ до 660 тысячъ руб. въ годъ. Онъ взялъ на себя подрядъ главному обществу россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, которое должно быть признано однимъ изъ главныхъ факторовъ лѣсоистребленія въ этой полосѣ Россіи. Только близъ станціи Сеймы у Бугрова рубятъ лѣса *пятьсотъ* человѣкъ народу, а сколько по остальнымъ, скупленнымъ этимъ же Геростратомъ, лѣснымъ участкамъ — и счету нѣтъ. Мы проѣзжали бугровскою порубкою. Одни унылые пни — ни малѣйшаго зеленаго пятна травки, точно выгорѣло все, а песокъ уже вступаетъ въ свои права и заполняетъ окрестность».

«А между тѣмъ — продолжаета авторъ, — еще недавно тутъ стояла густая чаща, сюда съѣзжались бить медвѣдей и лосей даже изъ Петербурга.... Просто злость душитъ, когда смотришь на эту преступную алчность компрачикосовъ природы, словно пожарище проходящихъ по лучшей замлѣ нашей. Какое, впрочемъ пожарище — на пожарищѣ трава ростетъ, новый лѣсъ поднимается, а тутъ степь Сахара!... Мы еще, послѣ такого варварскаго отношенія къ богатству и будущности страны укоряемъ турокъ и среднеазіятцевъ, что они обратили плодороднѣйшія свои долины въ безводныя степи; ну, а у насъ-то, у насъ что̀ дѣлается, — не то же ли самое?...»

У насъ, иногда, вырубается лѣсъ — какъ ни странно это — «для спасенія души». По словамъ автора, на станціи Черной, въ 40 верстахъ отъ Нижняго, стояла роща — «веселая такая, прохладная», стали изъ Нижняго наѣзжать въ эту рощу кутилы — съ прекраснымъ поломъ, конечно; «пьянство тутъ пошло, содомъ!... Наши старички (раскольники) думали-думали: — Доколѣ терпѣть?!.. Ни, и надумались: чтобъ соблазну не было, взяли да и вырубили рощу сплошь. Теперь голина одна!... За то, ужъ вавилонскихъ блудницъ этихъ не видишь, да и пьяницы наѣзжать перестали».

Лихорадочное, торопливое и жадное истребленіе лѣсовъ авторъ замѣчалъ повсюду, гдѣ ни проѣзжалъ по Волгѣ. Напримѣръ совершенно уже въ другой мѣстности, вдалекѣ отъ Владимірской губерніи и Нижняго, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Козмодемьянска, существуетъ лѣсная ярмарка. «Сюда приваливаютъ лѣсъ съ Ветлуги, и тутъ же производятся страшныя порубки лѣсовъ. Это своего рода delerium tremens. Мы истребляемъ лѣса горячечно, точно послѣ потопъ будетъ и жизни конецъ на землѣ. Чуваши даже увлеклись этимъ повѣтріемъ: они продаютъ на срубъ свои керемети, свои нѣкогда священныя рощи. Повсюду совершатся полное раззореніе, передъ которымъ Батыево нашествіе — только шутка!...»

Эта сторона книги В. И. Немировича-Данченко заслуживаетъ, полагаемъ, особеннаго вниманія — для всѣхъ тѣхъ, до кого близко касается указываемое имъ хищническое истребленіе лѣсовъ Россіи, этого главнаго ея богатства, отъ исчезновенія котораго зависитъ не только измѣненіе климата имперіи и почвы, но и урожаи хлѣбовъ, травъ, овощей, и проч. Конечно, было бы странно желать казенной регламентаціи въ этомъ дѣлѣ — частномъ, — но все же, по крайней мѣрѣ, слѣдовало-бы — хотя бы тѣмъ же самымъ многочисленнымъ обществамъ земледѣлія, и др. — оградить какъ нибудь лѣса нашихъ внутреннихъ и сѣверныхъ губерній отъ окончательнаго истребленія. Авторъ, впрочемъ, не указываетъ на средства для этого огражденія; но вполнѣ достаточно и того, что онъ опредѣляетъ и указываетъ болѣзнь; найдти же средства къ спасенію немногихъ, остающихся еще цѣлыми, лѣсовъ — это уже обязанность другихъ, — и есть основаніе полагать, что на предстоящемъ въ Москвѣ съѣздѣ членовъ Императорскаго общества земледѣлія, указанія В. И. Немировича-Данчено, сдѣланныя въ его серьезномъ трудѣ, обратятъ на себя должное вниманіе. (Цѣна книги 2 р. 50 к.). **Z.**

Новости наукъ и жизни.

Мореплаваніе. Константинопольскій корреспондентъ «Kolnische Zeitung» пишетъ, что во время послѣднихъ штормовъ въ Черномъ морѣ, 21-го января, погибъ шведскій пароходъ Эриксонъ. При этомъ крушеніи погибли люди. Болѣе подробныхъ свѣдѣній газета не сообщаетъ

— Въ минувшемъ 1876 году черезъ Суэцкій каналъ прошло всего 7,584 судна, имѣющихъ въ сложности 13,521,758 тоннъ водоизмѣщенія.

Ужасное крушеніе. Сиркассіанъ, американское парусное судно, вышедшее 6-го ноября прошлаго года, изъ Нью-Іорка, съ полнымъ грузомъ, погибло 30-го декабря у гавани Сагъ-Харбуръ (Лонгъ Айлэндъ). 30-го ноября судно находилось въ 400 миляхъ отъ Монтаикъ-Поинта на американскомъ берегу и увидѣло тонувшее судно съ поднятымъ сигналомъ о бѣдствіи. «Сиркассіанъ» придержался къ судну, которое оказалось американскимъ кораблемъ Бетъ-Пикъ, котораго экипажъ былъ принятъ на «Сиркассіанъ». Погода значительно ухудшилась. Палуба и такелажъ покрылся льдомъ и, при сильномъ снѣжномъ штормѣ, «Сиркассіанъ» былъ выброшенъ на берегъ 11-го декабря у Сагъ-Харбуръ. Экипажъ былъ спасенъ на спасательныхъ лодкахъ, а шкиперъ Вильямсъ, штурманъ и нѣсколько человѣкъ экипажа, вмѣстѣ съ спасательною командою, вернулись на судно, полагая спасти, буде возможно, грузъ и освободить судно съ мели. Судно выгружали до 29-го декабря и когда оно было совершенно выгружено, хотѣли стащить его. Буксирный тросъ лопнулъ при первой попыткѣ и пришлось отложить работу до слѣдующаго дня. Но къ утру судно совершенно разбило и изъ 30 человѣкъ потонуло 26, несмотря на то, что судно лежало очень близко къ берегу и были употреблены всѣ усилія съ берега, чтобы спасти находившихся на суднѣ. Штормъ значительно усилился, превратившись въ ураганъ, и судно сильно потекло. Луна свѣтила очень ярко и терпѣвшіе крушеніе видѣли совершенно ясно, какъ на берегу старались установить ракетный аппаратъ, но долго не могли бросить ракеты на разбившееся судно, а когда это удалось, то лопнулъ конецъ. Всѣ надежды погибли. Большинство экипажа забралось на топъ бизань мачты, забывъ, что мачта была желѣзная. Волна вскорѣ ударила въ мачту, которая обломилась и со всѣми спасавшимися на ней обрушилась въ воду, въ которой всѣ и потонули, тогда какъ четыре человѣка, державшіеся у гротъ мачты, были снесены къ берегу и спаслись. Это ужасное крушеніе произвело очень сильное впечатлѣніе въ Нью-Іоркѣ и обратило вниманіе, кого слѣдуетъ, на неисправное состояніе, въ которомъ находятся, расположенные по берегу, спасательные аппараты.

— Въ датскихъ газетахъ пишутъ, что копенгагенское общество судовыхъ шкиперовъ недавно обсуждало вопросъ о дальтонизмѣ (недостатокъ зрѣнія—различать главнѣйшіе цвѣта синій и красный), причемъ было сдѣлано сообщеніе, что правленіе мѣстнаго пароходнаго общества уже давно ввело положеніе, согласно которому на пароходы общества принимаютъ только такихъ рулевыхъ, которые представятъ свидѣтельства отъ врачей общества, что не страдаютъ вышеозначеннымъ недостаткомъ зрѣнія.

— Изъ Лиссабона пишутъ въ шведскія газеты, что въ открытомъ океанѣ погибъ пароходъ Емилія, на которомъ находилась императорская бразильская коммисія по филадельфійской всемірной выставкѣ, а равно семейства членовъ коммисіи и вещи закупленныя на выставкѣ. За исключеніемъ двухъ матросовъ, всѣ пассажиры и команда погибли въ волнахъ. Подобное происшествіе случилось и послѣ вѣнской всемірной выставки, когда японская выставочная коммисія и предметы, закупленныя на выставкѣ, погибли вмѣстѣ съ пароходомъ Нилъ.

— Около сорока англійскихъ рыбачьихъ лодокъ погибло во время послѣднихъ штормовъ въ Нѣмецкомъ морѣ, причемъ пропало безъ вѣсти болѣе 200 человѣкъ. Города Ловестофтъ и Ярмутъ подали по этому поводу петицію и англійское правительство распорядилось выслать корветы Валарусъ и Симефъ на поиски за погибшими.

Кругосвѣтное путешествіе. Изъ Лондона отходитъ въ началѣ апрѣля первоклассный пароходъ, принимающій пассажировъ, желающихъ совершить кругосвѣтное путешествіе. Плата за проѣздъ 3,000 руб. мет. Программа плаванія: Бордо, Корунья, Виго, Лиссабонъ, Кадиксъ, Гибралтаръ, Тангеръ, Алжиръ, Барцелона, Генуя, Спецція, Неаполь, Мессина, Афины, Константинополь, Смирна, Іаффа, Александрія, Суэцкій каналъ, Индія, Китай, Японія, Санъ-Франциско, вокругъ Южной Америки, Нью-Іоркъ и Лондонъ. (*Кр. В.*)

Этнографія. Въ «Донской Газетѣ» пишутъ: Въ старину многіе народные обычаи на Дону пользовались почетомъ и имѣли какъ бы законодательный характеръ. Такъ, напримѣръ, былъ въ большомъ употребленіи гражданскій бракъ. О немъ донская исторія говоритъ въ слѣдующихъ словахъ: «женихъ и невѣста, согласившись на супружество, приходили вмѣстѣ въ собраніе народа на площадь, гдѣ, помолясь Богу, кланялись на всѣ стороны, и женихъ, назвавъ невѣсту по имени, говорилъ ей: «ты будь мнѣ жена»; невѣста, поклонившись ему въ ноги, отвѣчала также, называя его по имени: «а ты будь мнѣ мужемъ»; новые супруги цѣловали другъ друга и принимали отъ всего собранія поздравленія, чѣмъ и заканчивался обрядъ». Также у казаковъ былъ въ обычаѣ разводъ супруговъ: мужъ, введя жену свою въ собраніе народа, говорилъ: «атаманы-молодцы, она была мнѣ услужливая и вѣрная теперь она мнѣ не жена, а я ей не мужъ!» Отказанную жену тутъ же могъ взять другой, прикрывъ ее полою своего платья, точно съ тѣмъ же объявленіемъ передъ всѣмъ народомъ: «ты будь мнѣ жена...» и проч. Прикрытіе полою значило снятіе съ отказанной жены безчестія развода.

Зоологія. Секретари въ Парижѣ. Въ саду Акклиматизаціи, въ Парижѣ, получена была недавно съ мыса Доброй Надежды пара птицъ секретарей, получившихъ это названіе по причинѣ торчащаго у нихъ за ухомъ пера, придающаго птицѣ весьма оригинальный видъ. Другое названіе ея Капскій змѣеѣдъ, такъ какъ она ведетъ ожесточенную войну съ пресмыкающимися, коими изобилуетъ эта страна. Секретарь отличается медленною походкой, блестящими, какъ у хищной птицы, глазами и загнутымъ книзу клювомъ, причемъ все тѣло его напоминаетъ собою ястреба, только на длинныхъ ногахъ. Охотится онъ на змѣй слѣдующимъ образомъ: своими могучими когтями птица эта притискиваетъ змѣю къ землѣ,—змѣя съ шипѣньемъ барахтается, кусаетъ ноги своего врага, но ей не удается прокусить толстую кожу, покрывающую лапы секретаря, а послѣдній тѣмъ временемъ ударомъ своего клюва разсѣкаетъ змѣю на нѣсколько частей. Птица эта истребляетъ также маленькихъ грызуновъ и насѣкомыхъ и потому могла бы служить блестящимъ и полезнымъ украшеніемъ садовъ и парковъ.

Со всего свѣта.

Въ послѣднемъ нашемъ обозрѣніи мы упомянули вскользь о поѣздкѣ генерала Игнатьева заграницу. Хотя въ началѣ было предположено, что эта поѣздка имѣетъ цѣлью совѣтъ съ заграничными медиками о болѣзни глазъ генерала Игнатьева, однако этотъ слухъ не подтвердился. До сихъ поръ неизвѣстно, чтобы нашъ бывшій посланникъ въ Константинополѣ совѣтовался съ медиками; за то если вѣрить иностраннымъ газетамъ, онъ постоянно имѣетъ длинные разговоры о восточныхъ дѣлахъ съ лицами «высокопоставленными» въ дипломатическомъ мірѣ. Теперь, едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что поѣздка генерала Игнатьева имѣетъ исключительно политическую цѣль для скорѣйшаго и на этотъ разъ уже окончательнаго разрѣшенія восточнаго вопроса. Заграничная печать переполнена извѣстіями о генералѣ Игнатьевѣ, русская журналистика пускается въ самыя фантастическія толкованія о цѣли этой поѣздки, въ Европѣ и Россіи только и говорятъ, что объ этомъ путешествіи. Въ виду такого интереса, возбужденнаго генераломъ Игнатьевымъ, и мы въ свою очередь принуждены передать слухи и толки, предположенія и догадки политической печати.

Пребываніе генерала Игнатьева въ Берлинѣ было не мало эксплуатировано со стороны репортеровъ. Подобно маркизу Салисбюри, и генералъ Игнатьевъ не могъ избѣжать посѣщеній этихъ живыхъ телеграфовъ; при этомъ, русскій посолъ, подобно англійскому, поддержалъ новый способъ объясненій посредствомъ секретаря. Разница только въ томъ, что лордъ Салисбюри доставлялъ, покрайней мѣрѣ, посѣтившему его репортеру удовольствіе видѣть свой расшитый золотомъ мундиръ, въ которомъ ѣхалъ ко двору. Русскій же посолъ предполагая въ берлинскомъ журналистѣ достаточное знакомство съ русскимъ мундиромъ, не нашелъ, нужнымъ выставлять себя на показъ. Репортеръ «Bürgerzeitung», при всемъ желаніи имѣть личное объясненіе съ генераломъ Игнатьевымъ, долженъ былъ ограничить свою любознательность свиданіемъ съ княземъ Цертелевымъ, который остался вѣренъ въ своихъ разоблаченіяхъ фразѣ Талейрана, что человѣку данъ языкъ для того, чтобы скрывать свои мысли. Результаты этого объясненія, по словамъ «Bürgerzeitung», сводятся къ слѣдующему: князь Цертелевъ утверждалъ, что генералъ, дѣйствительно страдаетъ глазами, но что въ Берлинѣ ему не удалось посовѣтоваться съ врачами. Къ германскому двору онъ не можетъ имѣть дипломатическаго порученія, въ виду прочныхъ дружественныхъ отношеній между обоими дворами, поэтому о дипломатическомъ характерѣ путешествія можетъ быть скорѣе рѣчь въ Парижѣ или Вѣнѣ, гдѣ могла бы встрѣтиться надобность въ обмѣнѣ мыслей для установленія большаго единства во взлядахъ. Поѣздка въ Лондонъ, о которой толковали въ газетахъ, не входитъ въ программу путешествія. На сообщенные газетные толки, приписывавшіе генералу мнѣніе, что процессъ разложенія Турціи идетъ такъ быстро, что Россія можетъ не вынимая меча изъ ноженъ, оставаться спокойной зрительницей этого разложенія, князь возразилъ, что если генералъ Игнатьевъ и выражалъ прежде такое мнѣніе, то въ настоящее время онъ его измѣнилъ. Какъ бы ни разлагалась Турція, положеніе христіанъ на столько бѣдственно, что далѣе выжидать результатовъ разложенія не представляется возможнымъ. Гарантіи, которыя могла бы Турція предложить теперь, слишкомъ шатки; самая конституція была допущена только какъ практическій предлогъ для сверженія Митхада. Турецкая конституція уже потому лишена всякаго значенія, что для введенія ея необходимо въ теченіи четверти вѣка издавать новые законы.

Князь уклонился отъ объясненій по поводу паденія Митхада и болѣзни Абдулъ-Гамида, относительно же слуховъ, приписывавшихъ вліянію генерала Игнатьева ссылку Митхада, князь возразилъ, что ему же приписывали и участіе въ убійствѣ двухъ консуловъ въ Салоникахъ.

«Генералъ Игнатьевъ, —сказалъ князь съ большимъ оживленіемъ,—такой-же панславистъ, какъ и три четверти русской націи». На замѣчаніе, что политическій міръ не такъ-то легко разувѣрить въ приписываемыхъ Россіи панславистскихъ стремленіяхъ, и что въ особенности трудно разсѣять опасенія Австріи на счетъ усилій Россіи содѣйствовать образованію самостоятельности славянскихъ государствъ, секретарь Игнатьева отвѣчалъ, что этому дѣлу Россія до поры до времени не оказываетъ никакой помощи. Фактъ заключенія мира съ Сербіей долженъ былъ бы успокоить Австрію. Славянское населеніе турецкихъ провинцій вообще ни мало не интересуется политическими вопросами; оно желаетъ только законныхъ порядковъ и обезпеченій за ними спокойнаго владѣнія «воломъ и женою» (буквальное выраженіе князя).

Князь, который былъ однимъ изъ членовъ слѣдственной коммиссіи о звѣрствахъ турокъ въ Болгаріи, убѣжденъ въ томъ, что британское правительство, въ виду обнаруженныхъ этою коммиссіею фактовъ, а также поведенія Порты во время конференціи, нисколько не думаетъ оказать Турціи дѣятельную помощь. Кромѣ того, Англія не имѣетъ ровно никакихъ причинъ не довѣрять Россія, тѣмъ больше, что по его мнѣнію, Азія не будетъ театромъ войны. Конечно, удаленіе англійскаго флота изъ Пирея, и сосредоточеніе его у Мальты, лишены всякаго значенія, но, во всякомъ случаѣ, мѣру эту не слѣдуетъ истолковывать въ смыслѣ сохраненія Греціею нейтралитета, въ случаѣ войны, между Турціей и Россіей. Князь, напротивъ, убѣжденъ въ томъ, что въ этомъ случаѣ Греція непремѣнно приметъ участіе въ борьбѣ. Но и въ другихъ мѣстностяхъ оттоманской имперіи, заключилъ князь, война повлечетъ за собою возстаніе.

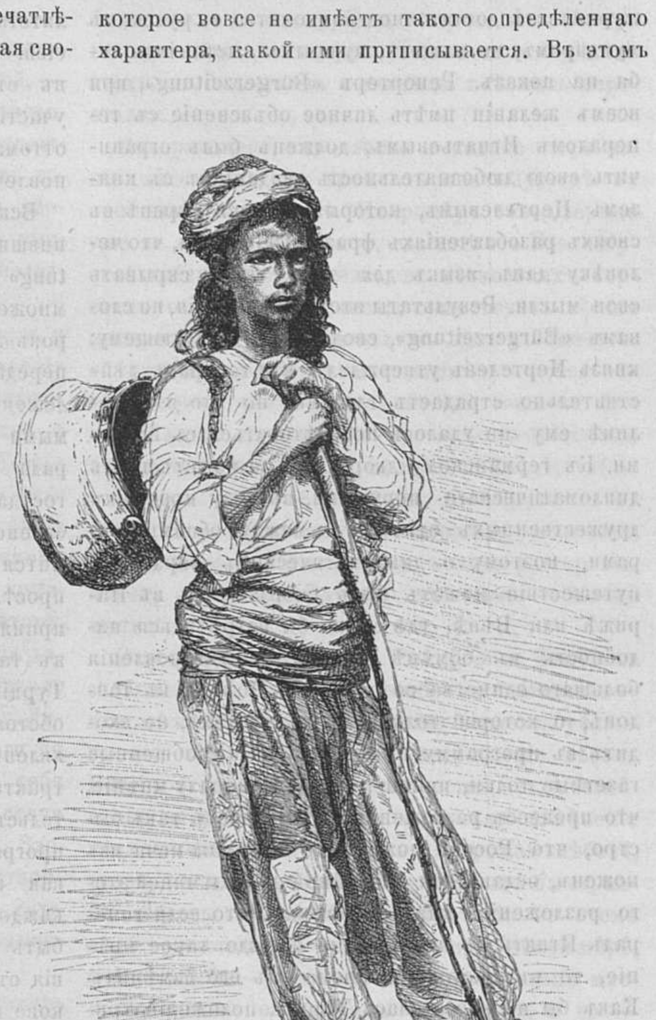
Вскорѣ за этими неудачными, ничего не выяснившими «разговорами» сотрудника «Bürgerzeitung» съ княземъ Цертелевымъ, послѣдовало множество другихъ «разъясненій» и «разговоровъ». Всѣхъ, конечно, не передать; къ тому же, передача ихъ нисколько бы не выяснила положенія дѣла; мы, поэтому, ограничимся самыми существенными. Изъ разговоровъ генерала Игнатьева съ берлинскими выдающимися государственными дѣятелями видно, по мнѣнію «агенства Гаваса», что Россія нисколько не стремится къ одиночной политики въ восточномъ вопросѣ, но желаетъ только побудить державы, принявшія съ нею постановленія конференціи, къ такимъ заявленіямъ, которыя заставили бы Турцію принять программу конференціи, какъ обстоятельство, вытекающее изъ правъ, предъявленныхъ этому государству международными трактатами. Порта должна выполнить эти обязательства, примѣнивъ на практикѣ предложенныя программою конференціи учрежденія и признавая ихъ въ принципѣ. Въ противномъ случаѣ, каждой изъ договорившихся сторонъ должна быть предоставлена полнѣйшая свобода дѣйствія относительно исполненія долга всѣми одинаково признаваемаго.

Генералу Игнатьеву, во время пребыванія его въ Берлинѣ, нерѣдко случалось высказывать свои мнѣнія о нынѣшнемъ кризисѣ. Такъ, берлинскій корреспондентъ «Kölnische Zeitung» увѣряетъ, будто генералъ сказалъ одному дипломату-туркофилу, что пошли Порта чрезвычайнаго уполномоченнаго въ Петербургъ и миръ будетъ заключенъ въ какія нибудь пять минутъ. Само собою разумѣется, что мнѣніе это онъ высказалъ въ шутливомъ тонѣ. Тѣмъ не менѣе, оно произвело нѣкоторое впечатлѣніе, потому что его приводятъ въ связь съ распространившимися недавно слухами о томъ, будто бы Россія имѣетъ въ виду заключеніе отдѣльнаго мира съ Турціей, какъ крайнее средство, или, по крайней мѣрѣ, грозитъ имъ. Какъ бы то ни было, но положеніе выяснится только тогда, когда генералъ Игнатьевъ окончитъ свое путешествіе. Къ этому слѣдуетъ, однакожъ, прибавить, что свѣдѣніе, сообщенное корреспондентомъ «Кельнской Газеты», —простая нелѣпость, основанная на какомъ-то ужъ черезчуръ беззастѣнчивомъ отношеніи къ фактамъ: ни о какомъ мирѣ Россіи съ Турціей не можетъ быть и рѣчи, потому что этотъ миръ никогда не былъ нарушенъ, а только существуютъ натянутыя отношенія между обоими государствами. Замѣчательнѣе всего, что нѣкоторыя русскія газеты, перепечатывая это извѣстіе, не замѣтили нелѣпости заключайщейся въ немъ.

По поводу пріѣзда генерала Игнатьева въ Парижъ, газета «Temps» говоритъ, что, прибывъ въ столицу Франціи, русскій посолъ убѣдился въ томъ, что неудача конференціи подготовила умы къ правильной оцѣнкѣ затруднительнаго положенія Россіи. Но какъ только ему удастся разсѣять это мнѣніе своею сильною діалектикою, его роль будетъ окончена. Поэтому трудно понять, какъ причину этой миссіи, такъ и возлагаемыхъ на нее ожиданій. Вслѣдъ затѣмъ, газета рѣшительно предостерегаетъ не выводить изъ блестящаго пріема, который будетъ оказанъ генералу Игнатьеву, заключенія, будто дѣло идетъ объ особомъ соглашеніи между Франціей и Россіей, независимо отъ рѣшеній, которыя примутъ Австрія, Германія и Англія.

Одинъ изъ сотрудниковъ «France», очевидно имѣвшій свиданіе съ секретаремъ генерала Игнатьева, княземъ Цертелевымъ, подъ впечатлѣніемъ разговора съ нимъ, пишетъ, что, вѣрная своей излюбленной системѣ увертокъ, Порта отказалась отъ введенія реформъ и предоставленія гарантій, которыхъ требовала Европа, и разыграла передъ Европою балаганный фарсъ въ видѣ новоизобрѣтенной конституціи, этого незрѣлаго плода фантазіи, разсчитаннаго только на то, чтобъ отводить глаза и не выходить изъ области химеръ. И послѣ всего этого полагаютъ еще, что лучшимъ способомъ для обезпеченія мира Европы, послужитъ оставленіе Порты еще на одинъ годъ лицомъ къ лицу съ ея подданными, въ видахъ облегченія ей возможности послѣдовательно ввести всѣ требуемыя отъ нея реформы. Выставляютъ на видъ преобразовательную ревность, обнаруженную будто бы султаномъ, его министрами и пашами. Въ сущности же вся эта ревность порождена только присутствіемъ кишеневской арміи. Эти 600,000 русскихъ солдатъ составляютъ, въ настоящее время, единственный оплотъ христіанства противъ анархіи и фанатизма турокъ. И въ это-то время, отъ Россіи требуютъ, чтобъ она согласилась на годичную отсрочку и платонически сложила оружіе. Въ утѣшеніе говорятъ ей, что она должна гордиться выставкой своихъ могучихъ силъ, и признать себя достаточно вознагражденной за всѣ принесенныя ею жертвы созерцаніемъ грозной массы, выдвинутой ею арміи, и сознаніемъ въ томъ, что она не допустила себя до нападенія на слѣбѣйшаго противника. Русскій посолъ, прибавляетъ французская газета, справедливо полагаетъ, что Россіи было бы преступно въ своихъ собственныхъ глазахъ, еслибы она должна была примириться съ мыслію, что всѣ громадныя издержки на мобилизацію и вооруженія были понесены ею единственно съ цѣлью выказать свое военное могущество. И вотъ уже почти два года, какъ продолжается натянутое положеніе, вызываемое не мелкимъ самолюбіемъ, а всею сущностью грознаго восточнаго вопроса. Существуетъ одинъ только способъ дать честное и серьезное удовлетвореніе Россіи: способъ этотъ состоитъ въ томъ, чтобы Европа дѣйствительно приступила къ разрѣшенію этого вопроса, не устраняя себя отъ участія въ дѣлѣ введенія реформы. Сопротивленіе, оказываемое до сихъ поръ турками Европѣ, объясняется тѣмъ, что они до сихъ поръ питаютъ надежду на многочисленныхъ союзниковъ въ случаѣ войны. Они не хотятъ свыкнуться съ мыслію, что нѣкоторыя державы отказались отъ этой политики, руководившей до сихъ поръ дѣйствіями Европы. Лордъ Салисбюри, этотъ великодушный, честный и гуманный человѣкъ, употребилъ свое усиліе на то, чтобы развить иллюзіи Порты, но успѣлъ въ этомъ только отчасти. Чтобы не оставлять Турціи ни тѣни надежды, Европа должна, наконецъ, высказаться категорически. Впрочемъ, можно ли предвидѣть, что будетъ завтра въ Константинополѣ? Хроническая революція, которой поражена теперь Оттоманская имперія, не даетъ возможности ни опредѣлить ея настоящаго положенія, ни высказаться съ какой нибудь достовѣрностью относительно будущаго.

Въ мнѣніи газеты «Le Nord», комментаріи иностранной печати о поѣздкѣ генерала Игнатьева не отвѣчаютъ дѣйствительному состоянію дѣлъ, которое вовсе не имѣетъ такого опредѣленнаго характера, какой ими приписывается. Въ этомъ случаѣ, лучше всего сравнить поѣздку маркиза Салисбюри съ путешествіемъ генерала Игнатьева. Какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаѣ, дѣло идетъ только объ обмѣнѣ мыслей, о рядѣ дипломатическихъ, если можно такъ выразиться, бесѣдъ, которыя могли бы опредѣлить и уяснить направленіе кабинетовъ по отношенію къ восточному вопросу. Изъ всего этого, однакожъ, не слѣдуетъ, чтобы поѣздка генерала Игнатьева устранила окончательно возможность войны. Несмотря на фразы, характеръ англійской печати и преній въ англійскомъ парламентѣ далеко не такъ благопріятны мирному рѣшенію восточныхъ затрудненій, какъ это можетъ казаться на первый взглядъ. Простое отрицаніе международной солидарности, въ такомъ важномъ вопросѣ гражданскаго освобожденія восточныхъ христіанъ, не можетъ быть постоянной программой внѣшней политики кабинета, который не разъ утверждалъ, что знаетъ лучше либераловъ дѣйствительные интересы Англіи. Если либералы будутъ также настойчиво вести свою кампанію противъ кабинета, какъ это они дѣлаютъ теперь, то вскорѣ наступитъ время, когда положеніе кабинета сдѣлается весьма печальнымъ. Запросъ, въ родѣ запросовъ Куртенэ и Форсайта, доказываетъ это. Кабинетъ принужденъ будетъ высказаться относительно характера обязательствъ, налагаемыхъ на Англію парижскимъ трактатомъ, а это не легко будетъ сдѣлать. До сихъ поръ кабинетъ тщательно избѣгалъ такой постановки вопроса. По мнѣнію англійскаго правительства, парижскій трактатъ обязываетъ великія державы поддерживать и уважать «независимость и цѣлость Оттоманской имперіи»; но Англія, тѣмъ не менѣе, не имѣетъ ни малѣйшаго намѣренія обнажить мечъ на защиту Турціи. Это напоминаетъ объясненіе лорда Дерби относительно значенія гарантій, данныхъ, какъ извѣстно, въ люксамбургскомъ дѣлѣ. Если и другія державы смотрятъ на парижскій трактатъ съ той же точки зрѣнія, то трудно понять важность, приписываемую англійскими газетами сдѣлкѣ лишенной всякой санкціи.



Болгарскій цыганъ.

По мнѣнію болѣе или менѣе туркофильскихъ англійскихъ газетъ, поѣздка генерала Игнатьева имѣетъ главнымъ образомъ цѣлью уничтоженіе парижскаго трактата. «Желаніе Россіи, говоритъ «Times, заключается въ томъ, чтобы заставить державы потребовать отъ Турціи гарантіи или немедленно, или же въ извѣстный промежутокъ времени, подъ угрозою вооруженнаго вмѣшательства, между тѣмъ какъ желаніе державъ и непоколебимое рѣшеніе Англіи заключается въ томъ, чтобы не принимать на себя никакихъ обязательствъ, носящихъ на себѣ подобный характеръ». Но почему? Потому, что подобная система фактически узаконитъ уничтоженіе парижскаго трактата и дастъ право Россіи настаивать самымъ энергическимъ образомъ на выполненіи турецкихъ обѣщаній. Англія, по толкованію «Times», готова употребить нравственное вліяніе въ какой бы то ни было формѣ, и въ какомъ бы то ни было количествѣ, но дальше она не пойдетъ, потому что парижскій трактатъ еще въ силѣ, и потому что этотъ трактатъ защищаетъ права султана. «Telegraph» выражается еще опредѣленнѣе. Онъ надѣется, что Англія отклонитъ отъ себя «нелѣпое предложеніе купить демобилизацію русской арміи пожертвованіемъ парижскаго трактата». «Standard» высказывается въ этомъ же направленіи и категорически заявляетъ, что предложенія, направленныя къ уничтоженію парижскаго трактата, не могутъ быть приняты ни въ какомъ случаѣ. Этотъ крестовый походъ въ пользу трактата почти комиченъ, если принять во вниманіе, какимъ образомъ тѣ же самыя газеты объясняютъ обязательства, вытекающія изъ него для Англіи. Всѣ объясненія сводятся на одну и туже стереотипную фразу: «мы ничего не сдѣлаемъ для султана, но ничего не сдѣлаемъ и противъ него», эта фраза напоминаетъ другую, болѣе извѣстную и популярную въ русской журналистикѣ: «если нельзя не сознаться, то должно признаться», пущенную въ ходъ, какъ извѣстно, Щедринымъ, для характеристики нѣкоторыхъ публицистовъ.

Къ тому же, логика англійскихъ газетъ, доказывающихъ, что Россія не имѣетъ права брать на себя инціативу вмѣшательства въ восточный кризисъ, обнаруживаетъ простое недоразумѣніе. Цѣль, преслѣдуемая Россіей, заключается вовсе не въ уничтоженіи парижскаго трактата, какъ полагаетъ «Times», а въ такомъ европейскомъ соглашеніи, которое заставило бы Порту выполнить обязательства, налагаемыя на нее этимъ трактатомъ. Если англійскіе консерваторы такъ сильно оберегаютъ сохраненіе трактата, который восточнымъ христіанамъ доставилъ только увеличеніе притѣсненій, имъ бы слѣдовало соединиться съ Россіей для того, чтобы дать понять Портѣ, что трактатъ, гарантирующій «цѣлость и независимость» Турціи — требуетъ выполненія обязательствъ и съ ея стороны.

Въ этомъ вопросѣ, въ которомъ, теперь уже начинаетъ проявляться кляузническій характеръ, какъ читатели видятъ, — интересно знать, какъ поступитъ англійскій кабинетъ въ виду предполагаеыхъ заявленій генерала Игнатьева. Содержаніе и характеръ этихъ заявленій намъ, конечно, неизвѣстны, но, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ полагать, что генералъ Игнатьевъ везетъ съ собой весьма опредѣленныя и точно формулированныя предложенія. Если Англія не приметъ ихъ, то Россіи остается тогда дѣйствовать самостоятельно, не соображаясь съ желаніями державъ.

«Politische Correspondenz», однакоже, выражается значительно опредѣленнѣе. Дилемма, съ которой явился въ Европу генералъ Игнатьевъ, имѣетъ, — но мнѣнію вѣнской газеты, — всю логическую силу подобнаго рода соображеній: или Европа считаетъ, что парижскій трактатъ еще существуетъ, — тогда Россія имѣетъ право требовать, чтобъ Европа принудила Турцію выполнить свои обязательства; или же Европа не сдѣлаетъ этого, но тогда необходимо заключить, что парижскій трактатъ не существуетъ. Въ послѣднемъ случаѣ война неизбѣжна; въ первомъ, война возможна, если упорство Порты будетъ сильнѣе пониманія собственныхъ интересовъ, но, въ такомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, война произойдетъ въ границахъ, опредѣленныхъ съ общаго согласія. Если справедливы эти соображенія вѣнской газеты, то близкое будущее не предвѣщаетъ намъ ничего хорошаго. Мирное разрѣшеніе восточнаго вопроса уходитъ на второй планъ; на горизонтѣ собираются грозныя тучи и является призракъ войны. Надняхъ, вѣроятно, мы узнаемъ отвѣтъ англійскаго правительства, — на этотъ разъ уже оффиціальный. Въ сущности, отъ этого отвѣта зависитъ то или другое направленіе европейской политики.

Вь то время, какъ Европа, занятая визитами генерала Игнатьева «высокопоставленнымъ» дипломатамъ Европы, — старается по своему разоблачить тайны русской политики, Турція не дремлетъ и продожаетъ увѣрять, что она преисполнена самыхъ лучшихъ намѣреній. Недавно, Савфетъ-паша, турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ, разослалъ турецкимъ представителямъ заграницей ноту, гдѣ говорится о предположенныхъ реформахъ. Вотъ эта нота: «Мы рѣшительно и неослабно продолжаемъ начатое нами дѣло реорганизаціи. Примѣненіе реформъ, предложенныхъ конференціей и принятыхъ императорскимъ правительствомъ, уже начато. Какъ вамъ извѣстно, они обнимаютъ два разряда мѣръ, т. е. реформы, вытекающія изъ органичестихъ законовъ, которые будутъ предложены парламенту, и реформы, подлежащія прямому примѣненію, и именно: 1) Реорганизація жандармеріи, планъ которой уже выработанъ и переданъ на разсмотрѣніе англійскому полковнику Бэккеру; 2) Раздѣленіе общинъ на кантоны; оно будетъ произведено тотчасъ же, какъ только провинціальныя власти соберутъ и пришлютъ въ Константинополь по телеграфу затребованныя отъ нихъ свѣдѣнія объ общинныхъ округахъ; 3) Учрежденіе корпуса смѣшанной жандармеріи, составленнаго изъ мусульманъ и христіанъ, — система уже практикуемая во многихъ частяхъ имперіи; 4) Пріемъ немусульманъ въ военныя школы; оно недавно утверждено нашимъ августѣйшимъ повелителемъ; 5) Воспрещеніе поселяться черкесамъ массами въ Румеліи и неупотребленіе иррегулярныхъ войскъ, исключая тѣхъ случаевъ, когда эгого потребуютъ обстоятельства; 6) Запрещеніе уже вездѣ обнародованное носить оружіе безъ особаго разрѣшенія; 7) Амнистія для лицъ обвиненныхъ за недавнія происшествія въ Филипполѣ; 8) Образованіе спеціальныхъ коммиссій для немедленнаго отправленія ихъ въ вилайеты: боснійскій, дунайскій и адріанопольскій; 9) Признаніе свободы публичнаго отправленія богослуженія, а также утвержденіе и исполненіе рѣшенія, въ силу котораго всякіе споры о церковныхъ дѣлахъ должны подлежать юрисдикціи патріарха; 10) Отсрочка для взноса налоговъ до 1-го января 1877 года (?) въ пострадавшихъ провинціяхъ, и 11) Права собственности уже дарованныя въ Босніи и Герцеговинѣ. — Слѣдующіе законы будутъ представлены въ первую сессію парламента: 1) внутренніе порядки въ обѣихъ палатахъ; 2) окончательный избирательный законъ; 3) законъ о печати; 4) новый законъ о вилайетахъ, заключающій въ себѣ также и законъ объ общинахъ; 5) муниципальный законъ; 6) законъ о гражданскомъ судопроизводствѣ; 7) законъ объ организаціи судовъ; 8) законъ, устанавливающій іерархію судей, а также и условія для ихъ повышенія и удаленія отъ службы; 9) законъ о гражданскихъ чиновникахъ, 10) общій бюджетъ имперіи, и, наконецъ, 11) организація новой отчетной палаты. — Такъ какъ выборы уже окончены по всей имперіи, то депутаты начинаютъ уже собираться въ столицу, такъ что открытіе обѣихъ палатъ произойдетъ на первой недѣлѣ марта (стараго стиля).

Одна изъ иностранныхъ газетъ находитъ, что этотъ почтенный документъ имѣетъ несчастіе начинаться параграфомъ, на который хотя державы и обратятъ вниманіе, но который въ то же время способенъ оправдать скептиковъ, съ улыбкой недовѣрія говорящихъ о турецкихъ обѣщаніяхъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что реорганизація турецкой жандармеріи поручается полковнику Бэкеру: вѣроятно, отъ этой реорганизаціи, турецкіе «заптіи» не сдѣлаются ни лучше, ни хуже. Но неужели необходимо было во главѣ оффиціальной депеши выставлять на видъ фамилію лица, котораго подвиги долгое время занимали скандалезную хронику англійскихъ судовъ? Пока не было этого оффиціальнаго потвержденія, можно было полагать, что это не болѣе какъ шутка довольно сомнительнаго вкуса, пущенная газетами; но теперь оказывается, что это не шутка, а дѣйствительная и вполнѣ серьезная мѣра турецкаго правительства; теперь ужъ нѣтъ никаго сомнѣнія, что этотъ, слишкомъ любезный съ дамами, англійскій полковникъ дѣлается, по выраженію берлинскихъ газетъ, «оффиціальнымъ защитникомъ невинности противъ черкесовъ и баши-бузуковъ». А Порта не только подтверждаетъ это, но и хвастается этимъ!

Съ другой стороны, относительно реформъ, перечисляемыхъ въ депешѣ турецкаго правительства, «Голосъ» замѣчаетъ, что мнимая уступка Порты сводится, въ главныхъ чертахъ, къ слѣдующему: 1) Порта обѣщаетъ не селить больше черкесовъ *массами* въ христіанскихъ провинціяхъ, но не отказывается селить ихъ въ этихъ провинціяхъ небольшими группами, и *не обѣщаетъ удалить черкесовъ, уже поселенныхъ въ Румеліи.* 2) Порта обѣщаетъ воспретить ношеніе оружія всѣмъ своимъ подданнымъ, *за исключеніемъ тѣхъ, кому она это дозволитъ.* 3) Порта обязуется не употреблять для полицейской службы баши-бузуковъ, *кромѣ тѣхъ случаевъ, когда она признаетъ безусловно необходимымъ воспользоваться ихъ услугами..*

Дѣйствительно, — на такія обѣщанія мало можно полагать надеждъ. Реформы — дѣло прекрасное, но необходимо, чтобы онѣ представляли собою нѣчто серьезное и дѣйствительно были бы введены. А если судить по оффиціальнымъ заявленіямъ Порты, — то реформы эти нѣчто въ родѣ милой шутки, и выполненіе ихъ также обезпечено, какъ было обезпечено выполненіе прежнихъ реформъ. Такимъ образомъ, — мы роковымъ обзоромъ возвращаемся къ исходному пункту восточнаго вопроса: къ гарантіямъ выполненія этихъ хотя и шуточныхъ реформъ. That is the question, какъ говоритъ Гамлетъ устами Росси, — вопросъ, который и будетъ вѣроятно уясненъ путешествіемъ генерала Игнатьева.

Смѣсь.

По извѣстіямъ, передаваемымъ въ иностранныхъ газетахъ съ Мыса Доброй Надежды, кафрскій король, Цитивайо грозитъ войной трансваальской республикѣ, но полагаютъ, что, благодаря вліянію англичанъ, размолвка уладится. Извѣстно, что Трансвааль населенъ древними колонистами голландскаго происхожденія, которые выселились къ сѣверу, чтобы избѣгнуть британской власти. Сначала Англія отправила противъ нихъ войска; но дѣло кончилось тѣмъ, что эти колонисты признаны были независимыми самимъ лондонскимъ кабинетомъ. Благодаря алмазнымъ пріискамъ и естественнымъ богатствамъ тамошней территоріи, страна начала процвѣтать и колонисты пожелали войдти въ прямое сношеніе съ моремъ, помимо англійскихъ портовъ въ Капѣ и Наталѣ. Президентъ туземцевъ, Бюргерсъ, пріѣзжалъ въ Европу, чтобы, при содѣйствіи португальскаго правительства, вести переговоры о проведеніи желѣзной дороги между мѣстной столицей Преторіей и делагойской бухтой, владѣніе которою было оспариваемо англійскимъ правительствомъ, но потомъ, по рѣшенію президента французской республики, присуждено португальцамъ. Съ того времени, между англійскими колоніями и трансваальской республикой постоянныя размолвки. Туземцы (boers) обвиняютъ англійскихъ колонистовъ въ подстрекательствѣ кафрскихъ племенъ, черезъ владѣнія которыхъ должна проходить желѣзная дорога, а англійскіе колонисты и ихъ органы лондонской прессы увѣряютъ, что враждебныя отношенія между туземцами и кафрами происходятъ вслѣдствіе неуваженія къ правамъ сосѣднихъ негровъ. Англійское правительство предлагаетъ свои услуги и совѣтуетъ составить союзъ между своими колонистами и трансваальцами, но до сихъ поръ это предложеніе не одобрено ни той, ни другой стороной.

— Въ 1877 году въ Англіи будетъ праздноваться 400-лѣтній юбилей введенія тамъ книгопечатанія. Первая книга была напечатана въ Лондонѣ Вильямомъ Какстономъ, въ 1477 году. При этомъ случаѣ будетъ также выставка предметовъ, касающихся книгопечатанія и разныхъ древностей и рѣдкостей и пр. Коммисія, взявшая на себя осуществленіе этого торжества, въ виду международнаго интереса его, обратилась къ содержателямъ типографій, словолитень и въ прочихъ государствахъ, съ просьбою прислать своихъ делегатовъ и разные предметы для выставки. Говорятъ, что нѣкоторые содержатели типографій въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ изъявили уже на то согласіе.

* * *

Наши гравюры.

Александровская колонна въ С.-Петербургѣ.

Кому изъ петербургскихъ жителей не извѣстна Александровская колонна? Мѣсто, на которомъ она находится,—одно изъ красивѣйшихъ мѣстъ въ Петербургѣ,—на дворцовой площади,—съ одной стороны которой находится Зимній дворецъ,—а съ другой—зданіе Главнаго Штаба (изображенное на нашемъ рисункѣ),—одно изъ величайшихъ зданій Петербурга. Александровская колонна открыта 20-го августа 1834 года, въ память императора Александра I. Она состоитъ изъ гранитнаго монолита, величайшаго въ мірѣ, имѣющаго 14 саженей вышины, $4\frac{1}{2}$ саж. въ окружности въ верху и 5 саж. въ окружности у основанія. Вѣсомъ она 44,100 пудовъ. На самомъ верху колонны помѣщается бронзовое полушаріе и такой же ангелъ съ крестомъ въ рукѣ, попирающій ногою змія. На пьедесталѣ надпись: «Александру I, благодарная Россія».

Мы надѣемся сдѣлать удовольствіе нашимъ читателямъ, въ особенности провинціальнымъ, помѣщая этотъ рисунокъ въ нашемъ изданіи. Современемъ, мы надѣемся дать еще нѣсколько видовъ Петербурга. Наши иллюстрированныя изданія, обращая особенное вниманіе на достопримѣчательности заграничныхъ городовъ, въ то же время почти забываютъ о томъ, что наши столицы представляютъ не меньше достопримѣчательностей. Этотъ пробѣлъ нашихъ иллюстрацій мы надѣемся пополнить современемъ.

Катастрофа подъ Астабулой.

Въ Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ вся главная торговля соединена въ двухъ торговыхъ пунктахъ, называемыхъ столицами торговаго міра. Пункты эти Нью-Іоркъ и Чикого, соединены посредствомъ нѣсколькихъ желѣзныхъ дорогъ, изъ которыхъ одна проложена вдоль озера Эри. Дорога эта самая любимая путешественниковъ и по ней болѣе всего ѣздятъ Кромѣ удобствъ, общихъ всѣмъ американскимъ дорогамъ, дорога Erie Lake Schore имѣетъ то преимущество, что тянется по берегу красивѣйшаго американскаго Средиземнаго моря. Климатъ этой мѣстности напоминаетъ южную Францію. Люди слабаго здоровья проводятъ здѣсь зиму въ отеляхъ, отражающихся въ синихъ волнахъ озера. Лѣтомъ террасы холмовъ покрыты садами и виноградниками, закрываютъ горизонтъ и дѣлаютъ воздухъ полный аромата и благоуханія. Это своего рода обѣтованная земля, гдѣ ураганы, ненастья, мятели не безпокоятъ жителей чистенькихъ фермерскихъ домиковъ, осѣненныхъ деревьями теплой полосы. Особенно уютнымъ и восхитительнымъ положеніемъ пользуется городокъ Астабула. Окаймленная высокими зелеными берегами рѣка окружаетъ полуостровокъ, застроенный новыми деревянными и каменными домиками.

Желѣзный мостъ былъ смѣло перекинутъ черезъ рѣку и опирался на двухъ отлогихъ филярахъ съ каждой стороны. Этотъ мостъ былъ построенъ лѣтъ 12 тому назадъ и превосходилъ почти всѣ мосты, славящіеся въ Америкѣ своею красотою. Составленный изъ массивныхъ желѣзныхъ балокъ, онъ былъ перекинутъ безъ всякой подпоры по серединѣ чрезъ рѣку, имѣющую 152 фута ширины. Рискованность моста и исключительный составъ изъ желѣза возбуждали, еще нѣсколько лѣтъ назадъ, опасенія инженеровъ, не можетъ ли онъ подъ вліяніемъ морозовъ лопнуть и съ поѣздомъ обрушиться въ рѣку. Но въ тепломъ, приозерномъ климатѣ и не думали о подобныхъ морозахъ, могущихъ оправдать столь мрачныя опасенія.

Нынѣшняя зима въ Америкѣ была очень сурова, декабрьскіе морозы сковали рѣку толстымъ слоемъ льда, садовъ и виноградниковъ лишили зеленой листвы и покрыли всю окрестность бѣлой пеленой снѣга.

29 декабря прошлаго года изъ Эри шелъ почтовый поѣздъ, состоявшій изъ локомотива, тендера и одинадцати вагоновъ, въ которыхъ приблизительно находилось до 220 пассажировъ. Большую часть путешественниковъ составляли люди состоятельные, а въ вагонахъ спальныхъ и заловыхъ находилось нѣсколько паръ молодыхъ, которые, по американскому обычаю, сейчасъ послѣ свадьбы уѣзжали, чтобы медовые мѣсяцы провести въ уединеніи. Во всѣхъ вагонахъ топились печки. Поѣздъ двигался по мосту медленно и колеса локомотива уже почти касались противуположнаго берега, какъ вдругъ раздался страшный трескъ, западный конецъ моста оторвался отъ быка, и въ одно мгновеніе весь поѣздъ съ мостомъ обрушился въ рѣку. Подъ безмѣрною тяжестью ледъ лопается и поѣздъ погружается въ холодную воду, которая проникаетъ внутрь вагоновъ, изъ которыхъ доносятся страшные крики и вопли о помощи. Нѣкоторые, оставшіеся невредимыми при паденіи, стараются спастись, но тутъ принялъ участіе въ истребленіи и огонь, распространившійся отъ топившихся печекъ. Сбѣжались жители Астабулы, стали подавать помощь.

Тѣ, которые успѣли выскочить изъ вагоновъ, и не утонули, были вытащены изъ воды. О спасеніи раненыхъ, заваленныхъ обломками, не было и помину. Пріѣхала мѣстная пожарная команда и можетъ, потушивъ пожаръ, спасла бы еще человѣкъ 50, если бы не распоряженіе начальника станціи не терять времени на тушеніе обломковъ и спасаніе мертвыхъ, а скорѣе переносить въ городъ спасенныхъ. Изъ всего числа пассажировъ и прислуги было спасено 71 человѣкъ. Мертвыхъ тѣлъ найдено 55.

Полагаютъ, что въ двухъ послѣднихъ вагонахъ сгорѣло 54 ч., другіе же несчастные были унесены рѣкою, и, должно быть, найдутся весною. Сколько погибло, точно неизвѣстно, да никогда и не будетъ извѣстно число жертвъ этого крушенія. Эта катастрофа возбудила большой процессъ противъ общества желѣзной дороги. Нѣкоторые родные павшихъ жертвъ требуютъ большихъ вознагражденій. Компанія же доказываетъ, что при свидѣтельствѣ инженеровъ, при постройкѣ, строгоматематически было изслѣдовано качество матеріаловъ, а предвидѣть такіе морозы никто не могъ. Однимъ словомъ, инженеры-строители, литейщики и компанія всю вину крушенія сваливаютъ на Провидѣніе, а пресса и судъ до сихъ поръ не могутъ рѣшить—достаточно ли тутъ обвиненія Провидѣнія для оправданія компаніи дороги, потому что благопріятный для послѣдней вердиктъ суда позволитъ ей опять дѣлать такіе эксперименты, хотя Астабульскій экспериментъ рѣшился весьма трагически.

Послѣдняя сосна. Рисунокъ Виткевича.

Передъ нами цѣлая драма—или, скорѣе, послѣдній актъ ея.... Дѣйствіе, повидимому, происходитъ въ лѣсу, въ одномъ изъ польскихъ имѣній юго-западнаго края. Лѣсъ—этотъ главный ресурсъ и главная цѣнность имѣнія—уже не существуетъ: подъ давленіемъ различныхъ обстоятельствъ, а можетъ быть, и вслѣдствіе мотовства помѣщика, большаго любителя псовой охоты,—лѣсъ этотъ давно вырубленъ. Въ немъ осталась лишь одна сосна-прабабка, почему-то пощаженная до этого времени. Можетъ быть, съ этою сосной соединены какія нибудь фамильныя воспоминанія: подъ нею, можетъ быть, отдыхалъ и обѣдалъ, во время охоты, дѣдъ или прадѣдъ теперешняго владѣльца, или спрятавшись за эту сосну, онъ спасся, во время облавы, отъ разъяреннаго медвѣдя; или же, наконецъ подъ этою сосной, во время охоты, было сказано торопливое и робкое, первое слово любви.... Его сказала стройная красавица-панна, бабушка нынѣшняго владѣльца, доживающая теперь свой вѣкъ на какомъ нибудь одинокомъ, разрушающемся фольваркѣ.... Кто знаетъ—и кто скажетъ?!..

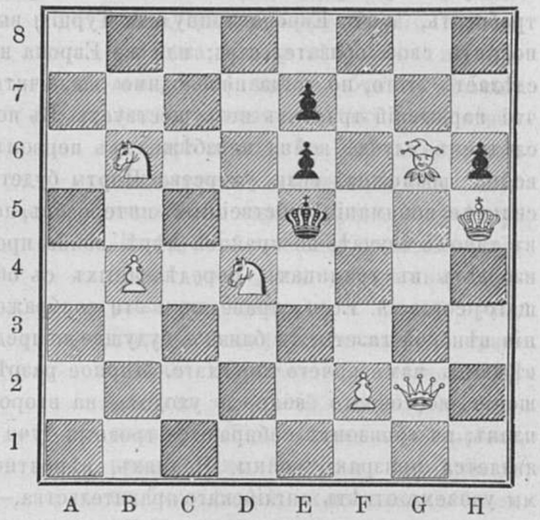
Но вотъ, подошло, должно быть, очень тяжелое время для владѣльца,—и онъ рѣшился, наконецъ, разстаться и съ этою, «послѣднею», сосной.... На нее давно уже завистливо поглядывали сосѣдніе шинкари и арендаторы евреи—и давно уже расчитали они «гешефтъ»; сколько можно дать за эту сосну, сколько будетъ стоить сплавъ ея по Днѣпру,—и за сколько, наконецъ, можно будетъ продать ее—какъ громадную корабельную мачту.... Словно вороны къ трупу, собрались къ соснѣ хищные жиды: любуются на нее, смотрятъ на вершину, измѣряютъ окружность складнымъ аршиномъ... Рядомъ росла ея младшая, должно быть, сестра—недавно тоже, «подъ смолистый подъ корень подрубленная».... А теперь, вотъ, пришла и ея очередь—пасть. Скоро-скоро возьмутъ безжалостныя еврейскія руки желѣзный топоръ,—и вопьется, и ударитъ холодное желѣзо въ ея многовѣковую, смолистую грудь.... И падетъ она молча на сырую землю, и не скажетъ и не передастъ никому—что̀ видѣла и что̀ слышала въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ.... И заплачетъ, можетъ быть, тогда, и зарыдаетъ какъ ребенокъ—тотъ человѣкъ, который теперь продаетъ ее; держа лошадь въ поводу, онъ съ какимъ то тупымъ, мрачнымъ отчаяніемъ въ лицѣ, присутствуетъ на этихъ похоронахъ своей «послѣдней сосны»?!...

Шахматы.

Задача IX.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 2 хода.

Черные.



Бѣлые.

Рѣшеніе VIII задачи, помѣщенной въ № 9

Бѣлые.	*Черные.*
1) G5—H7	....

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Ниже мы помѣщаемъ два письма, полученныя нами отъ нашихъ подписчиковъ. Они жалуются, какъ читатели замѣтятъ, на не исправную и не своевременную доставку «Живописнаго Обозрѣнія». Изъ обширной коллекціи писемъ такого рода, получаемыхъ нами чуть не ежедневно, мы выбираемъ эти два письма, въ доказательство того, до какой степени неисправна наша почта, и въ какое непріятное положеніе поставлена редакція вслѣдствіе этой неисправности. Въ теченіи прошедшаго года, въ редакцію поступило болѣе 2,000 подобнаго рода писемъ, на которыя мы могли только отвѣтить высылкой вторичныхъ экземпляровъ, тѣмъ болѣе, что почтовое вѣдомство не беретъ на себя отвѣтственности за цѣлость корреспонденціи, посылаемой подписчикамъ, въ такія мѣста, гдѣ нѣтъ почтовыхъ отдѣленій, и гдѣ дальнѣйшая пересылка производится земскою почтою.

Въ виду такихъ обстоятельствъ, редакція можетъ дѣлать только одно: всякій разъ, при полученіи подобныхъ писемъ, обращаться съ жалобой въ почтамтъ. Къ сожалѣнію, большинство подобныхъ жалобъ остаются безъ послѣдствій, а поэтому,—всѣ вообще редакціи нашихъ повременныхъ изданій находятся въ безпомощномъ положеніи.

Письмо I.

Милостивый Государь

Имѣю честь покорнѣйше просить редакцію «Живописнаго Обозрѣнія» принять мѣры къ тому, чтобы почта не присвоивала непринадлежащіе ей нумера Вашего журнала, а доставляла ихъ по назначенію. 8-й № я получилъ послѣ жалобы, а № 9-й опять мнѣ не доставленъ. Сверхъ того, имѣю честь поставить Вамъ на видъ, что нѣтъ никакой нужды подписываться на журналъ съ благотворительною цѣлью, т. е. не для себя, а для гг. почтовыхъ чиновниковъ, не смотря на скудость получаемаго ими содержанія.

Примите увѣреніе и проч.

Письмо II.

Въ редакцію журнала Живописное Обозрѣніе:

Вторично обращаюсь въ редакцію съ просьбою о немедленной высылкѣ мнѣ №№ журнала по 20 февраля. Если Редакція не имѣетъ запасныхъ нумеровъ или не желаетъ выслать оныхъ, то прошу мнѣ 7 р. возвратить, въ противномъ случаѣ, будетъ объ этомъ объявлено въ нѣсколько газетъ, и подамъ искъ мировому судьѣ.

Почтовый ящикъ.

До свѣдѣнія редакціи, случайно, дошло слѣдующее, не лишенное курьеза, извѣстіе. Нѣкто г. В. Т—а, бывшій издатель одного иллюстрированнаго изданія, очень недолго *сіявшаго* въ журнальномъ мірѣ, выдаетъ себя, являясь въ клубы и къ книгопродавцамъ, то̀ издателемъ «Жив. Обозр.», то̀ компаньономъ по изданію, то̀ соредакторомъ, то, наконецъ, главнымъ сотрудникомъ нашего журнала. Не излишнимъ считаемъ заявить, что̀ г. В. Т. не состоитъ ни компаньономъ нашимъ, ни сотрудникомъ—и, вообще, не имѣетъ съ редакціей «Жив. Обозр.» ничего общаго.

Въ Подберсзье. — Ѳ. Сазонову. Присланное напечатано не будетъ.

Опечатка. Въ № 9-мъ «Живоп. Обозрѣн.» въ очеркѣ «Капканы», на стран. 131-й (столбецъ 1-й) въ 3 строкѣ сверху, послѣ словъ: « . . . и всыпятъ тебѣ», пропущены слѣдующія слова: «и лишатъ всѣхъ твоихъ правъ.»

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи. Въ устьяхъ Волги. — Необыкновенная постель.—(Съ англ. М. Е.)—Бежду Болгарами (продолж.) (съ рис.).—Изъ А. Петефи (стихотвор.). — Библіографія.—Новости наукъ и жизни.—Со всего свѣта.—Смѣсь.—Наши гравюры.—Шахматы — Отъ Редакціи.—Почтовый ящикъ.—Опечатка. — 22-й тиражъ выигрышей Государственнаго Банка.—Объявленія.

Гравюры. Алаксандровская колонна въ С.-Петербургѣ. — Катастрофа подъ Астабулой. — Послѣдняя сосна; рисунокъ Виткевича.—Болгарскій цыганъ къ статьѣ: «Между Болгарами».

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

22-й тиражъ выигрышей Государственнаго Банка.

На основаніи Высочайше утвержденнаго 1-го марта 1866 года положенія о внутреннемъ 5% съ выигрышами займѣ и согласно утвержденнымъ г. министромъ финансовъ правиламъ для тиража выигрышей и тиража погашенія билетовъ займа, 1 марта 1877 года правленіемъ Банка, въ присутствіи членовъ совѣта государственныхъ кредитныхъ установленій, депутатовъ отъ всѣхъ сословій по назначенію с.-петербургской городской думы и депутатовъ отъ с.-петербургской биржи и публики, произведены тиражъ выигрышей и тиражъ погашенія билетовъ 2-го займа 1866 года.

Выигрыши пали на слѣдующіе билеты:

Нумера серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.	Нумера серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.	Нумера серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.	Нумера серій	№№ билет.	Сумма выигрыша.	Нумера серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.	Нумера серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.	Нумера серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.
10,193	38	200,000	377	23	ПО ПЯТИСОТЪ РУБЛЕЙ КАЖДЫЙ.	14,946	14	ПО ПЯТИСОТЪ РУБЛЕЙ КАЖДЫЙ.	16,919	20	ПО ПЯТИСОТЪ РУБЛЕЙ КАЖДЫЙ.	9,687	45	ПО ПЯТИСОТЪ РУБЛЕЙ КАЖДЫЙ.	8,586	30	ПО ПЯТИСОТЪ РУБЛЕЙ КАЖДЫЙ.	10,090	11	ПО ПЯТИСОТЪ РУБЛЕЙ КАЖДЫЙ.
4,553	46	75,000	12,641	43		4,041	27		11,646	24		13,906	29		8,773	12		5,457	50	
6,269	9	40,000	9,694	15		8,778	31		439	11		19,862	41		1,027	24		14,190	49	
4,852	42	25,000	5,039	6		2,890	17		13,542	36		6,927	40		16,762	30		11,851	43	
17,896	30	10,000	18,365	46		3,558	29		5,083	15		7,764	13		1,071	28		5,227	11	
15,138	40	10,000	9,931	33		10,956	37		14,085	13		9,588	34		17,112	19		9,370	30	
14,053	11	10,000	6,131	27		18,320	31		12,029	3		13,192	12		13,423	46		14,406	42	
14,753	42	8,000	9,859	12		5,566	50		19,202	41		15,816	25		7,393	4		19,544	48	
8,282	48	8,000	11,792	24		12,048	11		15,779	10		1,043	28		15,898	38		5,315	27	
17,233	20	8,000	13,238	32		8,700	14		7,176	36		9,530	35		4,424	13		10,397	8	
16,605	20	8,000	8,346	6		4,764	6		10,351	7		4,418	48		12,747	36		14,098	11	
19,523	20	8,000	5,723	26		7,423	34		10,016	1		17,289	22		8,029	27		8,381	19	
7,625	38	5,000	14,139	24		4,261	35		6,498	21		15,867	19		9,458	17		16,425	2	
11,401	21	5,000	6,474	27		1,023	16		19,211	40		806	16		15,437	13		4,062	24	
19,069	14	5,000	7,741	34		18,930	2		3,007	48		7,905	48		11,434	43		6,834	1	
490	49	5,000	1,535	6		11,076	8		10,713	40		396	41		15,195	14		11,917	23	
2,370	2	5,000	19,583	30		6,149	24		16,655	32		11,794	34		392	36		6,072	12	
10,703	31	5,000	10,037	38		801	20		6,016	45		17,886	41		16,415	14		6,353	2	
19,853	32	5,000	627	50		10,973	31		15,784	35		17,050	31		12,375	17		782	18	
9,036	28	5,000	1,151	19		10,665	50		10,008	15		15,110	21		15,727	47		9,159	10	
13,338	10	1,000	16,700	44		4,598	34		16,004	5		5,606	24		7,569	29		5,239	22	
18,766	19	1,000	1,761	15		2,309	40		18,668	42		1,972	20		18,222	49		19,230	27	
10,993	43	1,000	17,701	18		1,214	12		6,900	24		8,291	33		12,873	29		8,254	3	
18,240	16	1,000	8,957	50		19,749	9		17,025	48		19,781	2		11,675	10		1,810	36	
6,914	25	1,000	9,501	24		19,771	32		5,993	29		975	28		13,351	10		4,113	47	
3,361	45	1,000	18,839	12		18,037	23		17,165	23		7,290	38		7,259	2		2,538	44	
11,628	35	1,000	5,437	18		14,855	50		7,672	39		7,056	9		10,865	35		14,679	15	
10,278	23	1,000	19,268	28		3,945	12		2,249	45		7,899	19		14,529	25		19,310	11	
2,998	22	1,000	19,418	36		18,329	7		39	16		3,685	33		17,600	33		6,813	5	
13,358	14	1,000	4,384	24		7,434	45		18,204	30		10,236	27		17,438	26		14,432	16	
7,802	20	1,000	11,775	44		2,084	3		11,088	44		6,762	2		819	2		5,712	33	
16,941	22	1,000	7,969	42		15,443	40		8,040	36		17,454	11		12,004	19		16,272	40	
8,913	1	1,000	7,709	44		2,878	42		13,533	12		12,891	33		19,357	43		15,761	31	
2,097	45	1,000	13,295	20		3,702	31		11,390	12		1,882	41		7,902	43		1,920	17	
11,937	5	1,000	6,169	31		9,189	12		11,927	6		17,754	14		17,392	21		13,835	26	
7,687	13	1,000	4,493	40		17,070	28		19,501	5		11,976	39		9,142	48		19,206	6	
16,089	15	1,000	17,388	21		17,238	4		11,191	20		4,454	18		13,901	9		5,182	29	
879	19	1,000	10,448	19		2,293	46		83	29		7,126	9		6,605	16		5,789	50	
17,711	32	1,000	11,645	43		5,186	37		6,921	25		1,619	20		9,140	39		14,174	16	
3,170	8	1,000	2,296	41		17,998	15		11,422	30		11,564	47		11,951	14		12,089	4	
7,898	30	500	4,263	27		2,977	9		10,191	28		19,660	48		5,103	4		455	20	
4,959	26	500	16,372	24		18,424	2		6,604	4		1,990	25		3,014	22		3,613	14	
11,859	45	500	855	18		15,199	14		11,006	25		494	10		8,829	18				

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ Банкѣ, въ С.-Петербургѣ съ 1-го іюня 1877 года.

ТАБЛИЦА

серій билетовъ 2-го внутренняго 5% съ выигрышами займа 1866 г., вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенный въ правленіи Государственнаго Банка, 1-го марта 1877 года.

Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій
9,322	16,532	11,472	10,887	17,176	5,541	2,053	11,428	6,562	18,243	16,473	19,621	16,602	7,129	17,116
9,149	3,698	6,285	17,483	7,784	10,270	12,978	568	6,814	1,505	19,533	5,372	1,069	5,430	9,142
19,259	16,394	13,918	3,465	9,442	12,245	17,056	441	17,795	6,492	13,728	12,476	783	1,498	12,854
11,770	14,748	5,351	5,007	15,924	11,336	16,952	709	15,224						

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ по 125 руб. за билетъ, будетъ производиться съ 1-го іюня 1877 г., въ Государственномъ Банкѣ, его отдѣленіяхъ и конторахъ.

Объявленія.

„Живописное Обозрѣніе“ за 1874, 1875 и 1876 года.

Въ журналѣ за 1874 годъ, (осталось 10 экземпляровъ) помѣщенъ цѣлый рядъ путешествій, географическихъ очерковъ и множество популярно-научныхъ статей, иллюстрированныхъ рисунками.—Въ 1875 году въ журналѣ были напечатаны разсказы, повѣсти, очерки, интересныя путешествія, до 200 популярныхъ статей по всѣмъ отраслямъ знаній, до 300 художественно-исполненныхъ рисунковъ (копіи съ картинъ извѣстныхъ художниковъ, виды городовъ, замѣчательныя сооруженія, портреты выдающихся дѣятелей въ сферѣ науки и общественной жизни съ обстоятельными біографіями и пр.). Въ журналѣ за 1876 годъ, кромѣ множества стихотвореній, небольшихъ очерковъ и разсказовъ помѣщены: *„Въ морѣ житейскомъ“* повѣсть **Ив. Якунина**, *„Бурный приливъ“* романъ **Фр. Шпильгагена**; разсказы **Бредъ-Гарда** и др.; до 250 популярно-научныхъ статей и пр. Въ цѣлой серіи роскошныхъ политипажей представлены снимки съ извѣстныхъ произведеній русскихъ и заграничныхъ художниковъ.

Цѣна каждому тому, т. е. годовому изданію:

Безъ пересылки за экземпляръ	брошюрованный	6 руб.
„ „ „ „	въ золоч. переплетѣ. .	7 „
Съ пересылкою за экземпляръ	брошюрованный . . .	7 „
„ „ „ „	въ золоч. переплетѣ. .	8 „

Въ конторѣ редакціи *«Живописнаго Обозрѣнія»*, а также въ книжномъ магазинѣ М. П. Попова, (Невскій пр. въ зданіи Пассажа), и у всѣхъ книгопродавцевъ Спб. и Москвы поступила въ продажу книга:

„ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО“

Томъ I. Изданіе редакціи журнала «Живописнаго Обозрѣнія». Цѣна **3** р. **50** к., съ пересылкою **4** р.

Гг. подписчики «Живописнаго Обозрѣнія» 1877 г. получаютъ эту книгу съ пересылкой за 3 р. 50 к.

Книгопродавцы пользуются обычною уступкой.

ОБЪ ИЗДАНІИ

„ВѢСТНИКА ЯРОСЛАВСКАГО ЗЕМСТВА“

въ 1876—1877 году.

Вступивъ, съ іюля, въ пятый годъ своего существованія, «Вѣстникъ Ярославскаго Земства» будетъ издаваться по слѣдующей программѣ, утвержденной правительствомъ:

Отдѣлъ первый. Постановленія и распоряженія правительства по земскому дѣлу.

Отдѣлъ второй. Отчеты и извѣстія о дѣятельности земскихъ учрежденій Ярославской губерніи, извлеченныя изъ журнальныхъ постановленій и другихъ актовъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ собраній и управъ.

Отдѣлъ третій. Статистическіе матеріалы о Ярославской губерніи и разныя свѣдѣнія, касающіяся мѣстныхъ нуждъ ярославскаго земства, по предметамъ вѣдѣнія земскихъ учрежденій.

Благодаря четырехлѣтнему опыту, Редакція убѣждена, что, при содѣйствіи и сочувствіи большинства земскихъ дѣятелей къ органу ярославскаго земства, онъ можетъ и впредь исполнять свою задачу съ прежнею, и даже съ бо̀льшею полнотою и отчетливостью. Впрочемъ, не давая никакихъ положительныхъ обѣщаній, Редакція можетъ заявить здѣсь только одно, что она постарается отнестись къ своему дѣлу съ любовью и внимательно, и представитъ, между прочимъ, своимъ читателямъ нѣсколько очерковъ десятилѣтней дѣятельности нѣкоторыхъ земствъ нашей губерніи. При этомъ Редакція считаетъ себя обязанною заявить теперь же, что бо̀льшій или меньшій интересъ «Вѣстника» будетъ зависѣть прежде всего и главнымъ образомъ отъ дѣятельности какъ самихъ земскихъ собраній, такъ и отъ его сотрудниковъ—губернскихъ и уѣздныхъ гласныхъ, равно и частныхъ лицъ, хотя и неимѣющихъ непосредственнаго отношенія къ земству, но сочувствующихъ его развитію и успѣхамъ.

Труды Редакціи будутъ выражаться преимущественно въ третьемъ отдѣлѣ «Вѣстника» (такъ-какъ составъ двухъ первыхъ отдѣловъ поставленъ въ условія, нисколько отъ насъ независящія).

Считаемъ не лишнимъ вспомнить, что въ 1875—1876 годахъ напечатаны были, между прочимъ, слѣдующія статьи и замѣтки:

1) Центры производства главнѣйшихъ видовъ кустарной промышленности въ Ярославской губерніи, А. В. Скульскаго. 2) Что̀ нужно для сельскаго хозяйства въ Ярославской губерніи, Д. В. Гаврилова. 3) Отчетъ ярославскаго общества для вспомоществованія учащимся недостаточнаго состоянія съ 1-го сентября 1874 года по 1-е сентября 1875 года. 4) Опредѣленіе вѣса живого скота, С. Ю. Заборскаго. 5) Средство противъ мыти телятъ и средство отъ моли, В. Ф. Трибальскаго. 6) Наши главнѣйшія задачи по сельскому хозяйству въ Пошехонскомъ уѣздѣ. А. А. Прасолова. 7) О лугахъ, Е. А. Алексѣева. 8) Значеніе образцовыхъ хозяйствъ вообще, и въ особенности о хозяйственной дѣятельности Франца Горскаго, С. Ю. Заборскаго. 9) Село Козьмодемьянское (статистическій очеркъ), С. Я. Дерунова. 10) О мѣрахъ къ улучшенію сельскаго хозяйства въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Я. А. Прасолова. 11) Хозяйственныя замѣтки, Е. А. Алексѣева. 12) Способъ храненія навоза, испытанный на практикѣ, г. Карабановича. 13) Приборъ для испытанія всхожести сѣмянъ, г. Коробовскаго. 14) О выкармливаніи пѣтуховъ, Н. Л. Шишмарева. 15) Очеркъ десятилѣтней дѣятельности ярославскаго губернскаго земства по народному образованію. Л. Н. Трефолева. 16) Открытіе двухкласснаго училища въ Пошехоньѣ, Е. А. Алексѣева. 17) Какъ уменьшить смертность новорожденныхъ дѣтей? Н. В. Пирожкова. 18) Причины пожаровъ въ деревняхъ и селахъ, и мѣры къ устраненію этихъ причинъ, А. Красносельскаго. 19) Ярославская земская повивальная школа, Н. В. Пирожкова. 20) О кустарной промышленности въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Е. А. Алексѣева. 21) Опытъ посѣва ржи по яровой пшеницѣ, засѣянной на подсѣчной землѣ, Е. А. Алексѣева. 22) Нѣсколько словъ о лугахъ, С. Ю. Заборскаго. 23) Грибы, какъ одинъ изъ главнѣйшихъ продуктовъ продовольствія нашего населенія, Е. А. Алексѣева. 24) О комоломъ скотѣ, г. Карабановича. 25) Послѣднія постановленія ростовскаго земства по народному образованію, И. Ѳ. Кошкина. 26) Журналы мологскаго сельско-хозяйственнаго съѣзда 1875 года. 27) Журналы рыбинскаго съѣзда сельско хозяйственныхъ, статистическихъ и естественно-научныхъ бесѣдъ. 28) Первоначальныя земскія школы Пошехонскаго уѣзда, Е. А. Алексѣева. 29) Живопись по финифти въ городѣ Ростовѣ, А. А. Титова. 30) Журналъ засѣданія годового общаго собранія ярославскаго общества сельскихъ хозяевъ. 31) Годовой отчетъ о состояніи народныхъ училищъ по Ярославской губерніи за 1875 годъ, В. И. Шпеера. 32) Романовскіе и пошехонскіе портные въ Ростовскомъ уѣздѣ, А. А. Титова. 33) Отчетъ о ходѣ взаимнаго земскаго страхованія отъ огня въ Ярославской губерніи за 1875 лодъ. 34) Отчетъ о дѣятельности ярославской лѣчебницы для приходящихъ больныхъ за 1875 годъ, Н. В. Пирожкова. 35) Мѣры къ сохраненію лѣсовъ, Д. Д. Дашкова. 36) Выпускной экзаменъ въ ярославской земской повивальной школѣ, Н. В. Пирожкова. 37) Дѣятельность ростовскаго земства по охраненію народнаго здравія съ 1865 г. по 1875 г., А. А. Титова. 38) О храненіи картофеля, г. Карабановича, 39) Объ устройствѣ депо сельско-хозяйственныхъ орудій, Е. А. Алексѣева. 40) Крестьянскія кожевни, С. Я. Дерунова. 41) Наши лѣса, С. Ю. Заборскаго. 42) Разныя сельско-хозяйственныя замѣтки, Е. А. Алексѣева.

Къ нѣкоторымъ изъ поименованныхъ здѣсь статей были приложены чертежи и рисунки.

«Вѣстникъ Ярославскаго Земства» будетъ выходить книжками отъ 12-ти до 15-ти печатныхъ листовъ, и болѣе, соображаясь съ количествомъ матеріаловъ, которыми можетъ располагать Редакція.

Годовое изданіе состоитъ изъ двѣнадцати нумеровъ, иногда соединяемыхъ по два въ одну книгу.

Цѣна за годовое изданіе:

Безъ пересылки и доставки на домъ пять рублей.

Съ пересылкой по почтѣ и доставкой на домъ въ Ярославлѣ шесть рублей.

Подписка на отдѣльныя книжки «Вѣстника не принимается.

Гг. земскимъ гласнымъ Ярославской губерніи «Вѣстникъ» высылается безплатно. Волостныя правленія Ярославской губерніи платятъ только 1 руб. на почтовые расходы.

Губернскія и уѣздныя земскія управы другихъ губерній, а равно всѣ иногородные гг. земскіе гласные, при подпискѣ на «Вѣстникъ Ярославскаго Земства», пользуясь уступкой, могутъ получать его за 4 руб., съ пересылкою по почтѣ. Книгопродавцамъ дѣлается уступка 20% съ подписной цѣны.

Подписка, а также статьи для напечатанія принимаются исключительно въ Редакціи, состоящей при ярославской губернской управѣ, на углу Ростовской и Большой-Рождественской улицъ (противъ Шапочной биржи), въ собственномъ домѣ.

Редакторъ **А. В. Скульскій.**

Помощникъ редактора **Л. Н. Трефолевъ.**

ОТЪ РЕДАКЦІИ ГАЗЕТЫ

„РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

По распоряженію правительства, 12-го января, по поводу помѣщенныхъ въ «Русскомъ Обозрѣніи» фельетона въ № 1-мъ и передовой статьи въ № 2-мъ за текущій годъ, этой газетѣ объявлено третье предостереженіе съ пріостановленіемъ изданія на два мѣсяца.

Въ виду этого, слѣдующій № «Русскаго Обозрѣнія» выйдетъ 13 марта, въ объемѣ, который вознаградитъ читателей за время пріостановки изданія.

Подписка на „РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ продолжается и подписавшимся немедленно высылаются вышедшіе уже №№ 1-й и 2-й.

Подписная цѣна: съ доставкою и пересылкою: на 1 годъ—5 руб., на полгода—3 руб., на 1 мѣсяцъ—1 руб.

Подписка принимается:

Въ главной конторѣ, при книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова (С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 46). Въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ мосту, д. Фирсанова.

Въ Кіевѣ—въ книжномъ магазинѣ Гинтера и Малецкаго, на Крещатикѣ. Въ Одессѣ—въ конторѣ Мосягина и комп., на Соборной площади, д. Попудова. Въ Ярославлѣ—въ книжномъ магазинѣ и библіотекѣ Кокуева.

Иногородные адресуютъ исключительно: въ С.-Петербургъ, въ редакцію газеты «Русское Обозрѣніе», Надеждинская, № 16.

Редакторъ-издатель **Г. К. Градовскій.**

При настоящемъ нумерѣ разсылается гг. иногороднымъ подписчикамъ объявленіе Общества Взаимнаго Кредита, для содѣйствія ремесленной промышленности въ С.-Петербургѣ

При настоящемъ нумерѣ Живописнаго Обозрѣнія разсылается мартовское приложеніе „ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО“.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5 марта 1877 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 л., д. № 12.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде

№ 11. Томъ I. На годъ съ доставкою и пересылкою 7 руб.; на полгода 4 р. 50 к. Отдѣльн. №№ по 15 к. **С.-Петербургъ, 13 Марта 1877 года.** *Адресъ конторы редакціи:* С.П.-бургъ, Васильевскій островъ, 3-я линія, д. № 48. **Годъ V.**

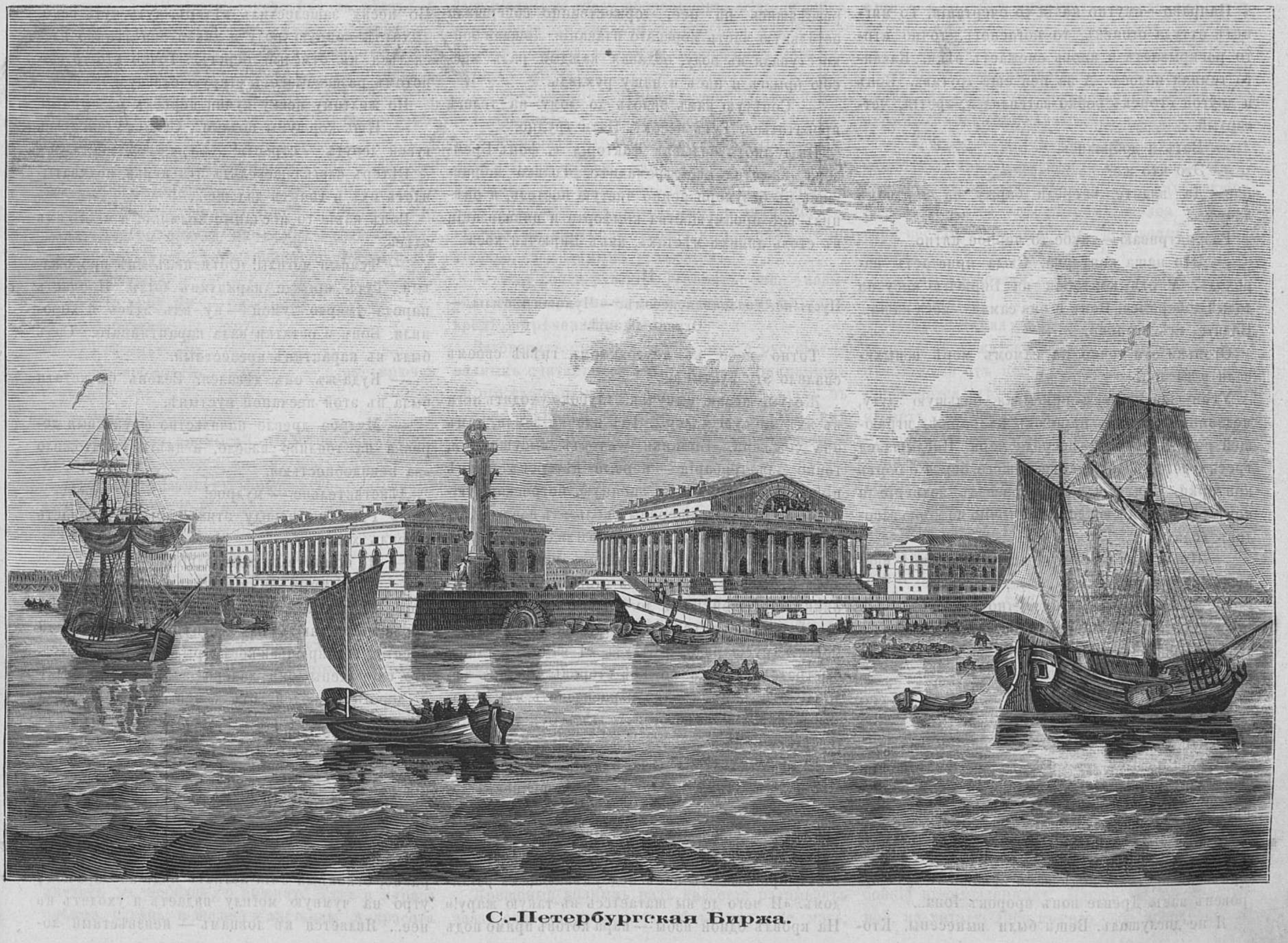
Подписка на „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ" 1877 г. продолжается.

Каждый новый подписчикъ получаетъ журналъ съ № 1 вмѣстѣ съ ежемѣсячнымъ приложеніемъ «Жизнь и Хозяйство».

Въ 1877 году журналъ выходитъ въ форматѣ большихъ иллюстрацій, **еженедѣльными** нумерами (въ годъ 52 №№ или 2496 столбцевъ), иллюстрированными множествомъ художественныхъ гравюръ. Въ концѣ года все изданіе будетъ состоять изъ *двухъ большихъ томовъ*. Всѣ подписчики получаютъ, **въ видѣ преміи**, ежемѣсячное приложеніе подъ заглавіемъ **„ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО"**, каждый нумеръ котораго заключаетъ въ себѣ отъ 15 до 20 рисунковъ (въ годъ болѣе 200). Кромѣ того, въ теченіи года всѣмъ годовымъ подписчикамъ разсылается

НѢСКОЛЬКО ДРУГИХЪ ПРЕМІЙ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: За годъ безъ доставки **6 руб.**, съ доставкою въ Спб. и *для иногородныхъ* **7 руб. Гг. иногородные** благоволятъ адресоваться съ своими требованіями *прямо и непосредственно* въ главную контору редакціи, по адресу: въ С.-Петербургѣ, Васильевскій о-въ, 3-я линія, д. № 48. **Гг. городскіе** подписчики могутъ абонироваться въ книжномъ магазинѣ М. В. Попова, на Невскомъ пр., въ зданіи Пассажа.



С.-Петербургская Биржа.

Бирючья коса.

I.

Каспійская ночь.—Мы у пристани.—Бирючья коса·

Поздно ночью мы вышли въ Каспій.

Ярко горятъ жолтыя, страстныя звѣзды. Сумракъ и прохлада. Мимо лѣниво ползутъ шкуны, пользуясь попутнымъ вѣтромъ. Огоньки на нихъ. Около огней выдѣляются изъ тьмы, озаренныя багровыми отблесками, бородатыя лица. Какой-то пароходъ, тяжело пыхтя, перебѣжалъ намъ дорогу, другой было въ догонку за нами пустился, выбрасывая изъ трубы широкую полосу искръ, —да силенки не хватило, отсталъ. Впереди далеко, далеко, точно кометы съ золотистыми хвостами на морскомъ просторѣ. Пароходы оказываются тоже. Дали словно раздвинулись; мечтательно испытуетъ взглядъ таинственную синеву и нѣтъ ему предѣла, и бродитъ онъ, то впереди, то по сторонамъ, любуясь этою красой заманчивой... Такъ бы и ушолъ съ палубы парохода въ прохладное царство лазурной ночи...

Что это?... Словно зарево впереди... На самомъ краю моря—красное пожарище, оно и на волны легло багровыми обликами... Все гуще и крупнѣе эти отблески, вотъ уже полосою протянулись къ пароходу, когда зарево выдѣлилось громаднымъ дискомъ. Все выше и выше выступаетъ надъ моремъ этотъ мѣсяцъ, точно тамъ, въ дали недосягаемой, кто-то таинственный поднимаетъ мѣдный щитъ свой... На красномъ кругѣ—пароходъ точно вырѣзался. Какъ разъ между нами и мѣсяцемъ пришолся. Каждою своею мачтой... Скоро—луна всплыла надъ нами, потерявъ свои зловѣщіе тоны... Голубое сіянье щедро льется на тихій Каспій и безчисленными серебристыми сѣтями разстилается на его недвижномъ просторѣ...

Направо—смутно какія-то очертанія. То мигнетъ оттуда огонекъ, то погаснетъ, точно кто-то раскрываетъ и вновь смежаетъ вѣки.. Какая-то темная полоса. А за ней еще другая... Вонъ и другой огонекъ робко затеплился, третій, четвертый...

— Вотъ и добрались.

— Это что же?

— Да видите впереди баржу на мертвомъ якорѣ.

Разсматриваю—какое-то черное пятно.

— Это наша конторка. Сюда пристаетъ пароходъ. А отъ конторки на Бирючью косу на лодкѣ доберемся. Вонъ и она самая—коса наша... Видите, гдѣ огоньки.

Огоньки эти точно на самомъ морѣ вспыхивали и гасли...

Уменьшая ходъ и описывая большую дугу, медленно подошелъ пароходъ къ баржѣ, играющей роль пристани—посреди моря. Послышался трескъ чего-то, шуршанье нашего борта о бортъ конторки. Винтъ парохода развелъ волненіе и конторка сильно закачалась, точно по морю взводень ходитъ.

— Прощайте! уныло обращается ко мнѣ священникъ.

— Желаю вамъ благополучно доѣхать.

— Авось... Съ помощію Божіей... Животъ я себѣ перевязалъ, теперь лягу...

— До свиданія въ Ашуръ-аде.

— Ну, гдѣ ужъ намъ.

— Чего же вы боитесь?

— Не доѣду!

— Отъ чего?

— Помру отъ качки... Спервоначалу говорятъ пища выходитъ, послѣ вода, а послѣ воды кровь. Ну а какъ кровь выйдетъ, и духъ за ней устремляется... Вамъ хорошо, вы теперь пріѣдете—прямо въ постель, подъ вами земля... А тутъ неровенъ часъ. Древле вонъ пророкъ Іона...

Я не дослушалъ. Вещи были вынесены. Кто-то взялъ ихъ, какая-то баба толкнула въ лодку меня, въ догонку за мной полетѣли узлы, сакъвояжи, чемоданы.

— Ну, съ Богомъ!

Оглядѣвшись я замѣтилъ, что со мною здѣсь человѣкъ десять ѣдетъ.

— Вы всѣ на Бирючью косу?

— Да мы здѣшніе жители... Посередь моря спасаемся.

— Будто бы монахи.

— Хороши монахи! Протестуетъ кто-то. Въ темнотѣ я и не различаю его.

— Чѣмъ не монахи—пустынножительство...

— Съ бабами-то?... Хороша пустынь!

— Отыми у насъ бабъ—въ петлю отъ тоски полѣзть приведется.

— На Бирючьей баба большой человѣкъ. Мужа она держитъ въ струнѣ. Онъ у нее по командѣ ходитъ. Бабы у насъ крупныя, ядреныя. Съ ней и тремъ ловцамъ не справиться. Только въ послѣднее время портиться начали.

— Да, карналины эти завели... Тоже танцовать выучились. Кадрель, польки—все могутъ.

— Вы не смотрите, что она за простымъ ловцомъ замужемъ. Есть и такія, что шляпку съ птицей носятъ.

Хорошо... прохладно... Послѣ этого богатаго впечатлѣніями дня такъ и клонитъ ко сну. Переѣзду съ часъ, я и прилегъ на чей-то узелъ... Проснулся уже какъ лодка остановилась. Всталъ было.

— Постойте, постойте.

— Да вѣдь пріѣхали.

— Нужно еще телеги подождать. Видите-ли лодка за семьдесятъ саженъ отъ берега останавливается. Тутъ мелководье...

Скрипя немазанными колесами, во тьмѣ медленно подъѣхала къ намъ съ берега телега и мы, разсѣвшись на нее, торжественно совершили остальную часть морскаго плаванія. Лошади бойко ступали въ воду, обдавая каждый разъ массою брызгъ и насъ и нашу рухлядь.

— Совѣтую вамъ вплоть до дому на телегѣ прокатиться. Тутъ песокъ. Идти трудно.

Въ темнотѣ большая факторія г. фонъ-Бремзена кажется еще громаднѣе. Только забравшись въ безукоризненно чистую постель, я оцѣнилъ всѣ преимущества комфорта и цивилизаціи въ столь дикихъ мѣстахъ, какъ Бирючья коса.

II.

Пустыня, спаленная небомъ. — Чумныя могилы. — Огненный змій.

Точно небо въ неутолимомъ гнѣвѣ своемъ спалило эту пустыню.

Желтые пески, сыпучіе..., глубоко уходятъ ноги въ ихъ зыбкую массу.... Гдѣ клочки земли, тамъ она сожжена. Былинки — стоятъ высушенныя, точно для гербарія — первый вѣтерокъ и онѣ пылью разсыплются на знойную, потрескавшуюся почву. Сѣрыя ящерицы скользятъ повсюду, на бѣгу окидывая васъ робкимъ взглядомъ изумрудныхъ глазъ. Чуть вы ступили — изъ подъ ногъ такъ и бросятся въ разныя стороны эти отшельники Бирючьей косы до перваго холмика, куда можно имъ зарыться въ горячую и разсыпчатую массу. Другія рядомъ бѣгутъ съ вами, съ такою быстротою змѣясь во всѣ стороны гибкимъ тѣломъ, что вамъ трудно и распознать ихъ очертанія. Даже шорохъ стоитъ здѣсь отъ этихъ сѣрыхъ ящерицъ.

Налѣво — голубая рѣка, направо-голубое море. Посрединѣ узкая коса. На ея оконечности десятка два деревянныхъ домовъ и большая факторія Бремзена.... На улицѣ никого. Даже собаки спрятались и лѣниво, чуть-туть полуоткрывая глаза, провожаютъ насъ недоумѣвающимъ взглядомъ. «И чего де вы шатаетесь въ такую жару!» На кровлѣ одной избы — пара котовъ прямо подъ солнцемъ. Хорошо спится имъ въ этотъ зной.... Даже въ окнахъ лица не видать.

— Да у васъ дѣти-то есть здѣсь?

— И много.

— Гдѣ же они? Неужели по домамъ сидятъ?

— Нѣтъ — вонъ.

— Въ голубыхъ струяхъ рѣки, дѣйствительно, плескалась цѣлая орава мальчишекъ. Весело, бойко.... Оттуда и смѣхъ звучалъ, и крики доносились, а надъ ними также весело и рѣзво гонялись сотни ласточекъ, бойко чирикая на весь этотъ просторъ.

Вышли изъ поселка—опять спаленная земля, желтые, зыбучіе пески. Опять тысячи сѣрыхъ ящерицъ. Жукъ скарабей катитъ передъ собой какой-то черный шарикъ. Коса съуживается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, такъ что рѣку отъ моря отдѣляетъ сажень десять — двѣнадцать песчанаго вала. Невольно засмотришься налѣво, на этотъ праздничный голубой просторъ. Каспій пока недвиженъ, только у берега чуть колышутся его прозрачныя воды. Даль-то, даль какая! и все это — и тамъ чуть не у горизонта, и здѣсь надъ вами, и по сторонамъ—ослѣпительно сверкаетъ. Больно глазамъ, а оторваться отъ морской красы этой силы нѣтъ. Ослѣпъ бы, да смотрѣлъ. Бѣлая чайка печально, словно рыдая, оретъ на всю эту лазурную пустыню. Точно комочекъ расплавленнаго серебра — вьется она въ воздухѣ.... А еще выше — въ другой безпредѣльной синевѣ, сегодня безоблачной и безмятежной, черною точкой повисъ орелъ-рыболовъ и зорко высматриваетъ оттуда добычу. Очень далеко — на самомъ краю Каспія мерещится что-то.

— Это суда стоятъ, которыя не могутъ въ Волгу входить. Тамъ ихъ — сотни.

То покажется, то опять пропадетъ.

Вотъ съ моря потянуло вѣтромъ... Тихо, тихо... По песку зашелестилъ вѣтеръ, чуть чуть всколыхнулъ сонную воду и давай она лѣниво плескаться въ отмелый берегъ.. Точно кто-то шопотомъ разсказываетъ старую сказку....

По желтому песку кучки перьевъ разсыпаны.

— Ишь коршуны подлые... Сколько они здѣсь гусей дерутъ — страсть!

Вѣтеръ слегка шевелитъ эти перья, подхватываетъ ихъ и гонитъ дальше....

Вонъ какіе-то песчаные холмики, и много ихъ здѣсь.

— Чумныя могилы! Объяснилъ мнѣ провожатый. Тутъ прежде карантинъ былъ. Пропасть народа умерло чумой — ну ихъ здѣсь и хоронили. Вонъ и остатки вала карантиннаго. Садъ былъ въ карантинѣ прелестный.

— Куда-жъ онъ дѣвался? Зелень бы кстати была въ этой песчаной пустынѣ.

— Мудрое древле начальство фруктовыя деревья на топливо извело, а цвѣты уничтожило «за ненадобностью».

Дѣйствительно — мудрое!

— Тутъ по поводу этихъ могилъ пропасть легендъ ходитъ.

— Не помните-ли хоть одной?

— Въ темныя зимнія ночи, когда буря на морѣ, да шурганъ по степи шумитъ, всѣ чумные мертвецы встаютъ изъ могилъ своихъ и тучей носятся по Бирючьей косѣ и рыдаютъ и жалуются, что схоронены они далеко-далеко отъ милыхъ и дорогихъ людей, отъ своей родины.... Бѣда повстрѣчаться съ ними — въ море сбросятъ или захватятъ въ свою тучу и унесутъ. А то песками да снѣгами засыплютъ.... Тоже и въ осеннія ночи шумятъ они тутъ, огни надъ могилами вспыхиваютъ, изъ земли выходятъ и надъ огнями этими сидятъ.... А то еще распространенъ здѣсь слухъ, что по ночамъ, и лѣтомъ и зимою — все равно, огненный змій летаетъ надъ косой, а подъ утро на чумную могилу падаетъ и уходитъ въ нее... Является къ ловцамъ — неизвѣстный ловецъ подъ вечеръ, поитъ ихъ и кормитъ; гулять зоветъ — пойдутъ они и заводитъ ихъ прямо на чумныя могилы. Ну и пропадаютъ,—ни слуху, ни духу....

Вѣдь и всего-то пядень земли — а цѣлый циклъ легендъ и суевѣрій. Во всякомъ случаѣ, здѣсь этихъ сказокъ гораздо больше, чѣмъ земли, на которой совершаются всѣ ихъ таинственныя чары....

— Особенно огненный змѣй этотъ до молодыхъ бабъ повадливъ. Про это тоже разсказываютъ. Въ трубу влетаетъ онъ змѣемъ, а въ горницѣ парнемъ молодымъ перекидывается, ну и мутитъ дѣвичью либо бабью душу, улещаетъ ее, обманомъ беретъ. А подъ утро — опять въ трубу змѣемъ вылетаетъ назадъ. Отъ такихъ любовныхъ похожденій и приплоду нѣтъ, только сохнетъ дѣвка да таетъ, что свѣча.... Смотришь, недѣли въ три и сгоритъ совсѣмъ. Это онъ въ ней душу всю сожжетъ за это время...

Тутъ уже тальникъ пошелъ, только болѣзненный, слабый. На берегу рѣки и по мелководью— трава ростетъ, бѣловатая, серебристыми искрами подъ солнцемъ сверкаетъ, да по теченью клонится. Волны въ берегъ бьютъ — и она берегу кланяется, отхлыпутъ отъ берега и она — киваетъ глубинѣ рѣчной. И хороши же эти волны! Тутъ подъ вѣтромъ онѣ разгулялись немного. Подкатится по мелководью къ берегу и вздувается точно грудью....

Опять зелень пропала. Бурая земля вся въ трещинахъ. Мимо саранча пролетѣла— точно вѣтеръ зашелестилъ бумагой. Вся она гнѣздится по трещинамъ этимъ. Сѣрый коршунъ — на сѣромъ землистомъ холмѣ — и не отличишь его. Только когда подошли ближе, разсмотрѣли пернатаго хищника Медленно поднялся онъ въ воздухъ и съ недовольнымъ клекотомъ, переводя хвостомъ, какъ рулемъ, полетѣлъ за рѣку.... А внизу у мелководья — еще нѣсколько такихъ же разбойниковъ. Даже и вниманія на насъ не обратили эти, хотя за спиной у моего спутника и болталась винтовка.

Вонъ стѣнка камышевая вся солнцемъ освѣщена.

— Это что за плетень?

— Жилье тоже.

Подходимъ — дѣйствительно камышевая хижина. Внутри сидитъ на камнѣ голый мальчуганъ и, пользуясь тѣнью, бойко точитъ на кожѣ крюки белужьи.

— Это кому же?

— А батькѣ.

— Гдѣ онъ?

— На промыслѣ... Вернется — новые крючья будутъ.

— Мать гдѣ-же твоя?

— И она на промыслѣ, и сестра тоже съ ними.... я одинъ остался, потому малъ еще....

На всѣхъ мазанкахъ вообще здѣсь камышевыя кровли. Оттого они и золотятся на солнцѣ. За выселками пропасть камыша — конусами сложено или, какъ здѣсь называютъ, шишами.

— Подъ этими шишами — страсть, что змѣй хоронится.

— Ядовитыя?

— Есть и ядовитыя, больше ужи. У насъ ихъ дѣти ловятъ и забавляются. Въ карманы кладутъ, за пазуху.

Изгороди тоже изъ камыша. Такъ и сверкаютъ на солнцѣ. Въ тѣни отъ нихъ тоже не мало змѣй хоронится. Ихъ убиваютъ здѣсь и съ болѣе практическою цѣлью. Кожу, снятую съ змѣя, зашиваютъ въ какую-нибудь матерію и носятъ вокругъ шеи, какъ вѣрное средство отъ лихорадки....

Только пройдя версты три по Косѣ, мы наткнулись на небольшую рощицу. Тутъ и мурава свѣжая, и тѣнь, и шелестъ листьевъ. А красота какая! Сидишь въ этой рощицѣ и видишь съ одной стороны море, съ другой недвижный разливъ рѣки. Корова бродитъ около, нѣсколько барановъ спятъ въ тѣни, а у берега старикъ, ветхій, ветхій, подставилъ спину солнцу и жмурится отъ наслажденія, когда оно его насквозь пропекаетъ своими почти отвѣсными лучами.... Поди, и видитъ онъ плохо — а все еще пастухомъ ходитъ за стадомъ. Шалаши какіе-то въ рощѣ. Заглянули туда — на соломѣ безмятежно спитъ ребенокъ. Раскраснѣлся весь, ножки и ручки разбросилъ по сторонамъ и улыбается во снѣ, а рядомъ, въ чащѣ тальника задорно свищетъ какая-то мелкая пташка и по всему зеленому оазису этому во всю ночь звѣнятъ неугомонныя стрекозы....

Идилія да и только!...

III.

Крещеный калмычокъ.—Шолна и его продѣлки.—
Микула Селяниновичъ на Каспіи.

— Ты куда Иванъ? Останавливаетъ мой спутникъ колченогаго, но щеголевато одѣтаго калмыченка.

Еще мальчуганъ, а взрослымъ хочетъ казаться. Топорщится, пыжится.... У самаго въ карманахъ шуршатъ только что изловленныя ящерицы, глаза такъ и прыщутъ смѣхомъ, а тоже умѣряетъ шагъ, степенство на себя напускаетъ Даже руки назадъ заложилъ.

— Это откуда калмыкъ? спрашиваю я.

— Я не калмыкъ! Обидчиво огрызается мальчуганъ.

— Какъ не калмыкъ?

— Я русскій!

— Онъ крещеный.

— Да все же калмыкъ вѣдь.

— Вонъ калмыки! Съ пренебреженіемъ указалъ мальчуга толпу оборванцевъ, подъ пекломъ перебиравшихъ веслами на большой узкой лодкѣ, какъ стрѣла летѣвшей по голубому простору моря.

— Это калмыки, а меня купецъ въ дѣти взялъ!

Разумѣется, я ничего не понялъ. Уже потомъ мнѣ объяснили, что крестящихся калмыковъ принимаютъ въ семью, какъ дѣтей, русскіе; эти пріемыши пользуются всѣми правами законныхъ наслѣдниковъ—имущественными и личными. Некрещенные калмыки относятся къ нимъ очень хорошо, съ видимымъ уваженіемъ.

— Это почти русскій! Говорятъ они, указывая подобострастно на какого-нибудь мальчугана, вродѣ встрѣченнаго нами.

Заговоритъ съ ними такой «почти русскій»— калмыкъ считаетъ это величайшимъ вниманіемъ съ его стороны и отвѣчаетъ, опустивъ глаза въ землю. Впрочемъ, такого счастья рѣдко ему удается добиться Дѣло въ томъ, что крещеные калмыки относятся къ язычникамъ, какъ къ собакамъ. Они ихъ и за людей не считаютъ.

— Этотъ самый крещеный калмыченокъ, сообщали мнѣ потомъ объ встрѣченномъ экземплярѣ, не вышелъ къ своей сестрѣ, когда она пришла къ нему, только потому, что онъ русскій и прогналъ ее. Я, говоритъ, теперь не считаю ее родной. Я сынъ купца, а она что—простая калмычка!

— Изъ «орды» вы! упрекаютъ крещеные калмыки некрещеныхъ.

Русскіе къ калмыкамъ относятся гораздо лучше, чѣмъ эти. Калмыкъ, принимая христіанство, женится на русской. Это тоже не послѣдній поводъ къ гордости. Какъ мы выше замѣтили, ни одна русская не согласится не только выйти замужъ за калмыка язычника (легально этого и сдѣлать нельзя), но даже сойтись съ нимъ такъ, по простотѣ, какъ это часто практикуется по отношенію къ своимъ парнямъ.

Крещеный калмыкъ разъ навсегда разрываетъ связи свои съ прошлымъ. Мать ему—не мать, мимо отца—онъ проходитъ равнодушно, не узнаетъ его; братья и сестры—для него «орда проклятая». Онъ ихъ еще больше ненавидитъ, потому что они имѣютъ какія-то фиктивныя права на него. На языкѣ у него есть для нихъ только одно слово: «собака поганая»...

Становилось все жарче и жарче. Лазурь морской дали—ослѣпляла глаза. Она вся искрилась, точно это море было неизмѣримою массою голубыхъ, лучистыхъ искръ... По дорогѣ, на припекѣ словно золотые свертки, комочками, грѣлись ужи. На насъ они и не обращали вниманія. Развѣ ужъ слишкомъ осторожные отползали въ сторону, обращая къ намъ свою безвредную пасть. Даже не зашипѣла ни одна! На Бирючьей косѣ змѣями играютъ мальчишки. Они стравливаютъ ихъ съ ящерицами, держатъ у себя въ карманахъ, а одинъ изъ сыновей фонъ-Бремзена, умный и бойкій мальчикъ, даже за пазухою хранилъ своихъ любимцевъ. Даль—по косѣ все пустыннѣе и пустыннѣе.

— Теперь по рукаву этому плыви—все луговины да песчаныя понизи. Рѣдко на берегу— пустынная ватага. Чаще кибитка калмыцкая встрѣтится или шалашъ. И опять безлюдье!... Потому тутъ мѣста такія пошли степныя, привольныя... Развѣ гдѣ горбина бурая, либо холмъ поднимется, ну тамъ часто и цацу калмыцкую увидите.

— Какую цацу?

— Цаца—это по ихнему храмъ... На холмахъ, видите ли, шолна (чортъ) пакоститъ... Ну, такъ они защищаютъ себя отъ него капищами. Тутъ въ окрестностяхъ самая лучшая цаца у бахши Баалдыра, въ ихнемъ монастырѣ.

— Какой монастырь?

— Вы не думайте, чтобы вродѣ нашихъ. Просто по зеленой понизи—кибитокъ двѣнадцать стоитъ, а въ тѣхъ кибиткахъ монахи ихніе, гелюнги, безъ бабъ спасаются... Вотъ и обитель ихняя, вся тутъ.

— Ихняя шолна поганая и къ намъ забирается, не гляди, что православные. Жаловались промышленники на калмыцкаго чорта.

— Обижаетъ шолна это точно... Сегодня лужокъ тутъ, таково ли весело муравка пробивается, кустикъ стоитъ, пташка въ немъ свищетъ всякая, а завтра—съ вѣтромъ шолна намететъ гору песчаную—и шабашъ, коровенки выгнать некуда.

— Мы пробовали и кресты ставить.

— Помогло?

— Куда! Ихняя шолна нашей вѣры не знаетъ— чего-жь ей нужаться. Она и тиранствуетъ. И не отмолишься отъ нее ничѣмъ. А то тоже ручей пробивается гдѣ, скрозь сушину нашу; сегодня играетъ на солнышкѣ, всякому страннику на утѣшеніе, а завтра смотримъ—шолна и его засыпала, потому ей всякая немочь людская за первое удовольствіе.

— Еще и того хуже бываетъ. Идешь одинъ по глади нашей. Изморитъ тебя пекло—а кругомъ все понизь одна. Ни примѣтины—ни отмѣтины. Безъ отдоху идешь. И тутъ она подлая издѣвку всякую творитъ, возьметъ да пескомъ тебѣ глаза засыплетъ — а отмыть ихъ негдѣ. Воды—и видомъ не видано. Либо подойдешь къ озеру, вчера самъ пилъ отсюда, чудесная вода была, а сегодня соль-солью, это все *она* шалитъ. Ну, а какъ поставятъ калмыки цацу свою—и шолна уйдетъ въ земь отъ нее, только по ночамъ, тамъ подъ землей гудётъ, да плачется, что нѣтъ ей простора прежняго. У нихъ, вишь всякая шолна свое мѣсто имѣетъ, поставилъ ты цацу— и некуда ей, окромѣ какъ въ земь уйти.

— А по ночамъ еще хуже отъ шолны бываетъ. Вступается въ разговоръ сумрачный и бойкій промышленникъ. Идешь ты по степи домой, на ватагу, либо въ село свое пробираешься.

Темь кругомъ — ничего не видно. Думаешь: тамъ вонъ село, а поглядишь въ сторонѣ огонекъ тебѣ свѣтится, точно изъ окошка. Ну, а пойдешь на огонекъ и пропалъ. Это шолна огонькомъ перекидывается, это она крещеную душу путаетъ. Либо въ воду тебя заведетъ, либо въ такую трясину, гдѣ окромя звѣря ничего не встрѣтишь...

Подошли къ плоту у самаго моря. Тутъ подъ навѣсомъ нѣсколько рабочихъ г. фонъ-Бремзена потрошили только что привезенную рыбу.

— Каковъ уловъ Богъ даетъ?

— Ничего. Рыбка рубашкой хороша, только мелка очень. Теперь какой промыселъ! Теперь — безовременье. Ты бы раньше поглядѣлъ какая тутъ озява была...

А самъ въ это время бойко работаетъ ножемъ. Взрѣзываетъ осетру брюхо, отдираетъ клеевину, потомъ еще разъ взрѣзываетъ, ловко выхватываетъ визигу. Клеевина и визига моментально перебрасывается другому рабочему — прополоскать въ водѣ... Янтарное мясо осетра такъ и золотится подъ солнцемъ.

— Это у насъ королевичь рыба.

— А король кто?

— А король — бѣлуга... Та всѣмъ рыбамъ царь. Попадетъ бѣлуга матерая промышленнику — цѣлаго улова одна стоитъ.

— У насъ на бѣлугу и бойцы же есть! Одно слово — охотники.

— Возьми хошь Силантьева. Вонъ онъ.

Смотрю, громадина какая-то передо мною. Силы видимо у него — что у Микулы Селяниновича, богатыря земскаго. Борода лопатой, лицо добродушное, улыбка — дѣтская почти, совсѣмъ ужъ не подстать этому циклопу. Глаза смотрятъ зорко. Руки, что твои весла — совсѣмъ идеалъ моряка-промышленника. Воображаю, каковъ онъ долженъ быть на дѣлѣ. Тутъ-то и работаютъ эти лопатообразныя лапища.

Про этого Силантьева, между прочимъ, вотъ какія чудеса мнѣ разсказывали. Вздумалъ онъ какъ-то зимою рыбу ловить, пробилъ во льду лунку и спустилъ въ нее крючья. На одинъ изъ крючьевъ громадная бѣлуга попалась. Какъ ее вытащить на ледъ? Самому въ воду лезть въ платьѣ — обмокнешь и сухой нитки не останется, а морозъ былъ страшный. Недолго думая и выбивъ два отверстія во льду, онъ раздѣлся, чтобы потомъ платье было сухое. Придумалъ тутъ же на мѣстѣ нѣсколько остроумныхъ приспособленій, чтобы рыбу подвести подъ главную майну, причемъ ему привелось голому по поясъ въ водѣ работать, да и не сплошь. А поработаетъ — и выскочитъ на ледъ и давай бѣгать да согрѣваться. Наконецъ удалось ему послѣ нѣсколькихъ часовъ самыхъ напряженныхъ усилій вытащить бѣлугу сквозь главную майну. Одѣлся, нѣчто въ видѣ полозьевъ подъ рыбу придѣлалъ, да и притащилъ такимъ образомъ добычу въ село Житное. Свѣсили бѣлугу — тридцать пудовъ вышло.

Ну не Микула ли Селяниновичъ воскресъ въ этомъ богатырѣ прикаспійскомъ?

— Что же онъ выручилъ за рыбу?

— А считай — пять пудовъ икры было — двѣсти рублей, въ башкѣ 5 пудовъ — 10 рублей, да 20 пудовъ въ самой рыбѣ по 4 р. 50 к. за пудъ — 90 р. всего и получилъ отъ хозяина триста рублей. Было изъ-за чего и потрудиться!...

— И не заболѣлъ?

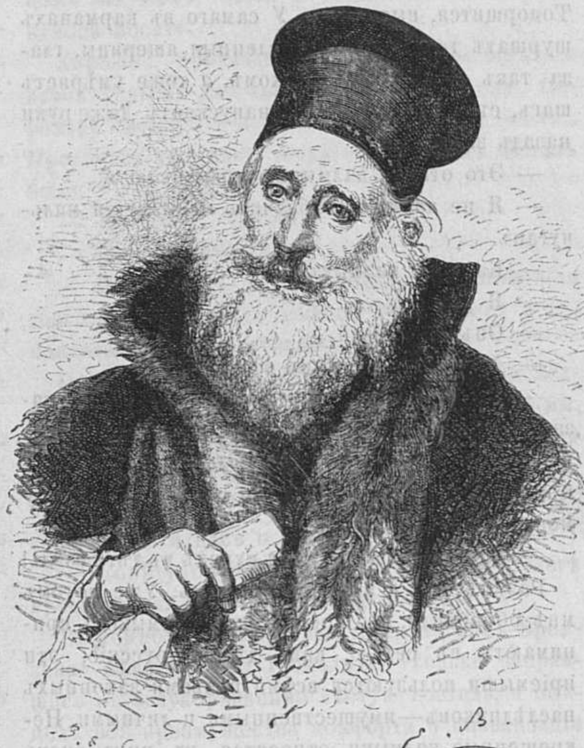
— Что ему дѣлается. Болѣть — это бабье дѣло, а промышленнику некогда!... Ничего, ему толстому черту еще и на здоровье.

А «толстый чертъ» точно и не про него, стоитъ себѣ у берега да въ синь морскую посматриваетъ. Поди, не вѣсть какъ далеко видитъ?.. И ничего ему, что солнце точно калеными стрѣлами пронизываетъ его ничѣмъ непокрытую голову, да запекаетъ и безъ того почернѣвшее на жарѣ этой лицо... Видно, что морозъ зимою, что это пекло неистовое лѣтомъ, ему — все единственно. Точно не его — а столбы эти деревянные жаритъ оно. Да и на столбахъ словно потъ — желтыя капли смолы выступили — а у Микулы Селяниновича совсѣмъ лобъ сухой... Камень да онъ только и равнодушны къ зною такому.

IV.

Знатный персъ Делянъ-бегъ. — Брось нѣмца въ воду! — Собаки-рыболовы. — Послѣдняя Каспійская ночь.

Нижній этажъ факторіи г. фонъ-Бремзена весь занятъ конторами его и лавкой. Въ лавкѣ — все, что нужно Бирючьей косѣ. Тутъ и помада, и масло, и мука, и чай, и всякая обувь. Нѣчто въ родѣ описанной мною въ книгѣ «Страна Холода» лавкѣ Паллизена на Мурманѣ. Въ лавкѣ постоянно толпятся рабочіе и промышленники. Большая часть предъявляетъ записки отъ конторы и по нимъ получаетъ товаръ. Вся торговля — въ кредитъ. Прикащикъ — отставной офицеръ, очень не глупый малый. На службѣ ему не повезло. Изъ тѣхъ натуръ, что по шаблону жить не умѣютъ и достоинствомъ своимъ не поступаются. Не угодилъ начальсгву — вышелъ въ отставку и къ г. фонъ-Бремзену въ лавку. Помощникомъ у этого піонера русскаго юга — красавецъ-персъ. Юноша еще, усики едва пробиваются. Прелестные глаза на изящно-очерченномъ личикѣ...



Болгарскій священнкъ.

Къ статьѣ: «*Между Болгарами*».

— Какъ къ вамъ попалъ онъ?

— Изъ Персіи ушелъ. Это — потомокъ знатнаго армянскаго рода Делянъ-беговъ. Нѣкоторые изъ той-же фамиліи давно перебрались въ Россію и заняли очень высокое положеніе въ питерской іерархіи, а этотъ — работникомъ у Бремзена служитъ. Изъ аристократовъ персидскихъ — да въ лакеи!... У насъ на Бирючьей еще и не такіе экземпляры есть.

— Что вамъ за охота была уйти изъ Персіи?

— Да развѣ у насъ можно жить?... Лучше здѣсь служить господину, чѣмъ тамъ господиномъ быть самому. У моей матери подъ Тавризомъ большое имѣніе... Не сошелся съ нею и ушелъ! Бѣда тамъ!...

— Такъ вы и думаете остаться всю жизнь рабочимъ?

— Пойду въ солдаты... Выслужусь... Вотъ я учиться началъ по русски...

— И отлично учится — превосходныя способности; подтвердилъ офицеръ-прикащикъ. По своему, по армянски — онъ человѣкъ образованный; самостоятеленъ только очень — не хотѣлъ кланяться тамъ на родинѣ, ну и бросилъ сытую жизнь!...

Не правда-ли странный уголокъ — бывшій гвардеецъ продаетъ деготъ промышленникамъ, а персидскій князь, и потомокъ чуть не царственнаго армянскаго рода, служитъ работникомъ у остзейскаго аристократа, ставшаго тоже, въ свою очередь, Астраханскимъ рыбникомъ! Америка да и только. Я такъ и смотрю на Бирючью косу, какъ на зародышъ чисто демократическаго города. Тутъ и колонисты изъ Германіи, и разстриженный священникъ, содержащій нѣчто въ родѣ трактира, и бывшій банкиръ, обдѣлывающій балыки на продажу. Кстати: у Бремзена здѣсь подъ громаднымъ навѣсомъ — на значительной высотѣ цѣлая масса такихъ балыковъ понавѣшана. Коптятся себѣ да обсыхаютъ...

— Тутъ ихъ тысячъ на пятьдесятъ! Объяснилъ мнѣ спутникъ.

У берега точно замерла здѣшняя шнялка морская — подчалокъ. Растянулась въ немъ собака — благо тѣни клокъ нашелся. Рядомъ чайка преспокойно усѣлась и чиститъ себѣ клювъ. И въ водѣ отразилась такая же бѣлая, красивая.

— Знаете, какъ называется эта штука?

Большой камень, со всѣхъ сторонъ обтянутый веревочной сѣткой. Родъ балласта. Къ кормѣ онъ прикрѣпленъ тоже веревкой.

— Здѣшніе промышленники нѣмцемъ его прозвали, что подало между прочимъ поводъ къ очень смѣшному недоразумѣнію. Одинъ ученый нѣмецъ, изъ Петербурга по Волгѣ, близъ Астрахани, странствовалъ. Разъ онъ ночью плылъ съ калмыцкаго базара; только что прилегъ, какъ вдругъ слышитъ: «Брось нѣмца въ воду!.. Брось нѣмца въ воду... Матвѣй, говорятъ тебѣ бросай его, чего смотришь». Всполошился нѣмецъ страшно, вскочилъ... «Ну его — оставь» отвѣчаетъ другой. До самаго мѣста нѣмецъ былъ въ ужасѣ. Дрожитъ — а сказать ни слова не можетъ. Вспомнилъ кстати, что съ нимъ денегъ много. Молитвы про себя читаетъ, да, ожидая безвременной кончины, объ своей Амальхенъ чуть не со слезами думаетъ. Только что подъѣхали къ городу — нѣмецъ поднялъ шумъ, гребцовъ заставилъ арестовать, а самъ прямо къ губернатору, да ночью съ постели его и поднялъ. Помилуйте, говоритъ, у васъ тутъ убійства на каждомъ шагу — меня чуть не утопили въ Волгѣ?.. Можете себѣ представить, какимъ смѣхомъ разрѣшился весь этотъ кавардакъ, когда нѣмецъ, котораго собирались бросить въ воду — сей самый кусокъ камня оказался?

Первый разъ недалеко отсюда я видѣлъ, какъ собаки занимаются рыболовствомъ. Одинъ такой четвероногій промышленникъ упражнялся на моихъ глазахъ. То и дѣло, онъ нырялъ въ воду съ берега. Нырнетъ, или какъ здѣсь говорятъ, мырнетъ, выхватитъ рыбу — выволочетъ ее на берегъ, прокуситъ ей голову, оставитъ въ сторонкѣ и за другой пускается. И какъ все это ловко дѣлается, умѣло — только руками разведешь. Ловля впрочемъ окончилась очень комично. Около промышленника этого все чайка одна суетилась; улучивъ время, когда песъ нырнулъ, она выхватила самую крупную рыбу. Обиженный ловецъ даже захлебнулся въ водѣ отъ злости. Во всю мочь перебирая лапами и стараясь приблизиться скорѣе къ берегу — онъ громко лаялъ — а выскочивъ на берегъ — остервенѣло бросился на пернатаго хищника. Тотъ, разумѣется, тоже не медлилъ и съ рыбой въ когтяхъ поднялся вкось — на гребни холмовъ, которые идутъ надъ отмелью. Собака за нимъ — чайка дальше и песъ дальше, и все это съ оглушительнымъ лаемъ. Несчастный даже позабылъ остальную добычу на берегу, куда сейчасъ же слетѣлись другія хищницы. Когда песъ возвратился—ѣсть ему оказалось нечего. Сѣлъ на заднія лапы—и давай самымъ жалобнымъ воемъ оглашать молчаливыя окрестности. Чтò бы—опять начать промыселъ. Нѣтъ! Сидитъ себѣ да воетъ, воетъ да повизгиваетъ, безпомощно обращая къ намъ свою кудлатую морду.

Рыбнымъ промысломъ занимаются и вороны. Только тѣ, какъ истинные мародеры, ожидаютъ, когда волны выбросятъ на отмель мелкую воблу или бѣшенку. Обсохнетъ она — карги тутъ какъ тутъ!.. И дешево, и сердито!.. Впрочемъ. и здѣсь песъ является конкуррентомъ. Чуть налетятъ вороны—собака бросается въ кучу ихъ, отгоняетъ этихъ астраханскихъ соловьевъ и завладѣваетъ полемъ битвы—съ военною добычей включительно.

Отсюда я ѣздилъ въ калмыцкіе монастыри на Каспіѣ—но книга моя и безъ того уже вышла изъ опредѣленнаго размѣра. Боюсь — наскучить читателю. Да сверхъ того эти обители уже не въ районѣ Волги. Когда-нибудь въ другомъ мѣстѣ — я возвращусь къ гостепріимному старику—бакши Баалдыру, въ кибиткѣ котораго я провелъ такіе пріятные часы.

Также покойно было сверкающее голубыми искрами море, когда мы оставляли спаленную солнцемъ Бирючью косу — эту обѣтованную землю ужей и ящерицъ... Также заманчивы были лазуревыя дали, также безоблачны и знойны небеса... Полковникъ Эльфсбергъ любезно предоставилъ въ мое распоряженіе небольшой пароходъ «Поспѣшный», возвращавшійся въ Астрахань. На берегу собралось немногочисленное населеніе колоніи, жаль было прощаться съ этими добрыми и привѣтливыми людьми... Но вотъ — толпа на берегу, все скучивается и сливается... Все ниже и ниже кажется самая коса... Дома становища прячутся одни за другіе, сбѣгаются въ кучку... Наконецъ, и весь этотъ уголокъ кажется смутною черточкой и только холмы его чуть чуть намѣчиваются на горизонтѣ. Точно тамъ густятся какія-то тучки...

Ночь, слѣдовавшая за этимъ днемъ, была невыносимо знойна. Мошки — тучами стояли въ воздухѣ. Съ нами не было—ни единой представительницы прекраснаго пола (о, какое это великое удобство въ дорогѣ!) и я попросту устроилъ на палубѣ пологъ — бросилъ подъ него тюфякъ—раздѣлся и, въ костюмѣ нашихъ прародителей, только безъ фиговаго листка—пробовалъ заснуть. Рядомъ пыхтѣла труба —за пологомъ звенѣли мошки. На минуту мелькнуло съ берега какое-то зарево--камышъ горѣлъ—и скоро все это точно отошло назадъ — и хорошо спалось мнѣ въ сумеркахъ каспійской ночи...

А мѣсяцъ раскидывалъ свои серебрянныя сѣти на недвижныя воды... Тихо плескалась шаловливая рыба въ этомъ ласковомъ сіяньи и робко мигали огоньки костровъ, разложенныхъ ловцами по безлюдному берегу...

* * *

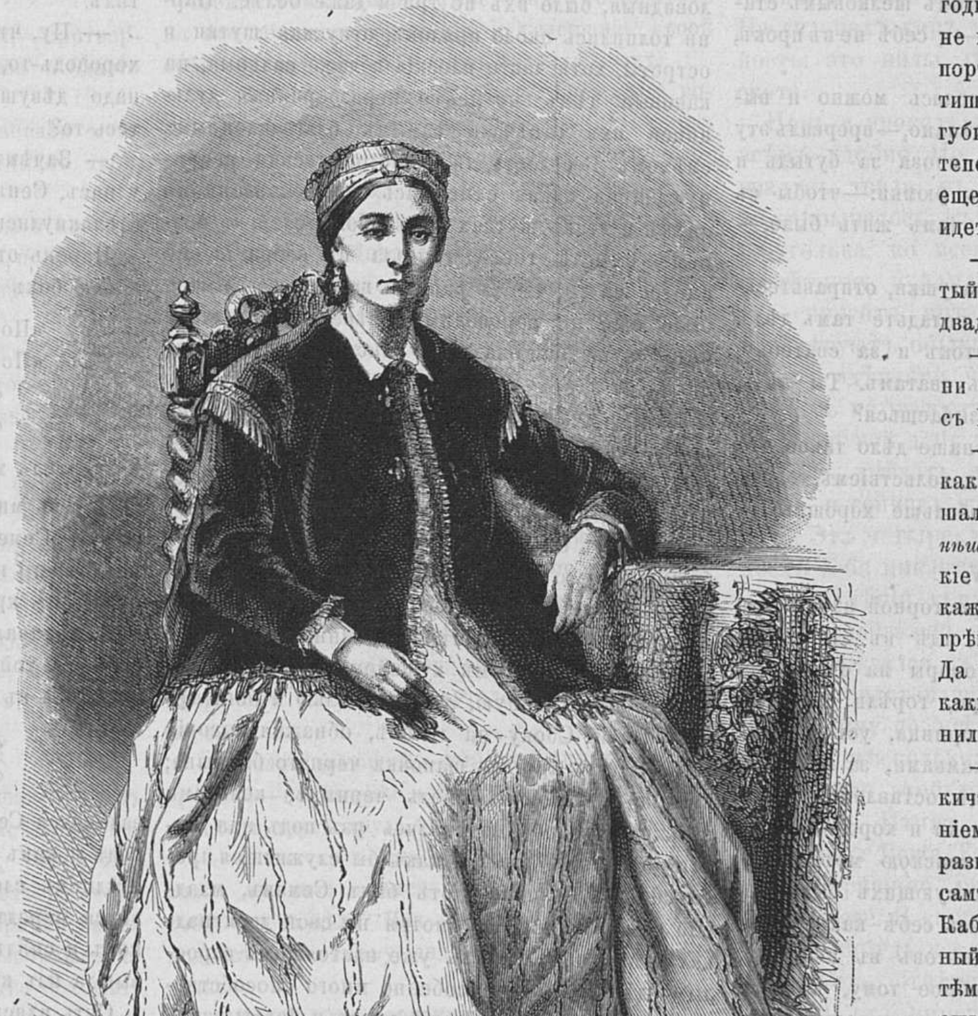
Доброволецъ.

Разсказъ изъ народнаго быта.)

(Б. Л. Я—вина.)

(*Продолженіе*).

Часа два продолжалось еще угощеніе. Наконецъ стало замѣтно вечерѣть, гости поднялись изъ-за стола, внимая ласковому «не осудите» и, поблагодаривъ хозяевъ одинъ за другимъ, чинно, кто на сколько могъ это сдѣлать подъ вліяніемъ результата хозяйскаго гостепріимства, начали прощаться и уходить изъ избы. Въ горенкѣ остались изъ гостей только староста, послѣ всѣхъ пришедшій сватъ Лукича, да еще тотъ самый крестьянинъ, который передъ его приходомъ долго добраться не могъ до смысла исторіи о продажѣ лошади.



Болгарская дама изъ высшаго круга.

Къ статьѣ «*Между Болгарами*».

— Ну, теперь, братцы,—обратился къ нимъ Лукичъ, затворяя дверь за послѣднимъ гостемъ, —можно поговорить и на чистую, напрямки слово молвить. Дарья, ступай, садись и ты, можетъ какое умное слово намъ скажешь,—крикнулъ онъ старуху, по обыкновенію возившуюся въ коморкѣ съ ребенкомъ.

— Помнишь, сватъ, что я говорилъ у тебя по осени?—спросилъ онъ Степана.

— Это насчетъ Семеновой-то женитьбы?

— Да; я и вправду задумалъ нонѣ женить его. Что ты скажешь на это?

— Скажу, если позволишь, то же, что сказалъ и тогда,—что парня женить еще не слѣдъ.—отрѣзалъ Степанъ. Сидѣвшій по сосѣдству староста злобно посмотрѣлъ на говорившаго.

— Такъ что же въ рекруты его по доброй волѣ отдать, чтоль, потвоему?—огрызнулся онъ на мужика,—что же дѣлать съ нимъ, когда онъ по сотнѣ цѣлковыхъ прогуливаетъ и отъ этого семью разоряетъ! Ну, оставь его холостымъ и иди отецъ и мать пòміру, такъ чтоли?!

— Ты постой, Иванъ Ѳедорычъ, не горячись—я вѣдь знаю все и несупротивъ тебя иду,—спокойно возразилъ тотъ,—мнѣ все одно—на твоей ли дочери будутъ женить Семена, иль другую дѣвку найдутъ, я одно завсегда скажу, что молодца женить еще не годится, потому, этимъ дѣла не поправишь, а совсѣмъ испортишь — какъ разъ испортишь, да и его ни за чтò загубишь... ладно ли это—женить теперь мальчишку; вѣдь ему еще всего двадцатый годъ идетъ!

— Такъ чтожь, что двадцатый — будетъ когда нибудь и двадцать пятый...

— Ну, тогда я и нескажу ни слова, тогда и пусть идетъ съ Богомъ подъ вѣнецъ.

— Да ты, просто, ума никакъ рехнулся, сватъ, — вмѣшался въ споръ хозяинъ, — *нѣшто* пе женили насъ въ такіе же годы, а вотъ живемъ, кажись, со своими хозяйками, грѣхъ молвить — чтобы худо. Да тебя самого, вспомни-ка, какимъ еще подросткомъ оженилъ твой покойный батька...

— То-то вотъ и есть, Лукичъ,—протяжно и съ удареніемъ на каждомъ словѣ возразилъ ему Степанъ,—что я самъ отвѣдалъ этого горя-то! Кабы не батька-то мой, покойный, царство ему небесное, не тѣмъ будь помянутъ,—я знаешь какъ, можетъ, жилъ-бы!! А теперь, ну-ка, скажи, нѣшто ладно я живу? А все что? Да то же, что и съ Семеномъ твоимъ можетъ случиться.

Лукичъ замолчалъ. Все село знало, что Степанъ, женившійся въ ранней молодости противъ собственнаго желанія, жилъ и по настоящее время не въ ладахъ со своей женою.

— Твое дѣло другое, Степанъ Иванычъ,—проговорилъ доселѣ молчавшій третій крестьянинъ,—твоя хозяйка не люба̀ тебѣ была, да, если правду молвить, и полюбиться-то не могла, а тутъ-то что? Дѣвушку мы Семену сосватаемъ хорошую, работящую, такъ дастъ Богъ—и полюбится!

— Впрочемъ, какъ хотите, братцы, мое дѣло маленькое,—уступилъ сватъ;—про то Ильѣ Лукичу знать да вѣдать, какъ лучше... А вотъ еще, что скажетъ Дарья Никоновна? Старуха въ это время утирала катившіяся по щекамъ слезы.

— Ну, разрюмилась,—строго прикрикнулъ на неё Лукичъ—говори же: любо ли тебѣ женить Сеньку, или нѣтъ. Да что тутъ,—спохватился онъ,—спрашивать бабу: у бабъ, вѣстимо, одни только слезы, да хныканья! Будто они что смѣкаютъ въ этомъ?

— Молоденекъ бы еще,—всхлипнула было она.

— Чего молоденекъ,—перебилъ мужъ,—вотъ сыграемъ свадьбу, такъ молодому-то еще лучше будетъ: мнѣ же съ тобой, дура, спасибо скажетъ, —уже веселымъ тономъ добавилъ онъ.

— Ну, такъ по рукахъ что ли еще разъ, Иванъ Ѳедорычъ? Тогда давайте молиться Богу.

Старики подали другъ другу руки, предварительно обернутыя *въ полу собственнаго кафтана* *), сваты розняли ихъ и всѣ крестясь остановились предъ иконами. Дарья упала на колѣни и неудержимо зарыдала.

— Полно, кума, Богъ съ тобой,—вѣдь не въ землю зарываемъ твоего Семена, — поднимая утѣшалъ её староста,—вѣдь надо же когда нибудь все одно остепенить его, а чѣмъ скорѣе, тѣмъ и лучше. Погляди, какимъ шелковымъ станетъ онъ теперь, а то что:—и себѣ не въ прокъ, и людямъ на горе...

— Теперь, братцы, помолясь можно и выпить—дѣло, кажись, ужъ сдѣлано,—прервалъ эту сцену Лукичъ, принимаясь снова за бутыль и наливая до самыхъ краевъ рюмки:—чтобы съ Сенькиной сватьбы полно̀ намъ жить было,— пояснилъ онъ послѣднее.

— Такъ на денькахъ, сватушки, отправьтеська вы къ старостѣ, да и поладьте тамъ дѣло, какъ слѣдуетъ, а послѣ святокъ и за сватебку, —обратился онъ къ обоимъ сватамъ. Ты вѣдь, Степанъ Иванычъ, не отказываешься?

— Чего отказываться,—наше дѣло такое, что завсегда можно съ моимъ удовольствіемъ, только бы далъ Богъ парню-то побольше хорошаго,— отвѣтилъ Степанъ.

Глава V.

Святочный вечеръ. Въ просторной избѣ почти напротивъ Лукичева дома, гдѣ въ это время происходили описанные сговоры на счетъ Семена и старостиной дочери, горѣли многочисленные огни. Обширная горница, уставленная по всѣмъ направленіямъ скамьями, за исключеніемъ лишь ея средины, гдѣ оставлено пустое мѣсто, назна̀ченное для пляски и хоровода, была сплошь наполнена деревенскою молодежью. Пестрота нарядовъ присутствующихъ была необычайная: трудно вообразить себѣ какое либо смѣшеніе всевозможныхъ цвѣтовъ въ костюмѣ, хоть сколько нибудь подобное тому, которое отличаетъ праздничный нарядъ нашихъ русскихъ простолюдиновъ. Были тутъ и красные штофные сарафаны съ бѣлыми, желтыми, голубыми, зелеными и даже черными передниками и непремѣнно противоположныхъ имъ цвѣтовъ платки на груди и головѣ ихъ владѣтельницъ, были простые кумачные, шерстяные и ситцевые, прихотливо изукрашенные вычурными узорами на подобіе обой, различныя кофты, шугаи и косынки, начиная отъ алыхъ и кончая тоже черными. А сколько еще иллюминаціи было въ мелкихъ деталяхъ этихъ замысловатыхъ костюмовъ! Кажется, цѣлая суровская лавка двигалась здѣсь въ образѣ всей массы лентъ и ленточекъ, бантиковъ, бусъ, тесемокъ и поясковъ, право, человѣку, незнакомому съ бытомъ и вкусами крестьянъ, на первый разъ не грѣшно было бы подумать, что всѣ эти изумительные контрасты цвѣтовъ и красокъ съ цѣлью придуманы находящеюся здѣсь молодежью исключительно для потѣхи и забавы зрителей. Костюмы мужчинъ мало отличались въ послѣднемъ отношеніи отъ костюмовъ представительницъ прекраснаго пола: та же, до крайности смѣшная, смѣсь красокъ и узоровъ ихъ рубашекъ, жилетовъ и панталонъ, не хватало для полнаго соотвѣтствія развѣ только бантиковъ, да ленточекъ, отсутствіе которыхъ, правда, весьма удовлетворительно восполнялось пучками перьевъ, по большей части пѣтушьихъ или гусиныхъ, горделиво развѣвавшихся на бокахъ ихъ круглыхъ шапочекъ. Вся эта масса молодыхъ людей, человѣкъ сорокъ, безпорядочно тѣснилась и толкалась теперь по маловмѣстительной сравнительно съ ихъ количествомъ горницѣ. Жара и духота естественно была невыносимая.

Дѣвушки по обыкновенію сидѣли на скамьяхъ за своими прялками *), уставленными свѣчами въ разныхъ количествахъ, смотря по физическимъ достоинствамъ и благосклонности къ обладательницѣ каждой, тратившихся на это кавалеровъ: у нѣкоторыхъ, за коими сидѣли самыя миловидныя, было ихъ по̀ три и даже болѣе. Парни толпились около прялокъ, отпуская шутки и остроты, хотя часто плоскія и даже сальныя, на каковыя тѣмъ не менѣе неразборчивыя дульцинеи ихъ отвѣчали самымъ благосклоннымъ смѣхомъ. Веселость, та и чисто русская непринужденная, какая слышалась въ ихъ звонкомъ смѣхѣ и этихъ шуткахъ ихъ обожателей, въ полномъ смыслѣ господствовала въ собраніи, не смотря на то, что за раннею порою не слышно было еще ни хороводныхъ пѣсенъ, ни пляски подъ звуки національнаго инструмента гармоники.

Между мужчинами особенно рѣзко отдѣлялся отъ толпы одинъ какъ по своему богатому щегольскому наряду, такъ по молодцоватому виду и умному, нѣсколько насмѣшливому, и красивому лицу. Одѣтъ онъ былъ въ шелковую голубую рубашку, шитую бѣлымъ, черные плисовые панталоны, запущенные въ высокіе, блестящіе сапоги, а поверхъ всего—легкая суконная курточка, опоясанная краснымъ кушакомъ, ловко обхватывала его стройную, тонкую талью и богатырскіе плечи. Сбоку на головѣ, обнажая высокій лобъ, сидѣла круглая шапочка чернаго барашка; густыя пряди, какъ смоль черныхъ, кольцами вьющихся волосъ, опускались изъ подъ нея почти до самыхъ плечъ и какъ бы служили ея продолженіемъ. Парень этотъ былъ Семенъ, младшій сынъ Лукича. Не смотря на свои девятнадцать лѣтъ, онъ глядѣлъ уже настоящимъ взрослымъ дѣтиной, чему особенно много способствовалъ его высокій отцовскій ростъ и богатырское тѣлосложеніе. Между молодежью онъ слылъ за коновода во всѣхъ играхъ и забавахъ и былъ первымъ запѣвалой.

— А что, соколики,—крикнулъ онъ чистымъ и звонкимъ голосомъ, ловко повернувшись на каблукахъ по срединѣ избы,—не пора ли хороводъ начинать, красныхъ дѣвокъ потѣшать? Становись, ребята, вкругъ—выбирай себѣ подругъ! Гей! Разъ, два—валяй,—скомандовалъ онъ, молодецки махнувъ барашковой шапкой.

— Постой, Семенъ, такъ нельзя, надо пѣсню сначала начать, а потомъ хороводъ,—перебилъ низенькій и худенькій парень въ кумачной рубахѣ и цвѣтномъ жилетѣ,—чтожь «сѣни» чтоли зачнемъ?

— Валяй, братцы, «сѣни,—согласилось нѣсколько голосовъ,—мы подхватимъ!

Парень въ цвѣтномъ жилетѣ подперъ щеку рукою и запѣлъ сиплымъ голосомъ:

«Охъ вы сѣни мои, сѣни...»

но на первыхъ же словахъ пѣсни оборвался и замолкъ. Раздался общій взрывъ хохота.

— Ахъ, ты, ворона этакая, туда же пѣсни запѣвать берется, — послышалось сквозь смѣхъ чье-то замѣчаніе,—поди промой глотку-то сначала, а потомъ ужъ и запѣвай! чай всякаго мусора оттуда на телѣгѣ надо вывозить?!—Какой тамъ мусоръ,—это у него въ горлѣ лягушки квакаютъ,—поправилъ кто-то изъ толпы.

Хохотъ еще болѣе усилился. Дѣвушки хихикали, изъ стыдливости уткнувшись въ платки.

— Чего глотки-то дерете, огрызнулся на толпу сконфуженный парень,—я запѣвать не берусь, а только такъ, значитъ, чтобы духу вамъ, олухамъ, побольше поддать...

— Что намъ поддавать:—смотри, чтобы у самаго-то послѣдній не выскочилъ—какъ разъ отъ натуги лопнешь!

Намекъ былъ очень удачный: бѣдный запѣвало былъ плюгавый и щедушный, что называется —веретномъ тряхнуть, мужиченка. Онъ только покосился на говорившаго и ничего не отвѣтилъ.

— Ну, что же, молодчики, будетъ, аль нѣтъ хороводъ-то,—снова раздался голосъ Семена— надо дѣвушекъ веселить: что же вы срамитесь-то?!

— Зачѣмъ срамиться, развѣ ты не молодецъ у насъ, Сеня! Запѣвай—«по улицѣ мостовой»— откликнулись на приглашеніе товарищи.

Парень откинулъ кудри назадъ, подперся рукою о бокъ и звучно затянулъ:

«По улицѣ мостовой»,
«По широкой столбовой...»
«Шла дѣвица за водой,»
«За холодной ключевой...»

подхватилъ хоръ мужчинъ и дѣвушекъ.

Черезъ минуту образовался кругъ и пошла пляска. Семенъ, какъ запѣвало, остался въ срединѣ его и долженъ былъ начать танецъ, выбравъ изъ круга дѣвушку. Приглашеніе на танецъ означалось обыкновенно поклономъ, отдаваемымъ той, на которую падалъ выборъ находящагося въ кругѣ парня.

«За холодной ключевой»
«За ней парень молодой...»

заливался Семенъ, мелкой дробью обходя хороводъ и какъ будто выбирая дѣвушку. При послѣднихъ словахъ куплета онъ вдругъ остановился передъ вдовой, ловко пристукнулъ каблукомъ и снялъ шапку. Марья опустила глаза и вышла изъ круга.

Суть пляски заключалась въ томъ, что мужчина, находившійся въ кругѣ, во что бы то ни стало, но въ тактъ пѣснѣ, старался заглянуть и сорвать поцѣлуй съ лица дѣвушки, которая со своей стороны всячески скрывала его и увертывалась. Приэтомъ, конечно, со стороны составлявшихъ кругъ щедро раздавались похвалы, если парень оказывался ловкимъ и скоро ловилъ свою дѣвушку, въ противномъ случаѣ, если дѣвушка упорно не поддавалась стараніямъ своего кавалера—слышались смѣхъ и веселыя шутки надъ неудачами послѣдняго. Танецъ этотъ слылъ и слыветъ по сію пору любимымъ въ средѣ простолюдиновъ.

Семенъ былъ парень ловкій и, что называется, мастеръ на всѣ руки, особенно же на пляски и пѣсни. Любо было посмотрѣть на него въ это время, когда онъ «колесомъ» ходилъ въ срединѣ хоровода, преслѣдуя свою пару и выдѣлывая приэтомъ разнообразныя «колѣна» и самые неожиданные и быстрые повороты. То стремительно, соображаясь со словами пѣсни, слѣдовалъ онъ за нею по пятамъ, то останавливался и вдругъ, повернувшись на носкахъ, старался стать на ея пути, то шелъ бокомъ или отходилъ совсѣмъ въ сторону, выжидая удобнаго момента для новаго нападенія, и все это такъ красиво и не безъ граціи, словомъ, ловкостію и умѣньемъ плясать онъ постоянно приводилъ въ восторгъ и удивленіе менѣе его умѣлыхъ въ этомъ отношеніи зрителей. Но и Марья тоже знала свое дѣло туго и во всякое время могла состязатся съ любою изъ изъ своихъ подругъ въ искусствѣ отплясывать русскіе танцы. Другому парню она и неподдалась бы ни за что или, по крайней мѣрѣ, ужъ очень долго, а тутъ возможно ли, когда ей самой невтерпежъ хотѣлось взглянуть въ раскраснѣвшееся красивое лицо своего друга и получить желанный отъ него поцѣлуй? Походивъ немного и затѣмъ, при одномъ ловкомъ маневрѣ Семена, сдѣлавъ видъ, будто оплошала, она повернулась къ нему и подставила свое. Раздался звонкій и нѣжный поцѣлуй.

---

*) Этотъ обычай основанъ на убѣжденіи, что люди, взявшіеся за руки, обернутыя въ полы кафтановъ, при всякой сдѣлкѣ, исполнятъ свои обѣщанія и во всякомъ случаѣ останутся довольны другъ другомъ.

*) Обычай сидѣть на вечеринкахъ за прялками, хотя бы конечно только для виду, у русскихъ дѣвушекъ можно назвать повсемѣстнымъ.

— Вотъ это ловко, ай-да Сеня,—послышались со всѣхъ сторонъ голоса парней;—важно онъ тебя, Маша, чмокнулъ! А ну-ка, еще!

Сынъ Лукича приготовился повторить и схватилъ вдову за руку.

— Полно, Семенъ Ильичъ, что ты,—притворно отбивалась та, — будетъ съ тебя и одного раза!

— Нѣтъ, нѣтъ, надо еще,—настаивали мужчины—это за то, что онъ скоро поймалъ тебя; тебя вѣдь не шутка изловить!...

Парень притянулъ къ себѣ Марью и поцѣловалъ, но, воспользовавшись случаемъ, поцѣловалъ не одинъ, а два раза. Дѣвушки съ завистью посмотрѣли на свою подругу.

— У, озорникъ какой,—покраснѣвъ проговорила та и вырвавшись отошла въ сторону.

— Кто смѣлъ, тотъ не одинъ, а два съѣлъ,—проговорилъ ей кто-то вслѣдъ.

— Да какъ же не поцѣловать-то тебя вмѣсто одного два раза,—усаживаясь около Марьи, сказалъ ей Семенъ:—вѣдь этакой крали, какъ ты—во всемъ околодкѣ и днемъ съ огнемъ не найдти... Хоть бѣ двадцать два...

— Можно, да не теперь,—ущипнувъ за руку, шепотомъ перебила она—ты видѣлъ, какъ старостина Катерина поглядѣла на насъ?

— А мнѣ что за нужда до этого, пусть любуется...

Въ это время въ сѣняхъ послышался стукъ людскихъ шаговъ и въ избу ввалилась толпа наряженныхъ, въ самыхъ смѣшныхъ, уморительныхъ костюмахъ. Впереди всѣхъ шелъ мужчина съ палкою, въ армякѣ, надѣтомъ нарочно на изнанку, и на веревкѣ велъ другого, изображавшаго собою медвѣдя, по шерсти скорѣе похожаго на овцу, чѣмъ на это свирѣпое животное; на медвѣдѣ верхомъ сидѣлъ мальчишка въ лохмотьяхъ. За ними шло какое-то пугало, со всѣхъ сторонъ обвязанное пучками соломы и съ бычачьими рогами, придѣланными къ высокой шапкѣ, затѣмъ старуха съ огромнымъ горбомъ на спинѣ и клюкою въ рукѣ, далѣе гигантъ въ какомъ-то длинномъ, предлинномъ балахонѣ и послушничьей шапочкѣ, вѣроятно изображавшій собою попа, и сзади всѣхъ человѣкъ, державшій въ рукахъ живого поросенка. Лица пришедшихъ покрывались платками.

— Ряженые, ряженые,—обрадовалась появленію этихъ чудаковъ веселившаяся молодежь и, мигомъ прекративъ продолжавшійся хороводъ, обступила прибывшихъ. Началась потѣха.

— А ну-ка, Михайло Иванычъ,—подымая палку и обращаясь къ мнимому медвѣдю, густымъ басомъ проговорилъ вожакъ,—покажи, какъ малые ребята въ огородахъ горохъ воруютъ!

Овчина сбросила съ себя сидѣвшаго на спинѣ мальчишка и начала продѣлывать, подражая ученымъ медвѣдямъ, всѣмъ извѣстныя при подобныхъ случаяхъ уловки ребятишекъ.

— А покажи-ка намъ, какъ красныя дѣвушки въ зеркальцо смотрятся,—продолжалъ вожакъ.

Мнимый медвѣдь поднялся на ноги, сдѣлалъ пригоршню, причемъ обнаружились грубыя, почернѣвшія отъ копоти и дыма, руки, и самодовольно началъ поводить обернутой въ овчину головой. Толпа молодыхъ людей хохотала и поджимала животы, глядя на забавныя продѣлки шутника.

— А какъ красныя дѣвицы изъ-за занавѣсокъ выглядываютъ, покажи-ка, Михайло Иванычъ?

Овчинный тулупъ вопросительно обернулся въ сторону вожака. Должно быть подобный вопросъ не входилъ въ его медвѣжью роль и онъ находился теперь въ затрудненіи. Вожакъ снова повторилъ свой вопросъ.

— У-уррру, заворчало подъ овчиной и при этомъ то мѣсто, гдѣ должна была быть голова, закачалось отрицательно.

— Ишь ты, кузнецъ-то и по медвѣжьи ворчать еще умѣетъ,—подшутилъ какой-то парень, признавшій по рукамъ деревенскаго кузнеца.

Между тѣмъ товарищъ послѣдняго не обратилъ на это никакого вниманія и, увлекшись своей собственной ролью, высоко поднялъ палку.

— Ну,—крикнулъ онъ, какъ настоящіе вожаки, и сильно дернулъ веревку. Медвѣдь снова еще громче заворчалъ. Вожакъ окончательно вошелъ въ свою роль: поднятая палка, вѣроятно, для большаго эффекта тяжело опустилась на спину мнимаго Михайлы Иваныча.

— Такъ ты чтоже, чертова твоя образина, драться чтоль лѣзешь, уже далеко не медвѣжьимъ голосомъ, и сбрасывая съ себя тулупъ, заревѣлъ кузнецъ и далъ звонкую оплеуху товарищу. Тотъ сначала изумился этой выходкѣ и съ минуту простоялъ въ нерѣшимости, но потомъ въ свою очередь, какъ звѣрь, бросился на противника. Началась потасовка. Дѣвушки боязливо прижались въ уголъ, а мужчины столпились около двухъ борцевъ и принялись усердно хохотать.

— А что, братцы, никакъ у нихъ тутъ добра не будетъ,—сказалъ Семенъ, въ числѣ послѣднихъ также наблюдавшій эту сцену,—надо рознять ихъ, и онъ въ минуту очутился между дерущимися.

— Полно дядюшка,—унималъ онъ то того, то другого,—никакъ вы и впрямь не на шутку поколотить другъ друга хотите...

— А ты тутъ кто такой, съ азартомъ бросился на него кузнецъ, оставляя товарища,—тебѣ что за дѣло? Или того же хочешь, и онъ поднесъ къ самому лицу Семена здоровенный кулакъ.

— Кто я,—не моргнувъ и бровью, переспросилъ парень,—я и всѣ мы—здѣсь хозяева, а коли не вѣришь, да добрыхъ рѣчей не хочешь слушать,—съ вашимъ братомъ вѣдь можно и посвойски расправиться!

Схватить за шиворотъ, буяна, повернуть его лицемъ къ двери и дать хорошаго въ затылокъ толчка, отъ котораго тотъ полетѣлъ черезъ всѣ сѣни, для ловкаго и сильнаго Семена было дѣломъ одной минуты. Кузнеца точно не бывало въ избѣ. Сообразивъ, что имѣетъ теперь дѣло съ далеко не съ равнымъ противникомъ, онъ не попытался даже вернуться назадъ, а ограничился только бранью и угрозами.

Между тѣмъ общее веселье, нарушенное этою сценою, снова возвратилось послѣ того, какъ молодежь, вдоволь насмѣявшись и натѣшившись шуткамъ и кривляньямъ оставшихся наряженныхъ, по прежнему принялась за пѣсни и пляски. Явились гармоника и двѣ или три балалайки, дружно грянули онѣ «камаринскаго», снова зазвучалъ чистый и пріятный голосъ браваго дѣтины въ голубой рубахѣ съ бѣлымъ шитьемъ и пошла ходить подъ ихъ звуки могучая русская удаль разгулявшейся молодости, такъ что пыль стала коромысломъ. Долго, почти до полночи, продолжали горѣть на прялкахъ огни и при свѣтѣ ихъ до изнеможенія силъ веселились и потѣшались парни и дѣвушки, пока наконецъ усталыя ноги настоятельно не потребовали отдохновенія. Кто-то крикнулъ: пора, братцы, по домамъ,—и все сборище веселившихся, похватавъ одежду и прялки, гурьбою повалило вонъ изъ избы: точно будто всѣ они только и ждали этого сигнала, чтобы разойдтись. Въ числѣ послѣднихъ вышелъ и Семенъ и тихо поплелся вдоль села.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Между Болгарами.

Изъ путешествія Вильгельма Лежана.

(*Продолженіе.*)

Положеніе Печенаго Брода восхитительно. Искерецъ, притокъ Искера, стремится сюда съ высокихъ черныхъ горъ, пересѣкаетъ дорогу и изливается въ бассейнъ, напомнившій мнѣ прекрасныя абисинскія colle! На склонахъ горъ вездѣ богатая растительность: это яйлы, лѣтнія пастбища овецъ и скота.

Ночь я провелъ въ караванъ-сараѣ не совсѣмъ удобно. По термометру былъ только градусъ тепла, въ избѣ одно окно никакъ не закрывалось, въ печкѣ не было ни одного уголька; ко всему этому я былъ одѣтъ по-лѣтнему, а Аандзи мнѣ не далъ постели. Вы спросите, читатель, почему? Турки путешествуютъ обыкновенно съ своими перинами и одѣялами, что̀ хорошо только тѣмъ, что ихъ не кусаютъ чужія насѣкомыя.

На другой день я прибылъ въ Сербію, но рѣшивъ доѣхать до Тракіи, не оставался здѣсь, и сейчасъ же выѣхалъ въ Филиппополь. Эта четырехдневная ѣзда не оставила послѣ себя никакихъ особыхъ воспоминаній и впечатлѣніи, кромѣ двухъ или трехъ красивыхъ пейзажей, изъ которыхъ одинъ, особенно, врѣзался въ моей памяти. Пейзажикъ этотъ представляетъ небольшую живописную долину по обѣимъ сторонамъ рѣки Габры, въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отъ Софіи. Около этой долины лежитъ небольшой городокъ, Итима, за которымъ я нашелъ развалины Porta Trojana, въ настоящее время совершенно разрушенныя при устройствѣ шоссе. Я спросилъ, нѣтъ ли гдѣ нибудь какого нибудь камня съ надписью.

— Есть, отвѣтилъ мой провожатый, но надпись эта ничего не стоитъ, потому что написана ни по-турецки, ни по-болгарски.

— Не стоила бы ничего, если бы написана была по-турецки или по-болгарски, а теперь веди меня къ ней, сказалъ я проводнику.

И въ самомъ дѣлѣ, я увидѣлъ греческую надпись, но такъ неразборчивую, что не было никакой возможности добиться даже смысла. Откуда происходитъ названіе Porta Trajana, не знаю. Болгары просто называютъ эти развалины «Старыми Воротами».

Вблизи этихъ воротъ нѣкогда произошла стычка византійскихъ войскъ съ нѣмецкими рыцарями императора Барберуссы. Извѣстно, что византійцы, въ XII вѣкѣ, дѣлали крестоносцамъ болѣе зла, чѣмъ мусульмане, и взятіе въ 1204 г. Византіи французами было только мщеніемъ. По словамъ Марсигли, эти ворота окружались пятью зàмками, изъ которыхъ я отыскалъ только три. Дорога тянется по холмистой окрестности, за Вѣтриной, становящейся ровною долиною, перерѣзанною древнимъ Гебромъ. Его новое славянское названіе Марица, а турки зовутъ Мериди-су. Въѣзжая въ равнину, я оставилъ на лѣво высокія скалы, Рыло, откуда берутъ начало три или четыре рѣки, въ числѣ которыхъ Марица и Искеръ. Объ этихъ двухъ рѣкахъ существуетъ интересная легенда еще со временъ языческой Болгаріи.

Искеръ и Марица были братъ и сестра и очень любили гулять по вершинамъ Рыло. Однажды Марица, очарованная восхитительнымъ видомъ долины, распростиравшейся у ея ногъ, обратилась къ брату: — Слушай, братецъ, я какъ то слыхала, что съ этой стороны лежитъ море, которое я страстно желаю видѣть; я сойду съ горы и пойду, пойду въ ту сторону, пока не увижу моря. Опечаленный такимъ намѣреніемъ Искеръ, всячески старался отговорить сестру, но, видя, что ничто ее не можетъ поколебать, въ отчаяніи сказалъ: — Хочешь меня оставить, чтобы увидѣть Бѣлое (Эгейское) море, но если такъ, то и я здѣсь не останусь, я тоже отправлюсь съ тобою, но море увижу раньше, потому что побѣгу къ югу и догоню быстрый Дунай.

Вотъ почему Искеръ и Марица текутъ въ противоположныя стороны.

Ночевалъ я въ Татаръ-Базардерикѣ, построенномъ на мѣстѣ древне-римскаго города, возбуждающаго печальныя воспоминанія.

Извѣстно, что послѣ Лепантской битвы, когда Европа побѣдила Турцію, султаны ежегодно устраивали опустошительные набѣги на юго-западныя земли славянъ, венгровъ и нѣмцевъ. Одинъ изъ такихъ набѣговъ доставилъ имъ 200,000 невольниковъ, и Татаръ-Базардерикъ былъ главнѣйшимъ рынкомъ сбыта невольниковъ на цѣломъ востокѣ.

Тѣ европейскіе монархи, которые, для покоренія Германіи или личныхъ враговъ, содѣйствовали укрѣпленію въ Европѣ варварства, титулующагося Отоманскою имперіею, тяжело отвѣтятъ предъ судомъ исторіи.

Послѣ шестичасовой верховой ѣзды я прибылъ въ Филиппополь. Уже издали я вглядывался въ скалистое положеніе этого города, которое доставило древнее названіе Trimontium. Современное названіе, Филиппополь, происходитъ отъ имени отца Александра Великаго, устроившаго здѣсь исправительную колонію и названную имъ Poneropolis «городомъ негодѣяевъ». Ничего нѣтъ удивительнаго, что городъ постарался поскорѣе избавиться отъ такого позорнаго имени и присвоилъ себѣ названіе Филиппополь, передѣланное турками въ Филибе, а болгарами въ Пловдинъ.

Въ Пловдинѣ считается 45,000 жителей; построенъ вдоль Марицы и дѣлится на кварталы: Хиссаръ-Тапесси — турецкій, Марашъ — еврейскій, а въ серединѣ христіанскій.

Цѣлую недѣлю я провелъ въ изслѣдованіяхъ интересной окрестности Пловдина, послѣ чего двинулся въ Софію. Изъ Итамана боковая дорога ведетъ въ Самаковъ, городъ мануфактурный и замѣчательный своими кузницами, расположенными вдоль Искера. Въ этомъ городѣ, гдѣ я пробылъ дня три или четыре, мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ факта, изъ котораго я вынесъ грустное понятіе о нравственности болгарскихъ мѣщанъ.

Въ Самаковѣ было какое-то общество, какой-то клубъ, въ которомъ участвовали сыновья Чарбадзи, то-есть, болгарскихъ старшинъ, въ родѣ парижскихъ petits-crevés, только безъ всякаго образованія. Эксцентричныя выходки этой молодежи доставляли всему городу пищу для сплетней, а иногда наводили даже страхъ на весь городъ. Ихъ единовѣрцы, а даже и мѣстные мусульмане, терпѣливо переносили всѣ капризы золотой молодежи, которая еще болѣе разсердилась на какого-то болгарина цирулика, который не обращалъ на ея вниманія; онъ долго жилъ въ Сербіи и привыкъ къ обычаямъ свободной страны. Что же дѣлаютъ съ нимъ самаковскіе пострѣлы? Приглашаютъ его принять участіе въ какой-то игрѣ, спаиваютъ, раздѣваютъ, привязываютъ къ дереву и начинаютъ истязать самымъ жестокимъ образомъ. Оставивъ его на короткое время, рѣшаются снова вернуться и окончательно добить свою жертву, но одинъ молодой парень, бывшій свидѣтелемъ этого варварства, отвязалъ и еле живую жертву довелъ до дому. Послѣ этого цируликъ подалъ жалобу раймакону и послалъ за лекаремъ. Лекарь иностранецъ, родомъ полякъ, былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ чарбадзами и отказался подать помощь несчастному, развѣ только, если каймаканъ потребуетъ его оффиціально. Каймаканъ, очень порядочный человѣкъ, потребовалъ лекаря, который хотя и подалъ помощь, но отказался выдать свидѣтельство. Я отправлялся къ лекарю съ ходатайствомъ за цирулика, но этотъ бездушный человѣкъ сказалъ мнѣ, что ничего не сдѣлаетъ молодымъ чарбатзамъ, и никто ничего не можетъ имъ посовѣтовать, потому что, если бы имъ захотѣлось, то они могли бы выкинуть такую же шутку съ сыномъ самаго шейхъ-уль-ислама, и самъ каймаканъ дрожитъ передъ ними, зная, что они обладаютъ всемогущею силою — деньгами. Подобный отзывъ меня глубоко возмутилъ и я вышелъ, прервавъ съ нимъ сношенія. Вотъ какой будетъ первый результатъ эмансипаціи христіанъ въ Болгаріи, если не постараются зло предотвратить. Вмѣсто произвола турокъ, у которыхъ по большей части было достаточно чести, умѣренности и гуманности, образуется деспотизмъ болгарскихъ богачей, жадныхъ и немилосердыхъ къ своимъ бѣднымъ единовѣрцамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ раболѣпствующихъ предъ высшими мусульманскими властями. Развѣ для этого много молодыхъ патріотовъ легло подъ Сливой, Варбосой, Казанлыкомъ и т. д.?

Что касается до этого лекаря, не слѣдуетъ удивляться его потворству молодымъ баричамъ. Въ Турціи много лекарей (чекимъ баши), но между ними мало людей порядочныхъ. По большей части это или ослы, которые съ грѣхомъ пополамъ выдержали экзаменъ въ европейскихъ факультетахъ, или шарлатаны, учившіеся медицинѣ, чистя сапоги какому-нибудь путешествующему Дулькамарѣ. Они продаютъ специфическія средства, микстурки, опій, средства абортивныя, разнаго рода возбудительныя средства и вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ шпіонами пашей, отъ которыхъ получаютъ facultatem saiguandi, purgandi et empoisonandi, потому что свобода леченія въ Турціи самая обширная. Есть впрочемъ и въ Европѣ люди, желающіе ввести свободу леченія.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Новые типы.

«О, Русь! — это ты!»...

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мирные обыватели первопрестольнаго русскаго града — Москвы — были перепуганы и взолнованы слухами о народившемся въ нашемъ городѣ «Клубѣ Червонныхъ Валетовъ»... Про этотъ «Клубъ» стали ходить по Москвѣ самыя невѣроятныя и ужасающія извѣстія... Такъ, напр., одни утверждали, что члены клуба состоятъ изъ бѣжавшихъ изъ Сибири преступниковъ, что они грабятъ и рѣжутъ москвичей среди бѣлаго дня, что они опаиваютъ и обыгрываютъ новичковъ, преимущественно, провинціаловъ и, какъ невидимки, проникаютъ вездѣ и всюду. Другіе, напротивъ, говорили, что это, просто, «милые шалуны», промышляющіе исключительно «слабостью женскато пола:» то-есть, говоря проще, обирающіе женщинъ съ пыкимъ темпераментомъ и, притомъ, со средствами. Одна московская газета пробовала даже подозрѣвать въ этихъ «валетахъ» шайку коммунаровъ... Словомъ, объ этомъ «клубѣ» ходили по нашему замоскворѣчью и Вшивой Горкѣ такія легенды, что, наконецъ, прокурорскій надзоръ почтилъ «валетовъ» своимъ вниманіемъ. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что «валеты» стали, наконецъ, и вправду стрѣлять людей, какъ куропатокъ; такъ, членша клуба, Башкирова, застрѣлила нѣкоего надворнаго совѣтника Славышевскаго; затѣмъ, валеты «прекратили жизнь» богатаго купца Еремѣева... потомъ, принялись за фальшивые векселя, поддѣлку банковыхъ билетовъ, открытый грабежъ на бульварахъ — и прочая, и проч. И вотъ, слѣдователи стали собирать «валетовъ» въ одну колоду, помѣщать ихъ на казенную квартиру, съ готовымъ освѣщеніемъ и отопленіемъ — въ острогъ. Трудно было ихъ собрать!... Прошло много лѣтъ, пока ихъ собирали. А они, за это время, свободно совершали, сидя уже въ острогѣ, цѣлые десятки новыхъ преступленій. Утомились, наконецъ, собирать ихъ — и рѣшили: судить, пока, тѣхъ, что̀ были на-лицо. А ихъ было не мало: сорокъ-пять человѣкъ...

Такимъ образомъ, появилось на судѣ монстріальное «дѣло» — о «Клубѣ Червонныхъ Валетовъ». Кого-кого только нѣтъ между этими «валетами»: и князья, и княжны, и нотаріусы, и отставные офицеры, и ростовщики — словомъ, люди всѣхъ состояній, классовъ, половъ и національностей; еврейскій элементъ, конечно, преобладающій. Многихъ такъ-таки и не доискались (какъ, напр., Шпейера, Хватова и Мекленбурга), другіе умерли, третьи попали давно въ Сибирь — за другія свои добрыя дѣла. Въ числѣ подсудимыхъ оказались, наконецъ, дѣти очень богатыхъ людей, чуть ли не милліонеровъ — каковы, напр., Мазуринъ, Пѣговъ, Брюхатовъ; ихъ втянула въ клубъ нравственная распущенность, безпечность родителей о ихъ воспитаніи и, наконецъ, иногда, простое желаніе выкинуть какую-нибудь штуку «почуднѣй» и побезобразнѣй — въ родѣ похоронъ мнимаго покойника.

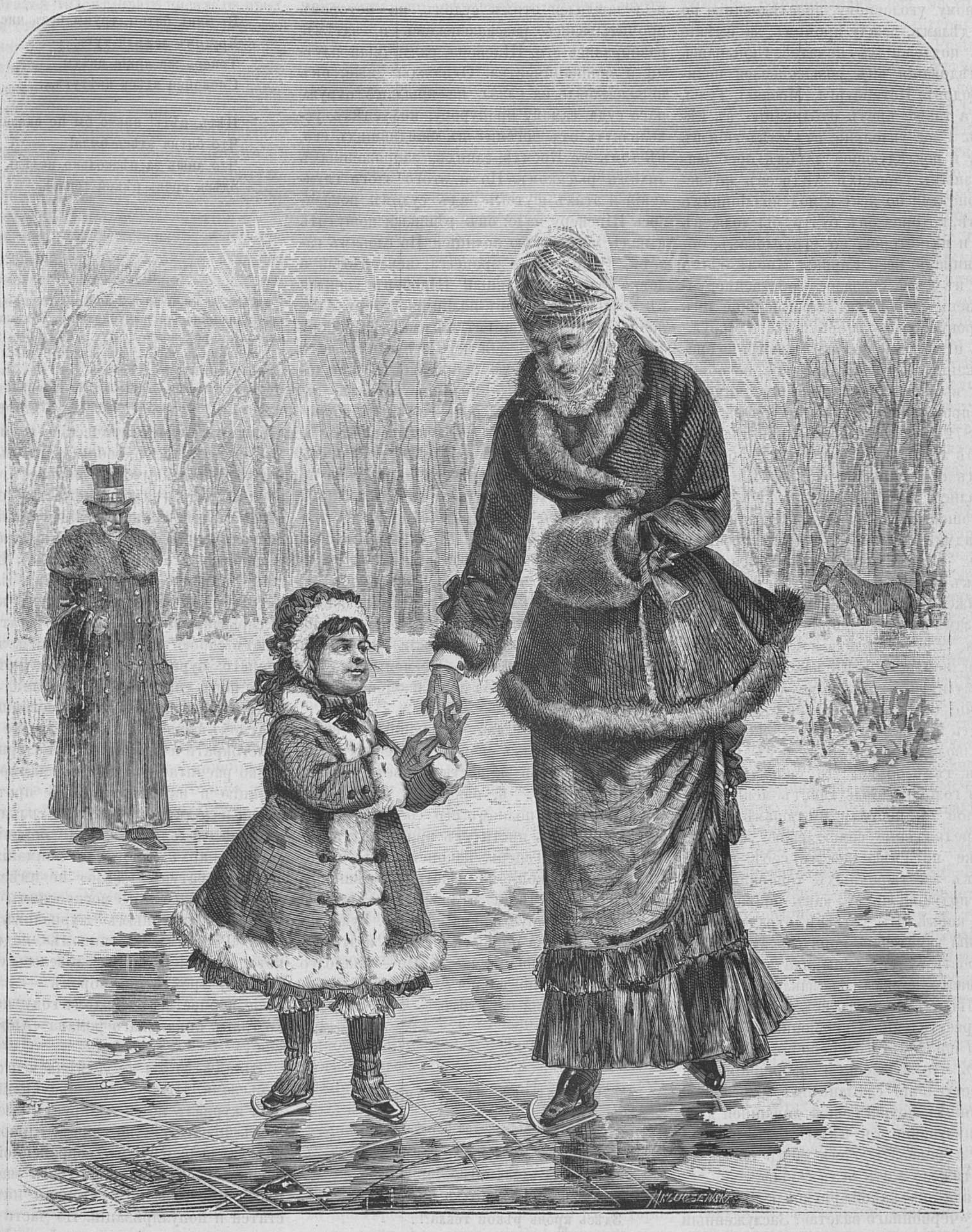
Въ то время, когда обвинительный актъ по дѣлу этихъ «валетовъ» былъ составленъ и уже ожидалось начало процесса, въ одной изъ иностранныхъ газетъ появилось нелѣпое извѣстіе объ этомъ «клубѣ»: сообщалось, что въ Москвѣ-же, въ сердцѣ Россіи, открытъ обширный политическій заговоръ, участіе въ которомъ принимали люди всѣхъ классовъ общества, основавшіе правильно организованный клубъ — «Червонныхъ Валетовъ»....

Нѣсколько дней тому назадъ, окончилось, наконецъ, это пресловутое дѣло шайки мошенниковъ, окрещенное иностранцами въ «политическій заговоръ»... «Червоннымъ Валетамъ» — главнымъ изъ нихъ — рѣшено нашить бубновые тузы на спину и отправить ихъ «въ мѣста, болѣе отдаленныя»; рука, наложенная ими на общество, сброшена — и наши москвичи, слѣдовательно, могутъ теперь опочить прежнимъ безмятежнымъ сномъ, — впредь до появленія новой подобной шайки.

Ознакомивъ, такимъ образомъ, нашихъ читателей съ общей конструкціей этого милаго «клуба» и съ его трагическимъ «закрытіемъ», мы находимъ не безъинтереснымъ остановиться на личностяхъ нѣкоторыхъ, болѣе выдающихся его членовъ. Какой живой и глубокій психическій интересъ представляютъ многіе изъ нихъ! какими странными и разнообразными приключеніями переполнена судьба нѣкоторыхъ подсудимыхъ — какъ, напримѣръ, бывшей любовницы Славышевскаго, Башкировой,—и, наконецъ, какія отталкивающія черты видны въ однихъ и какое глубокое соболѣзнованіе и, если хотите, сочувствіе вызываютъ другіе!...

Извѣстный нашъ старикъ г. Щедринъ назвалъ всѣхъ этихъ валетовъ «дѣтями Москвы». Это — полагаемъ — глубокая ошибка съ его стороны. Помилуйте! какія же это «дѣти»? и, наконецъ, почему они дѣти *Москвы?*... Нѣтъ, это *наши общія дѣти* — кость отъ костей нашихъ и плоть отъ плоти; они продуктъ современнаго общества: имъ они воспитаны, взлелѣяны и имъ же направлены въ жизнь; на судѣ они явились живыми выразителями тѣхъ идей и тѣхъ идеаловъ, которые установились въ самомъ обществѣ. Стремленіе къ легкой наживѣ, безъ разбора средствъ, и полное и глубокое отвращеніе къ серьезному, честному труду — вотъ, что мы замѣчаемъ у всѣхъ почти подсудимыхъ, начиная съ ростовщика и закладчика Полуекта Чистякова и кончая проворовавшимся «дворяниномъ» Василіемъ Топорковымъ, съ бывшей «княжны», нынѣ жены Шпейера — и до мѣщанки Башкировой.

Вотъ, напр., на выдержку, одинъ изъ «типовъ» этого клуба — подсудимый Андреевъ. Изъ оказавшихся въ дѣлѣ свѣдѣній о личности и прошедшемъ Андреева, видно, что онъ прежде служилъ въ военной службѣ, занималъ должность городничаго въ г. Ефремовѣ (Тульской губ.), попалъ, состоя на этой должности, подъ судъ и былъ приговоренъ сенатомъ къ трехмѣсячному содержанію на гауптвахтѣ при московскомъ тюремномъ замкѣ. Затѣмъ, въ теченіи долгаго времени, Андреевъ не имѣлъ ни постояннаго мѣстожительства, ни постоянныхъ занятій. Между



Урокъ катанья на конькахъ.

прочимъ, онъ подъ ложнымъ именемъ «Аверино» содержалъ въ разныхъ городахъ театръ, а во время своего пребыванія въ Москвѣ, въ 1874 году, содержалъ танцовальное заведеніе и давалъ уроки танцевъ. Въ началѣ же 70-хъ годовъ онъ производилъ гласный сборъ подаянія на свою дочь, не имѣя на то разрѣшенія отъ правительства. Около того же времени, онъ подвергался неоднократному уголовному преслѣдованію по разнымъ дѣламъ, между прочимъ, за имѣніе при себѣ подложныхъ печатей. Скрываясь отъ преслѣдованія, онъ розыскивался полиціями городовъ: Петербурга, Москвы, Тулы, Выборга, а также чрезъ публикацію въ вѣдомостяхъ. Свое уклоненіе отъ слѣдствія въ 1874 году и послѣдующее затѣмъ пребываніе въ разныхъ городахъ Андреевъ объясняетъ хлопотами по иску о полумилліонномъ наслѣдствѣ, которое онъ будто бы долженъ получить и на которое, по его словамъ, обращено вниманіе всей Европы. Кромѣ этихъ свѣдѣній, въ дѣлѣ оказалось собственноручное прошеніе Андреева, адресованное имъ на имя прокурора с.-петербургскаго окружнаго суда и найденное при Андреевѣ во время задержанія его въ Петербургѣ, по обвиненію въ вышеозначенныхъ мошенничествахъ. Въ прошеніи этомъ, помѣченномъ февралемъ 1872 года, Андреевъ пишетъ: «Задавши себѣ задачею открыть и испробовать при новомъ судопроизводствѣ,—гдѣ и какія лазеи остались, которыя могутъ пропустить въ себя мошенническія продѣлки незамѣченными ни администраціею, ни прокурорскимъ надзоромъ, — я съ наслажденіемъ, какъ артистъ, какъ второй экземпляръ Чичикова, въ продолженіи уже двухъ лѣтъ лазаю по этимъ незамѣченнымъ норамъ. Въ настоящее время, утомясь дѣлать всѣ эти *изслѣдованія* (!?) и, почувствовавъ какое-то омерзѣніе къ тому пути, на которомъ я успѣлъ въ продолженіе двухъ лѣтъ совершить восемьдесятъ-пять преступленій, я всепокорнѣйше прошу дозволить мнѣ отдохнуть въ настоящее время, тѣмъ болѣе, что сильная, изнурительная головная боль тянетъ меня невидимой силой къ постелѣ и тюрьмѣ. Потерявъ непредвидѣнно семью свою, я болѣе нигдѣ уже не смѣю искать себѣ второй семьи, какъ въ тюремныхъ товарищахъ, а покойной подушки нигдѣ, какъ подушки на тюремной койкѣ. Въ дѣтствѣ отрадой моей были стѣны кадетскаго корпуса; пускай же подъ старость будутъ убаюкивать меня стѣны тюремнаго замка». Въ заключеніе, Андреевъ обѣщалъ открыть всѣ совершенныя имъ 85 преступленій. Спрошенный слѣдователемъ по поводу этого прошенія, Андреевъ объяснилъ, что заявленіе о совершеніи имъ 85-ти преступленій сдѣлано имъ голословно, подъ вліяніемъ потрясающей домашней драмы и единственно съ цѣлью быть арестованнымъ и показать тѣмъ женѣ своей, до чего ему тяжело жить безъ семьи».

Не правда ли—какой оригинальный и живой типъ «червоннаго валета»? Заслуженный офицеръ и начальникъ города, потомъ танцмейстеръ, содержатель театровъ въ провинціяхъ и, затѣмъ—уголовный преступникъ и одинъ изъ большихъ валетовъ клуба... Какую злую шутку, въ самомъ дѣлѣ, сыграла надъ нимъ судьба и какъ болѣзненно щемитъ сердце отъ этихъ его, внезапно налетѣвшихъ, воспоминаній о далекой, свѣтлой и невинной порѣ жизни — о юности, проведенной въ одномъ изъ кадетскихъ корпусовъ!...

Но этотъ валетъ—ничто, въ сравненіи съ настоящимъ королемъ червонной масти, съ Шпейеромъ, ускользнувшимъ отъ суда и скрывшимся. Изъ многоразличныхъ и ловкихъ похожденій и плутней этого «великаго мага и волшебника» могла бы, легко, составиться цѣлая эпопея. Этотъ магъ не только ускользнулъ отъ рукъ полиціи и правосудія, но еще и имѣлъ смѣлость являться, переодѣтымъ, въ засѣданія суда по дѣлу «клуба» и услаждался этимъ судомъ, на которомъ прочитывались, разсказывались и, затѣмъ, разбирались его, Шпейера, различныя плутни и мошенничества. Однажды даже, онъ попался-было на глаза, на крыльцѣ окружнаго суда, самому прокурору, но успѣлъ ускользнуть отъ погони—въ ожидавшихъ его, въ томъ же Кремлѣ, саняхъ, запряженныхъ лихимъ рысакомъ. Но и этого злого глумленія и этихъ шутокъ надъ судомъ показалось Шрейеру мало: онъ рѣшился пошутить и надъ московскою полиціей. По словамъ газетъ, *) во время процесса, переодѣтый и ловко загримированный Шпейеръ «явился къ московскому оберъ-полиціймейстеру Арапову—съ предложеніемъ отыскать Шпейера (т. е. самого себя), для чего и просилъ дать ему 300 руб. и двухъ жандармовъ. Обрадованный начальникъ полиціи тотчасъ же снабдилъ его и тѣмъ, и другимъ. Въ сопровожденіи двухъ голубыхъ мундировъ отправился Шпейеръ по направленію къ Рогожской части, но на дорогѣ вспомнилъ, что не успѣлъ передать г. Арапову очень важный пакетъ. И вотъ, одинъ изъ жандармовъ отправился назадъ, съ пакетомъ, а Шпейеръ съ другимъ проводникомъ зашелъ въ трактиръ обождать отвѣта. Тутъ онъ изобрѣлъ самый естественный предлогъ, чтобы выйти изъ комнаты, и—былъ таковъ!... Въ пакетѣ заключались слѣдующія строки: «Шпейеръ былъ у васъ въ рукахъ. Не моя вина, что вы не схватили его. За деньги очень благодаренъ»...

Вотъ каковъ глава «червонныхъ валетовъ», занимавшихъ своимъ процессомъ, цѣлый мѣсяцъ, наше общество, газеты—наши и иностранныя — и, наконецъ, весь нашъ судъ, почти въ полномъ его составѣ, и почти весь нашъ институтъ присяжныхъ повѣренныхъ!... Теперь, наконецъ, это чудовищное дѣло окончено; валетонъ «рѣшили:» однихъ — въ мѣста отдаленныя, другихъ оправдали и выпустили на свободу. Рука, наложенная ими на общество, снята, и это общество успокоилось отчасти. Но — надолго ли?—эво, конечно, вопросъ, на который можетъ лишь время отвѣтить — а не я.

Полумаска.

Весной на полѣ битвы.

(Изъ Александра Петефи)

Кто бъ могъ подумать, кто бъ сказалъ,
Что битва здѣсь была!
Что лишь за нѣсколько недѣль
Здѣсь кровь рѣкой текла?!..

Здѣсь бились мы; со всѣхъ сторонъ
Ударилъ врагъ на насъ,
Со всѣхъ сторонъ зіяла смерть —
То былъ ужасный часъ!...

И небо было такъ черно̀,
Какъ гнѣвъ — была гроза;
Теперь же — сине и свѣтло,
Какъ дѣтскіе глаза.

Земля бѣлѣла, какъ старикъ,
Подъ снѣжной пеленой;
Теперь вся въ зелени она,
Покрыта муравой.

Былъ полонъ воздухъ свистомъ пуль,
Смертельныхъ пуль, — и вотъ,
Гляди, надъ нашей головой,
Тамъ жаворонокъ поетъ.

Въ день битвы, трупы безъ числа
Кругомъ лежали тутъ; —
Теперь же яркіе цвѣты
Спокойно здѣсь цвѣтутъ....

Нѣтъ, нѣтъ! никто бы не сказалъ,
Что битва здѣсь была!
Что лишь за нѣсколько недѣль
Здѣсь кровь рѣкой текла!...

А. Е.

Журналистика.

„Дѣло“ — кн. 1-ая и 2-ая 1877 года. — Два слова о «направленіи» этого журнала. — Романъ г. Каразина, «Въ пороховомъ дыму». — Статья С. С. Шашкова, «Очерки первобытной жизни и мысли» — «Отношенія человѣка къ дѣтямъ», ст. А. Михайлова. — Поэты «Дѣла». — Статья В. И. Немировича-Данченко. — «Рѣка былыхъ лѣсовъ».

Литературно-политическій журналъ «Дѣло» представляетъ собою, и въ нынѣшнемъ году, столь же глубокій интересъ, какъ и въ предъидущіе годы. Множество оригинальныхъ статей, принадлежащихъ главнымъ и постояннымъ сотрудникамъ журнала — С. С. Шашкову, А. К. Михайлову, В. И. Немировичу-Данченко, Н. Н Каразину, Е. Маркову, и др., — нѣсколько талантливыхъ компиляцій и серьезныхъ критическихъ статей наполняютъ собою первыя двѣ книги этого почтеннаго журнала, *направленіе* котораго, до сихъ поръ еще и очень многими, понимается и истолковывается въ совершенно превратномъ смыслѣ. Правда, это не салонный, аристократическій журналъ Галерной улицы, тонко расчитанный на благонамѣренную оппозицію и на благосклонное протекторство одной изъ двухъ, одинаково сильныхъ и постоянно находящихся въ бореніи, партій, снисходящихъ, иногда, до вниманія къ русской литературѣ. «Дѣло» не имѣетъ, также, ничего общаго и съ московскимъ «политико-учено-литературнымъ» журналомъ г. Каткова — «Русскимъ Вѣстникомъ», подписчикамъ котораго, volens-nolens, довелось уплатить г. Каткову трехлѣтній оброкъ — за удовольствіе прочесть, въ каждомъ году, по нѣсколько главъ пикантнаго романа «Анна Каренина»...

Въ «Дѣлѣ» мы не встрѣчаемся съ такими курьезами. Этотъ строго-научный и серьезный журналъ не спекулируетъ именами модныхъ писателей; но, внимательно слѣдя за ходомъ и развитіемъ современной науки и жизни, онъ даетъ читателямъ массу полезныхъ и въ высшей степени интересныхъ статей и популяризацій. По части же беллетристики, редакція въ нынѣшнемъ году, съ первой книги, начала печатаніемъ новаго романа г. Каразина — «Въ пороховомъ дыму», представляющій нѣкоторый интересъ по своему содержанію. Мѣстомъ дѣйствія романа будетъ, судя по первымъ главамъ, Сербія и ея обагренныя кровью поля, посѣщенныя, прошлымъ лѣтомъ, г. Каразинымъ. Въ свое время, мы надѣемся побесѣдовать съ читателями объ этомъ новомъ произведеніи г. Каразина, — а теперь, перейдемъ къ указаніямъ на другія статьи, гораздо болѣе выдающіяся въ первыхъ двухъ книгахъ почтеннаго журнала.

---

*) См. «Новое Время», № 365, и др. газеты.

Статья С. С. Шашкова «Очерки первобытной жизни и мысли»—служитъ какъ бы продолженіемъ его пространнаго и серьезнаго труда, «Развитіе первобытной культуры», помѣщеннаго, въ минувшемъ году, въ томъ же «Дѣлѣ» и о которомъ мы бесѣдовали уже съ читателями въ № 3 нашего журнала. Настоящая статья талантливаго писателя, представляется столь же интересною и читается съ тѣмъ же глубокимъ вниманіемъ. Первая глава статьи посвящена молитвамъ и жертвамъ, идоламъ и храмамъ полудикихъ народовъ до-культурнаго времени.

«Чѣмъ далѣе подвигается человѣчество въ своемъ развитіи — говоритъ авторъ въ началѣ своей статьи, — тѣмъ самостоятельнѣе оно себя чувствуетъ, тѣмъ самоувѣреннѣе ступаетъ, тѣмъ болѣе знакомится съ законами жизни, — и на основаніи этого знакомства начинаетъ предузнавать будущее. Совершенно въ противоположномъ положеніи находится дикарь: у него нѣтъ даже и предчувствія о томъ, что явленія жизни идутъ по естественнымъ, неизмѣннымъ законамъ, у него всюду дѣйствуютъ духи, все зависитъ отъ ихъ произвола, и онъ ежеминутно долженъ бояться какого-нибудь неожиданнаго зла съ ихъ стороны». И вотъ, первобытный дикарь, приносящій жертву, вступаетъ въ формальный договоръ съ своимъ божествомъ, подобно индѣйцамъ, которые при этомъ поютъ: О, великій духъ, будь милостивъ ко мнѣ и защити мою жизнь, а я принесу тебѣ даръ!»

Этотъ «договоръ» дикарей очень сильно напоминаетъ наши «обѣщанія», даваемыя простымъ народомъ. Купецъ «обѣщаетъ» построить церковь, или пожертвовать большое паникадило въ храмъ—если ему удастся задуманное торговое предпріятіе; крестьянка «обѣщается» «сходить въ Кіевъ» — если у нея, неплодной, родится ребенокъ; богатый раскольникъ «обѣщаетъ» отдать одну изъ дочерей своихъ—не спрашивая, конечно, ея согласія — въ монастырь, если только жена родитъ ему давно желаннаго мальчика. Въ послѣднемъ случаѣ приносится уже, слѣдовательно, человѣческая жертва—не убиваемая лишь, физически, какъ это совершалось прежде, на алтарѣ Молоха, и какъ продолжаетъ совершаться и въ настоящее время у многихъ дикихъ народовъ — напр., у гондовъ въ Индіи, у которыхъ ежегодно сотни взрослыхъ и дѣтей приносятся въ жертву богинѣ земли.—«Богиня земли!— поютъ при этомъ гонды: — ты источникъ всякаго зла, твоя праведная месть угнетаетъ насъ! Мы недостаточно почитаемъ тебя! О, прости насъ, великая богиня, нашъ запасъ такъ малъ! Богиня, научившая человѣка смерти посредствомъ растеній, смерти посредствомъ желѣза и стали, прости, прости насъ! и мы впредь никогда не замедлимъ обагрять человѣческою кровью алтари твои! Вотъ принесенная тебѣ жизнь, — это искупительная жертва тебѣ!»

Особенный интересъ въ статьѣ г. Шашкова представляетъ глава IV-ая, гдѣ, довольно подробно говорится о людоѣдствѣ, продолжающемъ, къ стыду человѣчества, существовать до настоящаго времени. Такъ, напр., во многихъ мѣстностяхъ Африки людоѣдство свирѣпствуетъ до сихъ поръ, и захваченные на войнѣ плѣнники обыкновенно пожираются. У индѣйцевъ Америки еще очень недавно каннибализмъ былъ почти общимъ обычаемъ: съѣсть сердце врага и напиться его крови считалось величайшимъ геройствомъ. Гуораны украшали и упитывали своихъ плѣнниковъ, даже снабжали ихъ женами, чтобы потомъ убить и съѣсть ихъ вмѣстѣ съ ихъ дѣтьми, а ихъ собственныя дѣти принимали всегда участіе въ этихъ каннибальскихъ оргіяхъ.

Одна изъ главныхъ причинъ людоѣдства заключается въ удовлетвореніи мести и въ томъ, что, по вѣрованію, общему почти всѣмъ дикарямъ, мясо и кровь храбраго человѣка, пожираемыя его побѣдителемъ, укрѣпляютъ тѣло послѣдняго и усиливаютъ его храбрость. У баттасовъ до сихъ поръ месть доходитъ до пожиранія врага, и въ этомъ, кромѣ мстителя, участвуютъ и всѣ его друзья, и каннибализмъ возведенъ у нихъ на степень законнаго уголовнаго наказанія. Прелюбодѣи, измѣнники, шпіоны, ночные разбойники и въ особенности военноплѣнные привязываются къ деревяннымъ крестамъ, а присутствующіе бросаютъ въ нихъ ножи и топоры, зубами и ногтями вырываютъ у нихъ куски мяса и глотаютъ ихъ, обмакнувъ предварительно въ смѣсь соленой воды съ лимоннымъ сокомъ. Прежде, баттасы съѣдали своихъ стариковъ и больныхъ, которыхъ они сажали на дерево, потомъ трясли его, припѣвая: «время приспѣло, плодъ созрѣлъ и его нужно съѣсть;» наконецъ, ихъ убивали и съѣдали. Въ Полинезіи, людоѣдство не прекратилось, по мѣстамъ, до настоящаго времени, и еще очень недавно оно достигало тамъ ужасныхъ размѣровъ. Людей своего племени никогда не ѣли, и когда требовалась человѣчина, то отправлялись въ набѣгъ на чужое племя. Крузенштернъ описываетъ этотъ каннибализмъ самыми страшными красками: на плѣнниковъ бросаются съ яростью, отрываютъ имъ головы и пьютъ еще теплую кровь. Во время же голода у полинезійцевъ, мужья съѣдали женъ, дѣти — родителей, родители—дѣтей. О прежней распространенности и характерѣ людоѣдства на островахъ Тонга говоритъ до сихъ поръ употребляемая у нихъ брань: *«изжарь своего дѣда!»* или: *«выкопай своего отца при лунномъ свѣтѣ и съѣшь его!»*

Людоѣдство, исчезающее теперь даже въ Австраліи, въ древности свирѣпствовало и въ Европѣ, въ которой оно случалось, вслѣдствіе голода, даже въ средніе вѣка, какъ это можно видѣть изъ слѣдующаго разсказа монаха Глабера. «Въ 1027 году, землю началъ опустошать голодъ, и роду человѣческому грозила погибель. Вся земля была залита постоянными дождями до того, что въ теченіи трехъ лѣтъ невозможно было имѣть ни одной удобной, для посѣва, пяди земли. Этотъ мстительный бичъ начался на востокѣ, опустошилъ Грецію, потомъ Италію, всю Галлію и, наконецъ, Англію. Богатые люди и бѣдняки ровно испытывали голодъ, и чело у всѣхъ покрылось блѣдностью; насиліе и жестокости бароновъ смолкли передъ всеобщимъ голодомъ. Свирѣпство голода породило примѣры жестокости, рѣдкой въ исторіи, — и люди ѣли мясо людей! Путникъ, подвергшись нападенію на дорогѣ, падалъ подъ ударами убійцъ, они разрывали на части его члены, жарили ихъ и пожирали. Другіе, убѣгая изъ своей страны, чтобы избавиться отъ голода, были принимаемы въ дома, и хозяева душили ихъ ночью, чтобы послѣ съѣсть. Нѣкоторые, показывая дѣтямъ яйца или фрукты, заманивали ихъ въ сторону и пожирали. Одинъ злодѣй въ Турнюсѣ выставилъ на рынкѣ, для продажи, вареное человѣческое мясо; его арестовали, судили и сожгли. Въ лѣсу близъ Макона, другой злодѣй построилъ хижину, въ которой онъ рѣзалъ всѣхъ, искавшихъ у него убѣжища на ночь. Одинъ путникъ, зайдя къ нему съ своей женой, увидѣлъ въ углу комнаты головы мужчинъ, женщинъ и дѣтей. По его доносу, въ хижинѣ сдѣланъ обыскъ и найдено 48 головъ разрѣзанныхъ и съѣденныхъ людей; злодѣя этого привезли въ городъ и тоже сожгли». Каннибализмъ изъ мести случается, иногда, даже и въ культурныхъ странахъ; напр., газета «Morning Post», отъ 13 ноября 1839 года, говоритъ, что извѣстный генералъ Розасъ въ Монтевидео велѣлъ приготовить къ своему столу голову Колленса и внутренности генерала Астрадуса...

Все это, конечно, ужасно и легко можетъ привести въ содроганіе каждаго цивилизованнаго человѣка. Но — странное дѣло! — тѣ же самые цивилизованные люди самыхъ культурныхъ странъ Европы, не приходятъ въ содроганіе отъ, не менѣе ужасной, участи *дѣтей* — въ этихъ же самыхъ цивилизованныхъ странахъ, *въ настоящее время*. Изъ прекрасной статьи г. А. Михайлова «Отношенія человѣка къ дѣтямъ», мы узнаемъ о еще болѣе трагической судьбѣ этихъ дѣтей, «цѣлыми массами бросаемыхъ родителями и тамъ, гдѣ существуютъ воспитательные дома, и тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ. Талантливый авторъ статьи, цѣлымъ рядомъ фактовъ, цифръ и статистическихъ данныхъ, указываетъ на это страшное зло современнаго общества. По его словамъ, «и богатые, и бѣдные люди, по многимъ причинамъ, стараются до сихъ поръ освободиться отъ своихъ дѣтей. Въ Лондонѣ, до настоящаго времени, идетъ простая торговля дѣтьми *на собачьемъ рынкѣ*; во Франціи, въ Италіи, въ Германіи происходитъ то же. Люди также равнодушно бросаютъ своихъ дѣтей, какъ и убиваютъ ихъ, — и трудно сказать, что̀ лучше. Предѣловъ человѣческому безсердечію и варварству нѣтъ рѣшительно никакихъ: убить, бросить, искалѣчить дитя—это такое будничное, такое обычное явленіе въ человѣчествѣ, что о немъ упоминаютъ, по бо́льшей части, только вскользъ гдѣ нибудь, въ газетныхъ замѣткахъ». Авторъ заканчиваетъ первую часть своихъ блестящихъ этюдовъ слѣдующими, многозаменательными строками: «Когда убиваютъ ребенка — общество теряетъ извѣстную человѣческую единицу, и только. Но когда бросаютъ дитя — вопросъ дѣлается сложнѣе: изъ этого ребенка можетъ выработаться такая личность, что обществу было бы гораздо выгоднѣе вовсе не имѣть ее въ своей средѣ».

Въ заключеніе нашихъ бѣглыхъ журнальныхъ замѣтокъ о первыхъ двухъ вышедшихъ книгахъ «Дѣла», скажемъ нѣсколько словъ о поэтахъ этого почтеннаго журнала, весьма обильныхъ по количеству—но не качеству. Въ первой же книгѣ (январьской) мы опять встрѣчаемся съ стихотвореніемъ г. Славянскаго, «Болгары», гдѣ, напр., имѣются слѣдующія поэтическія вольности: есть «*ратей* грозный *топотъ*», есть «*пушекъ звонъ*».... есть «отчизна (которая) нивою кровавой легла»... Не правда ли, какая странная битва происходила, по словамъ поэта, въ Болгаріи? —рати изволили стоять другъ противъ друга—и «топали» ногами; пушки «звонили», и, въ концѣ, вся отчизна «нивою легла»... (на ниву, можетъ быть?—да и то мудрено: вѣдь отчизна—лишь *женскаго рода*, но не женщина). Встрѣчаются въ «Дѣлѣ» и многіе другіе мастера «хитростей піитическихъ»: гг. Буренинъ, Суриковъ, А. В—скій. Болѣе удачныя стихотворенія принадлежатъ г-ну А. М.; но и у него стихъ, иногда, «не вовсе гладокъ»; вотъ, напр., строфа изъ стихотворенія «Взятый городъ» (изъ В. Гюго):

Рыдали матери. Красотки проклинали
Цвѣтущій возрастъ свой, когда въ разгулѣ зломъ
Вонъ изъ шатровъ тѣла *живыя* ихъ бросали, —
Тѣла, *сраженныя* лобзаньемъ и мечомъ.

По одному варіанту выходитъ, что «вонъ изъ шатровъ тѣла *живыя* бросали», а по другому варіанту оказывается, что сія тѣла выбрасывались изъ шатровъ уже «*сраженныя* лобзаньемъ и мечомъ» — т. е., надо полагать, замученныя въ лобзаньяхъ (поцѣлуяхъ) и, затѣмъ, проколотыя кинжалами (дѣло происходитъ на востокѣ) — «мечами».... Еще надо замѣтить, что «красотки (?!)» проклинали свой возрастъ цвѣтущій, въ то самое время, когда ихъ «тѣла живыя» летѣли стремглавъ «изъ шатровъ»... Полагаемъ, что это метафора, — потому что, согласитесь, до проклятій ли тутъ, когда летишь внизъ головой, «изъ шатра?»...

Въ той же второй книгѣ «Дѣла» помѣщена статья г. Немировича-Данченко, «Рѣка былыхъ лѣсовъ», въ которой авторомъ очень искусно схвачены и поставлены рядомъ два различныхъ типа нашего Положья: типъ богатаго лѣсопромышленника, яростнаго истребителя лѣсовъ, и другой типъ — лѣсовика, раскольника, сжившагося съ лѣсомъ, считающаго его «храмомъ Божіимъ, царствомъ труда и правды». Послѣдній типъ немножко опоэтизированъ авторомъ, но, тѣмъ не менѣе, очень симпатиченъ, натураленъ — и вполнѣ возможенъ.

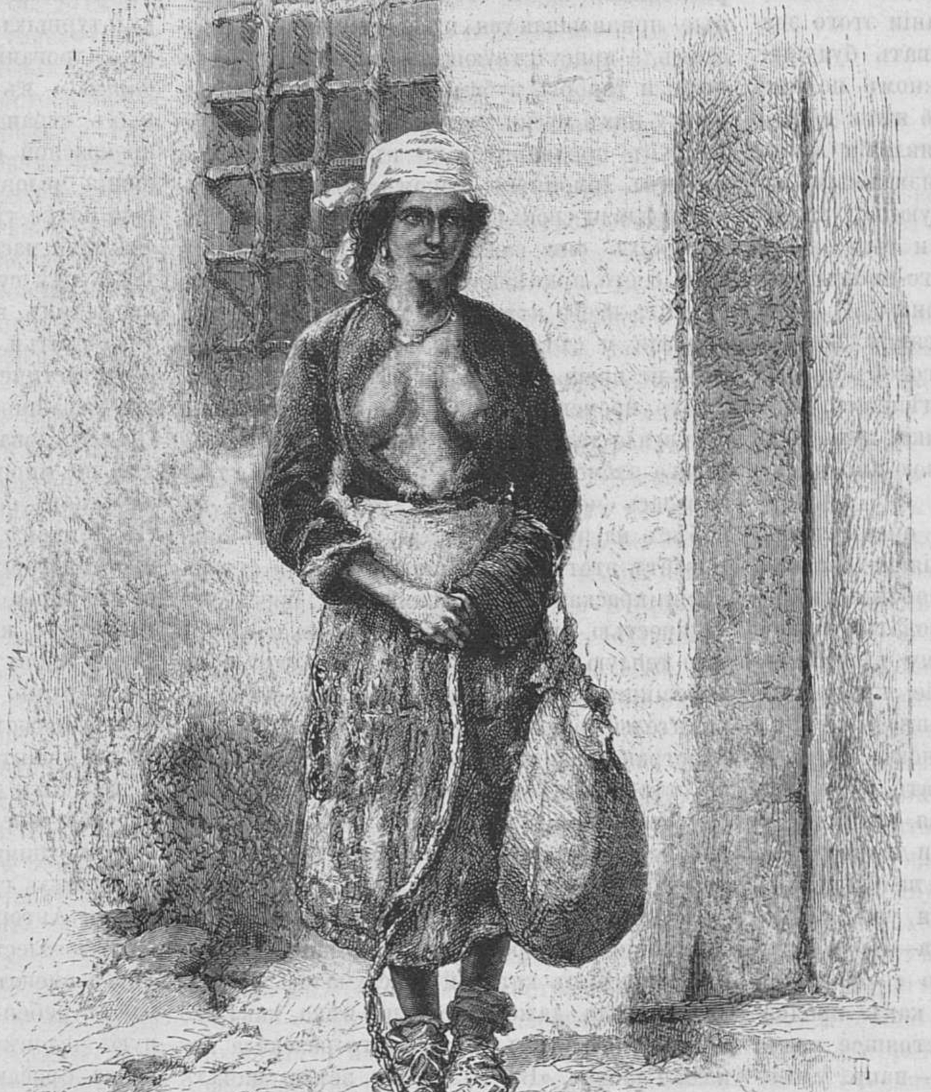
Z.

Новости наукъ и жизни.

Статистика населенія земнаго шара. Въ «Yearly Review of the Population of the Earth» сообщаютъ, что все населеніе земнаго шара простирается до 1,423,917,000 человѣкъ. Изъ этого числа на Европу приходится 309,178,300; на Азію—824,548,500; на Африку—199.921,600; на Австралію съ Полинезіей — 4,748,000 и на Америку—85,519,800 человѣкъ. Средняя плотность населенія — около 28 жителей на одну квадратную милю земной поверхности. Наибольшая густота замѣчается въ Европѣ, именно — 82 человѣка на 1 квадратную милю; затѣмъ слѣдуетъ Азія—48 человѣкъ; Африка—18; въ Америкѣ считается $5^1/_2$; а въ Австраліи около $1^1/_2$.

Статистика крушеній. Въ «Bureau-Veritas» находимъ слѣдующія свѣдѣнія о крушеніяхъ судовъ въ теченіи ноября мѣсяца 1876 года. Всего терпѣло крушеніе 278 парусныхъ судовъ и 19 пароходовъ. По національностямъ эти суда распредѣляются такъ: англійскихъ 86, норвежскихъ 43, сѣверо-американскихъ 33, французскихъ 32, германскихъ 14, шведскихъ 12, датскихъ 11, голландскихъ 11, греческихъ 5, итальянскихъ 5, русскихъ 5, австрійскихъ 4, португальскихъ 3, испанскихъ 2, бельгійскихъ 1, перуанскихъ 1, турецкихъ 1 и неизвѣстныхъ національностей 26. Между парусными судами 13 такихъ, о которыхъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній.

— Французскія газеты передаютъ, что муниципальный совѣтъ въ Шомонѣ-на-Сонѣ рѣшилъ воздвигнуть на одной изъ площадей этого города памятникъ Нисефору Ніенсу, одному изъ изобрѣтателей фотографіи, мѣстомъ рожденія котораго былъ Шалонъ. Съ своей стороны Парижъ собирается поставить монументъ, долженствующій получить еще большее значеніе, такъ какъ онъ будетъ посвященъ памяти Нисефора Ніенса и Дагерра (изобрѣтателя дагерротипа). Иниціатива въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ обществу свободнаго искусства, стараніями котораго уже былъ воздвигнутъ монументъ живописцу Евстафію Лесюэру въ Люксамбургскомъ саду. Общество свободнаго искусства поручило исполненіе этой работы одному изъ своихъ президентовъ, извѣстному скульптору г. Матьё-Мёнье.



Болгарская цыганка.

Къ статье «*Между Болгарами*».

Сельское хозяйство. Въ «Кельнской Газетѣ», подъ заглавіемъ «Дешевый хлѣбъ», появилась важная для хлѣботорговцевъ замѣтка. Если предположенія, высказанныя въ этой замѣткѣ, оправдаются, то повсюду въ сельскомъ хозяйствѣ долженъ будетъ произойти коренной переворотъ. По словамъ этой замѣтки, англичане намѣрены воспользоваться мало обработанною землею въ Индіи для себя и тамошнихъ сельскихъ хозяевъ. Съ этою цѣлью предполагается построить сѣть каналовъ, съ тѣмъ, чтобы открыть доступъ хлѣба для Англіи въ такихъ мѣстностяхъ, въ которыхъ не существуетъ нынѣ сбыта на него, не смотря на его дешевизну и изобиліе, по случаю отсутствія удобныхъ путей сообщенія. Такъ, напримѣръ, нынѣ въ Верхнемъ Маганади бушель пшеницы стоитъ 7 пенсовъ. По сооруженіи сѣти каналовъ, эта пшеница обойдется съ доставкою въ Англію въ 2 шил. 6 пенс. за бушель (72 к. металлич. за $1^2/_5$ четверика) — эта цѣна въ $2^1/_2$ раза дешевле нынѣшней. Тогда Англія свои 20 — 30 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, которые она платитъ за хлѣбъ Америкѣ, Россіи и другимъ государствамъ, — будетъ высылать въ Индію. Сообщая это извѣстіе, «Кельнская газета» замѣчаетъ, что русскій хлѣбъ, доступъ которому въ Англію закроется, будетъ вывозиться въ Германію, разумѣется, по дешевой цѣнѣ. Газета совѣтуетъ сельскимъ хозяевамъ въ Германіи перемѣнить свое хозяйство и искать себѣ заработковъ въ скотоводствѣ, такъ какъ цѣны на хлѣбъ въ то же время не измѣнились, а въ послѣднее десятилѣтіе начали даже понижаться.

Со всего свѣта.

Догадки, сопровождавшія поѣздку генерала Игнатьева заграницу, приняли въ настоящую минуту болѣе опредѣленный видъ, пріобрѣли плоть и кровь и выразились въ дипломатическомъ документѣ, предложеніемъ Россіей Европѣ, долженствующемъ ускорить разрѣшеніе восточнаго вопроса. Если мы вспомнимъ, въ какомъ положеніи находился восточный вопросъ до поѣздки генерала Игнатьева, то придемъ неизбѣжно къ заключенію, что этотъ вопросъ не подвинулся ни на шагъ съ тѣхъ поръ, какъ въ дипломатическомъ мірѣ стали поговаривать о созваніи конференціи державъ. Въ европейской политикѣ восточнаго вопроса тогда же обнаружились различныя, даже противоположныя теченія, парализовавшія усилія державъ прійдти къ какому-нибудь опредѣленному положенію вещей мирнымъ путемъ. Конференція имѣла цѣлью прійдти къ полному соглашенію державъ, на почвѣ общихъ всей Европѣ интересовъ. Какъ извѣстно, конференція оказалась безъ результата, хотя соглашеніе до извѣстной степени было достигнуто. Турція отвергла предложенія державъ относительно гарантій. Заставить Порту выполнить требованія Европы возможно было только тогда, если бы всѣ державы-поручительницы одинаково готовы были присоединиться къ вооруженному вмѣшательству; но тутъ-то и обнаружился европейскій разладъ, причиной котораго главнымъ образомъ оказалось нежеланіе Англіи дѣйствовать рѣшительно противъ Турціи. Тогда-то, именно, Англія и пустила въ ходъ, для оправданія своего поведенія, теорію «нравственнаго давленія», которое должно было заключаться главнымъ образомъ въ дружескихъ совѣтахъ Портѣ. Извѣстно, что эта теорія не привела ни къ какимъ результатамъ. Русскій циркуляръ поставилъ дѣло нѣсколько иначе. Такъ какъ «нравственное» давленіе оказалось невозможнымъ, то пришлось рѣшиться на болѣе существенныя мѣры; но такъ какъ Россія не желала дѣйствовать отдѣльно, то поэтому циркуляръ князя Горчакова имѣлъ цѣлью снова соединить Европу противъ Порты во имя общихъ интересовъ Европы. Какъ бы въ дополненіе къ этому циркуляру явился *протоколъ* генерала Игнатьева.

Этимъ протоколомъ генералъ Игнатьевъ, отправляясь заграницу, желалъ добиться формальной санкціи принятыхъ конференціей постановленій посредствомъ протокола, который былъ бы составленъ шестью державами, или посредствомъ дипломатическаго документа, подписаннаго одной Турціей, но скрѣпленнаго подписями державъ. Россія не желаетъ давать Турціи, для осуществленія реформъ, срока, превышающаго два мѣсяца. Съ истеченіемъ же этого срока, державы не будутъ обязаны дѣйствовать коллективно, но должны будутъ допустить свободное вооруженное вмѣшательство со стороны одной, или нѣсколькихъ державъ, подписавшихъ протоколъ. Въ разговорѣ съ сотрудникомъ газеты «Temps», въ Парижѣ, генералъ Игнатьевъ сказалъ между прочимъ: «во всякомъ случаѣ желаніе наше сохранить миръ на столько велико, что даже въ томъ случаѣ, еслибы Англія, лишь частнымъ образомъ, присоединилась къ нашимъ воззрѣніямъ, я не прервалъ бы переговоровъ, а, напротивъ, сдѣлалъ бы новыя усилія, чтобъ достигнуть новыхъ уступокъ. Но нужно спѣшить; потому что мы не можемъ оставлять въ бездѣйствіи нашу армію: необходимо, или употребить ее въ дѣло, или распустить.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что мысль протокола—по преимуществу мирная мысль, и теперь достовѣрно извѣстно, что этотъ протоколъ будетъ подписанъ Европой, а можетъ быть уже и подписанъ. Англія оффиціально заявила, что въ принципѣ она согласна на протоколъ, съ кое-какими незначительными измѣненіями. Чего же, однакожъ, можно ожидать въ близкомъ будущемъ? На этотъ вопросъ можно отвѣчать только гадательно Графъ Шуваловъ, посѣтившій генерала Игнатьева въ Парижѣ, вернулся въ Лондонъ; онъ повезъ съ собой тѣ добавочныя свѣдѣнія, которыхъ желало англійское правительство, прежде чѣмъ отвѣчать на русскій циркуляръ. Тайна этихъ свѣдѣній хорошо сохранена. Послѣ цѣлаго потока различныхъ предположеній, созданныхъ фантазіей публицистовъ,—вдругъ наступила минута молчанія: генералъ Игнатьевъ и графъ Шуваловъ шептались въ Парижѣ,—рѣшительный моментъ наступилъ. Графъ возвратился въ Лондонъ; вслѣдъ за нимъ отправился туда и генералъ, съ цѣлью какъ будто бы сдѣлать визитъ маркизу Салисбюри. Началась снова публицистическая болтовня, но гораздо умѣреннѣе. Въ сущности, мы все таки не знаемъ ничего положительно: протоколъ не устраняетъ затрудненій, но измѣняетъ положеніе Россіи относительно Европы, предоставляя русскому правительству свободу дѣйствій послѣ двухмѣсячнаго срока. Во всякомъ случаѣ, будущее покрыто мракомъ: каждая изъ державъ пріобрѣтаетъ право дѣйствовать самостоятельно, Россія—въ той же мѣрѣ, какъ и Англія. Но развѣ не въ этомъ заключаются желанія всѣхъ: ни къ чему себя не обязывать и оставаться свободными? На что именно должно быть теперь направлено соглашеніе державъ? Конечно, на необходимость, еще разъ признанной, реформы въ Турецкой имперіи и полученіи со стороны Порты форменнаго обязательства ввести ихъ въ извѣстный срокъ. Въ этомъ заключается смыслъ и значеніе протокола. Даже Порта не только не отказывается отъ реформъ, но сама расширяетъ ихъ: слѣдовательно, протоколъ является выраженіемъ желаній не только Россіи, но и Европы и даже Турціи. Правда, Порта на конференціи упорствовала. но почему? Потому что имѣла нѣкоторую причину полагать, что Европа налагаетъ руку на ея цѣлость и независимость. Теперь ничего подобнаго нѣтъ.

Любопытнѣе всего то, что даже мысль о протоколѣ, подписанномъ державами, не нова и принадлежитъ собственно Турціи. Въ отчетѣ 6-го засѣданія конференціи мы читаемъ: «Савфетъ-паша думаетъ, что нельзя желать болѣе серьезной гарантіи, какъ гарантія, изданная протоколомъ, подписаннымъ всѣми Такимъ образомъ было бы получено международное обязательство, а всѣ знаютъ, съ какой точностью императорское правительство выполняетъ свои обязательства». Послѣдняя фраза можетъ внушить нѣкоторый скептицизмъ: извѣстно, какъ турецкое правительство выполняетъ свои обязательства, но это пустяки: надобно же было чѣмъ нибудь похвастаться турецкому министру.

Во всякомъ случаѣ, какъ теперь оказывается, протоколъ подписанный Европой и Портой,—не есть ничего незначущая гарантія и понятно, что Россія въ настоящую минуту можетъ имъ удовлетвориться, опредѣляя двухъ-мѣсячный срокъ. Но Англія? почему бы Англіи не согласиться на такой выходъ? Развѣ она на конференціи меньше требовала отъ Порты? Въ «Daily Telegraph» мы читали разговоръ генерала Игнатьева: «я просто продолжаю,—сказалъ генералъ,—дѣло, въ пользу котораго работалъ въ Константинополѣ. Вы знаете, сколько я сдѣлалъ уступокъ съ цѣлью облегчить полное соглашеніе между европейскими державами, относительно русскихъ предложеній...» И дѣйствительно, уступки со стороны Россіи были значительны; они были способны,—результатъ доказалъ это,—вызвать полное соглашеніе между державами; но тутъ забыли Порту, а Порта въ свою очередь доказала, что обойти ее нельзя. Такимъ образомъ, пришлось начать дѣло снова, «еще работать на пользу того же дѣла». Если генералъ Игнатьевъ на этотъ разъ закончитъ его, то, конечно, онъ сдѣлаетъ великое дѣло.

Въ этомъ, однакожъ, и сомнѣваться невозможно. Протоколъ принятъ и если еще не подписанъ, то потому, что Англія пожелала сдѣлать кое-какія измѣненія въ редакціи протокола. Въ газетѣ «Daily Teregraph» напечатаны первыя и притомъ весьма интересныя свѣдѣнія о тѣхъ измѣненіяхъ въ редакціи протокола, предлагаемаго Россіей, которыхъ желало англійское правительство. Трудно, конечно, ручаться въ томъ, что измѣненія были потребованы именно въ томъ видѣ, въ какомъ излагаетъ ихъ англійская газета, тѣмъ не менѣе, свѣдѣнія эти ясно указываютъ, что именно въ первоначальной редакціи протокола возбуждало нерасположеніе кабинета Дерби-Биконсфильда. Идея *понужденія* (coërcion),—говоритъ министерская газета,—не должна быть допущена даже на порогъ протокола (at the door of memorandum), въ настоящую минуту, и необходимо устроить дѣло такъ, чтобъ идея не могла влѣтеть въ окно (at the window) даже и впослѣдствіи. Никто не долженъ имѣть права утверждать, что если къ Турціи не обратились за совѣтомъ при обсужденіи протокола, то, слѣдовательно, положеніе, въ которое поставилъ Порту парижскій трактатъ, болѣе не существуетъ. Порта не включена въ число державъ, которыя приглашаются поднисать протоколъ, потому только, что документъ этотъ будетъ просто памятною запискою (record), а не обязательствомъ (compact), потому, что онъ только опредѣлитъ положеніе державъ, а не обяжетъ ихъ къ извѣстному образу дѣйствій. Вслѣдствіе этого мы позволяемъ себѣ думать, что въ русскомъ проектѣ, когда державы согласятся на счетъ того, какъ имъ поступать, въ случаѣ, если Турція не измѣнитъ своихъ правительственныхъ порядковъ, слово *воздѣйствіе* (action) будетъ признано за пунктъ, требующій серьезнаго обсужденія.... Очевидно также, что степень дальнѣйшаго единодушія державъ зависитъ отъ степени искренности, съ которою будетъ соблюдаться предполагаемое соглашеніе, такъ что всякая *передержка* (trick), имѣющая цѣлью возбудить *искуственно* (artificial) новые безпорядки въ Турціи, положитъ конецъ такому соглашенію и поставитъ Россію въ положеніе столь же *изолированмое*, сколько и *неблаговидное* (odious).

Едва-ли, однакожъ, можно полагать. что измѣненія, предложенныя Англіей, носятъ на себѣ столь очевидно враждебный характеръ Россіи. Конечно, Англія настаиваетъ на томъ, чтобы слово «воздѣйствіе» не появилось въ протоколѣ, но это скорѣе съ цѣлью не связывать себя какими либо опрелѣленными обязательствами. Что же касается до подозрѣній, высказываемыхъ англійской газетой, то, конечно, эти подозрѣнія могутъ существовать у англійскаго кабинета, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что они не будутъ высказаны, при обсужденіи протокола.

Было бы, однакожъ, большею ошибкою полагать, что протоколъ устраняетъ всѣ опасенія войны, хотя съ нѣкотораго времени большинство иностранныхъ газетъ, разсуждая о результатахъ поѣздки генерала Игнатьева, воспѣваетъ близость мира. Газета «Le Nord» выражается по этому поводу слѣдующимъ образомъ: «Мирное теченіе, на которое мы указали въ англійской печати,—все больше опредѣляется и расширяется; можно даже сказать, что въ настоящую минуту англійскія газеты оказываютъ правственное давленіе на правительство въ пользу мира. Этотъ неожиданный поворотъ есть только слѣдствіе чрезвычайной умѣренности русскаго кабинета. Самыя предвзятыя мнѣнія въ концѣ концовъ принуждены уступить очевидности фактовъ... Теперь англичане поймутъ, наконецъ, что совершенно безполезно искать какихъ-то гарантій противъ «московскаго честолюбія», которое не угрожаетъ ни Турціи, ни Европѣ, и что единственное средство упрочить миръ заключается въ томъ, чтобъ оградить отъ всякихъ случайностей ту старческую организацію, необходимую для европейскаго равновѣсія, которая называется Турецкой имперіей, противъ послѣдствій ея внутренней организаціи. *Въ сущности, Россія самая туркофильская держава въ Европѣ*, въ томъ смыслѣ, что вся ея внѣшняя политика опредѣляется желаніемъ предупредить бурю, которая неизбѣжно вспыхнетъ на востокѣ, если Турецкое правительство будетъ предоставлено своимъ собственнымъ средствамъ. Система невмѣшательства, вызвавшая рѣзню въ Болгаріи и сербскую войну, будетъ неисчерпаемымъ источникомъ замѣшательствъ, которыя вредно отразятся на Европѣ. Значитъ, въ общихъ интересахъ Европы, Россія приглашаетъ державъ оградить Турцію отъ ея самой».—Таково курьезное мнѣніе брюсельской газеты; не знаемъ, принадлежитъ ли оно лично тому публицисту, который его высказываетд съ такою увѣренностію, или же онъ почерпнулъ его изъ другого источника. Во всякомъ случаѣ, оно интересно своею своеобразностью. Доказывать Европѣ, что въ восточномъ вопросѣ Россія защищаетъ Турцію противъ ея самой и всей Европы, могло прійдти въ голову только публицисту, весьма мало заботящемуся о здравомъ смыслѣ, хотя онъ и выставляетъ себя, какъ истинный другъ Россіи. Но такія друзья—хуже враговъ; своими выходками они дискретируютъ русскую политику и придаютъ ей превратный смыслъ, котораго она никогда не имѣла. Россія никогда не думала защищать неприкосновенность Турціи, по той простой причинѣ, что ей нѣтъ никакого дѣла до этой неприкосновенности. Все направленіе русской политики заключается въ защитѣ славянскаго населенія балканскаго полуострова противъ притѣсненій турецкой администраціи. Въ виду этого обстоятельства была созвана конференція, были потребованы отъ Турціи гарантіи въ томъ, что обѣщанныя ею реформы будутъ дѣйствительно введены. Наконецъ, въ виду этого обезпеченія славянъ отъ турецкихъ безобразій, генералъ Игнатьевъ предлагаетъ Европѣ протоколъ. Задача русской политики направлена къ защитѣ турецкихъ христіанъ и къ какимъ бы результатамъ эта защита не привела по отношенію собственно къ Турціи, русскому правительству нѣтъ никакого дѣла, такъ какъ единственное серьезное затрудненіе въ виду извѣстныхъ возможностей можетъ заключаться только въ боязни нарушить пресловутое европейское равновѣсіе. Но это равновѣсіе такъ часто было нарушаемо въ послѣдніе двадцать лѣтъ, что объ немъ собственно заботиться не стоитъ.

Нѣсколько благоразумнѣе и, во всякомъ случаѣ, умнѣе, защищаетъ тезисъ мира «Journal des Débats». «Нѣсколько дней назадъ,—говоритъ эта газета,—мы высказали сожалѣніе, что генералъ Игнатьевъ не поѣдетъ дальше Парижа: генералъ отправился въ Лондонъ. Теперь онъ тамъ. Завтра утромъ онъ будетъ завтракать у маркиза Салисбюри и обѣдать вечеромъ у лорда Дерби. Но если генералъ Игнатьевъ поѣхалъ въ Лондонъ, то потому только, что онъ увѣренъ, что его присутствіе и объясненія устранятъ затрудненія, передъ которыми одну минуту остановилось англійское правительство. И въ самомъ дѣлѣ, личность генерала Игнатьева такъ симпатична, что внушаетъ довѣріе. Съ другой стороны, вѣроятно, что генералъ Игнатьевъ отправился въ Лондонъ потому, что тамъ желали его видѣть, а если желали его видѣть въ Лондонѣ, то не явствуетъ ли изъ этого, что англійское правительство имѣетъ не только желаніе, но и надежду окончить переговоры самымъ благопріятнымъ образомъ». Основываясь на этихъ данныхъ, парижская газета высказывается въ пользу мира. «Эти мирныя предположенія дѣлаются все болѣе и болѣе правдоподобными, и съ нѣкоторыхъ поръ всѣ говорятъ о мирѣ. Мы не желаемъ быть слишкомъ большими оптимистами; нужно остерегаться до послѣдней минуты. Но если не принимать во вниманіе кое-какихъ мелочей, то положеніе дѣлъ повернуло въ сторону мира».

И всѣ эти надежды на миръ основаны на томъ, что протоколъ принятъ Англіей. Конечно, мысль, съ которою былъ составленъ протоколъ, мысль по преимуществу миролюбивая, точно также какъ и принятіе Англіей протокола доказываетъ мирное настроеніе англійскаго кабинета. Но отъ этихъ намѣреній и желаній до возможной дѣйствительности еще далеко. Развѣ сомнѣвается кто нибудь въ томъ, что миръ — лучше войны? Развѣ можно полагать, что Россія будетъ настаивать на войнѣ даже въ томъ случаѣ, когда своихъ цѣлей она можетъ достигнуть мирнымъ путемъ? Дѣло, слѣдовательно, не въ желаніяхъ и намѣреніяхъ, а въ томъ, приведетъ ли непремѣнно подписанный Европою русскій протоколъ къ миру. Этого ни въ какомъ случаѣ утверждать невозможно, потому что невозможно навѣрное сказать, какъ выполнитъ свои обязанности Порта, въ тѣ два мѣсяца, которые даны ей протоколомъ. Если обязательства не будутъ выполнены, а такъ какъ, съ другой стороны, Россія принуждена добиться ихъ выполненія, то окажется необходимымъ вооруженное вмѣшательство, и, такимъ образомъ, протоколъ приведетъ насъ не къ тѣмъ результатамъ, о которыхъ такъ краснорѣчиво говоритъ иностранная печать.

Еще вчера всѣ были убѣждены, что между Турціей и Черногоріей миръ ни въ какомъ случаѣ состояться не можетъ. Еще вчера по этому поводу, свѣдѣнія были такъ категоричны, что сомнѣваться было невозможно: Черногорія не хочетъ ничего уступить изъ своихъ требованій; Турція, въ свою очередь, не хочетъ, или не можетъ согласиться ни на одно изъ этихъ требованій. Очевидно, что при такихъ условіяхъ, миръ казался невозможенъ. Но сегодняшнія депеши говорятъ другое: правда, дѣло не ладится, положеніе натянутое, но телеграфъ, по крайней мѣрѣ, высказываетъ надежду, что миръ можетъ быть заключенъ. Говорятъ, что Черногорія сдѣлала кое-какія уступки, что Турція стала сговорчивѣе. Изъ этихъ свѣдѣній, очевидно, не возможно прійдти ни къ какимъ заключеніямъ: на нихъ невозможно строить какихъ бы то ни было соображеній, какъ это дѣлается обыкновенно публицистами, упускающими изъ виду, что вопросъ о мирѣ или войнѣ между Турціей и Черногоріей слишкомъ подчиненъ условіямъ рѣшенія восточнаго вопроса во всей его грозной цѣльности. Поэтому, переговоры объ этомъ мирѣ не имѣютъ интереса сами по себѣ, а подчинены всецѣло болѣе общимъ и важнымъ условіямъ европейскаго мира, и могутъ только служить болѣе или менѣе вѣрнымъ указаніемъ того, въ какомъ дипломатическомъ фазисѣ находится восточный вопросъ, не въ Константинополѣ или въ Петербургѣ, а въ Лондонѣ, куда генералъ Игнатьевъ отправился.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что миръ между Турціей и Черногоріей будетъ заключенъ, если восточный вопросъ разрѣшится мирно. Успѣхъ поѣздки генерала Игнатьева — первый шагъ къ такому разрѣшенію и вотъ почему въ переговорахъ между Портой и черногорскими делегатами мы замѣчаемъ мирные симптомы. Но тѣмъ не менѣе, протоколъ — только первый шагъ къ миру. Цѣль путешествія генерала Игнатьева заключается, какъ извѣстно, въ протоколѣ, который должны подписать державы. На выполненіе реформъ, протоколъ даетъ Турціи два мѣсяца, послѣ чего каждая изъ державъ имѣетъ право дѣйствовать самостоятельно. Конечно, для мирнаго разрѣшенія этого вопроса, тяготѣющаго надъ Европою почти два года, такая постановка — важный шагъ впередъ. Но далеко еще нельзя сказать, что миръ при этомъ условіи обезпеченъ.

Онъ не обезпеченъ потому, что не зависитъ отъ доброй воли Европы. Во многомъ онъ не зависитъ даже отъ доброй воли Турціи, находящейся въ такомъ революціонномъ состояніи, изъ котораго неизвѣстно, что произойдетъ. Срокъ двухмѣсячный — такой срокъ, что сдѣлать что либо прочное и серьезное невозможно. Слѣдовательно, вопросъ касается вовсе не реформъ, ввести которыя въ теченіи двухъ мѣсяцевъ невозможно; вопросъ касается только гарантій, но та административная и политическая дезорганизація, которою Порта заражена, то революціонное броженіе, которымъ Турція страдаетъ, допустятъ ли турецкое правительство до шага, обезпечивающаго европейскій миръ? Въ этомъ позволено сомнѣваться.

Если же Порта не дастъ этихъ гарантій, то тогда послѣдуетъ неизбѣжно вооруженное вмѣшательство, какъ результатъ переговоровъ генерала Игнатьева. Тутъ начнется уже новый, и, на этотъ разъ, окончательный фазисъ восточнаго вопроса, фазисъ, въ которомъ дипломатическія бесѣды уступятъ мѣсто разговору пушекъ.

Въ Константинополѣ пушки и теперь говорятъ, но говорятъ мирно, торжественно объявляя объ открытіи парламента. Сообщаемъ то, что пока извѣстно объ этомъ открытіи.

Ровно въ 2 часа, въ понедѣльникъ, 19-го марта, послѣдовало открытіе парламента, въ присутствіи членовъ дипломатическаго корпуса, высшихъ сановниковъ различныхъ исповѣданій, улемовъ и высшихъ сановниковъ гражданскихъ. Кіамилъ-паша, церемоніймейстеръ, отворивъ небольшую дверь справа, ведущую во внутренніе покои дворца, и герольды провозгласили о прибытіи султана. Абдулъ-Гамидъ вошелъ въ залу въ простомъ гражданскомъ платьѣ, имѣя на груди только знакъ ордена Османіе; съ боку у него была привѣшена золотая сабля, осыпанная драгоцѣнными каменьями. Вслѣдъ за султаномъ появилось султанское семейство, въ сопровожденіи придворныхъ особъ, которыя размѣстились позади трона. Султанъ сталъ около трона по правую сторону и, опираясь на саблю, слегка кивалъ головою въ отвѣтъ на весьма низкіе поклоны собравшихся. Великій визирь, Эдхемъ-паша, дѣлая множество поклоновъ, приблизился къ султану и принялъ изъ рукъ его свитокъ, заключающій въ себѣ тронную рѣчь; поцѣловавъ этотъ свитокъ, онъ передалъ его первому секретарю султана, Саиду-пашѣ, который, въ свою очередь, приложившись къ бумагѣ губами, началъ читать рѣчь. По окончаніи чтенія, всѣ снова сдѣлали султану земной поклонъ. Затѣмъ, султанъ тотчасъ же вышелъ изъ залы, и герольды возвѣстили, что церемонія окончена. Тронная рѣчь султана начинается провозглашеніемъ несомнѣнныхъ истинъ, что добрая администрація должна покоиться на довѣріи правящихъ управляемыми, и что необходимо узаконить права и обязанности какъ правительства, такъ и народа. Послѣ общаго, но довольно подробнаго очерка событій, со времени восшествія на престолъ Абдулъ-Гамида, въ тронной рѣчи говорится, что султанъ «всегда былъ убѣжденъ, что преуспѣяніе европейскихъ государствъ зависѣло, главнѣйшимъ образомъ, отъ либеральныхъ учрежденій, дающихъ населенію возможность свободно развивать и укрѣплять свои силы», и что «всѣ несчастія Турціи происходили отъ системы абсолютизма, которою до настоящаго времени руководствовалось оттоманское правительство». Вотъ причины, побудившія султана даровать конституцію. Онъ счастливъ, что на его долю выпало открыть первую въ Оттоманской имперіи сессію парламента.

Палатамъ будутъ предоставлены въ эту сессію слѣдующіе главнѣйшіе законопроекты: о выборномъ началѣ во внутреннемъ управленіи провинцій, объ организаціи вилайетовъ и общинъ, о пенсіи лицамъ, выходящимъ въ отставку изъ государственной службы, о судебныхъ учрежденіяхъ, о контролѣ, о правахъ и обязанностяхъ печати и о государственномъ бюджетѣ. Въ заключеніе, упомянувъ о добрыхъ отношеніяхъ оттоманскаго правительства ко всѣмъ державамъ Европы, тронная рѣчь заявляетъ, что дружескія, внѣшнія стремленія составляютъ драгоцѣнныя традиціи Турціи, всегда старавшейся сохранять дружбу и любовь въ сношеніяхъ съ иностранными державами. Согласно желанію всей Европы, оттоманское правительство приняло предложеніе созвать въ Константинополѣ конференцію, по основѣ программы, выработанной Англіей. Эта конференція не привела, правда, ни къ чему; но Турція торжественно высказала, и готова доказать на дѣлѣ, что ея правительство само, по собственному почину, исполнитъ на практикѣ всѣ желанія Европы и всѣ совѣты, высказанные европейскими уполномоченными. Такъ какъ оттоманское правительство представило уже доказательство свою умѣренность и искренность, то султанъ убѣжденъ, что европейскія правительства будутъ и впредь относиться къ Турціи столь же любовно и сохранятъ свои симпатіи къ ней, какъ къ члену великой семьи европейскихъ націй.

Остроумный фельетонистъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» сдѣлалъ забавный эскизъ театральной обстановки турецкаго парламента въ примѣненіи къ нравамъ мусульманскихъ депутатовъ и, между прочимъ, подробно описалъ механизмъ, посредствомъ котораго парламентскіе турки могутъ удовлетворять свою страстную потребность къ куренію. Въ ближайшемъ къ залѣ засѣданій корридорѣ установлено было нѣсколько громадныхъ размѣровъ фарфоровыхъ вмѣстилищъ, постоянно наполняемыхъ табакомъ. Отъ каждой такой урны, вмѣщавшей около 10 фунтовъ табаку, проведено 20 очень длинныхъ, металлическихъ трубочекъ (въ родѣ тѣхъ, которыя употребляются въ воздушныхъ звонкахъ), незамѣтно бѣгущихъ, извиваясь по стѣнамъ, проникающихъ въ залу и оканчивающихся маленькимъ чубукомъ у каждаго депутатскаго сидѣнія. Депутату стоитъ только повернуть голову, чтобъ втянуть внутрь себя мягкую и душистую струю. Возлѣ каждаго же чубучка имѣется воронка, которая, тоже черезъ посредство спеціальной трубки, соединяется съ большимъ вентиляціоннымъ каналомъ. Такимъ образомъ, курильщикъ изъ чубука захватитъ дыму и въ воронку выпуститъ его! Изобрѣтеніе вполнѣ остроумное, хотя служащее лишь новою формою, извѣстною у гимназистовъ «куреніе въ печку». Нужно имѣть еще въ виду, что оживленная возня съ чубуками и воронками не можетъ служить еще развлеченіемъ для депутатовъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что открытіе турецкаго парламента представляетъ собою фактъ первой важности, и, такъ сказать, новый факторъ, вводимый событіями въ разрѣшеніе восточнаго вопроса. Еще весьма недавно, не только русская, но и иностранная печать, совершенно по праву относились къ конституціоннымъ затѣямъ Порты съ улыбкой насмѣшки и недовѣрія. Конечно, иначе относиться было невозможно. Порта всегда кормила своихъ притѣсненныхъ подданныхъ, блестящими надеждами, но, съ цинизмомъ, дѣлающимъ честь и болѣе цивилизованнымъ государствамъ,—никогда ихъ не выполняла. Понятно, что и на конституціонные ея толки иначе нельзя было смотрѣть. Одно только обстоятельство выпустила печать изъ виду. Порта, давая свои обѣщанія, не выполняла ихъ, потому что никогда не была принуждена къ этому обстоятельствами. Но съ конституціонными затѣями вышло иначе. Во первыхъ, партія молодой Турціи давно требуетъ конституціи и требуетъ весьма серьезно. Затѣмъ, обстоятельства послѣдняго года и восточный кризисъ, обрушившійся на Турцію, дали значительный перевѣсъ этой партіи; а внутренняя дезорганизація, дворцовая интрига, и династическій кризисъ обнаружили такія глубокія и тяжелыя раны государственнаго организма Турціи, что оказалось единственнымъ спасеніемъ введеніе такого порядка вещей, который, уничтожая произволъ, преобразуя администрацію, и давая залогъ будущаго Европѣ,—могъ бы спасти Турцію отъ окончательнаго политическаго крушенія. Этотъ залогъ и есть конституція. Заслуга молодой Турціи и Митхада-паши заключается именно въ томъ, что они убѣдились въ необходимости конституціи. Старотурецкая партія и клика, окружающіе султана, конечно, посмотрѣли на это дѣло совершенно иначе. Конституція, по мнѣнію ихъ, явилась какъ чрезвычайно удобное средство отводить до поры до времени глаза Европѣ. Но разъ признавъ въ принципѣ конституцію, не такъ-то легко отъ нея отдѣлаться, и открытіе турецкаго парламента есть первый конституціонный актъ Порты. Мы знаемъ, что, въ глазахъ многихъ членовъ турецкаго правительства, эта конституція и этотъ парламентъ—только средства политической интриги, но въ данномъ случаѣ это—обоюдоострое орудіе. Если оно можетъ служить орудіемъ грязной политической интриги,—то, въ извѣстный моментъ, оно можетъ сдѣлаться оплотомъ народныхъ стремленій противъ административныхъ безобразій. Вотъ почему мы полагаемъ, что открытіе турецкаго парламента, внося собою новый элементъ въ восточный вопросъ, съ тѣмъ вмѣстѣ является крупнымъ фактомъ внутренней политической жизни Турціи.

Бестактно поэтому и нелѣпо издѣвались надъ конституціонными затѣями Турціи, только потому, что прежде въ этомъ полуварварскомъ государствѣ этихъ затѣй не было и что въ этой конституціонной комедіи будетъ много смѣшного и отвратительнаго. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что элементы комизма и отвращенія существуютъ, что парламентъ, на первыхъ, по крайней мѣрѣ, порахъ, представитъ собою курьезное вавилонское столпотвореніе; но серьезнаго политическаго публициста не эта сторона комизма должна интересовать. Отмѣчая ее, онъ не долженъ забывать, что подъ этой комедіей скрывается трагедія, въ которой народныхъ стремленія и демократическіе порывы притѣсненныхъ народовъ найдутъ себѣ легальную почву борьбы.

Смѣсь.

Въ имѣніи землевладѣльца Кащенка (Новомосковскаго уѣзда) хорьки пользуются особымъ покровительствомъ; тутъ строго запрещено ихъ убивать, даже въ томъ случаѣ, если они заберутся на экономическую птичню. Вмѣсто истребленія, захвативъ хорьковъ на птичнѣ, здѣсь ихъ бережно ловятъ, завязываютъ въ мѣшки, отвозятъ въ степь и тамъ пускаютъ на свободу. Чтобъ испытать, осмѣлятся ли послѣ этого хорьки вновь явиться на птичню, пойманнымъ привязывали на шею красные ошейники, и въ такомъ видѣ пускали ихъ. Оказывалось, что на другой день снова излавливали въ птичнѣ тѣхъ самыхъ хорьковъ, въ ошейникахъ, но, тѣмъ не менѣе, не убивали ихъ, а въ наказаніе за непослушаніе сѣкли розгами и вновь отвозили въ степь и пускали на свободу. Хорьки не унимались, и послѣ экзекуціи вновь посѣщали птичню г. Кащенка по старой привычкѣ. Опять ихъ ловили, сѣкли и отпускали. Очевидно, что тѣлесное наказаніе въ данномъ случаѣ оказывается безплодною мѣрою, и если такъ настойчиво удерживается, то лишь по традиціонной любви къ нему, доказанной, между прочимъ, земскими проектами объ усиленіи наказаній, постоянно исходящими отъ этого уѣзда. Все, сказанное мною, прибавляетъ корр. «Од. Вѣст.», сообщающій это извѣстіе, нисколько не вымыселъ, и я прошу не считать моихъ словъ шуткою.

— Теперешняя фаворитка Абдулъ-Гамида, Флора Кордье, уроженка Бельгіи, и братъ ея занимаетъ мѣсто простого работника въ каменноугольныхъ копяхъ при Ла-Лувьерѣ въ Генегауской провинціи. Послѣдній находится теперь въ большомъ затрудненіи, такъ-какъ ему необходима довѣренность отъ сестры для продажи небольшого дома, которымъ они владѣютъ сообща и всѣ письма, посылаемыя имъ въ Константинополь, не доходили по адресу. Любопытно знать, удастся ли ему, въ концѣ концовъ, отыскать средства для полученія требуемой довѣренности отъ султанской фаворитки.

Наши гравюры.

С.-Петербургская Биржа.

Нева, безспорно составляетъ лучшее, украшеніе Петербурга. Широкая, громадная, развѣтвляющаяся на нѣсколько рукавовъ, окаймленная гранитными набережными,—Нева, конечно, одна изъ красивѣйшихъ рѣкъ въ Европѣ. Она составляетъ оригинальность Петербурга и его лучшее украшеніе. Ее воспѣвали поочередно Пушкинъ; Мицкевичъ и Лермонтовъ. По мнѣнію многихъ, лучшій видъ на Неву съ Николаевскаго моста, вдоль Адмиралтейства и Дворцовой набережной. Лермонтовъ (въ «Сказкѣ для дѣтей») особенно восхищался гранитными набережными и громадными домами Дворцовой набережной.

По нашему, однако, мнѣнію, красивѣйшее мѣсто на Невѣ есть именно то мѣсто, которое представлено на нашемъ рисункѣ,—видъ на зданіе Биржи, при отдѣленіи Малой Невы отъ Большой. Въ этомъ мѣстѣ, Нева чрезвычайно широка, и, благодаря громадному количеству иностранныхъ судовъ и кораблей, благодаря Дворцовому мосту, представляетъ одно изъ наиболѣе оживленныхъ мѣстъ въ Петербургѣ.

Биржа,—обширное, великолѣпное зданіе,—помѣщается на восточной сторонѣ Васильевскаго Острова. Она—одно изъ старыхъ зданій Петербурга, (которыхъ въ нашей столицѣ такъ мало), и построена при императорѣ Александрѣ I. Громаднѣйшій биржевой залъ, назначенный для биржевыхъ купцовъ, украшенъ колоссальнымъ бюстомъ императора Александра I. Тутъ, ежедневно, происходятъ всѣ биржевыя операціи и сдѣлки, принявшія въ послѣдніе годы значительное развитіе. Съ обѣихъ сторонъ главнаго фасада биржи, обращеннаго къ Невѣ, воздвигнуты двѣ большія колонны, украшенныя у подошвы двумя статуями. Влѣво отъ Биржи тянется набережная, на которую выгружаютъ товары съ заграничныхъ купеческихъ судовъ.

Урокъ катанья на конькахъ.

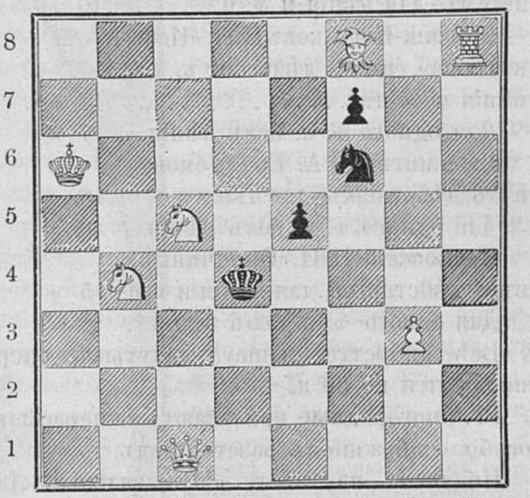
Передъ нами одна изъ самыхъ ежедневныхъ, сезонныхъ сценъ. Молодая мать, какъ видно большая любительница катанья на конькахъ и довольно уже опытная, учитъ свою шести-лѣтнюю дочь тому же искусству. Дѣвочка робко скользитъ по льду придерживаясь за руку матери. Картинка эга, полагаемъ, такъ хорошо знакома многимъ, что распространяться о ней находимъ излишнимъ.

Шахматы.

Задача X.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 2 хода.

Черные.



Бѣлые.

Рѣшеніе IX задачи, помѣщенной въ № 10

Бѣлые. *Черные.*

1) G2—A8...............

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи. Бирючья коса. — Доброволецъ. (Разсказъ изъ народнаго быта) (продолж.). — Между Болгарами (продолж.) (съ 3-мя рис.). — Новые типы. — Весной на поле битвы (стихотвор.). — Журналистика.—Новости наукъ и жизни.—Со всего свѣта. —Смѣсь.—Наши гравюры.— Шахматы —Объявленія.

Гравюры. С.-Петербургская Биржа.—Болгарскій священникъ. — Болгарская дама изъ высшаго круга. —Болгарская цыганка (къ статьѣ: «Между Болгарами».—Урокъ катанья на конькахъ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Объявленія.

ОТЪ КОНТОРЫ ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ.

За перемѣну адреса редакція проситъ гг. подписчиковъ высылать:

1) За перемѣну петербургск. на иногородн. 85 к.
2) » » иногородн. на петербургск. 50 »
3) » » иногородняго на иногородн. 25 »

Въ конторѣ редакціи **„Живописнаго Обозрѣнія“** а также въ музыкальныхъ магазинахъ В. Бесселя и К⁰ и М. Бернарда, находятся въ продажѣ **ноты:**

МАРШЪ
РУССКИХЪ ДОБРОВОЛЬЦЕВЪ.

Сочиненіе **ФЛОРІАНА ГЕРМАНА.** (8 страницъ). Цѣна **1** руб. съ пересылкою **1** р. **50** коп.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОЙ ТОРГОВЛѢ

В. БЕССЕЛЯ И К°.

ПОСТАВЩИКОВЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО МУЗЫКАЛЬНАГО ОБЩЕСТВА И КОНСЕРВАТОРІИ.

На Невскомъ проспектѣ, д. № 58 (гдѣ Отель Бель-Вю).

Продаются изданныя съ правомъ собственности русскія оперы:

Даргомыжскаго А. С. «Каменный Гость» въ 3 дѣйствіяхъ, для п. ф.	8 р.
Сокращенное изданіе (вмѣсто либретто)	— » 60 к.
«Торжество Вакха», опера-балетъ, (одно дѣйствіе) въ 2 картинахъ, для пѣнія и ф. п.	5 »
Кюи Ц. А. «Вильямъ Ратклифъ», въ 3 дѣйствіяхъ для пѣнія и ф. п.	9 »
«Анджело», въ 4 дѣйствіяхъ, для пѣнія и ф. п.	16 »
Мусоргскій М. П. «Борисъ Годуновъ», въ 4 дѣйствіяхъ съ прологомъ, для пѣнія и ф. п.	15 »
Римскій-Корсаковъ Н. А. «Псковитянка», въ 4 дѣйствіяхъ, для пѣнія и ф. п.	12 »
Для одного ф. п. безъ пѣнія	7 »
Рубинштейнъ А. Гр. «Демонъ» въ 3 дѣйствіяхъ, для пѣнія и ф. п.	10 »
Для одного ф. п. безъ пѣнія	6 »
Чайковскій П. И. «Опричникъ», въ 4 дѣйствіяхъ, для пѣнія и ф. п.	15 »
Для одного ф. п. безъ пѣнія	8 »

Всѣ либретто вышеупомянутыхъ оперъ продаются по 50 к.

Гг. иногородные прилагаютъ за пересылку особо, сообразно съ разстояніемъ.

Подписка на газету «Музыкальный Листокъ» продолжается по 3 р. 60 коп. съ пересылкою. Вновь подписавшіеся получаютъ всѣ вышедшіе нумера.

ОБЪ ИЗДАНІИ СБОРНИКА

„ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССІЯ“

въ 1877 году (третій годъ).

Ежемѣсячный, историческій, иллюстрированный сборникъ „Древняя и Новая Россія“ издается въ 1877 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшіе два года (1875—1876).

Сборникъ „Древняя и Новая Россія“ выходитъ каждый мѣсяцъ книжками, въ размѣрѣ до двѣнадцати и болѣе печатныхъ листовъ большаго формата, in 4⁰, въ два столбца печати на страницѣ, съ нѣсколькими портретами и рисунками и другими художественными приложеніями, такъ что, по окончаніи года, составятся три большихъ тома до 150 печатныхъ листовъ съ 50—60 гравюрами, литографіями и хромолитографіями.

Въ первыхъ книжкахъ сборника 1877 г. изъ значительнаго количества разнообразныхъ статей и матеріаловъ, находящихся въ распоряженіи редакціи, будутъ, между прочимъ, напечатаны слѣдующія:

Проф. Н. Я. Аристова: Невольное и неохотное постриженіе въ монашество у нашихъ предковъ.—Ѳ. А. Арсеньева: Шексна и Виртембергская система (Путевые очерки). — Проф. К. Н. Бестужева-Рюмина: Чему учитъ русская исторія?—Проф. А. Г. Брикнера: Русскіе дипломаты-туристы въ Италіи. — Н. И. Греча: Отрывки изъ воспоминаній. — Акад. Я К. Грота: Эпизодъ изъ Пугачевщины. — М. Ѳ. е-Пуле: А. В. Кольцовъ. Біографическій очеркъ. — Г. В. Есипова. 1) Выдержки изъ дѣлъ Преображенскаго приказа. 2) А. П. Ганнибалъ и княгиня А. П. Волконская.—И. Е. Забѣлина: Замѣтки о древне-русскомъ зодчествѣ. — Д. И. Завалишина: Кругосвѣтное плаваніе фрегата „Крейсеръ“. — Проф. Д. И. Иловайскаго: Древній Черниговъ.—Проф. В. С. Иконникова: Митрополитъ Арсеній Мацѣевичъ.—Е. П. Карновича: 1) Ассамблеи при Петрѣ I.—2) Великая княгиня Александра Павловна.—А. К. Киркора: 1) Озерное жилище въ Квачалѣ 2) Покутье въ Галицкой Руси.—Проф. Д. А. Корсакова: А. П. Волынскій. Біографическій очеркъ.—Проф. Н. И. Костомарова: Императрица Екатерина I.—Проф. О. Ѳ. Миллера: Россія и Европа въ Восточномъ вопросѣ. — Д. Л. Мордовцева: 1) Графъ А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ въ случаѣ.—2) Л. А. Нарышкинъ. Біографическій очеркъ. — Проф. I. I. Первольфа: Фридрихъ, князь Острожскій.—Проф. Н. И. Петрова: Драматическія сочиненія Георгія Конисскаго. — Проф. Н. А. Попова: Ѳ. А. Баженинъ. Эпизодъ изъ исторіи общественныхъ нравовъ Петровской эпохи.—А. Н. Попова: Генералъ Моро въ русской службѣ. — А. И Савельева: Нѣсколько памятниковъ старинной культуры, сохранившихся въ Россіи.—Проф. А. В. Романовича-Славатинскаго: Ю. Ѳ. Самаринъ въ Кіевѣ. — А. Н. Сергѣева: Нижегородскій Кремль.—Акад. С. М. Соловьева: Восточный вопросъ пятьдесятъ лѣтъ назадъ. — Проф. Н. В. Сорокина: На Уралѣ.—В. Я. Стоюнина: Адмиралъ А. С. Шишковъ.—Акад. М. И. Сухомлинова: Уничтоженіе диссертаціи Н. И. Костомарова въ 1842 году. — Л. Н. Трефолева: Ярославль въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны.—Акад. Н. Г. Устрялова: Воспоминанія о моей жизни.—Проф. А. Ѳ. Хойнацкаго: Библія и народъ въ предѣлахъ Юго-Западнаго края Россіи. — Проф. С. М. Шпилевскаго: Дѣло секундъ-маіора Р. Н. Державина.

Къ январской книжкѣ сборника, между прочимъ, была приложена большая литографія на тону съ оригинальной картины художн. Ст. Хлѣбовскаго.

„Ассамблея при Петрѣ Великомъ“.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ двѣнадцать руб. сер., съ доставкою на домъ двѣнадцать руб. пятьдесятъ коп. сер., съ пересылкой тринадцать руб. пятьдесятъ коп. сер.; за границу 14 руб.

Главная Контора Редакціи сборника „Древняя и Новая Россія“ находится въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, рядомъ съ Пассажемъ, № 46, при хромолитографіи и типографіи издателя В. И. Граціанскаго, куда г. иногородныхъ и просятъ исключительно обращаться со всѣми своими требованіями.

Въ Главной Конторѣ можно получать оставшіеся отъ подписки экземпляры „Древней и Новой Россіи“ за 1875 и 1876 годы. Каждый годъ состоитъ изъ трехъ большихъ томовъ съ 60 — 70 портретами и рисунками.

Цѣна каждаго года, безъ пересылки двѣнадцать руб. сер.; съ пересылкой тринадцать руб. пятьдесятъ коп. сер.

Издатель В. И. Граціанскій—Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ОБЪ ИЗДАНІЯХЪ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ДУХОВНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ 1877 ГОДУ.

А) Журнала «Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія».

Журналъ „Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“ издается и въ 1877 году.

Выполнявшаяся въ предшествующіе года программа журнала выполняется и въ 1877 году безъ существенныхъ измѣненій.

Журналъ этотъ съ 1875 года имѣетъ особое приложеніе, состоящее изъ перевода съ греческаго языка: правилъ апостольскихъ, соборныхъ, святыхъ отецъ, съ толкованіями Зонары, Аристина, Вальсамона и съ присовокупленіемъ къ нимъ текста славянской Кормчей.

Цѣна годоваго изданія „Чтеній въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“—6 р. 50 к., съ пересылкою въ города и доставкою въ Москвѣ 7 р.

Б) Церковной газеты «Московскія Епархіальныя Вѣдомости».

„Московскія Епархіальныя Вѣдомости“ издаются въ 1877 году по прежней программѣ.

Годовая цѣна „Московскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ въ 1876 г.: безъ достав. и перес. 3 р. 50 к., съ доставкою и пересылкою 4 р. 50 к. Полугодовая 2 р, съ перес. и достав. 2 р. 50 к., за три мѣсяца 1 р., съ перес. 1 р. 30 к., съ доставк. 1 р. 25 коп.; за мѣсяцъ 40 к., съ перес. и достав. 50 к.; отдѣльные №№ по 10 к. Лица, подписавшіяся на „Чтенія“ и „Московскія Епархіальныя Вѣдомости“ вмѣстѣ, безъ пересылки и доставки платятъ за изданіе 9 р., а съ доставкою и пересылкою—10 руб.

В) «Воскресныхъ Бесѣдъ».

„Воскресныя бесѣды“, издаваемыя Обществомъ любителей духовнаго просвѣщенія и печатаемыя первоначально за три недѣли впередъ въ „Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ и изъ нихъ, въ тоже время, переводимыя въ отдѣльные оттиски для своевременнаго полученія во всѣхъ мѣстностяхъ нашего отечества, тѣмъ же порядкомъ издаются и въ 1877 году.

„Воскресныя Бесѣды“ выходятъ еженедѣльно. Цѣна годоваго изданія изъ 52 листовъ—50 к., безъ доставки и пересылки; съ доставкою въ Москвѣ и пересылкою въ другіе города—1 р. 10 к.; за полгода 50 к., съ перес. и доставкою 60 к.; за три мѣсяца 20 коп., съ перес. и дост. 35 коп.; за мѣсяцъ 10 к., съ дост. и перес. 20 коп.

Подписка на всѣ изданія Общества любителей духовнаго просвѣщенія принимается въ Москвѣ: въ Епархіальной библіотекѣ, въ Высокопетровскомъ монастырѣ; въ редакціи изданій Общества любителей духовнаго просвѣщенія—на Донской, въ приходѣ Ризположенской церкви, въ квартирѣ священника Виктора Петровича Рождественскаго; въ павильонѣ Отдѣла Общества, близъ Иверской часовни у старыхъ присутственныхъ мѣстъ, и у книгопродавцевъ Ферапонтова и Соловьева; въ Петербургѣ — у Кораблева и Сирякова. Иногородные благоволятъ обращаться съ своими требованіями исключительно въ Редакцію изданій Общества.

Тамъ же можно получать и слѣдующія изданія Общества:

Правила святыхъ апостоловъ, святыхъ соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ и святыхъ отецъ съ толкованіями. Выпускъ 1-й. Правила святыхъ апостолъ съ толкованіями. Изданіе Общества любителей духовнаго просвѣщенія 1876 г. Цѣна безъ пересылки 80 коп., съ пересылкою 1 руб.; на веленевой бумагѣ безъ пересылки 2 руб., съ перес. 2 руб. 50 коп.

„Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“ за прежніе годы за 10 книгъ, выходившихъ до 1871 года отдѣльными выпусками, 3 р., съ пересылкою 4 р.; за 12 книгъ 1871 года 2 р., съ перес. 3 р.; за 12 книгъ 1872 года — 3 р., съ перес. 4 р.; за 12 книгъ 1873 г. — 4 р., съ перес. 5 р.; за 12 книгъ 1874 г. 4 р., съ перес. 5 р.; за 12 книгъ 1875 г. 6 р. 50 к., съ перес. 7 р.; за годовое изданіе 1876 г. 6 р. 50 к., съ перес. 7 р.

Записки на книгу Бытія митрополита московскаго Филарета — 50 к., съ перес. 75 к.

Лекціи по умозрительному богословію протоіерея Ѳ. А. Голубинскаго—50 к., съ перес. 75 к.

Воскресныя Бесѣды 1870-го, 1874-го, 1875-го, 1876-го годовъ по 50 к. за экз., съ перес. 70 к.

Бесѣды о говѣніи по уставу православной церкви 5 к., съ перес. 10 коп.

Избранныя бесѣды 1871 и 1872 года въ одной книжкѣ 50 к., съ перес. 70 к.

Если количество бесѣдъ одного и того же года, а не разныхъ годовъ, будетъ выписываемо не менѣе 50 экз. въ одинъ разъ, то совѣтъ Общества можетъ уступить ихъ по 50 коп. за экз., принимая и пересылку на свой счетъ; тоже и бесѣды о говѣніи могутъ быть уступлены по 5 к. за экз. съ пересылкою, если требованіе ихъ въ одинъ разъ будетъ не менѣе 50 экз.

Воскресныя Бесѣды, издаваемыя въ 1877 году, если количество ихъ будетъ требуемо не менѣе 50 экз. по одному адресу, могутъ быть уступлены вмѣсто 1 р. 10 к. по 50 к. за экз.

Московскія Епархіальныя Вѣдомости 1869, 1871, 1872, 1873, 1874 и 1875 года по 2 р. за годовой экз., съ перес. 2 р. 50 к.; за 1876 годъ по 3 р. 50 к., съ перес. 4 р. 50 к. за каждый экз.

Программа закона Божія для преподаванія въ начальныхъ школахъ 5 к., съ перес. 10 к.

ПОДПИСКА НА 1877 ГОДЪ

(годъ 31-й)

ГАЗЕТА МУЗЫКИ, ТЕАТРА И ИЗЯЩНЫХЪ ИСКУССТВЪ

„МУЗЫКАЛЬНЫЙ СВѢТЪ“.

Будетъ выходить въ будущемъ 1877 году еженедѣльно въ количествѣ 50 нумеровъ въ годъ, отъ 1 — 2 листовъ убористой печати и будетъ заключать въ себѣ слѣдующіе постоянные отдѣлы:

1) *Театральная и концертная панорама.* Еженедѣльный полный обзоръ спектаклей, концертовъ и другихъ явленій общественной, театральной и музыкальной жизни.

2) *Критика и библіографія.* Подробный разборъ и критическая оцѣнка всѣхъ выдающихся новостей отечественной и иностранной музыкальной литературы.

3) *Біографіи* знаменитыхъ художниковъ, артистовъ и музыкантовъ, съ приложеніемъ ихъ портретовъ.

4) *Историческіе обзоры* музыки, театра и изящныхъ искусствъ у разныхъ народовъ и въ разные періоды ихъ существованія.

5) *Корреспонденціи* изъ всѣхъ городовъ Россіи и главнѣйшихъ городовъ Западной Европы.

6) *Хроника* текущихъ театральныхъ и музыкальныхъ явленій.

7) *Беллетристика.* Романы, повѣсти, разсказы, комедіи, драмы и т. п.

8) *Стихотворенія.* Романсы безъ музыки,—отдѣлъ, предназначенный спеціально для композиторовъ, затрудняющихся въ выборѣ стиховъ для романсовъ.

9) *Смѣсь.* Маленькіе разсказы и анекдоты изъ жизни артистовъ, характеризующіе ихъ; шутки, каламбуры и разныя извѣстія и курьозы музыкальнаго и театральнаго міра.

10) *Фельетонъ* и пр.

11) *Музыкальныя и театральныя новости*, — отдѣлъ, на который обращено особенное вниманіе редакціи и изъ котораго почти всѣ періодическія изданія дѣлаютъ заимствованія.

Въ газетѣ принимаютъ постоянное участіе: *С. З. Буриковскій* (исторія театра), *К. П. Галлеръ* (библіографія), *И. Н. Измайловъ* (клубныя сцены), *Н. П. Карцовъ* (C'est moi, музыкальные и театральные обзоры), *М. В. Кириловъ* (Карнѣевъ, біографіи и драматическая литература), *И. И. Калашниковъ* (стихотворенія), *И. А. Кузминскій* (корреспонденціи изъ Одессы), *Г. А. Лишинъ* (Никлянскій, стихотворенія), *Михневичъ* (очерки исторіи музыки), *А. А. Соколовъ* (театральный нигилистъ, беллетристика и критика), *В. Соколовъ* (профессоръ московской консерваторіи, московскіе музыкальные обзоры); *И. А. Устиновъ* (корреспонденціи изъ Харькова), *А. П. Толченовъ* (театральные обзоры и воспоминанія). *М. П. Федоровъ* (разныя извѣстія) и мн. др.

Обширный кругъ читателей, который наша газета пріобрѣла въ короткое время, краснорѣчивѣе всякихъ рекламъ говоритъ въ ея пользу; редакція будетъ, по возможности, стараться дѣлать ея содержаніе постоянно все болѣе разнообразнымъ, разностороннимъ и интереснымъ и надѣется на сочувствіе тѣхъ, кому дорого театральное и музыкальное дѣло.

Газета наша — первый и единственный въ Россіи спеціальный театрально-музыкальный органъ—является существенною необходимостію для антрепренеровъ и артистовъ всѣхъ казенныхъ и частныхъ театровъ и составляетъ легкое и интересное чтеніе для всѣхъ интересующихся развитіемъ и ходомъ театральнаго и музыкальнаго дѣла.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГАЗЕТУ:

На годъ, съ 1 январ. по 1 январ.:		На ½ съ 1 іюля по 1 января:	
Безъ доставки	4 р. 50 к.	Безъ доставки	2 р. 50 к.
Съ доставкою и перес.	5 р. 50 к.	Съ достав. и перес.	3 р. — к.

Подписчики на газету будутъ получать, въ видѣ безплатной преміи, одну музыкальную пьесу.

Годъ 31. „ЖУРНАЛЪ МУЗЫКАЛЬНЫЙ СВѢТЪ“ Годъ 31.

по примѣру прошлыхъ лѣтъ, будетъ и въ 1877 году выходить ежемѣсячно тетрадями отъ 50—60 страницъ музыки, что составитъ въ годъ коллекцію нотъ болѣе чѣмъ 650 страницъ музыки, т. е., по магазиннымъ цѣнамъ, болѣе чѣмъ на сто рублей.

Каждая тетрадь будетъ заключать въ себѣ одну трудную пьесу, пять, шесть и болѣе пьесъ салонныхъ, два или три танца и два романса. Кромѣ того, въ теченіи года будетъ помѣщено шесть пьесъ въ четыре руки.

Имена слѣдующихъ русскихъ композиторовъ встрѣтятся на страницахъ **„Музыкальнаго Свѣта“**: А. Рубинштейна, Чайковскаго, Ц. Кюи, Даргомыжскаго, Сѣрова, Дютша, Соловьева, Галлера, Лешетицкаго, Направника, Рейнбольда, Реша и другихъ. И иностранныхъ композиторовъ: Листа, Литольфа, Вагнера, Верди, Сенъ-Санса, Гуно, Кирхнера, Цельнера, Раффа, Страуса, Лекока, Оффенбаха и другихъ.

Подписчики на журналъ **„Музыкальный Свѣтъ“** получатъ въ премію двѣ полныхъ оперы для фортепіано на выборъ изъ пятидесяти нумеровъ и газету *).

Подписная цѣна на журналъ съ газетою: безъ доставки 10 р.; съ доставкой и пересылкой 11 руб. 50 коп.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи **„Музыкальнаго Свѣта“**, на Невскомъ проспектѣ. у Казанскаго моста, въ домѣ № 27 (Лѣсникова), надъ Милютинымъ рядомъ.

Редакторъ Издатель **Н. П. Карцовъ.**

СИМБИРСКАЯ

ЗЕМСКАЯ ГАЗЕТА

выходитъ съ 1-го сентября еженедѣльно,

къ газетѣ прилагается

Систематическая лѣтопись Симбирскаго Земства.

Подписная цѣна за годъ	5 руб.
Съ пересылкой	6 руб.

Подписка принимается въ Редакціи, въ г. Симбирскѣ и во всѣхъ Симбирскихъ Земскихъ Управахъ. Новые подписчики получаютъ всѣ вышедшіе съ 1-го сентября нумера газеты.

---

*) Редакція журнала приметъ всѣ мѣры, чтобы сдѣлать его содержаніе возможно болѣе разнообразнымъ и потому на ряду съ классическими сочиненіями будетъ стараться знакомить подписчиковъ со всѣми новостями отечественной и иностранной музыкальной литературы.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 12 марта 1877 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 л., д. № 12.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

№ 12. Томъ I. На годъ съ доставкою и пересылкою 7 руб.: на полгода 4 р. 50 к. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 20 Марта 1877 года. Адресъ конторы редакціи: С.П.-бургъ, Васильевскій островъ, 3-я линія, д. № 48. Годъ V.

Подписка на „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ 1877 г. продолжается.

Каждый новый подписчикъ получаетъ журналъ съ № 1 вмѣстѣ съ ежемѣсячнымъ приложеніемъ «Жизнь и Хозяйство».

Въ 1877 году журналъ выходитъ въ форматѣ большихъ иллюстрацій, **еженедѣльными** нумерами (въ годъ 52 №№ или 2496 столбцевъ), иллюстрированными множествомъ художественныхъ гравюръ. Въ концѣ года все изданіе будетъ состоять изъ *двухъ большихъ томовъ.* Всѣ подписчики получаютъ, **въ видѣ преміи,** ежемѣсячное приложеніе подъ заглавіемъ **„ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО“,** каждый нумеръ котораго заключаетъ въ себѣ отъ множество рисунковъ. Кромѣ того, въ теченіи года всѣмъ годовымъ подписчикамъ разсылается

НѢСКОЛЬКО ДРУГИХЪ ПРЕМІЙ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: За годъ безъ доставки **6 руб.,** съ доставкою въ Спб. и *для иногородныхъ* **7 руб. Гг. иногородные** благоволятъ адресоваться съ своими требованіями *прямо и непосредственно* въ главную контору редакціи, по адресу: въ С.-Петербургѣ, Васильевскій о-въ, 3-я линія, д. № 48. **Гг. городскіе** подписчики могутъ абонироваться въ книжномъ магазинѣ М. В. Попова, на Невскомъ пр., въ зданіи Пассажа.

Ѳ. Г. Волковъ,

основатель русскаго театра.

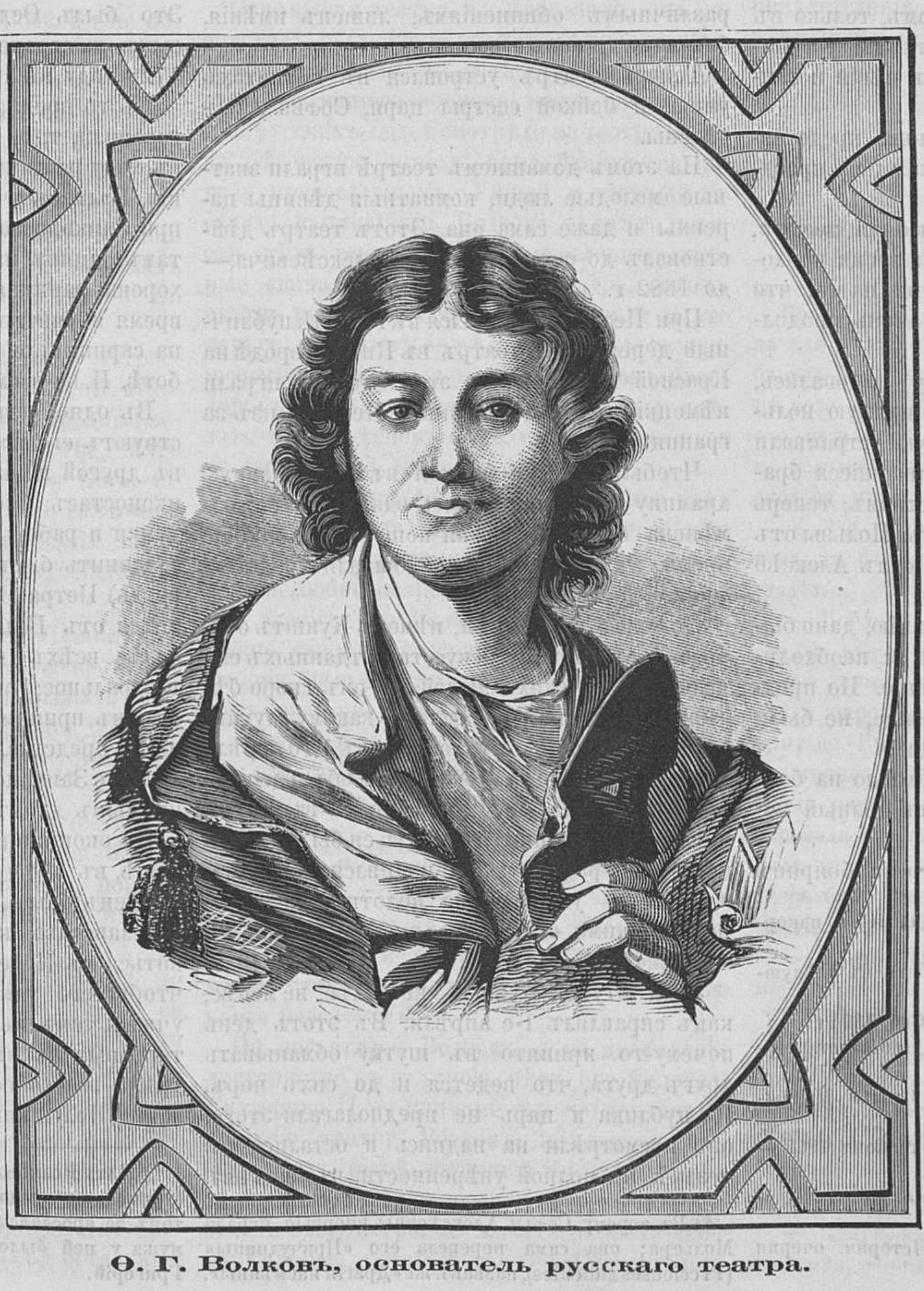
До тѣхъ поръ, пока не было у насъ на Руси театральныхъ зрѣлищъ, объ нихъ знали только тѣ русскіе, которымъ приходилось ихъ видѣть за границей *).

Такъ прошло время до царя Алексѣя Михайловича, именно до 1672 года.

Въ этомъ году пріѣхалъ въ Москву одинъ нѣмецъ, по фамиліи Грегори, съ нѣсколькими актерами и музыкантами; онъ представился боярину Матвѣеву, какъ человѣку, очень близкому къ царю.

Бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, по тому времени, былъ человѣкъ очень образованный и охотно сходился съ иностранцами. Чрезъ такого человѣка нѣмцы вполнѣ могли достичь своей цѣли, для которой пріѣхали въ Москву. А пріѣхали они для того, главнымъ образомъ, чтобы показать свое искусство въ театральныхъ представленіяхъ; но сперва просили позволенія потѣшить царя только музыкой. Музыка нѣмцевъ съ перваго же раза понравилась и царю и его боярамъ.

Черезъ нѣсколько времени Матвѣевъ говорилъ съ царемъ о томъ, что нѣмцы просятъ дозволить имъ ус-



Ѳ. Г. Волковъ, основатель русскаго театра.

---

*) Въ 1659 году русскій посолъ былъ во Флоренціи и вотъ какъ описалъ видѣнное имъ тамъ театральное представленіе. «Объявилися палаты и бывъ палата, и внизъ уйдетъ и того было шесть перемѣнъ; да въ тѣхъ же палатахъ объявилося море, колеблемо волнами, а въ морѣ рыбы, и на рыбахъ люди ѣздятъ; а въ верху палаты небо, а на облачкахъ сидятъ люди: и начали облака и съ людьми на низъ опущаться, подхватя человѣка съ земли подъ руки, опять въ верхъ же пошли, а тѣ люди, которые сидѣли на рыбахъ, туда же поднялися въ верхъ за тѣми на небо. Да спущался съ неба же на облакѣ сѣдъ человѣкъ въ каретѣ, да противъ его въ другой каретѣ прекрасная дѣвица, а аргамачки подъ каретами какъ быть живы, ногами подрягиваютъ, а князь сказалъ, что одно солнце, а другое мѣсяцъ. А въ иной перемѣнѣ въ палатѣ объявилося поле, полно костей человѣческихъ: и враны прилетѣли и начали клевать кости, да море же объявилося въ палатѣ, а на морѣ корабли небольшіе, и люди въ нихъ плаваютъ. А въ иной перемѣнѣ объявилося человѣкъ съ 50 въ латахъ, и начали саблями и шпагами рубиться и изъ пищалей стрѣляти, и человѣка съ три какъ будто и убили. И многіе предивные молодцы и дѣвицы выходятъ изъ занавѣса въ золотѣ и танцуютъ и многія диковинки дѣлаютъ; да вышедъ малый и началъ прошать ѣсть и

троить театральное представленіе. Ну это дѣло было совершенно новое, и Алексѣй Михайловичъ сначала не зналъ, что ему дѣлать. Хотѣлось ему посмотрѣть на невиданное имъ искусство нѣмцевъ, такъ какъ они уже успѣли показать себя, но, въ то же время, онъ боялся, позволительно ли это удовольствіе православному христіанину, тѣмъ болѣе, что оно предлагается нѣмцами, басурманами, какъ у насъ тогда называли всякаго неправославнаго.

Отряженъ былъ къ нѣмцамъ особый человѣкъ, знавшій по-нѣмецки, который долженъ былъ хорошенько развѣдать, въ чемъ состоитъ новая потѣха, предлагаемая нѣмцами. Хотя въ ней и не было найдено ничего, что какъ нибудь было бы вредно, а особенно для вѣры, но все таки за окончательнымъ разрѣшеніемъ Алексѣй Михайловичъ обратился къ своему духовнику. Тотъ, имѣя въ виду, что греческіе государи допускали у себя театръ, разрѣшилъ его и русскому царю.

На первое представленіе, данное 2-го ноября (1672) въ селѣ Преображенскомъ (близь Москвы), какъ на диковинку въ то время, были приглашены не только тѣ придворные, которые жили въ селѣ Преображенскомъ, но и всѣ находившіеся въ Москвѣ. Нѣмцы представили изъ священной исторіи, какъ Юдиѳь Олоферну отсѣкла голову.

Присутствовавшіе на первомъ представленіи были въ восторгѣ отъ нѣмцевъ. Скоро послѣдовало второе, на которомъ была жена Алексѣя Михайловича и вообще вся его семья.

Второе представленіе, какъ и первое, также было священно-историческое. Подобныя представленія давались и потомъ, только въ 1675 г., на масляной недѣлѣ нѣмцы устроили свѣтское представленіе изъ пѣнія и танцевъ.

Съ этого времени театральныя представленія давались чуть не въ каждый праздникъ.

Царь и бояре до того полюбили театръ, что не замѣчали, какъ тамъ и время проходило: охотно сидѣли, не смотря на то, что представленія нерѣдко были очень продолжительны.

Благоразумные люди этому радовались, такъ какъ видѣли отъ театра прямую пользу. До того мужчины зачастую устраивали пьяные пиры, нерѣдко окончивавшіеся бранью и дракою, а иногда и убійствомъ; теперь же, вмѣсто того, шли въ театръ. Пользы отъ театра не могъ не замѣтить и самъ Алексѣй Михайловичъ.

Вотъ почему, по его приказанію, дано было особое зданіе подъ театръ и необходимыя средства на его обзаведеніе. Но представленія въ немъ, какъ и прежде, не были публичными для всѣхъ и каждаго.

Все, что́ касалось театра, лежало на бояринѣ Матвѣевѣ; онъ былъ тутъ полный хозяинъ во всемъ.

Чтобы имѣть русскихъ актеровъ, бояринъ Матвѣевъ выбралъ изъ мѣщанскихъ дѣтей двадцать семь человѣкъ и отдалъ ихъ нѣмцу, который обязанъ былъ въ три мѣсяца научить ихъ играть на театрѣ, а раньше онъ обучилъ дворовыхъ людей Матвѣева музыкѣ, такъ что они уже играли во время представленій.

Такимъ образомъ дѣла по театру шли все впередъ и шли успѣшно, чему помогало само правительство: оно, напримѣръ, охотно отпускало деньги на все, что нужно было для театра. Въ тогдашнихъ записяхъ значилось:

«Ягану (имя нѣмца, главнаго надъ актерами) выдано на платье ангеловъ, молодого Товіи и его спутниковъ 30 р.» Въ другой разъ: «на бороды евреевъ и на иную меньшую починку 5 р.»

Но вотъ въ 1676 году умираетъ царь Алексѣй Михайловичъ; на престолъ вступаетъ старшій сынъ его, 14-ти лѣтній Ѳеодоръ. Около него являются новые люди, уже далеко не такъ образованные, какъ бояринъ Матвѣевъ, а, главное, приверженцы старины и грубой жизни по старинѣ. Поддержку себѣ они нашли въ духовенствѣ, которое тогда также не отличалось образованіемъ. Въ числѣ ихъ были такія лица, которыя, напримѣръ, на театръ смотрѣли, какъ на дьявольское навожденіе.

Послѣ этого боярину Матвѣеву ничего болѣе не оставалось, какъ разомъ покончить съ театромъ, когда на него такъ смотрятъ. И вотъ нѣмецъ Яганъ со своими актерами и музыкантами уѣзжаетъ на родину; доморощенные русскіе актеры также разбрелись по роднымъ пепелищамъ. Самъ-же бояринъ Матвѣеъ, по несправедливо выведеннымъ на него различнымъ обвиненіямъ, лишенъ имѣнія, боярства и далеко сосланъ.

Теперь театръ устроился въ комнатахъ умной и бойкой сестры царя, Софьи Алексѣевны.

На этомъ домашнемъ театрѣ играли знатные молодые люди, комнатныя дѣвицы царевны и даже сама она. Этотъ театръ дѣйствовалъ до смерти Ѳеодора Алексѣевича,— до 1682 г.*).

При Петрѣ 1-мъ явился въ Москвѣ публичный деревянный театръ въ Китай-городѣ на Красной площади. На этомъ театрѣ играли нѣмецкіе актеры, вызванные Петромъ изъ-за границы.

Чтобы охотнѣе ѣздили въ комедіальную храмину (такъ называлось зданіе театра), отмѣнена была проѣзжая пошлина въ ночное время, въ тѣ дни, когда бывали представленія.

По повелѣнію Петра, нѣмецъ Куништъ обучалъ театральному искусству отданныхъ ему молодыхъ русскихъ людей; но онъ скоро бѣжалъ изъ Россіи—и вотъ по какому случаю.

Разсказываютъ, будто бы онъ 1-го апрѣля 1704 года выдалъ заманчивое объявленіе о какой-то новой комедіи и собралъ въ театрѣ множество публики; въ числѣ ея былъ и самъ царь. Заиграла музыка, поднялся занавѣсъ, и зрители увидѣли на полотнѣ, освященномъ яркими огнями, надпись: «Сегодня 1-е апрѣля!»

Этой штукой Куништъ, не болѣе, не менѣе, какъ справлялъ 1-е апрѣля. Въ этотъ день почему-то принято въ шутку обманывать другъ друга, что ведется и до сихъ поръ. Но публика и царь не предполагали этого, они посмотрѣли на надпись и остались въ театрѣ, въ полной увѣренности, что за тѣмъ послѣдуетъ представленіе обѣщанной комедіи. Но не тутъ-то было: публика такъ и должна была отправиться во свояси, при чемъ одни смѣялись, а другіе досадовали. Самому Петру больно не понравилась эта нѣмецкая шутка: «вотъ комедіянтская вольность!» сказалъ онъ, выходя изъ театра.

Скоро стали играть и русскіе актеры; они представляли нѣмецкія коме́діи, переведенныя на русскій языкъ.

Для разнообразія представленій, между дѣйствіями комедій, выбѣгали на сцену шуты и забавляли зрителей, какъ умѣли. Случалось, что, подъ конецъ своихъ представленій, они, пересорившись между собою, тутъ же на сценѣ передъ публикой затѣвали и драку.

Но были и такія междудѣйствія, въ которыхъ выставлялись людскіе пороки того времени, напр. осмѣивался раскольникъ за суевѣріе и привязанность къ невѣжественной старинѣ; дьячокъ, оплакивающій дѣтей, отбираемыхъ у него въ школу, подъячіе—взяточники и т. п.

Подобными представленіями хотѣли достичь того, чтобы поселить въ тогдашнихъ русскихъ людяхъ расположеніе и любовь ко всему хорошему, что вводилось Петромъ, хоть бы напр. заставить учиться грамотѣ.

По перенесеніи столицы изъ Москвы въ Петербургъ, переведенъ былъ туда и театръ.

Въ новой столицѣ какъ при Петрѣ, такъ потомъ, особенно при Аннѣ и Елисаветѣ, пошли въ ходъ итальянскія, нѣмецкія и французскія театральныя представленія.

Русскій же театръ какъ будто ждалъ своего основателя, который наконецъ и явился. Это былъ Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ, сынъ костромскаго купца, родившійся въ 1729 году въ Костромѣ.

Въ то время, про которое мы только что говорили, т. е. когда въ Петербургѣ были въ ходу различныя иностранныя представленія, Волковъ учился въ Москвѣ въ училищѣ при Заиконоспаскомъ монастырѣ. Онъ былъ тамъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ. Такъ хорошо занимаясь науками, Волковъ нашелъ время поучиться пѣнію, игрѣ на гусляхъ и на скрипкѣ, рисованію, рѣзьбѣ и лѣпной работѣ. И во всемъ успѣлъ.

Въ одной изъ ярославскихъ церквей существуютъ его работы рѣзныя царскія двери; въ другой церкви по его рисунку сдѣланъ иконостасъ; много было и картинъ его выдумки и работы; къ нимъ нужно еще присоединить бюстъ (изображеніе человѣка по грудь) Петра Великаго изъ мрамора, оставшійся отъ Волкова, также его работы. Но болѣе всѣхъ искуствъ Волковъ полюбилъ театральное; онъ съ особеннымъ удовольствіемъ принималъ участіе въ тѣхъ духовныхъ представленіяхъ, какія издавна давались въ Заиконоспасскомъ училищѣ по праздничнымъ днямъ.

По окончаніи курса въ названномъ училищѣ, въ 1746 году, 17-ти лѣтній Волковъ долженъ былъ, по желанію своего вотчима, ярославскаго купца Полушкина, *) отправиться въ Петербургъ. Полушкину хотѣлось, чтобы его такой способный пасынокъ поучился тамъ въ Нѣмецкой конторѣ веденію торговыхъ книгъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, смотрѣлъ за его собственными торговыми дѣлами (Полушкинъ, какъ кожевенный завод-

---

много ему хлѣбовъ пшеничныхъ давали, а накормить не могли».

Подробнѣе о театрѣ можно найдти въ слѣдующихъ сочиненіяхъ:

Лѣтопись рус. театра—Арапова. Спб. 1860 г.

Основаніе рус. театра кадетами 1-го кадет. корпуса—Карабанова. Спб. 1849.

Драматическій сборникъ 1861 г. Статья Мартынова «О началѣ рус. театра».

Лѣтописи рус. литературы—Тихонравова, 1859 — 60, кн. 5-я.

Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ—Пекарскаго. Т. I, ст. XIV.

Старинный театръ въ Европѣ Историч. очерки Веселовскаго.

*) Въ терему Софьи Алексѣевны впервые играли Мольера; она сама перевела его «Причудницы» (Precieuses sidicules), назвавъ же «Драгія насмѣяны».

*) Мать Волкова сначала была замужемъ за костромскимъ купцомъ, Григоріемъ Волковымъ, а потомъ за ярославскимъ, Полушкинымъ. Отъ перваго мужа у ней было три сына: Ѳедоръ, Гавріилъ и Григорій.

чикъ, велъ большой торгъ этимъ товаромъ вь Петербургѣ).

Занятіями по конторѣ Волковъ заслужилъ полную любовь своего хозяина-нѣмца. Разъ этотъ нѣмецъ взялъ Волкова съ собою въ театръ на итальянское представленіе. Тутъ-то въ первый разъ Волковъ увидѣлъ настоящій театръ и пришелъ въ восторгъ отъ него.

Этотъ случай навсегда рѣшилъ его призваніе, ужъ только никакъ не къ торговому дѣлу, куда его готовилъ вотчимъ и чего самъ Волковъ не любилъ въ душѣ.

Новое обстоятельство еще болѣе усилило страсть Волкова къ театру: «на ловца и звѣрь бѣжитъ», говоритъ русская пословица. Ему удалось побывать на домашнемъ театрѣ въ Сухопутномъ Кадетскомъ Корпусѣ, гдѣ онъ впервые увидѣлъ русское представленіе, впервые услышалъ со сцены русскую рѣчь, русскія имена,—и послѣ этого рѣшился, во что бы то ни стало, устроить свой театръ въ Ярославлѣ.

Не откладывая дѣла, онъ сталъ чаще посѣщать театральныя представленія иностранцевъ; а это какъ разъ было при Елисаветѣ Петровнѣ, когда въ Петербургѣ играли итальянскіе, нѣмецкіе и французскіе актеры.

И вотъ Волковъ познакомился съ итальянскими актерами, выучился ихъ языку, внимательно присмотрѣлся къ устройству театра, все, что нужно, срисовывалъ, списывалъ и записывалъ, для той же цѣли возобновилъ занятія музыкою и живописью, перевелъ на русскій языкъ нѣсколько иностранныхъ сочиненій для представленія ихъ на своемъ будущемъ театрѣ.

За всѣми этими хлопотами Волковъ не позабылъ ни торговыхъ дѣлъ своего вотчима, ни занятій по конторѣ.

Возвратясь въ Ярославль, Волковъ на первыхъ же порахъ принялся учить театральному искуству своихъ братьевъ и другихъ собранныхъ имъ знакомыхъ молодыхъ людей. Когда онъ достигъ того, что ученики его могли играть на сценѣ, онъ вздумалъ неожиданно потѣшить вотчима своего въ день его имянинъ.

Въ большомъ кожевенномъ сараѣ устроена была самимъ Волковымъ сцена съ кулисами, машинами, и затѣмъ дано представленіе. Все удалось какъ нельзя болѣе. Мать Волкова плакала отъ радости, что Богъ даровалъ ей такого разумнаго сына; самъ имянинникъ былъ въ восхищеніи; болѣе всего поразили его облака, которыя подымались и опускались, будто настоящія.

Ярославскій воевода Мусинъ-Пушкинъ и помѣщикъ Майковъ, видѣвшіе это представленіе, уговаривали Волкова продолжать такъ успѣшно начатое имъ прекрасное дѣло, а между тѣмъ сами хлопотали объ устройствѣ въ Ярославлѣ публичнаго театра.

Ярославское дворянство и купечество не отказало въ средствахъ, и скоро на берегу Волги явился деревянный театръ, первый русскій театръ въ Россіи,—дѣло ума и искусныхъ рукъ Волкова.

Слухъ о ярославскомъ театрѣ дошелъ до государыни Елисаветы Петровны, и, по ея повелѣнію, ярославскіе актеры, въ числѣ 14-ти человѣкъ, привезены прямо въ Царское село, гдѣ въ то время жила Елисавета.

Государынѣ понравилась игра ярославскихъ актеровъ.

Вскорѣ лучшіе изъ нихъ были опредѣлены въ Сухопутный Кадетскій Корпусъ для обученія ихъ наукамъ и языкамъ, остальные награждены и отправлены обратно въ Ярославль.

Наконецъ въ 1756 году былъ учрежденъ въ С.-Петербургѣ постоянный русскій театръ, гдѣ Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ считался первымъ актеромъ *).

Въ слѣдующемъ году Волковъ съ другимъ актеромъ, по Высочайшей волѣ, открыли и въ Москвѣ русскія театральныя зрѣлища.

Затѣмъ Волковъ, по случаю коронаціи Екатерины II, долженъ былъ устроить въ Москвѣ народные праздники. Во время этихъ праздниковъ, въ концѣ января и началѣ февраля, онъ простудился, слегъ въ постель и умеръ 4-го апрѣля 1763 года на 35 году отъ роду.

Тѣло Волкова, разсказываютъ, было погребено съ большою церемоніей, при многочисленномъ стеченіи людей различнаго сословія, въ Московскомъ Адрониковомъ монастырѣ.

Ѳедоръ Григорьевичъ вполнѣ заслужилъ такую честь.

Изъ того, что сказано до сихъ поръ, вы видѣли, что дѣла, по заведенію русскаго театра на Руси, все какъ-то не клеились. А потомъ, съ легкой руки Ѳедора Григорьевича Волкова, эти дѣла приведены къ желанному концу, именно къ тому, что явился на Руси постоянный русскій театръ.

Вышло какъ будто такъ: чтобы быть театру русскому, потребовался для этого и русскій человѣкъ: бойкій, твердый, смѣтливый, который бы умѣлъ взяться за это дѣло и неуклонно вести его до конца, не смотря ни на что. Ѳ. Г. Волковъ и былъ именно такимъ русскимъ человѣкомъ для русскаго театра.

Основывая театръ въ Ярославлѣ, онъ не опустилъ рукъ, когда встрѣтилъ препятствія. Это было въ 1750 г., слѣдовательно за 125 лѣтъ до нашего времени, когда еще многіе изъ русскихъ людей смотрѣли на театръ, какъ на бѣсовскую потѣху, придуманную на пагубу православнымъ. Умный и твердый въ своихъ начинаніяхъ, Волковъ съумѣлъ повести дѣло такъ, что тѣ-же ярославцы, которые сначала были противъ театра, потомъ охотно посѣщали его, да еще платили за это деньги, положимъ — мѣдный пятакъ за лучшее мѣсто, но тогда и мѣдный пятакъ былъ дорогъ, такъ какъ съ нимъ можно было сдѣлать то, что теперь, пожалуй, не сдѣлаешь и на серебряный двугривенный.

Приэтомъ нельза не замѣтить, что такъ дѣйствовать, какъ Волковъ, возможно только при любви къ тому дѣлу, за которое онъ взялся, любви искренней, безкорыстной. Мы уже знаемъ, что Волковъ полюбилъ театръ, можно сказать, съизмала, — въ школѣ. Эта любовь была до того сильна въ немъ, что потомъ онъ ни о чемъ такъ не думалъ, какъ о театрѣ. Между тѣмъ, съ другой стороны, ему предстояло сдѣлаться преемникомъ своего вотчима въ его большихъ торговыхъ дѣлахъ.

Нечего и говорить, что тутъ Волковъ сталъ бы богачомъ и зажилъ бы себѣ припѣваючи. Но душа его разъ была уже занята однимъ, и потомъ въ ней не нашлось мѣста какимъ нибудь житейскимъ, денежнымъ разсчетамъ.

Не польстился Волковъ и на дворянское достоинство съ отчиною, чѣмъ его жаловала Екатерина II во вниманіе къ его трудамъ по русскому театру. Волковъ, не дерзая отказаться отъ такой монаршей милости, со слезами благодарности просилъ государыню удостоить этою наградою женатаго брата своего, Гавріила, который также былъ актеромъ, а ему позволить остаться тѣмъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, т. е. основателемъ русскаго театра и его первымъ актеромъ.

Этимъ онъ и долженъ быть памятенъ намъ русскимъ, какъ человѣкъ, послужившій общественному дѣлу; мы разумѣемъ театръ. О театрѣ мало сказать, какъ объ удовольствіи только, а мы обыкновенно такъ смотримъ на него. Если искать соединенія пріятнаго съ полезнымъ, — забавы и дѣла, то нигдѣ такъ чудно не соединяется то и другое, какъ въ театрѣ; пользѣ, разумѣется, первое мѣсто.

Великая Екатерина театръ называла прямо школою, а себя — старшимъ учителемъ въ ней, такъ какъ она руководила имъ. Этого мало: она сама писала для театра.

Присоединимъ сюда мысли о театрѣ, принадлежащія одному изъ нашихъ русскихъ писателей (Гоголь, т. III. стр. 389). «Театръ ничуть не бездѣлица и вообще не пустая вещь, если принять въ соображеніе то, что въ немъ можетъ помѣститься вдругъ толпа изъ пяти-шести тысячъ человѣкъ, и что вся толпа, ни въ чемъ не сходная между собою, разбирая ее по единицамъ, можетъ вдругъ потрястись однимъ потрясеніемъ, зарыдать однѣми слезами и засмѣяться однимъ всеобщимъ смѣхомъ. Эта такая каѳедра, съ которой можно много сказать міру добра. Отдѣлите только серьезный театръ отъ всякихъ балетныхъскаканій и пустыхъ комедій, угождающихъ разврату вкуса или разврата сердца, и тогда посмотрите на театръ. Такой театръ станетъ необходимо укрѣплять общество въ правилахъ нравственныхъ, образуетъ характеръ, тогда какъ пустыя и легкія театральныя представленія дѣлаютъ общество легкимъ и вѣтрянымъ.

Доброволецъ.

Разсказъ изъ народнаго быта.)

(Б. Л. Я—вина.)

(*Продолженіе*).

Глава VI.

Когда толпы возвращавшихся съ вечеринки начали мало по малу рѣдѣть, Семенъ вдругъ прибавилъ шагу и вскорѣ очутился на самой срединѣ села противъ знакомаго домика. Изъ за угла его, незамѣтно отдѣлилась человѣческая фигура и, боязливо озираясь, показалась настолько, насколько нужно было парню, чтобы ее замѣтить.

— Это ты, Маша? — тихо спросилъ онъ, подходя къ фигурѣ и въ темнотѣ стараясь ее разглядѣть.

— Пойдемъ скорѣе, — также тихо и схвативъ его за руку, проговорила вдова, и быстро, стараясь держаться стѣны, отъ которой падала на снѣгъ широкая полоса тѣни, повела за собою на крыльцо. Рука, лежавшая въ рукѣ Семена, сильно, точно подъ вліяніемъ лихорадки, дрожала. Когда они взошли на крыльце, Марья два раза обронила ключъ отъ висячаго замка, на который была заперта наружная дверь. На третій разъ дверь была отперта, и хозяйка, и гость поднялись по лѣстницѣ.

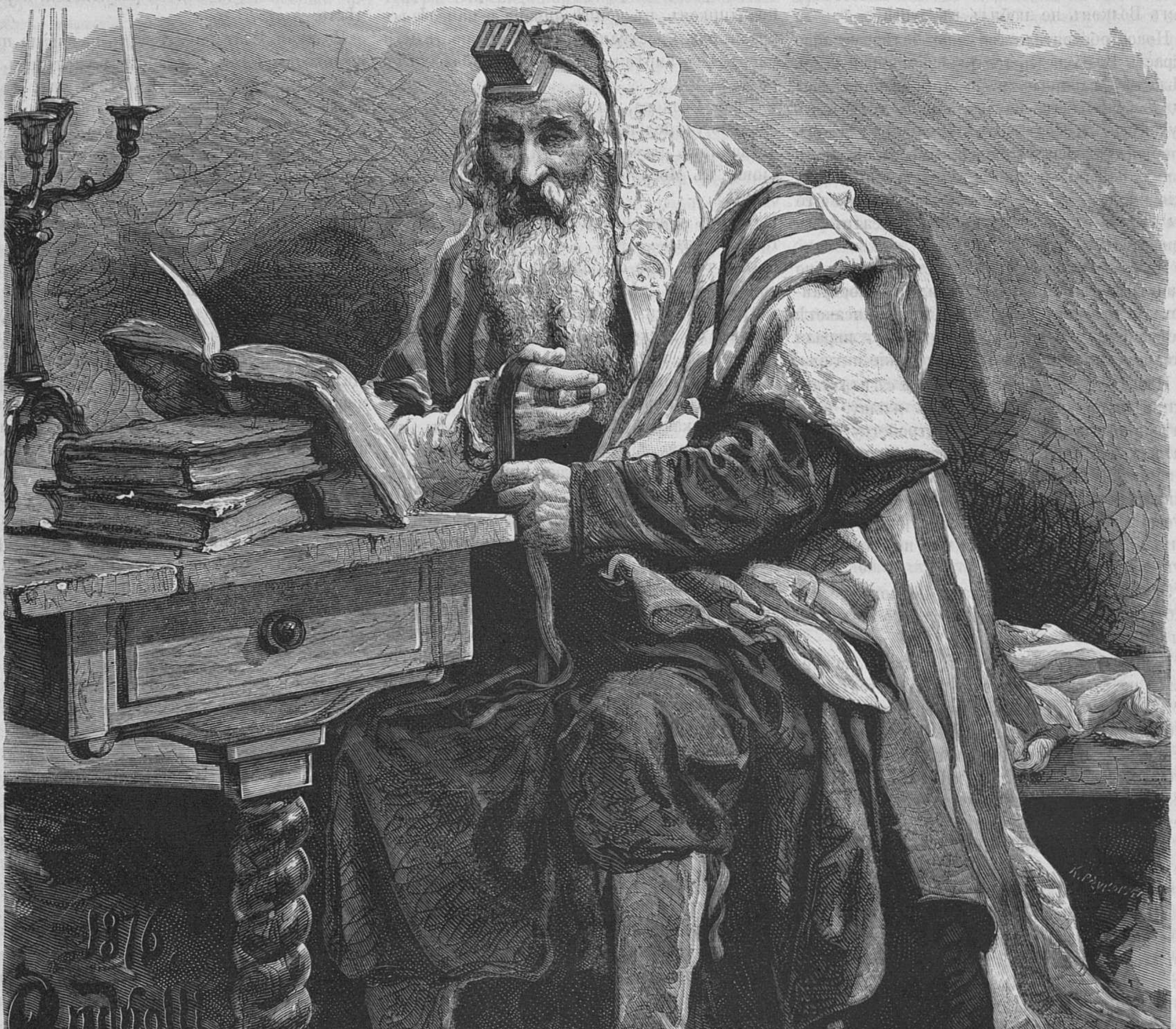
— Развѣ Тани нѣтъ дома? — спросилъ Семенъ, входя въ горенку.

— Нѣтъ; отвѣчала Марья зажигая ночникъ — я нарочно послала ее сегодня къ Дороничнѣ; сказала, что сама ночевать дома не буду, а она одна вѣдь боится, ну, — и заночуетъ тамъ.

Семенъ не могъ воздержаться отъ восторга и страстно поцѣловалъ вдовушку. Та и не подумала отбиваться, какъ на вечеринкѣ.

— Цѣлуй, цѣлуй, Семенъ, — съ горечью сказала она, — недолго тебѣ осталось: скоро будешь цѣловать другую.... Невыразимая тоска слышалась въ этихъ словахъ. Семена словно кипяткомъ ошпарило.

— Что это значитъ, Машинька? — испуганно спросилъ парень, — ты мнѣ этого раньше никогда не говорила. Говори-же скорѣе, что ты задумала?... Онъ не понималъ еще значенія ея словъ, не подозрѣвалъ грозившей ему опасности. У Марьи даже слезы брызнули изъ глазъ. Она болѣзненно опустилась на скамью и притянула къ себѣ изумленнаго Семена.



Еврей на молитвѣ.

— Милый мой, милый, — рыдая на его груди проговорила она, — ты еще и не знаешь, что съ тобой сдѣлать-то хотятъ!! охъ!... чую я: разорвется мое сердце пополамъ, когда тебя, желаннаго моего, поведутъ съ ней подъ вѣнецъ....

— Да что за напасть такая, я понять не могу, — говорилъ парень, дѣйствительно недогадываясь, о чемъ идетъ рѣчь. О чемъ ты плачешь, Маша? я ни съ кѣмъ не стану вѣнчаться, кромѣ тебя, ей Богу, ни съ кѣмъ, напрасно старался онъ увѣрить плачущую.

— Слушай, — собираясь съ силами выговорила вдова, — твой отецъ, Лукичъ, женитъ тебя въ нынѣшнемъ же мясоѣдѣ на старостиной дочери.... Сегодня у васъ былъ въ гостяхъ самъ староста, сватъ Степанъ и еще кто-то, — не признала: они стояли у вашего крыльца, когда я проходила мимо съ вечеринки.... У васъ была помолвка.... сговоры....

— Постой, — перебилъ ее Семенъ, — никакихъ сговоровъ не было: отецъ ихъ просто звалъ въ гости — я знаю! Извѣстно — дѣло праздничное.

— А завтра или послѣзавтра Степанъ и этотъ самый, котораго я непризнала, поѣдутъ къ старостѣ сватать тебя, продолжала Марья.

Теперь наступила очередь Семена предаться отчаянію. Ясно было для него, что милая его не шутитъ съ нимъ, что въ словахъ ея есть правда, но, какъ мужчинѣ, отчаяваться ему казалось еще рано. Онъ хотѣлъ испытать еще одно средство, чтобы провѣрить: не плодъ ли все это ея собственнаго воображенія, порожденный нелѣпыми догадками.

— Плохо вѣрится, Маша, сказалъ онъ. Откуда тебѣ знать, коли я самъ ничего не знаю и не слыхалъ?

— И не диво! Я сама не знала, да и когда узнала, то долго не вѣрила. Мнѣ Дороничиа сказывала, а она не совретъ. Слышишь: еще по осени отецъ-то тебя собирался женить, да отложилъ до поры, до времени, а какъ пріѣхалъ ты нынче-то — онъ и порѣшилъ совсѣмъ.

Курчавая голова дѣтины низко опустилась при этихъ послѣднихъ словахъ. Теперь только понялъ онъ, отчего всегда строгій и даже жестокій отецъ никогда и никого нещадившій, при описанномъ случаѣ, какъ будто измѣнился: ни билъ, ни бранилъ, ни даже хоть бы одинъ разъ упрекнулъ его. Понятно: онъ задумалъ такое средство, разомъ избавить себя отъ разорительнаго мотовства сына, какое стоитъ всѣхъ его побоевъ и брани. Такое средство по народному пониманію — женитьба. Недаромъ выразилось оно, т. е. пониманіе, въ двухъ ходящихъ словахъ: «женится—перемѣнится». И Семенъ теперь глубоко убѣжденъ былъ, что отецъ его зналъ ихъ.

— А знаешь что, Сеня, дрожащимъ голосомъ шептала ему въ это время на ухо Марья, — знаешь.... ты вѣдь меня не можешь бросить — я два раза буду вдова.... Ты мужъ мой.... ты отецъ.... задыхалась она и крѣпко, крѣпко, прижимала его къ своей груди, какъ будто боясь, чтобы онъ не ушелъ.

У Семена даже духъ захватило.

— Маша, голубушка, — нетвердымъ голосомъ заговорилъ онъ, лаская и цѣлуя ее — я ни за что не женюсь на старостиной дочери! Пусть отецъ убьетъ меня, а я не женюсь на немилой... Марья нѣжно и ласково поглядѣла ему въ глаза — лучъ надежды блеснулъ въ ея карихъ глазахъ.

А разсудокъ между тѣмъ говорилъ парню, что онъ сейчасъ обманулъ любимую женщину, что онъ никогда не въ силахъ идти противъ воли отца и волей не-волей долженъ будетъ бросить ее, свою милую, и вѣнчаться съ той, которую ему назначатъ. Что же тутъ дѣлать? У кого просить совѣта, помощи? Одно: обратиться къ бабкѣ Дороничнѣ, — можетъ, она и пріищетъ какое нибудь средство, она вѣдь не простая: колдунья!

— Меня Доронична учила вотъ что сдѣлать, продолжала шептать вдова — пойдти намъ обоимъ къ отцу и разсказать ему все.... можетъ и сжалится. А она, тѣмъ временемъ, обѣщала навести на него этакой дурманъ, что онъ непремѣнно согласится. А если не выйдетъ ничего, ну, тогда... голосъ ея звучалъ рѣшимостью и отчаяніемъ. Должно быть ей самой страшны показались свои собственныя мысли и она остановилась. Семенъ инстинктивно угадалъ, что хотѣла она сказать за словомъ «тогда».

— Нѣтъ, нѣтъ, не говори этого, тебѣ не придется.... тогда лучше я наложу на себя руку, съ ужасомъ проговорилъ онъ, сжимая ее въ своихъ объятіяхъ. Ты ничѣмъ невиновата, всему вина одинъ я!

Несчастный начиналъ жестоко раскаяваться въ своемъ недавнемъ поступкѣ.

— Если бы не я, говорилъ онъ, развѣ отцу не все равно было бы согласиться на нашу свадьбу, а теперь ему нужны деньги, надо поправить хозяйство, а староста богатъ и давно уже хотѣлъ породниться съ отцемъ — еще когда Якова женили — онъ прочилъ ему Катерину.... Я все это сдѣлалъ, я накликалъ бѣду и на твою, и на свою голову!

— Да нѣтъ: вѣдь отецъ же онъ мнѣ! Неужто любо будетъ загубить своего роднаго сына, когда мы скажемъ ему все, продолжалъ онъ, какъ будто размышлялъ самъ съ собою. А матушка-то, — она навѣрно ни за что не согласится: я у ней любимое дѣтище! Стану въ ногахъ валяться, молить....

— Ничего ты не подѣлаешь, Сеня, — уныло возразила на это его подруга, въ то время обдумывавшая свое положеніе, — я знаю твоего отца: не послушаетъ онъ ни чьихъ просьбъ, коли крѣпко что задумалъ, теперь же и подавно, если у нихъ промежъ себя были сговоры: — Лукичъ ни за что не отступится отъ своего слова, не захочетъ осрамить себя. Одно теперь намъ осталось, если колдунья не поможетъ: тебѣ послушаться отца и идти подъ вѣнецъ съ Катериной, а мнѣ, чтобы не дожить до позора, поскорѣе убраться отсюда подальше.

На колокольнѣ деревенскаго храма пробило два. Жалобно, точно простоналъ, прогудѣлъ разбитый колоколъ и замолкъ. Гдѣ-то спросонья тявкнула собака разъ, два и тоже замолкла. Откуда-то долетѣли несвязныя слова пѣсни запоздавшаго гуляки, скрипъ саней, смѣшанный съ топотомъ конскихъ копытъ, стукъ, какъ будто, отпираемыхъ гдѣ-то воротъ — и снова все смолкло и замѣнилось больше уже ничѣмъ ненарушимою тишиною. Все заснуло снова мертвымъ глубокимъ сномъ. Не спали только два человѣческія существа, неразрывно теперь соединенныя прочными узами обоюдной, пылкой любви, обоюднымъ страданіемъ при мысли о предстоящей разлукѣ и общимъ желаніемъ найти хоть какой нибудь исходъ изъ этого печальнаго положенія. Одно изъ нихъ нѣжно припало головою къ груди другого, другое — неменѣе нѣжно и крѣпко, сжимало его въ своихъ объятіяхъ.

— Ты усталъ, Сеня, — спать хочешь, тихо спросила Марья, страстно обвивая своими бѣлыми руками шею Семена. Грудь ея высоко поднималась.

Тотъ взглянулъ на нее, и, встрѣтивъ жгучій, полный огня взглядъ ея карихъ очей, еще крѣпче прижалъ къ своей могучей груди милую.

Глава VII.

На другой день Лукичъ проснулся рано. Противъ обыкновенія, онъ всталъ веселымъ и имѣлъ видъ человѣка, удачно исполнившаго задуманное предпріятіе. Наскоро умывъ лице и коекакъ помолившись на образа, что случалось съ нимъ лишь въ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ, онъ вошелъ въ переднюю избу и окликнулъ, спавшаго на полу, Якова.

— Сегодня мы, Яша, въ лѣсъ не поѣдемъ: поработаемъ что нибудь такъ часокъ — другой, около дома, — сказалъ онъ сыну, принявшему появленіе отца за обычный сигналъ къ отправкѣ на работу, и уже искавшему подъ лавкою сапоги. Тотъ изумленно взглянулъ на довольное лице Лукича.

— Отчего, батька, — спросилъ онъ.

— Такъ; у насъ праздникъ сегодня еще вечеромъ будетъ, отвѣтилъ Лукичъ, ухмыляясь.

— Что за притча такая, — подумалъ Яковъ, незнавшій ничего о случившемся, но потомъ, смутно догадавшись въ чемъ дѣло, спросилъ: аль Семену невѣсту искать будешь?

— Чего искать: ужь давно найдена и дѣло рѣшено, — объявилъ старикъ, — это такъ, чтобы дѣлу видъ дать только, сватовъ пошлю.

— А къ кому? Не къ Тихону ли?

Тихономъ звали односельца Лукича, не менѣе сельскаго старосты желавшаго съ нимъ породниться.

— Къ какому Тихону! кого рожна-то взять у Тихона, — возразилъ отецъ; нѣтъ, Лукичъ подѣльнѣе кое-что выдумалъ: самаго старосту въ бокъ зацѣпилъ! При этомъ онъ весело потеръ свои большія, мозолистыя руки.

— Старосту, — переспросилъ сынъ и отъ изумленія даже оставилъ сапогъ только на половину надѣтымъ на ногу.

— Ну да, старосту, повторилъ Лукичъ; — чего же глаза-то пялить?

— Да что ты, батька, аль ты ума рехнулся?! Вѣдь Катеринѣ-то старостиной тридцать съ хвостикомъ никакъ будетъ: онѣ съ моей Матреной ровесницы.

— Чтожь, что тридцать; тѣмъ лучше — баловать не станетъ!

— Куда баловать! Она, я думаю, и съ печи-то сходить не станетъ: все такая болящая, да хворая. Ну ужъ работницу же ты выбралъ, батька, заключилъ большакъ, разводя руками.

— А обѣщалъ дать что нибудь староста-то, тотчасъ же спросилъ онъ отца.

— Да коровъ пару, заробъ сѣна, телѣженку и рублевъ сто денегъ. Ладно теперь, аль нѣтъ, въ свою очередь спросилъ онъ Якова.

— Ладно-то-ладно, да какъ же это Сенька-то будетъ: вѣдь ему, чай, всего только двадцать годовъ, небольше, недоумѣвалъ тотъ.

Въ это время дверь распахнулась и на порогѣ показались Семенъ и Марья. Лица обоихъ выражали смущеніе и страхъ. Перешагнувъ порогъ, они въ нерѣшительности остановились.

— Что вамъ, озадаченный этимъ неожиданнымъ появленіемъ, спросилъ ихъ Лукичъ, глядя попеременно то на того, то на другую. Семенъ первый попытался было сдѣлать какое нибудь движеніе, но остановился.

— Ты зачѣмъ, Марья, повторилъ онъ свой вопросъ, обращаясь къ вдовѣ. Та, вмѣсто отвѣта, съ воплемъ кинулась ему въ ноги. Ея примѣру послѣдовалъ и парень.

— Родимый мой, обнимая его колѣна, молила Марья — не погуби!... Будь отецъ родной.... Заставь за себя вѣкъ Богу молиться....

У Лукича въ головѣ зашумѣло. Быстро смекнулъ онъ, въ чемъ заключается суть дѣла и о чемъ будетъ просить валявшаяся въ его ногахъ молодая пара. Гнѣвъ и злоба, при одной мысли о возможности неповиновенія и разрушенія его плана, разомъ нахлынули къ его недоступному, ни для какихъ нѣжныхъ чувствъ, сердцу, и готовы были вырваться наружу цѣлыми потоками проклятій и ругательствъ. Но онъ на минуту сдержалъ себя, желая сперва натѣшиться надъ своими жертвами.

— Да нѣчто я гублю тебя, ледянымъ голосомъ возразилъ онъ: — кажись я не обворовалъ тебя и рѣзать тоже не собираюсь? какъ же могу я тебя погубить? Насмѣшливый тонъ сказанныхъ словъ ясно показалъ несчастнымъ, что этотъ жестокій, неумолимый человѣкъ, теперь знаетъ все и неспособенъ ни на какія уступки. Тѣмъ не менѣе Марья еще не теряла надежды.

— Ты собрался женить сына на старост... сквозь слезы рыданья простонала она, и недокончила.

— Что? женить Сеньку на старостиной дочери? Да; это правда. Такъ ты что же, на его свадьбѣ погулять чтоль хочешь? Милости просимъ, милости просимъ — стóитъ ли объ этомъ плакать, въ прежнемъ тонѣ говорилъ старикъ, между тѣмъ какъ лице его то блѣднѣло, то багровѣло и судорожно подергивалось.

— Отецъ, собрался съ духомъ доселѣ молчавшій Семенъ, я ни за что не женюсь на Катеринѣ; она мнѣ не люба! Дѣлай со мной, что хочешь, а я пойду подъ вѣнецъ только съ ней — и онъ указалъ на плачущую Марью.

Это была искра, брошенная на кучу пороха. Первымъ движеніемъ буквально обезумѣвшаго, при этихъ словахъ, отъ ярости Лукича, было броситься на дерзкаго и поднести пудовую затрещину, отъ которой у несчастнаго зазвенѣло въ ушахъ и выступила кровь. Затѣмъ, запустивъ обѣ руки въ его густые, курчавые волосы, онъ около двухъ минутъ рвалъ и металъ ихъ, причемъ голова и туловище Семена быстро приходили въ самыя разнообразныя положенія. Вся эта отвратительная операція продѣлана была молча, лишь изрѣдка слышались, среди стука отъ ударовъ головою объ полъ, какіе-то необъяснимые звуки, болѣе всего похожіе на шипѣніе. Вдова въ ужасѣ соскочила съ полу и, прижавшись къ стѣнѣ смотрѣла на эту дикую сцену семейной расправы.

— Вонъ, шлюха, съ глазъ моихъ, зарычалъ Лукичъ, оставляя сына и бросаясь къ ней. Градъ площадныхъ, самыхъ безобразныхъ ругательствъ, посыпался, вслѣдъ за этимъ, на бѣдную женщину. Однако Марья и съ мѣста не пошевелилась.

— Не пойду, мужественно встрѣтила она нападеніе. Убей меня сначала, извергъ, — я не боюсь: ты убьешь вмѣстѣ со мной и свою кровь! Бей-же скорѣе, антихристъ!!..

Эти слова напомнили Лукичу описанную сцену съ Яковомъ, хотя далеко не произвели того благотворнаго дѣйствія, какое имѣли подобныя же имъ слова, сказанныя тогда старшимъ сыномъ: Марьѣ теперь было бы несдобровать ни за что, если бы двѣ чьи-то сильныя руки не схватили ее за плечи и не вытолкнули быстро въ сѣни. Это сдѣлалъ Яковъ, тутъ же безмолвно наблюдавшій все происходившее.

А гроза между тѣмъ еще только расходилась.

— Такъ ты вотъ какъ, подлая твоя душа, дѣлаешь? Мало, что ужъ съ которыхъ поръ сидишь у меня на шеѣ, теперь въ мой домъ эту дьявольскую бабу ввести захотѣлъ, чтобы она насъ всѣхъ своимъ проклятымъ зельемъ окормила, вотъ ты какъ, неистовствовалъ хозяинъ, поминутно приправляя свои слова пинками и ударами сыну, покорно стоявшему на колѣняхъ на прежнемъ мѣстѣ.

— Н-нѣтъ, анафемская сила, не бывать этому, продолжалъ онъ, не бывать, пока живъ еще Лукичъ. Слышишь, крикнулъ онъ и, вѣроятно для пущаго вниманія, влѣпилъ Семену звучную оплеуху — я тебя повѣнчаю на комъ хочу, или — добавилъ Лукичъ страшнымъ, зловѣщимъ голосомъ — прокляну тебя!... прокляну!... А потомъ задушу своими руками.... Слушаешь меня или нѣтъ — говори! Онъ подошелъ къ Семену, и тотъ, увидѣлъ блѣдное и искаженное лице отца съ открытымъ ртомъ, уже готовымъ изрыгнуть обѣщанныя проклятія.

— Отецъ, сжалься, глухо простоналъ несчастный, снова падая къ ногамъ старика.

— Говори: да или нѣтъ?!

— Такъ дѣлай же со мной, что хочешь: твоя воля — я твой сынъ, но ты Богу отвѣтишь за нее, указалъ онъ на дверь, подразумѣвая Марью.

На минуту на лицѣ Лукича мелькнуло какое-то, похожее немного на состраданіе, выраженіе, но тотчасъ же и пропало. Семенъ всталъ на ноги и съ видомъ покорной рѣшимости направился къ двери.

— Помни, батька, что я сказалъ, обернулся онъ и указалъ отцу на икону Спасителя. Тотъ только зубами проскрипѣлъ въ отвѣтъ на это предсказаніе: — демонъ алчности и корыстолюбія совершенно овладѣлъ имъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Доктора-Соперники.

(Съ англ. М. Б.)

Глава I.

Маленькій уютный домикъ доктора Лодъ походилъ на настоящую бонбоньерку; онъ выглядывалъ изъ-за голыхъ липъ, напоминающихъ собою часовыхъ. Мѣдная дощечка на садовой калиткѣ, на которой стояла надпись «Докторъ Лодъ», всегда блестѣла отъ чистоты.

Въ одинъ изъ зимнихъ вечеровъ висѣлъ, по обыкновенію, надъ дверью зажженный фонарь, дававшій знать, что въ этомъ домѣ живетъ послѣдователь знаменитаго Эскулапа.

— А! я нашелъ здѣсь соперника! воскликнулъ проходящій мимо дома мужчина съ трудомъ передвигавшій ноги. — Что вздумалось моему повѣренному водворить меня въ Равенсбриджѣ, не обѣщающемъ, повидимому, большой практики, и гдѣ, притомъ, живетъ уже одинъ изъ моихъ коллеговъ. Мнѣ не слѣдовало полагаться на другихъ и оставаться возлѣ Розы Данверъ въ Кензингтонѣ, отъ которой я ничего не добьюсь. Лодъ! — Лодъ!... Я гдѣ-то слышалъ это имя! Меня этотъ субъектъ сильно интересуетъ: простой ли онъ сельскій фельдшеръ или достойный меня соперникъ! Если для насъ обоихъ окажется довольно дѣла, то я не буду отбивать у него практики.

— Ты ли это, мой дорогой Норскотъ!

— Скажи лучше то, что осталось отъ меня послѣ пройденныхъ пяти миль. Что значитъ, что экипажъ мой не выѣхалъ мнѣ на встрѣчу на станцію Ломедъ?

— Я послалъ его на станцію, но Францъ вѣроятно сбился съ дороги; онъ говорилъ, что ему окрестности совсѣмъ не пришлись по вкусу.

— Онъ привыкъ ѣздить по паркамъ, и понятно, что здѣшняя мѣстность показалась ему дикою; да мнѣ, впрочемъ, самому кажется, что я здѣсь будто заживо погребенъ.

— Кто виноватъ! самъ вѣдь желалъ поселиться въ Равенсбриджѣ.

— Я имѣлъ въ виду близкое его разстояніе отъ усадьбы Данверъ. Докторъ Норскотъ гордился преданностію своей къ прекрасной наслѣдницѣ этой усадьбы и съ сіяющимъ лицомъ вошелъ въ домъ, приготовленный для него его другомъ и повѣреннымъ, Альбертомъ Станлей.

Это было огромное зданіе, построенное въ стилѣ Тюдоровъ; при немъ находилось surgery и множество второстепенныхъ пристроекъ; однимъ словомъ, оно во всѣхъ отношеніяхъ какъ нельзя болѣе подходило для славнаго доктора графства.

Г. Станлей былъ правъ, говоря, что сосѣдство постоянно расширяется. Маленькій приморскій городокъ, Ломедъ, начиналъ значительно посѣщаться; Норскотъ не нуждался въ существенныхъ средствахъ и могъ, по крайней мѣрѣ, ласкать себя надеждою разбогатѣть въ будущемъ.

— Все очень хорошо, поспѣшно замѣтилъ онъ, отклоняя отъ себя предложеніе своего пріятеля осмотрѣть домъ. — Надѣюсь, что г-жа Эллисъ приготовила мнѣ обѣдъ или ужинъ; ну ужъ я не скоро забуду эту прогулку!

— Ахъ, ты лѣнтяй! сказалъ шутя Станлей, Каждый, кто со стороны услышитъ высказываемое тобою отвращеніе къ движенію, приметъ тебя за набаба. Бери примѣръ съ доктора Лодъ; твой экипажъ и лошади произведутъ переполохъ среди здѣшнихъ и окрестныхъ жителей.

— Ты мнѣ говорилъ, Станлей, что я найду здѣсь огромную практику; а между тѣмъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моего дома вывѣшенъ красный фонарь.

— Неужели ты боишься соперничества женщины-доктора?

— Женщина-докторъ! вотъ потѣха! и докторъ Норскотъ разразился громкимъ смѣхомъ. Смѣю думать, что онъ, по крайней мѣрѣ, пріятной наружности, Станлей.

— Я ни разу въ лицо не видѣлъ твою сосѣдку, сказалъ Станлей; но разговаривалъ съ ея матерью, прекрасною, величественною, но съ непріятнымъ характеромъ, женщиною. Докторъ Лодъ настоящій синій чулокъ; она переселилась сюда годъ тому назадъ. Здѣшній священникъ зналъ ея отца и разсказываетъ, что онъ также былъ докторомъ въ Уимполь-Стритъ и отличался мотовскими наклонностями; жена ему въ этомъ не уступала; онъ послѣ своей смерти оставилъ множество долговъ. Товарищи его по профессіи взяли на себя воспитаніе его дочери; она воспитывалась въ Цюрихѣ, имѣетъ французскій дипломъ и заслуживаетъ всеобщаго уваженія; она по цѣлымъ днямъ на ногахъ и ночью даже не имѣетъ покоя.

— Ничего не можетъ быть отвратительнѣе женщины, лишенной женственности, замѣтилъ Норскотъ. Обязанность женщины — служить украшеніемъ нашихъ домовъ, играть, пѣть и вышивать.

Послѣ этой тирады Норскотъ замолчалъ и принялся за ѣду.

— Ты отчасти правъ, замѣтилъ Станлей; но докторъ Лодъ не имѣетъ ни дома, ни рояля, ни шерсти. Мнѣ хорошо извѣстно твое мнѣніе о научно-образованныхъ женщинахъ, но многія вынуждены заработывать себѣ хлѣбъ; въ такихъ именно обстоятельствахъ поставлена твоя сосѣдка. Прежде никто не приглашалъ ее къ больнымъ, но священникъ первый обратился къ ея помощи, затѣмъ ее пригласили въ семейство Лорда Равеннъ, въ зàмокъ того же имени, такъ что теперь ея положеніе обезпечено, т. е. положеніе ея, какъ женскаго доктора; твоя сфера дѣятельности будетъ, конечно, обширнѣе и выгоднѣе.

Молодой докторъ ничего не отвѣтилъ, но какъ-то презрительно улыбнулся.

— И такъ, ничего не мѣшаетъ вамъ сдѣлаться друзьями съ докторомъ Кизаіею, Миріамъ Лодъ, прибавилъ Станлей.

— Кизаія, Миріамъ Лодъ! повторилъ Норскотъ и выронилъ ножъ и вилку. То-то имя Лодъ мнѣ знакомо. Помнишь, когда я четыре года тому назадъ отправился въ Лондонъ держать экзаменъ на право полученія Горхристской стипендіи, я былъ пораженъ извѣстіемъ, что женщины допущены къ экзаменамъ. Дядя мой, будучи тогда еще въ живыхъ, не отписалъ мнѣ своего порядочнаго состоянія, такъ что для меня было жизненнымъ вопросомъ получить золотую медаль и, съ нею вмѣстѣ, право безплатнаго слушанія медицинскихъ лекцій. Всѣ, а я болѣе чѣмъ кто либо, были увѣрены въ благополучномъ для меня исходѣ экзаменовъ. Но отгадай, чье имя стояло первымъ въ спискѣ? Кизаіи Миріамъ Лодъ! это имя глубоко врѣзалось въ мою память; ея сочиненіе на заданную тему «о вскрытіи живаго тѣла» оказалось лучше моего. Мнѣ было 23 года, а она была пятью годами моложе меня и только что начинала заниматься этимъ предметомъ.

— Есть удивительно умныя дѣвушки, замѣтилъ Станлей, наливая водки въ чай; да, это должно было быть обидно для тебя.

— Страшно подумать до чего доходятъ теперь женщины, сказалъ Норскотъ, и при этомъ красивыя черты его лица приняли весьма непріятное выраженіе. — Эта Лодъ по ошибкѣ женщина; я отлично представляю себѣ ея огромную фигуру, въ синихъ очкахъ, съ орлинымъ носомъ, засѣдающую на консультаціяхъ и принимающую больныхъ въ балахонѣ!

— Развѣ ты видѣлъ свою сосѣдку?

— Нѣтъ! мнѣ еще предстоитъ это удовольствіе; но такою я создалъ ее себѣ въ воображеніи и увѣренъ, что она совершенно походитъ на доктора Генріетту Гровсъ, съ которой я коротко былъ знакомъ въ Эдинбургѣ. Я остался въ долгу предъ докторомъ Лодъ, и намѣренъ съ нею поквитаться; моя неудача на экзаменѣ до того огорчила, или, лучше сказать, разсердила дядю, что онъ сократилъ выдаваемое имъ мнѣ и безъ того небольшое жалованье, вслѣдствіе этого я велъ въ теченіе двухъ лѣтъ весьма тяжелую жизнь. Мнѣ и въ голову не приходило, что дядя назначитъ меня своимъ наслѣдникомъ.

— Ты опаснѣе на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ, Норскотъ, я увѣренъ, что ты не дашь повода Кизаіѣ Лодъ упрекнуть тебя въ низости.

— За это я не отвѣчаю, тѣмъ болѣе, что мнѣ предстоитъ имѣть дѣло съ не женственною соперницею; она, въ былое время, разстроила мои планы, теперь очередь за мною. Но довольно о твоемъ синемъ чулкѣ. Кого-то ты назначилъ управляющимъ?

— Опытнаго человѣка изъ Ломеда, отвѣтилъ Станлей. — Въ твои владѣнія входятъ окрестныя поля, Удбинъ Коттеджъ, и домà рабочихъ на концѣ этой улицы, кромѣ того, тебѣ принадлежатъ двѣ виллы въ Ломедъ и ферма по дорогѣ въ усадьбу Данверъ. Рента такъ низка, что я, по весьма умѣренной цѣнѣ, пріобрѣлъ бѣлыя помѣстья (freehold) они подымутся въ цѣнѣ, если ихъ назначатъ въ продажу съ торговъ.

— Это прекрасное состояніе для холостяка, возразилъ Норскотъ; мнѣ надоѣла праздная жизнь, я объѣду сосѣдей, а завтра отправлюсь къ Данверъ.

— Какъ обстоятъ тамъ твои дѣлишки?

— Плохо, Станлей; но я не отчаяваюсь; если-бы ты, хотя разъ, увидѣлъ Созу Данверъ, тогда ты понялъ бы мое чувство къ ней; я не встрѣчалъ такой красавицы. Ахъ, Станлей! она—женщина въ полномъ смыслѣ этого слова!

— А мой идеалъ красоты, Клара, отвѣтилъ Станлей смѣясь; я обѣщалъ своей женкѣ отправиться изъ Ломеда завтра утромъ, съ первымъ лондонскимъ поѣздомъ; и поэтому, примемся немедленно за осмотръ плановъ. Провозглашаю послѣдній тостъ: Пью за процвѣтаніе и успѣхъ доктора Норскота изъ Равенсбриджа! и при этомъ хлебнулъ глотокъ водки.

— И за окончательную погибель доктора Лодъ! вскрикнулъ Норскотъ. Что за имя —Кизаія! прибавилъ онъ съ отвращеніемъ, пожимая плечами.

— Злопамятный ты человѣкъ! сказалъ Станлей смѣясь; я не знаю, говоришь ли ты серьезно или шутя, но, въ первомъ случаѣ, мнѣ отъ души жаль эту женщину.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

* * *

Между Болгарами.

Изъ путешествія Вильгельма Лежана.

(*Продолженіе.*)

Изъ Самакова я отправился въ Ускубъ. Переѣздъ этотъ описывать я не стану, какъ не имѣвшій въ себѣ ничего интереснаго. Только за Кюстендже мѣстность стала болѣе гористою. Нѣкоторое время я ѣхалъ вдоль теченія рѣки Струмы (древняя Стримонъ), чрезъ которую переправился недалеко отъ караула въ мѣстности очень живописной. Часовой потребовалъ Табанджа Тескереци, т. е. разрѣшеніе на оружіе. Слуга мой разсмѣялся ему въ лицо и мы прошли мимо. Помните, что всякій мусульманскій сорванецъ имѣетъ право носить на груди цѣлый арсеналъ, и никто не потребуетъ у него на это позволенія. Новый примѣръ юридической равноправности и соблюденія обязательствъ 1856 г. Затѣмъ я поѣхалъ въ Кюстендже чрезъ плодородную долину, тянущуюся къ югу до Саволянъ: тамъ Струма врывается въ долину изъ глубокаго оврага, увѣнчаннаго древними развалинами.

Здѣсь я позволю себѣ сдѣлать одну географическую замѣтку. Греки, которымъ Стримонъ былъ извѣстенъ, и которые при его устьѣ построили Амфиполисъ, почти не имѣли никакихъ свѣдѣній о его высшемъ теченіи. Полагали, что въ своей сѣверной половинѣ онъ протекаетъ чрезъ семь озеръ. Въ настоящее же время Струма, на всемъ своемъ теченіи, не проходитъ ни чрезъ одно озеро; но русло ея дѣйствительно протекаетъ вдали цѣлаго ряда отдѣльныхъ котловинъ, между которыми главнѣйшія: Радомиръ, Кюстендже, Джумаа. Кто знаетъ, можетъ удалось бы отыскать семь такихъ котловинъ, а тогда мы имѣли бы право думать, что это бассейны озеръ, высохшихъ еще въ доисторическое время. Я вспоминаю, что г. Бржозовскій, геогнозъ, состоявшій на турецкой службѣ, которому я обязанъ многими интересными свѣдѣніями, открылъ въ наносахъ Орсеновы (котловина Джумаа), много доисторическихъ древностей и въ числѣ ихъ колоссальный кувшинъ. Я не останавливаюсь на римскихъ памятникахъ Кюстендже (Justiniana Prima), гдѣ я снялъ подробный планъ древней Юстиніановской крѣпости. Отсюда я доѣхалъ до Вока безъ всякихъ приключеній. Лѣтъ двѣсти тому назадъ, на этотъ городъ напала австрійская армія, которая туркамъ хорошо представила европейскую цивилизацію. Она старалась непремѣнно сжечь великолѣпный караванъ-сарай, но ей удалось истребить только часть зданія, которое должно было бы избѣгнуть мстительной руки врага, уже просто потому, что оно имѣло мирное назначеніе. Турецкое неряшество, впрочемъ, не лучше вандализма нѣмецкихъ солдатъ: они вовсе не заботились о томъ, чтобъ поддерживать зданіе, уцѣлѣвшее отъ огня враговъ. Кто любитъ живописные пейзажи, тотъ долженъ за Ускубомъ свернуть къ югу и по трудной дорогѣ добраться до Мостара, города, расположеннаго въ одной изъ македонскихъ долинъ. Перейдя рѣчку Трему, по дорогѣ вы встрѣчаете красивый городокъ Прилипъ, расположенный у подножья скалистыхъ горъ.

Это поселеніе албанскихъ мусульманъ; объ его населеніи можно судить изъ біографіи одного прилипійца, котораго я узналъ въ Пловдинѣ. Его отецъ, очень набожный человѣкъ, хотѣлъ сдѣлать сына духовнымъ, но послѣдній мечталъ о войскѣ и, конечно, желалъ сдѣлаться баши-бузукомъ. «Хочешь быть военнымъ, избави меня Аллахъ, чтобы я тебѣ этого не дозволилъ», сказалъ отецъ и записалъ его въ армейскій пѣхотный полкъ. Молодой рекрутъ рѣшилъ отмстить.

Два года эта мысль его не оставляла, и въ одинъ прекрасный день онъ бѣжалъ изъ полка, пробрался съ оружіемъ въ рукахъ въ отцовскій домъ, гдѣ при свѣтѣ увидѣлъ отца, занятаго молитвой. «Хорошо, подумалъ дезертёръ, старикъ пойдетъ прямо въ рай, окажу ему эту услугу» и выстрѣлилъ. Но кто ни стрѣлялъ бы въ роднаго отца, хотя бы съ самыми благочестивыми цѣлями, рука всегда затрясется; такъ и онъ промахнулся и долженъ былъ бѣжать въ горы и сдѣлаться разбойникомъ. Познакомился я съ нимъ, какъ съ служащимъ при консулѣ, который ему очень довѣрялъ.

Впослѣдствіи я узналъ, что онъ былъ участникомъ въ убійствѣ одного американскаго миссіонера подъ Узунджавой, но не знаю, что сдѣлалось послѣ съ этимъ любопытнымъ типомъ отцеубійцы.

Въ восьми часахъ ѣзды отъ Прилипа лежитъ монастырь, по гречески Виѳолія — городъ большой, богатый и слѣдящій за современной цивилизаціей. Въ немъ считается 45,000 жителей, есть военная школа, телеграфная станція и живетъ архіепископъ. Съ другими городами сообщеніе легкое, потому что соединенъ хорошими, битыми дорогами.

Вообще объ этомъ городѣ у меня сохранилось самое пріятное впечатлѣніе, которое вселили въ меня, сначала, радушный пріемъ, какой мнѣ былъ оказанъ, а потомъ англійскій консулъ Кальвертъ и его семейство. Г. Кальвертъ археологъ, а жена его заботится объ устроенной ею походной аптекѣ и домашней больницѣ, которыми жители пользуются очень охотно, такъ какъ ни то, ни другое ничего не стоитъ. Дѣти обучаются точно также безплатно, но греческое духовенство не можетъ равнодушно смотрѣть на старанія монаховъ, и такъ ловко умѣетъ вліять на родителей, что въ монастырѣ учениковъ становится все менѣе и менѣе. Пусть дѣти не учатся: «останутся глупцами, но — православными». Какъ видно, фанатизмъ вездѣ и всегда одинаковъ.

Городъ населенъ преимущественно болгарами, но есть также мусульмане-албанцы и цинцары, или южные валахи. Монастырь, не можетъ похвалиться какими либо достопримѣчательностями — ни въ немъ самомъ, ни въ его окрестностяхъ нѣтъ ни одного историческаго памятника. Если кто желаетъ вернуться на дорогу, оставленную уже у Ускуба, и поѣздка не спѣшна — лучше всего ѣхать изъ монастыря горами въ валахскій городокъ Кричово. Оттуда дорога спускается въ плодородную долину Тетово, вдоль которой вы ѣдете до Калькандель — деревушки, закрытой большими холмами, идущими отъ горы Шаръ.

Въ Калькандель начались для меня разныя невзгоды. Лишь я собрался идти на вершину Шара, какъ пошелъ проливной дождь, сопутствовавшій мнѣ до деревни Вешель.

Сначала я мало обращалъ вниманія на это обстоятельство, потому что мнѣ говорили, что въ двухъ часахъ дороги встрѣчу удобный ганъ. Но когда я пришелъ съ своимъ провожатымъ на указанное мѣсто и, вмѣсто удобнаго гана, мы нашли пустой, сколоченный изъ досокъ шалашъ, гдѣ когда-то жилъ какой-то горецъ, я пришелъ въ негодованіе. Но надо было пользоваться и этимъ. Введши лошадей подъ крышу, мой провожатый собралъ немного мокрой травы и съ большимъ трудомъ развелъ огонь. Отъ дыма мы чуть не задохлись, но когда кофе былъ готовъ, вернулось и хорошее расположеніе. Подкрѣпивъ свои силы, мы снова сѣли на лошадей и вскорѣ пріѣхали въ Вешель, гдѣ нашли, наконецъ, хорошій ганъ. Окрестность покрылась туманомъ, и было такъ темно, что хоть глазъ выколоть. На другой день опять невзгода. Туманъ не спалъ, и я простился съ надеждою полюбоваться очаровательною мѣстностью, открывающеюся съ вершины Шара. Однако я все-таки сталъ взбираться. На вершинѣ я отдохнулъ на небольшой равнинѣ, покрытой зеленью, и по другой сторонѣ спустился внизъ. Къ туману присоединился еще холодъ, пробравшій насъ до костей, такъ что въ турецкомъ караулѣ Караташъ (черный глазъ) мы должны были согрѣваться чаемъ.

Въ километрѣ за Караташомъ туманъ разсѣялся, и къ моему удивленію я увидѣлъ воздѣланныя поля, долины, дороги и 16—30 деревень. Около двухъ часовъ я бродилъ по долинѣ менѣе мрачной, чѣмъ ея полутурецкое, полуболгарское названіе—Кара-Потокъ, черный потокъ. По преданію, за достовѣрность котораго я не рѣшаюсь ручаться, двѣсти лѣтъ тому назадъ, какой-то албанскій ренегатъ, Синанъ-паша, хотѣлъ съ оружіемъ въ рукахъ обратить шарскихъ болгаръ въ магометанъ. Но болгары рѣшили сопротивляться до крайности и 40,000 мучениковъ легло въ этой долинѣ, которая до этого носила названіе Бѣлаго Потока. Это преданіе, согласное съ тѣмъ, что̀ мы знаемъ о *добровольномъ* обращеніи многихъ турецкихъ племенъ, бывшихъ когда-то христіанскихъ, объясняетъ намъ нѣкоторымъ образомъ нынѣшнее состояніе шарскихъ горцевъ, которые, хотя и магометане, но сохранили еще до сихъ поръ какъ болгарскій языкъ, такъ и прежніе христіанскіе обычаи; такъ, наканунѣ Рождества, дѣти собираются небольшими группами и, вечеромъ, ходятъ колядовать отъ дверей до дверей. Я проѣхалъ мимо узкаго и обнаженнаго оврага, по дну котораго извивается рѣчка, Быстрица, а надъ ней, на острой скалѣ, видны живописныя развалины замка, гдѣ въ 1340 г. жилъ со своимъ дворомъ Стефанъ Великій. У стопъ этой скалы видны еще и теперь слѣды монастыря Св. Архангеловъ, основаннаго Стефаномъ Великимъ около 1350 г. При основаніи этого монастыря была издана хризобулла, неполный экземпляръ которой, хранится въ Бѣлградѣ. Я просматривалъ поблекшіе листы этого устава, и, по моему мнѣнію, это важнѣйшій документъ географіи средневѣковыхъ славянскихъ земель.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

* * *

Новые типы.

Статья II.

Червонная масть — единственная масть въ Москвѣ, червонные короли, дамы и валеты, раздутый процессъ, герои процесса, превращеніе червей въ бубны, что говоритъ Москва о дѣлѣ валетовъ.

Всего нѣсколько дней, какъ москвичи пришли въ себя, не много одумались и начали различать при игрѣ въ карты масти, до сихъ поръ, въ теченіе двадцати четырехъ сутокъ мы только и были заняты червонною мастью, дѣломъ клуба червонныхъ валетовъ: куда бы вы не пришли, всюду валеты, валеты и валеты. На что ужъ, кажется, мы интересовались восточнымъ вопросомъ, врядъ ли другой городъ былъ занятъ такъ этимъ вопросомъ, какъ мы, мы жертвовали деньги; снаряжали на помощь «братьямъ-сербамъ», добровольцевъ, провожали этихъ добровольцевъ съ шумными оваціями, потомъ встрѣчали ихъ не менѣе шумно, гонялись за ними, чтобы выслушать хоть одну басню, на которыя такъ щедры возвратившіеся добровольцы, но вдругъ 8-го февраля, на скамью подсудимыхъ всходятъ нѣсколько десятковъ человѣкъ и Москва стремглавъ летитъ въ Кремль, забывъ все и вся, она приступомъ хочетъ взять окружный судъ, чтобы хоть однимъ глазкомъ взглянуть на героевъ дня. Но.... увы! въ судъ проникаютъ только избранные, у которыхъ грасуется въ рукахъ красненькій билетикъ, остальнымъ же предоставляется право разойтись по домамъ, разсказывать и выслушивать баснословныя разсказы о похожденіяхъ валетовъ и съ жадностію проглатывать ежедневные отчеты о процессѣ, печатаемыя въ газетахъ.

А въ окружномъ судѣ, между тѣмъ, приступили къ обряду жертвоприношенія Ѳемидѣ. Громадный екатериненскій залъ набитъ биткомъ; судъ, публика, подсудимые, часовые; дамы лорнируютъ подсудумыхъ.

— Гдѣ же валеты? гдѣ они? слышится шопотъ между дамами.

Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же валеты? Здѣсь просто сабралась цѣлая колода; вотъ сидятъ два почтенныхъ старика, длинныя сѣдыя бороды, закрываютъ почти всю грудь, имъ уже прямо приличествуетъ величать себя королями, но ни какъ не валетами, есть. конечно, между подсудимыми и валеты, а тамъ дальше за другой рѣшеткой сидятъ и дамы.

Почему этотъ процессъ названъ клубомъ червонныхъ валетовъ, зачѣмъ привлечено на скамью подсудимыхъ, столько народа, никто не понимаетъ, ни кто не можетъ выяснить этого. Здѣсь собраны люди, обвиняемыя въ самыхъ разнообразныхъ преступленіяхъ, которыя, какъ не связывайте ихъ, все-таки не вяжутся между собою, каждая личность, каждое преступленіе стоитъ совершенно особнякомъ, мало того, половина такихъ преступленій, которые ведутъ вовсе не на скамью подсудимыхъ въ окружномъ судѣ, а въ камеру мироваго судьи. Затѣмъ наконецъ приведены были женщины. Изъ числа семи, одна только Башкирова обвинялась въ убійствѣ, другія же были виновны въ томъ только, что.... полюбили подсудимыхъ.

Составить себѣ ясное, цѣлостное понятіе о процессѣ невозможно. Это рядъ мелкихъ, ребяческихъ, если хотите, плутень, мошенничествъ, героями этихъ плутень являются большею частію отдѣльныя личности, связи между этими мошенничествами нѣтъ ни малѣйшей, ни какой организаціи, ни какого общества и слѣдовъ нѣтъ. Кому нужно было нашумѣть объ этомъ дѣлѣ, раздуть его, прото вѣдаетъ аллахъ!

И кого только нѣтъ на скамьѣ подсудимыхъ? Вотъ засѣдаетъ представительная фигура, бывшаго предводителя дворянства Массари, обобравшаго мать, доведшаго эту мать до бѣдности, рядомъ съ нимъ помѣщается ех-князь Долгоруковъ, далѣе испорченный отцомъ мальчикъ Пѣговъ, тамъ сынъ канцеляриста, мнящій себя литераторомъ Топорковъ и т. д. и т. д.

Нужно отдать справедливость, что большая часть подсудимыхъ люди очень умные, развитые; можно было ручаться за то, что они сильно сожалѣли о томъ, что взяли себѣ защитниковъ, защитники эти были пигмеи передъ подсудимыми.

Разсказывать о продѣлкахъ подсудимыхъ, о продѣлкахъ, закоторые ихъ привлекли къ отвѣтственности не стоитъ, да и нѣтъ возможности, для этого нужно исписать цѣлые томы, но умолчать о тѣхъ фактахъ, которые выяснились на судѣ, невозможно.

— Насъ обвиняютъ, въ такъ называемомъ банковомъ дѣлѣ, говоритъ подсудимый Верещагинъ, мы и не отказываемся отъ этого, мы дѣйствительно поддѣлывали билеты, но поддѣлывали по приказанію слѣдователя. Вы, господа, присяжныя засѣдатели не имѣете ни какого понятія объ одиночномъ заключеніи, а въ такомъ заключеніи мы находились въ теченіи цѣлыхъ шести лѣтъ. Что же намъ оставалось дѣлать, послѣ того, какъ слѣдователь предложилъ намъ свободу съ условіемъ, поддѣлывать билеты и сдѣлаться сыщиками. Быть выпущеннымъ на свободу! да я не знаю, на что не пойдетъ только человѣкъ ради свободы. Мы, конечно, согласились, насъ выпустили, мы и принялись за поддѣлки, за оговоры!

И такъ, въ видахъ скорѣйшаго хода слѣдствія, наши судебные слѣдователи позволяютъ себѣ выпускать на свѣтъ Божій арестантовъ въ роли сыщиковъ. Чѣмъ, въ такомъ случаѣ, каждый изъ насъ гарантированъ отъ острога. Кто поручится за то, что подобный сыщикъ, ради одного дня свободы не оговоритъ васъ въ какомъ нибудь преступленіи, подите, доказывайте свою невинновность, а острогъ, между тѣмъ очень радушно приметъ васъ въ свои объятія. Въ роли сыщика фигурировалъ и одинъ изъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. Это нѣкто Симоновъ (къ стыду московской сатиры, одинъ изъ рьяныхъ сотрудниковъ *настоящей редакціи* «Будильника»), тотъ самый Симоновъ, который хотѣлъ изобразить себя безсребренникомъ, предложилъ печатно свои услуги гражданскимъ истцамъ по дѣлу ссудно-комерческаго банка, безплатно и заставившій горько плакать своихъ довѣрителей за ихъ довѣріе къ своей особѣ.

Былъ и такого рода курьезъ: выходитъ свидѣтельница, лицо потерпѣвшее.

— Посмотрите на подсудимыхъ, говоритъ прокуроръ, узнаете ли вы Либермана, который помогалъ обманывать васъ.

Свидѣтельница смотритъ во всѣ глаза.

— Вотъ, крайній, на второй скамьѣ, помогаетъ ей прокуроръ.

— Да, помилуйте, взмолилась свидѣтельница, тотъ который, меня обманулъ сидитъ въ числѣ свидѣтелей, въ одной со мной комнатѣ, а это со всѣмъ не тотъ.

Оказывается, что Либерманъ, ни сколько не повинный попалъ на скамью подсудимыхъ, а виновный гулялъ на свободѣ и попалъ въ свидѣтели по собственному же дѣлу.

Обращаются съ вопросомъ къ подсудимой г-жѣ Щукиной (замѣчательной красавицѣ, отъ которой не отводила глазъ публика).

— Г-жа Щукина, вы кажется обѣщали что-то показать суду?

Щукина вспыхиваетъ, на губахъ играетъ лукавая улыбка.

— Извините, я хотѣла сказать нѣсколько словъ суду, но показывать ничего не обѣщала.

Какъ бы то нибыло, сколько бы курьезовъ ке происходило, слѣдствіе все таки окончилось. Кончились и пренія сторонъ, присяжные вышли совѣщаться. Всю ночь никто не спалъ; утромъ въ десять часовъ приступили къ чтенію вердикта присяжныхъ.

Что то грозное чуялось въ воздухѣ, не одни подсудимые были мрачны, мрачна была и публика, чувствовала она себя какъ-то, не ловко, всѣмъ было тяжело.

Слышались тихіе отвѣты присяжныхъ: да виновенъ, виновенъ, виновенъ.

Дѣло окончилось, правосудіе совершилось. Девятнадцать человѣкъ оправданы. Нельзя не повторить при этомъ словъ одного изъ подсудимыхъ Адамчевскаго: «за что же привлекли меня къ отвѣтственности, за что бросили грязью въ мое доброе имя?»

За что въ самомъ дѣлѣ всѣ эти оправданныя девятнадцать человѣкъ, въ томъ числѣ и шесть женщинъ, привлечены въ судъ, за что они томились въ острогѣ? за что?

Москвичи очень и очень недовольны. Недовольны они, и стараются раздуть процессъ, и неправильнымъ привлеченіемъ многихъ неповинныхъ къ дѣлу, недовольны частно и приговоромъ присяжныхъ.

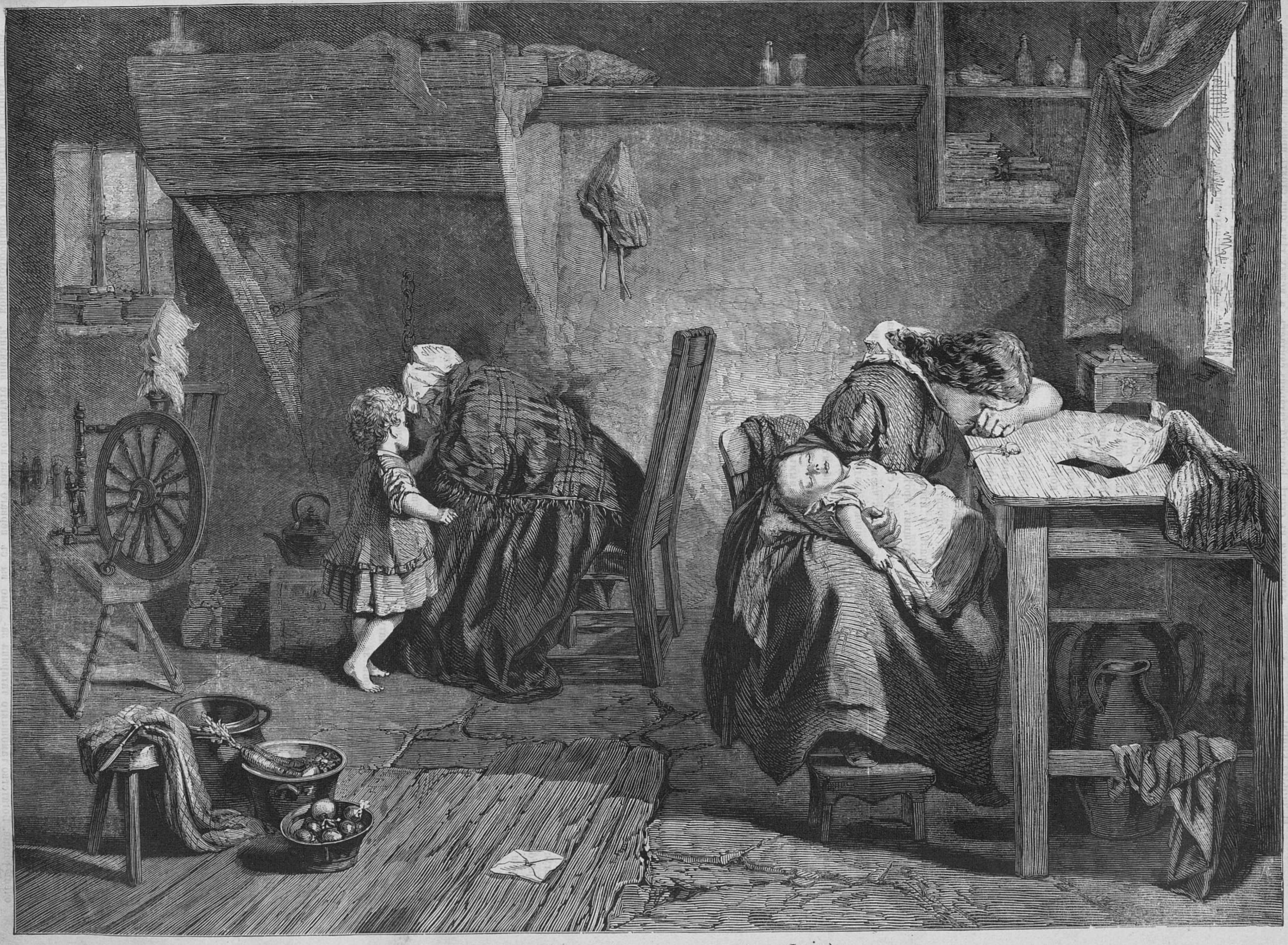
Собственно говоря, присяжныхъ винить нельзя. Цѣлый мѣсяцъ просидѣли они въ судѣ, внимательно слѣдя за процессомъ, измученные они должны были обсудить предложенные судомъ 239 вопросовъ, конечно, въ подобномъ случаѣ, нельзя обойтись безъ промаховъ, хотя эти промахи приходится искупать другимъ, далекимъ путемъ въ холодную дальнюю Сибирь съ цѣпями на ногахъ.

Н. А.

* * *

Сосѣдка.

Въ окнахъ бель-этажа
Милая брюнетка
Каждый вечеръ та же —
Тò моя сосѣдка.
Взглядъ ея, порою,
Такъ бываетъ страненъ:
Тò горитъ зарею,
Тò какъ грусть туманенъ.
Съ книгой у окошка
Иногда присядетъ —
И прочтетъ немножко....
Но лишь только взглянетъ
На меня, плутовка, —



Послѣ побѣды. (Снимокъ съ картины Феда).

И забыта книга!
— И опять головкой
Мнѣ киваетъ тихо
И сдва замѣтно, —
Полная желанья,
Чтобы непримѣтно
Это шло свиданье.
Другъ мой, другъ случайный!
Мы съ тобой какъ дѣти —
Съ этой дѣтской тайной
Ото всѣхъ на свѣтѣ.

И. Я.

Новости наукъ и жизни.

Ачинскіе и минусинскіе татары. Въ газетѣ «Сибирь» мы читаемъ интересную замѣтку, съ которою и знакомимъ здѣсь читателей. Въ іюлѣ 1875 г. мнѣ привелось прожить двѣ недѣли на озерѣ Шира, входящемъ въ славу своими минеральными водами. Озеро это находится въ степи, въ районѣ земель, принадлежащихъ татарамъ бійскаго рода, въ минусинскомъ округѣ. Длина его верстъ около 8, а ширина верстъ 5. Вода, по изслѣдованію томской врачебной управы, куда она была доставляема золотопромышленникомъ З. М. Цибульскимъ, содержитъ желѣзо, соль, сѣру и соду. Впрочемъ, не во всѣхъ мѣстахъ этого озера содержаніе воды одинаково: въ одномъ мѣстѣ она содержитъ въ себѣ больше желѣза чѣмъ другихъ составныхъ частей, въ другомъ больше сѣры и т. д. Всего перебывало на этомъ озерѣ въ минувшее, первое по открытію, лѣто, болѣе 200 человѣкъ. Всѣ они помѣщались въ юртахъ, устроенныхъ каждымъ на свой счетъ. Въ числѣ пользовавшихся водою этого озера, я встрѣтилъ страдающихъ весьма разнородными болѣзнями: тутъ были и золотушные, и сифилитики, и подагрики, и страдающіе ревматизмомъ, и чахоточные, и разбитые параличемъ, и даже меланхолики. Особенно благопріятно дѣйствуетъ эта вода на золотушныхъ. На слѣдующее лѣто г. Цибульскій, арендовавшій это озеро у татаръ на 20 лѣтъ, намѣренъ пригласить на весь сезонъ леченія, съ 15 мая до 15 августа, доктора, въ совѣтахъ и указаніяхъ котораго нынѣ очень нуждались больные. Жаль, что при этомъ озерѣ не устроено кухмистерской, или чего нибудь въ этомъ родѣ, гдѣ бы больные могли получать обѣды и завтраки. Въ нынѣшнее лѣто они довольствовались продуктами, доставляемыми татарами и приготовляемыми до того грязно, что одинъ только сильный голодъ понуждалъ потреблять ихъ. Былъ, впрочемъ, одинъ поставщикъ изъ крестьянъ дер. Сонъ. Не смотря на слишкомъ высокую плату за все, онъ считалъ доставку припасовъ за великое одолженіе съ своей стороны, и на просьбы пріѣзжать съ товаромъ почаще, говорилъ: «Да, вы развѣ платите мнѣ за то, что я ѣзжу сюда?»—Впрочемъ, это неудобство, я думаю, будетъ также устранено г. Цибульскимъ.

Проѣзжая по степи, я по необходимости имѣлъ частыя столкновенія съ ачинскими и минусинскими татарами и нѣсколько познакомился съ бытомъ ихъ. Живутъ они обыкновенно въ юртахъ, которыхъ у каждаго хозяина двѣ: одна для лѣта, а другая для зимы. Въ лѣтникѣ, на срединѣ устраивается возвышеніе изъ камня, на которомъ день и ночь курится огонекъ; тутъ же вмазывается котелъ для варки пищи, а въ бокахъ возвышенія дѣлаются печурки, въ которыхъ пекутся булки и хлѣба; для выхода дыма оставляется отверстіе на верху юрты противъ огня. Въ зимникѣ же устраивается очагъ. Вблизи русскихъ селеній нѣкоторые изъ татаръ имѣютъ русскія избы, но сами большею частію не живутъ въ нихъ. Хлѣбопашествомъ занимаются очень рѣдкіе. Богатство тамошняго татарина заключается въ скотѣ. Богатый татаринъ считаетъ свой скотъ не головами, а табунами. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ до 70 и болѣе табуновъ, каждый не менѣе 50 головъ. Вблизи озера Шира паслись табуны татарина Сукина. Любо смотрѣть, когда табуны проходятъ мимо васъ. Число скота, а также и пространство, занимаемое имъ, невольно поражаетъ. Но, вообще, въ татарскихъ табунахъ лошади посредственныя. Я видѣлъ табуны Сукина и Спирина, богатыхъ татаръ, и не замѣтилъ въ нихъ ни одного жеребца или кобылицы, на статность которыхъ можно было бы полюбоваться. Татарская лошадь довольно высока, туловище длинное, задъ выше, чѣмъ передъ, шея короткая и тонкая, грудь узкая.

Татары здѣшніе, народъ гостепріимный. Всякому заѣзжему къ нимъ они рады. Принимая васъ, татаринъ распространяется о томъ, что добрые люди имъ не брезгуютъ: вотъ тогда-то у него былъ тотъ-то, а тогда-то такой-то, и т. д., а затѣмъ, спроситъ ваше имя и фамилію и не одинъ разъ, а нѣсколько, чтобы не позабыть и предъ будущимъ проѣзжающимъ похвастать своимъ знакомствомъ съ вами. Угощаютъ сперва арьяномъ, потомъ чаемъ, въ который вмѣсто молока и сливокъ кладутъ сметану. Арьянъ дѣлается изъ коровьяго молока: молоко квасится, а затѣмъ очищается особымъ способомъ, послѣ чего получается преотвратительнаго вкуса вода, которая и служитъ любимымъ напиткомъ татаръ. Выпившій много арьяну, дѣлается пьянымъ. Я замѣтилъ, что татаринъ ничѣмъ такъ не любитъ хвастаться, какъ тѣмъ, что онъ очень много можетъ выпить русской водки, продажа которой между ними не производится. По этому поводу онъ разскажетъ вамъ, какъ онъ въ бывшую ярмарку, въ ближайшемъ русскомъ селеніи, со своимъ товарищемъ пилъ водку: въ одномъ кабакѣ они выпили по 2 штофа; перешли въ другой, — тутъ присоединился къ нимъ третій товарищъ, съ которымъ на радостяхъ, что свидѣлись, выпили по 3 штофа, а затѣмъ и пойдетъ изъ кабака въ кабакъ, выпивая въ каждомъ не менѣе 2—3 штофовъ, и въ концѣ концовъ окажется, что онъ выпилъ такъ много штофовъ, что и счетъ имъ потерялъ, а пьянъ, между прочимъ, не былъ. Такъ онъ говоритъ о своемъ несокрушимомъ здоровьѣ на счетъ водки, если онъ не пьянъ въ это время. Въ противномъ же случаѣ онъ любитъ казаться пьянымъ, особенно при постороннемъ человѣкѣ. При мнѣ одинъ зажиточный татаринъ угостилъ шестерыхъ своихъ собратовъ за какую-то услугу, поднеся имъ по рюмкѣ водки; каждый изъ нихъ, потребивъ свою порцію, начиналъ шарашиться передо мной, а затѣмъ валился на траву, какъ мертвецки-пьяный.

Татары здѣшніе ничего такъ не трусятъ, какъ воинской повинности. Коснувшись въ разговорѣ этого предмета, я узналъ, что до нихъ дошли слухи о намѣреніи, будто бы, правительства, привлечь и ихъ къ отправленію этой повинности, и что если эти слухи оправдаются, то они, какъ говорятъ, перекочуютъ туда, гдѣ никто и никогда не найдетъ ихъ. Хотя эти татары и крещены, но съ истинами христіанской религіи почти незнакомы. Они не только не знаютъ молитвъ, но даже не знаютъ своихъ христіанскихъ именъ и до сихъ поръ большинство ихъ величаетъ себя татарскими именами, имѣющими русскія значенія: собака, волкъ, воронъ, коршунъ и т. п. Въ отправленіи всѣхъ ихъ религіозныхъ потребностей принимаютъ участіе и священникъ и, раньше или послѣ, шаманъ. Въ каждой юртѣ, приглядываясь внимательно, увидите въ одномъ мѣстѣ заткнутый въ щель клокъ овечьей шерсти, въ другомъ — пучекъ волосъ, тамъ хлѣбную корочку и еще много такихъ предметовъ, на которые вы съ перваго раза не обратите вниманія, а между тѣмъ они стоятъ примѣчанія, такъ какъ всѣ эти предметы въ разное время были «нашаманены» и съ каждымъ изъ нихъ сопряжена цѣлая семейная исторія. Похороны у нихъ совершаются положительно въ языческомъ вкусѣ. Незадолго до моего пріѣзда въ одинъ улусъ, тамъ умеръ богатый татаринъ (сгорѣлъ съ вина). Въ его ящикъ (хоронятъ въ ящикахъ) не считая того что надѣто было на покойника, было положено: двѣ полныя перемѣны платья, штука драпу на пару, штука сукна на тотъ же предметъ, шуба, халатъ, сапоги, пимы, двѣ шапки, лѣтняя и зимняя, опояска, ружье, сѣдло, арканъ, три бутылки водки, рому и мадеры и ко всему этому денегъ нѣсколько рублей. Впрочемъ, этому несчастному не приведется пощеголять и погулять на томъ свѣтѣ, такъ какъ чрезъ 2 дня могила его оказалась разрытой, а имущество расхищеннымъ. Татаринъ здѣшній очень лѣнивъ. Богатый татаринъ съ утра до ночи сидитъ около очага и попиваетъ арьянъ съ своими пріятелями, слушая сказочника. Сказочники — это и музыканты и пѣвцы. У нихъ особый пріемъ сказанія сказокъ; разсказываетъ не одинъ, а двое. Главный разсказчикъ, ударяя по инструменту, въ родѣ бандуры, издаетъ какіе-то непонятные гортанные, пѣвучіе звуки, а помощникъ его передаетъ значеніе этихъ звуковъ. И бѣдный татаринъ не прочь отъ такого времяпрепровожденія, и только сильный голодъ побуждаетъ его идти въ услуженіе къ русскому или богатому татарину. Если дѣло какое предстоитъ татарину, то онъ не вдругъ берется за него: предварительно идутъ долгія бесѣды объ этомъ предметѣ съ пріятелями. Напримѣръ, предстоитъ татарину поѣздка въ какое нибудь селеніе: заявляетъ по улусу, что онъ идетъ, положимъ, на Чебаки (слова: идетъ, пошелъ, употребляются въ смыслѣ ѣдетъ, поѣхалъ) тотчасъ выискиваются бывалые тамъ: припоминаютъ когда они были тамъ, по какому случаю, что̀ съ ними случилось, и по этому поводу сочиняются такія небывальщины, что или волоса дыбомъ становятся у слушателей отъ тѣхъ страховъ, какихъ набрался бывалый, или слюнки текутъ отъ тѣхъ удовольствій, какія онъ испыталъ тамъ. Невыносимо тяжело подряжать татарина на какую нибудь работу. Одно семейство, бывшее на озерѣ Шира, вздумало подряжать татарина отвезти до ближайшаго селенія. Этотъ татаринъ ѣздилъ на озеро 3 дня сряду изъ своего улуса, за 12 верстъ, рядиться, и цѣлые дни просиживалъ въ юртѣ этого семейства, желая взять нѣсколькими копѣйками болѣе противъ даваемой ему платы; пріѣхалъ и на 4-й день, но семейство онъ уже не засталъ, — оно выѣхало, подрядивъ русскаго ямщика.

***

Сибирскіе курганы. Въ той же газетѣ, встрѣчаемъ слѣдующую замѣтку о сибирскихъ курганахъ. Пространство земель, лежащихъ по рѣкамъ Иртышу, Тоболу, Турѣ, а также Оби и Енисею, усѣяно возвышенностями различныхъ формъ и величинъ, называемыми у мѣстныхъ жителей курганами и теряющими свое происхожденіе въ туманѣ временъ доисторическихъ. Курганы эти, служа съ давнихъ лѣтъ предметомъ любопытства для небольшаго числа мѣстныхъ антикваріевъ и археологовъ, остаются однакоже и по настоящее время въ дѣвственномъ состояніи. Чему же приписать это? Апатіи ли нашего общества къ наукѣ вообще и къ мѣстной исторіи въ особенности; неимѣнію средствъ для осуществленія ученыхъ стремленій,—или наконецъ, препятствіямъ со стороны мѣстной администраціи—трудно рѣшить.

Откуда, когда и при какихъ условіяхъ получили курганы эти свое начало; не служатъ ли они безмолвными іероглифами временъ давно минувшихъ съ одной стороны, и предметомъ корыстолюбиваго любопытства мѣстныхъ обывателей, съ другой,—постараемся разгадать это на основаніи историческихъ данныхъ, имѣющихся у насъ подъ руками.

Всѣ упомянутыя возвышенности можно раздѣлить на три разряда. Къ первому принадлежатъ курганы, происшедшіе въ разныя времена отъ наносныхъ массъ песку, глины и ила; они никакого значенія не имѣютъ, а потому и говорить о нихъ нечего. Ко второму разряду относятся курганы, получившіе начало свое еще до завоеванія Сибири Ермакомъ и происшедшіе отъ погребенія труповъ остяковъ, вогуловъ и позднѣйшихъ преемниковъ ихъ—татаръ. Всѣ эти народы имѣли общее обыкновеніе: при погребеніи умершихъ родственниковъ и друзей класть вмѣстѣ съ ними въ могилы любимыя ихъ вещи, какъ-то божковъ, которыхъ покойники при жизни особенно чтили, утварь, одежды и оружіе, которыя они преимущественно любили, а иногда даже и извѣстное количество монетъ на непредвидѣнныя надобности при въѣздѣ въ селенія небесныя. Курганы эти имѣютъ преимущественно форму параллелограмовъ съ закругленными углами и заслуживаютъ полнаго вниманія антикварія и археолога.

Такимъ образомъ, въ могилахъ, начинающихся съ Тобола и простирающихся не только до Туби, но и за Байкалъ, до Аргуни, были въ XVIII столѣтіи открыты вещи золотыя, серебряныя, мѣдныя и желѣзныя. Путешественники опредѣляютъ богатство или бѣдность таковыхъ могилъ извѣстными пространствами; но опредѣленія ихъ особенно вѣрны только въ отношеніи къ могиламъ забайкальскимъ, признаннымъ почти всѣми за самыя бѣдныя.

Рядъ 16-ти кургановъ, находящихся на лѣвомъ берегу Алея, впадающаго въ Иртышъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія потому, что въ одномъ изъ нихъ, въ два поиска, найдено было бугровщиками до 60 фунтовъ золота въ разныхъ издѣліяхъ. Бель, одинъ изъ свиты Измайлова, разсказываетъ, что между прочими рѣдкостями, вырытыми изъ кузнецкихъ могилъ, онъ видѣлъ коннаго истукана, искусно отлитаго изъ металла и нѣсколько звѣрьковъ изъ чистаго золота. Одинъ изъ бугровщиковъ сказывалъ Белю, что однажды онъ дорылся до свода, подъ которымъ лежалъ остовъ человѣка на серебряной доскѣ съ лукомъ, колчаномъ и стрѣлами. Знаменитый исторіографъ Сибири, Миллеръ, будучи на колыванскихъ заводахъ, купилъ изъ могильныхъ драгоцѣнностей золотого всадника, сидящаго на лошади, довольно чистой работы, и тамъ же пріобрѣлъ еще золотой кувшинъ хорошей работы. Гмелинъ, наслышавшись въ Красноярскѣ о найденномъ въ разныя времена въ могильныхъ курганахъ значительномъ количествѣ золота, разсказываетъ, что онъ видѣлъ у красноярскаго воеводы родъ подноса и небольшой горшокъ изъ серебра подъ позолотою; на подносѣ изображены разныя фигуры съ накидкою, употребляемою у птицеловъ. (См. Истор. Обозр. Сибири, Словцова.)

Наконецъ, къ третьему разряду принадлежатъ курганы, происшедшіе въ смутныя времена набѣговъ и разбоевъ грубыхъ ордъ туземцевъ, одной на другую, — и впослѣдствіи — всѣхъ ихъ вмѣстѣ—предъ вторженіемъ Ермака въ предѣлы Сибири. Ожидая врага, эти дикари зарывали въ землю все, что было у нихъ наиболѣе драгоцѣннаго, и потомъ, погибая въ сѣчахъ, или забывая мѣста храненія своихъ сокровищъ, породили въ послѣдующихъ поколѣніяхъ различныя легенды о такъ называемыхъ кладахъ.

Такимъ образомъ и въ настоящее время, въ низшемъ слоѣ тобольскаго населенія, сохранилось преданіе о существованіи близъ деревни Сузгунъ, въ 8 верстахъ отъ Тобольска, весьма значительнаго клада, припрятаннаго въ попыхахъ, быть можетъ и въ самомъ дѣлѣ, хорошенькою женою Кучума Сузге, жившею тутъ предъ нашествіемъ Ермака.

И такъ, неужели въ наше время не найдется предпріимчиваго охотника, который рѣшился бы порыться въ этихъ волшебныхъ сокровищницахъ? Если не изъ любви къ наукѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ видахъ интереса почему бы кому нибудь изъ нашихъ капиталистовъ не удѣлить малой толики отъ своихъ избытковъ на раскопку подобныхъ кургановъ? Археологическое Общество и Общество исторіи и древностей, вѣроятно, поддержали бы его своимъ сочувствіемъ къ этому дѣлу. Правда, что американскихъ сокровищъ здѣсь ожидать нельзя, но вѣдь для настоящихъ-то такого рода сокровищъ—нуженъ и настоящій Колумбъ,—а такіе люди не дюжинами родятся.

К. Г—въ.

Атмосферическое явленіе. Въ ночь на 3-е марта, съ третьяго часу ночи, на южной части небосклона, было наблюдаемо весьма замѣчательное атмосферическое явленіе. Сперва надъ горизонтомъ показалась красноватая свѣтящаяся полоса, въ вертикальномъ положеніи, по направленію къ зениту; высота ея была довольно значительная, свѣтъ неравномѣрный, колеблющійся и какъ бы пробивающійся снизу вверхъ. По прошествіи четверти часа, можно было замѣтить, что эта огненная полоса поднимается все выше и выше надъ горизонтомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, измѣняется: свѣтъ изъ красноватаго становился бѣлымъ, ширина значительно уменьшилась, а длина увеличивалась. Картина представляла какъ бы высоко бьющій, огненный фонтанъ. Около половины четвертаго, «огненный мечъ», какъ называли это явленіе извощики и дворники, поднялся очень высоко; свѣтъ видимо слабѣлъ, посрединѣ, по временамъ, даже совсѣмъ прерывался. Казалось даже, что верхній конецъ свѣтящейся полосы наклонялся къ востоку, и въ это время, небо, почти чистое, представляло какъ бы блѣдное зарево пожара. На пройденномъ мѣстѣ, по словамъ «Новаго Времени», не оставалось никакихъ слѣдовъ; въ концѣ четвертаго часа, свѣтъ полосы быстро — то усиливался, то ослабѣвалъ, казался то безпрерывнымъ, то разрывался на двѣ, на три части тонкой струи. Какъ только начало свѣтать, явленіе прекратилось и длилось такимъ образомъ около двухъ часовъ; характеръ его, по всей вѣроятности, метеорологическій.

Туманные сигналы-ревуны. Для уменьшенія опасности плаванія вблизи береговъ Нѣмецкаго и Балтійскаго морей, прусское правительство предложило устроить около береговъ перваго, частію при маякахъ, частію при маячныхъ судахъ, три, а втораго — семь ревуновъ, дѣйствующихъ во время тумана съ помощію либо пара, либо сжатаго воздуха. Смѣта расходовъ, на устройство ревуновъ и станціонныхъ домиковъ, разсчитана въ 221,250 рубл. металлическихъ. Каждый аппаратъ стоитъ отъ 15,000 до 22,000 рублей, смотря по величинѣ и силѣ производимаго звука. Въ Балтійскомъ морѣ предположено поставить ревуны у слѣдующихъ пунктовъ: Фемернъ, Дарсерортъ, Аркона (Рюгенъ), Грейфсвальде, Риксхертъ, Гела и Бристерортъ.

Всемірная выставка. Китайскій тзунгъ-ли-яменъ приказалъ главному инспектору морскихъ таможенъ, г. Гарту, приготовить всѣ необходимые предметы, чтобы достойно представить небесную имперію на выставкѣ 1877 года («Exploration»).

— Въ г. Пинегѣ Архангельской губерніи, въ мартѣ мѣсяцѣ, во время обычной Алексѣевской ярмарки, открывается выставка крестьянскихъ лошадей, взрощенныхъ на мѣстѣ; причемъ будетъ произведено имъ испытаніе возкою тяжестей. Лучшіе хозяева получатъ призы и преміи. Къ сожалѣнію, въ этомъ году выставка эта ожидается въ весьма небольшихъ размѣрахъ. Давно уже пинежскому населенію не приводилось выдерживать такого тяжелаго экономическаго положенія. Подати ростутъ, сообразно съ этимъ увеличиваются недоимки, а промыслы оскудѣваютъ и захватываются міроѣдами. Кулачество — язва сѣвернаго населенія — съ каждымъ годомъ все шире и шире развивается. Ссудосберегательныя товарищества не въ силахъ бороться съ этимъ безотраднымъ порядкомъ безъ помощи народнаго просвѣщенія, которое въ этомъ отдаленномъ уѣздѣ куда какъ плохо.

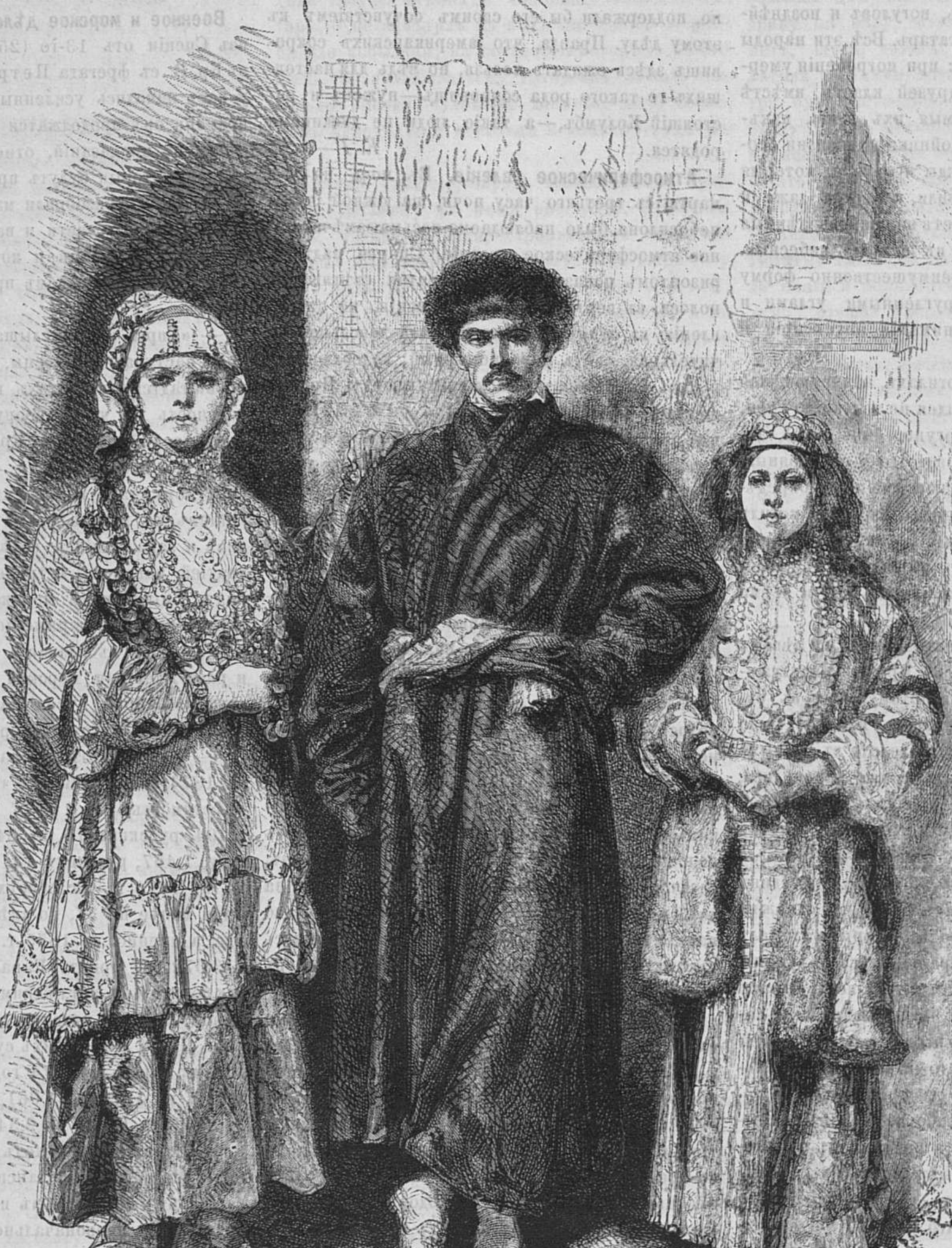
Военное и морское дѣло. Въ частномъ письмѣ изъ Специи отъ 13-го (25-го) февраля пишутъ въ Кр. В. съ фрегата Петропавловскъ: теперь у насъ начались усиленныя работы, но сколько времени онѣ продолжатся еще неизвѣстно. Мы ожидаемъ приказаній, относительно тѣхъ передѣлокъ, которыя будутъ произведены здѣсь. Пока мы только разобрали машину, въ которой будутъ провѣрять части и валъ. 11-го (23-го) мы втянулись въ гавань и почти совсѣмъ разружились и только ожидаемъ приказаній для начатія работъ.

— «Бирж. Вѣд.» слышали, что съ первыхъ дней наступающей весны, въ петербургскомъ и кронштадтскомъ портахъ, началась кипучая дѣятельность по части вооруженія судовъ нашей броненосной эскадры. Кружокъ нашихъ моряковъ, по необходимости ограничивающійся до сихъ поръ, такъ называемымъ, внутреннимъ плаваніемъ, въ лѣтнее время года, въ Финскомъ заливѣ и заразившійся вслѣдствіе этого какой-то апатіей, наконецъ, встрепенулся, ожилъ, заговорилъ. Умы нашихъ моряковъ волнуются двумя новостями дня: снаряженіемъ большой броненосной эскадры въ плаваніе въ Средиземное море и разсужденіями морской коммисіи, только что организованной и совѣщающейся по вопросу о выработкѣ новаго типа броненосныхъ судовъ.

— Черезъ Суэзскій каналъ прошло судовъ: въ 1874 году, 1,264, въ томъ числѣ русскихъ 9, вмѣстимостью въ 11,977 тоннъ; въ 1875 году, 1,494, русскихъ 15, въ 24,523 тонны; въ 1876 году, 1,457, русскихъ 14, въ 23,916 тоннъ. Хотя, въ 1876 г., число всѣхъ прошедшихъ судовъ было менѣе на 37, но вмѣстимость ихъ была болѣе, а именно: въ 1875 г. 2,940,708, а въ 1876 г. 3,072,107 тоннъ. Каналъ этотъ оказывается исключительно англійскимъ, хотя и сооруженъ французами для развитія французскаго судоходства. Число англійскихъ судовъ, прошедшихъ каналомъ, было: въ 1874 году, 898, въ 1,797,494 тонны, въ 1875 г., 1,061, въ 2,181,387 тоннъ, въ 1876 г., 1,090, въ 2,347,522 тонны.

— Извѣстный пароходъ Бессемеръ, который былъ устроенъ съ (балансирующимъ) качающимся заломъ и потомъ былъ проданъ за 20,000 фунтовъ (10% первоначальной стоимости) одному купцу въ Лидсѣ, теперь опять готовъ къ плаванію. Оконечности парохода, бывшіе очень низкими, теперь сравнены съ срединою судна и качающійся залъ снятъ, такъ что пароходъ теперь имѣетъ видъ обыкновеннаго судна.

Опыты съ подводными минами. 2-го февраля въ Петербургѣ происходили опыты съ подводными минами. Старый корветъ «Bayonnaise», буксируемый пароходомъ, представлялъ непріятельское судно, прорывающееся на рейдъ. Двумъ миннымъ шлюпкамъ поручено было встрѣтить корветъ, аттаковать его на полномъ ходу и взорвать ранѣе, чѣмъ онъ успѣетъ проникнуть на рейдъ. Морская газета «Яхта» говоритъ, что испытывались мины двухъ родовъ—одна находилась на длинномъ, откидномъ шестѣ, помѣщенномъ на носу паровой шлюпки, другая же состояла изъ особаго рыбовиднаго снаряда, направляемаго въ судно, которое должно быть взорвано посредствомъ особаго механизма, помѣщеннаго въ самой минѣ и приводимаго въ движеніе сжатымъ воздухомъ. Взрывъ такой мины производится электричествомъ. Ударъ первой шлюпки былъ неудаченъ; вторая же мина произвела на старый корветъ разрушительное дѣйствіе, что онъ почти сразу погрузился въ воду по планширъ и, только благодаря пустымъ бочкамъ, не затонулъ совершенно.



Турецкіе армяне.

Къ статьѣ «*Между Болгарами*».

Опытъ для освѣщенія пространства впереди крѣпости. На дняхъ производились испытанія электро-освѣтительныхъ аппаратовъ, вводимыхъ въ нашу крѣпостную артиллерію, для освѣщенія пространства впереди крѣпости. Опыты эти производились за Невою, на дачѣ графа Кушелева-Безбородко. Испытанію подвергнуты были двѣ вновь пріобрѣтенныя магнитно-электрическія машины Сименса (изъ Берлина). Одна изъ нихъ (меньшая) была въ состояніи производить раскаливаніе углей, соотвѣтствующее силѣ свѣта въ 4,000 свѣчей; другая же, большая, давала свѣтъ, равный 14,000 свѣчей. Обѣ машины приводились въ движеніе локомобилемъ въ 10 силъ. Для регулированія углей употребленъ былъ регуляторъ Сименса. Сверхъ того, поверхность углей была покрыта слоемъ серебра, что не мало уменьшало сопротивленіе электричеству.

При такихъ обстоятельствахъ оказалось, говоритъ «Голосъ», что свѣтъ, производимый малою машиною, хорошо освѣщалъ мѣстность, находящуюся въ разстояніи 700 сажень отъ мѣста производства опыта Свѣтъ же отъ большой машины хорошо освѣщалъ предметы на разстояніи 1,200 саженъ. Мы слышали, что главнѣйшія приморскія крѣпости: Кронштадтъ, Керчь, Севастополь, Очаковъ и др., снабжены вполнѣ хорошими электро-освѣтительными аппаратами.

Желѣзныя дороги и телеграфъ. Въ числѣ средствъ къ огражденію поѣздовъ желѣзныхъ дорогъ отъ столкновеній и другихъ несчастныхъ случаевъ, какъ извѣстно, громадное значеніе имѣетъ хорошая система сигнализаціи, но эта послѣдняя для того, чтобы вполнѣ отвѣтствовала своей цѣли, по указаніямъ опыта должна опираться на началахъ самодѣйствія. Несмотря на существованіе въ западной Европѣ самодѣйствующихъ сигнальныхъ механизмовъ, они не могли быть примѣнены у насъ въ Россіи, какъ по причинѣ невыгодности вліянія климатическихъ условій, такъ и по дороговизнѣ устройства ихъ и содержанія. Намъ передаютъ, что министерствомъ путей сообщенія назначена на дняхъ особая коммисія, подъ предсѣдательствомъ инспектора николаевской желѣзной дороги инженера Зуева, изъ инженеровъ путей сообщенія, при участіи лицъ отъ телеграфнаго вѣдомства, для производства опытовъ надъ примѣненіемъ къ нашимъ желѣзнымъ дорогамъ изобрѣтеннаго, коллежскимъ совѣтникомъ Дихтомъ, самодѣйствующаго электромагнитнаго телеграфа для контроля движенія желѣзно-дорожныхъ поѣздовъ. Сущность изобрѣтенія г. Дихта заключается въ перерываніяхъ постояннаго тока, идущаго по телеграфному проводу; перерыванія эти производятся движущимся по линіи поѣздомъ, вслѣдствіе чего происходитъ рядъ акустическихъ и оптическихъ сигналовъ, дающихъ возможность всѣмъ служащимъ, по линіи и на станціяхъ, слѣдить за движеніемъ поѣзда и своевременно принимать предписанныя мѣры для его безопасности. Сигналы даются особыми аппаратами, а по линіи звонками, устроенными въ сторожевыхъ будкахъ. Станціонный аппаратъ,—состоящій изъ часоваго механизма съ гирями, или сильною пружиною и электромагнитомъ,—изобрѣтатель предполагаетъ помѣщать на видномъ для всѣхъ мѣстѣ—на окнѣ телеграфной комнаты на платформѣ, такъ чтобы циферблатъ былъ снаружи. Электромагнитъ, дѣйствующій только во время прерыванія тока, приводитъ часовой механизмъ аппарата въ движеніе, который развиваетъ телеграфную бумажную ленту; по ней лицо, служащее при аппаратѣ, можетъ слѣдить за движеніемъ поѣзда, зная даже его скорость, которая опредѣлится въ точности, количествомъ точекъ, оттиснутыхъ на лентѣ между двумя послѣдующими цифрами, отпечатанными на ней при прохожденіи поѣзда мимо прерывателей, размѣщенныхъ на каждой верстѣ линіи на особомъ телеграфномъ столбѣ. Если бы съ поѣздомъ что нибудь случилось, и онъ остановился, то и звонки и движеніе стрѣлокъ на циферблатахъ станціонныхъ аппаратовъ прекращаются, и путевыя службы будутъ этимъ извѣщены объ остановкѣ. Если же случился бы разрывъ телеграфной проволоки, то, вслѣдствіе постояннаго перерыва тока, по всей линіи раздадутся тревожные звонки, и проволока можетъ быть временно связана. Мы слышали, что произведенные, упомянутою выше коммисіею, опыты надъ изобрѣтеніемъ Дихта дали весьма успѣшные результаты. По заявленію изобрѣтателя, устройство его самодѣйствующаго телеграфа не превзойдетъ 120 руб. на версту пути. (*Нашъ Вѣкъ*).

Со всего свѣта.

Въ прошломъ нашемъ обозрѣніи, говоря о переговорахъ по поводу русскаго протокола, мы высказали положительную надежду, что протоколъ будетъ принятъ Англіей и другими европейскими державами. И дѣйствительно, въ концѣ прошлой недѣли, переговоры въ Лондонѣ шли такъ благопріятно, какъ только этого можно было ожидать. Протоколъ, привезенный генераломъ Игнатьевымъ въ Парижъ, былъ принятъ самымъ сочувственнымъ образомъ не только общественнымъ мнѣніемъ Европы, но и европейскою дипломатіей. Требованія Россіи казались до крайности умѣренными и протоколъ въ первоначальной его редакціи, казалось, вполнѣ обезпечивалъ миръ и устранялъ, если не всѣ, то, по крайности, многія тревоги, возбужденныя въ Европѣ послѣднимъ фазисомъ восточнаго вопроса. Правда, по этому поводу, у насъ не было оффиціальныхъ данныхъ, но голосъ всей политической печати былъ, въ этомъ отношеніи, до такой степени единодушенъ, что сомнѣніе казалось невозможнымъ. Тѣмъ не менѣе, наши разсчеты оказались невѣрными. Протоколъ не только до сихъ поръ не подписанъ, но даже и перегоры о его подписаніи прерваны, по крайней мѣрѣ, временно. Что же случилось? Какія явились затрудненія? Что произошло, и что можно ожидать въ будущемъ? Вотъ вопросы, которые съ новою силою всплыли на взбаломученномъ морѣ европейской дипломатіи?

Проектъ протокола, привезенный генераломъ Игнатьевымъ, дѣйствительно, былъ принятъ чрезвычайно сочувственно; но какъ только генералъ Игнатьевъ пріѣхалъ въ Лондонъ и переговоры, принявъ опредѣленный характеръ, коснулись самой редакціи протокола и подробностей, то сейчасъ же обнаружилась значительная разница во взглядахъ русскаго и англійскаго правительствъ на этомъ предметѣ. Мы уже упоминали въ прошломъ нашемъ обозрѣніи, о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ редакціи протокола, предложенныхъ англійскимъ правительствомъ. Въ замѣнъ этихъ измѣненій, петербургскій кабинетъ предложилъ свои, которыя не были приняты лондонскимъ кабинетомъ. Повидимому, однакоже, дѣло касается вовсе не этихъ измѣненій въ редакціи, а вопроса, такъ сказать, побочнаго, не имѣющаго прямого отношенія къ *содержанію* протокола, а касающагося практическихъ *послѣдствій* его. Вопросъ этотъ есть именно, вопросъ о разоруженіи,—вопросъ наиболѣе существенный. И въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ заключалась практическая цѣль протокола, предложеннаго Россіей? Она касалась не только установленія прочныхъ основъ, общихъ всѣмъ державамъ, въ сношеніяхъ съ Турціей, но также и выхода изъ того натянутаго, тревожнаго состоянія, которое овладѣло Европой, когда состоялась мобилизація русской арміи. Съ практической точки зрѣнія, протоколъ былъ направленъ на возможность пріобрѣтенія такихъ нравственныхъ гарантій, которыя бы позволили надѣяться на болѣе, или менѣе прочный миръ. Слѣдовательно, для Европы весь вопросъ сводился на разоруженіе Россіи и Турціи, которыя угрожали и угрожаютъ до сихъ поръ другъ другу. Первоначально, Англія желала, чтобы протоколомъ Россія обязалась приступить къ демобилизаціи своей арміи и разоруженію, какъ только протолъ будетъ подписанъ. Съ своей стороны Россія потребовала, чтобы предварительно Турція приступила къ разоруженію. Соглашенія не послѣдовало и перегоры остановились на этомъ столь щекотливомъ пунктѣ.

Что означаютъ собою всѣ эти проволочки и дипломатическія придирки? По нашему мнѣнію, все это означаетъ собою только одно: желаніе сойтись, дѣйствительно, существуетъ, но такъ какъ Россія и Англія выходятъ изъ двухъ противоположныхъ точекъ, то они, естественно, не могутъ встрѣтиться и идутъ къ противоположнымъ цѣлямъ. Большую роль также играетъ, въ данномъ случаѣ, обоюдное недовѣріе. берущее свое начало изъ положенія вещей. Какъ англійскія, такъ и русскія газеты съ нѣкотораго времени предсказывали съ полною увѣренностью окончательное соглашеніе на почвѣ протокола. Нельзя было, однакоже, не замѣтить, что подъ протоколомъ англійскія газеты понимали одно, въ то время, какъ русскія газеты понимали совершенно другое. Англійскія газеты думали втайнѣ, что протоколъ, составляя полезное завершеніе неудавшейся конференціи, освободитъ Европу, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время отъ кроваваго призрака восточнаго вопроса. Русская публицистика, напротивъ, была убѣждена, что протоколъ окончательно развяжетъ руки Россіи и она разрѣшитъ восточный вопросъ по своему личному усмотрѣнію. Какъ тотъ, такъ и другой взгляды оказались невѣрными, — inde ira. Въ европейской журналистикѣ много говорятъ о золотомъ, даже алмазномъ мостѣ, но вдругъ этотъ мостъ превратится въ бумажный. Въ послѣднемъ нумерѣ «Punch'a» есть остроумная каррикатура, иллюстрирующая эту сказку о мостѣ. Черезъ рѣку, изображающую собою восточный вопросъ, перекинутъ мостикъ, который поддерживается пятью дюжими молодцами (Австрія, Англія, Германія, Франція, Италія), и по мостику сѣверный медвѣдь въ полномъ вооруженіи переходитъ на турецкую сторону. Подъ картиной надпись: «Pons usinorum». Такъ понимаетъ Англія послѣднія предложенія Россіи; для ней, протоколъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ предложенъ петербургскимъ кабинетомъ,—не болѣе какъ удобное средство Россіи, связавъ руки Европы, предпринять грозный походъ противъ больного человѣка».

Но если согласиться, что Россіи нуженъ мостъ, то нельзя же забывать и того, что безъ моста не обойдется и Англія, чтобы съ честью отступить послѣ роли, сыгранной маркизомъ Салисбюри на константинопольской конференціи. Къ тому же торжественныя заявленія лорда Биконсфильда и лорда Дерби относительно парижскаго трактата и относительно принципа вмѣшательства были столь же категоричны, какъ и оффиціальныя заявленія Россіи. Теперь протоколъ ставитъ ее въ значительное затрудненіе и объявляетъ, что мостъ, о которомъ ей такъ много толковали, построенъ изъ двусмысленныхъ выраженій,—поэтому-то она и не можетъ имъ воспользоваться. Въ настоящую минуту, если не ошибаемся, вопросъ упростился до послѣдней степени и представляется въ слѣдующемъ видѣ: Англія готова подписать протоколъ, но при условіи, что Россія дополнительнымъ актомъ обяжется приступить немедленно къ разоруженію. Россія, съ своей стороны, столь же охотно готова подписать протоколъ, но при условіи, что Англія предварительно потребуетъ (и конечно, получитъ) разоруженія Турціи... Но можетъ-ли Англія связать себя словомъ, пока она не увѣрена, что выполнитъ то, чего отъ нея трѐбуютъ? Съ другой стороны, Россія можетъ ли связать себя словомъ, въ то время, какъ ей, въ замѣнъ этого, не даютъ никакихъ гарантій въ выполненіи Турціей требованій протокола? Въ этомъ заключается вся трудность. Какъ можно устранить эту трудность, — мы не знаемъ, но что ее возможно устранить — въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Лучшее доказательство этому заключается въ томъ, что надежды на миръ еще далеко не исчезли. Надежды эти, главнымъ образомъ, основаны на томъ, что прошлая политика англійскаго министерства — обязательна только для него, а нисколько не для англійскаго народа, который можетъ ее измѣнить по своему усмотрѣнію. Затѣмъ, не въ интересахъ министерства ставить себя въ слишкомъ изолированное положеніе, а русская дипломатія съумѣла постепенно поставить дѣло такъ, что окончательный разрывъ и уничтоженіе европейскаго концерта, вслѣдствіе отказа Англіи, можетъ быть выгодно только петербургскому кабинету.

Изъ свѣдѣній, получаемыхъ нами ежедневно, оказывается, что въ переговорахъ, по поводу протокола, существуетъ, такъ сказать, два различныхъ теченія: одно теченіе, собственно переговоры о формѣ протокола, — было задержано, потому что другое теченіе, — переговоры, относительно взаимныхъ и предварительныхъ обязательствъ, — встрѣтили препятствіе и остановились; такъ что, собственно говоря, переговоры пріостановлены и возобновятся только тогда, когда препятствіе будетъ устранено. Это препятствіе, очевидно, заключается въ вопросѣ о разоруженіи. Газета «Liberté» находитъ, что вопросъ о разоруженіи есть собственно придирка, не имѣющая ни малѣйшаго значенія. Если, говоритъ эта газета, существенный вопросъ будетъ рѣшонъ съ особаго согласія Европы, и протоколъ будетъ подписанъ, то, очевидно, что разоруженіе, какъ со стороны Россіи, такъ и со стороны Турціи, послѣдуетъ неизбѣжно, какъ естественное послѣдствіе этого соглашенія. И въ самомъ дѣлѣ, разсуждаетъ далѣе парижская газета, — зачѣмъ Россіи понадобился протоколъ? Для скорѣйшаго разоруженія и демобилизаціи, — не такъ-ли? тѣмъ болѣе, что протоколъ ни подъ какимъ видомъ не предполагаетъ «изолированнаго дѣйствія безъ новаго соглашенія державъ». Что же касается Турціи, — то возможно-ли предполагать, чтобы она не распустила свою армію послѣ того, какъ протоколъ будетъ ей заявленъ? Вѣдь, ея нынѣшнее вооруженное состояніе приведетъ ее мѣсяца черезъ три къ окончательному разоренію и безъ всякой пользы. Такимъ образомъ, вопросъ о разоруженіи падаетъ самъ собой, и парижская газета въ заключеніе приходитъ къ тому убѣжденію, что не сегодня — завтра этотъ вопросъ будетъ оставленъ окончательно, и протоколъ будетъ подписанъ безъ всякихъ обязательствъ относительно разоруженія. — Все это можетъ быть и логично, но нисколько не убѣдительно. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что всѣ эти странныя препирательства, относительно разоруженія, нисколько не касаются вопроса о подписаніи протокола, это также хорошо извѣстно англійскимъ дипломатамъ, какъ и русскимъ. Если, слѣдовательно, вопросъ этотъ былъ поднятъ, и составляетъ «камень преткновенія», то вовсе не потому, что онъ касается въ какомъ бы то ни было отношеніи сущности протокола, а потому, что существуетъ недовѣріе къ Россіи, которое и выражается при всякомъ удобномъ случаѣ. Чтобы доказать, какъ велико недовѣріе въ англійской печати, приводимъ въ выдержкѣ статью газеты «Times». Каковы бы ни были соглашенія о союзѣ дворовъ, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что русское правительство возбудитъ противъ себя всѣ европейскія народы, если оно начнетъ наступательныя дѣйствія противъ Турціи въ настоящую минуту. Злоупотребленія турецкаго правительства были чудовищны, и говорятъ, что державы не находятъ никакихъ возраженій въ формальномъ документѣ своего одобренія стремленія Россіи поддержать дѣло христіанъ. Европейская публика желала бы удовлетвориться этимъ вѣжливымъ заявленіемъ и признать, что волненіе возбужденное Россіей въ Европѣ, будетъ благодѣтельнымъ для дѣла человѣколюбія. Но лишь только толчекъ данъ, становится интересомъ и обязанностью всякаго государства выжидать и обсуждать результаты. Если только мы оглянемся на двѣнадцать мѣсяцевъ назадъ, то мы должны будемъ сознаться, что съ отоманскими властями произошла серьезная перемѣна и то же самое должно сказать относительно соціальныхъ и политическихъ отношеній различныхъ народовъ. Очень можетъ быть, что если бы турки вдругъ подавили герцеговинское возстаніе, правительство и администрація пошли бы по старымъ стопамъ еще въ продолженіи пяти, или десяти лѣтъ, пока не случилась бы, наконецъ, неизбѣжная революція. Но судьба вдругъ произвела эту революцію и страна теперь переживаетъ ее. Безнаказанность турокъ получила ударъ, ихъ упрямству сдѣлано предостереженіе, которое отнынѣ и навсегда должно измѣнить способъ ихъ администраціи и отношеніе между ними и управляемыми народами. Вотъ, сознаніе этого-то обстоятельства и побуждаетъ людей самыхъ различныхъ мнѣній въ Англіи и на континентѣ возставать въ настоящее время противъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій по отношенію къ власти султана. Реформаторы и гуманисты желаютъ подождать и посмотрѣть, — многіе, кажется, съ недовѣріемъ, но почти всѣ съ тѣмъ убѣжденіемъ, что настоящій процессъ преобразованій или измѣненій не долженъ быть прерванъ войной. Въ настоящее время общественное мнѣніе во всѣхъ европейскихъ странахъ расположено выжидать результатовъ новыхъ вліяній. Конечно, мы не можемъ ждать многаго отъ законодательной дѣятельности турецкаго парламента, но Порта уже назначила нѣсколькихъ хорошихъ людей на высокіе посты, и можно быть увѣреннымъ, что, подъ вліяніемъ давленія европейскаго общественнаго мнѣнія, будетъ сдѣлана попытка принять мѣры противъ самыхъ сильныхъ золъ. Этого, по крайней мѣрѣ, можно ожидать отъ имѣющаго скоро быть полнаго возстановленія дипломатическихъ сношеній между Англіей и Турціей, каковому примѣру, вѣротно, послѣдуютъ и другія державы. Во время преній, возбужденныхъ 10 (22) марта въ палатѣ лордовъ лордомъ Додлэ, лордъ Дерби сказалъ, что «дипломатическія сношенія съ Турціей никогда не прерывались; когда мы согласились съ другими державами отозвать нашего посланника, то мы сдѣлали это съ цѣлью выразить наше мнѣніе относительно неудачи конференціи, а не съ цѣлью окончательнаго разрыва дипломатическихъ сношеній съ Портою». Теперь это объясненіе слѣдуетъ привести въ исполненіе, въ Константинополь отправится теперь заступающій мѣсто посла, или какое нибудь другое лицо, а потому есть надежда, что предложенія конференціи будутъ приведены въ исполненіе. Всѣ эти обстоятельства ставятъ Турцію на время подъ защиту европейскаго общественнаго мнѣнія, и наступленіе со стороны Россіи будетъ всюду принято съ безпокойствами и раздраженіемъ, которыя могутъ повліять на извѣстныя правительства и повести къ серьознымъ политическимъ послѣдствіямъ. «Этимъ тономъ угрозъ заговорила, въ настоящее время, вся англійская печать, даже «Daily Nevs», который, какъ извѣстно, въ восточномъ вопросѣ, стоялъ до настоящаго времени на сторонѣ Россіи. Если этотъ тонъ сравнить съ тѣмъ тономъ, которымъ говорили англійскія газеты еще недѣлю тому назадъ, то нельзя не видѣть, что положеніе дѣлъ значительно ухудшилось и что во время переговоровъ о протоколѣ произошло *нѣчто*, оправдывающее форму выраженій лорда Дерби. Отвѣчая лорду Додлэ, — лордъ Дерби, въ палатѣ лордовъ, полагаетъ, что вопросъ оппозиціи чрезвычайно безтактенъ и вреденъ для общественныхъ интересовъ. «Еслибы лордъ Додлэ потрудился прочитать корреспонденцію, на которую онъ намекалъ, то убѣдился бы, что дипломатическія сношенія съ Турціей никогда не были прерываемы. Объявляя, что по поводу протокола соглашеніе совершившійся фактъ, лордъ Додлэ знаетъ больше, чѣмъ знаю я. Благородный лордъ говоритъ, что европейскій миръ имѣетъ лишь второстепенный интересъ и что преобладающій надъ всѣми вопросъ состоитъ въ хорошемъ управленіи турецкими провинціями. Мнѣ кажется, что благородный лордъ не имѣлъ времени серьозно поразмыслить прежде, чѣмъ выразился такимъ образомъ. Надѣюсь, что я не слишкомъ мало придаю цѣны важности хорошаго управленія турецкими правительствами; но ясно для всѣхъ, что война въ теченіе мѣсяца, даже въ теченіе одной недѣли, причинила бы бѣдствія гораздо болѣе серьезныя, чѣмъ тѣ, которыя проявились въ турецкихъ провинціяхъ (очень хорошо!) Вы, вѣроятно, полагаете, также какъ и я, милорды, что было бы несвоевременно возбуждать, въ настоящее время, вопросъ о протоколѣ. Редакція этого протокола и условія, на основаніи которыхъ онъ будетъ подписанъ, составляютъ еще предметъ обсужденія для министерства, и я долженъ ограничиться заявленіемъ, что въ этомъ дѣлѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, мы дѣйствуемъ въ сознаніи отвѣтственности, выпадающей на долю совѣтниковъ короны. Ни одинъ изъ дипломатическихъ шаговъ, который мы могли бы предпринять, не останется скрытымъ ни на одинъ часъ отъ палаты, или отъ страны, и, какія бы нибыли шаги, которые мы предприняли бы, мы всегда будемъ готовы выслушать со стороны парламента выраженіе его мнѣнія (рукоплесканія). Я, право, не знаю, какова основа политики, усвоенной умамъ, считающимъ сохраненія европейскаго мира вопросами второстепенными; мнѣ кажется только, что каково бы ни было мое мнѣніе о турецкомъ правительствѣ, я не обратился бы къ палатѣ, какъ независимый членъ, не подумавъ хорошенько прежде, чѣмъ употреблялъ выраженія, дѣйствіе которыхъ (если только оно могло имѣть какое-либо дѣйствіе) могло бы раздрожить и возстановить русскій народъ противъ политики мира, слѣдовало которой русское правительство, — надобно сказать это къ чести его, — высказываетъ такую большую готовность; я не желалъ бы, наконецъ, употреблять выраженія, дѣйствіе которыхъ (если только они могли имѣть какое нибудь дѣйствіе) могло бы увеличить затрудненія между дружественными правительствами и отсрочить, если даже не помѣшать рѣшенію, всѣми желаемому (очень хорошо! очень хорошо!). «Вся рѣчь лорда Дерби построена на недовѣріи къ Россіи, которое осязательно видно въ ней, не смотря на всѣ ораторскія предосторожности, употребляемыя въ подобныхъ случаяхъ.

Для полной характеристики настоящаго состоянія общественнаго мнѣнія Европы, по отношенію къ восточному вопросу, и протоколу, укажемъ еще на корреспондента газеты «Times», который, разсуждая о переговорахъ, не безъ остроумія замѣчаетъ (не знаемъ, однакожъ, насколько справедливъ), что еслибы вопросъ о протоколѣ былъ отдѣленъ отъ вопроса объ разоруженіи, то державы очутились бы въ крайне непріятномъ и щекотливомъ положеніи, когда дѣло дошло бы до разоруженія. Или нечего было бы предложить Россіи въ замѣнъ уступокъ, которыя бы онѣ потребовали отъ Россіи, потому что онѣ отдѣлили бы уже все впередъ, съ закрытыми, такъ сказать, глазами. Что онѣ сдѣлаютъ напр. — спрашиваетъ себя англійская газета, — въ случаѣ, если Россія объявитъ, что она недовольна поведеніемъ Турціи и что она считаетъ опаснымъ демобилизировать свою армію? Какое вліяніе имѣли бы въ данномъ случаѣ державы на государство, котораго намѣреніе онѣ предварительно одобрили, не такъ ли? Очевидно, что Англія не можетъ не обратить вниманія на подобную опасность. Не удивительно, поэтому, что будущее не представляетъ собою ничего свѣтлаго, и что лордъ Дерби сказалъ съ грустью: «Единственная вещь, которую я могу сказать, заключается въ томъ, что никакого результата не было достигнуто въ переговорахъ, которые еще не прерваны, и если благородный лордъ знаетъ, къ какимъ результатамъ онъ придетъ, то я могу отвѣтить, что онъ знаетъ гораздо больше, чѣмъ я, или чѣмъ какой бы то ни было другой членъ кабинета».

По мѣрѣ того, какъ въ переговорахъ встрѣчались затрудненія, взаимное раздраженіе и недовѣріе увеличивались все больше и больше. «Agance génerale Russe» утверждала даже, что если война вспыхнетъ, то отвѣтственность за нее падетъ на Англію. Такой выводъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть принятъ Европой, да и само русское правительство не придерживается этого взгляда, такъ какъ оно не считаетъ законченнымъ послѣдній фазисъ дипломатическихъ переговоровъ. Другія державы находятся въ такомъ же положеніи. Ихъ представители въ Константинополѣ настаиваютъ на томъ, чтобы Турція обязалась приступить къ разоруженію, въ то самое время, какъ приступитъ къ разоруженію Россія. Турція, кромѣ того, должна будетъ возобновить свое обѣщаніе приступить немедленно къ введенію реформъ.

Все это осязательно доказываетъ, что сущность вопроса заключается не въ протоколѣ, а въ вопросѣ объ разоруженія. Протоколъ не болѣе какъ внѣшняя, формальная сторона дѣла, сущность котораго сосредоточилась цѣликомъ на разоруженіи, какъ только приступлено было къ подробнымъ переговорамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что такого взгляда придерживается и петербургскій кабинетъ, если вѣрить сообщеніямъ, изъ которыхъ оказывается, что генералъ Игнатьевъ, несмотря на неудачу протокола, не считаетъ свою миссію неудавшеюся, и что съ другой стороны, переговоры не прерваны, потому что петербургскій кабинетъ, желая во что бы то ни стало сохранить европейскій миръ, готовъ сдѣлать еще кое-какія уступки. Дѣло, во всякомъ случаѣ, находится въ весьма неблагопріятномъ положеніи, несмотря на желаніе обѣихъ сторонъ не доводить дѣла до окончательнаго разрыва. Вотъ почему мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ вѣрить депешѣ «Московскихъ Вѣдомостей» отъ 14-го марта, въ которой сказано: «На петербургской биржѣ распространился положительный слухъ, что сегодня отправленъ въ Лондонъ ультиматумъ съ заявленіемъ, что если Англія не подпишетъ протокола, то русская армія черезъ пять дней перейдетъ Прутъ». Мы слишкомъ хорошо знаемъ, какъ и зачѣмъ распространяются подобные слухи, на биржѣ, чтобы придавать имъ малѣйшую вѣру. Слухъ, о которомъ идетъ рѣчь, тѣмъ болѣе нелѣпъ, что онъ идетъ окончательно въ разрѣзъ не только съ настоящими намѣреніями русскаго кабинета, но и со всею политикой восточнаго вопроса Россіи. Также не слѣдуетъ вѣрить, по нашему мнѣнію, телеграммѣ, помѣщенной въ берлинской «Post»: «По мнѣнію дипломатическихъ кружковъ, пребываніе генерала Игнатьева въ Вѣнѣ имѣетъ двоякую цѣль: во первыхъ, на мѣсто одной Россіи вопросъ о протоколѣ долженъ перейдти въ руки трехъ императоровъ, а въ случаѣ нужды, разрѣшится даже помимо участія Англіи; во вторыхъ — опредѣлить самымъ точнымъ образомъ поведеніе Австріи въ случаѣ войны». Вторая половина этого извѣстія уничтожаетъ первую и противорѣчитъ ей. Если необходимо прежде всего опредѣлить поведеніе Австріи па случай войны, то не видно, что Австрія занимаетъ въ этомъ дѣлѣ особенное положеніе, которое весьма аналогично положенію Англіи, а въ такомъ случаѣ, о союзѣ трехъ императоровъ не можетъ быть и рѣчи.

* * *

Смѣсь.

Въ газетѣ «France du Nord» сообщаются слѣдующія интересныя цифры о движеніи путешественниковъ черезъ Булонь и Кале. Въ прошедшемъ году черезъ оба эти города проѣхало 159,664 чел. пассажировъ во Францію и 164,314 изъ Франціи. Пассажирскихъ пароходовъ въ теченіе года вошло 1,411 въ Булонь и 1,528 въ Кале, вышло же 1,417 изъ Булони и 1,522 изъ Кале.

* * *

Наши гравюры.

Еврей на молитвѣ

Передъ нами картина даровитаго Андріолли — *еврей на молитвѣ.* Онъ одѣтъ «въ полную парадную форму»,— если можно такъ выразиться. Ко лбу привязаны *десятеры*, на плечахъ *талисъ* (мантія), передъ нимъ горящія свѣчи и пюпитръ, заваленный богослужебными книгами. На этотъ разъ, повидимому, всѣ помыслы грѣшные и всѣ матеріальныя заботы оставили молящагося еврея: онъ забылъ совершенно будничную печаль о выгодахъ, о торговлѣ — о всѣхъ своихъ барышахъ, «гешефтахъ» и «ганделяхъ»... Онъ сегодня посвѣщаетъ себя молитвѣ, потому что сегодня — день субботній, *шабашъ.* Пристально онъ смотритъ въ раскрытую книгу и старается забыть «все земное»... Онъ переносится мыслію въ далекія, ветхозавѣтныя времена — ко временамъ пророковъ и первосвященниковъ, — и невольно, можетъ быть, въ его старческой душѣ рождаются роковые, гнетущіе вопросы: «когда же, въ самомъ дѣлѣ, придетъ *онъ*, обѣщанный Мессія?... и скоро ли, наконецъ, настанетъ то желанное, блаженное время, предреченное пророкомъ, — когда *«на сыновъ Израиля станетъ работать весь міръ?!»*...

Послѣ побѣды. (Снимокъ съ картины Фэда).

Изображенная на помѣщаемомъ нами рисункѣ трогательная сцена слишкомъ проста и ясна, чтобы могла еще требовать какихъ либо особенныхъ комментаріевъ.

Съ перваго взгляда читатель видитъ, что дѣло происходитъ въ военное время въ какомъ-то бѣдномъ, простомъ семействѣ, отца котораго на сценѣ не видно;— его здѣсь нѣтъ — онъ гдѣ-то далеко сражается «за честь своей родины».

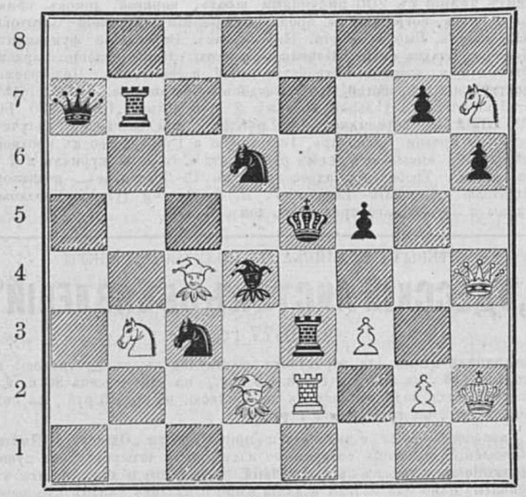
Давно ожидаемое съ трепетомъ и боязливое извѣстіе, наконецъ, пришло..... Тяжелая минута.... Письмо адресовано незнакомою рукою... Оно извѣщаетъ о побѣдѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ говоритъ, что отецъ семейства палъ съ честью на полѣ брани.... Судьба, поразившая солдата, сразила одновременно еще два другихъ любящихъ сердца.... Что для нихъ теперь въ ликуемой побѣдѣ, когда у нихъ не стало любящаго сына и мужа, который своими трудами поддерживалъ ихъ скудную жизнь!...

Шахматы.

Задача XI.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Черные.



Бѣлые.

Рѣшеніе X задачи, помѣщенной въ № 11.

Бѣлые.	*Черные.*
1) F8—G7................	

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ прошломъ № «Живописнаго Обозрѣн.» пропущено имя автора подъ статьею »Бирючья коса», поэтому редакція спѣшитъ заявить, что очеркъ этотъ принадлежитъ къ волжскимъ очеркамъ В. И. Немировича-Данченко.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи. Ѳ. Г. Волковъ, основатель русскаго театра. — Доброволецъ (Разсказъ изъ народнаго быта) (продолж.). — Доктора-соперники. (Съ англ. М. Б.) — Между Болгарами (продолж.). — Новые типы. — Стихотвор. «Сосѣдка».—Новости наукъ и жизни. — Со всего свѣта. — Смѣсь. — Наши гравюры. — Шахматы — Отъ редакціи. — Объявленія.

Гравюры. Портретъ Ѳ. Г. Волкова. — Еврей на молитвѣ. — Послѣ побѣды. — Турецкіе армяне (къ статьѣ: «Между Болгарами»).

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Объявленія.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ за 1875 и 1876 гг.

За каждый годъ, большой томъ изящно отпечатанный, со множествомъ рисунковъ, лучшихъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, уступается подписчикамъ каждый годъ за 3 рубля (безъ приложеній):

въ изящномъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ .... 4 р.
за два тома................. 5 „
въ изящныхъ же переплет. .
за два тома............... 7 р.

Деньги на пересылку высылаются по разстоянію: за одинъ томъ на 7 фунт.; за два тома 14 фунт. (До 1000 верстъ) прилагается 1 р. на пересылку за каждый томъ; сверхъ же 1000 верстъ, на каждыя сто верстъ, прилагается 7 к. на томъ.

Въ конторѣ редакціи *«Живописнаго Обозрѣнія»*, а также въ книжномъ магазинѣ М. П. Попова, (Невскій пр. въ зданіи Пассажа), и у всѣхъ книгопродавцевъ Спб. и Москвы поступила въ продажу книга:

„ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО“

Томъ I. Изданіе редакціи журнала «Живописнаго Обозрѣнія». Цѣна **3** р. **50** к., съ пересылкою **4** р.

Гг. подписчики «Живописнаго Обозрѣнія» 1877 г. получаютъ эту книгу съ пересылкой за 3 р. 50 к.

Книгопродавцы пользуются обычною уступкой

Въ конторѣ редакціи «ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ» находится въ продажѣ большая гравюра.

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ.

Снимокъ къ картины *Леонарда да Винчи.* Цѣна *50 коп.* съ пер. *75 коп.*

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1877 ГОДУ
ГАЗЕТЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЫ И ГИГІЕНЫ

„ВРАЧЕБНЫЯ ВѢДОМОСТИ“

Для врачей, публики и земства,

Выходящей два раза въ недѣлю.

Сообщеніе новостей въ области медицины и гигіены, разсмотрѣніе профессіональныхъ и общественныхъ вопросовъ, ознакомленіе публики и земства съ главными положеніями общественной гигіены и медицины, и пр.—вотъ въ главныхъ чертахъ задачи „Врачебныхъ Вѣдомостей“. Въ первый годъ изданія, въ каждомъ № „ВРАЧЕБНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“ помѣщались рефераты новѣйшихъ трудовъ по медицинѣ и гигіенѣ, какъ въ Россіи, такъ и за границей (всего болѣе 500), хроника событій во врачебномъ мірѣ и въ сферѣ науки, отчеты о засѣданіяхъ медицинскихъ и гигіеническихъ обществъ и съѣздовъ, сообщенія о преобладающей болѣзненности въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Всѣ текущія явленія и вопросы, особенно же интересующіе врачебную корпорацію и все общество, были не только сообщаемы, но, по возможности, и обсуждаемы въ газетѣ. Сверхъ того, мы можемъ указать на нѣкоторые замѣчательные труды нашихъ ученыхъ, помѣщенные въ „Врачебныхъ Вѣдомостяхъ“.

Вступительная лекція и курсъ общей терап и. Проф. **Манассеина.** —Объ отношенія анатоміи къ физическому воспитанію, проф. **Лесгафта.** — Туберкулы въ можжечкѣ. Проф. **Левицкаго.**—Одна изъ болѣзней кожи. Доц. **Полотебнова.**—Кормленіе грудныхъ дѣтей. д-ра **Покровскаго.**—О сущности климатотерапіи. Пр. **Шрейбера.**—О вліяніи сгущеннаго воздуха на жидкости тѣла. Д-ра **Симонова.** — Физіологическое дѣйствіе раздражающихъ средствъ на кожу. Д-ра **Фейнберга.** — Кавказскія минеральныя воды. Д-ра **Купчинскаго.** — Климатолѣчебныя мѣстности въ Крыму. **А. Иванова.** — Промышленность, какъ причина болѣзней; Продовольствіе въ общественныхъ заведеніяхъ и пр. Д-ра **Николаева.** — О вліяніи умственныхъ занятій на здоровье въ школахъ. Д-ра **Шмелева.**—Гигіеническое значеніе спиртныхъ напитковъ, вредъ куренія табаку. Д-ра **Лесеневича**, и др.

„**Врачебныя Вѣдомости**“, будутъ выходить и въ будущемъ 1877 году два раза въ недѣлю. Всего выйдетъ въ 1877 году 100 №№ газеты.

Къ свѣдѣнію земствъ и врачей. Въ 1877 г., „ВРАЧЕБНЫЯ ВѢДОМОСТИ“ расширятъ справочный отдѣлъ преимущественно о свободныхъ вакансіяхъ въ земствахъ, городахъ, войскахъ и пр., чтобы земскія учрежденія могли получать свѣдѣнія о лицахъ, желающихъ поступить на медицинскую службу, и чтобы врачи послѣднія получали своевременныя извѣстія о свободныхъ мѣстахъ и условіяхъ службы. Подписная цѣна остается та же:

	На годъ	На 6 мѣсяц.	На 3 мѣсяц.	На 1 мѣсяцъ.
Безъ перес....	6 р.	4 р.	2 р.	75 к.
Съ дост. и перес...	8 „	5 „	3 „	1 р. — к.

Подписка принимается: въ Петербургѣ—въ конторѣ редакціи, на углу большой Садовой и Кокушкина переулка, д. **Вуича** и, сверхъ того, въ книжныхъ магазинахъ гг. **Исакова, Попова, Риккера** и **Черкесова**, въ „магазинѣ для иногородныхъ“ и др. Въ Москвѣ—въ книжныхъ магазинахъ **Соловьева** и въ „центральномъ“. Въ Казани —въ магазинѣ **Восточная Лира.** Гг. иногородные адресуютъ письма и требованія исключительно въ контору редакціи „Врачебныхъ Вѣдомостей“. Въ конторѣ редакціи имѣется ограниченное число экземпляровъ изданія за 1876 годъ, которые высылаются желающимъ брошюрованными по цѣнѣ 8 р. за годовое изданіе.

Редакторъ-издатель **П. А. Илинскій.**

ОТЪ РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ

„РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ".

По распоряженію правительства, 12-го января, по поводу помѣщенныхъ въ «Русскомъ Обозрѣніи» фельетона въ № 1-мъ и передовой статьи въ № 2-мъ за текущій годъ, этой газетѣ объявлено третье предостереженіе съ пріостановленіемъ изданія на два мѣсяца.

Въ виду этого, слѣдующій № «Русскаго Обозрѣнія» выйдетъ 13 марта, въ объемѣ, который вознаградитъ читателей за время пріостановки изданія.

Подписка на „РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ" продолжается и подписавшимся немедленно высылаются вышедшіе уже №№ 1-й и 2-й.

Подписная цѣна: съ доставкою и пересылкою: на 1 годъ—5 руб., на полгода—3 руб., на 1 мѣсяцъ—1 руб.

Подписка принимается:

Въ главной конторѣ, при книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова (С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 46). Въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ мосту, д. Фирсанова.

Въ Кіевѣ—въ книжномъ магазинѣ Гинтера и Малецкаго, на Крещатикѣ. Въ Одессѣ—въ конторѣ Мосягина и комп., на Соборной площади, д. Попудова. Въ Ярославлѣ—въ книжномъ магазинѣ и библіотекѣ Кокуева.

Иногородные адресуютъ исключительно: въ С.-Петербургъ, въ редакцію газеты «Русское Обозрѣніе», Надеждинская, № 16.

Редакторъ-издатель **Г. К. Градовскій.**

ABONNEMENTS-EINLADUNG

auf den

„ST. PETERSBURGER HEROLD".

Der **„St. Petersburger Herold"** ist das **grösste** in **deutscher** Sprache erscheinende **politische Organ Russlands**, denn der **„St. Petersburger Herold"** erscheint **täglich** (mit Ausnahme Montags) in der Stärke von wenigstens **zwei** Bogen — Format der **Wiener Presse**—; auch ist der **„St. Petersburger Herold"** das alleinige Blatt Russlands, welches regelmässige wöchentliche Gratis-Beilagen hat, und zwar

Donnerstags die Gratis-Beilage: Feuilleton-Beiblatt,

Freitags die Gratis-Beilage: Börsen-Kalender,

Sonntags die Gratis-Beilage: Land- und Hauswirthschaftliche Zeitung.

Die Montagsnummer des **„St. Petersburger Herold"**, von überwiegend feuilletonistischem Charakter mit interessanten Artikeln aus allen Gebieten, Plaudereien aus allen Hauptstädten, sowie aus den grösseren russischen Provinzial-Städten, Novellen, Humoresken, Kritiken, Biographien ect. etc. nebst politischer Wochenübersicht, neuester Post und neuesten Depeschen, hat wenigstens den Umfang von **einem** Bogen desselben Formats.

Laut der dem verantwortlichen Herausgeber des **„St. Petersburger Herold"** ertheilten Kaiserlichen Konzession erscheint der **„St. Petersburger Herold" ohne Präventiv-Censur.** Das **Programm** des **„St. Petersburger Herold"** ist das weitgreifende eines **internationalen Vermittelungsorganes**; und zwar ist der **„St. Petersburger Herold"** ein wahrheitsgetreuer Berichterstatter über alle Vorgänge auf dem Gebiete der Politik und Gesellschaft, des Handels und der Industrie, der Kunst und der Wissenschaft, wie überhaupt aller Länder—**besonders Deutschlands und Oestereich-Ungarns**—, so in erster Linie

RUSSLANDS,

in welcher letzteren Hinsicht der **„St. Petersburger Herold"** namentlich auch die Anschauungen der gesammten russischen Presse dem Auslande treu vermittelt und mit unparteiischer Kritik begleitet.

Der **„St. Petersburger Herold"** enthält in leicht übersichtlicher Reihenfolge nachstehende tägliche Rubriken: **I. Officieller Theil. Allerhöchste** Manifeste und Rescripte, **Kaiserliche** Erlasse und Verordnungen der Regierung; amtliche Bekanntmachungen der einzelnen Ministerien und Behörden: Personalnachrichten. — Ernennungen, Auszeichnungen, Beurlaubungen, Entlassungen; Gesetzsammlung.— **II. Nicht-Officieller Theil.** A) **Politischer Theil:** Leitartikel, kürzere Besprechungen der wichtigsten Vorgänge, **russische** Rundschau; allgemeine Wochenübersicht; tägliche **Original-Korrespondenzen**, abwechselnd aus allen Theilen des Inlandes, wie aus dem Auslande; reichhaltige neueste politische Nachrichten; Verhandlungen der russischen Gouvernements-Versammlungen und -Landtage; Parlaments-Verhandlungen des Auslandes; vermischte Nachrichten aus allen Ländern; neueste Post; Telegramme. B) **Lokaler Theil:** Besprechung der wichtigsten Stadtereignisse; reichhaltige **Original-Nachrichten**; Gerichtszeitung: Berichte über die Stadtverordneten-Versammlungen; statistische Mittheilungen; Nachrichte nund Berichte über Gesellschaften und Vereine; Polizeiberichte; Nachrichten aus der Umgegend der Hauptstadt. C) **Wirthschaftlicher Theil:** nationalökonomische Leitartikel, Besprechung der wichtigsten Vorgänge auf den Gebieten der Finanzen, des Handels und der Industrie; Börsen-und-Handelsnotiezen aus dem Inlande und aus dem Auslande; Schiffsliste; Ziehungslisten; Patentertheilungen; Nachrichten über die russischen Banken; Eisenbahn-Nachrichten; industrielle Nachrichten; russische Fallissements-Nachrichten; Briefkasten der Handelszeitung; Telegramme. D) **Feuilleton**—erscheint gleichfalls täglich: Plaudereien aus St. Petersburg und aus anderen Städten Russlands; Briefe aus den Hauptstädten des Auslandes; Theater-Recensionen und Kunstkritiken überhaupt; wissenschaftliche Aufsätze; Kunst- und Literaturberichte aus dem Inlande und aus dem Auslande; Biographien; **Original-Romane und Novellen** bewährter Autoren. Im Januar 1877 beginnen wir im täglichen Feuilleton mit dem für das Feuilleton des **„St. Petersburger Herold"** geschriebenen spannenden grossen Romane von **Rudolph Gottschall: „Welke Blätter".** E) **Vermischtes:** kirchliche Anzeigen; meteorologische Mittheilungen vom physikalischen CentralObservatorium in St. Petersburg; Witterungsberichte; Eisenbahn-Fahrplan; Dampfschifffahrt; Familien-Nachrichten, Theater- und Vergnügungs-Anzeiger; Fremdenliste; allgemeiner Briefkasten. F) **Annoncen.**

ABONNEMENTSPREIS für den **„St. Petersburger Herold" mit Zustellung in St. Petersburg** beträgt: **13** Rubel für das Jahr; **7** Rubel für $1/2$ Jahr; **3** Rubel **75** Kop. für $1/4$ Jahr; **1** Rubel **25** Kop. für den Monat. **An allen anderen Orten Russlands mit Zustellung: 14** Rubel für das Jahr; **7** Rubel **50** Kop. für $1/2$ Jahr; **4** Rubel für $1/4$ Jahr; **1** Rubel **50** Kop. für den Monat.

ABONNEMENTS, ausser direkter Aufgabe bei der unterzeichneten Administration, nehmen an: in **Moskau:** Buchhandl. **J. Deubner;** Buchhandl. **B. Post** (vorm. Sutthoff); **N. A. Meyer,** Ssoljanka, Haus Baburin; **C. E. Stephany.** Miljutinskij-Pereulok, Haus Karloni. In **Warschau: Ed. Wende & Co.** In **Riga:** Buchhandl. **A. Deubner;** Annoncen-Expeditions-Bureau **Hugo Langewitz.** In **Reval:** Buchhandl. **Kluge & Ströhm;** Buchhandl. **F. Wassermann.** In **Mitau:** Buchhandl. **F. Besthorn;** Buchhandl. **Friedr. Lukas.** In **Dorpat:** Buchhandl. **E. J. Karow.** In **Fellin:** Buchhandl. **E. J. Karow;** Buchhandl. **G. Aerfeld.** In **Walk:** Buchhandl. **Moritz Rudolff.** In **Pernau: R. Jacob & Co.** In **Goldingen:** Buchhandl. **F. Besthorn.** In **Helsingfors: O. Gesellius.** In **Libau:** Buchhandl. **G. E. Zimmermann.** In **Kijew:** Buchhandl. **H. Laechelin.** In **Lodz:** Buchhandl. **C. Richter.** In **Wilna: E. Th. Lambeck.** In **Bjalostok.** Buchhandl. **Kaplan.** In **Charkow: Karl Steiner.** In **Odessa:** Buchhandl. **E. Bernd;** sowie **alle Agenturen der „Russischen Gesellschaft Internationaler Angelegenheiten".**

INSERATE finden durch den **„St. Petersburger Herold"** nicht nur in St. Petersburg, sondern auch in allen Theilen Russlands bis in die entferntesten Provinzen Russlands **die weisteste Verbreitung.** Auch wird der **„St. Petersburger Herold"** auf allen Stationen sämmtlicher russischen Eisenbahnen einzeln verkauft, ebenfalls auch auf den Strassen von St. Petersburg und Moskau.

Zu recht zahlreichem Abonnement ladet ergebenst ein

Die Administration des „St. Petersburger Herold".

St. Petersburg, Wosnessenskij-Prospekt (Blaue Brücke) Nr. 3.

„РУССКОЕ БОГАТСТВО"

кромѣ легкаго занимательнаго чтенія, т. е. повѣстей, разсказовъ и путешествій даетъ ежегодно **болѣе 300 изящно исполненныхъ рисунковъ** и въ каждомъ № руководящія статьи: какъ и изъ чего извлекать наибольшій доходъ, а также цѣлый рядъ статей по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства, технологіи и общедоступнымъ ремесламъ. Выписывающимъ „Русское Богатство" на 1877 годъ, безплатно высылается: по ихъ выбору одна изъ слѣдующихъ премій: 1) **Купеческій календарь на 1877 годъ** и 6 большихъ гравюръ изъ сербско-турецкой войны; 2) **Сельская технологія** въ двухъ частяхъ съ [illegible]4 рисунками содержаніе которой слѣдующее: Приготовленіе бумаги изъ дерева. Издѣлія изъ папье-маше. Фабрикація толя и каменной бумаги. Приготовленіе разнаго рода клея. Фабрикація всевозможныхъ цементовъ и замазокъ. Глицериновое производство. Мыловареніе.—Фабрикація стеколъ.—Деготь изъ осины. Добываніе скипидара. Проволочное производство. Лудильное мастерство. Валяльновойлочное производство. Фабрикація спичекъ. Приготовленіе уксуса. Фабрикація колбасъ. Приготовленіе голландскихъ сыровъ и масла. Фабрикація сургуча и облатокъ. Приготовленіе жидкаго стекла. Фабрикація веревокъ и канатовъ. Новые усовершен. машины и новости техники. **Книга эта въ отдѣльной продажѣ стоитъ 2 рубля.** 3) **Руководство къ постройкѣ сельскихъ зданій съ 200 рисунками** школъ, церквей, домовъ, конюшенъ, ригъ, погребовъ и проч.: содержаніе слѣдующіе. Заготовка матеріаловъ. Выборъ мѣста. Нивелировка. Возведеніе фундамента. Цоколь. Кладка стѣнъ. Плотничьи работы. Приготовленіе паркета. Стропила и крыши. Устройство печей и каминовъ. Несгораемыя постройки. Устройство громоотводовъ. Составленіе смѣтъ. Цѣна этой книги въ отдѣльной продажѣ **2 руб.** Цѣна „РУССКАГО БОГАТСТВА" съ пересылкою **пять рублей.** Лица, желающія получить **всѣ три преміи:** Календарь, Технологію и Руководство къ постройкѣ зданій, высылаютъ **семь рублей** (т. е. 5 р. за журналъ и 2 р. за книги). Требованія адресовать въ С.-Петербургъ, редактору издателю „Русскаго Богатства" *Н. Ф. Савичу* (уголъ Гороховой улицы и Загороднаго проспекта, домъ № 39).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПОЛУЧЕНІЕ ГАЗЕТЫ

„ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ"

въ 1877 году.

Подписная цѣна: Для городскихъ подписчиковъ съ доставкою: на годъ 2 руб., на полгода 1 руб. 50 коп., на три мѣсяца 80 к. Для иногороднихъ подписчиковъ съ пересылкою: на годъ 3 руб., на полгода 2 руб., на три мѣсяца 1 руб.

Распространяться о значеніи и популярности „Одесскаго Листка Объявленій" считаемъ совершенно излишнимъ; четырехлѣтнее существованіе его ручается за дальнѣйшій успѣхъ его и доказываетъ, что принятыя нами для пользы изданія мѣры оказались вполнѣ цѣлесообразными. Возрастающій успѣхъ нашего изданія поощряетъ насъ неуклонно заботиться объ улучшеніи его во всѣхъ отношеніяхъ. Читателямъ извѣстно, что мы задались цѣлью придать своему изданію всеобщій интересъ, чему вполнѣ удовлетворяетъ отдѣлъ „городской хроники", ежедневно сообщающій массу разнообразныхъ новостей дня, и по своей полнотѣ превосходящій подобные отдѣлы другихъ мѣстныхъ газетъ. Заботясь объ интересахъ читателей, мы въ тоже время не перестаемъ заботиться о самой широкой извѣстности нашего изданія, имѣя въ виду точно опредѣленную цѣль: сдѣлать **„Одесскій Листокъ Объявленій"** единственнымъ органомъ публикацій возможно широкаго района.

Продолжительный опытъ убѣдилъ насъ, что всѣ на и усилія, направленныя къ распространенію и общедоступности „Одесскаго Листка Объявленій", рѣшительно содѣйствуютъ къ достиженію намѣченной нами цѣли, а потому мы намѣрены и на будующее время держаться прежнихъ пріемовъ.

Насколько мы успѣли поставить свое изданіе на прочныхъ и широкихъ началахъ, насколько оно уже сдѣлалось необходимымъ для объявителей и читателей, — за это можетъ ручаться общее мнѣніе тѣхъ и другихъ, на которое мы и ссылаемся. Съ будущаго же года мы намѣрены, въ интересахъ объявителей, значительно расширить кругъ читателей; для этой цѣли мы уже не ограничимся одесскимъ райономъ, гдѣ благодаря расклейкѣ многихъ экземпляровъ по городу, газета сдѣлалась извѣстной и доступной каждому жителю; не щадя издержекъ, мы обратимъ также вниманіе и на иногородныхъ читателей, для чего съ 1-го января ежедневные №№ „Одесскаго Листка Объявленій" будутъ безплатно разсылаться въ большомъ количествѣ во всѣ земскія управы, на станціи желѣзныхъ дорогъ, въ клубы и книжные магазины Новороссійскаго края.

При такой распространенности нашего изданія помѣщеніе въ немъ публикацій становится въ высшей степени выгоднымъ для объявителей, и въ этомъ отношеніи съ „Одесскимъ Листкомъ Объявленій" не можетъ выдержать сравненія ни одна изъ другихъ мѣстныхъ газетъ.

Подписавшіеся на весь 1877 годъ получаютъ газету со дня подписки.

Подписка принимается въ конторѣ **„Одесскаго Листка Объявленій"**, въ Одессѣ, въ домѣ Мими, на Преображенской улицѣ, противъ собора.

Редакторъ-издатель **В. В. Навроцкій.**

„ПРИРОДА"

(годъ пятый).

Популярный естественно-историческій сборникъ,

(одобренъ для библіотекъ и учебныхъ заведеній).

Роскошное изданіе на веленевой бумагѣ.

Подписная цѣна 12 р., съ перес. 13 р. 50 к. (безъ хромолит. и литогр. прилож. 8 р., съ перес. 9 р.

Подписчикамъ на 1877 г. будетъ выдана, втеченіи года, особымъ приложеніемъ: „*Популярная физіологія, въ примѣненіи къ медицинѣ и гигіенѣ*". Д-ра *Лебона*, которая будетъ стоить въ отдѣльной продажѣ 3 руб. 50 коп.

Сборникъ „*Природа*", въ 1877 году выходитъ 4 раза въ годъ, книгами около 27 печ. листовъ, съ 7—9 хромо и лито-графіями, исполненными въ лучшихъ русскихъ и заграничныхъ литограф. завед., и 100—150 рисунками въ каждой книгѣ. Въ Сборникѣ принимаютъ участіе многіе извѣстные ученые популяризаторы и будутъ помѣщаться общедоступныя и общеинтересныя статьи по Естествознанію, Этнографіи, Путешествія, статьи по Медицинѣ, Гигіенѣ, Технологіи, Сельскому Хозяйству, Охотѣ, Военному и Морскому дѣлу и т. п.

Оставшіеся экземпляры Сборника за 1873 г. (2 кн.), 1874, 1875 и 1876 гг. можно пріобрѣтать въ конторахъ редакціи по 2 р. за томъ и по 7 р. за годъ безъ и по 3 р. за томъ и по 11 р. за годъ съ приложеніями, а за всѣ 14 томовъ (заключающіе, между прочимъ, статьи профессоровъ: *А. Н. Бекетова, А. П. Богданова, Ѳ. А. Бредихина, Н. П. Вагнера, И. Н. Мечникова, Столѣтова, С. А. Усова, И. Д. Чистякова, Д. Н. Анучина, М. Н. Богданова, Б. С. Розенберга, В. Кандинскаго, А. Н. Петунникова* и мног. др.; изъ переводныхъ,—статьи и рѣчи Гексли, Геккеля, Гельмгольца, Тиндаля и друг. знаменит. ученыхъ популяризаторовъ, а въ видѣ прилож. къ 3 и 4 кн. 1876 г. „Доисторическія времена" Леббока, стоющ. въ отд. прод. 3 р. 50 к., а также до 100 хромолитографій и литографій, исполненныхъ частію въ литографіяхъ Лемерсье и Баха и изображающихъ сцены изъ жизни животныхъ, растенія, пейзажи, портреты, типы — и болѣе 1000 рисунковъ въ текстѣ) — платятъ безъ приложеній 25 р., съ подпиской на 1877 г. 32 р.; съ приложеніями: 35 р., а съ 1877 г. 45 съ пересылкой.

„ЖУРНАЛЪ ОХОТЫ"

органъ ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Охоты,

издаваемый подъ редакціей

Л. П. Сабанѣева.

(Четвертый годъ изданія).

Ежемѣсячное иллюстрированное изданіе съ хромолитограф. и литограф. приложеніями.

Подписная цѣна 8 р., съ перес. 9 р. (На полгода 4 р. 50 к., съ перес. 5 р.).

Въ 1877 г. выходитъ книгами около 5 печ. листовъ убористой печати, на веленевой бумагѣ (не считая особо печатаемыхъ приложеній), съ хромолитографіей или литографіей въ каждой и многими, также исключительно оригинальными рисунками въ текстѣ,—изображающими охоту на звѣрей и птицъ, — охотничьихъ животныхъ, собакъ и т. п.—Независимо отъ сего, въ теченіи года будутъ выданы, въ видѣ преміи, 2 раскраш. рисунка лучшихъ собакъ 3 й очередной выставки. Въ журналѣ принимаютъ участіе: И. С. Тургеневъ, Н. М. Мачеваріановъ, Ф. А. Арсеньевъ, А. С. Вышеславцевъ, С. М. Глѣбовъ, Н. Н. Даниловъ, Н. А. Дмитріевъ-Мамоновъ, Н. Н. Ермоловъ, Н. В. Егорновъ, Кисенниковъ, Н. Н. Макаровъ, А. Селастенниковъ, Д. Челищевъ, В. В. Щербаковъ, Н. Ѳ. Юрасовъ — и многіе другіе извѣстные охотники—и помѣщаются какъ охотничьи разсказы и очерки, такъ и спеціальныя статьи по ружейной и псовой охотѣ, о породахъ, содержаніи, дрессировкѣ и леченіи собакъ, ружьяхъ, монографіи охотничьихъ животныхъ, корреспонденціи, мелкія замѣтки, новости охотничьяго дѣла и т. п.

Оставшіеся экземпляры Ж. Охоты за 1874 г. (6 кн.), 75 и 76 гг., а всего 5 томовъ можно выписывать изъ конторъ редакціи по 3 р. 50 к., а всѣ 5 томовъ, заключающіе 30 хромолит. и литографій 5 премій и особыя приложенія 1876 г.: „Записки псоваго охотника" Н. М. Мачеваріанова (160 стр.) и Тетеревъ-косачъ Л. П. Сабанѣева (100 стр.)—за 16 р., съ подпиской на 1877 г. за 24 р. съ пер.

Подписка принимается: для иногороднихъ въ главной конторѣ редакціи Сборника „Природа" и „Ж. Охоты" (Москва, Петровка, д. Самариной) для московскихъ подписчиковъ также въ кн. маг. Соловьева, Мамонтова и Васильева; для петербургскихъ—въ отдѣленіи конторы редакціи (Спб., Малая Садовая, д. Демидова, кв. № 60), въ кн. маг. редакціи журнала „Знаніе" (Караванная, д. № 8) и Мамонтова.

Лица, подписавшіяся на оба изданія въ конторахъ редакціи платятъ 16 р. с. безъ и 20 р. съ прилож. Сборника.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1877 ГОДУ ЖУРНАЛА

БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ

годъ третій

ПРОГРАММА

Въ журналѣ помѣщаются исключительно романы, повѣсти и разсказы въ переводѣ съ иностранныхъ языковъ на русскій.

Каждый номеръ журнала будетъ содержать въ себѣ, **по возможности,** одинъ законченный романъ, или часть его и небольшую повѣсть или разсказъ.

Годовое изданіе состоитъ изъ 12-ти книгъ отъ 20-ти до 30-ти печатныхъ листовъ каждая. Срокъ выхода ежемѣсячный.

Въ концѣ года, подписчикамъ на **„Библіотеку для чтенія"** будетъ выдана въ видѣ преміи 13-я книжка, отъ 30 до 40 печатныхъ листовъ, которая будетъ заключать въ себѣ одинъ, вполнѣ законченный романъ.

Условія подписки на годъ.

Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки . . .	8 руб.	—	коп.
Съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ. . . .	8	— 50	„
Съ пересылкою **Иногороднымъ**	9	— —	„

Редакція допускаетъ слѣдующую разсрочку подписныхъ денегъ: при подпискѣ 5 руб. и къ 1-му мая остальныя.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Для городскихъ подписчиковъ:—**Въ С.-Петербургѣ,** въ главной конторѣ редакціи при книжномъ магазинѣ **Исакова** и другихъ книжныхъ магазинахъ: **Въ Москвѣ,** въ главной конторѣ редакціи при книжномъ магазинѣ **Кашкина** и въ другихъ книжныхъ магазинахъ.

Гг. иногородные—адресуютъ свои требованія *непосредственно* въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала **„Библіотека для чтенія"** *Выборгская стор., Финскій пер., д. № 6. кв. № 11.*

Подписывающихся съ разсрочкой просятъ обращаться: *иногороднихъ исключительно* въ редакцію, а городскихъ въ книжный магазинъ **Бортневскаго,** *уголъ Троицкаго и Графскаго пер.*

Съ Январской книги „Библіотеки для чтенія" начнется печатаніе весьма интереснаго романа, изъ современныхъ событій на востокѣ, подъ названіемъ „*Борьба на жизнь и смерть*".

Такъ какъ начавшійся печататься въ 1876 году романъ *Георга Борна* — „*Султанъ и его враги*", въ этомъ году не окончится, то новые подписчики на 1877 г. получатъ начало вышеназваннаго сочиненія безплатно.

На 1876 годъ подписка еще продолжается.

Цѣна, *до 1 января 1877 г.* та же, что и на 1877 г; послѣ же 1 января, за пересылку приплачивается еще 1 руб., т. е. вмѣсто 9 р. 10 руб.

При слѣдующемъ нумерѣ Живописнаго Обозрѣнія разошлется апрѣльское приложеніе „ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО".

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 19 марта 1877 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 л., д. № 12

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Гос. Публичная б-ка Ленинград

№ 13. Томъ I. На годъ съ доставкою и пересылкою 7 руб.; на полгода 4 р. 50 к. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 27 Марта 1877 года. *Адресъ конторы редакціи:* С.П.-бургъ, Васильевскій островъ, 3-я линія, д. № 48. Годъ V.

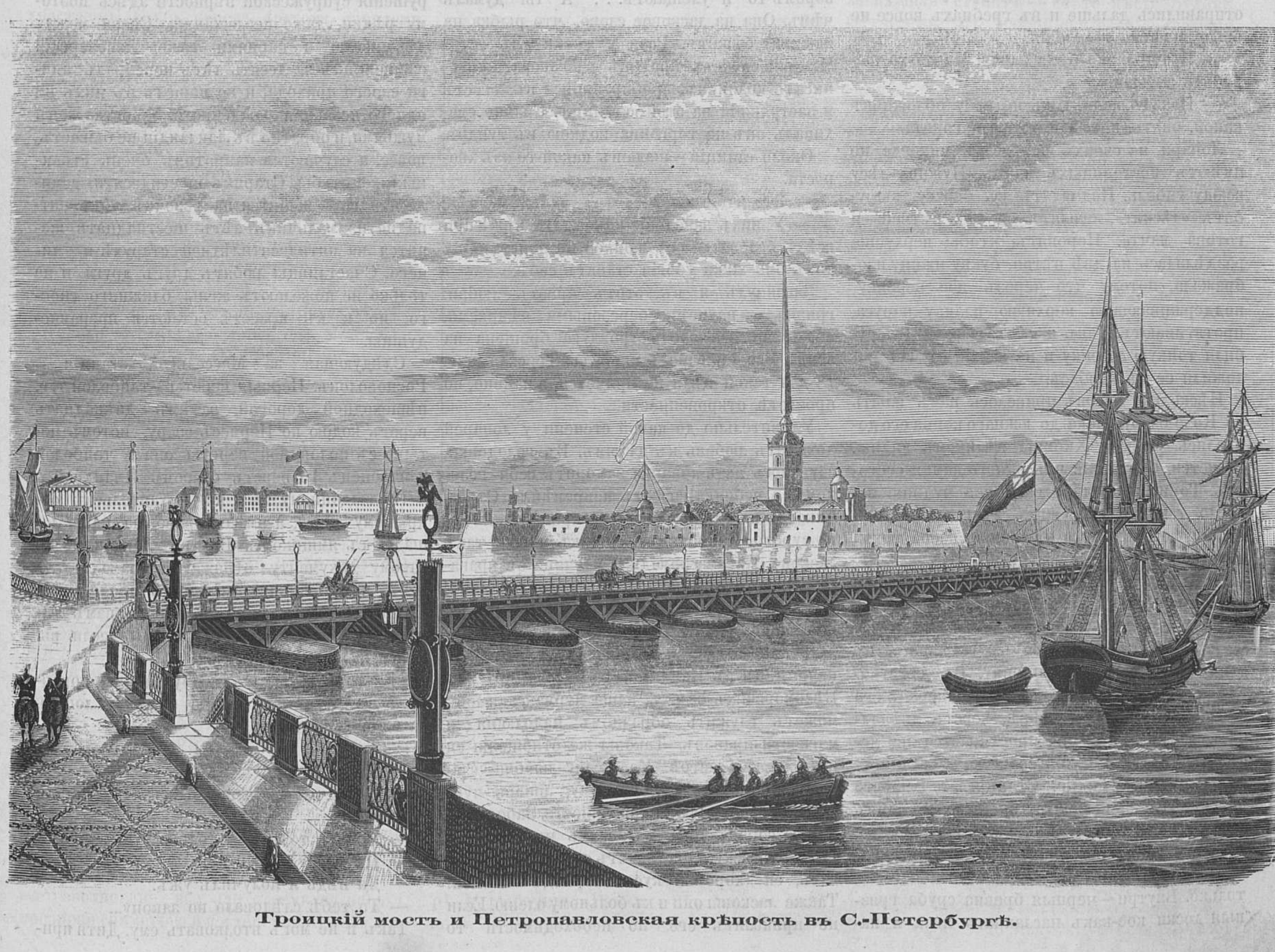
Подписка на „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ 1877 г. продолжается.

Каждый новый подписчикъ получаетъ журналъ съ № 1 вмѣстѣ съ ежемѣсячнымъ приложеніемъ «Жизнь и Хозяйство».

Въ 1877 году журналъ выходитъ въ форматѣ большихъ иллюстрацій, **еженедѣльными** нумерами (въ годъ 52 №№ или 2496 столбцевъ), иллюстрированными множествомъ художественныхъ гравюръ. Въ концѣ года все изданіе будетъ состоять изъ *двухъ большихъ томовъ.* Всѣ подписчики получаютъ, **въ видѣ преміи**, ежемѣсячное приложеніе подъ заглавіемъ **„ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО“**, каждый нумеръ котораго заключаетъ въ себѣ множество рисунковъ. Кромѣ того, въ теченіи года всѣмъ годовымъ подписчикамъ разсылается

НѢСКОЛЬКО ДРУГИХЪ ПРЕМІЙ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: За годъ безъ доставки **6 руб.**, съ доставкою въ Спб. и *для иногородныхъ* **7 руб. Гг. иногородные** благоволятъ адресоваться съ своими требованіями *прямо и непосредственно* въ главную контору редакціи, по адресу: въ С.-Петербургѣ, Васильевскій о-въ, 3-я линія, д. № 48. **Гг. городскіе** подписчики могутъ абонироваться въ книжномъ магазинѣ М. В. Попова, на Невскомъ пр., въ зданіи Пассажа.



Троицкій мостъ и Петропавловская крѣпость въ С.-Петербургѣ.

Имандра и Хибины.

(По пути изъ Колы въ Кандалакту).

В. И. Немировича-Данченко.

На Коло—озерѣ мы выдержали сильную бурю.

Добравшись до берега, гребцы свернулись, гдѣ попало, не глядя на сырую почву. Только потомъ, когда заморосилъ легкій дождь, догадались вытащить лодку, опрокинуть ее килемъ вверхъ и забраться подъ эту импровизированную кровлю. Окрестности были совершенно безлюдны. Если бы не величавыя громады Хибинъ, темною тучею лежавшихъ на югъ, да не полевыя пятна ягеля по плѣшкамъ зеленыхъ горъ вблизи—пейзажъ этотъ былъ бы крайне утомителенъ.

— Видишь, вонъ бѣлая шапка на ляминой варакѣ? Обратился ко мнѣ проснувшійся гребецъ.

Я посмотрѣлъ по его указанію. На самой высокой изъ Хибинскихъ горъ мерещилось свѣтлое пятно.

— Это снѣга̀. И посередь лѣта не таютъ.

Я тогда же усомнился чтобы на Хибинаѣ могли быть ледники, и оказался правъ. Это просто снѣга̀—оставшіеся отъ зимы и не успѣвающіе растаять лѣтомъ. Впрочемъ, когда весна начинается рано, іюль и августъ знойны, а осень поздняя, тогда на Хибинаѣ, только въ самыхъ глубокихъ щеляхъ и провалахъ, остаются снѣговыя массы. Верхушки горъ, или какъ здѣсь называютъ варакъ, совершенно освобождаются отъ этихъ бѣлыхъ шапокъ.

Не смотря на свой слабый складъ, лопари быстро оправляются послѣ устали. Спустя часа два послѣ того какъ буря утихла, мы отправились дальше и въ гребцахъ вовсе не было замѣтно утомленія.

— Братцы, эко бѣда какая! Мачту-то вырубить забыли.

— Назадъ надо. Ишь по небу обложникъ какой, опять, пожалуй, втора нагонитъ.

Лопари на своихъ карбасахъ никогда не имѣютъ постоянныхъ мачтъ. Нужно—лѣсу всюду гибель. Подчалятъ къ берегу, вырубятъ «лѣсину», оголятъ ее отъ вѣтвей—и готова мачта. Норовятъ, чтобы верхушка раздѣлялась на двѣ вѣтви, букву ижицу изображала, потому что черезъ нее веревку, поддерживающую верхнюю планку паруса, протягиваютъ. Такъ и на этотъ разъ—вырубили тонкую сосенку и на всякій случай положили ее въ карбасъ.

Нѣсколько часовъ привелось намъ плыть по Коло-озеру, пока до южнаго конца его добрались. Отсюда Хибины цѣликомъ видны. Кажется, будто они изъ одного камня состоятъ. Точно громадное каменное чудище залегло тамъ и сторожитъ дѣвственныя пустыни, зеленыя лѣса и рыбныя озера тихой и мирной земли лопской....

Поѣздки, которыя раньше я сдѣлалъ въ этомъ районѣ, пріучили меня уже не вѣрить оффиціальнымъ указаніямъ. Слѣдуя имъ—Коло-озеро простирается на 18 верстъ въ длину и на пять въ ширину. Въ дѣйствительности далеко не такъ. Мы поперегъ его сдѣлали, по крайней мѣрѣ, верстъ двѣнадцать, а въ длину—оно простирается не менѣе двадцати. Съ Массельгской станціи—озера почти не видно. Станція эта—просто четырехугольный срубъ, крытый на одинъ скатъ. Входъ низокъ до того, что малорослые лопари наклонялись проходя туда. Направо—продольное окно, въ родѣ подвальнаго, и только. Внутри—черныя бревна сруба, грязныя доски кое-какъ насланнаго пола и нары. Въ углу—громадная, наворочанная изъ камней печь, въ родѣ камина. Дымъ идетъ въ дыру, пробитую въ кровлѣ. Нужно сократить тепло—закроютъ дыру доской, обернутой въ тряпки, и камнемъ придавятъ. Разумѣется, вся эта «тупа» состояла изъ одной комнаты. Тутъ цѣлая семья лопарей помѣщалась. Слѣпая мать—старуха видимо пользовалась особеннымъ почетомъ. Дѣти на перерывъ старались угодить ей. То березовыхъ вѣтвей охапку подстелютъ, чтобы лучше лежать было, то на берегъ ее подъ руки выведутъ. Ей—первый кусокъ и первый глотокъ. Вообще весь обиходъ лопарскій удивительной идиліей казался. Кончила жена хлѣбъ свой прѣсный замѣшивать, присѣла къ мужу и приникла головой къ нему, робко глядя на насъ своими нѣсколько дикими глазами. Сестра ея ни на минуту не оставляла работы. Изъ подъ ея рукъ выходили цѣлыя груды разной берестяной подѣлки. Изъ хорошо размоченной коры она шила короба, корзины, туиса (бураки) и чучки—солоницы, выдавливая на всемъ этомъ, при помощи ножа, очень красивые узоры. Все это спивалось вицей и такъ ровно—что любая швея и ниткой такъ не сдѣлаетъ.

— Куда это столько работаешь? спрашиваю ее.

Вспыхнула—и въ уголъ скорѣй. Точно испуганная зорко выглядываетъ оттуда...

— Онѣ у насъ стыдливы... Пояснили мнѣ.

— У нихъ съ дѣвушкой разговаривать нельзя, неладно... Съ бабой—можно, а дѣвка, та блюдетъ себя...

— Чего-жъ тутъ блюсти?

— А отъ разговора... Ихнюю сестру разговоромъ-то и улещаютъ. . . А ты думалъ чѣмъ. Она на ласковое слово, что рыбка на наживку бѣжитъ. Рази у дѣвки умъ есть? Что она можетъ противъ разговора? живописалъ колянинъ, пробиравшійся въ погостъ и застрявшій на этой «станціи». Сильно смахивалъ онъ на торговца водкою въ тундрѣ.

Около станціи—шалашъ какой-то изъ хвороста.

— Это что такое?

— У нихъ заведеніе такое... Въ вѣжѣ при всѣхъ баловаться съ жонкой не пристало, ну такъ они хижи убогія ставятъ себѣ.

Заглянулъ я въ этотъ пріютъ любви: грязно... пахнетъ березовыми вѣниками, облысѣвшаяся оленья ровдуга брошена на земь... Все таки шелъ впередъ. Терская лопь, та для такой цѣли не прячется, а наивно, по простотѣ, откровенности.

Удивительно до какой степени у лопарей доходитъ любовь къ дѣтямъ. Въ голодовки, случалось мать-лопарка заморитъ себя голодомъ, а ребенка спасетъ непремѣнно. Отецъ никогда не ударитъ дитя, не крикнетъ на него сурово. Напротивъ, все такъ мягко, такъ ласково. Какая громадная разница съ нравами норвежскихъ лапландцевъ и фальмановъ! У тѣхъ ребенокъ ростетъ заморышемъ, въ проголодь, подъ акомпаниментъ щелчковъ и затрещинъ. Даже по сравненіи съ русскими, напримѣръ въ Кандалактѣ, Умбѣ и другихъ Бѣломорскихъ селахъ, наша мурманская лопь можетъ служить образцомъ чадолюбія и мягкости нравовъ. Таковы же отношенія ея и къ женѣ, сестрѣ. Ко всему вообще слабому, приниженному, больному, лопарь чувствуетъ особенную привязанность. Заболѣетъ у него собака—онъ ее беретъ къ себѣ въ тупу, въ вѣжу. Она лежитъ у него на ровдугахъ, ей—хорошій кусокъ, уходъ за ней. Также ласковы они и къ больному оленю. Если не приколятъ его по необходимости то старательно залечиваютъ. Слабое животное не обременяется кладью, бѣжитъ себѣ за другими впустѣ. Вообще, во всемъ сказывается мягкій типъ этого климата. Каждый лопарь, когда вы попадете къ нему въ почёсть, стремится угостить васъ всѣмъ, чѣмъ можетъ. За право принять гостя бываютъ чуть не драки, по крайней мѣрѣ спорятъ, до остервѣненія. И вѣдь это вовсе не разсчетъ на благостыню. Дайте имъ денегъ за ночлегъ, за угощеніе—не примутъ и оскорбятся: «Коли гость въ избѣ, значитъ Богъ тебя не оставилъ». «Кого Богъ полюбилъ, къ тому и гостя послалъ». «Путнику—подать, все равно, что на исповѣдь къ попу сходить...» Вотъ, что я говорилъ въ другомъ мѣстѣ объ отношеніи этого полудикаго номада къ женщинѣ и ласковыя почти идеальныя отношенія сильно поражали меня, видѣвшаго нашу крестьянскую семью. Сколько разъ я задавался вопросомъ, кто же заслуживаетъ названія дикаря, нашъ ли крестьянинъ, калѣчущій жену и хуже Ирода избивающій дѣтей, или этотъ мирный и кроткій труженикъ полярныхъ пустынь? Въ лопарской семьѣ драка неизвѣстна. Мужъ никогда не скажетъ своей женѣ суроваго слова, она ему тоже. Онъ даже не назоветъ ее по имени, а величаетъ чайкой, важенкой, вообще какимъ нибудь сердечнымъ прозвищемъ. Если лопарю дадутъ рома—онъ сначала позоветъ жену, поднесетъ ей половину, а остальную выпьетъ самъ. Лучшій кусокъ оленины—женѣ, ей же нойда и мозги въ костяхъ. Онъ питаетъ къ женѣ нелицемѣрное уваженіе. Попадетъ лопарь въ Колу—самъ откажется отъ угощенія, за то принесетъ его женѣ. И нарушенія супружеской вѣрности здѣсь поэтому рѣдки, даже неслыханны. Связи между дѣвушками и парнями тоже. Лавозерскій священникъ за десять лѣтъ перебралъ книги своего прихода, и не нашелъ въ нихъ ни одного незаконнорожденнаго. Убійства женъ мужьями, и обратно въ Лапландіи не бываетъ, вовсе, а случаются напротивъ очень странныя женитьбы. Старикъ шестидесяти, семидесяти лѣтъ женится на дѣвочкѣ лѣтъ пятнадцати, мальчикъ лѣтъ шестнадцати женится на пятидесятилѣтней старухѣ и—ничего. Счастливцы любятъ другъ друга и не только не пожелаютъ жены ближняго своего, но и къ красотѣ остаются преравнодушны.

Слѣдующая за Массельгой станція — Росноволокъ. Первыя версты—тайболой т. е. пѣшеходной дорогой, затѣмъ двѣнадцать верстъ водою по Пермесъ-озеру, потомъ четыре съ половиной версты опять тайболой и наконецъ 13 верстъ озеромъ Имандрой...

По выданному мнѣ въ Архангельскѣ открытому листу, я имѣлъ право на пару лошадей съ ямщикомъ. Внутри Лапландіи по такому документу отряжаютъ вамъ четырехъ носильщиковъ и одного проводника. Станція верстъ въ 30 обходится вамъ такимъ образомъ рубля въ два, три—если вы захотите быть щедрымъ.

— Что это ты! Съ недоумѣніемъ повертѣлъ въ рукахъ рублевую бумажку лопарь на одной станціи.

— Тебѣ...

— За что?

— Да за то, что вещи носилъ. Вѣдь поди умаялся.

— Усталъ точно... А только рупь зачѣмъ?

— На водку...

— Да вѣдь я получилъ ужъ.

— То тебѣ слѣдовало по закону...

Такъ и не могъ втолковать ему. Дитя при-

Нечин

роды съ недоумѣніемъ заглядывало мнѣ въ глаза и видимо побаивалось оставить у себя деньги...

— А въ городъ пріѣдешь—станешь лопарей нашихъ бранить. Скажешь жадны.

— Съ чего!

— То-то... Больно много... Намъ такъ не случалось.

А самъ вѣдь только что на широкой спинѣ своей тяжелый чемоданъ притащилъ.

— Ну спасибо... Помогай тебѣ Богъ... Отъ всякой вторы (бѣды) сохрани тебя!...

Пошелъ впередъ—къ лодкѣ и все бумажку въ рукахъ держитъ. Вотъ, вотъ думаетъ, вернетъ да и отыметъ. Оглядывается. И отплываетъ назадъ какъ-то неохотно.

Около Массельгской станціи попалась мнѣ семья лопарская. Цѣлая куча дѣтей—и всѣ въ золотухѣ. Здоровыхъ дѣтей я встрѣчалъ здѣсь мало. Или общая здѣсь болѣзнь — опухоль ногъ или золотуха. И какая семья оригинальная. Старухѣ лѣтъ восемьдесятъ—а сыну шестнадцать. Значитъ лопарка, чуть ли не какъ библейская Сарра, производила на свѣтъ потомство—шестидесяти шести лѣтъ!... Лапландская Сарра—впрочемъ и держалась бодро, только въ рѣдкихъ случаяхъ опираясь на плечо своего Іакова. Мужъ былъ значительно моложе ея, лѣтъ этакъ на тридцать, по крайней мѣрѣ.

Замѣчательно, что лопари, даже хорошо говорящіе по русски, никогда не скажутъ про жену—*она* а всегда—*онъ*. Не —*та*, а—*тотъ*. Не — эта, а этотъ.

— Гдѣ твоя жена.

— Онъ пошолъ на рѣку. Ловитъ рыбу.

Лопари тоже чрезвычайно любятъ, чтобы жены ихъ были чисто и хорошо одѣты. Они хвастаютъ другъ передъ другомъ нарядами своихъ женъ. Особенную прелесть, по ихъ мнѣнію, составляетъ головной уборъ, нѣчто въ родѣ касокъ карабинеровъ изъ «Brigands» Лекока. Шлемы эти убираются бусами, кусками жести, металлическими бляхами. Тутъ и пуговка солдатская, неизвѣстно откуда попавшая, пришита и серебрянная монета и фальшивый жемчугъ. Лопарка съ величайшимъ трудомъ разстается съ этимъ уборомъ. Какъ мнѣ, такъ и норвежскому профессору Фрейсу, не удалось купить такихъ монетъ, хотя по мѣстнымъ условіямъ мы предлагали за нихъ очень высокую цѣну.

Только что мы тронулись изъ Массельги, какъ на право и налѣво мрачными очертаніями выступили еще отдаленныя Хибины и Волчья тундра. Отсюда Хибины, это темя Лапландіи, уже являются во всемъ своемъ величіи. Начиная небольшими предгоріями, они разомъ образуютъ громадное плато, потомъ уступами обрушиваются внизъ, образуютъ на голубомъ фонѣ неба два дугообразные выступа и опять, все выше и выше, смѣлыми розмахами, воздвигаютъ плато надъ плато, гору надъ горою; все это ближе къ юго-западному концу плато сосредочивается на самой громадной вершинѣ, каменный волкъ выше всѣхъ взвившійся на недосягаемой выси лазурнаго простора, гдѣ только бѣлыми искрами рѣютъ крикливыя чайки. Потомъ быстро хребетъ этотъ обрывается внизъ. Пока еще отсюда — въ общемъ туча, сѣрая однообразная туча — но на ней уже замѣтны темные провалы, болѣе сгущенныя тѣни ущелій.... Характеристическая черта Хибины — изумительная смѣлость очертаній. Ничего мягкаго, ни одного пологаго ската, ни одного идилическаго косогора. Все изрыто, все взволновано, все или стремится вверхъ, презирая симметрію и постепенность, или низвергается внизъ, точно отвѣсно падая съ высоты.... Въ общемъ — подавляющія массы, тихое величавое уныніе—стихійная сила какая-то, сила, передъ которой замираетъ ваше сердце и, словно подстрѣленная птица, падаетъ смѣлая мысль. Волчья тундра на право—гораздо ниже, но и она точно сѣрая туча густится на западѣ....

А между тѣмъ — вѣдь не Альпы, не Гималаи. Горы средней величины. Но здѣсь, среди этого пейзажа, массы камня — кажутся гигантами, поставленными на стражѣ земли лопской, противу вьюги и непогодъ всемогущаго до этихъ громадныхъ твердынь полюса....

— Подъ Хибинами въ Имандрѣ чудесная рыбка ловится! Живописенъ мой поморъ. Тутъ, что ни озеро, то и богачество. Везти только эту рыбку некуда. Солить ее въ прокъ — соль дорога, не подъ силу лопи нашей голой да нужной (нищей). Голой, правда проглядываетъ на зиму, но такая рыбка и духъ же отъ себя пущаетъ. Издали ты ее почуешь!... А будь соль дешева — оправилась бы лопь. Теперь хоть Коло-озеро возьми. Какая тамъ кумжа живетъ (кумжа родъ лососей) — мѣрная да ровная, гладкая!... Точно теленокъ, молокомъ вспоенный. Вотъ какая рыбка-то.... Сиги тоже въ Коло-озерѣ живутъ, только мелкіе. Точно наростъ. Не вода тамъ сигу, не любитъ сигъ Коло-озера. За то въ Пермесъ-озерѣ — сигу чудесно. Лучше ему не надо, и жируетъ же онъ тамъ, что дочка купецкая, тяжелѣйшій, толстый... Попова-рыбка. Харіусъ тоже Пермесъ озеро любитъ, щука разбойная лютуетъ въ ней, ну и окуни есть, только малье — окуни то. Нестоющіе!

Удивительно какъ на этихъ озерахъ быстро прекращается волненіе. Поднимется вѣтеръ — черезъ четверть часа — по озеру вода, какъ въ котлѣ. Булькаетъ, пѣна клубами взбивается, взмыливается озеро — кипяткомъ кипитъ — а правильныхъ волнъ нѣтъ. Самое опасное дѣло — до берегу не успѣешь доѣхать, какъ лодку выбьетъ всю. Чуть, чуть плоха посудина — глядишь и оборвало планки, а тамъ и отъ всего челнока только щепки колышутся но неистовому озерку, — но только что упалъ вѣтеръ — и четверти часа не пройдетъ, какъ то же самое ярившееся только часъ озеро — словно вода въ чашкѣ станетъ, не шелохнется, безмятежно отражая съ своемъ голубомъ просторѣ и лѣсистые берега и лазурное небо и жемчужныя облака, медленно передвигающіяся въ высотѣ надъ всѣмъ этимъ мирнымъ и тихимъ краемъ. Развѣ шаловливый харіусъ выскочитъ за мушкой или кумжа, обрадовавшись теплу кувыркается на водѣ — такъ побѣгутъ по ней круги и зазмѣится чуточку пѣны...

Коло-озеро и Пермесъ принадлежитъ лопарямъ массельгскимъ. Кромѣ того здѣсь никто промышлять не можетъ. Вся Лапландія, вообще, подѣлена между погостами и родами этихъ инородцевъ. Такъ напримѣръ — сѣрѣющая столь непривѣтно издали Волчья тундра принадлежитъ эхъ-островскимъ лопарямъ и массельгскіе низачто не пойдутъ туда охотиться....

— Въ чужое озеро хоть съ голоду умирай — а неводить не ходи; — не годится.

— У насъ это свято держится. Тоже совѣсть имѣемъ.

— Вотъ русскіе только обижаютъ!

— Чѣмъ это.

— А какже. Станетъ себѣ на твоемъ озерѣ и рыбачитъ. Рыбка — Господь съ ней, лови, ее — всякому на потребу, — онъ наровитъ, что ни на есть хуже неводъ у тебя стянуть, оленя увести!...

Честный лопарь долго недоумѣвалъ, какъ это можно утащить неводъ. Ну возьми, что хочешь — а то неводъ, это уже послѣднее дѣло! Въ озерахъ лопари ловятъ рыбу исключительно неводами. Это самая употребительная снасть у нихъ. Зачастую я находилъ на берегу, повидимому, совершенно безлюдномъ — развѣшанный неводъ. Оказывается, что хозяева ушли куда-нибудь, а неводъ себѣ просушивается подъ солнышкомъ. Въ это время русскихъ въ тундрѣ нѣтъ — они осенью, какъ съ Мурмана пойдутъ домой — въ тундрѣ появятся, ну тогда не зѣвай — и неводъ прячь, и хорони оленя и ровдугу заложи подальше, да и съ дочери глазъ не спускай. У русскаго завидущій глазъ — онъ и неводъ, и оленя и ровдугу и дочку — что подъ руку попало, все сволочетъ, — Божій даръ, говоритъ, поморъ, подсмѣивась надъ простоватостью инородца.

А то случалось часто — дымокъ на берегу подмѣтить. Сѣрою струйкой курится себѣ. Подплывешь — лопарь снасти окуриваетъ, коптитъ ихъ, чтобы ловить ловче было, чтобы рыбка на запахъ дымку шла, чтобы нечистый не вмѣшался. Окуритъ снасть съ молитвой — чорту уже не разорвать ея ячей, не запутать о луду подводную, не напороть на корчу, что̀ словно пасть чья-то зубастая изъ подъ воды острокаменьемъ своимъ торчитъ на погибель людскую.

— Еще хорошо, что у насъ сѣна косить не приводится, здѣсь, травы такой нѣтъ.

— Нашолъ чему радоваться.

— А еще бы не благодарить Бога. Будь пока сейчасъ кола бы пришла. А куда кола завидущая ступитъ — ее то мѣсто будетъ. Оттягаетъ. Въ нашей скудости — спасеніе. Будь земля побогаче, давно бы тутъ русь сѣла и лопь бы въ камни, либо въ воду загнала....

Дѣйствительно, берега Коло-озера и Пермесъ-озера не представляютъ вовсѣ мѣстъ удобныхъ для сѣнокоса. Одни лѣса — да яглевая поросль.... А если и есть трава, такъ мелкая, словно подъ гребенку стриженая, чахлая.... На подножный кормъ скотъ выгнать можно — а косить нечего, коса не возьметъ.

— Неужели же здѣшнюю озерную рыбу такъ и продать никуда нельзя?

— Никуда.

— Да вѣдь изъ подъ Нивы рѣки, да изъ подъ Пуло-озера возятъ въ Шунгу.... Имандра посылаетъ туда своихъ сиговъ.

— То дѣло другое. Отсюда Шунга далеко. Да и не годится наша рыба въ Шунгу. Мелкая и некрасива очень. Мурманщикамъ, какъ назадъ пойдутъ, продаемъ, да и то самую малость.

Хибины все росли и росли. Силуэты ихъ опредѣлялись. Ледники (какъ ихъ называютъ здѣсь — и вовсе невѣрно) дѣлались замѣтны. Залежи эти бѣлыми пятнами выдѣлялись на сѣромъ фонѣ каменныхъ громадъ.

— Прежде, что тутъ оленя всякаго было — страсть. Теперь меньше стало....

— Перебили?

— Нѣтъ, волка больше — оленя меньше.

— Чтожъ вы не бьете волковъ.

— Порохъ дорогъ, свинцу на пули неоткуда взять. Лопь много бы сдѣлать могла, кабы здѣсь порохъ да соль дешевы были!...

А стада оленей дѣйствительно страшно истребляются волками. Волки вырѣзываютъ сплошь косяки въ нѣсколько сотъ головъ. Они просто кидаются отъ одного оленя къ другому и прокусываютъ имъ горло — хорошо еще если стадо въ кучку успѣетъ сбиться, тогда и волку жутко отъ оленьихъ копытъ. Животныя становятся головами другъ къ другу — образуя укрѣпленіе изъ сильныхъ заднихъ ногъ. Но разбейте такое каре — и оно совсѣмъ погибнетъ. Хорошо, если бы здѣсь за каждаго убитаго волка выдавалась бы какая нибудь премія. Олени и оленеводцы вздохнули бы нѣсколько свободнѣе.

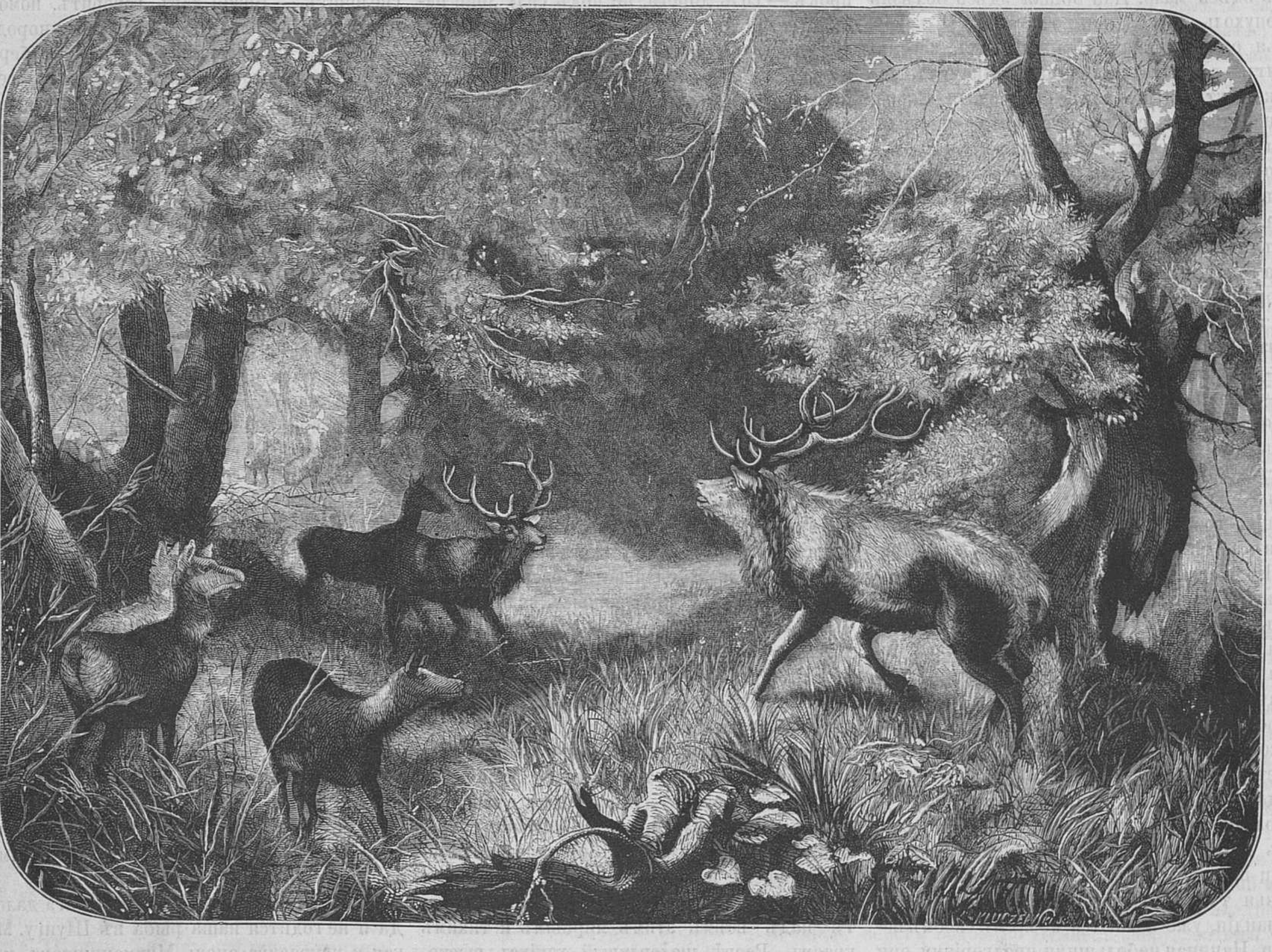
— Русскіе здѣсь не охотятся?

— Кому быть!

— Ну а промышленники?

— У тѣхъ свое дѣло, имъ не до охоты. Говорю тебѣ, когда бы порохъ дешевле былъ — и все бы ладно.... Сами бы справились съ чумой этой....

Между лопарями, впрочемъ, есть и такіе удальцы, которые на лыжахъ смѣло кидаются въ средину волчьяго стада и гонятъ передъ собою испуганныхъ хищниковъ, перебивая имъ спины толстыми палками. Преимущественно такіе встрѣчаются между западными лопарями и фильманами.



Лоси.

Какъ вблизи этихъ горъ быстры и неожиданны перемѣны погоды. Еще часъ назадъ, безмятежная синева неба улыбалась безмятежной синевѣ неподвижнаго озера, а теперь все кругомъ сѣро, мрачно.... Тучи ползутъ отовсюду, только сквозь одинъ просвѣтъ, косымъ ливнемъ пробивается солнечное сіяніе, точно для того, чтобы среди совершенно помертвѣвшей окрестности выхватить ярко зеленое пятно сосноваго лѣса и красноватую массу какого-то гранита.... Потемнѣло. Точно пылью подернулось и озеро.... Все гуще и гуще становился сумракъ сдвигая дали.... Вотъ волчья тундра ушла изъ глазъ. Хибины чуть мерещутся.... Слились съ тучами, окутались въ нихъ. Березовая рощица на островѣ посреди Пермесъ-озера какъ-то пестрѣла. Куда дѣвалась еще недавняя яркость красокъ. О черные подводные карчи съ тихимъ плескомъ разбиваются струи. Низменные берега стали еще ниже.... Почти и не видать ихъ. Только гдѣ лѣсъ — тамъ сумеречную кайму замѣтишь....

Что-то унылое, безжизненное во всемъ этомъ.... Теперь именно Лапландія похожа на приполярную страну....

Но вотъ солнечный просвѣтъ становится шире и шире. Обильнѣе льется оттуда солнечный блескъ, возвращая лазуревую окраску покойному озеру и изумрудный блескъ его березовому лѣсу. Просвѣтъ уже голубымъ пятномъ яркаго неба сдѣлался. Точно онъ усиленно раздвигаетъ тучи, а не успѣемъ мы до берега добраться, какъ небо опять покойное, безоблачное, уже раскидываетъ надъ нами свой недосягаемый просторъ. Хибины опять выступили на югѣ и какъ выступили!

Удивителенъ видъ ихъ отсюда. Между ними и берегомъ озера—даль открытая, это болотистая топь, Нѣтъ второстепенныхъ вершинъ, все низменно, ровно—и тѣмъ грандіознѣе еще, тѣмъ выше, тѣмъ цѣльнѣе кажутся поэтому Хибины. Тутъ оканчивается водяной путь. Гребцы, вытащивъ лодку на берегъ, бросили ее и обратились въ носильщиковъ. Вся моя кладь была распредѣлена между ними. При помощи двухъ лямокъ черезъ лобъ и черезъ грудь, они размѣстили ее на спинѣ каждаго, и мы двинулись по едва всхолмленной мѣстности. Пѣшкомъ пришлось сдѣлать пять верстъ. Черезъ часъ какой-то грохотъ послышался вдалекѣ. Точно тамъ камни ворочали. Еще нѣсколько шаговъ, и въ сыромъ логу блеснулъ передъ нами ручей Куринга, перегороженный заборомъ для семги. Около, цѣлое поселеніе: казенная тупа, три вѣжи по другую сторону ручья. Лай собакъ, громкій говоръ лопарей, грохотъ Куринги въ камняхъ, завалившихъ ея теченіе... Сыро.... Низменно.... Справа и слѣва высокіе откосы ущелья....

— Тутъ богатый лопарь живетъ....

— Васька Бархатовъ изъ Массельги. И заборъ поставилъ семушку ловить.

— И хорошо рыба ловится?

— Богато.... Сижки чудесные. Курингскій сижокъ лучше Пермесскаго.

Удивительно извилиста и камениста эта Куринга. Тутъ уже начинаются рѣчки, текущія на югъ, тогда какъ выше они текутъ на сѣверъ. Куринга, дѣлая тысячи изворотовъ, впадаетъ въ Имандру. Она то выбивается на открытое мѣсто, то опять въ щель прячется. Свѣтловодна до того, что каждаго сижка подъ ея струями замѣтишь. Вотъ пятнистая кумжа вверхъ противъ теченія пробирается — вся на ладони.... За версту отъ поселка Бархатова мы опять сѣли въ лодку. Куринга тутъ изъ ручья дѣлается рѣчкой. На берегу — громадный камень, точно разсѣченный пополамъ. Лопари, по этому поводу, разсказываютъ цѣлую легенду, приведенную у меня въ статьѣ «Сказки и пѣсни лопарей» (Страна холода).

Потеряешь счетъ извивамъ Куринги. Надо думать что конца ей не будетъ, когда она разлилась саженъ на 150 — передъ нами блеснуло громадное озеро.... Туманъ уже ложился на его покойныя воды. На право и на лѣво темнѣло чернолѣсье.... Теченіе стало тихо.... Почти неподвижно.

Нигдѣ не было видно береговъ вовсе....

— Имандра!

Мы добрались до самаго сердца Лапландіи.... Имандра—громаднѣйшее изъ озеръ ея и самое живописное.

Пристали къ берегу и костеръ разложили... Становилось холодно.

Ночь тихо окутывала окрестности своимъ ласковымъ сумракомъ.

(*Продолженіе будетъ*).

Доброволецъ.

Разсказъ изъ народнаго быта.)

(**Б. Л. Я—вина.**)

(*Продолженіе*).

Глава VIII.

Былъ морозный январьскій день. На колокольнѣ приходскаго храма гудѣли колокола, въ самомъ храмѣ совершалась литургія при многочисленномъ стеченіи народа. Не смотря на то, что служеніе уже приходило къ концу, въ массѣ присутствующихъ незамѣтно было того свойственнаго нашему русскому мужичку, при подобныхъ случаяхъ, желанія, уйти поскорѣе домой, напротивъ, на лицахъ всѣхъ не трудно было прочесть какое-то любопытство и напряженное ожиданіе чего-то. По временамъ, особенно среди женщинъ, слышался даже отрывочный шепотъ. Видно было, что каждый зналъ и ожидалъ, что, по окончаніи служенія, что-то должно непремѣнно случиться, и потому нимало не спѣшилъ выходить оттуда, гдѣ любознательность его могла получить полное удовлетвореніе. Дѣйствительно: служба окончилась, священникъ закрылъ царскія врата и остался въ алтарѣ, а народъ, между тѣмъ, стоялъ по прежнему и не выходилъ изъ церкви. Минутъ черезъ пять, истребивъ дары, священникъ снова показался на амвонѣ съ листочкомъ бумаги въ рукахъ и, когда воцарилась тишина, прочелъ слѣдующее:

— «Казеннаго вѣдомства, деревни такой-то, волости такой-то, крестьянскій сынъ Семенъ Ильинъ желаетъ вступить въ первый законный бракъ съ крестьянскою дочерью той же деревни и той же волости дѣвицею Екатериною Ивановою». Не знаетъ ли кто какого либо родства между желающими сочетаться бракомъ или другого, законнаго къ этому, препятствія, спросилъ онъ, окинувъ присутствующихъ вопросительнымъ взглядомъ.

Толпа заволновалась. Къ амвону подошла Дороничпа.

— Я знаю, кормилецъ, одно препятствіе, сказала она,—и могу объявить.

— Ты должна даже объявить, если знаешь, замѣтилъ священникъ. Говори.

— Вотъ, видишь ли, этотъ самый Семенъ Ильинъ, что вѣнчаться хочетъ, женится не по своей волѣ...

— Ну, если онъ не хочетъ жениться, онъ скажетъ намъ подъ вѣнцомъ, перебилъ священникъ, ты говори: какое ты знаешь препятствіе?

— А препятствіе то, что до этого онъ жилъ съ одной бабой, какъ мужъ съ женой. Она, бѣдная, и по сію пору у меня—съ тоски занемогла, отвѣтила Дороничпа на предложенный вопросъ.

— Эго изволите видѣть, батюшка, вмѣшался староста, выступая тоже впередъ—я вамъ доложу: сущая ложь. Я это дѣло очинно хорошо самъ знаю:—выдумка, значитъ, одна только.

— Кто еще подтвердитъ заявленіе старухи, спросилъ священникъ, обращаясь къ толпѣ. Староста угрожающимъ взглядомъ обвелъ все собраніе. Никто ничего не отвѣчалъ.

— Еще разъ повторяю, подождавъ немного, снова сказалъ священникъ,—если кто знаетъ тоже самое, что сказала она—онъ показалъ на Дороничну — пусть сейчасъ же объявитъ, въ противномъ случаѣ, свидѣтельство ея будетъ считаться недостаточно доказаннымъ. Прежнее молчаніе было отвѣтомъ на это воззваніе.—Вотъ видишь ли, голубушка, обратился онъ къ знахаркѣ,—оказывается, что тебѣ одной только извѣстно о связи жениха съ какой-то, будто бы, женщиной: другіе всѣ молчатъ, а между тѣмъ такія вещи не уходятъ отъ людскаго глаза. Что ты скажешь на это?

— Вѣстимо молчатъ, сердито возразила колдунья: — кому охота накликать на себя бѣду, когда, вишь, онъ какимъ сычемъ посмотрѣлъ-то, видѣлъ ты, указала она пальцемъ на старосту—небось, въ *расправѣ* *) никому не любо на полу валяться!

— Слушай, баба, я тебя выучу... заикнулся было староста, но священникъ жестомъ остановилъ его.

— Иванъ Федоровъ, здѣсь не мѣсто для угрозъ и суда, тономъ, недопускающимъ возраженій, замѣтилъ онъ—а то, что сказала сейчасъ на твой счетъ старуха, пожалуй, и вѣрно, насколько я тебя знаю. Дѣло же въ томъ, что необходимо узнать, справедливо ли только что сдѣланное заявленіе касательно жениха, или нѣтъ, почему я требую отъ тебя не употреблять въ настоящемъ случаѣ никакихъ понудительныхъ мѣръ: пусть каждый говоритъ по совѣсти.

— Оно, пожалуй, немного есть тутъ и правды, батюшка, раздался изъ толпы голосъ Лукича, поспѣшившаго на выручку оплошавшему старостѣ:—знаете, дѣло молодое, только все это баловство одно, ей Богу,—баловство: ничего тутъ такого, никакого грѣха, не было. Лице старика выражало покорность и моленіе.

— А коли такъ, да всѣ согласны съ этимъ, такъ и съ моей стороны задержки не будетъ, заключилъ священникъ, хорошо понимая устремленный на него взглядъ и спускаясь съ амвона,—а тебѣ же, старуха, стыдно бы въ твои года говорить неправду и другихъ позорить, сдѣлалъ онъ приличное нравоученіе Дороничнѣ. Та раскрыла ротъ и хотѣла что-то говорить, но хитрый служитель алтаря быстро повернулся и направился къ выходу. Вслѣдъ за нимъ густою толпою повалили изъ церкви и всѣ присутствующіе.

— Вѣдьма, проворчалъ вслухъ Лукичъ, проходя по кладбищу мимо Дороничны:—тебя, проклятую, вездѣ съ носомъ суётъ!...

— Молчи, старый дьяволъ, огрызнулась знахарка—еще ты раздѣлаешься со мной за прежнее, если не теперь, то послѣ!

Планъ Лукича, такимъ образомъ, дважды готовый разрушиться, теперь начиналъ вполнѣ осуществляться: непокорный сынъ не устоялъ противъ тѣхъ внушительныхъ средствъ, какими по произволу распоряжался онъ, отецъ, и, боясь заслужить взамѣнъ родительскаго благословенія проклятія, сдался; доводы давнишняго заклятаго врага—колдуньи, оказались неуважительными для того, чтобы попрепятствовать браку его сына, а отъ попа всегда можно было ожидать, что, за приличное вознагражденіе, онъ непрочь сдѣлать маленькую уступку и устроить дѣло, какъ слѣдуетъ быть; оставалось значитъ пойти переговорить съ послѣднимъ и, чтобы не откладывать дѣла въ дальній ящикъ, сегодня же поторопиться вѣнчаніемъ. Лукичъ такъ и сдѣлалъ.

Придя изъ церкви домой и наскоро пообѣдавъ, онъ отдалъ приказаніе домашнимъ, немедленно готовиться къ свадьбѣ и, давъ знать о томъ же старостѣ и поручителямъ, самъ, не теряя времени, направился на погостъ.

— Ну, что скажешь, Лукичъ, спросилъ священникъ выходя въ переднюю, гдѣ старикъ дожидался его у порога—небось все насчетъ свадьбы шляешься: надоѣли вы мнѣ, напустилъ онъ на себя недовольный видъ.

— Я къ вашей милости, о. Александръ: нельзя ли сватьбишку-то сегодня устроить, попросилъ Лукичъ, низко кланяясь.

— Какъ можно? Вѣдь только двѣ *огласки* *) было, а надо три, заартачился попъ. Да и что тебѣ такъ скоро захотѣлось? Развѣ не все равно въ будущее воскресенье? Старикъ на минуту замялся.

— Оно, пожалуй, отчего не все равно, помолчавъ немного, согласился онъ, только боюсь я, какъ бы за это время дѣло-то у насъ не разстроилось: ненадежно больно оно...

— Значитъ правда, что твой сынъ не хочетъ жениться?

— Да что ужъ грѣхъ таить:—вѣстимо дѣло правда,—зря этого не говорили бы, откровенно сознался Лукичъ—только и мнѣ то нельзя не женить его: одно слово раззоренье съ парнемъ подошло!

— Такъ ты чего же хочешь-то отъ меня, повелъ напрямикъ о. Александръ.

— Да вотъ, сдѣлай божескую милость—оболтай парня-то сегодня же; я со старостой ужь не забудемъ тебя—хорошо отблагодаримъ.

— Нельзя; надо еще одну огласку сдѣлать,

— Эхъ, чего еще тутъ огласку; довольно будетъ и двухъ, урезонивалъ священника Лукичъ,—вѣдь синюшку кромѣ всего получишь. Ей Богу, дадимъ синюшку!

— Пяти мало—изъ за пяти рублей и рукъ не стоитъ марать! Пятнадцать, такъ еще туда сюда, заломилъ тотъ, дѣлая видъ, будто хочетъ уйти.

— Пятнадцать! ужаснулся Илья,—да побойся Бога, о. Александръ: съ какого богачества взять мнѣ такую силу?!

— А коли не богатъ, такъ и въ то воскресенье сыграешь свадьбу, буде можно будетъ, а то и такъ ладно: больше денегъ въ карманѣ останется. Для меня все равно, хоть вѣкъ не жени сына, неуступалъ священникъ.

Лукичъ почесалъ за ухомъ и съ минуту что-то соображалъ.

— Да ужъ Богъ съ тобой, батька, рѣшился наконецъ онъ,—возьми красную: и то, вотъ-те Христосъ, оброка заплатить нечѣмъ будетъ! Кабы не этакое дѣло ни за что на свѣтѣ не далъ бы.

— Ну, ладно, такъ и быть: красную, да весной пришлешь парня ко мнѣ поработать денекъ да другой, согласился о. Александръ. Только смотри, не болтать, предупредилъ онъ,—чтобы все шито-крыто было!

— А когда ѣхать къ вѣнцу-то прикажешь, спросилъ, просіявшій отъ удовольствія, Лукичъ.

— Часовъ такъ въ семь или въ восемь не позже.

Обрадованный выскочилъ старикъ отъ попа и, забывъ свои года, бѣгомъ пустился домой.

— Хоть и дорогонько немного взялъ, ѣшь его муха, думалъ онъ дорогою,—за то дѣло, слава Богу, уладилъ я; теперь, дастъ Богъ, маленько и посподручнѣе, Лукичъ, будетъ тебѣ!...

Въ домѣ Лукича между тѣмъ шли сборы и приготовленія къ свадебному пиру и обряду. На дворѣ у крыльца стояло нѣсколько повозокъ, запряженныхъ тройками съ подвязанными къ дугамъ колокольчиками и пучками алыхъ и голубыхъ ленточекъ; это сваты и дружки пріѣхали за женихомъ, чтобы, послѣ домашняго благословенія, отвезти его въ домъ невѣсты, гдѣ, по принятому обычаю, ихъ должны были *посаженые* **) родители обручить кольцами. Въ большомъ углу за образами и столомъ, на чистой скатерти котораго, положенъ былъ большой ржаной хлѣбъ и на немъ солонка, сидѣли сваты, ожидая прихода главы семейства. Около нихъ сидѣла жена Лукича и, опершись руками въ подоконникъ, заливалась горькими слезами. Семенъ болтался по избѣ, какъ угорѣлый.

---

*) Расправа—волостное правленіе.

*) *Огласка* — публикація, образчикъ которой былъ выше написанъ.

**) Въ *посаженые* родители избираются по большей части крестные отецъ и мать, хотя, за неимѣніемъ ихъ, могутъ быть избираемы и посторонніе.

— Все ли готово, спросилъ появляясь въ горницѣ Лукичъ и направляясь къ столу.

— Надо быть все, отвѣтилъ Степанъ, вставая и зажигая двѣ восковыя свѣчи, одну передъ образомъ Спасителя, другую ставя на лежавшій на столѣ хлѣбъ.

— Ну, такъ значитъ съ Божьимъ благословеніемъ начнемъ, торжественно объявилъ онъ о своемъ намѣреніи дать сыну родительское благословеніе на новый образъ жизни.

— Подойди сюда, сказалъ онъ Семену, принимая отъ одного изъ *дружекъ* (*) икону и становясь за столъ.

Безсознательно, словно въ какомъ-то чаду, подошелъ несчастный, и, ставъ на указанное мѣсто, наклонилъ голову. Лукичъ тихо прочиталъ какую-то молитву, затѣмъ трижды и крестообразно осѣнилъ голову сына сначала иконою, потомъ хлѣбомъ и солью и далъ ему поцѣловать и то и другое. Семенъ, по обычаю, поклонился ему въ ноги.

Теперь пришла очередь матери сдѣлать тоже самое. Дрожащею рукою, и не стараясь сдерживать глухихъ рыданій, одно за другимъ вырывавшихся изъ ея наболѣвшей отъ горя груди, благословляла она своего любимца, моля у Бога послать ему миръ и счастіе въ семейной жизни. Тотъ не далъ окончить ей и въ отчаяніи, со стономъ, повалился на ея грудь. Произошла нѣмая, раздирающая душу сцена. Даже Лукичъ вздрогнулъ и отвернулся въ сторону, желая скрыть свое невольное волненіе.

— Полно, полно, Сеня, почти ласково сталъ онъ успокоивать сына, — что ты, какъ красная дѣвушка, разрюмился. Погоди, глупенькій, слюбится еще!... Помолись-ка лучше да и съ Богомъ къ невѣстѣ.

При этихъ словахъ парень очнулся и покорно послѣдовалъ приглашенію. Черезъ минуту онъ уже стоялъ на улицѣ и готовился сѣсть въ сани и ѣхать къ той, которая скоро должна была сдѣлаться его женой. Толпа, по обыкновенію, осаждала жениха, напутствуя его всевозможными пожеланіями. Вдругъ, недалеко отъ той повозки, которая назначена была для Семена, раздался дикій, пронзительный крикъ: кто-то съ воплемъ прорывался сквозь густую массу людей, окружавшихъ сани. Семенъ узналъ хорошо знакомый ему голосъ и поблѣднѣлъ, какъ полотно.

Не пущу, Сеня, ни за что не пущу, надорваннымъ голосомъ кричала вдова, расталкивая загораживавшихъ ей дорогу дружекъ;—они хотятъ погубить тебя, душегубцы. Она крѣпко схватила Семена за руку. Тотъ нѣжно, въ послѣдній разъ, взглянулъ ей въ ея воспаленные глаза, и, осторожно высвободивъ руку, сѣлъ на свое мѣсто. Сидѣвшій на козлахъ ударилъ по лошадямъ.

— Прощай, Маша, прощай, моя голубушка, обернулся къ Марьѣ Семенъ, — прости меня! Разлучили насъ недобрые люди...

Колокольчикъ звякнулъ, кони дернули и сани быстро понеслись по селу, на противоположный конецъ.

— Душегубцы!... Сеня... погубятъ... снова послышались въ слѣдъ уѣзжавшимъ отчаянные стоны, и, сразу, точно оборвались, смолкли. Семенъ еще разъ обернулся на то мѣсто, гдѣ осталась его бѣдная подруга, но не могъ уже наглядѣть, какъ ни искалъ ее глазами.

Глава IX.

Невзрачная, убогая лачуга, тускло освѣщенная пламенемъ лучины, небрежно воткнутой въ щель стѣны. Въ лачугѣ нѣтъ ничего, почему можно было бы догадаться, что она предназначена для человѣческаго жилья: нѣтъ ни стола, ни скамьи, ни кровати, ни другихъ характерныхъ признаковъ, отличающихъ людскія жилища отъ амбаровъ, погребовъ, конюшень и имъ подобныхъ, необходимыхъ при каждомъ хозяйствѣ, строеній. Закоптѣлыя и буквально голыя стѣны ея, глядятъ мрачно и непривѣтливо; въ одной изъ нихъ прорублено узенькое отверстіе, раздѣленное перегородкою на двѣ половины, изъ коихъ одна наглухо заколочена доскою, другая же представляетъ свободный доступъ въ лачугу наружному воздуху. Отверстіе играетъ роль окна. Противъ него, внутрь лачуги, выдвигается какая-то безобразная, сѣрая масса: это груда кирпичей, остатокъ когда-то существовавшей здѣсь печи. Нетрудно догадаться, что въ этихъ сырыхъ и прокоптѣлыхъ четырехъ стѣнахъ поселилось какое-то одинокое, отшатнувшееся отъ остальнаго міра, существо, которое не нуждается ни въ какихъ удобствахъ, развѣ лишь за исключеніемъ крыши, покрывавшей это странное логовище, чтобы укрыться отъ дождя и снѣга. Избушка эта принадлежала бабкѣ Дороничнѣ, а отшельникъ, обитающій въ ней, была она сама.

На толстомъ сосновомъ обрубкѣ, замѣнявшемъ ей стулъ, сидѣла въ лохмотьяхъ колдунья и дремала. На право отъ ней, въ углу, куда падалъ немного свѣтъ отъ лучины, на грязномъ, сыромъ полу, слегка прикрытомъ соломою, метался кто-то, по временамъ издавая жалобные стоны. При каждомъ изъ нихъ старуха открывала глаза и, взявъ тутъ же на полу стоявшую глиняную кружку, подходила къ углу.

— На-ка, испей, мое дитятко, говорила она, наклонясь надъ тѣмъ мѣстомъ, откуда неслись стоны и предлагая кружку со снадобьемъ — испей: легче будетъ.

Исхудалыя, бѣлыя руки протягивались за этимъ къ кружкѣ и какъ смерть блѣдное, когда-то красивое лицо, съ растрепанными волосами, жадно припадало пересохшимися губами къ влагѣ. Это была вдова.

Когда сани, въ которыхъ сидѣлъ Семенъ, навсегда увезли отъ ней ея друга, Марья, какъ полоумная, бросилась вонъ изъ деревни и скрылась въ лѣсу. Тамъ, съ ней, вѣроятно, случился обморокъ и она часа три пролежала на холодномъ снѣгу такъ, какъ выбѣжала изъ избы, т. е. въ одномъ сарафанѣ и рубашкѣ и даже съ непокрытою головою. Очнувшись, она уже не могла встать на ноги: силы совершенно измѣнили ей, а вредное вліяніе стужи и сырого холоднаго воздуха, нагнало на ея нѣжный организмъ самую мучительную лихорадку. Тутъ бы она непремѣнно и погибла, если бы проѣзжавшій мимо крестьянинъ непримѣтилъ её и, взявъ съ собою, не доставилъ въ село. Теперь она въ безпамятствѣ лежала, чуть чуть прикрытая какими-то тряпками, подъ присмотромъ знахарки.

— Не пущу!.. Не дамъ погубить!.. Металась она въ припадкѣ сильной горячки. Сеня, милый, мой, не уходи: они погубятъ тебя, повѣнчаютъ на ней. Кому же ты оставляешь меня—вѣдь они меня живую съѣдятъ; постой! При этомъ, руки ея протягивались и взоръ устремлялся въ пустое пространство, какъ будто она видѣла образъ своего милаго Семена.

— Что это? Колокольчики! Это свадебный поѣздъ—моего Семена вѣнчать повезутъ, продолжала она, прислушиваясь. Охъ! надо скорѣе бѣжать и увидѣть его: онъ не посмѣетъ, онъ постыдится обмануть меня. Несчастная сдѣлала невѣроятное усиліе, чтобы подняться, но сейчасъ же съ ужасомъ упала на солому и закрыла лице руками.

— Это онъ, мой мужъ, дрожа отъ страха лепетала Марья. Бабушка! прогони его отъ меня, зачѣмъ онъ пришелъ? Скажи ему, чтобы онъ не смѣлъ ко мнѣ подходить: я боюсь, я умру отъ страха. Вонъ, вонъ онъ стоитъ, блѣдный, страшный такой, указала она рукою въ противоположный уголъ.

Колдунья плюнула и начала что-то шептать. Марья немного успокоилась и тоже шепотомъ продолжала:

— Сегодня онъ пьяный пришелъ и сталъ бить меня: ты, говоритъ, не любишь меня, съ другимъ волочишься. Злость меня разобрала: взяла я прялку и пошла къ бабкѣ Дороничнѣ. Только иду по деревнѣ, а на встрѣчу Семенъ на тройкѣ ѣдетъ съ извоза. Садись, говоритъ, подвезу и такъ ласково, ласково сказалъ. Я и сѣла. Проѣхали мы деревню, ѣдемъ дальше по лѣсу: я все сижу, а онъ глядитъ мнѣ въ глаза, да любуется на меня; потомъ крѣпко, крѣпко схватилъ и сталъ цѣловать. Маша, говоритъ, милая моя, полюби меня — я давно души въ тебѣ не чаю! Хорошо мнѣ такъ сдѣлалось сразу; горе отлегло отъ сердца и думаю сама въ себѣ: чтожъ, вѣдь Егоръ меня все одно не любитъ, бьетъ, попрекаетъ, а я только молчу да слезами обливаюсь Отчегожъ и не приласкать парня, да какъ взглянула ему въ лицо—у самой сердце такъ и забилось: больно уже полюбилось оно мнѣ — такое доброе, да ласковое, словно душу отдать хочетъ. Невытерпѣла я, и сама давай цѣловать Сеню. Пусть теперь, думаю, покрайности, Егоръ за дѣло бьетъ меня — не такъ обидно! А онъ-то, мой милый, Сеня-то, и самъ не свой отъ радости, забылъ, что я замужемъ и говоритъ: я женюсь на тебѣ, Маша; вѣдь ты пойдешь за меня замужъ, спрашиваетъ и самъ заглядываетъ мнѣ въ глаза. Мнѣ даже смѣшно на него стало. Да вѣдь я и такъ замужемъ, говорю, развѣ ты не знаешь моего мужа, Егора? Онъ подумалъ немного, а потомъ отвѣтилъ: все равно, говоритъ, когда умретъ. А я любить тебя стану не какъ Егоръ; ты у меня барыней бы жила, на тебя бы всѣ любовались да завидовали, а я тебя все цѣловалъ бы да ласкалъ. И долго, долго, хорошо такъ говорилъ, а я все слушала. Только привезъ онъ меня назадъ къ Дороничнѣ, сталъ прощаться, а меня словно бѣсъ какой путать сталъ: приходи, говорю, Сеня, сюда въ восресенье, а сама оторваться отъ него не могу и худыя такія думы въ голову пошли: все на счетъ мужа, какъ бы получше да поскорѣе отдѣлаться отъ него. Прихожу къ Дороничнѣ и все ей разсказываю, какъ я ѣздила съ Сеней, что онъ говорилъ и какъ полюбились мнѣ его рѣчи. Дура, ты, дура, говоритъ мнѣ бабка, сколько ты горя отъ мужа терпишь, а до сихъ поръ не можешь развязать себѣ рукъ. На твоемъ мѣстѣ я давно бы его уходила....

— Маша, а Маша, перебила съ безпокойствомъ больную Доронична, подходя къ ней и стараясь привести въ сознаніе, — перестань, голубка, что ты не дѣло-то говоришь. Испей-ка вотъ лучше водицы немного. Но на этотъ разъ Марья не слышала ее и продолжала разговаривать въ бреду:

— Да вѣдь это грѣхъ, говорю, бабушка, за это Богъ насъ наказываетъ. Не накажетъ, говоритъ бабка, развѣ онъ не знаетъ, что ты вѣдь тоже живой человѣкъ, не щепка, что тебѣ небольно, когда бьютъ да всякими напраслинами попрекаютъ. У меня даже сердце словно повернулось на мѣстѣ, когда я въ эту пору припомнила всѣ обиды мужа. А вѣдь Доронична-то правду никакъ говоритъ, пало мнѣ въ голову, неужъ-то же, должна я всю жизнь свою такъ маяться; только терпѣть да заливаться слезами? Неужъ-то уже Богъ не проститъ меня за одинъ разъ, если я сдѣлаю недоброе дѣло? А она между тѣмъ уговариваетъ меня: ты, говоритъ, и не сумлевайся ни въ чемъ — я дамъ тебѣ такого снадобья, что и слѣдователи никакіе ничего не

(*) Дружка - шаферъ.

узнають! скажутъ, — своей смертью умеръ да и только! А ты и опять зажила на волюшкѣ и все горе какъ въ воду кануло. Соблазнили меня эти рѣчи, показалось больно хорошо жить на свободѣ, по прежнему, и задумала я загубить мужа, да, вмѣсто того, загубила теперь свою голову! Давай, говорю, такого снадобья, — чему быть то будетъ, только изведи моего лютаго ворога: не втерпежъ уже мнѣ больше сносить отъ него побои да разные попрёки.

Вдова на минуту умолкла. Изсохшія руки ея въ изнеможеніи опустились на полъ; грудь высоко поднималась, а воспаленные глаза тускло и безжизненно, словно у мертвеца, смотрѣли куда-то. Черезъ нѣсколько времени она снова, продолжая бредить, начала припоминать тайны своего прошлаго.

— Взяла я у Дороничны на другой день этого самаго зелья, что можно затравить кого хочешь, — она мнѣ какъ и сдѣлаться съ нимъ, во что всыпать, все разсказала, — прибѣжала домой — сама себя не помню: страхъ этакой забралъ меня. Хотѣла уже во всемъ повиниться мужу, только не полюбилось ему что-то и крѣпко приколотилъ онъ меня, а потомъ велѣлъ собирать на столъ. Со злости я и всыпала зелье въ кислое молоко, поставила на столъ и сама не ѣмъ. — Чтожъ ты, говоритъ, такая-сякая, не трескаешь: аль кулака захотѣла? — Не хочу, отвѣчаю, а у самой отъ страха зубы такъ и щелкаютъ — моченьки нѣтъ! — Ну, сыта улита, говоритъ, — я и одинъ съѣмъ — взялъ, да и поставилъ чашку къ себѣ ближе. Не стерпѣла я — вышла въ сѣни. Прихожу назадъ, а онъ уже кафтанъ надѣваетъ — уходить куда-то собрался. — Слава Богу, думаю, хоть не дома умретъ! Сѣла я у окошка, сижу, да гляжу на улицу, а сама ничего не вижу: на глаза словно туча какая наплыла. Только должно быть уже долго сидѣла я — совсѣмъ вечеръ сталъ. — Дай, пойду на деревню, говорю, посмотрю, нѣтъ ли чего тамъ. Вышла это я, навстрѣчу бѣжитъ мальчишка и еще издали кричитъ мнѣ: тетушка, бѣги скорѣе: твоего мужа на задворкахъ мертвымъ нашли. У меня словно ноги косой кто подрѣзалъ. Приплелась кое-какъ на задворки (*) гляжу: мужа моего мужики на бочкѣ откачиваютъ; самъ онъ страшный такой, посинѣлъ, глаза закатились, на губахъ пѣна! Мнѣ бы взять да причитывать надо, а у меня слезъ и кулакомъ не выжать — совсѣмъ ошалѣла. На другой день наѣхали слѣдователи, засадили меня въ темную, стали распрашивать, приводить къ присягѣ, а я все отпиралась, да говорила, что «знать не знаю и вѣдать не вѣдаю». Даже и крестъ и Евангеліе поцѣловала. Только не долго погодя посудили да порядили они промежъ себя, да взглянули и отпустили меня, а мужа велѣли зарыть. Продала я его избенку и перешла въ отцовскую, думала — тамъ спокойнѣе будетъ, только не тутъ-то было: намаялась я съ нимъ досыта — одно время такъ руку на себя наложить хотѣла Что ни вечеръ, бывало, какъ только чуть стемнится, или середи ночи когда не спится, поглядишь, а онъ какъ живой сидитъ за столомъ, да изъ чашки молоко хлѣбаетъ и такъ грозно самъ на меня поглядываетъ! Просто хоть камень на шею надѣвай, если бы не надоумила меня Доронична; взяла я къ себѣ Таню и съ той поры пересталъ онъ ко мнѣ ходить. Тутъ я снова зажила по прежнему и совсѣмъ полюбила Сеню. Придетъ онъ бывало ко мнѣ и сидимъ мы съ нимъ долго, долго, иногда за полночь, и все онъ цѣлуетъ да голубитъ меня. Бывало. . . .

При этихъ словахъ, больная широко раскрыла глаза и боязливо осмотрѣлась вокругъ. Сознаніе какъ будто возвратилось къ ней и, теперь, она вѣроятно недоумѣвала: гдѣ она и что съ нею дѣлается?

— Господи! Да гдѣ это я, тихо сказала она, смотря на колдунью и все еще не узнавая её.

— У меня, мое дитятко, у меня, у бабки Дороничны, отозвалась та, подходя къ Марьѣ — есть ли тебѣ лучше-то, моя ласточка, заботлива спросила она.

Марья какъ будто сначала не поняла вопроса и сдѣлала движеніе, намѣреваясь встать на ноги. Но тутъ догадалась она о своемъ положеніи: нестерпимыя боли, которыхъ она не почувствовала въ моментъ своего пробужденія, заставили ее снова упасть на кучу тряпицъ, замѣнявшихъ ей изголовье. Несчастная тяжело застонала и закрыла глаза.

— Не надо такъ, голубка, не надо, ласково упрекнула ее за неосторожность знахарка, поправила изодранное, еле-еле прикрывавшее, ея исхудалое тѣло, одѣяло: — если ты такъ будешь рваться, то тебѣ и никакія снадобья мои не помогутъ!

Заблуждалась колдунья, если говорила такъ, вѣря въ свои слова. Могли ли тутъ помочь ея нехитрыя снадобья и разныя, ничего нестоющія по своему дѣйствію, коренья и травы, этому подорванному въ самомъ своемъ корнѣ и горемъ и тяжкимъ недугомъ организму? Могла ли она подѣлать что либо со своими жалкими свѣдѣніями, когда, пожалуй, опытные врачи признали бы больную невозвратно погибшею: — таково было теперь ея положеніе.

Минутъ черезъ пять вдова медленно открыла свои потускнѣвшіе глаза. Взглядъ ея упалъ на стоявшую около Дороничну.

— Бабушка, уже тяжело переводя духъ, вымолвила она, мнѣ худо. . . . Я знаю, что скоро умру. . . Не пожилось мнѣ на бѣломъ свѣтѣ, не пришлось испытать счастья — радости! . . . Двѣ крупныя слезы скатились приэтомъ по ея блѣднымъ, впалымъ щекамъ.

— Что ты, что ты, мое красное солнышко, зачѣмъ такъ говорить, старалась успокоить ее старуха, — вотъ погоди — я дамъ тебѣ кое-что попить, — авось полегчаетъ; . . .

Доронична хотѣла было исполнить свое намѣреніе, но умирающая остановила ее слабымъ движеніемъ руки.

— Не надо, тихо прошептала она, ничего мнѣ не поможетъ теперь! . . Спасибо. . . Ты лучше вотъ что сдѣлай: возьми, передай отъ меня это кольцо Сенѣ — оно мое обручальное... Скажи, что я велѣла ему не забывать меня. . . . . Колдунья осторожно сняла съ пальца кольцо.

— Да еще. . . . объяви всѣмъ. . . уже совсѣмъ задыхаясь, хотѣла что-то сказать Марья, но не могла. Началась агонія. Вдова забилась и заметалась, дико ворочая бѣлками и, по временамъ, произнося несвязныя, отрывочныя, слова.

— Прости! . . . Сеня. . . . Я. . . . Прочь! . . Вылетали они изъ ея часто и высоко подымавшейся груди.

Черезъ минуту послышалось продолжительное хрипѣніе, затѣмъ одинъ или два тяжелыхъ вздоха — и все кончилось: зубы стиснулись, руки и ноги вытянулись, только глаза остались какъ живые глядѣть куда-то далеко, далеко. Духъ несчастной страдалицы перешелъ въ лучшій міръ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Доктора-Соперники.

(Съ англ. М. Б.)

Глава II.

Въ Удбинъ Коттеджъ собирались завтракать. Марѳа только что принесла сало и яйца; размѣшала огонь въ очагѣ.

— Приходилъ кто-нибудь за Миссъ Кисси въ прошедшую ночь? спросила красивая дама, укутываясь въ теплую черную мантилью. Мнѣ казалось, что звонили ночью два или три раза.

Высокая фигура г. Лодъ помѣщалась на самомъ покойномъ креслѣ; ноги ея, обутыя въ туфли, упирались о каменную рѣшетку, и наружность ея дышала, повидимому, здоровьемъ и довольствомъ. Но трудно было встрѣтить болѣе обманчивую наружность, чѣмъ у г-жи Лодъ. Она, по природѣ, была склонная находить вездѣ затрудненія и преувеличивать ихъ, если они дѣйствительно существовали; если-бы она и пользовалась крѣпкимъ здоровьемъ, то и тогда не могла бы быть причислена къ пріятнымъ собесѣдницамъ. Она въ теченіи всей своей жизни подвергалась болѣе или менѣе опаснымъ припадкамъ; самое малѣйшее волненіе или движеніе приводило несчастную женщину въ безпомощное состояніе; главная задача дочери состояла въ предупрежденіи этихъ припадковъ.

Г-жа Лодъ была освобождена отъ всѣхъ заботъ и хлопотъ по хозяйству. Кизаія сама заработывала хлѣбъ и завѣдывала всѣмъ хозяйствомъ. Ей можно было отъ души пожелать успѣха, такъ какъ она начала изучать медицину не столько изъ моды къ этой наукѣ, сколько по нуждѣ; сдѣлавшись докторомъ, она исполняла самымъ добросовѣстнымъ образомъ свои обязанности. Ей недавно только повезло, такъ что она для обожаемой ею матери наняла этотъ уютный, удобный домикъ. Припадки съ матерью повторялись рѣже и г-жа Лодъ, главнымъ достоинствомъ которой была безграничная любовь къ дочери, была совершенно счастлива.

— Священникъ присылалъ за Миссъ Кисси! отвѣтила Марѳа на предложенный ею вопросъ г-жи Лодъ. Джонъ пріѣзжалъ за нею въ первомъ часу ночи; вѣроятно, ребенокъ очень страдаетъ крупомъ, потому что она не скоро вернулась оттуда. Хоть бы Миссъ Кисси подольше утромъ спала!

— Богъ знаетъ, изъ-за чего она изнуряетъ себя, проворчала г-жа Лодъ; она сведетъ себя въ могилу по примѣру сестеръ. Полно тебѣ болтать Марѳа! подай мнѣ шеколадъ; да чашками не стучи. Миссъ Кисси, вѣроятно, скоро выйдетъ.

Всѣмъ по сосѣдству было извѣстно, что красивая жена знаменитаго доктора Гартли Лодъ происходила изъ многочисленнаго семейства Корнуайльскаго фермера; эта барыня никогда не отличалась изящными манерами; частыя сношенія съ высшимъ обществомъ, къ которому принадлежалъ ея мужъ, значительно сгладили однако ошибки и пробѣлы ея воспитанія.

— Отъ души жалѣю, что немного опоздала! послышался въ дверяхъ чистый дѣвическій голосъ. Марѳа подлей молока въ шеколадъ мама̀. Голубушка, мама, дайте мнѣ подкатить столикъ къ вашему креслу; я хочу, чтобы вы завтракали у камина въ такое холодное утро!

— У тебя такое же усталое лицо, какъ было у сестры Руѳъ, когда она возвращалась поздно ночью съ вечеровъ; это то и подорвало ея здоровье! замѣтила съ неудовольствіемъ г-жа Лодъ, послѣ того, какъ Марѳа вышла изъ комнаты.

— Развѣ я когда-нибудь устаю? отвѣтила весело Кисси.

Нѣтъ, это честное, молодое существо никогда не уставало исполнять свои человѣколюбивыя обязанности; хотя подъ глазами бы-

---

(*) Задворками называются пустыя мѣста сзади домовъ.

ли синіе круги и вокругъ рта замѣчалось нервное возбужденіе.

— А что новаго Кисси? спросила г-жа Лодъ, разбивая яйцо и, не нашедши при себѣ очковъ, послала за ними дочь въ спальню.

— Ничего нѣтъ; развѣ только то, что ребенокъ священника замѣтно поправляется, что это за чудесный ребенокъ! Право сердце сжимается при одной мысли о его страданіяхъ.

— У каждаго изъ насъ свои страданія, дитя! я предчувствую, что намъ угрожаетъ бѣда! Отгадай, кто нашъ сосѣдъ! Кто, думаешь ты, купилъ Равенсбриджскую усадьбу?

— Не знаю, но полагаю, что человѣкъ со средствами! отвѣтила Кисси лѣниво, откусывая кусокъ хлѣба съ масломъ, внутри обновили всю усадьбу; не знаете ли вы больше меня?

— Я не говорила съ тобою объ этомъ вчера вечеромъ, замѣтила г-жа Лодъ, не желая потревожить твой и безъ того непродолжительный сонъ; вчера заходила ко мнѣ модистка, Миссъ Бьюглесъ, двоюродная сестра г-жи Баинсъ, содержательницы «Lowmead Arms», у которой стоитъ на квартирѣ г. Станлей, и сообщила мнѣ, что г. Станлей купилъ эту усадьбу для своего друга, Норскота, извѣстнаго лондонскаго доктора.

— О! вырвалось у бѣдной дѣвушки. Эта новость точно обухомъ ударила по головѣ несчастной Кисси.

— Я всегда говорила, что увеличивающееся сосѣдство привлечетъ, наконецъ, въ это мѣстечко другихъ докторовъ. Гораздо лучше было бы, если бы ты послушалась моего совѣта и поселилась въ первомъ этажѣ того роскошнаго дома близъ Гросвенотъ Скверъ.

— Мама, дорогая моя, сказала Кисси, вставая съ мѣста и подойдя къ камину, опустилась возлѣ матери на колѣни; зачѣмъ допускать мысль, что новый докторъ захочетъ отбивать у меня хлѣбъ; для каждаго изъ насъ найдется довольно дѣла. Я еще прилежнѣе буду изучать медицину, я надѣюсь, и почти увѣрена, что получу мѣсто приходящаго доктора во вновь открытой Ломедской больницѣ; это будетъ для насъ такой рессурсъ! Новый владѣлецъ Равенсбриджской усадьбы долженъ быть богатый человѣкъ, и мнѣ кажется, что онъ будетъ пренебрегать своими обязанностями, по крайней мѣрѣ, не станетъ ихъ такъ добросовѣстно исполнять, какъ тотъ, для кого эта должность доставляетъ насущный хлѣбъ. Можетъ быть, онъ будетъ къ намъ относиться доброжелательно.

— Будто ты не знаешь, какое въ Равенсбриджѣ не сообщительное общество. Никто изъ здѣшнихъ жителей не заходитъ ко мнѣ поболтать по душѣ, или выпить чашку чаю; развѣ только эта злая, старая дѣва, миссъ Гресгамъ, да и разговору съ нею только, что о братѣ ея, адвокатѣ, котораго она считаетъ совершенствомъ.

— Да, мама, но вспомните, какъ Гресгамъ былъ добръ къ намъ; я увѣрена, что онъ употребитъ всевозможныя усилія, чтобы доставить мнѣ практику. Г. Гресгамъ добрый, почтенный старикъ!

— Не вздумай когда-нибудь въ глаза ему сказать, что ты на него смотришь, какъ на старика; онъ разомъ можетъ охладѣть къ намъ.

Кисси широко раскрыла свои большіе черные глаза. Не смотря на то, что умственныя способности доктора Лодъ развивались въ мужскомъ обществѣ, она была въ душѣ невинна, какъ младенецъ.

— Ты себѣ представить не можешь, какъ мнѣ скучно, продолжала плакаться г-жа Лодъ;—я изо дня въ день просиживаю одна съ своимъ чулкомъ; не съ кѣмъ слова перемолвить.

— Я воображала, сказала грустно Кисси, —что ты находишь удовольствіе въ получаемыхъ книгахъ изъ Ломедской библіотеки.

— Мнѣ надоѣло по цѣлымъ днямъ читать; возразила г-жа Лодъ, — грустно подумать, что единственная дочь и та постоянно внѣ дома.

Кизаія не легко плакала, но если бы не девятичасовой бой часовъ, напомнившій ей, что больные ждутъ ее въ пріемной, то она навѣрно горько заплакала бы. Она встала, обняла мать, положила свою голову ей на плечо и поцѣловала; г-жа Лодъ приласкала ее и изъ глубины души ея совершенно искренно вырвалось:

— Дорогая моя, какъ ты трудишься! ты страшно худѣешь, милая моя, Кисси! Если кто можетъ похвалиться дочерью такъ это, конечно, я! чтобы я дѣлала безъ тебя?

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Между Болгарами.

Изъ путешествія Вильгельма Лежана.

(*Окончаніе*).

Изъ караула, Караташъ, я выѣхалъ черезъ Призренъ въ Діакову. На серединѣ дороги, между этими двумя городами, приходится переѣзжать черезъ Дрину по очень красивому и древнему мосту, носящему названіе отъ ближайшей деревни Ура-Чайтъ. Кромѣ Ура-Чайтъ, его называютъ еще Святымъ, и среди мѣстнаго населенія, сохраняется легенда, что мостъ этотъ былъ построенъ св. Нилаемъ. Низменныя окрестности Діаковы населены альбанцами, арендующими земли турецкихъ помѣщиковъ, по своей природѣ лѣнивыхъ и нищихъ, но гордыхъ, какъ испанскіе гидальго, и неспособныхъ къ обработкѣ своихъ полей, которыя въ рукахъ альбанцевъ сдѣлали эту окрестность одною изъ плодороднѣйшихъ въ Турціи.

Въ Діаковѣ я ничего не нашелъ, чтобы могло обратить на себя вниманіе ученаго и читателя, и я поспѣшилъ выѣхать въ округъ Мертури, населенный католиками, но къ какой категоріи христіанъ принадлежатъ эти католики—опредѣлить трудно. Я приведу фактъ, который охарактеризируетъ, нѣкоторымъ образомъ, умственное и религіозное ихъ развитіе. Въ одной хатѣ, гдѣ мы остановились отдохнуть, не молодая женщина страшно била своего сына, парня лѣтъ девятнадцати.

Не понимая причины такого страшнаго материнскаго гнѣва, я попросилъ моего провожатаго объяснить мнѣ, въ чемъ провинился парень, что заслужилъ такое жестокое наказаніе. Мой провожатый, хорошо знавшій семейную жизнь этого семейства, разсказалъ, что парень этотъ былъ женатъ и имѣлъ двухъ братьевъ. Послѣ смерти перваго брата, онъ женился, по обычаю страны, на своей невѣсткѣ-вдовѣ, и такимъ образомъ имѣлъ двухъ женъ. Теперь умеръ второй братъ и мать непремѣнно хотѣла, чтобы онъ женился и на второй невѣсткѣ, т. е. чтобы сталъ троеженцемъ, на что сынъ не хотѣлъ согласиться и своимъ несогласіемъ навлекъ на себя гнѣвъ матери.

Изъ Мертури я переѣхалъ въ Скутари, гдѣ я рѣшилъ изучить жизнь и нравы альбанцевъ-миридитовъ, наводящихъ страхъ на все окрестное мусульманское населеніе. Миридиты были подъ предводительствомъ Скандербея, и играли большую роль въ его побѣдахъ съ тѣхъ поръ они заставили турокъ относиться къ себѣ съ уваженіемъ. Въ научномъ отношеніи меня очень поразилъ ихъ древній характеръ.

Если бы не кресты на церквахъ и ружья на плечахъ, даже двѣнадцатилѣтнихъ мальчиковъ, мнѣ казалось бы, что я вижу предъ собою народъ въ такомъ состояніи, въ какомъ находился еще при Геродотѣ. Миридиты приняли христіанство, потому что при этомъ имъ не надо было отрекаться отъ своихъ обычаевъ, а еще болѣе для того, чтобы рѣзче отдѣлиться отъ ненавистныхъ имъ турокъ. И дѣйствительно, они христіане только съ виду, а въ сущности каждый миридитъ язычникъ. Это доказываютъ даже ихъ имена, которыя совсѣмъ не сходятся съ римскими.

Мщеніе между миридитами развито еще болѣе чѣмъ, въ Корсикѣ, и зовется *джакъ* т. е. кровь. Внутренняя междоусобная война сдѣлала миридитовъ самымъ воинственнымъ народомъ и пріучила, съ малыхъ лѣтъ, не дорожить своей жизнью, а чужую ставить въ ничто. Въ воинственности съ ними могутъ поспорить развѣ только черногорцы, но между этими двумя народами есть большая разница. Черногорецъ сражается и умираетъ за честь, за свободу и за родину, а миридитъ сражается только для того, чтобы проливать кровь, въ чемъ для него заключается самое большое удовольствіе.

Своего описанія Вильгельмъ Лежанъ не окончилъ. Онъ вернулся во Францію и въ молодыхъ лѣтахъ палъ жертвою своихъ безустанныхъ трудовъ. Славяне потеряли въ немъ одного изъ своихъ искреннихъ защитниковъ. Мы видѣли какъ онъ настоятельно, хотя и осторожно, представлялъ притѣсненія, выносимыя болгарами. Въ этомъ отношеніи еще до сихъ поръ ничто не измѣнилось. Турція въ своихъ предсмертныхъ судорогахъ разрушаетъ послѣднія здоровыя части своего организма, вымещая на нихъ злобу за свое безпомощное критическое состояніе.

Одну изъ такихъ частей ея организма составляла Болгарія. Природа одарила ее плодородной почвой, силой и способностью быть однимъ изъ богатѣйшихъ и цвѣтущихъ округовъ Турціи, но послѣдняя, сама превратила этотъ богатый край въ развалины и пожарища, и врядъ ли мы найдемъ страну бѣднѣе и плачевнѣе Болгаріи, какою она представляется намъ теперь, послѣ послѣднихъ двулѣтнихъ событій, вынесши на себѣ грабежъ, пытки, убійства—и за что?

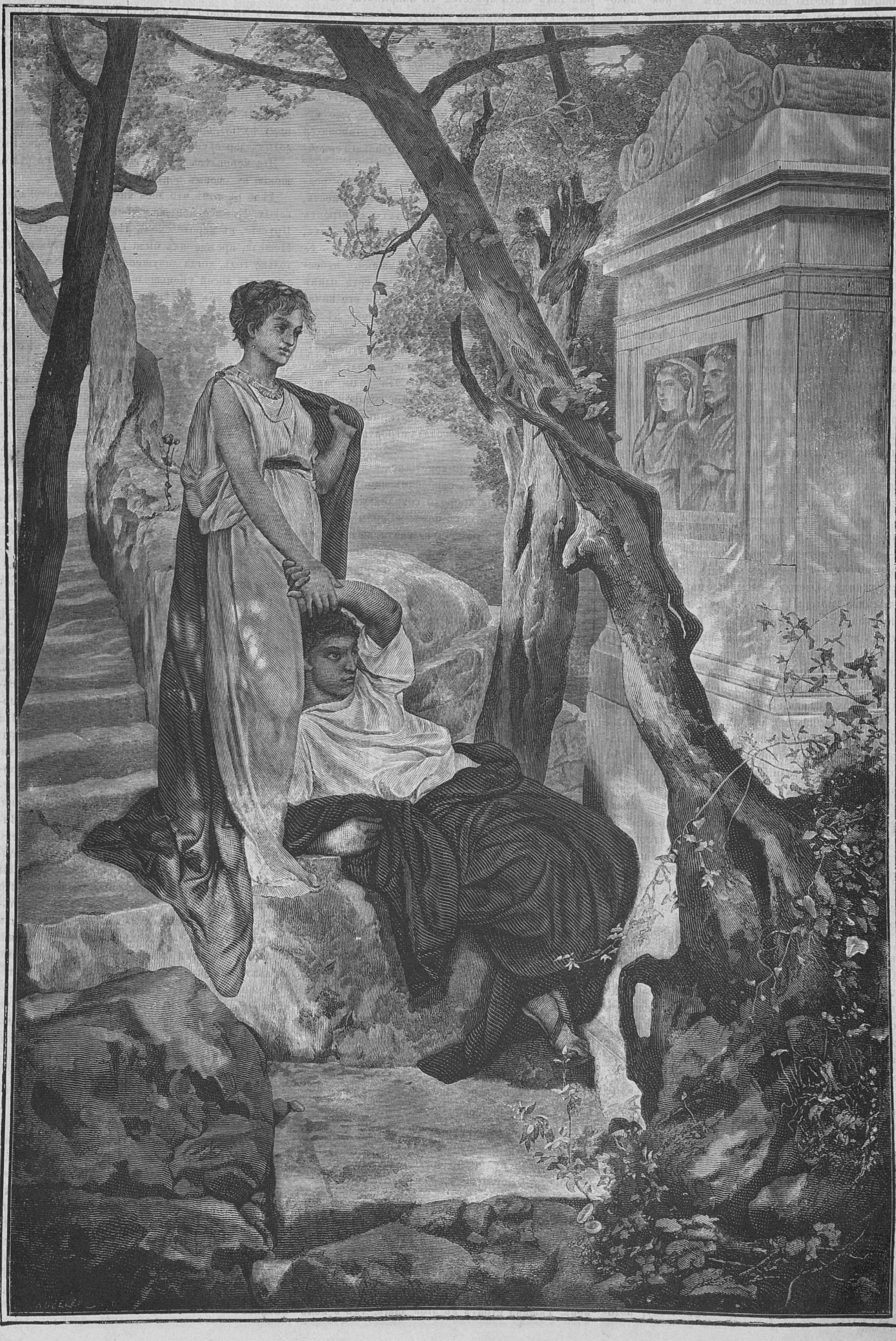
Конецъ.

Библіографія.

Исторія Сербіи, по сербскимъ источникамъ. Соч. профессора Ранке, переводъ съ нѣмецкаго Петра Бартенева. Москва, 1876 г. Цѣна 1 рубль.

Объ этой интересной книгѣ, вышедшей въ концѣ минувшаго года, многіе уже изъ русскихъ журналовъ и газетъ дали надлежащій отчетъ, —и только скромные размѣры нашей библіографической рубрики не дозволяли намъ побесѣдовать съ читателями объ этой книгѣ ранѣе. Но и въ настоящемъ нашемъ отзывѣ мы обратимъ вниманіе лишь на тѣ мѣста въ сочиненіи проф. Ранке, которыя отличаютъ его книгу о Сербіи отъ другихъ сочиненій въ томъ же родѣ, заключающихъ въ себѣ «исторію» этой многострадальной страны.

Особаго вниманія въ названной книгѣ заслуживаетъ глава четвертая, описывающая «нравы,



Элегія. (Снимокъ съ картины Г. Семирадскаго).

обычаи и поэзію сербовъ». Мы въ ней знакомимся также съ домашнею обстановкой и семейною жизнію этого добраго, простого и въ высшей степени трудолюбиваго народа.

Сербскія селенія, по разсказу автора, разбросаны, большею частію, на высотахъ, въ горныхъ ущельяхъ, или же въ долинахъ, на берегу рѣки или ручья, или же наконецъ въ глуши лѣсной. Деревня въ 40 или 50 дворовъ обыкновенно занимаетъ пространство, равняющееся Вѣнѣ съ ея предмѣстьями.

Сербскіе дворы (избы) въ селеніяхъ строятся довольно разбросанно и отдѣльно, на извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другого. «Въ каждомъ живетъ особая семья. Глиняная мазанка съ печкою по серединѣ, покрытая сухою липовою корою и соломою, составляетъ главное жилье; къ нему пристраиваются каморки — клѣти или *ваяти*, внутри по большой части обитыя тесомъ, но холодныя. Въ главномъ жильѣ помѣщаются обыкновенно отецъ и мать семейства, и иногда для нихъ устраивается особая спальня; въ клѣтяхъ живутъ молодые супруги. Всѣ члены семьи ведутъ общее хозяйство, работаютъ и ѣдятъ вмѣстѣ и въ зимніе вечера собираются вокругъ огня. По смерти отца, братья выбираютъ изъ себя опытнѣйшаго старѣйшину, и подъ его началомъ продолжаютъ жить вмѣстѣ до тѣхъ поръ, пока семейство не размножится и тѣснота помѣщенія не принудитъ раздѣлиться. Часто одна семья занимаетъ цѣлую улицу».

Семья сербская живетъ, такимъ образомъ, мало нуждаясь въ посторонней помощи. Мужчины —сами и плотники своихъ домовъ, и мастера всѣхъ земледѣльческихъ орудій, и бондари, и сапожники. Одежда — лежитъ на обязанности женщинъ, которыя прядутъ ленъ, ткутъ сукна и полотна, и приготовляютъ крашенину. Почва даетъ все нужное для пропитанія, такъ что покупать приходится развѣ одну соль. Въ кузницѣ работаются самыя необходимыя сельскія орудія. Мельницы у нѣсколькихъ дворовъ общія, и каждый дворъ имѣетъ свой особый день для помола.

«Этотъ замкнутый въ самомъ себѣ семейный бытъ—неуклонно хранилъ въ себѣ начала народнаго духа. Личное существованіе какъ бы отодвигалось на задній планъ. Никто не праздновалъ ни дня своихъ имянинъ, ни дня рожденія; у всякаго дома былъ свой святой, и день памяти его чествовали празднествомъ и пиромъ»

Особенно нѣжныя, почтительныя отношенія существуютъ у сербовъ между братьями и сестрами. «Братъ гордится тѣмъ, что у него есть сестра; сестра клянется именемъ брата. Не супруга оплакиваетъ покойника: на могилу его всѣхъ чаще ходятъ мать и сестры.

Но еще болѣе обращаетъ на себя вниманіе весьма своеобразный обычай, существующій въ Сербіи—обычай *побратимства*, хотя и не освящаемый церковными молитвами, но, тѣмъ не менѣе, вступающіе въ этотъ союзъ кладутъ обѣтъ, во имя Бога и святаго Іоанна, на всю жизнь быть вѣрными другъ другу. Вступившіе въ такой союзъ называются по Богу братьями, *побратимами*.

Молодыя дѣвушки также вступаютъ между собою въ подобный союзъ—въ *посестримство*. Супружество у сербовъ устраивается старѣйшинами семействъ, безъ особенныхъ, повидимому, насилій надъ чувствами молодыхъ людей. За невѣсту платятся подарки, иногда весьма цѣнные —какъ за «полезнаго въ хозяйствѣ члена». За невѣстою отправляется торжественный поѣздъ, —и получаетъ ее изъ рукъ ея брата; въ домѣ жениха ее принимаетъ сестра его. Она вступаетъ въ новую семью съ символическими обрядами: касается веретеномъ стѣнъ, въ знакъ того, что будетъ прилежною пряхою; держа въ рукахъ хлѣбъ, вино и воду, подходитъ къ столу, который такъ часто придется ей накрывать; ей замыкаютъ ротъ кускомъ сахару, ибо она должна говорить немного и только добрыя рѣчи. Затѣмъ, она долго еще какъ бы чужая въ семьѣ, и цѣлый годъ ее зовутъ невѣстою. По обычаю, она продолжаетъ стыдиться мужа и при другихъ почти не говоритъ съ нимъ и не позволяетъ себѣ никакой шутки. Только съ годами, уже будучи матерью взрослыхъ дѣтей, она становится самостоятельнымъ членомъ своего новаго семейства.

Хотя у сербовъ преобладаетъ кровное родство, но они все-таки не знаютъ кровной мести, которая, напримѣръ, господствуетъ и играетъ важную роль у ближайшихъ соплеменниковъ ихъ, черногорцевъ.

«Какъ семья имѣетъ своего домашняго небеснаго покровителя, такъ и у села есть одинъ общій святой. Въ день, посвященный его памяти, жители собираются на пространномъ мѣстѣ, на какомъ нибудь пригоркѣ, за деревнею. Духовенство освящаетъ воду и масло; въ его предшествіи, со свѣчами и образами, народъ обходитъ поля и отдѣльные дворы. Эти ходы замѣняли церковное богослуженіе, при которомъ немногимъ случалось присутствовать, ибо, по большой части, турки не дозволяли строить христіанскихъ храмовъ».

Вообще же, церковно-христіанскія понятія не вполнѣ утвердились въ сербскомъ народѣ. Слѣды древняго почитанія природы сохраняются между простолюдинами до сихъ поръ. «Сербы круглый годъ проводятъ въ обычаяхъ, указывающихъ на таинственную связь, которая въ простомъ сельскомъ быту соединяетъ человѣка съ природою». Какъ бы поясняя, затѣмъ, это явленіе, авторъ замѣчаетъ: «Человѣку, живущему въ нуждѣ и находящемуся въ полной зависимости отъ природы, очень естественно вѣрить въ непосредственную помощь высшихъ, незримыхъ силъ; но, въ то же время, онъ можетъ возвышаться надъ суевѣріемъ и баснями и сохранять во всей чистотѣ и живости понятіе о высшемъ существѣ, къ которому всѣ мы обращаемся съ нашими молитвами».

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

Измѣна женщины.

Говорила она, обнимая его:
«Что̀ ты, милый мой, блѣденъ такъ сталъ?
Куда дѣлся румянецъ лица твоего, —
Или ты на чужбинѣ хворалъ?

Отчего твои кудри не вьются теперь —
И зачѣмъ въ нихъ такъ много сѣдинъ?
Коли горе какое есть — всё мнѣ повѣрь,
И страдать будешь ты не одинъ».

— «Не отъ хвори и боли я блѣденъ и худъ
И пропалъ мой румянецъ съ лица;
Много я пережилъ горькихъ дней и минутъ,
Но страдалъ и терпѣлъ — до конца.

Много зла и клеветъ мнѣ пришлось перенесть
Отъ открытыхъ враговъ и друзей;
Но сломила меня не вражда и не месть, —
Гибну я отъ измѣны твоей!

Отъ измѣны твоей блѣденъ сталъ я лицомъ,
Отъ измѣны твоей похудѣлъ; —
Оттого, мои кудри не вьются кольцомъ,
Оттого, до поры посѣдѣлъ! »...

И. Я.

Драма въ чащѣ лѣса.

(Къ рисунку «Лоси»).

Тьма и глушь.

Кругомъ переплелись вѣтви лѣсныхъ великановъ. Тишина стоитъ въ этой чащѣ, гдѣ и подъ зноемъ іюльскаго полудня прохлада и тѣнь встрѣчаютъ усталаго путника.... Только, разумѣется, рѣдко заглядываетъ сюда охотникъ—пока доберешься до этой полянки — нужно цѣлые дни и недѣли продираться сквозь чащу.... Правда, въ ней въ разныхъ направленіяхъ проложены звѣриныя тропы. Тамъ медвѣдь пробирается къ водѣ, тамъ лоси стадомъ валятъ къ одинокому лѣсному ручью, срѣзывая вѣтви и даже стволы молодыхъ деревьевъ своими рогами, какъ ножемъ.

Это чернолѣсье — большая рѣдкость по отношенію къ своимъ обитателямъ.

Дѣло въ томъ, что лось видимо выводится отовсюду. Его все меньше и меньше становится. Въ Пруссіи, въ королевскомъ лѣсномъ округѣ близъ Мешеля, прежде ихъ была гибель, но въ одинъ только годъ, когда допущена была свободная охота, число лосей уменьшилось до 16; только строгіе законы объ охотѣ еще спасаютъ этого великана сѣверныхъ лѣсовъ. У насъ въ Россіи въ сѣверныхъ лѣсахъ (за исключеніемъ Архангельской губерніи), лоси еще попадаются небольшими стадами, но царство его начинается въ Азіи, гдѣ онъ безпрепятственно кочуетъ по всему сѣверу, доходя такимъ образомъ до границы лѣсовъ.... Сибирь чрезвычайно богата ими и тамъ лоси достигаютъ наибольшей величины своей — до $8\frac{1}{2}$ футовъ въ длину и до 6 футовъ въ высоту. Съ апрѣля до октября тамъ они держатся въ низменныхъ болотинахъ, позже перебираются въ болѣе возвышенныя лѣсныя пространства, гдѣ нѣтъ наводненій и зимою почва не покрыта льдомъ. Когда тихо и ясно, когда на безоблачномъ небѣ ярко свѣтитъ знойное солнце, лоси перекочевываютъ въ лиственные лѣса, тамъ имъ приволье Когда погода хмурится, дождь начнетъ лить неудержимо, установятся туманы, пойдутъ снѣга— лось перебирается въ хвойныя чащи стадами отъ 15 до 20 головъ. Вотъ какъ, напримѣръ, Вагенгеймъ описываетъ способъ питанія лосей: ѣдятъ они листья и побѣги болотныхъ ивъ, березъ, осокъ, осинъ, рябины, клена, липъ, дубовъ, сосенъ, елей, вереска, болотнаго розмарина, молодой тростникъ и камышъ, хлѣбныя растенія и ленъ. Главная пища — молодые побѣги и кора. отъ этого-то вредъ, наносимый этими животными дѣлается значительнымъ. Снимая кору, лось употребляетъ свои рѣзцы какъ долото, сдираетъ кусочекъ коры, схватываетъ его губами и зубами, и сдираетъ къ верху длинныя полосы коры. Высокіе стволы лось нагибаетъ головой, ломаетъ вершины и ѣстъ вѣтви. Тотъ же зоологъ описываетъ чрезвычайно странный способъ переправы лосей по водянистымъ болотамъ. Говорятъ, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ лось не можетъ удержаться на бѣгу, онъ ложится на животъ, вытягиваетъ впередъ переднія ноги, захватывается копытами, толкается задними ногами и такимъ образомъ скользитъ по рыхлой поверхности. Тамъ, гдѣ почва еще болѣе вязка, лось ту же операцію совершаетъ на бѣгу. Плавать лоси мастера, за то на льду они теряютъ всякую возможность передвиженія. Лось, разъ пустившись бѣжать, долго не останавливается, ни передъ болотомъ, ни передъ озеромъ, ни передъ лѣсною трущобой...

Въ чащѣ лѣса—лоси полные властелины. Благодаря своему естественному оружію, рогамъ, они не боятся никого. Самка можетъ смѣло защитить своихъ дѣтенышей въ самомъ нѣжномъ возрастѣ отъ самаго опаснаго лѣсного хищника и разбойника волка. Нападая на него, лось или убиваетъ, или оглушаетъ волка. На взрослыхъ самцовъ не нападетъ никакое животное, хорошо зная силу его роговъ. Лось раненый часто бросается на охотника и такія стычки случается оканчиваются далеко не въ пользу послѣдняго. Въ Сибири зачастую лось убиваетъ звѣролова инородца, или оглушаетъ его, оставляя безпомощнымъ въ чащѣ темнаго лѣса.

Въ періоды любви, лоси, какъ и всѣ животные, становятся особенно смѣлы и предпріимчивы. Самки этого рода животныхъ отличаются оригинальными вкусами. Ихъ нѣжное сердце дѣлается безчувственнымъ при видѣ молодыхъ особей своей породы. Молодость на нихъ, повидимому, не имѣетъ никакого вліянія. Гораздо охотнѣе они отдаются старымъ самцамъ, такъ что благородное юношество, чтобы забыть свою неудачу и побѣдить чувство оскорбленнаго самолюбія, стремглавъ бросается впередъ, неудержимо пересѣкаетъ лѣса и болота, переплываетъ черезъ озера и рѣки, пока въ полномъ истощеніи силъ не падаетъ гдѣ нибудь въ уединенномъ и безопасномъ уголкѣ густой чащи. Это своего рода «путешествіе отъ любви», которое жертвамъ благороднаго увлеченія и поклонникамъ красоты предлагаютъ медики Англіи и Франціи. Зато и старымъ самцамъ не дешево достается благосклонность ихъ прекраснаго пола. Самки лосей отличаются въ этомъ отношеніи замѣчательной вѣтренностью. Имъ не нравится какой либо одинъ самецъ, они просто любятъ старыхъ самцовъ, кому же изъ нихъ выпадетъ честь сопровождать ихъ въ уединенныхъ прогулкахъ по лѣсу, прекрасной четвероногой дамѣ все равно. Вслѣдствіе этого, поляны густолѣсья сибирскаго часто бываютъ ареною кровавыхъ драмъ, какъ на рыцарскихъ турнирахъ, самцы громкимъ крикомъ, похожимъ на оленье мычанье, только отрывистое, вызываютъ другъ друга на смертный бой. Царицы турнира остаются въ сторонѣ, ожидая побѣдителя. Рогатые соперники кидаются яростно другъ на друга и бьются рогами до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ нихъ не останется на мѣстѣ. Тутъ нѣтъ великодушія или пощады побѣжденнымъ. Но не такъ рѣдко случается и другой исходъ. Наскучивъ ожиданіемъ исхода битвы, царица турнира преспокойно убѣгаетъ съ третьимъ самцомъ, во время явившимся на поле битвы. Борцы въ ослѣпленіи не замѣчаютъ побѣга и только, послѣ побѣды, тріумфаторъ угадываетъ, что онъ подло обманутъ вѣтреной красавицей....

Новости наукъ и жизни.

Прусско-германская армія состоитъ изъ полевой арміи и ландвера, или такъ называемой защиты края.

Въ составъ полевой арміи входятъ: 115 прусскихъ, 9 саксонскихъ, 8 виртемберскихъ и 16 баварскихъ пѣхотныхъ полковъ, по 3 баталіона въ каждомъ; 14 прусскихъ, 2 саксонскіе и 10 баварскихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ; 73 прусскіе, 6 саксонскихъ, 4 виртембергскіе и 10 баварскихъ кавалерійскихъ полковъ, и наконецъ—234 прусскія, 18 саксонскихъ, 34 баварскія и 14 виртембергскихъ батарей полевой артиллеріи. Итого: 469 баталіоновъ пѣхоты, 372 эскадрона кавалеріи и 300 батарей. Численность пѣхотныхъ и стрѣлковыхъ баталіоновъ простирается до 900 человѣкъ строевыхъ въ каждомъ, численность эскадроновъ кавалеріи до 152 всадниковъ въ каждомъ, а батарея состоитъ изъ 6 орудій. Такимъ образомъ, полевая прусско-германская армія простирается (считая въ пѣхотѣ только строевыхъ, а въ артиллеріи только орудія) до 455,000 человѣкъ пѣхоты и 56,000 чел. кавалеріи, при 1,800 орудіяхъ.

Кромѣ того, къ составу полевой арміи принадлежатъ: 18 піонерскихъ баталіоновъ, 182 аммуниціонныхъ парка, 54 парка полевыхъ мостовъ (длина этихъ мостовъ простирается до 3,600 метровъ), 55 амбулансовъ и 220 полевыхъ госпиталей, 15 телеграфическихъ полевыхъ парковъ, 1 осадный паркъ, 1 главный аммуниціонный паркъ, и 93 интендантскихъ парка, что вмѣстѣ составляетъ 18,000 фургоновъ.

Къ составу ландвера или, такъ называемой, «защиты края» принадлежатъ: 190 прусскихъ, 16 саксонскихъ, 32 баварскіе и 16 виртембергскихъ пѣхотныхъ баталіоновъ; 112 прусскихъ, 8 саксонскихъ, 8 виртембергскихъ и 16 баварскихъ кавалерійскихъ эскадроновъ; 42 прусскія, 3 саксонскія, 3 виртембергскія и 6 баварскихъ артиллерійскихъ батарей. Итого: 254 баталіона пѣхоты, по 750 человѣкъ строевыхъ въ каждомъ, 144 эскадрона, по 150 лошадей въ каждомъ, и 54 батареи, по 6 орудій въ каждой. Такимъ образомъ, численность ландвера простирается до 190,000 человѣкъ пѣхоты и 21,500 кавалеріи, при 324 орудіяхъ.

На случай убыли въ дѣйствующей арміи во время войны, или въ случаѣ необходимости поставить новую резервную армію, Германія можетъ мобилизировать еще 148 баталіоновъ и 93 эскадрона для полевой арміи, а также 46 баталіоновъ для ландвера, что составитъ 175,000 человѣкъ пѣхоты и 14,000 человѣкъ кавалеріи. Такимъ образомъ на случай войны прусско-германская армія можетъ простираться до 820,000 человѣкъ пѣхоты (кромѣ нестроевыхъ) и 92,000 человѣкъ кавалеріи, при 2,124 крупповскихъ орудіяхъ.

Полевая прусско-германская армія въ мирное время состоитъ: изъ гвардіи, въ составѣ 2-хъ пѣхотныхъ дивизій, 1-й кавалерійской дивизіи и 1-й бригады артиллеріи; и изъ линейныхъ войскъ, а именно: 35-ти пѣхотныхъ дивизіи, 35-ти кавалерійскихъ бригадъ и 17 артиллерійскихъ бригадъ; изъ этихъ частей составлены слѣдующіе корпуса: 1 гвардейскій, 13 прусскихъ полевыхъ, 1 саксонскій, 1 виртембергскій, 2 баварскихъ и гессенская дивизія.

На случай войны, изъ помянутыхъ 18 корпусовъ формируются 2 или 3 арміи, подъ однимъ главнымъ начальствомъ. Корпуса такъ организованы, что въ случаѣ надобности могутъ быть мобилизированы въ теченіи шести дней, а такъ какъ въ военное время всѣ желѣзныя дороги переходятъ подъ управленіе военнаго министерства, то, не позже 12 дней, прусско-германская армія можетъ быть сосредоточена на одной изъ границъ и на тринадцатый день она уже готова вступить въ предѣлы того изъ сосѣднихъ краевъ, съ которымъ намѣрена вести войну.

На военномъ положеніи составъ дивизій и корпусовъ слѣдующій: пѣхотная дивизія состоитъ изъ 4 пѣхотныхъ полковъ (16 баталіоновъ) 1 кавалерійскаго полка (4 эскадрона) и 4 батарей пѣшей артиллеріи, такъ что численность ея простирается до 12,500 человѣкъ пѣхоты (кромѣ нестроевыхъ) 600 всадниковъ и 24 орудій, а общая численность дивизіи простирается до 15,800 человѣкъ, 2,150 лошадей и 220 фургоновъ и повозокъ.

Кавалерійская дивизія состоитъ изъ 4—6 кавалерійскихъ полковъ и 2—3 батарей конной артиллеріи, такъ что ея численность простирается до 2,400 всадниковъ и 12—18 орудій, а общая численность (вмѣстѣ съ нестроевыми и съ обозомъ) до 3,300—4,800 людей, 3,360—5,000 лошадей и 85—110 фургоновъ и повозокъ.

Корпусъ состоитъ изъ 2 пѣхотныхъ дивизій, 1—2 пѣхотныхъ баталіоновъ, и, кромѣ 8 батарей, принадлежащихъ къ составу дивизіи, изъ 8 батарей корпусной артиллеріи—итого: изъ 33—34 баталіоновъ или 25,000 человѣкъ пѣхоты (кромѣ нестроевыхъ) 8 эскадроновъ или 1,200 всадниковъ и 14 батарей пѣшей и 2 батарей конной артиллеріи, что составляетъ 96 орудій. Общая численность корпуса простирается до 37,000 человѣкъ, 10,500 лошадей и 1,560 фургоновъ и повозокъ.

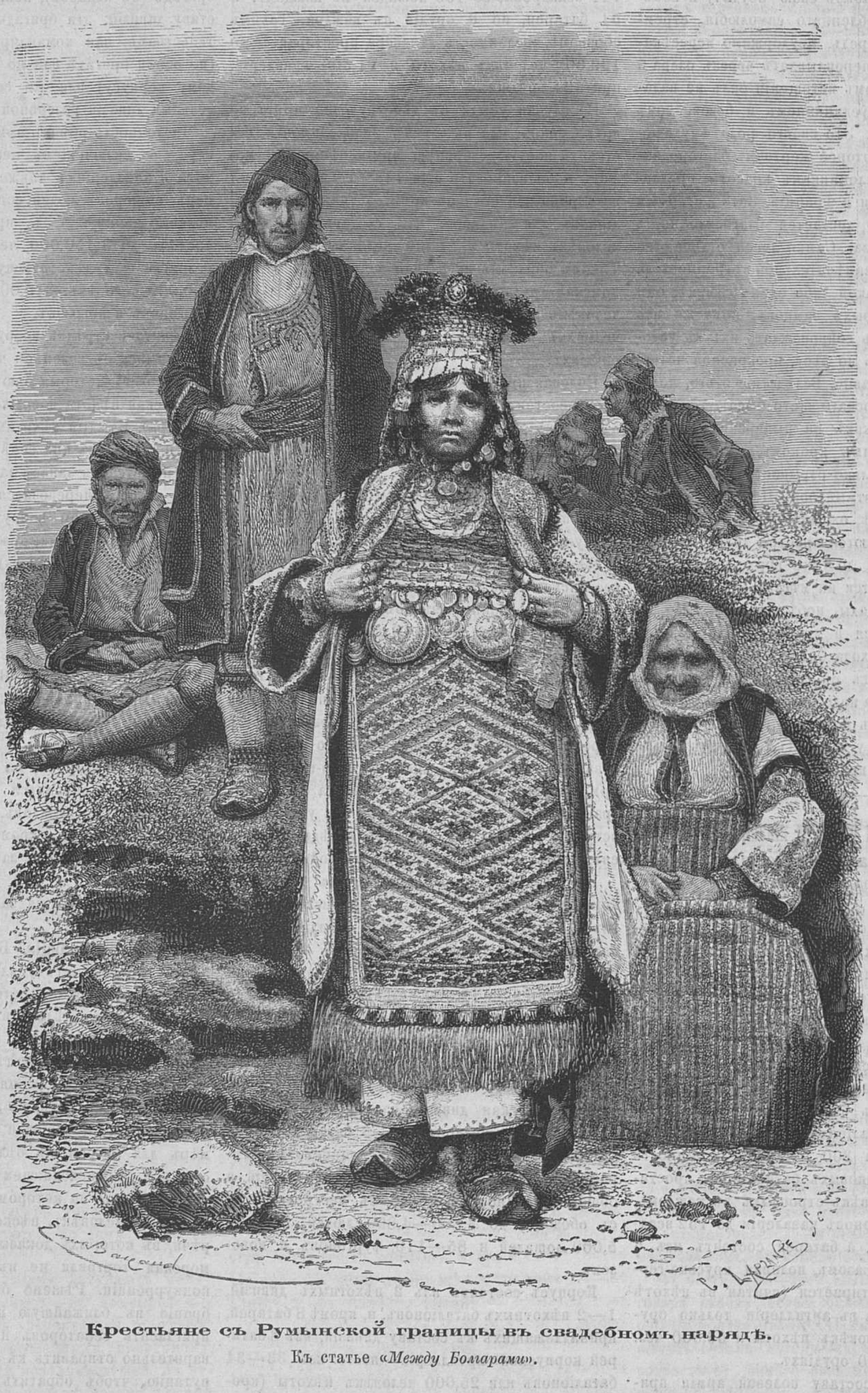
Гвардейскій корпусъ состоитъ изъ 2 гвардейскихъ пѣхотныхъ дивизій, 1 гвардейской кавалерійской дивизіи и 17 батарей. Такимъ образомъ, численность гвардейскаго корпуса простирается до 29 баталіоновъ или 28,000 человѣкъ пѣхоты (кромѣ нестроевыхъ) 40 эскадроновъ или 6,000 всадниковъ и 102 орудій; общая же численность гвардейскаго корпуса простирается до 45,000 человѣкъ, 16,000 лошадей и 1,680 фургоновъ и повозокъ.

Кромѣ того еще остаются 18 кавалерійскихъ бригадъ (36 полковъ), непринадлежащихъ къ составу дивизій; эти бригады, смотря по обстоятельствамъ, или командируются къ корпусамъ (по одной бригадѣ или по одной дивизіи къ каждому корпусу) или же составляютъ самостоятельныя дивизіи резервной кавалеріи.

Численность обѣихъ армій—полевой и ландвера—со включеніемъ нестроевыхъ людей пѣхоты и кавалеріи, а также артиллеристовъ, саперъ, піонеровъ, людей, сопровождающихъ обозы, полевые парки и т. д., простирается круглымъ числомъ до 1,150,000 человѣкъ; изъ нихъ на полевую или дѣйствующую армію приходится 800,000 человѣкъ, 310,000 лошадей и 40,000 фургоновъ и повозокъ.

Пѣхота и стрѣлки вооружены ружьями, заряжающимися съ казенной части, системы Маузера (Mauser) которыя бьютъ на 1,600 метровъ (баварская пѣхота вооружена ружьями системы Вердера). Каждый пѣхотный солдатъ и каждый стрѣлокъ имѣетъ при себѣ 80 патроновъ и кромѣ того имѣется въ запасѣ на человѣка по 40 патроновъ, которые перевозятся на баталіонныхъ повозкахъ. Кирасиры вооружены тяжелыми палашами и револьверами; драгуны, гусары и легкая кавалерія (chevaux legers)—саблями и карабинами системы Шаспо, и наконецъ, уланы—пиками и пистолетами, но одна треть второй шеренги имѣетъ вмѣсто пикъ карабины. Каждый кавалеристъ, вооруженный карабиномъ, имѣетъ при себѣ 50 патроновъ. Вся артиллерія имѣетъ стальныя орудія, заряжающіяся съ казенной части, системы Круппа; орудія пѣшихъ батарей калибра 9 сантиметровъ, а орудія конныхъ батарей—7 сантиметровъ; на каждое орудіе тяжелаго калибра приходится 110 зарядовъ и легкаго калибра 125 зарядовъ, находящихся въ передкѣ и въ ящикахъ; кромѣ того на аммуниціонныхъ возахъ находится запасъ 100 зарядовъ для каждой тяжелой и 135 зарядовъ для каждой легкой пушки; орудія запряжены въ 6 лошадей.

Кризисъ во Франціи. Бѣдствіе ліонскихъ рабочихъ продолжаетъ усиливаться; ліонская торговля также сильно угнетена. Не менѣе жалуются на положеніе дѣлъ и въ Бордо, гдѣ снарядители судовъ находятся въ самомъ печальномъ положеніи. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что французская морская торговля идетъ плохо уже нѣсколько лѣтъ, но заинтересованныя стороны все еще не пришли къ соглашенію насчетъ мѣръ для устраненія бѣдствія. Въ одномъ изъ собраній, происходившемъ съ этою цѣлью въ театрѣ Бордо, на которомъ присутствовало около 2,000 человѣкъ, нѣсколько лицъ произнесли рѣчи, въ которыхъ доказывали, что французская морская торговля не въ состояніи выдержать конкурренціи. Рѣшено было созвать новое собраніе въ ближайшую парламентскую сессію, пригласить сенаторовъ и депутатовъ, но предварительно отправить къ морскому министру депутацію, чтобъ обратить его вниманіе на бѣдствія и просить о помощи. Въ департаментахъ, въ которыхъ наиболѣе развита обработка металловъ, положеніе рабочихъ и фабрикантовъ также незавидное, и если бы каменный уголь не подешевѣлъ, то едва ли работа могла бы продолжаться. Кризисъ во второстепенныхъ желѣзнодорожныхъ предпріятіяхъ усиливается и возбужденіе мелкихъ капиталистовъ тѣмъ сильнѣе, что въ эти предпріятія помѣщено цѣлыхъ полъмилліарда. Общество лилль-валансьенской дороги объявлено несостоятельнымъ, и другимъ болѣе мелкимъ Обществамъ угрожаетъ та же участь; нѣкоторыя изъ нихъ не уплачиваютъ даже процентовъ по облигаціямъ; конечно акціи этихъ Обществъ сильно упали. Въ провинціи приписываютъ вину этихъ бѣдствій правительству и палатамъ, которыя не довольно энергично оберегаютъ интересъ страны; но что̀ въ состояніи сдѣлать правительство въ виду ошибокъ и спекулятивныхъ стремленій акціонерныхъ предпріятій?



Крестьяне съ Румынской границы въ свадебномъ нарядѣ.

Къ статье «*Между Болгарами*».

* * *

Со всего свѣта.

Подписанъ-ли протоколъ или нѣтъ? Хотя телеграфное агенство и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно, но мы такъ часто обманывались, что̀ вопросъ этотъ не лишній. Англійскія газеты высказываютъ свое удовольствіе по поводу подписанія протокола, но почти единогласно полагаютъ, что европейскій миръ, не обезпеченъ вполнѣ и что все, по прежнему, продолжаетъ зависѣть отъ прямодушія Россіи, безъ котораго протоколъ окажется просто макулатурою. Газета «Times», смотря на дѣло съ менѣе пессимистской точки зрѣнія, чѣмъ «Standard», «Daily Telegraph», и «Daily News», полагаетъ, что хотя опасность войны не миновала совершенно, однако достовѣрно, что протоколъ склоняетъ дѣло къ миру. По мнѣнію газетъ, многое было бы сдѣлано тѣмъ, если бы сдѣлка доставила Россіи возможность избѣгнуть войны, не принося въ жертву своего достоинства. Фактъ подписанія протокола газета «Times» считаетъ значительнымъ дипломатическимъ успѣхомъ со стороны Англіи: «Morning Post» высказываетъ надежду, что Россія засвидѣтельствуетъ свое миролюбіе чѣмъ нибудь большимъ, нежели простымъ распущеніемъ ея арміи. Реуфъ-паша окончательно назначенъ особымъ посломъ въ Петербургъ для переговоровъ по поводу протокола. Повѣренные въ дѣлахъ должны были на этихъ дняхъ сообщить офиціально Портѣ протоколъ, но извѣстій объ этомъ у насъ еще нѣтъ.

Любопытны въ этомъ отношеніи мнѣнія нѣкоторыхъ русскихъ газетъ. «Голосъ» находитъ, что протоколомъ можно временно уладить дѣло, но нельзя рѣшить такой жизненный вопросъ, какъ восточный.

Не отвергая извѣстнаго значенія протокола, необходимо, однако, признать, что гораздо важнѣе самый фактъ состоявшагося соглашенія между европейскими державами.

По мнѣнію газеты г. Краевскаго, въ настоящее время, положеніе дѣлъ, въ общихъ чертахъ, представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Державы, участвовавшія на константинопольской конференціи, торжественно и формально признали, что Порта обязана исполнить всѣ требованія, предъявленныя ей конференціей; лондонскимъ протоколомъ онѣ приглашаютъ Турцію добровольно подчиниться ихъ волѣ, а соглашеніемъ насчетъ условій, при которыхъ Россія признаетъ возможнымъ отвести, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, свои войска отъ турецкой границы, державы эти, всѣ безъ исключенія, признаютъ за русскимъ правительствомъ право прибѣгнуть къ понудительнымъ мѣрамъ, въ случаѣ, если Порта не исполнитъ этихъ условій. Турціи, если она хочетъ избѣгнуть логическихъ послѣдствій присутствія русскихъ войскъ на ея границѣ, не остается ничего другого, какъ, вопервыхъ, заключить немедленно миръ съ Черногоріей, на условіяхъ, которыя ясно засвидѣтельствуютъ, что доблестное княжество вышло побѣдителемъ и, во вторыхъ, приступить серьезно къ реформамъ. потребованнымъ константинопольскою конференціею.

Такимъ образомъ, заключаетъ «Голосъ», передъ Европою отъ всего тумана, напущеннаго томительно долгими переговорами, остается только тотъ фактъ, что нынѣшнее лондонское соглашеніе составляетъ прямое послѣдствіе константинопольской конференціи, а конференція эта является сама столь же прямымъ послѣдствіемъ русскаго ультиматума 18-го октября и мобилизаціи русскихъ войскъ. Другими словами: развязка, къ которой приходитъ нынѣ восточный вопросъ, создана исключительно настойчивыми и быстрыми усиліями Россіи.

«Новое Время», настаивая, съ рвеніемъ и постоянствомъ достойными лучшей доли, на своей воинственной политикѣ, говоритъ, что подписаніе протокола есть слѣдствіе энергическихъ дѣйствій Россіи. Англійское министерство, по толкованію этой газеты, никогда не дѣйствовало послѣдовательно и самостоятельно, придерживаясь какого либо ненарушимо предначертаннаго плана, а измѣняло свое поведеніе сообразно тому, на сколько Россія казалась ему близкою къ дѣйствительной рѣшимости начать военныя дѣйствія. Нѣчто подобное, говоритъ «Новое Время», видѣли уже мы и во время осеннихъ переговоровъ о перемиріи, при которыхъ всѣ энергически поддержанныя требованія Россіи немедленно достигали своей цѣли. Напротивъ того, всякое колебаніе съ нашей стороны, всякія попытки довести до соглашенія путемъ переговоровъ и тщательнаго взвѣшиванія взаимныхъ интересовъ, вели только къ безплоднымъ препирательствамъ, на которыя державами потрачено уже, безъ малѣйшей пользы для самаго дѣла, болѣе года времени. Затѣмъ газета заключаетъ:

Если съ одной стороны активное противодѣйствіе англійской публики политикѣ министерства и ослабѣло въ настоящее время, за то въ той же степени усилилось убѣжденіе, что анархическій порядокъ вещей, царствующій въ Турціи, не можетъ измѣниться иначе, какъ подъ вліяніемъ вмѣшательства извнѣ, такъ какъ на внутреннія силы самой Порты потеряли всякую надежду даже наиболѣе горячіе защитники ея. Чтобы протоколъ оказался сколько нибудь дѣйствительнымъ для достиженія той цѣли, которую имѣла Россія при подписаніи его, необходимо будетъ настоять на немедленномъ прекращеніи кровопролитія, которое происходитъ теперь и будетъ идти все разростаясь до тѣхъ поръ, пока славянскія провинціи остаются наводненными регулярными и иррегулярными войсками Турціи. Между тѣмъ Порта не рѣшится вывести свои войска; въ свое оправданіе она станетъ приводить весьма естественное опасеніе, что движеніе недовольнаго населенія приметъ тогда еще большіе размѣры. Изъ этой дилеммы конечно можетъ существовать только одинъ выходъ: занятіе славянскихъ провинцій иностранными войсками Сколько бы времени ни тянулись переговоры, какихъ бы сроковъ ни назначали Турціи, въ результатѣ конечно ничего не выйдетъ и все-таки къ занятію провинцій придется прибѣгнуть; такъ какъ только одно оно дастъ какія-нибудь надежды на измѣненіе вкоренившихся тамъ турецкихъ порядковъ. До тѣхъ поръ, пока все населеніе раздѣлено на два враждебныхъ лагеря, стремящихся ежеминутно броситься другъ на друга; пока всюду стоятъ войска Порты, готовыя, по первому сигналу, предать истребленію все христіанское населеніе — ни о какихъ реформахъ, ни о какомъ улучшеніи не можетъ быть и рѣчи.

Князь Мещерскій (изъ Гражданина) также принадлежащій къ числу нашихъ публицистовъ, не изъ самыхъ скромныхъ дѣлаетъ, въ шутливой формѣ, возраженіе противъ овацій въ честь миролюбія Россіи, дѣлаемыхъ заграничной туркофильской прессою.

Тошнитъ отъ овацій, дѣлаемыхъ Европою Россіи въ нынѣшнемъ фазисѣ восточнаго вопроса, говоритъ кн. Мещерскій. Другого названія впечатлѣнію, испытываемому русскими въ настоящую минуту, подобрать не могу. Да и всякое другое названіе было бы невѣрно. Именно тошнитъ! Давно ли Россія была для Европы страшнымъ пугаломъ? Давно ли Россія была коварною и ненасытно-властолюбивою интриганткою? Давно ли она была вѣроломною нарушительницею трактатовъ и европейскаго мира? и т. д. Давно ли все это было? Давно ли? Да вчера, а если не вчера, то третьяго дня. А теперь генералъ Игнатьевъ какимъ-то новымъ Агамемнономъ-дипломатомъ объѣзжаетъ всѣ столицы Европы, привѣтствуется царями народовъ и князьями міра, благословляется журналистами всѣхъ цвѣтовъ и убѣжденій, какъ архангелъ мира, словомъ, является чуть ли не въ ореолѣ Бисмарка послѣ Седана. Даже — больше Бисмарка: Бисмарку парижскія femmes de la halle букетовъ не подносили...

«Гражданинъ» убѣжденъ, впрочемъ, что генералъ Игнатьевъ не только никому не вѣритъ изъ тѣхъ, которые говорятъ и строчатъ ему лестные аттестаты геніальности, но, надо надѣяться, даже отъ всей этой комедіи испытываетъ гадкое чувство.

Онъ, вѣроятно, говоритъ себѣ: Франція кадитъ мнѣ потому, что ей очень хочется, чтобы Россія тратила милліоны на парижской выставкѣ, а не на войну за честь своего Государя и народа! Англія кадитъ мнѣ потому, что въ дыму этого кажденія разсчитываетъ заставить меня не разглядѣть новой какой-нибудь пакости въ пользу Турціи и въ ущербъ Россіи. Австрія кадитъ мнѣ потому, что ей сильно хочется, чтобы я, повѣря ей, не позаботился бы объ опасности Россіи быть похожею на Австрію. Германія кадитъ мнѣ потому, что... и т. д. И именно потому, что вы такъ лестно, такъ баснословно хорошо приняли и осыпали меня комплиментами, я болѣе чѣмъ когда-либо, убѣждаюсь, что въ восточномъ вопросѣ, гдѣ Россія чуетъ свое призваніе къ борьбѣ до послѣдней капли крови, вы имѣете только одинъ интересъ: денежный для себя и глубоко зложелательный для насъ, то есть, для Россіи.

Это воинственное настроеніе нашихъ газетъ не находитъ себѣ, однакожъ, оправданія въ фактахъ и политикѣ Россіи. Петербургскій кабинетъ нѣсколько разъ заявлялъ офиціально, — что его политика по преимуществу миролюбивая политика, и что, энергично желая улучшить положеніе балканскихъ христіанъ, онъ желаетъ достигнуть этого мирнымъ путемъ; отсюда и мысль о русскомъ протоколѣ, который, такимъ образомъ, имѣетъ по преимуществу мирный характеръ.

Послѣ шумныхъ переговоровъ о протоколѣ и миссіи генерала Игнатьева въ политикѣ наступило мирное затишье. Новаго ничего нѣтъ. Генералъ Игнатьевъ побывалъ въ Вѣнѣ и на дняхъ долженъ возвратиться въ Петербургъ; какая была цѣль этой поѣздки и въ чемъ заключались переговоры генерала Игнатьева съ графомъ Андраши, мы не знаемъ почти ровно ничего. Въ этомъ отношеніи пребываніе генерала Игнатьева въ Вѣнѣ составляетъ совершенную противуположность съ его пребываніемъ въ Парижѣ. Въ Парижѣ о немъ очень много говорили, онъ самъ со многими говорилъ; между тѣмъ, какъ пріѣздъ его въ Вѣну остался почти незамѣченнымъ для печати и общества. Многіе полагаютъ, что это произошло отъ того, что въ Вѣнѣ пребываніе генерала Игнатьева не имѣло уже того политическаго значенія, которое оно имѣло въ Парижѣ и въ Лондонѣ. Впрочемъ, берлинская газета «Post», неизвѣстно изъ какихъ источниковъ, сообщаетъ, что пребываніе генерала Игнатьева въ Вѣнѣ имѣло очень опредѣленную цѣль; послѣ неудачи протокола въ Лондонѣ, петербургскій кабинетъ желаетъ передать протоколъ, или, по крайней мѣрѣ, его дальнѣйшую будущность въ руки трехъ имперій и рѣшить вопросъ даже безъ участія и помимо Англіи. Другими словами, это нѣчто въ родѣ берлинскаго меморандума. Меморандумъ князя Горчакова о восточномъ вопросѣ былъ предложенъ на обсужденіе Австро-Венгріи и Германіи, а Англіи союзъ трехъ императоровъ предложилъ только присоединиться къ рѣшенію трехъ имперій. Но извѣстна также неудача, постигшая берлинскій меморандумъ, послѣ чего, при рѣшеніи восточнаго вопроса, дипломатія принуждена была возвратиться къ прежней точкѣ зрѣнія, т. е. къ обсужденію мѣръ сообща всѣми шестью державами-поручительницами, что и выразилось созваніемъ константинопольской конференціи. Въ виду такого антецедента, доказавшаго, какъ кажется, вполнѣ осязательно, что восточный вопросъ — не изъ тѣхъ вопросовъ, рѣшенія по которымъ могутъ быть принимаемы одною или нѣсколькими державами, помимо другихъ, на столько же заинтересованныхъ державъ, — въ виду такого антецедента, говоримъ мы, — нельзя допускать достовѣрность слуха, сообщеннаго газетою «Post». Фактически союзъ трехъ императоровъ не существуетъ уже давно, не существуетъ до такой степени, что въ большинствѣ международныхъ вопросовъ, петербургскій кабинетъ гораздо дальше отъ точки зрѣнія Австріи, чѣмъ отъ точки зрѣнія напр. Франціи. Группировки державъ могутъ образоваться естественно или нормально только тогда, когда въ основѣ ихъ существуетъ одинъ общій интересъ. А въ восточномъ вопросѣ почти и не можетъ быть общаго интереса между Россіей и Австріей. Германія болѣе индиферентна въ этомъ вопросѣ; не на столько, однакоже, чтобы присоединиться безразлично къ проектамъ Россіи или къ проектамъ Австріи; въ выборѣ она будетъ руководствоваться только своими личными интересами; если же этотъ интересъ будетъ враждебенъ планамъ Россіи съ одной стороны и планамъ Австріи съ другой, то Германія или совершенно устранится отъ активнаго участія, или, — можно предвидѣть даже такую возможность, — присоединится къ точкѣ зрѣнія Англіи.

Что же касается собственно Англіи, то ея отношеніе къ восточному вопросу вполнѣ выяснилось, въ особенности послѣ засѣданія 16 (22) марта палаты общинъ. Къ сожалѣнію, русскія газеты не поняли настоящаго значенія этого засѣданія и истолковали его совершенно превратно. Оппозиція, представляемая Фаусетомъ и Гладстономъ, возобновивъ въ страстныхъ рѣчахъ старыя обвиненія противъ политики министерства, представила проектъ резолюціи, смыслъ которой видѣнъ изъ слѣдующей заключительной фразы: «Палата думаетъ, что дурное управленіе турецкаго правительства будетъ продолжаться если державы не получатъ гарантій, формулированныхъ конференціей». Политика англійской оппозиціи, столь безумно поощрительная для воинственныхъ стремленій Россіи, не могла быть яснѣе резюмирована и заявлена. Маркизъ Гартингтонъ, представившій въ послѣднее время много доказательствъ умѣренности и осторожности, конечно, не безъ огорченія видѣлъ, что его друзья заходятъ такъ далеко, и отдѣлился отъ нихъ по предмету проекта резолюціи: онъ не оспаривалъ ихъ идей; совсѣмъ нѣтъ! Онъ признаетъ и поддерживаетъ ихъ, но резолюція показалась ему безразсудной и несвоевременной теперь, когда правительство должно соблюдать скромность при веденіи имъ переговоровъ. Можетъ быть даже, сказалъ Гартингтонъ, мы въ сущности больше согласны съ правительствомъ, чѣмъ это кажется по виду. Это значило уступить оппозиціи дорогу къ выходу, къ чему она такъ стремилась. Фаусетъ не настаивалъ на своемъ проектѣ резолюціи, онъ даже взялъ его назадъ. Но министерство рѣшительно отрѣзало ему отступленіе. Случай этотъ показался ему весьма удобнымъ для того, чтобы совсѣмъ покончить съ этимъ вопросомъ; оно не желало дать возможность оппозиціи ускользнуть отъ парламентскихъ послѣдствій своей неосторожности. Сэръ Стаффордъ Норткотъ въ сильной и искусной рѣчи, въ которой было отведено широкое мѣсто сарказму, потребовалъ голосованія, вполнѣ убѣжденный, что это голосованіе будетъ благопріятно для кабинета. Въ дѣйствительности дѣло шло о томъ, что мы называемъ выраженіемъ довѣрія, но это совершенно безразлично въ той или другой формѣ оно будетъ выражено. Вмѣсто того, чтобы происходить по поводу резолюціи Фаусета, голосованіе происходило по вопросу объ отстрочкѣ, предложенному оппозиціей и оспариваемому министерствомъ. Отсрочка отвергнута большинствомъ 251 голоса противъ 80: побѣда правительства была блистательна. Многіе воздержались отъ голосованія: одни потому, что засѣданіе происходило въ поздній часъ ночи и они не стали ждать заключенія преній; другіе потому, что Гартингтонъ и либеральная фракція, слѣдующая за нимъ, соблюдала нейтралитетъ. Таково положеніе дѣлъ въ лондонскомъ парламентѣ въ ту минуту, когда въ обѣихъ палатахъ начинаются вакаціи по случаю Пасхи. Министерство могущественнѣе, чѣмъ когда либо, и его политика самымъ дѣйствительнымъ образомъ опирается на мнѣніе парламента и страны. Слѣдуетъ ли теперь отчаяваться въ томъ, чтобъ министерство нашло рѣшеніе, могущее удовлетворить его законныя требованія и требованія Россіи? Ищетъ ли оно такое рѣшеніе? Не служитъ ли, напротивъ дурнымъ признакомъ отъѣздъ лорда Биконсфильдъ въ деревню? Теперь ничего еще нельзя сказать рѣшительнаго.

Переговоры, по поводу протокола, какъ извѣстно, главнымъ образомъ направлены были на вопросъ о разоруженіи. Петербургскій корреспондентъ «Daily News» сообщаетъ по этому поводу интересныя свѣдѣнія. Англійскій посолъ, лордъ Лофтусъ, имѣлъ 14-го марта свиданіе съ государственнымъ канцлеромъ, но о результатахъ этого свиданія корреспонденту ничего неизвѣстно. Затрудненія, безъ всякаго сомнѣнія, представлялись въ вопросѣ о разоруженіи. Предложеніе Россіи подобной мѣры, по мнѣнію корреспондента, показываетъ, что лордъ Дэрби и Биконсфильдъ имѣютъ крайне смутное понятіе объ истинномъ положеніи дѣлъ и плохо понимаютъ дѣйствительное состояніе Турціи. Россія не можетъ разоружиться, не имѣя гарантіи въ томъ, что она не принуждена будетъ снова мобилизироваться лѣтомъ, и что Турецкая имперія не развалится по частямъ до истеченія года. Такая гарантія можетъ быть получена только съ помощью одного средства, т. е. понужденіемъ.

Тѣмъ не менѣе, не смотря на это мнѣніе либеральной англійской газеты, вопросъ о протоколѣ былъ рѣшонъ въ удовлетворительномъ смыслѣ и именно на тѣхъ основаніяхъ, невозможность которыхъ казалась ей столь очевидною. Если вѣрить слухамъ, Россія готова приступить къ разоруженію своихъ военныхъ силъ, какъ только Турція заключитъ миръ съ Черногоріей. Такимъ образомъ, силою вещей, весь восточный вопросъ сосредоточенъ въ настоящее время на мирныхъ переговорахъ между Турціей и Черногоріей. Что выйдетъ изъ этихъ переговоровъ? Вотъ вопросъ, который невольно возникаетъ у всѣхъ.

Турецкая палата депутатовъ почти единогласно приняла адресъ, въ которомъ выражена надежда, что султанское правительство поступитъ, въ отношеніи къ Черногоріи, сообразно интересамъ и достоинству страны. Это своего рода carte blanche, данная правительству вести мирные переговоры съ Черногоріей на тѣхъ основаніяхъ, какія Порта признаетъ за лучшія. Мы не знаемъ, на сколько это извѣстіе достовѣрно, но если признать его достовѣрность, то, вѣроятно, проектъ адреса не прошелъ въ парламентѣ безъ протеста. Одна изъ телеграммъ сообщаетъ, что нѣсколько депутатовъ высказались противъ всякихъ территоріальныхъ уступокъ. Во всякомъ случаѣ, кажется достовѣрно только одно: переговоры о мирѣ совершенно прекращены. Правда, черногорскіе делегаты еще не уѣхали, но возобновленіе переговоровъ между ними и Портой представляется невѣроятнымъ. Такія извѣстія, по крайней мѣрѣ, сообщаетъ намъ «международное телеграфное агенство».

Черногорскіе делегаты сдѣлали значительныя уступки. Интересно, однако, припомнить программу конференціи по отношенію къ заключенію мира съ Черногоріей чтобы судить, въ какомъ духѣ были ведены эти переговоры.

Въ окончательномъ проектѣ конференціи вопросъ объ уступкѣ порта былъ устраненъ. Первоначально державы склонялись къ уступкѣ Черногоріи порта, — но, не желая быть слишкомъ требовательными относительно Порты, онѣ измѣнили свой взглядъ на этотъ предметъ. Черногорскіе делегаты поняли, что имъ невозможно требовать больше, чѣмъ требовала конференція, и потому они отказались отъ требованія Спиццы. Затѣмъ послѣднія предложенія конференціи требовали для Черногоріи правъ свободнаго судоходства по рѣкѣ Боянѣ и нейтрализаціи маленькихъ крѣпостей на озерѣ Скутари. Въ первоначальномъ текстѣ эти крѣпости должны были быть разрушены; такимъ образомъ и тутъ была сдѣлана уступка Портѣ. Черногорскіе делегаты требовали до послѣдней минуты свободнаго судоходства по Боянѣ и отказались отъ крѣпостей.

Наконецъ конференція требовала исправленія границъ. Оставляя подробности въ сторонѣ, нельзя не обратить вниманія на два округа, которыхъ присоединеніе къ Черногоріи требовала конференція: это — Баньяна, Пива и городъ Никшичъ. Черногорскіе делегаты до сихъ поръ требуютъ Никшича и Вассоевичевскій округъ. Надобно помнить, что эти мѣстности берутъ свои названія отъ племенъ, населяющихъ ихъ. Вассоевичевскій округъ заключается въ долинѣ, которой только верхняя часть принадлежитъ Черногоріи. Такимъ образомъ, существуютъ два округа: верхній — черногорскій и нижній — турецкій. Соглашаясь но уступку Никшича, Порта потребовала, взамѣнъ Никшича, верхняго черногорскаго округа. Порта, однакожъ, забыла, что нижній округъ былъ обѣщанъ Черногоріи и что такая мѣна была бы уже слишкомъ наивной. Во всякомъ случаѣ необходимо признать, если требованія Черногоріи слишкомъ велики, то державы, тѣмъ не менѣе, не имѣютъ права упрекать ее въ этомъ, такъ какъ конференція требовала для нея еще больше.

Пока слѣдовательно миръ, такъ или иначе, не будетъ заключенъ между Черногоріей и Турціей, то восточный вопросъ будетъ по прежнему на очереди и по прежнему будетъ тревожить общественное мнѣніе Европы. Съ этой точки зрѣнія, онъ составляетъ настоящую злобу дня. Еще на дняхъ въ палатѣ общинъ этотъ вопросъ былъ разсматриваемъ. Либеральная оппозиція обрушилась цѣлымъ градомъ самыхъ язвительныхъ нападокъ на этого несчатнаго сера Эллiота, который является козлищемъ отпущенія лондонскаго кабинета. Потомъ опозиція потребовала объясненій относительно послѣднихъ дипломатическихъ переговоровъ. Канцлеръ казначейства отвѣчалъ, что переговоры продолжаются относительно редакціи и условій протокола; что, въ настоящую, поэтому, минуту, кабинетъ не имѣетъ права разоблачать дипломатическихъ тайнъ, но что послѣ Пасхи кабинетъ надѣется дать самый обстоятельный отвѣтъ.

Дѣло, значитъ, такимъ образомъ, было отложено. Въ ожиданіи будущихъ разоблаченій интересно во всякомъ случаѣ обратитъ вниманіе читателей на письмо изъ Петербурга, появившееся въ «Politische Correspondenz», относительно происхожденія и исторіи протокола. Если вѣрить этому письму, то самая мысль протокола — не исходитъ отъ петербургскаго кабинета, она принадлежитъ лорду Дерби. Россія поставила Англію лицомъ къ лицу со слѣдующей диллемой: или державы смотрятъ на парижскій трактатъ какъ на существующій во всѣхъ подробностяхъ, и тогда неизбѣжно вытекаютъ всѣ послѣдствія, или же, въ противномъ случаѣ, Россія, вслѣдствіе бездѣйствія державъ, сочтетъ парижскій трактатъ уже не существующимъ. Естественно, что Англія предпочла первое; она предложила протоколъ, текстъ котораго, составленный лондонскимъ кабинетомъ, былъ врученъ одновременно князю Горчакову лордомъ Лофтусомъ и генералу Игнатьеву графомъ Шуваловымъ.

Различія во взглядахъ сосредоточились главнымъ образомъ на четырехъ пунктахъ; по двумъ пунктамъ соглашеніе состоялось, а именно: во-первыхъ, въ протоколѣ не будетъ упомянуто о демобилизаціи, и, во-вторыхъ, въ протоколѣ ничего не будетъ упомянуто о срокѣ, данномъ Турціи для выполненія реформъ. Англія желала, чтобы въ протоколъ были внесены эти два пункта, но она уступила Россіи.

Остались два другихъ пункта несогласій. Первое изъ нихъ заключается, будто бы, въ томъ, что Россія желаетъ взять въ основу протокола программу предварительной конференціи въ Константинополѣ, между тѣмъ, какъ Англія предлагаетъ программу настоящей конференціи. Между этими двумя конференціями существуетъ, какъ извѣстно, большая разница. Программа предварительной конференціи требуетъ напр. для Черногоріи портъ Спиццу, не говоря о другихъ уступкахъ, отъ которыхъ впослѣдствіи державы отказались; для Болгаріи, Босніи и Герцеговины предложенъ «проектъ административнаго регламента» со всѣми его послѣдствіями: автономными учрежденіями, христіанскими губернаторами, международной контрольной коммисіей, смѣшанной жандармеріей. Второй пунктъ несогласія, по словамъ вѣнской газеты, заключается въ томъ, что Англія желала предвидѣть въ протоколѣ возможность новыхъ переговоровъ на случай, если Турція послѣ извѣстнаго времени не выполнитъ своихъ обѣщаній, между тѣмъ какъ Россія требуетъ помѣщенія пункта, по которому, въ случаѣ непринятія Турціей протокола, или не выполненія ею взятыхъ на себя обязательствъ — будетъ предоставлена державамъ свобода вооруженнаго вмѣшательства противъ Турціи; какъ бы то ни было, — на тѣхъ или на другихъ условіяхъ, состоялось соглашеніе, но оно состоялось, — въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Интересно однакожъ указать нѣкоторыя подробности о переговорахъ, сообщаемыхъ газетою «France». Многіе газеты утверждали, что успѣхъ протокола главнымъ образомъ обязанъ посредничеству графа Андраши, послѣ свиданія съ нимъ генерала Игнатьева. Посредничество это, главнымъ образомъ, касалось вопроса о размѣщеній войскъ по широкимъ квартирамъ (deconcentration), — что составляетъ тоже разоруженіе въ нѣсколько смягченномъ видѣ. Вотъ, что объ объ этомъ пишетъ газета «France»:

«Англійскій совѣтъ министровъ въ своемъ вчерашнемъ засѣданіи занимался обсужденіемъ различныхъ комбинацій, имѣющихъ въ виду разрѣшеніе вопросовъ о протоколѣ и разоруженіи.

«Главнѣйшія изъ этихъ комбинацій слѣдующія:

1) Подписаніе протокола при условіи включенія въ него особаго параграфа или дополнительной статьи, заявляющей о необходимости для Порты заключить немедленно миръ съ Черногоріей. Одновременно размѣщеніе по широкимъ квартирамъ (deconcentration) русской и турецкой арміи.

2) Подписаніе протокола при условіи немедленнаго размѣщенія по широкимъ квартирамъ русской и турецкой армій, а также распущенія по домамъ баши-бузуковъ и другихъ иррегулярныхъ войскъ, входящихъ въ составъ оттоманскихъ военныхъ силъ. Въ особой статьѣ протокола, исключительно посвященной этой послѣдней мѣрѣ, будетъ сказано: «Вслѣдствіе заключенія мира между Блистательною Портой съ одной стороны и сербскимъ и черногорскимъ княжествами съ другой, державы надѣются, что Порта приступитъ къ распущенію своихъ иррегулярныхъ войскъ».

3) Подписаніе протокола при условіи дополненія его особою статьею, касающеюся заключенія мира между Портою и Черногоріей. Обмѣнъ дипломатическихъ нотъ, обязующихъ русское правительство демобилизировать или размѣстить по широкимъ квартирамъ свою армію, какъ только будетъ подписанъ миръ между Портой и Черногоріей и предъявленъ Портѣ протоколъ.

4) Подписаніе протокола со включеніемъ въ него пункта, опредѣляющаго maximum того срока, по истеченіи котораго Россія обязана демобилизировать въ случаѣ, если къ тому времени Порта заключитъ миръ съ Черногоріей и приступитъ къ исполненію нѣкоторыхъ реформъ.

«Ни одна изъ этихъ комбинацій не была принята цѣликомъ. При этомъ, однакожъ, совѣтъ постановилъ принять размѣщеніе войскъ по широкимъ квартирамъ за основу дальнѣйшихъ переговоровъ.

До сихъ поръ мы не знаемъ еще точно, на какихъ именно условіяхъ подписанъ, или долженъ быть подписанъ протоколъ; мы знаемъ только одно, что соглашеніе состоялось и первымъ результатомъ этого соглашенія есть отправка въ Константинополь лорда Лайэрда, въ качествѣ чрезвычайнаго уполномоченнаго. Его миссія находится въ связи съ взаимными уступками, сдѣланными Россіей и Англіей относительно протокола.

Дальнѣйшія рѣшенія, какія могутъ быть приняты, зависятъ цѣликомъ отъ Турціи и турецкаго парламента. Этотъ парламентъ уже организовался и началъ дѣйствовать вполнѣ правильно. Еще недавнія насмѣшки русской и частію иностранной печати на счетъ этого парламента, въ настоящую минуту падаютъ сами собой. «Новое время», какъ извѣстно, болѣе другихъ глумилось надъ этимъ парламентомъ, а между тѣмъ, вотъ. что пишетъ константинопольскій корреспондентъ этой газеты:

Какъ я жестоко ошибся! Я легкомысленно воображалъ, что въ турецкой «палатѣ» не будетъ лѣвой, а лѣвая, вообразите, не только есть, но на ней всѣ депутаты, а правой вовсе нѣтъ. Ну, ктобъ могъ ожидать? Оппозиція въ оттоманскомъ парламентѣ! Да еще какая оппозиція! единогласная. Представьте себѣ всеобщее удивленіе, когда черезъ два дня послѣ перваго засѣданія à nuis clos, и Перу и Стамбулъ облетѣло извѣстіе, что депутаты, войдя въ залу, всѣ до одного усѣлись на лѣвой своронѣ. Пораженный этимъ обстоятельствомъ Ахмедъ-Вефикъ принялся убѣждать своихъ товарищей, что хотя они и имѣютъ полное право переходомъ на ту или другую сторону палаты выражать одобреніе или неодобреніе, довѣріе или недовѣріе правительству, но такой повальный переходъ въ оппозицію не имѣетъ теперь никакого смысла, потому что пока еще палатой не возбужденъ ни одинъ вопросъ. Нѣкоторые изъ депутатовъ отвѣтили президенту, что этой демонстраціей они желали, вопервыхъ, выразить вообще неудовольствіе на всѣ дѣйствія правительства, вовторыхъ, протестовать противъ правительственнаго распоряженія привести ихъ, депутатовъ, къ присягѣ въ вѣрности султану и конституціи, что они находятъ несправедливымъ, такъ какъ султанъ въ вѣрности конституціи не присягалъ. Президентъ, человѣкъ вообще вспыльчивый и невыносящій противорѣчій, покраснѣлъ и вскочилъ съ своего мѣста, услышавъ столь дерзкія рѣчи, и заявилъ, что онъ немедленно выйдетъ въ отставку, если подобныя шутки будутъ пролжаться. Къ превеликой его досадѣ, слова эти не произвели особенно сильнаго впечатлѣнія на депутатовъ и они дали понять почтенному президенту, что удерживать его никто не станетъ, а присягать они все-таки не будутъ. Смущенный Ахмедъ, припомнивъ тогда, что il faut prendre les mouches par le miel, принялся легко уговаривать депутатовъ не дѣлать скандала и принять присягу, а онъ уже постарается склонить его величество присягнуть на вѣрность хартіи, что̀ онъ, Вефикъ, торжественно депутатамъ обѣщаетъ. Мухи польстились на медъ и принятіе присяги обошлось благополучно.

Въ первое публичное засѣданіе депутаты сидѣли уже на обѣихъ сторонахъ, но законопроекты Порты разбирали не стѣсняясь и въ выраженіяхъ недостатка не было, такъ что уже и теперь въ рѣчахъ и поведеніи депутатовъ проглядываетъ довольно отчетливое сознаніе своихъ правъ и обязанностей.

Это засѣданіе открылось въ два часа, въ присутствіи Эдхема, Юссуфа и Джевдета-пашей, директора департамента косвенныхъ налоговъ Кіяни-паши и директора рефендаріята, Махмудъ-бея, возсѣдавшихъ на министерской, краснымъ брусскимъ шелкомъ обтянутой скамьѣ, и нѣсколько сенаторовъ и членовъ государственнаго совѣта, занявшихъ мѣста за президентской трибуной.

Приглашенной публики собралось очень не много, но ложа журналистовъ была полна. Ахметъ-Вефикъ объявляетъ засѣданіе открытымъ. Секретарь читаетъ протоколъ предъидущаго засѣданія. Депутаты молча одобряютъ его, затѣмъ начинается чтеніе проекта органическихъ парламентскихъ законовъ, выработаннаго, какъ и всѣ вообще законопроекты Порты, законодательной коммисіей государственнаго совѣта. Первый отдѣлъ законопроекта содержитъ постановленія о выборахъ бюро и повѣркѣ выборовъ депутатовъ. Чтеніе первыхъ двухъ статей не возбуждаетъ никакихъ преній; но при третьей, устанавляющей, что для разсмотрѣніе предлагаемыхъ палатою законопроектовъ она раздѣляется на пять коммисій, депутатъ отъ Іерусалима, Юсуфъ-Зія-эффенди, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-шести, требуетъ слова, смѣло вступаетъ на трибуну и бойко произноситъ рѣчь, въ которой предлагаетъ сдѣлать неопредѣленнымъ число коммисій. Говоритъ сжато, ясно и толково. Предложеніе его поддерживаетъ съ мѣста депутатъ отъ Бруссы, улемъ, въ бѣлой чалмѣ, Бага-эддинъ-эффенди, человѣкъ очень богатый и характера довольно независимаго; въ немъ видятъ будущаго предводителя оппозиціи; имѣетъ, какъ видно, личные счеты съ Ахметомъ-Вефикомъ, который былъ нѣкогда вали въ Бруссѣ. Рѣчи этихъ депутатовъ вызываютъ возраженія другихъ двухъ, которые, не смотря на предложеніе предсѣдателя взойдти на трибуну, предпочитаютъ говорить съ своихъ мѣстъ; въ краткихъ возраженіяхъ ихъ есть доводы небезосновательные. Президентъ предлагаетъ рѣшить вопросъ о 3-й статьѣ большинствомъ голосовъ посредствомъ поднятія руки. Статья по большинству 55 голосовъ остается безъ измѣненій. Чтеніе дальнѣйшихъ статей вызываетъ нѣсколько вопросовъ для разъясненія и нѣсколько замѣчаній, но такъ какъ они относятся къ законоположеніямъ объ избирательномъ правѣ, то по предложенію Баги-Эддина-эффенди окончательное разсмотрѣніе ихъ отлагается до внесенія къ палату поименованнаго законопроекта. Статьи втораго отдѣла законопроекта, устанавляющія правила о выборѣ президента и вице-президента, вызываютъ возраженія неутомимаго Баги-Эддина. Выслушавъ чтеніе статьи 9-й, которою установляется, что президентъ пребываетъ въ своемъ званіи до слѣдующей сессіи, депутатъ отъ Бруссы заявляетъ, что онъ не понимаетъ необходимости этой статьи. Президентъ поясняетъ, что эта статья имѣетъ въ виду чрезвычайныя сессіи. Баги-Эддинъ все-таки «не понимаетъ», почему въ чрезвычайную сессію нельзя избрать новаго президента; онъ полагаетъ также, что избраніе бюро въ первое засѣданіе не должно бы быть окончательнымъ въ виду отсутствія многихъ депутатовъ, послѣ пріѣзда которыхъ и ознакомленія другъ съ другомъ легче было бы избрать способнѣйшихъ. Не смотря на эти возраженія, второй отдѣлъ устава утверждается палатой. (Великій визирь и министръ внутреннихъ дѣлъ уходятъ изъ залы). Третій отдѣлъ посвященъ коммисіямъ — онъ принятъ послѣ нѣсколькихъ возраженій и замѣчаній. Четвертый отдѣлъ трактуетъ о законодательной инициативѣ и о преніяхъ по поводу законопроектовъ. Тремя статьями этого отдѣла инициатива законовъ установляется за Портой, которая, послѣ отказа палаты разсматривать предлагаемый законъ, имѣетъ право черезъ два мѣсяца предложить разсмотрѣть его вторично. При согласіи же палаты Порта поручаетъ государственному совѣту разработку законопроектовъ. Баги-Эддинъ находитъ, что установленіе двухмѣсячнаго срока для вторичнаго внесенія въ палату предложенія объ изданіи новыхъ законовъ или измѣненіи старыхъ, кажется ему нераціональнымъ, такъ какъ, очевидно, палата, разъ отвергнувъ необходимость новаго закона, не найдетъ ея послѣ двухъ мѣсяцевъ или вообще въ ту же сессію и потому онъ полагалъ бы болѣе разумнымъ отлагать разъ отвергнутое предложеніе до слѣдующей сессіи. По предложенію президента, окончательное разсмотрѣніе этой статьи (28-й) отлагается до второго чтенія. Пятый отдѣлъ о запросахъ содержитъ тоже три статьи, по которымъ каждый депутатъ имѣетъ право дѣлать запросы. Онъ долженъ для этого подать письменное предложеніе президенту, который обращается къ палатѣ съ вопросомъ, находитъ ли она нужнымъ данный запросъ. При утвердительномъ отвѣтѣ, президентъ письменно приглашаетъ въ палату того министра, которому интерпелянтъ желаетъ сдѣлать запросъ. Министръ является самъ или присылаетъ своего векиля (повѣреннаго). Во все время преній только интерпелянтъ можетъ возражать министру. Послѣ преній палата рѣшаетъ, насколько удовлетворительнѣе объясненія данныя министромъ. Всѣ эти статьи вызываютъ сильныя возраженія. Секретарь палаты, онъ же депутатъ, находитъ, что въ приглашеніи, посланномъ министру, необходимо выяснить предметъ запроса. Баги-Эддинъ поддерживаетъ это заявленіе, прибавляя, что это въ особенности необходимо въ виду права министра присылать векиля вмѣсто себя; зная о предметѣ запроса, министръ можетъ въ такихъ случаяхъ присылать спеціалистовъ. Депутатъ отъ Бруссы находитъ также, что было бы крайне несправедливо представлять одному интерпелянту возражать министру; по его мнѣнію, «и другой депутатъ могъ бы дѣлать подчасъ весьма дѣльныя замѣчанія и хорошая мысль можетъ прійдти ему въ голову именно во время преній. Багу-Эддина поддерживаютъ весьма многіе депутаты. Президентъ предлагаетъ отложить обсужденіе этой статьи до другого засѣданія, и закрываетъ публичныя пренія палаты. Публика уходитъ, а вечернія газеты выражаютъ неудовольствіе, что президентъ отлагаетъ до другихъ, и по ихъ свѣдѣніямъ, до тайныхъ засѣданій всѣ статьи, не понравившіяся палатѣ.

* * *

Смѣсь.

— По словамъ берлинской «Tribüne», извѣстный банкиръ Блейхредеръ собралъ по камню съ каждаго поля сраженій, бывшихъ во время послѣдней франко-германской войны. Камни эти банкиръ приказалъ отшлифовать, сдѣлать на каждомъ изъ нихъ надпись съ означеніемъ мѣста, откуда камень взятъ, и соорудить изъ нихъ нѣчто вродѣ памятника, который поставленъ теперь временно въ помѣстьѣ Блейхредера Гютерготцѣ, близъ Потсдама. Впослѣдствіи памятникъ этотъ будетъ украшать одну изъ площадей, согласно указанію императора Вильгельма. Говорятъ, что императоръ, на обратномъ пути въ Потсдамъ, осмотритъ этотъ памятникъ и отдастъ приказаніе относительно помѣщенія его.

* * *

Наши гравюры.

Троицкій мостъ и Петропавловская крѣпость.

Вотъ еще одинъ видъ на рѣку Неву, видъ, считающійся однимъ изъ красивѣйшихъ видовъ Петербурга. Троицкій мостъ, составляющій центръ вида,—одинъ изъ самыхъ большихъ мостовъ въ Петербургѣ: онъ имѣетъ болѣе трехъ четвертей версты въ длину; начинается онъ у Суворовской площади и оканчивается у Петропавловской крѣпости, такимъ образомъ онъ соединяетъ адмиралтейскую сторону съ Петербургской. Построенъ онъ въ 1803 году, и велъ сначала отъ Лѣтняго сада къ Малой Дворянской улицѣ. Въ 1823 году онъ былъ перестроенъ и переведенъ на нынѣшнее мѣсто; зимой не наводится. Троицкій мостъ, какъ и большинство мостовъ въ Петербургѣ,—плашкоутный. Это обстоятельство зависитъ, главнымъ образомъ, отъ того, что на состояніе температуры осенью и весной оказываетъ весьма важное вліяніе время вскрытія и замерзанія на Невѣ, зависящихъ, между прочимъ, отъ состоянія температуры въ Ладожскомъ озерѣ. Нева становится, когда ее достаточно затретъ своимъ льдомъ Ладожское озеро, и съ этимъ явленіемъ почти постоянно совпадаетъ начало настоящей зимы въ Петербургѣ; наоборотъ,—весной, пока Нева стоитъ и пока продолжается по ней ледоходъ изъ Ладожскаго озера, до тѣхъ поръ у насъ и въ маѣ бываетъ очень холодно. Ледоходъ на Невѣ осенью и зимой бываетъ такъ силенъ, что вмѣсто каменныхъ (дорого стоющихъ и легко портящихся) мостовъ, гораздо удобнѣе и выгоднѣе имѣть плашкоутные, которые, однакоже, представляютъ собой то неудобство, что, во время ледохода, они разводятся и сообщеніе по нимъ прекращается. Такъ бываетъ и съ Троицкимъ мостомъ.

Вниманіе, на нашемъ рисункѣ, останавливается также на Петропавловской крѣпости. Она расположена на островѣ, окруженномъ Невою и Кронверкскимъ протокомъ. Она основана 16 мая 1703 года Петромъ Великимъ, который назвалъ ее Петропавловскою. Въ 1740 году крѣпость была окончательно построена подъ руководствомъ извѣстнаго Миниха, а въ 1784 году, по повелѣнію императрицы Екатерины II, вся сторона крѣпости, выходящая на Неву, была обложена тесаннымъ гранитомъ; затѣмъ, въ царствованіе императора Павла I, былъ сдѣланъ кронверкъ изъ кирпича. Внутри крѣпости находится нѣсколько замѣчательныхъ зданій и памятниковъ: 1) Петропавловскій соборъ (гдѣ покоятся останки членовъ Императорской фамиліи); 2) Монетный дворъ съ лабораторіей; 3) Государственное Казначейство; 4) Небольшая каменная бесѣдка вблизи собора, въ которой хранится знаменитый ботикъ Петра I. Ботикъ былъ найденъ Петромъ въ 1691 году въ селѣ Измайловѣ между старымъ хламомъ, и онъ-то возбудилъ въ Петрѣ сильнѣйшую страсть къ мореходству.

Элегія, картина Г. Семирадскаго.

Мы въ Италіи, въ странѣ солнца, поэзіи, въ странѣ Данта, Петрарки и Тасса, въ странѣ памятниковъ тридцати-вѣковой культуры. Только въ такой странѣ могла возникнуть мысль картины г. Семирадскаго, и только этотъ блестящій художникъ могъ ее выполнить такъ талантливо.

Представьте себѣ берегъ озера; подъ тѣнью нѣсколькихъ деревьевъ укрылись влюбленные римлянинъ и римлянка. Они пришли сюда, укрываясь отъ назойливыхъ глазъ, ища природы, которая бы гармонировала съ ихъ душевнымъ настроеніемъ... Они упоены любовью и жизнью... но наступаетъ, наконецъ, минута, когда они взглянули на окружающее. Тутъ заключается основная мысль картины. Взоры влюбленныхъ, ища счастія и блеска въ природѣ, упали на мраморный, могильный памятникъ. Этотъ контрастъ производитъ въ нихъ нѣкоторую душевную тревогу: *ея* лицо вдругъ покрывается грустью, а *онъ*, въ виду грознаго напоминанія смерти, точно боясь потерять свое счастіе, крѣпко держитъ ея руку, расположившись граціозно на камнѣ и опустивъ свою голову на колѣно, стоящей надъ нимъ богини...

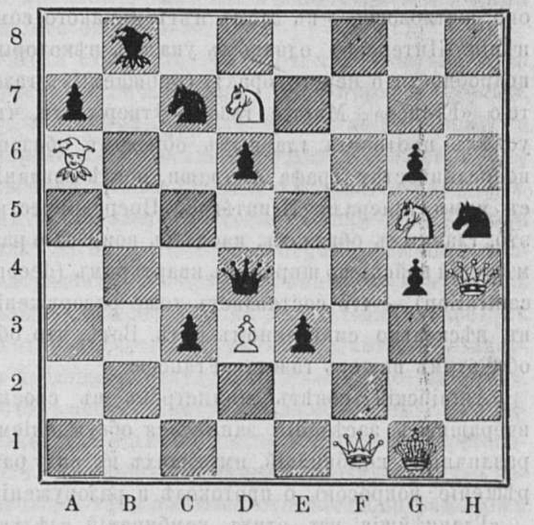
Кромѣ простоты замысла, поразительна въ этой картинѣ оригинальность подробностей. Обратите напр. вниманіе на этого молодого римлянина; это вовсе не jeune premier нашего времени и не мрачный любовникъ среднихъ вѣковъ. Въ немъ вы видите всѣ выдающіяся черты древняго римлянина. Онъ знаетъ, что *ей* не нужно новыхъ клятвъ, *она* увѣрена въ его любви и только видъ надгробнаго памятника возбуждаетъ въ ея душѣ грустное настроеніе. Если кромѣ того, мы обратимъ вниманіе на чистоту линій рисунка, на историческую правду типовъ древности, на жизненность ихъ и на южное ихъ происхожденіе, то принуждены будемъ согласиться, что художникъ съ необыкновеннымъ талантомъ и умѣніемъ справился съ сюжетомъ своей картины.

Шахматы.

Задача XII.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Черные.



Бѣлые.

Рѣшеніе XI задачи, помѣщенной въ № 12

Бѣлые.	*Черные.*
1) H4—F4 †.......	1) E5—F4 (берутъ).
2) B3—C1.........	2) Какъ нибудь.
3) C1—D3 † и матъ.	

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи. Имандра и Хибины. — Доброволецъ. (Разсказъ изъ народнаго быта) (продолж.). — Доктора-соперники. (Съ англ. М. Б.) (продолж.).—Между Болгарами (оконч.).—Библіографія.—Стихотв. «Измѣна женщины». — Драма въ чащѣ лѣса. — Новости наукъ и жизни. — Со всего свѣта. — Смѣсь. — Наши гравюры. — Шахматы.— Объяв.
Гравюры. Троицкій мостъ и Петропавлов. крѣпость. —Лоси.—Элегія. (Снимокъ съ карт. Г. Семирадскаго. — Крестьяне съ румынской границы въ свадебномъ нарядѣ (къ статьѣ: «Между Болгар.»).

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Объявленія.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ за 1875 и 1876 гг.

За каждый годъ, большой томъ изящно отпечатанный, со множествомъ рисунковъ, лучшихъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, уступается подписчикамъ каждый годъ за 3 рубля (безъ приложеній):

въ изящномъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ . . . . 4 р.
за два тома. . . . . 5 „
въ изящныхъ же переплет. .
за два тома. . . . . 7 р.

Деньги на пересылку высылаются по разстоянію: за одинъ томъ на 7 фунт.; за два тома 14 фунт. (До 1000 верстъ) прилагается 1 р. на пересылку за каждый томъ; сверхъ же 1000 верстъ, на каждыя сто верстъ, прилагается 7 к. на томъ.

Въ конторѣ редакціи **„Живописнаго Овозрѣнія“** а также въ музыкальныхъ магазинахъ В. Бесселя и К° и М. Бернарда, находятся въ продажѣ **ноты:**

МАРШЪ
РУССКИХЪ ДОБРОВОЛЬЦЕВЪ.

Сочиненіе **ФЛОРІАНА ГЕРМАНА.** (8 страницъ) Цѣна 1 руб. съ пересылкою 1 р 50 коп.

При слѣдующемъ нумерѣ Живописнаго Обозрѣнія разошлется апрѣльское приложеніе „ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО“.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 22 марта 1877 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 л., д. № 12.

Живописное Обозрѣніе

Гос. Публичная

№ 14. Томъ I. На годъ съ доставкою и пересылкою 7 руб.; на полгода 4 р. 50 к. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 3 Апрѣля 1877 года. Адрессъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Троицкій переулокъ, домъ № 27/1. Годъ V.

ОТЪ РЕДАКЦІИ ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ (ГОДЪ ПЯТЫЙ).

Еженедѣльный иллюстрированный журналъ «Живописное Обозрѣніе», выходитъ въ формматѣ большихъ иллюстрацій, въ количествѣ 52-хъ нумеровъ въ годъ.

При журналѣ разсылается, въ видѣ преміи, ежемѣсячное иллюстрированное приложеніе **«Жизнь и Хозяйство»**, двѣнадцать выпусковъ въ годъ. Кромѣ того, подписчики получаютъ

НѢСКОЛЬКО ДРУГИХЪ ПРЕМІЙ,

изъ коихъ первая — большая гравюра: **продажа амулетовъ**, снимокъ съ картины проф. Генриха Семирадскаго, на толстой веленевой бумагѣ, длиною одинъ аршинъ, шириною 12½ вершковъ, въ настоящее время печатается и разошлется всѣмъ **годовымъ** подписчикамъ въ маѣ мѣсяцѣ.

Годовая подписная цѣна съ доставкою и пересылкою 7 руб., безъ пересылки и доставки 6 руб.

Главная контора журнала: въ Троицкомъ переулкѣ д. № 27/1.

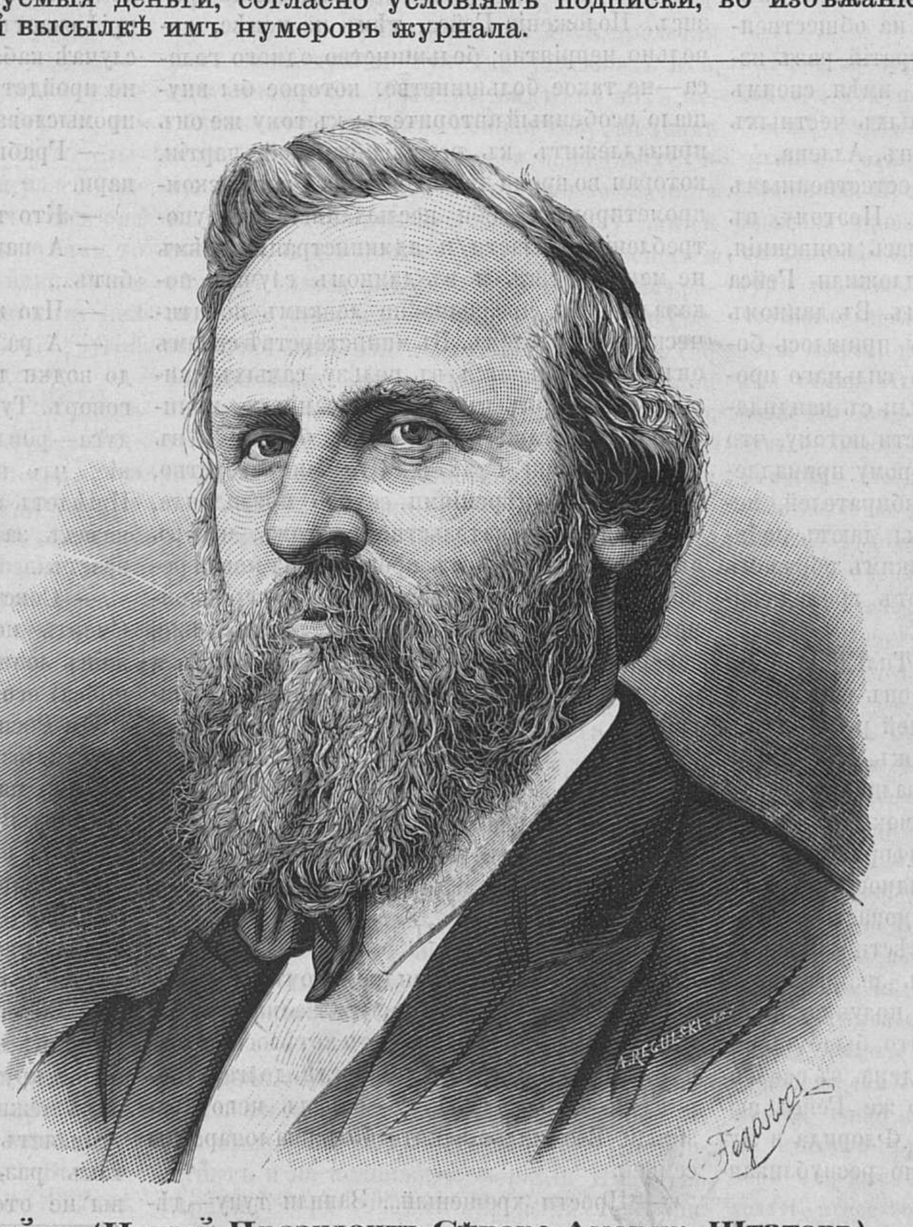
Подписка продолжается. Новые подписчики получаютъ журналъ съ перваго нумера.

Контора „Живописнаго Обозрѣнія“ приглашаетъ гг. подписавшихся на журналъ съ разсрочкою — выслать въ концѣ сего апрѣля, слѣдуемыя деньги, согласно условіямъ подписки, во избѣжаніе замедленія, могущаго произойти при дальнѣйшей высылкѣ имъ нумеровъ журнала.

Гейсъ.

(Новый президентъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ).

Если вѣрить друзьямъ нынѣшняго президента Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, то Гейсъ (Rutherford Birchford Hayes) одинъ изъ самыхъ симпатичныхъ и талантливѣйшихъ президентовъ великой американской республики. Происходитъ онъ,—что въ Америкѣ случается чрезвычайно рѣдко,— изъ старой дворянской, шотландской семьи. Онъ родился 4-го октября 1822 г., въ Огайо, послѣ смерти отца-колониста, который, покинувъ штатъ Вермонтъ, женился на дочери одного изъ своихъ сосѣдей. Мать нынѣшняго президента была женщина умная и отличалась замѣчательнымъ характеромъ; расходуя бережливо небольшое состояніе, оставленное ей мужемъ, она могла хорошо воспитать своихъ дѣтей. Первоначально Гейсъ учился у своей сестры, а затѣмъ поступилъ въ Кетонскую коллегію, изъ которой перешелъ въ Гварвардскій университетъ, гдѣ обратилъ на себя вниманіе профессоровъ своею любовью къ изученію права и литературы. Окончивъ университетъ, онъ поселился въ Цинцинати, гдѣ основалъ дѣловой кабинетъ вмѣстѣ съ нѣсколькими юристами. Въ старой газетѣ того времени, Гейсъ описанъ какъ человѣкъ, который нисколько не похожъ на обыкновенныхъ американскихъ политиковъ: краснорѣчіемъ онъ не блеститъ. Такимъ онъ остался и понынѣ; онъ мало говоритъ. но за то чрезвычайно аккуратенъ и точенъ. Остававшіеся отъ занятій досуги, Гейсъ посвящалъ изученію литературы и философіи; Эмерсонъ, Готорнъ, Тэккерей, Диккенсъ, Бульверъ были его любимыми авторами. Обнаруженный имъ юридическій талантъ скоро привлекъ къ нему всеобщее вниманіе; его политическія стремленія ясно опредѣлились и онъ не мало способствовалъ избранію Линкольна, благодаря своей популярности и вліянію. Когда была объявлена война между сѣверомъ и югомъ, онъ бросилъ адвокатуру и поступилъ въ военную службу, и постепенно



Гейсъ (Новый Президентъ Сѣверо-Америк. Штатовъ).

дослужился до чина полковника и бригаднаго генерала. Послѣ паденія Ричмонда и окончательной побѣды сѣвера, онъ возвратился въ Цинцинати къ болѣе мирнымъ занятіямъ; но и въ то время его популярность и значеніе были такъ велики, что онъ былъ избранъ въ конгресъ, гдѣ онъ меньше выдавался своими рѣчами, чѣмъ дѣйствіями.

Черезъ годъ наступилъ выборъ губернатора штата Огайо. Демократы выставили своимъ кандидатомъ Турмана, одного изъ вліятельнѣйшихъ членовъ демократической партіи штата. Республиканцы предложили Гейса, который и былъ избранъ. Черезъ два года онъ встрѣтилъ еще болѣе опаснаго соперника въ лицѣ Пиндельтона. Но и этотъ противникъ не могъ побѣдить не краснорѣчиваго, но чрезвычайно дѣятельнаго Гейса, который такимъ образомъ вторично былъ избранъ губернаторомъ Огайо.

Послѣ окончанія срока своего губернаторства, Гейсъ возвратился къ частной жизни. Это отвращеніе къ общественной дѣятельности многіе объясняли не желаніемъ Гейса принадлежать къ кружку лицъ, окружавшихъ Гранта и обнаружившихъ крайнюю испорченность общественныхъ нравовъ этой части республиканской партіи. Испорченность администраціи Гранта достигла такихъ предѣловъ, какіе обыкновенно невозможны въ Европѣ и возбудила негодованіе противъ республиканцевъ чуть не всего населенія Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Еще и теперь не забыты эти позорныя злоупотребленія, которыя, казалось, были первыми симптомами паденія великой распублики. Тѣмъ не менѣе, значеніе и популярность, политическая честность и дѣятельность Гейса были такъ велики, что, пожелавъ черезъ нѣсколько лѣтъ снова вступить на общественное поприще, онъ былъ въ третій разъ избранъ губернаторомъ Огайо, имѣя своимъ противникомъ одного изъ самыхъ честныхъ и популярнѣйшихъ демократовъ, Аллена.

Эта побѣда сдѣлала Гейса естественнымъ кандидатомъ въ президенты. Поэтому, въ прошломъ году, когда собралась конвенція, депутаты штата Огайо предложили Гейса республиканскимъ кандидатомъ. Въ данномъ случаѣ, какъ и прежде, Гейсу пришлось бороться противъ чрезвычайно сильнаго противника. Демократы выступили съ кандидатурою Тильдена въ особенности потому, что Нью-Іоркскій штатъ, къ которому принадлежалъ Тильденъ, даетъ 35 избирателей, между тѣмъ, какъ другіе штаты даютъ избирателей всего отъ 3 до 5. Такимъ образомъ 35 голосовъ Нью-Іорка имѣютъ громаднѣйшее значеніе при выборахъ.

Кромѣ того, кандидатура Тильдена была еще тѣмъ болѣе важна, что онъ всегда высказывался въ пользу новѣйшей реформы администраціи. Штаты Нью-Іоркъ, Нью-Джерсей и Коннектикутъ высказались за него. Западная Индіана также. Демократы, кромѣ того, разсчитывали на Калифорнію и Орегонъ. Тильденъ, имѣя громадное состояніе, ничего не жалѣлъ, лишь бы попасть въ президенты, а деньги, какъ извѣстно, играютъ въ американскихъ выборахъ значительную роль. Тѣмъ не менѣе, Гейсъ получилъ голоса Калифорніи и Орегона, что было значительнымъ ударомъ для Тильдена, въ особенности, когда въ пользу того же Гейса высказались Южная Каролина, Флорида и Луизьяна, гдѣ негры (поголовно республиканцы) сильнѣе бѣлыхъ.

Наиболѣе опытные юристы не могли рѣшить: кто изъ кандидатовъ получилъ большинство голосовъ, тѣмъ болѣе, что въ Орегонѣ республиканцы имѣли избирателемъ одного изъ незначительныхъ чиновниковъ Союза. Сторонники Тильдена утверждали, что этотъ избиратель не имѣетъ права голоса. Въ такомъ случаѣ оказывалось, что Гейсъ и Тильденъ получили ровно по 184 голоса, даже признавая сомнительный голосъ Луизьяны въ пользу Гейса, а избраніе президента переходило въ низшую палату конгреса, которая будучи демократическою, высказалась бы за Тильдена. Дѣло усложнилось и разными другими, побочными обстоятельствами, о которыхъ здѣсь было бы слишкомъ долго распространяться. Этотъ споръ между двумя кандидатами и двумя политическими партіями, вѣроятно, еще не забытъ читателями. Въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, при полномъ застоѣ и ожиданіи, американскій народъ не зналъ, кто будетъ президентомъ Союза послѣ того, какъ наступитъ конецъ президентству Гранта. Положеніе было критическое; пессимисты проповѣдывали кровавую развязку и чрезвычайно мрачную будущность Союзу. Къ счастью, ничего подобнаго не случилось. Конгресъ назначилъ коммисію, состоящую изъ пяти демократовъ, пяти республиканцевъ и пяти судей высшаго суда. Эта коммисія, какъ извѣстно, рѣшила, что Гейсъ получилъ сомнительныя голоса Флориды, Южной Каролины, Луизьяны и Орегона; такимъ образомъ, Гейсъ получилъ большинство одного голоса и вступилъ въ должность 5-го марта нынѣшняго года.

Не смотря на такое незначительное большинство голосовъ, избраніе Гейса было привѣтствовано въ Америкѣ съ восторгомъ, въ особенности потому, что окончило чрезвычайно опасный и вредный политическій кризисъ. Положеніе Гейса, тѣмъ не менѣе, довольно непріятно; большинство одного голоса—не такое большинство, которое бы внушало особенный авторитетъ; къ тому же онъ принадлежитъ къ республиканской партіи, которая во время президентства Гранта скомпрометировала себя неслыханными злоупотребленіями власти и администраціи. Тѣмъ не менѣе, Гейсъ и въ данномъ случаѣ, показалъ себя чрезвычайно ловкимъ политическимъ дѣятелемъ. Въ министерствѣ своемъ онъ высказывается въ пользу самыхъ широкихъ реформъ въ администраціи, а министерство составилъ изъ лицъ, бывшихъ въ оппозиціи при Грантѣ. Это министерство, вмѣстѣ съ намѣреніями самого президента, есть лучшее ручательство въ томъ, что въ администраціи будетъ произведена новая реформа, изъ союзной политики будутъ окончательно устранены вопросы религіозные, завершится примиреніе сѣвера съ югомъ и будутъ ограждены гражданскія права негровъ.

* * *

Имандра и Хибины.

(По пути изъ Колы въ Кандалакту).

В. И. Немировича-Данченко.

II.

На берегу озера Имандра—почтовая станція т. е. та же тупа, полуразвалившаяся, и вѣжа лопарская. Только что хотѣлось отдохнуть, очнуться нѣсколько послѣ долгаго переѣзда,—вхожу въ тупу—смрадъ невообразимый. Все жилье занято больною лопарскою семьей.

— Прости хрещеный... Заняли тупу—дѣваться некуда.

— А что?

— Да разнедужились. Съ свѣтлой недѣли—нѣсколько мѣсяцевъ сплошь больны лежимъ... Работать не можемъ. Коли бы не гребцы теперь, да родина зимой, совсѣмъ бы смерть пришла.

— Какъ тебя зовутъ-то?

— А Карпъ Архиповъ.

— Чтожь, вѣдь сюда лѣтомъ и зимой обязанъ фельдшеръ ѣздить.

— Кто такой?

— Фельдшеръ.

— А это чтожъ?

Оказалось, что лопари эти даже о существованіи фельдшера понятія не имѣютъ. А между тѣмъ Росноволокъ, гдѣ мы были теперь,—пунктъ очень важный въ Лапландіи. Это станція гдѣ останавливаются на продолжительный роздыхъ партіи промышленниковъ, пробирающіяся черезъ Кандалакту въ Колу, откуда имъ предстоитъ уже разбрестись во всѣ становища мурманскаго берега. Въ Росноволокѣ, поэтому, открывается весною и осенью нѣчто въ родѣ своеобразной ярмарки. Лопари со всѣхъ окрестныхъ погостовъ сгоняютъ сюда весною оленей, чтобы по послѣднему снѣжному пути доставить въ кережнахъ промышленниковъ въ Колу. Невдалекѣ отъ почтовой станціи разбито нѣсколько тупъ для отдыха ловцовъ. Тутъ открываются всевозможные кабаки, переносныя питейныя лавочки. Преимущественно центромъ пьянства, въ это время, является казенная станція, куда посылаетъ своихъ цѣловальниковъ нѣкій Павковъ изъ Кандалакты. Вино продается дорого. Лопари и промышленники сначала пропиваютъ деньги, потомъ спускаются за отвратительное пойло вещи, олени, и въ концѣ концовъ по всему окрестному району общее раззореніе. Часто сюда пріѣзжаетъ самъ Павковъ—но во всякомъ случаѣ кабаки остаются до тѣхъ поръ, пока не пройдетъ черезъ Росноволокъ послѣдняя промысловая партія.

— Грабитъ онъ насъ! Объясняли мнѣ лопари.

— Кто такой?

— А павокъ *) этотъ самый..... зло грабитъ....

— Что же вы поддаетесь?...

— А развѣ мы можемъ разговаривать, если до водки дорвемся? Тутъ, братъ, плохъ разговоръ. Тутъ волоки, что съ собою есть. Ровдуга—ровдугу, олень—оленя... Бываютъ такіе, что все платье съ себя пропиваютъ.... Пріѣдетъ павокъ съ бочками на оленяхъ, —назадъ, за мѣсто бочекъ — богачество наше везетъ...

— Совсѣмъ бѣда! подтверждали другіе. Смерть почти приходитъ. Народъ слабый, нашъ лопинъ—робкій да нужный (нуждающійся) его ли не обидѣть!...

Съ Росноволока начинаются великолѣпные и грандіозные виды Хибинскихъ горъ. Не смотря на довольно значительную высоту, онѣ подымаются разомъ безъ предгорій, прямо отъ воды. Вершины ихъ обрисованы чрезвычайно смѣло. Передъ глазами туриста, по Имандрѣ отъ Росноволока до Экъ-Острова, на разстояніи пятидесяти верстъ, одна за другой выступаютъ, загораживаютъ окрестные виды и уходятъ назадъ двѣнадцать вершинъ этого хребта. Нѣкоторыя чрезвычайно круты. Общій сѣровато-лиловый колоритъ лежитъ на нихъ, но это однообразіе не утомляетъ глаза, не наскучаетъ вамъ. Все такъ раздольно, такъ необыкновенно, что вы не оторвете взгляда отъ этихъ каменныхъ великановъ, отъ этихъ твердынь Лапландіи. Самая высокая гора Лявинская, она точно виситъ на воздухѣ. Гранитные стержни этихъ горъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ точно треснули — ущелья кажутся совершенными трещинами, щелями. Особенно одна осталась въ моей памяти. Съ верху до низу она точно разрублена однимъ ударомъ чьего-то сказочнаго меча. Лопари по этому поводу приводятъ легенду. Я уже сообщалъ о ней въ этнографическомъ отдѣлѣ Русскаго Географическаго общества. Вотъ это преданіе:

---

*) «Павокъ» (паукъ) такъ лопари называютъ Павкова.

— Пришла *чудь*, побѣжала *лопь* отъ нея въ горы—и *чудь* въ горы. *Лопъ* въ лѣса, и *чудь* въ лѣса. Спасенія не было. Уже несмѣтно нашихъ *чудь* побила, когда одинъ вѣдунъ выискался. Заклялъ гору—та раскрылась. Лопари вошли туда всѣ. Видитъ *чудь*—никого нѣтъ. Только одинъ главный *чудинъ* слышалъ какъ нашъ вѣдунъ заклиналъ. Легла чудь спать. Нашъ вѣдунъ опять сказалъ какое-то слово, гора раскрылась, выпустила лопарей и опять закрылась. На утро чудь проснулась. Главный чудинъ думалъ поймать нашихъ; сказалъ подслушанное слово, разверзлась варана (гора), впустила туда чудь да и закрылась, такъ они всѣ тамъ и умерли, по тому что слова такого, чтобъ выйдти оттуда, не знали. Но только съ ними лопка одна была, дѣвушка; силой они увели ее съ собою. Отецъ ея и проситъ вѣдуна сказать свое слово, чтобъ взять ее оттуда. Долго вѣдунъ не соглашался на это, да старикъ умолилъ.

— Ну, сказалъ вѣдунъ, сдѣлать я сдѣлаю, только смотри, чтобъ худо не было.

Сказалъ онъ свое слово, дрогнула земля, гора распалась да такъ и стоитъ до сихъ поръ—никто ее уже соединить не могъ. А дочку-то внутри старикъ нашелъ, только уже мертвою и пропасть тамъ чуди побитой лежало, сказываютъ охотники—и до сихъ поръ кости бѣлѣютъ.

Имандра въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съуживалась такъ, что отъ берега до берега, пожалуй, голосъ человѣка можетъ быть слышенъ, за то вслѣдъ за этимъ она разсширялась верстъ на десять, двѣнадцать... Вся она изрѣзываетъ берега извилистыми губами, то и дѣло каменистые мысы далеко вдвигаются въ Колу и мало по малу пропадаютъ въ ней цѣлою линіей каменныхъ лудъ, одна другой менѣе.

Нѣкогда Хибины были всякимъ звѣрьемъ богаты, теперь это довольно скудный животною жизнью хребетъ. Правда попадаются олени, медвѣди, россомахи, лисицы, зайцы, но далеко не въ прежнемъ изобиліи. Больше всего осталось волка, котораго цѣлыя стада бродятъ здѣсь, забираясь на самыя вершины горъ. Имъ-то и нужно приписать почти полное истребленіе дикихъ оленей въ этомъ районѣ.

— Случалось ли изъ васъ кому охотиться здѣсь? Спрашивалъ я у своихъ лопарей.

— Для чего не случалось—бывало!

— Чтожъ есть выгода?

— Подъ осень—баско (хорошо), ну а лѣтомъ, хоть есть звѣрь—плохо.

— Чѣмъ это?

— Птица такая—комаромъ зовется есть здѣсь.

— Несосвѣтимо ее у насъ. Комаръ этотъ надъ водой иной разъ точно туманъ лежитъ. А въ Хибинахъ—его тучи. Идешь ты по варакамъ, спускаешься внизъ, надъ проваломъ либо надъ бездной—не видишь ее вовсе. Комаръ сверху тучей сталъ и стоитъ. Бывали такія дѣла, что иной нашъ охотникъ бѣжитъ отъ комара во всю мочь, устанетъ, ноженьки больше не носятъ, онъ и упадетъ—тутъ его и заѣстъ птица эта. Такъ до смерти заѣстъ.

Случаи, подобные этому, бывали и въ Кадовскихъ горахъ. Приходилось только порадоваться, что мнѣ въ странствованіяхъ моихъ по этимъ каменнымъ пустынямъ, не выпадало на долю подвергаться такимъ страшнымъ мученіямъ. Комаръ лапландскій крупнѣе обыкновеннаго. Не только кожу человѣка—онъ умѣетъ проникать кожу оленя, такъ что иной разъ, дикія животныя этого рода погибаютъ отъ комара. Лопари домашнія стада оленей съ весны отгоняютъ къ морскому берегу и только такимъ образомъ спасаютъ ихъ отъ преслѣдованія этого врага.

У Росноволока хорошо рыболовничаютъ. Кумжи, сиговъ, щукъ и харіуса ловится изобильно, только на сторону, какъ и на Пермесъ-озерѣ, продавать не приходится — некуда, просаливать нечѣмъ; поневолѣ лопари валятъ въ котелъ, въ одну выть, чуть не по три пуда рыбы. Все равно—назадъ въ воду не выбросишь, оставить лежать — испортится. Варя рыбу, лопари вынимаютъ изъ нея только внутренности, больше же не очищаютъ, такъ что чешуя остается въ ухѣ.

— Чего вы не снимаете ее?

— Зачѣмъ. Намъ не хлебово вкусно, а рыба нужна, ну а рыба, коли она такъ цѣльемъ сварена, горазъ скуснѣе....

Съ Росноволока показался направо другой величавый хребетъ горъ Мончь-Тундра. Онѣ уступаютъ въ высотѣ Хибинамъ, но зато онѣ болѣе скучены и потому кажутся болѣе грандіозными. Собственно ни Мончь-Тундру, ни Хибины нельзя назвать хребтами или цѣпью горъ, это просто группа отдѣльныхъ горъ, сбившихся въ одну кучу. Кругомъ—небольшая равнина, топь болотистая, горы начинаются разомъ. Точно какой-то духъ, пролетая надъ этой страной, кучками разсыпалъ ихъ, гдѣ попало. Съ Имандры видъ на нихъ необыкновенно хорошъ. Ровная голубая гладь воды—и направо, и налѣво, и впереди—группы сѣровато-лиловыхъ горъ, точно висящія въ воздухѣ, по крайней мѣрѣ, между линіей озера и подножіемъ этихъ горъ мерещится голубая полоса воздуха. Вообще все это красивое озеро обставлено горами. Мы отъ Росноволока отвалили въ четыре часа утра. Горы эти были опутаны туманомъ, но все таки красота изумительная; сѣроватый колоритъ тучъ придавалъ этимъ каменнымъ стержнямъ еще болѣе таинственнаго величія и прелести. Западный берегъ весь вдается въ Имандру безчисленными узенькими мысами, изъ которыхъ многіе чуть не доходятъ до восточнаго берега, прорѣзывая озеро поперегъ. Часто острова составляютъ продолженіе этихъ мысовъ. И какъ хороши эти острова, какъ красивы эти мысы! На нѣкоторыхъ лежатъ туманы. Иной островъ весь кажется небольшою тучкой, застывшей на недвижномъ озерѣ. Только передъ зарею, когда потянуло легкимъ вѣтеркомъ, клочки тумана на водѣ оказались островами. Мало по малу обнажался каждый изъ нихъ, лаская взглядъ то красивою березовой порослью, то голою, повидимому, скалой, изъ расщелины которой вдругъ подымается большая сосна, или мелкая поросль опутала гребнемъ всѣ ея трещины.

Нѣжно золотистый отсвѣтъ подернулъ выступъ алымъ румянцемъ; обливъ недосягаемую высь неба, что же если румянецъ проступитъ и на недвижную зеркаль Имандры. Вершины горъ совсѣмъ лиловыми стали, еще недавно черныя ущелья—легли густою синью, сѣроватые склоны тоже сбросили свое хмурое величіе, золотистыми стѣнами падали они въ воду...

Ни одно изъ видѣнныхъ мною озеръ не сравнится по красотѣ своей съ Имандрой. Дѣло въ томъ, что швейцарскія озера слишкомъ сплошь окружены горами. Нѣтъ взгляду шири и простора. Здѣсь напротивъ. Горы стоятъ отдѣльными группами—въ промежуткахъ между ними безконечная даль озера, заставленнаго только отчасти островами и прорѣзаннаго мысами.

По Имандрѣ и карбасы ходятъ совершенно иной конструкціи. Они шире и больше. Я даже удивлялся, какъ два—три лопаря могутъ безъ устали грести верстъ двадцать, а то и всѣ двадцать пять, передвигая по водѣ эту просторную лодку, скорѣе похожую на морскія шнявы Сѣвернаго океана, чѣмъ на скромные карбасы полярныхъ рѣкъ и озеръ.

Солнце взошло изъ-за кремнистаго гребня, покрытаго лѣсомъ острова, разомъ придавъ жизнь и обливъ яркими красками всѣ эти и безъ того красивыя окрестности...

— Хороша земля наша! говорили тѣ же лопари, любуясь на окружавшіе насъ виды.

Вообще у этого бѣднаго племени, заброшеннаго въ глушь полярнаго захолустья, гораздо болѣе чутья красоты, чѣмъ у племенъ поставленныхъ въ болѣе благопріятныя условія.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

* * *

Доброволецъ.

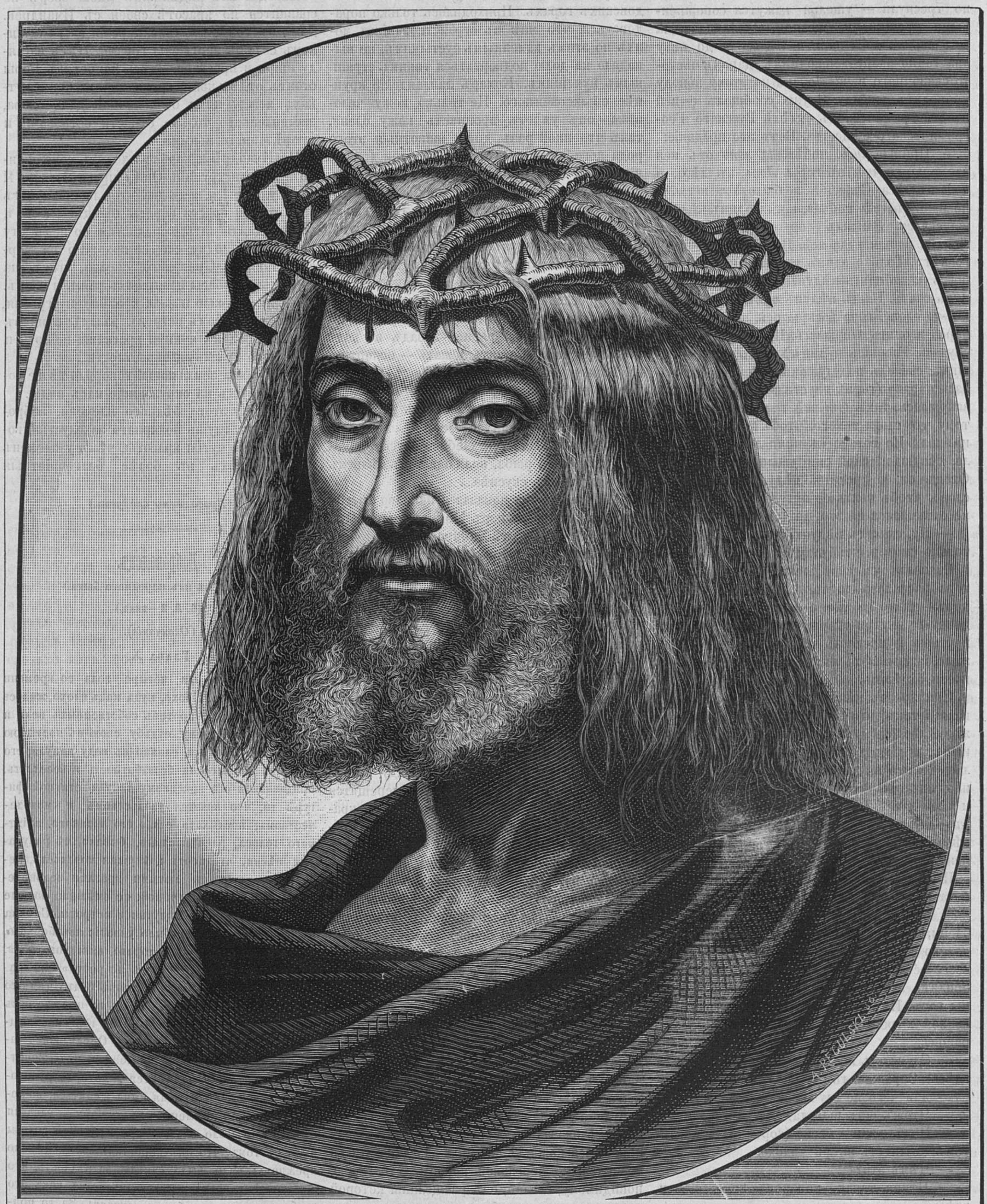
Разсказъ изъ народнаго быта.)

(**Б. Л. Я—вина.**)

(*Окончаніе*).

Глава X.

Прошло три или четыре года со времени свадьбы Семена. Плохо, куда какъ плохо, жилось бѣдному дѣтинѣ, противъ собственныхъ воли и желанія связавшему судьбу свою съ постылою женщиной. Пропала, словно въ воду канула, его прежняя юношеская беззаботность и веселость, придававшія его красивому лицу и статной фигурѣ то, что зовется удальствомъ и молодечествомъ; неслыхать стало его звонкаго, пріятнаго голоса, распѣвавшаго, бывало, тѣ разудалыя пѣсни, что̀ поетъ цвѣтущая молодость, незнакомая еще съ лютыми врагами человѣчества, — бѣдой и кручиной; не смѣшили больше молодежь его мѣткія шутки и остроты. Семена дѣйствительно трудно было узнать: изъ бойкаго, браваго молодца, для котораго, какъ говорится, все нипочемъ — «хоть трава не рости», онъ сразу превратился въ тихаго, какъ будто чѣмъ-то пришибленнаго мужика, покорно и даже безъ тѣни ропота, переносившаго свое горе, какъ будто ему такъ и быть слѣдовало. Оправдалась таки еще разъ та русская пословица, что «женится человѣкъ — перемѣнится», которой руководился Лукичъ, принуждая сына жениться; но перемѣнился ли Семенъ къ лучшему — едва ли это можно было сказать про него. Что̀ пользы было въ томъ, что онъ пересталъ «зашибать» по прежнему: надо было считать за рѣдкость, что онъ совсѣмъ не ударился въ пьянство, какъ это и бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. За то пойдетъ онъ, бывало, на первыхъ порахъ, лѣтомъ на работу, сядетъ на клочь да такъ бывало и просидитъ до самаго заката солнца, или поѣдетъ въ извозъ, пробудетъ въ дорогѣ цѣлую недѣлю и съ пустыми руками вернется домой. Подъ конецъ онъ даже и на работу совсѣмъ пересталъ ходить, а все больше или безъ всякой цѣли шатался по лѣсу, или по цѣлымъ часамъ просижи-



Спаситель—въ терновомъ вѣнцѣ.

(«ECCE HOMO.»)

Снимокъ съ картины Гротгера.

валъ сложа руки на завалинѣ дома. Съ женой своей онъ никогда не входилъ ни въ какія сношенія; мало того — онъ даже чуждался и бѣгалъ ее. И замѣчательно — вся семья точно будто сговорилась перемѣниться вмѣстѣ съ Семеномъ; на всѣхъ легла та же самая печать принужденія и невольной тоски, которая, правда, несравненно больше и рельефнѣе изображалась на немъ: всѣ ходили точно подъ тяжестью какой-то, и, словно по неволѣ, каждый справлялъ свое дѣло; не поддался этому вліянію только одинъ Лукичъ, упорный и своенравный характеръ котораго не допускалъ до раскаянія, до сознанія своей ошибки. «Перемѣлется когда нибудь — все мукà будетъ, все устроится опять по прежнему», часто думалъ онъ, настойчиво отгоняя отъ себя мрачныя мысли при видѣ все больше и больше приходившаго въ упадокъ хозяйства. Пробовалъ было онъ, попрежнему, «поучить» сына, но съ перваго же опыта пришелъ къ тому заключенію, что лучше все предоставить времени: не вѣкъ же, молъ, парень станетъ тосковать да кручиниться. Придетъ пора — самъ пойметъ безъисходность своего положенія и, поневолѣ, примирившись съ нимъ, возьмется за умъ. Только не пришлось ему видѣть исполненіе своихъ надеждъ: не дожилъ старикъ до той желанной поры семейнаго благосостоянія, которой не суждено уже больше было снова возвратиться въ его домъ, и умеръ, ни мало не раскаяваясь въ своемъ возмутительномъ поступкѣ и въ полной увѣренности за его хорошій исходъ.

Семена какъ будто обрадовала, словно оживила, смерть отца. Сталъ онъ опять, какъ и прежде, веселымъ, даже понемногу работалъ, только все еще уходилъ куда-то и подолгу пропадалъ. Разъ, исчезъ онъ даже на цѣлую недѣлю, и, вернувшись домой, крайне удивилъ домашнихъ своимъ озабоченнымъ видомъ, чего съ нимъ съ самой женитьбы никогда не бывало.

— Матушка, проговорилъ онъ, садясь на лавку и взявъ за руку старуху, — былъ я это время въ городѣ, провѣдалъ, что нехристи бьютъ нашихъ православныхъ тамъ далеко за моремъ, и что отъ насъ, со всѣхъ концевъ русской земли, цѣлыя тысячи уходятъ туда на подмогу бѣдняжкамъ. Пойду и я туда, умру за православную кровь. Благослови родная!

Бѣдная мать залилась отъ этихъ рѣчей горькими слезами и попробовала уговорить сына.

— Голубчикъ, да вѣдь тебя убьютъ тамъ, говорила она, обнимая его, изрѣжутъ на части и косточекъ твоихъ никто не похоронитъ. Опостылѣло развѣ тебѣ уже съ родной матерью подъ одной крышей жить, что уходишъ ты на чужую сторону!

— Нѣтъ, родимая, не опостылѣло мнѣ жить съ тобой, а опостылѣло жить на бѣломъ свѣтѣ: моченьки моей не стало — такъ вотъ и умеръ бы, закопался бы въ землю живьемъ, возразилъ Семенъ.

— Вѣдь все одно, продолжалъ онъ утѣшать рыдающую мать, — погляди ты, что за жизнь моя: вѣдь краше въ гробъ кладутъ, до того заѣла твое дѣтище лихая тоска! А чѣмъ жить такъ, да маяться — лучше уже за одинъ разъ помереть, коли не судилъ мнѣ покойный батька пожить счастливо....

— Матушка, родная моя, не плачь, а благослови лучше умереть за доброе дѣло, припалъ онъ къ колѣнямъ старухи — не отступлюсь я все равно отъ этого — пойду во что бы то ни стало биться за свою братью-христіанъ: вѣдь «на людяхъ, говорятъ, и смерть красна!» А тебѣ же въ грѣхъ поставится, если ты допустишь умереть родного сына безъ твоего родительскаго благословенія.

Черезъ два дня Семенъ отправился въ городъ, чтобы присоединиться къ отъѣзжавшему въ Сербію отряду добровольцевъ. Произошла трогательная сцена прощанія: — все село, отъ мала до велика, наперерывъ спѣшило обнять своего будущаго ратника за славянскую кровь. Долго молился онъ надъ прахомъ отца, моля, вѣроятно, Бога простить ему его несправедливости, долго рыдалъ онъ, припавъ къ ранней могилѣ своей вѣрной подруги, съ которой надѣялся скоро встрѣтиться въ лучшемъ мірѣ, гдѣ нѣтъ ни обидъ, ни огорченій, а только одна безконечная любовь; наконецъ всталъ, твердо попростился съ родными и близкими и сѣлъ въ приготовленную для отъѣзда повозку. Облако взвившейся пыли можетъ быть навсегда скрыло отъ его глазъ родное село!

Что же сталось съ нимъ? Нашелъ ли Семенъ или нѣтъ то, чего хотѣлъ искать, отправляясь сражаться въ рядахъ подобныхъ ему добровольцевъ за угнетенныхъ братьевъ? Вѣрнѣе всего можно предположить что — да. **Б. Л. Я—винъ.**

Доктора-Соперники.

(Съ англ. М. Б.)

(*Продолженіе*).

Глава III.

Нѣтъ! Г. Гресгамъ, я этому не вѣрю! неужели я въ самомъ дѣлѣ утеряла эту должность?

Докторъ Лодъ никогда не была еще такъ встревожена; ея серьезные темные глаза съ выраженіемъ душевной тревоги устремились на открытое добродушное лицо адвоката, темные волосы котораго начали сѣдѣть. Миссъ Гресгамъ, сидя за пяльцами не мало удивилась тому, что всегда покойная Кисси такъ теперь волновалась.

— Моя милая миссъ Кисси, замѣтилъ ласково Г. Гресгамъ, я только что вернулся изъ больницы, гдѣ и узналъ это рѣшеніе; я завѣдываю ея хозяйственною частью; это положительно вѣрно. Не смотря на всѣ мои старанія и усилія нашего добраго священника, Совѣтъ назначитъ на эту должность вашего сосѣда, доктора Норскота. Да вы, по правдѣ сказать, немного потеряли, а онъ немного выигралъ. Жалованье весьма скудное, всего только полтораста ф. ст. Право не стоитъ объ этомъ даже и говорить.

Полтораста ф. ст! это, конечно, была ничтожная сумма для богатаго Равенсбриджскаго доктора, но она служила бы значительнымъ пособіемъ для бѣднаго доктора Лодъ, на которую въ послѣднее время обрушивались всевозможныя бѣды. Докторъ Лодъ дѣлала сначала видъ, что не замѣчаетъ, какъ уменьшилась ея практика; что прежніе паціенты, на которыхъ она разсчитывала, одинъ за другимъ обращаются за совѣтами къ доктору Норскоту. Докторъ Норскотъ не стѣсняясь отбивалъ практику у доктора Лодъ; она сперва только подозрѣвала, но затѣмъ ей стало ясно, что Норскотъ задумалъ во что бы то ни стало довести ее до самаго бѣдственнаго положенія.

Она встрѣтилась съ нимъ первый разъ на вечерѣ у священника; Норскотъ былъ въ числѣ гостей, а докторъ Лодъ зашла узнать о здоровьи ребенка; жена священника представила ихъ другъ другу. Его сначала удивила маленькая фигура своего соперника и затѣмъ, видя что она не обращаетъ никакого вниманія на его атлетическое сложеніе, почувствовалъ къ ней страшную ненависть; она удостоила его только мимолетнымъ взглядомъ и начала разговаривать съ священникомъ.

Зашелъ, какъ нарочно, разговоръ о женѣ одного работника въ Равенсбриджѣ, которая къ всеобщему удивленію, выздоровѣла отъ скарлатины; всѣ удивлялись тому, что мужъ во время бреда давалъ ей вина.

— Вино, замѣтилъ священникъ, по настоящему усиливаетъ бредъ.

— Бываютъ случаи, замѣтилъ докторъ Лодъ, чувствуя, что слова священника относились къ ней, когда бредъ происходитъ вслѣдствіи слабости; тогда возбудительныя средства весьма полезны,

— Пустяки! вскрикнулъ Норскотъ; Джаксонъ не долженъ былъ давать женѣ вино. Я ежедневно посѣщалъ больнаго и прописывалъ нужныя лекарства.

— Я одинъ только разъ навѣстила больную и то по неотступной просьбѣ мужа, отвѣтила Кисси; женщина сильно бредила и я не совѣтовала дать ей вина.

Всѣ гости чуть было не расхохотались, замѣтя, какъ Норскотъ злобно посмотрѣлъ на молодую дѣвушку. Онъ началъ говорить о бредѣ съ ученой точки зрѣнія, но и здѣсь Кисси ни въ чемъ ему не уступала; она на столько же его ненавидѣла, на сколько онъ презиралъ ее, и, желая пустить пыль въ глаза, приводилъ множество ученыхъ цитатъ и медицинскихъ терминовъ. Она поняла шевелившіяся въ Норскотѣ чувства и, въ свою очередь, обнаружила самыя точныя и обширныя свѣдѣнія по медицинѣ.

Жена священника замѣтила отвращеніе Норскота къ Кисси, и готова была разразиться смѣхомъ; она поняла Кисси и отъ нея не скрылся зловѣщій огонекъ въ ея глазахъ.

Такова была первая встрѣча докторовъ-соперниковъ, считавшихъ себя съ того вечера непримиримыми врагами.

Норскотъ прибѣгалъ даже къ жесткимъ мѣрамъ, чтобы поквитаться съ своимъ прежнимъ побѣдителемъ.

Кисси хотя и сократила расходы по дому, но все же доходъ не покрывалъ ихъ; она скрывала отъ матери свое горе. Ей оставалась одна надежда — получить должность при больницѣ; но и эта надежда рушилась; она только что узнала, что обѣщанное ей мѣсто досталось богатому Кляйву Норскоту.

— Онъ добивался этой должности для того, чтобы отбить ее у меня; щеки ея пылали. Какой онъ докторъ! я обладаю бóльшими медицинскими познаніями, чѣмъ онъ.

Эти слова дошли впослѣдствіи до слуха самаго Норскота чрезъ знакомыхъ миссъ Гресгамъ; какъ только эта послѣдняя вышла изъ комнаты, Г. Гресгамъ подошелъ къ Кизаіѣ и, взявъ ее за руку, сказалъ:

— Дитя мое! ты такъ молода, что не подъ силу справиться тебѣ съ этими непріятностями; я желалъ бы, чтобы ты въ самыя трудныя минуты помнила, что можешь всегда обращаться къ старому Джону Гресгаму и считала бы его своимъ другомъ! помни это, Кисси, и вѣрь мнѣ.

Кисси утвердительно кивнула головой и молча вышла изъ дому съ тяжелымъ сердцемъ.

Мать лежала и страдала страшною головною болью, предвѣщавшей скорый припадокъ.

— Ты забыла послать въ городъ за свѣжей хинной эссенціей, сказала она недовольнымъ голосомъ. Ты очень забывчива, Кисси! я чувствую такую слабость.

Г-жа Лодъ обыкновенно употребляла отъ головной боли самую чистую, сильную хинную эссенцію; это лекарство стоило очень дорого и Кисси еще болѣе упала духомъ; она и безъ того должна была въ аптеку, но, ни слова не говоря, достала нужныя на эссенцію деньги.

— За миссъ Кисси прислали изъ замка Равеннъ; доложила Марфа, просовывая голову въ спальню Г-жи Лодъ. Съ леди Равеннъ сдѣлался ударъ въ правомъ боку, и она никого не желаетъ видѣть, какъ только миссъ Кисси.

Замокъ Равеннъ, нужно вамъ сказать, прежде всего отказалъ Кисси въ практикѣ; Норскотъ познакомился съ лордомъ у Данверъ и этому послѣднему такъ понравился высокій, стройный, красивый молодой докторъ, что когда сынъ его и единственный наслѣдникъ упалъ и вывихнулъ ключицу, взлѣзая на башню замка, то немедленно послалъ за владѣльцемъ Равенсбриджа. Леди Равеннъ тогда смолчала, но не на шутку разсердилась, замѣтивши частыя посѣщенія Нордскота, заключивши изъ нихъ, что Кисси отказано отъ дому.

Однажды утромъ, вставая съ постели, съ нею сдѣлался ударъ въ правомъ боку, и она опять слегла. Лордъ послалъ за Нордскотомъ, но его не нашли, онъ былъ у Данверъ. Лордъ не отправилъ перваго посланнаго своей супруги за Кисси, которой онъ не довѣрялъ; но леди помимо его отправила другаго чрезъ преданную ей горничную. Нордскотъ все же пріѣхалъ пятью минутами раньше Кисси; она вошла въ спальню, хотя знала о присутствіи Нордскота; выраженіе ея лица было серьезное, а черное платье ея было довольно старенькое.

— Тутъ вышло недоразумѣніе, сказалъ лордъ Равеннъ, краснѣя.

— Скажите докторъ Лодъ, опасенъ ли этотъ ударъ? тихо простонала больная.

Докторъ Норскотъ напрасно просилъ дать пощупать пульсъ и бросилъ чрезвычайно презрительный взглядъ на вошедшую дѣвушку. Кисси посмотрѣла на лицо больной и спросила:

— Голова кружится? и взяла протянутую ей руку, чтобы пощупать пульсъ.

— Докторъ Лодъ, началъ было взбѣшенный Норскотъ.

— Да, голова кружится, отвѣтила слабымъ голосомъ больная; я не могу выносить этого шуму.

— Смѣю думать, сказала Кисси, смотря въ упоръ на Норскота, что вы, по крайней мѣрѣ, знаете, что въ паралитическомъ состояніи всегда необходимъ больнымъ покой. Одинъ изъ насъ долженъ объ этомъ позаботиться и я охотно уступлю вамъ свое мѣсто.

— Останьтесь докторъ Лодъ! почти закричала леди Равеннъ.

— Прошу васъ остаться, проговорилъ наконецъ смущенный супругъ; Норскотъ, пойдемъ со мною; черезъ нѣсколько минутъ можно будетъ, надѣюсь, начать консультацію.

— Прошу меня извинить, отвѣчалъ рѣшительнымъ, но тихимъ голосомъ Норскотъ; я позволю себѣ уѣхать, пожелавъ скораго выздоровленія графинѣ, прошу меня избавить отъ консультаціи съ докторомъ Лодъ.

Кровь бросилась въ лицо Кисси, но она нагнулась къ леди Равеннъ и начала ее утѣшать.

— Вы черезъ три или четыре недѣли будете совершенно здоровы. Я вамъ всегда говорила, что для васъ опасно предаваться горю о слѣпотѣ вашей дѣвочки. Фордъ, сказала она, обращаясь къ горничной, я пришлю сегодня сидѣлку и она приложитъ шпанскую мушку къ затылку; до ея прихода прикладывайте къ икрамъ припарки изъ горчицы смѣшанной на половину съ мукой, смачивайте голову одеколономъ, не давайте мяса, а только молока, говяжій бульонъ, виски и камфорную микстуру, которую я пришлю съ мальчикомъ. Не отходите ни на минуту отъ леди, прибавила она вполголоса.

Въ другое время, докторъ Лодъ восторжествовалъ бы надъ побѣдою, одержанной надъ заклятымъ врагомъ, но ей было тогда не до того. Вѣсть о томъ, что ее снова пригласили въ зàмокъ, быстро разнеслась по всему околодку. Норскотъ хотѣлъ ее до конца доконать, и она начала занимать всѣ его мысли до того, что служила предметомъ разговора въ обществѣ прекрасной Розы Данверъ.

— Вотъ новость дня! объявила ему какъ-то весело Роза. Моя горничная сообщила мнѣ сегодня новость, что ваша соперница скоро не будетъ стоять поперегъ вашей дороги; весь Равенсбриджъ только и говоритъ, что Гресгамъ по уши въ нее влюбленъ. Онъ очень приличный, хотя и пожилой господинъ; у нее такіе прекрасные глаза, не смотря на то, что платье изношено и что она не занимается своею прическою.

Норскотъ гладилъ собаку Розы, и съ дурно скрытымъ изумленіемъ смотрѣлъ на Розу. Онъ никогда не допускалъ мысли любви или женитьбы, думая о Кисси. Докторъ г. Лодъ любитъ стараго Джона Гресгама! не можетъ быть; она еще ребенокъ. Норскоту живо представилось, какъ это оживленное доброе лицо навсегда водворится въ Гранжѣ; онъ вскочилъ точно ужаленный, и ощущалъ страшную безотчетную тревогу.

— Эти сплетни до меня не касаются, сказалъ онъ; затѣмъ подсѣлъ къ Розѣ и началъ подбирать шерсти.

Управляющій грубый педантичный шотландецъ уже нѣсколько разъ приставалъ къ Норскоту, чтобы тотъ разрѣшилъ ему послать Шерифа къ незаплатившимъ должныя за наемъ квартиры деньги; онъ попался ему какъ разъ на встрѣчу, когда Норскотъ возвращался въ тотъ вечеръ отъ Данверъ домой пѣшкомъ.

— Вы ничего не выиграте своею снисходительностію. Разрѣшите мнѣ, сэръ, и я ихъ такъ напугаю, что они немедленно выплатятъ мнѣ до послѣдняго гроша.

— Ахъ, не приставайте ко мнѣ съ этимъ! поступайте, какъ знаете.

По прошествіи четырехъ или пяти дней, Кизаія Лодъ, измученная безсонницей и душевною тревогою, явилась въ контору Гресгама; ей угрожало присутствіе Шерифа въ ея домѣ, если она въ тотъ же день не заплатитъ всего долга за квартиру. Она заглушила въ себѣ гордость и рѣшилась отправиться къ своему преданному другу.

— Джонъ вчера вечеромъ уѣхалъ въ Парижъ, сказала миссъ Гресгамъ, услышавъ ея голосъ и выходя къ ней — онъ получилъ важную дѣловую телеграмму отъ своего кліента генерала Ландсдаля, но къ концу недѣли непремѣнно вернется.

Кисси безучастно посмотрѣла на нее, пробормотала «не важно»; она только и думала въ эту минуту, какъ бы избавиться отъ тяжелой, невыносимой, исполненной заботъ и хлопотъ жизни.

Глава IV.

Кляйвъ Норскотъ сидѣлъ однажды вечеромъ дома, просматривалъ счеты, а можетъ быть только машинально перевертывалъ страницы. Часовая стрѣлка медленно подвигалась къ 9 час. Былъ мартъ мѣсяцъ; вѣтеръ страшно завывалъ и погода совершенно походила на мрачное состояніе духа молодого доктора. За нѣсколько мѣсяцевъ, какъ онъ сдѣлался равенсбриджскимъ докторомъ, дѣла его шли какъ нельзя лучше. Все сосѣдство обращалось къ нему за совѣтами и все общество носило его чуть ли не на рукахъ.

Но чѣмъ же объяснить эту глубокую морщину на лбу, сумрачное выраженіе лица и душевное волненіе? Миссъ Данверъ никогда еще не была такъ любезна съ Норскотомъ; такое милое обхожденіе прекрасной капризницы привело бы въ восторгъ Норскота въ прежнія времена; онъ вознесся бы на 7-е небо, но съ нимъ въ послѣднее время произошла перемѣна.

Его мысли не переносились къ голубоглазой Розѣ; онъ видѣлъ передъ собою одно только лицо, окаймленное волнистыми каштановыми волосами, лицо съ серьезными, покойными, темными и мягкими глазами, съ нервическимъ ртомъ; все отъ этого лица дышало такою женственностію; онъ видѣлъ маленькія хорошенькія руки, добывающія хлѣбъ изъ дочерней любви; маленькія ноги, неутомимо странствующія и взбирающіяся по крутымъ, неровнымъ дорогамъ. Всѣ его усилія отогнать отъ себя этотъ женскій образъ оказывались напрасными!

Обращеніе съ нимъ Кисси было всегда одинаковое. Покойное лицо доктора Лода принимало, каждый разъ, при встрѣчѣ съ нимъ, самое презрительное выраженіе. Норскотъ отлично сознавалъ что она презираетъ его. Онъ прибѣгалъ ко всевозможнымъ средствамъ, чтобы сломить эту гордую натуру, но ничего не удавалось. Если онъ доставлялъ страданія и мученія Кисси, то она ихъ передъ нимъ не выказывала; отъ нее или по ней самой онъ никогда бы не узналъ, что его месть не проходитъ даромъ. Но удовлетворяло-ли его чувство мщенія? Въ этотъ вечеръ ни разу въ его груди не зарождалось сожалѣніе къ ней. Онъ не переставалъ увѣрять себя, что ненавидитъ Кисси, но если бы поглубже посмотрѣлъ въ свою душу, то открылъ бы въ себѣ другое, далеко не похожее на ненависть, чувство.

Вдругъ дверь въ комнату порывисто отворилась. Норскотъ повернулся къ двери, мысленно задавая себѣ вопросъ, кто присылаетъ за нимъ въ такую ненастную погоду.

— Докторъ Норскотъ!

— Докторъ Лодъ! добрый вечеръ, что вамъ нужно отъ меня.

Хотя неожиданное это появленіе сильно его удивило, но онъ отличался замѣчательнымъ самообладаніемъ и, благодаря этому, напустилъ на себя равнодушное, надменное выраженіе лица. Кисси и не подозрѣвала того, какъ сердце его страстно билось отъ присутствія ея подъ его крышей. На ней была надѣта ея обычная шапка, и старый, столь хорошо знакомый Норскоту, уатерпруфъ. Ему показалось, что губы ея нервически задрожали; но она смотрѣла упорно въ полъ и заговорила спокойнымъ и полнымъ достоинства голосомъ.

— Докторъ Норскотъ! я пришла къ вамъ по дѣлу. Я употребила всѣ усилія, чтобы быть въ состояніи выплатить вамъ къ сроку наемныя за квартиру деньги, но мои старанія не увѣнчались успѣхомъ; мнѣ въ послѣднее время вообще не везетъ; я должна выплатить вамъ 20 ф., но у меня только 12 ф. Сказавши это, она положила передъ Норскотомъ кошелекъ, который она все время держала въ рукахъ. — Я просила вашего управляющаго повременить немного, но онъ и слышать не хотѣлъ о какихъ либо соглашеніяхъ. Я знаю, что онъ поступаетъ по закону; но присутствіе этихъ людей въ нашей квартирѣ убьетъ мать, а черезъ нѣсколько недѣль я выплачу вамъ всю сумму; я со дня на день жду платы за медицинскія мои статьи.

— Вы хотите, чтобы я ждалъ своихъ денегъ, грубо прервалъ ее Норскотъ.—Выражайтесь яснѣе, докторъ Лодъ. Вы принесли 12 ф.

— Больше я вамъ не могу дать теперь, просто замѣтила она, но она не солгала бы, если бы и сказала—это все, что у меня есть.

— Я требую особенной аккуратности отъ своихъ управляющихъ, замѣтилъ онъ; я даже не могу обвинить ихъ за слишкомъ буквальное исполненіе своихъ обязанностей.

— Я одного только прошу у васъ, чтобы вы освободили хотя на нѣсколько дней, нашу квартиру отъ присутствія этихъ людей; я, наконецъ, рѣшилась сама обратиться къ вамъ; съ матерью былъ вчера сильный припадокъ, отъ нее во всякомъ случаѣ нельзя будетъ долго скрывать правду, и это можетъ ее окончательно сразить.

— Когда водворились шерифы? спросилъ Норскотъ, и въ его глазахъ засвѣтился огонекъ.

— Вчера утромъ. Но я по нездоровью не могла раньше придти къ вамъ. Прошу васъ, обратите вниманіе, докторъ Норскотъ, на мою просьбу; получите теперь 12 ф., а остальные я вамъ навѣрно выплачу по прошествіи шести недѣль; я найду себѣ, если вамъ это нужно, поручителя.

—Кого именно? спросилъ насмѣшливо Норскотъ.

— Г. Гресгама, отвѣтила Кизаія.

Кляйвъ Норскотъ, молча, повернулся отъ нее и прошелся по комнатѣ; въ эту минуту чувство ревности къ старому адвокату такъ и охватило его.

— Избавите вы насъ отъ этихъ людей? спросила Кизаія.

Онъ ощущалъ какое-то особенное удовольствіе, сознавая, что она предстала передъ нимъ въ видѣ просительницы; онъ ходилъ преспокойно по комнатѣ, не давая никакого отвѣта. Она также стояла въ выжидательномъ положеніи; но при мысли о больной, такъ сильно любимой ею матери, отчаяніе овладѣло ею и она не могла долѣе выдержать и разразилась страшнымъ гнѣвомъ, такъ что Норскотъ былъ совершенно пораженъ.

— Злой человѣкъ! вскрикнула она. Наконецъ настал̃ъ часъ вашего торжества; вы все дѣлали, чтобы разорить меня; цѣль ваша достигнута теперь. Я никогда не прощу себѣ, что рѣшилась обратиться съ просьбою къ самому низкому человѣку, задумавшему погубить беззащитную женщину. Берите все, что мы имѣемъ и пусть все ваше богатство не пойдетъ вамъ въ прокъ; я проклинаю васъ, поймите это, какъ убійцу моей матери!

Норскотъ весь побраговѣлъ отъ стыда и злости; такое презрѣніе вызвало въ немъ всѣ его враждебныя чувства къ ней.

— Если вы не заплатите мнѣ, я долженъ буду прибѣгнуть къ судебной власти. Я не потерплю, чтобы меня безнаказанно поносили. Если васъ выгонятъ изъ квартиры, вы скоро найдете себѣ убѣжище.

— Могила ждетъ мою мать, а меня пріютъ для бѣдныхъ—горько сказала она—но я предпочту то и другое вашему покровительству, докторъ Норскотъ. Желаю вамъ покойной ночи. Завидую вашей чистой и спокойной совѣсти. Я много наслышалась о вашей добротѣ и щедрости—позвольте поблагодарить васъ за все, что вы сдѣлали для меня.

Она направилась къ двери; въ эту самую минуту вѣтеръ жалобнѣе завылъ, стекла въ окнахъ задрожали, и она представляла собою такое одинокое существо.

— Подождите уходить, сказалъ Норскотъ хриплымъ голосомъ; вы и безъ того замочили платье и сапоги; а сильный дождь совершенно окатитъ васъ.

— Развѣ женщина должна обращать вниманіе на дождь! проговорила она со злобою. Мужчины скрываются отъ него, но мы должны и въ дождь выходить.

— Скоро вамъ это не придется дѣлать, продолжалъ докторъ Норскотъ. — Г. Гресгамъ охотно приметъ васъ подъ свой кровъ.

Кисси, точно пораженная, посмотрѣла на него, поднесла одну руку къ трещавшей отъ боли головѣ, а другою схватилась за ручку двери.

— Вы не въ состояніи уходить, докторъ Лодъ, заслоняя собою дверь, сказалъ Норскотъ.

Она безучастно посмотрѣла на него, и разразилась страшнымъ истерическимъ смѣхомъ; прислуга привыкла уже къ этимъ крикамъ, и поэтому только не сбѣжалась. Это былъ первый истерическій припадокъ съ докторомъ Лодъ, но если бы онъ съ нею не случился, она навѣрное умерла бы.

— Тсъ! тсъ! успокоивалъ ее Норскотъ, обращаясь съ нею, какъ съ своими больными. Вся прислуга сбѣжится. Успокойтесь, ради... ну ради вашей матери. Теперь слезы? онѣ во всякомъ случаѣ облегчатъ васъ. Послушайте! я не буду приставать за уплату въ теченіи нѣсколькихъ недѣль. Я не нуждаюсь въ 12 ф., но желаю получить всю сумму разомъ; перестаньте же плакать; я самъ проведу васъ до дому и выгоню тѣхъ негодяевъ. Честное слово, я и не зналъ, что они примутъ такую мѣру, я бы иначе имъ это запретилъ.

Дѣвушка не унималась; она сильнѣе зарыдала, услышавъ его мягкій голосъ; Норскотъ посадилъ ее въ покойное кресло, сталъ передъ нею на колѣни, и началъ согрѣвать ея холодныя руки. Онъ въ эту минуту почувствовалъ такую любовь къ ней и съ трудомъ удержался, чтобы не поцѣловать ее; шляпа слетѣла у нея съ головы, и волосы ея дотрогивались до его лица.

— Вы слишкомъ усиленно занимались, сказалъ онъ; вы очень слабы физически.

— Я съ ума схожу, возразила Кисси, съ какимъ-то неестественнымъ блескомъ въ глазахъ. Я скоро не буду стоять поперегъ вашей дороги; я изучала психіатрію и чувствую, что мнѣ не миновать умопомѣшательства.

— Много у васъ книгъ по этому предмету? спросилъ Норскотъ, чувствуя, какъ какая-то дрожь пробѣгала по его тѣлу отъ прикосновенія ея холодныхъ пальцевъ.

— Да! я спеціально изучаю этотъ предметъ.

— Это весьма интересная наука; я былъ бы вамъ очень благодаренъ, если бы вы мнѣ одолжили на время ваши книги. Дайте ихъ мнѣ сегодня же вечеромъ.

Дѣвушка не могла объяснить себѣ поведеніе доктора Норскота; она подняла голову и съ удивленіемъ посмотрѣла на него. Въ его глазахъ она прочитала нѣчто такое, что она, не смотря на свою невинность, отлично поняла. Густая краска разлилась по ея серьезному лицу; она вынула свои руки изъ его рукъ, встала, съ трудомъ удерживаясь на ногахъ.

— Если вы въ самомъ дѣлѣ готовы повременить и избавить насъ отъ присутствія этихъ людей, то я вамъ буду глубоко благодарна; что же касается до моихъ книгъ, то берите какія угодно.

— Хорошо, я теперь же проведу васъ и зайду за ними:

Онъ въ одинъ мигъ одѣлся, и прежде чѣмъ она могла опомниться увернулъ ее въ огромный толстый плэдъ.

Онъ предложилъ ей руку, но она отказалась, говоря:

— Я привыкла сама ходить, докторъ Норскотъ; съ тѣхъ поръ, какъ умеръ отецъ, я никогда не гуляла подъ руку съ мужчиною.

— Да, вы совсѣмъ самостоятельны, замѣтилъ докторъ, но все же взявши ее подъ руку.

И такъ, доктора-соперники шли подъ дождемъ рука объ руку; Норскотъ началъ тревожиться, замѣтя, что Кисси вся дрожитъ до того, что подбрасывало ее маленькую фигурку.

Г-жа Лодъ открыла двери прежде, чѣмъ они постучали.

— Господи, Кисси! иной подумаетъ, что у тебя желѣзное здоровье; мало тебѣ того, что твои сестры преждевременно умерли оттого, что не заботились о здоровьи. Кого ты привела съ собою?

— Дорогая мама...

— Г-жа Лодъ, позвольте вамъ представиться; я вашъ сосѣдъ, докторъ Норскотъ. Мой коллегъ обѣщалъ мнѣ нѣсколько книгъ, за которыми я и пришелъ.

— Это очень любезно съ вашей стороны заглянуть къ намъ; но вы, докторъ, если не ошибаюсь, не совсѣмъ хорошо поступали съ Кисси.

— Мама, дорогая, г. Норскотъ очень добрый; мы не такъ его поняли.

— То-то! вѣдь я тебѣ всегда говорила Кисси, что онъ мнѣ удивительно напоминаетъ капитана Вермона, одного изъ моихъ ухаживателей во времена моей молодости. Но Кисси ничего этого не хотѣла слышать, а только всегда васъ бранила и говорила, что одна цѣль ваша разорить ее, и повредить ея репутаціи!

— Я ничего въ мірѣ такъ не уважаю, какъ репутацію вашей дочери, сказалъ докторъ Норскотъ, и щеки его запылали.

— Зайдите и поужинайте съ нами.

— Мама, голубушка! прошептала Кисси. Неужели мать забыла, что у нихъ ничего нѣтъ, кромѣ хлѣба и масла и кусочка баранины, которую Кисси оставляла для матери.

— Позвольте мнѣ, г-жа Лодъ, отправиться прежде всего въ кухню и обсушиться у очага? я страшно боюсь простудиться.

— Я васъ вылечу, пошутила даже Кисси.

— Благодарю васъ, докторъ Лодъ, я во всякомъ случаѣ не хочу заболѣть.

— Будьте какъ дома, докторъ, идите погрѣться въ кухню; хотя Марфа зазвала къ себѣ, кажется, своего друга; я слышала вчера мужскіе голоса въ кухнѣ, но я такъ была слаба, что была не въ силахъ встать, узнать, кто тамъ.

— Я самъ отправлю всѣхъ непрошенныхъ гостей, замѣтилъ Норскотъ. Дитя, не вздумайте провожать меня, я самъ найду дорогу въ кухню.

Онъ вышелъ и черезъ нѣсколько времени чиновники оставили весьма неохотно Удбинъ-Коттеджъ.

— Что есть у васъ на ужинъ, Марфа? спросилъ Норскотъ, садясь за столъ къ великому удивленію очарованной горничной.

— Для г-жи Лодъ будетъ кусокъ баранины; миссъ Кисси обыкновенно ужинаетъ хлѣбомъ. Она старается по возможности меньше тратить на свою ѣду.

— Кажется, кто-то позвонилъ. Но она не выйдетъ сегодня изъ дому, если бы даже королева за ней прислала.

Докторъ Норскотъ взбѣжалъ на лѣстницу, перепрыгивая черезъ нѣсколько ступенекъ, и засталъ Кисси, все еще въ мокромъ уатерпруфѣ, открывавшую дверь пятнадцатилѣтнему парню, посланному отъ фермера Дженкинсъ, у котораго старшая дочь сильно заболѣла спазмами.

— Вамъ нуженъ докторъ? хорошо. Иди себѣ и скажи, что докторъ будетъ черезъ минуту.

Парень ушелъ, но Кисси изумленно посмотрѣла на Норскота и серьезно сказала:

— Это за мною присылали.

— Сударыня, ваша дочь не совсѣмъ здорова, сказалъ онъ, натягивая на себя свое пальто, и я беру на себя обойти всѣхъ ея больныхъ.

— Докторъ Норскотъ, сказала тихимъ и умоляющимъ голосомъ Кисси, у меня и безъ того такъ мало больныхъ.

— Довѣрьтесь мнѣ, отвѣтилъ ей Норскотъ, кладя руку ей на плечо. Мы должны дѣйствовать за одно; будемъ друзьями, докторъ Лодъ!

— Благодарю васъ за вашу доброту! проговорила она и глаза наполнились слезами. Да благословитъ васъ Богъ! я заплачу вамъ, какъ только буду въ состояніи.

— Значитъ, я уже, по мнѣнію нѣкоторыхъ, не самый низкій человѣкъ.

— Благодарю васъ, больше она ничего не могла сказать.

— И вы не выше меня по медицинскимъ познаніямъ, докторъ Лодъ?

Но Кисси на это не отвѣтила. Она бросила на него злобный взглядъ; и затѣмъ произошло что-то очень странное. Норскотъ обнялъ ее, прижалъ ея дрожащее тѣло, и три раза страстно поцѣловалъ. Прежде чѣмъ она успѣла протестовать, онъ выбѣжалъ изъ комнаты, оставивъ на комодѣ кошелекъ съ 12 ф. и записку: «я завтра утромъ пришлю за книгами».

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

Библіографія.

Исторія Сербіи, по сербскимъ источникамъ. Соч. профессора Ранке, переводъ съ нѣмецкаго Петра Бартенева. Москва, 1876 г. Цѣна 1 рубль.

(*Окончаніе*).

Поэзія сербовъ и ихъ народныя пѣсни отличаются сильнымъ чувствомъ природы и вполнѣ національнымъ, героическимъ характеромъ, или же семейнымъ. Сочинители этихъ пѣсенъ неизвѣстны—какъ и у другихъ народовъ. Пѣсни эти переходятъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, изъ устъ въ уста—и безпрестанно видоизмѣняются. Всѣ знаютъ съ младенчества эти пѣсни; поютъ ихъ, преимущественно, на гусляхъ—инструментѣ, имѣющемся въ каждомъ почти домѣ.

«Зимними вечерами—разсказываетъ авторъ,—когда семья собирается вокругъ огня и женщины принимаются за пряжу, тотъ, кто въ семьѣ поетъ лучше другихъ, берется за гусли. Старикъ, имѣющій взрослыхъ сыновей и потому уже не занимающійся тяжелою работою, учитъ пѣснямъ своихъ внучатъ, которые охотно внимаютъ словамъ его, раскрывающимъ передъ ними первыя понятія о жизни. Даже игумены монастырей не почитаютъ для себя неприличнымъ играть на гусляхъ».

Извѣстно, что множество сербовъ (какъ и босняковъ, и болгаръ), подъ давленіемъ тяжкаго гнета и насилій со стороны турокъ, обратились въ исламъ; но они до сихъ поръ не утратили любви къ своей поэзіи. «Часто и магометане, и христіане поютъ одну и ту же юнацкую пѣсню, съ тою лишь разницею, что побѣда всегда приписывается своему единовѣрцу».

Прежде всего, конечно, сербская пѣсня знакомитъ насъ съ семейнымъ бытомъ своего народа: «Она хвалитъ земледѣльца, у котораго «руки черны, за то хлѣбъ бѣлъ», почтеннаго старца съ долгою бородою: душа его, когда онъ идетъ изъ церкви, такъ свѣтла и чиста, что уподобляется благовонію цвѣтка; но всего чаще пѣсня любитъ выхвалять семейныя добродѣтели. Пѣвецъ, напр., любуется цвѣтущею дѣвушкою, слѣдитъ за развитіемъ ея любви—отъ первыхъ полусознательныхъ волненій, когда она повѣряетъ любовь свою только цвѣтку, бросая его въ ручей,—до той минуты, когда, стройно выпрямившись и глядя милому въ глаза, она высказываетъ ему свое признаніе. Радость свиданія, счастіе быть вмѣстѣ описываются съ неподражаемою прелестью...»

«Но пѣсня не скрываетъ и того, что слѣдуетъ послѣ: ка̀къ молодая женщина отдаетъ ребенку свои любимые цвѣты, которые прежде она ставила въ воду, а ребенокъ бросаетъ ихъ въ соръ; ка̀къ злы бываютъ мачихи, ка́къ безпрестанно ссорятся между собою невѣстки: ласточка завидуетъ кукушкѣ, которая не слышитъ ихъ перебранокъ».

Въ тѣхъ же сербскихъ пѣсняхъ постоянно приводятся и сравниваются разныя степени любви. Такъ, напр., «любовникъ иногда милѣе брата; но братъ всегда милѣе мужа. Жены ревнуютъ мужа къ его сестрамъ, и ревность эта переходитъ иногда въ ненависть и доводитъ до убійства. Святость союзовъ изображается яркими чертами: горе тому, кто вздумаетъ соблазнить сестру своего побратима, или употребитъ во зло кумовство, союзъ подобный побратимству». Семейныя отношенія сербовъ переносятся въ ихъ пѣсняхъ и на небо.

«Юнацкія пѣсни, разумѣется, воспѣваютъ разбойниковъ-гайдуковъ, ибо другихъ героевъ нѣтъ у этого народа. Гайдуковъ оправдываетъ ихъ побужденіе: они грабятъ турокъ, которые не только нехристи, но и обманщики; они сами грабежемъ скопили себѣ богатство,—грабежемъ оно должно быть и отнято у нихъ. Гайдукъ живетъ въ пограничныхъ мѣстахъ, какъ соколъ, летающій по воздуху; пѣсня живо изображаетъ безчисленныя опасности, коимъ онъ подвергается: ту скалу, изъ-за которой онъ сторожитъ турка, ту пещеру, въ которой онъ прячется и въ которой часто приходится ему умирать съ голоду, наконецъ, его быстрое и побѣдоносное нападеніе... Ружье играетъ здѣсь ту же роль, какъ у древнихъ поэтовъ лукъ: пѣсня изображаетъ стрѣльбу во всѣхъ подробностяхъ: какъ юнакъ беретъ ружье по срединѣ, какъ припадаетъ на правое колѣно, кладетъ ружье на лѣвое, прицѣливается глазомъ... Рана описывается съ анатомическими подробностями. Но юнакъ нерѣдко оказываетъ человѣколюбіе побѣжденному врагу: онъ заботится о своемъ плѣнникѣ, выводитъ его грѣться на солнцѣ и, получа выкупъ, отпускаетъ безъ всякаго ручательства—въ томъ, что онъ не наведетъ на его слѣдъ солдатъ. Молодая жена, которую юнакъ везетъ домой, не сходитъ съ коня, пока не подадутъ ей ключей отъ темницы, для освобожденія плѣнныхъ. Побратимы поражаютъ кинжаломъ турчанку, въ которую оба они влюблены, чтобы только не поссориться изъ-за нея; старецъ, которому приносятъ голову убійцы его сына, восклицаетъ: «Благо мнѣ нынѣ и присно!» и умираетъ мирно».

Такимъ образомъ, въ этомъ сжатомъ, переданномъ нами содержаніи сербскихъ народныхъ пѣсенъ передъ нами раскрывается «во всей безъискусственной истинѣ своей» и простотѣ тотъ народный строй жизни и образъ мыслей, что присущи сербамъ. Каковъ человѣкъ на этой степени развитія, таковъ и поэтъ, его изображающій. «Поэзія сербская, по словамъ автора, не отступаетъ отъ жизни и вѣрно отражаетъ намъ ея явленія—конечно, только важнѣйшія, отчего пріобрѣтаетъ еще бо̀льшую явственность. Историческія же событія, перейдя въ область поэтическаго вымысла, тѣмъ самымъ обратились въ истинно народное достояніе,—и, чрезъ живое преданіе, спаслись отъ забвенія»

Дальнѣйшее содержаніе книги Ранке знакомитъ насъ, преимущественно, *съ исторіей Сербіи*—съ начала паденія этого царства въ XV-мъ вѣкѣ, и до нашего времени.

Къ сожалѣнію, при всѣхъ несомнѣнныхъ достоинствахъ книги почтеннаго профессора, сочиненіе его заключаетъ въ себѣ очень мало свѣдѣній о томъ участіи, которое постоянно принимала Россія въ судьбѣ Сербіи. Чтобы пополнить этотъ недостатокъ, переводчикъ книги «счелъ необходимымъ» привести отъ себя нѣсколько свѣдѣній о сношеніяхъ Россіи съ сербами во время турецкой войны при императорѣ Александрѣ I; но такъ какъ, свои «свѣдѣнія» онъ заимствовалъ, единственно, изъ книги Михайловскаго-Данилевскаго, то эти свѣдѣнія и вышли далеко неполныя и даже нѣсколько односторонния. Такъ, напр., говоря о военной помощи, оказанной Сербіи со стороны Россіи въ 1807, 1809 и 1811 годахъ, переводчикъ не сказалъ ни одного слова о взаимной помощи, оказанной сербами Россіи въ отечественную войну 1812 года,—когда изъ этого маленькаго княжества явилось въ дунайскую армію Чичагова, расположенную въ Молдаво-Валахіи (нынѣшней Румыніи), *шесть тысячъ* сербскихъ добровольцевъ. *) Этотъ отрядъ не оставилъ нашу армію и, по заключеніи мира съ турками, перешелъ вмѣстѣ съ нашими войсками, обратно Дунай,—и принялъ участіе въ наступившей затѣмъ войнѣ Россіи съ Наполеономъ. Такимъ образомъ сербы, явившіеся на помощь Россіи въ самую тяжкую годину ея исторіи, когда она, по словамъ завоевателя, «была увлечена своимъ рокомъ»,—давно уже, слѣдовательно, получили историческое право на ту незначительную помощь, которая была оказана, въ минувшемъ году, со стороны Россіи, сербскому княжеству, смѣло возставшему за свою свободу—и за освобожденіе остальныхъ славянскихъ племенъ; говоримъ—«незначительную»,—принимая въ соображеніе *шесть тысячъ* сербскихъ добровольцевъ 1812 года и всего *три съ половиною* тысячи добровольцевъ русскихъ, уѣхавшихъ въ Сербію въ 1876 году, и, наконецъ, 80-ти-миліонное населеніе Россіи и лишь 1,340,000 жителей, составляющихъ населеніе нынѣшней Сербіи. Z.

Предсмертные звуки.

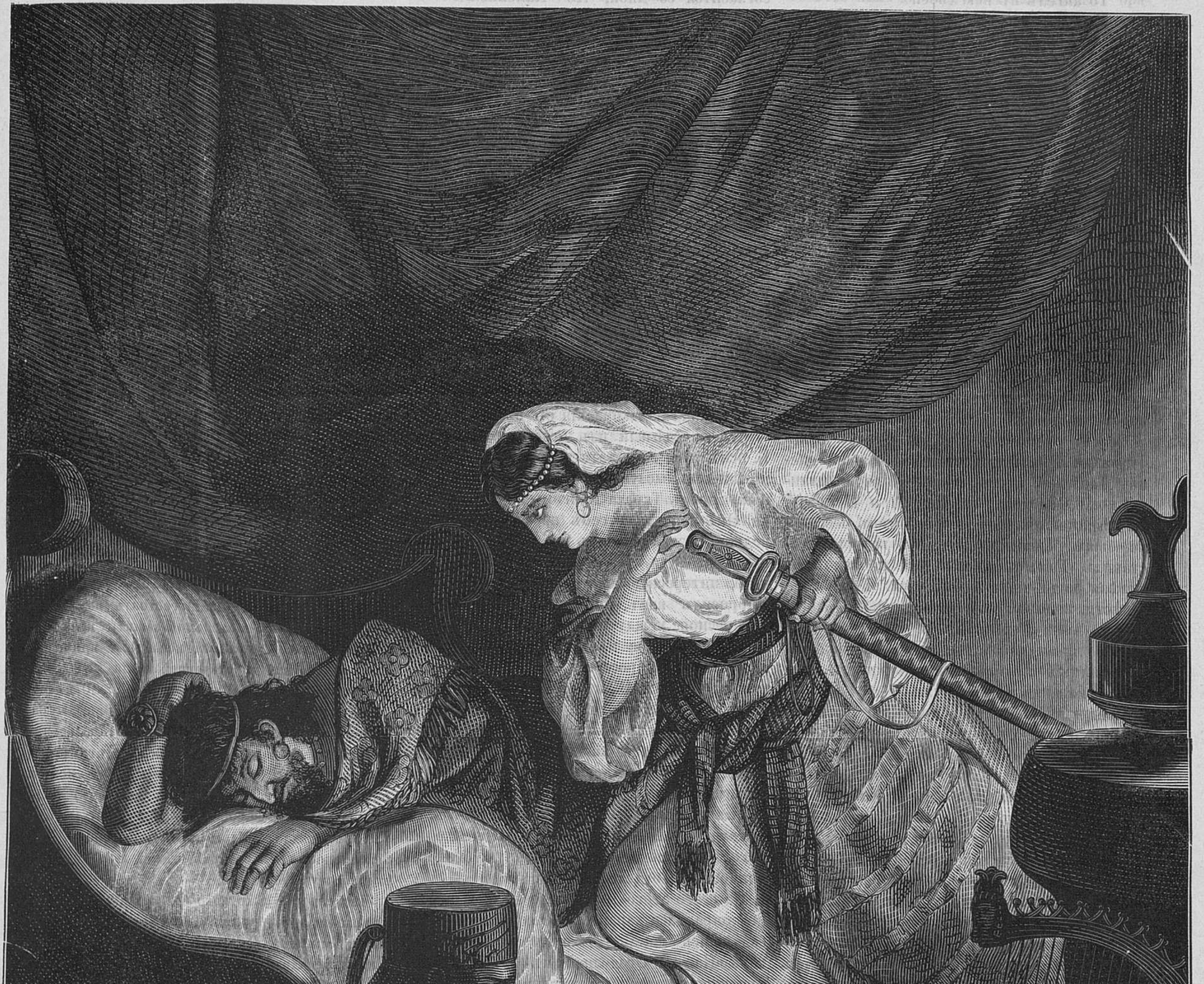
(**Изъ Людвига Уланда**).

— Кто тамъ? кто чудно такъ поетъ?
Кто разбудилъ меня?
Посмотри, кто тамъ пришелъ, —
Узнай, та пѣсня чья?

«Нѣтъ никого, дитя. Усни.
Не вѣрь тревожнымъ снамъ.
Ну, кто прійдетъ, кто станетъ пѣть
Такъ поздно по ночамъ?»

---

*) Этотъ историческій фактъ былъ приведенъ нами на страницахъ «Голоса», въ прошломъ году (сентябрь), и заимствованъ изъ недавно появившагося въ «Русск. Архивѣ» сочиненія А. Попова «Москва въ 1812 году». Z.


J. SCHÜBELER

Юдиѳь. (Снимокъ съ картины Г. Семирадскаго).

— То звуки пѣсни неземной...
О, я такъ рада!... Въ рай
То ангелъ пѣснею своей
Меня зоветъ... Прощай!...

А. Е.

Московскій театръ.

Великопостный театральный сезонъ. — Гамлетъ Шекспира. — Каменный Гость Пушкина. — Провинціалка Тургенева.—Назаръ Стодоля Шевченки.—Бѣдная невѣста Островскаго.—Галька, опера Монюшки.

Великопостный театральный сезонъ окончился. Остается нѣсколько спектаклей, которые будутъ даны послѣ праздника, и которые будутъ протянуты кое-какъ, а тамъ лучшія силы поѣдутъ вдаль и ширь по матушкѣ Руси людей смотрѣть и себя казать, да пожинать лавры въ видѣ депозитокъ; останутся у насъ однѣ подспудныя силы, на которыхъ смотрѣть никто не пойдетъ и будутъ стоять осиротѣлыми наши театры вплоть до осени.

Сезонъ окончился цѣлымъ рядомъ бенефисовъ и бенефисовъ столповъ нашей сцены. Такъ въ постъ справляли свои имянины г-жи Ѳедотова, гг. Ленскій и Шумскій. Выдающимся изъ этихъ бенефисовъ безспорно былъ бенефисъ Ленскаго, который поставилъ «Гамлета». Давно уже москвичи не видѣли подобныхъ спектаклей. Говоря по совѣсти, надоѣли ужъ намъ разныя: «Злобы дня», «Змѣи Горынычи» и тому подобная дрянь, писанная болѣе для собственнаго удовольствія и поставленная потому только, что не нашлось ничего хуже.

И вдругъ Шекспиръ! Давно мы не видали его и что-жъ мудренаго, что хлынули толпой въ театръ. Нужно отдать справедливость: постановка была очень хороша. Ленскій въ роли Гамлета былъ удовлетворителенъ, не говорю хорошъ, на томъ основаніи, что игра его была не ровна, нѣкоторыя мѣста проведены были превосходно, другія гораздо слабѣе. Первые три акта прошли очень недурно, но въ послѣднихъ видимо было замѣтно, что артистъ усталъ и потому эти акты прошли вяло.

Офелія вышла не совсѣмъ удачна, хотя въ этой роли и явилась г-жа Ѳедотова; королева была совсѣмъ плоха въ игрѣ г-жи Яблочкиной, о которой москвичи успѣли накричать слишкомъ много до появленія еще ея на сценѣ; пришлось, конечно, разочароваться.

О бенефисѣ г-жи Ѳедотовой говорится какъ-то неохотно. Чуть ли еще не за два мѣсяца до ея бенефиса, «Театральная газета» начала торжественно трубить о тѣхъ пьесахъ, которыя должны были идти въ этотъ бенефисъ; газета эта видѣла нѣчто знаменательное въ томъ, что г-жа Ѳедотова соединяетъ три такія имени какъ: Пушкинъ, Шевченко и Тургеневъ.

Эта убогая сѣрая газетка только и существуетъ, кажется, для того, чтобы трубить ежедневно, прославляя бездарныхъ актеровъ, превозносить театральную дирекцію да перепечатывать чужія произведенія. Отчего это происходитъ, объяснять не берусь; можетъ быть вслѣдствіе того, что заправляли этой газеткой люди крайне ограниченные и бездарные. Во всякомъ случаѣ, торжественность подобныхъ заявленій была излишня и нечего было заранѣе смаковать и облизываться.

Кто не знаетъ «Каменнаго гостя» Пушкина? Вѣдь не все то, что хорошо въ чтеніи, должно быть хорошо и на сценѣ; бываетъ и наоборотъ: есть нѣкоторыя пьесы, которыя замѣчательно хороши на сценѣ, а примитесь читать ихъ и горько разочаруетесь. Кто не согласится со мной, что «Каменный гость» совершенно неудобенъ для сцены; это рядъ коротенькихъ сценокъ, написанныхъ живымъ, богатымъ языкомъ, и только.

«Провинціалку» Тургенева видѣли давно и новинкой ни въ какомъ случаѣ она быть не могла, слѣдовательно, и особеннаго соблазна идти смотрѣть ее не представлялось. Оставалась, слѣдовательно, одна только вещь, это—«Назаръ Стодоля» Шевченки, которую почему-то перекрестили и назвали: «Въ ночь на Рождество». Пьеса эта, сама по себѣ, изъ слабыхъ, что нисколько, конечно, не роняетъ Шевченки. Великому поэту не вмѣняется въ обязанность быть вмѣстѣ съ тѣмъ и великимъ драматургомъ.

Какъ бытовой очеркъ, «Назаръ Стодоля» хорошъ, онъ живо и ярко рисуетъ нашъ бытъ украинцевъ, слѣдовательно, если пьеса эта и заслуживала постановки на сцену, то ради только ознакомленія съ нимъ публики.

Что же сдѣлали изъ этой пьесы? Нѣкій Б. осмѣлился святотатственно наложить свою ничѣмъ не заслуженную руку на безсмертный вѣнокъ Тараса Григорьевича Шевченки! Онъ позволилъ себѣ передѣлать произведеніе поэта. Въ чемъ же заключалась эта передѣлка? Да въ томъ, что г. Б. самую лучшую, интересную часть пьесы взялъ да и выбросилъ вонъ, находя ее нисколько не интересной, между тѣмъ, какъ это-то именно выброшенное мѣсто и знакомитъ насъ съ бытомъ малороссіянъ. Въ пьесѣ, якобы, передѣланной г. Б., въ первомъ актѣ вы не найдете почти ни одной обрядности сватовства; въ третьемъ выброшена огромная прелестнѣйшая сказка бандуриста, съ которой передѣлывателю, вѣроятно, не удалось справиться и потому, долго не думая, онъ взялъ, да и вычеркнулъ ее цѣликомъ. Что-жъ съ Богомъ! своя рука владыка; Шевченко въ могилѣ и жаловаться на подобную безцеремонность не будетъ.

Но всего этого г. Б. показалось мало. Ему не понравился характеръ Ѳомы Кичатаго и, задавшись мыслію, окончательно изуродовать «Назара Стодоля», онъ изъ суроваго, продажнаго старика, который готовъ принести въ жертву все, продать ради денегъ и почестей свою единственную дочь, дѣлаетъ его тряпкой, навязывая и приписывая къ монологамъ Ѳомы какія-то не суразныя рѣчи.

Обидно, больно за Шевченку! Не заслуживаетъ онъ того, чтобы его имя было предметомъ насмѣшекъ какихъ-то гг. Б. и К°.

Что касается исполненія, то и оно не слишкомъ-то хорошо. Можно смѣло сказать, что всю пьесу вывезла на своихъ плечахъ одна только г-жа Никулина, которая въ роли Стехи была замѣчательно хороша.

Бенефиціантка-же, г-жа Ѳедотова скорѣе походила на московскую барышню, чѣмъ на украинскую *дівчину* Гамо. Бергъ въ роли Ѳомы Кичатаго въ продолженіе двухъ актовъ только хрипѣлъ. Назаръ, въ лицѣ г. Рѣшимова, тоже вышелъ неудобенъ.

О бенефисѣ г. Шумскаго можно сказать очень не многое. Въ его бенефисъ шло: «Бѣдная невѣста» Островскаго, въ которой дебютировала дочь артиста, г-жа Шумская; но лучше бы было ей не являться на сцену. Кто посовѣтовалъ ей сдѣлаться артисткою, тотъ вѣрно недобрый человѣкъ.

Въ большомъ театрѣ, въ бенефисъ г-жи Люценко, шла опера Монюшки «Галька», не шедшая на нашей сценѣ лѣтъ семь, со временъ г-жи Меньшиковой. Говоря объ исполненіи, нельзя сказать, чтобы оно было дурно, достаточно того, что въ оперѣ участвовали г-жа Люценко и гг. Соколовъ и Рапportъ.

Нельзя не пожаловаться на печальную обстановку. Кто не знаетъ, какъ роскошно обставляются у насъ итальянскія оперы, а какъ только дѣло коснется русской, то бѣднѣе, несчастнѣе обстановки и не придумаешь. Я не буду вдаваться въ подробности и укажу только на то, что слишкомъ ужъ рѣзко бросается въ глаза. Дѣло въ томъ, что дѣйствіе этой оперы происходитъ въ Польшѣ, гдѣ дѣйствующими лицами являются съ одной стороны польскіе паны, съ другой — малороссійскіе крестьяне, а сколько я ни смотрѣлъ, украинскихъ крестьянъ не видѣлъ; я знаю костюмъ украинцевъ и мнѣ странно было видѣть ихъ въ сарафанахъ, кокошникахъ, однимъ словомъ, въ подмосковныхъ костюмахъ, о которыхъ въ украинѣ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія. Наконецъ малороссійскіе танцы были похожи столько же на малороссійскіе, сколько и на китайскіе, индійскіе, камчадальскіе. Да, плохія времена настали для русской оперы! льетъ она, бѣдная, слезы горючія, пожалуй, еще и ослѣпнетъ отъ этихъ слезъ.

Н. А.

Новости наукъ и жизни.

Австро-венгерская армія состоитъ изъ полевой арміи и такъ называемой защиты края или территоріальной, но и эта послѣдняя принадлежитъ къ составу дѣйствующей арміи.

Составъ полевой арміи слѣдующій: 80 пѣхотныхъ полковъ (3 полевыхъ и 2 резервныхъ баталіона въ каждомъ), 7 баталіоновъ тирольскихъ стрѣлковъ, 33 баталіона армейскихъ стрѣлковъ, 14 драгунскихъ, 16 гусарскихъ и 11 уланскихъ полковъ (по 6 эскадроновъ въ каждомъ) и 13 артиллерійскихъ парковъ, по 15 полевыхъ батарей въ каждомъ. Итого 340 баталіоновъ, 246 эскадроновъ, 185 батарей пѣшей и 10 батарей конной артиллеріи.

Численность пѣхотнаго баталіона на военномъ положеніи простирается до 915 человѣкъ строевыхъ, баталіона стрѣлковъ до 930 чел. строевыхъ и эскадрона до 150 всадниковъ; число орудій въ пѣшей батареѣ простирается до 8 и въ конной до 6.

Такимъ образомъ численность полевой арміи (считая только строевыхъ) простирается до 403,000 человѣкъ пѣхоты и 37,000 чел. кавалеріи, при 1,540 орудіяхъ.

Составъ территоріальной арміи въ Цислейтаніи слѣдующій: 80 пѣхотныхъ баталіоновъ, 10 стрѣлковыхъ баталіоновъ и 25 эскадроновъ кавалеріи, а въ Транслейтаніи: 92 пѣхотныхъ баталіона и 40 эскадроновъ кавалеріи; итого: 172 пѣхотныхъ баталіона, 10 стрѣлковыхъ баталіоновъ и 65 зскадроновъ кавалеріи, что вмѣстѣ составляетъ 180,000 чел. пѣхоты и 10,000 чел. кавалеріи.

На случай войны, для пополненія убыли или для увеличенія, въ случаѣ нужды, состава арміи, кромѣ вышеупомянутыхъ, могутъ быть мобилизированы: 80 пѣхотныхъ баталіоновъ, 41 эскадронъ кавалеріи для полевой арміи, а также 62 пѣхотныхъ баталіона для территоріальной арміи, что вмѣстѣ составляетъ 150,000 чел. пѣхоты и 6,000 чел. кавалеріи.

Такимъ образомъ численность всей австро-венгерской арміи на военномъ положеніи простирается до 720,000 человѣкъ пѣхоты (кромѣ нестроевыхъ) и 53,000 чел. кавалеріи, при 1,540 орудіяхъ системы Ухатіуса.

Кромѣ вышеупомянутыхъ частей, къ составу полевой арміи принадлежатъ: 10 саперныхъ, 10 понтонныхъ баталіоновъ, 48 парковъ полевыхъ мостовъ (длина этихъ мостовъ простирается до 3,000 метровъ), 54 аммуниціонныхъ парка, 45 полевыхъ амбулансовъ, 40 полевыхъ госпиталей, 20 парковъ полевого телеграфа съ запасомъ проволоки длиною въ 40 миль, 13 полевыхъ командъ для ломки и постройки желѣзныхъ дорогъ, 1 главный аммуниціонный паркъ, 1 паркъ осадной артиллеріи, 1 инженерный паркъ, 1 паркъ полевыхъ принадлежностей и 64 парка полевого интендантства; итого 15,000 фургоновъ.

Сообразно новой организаціи, австро-венгерская полевая армія будетъ состоять, въ случаѣ войны, изъ 40 пѣхотныхъ дивизіи и 5 самостоятельныхъ кавалерійскихъ дивизіи, изъ коихъ образуются 2 или 3 арміи подъ однимъ главнымъ начальствомъ.

Въ составъ пѣхотной дивизіи войдутъ 10—12 пѣхотныхъ баталіоновъ, 1 стрѣлковый баталіонъ, 3—6 эскадроновъ кавалеріи и 3 батареи большаго калибра; такимъ образомъ численность дивизіи будетъ простираться до 12—16,000 человѣкъ пѣхоты и до 450—900 чел. кавалеріи, при 24 орудіяхъ. Въ составъ кавалерійской дивизіи войдутъ 4—6 кавалерійскихъ полковъ и 2 легкія конныя артиллерійскія бригады, такъ что ея численность будетъ простираться до 3,600—4,500 всадниковъ, при 12 орудіяхъ.

Корпусъ будетъ состоять изъ 3 пѣхотныхъ дивизій, 3 кавалерійскихъ полковъ, и кромѣ батарей, состоящихъ при дивизіяхъ, изъ корпусной артиллеріи, т. е. изъ 4—6 орудій большаго и меньшаго калибра, что вмѣстѣ составитъ 33—35 пѣхотныхъ баталіоновъ, 12 эскадроновъ кавалеріи и 13—15 батарей. Такимъ образомъ численность корпуса будетъ простираться до 30—32 тысячъ человѣкъ пѣхоты (кромѣ нестроевыхъ) и 1,800 всадниковъ, при 104—120 орудіяхъ.

Численность обѣихъ армій, полевой и територіальной, со включеніемъ нестроевыхъ, а также парковыхъ командъ и т. д., будетъ простираться на военномъ положеніи до 1,020,000 человѣкъ.

Пѣхота и стрѣлки вооружены ружьями, заряжающимися съ казенной части, системы «Верндля», изъ которыхъ опытный солдатъ можетъ пустить по 10—12 выстрѣловъ въ минуту; каждый солдатъ имѣетъ при себѣ 72 патрона, и кромѣ того при баталіонѣ состоитъ аммуниціонный фургонъ, съ 30 патронами на каждаго человѣка. Вся кавалерія вооружена однообразными саблями; обѣ шеренги драгунъ и гусаръ имѣютъ карабины, заряжающіеся съ казенной части системы «Верндля»; уланы, кромѣ сабли, вооружены пиками, но одна треть второй шеренги, вмѣсто пикъ, имѣетъ карабины той же системы. Каждый кавалеристъ, вооруженный карабиномъ, имѣетъ при себѣ 54 патрона, а вооруженный револьверомъ—30 патроновъ.

Австро-венгерская артиллерія вооружена орудіями системы «Ухатіуса», которые къ іюню мѣсяцу сего года будутъ введены во всѣхъ батареяхъ, а именно 159 батарей получатъ орудія калибра въ 9 сантиметровъ. Каждое орудіе тяжелаго калибра имѣетъ въ передкѣ 128 зарядовъ, а легкаго калибра—152 заряда; орудіе запряжено въ 6 лошадей.

— Специальный корреспондентъ «Голоса» передаетъ по телеграфу слѣдующее общее описаніе церемоніи открытія турецкаго парламента.

Ровно въ два часа по полудни, оберцеремоніймейстеръ, Кіамиль-паша, отворилъ небольшую дверь справа, ведущую во внутренніе покои дворца, и герольды провозгласили о прибытіи султана. Абдулъ-Гамидъ вошелъ въ залу въ простомъ гражданскомъ платьѣ, имѣя на груди только знакъ ордена Османіе; съ боку у него была привѣшена золотая сабля, осыпанная драгоцѣнными каменьями. Вслѣдъ за султаномъ, появилось султанское семейство, въ сопровожденіи придворныхъ особъ, которыя размѣстились позади трона. Султанъ сталъ около трона, по правую сторону и, опираясь на саблю, слегка кивалъ головою въ отвѣтъ на весьма низкіе поклоны собравшихся.

Великій визирь, Эдхемъ-паша, дѣлая множество поклоновъ, приблизился къ султану и принялъ изъ рукъ его свитокъ, заключавшій въ себѣ тронную рѣчь; поцѣловавъ этотъ свитокъ, онъ передалъ его первому секретарю султана, Саиду-пашѣ, который, въ свою очередь, приложившись къ бумагѣ губами, началъ читать рѣчь. По окончаніи чтенія, всѣ снова сдѣлали султану земной поклонъ. Затѣмъ, султанъ тотчасъ же вышелъ изъ залы, и герольды возвѣстили, что церемонія окончена.

Въ рѣчи султана обрисованы въ общихъ чертахъ печальное положеніе дѣлъ османской имперіи и продолжающіяся политическія затрудненія. Ничего новаго, кромѣ того, что уже не однажды высказывалось турецкими министрами на конференціи, въ циркулярахъ и частныхъ бесѣдахъ, мы въ рѣчи султана не находимъ.

— Заимствуемъ изъ иностранныхъ газетъ слѣдующія подробности о составѣ французской арміи:

Французская армія состоитъ изъ полевыхъ и территоріальныхъ войскъ.

Въ составъ полевой арміи входятъ: 144 линейныхъ полка (по 4 батал. въ каждомъ), 30 стрѣлковыхъ баталіоновъ, 4 полка зуавовъ, 3 полка алжирскихъ стрѣлковъ, 1 чужеземный полкъ (4 батал.) и 3 баталіона африканскихъ стрѣлковъ; 76 кавалерійскихъ полковъ, а именно: 12 кирасирскихъ, 26 драгунскихъ, 26 конныхъ стрѣлковъ (chasseurs à cheval) и 12 гусарскихъ полковъ, изъ коихъ каждый въ составѣ 4-хъ эскадроновъ; кромѣ того, 4 полка африканскихъ конныхъ стрѣлковъ, 3 полка спаговъ—по 6 эскадроновъ въ каждомъ, и наконецъ 38 артиллерійскихъ полковъ, изъ коихъ 19 въ составѣ 8 и 19 въ составѣ 11 баттарей въ каждомъ. Итого въ полевой арміи: 641 баталіонъ, 322 эскадрона, 304 баттареи пѣшей и 57 баттарей конной артиллеріи. На военномъ положеніи составъ линейнаго баталіона простирается до 900 человѣкъ, стрѣлковаго баталіона до 850, а африканскихъ полковъ и стрѣлковыхъ баталіоновъ до 650 человѣкъ; каждый эскадронъ состоитъ изъ 145 человѣкъ, а каждая баттарея изъ 6 орудій. Слѣдовательно, полевая французская армія простирается до 560,000 человѣкъ пѣхоты и 46,000 кавалеріи (считая только людей во фронтѣ), при 2,166 орудіяхъ.

Кромѣ того, къ составу дѣйствующей полевой арміи принадлежатъ: 20 баталіоновъ саперъ, 28 понтонныхъ ротъ (на 994 фургонахъ перевозится мостъ, длиною въ 4,000 метровъ), 20 резервныхъ аммуниціонныхъ парковъ, 20 резервныхъ инженерныхъ парковъ, 20 полевыхъ телеграфическихъ парковъ, 20 желѣзнодорожныхъ ротъ, 20 санитарныхъ отрядовъ и полевыхъ амбулансовъ и 20 интендантскихъ парковъ—итого 15,000 фургоновъ.

Территоріальная армія состоитъ: изъ 145 пѣхотныхъ полковъ (по 3 баталіона въ каждомъ), 18 кавалерійскихъ полковъ, 18 артиллерійскихъ полковъ и 18 саперныхъ командъ. Кавалерія и артиллерія территоріальной арміи еще не сформированы; что же касается до пѣхоты, въ составѣ 145 полковъ или 435 баталіоновъ, то ея числительность простирается до 350,000 человѣкъ (кромѣ нестроевыхъ).

Слѣдовательно, вся французская армія нынѣ простирается (кромѣ нестроевыхъ, а также техническихъ и спеціальныхъ командъ) до 910,000 человѣкъ пѣхоты и 46,000 человѣкъ кавалеріи, при 2,166 орудіяхъ.

Относительно своей организаціи, полевая армія во Франціи (кромѣ Алжира) состоитъ изъ 36 пѣхотныхъ дивизій, 35 кавалерійскихъ бригадъ и 19 артиллерійскихъ бригадъ; эти части входятъ въ составъ 18 военныхъ округовъ. Алжирскія иррегулярныя войска составляютъ 19-й округъ и состоятъ изъ 1 пѣхотной дивизіи и 2 кавалерійскихъ бригадъ. На случай войны, изъ регулярной арміи формируется 18 корпусовъ, а алжирскія иррегулярныя войска входятъ въ составъ 19-го корпуса; что же касается до 20-го корпуса, то онъ формируется изъ 12 стрѣлковыхъ баталіоновъ, а также морской пѣхоты и артиллеріи.

Всѣ 20 корпусовъ полевой арміи составятъ, на случай войны, четыре или пять армій, изъ коихъ каждая будетъ состоять подъ особымъ начальствомъ.

Военные округи во Франціи (кромѣ Алжира) организованы такимъ образомъ, что всѣ 18 корпусовъ, принадлежащихъ къ ихъ составу, потребуютъ не больше 14 дней для того, чтобы сосредоточиться на границѣ, а на 15-й день они могутъ перейти черезъ границу.

На военномъ положеніи, составъ дивизій и корпусовъ слѣдующій:

Пѣхотная дивизія состоитъ изъ 4 пѣхотныхъ полковъ (16 баталіоновъ) и 4 баттарей пѣшей артиллеріи, что составляетъ 14,500 людей (кромѣ нестроевыхъ), при 24 орудіяхъ.

Кавалерійская дивизія состоитъ изъ 6 полковъ кавалеріи (24 эскадроновъ) и 3 баттарей конной артиллеріи, итого 3,500 человѣкъ всадниковъ, при 18 орудіяхъ.

Въ составъ корпуса входятъ 2 пѣхотныхъ дивизіи, 1 стрѣлковый баталіонъ, 1 кавалерійская бригада, и кромѣ 8 баттарей, состоящихъ при дивизіяхъ, еще 10 артиллерійскихъ баттарей, что вмѣстѣ составляетъ 33 баталіона пѣхоты (30,000 человѣкъ), 8 эскадроновъ кавалеріи (1,200 всадниковъ), 16 пѣшихъ и 2 конныя баттареи (108 орудій).

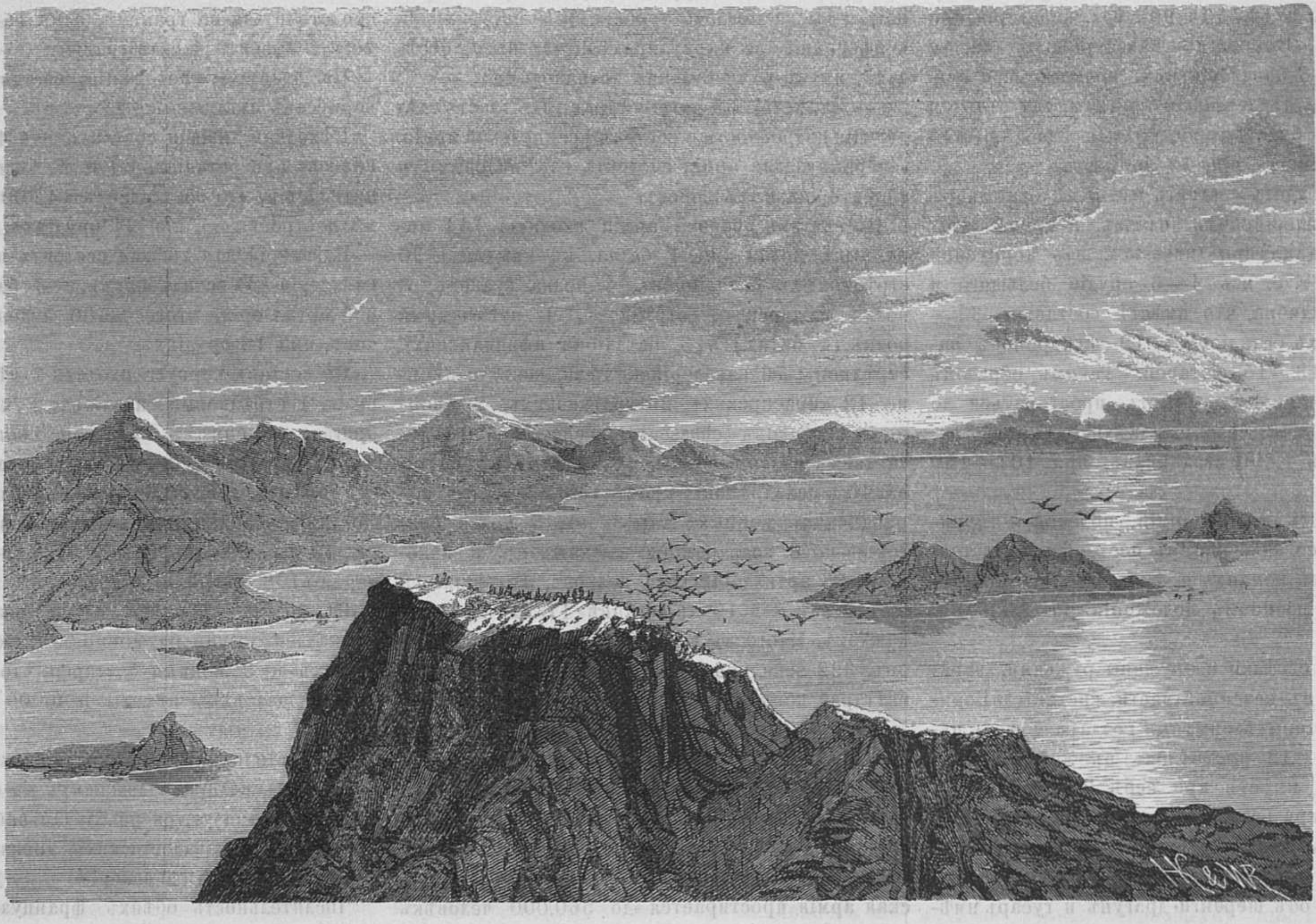
Къ составу корпуса африканскихъ войскъ принадлежатъ: 35 баталіоновъ, 42 эскадрона, 16 пѣшихъ и 3 конныя баттареи, что составляетъ 25,000 человѣкъ пѣхоты и 6,000 всадниковъ, при 114 орудіяхъ.

Изъ остальныхъ 17 кавалерійскихъ бригадъ (34 полка), не принадлежащихъ къ составу корпусовъ, организуются на случай войны 6 самостоятельныхъ кавалерійскихъ дивизій, составляющихъ резервную кавалерію.

Числительность обѣихъ французскихъ армій — полевой и территоріальной, со включеніемъ нестроевыхъ нижнихъ чиновъ пѣхоты, а также артиллеристовъ, саперъ, понтоніеровъ, людей при полевыхъ паркахъ и при обозѣ полевой арміи, простирается до 1,200,000 человѣкъ.

Французская пѣхота и стрѣлки до сихъ поръ были вооружены ружьями, заряжающимися съ казенной части, системы Шаспо, бьющими на разстояніи 1,100 метровъ. Нынѣ приняты и вводятся во всей арміи новыя ружья, системы Граса, которыя бьютъ на разстояніи 1,800 метровъ; каждый пѣхотный солдатъ и стрѣлокъ имѣетъ при себѣ по 75 патроновъ. Кирассиры вооружены тяжелыми палашами и револьверами и имѣютъ стальныя латы; драгуны, гусары и конные стрѣлки вооружены саблями и винтовками Шаспо (эти послѣднія въ продолжительномъ времени будутъ смѣнены новыми винтовками, системы Граса). Артиллерія имѣетъ орудіи, заряжающіяся съ казенной части, системы Реффи (Reffye); калиберъ орудій пѣшей артиллеріи простирается до 7 и 5 килограмовъ, а конной артиллеріи только до 5 килограмовъ. Съ прошлаго года стали вводить во французской арміи новыя стальныя орудія, заряжающіяся съ казенной части, системы Лагиталь-Банжъ (Lahitalle-Bange), но эта система принята еще не во всей артиллеріи.

— Новѣйшія корреспондеціи изъ Мексики подтверждаютъ слухи о томъ, что новое правительство Порфирія Діаза встрѣчаетъ большую оппозицію со стороны генерала Діэго Альвареза, губернатора штата Гверреро, гдѣ онъ давно пользуется неограниченной властью. Вліяніе Альвареза-отца, въ свое время, много способствовало возвышенію Комонфора и Хуареса, а затѣмъ и паденію имперіи, которую онъ никогда не признавалъ; что же касается до вліянія Альвареза-сына — оно можетъ сильно повредить нынѣшнему правителю Мексики. Ихъ войска уже имѣли столкновеніе въ февралѣ, но результатъ еще неизвѣстенъ. По словамъ мексиканскаго правительства, убито 300 человѣкъ и много ранено; но при этомъ не сказано, ни къ какому роду оружія принадлежали павшіе въ сраженіи, ни какова была численность съ обѣихъ сторонъ. Знакомые съ топографіей театра военныхъ дѣйствій полагаютъ, что войскамъ Діаза трудно будетъ вытѣснить войска Альвареза, а съ другой стороны, если сопротивленіе послѣдняго продолжится, возстанутъ и прочіе штаты противъ диктатора, такъ что достаточно одного значительнаго пораженія войскъ Діаза, чтобы онъ лишился власти. — 27 февраля мексиканскіи парламентъ собрался; но на его дѣйствія нечего расчитывать, потому что ему предстоитъ неразрѣшимая задача. Доходы въ плачевномъ состояніи; чиновники, собирающіе подати, присвоиваютъ себѣ бо̀льшую часть, а незначительныя суммы, поступающія въ казну, не могутъ покрыть расходы на жалованье войскамъ. Распустить войска нельзя, потому что они составляютъ главную поддержку Порфирія Діаза и, кромѣ того, служащіе въ арміи искатели приключеній готовы, въ случаѣ увольненія, составить разбойничьи шайки, грабить страну и даже атаковать самое правительство Діаза.



Лапландское озеро среди горъ.

(Къ статьѣ: «*Имандра и Хибины*»).

Урожай хлѣбовъ въ Америкѣ въ 1876 году. По отчетамъ, опубликованнымъ въ декабрѣ американскимъ сельскохозяйственнымъ бюро, оказывается, что, въ 1876 году, хлѣбами была занята поверхность на 5% больше, нежели въ 1875 г.; урожай же хлѣба за оба эти года былъ одинаковъ.

— Изобрѣтательность американцевъ доходитъ до крайнихъ предѣловъ, и обитателямъ стараго свѣта трудно конкурировать съ предпріимчивыми янки, постоянно выдумывающими что нибудь новое, оригинальное, практичное. Новѣйшею американскою выдумкою является желѣзнодорожная газета, которая пишется и печатается въ вагонѣ желѣзной дороги, гдѣ находится весь составъ редакціи. Эта, въ высшей степени, оригинальная передвижная редакція постоянно на дорогѣ. Газета «Transcontinental» издается на линіи желѣзной дороги, ведущей къ Тихому океану (Pacific Railway) на вѣтви между Нью-Іоркомъ и Санъ-Франциско. Въ распоряженіе издателя отданы два вагона — въ одномъ помѣщается редакція, въ другомъ — типографія. Тутъ принимается подписка на газету и объявленія. На каждой станціи находятся репортеры газеты «Transcontinental», сообщающіе, несущейся на всѣхъ парахъ редакціи, всѣ замѣчательныя новости, случившіяся въ ихъ районѣ. Сообщенія эти, составленныя на скорую руку, бросаются въ окно редакціоннаго вагона (поѣздъ этотъ совершаетъ переѣздъ изъ Нью-Іорка въ Санъ-Франциско въ семь сутокъ и останавливается лишь на немногихъ станціяхъ) гдѣ онѣ облекаются въ литературную форму и предаются тисненію. По мѣрѣ накопленія интересныхъ матеріаловъ, газета печатаетъ, во время семидневной поѣздки, нѣсколько изданій, которыя раздаются на главныхъ промежуточныхъ станціяхъ посыльнымъ, распространяющимъ ихъ далѣе. Трудно себѣ составить понятіе о быстротѣ сообщеній, достигаемой этимъ путемъ. О событіи, случившемся утромъ въ какомъ либо городѣ, читается въ другомъ городѣ, на разстояніи сотни миль, черезъ нѣсколько часовъ, въ газетѣ, печатаемой на пути. Скоропечатная машина типографіи приводится въ движеніе паромъ изъ котла локомотива.

— По телеграфнымъ свѣдѣніямъ изъ Каира, на происходившемъ тамъ, 25 февраля (9 марта) собраніи, на которомъ присутствовали египетскій министръ финансовъ и представители англійскихъ и французскихъ акціонеровъ, принято было предложеніе Лессепса о сооруженіи канала отъ Измаиліи до Каира. Лессепсъ беретъ на себя всѣ расходы, въ замѣнъ предоставленія ему, въ теченіе извѣстнаго срока, права взиманія пошлины со всѣхъ проходящихъ по каналу судовъ. Для торговли, сооруженіе этого канала имѣетъ большое значеніе.

◆

Со всего свѣта.

Вотъ протоколъ, официіальный текстъ котораго напечатанъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ»:

«Державы, предпринявшія сообща умиротвореніе Востока и способствовавшія въ этихъ видахъ созванію конференціи въ Константинополѣ, признаютъ, что самый вѣрный способъ къ достиженію предположенной цѣли состоитъ, прежде всего, въ поддержаніи столь счастливо установившагося между ними согласія и въ новомъ совмѣстномъ утвержденіи принимаемаго ими совокупнаго участія въ улучшеніи судьбы христіанскаго населенія Турціи въ реформахъ, имѣющихъ быть введенными въ Босніи, Герцеговинѣ и Болгаріи, и которыя Порта приняла подъ условіемъ самостоятельнаго ихъ примѣненія.

«Державы принимаютъ къ свѣдѣнію заключеніе мира съ Сербіей.

«Что касается Черногоріи, то державы считаютъ желательнымъ, въ видахъ болѣе прочнаго и долговременнаго умиротворенія, чтобы границы ея были исправлены и допущено свободное плаваніе по Боянѣ.

«Въ состоявшемся уже, и еще имѣющемъ состояться соглашеніи съ Портою и обоими княжествами, державы видятъ шагъ, сдѣланный на пути къ умиротворенію, составляющему предметъ ихъ общаго желанія.

«Онѣ приглашаютъ Порту еще болѣе упрочить это умиротвореніе—возвращеніемъ войскъ въ положеніе мирнаго времени, за исключеніемъ того ихъ количества, которое необходимо для поддержанія порядка, и приведеніемъ въ исполненіе, въ возможно непродолжительномъ времени, реформъ, необходимыхъ для спокойствія и благосостоянія тѣхъ провинцій, участью которыхъ была озабочена конференція. Державы признаютъ, что Порта изъявила готовность привести въ исполненіе большую часть этихъ реформъ. Онѣ особенно принимаютъ къ должному свѣдѣнію циркуляръ Порты, отъ 13-го февраля 1876 года, и заявленія, сдѣланныя оттоманскимъ правительствомъ во время конференціи и затѣмъ, послѣ нея, черезъ посредство его представителей.

«Въ виду такихъ благихъ намѣреній Порты и явной пользы для нея отъ немедленнаго приведенія ихъ въ исполненіе, державы полагаютъ, что есть основаніе надѣяться, что Порта воспользуется настоящимъ успокоеніемъ для того, чтобы энергически примѣнить мѣры, долженствующія принести дѣйствительное улучшеніе въ положеніи христіанскаго населенія, улучшеніе, единодушно сознаваемое крайне необходимымъ для спокойствія Европы, и что Порта, вступивъ однажды на этотъ путь, пойметъ, что ея честь и польза требуютъ добросовѣстнаго и неуклоннаго по немъ слѣдованія.

«Державы намѣрены имѣть бдительный надзоръ, посредствомъ своихъ представителей въ Константинополѣ и черезъ мѣстныхъ агентовъ, за выполненіемъ обѣщаній турецкаго правительства.

«Если бы державы еще разъ ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ и положеніе христіанскихъ подданныхъ султана не было бы улучшено въ такой мѣрѣ, чтобы предотвратить повтореніе тѣхъ усложненій, которыя періодически нарушаютъ спокойствіе на Востокѣ, то онѣ считаютъ долгомъ заявить, что такое положеніе вещей было бы несогласно съ интересами ихъ и Европы вообще.

«Въ такомъ случаѣ, онѣ оставляютъ за собой право совмѣстно разсудить о тѣхъ мѣрахъ, которыя онѣ признаютъ наиболѣе дѣйствительными для обезпеченія благосостоянія христіанскаго населенія и выгодъ всеобщаго мира. — Составленъ въ Лондонѣ, 19-го (31-го) марта 1877 года. Подписали: Мюнстеръ, Бейстъ, Д'Аркуръ, Дерби, Менабреа, Шуваловъ».

Вмѣстѣ съ подписаніемъ протокола послѣдовала *декларація* императорскаго посла въ Лондонѣ, графа Шувалова, слѣдующаго содержанія:

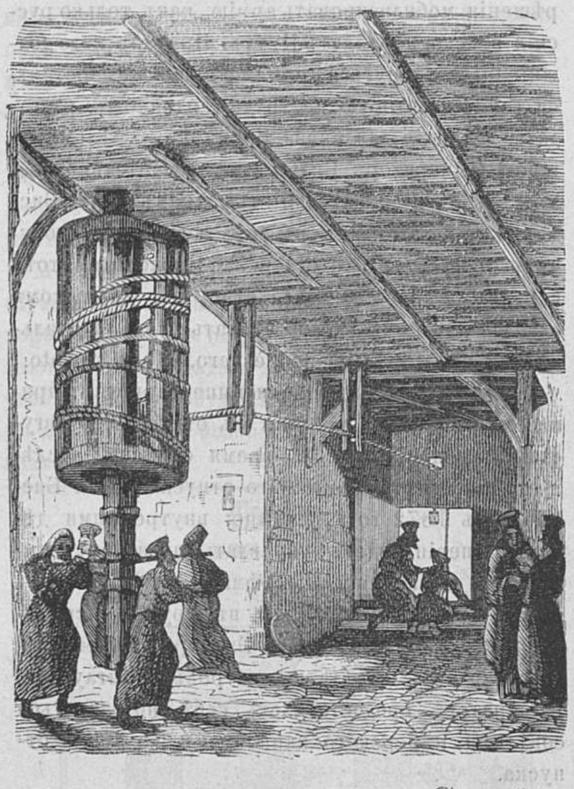
«Если миръ съ Черногоріей будетъ заключенъ, если Порта приметъ совѣты кабинетовъ, выкажетъ готовность возвратиться къ мирному положенію и приступитъ на дѣлѣ къ выполненію реформъ, упомянутыхъ въ протоколѣ, то пусть она пришлетъ въ С.-Петербургъ особаго уполномоченнаго для переговоровъ о разоруженіи, на которые, въ такомъ случаѣ, согласится также съ своей стороны Его Величество Государь Императоръ. Разумѣется, если бы произошли новыя избіенія, подобныя тѣмъ, которыя обагрили кровью Болгарію, то мѣры къ разоруженію, по необходимости, будутъ остановлены».

Одновременно съ декларацією графа Шувалова, были сдѣланы также деклараціи лорда Дерби и генерала Менабреа. Вотъ декларація лорда Дерби:

«Такъ какъ англійское правительство согласилось подписать протоколъ, предложенный русскимъ правительствомъ, *исключительно* въ интересѣ европейскаго мира, то, въ случаѣ, если предполагаемая цѣль не будетъ достигнута и, въ особенности, если не послѣдуетъ разоруженія Россіи и Турціи, протоколъ будетъ считаться не существующимъ». Со стороны итальянскаго правительства, генералъ Менабреа сдѣлалъ декларацію, имѣющую точно такой же смыслъ.

Теперь, на основаніи этихъ офиціальныхъ документовъ, можно себѣ составить, en pleine connaissance de cause, полное понятіе о томъ фазисѣ дипломатической компаніи, который завершился подписаніемъ протокола.

Въ сущности, протоколъ, если можно такъ выразиться, есть не болѣе какъ подтвержденіе рѣшеній конференцій въ болѣе смягченной формѣ. Державы надѣются, что Порта, вступивъ разъ на путь широкихъ реформъ, будетъ добросовѣстно и неуклонно по немъ слѣдовать. Если бы, однакожъ, державы еще разъ ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ, то и онѣ оставляютъ за собой право *совмѣстно* разсудить о тѣхъ мѣрахъ, которыя онѣ признаютъ наиболѣе дѣйствительными для обезпеченія благосостоянія христіанскаго населенія и выгодъ всеобщаго мира». Такимъ образомъ, изъ протокола мы знаемъ, что въ случаѣ неудачи этой послѣдней попытки, необходимо новое соглашеніе державъ. Относительно же требованій державъ, то въ этихъ требованіяхъ нѣтъ ничего, чего бы не было въ требованіяхъ конференціи. Эти требованія чрезвычайно умѣренны и, конечно, личная польза Порты требуетъ выполненія ихъ.



Входъ въ монастырь на Синаѣ.

Деклараціи графа Шувалова и лорда Дерби, подтверждая текстъ протокола, объясняютъ дальнѣйшія требованія Россіи и Англіи, въ случаѣ, еслибы практическія послѣдствія протокола не привели къ ожидаемымъ результатамъ. Графъ Шуваловъ заявилъ, что въ случаѣ принятія Портой требованій протокола, Россія требуетъ отъ Порты присылки особаго уполномоченнаго для разрѣшенія вопроса о взаимномъ разоруженіи. Россія не приступитъ къ разоруженію, еслибы произошли новыя избіенія въ Болгаріи. Въ такомъ случаѣ, протоколъ, очевидно, уничтожается самъ собой и событія пойдутъ по своему естественному теченію, такъ какъ Россія, освободившись отъ всякихъ обязательствъ относительно Европы, приступитъ къ разрѣшенію дѣла такъ, какъ найдетъ для себя болѣе удобнымъ.

Съ другой стороны, декларація лорда Дерби приходитъ къ тому же выводу, нѣсколько другимъ путемъ. Англійское правительство, подписывая протоколъ, имѣло въ виду только разоруженіе, а если этого разоруженія не послѣдуетъ, то оно считаетъ себя освобожденнымъ отъ всякихъ обязательствъ.

Такимъ образомъ, протоколъ имѣетъ только условное значеніе, по оффиціальнымъ объясненіямъ Россіи и Англіи. Изъ этихъ же объясненій слѣдуетъ, что хотя соглашеніе состоялось на почвѣ протокола, однако, какъ Англія, такъ и Россія, преслѣдуютъ, если не противоположныя, то, во всякомъ случаѣ, различныя цѣли. Значитъ, и самое соглашеніе—только кажущееся и фиктивное. Это соглашеніе тѣмъ болѣе фиктивно, что въ своихъ оффиціальныхъ деклараціяхъ, какъ Россія, такъ и Англія предвидятъ безрезультатность протокола, и въ такомъ случаѣ, обезпечиваютъ за собой дальнѣйшую свободу дѣйствія.

Весьма любопытная депеша лорда Дерби даетъ намъ, какъ кажется, настоящую и дѣйствительную причину подписанія протокола. Англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, резюмируя объясненія, данныя ему графомъ Шуваловымъ, послѣ его возвращенія изъ Парижа, разсказываетъ, что графъ Шуваловъ въ особенности былъ озабоченъ отвѣтами державъ на циркуляръ князя Горчакова. «Русское правительство,—говорилъ онъ,—не желаетъ преждевременно выразить свое мнѣніе объ этихъ отвѣтахъ; но оно предвидѣло возможность опасности, потому что если эти отвѣты не будутъ тожественны, то каково будетъ положеніе императорскаго Кабинета? Поэтому, желая избавить Россію отъ этого щекотливаго положенія, изъ котораго она могла выйдти только «непосредственнымъ соглашеніемъ съ Портою, или же вооруженнымъ вмѣшательствомъ», державы согласились подписать протоколъ. Такимъ образомъ, если стать на эту точку зрѣнія, то все дѣло дипломатіи ограничивалось въ дѣйствительности разрѣшеніемъ затрудненій, возбужденныхъ циркуляромъ, затрудненій, имѣющихъ чисто дипломатическій характеръ.

По поводу протокола и декларацій, общественное мнѣніе Европы обратило особенное вниманіе на декларацію генерала Менабреа. Изъ всѣхъ уполномоченныхъ одинъ только генералъ Менабреа присоединился къ лорду Дерби, чтобы заявить, что итальнское правительство считаетъ себя свободнымъ отъ всякихъ обязательствъ, если надежды державъ на миръ не увѣнчаются успѣхомъ. Посланники Австріи, Германіи, Франціи промолчали. Общественное мнѣніе, полагавшее, что политика Италіи тѣсно связана съ политикой Россіи, было весьма удивлено этою неожиданною декларацией. Тѣмъ не менѣе, это обстоятельство легко объяснить. Читатели, вѣроятно, еще не забыли, что какъ только генералъ Игнатьевъ покинулъ Лондонъ, проектъ возвратится къ союзу трехъ имперій былъ выдвинутъ на первый планъ особенно энергично. Хотя этотъ проектъ, какъ мы тогда же доказывали, не имѣлъ никакихъ шансовъ практическаго осуществленія, тѣмъ не менѣе, нѣтъ никаго сомнѣнія, что онъ произвелъ самое непріятное впечатлѣніе въ Лондонѣ. Одинъ изъ членовъ кабинета, въ собраніи консерваторовъ, воскликнулъ по этому поводу: «Въ настоящую минуту, Англія не то государство, которому три великія державы посылали изъ Берлина меморандумъ, который необходимо было принять, не участвуя въ его обсужденіи». Послѣ подобной фразы, не естественно ли было предположить, что Англія, желая доказать независимость своей политики, придумала противопоставить союзу трехъ имперій, соединеніе трехъ другихъ державъ, которыя бы высказали свою личную политику, дѣлая оговорки при подписаніи протокола? Англійскій кабинетъ, въ виду этого обстоятельства, обратился къ французскому правительству, но послѣдующія обстоятельства доказали, что его попытка оказалась безъ результата. Причины отказа Франціи, мы, конечно, узнаемъ, если будетъ обнародована въ скоромъ времени Желтая книга, какъ обѣщалъ герцогъ Деказъ. Лордъ Дерби былъ счастливѣе въ Римѣ. Извѣстно, что на извѣстную фракцію государственныхъ людей Италіи, Англія имѣетъ большое вліяніе, а генералъ Менабреа, какъ разъ, принадлежитъ къ этой фракціи. Поэтому-то онъ и одобрилъ мысль лорда Дерби. Во всякомъ случаѣ, онъ привелъ ее отчасти въ исполненіе, чѣмъ и доказалъ, что итальянское правительство въ восточномъ вопросѣ склоняется къ точкѣ зрѣнія Англіи.

Во всякомъ случаѣ событія слагаются такимъ образомъ, что не остается уже почти никакой надежды на мирное разрѣшеніе восточнаго вопроса. Отвѣтъ Порты на протоколъ уже извѣстенъ, въ главныхъ, по крайней мѣрѣ, чертахъ. Турецкое правительство отвергаетъ контроль Европы надъ ея внутренними дѣлами и допускаетъ вмѣшательство представителей иностранныхъ державъ въ эти дѣла только въ той мѣрѣ, въ какой допускается она парижскимъ трактатомъ; оно не соглашается на требованія Россіи, начать исполненіе требованій протокола заключеніемъ мира съ Черногоріей и выдѣляетъ этотъ вопросъ изъ общей программы уступокъ, потребованныхъ Европой; на разоруженіе Порта соглашается только подъ условіемъ, чтобы одновременно съ нею разоружилась и Россія. Само собою разумѣется, что на такую постановку вопроса Россія не согласится, послѣ декларации графа Шувалова. Хотя циркулярная нота Савфета-паши въ отвѣтъ на лондонскій протоколъ еще не получалась въ Петербургѣ, тѣмъ не менѣе, «Agence genérale Russe», въ разосланной иностраннымъ газетамъ телеграммѣ, считаетъ возможнымъ опредѣлить ноту какъ «рѣшительный отказъ (refus absolu) на всѣ требованія русскаго правительства». До послѣдней минуты дѣйствовали (и теперь еще дѣйствуютъ) важныя дипломатическія вліянія, чтобы склонить Порту въ болѣе примирительному образу дѣйствій. Но едва ли они приведутъ къ какимъ либо результамъ. До 1-го апрѣля наше правительство согласно ждать чрезвычайнаго уполномоченнаго Порты для прямыхъ переговоровъ; но до сихъ поръ (31-го марта) Порта еще не показываетъ намѣренія назначить такое лицо, соглашаясь лишь на отправку делегата въ Петербургъ; по другимъ свѣдѣніямъ, она отказывается и отъ этого. Другими словами Порта избѣгаетъ непосредственнаго соглашенія съ Россіей. Послѣдній день марта—послѣдніи сутки, остающіяся Портѣ на размышленіе. Когда читатели будутъ имѣть передъ собой эти строки, рѣшеніе,—окончательное рѣшеніе, вѣроятно, уже послѣдуетъ, а это рѣшеніе ни въ какомъ случаѣ не можетъ выразиться иначе, какъ объявленіемъ войны. Константинопольская палата депутатовъ большинствомъ 66 голосовъ противъ 18 отвергла всякую уступку территоріи въ пользу Черногоріи, даже не согласилась на уступку той части ея, которую согласилась уступить Порта. Въ меньшинствѣ оказалось по большей части армяне. Въ Константинополѣ—возбужденіе очень сильно; всѣ рѣшились на войну, хотя рѣшенія палаты ожидали съ нетерпѣніемъ, но всѣ были заранѣе убѣждены, что она отвергнетъ принудительныя условія мира. Срокъ перемирія съ Черногоріей кончается на дняхъ; по всей вѣроятности начнутся военныя дѣйствія. Въ арсеналахъ—оживленная работа. Много генераловъ и высшихъ офицеровъ отправились уже въ армію вмѣстѣ съ англійскимъ военнымъ агентомъ.

Продолжительный отпускъ князя Бисмарка и совершенное его отрѣшеніе отъ дѣлъ имперіи—теперь совершившійся уже фактъ, имѣющій, какъ кажется, нѣкоторое отношеніе къ послѣднему фазису восточнаго вопроса, если вѣрить нѣкоторымъ сообщеніямъ. Первоначально говорили, что желаніе князя Бисмарка выйдти въ отставку мотивировано было несогласіями съ г. Стошемъ, морскимъ министромъ. Въ настоящую минуту это дѣло нѣсколько разъяснилось. Если съ морскимъ министромъ несогласія и были, то, во всякомъ случаѣ, въ рѣшеніи князя Бисмарка они не играютъ первенствующей роли. Дѣйствительныя причины этого рѣшенія заключаются въ томъ, что князь Бисмаркъ встрѣтилъ значительную оппозицію въ его политикѣ по церковнымъ дѣламъ и по восточному вопросу. При дворѣ пользуется значительнымъ вліяніемъ партія, идущая въ разрѣзъ съ политикой князя по этимъ предметамъ. Но взрывъ былъ вызванъ протоколомъ; такъ, по крайней мѣрѣ, объясняютъ дѣло нѣкоторыя газеты. Когда лондонскій протоколъ былъ подписанъ, князь Бисмаркъ возликовалъ—война Россіи съ Турціей казалась ему неизбѣжной. Съ своей стороны, онъ сдѣлалъ все, что могъ, чтобы Порта не приняла протокола, при представленіи котораго именно германскій повѣренный въ дѣлахъ отсутствовалъ, яко бы не получивъ еще инструкцій. Отсутствовалъ и итальянскій, но, вѣроятно, по другимъ причинамъ. Замѣчательно, что изъ всѣхъ представителей державъ, именно, Менабреа подписалъ протоколъ условно. Война Россіи съ Турціей развязывала князю Бисмарку руки, и онъ, въ особой аудіенціи, испрашивалъ у императора Вильгельма разрѣшенія мобилизировать армію, какъ только русскія войска перейдутъ Прутъ. Противъ кого должны были двинуться германскія войска—остается тайной, которую не трудно, однакожъ, разгадать. Франція для князя Бисмарка — бѣльмо на глазу! Императоръ Вильгельмъ рѣшительно воспротивился завоевательнымъ планамъ князя Бисмарка, отъ которыхъ въ тотъ же день и получилъ просьбу объ отставкѣ.... Насколько этотъ варьянтъ вѣренъ — неизвѣстно, но, во всякомъ случаѣ, объ немъ можно сказать словами итальянской поговорки: si non è vero, è ben trovato.

Изданнымъ 10-го апрѣля императорскимъ приказомъ, канцлеръ уволенъ въ отпускъ до августа. Замѣщеніе его, на время отпуска, послѣдуетъ по примѣру прежняго отпуска князя Бисмарка въ 1872 году, именно: внутренними дѣлами имперіи будетъ управлять президентъ имперской канцеляріи, г. Гофманъ, внѣшними — статсъ-секретарь Бюловъ, а въ Пруссіи, исправляющимъ должность князя Бисмарка будетъ вице-президентъ совѣта министровъ, Кангаузенъ. Императоръ предоставляетъ себѣ пользоваться совѣтами имперскаго канцлера и во время отпуска.

— Телеграфъ уже сообщилъ намъ, что парижскій судъ исправительной полиціи приговорилъ къ тюремному заключенію на одинъ мѣсяцъ одного русскаго студента «за сопротивленіе, оказанное агентамъ полиціи» во время публичнаго чтенія, устроеннаго въ залѣ театра Шатò-д'О, Викторомъ Гюго и Луи Бланомъ въ пользу ліонскихъ рабочихъ. Заимствуемъ теперь изъ парижской «Correspondance Havas», отъ 28-го марта, слѣдующія подробности о причинахъ, вызвавшихъ этотъ фактъ: «Въ воскресенье, 25-го марта, одинъ журналистъ стоялъ у дверей залы. На приглашеніе агента полиціи «проходить», онъ отвѣчалъ отказомъ. Агентъ три раза повторилъ свои приглашенія, но такъ какъ его не послушались, то онъ отправился за дежурнымъ полицейскимъ офицеромъ, который, возобновивъ г. Колиньйону приглашеніе и встрѣтивъ снова отказъ, отвелъ его въ полицейскій участокъ (poste). Этотъ арестъ вызвалъ изъ толпы, собравшейся у входа въ залу, оскорбительныя для полиціи восклицанія. Агенты арестовали четырехъ человѣкъ: двухъ мужчинъ русской національности, одну русскую даму и одного француза. Журналистъ, о которомъ говорено выше, и трое изъ числа арестованныхъ отпущены на свободу безъ преданія ихъ суду. Что же касается пятаго арестованнаго лица—русскаго подданнаго, то дѣло его будетъ разбираться въ судѣ исправительной полиціи, за соединенное съ насиліемъ сопротивленіе полиціи и оскорбленіе одного изъ ея агентовъ дѣйствіемъ. О судебномъ разбирательствѣ по этому дѣлу газета «Figaro», отъ 30-го марта, говоритъ: «Радикальныя газеты подняли много шуму по поводу небольшой, но шумной манифестаціи, послѣдовавшей въ воскресенье, 25-го марта, за публичнымъ чтеніемъ, которое устроили, въ театрѣ Шатò д'О, Викторъ Гюго и Луи Бланъ. Агенты полиціи должны были вмѣшаться въ дѣло для возстановленія порядка и молодой русскій студентъ, нѣкто Шульгинъ, обратившій на себя вниманіе въ числѣ тѣхъ, которые всего болѣе шумѣли, былъ арестованъ и отправленъ въ полицію. Вчера, 29-го марта, этотъ молодой человѣкъ судился во II-мъ отдѣленіи парижскаго суда, за оскорбленіе и насилія противъ агентовъ полиціи. Не смотря на показанія четырехъ свидѣтелей въ его пользу судъ приговорилъ его къ тюремному заключенію на одинъ мѣсяцъ и уплатѣ денежной пени въ 100 франковъ. Нѣкто Монтэгю, торговецъ контрмарками, арестованный при тѣхъ же обстоятельствахъ и по тѣмъ же причинамъ, приговоренъ къ двухнедѣльному тюремному заключенію и денежной пени въ 50 франковъ».

СМѢСЬ.

Колонизація въ Алжирѣ. Французское правительство поручило нѣсколько времени тому назадъ г. Шанзи, генералъ-губернатору въ Алжирѣ, выработать программу колонизаціи въ Алжирѣ, что этотъ послѣдній и выполнилъ. Президентъ французской республики согласился на то, чтобы земли въ Алжирѣ предоставлялись въ аренду французамъ, родившимся въ Европѣ, или же натурализованнымъ, срокомъ на пять лѣтъ, послѣ чего такія земли будутъ поступать въ окончательную собственность арендаторовъ. Условіями этимъ послѣднимъ ставится: имѣть достаточно средствъ, чтобы просуществовать въ теченіи перваго года послѣ переселенія и непремѣнно прожить всѣ пять лѣтъ на арендуемой землѣ. Желающіе получать въ аренду такія земли должны обращаться съ просьбами къ префекту своего департамента, или къ генералу, которому поручена администрація той мѣстности, куда они желаютъ переселиться. Въ случаѣ, если послѣдуетъ согласіе на просьбу о колонизаціи, переселенецъ имѣетъ право на даровой переѣздъ изъ Марселя въ Алжиръ, а также пользуется половинной платой при проѣздѣ по желѣзнымъ дорогамъ, въ вагонѣ третьяго класса.

Размѣръ участковъ земли будетъ соразмѣряться съ числомъ лицъ, составляющихъ семейство. Maximum надѣленія землей будетъ 10 гектаровъ на каждое лицо мужского или женскаго пола, и равно на дѣтей. Прислуга при семействахъ не получаетъ земли. Въ теченіи пяти лѣтъ, арендаторъ избавляется отъ всякихъ податей въ пользу государства, которыя могли бы быть наложены на недвижимую собственность.

Наконецъ, различнымъ обществамъ, которыя пожелали бы съ промышленными цѣлями выстроить и населить нѣсколько селеній, будутъ будутъ также уступаться земли, подъ условіемъ обратной уступки семействамъ рабочихъ, или земледѣльцевъ, французскаго происхожденія. Сроки, чрезъ которые подобные передачи должны будутъ совершаться, будутъ назначаемы администраціей по условію съ обществами.

Получая, по прошествіи пяти лѣтъ, арендуемую землю въ собственность, переселенецъ обязывается, въ теченіи новаго пятилѣтняго срока, не продавать свои земли ненатурализованнымъ туземцамъ.

* * *

Наши гравюры.

. **Ecce homo**, картина Гротгера.

Достаточно взглянуть на нашъ снимокъ съ этой картины, чтобы убѣдиться, до какой степени направленіе божественной живописи разнится отъ того же рода живописи итальянскаго возрожденія. Итальянская живопись XVI столѣтія была по преимуществу возвратомъ къ традиціямъ античной цивилизаціи, для которой внѣшняя красота и совершенство человѣческаго тѣла играли первую роль. Этою существенною чертою можно характеризовать, главнымъ образомъ, Рафаэля, Ліонардо-да-Винчи, Корреджіо и другихъ великихъ итальянскихъ художниковъ. Наше время, мѣняя свои идеалы, поняло божественную живопись совершенно иначе. Современный художникъ, оставляя на второмъ планѣ внѣшнюю физическую красоту, обращаетъ все свое вниманіе на внутренній, психическій міръ, и находитъ въ немъ мотивы для выраженія своихъ религіозныхъ воззрѣній. Эти воззрѣнія—не мистицизмъ среднихъ вѣковъ, а болѣе свѣтлое и отрадное міросозерцаніе, построенное въ своихъ существенныхъ чертахъ на современной европейской цивилизаціи. Картина Гротгера представляетъ въ этомъ отношеніи, прекрасный образчикъ современной божественной живописи. Это не Ecce homo итальянскаго возрожденія, нѣчто въ родѣ античнаго атлета, или Аполлона Бельведерскаго; не физическая энергія олицетворена въ ней. Это — не изнуренный Христосъ среднихъ вѣковъ, не выражающій въ лицѣ своемъ ничего, кромѣ мрачнаго и отчаяннаго взгляда на жизнь, свойственнаго среднимъ вѣкамъ. Это не рембрантовскій Христосъ, сосредоточившій въ своемъ сердцѣ всю драму жизни и природы. Это не Христосъ Рубенса—фламандскій атлетъ, Ecce homo Гротгера — олицетвореніе современнаго намъ идеала, заключающагося не во внѣшней гармоніи формъ, а во внутреннемъ душевномъ строѣ. Онъ близокъ намъ по душевнымъ страданіямъ, но близокъ также и по тѣмъ надеждамъ свѣтлаго будущаго, которыя каждый изъ насъ носитъ въ своемъ сердцѣ. Оттого онъ такъ понятенъ намъ, мы такъ понимаемъ это суровое лицо и эти грустные, большіе глаза.

Юдифь, картина г. Семирадскаго.

Извѣстна исторія Юдифи, разсказанная въ Библіи. Когда Олофернъ, полководецъ Навуходоносора осадилъ городъ, то Юдифь, съ цѣлью спасти городъ, отправилась въ лагерь осаждающихъ. Олофернъ, пораженный ея красотой, принялъ ее и пригласилъ на пиръ, на которомъ онъ опьянѣлъ и заснулъ. Юдифь отрубила ему голову его же собственнымъ мечемъ и принесла окровавленную голову въ городъ. Таковъ сюжетъ выбранный г. Семирадскимъ для его картины. Съ этимъ сюжетомъ было тѣмъ болѣе трудно справиться, что на эту тему уже есть знаменитая картина Ораса Вернэ. Но г. Семирадскій понялъ исторію Юдифи своеобразно и оригинально. Моментъ, выбранный имъ есть моментъ, когда Олофернъ уснулъ и Юдифь собирается отрубить ему голову. Моментъ, по преимуществу, драматическій, совершенно подходящій къ таланту г. Семирадскаго. Страстное и возбужденное лицо Юдифи, хватающейся за мечъ и спокойное лицо Олоферна — особенно сильно оттѣняютъ драму, и прекрасно выражаютъ ее. Тѣмъ не менѣе, въ картинѣ г. Семирадскаго особенно выдѣляются детали и аксессуары, а также прекрасный и изящный рисунокъ. Вся обстановка драмы замѣчательно хороша: кровать съ рѣзьбой, коверъ, темный занавѣсъ, упавшій на полъ кубокъ, стоящій вдали кувшинъ съ виномъ, арфа,—а у самой кровати военные доспѣхи: шлемъ, каска и проч. Мотивируя картину, опредѣляютъ не только дѣйствіе, но и самую драму. Лицо Юдифи, на которомъ вниманіе зрителя невольно сосредоточивается,—особенно хорошо и вполнѣ отвѣчаетъ характеру древне-еврейской героини, которая пожертвовала собой для спасенія роднаго города.

Входъ въ монастырь на Синайской горѣ.

Опасности, которыми окружены Сирійскіе монастыри, вынудили строить стѣны, башни и главныя ворота такимъ образомъ, чтобы они не легко покорялись набѣгамъ мусульманъ.

Войти во внутрь такихъ монастырей можно только при помощи снаряда, изображеннаго на нашемъ рисункѣ, представляющемъ внутренность монастыря Св. Екатерины, расположеннаго у подножія горъ Хорива и Синая. Входятъ въ монастырь чрезъ отверстіе, помѣщающееся на нѣсколько десятковъ аршинъ надъ землею. Когда монахи услышатъ звонъ прибывшаго гостя, то удостовѣряются точно-ли гость не врагъ ихъ, и въ послѣднемъ случаѣ, спускаютъ веревку съ петлей на концѣ; въ эту петлю садится гость, а монахи поднимаютъ его на верхъ. Монастырскія ворота задѣланы на глухо и отворяются только для принятія патріарха. Стѣны, окружающія монастырь, составляютъ квадратъ; маленькіе бастіоны вооружены пушками, изъ которыхъ монахи, для страха мусульманъ, иногда стрѣляютъ. Монастырскій Арсеналъ состоитъ изъ десятка ружей, употребляемыхъ чернецами противъ арабовъ, когда тѣ грабятъ ихъ огороды, тянущіеся за стѣнами. Огороды эти соединяются съ монастыремъ подземнымъ ходомъ, который защищаютъ двойныя, крытыя желѣзомъ ворота, могущія выдержать не одинъ набѣгъ дикихъ.

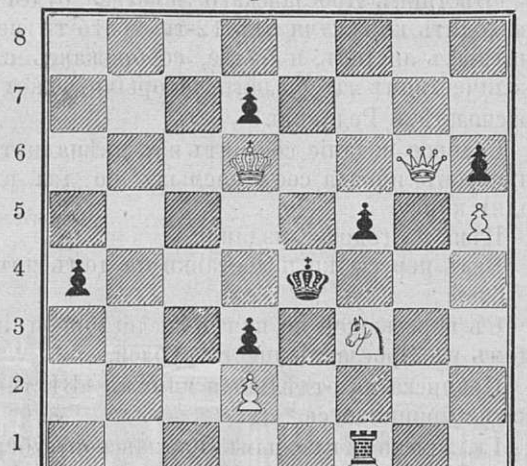
Монахи проводятъ время въ молитвѣ, въ прислуживаніи путешественникамъ, подаяніемъ которыхъ живутъ, а окружающія опасности заставляютъ ихъ чуждаться людей, и не было примѣра, чтобы какой нибудь монахъ пожелалъ перейти въ мѣсто, болѣе безопасное, многолюдное и цивилизованное.

Шахматы.

Задача XIII.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Черные.



Бѣлые.

Рѣшеніе XII задачи, помѣщенной въ № 13.

Бѣлые.	*Черные.*
1) F1—F7	1) D6—D5 (a)
2) F7—F1	2) ....
3) Матъ.	a) 1) E3—E2.
2) F7—F†	2) D4—E5.
3) A6—B7† и матъ.	

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи. Гейсъ (нов. презид. Сѣв -Амер. штатовъ.)— Имандра и Хибины (продолж.). — Доброволецъ. (Разсказъ изъ народ. быта) (оконч.). — Доктора-соперники. (Съ анг. М. Б.)(продолж.).—Библіограф. — Стихотв. «Предсмертные звуки».—Московскій театръ.—Нов. наукъ и жиз. — Со всего свѣта. — Смѣсь. — Наши гравюры. — Шахматы.—Объявл.

Гравюры. Портретъ Гейса (нов. презид. Сѣв.-Амер. штатовъ.)—Спаситель — въ терновомъ вѣнцѣ. — Юдифь (сним. съ карт. Г. Семирадскаго.)—Лапланд. озеро среди горъ.—Входъ въ монастыр на Синаѣ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Объявленія.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ за 1875 и 1876 гг.

За каждый годъ, большой томъ изящно отпечатанный, со множествомъ рисунковъ, лучшихъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, уступается подписчикамъ каждый годъ за 3 рубля (безъ приложеній):

въ изящномъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ .... 4 р.
за два тома.................. 5 „
въ изящныхъ же переплет..
за два тома.............. 7 р.

Деньги на пересылку высылаются по разстоянію: за одинъ томъ на 7 фунт.; за два тома 14 фунт. (До 1000 верстъ) прилагается 1 р. на пересылку за каждый томъ; сверхъ же 1000 верстъ, на каждыя сто верстъ, прилагается 7 к. на томъ.

Въ конторѣ редакціи «*Живописнаго Обозрѣнія*», а также въ книжномъ магазинѣ М. П. Попова, (Невскій пр. въ зданіи Пассажа), и у всѣхъ книгопродавцевъ Спб. и Москвы поступила въ продажу книга:

„ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО“

Томъ I. Изданіе редакціи журнала «Живописнаго Обозрѣнія». Цѣна **3** р. **50** к., съ пересылкою **4** р.

Гг. подписчики «Живописнаго Обозрѣнія» 1877 г. получаютъ эту книгу съ пересылкой за 3 р. 50 к.

Книгопродавцы пользуются обычною уступкой.

Въ конторѣ редакціи «ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ» находится въ продажѣ **большая гравюра.**

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ.

Снимокъ къ картины *Леонарда да Винчи.* Цѣна *50 коп.* съ пер. *75 коп.*

ОТЪ КОНТОРЫ ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ.

За перемѣну адреса редакція проситъ гг. подписчиковъ высылать:

1) За перемѣну петербургск. на иногородн. 85 к.
2) » » иногородн. на петербургск. 50 »
3) » » иногороднаго на иногородн. 25 »

☞ О ПОДПИСКѢ НА 1877 ГОДЪ НА ☜

МОДНЫЙ СВѢТЪ,

САМЫЙ ПОЛНЫЙ И ДЕШЕВЫЙ МОДНЫЙ И СЕМЕЙНЫЙ ЖУРНАЛЪ ВЪ РОССІИ.

№№ 1 и 2 за 1877 г. выйдутъ еще въ декабрѣ 1876 г.

Съ 1-го января 1877 года „МОДНЫЙ СВѢТЪ“ начнетъ X годъ своего существованія и будетъ издаваться съ прежнею со стороны издателя заботливостью о наруж-ныхъ и внутреннихъ его достоинствахъ.

Журналъ „МОДНЫЙ СВѢТЪ“ въ 1877 году будетъ выходить также *въ двухъ изданіяхъ*, въ количествѣ **48 нумеровъ** въ годъ, т. е. четыре нумера въ мѣсяцъ (**два модныхъ** и **два литературныхъ**) и будетъ заключать въ себѣ втеченіи года:

- Болѣе 2,000 политипажныхъ рисунковъ модъ рукодѣлій въ текстѣ.
- Рисунки канвовыхъ и тамбурныхъ работъ. Рисунки и выкройки бѣлья мужскаго, дамскаго и дѣтскаго.
- Раскрашенные рисунки канвовыхъ и друг. работъ.
- Болѣе 300 выкроекъ на 12 большихъ листахъ.
- 24 вырѣзныхъ выкройки въ натуральную величину.
- 24 (или 12 для I изданія) модныхъ раскрашенныхъ парижскихъ картины, исполненныхъ лучшими иностранными художниками.
- Новѣйшія музыкальныя пьесы (ноты) любимыхъ композиторовъ.
- Коллекцію рисунковъ: изъ семейной жизни, модъ стараго времени, характерныхъ костюмовъ для маскарадовъ, портреты, типы и проч.
- Новѣйшія и лучшія повѣсти, романы, фельѣтонъ, стихотворенія, анекдоты, хозяйственный отдѣлъ и разныя мелкія статьи.

Цѣна годовому изданію **„МОДНАГО СВѢТА“** на 1877 годъ:

I издан. съ 12 раскрашен. парижск. картин. и всѣми прилож. въ Спб. безъ доставки: 4 р. — к.
I издан. съ 12 раскрашен. парижск. картин. и всѣми прилож. въ Спб. съ доставкою: 5 р. 50 к.
I издан. съ 12 раскрашен. парижск. картин. и всѣми прилож. для иногородныхъ съ доставкою 6 р. — к.
II издан. съ 24 раскрашен. парижск. картин. и всѣми прилож. въ Спб. безъ доставки: 5 р. — к.
II издан. съ 24 раскрашен. парижск. картин. и всѣми прилож. въ Спб. съ доставкою: 6 р. 50 к.
II издан. съ 24 раскрашен. парижск. картин. и всѣми прилож. для иногородныхъ съ доставкою: 7 р. — к.

- Въ Москвѣ цѣна безъ доставки: I-му изданію 5 руб. II-му изданію 6 р. 50 коп.; съ пересылкою: I-е изданіе, 6 р., II-е изданіе—7 руб.

Издатель „Моднаго Свѣта“ Германъ Гоппе.

- Главная Контора Редакціи „МОДНАГО СВѢТА“ находится въ С.-Петербургѣ, по Большой Садовой улицѣ, домъ Коровина, № 16.
- Въ Москвѣ подписка принимается у книгопродавцевъ: *И. Г. Соловьева*, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Алексѣева; *А. Ланга*, на Кузнецкомъ мосту.

ОБЪ ИЗДАНІИ
„ВѢСТНИКА ЯРОСЛАВСКАГО ЗЕМСТВА"
въ 1876—1877 году.

Вступивъ, съ іюля, въ пятый годъ своего существованія, «Вѣстникъ Ярославскаго Земства» будетъ издаваться по слѣдующей программѣ, утвержденной правительствомъ:

Отдѣлъ первый. Постановленія и распоряженія правительства по земскому дѣлу.

Отдѣлъ второй. Отчеты и извѣстія о дѣятельности земскихъ учрежденій Ярославской губерніи, извлеченныя изъ журнальныхъ постановленій и другихъ актовъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ собраній и управъ.

Отдѣлъ третій. Статистическіе матеріалы о Ярославской губерніи и разныя свѣдѣнія, касающіяся мѣстныхъ нуждъ ярославскаго земства, по предметамъ вѣдѣнія земскихъ учрежденій.

Благодаря четырехлѣтнему опыту, Редакція убѣждена, что, при содѣйствіи и сочувствіи большинства земскихъ дѣятелей къ органу ярославскаго земства, онъ можетъ и впредь исполнять свою задачу съ прежнею, и даже съ бо̀льшею полнотою и отчетливостью. Впрочемъ, не давая никакихъ положительныхъ обѣщаній, Редакція можетъ заявить здѣсь только одно, что она постарается отнестись къ своему дѣлу съ любовью и внимательно, и представить, между прочимъ, своимъ читателямъ нѣсколько очерковъ десятилѣтней дѣятельности нѣкоторыхъ земствъ нашей губерніи. При этомъ Редакція считаетъ себя обязанною заявить теперь же, что бо̀льшій или меньшій интересъ «Вѣстника» будетъ зависѣть прежде всего и главнымъ образомъ отъ дѣятельности какъ самихъ земскихъ собраній, такъ и отъ его сотрудниковъ—губернскихъ и уѣздныхъ гласныхъ, равно и частныхъ лицъ, хотя и неимѣющихъ непосредственнаго отношенія къ земству, но сочувствующихъ его развитію и успѣхамъ.

Труды Редакціи будутъ выражаться преимущественно въ третьемъ отдѣлѣ «Вѣстника» (такъ-какъ составъ двухъ первыхъ отдѣловъ поставленъ въ условія, нисколько отъ насъ независящія).

Считаемъ не лишнимъ вспомнить, что въ 1875—1876 годахъ напечатаны были, между прочимъ, слѣдующія статьи и замѣтки:

1) Центры производства главнѣйшихъ видовъ кустарной промышленности въ Ярославской губерніи, А. В. Скульскаго. 2) Что̀ нужно для сельскаго хозяйства въ Ярославской губерніи, Д. В. Гаврилова. 3) Отчетъ ярославскаго общества для вспомоществованія учащимся недостаточнаго состоянія съ 1-го сентября 1874 года по 1-е сентября 1875 года. 4) Опредѣленіе вѣса живого скота, С. Ю. Заборскаго. 5) Средство противъ мыти телятъ и средство отъ моли, В. Ф. Трибальскаго. 6) Наши главнѣйшія задачи по сельскому хозяйству въ Пошехонскомъ уѣздѣ. А. А. Прасолова. 7) О лугахъ, Е. А. Алексѣева. 8) Значеніе образцовыхъ хозяйствъ вообще, и въ особенности о хозяйственной дѣятельности Франца Горскаго, С. Ю. Заборскаго. 9) Село Козьмодемьянское (статистическій очеркъ), С. Я. Дерунова. 10) О мѣрахъ къ улучшенію сельскаго хозяйства въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Я. А. Прасолова. 11) Хозяйственныя замѣтки, Е. А. Алексѣева. 12) Способъ храненія навоза, испытанный на практикѣ, г. Карабановича.) Приборъ для испытанія всхожести сѣнъ, г. Коробовского. 14) О выкармливаніи ѣтуховъ, Н. Л. Шишмарева. 15) Очеркъ десятилѣтней дѣятельности ярославскаго губернскаго земства по народному образованію, Л. Н. Трефолева. 16) Открытіе двухклассного училища въ Пошехоньѣ, Е. А. Алексѣева. 17) Какъ уменьшить смертность новорожденныхъ дѣтей? Н. В. Пирожкова. 18) Причины пожаровъ въ деревняхъ и селахъ, и мѣры къ устраненію этихъ причинъ, А. Красносельскаго. 19) Ярославская земская повивальная школа, Н. В. Пирожкова. 20) О кустарной промышленности въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Е. А. Алексѣева. 21) Опытъ посѣва ржи по яровой пшеницѣ, засѣянной на подсѣчной землѣ, Е. А. Алексѣева. 22) Нѣсколько словъ о лугахъ, С. Ю. Заборскаго. 23) Грибы, какъ одинъ изъ главнѣйшихъ продуктовъ продовольствія нашего населенія, Е. А. Алексѣева. 24) О комоломъ скотѣ, г. Карабановича. 25) Послѣднія постановленія ростовскаго земства по народному образованію, И. Ѳ. Кошкина. 26) Журналы мологскаго сельско-хозяйственнаго съѣзда 1875 года. 27) Журналы рыбинскаго съѣзда сельско-хозяйственныхъ, статистическихъ и естественно-научныхъ бесѣдъ. 28) Первоначальныя земскія школы Пошехонскаго уѣзда, Е. А. Алексѣева. 29) Живопись по финифти въ городѣ Ростовѣ, А. А. Титова. 30) Журналъ засѣданія годового общаго собранія ярославскаго общества сельскихъ хозяевъ. 31) Годовой отчетъ о состояніи народныхъ училищъ по Ярославской губерніи за 1875 годъ, В. И. Шпеера. 32) Романовскіе и пошехонскіе портные въ Ростовскомъ уѣздѣ, А. А. Титова. 33) Отчетъ о ходѣ взаимнаго земскаго страхованія отъ огня въ Ярославской губерніи за 1875 лодъ. 34) Отчетъ о дѣятельности ярославской лѣчебницы для приходящихъ больныхъ за 1875 годъ, Н. В. Пирожкова. 35) Мѣры къ сохраненію лѣсовъ, Д. Д. Дашкова. 36) Выпускной экзаменъ въ ярославской земской повивальной школѣ, Н. В. Пирожкова. 37) Дѣятельность ростовскаго земства по охраненію народнаго здравія съ 1865 г. по 1875 г., А. А. Титова. 38) О храненіи картофеля, г. Карабановича, 39) Объ устройствѣ депо сельско-хозяйственныхъ орудій, Е. А. Алексѣева. 40) Крестьянскія кожевни, С. Я. Дерунова. 41) Наши лѣса, С. Ю. Заборскаго. 42) Разныя сельско-хозяйственныя замѣтки, Е. А. Алексѣева.

Къ нѣкоторымъ изъ поименован. здѣсь статей были приложены чертежи и рисунки.

«Вѣстникъ Ярославскаго Земства» будетъ выходить книжками отъ 12-ти до 15-ти печатныхъ листовъ, и болѣе, соображаясь съ количествомъ матеріаловъ, которыми можетъ располагать Редакція.

Годовое изданіе состоитъ изъ двѣнадцати нумеровъ, иногда соединяемыхъ по два въ одну книгу.

Цѣна за годовое изданіе:

Безъ пересылки и доставки на домъ пять рублей.

Съ пересылкой по почтѣ и доставкой на домъ въ Ярославлѣ шесть рублей.

Подписка на отдѣльныя книжки «Вѣстника не принимается.

Гг. земскимъ гласнымъ Ярославской губерніи «Вѣстникъ» высылается безплатно. Волостныя правленія Ярославской губерніи платятъ только 1 руб. на почтовые расходы.

Губернскія и уѣздныя земскія управы другихъ губерній, а равно всѣ иногородные гг. земскіе гласные, при подпискѣ на «Вѣстникъ Ярославскаго Земства», пользуясь уступкой, могутъ получать его за 4 руб., съ пересылкою по почтѣ. Книгопродавцамъ дѣлается уступка 20% съ подписной цѣны.

Подписка, а также статьи для напечатанія принимаются исключительно въ Редакціи, состоящей при ярославской губернской управѣ, на углу Ростовской и Большой-Рождественской улицъ (противъ Шапочной биржи), въ собственномъ домѣ.

Редакторъ **А. В. Скульскій.**

Помощникъ редактора **Л. Н. Трефолевъ.**

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОЙ ТОРГОВЛѢ
В. БЕССЕЛЯ И Кº.
ПОСТАВЩИКОВЪ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО МУЗЫКАЛЬНАГО ОБЩЕСТВА И КОНСЕРВАТОРІИ.

На Невскомъ проспектѣ, д. № 58 (гдѣ Отель Бель-Вю).

Продаются изданныя съ правомъ собственности русскія оперы:

Даргомыжскаго А. С. «Каменный Гость» въ 3 дѣйствіяхъ, для п. ф. .... 8 р.

Сокращенное изданіе (вмѣсто либретто)......................... — » 60 к.

«Торжество Вакха», опера-балетъ, (одно дѣйствіе) въ 2 картинахъ, для пѣнія и ф. п....... 5 »

Кюи Ц. А. «Вильямъ Ратклифъ», въ 3 дѣйствіяхъ для пѣнія и ф. п. 9 »

«Анджело», въ 4 дѣйствіяхъ, для пѣнія и ф. п.............. 16 »

Мусоргскій М. П. «Борисъ Годуновъ», въ 4 дѣйствіяхъ съ прологомъ, для пѣнія и ф. п....... 15 »

Римскій-Корсаковъ Н. А. «Псковитянка», въ 4 дѣйствіяхъ, для пѣнія и ф. п.............. 12 »

Для одного ф. п. безъ пѣнія. . 7 »

Рубинштейнъ А. Гр. «Демонъ» въ 3 дѣйствіяхъ, для пѣнія и ф. п. 10 »

Для одного ф. п. безъ пѣнія. . 6 »

Чайковскій П. И. «Опричникъ», въ 4 дѣйствіяхъ, для пѣнія и ф. п. 15 »

Для одного ф. п. безъ пѣнія. . 8 »

Всѣ либретто вышеупомянутыхъ оперъ продаются по 50 к.

Гг. иногородные прилагаютъ за пересылку особо, сообразно съ разстояніемъ.

Подписка на газету «Музыкальный Листокъ» продолжается по 3 р. 60 коп. съ пересылкою. Вновь подписавшіеся получаютъ всѣ вышедшіе нумера.

ОТЪ РЕДАКЦІИ ГАЗЕТЫ
„РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ".

По распоряженію правительства, 12-го января, по поводу помѣщенныхъ въ «Русскомъ Обозрѣніи» фельетона въ № 1-мъ и передовой статьи въ № 2-мъ за текущій годъ, этой газетѣ объявлено третье предостереженіе съ пріостановленіемъ изданія на два мѣсяца.

Въ виду этого, слѣдующій № «Русскаго Обозрѣнія» выйдетъ 13 марта, въ объемѣ, который вознаградитъ читателей за время пріостановки изданія.

Подписка на „РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ" продолжается и подписавшимся немедленно высылаются вышедшіе уже №№ 1-й и 2-й.

Подписная цѣна: съ доставкою и пересылкою: на 1 годъ—5 руб., на полгода—3 руб., на 1 мѣсяцъ—1 руб.

Подписка принимается:

Въ главной конторѣ, при книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова (С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 46). Въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ мосту, д. Фирсанова.

Въ Кіевѣ—въ книжномъ магазинѣ Гинтера и Малецкаго, на Крещатикѣ. Въ Одессѣ—въ конторѣ Мосягина и комп., на Соборной площади, д. Попудова. Въ Ярославлѣ—въ книжномъ магазинѣ и библіотекѣ Кокуева.

Иногородные адресуютъ исключительно: въ С.-Петербургъ, въ редакцію газеты «Русское Обозрѣніе», Надеждинская, № 16.

Редакторъ-издатель **Г. К. Градовскій.**

При настоящемъ нумерѣ Живописнаго Обозрѣнія разсылается апрѣльское приложеніе „ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО".

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 22 марта 1877 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 л., д. № 12.

Живописное Обозрѣніе

381 Публичная

№ 15. Томъ I.
На годъ съ доставкою и пересылкою 7 руб.; на полгода 4 р. 50 к. Отдѣльн. №№ по 15 к.
С.-Петербургъ, 10 Апрѣля 1877 года.
Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Троицкій переулокъ, домъ № 27/1.
Годъ V.

ОТЪ РЕДАКЦІИ ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ (ГОДЪ ПЯТЫЙ).

Еженедѣльный иллюстрированный журналъ «Живописное Обозрѣніе», выходитъ въ формматѣ большихъ иллюстрацій, въ количествѣ 52-хъ нумеровъ въ годъ.

При журналѣ разсылается, въ видѣ преміи, ежемѣсячное иллюстрированное приложеніе **«Жизнь и Хозяйство»**, двѣнадцать выпусковъ въ годъ. Кромѣ того, подписчики получаютъ

НѢСКОЛЬКО ДРУГИХЪ ПРЕМІЙ,

изъ коихъ первая—большая гравюра: **продажа амулетовъ**, снимокъ съ картины проф. Генриха Семирадскаго, на толстой веленевой бумагѣ, длиною одинъ аршинъ, шир. 12½ вер., въ настоящее время печатается и разошлется всѣмъ **годовымъ** подписчикамъвъ маѣ мѣсяцѣ.

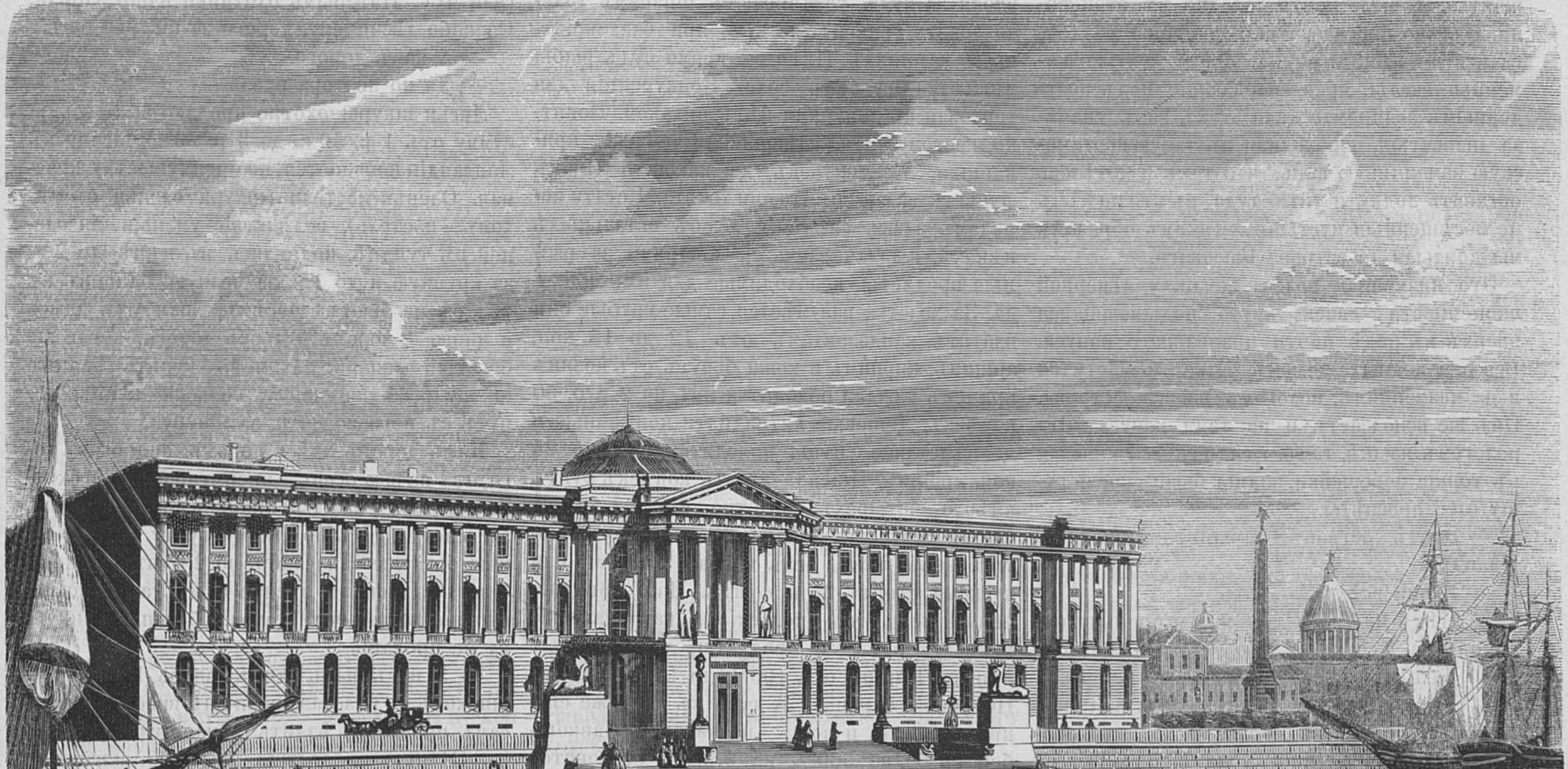
Въ журналѣ принимаютъ участіе: П. В. Быковъ, И. Н. Захарьинъ (Якунинъ), А. Майковъ, В. И. Немировичъ-Данченко, И. В. Омулевскій, П. И. Пашино, В. Славянскій, Н. П. Стремоуховъ, Н. А. Чмыревъ, В. В. Чуйко, А. К. Шеллеръ (Михайловъ).

Въ одномъ изъ ближайшихъ нумеровъ начнется печатаніе **новаго романа Жюля Верне: „Черная Индія“**.

Годовая подписная цѣна съ доставкою и пересылкою 7 руб., безъ пересылки и доставки 6 руб.

Главная контора журнала: въ Троицкомъ переулкѣ д. № 27/1.

Подписка продолжается. Новые подписчики получаютъ журналъ съ перваго нумера.



Академія Художествъ въ С.-Петербургѣ. (Къ статьѣ *«на Выставкѣ»*).

писать

Имандра и Хибины.

(По пути изъ Колы въ Кандалакту).

В. И. Немировича-Данченко.

(*Продолженіе*).

Хибины южными своими отрогами подступаютъ къ самому берегу Имандры, противу острова Высокаго. Тутъ они почти голы, только кое-гдѣ на сѣрыхъ массахъ ихъ каменныхъ откосовъ бѣлѣютъ палевыя пятна оленьяго моха. Зеленый мохъ тоже кое-гдѣ подернулъ склоны — во всемъ остальномъ—полное отсутствіе жизни и растительности. Уныніемъ, сумрачнымъ величіемъ вѣетъ отсюда... Нѣкоторыя отдѣльныя возвышенности отвѣсно обрываются въ Имандру. Вода подъ ними черна почти отъ тѣни, отброшенной этими циклопическими стѣнами. Отсюда еще разъ видны двѣ, точно разсѣченныя мечемъ, вершины на лѣво... По правую, западную, сторону Имандры могуче поднимаются каменныя громады другой группы горъ Мончъ-Тундры. Впрочемъ, ихъ очертанія далеко не такъ грандіозны, склоны не такъ круты, какъ въ Хибинахъ. Мончъ-Тундра гораздо положе, мягче, если такъ можно выразиться. Самая поверхность этихъ горъ уже обнаруживаетъ болѣе жизни. Зиждущая сила природы здѣсь проявляетъ себя и въ цѣлыхъ березовыхъ рощахъ, забившихся въ ущелья, и въ невысокихъ сосновыхъ лѣсахъ, покрывшихъ южные склоны. Вершины Мончъ-Тундры—покрыты оленьимъ мохомъ.

Въ это время мы плыли вдоль восточнаго берега Имандры.

Лодка наша казалась букашкой жалкой, робко проползавшей у каменныхъ стѣнъ Хибинскаго обруба. Не смотря на знойный день (а жара лѣтомъ на этихъ озерахъ подавляющая) намъ было почти холодно въ этой тѣни. Налѣво, иногда, каменныя стѣны раздвигались и въ щели видны были желтые каменные скаты. ярко сверкающіе подъ полуденнымъ солнцемъ. Дали этихъ горъ, сначала лиловатыя, переходили въ такую поэтическую заманчивую синь, что такъ и хотѣлось оставить лодку и уйти туда. въ эти ни кѣмъ не посѣщенныя пустыни... Такимъ образомъ мы доплыли до острова Высокаго.

Это низменная полоса земли, у сѣверной оконечности своей круто подымающаяся вверхъ въ видѣ почти правильнаго конуса. Вся она покрыта лѣсомъ. Ельникъ частится и на низменномъ, пологомъ языкѣ острова. Онъ же всползаетъ и на темя конуса... На пологомъ языкѣ, тамъ, гдѣ онъ съуживался въ тонкіе перешейки, видны были сквозь гущу елей просвѣты.

— Этотъ островъ—самый замѣтный по Имандрѣ.

— Выше всѣхъ?

— Нѣтъ не то... Сюда много промышленниковъ къ Успеньеву дню сходятся.

— Да вѣдь тутъ и промышлять нечего.

— Есть.... Отсюда, съ этого дня начиная, они на Хибины съ собаками ходятъ, охотятся. Отсюда же они и на Мончъ-Тундру идутъ. Дикихъ оленей бьютъ. Случается, что одинъ охотникъ головъ десять оленей добудетъ... Это что! Въ прежніе годы то ли было!...

И лопарь задумался.

— Оскудѣло все, и земля лопская оскудѣла, и море оскудѣло, и озера наши обезрыбили.

— Отчего же это.

— А Русь распугала. Прежде миръ у насъ былъ, спокой... А теперь грабежъ на тундрѣ нашей, шумъ. Одинъ мурманщикъ за цѣлое войско нашумитъ!... Ну и звѣрь ушелъ. Было время, когда въ Хибинахъ безъ тридцати головъ оленьихъ лопарь и охоты не кончалъ, а то и всѣ пятьдесятъ. А теперь и десять—удача!... Да не то что ружьемъ!... Стрѣлой—били оленя...

Теперь, впрочемъ, и ружьемъ не довольствуются. У подножій Хибинъ въ лѣсистыхъ чащахъ, у воды и по оленьимъ тропамъ ставятъ петли. Среднимъ числомъ въ сто петель попадаетъ отъ восьми до десяти оленей. Тѣмъ большею частью и живетъ здѣшній народъ. Отсюда, впрочемъ, уже и для Шунги вылавливаютъ рыбу, только въ холодное время, когда эта рыба не портится. Сюда поэтому пріѣзжаютъ разные «купцы» между которыми особенно выдѣляется Иванъ Лупычъ.

— Это еще что за Иванъ Лупычъ.

— А есть такой изъ Княжъ-губы. А то еще Клементьевъ изъ Ковды... Савинскіе прикащики доходятъ.

— И дорого продаете рыбу?

— А цѣна у насъ сплошь одинаковая стоитъ. Отъ рубля до рубля пятидесяти съ пуда беремъ, только рѣдко намъ деньгами попадаетъ.

— А какже? мѣняетесь на что?

— Да за рыбу намъ въ Кандалактѣ соль даютъ, муку.

— Почемъ же соль ставятъ.

— А по семидесяти копѣекъ пудъ, а за муку и всѣ полтора цѣлковыхъ.

Такимъ образомъ за пудъ рыбы даютъ отъ полутора до двухъ пудовъ соли и отъ 30 фунтовъ до пуда муки. Кандалактянамъ мука обходится пудъ по 70 коп. а соль по 45. Такимъ образомъ, покупая рыбу не на деньги, а въ обмѣнъ, они, вмѣсто полутора рубля за пудъ, уплачиваютъ лопарямъ только девять гривенъ, да и то при благопріятныхъ условіяхъ. Имѣя же прямо пудъ рыбы мѣняются на пудъ соли! Конкуренціи для торговли съ лопарями нѣтъ никакой. Понятно поэтому, что, спѣвшись, Савинскіе прикащики, Клементьевъ, да какой-то Иванъ Лупычъ дѣлаютъ, что они хотятъ. Кстати передамъ здѣсь свѣдѣнія и объ остальныхъ цѣнахъ, выплачиваемыхъ лопарями за разные предметы, необходимые для ихъ обихода. За холсты, разумѣется, самые грубые они платятъ кандалактамъ отъ 12 до 15 коп. аршинъ, кирпичъ и кожи берутъ отъ колянъ причемъ каждая обходится имъ по 2 руб. 50 копѣекъ. Дешевые пятнадцати копѣечные и дешевле еще ситцы обходятся имъ по 25 коп. аршинъ. Пшено—десять копѣекъ фунтъ вмѣсто четырехъ, полотно отъ 6—7 коп. Масло, считаемое лопарями лакомствомъ и потребляемое такъ, безъ хлѣба—ложками или кусками, стоитъ 35 к. фунтъ. Изъ этого перечня ясно, что кольскіе и кандалактскіе купцы дерутъ за продукты, доставляемые ими въ Тундру, отъ 100% до 400% на сто!.. Недурной барышъ. А если къ тому же еще присоединить и водку, на которой Павковъ беретъ болѣе 500% на сто, то становится понятнымъ жалкое экономическое положеніе лопаря въ настоящее время. Какъ ни злоупотребляли своимъ положеніемъ лица, завѣдывавшія прежде казенными соляными и хлѣбными магазинами, но все таки они до такого безобразія не доходили. Поэтому лопари до сихъ поръ вспоминаютъ съ сожалѣніемъ о тѣхъ временахъ. Я положительно думаю, что устройство подобныхъ магазиновъ и теперь принесло бы въ Тундрѣ громадную пользу, разумѣется, при томъ условіи, чтобы учрежденія этого рода были поставлены не въ одной Колѣ или Кандалактѣ, но и у озеръ Имандры и Нуотъ.

Зимою лопари жгутъ дрова въ камелькахъ своихъ тупъ; это служитъ имъ единственнымъ освѣщеніемъ. Только богатые лопари пользуются тресковымъ саломъ, какъ освѣтительнымъ матеріаломъ, что̀ и обходится имъ по 12 коп. за фунтъ. Въ хорошій промысловый годъ одна семья, сверхъ того, что она съѣстъ, можетъ еще заготовить на зиму, для продажи, бочекъ десять рыбы, въ каждой бочкѣ отъ 3 до 5 пудовъ. Бочекъ большого размѣра употреблять здѣсь нельзя потому, что онѣ будутъ не по силамъ оленю. Иногда, впрочемъ, промыслы бываютъ до того скудны, что, вмѣсто рыбы на продажу, лопарямъ самимъ приходится покупать сельдь въ Кандалактѣ, уплачивая за каждую сельдянку рыбы — 40 коп. Тѣмъ несчастные и перебиваются зиму.

Цифры вообще очень краснорѣчивы сами по себѣ. Освѣщать ихъ нечего. Я собиралъ ихъ всюду, гдѣ только могъ, и одинаково вездѣ удивлялся добродушію и нетребовательности этого небольшого народца, который положительно забываетъ свои личные интересы во всемъ, отдавая за безцѣнокъ и добычу труднаго охотничьяго промысла, и уловъ озерной рыбы. Не эксплуатируетъ, не грабитъ лопаря, только лѣнивый. Всѣ остальные дерутъ съ него по нѣсколько шкуръ, считая этого инородца, чѣмъ-то въ родѣ своей дойной коровы. Такъ, напримѣръ, очень опасная охота на волковъ оплачивается цѣлковымъ за шкуру матераго животнаго и притомъ еще неиспорченную.

— А много ли здѣсь волковъ?

— Около нашего жилья о прошлый годъ семь бѣгало. Нападали даже на людей, кусали ихъ. Пятерыхъ охотники наши забили. Спасибо лѣсничему, дорого за шкуры далъ.

— А какъ дорого.

— Да по полтора рубля.

Лисьи шкуры охотно продаются здѣсь за сумму отъ 1 р. 50 к. до 3 р. 50 к. Лисица въ Лапландіи попадается, по преимуществу, красная. Оленьи постели (шкура оленья съ мѣхомъ—постель), вслѣдствіе уменьшенія оленей въ тундрѣ, поднялись въ цѣнѣ до 2 р. за крупную и до 1 р. за мелкую. Зайцевъ въ тундрѣ не бьютъ совсѣмъ, хотя ихъ здѣсь и много — порохъ и дробь дороги, когда же богатый лопарь захочетъ купить заячью шкуру себѣ на шапку, кольскіе купцы дерутъ съ него по 80 к. за шкуру.

Какъ дорогъ здѣсь порохъ, видно изъ того, что на всю осень—преимущественно охотничья пора—каждый промышленникъ лопарь запасаетъ здѣсь по одному фунту. Только самые богатые запасаютъ по 2 фунта. Бѣлокъ бьютъ здѣсь по лѣснымъ мѣстамъ, но неохотно, потому что дороже 5 коп. за шкурку не продашь.

— У насъ былъ одинъ лопарь, Кузьма Паршуковъ, — разсказывали мнѣ гребцы — тотъ самъ пробовалъ ѣздить съ нашимъ товаромъ въ Шунгу, да должно быть не выгорѣло. Совсѣмъ его русскіе тамъ обманули и разорили. Въ прежнее время то же кое-кто пробовалъ ѣздить туда изъ лопарей—да то же плохо торговали. Неграмотные, извѣстно, разбросаютъ деньги, а и сами не знаютъ куда. Теперь Паршуковъ этотъ изъ богатыхъ лопарей совсѣмъ нужнымъ (нищимъ) сталъ. Ничего у него нѣтъ. Ходитъ въ Хибины да промышляетъ оленя; что̀ ему больше дѣлать съ собой.

По Имандрѣ живутъ только въ болѣе углубленныхъ въ землю губахъ — лопари и промышленники. По берегамъ же, выступающимъ далеко въ воду, промышлять нельзя —рыба не ловится, ни по землѣ человѣку не пройти.

Наконецъ, гребцы мои видимо устали. Мы причалили къ берегу, къ вѣжѣ, едва замѣтно горбившейся въ глубинѣ тихой и покойной бухты. Кругомъ обступилъ ее темный лѣсъ, прямо съ берега виднѣлась красивая панорама Мончь-Тундры, вершины которой на голубомъ фонѣ неба сверкали, точно глыбы матоваго серебра.

Хозяева были дома. Спали себѣ въ вѣжѣ послѣ утренняго улова. Пуда три добыли сиговъ да харіусовъ. Нѣсколько пятнистыхъ кумжъ было тутъ же.

Съ перваго слова жалобы на подати, бѣдность, недоимку.

— Бѣда приходитъ!

— А что?

— Да какъ же. Весною мы отдали за двѣ души податей шесть цѣлковыхъ и то за полгода. А то еще бываетъ за треть собираютъ по 4 рубля съ души. Это когда волостной злой.

— Да развѣ волостной назначаетъ подати?

— А мы учесть его не можемъ. Онъ самъ себя учитываетъ. Посылаетъ къ намъ за податью. Мы вѣримъ и платимъ. Его нельзя не послушать—засудитъ.

Толстый и жирный котъ вошелъ въ вѣжу и замурлыкалъ, жмурясь на рыбу.

— Бѣдные, бѣдные, а котъ во какой гладкій! замѣтилъ одинъ гребецъ, чѣмъ его кормишь, ишь онъ какой при вашей бѣдности?

— А онъ промышленникъ.

— Какъ такъ?

— Да птицъ промышляетъ. Тѣмъ и живетъ. Другой разъ большую поймаетъ. Въ лѣсъ нарочно за этимъ ходитъ.

(*Продолженіе будетъ*).

* * *

Доктора-Соперники.

(Съ англ. М. Б.)

(*Окончаніе.*)

Глава V.

Въ головѣ Кляйва Норскота происходилъ страшный сумбуръ, между тѣмъ какъ онъ направлялся подъ дождемъ къ фермеру Дженкинсу. Послѣ того, какъ онъ обнялъ и поцѣловалъ свою прекрасную соперницу, онъ все понялъ. Это честное, чисто женственное созданіе, которое онъ хотѣлъ уничтожить, сдѣлалось частью его существа, о ней онъ только мечталъ во снѣ и на яву, и то, что ему казалось прежде ненавистью, обратилось въ самую сильную любовь. Онъ не могъ простить себѣ, что такъ низко поступалъ съ Кисси, и за то, что не обуздалъ своихъ чувствъ къ ней.

— Я какъ будто воспользовался ея смущеніемъ! вскрикнулъ онъ. Она всѣмъ это разскажетъ! нѣтъ, этого не сдѣлаетъ моя милая, хорошая Кисси! Кто только познакомится съ Кисси, не промѣняетъ ее на салонныхъ куколъ, или писанныхъ красавицъ. Я понимаю теперь, чего недостаетъ въ Розѣ Данверъ, и почему мнѣ надоѣло ея общество; я пересталъ ее даже ревновать къ сэру Гарольду. Мужчина ищетъ въ женщинѣ не одну красоту, но и умъ; о Кисси, моя чудная, черноглазая, какъ сильно можешь ты любить, если съ такою нѣжностью заботишься о своей матери.

Негодованіе, обнаружившееся въ глазахъ Кисси, говорило ему что онъ слишкомъ поспѣшилъ. Онъ въ ту же ночь рѣшился избѣгать встрѣчъ съ докторомъ Лодъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ чувствовать себя въ силахъ обуздываться въ ея присутствіи; кромѣ того, онъ сказалъ себѣ, что употребитъ всѣ усилія, чтобы доставить Кисси побольше практики, рискуя потерять ее, въ свою очередь, добровольно.

Встрѣча съ Кисси послѣдовала скорѣе, чѣмъ онъ думалъ. Образъ Кисси не изглаживался изъ его головы. Въ теченіи цѣлой недѣли, докторъ ее не видѣлъ, но былъ совершенно покоенъ, воображая ее себѣ опять посѣщающую многихъ больныхъ, отъ которыхъ онъ отказался неимѣніемъ времени. Но, по прошествіи недѣли, фермеръ Дженкинсъ явился къ Норскоту, прося навѣстить дочь, прибавивши, что за все это время никто не видѣлъ доктора Лодъ по сосѣдству съ фермою.

Докторъ Норскотъ вспомнилъ тогда, что по всему Ломеду разнеслись слухи, что докторъ Лодъ больна, что опасно больна и даже умираетъ. Будучи какъ-то разъ у священника онъ узналъ тамъ, что Кисси лежитъ въ постелѣ; Норскотъ, какъ помѣшанный, возвращался домой; ему на встрѣчу попался мальчикъ, служащій у Кисси и разносившій всегда лекарства.

— Какъ поживаетъ докторъ Лодъ? спросилъ Норскотъ.

— Она нездорова; отвѣтилъ мальчикъ.

— И въ постелѣ? она въ самомъ дѣлѣ очень больна?

— Ей очень плохо, сэръ! отвѣтилъ мальчикъ. Старая барыня ворчитъ на нее за то, что она неглижируетъ больными, но она не можетъ встать съ постели. Марфа говоритъ, что она не выдержитъ, но я этому не вѣрю, прибавилъ мальчикъ и злобно посмотрѣлъ на Норскота, котораго онъ отлично зналъ по виду, я этому не вѣрю, потому что она такъ хорошо лечитъ другихъ.

— Но кто лечитъ ее? спросилъ Норскотъ, блѣднѣя какъ полотно; ему представилась бѣдная дѣвушка, слѣдящая за симптомами болѣзни, и видящая отчаяніе матери.

— Она все это время сама себя лечитъ; но она иногда забывается. Марфа хотѣла было послать за вами вчера, но когда миссъ Кисси услышала это, она разсердилась и на отрѣзъ объявила, что не желаетъ, чтобы призывали доктора.

Норскотъ пошелъ своею дорогою сильно взволнованный. Онъ сознавалъ, что глубоко оскорбилъ Кисси, и это сознаніе удерживало его отъ посѣщенія Удбинъ Коттэджъ.

Въ тотъ день онъ ощущалъ страшную тоску; въ 7 час. вечера прибѣжала къ нему Марфа, умоляя его немедленно навѣстить Кисси.

Бѣдная г-жа Лодъ лежала въ безпомощномъ состояніи послѣ только что бывшаго съ ней истерическаго припадка; Марфа напрасно совѣтовала пригласить сидѣлку, и рѣшилась, наконецъ, обратиться къ доктору Норскоту.

Кисси заснула въ отсутствіи услужливой горничной; Норскотъ засталъ ее еще спящей; волосы были разброшены по подушкѣ, а сама она была очень блѣдная.

Онъ скоро убѣдился, что она страдаетъ колотьемъ въ боку вслѣдствіе простуды; кашель душилъ ее и разбудилъ; Норскотъ заключилъ что она въ безсознательномъ состояніи, потому что не обнаружила ни малѣйшаго удивленія при видѣ его.

— У меня нѣтъ больше денегъ, проговорила она машинально. Марфа, не говори объ этомъ мамѣ. Я гдѣ-нибудь достану.

— Кисси, шепнулъ Норскотъ, неужели вы не узнаете меня.

Она подняла на него свой блуждающій взглядъ.

— Это ты, папа? проговорила она удивленно.

— Миссъ Кисси — голубушка моя, зарыдала Марфа; развѣ вы не узнаете доктора, добраго, хорошаго доктора Норскота?

Дѣвушкой начало овладѣвать постепенно сознаніе, и, по мѣрѣ того, какъ она приходила въ себя, лицо ея покрывалось слабымъ румянцемъ.

— За вами посылали? рѣзко спросила она; я сама вылечу себя, благодарю васъ, докторъ Норскотъ.

— Шутишь, глупенькая! замѣтилъ Норскотъ и сдѣлалъ Марфѣ знакъ, чтобы та перешла къ окну на другой конецъ комнаты. — Всѣ больные соскучились за вами. Марфа вылей за окно всѣ эти лекарства. Я примусь за васъ и не позволю, чтобы вы ослабляли свой организмъ. Марфа, принеси сюда связку дровъ, углю — надо развести огонь.

— Нѣтъ, я не соглашусь на это, слабо проговорила Кисси. Я знаю, что вы можете меня вылечить, но ради Бога не навязывайтесь съ услугами. Я не въ состояніи платить докторамъ.

— Но не каждый докторъ употребляетъ дорогія средства. Я пропишу вамъ нѣкоторыя лекарства, а когда вы выздоровѣете, я въ свою очередь, попрошу что-то у васъ, въ чемъ вы вольны мнѣ отказать.

— Я сдѣлаю это, я обѣщаю дать вамъ все, даже то, чѣмъ я больше всего дорожу, — сказала она серьезно. Докторъ, я такъ слаба. Каковъ пульсъ? Покажите мнѣ ваши часы.

— Марфа разведи огонь, а я отправлюсь въ пріемную доктора Лодъ и приготовлю для нее лекарство. Не безпокойтесь, все будетъ хорошо, только довѣрьтесь мнѣ.

Докторъ Норскотъ, я прошлась по полямъ до Ломеда, и не чувствую ни малѣйшей усталости. Какъ пріятно опять дышать чистымъ воздухомъ! Я бы не хотѣла быть на вашемъ мѣстѣ, имѣть экипажъ и лошадей.

— Но все же не насилуйте своей натуры, сказалъ Кляйвъ Норскотъ, перегибаясь на заборъ, по другую сторону котораго стояла Кисси. Вы еще не совсѣмъ поправились. Ваша болѣзнь не оставила никакихъ слѣдовъ на вашей наружности — и вмѣстѣ съ тѣмъ еще болѣе приблизился къ ея лицу.

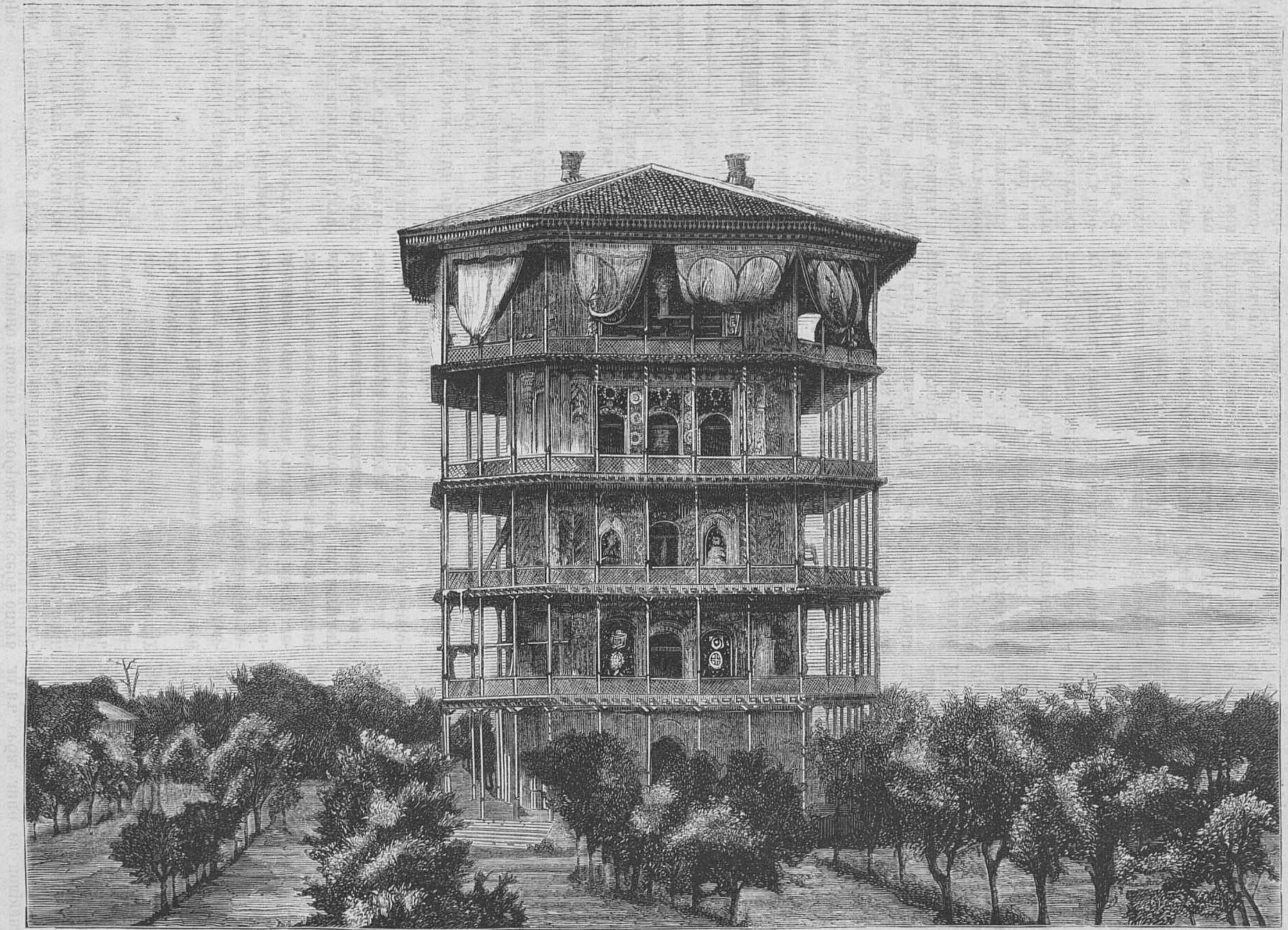
— О, не мучьте меня, вскрикнула Кисси, отступивъ на нѣсколько шаговъ и покраснѣвъ.—Я хочу поговорить съ вами, докторъ Норскотъ; я рада, что встрѣтила васъ. Въ прошедшій вечеръ я получила деньги изъ медицинскаго магазина. Мясникъ только-что размѣнялъ деньги. Позвольте вамъ сейчасъ выплатить должныя за квартиру деньги; она не поднимая на него глазъ, достала два банковыхъ билета и передала ихъ ему.

— Благодарю васъ, сказалъ серьезно Норскотъ. — Эти деньги пойдутъ въ счетъ вашего долга.

— Какъ въ счетъ! я вамъ заплатила сполна, посмотрите хорошенько!

— Въ счетъ долга за попеченія, которыя я имѣлъ во время вашей болѣзни, докторъ Лодъ.

— Да, да! но я никогда не буду въ состояніи отблагодарить васъ за все. Я хорошо знаю, кто доставлялъ намъ всевозможныя лакомства, кто нанялъ сидѣлку изъ Лондона. Докторъ Норскотъ —



Павильонъ Шаха. (Къ статьѣ «*Картины изъ Персіи*»).

— Довольно объ этомъ; прервалъ онъ ее; помните нашъ договоръ; я выговорилъ себѣ право попросить что-то у васъ.

— Помню, отвѣтила Кисси, собравшись съ духомъ; я готова исполнить ваше желаніе; въ чемъ оно состоитъ?

— Вы обѣщаете исполнить его?

— Конечно, обѣщаю; твердымъ голосомъ сказала она.

— Вы не догадываетесь, о чемъ я хочу просить васъ? Я хочу получить что-то честное, талантливое, любящее — докторъ Лодъ!

— Не называйте меня такъ.

— Кисси, дорогая моя, я тебя хочу. Не удивляйся, милая! ты уже вѣроятно, догадывалась... Помни, ты мнѣ обѣщала себя, ты не захочешь не сдержать слова.

Доктора, болѣе не соперники, смотрѣли другъ на друга нѣкоторое время молча. Они глядѣли съ такою нѣжностью; оба покраснѣли.

— Кисси, вѣдь то, что говорили о твоей свадьбѣ съ Джономъ Гресгамомъ — неправда! онъ только твой другъ!

— Онъ былъ такимъ добрымъ другомъ.

Кляйвъ Норскотъ молчитъ. Кисси никогда, не проститъ ему всѣхъ оскорбленій?....

— Да, онъ отличный человѣкъ; мнѣ далеко до него. Но зачѣмъ вы меня не сдѣлали такимъ же хорошимъ. Богъ съ вами, дитя мое!

— Докторъ Норскотъ! сказала тихимъ не увѣреннымъ голосомъ Кисси; — храните мое обѣщаніе.

— Милая, ты можешь и не сдержать его; но если ты никого не любишь, и думаешь, что можешь когда-нибудь полюбить меня, то прости меня, приди въ мои объятія, и осчастливъ мою жизнь.

И докторъ Кисси, среди бѣлаго дня, бросается въ его объятія.

* * *

Картины изъ Персіи.

Павиліонъ шаха.

На юговосточной оконечности Каспійскаго моря, неподалеку отъ Решта, единственной такъ называемой гавани (въ которую, однако, нельзя входить въ бурную погоду) близь персидской границы находится мѣстечко Энзели — мѣстечко, которое его восточное величество избрало мѣстомъ для торжественнаго прощанія передъ отъѣздомъ въ Европу. Отсюда отправился морской поѣздъ въ Баку, что, говорятъ, иногда представляетъ трудности, такъ какъ прибой волнъ на окружающихъ песчаныхъ банкахъ, при сѣверномъ вѣтрѣ, не позволяетъ ни войти, ни выйти ни одной лодкѣ, такъ что случается, что корабли, идущіе изъ Атурада, бываютъ принуждены идти четыре дня назадъ или въ Баку, что немного ближе. Чудное зданіе, возведенное здѣсь наскоро, для того чтобы его величество имѣлъ возможность достойнымъ образомъ проститься съ своими женами и другими вѣрными подданными, имѣетъ въ высоту отъ 60—70 футовъ и довольно воздушно сложено изъ такъ называемыхъ воздушныхъ кирпичей, т. е. высушенныхъ на воздухѣ (или на солнцѣ) суглинистыхъ кусковъ, такъ что теперь оно уже распадается въ пыль — участь, которую въ той сказочной странѣ раздѣляютъ многія затѣи и укрѣпленія. Обыкновенно это не представляетъ большой опасности, такъ какъ дома строятся, большею частію, одноэтажные, и потому, во время крушенія можно легко спрыгнуть во дворъ или садъ; но въ этомъ павиліонѣ дѣло представлялось уже нѣсколько болѣе опаснымъ, особенно для высочайшаго гарема, помѣщавшагося подъ крышей, въ томъ мѣстѣ, гдѣ на нашемъ рисункѣ видны бумажныя занавѣси. Хотя не было ничего завиднаго въ квартирѣ, тамъ, на верху подъ жгучимъ солнцемъ, но все таки эта квартира казалась спасительною, будучи цѣлью безпримѣрнаго путешествія въ клѣткѣ на протяженіи 7—8 миль. Вообразите себѣ этихъ несчастныхъ существъ, этихъ супругъ высокаго сына солнца, запертыми каждая отдѣльно въ ящикъ, въ которомъ немножко воздуха и свѣта попадаетъ спереди; по два такихъ ящика навьючиваются на осла; болтаясь по бокамъ его, они не могутъ передвигаться, что, конечно, весьма хорошо, такъ какъ, балансируя на перевязи, они не могутъ двигаться не увлекая за собою другъ друга. Сильное животное терпѣливо тащитъ свою прелестную ношу, но за качество поставки я не поручился бы по прибытіи на мѣсто. И, тѣмъ не менѣе, эти дамы, вмѣстѣ съ нѣсколькими коврами, были единственной меблировкой, долженствовавшей украшать внутренность этого павиліона, такъ какъ кромѣ стѣнныхъ орнаментовъ, вырѣзанныхъ ножемъ въ гипсѣ, никакой другой роскоши не было замѣтно, не принимая во вниманіе нелѣпую декорацію изъ зеркалъ, которыя наклеиваютъ на стѣны, какъ это было видно въ Вѣнѣ. Само собою разумѣется, торжественное прощаніе не могло совершиться безъ нѣсколькихъ полковъ солдатъ въ синей выбойкѣ, украшенной перьями и разставленныхъ предъ апельсиннымъ садомъ, примыкающимъ къ морю. Когда церемоніальныя прощальныя слезки были пролиты, жены, какъ нюренбергскія игрушки, были снова упакованы въ коробочки и, снова заперты дома, противъ ожиданія, такъ какъ онѣ надѣялись совершить вмѣстѣ все путешествіе, что однако Россія отклонила въ самой вѣжливой формѣ.

Персидскій жилой домъ въ Тегеранѣ.

«Не дурно», скажетъ читатель, «въ немъ съ большимъ удобствомъ можно жить». Въ самомъ дѣлѣ, первое впечатлѣніе и личина на востокѣ всегда самыя лучшія. Когда я разъ спросилъ одного француза, стоитъ ли взглянуть на Константинополь, онъ отвѣчалъ: «О, да! Ѣздите на кораблѣ предъ городомъ цѣлыхъ двѣ недѣли, и вы никогда не утомитесь этимъ зрѣлищемъ, но ради Бога никогда не входите въ городъ — очарованіе тотчасъ же исчезнетъ». Такъ и въ Персіи. Не смотря на всю прелесть устройства нашего жилаго дома, въ которомъ оконныя арки восходятъ до плоской крыши, а своды представляютъ настоящую образцовую карту всевозможныхъ стилей, почему же нельзя праздновать въ немъ пріятныхъ пировъ и среди розъ и жасминовъ, прислушиваться къ чарующему голосу милой Шехерезады, когда мягкій свѣтъ луны магически освѣщаетъ бьющій фонтанъ? Но нѣтъ! Ни ногою внутрь, да даже и по близости. Эти величественныя колонны выточены у токаря или сложены изъ суглинистыхъ кирпичей, а орнаменты опять нацарапаны въ гипсѣ; капители чрезвычайно похожи на морскіе вѣтры, а цоколи на старинные ярмарочные лари; внутри же царитъ скука. Нѣтъ ничего изъ всего того, что дѣлаетъ обитаемыми наши комнаты, ничего, что, по крайней мѣрѣ, привлекаетъ къ себѣ глазъ, ничего, что возбуждаетъ мысль или только свидѣтельствуетъ о какой либо умственной дѣятельности. Ковры и женщины — единственная мебель, а послѣднихъ никакъ не увидишь, развѣ только съ плоской крыши, если будешь такъ нескроменъ, что заглянешь въ сосѣдній дворъ, что строго воспрещается; да и тамъ большею частію не увидишь ничего, кромѣ какъ бѣлья, развѣшеннаго для просушки. Впрочемъ, гаремъ, ради безопасности, помѣщается на второмъ дворѣ, и несчастныя женщины изъ прелестей персидскаго міра не видятъ ничего, кромѣ голубого неба, цвѣтъ котораго однако еще не служитъ для нихъ символомъ вѣрности. Всѣ комнаты жилого дома расположены рядомъ, но лишь въ рѣдкихъ случаяхъ онѣ соединяются между собою дверями; обыкновенно изъ всякой комнаты дверь ведетъ въ коридоръ, который въ свою очередь соединяется съ переднимъ дворомъ или садомъ. Это, дѣйствительно, напоминаетъ тюрьму и одиночное заключеніе, и даже тамъ, гдѣ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда семейной жизни, женскихъ, дѣтскихъ комнатъ и т. д., и тамъ можно расположиться лишь только безъ удобствъ. Но не желаешь быть захваченнымъ врасплохъ, желаешь видѣть, кто тамъ это идетъ, а проходить можно лишь чрезъ окно или дверь. Черезъ окно? Да. Эти широкія окна между средними колоннами отодвигаются снизу вверхъ и представляютъ для прислуги удобный путь для подаванія кушаній, чая, кальяна (трубки), причемъ низшій невольникъ остается внѣ, высшій же можетъ съ поразительной граціей приблизиться къ господину и его гостямъ. Онъ ставитъ блюдо съ пилавомъ на полъ и лишь смотритъ, какъ общество запускаетъ пальцы въ это общеупотребительное у нихъ блюдо и передаетъ пищу отъ центра къ периферіи съ помощію, подобнаго бумагѣ, хлѣба, въ который они завертываютъ съ яблочнымъ соусомъ, связанные такимъ образомъ куски риса. Діогенъ выразилъ бы свою радость по поводу этой завидной простоты. Къ счастію, вездѣ, куда насъ, европейцевъ, приглашали, было замѣтно предупредительное сознаніе того, что есть человѣческія существа, которыя находятъ вкусъ принимать пищу въ менѣе примитивной формѣ и потому постоянно обращалось вниманіе, чтобъ намъ можно было брать кушанья съ общаго блюда на особыя тарелки. Наконецъ, все зависитъ отъ привычки: при макаронахъ меня уже совсѣмъ не удивило это употребленіе пальцевъ — это мы видали въ Неаполѣ, а представительницы нѣжнаго пола, при которыхъ мы никогда не отважились бы на это, по врожденному уваженію, никогда не присутствовали, даже никогда не было женской прислуги, которой совсѣмъ нѣтъ, слѣдовательно, никогда отъ этого не терпѣли голода, тѣмъ болѣе, что эти макароны, зажаренные въ яйцахъ, чрезвычайно хороши; только съ соусомъ я никогда не могъ справиться и изображалъ, конечно, крайне смѣшную фигуру, когда мой ротъ самымъ предосудительнымъ образомъ старался изловить падающія капли.

Чаперхане (курьерскій домъ).

Какъ извѣстно изъ разсказа Ксенофонта, уже царь Киръ устроилъ верховую почту во всемъ персидскомъ государствѣ, и хотя насъ отдѣляетъ отъ этого высокоуважаемаго основателя весьма значительный промежутокъ — почти въ три съ половиной тысячи лѣтъ — однако нельзя сказать, чтобъ персидскія почтовыя учрежденія съ нѣкоторымъ счастьемъ и искуствомъ старались утвердить и развить это превосходное учрежденіе великаго Кира. Единственно, что осталось хорошаго отъ того стараго времени, это лошади и всадники, продѣлывающіе невѣроятныя вещи. Одинъ и тотъ же всадникъ проѣзжаетъ прострнаство болѣе, чѣмъ въ 100 нѣмецкихъ миль, перемѣняя чрезъ каждыя пять миль свою лошадь. Какъ въ сѣдую старину не были препятствіемъ ни жаръ, ни холодъ, ни дождь, ни буря, такъ это и нынѣ. Но что было пользы намъ бѣднымъ европейцамъ въ этой молніеносной скорости, намъ, потихонько подвигавшимся съ своими дорогими инструментами! Намъ нужны были спокойствіе, опрятность—да нѣтъ, мы были безъ всякихъ претензій, намъ не нужно было ничего, кромѣ того, чтобъ намъ оставили, по крайней мѣрѣ, то, что намъ принадлежало. Какъ въ испанской вентѣ въ деревнѣ и городѣ, такъ и здѣсь, въ чаперхане, вы не получите ничего, рѣшительно ничего, ни поѣсть, ни попить, если съ собой не привезете, и это даже очень недурно, вы, по крайней мѣрѣ, знаете, что можно вечеромъ надѣяться поѣсть. Ночью опять иное дѣло, тутъ вы никогда не знаете, что съ вами будетъ, такъ какъ кромѣ столь любимыхъ у насъ, въ иныхъ семействахъ, маленькихъ домашнихъ животныхъ, тамъ по ночамъ скорѣй онъ одолжаетъ очень острыми уколами, если ужъ нѣтъ москитовъ или міанскій клопъ (животное, особенно розыскиваемое зоологами), сдѣлался рѣдкимъ. И я, хотя и не зоологъ по призванію, могу похвастаться, что иногда среди ночной тишины преслѣдовалъ ихъ, но рѣдко съ успѣхомъ. Вообще мы европейцы не очень страдали отъ чувствительныхъ уколовъ этого свирѣпаго животнаго, но персіяне терпѣли отъ нихъ много.

И такъ, чаперхане — учрежденіе государственное, изъ чего, однако, отнюдь еще не слѣдуетъ, что государство даетъ что нибудь на его содержаніе; напротивъ, объ этомъ заботится путешественникъ, который даетъ хозяину на водку, и кромѣ самого хозяина никто не думаетъ о содержаніи заведенія; въ Персіи столь же мало хлопочутъ о поправкахъ и улучшеніяхъ, какъ иногда наши домовладѣльцы. Тутъ вы всегда услышите фразу: *асъ, асъ, эльте фотте чума сіатъ* (благодарю, благодарю васъ очень, господинъ), и я уже находилъ, что эти персіяне ведутъ очень скромную, пріятную жизнь, такъ какъ на водку дается лишь очень немного, когда, къ великому нашему огорченію, мы имѣли случай познакомиться съ меньшей скромностью, чѣмъ привлекательностью жизни этого общества, съ которымъ наши слуги, конечно, помѣстились подъ одною кровлей.

Въ кубическомъ ящикѣ читатель долженъ видѣть пассажирскую комнату. Она совсѣмъ пуста—если только вы будете такъ счастливы, а то вы найдете тамъ всякихъ, хотя и не желанныхъ гостей, такъ что я даже не совѣтую слѣдовать обычаю и набивать тамошней соломой привезенный съ собою мѣшокъ для соломы. Если этотъ станціонный домъ находится вблизи большого воднаго канала, тогда, по крайней мѣрѣ, этотъ элементъ можно доставать человѣку и скоту, но это очень рѣдко бываетъ, и потому должны были обходиться безъ стакана воды, даже безъ умыванья, какъ и сами персіяне, совсѣмъ не знаютъ этой роскоши и предпочитаютъ не портить излишнимъ употребленіемъ воды естественный красивый чернобурый цвѣтъ своей кожи.

Во дворѣ находится сложенный изъ камня исполинскій столъ, на который складываютъ оружіе, болѣе легкій багажъ, жизненныя средства, одежду и т. д., по снятіи съ лошадей. Не нужно никакой особенной сообразительности, чтобъ понять, съ какой легкостью сказанные предметы могутъ исчезать отсюда подъ открытымъ Божьимъ небомъ, въ какую угодно сторону, и это самый дѣйствительный способъ, которымъ въ Персіи «облегчается» дальнѣйшее путешествіе бѣдному европейцу.

* * *

На выставкѣ.

(По поводу картины г. Семирадскаго).

«Мода,—сказалъ какой-то философъ, или поэтъ (хорошенько не припомню),—управляетъ міромъ». Эту истину Петербургъ настойчиво доказываетъ всякую зиму. У насъ такъ мало элементовъ гражданской и общественной жизни, что мы, поневолѣ, принуждены создавать себѣ специальныя препровожденія времени, тѣмъ болѣе, что естественныхъ и нормальныхъ заботъ у насъ, какъ извѣстно, весьма мало. Отсюда у насъ является періодично какая-нибудь мода: мода на спиритизмъ, мода на славянское движеніе, мода на Росси, мода наконецъ на г. Семирадскаго. Въ настоящую минуту, г. Семирадскій, или вѣрнѣе, его картина «Свѣточи христіанства» занимаетъ собою, такъ сказать, сцену петербургскаго міра, и является неизбѣжнымъ предметомъ всѣхъ салонныхъ разговоровъ, послѣ того, какъ Росси укатилъ въ Москву, гдѣ, вѣроятно, пожинаетъ такіе же лавры, какъ пожиналъ у насъ, на Маріинскомъ театрѣ. Но г. Семирадскій весьма сильно ошибается, если полагаетъ, что онъ занимаетъ собою въ настоящую минуту Петербургъ только благодаря своему таланту и неотъемлемымъ достоинствамъ его художественнаго творчества. Нисколько. Мы занимаемся имъ только потому, что другихъ занятій, пока, у насъ нѣтъ. Война, правда, у насъ на носу, если вѣрить глубокомысленнымъ политикамъ, ежедневно расточающимъ свои глубокомысленныя соображенія на столбцахъ газетъ. Г. Краевскій въ отчаяніи подымаетъ руки къ небу, и умоляетъ ниспослать намъ миръ, хотя знаетъ, изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ, что ему придется печатать самыя воинственныя статьи. Г. Суворинъ, точно Ахиллесъ въ «Прекрасной Еленѣ», или Аяксъ, потрясаетъ въ воздухѣ свой мечъ (т. е. перо) и призываетъ христолюбивое воинство на помощь балканскихъ братій, вполнѣ увѣренный, что, съ заключеніемъ мира, онъ превратится въ такого же мирнаго гражданина, какимъ былъ г. Краевскій еще такъ не давно... Мы все это слушаемъ, соображаемъ... и все таки переходимъ къ картинѣ г. Семирадскаго... ибо война еще необъявлена, а мы, какъ въ частной, такъ и въ общественной жизни, большіе скептики.

Впрочемъ, такъ-ли? Скептики-ли мы, въ самомъ дѣлѣ? Исторія нашихъ модъ, какъ будто, говоритъ противное. Мы такъ восторженно принимали Бредифа, такъ вѣрили въ спиритическія чудеса, какъ нѣкогда (давнымъ-давно!) вѣрили въ несокрушимость нашего прогресса! Съ такимъ же наивнымъ добродушіемъ, мы, еще нынѣшнимъ лѣтомъ, также безусловно вѣрили въ добровольцевъ, какъ и въ Бредифа. И что же? Бредифъ забытъ, добровольцы — забыты, славянское движеніе—забыто, всѣ наши порывы и восторги—забыты... Теперь мы вѣримъ въ геній г. Семирадскаго, толпами стоимъ передъ его картиной въ залѣ Академіи Художествъ, восторгаемся его Нерономъ и его христіанскими мученниками. Но этой послѣдней нашей модѣ не долго суждено прожить: уже раздаются глухіе раскаты грома, небо начинаетъ покрываться тучами, виднѣется зарево... и биржевыя бумаги страшно падаютъ въ цѣнѣ! Sic transit gloria mundi!...

Поговоримъ же и мы, по примѣру Петербурга, о картинѣ г. Семирадскаго, пока объ этомъ еще возможно говорить въ настоящій, весьма знаменательный промежутокъ времени, когда исторія съ лондонскимъ протоколомъ уже канула въ Лету, а исторія съ ультиматумомъ еще не совершилась.

Картина г. Семирадскаго «Свѣточи христіанства» стоитъ въ одной изъ залъ Академіи Художествъ, которая, увы! видѣла на своемъ вѣку столько великихъ произведеній искуства и воспитала такое микроскопическое количество истинныхъ художниковъ. Можетъ быть, г. Семирадскій и истинный художникъ, воспитанный нашей Академіей,—этого я не знаю; за то, могу васъ увѣрить, что его картина—не великое произведеніе искуства, хотя размѣрами своими и напоминаетъ знаменитый «Послѣдній Судъ» Микель-Анджело въ Сикстинской капеллѣ въ Римѣ. Картина г. Семирадскаго — громадна и занимаетъ сплошь всю стѣну залы, какъ разъ en face входа. Это обстоятельство, совершенно случайное, еще болѣе напоминаетъ внѣшнее сходство съ «Послѣднимъ Судомъ», но для г. Семирадскаго было бы, конечно, выгоднѣе, еслибы не было этого напоминанія. Какъ только вы подойдете ко входу, васъ поразитъ громадный пестрый коверъ на противоположной стѣнѣ, и толпа петербургскихъ *любителей* искуства, удивляющаяся ковру и поклоняющаяся модѣ.

Съ этимъ непріятнымъ чувствомъ, почти враждебнымъ, вы подходите ближе, смѣшиваетесь съ толпой и начинаете смотрѣть. Конечно, картина г. Семирадскаго не коверъ; конечно, она—не заурядное произведеніе; конечно, она обнаруживаетъ въ художникѣ удивительное мастерство и значительный талантъ, но, тѣмъ не менѣе, вы совершенно не удовлетворены картиной и удивляетесь восторгамъ *любителей*.

Сначала и вы, также какъ и любители,—поражены. Вы поражены техническимъ мастерствомъ художника, прекрасно расположенными группами, массой фигуръ, разнообразіемъ, красками, эффектностью. Вы поражены блескомъ мрамора дворца, мелочами и подробностями, написанными съ удивительнымъ искуствомъ, перламутромъ носилокъ Нерона, неграми, бронзовымъ цвѣтомъ лица римлянъ и римлянокъ, вѣеромъ, написаннымъ такъ поразительно хорошо, что кажется, будто пухъ, которымъ этотъ вѣеръ окаймленъ, колышется при дуновеніи вѣтерка... Вы восторгаетесь всѣмъ этимъ безусловно, поклоняясь мастерству художника, и ищете глазами той точки, на которой ваше вниманіе должно остановиться. Вы ее долго ищете; вашъ взоръ перебѣгаетъ отъ одного конца картины до другого (вспомните размѣръ картины, и вы тогда убѣдитесь, что это исканіе не особенно удобно, и, въ концѣ концовъ, даже утомительно), минуточку остановится на вѣерѣ, потомъ на мраморѣ, на группахъ, на мраморномъ барельефѣ, почернѣвшемъ отъ древности, на группахъ, на неграхъ, заглянете, пожалуй (мимоходомъ) въ лицо Нерона, торопливо посмотрите на перспективу сада, кинетесь опять искать злополучной точки и вашъ утомленный взоръ остановится наконецъ на... на *перламутрѣ*. Недовольный, вы опять начинаете ваши поиски, опять наткнетесь совершенно невольно на перламутръ, продѣлаете такое путешествіе глазами нѣсколько разъ, пока, наконецъ, окончательно не убѣдитесь, что никакой точки, долженствуюцей остановить ваше вниманіе, нѣтъ, и есть, дѣйствительно, удивительно хорошо написанный *перламутръ* на носилкахъ цезаря, перламутръ, который и составляетъ, къ величайшему вашему удивленію, какъ естественный, такъ и искуственный центръ картины. Прошу вѣрить, что это не парадоксъ и не желаніе иронизировать во что бы то ни стало — à outrance, какъ говорятъ французы. Всѣ лица, съ которыми мнѣ случалось говорить о картинѣ, говорили мнѣ тоже самое; всѣ, главнымъ образомъ, говорили о перламутрѣ, затѣмъ указывали на другія подробности, болѣе или менѣе мастерски написанныя, хотя г. Семирадскій, очевидно, имѣлъ въ виду драму, да не простую, а философскую, какъ бы желаніе сопоставить древній міръ съ новымъ, развратъ язычества и добродѣтели христіанства. Но желаніе осталось желаніемъ: никакой драмы не оказалось....

Картина написана на текстъ изъ Тацита. Тацитъ разсказываетъ въ своемъ Анналаи (Lib. XV, XLIV), что послѣ пожара, истребившаго большую часть Рима, недовольство въ народѣ дошло до крайнихъ предѣловъ; всѣ обвиняли Нерона въ пожарѣ; цезарь, желая нарушить это недовольство, придумалъ свалить всю вину на христіанъ, которыхъ римляне ненавидѣли и, вмѣстѣ съ тѣмъ, занять римлянъ новыми зрѣлищами. Тогда-то началась та страшная вакханалія, которая обагрила кровью Римъ. Неронъ, между прочимъ, приказывалъ обливать христіанъ смолой и, когда наступала ночь, ихъ зажигали. Цезарь для этого зрѣлища давалъ свои сады, а въ циркѣ въ то же время происходили игры, гдѣ цезарь смѣшивался съ народомъ, въ костюмѣ кучера, и выступалъ на сцену въ качествѣ пѣвца или декламатора. Таковъ разсказъ Тацита. Г. Семирадскій нѣсколько измѣнилъ его: послѣ пира, когда все къ этой живой иллюминаціи готово, Неронъ появляется въ носилкахъ, на террасѣ дворца, вмѣстѣ съ народомъ; передъ самой террасой виднѣется садъ, въ которомъ на громадныхъ шестахъ, правильными рядами, расположены жертвы, *свѣточи* христіанства. Рабы, на лѣстницахъ, зажигаютъ эти живыя факелы; Неронъ смотритъ вмѣстѣ съ публикой....

Таковъ сюжетъ картины, сюжетъ чрезвычайно богатый по своимъ драматическимъ мотивамъ; но г. Семирадскій посмотрѣлъ на него не съ точки зрѣнія драмы, а съ точки зрѣнія внѣшней эффектности, которой и достигъ вполнѣ. У художника такъ мало было заботъ по отношенію къ внутреннему содержанію, что онъ не позаботился даже придать какое либо выраженіе дѣйствующимъ лицамъ; на сторонѣ мучениковъ (въ этомъ отношеніи у г. Семирадскаго все казенно, шаблонно, рутинно: *ошую* — язычники и Неронъ, *одесную*—христіане), вы видите дѣвушку-мученицу и старика-мученика: ихъ поджигаютъ, яркое пламя факела уже прикасается къ нимъ, но на этихъ лицахъ вы не видите ни физическаго страданія, ни фанатической экзальтаціи: красивая молодая дѣвушка точно собирается дѣлать па въ кадрилѣ, а почтенный старикъ, съ сѣдой головой, точно пріятно бесѣдуетъ. Ошую то же отсутствіе выраженія на лицахъ Нерона и вообще всей языческой публики: публика занимается своимъ дѣломъ: одни пьютъ, другіе разговариваютъ, третьи, равнодушно, даже безъ любопытства, посматриваютъ на иллюминацію, а Неронъ, развалившись въ носилкахъ, смотритъ на иллюминацію, точно насупившись, но что онъ въ это время думаетъ, этого никто не угадаетъ, даже самъ г. Семирадскій. Главнаго дѣйствующаго лица въ картинѣ, какъ я уже сказалъ, нѣтъ; мученики почти не обращаютъ на себя вниманія, пестрая толпа, окружающая носилки нисколько не интересна, Неронъ рѣшительно остается на второмъ планѣ. И вотъ откуда происходитъ то недоумѣніе зрителя, о которомъ я упомянулъ выше. Вы невольно ищете этого нравственнаго центра тяжести, но его не оказывается, ни ошую, ни одесную, а въ то время, какъ вы его ищете, вы наталкиваетесь на прелестныя подробности, останавливаете на минуту свое вниманіе на нихъ и, снова ищете, и окончательно останавливаетесь на перламутрѣ, замѣчательное воспроизведеніе котораго васъ невольно поражаетъ.

Кромѣ этого, въ картинѣ существуетъ много несообразностей, недостатковъ, и просто нелѣпостей. Расположеніе картины, композиція — неудачна, рутинна; фигура Нерона не отвѣчаетъ ни исторической истинѣ, ни описанію его наружности, оставленному намъ Светоніемъ. Простительно, если художникъ не знакомъ съ римскими историками, но не простительно, что г. Семирадскій, не заглянувъ ни въ Тацита, ни въ Светонія, не позаботился даже познакомиться съ знаменитою характеристикой Нерона, сдѣланною Ренаномъ въ его сочиненіи «L'Antechrist». Сочиненіе это достаточно извѣстно, и въ немъ г. Семирадскій нашелъ бы драгоцѣнныя указанія относительно характера Нерона. Лицо Нерона, говоритъ Светоній, было не столько пріятно, сколько красиво, онъ былъ *блондинъ*, глаза имѣлъ *голубыя, потухшія*. У г. же Семирадскаго Неронъ является съ заплывшимъ жиромъ лицомъ, коричневаго цвѣта, съ *черными* волосами и глазами! Замѣчательно, что не только у Нерона, но и у всей языческой публики — лица коричневаго цвѣта, точно монголы! Затѣмъ, одна изъ самыхъ крупныхъ несообразностей заключается въ томъ, что иллюминація начинается не ночью, а днемъ, когда иллюминація, даже такая, какую придумалъ Неронъ, не могли произвести никакого эффекта. Если вы вспомните, что Неронъ былъ въ душѣ художникъ, любилъ поразительные эффекты, то вамъ покажется совершенно непонятной вся эта исторія, которую намъ представилъ г. Семирадскій. Неронъ *не могъ*, ни въ какомъ случаѣ, приказать зажигать иллюминацію среди бѣлаго дня, а г. Семирадскій *не долженъ* былъ освѣтить картину свѣтомъ дня.

Къ тому же (и тутъ-то заключается самая большая несообразность, самый капитальный недостатокъ), въ картинѣ, говоря языкомъ художниковъ, недостаетъ воздуха; перспектива такъ плохо сохранена, что фигуры, кажется, не занимаютъ каждая опредѣленнаго пространства, а скучены вмѣстѣ, точно сидятъ другъ на дружкѣ, воздухъ не чувствуется и вы рѣшительно недоумѣваете, чѣмъ собственно могутъ дышать и христіане, и Неронъ, и публика, и негры, и даже звѣри.... Это отсутствіе воздуха такъ велико, что, не отдавая себѣ отчета въ немъ, зритель ощущаетъ все время какое-то непріятное чувство, une malaise, нѣчто въ родѣ давленія въ груди, какъ будто ему самому нечѣмъ дышать. И онъ только тогда освобождается отъ этого чувства, когда, отвернувшись отъ картины, онъ выйдетъ изъ залы, покинетъ академію и очутится на набережной Невы, тогда только онъ вздохнетъ свободною грудью. Но это подавляющее чувство навѣяно не содержаніемъ картины, а самымъ крупнымъ недостаткомъ ея; точно также, какъ и чувство довольства и полноты, на набережной, овладѣваетъ зрителемъ, не потому, что на набережной, какъ и вообще въ Петербургѣ, воздухъ отличается особенной чистотой....

Скептикъ.

Библіографія.

Вампиры русскаго народа.

«О тлетворномъ вліяніи евреевъ на экономическій бытъ Россіи», брошюра г. Гриневича.—«Нѣмцы, жиды и мы», соч. г. Еленскаго.—Наша пресса о «еврейскомъ вопросѣ».

Въ концѣ минувшаго года, въ Петербургѣ и Варшавѣ, въ одно и то же почти время, вышли двѣ книжки, посвященныя такъ называемому «еврейскому вопросу». Первая изъ этихъ книжекъ—или, скорѣе, брошюръ—принадлежитъ землевладѣльцу юго-западнаго края г. Гриневичу и издана подъ громкимъ названіемъ: «О тлетворномъ вліяніи евреевъ на экономическій бытъ Россіи». Книжка г. Гриневича, преслѣдуя очень благія «намѣренія», не указываетъ, однакоже, никакихъ новыхъ мѣръ и средствъ къ приведенію этихъ намѣреній въ исполненіе и къ ограниченію «тлетворнаго вліянія евреевъ». Трудъ свой г. Гриневичъ составилъ, преимущественно, изъ разныхъ отрывковъ: изъ книги Брафмана «О кагалѣ и Талмудѣ», изъ сочиненія Лютостанскаго—«Объ употребленіи евреями крови христіанскихъ младенцевъ во время Пасхи» и изъ различныхъ газетныхъ корреспонденцій изъ той или другой еврейской мѣстности; никакого собственнаго труда и наблюденій авторъ не вложилъ въ свою книгу.

Но при всей очевидной недостаточности труда г. Гриневича, нѣкоторыя его указанія не лишены справедливости и заслуживаютъ вниманія. Такъ, напр., онъ основательно находитъ, что для борьбы съ евреями необходимо учрежденіе провинціальныхъ органовъ гласности, въ коихъ свободно появлялись бы статьи о кагалѣ и объ еврейской эксплоатаціи; также полезно было бы составленіе полнаго свода наиболѣе выдающихся дѣлъ, касающихся евреевъ и ихъ, вообще, продѣлокъ, по матеріаламъ, находящимся въ распоряженіи министерствъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ. Кромѣ того, г. Гриневичъ рекомендуетъ составленіе оффиціальнаго изслѣдованія относительно вліянія евреевъ на юго-западный край, для чего необходимо основательное изученіе еврейскихъ промысловъ и торговли, собраніе свѣдѣній объ имуществахъ и доходахъ евреевъ, ихъ обычаяхъ, образѣ жизни и т. д.

Извѣстно, что, въ настоящее время, въ юго-западномъ краѣ евреевъ насчитывается, по оффиціальнымъ, далеко не точнымъ исчисленіямъ, свыше 2,800,000 человѣкъ, и почти вся эта масса еврейскаго населенія, за исключеніемъ немногихъ ремесленниковъ, не принимаетъ никакого участія въ производствѣ, а занимается исключительно посредничествомъ—т. е. факторствомъ—и торговлею. Легко представить себѣ положеніе края, при трехъ-милліонномъ почти количествѣ «посредниковъ» евреевъ, избравшихъ для себя эту профессію, какъ самую легкую и самую удобную для эксплоатаціи остального, христіанскаго населенія!...

Приэтомъ слѣдуетъ еще замѣтить, что евреи составляютъ въ краѣ элементъ весьма подвижный, который наводняетъ то тотъ, то другой пунктъ, смотря по надобности и по успѣху спекуляцій. Такъ, напр., въ Одессу наплывъ евреевъ принялъ угрожающіе размѣры въ концѣ 60-хъ годовъ евреи стали появляться туда цѣлыми полчищами. Во многихъ другихъ городахъ, какъ напр., въ Вильно, Житомірѣ, Каменецъ-Подольскѣ, и др., не считая уже Бердичевъ и Шкловъ, число евреевъ далеко превосходитъ даже число христіанъ—т. е. число эксплоататоровъ гораздо болѣе числа эксплоатируемыхъ!...

И такъ, если бы даже признавать евреевъ за людей съ очень высокими нравственными достоинствами, то уже одно скопленіе ихъ въ одной и той же мѣстности, непремѣнно приводитъ ихъ къ эксплоатаціи остального, менѣе подвижнаго и не столь талантливаго населенія, съ которымъ они не раздѣляютъ ни земледѣльческаго, ни городского рабочаго труда. Извѣстные одесскіе безпорядки 1871 года были не болѣе какъ взрывомъ народнаго неудовольствія рабочаго, христіанскаго населенія въ городѣ, выведеннаго изъ предѣловъ терпѣнія еврейскою эксплоатаціей.

Книжка г. Еленскаго, «Нѣмцы, жиды и мы» (т. е. поляки) отличается, сравнительно, бо̀льшими достоинствами, чѣмъ брошюра г. Гриневича, и заслуживаетъ, поэтому, бо̀льшаго съ нашей стороны вниманія. Книжка эта, вышедшая въ Варшавѣ, на польскомъ языкѣ, выдержала тамъ, въ очень короткое время, два изданія, и вызвала, со стороны евреевъ, въ ихъ варшавской прессѣ, самыя злобныя нападенія, силившіяся принизить не только книгу г. Еленскаго, но, по обыкновенію въ еврейской полемикѣ, и самую личность почтеннаго и правдиваго автора. Мы остановимся въ этой книгѣ на томъ ея отдѣлѣ, который посвященъ исключительно евреямъ.

Прежде всего, авторъ полагаетъ, что «вопросъ еврейскій»—есть чисто экономическій вопросъ, рѣшеніе котораго не слѣдуетъ отлагать въ долгій ящикъ. Этотъ «вопросъ—говоритъ г. Еленскій,—есть въ высшей степени вопросъ серьёзный, и просвѣщенное общественное мнѣніе, а за нимъ и вся честная и мыслящая пресса, какъ его выраженіе—не должны игнорировать этотъ вопросъ и относиться къ нему равнодушно; въ противномъ случаѣ, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, обществу неизбѣжно грозитъ общественно-соціальный катаклизмъ, и не пройдетъ, быть можетъ, столѣтія, когда «не жиды будутъ жить у насъ, а мы у жидовъ»... Племя это г. Еленскій характеризуетъ слѣдующими словами: «Стремленіе къ наживѣ безъ серьёзнаго и производительнаго труда, фанатическое отрицаніе всякой мысли объ органическомъ сліяніи съ мѣстнымъ населеніемъ, о раздѣленіи его трудовъ, повинностей, обязанностей, его радостей и горя; напротивъ: стремленіе къ пріобрѣтенію возможно-обширныхъ правъ и преимуществъ, дающихъ еврею возможность эксплоатировать въ свою пользу и этотъ трудъ, и эти радости, и это горе всѣхъ слоевъ общества. Равноправность евреевъ на языкѣ еврейскихъ публицистовъ—значитъ, привиллегированное положеніе евреевъ, ставящее ихъ выше всей массы народа, т. е. причисленіе ихъ къ высшимъ слоямъ общества».

Г. Еленскій приводитъ нѣсколько господствующихъ у насъ и отчасти установившихся мнѣній на «еврейскій вопросъ» вообще и въ Царствѣ Польскомъ въ частности. По мнѣнію однихъ, говоритъ авторъ, еврейскій элементъ, держащійся всей своей массой внѣ сообщенія съ прочими слоями общества и составляющій, такимъ образомъ, *народъ въ народѣ*, можетъ быть названъ безусловно вреднымъ. По мнѣнію же другихъ, евреи вредны лишь на столько, на сколько извѣстная ихъ часть, доходящая, напр., въ одномъ Царствѣ Польскомъ до 400,000 человѣкъ—представляетъ собою непроизводительную массу, существующую на счетъ другихъ классовъ общества. Третьи, наконецъ, утверждаютъ, что евреи составляютъ *мѣщанскій* классъ въ народѣ и, какъ занимающіе подобное положеніе въ обществѣ, становятся слоемъ производительнымъ.

Авторъ безпристрастно анализируетъ всю несообразность послѣдняго мнѣнія, измышленнаго сторонниками евреевъ, утверждающими, что «евреи, поселяясь въ городахъ и мѣстечкахъ, дѣлаются вмѣстѣ съ тѣмъ *фундаментомъ коммерціи*» и говоритъ затѣмъ, что задача средняго слоя общества (мѣщанства) состоитъ въ соединеніи «верха съ низомъ»; оно должно быть звеномъ, соединяющимъ эти два крайніе слоя общества; а развѣ еврейское населеніе стремится къ чему нибудь подобному? Третій—средній—классъ общества отличается повсюду любовью къ труду, горячими стремленіями къ просвѣщенію и глубокимъ сознаніемъ своихъ общественныхъ обязанностей. Не смѣшно ли было бы, поэтому, приписывать подобныя добродѣтели русскимъ и польскимъ (въ Варшавѣ, напр.), евреямъ?... Это «третье сословіе», взявъ въ свои руки, повсюду, гдѣ оно поселилось или вновь поселяется, управленіе самыми главными экономическими интересами и, расширивъ свои финансовыя операціи въ различныхъ направленіяхъ, составляетъ уже нынѣ первенствующій слой общества, имѣющій громадное и неотразимое вліяніе на всѣ общія дѣла; это уже не «третье сословіе», а настоящая денежная аристократія, забравшая въ свои руки не только главные экономическіе интересы, но и самыя важнѣйшія отрасли промышленности и народнаго благосостоянія.

Чѣмъ же, взаимно, отплачиваетъ эта денежная аристократія обществу и народу, которые она эксплоатируетъ?... «Во всѣхъ странахъ, говоритъ авторъ, стремящихся къ просвѣщенію, принята та простая аксіома, что чѣмъ кто богаче и вліятельнѣе, тѣмъ болѣе на немъ тяготятъ общественныя обязанности, тѣмъ болѣе онъ старается всякими путями отплатить, такъ сказать, *долгъ* тому обществу, въ средѣ котораго онъ выросъ и въ средѣ котораго нажился. А развѣ наши евреи, обладающіе громадными богатствами, думаютъ когда либо о благосостояніи страны, изъ которой они почерпнули свои богатства и о благосостояніи народа, на счетъ котораго они составили эти свои богатства?...

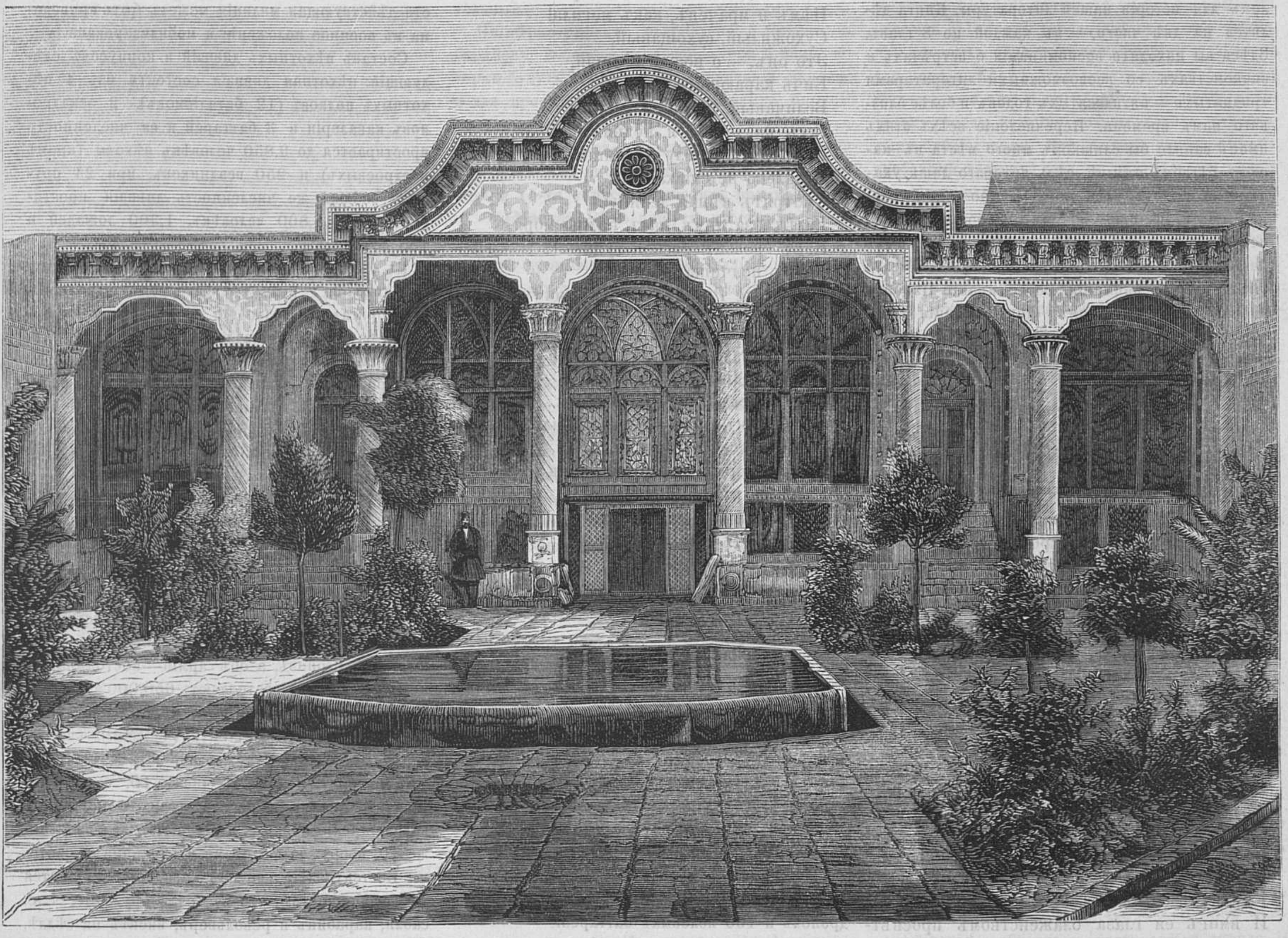
Напротивъ: съ этой стороны мы видимъ въ евреяхъ полнѣйшій индефферентизмъ, полнѣйшее политическое равнодушіе. Даже болѣе: свои милліоны, нажитые въ Россіи, составленные изъ пота и крови нашего народа, богачи-евреи торопливо переводятъ за границу, на лондонскій, гамбургскій и др. банки, не желая даже допустить финансоваго обращенія своихъ милліоновъ на русскихъ биржахъ....

Далѣе, авторъ посвящаетъ нѣсколько страницъ такъ называемымъ цивилизованнымъ евреямъ, и утверждаетъ, что общее, за послѣднее время, стремленіе къ просвѣщенію не осталось безъ вліянія и на классъ еврейскій: что не только изъ среды богачей, но и изъ бѣднаго класса начали появляться *единицы*, жаждущія просвѣщенія. Университеты и другія учебныя заведенія доставили намъ не малое число евреевъ, которые, ставъ выше среды своихъ собратій, занимаютъ уже на различныхъ поприщахъ разныя мѣста. Журналистика, медицина, искуство имѣютъ уже изъ среды евреевъ многихъ талантливыхъ и полезныхъ представителей; но, къ сожалѣнію, это не болѣе какъ «единицы», которыя, прежде всего, какъ извѣстно, изолируются и разрываютъ съ еврейскою средой всѣ свои прежнія—даже родственныя—связи. Еврейская община относится къ этимъ единицамъ крайне враждебно и никогда не прощаетъ имъ ихъ цивилизаціи, которую она, въ фанатическомъ ослѣпленіи своемъ, считаетъ, прежде всего, «отступничествомъ отъ вѣры», какъ будто истинная вѣра можетъ любовно относиться къ мраку, и ненавидѣть свѣтъ и просвѣщеніе!... **И. З.**

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Его Превосходительство Эженъ Ругонъ. Романъ изъ временъ Второй Имперіи. Пер. съ франц. Ан. Энгельгардтъ. Спб. 1876. Тип. М. М. Стасюлевича. 8 д. л. VII и 399 стр. Ц. 2 р.

Этотъ новый романъ даровитаго французскаго романиста составляетъ шестую часть въ цѣлой серіи романовъ, которымъ авторъ далъ общее заглавіе «Исторія семейства Ругоновъ» (Les Rougon-Macquart, Histoire naturelle et sociale d'une famille sous le second empire). Эмиль Зола, въ названномъ произведеніи, задался очень счастливою мыслью, изобразить исторію французскаго общества вообще и въ особенности класса такъ называемой буржуазіи, въ эпоху второй имперіи. Для этой цѣли онъ послѣдовательно и подробно разсказываетъ исторію одного семейства, его жизнь и инстинкты, развивавшіеся подъ непосредственнымъ вліяніемъ наполеоновскаго режима, политическихъ и соціальныхъ условій того времени. Самъ Зола лучше всего объясняетъ цѣль и задачи своего произведенія, въ предисловіи къ первому очерку «Исторіи Ругоновъ». «Я желаю показать»—говоритъ авторъ—«какъ семья, группа людей вращается въ обществѣ, производя десятокъ, другой индивидуумовъ, которые, съ перваго взгляда, имѣютъ рѣзкое отличіе одинъ отъ другаго, живутъ своей самобытной жизнью; но при обстоятельномъ анализѣ ихъ, они оказываются тѣсно сплоченными между собою, потому что наслѣдственность, какъ и тяготѣніе, управляется своими законами. Разрѣшая двойную проблему—темпераментовъ и среды, я постараюсь отыскать и прослѣдить нить, математически ведущую отъ одного субъскта къ другому, и когда я буду держать въ рукахъ всѣ нити этой соціальной группы, я покажу ее тогда, какъ дѣйствующихъ лицъ исторической эпохи, я покажу совокупность усилій этой группы, стану анализировать сумму воли всякаго члена отдѣльно и общее движеніе цѣлаго. Характерная черта Ругоновъ—группы семьи, которую я намѣренъ изучить, есть несдержимая жажда наслажденій; физіологически они—плодъ постепеннаго ряда нервныхъ, сангвиническихъ явленій, которыя обнаруживаетъ раса послѣ первой органической неурядицы и которыя опредѣляютъ, соотвѣтственно съ средой, въ каждой единицѣ этой расы, чувства, стремленія, страсти,—короче сказать, всѣ натуральныя, инстинктивныя человѣческія проявленія, получающія условныя наименованія пороковъ и добродѣтелей. Исторически—они выходятъ изъ народа, распространяются по всѣмъ общественнымъ слоямъ, вслѣдствіе историческихъ условій, выдвигающихъ впередъ низшій классъ, достигаютъ всѣхъ ступеней общества, и, такимъ способомъ, разсказываютъ путемъ своихъ личныхъ драмъ, всю исторію Второй Имперіи, отъ декабрьской западни, до седанскаго предательства». Въ настоящемъ романѣ Эмиль Зола, съ успѣхомъ и съ честью продолжая выполнять принятую имъ на себя задачу, схватываетъ тѣ моменты, когда Вторая Имперія достигла высшей ступени своего могущества, достигла апогея славы. Главный герой романа — Эженъ Ругонъ, субъектъ чувственный, честолюбивый, тщеславный, совѣсть котораго спитъ глубокимъ сномъ и который рѣшается непремѣнно добиться своей цѣли, сдѣлать карьеру; для удовлетворенія чувствамъ корысти, тщеславія и властолюбія, неимѣющихъ у него границъ, онъ не пренебрегаетъ никакими средствами, готовъ на все. Авторъ чрезвычайно ясно и выразительно обрисовываетъ этотъ интересный типъ, его внѣшность, внутреннія качества, разсказываетъ, до мельчайшихъ подробностей, его похожденія и поступки,—и всякій, кто мало-мальски знакомъ съ ходомъ событій и представителями того знаменательнаго времени, сразу можетъ догадаться, что подъ прозрачнымъ псевдонимомъ Эжена Ругона, выведенъ корифей бонапартизма; лицо, игравшее такую видную и важную роль при Наполеонѣ III, и кого даже прозвали тогда «вице-императоромъ». Человѣкъ этотъ такъ живо, такъ мастерски нарисованъ авторомъ, что передъ читателемъ возникаетъ вполнѣ живое лицо. Героиня романа — Клоринда, красивая и энергичная женщина, дочь итальянской графини, положеніе которой въ обществѣ крайне двусмысленно, очерчена авторомъ несравненно блѣднѣе и является вообще какимъ-то страннымъ загадочнымъ существомъ. Весь романъ, подобно прежнимъ произведеніямъ Эмиля Зола, полонъ жизненности, блеска, остроумія и глубокаго смысла, полонъ особеннаго интереса. Нравы и порядки Второй Имперіи воспроизведены въ «Эженѣ Ругонѣ» съ необыкновенной правдивостью и полнотой, что̀ придаетъ роману еще большее значеніе и большій интересъ. Особенною художественностью отличаются описанія крестинъ императорскаго принца, министерскій совѣтъ въ С.-Клу, обѣдъ, охота и разныя празднества въ Компіенѣ и т. п. При всемъ томъ, авторъ чуждъ тенденціозности, онъ изображаетъ голую правду, освѣщая, должнымъ образомъ, факты и событія данной эпохи, дѣйствующія лица его романа взяты цѣликомъ изъ жизни, со всѣми своими страстями, стремленіями и инстинктами. Здѣсь не мѣсто слишкомъ подробно распространяться о высокомъ дарованіи Эмиля Золя; всякій интересующійся литературой Запада, прекрасно знаетъ, что этотъ писатель, стоящій во главѣ реальной школы, во французской литературѣ, пользуется большой популярностью и извѣстностью и по своему высокому политическому развитію, уму и рѣдкому таланту, занимаетъ весьма видное мѣсто въ литературѣ французской, и, не только на Западѣ, но и у насъ, имѣетъ громадный успѣхъ и массу поклонниковъ. Русскій переводъ романа, печатавшійся предварительно въ «Вѣстникѣ Европы» истекшаго года, сдѣланъ вполнѣ безукоризненно; это такой образцовый chef-d'oeuvre перевода, какой встрѣчается у насъ весьма рѣдко; г-жа Энгельгардтъ съумѣла мастерски передать духъ и всѣ красоты подлинника. Такими качествами отличаются, впрочемъ, всѣ переводы этого лица, печатающіеся въ «Вѣстникѣ Европы» подъ скромными иниціалами А. Э. **П. Б—въ.**



Персидскій жилой домъ въ Тегеранѣ.

Къ статьѣ («*Картины изъ Персіи*»).

Литературныя воспоминанія и воспоминанія о Бѣлинскомъ. И. И. Панаева. Спб. 1876 г. Изданіе В. Ковалевскаго. Тип. и Лит. А. Е. Ландау. 8 д. л. 420 стр. Съ портретомъ.

Покойный издатель «Современника» безспорно былъ даровитымъ повѣствователемъ и весьма бойкимъ фельетонистомъ. Литературную карьеру свою онъ началъ рано, еще въ началѣ тридцатыхъ годовъ, а умеръ въ 1862 году; такимъ образомъ ему пришлось пережить эпохи: тридцатыхъ, сороковыхъ, пятидесятыхъ годовъ и даже захватить и начало шестидесятыхъ. Впродолженіи этого, слишкомъ тридцатилѣтняго, періода Ив. Ив. Панаевъ неутомимо и честно подвизался на литературномъ поприщѣ; притомъ ему конечно приходилось сталкиваться со всевозможными лицами литературнаго міра, всякихъ партій и оттѣнковъ. Онъ имѣлъ огромныя литературныя связи и знакомства, перебывалъ въ разныхъ кружкахъ; безъ него не обходился, одно время, ни одинъ литературный вечеръ, ни одна пріятельская пирушка писателей, на которыхъ онъ встрѣчалъ многое множество авторовъ мелкихъ и крупныхъ, начиная напримѣръ съ Гоголя и кончая какимъ нибудь жалкимъ фельетонистомъ Межевичемъ. Мало того со многими изъ пишущей братіи Панаевъ былъ близко, коротко знакомъ, даже друженъ, между которыми попадались и такіе корифеи литературы какъ Бѣлинскій, Кольцовъ, Грановскій и друг. Всѣ эти встрѣчи, всѣ знакомства и разнообразныя впечатлѣнія жизни въ литературной средѣ, не могли пропасть даромъ для Панаева. Обладая большой памятью и большой долей наблюдательности, и умѣя очень вѣрно схватывать наиболѣе характерныя черты того и другого впечатлѣнія, Панаевъ набрасывалъ па бумагу разныя сцены, эпизоды, исторіи, цѣлыя біографіи и портреты разныхъ лицъ, записывалъ многое, достойное вниманія, изъ видѣннаго, слышаннаго и испытаннаго имъ самимъ... Вѣроятно изъ этого черноваго матеріала и составились его «Литературныя воспоминанія», помѣщавшіяся сперва въ «Современникѣ», по разнымъ причинамъ, со многими выпусками. Настоящее посмертное изданіе является, по возможности, безъ пропусковъ. Не претендуя на слишкомъ серьезное значеніе, книга Панаева, полная безпристрастія и самыхъ любопытныхъ и, притомъ, вполнѣ достовѣрныхъ фактовъ, ловко схваченныхъ характеристикъ и живыхъ впечатлѣній, прочтется съ истиннымъ удовольствіемъ и интересомъ; мало того она имѣетъ то неотъемлемое достоинство, что можетъ служить, во многихъ отношеніяхъ, матеріаломъ для исторіи нашей литературы. Книга дѣлится на двѣ части, — въ каждой по 8 главъ. Здѣсь вы находите воспоминанія о встрѣчахъ и знакомствахъ со всевозможными литераторами тридцатыхъ — пятидесятыхъ годовъ и болѣе близкаго намъ времени. Перечисленіе всѣхъ этихъ именъ заняло бы слишкомъ много мѣста въ нашемъ бѣгломъ отзывѣ, цѣль котораго лишь указать на выходъ этой чрезвычайно занимательной книги, которая почему-то прошла незамѣченной; почти никто изъ нашихъ присяжныхъ рецензентовъ и не упомянулъ о ней, какъ будто она не стоитъ вниманія. Воспоминанія Панаева кончаются 1847 годомъ; «Воспоминанія о Бѣлинскомъ» составляютъ отдѣльную статью. Къ книгѣ приложенъ прекрасный, рѣзанный на стали, портретъ автора **Б. В. Б.**

* * *

Вдова.

(Изъ скандинавской поэзіи.)

Луна восходитъ робко надъ землей,
А ночь, глубокимъ трауромъ одѣта,
Идетъ со вздохомъ межъ чащею лѣсной
И видитъ спутницу — какъ та въ сіяньи свѣта,
Рабыней трепетной, оглядывая лѣсъ,
Стоитъ на голубомъ коврѣ небесъ.

Утративъ все былое достоянье
Едва ночлегъ сберегшая — вдова
Всю ночь глядитъ на это блѣдное сіянье:
Теперь на скорбь одну остались ей права,
И будь она въ толпѣ — ее бы принимали
За восковую статую печали.

Къ ней подошелъ ребенокъ — поискать
Въ ея колѣняхъ мягкой колыбели;
Ему, какъ солнышку, обрадовалась мать —
И вмигъ ея глаза блаженствомъ просвѣтлѣли.
Уставъ, она сама приляжетъ отдохнуть
Хоть нà доски, лишь онъ бы могъ заснуть.

Его отецъ спитъ крѣпко подъ землею,
Но каждый день онъ дома по ночамъ:
Ей видится, кàкъ онъ по ветхому покою
Идетъ, и рѣчь его звучитъ по всѣмъ угламъ, —
И дышетъ на вдову, до полнаго обмана,
Онъ холодомъ осенняго тумана.

Ночь осушаетъ слезы вдовьихъ глазъ
Лишь изрѣдка: у скорби есть мгновенья,
Когда надъ свѣжею могилой, въ тихій часъ,
Глотая рѣки слезъ, она, безъ утоленья,
Воспоминаньями и тысячами думъ
Бередитъ, молча, воспаленный умъ.

Но вотъ, какъ херувимъ, заглянетъ скоро
И солнце лучезарное въ окно;
Покинутой вдовѣ послѣднею опорой
Укажетъ библію священную оно, —
Ту книгу, чтò блеститъ застежками своими
Такъ чудно подъ лучами золотыми.

Вдова ее раскроетъ и прочтетъ,
Увѣровавъ безхитростной душою,
Что Богъ всегда стоитъ на стражѣ у сиротъ;
И если люди къ ней заглянутъ той порою —
Они ее найдутъ за книгою святой
Ужъ безъ мольбы о помощи земной!...

Омулевскій.

Атилла.

(Изъ Залѣсскаго).

Въ сталь закованъ, по безлюдью,
Ѣдетъ гунновъ царь — Атилла,
Какъ медвѣдь мохнатъ и крѣпокъ,
Нѣмъ и мраченъ, какъ могила!
Сухожилый, сухощавый,
Это онъ, — о вождь великій,
Бичь карающаго Бога
Величавый, грозный, дикій!...
Весь, какъ статуя, недвижный,
Приросли къ челу рѣсницы —
И далеко не смыкаясь
Смотрятъ вѣщія зеницы.
Вслѣдъ за нимъ, какъ волны моря,
Какъ грозы небесной тучи,
Идутъ полчища, взывая:
— Гдѣ же Римъ, гдѣ Римъ могучій?...

Недоступенъ вождь упорный....
Нѣмъ и глухъ.... Не обернется....
По безлюдью, по безпутью
Все впередъ, впередъ несется....
Вдругъ онъ сталъ — Здѣсь отдыхъ будетъ.
Та ль дорога или эта
Скажетъ ночь съ ея звѣздами,
Скажетъ вѣщая комета.
Не далекъ и Римъ могучій,
Онъ стоитъ передо мною —
За седьмой горою только,
За девятою рѣкою.... **В. И. Славянскій.**

* * *

Новости наукъ и жизни.

Итальянская армія состоитъ изъ постоянной арміи и дѣйствующей милиціи.

Къ составу постоянной арміи принадлежатъ: 80 пѣхотныхъ полковъ (по 3 баталіона въ каждомъ), 10 полковъ берсальеровъ (по 4 бат. въ каждомъ), 7 стрѣлковыхъ баталіоновъ; 20 кавалерійскихъ полковъ (по 6 эскадроновъ въ каждомъ) и 20 взводовъ колонновожатыхъ; 10 артиллерійскихъ полковъ (по 10 полевыхъ баттарей въ каждомъ). Итого 287 баталіоновъ, 120 эскадроновъ и 100 полевыхъ баттарей.

Численность пѣхотныхъ и берсальерскихъ баталіоновъ простирается на военномъ положеніи до 820 человѣкъ (кромѣ нестроевыхъ) въ каждомъ. Эскадронъ состоитъ изъ 125 всадниковъ; взводъ колонновожатыхъ изъ 25 всадниковъ, а каждая баттарея изъ 8 орудій. Такимъ образомъ численность постоянной итальянской арміи простирается на военномъ положеніи (считая въ пѣхотѣ только строевыхъ, а въ артиллеріи только орудія) до 237,000 пѣхоты и 16,000 кавалеріи, при 800 орудіяхъ.

Кромѣ того къ составу этой арміи принадлежатъ: 28 саперныхъ ротъ, 8 понтьерныхъ ротъ, 4 желѣзнодорожныя роты, 10 парковъ полевыхъ мостовъ съ запасами, 83 аммуниціонныхъ парка, 13 инженерныхъ парковъ, 30 амбулансовъ, 27 полевыхъ госпиталей и 43 интендантскихъ парка — что вмѣстѣ составляетъ 10,000 фургоновъ.

Дѣйствующая милиція, предназначающаяся для защиты края, состоитъ изъ 108 пѣхотныхъ баталіоновъ, 15 баталіоновъ берсальеровъ, 7 стрѣлковыхъ баталіоновъ и 30 полевыхъ артиллерійскихъ баттарей; итого 130 пѣхотныхъ баталіоновъ (по 800 человѣкъ въ каждомъ), что составляетъ 104,000 пѣхоты, при 204 орудіяхъ.

Такимъ образомъ, на случай войны, численность всей итальянской арміи простирается до 341,000 чел. пѣхоты (кромѣ нестроевыхъ) и 16,000 человѣкъ кавалеріи, при 1,040 орудіяхъ.

Относительно своей организаціи, постоянная итальянская армія составляетъ: 20 пѣхотныхъ дивизій к 10 кавалерійскихъ бригадъ, изъ коихъ на случай войны организуется 10 корпусовъ и 2 арміи, которыя будутъ состоять подъ начальствомъ одного главнокомандующаго. Въ продолженіи 20 дней постоянная армія можетъ быть мобилизирована и сосредоточена на австрійской или французской границѣ, а въ двѣ недѣли спустя дѣйствующая милиція можетъ быть приведена въ военное положеніе и мобилизирована.

Составъ пѣхотныхъ дивизій и корпусовъ слѣдующій: пѣхотная дивизія состоитъ изъ 4 пѣхотныхъ полковъ (12 баталіоновъ), 2 эскадроновъ кавалеріи и 3 баттарей и ея численность простирается до 9,850 человѣкъ пѣхоты (кромѣ нестроевыхъ) и 250 всадниковъ, при 24 орудіяхъ; общая же численность дивизіи простирается до 11,800 человѣкъ, 1,300 лошадей и 185 фургоновъ.

Къ составу корпуса принадлежатъ: 2 пѣхотныя дивизіи, 1 полкъ берсальеровъ, кавалерійская бригада (2 полка), и кромѣ 6 артиллерійскихъ баттарей, принадлежащихъ къ составу дивизій, еще 4 батарей; итого 28 баталіоновъ, 12 эскадроновъ, 4 взвода колонновожатыхъ и 10 артиллерійскихъ баттарей (4 тяжелыя и 6 легкихъ). Такимъ образомъ численность корпуса простирается до 23,000 чел. пѣхоты (кромѣ нестроевыхъ) и 1,600 всадниковъ, при 80 орудіяхъ, а вмѣстѣ съ нестроевыми — до 31,000 человѣкъ, 5,900 лошадей и 875 фургоновъ.

Со включеніемъ всѣхъ нестроевыхъ людей пѣхоты и кавалеріи, а также артиллеристовъ, полевыхъ парковъ, саперныхъ ротъ и т. д., численность постоянной итальянской арміи простирается до 400,000 человѣкъ, 125,000 лошадей и 20,000 фургоновъ, а обѣ арміи — постоянная и милиція — вмѣстѣ составляютъ 650,000 человѣкъ.

Во всей итальянской арміи приняты и введены ружья системы Веттенти (Vettenti); каждый пѣхотный солдатъ снабженъ 85 патронами. Уланскіе полки (Lancieri), въ числѣ 10, вооружены саблями, пиками и револьверами, а остальные кавалерійскіе полки (Cavaleggieri), въ числѣ также 10, вооружены саблями и карабинами системы Веттенти. Итальянская кавалерія отличается тою особенностью, что все ея вооруженіе, т. е. сабля, карабинъ и револьверъ, виситъ на сѣдлѣ. Артиллерія имѣетъ мѣдныя пушки въ $7\frac{1}{2}$ и 12 сантиметровъ; впрочемъ эти послѣднія нынѣ смѣняются крупповскими стальными орудіями, калибра въ 9 сантиметровъ; ящикъ и передокъ каждаго легкаго орудія заключаетъ въ себѣ 160, а тяжелаго 100 зарядовъ; въ пушку закладывается по 4 и по 6 лошадей.

Нѣмецкое гигіеническое общество. Общество, носящее это имя, указывающее достаточно ясно на его назначеніе, въ настоящую минуту, особенно энергично занимается изслѣдованіемъ доброкачественности воды для питья. Недавно на одномъ изъ собраній въ означенномъ Обществѣ было встрѣчено съ большимъ сочувствіемъ предложеніе г-на Бера, относительно практическаго и быстраго изслѣдованія годности воды для питья. Г-нъ Беръ опредѣляетъ сперва, сколько именно вредныхъ веществъ можетъ заключать въ себѣ вода, оставаясь въ то же время безопасной для здоровья, затѣмъ употребляетъ реактивъ и сравниваетъ произведенную имъ реакцію съ той, которая рядомъ съ этимъ будетъ вызвана въ подлежащей изслѣдованію водѣ. Изъ сравненія обѣихъ онъ уже выводитъ, безвредна или нѣтъ эта послѣдняя.

Собраніе признало удобопримѣнимость Беровскаго способа во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда изслѣдованіе должно быть произведено быстро. Затѣмъ, въ сомнительныхъ случаяхъ, требуется химическій анализъ въ лабораторіи.

Попытка перевоза свѣжаго мяса изъ Америки. Изъ Руана вышелъ пароходъ Фригорификъ, отправляющійся въ Ла-Плату и спеціально устроенный для перевоза во Францію свѣжаго мяса. Предпріятіе это весьма интересно какъ съ практической, такъ и съ научной стороны. Дѣйствительно, «Фригорификъ» будетъ первымъ судномъ, которое перейдетъ черезъ экваторъ, имѣя въ трюмѣ температуру ниже пуля, а новый источникъ полученія свѣжаго мяса по болѣе дешевой цѣнѣ имѣетъ, при настоящей дороговизнѣ, весьма важное значеніе.

Если первый опытъ перевоза во Францію свѣжаго мяса будетъ удаченъ, то изобрѣтатель этого новаго способа сохраненія мяса, г. Карлъ Телье, намѣренъ заняться имъ въ большихъ размѣрахъ и перевозить мясо изъ Южной Америки во Францію, на двѣнадцати пароходахъ.

Въ трюмѣ «Фригорифика», имѣющемъ 25 метровъ ($82^{1}/_{2}$ фута) длины, можетъ помѣститься до 500,000 килограммовъ мяса, но на первый разъ г. Телье намѣренъ привезти только 150,000.

По возвращеніи своемъ въ Руанъ, онъ намѣренъ раздать привезенное имъ изъ Америки мясо нѣкоторымъ руанскимъ мясникамъ для продажи и, по его увѣреніямъ, мясо это ни видомъ, ни вкусомъ не будетъ отличаться отъ мяса только что убитаго скота.

«Фригорификъ» имѣетъ 63 метра (208 футъ) длины и 463 тонна водоизмѣщенія. Кромѣ машинъ, служащихъ для охлажденія температуры, на немъ три паровыхъ машины, изъ которыхъ одна постоянно находится въ дѣйствіи, другая будетъ употребляться въ случаѣ надобности, а третья поставлена только на случай какого нибудь несчастья. Переходъ въ Южную Америку «Фригорификъ» долженъ сдѣлать въ 35 или 40 дней.

Помѣщеніе на пароходѣ прекрасное. Каюты его, столовая, каютъ-кампанія и кабинетъ для занятій устроены со всѣми удобствами, какія только возможны на суднѣ, предназначенномъ для дальняго плаванія.

Въ кормѣ парохода устроено первое отдѣленіе для машинъ, производящихъ охлажденіе въ пяти резервуарахъ, въ каждомъ изъ которыхъ находится по 100 литровъ сѣрнаго эѳира. Эѳиръ этотъ испаряется и кипитъ самъ собою даже при 30 градусахъ Цельсія ниже нуля, а потомъ, подъ вліяніемъ давленія водяныхъ паровъ, сгущается, по способу г. Телье, въ чугунныхъ ящикахъ, гдѣ снова обращается въ жидкое состояніе и затѣмъ уже производитъ окончательное охлажденіе большихъ цилиндровъ съ водой, которые находятся въ большомъ отдѣленіи трюма, предназначенномъ для помѣщенія мяса. Вода, подвергающаяся такому сильному охлаждающему вліянію, не мерзнетъ, такъ какъ къ ней примѣшанъ растворъ хлористаго кальція.

Помѣщеніе, въ которомъ находятся охлаждающіе аппараты, представляетъ чрезвычайно оригинальный видъ, такъ какъ всѣ входящія въ составъ ихъ трубки покрыты слоемъ инея. Запасъ эѳира для всего перехода не превышаетъ 500 литровъ.

Въ отдѣленіи, предназначенномъ для помѣщенія мяса, такъ холодно, что входить въ него можно не иначе какъ хорошенько закутавшись, и проходящія въ немъ трубы покрыты такимъ густымъ слоемъ инея, что кажутся стволами деревьевъ, засыпанными снѣгомъ.

Программа плаванія «Фригорифика» слѣдующая: Тенерифъ, Дакаръ, Ріо-Жанейро, Монтевидео и Буэносъ-Айресъ. Изъ Буэносъ-Айреса «Фригорификъ» пройдетъ къ берегамъ Параны и Урагвая, чтобы изучить какія мѣстности наиболѣе производятъ скота и рѣшить, гдѣ всего удобнѣе будетъ впослѣдствіи устроить конторы, если настоящій опытъ удастся и перевозить мясо изъ Америки окажется возможнымъ. Затѣмъ взявъ мясо 600 или 700 быковъ для предполагаемаго опыта, «Фригорификъ» отправится прямо въ Руанъ, гдѣ его возвращенія ожидаютъ въ февралѣ.

Мясо, которое будетъ привезено на «Фригорификѣ», будетъ взято въ Америкѣ въ жаркое время года и будетъ перевезено черезъ экваторъ, слѣдовательно, опытъ этотъ будетъ рѣшительный.

На «Фригорификѣ» отправлено 6 быковъ, 30 барановъ, 2 борова и разная птица и дичь, которые будутъ служить для пропитанія экипажа и для производства предварительныхъ опытовъ надъ сохраненіемъ мяса.

«Фригорификомъ» командуетъ капитанъ Лемаріе, а экипажъ его состоитъ изъ 12-ти матросовъ и 15-ти человѣкъ рабочихъ при машинахъ.

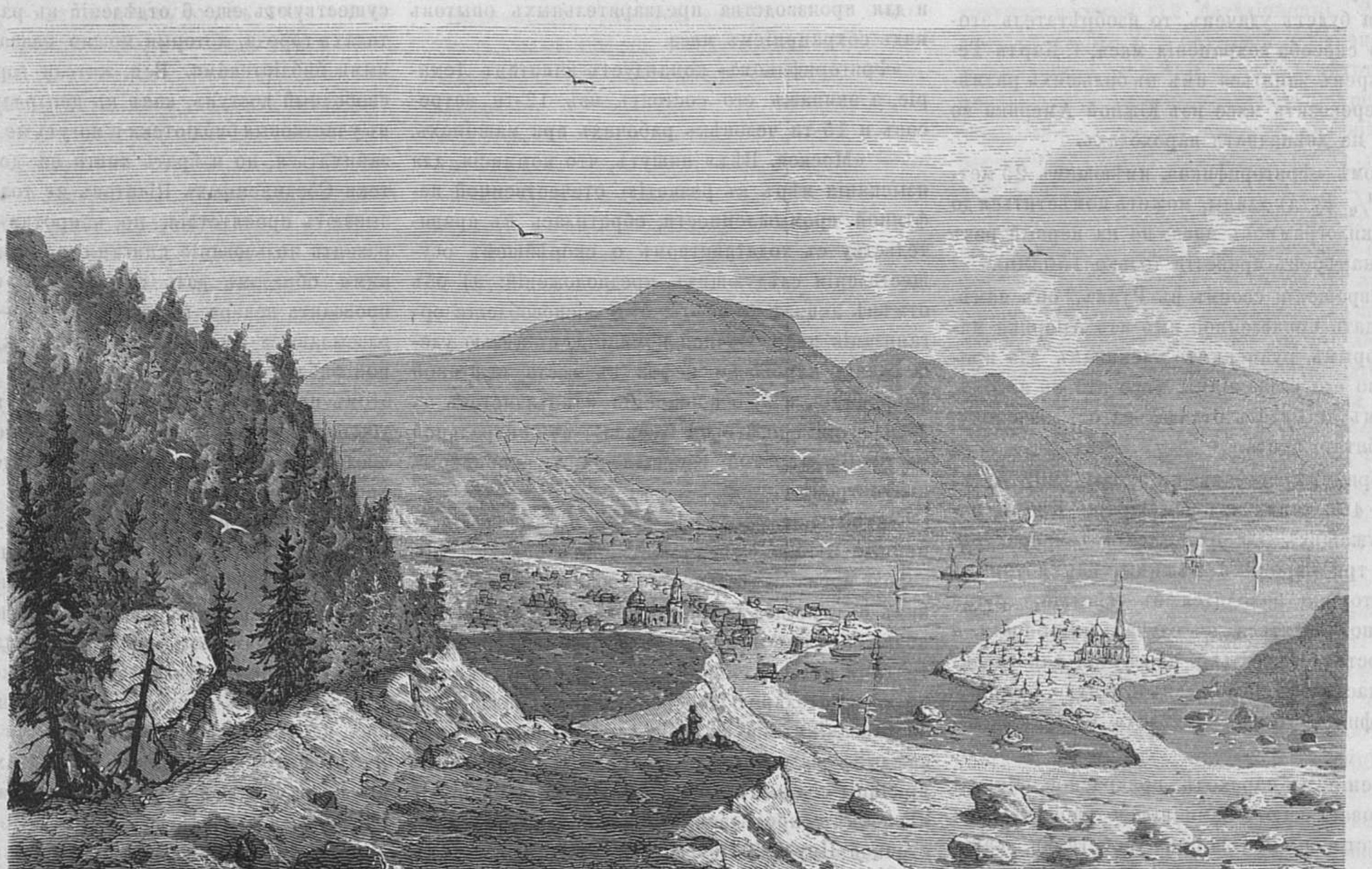
— «Москов. Вѣд.» пишутъ, что коммисія, для изысканія мѣръ къ развитію отечественной нефтяной промышленности, обратилась къ правительству съ ходатайствомъ о скорѣйшемъ осуществленіи слѣдующихъ предположеній: а) объ отмѣнѣ акциза не нефть; б) о воспособленіи организаціи перевозочной компаніи, съ цѣлью удешевленія перевозки нефти въ мѣста нефтяной фабрикаціи, и в) о поощреніи капиталистовъ въ эксплоатаціи нефти на Кавказѣ, въ центральной части Балаганской площади на Апшеронскомъ полуостровѣ.

Затраты на удобреніе полей. Англія и Соединенные Штаты Сѣверной Америки обязаны высокою производительностью воздѣлываемыхъ въ нихъ подъ хлѣба и травы полей, не плодородію почвы, а, главнымъ образомъ, огромнѣйшимъ затратамъ на ея удобреніе. въ соединеніи, конечно, съ тщательною ея обработкою, направляемою по указаніямъ науки, прилежно изучаемой тамъ каждымъ сельскимъ хозяиномъ. Эти же самыя причины создаютъ высокую степень плодородія въ почвѣ сопредѣльной съ Россіей страны—восточной Пруссіи. Почва этой части Пруссіи довольно схожа съ тою, которая находится въ черноземной полосѣ Россіи, но послѣдняя отличается отъ первой сохранившимся еще въ ней пока ея естественнымъ плодородіемъ, тогда какъ почва восточной Пруссіи, послѣ усиленнаго употребленія ея въ теченіи многихъ столѣтій, потеряла значительную часть заключавшихся въ ней полезныхъ для растеній веществъ. Нынѣ почва эта, по письмамъ А. С. Ермолова, печатаемымъ въ «Землед. Газетѣ», сама по себѣ, безъ внѣшней помощи, уже не можетъ давать сколько нибудь доходныхъ урожаевъ; но при внесеніи питательныхъ веществъ извнѣ, при надлежащемъ удобреніи, связанномъ, конечно, съ надлежащею обработкою, она представляется одною изъ наиболѣе плодородныхъ и вознаграждающихъ труды земледѣльца почвъ Германіи. Ея характеръ и степень участія въ сельско-хозяйственномъ производствѣ въ высшей степени замѣчательны и оригинальны. Въ другихъ мѣстахъ, у насъ, напримѣръ, почва служитъ основаніемъ сельско-хозяйственнаго производства, источникомъ, изъ котораго добываются продукты земледѣлія; здѣсь же она не болѣе, какъ одно изъ орудій производства, служащее для превращенія въ растительные продукты высшаго порядка тѣхъ сырыхъ матеріаловъ минеральнаго или животнаго происхожденія, которые пріобрѣтаются хозяиномъ по сравнительно дешевой цѣнѣ и ввозятся имъ извнѣ. Здѣсь, въ дѣйствительности, эти именно сырые матеріалы: гуано, суперфосфатъ, селитра, аммiачныя соли и т. п., служатъ основаніемъ для производства, а источникъ, изъ котораго хозяинъ черпаетъ въ этомъ случаѣ составныя части производимыхъ имъ растеній, лежитъ не въ его имѣніи, но внѣ его, въ пріобрѣтаемомъ покупкою удобреніи. Почва въ этомъ случаѣ служитъ только средою, въ которой совершаются превращенія этихъ первоначальныхъ дешевыхъ матеріаловъ въ болѣе дорогіе продукты высшаго порядка и орудіемъ или, вѣрнѣе, однимъ изъ орудій этого превращенія.

Городская библіотека въ Америкѣ. Бостонская городская библіотека, основанная въ 1852 г., имѣетъ въ настоящее время 312,000 томовъ и, благодаря ежегодно жертвуемымъ городскимъ совѣтомъ 111,500 долларовъ, имѣла возможность открыть въ центрѣ города двѣ залы для чтенія, изъ которыхъ одна преимущественно назначена для народа. Кромѣ этой центральной библіотеки, существуютъ еще 6 отдѣленій въ разныхъ кварталахъ города, которыя можно назвать участковыми библіотеками. Всѣ жители города имѣютъ свободный доступъ, какъ въ центральную, такъ и въ участковыя библіотеки и могутъ не только тамъ заниматься, но и брать книги на домъ. Библіотеки Соединенныхъ Штатовъ не только не оказываютъ препятствія, но, напротивъ, стараются развить пользованіе книгами на дому, дабы такимъ образомъ дать гражданамъ возможность проводить вечера въ своей семьѣ.—Ежедневно разсылаются ящики съ книгами между центральной библіотекой и ея отдѣленіями и хотя при этомъ пропадаетъ нѣсколько томовъ, но этотъ убытокъ весьма незначителенъ, ибо, среднимъ числомъ, на 10,000 томовъ, пропадаетъ одинъ; кромѣ того, болѣе рѣдкія изданія или книги общеполезныя не выдаются на домъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ заботятся о распространеніи чтенія въ низшихъ классахъ населенія и развитіи народнаго образованія, а городскіе совѣты и устраиваемыя ими библіотеки прилагаютъ все стараніе чтобы достигнуть этой высоко правственной цѣли. Такъ напр., въ Бостонѣ не ограничились центральной и 6 участковыми библіотеками: въ болѣе отдаленныхъ кварталахъ устроены агентства для раздачи книгъ бѣднымъ жителямъ, рабочимъ и земледѣльцамъ. Но въ этихъ агентствахъ нѣтъ книгъ, а туда въ извѣстные дни приходятъ агенты, которые получаютъ требованія и доставляютъ книги тѣмъ гражданамъ, которые, по своимъ занятіямъ, не имѣютъ времени ходить въ отдѣленія библіотеки. По мѣрѣ того, какъ возрастаетъ населеніе того района, гдѣ устроено агентство, послѣднее обращается въ отдѣленіе, такъ что число этихъ отдѣленій увеличивается сообразно съ увеличеніемъ города и численности его населенія. Бостонъ имѣетъ около 350,000 жителей, для которыхъ существуетъ 8 городскихъ библіотекъ, не считая множества агентствъ для раздачи книгъ. Но это еще не все. Учреждены второстепенныя агентства для рабочихъ на верфяхъ и разныхъ заводахъ, и говорятъ, что, въ непродолжительномъ времени, всѣ отдѣленія будутъ соединены телеграфной проволокой какъ между собой, такъ и съ центральной библіотекой.

Положеніе промышленности въ Бельгіи. Изъ Люттиха пишутъ отъ 4 марта (20 февраля): Какъ почти во всѣхъ промышленныхъ мѣстностяхъ, такъ и здѣсь, раздаются жалобы на упадокъ дѣлъ и отчаяваются въ скоромъ оживленіи ихъ. Кризисъ распространился также на каменно-угольныя копи, и число не занятыхъ рабочихъ рукъ все болѣе возрастаетъ. Съ другой стороны, спросъ ограничивается только насущными потребностями; спекуляція же, наученная горькимъ опытомъ, чуждается новыхъ операцій.

— Въ вышедшей недавно, въ Лейпцигѣ, книгѣ подъ названіемъ «Montenegro und Montenegriner» приводится, такъ сказать, цѣлая галлерея портретовъ черногорскихъ героевъ. Вотъ характеристика Петаръ Вукотича, Крцо Петровича и Петаръ Филиппова, этихъ лучшихъ, со временъ Мирко Петровича, сыновъ Черногоріи. Каждый изъ нихъ положилъ уже на свою долю отъ 80 до 120 турокъ; это герои стараго закала, не разъ побивавшіе турокъ на голову. Вукотичъ, отецъ княгини, по самой внѣшности своей представляетъ типъ юнака; рѣдко можно встрѣтить такую статную, величественную и внушительную наружность; ему уже 50 лѣтъ, хотя на видъ нельзя дать больше 40. Еслибъ князь, подъ вліяніемъ самообольщенія, не вздумалъ самъ командовать войскомъ, а поручилъ Вукотичу начальство надъ сѣверной арміей, онъ бы избѣжалъ дѣла подъ Бишиной, и Герцеговина была бы въ его рукахъ. Равнымъ образомъ слѣдовало — князю поручить албанскую армію, вмѣсто неспособнаго Божо, своему двоюродному брату Крцо, соединяющему въ себѣ достоинства рубаки и знатока военнаго дѣла. Ему обязаны побѣдой при Граховцѣ, какъ и многими другими дѣлами, въ которыхъ онъ не разъ оправдывалъ репутацію героя. Въ 1862 г., въ сраженіи при Загорицѣ, онъ спасъ жизнь князю: турецкая бомба упала въ середину генеральнаго штаба; этотъ храбрецъ поднялъ ее и отбросилъ въ нападающихъ турокъ, гдѣ она разорвалась, надѣлавъ не мало бѣдъ. Въ другой разъ онъ пробрался съ 3,000 человѣкъ черезъ сорокатысячную турецкую армію въ Мостаръ и обратно. Еще тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ, изрубилъ онъ перваго турку, за которымъ слѣдовали другіе, а всего до настоящаго времени онъ насчитываетъ побитыми собственноручно до 80 турокъ. Десять ранъ, одна другой опаснѣе, покрываютъ его тѣло, но ему нипочемъ; даже одна пуля, пронизавшая его шею насквозь, не могла сокрушить этого желѣзнаго человѣка. Двѣнадцать высшихъ орденовъ украшаютъ его грудь и единственное его огорченіе состоитъ въ томъ, что кикересъ, ради художественныхъ цѣлей, не согласился изобразить его на портретѣ со всѣми регаліями. Крцо одинъ изъ самыхъ симпатичныхъ героевъ. Петаръ Филипповъ ни въ чемъ не уступаетъ своимъ товарищамъ; онъ тоже герой, закаленный въ бояхъ; въ 1853 году, онъ остановилъ наступленіе турокъ на Варъ и, 16 января, разбилъ Османъ-пашу подъ стѣнами Скутари и забралъ весь его лагерь. Къ сожалѣнію, онъ ужъ состарѣлся и искалѣченъ пушечнымъ ядромъ, которое вырвало ему изъ ноги икру, до самой кости. Такихъ героевъ насчитывали прежде сотнями; теперь же, среди настоящей молодежи, пріобрѣтающей въ Парижѣ, вмѣстѣ съ науками, и плоды «цивилизаціи», юначество становится рѣдкостью въ Черногоріи.



Городъ Кола.

(Къ статьѣ: «*Имандра и Хибины*»).

Международный денежный рынокъ. Замѣчаемое, въ послѣднее время, движеніе металловъ на международномъ рынкѣ заслуживаетъ особеннаго вниманія. Уже на прошедшей недѣлѣ замѣчался большой отливъ звонкой монеты изъ Франціи, между тѣмъ, какъ приливъ ея въ Лондонъ — сравнительно былъ ограниченъ. Полученные изъ Парижа и Лондона банковые отчеты за начало марта сообщаютъ объ одновременномъ отливѣ металла съ обоихъ рынковъ. Во французскомъ банкѣ отливъ этотъ простирается только до $3^{1}/_{3}$ милліоновъ франковъ; но наличность англійскаго банка сократилась на цѣлые полмилліона фунтовъ стерлинговъ. Повидимому, покупателемъ является Германія. Что касается до частностей движенія въ главныхъ европейскихъ національныхъ банкахъ за прошедшую недѣлю, то вексельный портфель французскаго банка уменьшился на $17^{1}/_{4}$ милліоновъ франковъ, между тѣмъ, какъ текущихъ частныхъ долговъ увеличилось на $27^{3}/_{4}$ мил. Билетовъ въ обращеніи сократилось на $54^{1}/_{3}$ милліоновъ. Въ англійскомъ банкѣ частные вклады уменьшились на 1,800,000 ф. ст.; государственный долгъ возросъ болѣе, чѣмъ на милліонъ; кредитныхъ билетовъ прибавилось на 131,000 ф. ст. Притомъ портфель остался почти безъ измѣненія. Резервъ простирается еще до $13^{1}/_{6}$ милліоновъ. Отношеніе резерва къ пассиву выражается цифрою $45^{11}/_{16}$ проц.

Сельское хозяйство. Мѣра къ размноженію рыбъ. На разсмотрѣніе правительства поступило ходатайство петербургскаго земства о томъ, чтобы владѣльцы большихъ тоней на ладожскомъ и чудскомъ озерахъ были обязаны устроить рыбные заводы для искуственнаго размноженія рыбъ, какъ, напримѣръ, лаксфорелей и сиговъ. Для наблюденія за этими заводами, земство проситъ назначить отъ правительства свѣдущихъ лицъ, по указанію и подъ надзоромъ которыхъ производилось бы искуственное оплодотвореніе означенныхъ породъ рыбъ. На первое время, земство, по словамъ «Русск. Мира», находитъ необходимымъ устройство такихъ заводовъ въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: *а*) въ Шлиссельбургѣ — на Невѣ; *б*) на Лугѣ — при Ямбургскихъ порогахъ; *в*) на одномъ изъ протоковъ Чудскаго озера, и *г*) на порогахъ рѣки Волхова.

— «Голосу» сообщаютъ изъ Ново-Александріи, Люблинской губерніи, что изъ отчета, прочитаннаго на актѣ въ мѣстномъ институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства, между прочимъ, видно, что въ прошломъ учебномъ году было совершено нѣсколько экскурсій студентами вмѣстѣ съ профессорами въ лучшія ближайшія имѣнія помѣщиковъ. На пути было произведено геологическое изслѣдованіе одного выступа мѣловой формаціи и были посѣщены нѣкоторые заводы, имѣющіе значеніе въ сельскомъ хозяйствѣ. Институтъ располагаетъ крайне ограниченными средствами для пособій недостаточнымъ студентамъ. Въ настоящее время въ студенческой кассѣ всего лишь нѣсколько десятковъ рублей. Студентовъ въ институтѣ 128.

— «Рус. Міру» сообщаютъ, что въ Варшавѣ

устраивается, въ видѣ опыта, на 5 лѣтъ, голубиная почта. За 600 штукъ голубей, купленныхъ за границей, заплочено 2,400 рублей; транспортъ ихъ обошелся въ 400 руб.

Со всего свѣта.

Мы быстро подвигаемся къ окончательному рѣшенію восточнаго вопроса, но на этотъ разъ уже не мирнымъ, дипломатическимъ путемъ, а путемъ войны между Россіей и Турціей. Всѣ свѣдѣнія, стекающіяся къ намъ отовсюду, говорятъ именно въ пользу такого рѣшенія. Лондонскій протоколъ не привелъ ни къ чему, какъ, впрочемъ, и слѣдовало ожидать, послѣ декларацій графа Шувалова и лорда Дерби. Но отказъ Порты принять протоколъ окончательно убилъ всѣ надежды на миръ. Этотъ отказъ полученъ уже въ Петербургѣ и Лондонѣ. Онъ уже обнародованъ. Мы считаемъ, однакожъ, совершенно лишнимъ передавать весь объемистый текстъ турецкаго циркуляра; но, въ виду его важности, приводимъ выдержки, напечатанныя въ «Agence générale Russe».

Послѣ пространнаго вступленія, въ которомъ Порта жалуется на то, что она не была допущена къ участію въ переговорахъ, предшествовавшихъ подписанію протокола, циркуляръ описываетъ затруднительное положеніе Оттоманской имперіи и распространяется о благихъ намѣреніяхъ турецкаго правительства и затѣмъ продолжаетъ: «Вслѣдствіе этого, блистательная Порта, въ свою очередь, нотифицируетъ державамъ, подписавшимъ протоколъ, слѣдующую декларацію». Декларація эта перечисляетъ слѣдующія пять пунктовъ: 1) Переговоры, начатые съ Черногоріей, которой, какъ «нераздѣльной части Оттоманской имперіи», Порта предложила уже исправленіе «демаркаціонной линіи». 2) Императорское правительство готово привести въ исполненіе всѣ обѣщанныя реформы, но реформы эти «не могутъ имѣть спеціальный и исключительный характеръ». 3) Императорское правительство готово поставить арміи свои на мирное положеніе, *какъ только* оно увидитъ, что русское правительство приметъ «мѣры, направленныя къ той же цѣли», такъ какъ Россія не можетъ предположить, *«чтобъ христіанскія населенія Турціи подверглись*, со стороны ихъ собственнаго правительства, такимъ опасностямъ, чтобъ было необходимо собирать противъ него средства вторженія». Пунктъ 4-й присовокупляетъ: «что касается безпокойствъ, которыя могли бы разразиться въ Европейской Турціи то, такъ какъ спокойствіе провинцій «было нарушено *подстрекательствомъ*, *явившимся извнѣ*, императорское правительство не можетъ быть за нихъ отвѣтственно». Въ 5-мъ пунктѣ идетъ дѣло объ отправкѣ въ Петербургъ спеціальнаго уполномоченнаго, которому поручено было бы вести переговоры о разоруженіи: «Императорское (т. е. турецкое) правительство, неимѣющее никакого повода отказывать въ актѣ вѣжливости, налагаемомъ требованіями приличія *подъ условіемъ взаимности*, не видитъ никакого отношенія между этимъ проявленіемъ международной любезности и разоруженіемъ, которое не могло бы быть *отложено ни подъ какимъ уважительнымъ предлогомъ* и могло бы быть исполнено простымъ приказаніемъ по телеграфу. «Таковы измѣненія, которыя Порта дѣлаетъ, пунктъ за пунктомъ въ протоколѣ и которыя она приглашаетъ державы «принять въ соображеніе» и «оцѣнить духъ, продиктовавшій ихъ, а равно «значеніе» посреди положенія дѣлъ, на опасности котораго она не можетъ достаточно настоятельно указать и «отвѣтственность за которыя она формально отъ себя отклоняетъ». «Послѣ этого изложенія усилій, сдѣланныхъ императорскимъ правительствомъ для возстановленія спокойствія, и причинъ, парализовавшихъ плоды этихъ усилій, кабинеты, подписавшіе протоколъ 31-го марта, безъ труда могутъ —продолжаетъ циркуляръ—дать себѣ отчетъ въ томъ чувствѣ, которое документъ этотъ не могъ преминуть оказать на него». Циркуляръ находитъ наиболѣе заслуживающимъ сожалѣнія «*то пренебреженіе, съ которымъ, повидимому, отнеслись къ великимъ принципамъ* равенства и справедливости, которыя императорское правительство старается провести во внутренней администраціи, какъ и къ его правамъ независимой и суверенной державы». Затѣмъ, приведя всю первую часть протокола, циркуляръ говоритъ, что «слѣдуетъ удивляться признанію державами необходимости снова подтвердить сообща раздѣляемый всѣми ими интересъ, который онѣ принимаютъ въ улучшеніи участи христіанскихъ населеній» и проч., и присовокупляетъ, что «Блистательная Порта не приняла спеціальныхъ реформъ для Босніи, Герцеговины и для мѣстностей, обитаемыхъ болгарами» и не можетъ допустить, чтобы улучшенія эти, требуемыя отъ нея, относились исключительно только къ христіанскому элементу». Циркуляръ отвергаетъ ту подозрительность, которую эти выраженія протокола желали бы набросить на искренность «чувствъ императорскаго правительства», претендующаго «обезпечить за всѣми своими подданными, безъ различія, нравственное и матеріальное развитіе интересовъ каждаго», что составляетъ путь, на которомъ оно «считаетъ за честь настойчиво идти впередъ». Отклоняя «всякія попытки, направленныя къ посѣянію зародышей антагонизма и недовѣрія среди его населенія», оно, въ то же время, «не можетъ, *ни подъ какимъ предлогомъ*, согласиться на санкцію, которую протоколъ располагаетъ придать примѣненію вышеисчисленныхъ реформъ». Здѣсь, циркуляръ воспроизводитъ весь послѣдній періодъ протокола, относящійся до этой санкціи, и присовокупляетъ, что это мѣсто «должно вызвать самыя законные протесты со стороны императорскаго правительства и *самое формальное его сопротивленіе*». «Турція—говоритъ въ заключеніе циркуляръ—въ качествѣ независимой державы не можетъ признать себя поставленной подъ какой бы то ни было присмотръ, *коллективный или нѣтъ*....» «Она не можетъ признать за агентами иностранныхъ представителей, имѣющихъ порученіе охранять ихъ соотечественниковъ, миссію *оффиціальныхъ наблюдателей*.... Парижскій трактатъ освятилъ принципъ невмѣшательства; онъ не можетъ быть уничтоженъ какимъ нибудь протоколомъ....» «Поэтому, *никакое соображеніе* не можетъ удержать императорское правительство въ рѣшимости его протестовать противъ заявленій протокола 31-го марта, какъ *лишеннаго всякаго характера справедливости* и, слѣдовательно, *всякаго обязательнаго свойства*....» «Будучи предметомъ враждебныхъ наговоровъ, закоренѣлыхъ подозрѣній, *явныхъ нарушеній ея правъ и права международнаго, Турція*, сильная правотою своего дѣла и рѣшившаяся сохранить въ мірѣ мѣсто, указанное ей Провидѣніемъ, не перестанетъ противупоставлять нападкамъ, направленнымъ противъ нея, общіе принципы международнаго права и авторитетъ великаго европейскаго акта, въ сравненіи съ которымъ протоколъ 31-го марта не имѣетъ въ ея глазахъ требуемой силы». Одновременное разоруженіе составляетъ единственное средство, способное устранить опасность. Державы приглашаются къ изысканію средствъ, могущихъ привести къ этому результату «не настаивая болѣе на требованіи отъ Оттоманской имперіи поступательствъ ея правами и честью, на которыя она не согласится». Таково приблизительно содержаніе отвѣта Порты.

Текстъ турецкаго циркуляра представленъ лордомъ Дерби англійскому парламенту вмѣстѣ съ его депешею къ англійскому повѣренному въ дѣлахъ въ Константинополѣ, въ которой сообщаются подробности о разговорѣ, происходившемъ между министромъ иностранныхъ дѣлъ и турецкимъ посломъ при врученіи Мусурусомъ-пашею лорду Дерби циркуляра. Свѣдѣнія, сообщаемыя этою депешею, весьма интересны и занимательны. Изъ нихъ оказывается, что лордъ Дерби отнесся весьма сурово къ отказу Порты и отказался даже вступать въ какія нибудь разсужденія о поводахъ, побудившихъ константинопольское правительство отвергнуть протоколъ. Министръ спросилъ только турецкаго посла, намѣрена ли Порта отправить посланника въ Петербургъ, и получилъ въ отвѣтъ весьма категорическое заявленіе, что Турція не только не намѣрена сдѣлать этого, но еще «требуетъ» уничтоженія протокола. Тогда, лордъ Дерби, ссылаясь на разногласіе, господствующее въ Англіи относительно Турціи, объявилъ, что вопросъ объ уничтоженіи нечего и поднимать, и что онъ считаетъ невозможнымъ для англійскаго правительства всякую попытку предотвратить войну, которую признаетъ отнынѣ неизбѣжною.

Приводя эти слова лорда Дерби, «Голосъ» прибавляетъ: «Эти слова, официально сообщенныя британскому парламенту, составляютъ политическій фактъ несомнѣнной важности. Изъ нихъ оказывается, *во первыхъ*, что англійское правительство признаетъ столь долго отрицавшееся министерскими газетами «разногласіе» общественнаго мнѣнія своей страны на счетъ Турціи, и считаетъ его столь сильнымъ и серьезнымъ, что понимаетъ безусловную невозможность держаться долѣе политики заступничества за Турцію, и, *во вторыхъ*, что оно, объявляя войну «неизбѣжною», и прямо говоря это турецкому правительству, открыто признаетъ за Россіею право прибѣгнуть къ оружію, вслѣдствіе отказа Порты подчиниться требованіямъ лондонскаго протокола».

Усматривая въ этомъ какъ бы поворотъ въ политикѣ Англіи по отношенію къ восточному вопросу, «Голосъ», на нашъ взглядъ, сильно ошибается. Этого поворота нѣтъ и не можетъ быть по самому существу дѣла. На другой же день послѣ того, какъ лордъ Дерби сдѣлалъ столь категорическія заявленія Мусурусу-пашѣ, военный министръ, г. Гарди, говорилъ въ другомъ тонѣ въ палатѣ общинъ, объявляя въ отвѣтъ на нападки маркиза Гартингтона, что «послѣднее слово Англіи въ пользу мира еще не произнесено» и что «Англія не желаетъ политики, стремящейся къ войнѣ противъ Турціи». Онъ счелъ даже возможнымъ сдѣлать косвенный упрекъ Россіи, напомнивъ, что Англія подписала протоколъ потому только, будто Россія намекнула, что протоколъ этотъ даетъ поводъ Россіи къ разоруженію.... «При всѣхъ своихъ симпатіяхъ къ христіанамъ, Англія не имѣетъ порученія отъ Бога, начинать войну для ихъ защиты. Дѣло приняло бы другой оборотъ, если бы Турція нанесла ущербъ англійскимъ интересамъ; а кромѣ того, не существуетъ ничего, что давало бы Англіи право обнажить мечъ». Съ другой стороны, серъ Норскотъ, отвѣчая Гольмсу, высказалъ, что сообщенное газетою «Nord» извѣстіе, будто бы лордъ Дерби категорически заявилъ письменно въ Константинополѣ, что Порта ни въ какомъ случаѣ не должна разсчитывать на Англію,—*лишено всякаго основанія*. Въ этихъ словахъ резюмируется вся политика англійскаго правительства. Эта политика стремится къ упроченію европейскаго мира и къ устраненію международными европейскими трибуналами всякихъ затрудненій на востокѣ. Но главнымъ образомъ, эта политика заботится о спеціально-англійскихъ интересахъ на востокѣ, и вотъ почему, въ рѣшеніи восточнаго вопроса *мирнымъ путемъ*, она идетъ рука объ руку съ Россіей; но какъ только политика Россіи склонятся къ разрѣшенію этого вопроса *вооруженной силой*, — Англія становится противникомъ Россіи. Смѣшно было бы полагать, что подобная политика есть собственно политика лорда Биконсфильда и консерваторовъ. Это традиціонная политика Англіи, вытекающая естественнымъ образомъ изъ самого положенія, занятаго Англіей на востокѣ. Какія бы партіи ни находились въ главѣ англійскаго правительства — она неизбѣжно будетъ поддерживать эту политику, потому что это единственная политика, способная удержать Англію на высотѣ того положенія, на которомъ она стоитъ. Это необходимо помнить при оцѣнкѣ настоящаго положенія вещей, которое, очевидно, должно разрѣшиться рано, или поздно насильственнымъ образомъ.

Точно также необходимо помнить, что одна изъ причинъ отказа Порты принять протоколъ заключается въ этомъ пониманіи англійской политики. Въ этомъ отношеніи, мы слишкомъ склонны объяснять все дѣло ограниченностью и даже глупостью государственныхъ людей Турціи, слишкомъ часто забывая, что правительство, имѣвшее такихъ людей какъ Фуадъ-паша и Али-паша, нисколько не заблуждается, когда разсчитываетъ на помощь Англіи въ борьбѣ своей съ Россіей. Въ этомъ собственно и заключается то восточное равновѣсіе, о которомъ всѣ разсуждаютъ, не давая себѣ труда вникнуть въ фактическую сущность этого вопроса.

Въ смыслѣ поддержанія этого равновѣсія дѣйствовалъ также и русскій кабинетъ, когда, начиная переговоры о протоколѣ, онъ, вмѣстѣ съ другими державами, заботился объ локализированіи войны въ томъ случаѣ, если вслѣдствіе сложныхъ политическихъ условій, мирное рѣшеніе окажется невозможнымъ.

Такое рѣшеніе, дѣйствительно, оказалось невозможнымъ. На всѣ совѣты Европы Турція отвѣчала своимъ вѣчнымъ *non possumus*. Протоколъ такимъ образомъ оказался безъ всякаго результата, а возможность войны, даже ея необходимость, сдѣлались очевидными для всякаго.

Для Европы и для Россіи оказалось необходимымъ локализировать войну на сколько возможно тѣсно. Мы имѣемъ основаніе думать, что усилія дипломатіи въ этомъ отношеніи увѣнчались успѣхомъ. Тутъ, главное затрудненіе заключалось въ противоположности интересовъ Европы въ восточномъ вопросѣ, на которую мы указали, и на которую разсчитываютъ государственные люди Турціи.

Въ офиціальной брошюрѣ, на дняхъ вышедшей въ Константинополѣ, эта точка зрѣнія государственныхъ людей Турціи обнаруживается весьма ясно. Вотъ, напримѣръ, одно мѣсто изъ этой брошюры: «если турецкій кризисъ такъ важенъ и такъ труденъ для рѣшенія, то потому только, что сама Европа находится въ состояніи кризиса. Въ настоящую минуту, прежняя общность видовъ европейскихъ кабинетовъ—невозможна; интересы слишкомъ различны и противоположны; всякій возникающій вопросъ можетъ сдѣлаться источникомъ самыхъ сложныхъ столкновеній; ни одно государство неувѣрено, какое направленіе приметъ его сосѣдъ, и потому, ни одинъ кабинетъ не рѣшается обнаружить вполнѣ опредѣленную политику. Порта знаетъ это, она угадала это давнымъ давно и это-то именно и составляетъ ея силу въ виду требованій Европы, которой дипломатія можетъ, сколько ей угодно, собираться, заводить пренія, высказывать совѣты, но которая не въ состояніи дѣйствительно соединиться въ виду какого либо общаго дѣйствія».

Въ виду этихъ-то именно обстоятельствъ, когда надежды на мирное рѣшеніе исчезли, задача дипломатіи заключалась въ томъ, чтобы обезпечить локализацію войны. Эта локализація, слѣдуетъ надѣяться, въ настоящую минуту достигнута. Необходимость перехода русской арміи черезъ Румынію, была главнымъ затрудненіемъ, такъ какъ по парижскому трактату, Румынія объявлена нейтральнымъ государствомъ. Нарушенію этого нейтралитета, какъ оказывается, противился князь Бисмаркъ, но онъ былъ принужденъ уступить императору Вильгельму; князь Бисмаркъ подалъ въ отставку, и его продолжительный отпускъ есть результатъ этихъ недоразумѣній. Въ настоящую минуту, съ удаленіемъ отъ дѣлъ германскаго канцлера, Германія не противится болѣе переходу русскихъ войскъ черезъ Румынію.

Кромѣ Германіи, необходимо было также согласіе Австріи. Австрія дала это согласіе и, кромѣ того, обѣщала свой нейтралитетъ на довольно, впрочемъ, своеобразныхъ условіяхъ. Она займетъ Боснію и Герцеговину и будетъ препятствовать всякому возстанію въ этихъ провинціяхъ. Понятно, почему Австрія, въ замѣнъ своего нейтралитета, поставила подобныя условія. Она готова не вмѣшиваться въ войну Россіи съ Турціей, пока эта война не будетъ вредить ея личнымъ интересамъ; и вѣчныя ея интересы заключаются въ томъ, чтобы, благодаря войнѣ, славянскій вопросъ не выступалъ слишкомъ впередъ. Вотъ почему она будетъ сдерживать славянъ окупаціей Босніи и Герцеговины.

Смѣсь.

Выигранное пари. Извѣстно, что англичане большіе охотники биться объ закладъ. Упоминая объ этой страсти англичанъ, корреспондентъ «Моск. Вѣд.» разсказываетъ слѣдующій курьезный случай. Въ одномъ полку служилъ молодой поручикъ, большой охотникъ до пари, и такой счастливецъ, что выигрывалъ почти каждую ставку. Товарищи стали, наконецъ, избѣгать закладовъ съ нимъ. По домашнимъ обстоятельствамъ, поручикъ перемѣнилъ мѣсто своего служенія. Въ новомъ полку уже знали объ его необыкновенномъ счастьи; за обѣдомъ, въ честь новаго сослуживца, полковникъ и говоритъ:

— Такъ вы, поручикъ, каждое пари выигрываете?

— Да, полковникъ, такая ужъ удача!

— Какъ же вы это устраиваете?

— Очень просто. Я физіономистъ, и бьюсь объ закладъ на вѣрняка.

— Ну, полноте, какое отношеніе между физіономіей и пари?

— Очень большое, полковникъ. По лицу я узнаю многое, и, сообразно съ этимъ, дѣлаю свои заключенія, которыя....

— Перестаньте! Что такое можно заключать по лицу? Изъ моего, напримѣръ, что вы узнаете?

— Узнаю, полковникъ, что ваша рана въ боку должна скоро раскрыться.

— Вотъ новость! Да я никогда не былъ раненъ въ бокъ.

— Были, полковникъ.

— Не былъ, поручикъ.

— Конечно, если вамъ угодно скрывать....

— Не скрывать, а говорю вамъ не былъ. Хотите пари?

— Съ удовольствіемъ.

— Двадцать фунтовъ?

— Сколько прикажете; увѣренно произнесъ поручикъ.

— Ну, на этотъ разъ вы проиграли, поручикъ! — съ торжествомъ воскликнулъ полковой командиръ, растегивая жилетъ, снимая рубашку, и показывая оба свои неприкосновенные бока.

Поручикъ тотчасъ же расплатился. Послѣ обѣда, полковой командиръ немедленно послалъ своему товарищу, командовавшему другимъ полкомъ, слѣдующее письмо: «Дорогой мой другъ, хорошъ же вашъ поручикъ! И стоило о немъ барабанить! Сейчасъ онъ побился со мною объ закладъ, что я раненъ въ бокъ — и проигралъ двадцать фунтовъ».

На это письмо былъ полученъ такой отвѣтъ:

«Нѣтъ, любезный другъ, это вы хороши — да я съ вами. Мы оба опростоволосились. Поручикъ только для того проигралъ вамъ двадцать фунтовъ, чтобы выиграть у меня двѣсти. Онъ держалъ со мною пари, что заставитъ васъ раздѣться за обѣдомъ при всемъ обществѣ офицеровъ,—а вы сами еще увѣдомляете, что онъ заставилъ васъ публично показывать свои голые бока».

Народно-русскій патогномическій признакъ приближающейся смерти. Еще въ дѣтствѣ, пишетъ корресп. «Врач. Вѣдом.», мнѣ доводилось иногда слышать въ Черниговской губерніи, что про тяжко больныхъ простой народъ говоритъ, что больной «уже ощипывается»; потомъ я слыхалъ то же самое въ Полтавской губерніи; затѣмъ въ Кіевѣ, бывши медицинскимъ студентомъ, опять слыхалъ то же. Меня всегда занимало это выраженіе, и потому, сдѣлавшись врачемъ, я, при всякомъ случаѣ, сталъ присматриваться къ трудно больнымъ и наблюдать за ними, дѣйствительно-ли они ощипываются передъ смертью. Наблюденія мои продолжались около 8 лѣтъ. Оказалось слѣдующее: больные, иногда за недѣлю до смерти, иногда позже, иногда за нѣсколько часовъ, начинаютъ по большей части легонько и изрѣдка щипать себя за разныя части лица, рѣже за верхнія конечности и грудь и еще рѣже за нижнія конечности. Въ меньшинствѣ случаевъ это самощипанье дѣлается ими такъ часто и прилежно, что доходитъ, повидимому, до самоистязанія. Иногда они занимаются ощипываніемъ себя чрезвычайно серьёзно и внимательно, такъ что имѣютъ видъ погруженныхъ въ это занятіе. Кажется, что больные ощипываются безсознательно. Продолжается ощипыванье иногда по-долгу, иногда короткое время; возобновляется, большею частью, чрезъ не очень большіе промежутки. Нельзя утверждать, что во всѣхъ болѣзняхъ бываетъ періодъ ощипыванія, хотя легко можетъ статься, что отсутствуетъ онъ только тамъ, гдѣ его не замѣтишь. Явленіе ощипыванія передъ смертью у хворающаго человѣка, по моимъ наблюденіямъ, подмѣчено русскимъ народомъ чрезвычайно вѣрно и можетъ служить въ прогностикѣ довольно надежнымъ признакомъ наступающей смерти. Въ Симбирскѣ говорятъ: «обирается», вмѣсто «ощипывается». Заслуживающіе довѣрія люди говорили мнѣ, что и въ Архангельскѣ «обираются» умирающіе. Я думалъ найдти что-нибудь въ литературѣ объ описываемомъ явленіи, но нигдѣ ничего объ немъ не нашелъ. Считаю позволительнымъ обратить на него вниманіе и подвергнуть его повѣркѣ и тщательному наблюденію. Какая бы могла быть причина этого явленія? Можетъ статься, что передъ смертью наступаетъ paresis чувствующихъ нервовъ кожи, и больные, замѣтивши это, смущаются такою перемѣной и повѣряютъ свои ощущенія. Ежедневное испытаніе степени чувствительности кожи больныхъ, хотя бы при помощи циркуля, можетъ быть и оправдало бы наше предположеніе.

Игрушка персидскаго шаха. У турецкаго султана и у персидскаго шахъ-инъ-шаха всегда найдется какая-нибудь затѣя. Недавно Нассръ-Эддинъ заказалъ сдѣлать для него порядочной величины глобусъ изъ чистаго золота. Границы государствъ, берега морей, рѣки, озера, горы и проч. обозначены на этомъ глобусѣ драгоцѣнными разноцвѣтными каменьями, а города—различной величины бриліантами.

Содержаніе семействъ бывшихъ султановъ: Абдулъ-Азиса и Мурада. По словамъ газеты «Turquie», султанъ Абдумъ-Гамидъ назначилъ слѣдующее ежемѣсячное содержаніе членамъ семействъ экс-султановъ. Семейство Абдулъ-Азиса: Султанша-Валидэ (мать покойнаго султана Абдулъ-Азиса) получаетъ 50,000 піастровъ въ мѣсяцъ; принцъ Юсуфъ-Изеддинъ-эффенди — 30,000; 1-я жена (Кадина) покойнаго султана — 20,000; султанша Салигэ—15,000; Махмудъ-Джелалъ-Эддинъ-эффенди — 20,000; Махмудъ-Шевкетъ-эффенди — 15,000; Меджидъ-эффенди — 15,000; Сеидъ-Эддинъ-эффенди — 10,000; султанша Надимэ, султанша Изма, султанша Эминэ, 2 и 4 кадины, тоже по 10,000; итого — 235,000. Семейство Мурада: его величество султанъ Мурадъ — 125,090; султанша-валидэ — 50,000; Селахъ-Эддинъ-эффенди — 20,000; султанши Гадидже и Фезиме по 10,000 и 4 кадины по 15,000. Итого 275,000.

— Приводимъ содержаніе султанскаго фирмана, обнародованнаго по случаю заключенія мира съ Сербіею: «Наши императорскія попеченія и заботы всегда имѣли въ виду все то, что могло бы способствовать упроченію спокойствія и развитію прогресса въ сербскомъ княжествѣ, принадлежащемъ къ составу нашей имперіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, споспѣшествовать счастію и благоденствію его жителей. Льготы и привиллегіи, выговоренныя въ разное время въ императорскихъ газетахъ въ пользу княжества, имѣли въ виду одно лишь удовлетвореніе этому искреннему желанію нашему. Блестящимъ доказательствомъ нашего исключительнаго благоволенія къ сербскому княжеству и къ сербскому народу, во вниманіе къ испытанной его преданности нашему императорскому правительству, служитъ постановленное нами рѣшеніе, въ силу котораго, охраненіе императорскихъ крѣпостей, находящихся въ предѣлахъ Сербіи, было ввѣрено самому княжеству. Отношенія, проникнутыя взаимнымъ довѣріемъ и задушевною искренностью, существовавшія между сербскимъ княжествомъ и верховнымъ императорскимъ дворомъ, развивались и упрочивались изо дня въ день, но, не взирая на то и не смотря на старанія нашего императорскаго правительства, имѣвшія цѣлью упрочить существовавшій порядокъ вещей, къ немалому нашему прискорбію, мы поражены были внезапнымъ оборотомъ дѣлъ, и съ грустью должны теперь сознаться, что намъ не представилось возможности предупредить прискорбныя событія, грозившія поколебать, какъ внутреннее положеніе самаго сербскаго княжества, такъ и отношенія его къ верховному двору. Вслѣдствіе поспѣшнаго принятія предложенія о возстановленіи спокойствія, сдѣланнаго нашимъ правительствомъ въ видахъ избавленія Сербіи отъ бѣдствій и тягостей войны, и водворенія въ княжествѣ нормальнаго порядка вещей, существовавшаго въ немъ до печальныхъ событій позднѣйшаго времени, сербскіе делегаты, высокопочтенные, Христичъ и Матичъ, прибыли въ Константинополь съ чрезвычайными полномочіями. Въ переговорахъ, происходившихъ между ними и блистательною Портою, они дали устныя и письменныя завѣренія въ томъ, что содержаніе фирмановъ, изданныхъ въ разное время, будетъ тщательно соблюдаемо, что обязательства, возложенныя на сербское княжество въ замѣнъ предоставленныхъ ему льготъ и привиллегій, будутъ выполнены добросовѣстно, и что отнынѣ сербское правительство не дозволитъ себѣ и не потерпитъ ничего такого, что могло бы, въ чемъ бы то ни было, нарушить, въ матеріальномъ или нравственномъ смыслѣ, добрыя отношенія сербскаго княжества къ нашему правительству. Эти заявленія и увѣренія утвердили въ насъ довѣріе къ прямодушію и преданности сербскаго княжества и сербскаго народа, вслѣдствіе чего мы признали за благо ратифицировать нашею императорскою санкціею «statu quo ante» и съ тѣмъ вмѣстѣ, даровавъ наше императорское прощеніе жителямъ сосѣднихъ съ княжествомъ провинцій укрывавшихся во время войны въ его предѣлахъ, мы, въ одно и то же время, обезпечили возможность безпрепятственнаго возвращенія на родину жителямъ сербскаго княжества, искавшимъ спасенія на нашей территоріи. Мы увѣрены, что вы и съ вами вмѣстѣ весь сербскій народъ вполнѣ оцѣните наше настоящее рѣшеніе, и усмотрите въ немъ несомнѣнное доказательство нашего императорскаго къ вамъ благоволенія, и что вы, на будущее время, будете съ удвоеннымъ стараніемъ упорствовать въ соблюденіи обязанностей княжества въ отношеніи къ нашему императорскому правительству, въ силу чего мы и препровождаемъ къ вамъ настоящій нашъ императорскій фирманъ, скрѣпленный нашею императорскою подписью, съ цѣлію возвѣстить вамъ, что *statu quo ante* востановлено и что, вмѣстѣ съ тѣмъ, были отданы соотвѣтствующія приказанія подлежащимъ властямъ—неотлагательно приступить къ очищенію отъ нашихъ войскъ пунктовъ, находящихся по ту сторону демаркаціонной линіи мѣстностей, занимаемыхъ нашею арміею. Дано, 18 Сафера 1294 года (4 марта (20 февраля) 1877 года).

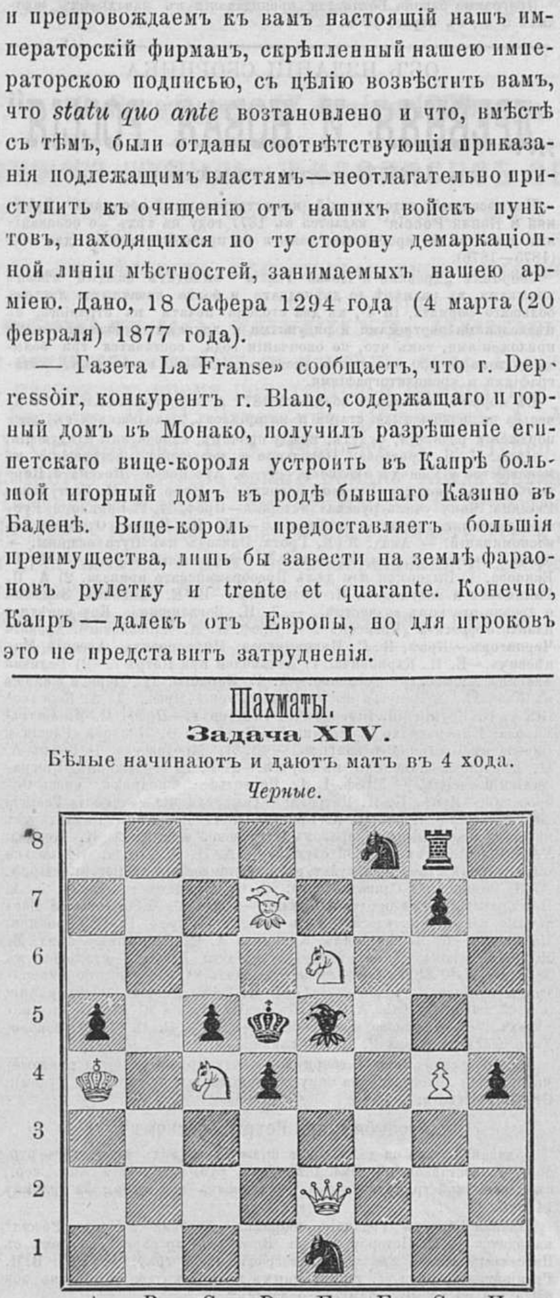
— Газета La Franse» сообщаетъ, что г. Depressòir, конкурентъ г. Blanc, содержащаго игорный домъ въ Монако, получилъ разрѣшеніе египетскаго вице-короля устроить въ Капрѣ большой игорный домъ въ родѣ бывшаго Казино въ Баденѣ. Вице-король предоставляетъ большія преимущества, лишь бы завести на землѣ фараоновъ рулетку и trente et quarante. Конечно, Капръ — далекъ отъ Европы, но для игроковъ это не представитъ затрудненія.

Шахматы.

Задача XIV.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

Черные.



Бѣлые.

Рѣшеніе XII задачи, помѣщенной въ № 14.

Бѣлые.	*Черные.*
1) G6—G2	1) F1—F3 берутъ.
2) G2—H1	2) A4—A3 (a)
3) H1—E1†	3) E4—D4.
4) E1—D1	4) Какъ нибудь.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи. Имандра и Хибины (продолж.). — Доктора-соперники. (Съ анг. М. Б.) (оконч.). — Картины изъ Персіи. — На выставкѣ. — Библіографія. — Стихотворенія: «Вдова» (изъ Скандинав. поэзіи) и «Атилла» (изъ Залѣсскаго). — Новости наукъ и жизни. — Со всего свѣта. — Смѣсь. — Шахматы. — Объявленія.

Гравюры. Академія Художествъ въ С.-Петербургѣ. — Павильонъ Шаха. — Персидскій жилой домъ въ Тегеранѣ. — Городъ Кола.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Объявленія.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ за 1875 и 1876 гг.

За каждый годъ, большой томъ изящно отпечатанный, со множествомъ рисунковъ, лучшихъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, уступается подписчикамъ каждый годъ за 3 рубля (безъ приложеній):

въ изящномъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ .... 4 р.
за два тома............. 5 „
въ изящныхъ же переплет. .
за два тома............. 7 р.

Деньги на пересылку высылаются по разстоянію: за одинъ томъ на 7 фунт.; за два тома 14 фунт. (До 1000 верстъ) прилагается 1 р. на пересылку за каждый томъ; сверхъ же 1000 верстъ, на каждыя сто верстъ, прилагается 7 к. на томъ.

Въ конторѣ редакціи «*Живописнаго Обозрѣнія*», а также въ книжномъ магазинѣ М. П. Попова, (Невскій пр. въ зданіи Пассажа), и у всѣхъ книгопродавцевъ Спб. и Москвы поступила въ продажу книга:

„ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО"

Томъ I. Изданіе редакціи журнала «Живописнаго Обозрѣнія». Цѣна **3** р. **50** к., съ пересылкою **4** р.

Гг. подписчики «Живописнаго Обозрѣнія» 1877 г. получаютъ эту книгу съ пересылкой за 3 р. 50 к.

Книгопродавцы пользуются обычною уступкой.

ОТЪ КОНТОРЫ ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ.

За перемѣну адреса редакція проситъ гг. подписчиковъ высылать:
1) За перемѣну петербургск. на иногородн. 85 к.
2) » » иногородн. на петербургск. 50 »
3) » » иногороднаго на иногородн. 25 »

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ ГАЗЕТЫ

НАШЪ ВѢКЪ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ «НАШЪ ВѢКЪ»
СЪ 1 АПРѢЛЯ.

Желающіе получать газету платятъ:

Въ Петербургѣ безъ доставки.

На 9 м.	На 8 м.	На 7 м.	На 6 м.	
9 р. 50 к.	8 р. 50 к.	7 р. 50 к.	7 р. — к.	
На 5 м.	На 4 м.	На 3 м.	На 2 м.	На 1 м.
6 р. — к.	5 р. — к.	3 р. 75 к.	2 р. 50 к.	1 р. 25 к.

Въ Петерб. съ дост. и съ перес. во всѣ мѣст. имперіи.

На 9 м.	На 8 м.	На 7 м.	На 6 м.	
12 р. — к.	11 р. — к.	10 р. — к.	8 р. 50 к.	
На 5 м.	На 4 м.	На 3 м.	На 2 м.	На 1 м.
7 р. 50 к.	6 р. — к.	4 р. 50 к.	3 р. — к.	1 р. 50 к.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, Большая Конюшенная, д. № 17. кв. № 2, и въ главныхъ книжныхъ магазинахъ. Контора редакціи для пріема подписки и объявленій открыта ежедневно. Принимаются казенныя и частныя объявленія всякаго рода, на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Плата за объявленія, печатаемыя петитомъ по 8 к. за строчку на послѣдней страницѣ и 15 впереди текста.

Въ Парижѣ подписка на газету и объявленія принимается у M. Adam, 2 Carrefour de la croix rouge.

Контора проситъ высылать требованія заблаговременно, чтобы можно было озаботиться своевременной разсылкой газеты.

При возобновленіи подписки, равно и при перемѣнѣ адреса, просятъ обращаться исключительно въ главную контору (Большая Конюшенная д. № 17, кв. № 2) съ приложеніемъ прежней бандероли.

ПОДПИСКА НА 1877 ГОДЪ ОТКРЫТА.

Женскій рукодѣльно-модный, хозяйственный, иллюстрированный журналъ

„АВРОРА“

СЪ ЛИТЕРАТУРНЫМЪ ПРИБАВЛЕНІЕМЪ.

Съ 1-го января 1877 года будетъ выходить 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца тетрадями большого формата.

Годовой составъ журнала слѣдующій:

Болѣе 40 большихъ печатныхъ листовъ текста; до 1500 оттиснутыхъ въ Парижѣ политипажныхъ рисунковъ; до 200 литографированныхъ выкроекъ на 12-ти большихъ листахъ; 24 раскрашенныя модныя, большія, картинки (Парижской работы); 24 вырѣзныя выкройки, въ натуральную величину; 6 раскрашенныхъ узоровъ для вышивокъ въ русскомъ стилѣ; до 30 листовъ съ рисунками узоровъ для различныхъ рукодѣлій и женскихъ работъ, самыхъ новыхъ образцовъ.

Объемъ литературнаго приложенія въ теченіи года равняется 400 страницамъ обыкновеннаго книжнаго формата. Для 1877 года, редакція пріобрѣла совершенно новый и весьма занимательный криминальный романъ, подъ заглавіемъ **„Убійство г-жи Рено“**. Сверхъ сего, въ теченіи года, редакція предложитъ своимъ читательницамъ рядъ любопытныхъ популярныхъ статей касающихся гигіены, хозяйства и другихъ знаній необходимыхъ въ домашнемъ быту.

ПРЕМІЯ предназначенная для подписчиковъ 1877 года состоитъ изъ *четырехъ работъ и двухъ готовыхъ предметовъ*, а именно:

1) **Подушка** для дивана, совершенно оригинальной работы бутонэ, изъ шерсти въ 4 тона. Чрезвычайно красивая подушка эта дается почти готовою, такъ что для окончанія ея требуется не болѣе 6-ти часовъ времени. (Оконченная, въ отдѣльной продажѣ стоитъ 4 р.)

2) **Табуретна** по канвѣ шерстью. Дается канва, шерсти и узоръ.

3) **Розетки** стеклярусныя, висячія, для двухъ подсвѣчниковъ. Дается разноцвѣтный стеклярусъ, шерсти и узоръ. Работа весьма красивая и можетъ быть окончена въ теченіи 2—3 часовъ.

4) **Бѣлая работа** съ полнымъ матерьяломъ.

5) Изящный **вѣеръ** съ рѣзьбой и живописью. Исполненъ по заказу редакціи въ Парижѣ.

6) Великолѣпный **Альбомъ** раскрашенныхъ рисунковъ для вышивокъ, въ русскомъ стилѣ, на 12-ти листахъ. Альбомъ этотъ исполненъ по заказу редакціи и поступитъ въ отдѣльную продажу по 2 рубля за экземпляръ.

Цѣнность самой преміи почти уже равняется всей подписной суммѣ, а потому редакція не преувеличитъ если скажетъ, что

„АВРОРА“ самый полный и самый дешевый журналъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ безъ преміи и безъ перес.	5 р.,	съ перес. и дост.	6 р.
На полг. „ „ „	3 р.,	„ „	4 р.
На годъ съ преміей безъ перес.	10 р.,	съ перес. и дост.	11 р.
На полг. „ „ „	8 р.,	„ „	9 р.

(На укупорку преміи прилагается 40 коп. марками, такъ какъ альбомъ и вѣеръ требуютъ особой, болѣе тщательной укупорки, а слѣдовательно и увеличенія вѣсоваго сбора при пересылкѣ преміи почтою.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ конторѣ редакціи — *Большой Царскосельскій проспектъ, домъ № 11—2*, и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. Гг. Иногородные благоволятъ свои требованія и деньги адресовать *исключительно* въ контору редакціи. Для служащихъ, допускается разсрочка, за поручительствомъ гг. казначеевъ.

Премія выдается вся полностію: гг. городскимъ подписчикамъ при подпискѣ на журналъ; а иногороднымъ, выславшимъ деньги въ декабрѣ — премія высылается въ январѣ, выславшимъ деньги въ январѣ—въ февралѣ и т. д.

Разборка и укупорка преміи требуетъ много времени, а потому редакція проситъ лицъ, желающихъ подписаться на 1877 годъ, во избѣжаніе задержки въ высылкѣ № 1-го, а равно и преміи, присылать свои требованія заблаговременно.

Редакторъ **К. Заика.** Издательница **С. Лепковская.**

ОБЪ ИЗДАНІЯХЪ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ДУХОВНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ 1877 ГОДУ.

А) Журнала «Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія».

Журналъ „Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“ издается и въ 1877 году.

Выполнявшаяся въ предшествующіе года программа журнала выполняется и въ 1877 году безъ существенныхъ измѣненій.

Журналъ этотъ съ 1875 года имѣетъ особое приложеніе, состоящее изъ перевода съ греческаго языка: правилъ апостольскихъ, соборныхъ, святыхъ отецъ, съ толкованіями Зонары, Аристина, Вальсамона и съ присовокупленіемъ къ нимъ текста славянской Кормчей.

Цѣна годоваго изданія „Чтеній въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“—6 р. 50 к., съ пересылкою въ города и доставкою въ Москвѣ 7 р.

Б) Церковной газеты «Московскія Епархіальныя Вѣдомости».

„Московскія Епархіальныя Вѣдомости“ издаются въ 1877 году по прежней программѣ.

Годовая цѣна „Московскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ въ 1876 г.: безъ достав. и перес. 3 р. 50 к., съ доставкою и пересылкою 4 р. 50 к. Полугодовая 2 р., съ перес. и достав. 2 р. 50 к., за три мѣсяца 1 р., съ перес. 1 р. 30 к., съ доставк. 1 р. 25 коп.; за мѣсяцъ 40 к., съ перес. и достав. 50 к.; отдѣльные №№ по 10 к. Лица, подписавшіяся на „Чтенія“ и „Московскія Епархіальныя Вѣдомости“ вмѣстѣ, безъ пересылки и доставки платятъ за изданіе 9 р., а съ доставкою и пересылкою—10 руб.

В) «Воскресныхъ Бесѣдъ».

„Воскресныя бесѣды“, издаваемыя Обществомъ любителей духовнаго просвѣщенія и печатаемыя первоначально за три недѣли впередъ въ „Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ и изъ нихъ, въ тоже время, переводимыя въ отдѣльные оттиска для своевременнаго полученія во всѣхъ мѣстностяхъ нашего отечества, тѣмъ же порядкомъ издаются и въ 1877 году.

„Воскресныя Бесѣды“ выходятъ еженедѣльно. Цѣна годоваго изданія изъ 52 листовъ—50 к., безъ доставки и пересылки; съ доставкою въ Москвѣ и пересылкою въ другіе города—1 р. 10 к.; за полгода 50 к., съ перес. и доставкою 60 к.; за три мѣсяца 20 коп., съ перес. и дост. 35 коп.; за мѣсяцъ 10 к., съ дост. и перес. 20 коп.

Подписка на всѣ изданія Общества любителей духовнаго просвѣщенія принимается въ Москвѣ: въ Епархіальной библіотекѣ, въ Высокопетровскомъ монастырѣ; въ редакціи изданій Общества любителей духовнаго просвѣщенія—на Донской, въ приходѣ Ризположенской церкви, въ квартирѣ священника Виктора Петровича Рождественскаго; въ павильонѣ Отдѣла Общества, близъ Иверской часовни у старыхъ присутственныхъ мѣстъ, и у книгопродавцевъ Ферапонтова и Соловьева; въ Петербургѣ — у Кораблева и Сирякова. Иногородные благоволятъ обращаться съ своими требованіями исключительно въ Редакцію изданій Общества.

Тамъ же можно получать и слѣдующія изданія Общества:

Правила святыхъ апостоловъ, святыхъ соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ и святыхъ отецъ съ толкованіями. Выпускъ 1-й. Правила святыхъ апостолъ съ толкованіями. Изданіе Общества любителей духовнаго просвѣщенія 1876 г. Цѣна безъ пересылки 80 коп., съ пересылкою 1 руб.; на веленевой бумагѣ безъ пересылки 2 руб., съ перес. 2 руб. 50 коп.

„Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“ за прежніе годы за 10 книгъ, выходившихъ до 1871 года отдѣльными выпусками, 3 р., съ пересылкою 4 р.; за 12 книгъ 1871 года 2 р., съ перес. 3 р.; за 12 книгъ 1872 года — 3 р., съ перес. 4 р.; за 12 книгъ 1873 г. — 4 р., съ перес. 5 р.; за 12 книгъ 1874 г. 4 р., съ перес. 5 р.; за 12 книгъ 1875 г. 6 р. 50 к., съ перес. 7 р.; за годовое изданіе 1876 г. 6 р. 50 к., съ перес. 7 р.

Записки на книгу Бытія митрополита московскаго Филарета — 50 к., съ перес. 75 к.

Лекціи по умозрительному богословію протоіерея Ѳ. А. Голубинскаго—50 к., съ перес. 75 к.

Воскресныя Бесѣды 1870-го, 1874-го, 1875-го, 1876-го годовъ по 50 к. за экз., съ перес. 70 к.

Бесѣды о говѣніи по уставу православной церкви 5 к., съ перес. 10 коп.

Избранныя бесѣды 1871 и 1872 года въ одной книжкѣ 50 к., съ перес. 70 к.

Если количество бесѣдъ одного и того же года, а не разныхъ годовъ, будетъ выписываемо не менѣе 50 экз. въ одинъ разъ, то совѣтъ Общества можетъ уступить ихъ по 50 коп. за экз., принимая и пересылку на свой счетъ; тоже и бесѣды о говѣніи могутъ быть уступлены по 5 к. за экз. съ пересылкою, если требованіе ихъ въ одинъ разъ будетъ не менѣе 50 экз.

Воскресныя Бесѣды, издаваемыя въ 1877 году, если количество ихъ будетъ требуемо не менѣе 50 экз. по одному адресу, могутъ быть уступлены вмѣсто 1 р. 10 к. по 50 к. за экз.

Московскія Епархіальныя Вѣдомости 1869, 1871, 1872, 1873, 1874 и 1875 года по 2 р. за годовой экз., съ перес. 2 р. 50 к.; за 1876 годъ по 3 р. 50 к., съ перес. 4 р. 50 к. за каждый экз.

Программа закона Божія для преподаванія въ начальныхъ школахъ 5 к., съ перес. 10 к.

ОБЪ ИЗДАНІИ СБОРНИКА

„ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССІЯ“

въ 1877 году (третій годъ).

Ежемѣсячный, историческій, иллюстрированный сборникъ „Древняя и Новая Россія“ издается въ 1877 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшіе два года (1875—1876).

Сборникъ „Древняя и Новая Россія“ выходитъ каждый мѣсяцъ книжками, въ размѣрѣ до двѣнадцати и болѣе печатныхъ листовъ большаго формата, in 4⁰, въ два столбца печати на страницѣ, съ нѣсколькими портретами и рисунками и другими художественными приложеніями, такъ что, по окончаніи года, составятся три большихъ тома до 150 печатныхъ листовъ съ 50—60 гравюрами, литографіями и хромолитографіями.

Въ первыхъ книжкахъ сборника 1877 г. изъ значительнаго количества разнообразныхъ статей и матеріаловъ, находящихся въ распоряженіи редакціи, будутъ, между прочимъ, напечатаны слѣдующія: Проф. Н. Я. Аристова: Невольное и неохотное постриженіе въ монашество у нашихъ предковъ.—Ф. А. Арсеньева: Шексна и Виртембергская система (Путевые очерки). — Проф. К. Н. Бестужева-Рюмина: Чему учитъ русская исторія?—Проф. А. Г. Брикнера: Русскіе дипломаты-туристы въ Италіи. — Н. И. Греча: Отрывки изъ воспоминаній. — Акад. Я. К. Грота: Эпизодъ изъ Пугачевщины. — М. Ѳ. де-Пуле: А. В. Кольцовъ. Біографическій очеркъ. — Г. В. Есипова. 1) Выдержки изъ дѣлъ Преображенскаго приказа. 2) А. П. Ганнибалъ и княгиня А. П. Волконская.—И. Е. Забѣлина: Замѣтки о древне-русскомъ зодчествѣ. — Д. И. Завалишина: Кругосвѣтное плаваніе фрегата „Крейсеръ“. — Проф. Д. И. Иловайскаго: Древній Черниговъ.—Проф. В. С. Иконникова: Митрополитъ Арсеній Маціевичъ.—Е. П. Карновича: 1) Ассамблея при Петрѣ I.—2) Великая княгиня Александра Павловна.—А. К. Киркора: 1) Озерное жилище въ Квачалѣ 2) Покутье въ Галицкой Руси.—Проф. Д. А. Корсакова: А. П. Волынскій. Біографическій очеркъ.—Проф. Н. И. Костомарова: Императрица Екатерина I.—Проф. О. Ѳ. Миллера: Россія и Европа въ Восточномъ вопросѣ. — Д. Л. Мордовцева: 1) Графъ А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ въ случаѣ.—2) Л. А. Нарышкинъ. Біографическій очеркъ. — Проф. І. І. Первольфа: Фридрихъ, князь Острожскій.—Проф. Н. И. Петрова: Драматическія сочиненія Георгія Кониcскаго. — Проф. Н. А. Попова: О. А. Баженинъ. Эпизодъ изъ исторіи общественныхъ нравовъ Петровской эпохи.—А. Н. Попова: Генералъ Моро въ русской службѣ. — А. И. Савельева: Нѣсколько памятниковъ старинной культуры, сохранившихся въ Россіи.—Проф. А. В. Романовича-Славатинскаго: Ю. Ѳ. Самаринъ въ Кіевѣ. — А. Н. Сергѣева: Нижегородскій Кремль.—Акад. С. М. Соловьева: Восточный вопросъ пятьдесятъ лѣтъ назадъ. — Проф. Н. В. Сорокина: На Уралѣ.—В. Я. Стоюнина: Адмиралъ А. С. Шишковъ.—Акад. М. И. Сухомлинова: Уничтоженіе диссертаціи Н. И. Костомарова въ 1842 году. — Л. Н. Трефолева: Ярославль въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны.—Акад. Н. Г. Устрялова: Воспоминанія о моей жизни.—Проф. А. Ѳ. Хойнацкаго: Библія и народъ въ предѣлахъ Юго-Западнаго края Россіи. — Проф. С. М. Шпилевскаго: Дѣло секундъ-маіора Р. Н. Державина.

Къ январской книжкѣ сборника, между прочимъ, была приложена большая литографія на тону съ оригинальной картины художн. Ст. Хлѣбовскаго.

„Ассамблея при Петрѣ Великомъ“.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ двѣнадцать руб. сер., съ доставкою на домъ двѣнадцать руб. пятьдесятъ коп. сер., съ пересылкой тринадцать руб. пятьдесятъ коп. сер.; за границу 14 руб.

Главная Контора Редакціи сборника „Древняя и Новая Россія“ находится въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, рядомъ съ Пассажемъ, № 46, при хромолитографіи и типографіи издателя В. И. Граціанскаго, куда гг. иногородныхъ и просятъ исключительно обращаться со всѣми своими требованіями.

Въ Главной Конторѣ можно получать оставшіеся отъ подписки экземпляры „Древней и Новой Россіи“ за 1875 и 1876 годы. Каждый годъ состоитъ изъ трехъ большихъ томовъ съ 60 — 70 портретами и рисунками.

Цѣна каждаго года, безъ пересылки двѣнадцать руб. сер.; съ пересылкой тринадцать руб. пятьдесятъ коп. сер.

Издатель В. И. Граціанскій—Редакторъ С. Н. Шубинскій.

О подпискѣ въ 1877 году на еженедѣльную общественную и литературную газету

„ОРЕНБУРГСКІЙ ЛИСТОКЪ“

въ программу которой войдутъ

I. Отдѣлъ статей и изслѣдованій по исторіи, этнографіи, статистикѣ, торговлѣ и промышленности Оренбургскаго края.

II. Хроника, или лѣтопись событій и явленій мѣстной жизни, а также опубликованныя правительствомъ распоряженія, прямо или косвенно касающіяся жизни города Оренбурга и Оренбургскаго края.

III. Фельетонъ. Въ немъ будутъ помѣщаемы очерки мѣстныхъ нравовъ и другія мелкія беллетристическія статьи, и

IV. Справочныя свѣдѣнія по части торговой, промышленной, желѣзно-дорожной, театральный репертуаръ, почтовыя и календарныя свѣдѣнія, мѣстный метеорологическій бюллетень и т. п. свѣдѣнія, а также разнаго рода частныя объявленія.

„Оренбургскій Листокъ“ выходитъ и въ 1877 году еженедѣльно, по воскресеньямъ, въ размѣрахъ отъ одного до 2-хъ обыкновенныхъ газетныхъ листовъ и въ четыре столбца убористаго шрифта.

Подписная цѣна изданію въ годъ — пять рублей, съ доставкой и пересылкой.

Редакція покорнѣйше проситъ лицъ, знающихъ мѣстный край, присылать ей какъ отдѣльныя статьи и изслѣдованія, такъ сообщенія свои, касающіяся мѣстной жизни съ какой бы то ни было ея стороны.

Статьи, корреспонденціи и требованія на высылку изданія, редакція проситъ адресовать: въ Оренбургъ; въ редакцію газеты „Оренбургскій Листокъ“ Неплюевская улица, домъ № 10, при типографіи Ив. Ив. Евфимовскаго-Мировицкаго.

Редакторъ издатель **Ив. Евфимовскій-Мировицкій.**

ОБЪ ИЗДАНІИ

„АЗОВСКАГО ВѢСТНИКА“

въ 1877 году

(годъ 7-й.)

„Азовскій Вѣстникъ“ выходитъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, и въ 1877 году листами увеличеннаго формата два раза въ недѣлю. Программа его прежняя. Издатель вошелъ въ соглашеніе со многими сотрудниками и корреспондентами, а потому можно надѣяться, что отдѣлъ иногородныхъ корреспонденцій увеличится. Уже съ 40 № истекшаго года „Азовскій Вѣстникъ“ началъ принимать характеръ мѣстной газеты, которою онъ вполнѣ сдѣлался въ настоящемъ году.

Подписная цѣна остается прежняя:

За годъ	7 р. безъ дост.,	8 р. съ дост.	9 р. съ перес.
За ½ года	4 р. „ „	4½ р. „ „	5 р. „ „
За 1 мѣс.	70 к. „ „	1 р. „ „	1 р. 40 к. „

Подписка принимается исключительно въ типографіи П. С. Муссури.

ПРОГРАММА:

„Азовскій Вѣстникъ“ выходитъ въ Таганрогѣ.

Въ составъ его входятъ слѣдующіе отдѣлы:

I. Внутреннія извѣстія. Въ 1877 году особенно расширенъ отдѣлъ мѣстныхъ извѣстій и корреспонденцій изъ при-Азовскихъ городовъ. II. Иностранныя извѣстія. III. Судебный отдѣлъ. IV. Фельетонъ: Повѣсти, разсказы, стихотворенія и очерки мѣстной жизни. V. Торговыя свѣдѣнія. VI. Телеграммы. VII. Объявленія.

Редакторъ Ф. Браславскій.

Объ изданіи въ 1877 году въ г. Тифлисѣ ежедневной

литературно-политической газеты

„КАВКАЗЪ“

Въ 1877 году газета „Кавказъ“ будетъ выходить ежедневно, кромѣ дней, слѣдующихъ за воскресными и праздничными.

Содержаніе ея составятъ: I. *Оффиціальная часть* (приказы, правительственныя распоряженія и сообщенія, оффиціальные документы и проч.). II. *Неоффиціальная часть*, съ слѣдующими отдѣлами: а) передовыя статьи по вопросамъ, имѣющимъ обще-государственное или мѣстное значеніе; б) внутреннія извѣстія, касающіяся мѣстной и русской жизни, во всѣхъ ея проявленіяхъ; в) политическія извѣстія, съ руководящими статьями редакціи и ежедневными телеграммами; г) статьи, знакомящія съ Кавказскимъ краемъ въ отношеніяхъ историческомъ, статистическомъ, этнографическомъ, экономическомъ, бытовомъ и пр.; д) фельетонъ и е) справочный указатель. III. *Объявленія* казенныя и частныя.

Цѣна газеты: для городскихъ подписчиковъ—на годъ 11 р. 50 к., на полгода 6 руб.; для иногородныхъ, съ пересылкою,—на годъ 13 руб., на полгода 7 руб.

Допускается разсрочка уплаты подписныхъ денегъ: для служащихъ —чрезъ ихъ казначеевъ, для неслужащихъ — по соглашенію съ редакціею газеты.

Уплачивающіе болѣе 5 руб. и получающіе квитанцію прибавляютъ къ подписной цѣнѣ 5 коп. за гербовую марку.

Подписка принимается въ г. Тифлисѣ, въ конторѣ газеты „Кавказъ“, на Вельяминовской улицѣ, въ домѣ Хосроева. Иногородные адресуютъ свои требованія: въ Тифлисъ, въ редакцію газеты „Кавказъ“.

Редакторъ-издатель *Н. И. Вороновъ.*

О подпискѣ на 1877 годъ на журналъ

ИНОСТРАННЫХЪ ПЕРЕВОДНЫХЪ РОМАНОВЪ,

издаваемый въ Москвѣ

Е. П. Вороновою.

Означенный журналъ издается въ 1877 году по той-же программѣ и въ томъ-же объемѣ, какъ и въ прошедшемъ, то есть: журналъ выходитъ ежемѣсячно книгами большаго формата и заключаетъ въ себѣ рядъ интересныхъ романовъ, принадлежащихъ перу лучшихъ иностранныхъ писателей.

Зная, какъ осуждается публикою растяжка интереснаго романа на многіе мѣсяцы, редакція рѣшилась, за рѣдкими только исключеніями, помѣщать въ каждой книгѣ по полному, совершенно законченному роману.

Подписная цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 12-ти книгъ, въ Москвѣ безъ доставки на домъ 10-ть руб., съ доставкой 11-ть руб., а съ пересылкою иногороднымъ 12-ть руб.

Подписавшіеся до 15-го февраля 1877 года получатъ, кромѣ означенныхъ книгъ, премію, въ видѣ отдѣльнаго романа.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ редакціи журнала, на Тверской улицѣ, въ домѣ Голяшкина и въ наиболѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Исакова.

Гг. иногородныхъ просятъ адресовать свои требованія на имя Редактора-издательницы, Елизаветы Петровны Вороновой.

Для чиновниковъ, служащихъ въ Москвѣ, допускается разсрочка черезъ гг. казначеевъ.

Въ первыхъ книгахъ журнала будутъ напечатаны слѣдующіе интересные романы: *Сынъ Роберта Дьявола*, *По слѣдамъ преступленія*, *Забытый уголокъ*, *Страшная тайна*, *Король Корсики.*

Впрочемъ, редакція оставляетъ за собой право замѣнить эти романы другими, если встрѣтятся болѣе интересные.

Редакторъ-издательница **Е. Воронова.**

Въ конторѣ редакціи **„Живописнаго Обозрѣнія“** а также въ музыкальныхъ магазинахъ В. Бесселя и К⁰ и М. Бернарда, находятся въ продажѣ **ноты:**

МАРШЪ
РУССКИХЪ ДОБРОВОЛЬЦЕВЪ.

Сочиненіе **ФЛОРІАНА ГЕРМАНА.** (8 страницъ). Цѣна **1** руб. съ пересылкою **1** р. **50** коп.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 9 апрѣля 1877 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 л., д. № 12.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

№ 16. Томъ I. На годъ съ доставкою и пересылкою 7 руб.; на полгода 4 р. 50 к. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 17 Апрѣля 1877 года. *Адрессъ конторы редакціи:* С.-П.-бургъ, Троицкій переулокъ, домъ № $^{27}/_{1}$. Годъ V.

ОТЪ РЕДАКЦІИ ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ (ГОДЪ ПЯТЫЙ).

Еженедѣльный иллюстрированный журналъ «Живописное Обозрѣніе», выходитъ въ форматѣ большихъ иллюстрацій, въ количествѣ 52-хъ нумеровъ въ годъ.

При журналѣ разсылается, въ видѣ преміи, ежемѣсячное иллюстрированное приложеніе **«Жизнь и Хозяйство»**. Кромѣ того, подписчики получаютъ

НѢСКОЛЬКО ДРУГИХЪ ПРЕМІЙ,

изъ коихъ первая—большая гравюра: **продажа амулетовъ,** снимокъ съ картины проф. Генриха Семирадскаго, на **толстой** веленевой бумагѣ, длиною одинъ аршинъ, шир. $12^1/_2$ вер., въ настоящее время печатается и разошлется всѣмъ **годовымъ** подписчикамъ въ маѣ мѣсяцѣ.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: П. В. Быковъ, И. Н. Захарьинъ (Якунинъ), А. Майковъ, В. И. Немировичъ-Данченко, И. В. Омулевскій, П. И. Пашино, В. Славянскій, Н. П. Стремоуховъ, Н. А. Чмыревъ, В. В. Чуйко, С. С. Шашковъ, А. К. Шеллеръ (Михайловъ).

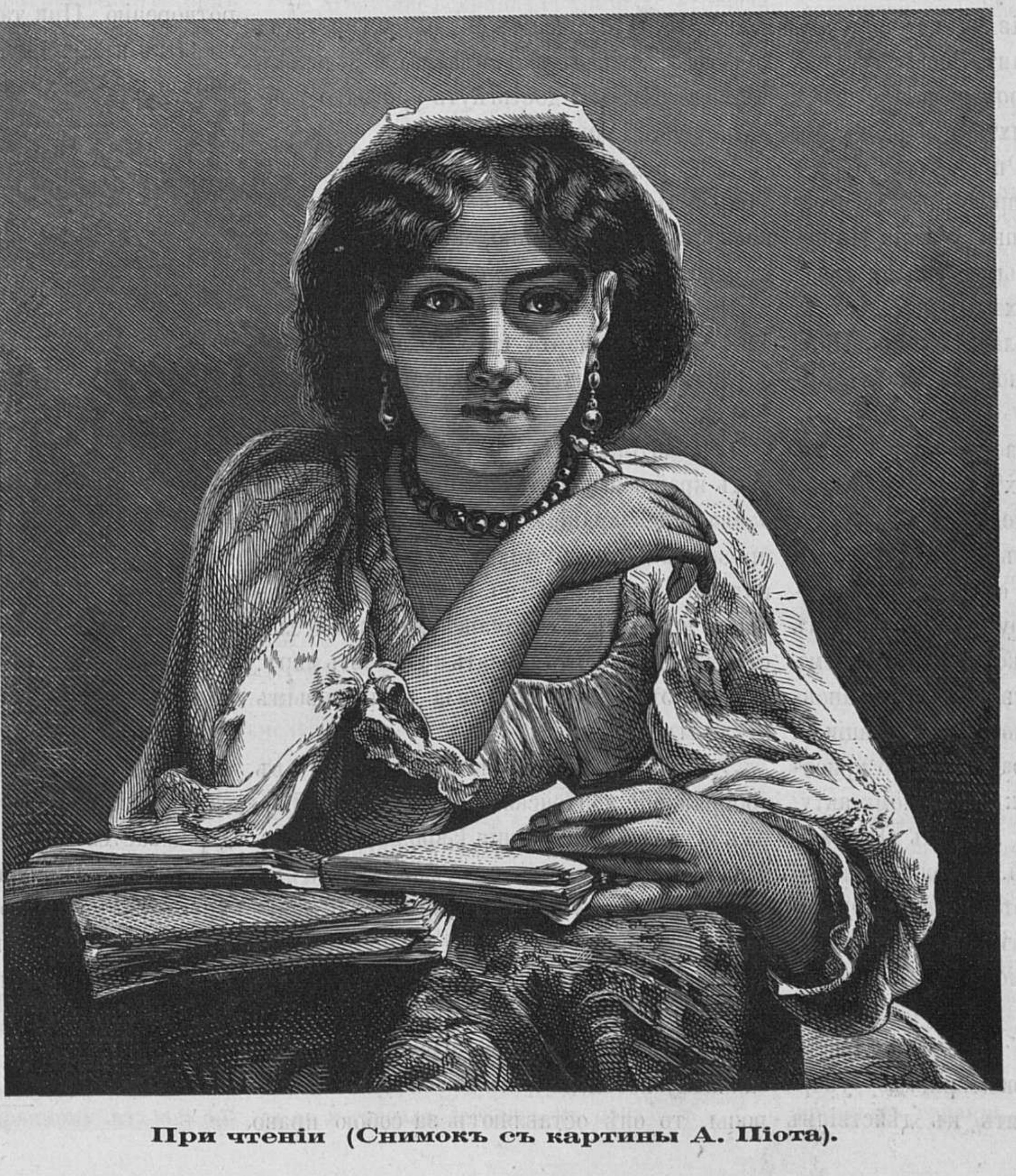
Въ одномъ изъ ближайшихъ нумеровъ начнется печатаніе **новаго романа Жюля Верна: „Черная Индія“**, и

«Полярная шведская экспедиція» проф. Норденскіольда, съ значительнымъ количествомъ рисунковъ Ріу. Первая часть: «Отъ Новой Земли до Енисея».—Вторая часть: «Возвращеніе чрезъ Карское море».—Третья часть: «Отъ Хиксонъ-Галена до Стокгольма чрезъ Сибирь».

Годовая подписная цѣна съ доставкою и пересылкою 7 руб., безъ пересылки и доставки 6 руб.

Главная контора журнала: въ Троицкомъ переулкѣ д. № $^{27}/_{1}$.

Подписка продолжается. Новые подписчики получаютъ журналъ съ перваго нумера.



При чтеніи (Снимокъ съ картины А. Піота).

Контора „Живописнаго Обозрѣнія“ приглашаетъ гг. подписавшихся на журналъ съ разсрочкою — выслать въ концѣ сего апрѣля, слѣдуемыя деньги, согласно условіямъ подписки, во избѣжаніе замедленія, могущаго произойти при дальнѣйшей высылкѣ имъ нумеровъ журнала.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ
ВСЕРОССІЙСКІЙ,
ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ
и проч. и проч. и проч.

Всѣмъ Нашимъ любезнымъ вѣрноподданнымъ извѣстно то живое участіе, которое Мы всегда принимали въ судьбахъ угнетеннаго Христіанскаго населенія Турціи. Желаніе улучшить и обезпечить положеніе его раздѣлялъ съ Нами и весь Русскій народъ, нынѣ выражающій готовность свою на новыя жертвы для облегченія участи Христіанъ Балканскаго Полуострова.

Кровь и достояніе Нашихъ вѣрноподданныхъ были всегда Намъ дороги; все Царствованіе Наше свидѣтельствуетъ о постоянной заботливости Нашей сохранить Россіи благословенія мира. Эта заботливость оставалась Намъ присуща въ виду печальныхъ событій, совершавшихся въ Герцеговинѣ, Босніи и Болгаріи. Мы первоначально поставили Себѣ цѣлью достигнуть улучшеній въ положеніи Восточныхъ Христіанъ путемъ мирныхъ переговоровъ и соглашенія съ союзными дружественными Намъ великими Европейскими державами. Мы не переставали стремиться, въ продолженіе двухъ лѣтъ, къ тому, чтобы склонить Порту къ преобразованіямъ, которыя могли бы оградить Христіанъ Босніи, Герцеговины и Болгаріи отъ произвола мѣстныхъ властей. Совершеніе этихъ преобразованій всецѣло вытекало изъ прежнихъ обязательствъ, торжественно принятыхъ Портою предъ лицемъ всей Европы. Усилія Наши, поддержанныя совокупными дипломатическими настояніями другихъ Правительствъ, не привели, однако, къ желаемой цѣли. Порта оставалась непреклонною въ своемъ рѣшительномъ отказѣ отъ всякаго дѣйствительнаго обезпеченія безопасности своихъ Христіанскихъ подданныхъ и отвергла постановленія Константинопольской Конференціи. Желая испытать, для убѣжденія Порты, всѣ возможные способы соглашенія, Мы предложили другимъ кабинетамъ составить особый Протоколъ, со внесеніемъ въ оный самыхъ существенныхъ постановленій Константинопольской Конференціи, и пригласить Турецкое Правительство присоединиться къ этому международному акту, выражающему крайній предѣлъ Нашихъ миролюбивыхъ настояній. Но ожиданія Наши не оправдались: Порта не вняла единодушному желанію Христіанской Европы и не присоединилась къ изложеннымъ въ Протоколѣ заключеніямъ.

Исчерпавъ до конца миролюбіе Наше, Мы вынуждены высокомѣрнымъ упорствомъ Порты приступить къ дѣйствіямъ болѣе рѣшительнымъ. Того требуютъ и чувство справедливости и чувство Собственнаго Нашего достоинства. Турція, отказомъ своимъ, поставляетъ Насъ въ необходимость обратиться къ силѣ оружія. Глубоко проникнутые убѣжденіемъ въ правотѣ Нашего дѣла, Мы, въ смиренномъ уповаціи на помощь и милосердіе Всевышняго, объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ, что наступило время, предусмотрѣнное въ тѣхъ Словахъ Нашихъ, на которыя единодушно отозвалась вся Россія. Мы выразили намѣреніе дѣйствовать самостоятельно, когда Мы сочтемъ это нужнымъ и честь Россіи того потребуетъ. Нынѣ, призывая благословеніе Божіе на доблестныя войска Наши, Мы повелѣли имъ вступить въ предѣлы Турціи,

Данъ въ Кишеневѣ, Апрѣля 12-го дня, лѣта отъ Рождества Христова въ тысяча восемьсотъ семьдесятъ седьмое, Царствованія же Нашего въ двадесять третье.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„АЛЕКСАНДРЪ“.

Циркуляръ государственнаго канцлера россійскимъ посламъ въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Парижѣ, Лондонѣ и Римѣ, отъ 7-го апрѣля 1877 года.

Императорскій Кабинетъ тщетно исчерпывалъ, съ самаго начала восточнаго кризиса, всѣ имѣвшіяся въ его власти средства для того, чтобы при содѣйствіи великихъ державъ Европы достигнуть прочнаго умиротворенія Турціи.

Всѣ предложенія, послѣдовательно сдѣланныя Портѣ, по установившемуся между кабинетами соглашенію, встрѣтили съ ея стороны непреодолимое сопротивленіе.

Протоколъ, подписанный въ Лондонѣ 19-го (31-го) марта сего года, былъ послѣднимъ выраженіемъ совокупной воли Европы.

Императорскій Кабинетъ предложилъ его, какъ крайнюю попытку къ примиренію. Онъ заявилъ декларацією отъ того же числа, сопровождавшею протоколъ, такія условія, которыя, будучи честно и искренне приняты и исполнены оттоманскимъ правительствомъ, могли возстановить и упрочить миръ. На все это Порта отвѣтила нынѣ новымъ отказомъ.

Это обстоятельство не было принято въ соображеніе лондонскимъ протоколомъ. Выражая желанія и рѣшенія Европы, онъ ограничился постановленіемъ условія, что въ случаѣ, если бы великія державы обманулись въ надеждѣ на энергическое выполненіе со стороны Порты мѣръ, долженствовавшихъ повести къ улучшенію положенія христіанскаго населенія, единодушно признанному необходимымъ для спокойствія Европы, то онѣ оставляютъ за собою право совмѣстно обсудить средства, которыя признаютъ наиболѣе удобными для обезпеченія благосостоянія этого населенія и сохраненія общаго мира.

Такимъ образомъ, кабинеты предусматривали случай невыполненія Портою обѣщаній, которыя она могла бы дать, но не предвидѣла случая отказа ея на требованія Европы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ декларація, сдѣланная лордомъ Дерби вслѣдъ за подписаніемъ протокола, заявляла, что такъ какъ правительство ея величества королевы согласилось на подписаніе сего акта только въ видахъ обезпеченія общаго мира, то слѣдовало разумѣть, что протоколъ долженъ считаться недѣйствительнымъ и неимѣющимъ значенія въ томъ случаѣ, если бы предположенная цѣль — а именно совмѣстное разоруженіе и сохраненіе мира между Россіею и Турціею — не была бы достигнута.

Отказъ Порты и побужденія, на которыхъ онъ основанъ, не оставляютъ никакой надежды на то, что она приметъ въ уваженіе желанія и совѣты Европы, и не даютъ никакого ручательства въ томъ, что предложенныя для улучшенія участи христіанскаго населенія реформы будутъ введены; они дѣлаютъ невозможными миръ съ Черногоріею и выполненіе условій, которыя могли бы привести къ разоруженію и умиротворенію. При такихъ обстоятельствахъ, попытки къ примиренію теряютъ всякую вѣроятность успѣха, и остается одно изъ двухъ — или допустить продолженіе положенія дѣлъ, признаннаго державами несовмѣстнымъ съ ихъ интересами и съ интересами Европы вообще, или же попытаться достигнуть путемъ понужденія того, чего единодушныя усилія кабинетовъ не успѣли получить отъ Порты путемъ убѣжденія.

Нашъ Августѣйшій Монархъ рѣшилъ принять на Себя совершеніе дѣла, къ выполненію котораго, вмѣстѣ съ Нимъ, Онъ приглашалъ великія державы.

Онъ далъ Своимъ войскамъ повелѣніе перейти границу Турціи.

Благоволите довести объ этомъ рѣшеніи до свѣдѣнія того правительства, при которомъ вы аккредитованы.

Возлагая на Себя это бремя, нашъ Августѣйшій Монархъ выполняетъ тѣмъ самымъ долгъ, налагаемый на Него интересами Россіи, мирное развитіе которой задерживается постоянными смутами на востокѣ. Его Императорское Величество сохраняетъ увѣренность, что съ тѣмъ вмѣстѣ Онъ дѣйствуетъ соотвѣтственно чувствамъ и интересамъ Европы.

Примите и проч.

(Подписано:) Горчаковъ.

Телеграммы „Правительственнаго Вѣстника“.

Кишиневъ, 11-го апрѣля. Въ 9 час. утра, въ Тирасполѣ, Его Величество изволилъ смотрѣть части восьмого корпуса, а именно 9-ю пѣхотную дивизію и первую бригаду 32-й пѣхотной дивизіи, съ ихъ артиллеріею; по окончаніи смотра Государь Императоръ въ Своемъ напутственномъ словѣ, между прочимъ, изволилъ сказать: «Мнѣ жаль было пускать васъ въ дѣло, и потому Я медлилъ, доколѣ было возможно; Мнѣ жаль было проливать вашу дорогую для Меня кровь; но разъ что честь Россіи затронута, Я убѣжденъ, Мы всѣ до послѣдняго человѣка съумѣемъ постоять за нее. Съ Богомъ! Желаю вамъ полнаго успѣха. До свиданія».

Кишиневъ, 12-го апрѣля. Его Величество Государь Императоръ, вчера въ 5 часовъ по полудни, изволилъ прибыть на станцію Унгены, гдѣ былъ встрѣченъ митрополитомъ молдавскимъ въ полномъ облаченіи, въ сопровожденіи румынскаго духовенства, а также депутаціею ясскихъ гражданъ, съ ясскимъ префектомъ во главѣ. Митрополитъ произнесъ привѣтственное слово, на которое Его Величество отвѣчалъ, что, поручая Себя и русское воинство святымъ молитвамъ православнаго духовенства, Онъ надѣется встрѣтить въ румынскомъ народѣ дружественныя чувства. Смотръ 6-го сапернаго и 3-го желѣзнодорожнаго батальоновъ, 12-й пѣхотной и 8-й кавалерійской дивизій, съ ихъ артиллеріею, состоялся въ началѣ 6-го часа на пограничномъ полѣ близь рѣки Прута. Не смотря на самую неблагопріятную погоду, войска представились въ блистательномъ порядкѣ. Смыслъ напутственныхъ словъ Государя Императора былъ таковъ же, какъ и на предшествовавшихъ смотрахъ. Восторгъ войскъ безпредѣленъ, неудержимъ; народъ русскій и румынскій, пришедшій изъ-за Прута, привѣтствовлаъ Его Величество съ громкимъ восторгомъ. По окончаніи смотра коляску Государя Императора сопровождала громадная толпа конныхъ офицеровъ всѣхъ родовъ оружія, при несмолкаемыхъ кликахъ войска и народа. Выходя изъ экипажа на станціи, Государь, въ послѣдній разъ обратясь къ офицерамъ, сказалъ: «Храни васъ Богъ. Поддержите честь русскаго оружія». Въ началѣ двѣнадцатаго часа Его Величество прибылъ въ Кишиневъ и былъ встрѣченъ на станціи городскою депутаціею съ хлѣбомъ-солью. Пребываніе Государя Императора въ губернаторскомъ домѣ. Городъ иллюминованъ. Общій восторгъ народа.

Съ розою въ волосахъ.

Не смотря на ветхую мебель, старый и совсѣмъ вылинявшій коверъ и на неопрятныя дѣтскія кроватки, разставленныя по угламъ, классная Тоуеръ Гоуза представляла собою уютный уголокъ; такимъ она дѣйствительно казалась маленькому собранному въ ней обществу. Былъ холодный январьскій вечеръ; въ классной былъ разведенъ въ старинномъ каминѣ огонь, ярко освѣщавшій чайный приборъ, стоящій на столѣ. Передъ каминомъ висѣлъ мѣдный котелокъ, мелодично посвистывающій, а на коврѣ передъ каминомъ лежалъ и ворчалъ великолѣпный персидскій котъ. Мебель въ комнатѣ была разнокалиберная; въ ней не было даже двухъ одинаковыхъ стульевъ, и вся она была старинная, болѣе или менѣе разломанная.

Вѣтеръ жалобно завывалъ и раскачивалъ голыя деревья, растущія вокругъ дома; дождь бился о стекла оконъ и заставлялъ вздрагивать худого, слабенькаго, восьмилѣтняго мальчика, сидѣвшаго на колѣняхъ молодой дамы, расположившейся предъ каминомъ. Кромѣ нихъ были еще въ комнатѣ двѣ дѣвочки: имъ можно было дать—одной одиннадцать, а другой тринадцать лѣтъ; одна изъ нихъ лежала на коврѣ и играла съ котомъ, а другая развалилась въ ивовомъ креслѣ.

— Повѣсть про Уну и Льва (Una and the Lion) очень занимательна, но разскажите мнѣ лучше, миссъ Лестеръ, про «Принца Петтитосъ и принцессу Перлину», пропищалъ болѣзненный мальчикъ.

— Хорошо Берти; я разскажу тебѣ послѣ чая, теперь не успѣю.

— Вотъ жалость! замѣтила Кэти. Мнѣ послѣ чая нужно будетъ учить глаголы, и я вѣроятно буду прислушиваться къ разсказу.

— Заткни уши, сказала Сибиль. Конечно, прибавила она, прислушиваясь къ стуку проѣзжающихъ каретъ, мама и Мабель никуда не поѣдутъ сегодня вечеромъ въ такую ужасную погоду.

— Развѣ ты не знаешь, сказала Кэти, что они ѣдутъ на обѣдъ въ Уичское аббатство, а оттуда на вечеръ къ г-жѣ Далласъ?

— Бѣдныя! вскрикнула Сибиль, отбрасывая назадъ прядь темнокаштановыхъ волосъ и открывая оживленное, открытое лицо. Я бы на ихъ мѣстѣ осталась преспокойно дома и разсказывала бы повѣсти. Намъ вѣдь отлично дома, миссъ Лестеръ, неправда-ли?

— Меня радуетъ, что ты такого мнѣнія.

— Что же касается до меня, Сибиль, то я не раздѣляю твоихъ мыслей, сказала Кэти, лаская кота. Мнѣ очень хочется выѣзжать на вечера, на обѣды и имѣть такіе же прекрасные наряды, какъ у Мабель. Миссъ Лестеръ, видѣли-ли вы то платье, которое Мабель надѣнетъ сегодня вечеромъ?

— Послушай, Кэти! я бы желала чтобы ты не слишкомъ много думала объ этихъ вещахъ.

— Но, миссъ Лестеръ, оно такое прелестное! воскликнула она оживленнымъ голосомъ и причмокнула языкомъ.

— А что, оно очень пріятное на вкусъ? замѣтила иронически Сибиль.

— Совсѣмъ не остроумно! Платье сдѣлано все изъ маленькихъ складочекъ crepe lisse, чехолъ бѣлый шелковый и все отдѣлано блѣднорозовыми розами; оно, въ самомъ дѣлѣ, восхитительное! И Кэти потерла себѣ руки отъ удовольствія.

— Заранѣе предчувствую, что вы не выучите глаголы, замѣтила хладнокровно гувернантка,—Кэти, мнѣ серьезно не нравится, что тебя такъ интересуютъ наряды.

Кэти вскочила на ноги; она, какъ и всѣ живыя дѣти, не переносила выговоровъ и была такъ самолюбива, что непремѣнно желала, чтобы всѣ были хорошаго о ней мнѣнія. Она подбѣжала къ миссъ Лестеръ, обняла ее и сказала, ласкаясь къ ней:

— Ну, не сердитесь на меня! я обѣщаю вамъ, что скоро выучу глаголы.

Въ это самое время дверь классной отворилась и вошла горничная, держа въ рукахъ большую корзину, полную тепличныхъ цвѣтовъ. Между ними были розы, гераніумы, самая разнообразная зелень. Поставивши корзину на столъ, горничная принялась зажигать лампу и сказала:

— Барыня проситъ васъ, миссъ Лестеръ, сдѣлать два букета для нее и для миссъ Вайнеръ. Томъ уѣхалъ въ Сомерсъ-Гоузъ и некому сдѣлать букетовъ.

Эвериль Лестеръ вспыхнула, но сказала:

— Оставьте здѣсь цвѣты, Жанна, и скажите барынѣ, что я сдѣлаю букеты.

Дѣти окружили ее; она охотно сдѣлала бы букеты, если бы миссисъ или миссъ Вайнеръ попросили ее объ этомъ; но ей не понравилась манера, съ какою было передано ихъ желаніе.

Она въ самомъ непродолжительномъ времени составила два прекрасныхъ букета, на которыхъ лежалъ отпечатокъ изящности.

Эвериль Лестеръ сама была похожа на цвѣтокъ. Ея маленькая, выточенная фигурка тонко обрисовывалась въ туго обхватывавшемъ черномъ платьѣ; вокругъ шеи и рукъ виднѣлись бѣлоснѣжные воротничекъ и рукавчики. У нее былъ египетскій типъ лица,—маленькое и овальное, съ богатою смуглою кожею; румянецъ пробивался на щекахъ и губы были алыя. Миндалевидные, голубосѣрые глаза съ длинными рѣсницами были всегда оживлены и обнаруживали страстный и гордый темпераментъ. Мягкіе шелковистые волоса были зачесаны вверхъ и закручены на затылкѣ на подобіе узла; на лобъ и шею выбивались короткіе локончики, придававшіе ей дѣтское выраженіе лица. Такова была 19 лѣтняя Эвериль Лестеръ, занимавшая должность гувернатки при дѣтяхъ Джозаія Вайнеръ, бывшаго прежде купцомъ въ Ливерпулѣ, а теперь переселившагося въ Тауеръ Гоузъ, въ Ломширѣ.

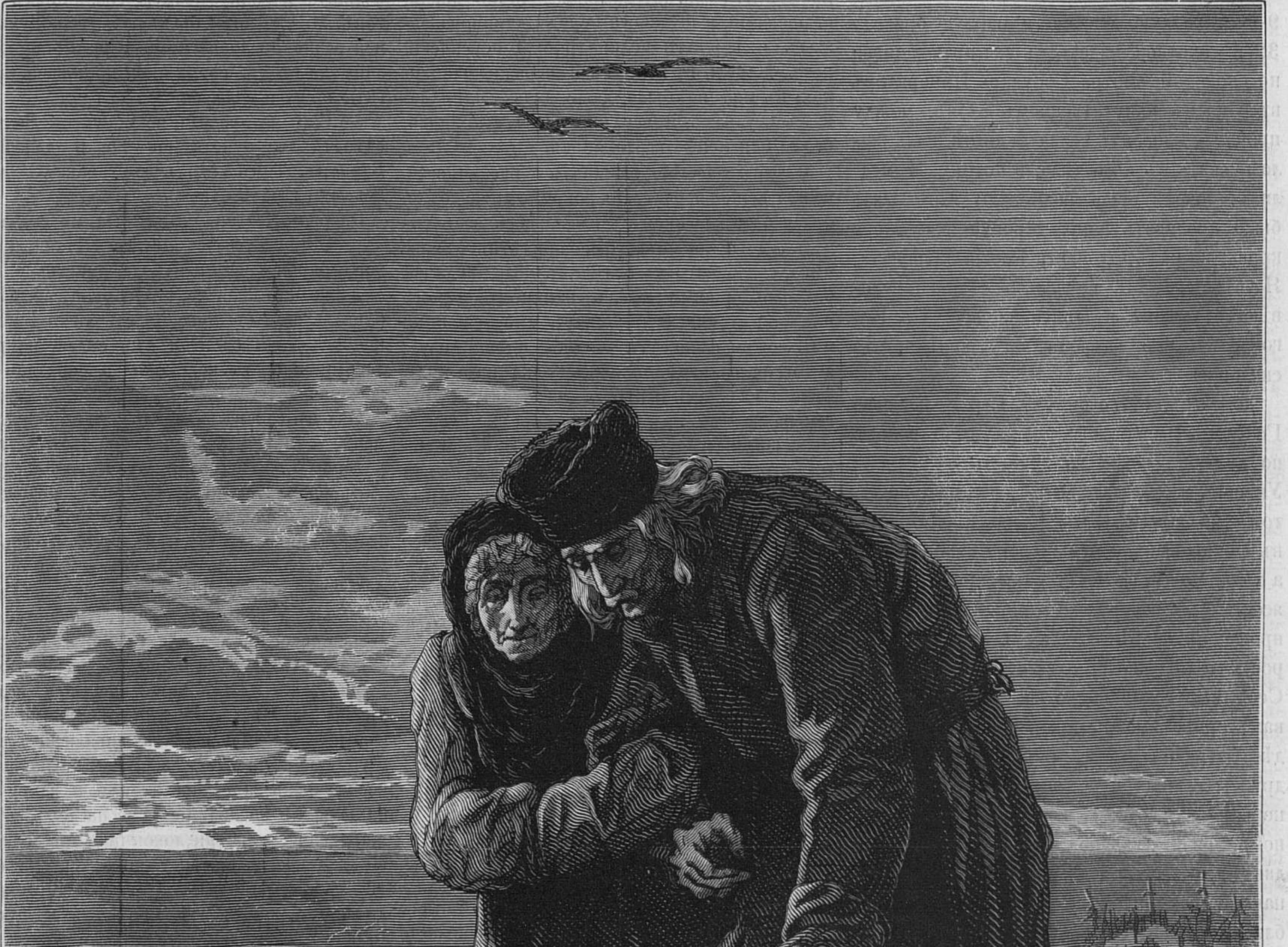
Она только что окончила букеты, какъ послышался въ коридорѣ шелестъ платьевъ; и чрезъ нѣсколько минутъ съ шумомъ отворившаяся дверь говорила о появленіи болѣе важныхъ особъ, чѣмъ Жанна. Дверь широко растворилась и на порогѣ классной показалась г-жа Джозаія Вайнеръ, владѣлица Тауеръ Гоуза. Это была высокая, среднихъ лѣтъ женщина съ грубыми манерами, богато, но безвкусно одѣтая. За ней вошла старшая дочь, Мабель, и обѣ подошли къ столу, за которымъ сидѣла Эвериль, взяли безъ церемоніи букеты въ руки и критически осматривали ихъ.

Мабель была красивая дѣвушка, съ гордой осанкою, голубыми глазами и золотистыми волосами. Она съ презрительною улыбкою осматривала изящные букеты, (какихъ она не въ состояніи была бы сама сдѣлать) и, поднявши брови, сказала:

— Мама, ни одинъ изъ этихъ букетовъ, конечно, не предназначается для меня.

— Почему ты такъ думаешь? спросила мать. Они, конечно, продолжала она, не поблагодаривши даже Эвериль за трудъ, не такъ искусно сдѣланы, какъ если бы составлялъ ихъ Томъ; но мы по неволѣ должны и эти взять.

— Сдѣлайте мнѣ другой букетъ, сказала Мабель, обращаясь къ Эвериль. Вы должны были знать, что платье у меня будетъ бѣлое съ блѣднорозовой отдѣлкой; а вы сдуру сдѣлали мнѣ букетъ изъ ярко-пунцовыхъ розъ и красныхъ гераній. Если нѣтъ розовыхъ цвѣ-


1876
Andriolli
A. REGULSKI SC.

На закатѣ.

товъ, то сдѣлайте мнѣ букетъ изъ однихъ бѣлыхъ.

Мабель Вайнеръ постоянно оскорбляла такимъ образомъ гувернантку младшихъ своихъ сестеръ. Глаза гордой Эверили заискрились, и она съ достоинствомъ встала и сказала:

— Прошу извинить, миссъ Вайнеръ, но я не совсѣмъ хорошо понимаю, что̀ вы хотѣли сказать, говоря, что я должна была знать, какое вы надѣнете платье; я не ваша горничная. Желая услужить вамъ, я сдѣлала эти букеты, если же не угодила вамъ, то сдѣлайте себѣ сами букетъ, сообразуясь съ собственнымъ вкусомъ.

Наступило молчаніе. Меньшія сестры, не любившія старшей, холодной сестры, и не слишкомъ привязанныя къ вспыльчивой, надменной матери, приняли инстинктивно сторону доброй, милой Эвериль, на которую они смотрѣли, какъ на гувернантку и подругу.

— Мама, гувернантка, кажется, отказывается исполнить мое желаніе? замѣтила Мабель съ надменною улыбкою.

— Миссъ Лестеръ, проговорила миссисъ Вайнеръ, вы серьёзно хотите ослушаться миссъ Вайнеръ?

— Совершенно серьёзно, отвѣтила спокойно Эвериль, дѣлая страшное усиліе надъ собою, чтобы выдержать характеръ и казаться спокойною.

Эти двѣ безчувственныя, грубыя женщины позволяли себѣ всевозможныя оскорбленія по отношенію къ беззащитной дѣвушкѣ, главная вина которой состояла въ томъ, что она была хорошенькая и всеобщая любимица.

— Какъ? разразилась взбѣшенная мать, вы, гувернантка, не много больше старшей горничной, смѣете ослушиваться приказаній миссъ Вайнеръ!

— Могу только пожалѣть о томъ, что вы высказали подобное мнѣніе въ присутствіи моихъ воспитанниковъ, съ достоинствомъ замѣтила Эвериль. Послѣ этого вы не можете требовать, чтобы они относились ко мнѣ съ уваженіемъ.

— Мама, намъ пора ѣхать! замѣтила Мабель. Мы опоздаемъ къ обѣду, если станемъ выслушивать замѣчанія гувернантки. Я возьму этотъ букетъ; и ни за что не позволю, чтобы его передѣлали. Дѣвицы Гоуардъ непремѣнно замѣтятъ этотъ контрастъ, я имъ разскажу эту сцену; вотъ-то будутъ смѣяться! Пойдемъ, мама; и сказавши это, Мабель, вышла изъ комнаты.

— Намѣрены-ли вы извиниться передъ миссъ Вайнеръ и мною? сказала миссисъ Вайнеръ, постоянно дѣлавшая ошибки въ грамматикѣ. Я вамъ даю на размышленіе срокъ до завтрашняго утра. Если вы не захотите извиниться, то вы должны будете оставить мой домъ на этой недѣлѣ, и отказаться отъ всего жалованья за четверть года. Я вправѣ не заплатить вамъ его, такъ какъ вы оставляете это мѣсто вслѣдствіе вашей дерзости; я требую, чтобы дѣти легли сегодня въ половинѣ девятаго. Они вчера такъ поздно возвратились съ дѣтской вечеринки, и я хочу, чтобы они сегодня пораньше легли. Спокойной ночи, милые мои! Простившись поочередно съ каждымъ изъ дѣтей, которыя машинально подходили къ матери, миссисъ Вайнеръ вышла изъ комнаты.

Эвериль Лестеръ не трогалась съ мѣста; глаза ея горѣли, а хорошенькій красный ротикъ судорожно подергивался. Дѣти обступили ее, и на ихъ лицахъ виднѣлось полное сочувствіе. Сибиль первая подошла къ гувернанткѣ, нѣжно поцѣловала ее и сказала:

— Милая миссъ Лестеръ, не обращайте вниманія на эту старую дѣву, Мабель. Что же касается до мама, то ей самой должно быть стыдно за такое обращеніе съ вами.

— Сибиль, замѣтила внушительно Эвериль, вы не должны такъ говорить о вашей матери и сестрѣ. Вамъ нѣтъ дѣла до того, какъ онѣ со мною обращаются, но вы должны быть почтительны.

— Право, миссъ Лестеръ, продолжала милая дѣвочка; я не могу равнодушно слышать, какъ они говорятъ съ вами. Вы благородная особа. Я слышала это отъ Гарри Герста; онъ говорилъ еще, что былъ знакомъ съ вашими родителями, что отецъ вашъ былъ пасторомъ, а мать—благородной дамой. Ну, не сердитесь же на меня, проговорила она, замѣтя на лицѣ Эвериль недовольное выраженіе.

— Если вы хотите, чтобы я была довольна вами, не говорите такъ. Пора чай пить!

Эвериль сдѣлала видъ за чаемъ, что забыла только что нанесенныя ей оскорбленія. Она была слишкомъ справедлива, чтобы вымещать на дѣтяхъ неудовольствіе противъ матери и сестры. Кэти получила позволеніе не учить послѣ чая французскихъ глаголовъ, и всѣ усѣлись возлѣ камина и Эвериль разсказала имъ обѣщанную повѣсть.

Берти страстно любилъ цвѣты; (говорятъ, что почти всѣ болѣзненныя дѣти чувствуютъ къ нимъ страсть) собралъ оставшіеся цвѣты, послужившіе поводомъ къ вспышкѣ, и держалъ ихъ въ рукахъ. Когда Эвериль окончила разсказывать свою повѣсть, Берти влѣзъ къ ней на колѣни и торжественно по дѣтски проговорилъ:

— Миссъ Лестеръ! За то, что вы намъ разсказали такую занимательную повѣсть, я воткну вамъ въ волосы одну розу; и говоря это, воткнулъ розу въ ея черные шелковистые волосы.

Она улыбнулась, но не вынула цвѣтка. Горничная явилась напомнить, что пора дѣтямъ ложиться спать. Они повиновались, но нехотя, и пожелавъ Эвериль спокойной ночи, ушли.

Эвериль цѣлый день просидѣла въ классной, такъ что ей захотѣлось перейти куда нибудь въ другую комнату. Она чувствовала нѣкоторую усталость. Она знала, что г. и г-жа Вайнеръ съ дочерью уѣхали изъ дому; и потому спустилась въ гостинную, «съ розою въ волосахъ».

Гостинная, какъ Эвериль того ожидала, оказалась пустою. Это была низкая комната въ средневѣковомъ стилѣ; въ ней помѣщался огромный каминъ въ видѣ шкафа. По сторонамъ стояли двѣ бронзовыя собаки, а передъ каминомъ лежалъ пушистый коверъ. На столикѣ, въ углу, стояла зажженная лампа, бросавшая слабый свѣтъ въ комнату.

Эвериль придвинула къ камину низкое кресло, размѣшала почти потухавшіе уголья и задумалась. Она перенеслась въ уютное свѣтлое жилище въ сѣверныхъ кварталахъ Лондона, въ которомъ жила блѣдная, чахоточная дѣвушка и красивая, пожилая женщина—мать и сестра Эвериль; ради нихъ, Эвериль переносила всѣ оскорбленія г-жи Вайнеръ и Мабель; она получала въ годъ сорокъ фунтовъ стерлинговъ, которые цѣликомъ почти отсылала матери и сестрѣ.

Припоминая послѣднюю сцену съ г-жей Вайнеръ, Эвериль едва удерживалась отъ слезъ. Гордость не позволяла ей долѣе выносить ежедневныя оскорбленія; но потомъ ей пришла въ голову сестра, Маржори, и всѣ удобства, которыя она могла имъ доставить, получая 40 ф. ст. жалованья. Она, какъ дѣвушка съ здравымъ смысломъ, рѣшилась обдумать обстоятельно этотъ вопросъ и взвѣсить всѣ обстоятельства. Г-жа Вайнеръ и Мабель постоянно оскорбляли ее, не стѣсняясь даже присутствіемъ постороннихъ;—большая часть посѣтителей была одного съ ними закала. Съ другой стороны, воспитанники ея занимались прилежно и сильно были къ ней привязаны; оставляя домъ г. Вайнеръ, безъ рекомендаціи, она рискуетъ не найти скоро мѣста,—а деньги такъ были нужны слабой сестрѣ и матери-вдовѣ, жившимъ въ предмѣстьяхъ Лондона.

Положеніе ея было невыносимо; молодые годы ея проходили безслѣдно, пройдутъ и не оставятъ по себѣ никакого утѣшительнаго радостнаго воспоминанія. Эвериль Лестеръ долго колебалась и наконецъ рѣшилась отказаться отъ мѣста.

Какіе у васъ великолѣпные цвѣты! Какой нѣжный запахъ гераній! и съ какимъ вкусомъ составленъ букетъ! говорилъ Гарри Герстъ лишь бы сказать что нибудь несносной Мабель Вайнеръ въ тягостное время передъ обѣдомъ.

— Вы очень любезны, отвѣтила та съ радостною улыбкою,—не забывайте, что Гарри Герстъ, владѣлецъ Герстфильда, былъ красивый молодой человѣкъ 27 лѣтъ, получавшій нѣсколько тысячъ годового дохода.

— Они въ самомъ дѣлѣ великолѣпны! увѣрялъ онъ, и наклонившись вдыхалъ ихъ запахъ; эти геранія расположенныя кружкомъ, такъ рѣзко отличаются отъ бѣлыхъ цвѣтовъ.

— Мабель, разскажи г. Герстъ про гувернантку! вскрикнула Клара Гоуардъ.

— Пожалуйста разскажите мнѣ про нее, миссъ Вайнеръ, сказалъ онъ равнодушнымъ голосомъ.

— Это такая нелѣпость, сказала она, презрительно смотря на букетъ, что трудно даже повѣрить. Я просила гувернантку сдѣлать мнѣ букетъ, и она принялась дѣлать его, не освѣдомившись о цвѣтѣ отдѣлки на моемъ платьѣ; по ея милости у меня блѣдно-розовая отдѣлка на платьѣ и красныя геранія въ рукахъ.

— Это досадно! замѣтилъ Гарри Герстъ и какъ-то нѣжно посмотрѣлъ на цвѣты; Мабель вообразила, что этотъ взглядъ относится именно къ ея букету.

— Но это еще не все, ввернула Клара Гоуардъ. Мабель, разскажи конецъ.

— Пожалуйста разскажите мнѣ все до конца, миссъ Вайнеръ, меня такъ интересуютъ ваши цвѣты; онъ взялъ букетъ и началъ втягивать въ себя запахъ.

— Я захотѣла, чтобы она сдѣлала мнѣ другой букетъ, продолжала Мабель; но представьте себѣ, она на отрѣзъ отказалась. Когда мама начала выговаривать ей за ея дерзость, она осмѣлилась высказать, что требуетъ чтобы обращались съ ней съ уваженіемъ. Это такъ было забавно! Мабель засмѣялась.

— Чѣмъ же кончилось, спросилъ Гарри; собесѣдница была въ полномъ убѣжденіи, что онъ дѣйствительно интересуется разсказомъ.

Мама объявила ей, что если она не извинится завтра утромъ, то должна будетъ оставить нашъ домъ безъ рекомендаціи и мама удержитъ слѣдуемое ей за четверть года жалованье.

— Это невозможно терпѣть! неправда-ли г. Герстъ? спросила Клара.

— Конечно, поспѣшно отвѣтилъ г. Герстъ.

— Мабель, сказала Клара; правда ли это, что г. Морганъ, здѣшній викарій, влюбленъ въ вашу гувернантку.

— Скорѣе она въ него, замѣтила дурно воспитанная Мабель; когда мама объявила, что она ни подъ какимъ предлогомъ не желаетъ, чтобы викарій видѣлся съ гувернанткою, то она сдѣлала намъ цѣлую сцену.

Гарри Герстъ предложилъ нѣсколько минутъ спустя руку Мабель Вайнеръ, и повелъ ее въ столовую; послѣ обѣда онъ постарался незамѣтно оставить общество и поѣхалъ по направленію къ Тоуеръ Гоузъ.

Онъ остановился у воротъ, передалъ возжи кучеру, а самъ прошелъ въ домъ.

Два года тому назадъ, еще при жизни ея отца,—Гарри Герстъ познакомился съ Эверилъ Лестеръ въ домѣ общихъ ихъ знакомыхъ и влюбился въ нее; но прежде, чѣмъ онъ признался ей въ своемъ чувствѣ, она должна была ѣхать домой, такъ какъ отецъ ея умеръ, а онъ, по странному стеченію обстоятельствъ, долженъ былъ ѣхать на похороны своей матери. Общій знакомый уѣхалъ изъ этой мѣстности, такъ что онъ потерялъ изъ виду Эверилъ и встрѣтился съ нею только шесть мѣсяцевъ тому назадъ, увидѣвши ее тогда въ первый разъ въ церкви, на загороженной лавкѣ г-жи Вайнеръ.

Эверилъ также узнала Гарри Герстъ. Она часто вспоминала о красивомъ молодомъ человѣкѣ, къ которому такъ скоро привыкла. Но она была очень горда. Такъ какъ онъ не давалъ знать о себѣ, то она увѣрила себя, что въ его отношеніяхъ ничего не было серьёзнаго и вся отдалась своему дѣлу, думая, такимъ образомъ, подавить въ себѣ любовь. Гарри Герстъ рѣдко пріѣзжалъ въ Тоуеръ Гоузъ; и при встрѣчахъ она вела себя всегда очень сдержанно.

Подходя къ дому, Гарри Герстъ вспомнилъ послѣдній вечеръ, проведенный съ нею у общаго знакомаго; припоминалъ, что̀ помѣшало тогда признаться въ любви. Онъ помнилъ въ какомъ она была платьѣ; фигурка ея, въ черномъ туго обхватывавшемъ ее платьѣ «съ розою въ волосахъ» глубоко врѣзалась въ его памяти.

Разсказъ бездушной Мабель Вайнеръ страшно взволновалъ его. Намеки насчетъ Моргана подтвердили его подозрѣнія, что онъ очаровалъ Эверилъ. Любовь съ прежнею силою овладѣла имъ и онъ рѣшился не упустить случая сдѣлать ей предложеніе.

Гарри Герстъ до того погрузился въ размышленія, что едва не сбилъ съ ногъ человѣка, идущаго ему на встрѣчу.

— Вечеръ такой темный и вѣтеръ такъ завываетъ, что я не слышалъ шаговъ. Прошу извинить меня.

— Ничего, сэръ, это я, отвѣтилъ буфетчикъ, г. Вайнеръ. Господъ дома нѣтъ.

— Я это знаю, сказалъ Гарри, узнавши въ говорившемъ съ нимъ человѣкѣ, стараго отцовскаго служителя. Морганъ, ты мнѣ какъ разъ и нуженъ. Миссъ Лестеръ занята?

— Нѣтъ, сэръ; миссъ Лестеръ въ гостиной.

— Отвори мнѣ входную дверь, мнѣ нужно ее видѣть, она моя старая знакомая; говоря это, онъ всунулъ въ руку Моргана щедрый подарокъ.

Нѣсколько минутъ спустя, Гарри Герстъ входилъ безъ доклада въ гостинную, гдѣ сидѣла Эверилъ Лестеръ такъ точно одѣтая, какъ тогда «съ розою въ волосахъ».

— Г-жа Вайнеръ поѣхала на обѣдъ, сухо сказала она, послѣ первыхъ обычныхъ привѣтствій.

— Я это знаю, сказалъ онъ, смотря на нее.

Наступило неловкое молчаніе, которое Эверилъ прервала, сказавъ:

— Г. Вайнеръ и миссъ Вайнеръ также дома нѣтъ.

— И это мнѣ извѣстно, сказалъ онъ; я воспользовался ихъ отсутствіемъ, чтобы видѣться съ вами.

Опять молчаніе. Эверилъ не шевелясь сидѣла, пристально смотря на потухающіе уголья, но лицо, шея и уши ея раскраснѣлись. Потомъ, сдѣлавши усиліе надъ собою, она проговорила:

— Я очень рада видѣть васъ; вы дали мнѣ случай проститься съ вами; я, вѣроятно, завтра уѣду отсюда.

— Неужели? Что за причина, смѣю спросить?

— Я не въ силахъ переносить долѣе всѣхъ оскорбленій г-жи Вайнеръ и ея дочери, сказала она съ жаромъ. Беру небо въ свидѣтели, что я руководствуюсь приэтомъ не только эгоистическими побужденіями, я отъ души жалѣю, что придется отказать нѣкоторое время въ пособіи матери и сестрѣ. Но г-жа Вайнеръ обращается со мною даже жестоко. Эверилъ Лестеръ разразилась громкими рыданіями.

Гарри Герстъ сталъ передъ нею на колѣни, обнялъ рыдающую дѣвушку и началъ нашептывать ей «старую исторію».

Въ Тоуеръ-Гоузѣ сидѣли за завтракомъ. На Мабель Вайнеръ былъ надѣтъ прелестный нарядъ изъ темнаго и свѣтло-голубаго кашемира и шелковой матеріи; она улыбалась Гарри Герстъ, объясняя себѣ въ свою пользу его раннее посѣщеніе. Онъ казался разсѣяннымъ, но это не смущало Мабель.

Она разсказывала ему про гувернантку, не желавшую извиниться.

— Право, замѣтила г-жа Вайнеръ; дерзость этого класса людей невѣроятна. Я смотрю на васъ, какъ на своего человѣка и поэтому безъ церемоніи прочту вамъ письмо, которое она написала мнѣ сегодня; съ этими словами она достала письмо изъ кармана и прочла его:

Тоуеръ-Гоузъ. Вторникъ утромъ.

Мадамъ! Послѣ продолжительныхъ и разносторонних размышленій, я пришла къ заключенію, что должна оставить Тоуеръ-Гоузъ, во избѣжаніе дальнѣйшихъ непріятностей; я приведу свое рѣшеніе въ исполненіе въ 3 часа 30 минутъ.

Готовая къ услугамъ вашимъ
Эверилъ, Флоренція Лестеръ.

— Вотъ мы и избавимся отъ нея! сказала Мабель, обращаясь къ Гарри.

— Я стою на сторонѣ миссъ Лестеръ, лэди, продолжалъ Гарри, вставая; мнѣ надо сообщить вамъ, что миссъ Лестеръ сдѣлала мнѣ честь, согласившись быть моею женой, и, сказавъ это, онъ позвонилъ.

— Что вы хотите сказать? спросила Мабель съ удивленіемъ.

Вмѣсто немедленнаго отвѣта, Гарри обратился къ слугѣ, вошедшему на звонъ колокольчика, и сказалъ:

— Узнайте, пожалуйста, собралась ли миссъ Лестеръ? Скажите ей, прибавилъ онъ, смотря на часы, что экипажъ мой пріѣдетъ черезъ пять минутъ и отвезетъ ее на желѣзную дорогу.

Какъ разъ въ эту минуту вошла Эверилъ, одѣтая по дорожному. Гарри Герстъ взялъ ее за руку и представилъ ее слѣдующимъ образомъ двумъ пораженнымъ и растерявшимся женщинамъ.

— Я не былъ увѣренъ въ томъ, сдѣлаетъ ли мнѣ миссъ Лестеръ честь принять мое предложеніе; вотъ почему я не сообщилъ вамъ ранѣе своего намѣренія. Но, обратился онъ къ Мабель, вы мнѣ такъ чистосердечно разсказали вчера недостойное ваше обхожденіе съ Эверилъ, что я какъ только могъ, уѣхалъ отъ Гоуардовъ, пріѣхалъ сюда и сдѣлалъ предложеніе миссъ Лестеръ, прося ее быть моею женою; я намѣренъ былъ это сдѣлать еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, но обстоятельства помѣшали мнѣ; теперь mesdames, позвольте вамъ представить будущую владѣлицу Герстфильдъ! И затѣмъ Гарри Герстъ вышелъ изъ комнаты, уводя съ собою подъ руку дрожащую дѣвушку.

Прошло два года; въ Герстфильдѣ собрано веселое общество. Тамъ все старые друзья. Въ покойномъ креслѣ сидитъ передъ каминомъ больная сестра Эверилъ; напротивъ нея сидитъ ея мать; у красиваго Гарри Герстъ сидитъ на колѣняхъ тщедушный мальчикъ, Берти Вайнеръ; смерть и бѣдность застигли владѣтелей Тоуеръ-Гоузъ; гордая, дерзкая, одинокая Мабель Вайнеръ, послѣ смерти своихъ родителей, съ радостью заступила у Эверилъ такое же мѣсто, какое когда-то Эверилъ занимала у нихъ въ домѣ. Эверилъ взяла къ себѣ въ домъ бѣднаго маленькаго Берти и добрую Сибиль. Сибиль сдѣлалась красивою дѣвушкою; она предсѣдательствуетъ за чайнымъ столомъ; Эверилъ сидитъ около добраго, счастливаго своего мужа и, вмѣсто «розы въ волосахъ», держитъ на колѣняхъ здороваго ребенка, другую Эверилъ; мать каждый день возноситъ молитвы къ Всемогущему Творцу о томъ, чтобы Онъ послалъ маленькой Эверили такое же счастье, какое даровалъ ей.

Новая страна для охоты.

У насъ, въ Европѣ, истреблены въ настоящее время почти всѣ хищные звѣри; въ южной Африкѣ они значительно поуменьшились, но, тѣмъ не менѣе, есть одна страна, которая, по своему первобытному въ этомъ отношеніи виду, можетъ служить сильнымъ притягательнымъ средствомъ для теперешняго Нимврода. Эта страна принадлежитъ къ самымъ гористымъ, и менѣе всего изслѣдованнымъ мѣстностямъ земнаго шара, и заключаетъ въ себѣ Тибетское плоскогоріе.

Первымъ изъ проникнувшихъ, съ научною цѣлью, въ эту страну, охраняемую отъ вторженія европейцевъ какъ туземцами, такъ и самою природою — былъ русскій офицеръ, полковникъ Пржевальскій, проживавшій въ теченіе трехъ лѣтъ въ качествѣ изслѣдователя, зоолога и спортсмена въ неизвѣданныхъ, до того времени, степяхъ Монголіи и сѣвернаго Тибета, перешедшій два раза степь Гоби и проникнувшій въ глубину Азіи на 7000 миль. Мы не будемъ говорить здѣсь о томъ, на сколько, благодаря ему, увеличились наши географическія свѣдѣнія объ этой неизвѣстной странѣ, о богатой собранной имъ коллекціи растеній и животныхъ той мѣстности.—Многіе изъ этихъ экземпляровъ были даже незнакомы наукѣ — но замѣтимъ только вскользь, что его коллекція состоитъ изъ 5000 видовъ растеній, между коими сто совершенно новыхъ видовъ, изъ 37 большихъ и 90 экземпляровъ маленькихъ млекопитающихъ животныхъ, изъ 1000 птицъ, принадлежащихъ къ 300 видамъ, изъ 80 экземпляровъ рыбъ и пресмыкающихся и изъ 3,500 экземпляровъ насѣкомыхъ. Мы задались здѣсь, главнымъ образомъ, мыслію, обратить на эту страну вниманіе отважныхъ охотниковъ.

Дикій якъ, или тибетскій быкъ, заслуживаетъ, между хищными звѣрями сѣвернаго Тибета, особеннаго вниманія; полковникъ Пржевальскій описываетъ его необыкновенную красоту. Совершенно взрослый якъ самецъ имѣетъ въ длину 11 фут., не считая его пушистаго хвоста, имѣющаго 3 ф. длины. Линія отъ земли до лопатокъ имѣетъ 6 фут. вышины и онъ вѣситъ отъ десяти до шестнадцати центнеровъ. Его голова украшена огромными рогами отъ двухъ до трехъ футовъ длины и шестнадцати дюймовъ въ окружности основанія. Тѣло его покрыто длинными густыми черными волосами, образующими по бокамъ густую черную бахрому, едва не доходящую до земли. Самки или тибетскія коровы меньше, волосы у нихъ рѣже и рога болѣе легкіе. Якъ удивительно силенъ, но мозгъ его очень небольшой, вслѣдствіе чего умственныя способности его весьма мало развиты. Онъ обладаетъ самымъ тонкимъ обоняніемъ, чего нельзя сказать о зрѣніи и слухѣ. Самки, молодые бычки, и телята живутъ цѣлыми стадами и, подобно бизонамъ, сплачиваются для защиты молодыхъ яковъ отъ волковъ. Эти стада переходятъ большія пространства, отправляясь на поискъ пастбища; въ случаѣ угрожающей опасности, они составляютъ изъ себя фалангу, въ центрѣ которой помѣщаются телята, а взрослые яки отправляются на рекогносцировку. Старые быки не сопровождаютъ всего стада, но живутъ на опредѣленныхъ мѣстахъ; для отдыха они отъискиваютъ всегда самыя прохладныя мѣста, и спятъ большею частію на снѣгу между скалъ. Они страшно воюютъ между собою во время беременности самокъ; всѣ старые быки, убитые полковникомъ Пржевальскимъ носили на себѣ слѣды глубокихъ ранъ, полученныхъ во время междоусобныхъ войнъ.

Охота на дикихъ яковъ сопряжена съ большими затрудненіями и опасностями; раненый якъ нерѣдко нападаетъ на охотника — но, къ счастью для послѣдняго, весьма нерѣшительно и тѣмъ даетъ стрѣлку время мѣтко прицѣлиться. Полковнику Пржевальскому пришлось какъ-то разъ быть съ однимъ русскимъ товарищемъ и деньщикомъ-казакомъ на охотѣ, и они не переставали одинъ за другимъ стрѣлять въ стараго яка, который не трогался съ мѣста и оставался въ такомъ положеніи до наступленія темноты, когда охотники не могли уже различать предметовъ. На слѣдующее утро якъ былъ найденъ убитымъ, нашли въ его тѣлѣ тринадцать пуль, при чемъ и въ головѣ три. Мясо коровъ и молодыхъ бычковъ весьма вкусное; между тѣмъ какъ мясо старыхъ быковъ неимовѣрно жесткое. Самая красивая порода дикихъ яковъ живетъ въ наиболѣе гористыхъ мѣстностяхъ Тибета, и чтобы составить себѣ правильное понятіе объ этомъ животномъ, нужно его видѣть въ тѣхъ горахъ. Они живутъ огромными стадами, на возвышенныхъ плоскостяхъ, поднимающихся 1,500 ф. надъ уровнемъ моря, и окаймленныхъ скалистыми рифами; невольно задаешь себѣ вопросъ, чѣмъ они питаются на этихъ голыхъ возвышенностяхъ. Они появляются иногда на границахъ Сибири и попадаются въ горныхъ цѣпяхъ Канъ—су.

Другое замѣчательное животное, живущее на азіатскихъ плоскогоріяхъ, это—каменный баранъ (Asgali). Полковникъ Пржевальскій затрудняется, какому изъ этихъ двухъ животныхъ, яку или каменному барану, отдать предпочтеніе. Якъ, благодаря своему огромному росту, тяжеловѣснымъ рогамъ, длинной бахромѣ, пушистому хвосту, черному, какъ смоль, цвѣту волосъ, принадлежитъ къ самому красивому виду хищныхъ звѣрей; между тѣмъ какъ каменный баранъ, по своей граціи, по длиннымъ закругленнымъ рогамъ, бѣлоснѣжной груди и гордой осанкѣ, можетъ быть смѣло причисленъ къ самымъ благороднымъ животнымъ той мѣстности.

Бѣлогрудый каменный баранъ (ovis Poli) встрѣчается только въ сѣверномъ Тибетѣ. Онъ чаще всего попадается на самыхъ возвышенныхъ плоскогоріяхъ, осторожно обходитъ крутыя скалы, и часто пасется въ оврагахъ въ сообществѣ дикихъ ословъ и антилопъ. Это очень разумное и осторожное животное, не смотря на то, что за нимъ рѣдко охотятся туземные жители. Чаще попадается на среднеазіатскихъ плоскогоріяхъ обыновенная горная овца (oris argali); она живетъ въ самыхъ скалистыхъ мѣстностяхъ и спускается въ долины только весною, чтобы попастись на молодой травкѣ. У нихъ весьма развиты внѣшнія чувства, но онѣ уступаютъ въ разумности своимъ тибетскимъ соперникамъ. Дурно вооруженные монголы и китайцы, вслѣдствіе неумѣнія, не въ состояніи ихъ убивать и оставляютъ ихъ въ покоѣ. Къ нимъ легко можно подкрадываться; если одинъ изъ товарищей убитъ, то все стадо остается возлѣ убитаго, не обращая никакого вниманія на приближеніе охотника. Они скачутъ съ значительныхъ высотъ и всегда удерживаются на ногахъ. Полковникъ Пржевальскій опровергаетъ всѣ разсказы о томъ, что они скачутъ съ крутыхъ овраговъ и удерживаются на ногахъ.

Для естествоиспытателя — любителя спорта, гораздо привлекательнѣе охотиться за дикими верблюдами, изобилующими въ сѣверо-восточномъ Тцайдамѣ (Tsaidam); страна эта до того безплодна и безводна, что верблюды отправляются на водопой за семьдесятъ миль. Еще давно было извѣстно существованіе этихъ рѣдкихъ звѣрей, но европейскіе зоологи не довѣряли разсказамъ о нихъ; хотя полковникъ Пржевальскій не могъ, по недостатку средствъ, проникнуть въ эту страну, но получилъ такія точныя свѣдѣнія объ этомъ животномъ, что нельзя даже сомнѣваться въ существованіи такой разновидности, никогда еще не попадавшей въ человѣческія руки. Въ тцайдамской степи охотятся за ними ради нѣжнаго ихъ мяса и тонкой шерсти; эти верблюды, если вѣрить разсказамъ туземныхъ жителей, меньше и стройнѣе ручного верблюда, горбъ у нихъ меньше и морды болѣе заострены. Они очень дальнозоркіе и чутье ихъ очень развито, но вблизи они съ трудомъ различаютъ предметъ. Но что эти верблюды не происходятъ отъ одичалыхъ ручныхъ верлюдовъ, видно изъ того, что послѣдніе сами по себѣ не могутъ производить на свѣтъ дѣтенышей; притомъ, новорожденный верблюдъ—одно изъ самыхъ безпомощныхъ животныхъ; его приходится поднимать и подносить подъ соски самки.

Говорятъ, что здѣсь т. е. въ восточномъ Тцайдамѣ, можно иногда встрѣтить табуны дикихъ лошадей, но они чаще попадаются въ Лобъ-Норѣ. Они переходятъ съ мѣста на мѣсто большими табунами, очень трусливы, и если ихъ напугать, то бросаются бѣжать и бѣгутъ не останавливаясь въ теченіе нѣсколькихъ дней, и, по прошествіи двухъ или трехъ лѣтъ, возвращаются на то мѣсто. Охота на нихъ сопряжена съ большими затрудненіями, вслѣдствіе чего монголы и китайцы никогда ихъ не преслѣдуютъ. Онѣ обыкновенно гнѣдой масти, съ чернымъ хвостомъ и длинными, почти доходящими до земли, гривами.

Въ этой странѣ обращаетъ на себя еще вниманіе куланъ или дикій оселъ, попадающійся на сѣверномъ Тибетѣ и Тцайдамѣ, и въ большомъ количествѣ въ степяхъ Коко-норъ. Куланъ по величинѣ и внѣшнему виду очень похожъ на мула. Они обыкновенно живутъ обществами отъ десяти и пятидесяти, но иногда попадаются, около Коко-нора, стада, состоящія изъ нѣсколькихъ сотенъ. Въ главѣ нѣсколькихъ кобылъ идетъ жеребецъ; размѣры же свиты зависятъ отъ возраста, силы и храбрости жеребца. У нихъ зрѣніе и слухъ очень развиты, ихъ очень трудно убить на ровной мѣстности; лучше всего къ нимъ подкрадываться, когда они пьютъ. Ихъ мясо считается деликатесомъ.

Монгольскія и тибетскія антилопы небольшого роста, очень многочисленны и привлекательны. Въ восточной части степи Гоби попадается быстроногая дзеренъ, (a. gutturosa) появляющаяся иногда въ западной Монголіи и около озера Кокъ-норъ. Дзерены попадаются обыкновенно небольшими стадами; но на богатыхъ пастбищахъ собираются стада изъ тысячи или болѣе головъ. Они, по примѣру монголовъ, перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто, проходятъ огромныя разстоянія, въ особенности лѣтомъ, и все это изъ-за пищи; мучимые жаждою, они забѣгаютъ даже на богатыя пастбищныя степи сѣверной Монголіи. Они живутъ преимущественно на ровныхъ мѣстахъ, обходятъ гористыя мѣстности, густоразросшіеся кустарники и высокую траву, за исключеніемъ мая мѣсяца, когда самки входятъ въ средину и тамъ скрываютъ своихъ дѣтенышей. Они ростомъ съ козу; чрезвычайно легко и быстро двигаются, очень разумны, и внѣшнія чувства ихъ развиты. За ними трудно охотиться, такъ какъ они очень осторожны и живучи. Они съ перебитой ногой могутъ даже скорѣе бѣжать, чѣмъ лошадь галлопируетъ.

Другой видъ этого животнаго (a. subgutturosa), называемый монголами кара-сульта или чернохвостая дзеренъ, попадается въ Ордосѣ и на всей степи Гоби до 45° сѣвер. шир., а на югѣ до Кокъ-су и соленыхъ болотъ Тцайдама. Этотъ видъ, въ противоположность дзеренъ, избѣгаетъ богатыя пастбища и выбираетъ своимъ мѣстожительствомъ самыя дикія и безплодныя мѣстности въ степи или небольшіе оазисы среди песчаныхъ наносовъ. Пржевальскій не мало удивлялся тому, что встрѣчалъ ихъ въ мѣстностяхъ, гдѣ вода находилась въ 60 и 70 миляхъ. Они ходятъ обыкновенно попарно или небольшими группами; зимою же ихъ можно видѣть 15 или 20 вмѣстѣ. Цвѣтомъ они такъ подходятъ къ песку и желтой глинѣ, что ихъ почти нельзя отличить отъ песчаной поверхности, развѣ только тогда, когда они движутся или взбираются на гору. Они боязливѣе дзеренъ и за ними труднѣе охотиться.

На тибетскомъ плоскогоріи были найдены двѣ замѣчательно красивыя антилопы; одна, принадлежитъ къ виду оронго (a. Hadgsoni) и почти такой же величины, какъ дзеренъ; другая (a. picticanda) къ самому маленькому виду антилопъ, и имѣетъ 2 ф. 4 дюйма вышины и вѣситъ не болѣе 36 lbs Оронго великолѣпно сложена, поддерживается длинными стройными ногами, и надъ головой вертикально подымаются изящные черные рога. Она встрѣчается въ долинахъ, изобилующихъ водою; цѣлыя сотни ихъ попадаются на богатыхъ пастбищахъ. Бѣгъ этихъ граціозныхъ животныхъ такъ скоръ, что они въ одинъ мигъ скрываются съ глазъ. Здѣсь самцы слѣдуютъ за стадомъ, между тѣмъ какъ у дзеренъ и кара-сульта они всегда идутъ во главѣ. Онѣ очень смѣлыя и ручныя, близко къ себѣ подпускаютъ, но, какъ и всѣ антилопы, очень живучи, и даже раненыя бѣгутъ на большое пространство. Монголы и тарьютаны считаютъ оронго священнымъ животнымъ и рога его очень цѣнятся богомольцами и колдунами. Полковникъ Пржевальскій опровергаетъ повѣріе, что есть однорогія оронго, и что у такихъ, рогъ растетъ вертикально изъ центра головы. Очень можетъ быть, что оронго съ однимъ рогомъ попадаются довольно часто, такъ какъ они отличаются драчливыми наклонностями и въ битвахъ, нерѣдко, ломаютъ другъ другу рога.

Небольшая антилопа принадлежитъ къ самымъ быстрымъ и граціознымъ антилопамъ верхней Азіи. Она попадается на возвышенныхъ мѣстностяхъ, а чаще на горныхъ долинахъ, изобилующихъ водою. Она живетъ небольшими обществами и очень разумное животное. Быстрота ея движеній невѣроятна; а если ее испугать, то она точно летитъ. Этотъ видъ оронго весьма быстро бѣгаютъ по гладкой ледяной поверхности.

Полковнику Пржевальскому пришлось охотиться въ горахъ Ин-шанъ на маленькую горную антилопу, живущую на самыхъ недоступныхъ вершинахъ. Она преимущественно насется на горныхъ долинахъ и небольшихъ пространствахъ, покрытыхъ травою, между скалъ. Она очень боязлива и разумна; при угрожающей ей опасности со стороны охотника пускается бѣжать, скачетъ по скаламъ съ такой же ловкостью и быстротою, какъ серна. Полковникъ Пржевальскій разсказываетъ, что онъ запугалъ одну антилопу, и что она соскочила со стофутовой скалы и пустилась бѣжать далѣе какъ ни въ чемъ не бывало. Зимнія одежды, выдѣлываемыя изъ ихъ кожи, очень дорого цѣнятся и хорошо грѣютъ.

* * *

Вампиры русскаго народа.

(*Продолженіе*).

«О тлетворномъ вліяніи евреевъ на экономическій бытъ Россіи», брошюра г. Гриневича.—«Нѣмцы, жиды и мы», соч. г. Еленскаго.—Наша пресса о «еврейскомъ вопросѣ».

По поводу, такъ называемой, еврейской «коммерціи», г. Еленскій говоритъ слѣдующее: «Давно уже дознано опытомъ, что огромное большинство непросвѣщенныхъ евреевъ, живя, главнымъ образомъ, на счетъ сельскаго трудящагося населенія, дѣйствуетъ подавляющимъ образомъ на благосостояніе и на экономическое развитіе страны. Различные обороты, которыми занимаются у насъ массы темныхъ евреевъ, никакъ нельзя назвать *коммерціею:* это, просто, *рядъ всевозможныхъ плутовскихъ операцій.* Эти темныя массы вырождаютъ изъ своей среды множество пролетаріевъ, которые, въ свою очередь, угнетая все болѣе и болѣе наши города и мѣстечки, доводятъ ихъ до нравственнаго и матеріальнаго нищенства».

Опредѣливъ, такимъ образомъ, положеніе евреевъ среди окружающаго ихъ, въ Россіи и въ Царствѣ Польскомъ, христіанскаго населенія и указавъ, далѣе, въ своей книгѣ, на ту важную роль, какую играетъ это чужеядное племя въ рѣшеніи экономическихъ вопросовъ въ странѣ, авторъ обращается, затѣмъ, къ изысканіямъ средствъ, которыя, по его мнѣнію, могли бы ослабить это ужасающее вліяніе и послужить, вмѣстѣ съ тѣмъ, связующимъ звеномъ между христіанскимъ и еврейскимъ населеніями.

Прежде всего, г. Еленскій приводитъ постороннее (не свое) мнѣніе, что, будто бы, лишь съ уничтоженіемъ всѣхъ элементарныхъ и спеціальныхъ еврейскихъ училищъ, уничтожится и предѣлъ между христіанами и евреями, и что для этого слѣдуетъ *принудить* (?) евреевъ отдавать своихъ дѣтей въ христіанскія училища, вмѣнивъ имъ въ обязанность носить европейское платье.

При всемъ, повидимому, благоразуміи этихъ мѣръ, трудно, однако, расчитывать на ихъ успѣхъ въ дѣлѣ ассимиляціи евреевъ съ остальнымъ населеніемъ: христіанскія школы и короткіе сюртуки не въ силахъ будутъ, по нашему мнѣнію, натурализовать евреевъ. И это тѣмъ болѣе вѣроятно, что, по словамъ того же самаго автора, всѣ подобныя реформы не зависятъ отъ общества, такъ какъ общества не имѣютъ для этого достаточныхъ средствъ; къ тому же, въ городахъ и мѣстечкахъ еврейское населеніе возрастаетъ гораздо быстрѣе, нежели христіанское.

Въ подтвержденіе послѣдняго факта, авторъ приводитъ чрезвычайно интересныя статистическія данныя, изъ которыхъ оказывается, что племя Израилево *удвоивается* (въ Царствѣ Польскомъ) *въ теченіе двадцати восьми лѣтъ*, между тѣмъ, какъ прочее населеніе—христіанское—едва лишь удвоивается въ продолженіе слишкомъ пятидесяти лѣтъ. «При такомъ быстромъ размноженіи евреевъ, говоритъ авторъ, они могутъ сравняться, по количеству, со всѣмъ остальнымъ населеніемъ (въ Царствѣ Польскомъ), въ продолженіи 150-ти лѣтъ».

Еврейскій вопросъ и неимовѣрно быстрое размноженіе этого племени давно уже безпокоитъ христіанскія населенія, и не у однихъ насъ, но и въ другихъ странахъ. Такъ, напр., въ Берлинѣ недавно обратила на себя всеобщее вниманіе статья, помѣщенная въ журналѣ «Eisenbahn Zeitung», доказывающая необходимость изгнанія евреевъ изъ нѣмецкаго государства. По словамъ названнаго нами журнала, число евреевъ въ Германіи становится столь велико, что ихъ непремѣнно надо изгнать—дабы избавить Германію отъ неминуемаго поглощенія со стороны еврейскаго племени. «Дѣятельность евреевъ неизмѣрима, пишетъ авторъ статьи, и чѣмъ они дѣятельнѣе, тѣтъ болѣе они причиняютъ вреда краю». Упомянутый радикальный журналъ увѣряетъ, что вся Германія, въ настоящее время, стонетъ отъ евреевъ и ропщетъ на нихъ, и что «еврейскій вопросъ» сдѣлался вопросомъ жизни или смерти, и въ заключеніе говоритъ слѣдующія многознаменательныя слова: «Мы (т. е. германцы) изгнали іезуитовъ, чтобы остаться нѣмцами; теперь мы должны принять мѣры противу жидовъ, чтобы не остаться нищими».

Если уже къ этому разумному, хотя и крайнему, выводу пришли публицисты Германіи, то что же слѣдуетъ сказать о евреяхъ въ Россіи и въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ численность нихъ несравненно значительнѣе, нежели въ прочихъ европейскихъ государствахъ?...

А численность эта, по послѣднимъ переписямъ, оказывается слѣдующая: въ Австріи и Венгріи (вмѣстѣ) евреевъ считается 1,376,000, въ Германіи — 512,000, въ Румыніи — 208,000, въ Европейской Турціи — 70,000, въ Нидерландахъ — 68,000, въ Англіи—46,000, во Франціи—45,000, въ Италіи — 36,000, въ Швейцаріи — 7,000, въ Испаніи — 5,000 и т. д., а у насъ въ одномъ Царствѣ Польскомъ евреевъ было въ 1872 году 815,000 человѣкъ!... Всѣхъ же евреевъ въ Россіи насчитывается, въ настоящее время, *болѣе пяти милліоновъ....* Изъ этого числа самая большая часть жидовъ — именно 2,800,000 — населяетъ юго-западный край и около двухъ милліоновъ приходится на сѣверо-западный—на губерніи: Виленскую, Ковенскую, Гродненскую, Минскую, Могилевскую и Витебскую. Приэтомъ еще надо имѣть въ виду, что цифра эта—5 милліоновъ—далеко не полная, такъ какъ евреи, во время переписей, тщательно и всегда съ успѣхомъ скрываютъ истинное количество населенія въ городахъ и мѣстечкахъ — во избѣжаніе рекрутской повинности и въ видахъ уклоненія отъ подушнаго взноса податей.

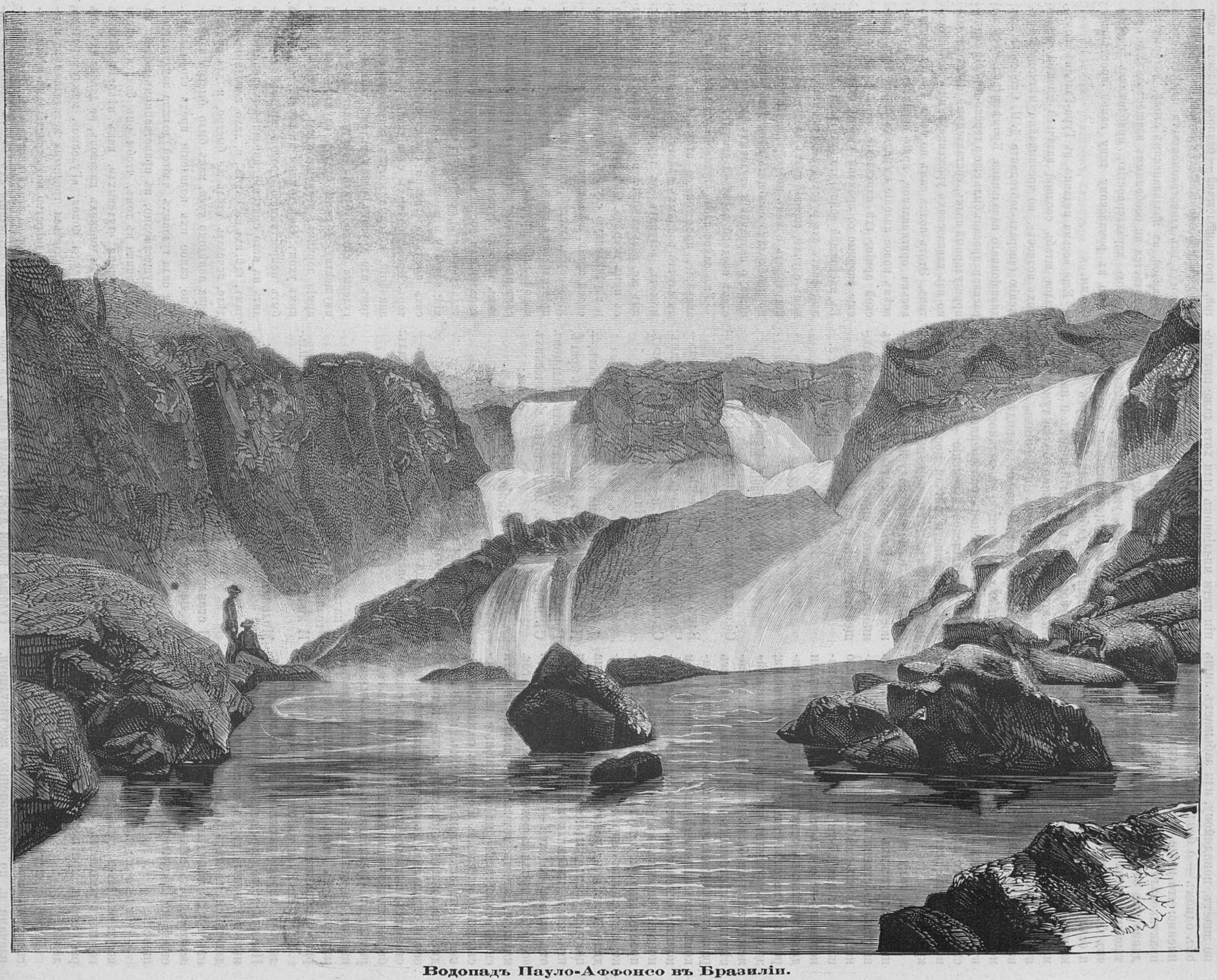
«Что же будетъ, спрашиваетъ въ своей книгѣ г. Еленскій, если эта масса еврейскаго населенія, могущая, по самымъ точнымъ вычисленіямъ, сравняться въ численности (въ Царствѣ Польскомъ) съ остальнымъ населеніемъ въ продолженіе ста лѣтъ, не выйдетъ изъ фанатической тьмы, не оставитъ своей «коммерціи», не примется за болѣе общія и полезныя занятія и не перестанетъ, наконецъ, быть истиннымъ угнетеніемъ для страны?... Тогда, подъ бременемъ этого гнета, ведущаго къ общему банкротству, не разрушится ли и не падетъ ли окончательно весь соціальный организмъ края?...»

Нельзя не согласиться съ этою логическою постановкою рокового вопроса — по поводу «вопроса еврейскаго». Но затѣмъ, понятно, долженъ быть неизбѣжно и рядомъ поставленъ и другой вопросъ — *что же намъ дѣлать съ евреями?...*

Но вопросъ поставить несравненно легче, чѣмъ отвѣтить на него. Вѣдь нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, разсѣкать этотъ новый гордіевъ узелъ мечомъ—какъ это дѣлаетъ радикальный берлинскій журналъ, предлагая: «изгнать!...» Куда вы изгоните изъ Россіи пять милліоновъ народа, не имѣющаго ни опредѣленной осѣдлости, ни опредѣленныхъ занятій?...

Мы отнюдь не беремъ на себя такой непосильный трудъ—отвѣчать на этотъ роковой вопросъ. Но мы, близко все таки знакомые съ «еврейскимъ вопросомъ», позволимъ себѣ констатировать и подвергнуть нѣкоторому обсужденію тѣ указанія и тѣ комбинаціи, которыя породилъ этотъ «вопросъ» въ нашей прессѣ за послѣднее время.

При обсужденіи еврейскаго вопроса, одна изъ русскихъ газетъ—именно «Новое Время» — останавливаетъ на себѣ особое вниманіе серьёзнымъ, безпристрастнымъ и живымъ отношеніемъ къ дѣлу. Эта почтенная газета посвятила недавно цѣлую серію статей и писемъ по еврейскому вопросу. Въ одной изъ этихъ статей, въ формѣ «Письма изъ Варшавы», предлагается авторомъ даже *разрѣшеніе* еврейскаго вопроса очень просто и легко: слѣдуетъ лишь «направить всю массу еврейскаго пролетаріата къ производительному и именно къ земледѣльческому труду, сравнивъ ее во всѣхъ правахъ, повинностяхъ и обязанностяхъ съ крестьянами-землепашцами, т. е. фактически сдѣлать евреевъ мужи-



Водопадъ Пауло-Аффонсо въ Бразиліи.

ками-землепашцами. Это единственный исходъ и иного быть не можетъ».

Но разрѣшая такимъ образомъ «еврейскій вопросъ» и подъискавъ такъ легко «единственный исходъ», авторъ названной статьи не знаетъ, повидимому, или забываетъ лишь объ одномъ — о бездѣлицѣ, въ сущности! а именно: что наше правительство давно уже практиковало этотъ «единственный исходъ», давно уже затратило многіе десятки и сотни тысячъ на сей «исходъ», но заставить евреевъ быть земледѣльцами все таки не могло; и если эти разумныя попытки не имѣли никакихъ результатовъ съ десятками и сотнями евреевъ, которыхъ пытались, въ видѣ пробы и примѣра, обратить въ землепашцевъ въ Западномъ краѣ, то тѣмъ болѣе невозможно и даже, просто, немыслимо обратить въ земледѣльцевъ милліонное населеніе Царства Польскаго и болѣе, чѣмъ пяти милліонное населеніе всего сѣверо и юго-западнаго края.

Назадъ тому тринадцать лѣтъ, въ одной изъ бѣлорусскихъ губерній, намъ довелось видѣть собственными глазами *селеніе* вольныхъ евреевъ-хлѣбопашцевъ. Оно состояло изъ 15-ти или 17-ти дворовъ, или избъ, наполовину не обитаемыхъ, съ заколоченными даже окнами; въ остальныхъ проживали еврейки съ малолѣтними дѣтьми и стариками; здоровыхъ мужчинъ и взрослыхъ «парней» между ними не было: они проживали по сосѣднимъ мѣстечкамъ и городамъ, занимаясь различными гешефтами и аферами; ни о какомъ землепашествѣ въ селеніи не было и помина: основаніе этого «селенія» и переименованіе евреевъ въ «землепашцевъ», было, просто, выгодною плутовскою аферою, и только; нѣсколькимъ еврейскимъ семействамъ выдали деньги на устройство хозяйства и на покупку земледѣльческихъ орудій, отвели имъ земли, избавили ихъ на нѣсколько лѣтъ отъ взноса податей — и вотъ они основали «селеніе», приняли ревизоровъ отъ мин. гос. имущ. и, затѣмъ, тотчасъ же раскинули сѣти своей «коммерціи» на окружающее ихъ крестьянское населеніе. Во всемъ селеніи, наконецъ, остались нѣсколько сохъ и боронъ, двѣ-три лошади, множество козъ—и только; земля отдавалась въ аренду сосѣднимъ крестьянамъ, а нѣсколько экземпляровъ сохъ и боронъ показывались пріѣзжающимъ, въ годъ разъ, для обревизованія еврейскаго землепашества, чиновникамъ; сохи эти передавались изъ двора въ дворъ черезъ плетни и заборы и чиновники почему-то *не замѣчали* плутни.

Нѣтъ на Руси той силы, которая заставила бы еврея заняться хлѣбопашествомъ. Прежде всего, еврей презираетъ всякій честный и тяжелый трудъ, какъ мало вознаграждающійся и, всего болѣе, конечно, презираетъ трудъ земледѣльца. Еврею сдѣлаться *мужикомъ*, пахаремъ—да объ этомъ ни одинъ еврей не подумаетъ безъ ужаса и отвращенія!...

— Отчего же вы не занимаетесь землей, когда она вамъ дана, да еще на такихъ выгодныхъ условіяхъ? спросили мы одного стараго еврея, при посѣщеніи упомянутаго селенія.

Еврей пристально посмотрѣлъ на насъ, скорчилъ презрительную гримасу, пожалъ плечами и, по обыкновенію, жестикулируя, отвѣчалъ слѣдующею откровенною фразой:

— Мужики (хлопы) пашутъ землю, и оттого они ѣдятъ нечистый (съ лебедою, мякиною и пр.) хлѣбъ. Если евреи тоже станутъ пахать землю, то кто же тогда будетъ ѣсть чистый хлѣбъ?...

Этотъ отвѣтъ мы приводимъ буквально, не смотря на его 13-ти-лѣтнюю давность: по своему откровенному цинизму, онъ остался въ нашей памяти на вѣки.

Поэтому, всѣ предположенія объ обращеніи пяти милліоновъ (или хотя даже пяти человѣкъ — это все равно) русскихъ и польскихъ евреевъ въ землепашцевъ—мы считаемъ положительною химерою, иллюзіею публицистовъ—по всей вѣроятности, еврейскихъ же публицистовъ, умышленно, можетъ быть, предлагающихъ невозможныя комбинаціи и мѣропріятія, дабы лишь оттянуть «еврейскій вопросъ» въ долгій ящикъ и напустить въ это дѣло какъ можно болѣе тумана. Кто живалъ въ нашихъ губерніяхъ, завоеванныхъ племенемъ Израиля, кто видѣлъ это племя и его ужасающую дѣятельность, а рядомъ съ этимъ племенемъ раззоренное имъ въ корень христіанское населеніе — начиная съ польскаго пана и кончая послѣднимъ бобылемъ-хлопомъ, тотъ, конечно, согласится съ нами, что легче верблюду пройдти въ игольное ушко, чѣмъ обратить въ землепашцевъ многомилліонное еврейское племя, проживающее въ Россіи и въ Царствѣ Польскомъ.

И. З.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

„Живіо, Сербія, живіо!"

Со́звалъ вождь удальцовъ — и сказалъ имъ: «Пора!
Вамъ извѣстно, что есть за Тимокомъ гора;—
Чтобы въ эту вы ночь были всѣ уже тамъ;
Съ вами вмѣстѣ и я—на погибель врагамъ.
«Живіо, Сербія, живіо!»

* * *

Долго бились они на поляхъ и въ горахъ,—
И не разъ трепеталъ вѣковѣчный ихъ врагъ,
Гордый турокъ,—когда эта горсть удальцовъ
Съ нимъ рубилась, подъ звуки магическихъ словъ:
«Живіо, Сербія, живіо!»

* * *

Но собра́лися турки великой ордой,
Окружили отрядъ боевою стѣной, —
И легли удальцы!.. Вождь ихъ первый упалъ—
И, прощаясь съ дружиною, громко вскричалъ:
«Живіо, Сербія, живіо!»

* * *

И казалось врагамъ, что на эти слова
Отозва́лася эхомъ другая страна, —
И иной, будто, царь—всѣхъ на свѣтѣ сильнѣй! —
Молвилъ, тоже, дружинѣ несмѣтной своей:
«Живіо, Сербія, живіо!»

* * *

И стояли враги съ поблѣднѣвшимъ лицомъ,
Не посмѣвъ надругаться надъ павшимъ бойцомъ;
И стояли они, полны страха и думъ...
И какъ грома раскатъ, доносился къ нимъ шумъ:
«Живіо, Сербія, живіо!»...

И. Я.

Новости наукъ и жизни.

Гулевые полки дѣйствующей арміи. Въ сорока съ небольшимъ верстахъ къ юго-западу отъ Кишинева, въ пологой и неглубокой котловинѣ, залегаетъ небольшое мѣстечко Гура-Галбина, что по молдавански значитъ *желтая пасть*. Мѣстечко это бѣдное и ровно ничѣмъ не отличается отъ множества подобныхъ ему бессарабскихъ селеній. Возвышенности, его окружающія, совершенно голы, пустынны и словно траншеями изборождены глубокими водомоинами. На одной изъ прилегающихъ горъ, уже внѣ селенія, торчитъ мельница-вѣтрянка, безъ крыльевъ; на другой, противоположной — одиноко бѣлѣетъ церковь съ провалившеюся крышею, построенная нѣкогда изъ глиносоломенныхъ необжигаемыхъ кирпичей, въ молдаванскомъ стилѣ, который не отличается ни особеннымъ изяществомъ, ни особенною характерностію, приближаясь скорѣе всего къ романскому типу самой простѣйшей формы.

Еще весьма недавно въ Гура-Галбинѣ помѣщался штабъ сводной казачьей дивизіи «гулевыхъ полковъ», по чрезвычайно мѣткому выраженію генералъ-лейтенанта Д. И. Скобелева, ихъ дивизіоннаго начальника. Кромѣ штаба, тутъ же расквартированъ былъ еще и терско-горскій конно-иррегулярный полкъ, составленный исключительно изъ кавказскихъ уроженцевъ, ингушей и осетинъ. Этотъ полкъ самъ по себѣ представляетъ весьма оригинальное, ярко характерное и совсѣмъ новое явленіе въ рядахъ европейской русской арміи, гдѣ кавказскіе полки появляются еще впервые со времени своего существованія. Въ настоящей войнѣ, это будетъ не безъинтересный фактъ для русской военной исторіи. Во всякомъ случаѣ, горскій полкъ заслуживаетъ, чтобы поговорить о немъ подробнѣе. Но предварительно необходимо сообщить нѣсколько данныхъ, вообще, о назначеніи «гулевыхъ» полковъ и о составѣ сводной казачьей дивизіи.

Уже самое слово «гулевой» указываетъ на назначеніе, предстоящее этимъ частямъ войскъ въ случаѣ военныхъ дѣйствій. Онѣ первыя, быть можетъ, вступятъ на территорію противника; имъ же, весьма вѣроятно, предстоитъ и первая съ нимъ встрѣча. Онѣ будутъ вести сторожевую и партизанскую службу, впереди и по сторонамъ своей арміи, а также по флангамъ и въ тылу арміи непріятельской, такъ сказать, гулять по непріятельскому краю. Онѣ не входятъ въ составъ какой либо крупной тактической единицы, не связаны административно и тактически съ какимъ либо корпусомъ, какъ дивизіи регулярной кавалеріи, а составляютъ совершенно самостоятельную часть, состоящую при дѣйствующей арміи; поэтому и военныя ихъ дѣйствія будутъ носить преимущественно самостоятельный характеръ. Кромѣ разныхъ спеціально военныхъ назначеній, которыя могутъ встрѣтиться имъ на томъ или другомъ изъ пунктовъ театра войны, гулевыя сотни, будучи партизанскими по преимуществу, должны будутъ служить для своей арміи зоркимъ, недремлющимъ глазомъ и чуткимъ ухомъ. Онѣ должны на всякій день и часъ быть непрестанною грозою противника, наводить на него смятеніе внезапнымъ появленіемъ тамъ, гдѣ ихъ не чаютъ, и, лихо исполнивъ свое дѣло, исчезать столь же быстро, и для противника невѣдомо куда, какъ было быстро и невѣдомо самое ихъ появленіе предъ его глазами. Вся сила гулевыхъ частей должна заключаться, преимущественно, въ нравственномъ вліяніи на противника въ томъ, чтобы онъ боялся одного уже имени «гулевыхъ», какъ нѣкогда боялись французы донскихъ казаковъ, не дававшихъ имъ ни минуты покоя. «Гулевые», между прочимъ, должны являться грозными мстителями за каждое новое звѣрство надъ христіанами и быть надежною опорою этихъ послѣднихъ. Въ этомъ отношеніи назначеніе ихъ будетъ исполнено блистательнымъ образомъ, если они достигнутъ того, что противникъ — и притомъ не тотъ лишь, что входитъ въ составъ регулярной арміи, а и тотъ, который составляетъ мѣстное мусульманское населеніе — проникнется полнымъ убѣжденіемъ, что ни одно его звѣрство, ни одинъ возмутительный поступокъ надъ безоружною райею не пройдетъ ему впредь безнаказанно. («Прав. Вѣст.»).

Переправа черезъ Дунай на лошади. Г-нъ Зубовичъ, поручикъ венгерскаго полка гонведовъ, пріобрѣтшій извѣстность своимъ эксцентрическимъ путешествіемъ верхомъ изъ Вѣны въ Парижъ, снова отличился новымъ подвигомъ. 6 марта, онъ верхомъ переплылъ Дунай, русло котораго, какъ извѣстно, чрезвычайно широко противъ города Вѣны, и, кромѣ того, ширина рѣки еще была увеличена въ настоящее время значительнымъ разливомъ, благодаря обилію весеннихъ дождей. Не смотря на это, Зубовичъ не захотѣлъ отложить задуманнаго имъ опыта, и около четырехъ часовъ пополудни явился верхомъ на лошади къ берегу. Лошадь была осѣдлана и навьючена по походному; единственное отступленіе отъ формы составляли прикрѣпленные къ обоимъ бокамъ сѣдла каучуковые резервуары, наполненные воздухомъ. Никакихъ другихъ спасительныхъ снарядовъ на случай несчастія не было. Зубовичъ былъ одѣтъ въ охотничье платье и въ высокіе непромокаемые сапоги. Передъ спускомъ въ воду лошадь Зубовича взвилась на дыбы и оказала нѣкоторое сопротивленіе. Но наѣздникъ быстро съ ней справился, и лошадь повиновалась. Наступила минута, полная сенсаціи для всей многолюдной толпы зрителей, слѣдившей съ набережной за всадникомъ. Лошадь прыгнула и разомъ погрузилась вся въ воду, такъ что на мгновеніе была видна одна голова ея; всаднику вода доходила по поясъ Ему кричали съ берега вернуться. Но онъ далъ шпоры и съ крикомъ «ура» отдалъ поводья. Подхваченные быстрымъ теченіемъ лошадь и всадникъ, скоро достигли середины рѣки. Встрѣчные водовороты то вытягивали, то подбрасывали плывущихъ. Наконецъ, семь минутъ спустя послѣ отплытія, Зубовичъ достигъ лѣваго берега рѣки подъ сводами моста. Конечно, его высадка сопровождалась восторженными привѣтствіями зрителей. Одобрительные клики поднимались разомъ съ обоихъ береговъ и съ лодокъ, покрывавшихъ самую рѣку и плывшихъ вслѣдъ за отважнымъ поручикомъ.

Ханъ Келатскій и сѣверозападная индійская граница. Собственный корреспондентъ газеты «Times» сообщаетъ слѣдующія интересныя подробности о келатскомъ ханѣ.

Изъ всѣхъ лицъ, присутствовавшихъ на императорскомъ дурбирѣ, въ Дели, всего болѣе возбуждалъ любопытство публики ханъ келатскій.

Этотъ монархъ, отличающійся несравненно меньшей степенью цивилизаціи, чѣмъ прочіе индійскіе властители, не состоитъ въ вассальномъ подданствѣ Великобританіи, но есть только ея союзникъ. Можно даже сказать, что онъ пользуется почти полной независимостію, не смотря на то, что его слишкомъ могущественные покровители уже нѣсколько лѣтъ поддерживаютъ съ нимъ все болѣе и болѣе дружественныя сношенія.

Владѣнія этого хана составляютъ часть Белуджистана, слѣдовательно, находятся между Афганистаномъ, Персіей и Аравійскимъ заливомъ. Это гористая и частію вовсе пустынная страна. Лѣто страшно жаркое, зима суровая. Въ этой-то мѣстности пришлось, въ древнія времена, Александру Македонскому вытерпѣть адскія лишенія, на возвратномъ пути изъ индійской экспедиціи. Всѣхъ жителей не болѣе двухъ милліоновъ; они принадлежатъ къ суннитской магометанской сектѣ, повидимому, крайне фанатичны и ненавидятъ персидскихъ шіитовъ. Подобно афганцамъ, своимъ сосѣдямъ, они рослы, смѣлы и задорны.

Они разводятъ овецъ и козъ въ большомъ количествѣ, а также верблюдовъ, а на сѣверо-западѣ персидской границы особенную горную породу лошадей. Въ нѣкоторыхъ долинахъ встрѣчается хлопчатникъ, индиго, табакъ, а на плоскогоріяхъ, въ мѣстахъ достаточно орошаемыхъ, ростутъ злаки, овощи и плоды, напоминающіе европейскіе.

Самый значительный городъ этой дикой мѣстности — Келатъ; онъ же и резиденція знаменитаго хана, о которомъ мы намѣрены сказать нѣсколько словъ. Однако Келатъ не можетъ считаться столицей Белуджистана, такъ какъ ханы келатскіе не короли, а только военачальники. Размѣръ ихъ власти подвергается частымъ колебаніямъ, вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ. Предводителямъ этихъ племенъ весьма трудно бываетъ подчасъ ладить и заставлять подчиняться своихъ подданныхъ, такъ какъ они отличаются весьма неудобнымъ нравомъ — буйнымъ и задорнымъ до крайности. Въ этомъ-то обстоятельствѣ и лежитъ причина возникающей и все болѣе тѣсной дружбы съ британскимъ правительствомъ. Бѣдные ханы ищутъ покровительства Англіи, такъ какъ сами безсильны справиться со своими буйными и непокорными сердарями. Помощь и содѣйствіе Англіи, безъ сомнѣнія, далеко небезкорыстны.

Келатъ, впрочемъ, городъ незавидный: онъ весьма грязенъ и плохо укрѣпленъ. Жителей не болѣе 8,000. Весь доходъ келатскаго хана составляетъ какихъ-нибудь 750,000 франковъ.

Ханъ помѣщается въ укрѣпленіи, которое защищаетъ городъ. (Это безопаснѣе, при извѣстныхъ нравахъ его вѣрноподданныхъ). Одинъ англійскій путешественникъ описываетъ слѣдующимъ образомъ свой визитъ къ келатскому хану: Чтобы добраться до пріемной залы, мы должны были пройти длинный коридоръ, заваленный всевозможными нечистотами, отъ которыхъ несло невыносимымъ зловоніемъ. Ханъ дожидался насъ, стоя.... Въ глубинѣ комнаты виднѣлся рядъ стульевъ... Полъ былъ покрытъ сильно-поношенными персидскими коврами, между которыми стояло блюдо съ горящими угольями. По краямъ ковра размѣщалось нѣсколько офицеровъ на корточкахъ, а сзади, передъ стульями, находился собственный конвой хана, состоящій изъ самыхъ отвратительныхъ, оборванныхъ и растрепанныхъ головорѣзовъ. Они всѣ были одѣты въ различные костюмы, или вѣрнѣе, лохмотья. Я никогда не видалъ подобнаго безобразія и не могу понять, откуда ханъ могъ собрать такую коллекцію.

Всеобщее вниманіе, возбужденное келатскимъ ханомъ, объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что чрезъ его владѣнія проходитъ самый лучшій военный путь, по которому могла бы пройти армія, направляющаяся изъ Западной Азіи для завоеванія Индіи. На дняхъ, кажется, былъ наконецъ утвержденъ давно обсуждавшійся проектъ англійскаго правительства, относительно занятія нѣкоторыхъ важныхъ пунктовъ на вышеуказанномъ пути.

Впрочемъ, наружность и вообще внѣшній видъ келатскаго хана представляютъ такъ много любопытныхъ особенностей, что имъ могла заинтересоваться даже публика, избалованная выставками индійскихъ диковинокъ въ этомъ родѣ.

Археологія. Раскопки Помпеи доставили любопытныя вещи. Тамъ открыли кабакъ со всѣми его принадлежностями и картины на стѣнахъ, представляющія кабачныя сцены. Легенды, написанныя рядомъ, объясняютъ это.

Статистика. Населеніе Парижа, по послѣдней переписи, въ прошломъ ноябрѣ, простиралось до 1,986,748 чел., противъ 1,851,792 чел. въ 1872 году. Сумма консолидированнаго долга Парижа, по семи муниципальнымъ займамъ, заключеннымъ между 1855 и 1876 годами, составляетъ 1,703,658,200 франк. и, будучи раздѣлена на число жителей, даетъ 857 фр. на человѣка. Бюджетъ ординарныхъ и экстраординарныхъ расходовъ на 1877 годъ вотированъ въ суммѣ 271,345,210 фр., или по 136 ф. 57 с. на каждаго обитателя; если изъ этого вычесть экстраординарные расходы, покрываемые займомъ, то все-таки расходъ будетъ равняться почти 108 фр. (27 руб. сер.) на человѣка.

Внѣшняя торговля Франціи въ теченіе января 1877 г. Привозъ достигъ съ 1 по 31 января 1877 г. суммы 290.852,000 фр., а отпускъ 202.264,000 франк.

Привезено	1876 г.	1877 г.	
съѣстн. прип.	75,101,000	55,204,000	фр.
сырыхъ прод.	165,665,000	170,628,000	»
фабрикатовъ	37,843,000	43,044,000	»
разн. товар.	12,243,000	10,291,000	»
	290,852,000	279,167,000	фр.
Вывезено			
фабрикатовъ	99,828,000	101,999,000	фр.
сырыхъ продук. и съѣстныхъ прип.	93,339,000	88,593,000	»
разн. товар.	9,097.000	7,057,000	»
	202.264,000	197.649,000	фр.

— Въ настоящее время, въ Христіаніи выставлена модель ледокола, помощью котораго расчитываютъ сдѣлать Христіанію незамерзающимъ портомъ. Машина, по словамъ «Голоса», возбуждаетъ всеобщее вниманіе, особенно людей, заинтересованныхъ продолжительностью навигаціи. Англичане предложили уже свои услуги выстроить ледоколъ по этой системѣ, если только имъ дадутъ концессію на содержаніе свободнаго отъ льда канала къ гавани Христіаніи, къ Драмменъ и другимъ мѣстамъ. Изобрѣтатель полагаетъ, что расходы по содержанію ледокола во время трехъ-мѣсячныхъ работъ обойдутся не дороже 20,000 кронъ, (около 8,000 р.)

— Въ конгрессъ Сѣвероамериканскихъ Соединенныхъ Штатовъ представленъ проектъ объ ассигнованіи 50,000 долларовъ на устройство колоніи въ разстояніи 400 англійскихъ миль отъ сѣвернаго полюса, съ цѣлью облегчить достиженіе полюса по тому пути, на которомъ послѣдняя англійская сѣверо-полярная экспедиція, подъ начальствомъ капитана Нареса, остановилась и принуждена была вернуться, не выполнивъ своего назначенія. Проектъ, представленный капитаномъ Хоугетъ, опытнымъ морякомъ и ученымъ, нашелъ поддержку въ географическомъ обществѣ Соединенныхъ Штатовъ, смитсонскомъ институтѣ, академіи наукъ, въ участникахъ предшествовавшихъ полярныхъ экспедицій и во многихъ выдающихся американскихъ ученыхъ. Колонія должна состоять изъ 50 человѣкъ, въ числѣ которыхъ должны быть лица, могущія производить изысканія по различнымъ отраслямъ наукъ, и должна быть основана гдѣ нибудь на берегахъ сѣвернаго полярнаго моря. Колонія должна быть снабжена эскимосами и собаками, въ достаточномъ количествѣ. Телеграфная проволока, въ 200 англійскихъ миль длиною, должна соединить колонію съ расположенными южнѣе складами провизіи. Колонія должна быть снабжена провизіею на три года, а также медикаментами и хорошимъ врачемъ. Судя по отзывамъ послѣдней экспедиціи, въ тѣхъ мѣстахъ не будетъ недостатка въ дичи. Если окажется возможнымъ, слѣдуетъ отправлять въ колонію ежегодно по одной экспедиціи для доставленія туда свѣжей провизіи и новостей изъ образованнаго міра. Еслибъ въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ не удалось достичь сѣвернаго полюса, то слѣдуетъ рѣшить — возвратить ли колонію или продолжать поддерживать ее. Вообще полагаютъ, что проектъ Хоугета представляетъ гораздо больше вѣроятія на достиженіе полюса, чѣмъ всѣ случайныя экспедиціи, успѣхъ которыхъ зависитъ отъ состоянія погоды въ теченіе только одного года.

Новый источникъ для освѣщенія. Во Франціи простирается между Бордо и Баіонною обширная песчаная степь, на которой, кое-гдѣ, растутъ только однѣ сосны. Эти деревья выпускаютъ изъ себя смолистое вещество, собираемое и продаваемое жителями той мѣстности. Г. Гильмаръ изслѣдовалъ это вещество и недавно сообщилъ французской академіи наукъ, что онъ добылъ изъ него три сорта масла, содержащаго въ себѣ въ большомъ количествѣ углеродъ, а именно 80, 90 и 92%. При сжиганіи этого масла получается необыкновенно чистый и сильный свѣтъ, который можетъ быть съ успѣхомъ употребляемъ для освѣщенія маяковъ и примѣненъ къ фотографіи.

Одимъ выстрѣломъ.

Уменьшеніе добываемаго количества петролеума. Въ Пенсильваніи сильно уменьшилось, за послѣднее время, количество добываемаго свѣтильнаго масла. Тамъ добывалось ежедневно, въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ, не болѣе 28,000 боченковъ, между тѣмъ какъ, два года тому назадъ, получалось въ день 40,000 боченковъ. Цѣны на петролеумъ поднялись больше, чѣмъ вдвое. Явленіе это объясняютъ тѣмъ, что изсякли многіе ключи; такое же непомѣрное возвышеніе цѣнъ зависитъ отъ одного только общества, завѣдывающаго многими ключами, сахарными заводами и желѣзнодорожными линіями, пользующагося уменьшеніемъ выдѣляемаго изъ естественныхъ ключей петролеума и наживающаго страшныя деньги.

Змѣиный дождь. Въ Мемфисѣ былъ недавно ливень изъ змѣй, обратившій на себя всеобщее вниманіе. Тысячи этихъ маленькихъ пресмыкающихся, отъ одного фута до 18 дюймовъ величиною, покрыли всю южную часть города. Эти небольшія змѣи были подняты на воздухъ ураганомъ и пронесены на большое разстояніе; вопросъ состоитъ теперь только въ томъ, какая страна изобилуетъ въ такомъ количествѣ змѣями.

Литературная производительность въ Англіи. Въ «Голосѣ» приводятъ слѣдующія свѣдѣнія о состояніи книжнаго дѣла въ Англіи за 1876 годъ: Опубликовано въ прошломъ году: по богословію новыхъ сочиненій 477 и перепечатаны прежнія изданія въ числѣ 216, по педагогикѣ и классической филологіи 278 и 216, книгъ и разсказовъ для дѣтей 244 и 175, по беллетристикѣ 452 и 405, по юриспруденціи 101 и 63, по политической экономіи, торговлѣ и коммерціи 271 и 106, по искуствамъ и наукамъ всего издано 152 и 100, путешествій 177 и 93, историческихъ и біографическихъ монографій 288 и 119, театральныхъ и музыкальныхъ пьесъ 170 и 152, сборниковъ 157 и 136, по медицинѣ 108 и 73, иллюстрированныхъ произведеній 100 и 76. Наконецъ, число памфлетовъ 116 и рѣчей 50. Такимъ образомъ, наиболѣе распространенныя произведенія въ Англіи принадлежатъ къ области богословія и, затѣмъ уже, беллетристикѣ. Всего издано въ теченіе прошлаго года 5,071 сочиненіе, въ томъ числѣ 3,091 новое.

* * *

Со всего свѣта.

Въ настоящемъ нумерѣ «Живописнаго Обозрѣнія« мы печатаемъ Высочайшій манифестъ о войнѣ. Едва ли нужно говорить, что всѣ заботы настоящей минуты сосредоточены на этомъ важномъ государственномъ документѣ, который открываетъ собою новый фазисъ нашей исторической жизни. Война объявлена, и поэтому, всѣ ретроспективныя соображенія должны уступить мѣсто этому факту первой важности. Мы рѣшительно вступаемъ въ новый фазисъ нашей исторической жизни, фазисъ, который, во всякомъ случаѣ, является чрезвычайно серьезнымъ шагомъ, долженствующимъ опредѣлить наше будущее и намѣтить тотъ путь, по которому Россіи суждено идти.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ шагъ былъ всесторонне обдуманъ, всѣ шансы приняты въ разсчетъ, всѣ затрудненія взвѣшены и, насколько возможно, устранены. Въ этомъ мы не сомнѣваемся и вотъ почему, между прочимъ, мы можемъ безъ безпокойства встрѣтить это будущее и вѣрить, выражаясь словами Вольтера, что «все идетъ къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ».

Тѣмъ не менѣе, не смотря на эту вѣру, интересно опредѣлить, на основаніи достовѣрныхъ фактовъ, болѣе опредѣленно и точно именно этотъ путь. Высочайшій манифестъ въ этомъ смыслѣ является чрезвычайно важнымъ документомъ. Онъ объясняетъ намъ не только точку зрѣнія петербургскаго кабинета на восточный вопросъ, не только излагаетъ намъ самымъ опредѣленнымъ образомъ взглядъ русскаго правительства на исторію послѣднихъ двухъ лѣтъ, посвященныхъ разработкѣ и рѣшенію восточнаго вопроса, — Высочайшій манифестъ, вмѣстѣ съ циркуляромъ князя Горчакова, опредѣляютъ, кромѣ того, и тѣ цѣли, къ которымъ Россія сремится, объявляя войну Турціи.

Было бы совершенно лишне объяснять, что эти цѣли есть именно забота объ улучшеніи быта христіанскихъ населеній Турецкой имперіи. «Всѣмъ нашимъ любезнымъ вѣрноподданнымъ извѣстно то живое участіе, которое мы всегда принимали въ судьбахъ угнетеннаго христіанскаго населенія Турціи. Желаніе улучшить и обезпечить положеніе его раздѣлялъ съ нами и весь русскій народъ, нынѣ выражающій готовность свою на новыя жертвы для облегченія участи христіанъ Балканскаго полуострова».

Эти цѣли и составляютъ, если позволено такъ выразиться, объектъ настоящей войны. Европа обвиняла Россію такъ долго и настойчиво въ эгоизмѣ и корыстолюбивыхъ цѣляхъ, въ средневѣковой политикѣ захвата и, не основаннаго ни на какихъ потребностяхъ, стремленія къ расширенію границъ, что въ настоящую минуту является крайне необходимымъ, ссылаясь на слова Высочайшаго манифеста, опредѣлить ясно и точно цѣли и задачи Россіи на Востокѣ. Европа должна знать, что Россія, заступаясь за христіанское населеніе Балканскаго полуострова ищетъ не своихъ личныхъ выгодъ, не приращеній своей территоріи, даже не водворенія такого порядка вещей, который противорѣчилъ бы основнымъ принципамъ европейской цивилизаціи. Напротивъ, задачи и цѣли Россіи, какъ это мы видимъ въ Высочайшемъ манифестѣ, діаметрально противоположны; она желаетъ только улучшенія быта христіанскихъ населеній, т. е. другими словами, является на Востокѣ освободительницей народовъ отъ вѣковаго гнета и совершаетъ дѣло европейской цивилизаціи. Въ виду нарѣканій и нападокъ европейской печати на корыстолюбіе Россіи, не мѣшаетъ лишній разъ указать на эту историческую задачу Россіи, подтвержденную самымъ точнымъ и опредѣленнымъ образомъ Высочайшимъ манифестомъ.

Конечно, къ настоящей войнѣ невозможно относиться легкомысленно; она составитъ тяжелую борьбу; среди турокъ господствуетъ сильное возбужденіе, они вѣрятъ, что легко одержать верхъ въ предстоящей борьбѣ. Всѣ резервы ихъ въ дунайскихъ провинціяхъ уже созваны и, по мѣрѣ прибытія въ сборные пункты, размѣщаются по различнымъ полкамъ для восполненія пробѣловъ, оставленныхъ болѣзнями и смертью. Здоровье войскъ значительно улучшилось съ тѣхъ поръ, какъ они стали лагеремъ на холмахъ, вблизи окоповъ, на которыхъ они еще продолжаютъ работать. Семь редутовъ съ центральными фортами воздвигнуты на возвышенной сторонѣ; четыре другихъ защищаютъ равнину. Эти работы, однако, еще не окончены. Въ Рущукѣ стоитъ теперь 18,000 человѣкъ, подкрѣпленія ежедневно прибываютъ. и думаютъ сосредоточить тамъ до 50,000 человѣкъ для того, чтобы перейдти черезъ Дунай; по крайней мѣрѣ, такой проектъ существовалъ еще очень недавно въ турецкомъ главномъ штабѣ. Теперь, вѣроятно, онъ покинутъ. Англійскія газеты сообщаютъ, что численность турецкихъ войскъ не превосходитъ 200 тысячъ человѣкъ.

О вѣроятныхъ движеніяхъ турецкой арміи мы можемъ, пока, сообщить только то, что передаетъ газета «Neue Freie Presse»: какъ только авангардъ русской арміи перейдетъ Прутъ, или вообще черезъ румынскую границу, турки намѣреваются съ своей стороны занять извѣстные, важные въ стратегическомъ отношеніи, пункты на румынскомъ берегу Дуная. Такими пунктами можно назвать Калафатъ, Магурелли и Журжево. Затѣмъ турки, вѣроятно, попытаются разрушить желѣзнодорожный мостъ, ведущій изъ Галаца въ Браиловъ. Необходимость занять Калафатъ зависитъ отъ условій мѣстности, а именно, турецкая крѣпость Виддинъ расположена въ глубинѣ и лежащій противъ нея Калафатъ господствуетъ надъ нею. Для обороны Виддина, который, при распространеніи театра войны по направленію къ Сербіи, можетъ имѣть громадное значеніе, необходимо овладѣть Калафатомъ, гдѣ турки могутъ соорудить тетъ-де-понъ съ наступательной цѣлью. Этимъ и объясняется то, что турки сосредоточили при Виддинѣ до 50,000 человѣкъ войскъ, которые могутъ въ данномъ случаѣ перейдти черезъ Дунай и обратить въ бѣгство румынскую армію, сосредоточенную въ Малой Валахіи.

Турчи-Магурелли, гдѣ, какъ предполагалось, турки перейдутъ черезъ Дунай, лежитъ противъ Никополя и устья Алуты, отдѣляющій Малую и Большую Валахіи. Турчи-Магурелли можетъ имѣть значеніе для турокъ только въ томъ случаѣ, если они примутъ наступательное движеніе и захотятъ обойдти лишь Алуты. Но такъ какъ до сихъ поръ турки и не помышляютъ о наступленіи, то Магурелли утрачиваетъ свое значеніе. Занятіе Журжева также можетъ имѣть для турокъ извѣстное значеніе, если они будутъ дѣйствовать наступательно, съ намѣреніемъ направиться на Бухарестъ. Однако, весьма вѣроятно, что турки это сдѣлаютъ, съ цѣлью отвлечь часть румынской арміи изъ Калафата на защиту столицы. Гораздо важнѣе, нежели переправа при Магурелли-Никополѣ и Журжевѣ-Рущукѣ, является для турецкой обороны переправа при Туртукаѣ и взятіе румынскаго мѣстечка — Ольтеницы. Туртукай-Ольтеница — единственный удобный путь для переправы русскихъ войскъ черезъ Дунай на протяженіи между Рущукомъ и Браиловымъ и, слѣдовательно, защита этого пункта имѣетъ для турокъ существенную важность. Переходъ подъ Галацомъ представлялъ бы несомнѣнныя выгоды туркамъ, но эти выгоды уничтожаются фортами при Барбошѣ, защищающими желѣзнодорожный мостъ черезъ Серету. Румынская желѣзная дорога могла бы быть тогда разрѣзана на двѣ части и служба ея для наступательныхъ цѣлей русской арміи ограничивалась бы только молдавской территоріей. Значеніе, которое бы имѣло для турокъ возможность разрушить серетскій мостъ у Барбоша, уже явствуетъ изъ того, что тогда всѣ обозы съ походными повозками, боевыми и съѣстными припасами пришлось бы отправлять на упряжныхъ животныхъ по отвратительнымъ дорогамъ и проселкамъ до Журжева и, во всякомъ случаѣ, только до дунайскаго берега. Румыны поняли это обстоятельство, какъ добрые друзья русскихъ, и на основаніи этого румынскіе совѣты, подъ руководствомъ русскихъ офицеровъ, воздвигли на лѣвомъ берегу Серета два земляные верка, защищающихъ въ то же время Дунай, въѣздъ на Серету и самое полотно желѣзной дороги. Тѣмъ не менѣе, турки, съ помощью своей панцырной флотиліи, конечно, разрушатъ этотъ мостъ раньше, чѣмъ до него дойдутъ русскіе, такъ какъ бессарабская граница во всякомъ случаѣ еще находится на разстояніи около десяти миль отъ Барбоша. Турецкіе офицеры главнаго штаба считаютъ невозможнымъ, чтобы русскіе войска перешли Дунай между Рущукомъ и Силистріей. Равнымъ образомъ, по весьма основательнымъ причинамъ, и турки не помышляютъ о переходѣ Дуная подъ Виддиномъ и о занятіи румынской территоріи многочисленной арміей. Турецкая армія располагаетъ при Дунаѣ весьма недостаточной кавалеріей, вслѣдствіе чего ей придется, во время будущей кампаніи, тщательно уклоняться отъ боя въ открытомъ полѣ. Наоборотъ, въ районѣ болгарскихъ крѣпостей турецкія боевыя силы способны оказать весьма дѣятельное сопротивленіе. Добруджа, относительно численности войскъ, до сихъ поръ оставлена турками безъ вниманія. Въ ней пока все еще не болѣе 8,000 человѣкъ. Турки явно полагаются здѣсь исключительно на укрѣпленные пункты, каковы: Тульча, Исакча, Мачинъ, которые дѣйствительно изрядно приспособлены къ защитѣ Добруджи отъ нападенія съ сѣверной стороны. Но, такъ какъ эти укрѣпленные пункты находятся въ районѣ большихъ болотъ, то весьма мудрено предположить, чтобы русскіе повели нападеніе съ сѣвера.

Вопросъ объ Румыніи, въ данномъ случаѣ, является весьма существеннымъ вопросомъ. Въ настоящую минуту, онъ настолько уже разъяснился, что мы можемъ опредѣлить ея отношенія къ Россіи. Въ бухарестской газетѣ «Romanul» появилась статья, подписанная г. Дмитріемъ Бротіано, и излагающая цѣлую программу дѣйствій румынскаго правительства. По словамъ статьи, Румынія готова пропустить по своей территоріи русскіе войска, опредѣливъ полосу, по которой они могутъ пройти, и условія ихъ движенія. Въ то же время, Румынія отнесется къ турецкимъ войскамъ, которыя бы вздумали вступить на румынскую землю, какъ къ непріятелю.

Въ сущности, въ этомъ заявленіи нѣтъ ничего новаго. Никто не сомнѣвался, что Румынія не станетъ препятствовать движенію нашихъ войскъ черезъ ея территорію и не рѣшится стать на сторонѣ Турціи въ предстоящей борьбѣ. Неизвѣстно было только, какой пріемъ употребитъ румынское правительство, чтобъ оправдать формально въ глазахъ западныхъ кабинетовъ свой образъ дѣйствій. Можно было ожидать, что оно опротестуетъ для формы «нарушеніе неприкосновенности» ея предѣловъ и замкнется въ безусловный нейтралитетъ, допуская одинаково обѣ враждующія стороны двигаться по очищенной румынскими военными силами части страны. Статья газеты «Romanul» намекаетъ весьма прямо на рѣшеніе, гораздо болѣе характеристическое Румынія готовится дѣйствовать за одно съ Россіей, въ случаѣ, если турки вздумаютъ «наказать» ее вторженіемъ за то, что она позволила русскимъ войскамъ пройти по ея землѣ. Нейтральною она остается только въ томъ весьма мало вѣроятномъ случаѣ, если Порта закроетъ глаза на совершающееся и не приметъ никакихъ военныхъ предосторожностей противъ приближенія русскихъ войскъ къ Дунаю. Весьма многіе въ западной Европѣ не ожидали такого рѣшенія Румыніи. Это рѣшеніе, впрочемъ, объясняется до извѣстной степени извѣстіемъ изъ Бухареста, что спорный между Россіей и Румыніей вопросъ о монастырскихъ имуществахъ рѣшенъ нынѣ окончательно въ пользу Румыніи. Бухарестское правительство, становясь на сторону Россіи, заранѣе знаетъ, что оно будетъ, во всякомъ случаѣ, въ выигрышѣ, и это служитъ, какъ намъ кажется, лучшею гарантіею искренности его нынѣшняго образа дѣйствій.

Въ то время, какъ Г. Нелидовъ, нашъ повѣренный въ дѣлахъ, покидалъ Константинополь,— новый англійскій посланникъ, Лордъ Лейардъ бесѣдовалъ въ частной аудіенціи съ султаномъ, а Германія назначила на постъ германскаго посла въ Константинополь принца Рейса, бывшаго посланникомъ въ Петербургѣ. «National Zeitung», примѣняя, въ данномъ случаѣ, съ особенными успѣхами тотъ дипломатическій языкъ, которымъ можно говорить очень плавно, ничего въ то же время не сказавши, — утверждаетъ съ развязностью, достойной лучшей участи, что это назначеніе доказываетъ, что Германія намѣрена выполнить принятыя ею обязательства, въ полномъ сознаніи ихъ значенія. Такъ, по крайней мѣрѣ, выражаетъ телеграмма, передающая намъ отзывъ «National Zeitung», который, — необходимо сознаться, — не вполнѣ удобопонимаемъ. Какія обязательства взяла на себя Германія? По отношенію къ кому? къ Россіи? къ Англіи? Если къ Россіи, то, очевидно, назначеніе посла въ Константинополь въ настоящую минуту скрываетъ за собой дипломатическую тайну, которой мы не знаемъ, и которая едва-ли можетъ существовать. Финалъ Константинопольской конференціи состоялъ именно въ томъ, что державы поручительницы, въ видѣ протеста, отозвали своихъ посланниковъ. Очевидно, что возвращеніе пословъ въ Константинополь могло бы имѣть мѣсто только тогда, если бы, при существованіи европейскаго концерта, Турція приняла требованіе протокола. Но этого не было, — слѣдовательно и назначеніе Германскаго посла въ Константинополь не имѣетъ смысла, или имѣетъ смыслъ только враждебный Россіи, въ особенности въ то самое время, когда, настаивая на текстѣ протокола, Россія объявляетъ войну Турціи. Со стороны Англіи, отправленіе въ Константинополь лорда Лейарда не можетъ имѣть такого значенія, во-первыхъ потому, что лордъ Лейардъ — чрезвычайный посланникъ, слѣдовательно, его поѣздка имѣетъ какую либо специальную цѣль, а во-вторыхъ потому, что Англія, благодаря деклараціи лорда Дерби, отклонила отъ себя всякое обязательство при извѣстныхъ условіяхъ. Во всякомъ случаѣ, назначеніе принца Рейса въ Константинополь принадлежитъ къ числу тѣхъ дипломатическихъ загадокъ, которыми такъ богато наше время, и которыя, слѣдуетъ надѣяться, будутъ когда — либо разгаданы.

Вообще Берлинъ, кажется, имѣетъ монополію загадокъ. Назначеніе принца Рейса, какъ мы сказали, или совсѣмъ не имѣетъ смысла, или же имѣетъ смыслъ тайно враждебный Россіи. Но вотъ другое извѣстіе діаметрально противоположное: изъ Берлина сообщаютъ о слѣдующихъ характеристическихъ словахъ, произнесенныхъ на дняхъ императоромъ Вильгельмомъ. Когда въ его присутствіи рѣчь зашла о возможности пораженія русскихъ войскъ, то императоръ обратился къ одному извѣстному, нѣмецкому кавалерійскому генералу со словами: (Dann werden sie aufsetzen müssen!) (Въ такомъ случаѣ, вамъ придется сѣсть на лошадь!)....

— Политическое положеніе Черногоріи въ настоящее время, говоритъ «Nordd. Allg Ztg.», не можетъ быть названо неблагопріятнымъ. Позиціи, занятыя черногорцами на турецкой территоріи, возстаніе въ Босніи и Герцеговинѣ, равно какъ и возстаніе миридитовъ заставляютъ сильно сомнѣваться въ томъ, чтобы турки могли имѣть успѣхъ въ войнѣ съ Черногоріей. На содѣйствіе Сербіи черногорцы не разсчитываютъ. Одни радуются тому, что Сербія перестала разыгрывать роль «южнославянскаго Піемонта». Другіе напротивъ, оставляя въ сторонѣ всѣ сепаратистскіе интересы, заботятся лишь объ общеславянскомъ благѣ и стараются возбудить народное движеніе въ Сербіи и тѣмъ принудить княжеское правительство снова начать войну съ турками. До сихъ поръ всѣ усилія партіи дѣйствія въ Сербіи оставались безъ результата, полагаютъ однако, что первая побѣда русскихъ войскъ подстрекнетъ сербовъ къ возобновленію войны. Что же касается военнаго положенія Черногоріи, оно стало несравненно лучше, чѣмъ было до начала войны въ прошедшемъ году. Черногорцы занимаютъ на турецкой территоріи пространство въ 27 кв. миль (округи: Зубцовскій, Баньянскій, Никшичскій — за исключеніемъ крѣпости — Пивскій, Вассоевачей, Дрекаловичей), и стратегическое ихъ положеніе теперь чрезвычайно выгодно. При возобновленіи военныхъ дѣйствій, голодъ скоро вынудитъ гарнизонъ Никшича сдаться, потому что доставка провіанта въ Никшичъ, когда Дужскій проходъ и Баньяны находятся въ рукахъ черногорцевъ—становится невозможной. Турки имѣютъ въ Герцеговинѣ 26,000 войскъ, въ Босніи — 15,000 и въ Албаніи — 20,000. Въ Цетиньѣ непріятное впечатлѣніе произвелъ слухъ объ отозваніи Дервиша-паши и о назначеніи на его мѣсто Али-Саиба-паши, который слыветъ за весьма искуснаго стратега, между тѣмъ какъ Дервишъ-паша въ войнѣ съ черногорцами служилъ для черногорцевъ предметомъ насмѣшекъ. Князь Николай имѣетъ въ настоящее время въ своемъ распоряженіи войско въ 23,000 чел. а именно: 16,000 черногорцевъ, 5,000 герцеговинцевъ, 2,000 кучей и вассоевачей. Князь разсчитываетъ увеличить еще свою армію 8,000 ополченцевъ, 2,000 герцеговинскихъ инсургентовъ и 8,000 миридитовъ. Кромѣ того, 3,000 боснійскихъ инсургентовъ ждутъ только приказанія князя, чтобъ присоединиться къ его войскамъ. Черногорская армія прекрасно вооружена: она имѣетъ въ своемъ распоряженіи 25,000 ружей, заряжающихся съ казенной части, 30,000 ружей, заряжающихся съ дула, 25,000 кремневыхъ ружей, 12,000 револьверовъ, 30,000 кремневыхъ пистолетовъ и достаточное количество холоднаго оружія. Далѣе черногорцы имѣютъ 90 пушекъ, въ этомъ числѣ 55 винтовыхъ. Изъ 15 круповскихъ орудій 10 пріобрѣтены покупкой и 5 отняты черногорцами у непріятеля въ битвѣ при Вышнемъ Долѣ. Едва-ли только черногорцы станутъ пользоваться всѣми этими орудіями: во первыхъ, у нихъ мало артиллеристовъ, да къ тому же они не любятъ употреблять въ войнѣ артиллерію. Военныхъ снарядовъ у нихъ довольно, провіанту запасено на полтора года. Въ деньгахъ также недостатка нѣтъ: на военныя нужды имѣется около 450,000 р. наличными деньгами. Нечего говорить о томъ, что воодушевленіе въ народѣ чрезвычайное. Каждый черногорецъ готовъ поклясться, что для Турціи наступаетъ послѣдній часъ. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ открытія военныхъ дѣйствій.

— Изъ Багдада телеграфируютъ въ Константинополь подробности о ходѣ чумы: Съ 19 по 31 марта было 32 смертныхъ случая, съ 1 по 7 апрѣля 90, а съ 7 по 13 — 108. Всѣ находятся въ страхѣ. Если вспыхнетъ война, то послѣдствія отъ набора волонтеровъ и отправки войскъ изъ провинцій, гдѣ уже началась эпидемія, будутъ ужасны. (Daily News).

Персія. Изъ Вѣны телеграфируютъ въ «Frankf. Zeit.»: Заключеніе наступательнаго и оборонительнаго союза между Россіей и Персіей, слухи о которомъ не разъ опровергались въ печати, по послѣднимъ извѣстіямъ, окончательно подтверждается.

— Изъ Вѣны сообщаютъ, что, по соглашенію съ Россіей, Боснія будетъ занята 50-ти тысячнымъ австрійскимъ корпусомъ.

СМѢСЬ.

Евреи и рекрутскія квитанціи. Корреспондентъ «Новаго Времени сообщаетъ: Недѣлю тому назадъ я былъ свидѣтелемъ слѣдующаго происшествія. Нѣсколько евреевъ пріѣхало въ деревню, находящуюся въ окрестностяхъ Калуги; цѣль ихъ пріѣзда была купить у крестьянъ рекрутскія квитанціи. Имѣя выметку отъ казенной палаты, они очень хорошо знали, у кого изъ крестьянъ находятся такія квитанціи. Первыя ихъ усилія были обращены на то, чтобы имѣть на своей сторонѣ старосту и писаря, главнаго заправилу всѣхъ крестьянскихъ дѣлъ. Этого они достигли ведромъ водки и незначительными денежными подарками тому и другому. Затѣмъ, они приступили къ мужикамъ, предлагая имъ по 50 руб. за квитанцію. Мужики, рѣшительно не понимая въ чемъ дѣло, обратились за разъясненіемъ къ писарю. По объясненію послѣдняго, евреи просто даромъ предлагаютъ имъ деньги, такъ какъ они могли бы получить безъ всякаго содѣйствія съ ихъ стороны принадлежащія имъ квитанціи. Крестьяне, боясь потерять такія, для нихъ сравнительно, громадныя деньги и отуманенные уже порядкомъ водкой, которою евреи эти часто ихъ угощали, начали торопить писаря, обѣщая ему заплатить за совершеніе продажной записи и довѣренности на полученіе квитанціи. Всѣхъ квитанцій было три у трехъ же крестьянъ. Сдѣлка была окончена въ какихъ нибудь $2^{1}/_{2}$ часа, и евреи, получивъ продажныя записи и довѣренности, поспѣшили уѣхать.

Я не зналъ, въ чемъ дѣло, а потому не могъ подать крестьянамъ дѣльнаго совѣта; по когда поѣхалъ изъ деревни въ Калугу, а оттуда въ Харьковъ, то, дорогою, случайно познакомившись съ евреями, которые сидѣли со мною въ одномъ вагонѣ, узналъ объ этомъ дѣлѣ нѣсколько подробностей. Евреи за каждую квитанцію, полученную изъ палаты, берутъ 4,000 руб. сер., такъ какъ владѣлецъ ея освобождается отъ исполненія воинской повинности. Полученіе квитанціи изъ палаты не представляетъ никакихъ трудностей, хотя, какъ сообщали эти евреи, оно обходится въ 1,000 руб. И такъ, они за то, что имъ стоитъ, приблизительно, 1,100 руб., получаютъ 4,000 р. Заработокъ порядочный. Но, кромѣ того, эти барышники лишаютъ законъ возможности достигнуть своей цѣли. Вѣдь уставъ о всеобщей воинской повинности имѣетъ цѣлью заставить каждаго гражданина, богатаго и бѣднаго, мѣщанина и дворянина, исполнять свои обязанности по отношенію къ государству; а тутъ даетъ возможность богачамъ за 4,000 руб. освободиться отъ этой обязанности. Но если даже это зло должно быть терпимо, вслѣдствіе другихъ, неизвѣстныхъ мнѣ, соображеній, въ такомъ случаѣ выгоды должны быть предоставлены тѣмъ семействамъ, у которыхъ былъ отнятъ работникъ и казенная палата каждой губерніи должна бы была объявить, чьи квитанціи еще не зачтены и могутъ быть выданы. Тогда желающіе купить могли бы обратиться прямо къ крестьянамъ (большая часть незачисленныхъ квитанцій принадлежитъ имъ) и они, конечно, получили бы большія выгоды, чѣмъ отъ евреевъ».

Потери сербовъ людьми въ послѣднюю войну.— По официальнымъ свѣдѣніямъ военнаго министерства, за все время войны погибло 8,000 солдатъ на поляхъ битвъ и въ госпиталяхъ, выздоровѣло 20,000 раненыхъ; 200 инвалидовъ будутъ содержаться военнымъ вѣдомствомъ.

* * *

Наши гравюры.

При чтеніи, съ картины А. Піоти.

Жанровыя картинки, въ родѣ настоящей, наиболѣе даютъ пищи размышленію и воображенію; при кажущейся бѣдности сюжета, онѣ подчасъ богаче содержаніемъ, чѣмъ большая картина со множествомъ лицъ и эффектностію обстановки, по той простой причинѣ, что художникъ, не отвлекаясь внѣшностью, сосредоточиваетъ все свое вниманіе на выраженіи лица, на той психологической подробности, выраженіе которой составляетъ въ данномъ случаѣ цѣль картины. Одной изъ удачнѣйшихъ въ подобномъ родѣ картинъ есть именно картина Піоти. Отъ этого лица дѣвочки трудно оторваться: конечно, молодая, красивая дѣвушка съ южными чертами лица, съ черными волосами, смуглымъ цвѣтомъ и большими, еще почти дѣтскими глазами, какіе встрѣчаются только въ окрестностяхъ Рима, съ характернымъ, бѣлымъ головнымъ уборомъ итальянки,—эта дѣвушка, говоримъ мы, читала, по всей вѣроятности, какой нибудь модный романъ; нѣкоторыя сцены этого романа поразили ея молодое воображеніе и вотъ она оставила чтеніе, задумалась. Какія мечты овладѣли этой красивой головкой? Предается ли она какому либо философскому размышленію, или скорбямъ о страданіяхъ человѣка? О, нѣтъ! Жизнь и дѣйствительность коснулись ее только одной своей стороной, — стороной поэзіи и лирическаго порыва. Чувствительная страница романа вызвала въ ея душѣ еще неясное, туманное стремленіе къ личному счастью, и вотъ въ ея молодомъ сердцѣ создается поэма, навѣрное безъ сравненія богаче и содержаніемъ и яркостью звуковъ, чѣмъ сантиментальные разговоры возлюбленныхъ романа, который вызвалъ эту поэму ея сердца. Художникъ вполнѣ совладалъ съ своимъ предметомъ и потому, мы, можетъ быть, давнымъ-давно порѣшавшіе съ этой поэзіей юности, погруженные въ наши будничные интересы и борьбу съ дѣйствительностью,—засматриваемся на это личико и невольно возвращаемся мыслію къ тѣмъ днямъ нашей ранней молодости, когда и мы зачитывались сантиментальными романами.

На закатѣ, рисунокъ Андріолли.

Г. Андріолли имѣетъ весьма своеобразный талантъ: чрезвычайно богатая фантазія въ его талантѣ идетъ рядомъ съ могучимъ психическимъ анализомъ, которымъ онъ пользуется съ замѣчательной силой. По своимъ художественнымъ наклонностямъ его можно сравнить съ Гюставомъ Дорэ: тѣ же черты замѣчаемъ мы какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ художникѣ: чрезвычайно сильно развитое чувство природы, промахи въ рисункѣ, условный, нѣсколько фантастическій сюжетъ, и необыкновенно вѣрное, мѣткое выраженіе извѣстнаго душевнаго состоянія. «На закатѣ» — въ этомъ отношеніи представляетъ весьма характерный обращикъ манеры г. Андріолли: этотъ рисунокъ — необыкновенно реаленъ по своимъ психическимъ задачамъ, и совершенно фантастично-аллегориченъ по своей внѣшней обстановкѣ. Вы видите дѣйствительно закатъ, день склоняется къ вечеру, горизонтъ подернутъ облаками, въ которыхъ погружается солнце; это если хотите, и внѣшняя обстановка картины и дѣйствительный ея мотивъ, который аллегорично передается на главномъ планѣ: идутъ два старика, мужчина и женщина, сгорбленныя фигуры, спускаясь *подъ гору* жизни, усталыя, переставшіе уже бороться и жаждущіе только успокоенія. Здѣсь все намекъ на эту основную мысль, и выраженіе лицъ, и старческое движеніе, и посохъ старика, и спускъ подъ гору, и дальній, вечерній пейзажъ, и заходящее солнце. Эта основная идея такъ всецѣло поглощаетъ художника, что на подробности онъ почти не обращаетъ никакого вниманія и намѣчаетъ ихъ только однимъ, двумя штрихами: второй, и даже первый планъ рисунка страдаютъ неясностью, неточностью, но, благодаря этой небрежности, можетъ быть намѣренной, мысль о *закатѣ* составляетъ главный сюжетъ картины, необыкновенно рельефно выступаетъ впередъ....

Водопадъ Пауло-Аффонсо въ Бразиліи.

Изображенный на нашей гравюрѣ водопадъ Пауло-Аффонсо, находящійся въ Бразиліи, въ провинціи Бахіа, представляетъ собою одну изъ чудеснѣйшихъ картинъ природы, которая, по своей красотѣ и величественности, смѣло можетъ соперничать съ знаменитой Ніагарой и Миссурійскими водопадами. Извѣстный профессоръ Хартъ, директоръ геологической коммисіи въ Бразиліи, такимъ образомъ описываетъ это чудо природы.

Около Пауло-Аффонсо грунтъ земли представляетъ плоскую возвышенность, состоящую изъ гнейса, въ которой расположено широкое русло Ріо-Санъ-Франциско. Нѣсколько выше водопада, эта рѣка раздѣляется на множество узкихъ рукавовъ, которые, пройдя небольшое пространство, снова соединяются въ одинъ громадный водопадъ, падающій съ высоты 80 метровъ. Въ общемъ, водопадъ Пауло-Аффонсо чрезвычайно сходенъ съ Ніагарой. Здѣсь, какъ и тамъ, величественная рѣка низвергаетъ свои воды изъ широкаго русла въ глубокій оврагъ, въ которомъ онѣ неистово бурлятъ, борясь съ громоздящимися одинъ на другой камнями и скалами. Въ частностяхъ же оба эти водопада значительно разнятся одинъ отъ другого.

Во время половодья, Пауло-Аффонсо представляетъ замѣчательно величественный видъ; тогда положительно бываетъ невозможно приблизиться къ главному водопаду съ лѣвой стороны рѣки. Всѣ, изображенныя на нашей гравюрѣ, скалы, сплошь покрываются тогда массами воды. Когда же рѣка мельчаетъ, тогда совершенно свободно можно пробраться къ главнымъ частямъ водопада и любоваться тѣмъ восхитительнымъ зрѣлищемъ, какое представляетъ онъ. Съ одной стороны поражаютъ эти картинно нагроможденныя одна на другую скалы, представляющія изъ себя живописный амфитеатръ, по которому величественно падаютъ громады водъ; сначала онѣ заворачиваютъ влѣво, образуя болѣе или менѣе раздѣльныя массы воды, затѣмъ дѣлаютъ крутой поворотъ вправо, гдѣ, соединясь вмѣстѣ, сразу обрушиваются громаднымъ водянымъ обваломъ, который шумно изливается въ узкій каналъ, громоздя одна на другую снѣговую пѣну своихъ волнъ, и, затѣмъ, вливается въ широкую губу, на концѣ которой находится большой гротъ, называемый жильемъ летучихъ мышей.

Ріо-Санъ-Франциско—одна изъ значительнѣйшихъ рѣкъ Бразиліи; истоки ея лежатъ въ провинціи Минасъ-Джерайесъ, въ Сіеррѣ да Канастра; протяженіе ея равняется 320 милямъ; она составляетъ границу между двумя провинціями: Серпиге и Пернамбуко, и затѣмъ вливается въ море.

Пауло-Аффонсо находится въ разстояніи около 56 миль отъ устья Ріо-Санъ-Франциско. Прилагаемая при семъ гравюра, снятая съ фотографіи одного изъ членовъ геологической коммисіи въ Бразиліи, изображаетъ видъ только верхней части водопада.

Однимъ выстрѣломъ.

Охота, конечно, прекрасное препровожденіе времени; это такое развлеченіе, которое часто превращается въ страсть; но она имѣетъ и другое неудобство: вмѣстѣ съ страстью, является желаніе выдвигать себя на первый планъ, а отсюда до хвастовства, похвальбы и хлестаковщины—одинъ только шагъ; психологическая загадка еще не вполнѣ разъясненная психологами, но несомнѣнно часто встрѣчающаяся среди охотниковъ. Настоящій охотникъ — по преимуществу хвастунъ, иногда наивный, часто намѣренный, но, во всякомъ случаѣ, это хвастунъ въ свою пользу, или вѣрнѣе, въ пользу своей страсти. Вспомните картину Перова: «Охотники», и вы согласитесь съ этимъ. Иногда хвастовство бываетъ на столько чудовищно и оригинально, что дѣлается общимъ мѣстомъ, превращающимся въ поговорку, напримѣръ: однимъ выстрѣломъ убить двухъ зайцевъ. Это-то именно и представляетъ нашъ рисунокъ, такъ сказать, представляетъ въ лицахъ: вы видите охотника, который, скрывшись за деревьями, прицѣлился, съ непремѣннымъ желаніемъ убить двухъ зайцевъ; одинъ, дѣйствительно убитъ, онъ падаетъ; другой, вѣроятно, раненый, еще бѣжитъ. Этотъ фактъ, конечно, рѣдкій, но возможный, послужилъ къ массѣ разсказовъ, гдѣ разгоряченное воображеніе охотника нашло себѣ свободное поле: въ его разсказахъ, онъ уже не двухъ зайцевъ убилъ, а, конечно, больше, можетъ быть цѣлую дюжину.

Почтовый ящикъ.

Въ Екатеринославъ. Г. А. Къ величайшему сожалѣнію, Ваши стихотворенія не могутъ быть помѣщены. Стихъ очень не дуренъ, но по содержанію мало поэтиченъ, въ особенности по формѣ, употребленной Вами.

Въ г. Симбирскъ. Г. Н. По неимѣнію Вашего адреса, редакція лишена возможности отвѣтить Вамъ подробнѣе; но если-бы адресъ Вашъ и былъ въ редакціи, то стихотвореніе Ваше напечатано быть не можетъ.

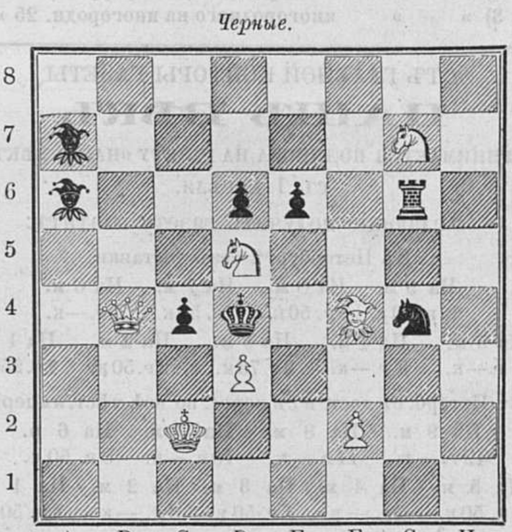
Въ Москву. Г. И. Ѳ. Ваши стихи напечатаны быть не могутъ.

Шахматы.

Задача XV.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 2 хода.

Черные.



Бѣлые.

Рѣшеніе XIV задачи, помѣщенной въ № 15.

Бѣлые.	*Черные.*
1) D7—B5	1) E1—D3 (a)
2) E6—F4 †	2) E5—F4 берутъ.
3) E2—E4 †	3) D5—E4 берутъ.
4) B5—C6 † и матъ.	

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи. Высоч. Манифестъ.—Циркуляръ Кн. Горчакова. — Телеграммы. — Съ розою въ волосахъ. —Нов. страна для охоты.—Вампиры русск. народа (прод.). — Стихотв. «Живіо, Сербія, Живіо!» — Новости наукъ и жиз.—Со всего свѣта.—Смѣсь.—Наши грав.—Почт. ящикъ.—Шахматы.—Объявленія.

Гравюры. При чтеніи (Снимокъ съ картины А. Піота).— На закатѣ. — Водопадъ Пауло-Аффонсо въ Бразиліи.—Однимъ выстрѣломъ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Объявленія.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ за 1875 и 1876 гг.

За каждый годъ, большой томъ изящно отпечатанный, со множествомъ рисунковъ, лучшихъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, уступается подписчикамъ каждый годъ за 3 рубля (безъ приложеній):

въ изящномъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ . . . . 4 р.
за два тома. . . . . 5 „
въ изящныхъ же переплет. .
за два тома. . . . . 7 р.

Деньги на пересылку высылаются по разстоянію: за одинъ томъ на 7 фунт.; за два тома 14 фунт. (До 1000 верстъ) прилагается 1 р. на пересылку за каждый томъ; сверхъ же 1000 верстъ, на каждыя сто верстъ, прилагается 7 к. на томъ.

Въ конторѣ редакціи *«Живописнаго Обозрѣнія»*, а также въ книжномъ магазинѣ М. П. Попова, (Невскій пр. въ зданіи Пассажа), и у всѣхъ книгопродавцевъ Спб. и Москвы поступила въ продажу книга:

„ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО“

Томъ I. Изданіе редакціи журнала «Живописнаго Обозрѣнія». Цѣна **3** р. **50** к., съ пересылкою **4** р.

Гг. подписчики «Живописнаго Обозрѣнія» 1877 г. получаютъ эту книгу съ пересылкой за 3 р. 50 к.

Книгопродавцы пользуются обычною уступкой.

ОТЪ КОНТОРЫ ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ.

За перемѣну адреса редакція проситъ гг. подписчиковъ высылать:

1) За перемѣну петербургск. на иногородн. 85 к.
2) » » иногородн. на петербургск. 50 »
3) » » иногороднаго на иногородн. 25 »

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ ГАЗЕТЫ

НАШЪ ВѢКЪ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ «НАШЪ ВѢКЪ» съ 1 АПРѢЛЯ.

Желающіе получать газету платятъ:

Въ Петербургѣ безъ доставки.

На 9 м.	На 8 м.	На 7 м.	На 6 м.
9 р. 50 к.	8 р. 50 к.	7 р. 50 к.	7 р. — к.

Па 5 м.	На 4 м.	На 3 м.	На 2 м.	На 1 м.
6 р. — к.	5 р. — к.	3 р. 75 к.	2 р. 50 к.	1 р. 25 к.

Въ Петерб. съ дост. и съ перес. во всѣ мѣст. имперіи.

На 9 м.	На 8 м.	На 7 м.	На 6 м.
12 р. — к.	11 р. — к.	10 р. — к.	8 р. 50 к.

На 5 м.	На 4 м.	На 3 м.	На 2 м.	На 1 м.
7 р. 50 к.	6 р. — к.	4 р. 50 к.	3 р. — к.	1 р. 50 к.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, Большая Конюшенная, д. № 17. кв. № 2, и въ главныхъ книжныхъ магазинахъ. Контора редакціи для пріема подписки и объявленій открыта ежедневно. Принимаются казенныя и частныя объявленія всякаго рода, на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Плата за объявленія, печатаемыя петитомъ по 8 к. за строчку на послѣдней страницѣ и 15 впереди текста.

Въ Парижѣ подписка на газету и объявленія принимается у M. Adam, 2 Carrefour de la croix rouge.

Контора проситъ высылать требованія заблаговременно, чтобы можно было озаботиться своевременной разсылкой газеты.

При возобновленіи подписки, равно и при перемѣнѣ адреса, просятъ обращаться исключительно въ главную контору (Большая Конюшенная д. № 17, кв. № 2) съ приложеніемъ прежней бандероли.

ОБЪ ИЗДАНІИ

„ВѢСТНИКА ЯРОСЛАВСКАГО ЗЕМСТВА“

въ 1876—1877 году.

Вступивъ, съ іюля, въ пятый годъ своего существованія, «Вѣстникъ Ярославскаго Земства» будетъ издаваться по слѣдующей программѣ, утвержденной правительствомъ:

Отдѣлъ первый. Постановленія и распоряженія правительства по земскому дѣлу.

Отдѣлъ второй. Отчеты и извѣстія о дѣятельности земскихъ учрежденій Ярославской губерніи, извлеченныя изъ журнальныхъ постановленій и другихъ актовъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ собраній и управъ.

Отдѣлъ третій. Статистическіе матеріалы о Ярославской губерніи и разныя свѣдѣнія, касающіяся мѣстныхъ нуждъ ярославскаго земства, по предметамъ вѣдѣнія земскихъ учрежденій.

Благодаря четырехлѣтнему опыту, Редакція убѣждена, что, при содѣйствіи и сочувствіи большинства земскихъ дѣятелей къ ȯргану ярославскаго земства, онъ можетъ и впредь исполнять свою задачу съ прежнею, и даже съ бȯльшею полнотою и отчетливостью. Впрочемъ, не давая никакихъ положительныхъ обѣщаній, Редакція можетъ заявить здѣсь только одно, что она постарается отнестись къ своему дѣлу съ любовью и внимательно, и представитъ, между прочимъ, своимъ читателямъ нѣсколько очерковъ десятилѣтней дѣятельности нѣкоторыхъ земствъ нашей губерніи. При этомъ Редакція считаетъ себя обязанною заявить теперь же, что бȯльшій или меньшій интересъ «Вѣстника» будетъ зависѣть прежде всего и главнымъ образомъ отъ дѣятельности какъ самихъ земскихъ собраній, такъ и отъ его сотрудниковъ—губернскихъ и уѣздныхъ гласныхъ, равно и частныхъ лицъ, хотя и неимѣющихъ непосредственнаго отношенія къ земству, но сочувствующихъ его развитію и успѣхамъ.

Труды Редакціи будутъ выражаться преимущественно въ третьемъ отдѣлѣ «Вѣстника» (такъ-какъ составъ двухъ первыхъ отдѣловъ поставленъ въ условія, нисколько отъ насъ независящія).

Считаемъ не лишнимъ вспомнить, что въ 1875—1876 годахъ напечатаны были, между прочимъ, слѣдующія статьи и замѣтки:

1) Центры производства главнѣйшихъ видовъ кустарной промышленности въ Ярославской губерніи, А. В. Скульскаго. 2) Чтȯ нужно для сельскаго хозяйства въ Ярославской губерніи, Д. В. Гаврилова. 3) Отчетъ ярославскаго общества для вспомоществованія учащимся недостаточнаго состоянія съ 1-го сентября 1874 года по 1-е сентября 1875 года. 4) Опредѣленіе вѣса живого скота, С. Ю. Заборскаго. 5) Средство противъ мыти телятъ и средство отъ моли, В. Ф. Трибальскаго. 6) Наши главнѣйшія задачи по сельскому хозяйству въ Пошехонскомъ уѣздѣ. А. А. Прасолова. 7) О лугахъ, Е. А. Алексѣева. 8) Значеніе образцовыхъ хозяйствъ вообще, и въ особенности о хозяйственной дѣятельности Франца Горскаго, С. Ю. Заборскаго. 9) Село Козьмодемьянское (статистическій очеркъ), С. Я. Дерунова. 10) О мѣрахъ къ улучшенію сельскаго хозяйства въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Я. А. Прасолова. 11) Хозяйственныя замѣтки, Е. А. Алексѣева. 12) Способъ храненія навоза, испытанный на практикѣ, г. Карабановича. 13) Приборъ для испытанія всхожести сѣмянъ, г. Коробовского. 14) О выкармливаніи пѣтуховъ, Н. Л. Шишмарева. 15) Очеркъ десятилѣтней дѣятельности ярославскаго губернскаго земства по народному образованію, Л. Н. Трефолева. 16) Открытіе двухкласснаго училища въ Пошехоньѣ, Е. А. Алексѣева. 17) Какъ уменьшить смертность новорожденныхъ дѣтей? Н. В. Пирожкова. 18) Причины пожаровъ въ деревняхъ и селахъ, и мѣры къ устраненію этихъ причинъ, А. Красносельскаго. 19) Ярославская земская повивальная школа, Н. В. Пирожкова. 20) О кустарной промышленности въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Е. А. Алексѣева. 21) Опытъ посѣва ржи по яровой пшеницѣ, засѣянной на подсѣчной землѣ, Е. А. Алексѣева. 22) Нѣсколько словъ о лугахъ, С. Ю. Заборскаго. 23) Грибы, какъ одинъ изъ главнѣйшихъ продуктовъ продовольствія нашего населенія, Е. А. Алексѣева. 24) О комоломъ скотѣ, г. Карабановича. 25) Послѣднія постановленія ростовскаго земства по народному образованію, И. Ѳ. Кошкина. 26) Журналы мологскаго сельско-хозяйственнаго съѣзда 1875 года. 27) Журналы рыбинскаго съѣзда сельско-хозяйственныхъ, статистическихъ и естественно-научныхъ бесѣдъ. 28) Первоначальныя земскія школы Пошехонскаго уѣзда, Е. А. Алексѣева. 29) Живопись по финифти въ городѣ Ростовѣ, А. А. Титова. 30) Журналъ засѣданія годового общаго собранія ярославскаго общества сельскихъ хозяевъ. 31) Годовой отчетъ о состояніи народныхъ училищъ по Ярославской губерніи за 1875 годъ, В. И. Шпеера. 32) Романовскіе и пошехонскіе портные въ Ростовскомъ уѣздѣ, А. А. Титова. 33) Отчетъ о ходѣ взаимнаго земскаго страхованія отъ огня въ Ярославской губерніи за 1875 лодъ. 34) Отчетъ о дѣятельности ярославской лѣчебницы для приходящихъ больныхъ за 1875 годъ, Н. В. Пирожкова. 35) Мѣры къ сохраненію лѣсовъ, Д. Д. Дашкова. 36) Выпускной экзаменъ въ ярославской земской повивальной школѣ, Н. В. Пирожкова. 37) Дѣятельность ростовскаго земства по охраненію народнаго здравія съ 1865 г. по 1875 г., А. А. Титова. 38) О храненіи картофеля, г. Карабановича, 39) Объ устройствѣ депо сельско-хозяйственныхъ орудій, Е. А. Алексѣева. 40) Крестьянскія кожевни, С. Я. Дерунова. 41) Наши лѣса, С. Ю. Заборскаго. 42) Разныя сельско-хозяйственныя замѣтки, Е. А. Алексѣева.

Къ нѣкоторымъ изъ поименован. здѣсь статей были приложены чертежи и рисунки.

«Вѣстникъ Ярославскаго Земства» будетъ выходить книжками отъ 12-ти до 15-ти печатныхъ листовъ, и болѣе, соображаясь съ количествомъ матеріаловъ, которыми можетъ располагать Редакція.

Годовое изданіе состоитъ изъ двѣнадцати нумеровъ, иногда соединяемыхъ по два въ одну книгу.

Цѣна за годовое изданіе:

Безъ пересылки и доставки на домъ пять рублей.

Съ пересылкой по почтѣ и доставкой на домъ въ Ярославлѣ шесть рублей.

Подписка на отдѣльныя книжки «Вѣстника не принимается.

Гг. земскимъ гласнымъ Ярославской губерніи «Вѣстникъ» высылается безплатно. Волостныя правленія Ярославской губерніи платятъ только 1 руб. на почтовые расходы.

Губернскія и уѣздныя земскія управы другихъ губерній, а равно всѣ иногородные гг. земскіе гласные, при подпискѣ на «Вѣстникъ Ярославскаго Земства», пользуясь уступкой, могутъ получать его за 4 руб., съ пересылкою по почтѣ. Книгопродавцамъ дѣлается уступка 20% съ подписной цѣны.

Подписка, а также статьи для напечатанія принимаются исключительно въ Редакціи, состоящей при ярославской губернской управѣ, на углу Ростовской и Большой-Рождественской улицъ (противъ Шапочной биржи), въ собственномъ домѣ.

Редакторъ **А. В. Скульскій.**
Помощникъ редактора **Л. Н. Трефолевъ.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 апрѣля 1877 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 л., д. № 12.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

№ 17. Томъ I. На годъ съ доставкою и пересылкою 7 руб.; на полгода 4 р. 50 к. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 24 Апрѣля 1877 года. Адрессъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Троицкій переулокъ, домъ № 27/1. Годъ V.

Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде

ОТЪ РЕДАКЦІИ ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ (ГОДЪ ПЯТЫЙ).

Журналъ выходитъ еженедѣльно, въ форматѣ большихъ иллюстрацій, въ количествѣ 52-хъ нумеровъ въ годъ.

При журналѣ дается, въ видѣ преміи, ежемѣсячное иллюстрированное приложеніе (двѣнадцать выпусковъ въ годъ)

„ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО“.

Кромѣ того, подписчики получаютъ **нѣсколько другихъ премій**, изъ коихъ первая — большая гравюра: **продажа амулетовъ**, снимокъ съ картины проф. **Генриха Семирадскаго**, на толстой веленевой бумагѣ, длиною одинъ аршинъ, шириною 12½ вершк., въ настоящее время печатается и разошлется всѣмъ **годовымъ** подписчикамъ въ маѣ мѣсяцѣ.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: П. В. Быковъ, И. Н. Захарьинъ (Якунинъ), А. Майковъ, В. И. Немировичъ-Данченко, И. В. Омулевскій, П. И. Папшно, В. Славянскій, Н. П. Стремоуховъ, Н. А. Чмыревъ, В. В. Чуйко, С. С. Шашковъ, А. К. Шеллеръ (Михайловъ), и друг.

По случаю войны, на театръ военныхъ дѣйствій **отправленъ редакціею специальный корреспондентъ-художникъ**,— и въ журналѣ будутъ помѣщаться иллюстраціи съ подробнымъ описаніемъ военныхъ дѣйствій, для наглядности которыхъ разошлется въ началѣ мая вторая премія—**карта Турецкой Имперіи.**

Въ одномъ изъ ближайшихъ нумеровъ начнется печатаніе «Полярная экспедиція» профессора **Норденскіольда**, съ значительнымъ количествомъ рисунковъ художника **Ріу.** Первая часть: «Отъ Новой Земли до Енисея».—Вторая часть: «Возвращеніе чрезъ Карское море».—Третья часть: «Отъ Хинксонъ-Галена до Стокгольма чрезъ Сибирь».

Годовая подписная цѣна журнала съ доставкою и пересылкою 7 руб., безъ пересылки и доставки 6 руб. На полгода: съ 1-го іюля, съ пересылкою 4 р. 50 коп. безъ пересылки 3 руб.

Главная контора журнала: С.-Петербургъ, Троицкій переулокъ д. № 27.

Подписка продолжается. Новые подписчики получаютъ журналъ съ перваго нумера.

Англійская набережная въ С.-Петербургѣ.

Контора „Живописнаго Обозрѣнія“ приглашаетъ гг. подписавшихся на журналъ съ разсрочкою — выслать въ концѣ сего апрѣля, слѣдуемыя деньги, согласно условіямъ подписки, во избѣжаніе замедленія, могущаго произойти при дальнѣйшей высылкѣ имъ нумеровъ журнала.

Судъ присяжныхъ.

I.

Теплая майская ночь; привѣтливо глядитъ лазурное небо своими миріадами глазъ; блестятъ они, ласково льютъ свой голубой слабый свѣтъ, и тепло, и хорошо дѣлается на душѣ, дышется легче, съ жадностью вдыхается и этотъ весенній воздухъ, и этотъ ароматъ цвѣтущихъ садовъ.

Тихо журчитъ рѣка, освободившись отъ своей ледяной коры; съ нѣгою плещутся ея волны объ отлогіе берега, и только этотъ плескъ рѣки, да удалая пѣсня рано залетѣвшаго соловья, нарушаютъ ночную тишину. Спитъ село непробуднымъ сномъ, успокоились рабочія руки, грезятся усталому люду сладкіе сны, улыбаются сквозь сонъ сельскія красавицы ласкамъ парней и сладко, и жутко дѣлается имъ отъ нихъ.

Въ саду Черненки затрещалъ плетень; высокій, статный парень перескочилъ въ садъ; въ хатѣ, къ окну, прильнуло чье-то личико; черезъ минуту тихо заскрипѣла дверь и показалась въ ней женская фигура; торопливо подбѣжала она къ парню и обвила его шею руками. Ни словъ, ничего не слышно, только въ ночной тишинѣ прозвучалъ поцѣлуй, да слышалось порывистое дыханіе. Крѣпко обнялась молодая парочка; жарки были ихъ объятія, еще жарче поцѣлуи... не говорилось имъ какъ-то, только часто, часто билось сердце и они все крѣпче и крѣпче прижимались другъ къ другу.

— Рыбка моя, ласточка, Галя моя коханая! слышался шепотъ парня.

— Люблю я тебя, охъ какъ люблю крѣпко, отвѣчала такъ же шепотомъ дівчина, не нужны мнѣ ни батько, ни мать, никого, никого не нужно, тебя только коханый мой!

— Когда же мы поберемось *)? спросилъ робко парень, ты вотъ говоришь, что любишь меня, а сватовъ все не позволяешь присылать къ тебѣ.

Въ голосѣ его слышалось столько страха получить снова отказъ, столько мольбы, что Галѣ какъ-то невольно стало жаль его.

— Присылай завтра, Петро, прошептала она; головка ея упала на грудь, яркимъ румянцемъ покрылось ея лицо, а слезинки такъ и зачастили изъ глазъ; Галя сама не знала, о чемъ плакала.

Горячими поцѣлуями осыпалъ Петро головку Гали; и долго еще раздавался въ саду страстный шепотъ, тихо плескалась рѣка, да изъ за рѣки доносилось пѣніе соловья.

II.

Самъ не свой сидѣлъ Петро въ своей хатѣ; сердце его то замирало отъ страха, то билось надеждой; каждую минуту онъ выглядывалъ въ окно не идутъ ли сваты; то злость брала его на ихъ долгое отсутствіе, то хотѣлось ему отсрочить ихъ приходъ; краска то появлялась, то исчезала на его лицѣ.

Давно уже Петро любилъ Галю. Вспомнился ему тотъ вечеръ какъ Галя, въ лѣсу, въ первый разъ припала къ его лицу и прошептала ему, зардѣвшись вся, какъ вишенка: «люблю тебя, Петро мій, коханый». Вспомнилась ему и вчерашняя ночь, ея поцѣлуи, ея позволеніе прислать сватовъ къ ея отцу, а сердце все сильнѣе и сильнѣе билось въ его груди.

На дворѣ послышались голоса. Петро такъ и замеръ на мѣстѣ: ни одной кровинки не осталось въ его лицѣ.

Въ хату вошли двое сватовъ, въ рукахъ ихъ ничего не было.

— Ну что? спросилъ, чуть слышно, Петро, не глядя на сватовъ.

Тѣ смотрѣли въ сторону.

— Съ гарбузомъ *)? еще тише спросилъ Петро.

— И такъ и не такъ, отвѣчалъ какъ-то неловко одинъ изъ сватовъ; да ты не горюй, живѣе продолжалъ онъ, дѣло еще можетъ поправиться....

Петро схватился за голову и повалился на столъ.

— И сказать не съумѣлъ, вмѣшался другой сватъ, какой тамъ гарбузъ, никакого гарбуза нѣтъ....

Петро не слушалъ ихъ, сильнѣе и сильнѣе сжимались его зубы, крѣпче и крѣпче впивались его руки въ волосы.

— Да ты не убивайся Петро, а послушай, что я скажу: принялъ насъ Черненко чинъ чиномъ, угостилъ, какъ слѣдуетъ, а тебѣ велѣлъ сказать, что онъ отдалъ бы за тебя дочку, если бы ты побогаче былъ, ну хоть прикупилъ бы еще пару воловъ.

— А тогда отдастъ? спросилъ Петро, поднимая голову; на его щекахъ разлился румянецъ, въ глазахъ снова загорѣлась надежда.

— Обѣщалъ отдать, я его спрашивалъ, отвѣчалъ сватъ.

Петро вскочилъ, засуетился, захлопоталъ, и поздно вышли отъ него сваты, спотыкаясь на каждомъ шагу и не находя своихъ дворовъ.

III.

Раннее утро; все село еще спитъ; темнота, какъ будто, мало по малу сдвигается на западъ и вмѣсто нея на востокѣ загорается свѣтъ; ярче и ярче становится онъ; брызнули огненные столбы и прогнали собою совершенно темноту; показалось солнце и облило все своимъ утреннимъ розовымъ цвѣтомъ.

На сельской улицѣ, съ палкой въ рукахъ и котомкой за плечами, показался Петро; медленно шелъ онъ по улицѣ, постоянно оглядываясь, словно поджидая кого; вышелъ онъ за село, грустно стало у него на душѣ, перекрестился онъ на всѣ четыре стороны, сдѣлалъ земной поклонъ, поцѣловалъ родную землю, взялъ комокъ земли, завязалъ его въ тряпку, и, повѣсивъ себѣ на шею вмѣстѣ съ крестомъ, тихо побрелъ пыльной дорогой дальше.

Вотъ и небольшой лѣсокъ... много воспоминаній навѣялъ онъ въ голову Петра; подошелъ онъ къ криницѣ, сбросилъ съ себя котомку и легъ.

Вскорѣ на дорогѣ показалась Галя съ коромысломъ на плечахъ. Вскочилъ Петро, увидѣвъ ее, и бросился къ ней на встрѣчу. Сбѣжались они, обхватили другъ друга руками, да такъ и замлѣли. Слезы ручьями бѣжали по лицу Гали.

— Скоро ли ты назадъ-то придешь? спросила, наконецъ, Галя, глотая слезы.

— Не знаю, Галя, въ раздумьи проговорилъ Петро; не знаю, родная моя, пойду теперь на Черноморье косаремъ, заработаю на пару воловъ, къ Покрову назадъ вернусь, а нѣтъ — въ батраки пойду. Ворочусь сюда тогда только, когда тебя можно будетъ взять. Только смотри, Галя!—при этомъ глаза у него загорѣлись—смотри, ты знаешь какъ я люблю тебя; Боже тебя сохрани забыть меня, ни тебя, ни себя не пожалѣю!

— Что ты! Господь съ тобой, Петро, не такъ я люблю тебя! сказала Галя прижимаясь къ Петру.

Въ селѣ заскрипѣли ворота, поцѣловалъ Петро Галю въ послѣдній разъ, взялъ котомку и пустился въ путь, а Галя долго еще стояла, глядя ему вслѣдъ и утирая слезы, лившіяся ручьями изъ ея глазъ.

IV.

Прошло два года; въ заставу уѣзднаго города входилъ Петро; бодро шагалъ онъ по улицамъ; довольство, веселье, такъ и свѣтились въ его глазахъ. Два года не былъ онъ на родинѣ, вся душа изныла по ней. съ каждымъ шагомъ дѣлался онъ веселѣе. Сегодня вечеромъ онъ будетъ въ родномъ селѣ, увидитъ Галю, покажетъ ея отцу свою казну, а тамъ свадьба, счастье!

Сзади его раздался трескъ барабана, Петро оглянулся: впереди шелъ барабанщикъ, за нимъ взводъ солдатъ, потомъ двигались черныя дроги, на которыхъ сидѣла женщина; на груди у ней висѣла черная доска съ надписью: *«за дѣтоубійство»*. Петро взглянулъ на женщину и остолбенѣлъ.

— Галя! вырвался у него отчаянный крикъ.

Сидѣвшая на дрогахъ женщина повернула голову въ ту сторону, откуда послышался крикъ; при видѣ его, тяжелый стонъ вырвался у нея изъ груди и она отвернулась въ сторону.

Петро стоялъ какъ убитый; руки опустились у него и висѣли какъ плети, голова поникла на грудь, глаза изъ подлобья глядѣли на Галю. Машинально послѣдовалъ онъ за позорной колесницей и смѣшался въ толпѣ. Колесница, солдаты, народъ, все это мѣшалось въ его головѣ; одно только смутно сознавалъ онъ, что Галя его опозорена.

— За что везутъ ее на площадь? обратился онъ съ вопросомъ къ сосѣду.

— Ребенка съ кѣмъ-то прижила, да и утопила его въ криницѣ, отвѣчалъ тотъ.

«Въ той криницѣ, около которой прощалась со мной», промелькнуло у него въ головѣ. Сердце его болѣзненно сжалось.

— А тому-то ничего не будетъ? снова спросилъ онъ сосѣда.

— Что жъ ему, извѣстно ничего, небось теперь съ другой гуляетъ.

— Какой же это человѣкъ?

— Да въ томъ же селѣ живетъ, откуда эта баба.

«Ничего, ничего», думалъ Петро, отправляясь въ деревню, «натѣшился надъ ней, сгубилъ дівчину и ничего! Эхъ вы люди, люди, судьи вы праведные!»

V.

Сладко спалъ, разметавшись въ телѣгѣ Алексѣевъ, давно уже забылъ онъ про Галю, про темный вишневый садикъ, про ея ласки и любящія рѣчи; совѣсть не упрекаетъ его за нее; грезятся ему другія дѣвушки и улыбается онъ сквозь сонъ.

Во дворъ тихо, точно воръ, прокрадывается Петро... въ рукахъ его блеснулъ топоръ... крадется онъ къ телѣгѣ, на которой спитъ Алексѣевъ, прислушивается къ его дыханію и оторопь нападаетъ на него.

---

*) Повѣнчаемся.

*) Въ Украйнѣ, въ случаѣ отказа жениху, давали сватамъ гарбузъ (тыкву).

«Не бросить ли, не уйти ли?» думается ему. «А Галя, а ея позоръ, а мое загубленное счастье!» вслѣдъ затѣмъ проносится въ его головѣ; рука сильнѣе сжимаетъ топоръ, въ вискахъ стучатъ точно молоты, глаза наливаютоя кровью, въ головѣ все мѣшается, онъ видитъ передъ собой спокойно спящаго и злоба, непримиримая злоба закипаетъ у него на душѣ. Рѣшительно взмахнулъ онъ топоромъ и съ страшною силою опустилъ его на голову; чѣмъ-то горячимъ обдало ему лицо, грудь, руки. Петро зашатался какъ пьяный, гнѣвъ прошелъ у него мгновенно, страхъ, жалость обхватили его душу, топоръ выпалъ изъ рукъ; солдатъ захрипѣлъ, съ ужасомъ отскочилъ отъ него Петро.

— Что я сдѣлалъ, что я сдѣлалъ!... шепталъ онъ хватаясь за голову.

Потомъ, какъ будто на что рѣшившись, онъ быстро подошелъ къ хатѣ и сильно постучалъ въ окно.

— Кто тамъ, что нужно? послышался голосъ изъ хаты.

— Скорѣе выходите сюда! не своимъ голосомъ закричалъ Петро.

Вышелъ мужикъ.

— Что нужно? спросилъ онъ.

— Вяжите меня, я убилъ Алексѣева! простоналъ Петро.

VI.

Зала окружнаго суда биткомъ набита народомъ. Процессъ привлекъ множество любопытныхъ; жара была нестерпимая; въ толпѣ слышались сожалѣнія о преступникѣ, совершившемъ убійство изъ ревности; дамы находили его интереснымъ. На скамьѣ подсудимыхъ сидѣлъ блѣдный, исхудалый Петро; онъ уставилъ глаза на образъ и не сводилъ съ него глазъ. Изъ комнаты присяжныхъ раздался звонокъ. Все мгновенно стихло, слышно было какъ муха пролетитъ; Петро опустилъ глаза; защитникъ его поднялъ голову и нетерпѣливо взглянулъ на дверь въ комнату присяжныхъ. Она отворилась и изъ нея вышли двѣнадцать человѣкъ.

Впередъ выступилъ старшина съ листомъ бумаги въ рукахъ.

— Виновенъ ли крестьянинъ Петръ Чеботаренко въ убійствѣ Алексѣева? прочелъ онъ громко и внятно.

Вслѣдъ за этимъ наступило страшное, томительное мгновеніе, всѣ затаили дыханіе, Петро снова взмахнулъ глазами на образъ.

— Нѣтъ, не виновенъ! прочелъ присяжный.

Взрывъ рукоплесканій заглушилъ все.

Раздался звонокъ предсѣдателя.

— Вы свободны! сказалъ онъ, обращаясь къ Петру.

Ручьемъ хлынули изъ глазъ Петра горячія, жгучія слезы, въ отвѣтъ на слова предсѣдателя.

Н. Чмыревъ.

Черная Индія.

Романъ Жюля Верна.

I.

Г-ну Д. Р. Старръ, инженеру, 30. Кононгэтская
улица. Эдинбургъ.

Г. Джемсъ Старръ просятъ пріѣхать завтра въ Аберфойльскія каменноугольныя копи, въ яму Дошаръ, Яроской шахты; ему имѣютъ сообщить нѣчто весьма для него интересное.

— Гарри Фордъ, сынъ Симона Форда, бывшаго надсмотрщика, будетъ ждать цѣлый завтрашній день г-на Джемса Старра на Калландерскомъ дебаркадерѣ.

— Держите это приглашеніе подъ секретомъ.

Джемсъ Старръ получилъ это письмо по первой почтѣ 3 декабря 18.., на немъ стоялъ штемпель Аберфойльскаго почтамта, въ графствѣ Стёрлингъ, Шотландія.

Оно за-живо задѣло любопытство инженера, который былъ издавна и хорошо знакомъ съ Симономъ Фордомъ, однимъ изъ бывшихъ надсмотрщиковъ въ Аберфойльскихъ копяхъ, гдѣ Джемсъ Старръ былъ въ теченіе двадцати лѣтъ главнымъ директоромъ и распредѣлителемъ работъ.

Джемсъ Старръ отличался крѣпкимъ сложеніемъ и казался на видъ моложе своихъ полныхъ пятидесяти пяти лѣтъ. Онъ принадлежалъ къ старинному эдинбургскому роду; всѣ шотландскіе, а въ особенности аберфойльскіе инженеры, глубоко уважали его. Джемсъ Старръ провелъ бо̀льшую часть своей жизни въ Аберфойльскихъ копяхъ и, кромѣ того, принадлежалъ къ обществу шотландскихъ антикваріевъ, коимъ былъ избранъ въ предсѣдатели.

Англичане, какъ извѣстно, дали обширнымъ своимъ каменноугольнымъ копямъ одно общее названіе, и именно: «Черная Индія». Эта Индія способствовала развитію огромнаго богатства въ Соединенныхъ Королевствахъ болѣе даже, чѣмъ восточная Индія. Въ каменноугольныхъ копяхъ Великобританіи работаетъ день и ночь многочисленное населеніе; оно добываетъ изъ почвы каменный уголь—столь драгоцѣнное и необходимое для промышленной жизни вещество.

Въ тѣ времена рано было думать о томъ, что наступитъ когда нибудь день, когда истощатся эти копи. Тогда не предвидѣлось почти срока, когда оба свѣта не будутъ въ состояніи, за недостаткомъ угля, снабжать имъ весь міръ. Всевозможныя фабрики, локомотивы, пароходы, газовые заводы могли на долго расчитывать на это вещество. Употребленіе угля въ теченіе послѣднихъ лѣтъ такъ увеличилось, что за это время многія копи истощились и окончательно заброшены.

Въ такомъ именно положеніи находились Аберфойльскія копи.

Десять лѣтъ тому назадъ, была вырыта изъ нихъ послѣдняя тонна угля. Эти копи можно было сравнить теперь съ скелетомъ мастодонта огромныхъ размѣровъ, изъ котораго повынимали всѣ органы жизненныхъ отправленій и оставили одинъ только остовъ.

Грустное зрѣлище представляли изъ себя рудокопы въ тотъ день, когда они въ послѣдній разъ сошлись, чтобы затѣмъ разбрестись въ разныя стороны, проведя вмѣстѣ столько лѣтъ; пикеры, катальщики, насыпальщики, кондукторы, начальники, кузнецы, плотники, жены, дѣти, старики—всѣ собрались, чтобы проститься съ Джемсомъ Старромъ. Общество раздало всѣмъ имъ, въ видѣ награжденія, барыши, полученные за текущій годъ. Сумма эта хотя ничтожная—потому что барышъ мало чѣмъ превосходилъ всѣ расходы, сопряженные съ добываніемъ угля—давала имъ возможность прожить, пока они не найдутъ себѣ должностей на сосѣднихъ копяхъ, фермахъ или фабрикахъ графства.

Джемсъ Старръ предсталъ передъ толпою съ непокрытою головою; его окружили пятидесятипятилѣтній Симонъ Фордъ и другіе рабочіе; всѣ рудокопы сняли шапки и сохраняли глубокое молчаніе.

Прощальная эта сцена была трогательная и вмѣстѣ съ тѣмъ торжественная. Джемсъ Старръ прервалъ, наконецъ, молчаніе слѣдующими словами:

— Насталъ часъ разлуки, друзья мои! Каменноугольныя копи Аберфойля изсякли и намъ всѣмъ, работавшимъ совмѣстно въ теченіе столькихъ лѣтъ, приходится разставаться. Сколько поколѣній рабочихъ смѣнилось здѣсь! Но теперь все повыбрано изъ этой копи; и мы, поневолѣ, должны разстаться; но помните, что Аберфойльскіе рудокопы считаютъ своимъ долгомъ помогать другъ другу. Мы не забудемъ никого изъ васъ, обращайтесь къ намъ какъ къ друзьямъ, и мы, по мѣрѣ возможности, будемъ исполнять ваши просьбы. И такъ прощайте, друзья мои; да благословитъ васъ Богъ!

Съ этими словами Джемсъ Старръ обнялъ самаго стараго рабочаго, у котораго глаза отъ волненія наполнились слезами. Надсмотрщики подошли къ инженеру, пожимали ему руки, а остальные рабочіе махали шапками и кричали:

— Прощайте, Джемсъ Старръ, нашъ начальникъ и другъ!

Затѣмъ всѣ начали постепенно расходиться и сосѣдняя съ Аберфойльскими копями мѣстность точно замерла.

Вся толпа разошлась за исключеніемъ Симона Форда; онъ стоялъ возлѣ Джемса Старра съ пятнадцатилѣтнимъ сыномъ своимъ, Гарри, работавшимъ уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подъ землей.

Джемсъ Старръ и Симонъ Фордъ хорошо знали и уважали другъ друга.

— Прощай, Симонъ, сказалъ инженеръ.

— Прощайте, г-нъ Джемсъ! отвѣчалъ надсмотрщикъ;—впрочемъ, скажу, лучше, до свиданія!

— Ты правъ, Симонъ! лучше говорить до свиданія. Вѣдь ты знаешь, что я всегда буду радъ тебя видѣть и вспомнить о нашей старой копи!

— Я это знаю!

— Мой домъ въ Эдинбургѣ всегда будетъ открытъ для тебя.

— Эдинбургъ не близокъ! отвѣтилъ Симонъ, покачивая головою. До него далеко отъ Дошарской шахты!

— Гдѣ же ты думаешь жить?

— Здѣсь, господинъ Джемсъ! Жена, сынъ и я ни за что не рѣшимся разстаться съ старою кормилицею изъ-за того, что молоко ея изсякло.

— Ну, прощай, Симонъ, сказалъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ инженеръ.

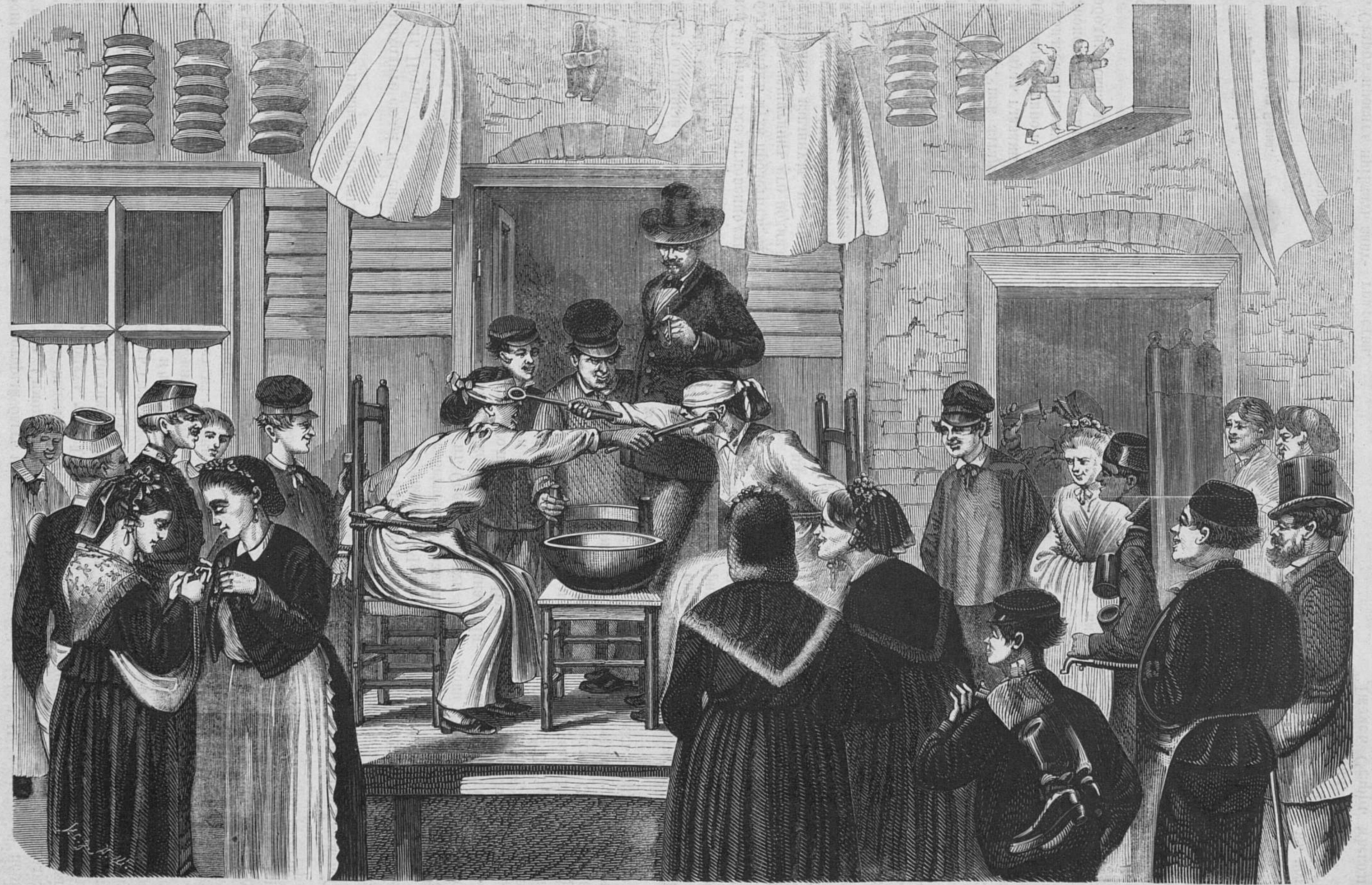
— До свиданія, г-нъ Джемсъ; готовъ дать голову на отрѣзъ, что Аберфойльскія копи снова васъ увидятъ.

Инженеру не хотѣлось обезнадеживать Симона, поэтому онъ и не противорѣчилъ ему. Онъ поцѣловалъ Гарри, пожалъ въ послѣдній разъ руку Симона и удалился.

Все разсказанное нами въ этихъ строкахъ происходило десять лѣтъ тому назадъ; въ теченіе этого времени Джемсъ Старръ потерялъ изъ виду Симона Форда.

По прошествіи же десяти лѣтъ разлуки, Джемсъ получилъ вышеупомянутое письмо отъ Симона Форда, въ которомъ тотъ приглашалъ его немедленно пріѣхать въ Аберфойльскія копи.

Джемсъ Старръ нѣсколько разъ перечитывалъ письмо; его страшно интриговала мысль, какое интересное сообщеніе могъ ему сдѣлать Симонъ Фордъ. Неужели удалось таки Симону открыть новую минеральную жилу? Нѣтъ это невозможно! Вѣдь я, не довѣряя другимъ, самъ зондировалъ почву и не нашелъ никакихъ признаковъ залежей



Марольскій кварталъ въ Брюсселѣ.

угля. А впрочемъ, Симонъ Фордъ знаетъ, что меня одно только можетъ интересовать; и вдругъ въ самомъ дѣлѣ...?

— Я непремѣнно поѣду, повторялъ себѣ Джемсъ Старръ; онъ все болѣе и болѣе волновался.

Джемсъ Старръ принадлежалъ къ категоріи тѣхъ страстныхъ людей, у которыхъ мозгъ постоянно точно кипитъ; но Джемсъ Старръ получилъ въ шесть часовъ вечера второе письмо, которое подѣйствовало на него точно такъ, какъ если бы его обдали ушатомъ холодной воды.

Это второе письмо было вложено въ простой конвертъ, подписанный непривычною рукою. Джемсъ Старръ разорвалъ конвертъ. Въ немъ оказалась простая, пожелтѣвшая отъ времени бумажка, вырванная, повидимому, изъ старой, заброшенной тетради.

На этой бумажкѣ было написано только нѣсколько слѣдующихъ словъ:

— «Инженеру Джемсу Старру не для чего безпокоиться, такъ какъ письмо Симона Форда не имѣетъ теперь никакого значенія».

Подписи не было.

II.

И такъ второе письмо сильно озадачило Джемса Старра.

— Какъ понять его? спрашивалъ онъ себя.

Джемсъ Старръ взялъ въ руки разорванный конвертъ; на немъ, какъ и на первомъ, былъ приложенъ штемпель Аберфойльскаго почтамта; вѣрно было только то, что оно было написано не старымъ рудокопомъ. Но написавшій его, во всякомъ случаѣ, зналъ секретъ стараго надсмотрщика, потому что онъ отклонялъ пріѣздъ инженера въ Яроскую шахту.

Неужели первое приглашеніе утратило свое значеніе? Что за цѣль была помѣшать Джемсу Старру явиться на приглашеніе? Не преднамѣренно ли становились поперегъ дороги Симону Форду?

Долго, долго колебался Джемсъ Старръ, и, наконецъ, порѣшилъ во что бы то ни стало отправиться въ Дошарскую копь. Въ тотъ же вечеръ Джемсъ Старръ собрался въ дорогу и такъ какъ онъ не зналъ какъ долго продолжится его отсутствіе, то написалъ сэру Эльфинстону, предсѣдателю «Royal Institution», (гдѣ онъ былъ членомъ) что не пріѣдетъ на будущее собраніе членовъ общества. Затѣмъ приказалъ лакею приготовить дорожный мѣшокъ и легъ спать въ большомъ волненіи.

На слѣдующее утро, въ пять часовъ, Джемсъ Старръ былъ уже на ногахъ; на дворѣ шелъ мелкій, пронизывающій дождь; онъ потеплѣе одѣлся, вышелъ изъ дому и направился въ Грантонскую пристань, сѣлъ на пароходъ «Принцъ Уэльскій» и черезъ три часа высаживался въ Стерлингѣ, проѣхавши вверхъ по Форфу.

Джемсъ Старръ совсѣмъ не обращалъ вниманія на мѣстность, мимо которой онъ проѣзжалъ, и всецѣло былъ погруженъ въ думы, касающіяся двухъ полученныхъ имъ наканунѣ писемъ. Въ иныя минуты инженеръ подозрительно слѣдилъ за остальными пассажирами, желая подмѣтить, не обращаетъ ли кто либо изъ нихъ на него особеннаго вниманія. Всѣ опасенія оказались напрасными.

Погода была отвратительная; шелъ дождь при сильномъ холодномъ вѣтрѣ. Джемсъ Старръ спрашивалъ себя, будетъ-ли Гарри Фордъ ждать его на назначенномъ мѣстѣ въ такую погоду? Онъ по опыту зналъ, что рудокопы, свыкнувшись съ глубокою тишиною, царствующей въ копяхъ, очень неохотно подвергаются ужасамъ природы и атмосфернымъ невзгодамъ. Отъ Калландера до Дошарской шахты считалось, приблизительно, четыре мили; Гарри Фордъ могъ опоздать къ приходу парохода. Но главныя мысли инженера были направлены къ тому, чтобы какъ нибудь удовлетворительно объяснить себѣ два эти противорѣчивыя письма.

Джемсъ Старръ самъ съ собою порѣшилъ, что если Гарри Форда не окажется въ Каллендерѣ, то онъ самъ отправится въ Дошарскую шахту и, въ случаѣ надобности, завернетъ даже въ деревню Аберфойль. Тамъ онъ навѣрное узнаетъ о мѣстѣ жительства Симона Форда.

«Принцъ Уэльскій» присталъ на дорогѣ къ Аллойской пристани, гдѣ высадилось нѣсколько путешественниковъ. Проѣзжая послѣ десятилѣтней разлуки мимо этого маленькаго города, въ окрестностяхъ котораго богатыя каменноугольныя копи все еще доставляли многочисленной толпѣ рабочихъ средства къ жизни, Джемсъ Старръ почувствовалъ страшное стѣсненіе въ груди. Онъ перенесся въ воображеніи въ эти неистощенныя подземныя сферы, и невольно позавидовалъ тому, что Аллойскія копи до того времени продолжали обогащать графство, между тѣмъ какъ въ Аберфойльскихъ копяхъ давнымъ давно прекратились, за недостаткомъ угля, всѣ работы.

Изъ Аллоа пароходъ поплылъ по извилистому Форфу, текущему до Стерлинга на протяженіи девятнадцати миль. Здѣсь пароходъ присталъ, инженеръ высадился и черезъ пять минутъ садился въ Стерлингѣ на поѣздъ, а черезъ часъ всталъ въ Каллендерѣ, большомъ селѣ, расположенномъ на лѣвомъ берегу Тейфа (Teith).

На дебаркадерѣ ожидалъ его молодой парень, немедленно подошедшій къ нему.

То былъ Гарри, сынъ Симона Форда.

III.

Здѣсь, кажется, будетъ не лишнимъ напомнить, въ краткихъ словахъ, происхожденіе каменнаго или ископаемаго угля.

Въ геологическій періодъ, когда образовывался земной шаръ, его окружала густая атмосфера, насыщенная водяными парами и сильно пропитанная угольною кислотою. Эти пары мало по малу сгущались и начали падать въ видѣ потока на землю; эти проливные дожди можно сравнить съ тѣмъ, какъ если бы мы взяли нѣсколько милліоновъ милліардовъ бутылокъ съ зельтерской водою и опрокинули бы всѣ ихъ горлышками внизъ. Тѣ потопные дожди содержали въ себѣ значительное количество угольной кислоты, которая и отлагалась толстымм слоями на вязкую почву, подверженную болѣе или менѣе рѣзкимъ измѣненіямъ; земля сохранялась въ полужидкомъ видѣ отъ солнечнаго жара, а также отъ раскаленной внутренней массы. Внутренній жаръ не былъ еще сконцентрированъ въ центрѣ земного шара; такъ какъ кора земная не успѣла еще сгуститься и образовать твердую поверхность, то внутренній земной жаръ проникалъ черезъ ея поры на поверхность. Растительность была тогда какая-то необыкновенная,—она можетъ быть походила на ту, которая, по всей вѣроятности, находится теперь на Венерѣ, Меркуріѣ или другихъ планетахъ, болѣе приближенныхъ къ солнцу, чѣмъ земля.

Почва на материкахъ, хотя не вполнѣ образовавшаяся, покрылась огромными лѣсами. Было пропасть угольной кислоты, которая, какъ извѣстно, способствуетъ развитію царства растительнаго. Вся растительность была тогда древовидная; не было ни одного травянистаго растенія; царство растительное состояло изъ огромныхъ деревьевъ; не было ни цвѣтовъ, ни фруктовъ; она представляла собою унылый видъ, и ни одно животное не могло существовать; да къ тому же и земля не была достаточно сформирована, чтобы на ней могли жить животныя.

Допотопные лѣса эти состояли преимущественно изъ сосудистыхъ тайнобрачныхъ: росной ла̀донъ, разновидность древовидныхъ хвощей, лепидодендроны, родъ гигантскихъ плауновъ, въ 25 или 30 метровъ вышины, и въ окружности около метра, папоротники самыхъ огромныхъ размѣровъ — такова была однообразная растительность того времени.

Деревья были окружены какъ бы маленькими озерами, въ которыхъ прѣсная вода перемѣшивалась съ морской. Они съ необыкновенною жадностію поглощали въ себя углеродъ атмосфернаго воздуха, который въ видѣ каменнаго угля отдѣлялся въ самыхъ нѣдрахъ земли.

Это было время постоянныхъ землетрясеній, вслѣдствіе внутреннихъ революцій и вліянія подземнаго огня; тогда внезапно измѣнялись очертанія не вполнѣ сформированной земной поверхности. Небольшие холмики превращались въ горы; тамъ открывалась вдругъ страшная пропасть, дѣлавшаяся современемъ океаномъ или моремъ. Цѣлые лѣса потоплялись и исчезали съ поверхности земли; они углублялись, пока не встрѣчали на своемъ пути препятствіе со стороны первобытныхъ гранитовидныхъ скалъ или же нажимались другими слоями.

Внутреннее строеніе земного шара представляется въ слѣдующемъ геологическомъ порядкѣ: первичный слой, надъ нимъ слой насыпной земли, состоящій изъ первичной земли; затѣмъ вторичный слой, состоящій, главнымъ образомъ, изъ залежей каменнаго угля; затѣмъ идетъ третичный слой, а сверху слой намывной земли древнихъ и новыхъ временъ.

Въ то время во̀ды не заключались въ берегахъ, а, вслѣдствіе постояннаго сгущенія паровъ образовывались и разливались по всему земному шару; онѣ смывали недавно сформировавшіяся скалы, изъ чего образовались впослѣдствіи шиферные, песчанниковые и известковые слои. Эти во̀ды текли надъ торфяными лѣсами и, понятно, что всѣ оторванныя части скалъ отлагались на этихъ лѣсахъ и должны были образовать слѣдующій за каменноугольнымъ слой. По прошествіи нѣсколькихъ милліоновъ лѣтъ, эти слои окончательно затвердѣли, и зарыли собою, иначе сказать, прикрыли прочною бронею, состоящей изъ пудинговыхъ шиферныхъ, рыхлыхъ песчанниковыхъ, каменныхъ слоевъ, всю массу затопленныхъ лѣсовъ.

Что же произошло въ этомъ гигантскомъ горнилѣ, гдѣ накоплялись на разной глубинѣ растительныя вещества? Настоящее химическое разложеніе, нѣчто въ родѣ дистилляціи. Углеродъ со всей этой огромной растительной массы соединился въ одно мѣсто и мало по малу сталъ образовываться каменный или ископаемый уголь, чему въ значительной степени содѣйствовала высокая температура, поддерживаемая внутреннимъ огнемъ.

Вслѣдствіе этакой медленной и неизбѣжной реакціи, растительное царство должно было уступить мѣсто минеральному. Всѣ растенія, развивавшіяся вначалѣ образованія земного шара, начали окаменѣвать. Отъ многихъ веществъ этого огромнаго гербарія остались оттиски на другихъ скорѣе оминерализовавшихся слояхъ, которые нажимали тѣ вещества, на подобіе гидравлическаго пресса чрезвычайной силы. Кромѣ того, находятся не рѣдко на каменноугольныхъ пластахъ оттиски раковинъ, зоофитовъ, такъ напр. морскихъ звѣздъ, полипниковъ, спириферовъ, рыбъ, ящерицъ, занесенныхъ водами и отложившихся на не застывшемъ и не затвердѣвшемъ еще углѣ *).

Давленіе играло, какъ оказывается, не маловажную роль при образованіи угольныхъ пластовъ. Отъ степени давленія зависятъ и разные сорты каменнаго угля. Самыя нижнія залежи каменноугольной формаціи состоятъ изъ антрацита, не содержащаго въ себѣ никакихъ летучихъ веществъ, и доставляющаго болѣе всего угля. Въ верхнихъ же слояхъ часто попадается лигнитъ и ископаемыя деревья, изъ которыхъ получается значительно меньше количество угля. Между этими пластами попадаются жилы графита, жирнаго и тощаго угля, смотря по степени давленія. Мы не ошибаемся, если скажемъ, что торфяная формація совершенно не измѣнилась, вслѣдствіе только недостаточнаго на нее давленія.

И такъ, происхожденіе каменноугольныхъ копей на всемъ земномъ шарѣ объясняется слѣдующимъ образомъ: во-первыхъ поглощеніемъ земною корою огромныхъ лѣсовъ геологическаго періода, и во-вторыхъ минерализаціею растеній, происходящей, въ теченіе извѣстнаго времени, подъ вліяніемъ давленія внутренняго жара и дѣйствія углекислоты.

Однако, не смотря на всю щедрость природы, она не закрыла столько лѣсовъ, чтобы ихъ стало на нѣсколько тысячелѣтій. Наступитъ день, когда окажется полнѣйшій недостатокъ въ каменномъ углѣ. Поневолѣ придется остановить машины всего свѣта, если не откроется какое-либо другое топливо. Наступитъ время, когда повыберутся изъ нѣдръ земли всѣ угольные пласты; можетъ быть таковые находятся еще подъ дномъ Баффинова моря или подъ льдомъ близъ Гренландіи; но добываніе его изъ этихъ мѣстъ положительно немыслимо. Каменноугольныя залежи въ Америкѣ, хотя очень обширны, но Соленое озеро, Орегонъ и Калифорнія непремѣнно когда-нибудь истощатся. То же самое произойдетъ съ каменноугольными копями Бретани (cap Breton) и Св. Лаврентія, съ Аллеганскими залежами и копями Пенсильваніи, Виргиніи, Имменойса, Индіаны, Миссури. Сѣверная-Америка изобилуетъ въ десять разъ болѣе богатыми залежами, чѣмъ весь міръ, но все же не пройдетъ ста вѣковъ, какъ промышленность истребитъ это огромное количество угля.

Недостатокъ въ углѣ ощутится скорѣе въ Старомъ Свѣтѣ. Въ Абиссиніи, Наталѣ, Замбезѣ, Мозамбикѣ, Мадагаскарѣ, хотя и есть угольныя залежи, но разработка ихъ сопряжена съ многими затрудненіями. Бирманскія, Китайскія, Кохинхинскія, Японскія, Центрально-Азіатскія въ скоромъ времени истощатся. Англичане повыберутъ изъ Австралійской почвы все количество находящагося въ ней угля гораздо раньше того, чѣмъ истощится уголь въ Соединенномъ-Королевствѣ. Къ тому времени всѣ угольныя жилы Европы будутъ истощены.

Страна, болѣе другихъ изобилующая углемъ — это, безспорно, соединенное королевство. Самая богатая залежъ — это Ньюкастльская, простирающаяся по всему Нортумбеландскому графству и доставляющая ежегодно около тридцати милліоновъ тоннъ — почти третью часть того количества, которое потребляется Англіею и въ два раза болѣе чѣмъ получаетъ его Франція изъ своихъ залежей. Княжество Валлійское доставляетъ ежегодно 10 милліоновъ тоннъ превосходнаго угля, извѣстнаго въ торговлѣ подъ названіемъ Валлійскаго. Внутри Англіи добывается уголь въ графствахъ Іоркскомъ, Ланкастерскомъ, Дерби, Стаффордскомъ; хотя эти залежи не такъ богаты, но онѣ снабжаютъ значительнымъ количествомъ угля. Въ Шотландіи, между Эдинбургомъ и Гласго, находится одна изъ богатѣйшихъ каменноугольныхъ залежей Великобританіи; она простирается на 1,600 гектаровъ и доставляетъ ежегодно около ста милліоновъ тоннъ угля.

Но, не смотря на всѣ эти богатства, не пройдетъ и трехъ тысячелѣтій христіанскаго лѣтосчисленія, какъ промышленность и рудокопы истребятъ всѣ эти сокровища въ Европѣ — склады, въ которыхъ, какъ кто-то выразился, сосредоточился солнечный жаръ первыхъ дней *).

Какъ разъ въ то время, къ которому относится нашъ разсказъ, истощилась одна изъ важнѣйшихъ каменноугольныхъ копей Шотландіи и именно та, которая лежитъ между Эдинбургомъ и Гласго и занимаетъ пространство отъ 10 до 12 миль; мы говоримъ здѣсь объ Аберфойльской копи, которую разработывалъ инженеръ, Джемсъ Старръ.

Когда самыя тщательныя раскопки оказались напрасными, т. е. когда не нашли ни одной каменноугольной жилы, то всѣ работы въ Аберфойльской копи прекратились. Если бы послѣ всего этого открылась, по прошествіи десяти лѣтъ, новая каменноугольная жила, то это обстоятельство надѣлало бы, какъ выходящее изъ ряда обыкновенныхъ бещей, много шума. Вотъ почему письмо Симона Форда сильно заинтриговало стараго инженера. И вдругъ ему опять предстоитъ разработка небольшаго уголка Черной Индіи!?

Хотя, второе письмо его въ первую минуту и озадачило, но онъ о немъ совершенно забылъ, подъѣзжая къ Калландеру; къ тому же и сынъ стараго надсмотрщика ожидалъ его на назначенномъ мѣстѣ.

Не успѣлъ инженеръ выйти изъ вагона, какъ къ нему подошелъ молодой человѣкъ.

— Ты, Гарри Фордъ? спросилъ поспѣшно Джемсъ Старръ.

— Да, сударь.

— Я не узналъ бы тебя! да и немудрено; ты сдѣлался за десять лѣтъ совершенно взрослымъ мужчиною.

— А я узналъ васъ, отвѣчалъ молодой рудокопъ, стоявшій съ открытою головою. Вы нисколько не перемѣнились съ тѣхъ поръ какъ мы послѣдній разъ видѣлись съ вами въ Дошарѣ.

— Накройся, Гарри! дождь идетъ проливной, и вѣжливость не должна доходить до пренебреженія своимъ здоровьемъ.

— Не угодно-ли вамъ будетъ войти г-нъ Старръ? спросилъ Гарри.

— Нѣтъ, Гарри! этотъ дождь на цѣлый день. Отправимся въ путь.

— Какъ прикажете, отвѣчалъ Гарри.

— Скажи мнѣ, Гарри, здоровъ ли твой отецъ?

— Совершенно.

— А мать?

— Она также совсѣмъ хорошо себя чувствуетъ.

— Мнѣ отецъ твой написалъ, назначая мѣстомъ свиданія Яроскую Шахту?

— Нѣтъ, это я.

— Такъ значитъ, Симонъ Фордъ написалъ мнѣ другое письмо, опровергающее первое.

— Нѣтъ, господинъ Старръ, отвѣтилъ молодой рудокопъ.

— Ну, и хорошо, замѣтилъ Старръ, умалчивая объ анонимномъ письмѣ.

Послѣ нѣкотораго времени онъ спросилъ:

— Тебѣ извѣстно, что̀ Симонъ Фордъ имѣетъ мнѣ сообщить?

— Отецъ самъ хочетъ передать вамъ это.

— Но тебѣ, все же, извѣстно въ чемъ дѣло?

— Да.

— Я у тебя не стану ничего больше объ этомъ разспрашивать. Я горю нетерпѣніемъ видѣть Симона Форда. — Гдѣ онъ живетъ, между прочимъ.

— Въ шахтѣ!

— Какъ, въ Дошарской шахтѣ?

— Да, отвѣтилъ Гарри.

— Какъ! неужели твое семейство не покидало шахту съ тѣхъ поръ, какъ прекратились въ ней работы.

— Никогда! вы знаете отца; онъ въ ней родился и хочетъ умереть въ ней.

— А, я понимаю это, Гарри.... какъ же вамъ живется въ ней?

— Отлично, отвѣчалъ молодой рудокопъ; мы совершенно довольствуемся другъ другомъ.

— Ну, и слава Богу!

Черезъ десять минутъ Джемсъ Старръ и молодой Гарри переходили уже за черту города.

(*Продолженіе будетъ*).

Восточныя границы Персіи.

Эта книга никогда, можетъ быть, не вышла бы въ свѣтъ, если бы индійское правительство не взяло на себя труда помочь Персіи и сосѣднимъ съ нею территоріямъ, лежащимъ между восточною Персіею и западнымъ Индостаномъ, разрѣшить спорный вопросъ по опредѣленію границъ этихъ владѣній. По одну сторону пограничной линіи расположены персидскія владѣнія, по другую — земли туземныхъ жителей Афганистана и Белуджистана. Если мы развернемъ карту Персіи, составленную до выхода этой книги, и сравнимъ ее съ приложенною къ стр. 18 перваго тома этого сочиненія картою Персіи, то увидимъ, какъ раздвинулись границы Персіи, благодаря многократнымъ поѣздкамъ коммиссіи для опредѣленія границъ. Восточныя границы Персіи отодвинулись далѣе на востокъ до того, что въ

---

*) Я считаю не лишнимъ сказать, что найденные на углѣ оттиски растеній совершенно похожи на тропическія растенія настоящаго времени. Изъ этого мы можемъ заключить, что температура на всемъ земномъ шарѣ была равномѣрная, что̀ можно приписать или горячимъ теченіямъ или подземному огню, проникавшему на поверхность земли, сквозь пористую ея кору. Такимъ образомъ объясняется образованіе каменноугольныхъ пластовъ на всемъ земномъ шарѣ.

*) Недавно было высчитано, чрезъ сколько времени нижеозначенныя государства встрѣтятъ недостатокъ въ минеральномъ топливѣ, причемъ принималось во вниманіе прогрессивное потребленіе каменнаго угля, такъ:

Франція	через	1,400	лѣтъ.
Англія	»	800	»
Бельгія	»	750	»
Германія	»	300	»

Американскія залежи въ состояніи снабжать углемъ въ теченіе 6000 лѣтъ, предположивши, что онѣ ежегодно доставляютъ 500 милліоновъ тоннъ.

составъ ея владѣній вошла часть плодородной Цистанской области, до западнаго берега озера того-же имени; граница идетъ вдоль южнаго берега озера, направляется на юго-востокъ и заканчивается въ Гвадарѣ у западнаго устья рѣки Каджи. Морской берегъ Персіи раздвинулся, такимъ образомъ, болѣе чѣмъ на двѣсти миль; къ ней присоединили обширную гористую територію, не смотря на то, что она, преимущественно, населена туземными жителями Белуджистана.

Но это не конечный результатъ занятій коммиссіи. Чиновники, отправляясь по назначенію, не ограничивались только восточными границами Персіи; имъ приходилось ѣздить по главнѣйшимъ областямъ и они, такъ сказать, открыли путь для изслѣдованія страны. Персія, благодаря этой коммиссіи, изслѣдована отъ Анзали, приморскаго города Рашть у Каспійскаго моря, до Гвабара на Аравійскомъ морѣ; по дорогѣ заѣзжали въ Тегеранъ, Испагань и Керманъ; другіе ѣздили въ Шираз на ЮЗ., на СВ въ Манладъ и описали путешествіе по обширнымъ солянымъ степямъ. Все это повело къ тому, что теперь исправлены не только многія неправильности въ картахъ Персіи, но даже измѣнены высота горныхъ цѣпей, направленіе рѣкъ и положенія городовъ.

Въ первомъ томѣ очень подробно говорится о физической географіи Персіи. Въ предисловіи, написанномъ Фр. Гольдсмидъ, объяснено какимъ образомъ, вслѣдствіе возникшихъ споровъ была назначена коммиссія, и сказано нѣсколько словъ о результатахъ коммиссіонныхъ занятій. Эта книга содержитъ въ себѣ описанія совершенныхъ путешествій. Маіоръ Оливеръ В. С., Джонъ R. E. (помѣстившій статью о физической географіи Персіи) доставилъ свои путевыя записки о поѣздкѣ по Белуджистану и южной Персіи въ 1872 г. Маіоръ В. Ловетъ разсказываетъ о своей поѣздкѣ по Белуджистану въ 1870 — 1871 гг.; маіоръ Эванъ Смитъ сообщаетъ подробности о персо-белуджистанской экспедиціи 1870—1871 гг. и о персо-афганистанской 1871—1872 гг. Въ прибавленіяхъ кратко изложено рѣшеніе цистанскаго третейскаго суда, генеалогія цистанскихъ и белуджистанскихъ вождей и разныя замѣтки, весьма интересныя для тѣхъ смѣлыхъ путешественниковъ, которые вздумаютъ послѣдовать по стезямъ, пройденнымъ коммиссіею.

Изъ этихъ немногихъ строкъ можно заключить, что первый томъ содержитъ въ себѣ весьма много интересныхъ свѣдѣній не только для географа, но и для того, кто занимается изученіемъ исторіи восточныхъ народовъ и слѣдитъ за политикою нашихъ отношеній съ народами, живущими по сосѣдству съ Индостаномъ. Разсказы всѣхъ этихъ путешественниковъ наполнены описаніями мѣстности и народовъ, о которыхъ у насъ, въ Англіи, мало извѣстно, и преимущественно интересны для обыкновеннаго читателя; второй томъ, съ великолѣпными иллюстраціями, обратитъ на себя вниманіе спортсмена и натуралиста. Въ наши дни, когда сухопутныя и морскія путешествія совершаются съ такою быстротою, появленіе такого сочиненія о восточной Персіи не можетъ пройти незамѣченнымъ. Всѣ вызванныя наблюденіемъ замѣчанія весьма основательны и справедливы, да иначе не могло и быть, когда за это дѣло взялись серьёзные люди, рѣшившіеся извлечь изъ своихъ экспедицій возможно бо́льшую пользу.

Посѣщеніе Англіи Персидскимъ Шахомъ, породило во многихъ желаніе узнать болѣе подробностей о его владѣніяхъ чѣмъ то, что бо́льшая часть публики почерпала изъ возбуждающихъ только воображеніе страницъ «*Лалла-Рукъ*». Тогда только многіе узнали, что Персія далеко не безусловно плодородная страна, что въ ея предѣлахъ встрѣчаются обширныя пустыни, и что ея долины, воспѣваемыя поэтами и путешественниками, выигрываютъ болѣе отъ того, что окружены пустынною мѣстностію. Но никто еще до сихъ поръ не знакомилъ насъ такъ подробно съ физическою географіею этой страны, какъ маіоръ С. Джонъ. Его изложенія отличаются краткостію, ясностію и строгимъ порядкомъ. Маіоръ С. Джонъ, описывая Иранское плоскогоріе, преимущественно находящееся во владѣніяхъ Персіи, говоритъ между прочимъ о большихъ *basins of drainage* о рѣдкихъ дождяхъ и приписываетъ это явленіе преобладающимъ тамъ вѣтрамъ; въ подтвержденіе своихъ словъ приводитъ то, что въ Персіи нѣтъ большихъ рѣкъ. Въ этой книгѣ перечисляются всѣ открытія, сдѣланныя Ханыковымъ, маіоромъ Ловеттомъ и самимъ авторомъ; эти открытія относятся преимущественно къ направленію и высотѣ персидскихъ горъ. Не одни западныя области Персіи изрѣзаны горами, идущими съ СЗ къ ЮВ параллельно персидскому заливу, но и въ центральной Персіи горы идутъ по тому же направленію. Кромѣ того теперь доказано, что горы Персіи гораздо выше, чѣмъ до того времени предполагалось. Вулканъ Демавеадъ, близъ Каспійскаго моря, еще ни разу не производившій изверженій, имѣетъ, какъ оказалось, 18,600 ф. высоты, вмѣсто 14,700. Съ персидскаго залива и съ озера близъ Бухары видны, на разстояніи 130 миль внутрь страны, огромныя горы, поднимающіяся на 10,000 фут. надъ уровнемъ моря. Эти цѣпи горъ извѣстны подъ названіемъ Ку-Динàръ и еще не изслѣдованы; онѣ очень похожи на Бернскія Альпы и ихъ снѣговая линія простирается чуть ли не на одинаковое разстояніе съ швейцарскими Альпами. Судя по этому, нужно полагать, что Динарскія главныя вершины подымаются на 18,000 фут. надъ уровнемъ моря. Въ западной и восточной Персіи встрѣчается много снѣжныхъ горъ, открытыхъ впервые коммиссіею. Равнины Персіи очень часто только наносныя степи. Эти степи внутри страны переходятъ въ песчаныя и почти непроходимыя пространства. Но всего замѣчательнѣе въ равнинахъ Персіи соляное болото, называемое Каваръ или Кафе.

Общее свойство наносной почвы персидскаго плоскогорія состоитъ въ томъ, что въ мѣстностяхъ, подверженныхъ отъ разлива рѣкъ и горныхъ потоковъ, особенной влажности, или недовольно покатыхъ для ската дождевыхъ водъ, замѣчаются соляныя испаренія, образующія на поверхности тонкую бѣловатую кору, сохраняющую подъ собою на долгое время сырость, чрезъ что образуется зимою и весною обманчивое непроходимое болото. Въ достаточно сырыхъ, но не довольно обширныхъ для образованія соляныхъ озеръ мѣстностяхъ, подобно Урміи и Ниразъ, находится болото изъ вязкой грязи, покрывающееся зимою соляною влагою, а лѣтомъ толстой соляной корой. Эти соляныя болота извѣстны на сѣверѣ подъ названіемъ Каваръ, и на югѣ Кафэ.

Эти экспедиціи не всегда благополучно оканчивались для членовъ коммиссіи; не смотря на то, что Персія болѣе всего была заинтересована въ этомъ вопросѣ, персидскія власти до того притѣсняли сэра Фр. Гольдсмида, что онъ старался покончить, возможно скорѣе, возложенныя на него порученія.

Онъ, вслѣдствіе низкихъ доносовъ и жалобъ содержался въ теченіе 10 дней, подъ арестомъ въ военномъ, обнесенномъ стѣною лагерѣ; персидскій коллега покинулъ его, недовольный тѣмъ, что Гольдсмидъ отказался признать персидскій взглядъ на принципъ *usi posidetis* въ его мѣстномъ примѣненіи; ему приходилось подчиняться строжайшимъ правиламъ этикета; ему не было отбоя отъ постоянныхъ жалобъ на того или другого члена коммиссіи; онъ не могъ избавиться отъ шпіонства, задержки важныхъ и вѣрныхъ показаній; встрѣчалъ постоянныя затрудненія въ перевозныхъ средствахъ и деньгахъ, словомъ, всюду сталкивался съ завистью и противодѣйствіемъ, вредившимъ мирнымъ занятіямъ.

Маіоръ С. Джонъ самъ охарактеризовалъ свое путешествіе по Белуджистану и южной Персіи въ 2500 миль слѣдующими словами: оно ознаменовалось, главнымъ образомъ, тѣмъ, что было лишено приключеній. Ему однако пришлось увидѣть нѣкоторыя новыя для него вещи. Сборы къ переѣзду съ берега во внутрь страны были самые типичные.

Къ вечеру 22 января мы, вслѣдствіе обычныхъ споровъ, совершенно выбились изъ силъ; крикъ верблюдовъ перемѣшивался съ людскою бранью. Белуджистанскій погонщикъ верблюдовъ далеко не такъ полезенъ въ дорогѣ, какъ персидскій погонщикъ лошаковъ, на обязанности котораго лежитъ изготовлять канаты и привязывать къ сѣдлу лошака самые неудобные тюки и узлы. Белуджистанскій погонщикъ верблюдовъ ограничивается тѣмъ, что заставляетъ верблюда становиться на колѣни и вступаетъ въ нескончаемыя пререкательства, если навьючиваютъ верблюда несоотвѣтствующей, по его мнѣнію, тяжестью; затѣмъ онъ совершенно безучастно относится къ переѣзду. Намъ пришлось самимъ вьючить верблюдовъ, а потому сборы наши продолжались здѣсь гораздо дольше, чѣмъ въ Персіи. Мы вложили разныя мелочи въ большія корзины, сплетенныя изъ листьевъ «*pish*» (родъ малорослой пальмы, попадающейся въ руслахъ быстрыхъ рѣкъ по всему Белуджистану и отчасти въ сѣверномъ Афганистанѣ до Кабула). Изъ этихъ то листьевъ плетутъ канаты, хотя не очень прочные, но за то легко находимые въ каждой деревнѣ.

Иногда мы охотились.

Днемъ мы видѣли стада «*hoabareh*» стрепетовъ (Otis honbara) и множество газелей (по всей вѣроятности G. benetti), но никто изъ насъ не попалъ ни въ одну штуку, что насъ не мало удивляло; тѣмъ болѣе это было удивительно здѣсь, гдѣ мы могли стрѣлять въ нихъ изъ-за засады, между тѣмъ какъ въ совершенно ровныхъ степяхъ южной Персіи они подпускаютъ къ себѣ охотника, на весьма близкое разстояніе. Въ Ширазѣ легко стрѣлять въ стрепетовъ, сидя на лошади и объѣзжая ихъ уменьшающимися послѣдовательно кругами; или можно просто скакать на нихъ, не позволяя имъ долго оставаться на землѣ. Въ Бухарѣ можно подходить къ стрепету съ боку на разстояніи сорока или даже меньше ярдовъ. Я, такимъ образомъ, въ теченіе двухъ часовъ убилъ цѣлую дюжину. Въ Персіи какъ на стрепетовъ, такъ и на другую дичь вообще охотятся съ ружьемъ и соколами; между тѣмъ въ Белуджистанѣ пернстую дичь вовсе не стрѣляютъ; соколиная охота почти не въ употребленіи. Мы видали цѣлыя стада стрепетовъ, но ни разу не могли подойти къ нимъ даже на разстояніе ста ярдовъ. Мы объясняли свою неудачу тѣмъ, что встрѣчающіяся намъ стада стрепетовъ были или кочевыя и, съ непривычки къ частымъ засадамъ, очень осторожныя, или мѣстныя, вполнѣ освоившіяся съ засадами. Они отступили отъ своей тактики, — держаться земли въ предположеніи, что цвѣтъ ихъ перьевъ сливается съ нею, — и улетали дальше отъ засадъ. Кромѣ стрепетовъ и газелей мы не видали другой дичи; животное царство далеко не такъ богато, какъ можно было бы того ожидать отъ характера страны; наша добыча на охотѣ ограничилась небольшими птицами и однимъ большимъ кобузомъ (Buteo ferox). Нужно вамъ замѣтить, что обыкновенный черный индійскій «maïna». встрѣчался намъ только въ Пнаши въ Белуджистанѣ. Шикаръ принесъ какъ-то разъ съ сосѣднихъ горъ ibex. Это животное оказалось впослѣдствіи предкомъ домашней козы.

Этотъ видъ попадается на всемъ иранскомъ плоскогоріи.

Маіоръ С. Джонъ упоминаетъ въ своихъ запискахъ о страшномъ голодѣ, свирѣпствовавшемъ въ теченіе двухъ лѣтъ въ Персіи, и разсматриваетъ, между прочимъ, какъ благоразумный государственный человѣкъ, Уакиль-уль-Мулькъ, избавилъ отъ него провинцію Карманъ, такъ что ни одинъ туземецъ не умеръ съ голода. Предлагаемъ читателю самому прочесть разсказы маіора С. Джона и Уакиля.

Маіоръ Ловетъ, описывая поѣздку свою въ Белуджистанъ, даетъ слѣдующіе совѣты будущимъ путешественникамъ; они весьма имъ могутъ пригодиться:

Мы путешествовали верхомъ на лошадяхъ; люди, палатки и съѣстные припасы перевозились на верблюдахъ. Встрѣтивъ въ средствахъ перевозки множество затрудненій и неудобствъ, я въ нѣсколькихъ словахъ скажу, къ какимъ я пришелъ результатамъ. Мой первый совѣтъ состоитъ въ томъ, чтобы путешествовать не иначе какъ на собственныхъ лошадяхъ и не расчитывать на возможность найти ихъ въ странѣ; запаситесь при этомъ достаточнымъ количествомъ подковъ и необходимыми для ковки инструментами; въ Белуджистанѣ трудно найти искуснаго кузнеца. Если вы желаете путешествовать по своему усмотрѣнію, т. е. свободно располагать временемъ и мѣстомъ, то, во избѣжаніе задержекъ, безпокойствъ, притѣсненій и препирательствъ, лучше всего купить верблюдовъ для перевозки вашей поклажи; заплатите за нихъ дорого, но, по крайней мѣрѣ, они будутъ составлять вашу собственность. Считаю нужнымъ предупредить будущихъ путешественниковъ, что белуджистанскіе погонщики верблюдовъ не имѣютъ себѣ равныхъ по упорству и злости. Они никогда не отправятся въ путь ранѣе восхода солнца; если переходы окажутся десятью милями болѣе, или если верблюда навьючатъ двумя центнерами болѣе, то этого предлога совершенно достаточно, чтобы погонщики отказались продолжать путь. Если вы найдете возможнымъ достать вмѣсто верблюдовъ муловъ, то наймите послѣднихъ, не смотря на то, что за ними требуется болѣе ухода. Изъ русла почти всѣхъ рѣкъ, на протяженіи нѣсколькихъ миль отъ берега, можно добывать необходимый для этихъ полезныхъ животныхъ кормъ.

Описанія маіора Смита о персо-белуджистанской и персо-афганистанской экспедиціяхъ занимаютъ болѣе половины перваго тома; они заключаютъ въ себѣ разсказы о поѣздкахъ по восточной, западной, сѣверной и южной Персіи. Ему иногда приходилось бывать въ такихъ мѣстностяхъ, по которымъ прежде него проѣзжалъ маіоръ С. Джонъ; онъ, въ свою очередь, знакомитъ насъ съ Уакиль-уль-Мулькъ, въ Карманѣ. Насъ въ этомъ городѣ познакомили съ производствомъ шалей и ковровъ. Шали выдѣлываются слѣдующимъ образомъ:

Въ трехъ комнатахъ сидѣло за горизонтально поставленными ткацкими столами около 60 или 70 мужчинъ и мальчиковъ. За каждымъ станкомъ работалъ одинъ взрослый и два мальчика; этотъ комплектъ вполнѣ достаточенъ для выдѣлки одной шали. Взрослый, опытный въ этомъ дѣлѣ, сидитъ посреди, а мальчики по бокамъ; они на такомъ близкомъ разстояніи другъ отъ друга, что ихъ руки переплетаются, но, не смотря на это они очень быстро перебираютъ пальцами. Шали ткутся на изнанку; и удивительно то, что эти запутанные узоры выучиваются ткачами на память; узоры снимаются просто съ рукописей и составляются подобно тому, какъ поэтъ сочиняетъ стихотвореніе; ткачи заучиваютъ составленный узоръ наизусть; приэтомъ память должна быть постоянно въ напряженномъ состояніи. Способный мальчикъ долженъ употребить шесть мѣсяцевъ на заучиваніе одного узора и потомъ уже его не забудетъ. Въ мастерской работали 7-ми или 8-ми лѣтнія дѣти; дѣтей было больше чѣмъ взрослыхъ. Въ одной изъ комнатъ выдѣлывались шали самаго простого рисунка, за которыми работали начинающіе; одинъ человѣкъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, вычитывая узоры изъ грязныхъ и запачканныхъ рукописей. Но узоры лучшихъ шалей должны быть заранѣе заучены на память. Нитки изъ козьей шерсти окрашиваются, разрѣзываются и потомъ пальцами вдѣваются въ горизонтально напяленную шаль. Мужчины и мальчики сидятъ въ углубленіяхъ съ протянутыми подъ станокъ ногами, такъ что руки приходятся въ уровень съ шалью. Это занятіе очень вредно дѣйствуетъ на здоровье; доказательствомъ чего служатъ блѣдно-желтыя лица взрослыхъ и дѣтей; оно портитъ зрѣніе; у большей части видѣнныхъ нами ткачей гнойливые и слабые глаза, многіе работали въ очкахъ. Изнуренный видъ дѣтей насъ въ особенности поразилъ; руки ихъ точно высохшія; въ Персіи не существуетъ фабричнаго устава. Хозяинъ этой фабрики сообщилъ намъ, что въ день полагается четырнадцать рабочихъ часовъ. Въ теченіе года выдѣлывается одна шаль лучшаго качества въ три ярда длиною и стоитъ отъ сорока до шестидесяти тумановъ т. е. отъ 16 до 24 ф. ст. Заработная плата самая ничтожная: лучшіе ткачи получаютъ 1 s. въ день, а дѣти отъ 2 d. до 4 d. Эти несчастныя существа, вѣчно находясь въ согнутомъ положеніи, съ постоянно напряженнымъ умомъ и пальцами, рано умираютъ; а великолѣпныя издѣлія, выходящія изъ подъ ихъ искусныхъ рукъ, всюду извѣстны.

Мы осматривали также священный городъ Кумъ; въ позолоченной ракѣ, напоминающей видомъ своимъ куполъ московскаго кремля, лежитъ тѣло Мезу́мы Фатимы, сестры Има̀ма Раза, а вокругъ нее погребено десять владѣтельныхъ князей и 444 святыхъ и прямыхъ членовъ семейства владѣтелей страны. 14 дневное пребываніе экспедиціи въ Испагани, принятой съ большими почестями, описано очень подробно.

Персо-афганистанская экспедиція, описанная маіоромъ Смитомъ, была та самая, которая провела пограничную линію Персіи по цистанскому озеру; подробныя описанія этого путешествія заводятъ насъ далеко отъ большихъ городовъ въ дикія степи. Мы не можемъ, за недостаткомъ мѣста, передать весьма интересныя свѣдѣнія о плодородіи цистанской области, о змѣяхъ и птицахъ, встрѣчаемыхъ близъ озера, и наконецъ объ искуственной насыпи, вслѣдствіе которой рѣка, Гельмаидъ, измѣняетъ свое направленіе и течетъ по тѣмъ округамъ цистанской области, которые присоединены теперь къ Персіи.

Второй томъ заключаетъ въ себѣ разныя зоологическія и геологическія замѣтки Г. Бланфорда; подробное описаніе мѣстнаго царства позвоночныхъ животныхъ появляется въ первый разъ; въ немъ перечислено 573 вида. Къ предисловію приложена превосходная зоологическая карта провинцій Персіи, а самый текстъ испещренъ множествомъ превосходно раскрашенныхъ гравюръ Каульмана и покойнаго Г. Н. Форда. Научная репутація автора служитъ порукою за отличное выполненіе этого сочиненія. Этотъ томъ необходимъ для спортсменовъ и натуралистовъ, заинтересованныхъ въ животномъ царствѣ Персіи. Мы заимствуемъ у Г. Бланфорда описаніе восточнаго соловья:

Персидскій соловей очень похожъ на европейскаго; цвѣтъ его перьевъ блѣднѣе, въ особенности на горлѣ и грудкѣ, между тѣмъ какъ у европейскаго соловья онъ съ какимъ-то сѣрымъ оттѣнкомъ. Перья подъ хвостомъ у европейскаго соловья тѣлеснаго цвѣта, у персидскаго же бѣлаго. Но можно и въ Персіи встрѣтить соловьевъ совершенно по цвѣту похожихъ на его западныхъ представителей; но у персидскихъ соловьевъ хвостъ на полъ дюйма длиннѣе и округленнѣе, чѣмъ у европейскихъ. Я не обратилъ бы вниманія на персидскаго соловья, если бы меня не поразило различіе въ пѣніи; его пѣсня короче и однообразнѣе европейскаго. Маіоръ С. Джонъ замѣтилъ это нѣсколько лѣтъ тому назадъ; Г. Блифъ, какъ оказывается, обратилъ также вниманіе на большій ростъ и однообразное пѣніе персидскихъ соловьевъ, привозимыхъ въ клѣткахъ въ Калькуту (Ibis 1867, p. 18). Этотъ-то восточный соловей и воспѣвается въ персидскихъ сказкахъ и поэмахъ точно также, какъ у насъ европейскій. Персидскій соловей водится въ большомъ количествѣ въ персидскихъ горахъ, а въ особенности въ аллеяхъ ломбардскихъ тополей и вообще въ садахъ, которыми окружены всѣ города и деревни Персіи. Жители Кармана говорили намъ; что у нихъ соловьевъ немного и просили насъ не стрѣлять въ нихъ; въ окрестностяхъ Шираза, Испагани и Тегерана соловьевъ очень много. На востокѣ же отъ Кармана мнѣ не приходилось ни слышать, ни видѣть соловьевъ.

Изъ сказаннаго видно, что это сочиненіе необходимо для тѣхъ, кто интересуется устройствомъ Персіи, его растительнымъ и животнымъ мірами. Къ первому тому приложены превосходныя карты съ показаніемъ персидскихъ горъ и водъ и указаніемъ дорогъ, пройденныхъ авторами. Въ заключеніе скажемъ, что это одно изъ самыхъ удовлетворительныхъ описаній путешествій.

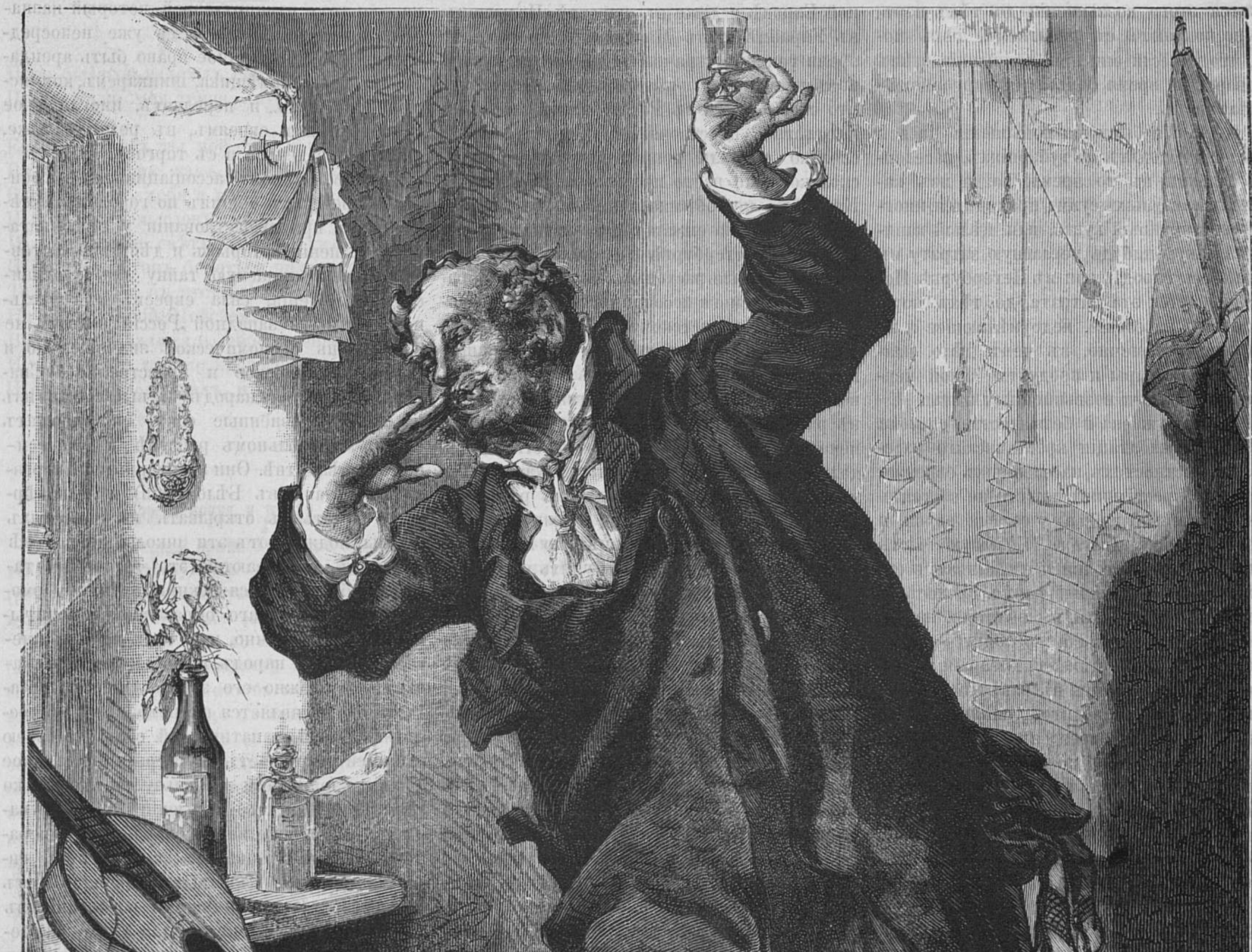
Вампиры русскаго народа.

(*Продолженіе*).

«О тлетворномъ вліяніи евреевъ на экономическій бытъ Россіи», брошюра г. Гриневича.—«Нѣмцы, жиды и мы», соч. г. Еленскаго.—Наша пресса о «еврейскомъ вопросѣ».

Еврейская эксплоатація въ сѣверо и юго-западномъ краѣ организована въ правильную систему, въ науку, въ цѣлыя таинства, сокровенный механизмъ коихъ извѣстенъ лишь *кагалу* и тщательно скрывается не только отъ христіанъ, но даже и отъ остальныхъ евреевъ, не посвященныхъ въ тайны кагала.

Отъ еврейской эксплоатаціи никто не уходитъ—ни крестьянинъ, ни панъ, ни русскій чиновникъ, ни солдатъ: всѣхъ они опутываютъ своими желѣзными путами и никто, и ничто не въ силахъ вырваться изъ этихъ путъ. Конкурировать же съ еврейскою «коммерціей» для торговца-христіанина — немыслимо. Намъ извѣстны десятки случаевъ подобной конкуренціи, всегда оканчивавшейся полнѣйшимъ банкротствомъ и разореніемъ купцовъ изъ христіанъ. Евреи-торговцы поступаютъ въ этихъ случаяхъ слѣдующимъ образомъ. Какъ только открывается лавка христіанина, не вошедшаго съ кагаломъ въ извѣстное соглашеніе и не обязавшагося платить опредѣленную контрибуцію въ кагальный доходъ, — евреи тотчасъ же понижаютъ въ своихъ лавкахъ и магазинахъ цѣны на однородные товары до minimum'а; понятно, что покупатели не евреи (евреи даже не посмѣютъ и зайти въ христіанскую лавку, съ которой воюетъ кагалъ) спѣшатъ обращаться въ еврейскія лавки, а у христіанина никто и ничего не беретъ. Такимъ образомъ, проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ; товаръ залеживается, портится, или выходитъ изъ моды; мертвый капиталъ лежитъ въ товарѣ, безъ обращенія и дохода,—и, въ концѣ концовъ, христіанинъ-купецъ ликвиди-



Моей милой.

руетъ свои дѣла, и его лавка переходитъ въ руки какого-нибудь Боруха или Ицки. Тогда евреи-торговцы быстро и единодушно возвышаютъ, до maximum'а, цѣны на товары и держатся этого возвышенія до тѣхъ поръ, пока не покроютъ, съ избыткомъ, тѣхъ потерь, что понесли они при пониженіи цѣнъ на товары, во время борьбы съ торговцемъ-христіаниномъ.

Тѣ же самыя быстрыя повышенія на всѣ товары происходятъ въ губерніяхъ, населенныхъ евреями, въ то время, когда изъ кагальныхъ запасныхъ суммъ приходится, иногда, изъять крупный кушъ, или цѣлый капиталъ на какую-нибудь негласную затрату въ губернскомъ городѣ, или въ Петербургѣ. Пока не покроется эта затрата, до тѣхъ поръ христіанское населеніе, недоумѣвающее и не понимающее, конечно, въ чемъ дѣло, платитъ за всѣ товары и продукты самой первой необходимости возвышенныя цѣны.

Еще болѣе ужасна и безжалостна система еврейской эксплоатаціи крестьянскаго населенія. Въ мѣстностяхъ, населенныхъ евреями, едва одинъ крестьянинъ изъ ста не состоитъ въ экономической кабалѣ у сосѣда еврея и въ неоплатныхъ долгахъ. Бо̀льшую часть этихъ долговъ крестьянинъ уплачиваетъ еврею хлѣбомъ: и за взятый, ранѣе, на посѣвъ, хлѣбъ, отдастъ хлѣбомъ, и за взятыя, на подати, деньги, и за выпитую водку — тоже хлѣбомъ, по такимъ цѣнамъ, которыя заблагоразсудится установить въ извѣстное время евреямъ; приэтомъ, кредиторы-шинкари зорко слѣдятъ, чтобы крестьяне, состоящіе у у нихъ въ долгахъ, не продали своего хлѣба прямо на рынокъ, помимо ихъ. Въ бо̀льшей части случаевъ крестьяне и не рискуютъ на это, изъ боязни потерять у еврея кредитъ на будущее время, и безропотно свозятъ въ корчмы и еврейскіе амбары свой хлѣбъ; а такъ какъ крестьяне расплачиваются всегда осенью, послѣ первой же молотьбы, то и цѣны на хлѣбъ бываютъ въ это время, обыкновенно, очень низкія; зимою и весною, конечно, цѣны поднимаются, но тогда у рѣдкаго крестьянина (особенно въ сѣверо-западномъ краѣ и въ Бѣлоруссіи) можно найти лишній гарнецъ хлѣба: онъ давно уже расплатился съ своимъ Беркой или Мовшей и, почесывая въ затылкѣ, подумываетъ о томъ, какъ бы въ добрый часъ попасть къ этому Беркѣ, да «позычить» у него своего же хлѣба... Это, въ своемъ родѣ, perpetuum mobile займовъ и расплаты между еврейскимъ и крестьянскимъ населеніемъ. При этомъ, мы замѣтимъ, что главные долги крестьянъ — за водку, которую круглый годъ, т. е. съ осени и до новой осени, евреи отпускаютъ крестьянамъ въ своихъ шинкахъ и корчмахъ *въ долгъ*, — не смотря на то, что, извѣстною статьею акцизнаго устава о продажѣ питій строго воспрещена торговля водкою въ кредитъ и подъ залогъ вещей. Но объ этомъ нарушеніи устава всѣ знаютъ, начиная съ мѣстной полиціи, и смотрятъ на это сквозь пальцы — или, скорѣе, вовсе не смотрятъ.

Евреи находятъ, что они разоряя Россію и христіанскія населенія, дѣйствуютъ, съ нравственной точки, совершенно легально — что они сводятъ лишь старые счеты съ христіанами. «Что̀ вы себѣ думаете? — говорилъ намъ одинъ ученый раввинъ: — Какіе мы обманщики? — мы очень честные люди; вы находите, что мы разоряемъ пановъ и крестьянъ? — совсѣмъ нѣтъ: мы получаемъ только *свое*. По нашему исчисленію, намъ отъ христіанъ и, вообще, отъ неевреевъ слѣдуютъ къ возврату мильярды рублей. Такъ, выступая изъ Египта, мы оставили въ немъ имущества на сотни милліоновъ и спасались только лично; въ Іерусалимѣ насъ также разоряли не разъ; въ Испаніи и во всей западной Европѣ и даже въ царствѣ Польскомъ, въ Украйнѣ и въ Малороссіи мы тоже, во время гоненій, утрачивали на сотни милліоновъ капиталами и имуществомъ... Наконецъ, что̀ стоило намъ въ Россіи минувшее тридцатилѣтнее царствованіе? Ой, вей миръ!... сколько побрали рекрутовъ, кантонистовъ, сколько было взято налоговъ и взысканій!... Капиталы не обращались... А что̀ стоило намъ и сколько еще и теперь стоитъ содержаніе въ Петербургѣ ходатаевъ и разные такъ негласные расходы!... Мы все это обращаемъ на деньги и сопричисляемъ къ первоначальному египетскому долгу; у насъ все исчислено вѣрно и акуратно. Въ настоящее время, мы едва-едва можемъ считать, что возвратили себѣ половину отнятаго у насъ въ разныхъ странахъ и въ различныя времена и эпохи. Главнымъ отвѣтственнымъ должникомъ за всѣ народы служитъ для насъ Россія; но до 1855 года она расплачивалась съ нами весьма туго, и только теперь начинаетъ платить исправнѣе; но намъ — ой, ой! — сколько еще надо получить отъ неевреевъ!... Слѣдовательно, мы беремъ и возвращаемъ только *свое*. Талмудъ дозволяетъ намъ употреблять всѣ средства съ уклоняющимся отъ уплаты должникомъ-неевремъ. И что же мы за обманщики?!...

Эти строки писали мы, изъ Бѣлоруссіи, восемь лѣтъ тому назадъ, въ газетѣ «Голосъ» (1869 года, № 224), со словъ, дѣйствительно, одного раввина, откровенная циничность котораго насъ, впрочемъ, нисколько въ то время не удивляла. Тогда же и въ той же почтенной газетѣ мы сообщали о той еврейской эксплоатаціи, которой подвергаются несчастные польскіе помѣщики. «Всѣ здѣшніе помѣщики — писали мы — связаны по рукамъ и ногамъ евреями. Возстаніе особенно способствовало ихъ разоренію съ одной стороны и еврейской эксплоатаціи надъ ними съ другой. Помѣщикъ безъ еврея ничего теперь не купитъ, ничего не продастъ; если помѣщикъ не поладитъ съ евреями, то стоитъ лишь въ кагалѣ наложить на него *херимъ* (veto, заклятіе) — и ни одинъ еврей, подъ страхомъ вѣчной муки на небѣ и тяжкой отвѣтственности предъ кагаломъ, не посмѣетъ купить у этого помѣщика ни хлѣба, ни льна, ни водки съ завода, и не рѣшится быть его арендаторомъ, шинкаремъ, коммиссіонеромъ и, вообще, имѣть съ нимъ какое-либо сношеніе». Факты такихъ «херимовъ» бывали. Кто живалъ въ сѣверо и юго-западномъ краѣ, тотъ хорошо знаетъ, что здѣсь немыслима жизнь помѣщика безъ близкаго экономическаго участія, или, по крайней мѣрѣ, неизбѣжнаго коммиссіонерства еврея: здѣсь нѣтъ купцовъ-христіанъ — ихъ лишь по нѣсколько человѣкъ въ губернскихъ городахъ, и только; они торгуютъ тамъ бакалейными и галантерейными товарами, не касаясь мѣстечекъ и селеній и не осмѣливаясь проникать туда для закупки, отъ крестьянъ и помѣщиковъ, сырыхъ продуктовъ: хлѣба, льна, пеньки, сала, шкуръ, и проч., — это уже составляетъ область еврейской торговли, и плохо пришлось бы тому одинокому воину въ полѣ, тому несчастному помѣщику, который рѣшился бы обойти разорительную коммиссію еврея, одинаково неизбѣжную для него при куплѣ и продажѣ!

Если же, напр., помѣщикъ особенно предпріимчивъ и богатъ и, слѣдовательно, представляетъ собою очень серьёзный, по суммѣ возможныхъ доходовъ, элементъ для эксплоатаціи, то право (концессія) на него сдается въ мѣстномъ кагалѣ съ торговъ, съ аукціона, — и тотъ вампиръ-еврей, который назначитъ высшую цѣну, имѣетъ уже непосредственное и единоличное право быть арендаторомъ этого помѣщика, шинкаремъ, коммиссіонеромъ, и пр., и передаетъ, иногда, свое право другимъ евреямъ, въ розницу, тоже, конечно, за деньги и съ торговъ.

При правильномъ ассоціацивномъ устройствѣ еврейскихъ общинъ по городамъ и мѣстечкамъ, при существованіи у нихъ кагаловъ, рѣшенія которыхъ и дѣйствія составляютъ непроницаемую тайну для христіанскаго населенія, сила евреевъ и дѣятельность ихъ въ западной Россіи имѣютъ не одно лишь экономическое значеніе, но и чисто политическое и нравственное. Спаивая и разоряя народъ и высасывая изъ него всѣ жизненные соки, они держатъ его въ матеріальномъ рабствѣ и умственномъ невѣжествѣ. Они отговариваютъ неразвитыхъ (напр. въ Бѣлоруссіи) и легковѣрныхъ крестьянъ открывать въ волостяхъ школы, поджигаютъ эти школы, когда онѣ наконецъ, открываются (это факты) — и, такимъ образомъ, всяческими путями тормозятъ дѣло народнаго образованія, расчитывая не безошибочно, что чѣмъ темнѣе и невѣжественнѣе народъ, тѣмъ легче и безнаказаннѣе возможно его эксплоатировать. Кагалъ и тутъ является на помощь — во всеоружіи своей фанатической силы, и своею санкціей разрѣшаетъ и утверждаетъ всякое дѣяніе, клонящееся на пользу еврейства и ко вреду христіанскаго населенія *). Чтобъ умалить это значеніе кагала, покойный императоръ Николай I повелѣлъ назначить въ еврейскія общины казенныхъ раввиновъ отъ правительства, получившихъ воспитаніе въ спеціально учрежденномъ для этого заведеніи, и приказалъ закрыть и уничтожить ихъ кагалы. Но это мудрое распоряженіе не имѣло, однако, ожидаемыхъ благихъ послѣдствій, — такъ какъ не было даже приведено въ дѣйствіе исполнителями, — и кагалы остаются, попрежнему, во всеоружіи фанатической, противогосударственной общины, по вреду своему далеко превышающей общину мормоновъ въ Америкѣ и феніевъ въ Ирландіи, остаются покрытые тайной, съ угрозою «херима» за ея нарушеніе. Казенные же раввины совершенно игнорируются евреями, появляются только въ торжественно-оффиціозныхъ случаяхъ и представляютъ изъ себя крайне комическое положеніе человѣка, си-

---

*) Такъ, напр., если рекрутъ-еврей, принявшій, по еврейскому обычаю, присягу на вѣрную службу, бѣжитъ потомъ изъ военной службы (что постоянно и бываетъ), то кагалъ и его раввинъ даютъ ему разрѣшеніе отъ присяги — на томъ основаніи, что, по толкованію талмуда кагальнымъ раввиномъ, нарушеніе присяги и бѣгство изъ войска составляютъ, сравнительно, гораздо меньшій грѣхъ, чѣмъ общеніе съ христіанами (солдатами), употребленіе въ пищу *трефнаго* (запрещенаго) и, наконецъ, пролитіе еврейской крови — *за христіанъ*. Такого дезертира, обыкновенно, евреи нѣкоторое время скрываютъ — пока онъ отроститъ волосы — и, затѣмъ, приписываютъ его въ другое еврейское общество, въ другую, часто, губернію, взамѣнъ какого-либо еврея, недавно умершаго, на имя котораго дезертиръ и получаетъ совершенно правильный, съ внѣшней стороны, паспортъ, превращаясь лишь изъ Мовши Лейбовича, мѣщанина города Шклова, въ Ицку Берковича, уроженца мѣстечка Любавичей. Уловить евреевъ въ этой плутнѣ весьма трудно, да и со всѣми властями они всегда въ ладу — и, поэтому, всѣ подобныя продѣлки сходятъ еврейскимъ общинамъ съ рукъ совершенно безнаказанно. **И. З.**

дящаго между двухъ стульевъ, между нашими и вашими.

(*Окончаніе въ слѣдующемъ №.*)

Мѣдный Змій.

Пора былыхъ надеждъ еще не миновала,
Пусть жизнь моя темна.... пусть я разбитъ.... упалъ....
Еще заманчивъ ты мой старый идеалъ
Въ тебя я вѣрю, какъ вѣрилъ я бывало.
Въ отчаяньи, тебя я вижу надъ собой —
И мелкихъ помысловъ смиряется тревога,
И снова жизнь свѣтла, и снова силы много,
И снова я готовъ бороться подъ грозой;
Такъ нѣкогда въ пустынѣ роковой
На мѣдный змій, Моисеемъ водруженный,
Взиралъ съ надеждою еврей изнеможенный
И умирающій для жизни воскресалъ,
И снова шелъ впередъ, и вновь торжествовалъ.

В. И. Славянскій.

Новости наукъ и жизни.

Составъ турецкой арміи. Турецкая армія раздѣляется на дѣйствующую (низамъ), резервную (редифъ) и территоріальную или такъ называемую армію «защиты края» (мюстахфизъ).

Низамъ состоитъ изъ 43 пѣхотныхъ полковъ (по 3 баталіоновъ въ каждомъ), 43 стрѣлковыхъ баталіона, 9 пограничныхъ баталіоновъ, 23 кавалерійскихъ полковъ (по 6 эскадроновъ въ каждомъ), 1 полка казаковъ (5 эскадроновъ) и 1 черкесскаго полка (4 эскадрона), 8 артиллерійскихъ полковъ, по 13 батарей въ каждомъ (а именно: по 9 батарей пѣшей, по 3 батареи конной и по 1 батареи горной артиллеріи), 4 саперныхъ баталіоновъ и 7 понтоньерскихъ ротъ.

Численность баталіона на военномъ положеніи простирается до 780 человѣкъ строевыхъ и численность эскадрона до 160 всадниковъ; батарея состоитъ изъ 6 орудій.

Редифъ состоитъ только изъ пѣхоты и считается собственно пополненіемъ дѣйствующей арміи. Къ его составу принадлежатъ 150 баталіоновъ 1-го разряда и 56 баталіоновъ 2-го разряда; численность этихъ баталіоновъ такая же, какъ баталіоновъ низама, т. е. по 780 человѣкъ строевыхъ.

Такимъ образомъ, полевая турецкая армія состоитъ изъ 387 баталіоновъ, 147 эскадроновъ, 104 батарей—что вмѣстѣ составляетъ на военномъ положеніи 300,000 челов. пѣхоты, 24,000 чел. кавалеріи и 624 орудія.

Кромѣ выше исчисленныхъ силъ турецкой полевой арміи, къ ея составу принадлежатъ также башибузуки, т. е. отряды, неимѣющіе постоянной организаціи, которые турецкое правительство обязано снабжать оружіемъ и аммуниціею, но не даетъ имъ продовольствія и не платитъ жалованья; кромѣ того, бедуины (спаги), т. е. кавалерійскіе отряды, состоящіе преимущественно изъ арабовъ, подъ предводительствомъ своихъ беевъ; на случай войны, бедуины также принадлежатъ къ составу полевой арміи.

Численность контингентовъ, которые Египетъ и другія государства, признающія надъ собою верховную власть Турціи, обязаны доставлять на случай войны, нельзя съ точностью опредѣлить, такъ какъ это зависитъ отъ политическихъ отношеній, въ какихъ, въ минуту войны, эти государства состоятъ къ Портѣ. Насколько извѣстно, Египетъ доставилъ 20,000 человѣкъ войскъ въ Румилію, которые Порта, заключивъ миръ съ Сербіею, отправила изъ Митуровицы въ Варну и включила въ дунайскую армію.

Турція раздѣляется въ мирное время на 8 военныхъ округовъ («орду»), а именно: константинопольскій, шумланскій, монастырскій, эрзерумскій, дамаскскій, ганскій (Еменъ), багдадскій и Чернаго моря. Каждый округъ состоитъ изъ столькихъ рекрутскихъ присутствій («меркезъ»), сколько «орду» заключаетъ въ себѣ баталіоновъ низама. Сообразно организаціи 1874 года, каждое рекрутское присутствіе поставляетъ по 4 баталіона, а именно: 1 баталіонъ низама, 2 баталіона редифа и 1 баталіонъ мюстахфиза. Число всѣхъ рекрутскихъ присутствій въ 8 округахъ простирается до 84.

Сообразно этой организаціи, вся турецкая армія состоитъ изъ 172 баталіоновъ низама, 184 баталіоновъ редифа 1-го разряда, 184 баталіоновъ редифа 2-го разряда и 184 баталіоновъ мюстахфиза, итого изъ 724 баталіоновъ пѣхоты, по 780 человѣкъ строевыхъ въ каждомъ, что вмѣстѣ составляетъ 565 человѣкъ строевыхъ. Изъ нихъ въ одной Европейской Турціи, на военномъ положеніи, 372 баталіона пѣхоты, 87 эскадроновъ кавалеріи и 58 батарей, такъ какъ нынѣ мюстахфизъ включенъ въ полевую армію, а на его мѣсто формируется милиція, или національная гвардія.

Принявъ во вниманіе, что изъ военныхъ округовъ азіятской Турціи одна половина войскъ отправлена на Дунай и на балканскую линію, то вся турецкая армія въ Европейской Турціи нынѣ простирается до 600 баталіоновъ, 120 эскадроновъ и 80 батарей. Считая въ баталіонѣ по 600 человѣкъ строевыхъ и въ эскадронѣ по 150 всадниковъ (въ такомъ составѣ турецкіе баталіоны и эскадроны были сосредоточены подъ Алексинацомъ), оказывается, что вся турецкая армія въ Европейской Турціи простирается до 360,000 человѣкъ пѣхоты и 18,000 всадниковъ, при 480 орудіяхъ. Если къ этому прибавимъ египетскій контингентъ и войска прочихъ государствъ, признающихъ надъ собою верховную власть Турціи, то вся армія, которою Порта можетъ располагать въ Европѣ, простирается до 400,000 человѣкъ, при 600 орудіяхъ. Но, къ составу этой арміи, какъ сказано выше, принадлежитъ и мюстахфизъ, т. е. иррегулярные, плохо организованные баталіоны.

Турецкая пѣхота вооружена ружьями «Сайндера», кавалерія саблями и револьверами, а 4 эскадрона каждаго полка, кромѣ того, пиками, и 2 фланговыхъ эскадрона каждаго полка карабинами; казаки и черкесы вооружены саблями, пиками и карабинами. Пѣшая артиллерія состоитъ изъ стальныхъ круповскихъ орудій 4 и 6 фунтового калибра, конная — изъ такихъ же орудій 4 фунтового калибра и горная — изъ такихъ же орудій 3 фунтового калибра Каждое орудіе пѣшей и конной артиллеріи запряжено въ 6 лошадей.

Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій.

Хотя военныя дѣйствія уже начались, но до сихъ поръ не произошло ничего важнаго ни на Азіятской границѣ, ни на Дунаѣ.

На Балканскомъ полуостровѣ военныя дѣйствія только приготовляются. Какъ только была объявлена война, наши войска стали вступать въ предѣлы Румыніи и переходить черезъ Прутъ. Въ день объявленія войны, Галацъ и Барбошскій мостъ были заняты передовыми отрядами нашей кавалеріи; 13-го же числа два означенные пункта, а также и Браиловъ заняты пѣхотою, артиллеріей и кавалеріей, изъ состава войска одинадцатаго корпуса подъ общимъ начальствомъ полковника Бискупскаго. Получивъ извѣстіе о движеніи русской арміи на Дунай, бухарестскій болгарскій комитетъ издалъ воззваніе къ болгарамъ, призывая ихъ къ оружію противъ исконнаго врага и притѣснителя болгарскаго народа, къ братской встрѣчѣ русскихъ войскъ, и содѣйствію имъ всевозможными мѣрами. Болгары, живущіе въ Бухарестѣ, гдѣ они спасаются отъ преслѣдованій турокъ, вручили русскому консулу адресъ для поднесенія его Государю Императору. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что русскія войска найдутъ въ болгарахъ преданныхъ братьевъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, мы узнали изъ оффиціальныхъ телеграммъ, что Измаилъ и Килія заняты войсками 36-й дивизіи, встрѣченными вездѣ съ восторгомъ. Такимъ образомъ, русская армія, или, по крайней мѣрѣ, значительная часть ея находится уже на берегахъ Дуная.

17-го апрѣля Государь Императоръ слушалъ въ городскомъ Кишиневскомъ соборѣ литургію и молебенъ; въ 2 часа произвелъ смотръ проходившей черезъ Кишиневъ первой бригадѣ 9-й пѣхотной дивизіи, съ ея артиллеріей, а въ 6 часовъ прибылъ въ зданіе дворянскаго собранія, гдѣ изволилъ давать обѣдъ всѣмъ лицамъ главной квартиры штаба, начальникамъ отдѣльныхъ частей и управленій, представителямъ городскихъ управленій, дворянства и земства. За обѣдомъ, обращаясь къ Августѣйшему Главнокомандующему, Его Величество произнесъ слѣдующее: «Я душевно радъ, что собственными моими глазами имѣлъ случай убѣдиться въ отличномъ состояніи дѣйствующей арміи и въ томъ прекрасномъ направленіи, которое Ты съумѣлъ дать какъ Твоему штабу, такъ и всѣмъ Твоимъ многочисленнымъ управленіямъ и войскамъ; увѣренъ, что Ты исполнишь Свой долгъ. Пью за здоровье Главнокомандующаго и его славной дѣйствующей арміи! да поможетъ намъ Богъ».

Въ то время, однакоже, какъ русская армія вступила въ предѣлы Румыніи, военныя дѣйствія возобновились между черногорцами и миридитами съ одной стороны и турецкими войсками съ другой. Миридиты, которымъ угрожали 14 турецкихъ батальоновъ и 2,000 баши-бузуковъ, опасаясь соединенія этихъ силъ, покинули крѣпость Орошъ безъ боя. Турки заняли оставленную ими позицію 22-го апрѣля. Черногорцы выступили къ албанской границѣ, куда отправился также и князь Николай въ сопровожденіи главнаго штаба.

Великій визирь, сообщивъ князю Милану о послѣдовавшемъ со стороны Россіи объявленіи войны, потребовалъ, чтобы Сербія, при сохраненіи нейтралитета, разрѣшила, однако, турецкимъ войскамъ пройти черезъ Неготинъ, Радуевацъ и Кладово въ Румынію. Одновременно съ этимъ, турецкій главнокомандующій Абдулъ-Керимъ-паша телеграфировалъ полковнику Хорватовичу, въ Неготинъ, извѣщая его, что турки займутъ стратегическіе пункты на Дунаѣ, преимущественно Кладову. Хорватовичъ тотчасъ же потребовалъ изъ Бѣлграда присылки трехъ бригадъ подкрѣпленій. Сербское правительство заявило въ Константинополѣ, что оно воспротивится прохожденію турецкихъ войскъ чрезъ Сербію. На происходившемъ засѣданіи совѣта сербскихъ министровъ было рѣшено обратиться за совѣтомъ къ Россіи, направить войска къ Неготину и созвать милицію перваго класса. Иностраннымъ офицерамъ предписано отправиться въ Кладово. Добровольцы вербуются открыто; начальство надъ ними принялъ полковникъ Влайковичъ. Генералъ Фадѣевъ ежедневно совѣщается съ княземъ Миланомъ, Ристичемъ и военнымъ министромъ. По послѣднимъ, однакоже, извѣстіямъ, Ристичъ рѣшилъ выйти въ отставку.

Гораздо быстрѣе начались военныя дѣйствія въ Азіи, за Кавказомъ.

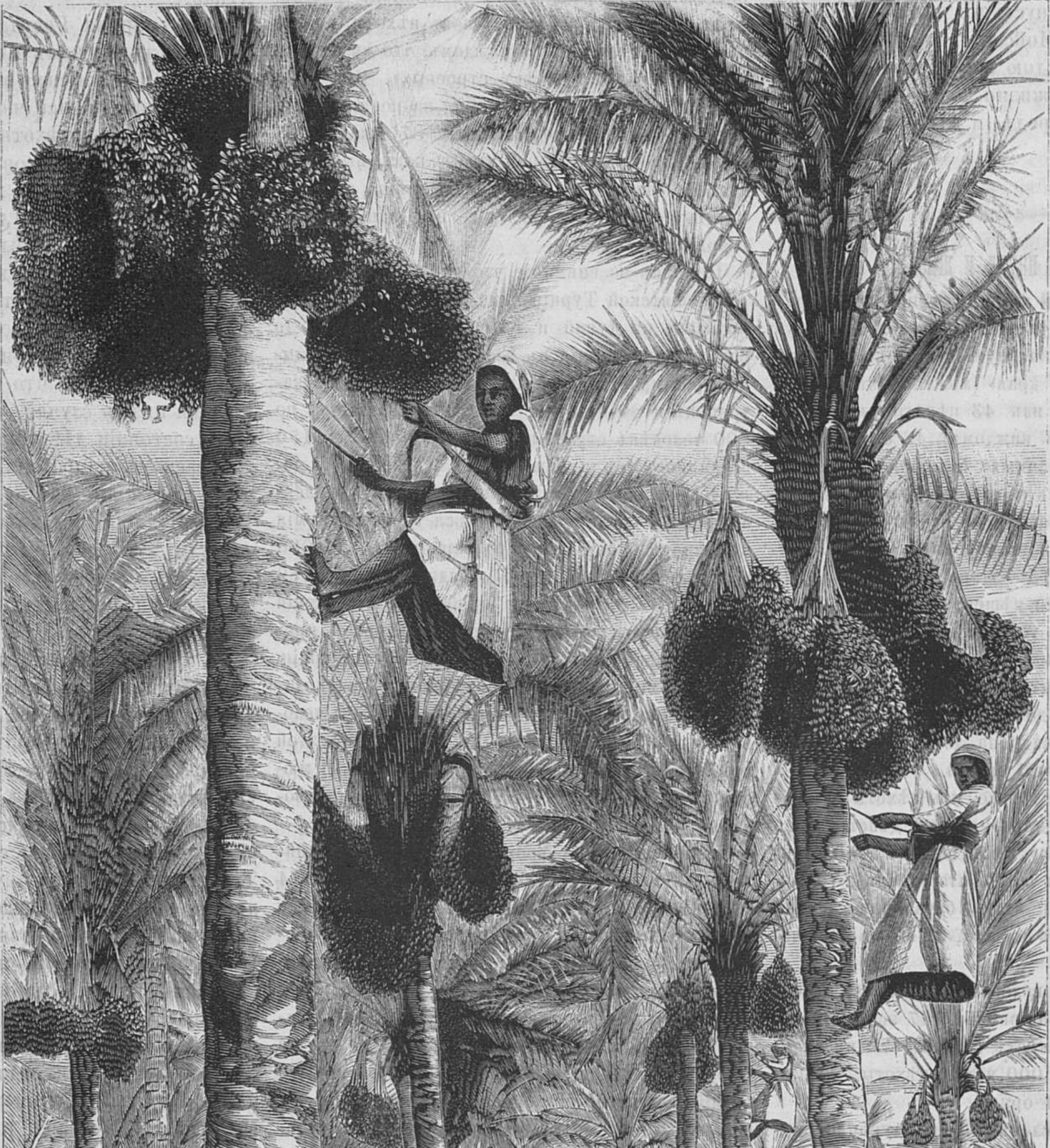
Изъ всѣхъ полученныхъ до сихъ поръ свѣдѣній съ анатолійскаго театра военныхъ дѣйствій, видно, что наши главныя силы, находящіяся, какъ извѣстно, подъ начальствомъ генерала-адъютанта Лорисъ-Меликова, начали наступленіе по той же самой операціонной линіи, по которой двинулись въ предѣлы Азіятской Турціи въ 1828 году фельдмаршалъ Паскевичъ, а въ 1855 генералъ Муравьевъ. Ее же избрали въ 1853 г. турки для наступленія противъ Александрополя.

Граница наша съ Азіятскою Турціею имѣетъ общее направленіе съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Отъ поста св. Николая, на Черномъ морѣ, до верховьевъ Арпачая она тянется почти постоянно въ этомъ направленіи вдоль высокаго Чалдырскаго хребта, затѣмъ, круто поворачивая на югъ, слѣдуетъ теченію рѣки Арпачая до впаденія ея въ Араксъ, откуда, принимая направленіе съ запада на востокъ, идетъ, по правой сторонѣ этой послѣдней рѣки, по хребту горъ Агры-Дагъ и Кара-Дагъ до вершины Арарата. Какъ сама пограничная линія, такъ и прилегающая къ ней часть Анатоліи чрезвычайно гористы; поэтому здѣсь военныя дѣйствія могутъ имѣть мѣсто только въ долинахъ рѣкъ, принадлежащихъ къ бассейнамъ Куры и Аракса. Всѣ эти долины сходятся къ Эрзеруму, который такимъ образомъ составляетъ естественный объективъ войскъ, вступающихъ въ предѣлы Азіятской Турціи.

Нашему операціонному базису въ отношеніи Анатоліи служатъ опорными пунктами на правомъ флангѣ Ахалцыхъ, въ центрѣ—Александрополь, на лѣвомъ флангѣ — Эривань. Изъ всѣхъ этихъ трехъ пунктовъ можно достигнуть Эрзерума, но не всѣ эти операціонныя линіи одинаково удобны. Кратчайшая изъ нихъ та, которая ведетъ изъ Ахалцыха вверхъ по долинѣ Куры въ Ардаханъ, а оттуда чрезъ Ольту по верховьямъ верхняго Евфрата къ Эрзеруму; за то она самая неудобная. Вторая или центральная операціонная линія идетъ сначала вверхъ по рѣкѣ Карсъ-Чай, затѣмъ, перейдя черезъ высокій, густо покрытый снѣгомъ, горный хребетъ Саганлугъ, спускается въ долину Аракса, откуда уже не встрѣчаетъ болѣе, до Эрзерума, никакихъ особенныхъ препятствій. Линія эта самая удобная, такъ какъ по ней пролегаетъ большая дорога изъ Александрополя въ Эрзерумъ; но удобство это только относительное, ибо этотъ лучшій путь къ столицѣ Арменіи преграждается крѣпостью Карсомъ. Третья операціонная линія, самая длинная, хотя и болѣе удобная, чѣмъ линія Ахалцыхъ-Ардаханъ-Ольта-Эрзерумъ, та, которая ведетъ изъ Эривани въ долину верхняго Евфрата, а оттуда въ западномъ направленіи прямо на Эрзерумъ.

Крѣпость Карсъ, хотя и не прикрываетъ абсолютно столицы Арменіи, имѣетъ, однакожъ, важное значеніе въ томъ смыслѣ, что чрезъ нее идетъ самый удобный путь на Эрзерумъ. «Эта крѣпость, говоритъ генералъ Богдановичъ, въ своей исторіи послѣдней восточной войны, въ стратегическомъ отношеніи можетъ имѣть значеніе при наступательныхъ дѣйствіяхъ турокъ въ наши предѣлы; въ оборонительномъ отношеніи она можетъ, на время, доставить убѣжище разбитой или отступающей арміи, но не прикрываетъ ни Эрзерума, ни Анатоліи, потому что движеніе во внутрь страны всегда возможно или мимо Карса, отдѣливъ для наблюденія за сею крѣпостью часть силъ, или по другимъ путямъ: отъ Ардахана на Ольту, либо отъ Баязета, сперва по долинѣ верхняго Евфрата, а потомъ долиною Аракса».

По полученнымъ, до сихъ поръ, телеграммамъ съ азіятскаго театра военныхъ дѣйствій видно, что наша кавказская армія наступаетъ по всѣмъ тремъ названнымъ операціоннымъ линіямъ. На правомъ флангѣ



Сборъ финиковъ.

идетъ къ Ардахану ріонскій отрядъ генералъ-лейтенанта Оклобжіо, въ центрѣ, по направленію къ Карсу — александропольскій корпусъ генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова, на лѣвомъ флангѣ—эриванскій отрядъ генералъ-лейтенанта Теръ-Чукасова.

Наше правое крыло подвигается медленнѣе другихъ отрядовъ, но это вполнѣ объясняется какъ характеромъ мѣстности, до нельзя гористой и пересѣченной, такъ и постоянными проливными дождями, размывающими уже безъ того плохія дороги, ведущія къ Ардахану и дѣлающіе ихъ недоступными даже для мѣстныхъ арбъ.

За то центръ быстро подвигается впередъ. 15-го апрѣля, кавалерія александропольскаго корпуса, гоня предъ собою полчища курдовъ, составляющихъ цвѣтъ иррегулярной турецкой конницы, дошла уже до Хадживаля, болѣе чѣмъ на полпути между Александраполемъ и Карсомъ, а на слѣдующій день она уже находилась на высотѣ Карса, такъ какъ полученная на дняхъ телеграмма передаетъ, что кавалерія отправлена въ обходъ этой крѣпости съ юга. Что же касается главныхъ силъ александропольскаго корпуса, то 15 апрѣля онѣ, перейдя на правый берегъ Карсъ-Чая, расположились ночлегомъ въ Кирюкъ-Дара, въ той самой мѣстности, гдѣ въ 1854 г. князь Бебутовъ нанесъ столь жестокое пораженіе Зарифу-пашѣ, а на слѣдующій день, 16-го апрѣля, перешли займу Эникееву.

Наконецъ, наше лѣвое крыло ознаменовало свое вступленіе въ турецкіе предѣлы блестящимъ подвигомъ. Крѣпость Баязетъ, находящаяся на южныхъ склонахъ Арарата и составляющая опорный пунктъ праваго фланга турецкой оборонительной линіи, была очищена ея гарнизономъ, состоящимъ изъ 1,700 чел., при первомъ появленіи русскаго авангарда. Какъ городъ, такъ и цитадель заняты, въ настояще время, русскими войсками. Что касается турецкаго гарнизона, то, переправившись чрезъ Евфратъ, онъ поспѣшно отступаетъ въ горы Алла-Дага, высокій горный хребетъ, отдѣляющій верхній Евфратъ отъ озера Вана. Помимо нравственнаго вліянія, которое непремѣнно окажетъ на непріятеля этотъ успѣхъ русскаго оружія при самомъ началѣ кампаніи, взятіе Баязета имѣетъ еще то важное значеніе, что занимающія его войска угрожаютъ одновременно Эрзеруму и Вану, т. е. самымъ важнымъ городамъ Арменіи.

Изъ Александрополя, отъ 15-го апрѣля, извѣщаютъ, что изъ мѣстъ кавказской дѣйствующей арміи получены слѣдующія свѣдѣнія:

Согласно Высочайшему повелѣнію, войска кавказской арміи, находившіяся на кавказско-турецкой границѣ, начали 12-го апрѣля общее наступленіе и, къ вечеру того же дня, перешли границу на всѣхъ пунктахъ, ими занятыхъ. Большинство турецкихъ пограничныхъ постовъ сдалось военноплѣнными; только противъ селенія Дуслабы, близъ Кичутскаго Поста, турецкіе драгуны, предводимые полковникомъ Савари, оказали сопротивленіе, причемъ потеряли четыре человѣка убитыми. Съ нашей стороны убитъ одинъ казакъ.

При дальнѣйшемъ слѣдованіи, одинъ дивизіонъ 16-го драгунскаго нижегородскаго короля виртембергскаго полка, имѣя при себѣ отрядъ казаковъ, встрѣтился близъ Тыхтычина съ курдинскою конницею, которая, послѣ незначительной стычки, отступила.

При всѣхъ этихъ движеніяхъ русскихъ войскъ, въ первый же день объявленія войны, взято нами въ плѣнъ: 7 офицеровъ и 97 нижнихъ чиновъ. Въ этотъ же день, 12-го апрѣля, къ главному начальнику русскихъ войскъ, генералу-адъютанту Лорисъ-Меликову, находившемуся близъ Александрополя, явилась одна изъ сотенъ, недавно лишь собранныхъ турками, именно сотня карапанаховъ, и просила принять ихъ въ русскую службу. При этомъ сотня вручила и свой воинскій значекъ, переданный генералъ-адъютанту Лорисъ-Меликову начальникомъ сотни.

Командующій войсками ріонскаго отряда, генералъ-лейтенантъ Оклобжіо, доноситъ, что 13 апрѣля, въ 6 час. веч., колонна генерала-маіора Денибекова, послѣ жаркаго боя, заняла оставленный турками барачный лагерь у Махтаніэ. Регулярныя наши войска заслужили полную похвалу, но особенно отличилась гурійская дружина, показавшая чудеса храбрости во время стойкаго натиска.

Приказомъ по кавказскому военному округу, главнокомандующій кавказскою арміей объявилъ на военномъ положеніи Кутаискую, Тифлискую и Эриванскую губерніи, Сухумскій военный отдѣлъ, Черноморскій округъ и Темрюкскій уѣздъ Кубанской области.

Съ поста св. Николая извѣщаютъ, что турецкія войска бомбардируютъ это укрѣпленіе. Подробностей нѣтъ.

По послѣднимъ извѣстіямъ, въ Афганистанѣ объявлена священная война противъ Англіи.

Положеніе дѣлъ въ Сербіи становится все болѣе и болѣе запутаннымъ. Сербскіе государственные люди должны бороться, въ настоящую минуту, съ большими препятствіями, такъ какъ, послѣ понесенныхъ ею ударовъ, Сербія едва ли въ состояніи начать новую войну. Ристичъ продолжаетъ быть душею кабинета, ибо большинство населенія питаетъ къ нему самое неограниченное довѣріе. По отношенію къ внутреннимъ условіямъ страны, положеніе сербскаго правительства также весьма затруднительно. Помимо стѣсненныхъ финансовыхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находится теперь княжество, противники нынѣшняго правленія, въ рядахъ которыхъ находятся самые вліятельные граждане, въ значительной степени усложняютъ задачу настоящаго кабинета. Партія Карагеоргіевича усматриваетъ въ настоящемъ смутномъ времени весьма удобный случай для осуществленія своихъ завѣтныхъ цѣлей. Она проявляетъ, по истинѣ, удивительную дѣятельность и, вѣроятно, давно бы достигла своей цѣли, еслибъ были устранены отъ дѣлъ нынѣшніе совѣтники князя. Усилія ихъ направлены преимущественно противъ Ристича, котораго они считаютъ опаснѣйшимъ изъ ихъ противниковъ и сильнѣйшею опорою князя Милана. Князь, повидимому, вполнѣ сознаетъ опасность своего положенія, потому что вчера онъ посѣтилъ Ристича и долго съ нимъ бесѣдовалъ.

— По свѣдѣніямъ иностранныхъ газетъ съ персидской границы, турецкій губернаторъ Багдада формируетъ милицію изъ мѣстныхъ гражданъ. Собираются всѣ лица мужского пола отъ двадцати до пятидесятилѣтняго возраста. На лицо есть уже 15,000 милиціонеровъ, въ томъ числѣ не мало арабовъ. Имъ разсказываютъ, что война давно объявлена и что войска султана вступили уже побѣдоносно въ Ахалцыхъ и Александрополь. На персидской границѣ расположено 4000 ч. турецкаго низама, нѣсколько артиллеріи и арабская кавалерія. Съ своей стороны, губернаторъ персидской провинціи Керманшихъ, князь Мурадъ-Мирза, выдвинулъ къ турецкой границѣ 15,000 ч. пѣхоты, артиллеріи и иррегулярной кавалеріи. Послѣдняя состоитъ почти исключительно изъ курдовъ. Войска эти расположены, по большей части, по линіи, идущей отъ города КеAn ринда до Согаби и Ханскина. Въ случаѣ войны, они очевидно направятся на Багдадъ и Кербелу.

Со всего свѣта.

Еще до объявленія войны, иностранныя газеты на всѣ лады распускали слухи о занятіи Австріей Босніи и Герцеговины. Распускаемые, по этому поводу, слухи стремятся доказать, что, по поводу занятія Босніи и Герцеговины, состоялось полное соглашеніе между Россіей и Австріей, и что это занятіе есть лучшее средство локализировать войну. Но слово *занятіе*, какъ извѣстно, имѣетъ два значенія: есть занятіе временное и потомъ—занятіе, которое переходитъ въ простое присоединеніе. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ Австріи существуетъ весьма вліятельная партія, которая желала бы присоединить Боснію и Герцеговину къ Австріи, посредствомъ занятія этихъ провинцій австрійской арміей. Эта партія даетъ понять, что подобное присоединеніе вполнѣ отвѣчаетъ выгодамъ Россіи, что уже совершенно не вѣрно. Россія желаетъ улучшенія быта балканскихъ христіанъ, при ихъ освобожденіи отъ турецкаго владычества, но присоединеніе ихъ къ Австріи идетъ въ разрѣзъ какъ съ русской политикой, такъ и съ желаніемъ Россіи.

Но кромѣ того, если эта партія и вліятельна, то не настолько, чтобъ получить окончательный перевѣсъ. Она имѣетъ своими противниками графа Андраши. Чрезвычайно щекотливое положеніе Австріи между Россіей и Германіей требуетъ особенной осторожности, а графъ Андраши бываетъ иногда и через чуръ остороженъ. Тѣмъ не менѣе, сопоставленіе фактовъ совершенно достаточно, чтобъ уяснить себѣ политику австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ; стоитъ только вспомнить результаты порученія генерала Сумарокова, роль Австріи на Константинопольской конференціи, заявленіе министра въ собраніяхъ делегаціи, наконецъ, стоитъ вспомнить англійскую «Синюю книгу.» Эта политика можетъ быть выражена словами: выжиданіе; и необходимо сознаться, что это была самая удачная политика для Австріи. Она выжидаетъ и ищетъ благопріятнаго случая. Если этотъ случай встрѣтится, она вмѣшается въ дѣло, но до сихъ поръ будетъ придерживаться самаго строгаго нейтралитета. Вотъ почему едва-ли можно полагать—не смотря на слухи—что между Россіей и Австріей существуетъ соглашеніе относительно занятія Босніи и Герцеговины. Это занятіе вызвало бы цѣлый рядъ затрудненій для Австріи, внѣшнихъ и внутреннихъ, безъ всякой пользы въ будущемъ, между тѣмъ какъ ея нейтралитетъ, позволяющій ей не дѣлать никакихъ экстраординарныхъ издержекъ, положительно выгоденъ для интересовъ Австро-Венгріи, которая, конечно, получитъ свою часть при окончательной развязкѣ восточнаго вопроса.

Иностранныя газеты, въ особенности англійская печать и часть французской и нѣмецкой, отнеслись весьма враждебно къ циркуляру князя Горчакова. Въ этихъ отзывахъ нельзя не видѣть характеристики состоянія общественнаго мнѣнія въ Европѣ.

Газета «XIX Siécle» говоритъ: «Нота князя Горчакова только перефразируетъ Высочайшій манифестъ; но во всякомъ случаѣ, въ ней мы встрѣчаемъ тѣ же пробѣлы, которые насъ уже поразили въ депешѣ: какъ Высочайшій манифестъ, такъ и нота князя Горчакова не ставятъ вопросъ на почву дѣйствія во имя всей Европы. Русское правительство не упоминаетъ, что оно объявляетъ войну отъ имени Европы, оно исключительно становится на почву русскихъ интересовъ и протектората восточныхъ христіанъ. Но въ нотѣ нѣтъ ни слова о томъ, что русское правительство отказывается отъ какихъ бы то ни было территоріальныхъ пріобрѣтеній.»

«Morning Post» негодуетъ на циркуляръ, указывая на то, что Россія угрожаетъ Индіи.

«Times» говоритъ, что Россія съ этой минуты не имѣетъ права говорить отъ имени Европы, тѣмъ болѣе, что державамъ она не дала тѣхъ гарантій, которыхъ онѣ имѣли право ожидать.

Теперь, когда перчатка брошена, въ Англіи замѣчается то же враждебное Россіи настроеніе, которое было такъ сильно въ крымскую кампанію. На одномъ банкетѣ консерваторовъ въ Лондонѣ, министръ финансовъ заявилъ, что его товарищи и онъ смотрятъ на положеніе дѣлъ съ чрезвычайнымъ безпокойствомъ; тѣмъ не менѣе, правительство надѣется, что оно стоитъ на точкѣ зрѣнія защиты англійскихъ интересовъ и увѣрено, что встрѣтитъ поддержку въ странѣ во всемъ томъ, что оно предприметъ.

Если справедливо то, что «Morning Post» отражаетъ дѣйствительное мнѣніе настоящаго англійскаго кабинета, то приходится заключить, что англійское правительство чрезвычайно враждебно настроено противъ Россіи. «Morning Post» думаетъ, что объявленіе войны Россіей есть прямая, непосредственная угроза Англіи и англійскимъ интересамъ. Англійское правительство можетъ, нѣкоторое время, не принимать участія въ предстоящей борьбѣ; но общественное мнѣніе настроено враждебно и само правительство можетъ быть вовлечено въ борьбу, даже еслибы оно этого и не хотѣло.

Турецкіе дипломаты поспѣшили, конечно, воспользоваться случаемъ, который имъ подвернулся, и воспользовались съ обычной своей ловкостью. Такъ какъ Россія дѣйствуетъ исключительно отъ своего имени, то для турецкихъ дипломатовъ, во что бы то ни стало, нужно было свалить всю отвѣтственность за войну на Россію и предстать передъ Европой въ качествѣ защитниковъ парижскаго трактата. Порта не преминула воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, и намъ остается только рекомендовать читателямъ циркуляръ оттоманскаго правительства. Онъ начинается тѣмъ, что резюмируетъ по своему факты, какъ это сдѣлано и въ Высочайшемъ манифестѣ. Порта по прежнему обѣщаетъ ввести реформы, которыя она обѣщалась выполнить. Если реформы до сихъ поръ не введены, то потому только, что сосредоточеніе русскихъ войскъ на турецкой границѣ парализовало всѣ ея усилія. Въ концѣ, Порта ссылается на 8-й параграфъ парижскаго трактата и требуетъ посредничества державъ. Все это прекрасно, можно отвѣчать турецкому правительству, но, тѣмъ не менѣе, не можетъ привести ни къ какому результату: теперь слишкомъ поздно обращаться за посредничествомъ державъ.

Циркуляръ турецкаго правительства тѣмъ болѣе страненъ, что 13-го (25) апрѣля, какъ сообщаютъ депеши иностранныхъ газетъ, лордъ Дерби въ палатѣ лордовъ сказалъ нѣсколько весьма знаменательныхъ словъ. Онъ сказалъ, что въ теченіе всѣхъ переговоровъ Порта была *убѣждена*, что рано или поздно ей придется воевать съ Россіей, и что его, лорда Дерби, личное мнѣніе всегда было то, что миръ между Турціей и Россіей казался ему всегда совершенно неразрѣшимой задачей.

16-го апрѣля была открыта сессія румынскаго парламента. Въ тронной рѣчи князь Карлъ настаивалъ на нейтралитетъ Румыніи. Мы уже знаемъ, что этотъ нейтралитотъ не существуетъ, но тронная рѣчь доказываетъ, по крайней мѣрѣ, что румынское правительство не захотѣло взять на себя отвѣтственность объявленія войны Турціи. Поэтому, князь Карлъ оставляетъ палатѣ заботу рѣшить, какое положеніе должна занять Румынія въ начавшейся войнѣ. Кажется, однакожъ, что румынское правительство уже слишкомъ афектируетъ свой воображаемый нейтралитетъ. По мѣрѣ того, какъ русская армія подвигается, румынскіе войска отступаютъ къ Бухаресту. Они очистили Галацъ и Браиловъ, какъ только показались первые русскіе отряды; теперь они очищаютъ Журжево. Съ другой стороны, румынская армія очистила Калафатъ, лежащій противъ Виддина. Есть слухи, будто бы турки перешли Дунай и заняли Калафатъ, но это извѣстіе едва ли справедливо.

Общественное мнѣніе въ Англіи чрезвычайно встревожено. Совѣты министровъ слѣдуютъ одинъ за другимъ съ быстротою молніи; офицеры въ отпуску получили приказаніе возвратиться немедленно въ армію. Англійскій флотъ, находящійся въ настоящую минуту въ Мальтѣ, получилъ приказаніе отправиться въ Смирну. Очевидно, что Англія къ чему-то готовится? Но къ чему? Едва ли на этотъ вопросъ могутъ отвѣтить удовлетворительно даже члены кабинета; чувствуется необходимость принять какое либо опредѣленное положеніе, но какое — никто не знаетъ; оно можетъ быть только опредѣлено послѣдующими событіями.

Въ итальянской палатѣ депутатовъ пренія по восточному вопросу выяснили, до извѣстной степени, отношенія итальянскаго правительства къ настоящему кризису. Нападки со стороны оппозиціи были довольно рѣзки. Одинъ изъ членовъ, Петручелли-делла-Гатина упрекалъ правительство въ туркофильствѣ. Онъ бы желалъ, чтобы итальянское правительство возвратилось къ традиціямъ 1866 года (союзъ съ Пруссіей) и чтобы оно не забывало, что Австрія и Франнія, «захватившія итальянскія провинціи» — державы католическія, съ которыми не слѣдуетъ вступать въ союзъ. «Мы нуждаемся въ союзникахъ, которые бы имѣли наши стремленія и не были бы католиками».

Другой членъ, Музолино, — ораторъ весьма щедрый на юморъ и насмѣшки, находитъ, напротивъ, что Мелегари — слишкомъ руссофилъ. Онъ бы желалъ, чтобы министерство было снисходительнѣе къ Турціи, «которая находится въ состояніи законной самообороны» Этотъ ораторъ терпѣть не можетъ славянъ.

Третій депутатъ, герцогъ Колонна де-Чезаро, коснулся, съ практической стороны, нѣкоторыхъ подробностей, какъ напр. защиты итальянскихъ интересовъ въ Константинополѣ и положенія Румыніи. Вообще онъ одобряетъ то, что̀ дѣлаетъ правительство.

Запросы, имѣющіе дѣйствительно политическій характеръ, были сдѣланы Висконти-Веностою, предшественникомъ Мелегари. Онъ сдѣлалъ запросъ правительству относительно четырехъ пунктовъ: 1) Сохранило-ли правительство свободу дѣйствій въ восточномъ кризисѣ? Дѣйствительно-ли правительство находится въ дружескихъ сношеніяхъ съ другими державами? 2) Пришло-ли итальянское правительство къ соглашенію съ другими державами, относительно того, чтобы ограничить войну насколько возможно? 3) Въ самомъ-ли дѣлѣ правительство не думаетъ о спеціальномъ вооруженіи, могущемъ породить безпокойство внутри и извнѣ?

На эти вопросы Мелегари отвѣчалъ категорически: «Да, мы свободны; да, наши сношенія съ другими державами вообще дружественны; да, мы попытаемся локализировать войну, а если противъ нашего желанія, положеніе измѣнится такъ, что итальянскіе интересы будутъ затронуты, — то правительство посовѣтуется съ парламентомъ».

На четвертый пунктъ, относительно военныхъ предосторожностей, Мелегари отклонилъ отъ себя отвѣтъ; въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ, Депретисъ, глава правительства, также не счелъ нужнымъ отвѣчать на этотъ вопросъ. Онъ, однакожъ, *подчеркнулъ* предположеніе Мелегари относительно того, что итальянскіе интересы могутъ быть непосредственно затронуты войной! «Если какое-либо измѣненіе окажется необходимымъ — сказалъ онъ — то правительство обратится за совѣтомъ къ парламенту.

Оффиціальное заявленіе о нейтралитетѣ Англіи поставило русскую печать въ нѣкоторое затрудненіе. Очевидно, наши публицисты не были приготовлены къ этому факту и не ожидали его; теперь каждый изъ нихъ объясняетъ его по своему: одни утверждаютъ, что оно имѣетъ частное, случайное значеніе, другіе — приписываютъ англійскій нейтралитетъ общей политикѣ англійскаго кабинета. Вѣроятнѣе всего, что непосредственной причиной было объявленіе войны Афганистаномъ, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что вопросъ о нейтралитетѣ входитъ также и въ общую политику Англіи.

Наши гравюры.

Англійская набережная.

Набережныя въ Петербургѣ составляютъ его лучшее украшеніе и едва ли не единственныя въ мірѣ по красотѣ, громадности и длинѣ протяженія. Первоначально, до Екатерины II, въ Петербургѣ были только деревянныя набережныя и то въ незначительномъ количествѣ. Съ 1764 года начато было сооруженіе гранитныхъ набережныхъ, первоначально по Невѣ, вдоль Зимняго Дворца. Въ царствованіе Екатерины II, всѣхъ набережныхъ, изъ гранита, было воздвигнуто до 20 верстъ; нынѣ же ихъ имѣется до 50 верстъ. Первоначальная постройка ихъ производилась такимъ образомъ: зимой вколачивались въ береговой грунтъ сваи, на сваяхъ возводился фундаментъ изъ путиловскихъ плитъ въ сажень вышины, въ 2—3 сажени толщины; затѣмъ дѣлалась облицовка гранитными плитами отъ $1^{1}/_{2}$ до $2^{1}/_{2}$ ф. толщины, до возвышенія набережныхъ на 10 футовъ надъ нормальнымъ уровнемъ воды. Въ извѣстныхъ мѣстахъ сдѣланы спуски къ водѣ, по гранитнымъ ступенямъ. Каждая погонная сажень обходилась въ 300 руб.

Англійская набережная — красивѣйшая въ Петербургѣ, послѣ Дворцовой, тянется отъ памятника Петра I до Новаго Адмиралтейства; на нашемъ рисункѣ видна только вторая, менѣе людная, часть этой набережной, отъ Николаевскаго моста до Новаго Адмиралтейства. Она сплошь украшена роскошными домами богатой знати.

Марольскій кварталъ въ Брюсселѣ.

На южной сторонѣ Брюсселя между самыми главными и многолюдными улицами, Rue de la Cour и Rue de l'Auberge, расположенъ кварталъ, состоящій изъ множества переулковъ, закоулковъ и извѣстный подъ названіемъ Марольскаго квартала.

Этотъ кварталъ существовалъ еще въ 1660 г. и получилъ свое названіе отъ учрежденнаго въ немъ благотворительнаго заведенія, въ члены котораго принимались только женщины, называвшіяся «Apostolines» или «Marolles»; онѣ, оставаясь вѣрны монашескому обѣту, посвящали себя воспитанію молодыхъ дѣвушекъ. Въ этомъ кварталѣ сливались два совершенно противоположныхъ элемента, Валлонскій и Фламандскій, откуда и образовалось живое марольское нарѣчіе—смѣсь французскаго и фламандскаго языковъ. Здѣсь однако преобладаетъ валлонскій элементъ и не только въ нарѣчіи, но и въ физическомъ сложеніи жителей этого квартала, отличающихся маленькимъ ростомъ и болѣе живымъ характеромъ чѣмъ чистые фламандцы. Марольскій кварталъ имѣетъ свою особенную литературу, которая теперь, вѣроятно, скоро исчезнетъ, по мѣрѣ того какъ узкія, глухія улицы, остатки стараго Брюсселя, должны будутъ уступить мѣсто новымъ постройкамъ. Вся страна относится съ такою любовію и даже, можно сказать, благоговѣніемъ ко всему старому, что въ тѣхъ случаяхъ, когда, вслѣдствіе требованій настоящаго времени, приходится разрушать узкія съ густо выстроенными домами улицы, то снимаются фотографическіе снимки съ назначаемыхъ для ломки кварталовъ для того, чтобы они, хотя въ рисункахъ, жили въ народной памяти. Такъ въ Брюссельской ратушѣ выставлено много картинъ масляными красками съ самыми оригинальными видами разрушенныхъ улицъ и кварталовъ. Брюссельскіе старожилы простаиваютъ по цѣлымъ часамъ предъ этими картинами; они съ удовольствіемъ, хотя и съ сожалѣніемъ, вызываютъ въ памяти далекое прошлое, свое дѣтство или молодость; припоминаютъ, какъ они, бывало, шатались по темнымъ закоулкамъ или подолгу простаивали на мостахъ, и глазѣли въ выходившія на рѣку окна, уставленныя горшками цвѣтовъ и растеній, изъ-за которыхъ вдругъ высунется личико съ дерзки-вздернутымъ носикомъ и шаловливыми глазами. Въ настоящее время ничто почти не напоминаетъ прежняго Брюсселя.

А между тѣмъ, ни одному фотографу или живописцу до сихъ поръ не приходитъ въ голову нарисовать этюдъ съ Марольскаго квартала. Этотъ кварталъ, правда, населенъ нищими, а нищета всюду налагаетъ печать нужды; этотъ кварталъ пользовался въ теченіе многихъ лѣтъ такою дурною славою, что каждый боялся попасть въ него; если нечаянно завертывалъ туда мужчина въ цилиндрѣ и сертукѣ, то это было такое рѣдкое явленіе, что всѣ выбѣгали смотрѣть на него, точно на какое морское чудо и, не стѣсняясь, высказывали свои наблюденія и осыпали его всевозможными ругательствами. Въ густо обстроенныхъ улицахъ, гдѣ съ трудомъ могутъ пройти двое рядомъ, гдѣ приходится задирать голову, чтобы посмотрѣть на небо, куда рѣдко проникаетъ лучъ солнца, тамъ живетъ, копошится, работаетъ, страдаетъ и наконецъ умираетъ многочисленное населеніе, имѣющее свои нравы и обычаи, весьма похожіе на средневѣковые, и устраивающее, не смотря на страшныя лишенія и горести, народныя празднества и игры. Въ виду этого они отказываютъ себѣ въ самомъ необходимомъ. Никогда еще заработки ихъ не были такъ ничтожны, какъ въ настоящее время; мужчины занимаются самымъ неблагодарнымъ картоннымъ, переплетнымъ ремесломъ; женщины плетутъ кружева, и ихъ труды еще менѣе оплачиваются. Самая искусная кружевница, работая усидчиво цѣлый день, едва заработаетъ на свое дневное пропитаніе. Хотя общественная благотворительность и выдаетъ извѣстную пенсію бо̀льшей части населенія этого квартала, но этой суммы едва достаточно, чтобы облегчить нужду; живущіе тамъ нищіе представляютъ изъ себя большое семейство, въ которомъ всѣ члены относятся другъ къ другу съ какою-то трогательною теплотою; но никто не повѣритъ этому, судя по наружному виду этого квартала: полунагія дѣти разныхъ возрастовъ валяются въ грязи; передъ домами сидятъ старухи, и, точно Парки, прилежно плетутъ сухими, грязными пальцами такъ дорого цѣнимыя кружева. Около нихъ сидятъ молодыя дѣвушки и работаютъ въ перегонку; разговоры при этомъ бываютъ рѣдко назидательнаго свойства.

1-е мая всегда празднуется въ Мароллѣ; въ этотъ день отправляется старъ и младъ, на основаніи древняго права, въ лѣсъ, принадлежащій Львиной Коммунѣ, за молодою березовою вѣткою, которая съ музыкою торжественно приносится въ городъ, въ сопровожденіи наѣздниковъ, переодѣтыхъ рыцарями, и втыкается въ Rue du Marais.

По прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ происходитъ другое болѣе интересное шествіе въ сосѣдній городокъ, Галь, сильно посѣщаемый богомольцами, по случаю находящагося въ немъ чудотворнаго образа «Черной Дѣвы». Какъ разъ у входа замѣчательной древнеготической церкви лежатъ брошенныя, во время какой-то осады города, бомбы, которыя «Черная Дѣва», ловила будто бы на лету. Жители Галя, хотя не католики, но, пользуясь суевѣріемъ другихъ, увѣряютъ, что никому не удается пересчитать лежащихъ здѣсь бомбъ, такъ какъ всегда путаются въ счетѣ и должны снова начинать считать.

Но жители Марольскаго квартала отправляются въ Галь не ради *«чернаго образа Дѣвы Маріи»*, и не для того, чтобы считать гранаты; тамошняя церковная фабрика должна въ силу какого-то древняго права угощать ихъ виномъ и пирогами; не смотря на то, что имъ вмѣсто угощенія уже нѣсколько разъ предлагали денежное вознагражденіе, они никакъ не хотятъ отказаться отъ этого стариннаго обычая.

Но все это ничто въ сравненіи съ тѣмъ, когда въ Марольскомъ кварталѣ празднуется кермесса. Тогда переносятся изъ дома въ домъ разноцвѣтные китайскіе фонари и еловыя вѣтки и, подъ предсѣдательствомъ стариковъ, происходятъ самыя оригинальныя и невозможныя игры; назначаются при этомъ обязательные призы; женщины на этихъ играхъ играютъ главную роль, такъ какъ онѣ своими гримасами и забавными фарсами превосходятъ мужчинъ. Изображенная на рисункѣ забава болѣе всѣхъ другихъ игръ возбуждаетъ непрерывный смѣхъ зрителей, причемъ приличіе нисколько не нарушается.

Состязаніе происходитъ передъ открытыми окнами шинка, гдѣ возсѣдаютъ судьи. На улицѣ стоятъ или сидятъ двѣ женщины; лѣвыя руки ихъ привязаны къ столбу или стулу; глаза завязаны; передъ ними стоитъ необыкновенныхъ размѣровъ горшокъ съ рисовымъ молокомъ; въ правой рукѣ онѣ держатъ большую поварскую ложку; вся задача состоитъ въ томъ, чтобы полную ложку всунуть въ ротъ соперницы.

Читатель легко можетъ себѣ представить сцену, приводящую зрителей въ неистовый восторгъ.

Мы не должны слишкомъ строго относиться къ грубымъ играмъ этого квартала; еще не такъ давно знатныя особы присутствовали и предсѣдательствовали на нихъ; впрочемъ, не мѣшаетъ замѣтить, что эти грубыя игры и забавы далеко несовременны; смѣхъ и хохотъ вытѣсненъ теперь изъ высшихъ и низшихъ слоевъ общества. Настали серьёзныя времена; не странно ли то, что послѣдніе отголоски прежней народной веселости раздаются какъ разъ изъ того Брюссельскаго квартала, откуда ихъ менѣе всего можно ожидать.

Веселость можно встрѣтить, въ большинствѣ случаевъ, въ тѣхъ сферахъ общества, гдѣ каждый живетъ, не заботясь о завтрашнемъ днѣ, и всецѣло отдается впечатлѣнію минуты. Таковъ уже законъ природнаго равновѣсія.

Моей милой.

Конечно, читатели не разъ встрѣчали въ жизни такіе типы старыхъ холостяковъ, какой представленъ на этомъ прелестномъ рисункѣ Андріолли. Въ сущности, это добродушнѣйшій изъ людей; въ жизни, конечно, ему не повезло, но онъ съумѣлъ принаровиться къ средѣ, въ которой ему суждено жить: онъ не гонится за богатствомъ, не ищетъ славы, онъ не тщеславенъ и самолюбивъ, но любитъ поѣсть и пожить въ свое удовольствіе. Онъ весь состоитъ изъ привычекъ, какъ вообще всякій холостякъ, онъ мнителенъ, что доказывается баночкой съ лекарствомъ, стоящей на окнѣ, къ которой онъ прибѣгаетъ, какъ къ цѣлебному средству всякій разъ, какъ только почувствуетъ себя не хорошо; онъ любитъ природу, какъ свидѣтельствуетъ букетъ, вставленный въ бутылку съ водой; онъ любитъ выпить, что несомнѣнно, если принять въ соображеніе шкаликъ на столѣ и стаканчикъ въ рукѣ; но прежде всего онъ любитъ искуство, представляемое на рисункѣ гитарой, къ которой онъ прибѣгаетъ «въ минуты жизни трудныя». Все это доказываетъ только одно, что онъ не признанный поэтъ, но поэтъ въ душѣ, поклоняющійся прекрасному, во всѣхъ его видахъ, но, по преимуществу, поклоняющійся прекрасному полу, къ которому онъ относится съ большими иллюзіями, въ качествѣ холостяка. Теперь-то именно онъ и занимается поклоненіемъ прекрасному полу. У него есть сосѣдка.... онъ ее увидѣлъ въ окно, и съ тѣхъ поръ страстно влюбился. Теперь, увидѣвши ее онъ посылаетъ ей страстный и, въ то же время, граціозный поцѣлуй, какъ свидѣтельствуетъ его поза.... Въ рисункѣ много жизни, много движенія и въ особенности много правды.

Финики и финиковая пальма.

Всѣмъ, кто сколько нибудь знакомъ съ обычаями Востока, извѣстно, что финики служили, съ незапамятныхъ временъ, главною пищею жителей его пустынь. Нѣсколько финиковъ и немного воды составляютъ главную пищу и ежедневное пропитаніе нѣсколькихъ милліоновъ человѣкъ въ Аравіи и сѣверной Африкѣ; этнографы приписываютъ этой скудной пищѣ разныя особенности характера этихъ народовъ. Бокль, приписывающій склонность индусовъ ко всему чудесному и необыкновенному, грустное настроеніе и утомленіе жизнію, вслѣдствіе постояннаго истребленія риса, говоритъ, что болѣзненный и слабый темпераментъ арабовъ есть слѣдствіе употребленія, преимущественно, растительной пищи. Онъ доказываетъ, что рисъ содержитъ въ себѣ чрезмѣрное количество крахмала, а именно отъ 83 до 85%; финики содержатъ въ себѣ тѣ же питательныя вещества какъ и рисъ, съ тою только разницею, что крахмалъ здѣсь превращенъ въ сахаръ. Такая пища не можетъ утолить голода, а голодъ, какъ вообще всякое неудовлетворенное желаніе, дѣйствуетъ на воображеніе. «Въ этомъ-то физіологическомъ фактѣ, говоритъ Пешель, и слѣдуетъ искать объясненія строгихъ постовъ, предписываемыхъ самыми разнородными религіями». Шаманы всегда прибѣгаютъ къ постамъ, когда желаютъ сообщаться съ невидимыми силами. Пешель и Бокль держатся противоположныхъ мнѣній на счетъ вліянія финиковъ на цѣлую народность; первый говоритъ: «никто, конечно, не станетъ отрицать, что пища дѣйствуетъ на умственныя способности человѣка и что отъ разнаго рода пищи зависятъ и разные темпераменты», но наука до сихъ поръ еще не дошла до точнаго опредѣленія того дѣйствія, которое производитъ ежедневная пища и что̀ весьма трудно сдѣлать, потому что человѣческій желудокъ привыкаетъ къ разнымъ питательнымъ веществамъ, такъ что постоянно употребляемыя наркотическія средства теряютъ свою силу. Тотъ же самый авторъ прибавляетъ, что финики служатъ главною пищею для независимыхъ и воинственныхъ кочующихъ племенъ, которыя, въ умственномъ развитіи, не далеко ушли отъ индусовъ, питающихся преимущественно рисомъ.

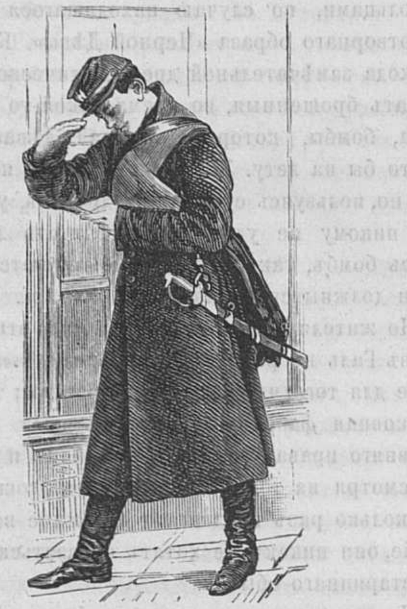
Читатель самъ можетъ разрѣшить споръ этихъ двухъ ученыхъ. Но услуги, оказываемыя финиковою пальмою, безъ всякаго сомнѣнія, громадны. Ассирійцы, какъ гласитъ преданіе, говорили, что они не могутъ даже перечислить всей пользы, приносимой финиковою пальмою; листья, плоды, сокъ и самое дерево пальмы служили имъ для 360 разныхъ цѣлей. Магометане считаютъ финиковую пальму символомъ прямоты и говорятъ, что она, по повелѣнію пророка, появилась изъ земли въ настоящую свою величину. Пальмовыя вѣтки употребляются во многихъ религіозныхъ христіанскихъ церемоніяхъ какъ выраженіе радости; въ Палестинѣ имена многихъ городовъ означаютъ финикъ или пальму. Виѳанія означаетъ «домъ финиковъ»; древняя Пальмира означала «городъ пальмъ», а еврейское женское имя Тамара происходитъ отъ еврейскаго слова, означающаго пальму. Въ Африкѣ между Берберіею и великою степью Сахарою лежитъ огромная страна, называемая Бэль-Эдель-Джеридъ, что значитъ «страна финиковъ»; это названіе дали ей вслѣдствіе огромнаго количества находящихся въ ней финиковыхъ пальмъ.

Въ Россіи, какъ и вообще въ Европѣ, финики причисляются къ лакомствамъ, равно какъ и черносливъ, винныя ягоды, тамариндъ. Они привозятся въ огромномъ количествѣ, и уложены въ грубо сдѣланныя корзины, сплетенныя изъ сухихъ пальмовыхъ листьевъ. Въ такія корзины накладываются спѣлые и мягкіе финики, такъ что получается какая-то тѣстообразная масса. Содержащійся въ нихъ сахаръ служитъ предохранительнымъ средствомъ, но они, послѣ нѣкотораго времени, дѣлаются, твердыми и сухими; въ такомъ видѣ ихъ не употребляютъ; но странствующіе продавцы ихъ покупаютъ, и па̀ромъ возвращаютъ имъ прежнюю мягкость (отчего утрачивается ихъ настоящій вкусъ) и затѣмъ распродаютъ ихъ на улицахъ. Тѣ, которыя преимущественно питаются финиками, не охотно ѣдятъ ихъ въ тѣстообразномъ видѣ; мы бы тоже не захотѣли попробовать этихъ сухихъ, почти безвкусныхъ плодовъ, которые арабы нанизываютъ на длинныя соломины, связываютъ въ пучки и разносятъ въ мѣшкахъ.

Финиковая пальма (phoenix dactylifera) одна изъ лучшихъ, хотя она медленно растетъ, но за то стволъ ея доходитъ до 80 фут.; верхушка его украшена красивою короною, составленною изъ перистыхъ листьевъ. Стволъ очень грубъ и покрытъ иглами; цвѣточныя влагалища, помѣщающіяся въ промежуткахъ между листьями, деревянисты и заключаютъ въ себѣ вѣтвистые вѣнчики со множествомъ цвѣтовъ; ихъ насчитали въ одномъ вѣнчикѣ мужескаго рода до 11,000. Такъ какъ цвѣты на финиковой пальмѣ двудомные, то, чтобы получить хорошій урожай, нужно искуственнымъ образомъ оплодотворять цвѣты женскаго рода; для этого срѣзаютъ мужскіе вѣнчики, когда цвѣтень созрѣетъ и тщательно встряхиваютъ ее на женскіе. Дерево даетъ плоды, начиная съ третьяго до десятилѣтняго возраста, и затѣмъ не перестаетъ давать ихъ въ теченіе 200 лѣтъ. Изъ прилагаемаго рисунка можно составить себѣ превосходное понятіе о финиковой пальмѣ, отягощенной финиками; на немъ изображенъ сборъ финиковъ; одно дерево часто даетъ отъ одного до 4 центнеровъ финиковъ въ одинъ сезонъ. Финики бываютъ самые разнообразные и по величинѣ, и по качеству; въ оазисахъ Сахары насчитываютъ ихъ до 46 сортовъ.

Финиковая пальма со всѣми своими частями удовлетворяетъ множеству потребностей; такъ, изъ стволовъ получается крахмалъ и нѣчто въ родѣ саго; сами стволы служатъ строевымъ матеріаломъ для домовъ, лодокъ, загородей и употребляются для топки. Листья замѣняютъ зонтики; изъ нихъ выдѣлываются покрышки для крышъ, корзины, щетки, цыновки и разная домашняя утварь. Изъ ихъ основанія добывается волокно, изъ котораго плетутся превосходныя, по прочности, канаты. Если разрѣзать сердцевину листа, то изъ него вытекаетъ густой сладковатый сокъ, дающій послѣ броженія вино (индійскій «грогъ») или уксусъ; изъ сока, посредствомъ кипяченія, добывается сахаръ. Отваренные молодые побѣги напоминаютъ собою спаржу, а сами финики сушатся и перемалываются въ муку, изъ которой печется хлѣбъ.

Почтовый ящикъ.



По поводу неисправности въ доставкѣ журнала.

Такъ какъ въ послѣднее время усилились жалобы подписчиковъ въ неполученіи №№ журнала и приложеній, то мы вынуждены сказать слѣдующее: Въ почтовомъ ящикѣ мы не разъ уже отвѣчали на жалобы нашихъ подписчиковъ о неисправностяхъ въ доставкѣ «Живописнаго Обозрѣнія». Мы не разъ объясняли, что редакція принимаетъ всѣ зависящія отъ нея мѣры относительно точной доставки журнала. Всякій нумеръ журнала сдается на почту въ полномъ количествѣ экземпляровъ, т. е. для всѣхъ подписчиковъ безъ исключенія, въ чемъ и имѣются въ конторѣ редакціи почтовыя квитанціи. Что же касается злоупотребленія почтовыхъ чиновниковъ и служащихъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, поклонниковъ дарового чтенія, не рѣдко не только задерживающихъ нумера, но и зачитывающихъ ихъ, то контроль надъ ними для насъ возможенъ только тогда, когда мы получаемъ объ этомъ своевременныя жалобы, которыя мы немедленно сообщаемъ высшему почтовому начальству. Относительно же желѣзнодорожныхъ станцій — контроля надъ ними не имѣемъ, такъ какъ почтовое вѣдомство принимаетъ на себя отвѣтственность только за тѣ станціи, гдѣ существуютъ почтовыя учрежденія.—А потому, что касается жалобы г. **Н. А. С. (Чрезъ г. Аткарскъ Сарат. губ. въ село Елань)**, передающему намъ, что онъ не получилъ №№ 11 и 13 и «Жизнь и Хозяйство» за мартъ мѣсяцъ—то предупреждаемъ, что Ваша жалоба сообщена высшему почтовому начальству, которое приметъ надлежащія мѣры къ розысканію и доставленію Вамъ утерянныхъ на почтѣ №№.

Въ г. Александрополь Эрив. губ. г. А. Н. Ш. Ваша жалоба о неполученіи Вами нумеровъ журнала за текущій годъ представлена также почтовому начальству, и мы надѣемся, что на будущее время будетъ гарантирована акуратная доставка журнала

По поводу же жалобы г. **Е. В. (Константиновская почт. конт. Екатеринослав. губ.)**, заключающейся въ томъ, что вы не получили за 1876 г. №№ 22, 23, 30, 35, 40, 46, 48, 50, 52, а также «Жизнь и Хозяйство» за іюнь и ноябрь — мы принуждены сказать, что почтовое начальство не принимаетъ несвоевременныхъ жалобъ, а потому мы Вамъ вышлемъ эти №№, за которые благоволите выслать 2 р. 20 коп.

Такъ какъ №№ журнала выходятъ въ опредѣленные сроки, то для устраненія потерь и пререканій, въ которыхъ редакція играетъ пассивную роль —рекомендуемъ нашимъ подписчикамъ довѣрять полученіе журнала благонадежнымъ лицамъ, и всякій разъ настоятельно требовать въ надлежащихъ мѣстахъ выдачи №№ со всѣми къ нимъ приложеніями, а въ случаѣ отказа, немедленно заявлять протестъ на мѣстѣ и сообщить вмѣстѣ съ тѣмъ въ контору редакціи, которая не замедлитъ принять зависящія отъ нея мѣры.

С.-П.-Б. г. Н. П. — Ваше стихотвореніе неудобно для печати.

Г. Уфа. Проѣзжему, — Ваши стихотворенія не будутъ напечатаны.

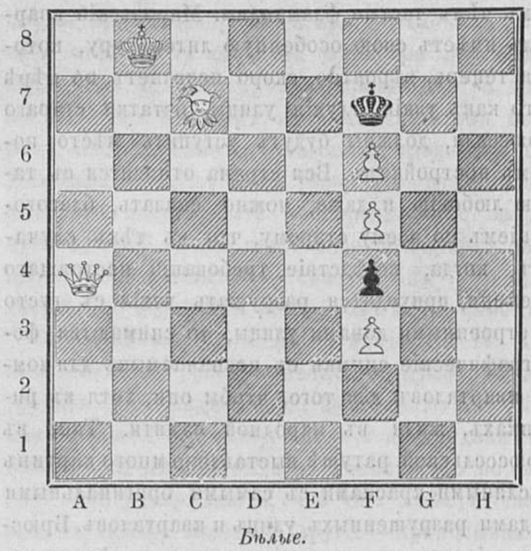
* * *

Шахматы.

Задача XVI.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Черные.



Бѣлые.

Рѣшеніе XV задачи, помѣщенной въ № 16

Бѣлые.	*Черные.*
1) D5—E7	

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи. Судъ присяжныхъ. — Черная Индія. — Восточныя границы Персіи. — Вампиры русскаго народа (продолженіе). — Стихотвореніе «Мѣдный Змій». — Новости наукъ и жизни. — Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій. — Со всего свѣта. — Наши гравюры. — Почтовый ящикъ. — Шахматы. — Объявленія.

Гравюры. Англійская набережная въ С.-Петербургѣ. —Марольскій кварталъ въ Брюсселѣ. — Моей милой. — Сборъ финиковъ. — Почталіонъ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Объявленія.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ за 1875 и 1876 гг.

За каждый годъ, большой томъ изящно отпечатанный, со множествомъ рисунковъ, лучшихъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, уступается подписчикамъ каждый годъ за 3 рубля (безъ приложеній):

въ изящномъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ .... 4 р.
за два тома.................. 5 „
въ изящныхъ же переплет. .
за два тома.................. 7 р.

Деньги на пересылку высылаются по разстоянію: за одинъ томъ на 7 фунт.; за два тома 14 фунт. (До 1000 верстъ) прилагается 1 р. на пересылку за каждый томъ; сверхъ же 1000 верстъ, на каждыя сто верстъ, прилагается 7 к. на томъ.

ОТЪ КОНТОРЫ ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ.

За перемѣну адреса редакція проситъ гг. подписчиковъ высылать:

1) За перемѣну петербургск. на иногородн. 85 к.
2) » » иногородн. на петербургск. 50 »
3) » » иногороднаго на иногородн. 25 »

Въ конторѣ редакціи **„Живописнаго Обозрѣнія“** а также въ музыкальныхъ магазинахъ В. Бесселя и К° и М. Бернарда, находятся въ продажѣ **ноты:**

МАРШЪ
РУССКИХЪ ДОБРОВОЛЬЦЕВЪ.

Сочиненіе **ФЛОРІАНА ГЕРМАНА.** (8 страницъ). Цѣна 1 руб. съ пересылкою 1 р 50 коп.

При слѣдующемъ нумерѣ Живописнаго Обозрѣнія разошлется всѣмъ подписчикамъ майское приложеніе „ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО“ и карта «Турецкой Имперіи».

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 23 апрѣля 1877 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 л., д. № 12.

Живописное Обозрѣніе

№ 18. Томъ I. На годъ съ доставкою и пересылкою 7 руб.; на полгода 4 р. 50 к. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 1 Мая 1877 года. Адрессъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Троицкій переулокъ, домъ № 27/1. Годъ V.

ОТЪ РЕДАКЦИИ ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ (ГОДЪ ПЯТЫЙ).

Журналъ выходитъ еженедѣльно, въ форматѣ большихъ иллюстрацій, въ количествѣ 52-хъ нумеровъ въ годъ.

При журналѣ дается, въ видѣ преміи, ежемѣсячное иллюстрированное приложеніе (двѣнадцать выпусковъ въ годъ)

„ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО“.

Кромѣ того, подписчики получаютъ **нѣсколько другихъ премій**, изъ коихъ первая — большая гравюра: **продажа амулетовъ**, снимокъ съ картины проф. **Генриха Семирадскаго**, на толстой веленевой бумагѣ, длиною одинъ аршинъ, шириною 12½ вершк., въ настоящее время печатается и разошлется всѣмъ **годовымъ** подписчикамъ въ маѣ мѣсяцѣ.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: П. В. Быковъ, И. Н. Захаринъ (Якунинъ), А. Майковъ, В. И. Немировичъ-Данченко, И. В. Омулевскій, П. И. Пашино, В. Славянскій, Н. П. Стремоуховъ, Н. А. Чмыревъ, В. В. Чуйко, С. С. Шашковъ, А. К. Шеллеръ (Михайловъ), и друг.

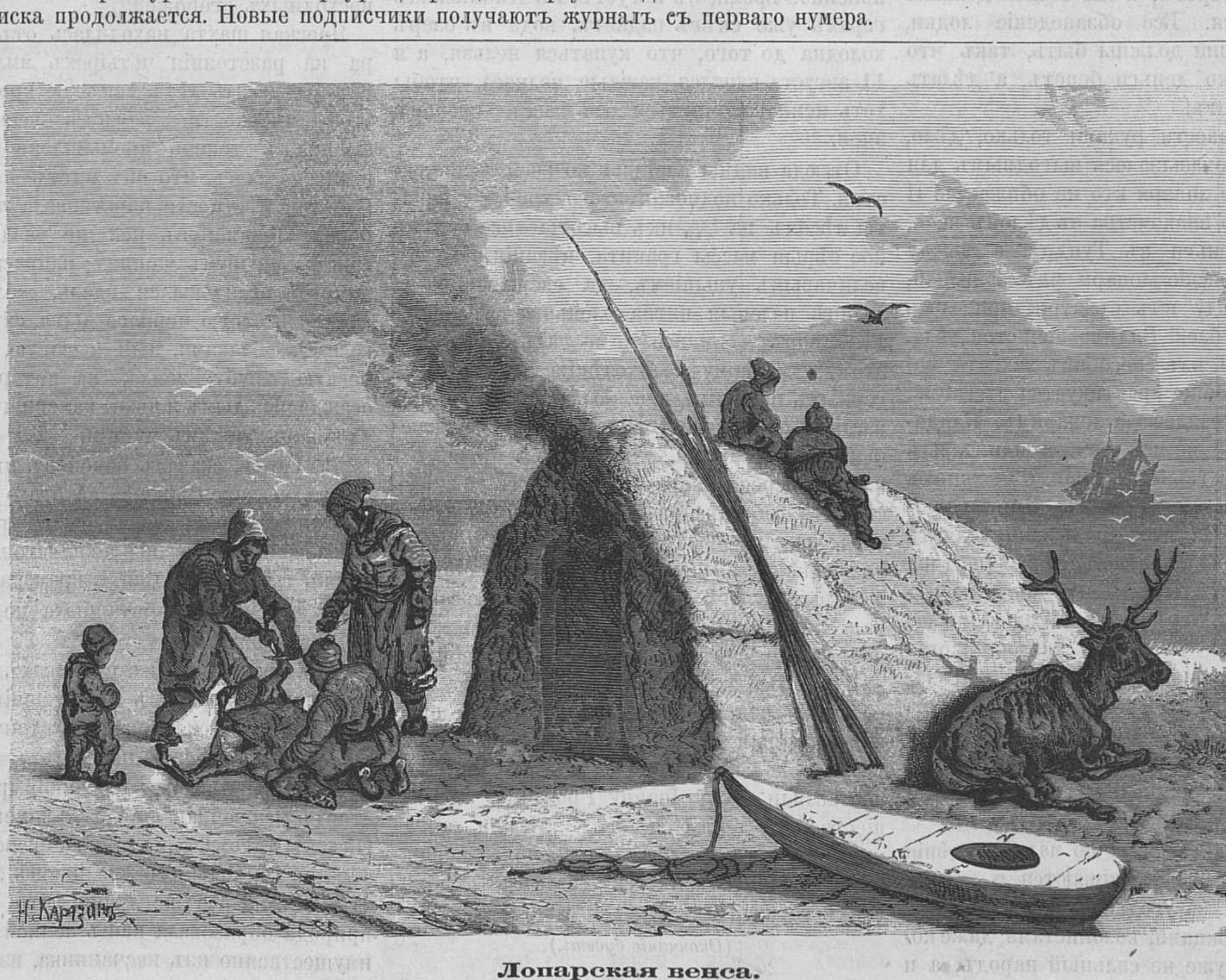
По случаю войны, на театръ военныхъ дѣйствій **отправленъ редакціею спеціальный корреспондентъ-художникъ**,— и въ журналѣ будутъ помѣщаться иллюстраціи съ подробнымъ описаніемъ военныхъ дѣйствій, для наглядности которыхъ разошлется въ началѣ мая вторая премія—**карта Турецкой Имперіи.**

Въ одномъ изъ ближайшихъ нумеровъ начнется печатаніе «Полярной экспедиціи» профессора **Норденскіольда**, съ значительнымъ количествомъ рисунковъ художника **Ріу.** Первая часть: «Отъ Новой Земли до Енисея».—Вторая часть: «Возвращеніе чрезъ Карское море».—Третья часть: «Отъ Хинксонъ-Галена до Стокгольма чрезъ Сибирь».

Годовая подписная цѣна журнала съ доставкою и пересылкою 7 руб., безъ пересылки и доставки 6 руб. На полгода: съ 1-го іюля, съ пересылкою 4 р. 50 коп. безъ пересылки 3 руб.

Главная контора журнала: С.-Петербургъ, Троицкій переулокъ д. № 27.

Подписка продолжается. Новые подписчики получаютъ журналъ съ перваго нумера.



Лопарская венса.

(Къ статьѣ: «*Имандра и Хибины*»).

Имандра и Хибины.

(По пути изъ Колы въ Кандалакту).

В. И. Немировича-Данченко.

(*Продолженіе*).

Лопари, гребцы, никогда почти не поютъ пѣсенъ. Пѣть на водѣ да особенно вечеромъ или утромъ считается у нихъ чѣмъ-то ужаснымъ. Вслѣдъ за этимъ должно неминуемо слѣдовать наказаніе со стороны подводнаго духа—чорта, сидящаго въ рѣкѣ или озерѣ. Только разъ на Имандрѣ я слышалъ лопарскую пѣсню въ лодкѣ. Обыкновенно же лопарь поетъ въ своей тупѣ или вѣжѣ. Даже, брэдя, на охотѣ, по скалистымъ горамъ своимъ, лопарь старается хранить полное молчаніе. Вѣдь изъ за каждаго камня, въ каждомъ ущельѣ, въ безднахъ и провалахъ подстерегаетъ его нечистая сила. Бѣда отъ нея, если услышитъ человѣческій голосъ, да еще веселую пѣсню, оскорбляющую ее.... О пѣсняхъ я не буду здѣсь говорить подробно. Народной лопарской поэзіи мною уже посвященъ отдѣльный очеркъ въ моей «Странѣ холода».

Я разговорился съ гребцами выгоденъ ли ихъ промыселъ? Дѣло въ томъ, что, по постановленію архангельской администраціи, почтовыя станціи внутри Лапландіи должны содержаться именно лопарями и никѣмъ инымъ. Тѣмъ не менѣе—промыселъ этотъ эксплоатируется колянами.

— Мы на торги не ходимъ.

— Почему?

— Да все равно, ничего не добудешь и засмѣютъ къ тому же тебя.... Бѣда одна съ нашими промыслами.

— Кто же теперь эти станціи содержитъ?

— А колянинъ Хипагинъ. Найметъ лопарей, отдастъ имъ на аренду станціи, или выдастъ имъ на всѣ триста шестьдесятъ рублей—и дѣлу конецъ. Что съ казны слѣдуетъ—тыщи—онъ беретъ, а мы сотней должны довольствоваться. Все обзаведеніе лодки, вѣжа, тупы—наши должны быть, такъ что Хипагинъ только деньги беретъ, а дѣлать ничего не дѣлаетъ!

Пришлось развести руками только; дѣло, дѣйствительно, оказывалось выгоднымъ для колянъ. Вообще лопаря кто не обижаетъ. И безъ особеннаго знакомства съ дѣломъ ясно, какъ дороги деньги въ Тундрѣ, а между тѣмъ, экъ-островскіе лопари мнѣ заявляли, что въ 1872 году имъ съ души привелось платить по 8 рублей! Видимо нечистое дѣло. Вотъ еще одинъ изъ способовъ захвата, который здѣсь вообще практикуется русскими. Рѣка Нива принадлежала лопарямъ. Кандалактяне, и даже не всѣ они, а одинъ изъ нихъ уже извѣстный изъ моихъ прежнихъ очерковъ—Павковъ, захватилъ Ниву и прогналъ лопарей. На этотъ разъ они молчать не стали. Поднялось дѣло, до губернатора дошло. Тотъ велѣлъ выдѣлить часть на рѣкѣ лопарямъ. За эту часть, не выдѣляя ее, Павковъ, чтобы успокоить жалобщиковъ, сталъ имъ платить деньги. Два года платилъ, а на третій взялъ да и прогналъ явившихся за арендой.

— Что же вы опять не жаловались?

— Ну его! и лопари безнадежно махнули рукой.

Такимъ образомъ, мало по малу, владѣнія лопарей въ Тундрѣ съуживаются и съуживаются. Угодье за угодьемъ захватывается русскими, норвежцами, колонистами; даже кореляки, на что уже не сильный народъ, а и тѣ безцеремонно обижаютъ это смирное, робкое, запуганное племя.

Также безуспѣшно лопари, сколько уже лѣтъ, хлопочутъ о ревизіи. Рожденій у нихъ мало, племя мало по малу вымираетъ. Послѣдняя перепись была произведена въ 1856 году. Теперь у иного ѣсть нечего, рубаха на плечахъ вся разорвана—а платись душъ за пять, за шесть, если не больше.

Со станціями та же исторія. Лопари жалуются, что они сами хотѣли взять Еностровскую въ 1873 году и дали довѣренность писарю, а писарь продалъ ихъ.

— Кому же продалъ?

— А Евстифею Жидкихъ.

— Вы бы другую взяли.

— Ладились Бабенгскую взять.

— Ну?

— И та тоже.... Тоже у писаря довѣренность была, тотъ ее опять таки Жидкихъ продалъ....

А между тѣмъ, содержаніе станцій внутри Лапландіи русскимъ монополистомъ далеко не оправдывается настоящимъ положеніемъ ихъ. Станціи вездѣ плохи, содержатся неисправно, карбасовъ нѣтъ—есть только челноки. Да оно и понятно. Жидкихъ, получая тысячи, самъ платитъ лопарямъ гроши. На трехъ гребцовъ, а зимой возчиковъ съ карбасами и оленями, у него сходитъ не болѣе 120 руб. или по 40 руб. на человѣка.

Хипагинъ, такъ тотъ даже «ямщикамъ» своимъ, какъ здѣсь называютъ гребцовъ, не посылаетъ даже хлѣба, а продаетъ его желающимъ по 1 р. 40 к. за пудъ.

— Хоть умирай съ голоду!

11-го августа, когда мы плыли еще въ началѣ Имандры, здѣсь стояла невыносимая жара. Я думаю, что было около тридцати градусовъ. Вообще это лѣто было исключительнымъ. Нѣкоторыя озера высохли, уровень воды въ другихъ понизился. Лопари такого времени давно не могли запомнить. Въ обыкновенное время, въ августѣ, въ Хибинскихъ горахъ уже снѣгъ падаетъ, вода въ озерѣ холодна до того, что купаться нельзя, а я 11 августа купался каждые полчаса, чтобы хоть немного очнуться отъ разслабляющаго зноя.

Отсюда видны Хибины во всей ихъ красотѣ. Только подножія этого хребта покрыты лѣсомъ на $^{1}/_{10}$ ихъ высоты—все остальное сѣрыя массы гранита, вѣющія на васъ величавымъ уныніемъ, да сверкающія на солнцѣ палевыя пятна оленьяго ягеля. До тѣхъ поръ я ничего не видѣлъ подобнаго этому каменному великолѣпію молчаливыхъ горныхъ вершинъ, еще болѣе поражающихъ взглядъ одинокаго туриста, среди окружающаго его безлюдья и молчанія.... Когда мы плыли посреди озера—оно казалось со всѣхъ сторонъ обставленнымъ цѣлыми массами горъ: на сѣверовостокѣ—Хибины, на сѣверозападѣ—уже исчезающіе силуэты Мончъ-Тундры, на югѣ—уже выступаетъ величавая Чуна-Тундра, которую, по словамъ лопарей, можно считать продолженіемъ Мончъ-Тундры. Все это не ясно рисовалось на безоблачной синевѣ неба, въ которой, словно неподвижныя точки, висѣли соколы и кречеты. Соколы и кречеты, которыхъ отсюда поставляли даже Іоанну Грозному, преимущественно держатся надъ лѣсами, тогда какъ орлы—сидятъ обыкновенно на вершинахъ голыхъ каменныхъ утесовъ въ Хибинскихъ горахъ.

(*Окончаніе будетъ*).

Черная Индія.

Романъ Жюля Верна.

(*Продолженіе.*)

IV.

Гарри Фордъ былъ двадцатипятилѣтній, крѣпкій, здоровый парень. Онъ еще въ дѣтствѣ выдѣлялся изъ общества сверстниковъ-рудокоповъ, своимъ серьёзнымъ характеромъ и задумчивымъ лицомъ. Онъ могъ служить настоящимъ типомь lowlander'а, т. е. жителя долинъ Шотландіи: черты лица были правильны, глаза глубокіе и мягкіе, волосы жесткіе и болѣе впадающіе въ каштановый оттѣнокъ, словомъ, онъ былъ привлекательной наружности. Не смотря на то, что онъ съ раннихъ лѣтъ работалъ въ рудахъ, натура его нисколько не огрубѣла. Онъ серьёзно и много занимался и непремѣнно заступилъ бы со временемъ мѣсто отца, въ качествѣ надсмотрщика, если бы работы не прекратились, вслѣдствіе совершеннаго истощенія каменноугольной Аберфойльской залежи.

Дождь не переставалъ лить, хотя и значительно уменьшился.

Джемсъ Старръ и Гарри Фордъ, взявшій у инженера небольшой его дорожный мѣшокъ, шли по лѣвому берегу рѣки съ милю; затѣмъ они направились по дорогѣ, проложенной между большими деревьями. По обѣимъ сторонамъ дороги тянулись огромныя пастбища, кое-гдѣ виднѣлись отдѣльныя фермы. Стада паслись на вѣчно зеленой травѣ, какая бываетъ всегда въ низменной Шотландіи. Между ними были безрогія коровы, маленькіе барашки съ шелковистою шерстью; не было видно ни одного пастуха: они, вѣроятно, скрылись отъ дождя подъ огромными деревьями; но стада охранялись собаками изъ породы «colley», попадающейся только въ Шотландіи, и извѣстныхъ за превосходныхъ сторожей.

Яроская шахта находилась отъ Калландера на разстояніи четырехъ миль. Джемсъ Старръ десять лѣтъ какъ не проѣзжалъ по этой мѣстности; земледѣльческая жизнь смѣнилась теперь промышленною жизнью, и ему казалось, что онъ идетъ по пустынѣ. Въ этой мѣстности царствовала теперь глубокая тишина; въ ней не раздавались ни свистъ, ни шумъ машинъ; напрасно Джемсъ Старръ вглядывался вдаль, желая разглядѣть или струю чернаго дыма, смѣшивающагося съ облаками, или высокую, цилиндрическую трубу; земля, на которой прежде осаждались дымъ и пыль каменнаго угля, была теперь совсѣмъ чистая.

Да, Гарри, сказалъ наконецъ инженеръ,—все здѣсь перемѣнилось. А этого и слѣдовало ожидать; какъ бы ни были богаты когда-то залежи, все же онѣ не неистощимыя! Жалѣешь ты о прошедшихъ временахъ?

— Да, сударь; работа была не легкая, но занимательная.

— Хотя работы въ рудникахъ и были сопряжены со страхомъ за крушенія, пожары, наводненія, воспламененіе рудничнаго газа, но и это имѣло свою прелесть.

— А право жаль, что земной шаръ не состоитъ исключительно изъ каменнаго угля. Онъ, въ такомъ случаѣ, не перевелся бы въ теченіе нѣсколькихъ милліоновъ лѣтъ.

— Да, но все же лучше, что догадливая природа образовала нашъ земной шаръ преимущественно изъ песчанника, извести, гранита и такихъ веществъ, которыя не могутъ быть истреблены огнемъ.

— Вы хотите сказать, что люди въ концѣ концовъ сожгли бы земной шаръ.

— Да, земля переходила бы, мало по малу, въ трубы и печи локомотивовъ, пароходовъ, газовыхъ фабрикъ и такъ бы уничтожилась.

— Но каменноугольныя залежи также должны будутъ когда нибудь истощиться; и мнѣ кажется, что то время не далеко.

— Я съ тобою согласенъ, Гарри; Англія, по моему, поступаетъ не раціонально тѣмъ, что продаетъ другимъ націямъ свое топливо.

— Вы правы, замѣтилъ Гарри.

— Гидравлика и электричество обратятъ на себя бо̀льшее вниманіе, продолжалъ инженеръ, но все же каменный уголь приноситъ огромную пользу и находитъ себѣ примѣненіе въ разныхъ промышленныхъ отрасляхъ. Люди не могутъ, къ несчастью, производить его когда имъ вздумается, лѣса на поверхности земли постоянно выростаютъ подъ вліяніемъ теплоты и воды, а внутреннія лѣса не наростаютъ вновь, и образованіе ихъ теперь не зависитъ отъ земного шара.

Джемсъ Старръ и Гарри бодро подвигались впередъ. Они, черезъ часъ по выходѣ изъ Калландера, пришли къ Дошарской шахтѣ.

Не трудно себѣ представить, какъ болѣзненно сжалось сердце стараго инженера, когда онъ вступилъ на заброшенную всѣми почву; земля на томъ мѣстѣ, гдѣ производились работы, была покрыта довольно толстымъ слоемъ черной угольной пыли.

Въ нижнемъ этажѣ можно было еще узнать машинное отдѣленіе; стѣны уже развалились, многія перекладины были сломаны и заплеснѣвѣли отъ сырости. Тамъ и сямъ валялись зубчатыя колеса, подъемные блоки, балки—но всѣ эти обломки придавали Дошарской шахтѣ какой-то заброшенный видъ.

Ямы скрывались подъ густо разросшимся мхомъ; на каждомъ шагу попадались развалившіеся плетни и отгорожи, въ которыхъ сортировали когда-то уголь по величинѣ и качеству; по дорогѣ они натыкались на куски тоннъ съ привязанными къ нимъ остатками цѣпей, на листы желѣза лопнувшихъ паровиковъ, на вывороченные поршни, на мостки, шатающіеся даже отъ дуновенія вѣтра; они проходили мимо растрескавшихся стѣнъ, подъ едва не ввалившимися крышами, на которыхъ кое-гдѣ торчали старыя трубы, сложенныя изъ кирпича. На всемъ этомъ лежалъ отпечатокъ запустѣнія, грусти; такого жалкаго впечатлѣнія даже не выносишь послѣ осмотра развалинъ стараго замка, или взрытой крѣпости.

— Какой грустный видъ! сказалъ Джемсъ Старръ, обращаясь къ Гарри.

Въ это время они вступили подъ навѣсъ, накрывающій собою отверстіе Яроской шахты; лѣстницы были довольно прочны, такъ что по нимъ можно было проникнуть въ самые нижніе этажи.

Инженеръ нагнулся надъ отверстіемъ; изъ него, бывало, выходилъ цѣлыми струями воздухъ, выгоняющійся вентиляторами. Теперь же все было тихо. Джемсъ Старръ и Гарри вступили на первую площадку. Во время работъ были приспособлены всевозможныя подъемныя машины, ящики съ парашютами, лѣстницы, называющіяся «engine-men», которыя при малѣйшемъ раскачиваніи опускали рудокоповъ внутрь или же вытаскивали ихъ на поверхность, не причиняя имъ утомленія.

Но всѣ эти усовершенствованные снаряды были увезены по прекращеніи работъ. Лѣстницы однѣ только остались; онѣ отдѣлялись узкими площадками въ пятьдесятъ футовъ. Чтобы сойти въ самую нижнюю галерею, нужно было спуститься съ тридцати лѣстницъ, или, иначе сказать, послѣ тридцати этихъ лѣстницъ очутиться на 1500 футовъ подъ землею. Другого не было пути для сообщенія съ Дошарскою ямою (fosse Dochart). Вентиляція же производилась чрезъ Яроскую шахту, галереи которой сообщались съ другою шахтою, отверстіе которой находилось на высшемъ уровнѣ, и теплый воздухъ, совершенно естественно, выходилъ черезъ этотъ промежутокъ, представляющій нѣчто въ родѣ опрокинутаго сифона.

— Показывай мнѣ дорогу, я буду идти за тобою вслѣдъ, сказалъ инженеръ.

— Слушаюсь, господинъ Старръ.

— Лампа при тебѣ?

— Да, но къ сожалѣнію это не предохранительная лампа.

— Теперь, правда, нечего опасаться взрывовъ рудничныхъ газовъ.

Гарри держалъ въ рукахъ обыкновенную масляную лампу, и зажегъ фитиль. Въ каменноугольной копи не оставалось ни кусочка угля, и поэтому никоимъ образомъ не могла образоваться течь напитаннаго углеродомъ газа. Такъ какъ взрывъ газа былъ теперь немыслимъ, то не встрѣчалось и надобности отдѣлять пламя отъ окружающаго воздуха металлической перегородкой, предохраняющей отъ взрыва. Можно было отлично обойтись безъ столь усовершенствованной лампы Дэви. Понятно, что если и не существовало теперь никакой опасности, то только вслѣдствіе того, что исчезла причина, или, иначе сказать, исчезло богатство Дошарской ямы.

Вскорѣ оба очутились въ совершенной темнотѣ, которую, по мѣрѣ удаленія въ глубь, разсѣкала зажженная лампа.

Инженеръ и молодой проводникъ его спустились уже съ десяти ступенекъ ровнымъ шагомъ, свойственнымъ рудокопамъ. Ступеньки сохранились еще въ довольно хорошемъ видѣ.

На пятнадцатой площадкѣ, т. е. на полдорогѣ, они остановились для отдыха.

— О, я совершенно оплошалъ! сказалъ инженеръ запыхавшись.

— Напротивъ того, я—другое дѣло; возьмите во вниманіе, что я постоянно живу въ этой шахтѣ.

— Впрочемъ, и то правда.

Только что они хотѣли сойти съ площадки, какъ услышали вдали какой-то голосъ; онъ все приближался къ нимъ.

— Кто это? спросилъ инженеръ, придерживая Гарри.

— Не знаю; отвѣтилъ онъ.

— Это не старый Симонъ?

— Нѣтъ! сударь.

— Ну, такъ это должно быть кто нибудь изъ сосѣдей?

— Нѣтъ, съ нами никто не живетъ по сосѣдству, мы совершенно одни.

— Ну, дадимъ дорогу; вѣдь это правило, что сходящіе должны давать дорогу подымающимся.

Они посторонились. Голосъ раздавался съ такою силою, какъ бы проходилъ чрезъ слуховую трубу; черезъ нѣсколько минутъ Гарри могъ явственно разобрать нѣсколько словъ изъ Шотландской пѣсни.

— Это озерная пѣснь, воскликнулъ Гарри. Это должно быть непремѣнно Жакъ Райанъ.

— А кто онъ такой? спросилъ Джемсъ Старръ.

— Это старый мой пріятель изъ бывшихъ рудокоповъ, отвѣтилъ Гарри, и, нагнувшись черезъ площадку, закричаль:

— Эй; Джакъ!

— Это ты, Гарри! Подожди меня! и снова принялся пѣть.

Черезъ нѣсколько минутъ на площадку лѣстницы вступалъ высокій парень двадцати пяти лѣтъ, съ веселымъ лицомъ, живыми глазами, улыбающимся ртомъ и съ рыжеватыми волосами. Онъ сильно пожалъ руку, которую протянулъ ему Гарри.

— Очень радъ, что встрѣтилъ тебя! сказалъ онъ, но я ни за что не сошелъ бы въ шахту, если бы зналъ, что тебя тамъ не застану.

— Г-нъ Джемсъ Старръ, сказалъ Гарри, поднимая лампу и тѣмъ освѣтивши инженера, стоявшаго въ тѣни.

— Г-нъ Старръ! отвѣтилъ Жакъ Райанъ; я и не узналъ васъ; я потерялъ привычку различать предметы въ темнотѣ.

— А я припоминаю теперь мальчишку, который вѣчно распѣвалъ. Неужели это ты?

— Точно такъ, г-нъ Старръ, я хотя и перемѣнилъ ремесло, но характеръ остался тотъ же.

— А чѣмъ ты теперь занимаешься, Жакъ Райанъ?

— Я работаю на фермѣ Мельрозъ, близъ Ирвина, въ графствѣ Ренфру, въ сорока миляхъ отсюда. Да, но эту работу и сравнить нельзя съ работами въ рудникахъ! Я лучше управлялъ желѣзнымъ крюкомъ, чѣмъ рогатиной или заступомъ. Въ иныхъ мѣстахъ бывало эхо разноситъ твою пѣснь далеко, далеко, а на землѣ такихъ мѣстъ не встрѣтить!... Вы, вѣроятно, отправляетесь навѣстить Симона Форда, господинъ Старръ.

— Да, Жакъ, отвѣтилъ инженеръ.

— И такъ не буду васъ задерживать...

— Зачѣмъ ты приходилъ къ намъ, спросилъ Гарри.

— Во-первыхъ мнѣ хотѣлось тебя видѣть, и пригласить тебя на Ирвинскій праздникъ. Ты знаешь, что я главный музыкантъ въ той мѣстности. Будутъ пѣть, плясать!

— Мнѣ невозможно принять твое приглашеніе.

— Невозможно?

— Пребываніе г-на Старра можетъ продолжиться, а мнѣ нужно будетъ его проводить до Калландера.

— Ирвинскій праздникъ еще черезъ недѣлю; я не думаю, чтобы г нъ Старръ жилъ у васъ цѣлую недѣлю, и надѣюсь, что никакое другое обстоятельство не задержитъ тебя.

— Конечно, Гарри! отчего бы тебѣ не воспользоваться приглашеніемъ твоего пріятеля Жака.

— Ну, такъ и быть! сказалъ Гарри. Черезъ восемь дней мы увидимся на Ирвинскомъ праздникѣ.

— И такъ рѣшено, Гарри! Къ вашимъ услугамъ, господинъ Старръ! я очень радъ, что встрѣтилъ васъ—я разскажу о нашей встрѣчѣ друзьямъ! всѣ сохранили о васъ самыя лучшія воспоминанія.

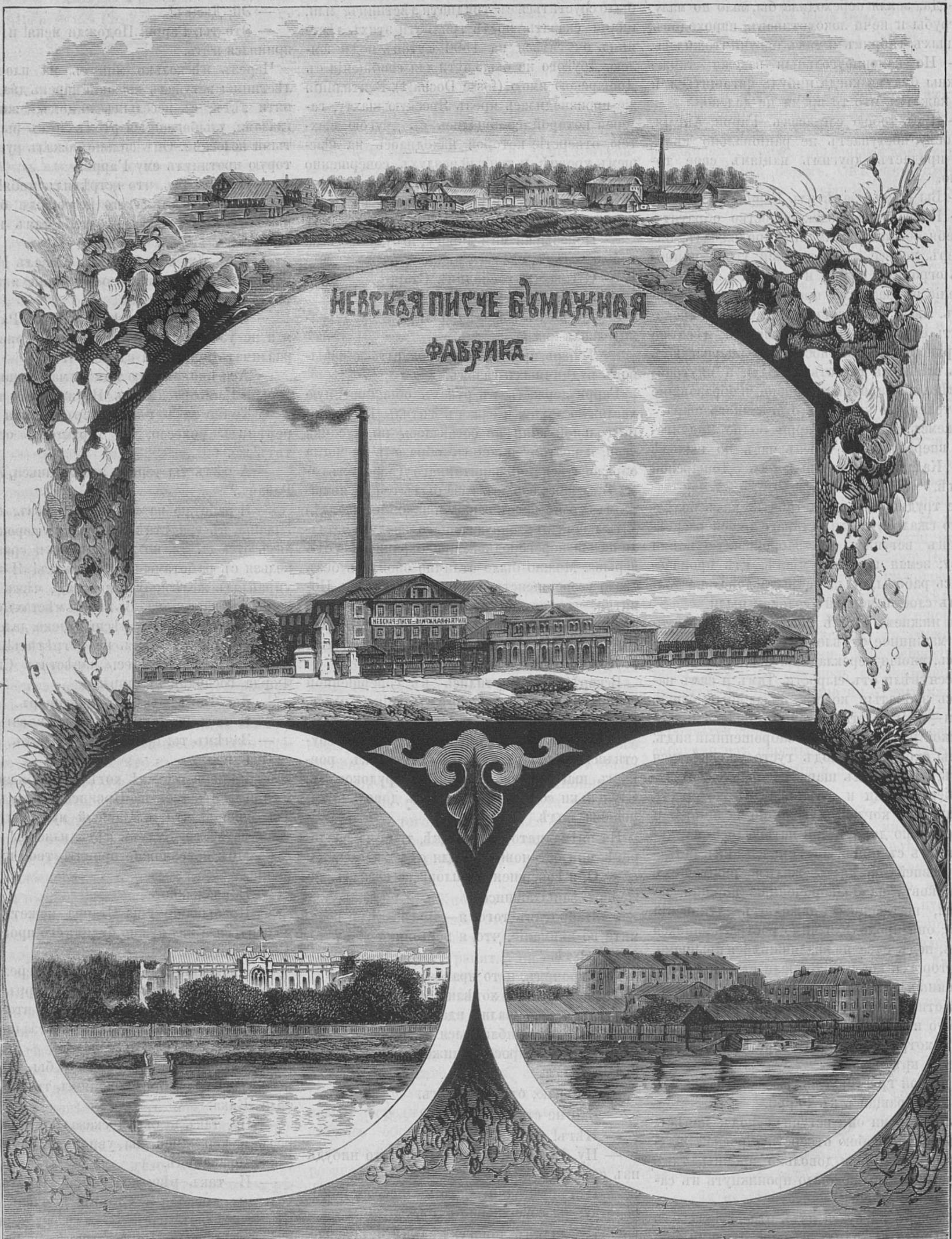
— И я всѣхъ помню, возразилъ инженеръ.

— Благодарю за всѣхъ, отвѣтилъ Жакъ Райанъ.

— Прощай, Жакъ! сказалъ Гарри, крѣпко пожимая руку своего товарища.

Жакъ Райанъ скоро скрылся въ темнотѣ, а пѣснь его долго еще раздавалась.

Черезъ четверть часа, Джемсъ Старръ и Гарри сходили съ послѣдней лѣстницы, и вступали на нижній этажъ ямы. Вокругъ площадки, образуемой дномъ ямы, расходились


НЕВСКАЯ ПИСЧЕ БУМАЖНАЯ
ФАБРИКА.
НЕВСКАЯ ПИСЧЕ-БУМАЖНАЯ ФАБРИКА

Невская писчебумажная фабрика братьевъ Варгуниныхъ.

въ разныя стороны галереи, проложенныя во время послѣднихъ раскопокъ. Онѣ были прорѣзаны въ шиферныхъ и песчаниковыхъ слояхъ, иныя поддерживались трапеціями изъ огромныхъ столбовъ, другія же были обложены камнемъ. Всѣ угольныя жилы были теперь засыпаны землею. Столбы были сдѣланы когда-то изъ камней, привезенныхъ изъ сосѣднихъ рудниковъ, и теперь они поддерживали этажи, третичной и четверичной формаціи, поддерживаемыхъ когда-то каменноугольными залежами. Въ этихъ галереяхъ царствовалъ теперь мракъ, между тѣмъ какъ прежде онѣ освѣщались или лампами рудокоповъ или же электрическимъ свѣтомъ, введеніе коего относится къ послѣднему періоду работъ въ Аберфойльскихъ копяхъ. Все здѣсь было тихо; нигдѣ не раздавался шумъ небольшихъ вагоновъ, ни стукъ захлопывающихся вентиляторовъ; не было слышно голосовъ караульщиковъ, ржанія лошадей и муловъ, ударовъ желѣзныхъ крючковъ рудокоповъ, и трескъ сбрасываемаго угля.

— Не угодно-ли вамъ будетъ отдохнуть, г-нъ Старръ? спросилъ молодой человѣкъ.

— Благодарю, милый мой; мнѣ хочется поскорѣе увидѣться съ старымъ Симономъ.

— Ну такъ идите за мною, г-нъ Старръ. Но мнѣ кажется, что вы и сами нашли бы дорогу.

— Ты правъ; я до сихъ поръ не забылъ расположенія этой ямы.

Гарри пошелъ впередъ, и, чтобы лучше освѣщать дорогу, держалъ лампу приподнятой; за нимъ не отставалъ инженеръ; они оба вошли въ высокую галерею и постоянно спотыкались о деревянныя перекладины, поддерживающія рельсы во время раскопокъ. Они не прошли и пятидесяти шаговъ, какъ огромный камень упалъ къ ногамъ Джемса Старръ.

Будьте осторожны, господинъ Старръ! вскрикнулъ Гарри, ухвативши инженера за руку.

— Ничего, Гарри! это камень! Своды уже не такъ прочны, да при томъ...

— Господинъ Старръ, отвѣчалъ Гарри, мнѣ, кажется, что камень былъ брошенъ... и рукою мужчины.

— Брошенъ! что хочешь ты этимъ сказать?

— Ничего, ничего—сударь, отвѣчалъ разсѣянно Гарри, устремивши взоръ въ темноту. Пойдемъ своею дорогою; возьмите меня подъ руку и не безпокойтесь.

— Хорошо, Гарри!

Оба они рука подъ руку продолжали путь; Гарри оглядывался, желая проникнуть въ темноту.

— Теперь уже не далеко?

— Какихъ нибудь десять минутъ ходьбы.

— Ну хорошо!

— Однакоже, замѣтилъ Гарри, вѣдь такая штука случилась въ первый разъ. Тому камню нужно было какъ нарочно упасть въ то время, какъ мы проходили.

— Это простая случайность, Гарри!

— Случайность! отвѣтилъ молодой человѣкъ; пускай будетъ по вашему.

Гарри остановился и прислушивался.

— А что, Гарри? спросилъ инженеръ.

— Мнѣ показалось, что за нами кто-то идетъ;—нѣтъ, я ошибся. Облокотитесь покрѣпче на мою руку, господинъ Старръ, такъ какъ бы вы это дѣлали на палку.

— Это крѣпкая подпора, Гарри. Ты честный и хорошій малый!

Гарри безпокоился и постоянно оглядывался назадъ, то прислушиваясь къ далекому шуму, то точно отыскивая какую либо свѣтящуюся точку.

Но все кругомъ было погружено въ мракъ и тишину.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Вампиры русскаго народа.

«О тлетворномъ вліяніи евреевъ на экономическій бытъ Россіи», брошюра г. Гриневича.—«Нѣмцы, жиды и мы», соч. г. Еленскаго.—Наша пресса о «еврейскомъ вопросѣ».

(*Окончаніе*).

«Если бы русская печать благопріятно (?) рѣшила еврейскій вопросъ, а польская, не смотря на примѣръ и возможность, осталась бы бездѣятельною, — тогда она, безспорно, заслуживала бы порицаніе. Но теперь, когда русская пресса ничего не сдѣлала, а польская сдѣлать не можетъ, то зачѣмъ же обвинять только послѣднюю? Мы исправили и исправляемъ много ошибокъ въ нашихъ интересахъ, мы часто боязливы, дѣйствуемъ съ предубѣжденіемъ, мы фанатики, но рѣдко, по убѣжденію, считаемъ себя виновными въ томъ, въ чемъ насъ обвиняютъ корреспонденты русскихъ газетъ». — Эти тонкія строки взяты нами изъ статейки «Не тѣмъ путемъ», помѣщенной въ варшавской газетѣ, «Przegląd Tygodniowy».

Евреи, тоже, надѣются, что русская печать должна «благопріятно» разрѣшить еврейскій вопросъ; что еврейская пресса Варшавы, тоже, «исправила и исправляетъ много ошибокъ»—«въ своихъ интересахъ»; затѣмъ, русской прессѣ евреи, тоже, кидаютъ обыкновенное обвиненіе — что она, будто-бы, «ничего не сдѣлала» по еврейскому вопросу.

Но—такъ ли это? дѣйствительно ли русская пресса «ничего не сдѣлала» въ этомъ вопросѣ? и могла ли, наконецъ, она что-нибудь сдѣлать? Послушаютъ ли ее, безъ скрежета зубовнаго, безъ обычнаго гвалта и брани, еврейскіе публицисты — тѣ самые, что смиренно заявляютъ о себѣ, что они и «боязливы и предубѣжденны, и фанатики», но рѣдко, видите ли, считаютъ себя виновными въ томъ, «въ чемъ обвиняютъ ихъ корреспонденты русскихъ газетъ?»...

Въ томъ-то и дѣло, что евреи «рѣдко считаютъ себя виновными»: они всегда или начинаютъ гвалтъ, стараясь перекричать своихъ обвинителей, или же, въ большинствѣ случаевъ, круто переходятъ на иную почву — или на почву неповинныхъ агнцевъ и жертвъ мнимаго христіанскаго фанатизма, или же, мѣняя роли, прямо начинаютъ съ обвиненій, клеветъ и доносовъ на своихъ обвинителей, — и не родился еще на Руси тотъ пророкъ, котораго бы они терпѣливо выслушали и не побили, въ концѣ, своими мѣткими и тяжеловѣсными каменьями, не закидали бы грязью.

Русская же пресса противу евреевъ, дѣйствительно, ничего не сдѣлала—потому, что ничего не въ силахъ сдѣлать. Въ любомъ нумерѣ любой изъ русскихъ газетъ можно, пожалуй, всегда найти самый возмутительный фактъ еврейской плутни, или какой-нибудь грандіозной эксплоатаціи — въ формѣ правдивой мѣстной корреспонденціи; но всѣ эти факты и «прискорбныя явленія мѣстной жизни» — есть не болѣе какъ гласы корреспондентовъ, вопіющихъ въ пустынѣ.... Въ концѣ концовъ, мѣстные корреспонденты подвергаются, обыкновенно, самымъ ожесточеннымъ, преимущественно изъ-за угла, гоненіямъ, а «еврейскій вопросъ» отъ этого нисколько не подвигается впередъ.

Даже болѣе. Едва только какой-либо свободный и уважаемый органъ русской прессы поднимаетъ «еврейскій вопросъ» то въ той же русской прессѣ найдется сейчасъ же другой органъ, который, «во имя равноправности, во имя свободы совѣсти» и иныхъ «жалкихъ словъ», начинаетъ отстаивать евреевъ, заводитъ нескончаемую полемику и, въ концѣ, напускаетъ въ дѣло такого тумана и такъ ловко начинаетъ замазывать этотъ «вопросъ», что онъ откладывается въ долгій ящикъ и, какъ вопросъ сложный и трудно разрѣшимый, сдается въ архивъ, до новой очереди — то-есть, до новаго какого-нибудь грандіознаго еврейскаго мошенничества въ Россіи, на многомилліонный кушъ, до новой какой-нибудь чудовищной плутни — въ родѣ той, напр., когда, при составленіи призывныхъ списковъ, въ цѣлыхъ городахъ не оказывалось *ни одного* еврея двадцати-одно-лѣтняго возраста. И всегда, къ стыду русской печати, находятся «свободномыслящіе публицисты», которые открыто становятся на сторону евреевъ. Не зная ни своего отечества, ни народа, ни тѣхъ вампировъ, что сосутъ изъ него послѣдніе соки, — эти публицисты, въ большинствѣ случаевъ, не вѣдаютъ сами, что̀ творятъ. Въ погонѣ за еврейскою цивилизаціей и въ тщетныхъ поискахъ за ея идеалами, люди эти стали чужды Россіи и многострадальному народу, населяющему ея западныя окраины. И Россія стала имъ чужда, и нашъ народъ сталъ имъ чуждъ. Они отлично знаютъ, что̀ дѣлается на западѣ, въ какомъ, напр., положеніи находится печать въ Германіи, искуство во Франціи и пр., но они не знаютъ, каково̀ положеніе девяти милліоновъ крестьянъ, населяющихъ девять сѣверо и юго-западныхъ губерній, и, наконецъ, всего Царства Польскаго!... Они, эти публицисты, и не подозрѣваютъ, что своимъ политическимъ индеферентизмомъ, своимъ завѣдомымъ жидофильствомъ они служатъ самому нехорошему, самому черному изъ черныхъ дѣлъ!....

Къ счастію, не всѣ еще публицисты русской печати окрасились въ этотъ quasi-европейскій цвѣтъ, не всѣ еще утратили здравый смыслъ. Въ послѣднее время, въ нашей прессѣ рѣзко выдѣлились два почтенные органа—самые распространенные въ публикѣ: газета «Новое Время» и «Дневникъ Писателя» Ѳ. М. Достоевскаго посвятили недавно «еврейскому вопросу» цѣлый рядъ безпристрастныхъ статей и обсужденій. Искренно привѣтствуя ихъ добрый починъ, мы позволимъ себѣ ознакомить нашихъ читателей съ нѣкоторыми выдержками изъ этихъ серьёзныхъ статей, посвященныхъ современному положенію евреевъ въ Россіи.

Въ своемъ мартовскомъ выпускѣ, г. Достоевскій, отвѣчая на письмо какого-то жидофила, приводитъ, между прочимъ, слѣдующія многознаменательныя слова: «Навѣрное, нѣтъ въ цѣломъ мірѣ другого народа, который бы столько жаловался на судьбу свою, поминутно, за каждымъ шагомъ и словомъ своимъ, на свое приниженіе, на свое страданіе, на свое мученичество. Подумаешь, не они царятъ въ Европѣ, не они управляютъ тамъ, хотя бы только биржами — а, стало быть, политикой, внутренними дѣлами, нравственностью государствъ. Не будь такъ сильна еврейская идея въ мірѣ, можетъ быть, тотъ же самый «славянскій» (прошлогодній) вопросъ давно бы уже рѣшенъ былъ въ пользу славянъ, а не турокъ. Я готовъ повѣрить, что лордъ Биконсфильдъ (Дизраэли) самъ, можетъ быть, забылъ о своемъ происхожденіи, когда-то отъ испанскихъ жидовъ (навѣрное, однако, не забылъ); но что онъ «руководилъ» англійской консервативной политикой за прошлый годъ отчасти съ точки зрѣнія жида, — въ этомъ, по моему, нельзя сомнѣваться».

«Я не могу вполнѣ повѣрить — говоритъ достопочтенный авторъ «Дневника» — крикамъ евреевъ, что ужъ такъ они забиты, замучены и принижены (особенно, въ Россіи-то! — гдѣ сами они всѣхъ забили, замучили и принизили). На мой взглядъ, русскій мужикъ, да и вообще русскій простолюдинъ, несетъ тягостей чуть ли не больше еврея».

Далѣе, авторъ, указывая на самомнѣніе и высокомѣріе, какъ на отличительныя свойства еврейскаго характера, особенно тяжелыя для русскихъ, спрашиваетъ затѣмъ: «Кто изъ насъ, русскій или еврей, болѣе не способенъ понимать другъ друга? Клянусь, я оправдаю скорѣе русскаго: у русскаго, по крайней мѣрѣ, нѣтъ религіозной ненависти къ еврею. А остальныхъ предубѣжденій — гдѣ, у кого больше? Вонъ евреи кричатъ, что они были столько вѣковъ угнетены и гонимы, что, будто-бы, и теперь они угнетены, — и что это, по крайней мѣрѣ, надобно взять въ расчетъ русскому при сужденіи о еврейскомъ характерѣ. Хорошо, мы и беремъ въ расчетъ и доказать это можемъ: въ интелигентномъ слоѣ русскаго народа не разъ уже раздавались голоса за евреевъ. Ну, а евреи: брали ли и берутъ ли они въ расчетъ, жалуясь и обвиняя русскихъ, столько вѣковъ угнетеній и гоненій, которые перенесъ самъ русскій народъ?... Неужто можно утверждать, что русскій народъ вытерпѣлъ меньше бѣдъ и золъ «въ свою исторію», чѣмъ евреи гдѣ бы то ни было? И неужто можно утверждать, что не еврей, весьма часто, соединялся съ его гонителями, бралъ у нихъ на откупъ русскій народъ — и самъ обращался въ его гонителя? Вѣдь это все было же, существовало, *вѣдь это—исторія*, историческій фактъ, но мы нигдѣ не слыхали, чтобъ еврейскій народъ въ этомъ раскаявался, а русскій народъ онъ все-таки обвиняетъ за то, что тотъ мало любитъ его».

«Мнѣ иногда приходитъ въ голову фантазія—говоритъ въ заключеніе г. Достоевскій, — ну что, если бы это было не евреевъ въ Россіи три (*болѣе пяти*, замѣтимъ отъ себя) милліона, а русскихъ; а евреевъ было бы 80 милліоновъ, — ну, во что обратились бы у нихъ русскіе и какъ бы они ихъ третировали? Дали бы они имъ сравняться съ собою въ правахъ? Дали бы имъ молиться свободно? Не обратили ли бы прямо въ рабовъ? Хуже того: не содрали бы кожу совсѣмъ? Не убили бы до тла, до окончательнаго истребленія, — какъ *дѣлывали они это* съ чужими народностями въ старину, въ древнюю свою исторію?»...

Другой почтенный русскій органъ — газета «Новое Время» — не задается столь дальнозоркими философскими вопросами и твердо стоитъ на болѣе реальной почвѣ дѣйствительныхъ фактовъ, соприкасающихся непосредственно съ еврейскимъ вопросомъ въ Россіи. Изъ массы этихъ фактовъ мы возьмемъ лишь, на выдержку, очень немногіе, характеризующіе отчасти то «угнетеніе» и «гоненіе», въ которомъ, по словамъ евреевъ и гг. жидофиловъ, находится, будто-бы, это «приниженное» племя въ Россіи и въ Царствѣ Польскомъ.

«Я затрудняюсь—пишетъ варшавскій корреспондентъ «Нов. Вр.» (№ 324), — назвать, хоть одну варшавскую газету или журналъ совершенно свободный отъ еврейскаго вліянія. Если нельзя сказать, что всѣ редакторы — евреи или эксъ-евреи, то нельзя также сказать, чтобы издательская часть большинства варшавскихъ органовъ не была въ рукахъ евреевъ, или чтобы въ любомъ органѣ не нашлось сотрудника еврея, или такой личности, которая, по какимъ-либо побужденіямъ, ведетъ еврейскую пропаганду, прикрывая свою дѣятельность знаменемъ либерализма».

«Нужно пожить въ Варшавѣ — говоритъ далѣе тотъ же корреспондентъ — и вообще на всей нашей западной окраинѣ, со включеніемъ бѣлорусскихъ и малороссійскихъ губерній, чтобы убѣдиться, что евреи — сила, и притомъ грозная сила. Удивительно, что русская пресса какъ будто игнорируетъ «еврейскій вопросъ» и не выработала пока настоящаго и правильнаго на него взгляда!»....

«Евреи у насъ—полные господа,—пишетъ въ «Нов. Вр.» (375) другой корреспондентъ, изъ Ковенской губерніи. Число ихъ съ каждымъ годомъ увеличивается. Они, двадцать лѣтъ тому назадъ, составляли уже 20% всего населенія и составляли почти исключительное населеніе мѣстечекъ и заштатныхъ и уѣздныхъ городовъ. Въ 1857 году, напр., въ самомъ Ковно было жителей 22,969 душъ обоего пола. По вѣроисповѣданіямъ они раздѣлялись такимъ образомъ: православныхъ 1,807 д. об. пола, раскольниковъ 100 д. об. п., католиковъ 7,861 д. об. п., лютеранъ 616 об. п. *евреевъ — 12,374* души об. пола, каро имъ 1, магометанъ-татаръ 210 об, п. И такъ, евреи, превосходя числомъ каждое вѣроисповѣданіе въ отдѣльности, составляютъ, одни, болѣе половины населенія»... «Извѣстно, что деревенское населеніе Ковенской губерніи составляютъ литовцы. Около шестидесятыхъ годовъ, страсть къ спиртнымъ напиткамъ у литовцевъ сдѣлалась всеобщею: все заработанное оставалось въ шинкахъ, въ рукахъ у евреевъ»... И т. д., — старая и вѣчно юная, по выраженію Гейне, исторія!...

Вилькомірскій корреспондентъ «Голоса» сообщилъ недавно цѣлую драму. Оказалось, что, для уклоненія отъ воинской повинности, всѣмъ вилькомірскимъ евреямъ, достигающимъ призывного возраста (21 года) было показано въ подлежащихъ спискахъ по 24, 25-ти и болѣе лѣтъ. Въ нѣкоторыхъ семействахъ были добавлены небывалыя дѣти, другимъ — уменьшены лѣта для семейныхъ льготъ, перемѣшаны, или измѣнены имена. Наконецъ, было публично заявлено, что всякій, кто уплатитъ въ кагалъ извѣстную сумму, освобождается отъ жеребья. Нашлось одно бѣдное и большое семейство, которое ничего не могло дать и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не желало подчиниться вопіющимъ беззаконіямъ кагала: стало протестовать и пожаловалось — о, дерзость! христіанскому начальству!... Кагалъ тотчасъ же, конечно, принялъ свои мѣры: все семейство недовольныхъ было *отравлено*... Опять-таки, старая и вѣчно юная исторія кровавой расправы кагала (не существующаго de juri) съ своими непокорными сочленами!... Корреспондентъ въ концѣ прибавляетъ: «Если это—заблаговременно принимаемыя мѣры противу опасныхъ кагалу людей, то какая же, надо полагать, кипитъ темная работа въ этомъ ужасномъ омутѣ, гдѣ фабрикуются баснословныя сѣти, опутывающія правду и закрывающія общественныя язвы!»...

Какая въ кагалахъ «кипитъ темная работа» — объ этомъ недавно еще разъ узнала вся грамотная Россія изъ судебнаго разбирательства, происходившаго въ могилевской соединенной палатѣ, по дѣлу объ убійствѣ, по повелѣнію же кагала, мѣщанина еврея Хацкеля, въ ночь на 10 октября 1873 года (см. брошюру Гриневича).

Наконецъ, обращаемся, въ заключеніе нашей статьи, къ официальнымъ матеріаламъ и источникамъ—по тому же «еврейскому вопросу». Передъ нами опубликованная недавно вѣдомость о выполненіи призыва къ отправленію воинской повинности въ минувшемъ 1876 году, изъ которой оказывается, что принятыя довольно строгія (на бумагѣ, конечно), мѣры къ привлеченію евреевъ къ отбыванію такъ ненавистной для нихъ повинности, не принесли никакой существенной пользы. Даже возстановленіе прежняго правила, чтобы недоимка по недобору изъ евреевъ непремѣнно пополнялась бы евреями же и ни въ какомъ случаѣ не падала на христіанъ, — осталось безсильно. Насколько велико еще уклоненіе евреевъ отъ военной повинности, можно заключить изъ слѣдующихъ цифровыхъ данныхъ.

Общее число лицъ подлежащихъ вынутію жеребья, составляло въ 1876 году 673,259 человѣкъ, въ томъ числѣ евреевъ 28,372. Изъ этого числа не явилось къ пріему 18,798 чел., въ томъ числѣ евреевъ 5,875, то-есть евреевъ не явилось болѣе 20%, а другихъ сословій лишь около 3%. Затѣмъ, изъ числа назначенныхъ къ поступленію на службу по разверсткѣ, дѣйствительно принято, не считая евреевъ 189,482, а недобрано 270 человѣкъ; евреевъ же слѣдовало къ поступленію 6,182, а недобрано 2,488 чел., т. е. 40%. Такое огромное количество недобора евреевъ показываетъ, что, изъ явившихся къ призыву, множество евреевъ было освобождено по болѣзненному состоянію или семейнымъ льготамъ, которыя евреи довольно искусно приготовляютъ, заранѣе, особою діэтою и подделкою документовъ.

И такъ, мы привели, въ нашихъ замѣткахъ по «еврейскому вопросу», тѣ выдающіеся факты и явленія, лишенные характера единичности, которые заслуживали, по нашему мнѣнію, серьёзнаго вниманія. Но мы считаемъ неизлишнимъ прибавить, что *не воспользовались и десятою долею* имѣющихся у насъ матеріаловъ — собственныхъ, а равно и заимствованныхъ. Что̀ такое еврейская эксплоатація и что значитъ, вообще, еврейская сила — это мы знаемъ не изъ кабинетныхъ наблюденій, а тяжкимъ путемъ собственнаго опыта и познанія, долгими го̀дами жизни бокъ-о-бокъ съ евреями западнаго края. Мы ихъ знали хорошо, писали о нихъ, въ свое время, не мало, потерпѣли отъ нихъ достаточно. И потому-то, намъ такъ странно встрѣчать, иногда, въ русской прессѣ лукавые софизмы и измѣненія, въ родѣ того, напр., что зло отъ евреевъ происходитъ, будто бы, единственно отъ ихъ неравноправнаго положенія въ средѣ христіанскаго населенія имперіи; и потому-то, мы такъ горячо и искренно привѣтствуемъ здравое и безпристрастное отношеніе къ «еврейскому вопросу» со стороны Ѳ. М. Достоевскаго, почтенной газеты «Новое Время» и г. Ив. Еленскаго.

По поводу «равноправности», желаемой евреями и ихъ закупленными или же, просто, неосмысленными сторонниками жидофилами, въ названной газетѣ была на-дняхъ (отъ 31-го марта) помѣщена чрезвычайно интересная статья, въ которой авторъ говоритъ объ этой «равноправности» слѣдующія, не лишенныя глубокой правды и логики, слова.

Онъ говоритъ, что не раздѣляетъ взгляда жидофиловъ не потому, чтобы онъ былъ противникомъ равноправности, не потому, чтобы былъ защитникомъ ученія о какомъ-то аристократизмѣ расъ, а потому, что самая благодатная мѣра, пущенная въ ходъ преждевременно и не кстати, можетъ иногда оказаться крайне опасною. «Распространитель равноправности долженъ имѣть въ виду и подготовку тѣхъ, *среди которыхъ и для которыхъ онъ проповѣдуетъ* свою высокую идею. Если еврейство наше не чувствуетъ себя солидарнымъ съ остальнымъ населеніемъ, если оно продолжаетъ оставаться погруженнымъ въ свои вѣковые предразсудки, если оно заражено дурными привычками, то прежде, чѣмъ требовать равноправности для него, нужно подумать о средствахъ искорененія или, по крайней мѣрѣ, ослабленія этихъ печальныхъ чертъ. Иначе, равноправность дастъ въ руки еврейства новое опасное оружіе, которымъ можно будетъ нанести краю еще болѣе вреда. Малочисленность (относительная) евреевъ въ государствахъ западной Европы и значительная степень подготовки ихъ могли тамъ сдѣлать быстрое введеніе полной равноправности возможнымъ, и даже очень полезнымъ фактомъ. Но у насъ, при многочисленности еврейства, нѣтъ и слѣдовъ къ такой подготовкѣ къ столь важному и рѣшительному шагу. Объ этомъ слѣдовало бы подумать сторонникамъ безотлагательнаго и безусловнаго распространенія равноправности между христіанами и евреями въ Россіи».

Этими прекрасными словами заканчивается *первая* статья «Новаго Времени», озаглавленная «къ еврейскому вопросу, помѣщенная болѣе уже трехъ недѣль тому назадъ. Къ сожалѣнію, *второй* статьи по этому жгучему «вопросу» почтенная газета не помѣстила на своихъ страницахъ. Почему это?—наступившія ли военныя событія отодвинули всѣ другіе вопросы на задній планъ? или, просто, въ газетѣ не нашлось мѣста для этого «вопроса?»... Думаемъ, что ни то, ни другое Вѣдь нашлось же, въ той же самой газетѣ и по появленіи уже статьи о евреяхъ, мѣсто для цѣлыхъ трехъ статей «по волчьему вопросу»... И какъ ни странно это, а невольно приходится спросить: неужели же «волчій вопросъ» и его разрѣшеніе болѣе серьёзенъ въ настоящее время для Россіи, чѣмъ «вопросъ еврейскій?»... и неужели волки, въ самомъ дѣлѣ, разорительнѣе для нашего народа, чѣмъ евреи?... И когда же это тигры и вампиры были опасны менѣе волковъ?...

И. З.

Невская писчебумажная фабрика братьевъ Варгуниныхъ.

Писчебумажное производство составляетъ, въ настоящее время, одну изъ видныхъ отраслей русской фабричной дѣятельности, и уже въ достаточной степени удовлетворяетъ возрастающей въ Россіи, съ каждымъ годомъ, потребности въ писчей бумагѣ. Какъ и большая часть нашихъ фабричныхъ производствъ, писчебумажное начало правильно развиваться со временъ Петра Великаго; до того времени были только попытки къ водворенію у насъ этого производства. Такъ извѣстно, что при Иванѣ Васильевичѣ выдѣлывалась писчая бумага изъ льна и конопли, и при Алексѣѣ Михайловичѣ были устроены двѣ бумажныя фабрики, но выдѣлываемая на нихъ бумага была такого дурного качества и въ такомъ маломъ количествѣ, что правительство, для удовлетворенія своихъ потребностей, должно было заботиться о привозѣ бумаги изъ за-границы, а при дороговизнѣ заграничной бумаги, употребляло нерѣдко на межевые планы и другіе документы березовую кору. Понятно, что если при Алексѣѣ Михайловичѣ потребность въ бумагѣ не получала достаточнаго удовлетворенія, то этотъ недостатокъ долженъ былъ еще сильнѣе ощущаться при Петрѣ Великомъ, вслѣдствіе введенія имъ ревизіи и другихъ преобразованій въ государственномъ устройствѣ, и вызвать его на мѣры къ устраненію этого затрудненія. Такъ, въ 1712 г., по указу Петра Великаго устраивается нѣмцемъ Пфейферомъ, въ Москвѣ, первая бумажная мельница; затѣмъ Короткинъ, посланный царемъ за-границу для изученія писчебумажнаго производства, тотчасъ, по возвращеніи изъ Голландіи, заводитъ вторую бумажную мельницу, также около Москвы. Не довольствуясь этими двумя мельницами, Петръ Великій, по перенесеніи столицы изъ Москвы въ Петербургъ, устраиваетъ въ своей юной столицѣ двѣ бумажныя мельницы, одну Дудуровскую, другую—за Галернымъ дворомъ. Увеличившееся число бумажныхъ мельницъ стало вскорѣ ощущать недостатокъ въ тряпьѣ, и потому Петръ Великій издалъ указъ, которымъ предписывалось не только все находящееся въ Россіи тряпье, но и негодную бумагу собирать и доставлять за установленную плату на бумажныя мельницы. Однако, этотъ недостатокъ въ тряпьѣ, объясняемый весьма еще слабымъ развитіемъ промысла тряпичниковъ, повидимому, долго еще ощущался и послѣ Петра, такъ какъ вышеупомянутый его указъ былъ подтвержденъ при Елисаветѣ Петровнѣ и Аннѣ Іоанновнѣ. При послѣдней императрицѣ была устроена Красносельская бумажная мельница въ бо̀льшихъ, противъ прежнихъ мельницъ, размѣрахъ; эта мельница арендуется въ настоящее время К. П. Печаткинымъ и составляетъ верхнее отдѣленіе его бумажной фабрики.

Съ 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія писчебумажныя фабрики стали устраиваться и въ другихъ, кромѣ Петербурга и Москвы, мѣстностяхъ Россіи; такъ, заведены были фабрики въ Ярославской, Воронежской, Калужской губерніяхъ. Екатерина II, для развитія писчебумажной промышленности, издала постановленіе, въ силу котораго присутственныя мѣста обязаны были употреблять бумагу русской выдѣлки. Это постановленіе, въ связи съ расширившейся, вообще, въ Россіи потребностью въ бумагѣ, послужило, дѣйствительно, къ увеличенію числа бумажныхъ фабрикъ; такъ, въ началѣ настоящаго столѣтія ихъ насчитывалось до 64 и послѣ 1812 г. число ихъ стало еще быстрѣе увеличиваться. Однако, не смотря на возрастаніе числа фабрикъ, сама фабрикація бумаги, по причинѣ отсутствія техническихъ познаній въ Россіи, дѣлала весьма мало успѣховъ: бумага, въ большинствѣ случаевъ, выдѣлывалась малодобротная и выдѣлка ея производилась устарѣвшимъ черпальнымъ способомъ. Это неудовлетворительное состояніе писчебумажнаго производства побудило правительство взять на себя починъ, въ видѣ примѣра для частныхъ фабрикантовъ, къ производству бумаги при помощи машинъ. Въ 1817 г. была устроена Петергофская бумажная мануфактура, первая въ Россіи фабрика, начавшая выдѣлывать не черпальную, а машинную бумагу. Къ сожалѣнію, опытъ правительства вышелъ неудаченъ и потому не могъ побудить частное производство къ измѣненію на своихъ фабрикахъ способа выдѣлки бумаги. Петергофская бумажная мануфактура оказалась весьма убыточнымъ учрежденіемъ для казны, вѣроятно, вслѣдствіе неудовлетворительной администраціи этой образцовой фабрики; она была вскорѣ упразднена, ея машины и аппараты распроданы, и въ зданіи ея, въ 1849 г., устроена казенная гранильная фабрика. Только въ 1835 г. появляется первая частная фабрика, выдѣлывающая машинную бумагу; это была фабрика Усачева, преобразованная имъ изъ черпальной въ машинную, въ Богородскомъ уѣздѣ Московской губерніи. Примѣру его послѣдовали и другіе фабриканты, такъ что уже въ 1862 г. въ Россіи, исключая Польши и Финляндіи, въ числѣ 165 дѣйствовавшихъ фабрикъ было 54 машинныхъ.

Къ лучшимъ писчебумажнымъ фабрикамъ, не уступающимъ иностраннымъ по машинамъ, устройству и качеству выдѣлываемой бумаги, относится Невская писчебумажная фабрика гг. Варгуниныхъ, замѣчательная еще тѣмъ, что она первая въ Россіи примѣнила для двигателя паровую силу. Эта фабрика находится на правомъ берегу рѣки Невы по шлиссельбургскому тракту на 9 верстѣ. Она основана въ 1839 г. А. И. Варгунинымъ и великобританскимъ подданнымъ Гобертомъ. По прошествіи 10 лѣтъ, Гобертъ, не желая вступать въ подданство Россіи, возвратился въ Англію и оставилъ дѣла Невской фабрики; мѣсто его занялъ младшій братъ основателя П. И. Варгунинъ.

Невская фабрика владѣетъ пространствомъ въ 124,300 квадр. саженъ. Тутъ, кромѣ собственно фабричныхъ зданій, построенъ домъ для мастеровъ и мастеровыхъ и казарма для помѣщенія рабочихъ за незначительную плату; при казармѣ находится церковь и школа. Фабричныхъ мастеровыхъ, мужчинъ и женщинъ, рабочихъ въ механической мастерской и чернорабочихъ при фабрикѣ считается до 350 человѣкъ. Для незначительныхъ исправленій при фабрикѣ находится механическая мастерская, а для добыванія газа, которымъ освѣщается фабрика, устроенъ отдѣльный каменный домъ съ 2 газометрами. При своемъ основаніи Невская фабрика имѣла только одну бумагодѣлательную машину и выдѣлывала въ годъ не свыше одного милліона фунтовъ бумаги. Постепенно расширяя свое производство, въ 1872 г., при трехъ бумагодѣлательныхъ машинахъ, фабрика выдѣлывала уже до 5 милл. фунтовъ бумаги всѣхъ сортовъ: александрійскую, карточную, папиросную, цвѣтную, почтовую, писчую, печатную, эстампную, копировальную, всего на 800,000 руб. Бо̀льшая часть работъ: варка и промывка тряпья, приготовленіе бумажной массы, окончательная выдѣлка бумаги, производится при помощи машинъ, приводимыхъ въ дѣйствіе 8 паровыми машинами въ 260 номинальныхъ силъ при 5 паровыхъ котлахъ. На всероссійской мануфактурной выставкѣ 1870 года, Невская фабрика признана достойной награжденія правомъ употребленія государственнаго герба на своихъ издѣліяхъ за весьма хорошія качества всѣхъ выдѣлываемыхъ сортовъ бумаги при обширномъ производствѣ. Кромѣ того, она имѣетъ медали за выставки: лондонскую 1862 г., парижскую 1867 г., вѣнскую 1873 г. и филадельфійскую 1876 г.

Прослѣдимъ вкратцѣ производство бумаги на Невской фабрикѣ въ томъ порядкѣ, какъ совершается операція бумажнаго дѣла. Главнымъ матеріаломъ при этомъ производствѣ, какъ извѣстно, служитъ тряпье, которое доставляется на фабрику тряпичниками въ томъ самомъ видѣ, какъ оно ими собрано. Тряпье это подвергается, прежде всего, *сортовкѣ;* т. е. во 1-хъ, очищенію его отъ шерстяныхъ и полушерстяныхъ частей, дѣлающихъ бумажный листъ шероховатымъ, отъ резиновыхъ частей, портящихъ машины, отъ заплатъ, содержащихъ всегда больше сору, отъ пуговицъ, крючковъ и т. п. ненужныхъ и вредныхъ вещей, и, во 2-хъ, сортированію его по качеству волоконъ (льняное, хлопчатное, конопляное), по тонинѣ (толстое, тонкое, грубое), по цвѣту (бѣлое, синее, красное) и по степени чистоты. При этомъ тряпье *разрѣзывается* на кусочки въ 3—4 кв. дюйма, и, по очищеніи отъ пыли и костры, смѣшиваются разные сорта тряпья въ извѣстномъ % отношеніи, для выдѣлки различнаго рода бумаги. Сортовка и рѣзка производится на Невской фабрикѣ 70 женщинами, работающими издѣльно, а для очищенія отъ пыли тряпье пропускается черезъ 2 *вѣялки* или тряпкотрепальныя машины. Затѣмъ, для удаленія жирныхъ, сальныхъ, смолистыхъ, красильныхъ и др. веществъ, тряпье подвергается *варкѣ;* эта операція, на Невской фабрикѣ, совершается въ *5 цилиндрическихъ вращающихся желѣзныхъ котлахъ*, изъ которыхъ каждый вмѣщаетъ въ себѣ до 120 пудъ; бученіе или варка тряпья производится въ щелочахъ извести и соды при давленіи пара въ 2 атмосферы, въ продолженіи отъ 12 до 24 часовъ, смотря по сорту тряпья и выдѣлываемой бумаги. Послѣ этой операціи тряпье промывается и разбивается (измельчается) въ *8 чугунныхъ роляхъ* (овальная ванна съ чугуннымъ барабаномъ внутри, къ которому прикрѣплены стальные тупые ножи), въ продолженіи отъ 2 — 2½ часовъ. Измельченное въ этихъ роляхъ тряпье получаетъ названіе *полумассы*, и поступаетъ на выжиманіе *4 центрофугальными прессами.* Для *бѣленія* этой полумассы хлорнымъ газомъ устроены 16 большихъ каменныхъ камеръ, въ которыя, черезъ свинцовыя трубы, впускается хлоръ, добываемый въ свинцовыхъ ретортахъ изъ марганца, соли и купороснаго масла; это такъ называемое *бѣленіе сухимъ газомъ* продолжается 18 — 24 часа. Послѣ него полумасса подвергается второму *бѣленію — мокрому*: сперва промывается она чистой водою въ 6 роляхъ въ продолженіе 1½ часа; по окончаніи промывки, въ эти роли наливаютъ растворенную въ водѣ хлорную известь и держатъ въ этой водѣ полумассу отъ 15 — 30 минутъ, послѣ чего ее, вмѣстѣ съ бѣлильною жидкостью, спускаютъ по деревяннымъ трубамъ въ 72 каменныхъ ящика, въ которыхъ полумасса остается отъ 24 — 36 часовъ. Выбѣленная, такимъ образомъ, полумасса поступаетъ въ *окончательныя роли или рафинеры*, которыхъ на фабрикѣ 24, и которые имѣютъ своимъ назначеніемъ размельчать полумассу до потребной степени; послѣ этого измельченія полумасса называется уже *бумажной массой.* Во время послѣдней операціи бумажная масса проклеивается растительнымъ клеемъ (канифоль или гарпіусъ и крахмалъ, употребляемый въ видѣ картофельной муки), а также придается ей надлежащій цвѣтъ. Изъ этихъ рафинеровъ бумажная масса поступаетъ въ чугунные чаны, ихъ которыхъ уже идетъ прямо на *бумажныя машины.* Машинъ такихъ на Невской фабрикѣ 3, изъ нихъ 2 шириною 60 англ. дюймовъ, а одна — 72 ан. д. Бумажная масса навертывается на барабанахъ бумажныхъ машинъ въ видѣ бумажной ленты, и эта лента разрѣзывается продольно и поперечно, согласно требуемому формату, *бумагорѣзательными машинами*, которыхъ на Невской фабрикѣ 3. При выдѣлкѣ бумагъ клееныхъ, кромѣ растительнаго, еще животнымъ клеемъ, бумага поступаетъ съ бумажной машины на *клеильную*, а отсюда на 2 *сушильныя* машины. Вслѣдствіе замѣны гусиныхъ перьевъ стальными, явилась необходимость сатинировать или глазировать бумагу; это совершается при помощи *глазировальной машины* или такъ называемыхъ *каландровъ*, которыхъ на Невской фабрикѣ 7. Наконецъ, вся выдѣланная бумага, какъ глазированная, такъ и неглазированная, сортируется 70 женщинами и складывается ими въ стопы, которыя затѣмъ прессуются въ *гидравлическихъ прессахъ* (числомъ 4), обрѣзываются на *стопорѣзальныхъ машинахъ* (числомъ 2), и, послѣ выбиванія на нихъ штемпеля, завертываются въ сорочки или обвязываются бичевкой.

Ощущаемый въ нѣкоторыхъ западныхъ государствахъ съ конца прошедшаго столѣтія недостатокъ тряпья, побудилъ искать тамъ такіе предметы, которые могли бы замѣнить нѣкоторую часть въ тряпичной массѣ. Изъ такихъ суррогатовъ тряпья оказались, до сего времени, болѣе всего пригодными: солома и древесина. Первые опыты производствъ бумаги изъ древесины производились во Франціи, въ 1776 г., а первая фабрика, съ преимущественнымъ потребленіемъ соломы, основана была почти 40 лѣтъ тому назадъ въ рейнскихъ владѣніяхъ Пруссіи. Для выдѣлки древесно-бумажной массы берутъ предпочтительно: иву, сосну и осину, затѣмъ тополь, липу, ольху и березу.

На Невской фабрикѣ, съ 1871 г., приступлено также къ выдѣлкѣ изъ соломы бумажной массы по системѣ Лагуссъ. Операція эта совершается въ отдѣльномъ строеніи въ слѣдующемъ порядкѣ: солома рѣжется на обыкновенной соломорѣзкѣ съ вѣялкой, причемъ отъ соломины отдѣляются колѣна, и сортуется; затѣмъ поступаетъ въ 2 сферическихъ котла, наполняемыхъ каустическою содою, и, по прошествіи извѣстнаго времени, когда соломина совершенно пропитается содою, она варится въ 2 цилиндрическихъ вертящихся котлахъ при 3 атмосферахъ давленія. Послѣ этой варки соломина промывается горячею водою, поступаетъ въ 4 полумассныя роли, гдѣ промывается въ холодной водѣ и размельчивается; изъ нихъ, посредствомъ насосовъ, накачивается въ 2 жернова, которыми окончательно размалываются узлы соломы и, волокна ея дѣлаются совершенно однообразными. Размельченная, такимъ образомъ, соломенная масса бѣлится хлорною известью и послѣ 24 часового стоянія съ нею, поступаетъ прямо въ чаны, содержащіе въ себѣ массу изъ тряпья. Смотря по сорту бумаги, эта соломенная масса примѣшивается къ массѣ изъ тряпья въ количествѣ отъ 10 — 30%, причемъ слѣдуетъ замѣтить, что въ лучшіе сорта бумаги соломенная масса совершенно не примѣшивается. Всею своею дѣятельностію фабрика обязана преимущественно англичанину Гоберту, положившему основаніе писчебумажному производству, и его преемнику Павлу Ивановичу Варгунину. Имя послѣдняго завсегда останется дорогимъ фабрикѣ, какъ основателя фабричной школы, рабочаго дома и церкви при фабрикѣ. Забота о рабочемъ классѣ, одна изъ важнѣйшихъ задачъ современной фабрики, и эта заботливость вѣрно отразилась въ попеченіи П. И. Варгунина, истинно русскаго человѣка, преданнаго сердцемъ обезпеченію трудной обязанности фабричнаго.

Великіе дни.

Москва, 24 апрѣля.

Первыя впечатлѣнія по пріѣздѣ въ Москву. — Сравнительное воспоминаніе о Петербургѣ. — Московскія пожертвованія. — Вечеръ 22 го апрѣля. — Посѣщеніе Государемъ Иверской часовни. — 23-е апрѣля. — Пріемъ во дворцѣ. — Рѣчь Государя. — Большой выходъ на Красное крыльцо. — Эпилогъ.

Я пріѣхалъ въ Москву 19-го числа, съ вечернимъ поѣздомъ. Получивъ изъ багажа свои вещи и взявъ пролетку я, около 11-ти часовъ ночи, медленно ѣхалъ по глухимъ, узкимъ и плохо освѣщеннымъ переулкамъ — отъ Николаевскаго вокзала къ центру города. Первое, что̀ меня поразило и бросилось въ глаза — это безчисленные флаги, повѣшенные надъ домами, окнами, воротами, и пр.; колеблемые вѣтромъ, они представляли собою, въ полумракѣ улицъ, какую-то волшебную, фантастическую декорацію. День былъ, какъ извѣстно, будній и не табельный — и я не могъ понять, почему эти флаги, и ради чего?

— Скажи, пожалуйста — обратился я къ своему возницѣ, молодому и бойкому парню изъ подмосковныхъ крестьянъ, — когда̀ повѣсили эти флаги въ городѣ и зачѣмъ?

Извощикъ быстро повернулся ко мнѣ и пристально посмотрѣлъ на меня.

— Вы, баринъ, видно не здѣшній? — спросилъ онъ у меня, вмѣсто отвѣта.

— Да, я изъ Петербурга. А что?

— Такъ-съ. Видать, что вы не здѣшній: не знаете, зачѣмъ повѣшены флаги.

— А зачѣмъ? скажи.

— Флаги эти самые висятъ уже цѣлую недѣлю. Какъ только объявили войну, такъ сейчасъ же, значитъ, отслужили молебенъ и вывѣсили флаги... и стали жертвовать всѣ...

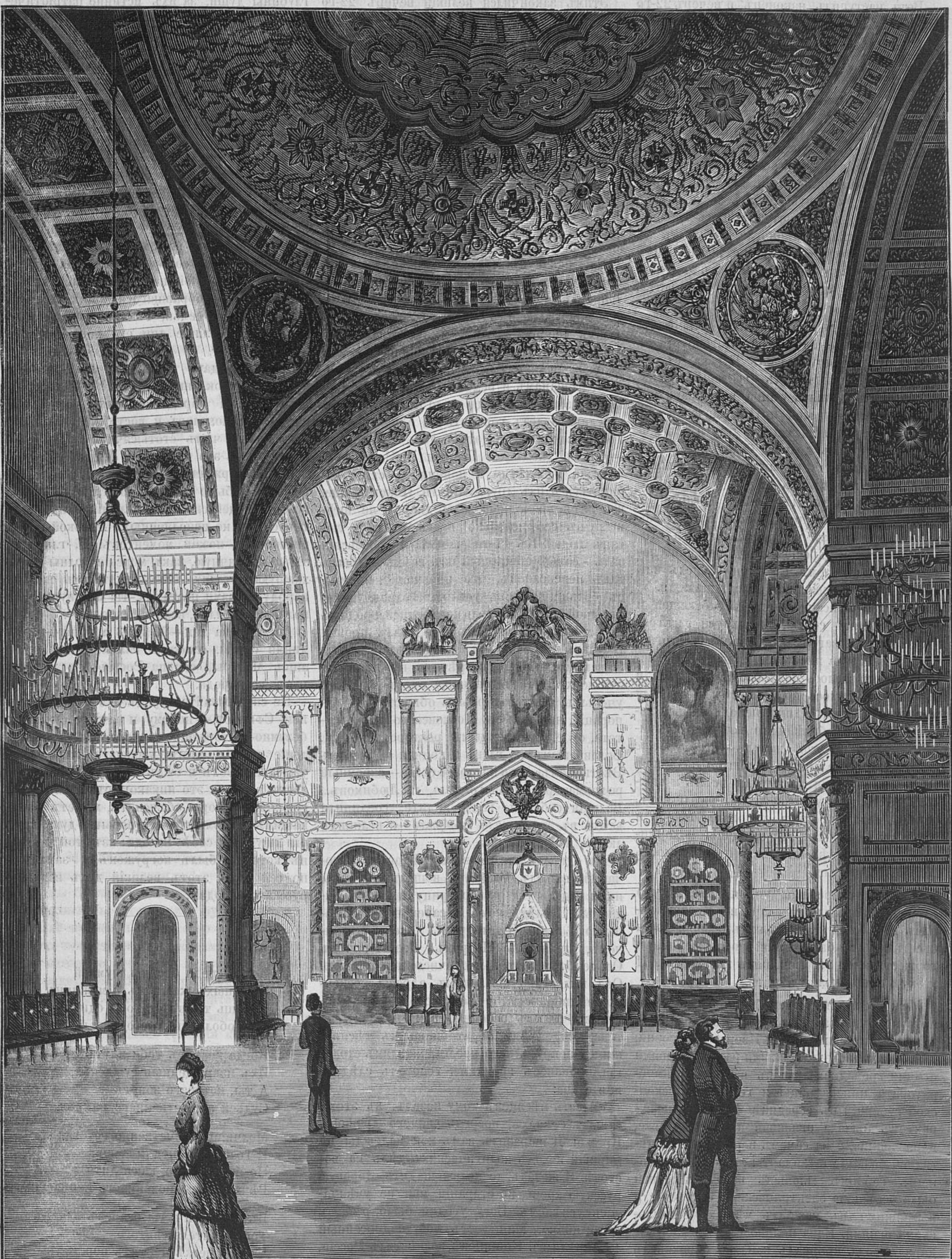
— И не убираютъ ихъ?

— Нѣтъ, не убираютъ. Зачѣмъ убирать?!...

Такъ вотъ она, Москва, ка̀къ встрѣтила объявленіе войны! — думалъ я, дорогою, — и невольно вспомнились мнѣ дни 12-го и 13-го апрѣля въ Петербургѣ, гдѣ было все такъ тихо, скромно — даже болѣе, чѣмъ скромно; гдѣ простой народъ узнавалъ о войнѣ, вечеромъ 12-го числа, отъ газетныхъ разносчиковъ, на Невскомъ проспектѣ, и платилъ этимъ разносчикамъ свои послѣдніе, можетъ быть, трудовые полтинники — за печатный манифестъ, увѣдомлявшій его, этотъ простой и бѣдный народъ, о войнѣ, для которой потребны будутъ великія и кровавыя жертвы — отъ него же, отъ этого простого и бѣднаго русскаго народа!...

Три дня, затѣмъ, были вполнѣ достаточны для меня, чтобы оріентироваться въ Москвѣ и подготовиться быть свидѣтелемъ тѣхъ великихъ историческихъ дней, что имѣли наступить вскорѣ. Повсюду видѣлись и замѣчались какія-то необыкновенныя приготовленія; что-то чрезвычайное замѣчалось повсюду... Это не были ожиданія чего-то праздничнаго, оффиціально-торжественнаго — нѣтъ! — это были именно ожиданія великихъ историческихъ дней. Забыта была будничная сонная жизнь: очнулась Москва, пробуждался великій русскій городъ — и съ нимъ пробуждался великій русскій народъ!...

Уже привѣтствовала Москва второй милліонъ, пожертвованный купечествомъ, знала уже о громадномъ пожертвованіи московскаго дворянства и мѣщанъ и о многихъ другихъ значительныхъ пожертвованіяхъ, коимъ терялся уже счетъ и число...



Александровскій залъ въ Московскомъ Кремлевскомъ Дворцѣ.

Вотъ наступилъ, наконецъ, и вечеръ 22-го апрѣля...

Но здѣсь мнѣ необходимо сдѣлать маленькую оговорку. Не взыщите: не мастеръ я описывать подобныя торжества, сопряженныя съ иллюминаціями, «ура» и разными иными оваціями; а потому, быть можетъ, описаніе мое, нѣсколько блѣдное, и не будетъ идти въ pendant къ происшедшимъ событіямъ. Я постараюсь описать эти событія просто и не мудрствуя лукаво: передамъ то, что̀ видѣлъ и замѣтилъ, что̀ чувствовалъ и испыталъ самъ. Право, вамъ, петербужцамъ-космополитамъ, не мѣшаетъ, иногда, побывать въ Москвѣ, въ этомъ «сердцѣ Россіи», въ этомъ градѣ сорока̀-сороко̀въ церквей, въ этой первопрестольной столицѣ русскаго царства. Но—ab ovo.

Еще часа за два до прибытія императорскихъ поѣздовъ—одного изъ Петербурга, съ государыней, и другого изъ Курска, съ государемъ и наслѣдникомъ—густыя толпы народа стали наполнять улицы и направились къ станціямъ Курской и Николаевской желѣзныхъ дорогъ. Часамъ къ десяти, всѣ улицы, по которымъ должна была проѣзжать царская фамилія, были запружены сплошными волнами народа. Въ десять часовъ пріѣхалъ поѣздъ съ государыней и цесаревной, изъ Петербурга, и прослѣдовалъ къ Курскому вокзалу. Черезъ полчаса, показался второй поѣздъ—и царскіе вагоны медленно подошли къ платформѣ. Государь вышелъ изъ вагона въ сопровожденіи Наслѣдника, в. к. Владиміра Александровича и блестящей и многочисленной свиты. Вспыхнули электрическія солнца, загорѣлись бенгальскіе огни, музыка заиграла народный гимнъ—и громовое «ура» раздалось подъ сводами вокзала и далеко прокатилось по улицамъ... Народный энтузіазмъ былъ, видимо, неподдѣльный, искренній. Миролюбивѣйшаго изъ царей привѣтствовалъ простой народъ—*за объявленіе войны*, давно желанной и долго ожидаемой; одни эти ожиданія причинили всѣмъ и каждому несмѣтные убытки и потери: и вотъ, народъ, между прочимъ, радовался теперь и тому, что, наконецъ, эти ожиданія покончились—и неопредѣленность и неизвѣстность положенія исчезли.

Москвичи-старожилы увѣряли меня, что со времени пріѣзда государя въ Москву, лѣтомъ 1861 года (т. е. въ годъ освобожденія крестьянъ), не было такой восторженной и торжественной встрѣчи, какъ нынѣшняя. И этому можно вполнѣ вѣрить.

Между сплошными народными волнами, по ярко иллюминованнымъ улицамъ, прослѣдовали царскіе экипажи до Иверской часовни; тутъ пылала безчисленными разноцвѣтными огнями громадная арка съ вензелями императора и императрицы и гербомъ Московской губерніи въ серединѣ. Надъ транспарантомъ пылала огненная надпись «Боже, царя храни», а на самомъ верху арки развѣвались большіе штандарты съ государственнымъ гербомъ. Площадь предъ часовней была освѣщена электрическимъ солнцемъ и пылавшими въ разныхъ мѣстахъ бенгальскими огнями. Едва появилась коляска государя, народъ прорвалъ канаты, опрокинулъ полицію—и бросился къ коляскѣ съ оглупительными воплями.... Государь вышелъ изъ коляски, поклонился народу и, дождавшись императрицу и наслѣдника съ цесаревной, вступилъ въ часовню и приложился къ чудотворной иконѣ Богоматери. Послѣ этого онъ направился въ Кремль.

Этимъ закончился великій вечеръ 22-го апрѣля.

На другой день былъ назначенъ пріемъ въ кремлевскомъ дворцѣ лицъ всѣхъ сословій; затѣмъ, высочайшій выходъ по историческому Красному крыльцу въ Успенскій соборъ; въ часъ дня, парадъ войскамъ на Театральной площади и, вечеромъ, обычный раутъ у Московскаго генералъ-губернатора.

Я присутствовалъ, собственно, на одной изъ этихъ торжественныхъ церемоній — на высочайшемъ выходѣ во дворцѣ—и потому опишу вамъ подробно одинъ лишь этотъ выходъ.

Еще наканунѣ, чрезъ публикаціи во всѣхъ московскихъ газетахъ, были приглашены во дворецъ лица *всѣхъ* сословій Москвы — и указаны были имъ мѣста, въ различныхъ залахъ дворца: дамамъ — Александровскій залъ, самый изящный и роскошный во всемъ дворцѣ, дворянству — Георгіевскій, купечеству, мѣщанамъ и ремесленникамъ — Владимірскій залъ. Но когда стало извѣстно, что государь будетъ говорить въ одномъ лишь Георгіевскомъ залѣ (этотъ день—23 апрѣля — былъ днемъ св. Георгія Побѣдоносца), то сюда, незамѣтно и понемногу, стали собираться и изъ другихъ залъ. Никогда еще, говорятъ, громадные залы дворца не вмѣщали въ себѣ столько людей, столько тысячъ людей! Къ 11-ти часамъ, Георгіевскій залъ—самый обширный изъ всѣхъ — былъ такъ переполненъ, что церемоніймейстеры, съ большими лишь усиліями, охраняли небольшой проходъ, вдоль внутренней, продольной стѣны зала, по которому имѣлъ пройти государь въ сосѣдній, Владимірскій, залъ. Здѣсь можно было встрѣтить представителей всѣхъ интеллигентныхъ сферъ и всѣхъ ученыхъ и литературныхъ обществъ и корпорацій, начиная съ Московскаго университета, съ его почтеннымъ ректоромъ, С. М. Соловьевымъ, во главѣ и кончая «Русскимъ Вѣстникомъ», отъ котораго былъ—скромный реформаторъ учебнаго дѣла, г. Любимовъ... Великія событія, какъ видите, соединили всѣхъ въ этомъ *залѣ храбрыхъ*—и великихъ людей, и маленькихъ.

Въ одинадцать часовъ послѣдовалъ высочайшій выходъ. Государь вошелъ въ залъ, имѣя подъ руку императрицу и сопровождаемый Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, Цесаревною, в. к. Владиміромъ Александровичемъ, принцемъ Петромъ Георгіевичемъ Ольденбургскимъ и многочисленною свитою. Онъ милостиво выслушалъ адресы московскаго дворянства и московской Думы (послѣдній адресъ особенно замѣчателенъ по тексту) и, затѣмъ, обратившись къ тѣснившимся вокругъ него представителямъ столицы, произнесъ громкимъ голосомъ слѣдующія слова:

«Шесть мѣсяцевъ тому назадъ, въ этихъ самыхъ стѣнахъ, посреди нашего древняго Кремля, Я выразилъ вамъ мои надежды на мирный исходъ политическихъ дѣлъ на востокѣ. Я желалъ, до нельзя щадить, дорогую русскую кровь, но старанія мои не увѣнчались успѣхомъ. Богу угодно было рѣшить дѣло иначе. Манифестъ мой, подписанный 12 апрѣля въ Кишиневѣ, возвѣстилъ Россіи, что минута, которую Я предвидѣлъ, для насъ настала,—и вся Россія, какъ Я ожидалъ, откликнулась на мой призывъ. Москва первая подала въ томъ примѣръ и вполнѣ оправдала мои надежды. Сегодня Я счастливъ, что могу, вмѣстѣ съ Государынею Императрицей, благодарить всѣ сословія Москвы, отъ глубины души, за ихъ истинно патріотическія чувства, которыя они доказали уже не одними словами, но и дѣломъ. Могу сказать, по совѣсти, что ихъ пожертвованія превзошли мои ожиданія. Да поможетъ намъ Богъ исполнить нашъ долгъ—и да будетъ благословеніе Его на нашихъ славныхъ войскахъ, идущихъ въ бой за вѣру, царя и отечество!»

Слова эти были привѣтствованы долгимъ и восторженнымъ «ура», потрясшемъ стѣны дворца и слившимся въ непрерывный гулъ, неумолкаемо длившійся во все время, пока царственное шествіе медленно подвигалось по заламъ, къ выходу на Красное крыльцо, у подножія коего, на кремлевской площадкѣ и вокругъ всѣхъ соборовъ, до самой москворѣцкой набережной, волновались несмѣтныя массы народа, собравшагося привѣтствовать Главу русской семьи, Главу русскаго царства — въ великіе дни его историческаго бытія....

Едва Государь показался на Красномъ крыльцѣ и поклонился Москвѣ и народу, — всколыхнулся народъ, воздухъ задрожалъ отъ гула колоколовъ и восторженныхъ кликовъ болѣе, чѣмъ стотысячной толпы.... и дрогнули въ это время всѣ сердца̀!... Трудно передать торжественность этихъ минутъ; невозможно было не подчиниться могучей, всеобемлющей силѣ впечатлѣній этихъ хаотическихъ, но исполненныхъ высокой мощи, прелести и поэзіи моментовъ. И, глядя на эту стотысячную, какъ морскія волны колыхавшуюся, толпу, такъ и хотѣлось сказать народу словами поэта: да, ты проснулся, «исполненный силъ», великій народъ!

Да, эти два дня—22 и 23 апрѣля — были днями славы, *великими днями*, и не одной лишь Москвы, «сѐрдца Россіи», но и всего русскаго народа.

Не спрашивайте народъ — этотъ загадочный Сфинксъ — почему и зачѣмъ онъ такъ безумно-восторженно привѣтствуетъ объявленіе войны, этого ужаснаго изъ всѣхъ ужасныхъ золъ и бѣдъ въ мірѣ? — Онъ не дастъ вамъ на это никакого отвѣта... и лишь грядущая исторія объяснитъ, можетъ быть, нашимъ потомкамъ эти порывы духа, какъ бы ищущаго себѣ исхода изъ той дремы, въ которую былъ погруженъ и замкнутъ, по сей день, этотъ великій духъ великаго русскаго народа!...

И. З.

Поэту.

Когда среди бесѣды шумной
Изящныхъ женщинъ и мужчинъ
Сидишь ты въ сторонѣ одинъ,
Многоболящій, многодумный;

Когда вокругъ тебя идутъ
Ихъ извращенныя сужденья,
А ты, котораго зовутъ
Судьей общественнаго мнѣнья,

Молчишь, таинственно грустя,
И головы не поднимаешь,
Но безмятежно, какъ дитя,
Рѣчамъ взволнованнымъ внимаешь, —

Въ тотъ мигъ ты озаренъ лучемъ
Того Учителя святого,
Что̀ на пескѣ чертилъ перстомъ
Прощенья праведное слово, —

Когда вокругъ народъ шумѣлъ
И, въ силу гордаго сужденья,
Побить каменьями хотѣлъ
Жену—за грѣхъ ея паденья!

Омулевскій.

Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій *).

Съ театра военныхъ дѣйствій, мы, до сихъ поръ, имѣемъ весьма скудныя извѣстія; это происходитъ, конечно, отъ того, что собственно говоря, военныя дѣйствія только приготовляются и ни на Дунаѣ, ни въ Азіи, не было приступлено къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. На Дунаѣ, первый, важный фактъ долженъ заключаться, какъ это и понятно, въ переходѣ русской арміи черезъ Дунай; но этотъ переходъ требуетъ значительныхъ приготовленій, которыя не могутъ быть сдѣланы въ нѣсколько дней, а въ Азіи, хотя русская армія и подвигается впередъ очень быстро, но и тутъ встрѣчаются препятствія, которыя не легко могутъ быть преодолимы.

О первомъ выстрѣлѣ на Дунаѣ, мишенью для котораго послужилъ Гобартъ-паша, одна англійская газета сообщаетъ интересное свѣдѣніе. Дѣло произошло, какъ разсказываютъ, слѣдующимъ образомъ: когда судно было еще подъ Рущукомъ, турецкія власти получили извѣстіе о прибытіи русскихъ въ Галацъ и о заложеніи ими торпедъ въ рѣку. Гобарту-пашѣ совѣтовали оставить пароходъ его на Дунаѣ и ѣхать въ Константинополь черезъ Варну. Но онъ смѣялся надъ этими предосторожностями и сказалъ, что предпочитаетъ лучше взлетѣть на воздухъ, чѣмъ покинуть свой корабль. По приближеніи ночи онъ сдѣлалъ всѣ распоряженія для отплытія въ Черное море, на зло всѣмъ враждебнымъ планамъ русскихъ, приказалъ развести сильный огонь подъ котломъ, избѣгать пускать пары и дымить и принялъ разныя другія мѣры. Какъ слышно, «Ретимно», весьма быстрый пароходъ, который можетъ, въ случаѣ необходимости, пробѣгать до 15 узловъ въ часъ.

Когда Гобартъ-паша рѣшился на свою смѣлую шутку, Дунай былъ тихъ, и теченіе его было опредѣлено въ пять узловъ въ часъ. Приблизясь къ Галацу, Гобартъ-паша удостовѣрился, что сильно вооруженныя русскія батареи господствуютъ надъ рѣкой и способны разгромить все, что ни попадись на поверхности воды, уже не упоминая объ опасности, грозившей пароходу отъ подводныхъ торпедъ. Между тѣмъ совсѣмъ стемнѣло. Тотчасъ отдана была команда «тушить огни» и пароходъ быстро пустился впередъ. Скоро поровнялись съ батареями и русскіе фонари, тяжелыя пушки и множество солдатъ явственно предстали пассажирамъ «Ретимно», когда внезапно пущенная на румынскомъ берегу ракета возвѣстила русскимъ артиллеристамъ о приближеніи Гобарта-паши. Черезъ короткій промежутокъ взвилась вторая ракета и послышалась громкая команда, затрещали барабаны тревогу, созывая солдатъ къ ихъ постамъ.

Гобартъ-паша ожидалъ всякую секунду, что его снесетъ въ воду ядромъ изъ тяжелыхъ орудій, надъ которыми онъ трунилъ, но, рѣшившись употребить рискованное средство въ эту критическую минуту, онъ пустилъ пароходъ въ упоръ къ берегу, на разстояніи не болѣе 40 метровъ отъ самихъ батарей — такъ близко, что пушкарямъ невозможно было нацѣлить выстрѣлъ.

Пароходъ бѣжалъ ходомъ 20 узловъ въ часъ и скоро былъ внѣ всякой опасности.

Увѣренный, что ему нечего бояться со стороны непріятеля, Гобартъ-паша приказалъ экипажу «Ретимно» навести 40 фунтовую армстронговую пушку, бывшую на его бортѣ, на центръ русскаго лагеря и стрѣлять. Приказаніе было исполнено и мгновенно зарядъ полетѣлъ въ русскія палатки.

Дѣйствіе этого выстрѣла неизвѣстно, но за то это былъ первый пушечный выстрѣлъ, раздавшійся на Дунаѣ въ русско-турецкую войну. Гобартъ-паша благополучно прибылъ въ Константинополь, гдѣ его ожидали искренняя встрѣча и восторженныя поздравленія. Онъ высказываетъ мнѣніе, что рѣка слишкомъ мелка для дѣйствія подъ Галацомъ на канонирках, но увѣряетъ, что если бы ему позволили дѣйствовать самостоятельно, онъ ручался бы за то, что не допуститъ русскихъ перейти Дунай.

Ядра и бомбы русскихъ остались безвредны. Смѣлость Гобарта-паши вынесла его цѣлымъ въ Черное море, а прошедшія опасности окрашиваются веселымъ оттѣнкомъ шутки.

Этотъ первый выстрѣлъ, конечно, окончился шуткой, въ которой Гобартъ-паша обнаружилъ скорѣе традиціонную легкомысленность француза, чѣмъ тяжеловѣсную обстоятельность англичанина. Тѣмъ не менѣе, едва ли можно допустить, что легкомысленный даже Гобартъ-паша можетъ полагать, что настоящая война представитъ только такіе шуточные эпизоды. Его увѣренность въ томъ, что онъ не допуститъ русскихъ перейти черезъ Дунай, отзывается такою же легкомысленностію, нисколько не идущею важному турецкому адмиралу. Если этому турецкому адмиралу суждено играть выдающуюся роль въ настоящей войнѣ, и если онъ и на будущее время будетъ обнаруживать такую же легкомысленность — то турки отъ этого могутъ значительно пострадать, какъ это доказывается занятіемъ Барбошскаго моста, по разсказу вѣнской «Tagblatt»:

Немедленно по объявленіи войны готовые отряды русской арміи перешли границу. Безпрепятственно доѣхавъ до Галаца въ давно приготовленныхъ для нихъ желѣзнодорожныхъ поѣздахъ, они высадились благополучно въ этомъ, столь важномъ въ стратегическомъ отношеніи, городѣ. Отсюда отряды эти, состоявшіе изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, преспокойно направились къ мосту, перекинутому черезъ Серретъ, и заняли его безъ боя, благодаря тому обстоятельству, что предназначенные главнокомандующимъ турецкимъ флотомъ, Гобартомъ-пашею, для разрушенія этого важнаго моста, канонирки и мониторы, не могли или не пожелали исполнить возложенное на нихъ порученіе. Кому извѣстно мѣстоположеніе этой постройки, тотъ не можетъ не сознаться, что турецкая армія извлекла бы громадныя выгоды изъ заблаговременнаго разрушенія ея. Дѣйствительно, въ такомъ случаѣ въ распоряженіи русской арміи оставалась бы только желѣзнодорожная линія изъ Унгены въ Галацъ.

Рѣка Серретъ, ширина которой доходитъ въ ея устьѣ до 200 шаговъ, составляетъ весьма важное препятствіе для войскъ, выступающихъ изъ Галаца въ южномъ направленіи. Глубина этой рѣки, вливающейся въ Дунай на нѣсколько сотенъ шаговъ выше Галаца, равняется среднимъ числомъ отъ 15 до 20 футовъ; обрывистые берега ея, являющіеся серьёзнымъ препятствіемъ для переправы, дѣлаютъ почти невозможною наводку понтоннаго моста, а возстановленіе постояннаго моста потребовало бы, по меньшей мѣрѣ, четыре мѣсяца времени, что, конечно, въ значительной степени замедлило бы наступательное движеніе русской арміи. Вотъ почему, еслибъ турки послѣдовали совѣту Гобарта-паши, который въ большомъ совѣтѣ въ Стамбулѣ предлагалъ, чтобы турецкій флотъ разрушилъ, какъ можно скорѣе, барбошскій мостъ, движеніе русскихъ войскъ на Бухарестъ, Журжу и Краіову встрѣтило бы значительныя препятствія. Въ такомъ случаѣ имъ бы пришлось направленныя въ Галацъ войска высадить на берегахъ Дуная, затѣмъ, быть можетъ подъ самымъ огнемъ непріятеля, навести мостъ чрезъ Серретъ, переправить на противоположный берегъ армію отдѣльными мелкими отрядами, затѣмъ вновь посадить войска въ вагоны и только послѣ всего этого направить ихъ къ различнымъ пунктамъ Румыніи. Между тѣмъ, теперь русскіе въ состояніи высаживать ежедневно на берегахъ Дуная 12,000 чел., благодаря преимущественно усовершенствованнымъ ими румынскимъ желѣзнымъ дорогамъ; имъ бы не удалось доставлять и половины этого числа войскъ, еслибъ турки разрушили заблаговременно упомянутый мостъ чрезъ Серретъ. Еслибъ турки не совершили такого промаха, Россіи потребовалось бы не менѣе мѣсяца, чтобы выставить по линіи Дуная между Измаиломъ и Турнъ-Севериномъ армію равную турецкой.

Промахъ турокъ тѣмъ болѣе непростителенъ, что исполненіе плана Гобарта-паши, назначенное на 8 (20) апрѣля, не представляло никакихъ особенныхъ затрудненій. Капитаны стоявшихъ у Галаца мониторовъ «Султаніэ» и «Атосъ Тевфикъ», получили отъ Гобарта-паши приказаніе подняться вверхъ по Серрету до Барбошскаго моста, при первомъ извѣстіи объ объявленіи войны, и взорвать этотъ мостъ динамитомъ, котораго было въ изобиліи какъ на томъ, такъ и на другомъ суднѣ.

Гобартъ паша на бортѣ своего авизо «Туни» вошелъ 20 апрѣля въ устье Серрета съ тѣмъ, чтобы слѣдить за исполненіемъ данныхъ имъ приказаній. Но во вторникъ, рако утромъ, ему было приказано отправиться немедленно въ Рущукъ, куда долженъ былъ прибыть на слѣдующій день самъ сердаръ-экремъ. Скрѣпя сердце, Гобартъ-паша повиновался этому приказанію, но прежде, чѣмъ отправиться въ Рущукъ, онъ еще разъ убѣдительно просилъ капитановъ упомянутыхъ мониторовъ ни на минуту не упускать изъ виду возложеннаго на нихъ порученія и постоянно находиться въ сообщеніи съ сухопутными силами. Нѣсколько часовъ спустя, послѣ ухода «Туни», подъѣхала къ одному изъ мониторовъ лодка и находившійся въ ней румынскій рыбакъ увѣдомилъ его капитана, Махмута-эффенди, что русскія войска направляются по желѣзному пути и по обыкновеннымъ дорогамъ къ Галацу. Махмутъ тотчасъ принялъ всѣ необходимыя мѣры для отплытія къ устью Серрета, но прежде, чѣмъ сняться съ якоря, пожелалъ переговорить на счетъ общаго предпріятія съ капитаномъ «Султаніэ». Послѣдній, однакожъ, посовѣтывалъ выждать дальнѣйшихъ приказаній, причемъ высказалъ опасенія, что мониторы могутъ попасть въ засаду или наткнуться на погруженныя будто бы въ устьѣ Серрета торпеды. Пока они съ капитаномъ разсуждали о томъ, что слѣдовало предпринять, казаки, къ вящшему ихъ ужасу и удивленію, овладѣли безъ боя Барбошскимъ мостомъ.

Эти единичные эпизоды, однакожъ, весьма мало даютъ ясное понятіе о томъ, что уже совершилось на театрѣ военныхъ дѣйствій, и потому мы предпочитаемъ дать читателямъ болѣе обстоятельный обзоръ воен-

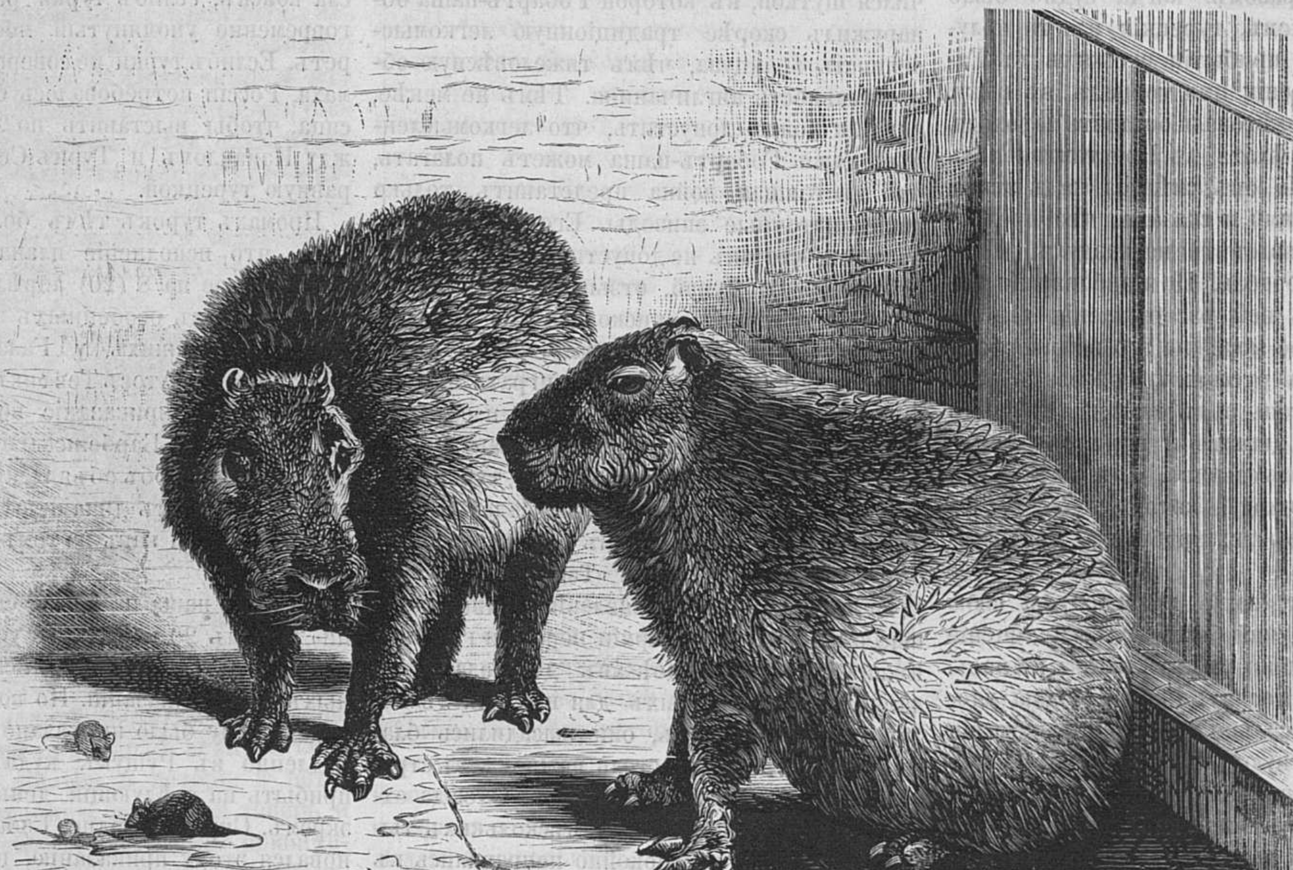
---

*) Составлены по телеграммамъ «Правительственнаго Вѣстника» и сообщеніямъ «Русскаго Инвалида».

ныхъ дѣйствій, пользуясь въ данномъ случаѣ свѣдѣніями «Русскаго Инвалида».

Вслѣдъ за высочайшимъ манифестомъ отъ 12-го апрѣля, войска нашей дѣйствующей арміи, а равно и войска, расположенныя на кавказско-турецкой границѣ, одновременно вступили въ предѣлы Турціи.

Головные эшелоны дѣйствующей арміи, перейдя границу въ Леово, Бештамахъ и противъ Кубея, направились внутрь княжества, причемъ отрядъ крайней лѣвой колонны, сдѣлавъ въ однѣ сутки переходъ пѣхотою въ 70, а кавалеріею въ 100 верстъ, успѣлъ занять, 13-го апрѣля, Рени, Галацъ, Барбошскій мостъ на Серретѣ и Браиловъ. Вслѣдъ затѣмъ, вновь подошедшими эшелонами были заняты, по нижнему Дунаю, Измаилъ и Килія. Такимъ образомъ, войска наши успѣли предупредить турокъ въ столь важномъ пунктѣ, какъ Галацъ—узелъ желѣзныхъ дорогъ, ведущихъ внутрь Румыніи,—и тѣмъ обезпечить сосредоточеніе нашихъ войскъ и тяжестей въ княжествѣ. Въ послѣднее время, какъ извѣстно изъ напечатанной вчера телеграммы, движеніе нѣкоторыхъ нашихъ колоннъ черезъ долину Прута нѣсколько затруднено сильнымъ разлитіемъ рѣки у Леова, явленіемъ, повторившимся и у насъ, повсемѣстно, на югѣ Россіи; тѣмъ не менѣе, движеніе войскъ, направленныхъ по другимъ путямъ и внутри княжества, происходитъ безостановочно.



Морскія свиньи въ лондонскомъ Зоологическомъ саду.

Румынское населеніе повсюду встрѣчало наши войска съ полнымъ радушіемъ.

Турки въ теченіе этого времени не предпринимали противъ насъ никакихъ наступательныхъ операцій. Только ночью 21-го апрѣля два турецкіе броненосца подошли къ Браилову, но, будучи встрѣчены огнемъ нашей пѣшей артиллеріи и отвѣтивъ нѣсколькими выстрѣлами, удалились.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, 12-го же апрѣля, войска, собранныя на кавказско-турецкой границѣ, одновременно вступили въ предѣлы Азіятской Турціи тремя колоннами: главныя силы —Александропольскій корпусъ—по направленію на Карсъ, Ріонскій отрядъ—на Батумъ и Эриванскій отрядъ—на Баязетъ.

Войска Александропольскаго корпуса, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова, перешли границу двумя колоннами и, захвативъ военно-плѣнными турецкіе посты, дошли въ тотъ же день до Мулла-Муса и Башъ-Шурагеля, направляясь къ Карсу. 15 апрѣля, главныя силы корпуса перешли Карсъ-чай, расположились на ночлегъ въ Кюрюкъ.дара, Хаджи-вали и Суботанѣ, а 17-го достигли Заима и Энги-Кева, выславъ въ то же время на сообщенія Карса съ Эрзерумомъ сильный кавалерійскій отрядъ (27 эскадроновъ и сотенъ, при 16 конныхъ орудіяхъ). Эта кавалерія, подъ начальствомъ генералъ-маіора Чавчавадзе, совершивъ въ теченіе 16-го, 17-го и 18-го чиселъ удачный поискъ въ указанномъ направленіи, успѣла прервать телеграфное сообщеніе между Карсомъ и Эрзерумомъ, и быстро преслѣдовала турецкій отрядъ въ восемь баталіоновъ, вышедшій изъ Карса и направившійся по эрзерумской дорогѣ (при этомъ отрядѣ, по показаніямъ плѣнныхъ, находился муширъ Мухтаръ-паша). Для поддержанія далеко ушедшей впередъ кавалеріи, генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ двинулъ безъ ранцевъ и обоза, къ Визинкеву, въ обходъ Карса, 12 баталіоновъ гренадеръ, 40 орудій и пять сотенъ. Въ то время турки вышли изъ Карса въ числѣ восьми баталіоновъ съ полевою артиллеріею и заняли сильную позицію подъ прикрытіемъ крѣпостныхъ верковъ. Тогда наша артиллерія, бывшая при кавалеріи, завязала перестрѣлку съ непріятелемъ, причемъ подбито одно турецкое орудіе. Послѣ артиллерійскаго дѣла, генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ оставилъ кавалерію у Визинкева, а съ остальными силами занялъ, 19-го апрѣля, прежній лагерь у Заима.

Населеніе вездѣ выказывало нашимъ войскамъ самое лучшее расположеніе, и не только не выказывало сопротивленія вводимому въ занятыхъ округахъ русскому управленію; но, напротивъ, принимало русскую власть, какъ благодѣяніе. Еще 12-го апрѣля къ генералъ-адъютанту Лорисъ Меликову явилась, въ полномъ составѣ и со значкомъ, недавно набранная турками сотня карапапаховъ и сила принять ихъ въ русскую службу. Вообще, мѣстная иррегулярная кавалерія частію расходится по домамъ, частію переходитъ на нашу сторону.

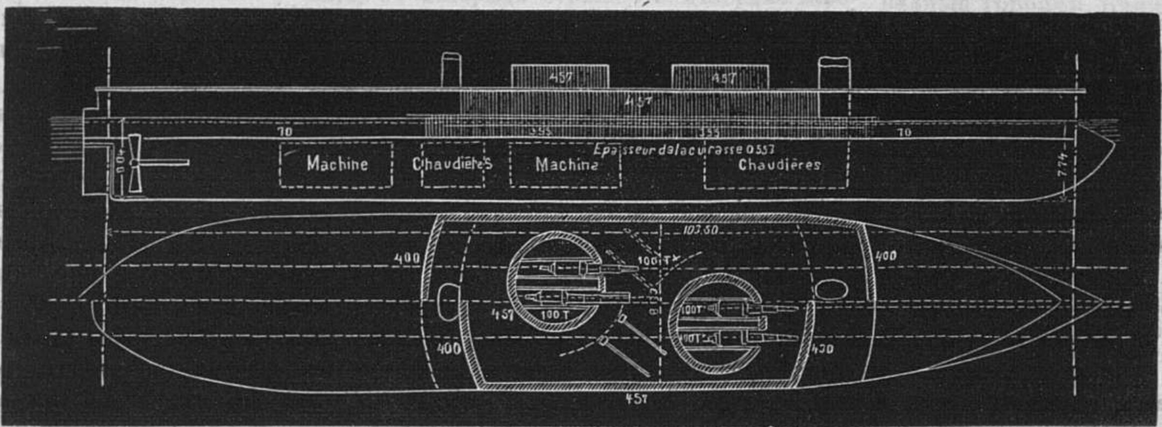
Войска Ріонскаго отряда, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Оклобжіо, выступили по направленію къ Батуму также двумя коллонами: лѣвая подъ начальствомъ генералъ-маіора Денибекова, на Мухастеръ, и правая, генералъ-маіора Шереметева, на Ачарумскую дорогу. 13-го апрѣля, къ вечеру, войска лѣвой колонны, послѣ жаркаго дѣла, заняли турецкій барачный лагерь у Мухастера, а 14-го окончательно утвердились на сильной позиціи у этого пункта. Войска правой колонны вышли на Ачарумскую дорогу и имѣли перестрѣлку съ турками. Потеря наша въ день 13-го апрѣля заключалась въ 30 раненыхъ; въ этомъ числѣ раненъ командиръ 6-й батареи 41-й артиллерійской бригады подполковникъ Мусхеловъ.

Турецкіе броненосцы подходили къ Поти и къ посту св. Николая и дважды обстрѣливали послѣдній пунктъ, но не причинили намъ почти никакого вреда.

Войска Эриванскаго отряда, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Тергукасова, 18-го апрѣля, въ 7 часовъ утра, подошли къ Баязету и заняли городъ и цитадель. Турецкій гарнизонъ Баязета, въ числѣ 1,700 человѣкъ, при появленіи нашихъ войскъ, поспѣшно отступилъ въ горы Алладагъ.

Движеніе александропольскаго корпуса на Карсъ принимаетъ все болѣе и болѣе характеръ обложенія этой крѣпости. Главная квартира генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова находится въ настоящее время въ Заимѣ, мѣстности, командующей обѣими дорогами изъ Александрополя въ Карсъ и находящейся на прямомъ сообщеніи его съ Ардаханомъ. Отъ Заима до Карса не болѣе пятнадцати верстъ, и до первыхъ его верковъ еще меньше. Изъ этого видно, что расположенныя подъ Заимомъ главныя силы александропольскаго корпуса не только угрожаютъ непосредственно Карсу, но и прерываютъ сообщенія Карскаго отряда съ ардаханскимъ, дѣйствующими въ долинѣ Куры противъ ріонскаго отряда генерала Оклобжіо.

Въ то время, какъ главныя силы генерала Лорисъ-Меликова занимали эту важную позицію, каваленія его совершала 16, 17 и 18 апрѣля большой поискъ или рекогносцировку въ обходъ Карса съ юга. Мы уже сообщали, что она дошла до Суботина и Хадживали. Выступивъ изъ этихъ двухъ пунктовъ 16 апрѣля, командующій конницею корпуса, князя Чавчавадзе, во главѣ своихъ 27 эскадроновъ и 16 конныхъ орудій, приступилъ къ обширному движенію вокругъ Карса въ разстояніи среднимъ числомъ 15 верстъ отъ крѣпости. Миновавъ Канычевъ и Владикарсъ, нашъ кавалерійскій отрядъ, смѣло переправившись на лѣвый берегъ Карсъ-чая, занялъ Тикму, мѣстечко въ 13 верстахъ къ юго-западу отъ Карса и затѣмъ, направляясь къ сѣверу, зашелъ въ тылъ крѣпости. Это смѣлое, истинно кавалерійское движеніе, принесло намъ не мало пользы. Вопервыхъ, передовыя части отряда, состоящія подъ начальствомъ генералъ-маіора Лорисъ-Меликова, дойдя до Лашгирта, мѣстности, лежащей на прямомъ пути между Карсомъ и Эрзерумомъ, уничтожили телеграфную линію между ними; во-вторыхъ, имъ удалось настигнуть выступавшій изъ Карса на Эрзерумъ отрядъ изъ 8 баталіоновъ и батареи подъ начальствомъ, какъ увѣряли мѣстные жители, самого муширa (маршала) Мухтара-паши. Отрядъ этотъ былъ такъ пораженъ внезапнымъ появленіемъ русскихъ войскъ на своемъ лѣвомъ флангѣ, что обратился въ безпорядочное бѣгство, бросивъ и вьюки, и патронные ящики, и отсталыхъ. Отступленіе такого значительнаго отряда, притомъ съ главнокомандующимъ во главѣ, повидимому, указываетъ на намѣреніе турокъ не давать генеральнаго сраженія подъ стѣнами Карса, а довольствоваться пассивною обороною этой крѣпости, какъ то было въ 1855 г.



Броненосецъ Дуиліо.

Достигнувъ своей цѣли, состоявшей, очевидно, въ изслѣдованіи намѣреній непріятеля и рекогносцировкѣ мѣстности, по которой, вѣроятно, будетъ проведена линія обложенія въ случаѣ ея осады, кавалерійскій отрядъ князя Чавчавадзе вернулся назадъ. Долѣе ему не слѣдовало оставаться въ своемъ рискованномъ положеніи, такъ какъ вышедшія изъ крѣпости непріятельскія силы могли бы ему отрѣзать путь къ отступленію. Попытка въ этомъ смыслѣ была дѣйствительно сдѣлана непріятелемъ 18 апрѣля: выступившіе изъ крѣпости восемь баталіоновъ съ полевою артиллеріею завязали было перестрѣлку съ возвращавшеюся изъ рекогносцировки кавалеріею, но, встрѣтивъ энергичный отпоръ со стороны послѣдней, поспѣшили отступить. Вѣроятно, ея отступленію не мало способствовало также движеніе навстрѣчу кавалеріи нашихъ главныхъ силъ, которыя еще накакунѣ выступили изъ Займа, направляясь къ Визинкеву (мѣстность, лежащая приблизительно въ 25 верстахъ къ югу отъ Займа и въ 15 отъ Карса), съ тѣмъ, чтобы обезпечить обратное движеніе кавалеріи. На слѣдующій день, 19 апрѣля, главныя силы, оставивъ кавалерію въ Визинкевѣ, вернулись въ Займъ.

Собственно объ ожидаемомъ въ скоромъ времени переходѣ русской арміи черезъ Дунай, переходѣ, который составитъ первый крупный шагъ настоящей кампаніи,—пока у насъ нѣтъ почти никакихъ свѣдѣній По этому поводу, однакожъ, мы встрѣчаемъ слѣдующія предположенія, въ специальной корреспонденціи «Daily News». Русскіе, по предположенію англійскаго корреспондента, намѣрены навести мостъ черезъ Дунай на небольшомъ разстояніи отъ Прута, а другой у Турнъ-Северина почти противъ Никополя. Депо торпедъ этого округа находится на устьяхъ Прута, гдѣ шестьсотъ матросовъ и инженеровъ составляютъ торпедный отрядъ Русскіе инженеры купили у одной здѣшней англійской фирмы буксирные пароходы для моста, а другой буксирный пароходъ съ нѣсколькими меньшими находится въ Турнѣ для постройки моста. Суда, стоящія здѣсь, всѣ имѣютъ на бортѣ русскіе караулы. Большая масса войскъ сосредоточена на передней части низовьевъ Прута. Русскіе строютъ батареи, господствующіе надъ Дунаемъ. Строится также турецкая батарея на берегу, на полпути между Галацомъ и Рени.

Спеціальный корреспондентъ газеты «Daily News» при русской главной квартирѣ сообщаетъ изъ Кишинева отъ 20 апрѣля (2 мая) слѣдующее: «Кампанія медленно подвигается впередъ. Погода рѣшительно благопріятствуетъ туркамъ. Такіе сильные дожди рѣдко бываютъ здѣсь въ это время года. Всякій день идетъ дождь, не много, но достаточно, чтобъ не дать высохнуть дорогамъ. Передвиженіе войскъ совершается медленно, но, все таки, ихъ уже достаточно перешло въ Румынію, чтобъ при помощи румынъ, не позволить туркамъ перейти черезъ Дунай. Турки опустили благопріятный случай перенести войну въ Румынію, для нравственнаго воздѣйствія на румынъ. Турецкія силы не могутъ теперь проникнуть далеко въ Румынію, не встрѣтивъ русскаго авангарда, за которымъ невдалекѣ слѣдуетъ армія. Турки, очевидно, думаютъ, что русскіе попытаются перейти черезъ Дунай въ Добруджѣ, такъ какъ они быстро стягиваютъ свои силы отъ Виддина и Калафата и передвигаютъ всю линію по направленію къ устьямъ Дуная. Масса болгаръ нашла дорогу сюда и теперь всѣ они брали два баталіона съ русскими офицерами и отрядомъ русскихъ солдатъ. Офицеры говорятъ, что эти болгары быстро выучиваются, что они очень послушны и подчиняются дисциплинѣ и скоро сдѣлаются хорошими солдатами. Говорятъ, еще нѣсколько сотъ болгаръ прибыли въ Румынію, и будто бы офицеры посланы туда для организаціи ихъ. Предполагаютъ, что, по крайней мѣрѣ, одна дивизія въ 10,000 человѣкъ будетъ образована изъ однихъ болгаръ. Сообщенія нѣкоторыхъ газетъ, что болгары боятся прибытія русскихъ, крайне несправедливы. Когда я былъ у болгаръ, они постоянно говорили: «Намъ все равно, кто бы ни пришелъ освободить насъ: русскіе ли англичане, или австрійцы; пусть только кто нибудь придетъ. Мы съ удовольствіемъ отдадимъ весь нашъ скотъ, весь нашъ хлѣбъ, всѣ наши посѣвы пришедшимъ безъ всякой платы; все, только чтобы избавиться отъ этого ужаснаго ига турокъ. Если придутъ англичане, мы будемъ англичанами, если придутъ русскіе, мы будемъ русскими. Только освободите насъ!» («Daily News», 4 мая).

Отправленнос иностраннымъ державамъ сообщеніе о блокадѣ Чернаго моря гласитъ:

Ст. 1. Оттоманское правительство объявляетъ въ блокадномъ состояніи все русское прибрежье между Тегуруномъ на азіятской сторонѣ и устьемъ Киліи на европейской сторонѣ Турціи.

Ст. 2. Провозглашаемая симъ блокада вступаетъ въ силу съ 5 мая (н. ст.), и будетъ поручена оттоманскому флоту надлежащей силы.

Ст. 3. Начиная съ 5 мая, дается трехдневная отсрочка всѣмъ торговымъ судамъ, находящимся въ одномъ изъ блокированныхъ портовъ, а пятидневная отсрочка тѣмъ судамъ, которыя пожелаютъ выйдти изъ какого нибудь изъ этихъ портовъ. По истеченіи этого срока, всякое судно, которое попытается проникнуть въ блокированныя воды, будетъ принимаемо за непріятельское.

Ст. 4. Суда, которыя, будучи въ плаваніи, не могли знать о блокадѣ, будутъ увѣдомлены объ этомъ оттоманскимъ флотомъ при прибытіи ихъ въ блокированныя воды. Если же, не смотря на это оффиціальное сообщеніе, они пожелаютъ войдти туда, съ ними поступятъ какъ съ судами принадлежащими непріятелю.

Со всего свѣта.

Политика даетъ весьма скудный матеріалъ для публицистики, съ тѣхъ поръ какъ дипломатія принуждена была уступить первое мѣсто военнымъ дѣйствіямъ. Но все-таки она заявляетъ еще о своемъ существованіи. Королева Великобританіи обнародовала текстъ декларацiи англійскаго нейтралитета. Чего же лучше? Англія нейтральна, Германія нейтральна, Австрія нейтральна, Франція нейтральна, Италія нейтральна! Вся Европа желаетъ быть нейтральной, т. е., другими словами, смотрѣть, какъ Турція и Россія будутъ драться. Чего бы кажется лучше для Россіи? Но такой всеобщій нейтралитетъ подозрителенъ уже потому, что онъ всеобщъ. Легкость принятія такой мѣры доказываетъ, что Европа приписываетъ слову нейтралитетъ такое значеніе, какого онъ не имѣлъ прежде. Прежде нейтралитетъ означалъ полное и искреннее воздержаніе отъ всякаго участія въ войнѣ, отъ всякой, даже косвенной, поддержки одной воюющей стороны противъ другой. Теперь, какъ кажется, нейтралитетъ понимается нѣсколько иначе. Теперь, нейтралитетъ не болѣе, какъ ироническое созерцаніе того что происходитъ, съ желаніемъ не связываться никакими обязательствами, и, слѣдовательно, съ полною возможностью принять участіе въ борьбѣ, поддерживая того, или другого противника, смотря по надобности. Европа печатаетъ декларацію, въ которой выражена ея дружба къ двумъ противникамъ, потомъ, она принимается наблюдать съ любопытствомъ, что послѣдуетъ; конечно, она наблюдаетъ до поры до времени, или лучше, до перваго удобнаго случая... Это возвратъ къ первобытному состоянію, не смотря на внѣшнія дипломатическія формы.

Лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить декларація нейтралитета Франціи. Герцогъ Деказъ, объявляя о томъ, что «французская политика резюмируется въ самомъ полномъ нейтралитетѣ, гарантированномъ самымъ строгимъ невмѣшательствомъ», — распространяется весьма подробно въ своемъ циркулярѣ о дипломатической кампаніи двухъ послѣднихъ лѣтъ; но замѣчательно, что изъ этого обстоятельнаго обзора послѣдняго фазиса восточнаго вопроса нельзя усмотрѣть, при самомъ тщательномъ вниманіи, какую собственно роль играла Франція, въ чемъ заключаются ея политическіе виды, чего она добивалась. Съ этой точки зрѣнія циркуляръ написанъ чрезвычайно искусно, такъ искусно, что невозможно предвидѣть, на какую сторону станетъ Франція, въ случаѣ, если нынѣшняя война приметъ размѣры европейскаго столкновенія, хотя возможность подобнаго столкновенія герцогу Деказу кажется весьма вѣроятною. Не слѣдуетъ-ли изъ этого, что этотъ хваленый нейтралитетъ есть собственно уловка выиграть время, не связывать себѣ руки преждевременно, пока борьба не опредѣлилась, направленіе ея не выяснилось. Но эта декларація не содержитъ въ себѣ ни малѣйшаго намека на какое-либо обязательство относительно воюющихъ сторонъ. Вотъ почему мы думаемъ, что такой нейтралитетъ — не есть собственно нейтралитетъ, а только выраженіе неясности положенія...

Греческое правительство также, если хотите, ощущаетъ неясность своего положенія только въ другомъ отношеніи. Грецію война застигла въ расплохъ; ея политическое положеніе такъ сложно, что, въ сущности, никто не знаетъ, въ чемъ можетъ выразиться активное участіе Греціи въ нынѣшней войнѣ. Съ одной стороны, для Греціи чрезвычайно выгодно ослабленіе Турціи, потому что, благодаря этому ослабленію, она можетъ надѣяться пріобрѣсти тѣ греческія провинціи, которыя, нынѣ, находятся подъ владычествомъ Турціи; ослабленіе Турціи есть собственно усиленіе Греціи. Но, съ другой стороны, успѣхи русскаго оружія могутъ быть опасны въ томъ отношеніи, что славянскія народности получатъ преобладаніе на Балканскомъ полуостровѣ, что уже совершенно не въ видахъ Греціи, для которой славяне чрезвычайно опасные соперники. Кромѣ того, нельзя забывать, что Греція находится подъ сильнымъ давленіемъ Англіи, которая, конечно, употребитъ всѣ средства, чтобы удержать ее отъ активнаго участія въ настоящей войнѣ.

Отсюда — то колебаніе, которое замѣчается въ политикѣ греческаго правительства. Въ сущности, оно не знаетъ, что ему дѣлать и, не объявляя нейтралитета по примѣру Европы, — выжидаетъ минуты, когда путь для Греціи опредѣлится яснѣе. Вѣроятнѣе всего, что Греціи не придется выбирать — она будетъ увлечена потокомъ, противъ котораго ей не подъ силу будетъ бороться. Внутреннее состояніе возбужденія, въ которомъ находится теперь Греція, лучше всего это доказываетъ. Дѣйствительныя стремленія греческаго народа также неопредѣленны, смутны и сложны, какъ и политика правительства, даже — сложнѣе. Съ одной стороны, сообщаютъ, что негодованіе на Россію такъ велико, что въ Аѳинахъ боятся даже уличныхъ демонстрацій; негодованіе это, вѣроятно, идетъ отъ той части греческаго населенія, которое сознаетъ опасность соперничества славянъ и, поэтому, предпочитаетъ турокъ. Съ другой стороны, заемъ, сдѣланный греческимъ правительствомъ, потерпѣлъ пораженіе: только половина его была покрыта. Наборъ, объявленный правительствомъ, идетъ чрезвычайно медленно, или, лучше сказать, совсѣмъ не идетъ: населеніе враждебно къ нему относится и протестуетъ, а солдаты, въ значительномъ количествѣ, дезертируютъ, отправляясь въ Турцію, какъ волонтеры, драться съ турками. Военный министръ въ виду всѣхъ этихъ безпорядковъ, принужденъ былъ собрать высшихъ офицеровъ, требуя отъ нихъ, чтобы они внушали солдатамъ вѣрность знамени, а министръ внутреннихъ дѣлъ долженъ былъ отправить спеціальныхъ комиссаровъ въ Гидру, въ Паросъ и другія общины Арголада для разъясненія и оправданія чрезвычайнаго набора рекрутъ, противъ котораго населеніе этихъ мѣстностей протестуетъ.

Гладстонъ внесъ слѣдующія резолюціи въ палату общинъ: 1) протестъ противъ поведенія Порты въ вопросѣ звѣрствъ, совершонныхъ въ Болгаріи; 2) до тѣхъ поръ, пока Порта не измѣнитъ своей системы управленія, она не должна расчитывать на нравственную, или матеріальную поддержку Англіи; 3) Англія употребитъ свое вліяніе и свои совѣты для развитія свободы и мѣстнаго самоуправленія въ турецкихъ провинціяхъ, возставая противъ притѣсненій; 4) въ системѣ турецкаго управленія Англія потребуетъ измѣненій, желательныхъ въ интересахъ человѣчества и справедливости; 5) какъ гарантію противъ интригъ и для укрѣпленія всеобщаго мира Гладстонъ предлагаетъ личную отвѣтственность.

Не смотря на добрыя намѣренія, заключающіяся въ этихъ резолюціяхъ, очевидно, что въ настоящую минуту они не могутъ имѣть никакого практическаго приложенія, но даже и по мимо этого, предложенія Гладстона въ высшей степени не состоятельны. Эти резолюціи невольно напоминаютъ недавнія *предложенія* епископовъ Неверскаго и Нимскаго во Франціи. То же направленіе, та же забота о мистическихъ интересахъ, то же презрѣніе къ дѣйствительности, то же непониманіе государственныхъ потребностей.

Съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе укрѣпляется убѣжденіе, что преимущественно отъ военныхъ событій въ Малой Азіи будетъ зависѣть то, приметъ ли Англія дѣятельное участіе въ борьбѣ или нѣтъ. Въ Лондонѣ преобладаетъ мнѣніе, что на европейской территоріи Австрія и Германія съумѣютъ позаботиться о томъ, чтобы Россія не овладѣла Константинополемъ и не удержала за собою навсегда пріобрѣтеній, сдѣланныхъ ею на Дунаѣ. Что касается соблюденія договора о Дарданеллахъ и охраненія англійскихъ интересовъ въ Малой Азіи, то Англіи придется дѣйствовать одной. Весь вопросъ состоитъ въ томъ: насколько вышеупомянутые интересы могутъ быть затронуты и подвергнуты опасности, вслѣдствіе завоеванія Арменіи Россіей. Мнѣнія по этому вопросу чрезвычайно расходятся, но ихъ можно подраздѣлить, собственно говоря, на двѣ главныхъ группы. Къ одной группѣ принадлежатъ тѣ, которые вмѣстѣ съ «Times'омъ» утверждаютъ, что даже завоеваніе Арменіи Россіей не можетъ причинить большого ущерба англійскимъ интересамъ. Планъ о проведеніи желѣзной дороги въ Индію черезъ долину Эвфрата еще прежде былъ отвергнутъ, какъ непрактичный съ военной точки зрѣнія, и Англія при помощи своего могущественнаго флота въ Средиземномъ морѣ и Индійскомъ океанѣ будетъ въ состояніи попрежнему охранять свое сообщеніе съ Индіей отъ посягательствъ Россіи, даже если послѣдняя воспользуется Арменіей, какъ базисомъ для распространенія своего владычества къ западу до Сиріи и къ востоку до Персидскаго залива. Такимъ образомъ эта группа отстаиваетъ безусловное соблюденіе нейтралитета, даже если Россія захватитъ значительную часть Анатоліи. Другая группа, напротивъ. усматриваетъ въ возможномъ завоеваніи Арменіи Россіей серьёзную опасность, не только для будущности Англіи, но даже для ея настоящаго могущества и вліянія въ Индіи, ослабленія котораго слѣдуетъ остерегаться всѣми силами. Мнѣніе это болѣе или менѣе энергически отстаиваютъ всѣ столичныя газеты, за исключеніемъ «Times» и «Daily News». Въ кабинетѣ преобладаетъ такое же разногласіе. Лордъ Биконсфильдъ и нѣкоторые другіе болѣе всего желали бы, чтобы въ самой декларацiи Англіи о нейтралитетѣ были упомянуты тѣ случаи, при которыхъ Англія будетъ принуждена отступить отъ своего нейтралитета.

Отвѣтная депеша Лорда Дерби на послѣднюю депешу кн. Горчакова уже получена; приводимъ цѣликомъ этотъ любопытный документъ, доказывающій до какой степени враждебно Англія относится къ Россіи.

«Милордъ, я сообщилъ вашему превосходительству въ своей депешѣ за № 147 отъ 24-го апрѣля копію съ циркулярной депеши князя Горчакова отъ 7-го (19-го) апрѣля, объявляющей, что Императоръ Всероссійскій повелѣлъ своимъ войскамъ перейдти границу Турціи.

Правительство ея величества встрѣтило это сообщеніе съ глубочайшимъ сожалѣніемъ. Оно не можетъ считать декларацiи и заключенія, которыми сопровождаетъ князь Горчаковъ свою ноту, — за оправданіе принятаго рѣшенія.

Протоколъ, въ которомъ правительство ея величества недавно принимало участіе, по настоятельной просьбѣ Россіи, не требовалъ отъ султана никакой новой гарантіи для преобразованія его администраціи. Въ виду того, чтобы дать Россіи возможность воздержаться отъ изолированнаго дѣйствія, въ протоколѣ подтверждалось общее участіе, принимаемое державами въ судьбѣ христіанскаго населенія Турціи. Затѣмъ въ немъ было заявлено, что державы будутъ тщательно наблюдать за способомъ выполненія обѣщаній оттоманскаго правительства, и если надежда ихъ еще разъ будетъ обманута, то онѣ оставятъ за собой право, сообща, пріискать средства, которыя сочтутъ наиболѣе подходящими для обезпеченія благосостоянія христіанскаго населенія и интересовъ общаго мира.

Согласія Порты на эту декларацію намѣреній державъ не было ни спрошено, ни потребовано. Вѣроятно Порта сочла нужнымъ, къ несчастію, согласно мнѣнію правительства ея величества, протестовать противъ этихъ заявленій, какъ нарушающихъ верховную власть и независимость султана. Но дѣйствуя такимъ образомъ и объявивъ, что оно не можетъ считать протоколъ имѣющимъ обязательный характеръ для Турціи, турецкое правительство снова подтвердило свое намѣреніе привести въ исполненіе уже обѣщанныя реформы.

На этомъ основаніи, правительство ея величества не можетъ допустить, что отвѣтъ Порты, какъ утверждаетъ князь Горчаковъ, уничтожаетъ всѣ надежды на то, что она приметъ во вниманіе желанія и совѣты Европы и предоставитъ гарантіи относительно примѣненія требуемыхъ реформъ. Правительство также не раздѣляетъ мнѣнія, что выраженія ноты безусловно исключаютъ возможность заключенія мира съ Черногоріей или соглашенія относительно взаимнаго разоруженія. Правительство ея величества полагаетъ напротивъ, что, при помощи терпѣнія и умѣренности съ обѣихъ сторонъ, цѣли эти могли бы быть достигнуты.

Однако князь Горчаковъ утверждаетъ, что путь ко всѣмъ примирительнымъ попыткамъ закрытъ, что Императоръ рѣшился предпринять задачу достигнуть принудительными мѣрами того, чего не могли добиться отъ Порты соединенныя старанія державъ и при этомъ выражаетъ увѣренность Его Императорскаго Величества въ томъ, что мѣра эта согласуется съ чувствами и интересами Европы.

Нельзя ожидать, чтобы правительство ея величества согласилось съ этими взглядами. Оно не скрывало своего убѣжденія, что присутствіе значительныхъ русскихъ войскъ на границахъ Турціи, угрожая ея безопасности, дѣлая разоруженіе невозможнымъ и возбуждая чувство подозрительности и фанатизма среди мусульманскаго населенія, составляетъ главное матеріальное препятствіе внутреннему умиротворенію и осуществленію реформъ. Правительство не можетъ допустить, что вступленіе русскихъ войскъ на турецкую территорію сколько нибудь уменьшитъ существующія затрудненія или улучшитъ положеніе христіанскаго населенія во владѣніяхъ султана.

Но образъ дѣйствія, принятый русскимъ правительствомъ, возбуждаетъ соображенія еще болѣе важныя и серьёзныя. Оно находится въ противорѣчіи съ постановленіями парижскаго трактата 30 марта 1856 года, въ силу котораго Россія и другія державы, подписавшія трактатъ, обязались, каждая съ своей стороны, уважать территоріальную цѣлость и независимость Оттоманской имперіи. На конференціи въ Лондонѣ въ 1871 году, на которой вышеупомянутое постановленіе было снова подтверждено, русскій уполномоченный подписалъ декларацію, гласящую: «что существенный принципъ международнаго закона состоитъ въ томъ, что ни одна держава не имѣетъ права сама по себѣ избавиться отъ обязательствъ трактата, и можетъ измѣнять его постановленія не иначе, какъ съ согласія договаривающихся сторонъ при помощи полюбовнаго соглашенія». Предпринимая самостоятельное дѣйствіе противъ Турціи и прибѣгая къ оружію, не посовѣтовавшись съ своими союзниками, Императоръ Всероссійскій отдѣлился отъ европейскаго союза, сохраняемаго до сихъ поръ, и, въ то же, время отступилъ отъ правила, которому далъ свое торжественное подтвержденіе.

Невозможно предвидѣть послѣдствія подобнаго дѣйствія. Правительство ея величества охотно воздерживалось бы отъ всякаго замѣчанія на этотъ счетъ; но такъ какъ князь Горчаковъ утверждаетъ въ декларація, обращенной ко всѣмъ европейскимъ правительствамъ, что Россія дѣйствуетъ въ интересахъ Великобританіи и другихъ державъ, то оно считаетъ своимъ долгомъ констатировать такъ же открыто и формально, что это рѣшеніе русскаго правительства не изъ такихъ, которыя могли бы снискать содѣйствіе или одобреніе правительства ея величества».

* * *

Наши гравюры.

Александровская зала въ московскомъ кремлевскомъ дворцѣ.

Въ грандіозномъ московскомъ кремлевскомъ дворцѣ особеннаго вниманія заслуживаютъ четыре обширныя залы: Екатерининская, Андреевская, Георгіевская и Александровская. Остановимся на послѣдней, рисунокъ которой воспроизводится въ нынѣшнемъ нумерѣ «Живописнаго Обозрѣнія». Длина этой залы 44 арш., ширина и высота по 29 аршинъ. Зала съ окнами въ два свѣта со стороны рѣки-Москвы, а на противоположной стѣнѣ вставлены громадныя зеркала, въ которыхъ отражается панорама замоскворѣчья, раскинутаго передъ дворцомъ.

По обѣимъ сторонамъ дверей, идущихъ въ другія залы, возвышаются четыре горки, на которыхъ, во время высочайшихъ столовъ, ставится древняя золотая и серебряная посуда, хранящаяся обыновенно въ оружейной палатѣ. Ниши надъ дверями украшаются шестью картинами, изображающими дѣянія св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго. Картины написаны профессоромъ Миллеромъ; а между витыми золочеными колоннами нижняго этажа красуются гербы областей Россійской Имперіи.

Меблировка залы состоитъ изъ золоченыхъ стульевъ, въ старинномъ русскомъ стилѣ, обитыхъ пунцовымъ бархатомъ; при полномъ освѣщеніи зажигается 4,500 свѣчей. Остается добавить еще, что куполъ, поддерживаемый четырьмя выступами отъ вторыхъ простѣнковъ оконъ, — изящно и богато украшенъ золотомъ и лѣпною работой, а въ золоченыхъ барельефахъ купола помѣщены знаки ордена и шифръ S. A. (Sanctus Alexander), такъ какъ самая зала сооружена въ честь ордена св. Александра Невскаго; орденъ же этотъ, какъ извѣстно, учрежденъ императрицею Екатериною I-й 1725 года, 21-го мая, съ девизомъ: «за трудъ и отечество».

Познакомивъ съ особенностями Александровской залы, скажу кстати нѣсколько словъ о самомъ Кремлевскомъ дворцѣ.

Дворецъ расположенъ четвероугольникомъ по кремлевскому холму. Главный фасадъ обращенъ на югъ, а сѣверную его сторону составляетъ уцѣлѣвшая часть деревяннаго дворца или терема.

Внутри этого четвероугольника стоитъ церковь Спаса на Бору. Главный корпусъ дворца въ два этажа, но такъ какъ верхній этажъ въ два свѣта, то и дворецъ кажется трехъ-этажнымъ.

Надъ срединою главнаго фасада возвышается четырехгранный трибунъ, съ горельефными изображеніями государственныхъ орловъ и гербовъ царствъ и областей имперіи. А надъ трибуномъ куполъ, подъ которымъ находятся часы съ боемъ; въ нихъ замѣчательны колокола своимъ прекраснымъ, чистымъ звукомъ; куранты эти находились прежде на Троицкой башнѣ. Наконецъ, на вершинѣ купола утвержденъ флагштокъ для императорскаго флага.

Постройка описываемаго дворца начата подъ руководствомъ архитектора Тона въ 1838 году, а окончена въ 1849 году.

Морскія свиньи въ лондонскомъ зоологическомъ саду.

Южно-американская Капивари или Капибара (Hydrochoerus Capybara), очень похожая, по виду, на морскихъ свиней, извѣстна подъ тѣмъ же названіемъ; какъ самый крупный представитель семейства грызуновъ, видъ этотъ весьма интересенъ для любителей животныхъ и зоологовъ. Оба экземпляра этого вида, находящіеся въ лондонскомъ зоологическомъ саду, подходятъ подъ средній ростъ обыкновенной свиньи; цвѣтъ ихъ волосъ грязный, сѣрожелтый; на спинѣ же онъ переходитъ въ красноватосѣрый или темносѣрый. Рѣдкіе, торчащіе вверхъ, щетинистые волоса въ 26 сантиметр. длины, покрываютъ какъ слѣдуетъ только заднюю часть спины; при неуклюжей головѣ морда широкая и приплюснутая, на которой помѣщаются на выкатѣ маленькіе довольно выразительные глаза. Широкое и сильно сложенное туловище поддерживается крѣпкими ногами, оканчивающимися спереди четырьмя, а сзади тремя пальцами, снабженными широкими, закругленными, на подобіе подковы, когтями, и соединенными перепонкою. У нихъ, вмѣсто хвоста, короткій роговидный горбикъ. Капибара, по словамъ Бурмейстера, Ренгера и Дарвина, часто попадается въ Бразиліи и Парагваѣ на берегахъ рѣкъ и озеръ. Ея шкура и мясо дорого цѣнятся и составляютъ любимую добычу ягуара. Она питается водными растеніями и мучнистыми корнями; живетъ отдѣльно или обществами; въ виду угрожающей ей опасности бросается въ воду, легко и долго плаваетъ. Представленный Дарвиномъ, самый большой экземпляръ этого вида вѣситъ 49 килограмм., длина самаго большого убитаго Бурмейстеромъ экземпляра доходила до 1,30 метр.; а въ продажѣ можно часто встрѣтить высушенныя шкуры Капибара въ 1, 88 метр. длины и болѣе.

Дуиліо, одинъ изъ сильнѣйшихъ броненосцевъ настоящаго времени.

Въ мірѣ нѣтъ, въ настоящее время, болѣе укрѣпленнаго броненосца, какъ «Дуиліо», заказаннаго итальянскимъ правительствомъ. Онъ еще не совсѣмъ оконченъ, и теперь доставили только одну изъ четырехъ стотонныхъ пушекъ. Прилагаемый рисунокъ даетъ намъ понятіе объ общемъ расположеніи броненосца; онъ имѣетъ въ длину 331,2 фута, въ ширину, по ватеръ-линіи, 58·4 ф и глубины 25,2 фута. На немъ двѣ башни, находящіяся не по срединѣ, а по бокамъ, такъ что можно стрѣлять вдоль всего броненосца, съ каждой башни. Внутренній діаметръ каждой—около 26 фут., а наружный—$32^{1}/_{2}$ ф., между тѣмъ какъ обѣ башни съ обшивкою и двумя пушками вѣсятъ около 6,720 тоннъ. Каждая башня дѣлаетъ въ минуту полный оборотъ, а когда нужно стрѣлять съ нее, то удерживается гидравлическими засовами. Броненосецъ имѣетъ нѣсколько отдѣленій и снабженъ насосами новой системы, выкачивающими воду, въ случаѣ если стѣнки броненосца повреждены пулею. На немъ нѣтъ мачтъ, всѣ машины и руль находятся подъ водою, такъ что на поверхности воды нѣтъ ничего такого, что могло бы воспламениться.

Огромныя пушки заряжаются гидравлическими снарядами. Когда банникъ доходитъ до конца калибра, то въ немъ открывается клапанъ и въ него входитъ сильная струя воды, вливающаяся въ казенную часть: вода очищаетъ калибръ, и, въ то же самое время, не оставляетъ въ немъ огня. Когда банникъ вынимается, то картечь и пуля приводятся въ назначенное для нихъ мѣсто посредствомъ гидравлическаго цилиндра на уровень съ дуломъ; все это выполняется однимъ человѣкомъ, причемъ онъ не двигается съ своего мѣста у рычаговъ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ приставляется 24 человѣка къ 11 дюймовой Дальгреновской пушкѣ; вылетающая граната вѣситъ около 135 фун. При употребленіи вышеописаннаго гидравлическаго механизма четыре человѣка могутъ справиться съ орудіемъ, выбрасывающимъ гранаты въ 2000 фунт. или зарядъ въ 2.500 фунт.

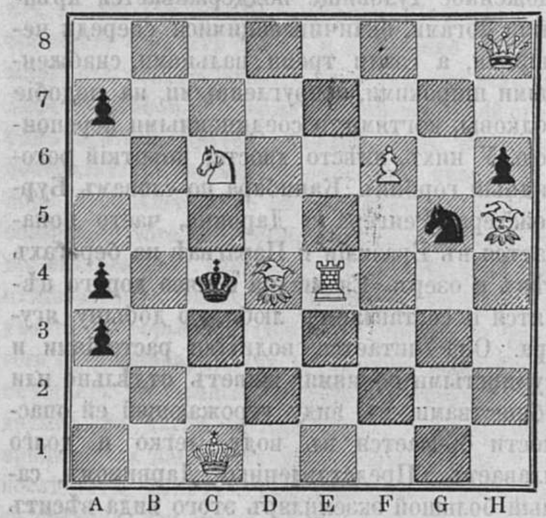
Этотъ огромный метательный снарядъ дѣйствуетъ съ силою 39.000 футо-тоннъ; такимъ образомъ, если со всѣхъ четырехъ пушекъ «Дуиліо стрѣлять за одинъ разъ, то сила ихъ будетъ равняться тому, какъ если бы 156.000 тоннъ подымались на одинъ футъ въ минуту.

Шахматы.

Задача XVII.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Черные.



Бѣлые.

Рѣшеніе XVI задачи, помѣщенной въ № 17

Бѣлые.	*Черные.*
1) A4—D7 †	1) F7—F6 берутъ.
2) D7—E7 †	2) F6—G5
3) C7—D8 † и матъ.	

Почтовый ящикъ.

Москва. Г-ну И. Смирнову. Ваше удивленіе совершенно напрасно: влеченіе къ поэзіи бываетъ у многихъ со школьнической скамьи; но не у многихъ оказывается талантъ, вслѣдствіе этого влеченія. Вы, на сколько можно судить, принадлежите къ большинству, а потому вы, конечно, не осудите редакцію за то, что присланныя вами стихотворенія не будутъ напечатаны. Въ нихъ замѣчается двойной недостатокъ: стихъ плохъ, а содержанія совсѣмъ нѣтъ. Относительно же статьи, подъ заглавіемъ: «Гдѣ ты? гдѣ ты?! Отзовися!» то редакція, не имѣя рукописи, не можетъ сказать Вамъ: будетъ-ли она помѣщена, или нѣтъ; но, судя по заглавію, она носитъ на себѣ тотъ же характеръ поэтическаго влеченія, который замѣчается въ вашихъ стихотвореніяхъ. Если это влеченіе неудобно въ стихотвореніяхъ, то оно едва-ли умѣстно въ прозѣ. Ваши воспоминанія могутъ быть лично Вамъ дороги, но будутъ-ли они имѣть какой-либо интересъ для публики? —

Гродно. Г-жѣ Юліѣ Б... — Касательно романа, редакція не можетъ сказать ничего, не имѣя, предварительно, рукописи. Не соблаговолите-ли ее выслать?

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи. Иманнра и Хибины (продолж.).—Черная Индія (продолж.). — Вампиры русскаго народа (окончан.). — Невская писчебумажная фабр. братьевъ Варгуниныхъ — Великіе дни. — Стихотвор. «Поэту». — Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій.— Со всего свѣта.—Наши гравюры. — Шахматы — Почтовый ящикъ. — Объявленія.

Гравюры. Лопарская венса. — Писчебумажная фабр. братьевъ Варгуниныхъ. — Александровскій залъ въ Московскомъ Кремлевскомъ дворцѣ.—Морскія свиньи въ лонд. зоологич. саду. — Броненосецъ Дуиліо.—Почталіонъ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Объявленія.

ОТЪ КОНТОРЫ ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ.

За перемѣну адреса редакція проситъ гг. подписчиковъ высылать:

1) За перемѣну петербургск. на иногородн. 85 к.
2) » » иногородн. на петербургск. 50 »
3) » » иногороднаго на иногородн. 25 »

Въ конторѣ редакціи **„Живописнаго Овозрѣнія“** а также въ музыкальныхъ магазинахъ В. Бесселя и К⁰ и М. Бернарда, находятся въ продажѣ **ноты:**

МАРШЪ
РУССКИХЪ ДОБРОВОЛЬЦЕВЪ.

Сочиненіе **ФЛОРІАНА ГЕРМАНА.** (8 страницъ). Цѣна **1** руб. съ пересылкою **1** р **50** коп

Въ конторѣ редакціи «ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ» находится въ продажѣ **больщая гравюра.**

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ.

Снимокъ къ картины *Леонарда да Винчи.* Цѣна *50 коп.* съ пер. *75 коп.*

Въ конторѣ редакціи *«Живописнаго Обозрѣнія»*, а также въ книжномъ магазинѣ М. П. Попова, (Невскій пр. въ зданіи Пассажа), и у всѣхъ книгопродавцевъ Спб. и Москвы поступила въ продажу книга:

„ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО“

Томъ I. Изданіе редакціи журнала «Живописнаго Обозрѣнія». Цѣна **3** р. **50** к., съ пересылкою **4** р.

Гг. подписчики «Живописнаго Обозрѣнія» 1877 г. получаютъ эту книгу съ пересылкой за 3 р. 50 к.

Книгопродавцы пользуются обычною уступкой.

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ ГАЗЕТЫ

НАШЪ ВѢКЪ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ «НАШЪ ВѢКЪ» съ 1 АПРѢЛЯ.

Желающіе получать газету платятъ:

Въ Петербургѣ безъ доставки.

На 9 м.	На 8 м.	На 7 м.	На 6 м.
9 р. 50 к.	8 р. 50 к.	7 р. 50 к.	7 р. — к.

На 5 м.	На 4 м.	На 3 м.	На 2 м.	На 1 м.
6 р. — к.	5 р. — к.	3 р. 75 к.	2 р. 50 к.	1 р. 25 к.

Въ Петерб. съ дост. и съ перес. во всѣ мѣст. имперіи.

На 9 м.	На 8 м.	На 7 м.	На 6 м.
12 р. — к.	11 р. — к.	10 р. — к.	8 р. 50 к.

На 5 м.	На 4 м.	На 3 м.	На 2 м.	На 1 м.
7 р. 50 к.	6 р. — к.	4 р. 50 к.	3 р. — к.	1 р. 50 к.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, Большая Конюшенная, д. № 17. кв. № 2, и въ главныхъ книжныхъ магазинахъ. Контора редакціи для пріема подписки и объявленій открыта ежедневно. Принимаются казенныя и частныя объявленія всякаго рода, на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Плата за объявленія, печатаемыя петитомъ по 8 к. за строчку на послѣдней страницѣ и 15 впереди текста.

Въ Парижѣ подписка на газету и объявленія принимается у M. Adam, 2 Carrefour de la croix rouge.

Контора проситъ высылать требованія заблаговременно, чтобы можно было озаботиться своевременной разсылкой газеты.

При возобновленіи подписки, равно и при перемѣнѣ адреса, просятъ обращаться исключительно въ главную контору (Большая Конюшенная д. № 17, кв. № 2) съ приложеніемъ прежней бандероли.

„ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНІЕ“

Педагогическій листокъ для родителей, наставницъ и наставниковъ.

Задача журнала—содѣйствовать выработкѣ правильныхъ взглядовъ на женское образованіе и правильныхъ пріемовъ воспитанія и обученія дома и въ школѣ.

Листокъ выходитъ ежемѣсячно (кромѣ іюня и іюля) книжками въ три—четыре печатныхъ листа. Сверхъ 10 №№ «Листка» два раза въ годъ выдаются приложенія (Сборникъ статей для учащихся). Сюда войдутъ біографіи, историческіе, этнографическіе очерки и проч. Всего съ приложеніями журналъ будетъ содержать въ себѣ около 50 печатныхъ листовъ.

Въ вышедшихъ 3-хъ №№ помѣщены слѣдующія статьи: 1) Больше Свѣта! **В. Острогорскаго.** — 2) Матеріалы для исторіи взглядовъ на женское образованіе (I. Фенелонъ, П. Ж. Ж. Руссо) **Б. Павловича.** — 3) Про дѣтей и за дѣтей (двѣ статьи) **Е. Свѣшниковой.** — 4) О вліяніи чувства на мышленіе **П. Каптерева.** — 5) Женскіе врачебные курсы въ Петербургѣ. — 6) Воспитательскія наблюденія.—7) Воспитаніе какъ наука, этюдъ Бэна. — 8) Свѣдѣнія о женскомъ образованіи въ Финляндіи. **В. Ассонова.** Кромѣ этого, статьи и замѣтки въ отдѣлахъ: a) изъ иностранной литературы, b) хроника, c) библіографія.

Подписная цѣна за годъ—2 р. 50 к., съ доставкой 3 р., съ пересылкой 3 р. 50 к.

Подписка принимается въ главн. конторѣ редакціи (Спб. Васильевскій островъ, 9 лин., д. № 6, въ женской гимназіи) и въ кн. магазинѣ Колесова и Михина (Гостинный дворъ, № 22) и у др.

Редакторъ-издатель В. Сиповскій.

При настоящемъ нумерѣ Живописнаго Обозрѣнія разсылается всѣмъ подписчикамъ майское приложеніе „ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО“.

Карта театра войны въ Европейской и Азіятской Турціи, разошлется при 19-мъ нумерѣ «Живописнаго Обозрѣнія».

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29 Апрѣля 1877 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

Живописное Обозрѣніе

№ 19. Томъ I. На годъ съ доставкою и пересылкою 7 руб.; на полгода 4 р. 50 к. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 8 Мая 1877 года. Адрессъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Троицкій переулокъ, домъ № 27/1. Годъ V.

Гос. Публ. б-ка в Ленинград

Подписка на „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ 1877 г. продолжается.

Каждый новый подписчикъ получаетъ журналъ съ № 1 вмѣстѣ съ ежемѣсячнымъ приложеніемъ «Жизнь и Хозяйство».

Въ 1877 году журналъ выходитъ въ форматѣ большихъ иллюстрацій, **еженедѣльными** нумерами (въ годъ 52 №№ или 2496 столбцевъ), иллюстрированными множествомъ художественныхъ гравюръ. Въ концѣ года все изданіе будетъ состоять изъ *двухъ большихъ томовъ.* Всѣ подписчики получаютъ, **въ видѣ преміи**, ежемѣсячное приложеніе подъ заглавіемъ **„ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО“**, каждый нумеръ котораго заключаетъ въ себѣ множество рисунковъ. Кромѣ того, въ теченіи года всѣмъ годовымъ подписчикамъ разсылается

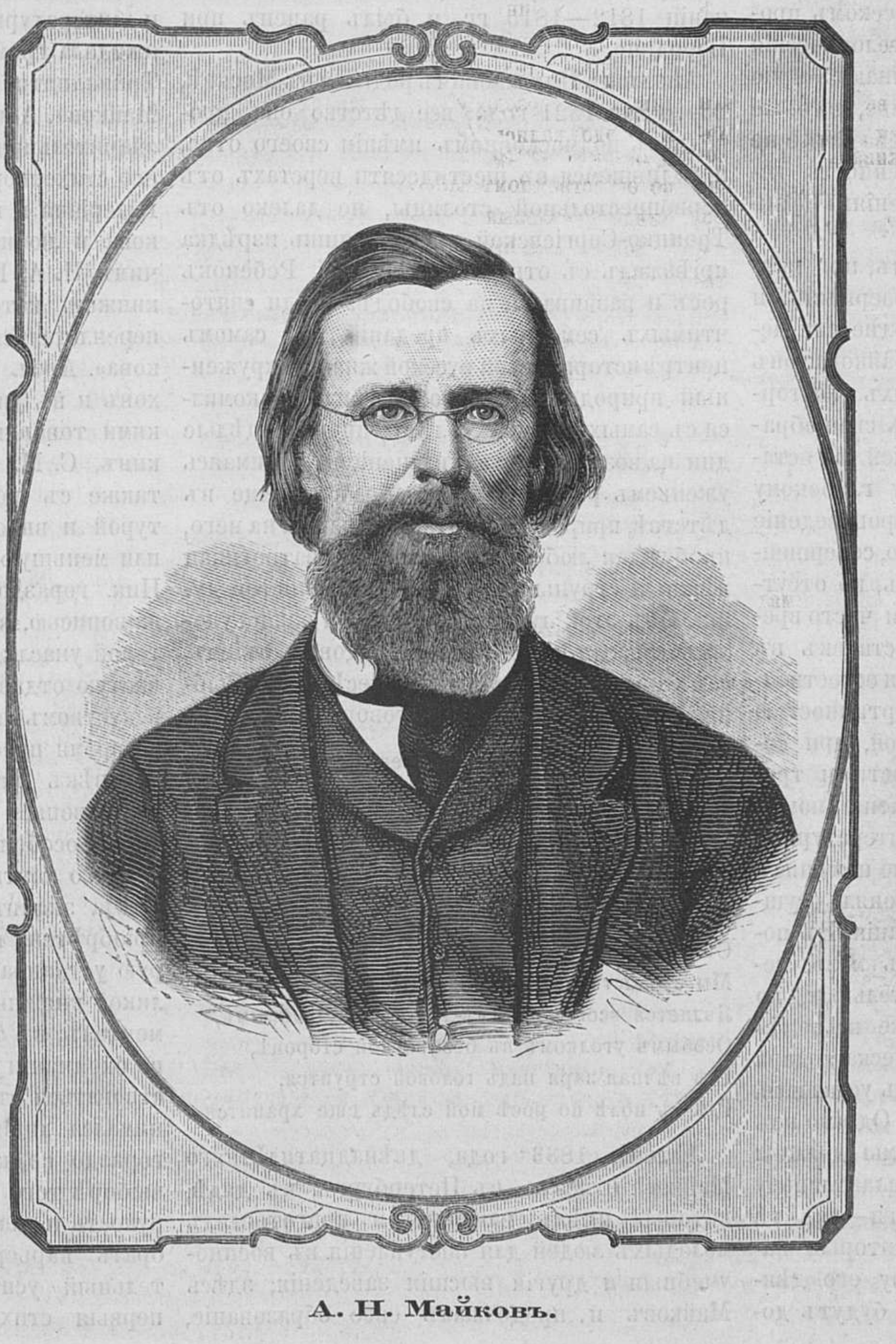
НѢСКОЛЬКО ДРУГИХЪ ПРЕМІЙ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: За годъ безъ доставки **6 руб.**, съ доставкою въ Спб. и *для иногородныхъ* **7 руб. Гг. иногородные** благоволятъ адресоваться съ своими требованіями *прямо и непосредственно* въ главную контору редакціи, по адресу: въ С.-Петербургѣ, Васильевскій о-въ, **3-я линія**, д. № 48. **Гг. городскіе** подписчики могутъ абонироваться въ книжномъ магазинѣ М. В. Попова, на Невскомъ пр., въ зданіи Пассажа.

Современные русскіе писатели.

А. Н. Майковъ.

Къ числу наиболѣе крупныхъ представителей современной русской поэзіи слѣдуетъ отнести извѣстнаго нашего поэта А. Н. Майкова, который обогатилъ отечественную литературу цѣлымъ рядомъ замѣчательнѣйшихъ произведеній, зачастую поражающихъ своей грандіозностью, силой, гармоніей и удивительной красотою стиха. Его поэмы: «Три смерти», «Савонаролла», «Клермонтскій соборъ» и др., слишкомъ хорошо знакомы всей образованной Россіи и принадлежатъ къ тѣмъ образцовымъ произведеніямъ изящной словесности, которыми въ правѣ гордиться каждый русскій, кому сколько нибудь дороги интересы родной литературы. Яркій и самостоятельный талантъ Майкова, съ самаго начала, обратилъ на себя вниманіе тонкихъ знатоковъ и цѣнителей изящнаго, и съ первыхъ же шаговъ поэта на литературномъ поприщѣ, возбудилъ и удивленіе, и симпатію публики, которая съ жаромъ перечитывала и вытверживала наизусть бо̀льшую часть его пьесъ. Похвалы и восторги, привѣтствовавшіе появленіе первыхъ произведеній Майкова, не заставили его успокоиться, опочить на лаврахъ и, предавшись лѣни и бездѣйствію, слишкомъ надѣяться на силу своего творчества и относиться небрежно къ своему дѣлу. Напротивъ, Майковъ болѣе, чѣмъ кто либо изъ его сверстниковъ, боролся съ своимъ дарованіемъ и продолжалъ неутомимо работать надъ самимъ собою и старался все болѣе и болѣе расширить кругъ своего міросозерцанія; онъ всегда слушался дѣльныхъ замѣчаній критиковъ и совѣтовъ своихъ близкихъ друзей, и, чуткій ко всѣмъ этимъ полезнымъ указаніямъ, даже въ мелочахъ, старался совершенствоваться и принимать къ свѣдѣнію подобныя указанія. Въ справедливости этого легко удостовѣриться, сравнивъ первоначальную редакцію какого нибудь стихотворенія съ послѣдующими редакціями его, гдѣ малѣйшіе промахи, неровности, нѣсколько небрежные обороты рѣчи, черезъ-чуръ поспѣшно набросанныя заключенія и т. п.— исправлены самымъ тщательнымъ образомъ. Природа съ ея живыми и разнообразными впечатлѣніями и



А. Н. Майковъ.

классическій міръ составляютъ главное содержаніе музы Майкова. Въ его изображеніяхъ красотъ природы и ея таинственныхъ, обаятельныхъ явленій ощущается сочная, мягкая и нѣжная кисть живописца и тонкій, искусный рѣзецъ скульптора. Богатство образцовъ, роскошь красокъ, граціозность и пластическое совершенство формы, даже въ самомъ маленькомъ, незначительномъ произведеніи Майкова, вызываютъ невольное удивленіе и восхищеніе. Даровитый поэтъ отличается, по словамъ одного изъ критиковъ, сосредоточенной наблюдательностью живописца и «смѣло рѣшается передать словами то, что доступно лишь кисти мастера, и, не взирая на необычайную трудность задачи, почти всегда выходитъ побѣдителемъ». Изучивъ въ совершенствѣ изящную древне-классическую поэзію и превосходно владѣя стихомъ, Майковъ съ поразительнымъ мастерствомъ художника умѣетъ передавать всю прелесть и оригинальность античной поэзіи. Спокойствіе древнихъ грековъ и римлянъ, полное величія, ихъ необыкновенное увлеченіе земными наслажденіями и, вмѣстѣ съ тѣмъ, то полнѣйшее равнодушіе, съ которымъ они относятся къ факту смерти,—выражены Майковымъ, въ произведеніяхъ подобнаго рода, въ высшей степени картинно и рельефно, и, въ этомъ отношеніи, онъ не имѣетъ себѣ соперниковъ между русскими поэтами. Любое изъ его стихотвореній, говоритъ Бѣлинскій, «можно принять за превосходный переводъ съ греческаго; любое изъ нихъ можно перевести съ русскаго на чужой языкъ, какъ греческое, и только бы переводъ былъ изященъ и художественъ, никто не будетъ спорить о греческомъ происхожденіи піесы... Многія антологическія стихотворенія его сильно напоминаютъ ярко выдающіяся пьесы Андрея Шенье, того же классическаго жанра, но у Майкова вовсе не замѣчается та излишняя чувственность, которая преобладаетъ въ произведеніяхъ французскаго писателя.

Спокойный, невозмутимый тонъ, при внимательномъ, художественномъ созерцаніи, и объективность метода всегда болѣе или менѣе проглядываютъ въ поэзіи Майкова; онъ чуждъ чрезмѣрныхъ, пламенныхъ восторговъ, онъ никогда не затемняетъ свои образы и ясныя очертанія рефлексіей и, оставаясь до конца вѣрнымъ своему глубокому спокойствію, творитъ каждое произведеніе свое съ полной осмотрительностью, совершенно заканчивая его. Не холодность, но отсутствіе нѣкоторой доли страстности часто вредитъ поэту, но за то этотъ недостатокъ въ значительной степени выкупается естественной вѣрностью изображеній, картинностью цѣлаго и удивительной простотой, при совершенномъ отсутствіи вычурности и трескучихъ эффектовъ. Въ продолженіе почти сорокалѣтняго періода своей литературной дѣятельности, Майковъ ни разу не измѣнилъ своему направленію и вполнѣ понялъ сущность своего поэтическаго призванія. Въ послѣднее время онъ пишетъ очень мало, печатая, притомъ, самыя незначительныя, по объему, пьески, въ которыхъ уже не замѣчается прежней силы его поэтическаго дара и которыя, невольно, говорятъ объ усталости, нравственномъ утомленіи поэта... Однако изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что мы должны холодно относиться къ нашему талантливому поэту, должны забыть его заслуги—всѣ тѣ высокохудожественныя вещи, которыя написаны въ самую цвѣтущую пору его дѣятельности и всегда доставляли и будутъ доставлять истинное эстетическое наслажденіе; эти вещи составляютъ славу нашего писателя и даютъ ему полное право,—стать въ ряды первоклассныхъ русскихъ поэтовъ нашего времени.

Аполлонъ Николаевичъ Майковъ происходитъ изъ русскаго дворянства; родъ его довольно древній. Въ числѣ его предковъ большинство отличалось особеннымъ стремленіемъ къ моральному развитію и привязанностью къ просвѣщенію. Такъ Нилъ Майковъ, извѣстный подъ именемъ *Сарскаго*, и до сихъ поръ чтится Россіей какъ основатель «житія скитскаго» и ревностный поборникъ пустынножительства и монашества въ его настоящемъ значеніи, которое онъ и защищалъ на соборѣ 1503 г. Затѣмъ не меньшей извѣстностью пользуется еще Иванъ Майковъ, помѣщикъ ярославской губерніи, большой меценатъ, жившій въ эпоху Елисаветы; въ 1746 г. онъ помогъ знаменитому Ѳ. Г. Волкову—«отцу русскаго театра», основать въ Ярославлѣ первый постоянный «россійскій Ѳеатръ». Сынъ этого покровителя искуствъ, Василій Ивановичъ Майковъ, писатель временъ Екатерины, состоявшій членомъ одной массонской ложи, извѣстенъ въ литературѣ какъ авторъ одъ, посланій и поэмъ: «Елисей, или раздраженный Вакхъ», «Игрокъ Ломбера» и переводчикъ трагедіи Вольтера «Меропа» и «Овидіевыхъ превращеній». Отецъ нашего поэта Николай Аполлоновичъ Майковъ (род. 1794, ум. 1873 г.) былъ талантливый живописецъ и въ 1835 году, по Высочайшему повелѣнію, получилъ званіе академика; ранѣе этого онъ служилъ въ военной службѣ и участвовалъ въ кампаніи 1812—1815 гг. и былъ раненъ при Бородино.

Аполлонъ Николаевичъ родился въ Москвѣ, 23-го мая 1821 года; все дѣтство онъ провелъ въ подмосковномъ имѣніи своего отца, находившемся въ шестидесяти верстахъ отъ первопрестольной столицы, не далеко отъ Троицко-Сергіевской лавры и лишь изрѣдка пріѣзжалъ съ отцомъ въ Москву. Ребенокъ росъ и развивался на свободѣ, среди святочтимыхъ семейныхъ преданій, въ самомъ центрѣ исторической русской жизни, окруженный природой, съ которой онъ знакомился съ самыхъ раннихъ лѣтъ, проводя цѣлые дни на воздухѣ и съ увлеченіемъ занимаясь уженьемъ рыбы. Такимъ образомъ, еще въ дѣтствѣ, природа благотворно вліяла на него, пробуждая любовь къ изящному и затрогивая нѣжныя струны его незлобивой, чистой души. Объ этой лучшей порѣ своей жизни упоминаетъ, съ особеннымъ удовольствіемъ, самъ поэтъ, въ прелестной пьесѣ своей «Рыбная ловля»; вотъ что онъ говоритъ:

Себя я помнить сталъ въ деревнѣ подъ Москвою.
Бывало ввечеру поудишь карасей,
Отецъ пойдетъ на прудъ, а двое насъ, дѣтей,
Сидимъ на берегу подъ елкою густою,
Добычу изъ ведра руками достаемъ
И шепотомъ о ней другъ съ другомъ рѣчь ведемъ...
Съ лѣтами за отцомъ по ручейкамъ пустыннымъ
Мы странствовать... Теперь то̀ время мнѣ
Является всегда какимъ-то утромъ длиннымъ,
Особымъ уголкомъ въ безвѣстной сторонѣ,
Гдѣ вѣчная заря надъ головой струится,
Гдѣ въ полѣ по росѣ мой слѣдъ еще хранится...

Лѣтомъ 1833 года, двѣнадцатилѣтняго Майкова отвезли въ Петербургъ, къ дядѣ, который имѣлъ пансіонъ и приготовлялъ молодыхъ людей для поступленія въ военно-учебныя и другія высшія заведенія; здѣсь Майковъ и продолжалъ свое образованіе, выказывая большія способности къ математикѣ и готовясь къ поступленію въ университетъ. Благодаря своей памяти и превосходнымъ способностямъ, Аполлонъ Никол. успѣлъ въ три года пройти весь гимназическій курсъ, на что другіе обыкновенно употребляютъ цѣлыхъ семь лѣтъ,—и въ 1836 году блистательно выдержалъ вступительный экзаменъ, послѣ чего былъ зачисленъ студентомъ юридическаго факультета. Избрать этотъ факультетъ ему посовѣтовалъ близкій другъ его отца Вл. Ал. Солоницынъ, приготовившій Апол. Ник—ча въ университетъ. Солоницынъ былъ въ то время помощникомъ редактора «Библіотеки для Чтенія» Сенковскаго, писалъ довольно недурныя стихотворенія и повѣсти и вообще, съ особенной любовью, предавался литературнымъ занятіямъ; эту любовь онъ успѣлъ внушить и своему воспитаннику; но еще болѣе способствовалъ развитію эстетическаго вкуса въ даровитомъ юношѣ Ив. Александр. Гончаровъ, нашъ знаменитый писатель, а въ то время молодой кандидатъ московскаго университета и преподаватель отечественной литературы при одномъ изъ членовъ Императорскаго Дома, читавшій Майкову русскую словесность. Подъ непосредственнымъ вліяніемъ Солоницына и Гончарова, Апол. Ник. рано почувствовалъ призваніе къ литературѣ и началъ писать стихи въ очень молодыхъ лѣтахъ.

«Въ домѣ у Николая Аполлоновича Майкова, бросившаго мечъ для кисти и палитры»—говоритъ, въ своихъ «Литературныхъ Воспоминаніяхъ», И. И. Панаевъ,—«сходились также, еще тогда темные, любители искуствъ и литературы, изъ которыхъ нѣкоторыхъ ожидала громкая литературная извѣстность. Тринадцати или четырнадцатилѣтній сынъ Майкова, Аполлонъ, обнаруживалъ уже тогда значительный литературный талантъ. Изъ его стихотвореній, изъ опытовъ брата его Валеріана и изъ трудовъ друзей дома Майкова и любителей литературы, между прочимъ И. А. Гончарова,—составлялись цѣлыя книжки, которыя отлично переписывались, переплетались и показывались гостямъ Майкова». Апол. Ник. продолжалъ писаніе стиховъ и въ университетѣ, гдѣ особенно близкими товарищами его были: С. С. Дудышкинъ, С. М. Соловьевъ и П. М. Цейдлеръ, также съ любовью занимавшіеся литературой и впослѣдствіи получившіе бо̀льшую или меньшую извѣстность. Однако самъ Апол. Ник. гораздо болѣе занимался въ ту пору живописью, влеченіе и даже страсть къ которой унаслѣдовалъ отъ отца и которой зачастую отдавался всецѣло, занимаясь этимъ искуствомъ подъ руководствомъ отца, еще во время пребыванія въ деревнѣ. Молодой человѣкъ имѣлъ несомнѣнныя способности къ живописи и думалъ вполнѣ посвятить себя ей, особенно польщенный тѣмъ, что одна изъ его картинъ, изображавшая «Распятіе» имѣла значительный успѣхъ и даже была пріобрѣтена въ католическую капеллу, которую устраивали тогда для бракосочетанія великой княжны Маріи Николаевны. Майковъ мечталъ, въ то время, о поѣздкѣ за-границу, по окончаніи университета, чтобы усовершенствоваться въ живописи; а поэзіей онъ занимался лишь изрѣдка, между прочимъ. И гораздо позже онъ все еще колебался въ выборѣ того или другого искуства; но близорукость и слабость зрѣнія помѣшали ему избрать карьеру художника. А тотъ рѣшительный успѣхъ, который встрѣтилъ его первыя стихотворенія, невольно заставилъ

Аполлона Ник. посвятить всѣ свои силы и помыслы литературѣ.

Майкову было шестнадцать лѣтъ, когда впервые появилось въ печати его стихотвореніе «Гусляръ» (изъ Гёте), помѣщенное въ IX томѣ «Библіотеки дли Чтенія» 1835 года, т. е. тогда, когда онъ еще готовился въ университетъ; приблизительно къ этому времени относится и пьеска его «Разочарованіе», написанная имъ подъ живымъ впечатлѣніемъ какой-то неудачи въ живописи. Затѣмъ въ «Одесскомъ Альманахѣ» на 1840 годъ (стр. 571) онъ напечаталъ свои превосходные стихи, въ антологическомъ родѣ, «Сонъ», скромно подписанные буквою *М.* Необыкновенно чуткій ко всякому, мало мальски выдающемуся литературному явленію, Бѣлинскій, не зная вовсе кому принадлежитъ эта пьеса, отнесся къ ней съ большимъ сочувствіемъ, при разборѣ «Одесскаго Альманаха». «И безъ подписи знаменитаго, или, по крайней мѣрѣ, знакомаго имени»,—говоритъ онъ въ критической статьѣ о стихотвореніяхъ Майкова, —«оно поразило насъ до того, что мы перенесли его на страницы своего журнала («Отеч. Зап.») при громкой похвалѣ, и потомъ, съ неослабѣвшимъ энтузіазмомъ, припомнили его черезъ четырнадцать мѣсяцевъ. Это именно одно изъ тѣхъ произведеній искуства, которыхъ кроткая, цѣломудренная, замкнутая въ самой себѣ красота совершенно нѣма и незамѣтна для толпы, и тѣмъ болѣе краснорѣчива, ярко блистательна для посвященныхъ въ таинства изящнаго творчества. Какая мягкая, нѣжная кисть, какой виртуозный рѣзецъ, обличающіе руку твердую и искушенную въ художествѣ! Какое поэтическое содержаніе, и какіе пластическіе, благоуханные, граціозные образы! Одного такого стихотворенія вполнѣ достаточно, чтобъ признать въ авторѣ замѣчательное, выходящее за черту обыкновенности, дарованіе«.

Вплоть до 1841 г. стихотворенія Апол. Ник. появлялись въ тогдашнихъ журналахъ и альманахахъ, почти всегда безъ подписи его имени; лишь начиная съ этого года, съ появленіемъ въ «Библ. для Чтенія» двухъ прекрасныхъ пьесъ его «Пустыннику» и «Сомнѣніе», (1841 г. т. XLIV. кн. 2), молодой поэтъ рѣшается наконецъ замѣнить таинственныя *** и начальную букву своего имени,—полной подписью. Приэтомъ каждая новая пьеса его составляетъ предметъ толковъ въ литературныхъ кружкахъ и вызываетъ похвалы не только публики, но и всѣхъ современныхъ критиковъ. И даже такіе записные знатоки нашей литературы, какъ П. А. Плетневъ и А. В. Никитенко, бывшіе, въ то время, профессорами петербургскаго университета и все еще находившіеся подъ свѣжимъ обаяніемъ недавно умолкнувшей пушкинской музы, обратили особенное вниманіе на даровитаго юношу-поэта.

По окончаніи университета въ 1841 г.; Апол. Никол. поступилъ на службу въ департаментъ государственнаго казначейства, но прослужилъ здѣсь очень недолго и получилъ затѣмъ мѣсто библіотекаря при Румянцовскомъ музеѣ, которое занималъ до 1862 г., т. е. до перенесенія этого учрежденія въ Москву. Не задолго передъ Рождествомъ 1842 г. появилась въ свѣтѣ книга: «Стихотворенія Аполлона Майкова» (СПБ. 1842. Тип. Праца In. 8. 240 стр.); она заключала въ себѣ 85 мелкихъ стихотвореній и поэму «Олинѳъ и Эсѳирь». Успѣхъ ея былъ необыкновенный. На университетскомъ актѣ 25 марта 1842 г., ректоръ П. А. Плетневъ, при чтеніи обзора университетской дѣятельности за истекшій годъ, указалъ на замѣчательную книгу стихотвореній недавно кончившаго курсъ кандидата и привелъ изъ нея прекрасное стихотвореніе «Пѣвцу», а потомъ разобралъ ее въ своемъ «Современникѣ». Вообще вся журналистика восторженно привѣтствовала эту книжку стихотвореній и превозносила талантъ ея автора. Но больше всѣхъ восхищался ею Бѣлинскій, посвятившій подробному разбору стиховъ Майкова обширную, горячо написанную статью, въ которой онъ, между прочимъ, сказалъ слѣдующее: «отстраняя всѣ гаданія, которыя могутъ быть произвольны, или односторонни, и представляя времени рѣшеніе вопроса о степени поэтическаго таланта г. Майкова, мы скажемъ пока только, что многія изъ его стихотвореній обличаютъ дарованіе неподдѣльное, замѣчательное и нѣчто обѣщающее въ будущемъ».

Чтобы окончательно довершить свое образованіе, Апол. Ник., по примѣру многихъ молодыхъ людей того времени, отправился лѣтомъ 1843 г., вмѣстѣ съ братомъ Валеріаномъ Николаевичемъ (впослѣдствіи — извѣстнымъ, даровитымъ критикомъ), заграницу; въ Парижѣ, въ продолженіе полугода, онъ усердно слушалъ лекціи въ Сорбоннѣ и въ Collège de France и также изучалъ памятники искуствъ; годъ съ лишнимъ онъ прожилъ въ Италіи, гдѣ могъ вполнѣ испытывать высокія эстетическія наслажденія и заниматься изученіемъ всевозможныхъ художественныхъ сокровищъ, хорошо подготовленный къ этому чтеніемъ классическихъ авторовъ и прежними своими занятіями живописью и древностями. Чудныя картины природы, священный воздухъ Италіи, со всѣми ея сооруженіями и произведеніями великихъ художниковъ и поэтовъ, чрезвычайно благодѣтельно дѣйствовали на талантъ Апол. Ник-ча и, такъ сказать, дали новый толчекъ его поэтическому творчеству; съ этой поры поэзія безсмертнаго Данте начинаетъ имѣть довольно замѣтное вліяніе на дальнѣйшее развитіе его таланта, которое сказалось впослѣдствіи не только въ отношеніи внутренняго содержанія произведеній Майкова, но и въ отношеніи самой формы ихъ, поражающей иногда своею плавностью и мелодичностью.

Возвратясь, въ концѣ 1844 года, въ Петербургъ, Майковъ принялся дѣятельно изучать философскія науки, подъ руководствомъ своего брата Валеріана, и продолжалъ, попрежнему, заниматься поэзіей. сотрудничая въ лучшихъ періодическихъ изданіяхъ; рѣдкое изъ этихъ изданій, рѣдкій альманахъ, обходились безъ стиховъ Апол. Ник., читавшихся съ увлеченіемъ, на расхватъ. Въ 1845 г. онъ издалъ отдѣльной книгой свою поэму «Двѣ Судьбы» (СПБ. 1845. Тип. Праца. In 8. Стр. 80), не вошедшую ни въ одно изъ послѣдующихъ изданій стихотвореній его и составляющую, въ настоящее время, библіографическую рѣдкость. Этой поэмой, о которой во всѣхъ тогдашнихъ журналахъ, начиная отъ «Современника» и кончая «Литературной Газетой», появились самые лестные отзывы, Майковъ отдалъ дань тому направленію, которое царило и въ обществѣ и въ литературѣ конца сороковыхъ годовъ, въ эпоху неясныхъ стремленій и грезъ, энергичнаго и вполнѣ основательнаго протеста противъ мрака и невѣжества, и исканія новыхъ идеаловъ. Тѣмъ не менѣе, не смотря на видимый ея успѣхъ, Майковъ впослѣдствіи какъ бы отрекся отъ названнаго произведенія, навѣяннаго дидактизмомъ сороковыхъ годовъ и уже не возвращался къ тому направленію, въ какомъ написаны «двѣ Судьбы»; путемъ долгихъ размышленій, разочарованій и не малой борьбы, поэтъ созналь, что подобное направленіе не составляетъ его призванія, да и не по силамъ его незлобивой, скромной музѣ, и,—пошелъ другой дорогой... Съ этой минуты многіе, прежніе поклонники его отшатнулись отъ него и стали его хулителями, тогда какъ другіе оцѣнили прямоту и искренность поэта и осыпáли, иногда даже преувеличенными, похвалами каждое новое произведеніе Майкова.

Подъ вліяніемъ частыхъ и жаркихъ бесѣдъ Бѣлинскаго о вопросахъ искуства, Апол. Никол. написалъ также нѣсколько стихотвореній, въ которыхъ коснулся нѣкоторыхъ сторонъ русской жизни.

Съ 1847 года онъ становится постояннымъ сотрудникомъ «Современника», гдѣ онъ работалъ въ продолженіе тринадцати лѣтъ и гдѣ напечатано множество превосходныхъ пьесъ его, преимущественно въ антологическомъ родѣ.

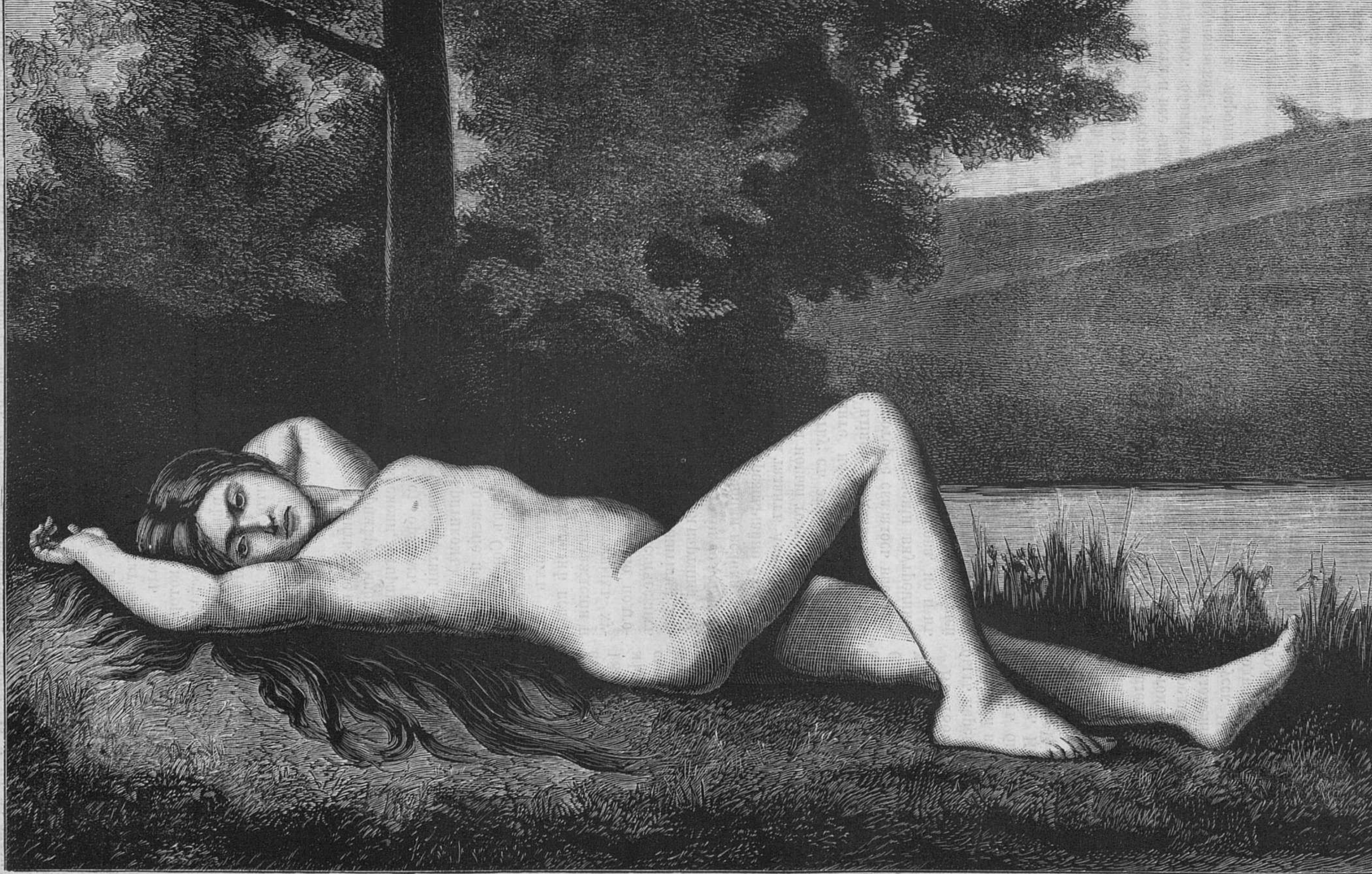
Въ періодъ времени 1848 — 1855 гг. Майковымъ написано нѣсколько замѣчательныхъ произведеній, въ томъ числѣ и поэмы «Савонаролла» и «Три смерти» (окончена въ 1852 г.), которыя сперва долго ходили въ рукописи и появились въ печати лишь черезъ нѣсколько лѣтъ.

Въ 1855 году вышла небольшая книжка стихотвореній Апол. Ник-ча, подъ заглавіемъ 1854-й годъ; содержаніе стихотвореній помѣщенныхъ въ этой книжкѣ — патріотическое. Если они вызвали горячіе похвалы, то въ другомъ литературномъ лагерѣ подверглись осужденію. Тѣмъ не менѣе, поэтъ продолжалъ усиленно работать.

Къ этому періоду принадлежитъ его поэма «Три смерти», поэма, которую авторъ писалъ цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ, съ 1841 по 1852-й годъ и которая составляетъ вѣнецъ всей дѣятельности поэта; даже самые строгіе порицатели и противники Майкова относятся съ большимъ уваженіемъ къ «Тремъ Смертямъ» и находятъ это произведеніе замѣчательнымъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Въ 1862 г., когда Румянцевскій Музей былъ перенесенъ въ Москву, Майковъ, занимавшій въ немъ мѣсто библіотекаря, принужденъ былъ оставить эту службу и перешелъ въ Комитетъ Иностранной Цензуры, гдѣ онъ служитъ и по настоящее время. Въ 1864 г. вышли «новыя стихотворенія А. Н. Майкова» (1858 — 1863) (Москва. Въ Унив. тип. 12 д. л. 216 стр.); эта книжка составлена изъ стихотвореній, написанныхъ поэтомъ съ 1858 г. по 1863-й включительно и предварительно была напечатана въ видѣ приложенія къ первымъ тремъ нумерамъ «Русск. Вѣстн.» 1864 г.; она была очень холодно встрѣчена и публикой, и критикой; только два журнала «Отечеств. Записки» и «Библ. для Чтенія» въ лицѣ своихъ критиковъ С. С. Дудышкина и Е. Н. Эдельсона отозвались о ней довольно благосклонно, остальные же прошли ее молчаніемъ.

Въ слѣдовавшій за тѣмъ десятилѣтній періодъ времени 1864—1873 гг. Апол. Никол. напечаталъ, сравнительно, небольшое количество своихъ стихотвореній, преимущественно въ журналахъ, чисто консервативнаго направленія. Въ эту пору онъ обратилъ особенное вниманіе на древнюю русскую литературу и на поэзію всѣхъ славянъ вообще, начиная отъ сербской и кончая польскою.



Наяда.

Изъ оригинальныхъ стихотвореній Апол. Ник-ча, написанныхъ за указанный періодъ времени, мы должны прежде всего назвать его большую поэму «Два Міра» («Гражданинъ» 1872)—гдѣ представлена борьба христіанства съ язычествомъ,—произведеніе во многихъ отношеніяхъ прекрасное, идея котораго явилась Майкову еще въ началѣ сороковыхъ годовъ, когда онъ только что выступилъ на литературное поприще, и которая слѣдовательно зрѣла въ немъ въ продолженіе тридцати лѣтъ.

Все, что написано Майковымъ съ 1842 по 1872 годъ включительно, въ продолженіе его тридцатилѣтней литературной дѣятельности, князь В. П. Мещерскій собралъ, распредѣлилъ, по указанію автора, по годамъ и отдѣламъ, и издалъ, въ 1872 г., въ трехъ изящныхъ томикахъ, подъ заглавіемъ «Стихотворенія А. Н. Майкова» (Изданіе третье. Спб. 1872. Тип. А. Траншеля); изданіе это довольно полное, въ него не вошли однако многія пьесы 1842 и 1856 г. Послѣднія произведенія Апол. Никол., печатавшіяся въ «Гражданинѣ», «Нивѣ», «Кругозорѣ», «Иллюстриров. газетѣ», «Складчинѣ» и «Братской помочи»—большей частью весьма незначительны по своему объему и не представляютъ ничего особенно выдающагося.

П. В. Быковъ.

Поѣздка на Бѣлый мѣсяцъ.

Меня пригласили на Бѣлый мѣсяцъ. Зимою по Сибири удобно ѣздить съ почтой: при каждой почтѣ идетъ кибитка для двухъ пассажировъ, ѣдутъ скоро, никакихъ задержекъ, никакихъ хлопотъ о подорожной, о лошадяхъ. Вотъ только каковъ компаніонъ попадется, — другой такъ насолитъ и надоѣстъ, что жизни не радъ будешь. Мнѣ, впрочемъ, попался очень смирный компаніонъ, какой-то прикащикъ. Лишь только мы выѣхали изъ Красноярска, прикащикъ полезъ руками за подушки, вытащилъ оттуда четвертную съ водкой и вязку кренделей, приложилъ горлышко бутыли ко рту и испилъ; потомъ, поднося бутыль ко мнѣ, проговорилъ охрипшимъ басомъ: «не угодно ли?» Я отказался, бутыль была снова поставлена за подушки, но, по крайней мѣрѣ, черезъ каждыя двѣ версты прикащикъ вытаскивалъ бутыль и прикладывался, такъ что со второй станціи онъ уже спалъ мертвецкимъ сномъ почти вплоть до Иркутска, и на станціяхъ ямщики перекладывали его изъ повозки въ повозку, сдавая другъ другу въ счетѣ другихъ вещей и выкрикивая: «два чемодана, двѣ сумки, одинъ баулъ и одинъ пассажиръ».

Почти вся зимняя дорога отъ Иркутска до Кяхты идетъ по льду Ангары, Байкала и Селенги. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ переѣзжаютъ Байкалъ, онъ хотя и не очень широкъ но все-таки ѣхать на однѣхъ и тѣхъ же лошадяхъ цѣлыхъ 60 верстъ небывалому человѣку не много страшно, тѣмъ болѣе, что на Байкалѣ то и дѣло дѣлаются отъ подледнаго волненія трещины на льду, или *щели*. Если такая щель широка, но не очень длинна, то ее объѣзжаютъ если же широка и очень длинна, то откалываютъ льдину и переправляются на ней; въ томъ же случаѣ, если щель шириною въ 1 или 2 аршина, отъѣзжаютъ назадъ съ версту, и, пустивъ лошадей во весь карьеръ, мчатся прямо на щель; бойкія, привычныя лошади перескакиваютъ черезъ нее вмѣстѣ съ повозкой. По ровному льду лошади бѣгутъ очень скоро и перебѣгаютъ 60 верстъ въ два часа, даже собственно не въ 2, а въ $1^1/_2$, такъ какъ съ полчаса пассажиры грѣются и отдыхаютъ на серединѣ Байкала, гдѣ на льду, надъ пучиною въ нѣсколько тысячъ футовъ глубины, каждую зиму воздвигается кабакъ съ желѣзною печью и съ навѣсомъ для лошадей.

Черезъ двое сутокъ, по выѣздѣ изъ Иркутска, я уже проѣзжалъ черезъ сѣренькій, гаденькій Троицкосавскъ и прибылъ въ отстоящую въ одной верстѣ отъ него Кяхту. Въ Кяхтѣ всего 500 жителей, городокъ миніатюрный, скучный, окруженный голыми песчанными холмами, но все-таки хвастающійся своимъ соборомъ, стоящимъ милліоны, своимъ сквернымъ городскимъ скверомъ и своимъ загороднымъ садомъ, съ знаменитымъ *ключикомъ*. Въ этомъ ключикѣ вода въ самые знойные лѣтніе дни холодна, какъ ледъ; при немъ сдѣланъ бассейнъ, въ которомъ купаются кяхтинцы и подолгу просиживаютъ, не смотря на его почти ледяную температуру. «Отлично освѣжаетъ, наипаче съ похмѣлья», говорилъ мнѣ объ этомъ одинъ кяхтинецъ. Такое «освѣженіе» для кяхтинцевъ необходимо во время здѣшнихъ нестерпимыхъ лѣтнихъ жаровъ, когда даже на Киранѣ, на дачахъ, дамы проводятъ время въ совершенномъ дезабилье, а мужчины пьютъ вино и пуншъ въ купальняхъ, сидя въ водѣ и часто погружаясь въ нее вмѣстѣ съ головою, въ предупрежденіе «кондрашки». Культъ Бахусу до того популяренъ въ Кяхтѣ, что въ ознаменованіе чрезвычайныхъ попоекъ кяхтинцы даже ставятъ памятники, какъ напр. тотъ, который воздвигнутъ на дорогѣ между Кяхтою и Кираномъ и надпись котораго гласитъ: «на семъ мѣстѣ Г. М. А., отправляясь на Амуръ, изволилъ принимать угощеніе отъ кяхтинскаго общества». Но еще болѣе, чѣмъ количество выпиваемаго меня поразило въ Кяхтѣ количество пожираемаго: утромъ за чаемъ пироги съ мясомъ, жареные въ маслѣ, часовъ въ 12 обѣдъ до отвала, при чемъ, напр., нѣкоторые съѣдаютъ по 200, по 300 пельменей; въ 4 часа чай и опять съ пирогами или шаньгами, а въ 8 ужинъ, такой же обильный, какъ и обѣдъ. Не довольствуясь своими обѣдами, кяхтинцы часто заказываютъ себѣ обѣды у китайцевъ, состоящіе блюдъ изъ 40, даже изъ 60-ти! Вообще, Кяхта также патріархальна, какъ и Москва, даже патріархальнѣе Москвы; въ ней на какомъ-нибудь дворѣ можно, напр., видѣть «молодцевъ», стрѣляющихъ въ цѣль изъ штуцера, а часовъ въ 9 вечера не безопасно ходить по улицамъ, такъ какъ нѣкоторые богатые и почетные обыватели, вмѣсто сторожей, привязываютъ около своихъ домовъ цѣпныхъ собакъ. Но вмѣстѣ съ московской патріархальностью, на Кяхтѣ лежитъ толстѣйшій слой азіятчины, насѣвшій на нее отъ постоянныхъ сношеній съ китайцами изъ сосѣдняго городка Маймачина. Китайцы постоянно шатаются по Кяхтѣ, переходя изъ дома въ домъ за дѣломъ и безъ дѣла, имѣя въ ней своихъ пріятелей, знакомыхъ, любовницъ. Въ Маймачинѣ нѣтъ ни одной женщины, такъ какъ имъ закономъ запрещено выѣзжать за великую стѣну, и распущенность нравовъ въ этомъ городишкѣ, вслѣдствіе этого, доходитъ до скотскаго безобразія. Но китаецъ все-таки никогда не прочь завязать романъ въ Кяхтѣ. Лѣтъ тридцать назадъ, одинъ изъ такихъ романовъ закончился развязкою совершенно въ кяхтинскомъ вкусѣ. Одна вдовая купчиха имѣла до десятка китайскихъ обожателей, но почему-то вдругъ отвергла всѣхъ ихъ. Мстительные соперники собрались передъ ея окнами и учинили скандалъ, великій даже для Кяхты: кричатъ во всю глотку на своемъ ломаномъ русскомъ жаргонѣ, ругаютъ свой «предметъ», причемъ одинъ требуетъ подаренный ей, когда-то, ящикъ чая, другой матерію на платье и т. д. Въ послѣднее время сближеніе русскихъ съ китайцами сдѣлалось еще тѣснѣе, такъ какъ и рабочіе, и прислуга набираются преимущественно изъ голоднаго и нагого китайскаго пролетаріата. Я зналъ одно семейство, въ которое пришелъ наниматься совершенно нагой китаецъ; онъ не просилъ никакой платы, а согласился работать только за пищу и одежду и исполнялъ хорошо обязанности дворника, кучера, кухарки и прачки.

Маймачинъ лежитъ подлѣ самой Кяхты и ихъ раздѣляетъ только нейтральная полоса въ 200 саженъ шириной. Городокъ обнесенъ деревянной стѣной съ затѣйливыми башенками, улицы до нельзя узенькія, по нимъ разставлены ничѣмъ не покрытые деревянные ящики, надъ которыми проходящіе китайцы располагаются, нисколько не стѣсняясь; такъ называемая третья улица наполнена домами съ мальчиками; передъ домомъ дзаргучея, или градоначальника, каждую субботу публично дуютъ палками по пятамъ всѣхъ провинившихся обывателей, сидятъ иногда въ клѣткахъ люди, приговоренные къ смертной казни, или менѣе важные преступники съ тяжелыми деревянными колодками на шеѣ. На окраинахъ городка то и дѣло можно встрѣтить грязнаго, совершенно нагого пролетарія и стаи голодныхъ бездомныхъ собакъ величиною съ теленка.

На свѣжаго человѣка Маймачинъ производитъ тяжелое впечатлѣніе, но кяхтинцы совершенно привыкли къ нему и съ такимъ же удовольствіемъ ходятъ въ гости къ китайцамъ, какъ китайцы къ русскимъ. Нынѣ, послѣ айгунскаго трактата, доступъ въ Маймачинъ совершенно свободенъ для русскихъ, но прежде каждый разъ нужно было запасаться письменнымъ разрѣшеніемъ пограничнаго комиссара, и только во время празднованія китайцами новаго года всѣ могли идти къ нимъ безъ всякихъ формальностей, совершенно свободно, вслѣдствіе чего праздникъ этотъ, называющійся у китайцевъ *бѣлымъ мѣсяцемъ*, у русскихъ получилъ названіе *пропускъ*. Во время этого пропуска, празднуемаго въ половинѣ февраля, не только россіянъ совершенно свободно *пропускали* въ Маймачинъ, но и россіяне тоже совершенно свободно *пропускали* и *пропускаютъ* въ свои утробы невѣроятное количество китайскихъ кушаній и винъ. Каждый китаецъ, въ тотъ день, считаетъ долгомъ всѣхъ приходящихъ къ нему, знакомыхъ и незнакомыхъ, накормить — напоить до отвала и даромъ. Россіянамъ это и на руку. Лишь только наступилъ день бѣлаго мѣсяца, какъ въ Маймачинъ потянулись густыя толпы народа изъ Кяхты, Троицка и окрестныхъ селеній — купеческія семейства на дрожкахъ, монголы и казаки верхами, мѣщане, крестьяне, дьячки, чиновники, бабы съ грудными ребятами, старики, калѣки, нищіе. Мы, съ знакомымъ, знающимъ по китайски, отправились на бѣлый мѣсяцъ вечеромъ, часовъ въ шесть. Дорога отъ Кяхты до Маймачина, залитая луннымъ свѣтомъ, была уже усѣяна тѣлами упившихся россіянъ, не имѣвшихъ силъ добраться до дому. Городскія ворота оказались запертыми и передъ ними галдѣла громадная толпа русскихъ; оказалось, что россіяне учинили въ Маймачинѣ дебошъ на широкую кяхтинскую руку, и китайское начальство, по предложенію бывшаго у него въ гостяхъ забайкальскаго губернатора, велѣло запереть городскія ворота и не пускать больше русскихъ. Но россіяне такого афронта перенесть не могли: кричали, ругались и требовали отъ стоявшаго за воротами китайскаго часового, чтобы отворить ихъ.—«Нечѣмъ отворить, отвѣчалъ часовой, — ключи въ полиціи». — «Ну, ступай въ полицію, поганая тварь!» — «Въ полиціи никого нѣтъ, всѣ гуляютъ». Какой-то мѣщанинъ полѣзъ было въ подворотню, но завязъ и его вытащили назадъ за ноги.—«А что, братцы, раздался звонкій голосъ, — не взять ли штурмой?»—«Штурмой, штурмой! закричала толпа, — айда въ Кяхту за лѣстницами!» Часть толпы бросилась было по направленію къ Кяхтѣ, но, въ это время, запыхавшись подбѣжалъ какой-то россіянинъ и объявилъ, что противоположныя ворота, съ пекинской дороги, не заперты. Толпа двинулась въ обходъ кругомъ городка, и черезъ полчаса мы вмѣстѣ съ нею безпрепятственно вошли въ Маймачинъ съ китайской стороны.

Улицы города были залиты лучами свѣта отъ разноцвѣтныхъ бумажныхъ фонарей. Въ небольшихъ часовенкахъ горѣли восковыя свѣчи и стоялъ рисъ на блюдечкахъ, принесенный въ жертву идоламъ. Шумъ, крики, говоръ, русская брань, русскія пѣсни; русскіе бродятъ по улицамъ, шатаясь, дерутся, сорятся, падаютъ и засыпаютъ. Какой-то мужикъ лупитъ кулаками бабу, которая лежитъ на улицѣ мертвецки пьяная. Дьячекъ меланхолическаго вида, прислонившись къ стѣнкѣ, тянетъ: «отъ юности моея мнози борютъ мя страсти»... Каждый китайскій домъ биткомъ набитъ русскими какъ тѣсная церковь въ праздничный день; почетные гости—купцы, чиновники, прикащики сидятъ; остальные, за недостаткомъ мебели, стоятъ или бродятъ, продираясь къ мѣсту закуски и водки. Почетнымъ гостямъ китайцы подносятъ свою дорогую водку *майгало*, которая такъ крѣпка, что они пьютъ ее маленькими стаканчиками, величиною въ наперстокъ, но россіяне, къ изумленію новичковъ китайцевъ, предпочитаютъ употреблять ее отечественными рюмками и стаканами; говорятъ, что человѣку напившемуся майгало и проспавшемуся, достаточно выпить стаканъ холодной воды, чтобы быть пьянымъ снова. Дешевую рисовую водку подносятъ гостямъ по плоше, которыхъ стараются какъ можно скорѣе выпроводить, во избѣжаніе скандаловъ и дракъ. Кяхтинскіе купцы у себя дома любятъ потѣшаться и самодурничать надъ китайцами, но въ гостяхъ у нихъ ведутъ себя смирно; мѣщане же, казаки, крестьяне, напившись, не стѣсняются и въ гостяхъ, и, не рѣдко, врываясь цѣлою ватагой въ домъ китайскаго купца, начинаютъ прямо съ непечатной брани и нахально требуютъ водки. Побывъ не много у двухъ китайскихъ купцовъ, мы отправились въ театръ, который въ Маймачинѣ, какъ и вездѣ въ Китаѣ, доступенъ всѣмъ безъ платы и помѣщается подъ открытымъ небомъ. Шла какая-то историческая трагедія, которая должна была продолжаться нѣсколько дней сряду. Кулисъ нѣтъ, неиграющіе актеры, исполнивъ роль, со сцены не уходятъ, а помѣщаются рядомъ съ играющими, пьютъ чай, курятъ, болтаютъ, хохочатъ; вмѣсто актрисъ мальчики, вмѣсто лошадей, во время представленія сраженія — палочки, на которыхъ актеры, изображающіе воиновъ, скачутъ, какъ дѣти, и сражаются другъ съ другомъ тоже палочками. Когда мы отправились изъ театра домой, ворота на кяхтинскую сторону были уже отворены, улицы Маймачина и все пространство отъ него до Кяхты были усѣяны тѣлами упившихся, которые, если нѣтъ большого мороза, лежатъ тутъ до 12 часовъ ночи, когда изъ кяхтинскаго пожарнаго депо выѣзжаетъ на нѣсколькихъ пожарныхъ телѣгахъ команда, подбираетъ тѣла и увозитъ ихъ въ депо, гдѣ съ нѣкоторыми изъ нихъ отваживаются посредствомъ смолы, рвотнаго и другихъ средствъ. Многіе, впрочемъ, Богу душу отдаютъ.

Такъ гуляютъ кяхтинскіе Титъ Титычи, ихъ «молодцы», работники, и такъ далѣе. Въ Кяхтѣ вы совсѣмъ чувствуете себя, какъ въ Азіи. Былъ градоначальникъ, который хотѣлъ было цивилизировать кяхтинцевъ, завелъ у нихъ библіотеку, типографію, даже газету. Но едва онъ уѣхалъ, какъ библіотеку свалили въ какой-то амбаръ, въ которомъ ее изгрызли крысы, а газета прекратилась, да оно и къ лучшему: вѣроятно, ни въ одной русской газетѣ никогда не было такъ опасно сотрудничать, какъ въ покойномъ «Кяхтинскомъ Листкѣ». Одинъ редакторъ вздумалъ было задѣвать въ немъ мѣстныхъ Титъ Титычей, но они, въ посрамленіе длиннымъ волосамъ, которые носилъ онъ, вымели въ клубѣ полъ его головой!... Другой — воротился, говорятъ, съ пикника помятый до того, что у него развилась чахотка, и онъ вскорѣ умеръ. Да и къ чему газета, къ чему библіотека тамъ, гдѣ вся жизнь есть одинъ непрерывный *пропускъ*, гдѣ каждый день можно видѣть одинъ и тотъ же *бѣлый мѣсяцъ?* **С. Ш.**

Черная Индія.

Романъ Жюля Верна.

(Съ французск. М. Б.).

V.

Джемсъ Старръ и Гарри выходили черезъ десять минутъ изъ главной галереи. Они вошли въ прогалину, если можно такъ назвать обширное, но темное, углубленіе; но оно не было совершенно лишено свѣта, а освѣщалось свѣтовыми лучами, проникавшими черезъ отверстіе заброшенной шахты, прорытой въ верхнихъ этажахъ; это отверстіе служило также вентиляторомъ. Теплый воздухъ ямы, менѣе плотный чѣмъ наружный, выходилъ изъ Яроской шахты. И такъ, воздухъ и свѣтъ проникали въ это углубленіе черезъ плотный сводъ шифера.

Именно здѣсь и жилъ Симонъ Фордъ со своимъ семействомъ въ теченіе десяти лѣтъ; онъ поселился какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ было когда-то машинное отдѣленіе, т. е. откуда механическимъ путемъ доставлялся уголь на поверхность земли. Симонъ Фордъ выбралъ подземелье мѣстомъ своего жительства совсѣмъ не вслѣдствіе нужды; проработавши много лѣтъ, онъ скопилъ себѣ достаточно средствъ, такъ что могъ жить въ любомъ городѣ, но онъ, жена и сынъ предпочли остаться въ коттэджѣ, устроенномъ на 1,500 фут. подъ землею; они были совершенно счастливы и раздѣляли одинаковые вкусы. Кромѣ того, живя въ подземельи, имъ нечего было опасаться чиновниковъ, собирающихъ подушную подать.

Въ это время, Симону Форду, бывшему надсмотрщику за рудокопами, было шестьдесятъ пять лѣтъ. Онъ былъ высокаго роста, бодрый, хорошо сложенъ, и могъ бы, по справедливости считаться представителемъ «sawneys» *) этого околодка, славившагося доставленіемъ въ армію красивыхъ молодыхъ горцевъ.

Симонъ Фордъ происходилъ изъ семейства рудокоповъ; предокъ его былъ также рудокопомъ, но это было вначалѣ того, какъ начали разработывать рудники въ Шотландіи.

Мы не будемъ вдаваться въ археологическія изслѣдованія того, употребляли ли греки и римляне каменный уголь, или пользовались-ли имъ китайцы за долго до Рождества Христова; не будемъ доискиваться въ самомъ дѣлѣ ли слово «houille» происходитъ отъ имени одного кузнеца, Гуйлло (Houillos), жившаго въ Бельгіи въ XII ст., но скажемъ только то, что каменный уголь сталъ впервые систематично разработываться въ Великобританіи. Еще въ XI ст. Вильгельмъ Завоеватель дѣлилъ между товарищами по войнѣ продукты Ньюкастльской руды. Въ XIII ст. Генрихъ III разрѣшилъ разрабатывать «charbon marin». Въ концѣ этого же столѣтія упоминается о каменноугольныхъ залежахъ Шотландіи и княжества Валлійскаго.

Предки Симона Форда переселились на шотландскую почву въ XIII ст. и никогда послѣ того не покидали ее; они были самыми простыми рабочими и работали, какъ каторжники въ рудахъ. Не даромъ же сложилось понятіе, что рудокопы и соловары того времени были настоящіе рабы. Въ XVIII еще столѣтіи это понятіе такъ вкоренилось въ Шотландіи, что во время войны претендента серьёзно опасались, чтобы Ньюкастльскіе рудокопы, въ числѣ двадцати тысячъ, не взбунтовались и не стали бы отстаивать свободы, которую они въ такомъ видѣ не признавали.

Чтобы тамъ ни было, но Симонъ Фордъ гордился своимъ происхожденіемъ; онъ проработалъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ трудились его предки. Онъ былъ надсмотрщикомъ Дошарской ямы—самой важной Аберфойльской каменноугольной копи—на тридцатомъ году отъ роду. Онъ страстно былъ преданъ своему ремеслу. Онъ исполнялъ въ теченіе долгихъ лѣтъ свои обязанности самымъ добросовѣстнымъ образомъ, и серьёзно горевалъ о томъ, что залежь замѣтно истощилась; онъ предчувствовалъ, что въ близкомъ будущемъ она совсѣмъ окажется не въ состояніи доставлять уголь.

Тогда онъ сталъ разыскивать новыя угольныя жилы по сосѣдству съ Аберфойльскими залежами. Ему таки удалось открыть нѣкоторыя; Джемсъ Старръ имъ очень дорожилъ; Симонъ, такъ сказать, предугадывалъ, гдѣ именно должны находиться такія жилы, также точно, какъ гидроскопъ опредѣляетъ мѣсто нахожденія подъ землей ключей и источниковъ.

Но все же наступилъ день, какъ мы уже говорили, что всѣ залежи истощились и что вслѣдствіе этого прекратились работы и рудокопы должны были поневолѣ разбрестись. Большая часть изъ нихъ покидала съ сожалѣніемъ это мѣсто; каждый, кому не безъизвѣстно какъ человѣкъ цѣнитъ свой трудъ пойметъ это. Истощеніе руды опечалило болѣе всего Симона Форда: онъ родился здѣсь и ни за что не хотѣлъ разстаться съ этимъ мѣстомъ. На Гарри лежала обязанность доставлять въ подземелье провизію; а самъ отецъ въ теченіи десяти лѣтъ выходилъ на землю не болѣе десяти разъ.

---

*) Sawney означаетъ шотландца, точно также какъ подъ Джонъ Булль слѣдуетъ разумѣть англичанина и подъ Падди ирландца.

— Что я тамъ забылъ? говаривалъ онъ.

Такимъ образомъ старый надсмотрщикъ избралъ себѣ для жительства совершенно здоровое мѣсто, гдѣ температура была всегда умѣренная; тамъ не было ни лѣтняго зноя, ни страшныхъ морозовъ. Вся семья пользовалась прекраснымъ здоровьемъ; чего же не доставало ему?

А между тѣмъ онъ тосковалъ въ душѣ. Онъ жалѣлъ о прежнемъ оживленіи, движеніи и шумной жизни; его, впрочемъ, поддерживала постоянно одна мысль.

— Не можетъ быть, чтобы каменноугольная залежь совершенно истощилась, повторялъ онъ себѣ.

Горе тому, кто вздумалъ бы высказать Симону Форду свои сомнѣнія на счетъ того, что Аберфойльская залежь опять воскреснетъ. Онъ съ удовольствіемъ взялся бы опять за кирку и продолжалъ бы работать и добывать каменный уголь. Онъ ходилъ по темнымъ галереямъ копи, бралъ иногда съ собою сына, наблюдалъ за всѣмъ и не переставалъ искать новой жилы.

Подруга жизни Симона Форда была Маджъ, высокая и полная женщина; къ ней какъ нельзя болѣе подходило шотландское выраженіе «good-wife»—«добрая жена». Маджъ, равно какъ и мужъ ея, ни за что не хотѣли разстаться съ шахтою. Она раздѣляла всѣ надежды и сожалѣнія мужа. Она поддерживала и поощряла его и серьёзно говорила ему:

— Аберфойльская залежь только заснула. Ты правъ, Симонъ!

Маджъ обходилась безъ земного міра. Она вполнѣ довольствовалась жизнію втроемъ въ коттэджѣ.

Туда-то и отправлялся Джемсъ Старръ.

Инженера ожидали. Симонъ Фордъ вышелъ къ нему на встрѣчу, какъ только завидѣлъ лампу, которую несъ Гарри.

— Привѣтствую васъ, г-нъ Джемсъ! закричалъ онъ, и голосъ его раздался подъ шиферным сводомъ. Нужды нѣтъ, что семейство Фордъ живетъ на 1,500 фут. подъ землею, оно не утратило своего гостепріимства.

— Какъ поживаешь ты, Симонъ? спросилъ Джемсъ Старръ, пожимая Симону протянутую руку.

— Отлично. Да иначе и быть не можетъ; никакія невзгоды не касаются насъ. Право, было бы гораздо полезнѣе, если бы ваши дамы, вмѣсто того, чтобы проводить лѣто въ Ньюгавенѣ или въ Порто-Белло *) пріѣзжали на нѣсколько мѣсяцевъ въ Аберфойльскую шахту. Онѣ не рисковали бы здѣсь простудиться, какъ въ сырыхъ улицахъ древней столицы.

— О! я совершенно съ тобою согласенъ, Симонъ, отвѣтилъ Джемсъ Старръ. Чего это я въ самомъ дѣлѣ не вздумалъ до сихъ поръ переѣхать изъ дома моего въ Кононгетской улицѣ и поселиться гдѣ нибудь по сосѣдству съ вами.

— Сдѣлайте это, господинъ Старръ! одинъ изъ старыхъ рудокоповъ будетъ считать за особенное счастіе жить съ вами подъ одной крышей.

— А что Маджъ? спросилъ инженеръ.

— Добрая жена моя чувствуетъ себя еще здоровѣе, чѣмъ я, если это только возможно; отвѣтилъ Симонъ Фордъ. Она внѣ себя отъ радости, что въ состояніи угостить васъ своею кухнею.

— Хорошо, хорошо замѣтилъ Джемсъ Старръ; онъ сильно проголодался послѣ такой прогулки.

— Вы голодны?

— Очень. Дорога возбудила во мнѣ аппетитъ; погода ужасная...

— А, тамъ на верху идетъ дождь? соболѣзнуя, проговорилъ Симонъ.

— Да, Симонъ, Форфъ бушуетъ, точно море.

— А здѣсь никогда не идетъ дождь. Но нечего мнѣ вамъ расписывать всѣ выгоды, которыя вамъ и безъ того извѣстны. Вотъ мы пришли къ коттэджу.

Симонъ Фордъ и Гарри ввели Джемса Старра въ большую залу, освѣщенную нѣсколькими лампами; одна изъ нихъ висѣла посреди потолка.

Столъ, накрытый пестрою скатертью, былъ приготовленъ и вокругъ него стояло четыре кожаныхъ стула.

— Здравствуй, Маджъ, сказалъ инженеръ.

— Здравствуйте, господинъ Джемсъ, отвѣтила шотландка, вставая на встрѣчу гостя.

— Мнѣ очень пріятно видѣть васъ, Маджъ.

— Всегда пріятно встрѣтиться съ тѣми, съ которыми хорошо обращались.

— Супъ дожидается насъ, жена, сказалъ Симонъ; да и г-нъ Джемсъ также ждетъ не дождется завтрака; онъ голоденъ, и онъ убѣдится, что сынъ нашъ все доставляетъ намъ сюда съ земли. Да, Гарри, Жакъ Райанъ приходилъ къ тебѣ.

— Я знаю это; мы повстрѣчались съ нимъ въ Яроской шахтѣ.

— Это хорошій и веселый малый, сказалъ Симонъ. Но ему нравится жить на землѣ; въ немъ не течетъ настоящая кровь рудокоповъ. Сядемъ завтракать, позавтракаемъ вплотную; очень можетъ быть что намъ придется ужинать очень поздно.

Но прежде чѣмъ гость и хозяева усѣлись за столъ, инженеръ сказалъ:

— Постой, Симонъ! хотите-ли вы чтобы я завтракалъ съ аппетитомъ?

— Вы намъ сдѣлаете этимъ только большую честь, отвѣтилъ Симонъ.

— Такъ для этого нужно быть совершенно спокойнымъ; я хочу спросить у васъ двѣ вещи.

— Какія?

— Вы мнѣ писали, что имѣете сообщить мнѣ нѣчто весьма интересное?

— Это и правда. Но я сообщу это вамъ послѣ завтрака и на самомъ мѣстѣ, а то вы можете мнѣ не повѣрить.

— Симонъ, сказалъ инженеръ, посмотри прямо мнѣ въ глаза. Хорошо, я на счетъ этого ничего болѣе не спрошу, прибавилъ онъ, какъ бы успокоившись.

— Что же вы хотѣли спросить?

— Не можешь ли ты мнѣ сказать, Симонъ, кто написалъ это? спросилъ инженеръ, подавая ему анонимное письмо.

Симонъ Фордъ взялъ письмо, прочелъ его очень внимательно и, передавъ сыну, спросилъ:

— Знакомъ ли тебѣ этотъ почеркъ?

— Нѣтъ, отецъ, отвѣтилъ Гарри.

— И на конвертѣ этого письма былъ приложенъ штемпель Аберфойльскаго почтамта? спросилъ Симонъ Фордъ у инженера.

— Да; точно такой же какъ и на вашемъ, отвѣтилъ Джемсъ Старръ.

— Что ты на это скажешь, Гарри, спросилъ Симонъ немного нахмурившись.

— Я думаю, отецъ, отвѣтилъ Гарри, что написавшій это письмо не безъ цѣли это сдѣлалъ и именно хотѣлъ отклонить пріѣздъ г. Старра сюда.

— Да, но кто же это? вскрикнулъ старый рудокопъ. Кто могъ предугадать мою мысль!...

И съ этими словами Симонъ Фордъ погрузился въ думу, изъ которой былъ выведенъ словами Маджъ.

— Сядемъ за столъ г. Старръ. Супъ совсѣмъ простынетъ. Забудемъ на время объ этомъ письмѣ.

Всѣ приняли предложеніе старухи, и каждый сѣлъ на указанное ему мѣсто.—Джемсъ Старръ напротивъ Маджъ, Симонъ Фордъ напротивъ Гарри.

Завтракъ былъ отлично приготовленъ въ чисто шотландскомъ вкусѣ. Прежде всего былъ поданъ «hotchpotch» въ которомъ мясо плавало въ крѣпкомъ бульонѣ. По словамъ Симона, никто не приготовлялъ такъ этого супа, какъ его добрая жена. Рагу былъ также вкусно приготовленъ; это такъ называемый «cocky-leeky» изрѣзанный пѣтухъ, приправленный съ лукъ-пореемъ. Эль былъ превосходный; но главное кушанье было національный пуддингъ «haggis», приготовленный изъ разнаго мяса и ячной муки. Это кушанье замѣчательно тѣмъ, что оно вдохновило англійскаго поэта Бернса такъ, что онъ написалъ, благодаря ему, лучшую свою оду. Гость разсыпался въ похвалахъ хозяйкѣ. Въ довершеніе завтрака былъ поданъ сыръ и «cakes» пироги изъ овсянки и къ нимъ превосходная хлѣбная водка «usquebangh», настоенная двадцать пять лѣтъ тому назадъ въ годъ рожденія Гарри.

Завтракъ продолжался съ часъ. Джемсъ Старръ и Симонъ Фордъ ѣли съ большимъ аппетитомъ, но это не мѣшало имъ вести оживленную бесѣду о прошломъ старой Аберфойльской залежи.

Гарри больше молчалъ. Онъ вскакивалъ изъ-за стола, выходилъ изъ дому и находился, повидимому, въ тревожномъ состояніи. Анонимное письмо было далеко не такого свойства, чтобы успокоить его.

Въ отсутствіи Гарри Джемсъ Старръ обратился къ Симону и Маджъ со словами:

— А Гарри славный малый!

— Да, поспѣшилъ замѣтить старый рудокопъ, онъ хорошій и преданный малый.

— Ему эта жизнь съ вами нравится?

— Онъ ни за что не захочетъ разстаться съ нами.

— Но вы все же позаботитесь поженить его?

— Женить Гарри? вскрикнулъ Симонъ Фордъ. Да на комъ? На дѣвушкѣ, которая будетъ любить танцы, празднества, и которой не придется понутру жизнь въ подземельи! Гарри такую и не захочетъ имѣть женою.

— Симонъ, возразила Маджъ, ты, я думаю, ничего не будешь имѣть однако противъ того, если бы Гарри вздумалъ жениться?

— Я ничего не буду имѣть противъ этого, но дѣло терпитъ. Можетъ быть мы и найдемъ для него...

Гарри вошелъ въ это время и Симонъ Фордъ замолчалъ.

Маджъ встала послѣ завтрака изъ-за стола, всѣ послѣдовали ея примѣру и вышли на порогъ коттэджа.

— Ну, Симонъ, разсказывай мнѣ, что имѣешь сообщить, я къ твоимъ услугамъ.

— Г. Старръ, отвѣтилъ Симонъ, мнѣ нуж-

---

*) Мѣста въ окрестностяхъ Эдинбурга, куда ѣздятъ купаться.

ны ваши ноги, а не слухъ. Отдохнули ли вы послѣ прогулки?

— Отдохнулъ и подкрѣпился; я готовъ идти съ тобою, куда нужно.

— Гарри, сказалъ Симонъ, обращаясь къ сыну, зажги намъ предохранительныя лампы.

— Предохранительныя лампы? переспросилъ Джемсъ Старръ въ удивленіи. Въ совершенно истощенной шахтѣ нельзя было предполагать воспламененія рудничнаго газа.

— Это изъ осторожности, г. Джемсъ.

— Не предложите-ли вы мнѣ облечься въ костюмъ рудокопа?

— Пока еще рано! отвѣтилъ рудокопъ, и глаза его какъ-то странно засвѣтились.

Гарри отправился за лампами и чрезъ нѣсколько минутъ возвратился, держа въ рукахъ три предохранительныя лампы; одну изъ нихъ онъ передалъ инженеру, другую отцу, а третью привѣсилъ къ лѣвой рукѣ, а въ правую взялъ большую палку.

— Съ Богомъ! сказалъ Симонъ Фордъ, вооружаясь крѣпкимъ желѣзнымъ крюкомъ, стоявшимъ у двери коттэджа.

— Съ Богомъ! повторилъ инженеръ. До свиданія, Маджъ!

— Богъ съ вами! проговорила шотландка.

— Смотри, жена, приготовь ужинъ на славу, закричалъ Симонъ Фордъ. Мы голодные вернемся домой и съумѣемъ отдать ему должную честь.

(*Продолженіе будетъ*).

Библіографія.

Долгая жизнь и ея условія: Соч. Д-ра Нуаро. Спб. 1876 г. Тип. и Литогр. А. Траншеля. 12 д. л. IV и 176 стр. Ц. 1 р.

Сбереженіе и продолженіе жизни составляютъ одинъ изъ самыхъ близкихъ и наиболѣе важныхъ вопросовъ для каждаго смертнаго. Человѣкъ весьма привязанъ къ жизни и всегда болѣе или менѣе усердно старается найдти тѣ пути и способы, которыми можно поддерживать и долго сохранять свои силы и здоровье, и слѣдовательно достигнуть долголѣтія. Книжка доктора Нуаро, посвященная изслѣдованію именно этихъ вопросовъ, и написанная довольно популярно, естественно должна имѣть интересъ и значеніе для большинства читателей, которые найдутъ въ ней, дѣйствительно, много любопытнаго, много разумныхъ и полезныхъ совѣтовъ и указаній, относительно сбереженія здоровья, согласно новѣйшимъ изслѣдованіямъ и выводамъ науки о человѣческой жизни. Кромѣ того авторъ, въ подкрѣпленіе своихъ разсужденій, доводовъ и совѣтовъ, приводитъ множество примѣровъ и фактовъ, и это придаетъ еще болѣе занимательности книгѣ д-ра Нуаро. Въ ней, прежде всего, разсматриваются историческія изслѣдованія о долголѣтіи; авторъ приходитъ къ тому заключенію, что и въ отдаленныя отъ насъ эпохи предѣлъ человѣческой жизни ничуть не разнился отъ нынѣшняго времени, ибо наука доказываетъ, что природа никогда не можетъ старѣть. И въ самыя древнѣйшія времена, какъ и въ наши дни, долголѣтіе считалось за рѣдкость; случаи этого долголѣтія являлись во всѣ эпохи. Авторъ упоминаетъ объ одномъ прусскомъ солдатѣ, принимавшемъ участіе въ тридцатилѣтней войнѣ и умершемъ въ 1801 году, когда ему было цѣлыхъ 200 лѣтъ, о дѣвицѣ француженкѣ, которая прожила 158 лѣтъ и умерла въ 1838 г., объ одной испанкѣ, умершей въ 1848 г., ста пятидесяти лѣтъ, о шотландцѣ и венгерцѣ, которые прожили по 185 лѣтъ и т. п. Въ нынѣшнее время подобные примѣры весьма рѣдки, но за-то, по увѣренію автора, средній размѣръ жизни увеличивается въ возрастающей прогрессіи, вмѣстѣ съ успѣхами цивилизаціи. Затѣмъ говорится о «способахъ искусственнаго продленія человѣческой жизни», о томъ, что люди не должны расчитывать на особенную продолжительность жизни, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и не должны относиться равнодушно къ вопросу о ея продленіи. Пословамъ Жубе «каждый человѣкъ, какъ древняя Парка, самъ прядетъ нить своей жизни и отъ него зависитъ укоротить ее». Здѣсь авторъ перечисляетъ историческіе примѣры, говоритъ о попыткахъ алхимиковъ отыскать элексиръ долгой жизни, о существовавшей нѣкогда идеѣ продлить жизнь путемъ цѣлебныхъ свойствъ человѣческаго дыханія, для чего нѣсколькихъ молоденькихъ дѣвушекъ, не свыше 13 лѣтъ сажали, въ маѣ мѣсяцѣ, въ тѣсноватую комнату и дыханіе ихъ собирали, при посредствѣ трубъ, въ конденсаторъ, наполненный чистой водою, чѣмъ и думали лечить стариковъ отъ истощенія силъ; о томъ, какъ въ средніе вѣка, для той же цѣли, употреблялись разные амулеты и кольца, а мясо оленей, орловъ и змѣй считалось тоже средствомъ, обновлявшимъ организмъ человѣка, а равно и различныя смѣси изъ изумруда, сапфира, жемчуга и мускуса; разсказывается о переливаніи крови, о питательной и растительной діэтахъ, о мнѣніяхъ Бэкона, Де-Карта, Моперто и другихъ ученыхъ по тому же вопросу, о всевозможныхъ элексирахъ, *жизненной водѣ* Параусcена, *жизненной соли* Гиршена, *чаѣ* гр. Сенъ-Мермена, *небесной постелѣ* Грагама, *элексирѣ безсмертія* гр. Каліостро и т. п. шарлатанствахъ. Тутъ же упоминается и о томъ, какія странныя и непонятныя обновленія производитъ порою сама природа: такъ у одного жителя Палатината прорѣзались новые зубы на *девяносто-восьмомъ году*, у другого старика на *сто пятомъ году* тоже вновь прорѣзались зубы и выросли черные волосы; у одной женщины, по свидѣтельству Синклера, выросли черные волосы на 99-мъ году, а у другой, о которой упоминаетъ Берштейнъ, на *семдесятъ пятомъ году*, прекратившіеся гораздо раньше, регулы возобновились и продолжались до 99 лѣтъ и проч. Въ послѣдующихъ главахъ разсматриваются вопросы: «о естественномъ предѣлѣ человѣческой жизни»; «индивидуальныя условія, способствующія достиженію долголѣтія». Однимъ изъ этихъ условій, ученые, прежде всего, считаютъ наслѣдственность, затѣмъ медленность развитія организма; къ числу неблагопріятныхъ условій для долголѣтія авторъ относитъ преждевременную, физическую зрѣлость и раннее развитіе умственныхъ способностей. Вотъ почему авторъ находитъ весьма вредной и достойной порицанія ту воспитательную систему, въ основаніе которой положено насильственное развитіе интеллектуальныхъ способностей въ дѣтяхъ и въ юношествѣ. Далѣе трактуетъ авторъ о вещахъ болѣе или менѣе извѣстныхъ всякому изъ насъ, о томъ, какое важное значеніе въ жизни человѣка имѣютъ: чистый, хорошій воздухъ — источникъ жизни, свѣтъ и теплота — эти орудія жизни; воздержаніе и гигіену авторъ считаетъ очень важными условіями для сохраненія нашего здоровья, говоритъ о напиткахъ, — что полезнѣе для питья, — вода или вино и даетъ весьма разумные совѣты, на счетъ тѣлеснаго движенія и сна, и приводя любопытные примѣры того, насколько тѣлесныя упражненія и умѣренный моціонъ благопріятно дѣйствовали на здоровье и продолжительность жизни, онъ разсказываетъ, напримѣръ, объ одномъ почтальонѣ, прожившемъ сто лѣтъ, который ходилъ столько, что если сосчитать число верстъ, пройденныхъ имъ, въ теченіи всей жизни, то выходитъ что онъ прошелъ пѣшкомъ пространство, равное 25 окружностямъ земнаго шара. Мускулистыя движенія, говоритъ авторъ, много способствуютъ правильному дѣйствію всѣхъ отправленій животной экономіи. Говоря о необходимости регулярнаго сна, для поддержанія организма, онъ не совѣтуетъ предаваться, почью, умственному труду и читать въ постелѣ, находя въ этомъ существенный вредъ, равно какъ и въ слишкомъ продолжительномъ снѣ; не совѣтуетъ также ложиться спать съ обремененнымъ желудкомъ. Послѣднія главы посвящены изслѣдованіямъ о вліяніи климата и мѣстности на человѣка; объ уходѣ за кожей; о половомъ воздержаніи и бракѣ. По мнѣнію Нуаро ничто такъ не способствуетъ долголѣтію какъ половое воздержаніе; здѣсь онъ дѣлаетъ указаніе на основной законъ, вслѣдствіе котораго рано плодящіеся рано и умираютъ. И у млекопитающихъ, и у птицъ замѣчается, что тѣ изъ нихъ, которые обладаютъ способностью раньше производить и болѣе плодовиты, живутъ не долго. Такъ, по свидѣтельстйу Бюффона, голубь живетъ не долѣе восьми лѣтъ, цѣломудренная-же горлица достигаетъ даже пятидесятилѣтняго возраста. Очень многіе своимъ крѣпкимъ, желѣзнымъ здоровьемъ и долготой жизни обязаны единственно благоразумному воздержанію: напримѣръ пустынники живутъ необыкновенно долго, по увѣренію автора, вслѣдствіе ихъ цѣломудренной жизни. Излишество чувственныхъ наслажденій страшно разслабляетъ тѣло, притупляетъ и окончательно подавляетъ умственныя способности, половое невоздержаніе одинъ нѣмецкій докторъ называетъ «сѣнокосомъ смерти». «Люди могли бы бесѣдовать съ богами, еслибъ на свѣтѣ не существовало женщинъ», довольно остроумно замѣчаетъ Катонъ. Съ другой стороны, авторъ находитъ, что, при воздержаніи, бракъ служитъ хорошимъ средствомъ продленія жизни и приводитъ примѣръ, что всѣ люди, умершіе въ преклонныхъ лѣтахъ, были женаты. Наконецъ авторъ говоритъ о нравственномъ состояніи и образѣ жизни и дѣлаетъ соотвѣтственныя указанія; упоминаетъ о необходимости умѣнья управлять своими страстями и о томъ, какое значеніе имѣетъ, для продолжительности жизни и хорошаго состоянія здоровья, радость, веселое расположеніе духа, смѣхъ, и, главное, сила воли; о степени значенія послѣдняго качества можно судить по слѣдующему примѣру: у доктора Фейхтерслебена упоминается объ одномъ субъектѣ, который одной лишь силой воли могъ произвести воспалительное состояніе какой угодно части тѣла. А нѣкій полковникъ имѣлъ способность представляться мертвымъ и у него, при этомъ, даже пульсъ переставалъ биться. Воображенію также суждено играть большую роль въ жизни человѣка. Въ доказательство приведенъ примѣръ, какъ одинъ слушатель медицинскихъ лекцій, заболѣвалъ, на лекціяхъ, именно тѣми болѣзнями, о которыхъ читалъ профессоръ. Въ заключеніе д-ръ Нуаро разсматриваетъ вопросъ о томъ образѣ жизни, какой наиболѣе способствуетъ долголѣтію Конечно, первымъ условіемъ, какъ показали серьезныя наблюденія, считается довольство, — обезпеченные люди живутъ гораздо дольше тѣхъ, которые терпятъ нужду; средняя цифра жизни первыхъ, — 57 лѣтъ и 4 мѣсяца, а вторыхъ лишь 37 лѣтъ и 1 мѣсяцъ. Однако одно богатство не обусловливаетъ долгой жизни; необходимы и другія условія. Затѣмъ мы находимъ статистическія свѣдѣнія, показывающія какіе люди, по роду своихъ занятій, обстановкѣ и т. п. живутъ дольше. Хотя многое въ книгѣ Нуаро подлежитъ сомнѣнію, какъ не вполнѣ выясненное наукой, хотя, порою, авторъ впадаетъ въ нѣкоторыя ошибки, но, за всѣмъ этимъ, книга «Долгая жизнь и ея условія» даетъ много истинно полезныхъ свѣдѣній и читается легко и съ большимъ интересомъ, отличаясь хорошимъ, общедоступнымъ изложеніемъ. Изданіе очень изящно и довольно недорого. Книгу эту смѣло можно рекомендовать всякому мало-мальски образованному читателю, который прочтетъ ее съ удовольствіемъ.

П. Б—овъ.

ЧЕРНОЕ МОРЕ
Азовское Море
Мраморное Море
КОНСТАНТИНОПОЛЬ
СЕРБІЯ
Турція

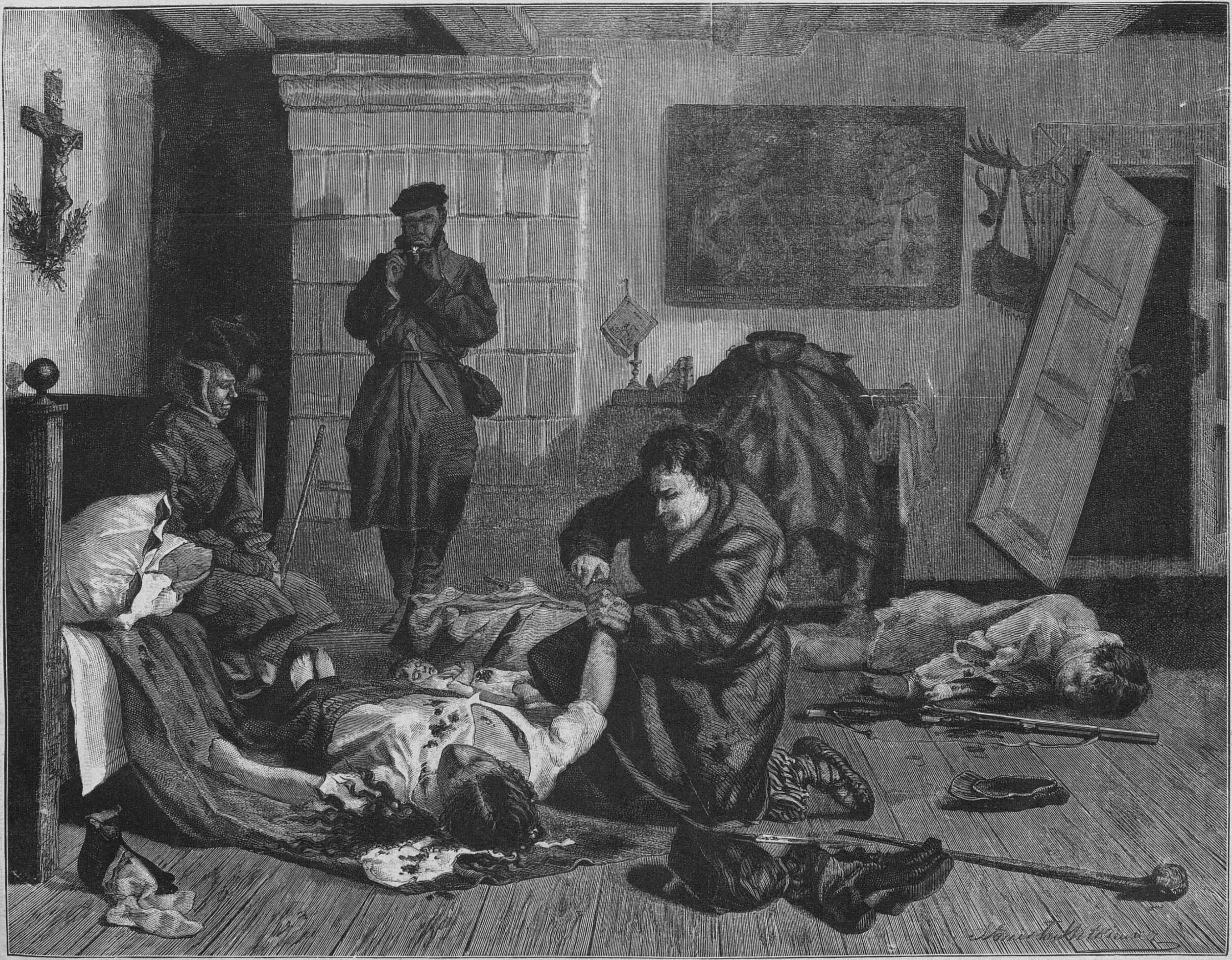
КАРТА
(ТЕАТРА ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ)
ВЪ ЕВРОПЕЙСКОЙ И АЗІЯТСКОЙ ТУРЦІИ

1877г.

Масштабъ $\frac{1}{3\,000\,000}$

Вторая премія для подписчиковъ „Живописнаго Обозрѣнія" въ 1877г.

Лит. Ю. Семечкиной. Загородный пр. д. № 36.



Разбойники.

Изъ воспоминаній.

Es ist eine alte Geschichte... H. Heine.

Сегодня, случайно, въ тетрадкѣ одной
Нашелъ я засохшую вѣтку сирени, —
И снова такъ живо встаютъ предо мной
И годы былые, и милыя тѣни...

Я помню аллею плакучихъ березъ,
И лѣтнее утро въ тѣни ихъ прохладной,
Я помню ликъ блѣдный и полные слезъ
Лазурные очи моей ненаглядной.

По волѣ слѣпой, своенравной судьбы,
Я долженъ былъ кинуть родимыя степи, —
Мы всѣ вѣдь подвластны судьбѣ, какъ рабы,
И носимъ ея ненавистныя цѣпи...

Проститься со мной нетерпѣньемъ горя,
Бѣдняжка всю ночку очей не смыкала
И только едва заалѣлась заря,
Изъ дому, тайкомъ, она въ садъ прибѣжала.

О, какъ она дивно была хороша,
Въ своемъ незатѣйливомъ, свѣтломъ нарядѣ, —
Невинная, чистая дѣтски душа
Сквозила въ ея опечаленномъ взглядѣ.

Припавши головкой ко мнѣ на плечо,
Меня несравненная нѣжно ласкала,
И клятвы давала любить горячо,
Молила остаться, идти не пускала.

Хоть ныла душа отъ тоски и тревогъ,
А въ сердцѣ ключомъ закипали рыданья,
Но время летѣло, я медлить не могъ —
И прервалъ я это свиданье.

Не помню, въ то время, какъ вырвался я
Отъ милой, изъ крѣпкихъ и жгучихъ объятій...
Безсильную злобу въ груди затая,
О, сколько судьбѣ посылалъ я проклятій!

. . . . И вотъ, съ той поры промелькнуло лѣть пять,
И снова въ родное гнѣздо я вернулся,
. . . .

Худая, какъ статуя, страшно блѣдна,
Она принужденно пожала мнѣ руку,
И съ виду спокойна была, холодна —
Но я прочиталъ на лицѣ ея муку.

Ни слова о прошломъ... Старалась его
Она обходить въ разговорѣ искусно,
И мужа представила мнѣ своего,
Съ улыбкой какой-то натянутой, грустной.

За то въ заповѣдной аллеѣ березъ
Разбитому сердцу дала она волю...
Лишь Богу извѣстно, что я перенесъ,
Узнавъ про ея горемычную долю!...

Съ тоской вспоминали мы прежніе дни, —
Несчастная горько и долго рыдала...
Родная аллея, ты свято храни
Все то, что ты въ день незабвенный видала!

Въ то время цвѣлъ садъ, ликовала весна,
О счастьѣ погибшемъ намъ все говорило...
И вѣтку сирени сорвала она
И въ память минувшаго мнѣ подарила...

Цвѣтокъ ужъ засохъ,—и подруга моя
Давно подъ землею лежитъ непробудно; —
Но думы о ней безпокоятъ меня —
И мнѣ оторваться отъ прошлаго трудно!...

Петръ Быковъ.

* * *

Въ улицахъ Каира.

«Египетъ, страна чудесъ!» И, въ самомъ дѣлѣ, каждый путешественникъ по этой странѣ встрѣчаетъ на каждомъ шагу то, чему онъ не мало удивляется. Тому кто путешествуетъ для удовольствія, интересна эта страна на столько, на сколько можетъ цивилизованнаго человѣка интересовать полуцивилизованный міръ. Мы въ Египтѣ. Въ мѣстахъ высадки, портѣ Саидѣ или Александріи, наскакиваютъ на путешественника назойливые лодочники и носильщики; они безъ стѣсненія завладѣваютъ вами и вашимъ имуществомъ; полицейскіе вмѣшиваются, отгоняютъ ихъ, надѣляютъ ихъ даже оплеухами, но ничто не помогаетъ. Путешественникъ дѣлается невольно рабомъ обстоятельствъ и испытываетъ на себѣ, до чего доходитъ восточный деспотизмъ и произволъ; онъ вступаетъ въ чужую для него страну не какъ гость, а какъ рабъ. Барка, высаживающая его на берегъ—его галера, и счастливъ тотъ, кто, какъ освобожденный, высаживается на берегъ, гдѣ его снова окружаютъ таможенные чиновники и погонщики ословъ. Вспыльчивый человѣкъ найдетъ множество причинъ постоянно выходить изъ себя, а смирный и тихій можетъ сказать себѣ въ утѣшеніе, что не одинъ онъ, а многіе его предшественники подвергались такой же участи.

Египетъ—это полуцивилизованная страна! Путешественникъ найдетъ въ ней къ своимъ услугамъ пароходы, желѣзныя дороги, гостинницы и кафе; но вотъ и все. Египтянинъ рабъ хедива, а чужестранецъ рабъ египтянина и, сверхъ того, египетскихъ плутовъ. Такъ было до сихъ поръ. Но недавно совершился фактъ, весьма интересный и даже важный для путешественниковъ по Египту. Наступилъ для путешественниковъ часъ освобожденія. Появился путеводитель по Нижнему Египту. Съ составленіемъ этой книжки сопряжено было много трудностей. Въ числѣ составителей стоятъ имена почти всѣхъ ученыхъ географовъ и историковъ; онъ такъ подробно и полно составленъ, что можетъ замѣнить даже стереоскопическую панораму.

Каиръ, еще прошлой весной, состоялъ изъ кривыхъ, узкихъ улицъ, гдѣ съ трудомъ можно было оріентироваться. Но теперь осмотръ города для путешественниковъ очень облегченъ, такъ какъ существуетъ путеводитель.

Въ то время какъ въ итальянскихъ и сицилійскихъ городахъ не только торговля производится въ лѣтніе мѣсяцы на улицахъ, но и вся жизнь сосредоточивается на нихъ, въ Каирѣ не такъ: домашняя, внутренняя семейная жизнь сокрыта отъ взоровъ другихъ. Египтянка всегда, при выходѣ изъ дома, покрыта вуалемъ или, лучше сказать, покрываломъ. Богатая египтянка никогда не надѣнетъ европейскаго костюма; однѣ восточныя христіанки, гречанки, армянки его себѣ усвоили. Но кое-гдѣ можно увидѣть парижскія моды. Женщины и дѣти далеко не составляютъ существенную часть въ общественныхъ сборищахъ, гуляньяхъ и т. д. Онѣ проходятъ точно тѣни. Это явленіе тѣмъ удивительнѣе, что въ Каирѣ сильно развита общественная жизнь.

Чтобы составить себѣ ясное понятіе о восточномъ базарѣ на улицахъ главнаго города Египта, нужно представить себѣ наши европейскія широкія улицы, расположенныя въ видѣ коридоровъ, но не мощеныя; на окнахъ вы не увидите никакой выставки товаровъ. Товары разложены только на подоконникахъ, а посреди, сидитъ, съ подогнутыми подъ себя ногами, точно на подносѣ, занимая, по возможности, меньше мѣста, торговецъ. За спиною его идетъ сейчасъ задняя стѣна лавки; тамъ устроена полка для остальныхъ товаровъ. Если у продавца столько товара, что онъ не можетъ помѣститься въ лавкѣ, то онъ оставляетъ его въ сундукахъ, разставленныхъ у него въ домѣ или по угламъ лавки. Здѣсь перемѣшаны лавки съ самыми разнородными товарами: колоніальными, матеріями, обувью; путешественниковъ завлекаютъ мѣстныя произведенія; каждый желаетъ привезть что нибудь на память о странѣ; тутъ вы опять попадаетесь въ руки переводчиковъ, подходящихъ къ вамъ, какъ къ знакомымъ, которыхъ они проводили въ гостинницы. Вскорѣ многіе торговцы будутъ не мало удивляться тому, что на товары, прежде на расхватъ покупаемые, не будетъ никакого спроса. А это, впрочемъ, такъ понятно: путешественникъ знаетъ теперь всѣ цѣны, и въ состояніи различать поддѣльные товары отъ настоящихъ египетскихъ. На другіе товары усилится, напротивъ того, спросъ.

Поѣздка по Египту оставляетъ на васъ какое-то небывалое, неиспытанное еще впечатлѣніе, тамъ все поражаетъ вашъ взглядъ: и природа, и пирамиды, и жизнь.

«Египетскій хедивъ — просвѣщенный мусульманинъ, съ очень крайними мнѣніями, какъ говорятъ; онъ получилъ во Франціи либеральное образованіе, зародыши котораго съумѣлъ развить въ пользу новѣйшихъ идей; при всемъ томъ, увы! этотъ монархъ, не смотря на высокія качества, которыми одарило его небо, терпитъ еще въ своей столицѣ, на своихъ собственныхъ глазахъ, столь варварскія церемоніи, какъ напримѣръ слѣдующія.

«Разскажу объ ужасномъ *досехѣ*, предлогомъ которому служитъ Муледенъ-Неби, годовщина рожденія Пророка.

«Вотъ уже около двухъ недѣль раскинуты палатки на пустопорожной землѣ при Булакѣ, по сосѣдству съ женевскимъ пивоваренымъ заводомъ. Здѣсь мѣсто свиданія всѣхъ лодочниковъ, т. наз. питровъ, карагвецовъ съ верхняго, средняго и нижняго Египта, и здѣсь они занимаются своими упражненіями, подчасъ очень безнравственными. Въ этой кучѣ палатокъ и бараковъ, болѣе или менѣе фантастическихъ, есть одна, обращающая на себя вниманіе своими эксцентрическими размѣрами. Это—палатка, въ которой дервиши саади, называемые попросту «завывателями», празднуютъ свой зикръ, —странная должность, доказывающая до какой степени скотства можетъ увлечь фанатизмъ—плодъ невѣжества.

«Около двадцати этихъ монаховъ, облаченныхъ въ длинный свѣтло-голубой костюмъ и съ бѣлыми чалмами на головахъ, выстроились въ рядъ и маневрировали съ совершеннѣйшимъ ансамблемъ. Эти маневры состоятъ въ томъ, чтобъ нагибаться въ поясъ, испуская гортанные звуки, точь въ точь похожіе на лай собаки. Эти двадцать туловищъ нагибаются впередъ, потомъ выпрямляются, чтобы нагнуться снова, съ механическою точностію; и эти двадцать лаевъ, испускаемые заразъ, составляютъ какъ бы одинъ лай. Движеніе и вой возрастаютъ crescendo и эти трудныя упражненія происходятъ столь долго безъ отдыха, что посторонніе зрители приходятъ въ недоумѣніе, спрашивая себя — можетъ ли машина изъ мяса и костей быть достаточно сильной, чтобъ исполнить всѣ эти кривлянья. Но для египтянъ не такъ: чѣмъ долѣе длится спектакль, тѣмъ бо̀льшею репутаціею святыхъ пользуются актеры. Между тѣмъ окрестныя палатки оглашаются пѣніемъ, неистовыми криками, барабаннымъ боемъ и освѣщаются тысячами огней; небесный сводъ безпрерывно перерѣзывается фейерверками и ракетами.

«По прошествіи двухъ недѣль этихъ безумствъ, вовсе не соотвѣтствующихъ съ нашему вѣку, наступаетъ великій день «досехъ». Въ этотъ день европейская колонія, жаждущая впечатлѣній и привлеченная приманкою столь нечеловѣческаго спектакля, прибываетъ цѣлою толпою на это подобіе ярмарочной площади; дамы,—какъ ни грустно сознаться въ этомъ, отличаются своею поспѣшностію занимать лучшія мѣста.

«Наконецъ, вдругъ, около полудня, стадо людей съ блѣдными лицами, съ отупѣлыми взглядами, врывается на площадку посреди палатокъ. Это — подонки черни, избранные дервишами; слуги, рабы, — послѣдніе всегда есть въ Египтѣ, что бы ни говорили о противномъ, — погонщики верблюдовъ,ословъ, носильщики и другіе люди въ этомъ родѣ. Опьяненный гашишомъ и придя въ настоящее бѣшенство, весь этотъ сбродъ бросается на ристалище добровольно, съ радостью, убѣжденный, что идетъ на мученическій подвигъ. Самая процессія раздачи пальмъ, привлекая этихъ безумцевъ, происходитъ такимъ образомъ: Эти безумцы ложатся на брюхо на площадкѣ въ центрѣ палатокъ, плотно прижимаясь другъ къ другу и громко цитируя слова изъ Корана, чтобъ еще болѣе вдохновить себя. Церемоніймейстеръ помогаетъ имъ своими совѣтами и наблюдаетъ за порядкомъ въ ихъ размѣщеніи. Когда такимъ образомъ составилась живая мостовая на протяженіи 80 или 100 метровъ, статный старикъ, одѣтый въ бѣлое платье и съ зеленой чалмой на головѣ, подобно израильскимъ левитамъ, появляется на чистокровной арабской лошади, предшествуемый развѣвающимися знаменами, барабанами и волынками. Это шейкъ Саадіехъ, избранникъ воюющихъ дервишей, идущій съ большою торжественностію.

«Послѣ короткой паузы, святой всадникъ проѣзжаетъ свой путь, съ одного конца до другого, попирая ногами своего коня несчастныхъ безумцевъ. Принимается только одна предосторожность—это не подковываютъ лошадь. Во все время, пока длится эта ужасная процессія, шейкъ имѣетъ восторженный видъ; крупныя слезы текутъ по его щекамъ: неоспоримо, онъ имѣетъ умственное и прямое общеніе съ пророкомъ; его глаза обращены къ небу.

«Самое ужасное въ этой дикой сценѣ, постыдной для человѣчества и особенно для тѣхъ, кто позволяетъ ему придерживаться этихъ обычаевъ, это прохожденіе всадника по живымъ подмосткамъ; многіе мученики встаютъ очень дурно себя чувствуя, а есть и такіе, которые не встаютъ уже болѣе; тогда дервиши бросаются къ этимъ послѣднимъ, берутъ ихъ въ свои руки, поддерживаютъ на ногахъ, чтобъ они казались живыми, ибо установлено, — и въ этомъ состоитъ все чудо—что лошадь шейкъ-Садіеха никогда никого не ранитъ.

«Не смотря на это, каждый годъ, пятнадцать или двадцать такихъ несчастныхъ, изъ 3-хъ или 4-хъ сотъ, участвующихъ въ изображеніи изъ людей мостовой, умираютъ вслѣдствіе проломовъ бока».

Новости наукъ и жизни.

Военныя желѣзныя дороги. Приводимъ отзывъ «Русск. Инв.» по поводу статьи: «Объ опытѣ надъ военною желѣзною дорогой, устраиваемою въ наикратчайшее время». При опытахъ этихъ, произведенныхъ въ ольдершотскомъ лагерѣ, было принято во вниманіе, что всѣ доселѣ устраивавшіеся, въ военное время, желѣзные пути не приносили всей ожидаемой отъ нихъ пользы, вслѣдствіе медленности постройки: ни въ крымскую войну, ни во время абисинской кампаніи, ни въ послѣднюю франко-германскую войну, не смотря на всю поспѣшность постройки, желѣзныя дороги не возводились такъ быстро, какъ бы то было желательно. Усматривая причину этой медленности въ трудности возведенія выемокъ, насыпей и каменныхъ сооруженій, англичане испробовали устройство желѣзной дороги на деревянныхъ, врываемыхъ въ землю, столбахъ, служащихъ также и для устройства мостовъ и віадуковъ. По окончаніи опытовъ, продолжавшихся двѣнадцать мѣсяцевъ, завѣдующій ими комитетъ пришелъ къ заключенію, что результатъ опытовъ превзошелъ всякія ожиданія. Опыты показали, что военная желѣзная дорога, устроенная въ одинъ путь по системѣ принятой въ Ольдершотѣ, въ состояніи доставлять военныя и коммисаріатскія принадлежности, необходимыя для потребностей арміи въ 100,000 человѣкъ; что желѣзная дорога въ два пути, при дневной и ночной эксплоатаціи, въ состояніи удовлетворить потребностямъ арміи въ 300,000 человѣкъ; что желѣзная дорога въ одинъ путь, длиною въ двѣ мили, можетъ быть построена въ теченіе сутокъ 500 чел. рабочими, и что, если встрѣтится надобность, то можно построить желѣзную дорогу со скоростью движенія 100,000 арміи. Каждая миля желѣзной дороги въ Ольдершотѣ обошлась въ 3,500 фунт. стерлинговъ.

О распредѣленіи температуры въ Тихомъ Океанѣ. Ниже излагаемъ результаты изслѣдованій г. Тизара насчетъ вертикальнаго и горизонтальнаго распредѣленія температуры въ Тихомъ Океанѣ между 40^0 сѣв. и 40^0 южной широты:

1) Между параллелями 33^0 С и 40^0 Ю, на 200 саж. глубины, температура въ сѣверномъ Тихомъ Океанѣ выше чѣмъ въ южномъ; между тѣмъ какъ на большой глубинѣ, а именно на 1500 саж., она ниже въ сѣверной части Тихаго Океана.

2) Верхній слой атмосферы выше въ западныхъ частяхъ, чѣмъ въ срединѣ и на Востокѣ; въ большихъ глубинахъ температура на западѣ Тихаго Океана гораздо ниже.

3) На глубинѣ 1,500 саж. температура между 40^0 С и 40^0 Ю широты почти одинаковая.

4) Ниже 1,500 саж. до дна морского температура въ южномъ Тихомъ Океанѣ немного ниже чѣмъ въ сѣверномъ; но слой холодной воды на югѣ гораздо тоньше чѣмъ на сѣверѣ; а именно: слой холодной воды между $40^03'$ южной широты и $132^058'$ западной долготы до острова Мокка, лежащаго у западнаго берега южной Америки простирается до 2,070 саж., между тѣмъ какъ отъ Японіи до $38^09'$ сѣв. шир. и $156^025'$ западн. долг. слой холодной воды занимаетъ 2,820 саж.

5) Изотермическая линія $1,7^0$ идетъ, хотя не вездѣ, почти въ уровень со дномъ. Высшая точка этой изотермической линіи, въ восточной и западной половинѣ, находится не надъ самымъ плоскимъ мѣстомъ, но немного западнѣе, а на югѣ Таити немного сѣвернѣе самаго глубокаго мѣста. Тизаръ объясняетъ это явленіе тѣмъ, что холодный слой Тихаго Океана происходитъ отъ довольно сильнаго теченія, идущаго изъ Антарктическаго моря; и что обратно къ сѣверу текущая вода, вслѣдствіе движенія земли, отгоняется на западъ, и это тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ стремительнѣе теченіе.

Берега Франціи у Средиземнаго моря. Одинъ современникъ, говоря о геологическихъ измѣненіяхъ, происшедшихъ въ южной Франціи со временъ римлянъ, между прочимъ, замѣчаетъ: французскій берегъ Средиземнаго моря раздѣляется на двѣ рѣзко отличающіяся другъ отъ друга половины. Все пространство между Генуей и Марселью весьма живописно и дышетъ жизнію; весь міръ отправляется туда для развлеченія и для здоровья. Отъ Марсели же до береговъ Испаніи мѣстность безлюдная и унылая. Въ былое время мѣстность эта сильно процвѣтала, но характеръ ея измѣнился, вслѣдствіе наносовъ песку и грязи съ Средиземнаго моря. Нарбонна, во времена римлянъ, непосредственно, сообщалась съ моремъ; въ ней, какъ и въ Венеціи, была своя лагуна, и былъ прорытъ глубокій каналъ для прохода тяжело нагруженныхъ купеческихъ судовъ и трехбаночныхъ императорскихъ галеръ. Въ настоящее время лагуна занесена и запружена, и не осталось даже слѣдовъ прежняго богатства, благосостоянія и торговли. Арль былъ также, когда-то, значительнымъ городомъ; въ немъ было два порта, какъ въ Александріи, и онъ былъ такъ богатъ и могуществен, что какой-то поэтъ IV ст. сравнивалъ его съ Римомъ. Рона, ежегодно наносившая около 22,236,000 кубич. ярдовъ служила его разореніемъ. Такая же участь выпала и на другіе города; хотя они и удалены теперь отъ моря, тамъ начали заниматься земледѣліемъ и воздѣлываніемъ виноградниковъ и оливковыхъ деревьевъ; эти статьи, по всей вѣроятности, возвратятъ этой мѣстности прежнее ея благосостояніе.

Новыя изобрѣтенія. Въ Нью-Іоркѣ придумано новое средство противъ распечатыванія писемъ на почтѣ. Для этого продаютъ такъ называемые «предохранительные конверты» (Safety Envelopрes), на задней сторонѣ которыхъ химически написано «Attempt to open» *«попытайтесь распечатать»*. Прежде всего дѣлается чернильный оттискъ, а затѣмъ наводится зеленымъ купоросомъ. Присутствіе купороса совершенно не замѣтно, а обнаруживается только тогда, когда, для распечатанія конверта, прибѣгаютъ къ пару; такъ что попытка распечатать письмо обнаруживается.

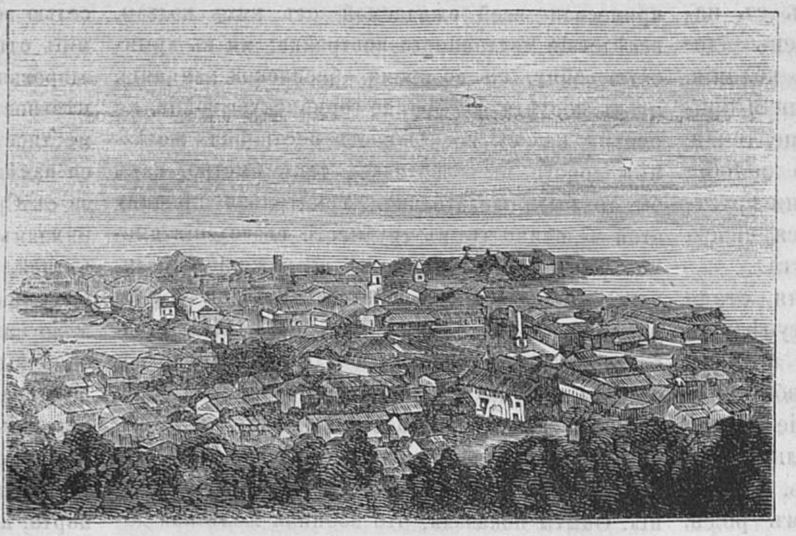
— «О маніи самоубійствъ въ наше время» — вотъ названіе любопытнаго этюда, помѣщеннаго въ нѣмецкомъ журналѣ «Gesundheit». Авторъ этюда называетъ нашъ вѣкъ — «вѣкомъ самоубійствъ», такъ какъ статистика открываетъ весьма грустные и поражающіе результаты въ этомъ отношеніи. Въ Германіи, съ начала настоящаго столѣтія до 1857 г., насчитано до 300,000 случаевъ самоубійства; въ настоящее время, въ продолженіе года, тамъ бываетъ около 4,000 самоубійствъ; между самоубійцами много дѣтей, «разочаровавшихся въ жизни раньше, чѣмъ ее хорошенько узнали». Женщины составляютъ четвертую часть числа самоубійцъ; что касается возраста, то періодъ между 40 — 60 годами доставляетъ наибольшее число самоубійствъ; весною и лѣтомъ случаи самоубійства бываютъ чаще, нежели осенью и зимою. Изъ числа средствъ, которыми пользуются люди для умышленнаго лишенія жизни, повѣшеніе и утопленіе составляютъ самыя частыя. Съ каждымъ годомъ число этихъ несчастныхъ увеличивается. Разсуждая о причинѣ этой язвы, укореняющейся все болѣе и болѣе въ цивилизованномъ мірѣ и подрывающей его силы, авторъ заключаетъ, что главная вина этого несчастія — «уменьшеніе энергіи для борьбы съ жизненными препятствіями». Гигіена давно стремится оградить человѣчество отъ разныхъ тѣлесныхъ недуговъ; но какъ помочь душевному страданію, тяготѣющему надъ нами? Для этого слѣдовало бы измѣнить весь строй жизни общества, — что̀ невозможно; затѣмъ, по мнѣнію автора, остается одно средство: сосредоточить все вниманіе на воспитаніи дѣтей. «Развивайте въ школахъ тѣло и душу дѣтей и манія къ самоуубійству уменьшится»—говоритъ онъ. Недостатокъ нѣмецкихъ школъ состоитъ въ скученіи большого количества дѣтей въ классахъ. Въ тѣсномъ и вонючемъ воздухѣ находится отъ 50 — 60 учениковъ: какой учитель (будь онъ даже геній) въ состояніи наблюдать за каждымъ изъ нихъ, и воспитывать каждаго, соображаясь съ его индивидуальными особенностями? — Второй главный недостатокъ нѣмецкихъ школъ составляетъ недостаточность мышечныхъ упражненій. По требованіямъ гигіены, всякій ребенокъ долженъ имѣть, по крайней мѣрѣ, 3 часа въ недѣлю для гимнастики; при настоящемъ же распредѣленіи занятій въ названныхъ школахъ, становится невозможнымъ отдѣлить на это столько времени. На этотъ вопросъ, по мнѣнію автора, слѣдовало бы обратить надлежащее вниманіе педагоговъ.

* * *

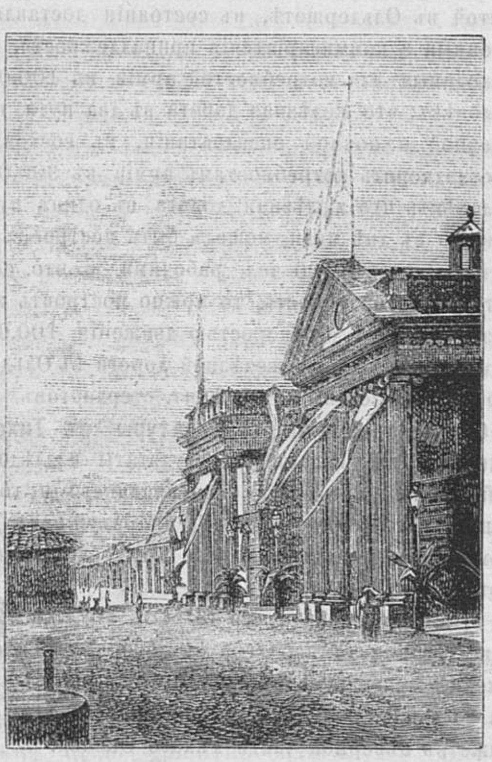
Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій.

Изъ послѣднихъ извѣстій, полученныхъ съ азіятскаго театра военныхъ дѣйствій, видно, что всѣ колонны нашей кавказской арміи не только успѣшно подвигаются впередъ, но и мало-по-малу входятъ въ сообщеніе между собою. Турки повсюду отступаютъ, направляясь къ Эрзеруму, подъ стѣнами котораго, намъ кажется, должна рѣшиться участь сѣверо-восточной части Малой Азіи. Дѣйствительно, по свѣдѣніямъ иностранныхъ газетъ, главнокомандующій турецкою анатолійскою арміею Мухтаръ-паша, который, какъ извѣстно, выступилъ на дняхъ изъ Карса во главѣ восьми баталіоновъ, находится уже въ Бурдусѣ, мѣстности, лежащей на полпути отъ Карса къ Эрзеруму, откуда, вѣроятно, онъ отступитъ далѣе, къ главному городу вилайета. Мухтаръ-паша, очевидно, не чувствовалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы дать отпоръ русской арміи подъ стѣнами Карса; онъ предпочитаетъ отступить на Эрзерумъ, куда стягиваетъ также боковые отряды, въ надеждѣ, что, тѣмъ временемъ, прибудутъ чрезъ Батумъ и Трапезунтъ потребованныя имъ отъ Порты подкрѣпленія. Къ такому отступательному движенію побуждаютъ его, быть можетъ, и административныя соображенія, ибо, по слухамъ, всѣ пограничныя крѣпости, не исключая и Карса, весьма недостаточно снабжены провіантомъ.

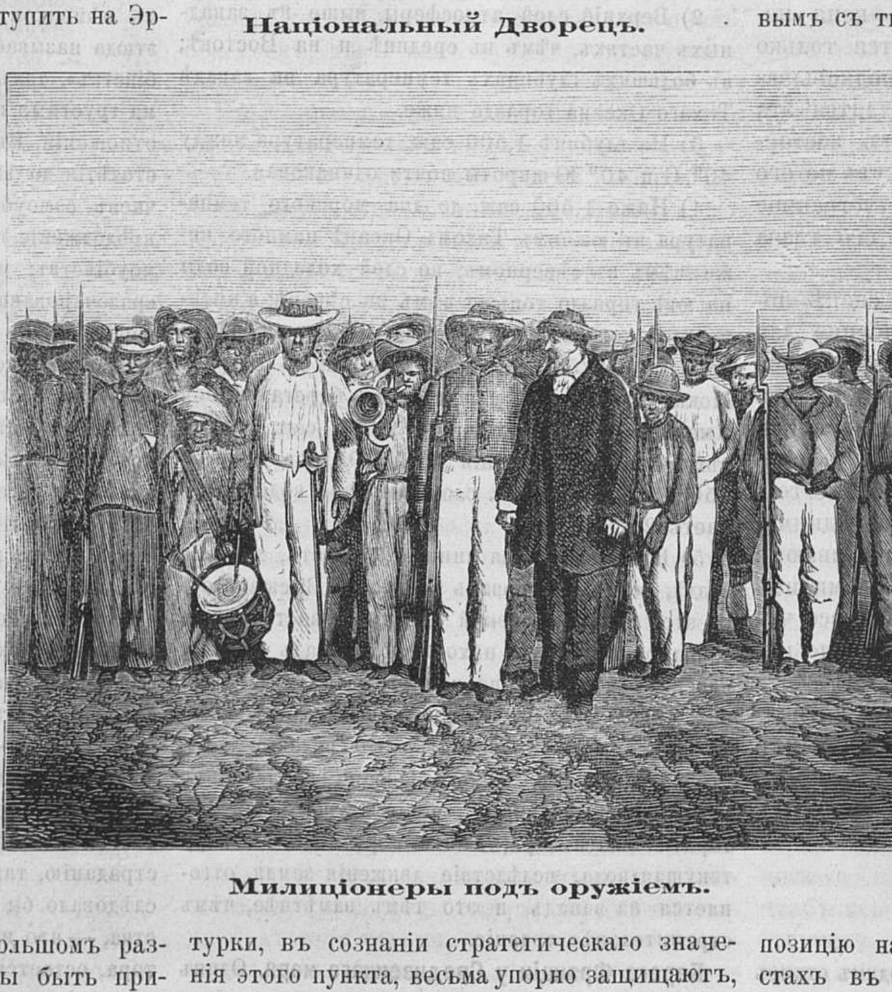
Но ожиданія Мухтара паши на подкрѣпленія, съ помощью которыхъ онъ надѣется остановить подъ Эрзерумомъ движеніе кавказской арміи во внутрь Анатоліи, могутъ не оправдаться въ томъ случаѣ, если Батумъ и Трапезунтъ будутъ заблаговременно взяты нашими войсками или, по крайней мѣрѣ, отрѣзаны отъ столицы вилайета. Трапезунтъ находится еще въ слишкомъ большомъ разстояніи отъ нашей арміи, чтобы быть принятымъ, до поры до времени, въ соображеніе; но Батуму угрожаетъ уже серьёзная опасность. Не смотря на великолѣпныя позиціи, которыхъ встрѣчается не мало между постомъ св. Николая и Батумомъ и которыя турки, въ сознаніи стратегическаго значенія этого пункта, весьма упорно защищаютъ, отрядъ этотъ, выбивъ непріятеля изъ завала, устроеннаго имъ при Легвѣ, въ недалекомъ разстояніи отъ нашей границы, двинулся на Чурукъ-су, принудивъ турокъ очистить какъ этотъ постъ, такъ и весь правый берегъ впадающей близъ него въ Черное море рѣчки Кинтриши. Отъ Кинтриши до Батума всего двадцать верстъ, т. е. не болѣе весьма обыкновеннаго перехода; но и здѣсь встрѣчаются сильныя позиціи, овладѣніе которыми, съ фронта, сопряжено съ большими затрудненіями.



Городъ Панама и Тихій Океанъ.



Національный Дворецъ.



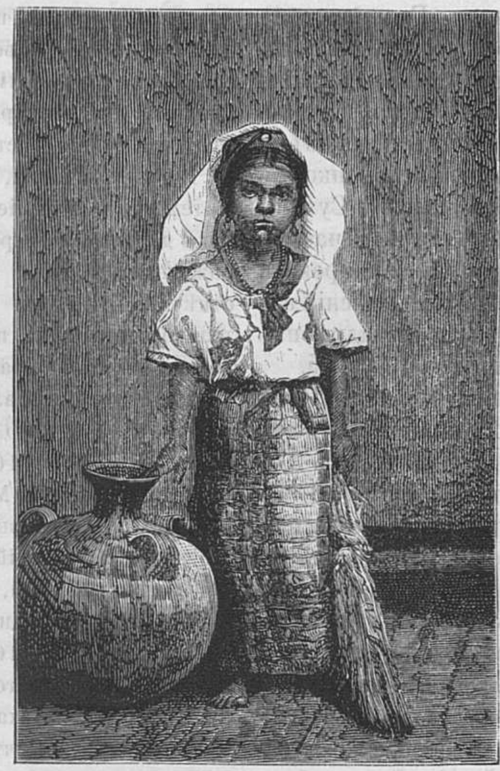
Милиціонеры подъ оружіемъ.

Ахалцыхскій отрядъ находится въ настоящее время почти подъ Ардаганомъ. Между нимъ и главными силами, дѣйствующими въ долинѣ Карсъ-Чая, установилось уже сообщеніе: 19 апрѣля три сотни кубанскаго казачьяго войска, подъ начальствомъ Минѣева, выступивъ со стороны Ардагана, прибыли въ тотъ же день вечеромъ чрезъ ОмеръАгу въ Заимъ. На слѣдующій день отрядъ этотъ возвратился подъ Ардаганъ.

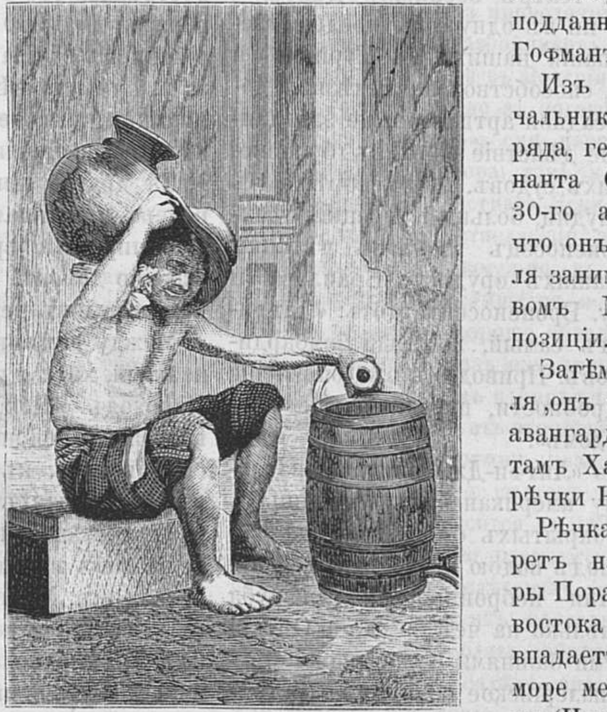
Главныя силы продолжаютъ стоять у Заима; но кавалерія ихъ, весьма многочисленная, совершаетъ ежедневно дальнія рекогносцировки и поиски, отрѣзываетъ мало-по-малу крѣпость Карсъ отъ всякихъ сообщеній съ остальными городами вилайета, устанавливаетъ сообщенія между главными силами и боковыми отрядами и способствуетъ введенію русскаго управленія въ краѣ. На дняхъ произведена нами важная рекогносцировка кавалеріею къ юго-западу отъ Карса, результатомъ которой было обращеніе въ бѣгство многочисленнаго непріятельскаго отряда, выступившаго изъ этой крѣпости по эрзерумской дорогѣ, и разрушеніе телеграфной линіи между Карсомъ и Эрзерумомъ; кромѣ того, оффиціальная телеграмма изъ Тифлиса отъ 27-го апрѣля извѣщаетъ насъ, что наканунѣ была произведена такая же важная рекогносцировка къ сѣверо-западу отъ Карса генералъ-маіоромъ Шереметьевымъ съ тверскимъ драгунскимъ полкомъ и тремя сотнями горско-моздовскаго казачьяго полка. Рекогносцировка эта, имѣющая очевидно цѣлью изученіе мѣстности, по которой имѣетъ быть проведена линія обложенія Карса въ означенномъ направленіи, представляетъ большой интересъ, между прочимъ, тѣмъ, что наши драгуны и казаки доказали, что они умѣютъ искусно пользоваться не только коннымъ, но и пѣшимъ строемъ, и что вооруженіе ихъ скорострѣльными ружьями нельзя не назвать весьма раціональною и цѣлесообразною мѣрою. Замѣтивъ обходное движеніе нашей кавалеріи, турки, въ намѣреніи отрѣзать ей путь къ отступленію, вышли изъ Карса въ составѣ четырехъ баталіоновъ пѣхоты, одной батареи и извѣстнаго количества конницы. Занявъ выгодную позицію на высотахъ Бердакъ-чая, верстахъ въ 10-ти къ сѣверу отъ Карса, они напали на правый флангъ нашей кавалеріи, когда та, по исполненіи возложеннаго на нее порученія, возвращалась къ Заиму. Какъ только послѣдняя замѣтила непріятеля, часть ея спѣшилась и мѣткою стрѣльбою изъ своихъ скорострѣльныхъ ружей съумѣла удержать турецкій отрядъ на почтительномъ разстояніи, прикрывая, такимъ образомъ, дальнѣйшее движеніе остальной русской конницы.

За два дня до этого, другой кавалерійскій отрядъ нашихъ главныхъ силъ, а именно нижегородскій драгунскій полкъ и шесть сотенъ казаковъ, выступилъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Лорисъ-Меликова, изъ Везинкева, центра дѣйствій кавалеріи александропольскаго корпуса, въ южномъ направленіи на Кагызманъ, главный городъ санджака того же имени, въ 55 верстахъ отъ Карса и 15 отъ нашей границы. Городъ этотъ былъ занятъ безъ боя, какъ отрядомъ Лориса-Меликова, такъ и выступившими заблаговременно изъ Кульпъ (нашего пограничнаго города къ в. отъ Кагызмана) шестью сотнями казаковъ. Благодаря занятію Кагызмана, возстановлено сообщеніе между главными силами и лѣвымъ боковымъ отрядомъ, который, спускаясь внизъ по долинѣ верхняго Ефрата (Мурадъ-чая), дошелъ уже до Діадина, верстахъ въ 40 къ западу отъ Баязета.

Осада Карса уже началась: городъ окруженъ и обстрѣливается двадцатью четырьмя осадными орудіями. По словамъ агентства Гавасъ, русскія колонны, прибывшія изъ Ахалцыха къ Ардагану, соединились уже съ армейскимъ корпусомъ, дѣйствующимъ по дорогѣ изъ Александрополя въ Карсъ и Эрзерумъ. Этому извѣстію вполнѣ довѣрять нельзя; трудно согласиться, чтобы войска могли такъ скоро пройти разстояніе отъ Ардагана до Карса, въ особенности, если принять въ соображеніе, что между этими двумя городами находятся Чалдырскія горы. Сдѣланъ ли этотъ переходъ или нѣтъ, но блокада Карса и взятіе Баязета даютъ теперь русскимъ возможность распространять свои военныя операціи къ Эрзеруму.



Молодая индіянка изъ Санто-Анны.



Водоносъ.

Такъ какъ, по всей вѣроятности, осада Карса, по примѣру 1854 года, будетъ играть значительную роль въ нашихъ военныхъ дѣйствіяхъ въ малой Азіи, то сообщаемъ военное описаніе этой крѣпости и его окрестностей.

Карсъ лежитъ на правомъ берегу рѣки Карсъ-чая и состоитъ изъ города собственно и трехъ предмѣстій. Самый городъ расположенъ на возвышенномъ берегу и имѣетъ въ своей западной части цитадель, не обширную, и могущую оказать какое-либо препятствіе только при штурмѣ города собственно. Въ маѣ 1855 года городъ отдѣлялся каменною стѣною отъ двухъ своихъ предмѣстій: Байрамъ-паши, лежащаго къ востоку въ низинѣ и Орта-капи, расположеннаго къ югу. На лѣвомъ берегу рѣки длинною полосою протянулось третье предмѣстье Темиръ-паша. Какъ городъ, такъ и предмѣстія лежатъ значительно ниже высотъ, примыкающихъ прямо къ рѣкѣ къ западу и сѣверу отъ города. Занятіе одной изъ этихъ высотъ дѣлаетъ дальнѣйшую оборону совершенно безполезною. Значитъ, всѣ силы обороняющагося, все его вниманіе должно быть обращено на укрѣпленіе этихъ высотъ; съ другой стороны и атакующій неминуемо долженъ всѣ свои старанія приложить къ занятію которой-либо изъ упомянутыхъ высотъ. Къ сѣверу отъ города, на правомъ же берегу рѣки, въ разстояніи около версты отъ города, находятся Карадахскія высоты, круто опускающіяся къ рѣкѣ и къ югу къ Карской равнинѣ. Высоты лѣваго берега не носятъ общаго названія; онѣ представляютъ возвышенное плато овальной формы, простирающееся къ западу отъ Карса версты на три, съ юга же на сѣверъ ихъ протяженіе верстъ около пяти. Съ южной, восточной и сѣверной сторонъ онѣ ограничены рѣкой Карсъчаемъ, огибающимъ ихъ дугою. Скаты ихъ къ востоку очень круты, кь югу и сѣверу болѣе отлоги. Поверхность плато волниста; въ разныхъ мѣстахъ возвышаются невысокіе обширные холмы съ очень отлогими скатами. Съ сѣвера врѣзывается въ плато очень глубоко оврагъ, въ глубинѣ котораго, почти на самомъ берегу рѣки, расположена дер. Калаба-Килиса; съ западной стороны также довольно глубоко врѣзывается другой оврагъ, съ крутыми скатами, въ глубинѣ котораго, къ сѣверу, течетъ ручей, огибающій далѣе высоту съ западной стороны. На немъ, у подножія высотъ, расположена дер. Чахмахъ, а южнѣе ея, по притоку ручья и также у подошвы высотъ, дер. Масадъ. Къ обоимъ ручьямъ скаты очень круты, почти недоступны. Гораздо отложе скаты плато южнѣе дер. Масадъ. Здѣсь, при штурмѣ нашихъ войскъ въ 1855 году, могла подниматься даже кавалерія, не вездѣ, конечно. Западнѣе описываемаго плато находятся также высоты, корыя противъ деревень Чахмаха и Масада отстоятъ около версты, а противъ скатовъ плато, южнѣе этихъ деревень, версты на полторы (названная нашими войсками въ 1855 году Обсерваціонная гора); къ юго-западу гора Муха, отдѣляющаяся отъ плато ложбиною въ полверсты, а за нею, дальше, гора Столъ, верстахъ въ двухъ съ половиною отъ плато. Къ югу отъ Обсерваціовной горы расположена дер. Шорахъ. По имени этой деревни юго-западная часть плато, обращенная къ горамъ Муха и Обсерваціонной, получила названіе Шорахскихъ высотъ; а западная часть плато у дер. Масадъ носила названіе горы Ширшане (баши-бузукская гора), а противъ дер. Чахмахъ—Чахмахскія высоты. Все описываемое плато представляетъ превосходную позицію, владѣя которою, непріятель господствуетъ надъ подступами къ городу съ западной и южной сторонъ.

Сообщаемъ послѣднія телеграммы съ малой Азіи.

Александрополь. 1-го (13-го) мая, воскресенье. Генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ, подступивъ къ Ардагану 30-го апрѣля, расположился близъ Хевасхяръ.

Игдыръ. 1-го (13-го) мая, воскресенье. Авангардъ эриванскаго отряда занялъ, 29-го апрѣля, Сурбъ-Оганесъ. Окрестные курды явились съ изъявленіемъ покорности.

При занятіи Баязета нашими войсками, взятъ былъ въ плѣнъ врачъ турецкаго госпиталя, австрійскій подданный, докторъ Гофманъ.

Изъ донесенія начальника Ріонскаго отряда, генералъ - лейтенанта Оклобжіо, отъ 30-го апрѣля видно, что онъ до 9-го апрѣля занимался устройствомъ Мухо-эстатской позиціи.

Затѣмъ, 29-го апрѣля ,онъ выдвинулъ два авангарда къ высотамъ Хацубани, вдоль рѣчки Кинтриши.

Рѣчка Кинтриши беретъ начало изъ горы Поранги, течетъ съ востока на западъ и впадаетъ въ Черное море между кабулетами (Чурукъ-су) и Цихедзири; длина ея около 40 верстъ. Верстахъ въ восьми отъ ея устья находится небольшое селеніе Хацубани, лежащее у подошвы высотъ, окаймляющихъ лѣвый берегъ р. Кинтриши.

На высотахъ этихъ турки избрали сильную позицію, по мѣстнымъ условіямъ весьма благопріятную для обороны; кромѣ того, она была усилена укрѣпленіями и усиленными преградами.

Позиція эта, 29-го апрѣля была аттакована и взята послѣ жаркаго боя нашими войсками, которыя при пособіи мѣткаго огня нашей артиллеріи штурмовали завалы, устроенные турками, и, какъ сказано въ телеграммѣ: «показали себя вполнѣ достойными старой славы кавказской арміи».

Батумъ. 1-го (13-го) мая, воскресенье. Въпятницу русскія войска аттаковали въ окрестностяхъ Батума турецкія. Произошелъ ожесточенный и кровопролитный бой, который продолжался въ теченіе восьми часовъ. Обѣ стороны удержали свои позиціи.

На Дунаѣ военныя дѣйствія подвигаются значительно медленнѣе, что впрочемъ весьма понятно, такъ какъ переходъ черезъ Дунай представляетъ большія затрудненія и не можетъ совершиться такъ скоро.

Въ «Русск. Инв.» напечатанъ слѣдующій общій обзоръ военныхъ дѣйствій. Высочайшимъ приказомъ отъ 26-го апрѣля, 4-й, 13-й и 14-й корпуса включены въ составъ дѣйствующей армій. Въ теченіе послѣдней недѣли наша дѣйствующая армія безпрепятственно продолжала свое сосредоточеніе въ Румыніи. Санитарное состояніе войскъ превосходно.

Турки, не предпринимая ничего серьёзнаго, въ нѣсколькихъ мѣстахъ обстрѣливали съ мониторовъ румынскій берегъ, не причиняя, впрочемъ, ни нашимъ войскамъ, ни жителямъ почти никакого вреда. Тѣмъ не менѣе, они стрѣляли безнаказанно, и даже нанесли значительныя поврежденія Ферапонтьевскому монастырю, близъ Сатунова, пока имъ могли отвѣчать только наши полевыя батареи. Но съ 26-го апрѣля положеніе дѣлъ измѣнилось. Къ этому дню у Браилова уже была вооружена наша осадная батарея, при появленіи которой турецкіе корветъ и два броненосца должны были тотчасъ же удалиться. При этомъ нельзя не отмѣтить ранняго появленія нашей осадной артиллеріи на театрѣ военныхъ дѣйствій, чего не было ни въ одну изъ предшествовавшихъ кампаній нашихъ съ Турціею, и чему, конечно, способствовали желѣзныя дороги. Орудія осадной артиллеріи не замедлили заявить свое дѣйствіе противъ броненосныхъ турецкихъ судовъ. 29-го апрѣля, въ три часа пополудни, большой турецкій трехмачтовый броненосецъ взорванъ мѣткими выстрѣлами нашихъ орудій у Браилова и пошелъ ко дну. Броненосецъ этотъ: «Литфи-Джелилъ», тотъ самый, который бомбардировалъ Браиловъ. Приводимъ въ дополненіе къ этому подробности, передаваемыя «Русскимъ Инвалидомъ»:

Броненосецъ «Литфи-Джелилъ» принадлежалъ къ типу американскихъ башенныхъ мониторовъ, покрытыхъ броней съ извѣстной глубины подъ водою и до открытой палубы. Открытая небронированная палуба возвышалась только на четыре фута. Орудія прикрыты двумя башнями и носовымъ брустверомъ. Артиллерійское вооруженіе состояло изъ пяти орудій; въ передней башнѣ два 9-ти дюймовыхъ, въ задней два 7-ми дюймовыхъ и за носовымъ блиндажемъ одно 40 фунт. Армстронга. Углубленіе судна—18 футовъ; ходъ его 12 миль въ часъ. Мониторомъ этимъ командовалъ капитанъ Неджибъ-бей; команда его состояла изъ 200 человѣкъ.

Мониторъ взорванъ двумя снарядами, одновременно попавшими въ него съ батареи № 4: одинъ снарядъ изъ 6-ти дюймов. нарѣзной мортиры, а другой изъ 24-хъ фунт. пушки. Батареею командовалъ состоящій для особыхъ порученій въ управленіи начальника осадной артиллеріи поручикъ *Самойло*; имена наводчиковъ: мортиры—*Романъ Давидюкъ*, пушки—*Иванъ Помпаръ*.

Вслѣдъ за взрывомъ пороховой камеры на мониторѣ, этотъ броненосецъ пошелъ ко дну мгновенно. Наши офицеры, полковникъ Струковъ и капитанъ 1-го ранга Рогуля, съ командою на трехъ шлюпкахъ, бросились спасать экипажъ погибшаго судна, но такъ какъ, вѣроятно, турки находились всѣ въ закрытіяхъ и подъ палубою, то спасенъ былъ только одинъ лоцманъ. Лейтенантъ гвардейскаго экипажа Дубасовъ снялъ съ потопленнаго броненосца турецкій военный флагъ.

Выше упомянуто о двухъ орудіяхъ осаднаго парка, изъ которыхъ произведены два выстрѣла, уничтожившіе турецкій мониторъ. Приводимъ здѣсь краткія замѣтки объ этого рода орудіяхъ принадлежащихъ къ составу осаднаго парка.

Бронзовыя 6-ти дюймовыя нарѣзныя мортиры. Введеніе нарѣзныхъ мортиръ въ артиллерію прежде всѣхъ было сдѣлано у насъ; сначала были введены нарѣзныя мортиры, заряжающіяся съ дула, и затѣмъ, съ цѣлью увеличенія мѣткости, введены нарѣзныя мортиры, заряжающіяся съ казны: орудіе это можетъ стрѣлять и прицѣльно, и навѣсно. Орудіе этой системы имѣетъ 96 пудовъ вѣса; стрѣляетъ: зарядомъ въ 7 фунтовъ; снарядомъ—длиною въ $2,_4$ калибра, вѣсомъ въ 90 фунтовъ; разрывной зарядъ въ снарядѣ $3,_3$ фунта.

Бронзовая 24-хъ фунтовая пушка. Вѣсъ пушки 140 пудовъ; зарядъ—въ 7 фунтовъ; снарядъ до 70 фунтовъ. Дальность полета снарядовъ, выпущенныхъ подъ угломъ около 35°, простирается до 3,000 саженъ (шесть верстъ).

Телеграммы Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго Кавказскою Арміею, отъ 1-го и 2-го **мая**. 30-го апрѣля, вечеромъ, турецкая эскадра подошла къ Гадаутамъ *), обстрѣляла это селеніе и высадила, какъ говорятъ, до 1,000 человѣкъ прежнихъ переселенцевъ съ Кавказа. Изъ Сухума выслано за р. Гумысту нѣсколько сотенъ казаковъ и милиціи, а генералъ-маіоръ Кравченко съ пѣхотою и орудіями расположился у Сухума.

На другой день, съ 3-хъ до 6-ти часовъ вечера, непріятельскія суда бомбардировали Очамчиры и повредили въ этомъ селеніи нѣсколько домовъ. 2-го же числа, эскадра изъ шести судовъ держится противъ Сухума.

Между тѣмъ, наши моряки совершили отважный, хотя и не вполнѣ удавшійся, поискъ. Пароходъ «Константинъ», выйдя изъ Севастополя, подошелъ 1-го мая, около 10 часовъ вечера, къ Батуму, и, остановившись въ семи миляхъ отъ берега, выслалъ на рейдъ четыре миноносныхъ катера, которые, встрѣтивъ турецкій пароходо-фрегатъ, аттаковали его. Мина была подведена удачно, но, къ сожалѣнію, не взорвалась. На фрегатѣ и на рейдѣ поднялась тревога; открытъ ружейный и картечный огонь; съ береговыхъ батарей также открыта стрѣльба. Среди общаго замѣшательства, катера наши ушли въ разныя стороны, и два изъ нихъ («Чесьма» и «Синопъ») были уже въ Поти, сегодня, на разсвѣтѣ; на нихъ не было ни убитыхъ, ни раненыхъ, другіе же два успѣли возвратиться къ пароходу «Константинъ», который, 3-го мая съ разсвѣтомъ, благополучно пришелъ въ Севастополь. Убитыхъ и раненыхъ не было. Пароходъ «Аргонавтъ» былъ высланъ изъ Очакова для крейсерства между Очаковымъ и Одессою; онъ подходилъ къ Сулинскому устью Дуная, гдѣ засталъ четыре турецкихъ броненосца подъ парами. Броненосцы погнались было за «Аргонавтомъ», но скоро отстали, и нашъ пароходъ возвратился въ Очаковъ, сегодня, 3-го мая, въ 7 часовъ утра.

Телеграмма Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго дѣйствующею арміею, отъ 2-го **сего мая, изъ Плоешты.** Сегодня утромъ прибылъ благополучно изъ Плоешты. По пути были торжественныя встрѣчи. Городскія власти, духовенство и народъ привѣтствовали Меня громкимъ «ура»; подносили хлѣбъ соль; у Моей квартиры въ Плоештахъ былъ почетный караулъ отъ нашихъ болгарскихъ дружинъ. Въ 2 часа князь Карлъ пріѣхалъ привѣтствовать меня; встрѣтилъ его на станціи съ почетнымъ карауломъ той же дружины и съ конвоемъ. Пробывъ здѣсь два часа, князь вернулся въ Бухарестъ. Завтра утромъ ѣду отдавать визитъ въ Бухарестъ; къ вечеру вернусь. Наши отряды не имѣли никакихъ столкновеній съ турками; румынскіе же имѣли незначительныя перестрѣлки у Виддина и Ольтеницы. Погода жаркая, душная. Санитарное состояніе нашей арміи вполнѣ благополучно. Отличившихся при взрывѣ броненосца офицеровъ Я наградилъ орденами: артиллеріи поручика Самойло—св. Владиміра съ мечами; сапернаго батальона поручика Гоманова—св. Анны 3-й степени съ мечами и двумъ наводчикамъ далъ знаки военнаго ордена.

Телеграммы.

Буда-Пештъ, 4-го (16-го мая, среда, вечеромъ. Въ палатѣ представителей венгерскаго сейма Ираньи возвѣстилъ, что имъ внесенъ будетъ запросъ о томъ, присоединилось-ли правительство къ берлинскому меморандуму, постановленіямъ константинопольской конференціи и лондонскому протоколу, и если присоединилось, то какимъ образомъ обстоятельство это можетъ быть согласовано съ парижскимъ трактатомъ и интересами Венгріи? Гелингъ предъявилъ запросъ: не считаетъ-ли правительство, въ виду совершающихся въ Румыніи событій, своевременнымъ занять рѣшительное положеніе и, по соглашенію съ другими державами, стремиться къ сохраненію парижскаго трактата? Министръ-президентъ Тисса отвѣчалъ, что для правительства существуетъ только одинъ путь и что правительство будетъ держаться того образа дѣйствій, который пользуется довѣріемъ палаты. Палата приняла этотъ отвѣтъ къ свѣдѣнію.

Парижъ, 4-го (16-го) мая, среда, вечеромъ. Въ своемъ отвѣтѣ Макъ-Магону при заявленіи просьбы объ отставкѣ, Жюль Симонъ объясняетъ свой образъ дѣйствій и выражаетъ желаніе, чтобъ его замѣстили люди, принадлежащіе къ консервативно-республиканской партіи.

Парижъ, 4-го (16-го) мая, среда, вечеромъ. Маршалъ Макъ-Магонъ написалъ письмо Дюфору, прося его пріѣхать къ нему для совѣщанія. Дюфоръ отвѣчалъ, что онъ угадываетъ причину этого приглашенія, но по разстроенному здоровью не можетъ принять на себя составленіе кабинета. Нѣтъ вѣроятія, чтобъ новое министерство могло быть сформировано завтра.

Парижъ, 4-го (16-го) мая, среда, вечеромъ. Утромъ Макъ-Магонъ отправилъ Жюлю Симону письмо, въ которомъ онъ говоритъ: «Удивляюсь, что ни вы, ни г. Мартель, не оспаривали вчера съ трибуны отмѣны закона о печати, который вотированъ въ 1875 году по предложенію Дюфора и примѣненія котораго въ судахъ вы недавно требовали; между тѣмъ въ совѣтѣ было условлено, что вы и г. Мартель выступите противъ этого закона. Удивляюсь также, что вы не оспаривали извѣстныхъ постановленій муниципальнаго закона, какъ, напримѣръ, публичности муниципальныхъ совѣтовъ, опасность которой была признана вами въ совѣтѣ министровъ. Такой образъ дѣйствій съ вашей стороны побуждаетъ меня спросить, сохранили-ли вы вліяніе на палату, необходимое для того, чтобъ доставить торжество вашимъ воззрѣніямъ. По этому предмету необходимо объясниться. Если я не отвѣтственъ передъ парламентомъ, то несу отвѣтственность передъ Франціей и объ отвѣтственности этой я долженъ теперь заботиться болѣе, чѣмъ когда-либо въ другое время». Вслѣдствіе этого письма Жюль Симонъ подалъ прошеніе объ отставкѣ, и Макъ-Магонъ, принявъ это прошеніе, пригласилъ къ себѣ герцога Одифре-Пакье.

---

*) Гадауты, около 70-ти верстъ южнѣе Сухума.

Парижъ, 5-го (17-го) мая, четвергъ. Слухъ о томъ, будто-бы маршалъ Макъ-Магонъ составитъ министерство изъ членовъ правой стороны, считается, въ кружкахъ пользующихся вѣрными свѣдѣніями, лишеннымъ всякаго основанія. Въ настоящее время, въ парламентскихъ кружкахъ считаютъ вѣроятнымъ образованіе кабинета изъ членовъ лѣвой стороны; упоминаютъ имена Марсера, герцога Деказа, Ваддингтона, Леона Сэ и Кристофля. Сегодня вечеромъ, будетъ происходить совѣщаніе всѣхъ лѣвыхъ фракцій.

Константинополь, 5-го (17-го) мая, четвергъ. Серкисъ-эффенди отправляется сегодня въ Дарданеллы, для встрѣчи иностранныхъ пословъ. На мѣсто Садыка-паши, генералъ-губернаторомъ Дунайскаго вилайета назначенъ Ахметъ-паша.

Парижъ, 5-го (17-го) мая, четвергъ. Утромъ, маршалъ Макъ-Магонъ принималъ нѣсколькихъ лицъ, причемъ всѣмъ имъ выразилъ свое твердое намѣреніе держаться мирной политики по отношенію ко всѣмъ державамъ и съ величайшею твердостью подавлять ультрамонтанскія манифестаціи, въ случаѣ ихъ возникновенія.

Парижъ, 4-го (16-го) мая, среда. Сегодня утромъ Жюль Симонъ подаетъ просьбу объ отставкѣ. Увѣряютъ, что рѣшеніе Жюля Симона вызвано письмомъ, съ которымъ обратился къ нему маршалъ Макъ-Магонъ.

Парижъ, 4-го (16) мая, среда, Въ письмѣ своемъ маршалъ Макъ-Магонъ требуетъ отъ Жюля Симона объясненій по поводу анти-консервативнаго положенія, принятаго имъ и Мартелемъ вопреки обязательствамъ, даннымъ ими въ совѣтѣ министровъ. Жюль Симонъ отвѣтилъ на это письмо просьбою объ отставкѣ и пояснительнымъ письмомъ, обращеннымъ къ маршалу, въ которомъ онъ приглашаетъ его составить кабинетъ изъ республиканцевъ-консерваторовъ.

Вѣна, 4-го (16) мая, среда. Въ «Neue Freie Presse» телеграфируютъ изъ Парижа отъ 4-го (16) мая, что Мидхадъ-паша прибылъ incognito и навѣстилъ нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ.

Кромѣ того газета передаетъ, что хедивъ принялъ мѣры противъ агитаціи странствующихъ священниковъ, которые фантазируютъ народъ.

Лондонъ, 4-го (16-го) мая, среда. Австрійскій посолъ при Портѣ, графъ Зичи, и германскій принцъ Рейсъ, получили инструкціи, предписывающія имъ сдѣлать въ Константинополѣ представленія по поводу образованія польскаго легіона.

Вѣна, 4-го (16-го) мая, среда. Въ субботу графъ Андраши возвращается въ Вѣну.

Бухарестъ, 3-го (15-го) мая, вторникъ. Изъ Германіи прибылъ сюда значительный транспортъ ружей и крупповскихъ орудій.

Пера, 3-го (15-го) мая, вторникъ. Турецкій совѣтъ министровъ рѣшилъ вопросъ объ осадномъ положеніи въ утвердительномъ смыслѣ.

Вѣна, 4-го (16-го) мая, среда. Только что получена депеша изъ Землина, въ которой увѣдомляютъ, что князь Миланъ серьёзно помышляетъ объ отреченіи отъ престола, такъ какъ онъ рѣшительно противъ войны.

Берлинъ, 4-го (16-го) мая, среда. Между Петербургомъ и Лондономъ ведутся переговоры объ установленіи демаркаціонной линіи для театра военныхъ дѣйствій.

Лондонъ, 4-го (16-го) мая, среда. Въ «Times» телеграфируютъ изъ Бѣлграда, что въ Сербіи производится осмотръ всѣхъ магазиновъ съ цѣлію убѣдиться, на сколько велики наличные запасы провіанта и фуража. Всѣ приготовленія къ войнѣ уже сдѣланы.

Парижъ, 5-го (17-го) мая, четвергъ. Вчера вечеромъ передъ городскою ратушею, гдѣ происходило собраніе лѣвой, столпилось много народа. Гамбетта произнесъ рѣчь, въ которой приглашалъ народъ не нарушать покоя. Лѣвая приняла рѣшеніе побудить палату, чтобы она заявила о намѣреніи своемъ оказать поддержку министерству, политика котораго является ручательствомъ внутренней и внѣшней безопасности страны.

Парижъ, 4-го (16-го) мая, среда. Поданная сегодня Жюлемъ Симономъ просьба объ отставкѣ еще не принята маршаломъ Макъ-Магономъ.

Берлинъ, 4-го (16-го) мая, среда. Императоръ Вильгельмъ отправляется въ іюнѣ мѣсяцѣ (между 29 маемъ (10 іюнемъ) и 4 (16) іюнемъ) на воды, въ Эмсъ.

Парижъ, 4-го (16-го) мая, среда. Донъ-Карлосъ приглашаетъ басковъ воспротивиться отмѣнѣ фуэросовъ. которая рѣшена самозваннымъ правительствомъ.

Испанское правительство чрезъ своего посла въ Парижѣ, маркиза де-Молэна, сдѣлало герцогу Деказу представленія, въ которыхъ требуетъ, чтобы Франція изгнала изъ своихъ предѣловъ претендента, Донъ-Карлоса.

Вѣна, 5-го (17-го) мая, четвергъ. Въ дипломатическихъ кружкахъ утверждаютъ, что состоялось соглашеніе между Греціей и Турціей, въ основаніе котораго положено исправленіе границъ въ пользу Греціи.

Парижъ, 5-го (17-го) мая, четвергъ. Республиканское большинство постановило предложить въ четверговомъ засѣданіи палаты мотивированный переходъ къ очереднымъ дѣламъ, требующій образованія министерства изъ членовъ большинства палаты.

Утверждаютъ, что маршалъ Макъ-Магонъ желаетъ министерства изъ членовъ правой, подъ предсѣдательствомъ герцога Брюльи, Форту или Дюклеркъ.

Парижъ, 5-го (17-го) мая, четвергъ. Герцогъ Одифре-Пакье и Дюфоръ отклонили предложеніе маршала Макъ-Магона образовать новое министерство. Ни одинъ членъ лѣвой не соглашается вступить въ кабинетъ. По всей вѣроятности новое министерство будетъ составлено изъ членовъ сенатскаго большинства.

Смѣсь.

— Постройка зданія, для помѣщенія банка «Crédit Lyonnais», въ Парижѣ, идетъ днемъ и ночью, и производится подъ стеклянымъ колпакомъ, который ночью великолѣпно освѣщается газомъ. Устройство этой стеклянной клѣтки обошлось въ 75,000 франковъ и занимаетъ 1,600 квадр. метровъ.

Наши гравюры.

Наяда.

Существуетъ довольно распространенное мнѣніе, что классическій міръ и сюжеты изъ миѳологіи все болѣе и болѣе уступаютъ мѣсто въ живописи исторіи, жанру и пейзажу. Поклонники реализма утверждаютъ, что живопись, какъ и всякое другое искуство, должно отвѣчать требованіямъ времени и отражать только тѣ стремленія, которыя руководятъ дѣйствительностью. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это справедливо, но съуживаніе области искуства ни въ какомъ случаѣ не отвѣчаетъ требованіямъ современной живописи; классическій міръ, какъ и миѳологія, входятъ въ область современнаго искуства съ такимъ же правомъ, какъ и историческій жанръ, только мы принаравливаемъ классическій міръ и миѳологію, къ нашимъ воззрѣніямъ и видимъ въ нихъ именно то, чего не видали древніе и, въ особенности, художники псевдо-классической школы. Когда современное искуство обращается къ классическому міру, оно видитъ въ немъ не олицетвореніе абстрактныхъ идей, а извѣстную форму, въ которой чрезвычайно удобно передавать во всѣхъ мелочахъ и подробностяхъ всю поэтическую роскошь природы.

Къ такому именно роду современной живописи принадлежитъ и «Наяда» — превосходная картина, бывшая на парижской выставкѣ. Эта современная «Наяда» не имѣетъ ничего общаго съ «наядами» древнихъ грековъ, и въ особенности съ «наядами» псевдо-классическаго пейзажа XVIII столѣтія. Это — самая обыкновенная дѣвушка, очень красивая, очень граціозная, лежащая на берегу рѣки (она, вѣроятно, купалась), среди прекраснѣйшаго пейзажа. Ничего больше. Идеи, какъ будто нѣтъ, если не считать идеей — желаніе художника пощеголять знаніемъ женскихъ формъ; но это напрасно; не чувственный разсчетъ былъ у художника, когда онъ задался мыслію написать «Наяду», а древне-языческая идея культа природы, и съ этой стороны картина представляетъ большой интересъ. Правда, съ которой переданы всѣ подробности пейзажа и главнаго лица — можетъ только сравняться съ поэзіей, которую хуложникъ съумѣлъ отыскать въ столь незатѣйливомъ пейзажѣ.

Разбойники.

На Яски, продавца проволочныхъ издѣлій, напала цѣлая шайка разбойниковъ, атаманомъ которой былъ извѣстный въ Венгріи Нагги Истранъ; у этихъ господъ вошло въ поговорку, что «славянинъ не человѣкъ»; они нападали на всѣхъ словаковъ безъ разбора; такъ и теперь набросились они на несчастнаго Яски, отобрали у него весь товаръ, составлявшій все его состояніе; онъ служилъ, когда-то, въ военной службѣ, и довольно наслышался и самъ испыталъ, какъ съ словаками хорошо обращаются разбойники; но на этотъ разъ онъ почувствовалъ себя особенно несчастнымъ и порѣшилъ, во чтобы то ни стало, какъ слѣдуетъ отомстить этимъ разбойникамъ и получить сумму, назначенную правительствомъ тому, кто выдастъ Нагги Истранъ. Этотъ разсказъ относится къ 1851 г.

Задавшисъ мыслію отомстить разбойникамъ, онъ неутомимо преслѣдовалъ ихъ и наконецъ узналъ постоянный ихъ ночлегъ а именно въ Белинейскомъ лѣсу близъ заброшенной «Чарди» (постоялаго двора). Затѣмъ онъ отправился въ жандармское правленіе, предложилъ свои услуги для вѣрнаго нападенія на Нагги Истранъ, гдѣ, конечно, былъ принятъ съ распростертыми объятіями.

Было уже за полночь, когда неподалеку отъ того постоялаго двора, показалось нѣсколько всадниковъ; между ними были: жандармскій офицеръ, четыре жандарма и шесть улановъ. Всѣ они насторожились и пристально всматривались въ темноту.

Вдругъ скрипнула гдѣ-то калитка, и предъ ними предстала, точно выросшая изъ земли, фигура; это былъ Яски, словакъ; онъ весь запыхался и торопливо шепчетъ жандармскому офицеру.

Панъ лейтенантъ! Нагги на постояломъ дворѣ, съ тремя другими разбойниками, они пьютъ, а хозяинъ съ женою отправились спать; лошади ихъ на дворѣ; они забрали съ собою всѣ ружья, такъ что я ни одного не могъ утащить.

— Хорошо, сказалъ офицеръ, вынимая изъ подъ сѣдла пистолетъ и соскакивая съ лошади сказалъ:—Ты, Яски, останешься здѣсь держать мою лошадь; въ другомъ подсѣдельномъ карманѣ лежитъ также пистолетъ, можешь имъ, въ случаѣ надобности, воспользоваться.

— О, панъ лейтенантъ! возьмите Яски съ собою, мнѣ бы такъ хотѣлось самому расправиться съ Нагги.

— Оставайся здѣсь лучше, чтобы они тебя не видѣли.

Яски повиновался, понуривъ голову, взялъ лошадь подъ уздцы и вытащилъ изъ подъ сѣдла пистолетъ. Жандармскій же офицеръ съ людьми направился для облавы; нѣсколько уланъ было поставлено охранять всѣ выходы, а офицеръ съ другими направился къ дому; не успѣлъ онъ взойти на ветхія ступеньки, какъ дверь постоялаго двора отворяется, и раздается три, слѣдующіе одинъ за другимъ, выстрѣла; они значитъ ожидали нападенія. Затѣмъ начинается страшная свалка; разбойники не успѣли снова зарядить своихъ пистолетовъ и имъ пришлось чѣмъ попало защищаться. Они очень ловко отпарировали удары штыковъ, заслоняясь деревяннымъ столомъ.

— Не давайте имъ подходить къ окнамъ? прокомандовалъ офицеръ. Но, въ это время, одинъ изъ преступниковъ ударилъ его обухомъ по головѣ. Немного пришедши въ себя слышится опять команда:

— Сдавайтесь!

— Этого никогда не будетъ! и затѣмъ одинъ изъ разбойниковъ набросился на жандарма, заслонявшаго собою окно, отбросилъ его въ сторону и выскочилъ черезъ окно, выломавъ створки окна, и былъ таковъ. Въ ста шагахъ былъ колодезь, къ нему то онъ и направился; неподалеку отъ него Яски, дѣлая рекогносцировку, привязалъ свою лошадь; разбойникъ порвалъ уздечку, вскочилъ на лошадь и бросился въ дремучій лѣсъ; Нагги убѣжалъ; остальные же были въ рукахъ офицера, одинъ изъ нихъ былъ убитъ.

— Пойдите кто нибудь изъ васъ и приведите сюда хозяевъ трактира; жаль, что атаманъ ускользнулъ.

Въ это время, издали, раздались два выстрѣла. Это вѣроятно уланы завидѣли бѣгущаго Нагги и преслѣдуютъ его. Такъ и было; когда Нагги бросился въ дремучій лѣсъ, то уланы завидѣвъ его, обогнули дорогу кордономъ; Нагги, не долго думая, повернулъ свою лошадь, по направленію откуда пришли жандармы и гдѣ стоялъ съ лошадью Яски. Послѣдній слѣдилъ лихорадочно за происходящей схваткою; когда онъ услышалъ стукъ копытъ нѣсколькихъ лошадей и завидѣлъ отдѣльно выдѣлявшагося всадника, набросился на него, надставляя ему дуло пистолета. Нагги узналъ Яски и тотъ не успѣлъ очнуться, какъ разбойникъ выстрѣлилъ въ него. Въ эту минуту подскочилъ уланъ, проткнувшій разбойника пикою, такъ что тотъ не могъ тронуться съ мѣста.

Чрезъ нѣсколько дней Нагги, два его товарища и хозяева трактира были повѣшены. Правительство должно было, послѣ венгерскаго возстанія, прибѣгать къ самымъ крутымъ мѣрамъ, для истребленія разбойниковъ. На нашемъ рисункѣ представлена одна изъ сценъ грабежа, совершеннаго разбойниками.

От Парижа до Гватемалы.

Французъ Лаферрьеръ объѣхалъ нѣсколько разъ на своемъ вѣку территоріи, составляющія пять республикъ Панамскаго перешейка или Центральной Америки. Эти пять государствъ расположены между двумя океанами: Атлантическимъ и Тихимъ, и хотя находятся въ знойномъ климатѣ, но этотъ зной умѣряется близостію моря. Почва въ нихъ плодородная, населеніе промышленное и трудолюбивое, словомъ, всѣ физическія условія страны содѣйствуютъ развитію благосостоянія въ этихъ государствахъ; но тѣмъ не менѣе, оно сильно задерживается тѣмъ, что до сихъ поръ не приступили къ осуществленію давно проектированнаго прорытія Панамскаго перешейка. Лаферрьеръ знакомитъ насъ, въ своемъ сочиненіи, съ географическими, историческими, политическими, промышленными и торговыми условіями Коста-Рики, Санъ-Сальвадора, Гватемалы, Гондураса и Никарагвы.

Мы не будемъ говорить подробно о сочиненіи г. Лаферрьера, а упомянемъ только, въ самыхъ краткихъ чертахъ, о его многократныхъ путешествіяхъ. Прилагаемъ, для нашихъ читателей, заимствованный нами у него видъ Панамы, древняго приморскаго города, бывшаго когда-то пристанищемъ морскихъ разбойниковъ, но впослѣдствіи сдѣлавшагося главнымъ пунктомъ транзитной торговли, благодаря своему географическому положенію и проведенной къ Панамѣ или Тихому океану черезъ Колонскій перешеекъ, или Мексиканскому заливу желѣзной дорогѣ. Но Панама утратила свое первостепенное значеніе съ тѣхъ поръ, какъ, пять лѣтъ тому назадъ, была проведена желѣзная дорога изъ Нью-Іорка въ Санъ-Франциско.

Хотя эти республики не особенно богаты, однако онѣ организовали у себя политическое и военное устройство. Санъ-Сальвадорская республика пріискала даже средства для постройки дворца или палаты, въ которой сосредоточены всѣ правительственныя учрежденія, и для организаціи на европейскій манеръ маленькой арміи, пополняющейся рекрутами-волонтерами, но въ случаѣ надобности и милиціею, очень похожею на французскую національную гвардію прежнихъ временъ. Солдаты и милиція, вообще, довольно развиты и понятливы. Мы воспроизводимъ типы молодой индійки изъ Санта-Анна въ республикѣ Сальвадоръ и молодого индійца водоноса, оттуда же. Населеніе Санта-Анны трудолюбивое, но какъ высшіе, такъ и низшіе классы ужасно предаются карточной игрѣ, и игрѣ въ кости; пари на пѣтушьи бои сильно развиты и на эти зрѣлища обыкновенно стекается многочисленная толпа.

Почтовый ящикъ.

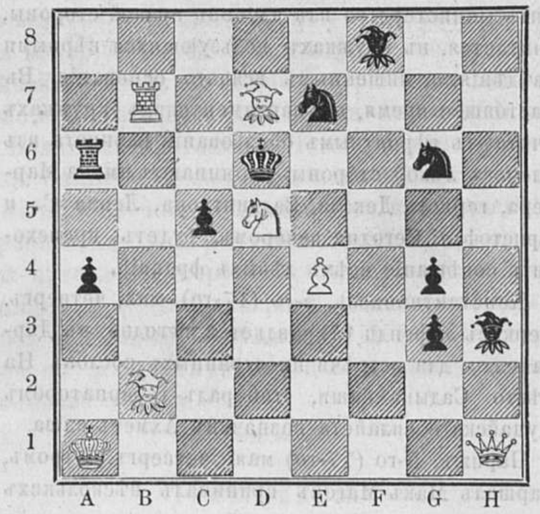
Г-ну А. А. Т. въ г. Ковно. Такъ какъ наши постоянные сотрудники, по отдѣлу шахматной игры, доставляютъ намъ задачи въ слишкомъ достаточномъ количествѣ, и такъ какъ съ другой стороны, этому отдѣлу мы можемъ удѣлить только весьма ограниченное мѣсто, то поэтому принуждены отказаться отъ Вашего любезнаго предложенія.

Шахматы.

Задача XVIII.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Черные.



Бѣлые.

Рѣшеніе XVII задачи, помѣщенной въ № 18

Бѣлые.	*Черные.*
1) H8—C8	1) C4—D3 или D5 (a)
2) C6—B4 †	2) D4—E4 берутъ.
3) C8—G4 † и матъ.	

(a) 1) C4- -B5
2) C6—A7 † и т. д.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи. Современ. русскіе писат. А. Н. Майковъ. — Поѣздка на бѣлый мѣсяцъ. — Черная Индія (продолженіе). — Библіографія. — Стихотвор. «Изъ воспоминаній». — Въ улицахъ Каира. — Новости наукъ и жизни. — Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій. — Телеграммы. — Смѣсь. — Наши гравюры. — Шахматы. — Почтовый ящикъ. — Объявленія.

Гравюры: А. Н. Майковъ. — Наяда. — Разбойники. — Городъ Панама и Тихій океанъ. — Національный дворецъ. — Милиціонеры подъ оружіемъ. — Молодая индіянка изъ Санта-Анны. — Водоносъ. — Почталіонъ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Объявленія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА САМОЕ ДЕШЕВОЕ ИЗЪ ВСѢХЪ ЕЖЕДНЕВНЫХЪ, ПОЛИТИЧЕСКИХЪ И ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ИЗДАНІЙ
ГАЗЕТУ
„НОВОСТИ“
на 1877 годъ.

Въ С.-Петербургѣ, Больш. Садовая д. № 47.
» Кронштадтѣ, въ отдѣлен. газ. «Новости».
» Москвѣ, въ московскомъ отдѣленіи газеты «Новости, на углу Дмитріевки и Охотнаго ряда, д. Благороднаго Собранія, въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Живарева.

Въ Казани, въ отдѣленіи конторы газеты «Новости» при книжномъ и музыкальномъ магазинѣ «Восточная Лира».

Цѣна на 8 мѣсяцевъ съ 1 мая по 1 января 1878 года для иногороднихъ 7 рубл., для городскихъ подписчиковъ съ доставкою 6 руб.; на 1 годъ 9 руб.; на другіе сроки по 1 руб. за каждый мѣсяцъ.

По богатству, разнообразію и свѣжести извѣстій какъ политическихъ и внутреннихъ, вообще, такъ и съ театра войны, въ особенности, газета «Новости» нисколько не отличается отъ наиболѣе распространенныхъ ежедневныхъ изданій.

Во все время войны въ газетѣ «Новости» будутъ печататься спеціальныя корреспонденціи и телеграммы съ Дуная, Кавказа и Персидской границы, изъ славянскихъ земель и Константинополя.

Кромѣ того, въ газетѣ «Новости» постоянно печатаются всѣ телеграммы «Международнаго Тел. Агент.» и »Agence génér. russe».

При этомъ нумерѣ «Живописнаго Обозрѣнія» разсылается годовымъ подписчикамъ карта театра войны въ Европейской и Азіятской Турціи — и гравюра «ПРОДАЖА АМУЛЕТОВЪ».

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 7 Мая 1877 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде

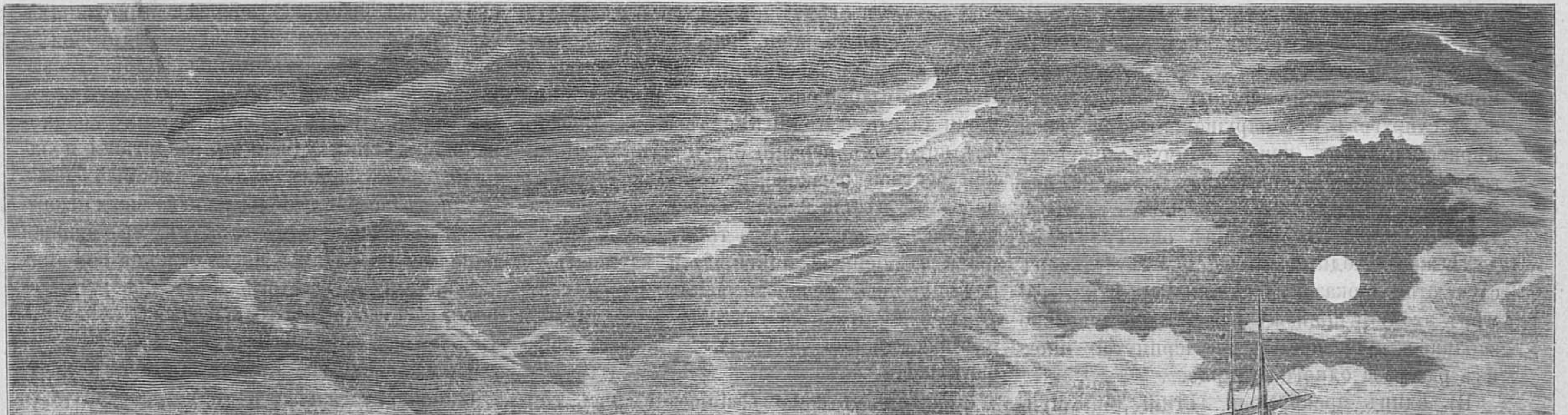
№ 20. Томъ I. На годъ съ доставкою и пересылкою 7 руб.: на полгода 4 р. 50 к. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 15 Мая 1877 года. Адрессъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Троицкій переулокъ, домъ № 27/1. Годъ V.

Подписка на „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ 1877 г. продолжается.

Въ 1877 году журналъ выходитъ **еженедѣльными** нумерами (въ годъ 52 №№), иллюстрированными множествомъ художественныхъ гравюръ. Всѣ подписчики получаютъ, въ **видѣ премій**, ежемѣсячное приложеніе подъ заглавіемъ «Жизнь и Хозяйство», со множествомъ рисунковъ. Годовымъ подписчикамъ разсылаются слѣдующія преміи: большая гравюра: **продажа амулетовъ**, снимокъ съ картины проф. **Генриха Семирадскаго**, на толстой веленевой бумагѣ, длиною одинъ аршинъ, шириною 12½ вершковъ, и **Карта театра военныхъ дѣйствій, Европейской и Азіятской Турціи.**

Годовая подписная цѣна журнала съ достав. и перес. 7 руб., безъ перес. и доставки 6 руб. На полгода: съ 1-го іюля съ пересылкою 4 р. 50 коп., безъ перес. 3 руб.

Подписка продолжается. Новые подписчики получаютъ журналъ съ перваго нумера.



Горный Институтъ.

Разсказъ бухарца.

(Н. П. Стремоухова.)

Глава I.

Положеніе женщинъ на востокѣ самое не завидное. Одуряющее однообразіе, постоянная и безграничная зависимость и отчужденіе отъ всякаго общества достались въ удѣлъ этимъ несчастнымъ существамъ; заботы о нарядахъ, рукодѣлія, хозяйство и воспитаніе дѣтей еще кое какъ примиряютъ ихъ съ жизнію. Подобно заключеннымъ въ тюрьмѣ, онѣ прозябаютъ среди четырехъ стѣнъ; выходить же на улицу и въ другія общественныя мѣста онѣ могутъ только съ дозволенія своихъ мужей и родственниковъ и то съ неизмѣннымъ условіемъ, чтобы были тщательно закутаны съ головы до ногъ въ длинные халаты, рукава которыхъ, спитые назади, опускаются до пятокъ, и чтобы лица были закрыты густою сѣткою, называемою чадрою. Имъ строго запрещается смотрѣть на мужчинъ и заговаривать съ ними: нарушеніе этого правила влечетъ за собою брань и побои. Шарріатъ [*] предписываетъ самыя строгія наказанія, даже смерть, за уклоненіе отъ супружескихъ обязанностей. Нѣтъ ничего удивительнаго, что замкнутость и недостатокъ свободы гибельно вліяютъ на умственное развитіе мусульманскихъ женщинъ и превращаютъ ихъ въ какія-то ходячія куклы: однимъ словомъ, онѣ живутъ жизнію животныхъ, отъ которыхъ и отличаются только своимъ внѣшнимъ видомъ и даромъ слова. Мужчины смотрятъ на нихъ какъ на необходимую для семейной жизни принадлежность, которую, какъ всякую вещь, можно покупать, продавать и наслѣдовать. По всему казалось бы, что многоженство, на тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ оно существуетъ у мусульманъ, могло бы укрѣпить семейные союзы и удержать супруговъ отъ нарушенія супружеской вѣрности, ставя непреодолимую преграду вторженіямъ постороннихъ воздыхателей, для которыхъ чужія жены должны считаться также зелены, какъ лисицѣ виноградъ; на дѣлѣ же выходитъ иначе, и у мусульманъ случаются проказы плутишки Амура. Въ примѣръ этому я привожу здѣсь одно довольно забавное происшествіе, почерпнутое мною изъ разсказа одного бухарца.

Въ одинъ прекрасный лѣтній день прибылъ изъ Ташкента въ Бухару, именуемую мусульманами священною, съ небольшимъ караваномъ, богатый купепъ, Мирза Камбаръ. Лѣтъ ему было за пятьдесятъ; приземистый, со сплющеннымъ, широкимъ носомъ, на которомъ красовалась почтительныхъ размѣровъ бородавка, съ безчисленными морщинами, безпощадно избороздившими лобъ и щеки, и безцвѣтными глазами, всегда открытыми, что придавало лицу его выраженіе какого-то глупаго неопредѣленнаго удивленія; почтенный Мирза обладалъ громадными подстриженными надъ губою усами и раздвоенною бородою грязнаго, желтовато-сѣраго цвѣта; какъ первые, такъ и послѣдняя, по своей жесткости и безпорядочному расположенію, скорѣе походили на щетину животнаго, сильно недолюбливаемаго мусульманами, чѣмъ на человѣческіе волосы. Не берусь судить о цвѣтѣ волосъ на его головѣ—они блистали полнѣйшимъ отсутствіемъ, такъ какъ Мирза тщательно сбривалъ ихъ, ревностно слѣдуя обрядамъ предписываемымъ закономъ. Но я заговорилъ объ обрядахъ и законѣ, какъ будто маленькій человѣчекъ былъ строгій послѣдователь ислама: думать это было бы ошибочно. На сколько, при людяхъ, онъ выставлялъ себя истымъ правовѣрнымъ, даже фанатикомъ, мечтающимъ исполненіемъ шарріата, соблюденіемъ постовъ и законнаго числа молитвъ достигнуть Магометова рая, на столько же, въ сущности, онъ былъ зараженъ всевозможными пороками, изъ которыхъ болѣе всего выдвигалось черезчуръ сильное влеченіе къ прекрасному полу; не смотря на свою скупость, онъ готовъ былъ всѣмъ пожертвовать на удовлетвореніе этой слабости.

Слегка познакомившись съ главнымъ дѣйствующимъ лицемъ, вернемся теперь къ разсказу.

Первые дни пребыванія Мирзы Камбара въ Бухарѣ были полны всевозможныхъ треволненій: то нужно было заручиться, посредствомъ щедрыхъ приношеній, расположеніемъ самого эмира, а также и высшихъ бухарскихъ сановниковъ, то требовалось заняться складомъ товаровъ въ караванъ-сараѣ и устроить скорѣйшій ихъ сбытъ; то приходилось посѣтить Боггоэддинъ [1] и другія святыни Бухары, а также напомнить о себѣ старымъ своимъ знакомымъ, и тому подобныя обязанности не давали старику ни минуты покоя. Но съ помощью Аллаха и Магомета, его пророка, все это окончилось наиблагополучнѣйшимъ образомъ.

«Теперь можно и повеселиться», сказалъ себѣ Мирза Камбаръ, причемъ не преминулъ изобразить двусмысленную улыбку на своихъ широкихъ устахъ. Что задумано, то немедленно и исполнено—таковъ уже былъ нравъ у Мирзы. Не смотря на старость и щедушіе, онъ имѣлъ пылкое сердце и въ предпріимчивости не уступалъ любому юношѣ.

И вотъ въ слѣдующій же, свободный отъ всякихъ занятій, день, нашъ старикъ приступилъ къ осуществленію своего замысла. Покрывъ слабенькое тѣло четырьмя обширными халатами (одинъ надѣвъ на другой), изъ которыхъ верхній былъ изъ очень яркой пестрой шелковой матеріи, употребивъ на чалму цѣлый кусокъ кисеи, искусно навертѣвъ ее на красную тибитейку [2], обувшись въ черные ичиги [3] и кауши [4], и надушившись розовою водою, нашъ селадонъ взмостился на статнаго карабаира [5] и торжественно выѣхалъ за ворота караванъ-серая.

Медленнымъ шагомъ, пріосанившись, точно вельможа какой, подвигался Мирза по узкимъ улицамъ, важно отвѣчая чуть замѣтнымъ наклоненіемъ головы на почтительные поклоны простого люда, попадавшагося ему на встрѣчу. Шумные и многолюдные базары, величественныя постройки — остатки древняго могущества Тамерлана, Абдулла-хана и другихъ бухарскихъ эмировъ, сады, площади и т. под. не привлекали на себя вниманія Мирзы; зато глаза пытливо старались проникнуть сквозь каждую чадру, которою, какъ я уже сказалъ, покрываются женщины. Эти взгляды не ускользнули отъ мальчишекъ, въ бойкости, пожалуй, не уступающихъ парижскимъ гаменамъ—посыпались замѣчанія:

— Смотри, смотри какой джигитъ [6]! Туда же не хуже верблюда оборачивается [7]! слышалось съ одной стороны.

«Берегитесь этого жениха! Какой бойкій, видно женъ себѣ выбираетъ!» раздавалось съ другой.

— Никакъ не здѣшній, такъ ему и въ диковину! кричали одни.

«Чего же мы смотримъ, братцы! Поучимъка его, какъ у насъ принято!» кричали другіе.

Болѣе отчаянные поспѣшили къ угрозамъ присоединить и дѣйствіе: нѣсколько комковъ мокрой, липкой глины, тутъ же вынутой изъ арыка [*] взвились, но, къ счастію Мирзы, до него не долетѣли и не испачкали его праздничнаго наряда.

Несчастный купецъ, никогда не отличавшійся особенною храбростью, пришелъ въ великое смущеніе и, прервавъ свои назойливыя наблюденія, не на шутку принялся подумывать о бѣгствѣ.

Куда, какъ бѣжать? Какъ скрыться отъ неожиданнаго врага? Какъ выйти съ честью изъ неравной борьбы?... Начать перебранку —опасно, это раздражило бы только мальчугановъ; одинаково безполезны были бы и увѣщанія; обратиться за содѣйствіемъ ко взрослымъ не хотѣлось—все равно, что признаться въ трусости; пустилъ бы коня вскачь —поднимутъ непремѣнно на смѣхъ, что же дѣлать?

Въ нерѣшимости, что предпринять, Мирза Камбаръ безсознательно потянулъ поводья и послушная лошадь тотчасъ же остановилась. Недоумѣніе его, однако, не долго продолжалось и всѣ вопросы разрѣшились самымъ простымъ образомъ. Нѣсколько комковъ разомъ ударились въ ноги лошади, которая, задѣтая за живое и желая избѣгнуть повторенія, рванулась впередъ и крупнымъ галопомъ поскакала, преслѣдуемая дружнымъ свистомъ и крикомъ толпы недоростковъ. Напрасно пытался старикъ удержать коня. Послѣдній забылъ должное хозяину повиновеніе, закусивъ удила, съ раздутыми ноздрями, дрожа всѣмъ тѣломъ, мокрый, какъ будто цѣлое ведро воды на него вылили, онъ несся по извилистымъ улицамъ, не обращая вниманія ни на ямы, ни на большіе каменья, валявшіеся на каждомъ шагу поперегъ дороги, и остановился только тогда, когда потребовалось перевести духъ.

Не слыша болѣе криковъ, старикъ испуганно обернулся назадъ—никого, посмотрѣлъ впередъ — ни души; слѣдовательно, воздерживаться было излишне. Страхъ мгновенно исчезъ и замѣнился сильнѣйшимъ гнѣвомъ; увѣренность, что никто его не услышитъ и не увидитъ, возвратила всю отвагу.

Мирза приподнялся на стременахъ и, многозначительно потряхивая костлявымъ кулакомъ по направленію, откуда только что явился, прерывистымъ голосомъ, молодецки закричалъ: «Я вотъ васъ, змѣиное отродье!... Обрадовались, что васъ много, а я одинъ!... Нечего сказать, очень храбры.... Не понеси меня лошадь, расправился бы я съ вами!... Увидѣли бы, что значитъ насмѣхаться надъ извѣстнымъ всѣмъ Мирзою Камбаромъ. Щенки, скорпіоны!... Да залѣпитъ вамъ Аллахъ грязью ваши нечестивые рты.... Пусть подвергнутся поруганію могилы отцевъ вашихъ!»

Изливъ свой благородный гнѣвъ, Мирза почувствовалъ значительное облегченіе и нѣкоторое самодовольствіе.

«Они будутъ меня помнить!» заключилъ онъ, совершенно позабывъ, что враги находятся далеко отъ него и не только не внимаютъ его грозному клику, но даже, навѣрное, ликуютъ одержанной побѣдѣ. «Гдѣ же я нахожусь?» послѣ короткаго раздумья спросилъ онъ себя, озадаченно приглядываясь къ мѣстности.

---

[*] Мусульманское законодательство.

[1] Могила извѣстнаго бухарскаго святого, въ восьми верстахъ отъ Бухары.

[2] Ермолку.

[3] Мягкіе сапоги.

[4] Калоши.

[5] Особая порода лошадей, происходящая отъ аргамака и киргизской лошади.

[6] Молодецъ.

[7] Верблюдъ извѣстенъ своимъ любопытствомъ. Ни одного предмета, это животное не пропуститъ, чтобы не осмотрѣть.

[*] Арыки—канавы, которыя на поляхъ служатъ для орошенія посѣвовъ, а въ городѣ снабжаютъ жителей водою.

Рѣшить вопросъ было, дѣйствительно, весьма трудно. Длинный переулокъ, на столько узкій, что тремъ всадникамъ было бы трудно разъѣхаться, извивался безчисленными изгибами между двумя рядами сплошныхъ, высокихъ стѣнъ. Внизу стѣнъ, въ нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой, виднѣлись крошечныя дверцы, пройти въ которыя иначе нельзя было какъ согнувшись пополамъ; вверху стѣнъ были продѣланы продолговатыя и круглыя отверстія, походившія скорѣе на трещины, чѣмъ на окна; а надъ стѣнами возвышались: густолиственный урюкъ (абрикосовое дерево), стройный талъ, могучій карагачъ и другія деревья.

Во всѣхъ большихъ среднеазіятскихъ городахъ, отыскать, въ особенности пріѣзжему человѣку, какую нибудь улицу, тѣмъ болѣе чей либо домъ, не легко; для этого требуется много опытности, такъ какъ улицы и закоулки очень походятъ другъ на друга, а отъ домовъ, выстроенныхъ фасадомъ въ середину, во дворъ, виднѣются однѣ только стѣны.

Хорошо зная всѣ затрудненія попасть на желаемую дорогу, Мирза Камбаръ предпочелъ вооружиться терпѣніемъ и дождаться перваго прохожаго; стучаться въ дверь онъ не смѣлъ: скромность ли не дозволяла? или же боязнь попасть въ новую бѣду? или же просто нежеланіе подвергнуться какой нибудь неожиданности? или же, наконецъ, самолюбіе удерживало? я не могу отвѣчать, а потому предоставляю вамъ, любезные читатели, разрѣшить эти, весьма щекотливые для Мирзы, вопросы.

Долго ли, коротко ли, а желаніе Мирзы исполнилось: въ концѣ переулка показался пѣшеходъ. Не теряя своего достоинства, старикъ дождался чтобы тотъ поравнялся съ нимъ; тогда на распѣвъ онъ произнесъ:

«Ассалам-алейкюмъ 1)!

— Ваалейкюмъ иссаламъ 2)! послышалось въ отвѣтъ.

«Скажи-ка, тамыръ 3), какъ этотъ махалэ 4) называется?» покровительственнымъ тономъ проговорилъ Мирза.

— Это калабатскій махалэ, таксиръ 5), почтительно отвѣтилъ прохожій.

«Спасибо!... А не знаешь ли, можетъ быть, кому принадлежитъ вотъ этотъ домъ?» продолжалъ купецъ, указывая на первую попавшуюся ему на глаза дверь, чтобы не показать вида, что онъ проѣзжій и сбился съ дороги.

— Да это домъ извѣстнаго богача Алича Ходжы! Развѣ вы его не знаете? У него много садовъ и домовъ въ Бухарѣ.

«По этому-то я и ошибся вѣроятно».

— Конечно, ошибиться не трудно.... Ну, а если его знаете, такъ навѣрное слышали, что онъ недавно взялъ себѣ въ жены первѣйшую красавицу. Какъ ни скупъ Алича, а прослышавъ о красотѣ Аимъ-джанъ, такъ зовутъ его жену, много тиллей 6) выпустилъ изъ своихъ мѣшковъ. Настоящая жемчужина!...—объяснялъ словоохотливый прохожій.

«Это дѣйствительно новость; не зналъ этого!» съ завистью замѣтилъ Мирза Камбаръ. «Еще одинъ вопросъ: правда ли, чтобы попасть къ самаркандскимъ воротамъ, нужно ѣхать все прямо?» Какъ будто между прочимъ спросилъ онъ; ему ни за что не хотѣлось сознаться въ своемъ невѣдѣніи.

— Аллахъ съ вами! съ удивленіемъ воскликнулъ тотъ. Вы такимъ образомъ совсѣмъ въ другую сторону попадете!... Вамъ непремѣнно нужно ѣхать назадъ....; да я вамъ объясню сейчасъ: вернитесь по этому переулку, на первомъ перекресткѣ возьмите на право, потомъ, проѣхавъ пять улицъ, на лѣво и сейчасъ же опять на право, поѣзжайте прямо до мѣста, гдѣ увидите много арбъ *), потомъ на лѣво, еще разъ на право, затѣмъ все прямо, пока не увидите развалившійся домъ; отъ этого мѣста не забудьте свернуть въ лѣво, тутъ будетъ базаръ и старое медрессе (училище) и какъ выѣдете на большую улицу—дорогу вамъ каждый покажетъ. Всего таша полтора будетъ **). Все это было сказано скороговоркой, безъ остановокъ.

Не смотря на ясность и точность указанія, сомнительно, однако, чтобы кто либо могъ запомнить этотъ сложный маршрутъ: переспрашивать же было излишне, получался бы не болѣе удовлетворительный отвѣтъ.

Покорясь необходимости и понимая, что дальнѣйшіе распросы ни къ чему не поведутъ, Мирза пріятно улыбнулся и поблагодарилъ прохожаго, въ душѣ же проклиная его. На этомъ разговоръ прекратился.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Черная Индія.

Романъ Жюля Верна.

(Съ французск. М. Б.)

VI.

Всѣмъ извѣстно, до чего суевѣрны жители гористой и низменной Шотландіи. Въ нѣкоторыхъ кланахъ арендаторы помѣщичьихъ земель собираются по вечерамъ и разговоръ, главнымъ образомъ, вертится на басняхъ и легендахъ, заимствуемыхъ изъ гиперборейской миѳологіи, и разсказываемыхъ чуть ли не въ сотый разъ. Хотя въ Шотландіи приняты всѣ мѣры для распространенія народнаго образованія, но онѣ еще не могли вытѣснить всѣхъ этихъ легендъ, какъ бы присущихъ почвѣ древней Каледоніи. Въ этой странѣ большую роль играютъ духи и мертвецы, домовые и феи. Тамъ злой духъ постоянно и вездѣ присутствуетъ и исчезаетъ только въ нѣкоторыхъ рѣдкихъ случаяхъ; — горцы вѣрятъ въ существованіе «Seer'a» Сира, обладающаго даромъ предсказывать смерть; въ May Moullach — являющейся въ видѣ молодой дѣвушки съ руками, обросшими волосами, «предупреждающей объ угрожающихъ семейныхъ несчастіяхъ; въ фею Бранши «Branshie», предвозвѣщающей приближеніе какихъ либо бѣдствій; въ Брони «Brawnies» охраняющихъ домашній очагъ; въ «Урискъ» Urisk, водящагося преимущественно въ дикихъ ущельяхъ озера Катринъ и въ множество другихъ духовъ.

Само собою разумѣется, что шотландскіе рудокопы, помимо этихъ легендъ, пополнили этотъ миѳологическій репертуаръ разными своими сказаніями. Если въ горахъ возвышенной Шотландіи обитаютъ разныя химеры, добрые и злые духи, то понятное дѣло, что въ темныхъ подземельяхъ и каменноугольныхъ копяхъ должно попадаться еще бо̀льшее число всѣхъ этихъ сказочныхъ существъ. Чѣмъ объяснить сотрясеніе каменноугольной залежи въ бурныя ночи, открытіе новой жилы, воспламененіе рудничнаго газа и странные взрывы, если не присутствіемъ какого либо горнаго духа? По крайней мѣрѣ, такого держались мнѣнія почти всѣ шотландцы. И въ самомъ дѣлѣ, большая часть рудокоповъ готова была видѣть въ чисто физическихъ явленіяхъ, что-то сверхестественное; разубѣдить ихъ въ этомъ было положительно невозможно. Подземелья и каменноугольныя копи служили лучшимъ разсадникомъ суевѣрныхъ вѣрованій.

Такъ какъ Аберфойльскія залежи находились какъ разъ въ странѣ легендъ, то на счетъ ихъ сложились самыя сверхъестественныя сказанія. Легендъ всевозможныхъ было безчисленное количество; нѣкоторыя необъяснимыя, въ то время, явленія, поддерживали только въ жителяхъ и въ особенности въ рудокопахъ суевѣріе.

Самымъ суевѣрнымъ рудокопомъ Дошарской ямы былъ Жакъ Райанъ, товарищъ Гарри. Онъ слагалъ изъ всѣхъ этихъ легендъ пѣсни и съ успѣхомъ распѣвалъ ихъ въ зимніе вечера.

Жаку Райану не уступали и другіе рудокопы; они всѣ въ одинъ голосъ утверждали, что въ Аберфойльской залежи часто являлись невидимые духи также точно, какъ и въ горахъ. По ихъ мнѣнію иначе и быть не могло. Вѣдь нигдѣ не можетъ быть привольнѣе горнымъ духамъ, домовымъ, какъ подъ темными этими сводами; поэтому странно предположить, чтобы они именно тамъ не водились.

Такъ разсуждали Жакъ Райанъ и товарищи его рудокопы. Мы уже говорили, что разныя шахты соединялись между собою длинными подземельными галереями, проведенными между жилами. И такъ подъ графствомъ Стерлингъ находилось огромное пространство, изрѣзанное туннелями, изрытое шахтами; въ немъ были устроены подвалы, подземельные лабиринты, походившіе на муравейникъ.

Рудокопы разныхъ шахтъ часто встрѣчались во время того, какъ отправлялись на работу или возвращались съ нея.

При встрѣчахъ и сходкахъ о чемъ было и говорить, какъ не о легендахъ разныхъ шахтъ; онѣ передавались изъ устъ въ уста съ необыкновенною быстротою и, понятное дѣло, сильно преувеличивались.

Но два человѣка, образованнѣе и степеннѣе остальныхъ, никогда не поддавались всеобщему настроенію; они не допускали вмѣшательства горныхъ духовъ, домовыхъ и фей.

Это были Симонъ Фордъ и сынъ его, Гарри. Они и доказали, что не вѣрили ни во что сверхъестественное, тѣмъ, что остались въ шахтѣ даже по прекращеніи работъ. Маджъ не была совсѣмъ лишена суевѣрія, какъ и подобаетъ старой шотландкѣ изъ горъ. Но она сама себѣ разсказывала всѣ эти исторіи о привидѣніяхъ и дѣлала это добросовѣстно, не желая утрачивать древнихъ традицій.

Если бы Симонъ Фордъ и Гарри были также суевѣрны, какъ и остальные рудокопы, такъ и тогда они не бросили бы старой залежи и не предоставили бы ее цѣлой толпѣ горныхъ духовъ. Надежда открыть новую жилу превозмогла бы ихъ страхъ; они твердо были убѣждены, что каменноугольная Аберфойльская залежь не совсѣмъ ис-

---

1) Т. е. да будетъ съ вами миръ, однозначущее со словомъ здравствуйте.

2) И съ вами тоже.

3) Пріятель.

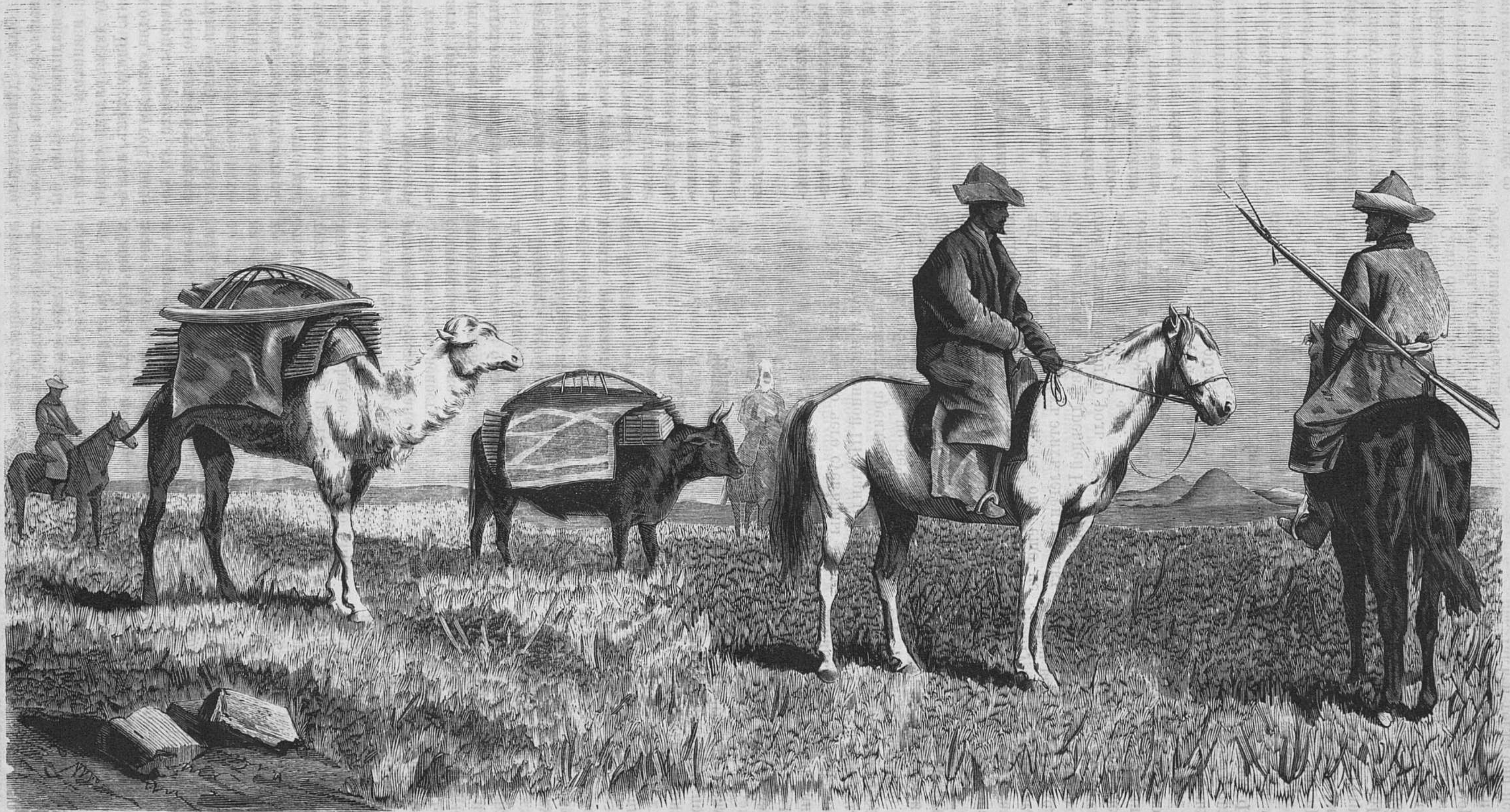
4) Кварталъ.

5) Господинъ.

6) Золотыя монеты.

*) Телѣгъ.

**) Ташъ равняется 8 верстамъ.



Перемѣна кочевья.

тощилась; отецъ и сынъ обладали настоящею «вѣрою угольщика», т. е. непоколебимою вѣрою въ Бога и въ жизненность Аберфойльской залежи.

Отецъ и сынъ, въ теченіе десяти лѣтъ, каждый день отправлялись на поиски, брали съ собою крюкъ, палку и лампу. Они ударяли гдѣ нибудь почву и прислушивались къ издаваемому ею звуку.

До тѣхъ поръ, пока они не изслѣдуютъ всѣхъ слоевъ до первичнаго гранитнаго, они оба положили себѣ продолжать поиски; они посвящали всю свою жизнь на то, чтобы воротить прежнее благосостояніе Аберфойльской залежи. Въ случаѣ, отецъ не доживетъ до этого дня, сынъ самъ будетъ продолжать свои поиски.

Въ то же время оба эти сторожа наблюдали за порядкомъ шахты; т. е. осматривали не сѣли ли насыпи и своды; предупреждали крушенія; слѣдили за канавками, прорѣзываемыми водою въ верхнихъ слояхъ и соединяли ихъ къ одному мѣсту. Словомъ, они добровольно сдѣлались хранителями истощившейся шахты, но доставившей столько богатствъ, превратившихся впослѣдствіи въ дымъ.

Гарри былъ какъ-то пораженъ нѣкоторыми явленіями, которыя онъ напрасно старался объяснить себѣ. Часто, проходя по узкимъ галереямъ, ему приходилось слышать такой стукъ, какъ бы ударяли крюкомъ по перегородкѣ, образованной изъ насыпи. Гарри трудно было чѣмъ нибудь напугать; онъ прибавилъ шагу, чтобы узнать въ чемъ дѣло.

Но въ туннелѣ было совершенно пусто. Молодой рудокопъ поднималъ лампу, но нигдѣ не открылъ свѣжаго слѣда отъ удара крюки. Гарри приписалъ это акустическому обману или же какому-нибудь странному эхо.

Иногда ему казалось, что проскользала какая-нибудь тѣнь. Онъ бросался впередъ.... Но ничего не находилъ; передъ нимъ не было даже прохода, чрезъ который могъ скрыться человѣкъ.

Гарри въ теченіе мѣсяца слышалъ два раза совершенно явственно далекіе удары, похожіе на то, какъ если бы рудокопъ бросилъ патронъ изъ динамита и онъ бы разорвался.

Во второй разъ услышавши такой ударъ, онъ началъ изслѣдовать шахту самымъ тщательнымъ образомъ и нашелъ таки, что одинъ изъ столбовъ былъ подкопанъ.

Гарри, при помощи лампы, внимательно осмотрѣлъ это поврежденіе въ перегородкѣ; она сдѣлана была не только изъ однихъ камней, а состояла изъ цѣлаго шифернаго слоя, попавшаго среди каменноугольной залежи. Неужели же этотъ подкопъ служилъ доказательствомъ существованія каменноугольной жилы? А можетъ быть кто-нибудь хотѣлъ засыпать эту часть шахты? Гарри сообщилъ этотъ фактъ отцу, но ни на тотъ, ни другой не могли дать удовлетворительнаго объясненія.

— Странно, повторялъ неоднократно Гарри; присутствіе незнакомаго лица въ шахтѣ хотя и невозможно, но по настоящему это такъ и есть. Неужели еще кто-нибудь задался мыслію открыть новую жилу? или же не вздумалъ ли кто-либо уничтожить даже слѣдъ Аберфойльской шахты? Но съ какою цѣлію? Я непремѣнно разузнаю это, рискуя даже жизнію.

За двѣ недѣли передъ тѣмъ, какъ Гарри сопровождалъ инженера черезъ шахту, онъ чуть-чуть не достигъ цѣли своихъ поисковъ. Онъ проходилъ по юго-восточной части шахты, держа въ рукахъ огромный, ярко освѣщающій фонарь.

Вдругъ ему показалось, что погасъ какой-то огонь въ какихъ-нибудь ста шагахъ отъ него, на концѣ узкой трубы наклонно пересѣкающей шахту. Онъ бросился по направленію завидѣннаго имъ огонька...

Но напрасно. Гарри никогда не объяснялъ физическія явленія чѣмъ нибудь сверхъестественнымъ и порѣшилъ, что въ шахтѣ навѣрное бродитъ незнакомецъ; но всѣ попытки открыть незнакомца оказались тщетными.

Гарри утѣшалъ себя тѣмъ, что случай непремѣнно откроетъ ему истину. Кромѣ того, онъ видѣлъ, какъ въ разныхъ углахъ шахты мелькали огоньки къ родѣ огоньковъ св. Эльма; но они показывались на секунду и затѣмъ исчезали, такъ что невозможно было доискаться причины.

Если бы Жакъ Райанъ и другіе рудокопы увидѣли эти огоньки, они, безъ всякаго сомнѣнія, приписали бы ихъ сверхъестественной силѣ. Ни Гарри, ни Симонъ ни на минуту не допускали этой мысли; тѣмъ не менѣе это явленіе занимало ихъ; они часто о немъ вдвоемъ разговаривали, и отецъ почти всегда кончалъ такъ:

— Подождемъ еще! все это объяснится въ одинъ прекрасный день.

Надо вамъ сказать, что ни отцу, ни сыну ни разу не угрожала опасность со стороны людей. Если камень, попавшій къ ногамъ Джемса Старръ, былъ брошенъ рукою злоумышленника, то это была первая попытка на ихъ жизнь.

Джемсъ Старръ пояснилъ, что, какъ ему казалось, камень упалъ со свода; но Гарри не соглашался съ этимъ показаніемъ. Камень, по его мнѣнію, не упалъ, а былъ брошенъ.

Гарри смотрѣлъ на это явленіе, какъ на попытку убить его или отца, а можетъ быть даже и инженера. Его предположеніе было по настоящему не совсѣмъ безосновательно.

VII.

Ровно въ полдень Джемсъ Старръ и оба Форда выходили изъ коттэджа.

Свѣтъ, проникавшій чрезъ очищающее воздухъ отверстіе, слабо освѣщалъ такъ называемую прогалину; пройдя около двухъ милей по главной галереѣ, три рудокопа пришли къ отверстію узкаго туннеля; оно походило на сводъ, поддерживаемый деревянными столбами, и обложенный бѣловатымъ мхомъ, и шло параллельно верхнему теченію Форжа, текущаго надъ нимъ на 1500 ф.

Симонъ Фордъ, предполагая, что инженеръ забылъ уже расположеніе шахты, напоминалъ его ему, и они все время разговаривали вдвоемъ.

Гарри шелъ впереди и освѣщалъ дорогу. Онъ, отъ времени до времени, приближалъ лампу къ углубленіямъ, въ надеждѣ попасть на какую-нибудь тѣнь.

— Ты меня далеко ведешь, Симонъ? спросилъ инженеръ.

— Намъ осталось еще съ полъ-мили; въ прежнія времена мы проѣхали бы это пространство, но теперь не то.

— Мы, значитъ, подвигаемся къ окончанію послѣдней жилы? спросилъ Джемсъ.

— Да! а вы еще не забыли расположенія шахты.

— Далѣе этого мѣста нельзя уже идти.

— Вы правы, г-нъ Джемсъ. Отсюда былъ вывезенъ послѣдній кусокъ каменнаго угля. Какъ нарочно пришлось мнѣ нанести послѣдній ударъ, и онъ, какъ сегодня помню, сильнѣе отдался въ моей груди, чѣмъ въ скалѣ. Угля болѣе не было, а только одни шиферные и песчанниковые слои. Когда въ вагончикъ былъ положенъ послѣдній уголь, у меня сердце болѣзненно сжалось. Мнѣ казалось, что съ нимъ вмѣстѣ улетала душа копи.

Серьёзный тонъ Симона сильно подѣйствовалъ на инженера; и въ эту минуту онъ ощущалъ такія же чувства, какія долженъ ощущать морякъ, когда покидаетъ разбитое судно, или помѣщикъ, въ присутствіи котораго уничтожается домъ его предковъ.

Джемсъ Старръ и Симонъ Фордъ почти одновременно пожали другъ другу руку; послѣдній проговорилъ:

— Да, мы жестоко ошибались въ тотъ день! Рудокопы покидали ее совсѣмъ не какъ трупъ; вообразите г. Джемсъ, она еще не истощилась.

— Неужели ты открылъ новую жилу? вскричалъ инженеръ, внѣ себя отъ радости. Я предчувствовалъ это, когда получилъ отъ васъ письмо.

— Г. Джемсъ, я хотѣлъ сообщить это только вамъ....

— Хорошо. Но разскажи мнѣ, какимъ образомъ, ты открылъ эту новую жилу.

— Г. Старръ, я не жилу открылъ, а напалъ только на слѣдъ, на вещественное доказательство того, что таковая непремѣнно существуетъ.

— Какого же рода это доказательство?

— Вѣдь рудничный газъ можетъ выдѣляться только тогда, когда есть каменный уголь?

— Конечно, отвѣтилъ инженеръ. Безъ угля не можетъ и быть рудничнаго газа. Дѣйствія не бываетъ безъ причины.

— Также точно какъ не бываетъ дыма безъ огня.

— И вы думаете, что въ этой шахтѣ опять есть свѣтильный газъ?

— Старый рудокопъ не легко обманывается! отвѣтилъ Симонъ Фордъ. Я въ немъ узналъ стариннаго своего врага.

— Но если это какой-нибудь другой газъ? сказалъ Джемсъ Старръ. Рудничный газъ не имѣетъ почти запаха, онъ безцвѣтенъ и даетъ себя только знать по взрыву.

— Г-нъ Джемсъ, сказалъ Симонъ Фордъ, позвольте вамъ разсказать, какимъ образомъ я узналъ о присутствіи этого газа, и извините меня, но я разскажу вамъ объ этомъ съ мельчайшими подробностями.

Джемъ Старръ зналъ стараго надсмотрщика и счелъ лучшимъ не прерывать его.

— Г-нъ Джемсъ, началъ Симонъ Фордъ, въ теченіе десяти лѣтъ, мы съ Гарри не пропустили ни одного дня, чтобы не изслѣдовать старую шахту. Мы рѣшились пользоваться всевозможными средствами; мы не могли зондировать, но мы обладали инстинктомъ рудокоповъ, а инстинктъ часто приводитъ скорѣе къ цѣли чѣмъ разумъ. По крайней мѣрѣ я держусь этого мнѣнія....

— Я его и не оспариваю, перебилъ инженеръ.

— Гарри замѣчалъ нѣсколько разъ огоньки, которые внезапно потухали; они появлялись между шиферными слоями и насыпными галереями. Чѣмъ объяснить появленіе огней? Я не могъ, и теперь еще не могу, объяснить этого явленія. Но я могу заключить только, что рудничный газъ присутствуетъ въ шахтѣ, значитъ, что здѣсь есть и каменноугольная жила.

— Эти огни не производили никакого взрыва? поспѣшно спросилъ инженеръ.

— Нѣтъ, бывали слабые взрывы, отвѣтилъ Симонъ Фордъ; я самъ ихъ производилъ, желая на опытѣ убѣдиться въ присутствіи рудничнаго газа. Вы, конечно, помните, къ какому мы способу прибѣгали, когда хотѣли предупредить взрывы, въ тѣ времена, когда Гемерри Дэви не изобрѣлъ еще своей предохранительной лампы.

— Ты говоришь о «кающемся?» Но я никогда не видѣлъ, какъ онъ исполнялъ свое дѣло.

— Да, г-нъ Джемсъ, не смотря на ваши пятьдесятъ пять лѣтъ, вы все же молоды; при васъ къ этому средству уже не прибѣгали. Но я не даромъ старше васъ десятью годами, и я видѣлъ къ какимъ пріемамъ прибѣгалъ послѣдній «кающійся». Его называли такъ, потому что онъ надѣвалъ на себя монашескую рясу. Настоящее имя его было «человѣкъ огня» (fireman). Въ то время нельзя было никакими другими средствами уничтожить вредный газъ, какъ разлагая его посредствомъ небольшихъ взрывовъ, для чего не нужно было давать ему слишкомъ густо накопляться въ верхнихъ слояхъ галереи, куда онъ стремится по легкости своей. Именно для этого и ползалъ по землѣ «кающійся» съ замаскированнымъ лицомъ, съ увернутою головою въ густой «cagoule» и съ туго окутаннымъ въ рясу тѣломъ. Онъ, ползая по землѣ, дышалъ чистымъ, хорошимъ воздухомъ, а въ правой рукѣ держалъ зажженный факелъ, надъ головою. Когда рудничный газъ входилъ въ окружающій воздухъ и когда онъ смѣшивался съ чистымъ воздухомъ и производилъ слабый взрывъ, то взрывъ не могъ быть уже опаснымъ, и повтореніе этихъ операцій, предупреждало катастрофы. Случалось не рѣдко, что «кающійся» при взрывѣ, умиралъ на мѣстѣ. На его мѣсто выходилъ другой; этотъ способъ былъ въ употребленіи до тѣхъ поръ, пока Дэви не изобрѣлъ своей спасительной лампы. Мнѣ старинный способъ былъ извѣстенъ, и употребивши его, я узналъ о присувствіи рудничнаго газа, или иначе сказать, я убѣдился въ существованіи новой каменноугольной залежи въ Дошарской шахтѣ.

Старый надсмотрщикъ былъ совершенно правъ; прежде прибѣгали къ только что разсказанному способу, чтобы очищать воздухъ въ галереяхъ.

Рудничный газъ, или иначе сказать, свѣтильный углеводородный или болотный газъ, безцвѣтенъ, почти безъ запаха, слабо освѣщающій, совсѣмъ вреденъ для дыханія. Рудокопъ не можетъ жить въ средѣ, насыщенной такимъ вреднымъ газомъ, — также точно, какъ невозможно жить въ газометрѣ, наполненномъ освѣтительнымъ газомъ. Двууглекислый водородный газъ точно также, какъ и свѣтильный газъ производитъ взрывъ, когда соединяется съ воздухомъ въ количествѣ восьми или даже пяти на сто.

При такой пропорціи, если воспламеняется воздухъ, то происходитъ взрывъ, ведущій за собою самыя ужасныя катастрофы.

Снарядъ, изобрѣтенный Дэви, предотвращаетъ эти несчастные случаи тѣмъ, что пламя лампы не выходитъ за предѣлы металлической трубки, въ серединѣ которой и сгораетъ газъ. Эта спасительная или предохранительная лампа значительно усовершенствовалась со времени ея изобрѣтенія. Если она разобьется, то огонь потухаетъ, Если не смотря на строгое запрещеніе, рудокопъ все же старается ее открыть, она также потухнетъ. Отчего же и до сихъ поръ случаются взрывы въ копяхъ? Никакія мѣры не могутъ предотвратить бѣды, если рудокопы до того неосторожны и не благоразумны, что во что бы то ни стало стараются зажигать трубку; въ иныхъ же случаяхъ взрывъ происходитъ отъ искры вслѣдствіе удара кирки о скалу.

Воздухъ не во всѣхъ каменноугольныхъ копяхъ насыщенъ рудничнымъ газомъ; въ такихъ копяхъ употребляется обыкновенная лампа. Въ числѣ такихъ копей мы назовемъ шахту Тьеръ, въ копяхъ Анзенъ. Но если каменный уголь разрабатываемой залежи жирный, то онъ содержитъ въ себѣ болѣе летучихъ веществъ и рудничный газъ выдѣляется въ изобиліи. Спасительная лампа Дэви одна только можетъ предотвратить взрывъ, послѣдствія котораго тѣмъ ужаснѣе, что рудокопы прямо, и не убитые отъ сотрясенія при взрывѣ, рискуютъ немедленно задохнуться въ галереяхъ, насыщенныхъ смертоноснымъ газомъ, образовавшимся послѣ воспламененія, т. е. угольной кислотою.

Джемсъ Старръ и оба его товарища сдѣлали за часъ четыре мили. Инженеръ не воображалъ, что имъ пройдено такое большое пространство; онъ на ходу съ величайшимъ вниманіемъ выслушивалъ разсказъ стараго Симона.

Онъ взвѣшивалъ всѣ приводимые рудокопомъ доводы въ пользу своего предположенія; онъ уже начиналъ вѣрить въ существованіе новой жилы; положимъ, иногда случается, что между слоями накопляется иногда такой газъ, но въ такихъ случаяхъ онъ скоро испаряется. Но здѣсь было иначе. По словамъ Симона рудничный газъ постоянно выдѣлялся и слѣдовательно, можно было только предположить о существованіи новой жилы. Главный вопросъ, возникавшій въ душѣ инженера, былъ тотъ, откроется ли обширная или ничтожная залежь каменнаго угля.

Гарри, шедшій впереди, вдругъ остановился.

— Вотъ мы и пришли! вскрикнулъ старый рудокопъ, и не могъ скрыть своего волненія. Теперь вы съ нами и мы все узнаемъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Послѣдняя англійская полярная экспедиція.

Подвиги британской полярной экпедиціи подъ предводительствомъ капитана Нэрса такъ хорошо извѣстны, что считаемъ излишнимъ повторять этотъ разсказъ. Въ нашихъ рукахъ находится теперь дневникъ капитана Нэрса, и нѣкоторыя выдержки изъ него объяснятъ намъ причину, почему оба судна, снабженныя всѣмъ необходимымъ и при полномъ комплектѣ экипажа, не были въ состояніи продолжать путь къ полюсу, и докажутъ намъ всю несостоятельность теоріи объ открытомъ полярномъ морѣ. Подробно описавши пройденный обоими суднами путь и географическія условія изслѣдованныхъ странъ, капитанъ Нэрсъ говоритъ, что они пришли къ слѣдующему заключенію: «такъ какъ подвигаясь въ сѣверу, мы не встрѣчали земли, и такъ какъ полярное пространство недоступно для судоходства, то ни одно судно не можетъ пробраться сѣвернѣе Smith's Sound, т. е. далѣе того мѣста, котораго мы достигли; затѣмъ порѣшили, что ни съ какого пункта Smith's Sound нельзя достигнуть полюса на саняхъ. Единственную пользу, которую можно будетъ впослѣдствіи извлечь изъ этой экспедиціи, это — дальнѣйшее изслѣдованіе югозападныхъ береговъ Грантланда и сѣверовосточныхъ и восточныхъ береговъ Гренландіи; но, при находившихся въ моемъ распоряженіи средствахъ экспедиціи; я не могъ разсчитывать пробраться далѣе пятидесяти миль и, кромѣ того, хотя экипажъ началъ быстро выздоравливать отъ постигшей его болѣзни, но съ нимъ нельзя было бы на будущій годъ предпринимать на саняхъ никакихъ экскурсій, а потому я рѣшилъ, что будетъ гораздо полезнѣе, если экспедиція возвратится немедленно по вскрытіи льда въ Англію. Послѣ всевозможныхъ усилій для проложенія пути чрезъ преграду пловучихъ льдовъ, служившихъ намъ такою хорошею защитою впродолженіи зимы, намъ наконецъ удалось 31-го іюля, при сильномъ югозападномъ вѣтрѣ, обогнуть мысъ Розонъ и войдти на возвратномъ пути въ Робсоновъ проливъ».

Другое лицо, участвовавшее въ экспедиціи, говоритъ: «Если мы до сихъ поръ не открыли еще пути къ сѣверному полюсу, то можемъ похвалиться, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что знаемъ тотъ пунктъ, который не ведетъ къ полюсу. Мы доказали, что предположеніе о существованіи открытаго полярнаго моря есть ничто иное, какъ миѳъ; мы доказали, что путь чрезъ Smith's Sound, какъ не ведущій къ землѣ, не есть тотъ путь, по которому можно будетъ достигнуть до крайнихъ широтъ; кромѣ того мы доказали всю трудность полярной экспедиціи; до тѣхъ поръ пока не придумаютъ новаго способа описанія льдовъ, совершенно отличнаго отъ употребленнаго нашею экспедиціею, достигнувшей 83° сѣверной широты, то никакая сила, ни искусство, ни отвага не будутъ въ состояніи преодолѣть преградъ, которыми природа окружила полюсъ».

Слѣдующій отрывокъ изъ дневника капитана Нэрса даетъ намъ понятіе о суровомъ климатѣ и о чрезмѣрныхъ трудахъ, выпавшихъ на долю экспедиціи».

«Впродолженіи длинной и суровой зимы, во время которой господствовала, вслѣдствіе отсутствія солнечнаго свѣта, темнота, продолжавшаяся 142 дня, настроеніе духа экипажа было веселое; это время дѣйствительно прошло чрезвычайно скоро; когда въ январѣ дневные сумерки начали съ каждымъ днемъ значительно прибавляться, то никто изъ насъ не замѣчалъ отсутствія свѣта; не ранѣе 1-го марта, когда солнце вновь показалось, пробудилось въ насъ сознаніе того, что мы впродолженіи такого длиннаго срока пребывали въ совершенной темнотѣ. Пять разъ въ недѣлю прилежно посѣщалась устроенная въ нижнемъ декѣ школа подъ управленіемъ командира Маркгама и нѣсколькихъ офицеровъ; четверги посвящались лекціямъ, пѣнію, чтенію и иногда театральнымъ представленіямъ; командиръ Маркгамъ хорошо распредѣлилъ всѣ занятія, причемъ старался поддерживать всеобщій интересъ во все время. Что касается состоянія здоровья офицеровъ и матросовъ, то оно было превосходно; на жилой палубѣ поддерживался такой сухой воздухъ, какой только можетъ быть въ этой странѣ при маломъ расходованіи угля.

«Не смотря на то, что въ Робсоновомъ проливѣ дули преимущественно сильные вѣтры, погода на нашихъ зимнихъ квартирахъ была удивительно тихая; право, можно, не преувеличивая сказать, что мы какъ будто прозимовали вблизи какого нибудь Тихаго океана. Бо̀льшею частію дулъ западный вѣтеръ; намъ ни разу не пришлось испытать силу восточныхъ вѣтровъ; все время дули вѣтры съ суши. Если бы не наступала по временамъ совершенная тишина, то можно бы назватъ постоянно дующіе западные вѣтры пассатными. Только въ теченіе двухъ дней сильный вѣтеръ со снѣгомъ помѣшалъ намъ предпринимать обычныя экскурсіи. За такимъ состояніемъ атмосферы послѣдовала такая стужа, какой и не запомнятъ въ сѣверныхъ арктическихъ поясахъ. Ртуть въ февралѣ мѣсяцѣ замерзала на пятнадцать дней; затѣмъ впродолженіи четырехъ дней дулъ югозападный вѣтеръ и наступила болѣе теплая погода; но по прошествіи четырехъ дней вѣтеръ спалъ, настала опять стужа и ртуть замерзла снова на пятнадцать дней».

Не смотря на эти неутѣшительные отзывы, начинаютъ уже опять поговаривать о новыхъ экспедиціяхъ; но и онѣ, по всей вѣроятности, не увѣнчаются желаемымъ успѣхомъ, а послужатъ только доказательствомъ, до какой степени можетъ доходить людская выносливость, предпріимчивость и настойчивость. Но мы не хотимъ допустить, чтобы наши предположенія о существованіи открытаго полярнаго моря такъ и рушились; мы надѣемся что со временемъ какой нибудь физикъ откроетъ такую точку на земной поверхности, которая, находясь на 26 миль ближе экватора къ центру, до такой степени будетъ изъята отъ вліянія подземнаго жара, что будетъ покрыта вѣчнымъ льдомъ.

Мы прилагаемъ къ этой статьѣ три превосходныхъ рисунка, заимствованныхъ изъ лондонскаго «*Graphic*»; на первомъ изображено какимъ образомъ прорѣзываютъ путь между льдами. Въ иныхъ мѣстахъ приходилось взрывать ледъ порохомъ и очищать для прохода судна отъ льдинъ руками, что видно на рисункѣ. Капитанъ Нэрсъ говоритъ, что можно только удивляться выполненію такой трудной работы.

«Почти вся береговая линія Робсонова пролива, за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ на поверхность выходятъ скалы, представляетъ непрерывную ледяную зубчатую стѣну отъ пятнадцати до тридцати фунтовъ высоты; по выходѣ же изъ Робсонова пролива береговая линія уже не такъ крута, и ледяная масса удалена отъ берега на 100 или 200 ярдовъ, причемъ образуетъ какъ бы бахрому изъ отдѣльныхъ длинъ отъ 25 до 60 фут. высоты надъ уровнемъ моря. Толщина пловучихъ льдовъ равнялась среднимъ числомъ до 80 футовъ».

Второй рисунокъ изображаетъ экскурсію, предпринятую на саняхъ, и въ результатѣ оказалось достиженіе самыхъ дальнихъ широтъ. «Командиръ А. Г. Маркгамъ съ поручиками А. А. С. Парръ и В. В. Мей отправились 25 сентября 1875 г. въ трехъ саняхъ для устройства склада провіанта на самой дальней сѣверозападной оконечности. Поручикъ Ольдриджъ отправился четырьмя днями ранѣе на двухъ легкихъ саняхъ, для изслѣдованія пути вокругъ мыса Joseph Henry.

Послѣ 13 дневной отлучки онъ вернулся на судно 5-го октября въ сопровожденіи Адама Эйльса (Ayles); онъ открылъ 27-го сентября (съ вершины горы въ 2000 фут. высоты, находящейся на 82° 48′ сѣверной широты, немного сѣвернѣе той широты, которой достигъ храбрый предшественникъ, сэръ Эдуардъ Парри), землю, лежащую на сѣверо-западъ величиною въ 60 миль на 83° 7′ широты, внутри которой къ югу видны были высокія горы. Что же касается сѣвера, то не было замѣтно ни малѣйшаго признака земли. 14-го октября чрезъ два дня послѣ того, какъ солнце скрылось отъ насъ на продолжительный зимній срокъ, командиръ Маркгамъ съ своею партіею вернулся послѣ 19 дневнаго путешествія; ему удалось устроить складъ провіанта на 82° 44′ сѣверной широты и пробраться на 2000 мили сѣвернѣе вдоль берега, достигнувши такимъ образомъ какъ разъ той широты, до которой доходилъ сэръ Эдуардъ Парри. Я отправилъ лейтенанта Розонъ попытаться вступить въ сношеніе съ двумя суднами. Онъ находился въ отлучкѣ отъ 2 до 12-го октября, и его экскурсія оказалась неудачною, такъ какъ путь его на разстояніи 9 миль отъ судна былъ прегражденъ ненадежными льдами. Эти осеннія экскурсіи на саняхъ, при температурѣ отъ 15° до 22° ниже нуля, были сопряжены съ неиспытанными еще до того времени трудностями и всевозможными неудобствами. Изъ числа 21 матроса и 3 офицеровъ, отправившихся далѣе къ сѣверу, 7 матросовъ и одинъ офицеръ воротились на корабль, сильно потерпѣвъ отъ морозовъ, троимъ изъ людей пришлось даже сдѣлать ампутацію, причемъ всѣ пострадавшіе должны были пролежать почти всю зиму въ постелѣ».

На рисункѣ представлена часть дороги къ югу, по которой направлялась экспедиція. На саняхъ можно было пробираться только между крутыми, снѣгомъ покрытыми скалами и холмами, находящимися по сосѣдству съ берегомъ. Обрывы отъ 20 до 30 фут. попадались довольно часто. Показанныя на рисункѣ сани нагружены *pemican*, назначаемымъ въ складъ для судна; если бы эта экскурсія была обыкновенная, то сани были бы нагружены палатками, мѣшками, кухонными снарядами и проч.

Третій рисунокъ принадлежитъ къ однимъ изъ самыхъ интересныхъ рисунковъ, относящихся къ экспедиціямъ въ полярныя страны. Онъ изображаетъ море вѣковыхъ льдовъ (ancient ice), лежащее между пунктомъ, далѣе котораго еще никто не проникалъ, и самымъ полюсомъ; оно неминуемо лежитъ на пути того, кому суждено достигнуть полюса. Капитанъ Нэрсъ назвалъ это замерзшее пространство «palaeocrystic sea» или моремъ вѣковыхъ льдовъ, въ отличіе отъ моря, поверхность котораго подвергается постояннымъ измѣненіямъ, вслѣдствіе прибывающихъ весеннихъ льдовъ, ежегодныхъ новыхъ ледяныхъ наслоеній и наплыва оторвавшихся ледниковъ съ глечеровъ. Изъ этого рисунка читатель легко можетъ понять, что навигація по открытому полярному морю, если и осуществится, то только въ далекомъ будущемъ.

Представленная по срединѣ рисунка огромная льдина имѣетъ около пятидесяти или шестидесяти футовъ высоты; поверхность же всей остальной массы далеко не такъ гладка, какъ представлено на рисункѣ; это необъятное пространство состоитъ изъ сплошныхъ ледяныхъ скалъ самыхъ разнообразныхъ формъ и величинъ. На разстояніи двухъ миль южнѣе зимнихъ квартиръ Алерта, тамъ гдѣ, Робсоновъ проливъ расширяется, и гдѣ его берега раздвигаются на западъ и востокъ, ледъ совсѣмъ другого свойства, чѣмъ попадающійся въ болѣе южныхъ широтахъ. Эти ледяныя массы образовались при совершенно особенхъ условіяхъ, не въ узкихъ проливахъ и не въ защищенныхъ мѣстностяхъ, а просто въ необъятномъ пространствѣ полярнаго океана.

Литовская пѣсня.

(Изъ Владислава Сырокомли.)

Коль щемитъ и страждетъ сердце
И встревоженъ умъ больной,
Кто съ чела прогонитъ мрачныхъ,
Неотвязныхъ мыслей рой?
Сердцу дастъ успокоенье,
Бодрость духа воскреситъ?
— Человѣкъ на горе ближнихъ
Съ равнодушіемъ глядитъ!

Я-бъ родимой все открыла!
Да боязнь моя сильна, —
Разсказать сестрѣ?—Такъ станетъ
Сохнуть съ зависти она.
Развѣ брату?... Но наврядъ-ли
Онъ пойметъ, сообразитъ...
— Человѣкъ на горе ближнихъ
Съ равнодушіемъ глядитъ!

А сосѣди чуть замѣтятъ
Слезъ слѣды въ лицѣ моемъ, —
Разбранятъ меня, и грубо
Осмѣютъ еще притомъ...
Вѣдь легко надъ тѣмъ смѣяться,
Кто горюетъ,—и молчитъ!
— Человѣкъ на горе ближнихъ
Съ равнодушіемъ глядитъ!

Только ты, мой другъ, желанный,
Можешь дѣвицу понять,
Лаской, словомъ задушевнымъ
Мракъ съ души ея прогнать;
Лишь любовь твоя злой недугъ
Ея сердца исцѣлитъ..
— Человѣкъ на горе ближнихъ
Съ равнодушіемъ глядитъ!

Петръ Быковъ.

Мимолетные наброски.

(Фельетонъ.)

Вступленіе.—Оживленный видъ Петербурга.—Ѳ. М. Достоевскому нуженъ Константинополь. — «Новое Время» и его опечатки.—Эпидемія обидчивости: гг. Тургеневъ, Суворинъ, Антоновичъ и Мизантропъ.—Благопріятность г. Пятковскаго.—Знаменитая строка незнаменитаго поэта.—Мое посланіе къ нему.

Познакомимся, читатель. Намъ придется теперь бесѣдовать еженедѣльно и потому не мѣшаетъ встать сразу въ самыя лучшія отношенія другъ къ другу. Что касается меня, я буду совершенно откровененъ, буду немножно серьёзенъ, немножко смѣхотворенъ, но, во всякомъ случаѣ, постараюсь сдѣлать для тебя эту бесѣду нескучной. Быть можетъ, и прозвучитъ у меня иногда невеселая нота, проскользнетъ затаенная скорбь, ты можешь побранить меня за нихъ—и дѣло съ концомъ. Конечно, все будетъ зависѣть отъ матеріала. Матеріалъ этотъ не особенно богатъ, но и не очень скуденъ: русская жизнь, русскій человѣкъ ужъ такъ устроены, что нѣтъ-нѣтъ, да и прокатятся кривымъ колесомъ. Внѣшнимъ пріемомъ стѣсняться намъ нечего; живая мысль требуетъ живыхъ, разнообразныхъ формъ, и хотя бы для ея выраженія мнѣ пришлось унести тебя въ фантастическія сферы — я не задумаюсь. Прокладывая скромную тропинку къ твоему сердцу и сознанію, мнѣ бы хотѣлось устилать ее и прозой, и стихами: стихи между прозой—вѣдь это тѣ же цвѣты въ листвѣ букета. Каждое воскресенье я буду подносить тебѣ такой букетъ, взрощенный на неблагодарной почвѣ петербургскаго вертограда, а ты, въ свою очередь, если пожелаешь уподобиться избалованной красавицѣ, каждое же воскресенье можешь смѣло выбрасывать за окно мой подарокъ, какъ только онъ побываетъ въ твоихъ рукахъ. Съ меня будетъ достаточно и того, что этотъ букетъ произведетъ на тебя извѣстное впечатлѣніе, дастъ извѣстный толчокъ твоей мысли. Теперь, когда наши отношенія установлены, я весь къ твоимъ услугамъ.

Петербургъ представляетъ очень оживленный видъ въ послѣднее время, какъ и подобаетъ столицѣ государства, объявившаго войну. По городу то и дѣло двигаются массы войскъ; во дворѣ казармъ и на сосѣднихъ съ ними улицахъ отдѣльныя кучки молодыхъ солдатъ учатся маршировкѣ и ружейнымъ пріемамъ. Здѣсь, разумѣется, не обходится безъ забавныхъ сценъ, и всегда глазѣющая на эти эволюціи пестрая толпа дѣлаетъ подчасъ очень остроумныя замѣчанія. Надо, впрочемъ, отдать полную справедливость обучающимъ офицерамъ: тутъ не подмѣтишь ни рѣзкаго слова, ни иной какой нибудь грубой выходки. Дѣло идетъ больше семейнымъ порядкомъ; видъ солдатиковъ веселъ и усердіе примѣрное. На лицахъ почти всѣхъ обывателей столицы, гдѣ бы они ни встрѣчались, замѣчается какой-то праздничный видъ. Въ трактирахъ — газеты берутся на расхватъ и постоянно слышится громкое чтеніе, иногда по складамъ, военныхъ извѣстій. Словомъ, по всему замѣтно, что мы воюемъ.

Воюетъ и Ѳ. М. Достоевскій. Въ мартовской книжкѣ своего «Дневника писателя», онъ опять протягиваетъ руки къ Константинополю, настойчиво приглашая соотечественниковъ положить эту блестящую игрушку въ широкій русскій карманъ, не смотря на всѣ политическія соображенія. Экій вѣдь упрямый старикъ! Но я полагаю, что мы его не послушаемся и, по обыкновенію, свеликодушничаемъ, хотя и говорятъ, что война обновляетъ....

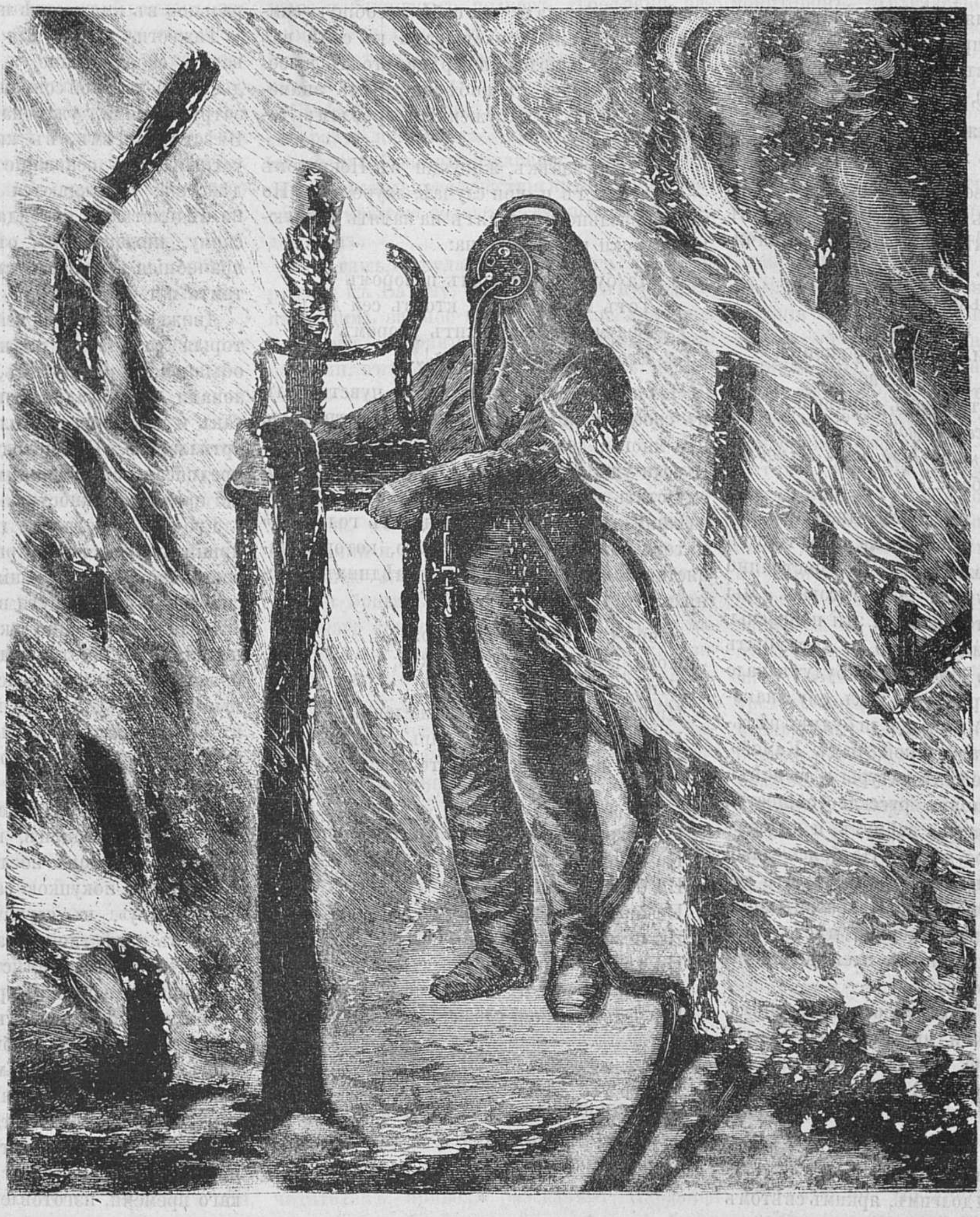
Какъ бы то ни было, она нисколько не обновила г. Суворина съ его «Новымъ Временемъ». Извѣстно, что эта пресловутая газета, между прочимъ, обиліемъ и разнообразіемъ, отличается еще крайней типографской небрежностью и невиданнымъ богатствомъ самыхъ грубыхъ опечатокъ. Въ послѣднее время, ея промахи разрѣшились положительнымъ курьёзомъ, чтобъ не сказать больше. Не говоря уже о томъ, что газета смѣшала папу Григорія VII съ Григоріемъ XIII и провозгласила константинопольской телеграммой «волненіе на Критѣ», она ухитрилась еще (въ № 413) обозвать И. С. Тургенева «кокоткой». Не вѣрится? Отчего же? Вѣдь покойная В. А. Лядова и одна здравствующая французская артистка были не такъ еще огорошены г. Суворинымъ. Дѣло въ томъ, что «Новое Время» перевело и помѣстило у себя тургеневскій разсказъ «Сынъ попа», появившійся первоначально на французскомъ языкѣ. Г. Тургеневъ обидѣлся и, какъ говоритъ г. издатель «Новаго Времени», «сдѣлалъ» изъ этого «всероссійскій вопросъ», на что, въ свою очередь, г. Суворинъ тоже обидѣлся и настрочилъ слѣдующее: «Когда кокотка встрѣчаетъ новый фасонъ платья, когда она увидитъ послѣднюю модную картинку—сколько хлопотъ ей предстоитъ, чтобъ облечься въ этотъ модный костюмъ. Русскій писатель (читай: И. С. Тургеневъ), появляющійся первоначально на иностранномъ языкѣ, напоминаетъ эту франтиху» и проч. Не ясенъ ли смыслъ сего сказанія? Однакожъ, на другой день, г. Суворинъ спохватился и заявилъ, что вмѣсто «кокотка» слѣдуетъ «кокетка». И, просто, и замысловато. Нѣтъ, ужъ лучше, г. Суворинъ, объявите-ка вы сами поскорѣе войну.... подобной халатности. Вѣдь этакъ я могу обозвать васъ сегодня какъ мнѣ угодно, а завтра оговориться, что это, молъ, опечатка. Но неужели вы назовете только опечаткой и ту «анаѳему», которую такъ по-дьяконски провозгласила передовая статья въ № 415 вашей газеты? Тамъ говорится: «И пусть будутъ прокляты всѣ тѣ, которые воспользуются этимъ тяжелымъ временемъ (т. е. нынѣшнимъ), для набиванія своего кармана, для эксплоатаціи всего народа; пусть ляжетъ на нихъ народная анаѳема» и проч. Что эта такое?! Я понимаю, что такъ можетъ еще выражаться какой нибудь лицемѣръ, но ужъ никакъ не газета, претендующая на гуманность. Да, наконецъ, вѣдь это злосчастная «анаѳема» можетъ обрушиться на вашу же собственную голову, г. Суворинъ, и вотъ почему. Вы издаете дорогую газету, а, между тѣмъ, не позаботитесь, чтобы надъ ней не слѣпли, по крайней мѣрѣ, ваши читатели: вѣдь иногда даже и не разберешь ея слѣпаго набора. Я ужъ не говорю о тѣхъ корректурныхъ диковинкахъ, какими вы постоянно угощаете свою публику. Скажите откровенно: зачѣмъ же вы сами-то, «пользуясь этимъ тяжелымъ временемъ», когда вашу газету покупаютъ на расхватъ, не издаете ее, какъ слѣдуетъ? Развѣ это, по вашему, не эксплоатація народа? Видите, какъ нужно осторожно обращаться съ иными словами.... «Пусть въ наши сердца не закрадывается жалость къ такимъ людямъ» — поучаетъ та же передовая статья. Но я все таки пожалѣю васъ, г. Суворинъ, чтобы не питать къ кому нибудь жалости — значитъ, по моему, уподобиться деревяшкѣ. Если вы обидитесь этимъ сравненіемъ, то можете смѣло принять его за опечатку.

Кстати объ обидчивости. Въ послѣднее время, это угнетенное душевное состояніе стало у насъ самымъ обычнымъ явленіемъ. Самолюбіе, развитое до болѣзненности, приняло просто какой-то эпидемическій характеръ. Сперва, въ болѣе острый періодъ этой эпидеміи, ею заразились чуть ли не грудные младенцы. Я не берусь выяснять причинъ этого печальнаго явленія, я только констатирую фактъ. Въ самоновѣйшее время, названная эпидемія поражаетъ уже литературу; но на этой почвѣ она, къ счастію, значительно утратила свою рѣзкость и приняла характеръ.... такъ сказать, юмористическій. Если легкій пароксизмъ ея съ гг. Тургеневымъ и Суворинымъ недостаточенъ, то за болѣе сильными ходить недалеко. Возьмемъ хотя случай съ г. Антоновичемъ. Этотъ почтенный критикъ молчалъ-молчалъ, да вдругъ и обидѣлся ни съ того, ни съ сего. Обиженъ, говоритъ — защитите! Дѣло было такъ. Мѣсяцъ тому назадъ, если не больше, «Новое Время», по словамъ г. Антоновича, «обвиняло журналъ «Знаніе» въ томъ, что будто онъ тенденціозно и злонамѣренно исказилъ при переводѣ «Путешествіе по Аравіи» Пальгрэва и исказилъ съ тою преступною цѣлью, чтобы скрасить дурныя стороны исламизма и, напротивъ, бросить на него благопріятный свѣтъ». Я самъ не читалъ этого обвиненія и вѣрю г. Антоновичу на-слово. Однакожъ, да позволено мнѣ будетъ спросить: при чемъ же онъ самъ тутъ? Что общаго между обидой, нанесенной, положимъ, журналу «Знаніе» и личностью г. Антоновича? Безспорно, что онъ, какъ критикъ, еще со временъ «Современника», изощрился придавать своимъ писаніямъ смыслъ между строками; но при чтеніи его послѣднихъ строкъ, начертанныхъ въ № 55 газеты «Нашъ Вѣкъ», я рѣшительно сталъ въ тупикъ. А между тѣмъ, строки эти значатся въ его открытомъ письмѣ къ г. Суворину, котораго онъ ядовито поздравляетъ съ «прекрасной ролью литературной ищейки и доносчицы», въ каковой будто бы «такъ удачно дебютировало «Новое Время». «Знаніе» доказало», говоритъ г. Антоновичъ, «что ваша газета не только донесла на него, но еще сдѣлала (какія ужасти!) ложный доносъ.... Ваша газета не только не извинилась въ своемъ доносѣ и въ своей клеветѣ.... но еще нагло посмѣялась надъ тѣми, которыхъ оклеветала». Все это очень можетъ быть, но я опять таки спрошу: да почему же именно г. Антоновичъ объ этомъ пишетъ? А пишетъ онъ, изволите ли видѣть, потому, что наша пресса не обратила вниманія на этотъ поступокъ, «что и заставило» бывшаго критика «симъ (т. е. открытымъ письмомъ) констатировать явленіе, пропущенное нашей критикой и представить его на судъ общественнаго мнѣнія». Другими словами — г. Антоновичъ, презирая роль доносчика, принялъ на себя добровольную обязанность докладчика передъ публикой. Прекрасно. Но, въ такомъ случаѣ, надо было и обращаться къ публикѣ, а не къ г. Суворину; въ такомъ случаѣ, не слѣдовало также заканчивать письма словами: «Примите увѣреніе въ моемъ глубокомъ презрѣніи ко всякаго рода литературнымъ инсинуаціямъ, доносамъ и клеветамъ». Вѣдь это ужъ выходитъ личность, а не простое «констатированіе явленія пропущеннаго нашей критикой». Да и почему это вы, г. Антоновичъ, презираете только одни *литературные* доносы? Любопытно было бы знать. Мое же собственное мнѣніе о поступкѣ г. Антоновича я выражу ему здѣсь краткими словами, употребивъ тоже форму открытаго письма — благо на нее пошла теперь такая мода. Вотъ это письмо.

«Милостивый Государь
Максимъ Алексѣевичъ,

Нѣкогда Вы были очень извѣстны, какъ опонентъ Писарева. Скажу больше—искры, сыпавшіяся изъ подъ его пера, значительно увеличивали своимъ блескомъ то слабое сіяніе, которое собственно и окружало вашъ скромный литературный обликъ. Потомъ Вы замолкли,—не знаю почему, но... замолкли. О человѣкѣ, который молчитъ, вообще говорятъ мало,—перестали говорить и о Васъ. Но червь литературнаго самолюбія точилъ Васъ все это время и, наконецъ, вынудилъ прокатиться кривымъ колесомъ передъ публикой: авось, молъ, вспомнитъ. Не берусь судить, насколько Вы достигли этой цѣли, но смѣю спросить Васъ, не припоминается-ли Вамъ иногда такая сцена изъ дѣтства: Въ классѣ чинно сидятъ мальчики въ ожиданіи учителя. Вдругъ, какой-то школьникъ, давно уже питавшій затаенную непріязнь къ ученику, положимъ, Иванову (за перехваченное, положимъ, стальное перышко), быстро соскакиваетъ со скамьи, выбѣгаетъ на средину комнаты и съ гримасой произноситъ: «Ивановъ, господа,—наушникъ!» Всѣ, разумѣется, смѣются, а школьникъ благополучно водворяется на своемъ мѣстѣ. Вотъ именно такую сцену я видѣлъ во снѣ по прочтеніи Вашего письма. Впрочемъ, я видѣлъ еще и другую. На каѳедрѣ стоялъ ученикъ Ивановъ, безобразно стучалъ по ней кулакомъ и неистово провозглашалъ: «Анаѳема!» Школьникъ старался перекричать его. «Презираю... презираю доносы!» ревѣлъ онъ еще пуще. Не знаю, чѣмъ-бы кончилась эта послѣдняя сцена, еслибъ, къ счастію, меня не разбудило... лукошко. Успокойтесь, Максимъ Алексѣевичъ: это не было собственно *лукошко*, а обыкновенная корзина съ чистымъ бѣльемъ, невѣжественно поставленная моей прачкой ко мнѣ на кровать. Но я все-таки былъ очень радъ, что сновидѣніе кончилось. Позвольте-же мнѣ выразить теперь скромную надежду, что дѣтскіе сны мои не повторятся больше, и отъ души пожелать Вамъ скораго изцѣленія отъ болѣзненной обидчивости и столь-же ненормально развитаго самолюбія. Примите и проч.».

Да, читатель! за выздоровленіе г. Антоновича я еще кое-какъ спокоенъ, но ужъ отнюдь не могу поручиться за одного моего собрата по фельетону—именно за г. Мизантропа, неуклюже забавляющаго, какъ извѣстно, своимъ «Калейдоскопомъ» подписчиковъ журнала «Дѣло». Въ мартовской книжкѣ, потѣшникъ этотъ ужасно разобидѣлся на какую-то «мелкую газетку», дерзнувшую приписать его фельетонъ перу г. Буренина. Ужъ на что, кажется, безобидное дѣло, а вѣдь разозлился, да еще какъ! «Мелкая газетка», видите, прочла ему «какія-то глупыя наставленія». Ну, и слава Богу, что прочла «глупыя»: вѣдь отъ умныхъ ему не поздоровилось-бы. А онъ, между тѣмъ, изъ себя выходитъ, чуть не на стѣны лѣзетъ: называетъ автора статьи «журнальнымъ Петрушкой», «воромъ, на которомъ горитъ шапка», «звѣремъ, который защищается... своимъ запахомъ», и т. д. въ томъ-же благовонномъ родѣ. Вотъ-что значитъ эпидемія-то: никуда отъ нея не убѣжишь! Можно, впрочемъ, и то сказать, что мизантропамъ совсѣмъ не слѣдовало-бы поручать фельетоновъ: вѣдь это больше все люди, привыкшіе скорѣе повелѣвать «мелкотой», чѣмъ назидать публику легкой, остроумной бесѣдой.



Человѣкъ Саламандра.

Среди этихъ печальныхъ фактовъ обидчивости, неоспоримо доказывающихъ существованіе у насъ эпидеміи *невытанцовавшихся самолюбій*, какъ-то отрадно отдохнуть мыслью на такомъ скромномъ, даже можно сказать, безобидномъ литераторѣ, какъ, напримѣръ, г. Пятковскій. Посмотрите, съ какой идеальной застѣнчивостью рекомендуетъ онъ въ газетныхъ объявленіяхъ свою книгу: «Монографіи и критическіе этюды». «Благопріятные отзывы»—говоритъ онъ только, потомъ смиренно ставитъ двѣ точки и перечисляетъ всѣ наши лучшія періодическія изданія, предпославъ имъ предлогъ *въ*. «Благопріятный человѣкъ долженъ быть этотъ г. Пятковскій!» навѣрно подумаетъ, въ свою очередь, публика—и купитъ его книгу.

Но еще большимъ отсутствіемъ самолюбія и, конечно, не меньшей безобидностью вѣетъ отъ музы нѣкоего поэта, по фамиліи г. Гордѣева, печатающаго свои стихи, не помню въ какой-то газетѣ. Въ стихотвореніи «Жалоба пасынка» я обрѣлъ у него слѣдующую достопамятную строку:

Потрепавъ по плечу словомъ ласковымъ.

Не правда-ли, какой сочный образъ? Уже одно трепаніе по плечу выражаетъ собой ласку, но если произвести этотъ маневръ еще и ласковымъ словомъ—какая сугубая получится ласка! Не могу удержаться, г. Гордѣевъ, чтобъ не привѣтствовать Васъ стихами-же. Мѣстоимѣніе «ты» примите за поэтическую вольность.

Посланіе поэта къ поэту.

Посвящается г. Гордѣеву.

О, поэтъ! твои ласки сугубыя
Привели меня вдругъ къ заключенію,
Что не вѣдая язвъ самолюбія,
Ты способенъ въ стихахъ къ увлеченію.
Сей отрадной увлекшись оказіей,
Я—клянусь... хоть покойнымъ Херасковымъ! —
Такъ и обнялъ тебя-бы фантазіей,
Потрепавъ по плечу словомъ ласковымъ....

Почему именно послѣдняя строка навела меня на мысль объ отсутствіи самолюбія у г. Гордѣева и объ его безобидности—сказать хорошенько я и самъ не умѣю, но увѣренъ, что мое посланіе ни мало не разобидитъ его: есть ужъ такія благодушныя строчки...

Веселый поэтъ.

„Послѣднія пѣсни",

стихотворенія Н. Некрасова. Спб., 1877 года.
Цѣна 2 рубля.

На этихъ дняхъ вышелъ новый томъ стихотвореній Н. А. Некрасова, названныхъ авторомъ «Послѣдними пѣснями»; *послѣдними*—вѣроятно, потому, что въ этихъ «пѣсняхъ» поэтъ какъ бы прощается и съ читателями, и съ жизнію.... Извѣстно, что

Двѣсти ужъ дней,
Двѣсти ночей

продолжаются муки поэта: онъ страдаетъ неизлечимою, тяжкою болѣзнью — почти безъ малѣйшей надежды на выздоровленіе.

Невыразимою грустью, скорбью и болью вѣетъ отъ этой *послѣдней* книги его «послѣднихъ» пѣсенъ!... «Муза печали» — какъ самъ поэтъ называетъ свою музу—видна въ каждомъ почти стихотвореніи, особенно въ первомъ отдѣлѣ книги, заключающемъ въ себѣ лирическія пьесы и такъ называемыя субъективныя стихотворенія: въ нихъ, уже не въ первый разъ, поэтъ исключительно говоритъ о самомъ себѣ, хотя это его «я» заключаетъ въ себѣ, какъ и всегда, общечеловѣческіе и всѣмъ доступные мотивы. Но, очевидно, близость ожидаемой кончины заставляетъ поэта все чаще и чаще обращаться къ этому «я» — и приэтомъ, понятно, его мучатъ многіе тяжелые и часто противорѣчащіе вопросы. Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ своихъ стихотвореній (стр. 14), онъ говоритъ о себѣ:

Я на столько же чуждымъ народу
Умираю, какъ жить начиналъ.

Въ другой же пьесѣ, «Баюшки-баю», онъ заставляетъ «голосъ матери родной» пропѣть ему поэтическую пѣсню, которая заканчивается слѣдующимъ предсказаніемъ:

«*Не бойся* горькаго *забвенья:*
Ужъ я держу въ рукѣ моей
Вѣнецъ любви, вѣнецъ прощенья,
Даръ кроткой родины твоей....
Уступитъ свѣту мракъ упрямый,
Услышишь пѣсенку свою
Надъ Волгой, надъ Окой, надъ Камой,
Баю-баю-баю-баю!...»

Очевидно, поэта, на закатѣ дней его, мучитъ страхъ этого «забвенья», его томитъ та «мысль о ничтожествѣ», что постоянно преслѣдовала и мучила Лермонтова.... Мы твердо увѣрены, что опасенія эти напрасны: пѣсни поэта переживутъ его, и хотя, быть можетъ, собственно *народу* онѣ будутъ мало знакомы (такъ, напримѣръ, какъ ему знакомы пѣсни Кольцова) и врядъ ли будутъ пѣться «надъ Волгой, надъ Окой, надъ Камой», но въ исторіи русской литературы и во всѣхъ интеллигентныхъ слояхъ русскаго общества стихотворенія Некрасова займутъ, и по смерти его, самое видное мѣсто. Не боясь даже преувеличенія, можно смѣло сказать, что послѣ Пушкина и Лермонтова, Некрасовъ вполнѣ заслуженно займетъ первое мѣсто — въ небогатой и малочисленной плеядѣ новѣйшихъ русскихъ поэтовъ.

Борьба могучаго духа съ ослабѣвающимъ тѣломъ порождаетъ и многія другія противорѣчія въ тѣхъ же «послѣднихъ пѣсняхъ» поэта. Въ стихотвореніи З—нѣ (стр. 17), онъ говоритъ:

Я умру—моя померкнетъ слава,
Не дивись—и не тужи о ней!
Знай, дитя: ей долгимъ, яркимъ свѣтомъ
Не горѣть на имени моемъ:
Мнѣ борьба мѣшала быть поэтомъ,
Пѣсни мнѣ мѣшали быть бойцомъ.

Тутъ опять мы встрѣчаемся съ тѣми же сомнѣніями въ своей «славѣ», съ тѣми же опасеніями за свое имя—послѣ смерти.... Напрасный страхъ! Слава Некрасова будетъ горѣть именно «долгимъ и яркимъ свѣтомъ» на его имени; и если, дѣйствительно, пѣсни помѣшали ему быть «бойцомъ», то борьба—если она была — не помѣшала ему стать замѣчательнымъ поэтомъ. Думаемъ даже, что русское общество значительно выиграло при этомъ: пріобрѣло даровитѣйшаго и могучаго поэта и лишилось скромнаго и нерѣшительнаго бойца.... Suum cuique.

И зачѣмъ, наконецъ, поэту битвы?... Вѣдь самыя его стихотворенія, его слова — есть уже его дѣла̀ и тѣ же битвы. Стоитъ лишь припомнить конецъ 50-хъ годовъ и начало 60-хъ, когда каждая пьеса Некрасова, «служа великимъ цѣлямъ вѣка», становилась эпохою въ тогдашней русской литературѣ, выучивалась наизусть, возбуждала полемику, живые толки, озлобленіе въ одномъ лагерѣ и восторженные пріемы въ другомъ. Это было съ «Параднымъ подъѣздомъ», съ «Убогою и нарядной», «Пѣсней Еремушкѣ» и со многими другими его стихотвореніями того времени.

Но.... два человѣка жило въ немъ, двѣ души было — какъ ни странно это! Одинъ человѣкъ возбуждалъ къ себѣ всеобщую симпатію въ Россіи, приковывалъ къ себѣ всѣ лучшіе умы и молодыя сердца, стоялъ высоко надъ толпою, съ побѣдоноснымъ знаменемъ въ рукахъ, окруженный ореоломъ таланта и славы.

Другой человѣкъ, живущій въ Некрасовѣ —капиталистъ и, при случаѣ, лауреатъ.... Но тутъ невольно приходятъ на память слѣдующія строки изъ Пушкина:

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день,
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его *страдающую* тѣнь!...

Человѣкъ этотъ такъ много чувствовалъ въ своей жизни, и такъ много выстрадалъ, что многое должно быть и отпущено ему!... И если уже злой, безжалостный рокъ судилъ ему стать скорою «добычею тлѣнья», то поспѣшимъ повторить за «чуднымъ голосомъ» матери поэта ту дивную пѣсню, которая является *послѣднею* въ его «послѣднихъ» пѣсняхъ:

«Пора съ полуденнаго зноя!
Пора, пора подъ сѣнь покоя;
Усни, усни, касатикъ мой!
Пріими трудовъ вѣнецъ желанный,
Ужъ ты не рабъ—ты царь вѣнчанный;
Ничто не властно надъ тобой!

*

«Не страшенъ гробъ, я съ нимъ знакома;
Не бойся молніи и грома,
Не бойся цѣпи и бича,
Не бойся яда и меча,
Ни беззаконья, ни закона,
Ни урагана, ни грозы,
Ни человѣческаго стона,
Ни человѣческой слезы.

*

«Усни, страдалецъ терпѣливый!
Свободной, гордой и счастливой
Увидишь родину свою....
Баю-баю-баю-баю!

*

«Еще вчера людская злоба
Тебѣ обиду нанесла;
Всему конецъ, не бойся гроба!
Не будешь знать ты больше зла!
Не бойся клеветы, родимый,
Ты заплатилъ ей дань живой,
Не бойся стужи нестерпимой:
Я схороню тебя весной».

О, если бы послѣднее пожеланіе не сбылось—и можно было долго-долго еще не «схоронить» его!...

Ив. Я—нъ.

С. Петербургъ,
12-го апрѣля 1877 года.

Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій.

Приводимъ изъ «Русскаго Инвалида» обзоръ военныхъ дѣйствій за послѣдніе дни:

Согласно предположенному плану, сосредоточеніе нашей дѣйствующей арміи въ Румыніи приближается къ концу; Въ теченіе послѣдней недѣли сосредоточеніе это происходило при условіяхъ болѣе благопріятныхъ: погода стояла прекрасная, разлитіе рѣкъ почти прекратилось.

Главная квартира Великаго Князя главнокомандующаго, съ 2-го мая, находится въ Плоешти, городѣ съ 24,000 жителей, лежащемъ на желѣзномъ пути, ведущемъ изъ Галаца въ Бухарестъ, и занимающемъ центральное въ княжествѣ положеніе.

Тяжести, слѣдующія при арміи, прибываютъ своевременно, а осадная артиллерія, доставка которой сопряжена съ наибольшими затрудненіями, уже находится на Дунаѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ княжествѣ дѣятельно устраивается основаніе для дальнѣйшихъ дѣйствій: учреждаются склады и магазины по вѣдомствамъ интендантскому, артиллерійскому, инженерному; открываются военноврачебныя заведенія, станціи полевого почтамта и т. п.

Движеніе тѣхъ частей нашихъ войскъ, которыя слѣдовали не по желѣзнымъ, а по обыкновеннымъ путямъ, производились эшелонами, по-бригадно, причемъ, какъ пѣхота, такъ и кавалерія двигались всегда со своею артиллеріею. На походѣ и на ночлегахъ предписано было принимать надлежащія мѣры предосторожности.

Его Высочествомъ главнокомандующимъ приняты были всѣ мѣры не только для безостановочнаго движенія войскъ, но и для снабженія ихъ на пути всѣмъ необходимымъ. Въ заблаговременно указанныхъ пунктахъ, подряженное на этотъ случай «товарищество» обязано поставлять войскамъ всѣ необходимые продукты, хлѣбъ, мясо, вино, фуражъ; въ случаѣ, если по какимъ либо обстоятельствамъ войска этимъ порядкомъ не получили бы продуктовъ, то они раздаются изъ слѣдующаго за войсками интендантскаго транспорта; наконецъ, въ случаѣ истощенія запасовъ въ этомъ послѣднемъ, запасы пріобрѣтаются покупкою самими частями. «Товариществу», въ случаѣ крайности, разрѣшено въ извѣстной соразмѣрности, не болѣе трети, поставлять вмѣсто ржанаго хлѣба—пшеничный, а вмѣсто гречневой и ячной муки—пшеничную или кукурузную, и замѣнять овесъ ячменемъ, а хлѣбное вино—виноградным. Для довольствія мясомъ, при частяхъ войскъ имѣется порціонный скотъ. Солома и топливо пріобрѣтаются также частями войскъ. Въ довольствіе солдатъ входятъ винныя порціи и чай. Въ виду наступающаго жаркаго времени, изготовлены въ войскахъ холщевые чахлы на шапки, съ назатыльниками.

Результатомъ всѣхъ указанныхъ выше мѣръ было систематическое и безостановочное сосредоточеніе нашихъ войскъ въ княжествѣ, и то радушіе, съ которымъ повсюду встрѣчало ихъ мѣстное населеніе.

Великій Князь главнокомандующій посѣтилъ Галацъ, Рени и Браиловъ 24-го апрѣля, причемъ осматривалъ, подъ огнемъ турецкихъ мониторовъ, работы по возведенію батарей въ этихъ пунктахъ и по загражденію Дуная и устья Прута, въ которомъ находится флотилія нашего черноморскаго отряда; послѣ того, 25-го апрѣля Его Высочество возвратился въ Кишиневъ.

2-го мая Его Высочество главнокомандующій изволилъ прибыть въ Плоешти, гдѣ былъ встрѣченъ городскими властями, духовенствомъ и народомъ, затѣмъ, принялъ румынскаго князя Карла, а на другой день посѣтилъ князя въ Бухарестѣ, гдѣ былъ встрѣченъ также сочувственно, какъ и въ Плоешти. Здѣсь кстати замѣтить, что манифестомъ, отданнымъ въ Бухарестѣ, князь Карлъ принялъ начальство надъ румынскою арміею и, вмѣстѣ съ тѣмъ, назначены начальствующія въ ней лица и штабы.

Главнѣйшимъ событіемъ истекшей недѣли былъ взрывъ большого турецкаго башеннаго монитора, пошедшаго ко дну съ пятью орудіями большаго калибра и съ 200 человѣкъ экипажа. Взрывъ этотъ, столь удачно произведенный устроенною у Браилова нашею осадною батареею, состоящею изъ 24-хъ фунтовыхъ пушекъ и 6-ти дюймовыхъ мортиръ, указываетъ на отличное достоинство нашихъ орудій и артиллеристовъ, тѣмъ болѣе, что стрѣльба, какъ можно полагать (за неимѣніемъ пока точныхъ оффиціальныхъ свѣдѣній), происходила съ значительнаго разстоянія, такъ какъ мониторъ погибъ въ Мачинскомъ рукавѣ. По удаленіи, послѣ взрыва, турецкой флотиліи въ Мачинскій рукавъ, въ устьѣ его, 3-го мая, заложены наши загражденія.

Еще болѣе замѣчателенъ, по отважному исполненію, поискъ нашихъ моряковъ, произведенный въ батумскомъ рейдѣ 1-го мая. Пароходъ «Константинъ», выйдя изъ Севастополя и благополучно миновавъ турецкихъ крейсеровъ, прошелъ 700 верстъ до Батума; остановился, не доходя до него, и спустилъ четыре миноносныхъ катера, которые ночью вошли въ занятый турецкими судами батумскій рейдъ и подвели мину къ одному изъ фрегатовъ. Къ сожалѣнію, мину не взорвало хотя исполнителями сдѣлано все возможное для успѣха предпріятія.

Въ Азіятской Турціи дѣйствія нашихъ войскъ сосредоточились въ трехъ пунктахъ: на пути въ Батумъ, у Ардагана и Карса.

Ріонскій отрядъ генералъ-лейтенанта Оклобжіо, послѣ взятія съ боя позиціи у Мухаэстате, атаковалъ 29-го апрѣля и взялъ приступомъ усиленную укрѣпленіями и завалами позицію на высотахъ Хацубани, вдоль р. Кинтриши (Чурукъ-су). Дѣло было жаркое; въ немъ кавказскія войска выказали свои превосходныя боевыя достоинства, а артиллерія много содѣйствовала успѣху дѣла. Общее число выбывшихъ изъ строя 128 человѣкъ. Надо замѣтить, что мѣстность, на которой дѣйствуетъ ріонскій отрядъ, представляетъ значительныя затрудненія для наступающаго. Отъ Озургетъ къ Батуму ведутъ двѣ дороги: одна вполнѣ удобная для движенія идетъ берегомъ моря на Кобулеты и крѣпостцу Цихедзири, запирающую собою долины Кинтриши и Чаквы; но дорога эта, находясь подъ выстрѣлами турецкаго флота и стѣсненная береговыми высотами, неудобна для движенія войскъ; другая дорога, горная, идущая отъ нашего пограничнаго чолокскаго поста на турецкую деревню Легву, преграждается ущельемъ р. Кинтриши, образуемымъ Аджарскимъ хребтомъ и отрогомъ его Перанга, а далѣе, къ Батуму, идетъ по гористой и лѣсистой мѣстности (хребетъ Перанга), представляющей для непріятеля довольно сильныя позиціи. Впрочемъ, къ Батуму можно подойти еще съ двухъ сторонъ: по горной дорогѣ изъ Ахалцыхскаго уѣзда, на Хулу, и изъ Ардагана.

Дѣйствія подъ Ардаганомъ. Войска наши, подъ общимъ начальствомъ генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова, подошли къ Ардагану двумя колоннами: отрядъ александропольскаго корпуса, двигаясь отъ Карса, сталъ лагеремъ у Гурджибека, а ахалцыхскій отрядъ подошелъ къ Ардагану со стороны Ольчека. 4-го мая войска наши атаковали два передовыя укрѣпленія, расположенныя на Гелавчердинскихъ высотахъ и имѣющія важное боевое значеніе. Послѣ усиленной канонады сорока орудій, нанесшей непріятелю значительный вредъ и подготовившей атаку, войска колонны генералъ-лейтенанта Девеля съ елисаветпольскимъ полкомъ во главѣ, заняли съ бою укрѣпленія на Гелавчердинскихъ высотахъ; для содѣйствія имъ были направлены баталіоны лейбъ-эриванскаго и бакинскаго полковъ. Трофеями нашими были девять орудій и большое количество артиллерійскихъ припасовъ, ружей и патроновъ.

Затѣмъ, 15-го мая войска изъ колонны генералъ-лейтенанта Геймана: эриванцы, тифлисцы, бакинцы и саперы, 5-го мая, послѣ блистательнаго дѣйствія артиллеріи, овладѣли открытою силою всею крѣпостью Ардаганомъ.

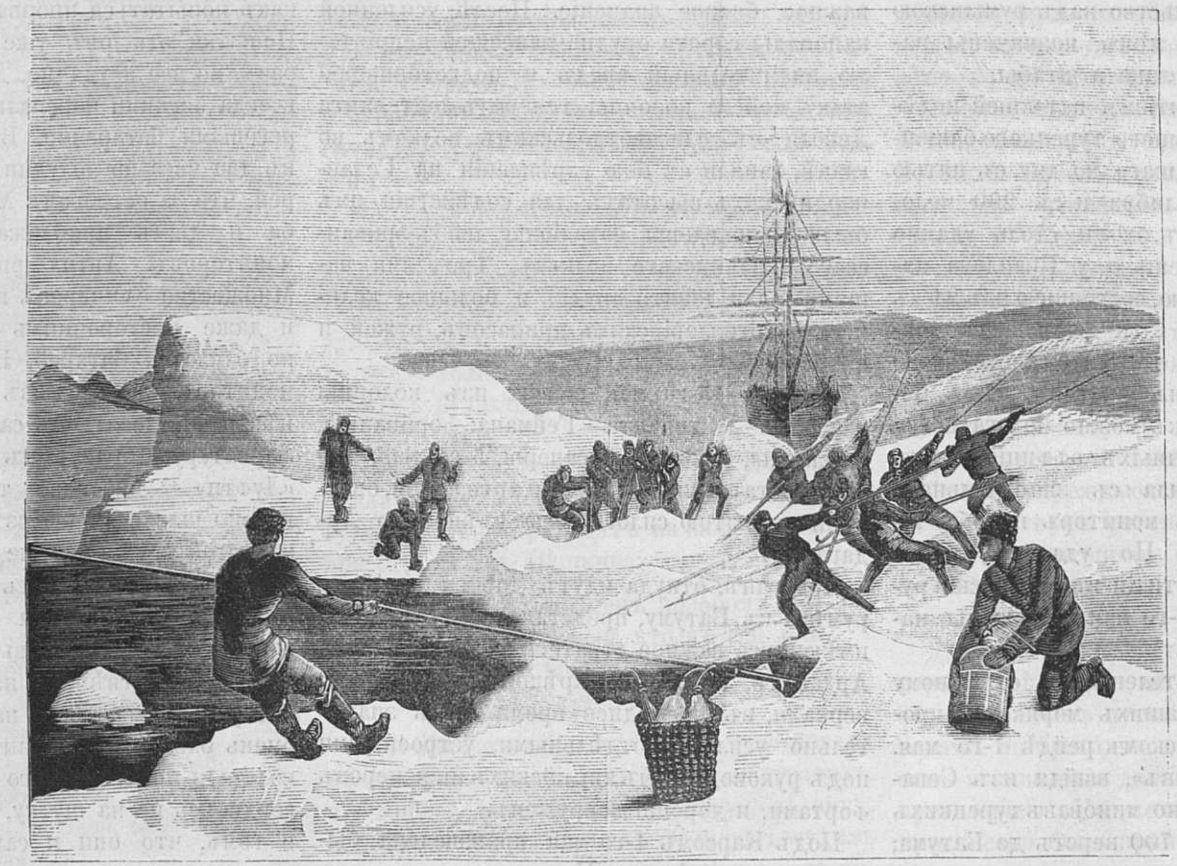
Ардаганъ, откуда идутъ дороги въ Эрзерумъ и къ Батуму, представляется пунктомъ, имѣющимъ важное стратегическое значеніе. Ардаганъ, старинная крѣпость со слабыми верками, въ послѣднее время былъ значительно усиленъ отдѣльными, устроенными подъ руководствомъ англійскихъ инженеровъ фортами, и хорошо вооруженъ.

Подъ Карсомъ 4-го мая произведена была генералъ-маіоромъ Комаровымъ рекогносцировка, съ четырьмя баталіонами, двумя батареями и съ иррегулярною конницею, состоявшею изъ дагестанской конно-иррегулярной бригады, трехъ сотенъ александропольскаго конно-иррегулярнаго полка и карапапахской милиціи. Иррегулярная кавалерія, шедшая въ головѣ колонны, имѣла жаркое дѣло съ непріятельскими драгунами, въ числѣ 1,000 человѣкъ, поддержанныхъ восемью баталіонами пѣхоты и батареей, и отбила съ большимъ урономъ нападеніе турокъ.

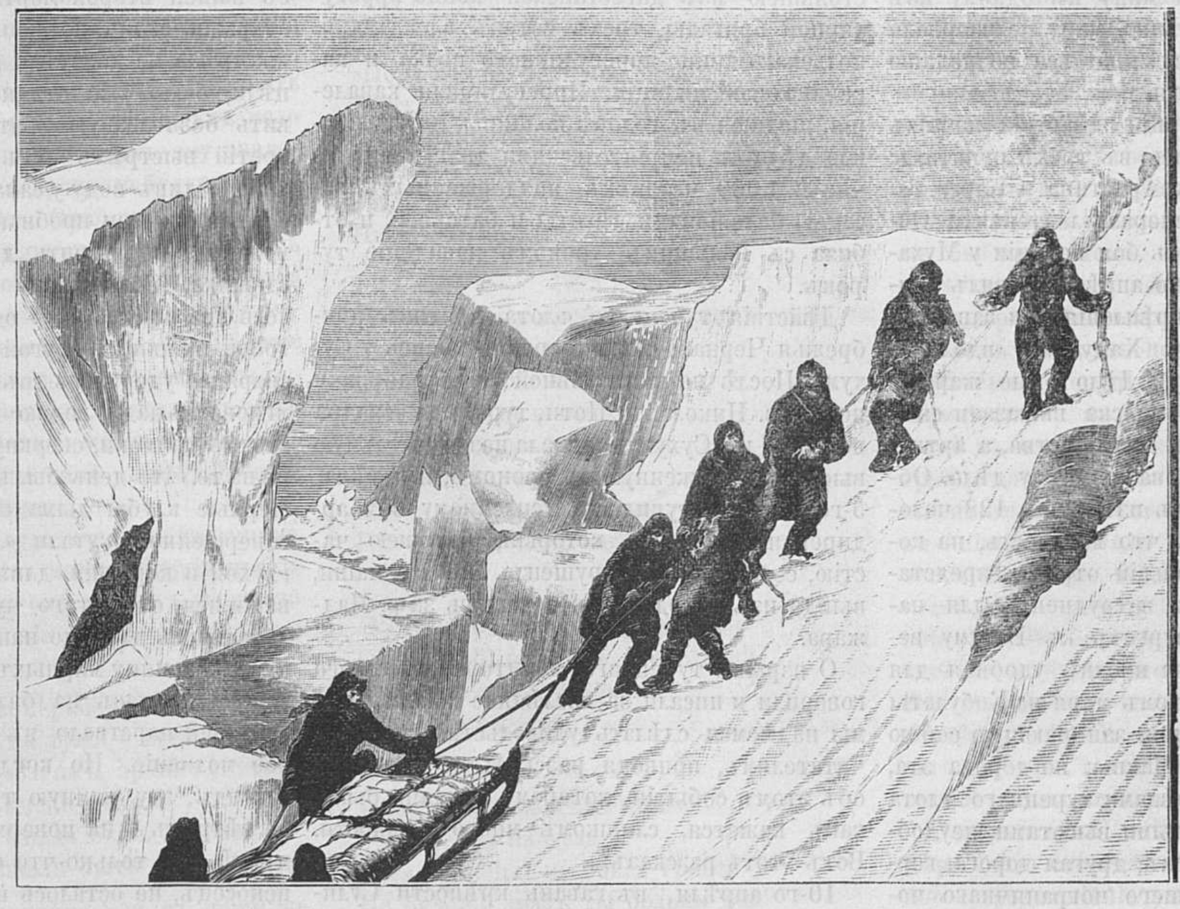
Дѣйствія турецкаго флота противъ прибрежья Чернаго моря сосредоточились у Сухума. Послѣ незначительной бомбардировки поста св. Николая и Поти, турецкая эскадра подошла къ Сухуму, сдѣлала незначительную высадку, отраженную съ урономъ, и затѣмъ, 5-го мая, приступила къ усиленному бомбардированію Сухума, который, большею частію, сожженъ и разрушенъ. Войска наши, выйдя изъ города, расположились за р. Маджара.

О взрывѣ турецкаго монитора мы много говорили и писали за послѣднее время, что мы надѣемся сдѣлать удовольствіе нашимъ читателямъ, приводя разсказъ г. Каразина объ этомъ событіи, которому придано было, какъ кажется, слишкомъ много важности. Вотъ этотъ разсказъ:

10-го апрѣля, въ гавань крѣпости Сулины прибыли два большихъ турецкихъ монитора—«Лутфи-Джелилъ» (милость Всевышняго) и «Хывзи-Рахманъ» (заступникъ милосердный). Оба судна построены по одному типу и съ совершенно одинаковымъ вооруженіемъ. «Хывзи-Рахманъ» остался въ низовьяхъ Дуная, а «Лутфи» направился вверхъ и дошелъ до Мачина — это тотъ самый мониторъ, что проходилъ 12-го апрѣля мимо Галаца въ виду нашихъ войскъ, двигавшихся въ походномъ порядкѣ. Я вамъ уже разсказывалъ этотъ эпизодъ въ одномъ изъ своихъ первыхъ писемъ изъ Галаца. Удобный моментъ нанести намъ ощутительный вредъ во время нашихъ первоначальныхъ передвиженій, когда лѣвый берегъ Дуная былъ совершенно безоруженъ, былъ турками упущенъ, вода рѣки начала уже спадать и большому судну, какъ покойный «Лутфи-Джелилъ», не оставалось больше ничего, какъ попытаться прорваться снова къ морю. Попытки эти онъ уже дѣлалъ нѣсколько разъ, но все неудачно. Дѣло ограничивалось всегда легкими перепалками съ нашими береговыми батареями. Вчера, 29-го апрѣля. въ два часа по полудни, дали знать съ батарей, что за островомъ Мачиномъ видна труба и дымъ приближающихся турецкихъ мониторовъ. Артиллеристы приготовились. Множество офицеровъ всѣхъ частей войскъ и даже постороннихъ зрителей собралось по близости батарей. Въ три часа передній мониторъ показался изъ за острова, прошелъ нѣсколько десятковъ саженей по дунайскому фарватеру и раскрылъ бортъ — это былъ «Луфти» — красивое трехмачтовое судно, грозно выпускавшее изъ своей широкой приземистой трубы густые клубы чернаго дыма. За нимъ, не выдвигаясь изъ-за острова, виднѣлись еще два судна подъ парами, задержавшія ходъ. На первый выстрѣлъ съ борта «Лутфи» отвѣчала наша 24-хъ фунтовая батарея. Нѣсколько нашихъ бомбъ легли очень близко отъ манитора, всплески воды взлетали почти у самаго судна, артиллеристы сердились не на шутку, совершенно забывая о томъ, что они и сами служатъ мишенью для турецкихъ снарядовъ. «Луфти» снова тронулся впередъ,—пожалуй, на этотъ разъ ему и посчастливилось бы прорваться. Тогда съ нашей второй мортирной батареи тоже открыли огонь по непріятелю. Первые два выстрѣла не долетѣли и легли много ближе цѣли; было уже отдано приказаніе остановить безполезную трату снарядовъ, когда третій выстрѣлъ легъ даже дальше цѣли, взбороздивъ воду у самаго противуположнаго берега; эти три пробные выстрѣла дали возможность провѣрить дистанцію и бить навѣрняка. Совершенно одновременно раздалось два выстрѣла — одинъ изъ 24-хъ фунтовой пушки и другой изъ мортирной, оба снаряда ударились въ «Лутфи» и черезъ мгновеніе надъ водою поднялся громадный столбъ пламени, сверкнувшій даже не смотря на то, что день былъ ясный и солнечный. Черные клубы дыма сплошнымъ облакомъ совершенно окутали «Лутфи», ударъ былъ глухой и короткій, длинныя волны, образовавшіяся отъ этого чудовищнаго всплеска, докатились даже до нашего берега, всколыхнувъ вереницу мирныхъ судовъ и рыбачьихъ лодокъ. У насъ на батареяхъ и въ толпѣ зрителей царствало въ это мгновеніе глубокое молчаніе. Но когда черезъ нѣсколько секундъ, эту дымную тучу отнесло нѣсколько вѣтромъ и на поверхности воды, на томъ мѣстѣ, гдѣ только-что стоялъ грозный броненосецъ, не осталось ничего, кромѣ торчащей верхушки мачты съ краснымъ флагомъ, на батареяхъ грянуло громкое ура, подхваченное всѣми, даже посторонними присутствовавшими. Это была страшная мгновенная катастрофа. Могучее трехмачтовое судно съ пятью колоссальными орудіями, съ 219 человѣкъ экипажа—все это разомъ погибло отъ удачно попавшей нашей бомбы, пробившей палубу и разорвавшейся, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ бомбовой камерѣ. Тотчасъ же отъ нашего берега отчалили шлюпки съ нашими матросами и охотниками къ мѣсту катастро-



Экипажъ Алерта и Дисковери, разчищаетъ путь между льдами.



Экскурсія на саняхъ.

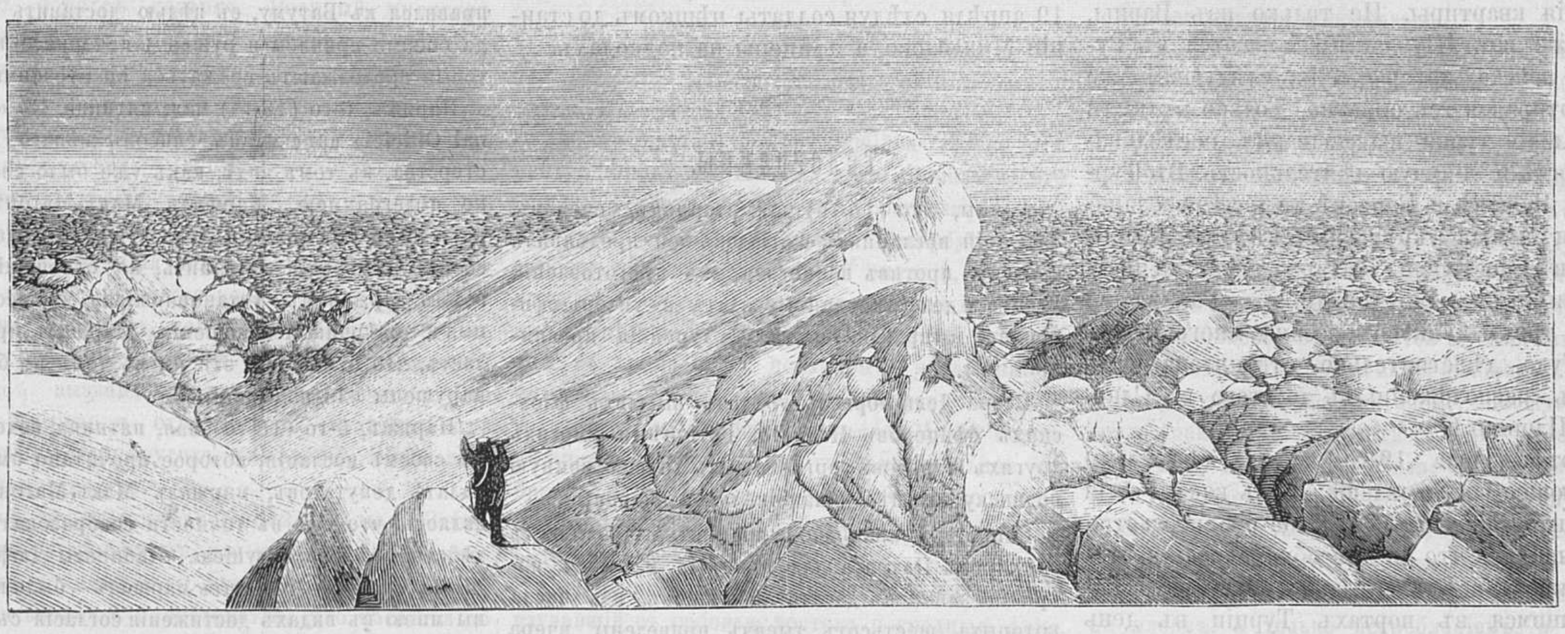
(Къ статьѣ: *«Послѣдняя англійская полярная экспедиція»*.)

фы. Въ виду трехъ турецкихъ пароходовъ словно оцѣпенѣвшихъ отъ внезапной кончины своего старшаго товарища, наши матросы подошли къ торчащей мачтѣ, сорвали съ нея турецкій флагъ, выловили два трупа и одного еще живого раненаго, и съ этими трофеями вернулись обратно. По собраннымъ свѣдѣніямъ и показаніямъ этого раненаго, единственно уцѣлѣвшаго изъ 219 человѣкъ экипажа, узнали, что капитанъ монитора назывался Негибъ-бей, что всего за полчаса палубу «Лутфи» оставилъ адмиралъ Біюкъ-паша (Дельваръ). (А жаль, что поторопилися!) Судно имѣло 220 футовъ длины и 44 ширины—значитъ одно изъ самыхъ крупныхъ и сильныхъ судовъ этого типа и стоило туркамъ 100,000 ф. стер.

Остальные мониторы отступили въ Мачинъ и вотъ уже день, какъ не высовываютъ даже носа оттуда. — Артиллеристы, а главное, что у нихъ теперь укрѣпилась прочная вѣра въ свои массивныя орудія, а эта увѣренность значитъ многое. Командиръ батареи—поручикъ Самойло. Наводчики при двухъ отличившихся орудіяхъ Романъ Давыдюсъ и Иванъ Помпоръ.

Вотъ телеграмма Его Императорскаго Высочества главнокомандующаго кавказскою арміей о взятіи русскими войсками Ардагана:

Имѣю счастіе поздравить Ваше Императорское Величество со взятіемъ Ардагана; только что получилъ слѣдующую депешу отъ генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова: Ардаганъ, съ передовыми укрѣпленіями, крѣпостными верками, 60 орудіями, огромными артиллерійскими и продовольственными запасами, лагеремъ 14 турецкихъ баталіоновъ и городомъ — у ногъ Вашего Императорскаго Величества. 5 мая съ трехъ часовъ до шести вечера, замѣчательно мѣткою стрѣльбою нашей блистательной артиллеріи изрыты верки, предназначенные для штурма; въ 6 часовъ вечера я рѣшился начать атаку открытою силою эриванцевъ, тифлисцевъ, бакинцевъ и саперовъ; непріятель не выдержалъ натиска и бѣжалъ, оставивъ множество тѣлъ, кавалерія его преслѣдовала, не смотря на темноту; въ 9 часовъ вечера войска, пройдя чрезъ городъ и всѣ укрѣпленія при звукахъ полковыхъ хоровъ музыки «Боже Царя храни», отпраздновали побѣду; россійскія Императорскія знамена водружаются на веркахъ бывшей турецкой крѣпости. Потеря наша еще не приведена въ точную извѣстность, но приблизительно убито 1 и ранено 4 офицера, нижнихъ чиновъ убито до 50 и ранено около 180. Не могу нахвалиться неустрашимостью и искуствомъ нашихъ молодыхъ солдатъ, распорядительностію начальниковъ и офицеровъ; героемъ дня былъ генералъ-лейтенантъ Гейманъ. Сегодня въ занятыхъ съ боя нашими войсками укрѣпленіяхъ будетъ торжественно отслужено молебствіе.



Море вѣковыхъ льдовъ.

О перестрѣлкѣ между Ольтеницею и Туртукаемъ сообщаютъ изъ Бухареста слѣдующія подробности:

«Въ ночь съ 9 на 10 мая (27—28 апрѣля) румынами была построена въ глубокомъ молчаніи ниже Ольтеницы на плацу стараго карантина батарея изъ 6 орудій, направленная противъ Туртукая. На слѣдующее утро турки до-нельзя удивились, замѣтивъ внезапно выросшую, какъ бы изъ земли, румынскую батарею. Вѣроятно, они послали за инструкціями въ свою главную квартиру, такъ какъ только къ 4 час. вечера они открыли стрѣльбу изъ всѣхъ своихъ орудій противъ этой батареи. Но прицѣлъ ихъ не отличался большою точностью, большая часть зарядовъ не разрывалась, вслѣдствіе чего ни Ольтеница, ни батарея ни мало не пострадали.

«Вслѣдъ затѣмъ появились два турецкихъ монитора, которые стали поддерживать своимъ огнемъ огонь турецкихъ батарей, но вскорѣ одинъ изъ нихъ, получивъ серьёзное поврежденіе отъ румынской бомбы, прекратилъ пальбу. Въ половинѣ восьмого турки прекратили огонь по всей линіи, послѣ того, какъ ими было выпущено около 450 снарядовъ. Что касается до румынъ, то ими сдѣлано не болѣе 200 выстрѣловъ. Въ результатѣ оказалось, что на румынской сторонѣ было подбито одно орудіе и убита одна лошадь; за то Туртукай горѣлъ во многихъ мѣстахъ. Городъ этотъ, во время перестрѣлки, дважды поднималъ бѣлый флагъ, но румыны не могли прекратить огня до тѣхъ поръ, пока турки продолжали стрѣлять. На слѣдующій день вступилъ въ Ольтеницу значительный отрядъ румынскихъ войскъ изъ пѣхоты и артиллеріи, подъ начальствомъ генерала Ману. Зимница, которой тоже грозятъ турки, также занята крупнымъ отрядомъ румынскихъ войскъ, который обѣщалъ стоявшимъ въ этой гавани греческимъ и австрійскимъ судамъ защитить ихъ отъ нападеній турокъ. Тѣмъ не менѣе, многія изъ нашихъ придунайскихъ мѣстностей все еще подвергаются набѣгамъ со стороны баши-бузуковъ».

PARMUZYNSKI

Неудовлетворимая кровожадность.

Общая картина военнаго движенія на балканскомъ полуостровѣ все болѣе и болѣе опредѣляется:

Румынсная армія примкнула къ нашей и заняла уже передовыя позиціи. Черногорія давно готова къ борьбѣ. Все мужское населеніе Черногоріи не превышаетъ со старцами и дѣтьми 60,000 человѣкъ. Поголовное же ополченіе взрослыхъ людей не можетъ превзойти 20 или 25,000 человѣкъ. Этой силы достатоѣно, чтобъ охранить Черныя Горы, какъ небольшого числа дагестанцевъ было достаточно, чтобъ 30 лѣтъ держаться противъ могущественной Россіи, но для наступленія такая сила слаба.

Сербія мобилизуетъ свои войска. Весь народъ настроенъ воинственно. Въ крагуевацкомъ арсеналѣ кипитъ усиленная дѣятельность. На границѣ близь Ниша, Громады, Пандирало, Великаго Извора происходятъ постоянныя стычки сербскихъ пикетовъ съ турецкими передовыми войсками. Настоящее положеніе Сербіи крайне тяжелое. Страна эта однажды уже ринулась въ бой, и четыре мѣсяца изо дня въ день, одинокая, вспомоществуемая лишь незначительнымъ числомъ русскихъ добровольцевъ, съ плохимъ оружіемъ, безъ денегъ, ополчила поголовно все населеніе свое и выдерживала отчаянный напоръ полуторастатысячный турецкой арміи. Маленькое княжество потеряло въ этой борьбѣ до 40,000 человѣкъ убитыми и ранеными; многіе округи потеряли до половины всего своего мужскаго населенія. Жертвы были чрезвычайныя, но когда сербская армія была сломлена подъ Дьюнишемъ, послѣ упорной борьбы, никто не только не воздалъ должнаго сербамъ, но они же были предметомъ порицанія и глумленія. Энергія, однако, въ сербскомъ народѣ такъ велика, сознаніе своей исторической задачи такъ сильно, что нѣсколько мѣсяцевъ отдыха вновь возродили Сербію для борьбы.

Положеніе болгаръ наиболѣе незавидное. Только и доносятся изъ несчастной болгарской земли слухи о звѣрствахъ, совершаемыхъ баши-бузуками и черкесами въ болгарскихъ городахъ и селахъ. Болгарское населеніе смотритъ на русскихъ, какъ на своихъ избавителей.

— Корреспондентъ «Politische Correspondenz» сообщаетъ по телеграфу изъ Рущука, что вслѣдствіе непрестанныхъ военныхъ совѣтовъ возникли легкія недоразумѣнія между сэрдаръ экремомъ, Абдулъ-Керимомъ и командующимъ дунайскою арміей. Абдулъ-Керимъ возстаетъ противъ плана кампаніи

Ахмета-Эюба, хотя планъ этотъ имѣетъ не мало сторонниковъ въ главномъ штабѣ. Абдулъ-Керимъ противъ вообще всякихъ наступательныхъ дѣйствій; онъ предпочитаетъ оборону по той весьма основательной причинѣ, что численность турецкихъ войскъ не дозволяетъ имъ успѣшной переправы черезъ Дунай и продолжительнаго занятія наиболѣе важныхъ стратегическихъ пунктовъ Румыніи. Ахмедъ-Эюбъ, напротивъ, требуетъ во что бы то ни стало перенесенія театра войны въ Румынію. Никакого окончательнаго рѣшенія пока не принято. Даже принятыя уже мѣры и тѣ не имѣютъ рѣшительнаго характера. То посылаются войска въ Добруджу, то приказывается имъ вернуться на прежнія квартиры. Не только изъ Варны, но даже изъ Шумлы призываются въ Рущукъ войска, которыхъ на слѣдующій же день отправляютъ обратно. Только въ дѣлѣ укрѣпленій турки выказываютъ послѣдовательность и кипучую дѣятельность. Въ Туртукаѣ, Рущукѣ и Гирсовѣ то и дѣло воздвигаются новыя укрѣпленія: въ Туртукаѣ и Гирсовѣ построены батареи, вооруженныя самыми тяжелыми орудіями. Гарнизоны этихъ трехъ пунктовъ весьма многочисленны. Туда, дѣйствительно, отправлена часть войскъ, расположенныхъ до этого въ Сливнѣ и Пловдивѣ.

Порта издала 19-го апрѣля (1-го мая) слѣдующее постановленіе: Такъ какъ Россія объявила войну, то османское правительство постановило, что со дня обнародованія этого декрета всѣмъ русскимъ кораблямъ, находившимся въ портахъ Турціи въ день 12-го (24-го) апрѣля, дается пятидневный срокъ для выхода изъ турецкихъ водъ въ ближайшій русскій или нейтральный портъ, но съ тѣмъ, чтобы они не проходили черезъ проливы изъ Средиземнаго моря въ Черное или обратно.

По словамъ вѣнской газеты «Fremdenblatt», губернаторъ Тульчи, Саидъ-паша, получилъ отъ генералъ-губернатора изъ Константинополя слѣдующую депешу: «Отступайте передъ непріятелемъ и извѣстите народъ, чтобы онъ отступалъ и по пути отъ Дуная сжигалъ бы все отъ Черноводы до Кюстендже».

Консулы европейскихъ державъ въ Тульчѣ отправились къ губернатору и протестовали противъ распоряженія опустошать страну. Губернаторъ отвѣчалъ, что онъ дѣйствительно получилъ приказъ очистить городъ отъ оттоманскихъ жителей, но что это распоряженіе не касается иностранныхъ подданныхъ, за жизнь, достояніе и честь которыхъ онъ «ручается». Но если появятся русскіе, онъ ни за что не отвѣчаетъ. Броненосцы передъ городомъ, баттарея, господствующая надъ нимъ, и черкесы, уже начавшіе грабить вокругъ—говорятъ сами за себя. Паника наступила всеобщая. Турецкія семейства выѣзжаютъ изъ города, и ихъ замѣняютъ вооруженные турки.

Въ «Тифлисск. Вѣст.» пишутъ, что 22-го апрѣля, утромъ, по городу разнесся слухъ, будто въ Тифлисъ привезли военно-плѣнныхъ. Народъ цѣлыми массами собрался на Головинскій проспектъ близъ ордонансъ-гауза, предполагая, что плѣнныхъ приведутъ на гауптвахту. Дѣйствительно, съ утреннимъ поѣздомъ поти-тифлисской желѣзной дороги, въ нашъ городъ привезли изъ Ахалцыха 25 человѣкъ военно-плѣнныхъ турокъ, изъ которыхъ 3 офицера. По прибытіи транспорта въ городъ, военно-плѣнныхъ направили въ штабъ мѣстныхъ войскъ, а оттуда на квартиры. Плѣнные вовсе не имѣли грустнаго вида. Офицеры всѣ почти выше среднихъ лѣтъ, солдаты же всѣ люди молодые и хорошаго роста. Обмундировка солдатъ напоминаетъ костюмъ эрзерумскихъ армянъ. Небольшая куртка съ красными полосами, брюки съ красными кантами, поверхъ шинель изъ сѣраго солдатскаго сукна съ пришитымъ башлыкомъ; погоновъ или знаковъ отличія не видно. По представительности обратилъ на себя вниманіе одинъ маіоръ. Особенно любопытствовали турецко-подданные, находящіеся въ Тифлисѣ; они явились цѣлыми толпами; военно-плѣнные, какъ говорятъ, изъ турецкой кавалеріи и взяты недалеко отъ нашихъ границъ ахалцыхскимъ отрядомъ. Они вышли изъ Ахалцыха во вторникъ, 19 апрѣля, слѣдуя солдаты пѣшкомъ до станціи Михайлово, а офицеры на подводахъ.

Телеграммы.

Аѳины, 3-го (15-го) мая, вторникъ, вечеромъ. Турецкій посланникъ Фотіадесъ-бей предъявилъ протестъ противъ воинственныхъ приготовленій Греціи и дезертированія солдатъ и унтеръ-офицеровъ, отправляющихся въ турецкія провинціи.

Вчера Делигеоргисъ убѣдилъ высшихъ флотскихъ офицеровъ Навпліи, Гитіонѣ и многихъ другихъ городовъ организовать общественную подписку для цѣлей національной обороны.

Секретарь архейской префектуры созываетъ банкировъ Патраса для принятія мѣръ къ покрытію займа въ десять милліоновъ, изъ числа которыхъ шестьсотъ тысячъ привезены вчера изъ Александріи.

Кумундуросъ продолжаетъ убѣждать предводителей партій соединиться между собою; однако на осуществленіе этого плана мало надежды.

Парижъ, 5-го (17-го) мая, четвергъ, вечеромъ. Въ засѣданіи палаты депутатовъ лѣвая сторона пожелала сдѣлать запросъ министерству, выходящему въ отставку. Кристофль отказался дать отвѣтъ, желая предварительно посовѣтоваться съ своими товарищами; тѣмъ не менѣе, палата постановила приступить къ преніямъ немедленно. Гамбетта, развивъ запросъ, предложилъ перейти къ очереднымъ дѣламъ, что и было принято большинствомъ 355-ти голосовъ противъ 154-хъ. Затѣмъ, палата отсрочила засѣданіе до слѣдующаго дня.

Парижъ, 5-го (17-го) мая, четвергъ, вечеромъ. Новый кабинетъ образовался въ слѣдующемъ составѣ: президентомъ совѣта и министромъ юстиціи назначенъ герцогъ Брольи; министромъ внутреннихъ дѣлъ — Фурту; министромъ финансовъ — Кальйо; общественныхъ работъ — Пари; земледѣлія—Мо; народнаго просвѣщенія—Брюне. Отставка министровъ иностранныхъ дѣлъ и военнаго не принята. Управленію морскимъ министерствомъ данъ временный характеръ.

Аѳины, 5-го (17-го) мая, четвергъ, вечеромъ. Вчера доставлены сюда шесть батарей (36 горныхъ орудій) и 14,000 ружей. Газетамъ запрещено сообщать свѣдѣнія о движеніяхъ войскъ.

Англія продолжаетъ оказывать давленіе на греческое правительство, съ цѣлью воспрепятствовать открытію военныхъ дѣйствій.

Константинополь, 5-го (17) мая, четвергъ, вечеромъ. Послѣднія извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій произвели въ Константинополѣ сильное уныніе. Реакція въ пользу мира весьма велика. Г. Лэйярдъ обѣщаетъ Портѣ установить согласіе между нею и Австріей. Повидимому, турецкое правительство получило значительную сумму для покрытія наиболѣе настоятельныхъ нуждъ. Броженіе въ Ѳессаліи усиливается.

Турецкія газеты проповѣдуютъ священную войну. Султанъ находится въ полнѣйшей нерѣшимости. Турецкіе министры относятся къ г. Лэйярду враждебно.

Константинополь, 5-го (17) мая, четвергъ, вечеромъ. Оффиціальная телеграмма турецкаго правительства удостовѣряетъ, что Сухумъ-Кале взятъ турками и что черкеское населеніе возстало. Далѣе, телеграмма сообщаетъ, что мѣстный гарнизонъ, истребленъ а городъ весь выжженъ.

Константинополь, 6-го (18-го) мая, пятница. По сообщенію «Агентства Гаваса», турецкій броненосецъ ушелъ изъ-подъ Сухумъ-Кале и отправился къ Батуму, съ цѣлью доставить оттуда боевые припасы и ружья для черкесовъ, которые продолжаютъ сражаться съ русскими.

Парижъ, 6-го (18-го) мая, пятница. Въ «Journal Officiel» напечатанъ списокъ новаго министерства, въ томъ видѣ, какъ уже было сообщено телеграммою. Маршалъ Макъ-Магонъ, въ письмѣ на имя герцога Деказа, подтверждаетъ о своемъ намѣреніи сохранить, по отношенію ко всѣмъ державамъ, установившіяся дружественныя и довѣрчивыя отношенія. Маршалъ прибавляетъ, что отношенія эти ни въ чемъ не будутъ нарушены или измѣнены.

Парижъ, 6-го (18-го) мая, пятница, вечеромъ. Въ своемъ посланіи, которое прочитано было въ палатѣ депутатовъ, маршалъ Макъ-Магонъ заявляетъ, что онъ въ точности сообразовалъ свои дѣйствія съ конституціею. «Кабинеты Дюфора и Жюля Симона—говоритъ маршалъ—были избраны мною въ видахъ достиженія согласія съ большинствомъ палаты; но кабинеты эти не могли составить въ палатѣ большинства, достаточно сильнаго для того, чтобы доставить торжество надлежащимъ взглядамъ. Я не могъ сдѣлать болѣе ни одного шага въ томъ-же направленіи, не обратившись къ республиканской фракціи, которая желаетъ радикальнаго измѣненія всѣхъ нашихъ учрежденій. Совѣсть моя и мой патріотизмъ не позволяютъ мнѣ содѣйствовать, даже отдаленнымъ образомъ торжеству этихъ взглядовъ, могущихъ только породить безпорядокъ и повести къ приниженію Франціи. Пока я буду располагать властью, до тѣхъ поръ буду пользоваться ею, въ законныхъ предѣлахъ, для того, чтобъ воспрепятствовать распространенію означенныхъ воззрѣній, которое было-бы гибелью Франціи; но я убѣжденъ, что вся страна раздѣляетъ мой образъ мыслей. Страна не желала торжества радикальныхъ теорій во время послѣднихъ выборовъ, на которыхъ всѣ кандидаты ссылались на мое имя; и еслибъ ее спросить, то она отвергла-бы подобное смѣшеніе. Я твердо рѣшился уважать и поддерживать существующія учрежденія вплоть до 1880 года. Одинъ только я могу предложить измѣненія конституціи, и, однако, ничего подобнаго не замышляю. Въ видахъ успокоенія волненія, я приглашаю васъ отсрочить засѣданія на мѣсяцъ; затѣмъ, вы можете заняться обсужденіемъ бюджета. Въ этотъ промежутокъ времени мы будемъ наблюдать за сохраненіемъ общественнаго спокойствія и не допустимъ внутри Франціи ничего такого, что нарушало-бы его извнѣ. Я питаю увѣренность, что, не смотря на безпокойства, волнующія часть Европы, миръ будетъ сохраненъ, благодаря нашимъ хорошимъ отношеніямъ ко всѣмъ державамъ и нейтральной, воздержной политикѣ Франціи. Въ этомъ отношеніи всѣ партіи согласны между собою; новый кабинетъ думаетъ также, какъ и предшествовавшій. Если согласіе будетъ нарушено какими-нибудь неблагоразумными выходками печати, то я подавлю эти выходки законными средствами; а чтобъ предотвратить ихъ, я обращаюсь къ патріотизму всѣхъ гражданъ».

Парижъ, 6-го (18-го) мая, пятница, вечеромъ. По прочтеніи посланія маршала Макъ-Магона, президентъ палаты депутатовъ сказалъ: «Никакихъ преній не должно быть начинаемо до возобновленія засѣданій палатъ. Намъ слѣдуетъ остаться въ предѣлахъ законности и, съ благоразуміемъ, твердостью и довѣріемъ, ожидать будущаго. Внесенный въ палату запросъ будетъ обсужденъ по возобновленіи засѣданій». Засѣданіе было закрыто при крикахъ лѣвой стороны: «Да здравствуетъ республика!»

Парижъ, воскресенье, 8-го (20-го) мая. Съ четверга принимаются здѣсь дѣятельныя военныя мѣры. Парижскій комендантъ лично производитъ осмотръ казармъ. Военный министръ снабдилъ всѣхъ провинціальныхъ комендантовъ и жандармскихъ начальниковъ строгими инструкціями. Говорятъ, что въ скоромъ времени предстоитъ выходъ въ отставку многихъ префектовъ и подпрефектовъ.

Берлинъ, воскресенье, 8-го (20) мая. Въ самыхъ вліятельныхъ здѣшнихъ кружкахъ утверждаютъ, что Франція находится наканунѣ цѣлаго ряда внутреннихъ кризисовъ. Маршалъ Макъ-Магонъ, очевидно, намѣревается вступить въ борьбу съ большинствомъ палаты. Министерскій кризисъ вызванъ церковными вопросами, но Макъ-Магонъ и относительно политическихъ придерживается другихъ намѣреній, чѣмъ павшее министерство.

Вѣна, понедѣльникъ, 9-го (21-го) мая. Здѣшнія газеты сообщаютъ, что въ засѣданіи большого совѣта министровъ присутствовали представители военнаго министерства. Что касается до принятаго совѣтомъ рѣшенія, то одни газеты утверждаютъ, будто-бы рѣшено приступить къ вооруженному англо-австрійскому посредничеству съ тѣмъ, чтобы предоставить окончательное рѣшеніе восточнаго вопроса европейскому конгрессу; другія-же газеты сообщаютъ, что рѣшено немедленно приступить къ мобилизаціи части австрійской арміи и занять войсками Боснію и Герцеговину, въ тѣхъ видахъ, чтобы Австрія была готова встрѣтить всякія случайности.

Константинополь, 9-го (21) мая, понедѣльникъ, вечеромъ. Графъ Зичи успокоилъ Порту насчетъ образа дѣйствій Австріи, отрицая толки о ея союзѣ съ Англіей и увѣривъ, что Австрія отказывается отъ окупаціи Босніи и, наблюдая за русскими, намѣрена вмѣшаться, въ данное время, въ дѣло. Сдержанный образъ дѣйствій принца Рейса причиняетъ неудовольствіе Портѣ и, въ особенности, г. Лэйярду, который продолжаетъ играть первенствующую роль.

Вопросъ о возвращеніи Мидхата-паши возникъ вновь.

Въ Константинополѣ господствуетъ сильное неудовольствіе. Шейх-уль-исламъ торжественно провозгласилъ, въ пятницу, священную войну, принятіе участія въ которой обязательно для всѣхъ мусульманъ; нѣсколько улемовъ, отличающихся крайнимъ фанатизмомъ, отправлены на Кавказъ.

Въ Тульчѣ черкесы разграбили церкви; жители бѣжали.

Зукай-паша отозванъ, въ виду сдѣланнаго правительству въ палатѣ запроса по поводу принятія столь важнаго рѣшенія, какъ заключеніе займа, безъ совѣщанія съ парламентомъ, причемъ палата единогласно постановила произвести строгое слѣдствіе относительно состоянія Зукая, обвиняемаго въ казнокрадствѣ.

Въ Константинополь ежедневно прибываетъ, на пароходахъ, множество англійскихъ офицеровъ, финансистовъ и туристовъ. Зажиточные греки совершаютъ богослуженія, въ виду обнародованнаго постановленія правительства о привлеченіи христіанъ на военную службу, согласно 7-й ст. конституціи. Въ видахъ обороны, производятся обширныя работы, реквизируются лошади, рабочія, орудія и, особенно, деньги.

Не смотря на данное портою г. Лэйярду обѣщаніе, острову Криту ничего не даровано офиціально. Возбужденіе на островѣ достигло крайнихъ предѣловъ, и недавно былъ случай убійства, совершеннаго христіаниномъ надъ мусульманиномъ.

Аѳины, 9-го (21-го) мая, понедѣльникъ, вечеромъ. По свѣдѣніямъ изъ надежныхъ источниковъ, изъ Англіи получено увѣреніе, что Греціи нечего ожидать и слѣдуетъ сдѣлать выборъ между миромъ и войною. Вскорѣ ожидаютъ важныхъ событій.

* * *

Наши гравюры.

Горный институтъ.

Горный институтъ, находящійся далеко отъ центра города, на самомъ краю Васильевскаго острова и почти на взморьѣ, составляетъ одно изъ самыхъ большихъ зданій Петербурга. Построенъ онъ во вкусѣ первой имперіи, который, какъ извѣстно, подражалъ древне-римскому стилю. Горный институтъ—зданіе грузное и тяжелое, съ громаднымъ портикомъ, украшеннымъ колоссальными статуями. Онъ построенъ въ 1810 году стараніями графа Васильева. Музей Горнаго института представляетъ замѣчательное собраніе, относящееся къ геологіи, минералогіи, палеонтологіи и проч.

Перемѣна кочевья.

Г. Верещагинъ, нашъ извѣстный художникъ, изучавшій съ любовью востокъ и среднюю Азію, вполнѣ понялъ характеръ типа и мѣстности киргизскихъ степей и жителей нашей Туркестанской области. Года два тому назадъ, Петербургъ имѣлъ возможность наслаждаться выставкой картинъ г. Верещагина, писанныхъ имъ во время долгаго его пребыванія въ Средней Азіи. Не только Петербургъ, но и Европа вполнѣ оцѣнила огромный талантъ г. Верещагина, его знаніе типовъ, драматическій характеръ его картинъ и, въ особенности, то реалистическое направленіе его живописи, которое поражаетъ всякаго, даже мало знакомаго съ пріемами современнаго искуства.

«Перемѣна кочевья» представляетъ одну изъ такихъ картинъ. Читатели замѣтятъ удивительную типичность лицъ киргизовъ и мѣтко схваченный характеръ киргизской степи, монотонный и до крайности однообразный пейзажъ которой не разнообразится никакими *случайностями* почвы; вездѣ вы видите безконечную даль пустынной равнины, на которой кое-гдѣ виднѣются холмики; но и эти холмики нисколько не разнообразятъ мертвеннаго характера степи. На первомъ планѣ зритель видитъ киргизовъ, собирающихся перемѣнить свое кочевье — картина, не смотря на чрезвычайно однообразный характеръ средне-азіятской степи—удивительно оживлена умѣніемъ художника схватить существенныя черты непривлекательнаго пейзажа, что придаетъ поэзію, столь необходимую всякому произведенію искуства.

Человѣкъ-саламандра.

Сенсаціонное зрѣлище привлекло множество зрителей къ Александровскому дворцу въ Лондонѣ. Шведскій капитанъ Альстремъ долженъ былъ войти въ огонь въ костюмѣ, похожемъ на снарядъ извѣстнаго пловца Брайтона. Онъ оставался безъ всякаго вреда среди сильнаго, высоко взвивавшагося огня. Снарядъ этотъ изобрѣтенъ И. В. Эльсбергомъ изъ Стокгольма. Эта противоогненная одежда, плотно облегаетъ все тѣло, за исключеніемъ лица, которое защищается подвижной металлической маской съ отверстіями для глазъ и рта. Весь человѣкъ безпрестанно охлаждается при помощи накачиваемой воды, обѣгающей кругомъ по трубкамъ; вода достигаетъ до маски и пробивается наружу сильной струей. — Чрезъ другую трубку, проведенную внутрь головной маски, проходитъ воздухъ для дыханія. Одѣтый въ такой оригинальный костюмъ, капитанъ Альстремъ, похожій на морского нырка, нисколько не колебался войти въ пламя.

Онъ двигался среди страшнаго пламени, по временамъ показывался зрителямъ и ожидалъ, пока врытые около него столбы и стулъ, который онъ держалъ въ рукахъ, не сгорѣли совершенно. Дольше онъ не оставался уже вслѣдствіе слишкомъ сильнаго жара.

Неудовлетворимая кровожадность.

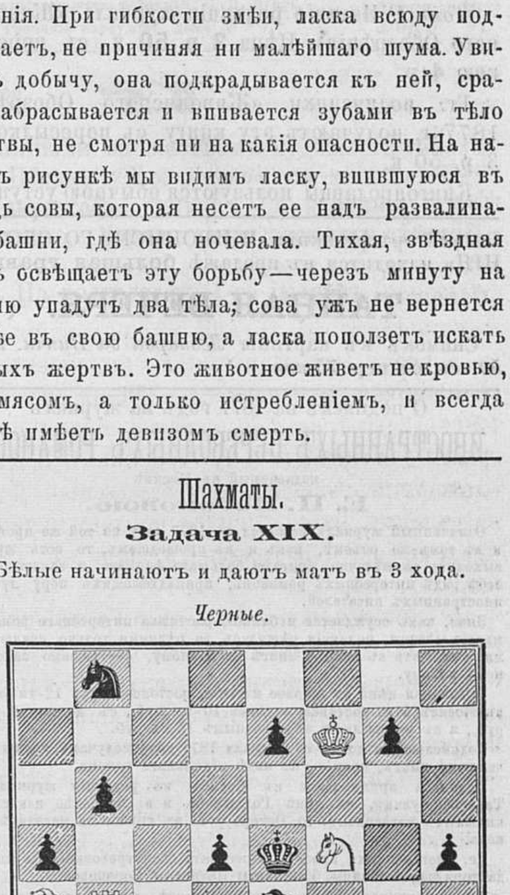
Къ числу животныхъ съ ненасытною жаждою хищничества принадлежитъ ласка. Ежедневныя опустошенія въ курятникахъ, на берегахъ рѣкъ и прудовъ и въ птичьихъ гнѣздахъ не могутъ насытить ея хищничества. Самое осторожное животное не въ состояніи уберечься отъ ея нападенія. При гибкости змѣи, ласка всюду подползаетъ, не причиняя ни малѣйшаго шума. Увидѣвъ добычу, она подкрадывается къ ней, сразу набрасывается и впивается зубами въ тѣло жертвы, не смотря ни на какія опасности. На нашемъ рисункѣ мы видимъ ласку, впившуюся въ грудь совы, которая несетъ ее надъ развалинами башни, гдѣ она ночевала. Тихая, звѣздная ночь освѣщаетъ эту борьбу—черезъ минуту на землю упадутъ два тѣла; сова ужъ не вернется болѣе въ свою башню, а ласка поползетъ искать новыхъ жертвъ. Это животное живетъ не кровью, не мясомъ, а только истребленіемъ, и всегда вездѣ имѣетъ девизомъ смерть.

Шахматы.

Задача XIX.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Черные.



Бѣлые.

Рѣшеніе XVIII задачи, помѣщенной въ № 19.

Бѣлые.	*Черные.*
1) D5—E3....	1) H3—F1
2) H1—H8 и матъ.	2) слѣдующимъ ходомъ матъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи. Разсказъ бухарца. — Черная Индія (продолженіе). — Послѣдняя англійская полярная экспедиція. — Стихотвор. «Литовская пѣсня». — Мимолетные наброски. — «Послѣднія пѣсни». — Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій. — Телеграммы. — Наши гравюры. — Шахматы. — Объявленія.

Гравюры: Горный Институтъ. — Перемѣна кочевья. — Человѣкъ Саламандра. — Экипажъ Алерта и Дисковери, разчищаетъ путь между льдами. — Экскурсія на саняхъ. — Море вѣковыхъ льдовъ. — Неудовлетворимая кровожадность.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Объявленія.

ОТЪ КОНТОРЫ ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ.

За перемѣну адреса редакція проситъ гг. подписчиковъ высылать:

1) За перемѣну петербургск. на иногородн. 85 к.
2) » » иногородн. на петербургск. 50 »
3) » » иногородняго на иногородн. 25 »

Въ конторѣ редакціи **„Живописнаго Обозрѣнія“** а также въ музыкальныхъ магазинахъ В. Бесселя и K⁰ и М. Бернарда, находятся въ продажѣ **ноты:**

МАРШЪ
РУССКИХЪ ДОБРОВОЛЬЦЕВЪ.

Сочиненіе **ФЛОРІАНА ГЕРМАНА.** (8 страницъ). Цѣна **1** руб. съ пересылкою **1** р. **50** коп.

Въ конторѣ редакціи *«Живописнаго Обозрѣнія»*, а также въ книжномъ магазинѣ М. П. Попова, (Невскій пр. въ зданіи Пассажа), и у всѣхъ книгопродавцевъ Спб. и Москвы поступила въ продажу книга:

„ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО“

Томъ I. Изданіе редакціи журнала «Живописнаго Обозрѣнія». Цѣна **3** р. **50** к., съ пересылкою **4** р.

Гг. подписчики «Живописнаго Обозрѣнія» 1877 г. получаютъ эту книгу съ пересылкой за 3 р. 50 к.

Книгопродавцы пользуются обычною уступкой.

Въ конторѣ редакціи «ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ» находится въ продажѣ **большая гравюра.**

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ.

Снимокъ къ картины *Леонарда да Винчи.* Цѣна *50 коп.* съ пер. *75 коп.*

О подпискѣ на 1877 годъ на журналъ

ИНОСТРАННЫХЪ ПЕРЕВОДНЫХЪ РОМАНОВЪ,

издаваемый въ Москвѣ

Е. П. Вороновою.

Означенный журналъ издается въ 1877 году по той-же программѣ и въ томъ-же объемѣ, какъ и въ прошедшемъ, то есть: журналъ выходитъ ежемѣсячно книгами большаго формата и заключаетъ въ себѣ рядъ интересныхъ романовъ, принадлежащихъ перу лучшихъ иностранныхъ писателей.

Зная, какъ осуждается публикою растяжка интереснаго романа на многіе мѣсяцы, редакція рѣшилась, за рѣдкими только исключеніями, помѣщать въ каждой книгѣ по полному, совершенно законченному роману.

Подписная цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 12-ти книгъ. въ Москвѣ безъ доставки на домъ 10-ть руб., съ доставкой 11-ть руб., а съ пересылкою иногороднымъ 12 ть руб.

Подписавшіеся до 15-го февраля 1877 года получатъ, кромѣ означенныхъ книгъ, премію, въ видѣ отдѣльнаго романа.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ редакціи журнала, на Тверской улицѣ, въ домѣ Голяшкина и въ наиболѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Исакова.

Гг. иногороднихъ просятъ адресовать свои требованія на имя Редактора-издательницы, Елизаветы Петровны Вороновой.

Для чиновниковъ, служащихъ въ Москвѣ, допускается разсрочка черезъ гг. казначеевъ.

Въ первыхъ книгахъ журнала будутъ напечатаны слѣдующіе интересные романы: *Сынъ Роберта Дьявола, По слѣдамъ преступленія, Забытый уголокъ, Страшная тайна, Король Корсики.*

Впрочемъ, редакція оставляетъ за собой право замѣнить эти романы другими, если встрѣтятся болѣе интересные.

Редакторъ-издательница **Е. Воронова.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА САМОЕ ДЕШЕВОЕ ИЗЪ ВСѢХЪ ЕЖЕДНЕВНЫХЪ, ПОЛИТИЧЕСКИХЪ И ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ИЗДАНІЙ ГАЗЕТУ

„НОВОСТИ“

на 1877 годъ.

Въ С.-Петербургѣ, Больш. Садовая д. № 47.
» Кронштадтѣ, въ отдѣлен. газ. «Новости».
» Москвѣ, въ московскомъ отдѣленіи газеты «Новости, на углу Дмитріевки и Охотнаго ряда, д. Благороднаго Собранія, въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Живарева.

Въ Казани, въ отдѣленіи конторы газеты «Новости» при книжномъ и музыкальномъ магазинѣ «Восточная Лира».

Цѣна на 8 мѣсяцевъ съ 1 мая по 1 января 1878 года для иногороднихъ 7 рубл., для городскихъ подписчиковъ съ доставкою 6 руб.; на 1 годъ 9 руб.; на другіе сроки по 1 руб. за каждый мѣсяцъ.

По богатству, разнообразію и свѣжести извѣстій какъ политическихъ и внутреннихъ, вообще, такъ и съ театра войны, въ особенности, газета «Новости» нисколько не отличается отъ наиболѣе распространенныхъ ежедневныхъ изданій.

Во все время войны въ газетѣ «Новости» будутъ печататься спеціальныя корреспонденціи и телеграммы съ Дуная, Кавказа и Персидской границы, изъ славянскихъ земель и Константинополя.

Кромѣ того, въ газетѣ «Новости» постоянно печатаются всѣ телеграммы «Международнаго Тел. Агент.» и »Agence génér. russe».

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ ГАЗЕТЫ

НАШЪ ВѢКЪ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ «НАШЪ ВѢКЪ» съ 1 АПРѢЛЯ.

Желающіе получать газету платятъ:

Въ Петербургѣ безъ доставки.

На 9 м.	На 8 м.	На 7 м.	На 6 м.	
9 р. 50 к.	8 р. 50 к.	7 р. 50 к.	7 р. —к.	
На 5 м.	На 4 м.	На 3 м.	На 2 м.	На 1 м.
6 р.—к.	5 р.—к.	3 р. 75 к.	2 р. 50 к.	1 р. 25 к.

Въ Петерб. съ дост. и съ перес. во всѣ мѣст. имперіи.

На 9 м.	На 8 м.	На 7 м.	На 6 м.	
12 р. — к.	11 р. — к.	10 р. — к.	8 р. 50 к.	
На 5 м.	На 4 м.	На 3 м.	На 2 м.	На 1 м.
7 р. 50 к.	6 р. — к.	4 р. 50 к.	3 р. — к.	1 р. 50 к.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, Большая Конюшенная, д. № 17. кв. № 2, и въ главныхъ книжныхъ магазинахъ. Контора редакціи для пріема подписки и объявленій открыта ежедневно. Принимаются казенныя и частныя объявленія всякаго рода, на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Плата за объявленія, печатаемыя петитомъ по 8 к. за строчку на послѣдней страницѣ и 15 впереди текста.

Въ Парижѣ подписка на газету и объявленія принимается у М. Adam, 2 Carrefour de la croix rouge.

Контора проситъ высылать требованія заблаговременно, чтобы можно было озаботиться своевременной разсылкой газеты.

При возобновленіи подписки, равно и при перемѣнѣ адреса, просятъ обращаться исключительно въ главную контору (Большая Конюшенная д. № 17, кв. № 2) съ приложеніемъ прежней бандероли.

„ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНІЕ“

Педагогическій листокъ для родителей, наставницъ и наставниковъ.

Задача журнала—содѣйствовать выработкѣ правильныхъ взглядовъ на женское образованіе и правильныхъ пріемовъ воспитанія и обученія дома и въ школѣ.

Листокъ выходитъ ежемѣсячно (кромѣ іюня и іюля) книжками въ три—четыре печатныхъ листа. Сверхъ 10 №№ «Листка» два раза въ годъ выдаются приложенія (Сборникъ статей для учащихся). Сюда войдутъ біографіи, историческіе, этнографическіе очерки и проч. Всего съ приложеніями журналъ будетъ содержать въ себѣ около 50 печатныхъ листовъ.

Въ вышедшихъ 3-хъ №№ помѣщены слѣдующія статьи: 1) Больше Свѣта! **В. Острогорскаго.** — 2) Матеріалы для исторіи взглядовъ на женское образованіе (I. Фенелонъ. II. Ж. Ж. Руссо) **Б. Павловича.** — 3) Про дѣтей и за дѣтей (двѣ статьи) **Е. Свѣшниковой**, — 4) О вліяніи чувства на мышленіе **П. Каптерева.** — 5) Женскіе врачебные курсы въ Петербургѣ. — 6) Воспитательскія наблюденія.—7) Воспитаніе какъ наука, этюдъ Бэна. — 8) Свѣдѣнія о женскомъ образованіи въ Финляндіи. **В. Ассонова.** Кромѣ этого, статьи и замѣтки въ отдѣлахъ: a) изъ иностранной литературы, b) хроника, c) библіографія.

Подписная цѣна за годъ—2 р. 50 к., съ доставкой 3 р., съ пересылкой 3 р. 50 к.

Подписка принимается въ главн. конторѣ редакціи (Спб. Васильевскій островъ, 9 лин., д. № 6, въ женской гимназіи) и въ кн. магазинѣ Колесова и Михина (Гостинный дворъ, № 22) и у др.

Редакторъ-издатель В. Сиповскій.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОЙ ТОРГОВЛѢ

В. БЕССЕЛЯ И К°.

ПОСТАВЩИКОВЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО МУЗЫКАЛЬНАГО ОБЩЕСТВА И КОНСЕРВАТОРІИ.

На Невскомъ проспектѣ, д. № 58 (гдѣ Отель Бель-Вю).

Продаются изданныя съ правомъ собственности русскія оперы:

Даргомыжскаго А. С. «Каменный Гость» въ 3 дѣйствіяхъ, для п. ф.	8 р.
Сокращенное изданіе (вмѣсто либретто)	— » 60 к.
«Торжество Вакха», опера-балетъ, (одно дѣйствіе) въ 2 картинахъ, для пѣнія и ф. п.	5 »
Кюи Ц. А. «Вильямъ Ратклифъ», въ 3 дѣйствіяхъ для пѣнія и ф. п.	9 »
«Анджело», въ 4 дѣйствіяхъ, для пѣнія и ф. п.	16 »
Мусоргскій М. П. «Борисъ Годуновъ», въ 4 дѣйствіяхъ съ прологомъ, для пѣнія и ф. п.	15 »
Римскій-Корсаковъ Н. А. «Псковитянка», въ 4 дѣйствіяхъ, для пѣнія и ф. п.	12 »
Для одного ф. п. безъ пѣнія.	7 »
Рубинштейнъ А. Гр. «Демонъ» въ 3 дѣйствіяхъ, для пѣнія и ф. п.	10 »
Для одного ф. п. безъ пѣнія.	6 »
Чайковскій П. И. «Опричникъ», въ 4 дѣйствіяхъ, для пѣнія и ф. п.	15 »
Для одного ф. п. безъ пѣнія.	8 »

Всѣ либретто вышеупомянутыхъ оперъ продаются по 50 к.

Гг. иногородные прилагаютъ за пересылку особо, сообразно съ разстояніемъ.

Подписка на газету «Музыкальный Листокъ» продолжается по 3 р. 60 коп. съ пересылкою. Вновь подписавшіеся получаютъ всѣ вышедшіе нумера.

О подпискѣ въ 1877 году на еженедѣльную общественную и литературную газету

„ОРЕНБУРГСКІЙ ЛИСТОКЪ“

въ программу которой войдутъ

I. Отдѣлъ статей и изслѣдованій по исторіи, этнографіи, статистикѣ, торговлѣ и промышленности Оренбургскаго края.

II. Хроника, или лѣтопись событій и явленій мѣстной жизни, а также опубликованныя правительствомъ распоряженія, прямо или косвенно касающіяся жизни города Оренбурга и Оренбургскаго края.

III. Фельетонъ. Въ немъ будутъ помѣщаемы очерки мѣстныхъ нравовъ и другія мелкія беллетристическія статьи, и

IV. Справочныя свѣдѣнія по части торговой, промышленной, желѣзно-дорожной, театральный репертуаръ, почтовыя и календарныя свѣдѣнія, мѣстный метеорологическій бюллетень и т. п. свѣдѣнія, а также разнаго рода частныя объявленія.

„Оренбургскій Листокъ“ выходитъ и въ 1877 году еженедѣльно, по воскресеньямъ, въ размѣрахъ отъ одного до 2-хъ обыкновенныхъ газетныхъ листовъ и въ четыре столбца убористаго шрифта.

Подписная цѣна изданію въ годъ — пять рублей, съ д ставкой и пересылкой.

Редакція покорнѣйше проситъ лицъ, знающихъ мѣстный край присылать ей какъ отдѣльныя статьи и изслѣдованія, такъ сообщенія свои, касающіяся мѣстной жизни съ какой бы то ни было стороны.

Статьи, корреспонденціи и требованія на высылку изданія, редакція проситъ адресовать: въ Оренбургъ; въ редакцію газеты „Оренбургскій Листокъ“ Неплюевская улица, домъ № 10, при типографіи Ив. Ив. Евфимовскаго-Мировицкаго.

Редакторъ издатель **Ив. Евфимовскій-Мировицкій.**

При 19 нумерѣ «Живописнаго Обозрѣнія» разосланы всѣмъ годовымъ подписчикамъ: карта театра войны въ Европейской и Азіятской Турціи — и гравюра «ПРОДАЖА АМУЛЕТОВЪ».

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 14 Мая 1877 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Гос. Публичная б-ка в Ленинграде

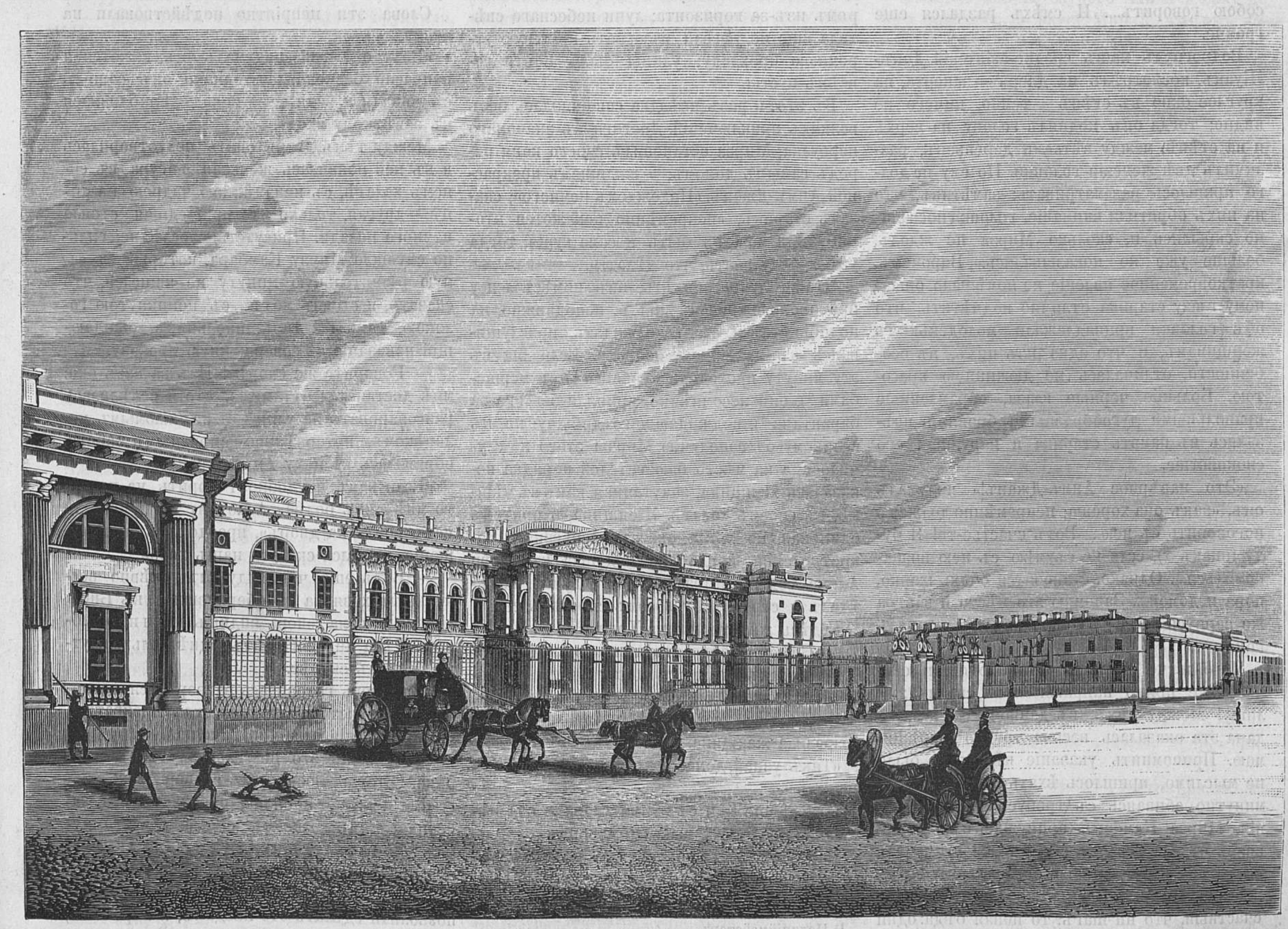
№ 21. Томъ I. На годъ съ доставкою и пересылкою 7 руб.; на полгода 4 р. 50 к. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 22 Мая 1877 года. Адрессъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Троицкій переулокъ, домъ № 27/1. Годъ V.

Подписка на „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ" 1877 г. продолжается.

Въ 1877 году журналъ выходитъ **еженедѣльными** нумерами (въ годъ 52 №№), иллюстрированными множествомъ художественныхъ гравюръ. Всѣ подписчики получаютъ, въ **видѣ премій**, ежемѣсячное приложеніе подъ заглавіемъ «Жизнь и Хозяйство», со множествомъ рисунковъ. Годовымъ подписчикамъ разсылаются слѣдующія преміи: большая гравюра: **продажа амулетовъ**, снимокъ съ картины проф. **Генриха Семирадскаго**, на толстой веленевой бумагѣ, длиною одинъ аршинъ, шириною $12\frac{1}{2}$ вершковъ, и **Карта театра военныхъ дѣйствій, Европейской и Азіятской Турціи.**

Годовая подписная цѣна журнала съ достав. и перес. 7 руб., безъ перес. и доставки 6 руб. На полгода: съ 1-го іюля съ пересылкою 4 р. 50 коп., безъ перес. 3 руб.

Подписка продолжается. Новые подписчики получаютъ журналъ съ перваго нумера.



Михайловскій Дворецъ.

Разсказъ бухарца.

(Н. П. Стремоухова.)

(*Продолженіе.*)

Пѣшеходъ, не желая терять времени, торопливымъ шагомъ пустился дальше, совершенно довольный собою — угодилъ значитъ знатному лицу.

Когда онъ скрылся за первымъ поворотомъ, Мирза Камбаръ снова предался своимъ размышленіямъ:

«Теперь я знаю столько же, сколько зналъ и прежде.... Вотъ глупый-то народъ!... Все таки съ помощью Аллаха я найду какъ нибудь дорогу.... Какъ подумаю хорошенько, что онъ наболталъ мнѣ про какого-то Алича Ходжу; такого я и не видывалъ ни разу, да и ничего не слыхалъ о немъ. Ужасные болтуны эти бухарцы.... Все таки!» и онъ лукаво улыбнулся. «Меня какъ будто судьба наталкиваетъ. Я искалъ сегодня случая познакомиться съ хорошенькою женщиною.... и вдругъ мнѣ говорятъ о какой-то Аимъ-Джанъ, какой-то знаменитой красавицѣ.... Не попробовать ли счастія! Занятно было бы.... Нѣтъ!» вдругъ воскликнулъ онъ съ ужасомъ. «Пожалуй, еще нарвешься на новую исторію. Нечего и думать!... У Алича Ходжи одна жена: конечно, онъ ее строго стережетъ!... А, впрочемъ, на всякій случай осмотримъ хорошенько домъ, можетъ что и откроется....» Звонкій смѣхъ прервалъ его размышленія; вслѣдъ за этимъ со стороны дома Алича Ходжи послышались слова:

— Биби! посмотри, какой старый и страшный! Чего онъ задумался.... Да еще самъ съ собою говоритъ.... И смѣхъ раздался еще громче.

Вздрогнулъ нашъ средне-азіятскій Донъ-Жуанъ, посмотрѣлъ на дверь — заперта, на круглое окно въ стѣнѣ — темно, ничего не видно; тогда онъ поднялъ голову на верхъ и на стѣнѣ, между вѣтками деревьевъ, различилъ двѣ женскія головки. Но ему не долго пришлось разсматривать: замѣтивъ, что на нихъ обратили вниманіе, головки поспѣшно скрылись и, сколько Мирза не ждалъ, больше уже не показывались. Впрочемъ, кратковременное явленіе не помѣшало опытному глазу старика отлично подмѣтить, что обѣ головки принадлежали молоденькимъ женщинамъ, и что одна изъ нихъ, въ особенности, отличалась не дюжинною красотою. Большіе черные глаза, обрамленные правильными дугообразными бровями, врѣзались въ память старика и нарушили его спокойствіе.

«Это навѣрное Аимъ-Джанъ!» подумалъ онъ, «какъ она хороша; непремѣнно долженъ поговорить съ нею.... Вотъ счастье-то! Я буду ишакъ *), если не съумѣю съ нею познакомиться.... Однако, становится очень жарко, пора и домой.... Запомню это мѣсто и завтра же вернусь сюда!» рѣшилъ онъ и повернулъ коня.

Чего легче сказать, поѣду домой, и сейчасъ же прямо направлюсь къ своему жилищу! Между тѣмъ, въ данномъ случаѣ, задача эта оказалась весьма трудно разрѣшимою. Припомнить указаніе пѣшехода было не мыслимо, пришлось ѣхать на удачу. Поминутно сбиваясь съ требуемаго направленія, Мирза Камбаръ принужденъ былъ на время отказаться отъ своей важности и чуть не каждаго встрѣчнаго останавливать распросами. Но видно день уже былъ такой несчастный, что ни шагъ, то новая бѣда: одни вовсе не отвѣчали, другіе, нарочно давали ложныя объясненія, рѣдко кто благопріятно отзывался на скромные, нерѣшительные вопросы купца. Едва-едва, измученный ѣздою и жаромъ добрался онъ до своего каравапъ-сарая.

Глава II.

Насколько помучился Мирза Камбаръ, днемъ, отъ неудавшейся прогулки, настолько же онъ насладился ночью сновидѣніемъ: образъ прелестной Аимъ-Джанъ виталъ надъ нимъ, разными чарами манилъ къ себѣ и обѣщалъ неземныя наслажденія. Онъ вообразилъ себя на седьмомъ небѣ, въ раю Магомета.

Слѣдующее утро застало нашего героя преобразившимся: испытанныя бѣды были позабыты, сердце трепетало, какъ у семнадцати-лѣтняго юноши, станъ выпрямился, румянецъ показался на щекахъ, въ безцвѣтныхъ глазахъ его выразилась отвага, — однимъ словомъ, онъ былъ не узнаваемъ. Принялся было за дѣло—пришлось бросить, не клеится; началъ молиться,—опять не ладно: — вмѣсто Аллаха, губы твердятъ Аимъ-Джанъ. Совсѣмъ одурѣлъ старикъ!

«Да что сомною?.... точно съ ума схожу!» испуганно произнесъ Мирза. «Право не могу вытерпѣть.... непремѣнно нужно покончить. Съ чего я право трушу?.... Маленькая хитрость и все удастся.... Сейчасъ же ѣду!» Одѣвшись наскоро и развѣдавъ необходимыя подробности объ Алича-Ходжѣ, его женѣ, и какъ добраться къ нему, купецъ смѣло двинулся въ путь.

Время было выбрано самое удобное; солнце только что выкатилось огненнымъ шаромъ изъ-за горизонта; лучи небеснаго свѣтила еще не успѣли разогнать пріятную утреннюю прохладу; улицы были почти совсѣмъ пусты.

Въ этотъ разъ поѣздка совершилась безъ всякихъ приключеній. Достигнувъ знакомаго переулка, Мирза остановилъ своего коня передъ самымъ домомъ, — жилищемъ прекрасной Аимъ-Джанъ. «Подождемъ немного»; сказалъ старикъ, «непремѣнно покажется кто-нибудь, а можетъ быть и сама гурія, тогда уже я буду знать, что дѣлать».

Чтобы лучше видѣть, онъ помѣстился у противоположной стѣны и, неподвижно, на подобіе статуи, сталъ выжидать, прислушиваясь къ малѣйшему шороху. Если бы въ эту минуту проходили курбашъ [1]) съ мершебами [2]), они несомнѣнно приняли-бы его за барантача [3]), поджидающаго добычу; но, къ великому благополучію Мирзы этого не случилось, а на мѣсто блюстителей порядка показалась женщина, закутанная, какъ въ мѣшкѣ, въ своемъ халатѣ. Женщина, и притомъ одинокая, не могла оказать серьёзнаго сопротивленія; когда она подошла къ двери Алича-Ходжи, Мирза, не долго думая, подъѣхалъ и строгимъ голосомъ спросилъ ее:

«Здѣсь живетъ Алича-Ходжа?»

— Здѣсь—робко отвѣтила пришедшая.

«Я никакъ не могъ достучаться; попробуй ты! можетъ быть тебѣ лучше удастся».

— Да, я въ этотъ домъ и иду—поспѣшно возразила женщина.

«Такъ узнай, дома-ли хозяинъ и приди мнѣ сказать».

— Хорошо — и съ этими словами она нѣсколько разъ постучала въ дверь.

Черезъ нѣсколько секундъ послышались за стѣною торопливые шаги и женскій пріятный голосъ спросилъ:

— Кто тамъ?

«Это она, моя красавица; навѣрное она. Мое сердце не обманывается!» пробормоталъ старикъ, дрожа отъ волненія.

— Это я, Биби; отворите, ханымъ! *)—отозвалась посѣтительница и юркнула въ полуотворившуюся дверь, которая немедленно захлопнулась за нею.

До тонкаго слуха Мирзы донеслось тихое шептаніе, перерываемое частымъ хихиканьемъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, одна изъ шептавшихся крикнула Мирзѣ:

— Таксиръ! хозяина нѣтъ дома! Если хотите его видѣть, то приходите подъ вечеръ.

«Какая досада! Пусть, по крайней мѣрѣ, хозяйка выйдетъ; у меня есть важное дѣло, которое невозможно отложить», было отвѣтомъ всадника.

— Такъ скажите скорѣе, я хозяйка и могу передать Алича-Ходжѣ.

«Не стану же я кричать за цѣлый ташъ. Чего боитесь? Отворите двери; — на порогѣ будетъ удобнѣе говорить», полушутливо замѣтилъ хитрый старикашка.

Между женщинами началось совѣщаніе. одна угаваривала согласиться, другая же рѣшительно отказывалась.

— Онъ вѣдь старикъ, слабенькій; тотъ самый уродъ, котораго мы вчера видѣли. Нужно его выслушать; а то хозяинъ можетъ разсердиться, особенно, если есть какое-нибудь важное извѣстіе—настаивала Биби.

— Ну, пожалуй! только ты оставайся здѣсь. Его впускать ни за что не слѣдуетъ, — мой мужъ этого не любитъ.

Слова эти непріятно подѣйствовали на купца.

«Вотъ оно что!» подумалъ онъ, кажется я напрасно безпокоился, однако онъ сошелъ съ лошади и, ведя ее за поводъ, приблизился къ завѣтному входу.

Между тѣмъ дверь опять полуотворилась и въ ней появилась женская фигура въ синемъ халатѣ, съ неизмѣнною чадрою на лицѣ;—другая, только что пришедшая, стояла немного позади. Присутствіе послѣдней сильно смущало Мирзу Камбара, который въ самую рѣшительную минуту не нашелся, что сказать, и стоялъ молча, съ поникнутою головою, точь въ точь школьникъ, ожидающій наказаніе за совершенную проказу.

— Говорите же скорѣе! Изъ за васъ еще мнѣ достанется отъ мужа, что я осмѣлилась разговаривать на улицѣ съ незнакомымъ человѣкомъ, нетерпѣливо-капризнымъ тономъ обратилась къ нему Аимъ-Джанъ.

«Если вамъ неудобно говорить на улицѣ, то мнѣ тѣмъ болѣе. А потому не лучше ли намъ войти на дворъ», преодолѣвъ свое смущеніе, нашелся сказать нашъ герой.

— Вотъ еще, что выдумалъ, гнѣвно воскликнула хозяйка и, обернувшись къ Биби, добавила: сама теперь видишь, что я не ошиблась. Дѣла никакого нѣтъ, однѣ только плутни. Уйдемъ скорѣе.

Уже дверь готовилась затвориться за ними, что можетъ быть навсегда прекратило бы притязанія влюбчиваго купца.

Соображеніе это не ускользнуло отъ старика, который поспѣшилъ оговориться:

«Вы меня не поняли», произнесъ онъ заискивающимъ голосомъ. «Я сказалъ это, думая, что вамъ удобнѣе будетъ; но если вы не хотите, я могу и здѣсь сообщить свое извѣстіе.... Конечно, было бы лучше, если бы позволили сдѣлать это наединѣ; а впрочемъ, какъ хотите, такъ и будетъ».

---

*) Оселъ.

[1]) Полиціймейстеръ.

[2]) Полицейскіе.

[3]) Грабитель.

*) Сударыня.

— Ну такъ и быть, только говорите скорѣе; повторяю, мнѣ нѣкогда, болѣе уступчиво проговорила красавица.

«Слушайте же внимательно....», медленно, чуть не по слогамъ, началъ Мирза Камбаръ, видимо затруднявшійся, что сообщить, и желавшій только выиграть время, чтобы успѣть придумать какой нибудь предлогъ. «Видите ли.... Я пріѣхалъ изъ далека...., имѣю важныя торговыя дѣла...., наслышался о вашемъ мужѣ...., теперь понимаете?»

— Рѣшительно ничего не понимаю, говорите яснѣе! отвѣтила Аимъ-Джанъ, качая головою.

«Имѣю важныя торговыя дѣла.... Наслышался о вашемъ мужѣ....», совершенно растерявшись, повторялъ Мирза. До прихода красавицы ему казалось, что пылкое его воображеніе непремѣнно вывезетъ изъ неловкаго положенія; а тутъ, когда она стояла передъ нимъ, всѣ мысли перепутались, ни одной порядочной фразы онъ не былъ въ состояніи вымолвить; даже въ потъ ударило.

— Да я уже это знаю! что дальше? приставала нетерпѣливая бухарка.

«Погодите не много, все порядкомъ разскажу», еще болѣе приблизившись къ двери, почти шепотомъ продолжалъ старикъ.

«Видите ли!... Узнавъ о богатствѣ Алича Ходжи, мнѣ пришло на мысль, что онъ, вѣроятно, не откажется воспользоваться удобнымъ случаемъ, приметъ участіе въ настоящемъ дѣлѣ, очень выгодное предпріятіе. Скажите ему, что представляется возможность за очень низкую цѣну купить большую партію русскихъ товаровъ....»

— Мой мужъ торгуетъ только фруктами, рѣзко перебила его хозяйка.

Мирза окончательно смутился; онъ сталъ въ тупикъ.

«Зачѣмъ врать по пустому; признаюсь откровенно, можетъ быть и посчастливится», мелькнуло въ его головѣ, и онъ, собравшись съ духомъ, чуть слышно, дрожащимъ отъ волненія и боязни голосомъ, скороговоркой высказался:

«Признаюсь откровенно....: я очень виноватъ передъ вами.... все это я навралъ; но, пожалуйста, не сердитесь и выслушайте, потомъ можете прогнать.... Дѣйствительно, я не здѣшній; пріѣхалъ въ Бухару по своимъ дѣламъ; вашего мужа не знаю и къ нему извѣстій никакихъ не имѣю.... Всю жизнь свою я мечталъ увидѣть то чудо красоты, про которое даже въ Ташкентѣ всѣ говорятъ, то есть, тебя, прелестная Аимъ-Джанъ.... И вотъ Аллахъ услышалъ мои мольбы и вчера осчастливилъ меня, хотя и на одинъ мигъ. Съ этой минуты я не знаю покоя: твои глаза, какъ звѣзды яркіе, твои брови, радугѣ подобныя, твои коралловыя губы, и лице твое, круглѣе и полнѣе самого мѣсяца, всюду меня преслѣдуютъ.... Не уходи, умоляю тебя! дай договорить!» отчаянно воскликнулъ онъ, когда Аимъ-Джанъ повернулась къ нему спиною и приготовилась скрыться. «Я старъ, противенъ, ты меня не можешь полюбить, все это я хорошо знаю; но за то я очень богатъ!... Алича Доджа скупъ и во всемъ тебѣ отказываетъ. Отъ меня же ты все получишь: наряды, драгоцѣнности, деньги.... И за все за это я прошу только, чтобы ты дозволила каждый день, хотя на минуту, видѣть тебя и говорить съ тобою!»

Кончилъ старикъ и устремилъ на бухарку страстный, полный отчаянія и тревожнаго ожиданія, взоръ.

Отъ удивленія ни одного слова не могла промолвить Аимъ-Джанъ. Она чувствовала необходимость немедленно бѣжать отъ соблазнителя, да не въ силахъ была этого исполнить. Онъ такъ краснорѣчиво описывалъ ея красоту и свой восторгъ, высказывалъ такую необыкновенную щедрость и въ то же время выражалъ такое скромное, повидимому, невинное желаніе, что невольно заронилъ сѣмя сочувствія къ себѣ въ неопытномъ и простодушномъ сердцѣ молодой женщины. И винить-то ее нельзя было за эту слабость; всякой женщинѣ, я думаю, пріятно слышать хорошую оцѣнку своей красоты. Также какъ и Мирза, супруга Алича Ходжи признала стѣснительнымъ присутствіе третьяго лица; поэтому первою ея заботою было убѣдиться, успѣла ли Биби разслышать рѣчь старика; съ этою цѣлью она спросила ее:

— Вотъ странный-то старикъ, не правда ли? Изъ его словъ ничего нельзя понять.

— Отошлите его скорѣй, ханымъ, презрительно повернувшись къ Мирзѣ, отвѣтила Биби. Онъ или дивана *), или же, просто, съумасшедшій! Бормочетъ что-то себѣ подъ носъ, а словъ не разберешь!

Аимъ-Джанъ успокоилась: Биби должно быть ничего не поняла. Не смотря на близкое разстояніе, послѣдняя не успѣла уловить признаніе въ любви по той простой причинѣ, что старикъ, по осторожности, говорилъ почти надъ самымъ ухомъ обожаемаго имъ предмета и съумѣлъ сохранить безстрастное выраженіе на своемъ лицѣ.

Но теперь красавицѣ предстояло самое трудное: нельзя было оставить столько комплиментовъ безъ отвѣта, а Биби можетъ услыхать и передать хозяину; во чтобы то ни стало нужно было ее удалить. (Это тѣмъ болѣе было необходимо, что въ Бухарѣ принято за общее правило сплетничать и наговаривать другъ на друга). Не смотря на отсутствіе всякаго развитія, мусульманскія женщины однакоже, подобно всѣмъ женщинамъ вообще,—одарены сильною дозою лукавства и находчивости.

— Пожалуйста, Биби! Сходи въ домъ и принеси дыню поспѣлѣе.... Угостимъ старичка и отпустимъ его; вѣдь намъ съ нимъ нечего долго разговаривать.... Быстро обратившись къ Мирзѣ Камбару, хозяйка добавила:

— Лучше приходите попозже; тогда увидите хозяина и съ нимъ обо всемъ сами переговорите.... А теперь не откажитесь освѣжиться немного.

— Я сейчасъ принесу! — отвѣтила Биби, ничего не подозрѣвавшая, и бѣгомъ отправилась исполнять порученіе.

— Вы меня чуть-чуть не погубили, таксыръ!—торопливо заговорила Аимъ-Джанъ.— Хорошо еще, что Биби ничего не слыхала!

— А кто эта Биби? полюбопытствовалъ Мирза.

— Это моя дальняя родственница; она иногда заходитъ ко мнѣ.

«Перламутръ моего сердца!» вкрадчивымъ голосомъ сказалъ старикъ. «Никакого зла я не хочу тебѣ дѣлать.... Не откажи бѣдному старику въ просьбѣ! Дозволь изрѣдка смотрѣть на себя; мнѣ только поговорить съ тобою и я буду вполнѣ счастливъ. Прими отъ меня эту незначительную вещицу; въ слѣдующій разъ принесу получше» и онъ подалъ ей богатый шелковый платокъ, который немедленно скрылся подъ складками синяго халата красавицы.

Подъ непроницаемою чадрою невозможно было угадать выраженіе лица, за то въ одномъ словѣ: — Благодарю! — голосъ выдалъ радостное волненіе, охватившее красавицею при видѣ подарка.

«Такъ какъ же?» смѣлѣе и настойчивѣе спросилъ Мирза.

— Въ это время мужъ никогда не бываетъ дома!—едва успѣла произнести Аимъ-Джанъ, какъ Биби показалась, неся подъ халатомъ уже разрѣзанную дыню.

Хозяйка подала цѣлую четверть дыни Мирзѣ Камбару и, не безъ намѣренія возвышая голосъ, сказала:

— Вотъ вамъ на дорогу.... Лучше сами постарайтесь повидать моего мужа и объясниться съ нимъ... Прощайте!—затѣмъ громко захохотала и подъ самымъ носомъ старика захлопнула дверь.

«Непремѣнно пріѣду!» крикнулъ ей въ слѣдъ купецъ и тоже разсмѣялся.

Покачиваясь на высокомъ сѣдлѣ и наслаждаясь сочною дынею, Мирза Камбаръ возвращался къ себѣ въ самомъ игривомъ и счастливомъ настроеніи духа.

«Ничто, какъ судьба!» разсуждалъ онъ самъ съ собою. «Думалъ-ли, гадалъ-ли я о такомъ счастьѣ? И все какъ легко устраивается.... Пускай мужъ сидитъ себѣ гдѣ нибудь въ лавочкѣ и набиваетъ свой кошелекъ, а я тѣмъ временемъ буду ухаживать за его женою.... Всѣ говорятъ, что я старъ... покажу я имъ свою старость! Не хуже молодого съумѣемъ понравиться... Она какъ будто не хочетъ понимать;—знаемъ эти штуки!... Небось подарокъ-то приняла... Сперва подарокъ, а потомъ и меня...»

Мысль обмануть скупого Алича-Ходжу до того пришлась по вкусу Мирзѣ, что онъ позабылъ всякую сдержанность и громко, къ великому соблазну прохожихъ, покатывался со смѣху.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Черная Индія.

Романъ Жюля Верна.

(Съ французск. М. Б.)

(Продолженіе).

— Послушай, Симонъ, я также очень взволнованъ; но мы не должны тратить время.

Тамъ гдѣ они остановились, галерея образовала, расширяясь, темную пещеру. Въ этой галереѣ не была раскопана ни одна шахта, и она никакъ не сообщалась съ поверхностью почвы графства Стёрлингъ.

Джемсъ Старръ серьёзно всматривался вокругъ себя. На перегородкѣ были еще видны слѣды послѣднихъ ударовъ кирки и нѣсколько отверстій, произведенныхъ картечью, употребленной по прекращеніи работъ съ цѣлью произвести взрывъ. Шиферный слой былъ тогда еще очень твердъ, и поэтому не встрѣтилось надобности насыпать эту глухую галерею при окончаніи работъ; между шиफернымъ и песчаниковымъ слоями нашли истощеніе руды.

— Вотъ мы какъ разъ здѣсь попробуемъ взбросъ *), и при этомъ онъ приподнялъ кирку, за этой перегородкой лежитъ непремѣнно новая жила.

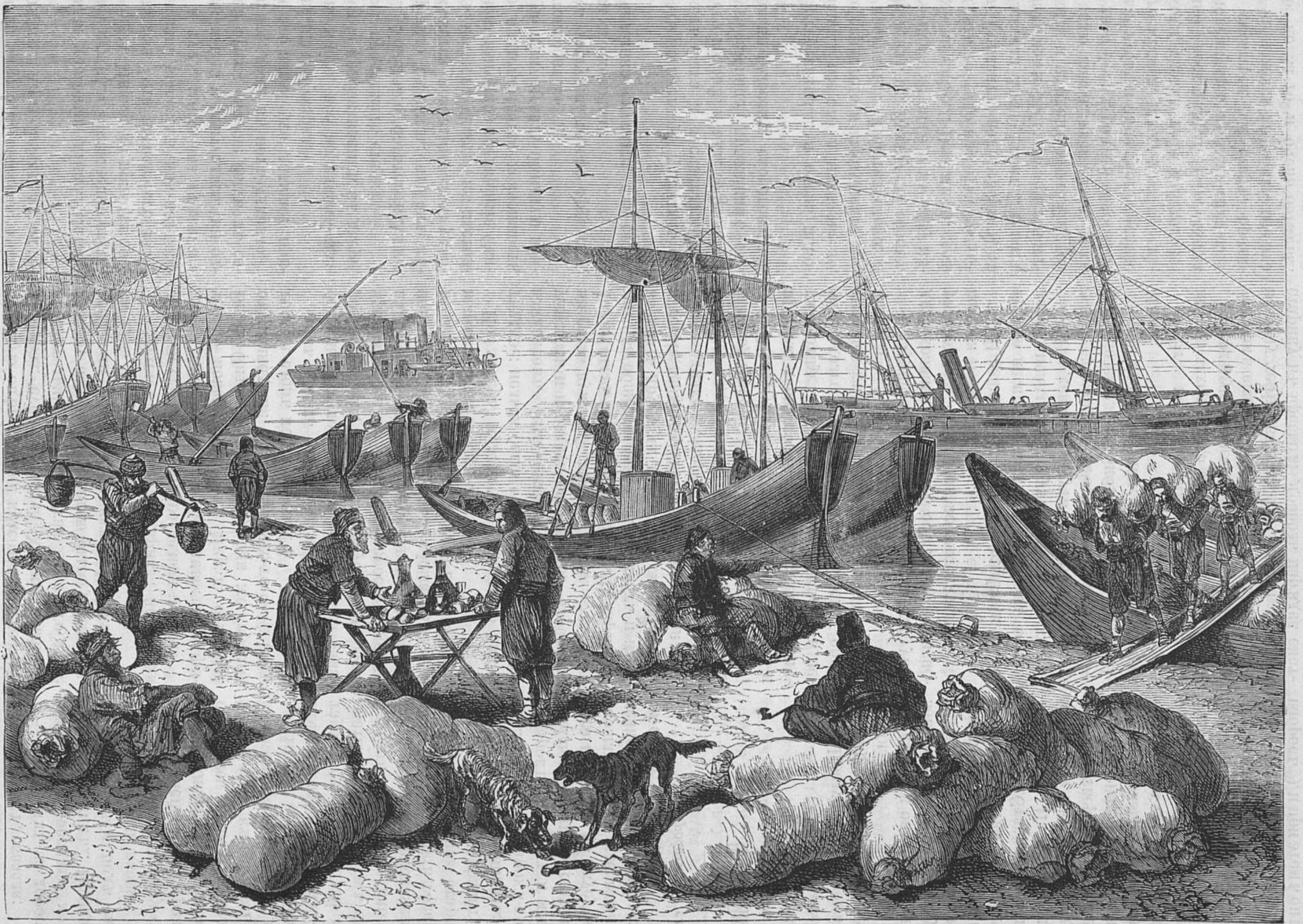
— Вы на этомъ мѣстѣ удостовѣрились въ присутствіи рудничнаго газа? спросилъ Джемсъ Старръ.

— Да, здѣсь, я воспламенялъ его, поднося лампу только къ шиферному слою. Гарри удавалось это также точно какъ и мнѣ.

---

*) Дуракъ или идіотъ. Диванами также называются странствующіе дервиши.

*) Взбросъ (faille) это есть та часть въ залежи, въ которой не находится каменный уголь; она обыкновенно состоитъ изъ песчанника и шифера.



Приготовленіе турецкихъ судовъ для наведенія моста черезъ Дунай между Виддиномъ и Калафатомъ.

— На какой высотѣ?

— На десять футовъ отъ почвы, отвѣтилъ Гарри.

Джемсъ Старръ присѣлъ на скалѣ. Надышавшись этимъ воздухомъ, имъ овладѣло сомнѣніе на счетъ справедливости словъ стараго Симона.

Углеводородный газъ (hydrogène protocarboné) не совсѣмъ безъ запаха; инженеръ, обладающій весьма тонкимъ обоняніемъ, удивлялся тому, что онъ не слышалъ его. Если бы онъ даже и существовалъ, то въ самомъ незначительномъ количествѣ. Взрыва нечего было опасаться и можно было преспокойно открыть предохранительную лампу для произведенія опыта, продѣланнаго раньше того Симономъ и сыномъ

— Неужели же они ошиблись? спрашивалъ себя инженеръ. Но эти люди знаютъ свое дѣло; однако...

Онъ въ страшномъ волненіи ждалъ, чтобы при немъ случилось явленіе разсказанное ему Симономъ. Но вдругъ Гарри замѣтилъ:

— Отецъ! кажется, токъ газа прекратился изъ шиферныхъ слоевъ.

— Прекратился?! переспросилъ Симонъ.

Симонъ Фордъ крѣпко сжалъ губы и началъ вдыхать носомъ.

— Дай мнѣ лампу, Гарри, сказалъ онъ нетерпѣливо.

Симонъ взялъ дрожащею рукою лампу. Онъ развинтилъ металлическій колпакъ, окружавшій пламя, но оно продолжало горѣть. Не произошло никакого взрыва; важно еще то, что не слышно было даже легкаго треска, указывающаго на присутствіе рудничнаго газа.

Симонъ Фордъ взялъ у Гарри палку, поставилъ на нее лампу и приподнялъ ее въ самый верхъ, куда могъ отдѣлиться газъ по своей легкости.

Пламя лампы было бѣло, горѣло спокойно.

— Поднеси лампу къ перегородкѣ! сказалъ инженеръ.

— Сейчасъ! отвѣтилъ Симонъ, поднося къ ней лампу.

Рука стараго рудокопа дрожала; онъ передалъ лампу Гарри.

Гарри началъ подносить лампу къ разнымъ мѣстамъ перегородки, но все было напрасно.

— Ну, что ничего? спросилъ Симонъ; онъ сжалъ кулакъ не столько отъ разочарованія какъ отъ досады.

Вдругъ Гарри вскрикнулъ.

— Что съ тобою? спросилъ Джемсъ Старръ.

— Замазали всѣ трещины шифернаго слоя!

— Не можетъ быть!

— Посмотрите, отецъ!

Гарри былъ правъ. Слѣды замазки ясно были видны; замазка была сдѣлана изъ извести, и на ней виднѣлась бѣлая полоса.

— Это онъ замазалъ! вскрикнулъ Гарри; непремѣнно онъ!

— Кто онъ? спросилъ Джемсъ Старръ.

— То таинственное существо, которое бродитъ въ этомъ подземельи и за которымъ я слѣдилъ; онъ же написалъ вамъ анонимное письмо, и наконецъ онъ бросилъ къ нашимъ ногамъ въ Яроской галереѣ камень. Теперь не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Гарри такъ увѣренно проговорилъ это, что оба другіе его товарища согласились съ нимъ; самъ фактъ подтверждалъ его предположеніе.

— Гарри, возьми кирку; сказалъ старикъ Фордъ. Взлѣзь ко мнѣ на плечи; авось я поддержу тебя.

Гарри такъ и сдѣлалъ, и затѣмъ нѣсколькими ударами кирки ему удалось отбить замазку.

Тогда сейчасъ послышался легкій трескъ похожій на шипѣніе шампанскаго при откупориваніи бутылки; въ англійскихъ копяхъ этотъ трескъ называется звукоподражательнымъ словомъ «пёффъ» (puff).

Гарри поднесъ лампу къ трещинѣ.

Произошелъ слабый взрывъ, на перегородкѣ появился красный огонекъ, съ синеватымъ ободкомъ, точно будто огонекъ св. Эльма.

Гарри соскочилъ на землю съ плечъ отца, который не могъ справиться съ восторгомъ, и схвативши руки инженера закричалъ:

— Ура! ура! ура! г-нъ Джемсъ! Рудничный газъ воспламеняется! Нѣтъ теперь никакого сомнѣнія, что должна быть и каменноугольная жила!

VIII.

Теперь не могло уже быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ существованіи каменноугольной жилы; углеводородный газъ можетъ развиваться только въ каменноугольныхъ залежахъ. Теперь оставалось только узнать какого качества будетъ уголь и въ какомъ количествѣ онъ находится.

— За этой перегородкой, сказалъ Джемсъ Старръ, непремѣнно есть каменноугольная залежь; мы ее не съумѣли открыть десять лѣтъ тому назадъ; досадно что теперь придется заводить все устройство съизнова. Хорошо, по крайней мѣрѣ, то, что мы открыли каменноугольную жилу, и теперь опять начнемъ ее разработывать.

— Что вы скажете на это, господинъ Джемсъ? спросилъ Симонъ Фордъ.—Вѣдь я васъ не потревожилъ понапрасну, и вы, конечно, не жалѣете, что пріѣхали на мое приглашеніе.

— Конечно нѣтъ, старый пріятель! отвѣтилъ Джемсъ Старръ. Но по моему лучше сейчасъ воротиться въ коттэджъ, а завтра прійти сюда и взорвать порохомъ эту перегородку. Мы изслѣдуемъ, чего стоитъ эта жила, и если она окажется богатою, то можно будетъ образовать общество Ново-Аберфойльскихъ залежей къ великому удовольствію старыхъ акціонеровъ. Мы должны ранѣе трехъ мѣсяцевъ вывести изъ новой залежи первыя корзины съ углемъ.

— Браво! господинъ Джемсъ; прежнія времена вернутся снова; опять будутъ раздаваться удары кирки и лопатъ, взрывы, стукъ катящихся повозочекъ, тачекъ, ржаніе лошадей, трескъ корзинъ, стукъ машинъ. Я думаю, г-нъ Джемсъ, что я не слишкомъ еще старъ, чтобы занять прежнюю должность надсмотрщика.

— Конечно нѣтъ, мой добрый Симонъ.

— А вы будете опять нашимъ директоромъ! Отъ души желаю, чтобы раскопки не скоро прекратились и чтобы я ихъ не пережилъ.

Старый рудокопъ былъ внѣ себя отъ радости. Джемсъ Старръ раздѣлялъ это чувство и поэтому не останавливалъ Симона.

Гарри одинъ былъ чрезвычайно задумчивъ. Онъ думалъ о странныхъ обстоятельствахъ, при которыхъ совершилось открытіе новой залежи; они его безпокоили.

Часъ спустя, Джемсъ Старръ и оба его спутника вернулись уже въ коттэджъ.

На слѣдующій день, Джемсъ Старръ, Симонъ Фордъ, Гарри и даже Маджъ, отправились, послѣ обильнаго завтрака, на то же самое мѣсто. Всѣ они взяли съ собою разные инструменты, для того чтобы взорвать перегородку. Гарри взялъ съ собою, кромѣ огромнаго факела, предохранительную лампу, могущую горѣть въ теченіе двѣнадцати часовъ. Этого было достаточно на дорогу туда и обратно и на все время, которое бы понадобилось на дальнѣйшія раскопки.

— За дѣло! вскрикнулъ Симонъ, пришедши къ концу галереи; и приподнялъ тяжелый ломъ.

— Подожди! остановилъ его Джемсъ Старръ.

— Обратимъ вниманіе, не произошло ли какой перемѣны; выдѣляется ли газъ чрезъ трещины перегодки?

— Правда, г-нъ Старръ, отвѣтилъ Гарри. То, что было замазано вчера, можетъ быть законопачено сегодня.

Маджъ усѣлась на скалу и внимательно осматривала углубленіе перегородки. Все осталось въ такомъ видѣ, въ какомъ было вчера. Углеводородный газъ просачивался, но въ очень слабой степени; это можно было объяснить тѣмъ, что онъ со вчерашняго дня свободно выдѣлялся; газъ выходилъ въ такомъ незначительномъ количествѣ, что, соединяясь съ воздухомъ, не могъ произвести взрыва. Джемсъ и оба рудокопа могли, слѣдовательно, совершенно безопасно приступать къ работѣ. Притомъ можно было ожидать, что воздухъ очистится въ верхнихъ слояхъ Дошарской шахты и что рудничный газъ, распространившись по всей шахтѣ, слишкомъ разрѣдится и не будетъ въ состояніи произвести взрыва.

— И такъ за дѣло! отвѣтилъ Симонъ. Ему скоро удалось, посредствомъ лома, разрушить перегородку.

Этотъ взбросъ состоялъ, главнымъ образомъ, изъ пудлинга, перемѣшаннаго съ песчанниковыми и шиферными слоями, какъ обыкновенно бываетъ на краяхъ слоя каменнаго угля.

Джемсъ Старръ подбиралъ отваливавшіеся куски перегородки; онъ внимательно осматривалъ ихъ, надѣясь найти признаки угля. Такъ они работали въ теченіе цѣлаго часа; они прорубили довольно большое отверстіе въ перегородкѣ.

Джемсъ Старъ указалъ на мѣсто, гдѣ нужно было просверлить перегородку, что было быстро приведено въ исполненіе Гарри, вооружившемся горнымъ буромъ и молотомъ. Въ эти отверстія вложили капсюли съ динамитомъ; затѣмъ ввели въ нихъ длинный насмоленный фитиль, и зажгли его какъ разъ въ уровень съ землею. Джемсъ Старръ и товарищи его стали въ нѣкоторомъ отдаленіи.

— А! г-нъ Джемсъ, сказалъ взволнованнымъ голосомъ Симонъ; какъ бьется мое старое сердце! мнѣ такъ бы хотѣлось открыть уже жилу!

— Ты же, конечно, не воображаешь найти за этою перегородкою совершенно открытую галерею! сказалъ Джемсъ.

— Напротивъ того, господинъ Джемсъ, возразилъ Симонъ. Я и объ этомъ даже думалъ; если мнѣ и Гарри удалось открыть существованіе каменноугольной жилы, то отчего не предположить, что судьба будетъ продолжать оказывать намъ свое покровительство?

Взрывъ динамита произошелъ. Въ галереяхъ раздался глухой трескъ. Джемсъ Старръ, Маджъ, Гарри и Симонъ Фордъ сейчасъ, вслѣдъ за тѣмъ, подошли къ перегородкѣ пещеры.

— Господинъ Джемсъ! вскричалъ старый Фордъ. — Посмотрите, дверь выломана! Передъ ними предстало углубленіе.

Гарри хотѣлъ броситься въ отверстіе. Инженеръ, не мало удивленный найти это углубленіе, остановилъ молодого рудокопа.

— Подождите, пока воздухъ въ немъ не очистится! сказалъ онъ.

— Да, да! надо остерегаться испареній каменноугольныхъ копей, сказалъ Симонъ Фордъ.

Четверть часа прошло въ тревожномъ ожиданіи. Фонарь, насаженный на конецъ палки, былъ поднесенъ къ углубленію и продолжалъ преспокойно горѣть.

— Иди впередъ, Гарри, сказалъ Джемсъ; мы послѣдуемъ за тобою.

Чрезъ отверстіе, образовавшееся послѣ взрыва, человѣкъ могъ свободно пройти; Гарри съ фонаремъ въ рукахъ прошелъ въ него и исчезъ въ темнотѣ.

Джемсъ Старръ, Симонъ и Маджъ остались въ ожиданіи. Прошла минута, которая всѣмъ имъ показалась особенно длинною. Гарри не показывался и не звалъ ихъ. Джемсъ Старръ приблизился къ отверстію и не видѣлъ свѣта лампы. Чѣмъ это объяснить? Неужели Гарри провалился сквозь землю? Въ такомъ случаѣ очень можетъ быть, что голосъ его не достигъ до спутниковъ.

Старый рудокопъ, не обращая вниманія на слова жены и инженера, только что хотѣлъ пройти черезъ отверстіе, какъ вдругъ показался слабый свѣтъ и раздался голосъ Гарри:

— Идите, господинъ Старръ; идите сюда отецъ! Путь къ Ново-Аберфойльской залежи свободенъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

* * *

Морскія змѣи.

Недавно возвратилось съ двухлѣтняго кругосвѣтнаго плаванія цѣлое общество моряковъ; они подъ присягою утверждаютъ, что, въ самомъ дѣлѣ, видѣли это сильное морское чудовище, о которомъ ходитъ такъ много легендъ. Еще въ 1875 г. видѣлъ его баркасъ Полина, подъ командою капитана Древара, и объ этомъ писали въ «Англійской Иллюстраціи», гдѣ былъ приложенъ рисунокъ борьбы морской змѣи съ китомъ.

Вотъ какъ описано это зрѣлище. Баркасъ Полина находился 8 іюля 1875 г. въ двадцати морскихъ миляхъ отъ сѣвернаго берега Бразиліи, на 5° 13′ южной ш. и 35° западной долготы, на высотѣ мыса С. Рокъ; въ 11 час. утра погода стояла ясная и хорошая, вѣтеръ и море были тихи. «Въ это время», разсказываетъ капитанъ Древаръ, «замѣтили мы на поверхности воды нѣсколько черныхъ пятенъ и бѣлесоватый столбъ, поднимающійся надъ ними на 30 фут. Я принялъ это прежде всего за мель, о которую разбиваются волны; но такъ какъ вода подымалась въ томъ мѣстѣ на подобіе фонтана, то я ее принялъ за скалу конусообразной формы. Но вдругъ столбъ съ плескомъ опустился и вмѣсто него поднялся другой; затѣмъ еще нѣсколько разъ подымались и опускались эти столбы. Вооружившись хорошей подзорной трубою, я могъ разглядѣть, что то была огромная морская змѣя, которая два раза обхватила большого кита. Она головой и хвостомъ (каждая изъ этихъ двухъ частей тѣла имѣла, приблизительно, 30 фут. длины) дѣйствовала какъ рычагами, посредствомъ которыхъ съ величайшею быстротою переворачивалась, увлекая съ собою свою жертву. Они послѣ каждыхъ двухъ минутъ исчезали подъ водою, и потомъ опять появлялись и постоянно переворачивались. Усилія выбивавшагося кита и двухъ другихъ, находящихся, повидимому, въ сильной тревогѣ, китовъ, страшно взволновали воду, и мы явственно слышали смѣшанный шумъ. Это замѣчательное зрѣлище продолжалось около четверти часа и кончилось тѣмъ, что хвостъ кита поднялся перпендикулярно въ воздухѣ, раскачивался вправо и влѣво, причемъ вода, страшно бушуя, высоко поднималась. Затѣмъ все исчезло подъ водою; вѣроятно змѣя сожрала этого колосса на днѣ морскомъ.

Такъ какъ змѣя обвила кита два раза, (рис. 1), то капитанъ Древаръ полагаетъ, что она имѣла отъ 160 до 170 фут. длины; и отъ 7 до 8 фут. въ окружности. Пасть змѣи была все время раскрыта; голова ея была очень велика; вскорѣ послѣ этого, экипажъ опять увидѣлъ это чудовище. 13 іюля въ 7 час. утра, баркасъ все еще находился подъ тѣмъ же градусомъ широты, на 80 англ. миль восточнѣе отъ мыса С. Рокъ; тамъ снова вынырнуло то же, или подобное ему, чудовище. На поверхности воды показалась голова и 40 фут. туловища въ горизонтальномъ положеніи; она проплыла мимо задней части корабля. Вотъ какъ описываетъ это капитанъ корабля: «Въ то время, какъ я старался себѣ чѣмъ-нибудь объяснить частое появленіе этого рѣдкаго гостя, я пришелъ къ тому заключенію, что змѣя считаетъ такимъ же звѣремъ бѣлую полосу въ 2 арш. ширины, огибающую всю мѣдную обшивку. Я былъ прерванъ въ своихъ размышленіяхъ громкимъ возгласомъ: «Вотъ онъ опять!» Я увидѣлъ въ близкомъ разстояніи отъ корабля, на 60 ф. надъ поверхностью воды, раскачивающагося огромнаго крокодила, грозно слѣдящаго за нашимъ кораблемъ. Мы не знали за чѣмъ онъ собственно слѣдитъ: за бѣлою ли полосою, принимаемою имъ за товарища, или располагаетъ напасть на корабль, и я приказалъ, чтобы всѣ вооружились топорами и оказали бы ему должный пріемъ. Но чудовище нырнуло и исчезло. Это показаніе подтвердилъ подъ присягою не только капитанъ, но и всѣ офицеры и матросы корабля присягали въ справедливости этихъ словъ въ присутствіи Ливерпульскаго магистрата 10 января этого года.

Критика, вѣроятно, весьма недовѣрчиво отнесется къ этому разсказу, но она, конечно, не осмѣлится назвать это ложью или оптическимъ обманомъ. Многіе принимали показывающихся на поверхности воды морскихъ змѣй за цѣлую шайку дельфиновъ, но это предположеніе въ настоящемъ случаѣ не годится, а можно скорѣе сравнить его съ тѣмъ, что китъ боролся со стволомъ дерева или сломанною мачтою; всѣмъ извѣстны непомѣрныя тѣлодвиженія кита.

Если бы мы задались мыслію перечислить всѣ случаи, когда встрѣчались мореплавателямъ морскія змѣи, то нашли бы пропасть метеріаловъ. Такъ миссіонеръ Гансъ Эгеде говоритъ въ своемъ «*Путешествіи въ Гренландію*», что онъ видѣлъ 6 іюля 1734, на югъ отъ Гренландскаго берега, такое морское чудовище и прилагаетъ его изображеніе (рис. 2). Епископъ Понтопиданъ упоминаетъ въ своей книгѣ, что многіе рыбаки увѣряютъ, что видѣли подобное чудовище съ норвежскаго берега. Въ 1808 г. было выброшено на берегъ одного изъ Оркнейскихъ острововъ подобное чудовище: оно имѣло 56 ф. длины и 12 ф. въ окружности. На спинѣ было нѣчто въ родѣ щетинистой гривы; брюхо было снабжено тремя парами плавниковъ, кожа была гладкая, а голова была едва 1 ф. длиною. Съ береговъ Соединенныхъ Штатовъ часто видѣли огромныхъ морскихъ змѣй; когда, въ 1817 г., стали поговаривать о повторяющихся появленіяхъ этой змѣи въ гавани Глостеръ (Массачузетсъ), то Бостонское общество естествоиспытателей назначило коммисію для отобранія показаній отъ 41 человѣка, видѣвшихъ это огромное (отъ 80 до 90 фут.) морское животное, почти на разстояніи ружейнаго выстрѣла. Вскорѣ послѣ собранныхъ отъ очевидцевъ показаній, былъ доставленъ въ Линнеевское Бостонское Общество экземпляръ удивительной змѣи, убитой неподалеку отъ мыса Аннъ; о ней гдѣ-то говорилось какъ о «молодой морской змѣѣ» и назвали ее Scoliophis Atlanticus и былъ приложенъ рисунокъ (рис. 3).

Въ 1848 г. удалось капитану М'Уга (M'Ouhoe) фрегата Дедаля, офицерамъ и бо̀льшей части матросовъ увидѣть между мысомъ Доброй Надежды и островомъ св. Елены, на разстояніи 20 минутъ на горизонтѣ, морскую змѣю; чудовище, голова котораго выступала изъ воды на 4 фута, и 60 футовое брюхо горизонтально лежало на поверхности воды.

Діаметръ выходившей на поверхности воды части брюха имѣлъ не болѣе 16 дюйм.; когда змѣя разинула пасть, то обнаружила челюсти съ густонасаженными острыми зубами, и казалось, что въ пасти могъ помѣститься въ стоячемъ положеніи человѣкъ; темнокоричневое, съ желтоватымъ оттѣнкомъ шеи, чудовище, не имѣло плавниковъ, а нѣчто въ родѣ конской гривы или, лучше сказать, пучекъ морской травы (рис. 4 и 5). Капитанъ доставилъ въ Морское Министерство изображеніе этой змѣи съ ручательствомъ за вѣрность рисунка. Издатель «Globe» получилъ въ томъ же году отъ капитана американскаго брига Дафна, Гендерсона, письмо, въ которомъ онъ сообщалъ, что видѣлъ 20 сент. 1848 г. морскую змѣю на 4° 11′ южной широты и 10° 15′ восточной долготы; она съ величайшей быстротою уплыла, послѣ того какъ въ нее стрѣляли гвоздями и старымъ желѣзомъ на разстояніи 80 фут. Въ 1856 г. экипажъ и капитанъ корабля Принуесса, Тремернъ, увидѣли недалеко отъ мыса Доброй Надежды предметъ, похожій на дерево, но капитанъ Тремернъ и находящійся на кораблѣ капитанъ Морганъ приняли его за морскую змѣю; немедленно выстрѣлили въ животное и затѣмъ сняли его изображеніе (рис. 6). На длинномъ туловищѣ, съ приподнятой надъ поверхностію воды головою, насажено шесть паръ плавниковъ, торчащихъ вверхъ и наклоненныхъ напередъ.

Въ 1857 г. д-ръ Биккардъ фонъ Лейхтурмъ увидѣлъ у мыса Доброй Надежды, а именно въ Тафельбай, совершенно особенное чудовище. Оно неподвижно лежало на поверхности воды на разстояніи 150 шаговъ отъ берега; д-ръ Биккардъ выстрѣлилъ въ нее, но промахнулся; змѣя нырнула, осталась подъ водою около 10 минутъ, но затѣмъ опять всплыла на поверхность, на 50 шаговъ дальше; во второй разъ докторъ опять промахнулся. Послѣ этого она вошла въ бухту и скрылась отъ взоровъ зрителей. Д-ръ Биккардъ, находившійся въ обществѣ нѣсколькихъ дамъ и мужчинъ, полагаетъ, что длина этого животнаго равнялась 200 фут.; онъ не могъ хорошо разглядѣть его головы, такъ какъ оно не высовывало ее надъ поверхностью, но ему казалось, что она будто бы покрыта бѣлыми перьями. Онъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, изобразилъ эту змѣю на рисункѣ, въ тѣхъ положеніяхъ, въ какихъ онъ ее видѣлъ; она, какъ видно, совершенно не похожа на всѣ до того времени видѣнныя морскія змѣи (рис. 7). Интересно знать, что скажутъ зоологи на счетъ вышеописанной капитаномъ Древаромъ борьбы морской змѣи съ китомъ? Многіе, вѣроятно, помнятъ, что докторъ Кохъ показывалъ въ Америкѣ, еще въ 1846 г., скелетъ допотопной морской змѣи, (рис. 8) извѣстной подъ названіемъ Гидрархосъ; основываясь на этомъ, могутъ сказать, что остались потомки отъ этого страшнаго морскаго чудовища, имѣвшаго 140 ф. длины. Но впослѣдствіи оказалось, что вышеназванный скелетъ Гидрархоса, пріобрѣтенный Берлиномъ за нѣсколько тысячъ талеровъ, есть ничто иное, какъ искусная поддѣлка. Г. Кохъ значительно удлинилъ скелетъ этого животнаго, приставивши къ нему множество позвонковъ другихъ животныхъ. Если непремѣнно желаютъ доказать, что въ древніе времена существовали такія морскія чудовища,— то не вѣрнѣе ли будетъ предположить, что въ тѣ времена ихтіозавры и плезіосорусы принимались за этихъ змѣй. Во всякомъ случаѣ, зоологи должны допустить, что въ морѣ множество самыхъ разнообразныхъ видовъ, но они въ небольшомъ количествѣ; вотъ чѣмъ и можно объяснить то, что имъ не удавалось ни разу видѣть подобныхъ экземпляровъ. Зоологамъ удавалось часто доказывать заблужденіе другихъ; Оуенъ доказалъ, что видѣнное у берега Оркадскихъ острововъ въ 1808 г. морское чудовище, есть самый огромный видъ акулы-людоѣда (Squalus maximus), а описанное Масучаемъ чудовище принадлежитъ къ самому огромному виду изъ семейства тюленя (Phoca proboscidea).

На днѣ морскомъ живетъ довольно большая змѣя: видъ гидрофисъ (Hydrophis) въ Индійскомъ океанѣ. Этотъ видъ морскихъ змѣй, главнымъ образомъ, отличается отъ земныхъ змѣй своимъ приплюснутымъ туловищемъ; многія разновидности имѣютъ 3 метра длины; у нихъ челюсти и зубы меньше, чѣмъ у земныхъ змѣй одинаковой съ ними величины, а голова всегда небольшая. Онѣ плаваютъ, какъ рыбы, легко и граціозно, и представляютъ ту особенность, что къ нижней части ихъ туловища пристаютъ водоросли и морскія раковины, отъ которыхъ онѣ не могутъ освободиться (рис. 9). Всѣ эти случаи подтверждаютъ только то, что на днѣ морскомъ должны существовать многіе колоссальные экземпляры. Но зоологи, тѣмъ не менѣе, будутъ еще, въ теченіе нѣкотораго времени, приписывать видѣнныя на поверхности воды морскія змѣи живой фантазіи легковѣрныхъ наблюдателей. Они причисляютъ этихъ морскихъ змѣй къ сказочнымъ чудовищамъ, древнихъ временъ, извѣстныхъ подъ названіемъ кентавровъ, единороговъ, крылатыхъ драконовъ или сиренъ, не признаваемыхъ зоологіей.

◆

Россія.

Соч. Д. М'Кензи Уаллэса. (D. M'Kenzie Wallace).

Члена Императорскаго Русскаго Географическаго общества. 2 тома. Лондонъ. Kassell Petter and Galpin.

Въ настоящее время каждый путешественникъ, проведшій нѣсколько лѣтъ въ чужихъ странахъ, описываетъ свои путевыя впечатлѣнія по возвращеніи на родину. Но подобное сочиненіе только тогда будетъ полезно, когда путешественникъ обладаетъ особенными качествами, которыми отличаются очень немногіе. Въ большей части случаевъ путешественники въ разныхъ мѣстахъ, на самое короткое время, судятъ о всемъ видѣнномъ съ предвзятыми мнѣніями, выводятъ чаще всего свои заключенія о странѣ по приморскимъ городамъ, по случайнымъ встрѣчамъ въ гостинницахъ, въ вагонахъ и другихъ общественныхъ мѣстахъ. Многіе писатели, набравшись такихъ свѣдѣній, сочиняютъ занимательную книгу, которая находитъ себѣ мѣсто на столѣ большинства читающей публики, въ особенности той, которая пробавляется только одними періодическими изданіями; но такъ какъ въ ней передаются только мимолетныя впечатлѣнія, то она, не имѣя никакого живого интереса, пропадаетъ безслѣдно и дѣлается достояніемъ людей, занимающихся только легкимъ чтеніемъ.

Оба тома, изданные въ началѣ этого года, и содержащіе въ себѣ описаніе о Россіи составляютъ рѣзкій контрастъ съ только что названными книгами. Г-нъ Уаллэсъ ѣздилъ въ теченіе шести лѣтъ по Россіи, но прежде всего основательно изучилъ русскій языкъ. Въ теченіи этихъ шести лѣтъ Уаллэсъ обращалъ особенное вниманіе на образъ правленія въ Россіи, слѣдилъ на практикѣ и въ теоріи за результатами нашей системы управленія, на положеніе крестьянъ и высшихъ классовъ во всѣхъ частяхъ имперіи; на религіозныя секты; на послѣдствія эмансипаціи крестьянъ; на расширеніе границъ имперіи и на восточный вопросъ. Онъ пользовался всѣми источниками, которые могли увеличить свѣдѣнія его о Россіи, такъ что его сочиненіе вышло одно изъ самыхъ интересныхъ для европейской публики и, вѣроятно, разойдется въ многочисленныхъ экземплярахъ, такъ какъ многіе въ Великобританіи стали съ нѣкотораго времени сильно интересоваться Россіею. Книга эта перемѣнитъ, безъ всякаго сомнѣнія, составившійся въ Англіи взглядъ на восточный вопросъ, и въ то же время она можетъ служить и легкимъ чтеніемъ.

Въ началѣ онъ говоритъ объ удобствахъ и недостаткахъ настоящихъ путей сообщенія въ Россіи. Онъ говоритъ: вагоны отопляются зимою, въ нихъ двойныя окна и двери; они удобнѣе, чѣмъ въ Англіи, хотя скорость весьма умѣренная, не превышающая обыкновенно 30 верстъ въ часъ. Неудобство же состоитъ въ томъ, что станціи находятся за нѣсколько миль отъ городовъ, такъ что пассажиры оставляются среди поля. Въ Россіи объясняютъ это обстоятельство тѣмъ, что земля въ окрестностяхъ города слишкомъ дорога. Большинство желѣзныхъ дорогъ было построено съ стратегическими цѣлями, во время крымской кампаніи онѣ простирались только на 750 верстъ, между тѣмъ какъ теперь ихъ 11,000 верстъ. Водныя сообщенія въ теченіе послѣднихъ лѣтъ также сильно развились, лѣтомъ на многихъ судоходныхъ рѣкахъ и озерахъ ходятъ теперь пароходы. Г. Уаллэсъ ѣздилъ по Волгѣ и Дону и вынесъ такое мнѣніе, что иностранцамъ, твердо убѣжденнымъ что въ Россіи нѣтъ красивыхъ мѣстностей, не мѣшаетъ, для разочарованія, прокатиться по этимъ рѣкамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ говоритъ, что время, употребленное на эту поѣздку, расходы, хлопоты, и неудобства, сопряженные съ нею, не вознаграждаются получаемыми впечатлѣніями, потому что попадаются въ иныхъ мѣстахъ красивые виды и пейзажи и больше ничего. Въ главныхъ городахъ, какъ напримѣръ въ С.-Петербургѣ, Москвѣ или Одессѣ имѣются такія же хорошія гостинницы, какъ и въ Западной Европѣ; но ѣдущій по главному почтовому тракту лишается положительно всѣхъ удобствъ. Одно изъ величайшихъ неудобствъ,—и иностранный путешественникъ сочтетъ это даже за странность,— то, что каждый долженъ доставать свое постельное бѣлье, подушки, одѣяла, полотенцы, или же платить за нихъ въ гостинницахъ страшно высокія цѣны. Туристъ не будетъ пенять на себя, если будетъ имѣть при себѣ свой чай и сахаръ, потому что на станціяхъ рѣдко встрѣчается чай и сахаръ хорошаго качества. Дороги въ очень дурномъ состояніи; мосты содержатся въ неисправности, а паромы не вездѣ устроены. Г. Уаллэсъ говоритъ и о тарантасѣ, какъ о чемъ-то похожемъ на фаэтонъ безъ пружинъ; онъ говоритъ, что этотъ экипажъ отвѣчаетъ своей цѣли, но что путешественникъ, рѣшающійся въ немъ ѣздить, долженъ обладать замѣчательно крѣпкими мускулами и значительною физическою силою, чтобы быть въ состояніи переносить всѣ эти сотрясенія. Почтовыя станціи положительно лишены всѣхъ удобствъ, кромѣ деревянной скамьи ничего не найдешь въ комнатѣ, отводимой для путешественниковъ. Квартиры въ небольшихъ провинціальныхъ городахъ также очень плохи и почти всегда отличаются нечистотою. Зимою пріятнѣе путешествовать, чѣмъ лѣтомъ, если бы только не сильныя стужи; но правда, что въ срединѣ зимы дороги портятся, дѣлаются неровными, кочковатыми. Онъ разсказываетъ многіе случаи, изъ которыхъ видно, что путешествіе по Россіи для незнакомаго съ языкомъ сопряжено съ большими затрудненіями; а для совершенно непонимающихъ языка лучше и не пускаться въ это путешествіе.

Авторъ, какъ мы уже выше сказали, считалъ знаніе русскаго языка главнымъ условіемъ, чтобы путешествіе по Россіи принесло какую нибудь пользу, и для этой цѣли онъ поселился въ первое время въ одной изъ деревень сѣверной Россіи, гдѣ и занялся изученіемъ этого языка. Большая часть перваго тома посвящена описаніямъ внутренней жизни и обычаевъ сѣверныхъ крестьянъ; онъ говоритъ о деревенскомъ священникѣ и вообще о духовенствѣ, о знахаркѣ и фельдшерѣ, какъ о двухъ представителяхъ сверхъестественнаго и научнаго врачеванія; о крестьянахъ вообще и въ частности; о крестьянской патріархальной семьѣ, о сельской общинѣ и о ея самоуправленіи; объ общинной системѣ, стремящейся къ уничтоженію пролетаріата въ будущемъ; онъ съ большими подробностями описываетъ финскія и татарскія села сѣверной Россіи. Мы не можемъ перечислить здѣсь всѣхъ интересныхъ свѣдѣній, которыя онъ намъ сообщаетъ,—говоритъ англійскій рецензентъ,—но совѣтуемъ прочесть эту интересную книгу. Мы считаемъ не лишнимъ остановиться нѣсколько времени на описаніи его финскаго населенія и указать на замѣченное имъ интересное явленіе среди его; такъ г. Уаллэсъ говоритъ намъ, что они все болѣе и болѣе сливаются съ славянскимъ племенемъ; въ нѣкоторыхъ селахъ населеніе еще однакоже совершенно финское; типъ ихъ остался вѣренъ себѣ, они носятъ свой національный костюмъ и мало понимаютъ по русски; въ другихъ есть уже русскіе, и финны тамъ утратили уже свой чисто національный типъ; многіе изъ нихъ перемѣнили свой костюмъ на русскій и бѣгло говорятъ по русски; въ третьихъ финскій типъ еще болѣе ослабѣваетъ, въ нихъ всѣ мужчины говорятъ по русски, а женщины понимаютъ этотъ языкъ, и старый финскій костюмъ совершенно вытѣсненъ, въ четвертыхъ финскій элементъ совершенно вытѣсняется браками; необходимо обратить вниманіе читателей на то, что тамъ, гдѣ авторъ говоритъ о татарскихъ селахъ, въ которыхъ одна часть населенія магометанскаго, а другая православнаго вѣроисповѣданія, то, по его словамъ, господствуетъ совершенное согласіе между населеніемъ.

Затѣмъ онъ также подробно описываетъ городскія общества и купечество. Въ города съѣзжаются почти всѣ къ осени, потому что жизнь по деревнямъ зимою и лѣтомъ чрезвычайно пріятная, но осень и весна почти невыносимые вслѣдствіе постоянныхъ дождей и невыходной грязи. Авторъ прожилъ осенью въ Новгородѣ, гдѣ онъ имѣлъ случай изучить бытъ купечества. Если развитіе торговли и промышленности увеличило ихъ средства, то не особенно измѣнило образъ ихъ жизни. Богатый русскій купецъ имѣетъ домъ съ весьма роскошною обстановкою; лучшія комнаты въ его домѣ сдѣлались бы въ нашихъ большихъ мануфактурныхъ городахъ жилыми, а у русскихъ купцовъ они держатся для важныхъ случаевъ, а самъ онъ съ семействомъ живетъ въ небольшихъ грязныхъ помѣщеніяхъ, которыя у насъ въ Англіи отвелись бы скорѣе для прислуги. Не извѣстно почему, авторъ полагаетъ, что купечество славится чрезвычайною честностью при заключеніи сдѣлокъ (?), но прибавляетъ, что оно считаетъ въ порядкѣ вещей какъ можно повыгоднѣе заключить ее, такъ что въ этомъ отношеніи торговля въ Россіи производится на такихъ же началахъ, какъ и торговля лошадьми въ Англіи.

Мы не станемъ останавливаться на превосходныхъ главахъ «О государственной администраціи и министерствахъ» и «О новомъ мѣстномъ самоуправленіи», но скажемъ только, что, въ первой главѣ, авторъ сообщаетъ интересныя подробности о дѣйствіяхъ полиціи, и говоритъ о собственномъ арестѣ; теперь же перейдемъ къ тѣмъ главамъ, гдѣ авторъ говоритъ о жизни старыхъ и молодыхъ помѣщиковъ. Нижеслѣдующая выдержка изъ книги г. Уаллэса даетъ читателю понятіе о томъ, какъ авторъ живо передаетъ видѣнныя имъ сцены; онъ въ нижеслѣдующихъ строкахъ описываетъ старинный домъ и его владѣльца.

Въ одной изъ внутреннихъ губерній Россіи, расположена вдоль берега небольшой извилистой рѣчки группа деревянныхъ построекъ — всѣ они ветхія, неокрашенныя, почернѣли отъ времени и съ высокими покатыми крышами, поросшими мхомъ. Главное зданіе представляетъ собою одноэтажный жилой домъ, образующій прямоугольникъ. Передъ домомъ находится большой, грязно содержимый дворъ, а позади дома тянется большой тѣнистый садъ; но природа дѣлаетъ свое дѣло и на немъ не видно прикосновенія человѣческой руки. На противоположномъ концѣ двора, какъ разъ напротивъ главной двери, или, лучше сказать, напротивъ главныхъ дверей дома, такъ какъ ихъ двѣ, находятся конюшни, сѣнникъ и амбары; въ дальнемъ отъ дороги концѣ дома выстроены два меньшихъ домика; въ одномъ изъ нихъ кухня, а въ другомъ — людскія помѣщенія. Сквозь одинъ рядъ липъ виднѣются почернѣвшія отъ времени деревянныя постройки въ еще болѣе запущенномъ видѣ. Это усадьба.... Здѣсь живетъ, и жилъ въ теченіе многихъ лѣтъ, Иванъ Ивановичъ К...., человѣкъ стараго закала и весьма достойный. О его характерѣ можно составить вѣрное понятіе, стоитъ только посмотрѣть на него, когда онъ сидитъ въ покойномъ креслѣ, въ широкомъ халатѣ и держитъ въ зубахъ длинную турецкую трубку. Онъ широкоплечій и ширококостный и обладаетъ чрезвычайною физическою силою; но не счелъ нужнымъ воспользоваться этимъ даромъ природы, и теперь въ немъ больше жиру, чѣмъ мускуловъ. Коротко обстриженная голова его шаровидна, а черты его лица крупныя и тяжелыя; но это впечатлѣніе изглаживается выраженіемъ совершеннаго довольства и добродушія, проявляющагося иногда въ широкой улыбкѣ. На его лицѣ никогда не отражается забота или грусть. О разочарованіяхъ, надеждахъ, борьбѣ съ обстоятельствами онъ только знаетъ по наслышкѣ; самъ онъ всего этого никогда не испыталъ. Онъ прожилъ всю свою жизнь внѣ той борьбы, которая, по мнѣнію философовъ нашего времени, составляетъ законъ природы.

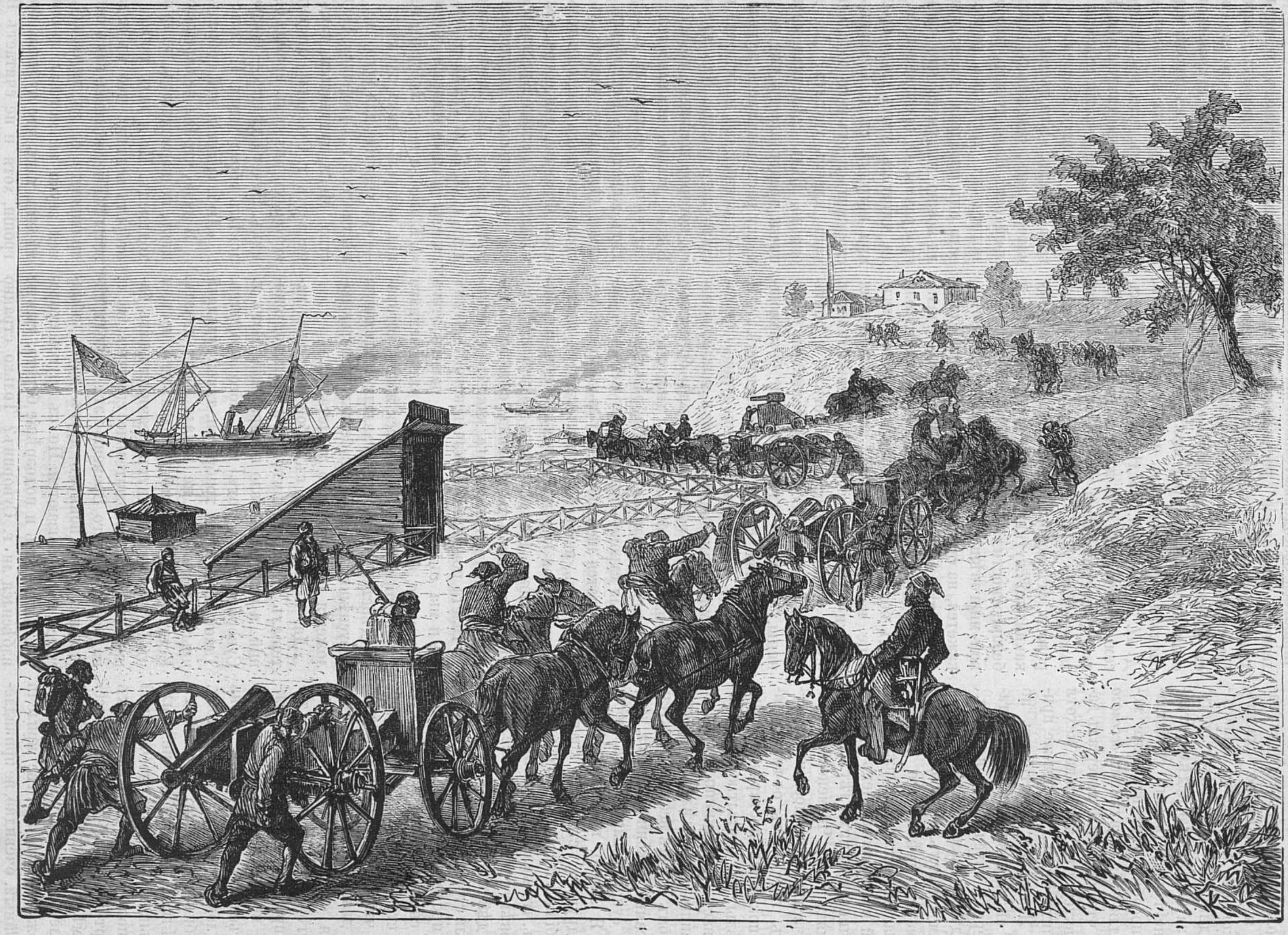
Кромѣ этого, авторъ описываетъ нѣсколько другихъ помѣщичьихъ семействъ стараго закала; изъ его описаній можно составить очень вѣрное заключеніе о состояніи умственнаго развитія этого класса людей; затѣмъ онъ знакомитъ насъ съ аристократическими и дворянскими представителями настоящаго времени. Первое мѣсто между ними заслуживаетъ князь С., онъ, хотя и владѣетъ обширными помѣстьями, но его нельзя назвать сельскимъ хозяиномъ въ строгомъ смыслѣ этого слова, такъ какъ онъ проводитъ въ своихъ помѣстьяхъ только нѣсколько недѣль, а иногда даже и нѣсколько дней. Домъ его въ деревнѣ большой, устроенъ на англійскій манеръ, въ немъ есть библіотека, билліардная и т. д., передъ домомъ тянется большой паркъ, и въ немъ содержатся олени. Семейство его ѣздитъ съ англичанкою, и француженкою, и наставникомъ; у нихъ роскошь и удобство доведены до мелочей; но, въ сущности, эта жизнь не многимъ отличается отъ попадающейся въ Англіи жизни на каждомъ шагу. Если кто пожелаетъ больше познакомиться съ русскою знатью, то онъ вполнѣ удовлетворится прочтя главу о знати, а за этою главою слѣдуетъ описаніе «Между еретиками», гдѣ главнымъ образомъ разсматриваются разныя секты, и этою главою завершается первый томъ.

Въ началѣ втораго тома авторъ знакомитъ насъ съ раскольниками, и затѣмъ сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о кочевыхъ племенахъ степей. Онъ ѣздилъ къ нимъ и авторъ вспоминаетъ объ этомъ путешествіи съ большимъ удовольствіемъ. Читатель подробнѣе всего останавливается на описаніи башкирцевъ — татарское племя, сохранившее въ нѣкоторой степени древніе свои обычаи; онъ вводитъ насъ въ аулъ, или лагерь изъ палатокъ, гдѣ онъ провелъ нѣсколько дней. Онъ посѣтилъ также киргизовъ внутренней орды, расположенной на югъ отъ Каспійскаго моря. Здѣсь онъ въ первый разъ увидѣлъ мѣстность въ уровень съ моремъ; на ней не было ни холмика, это была совершенно ровная мѣстность, не было на ней ни деревца, ни кустарника, ни даже камня, она представляла собою самый однообразный видъ. Киргизы не такъ сообщительны, какъ башкирцы; но это слѣдуетъ приписать тому, что киргизы приняли автора и спутника его за русскихъ чиновниковъ и вообразили, что всѣ разспросы клонятся къ тому, чтобы увеличить подати, или что либо подобное. Онъ посвящаетъ нѣсколько страницъ описанію многочисленныхъ колонистовъ, живущихъ въ степяхъ Новороссійскаго края; онъ насчитываетъ слѣдующія націи: поляковъ, сербовъ, черногорцевъ, болгаръ, молдаванъ, германцевъ, англичанъ, шведовъ, швейцарцевъ, французовъ, итальянцевъ, грековъ, армянъ, татаръ, мордву, евреевъ и цыганъ. Больше всего нѣмецкихъ колонистовъ и они пользуются особеннымъ благосостояніемъ; самые бѣдные — евреи. Колоніи менонитовъ обязаны своимъ благосостояніемъ какъ пособіямъ со стороны правительства, такъ и собственному трудолюбію. Они пользовались значительными привиллегіями, не должны были нести воинской повинности и платили весьма незначительныя подати; но теперь правительство обложило такими же податями, какъ и вездѣ въ Россіи, и на нихъ возложена воинская повинность. Вслѣдствіе этого многіе পораспродали свое имущество и переселились въ Америку; автору одинъ изъ членовъ менонитскаго общества сообщилъ, что большая половина колонистовъ собирается послѣдовать ихъ примѣру.

Затѣмъ онъ подробно останавливается на правительственныхъ учрежденіяхъ Россіи и на общественномъ мнѣніи и настроеніи въ странѣ. Но мы не можемъ за неимѣніемъ мѣста останавливаться на разборѣ этихъ главъ. Онъ описываетъ С.-Петербургъ и Москву; Петербургъ онъ называетъ европейскимъ городомъ, а Москву мѣстожительствомъ славянофиловъ; ей-то обязаны сербы за тѣ огромныя пожертвованія, дѣлаемыя во время послѣдней войны. Онъ говоритъ въ одной главѣ о церкви, государствѣ, затѣмъ о крымской кампаніи, о ея послѣдствіяхъ, и вообще англійскій рецензентъ полагаетъ, что эта книга перемѣнитъ совершенно мнѣніе о Россіи, укоренившееся въ Англіи. Онъ много говоритъ о крестьянскомъ бытѣ, высказываетъ интересныя замѣтки на счетъ почвы и сельскаго хозяйства. Къ этому сочиненію приложена карта Россіи и онъ указываетъ, что Россія раздѣляется, по географическимъ условіямъ, на 5 отдѣльныхъ частей. Вся страна къ сѣверу отъ Петербурга составляетъ лѣсное пространство, рѣдко населенное, замѣчательное только богатствомъ лѣсовъ; затѣмъ слѣдуетъ земледѣльческое пространство, самое обширное; затѣмъ черноземное; потомъ степное пространство, и, наконецъ, скотопромышленное.

Со времени освобожденія крестьянъ, всѣ почти помѣщики сѣверныхъ губерній сами не занимались хозяйствомъ, а отдавали свои земли на аренду сосѣднимъ крестьянамъ. Почва бѣдная и трудъ далеко не вознаграждается. Въ черноземныхъ же губерніяхъ почва чрезвычайно богата, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть даже цѣлина и сельское хозяйство доведено до лучшей степени. Въ сѣверныхъ черноземныхъ губерніяхъ почва плодородная, рабочихъ рукъ много, климатъ умѣренный и рынки для сбыта произведеній подъ рукою. Въ южной Россіи, и именно въ степномъ пространствѣ, рабочихъ рукъ мало, успѣшное веденіе хозяйства зависитъ отъ чрезмѣрныхъ денежныхъ растратъ на пріобрѣтеніе машинъ. Со временемъ хозяйство въ степныхъ губерніяхъ непремѣнно вознаградитъ капиталиста, но съ тѣхъ поръ какъ воинской повинности подлежатъ колонисты, то много нѣмцевъ переселяется.

Мы не имѣемъ возможности распространиться больше объ этомъ интересномъ сочиненіи, но обратимъ вниманіе читателя на «Восточный вопросъ», о которомъ онъ говоритъ въ заключительной главѣ. Въ довершеніе скажемъ, что книга г. Уаллэса сообщаетъ намъ столько интересныхъ свѣдѣній



Турецкій редутъ близъ Рущука противъ Журжева.

и въ такой занимательной формѣ, что большинство читающей публики не замедлитъ прочесть это сочиненіе.

Мимолетные наброски.

(Фельетонъ.)

Самоубійства.—Невеселыя мысли по этому поводу.—Некрологъ Д. П. Ломачевскаго. — Новыя выходки г. Суворина. — Мое открытое письмо къ нему. — Образчики стихотворныхъ писемъ.

Поневолѣ я долженъ начать сегодня за упокой и даже не могу навѣрно сказать, удастся-ли мнѣ кончить во-здравіе. Нѣкоторые факты будничной дѣйствительности, промелькнувшіе за послѣднюю недѣлю, отличаются такими неутѣшительными свойствами, что, право, способны омрачить даже меня, избравшаго для себя псевдонимъ *веселаго поэта*. Понятно, что подобный матеріалъ далеко мнѣ не по вкусу, что я только нехотя дѣлюсь имъ съ читателемъ. Но что-же прикажете дѣлать? Жизнь не перестроишь по своему, фактовъ ей не навяжешь и не вставишь ее въ напередъ опредѣленныя рамки.

Послѣдняя недѣля ознаменовала себя цѣлымъ рядомъ самоубійствъ. «Никто не виновенъ въ моей смерти, мнѣ просто надоѣло жить». Таково лаконическое содержаніе записки, найденной въ карманѣ очень прилично одѣтаго мужчины среднихъ лѣтъ, застрѣлившагося на дняхъ близъ Чесменской богадѣльни. Имя несчастнаго осталось неизвѣстнымъ, такъ-какъ, по словамъ оффиціальнаго сообщенія, «покойный постарался уничтожить всѣ слѣды къ открытію его званія». Конечно, насъ не удивишь самоубійствомъ, не удивишь даже цѣлымъ рядомъ ихъ; но въ данномъ случаѣ весьма характернымъ является самый лаконизмъ итога, подведеннаго этому существованію: «мнѣ просто надоѣло жить». Я лично, по крайней мѣрѣ, не припомню другого, столь-же краткаго признанія самоубійцы. Вѣдь изъ него поразительно явствуетъ, что жизнь не дала никакихъ интересовъ человѣку, что онъ не нашелъ въ окружавшей его дѣйствительности ни одного мотива, за который стоило-бы ухватиться ради возможности ея продолженія,—не такъ-ли? А это значитъ, въ свою очередь, читатель, что жизнь до такой степени бѣдна еще подобными мотивами, что не каждый можетъ найти ихъ въ ней, даже достигнувъ среднихъ лѣтъ, даже имѣя средства быть «одѣтымъ прилично»... Другой случай самоубійства, тоже бывшій на прошлой недѣлѣ, подтверждаетъ это какъ нельзя лучше. Нѣкто студентъ Кондратьевъ кончилъ свою жизнь подъ колесами локомотива, только потому, что лишился любимой дѣвушки, умершей отъ чахотки. И, замѣтьте, это рѣшеніе не было минутнымъ порывомъ отчаянія; несчастный юноша даже позаботился о нѣкоторыхъ удобствахъ смерти: онъ выбралъ менѣе всего освѣщенное мѣсто, сдѣлалъ въ пескѣ небольшое углубленіе, чтобы, положивъ въ него голову, можно было плотнѣе прилечь къ рельсу. Покойный, очевидно, не принадлежалъ также и къ тѣмъ субъектамъ, для которыхъ жизнь и смерть безразличны: «Люблю А. Д.—Скоро свидимся»,—пишетъ онъ въ концѣ записки, предназначенной имъ для родныхъ. Ясно, что желаніе жизни существовало здѣсь, но только оборвался ея интересъ. Такъ неужели-же, въ самомъ дѣлѣ, у этой молодой жизни не нашлось другихъ интересовъ, кромѣ интереса любви? Надъ такими явленіями нельзя не задуматься глубоко, хотя въ нихъ и «никто не виновенъ», какъ хочетъ увѣрить насъ большинство самоубійцъ. Эти явленія особенно рѣзко выступаютъ теперь, когда русская жизнь такъ нужна, когда въ ней, повидимому, существуетъ такой высокій интересъ, и когда, наконецъ, можно жертвовать ею и не безслѣдно.

Но будничная жизнь неумолима: ей все равно, каковы-бы ни были ея жертвы; она одинако бездушно вырываетъ изъ общественныхъ рядовъ и празднаго человѣка, соскучившагося безсодержательной жизнью, и полезнаго труженика, расчищающаго по силамъ своего ума и таланта родные плевелы. По словамъ газеты «Нашъ Вѣкъ», «въ ночь съ 10 на 11 мая, въ Обуховской больницѣ скончался литераторъ, извѣстный авторъ сценъ и разсказовъ изъ чиновничьяго быта, *Д. П. Ломачевскій*. Послѣ покойнаго осталась семья, состоящая изъ жены и пятерыхъ дѣтей, существовавшая только литературными заработками *Д. П.*» Этотъ коротенькій некрологъ, отъ котораго такъ и вѣетъ на душу какимъ-то жуткимъ холодомъ убожества и безпріютности, гораздо краснорѣчивѣе всякой многовѣщательной біографіи. Давно-ли, кажется, на страницахъ этого журнала одинъ изъ моихъ товарищей указывалъ на печальную судьбу русскихъ писателей, на цѣлый рядъ безвременныхъ и вопіющихъ кончинъ. Еще не успѣли остыть его симпатичныя строки—и вотъ уже передъ нашими глазами зіяетъ новая литературная могила, и опять съ той же ужасающей обстановкой больницы, рокового одиночества и безпомощной, голодной семьи въ перспективѣ.... И общество совершенно равнодушно проходитъ мимо одинокихъ борцовъ мысли, изнемогающихъ и падающихъ подъ бременемъ непосильной работы, подъ гнетомъ этого убійственнаго равнодушія! Набрасываешь эти грустныя строки—и въ голову невольно закрадывается щемящая душу мысль, что, можетъ быть, не сегодня, такъ завтра послужитъ и твоя кончина такимъ же печальнымъ матеріаломъ для фельетона слѣдующей недѣли, станешь и ты убогимъ сюжетомъ такого-же убогаго некролога, какимъ удостоила газета покойнаго Ломачевскаго. Почтимъ же и мы съ тобой, читатель, память этого скромнаго, быть можетъ и не замѣченнаго тобой труженика мысли, вся жизнь котораго, дѣйствительно, представляла ежедневную безуспѣшную борьбу съ безвыходностью положенія литературнаго пролетарія...

Да, читатель, мы съ тобой ошиблись: матеріалъ этотъ совсѣмъ для насъ неподходящій, а главное — мало ободряющій. Вотъ г. Суворинъ, такъ тотъ хоть кого ободритъ. Такой назойливой храбрости, такой зудливой прыти давно уже не видала наша печать. Если турки какъ нибудь одолѣютъ насъ, и въ Петербургѣ начнутъ безчинствовать баши-бузуки, я положительно спрячусь за г. издателя «Новаго Времени»: эти господа, вѣроятно, сразу поймутъ другъ друга, обнимутся и облобызаются. Но, съ другой стороны, меня опять и подозрѣніе беретъ: ужъ не взбѣсился ли г. Суворинъ? Только странно какъ-то представить себѣ, что такой ловкій и сообразительный человѣкъ могъ взбѣситься въ самое неурочное время. Вѣдь бѣсятся, обыкновенно, при наступленіи сильныхъ жаровъ.... по крайней мѣрѣ, животныя; а теперь, когда я пишу эти строки, у меня въ комнатѣ топится печь, не смотря на майскіе дни. Очень можетъ быть, впрочемъ, что я тутъ ровно столько же понимаю, сколько смыслитъ извѣстный докторъ Шмидтъ въ лѣченіи рака, но предостеречь публику все таки не мѣшаетъ. Собственно храбрость г. Суворинъ обнаруживалъ почти всегда, за исключеніемъ, конечно, того трагикомическаго случая, когда онъ такъ струсилъ, что обѣщалъ даже ходить съ револьверомъ въ карманѣ. Но мужество съ признаками бѣшенства появилось у него только съ изданіемъ газеты и нынѣ грозитъ всѣмъ и каждому. Вотъ два наглядныхъ примѣра. Въ своемъ послѣднемъ воскресномъ фельетонѣ, подзадоренный близорукимъ политическимъ самоуничиженіемъ нѣкоторыхъ господъ, о лордахъ Дерби и Дизраэли г. Суворинъ выражается такъ: «Чортъ ли въ томъ, что они европейцы? Они просто англійскіе исправники и становые, выработавшіеся въ школѣ парламентаризма, которая и дурака кое чему научитъ». Уязвленный тѣмъ, что въ Петербургѣ предполагается изданіе газеты «La Russie Contemporaine» при участіи нѣкоего г. Лебурде, г. издатель «Новаго Времени» съ пѣной у рта восклицаетъ: «Кто такой г. Лебурде? Парикмахеръ онъ, сапожникъ, шарманщикъ, или пройдоха? Надо думать, что онъ не принадлежитъ къ честнымъ ремесленникамъ; но если онъ пройдоха, то не умный, ибо едва ли можно выдумать что нибудь глупѣе его программы. О, проходимецъ!» Не достаточно ли, читатель, этихъ двухъ примѣровъ, чтобы при встрѣчѣ съ г. Суворинымъ на улицѣ сторониться отъ него подальше: а что, молъ, какъ вдругъ укуситъ? Да, дѣйствительно, опасно. Вѣдь сдѣланная мною сейчасъ выписка представляетъ уже не остроумную выходку расходившагося журналиста, а просто —бѣшенный лай, неимѣющій, къ тому же, достаточнаго повода. Изъ письма г. Земенцкаго, которое помѣщено въ № 73 газеты «Нашъ Вѣкъ», теперь оказывается, что такъ беззастѣнчиво облаянный г. Лебурде «уже 25 лѣтъ живетъ въ Петербургѣ и принимаетъ самое дѣятельное участіе въ комитетѣ, состоящемъ подъ предсѣдательствомъ посланника Франціи, для сбора пожертвованій для общества Краснаго Креста». Оказывается также, что главнымъ отвѣтственнымъ редакторомъ газеты «La Russie Contemporaine» будетъ г. Л. Б. де Легай — бывшій редакторъ газеты «Peuple français» и основатель газеты «L'Etoile», а не г. Лебурде, секретарь редакціи, который—какъ замѣчаетъ г. Заменцкій — «къ счастію для него, не пользуется извѣстностью г. Суворина». По истинѣ, къ счастію! Меня, признаться, такъ и подмываетъ написать г. Суворину открытое письмо, до которыхъ онъ самъ прежде былъ такой охотникъ. Нечего дѣлать -- попробую: авось человѣкъ образумится. И такъ:

«Любезнѣйшій мой собратъ по фельетону,

Я знаю, что Вы не парикмахеръ, не сапожникъ, не шарманщикъ, не пройдоха и не проходимецъ. Но я знаю также, что Вы любите отбрить всякаго, что въ изданіи Вашей газеты Вы неряшливы, какъ сапожникъ, часто принимаете ее за шарманку, извлекая изъ нея звуки на мотивы любимыхъ русскихъ пѣсенъ, такъ что публика, бросая вамъ свои гроши, хотя и не считаетъ Васъ пройдохой, но уже начинаетъ относиться къ Вамъ теперь почти, какъ къ проходимцу. Вамъ это надо принять къ свѣдѣнію. Когда Вы получили возможность издавать свою газету, всѣ мы, литературные работники, порадовались за Васъ и пожелали Вамъ всякаго успѣха, ибо пріятно было видѣть хотя одного изъ насъ пробившимся на широкую дорогу, а Вы были прежде изъ нашихъ. Поэтому Васъ никто не облаялъ, никто не лягнулъ, никто не позавидовалъ Вашей новой собственности. Чего бы, кажется, для Васъ больше? И мы думали, что Вашу роль журналиста Вы поведете почетно, но скромно. Мы, однакожъ, ошиблись. Едва оперившись, Вы уже начали хорохориться подобно разсерженному индѣйскому пѣтуху, раздувающему до смѣшного свою *красную* кипку. Это можетъ засвидѣтельствовать вся Ваша журнальная дѣятельность до настоящей минуты. Обладая смѣтливостью, Вы стараетесь пріурочивать къ Вашей газетѣ русскіе литературные авторитеты—не изъ уваженія къ ихъ уму и таланту, а только ради ихъ имени. Это показало Ваше поведеніе въ отношеніи г. Тургенева. Прикрывшись кваснымъ патріотизмомъ, Вы стали выразительно тявкать въ сторону такихъ изданій, книжки которыхъ и безъ того нерѣдко задерживались. Это доказалъ Вамъ г. Антоновичъ. Любуясь и охорашиваясь своей литературной неопрятностью, чтобъ не сказать больше, Вы теперь начинаете уже позволять себѣ такія выходки, которыя не сдѣлали бы чести и уличному мальчишкѣ. Все это, любезнѣйшій собратъ, очевидно показываетъ, что или Ваши прежнія убѣжденія скромнаго литературнаго работника служили Вамъ только фиктивными подмостками для достиженія извѣстной высоты, или что они задохлись подъ широкими полами пышнаго издательскаго халата. До сихъ поръ, Вы, конечно, не достигли еще того, чтобы на честную русскую печать легла непріятной тѣнью Ваша теперешняя журнальная дѣятельность; но она скоро можетъ превратить Ваше «Новое Время» въ «Фигарò», а Васъ — въ Вильмесана. Наклонная плоскость—самая опасная изъ плоскостей. Это Вамъ надо помнить. Остановитесь-же, любезнѣйшій собратъ, вò-время. Вы человѣкъ умный и потому, надѣюсь, оцѣните мой совѣтъ по достоинству. Вы человѣкъ съ талантомъ, а таланту не трудно стяжать себѣ даже самую громкую извѣстность, не прибѣгая къ фарсамъ и либеральному заигрыванью съ публикой. Вѣрьте, любезнѣйшій собратъ, что вотъ именно только эти-то два Ваши качества, т. е. умъ и талантъ, и заставили меня выразить Вамъ, съ надлежащей откровенностью, все вышеизложенное, и примите и проч.»

Кстати объ открытыхъ письмахъ. Въ послѣднее время они стали появляться въ такомъ ужасающемъ количествѣ, что я совѣтовалъ бы редакціямъ нашихъ газетъ завести для нихъ особый отдѣлъ. Но такъ какъ прозаическая форма невольно располагаетъ къ многоглаголанію, то лучше всего было бы придавать имъ стихотворный обликъ. Тогда, выигравъ въ сжатости текста и мысли, они получатъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и бòльшую выразительность. Чтобы облегчить редакціямъ эту, и безъ того немудреную, задачу, я постараюсь привести здѣсь два-три посильныхъ образчика.

Стихотворныя письма современниковъ.

I.

Письмо къ И. С. Тургеневу.

Хоть ради-бъ вѣжливости, да-съ,
Вы насъ предупредили,
Что въ «Gegenwart'ѣ» свой разсказъ
Вы раньше помѣстили.
Одно-бы слово—и законъ,
И дѣло вышло-бъ чисто;
А, вотъ теперь я огорченъ—
Я... въ роли журналиста!

А. Суворинъ.

II.

Письмо въ газету «Нашъ Вѣкъ».

Оставляя вздоръ и хламъ
Разный безъ вниманья,
Извиняюсь я, что Вамъ
Шлю сіе посланье.
Я съ Сувориными самимъ
Не сказалъ ни слова...
Правда, велъ я дѣло съ нимъ,
Но чрезъ Лихачева.
А того предупредилъ
Даже я въ избыткѣ:
«Еслибъ я вамъ повредилъ—
Вычтите убытки».

Ив. Тургеневъ.

III.

Еще письмо въ газету «Нашъ Вѣкъ».

Простите, что я бомбардирую Васъ,
Но я тутъ совсѣмъ не причемъ:
Опять я затронутъ нелѣпо сейчасъ
Въ суворинскомъ «Времени» томъ.
Толкуютъ, что будто могу я писать
На двухъ языкахъ. Никогда!
Вѣдь это, по моему, прямо сказать,
Что мнѣ самобытностъ чужда.
Немало я брани печатной встрѣчалъ,
Былъ солонъ порою урокъ;
Но если я чтò за обиду считалъ,
Такъ именно этотъ упрекъ.
Спѣшу заявить и покорно прошу
Увѣдомить милый мой край:
Я только по русски, по русски пишу; —
И съ этимъ Богъ справиться дай!

Ив. Тургеневъ.

Не правда-ли, читатель, что въ такой формѣ письма значительно выиграютъ? Другой вопросъ—насколько вся эта домашняя переписка, будь она стихотворная или прозаическая, можетъ интересовать публику. Но ужъ если ее непремѣнно хотятъ пичкать этой перепиской, то, по моему, стихи будутъ удобосваримѣе. Во всякомъ случаѣ, такъ какъ ныньче вѣкъ промышленный, я нисколько не стѣсняюсь предложить на первый разъ редакціямъ собственныя услуги... конечно, за умѣренное вознагражденіе.

Веселый поэтъ.

Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій.

Нашимъ читателямъ уже извѣстно, что первоначальная попытка турокъ, высадить свои войска и занять Сухумъ-Кале, не удалась. Послѣ того турецкіе броненосцы опять бомбардировали городъ, сожгли его почти весь и вынудили насъ покинуть Сухумъ. Нашъ отрядъ отошелъ за рѣчку Маджара (на 10-ти верстной картѣ мы нашли р. Магара, впадающую верстахъ въ 10-ти южнѣе Сухумъ-Кале). Нашъ отрядъ, занявъ позицію около с. Ольгинскаго, былъ поставленъ первоначально въ весьма затруднительное положеніе, такъ какъ окрестное населеніе возстало. Въ настоящее время сообщенія отряда съ краемъ возстановлены и къ нему идутъ подкрѣпленія. Отрядъ имѣлъ нѣсколько стычекъ съ непріятелемъ. Турки назначили комендантомъ Сухума Фазли-пашу, а шейхъ-уль-исламъ поднесъ султану титулъ «побѣдоноснаго». Турецкій флотъ, между тѣмъ, продолжалъ жечь прибрежныя селенія на протяженіи около 150 верстъ отъ мыса Адлера до Очемчиръ (послѣдніе верстахъ въ 65 къ сѣверу отъ Поти). У Адлера турки также высадили свой отрядъ, состоящій изъ бывшихъ переселенцевъ съ Кавказа. Несомнѣнно, что турки на побережьѣ будутъ одерживать временно успѣхи, но не слѣдуетъ преувеличивать значеніе ихъ. Если туркамъ удастся прочно утвердиться въ береговой полосѣ, то едва-ли они извлекутъ изъ этого какія-либо выгоды: занятіе прибрежной полосы не можетъ быть настолько прочно, чтобы турки остались здѣсь и послѣ войны; край не очень населенъ, лежитъ въ сторонѣ отъ главнаго театра войны.

Подъ Ардаганомъ дѣйствительно произошли важныя событія, кончившіяся занятіемъ какъ города, такъ и укрѣпленій нашими храбрыми войсками. Относительно укрѣпленій Ардагана свѣдѣнія до сихъ поръ не вполнѣ ясны. Мы уже сообщали, что самый городъ обстрѣливается съ возвышеній праваго берега р. Куры; слѣдовательно, турки возвели свои укрѣпленія въ другомъ мѣстѣ, но гдѣ именно,—указать не беремся. По телеграммамъ видно, что укрѣпленія были на Гелавчердинскихъ высотахъ, т. е. къ востоку отъ города и вооружены значительною артиллеріей. Гарнизонъ ихъ состоялъ болѣе, чѣмъ изъ 10 батальоновъ, такъ какъ нами взятъ лагерь на 14 батальоновъ, да и раньше мы сообщали, что у Ардагана около 11 батальоновъ. Къ городу подошелъ отрядъ по ахалцыхской дорогѣ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Девеля, у котораго было, кажется, около бригады пѣхоты. Съ такими силами атаковать укрѣпленія было, конечно, немыслимо; почему Лорисъ-Меликовъ выступилъ къ Ардагану самъ изъ лагеря подъ Карсомъ и подошелъ съ южной стороны, остановившись у Гурджибека, верстахъ въ 4 отъ Ардагана къ югу.

Уже это показываетъ, что укрѣпленія были расположены восточнѣе. Замѣтимъ, что мѣстность между д. д. Фахрымъ, Савара и Голяверды представляетъ хорошую оборонительную позицію, которую удобнѣе всего атаковать съ востока, т. е. со стороны Ольчека. Затѣмъ отрядъ генерала Девеля перешелъ съ ахалцыхской на ахалкалакскую дорогу, переправившись чрезъ р. Куру у кр. Уръ и построивъ здѣсь мостъ. Съ нимъ вошелъ въ связь отрядъ, прибывшій изъ-подъ Карса. Наступая со стороны Ольчека (верстахъ въ 12 отъ Ардагана къ востоку по алхалкалакской дорогѣ), наши войска 4 мая взяли укрѣпленія на Голявердинскихъ высотахъ.

На слѣдующій день съ трехъ часовъ пополудни до 6 часовъ наша полевая и, вѣроятно, часть осадной артиллеріи (собственно мортиры), вступивъ въ состязаніе съ турецкою, въ числѣ орудій которой были восьмидюймовыя и двадцати-четырехъ фунтовыя пушки, настолько подготовила дѣло, что въ 6 часовъ вечера наши войска были двинуты на штурмъ, именно части полковъ: 13 лейбъ-гренадерскаго эриванскаго Его Величества, 15-го гренадерскаго тифлисскаго (оба полка кавказской гренадерской дивизіи), 154 пѣхотнаго бакинскаго и 156 пѣхотнаго елисаветпольскаго полковъ (оба 39 пѣхотной дивизіи) и саперы. Непріятель не выдержалъ и бросилъ укрѣпленія; наши войска заняли ихъ и городъ, взявъ при этомъ лагерь на 14 батальоновъ, 82 орудія, въ числѣ которыхъ два восьми-дюймовыхъ, пять двадцати четырехъ фунтовыхъ и очень много отличныхъ крупповскихъ орудій. Героемъ дня былъ генералъ-лейтенантъ Гейманъ, начальникъ 20 пѣхотной дивизіи, боевая репутація котораго стоитъ чрезвычайно высоко на Кавказѣ.

Несомнѣнно, что подъ Ардаганомъ мы одержали важный успѣхъ, купивъ его сравнительно недорогою цѣною. Потеря наша оффиціально показана такая: убитыхъ 1 офицеръ и 50 нижнихъ чиновъ, раненыхъ 4 офицера и около 180 нижнихъ чиновъ. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ «Международнымъ Телеграфнымъ Агенствомъ» мы потеряли 7 убитыми и 385 ранеными. Если-бы потеря наша была и вдвое болѣе, то она окупалась бы несомнѣнными выгодами, нами пріобрѣтенными. Онъ состоялъ въ слѣдующемъ: ахалцыхскій отрядъ сталъ свободенъ для другихъ дѣйствій; сообщеніе Ахалцыха съ Карсомъ для насъ безпрепятственно, напротивъ сообщеніе Батума съ Карсомъ окончательно прервано; мы захватили укрѣпленный лагерь, занявъ его открытою силою, причемъ и наша артиллерія, и наша пѣхота рѣшительно превосходили непріятельскую. Удачный штурмъ необыкновенно возвышаетъ нравственную сторону войскъ; наши войска впервые въ эту войну доказываютъ туркамъ, что слава прежнихъ кавказскихъ войскъ, закаленныхъ въ бояхъ, имъ присуща. Наша полевая артиллерія также впервые могла показать всю свою силу и исполнила свою задачу блистательно, не смотря на состязаніе съ крѣпостною артиллеріей.

Въ «походныхъ письмахъ» спеціальнаго корреспондента «Тифлисскаго Вѣстника» мы находимъ чрезвычайно любопытныя подробности о взятіи крѣпости Ардаганъ.

Наши войска подошли къ Ардагану съ двухъ сторонъ. Ахалцыхскій отрядъ подошелъ съ сѣверо-востока, а часть главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса—съ юго-востока. 1-го мая генералъ-адъютантъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ произвелъ рекогносцировку укрѣпленій, которой я посвятилъ цѣлое письмо. 2 и 3-го мая употреблены были на подготовленіе атаки и на подвозъ артиллеріи, въ особенности осадной, привезенной чрезъ Ахалкалаки и Ольченъ. Ночью, съ 3-го на 4-е мая, установлены были инженеръ-полковникомъ Бульмерингомъ наши батареи на высотахъ, обстрѣливаемыхъ непріятелемъ, т. е. доступныхъ огню его фортовъ. Какъ провозъ осадной артиллеріи изъ лагеря Ахалцыхскаго отряда въ нашъ лагерь у Алагеза, такъ и установленіе батарей, могли встрѣтить сильнѣйшее сопротивленіе со стороны турокъ. Но и то, и другое сдѣлано было ночью, съ замѣчательною ловкостью и осторожностью съ нашей стороны, при непонятномъ невниманіи непріятеля. Турки, вообще говоря, пропускали мимо своихъ фортовъ наши отдѣльныя колонны, не тревожа ихъ своими выстрѣлами, не смотря на то, что онѣ проходили на разстояніи ближе пушечнаго выстрѣла. Все время, до открытія бомбардированія, турки стрѣляли вяло и скупо, быть можетъ, съ цѣлью приберечь снаряды про критическія минуты. Слѣдуетъ ли приписать этому разсчету то обстоятельство, что турецкіе форты не воспрепятствовали сооруженію нашихъ батарей, или дѣло объясняется просто тѣмъ, что турки въ темнотѣ не замѣтили нашихъ работъ,—не знаю. Во всякомъ случаѣ, фактъ тотъ, что наши войска, безъ всякаго препятствія со стороны непріятеля, успѣли установить всѣ свои батареи.

Часовъ въ 11-ть командующій корпусомъ, сопутствуемый его штабомъ, двинулся къ главной батареѣ, возведенной на возвышенности надъ Бурдосаномъ. Тутъ гранаты летали, какъ градъ, падая межъ орудіями и зарядными ящиками. Здѣсь штабъ остался за пригоркомъ вплоть до самаго начала штурма.

Между тѣмъ, со стороны ахалцыхскаго отряда поведена была аттака противъ передовыхъ эполементовъ, защищавшихъ лагерь, расположенный къ с. в. отъ Геляверди, на одномъ изъ отроговъ той группы возвышенностей, къ которой принадлежитъ самъ Геляверди. Солдатики шли на штурмъ со стройностью, изумительною въ людяхъ, въ первый разъ видящихъ огонь. Молодые мало чѣмъ отличались отъ старыхъ ветерановъ: одинъ изъ совершенно молодыхъ солдатъ елисаветпольскаго полка, почти еще ребенокъ, выскочилъ передъ рядами, увидя направленныя къ нимъ ружья турецкихъ солдатъ и закричалъ: «за мной ребята, я этому турку въ ротъ пулю всажу», и всадилъ, увлекши за собою всю свою роту. По окончаніи штурма,

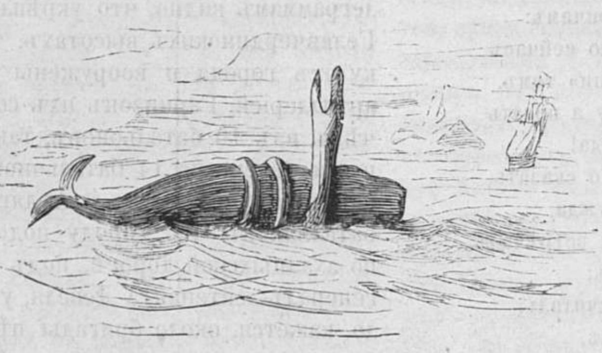


Рис. 1. **Морская змѣя.**

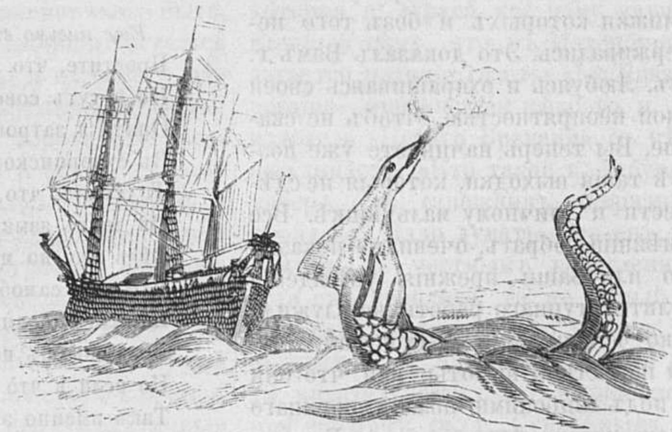


Рис. 2. **Древняя морская змѣя.**

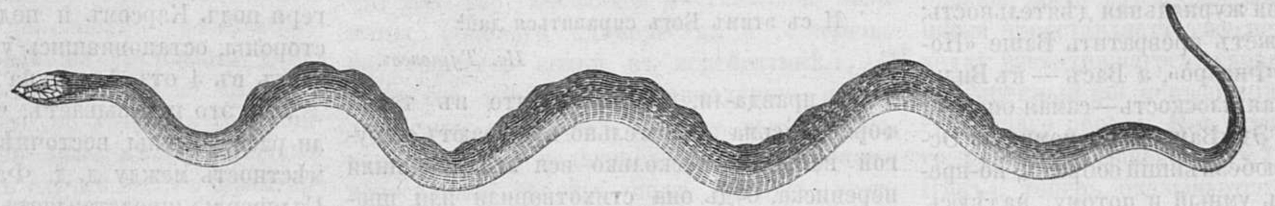


Рис. 3. **Scoliophos Atlanticus.**

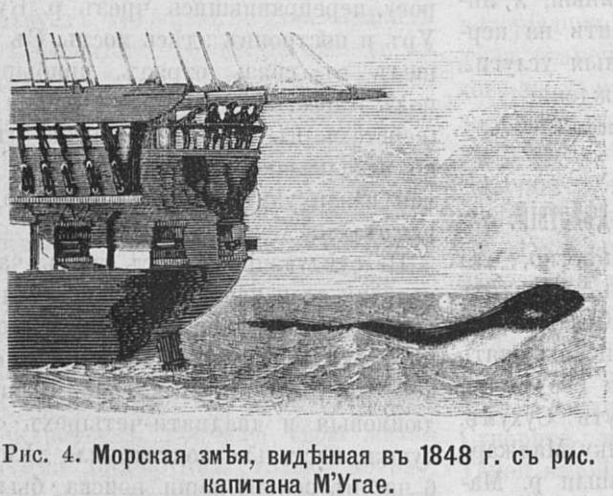


Рис. 4. **Морская змѣя, видѣнная въ 1848 г. съ рис. капитана М'Угае.**

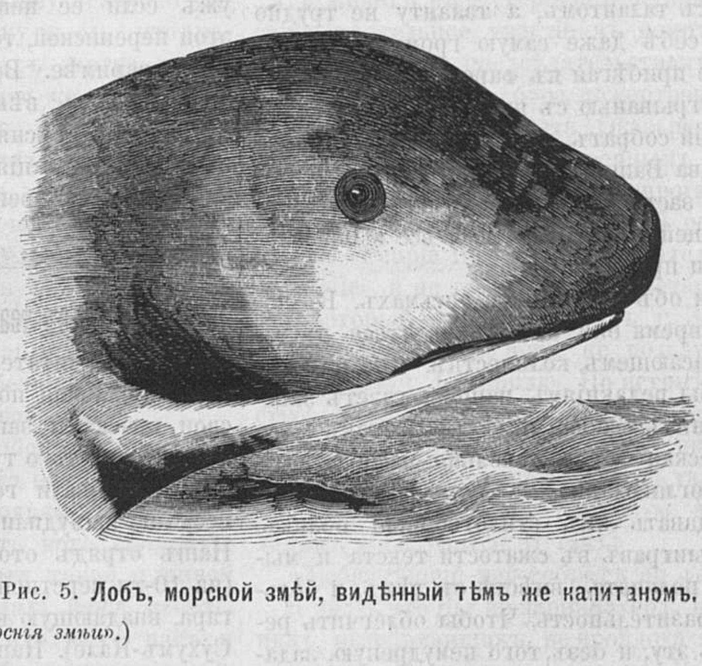


Рис. 5. **Лобъ, морской змѣй, видѣнный тѣмъ же капитаномъ.**

(Къ статьѣ: *«Морскія змѣи»*.)

этого солдатика командиръ его полка, кн. Амираджиби, привелъ къ командующему корпусомъ; М. Т. Лорисъ-Меликовъ обнялъ солдата передъ цѣлымъ полкомъ, три раза поцѣловалъ его и навѣсилъ ему на грудь, отъ имени Великаго Князя, знакъ отличія военнаго ордена (солдатскій георгіевскій крестъ). Я внимательно разсматривалъ, и очень долго, фигуры солдатъ 2-го баталіона Эриванскаго полка (кн. Путятина) въ то время, когда они собирались перейти чрезъ гребень горы и начать штурмъ. Всѣ физіономіи были оживленныя, довольныя, глаза сіяли, и въ рядахъ слышались слова: «наконецъ-то доберемся до нихъ»! Мнѣ показывали старика, знаменосца этого баталіона, 73-хъ лѣтняго ветерана, Василія Колесова, который еще въ прошломъ году ѣздилъ добровольцемъ въ Сербію и, вернувшись, вновь записался на службу. Онъ шелъ съ первымъ баталіономъ, но дряхлыя кости отказались служить, и онъ отсталъ отъ своей части. Тогда онъ упросилъ Христомъ-Богомъ командира 2-го баталіона взять его на штурмъ. И онъ шелъ впередъ, какъ могъ, еле-еле передвигая ноги, поддерживаемый кучею солдатъ, восторженно смотрѣвшихъ на него. Докторъ Я. И. Малининъ разсказывалъ мнѣ, что больные отказывались сказаться больными, чтобъ только не прозѣвать штурма. Къ нему, на перевязочный пунктъ, привезли раненаго, которому еще за четыре дня слѣдовало записаться въ госпиталь. — Отчего же ты до сихъ поръ не пришелъ въ госпиталь? спросилъ докторъ.—«Да, ваше высокоблагородіе, я этого дня давно ждалъ!» О подобныхъ фактахъ мнѣ разсказывали очень многіе изъ очевидцевъ, но всѣхъ случаевъ подобнаго молодечества перомъ не описать. Интересно также поведеніе раненыхъ: стоновъ почти не слыхать, не смотря на тяжкость ранъ.—Раненъ? —«Раненъ»!—Куда?—«Въ ногу или въ руку», и покуриваетъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Одному солдату осколокъ гранаты оторвалъ нѣсколько реберъ, обнаживъ съ лѣвой стороны грудную полость. Его перевязываютъ. — «Нѣтъ, ты лучше того лѣчи, кто легче раненъ, говоритъ тяжело раненый, а мнѣ, видно, умирать надо. Безъ костей, безъ мяса, безъ груди, какъ тутъ жить!» И ни вздоха, ни слова болѣе. Такое равнодушіе къ жизни, такое хладнокровіе передъ смертью трудно представить себѣ. Не даромъ сказано про этихъ солдатъ:

«Безъ наслажденья онъ живетъ,
Безъ сожалѣнья умираетъ!»

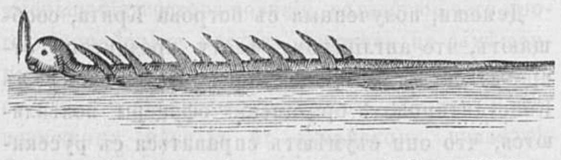


Рис. 6. **Морская змѣя, видѣнная 6 іюля 1856 г. около мыса Доброй Надежды.**

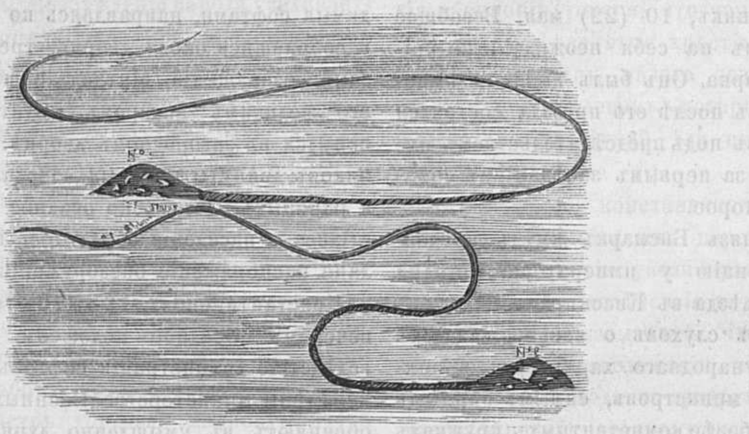


Рис. 7. **Морская змѣя, видѣнная 16 февраля 1857 г. близъ мыса Доброй Надежды.**

Понятно, что съ такими солдатами чудеса можно дѣлать!

Пока елисаветпольцы, предводимые своимъ храбрымъ командиромъ, кн. Амираджиби, брали штурмомъ одну укрѣпленную позицію за другою, съ южной стороны наши батареи «жарили» фортъ Геляверди, осыпая его мѣтчайшими выстрѣлами.

Вскорѣ послѣ этого, М. Т. Лорисъ-Меликовъ двинулся съ своимъ штабомъ въ укрѣпленіе. Войска встрѣтили его восторженно, огласяя воздухъ несмолкаемыми криками «ура» и бросая вверхъ шапки. Командующій корпусомъ поблагодарилъ ихъ за службу, сказавъ, что они «первые обрадовали Царя и матушку Россію», что вызвало трудно вообразимый энтузіазмъ. На многихъ глазахъ — какъ солдатъ, такъ и повыше — я замѣтилъ навертывавшіяся слезы. Но отъ великаго до смѣшного одинъ лишь шагъ: въ строю елисаветпольскаго полка стоялъ плѣнный турецкій низамъ, который, въ тактъ съ нашими солдатами, кричалъ «ура», блѣдный какъ полотно, и тоже, въ тактъ съ ними, подбрасывалъ свою красную феску! Фортъ Рамазанъ, безмолвно взиравшій издалека на это торжество, долженъ былъ покраснѣть за измѣну турецкаго военноплѣннаго. Но онъ, впрочемъ, и безъ того достаточно красенъ.

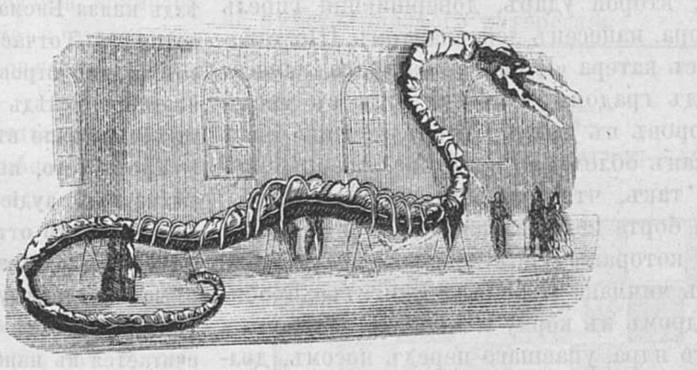


Рис. 8. **Скелетъ змѣи Hydrachos.**

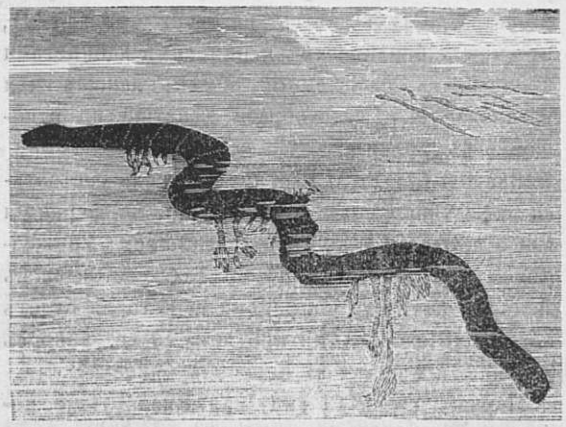


Рис. 9. **Морская змѣя Hydrophis въ Индійскомъ Океанѣ.**

(Къ статьѣ: «*Морскія змѣи*»).

Боевыя силы Румыніи. По послѣднимъ извѣстіямъ, въ Бухарестѣ опубликованъ княжескій манифестъ, возвѣщающій о принятіи княземъ Карломъ главнаго начальства надъ румынскою арміею и назначеніи начальствующихъ лицъ и офицеровъ, входящихъ въ составъ штабовъ. Въ виду этого обстоятельства, сообщаемъ со словъ «Русск. Инвал.» нѣсколько свѣдѣній объ организаціи и боевой силѣ румынскихъ войскъ.

Вооруженныя силы Румыніи состоятъ изъ постоянной арміи съ резервомъ; территоріальной арміи съ резервомъ; милиціи; національной гвардіи для городовъ и народныхъ ополченій для сельскаго населенія.

Постоянная армія заключаетъ въ себѣ:

Восемь полковъ пѣхоты и четыре стрѣлковыхъ баталіона (венатори); полки трехбаталіоннаго состава (изъ нихъ одинъ резервный), по четыре роты въ баталіонѣ; въ каждой ротѣ 120 человѣкъ въ мирное и 250 человѣкъ въ военное время.

Два кавалерійскихъ полка пяти эскадроннаго состава (изъ которыхъ одинъ запасный); въ каждомъ эскадронѣ по 100 коней въ мирмое и по 170 коней въ военное время.

Два полка полевой артиллеріи, по восьми батарей шести-орудійнаго состава въ каждомъ (въ томъ числѣ двѣ конныя батареи).

Инженерный баталіонъ въ четыре роты, изъ которыхъ каждая раздѣляется на четыре отдѣленія: піонерное, минерное, понтонное и телеграфное.

Къ постояннымъ войскамъ причисляются: санитарная рота, рота рабочихъ, эскадронъ военнаго обоза и жандармы.

Пѣхота постоянной арміи вооружена скорострѣльными ружьями системы Пибоди: каждый солдатъ имѣетъ 100 патроновъ (60 въ пантронташахъ, 40 въ ранцѣ). Снаряженіе пѣхоты весьма хорошо, а обмундированіе даже щеголевато. Нижніе чины, по очереди, носятъ: котелки для варки пищи, шанцевый инструментъ, походныя палатки. Румынская пѣхота обучена по бельгійскому уставу. Предпочитаемый строй—ротная колонна; предпочитаемый огонь—залпъ.

Кавалерія (роспіори) вооружена саблями и пистолетами, а часть ея скорострѣльными карабинами. Снаряженіе кавалеріи также весьма удовлетворительно, а обмундированіе изысканно, на венгерскій образецъ, но конскій составъ слабъ.

Артиллерія вооружена стальными и бронзовыми орудіями, заряжающимися съ казны, прусской системы. Упряжка въ четыре лошади.

Территоріальная армія состоитъ изъ восьми пѣхотныхъ полковъ (доробанцы), восьми кавалерійскихъ полковъ (калараши) и небольшого артиллерійскаго кадра. Въ мирное время содержатся лишь кадры территоріальной арміи.

Въ случаѣ войны, Румынія, по приблизительному разсчету можетъ выставить армію слѣдующаго состава и численности:

Дѣйствующихъ войскъ:

		Офиц.	Ниж. ч.
Пѣхоты.	8 полковъ 16 бат.	320	12,800

			Офиц.	Ниж. ч.
Пѣхоты,	4 стр. бат.	4 бат.	84	3,200
Кавалер.	2 полка	8 эск.	—56	1,400
Артиллер.	2 полка	16 батар.	64	1,800
Инжен.…	1 бат.	1 бат.	21	800
			545	20,000

Территоріальныхъ войскъ:

Доробанц.	8 полковъ	32 бат.	372	25,600
Каларап.	8 полковъ	32 эск.	172	6,400
			544	32,000

Всего 52 баталіона пѣхоты, 40 эскадроновъ кавалеріи, 16 батарей и проч.; численностью въ 25,000 человѣкъ.

Въ телеграммѣ Его Императорскаго Высочества главнокомандующаго дѣйствующею арміею, отъ 16-го мая, подробно разсказано какимъ образомъ лейтенанты Дубасовъ и Шестаковъ взорвали турецкій мониторъ на этихъ дняхъ:

Сегодня самъ возложилъ на лейтенантовъ Дубасова и Шестакова георгіевскіе кресты. Эти молодцы, и съ ними лейтенантъ Петровъ, мичманы Персинъ, Баль и румынскій маіоръ Муржеско шли на вѣрную смерть: только Богъ спасъ ихъ отъ гибели. Первый ударъ нанесъ лейтенантъ Дубасовъ съ катера «Цесаревичъ», который тотчасъ залило водою, второй ударъ, довершившій гибель монитора, нанесенъ лейтенантомъ Шестаковымъ съ катера «Ксенія»; оба удара нанесены подъ градомъ бомбъ и пуль съ трехъ мониторовъ въ упоръ. Катеръ «Ксенія» былъ забросанъ обломками монитора, засорившими винтъ такъ, что пришлось очищать его у самаго борта погружавшагося монитора, изъ башни котораго турки продолжали стрѣлять. Катеръ мичмана Персина «Джигитъ», пробитый ядромъ въ корму и залитый водою, отъ другого ядра, упавшаго передъ носомъ, долженъ былъ отойдти къ непріятельскому берегу, чиниться и отливаться. Катеръ мичмана Баля «Цесаревна» все время былъ въ готовности принять людей съ катера «Цесаревичъ», которому угрожало полное погруженіе. Маіоръ Муржеско и лейтенантъ Петровъ во все время были самыми дѣятельными помощниками Дубасова и Шестакова, находясь около 20 минутъ подъ огнемъ въ упоръ. Наши герои, по волѣ Всемогущаго Провидѣнія, не потеряли ни одного человѣка и съ разсвѣтомъ вернулись въ Браиловъ. По удаленіи остальныхъ турецкихъ мониторовъ, Дубасовъ, Персинъ и Баль снова на трехъ катерахъ отправились къ затонувшему монитору и сняли съ него флагъ. Матросы вели себя героями: никакой суеты, никакого разговора, какъ будто на ученьи. На всѣхъ четырехъ катерахъ было 40 человѣкъ.

Екатеринодаръ, 11-го мая, среда, вечеромъ, (эта и слѣдующія двѣ депеши получены 13-го мая, вечеромъ). Съ семи турецкихъ судовъ, бомбардировавшихъ Адлеръ, произведенъ десантъ.

Баязетъ, 11-го мая, среда, вечеромъ. Результатомъ движенія на Соукъ-Су, предпринятаго 9-го мая княземъ Амилахваровымъ, было приведеніе, безъ боя, одного племени курдовъ къ покорности; ожидается изъявленіе покорности и отъ другихъ племенъ. Изъ Каракилиса извѣщаютъ, что непріятель, значительно усилившись, намѣревается перейти въ наступленіе.

Зугдиди, 11-го мая, среда, вечеромъ. Подполковникъ Поликовскій, посланный генераломъ Кравченко на Якорскія высоты для разсѣянія скопищъ абхазцевъ, имѣлъ съ нимъ жаркое дѣло, причемъ, нанесъ абхазцамъ большой уронъ.

Телеграммы.

Константинополь, 10 (22-го) мая, вторникъ, вечеромъ. Здѣсь ходятъ нелѣпые толки о возстаніи на Кавказѣ. Христіане отказываются служить въ войскахъ, въ виду отсутствія христіанскихъ офицеровъ. Всѣ жители крайне недовольны реквизиціонными мѣрами, которыя правительство принимаетъ въ видахъ устройства обороны; неудовольствіе это до такой степени сильно, что въ Портѣ начинаютъ уже говорить о необходимости отказаться отъ реквизицій.

Турецкій министръ финансовъ снова подалъ просьбу объ отставкѣ; преемникомъ его будетъ, вѣроятно, Садыкъ-паша.

Послѣднія извѣстія изъ Австріи, какъ слышно, имѣютъ характеръ, способный ободрить Порту; венгерцы торжествуютъ.

Депеши, полученныя съ острова Крита, сообщаютъ, что англійскому флоту предписано отправиться въ Черное море. Находящіеся въ Константинополѣ британскіе офицеры похваляются, что они съумѣютъ справиться съ русскими укрѣпленіями и торпедами.

Армейскій корпусъ, съ артиллеріею, отправленъ къ греческой границѣ.

Берлинъ, вторникъ, 10 (22) мая. Всеобщее вниманіе обратилъ на себя неожиданный пріѣздъ князя Бисмарка. Онъ былъ вызванъ императоромъ. Тотчасъ послѣ его пріѣзда состоялся совѣтъ министровъ подъ предсѣдательствомъ императора; вслѣдъ за первымъ засѣданіемъ совѣта послѣдовало второе.

Кромѣ того, князь Бисмаркъ имѣлъ продолжительную аудіенцію у императора. Сегодня ожидаютъ его отъѣзда въ Киссингенъ.

Изъ различныхъ слуховъ о весьма важныхъ рѣшеніяхъ международнаго характера, принятыхъ въ совѣтѣ министровъ, самымъ вѣрнымъ считается въ наиболѣе компетентныхъ кружкахъ слѣдующій: главнымъ предметомъ совѣщанія было отношеніе Германіи къ Франціи въ виду образованія въ этой странѣ клерикальнаго министерства. Слухъ этотъ подтверждается тѣмъ, что между берлинскимъ и римскимъ кабинетами происходитъ оживленный обмѣнъ депешъ для установленія общаго образа дѣйствій по отношенію къ Франціи.

Весною будущаго года имѣетъ вновь состояться международная телеграфная конференція для обсужденія вопроса о дальнѣйшемъ пониженіи тарифа. Въ будущемъ же году состоится въ Лондонѣ почтовая конференція, которая будетъ обсуждать однородный предметъ, т. е. вопросъ о пониженіи платы за пересылку писемъ.

Парижъ, среда 11 (23) мая. Впечатлѣніе, которое произвело здѣсь извѣстіе о неожиданномъ возвращеніи князя Бисмарка въ Берлинъ, необыкновенно сильно. Статья «Kölnische Zeitung», написанная по этому поводу, вызвала паденіе бумагъ на биржѣ. Всѣ предполагаютъ, что поѣздка князя Бисмарка въ Берлинъ находится въ непосредственной связи съ французскимъ министерскимъ кризисомъ. Въ дипломатическихъ кружкахъ ходитъ слухъ, что уже имѣются въ виду измѣненія въ составѣ министерства. Въ министры прочатъ бывшаго министра юстиціи г. Депейра и г. Лаферти (?).

Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ подготовляется полное измѣненіе въ составѣ администраціи, которое коснулось уже префектовъ и будетъ распространено на супрефектовъ, мэровъ и ихъ помощниковъ, назначеніе которыхъ зависитъ отъ правительства. Министерство юстиціи дѣятельно занято перемѣнами въ судебномъ персоналѣ. Главнымъ образомъ имѣются въ виду измѣненія въ составѣ мировыхъ судей.

Константинополь, 12-до (24-го) мая, четвергъ, вечеромъ. По сообщенію «Агентства Гаваса», 2,000 софтовъ произвели сегодня демонстрацію передъ палатой депутатовъ. Президентъ палаты разрѣшилъ делегатамъ отъ собравшейся толпы войти въ залъ засѣданій. Туда явилось пятеро софтовъ, родомъ изъ Ардагана. Они стали описывать волненіе, вызванное потерею Ардагана и требовали, чтобы приняты были мѣры для предотвращенія дальнѣйшихъ несчастій. Послѣ того, какъ президентъ палаты объяснилъ, что депутаты уже исполнили въ этомъ отношеніи свои обязанности, софты удалились, Вскорѣ, вслѣдъ за тѣмъ, засѣданіе было закрыто. Президентъ палаты отправился къ великому визирю, а визирь поѣхалъ къ султану. Увѣряютъ, что министерство останется при должности.

Константинополь. 13-го (25-го мая). Вчера засѣданіе палаты было прервано манифестаціею софтовъ, пославшихъ депутацію, которая должна была потребовать объясненій о сдачѣ Ардагана. Президентъ палаты приказалъ вывести депутацію. Явившіеся мѣстныя войска разсѣяли толпу, употребивъ холодное оружіе. Много раненыхъ. Христіанское населеніе трепещетъ.

Константинополь, пятница, 13-го (25-го) мая. Вчера вспыхнула формальная революція. Тысячныя толпы магометанскаго населенія, предводимыя софтами, направляясь ко дворцу султана и собравшись около дворца, требовали съ угрозами возвращенія Митхадъ-паши и назначенія его великимъ визиремъ. Султанъ бѣжалъ и скрылся въ загородномъ дворцѣ. Противъ мятежниковъ двинуты мѣстныя войска, много убитыхъ и раненыхъ. Объявлено осадное положеніе. Христіанское населеніе обратилось въ бѣгство. Сдѣлано распоряженіе обезоруженіи всѣхъ жителей.

Константинополь, 13-го (25-го) мая, пятница, вечеромъ. Осадное положеніе введено здѣсь, вслѣдствіе демонстраціи софтовъ, требовавшихъ перемѣны министерства. Военныхъ начальниковъ обвиняютъ въ умышленно дурномъ расположеніи войскъ, съ цѣлью ускорить пораженіе турецкой арміи и тѣмъ достигнуть заключенія мира и возстановленія абсолютизма.

Христіане отказываются служить въ арміи, ссылаясь на то, что правительство, систематически устраняя ихъ, въ теченіе вѣковъ, отъ военной службы, сдѣлало ихъ неспособными къ ней. Греки заявляютъ, что съ своими единовѣрцами они не могутъ и не хотятъ сражаться. Порта настаиваетъ, однако, на своемъ постановленіи, относительно привлеченія христіанъ въ армію, подвергая отказывающихся отъ исполненія этого приказанія штрафу, въ размѣрѣ отъ 30 до 50 лиръ. Такъ какъ христіане уплачивать штрафа не могутъ, то вскорѣ, вѣроятно, произойдетъ столкновеніе.

Письмомъ изъ Эрзерума сообщаютъ объ ужасномъ положеніи турецкой арміи. Въ Карсѣ ощущается недостатокъ провіанта, и появился тифъ, повсюду лежатъ во множествѣ заболѣвшіе солдаты; врачебныхъ пособій нѣтъ рѣшительно никакихъ. Черкесы, бродя многочисленными бандами, подвергаютъ жителей страшнымъ истязаніямъ; жалобы и ропотъ всеобщіе, какъ среди христіанъ, такъ и въ мусульманскомъ населеніи.

Неудовольствіе Порты противъ принца Рейса усиливается. Германскій посолъ, сдѣлавъ первые необходимые визиты, живетъ и принимаетъ во дворцѣ русскаго посольства въ Буюкдере. Именемъ своего правительства, онъ потребовалъ, чтобъ германскіе подданные, за исключеніемъ врачей, не были принимаемы на турецкую службу.

Въ газетѣ «Levant Herald» напечатано письмо, въ которомъ говорится, что 62 болгарина находятся въ тюремномъ заключеніи, не смотря на четвертое уже объявленіе амнистіи. Турецкіе разбойники освобождены, а болгары оставлены въ тюрьмѣ.

Изъ Лондона еженедѣльно присылается сюда матеріалъ для госпиталей и теплая одежда для солдатъ. Газета «Times» уволила своего прежняго корреспондента въ Перѣ, вслѣдствіе его туркофильскихъ воззрѣній.

На Дунаѣ, говорятъ, идутъ безпрерывные дожди.

Не смотря на увѣренія персидскаго посланника, Моксинъ-хана, сосредоточеніе персидскихъ войскъ на турецкой границѣ возбуждаетъ въ Портѣ новыя опасенія.

Вѣна, 13-го (25-го) мая, пятница, вечеромъ. Газетѣ «Politische Correspondenz» сообщаютъ по телеграфу, относительно демонстраціи софтовъ, что депутаты послѣднихъ требовали отъ палаты смѣщенія Махмуда-Дамата и Редифа-паши, которымъ они приписываютъ отвѣтственность за ардаганскую катастрофу; сверхъ того, они настаивали на замѣщеніи Мухтара-паши и возвращеніи Митхада. Президентъ палаты, успокоивъ софтовъ обѣщаніемъ немедленно увѣдомить о случившемся султана, закрылъ засѣданіе и тотчасъ-же отправился къ великому визирю, съ которымъ поѣхалъ къ султану. Результатомъ этого эпизода было объявленіе осаднаго положенія и оставленіе пашей Дамата и Редифа въ ихъ должностяхъ. Возбужденіе народа усиливается, и революціонное возстаніе представляется возможнымъ.—Ардаганъ былъ обороняемъ 12-ю батальонами, при 92-хъ орудіяхъ.

Той-же газетѣ пишутъ изъ Бѣлграда, что турецкія войска занимаютъ много пунктовъ на тимокской границѣ. Турецкія власти прекратили движеніе черезъ сербскую границу; Сербія-же до настоящей минуты не отправила на границу ни одного солдата.

Парижъ, 13-го (25-го мая, пятница, вечеромъ. Сегодня маршалъ Макъ-Магонъ посѣтилъ мѣсто производства работъ по устройству всемірной выставки. Министръ торговли написалъ вчера главному коммисару выставки, Кранцу, предупреждая его о посѣщеніи президента республики, которое, по его словамъ, стало необходимымъ для того, чтобъ обезпечить великіе интересы труда и цѣнностей противъ интригъ людей, вредящихъ дѣлу выставки, ради политическихъ страстей.

Константинополь, 16 (28 мая, понедѣльникъ, вечеромъ. Въ четвергъ парламентъ выразилъ министерству недовѣріе, потребовавъ допущенія въ совѣтъ министровъ Риги, Нудира и нѣкоторыхъ другихъ. Въ этотъ самый моментъ прибыла депутація отъ софтовъ, собравшихся на Софійской площади, въчислѣ 2,000 человѣкъ. Одинъ изъ нихъ, уроженецъ Ардагана, произнесъ длинную рѣчь, въ которой, обвиняя правительство въ неспособности, предлагалъ потребовать отъ султана немедленной отставки Махмуда-Дамата-паши и Редифа-паши. Присутствовавшіе въ палатѣ министры скрылись при самомъ началѣ этой демонстраціи. Ахметъ-Вефикъ-паша отвѣчалъ, что общественными дѣлами должны завѣдывать народные представители, а не софты, которыхъ онъ порицалъ за противозаконное и опасное вмѣшательство. По приглашенію софтовъ, Ахметъ-Вефикъ-паша отправился къ толпѣ, чтобъ разъяснить ей дѣло; при этомъ софты кричали: «Долой министерство!» Ахметъ-Вефикъ-паша успокоивалъ ихъ, обѣщая немедленно уладить дѣло. Толпа, недовольная его объясненіями, разсѣялась по Стамбулу, съ криками: «Долой палату! Долой султана!»

Абдулъ-Гамидъ боленъ; онъ подверженъ частымъ обморокамъ, рвотѣ, кровотеченію; скорая кончина его считается вѣроятною. Стамбульское населеніе выражаетъ желаніе, чтобы султану наслѣдовалъ его братъ. По слухамъ, отставка Редифа-паши принята.

Прибывшій сегодня тунисскій бей заявилъ, что онъ не можетъ прислать обѣщанныхъ имъ войскъ и денегъ, а можетъ только дозволить своимъ подданнымъ отправляться въ Турцію волонтерами; при этомъ онъ указалъ на всеобщее неудовольствіе противъ султана. Хотя аудіенція дана была бею тотчасъ же, однако, отношенія между нимъ и султаномъ очень холодны.

Г. Лэйярдъ также недоволенъ. Онъ сообщилъ лорду Дерби отчетъ о засѣданіи палаты, на которомъ онъ присутствовалъ. Столкновеніе въ палатѣ было ужасное; христіанскіе и мусульманскіе депутаты осыпали другъ друга оскорбленіями и угрозами.

Въ день Вознесенія черкесы произвели нападеніе на грековъ, совершавшихъ молитву у освященнаго источника, страшно избили ихъ, истязали дѣтей и увели двухъ женщинъ. Въ Перѣ это возбудило общій ужасъ, особенно въ виду уменьшенія состава полиціи, вслѣдствіе чего много полицейскихъ постовъ остались не замѣщенными, а въ предмѣстьяхъ совершенно не имѣется полиціи. Черкасы совершаютъ убійства и всевозможныя насилія въ дунайскомъ вилайэтѣ. Одинъ изъ депутатовъ, у котораго совершена кража скота на 50,000, обратился съ жалобою въ парламентъ. Правительство отвергаетъ всякія обвиненія, говоря, что черкесы суть ни кто иные, какъ переодѣтые христіане. Обратившись лично къ султану, палата назначила коммисію изъ четырехъ членовъ, которые и отправлены немедленно на Дунай для производства слѣдствія.

Въ настроеніи константинопольскаго населенія произошла большая перемѣна: сочувствіе грековъ къ Россіи увеличивается съ каждымъ днемъ, въ виду бездѣйствія ихъ соотечественниковъ. Турки высказываютъ, что русскіе достойны большаго расположенія, чѣмъ ненавистное правительство. Недавно эрзерумскій губернаторъ телеграфировалъ великому визирю, что русскіе парализуютъ патріотизмъ мусульманъ, обходясь съ ними хорошо и платя за все, что берутъ у нихъ.

Въ Константинополѣ образовалось общество для оказанія помощи кавказскимъ инсургентамъ.

* * *

Наши гравюры.

Михайловскій дворецъ.

Михайловскій дворецъ находится въ самомъ центрѣ Петербурга, рядомъ съ Михайловскимъ театромъ, въ двухъ шагахъ отъ Невскаго проспекта, противъ Михайловской улицы, которая упирается въ Гостиный дворъ: самая многолюдная и бойкая часть города. Михайловскій дворецъ главнымъ фасадомъ выходитъ на Михайловскую площадь. Постройка его начата Александромъ I для великаго князя Михаила Павловича и окончена въ 1825 году. На его мѣстѣ находились прежде оранжереи и огороды. Отъ самаго строенія дворца расходятся въ стороны два флигеля. Убранство комнатъ изящное; многія стѣны облицованы драгоцѣннымъ мраморомъ, а потолки и карнизы заполнены живописью и лѣпными работами. Нынѣ составляетъ собственность Великой Княгини Екатерины Михаиловны. При дворцѣ разведенъ роскошный садъ, обнесенный чугунною рѣшеткою. Этотъ прекрасный, тѣнистый садъ, изобилующій большими деревьями, принадлежитъ къ самымъ стариннымъ садамъ въ Петербургѣ: онъ современенъ Петру I; но устроенъ былъ впервые и снабженъ замѣчательными въ то время оранжереями при Елизаветѣ Петровнѣ. Впослѣдствіи, при Павлѣ, онъ отошелъ къ зданію Михайловскаго замка; но со временъ императора Александра I, съ постройкой новаго Михайловскаго дворца составляетъ принадлежность послѣдняго. Отъ него отошла значительная часть для продолженія Большой Садовой улицы.

Почтовый ящикъ.

Г. Череповецъ (село Козьмодемьянское), г-ну В. Л. Л—ву. — Ваши сочиненія не могутъ быть напечатаны въ «Живописномъ Обозрѣніи». Справедливо замѣчаете Вы, что Васъ невозможно считать писателемъ классическимъ. Вы весьма небрежно относитесь къ формѣ, чему легко отыскать доказательства въ Вашихъ сочиненіяхъ. Возьмемъ для примѣра хоть первыя двѣ строчки Вашего стихотворенія: «Разговоръ»:

Полно, глупая, выть—надрываться,
Даромъ горькія слезы *ронить*....

Слова *ронить* въ русскомъ языкѣ нѣтъ, а есть *ронять*, но Вамъ нужно было исказить это слово для риѳмы: *любить*. Подобныя вольности въ поэзіи не допускаются. Вообще Ваши стихотворенія съ большою выгодою могли бы быть написаны прозою; они не только бы не потеряли отъ такой перемѣны въ формѣ, но положительно бы выиграли. Сдѣлайте опытъ такого переложенія съ любымъ изъ Вашихъ стихотвореній и Вы убѣдитесь въ справедливости нашего замѣчанія; для примѣра возьмемъ, напр. Ваше послѣднее стихотвореніе.

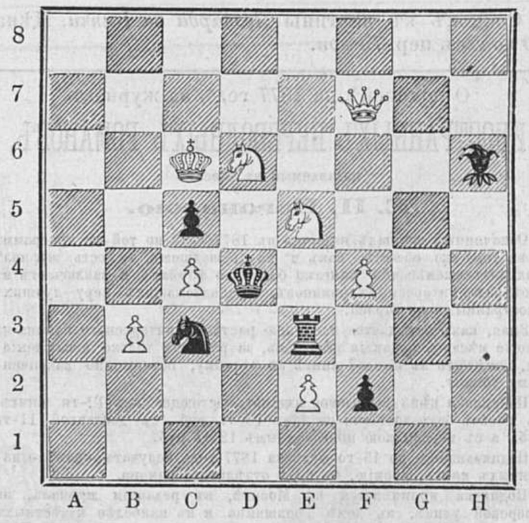
Вашъ разсказъ написанъ весьма не талантливо, а замѣтка о крашенныхъ лыжахъ не имѣетъ никакого интереса.

Шахматы.

Задача XX.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

Черные.



Бѣлые.

Рѣшеніе XIX задачи, помѣщенной въ № 20.

Бѣлые.	*Черные.*
1) A4—C2	1) A3—C2 берутъ (a)
2) E2—E4 берутъ †	2) D5—E4 берутъ
3) B4—B5 † и матъ	

(a) 1) A5- -B4 берутъ
2) E4—F3 берутъ

2) E2—T3
3) D2—D4 † и матъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи. Разсказъ бухарца (продолж.). — Черная Индія (продолж.). — Морскія змѣи. — Россія. Соч. Д. М'Кензи Уаллэса. — Мимолетные наброски. — Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій. — Телеграммы. — Наши гравюры. — Почтовый ящикъ. — Шахматы — Объявленія.

Гравюры: Михайловскій Дворецъ. — Приготовленіе турецк. судовъ для навед. моста черезъ Дунай между Виддиномъ и Калафатомъ. — Турецкій редутъ близъ Рущука противъ Журжева. — Морская змѣя. — Древняя морская змѣя. — Scoliophos Atlanticus. — Морская змѣя, видѣнная въ 1848 г. съ рис. капитана М'Угае. — Лобъ, морской змѣй, видѣн. тѣмъ же капитаномъ. — Морская змѣя, видѣн. 6 іюля 1856 г. около мыса Доброй Надежды. — Морская змѣя, видѣн. 16 февр 1857 г. близъ мыса Доброй Надежды. — Скелетъ змѣи Hydrachos. — Морская змѣя Hydrohis въ Индійскомъ Океанѣ. (Къ статьѣ: «Морскія змѣи»)

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Объявленія.

ОТЪ КОНТОРЫ ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ.

За перемѣну адреса редакція проситъ гг. подписчиковъ высылать:

1) За перемѣну петербургск. на иногородн. 85 к.
2) » » иногородн. на петербургск. 50 »
3) » » иногороднаго на иногородн. 25 »

Въ конторѣ редакціи **„Живописнаго Обозрѣнія“** а также въ музыкальныхъ магазинахъ В. Бесселя и К⁰ и М. Бернарда, находятся въ продажѣ **ноты:**

МАРШЪ
РУССКИХЪ ДОБРОВОЛЬЦЕВЪ.

Сочиненіе **ФЛОРІАНА ГЕРМАНА.** (8 страницъ). Цѣна **1** руб. съ пересылкою **1** р. **50** коп.

Въ конторѣ редакціи *«Живописнаго Обозрѣнія»*, а также въ книжномъ магазинѣ М. П. Попова, (Невскій пр. въ зданіи Пассажа), и у всѣхъ книгопродавцевъ Спб. и Москвы поступила въ продажу книга:

„ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО“

Томъ I. Изданіе редакціи журнала «Живописнаго Обозрѣнія». Цѣна **3** р. **50** к., съ пересылкою **4** р.

Гг. подписчики «Живописнаго Обозрѣнія» 1877 г. получаютъ эту книгу съ пересылкой за 3 р. 50 к.

Книгопродавцы пользуются обычною уступкой.

Въ конторѣ редакціи «ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ» находится въ продажѣ **большая гравюра.**

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ.

Снимокъ къ картины *Леонарда да Винчи.* Цѣна *50 коп.* съ пер. *75 коп.*

О подпискѣ на 1877 годъ на журналъ

ИНОСТРАННЫХЪ ПЕРЕВОДНЫХЪ РОМАНОВЪ,

издаваемый въ Москвѣ

Е. П. Вороновою.

Означенный журналъ издается въ 1877 году по той-же программѣ и въ томъ-же объемѣ, какъ и въ прошедшемъ, то есть: журналъ выходитъ ежемѣсячно книгами большаго формата и заключаетъ въ себѣ рядъ интересныхъ романовъ, принадлежащихъ перу лучшихъ иностранныхъ писателей.

Зная, какъ осуждается публикою растяжка интереснаго романа на многіе мѣсяцы, редакція рѣшилась, за рѣдкими только исключеніями, помѣщать въ каждой книгѣ по полному, совершенно законченному роману.

Подписная цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 12-ти книгъ. въ Москвѣ безъ доставки на домъ 10-ть руб., съ доставкой 11-ть руб., а съ пересылкою иногороднымъ 12 ть руб.

Подписавшіеся до 15-го февраля 1877 года получатъ, кромѣ означенныхъ книгъ, премію, въ видѣ отдѣльнаго романа.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ редакціи журнала, на Тверской улицѣ, въ домѣ Голяшкина и въ наиболѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Исакова.

Гг. иногородныхъ просятъ адресовать свои требованія на имя Редактора-издательницы, Елизаветы Петровны Вороновой.

Для чиновниковъ, служащихъ въ Москвѣ, допускается разсрочка черезъ гг. казначеевъ.

Въ первыхъ книгахъ журнала будутъ напечатаны слѣдующіе интересные романы: *Сынъ Роберта Дьявола, По слѣдамъ преступленія, Забытый уголокъ, Страшная тайна, Король Корсики.*

Впрочемъ, редакція оставляетъ за собой право замѣнить эти романы другими, если встрѣтятся болѣе интересные.

Редакторъ-издательница Е. Воронова.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА САМОЕ ДЕШЕВОЕ ИЗЪ ВСѢХЪ ЕЖЕДНЕВНЫХЪ, ПОЛИТИЧЕСКИХЪ И ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ИЗДАНІЙ ГАЗЕТУ

„НОВОСТИ“

на 1877 годъ.

Въ С.-Петербургѣ, Больш. Садовая д. № 47.
» Кронштадтѣ, въ отдѣлен. газ. «Новости».
» Москвѣ, въ московскомъ отдѣленіи газеты «Новости, на углу Дмитріевки и Охотнаго ряда, д. Благороднаго Собранія, въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Живарева.

Въ Казани, въ отдѣленіи конторы газеты «Новости» при книжномъ и музыкальномъ магазинѣ «Восточная Лира».

Цѣна на 8 мѣсяцевъ съ 1 мая по 1 января 1878 года для иногороднихъ 7 рубл., для городскихъ подписчиковъ съ доставкою 6 руб.; на 1 годъ 9 руб.; на другіе сроки по 1 руб. за каждый мѣсяцъ.

По богатству, разнообразію и свѣжести извѣстій какъ политическихъ и внутреннихъ, вообще, такъ и съ театра войны, въ особенности, газета «Новости» нисколько не отличается отъ наиболѣе распространенныхъ ежедневныхъ изданій.

Во все время войны въ газетѣ «Новости» будутъ печататься спеціальныя корреспонденціи и телеграммы съ Дуная, Кавказа и Персидской границы, изъ славянскихъ земель и Константинополя.

Кромѣ того, въ газетѣ «Новости» постоянно печатаются всѣ телеграммы «Международнаго Тел. Агент.» и »Agence génér. russe».

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ ГАЗЕТЫ

НАШЪ ВѢКЪ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ «НАШЪ ВѢКЪ» съ 1 АПРѢЛЯ.

Желающіе получать газету платятъ:

Въ Петербургѣ безъ доставки.

На 9 м.	На 8 м.	На 7 м.	На 6 м.
9 р. 50 к.	8 р. 50 к.	7 р. 50 к.	7 р. — к.

На 5 м.	На 4 м.	На 3 м.	На 2 м.	На 1 м.
6 р. — к.	5 р. — к.	3 р. 75 к.	2 р. 50 к.	1 р. 25 к.

Въ Петерб. съ дост. и съ перес. во всѣ мѣст. имперіи.

На 9 м.	На 8 м.	На 7 м.	На 6 м.
12 р. — к.	11 р. — к.	10 р. — к.	8 р. 50 к.

На 5 м.	На 4 м.	На 3 м.	На 2 м.	На 1 м.
7 р. 50 к.	6 р. — к.	4 р. 50 к.	3 р. — к.	1 р. 50 к.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, Большая Конюшенная, д. № 17. кв. № 2, и въ главныхъ книжныхъ магазинахъ. Контора редакціи для пріема подписки и объявленій открыта ежедневно. Принимаются казенныя и частныя объявленія всякаго рода, на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Плата за объявленія, печатаемыя петитомъ по 8 к. за строчку на послѣдней страницѣ и 15 впереди текста.

Въ Парижѣ подписка на газету и объявленія принимается у M. Adam, 2 Carrefour de la croix rouge.

Контора проситъ высылать требованія заблаговременно, чтобы можно было озаботиться своевременной разсылкой газеты.

При возобновленіи подписки, равно и при перемѣнѣ адреса, просятъ обращаться исключительно въ главную контору (Большая Конюшенная д. № 17, кв. № 2) съ приложеніемъ прежней бандероли.

„ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНІЕ“

Педагогическій листокъ для родителей, наставницъ и наставниковъ.

Задача журнала—содѣйствовать выработкѣ правильныхъ взглядовъ на женское образованіе и правильныхъ пріемовъ воспитанія и обученія дома и въ школѣ.

Листокъ выходитъ ежемѣсячно (кромѣ іюня и іюля) книжками въ три—четыре печатныхъ листа. Сверхъ 10 №№ «Листка» два раза въ годъ выдаются приложенія (Сборникъ статей для учащихся). Сюда войдутъ біографіи, историческіе, этнографическіе очерки и проч. Всего съ приложеніями журналъ будетъ содержать въ себѣ около 50 печатныхъ листовъ.

Въ вышедшихъ 3-хъ №№ помѣщены слѣдующія статьи: 1) Больше Свѣта! **В. Острогорскаго.** — 2) Матеріалы для исторіи взглядовъ на женское образованіе (I. Фенелонъ. II. Ж. Ж. Руссо) **Б. Павловича.** — 3) Про дѣтей и за дѣтей (двѣ статьи) **Е. Свѣшниковой,** — 4) О вліяніи чувства на мышленіе **П. Каптерева.** — 5) Женскіе врачебные курсы въ Петербургѣ. — 6) Воспитательскія наблюденія.—7) Воспитаніе какъ наука, этюдъ Бэна. — 8) Свѣдѣнія о женскомъ образованіи въ Финляндіи. **В. Ассонова.** Кромѣ этого, статьи и замѣтки въ отдѣлахъ: a) изъ иностранной литературы, b) хроника, c) библіографія.

Подписная цѣна за годъ—2 р. 50 к., съ доставкой 3 р., съ пересылкой 3 р. 50 к.

Подписка принимается въ главн. конторѣ редакціи (Спб. Васильевскій островъ, 9 лин., д. № 6, въ женской гимназіи) и въ кн. магазинѣ Колесова и Михина (Гостинный дворъ, № 22) и у др.

Редакторъ-издатель В. Сиповскій.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ ВИЛЬНѢ

съ марта мѣсяца сего 1877 года

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАГО НАРОДНАГО ЖУРНАЛА

„СЕЛЬСКОЕ ЧТЕНІЕ“.

Множество народныхъ школъ и разнаго рода другихъ училищъ, основанныхъ въ послѣднее десятилѣтіе, и, въ особенности, чрезвычайный приливъ въ нихъ учащихся, свидѣтельствуютъ о быстромъ развитіи образованія во всѣхъ слояхъ населенія нашего отечества. Это весьма отрадное явленіе, обѣщающее самыя плодотворныя послѣдствія въ умственномъ, нравственномъ и бытовомъ отношеніяхъ, даетъ основаніе предполагать, что теперь въ массѣ населенія уже существуютъ: потребность къ серьёзному чтенію, стремленіе усвоивать себѣ дальнѣйшія знанія, сдѣлавшіяся доступными благодаря подготовкѣ полученной въ школѣ, желаніе прилагать эти знанія къ практической дѣятельности и, наконецъ, потребность жить болѣе сознательнымъ образомъ, въ качествѣ члена своего общества и отечества. Чтобы удовлетворить этимъ потребностямъ, существующимъ во всѣхъ странахъ, достигшихъ нѣкоторой степени образованности, мы предприняли изданіе еженедѣльнаго народнаго журнала «Сельское Чтеніе» по программѣ, утвержденной Г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ.

Мы приложимъ всѣ старанія, чтобы изданіе наше удовлетворяло, по возможности, всѣмъ справедливымъ требованіямъ и, по содержанію своему, могло принести наибольшую пользу, въ особенности тѣмъ сельскимъ жителямъ, которые не получаютъ другихъ изданій, изъ коихъ они могли бы извлекать необходимыя свѣдѣнія, относящіяся къ области сельскаго хозяйства и соединенныхъ съ нимъ отраслей знанія и техники, или о мѣропріятіяхъ правительства, жизни нашего отечества и другихъ государствъ. Задача наша трудна и успѣшное исполненіе ея зависитъ отъ степени сочувствія, какое мы встрѣтимъ въ населеніи; съ своей стороны мы можемъ увѣрить въ искреннемъ желаніи нашемъ принести своей странѣ пользу и можемъ поручиться, съ полнымъ убѣжденіемъ, за то, что твердо сохранимъ основы, какія считаемъ долгомъ принять для нашего изданія: любовь къ Богу, Царю и отечеству, уваженіе къ власти, собственности и семейству.

„Сельское Чтеніе“ будетъ выходить каждую недѣлю, въ объемѣ отъ одного до двухъ листовъ двойной величины. Въ теченіе года выйдетъ 50 нумеровъ, которые составятъ большой томъ отъ 1000 до 1500 страницъ въ двѣ колонны.

Подписка на „Сельское Чтеніе“, принимается:

у Редактора-издателя Сергѣя Андреевича Поля, въ Вильнѣ, и во всѣхъ главныхъ книжныхъ магазинахъ столичныхъ и другихъ городовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	На полгода:	На 3 мѣс.
Безъ доставки	3 руб.	1 р. 50 к.	— 75 к.
Съ перес.....	4 »	2 » — »	1 р. — »

Отдѣльные нумера «Сельскаго Чтенія» продаются въ редакціи по 10 коп. и высылаются по почтѣ, если при требованіи приложены почтовыя марки на 16 коп.

Объявленія для напечатанія въ «Сельскомъ Чтеніи» принимаются съ платою по пяти коп. за строчку корпуса или занимаемое ею мѣсто.

Редакція «Сельскаго Чтенія» помѣщается въ Вильнѣ, на углу Погулянки и Завальной улицы, въ домѣ г-жи Поплавской.

Иногородные подписчики благоволятъ надписывать свои письма просто: **въ Вильну, въ редакцію „Сельскаго Чтенія“.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 14 Мая 1877 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

Живописное Обозрѣніе

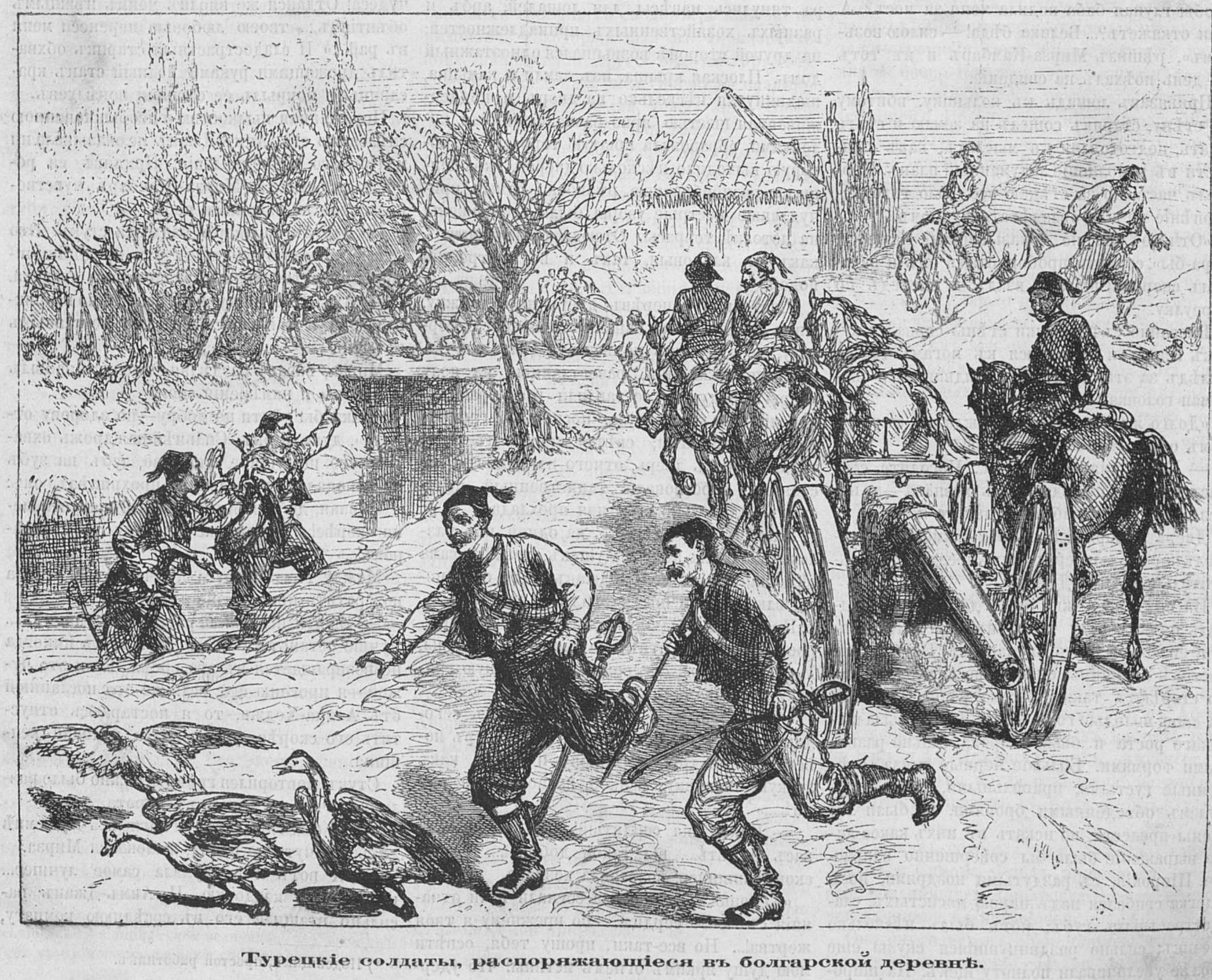
№ 22. Томъ I. На годъ съ доставкою и пересылкою 7 руб.; на полгода 4 р. 50 к. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 29 Мая 1877 года. *Адрессъ конторы редакціи:* С.-П.-бургъ, Троицкій переулокъ, домъ № $27/_1$. Годъ V.

Подписка на „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ 1877 г. продолжается.

Въ 1877 году журналъ выходитъ **еженедѣльными** нумерами (въ годъ 52 №№), иллюстрированными множествомъ художественныхъ гравюръ. Всѣ подписчики получаютъ, въ **видѣ премій**, ежемѣсячное приложеніе подъ заглавіемъ «Жизнь и Хозяйство», со множествомъ рисунковъ. Годовымъ подписчикамъ разсылаются слѣдующія преміи: большая гравюра: **продажа амулетовъ**, снимокъ съ картины проф. **Генриха Семирадскаго**, на толстой веленевой бумагѣ, длиною одинъ аршинъ, шириною $12^1/_2$ вершковъ, и **Карта театра военныхъ дѣйствій, Европейской и Азіятской Турціи.**

Годовая подписная цѣна журнала съ достав. и перес. 7 руб., безъ перес. и доставки 6 руб. На полгода: съ 1-го іюля съ пересылкою 4 р. 50 коп., безъ перес. 3 руб.

Подписка продолжается. Новые подписчики получаютъ журналъ съ перваго нумера.



Турецкіе солдаты, распоряжающіеся въ болгарской деревнѣ.

ОТЪ КОНТОРЫ „ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ“. За перемѣну адреса редакція проситъ гг. подписчиковъ высылать:

1) За перемѣну петербургскаго на иногородный	85 коп.
2) » » иногороднаго на петербургскій	50 »
3) » » иногороднаго на иногородный	25 »

Разсказъ бухарца.

(Н. П. Стремоухова.)

(*Продолженіе.*)

Глава III.

Зачастилъ нашъ Мирза поѣздки свои въ Калабаткое махалэ; ни одинъ день не проходилъ безъ того, чтобы старикъ не побывалъ у очаровательной Аимъ-Джанъ. Его уже тамъ не боялись,—къ нему привыкли; но вольностей никакихъ не допускали, хотя подарки и принимались съ великою радостью. Безъ сомнѣнія, Мирзѣ было пріятно проводить ежедневно нѣсколько часовъ около хорошенькой женщины, любоваться ею и напѣвать весьма прянаго свойства любезности; но его крайне смущало то обстоятельство, что время проходило, карманъ пустѣлъ, а хитрая супруга Алича-Ходжи не выдала своихъ чувствъ ни словомъ, ни взглядомъ, только посмѣивалась себѣ и соблюдала упорное молчаніе, которое, впрочемъ, нарушалось односложными и малопонятными междометіями. Такая холодность еще больше раздражала старика.

«Рѣшительно не въ силахъ долѣе выносить этого!... Непремѣнно потребую яснаго отвѣта: кого предпочитаетъ — меня или мужа?.. Если же согласится,—покончу свои дѣла и увезу съ собою въ Ташкентъ мою обворожительную милашку... Гдѣ же это видано, чтобы глупая баба водила меня за носъ? А если откажетъ?... Велика бѣда! — силою возьмемъ», рѣшилъ Мирза-Камбаръ и въ тотъ же день поѣхалъ на свиданіе.

Привязавъ лошадь къ колышку, вбитому въ стѣну, старикъ сошелъ на землю и сталъ ждать, подготовляя въ мысляхъ, какъ привести въ исполненіе задуманный планъ. Прошелъ часъ, но за стѣною все было тихо; нетерпѣніе начало овладѣвать купцомъ.

«Отчего она не показывается? Кажется, пора-бы», сердито пробормоталъ онъ и заходилъ скорыми шагами взадъ и впередъ по переулку.

Внезапно съ верхушки стѣны сорвался кусокъ глины и покатился къ ногамъ героя. Вслѣдъ за этимъ, на стѣнѣ выдвинулась знакомая головка.

«Долго же заставила себя ждать!» съ упрекомъ обратился къ ней Мирза.

— Была занята; не могла... Погодите, сейчасъ отворю, оправдывалась хозяйка—и исчезла съ своего наблюдательнаго поста.

Дверь отворилась, Мирза-Камбаръ перешелъ порогъ — и передъ нимъ предстала обольстительная Аимъ-Джанъ.

На видъ ей можно было дать лѣтъ двадцать пять, между тѣмъ, въ дѣйствительности, ей было всего пятнадцать. Вообще, на востокѣ женщины очень рано складываются, но старѣютъ также весьма рано. Несмотря на свои молодые года, Аимъ-Джанъ была высокаго роста и была одарена сильно развитыми формами. Большіе черные глаза, осѣненные густыми, правильными, точно циркулемъ обведенными бровями, не были лишены прелести; но искать въ нихъ какое-либо выраженіе было бы совершенно напрасно. Широкій, съ раздутыми ноздрями, носъ слегка сгибался надъ парою мясистыхъ, сладострастныхъ губъ; ротъ былъ нѣсколько великъ; сильно раздвинувшіяся скулы еще болѣе увеличивали полноту щекъ. На широкій, плоскій лобъ и виски спускались густыя пряди черныхъ, какъ вороново крыло, волосъ, заплетенныхъ назади въ длинныя косы. Все, вмѣстѣ взятое, было бы не дурно, еслибы косметики въ большомъ количествѣ не покрывали щекъ, глазъ и даже ногтей на рукахъ, что придавало ей видъ дурно-раскрашенной восковой куклы. Костюмъ ея былъ незатѣйливъ: почти до пола спускался красный, съ крупными желтыми цвѣтами, халатъ, небрежно накинутый сверхъ длинной кисейной рубашки; на босу-ногу надѣты были толстыя, неуклюжія каушп, а на головѣ красовался небольшой шелковый платокъ, свернутый на подобіе того, какъ это дѣлаютъ наши деревенскія дѣвушки.

Насколько непривѣтливо и даже мрачно выглядѣла наружная стѣна, слѣпленная изъ глиняныхъ, круглыхъ комковъ, настолько же, внутри, жилище Алича-Ходжи казалось уютнымъ и даже нелишеннымъ нѣкотораго изящества. Напротивъ двери, въ которую былъ впущенъ Мирза, стояли массивные ворота, выходившіе на другую улицу; налѣво — низенькая глиняная стѣнка, съ маленькою калиткою посрединѣ, отдѣляла тѣнистый садъ отъ обширнаго двора. Послѣдній занималъ правильный четырехъ-угольникъ и былъ отлично утрамбованъ; вдоль и поперегъ, его пересѣкали узенькіе арыки, окаймленные стройными деревьями. По одну сторону двора тянулись навѣсы для лошадей, арбъ и разныхъ хозяйственныхъ принадлежностей; на другой сторонѣ возвышался одноэтажный домъ. Плоская крыша, изъ земли и камыша, выдвинутая нѣсколько на дворъ и поддерживаемая шестью ярко-размалеванными колонками, образовала крытую террасу, на которую выходило нѣсколько дверей, украшенныхъ разнообразною рѣзьбою; самые причудливые пестрые узоры были изображены на потолкѣ террасы. Отсюда былъ доступъ какъ въ кладовыя, такъ и во внутренніе покои.

Тщательно заперѣвъ дверь на задвижку, Аимъ-Джанъ ввела нашего героя, черезъ террасу, въ одну изъ комнатъ. Вдѣланные въ стѣнахъ шкапчики, разостланные на полу ковры и подушки составляли все убранство небольшого квадратика, носившаго громкое названіе комнаты; свѣтъ проникалъ туда только черезъ дверь, отчего въ комнатѣ постоянно царствовали таинственный полусвѣтъ и довольно пріятная прохлада.

Указавъ Мирзѣ мѣсто на одной изъ разложенныхъ на полу подушекъ, хозяйка сама сѣла напротивъ его, поджавъ подъ себя ноги; влюбленный послѣдовалъ ея примѣру.

Произнеся обычное привѣтствіе, на которое красавица отвѣтила кивкомъ головы, Мирза-Камбаръ состроилъ недовольную гримасу и заговорилъ первый:

«Долгонько мнѣ пришлось ожидать сегодня.... Я началъ уже думать, что вѣтеръ повернулъ въ другую сторону и унесъ, какъ легкую пылинку, всякое воспоминаніе обо мнѣ....»

— Какой вы сердитый!... Я всегда рада васъ видѣть.... вы такой добрый.... слегка сконфузившись, возразила хозяйка.

«Хорошо!... Твои слова согнали тучи отчаянія съ моего сердца.... по прежнему я твоя жертва!... Но все-таки, прошу тебя, освѣти мою душу яркимъ огнемъ истины: что удерживало тебя впустить вѣрнѣйшаго поклонника твоей пышной красоты?»

— Сегодня мой мужъ поздно вышелъ изъ дома, а его работники долго возились въ кладовой. Я должна была ждать, пока они уйдутъ, откровенно объяснила она.

Строгое выраженіе мгновенно смѣнилось веселымъ. Мирза-Камбаръ звонко крякнулъ, погладилъ свою бороду и, съѣдая глазами молодую женщину, тихонько произнесъ:

«Я пришелъ сегодня, чтобы поговорить объ очень важномъ дѣлѣ».

Красавица видимо встревожилась и, подвинувшись къ своему обожателю, съ живѣйшимъ любопытствомъ спросила:

— Что же такое?

Старикъ взялъ ее за руку и, притягивая къ себѣ, страстно прошепталъ:

«Повелительница моего сердца!... Соедини свою душу съ моею; не отталкивай меня!—и ты будешь богата, будешь хозяйкою у меня....»

— А мой мужъ? перебила его Аимъ-Джанъ.

«Твой мужъ недостоинъ владѣть такимъ сокровищемъ... Онъ хуже всякаго мердекера *); онъ около тебя, какъ грязь около алмаза, можетъ только запачкать, уничтожить твою красоту.... Приложи руку сюда.... слышишь мое сердце? Какъ птичка въ клѣткѣ, бьется оно и рвется къ тебѣ!... Я былъ старикъ; но тебя увидѣлъ, услышалъ и разомъ помолодѣлъ.... Ты сама чудо и творишь чудеса! Отдайся же вполнѣ моимъ нѣжнымъ объятіямъ.... твоею любовью перенеси меня въ рай....» И сладострастный старикъ обхватилъ дрожащими руками полный станъ красавицы и покрылъ ее сотнями поцѣлуевъ.

Пораженная пылкостью и необыкновенною смѣлостью его, Аимъ-Джанъ не оказывала ни малѣйшаго сопротивленія. Принявъ ея робость за согласіе, Мирза-Камбаръ чувствовалъ себя на седьмомъ небѣ.

Но вдругъ на дворѣ раздался стукъ. Это спасло молодую женщину отъ предпріимчивости отвратительнаго, развратнаго старика.

— Ахъ! Кто-то стучитъ! испуганно вскрикнула она и вырвалась изъ его костлявыхъ объятій.

Мирза, вполнѣ раздѣляя ея испугъ, забылъ и любовь, и намѣренія свои.

«Ка́къ бы уйдти по добру—по здорову отсюда», думалъ онъ. Сильнѣйшая дрожь охватила его щедушное существо, зубъ на зубъ не попадалъ; чуть слышно прохрипѣлъ онъ:

«Милая, добрая Аимъ-Джанъ! выпусти меня скорѣе!... Завтра же принесу тебѣ подарокъ!...»

Между тѣмъ, супруга Алича-Ходжи успѣла возвратить присутствіе духа.

— Выйти нельзя! неравно кто увидитъ.... Лучше останьтесь здѣсь. Мой мужъ никогда не возвращается въ это время. Если это чужой—я прогоню его; если же это посланный отъ Алича-Ходжи, то я постараюсь отпустить его скорѣе, успокоивала молодая женщина.

Стукъ повторился громче; можно было различить, что стучались въ ворота.

«Если сюда придутъ—я погибъ!... Куда мнѣ дѣться?» чуть не плача, жаловался Мирза.

— А вотъ я придумала самое лучшее... войдите въ кладовую. И Аимъ-Джанъ насильно втащила его въ сосѣднюю комнату, наполненную кадками, боченками и мѣшками разнаго вида и разныхъ величинъ. Порывшись въ темныхъ углахъ, она вытащила насредину громадныхъ размѣровъ барданъ *) и, указывая на него, сказала:

---

*) Поденщикъ, простой работникъ.

— Полѣзайте въ него и не двигайтесь!... Никто васъ не догадается искать здѣсь,—и затворивъ дверь, она выбѣжала на дворъ.

Оставшись въ темнотѣ, почтенный старецъ кое-какъ ощупью умѣстился въ барданѣ и, притаивъ дыханіе, въ ожиданіи развязки, мысленно принялся твердить молитвы.

— Кто тамъ такъ стучитъ? спрашивала, между тѣмъ, хозяйка.

«Это я, Ніязъ Кулъ!... Отвори, прелестная Аимъ-Джанъ!» проговорилъ за воротами сильный мужской голосъ.

— Какъ я тебя давно не видала!... Гдѣ ты былъ? Что дѣлалъ? съ искреннимъ сочувствіемъ разспрашивала Аимъ-Джанъ, впуская вновь пришедшаго.

Это былъ довольно видный и красивый молодой человѣкъ. Плотно сложенный, съ полными красными щеками, съ длинными, внизъ опущенными усами, онъ имѣлъ бойкій видъ и составлялъ прямую противоположность съ несчастною фигурою Мирзы-Камбара. Судя по старенькой, сильно испачканной тибитейкѣ и изношенному, потертому халату, не трудно было заключить, что молодой человѣкъ принадлежалъ къ классу чернорабочихъ и не пользовался особеннымъ довольствомъ.

Совершенно позабывъ бѣднаго старика, неожиданно превратившагося въ заключеннаго, красавица ввела новаго посѣтителя въ ту самую комнату, въ которой, нѣсколько минутъ тому назадъ, она выслушивала пламенную рѣчь Мирзы.

Когда Ніязъ-Кулъ опустился съ наслажденіемъ на мягкую подушку, чуть-ли не на ту, на которой возсѣдалъ купецъ, Аимъ-Джанъ усѣлась около него и, нѣжно смотря ему въ глаза, повторила свои вопросы.

«Ты, можетъ быть, думаешь, что я забылъ тебя? Сама же хорошо знаешь, что это невозможно!...» отвѣтилъ молодой человѣкъ. Работъ было много, и я никакъ не могъ ихъ бросить, чтобы не лишиться куска хлѣба!... Да вотъ принесъ тебѣ подарочекъ.... на заработанныя деньги пріобрѣлъ его...» И онъ вынулъ изъ-подъ халата кусокъ цвѣтной кисеи.

— Зачѣмъ! не нужно! Я рада, что тебя вижу... Но какъ не отказывалась красавица, а пришлось и это скромное приношеніе присоединить къ прочимъ, болѣе роскошнымъ, полученнымъ отъ Мирзы-Камбара.

Что же дѣлалъ послѣдній? Онъ продолжалъ сидѣть въ своемъ заключеніи; каждое слово, доносившееся изъ сосѣдней комнаты, еще болѣе его раздражало; боязнь, ревность, злоба поперемѣнно терзали несчастнаго.

«Такъ вотъ она какая!» гнѣвно бормоталъ онъ. «Смотритъ скромненькою дѣвченкою, а на самомъ-то дѣлѣ всякаго провести съумѣетъ... Погоди же ты, змѣя двухъ... что я говорю!... трехъ... нѣтъ, десяти-язычная!... И я повеселюсь въ свою очередь,—только бы выбраться отсюда!... Все, непремѣнно все разскажу мужу!... Пускай ее запретъ въ чуланъ, да поколотитъ хорошенько!... Дуракъ же и я,—дался въ обманъ; и главное—чѣмъ прельстился я? Какъ подумаю немного,—она мнѣ совсѣмъ противною оказывается: лице, какъ лепешка *); глаза—точно вставленныя стекла; и вся-то она выглядитъ не красивѣе верблюда!... Слава Аллаху, что еще немного потратился!—покуда только свои барыши спустилъ... Впередъ буду умнѣе! Но что это?! вскрикнулъ онъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

Черная Индія.

Романъ Жюля Верна.

(Съ французск. М. Б.)

(*Продолженіе.*)

IX.

Если бы, при посредствѣ какой-нибудь сверхъестественной силы, инженеры могли приподнять всю земную кору, въ тысячу футовъ толщиною, поддерживающую всѣ озера, рѣки, заливы и прибрежныя земли графствъ Стерлингъ, Дембартонъ и Ренфру, то они нашли бы подъ этой огромною крышей обширное углубленіе, которое, по величинѣ, можетъ быть сравнено только съ знаменитою пещерою мамонтовъ въ Кентукки.

Это углубленіе состояло изъ нѣсколько сотенъ самыхъ разнообразныхъ по виду и величинѣ ячеекъ. Оно было похоже на улей съ многочисленными этажами и клѣточками, расположенными самымъ прихотливымъ манеромъ; этотъ улей былъ какъ бы выстроенъ на огромной лѣстницѣ, и въ немъ, вмѣсто пчелъ, могли бы вмѣститься всѣ ихтіозавры, мегатеріи и птеродактили геологической эпохи.

Въ немъ было безчисленное множество галерей; иныя изъ нихъ были выше самыхъ высокихъ соборныхъ сводовъ, и шли по извилинамъ; нѣкоторыя шли въ горизонтальномъ направленіи, другія шли въ гору, спускались и соединяли между собою впадины и углубленія, составляя между ними совершенно свободное пространство.

Столбы, поддерживающіе эти своды, принадлежавшіе ко всевозможнымъ стилямъ, толстыя стѣны галерей, среднія пространства—все въ этой вторичной формаціи было изъ песчанника и шиферныхъ скалъ. Между этими, ни на что непригодными слоями, проходили, однако-же, богатѣйшія каменноугольныя жилы, точно черная кровь этихъ странныхъ копей просочилась въ эту непроходимую сѣть галерей. Эти залежи простирались, съ сѣвера на югъ, на разстояніи сорока миль: онѣ вдавались даже въ сѣверный проливъ. Чтобы вѣрно опредѣлить богатства этой залежи, нужно было измѣрить ея глубину, но, по внѣшнимъ признакамъ, она должна была превзойти богатствомъ Кардижскія каменноугольныя залежи въ княжествѣ Валлійскомъ, и Ньюкастльскія въ Нортумберландскомъ графствѣ.

Разработка этой залежи не представляла никакихъ затрудненій, такъ какъ, по странному расположенію вторичныхъ слоевъ и по необъяснимому осадку минеральныхъ веществъ въ геологическій періодъ, природа сама образовала галереи и туннели въ Ново-Аберфойльской залежи.

Да! все это образовала одна только природа! Съ самаго начала можно было подумать, что здѣсь уже производились раскопки за нѣсколько тысячелѣтій. Но такъ могло казаться только въ первую минуту. Такихъ богатствъ никто не рѣшился бы покинуть. Рука человѣческая никогда еще не касалась Шотландскаго подполья и все это было сдѣлано самой природою.

Но повторяемъ, — это углубленіе не могло быть сравнено ни съ какимъ нибудь египетскимъ подземельемъ, ни съ римскими катакомбами, а только съ знаменитыми мамонтовыми пещерами, простирающимися на разстояніи двадцати миль и содержащими въ себѣ двѣсти двадцать шесть галерей, одинадцать озеръ, семь рѣкъ, восемь водопадовъ, тридцать два бездонныхъ колодца, и пятьдесятъ семь сводовъ, между которыми, нѣкоторые, возвышаются до четырехъ сотъ пятидесяти футовъ.

Ново-Аберфойльская копь, равно какъ и эти пещеры были созданы рукою Творца. Вотъ какова была эта территорія, честь открытія которой, всецѣло, принадлежала старому надсмотрщику, Симону Форду. Открытіе это стоило ему десятилѣтняго постояннаго пребыванія въ старой каменноугольной копи, невѣроятной настойчивости, безусловной вѣры, поддерживаемой замѣчательнымъ инстинктомъ рудокопа; онъ и обладалъ всѣми этими качествами, вслѣдствіе чего и восторжествовалъ подъ конецъ, между тѣмъ какъ всякій другой ни до чего не довелъ бы своихъ поисковъ. Но какъ объяснить то, что Джемсъ Старръ, при разслѣдованіи почвы въ послѣдніе годы раскопокъ, остановился какъ разъ на такомъ богатствѣ? Но это случайность; случай въ такихъ изслѣдованіяхъ играетъ часто значительную роль.

Чтобы тамъ ни было, подъ шотландской почвою открылось какъ бы цѣлое подземное графство; если бы въ него проникали лучи солнца, или какого-либо другого свѣтила, то въ немъ можно было бы жить.

Въ нѣкоторыхъ углубленіяхъ была собрана вода, образовавшая огромные пруды, или даже огромныя озера, превосходившія величиною озеро Котринъ, находящееся на поверхности земли, какъ разъ надъ этимъ углубленіемъ. Но воды въ этихъ подземныхъ озерахъ были стоячія; въ нихъ не было ни теченія, ни прибоя. Въ нихъ не отражались силуэты древнихъ готическихъ замковъ; по берегамъ не росли ни березы, ни дубы; горы не удлиняли своей тѣни на поверхности ихъ водъ, пароходы не плавали на нихъ, никакой свѣтъ не отражался въ ихъ водѣ, солнце не освѣщало ихъ яркими лучами, луна никогда не всходила на ихъ горизонтѣ. А между тѣмъ эти глубокія, огромныя озера, зеркальная поверхность которыхъ никогда не колыхалась отъ дѣйствія вѣтра, не были лишены своей прелести; въ этомъ можно было бы убѣдиться, если бы ихъ освѣтить какимъ нибудь электрическимъ свѣтомъ; всѣ эти озера соединялись между собою безчисленною сѣтью каналовъ.

Не смотря на то, что растительная жизнь не могла бы развиваться въ этомъ подземельи, въ немъ могло бы жить цѣлое населеніе. Кто знаетъ, можетъ быть въ одинъ прекрасный день бѣдные классы Соединенныхъ Королевствъ и изберутъ мѣстомъ своего жительства сферы, гдѣ температура самая постоянная, не подвержена разнымъ атмосфернымъ невзгодамъ—а именно въ Аберфойльскихъ каменноугольныхъ копяхъ, равно какъ и въ Ньюкастльскихъ, Амгоаскихъ и Кардижскихъ, когда вслѣдствіе истощенія придется прекратить въ нихъ работы!?

X.

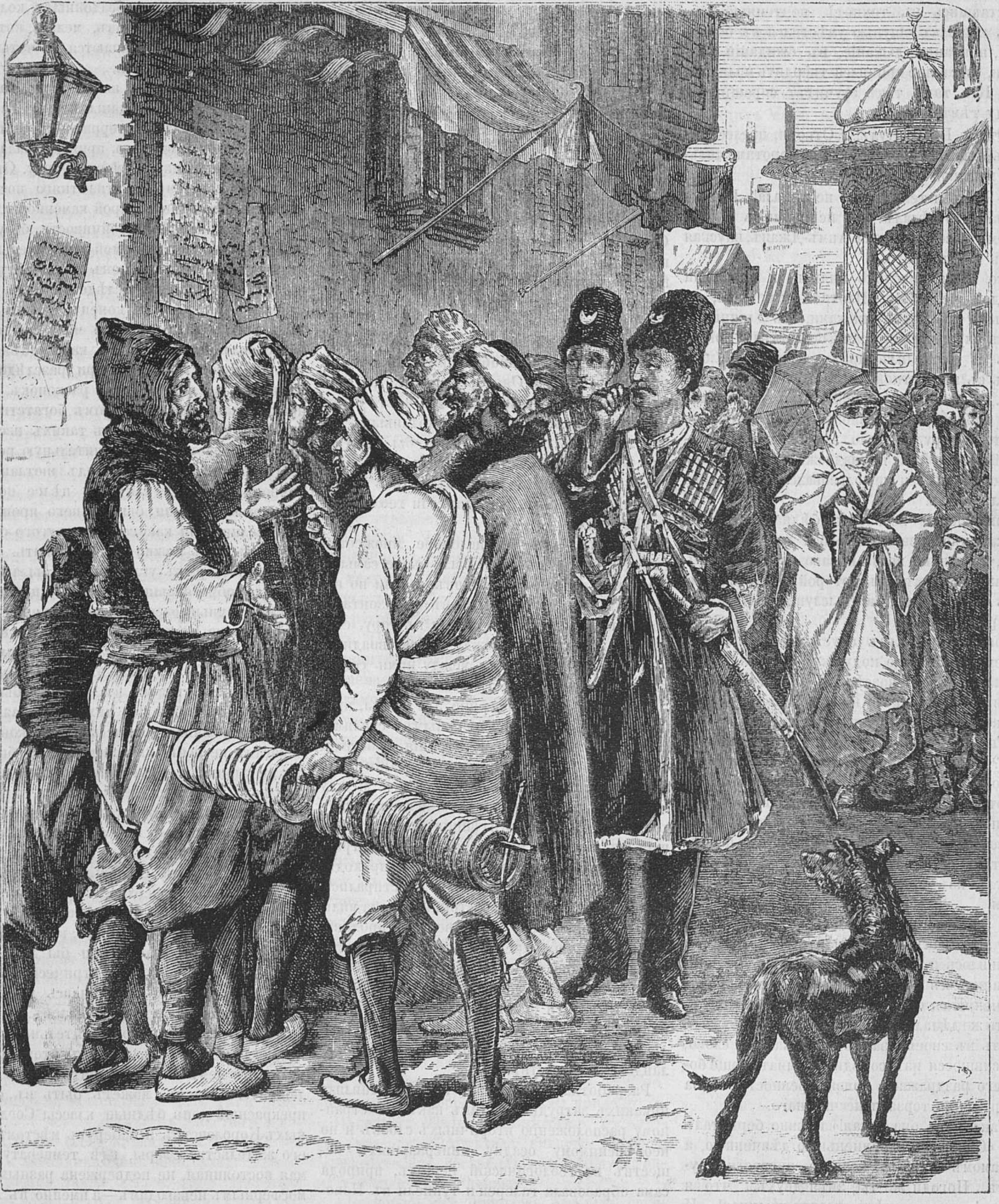
Услышавъ голосъ Гарри, Джемсъ Старръ, Маджъ и Симонъ Фордъ прошли въ отверстіе, соединявшее Дошарскую шахту съ новой каменноугольною копью.

Они очутились въ очень широкой галереѣ. Каждый непремѣнно сказалъ бы, что она

---

*) Барданомъ называется плетеный изъ камыша мѣшокъ, бывающій такой величины, что человѣкъ безъ труда можетъ въ немъ спрятаться.

*) Хлѣбъ у бухарцевъ печется въ видѣ лепешки.



Чтеніе военныхъ извѣстій на Константинопольскихъ улицахъ.

была прорыта рукою человѣка, и что кирка и ломъ до нее не дотрогивались, оставляя это на слѣдующее время. Наше маленькое общество невольно задавало себѣ вопросъ, не попало ли оно въ старую копь, о существованіи которой самые старые рудокопы графства и не подозрѣвали.

Нѣтъ! эта галерея образовалась вслѣдствіе странной формаціи вторичныхъ слоевъ. Можетъ быть по ней текла когда нибудь рѣка, но теперь она была такъ суха, какъ если бы прорыли новое русло на тысячу футовъ ниже, въ гранитовидныхъ слояхъ. Движеніе воздуха совершалось свободно, изъ чего можно было заключить, что въ ней находились естественныя «отдушины», чрезъ которыя галерея сообщалась съ внѣшнимъ воздухомъ.

Это обстоятельство не прошло незамѣченнымъ; инженеръ обратилъ вниманіе на то, что вентиляція производилась здѣсь совершенно свободно. Что же касается до рудничнаго газа, просачивающагося черезъ шиферъ перегородки, то въ воздухѣ галереи не замѣчалось ни малѣйшаго слѣда его. Гарри взялъ съ собою изъ предосторожности только одну спасительную лампу, могущую горѣть въ теченіе двѣнадцати часовъ.

Всѣ они были внѣ себя отъ восторга; ихъ давнишнее желаніе наконецъ осуществилось; ихъ со всѣхъ сторонъ окружалъ каменный уголь; они отъ радостнаго волненія сохраняли глубокое молчаніе; даже Симонъ Фордъ притихъ; отъ времени до времени его прорывало и онъ издавалъ нѣсколько радостныхъ восклицаній.

Уходить слишкомъ далеко вглубь подземной пещеры было не совсѣмъ безопасно; но они и не думали о возвратномъ пути. Галерея шла почти прямо; ничто не заграждало имъ дороги, нигдѣ не выдѣлялось удушливыхъ вредныхъ испареній. Не было никакого основанія останавливаться, и въ теченіе цѣлаго часа Джемсъ Старръ, Маджъ, Гарри и Симонъ Фордъ подвигались впередъ, и никакъ не могли оріентироваться въ этомъ незнакомомъ имъ туннелѣ.

Они продолжали бы идти впередъ, еслибы не пришли къ концу этой широкой галереи, по которой шли все время.

Галерея оканчивалась огромною пещерою, о высотѣ и глубинѣ которой нельзя было составить себѣ точнаго понятія. Какъ великъ былъ сводъ этой пещеры, гдѣ находилась противоположная задняя стѣнка? Въ ней господствовалъ глубокій мракъ. Но поднося лампу, рудокопы съ трудомъ различили, что сводъ этой пещеры простирался надъ огромнымъ пространствомъ стоячей воды надъ прудомъ или озеромъ, живописные, скалистые берега котораго пропадали въ темнотѣ.

— Тише! вскрикнулъ Симонъ; мы чуть-чуть не упали въ пропасть!

Отдохнемъ немного, друзья мои! замѣтилъ инженеръ. Можетъ быть пора возвращаться въ коттэджъ.

— Лампа можетъ намъ служить еще въ теченіе десяти часовъ, господинъ Старръ, сказалъ Гарри.

— Ну, такъ отдохнемъ, возразилъ Джемсъ. Признаюсь, я усталъ. А ты, Маджъ, не ощущаешь ли усталости послѣ такой длинной прогулки.

— Не особенно, г. Джемсъ, отвѣтила бодрая шотландка. Мы, бывало, прежде по цѣлымъ днямъ ходили по старой Аберфойльской копи.

— Знаете что? прибавилъ Симонъ, Маджъ, если нужно, десять разъ продѣлаетъ этотъ путь.

— А! старый другъ! я давно не испытывалъ такой радости! отвѣтилъ инженеръ. Судя по тому сравнительно небольшому пройденному нами пространству, замѣчательная эта каменноугольная копь должна далеко тянуться.

— И въ длину и въ глубину, господинъ Джемсъ! замѣтилъ Симонъ Фордъ.

— Это мы послѣ узнаемъ!

— Я же готовъ теперь своею головою отвѣчать! Положитесь на инстинктъ стараго рудокопа; онъ никогда меня не обманывалъ.

— Хорошо, я вѣрю тебѣ Симонъ, отвѣчалъ инженеръ, улыбаясь. Я думаю, что разработки наши будутъ продолжаться нѣсколько вѣковъ.

— Навѣрное! вскрикнулъ Симонъ. По прошествіи тысячи лѣтъ и то не удастся намъ разработать всю шахту.

— О! если бы это такъ было, отвѣтилъ Джемсъ Старръ. Что же касается до качества угля...

— Онъ превосходный, господинъ Джемсъ, перебилъ Симонъ. Посмотрите, и, говоря это, онъ отдѣлилъ киркою кусокъ скалы.

— Посмотрите хорошенько! повторилъ онъ, поднося кусокъ отвалившагося угля къ лампѣ. Поверхность этого куска угля блеститъ. Мы будемъ имѣть жирный, смолистаго свойства уголь; онъ будетъ распадаться на куски, не разсыпаясь. Ахъ! вотъ если бы эта залежь была открыта двадцать лѣтъ тому назадъ, то она отбила бы многихъ рабочихъ у Суанси и у Кардиффа! Но потребители будутъ гоняться за нимъ, и его хотя легко добывать будетъ изъ земли, но онъ не будетъ дешевле стоить въ продажѣ.

— Симонъ правъ, сказала Маджъ, подобравши кусокъ угля и разсматривая его въ качествѣ знатока. Это превосходный уголь. Возьми его съ собою Симонъ; первый кусокъ этого угля долженъ непремѣнно сгорѣть въ нашемъ самоварѣ.

— Хорошо, жена! отвѣтилъ старый надсмотрщикъ. Ты на дѣлѣ убѣдишься, что я не ошибся въ оцѣнкѣ угля.

— Господинъ Старръ, спросилъ Гарри, можете ли вы хотя приблизительно оріентироваться въ этой длинной, только что пройденной нами галереѣ?

— Нѣтъ, отвѣтилъ инженеръ; если бы я имѣлъ съ собою компасъ, я бы могъ оріентироваться; но теперь я въ положеніи моряка, находящагося въ открытомъ морѣ въ туманную погоду, и когда онъ за недостаткомъ солнца не можетъ опредѣлить своего положенія.

— Это положимъ такъ, господинъ Джемсъ, замѣтилъ Симонъ Фордъ. Но ради Бога не сравнивайте наше положеніе съ положеніемъ моряка, у котораго вездѣ всегда пропасть подъ ногами! Мы здѣсь на твердой землѣ и и намъ нечего бояться утонуть.

— Ты меня не понялъ, добрый мой Симонъ; я хотѣлъ сказать, что мы не можемъ опредѣлить, гдѣ мы именно находимся.

— Мы теперь подъ графствомъ Стерлингъ, господинъ Джемсъ, отвѣтилъ Симонъ Фордъ, я за это ручаюсь такъ...

— Тсъ! слышите? сказалъ Гарри, перебивая отца.

Всѣ наострили уши по примѣру молодого рудокопа, у котораго былъ удивительно развитой слухъ, вслѣдствіе чего онъ услышалъ вдали какой-то шумъ; Джемсъ Старръ, Симонъ и Маджъ также различили его; этотъ шумъ походилъ на раскаты, происходящіе въ верхнихъ слояхъ пещеры, не смотря на то что онъ былъ довольно глухъ, однако можно было различать, то усиливающійся, то слабѣющій шумъ.

Всѣ четверо молчали и напряженно прислушивались. Вдругъ Симонъ Фордъ воскликнулъ:

— Неужели же вагоны ѣздятъ уже по рельсамъ Ново-Аберфойльской копи?

— Мнѣ кажется, отецъ, что это шумъ изливающейся въ море воды.

— Да, но мы не находимся подъ моремъ! вскрикнулъ старый надсмотрщикъ.

— Конечно нѣтъ, отвѣтилъ инженеръ; но очень можетъ быть, что мы находимся подъ озеромъ Катринъ.

— Сводъ въ этомъ мѣстѣ не долженъ быть слишкомъ толстъ, если шумъ воды такъ внятно слышится.

— Да, онъ не долженъ быть толстъ, отвѣтилъ Джемсъ Старръ, этимъ-то и можно объяснить, что углубленіе такъ широко.

— Господинъ Старръ правъ! замѣтилъ Гарри.

— Тамъ на верху такая ненастная погода, продолжалъ Джемсъ Старръ, что воды озера должны также бушевать, какъ и въ заливѣ Форфъ.

— Да что изъ этого, отвѣтилъ Симонъ Фордъ. Изъ того, что каменноугольная залежь развивалась надъ озеромъ, не слѣдуетъ, чтобы уголь былъ хуже; намъ не первымъ придется разработывать его подъ водою; производились раскопки и подъ океаномъ. Намъ можетъ быть придется разработывать Сѣверный проливъ вдоль и поперегъ.

— Можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ, Симонъ, замѣтилъ инженеръ. Мы построимъ траншеи подъ водою! просверлимъ какъ шумовку берега Атлантическаго океана! Мы киркою проложимъ путь чрезъ Океанъ къ Соединеннымъ Штатамъ. Мы, если окажется, доберемся до центра земного шара.

— Что это вы вздумали насмѣхаться надо мною, замѣтилъ шутливо Симонъ.

— Я насмѣхаюсь! и не думаю. Но твой восторгъ такъ увлекателенъ, что я подъ вліяніемъ его строю невозможные планы. Вернемся къ дѣйствительности, которая такъ прекрасна. Оставимъ здѣсь наши кирки, за которыми мы придемъ черезъ нѣсколько дней и пойдемъ обратно въ коттэджъ.

Ничего другого и не оставалось дѣлать въ настоящую минуту. Черезъ нѣсколько времени инженеръ въ сопровожденіи артели рудокоповъ, вооруженныхъ лампами и нужными орудіями, возвратится сюда и приступитъ къ Ново-Аберфойльскимъ разработкамъ. А теперь пора было возвратиться въ Дошарскую шахту; обратная дорога не представляла никакихъ затрудненій. Галерея шла прямо по пещерѣ, и выходила какъ разъ къ отверстію, пробитому динамитомъ, — заблудиться было невозможно.

Джемсъ Старръ направился уже къ галереи, но Симонъ Фордъ удержалъ его.

— Господинъ Джемсъ, сказалъ онъ, видите ли вы эту огромную пещеру, и это подземное озеро и этотъ берегъ; такъ именно сюда хочу я переселиться, я построю себѣ здѣсь коттэджъ, и надѣюсь, что моему примѣру послѣдуетъ одинъ изъ моихъ товарищей рудокоповъ, и тогда ранѣе года прибавится другое жилье въ Аберфойльскихъ залежахъ.

Джемсъ Старръ, повидимому, одобрялъ планы Симона Форда, пожалъ ему руку и всѣ трое пошли вслѣдъ за Маджъ въ обратный путь. Они прошли первую милю безъ приключеній. Гарри несъ впереди зажженную лампу. Онъ шелъ по главной галереѣ, и тщательно избѣгалъ узкихъ туннелей, идущихъ вправо и влѣво. Но вдругъ случилось обстоятельство, повергшее въ большое затрудненіе нашихъ изслѣдователей.

Въ то самое время Гарри приподнялъ лампу, произошло сильное движеніе въ воздухѣ, похожее на то, какъ если бы кто взмахнулъ крыльями. Лампу ударили въ бокъ, и вышибли ее изъ рукъ Гарри; она, упавши на скалистую почву, разбилась, потухла и повергла всѣхъ въ совершенную темноту.

— Что ты, Гарри? спросилъ Симонъ Фордъ; ты, кажется, хочешь, чтобы на возвратномъ пути мы сломали себѣ голову?

Гарри не отвѣчалъ; онъ думалъ. Слѣдовало-ли приписать только что случившееся какому нибудь таинственному существу? Можетъ быть въ этихъ глубинахъ скрывалось въ самомъ дѣлѣ лицо, антагонизмъ котораго могъ создать серьезныя затрудненія? Неужели кто нибудь задался мыслію противиться во чтобы то ни стало раскопкамъ? Это предположеніе было нелѣпо, но факты говорили сами за себя, они такъ усложнялись, что простыя предположенія превращались въ дѣйствительность.

Положеніе изслѣдователей было самое незавидное. Имъ приходилось въ темнотѣ идти пять миль. Выйдя изъ этой галереи въ Дошарскую шахту, имъ оставалось до коттеджа часъ ходьбы.

— Нечего дѣлать, сказалъ Симонъ Фордъ. Будемъ какъ нибудь подвигаться впередъ. Здѣсь заблудиться невозможно. Боковые туннели всѣ чрезвычайно узки, такъ что намъ остается одинъ только путь и то по прямой галлереѣ, ведущей къ Дошарской шахтѣ; тамъ мы возьмемъ оставленныя нами лампы. Въ дорогу! Гарри! иди впередъ; г-нъ Джемсъ, вы идите за нимъ, Маджъ пойдетъ за вами, а я завершу шествіе. Теперь намъ больше всего нужно заботиться о томъ, чтобы не терять другъ друга, будемъ идти по пятамъ и держаться за локти!

Заблудиться было невозможно; но слѣдовало прибѣгнуть вмѣсто глазъ къ рукамъ; осязаніе у Симона и Гарри было удивительно развито. Всѣ шли въ предписанномъ старымъ надсмотрщикомъ порядкѣ. Они молчали, и каждый былъ погруженъ въ свою думу. У нихъ безъ всякаго сомнѣнія былъ какой-то соперникъ. Вопросъ состоялъ теперь въ томъ, кто онъ именно такой, и какъ защищаться отъ таинственныхъ его нападеній. Эти размышленія сильно тревожили ихъ; но теперь было время не падать духомъ.

Гарри съ протянутыми впередъ руками подвигался увѣреннымъ шагомъ впередъ. Онъ ощупывалъ попеременно то одну, то другую стѣнку галереи; попадалось ли ему подъ руку какое либо углубленіе или отверстіе, онъ сейчасъ соображалъ, что оно слишкомъ узкое и ни коимъ образомъ не могъ сбиться съ пути. Обратный путь, совершившійся среди совершенной темноты, продолжался два часа. Они скоро должны были придти къ концу галереи; черезъ нѣсколько минутъ Гарри остановился.

— Наконецъ-то мы пришли къ концу галереи! сказалъ Симонъ Фордъ! Ты долженъ отъискать, Гарри, отверстіе, соединяющее Новую Аберфойль съ Дошарской шахтою.

— Не могу, отвѣтилъ Гарри; онъ вездѣ натыкался на плотную перегородку.

Старый рудокопъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и самъ началъ ощупью свидѣтельствовать шиферную скалу.

Онъ испустилъ крикъ.

Оказалось, что или изслѣдователи заблудились на возвратномъ пути или что сдѣланное въ перегородкѣ динамитомъ отверстіе было недавно законопачено.

Что бы тамъ ни было, но Джемсъ Старръ и его спутники попали въ Новой Аберфойлѣ въ засаду.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Мимолетные наброски.

(Фельетонъ.)

Обрушившійся домъ. — Нравственное паденіе г. Утина. — Мой странный сонъ по поводу спеціальныхъ корреспондентовъ нашихъ газетъ. — Географія «Новаго Времени». — Курьезное пожертвованіе. — Студентъ Иваницкій. — Некрологъ В. А. Владимірскаго.

Теперь надо ходить по петербургскимъ улицамъ и безпрестанно озираться, какъ-бы не раздавила тебя какая-нибудь обрушившаяся шальная стѣна вновь выстроеннаго дома. Я даже сталъ ходить эти дни не по тратуару, а по срединѣ улицы,—все, думаю, какъ-то безопаснѣе. Дѣло въ томъ, что на-дняхъ провалились двѣ стѣны каменнаго трехъ-этажнаго дома купца Абдалова, выстроившаго его, три года тому назадъ, на Пескахъ. Разсказываютъ, что, по настоянію полиціи, домъ этотъ былъ недавно освидѣтельствованъ архитекторами, которые нашли его крѣпкимъ и удобнымъ. Нечего сказать, хорошо «удобство» быть раздавленнымъ! Жильцы не пострадали только благодаря случайности. Отчего-же, спрашивается, «крѣпкій» домъ провалился? Поэтически это можно объяснить очень просто и не въ ущербъ репутаціи гг. архитекторовъ:

> На Пескахъ, отъ сотрясенья,
> Провалился домъ одинъ —
> Потому... что очень сильно
> Бомбардируютъ Виддинъ.

Однако, я желалъ-бы лучше, для блага публики, чтобы репутація этихъ господъ провалилась вмѣстѣ съ обрушившимися стѣнами, какъ провалилась, при одномъ недавнемъ процессѣ, нравственная физіономія г. присяжнаго повѣреннаго Утина, стоически доказывавшаго, что гласность для банковыхъ операцій—дѣло неподходящее. Надобно не питать ни малѣйшаго уваженія къ своему адвокатскому званію, чтобы дерзнуть отстаивать, не краснѣя, такую неблагодарную и неблаговидную задачу... даже помимо большого вознагражденія. А, впрочемъ,

> Имѣть пріятно совѣсть... но
> Въ нашъ Вѣкъ *«погони за наживой»*
> Стыдиться мысли, рѣчи лживой
> Немногимъ избраннымъ дано.

Къ числу этихъ немногихъ избранныхъ, очевидно, не можетъ быть причисленъ и г. Полетика, подвизавшійся, какъ извѣстно, противъ г. Высоцкаго въ одномъ изъ засѣданій общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ, хотя онъ и сдѣлалъ въ своей рѣчи великія открытія, что «начала банковаго дѣла ложныя, почва скверная», что «частныя злоупотребленія тутъ не причемъ», что «обличенія теперь не помогутъ» и проч. Словомъ, г. Полетика тоже хотѣлъ доказать, какъ и названный мною адвокатъ, что операцій банка повѣрять не слѣдуетъ, и что гласность тутъ не поможетъ. Когда я буду допущенъ къ сундуку съ общественными деньгами, для производства надъ ними различныхъ операцій, то полагаю, что начну ораторствовать и самъ на такую-же резонную тему.

На-дняхъ, читатель, я самъ не могъ воздержаться... отъ нѣкотораго соблазна. Мнѣ приснилось, что редакція «Живописнаго Обозрѣнія» отправляетъ меня своимъ спеціальнымъ корреспондентомъ на театръ военныхъ дѣйствій. Какъ не увѣрялъ я, во снѣ, почтеннаго редактора, что я къ такому серьезному дѣлу неспособенъ, но онъ не хотѣлъ ничего слышать, не принималъ никакихъ отговорокъ и только твердилъ:

— Поѣзжайте, поѣзжайте. Это дѣло рѣшенное. Затрудняться тутъ нечѣмъ: не боги горшки обжигаютъ. Попривыкните — и все пойдетъ, какъ по маслу. Главное—побольше поэзіи, побольше обстоятельныхъ описаній всѣхъ этихъ мазанокъ, кокетливо пріютившихся въ южной зелени... само собой разумѣется, хорошенькихъ глазокъ румынскихъ женщинъ...

— Но, позвольте... остановилъ я его,—г. Каразинъ...

— Чтожъ такое, батюшка, г. Каразинъ? пылко возразилъ онъ.—Прекрасно пишетъ. Конечно, отъ его писемъ не пахнетъ порохомъ, какъ это сплошь да рядомъ встрѣчается у военныхъ корреспондентовъ другихъ націй; но за то... посмотрите, сколько поэзіи! Онъ даже телеграммы умѣетъ поэтизировать...

И редакторъ поспѣшно сунулъ мнѣ въ руку одинъ изъ нумеровъ «Новаго Времени».

— Однако... снова остановилъ я его,—г. Боборыкинъ...

— Да! вотъ вамъ живой примѣръ,—быстро воскликнулъ онъ:—сидитъ человѣкъ въ Вѣнѣ, «только и дѣла дѣлаетъ, что ходитъ и лежитъ, читаетъ, по возможности, меньше», разноситъ книги по порученію знакомыхъ—и все это подробно описываетъ, а вѣдь «Нашъ Вѣкъ» находитъ-же его, вѣроятно, очень занимательнымъ...

Чувствуя, что начинаю сдаваться, я еще разъ попытался было остановить почтеннаго редактора:

— Позвольте... гг. Максимовъ, Буренинъ...

— Гмъ! Максимовъ... замялся онъ нѣсколько.—Ну, этотъ любитъ больше описывать «пьяныхъ солдатиковъ». Такъ, впрочемъ, чтоже? Вѣдь и это интересно-съ; вѣдь надо же и эту сторону русскаго человѣка освѣтить. Да, наконецъ, у каждаго имѣется своя спеціальная струнка-съ. Что-же касается г. Буренина, то примѣръ его можетъ послужить вамъ лучшимъ ободреніемъ: онъ даже прямо заявилъ, что выѣхалъ «съ легкимъ сердцемъ». Нечего затрудняться и вамъ.

Дай, думаю, сдѣлаю послѣднюю попытку.

— Г. Немировичъ-Данченко... слабо сказалъ я.

— Пожалуйста, не говорите мнѣ ничего о моихъ сотрудникахъ! уже запальчиво возразилъ редакторъ:—мнѣ не приходится хвалить ихъ самому... Словомъ, вы должны ѣхать—и конецъ разговору.

Скромность моя была окончательно побѣждена.

— Но куда-же я поѣду? спросилъ я только.

— Куда хотите: на Дунай, въ Парижъ, въ Америку, въ Африку... въ Австралію, наконецъ,—не все-ли равно?

— Но какое-же отношеніе будетъ имѣть... напримѣръ, Австралія къ настоящей войнѣ? вытаращилъ я изумленно глаза.

— Ахъ, Боже мой! какъ «какое»? Вы можете сообщать намъ, что думаютъ о ней, положимъ, папуасы... Вѣдь это, батюшка, въ высшей степени интересно и оригинально.

Навѣрно, г. Миклуха-Маклай поможетъ вамъ самымъ обязательнымъ образомъ. Я ему, впрочемъ, напишу.

Что вы станете дѣлать съ такой американской настойчивостью? Мы перешли къ разговору объ условіяхъ и мигомъ покончили дѣло. Я даже выторговалъ себѣ, на счетъ редакціи, ежедневную бутылку зельтерской воды на все время путешествія: страны, молъ, будутъ попадаться очень жаркія... Вдругъ я спохватился однако.

— Прежде, чѣмъ подписать наши условія, позвольте мнѣ представить вамъ хотя краткую пробную корреспонденцію, еще здѣсь, не выѣзжая съ мѣста,—попросилъ я для очистки совѣсти.—Если читатели «Живописнаго Обозрѣнія» останутся довольны ею—я выѣду на другой же день.

— Вы несносны съ вашими претензіями, но, такъ и быть, и это вамъ позволяется,—согласился редакторъ.

И вотъ я снова вижу во снѣ, что сижу за цѣлымъ ворохомъ русскихъ газетъ, тщательно выбираю тамъ изъ спеціальныхъ военныхъ корреспонденцій подходящія для меня строки и, желая отличиться, дѣлаю изъ всего этого невообразимый винегретъ. Я беру кусочекъ и у г. Максимова, и у г. Боборыкина, и... словомъ, у всѣхъ по кусочку. Голова моя горитъ, а въ ней назойливо мелькаетъ только одна ясно-опредѣленная, неотвязная мысль, что я долженъ быть на первый разъ очень кратокъ и выразителенъ, если хочу наслаждаться всѣми прелестями жизни... между папуасами. Перо мое лихорадочно выводитъ на бумагѣ:

(Дневникъ корреспондента «Живописнаго Обозрѣнія»).

Письмо первое.

«...Выѣхавъ съ легкимъ сердцемъ, я буду заносить и такія впечатлѣнія, какія будутъ относиться къ современнымъ событіямъ, и такія, какія совсѣмъ ни къ чему не будутъ относиться... Стоги прошлогодняго сѣна желтѣютъ повсюду. Видимо его много. На стогахъ—аисты, аисты на поляхъ, аисты въ разливахъ... Какъ кокетливы, изящны издали бессарабскія деревушки. Одна, напримѣръ, изъ-за горы выбѣжала, когда нашъ поѣздъ поровнялся съ нею, и опять спряталась за другую гору, когда поѣздъ пошелъ далѣе. Важно!... Женщины не особенно красивы; глаза хотя и черны, но безъ страсти, а скорѣе въ нихъ замѣчается утомленіе... Одѣваться желаютъ со вкусомъ, но остаются при одномъ только желаніи... Вчера я встрѣтилъ на улицѣ выпившаго солдата; его окружили румыны и ласково разговаривали съ нимъ; прошла мимо солдатика франтовато-одѣтая горничная; солдатикъ посмотрѣлъ ей въ слѣдъ, развелъ руками и зачмокалъ губами, восторгаясь прелестями ея формъ...

— Знаете-ли, что будетъ? говорилъ онъ мнѣ раздраженнымъ шепотомъ, плюя мнѣ въ лицо и силясь оторвать пуговицу отъ моего сюртука: — Франція воспользуется удобнымъ случаемъ, чтобы вернуть Эльзасъ и Лотарингію...

Вчера я пріѣхалъ въ Вѣну... Я привезъ г. Новикову изъ Варшавы книгу отъ его товарища по школѣ и университету... Священника, о. Раевскаго, я давно знаю, около девяти лѣтъ; но откровенно говоря, не любилъ ходить къ нему, когда бывалъ въ Вѣнѣ. Онъ только сильно посѣдѣлъ, но еще свѣжъ. Ему тоже привезъ книгу изъ Варшавы, отъ моего знакомаго... Г. Новиковъ былъ такъ любезенъ—передалъ мнѣ чрезъ о. Раевскаго свое сожалѣніе о томъ, что я въ понедѣльникъ не засталъ его, и желаніе еще разъ видѣть меня... Въ эту послѣднюю бесѣду онъ сказалъ мнѣ даже:

— Кандидатскаго диплома у меня нѣтъ, онъ при моихъ документахъ; но магистерскій я храню при себѣ.

Я, съ полной откровенностью, высказалъ г. Новикову: какъ мы—русскіе писатели—*не избалованы* въ этомъ смыслѣ, и какъ мнѣ лично пріятно было найти въ сношеніяхъ съ однимъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей русской дипломатіи столько простоты и доступности вмѣстѣ съ общностью развитія, тона и языка. Провожая меня до лѣстницы, г. Новиковъ»... *).

Впрочемъ, на первый разъ довольно. Слѣдующее письмо вы, вѣроятно, получите отъ меня уже изъ страны папуасовъ.

* * *

Но тутъ я внезапно проснулся. Боже мой, какая иногда чепуха можетъ пригрезиться во снѣ!—подумалъ я невольно. Теперь ты можешь быть совершенно спокоенъ, читатель: мнѣ никуда не предстоитъ ѣхать. Но еслибъ даже я и поѣхалъ куда-нибудь, то, во всякомъ случаѣ, не сообразуясь съ географіей, преподаваемой «Новымъ Временемъ» своимъ подписчикамъ. Въ № 436 этой газеты напечатана корреспонденція изъ г. Гжатска *Тамбовской* губерніи, тогда-какъ городъ этотъ находится въ *Смоленской*. Вотъ и поѣзжайте, изучайте Россію по указанію г. Суворина! Невольно скажешь:

Города перемѣщаетъ
Онъ по собственному смыслу.
Такъ дугу порой вставляетъ,
Съ пьяныхъ глазъ, извощикъ къ дышлу.

Вонъ и въ нашихъ рядахъ опять убыль. 18 мая скончался издатель «Петербургскаго Листка», В. А. Владимірскій. Правда, собственно литературная дѣятельность покойнаго, хотя и отличалась нѣкоторымъ разнообразіемъ, была довольно скромна; но все-таки это убыль...

Веселый поэтъ.

* * *

Отъ Поти до Сухумъ-Кале.

Отъ русскаго пограничнаго порта св. Николая идетъ дорога вдоль берега, на разстояніи шести миль, до Поти. По лѣвую руку лежитъ необозримое море, между тѣмъ, какъ по правую—попадаются кое-гдѣ болотистыя пространства въ самомъ первобытномъ видѣ, получающемъ отъ исполинскаго плюща и дикаго винограда совершенно тропическій отпечатокъ. Растительность здѣсь самая богатая, развивающаяся въ удивительныхъ размѣрахъ на сырой почвѣ; корни деревъ погружены въ воду, а на верхушкахъ осаждается сгущенный водяной паръ, носящійся надъ всей низменной прибрежной полосой. Но богатая эта растительность не оживляетъ природы; здѣсь все мертво, въ особенности рѣзкій контрастъ замѣчается, когда мы переходимъ въ эту природу изъ сѣверныхъ лѣсовъ, оглушаемыхъ пѣніемъ птицъ; здѣсь животное царство состоитъ преимущественно изъ ядовитыхъ змѣй, насѣкомыхъ и лягушекъ. Древняя Колхида, изъ которой люди уходили искать счастья за символическимъ золотымъ руномъ, сдѣлалась теперь страною лихорадокъ, которую люди по возможности избѣгаютъ. Послѣ нѣсколькочасовой ѣзды, путешественникъ впервые достигаетъ, не подалеку отъ Поти, человѣческихъ жилищъ; прежде ему попадались только разбросанные домики сторожей и таможенныхъ чиновниковъ. Поти расположенъ на южномъ берегу Ріона, у самаго устья, достигающаго здѣсь одинъ километръ ширины, и далеко не можетъ быть названъ Эльдорадо; но этотъ городъ, со времени проведенія къ нему изъ Тифлиса черезъ Имеретію желѣзной дороги, идущей вдоль всего песчанаго берега, значительно поднялся.

Но эта желѣзная дорога—не болѣе, какъ ничтожная вѣтвь, и до тѣхъ поръ, пока она не будетъ продолжена до Баку, по странѣ, гдѣ атмосфера пропитана запахомъ сѣрнаго петролеума, или до Джульфа къ Араксу и затѣмъ къ Персіи, до тѣхъ поръ караваны все будутъ слѣдовать по старому Трапезундъ-Эрзерумъ-Тавризскому пути. По ту сторону Ріона раскинутъ на высокомъ берегѣ Ріонскъ, но и тамъ природа такая же безжизненная. Такой грустный отпечатокъ лежитъ на разстояніи двухъ миль, когда мы подвигаемся сѣвернѣе, удаляясь отъ болотистой мѣстности, до тѣхъ поръ, пока, не покажутся тамъ, вынырнувши изъ земли, домики Редутъ-Кале. Знаменитый когда-то торговый городъ на мингрельскомъ берегу весь изрѣзанъ каналами и узкими, длинными улицами, обстроенными деревянными избами. Населеніе здѣшнее часто подвержено лихорадкамъ, что свидѣтельствуетъ ихъ худое, впалое лицо. Даже коршуны, питающіеся падалью, валяющеюся по улицамъ, и тѣ имѣютъ болѣзненный видъ. Какъ разъ передъ Редутъ-Кале, посреди песчанаго рейда, возвышаются скалы, съ вершинъ которыхъ открывается широкій видъ вдаль, на востокъ, гдѣ лежитъ болотистая мѣстность, на которой цѣлыми стаями кишитъ пернатая дичь. Далѣе, къ сѣверу, къ Ингурскому устью, природа остается такая же, но потомъ уже, взобравшись на верхушки этихъ горъ, открывается передъ вами обширная равнина. Тутъ появляются въ первый разъ силуэты кавказскихъ горъ. Туманъ мало по малу разсѣевается и на сѣверо-востокѣ, на разстояніи 12 миль отъ берега, возвышается блѣдно-голубая снѣжная вершина Эльбруса, (17,125 фут.) выдѣляясь изъ высокихъ горныхъ цѣпей, и служитъ какъ-бы нѣмымъ свидѣтелемъ вѣковой борьбы. Изъ этихъ горныхъ вершинъ изливается Ингуръ; здѣсь же лежитъ и свободная Сванетія съ ея храбрымъ, воинственнымъ населеніемъ. Гордые сванеты изрѣдка появляются въ Редутъ-Кале, или въ Поти на ярмаркѣ, вообще же они не охотно занимаются торговлею, и главное ихъ занятіе въ мирное время—охота за каменнымъ бараномъ или другими горными животными.

Мы все болѣе и болѣе приближаемся къ горамъ. Скоро разстилается передъ нами весь горный хребетъ, лежащій на сѣверозападъ отъ Эльбруса, и вершины его доходятъ до 14,000 ф.; въ этомъ горномъ хребтѣ видны всевозможные проходы, ущелья, идущіе внутрь страны. Прибрежная низменная полоса постепенно переходитъ въ чисто альпійскую страну. Мы вступили въ Абхазію—родину прославившагося въ исторіи кавказскаго племени. На южной сторонѣ довольно широкой бухты лежитъ деревня Сухумъ-Кале, на мѣстѣ, гдѣ когда-то находился знаменитый Діоскуръ, развалины котораго и теперь не подалеку сохранились. Удобное во всѣхъ отношеніяхъ расположеніе этой деревни подавало поводъ, въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій къ кровавымъ схваткамъ. Русскіе и турки поперемѣнно завладѣвали мѣстомъ. Когда Сухумъ-Кале перешелъ, послѣ Адріанопольскаго мира, къ русскимъ, то имъ оставалось только усмирить абхазовъ. Но абхазы дрались съ неимовѣрною отвагою; они происходятъ отъ грузино-мингрельскаго племени и исповѣдывали прежде христіанскую вѣру, по подстрекаемые чеченскимъ шейхомъ Манзуромъ, рѣшились перейти въ мусульманство, для того, чтобы придать религіозный характеръ своей борьбѣ за свободу.

---

*) Въ этомъ письмѣ нѣтъ ни одной моей собственной фразы: все заимствовано у гг. Буренина, Максимова, Боборыкина и другихъ корреспондентовъ. Смѣю думать, однакожъ, что въ ихъ спеціальныхъ писаніяхъ не больше современнаго смысла, содержанія и интереса, чѣмъ въ моемъ образчикѣ.

Въ то время, когда абхазы не переходили еще въ магометанство, происходили съ сосѣдними мингрельцами зачастую схватки. Царствовавшая въ Грузіи династія Багратидовъ храбро защищалась отъ нападеній враговъ и всегда одерживала верхъ, сохраняя свою самостоятельность въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія. Всѣ эти горныя племена скрывались около Эльбруса. Когда русскіе задумали завоевать Кавказъ, то грузины и всѣ горныя племена рѣшились энергично сопротивляться, чему имъ много содѣйствовали высокія горы. Но настойчивость русскихъ войскъ все же наконецъ увѣнчалась успѣхомъ.

Заглянемъ и внутрь Абхазіи. Изъ Сухумъ-Кале мѣстность переходитъ въ небольшіе холмики и, затѣмъ, въ живописную долину, превращающуюся постепенно въ дикое ущелье. Всѣ горные переходы обросли дикимъ виноградомъ, плющемъ и другими вьющимися растеніями. Среди снѣжныхъ горъ и зеленой богатой равнины, орошаемой множествомъ горныхъ потоковъ, лежитъ древняя абхазская резиденція, Бамборы.

Здѣсь нужно еще упомянуть о другомъ приморскомъ городѣ, Питцунда, расположенномъ на сѣверной оконечности этой прибрежной полосы. Тамъ, гдѣ нѣкогда процвѣталъ Пифъ, виднѣется теперь пустынный берегъ, на которомъ кое-гдѣ разбросаны избушки и небольшія деревянныя лавки. Горы выдаются далеко въ море, такъ что образуемая ими бухта защищаетъ берегъ отъ югозападныхъ вѣтровъ. Въ этомъ городѣ жили почти всѣ варварскія племена, нападавшія на Иранское плоскогоріе. Но ни одинъ изъ древнихъ народовъ не осмѣлился вступить въ открытую войну съ кавказскими горцами. Всѣмъ извѣстно, что, завоеваніе Кавказа начато было Петромъ Великимъ, русскіе въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ лишились на Кавказѣ 30,000 человѣкъ, отчасти убитыми непріятелемъ, а большая часть пала жертвою зловредныхъ лихорадокъ. Водворивши миръ на Кавказѣ, Россія мало заботилась о поселеніи береговыхъ укрѣпленій.

Непаханая полоса.

Полоса ли ты полосынька,
Что лежишь не пахана?
По тебѣ тропа—дороженька
Торная протоптона;

На тебѣ травинка чахлая,
Гнется и качается,
Жгучимъ солнцемъ опаленая,
Сохнетъ и ломается.

Ты одна-то одинешенька,
Смотришь сиротинкою,
Подъ тропой тебѣ тошнехонько,
Стонешь ты съ травинкою.

Вкругъ тебя сестрицы—полосы,
Вспаханы, засѣяны,
Развернули пышно колосы,—
Зернами унизаны.

Ими весело любуются,
Ждутъ съ нихъ жатвы, прибыли.
Тебя-жь топчутъ—не заботятся,
Ни за что забросили.

Твой хозяинъ гдѣ-то шляется,—
Нѣтъ въ селѣ дѣтинушки,
О тебѣ не сокрушается,—
Нѣтъ ему заботушки.

Хоть бы міромъ сиротинушку,
Горькую утѣшили:
Не топтали бы тропинушку,
Зернами засѣяли.

С. Деруновъ.

Новости наукъ и жизни.

Вооруженныя силы Египта. Послѣ долгихъ колебаній, хедивъ, какъ сообщаютъ телеграммы, рѣшился предоставить въ распоряженіе своего верховнаго властителя, султана, требуемое количество войскъ. Участіе Египта въ войнѣ имѣетъ нѣкоторое значеніе, такъ какъ египетская армія, во всѣхъ отношеніяхъ, стоитъ несравненно выше турецкой. Египетская армія раздѣляется на два разряда, т. е. на регулярную армію и башибузуковъ.

Регулярная армія состоитъ изъ пѣхоты, кавалеріи, артиллеріи, піонеровъ и обозной части. Она пополняется посредствомъ рекрутскихъ наборовъ, но лица, не желающія нести военную службу, освобождаются отъ нея покупкою рекрутскихъ квитанцій. Цѣны на послѣднія довольно высоки, а именно 600 египетскихъ фунтовъ (фунтъ=26 франк.). Срокъ службы въ пѣхотѣ 5, въ кавалеріи 6, а въ артиллеріи 7 лѣтъ Регулярныя войска образуютъ 5 дивизій, изъ коихъ 1 гвардейская и 4 армейскія. Гвардія и 4 армейская дивизія расположены въ Каирѣ, 1-я дивизія квартируетъ въ Александріи, Даміеттѣ и Розеттѣ, 2-я—въ Торохѣ, а третья въ Ресбрадѣ. Каждая дивизія состоитъ изъ двухъ бригадъ пѣхоты, 1-й бригады кавалеріи, 1-го артиллерійскаго полка и 1-й піонерной роты. Пѣхотная бригада дѣлится на два полка, полкъ на три баталіона, баталіонъ — на 8 ротъ. Въ каждой ротѣ имѣется 3 офицера, 1 фельдфебель, 5 унтеръ-офицеровъ, 8 ефрейторовъ, 1 горнистъ и 85 рядовыхъ. Составъ военнаго времени тотъ же, какъ и мирнаго. Каждая бригада конницы дѣлится на 2 полка, полкъ на 5 эскадроновъ; въ эскадронѣ полагается 120 лошадей. Всѣхъ кавалерійскихъ полковъ 10, а именно: 4 гусарскихъ, 4 драгунскихъ и 2 уланскихъ. Въ каждомъ артиллерійскомъ полку 12 батарей шести орудійнаго состава. Орудія нарѣзныя, семи-сантиметроваго калибра, системы Круппа. Всѣхъ полевыхъ орудій имѣется 360. Что касается до крѣпостной артиллеріи, то ея матеріальная часть состоитъ, преимущественно, изъ нарѣзныхъ орудій, по большей части весьма тяжелыхъ калибровъ. Личный составъ крѣпостной артиллеріи образуетъ три полка, которые расположены въ Каирѣ, Александріи, Даміеттѣ и Розеттѣ.

Регулярная египетская армія далеко превосходитъ, какъ сказано выше, турецкую. Какъ египтяне, такъ и нубійцы и суданцы—народъ бодрый, здоровый, крѣпкаго тѣлосложенія, легко подчиняющійся всѣмъ требованіямъ воинской дисциплины. Бо́льшая часть войскъ расположена какъ лѣтомъ, такъ и зимою въ лагеряхъ, вокругъ которыхъ устраиваются бараки для солдатскихъ женъ и дѣтей. Обмундированіе пѣхоты состоитъ изъ красной фески, полотняной бѣлой куртки, такихъ же штановъ и сапоговъ. Сверхъ этого, пѣхота, подобно всѣмъ другимъ родамъ оружія, снабжена просторною шинелью синеватаго цвѣта съ капюшономъ. Вся пѣхота, безъ исключенія, вооружена ружьями системы Ремингтона. На каждаго пѣхотинца полагается 100 патроновъ, изъ коихъ 30 хранятся въ патронташѣ, а остальные 70—въ ранцѣ. Кавалерія имѣетъ суконную одежду; вооруженіе ея состоитъ изъ сабли, пары пистолетовъ системы Ремингтона и пики (въ уланскихъ полкахъ). Пополняется она лошадьми изъ Сиріи, Аравіи, Франціи и Венгріи. Обмундированіе артиллеріи сходно съ кавалерійскимъ, лошади—нормандскія, по 4 на каждое орудіе. Вся матеріальная часть артиллеріи покупается за границею.

Военно-учебныхъ заведеній въ Египтѣ имѣется четыре: училища: пѣхотное, кавалерійское, артиллерійское и академія генеральнаго штаба (такъ называемая академія войны хедива). Должность военнаго министра возложена на второго сына хедива, Гуссейна пашу, но настоящій военный министръ—это Стенъ паша, бывшій офицеръ южанъ во время междоусобной войны въ Америкѣ.

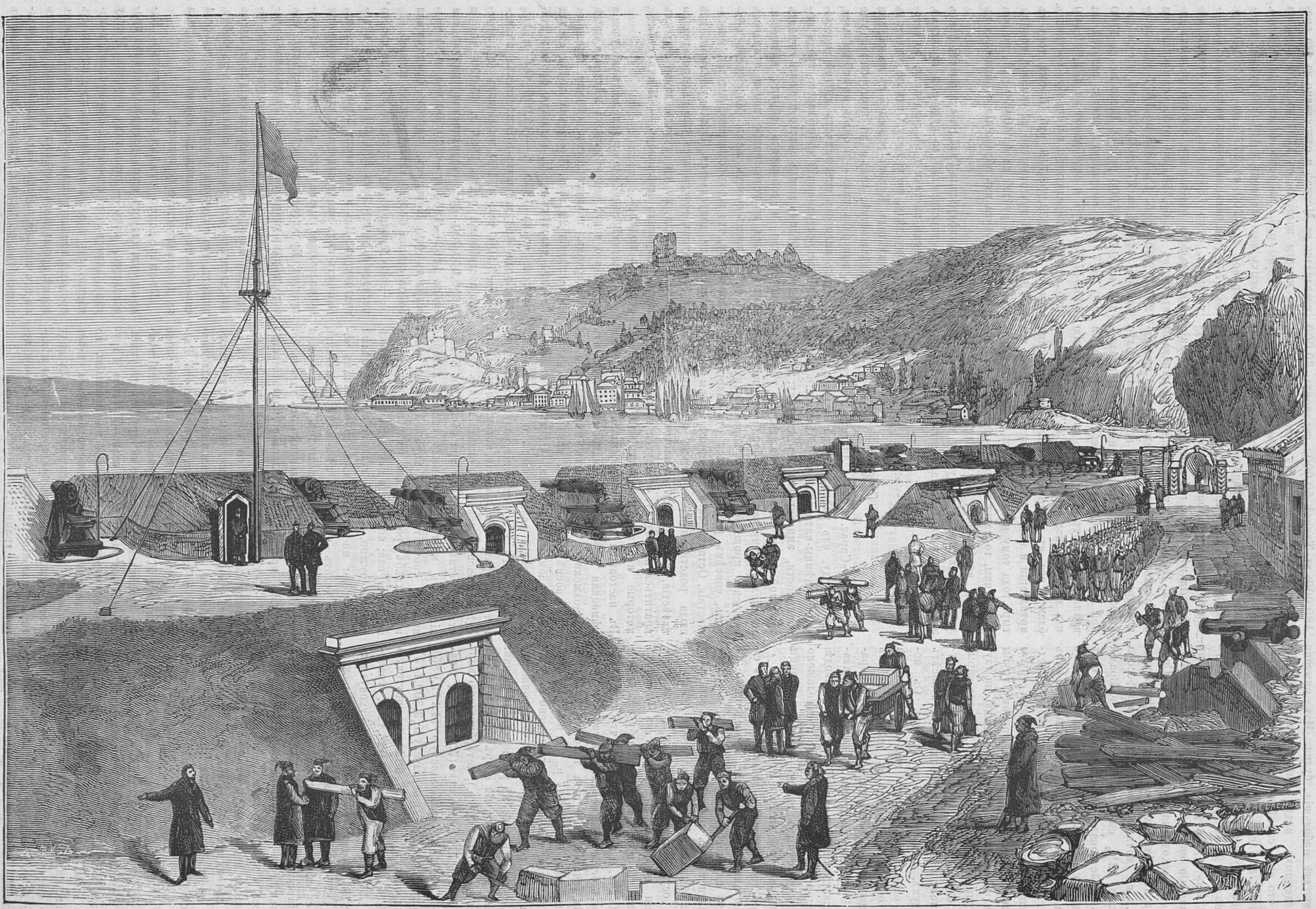
Иррегулярная кавалерія или баши-бузуки вербуются правительствомъ, которое снабжаетъ ихъ лошадьми и предметами обмундированія и снаряженія. Они получаютъ также изъ казны хлѣбъ и 30 фр. въ мѣсяцъ жалованья. Баши-бузуки дѣлятся на орды по 400 ч. въ каждой. Большая часть изъ нихъ расположена вдоль Краснаго моря, въ Дарфурѣ и на берегахъ Бѣлаго и Голубого Нила.

— **Почтовые голуби и хищныя птицы.** По словамъ «Moniteur de l'Armée» производятся въ Парижѣ въ jardin d'acclimatisation въ военной голубятнѣ весьма интересные опыты. Часто случается, что утомленный почтовый голубь преслѣдуется какою либо хищною птицею, дѣлается ея жертвою, такъ что самый голубь и депеша пропадаютъ, не доходя до мѣста назначенія. Въ Китаѣ издавна употребляютъ голубей для передачи депешъ, гдѣ придумали для нихъ довольно оригинальное средство защиты отъ хищныхъ птицъ, которыми изобилуютъ тамошнія степи; къ крыльямъ голубей привязываютъ маленькіе, чрезвычайно легкіе, колокольчики, съ весьма рѣзкимъ звономъ. Чѣмъ скорѣе голубь летитъ, тѣмъ рѣзче раздаются эти колокольчики, «Moniteur de l'Armée» сообщаетъ, что Военное Парижское Голубиное Общество приступило къ опытамъ надъ этимъ способомъ защиты.

— Въ Европѣ преступники прибѣгаютъ обыкновенно къ ядамъ, дѣйствующимъ благодаря ихъ химическимъ свойствамъ; туземные жители Явы употребляютъ, напротивъ того, такой ядъ, который производитъ желаемое дѣйствіе, вслѣдствіе физическихъ свойствъ. Они срѣзаютъ бамбукъ какъ разъ у какого либо сучка, и изъ полости отдѣляютъ нѣсколько волоконъ, покрытыхъ едва замѣтными иглами, которыя они и подмѣшиваютъ въ пищу. При глотаніи, волокна эти не проходятъ въ желудокъ, а застрѣваютъ въ горлѣ и въ дыхательныхъ органахъ

Вслѣдъ за тѣмъ начинается удушливый, частый кашель, а за нимъ наступаетъ въ скорости воспаленіе легкихъ. Это болѣзненное состояніе происходитъ вслѣдствіе иглъ, которыя ранятъ, повреждаютъ, разрѣзываютъ и разрываютъ легочныя ткани. Жажда, сухота и затѣмъ смерть отъ удушья—вотъ каковы результаты принятія во внутрь бамбуковой пакли. Наука открыла только дѣйствіе этого яда, но, до настоящаго времени не доискалась, какъ противодѣйствовать ему.

— Нынѣшнею весною, въ Петербургѣ производились публичные опыты освѣщенія улицъ текучимъ нефтянымъ газомъ. Г. Врадій изобрѣлъ, какъ извѣстно, аппаратъ, на которомъ изъ сырой нефти выработывается свѣтильный газъ. Заводъ для добыванія газа находится у московской заставы, по Полигонному переулку, отъ котораго, на протяженіи трехъ съ половиною верстъ, по Большому Царскосельскому проспекту, поставлены сто фонарей. Подобно тому, какъ и при обыкновенномъ уличномъ освѣщеніи, фонари разставлены одинъ отъ другого на разстояніи 15 — 17-ти саженъ, судя по условіямъ мѣстности. Фонари для нефтяного газа вдвое менѣе обыкновенныхъ фонарей, такъ какъ и пламя нефтяного газа вдвое менѣе. Самый нефтяной газъ проведенъ не въ подземныхъ трубахъ, но въ небольшихъ, отъ одного дюйма до $^{1}/_{4}$ дюйма желѣзныхъ трубкахъ, подвѣшен-



Приведеніе въ оборонительное положеніе форта Маджаръ, расположеннаго на Азіятскомъ берегу Константинопольскаго пролива (Босфора).

ныхъ на проволокѣ къ фонарнымъ столбамъ. Аппаратъ и газгольдеръ для нефтяного газа занимаютъ двѣ небольшія будки. Изъ опытовъ произведенныхъ надъ аппаратомъ г. Врадія, видно, что пудъ сырой нефти, цѣною, въ настоящее время, въ 1 руб. 80 коп., даетъ 360 футовъ совершенно сухого газа, нетолько не замерзающаго, но при 25-ти градусахъ мороза сгущающагося. Изъ пуда нефти получается 360 футовъ газа, дающіе свѣтъ 4,500 свѣчей и стоющіе, считая и расходы на топливо, 2 р. 70 к. Сила пламени въ нефтяныхъ горѣлкахъ г. Врадія равняется, по точному опредѣленію професора Крупскаго, $12\frac{1}{2}$ свѣчамъ. Аппаратъ г. Врадія можетъ дѣйствовать безостановочно, причемъ реторты, на которыхъ нефть разлагается безъ остатка, не засоряются. При значительномъ примѣненіи освѣщенія нефтянымъ газомъ, предполагается прокладывать газопроводныя трубы отъ 4-хъ дюймовъ до $\frac{1}{4}$ дюйма, причемъ трубы четырехдюймовыя зарываются въ землю на глубину аршина; а трубы мéньшаго діаметра зарываются еще ближе отъ поверхности земли; трубы же полу и четверть дюймовыя могутъ висѣть на воздухѣ, отъ фонаря до фонаря. Съ помощью одного нефтяного газоваго аппарата можно освѣщать площадь въ двѣ версты. Въ настоящее время, освѣщеніе газовымъ аппаратомъ г. Врадія производится въ казармахъ кавалергардскаго полка, на одномъ казенномъ заводѣ, а также въ Харьковѣ; сверхъ того предположено освѣщать нефтянымъ газомъ нѣкоторыя улицы александроневской части и Песковъ.

Устройство освѣщенія нефтянымъ газомъ съ помощью аппарата г. Врадія, проведеннаго по Большому царскосельскому проспекту, обошлось около пяти тысячъ рублей, т. е. въ шесть разъ дешевле обыкновеннаго газоваго освѣщенія.

Если осуществится проектъ г. Нобеля о доставленіи нефти въ Петербургъ въ большихъ размѣрахъ, то цѣна ея не должна будетъ превышать 90 коп. и 1 рубля за пудъ, что еще болѣе удешевитъ освѣщеніе нефтянымъ газомъ.

— Въ теченіе 1876 года таможенныхъ сборовъ поступило 69,199,227 р., т. е. на 7,653,627 руб. болѣе того, что было предположено по росписи на 1876 годъ. Наибóльшая часть пошлинныхъ сборовъ (16,476,795 р.) поступила за чай. По таможнямъ наибóльшій сборъ приходится: на московскую (15,934,623 р.), петербургскую портовую (13,676,715) одесскую (5,898,226), рижскую (4,137,626), вержболовскую (4,119,685), варшавскую (3,853,892), ревельскую (3,309,175), александровскую (2,257,682), иркутскую (2,040,016), таганрогскую (2,026,417), граевскую (1,964,210) и петербургскую сухопутную (1,538,819). Содержаніе таможенныхъ учрежденій въ 1876 году составляло 3,280,384 р., или 4,$_{7}$% съ валовой цифры таможеннаго дохода.

— На центральной телеграфной станціи въ Стокгольмѣ, въ присутствіи нѣсколькихъ профессоровъ и начальства телеграфнаго вѣдомства, испытывался вновь изобрѣтенный Л. Карландеромъ, самопишущій телеграфный аппаратъ. Крайне простое и остроумное устройство аппарата возбудило всеобщее вниманіе. Соединенный съ подводнымъ кабелемъ, идущимъ къ Ништадту въ Финляндіи, аппаратъ писалъ четкимъ шрифтомъ до 740 буквъ въ минуту. Онъ можетъ передать въ часъ до 120-ти телеграммъ, въ двадцать словъ каждая и, во всякомъ случаѣ, дѣйствуетъ вдвое быстрѣе сравнительно съ аппаратомъ Уитстона (Wheatstone), притомъ, какъ выше сказано, онъ отличается удивительною простотою устройства въ сравненіи съ другими сложными, и чувствительными при обращеніи съ ними, самопишущими приборами.

— Верблюдъ некрасивое, но весьма полезное животное. Какой-то англійскій публицистъ вычислилъ сколько находится въ разныхъ странахъ верблюдовъ; такъ въ Алжиріи ихъ около 180,000; въ Тунисѣ 50,000, изъ коихъ 30,000 составляютъ собственность бея. На островахъ Канарскихъ, по словамъ испанцевъ, привезено ихъ было изъ Марокко отъ 3 до 4,000. Въ русскихъ азіятскихъ провинціяхъ ихъ отъ 3 до 400,000. Это животное служитъ, какъ извѣстно, для перевозки товаровъ чрезъ песчаныя и пустынныя мѣстности, гдѣ лошади не въ состояніи ходить. Въ Алжирѣ часто попадаются караваны изъ нѣсколькихъ сотъ верблюдовъ, и на ежегодной ярмаркѣ въ оазисѣ Гатъ насчитывали болѣе 30,000 верблюдовъ, приведенныхъ изъ Центральной Африки. Верблюды употребляются также для войны; Бонапартъ образовалъ въ Египтѣ армію изъ дромадеровъ; а въ Персіи и Турціи употребляютъ ихъ, въ настоящее время, для перевозки артиллеріи и военныхъ повозокъ. Когда мы, четыре года тому назадъ, выступили походомъ противъ Хивы, то наши войска вели за собою множество верблюдовъ, но вслѣдствіе недостатка людей, привыкшихъ къ уходу и обращенію съ этими животными, большая часть изъ нихъ пропала.

Смѣсь.

— Въ «Сарат. Справ. Листкѣ» пишутъ: Въ 1876 году, изъ района нашей волости, очень многіе нѣмцы-католики, во избѣжаніе воинской повинности, эмигрировали въ Америку; но обѣтованной земли тамъ и не нашли, что уменьшило желаніе эмиграціи. Особенно поразило возвращеніе прошлой осенью карамансклхъ нѣмцевъ, совсѣмъ раззорившихся отъ такого путешествія. Оставшіеся въ Америкѣ нѣмцы пишутъ сюда родственникамъ весьма неутѣшительныя извѣстія, намѣреваясь въ настоящемъ году возвратиться на родину; останутся тамъ только тѣ, которые не имѣютъ возможности возвратиться. Въ настоящей зимѣ возвратилась изъ Бразиліи нѣмецкая депутація, командированная туда отъ приволжскихъ и нагорныхъ нѣмцевъ; она готова воспѣвать Бразилію, какъ страну, наполненную земными благами. Одинъ изъ означенной депутаціи разсказываетъ о Бразиліи слѣдующее: «Мы, т. е. депутація, радушно были приняты императрицею Бразиліи, которая немедленно сдѣлала распоряженіе объ оказаніи намъ содѣйствія мѣстными властями при обозрѣніи Бразиліи; есть много пустынныхъ степей, которыя вполнѣ соотвѣтствуютъ хорошей жизни человѣка; хлѣбъ родится два раза въ годъ, почва земли мягкая; корма для скота на зиму заготовлять не нужно, — скотъ гуляетъ по волѣ цѣлый годъ; воды много, а по нѣкоторымъ рѣкамъ могутъ ходить пароходы; лѣсовъ много; климатъ умѣренный: жары не превышаютъ 26%; одежды зимней не нужно». Независимо отъ такихъ богатствъ природы, бразильское правительство даетъ 40-лѣтнюю льготу переселенцамъ, съ безвозмезднымъ перевозомъ по морскому пути до мѣста поселенія, гдѣ переселенцы будутъ также снабжены всѣми хозяйственными принадлежностями и скотомъ, съ постройкою домовъ. Разсказы этого депутата сильно заинтересовали нѣмцевъ. Живущіе въ Караманѣ (въ степи) нѣмцы, увлекаемые разсказами другого депутата, начали уже распродавать излишній скотъ и другое имущество и собираться въ Бразилію, но предварительно хотятъ воспользоваться здѣсь посѣвомъ хлѣба въ настоящемъ году. Въ виду этого, можно навѣрное предположить, что нѣкоторыя колоніи оставятъ свое жительство и переселятся за границу.

— Въ «С.-Пет. Вѣд». доставлены свѣдѣнія о количествѣ выпущенной въ обращеніе золотой и серебряной монеты съ 1700 года по настоящее время. Изъ этихъ свѣдѣній видно, что, съ 1700 года по 1777 тодъ, чеканка монеты производилась въ Москвѣ и отчеканено за это время монеты золотой, съ 1701 по 1759 годъ, на 1,829,300 руб., въ томъ числѣ на 11,000 руб. золотыхъ полтинниковъ и 161,000 рублей, и серебряной съ 1700 по 1777 на 66,550,000 р. Съ 1738 года чеканка монеты началась въ С.-Петербургѣ, и по 1838 годъ, т. е. въ теченіе цѣлаго столѣтія отчеканено золотой разныхъ достоинствъ на 66,358,000 руб., серебряной на 243,512,000 руб. Съ 1838 по 1877 годъ отчеканено золотой на 774,860,000 руб. и серебряной на 172,558,000 рублей. Всего же съ 1700 по 1877 годъ выпущено монеты: золотой на 843,047,800 руб. и серебряной на 482,620,000 руб., что по переложеніи на серебро составитъ сумму въ 1,350,958,719 руб. Кромѣ того съ 1828 по 1845 приготовлено платиновой монеты въ 2, 6 и 12 рублей на 4,250,000 руб., но она почти вся изъята изъ обращенія и обращена въ металлъ.

— «Франкфуртская Газ». разсказываетъ фактъ вѣроятно, единственный въ судебной практикѣ. Нѣкій купецъ выставилъ въ свидѣтели, по весьма важному дѣлу, свою жену. Судъ не допустилъ этого свидѣтеля. Купецъ развелся съ женой; при ея свидѣтельствѣ, какъ при посторонней уже особѣ, выигралъ дѣло — и опять на ней женился.

Этотъ анекдотъ напоминаетъ другой: миссіонеръ, распространявшій христіанство среди людоѣдовъ, убѣдилъ вождя одного племени принять христіанство и совершить обрядъ крещенія. Вождь явился въ условленное время и привелъ съ собою трехъ своихъ женъ. Миссіонеръ объяснилъ ему, что по христіанской религіи, многоженство не допускается. Вождь ушелъ и, двѣ недѣли спустя, возвратился уже съ одною только женою. — «Куда же ты дѣвалъ двухъ другихъ женъ»? Спросилъ миссіонеръ. — «Я ихъ съѣлъ», отвѣчалъ людоѣдъ.

— Газета «Börsen Zeitung» приводитъ слѣдующія свѣдѣнія о числѣ человѣческихъ жизней и числѣ милліардовъ, поглощенныхъ войнами, бывшими въ послѣднія 20 лѣтъ. Крымская война стоила 784,991 человѣкъ и $8\frac{1}{2}$ милліард. франк.; италіанская война 1859 г. — 45,000 чел. и $1\frac{1}{2}$ милліарда фр.; шлезвигъ-гольштейнская кампанія — 3,500 чел. и 180 милліоновъ фр.; прусско австрійская война 1866 г. 45,000 чел. и 1.650,000,000 фр.; американская гражданская война 1862—1865 гг.—800,000 чел. и 35 милліардовъ фр. Наконецъ, прусско-французская война стоила 64,890 человѣческихъ жизней.

— Во Франціи phylloxera, со времени своего появленія, уничтожила 200,000 гектаровъ виноградниковъ. Изъ этого числа 50,000 гектаровъ, бывшихъ подъ виноградниками, эксплоатируются въ настоящее время уже для другихъ производствъ. Правительство всѣми зависящими отъ него мѣрами старается помочь владѣльцамъ виноградниковъ и особенно рекомендуетъ употреблять для новой посадки американскія лозы. Одинъ изъ членовъ филоксерной коммисіи, д-ръ Фабръ, пишетъ, что получены блестящія доказательства способности американскихъ сортовъ винограда къ противодѣйствію филоксерѣ.

Производство стальныхъ перьевъ. Едва-ли существуетъ столь распространенное производство, какъ — стальныхъ перьевъ. Между тѣмъ, даже въ его отечествѣ. Бирмингамѣ, неизвѣстно, гдѣ и когда оно беретъ свое начало. Въ продажѣ начали показываться стальныя перья въ концѣ прошедшаго столѣтія; а первый патентъ на это издѣліе выданъ былъ англійскимъ правительствомъ въ 1830 г. Джемсу Перву. Нынѣ въ Европѣ еженедѣльно перерабатывается въ стальныя перья 640 центнеровъ стали, что равняется 40 милліонмъ штукъ перьевъ.

—Французское правительство назначило специальную коммисію для разсмотрѣнія вопроса о возможности реставрировать тюльерійскій дворецъ въ Парижѣ, сожженный во времена господства коммуны. Коммисія, въ свою очередь, выбрала изъ себя подкоммисію, состоящую изъ архитекторовъ и инженеровъ, съ цѣлью изслѣдовать обстоятельно вопросъ. Оказалось, что часть дворца такъ разрушена, что нельзя и думать объ ея возстановленіи. Такъ, напримѣръ, два крыла, примыкающія къ павильонамъ Флоры и Марсана совершенно уничтожены. Другія же части, напримѣръ, іоническая колоннада, исполненная по рисунку Филиберта Делорма, перваго архитектора дворца, сохранилась до сихъ поръ. Нѣкоторыя части зданія почти не тронуты. Поэтому подкоммисія полагаетъ, что реставрація дворца возможна. Но дворецъ не будетъ больше жилищемъ главы государства, а музеемъ, который будетъ составлять часть луврскаго музея.

— Американская пресса значительно превосходитъ европейскую какъ численностью читателей, такъ и матеріальными средствами. Вотъ нѣкоторыя цифровыя данныя. Самая большая и богатая американская газета — «New York Herald»; форматъ ея огромный; для составленія одного № требуется 849,550 буквъ; бумаги потребляется ежедневно 11 тоннъ; наборщики заработываютъ на одномъ нумерѣ 600 долларовъ; телеграммы занимаютъ въ газетѣ 96 столбцовъ; а половина изъ нихъ получается изъ Европы, причемъ каждое слово обходится 11 франковъ. Въ Америкѣ издается 5,871 газетъ и журналовъ съ 20.842,475 подписчиковъ. Если принять во вниманіе, что на всемъ земномъ шарѣ, кромѣ Америки, издается 7,642 газеты, то выходитъ, что одна Америка издаетъ и читаетъ почти столько, сколько всѣ остальныя части свѣта, вмѣстѣ взятыя.

— Золотыя розсыпи, открытыя въ 1851 году въ австрійской колоніи «Викторія» и ставшія извѣстными, благодаря огромному количеству добываемаго въ нихъ золота, начали замѣтно истощаться въ послѣднее время. Въ 1866 году было добыто 1.536,581 унція золота, въ 1876 же году добыто только 937,260 унцій, на сумму въ 3.739,040 ф. ст., изъ которыхъ вывезено золота 525,600 унцій. Число людей, работавшихъ на пріискахъ въ 1876 году, простиралось, среднимъ числомъ, до 41,564 человѣкъ, такъ-что каждому приходилось получать въ недѣлю около 1 ф. ст. 15 шиллинговъ. Но такъ-какъ заработная плата въ дѣйствительности гораздо выше означенной цифры, то оказывается, что за работы приходилось платить, по большей части, изъ капиталовъ ихъ владѣльцевъ. «Melbourne Argus» совершенно справедливо замѣчаетъ, что золотые пріиски, въ ихъ теперешнемъ положеніи, врядъ-ли могутъ вознаградить затраченные на нихъ капиталы. По статистическимъ свѣдѣніямъ, въ золотыхъ розсыпяхъ «Викторіи» было добыто золота, начиная съ 1851 г. по конецъ 1876 г., 46.398,306 унцій, что, считая унцію по 4 фунт. стерл., составитъ сумму въ 185.593,224 фунт. стерл.

— Хроника отравъ посредствомъ разныхъ товаровъ, продуктовъ и издѣлій недавно обогатилась новымъ фактомъ. Изъ шведскаго города Норчепинга сообщаютъ, что одну тамошнюю горожанку чуть не отравили на-дняхъ зеленыя росписныя шторы, купленныя ею съ «ручательствомъ за ихъ безопасность». Сильные болѣзненные припадки этой женщины, обнаружившіеся тотчасъ-же за употребленіемъ шторъ, заставили мѣстнаго врача заподозрить въ нихъ присутствіе значительной подмѣси мышьяка, что вскорѣ и было положительно доказано химическимъ изслѣдованіемъ шторъ, въ лабораторіи.

— Наука совершила открытіе, имѣющее большую важность для государствъ, употребляющихъ бумажныя деньги. Дѣло идетъ о банковыхъ билетахъ, поддѣлка которыхъ будетъ невозможна. Посредствомъ особаго химическаго процесса, профессоръ Ратти успѣлъ добыть бумагу тонкую, прочную, легкую, глянцевитую, словомъ, такую, какой не съумѣетъ поддѣлать самый ловкій фальсификаторъ. Изобрѣтатель италіанецъ, и наше правительство приняло во вниманіе его открытіе и поручило ему произвести опыты.

— Изъ свѣдѣній, доставленныхъ аргентинскою республикою на филадельфійскую выставку, оказывается, что эта страна замѣчательна здоровостью климата: больные, тщетно искавшіе облегченія на Мадерѣ и въ Ниццѣ, могли бы поправить свое здоровье въ цвѣтущихъ долинахъ Сіерра де Кордоба.

Доказательствомъ здоровости климата служитъ число аргентинцевъ, достигшихъ ста лѣтъ. По переписи 1869 года нашлось 26 человѣкъ, имѣвшихъ болѣе 120 лѣтъ; 86 болѣе 110 лѣтъ, 50 болѣе 105 лѣтъ и 63 болѣе 100 лѣтъ всего 234 человѣка, перешедшихъ столѣтній возрастъ.

— Изъ Харькова «Биржевымъ Вѣдомостямъ» сообщаютъ, что открытіе харьковскаго технологическаго института послѣдуетъ 1-го августа текущаго года. Въ настоящее время, производится внутренняя обдѣлка зданія и заготовка классной мебели и другихъ принадлежностей. Къ освященію будутъ приглашены представители всѣхъ учебныхъ округовъ и многіе извѣстные ученые.

— Американскій генералъ Берданъ, извѣстный изобрѣтатель ружей его имени, введенныхъ въ употребленіе въ русской арміи, въ настоящее время въ Берлинѣ, производитъ опыты надъ придуманнымъ имъ измѣрительнымъ инструментомъ. Этимъ инструментомъ почти моментально опредѣляется разстояніе, для опредѣленія стрѣльбы, высотъ, разныхъ мѣстъ и пр., на протяженіе 6,000 метровъ (6 верстъ). Инструментъ вполнѣ достигаетъ своей цѣли.

— Въ газ. «Новости» сообщаютъ, что въ Петербургѣ полученъ изъ Нью-Іорка новый родъ конвертовъ, прозванныхъ изобрѣтателемъ ихъ *Salotyenvelopps*, потому что они устроены такъ, что никакая посторонняя рука не въ состояніи открыть ихъ, не оставляя явныхъ слѣдовъ покушенія. Какъ извѣстно, открывать нынѣшніе наши конверты, края которыхъ покрыты клеемъ, не представляется никакихъ затрудненій. Ихъ стоитъ только подвергнуть вліянію теплаго пара или сырости и они открываются безъ всякаго слѣда и ихъ можно затѣмъ опять закрыть. Американскіе конверты такъ устроены, что открыть ихъ этимъ путемъ нѣтъ возможности. На соединяющихъ конвертъ краяхъ напечатаны химическими чернилами слова «*Attempt to open*» (попробуйте-ка открыть). Слова эти не видны, но какъ только пытаются открыть конвертъ, держа его надъ паромъ или стараясь помочить его, дабы открыть, то они являются на поверхности, свидѣтельствуя о преступномъ покушеніи. Въ Америкѣ и Англіи эти «безопасные конверты» имѣли громадный успѣхъ.

— Въ Санъ-Франциско недавно застрѣлился джентельменъ, оставивъ письмо слѣдующаго содержанія:

«Убѣжденный, что душа, освободившись отъ узъ тѣлесныхъ, познаетъ не только настоящее и прошедшее, но и будущее, лишаю себя жизни для того, чтобы возможно раньше узнать, кто будетъ президентомъ Соединенныхъ Штатовъ».

Въ pendant къ такому образчику яраго чтеца газетъ интересенъ образчикъ супружеской четы:

Въ Нью-Іоркѣ, леди Гаггерти обвиняла своего мужа въ пьянствѣ и грубомъ съ нею обращеніи: судъ приговорилъ Гаггерти къ двухлѣтнему тюремному заключенію. Но тутъ леди Гаггерти стала испытывать угрызенія совѣсти. Она пробовала устроить мужу побѣгъ изъ тюрьмы; но, убѣдившись, что мужъ предпочитаетъ тюрьму, ножницами отрѣзала себѣ половину языка. Узнавъ объ этомъ, мужъ съ невозмутимой флегмой сказалъ: «жаль, что не весь и не раньше».

Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій.

Хотя въ теченіи минувшей недѣли не произошло особенно важныхъ событій на всемъ театрѣ военныхъ дѣйствій, однако необходимо упомянуть и о маловажныхъ дѣлахъ и передвиженіяхъ, такъ какъ они могутъ объяснить послѣдующія дѣйствія.

По восточному побережью Чернаго моря, на протяженіи 100 верстъ отъ Сухума до мыса Адлера, турки, несомнѣнно, имѣли успѣхи: высаживали бывшихъ переселенцевъ у Сухума и Адлера, возмущали населеніе и для подкрѣпленія тѣхъ и другихъ высадили у Сухума часть своей пѣхоты и артиллеріи. Сколько именно высажено на берегъ, точныхъ свѣдѣній, разумѣется, нѣтъ, а было какъ-то сообщено, что у Адлера высадилось около 3 т. человѣкъ. Такимъ образомъ, Сухумскій отдѣлъ и Черноморскій округъ стали театромъ военныхъ дѣйствій. Мы уже сообщали краткія свѣдѣнія о восточномъ побережьѣ Чернаго моря; для большей ясности скажемъ опять нѣсколько словъ объ этомъ.

Черноморскій округъ заключаетъ въ себѣ сѣверную часть побережья и тянется неширокою полосою отъ Анапы. Пространство его—около 100 кв. миль или 4645 кв. верстъ; населеніе, безъ Анапы и Новороссійска, по свѣдѣніямъ около 1870 года (см. «Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ», т. II, 1872 года), доходило до 8758 душъ обоего пола, что составляетъ почти по три человѣка на каждыя двѣ квадратныхъ версты, или на каждую душу приходится около 70 десятинъ. Поселенія вообще не велики, всѣ населены русскими и расположены по берегу моря, при устьяхъ многочисленныхъ рѣкъ и рѣчекъ, берущихъ начало въ главномъ кавказскомъ хребтѣ и его отрогахъ.

Болѣе или менѣе удобный путь идетъ по берегу моря, но есть дороги и внутри страны. Не будучи въ состояніи противодѣйствовать высадкѣ турокъ у Адлера, нашъ отрядъ изъ 2-го черноморскаго пластунскаго баталіона и стрѣлковой роты 2-го кавказскаго линейнаго баталіона отошелъ, чрезъ Ахштыръ, къ р. Сочѣ, гдѣ къ нему присоединилось еще 3 роты и сюда же, вѣроятно, направлены подкрѣпленія изъ сосѣдней Кубанской области.

Оставивъ Сухумъ, г.-м. Кравченко отошелъ сначала къ с. Ольгинскому, потомъ въ Цебельду, а отсюда, чрезъ Богадскій мостъ, онъ можетъ соединиться съ отрядомъ генералъ-маіора Алхазова (командиръ 2-й бригады 19-й пѣх. дивизіи), сосредоточивающимся на лѣвой сторонѣ р. Кодора. Генералъ Кравченко 18 мая уже перешелъ мостъ, а генералъ Алхазовъ уже 16 мая прибылъ къ Адзнарскетскому подъему (между Наа и Богадскимъ мостомъ). У Наа устраивается переправа. Сообщенія Кодора съ Зугдиди могутъ подвергнуться опасности при высадкѣ непріятеля у Очемчиръ, отъ которыхъ дорога проходитъ верстахъ въ тринадцати.

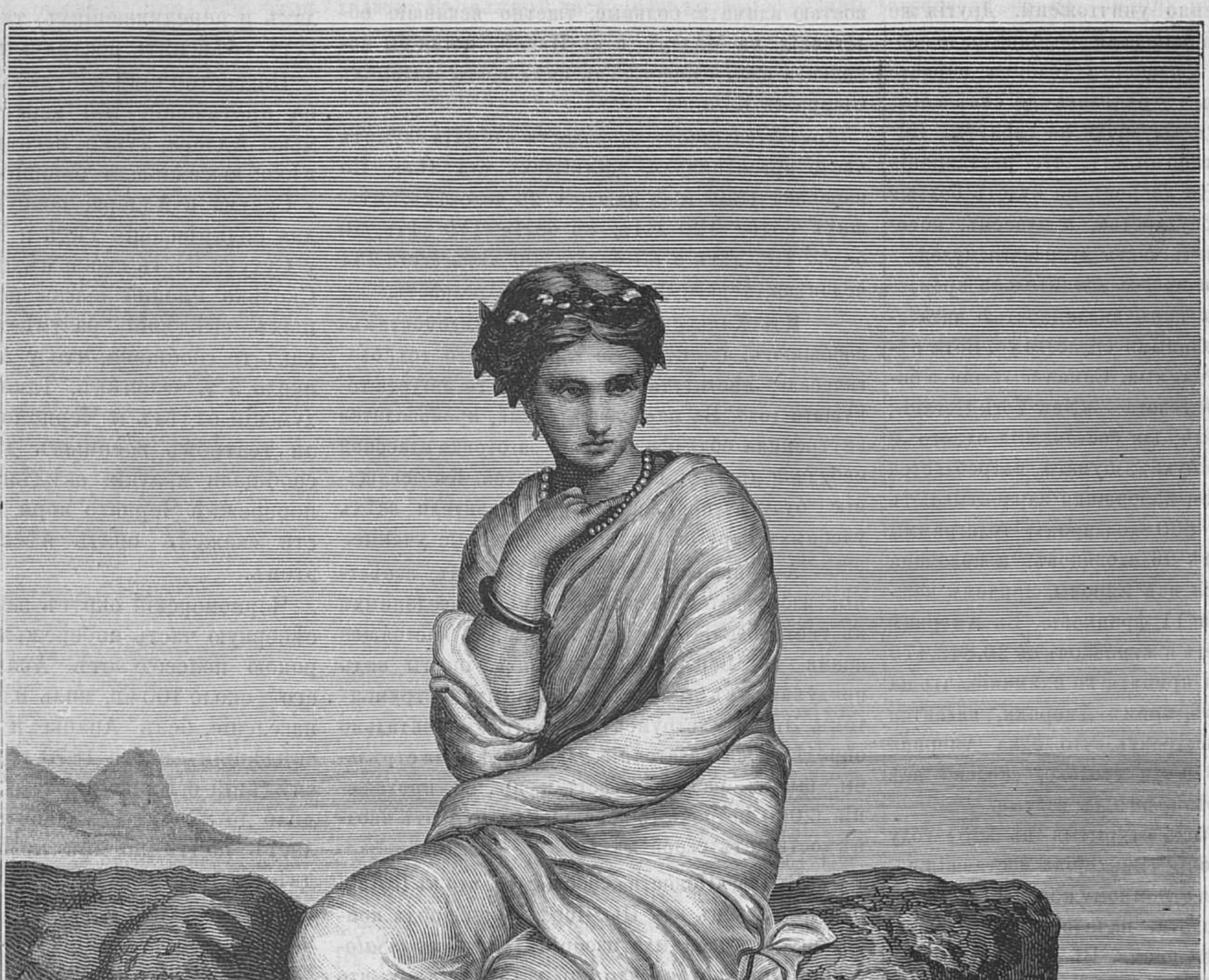
Если наши отряды не настолько сильны, чтобы пренебрегать высадкою у Очемчиръ, то придется отойдти за линію Ингура.

Перейдемъ теперь къ дѣйствіямъ отряда генерала Оклобжіо.

Какъ извѣстно, этотъ отрядъ, занявъ съ

боя высоты д. Хоцубани, овладѣлъ правымъ берегомъ р. Кинтриши. Начавшіеся дожди затруднили переходъ чрезъ рѣку, къ тому же необходимо было устроить дороги.

16-го мая авангардъ отряда, подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника Гурчина, перешелъ на лѣвый берегъ р. Кинтриши и занялъ высоты Самеба; другая колонна также перешла рѣку и заняла позицію около д. Кабулетъ. Такимъ образомъ, отрядъ прочно утвердился на лѣвомъ берегу рѣки. Турки отошли къ кр. Цихидзиры. Потеря наша была 4 убитыхъ и 30 раненыхъ, что очень мало сравнительно съ тѣмъ препятствіемъ, которое преодолѣно.



Передъ купаньемъ.

Читатели, безъ сомнѣнія, помнятъ, что до Батума осталось еще верстъ 20, но дорогу пересѣкаетъ нѣсколько рѣчекъ и ручьевъ, оборона которыхъ можетъ быть весьма успѣшна. Рѣчка Кинтриши самая большая изъ всѣхъ рѣчекъ этого пространства. Результаты перехода нашихъ силъ не замедлили обнаружиться: въ населеніи Кабулетъ замѣтно болѣе миролюбивое настроеніе; отобраніе оружія идетъ своимъ чередомъ.

Турецкій гарнизонъ Ардагана, бывшій въ составѣ 12 баталіоновъ, частію бѣжалъ по направленію къ Ольтѣ и Батуму, частію же разбѣжался совершенно.

Наши войска, оставивъ гарнизонъ, подъ начальствомъ полковника Комарова, направились, въ числѣ 15 баталіоновъ, на присоединеніе къ главнымъ силамъ. Одна колонна генерала Шереметьева доходила до м. Пенякъ, верстахъ въ 70 отъ Ардагана, непріятель удалился въ Ольту, верстахъ въ 30 отъ Пеняка. Генералъ Шереметьевъ, такимъ образомъ, обходилъ Саганлугскій хребетъ съ сѣвера и зашелъ даже за Бардусъ, въ которомъ, по слухамъ, былъ Мухтаръ-паша.

За взятіе Ардагана, генералы Лорисъ-Меликовъ и Девель получили орденъ св. Георгія 3-го класса, а Гейманъ—золотую саблю, украшенную бриліантами. Необходимо прибавить, что генералъ Гейманъ еще въ 1864 году получилъ орденъ св. Георгія 3-й степени. Василій Александровичъ Гейманъ съ 1844 года офицеромъ, провелъ свою службу на Кавказѣ, гдѣ онъ пользуется заслуженною извѣстностью; въ годъ полученія ордена св. Георгія, онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, а въ 1872 году — генералъ-лейтенанты.

Ѳедоръ Даниловичъ Девель офицеромъ въ 1838 г., имѣетъ Георгія 4-й степени съ 1865 года. Одинаково съ нимъ подвизается и Арзасъ Артемьевичъ Тергукасовъ, произведенный годомъ ранѣе въ офицеры, но въ одномъ и томъ же году получившій Георгія и чинъ генералъ-маіора.

Съ присоединеніемъ ахалцыхскаго отряда, наши главныя силы подъ Карсомъ усилились значительно и пріобрѣли вслѣдствіе того большую самостоятельность. Въ настоящее время, вѣроятно, Карсъ окруженъ нашими отрядами; иностранныя газеты сообщаютъ о бомбардированіи его, но это пока не подтверждается оффиціальнымъ путемъ. Къ главнымъ силамъ ожидаютъ прибытія его императорскаго высочества великаго князя намѣстника кавказскаго, а это отчасти можетъ указать на «начало конца» Карса.

13-го мая сводная казачья дивизія генералъ-маіора Лорисъ-Меликова имѣла у Маргаджиха (къ югу отъ Карса верстахъ въ 11) перестрѣлку съ вышедшими изъ Карса войсками всѣхъ родовъ оружія, причемъ часть казаковъ съ успѣхомъ дѣйствовала въ пѣшемъ строѣ. Мы потеряли 1 убитымъ и 6 раненыхъ.

17-го мая генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ, прибывъ съ гренадерскою дивизіей въ Хаджи-халилъ (къ югу, отъ Карса, верстахъ въ 16) и зная, что непріятельская горская кавалерія Мусы-паши Кундухова спустилась съ Саганлуга по Карской дорогѣ, вечеромъ отправилъ въ Ардость (къ западу отъ Хаджи-халилъ, верстахъ въ 12) и далѣе 2 кавалерійскую дивизію со вторымъ дагестанскимъ кумыко-кабардинскимъ полкомъ и съ 16 конными орудіями подъ общимъ начальствомъ Чавчавадзе, который ночью и напалъ на непріятеля, остановившагося у Бегли-Ахмета (отъ Ардоста верстъ десять) и обратилъ его въ бѣгство, взявъ 2 орудія и 4 зарядныхъ ящика, отбитыхъ 4 эскадрономъ нижегородскаго драгунскаго полка. У насъ убито 6, ранено 30, умеръ отъ раны 1 офицеръ. Корпусный командиръ расположился на Карсъ-Чаѣ близъ Ардоста и близъ стоянки генерала Муравьева въ 1855 году. Отдѣленіе гренадерской дивизіи къ Ардосту — видимый результатъ усиленія нашихъ силъ подъ Карсомъ.

Въ иностранныхъ газетахъ есть извѣстія о недостаткѣ продовольствія въ крѣпости Карсѣ.

Сообщаютъ, что Шефкетъ-паша отправится принять начальство надъ гарнизономъ Карса. Дѣйствіями Мухтара-паши недовольны въ высшей степени; его, кажется, намѣрены отозвать и передать военному суду.

Вообще о дѣйствіяхъ Мухтара ничего не сообщается; писали, что онъ отошелъ къ Эрзеруму и занятъ приведеніемъ сего города въ оборонительное положеніе.

Въ Алашкертской равнинѣ отрядъ генералъ-лейтенанта Тергукасова оставался у Сурпъ Аганеса. Посланный по направленію къ Вану, генералъ Амилохваровъ 9 мая достигъ до р. Соукъ Су (верстахъ въ 40 южнѣе Баязета) и, не открывъ непріятеля, возвратился къ отряду.

Относительно расположенія турецкихъ силъ въ Алашкертской равнинѣ по рекогносцировкѣ 14 мая оказалось, что у Каракалиса, у Алашкерта и Азъ-хана стоятъ около 12 баталіоновъ въ укрѣпленныхъ лагеряхъ. Во время перестрѣлки убито двое и ранено двое куртинъ.

Во всемъ занятомъ нами краѣ генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ устроилъ гражданское управленіе, образовавъ область и раздѣливъ его на 6 уѣздовъ: Поцховскій, Чалдырскій, Верхне и Нижне-Ардаганскіе, Зарышамскій, Шурагельскій Кольсуманскій. Правителемъ области назначенъ генералъ Попко, занимавшій въ прошлую кампанію должность начальника Карскаго округа, когда генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ былъ назначенъ начальникомъ Карской области.

Отъ существующей телеграфной станціи Игдыръ (въ Эриванской губ.) устроена линія до Баязета, и отъ Александрополя до Кюрюкъ-Дара, вслѣдствіе чего мы будемъ получать свѣдѣнія еще быстрѣе.

Въ «Тифл. Вѣстникѣ» напечатана корреспонденція *о бомбардированіи и штурмѣ Ардагана.* Заимствуемъ изъ нея наиболѣе интересныя мѣста: «Около 1 часу по полудни, къ командующему корпусомъ прискакалъ ординарецъ генерала Девеля, съ извѣстіемъ, что слѣдуетъ подкрѣпить его колонны аттакою, а штурмъ—съ южной стороны. Наши колонны давно ждали этого момента. Генералъ Гейманъ сѣлъ на коня и повелъ эриванцевъ и бакинцевъ на штурмъ. Приходилось пройти подъ выстрѣлами непріятельскихъ батарей $2^{1}/_{4}$ версты, а между тѣмъ, вмѣсто гранатъ, отъ батарей во всякую минуту могли шарахнуть въ войска картечью. Я смотрѣлъ на этотъ штурмъ, пробравшись на сѣверную сторону нашихъ батарей, чтобы не пропустить ни одного эпизода аттаки. Физіономія ея заслуживаетъ вниманія. Войска бодро шагали, разсыпавшись въ розницу, и только одна група ѣхала сомкнутымъ строемъ, вызывая выстрѣлы и своею численностью, и значкомъ, гордо развѣвавшимся за начальникомъ пѣхоты, генераломъ Гейманомъ. Фортъ Геляверди, впрочемъ, продолжалъ стрѣлять въ нашу батарею, но когда штурмующіе дошли до основанія высоты, выстрѣлы прекратились. Наши батареи тоже замолчали, чтобы не попасть въ своихъ. Сердце у всѣхъ у насъ билось, какъ въ лихорадкѣ, и мнѣ казалось, что выстрѣлы турокъ пріостановлены только для того, чтобы перемѣнить гранатные снаряды на картечные. Но оказалось, что я ошибся. Въ это время, какъ узнали впослѣдствіи, елисаветпольцы подходили штурмомъ къ форту, и, конечно, осажденнымъ было ужъ не до нашей батареи.

Елисаветпольцы уже вломились въ укрѣпленіе, когда эриванцы и бакинцы подошли къ нему съ юга. Непріятель же бѣжалъ, какъ только наши солдаты подошли ко рвамъ, не успѣвъ взять съ собою ни орудій, ни снарядовъ, ни даже заклепать пушекъ. Остались до послѣдней крайности и бились до смерти одни лишь артиллеристы—это лучшее оружіе турецкаго войска. Они усѣяли своими трупами рвы крѣпости и платформы своихъ батарей.

Вскорѣ послѣ этого, М. Т. Лорисъ-Меликовъ двинулся съ своимъ штабомъ въ укрѣпленіе. Войска встрѣтили его восторженно, оглася воздухъ несмолкаемыми криками «ура» и бросая вверхъ шапками. Командующій корпусомъ поблагодарилъ ихъ за службу, сказавъ, что они «первые обрадовали Царя и матушку Россію», что̀ вызвало трудно вообразимый энтузіазмъ. На многихъ глазахъ — какъ солдатъ, такъ и повыше — я замѣтилъ навертывавшіяся слезы. Но отъ великаго до смѣшного одинъ лишь шагъ: въ строю елисаветпольскаго полка стоялъ плѣнный турецкій низамъ, который въ тактъ съ нашими солдатами кричалъ «ура», блѣдный, какъ полотно, и тоже въ тактъ съ ними подбрасывалъ свою красную феску! Фортъ Рамазанъ, безмолвно взиравшій издалека на это торжество, долженъ былъ покраснѣть за измѣну турецкаго военноплѣннаго. Но онъ, впрочемъ, и безъ того достаточно красенъ.

Я объѣхалъ укрѣпленія Геляверди и невольно поразился мѣткостью и силою нашихъ выстрѣловъ. Почти всѣ снаряды попали въ батареи или передъ ихъ прикрытія. Вся крѣпость изрыта и изрѣшечена была гранатами. Земляной блиндажъ казематовъ на половину свалился. Трупы валялись искалѣченные, обезображенные, обезглавленные, посинѣлые. У входа въ казематъ сидѣлъ, поджавъ подъ себя ноги, сложивъ на грудь руки и свѣсивъ голову, закрытую башлыкомъ, раненый турецкій солдатъ, весь истекавшій кровью; другіе раненые лежали или валялись тамъ и сямъ. Солдаты наши съ любопытствомъ осматривали военноплѣнныхъ, но мнѣ не удалось взглянуть на нихъ. Но по лицамъ убитыхъ или тѣхъ плѣнныхъ и бѣглыхъ, которыхъ я видѣлъ прежде въ нашемъ лагерѣ, очевидно, что турецкія войска, по крайней мѣрѣ, въ Азіятской Турціи, терпятъ всевозможныя лишенія и страданія: они бѣдны, тощи, съ впалыми до ужаса глазами, съ апатичнымъ выраженіемъ лица, оборваны, общипаны, босы и наги.

Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» напечатаны слѣдующія извѣстія изъ Плоештъ, отъ 15-го мая: Сегодня утромъ, его высочество главнокомандующій получилъ отъ капитана 1-го ранга Рогули слѣдующія подробности о взрывѣ второго турецкаго броненосца:

«Ровно въ 4 минуты 1-го часа ночи, съ 13-го на 14-е мая, когда шелъ проливной дождь, лейтенантъ гвардейскаго экипажа Дубасовъ, испросивъ предварительно согласіе капитана Рогули и съ разрѣшенія генерала Салова, отвалилъ отъ браиловской пристани, съ четырьмя паровыми катерами, и направился въ Мачинскій рукавъ, съ цѣлью отыскать мѣсто стоянки турецкихъ судовъ и попытаться взорвать посредствомъ мины хотя одно изъ нихъ. Въ составъ этой рискованной экспедиціи входили слѣдующіе суда и офицеры:

1) Паровой катеръ «Цесаревичъ», взятый отъ румынскаго правительства; на немъ офицеры: лейтенантъ Дубасовъ и охотникомъ маіоръ румынской морской службы Муржеско; матросовъ 14 человѣкъ.

Отъ него на разстояніи 20-ти саженъ:

2) Паровой катеръ «Ксенія», съ пароходофрегата «Олафъ»; на немъ офицеры: экипажа его императорскаго высочества генералъ-адмирала лейтенантъ Шестаковъ и пожелавшій участвовать въ экспедиціи охотникомъ—гвардейскаго экипажа лейтенантъ Петровъ; матросовъ 9 человѣкъ.

Отъ него на разстояніи 20-ти саженъ:

4) Паровой катеръ «Джигитъ»; офицеръ—мичманъ Персинъ; матросовъ 8 человѣкъ.

Отъ него на разстояніи 20-ти саженъ:

4) Паровой катеръ «Царевна«; офицеръ—мичманъ Баль, матросовъ 9 человѣкъ.

Всѣ эти катеры, въ половинѣ третьяго часа по полуночи, вышли на видъ трехъ турецкихъ судовъ, занимавшихъ слѣдующую позицію: въ самой серединѣ Мачинскаго рукава стоялъ одинъ мониторъ; нѣсколько впереди его и вправо надъ берегомъ вырисовывалась во мглѣ ненастной ночи темная масса другого монитора, а влѣво отъ средняго—двухтрубный военный пароходъ.

Рѣшившись атаковать средній, какъ самый большой изъ стоявшихъ мониторовъ, лейтенантъ Дубасовъ приказалъ лейтенанту Шестакову ожидать результата его аттаки и быть готовымъ, въ свою очередь, къ нападенію, остальнымъ же шлюпкамъ велѣно было поддерживать нападеніе.

Взявъ направленіе въ лѣвую кормовую раковину монитора, Дубасовъ приказалъ дать полный ходъ и сталъ приближаться къ непріятелю. На окликъ, сдѣланный часовымъ съ монитора, онъ отвѣчалъ на удачу извѣстный ему турецкій отзывъ: «сизынъ-адамъ», что значитъ слово въ слово «вашъ человѣкъ»; но Дубасовъ произнесъ его даже неправильно, а именно: «сени-адамъ». Это должно было тѣмъ болѣе обратить вниманіе турецкаго стража, что въ османской арміи, на окликъ часового: «кимъ дыръ ò» (кто идетъ, или, еще вѣрнѣе, кто это есть?) — по уставу принято отвѣчать: «япанджи деиль» (я не чужеземецъ).

Непріятель, конечно, съ разу же понялъ, что это отзывъ фальшивый, и далъ по шлюпкѣ выстрѣлъ изъ ружья. Вслѣдъ за нимъ, почти одновременно послѣдовало по такому же выстрѣлу и съ остальныхъ судовъ. Но ни одинъ изъ нихъ не попалъ въ цѣль. Тогда часовой на среднемъ суднѣ хватился за ударный снуръ 9-ти-дюймового орудія. Осѣчка. Онъ второй разъ—тоже осѣчка, равно какъ и по третьему разу. На палубахъ всѣхъ трехъ судовъ, встревоженныхъ сторожевыми выстрѣлами, поднялась суматоха, и въ это-то самое время лейтенантъ Дубасовъ, съ первой шлюпки, нанесъ монитору ударъ правою носовою миною въ лѣвый бортъ, выше лѣвой кормовой раковины. Отъ взрыва поднялся большой водяной столбъ, и вода въ ту же минуту наполнила катеръ Дубасова. Лейтенантъ тотчасъ же приказалъ машинисту и кочегару оставить свои мѣста и выходить изъ-подъ блиндажа; но рулевой, черноморскій матросъ 1-й статьи Кисловъ, старое опытный морякъ, удостовѣрилъ, что катеръ продолжаетъ еще держаться на водѣ. Тогда лейтенантъ Дубасовъ приказалъ машинисту дать полный задній ходъ, а всей командѣ откачивать изъ катера воду. Мониторъ, сильно осѣвшій кормою, все еще держался на поверхности. Тогда, по заранѣе сдѣланному условію, Дубасовъ крикнулъ ко второй шлюпкѣ: «Шестаковъ, подходи!» Тотчасъ же давъ полный ходъ впередъ, лейтенантъ Шестаковъ, подъ убійственнымъ ружейнымъ и пушечнымъ огнемъ всѣхъ трехъ судовъ, нанесъ монитору второй ударъ въ тотъ же лѣвый бортъ, противъ самой середины, послѣ котораго непріятельское судно окончательно уже погрузилось въ воду.

Въ промежутокъ времени между первымъ и вторымъ ударами нашихъ минъ, продолжавшійся до десяти минутъ, всѣ наши шлюпки оставались подъ самымъ бѣглымъ, хотя и безпорядочнымъ огнемъ непріятеля, и ожидали приказанія.

Лейтенантъ Шестаковъ, послѣ взрыва, запутавши свой винтъ въ обломкахъ монитора, долженъ былъ очищать его, оставаясь почти у самаго непріятельскаго борта и отстрѣливаясь изъ револьвера, съ помощію четырехъ своихъ стрѣлковъ матросовъ, отъ штуцернаго огня, направленнаго въ него съ башни погружавшагося монитора. По личному заявленію лейтенанта Шестакова, успѣшному выходу изъ этого крайне затруднительнаго положенія онъ исключительно обязанъ горячему содѣйствію, замѣчательной находчивости и энергіи лейтенанта Петрова, бывшаго самымъ дѣятельнымъ его помощникомъ во все время боя. Равнымъ образомъ, его же хладнокровію лейтенантъ Шестаковъ приписываетъ успѣшный результатъ взрыва, такъ какъ управленіе миною было имъ поручено самому лейтенанту Петрову.

Катеръ мичмана Персина, подкрѣплявшій нападеніе, получилъ пробоину ядромъ въ корму и одновременно съ этимъ былъ залитъ съ носу всплескомъ воды отъ другого снаряда, упавшаго передъ носомъ. Мичманъ Персинъ тотчасъ же далъ своему катеру полный ходъ, и, приткнувшись къ берегу, поспѣшилъ заткнуть пробоину пенькою съ саломъ, но, запутавши винтъ въ кустахъ, долго не могъ высвободиться. Катеръ Дубасова въ это время былъ еще полонъ воды и не могъ маневрировать, да и лейтенантъ Дубасовъ не зналъ еще съ полною увѣренностію, наполнился ли его катеръ водою черезъ пробоину, или же вода эта попала въ него сверху, а потому употребилъ всѣ старанія, чтобы пустить въ ходъ паровой экзекторъ и откачать воду. Онъ успѣлъ въ этомъ, только благодаря находчивости и энергіи маіора Муржеско, который лично полѣзъ въ машинное отдѣленіе и во всемъ помогъ машинисту.

Катеръ мичмана Баля оставался все время въ полной готовности снять съ «Цесаревича» людей, на тотъ случай, еслибы этотъ послѣдній погрузился въ воду.

Въ это время, востокъ сталъ уже быстро заниматься зарею, такъ что всѣ предметы вблизи и даже вдали могли быть ясно различаемы, а вмѣстѣ съ разсвѣтомъ и огонь съ турецкихъ судовъ, остававшихся еще на водѣ, усиливался все болѣе и болѣе. Вслѣдствіе этого, тотчасъ же, какъ только шлюпки оказались въ состояніи управиться, Дубасовъ приказалъ имъ начать отступленіе, и онѣ всѣ вмѣстѣ двинулись къ Браилову.

По повѣркѣ, у насъ не оказалось ни убитыхъ, ни раненыхъ.

Телеграммы.

Лондонъ, 17 (29) мая, вторникъ, вечеромъ. «Агентству Рейтера» телеграфируютъ изъ Аѳинъ, отъ сегодняшняго числа, что король Георгъ поручилъ Кумундуросу составить новый кабинетъ.

Англійская броненосная эскадра пробудетъ нѣкоторое время въ Пиреѣ.

Аѳины, 17 (29) мая, вторникъ, вечеромъ. Вчера, вечеромъ, на здѣшней дворцовой площади происходила большая демонстрація; королю предъявлена была просьба, чтобы онъ прекратилъ раздоры партій и составилъ прочное патріотическое правительство подъ предсѣдательствомъ старика Канариса. Желанія народа изложены были королю двумя депутатами. Король Георгъ, выйдя, вмѣстѣ съ королевою, на балконъ, благодарилъ народъ за его искреннія чувства и обѣщалъ сдѣлать все, что будетъ возможно, для охраненія эллинскихъ интересовъ. Толпа, удовлетворенная заявленіями короля, отправилась къ Канарису, который, поблагодаривъ за сдѣланное ему предложеніе, совѣтовалъ народу поступать законно и обѣщалъ принять должность министра-президента, если это будетъ предложено ему королемъ и палатою.

Полученная здѣсь третьяго дня депеша, излагавшая содержаніе статьи газеты «Times», гдѣ говорилось, что эллины, въ случаѣ бездѣйствія, будутъ поглощены славянствомъ, произвела сильное впечатлѣніе. Ее признаютъ здѣсь за косвенное приглашеніе Англіи къ вмѣшательству въ войну.

Вѣна, 17 (29) мая, вторникъ, вечеромъ. Газетѣ «Politische Correspondenz» сообщаютъ изъ Аѳинъ, что, вслѣдствіе отставки Делигеоргиса, сегодня король пригласилъ Кумундуроса. Представляется весьма вѣроятнымъ, что послѣдній приметъ на себя составленіе кабинета, тѣмъ болѣе, что онъ заручился поддержкою всѣхъ оппозиціонныхъ партій; надежды на сформированіе коалиціоннаго министерства весьма велики.

Вчера, передъ королевскимъ дворцомъ и передъ квартирою адмирала Канариса происходили воинственныя демонстраціи.

Аѳины, 18 (30) мая, среда, вечеромъ. Кумундуросъ старается составить смѣшанный кабинетъ; до сихъ поръ только Деліанисъ относится къ этому плану благопріятно.

Принцесса Уэльская уѣхала отсюда. Король провожалъ ее до Коринѳа.

Здѣсь ежедневно происходятъ собранія греческихъ и турецкихъ комитетовъ.

Лондонъ, 19 (31) мая, четвергъ. Спеціальный корреспондентъ «Агентства Рейтера» телеграфируетъ изъ Аѳинъ, отъ вчерашняго числа, что Кумундуросъ, которому поручено составленіе кабинета, обратился къ различнымъ партіямъ въ палатѣ и сдѣлалъ заявленія Заимису и Трикупису, которые отъ участія въ составленіи кабинета отказались. Трикуписъ обѣщалъ, впрочемъ, оказать министерству поддержку. Кумундуросъ составилъ списокъ министровъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ снова обратился къ названнымъ предводителямъ партій; однако, успѣха не имѣлъ. Онъ надѣется достигнуть успѣха завтра. Король согласился на эту отсрочку.

Лондонъ, 19 (31) мая, четвергъ. Спеціальный корреспондентъ «Агентства Рейтера» телеграфируетъ изъ Аѳинъ, отъ 30 мая: «Въ случаѣ, если усилія Кумундуроса достигнуть соглашенія между предводителями партій не увѣнчаются успѣхомъ, министерство будетъ составлено слѣдующимъ образомъ: министромъ-президентомъ, министромъ внутреннихъ и, временно, иностранныхъ дѣлъ будетъ Кумундуросъ; военнымъ министромъ — Іетмезасъ; морскимъ — Бубулисъ; министромъ финансовъ — Согрупулосъ; народнаго просвѣщенія и исповѣданій — Натарасъ; министромъ юстиціи — Папамихалопулосъ.

Аѳины, 19-го (31-го) мая, четвергъ. Кумундуросъ, при содѣйствіи Трикуписа и Деліаниса, составилъ слѣдующій списокъ министровъ: министръ внутреннихъ дѣлъ — Кумундуросъ; иностранныхъ дѣлъ — Контоставлосъ; министъ юстиціи — Папамихалопулосъ; министръ финансовъ — Стиропулосъ; военный министръ — Петмезасъ; морской — Канарисъ; министръ исповѣданій — Леопулосъ.

Константинополь, 17-го (29-го) мая, вторникъ, вечеромъ. Здѣсь обнаруженъ заговоръ, имѣвшій цѣлью низверженіе династіи Османовъ. Произведено множество арестовъ и открытъ обширный складъ оружія. Много младо-турокъ бѣжало изъ Константинополя.

Вѣна, 19-го (31-го) мая, четвергъ. Газетѣ «Tagblatt» сообщаютъ изъ Константинополя, что тамъ волненіе постоянно увеличивается. Палата провозгласила свои засѣданія постоянными.

Мухтаръ-паша смѣщенъ и будетъ преданъ военному суду.

Ходитъ слухъ, что оппозиціонная партія намѣрена провозгласить Митхада-пашу, который уже находится на пути въ Константинополь, диктаторомъ. Султанъ, будто бы, намѣренъ переселиться въ Адріанополь.

Сира, 21-го мая (2-го іюня), суббота, вечеромъ. Спеціальный корреспондентъ «Агентства Рейтера» сообщаетъ, что здѣсь, среди турокъ, занимающихъ оффиціальное положеніе, обнаруживается сильный упадокъ духа. Нравственная слабость турокъ выражается въ недостаткѣ хорошихъ военачальниковъ, медленности операцій и внутреннихъ раздорахъ среди партіи войны, представителями которой служатъ паши Редифъ и Махмудъ, склоняющіеся къ посредничеству послѣ рѣшительныхъ событій на полѣ сраженія, а также Эдхемъ-паша и Савфетъ-паша. Г. Лейардъ, со времени своего прибытія, старался поколебать положеніе Редифа-паши и Махмуда-паши, даже, какъ увѣряютъ, формально совѣтовалъ удалить ихъ. Софты высказались противъ Редифа-паши, котораго они считаютъ человѣкомъ неспособнымъ.

Гобартъ-паша отправился вчера въ Черное море, увѣдомивъ о томъ морского министра письмомъ, оставленнымъ по отъѣздѣ.

Бухарестъ, 18-го (30) мая, среда, вечеромъ. Румынская палата депутатовъ уже нѣсколько дней оказывается неспособною постановлять рѣшенія, вслѣдствіе чего обсужденіе законопроекта о выпускѣ бумажныхъ денегъ отложено.

Министру иностранныхъ дѣлъ будетъ открытъ кредитъ, въ размѣрѣ 500,000 франковъ, на расходы по торжественному пріему русскаго царя.

Съ прибытіемъ шестидесяти русскихъ позиціонныхъ орудій въ Калафатъ, калафатскія позиціи оказываются превосходно вооруженными.

Парижъ, 17-го (29-го) мая, вторникъ, вечеромъ. Газета «Moniteur» опровергаетъ извѣстіе о томъ, будто-бы маршалъ Макъ-Магонъ намѣренъ выйти въ отставку, если ему встрѣтятся новыя затрудненія. По словамъ газеты, Макъ-Магонъ никогда не имѣлъ этой мысли; онъ твердо рѣшился сохранить власть до истеченія законнаго срока, исполнять свои обязанности и заставить уважать присвоенныя ему права.

Берлинъ, 19-го (31-го мая) четвергъ. Оффиціозная газета «Post» помѣстила на столбцахъ своихъ рѣзкую статью, направленную противъ папы и ультрамонтанъ, а косвенно—противъ Франціи. Въ статьѣ этой говорится:

«Республиканское министерство во Франціи пало, вслѣдствіе угрозы, высказанной папою въ одной изъ своихъ аллокуцій. Папа хотѣлъ показать, что онъ могущественнѣе сильнѣйшихъ міра сего. Вся Европа единодушно заявила, что неизбѣжнымъ послѣдствіемъ политики, которой маршалъ Макъ-Магонъ сталъ придерживаться, испуганный угрозою Ватикана, будетъ война съ Германіей и Италіей. Названіе «Новаго Аттилы», данное папою германскому императору, является самымъ тяжкимъ поруганіемъ нѣмецкой націи, которое себѣ только представить можно. Это папское слово служитъ первымъ признакомъ скораго возванія къ «священной войнѣ».

Парижъ, 20-го мая (1-го іюня), пятница, вечеромъ. Гамбета, принимая вчера депутацію отъ студентовъ, указалъ на Тьера, какъ на лицо, которое могло-бы быть избрано президентомъ республики, въ случаѣ, еслибъ маршалъ Макъ-Магонъ вышелъ въ отставку.

Лондонъ, 19-го (31-го) мая, четвергъ, вечеромъ. Боркъ, отвѣчая въ палатѣ общинъ Сэндфорду, заявилъ, что будущая политика Англіи на Востокѣ зависитъ отъ обстоятельствъ. По словамъ оратора, Англія имѣетъ основаніе полагать, что ни Россія, ни другія державы не мечтаютъ о томъ, чтобъ условія мира могли состояться на какихъ-либо иныхъ основаніяхъ, чѣмъ тѣ, которыя будутъ приняты всею Европой. Боркъ не знаетъ ни о какихъ предложеніяхъ Россіи относительно локализаціи войны, которыя были-бы отвергнуты Англіей, и отказывается внести въ палату документы, касающіеся переговоровъ между лордомъ Салисбери, княземъ Бисмаркомъ и герцогомъ Деказомъ.

Лондонъ, 19-го (31-го) мая, четвергъ, вечеромъ. На поставленный г. Элько въ палатѣ общинъ вопросъ: готова-ли Англія къ случайностямъ войны? г. Гарди отвѣчалъ, что было-бы благоразумнѣе не предлагать этого вопроса; но такъ какъ онъ поставленъ, то Гарди долженъ заявить, что онъ ссылается на отвѣтственность своего положенія. Его обязанность состоитъ въ томъ, чтобъ быть готовымъ на всякій случай и, хотя онъ оставилъ армію на мирномъ положеніи, однако, не упустилъ изъ виду, въ чемъ можетъ состоять возможная и (какъ онъ надѣется) невѣроятная случайность.

Бирмингэмъ, 20-го мая (1-го іюня), пятница. Вчера состоялся здѣсь митингъ, на которомъ присутствовало 30,000 человѣкъ.

Гладстонъ произнесъ рѣчь, въ которой энергически высказался въ пользу сохраненія Англіею нейтралитета. Европейскій концертъ, сказалъ онъ, нуждается въ томъ, чтобы у Турціи были вынуждены серьезныя гарантіи, обезпечивающія участь турецкихъ христіанъ.

Аугсбургъ, 18-го (30-го) мая, среда, вечеромъ. Въ «Allgemeine Zeitung» сообщаютъ изъ Бѣлграда, что сербскій военный министръ Груичъ вышелъ въ отставку.

* * *

Наши гравюры.

Передъ купаньемъ.

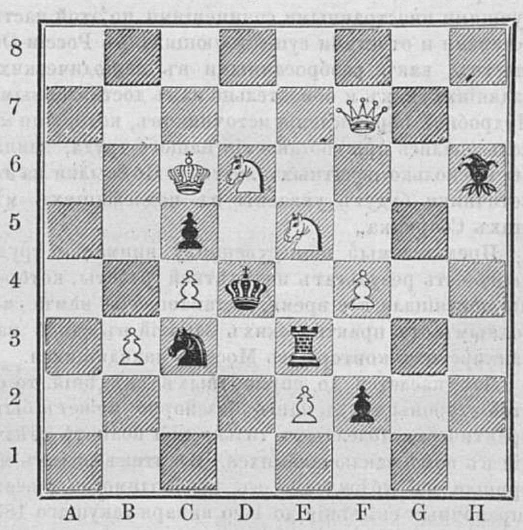
Снимокъ съ картины Обера «Передъ купаньемъ», помѣщаемый нами въ настоящемъ нумерѣ, можетъ характеризовать ту французскую школу живописи, которая поставила себѣ задачей слить въ одно художественное цѣлое,—воспоминанія классицизма, съ граціозными современными сюжетами. Особенной глубины мысли, конечно, не ищите въ этой живописи, которая является, главнымъ образомъ, какъ порожденіе требованій нашего буржуазнаго вѣка съ примѣсью нѣкоторой слащавости. Но и здѣсь мы видимъ гармоніи формъ и линій, пониманіе природы и поэзію, правда, нѣсколько будуарную, но все таки поэзію. Въ картинѣ Обера вы встрѣчаете все это. Казалось бы, что купанье — не особенно интересный сюжетъ для картины, тѣмъ болѣе, что этотъ сюжетъ истощенъ живописцами, начиная съ XVIII столѣтія вплоть до нашего Нефа. Но Оберъ съумѣлъ придать своей картинѣ своеобразный оттѣнокъ. Она нѣсколько похожа на извѣстную картину Нефа, но признаемся, мы предпочитаемъ граціозную фантазію француза. Женская фигура драпирована à l'antique, она сидитъ на скалѣ и мечтаетъ; за нею разстилается даль океана, неподвижность котораго нѣсколько потревожена ударами едва замѣтныхъ волнъ о скалы. О чемъ она мечтаетъ? Но.... намъ кажется, что это совершенно праздный вопросъ, на который всякій читатель съумѣетъ отвѣчать по своему, соображаясь со своимъ вкусомъ и наклонностями.

Шахматы.

Задача XXI.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

Черные.



Бѣлые.

Рѣшеніе XX задачи, помѣщенной въ № 21.

Бѣлые.	*Черные.*
1) A4—C2...	1) A3—C2 берутъ (a)
2) E2—E4 берутъ †	2) D5—E4 берутъ
3) B4—B5 † и матъ	
2) E2—F3	(a) 1) A5--B4 берутъ
3) D2—D4 † и матъ.	2) E4—F3 берутъ

* * *

Почтовый ящикъ.

Г. Боровкову — г. Коломна. Жалоба Ваша на неполученіе № 19 сообщена почтовому начальству.

Г. Сазонову — Нерчинскій заводъ. Ваша жалоба переслана въ газетную экспедицію с.-петербургскаго почтамта, чрезъ которую получите недоставленные Вамъ нумера.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи. Разсказъ бухарца (продолж.). — Черная Индія (продолж.). — Мимолетные наброски. — Отъ Поти до Сухумъ-Кале. — Стихотвор. «Непаханая полоса. — Новости наукъ и жизни. — Смѣсь. — Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій. — Телеграммы. — Наши гравюры. — Шахматы. — Почтовый ящикъ. — Объявленія.

Гравюры: Турецкіе солдаты, распоряжающіеся въ болгарской деревнѣ. — Чтеніе военныхъ извѣстій на Константинопольскихъ улицахъ. — Приведеніе въ оборонительное положеніе форта Маджаръ, расположеннаго на Азіятскомъ берегу Константинопольскаго пролива (Босфора.) — Передъ купаньемъ. Почталіонъ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Объявленія.

ОТЪ КОНТОРЫ «ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ».

Переплеты для «Живописнаго Обозрѣнія» на 1877 годъ уже приготовляются и будутъ высылаться въ началѣ іюля мѣсяца. Вслѣдствіе увеличенія формата журнала въ нынѣшнемъ году, увеличена и цѣна на переплеты: 1 р. 75 коп. для одного тома, безъ пересылки. Пересылка— за два фунта, по разстоянію. Требованія, поступившія въ редакцію, будутъ удовлетворяться немедленно, при чемъ контора редакціи покорнѣйше проситъ подписавшихся на переплеты по старой цѣнѣ, дослать дополнительную сумму.

Въ конторѣ редакціи «ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ» находится въ продажѣ **большая гравюра.**

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ.

Снимокъ къ картины *Леонарда да Винчи.* Цѣна *50 коп.* съ пер. *75 коп.*

Въ конторѣ редакціи **„Живописнаго Обозрѣнія“** а также въ музыкальныхъ магазинахъ В. Бесселя и К° и М. Бернарда, находятся въ продажѣ **ноты:**

МАРШЪ

РУССКИХЪ ДОБРОВОЛЬЦЕВЪ.

Сочиненіе **ФЛОРІАНА ГЕРМАНА.** (8 страницъ). Цѣна **1** руб. съ пересылкою **1** р. **50** коп.

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ ГАЗЕТЫ

НАШЪ ВѢКЪ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ «НАШЪ ВѢКЪ»

съ 1 АПРѢЛЯ.

Желающіе получать газету платятъ:

Въ Петербургѣ безъ доставки.

На 9 м.	На 8 м.	На 7 м.	На 6 м.
9 р. 50 к.	8 р. 50 к.	7 р. 50 к.	7 р.—к.

На 5 м.	На 4 м.	На 3 м.	На 2 м.	На 1 м.
6 р.—к.	5 р.—к.	3 р. 75 к.	2 р. 50 к.	1 р. 25 к.

Въ Петерб. съ дост. и съ перес. во всѣ мѣст. имперіи.

На 9 м.	На 8 м.	На 7 м.	На 6 м.
12 р. — к.	11 р. — к.	10 р. — к.	8 р. 50 к.

На 5 м.	На 4 м.	На 3 м.	На 2 м.	На 1 м.
7 р. 50 к.	6 р. — к.	4 р. 50 к.	3 р. — к.	1 р. 50 к.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, Большая Конюшенная, д. № 17. кв. № 2, и въ главныхъ книжныхъ магазинахъ. Контора редакціи для пріема подписки и объявленій открыта ежедневно. Принимаются казенныя и частныя объявленія всякаго рода, на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Плата за объявленія, печатаемыя петитомъ по 8 к. за строчку на послѣдней страницѣ и 15 впереди текста.

Въ Парижѣ подписка на газету и объявленія принимается у M. Adam, 2 Carrefour de la croix rouge.

Контора проситъ высылать требованія заблаговременно, чтобы можно было озаботиться своевременной разсылкой газеты.

При возобновленіи подписки, равно и при перемѣнѣ адреса, просятъ обращаться исключительно въ главную контору (Большая Конюшенная д. № 17, кв. № 2) съ приложеніемъ прежней бандероли.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА САМОЕ ДЕШЕВОЕ ИЗЪ ВСѢХЪ ЕЖЕДНЕВНЫХЪ, ПОЛИТИЧЕСКИХЪ И ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ИЗДАНІЙ

ГАЗЕТУ

„НОВОСТИ“

на 1877 годъ.

Въ С.-Петербургѣ, Больш. Садовая д. № 47.

» Кронштадтѣ, въ отдѣлен. газ. «Новости».

» Москвѣ, въ московскомъ отдѣленіи газеты «Новости, на углу Дмитріевки и Охотнаго ряда, д. Благороднаго Собранія, въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Живарева.

Въ Казани, въ отдѣленіи конторы газеты «Новости» при книжномъ и музыкальномъ магазинѣ «Восточная Лира».

Цѣна на 8 мѣсяцевъ съ 1 мая по 1 января 1878 года для иногородныхъ 7 рубл., для городскихъ подписчиковъ съ доставкою 6 руб.; на 1 годъ 9 руб.; на другіе сроки по 1 руб. за каждый мѣсяцъ.

По богатству, разнообразію и свѣжести извѣстій какъ политическихъ и внутреннихъ, вообще, такъ и съ театра войны, въ особенности, газета «Новости» нисколько не отличается отъ наиболѣе распространенныхъ ежедневныхъ изданій.

Во все время войны въ газетѣ «Новости» будутъ печататься спеціальныя корреспонденціи и телеграммы съ Дуная, Кавказа и Персидской границы, изъ славянскихъ земель и Константинополя.

Кромѣ того, въ газетѣ «Новости» постоянно печатаются всѣ телеграммы «Международнаго Тел. Агент.» и »Agence génér. russe».

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1877 ГОДУ

КНИГИ Н. П. БОЧАРОВА

Сборникъ свѣдѣній о русскихъ процентныхъ бумагахъ

Настольная книга для капиталистовъ, банкировъ, акціонеровъ и служащихъ.

Сборникъ свѣдѣній о русскихъ процентныхъ бумагахъ есть систематическій сводъ теоретическихъ и практическихъ данныхъ и справочныхъ свѣдѣній о всѣхъ, обращающихся въ Россіи процентныхъ бумагахъ, какъ-то: фондахъ, гарантированныхъ и негарантированныхъ акціяхъ, облигаціяхъ, паяхъ и проч. Въ него войдутъ также теорія и практика биржеваго, банковаго и банкирскаго дѣла.

Сборникъ можетъ служить **Настольною книгою**, какъ для капиталистовъ, такъ и вообще для лицъ и учрежденій, покупающихъ и продающихъ процентныя бумаги, желающихъ слѣдить за этими бумагами и имѣть подробныя и точныя свѣдѣнія о существѣ и свойствѣ каждой изъ процентныхъ бумагъ, обращающихся въ Россіи.

Закладывающіе процентныя бумаги, товары, движимость, дома и недвижимыя имущества; страхующіе жизнь, движимую и недвижимую собственность, или желающіе помѣстить свои капиталы во вклады въ кредитныхъ учрежденіяхъ или принять участіе въ существующихъ акціонерныхъ предпріятіяхъ, также найдутъ въ Сборникѣ необходимыя для нихъ свѣдѣнія.

При обиліи различнаго рода видовъ и свойствъ процентныхъ бумагъ, подъ наименованіемъ простыхъ и металлическихъ билетовъ, облигацій, закладныхъ листовъ, паевъ, акцій, консолей и проч., обращающихся на русскихъ биржахъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ, Варшавѣ, Ригѣ, Кіевѣ и др. городахъ, не было до сихъ поръ на русскомъ языкѣ сочиненія, посвященнаго избранному нами предмету. Говоря это мы должны, однако, упомянуть, что семь лѣтъ тому назадъ г-мъ Гейлеръ былъ изданъ въ С.-Петербургѣ «Сборникъ свѣдѣній о процентныхъ бумагахъ Россіи», имѣвшій въ свое время большой успѣхъ, какъ первая въ то время справочная книга о процентныхъ бумагахъ и въ этомъ его заслуга; теоретическая же и практическая стороны нашего дѣла ожидаютъ еще дальнѣйшей разработки. Семь лѣтъ прошло уже со дня изданія «Сборника» г-на Гейлера. Теорія и практика ушли далеко впередъ, возникло множество новыхъ акціонерныхъ обществъ и компаній, появилось множество новыхъ процентныхъ бумагъ, успѣвшихъ достигнуть обращенія на биржахъ и войти въ котировку биржевыхъ бюлетеней.

За образецъ для нашего труда мы избрали сочиненіе г-на Салинга: Биржевыя бумаги (Börsenpapiere), вышедшее въ свѣтъ въ Берлинѣ, выдержавшее уже нѣсколько изданій и заслужившее одобрительные отзывы Русской Критики. Но сочиненіе г-на Салинга, не смотря на то, что оно занимаетъ пять томовъ убористаго шрифта, исключительно ограничивается процентными бумагами, обращающимися на одной только Берлинской биржѣ и потому для перевода не удобно. Кромѣ того сравнительный уровень развитія экономической науки и экономическаго образованія у насъ и за границей, гдѣ преподаваніе политической экономіи нерѣдко достигаетъ среднихъ учебныхъ заведеній, указывалъ намъ на необходимость отступить отъ г-на Салинга и въ способѣ изложенія теоретической части. Мы желали-бы, чтобы трудъ нашъ, по изложенію экономическихъ законовъ и причинъ, вліяющихъ на колебаніе курса процентныхъ бумагъ, былъ доступенъ всѣмъ и каждому какъ доступны всѣмъ и каждому и самыя процентныя бумаги.

Кромѣ сочиненія г-на Салинга мы пользовались лучшими иностранными сочиненіями по этой части, уставами и отчетами существующихъ въ Россіи Обществъ, какъ разбросанными въ періодическихъ изданіяхъ, такъ и обязательно намъ доставленными. Подробное перечисленіе источниковъ, которыми мы пользовались при составленіи нашего труда, заняло бы нѣсколько печатныхъ листовъ. Но ссылки на эти источники будутъ указаны въ подлежащихъ мѣстахъ Сборника.

Предлагаемый общественному вниманію трудъ нашъ есть результатъ пятилѣтней работы, которой мы посвящали все время, остававшееся намъ свободнымъ отъ практическихъ занятій въ одной изъ банкирскихъ конторъ въ Москвѣ находящихся.

Что касается до справочныхъ свѣдѣній, то съ этой стороны трудъ нашъ безспорно можетъ быть практически полезнымъ только при полнотѣ свѣдѣній въ немъ заключающихся. Въ этихъ видахъ мы пришли къ убѣжденію въ необходимости довести справочныя свѣдѣнія до 1-го января текущаго 1877 года. Но такъ какъ годичные отчеты не во всѣхъ Обществахъ въ одинаковое время заключаются, разсматриваются и утверждаются общими собраніями, то мы, по необходимости, должны были избрать способъ печатанія нашей книги послѣдовательными выпусками.

Въ Сборникѣ свѣдѣній о русскихъ процентныхъ бумагахъ, въ видѣ приложеній помѣщены будутъ въ русскомъ переводѣ: а) сочин. Гошена: Теорія вексельнаго курса, пользующееся европейскою извѣстностію и до сихъ поръ не переведенное на русскій языкъ и б) сочин. Мозера: О срочныхъ сдѣлкахъ и ихъ комбинаціяхъ.

Все изданіе состоитъ изъ **пяти томовъ** убористаго шрифта; нѣкоторые тома въ двухъ частяхъ, и будетъ выходить съ апрѣля по декабрь сего 1877 года ежемѣсячными выпусками не менѣе 10 печатныхъ листовъ въ каждомъ выпускѣ.

Краткое содержаніе пяти томовъ слѣдующее:

Томъ I. Биржа и биржевыя операціи.

Томъ II. Банки, кредитныя учрежденія, банковыя и банкирскія операціи, акціи и облигаціи кредитныхъ учрежденій.

Томъ III. Государственныя процентныя бумаги (фонды).

Томъ IV. Паи, акціи и облигаціи торговопромышленныхъ обществъ и компаній.

Томъ V. Акціи и облигаціи желѣзнодорожныхъ обществъ.

Кромѣ общихъ теоретическихъ свѣдѣній при каждой процентной бумагѣ, между прочимъ, помѣщены будутъ слѣдующія свѣдѣнія: Названіе бумаги. Условія и годъ выпуска. Номинальная цѣна. Количество, выпущенное въ обращеніе. Сроки и мѣста погашенія. Цѣна, по которой принимаются въ залогъ по подрядамъ, поставкамъ и проч. Мѣста и способы котировки Курсъ. Краткія историческія свѣдѣнія. Особыя примѣчанія.

При свѣдѣніяхъ объ акціонерныхъ и желѣзнодорожныхъ Обществахъ и компаніяхъ: Фирма. Мѣсто нахожденія Правленія. Время основанія. Основный капиталъ, запасный капиталъ. Извлеченія изъ Устава. Цѣль Общества и его права; учредители; время общихъ собраній. Право голоса. Условія ликвидаціи. Краткія историческія свѣдѣнія. Отдѣленія, Конторы и Агенты. Управленіе дѣлами Общества. Извлеченія изъ послѣдняго отчета.

Условія подписки:

Подписная цѣна за всѣ пять томовъ	7 р. 50 к.
Съ доставкою ежемѣсячными выпусками въ Москвѣ и иногороднымъ...	8 » 50 »

По выходѣ въ свѣтъ отъ 2 — 3 руб. сер. за каждый томъ безъ пересылки и доставки.

Подписа принимается въ слѣдующихъ мѣстахъ:

Въ Москвѣ: У Соловьева и Васильева на Страстномъ бульварѣ, у Мамонтова, Вольфа, Дейбнера и Готье, на Кузнецкомъ мосту; у Салаева на Мясницкой, у Анисимова на Никольской, и въ Конторѣ Сборника у Н. П. Бочарова близь Тверской и Садовой у ц. Стараго Пимена, д. Кн. Кудашевой.

Въ С.-Петербургѣ. Въ книжныхъ магазинахъ: Анисимова, Вольфа и Мамонтова.

Въ г. Владимірѣ. У Филаретова А. П. Ст. Сов., Агента Ярославско-Костромскаго Земельнаго Банка и Русскаго Страховаго отъ огня Общества.

Гг. Иногородніе обращаются непосредственно въ Контору Сборника свѣдѣній о русскихъ процентныхъ бумагахъ къ Н. П. Бочарову по слѣдующему адресу: въ Москвѣ близь Тверской и Садовой у. ц. Стараго Пимена, въ Воротниковскомъ переулкѣ, д. Кн. Кудашевой.

Подписывающимся въ Конторѣ Сборника на 5 экземпляровъ и болѣе дѣлается уступка по 50 коп. съ экземпляра.

Частныя Объявленія.

По 5 руб. сер. за страницу мелкаго шрифта и по 3 руб. сер. за полъ-страницы.

Для напечатанія въ выпускахъ Сборника, преимущественно соотвѣтствующія цѣли и значенію книги какъ-то: отчеты и извѣщенія акціонерныхъ, желѣзнодорожныхъ, торговопромышленныхъ и другихъ Обществъ и Компаній, банковъ, банкирскихъ Конторъ, Агентовъ, книжныхъ магазиновъ и періодическихъ изданій, принимаются исключительно въ слѣдующихъ мѣстахъ: Въ Москвѣ у Алексѣя Лури и К° на Кузнецкомъ мосту д. Кн. Голицина, у Юргенсона на углу Кузнецкаго моста и Петровки д. Солодовника, у Н. Васмутъ и К° на Мясницкой д. Кн. Гагариной и въ Конторѣ Сборника у Н. П. Бочарова близь Тверской и Садовой у ц. Стараго Пимена, въ Воротниковскомъ переулкѣ, домъ Кн. Кудашевой.

Правленія Обществъ благоволятъ присылать въ Контору Сборника по вышеозначенному адресу свои тиражныя Таблицы, Уставы и годичные отчеты. Почтовые расходы немедленно уплачиваются Конторою Сборника по первому требованію.

При слѣдующемъ нумерѣ «Живописнаго Обозрѣнія» разошлется іюньское приложеніе «ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО».

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 Мая 1877 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Гос. Публ. Б-ка в Ленинграде

№ 23. Томъ I. На годъ съ доставкою и пересылкою 7 руб.; на полгода 4 р. 50 к. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 5 Іюня 1877 года. *Адресъ конторы редакціи:* С.-П.-бургъ, Троицкій переулокъ, домъ № 27/1. Годъ V.

Подписка на „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ" 1877 г. продолжается.

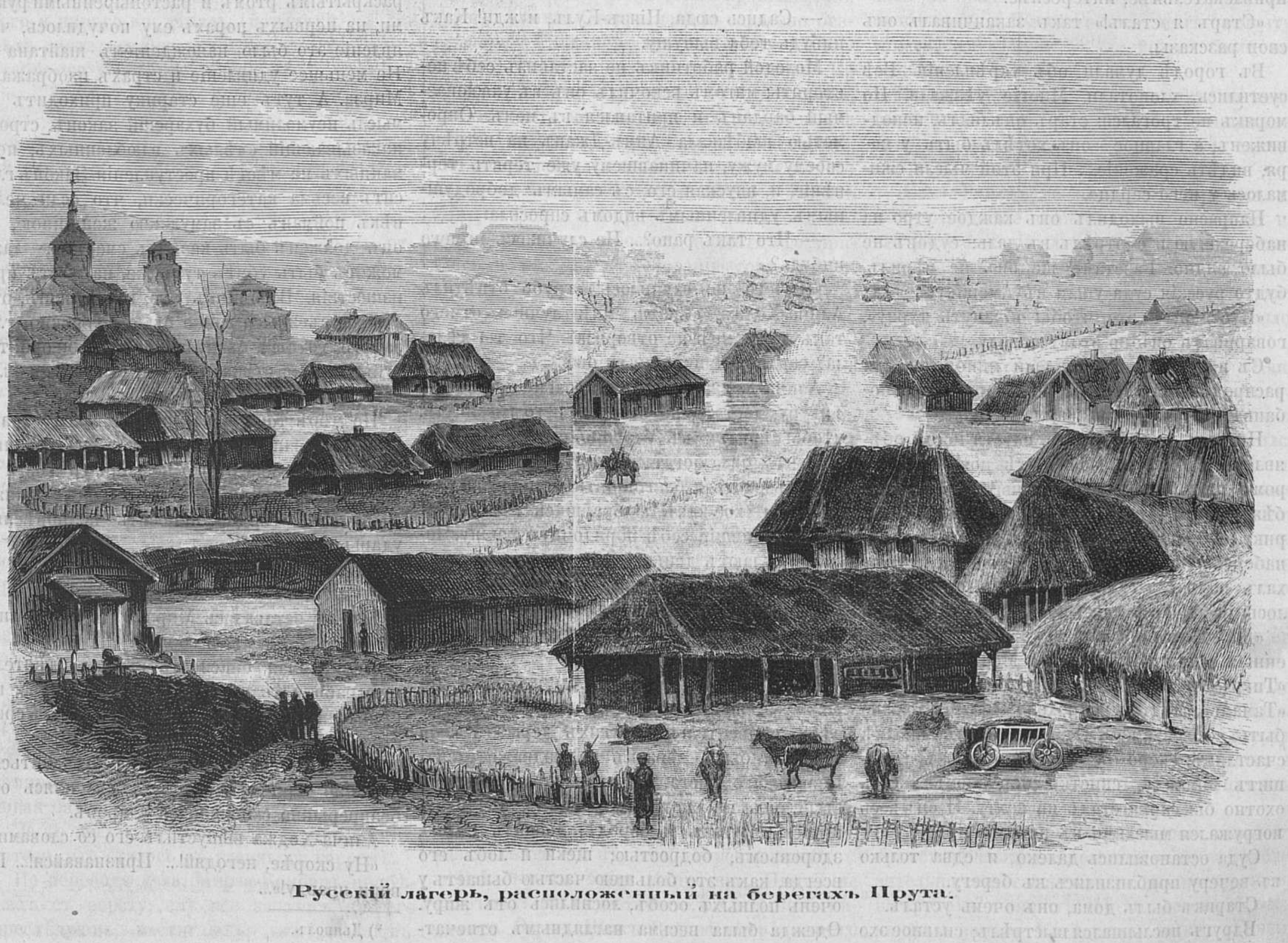
Въ 1877 году журналъ выходитъ **еженедѣльными** нумерами (въ годъ 52 №№), иллюстрированными множествомъ художественныхъ гравюръ. Всѣ подписчики получаютъ, въ **видѣ премій**, ежемѣсячное приложеніе подъ заглавіемъ «Жизнь и Хозяйство», со множествомъ рисунковъ. Годовымъ подписчикамъ разсылаются слѣдующія преміи: большая гравюра: **продажа амулетовъ**, снимокъ съ картины проф. **Генриха Семирадскаго**, на толстой веленевой бумагѣ, длиною одинъ аршинъ, шириною 12½ вершковъ, и **Карта театра военныхъ дѣйствій Европейской и Азіятской Турціи.**

Годовая подписная цѣна журнала съ достав. и перес. 7 руб., безъ перес. и доставки 6 руб. На полгода: съ 1-го іюля съ пересылкою 4 р. 50 коп., безъ перес. 3 руб.

Подписка продолжается. Новые подписчики получаютъ журналъ съ перваго нумера.

ОТЪ КОНТОРЫ „ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ". За перемѣну адреса редакція проситъ гг. подписчиковъ высылать:

1) За перемѣну петербургскаго на иногородный	85 коп.
2) „ „ иногородняго на петербургскій	50 „
3) „ „ иногородняго на иногородный	25 „



Русскій лагерь, расположенный на берегахъ Прута.

Бомбардированіе Сухума.

(Разсказъ Аквилона.)

Противъ сада, въ одномъ маленькомъ деревянномъ домѣ, въ Сухумѣ, жилъ старый отставной капитанъ-морякъ, герой крымской войны. Это былъ одинъ изъ храбрыхъ защитниковъ Севастополя. Полный идеальной, воинственной жизни, онъ проводилъ вечера въ кругу своей дочери-вдовы и маленькихъ внучатъ, разсказывая имъ про свою жизнь въ Севастополѣ, про море, про походы и про плаваніе по чужимъ морямъ; и каждый вечеръ у него было что нибудь новое. интересное, что слушалось дѣтьми съ большимъ вниманіемъ. Всего чаще разсказывались эпизоды изъ крымской войны.

Въ этомъ домикѣ, среди тихой, спокойной жизни, славянская война нашла глубокій и сочувственный отголосокъ. Всѣ были заняты приготовленіемъ помощи несчастнымъ раненымъ и ихъ семействамъ.

«Вотъ бы теперь Россія объявила войну», говорилъ старикъ послѣ неудавшейся конференціи. «Теперь можно объявить!»

И мучился онъ, и безпокоился, что Россія упуститъ удобную минуту для исполненія своей завѣтной мысли.

17 апрѣля, съ утра, городъ былъ украшенъ флагами и имѣлъ праздничный видъ. Народъ суетился, торопился куда-то; во всѣхъ церквахъ звонили въ колокола.

«Что такое? что случилось?»

«Война объявлена! Манифестъ! Война!...»

Морякъ помолодѣлъ. Откуда взялись силы, откуда бодрость! Всѣ удивились, когда онъ появился въ церкви, въ своемъ старомъ флотскомъ мундирѣ, съ георгіемъ. Онъ стоялъ прямо, бодро, молодцомъ.

И въ этотъ вечеръ разсказы стали еще привлекательнѣе, интереснѣе.

«Старъ я сталъ!» такъ заканчивалъ онъ свои разсказы.

Въ городѣ думали объ укрѣпленіи. Всѣ суетились, хлопотали. Многіе уѣзжали. Но морякъ не трогался: старъ онъ былъ, неподвиженъ, а главное—онъ хотѣлъ быть у моря, видѣть сраженіе.... При этой мысли сжималось у него сердце.

Напрасно выходилъ онъ каждое утро на набережную и смотрѣлъ въ даль: судовъ не было видно. Газетамъ же онъ не вѣрилъ, будто русскія суда ушли въ Америку.

«Пустяки; — это, чтобы обмануть турку», говаривалъ онъ по этому поводу.

Съ нетерпѣніемъ ожидали миноносца для распредѣленія торпедъ. Нѣкоторые стали побаиваться за городъ.

Но вотъ, почти мѣсяцъ спустя послѣ объявленія войны, на горизонтѣ появилось утромъ пять пароходовъ. Запыхавшись, прибѣжали внучата объявить объ этомъ старику. Обрадованный морякъ направился на набережную. Дорогой, онъ молчалъ и не слыхалъ вопросовъ дѣтей. Сердце сильно билось; на щекахъ даже показался румянецъ.

«Да, да, говорилъ онъ, это наши, это военныя суда: вонъ «Память Меркурія», вонъ «Тигръ», вонъ «Львица», а тамъ, лѣвѣе, это «Тамань», а тотъ пароходъ — это, должно быть, «Псезуапе». Старикъ былъ вполнѣ счастливъ: скоро онъ увидитъ своихъ, услышитъ команду, свистки боцмановъ.... Онъ охотно бы снова сталъ на вахту. И онъ весь погружался мыслями въ прошлое.

Суда остановились далеко и едва только къ вечеру приблизились къ берегу.

Старикъ былъ дома, онъ очень усталъ.

Вдругъ послышался выстрѣлъ; сильное эхо раздалось по всему берегу; затѣмъ другой выстрѣлъ, третій.... Дѣти въ страхѣ прижались къ матери. Старикъ засіялъ, глаза засверкали, и онъ быстро подошелъ къ окну. На улицѣ было пусто. Все чаще и чаще повторялись выстрѣлы.

«Спасите! Пожаръ!...» послышалось ему.

«Пожаръ!...» раздалось вблизи.

Городъ горѣлъ.

«Дѣдушка, это турки стрѣляютъ?»

Но дѣдушка не отвѣчалъ. Потомъ, едва слышно, медленно, не договаривая словъ, онъ пробормоталъ:

«Да, милая!... а нашихъ.... все....

И онъ не кончилъ своихъ словъ.

* * *

Разсказъ бухарца.

(Н. П. Стремоухова.)

(*Окончаніе.*)

Въ сосѣдней комнатѣ раздались страстные поцѣлуи, а на дворѣ новый стукъ въ ворота.

— Ніязъ-Кулъ, ты слышалъ? шопотомъ спросила Аимъ-Джанъ.

«Какъ же!—тамъ стучатъ!» тревожно отозвался работникъ.

Оба вышли на террасу.

— Аимъ-Джанъ! Аимъ-Джанъ! спишь ты, что-ли? Гдѣ ты? Отвори скорѣе! сердито кричалъ чей-то голосъ на улицѣ.

— Что намъ дѣлать? Это мой мужъ! съ ужасомъ сорвалось съ губъ красавицы, которая, схвативъ обѣими руками голову, бѣгала съ одного конца террасы на другой, придумывая средство къ спасенію отъ гнѣва супруга. Вдругъ она остановилась передъ своимъ возлюбленнымъ, молча взяла его за руку и, какъ Мирзу, повела прямо въ кладовую, отыскавъ другой барданъ. Она сказала:

— Садись сюда, Ніязъ-Кулъ, и жди! Какъ нибудь тебя выпущу.

Молодой работникъ не заставилъ себѣ повторять: мигомъ вскочилъ онъ въ указываемый барданъ и притаился въ немъ. Опрометью выбѣжала Аимъ-Джанъ на встрѣчу своему мужу, начинавшему уже терять терпѣніе, и, впуская его, съ самымъ добродушнымъ, удивленнымъ видомъ спросила:

— Что такъ рано?... Не случилось-ли чего нибудь?

«Ничего не случилось!» грубо отвѣтилъ Алича-Ходжа. «Скажи мнѣ лучше: отчего такъ долго мнѣ не отворяла? Что ты дѣлала? сердито прикрикнулъ онъ.

Алича-Ходжа имѣлъ довольно типичную фигуру; достаточно было на него взглянуть, чтобы придти къ безошибочному убѣжденію, что онъ богатый торговецъ, умѣвшій воспользоваться благопріятными обстоятельствами и, кое-какъ выбравшись изъ нищеты, накопившій себѣ порядочную мошну. Чего не дѣлаютъ деньги! Сперва его никто и знать не хотѣлъ; а какъ нажился, сталъ пользоваться почетомъ и извѣстностью тѣхъ же самыхъ людей, которые прежде отворачивались отъ него.

Какъ всякій выскочка, Алича-Ходжа дорожилъ своими деньгами, чванился не въ мѣру, относительно другихъ держалъ себя свысока, былъ дерзокъ и раздражителенъ. Невысокаго роста, широкоплечій, очень толстый, онъ, не смотря на сѣдину, пробивавшуюся въ усахъ и бородѣ, дышалъ силою, здоровьемъ, бодростью; щеки и лобъ его всегда, какъ это большею частью бываетъ у очень полныхъ особъ, лоснились отъ жиру. Одежда была весьма нагляднымъ отпечаткомъ его скупости: засаленный халатъ и грязная чалма не могли украсить его объемистой фигуры.

— Я работала дома и не слышала стука, отвѣтила на вопросы своего супруга молодая женщина, надѣявшаяся смѣлостью удалить бѣду, готовую разразиться надъ нею. Ее ужасно тревожилъ несвоевременный приходъ Алича-Ходжи, а потому она вкрадчивымъ голосомъ освѣдомилась:

— Вѣроятно, я понадобилась,—оттого ты и поторопился домой.

«Вотъ еще что выдумала!» рѣзко возразилъ супругъ. «Ужъ конечно для тебя не потревожился бы... Дѣло поважнѣе этого привело меня домой: въ лавкѣ не хватило изюма, такъ я за нимъ и пришелъ».

— Вотъ бѣда!—онъ пойдетъ въ кладовую и все узнаетъ... Ему нужно непремѣнно помѣшать,—подумала Аимъ-Джанъ, и тотчасъ же громко сказала:

— Скажи, сколько? Я принесу тебѣ; здѣсь на дворѣ свѣсимъ... А ты отдохни покуда...

«Вотъ дура-то! Не въ свое дѣло не вмѣшивайся!» раздражительно перебилъ ее Алича-Ходжа. «Мнѣ не горсточка нужна, а нѣсколько пудовъ,—гдѣ же тебѣ вынести. Знай свое дѣло, говорю тебѣ, и не суйся въ чужія!» И онъ направился къ кладовой.

Противорѣчить было опасно; понуривъ голову, въ сильнѣйшемъ страхѣ, послѣдовала за нимъ молодая женщина.

Вошелъ Алича-Ходжа въ кладовую и, какъ будто сама судьба нарочно его натолкнула, взялся за тотъ именно барданъ, въ которомъ запрятался Мирза-Камбаръ. Каково же было удивленіе его, когда изъ бардана показалась чалма, а затѣмъ и весь человѣкъ! На нѣсколько секундъ онъ точно приросъ къ землѣ, стоялъ неподвижно съ выпученными глазами, раскрытымъ ртомъ и растопыренными руками; на первыхъ порахъ ему почудилось, что явленіе это было навожденіемъ шайтана *). Не меньшее удивленіе и страхъ изображалъ Мирза. А тутъ еще старику приходитъ на мысль неумолимый бухарскій законъ, строго наказывающій смѣлыхъ влюбленныхъ, пойманныхъ на мѣстѣ преступленія. Законъ гласитъ весьма категорически, что если человѣкъ пойманъ съ замужнею женщиною, то онъ долженъ быть казненъ смертью,—даже можетъ быть убитъ тутъ же, на мѣстѣ происшествія. Вспомнивъ это, герой нашъ, отъ страха, съежился елико было возможно; глаза его готовы были покинуть свои орбиты, зубы громко стучали, все тѣло его коробило, точно въ судорогахъ.

По мѣрѣ того, какъ увеличивался страхъ Мирзы, увеличивался тоже и гнѣвъ хозяина. Схвативъ одною рукою незваннаго гостя за воротъ халата, другою—Алича-Ходжа принялся весьма усердно наносить полновѣсные удары.

«Я тебя убью на мѣстѣ!» вопилъ онъ въ изступленіи.

Что-же оставалось Мирзѣ? Не дозволить же убить себя, какъ собаку?

Неминуемая опасность вызвала дѣятельную работу въ мозгахъ Мирзы-Камбара; воображеніе заиграло, — онъ придумалъ средство.

«Умоляю васъ! позвольте объясниться!» жалобно кричалъ старикъ, уклоняясь отъ безпрерывно сыпавшихся ударовъ.

Алича-Ходжа выпустилъ его со словами:

«Ну скорѣе, негодяй!... Признавайся!... Говори правду!»...

---

*) Дьяволъ.

«Зачѣмъ мнѣ врать!» И Мирза поднялъ руки кверху, какъ будто призывая въ свидѣтели Аллаха. «Вы мнѣ не дали слова вымолвить, а то давно бы отпустили...», немного оправившись, даже съ нѣкоторымъ нахальствомъ продолжалъ онъ. «Я вѣдь здѣсь не причемъ, повѣрьте мнѣ!... Я только прикащикъ вонъ того человѣка, который спрятался въ другомъ барданѣ». Приэтомъ, Мирза съ лукавою улыбкою показалъ на то мѣсто, гдѣ запрятанъ былъ Ніязъ-Кулъ, и приготовился проскользнуть къ двери. Но объемистое туловище хозяина загородило проходъ.

«Куда!»... свирѣпо поводя зрачками, громовымъ голосомъ крикнулъ Алича-Ходжа. «Хитеръ больно,—не уйдешь!»...

«А ты, молодецъ! показывайся-ка живѣе!»

Изъ другого бардана, не торопясь, вылѣзъ Ніязъ-Кулъ.

Разсмотрѣвъ работника, хозяинъ сейчасъ же понялъ, что старикъ наинахальнѣйшимъ образомъ навралъ ему. «Врешь!» загремѣлъ онъ: «ты самъ хозяинъ, а это твой работникъ!«

«Совершенно-съ вѣрно», поддакнулъ Ніязъ-Кулъ: «хозяинъ мой большой любитель до чужихъ женъ... Ваша супруга приглянулась ему,—вотъ онъ и рѣшился увезти ее къ себѣ въ Ташкентъ...; сперва онъ ничего мнѣ не говорилъ,—я непремѣнно постарался бы удержать его,—а сознался только здѣсь»...

«Не вѣрьте ему! Это онъ».., началъ было протестовать Мирза. Но хозяинъ остановилъ его грознымъ «молчать».

«Ваша супруга начала умолять, упрашивать, стращать его; ничто не помогало: потому—онъ уже очень сильно влюбился... Въ это время вы постучали... Посмотрѣли бы тогда, что съ нимъ приключилось... совсѣмъ потерялся хозяинъ,—сунулся въ одинъ барданъ, а мнѣ велѣлъ влѣзть въ другой... Дурного я ничего не дѣлалъ, потому и не хотѣлъ прятаться Онъ сталъ настаивать. Тогда, чтобы его успокоить, я исполнилъ приказаніе»... Тихо, спокойно разсказывалъ работникъ; его находчивость и хладнокровіе совершенно убѣдили Алича-Ходжу, который рѣшился всю злобу свою перенести на Мирзу-Камбара.

Послѣдній, однако, видя, что дѣло принимаетъ весьма дурной для него оборотъ, отчаяннымъ порывомъ оттолкнулъ лавочника въ сторону, съ необыкновенною, не по лѣтамъ, быстротою выбѣжалъ на улицу черезъ ворота, которые, по счастью, остались полуоткрытыми, и безъ оглядки пустился во всю прыть своихъ жиденькихъ ногъ.

«Держи его! Держи!» кричалъ взбѣшенный Алича-Ходжа, преслѣдуя старика. Но куда ему было поспѣть: переваливаясь, какъ утка, пыхтя не хуже паровоза, съ трудомъ достигъ онъ воротъ; гнаться дальше—было излишне, такъ какъ ни направо, ни налѣво, ни прямо Мирзы уже не было видно—его и слѣдъ простылъ.

Работникъ воспользовался этимъ временемъ и ускользнулъ черезъ маленькую дверь, въ переулокъ. Увидѣвъ лошадь ташкентскаго купца у стѣны, онъ отвязалъ поводья, вскочилъ на сѣдло—и былъ таковъ.

Какая сцена разыгралась потомъ между Алича-Ходжею и прелестною Аимъ-Джанъ, помирились-ли они, или же произошла между новая баталія—я не знаю.

За то могу сообщить вамъ, любезные читатели, что сталось съ главнымъ героемъ.

Не переводя духа, Мирза-Камбаръ пробѣжалъ съ версту; ему все казалось, что его преслѣдуютъ, настигаютъ, уже хватаютъ. Въ глазахъ потемнѣло, ноги подкосились—и нашъ селадонъ растянулся во всю свою длину посрединѣ улицы. Полежавъ нѣсколько минутъ, онъ осторожно приподнялъ голову, осмотрѣлся и, убѣдившись, что кромѣ его на улицѣ ни одной живой души не было видно, рѣшился подняться на ноги. Покрытый пылью, обливаясь потомъ, онъ имѣлъ прежалкую и, въ тоже время, пресмѣшную физіономію; но все-таки главнаго добился: опасность миновалась. Кое-какъ исправивъ безпорядки своего туалета, медленно поплелся онъ дальше. пѣшкомъ, такъ какъ вернуться за лошадью не хватило храбрости. Единственнымъ утѣшеніемъ оставалось проклясть своихъ враговъ и вызвать на ихъ головы всевозможныя несчастія, чего, конечно, онъ и не преминулъ сдѣлать. Еслибъ услышали только Алича-Ходжа, Аимъ-Джанъ и Ніязъ-Кулъ проклятья и недобрыя пожеланія Мирзы, они навѣрное умерли-бы со страху; но этого не случилось: стѣны, деревья и арыки были единственными безстрастными слушателями разсвирѣпѣвшаго купца. Вы можете себѣ представить, въ какомъ видѣ Мирза-Камбаръ добрался до караванъ-сарая.

Черезъ нѣсколько дней, онъ покинулъ Бухару, навсегда отказавшись отъ всякихъ притязаній на чужихъ женъ.

Исполнилъ-ли онъ это благое намѣреніе — не берусь утверждать.

* * *

Черная Индія.

Романъ Жюля Верна.

(Съ французск. М. Б.)

(*Продолженіе.*)

XI.

Спустя недѣлю послѣ этихъ происшествій, друзья Джемса Старра начали серьезно безпокоиться. Инженеръ исчезъ, и его изсчезновеніе нельзя было ничѣмъ объяснить. По наведеніи справокъ узнали отъ его лакея, что онъ сѣлъ на пароходъ въ Грантонѣ, а отъ капитана парохода «Принцъ Уэльскій»—что онъ высадился въ Стерлингъ, и ничего болѣе не было извѣстно, куда дѣлся Джемсъ Старръ. Симонъ Фордъ, какъ читатели, вѣроятно, помнятъ, просилъ держать его приглашеніе втайнѣ; на основаніи этого, Джемсъ никому не сообщилъ объ отъѣздѣ своемъ въ Аберфойльскія копи.

И такъ, весь Эдинбургъ былъ занятъ толками о странномъ исчезновеніи инженера. Сэръ Эльфинстонъ, предсѣдатель «Royal Institution» сообщилъ своимъ коллегамъ письмо Джемса Старра, увѣдомляющаго, что онъ не можетъ присутствовать на слѣдующемъ собраніи общества. Другія лица прислали письма съ такимъ же содержаніемъ. Но если полученное отъ Джемса Старра письмо увѣдомляло о его отсутствіи, то имъ все же не объяснялось, куда онъ дѣлся. Отсутствіе такого важнаго лица должно было вначалѣ удивить всѣхъ, а затѣмъ обезпокоить, послѣ того, какъ оно продолжалось значительное время.

Никто изъ знакомыхъ Джемса не могъ и предположить, чтобы онъ отправился въ Аберфойльскія копи. Всѣ знали, что онъ избѣгалъ ѣздить туда; въ теченіи десяти лѣтъ онъ ни разу не посѣщалъ ихъ; но такъ какъ, по собраннымъ свѣдѣніямъ, оказалось, что онъ высадился въ Стерлингѣ, то и начали разыскивать его въ этихъ окрестностяхъ.

Всѣ поиски были напрасны. Никто не встрѣчалъ въ окрестностяхъ Стерлинга инженера. Одинъ Жакъ Райанъ встрѣтилъ его въ Дошарской ямѣ, въ обществѣ Гарри, и онъ одинъ могъ бы удовлетворить всеобщее любопытство. Но онъ, какъ было выше сказано, работалъ на фермѣ Мельрозъ, находящейся въ сорока миляхъ отъ этой шахты, въ юго-западной половинѣ графства Ренерру; ему и въ голову не приходило, чтобы отсутствіе Джемса Старра произвело такой переполохъ. Въ теченіи цѣлой недѣли послѣ посѣщенія коттэджа, Жакъ Райанъ распѣвалъ свои пѣсни на вечеринкахъ помѣстья Ирвана; но затѣмъ онъ немного пріунылъ, имъ также начало овладѣвать безпокойство.

Джемсъ Старръ стоялъ всегда на виду, его уважали не только въ городѣ, но и во всей Шотландіи, такъ что все, касающееся до него, не могло пройти незамѣченнымъ. Эдинбургскій городской голова, уѣздный судья, совѣтники, между которыми большая часть числилась пріятелями инженера, всѣ они начали наводить самыя тщательныя развѣдки. Дѣло не обошлось безъ тайныхъ агентовъ, однако ни къ какимъ желаннымъ результатамъ не пришли.

Ничего другого не оставалось дѣлать, какъ напечатать въ главныхъ газетахъ Великобританіи объ исчезновеніи инженера Джемса Старра; притомъ напечатали его письмо къ сэру Эльфинстону и увѣдомили, какого именно числа онъ уѣхалъ изъ Эдинбурга. Весь ученый англійскій міръ сильно взволновался по прочтеніи этого необъяснимаго приключенія, случившагося съ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ его членовъ.

Между тѣмъ, какъ высшія и ученыя сферы англійскаго общества безпокоились объ инженерѣ, Жакъ Райанъ серьезно тревожился о своемъ пріятелѣ Гарри. Встрѣтившись съ нимъ въ Дошарской ямѣ, Жакъ Райанъ пригласилъ этого послѣдняго пріѣхать на праздникъ въ Ирвинъ; Гарри ему пообѣщалъ, а Жакъ Райанъ зналъ по опыту, что на слово Гарри всегда можно было положиться.

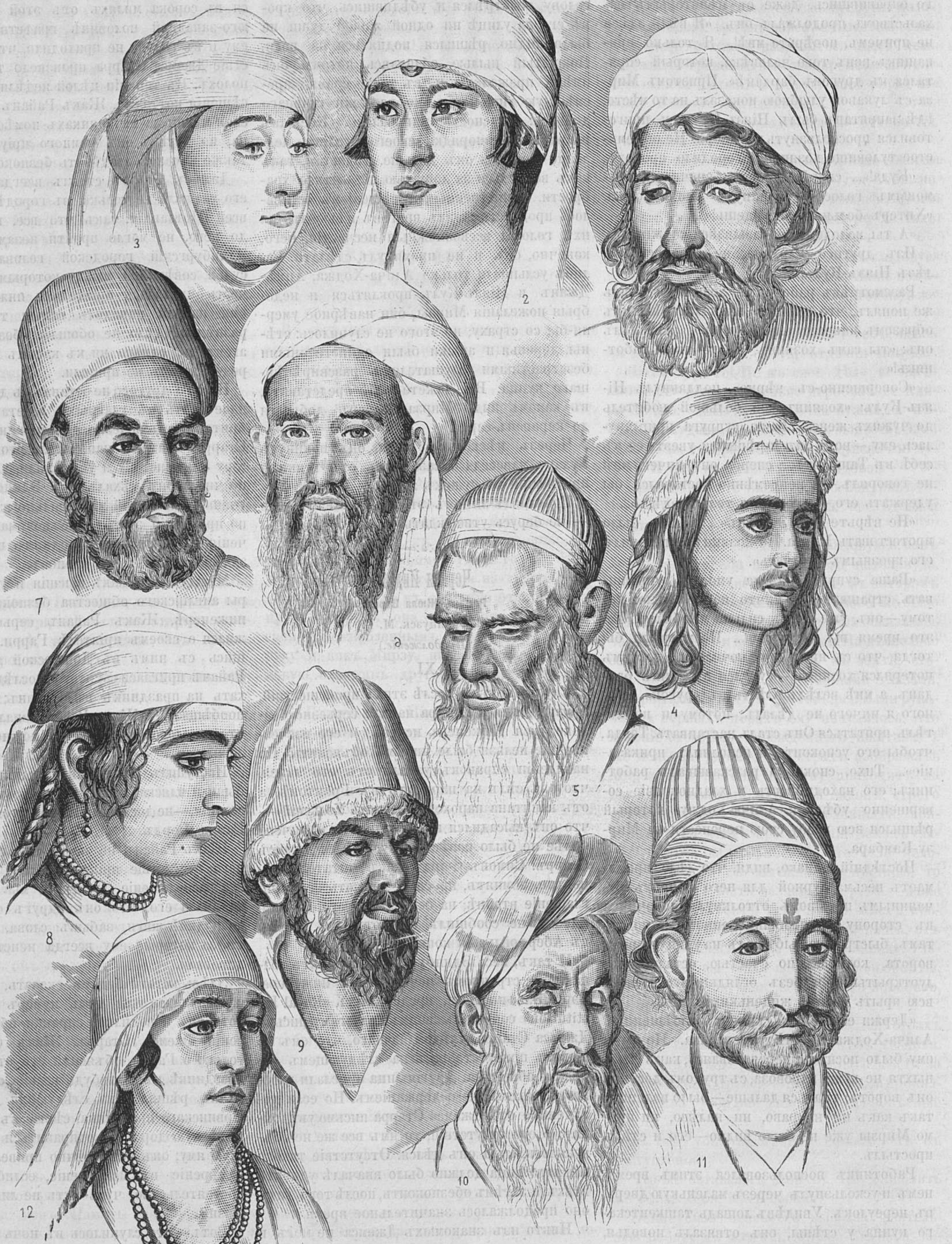
Наступилъ Ирвинскій праздникъ; на немъ были и пляска, и пѣсни, и всевозможныя увеселенія,—не доставало на немъ только одного Гарри Фордъ.

Жакъ Райанъ не на шутку сердился на него; отсутствіе пріятеля имѣло вліяніе на его расположеніе духа; эта мысль до того занимала его, что онъ вдругъ остановился посрединѣ жиги, забывъ слова, какъ разъ тѣ, за которыя ему всегда неистово апплодировали.

Здѣсь кстати будетъ сказать, что Жаку не попадался еще тотъ нумеръ газеты, въ которомъ наводились справки объ исчезновеніи Джемса Старра. Жакъ безпокоился только о Гарри, объясняя его отсутствіе на праздникѣ чѣмъ нибудь весьма серьезнымъ. Жакъ рѣшился на слѣдующій день, послѣ Ирвинскаго праздника, сѣсть въ Глазго на желѣзную дорогу и отправиться въ Дошарскую яму; онъ непремѣнно привелъ бы свое намѣреніе въ исполненіе, еслибы не одно обстоятельство, чуть-чуть не лишившее его жизни.

Вотъ—что случилось въ ночь на 12-е декабря: приключеніе было такого свойства, что утверждало всѣхъ, вѣрующихъ въ сверхъестественную силу, въ ихъ заблужденіи; на фермѣ Мельрозъ большинство рабочихъ принадлежало къ этой категоріи.

Ирвинъ—небольшой приморскій городокъ графства Ренфру, содержащій въ себѣ, приблизительно, семь тысячъ жителей и построенный на крутомъ поворотѣ Шотландскаго берега, почти у начала Клейдскаго залива. Гавань


3
2
1
7
6
4
5
8
9
10
11
12

Среднеазіятскіе типы.

(Къ статьѣ: *«Разсказъ Бухарца»*).

его была хорошо защищена отъ открытыхъ вѣтровъ, и на немъ находился высокій маякъ, освѣщающій мѣста приваловъ, такъ что осторожный морякъ не могъ бы сбиться. Крушеніе судовъ считалось весьма рѣдкимъ явленіемъ въ этой части берега; моряки могли безопасно пускаться въ путь, плыть въ Клейдскій заливъ по дорогѣ въ Глазго, или же, чтобы въѣхать въ Ирвинскій заливъ.

Если въ какомъ либо городѣ происходило какое нибудь историческое событіе, или, если въ немъ находится замокъ, принадлежавшій когда-то Роберту Стюарту, то можно навѣрное предсказать, что въ такомъ городѣ найдутся непремѣнно развалины. Всѣ шотландскія развалины посѣщаются духами, по крайней мѣрѣ, таково общее мнѣніе жителей гористой и низменной Шотландіи. Самыя древнія развалины этой части берега, гдѣ, по повѣрьямъ жителей, болѣе всего духовъ, это—замокъ Роберта Стюарта, извѣстный подъ названіемъ замка Дёндональдъ.

Замокъ Дёндональдъ, считавшійся главнымъ убѣжищемъ домовыхъ и духовъ, оставался, понятное дѣло, совершенно заброшеннымъ. Путешественники отправлялись иногда осматривать остатки исторической эпохи, но никто изъ мѣстныхъ жителей не соглашался быть проводникомъ. Разсказывали, что этотъ старый замокъ былъ посѣщаемъ какими-то «огненными женщинами». Самые суевѣрные, къ числу которыхъ принадлежалъ и Жакъ Райанъ, увѣряли, что они собственными глазами видѣли этихъ фантастическихъ женщинъ. Правда, что отъ времени до времени появлялось длинное пламя то на краю обрушившейся стѣны, то на верхушкѣ башни, возвышающейся надъ всею развалиною замка Дёндональдъ.

Это пламя имѣло-ли, въ самомъ дѣлѣ, человѣческую форму? Справедливо ли заслуживало оно названія «огненныхъ женщинъ»? Его видѣло въ такой формѣ воображеніе суевѣрныхъ, а наука навѣрное объяснила бы это явленіе физическимъ путемъ.

Что бы тамъ ни было, но «огненныя женщины», какъ вѣрили въ странѣ, очень часто посѣщали развалины стараго замка и, въ темныя ночи, выдѣлывали какія-то сарабанды. Жакъ Райанъ ни за какія блага не взялся бы аккомпанировать имъ на своей волынкѣ.

— Будетъ съ нихъ и стараго Никка! говаривалъ онъ,—а старый Никка отлично обходится безъ меня!

Само собой разумѣется, что на всѣхъ вечеринкахъ непремѣнно заходилъ разговоръ объ этихъ странныхъ явленіяхъ. Жакъ Райанъ зналъ нѣсколько легендъ про «огненныхъ женщинъ» и никогда не затруднялся въ выборѣ. На Ирвинскомъ праздникѣ, на которомъ было выпито много элю, водки и виски, Жаку Райану пришлось разсказывать легенды на любимую тэму, ко всеобщему удовольствію, а, можетъ быть, и къ ужасу слушателей. Всѣ собрались на эту вечеринку, въ огромную клуню Мельрозской фермы, стоящей какъ-разъ на берегу Клейдскаго залива. Посреди клуни былъ разведенъ, въ желѣзномъ треножникѣ, ярко горѣвшій коксъ.

Погода была отвратительная; подымался густой туманъ, волны вздымались и съ шумомъ прибывали къ берегу, сильный юго-западный вѣтеръ жалобно завывалъ. Ночь была страшно темная, на небѣ не было ни одного свѣтлаго мѣстечка, а все оно было затянуто черными тучами. Въ такую погоду не только судамъ, находящимся въ открытомъ морѣ, но и тѣмъ, которыя хотѣли пристать къ Ирвинскому порту, угрожала большая опасность.

Въ небольшой Ирвинскій портъ не часто пристаютъ суда значительной величины. Парусныя и паровыя коммерческія суда останавливаются сѣвернѣе у входа Клейдскаго залива.

Но, въ этотъ вечеръ, запоздалый рыбакъ съ удивленіемъ замѣтилъ бы судно, приближающееся къ берегу. Еслибы прояснилось немного, то удивленіе превратилось бы въ неописанный страхъ, потому что судно на всѣхъ парусахъ подвигалось къ берегу. Если оно не попадетъ въ заливъ, то оно нигдѣ не найдетъ себѣ убѣжища между исполинскими прибрежными скалами. Если это судно, во что бы то ни стало, захочетъ пристать, то какимъ образомъ удастся ему благополучно это сдѣлать?

Всѣ собирались разойтись съ вечеринки и дослушивали только конецъ разсказа Жакъ Райана. Вниманіе слушателей такъ было настроено, что они болѣе, чѣмъ ко гда либо, готовы были повѣрить всему сверхъестественному.

Вдругъ послышались на дворѣ страшные крики.

Жакъ Райанъ немедленно прервалъ свой разсказъ, и всѣ бросились изъ клуни. Ночь была темная; проливной дождь, при сильномъ вѣтрѣ, лилъ, какъ изъ ведра.

Два или три рыбака, прислонившись къ скалѣ, испускали неистовые крики. Жакъ Райанъ и товарищи бросились къ нимъ на помощь. Эти крики не относились къ жителямъ фермы, а къ судну, которому угрожала неминуемая гибель.

На разстояніи нѣсколькихъ кабельтовыхъ отъ берега, можно было различить, въ открытомъ морѣ, какую-то черную массу. Это, конечно, было судно, судя по расположенію огней; на фокъ-мачтѣ горѣлъ бѣлый огонь, на штирбортѣ, зеленый, а на бакбортѣ, красный. Судно было обращено къ зрителямъ переднимъ концомъ и, на всѣхъ парусахъ, направлялось къ берегу.

— Это погибшее судно! вскрикнулъ Жакъ Райанъ.

— Да, отвѣтилъ одинъ изъ рыбаковъ:—если-бы оно и вздумало повернуть на другой галсъ, то не въ состояніи этого сдѣлать.

— Подадимъ сигналы! закричалъ одинъ изъ Шотландцевъ.

— Но какіе? спросилъ рыбакъ:—въ такую погоду нельзя будетъ ни на минуту зажечь факелы!

Между тѣмъ, какъ происходили эти переговоры, раздались опять крики. Но какимъ образомъ долетали они въ такую сильную бурю? Пассажирамъ судна угрожала теперь неминуемая смерть.

— Зачѣмъ они управляютъ имъ такъ? вскрикнулъ одинъ морякъ.

— Неужели они хотятъ пристать къ берегу? замѣтилъ другой.

— Неужели капитану неизвѣстно существованіе Ирвинскаго маяка? прибавилъ Жакъ Райанъ.

— Ничѣмъ другимъ нельзя этого объяснить, отвѣтилъ одинъ изъ рыбаковъ;—развѣ можно объяснить это такъ, что капитанъ ошибся, увидя какой либо......

Рыбакъ не успѣлъ кончить фразы, какъ Жакъ Райанъ страшно закричалъ.

Услышанъ-ли былъ онъ на суднѣ?

Во всякомъ случаѣ, было уже слишкомъ поздно и судно не могло долѣе совладать съ прибоемъ бѣлѣвшихъ въ темнотѣ волнъ. Но крикъ Жака Райана не относился къ судну въ видѣ предупрежденія; онъ стоялъ въ то время спиною къ морю и не могъ видѣть всей опасности, которой подвергалось судно. Взоры товарищей были также обращены на предметъ, отстоящій на полмили отъ берега—именно на замокъ Дендональдъ. На верхушкѣ старой башни извивалось, подъ вліяніемъ вѣтра, длинное пламя.

— Огненная женщина! въ одинъ голосъ закричали суевѣрные шотландцы.

Нужно было обладать замѣчательно живымъ воображеніемъ, чтобы видѣть въ этомъ пламени человѣческую форму. Оно—то какъ бы отдѣлялось отъ верхушки башни, и потухало, то снова прикрѣплялось къ ней синеватымъ остріемъ.

— Огненная женщина! огненная женщина! кричали въ одинъ голосъ рыбаки и растерявшіеся отъ испуга крестьяне.

Все объяснилось теперь. Судно пошло не по тому направленію, потому что оно приняло пламя на замкѣ Дендональдъ за Ирвинскій маякъ; оно думало, что оно при входѣ залива, находящагося въ десяти миляхъ сѣвернѣе, и, вслѣдствіе того, плыло по направленію, гдѣ не могло встрѣтить никакого убѣжища.

Что оставалось предпринять для его спасенія? Можетъ быть, слѣдовало бы взобраться на развалины замка и попытаться потушить пламя, чтобы оно не сбивало несчастныхъ мореплавателей, очевидно, принимавшихъ это пламя за Ирвинскій маякъ.

Это и нужно было немедленно сдѣлать; но кому изъ этихъ суевѣрныхъ шотландцевъ могла придти такая мысль? Впрочемъ, одной мысли было еще мало; нужно было, чтобы между всѣмъ этимъ собраніемъ оказался кто столь нибудь отважный, кто рѣшился бы отправиться къ огненной женщинѣ.

Изъ такихъ оказался бы, можетъ быть, Жанъ Райанъ: несмотря на все его суевѣріе, великодушіе взяло бы въ немъ верхъ; но теперь было слишкомъ поздно. Среди бушевавшихъ стихій раздался страшный трескъ.

Судно билось о грунтъ заднею частью киля. Огни на немъ потухли. Бѣлесоватая линія прибоя, на минуту, какъ бы порвалась. Въ это самое мгновеніе судно повалилось на бокъ и разбилось о каменный подводный рифъ.

Въ то же время, по случайному стеченію обстоятельствъ, длинное пламя на замкѣ исчезло, точно будто оно оторвалось отъ сильнаго вѣтра, затѣмъ море, небо и песчаный берегъ погрузились въ самый глубокій мракъ.

— Это огненная женщина! закричалъ въ послѣдній разъ Жакъ Райанъ, когда сверхъ естественное, по общему мнѣнію, явленіе исчезло.

Но хотя эти суевѣрные шотладцы всегда и оказывались трусами при мнимой опасности, они дѣлались героями въ виду настоящей бѣды. Разнузданныя стихіи не могли ихъ остановить; они всѣ бросились по спущеннымъ въ волны канатамъ на помощь утопавшимъ.

Имъ, къ счастію, удалось вытащить утопавшихъ, хотя не обошлось безъ того чтобы нѣкоторые изъ нихъ, и Жакъ Райанъ въ томъ числѣ, не зашиблись о скалы; но капитанъ судна и восемь человѣкъ экипажа были вытащены изъ воды и перенесены цѣлы и невредимы на берегъ.

Судно, потерпѣвшее крушеніе, былъ норвежскій бригъ «Motala», нагруженный деревомъ сѣверныхъ странъ и отправлявшійся въ Глазго. Всѣ предположенія Жака Райана и остальныхъ его товарищей оказались совершенно справедливыми. Капитанъ ошибся, принявъ пламя, вырывавшееся на башнѣ замка Дёндональда, за Ирвинскій маякъ, и прямо направилъ корабль на берегъ, вмѣсто того, чтобы втянуться въ Клейдскій заливъ.

Отъ Motala остались одни только обломки, выброшенные бушующими волнами на скалистый берегъ.

XII.

Жакъ Райанъ, равно какъ и три его раненыхъ товарища, были перенесены въ одну изъ комнатъ Мельрозской фермы, гдѣ имъ немедленно была подана медицинская помощь.

Жакъ Райанъ пострадалъ болѣе другихъ товарищей, потому что въ то самое время, какъ онъ, обвязавъ вокругъ тальи канатъ, бросился въ море, взбѣшенныя волны повалили его на каменный подводный рифъ; товарищи принесли его едва живого на берегъ. Онъ не покидалъ постели въ теченіе нѣсколькихъ дней, чему не мало досадовалъ. Когда докторъ разрѣшилъ ему пѣть, то Мельрозская ферма огласилась его звонкими пѣснями. Послѣ этого приключенія, Жакъ Райанъ началъ только больше бояться домовыхъ и бѣсовъ, которымъ «Motala» должна была быть обязана своимъ крушеніемъ. Всѣ старанія, чтобы разувѣрить его въ существованіи огненныхъ женщинъ и убѣдить, что прорывавшееся между развалинами пламя должно быть отнесено къ чисто физическимъ явленіямъ — оказались напрасными; никакіе доводы не подѣйствовали бы на него. Товарищи его, между прочимъ, разсказывали, что одна изъ «огненныхъ женщинъ» злонамѣренно притянула къ берегу «Motala». Они болѣе всего досадовали на то, что нельзя было придумать никакого наказанія за это: пламя не изъ такихъ вещей, которыя можно заключить въ тюрьму,—духа нельзя никакъ заковать! Всѣ наведенныя, по этому случаю, справки, повидимому, какъ бы оправдали суевѣрныя понятія жителей.

Чиновникъ, назначенный для производства слѣдствія о причинахъ крушенія «Matala», приступилъ къ разспросамъ свидѣтелей этого бѣдствія. Всѣ держались того мнѣнія, что крушеніе судна слѣдуетъ приписать только сверхъестественному явленію, а именно—показавшемуся пламени на развалинахъ замка Дёндональдъ.

Понятное дѣло, что слѣдственная коммисія не могла удовлетвориться такого рода объясненіями; она была убѣждена только въ томъ, что на этихъ развалинахъ произошло чисто физическое явленіе; но ей предстояло еще рѣшить вопросъ: слѣдуетъ-ли приписать его случайному или преднамѣренному явленію?

Послѣднее предположеніе не должно насъ удивлять: подтвержденіе его находится въ исторіи прибрежныхъ странъ, гласящей о томъ, что грабители занимались какъ бы ремесломъ, притягивая обломки судна къ берегу и раздѣляя между собою добычу; для этого, они, зажигали группу смолистыхъ деревьевъ, чтобы судно, завидя это пламя, направлялось къ нему и попадало на такія мѣста, съ которыхъ оно не могло сдвинуться, то привязывали зажженный факелъ къ рогамъ быка и гоняли его съ мѣста на мѣсто, чтобы судно сбилось съ пути. Эти маневры кончались обыкновенно крушеніемъ корабля, и на долю грабителей или пиратовъ доставалась богатая добыча. Для вытѣсненія этого варварскаго обычая потребовалось серьезное вмѣшательство правительства, прибѣгнувшаго къ самымъ строгимъ мѣрамъ для наказанія преступниковъ. Отчего было не предположить и въ этомъ случаѣ возобновленіе древняго обычая?

Слѣдственная коммисія пришла именно къ тому убѣжденію, несмотря на всѣ увѣренія и разсказы Жака Райана и его товарищей. Когда послѣдніе узнали, что назначена для разбора этого дѣла слѣдственная коммисія, они раздѣлились на двѣ партіи: одни пожимали только плечами, другіе же, изъ болѣе суевѣрныхъ, держались того мнѣнія, что, поступая такъ, они только придаютъ больше храбрости духамъ, и что въ такомъ случаѣ можно ожидать новой катастрофы. Слѣдствіе производилось самымъ подробнымъ образомъ. Чиновники отправились въ замокъ Дёндональдъ, гдѣ приступили къ весьма тщательному обыску; они розыскивали на землѣ слѣды человѣческихъ ногъ, но таковыхъ не оказалось, несмотря на то, что послѣдніе могли бы ясно отпечататься на сырой землѣ.

Когда Жакъ Райанъ узналъ объ этомъ, онъ вскрикнулъ: неужели же они думаютъ найти слѣды духовъ?—это все равно, какъ если бы они желали найти слѣды блуждающаго огонька на болотистыхъ мѣстностяхъ!

Кромѣ того, нужно было дознаться, какимъ образомъ зажгли огонь на башнѣ, какія для этого употребили горючія вещества, и какого рода были остатки сгорѣвшаго предмета?

Не нашли ни спичекъ, ни бумаги; затѣмъ, нигдѣ не нашлось также ни сухой травы, ни кусковъ дерева. Никакихъ остатковъ горючихъ веществъ также не оказалось: не осталось ни золы, ни почернѣвшаго, такъ что нельзя было даже опредѣлить мѣста, откуда собственно выходило пламя. Послѣ всего этого, можно-ли было допустить, что огонь поддерживался злоумышленниками? Нѣтъ, это предположеніе было невѣроятно, потому что, на основаніи словъ свидѣтелей, этотъ огонь былъ столь силенъ, что «Motala» могла увидѣть его сквозь туманъ, находясь отъ него на разстояніи нѣсколькихъ миль.

—Огненной женщинѣ не нужны спички, она и безъ нихъ обойдется! замѣтилъ Жакъ Райанъ. — Отъ одного ея дыханія можетъ воспламениться воздухъ; отъ нея не остается и золы!

Слѣдствіе это привело только къ тому, что къ числу существовавшихъ уже легендъ прибавилась одна новая, увѣковѣчивавшая въ памяти мельрозскихъ жителей катастрофу съ «Motala» и сильнѣе утвердившая ихъ въ убѣжденіи о появленіи «огненныхъ женщинъ».

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Мимолетные наброски.

(**Фельетонъ.**)

Зоологическій садъ и мои впечатлѣнія. — Разрѣшеніе вопроса объ «отцахъ» и «дѣтяхъ». Милліонное ходатайство г. Струве. — Невинный фотографъ. — Новый фельетонистъ и мой привѣтъ ему.—Будущій петербургскій акваріумъ.—Бѣшеныя собаки.—Дѣло г-жи Кронебергъ.—Скромное обѣщаніе.

Такъ-какъ я, читатель, уже не поѣхалъ въ страну папуасовъ, то вчера, съ горя, пошелъ въ зоологическій садъ. Мнѣ хотѣлось, по крайней мѣрѣ, полюбоваться на кэнгуру— милыхъ животныхъ этой любопытной страны. Предпринимая такую невинную прогулку, я вполнѣ былъ увѣренъ, что расположеніе моего духа останется невозмутимымъ на цѣлый вечеръ. Но это мнѣ только такъ казалось: едва вступивъ въ садъ, я уже возмутился. У помѣщенія собакъ, надъ одной изъ клѣтокъ, глаза мои съ недоумѣніемъ остановились на дощечкѣ съ слѣдующей, очевидно, русской надписью: «кравиная сабака». Подъ этой надписью стояла другая — латинская, по которой я только и могъ догадаться, что дѣло идетъ просто о «кровяной собакѣ». Боже мой! неужели русскую надпись редактировалъ г. Суворинъ?—невольно пришло мнѣ въ голову: грамматическій курьезъ дощечки такъ близко походилъ на опечатку «Новаго. Времени». Во всякомъ случаѣ, кому-бы не принадлежало составленіе этого курьеза, г-жѣ Ростъ должно быть очень стыдно за него: живя столько лѣтъ въ Россіи и собирая ежегодно такую обильную дань съ посѣтителей своего сада, она могла бы, кажется, позаботиться, чтобы ея русскія надписи составлялись пограмотнѣе. Впрочемъ, надо и то сказать, большинство нѣмцевъ всегда и вездѣ отличалось неуваженіемъ къ странѣ, которая давала имъ пріютъ и кормила ихъ... Во все время прогулки по саду, мнѣ почему-то то и дѣло шли на память наши журнальные дѣятели. Такъ, напримѣръ, большой слонъ съ его хоботомъ вызвалъ у меня представленіе о г. Краевскомъ съ его «Голосомъ»; морскія свинки, суетливо, но мирно возившіяся около брошенной имъ травки, напомнили мнѣ нашихъ военныхъ корреспондентовъ; неуклюжая птица марабу, стоявшая неподвижно на верхушкѣ выстроенной для нея будки, казалась мнѣ похожей, какъ двѣ капли воды, на кн. В. Мещерскаго, а самая будка—на «Гражданина»; даже дикообразъ, и тотъ какъ-будто смахивалъ... на г. Благосвѣтлова, и т. д. Только хищники не напомнили мнѣ никого: они смотрѣли слишкомъ гордо и независимо. Подъ конецъ, меня уже совсѣмъ вывела изъ терпѣнія такая нелѣпая галюцинація, и я перестаь смотрѣть на звѣрей. Да, впрочемъ, по правдѣ сказать, и смотрѣть-то было не на что: ничего новаго въ саду не оказалось, за исключеніемъ двухъ малайскихъ медвѣдей.

Кстати о медвѣдяхъ. Въ звѣринцѣ г-жи Ростъ, какъ извѣстно, давно уже содержится великолѣпный экземпляръ полярнаго представителя этой породы, очень цѣнный и требующій самаго тщательнаго ухода за собой. Такъ-какъ всякая пища, кромѣ рыбной и мясной, положительно вредна ему, то публика приглашается не кормить его ничѣмъ. Приглашеніе это выставлено на видномъ мѣстѣ клѣтки. Когда я подошелъ къ ней, какой-то господинъ, весьма приличный по наружности и запасшійся порядочной краюхой хлѣба, только-что собирался покормить имъ звѣря.

— Нельзя, папа, ничего давать ему... тревожно остановилъ отца гимназистъ лѣтъ двѣнадцати, указывая ему на вывѣшенное приглашеніе.

Господинъ прочелъ надпись, отломилъ отъ своей краюхи изрядный кусокъ и молча сталъ просовывать его за рѣшетку.

— Вѣдь онъ можетъ околѣть, папа... еще тревожнѣе и даже нѣсколько настойчиво проговорилъ гимназистъ.

Но отецъ и теперь не обратилъ на него ни малѣйшаго вниманія, и невозмутимо просунулъ хлѣбъ въ клѣтку. Замѣтивъ, однако, мой пристальный взглядъ, онъ поспѣшилъ удалиться.

Такимъ образомъ, тутъ, у этой медвѣжьей клѣтки, я, въ какихъ нибудь пять минутъ, окончательно и безъ особеннаго философствованія разрѣшилъ для себя такъ долго мучившій всѣхъ россіянъ вопросъ: кто лучше—«отцы» или «дѣти»?

Да, дѣйствительно, «дѣти» лучше. Чтобы убѣдить въ этомъ и тебя, читатель, я поищу доказательствъ въ текущей жизни. По словамъ «Петербургской Газеты», четырнадцатилѣтній мальчикъ, Звѣревъ, обвинялся у мироваго судьи 2 участка въ карманномъ воровствѣ. Судья опредѣлилъ: Звѣрева, за малолѣтствомъ его, отдать на исправленіе родителямъ. «Дозвольте, судья мировой, здѣсь его высѣчь, чтобы онъ помнилъ, какъ надо жить»,—сказала мать Звѣрева. «Можете это сдѣлать въ полицейскомъ участкѣ», — замѣтилъ судья. Спрашиваю васъ, г. умиротворитель: во-первыхъ, почему-же именно «въ полицейскомъ участкѣ», а не дома? Во-вторыхъ, осмѣлитесь-ли вы принять на себя отвѣтственность за послѣдствія подобнаго совѣта по системѣ «Домостроя»? И, наконецъ, въ какой школѣ изволили воспитываться вы сами, если допускаете возможность розогъ для дѣтей? Еще одинъ вопросъ: неужели вамъ никогда не приходилось подумать, почему это наше правительство отмѣнило тѣлесное наказаніе даже для взрослыхъ, даже для убійцъ? Если не приходилось, то, ради Бога, подумайте и не смущайте публику вашей камеры такими замѣчаніями, въ достоинствѣ которыхъ можетъ усомниться всякій маломальски развитый человѣкъ. Очевидно, читатель, что это—«отцовскій» взглядъ. А вотъ и другой примѣръ. По поводу изгнанія учениковъ изъ училищъ, г. Суворинъ говоритъ: «Мнѣ иногда сдается, что прежнее время было гуманнѣе. Прежде мальчики шалили и дѣлали безобразія гораздо больше, чѣмъ нынѣ, и гг. педагоги относились къ этому снисходительнѣе. Правда, прежде пороли, но самому испорченному мальчику даже изъ кадетскихъ корпусовъ не давали «волчьяго паспорта». Надѣюсь, отсюда ясно, какъ Божій день, что еслибъ г. Суворина вздумали изгнать изъ Петербурга, то онъ лучше согласился бы на *порку*, чѣмъ на изгнаніе. Очевидно, что и это тоже «отцовскій» взглядъ, съ тѣмъ только различіемъ, что здѣсь уже, въ видахъ самоохраны, готовы принести идолу благоразумія всяческую жертву... даже и не безкровную. Теперь посмотримъ, какъ относятся къ этому-же предмету «дѣти». Въ «Русскій Міръ» пишутъ изъ Кѣлецкой губерніи, что «въ посадѣ Магоща» случилось на дняхъ самоубійство, надъ которымъ невольно приходится призадуматься. Сынъ мѣщанина названнаго посада, четырнадцатилѣтній мальчикъ, Петръ Яворскій, наказанный матерью своею за непослушаніе, въ тотъ-же самый день, вечеромъ, повѣсился въ своемъ домѣ» Мальчикъ этотъ, очевидно, не раздѣлялъ ни теоріи г. Суворина, ни замѣчанія г. мироваго судьи 2 участка; а жаль: старшихъ надо слушаться. Но я думаю, читатель, что ты все-таки согласишься со мной, что «дѣти» несравненно лучше «отцовъ»; у нихъ, по крайней мѣрѣ, собственнаго достоинства оказывается гораздо больше, чѣмъ предполагаютъ иные, очень ужъ благоразумные люди...

Къ числу такихъ преувеличенно-благоразумныхъ субъектовъ, я полагаю, можно смѣло отнести и г. полковника Струве, строителя Литейнаго моста. Въ засѣданіи Петербургской городской думы, 20 мая, разсматривалось его ходатайство объ увеличеніи оптовой цѣны за постройку этого моста на 919,000 руб. противъ первоначальной смѣты. Другими словами—человѣкъ желаетъ, чтобы ему положили въ карманъ, такъ-себѣ, безъ малаго *милліончикъ*,—вѣдь недурно? Дорогіе мосты строятся не часто, такъ-что надо только удивляться, какъ это наша дума не исполнила такого... благоразумнаго желанія. Она отказала г. Струве большинствомъ 88 голосовъ противъ 65. Напрасно! — слѣдовало бы поощрить. Въ настоящемъ дѣлѣ, меня больше всего занимаютъ, впрочемъ, личности этихъ 65 голосовъ: должно быть, самые невинные люди...

Бываютъ также и невинные фотографы... Вотъ, напримѣръ, г. Андерсонъ. Если ты закажешь ему, читатель, положимъ, шесть кабинетныхъ портретовъ, то рискуешь увидѣть себя на одномъ изъ нихъ косымъ, на другомъ—съ искривленной губой, на третьемъ—съ четырьмя бровями вмѣсто двухъ, и т. д. Хотя мировой судья 13 участка и не одобрилъ такого разнообразія въ работахъ этого фотографа, но я непремѣнно снимусь у него... ради невиннаго же курьеза.

Однако шутки въ сторону. У меня стоитъ еще на очереди одно серьезное дѣло, непосредственно касающееся моей профессіи. Позволь мнѣ предложить тебѣ, читатель, нескромный вопросъ: имѣешь-ли ты основательное понятіе о фельетонистѣ, и питаешь-ли къ нему достаточное почтеніе? Я увѣренъ, что нѣтъ, ибо и самъ до сихъ поръ мизерно заблуждался на этотъ счетъ. Но вотъ, говоря высокимъ слогомъ, на закатѣ дней моихъ, появляется на газетномъ горизонтѣ новое фельетонное свѣтило и провозглашаетъ: «Фельетонистъ — своего рода папа общественныхъ его движенія, Пій IX всяческихъ злобъ дня, и горделивое признаніе папою безсмертія папства обнимаетъ собою и признаніе нетлѣнности фельетонизма». Ты думаешь, что я опять-таки шучу? Нѣтъ, читатель, эти строки дословно выписаны мною изъ «С.-Петербугскихъ Вѣдомостей», вышедшихъ въ воскресенье, 22 мая. Тамъ, въ нижнихъ столбцахъ, ты можешь прочесть «Мотивы и отголоски», подписанные «Роландо». Это и есть новое свѣтило, ему-то и принадлежатъ названныя строки. Теперь я снова спрошу тебя: знаешь-ли ты, какимъ слогомъ долженъ писать истинный фельетонистъ? И снова я увѣренъ, что ты этого не знаешь, какъ не зналъ до сихъ поръ и я. Такъ поучайся же: «Всѣ поры нашего бытія»— говоритъ Роландо—«пребываютъ проникнутыми войною и на все мы смотримъ, такъ сказать, съ ума прицѣла круповскихъ пушекъ». Вотъ какъ надо писать фельетоны! Съ завистью встрѣчая это восходящее свѣтило, съ которымъ, конечно, никогда не сравнится мой собственный тусклый блескъ, я, однакожъ, не въ силахъ удержаться отъ привѣта новому собрату:

Ваше Святѣйшество, другъ и собратъ,
Всяческихъ злобъ Пій IX!
Внцди со славой и честію въ рядъ
Нижнихъ столбцовъ жидковатый.

Силой *безсмертія папства* хранимъ,
Даже хоть католицизма—
Вѣщій! лиши ты насъ словомъ своимъ
Тлѣнности фельетонизма.

Пусть нынѣ *смотримъ на все мы съ ума*
Стрѣлъ фельетонныхъ *прицѣла*,
И да *проникнетъ намъ въ поры* сама
Чушь безъ конца и предѣла!

Это рѣдко случается, что я вполнѣ умиляюсь, а тутъ даже совсѣмъ растаялъ отъ восторга. Нельзя не поздравить и «С.-Петербургскія Вѣдомости» съ такимъ блестящимъ пріобрѣтеніемъ.

Наша Сѣверная Пальмира тоже отличится вскорѣ прибылью. «Сѣверному Вѣстнику» сообщаютъ, что одинъ изъ предпринимателей по устройству аквaріума въ Петербургѣ, нѣкто г. К. Миллеръ, пріобрѣлъ уже для этой цѣли, въ Семеновскомъ полку, мѣсто купца Шарова, на которомъ (не на Шаровѣ, конечно, а на его мѣстѣ) и будетъ устроенъ аквaріумъ, при участіи нѣсколькихъ капиталистовъ. Предполагается снабдить его садомъ, птичникомъ, бассейномъ для водяныхъ животныхъ, могущихъ жить въ нашемъ климатѣ, и библіотекою сочиненій касательно водяныхъ животныхъ, водяныхъ птицъ и водяныхъ растеній. Къ участію въ этомъ дѣлѣ, учредители имѣютъ въ виду пригласить с.-петербургское общество естествоиспытателей. Въ добрый часъ! Пора бы также подумать Петербургу и объ устройствѣ настоящаго зоологическаго сада, отсутствіе котораго рѣзко отличаетъ этотъ городъ не только отъ всѣхъ другихъ европейскихъ столицъ, но даже и отъ Москвы: нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, довольствоваться «кравиными сабаками» г-жи Ростъ.

Кстати о собакахъ. Въ прошломъ фельетонѣ я заявилъ, что ходить по тротуару опасно: того и гляди, что на тебя обрушится какой-нибудь домъ. Теперь оказывается, что и по срединѣ улицы ходить не безопасно: можетъ укусить бѣшеная собака. Газета «St.-Petersburger Herold» разсказываетъ, что, на дняхъ, жертвами такого животнаго сдѣлались нянька и ребенокъ, находившійся у нея на рукахъ. Покойный литераторъ Ломачевскій, какъ извѣстно, тоже палъ жертвою укушенія бѣшеной собаки. Неужели-же, въ самомъ дѣлѣ, въ нашемъ распоряженіи нѣтъ никакихъ средствъ предупредить подобные случаи? Если мы не затрудняемся иногда изолировать отъ общества даже людей, то что-же за гуманность, спрашивается, церемониться съ собаками?

Нѣтъ, по мнѣ, пусть ужъ лучше давятъ насъ люди, какъ раздавила извѣстная петербургская артистка, г-жа Кронебергъ, одну старуху, жену оставного рядового Читовичъ, лошадьми корнета л.-гв. коннаго полка Лихачева, на которыхъ эта артистка каталась по Невскому. Дѣло ея разбиралось, 24 мая, въ III отдѣленіи петербургскаго окружнаго суда безъ участія присяжныхъ засѣдателей. Оно не сложно: вся суть заключается въ быстрой ѣздѣ. При допросѣ, г-жа Кронебергъ объяснила, между прочимъ, что лошади, на которыхъ она ѣхала—очень хорошія, и она ѣздитъ быстро потому, что полагается на опытность кучера. Какъ попала подъ сани Читовичъ, она не знаетъ. Кучеръ Желтовъ, на вопросъ о виновности, далъ такой отвѣтъ: «я виноватъ—сшибъ ее дѣйствительно». Рѣшеніемъ окружнаго суда г-жа Кронебергъ оправдана, а Желтовъ приговоренъ къ аресту при полиціи на одинъ мѣсяцъ и церковному покаянію. Я, однако, не оправдалъ бы г-жу Кронебергъ. Очень можетъ быть, что корнетамъ и пристойно носиться, сломя голову, на своихъ рысакахъ; но мнѣ кажется, что для особы прекраснаго пола это должно быть нѣсколько... щекотливо. Конечно, кучеръ Желтовъ неправъ: онъ былъ неостороженъ. Однакожъ, я полагаю, что еслибъ г-жа Кронебергъ предпочитала болѣе скромную ѣзду, то никакого несчастія съ покойной Читовичъ не случилось бы, а это—самое главное въ данномъ случаѣ.

Извини, читатель, что я занимаю тебя «всяческими злобами дня», какъ выражается мой новый собратъ по фельетону. Мнѣ самому хотѣлось бы отвести отъ нихъ глаза хотя на минуту, но...

Но мутная будничной жизни волна
Уноситъ меня за собою;

А тамъ, въ перспективѣ, другая видна—
Съ такою-же мутью родною.

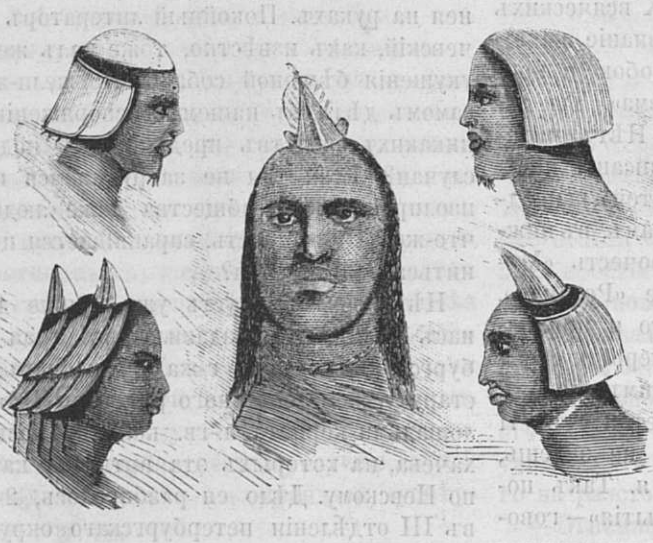
Авось, впрочемъ, удастся мнѣ познакомиться на-дняхъ съ знаменитымъ спиритомъ Юмомъ, только что пожаловавшимъ къ намъ въ Петербургъ. Тогда я постараюсь занести

И въ мой набросокъ мимолетный—
Міръ безтѣлесный, міръ безплотный...

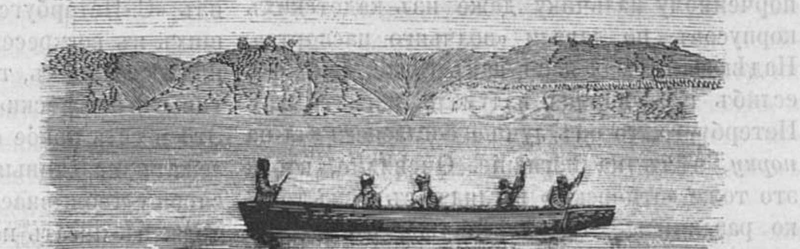
Веселый поэтъ.

Путешествіе по Африкѣ.

Нашимъ читателямъ, безъ сомнѣнія, извѣстны, въ общихъ чертахъ, результаты путешествія капитана Камерона по Африкѣ; многіе отрывки изъ этого сочиненія были помѣщены въ разныхъ журналахъ; они вызвали, въ интересующихся Африкою, желаніе познакомиться съ полнымъ сочиненіемъ. Оно теперь вышло въ свѣтъ; въ немъ много поучительнаго и интереснаго, какъ мы того и ожидали. Командиръ Камеронъ не ограничился поверхностнымъ изложеніемъ многочисленныхъ путевыхъ замѣтокъ, но знакомитъ читателя съ ежедневною своею жизнію, ведетъ его за собою, шагъ за шагомъ, по тяжелымъ пройденнымъ имъ дорогамъ; читатель по прочтеніи книги видитъ, что пріобрѣлъ много новыхъ и весьма важныхъ свѣдѣній объ одномъ изъ самыхъ интересныхъ материковъ.



Тмпы Южной Африки.



Озеро Санкорра.

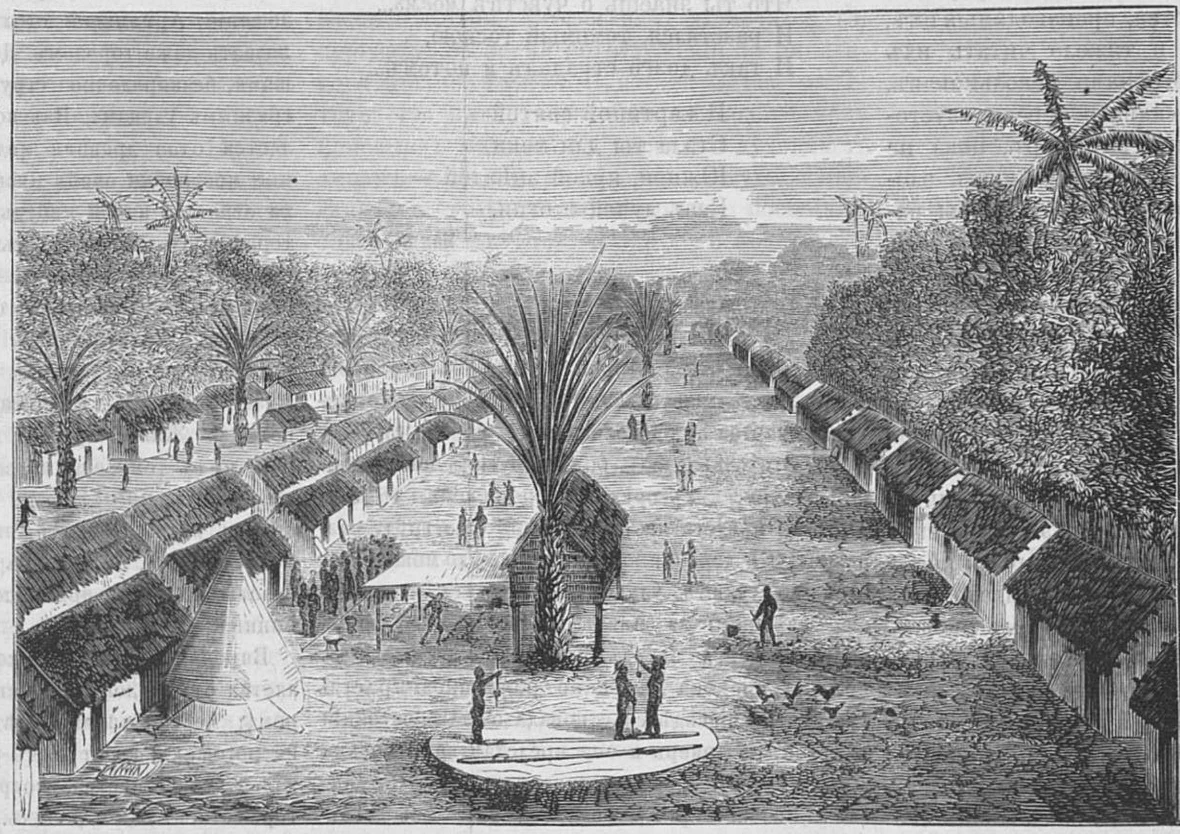
Исторія командира Камерона, вѣроятно, всѣмъ хорошо извѣстна и, потому, возвращаться къ ней было бы повтореніемъ того, о чемъ уже часто говорилось. Напомнимъ здѣсь только, что главная цѣль экспедиціи, во главѣ которой онъ находился, заключалась въ томъ, чтобъ отъискать и оказать помощь великому Ливингстону, въ теченіе 5 или шести лѣтъ находившемуся въ Центральной Африкѣ и въ то время только найденному Станлеемъ. Экспедиція, подъ предводительствомъ Камерона, отправилась изъ Багомойо вначалѣ 1873 г.; его сопровождала многочисленная свита, въ числѣ которой находились драгоманъ. Диллонъ, лейтенантъ Мёрфи и несчастный молодой Моффатъ, продавшій все свое имущество и отправившійся на поиски своего дяди; они успѣли доѣхать только въ октябрѣ до Уніаніембэ, (Unyanyembé) гдѣ встрѣтили печальную процессію съ останками Ливингстона; великій путешественникъ умеръ въ маѣ мѣсяцѣ на южной сторонѣ озера Бангвеало, почти въ одинъ и тотъ же день, когда погибъ его энергическій племянникъ въ самомъ началѣ предпринятыхъ имъ поисковъ.

Въ виду измѣнившихся, такимъ образомъ, обстоятельствъ, лейтенантъ Мерфи рѣшился возвратиться; Диллонъ былъ вынужденъ, по болѣзни, ему сопутствовать. Камеронъ рѣшился продолжать путь и завершить дѣло своего безсмертнаго предшественника; онъ совершенно основательно думалъ, что, поступая такимъ образомъ, будетъ дѣйствовать въ духѣ его предначертаній. Всѣмъ извѣстна грустная кончина Диллона, послѣдовавшая вскорѣ послѣ разлуки съ Камерономъ.

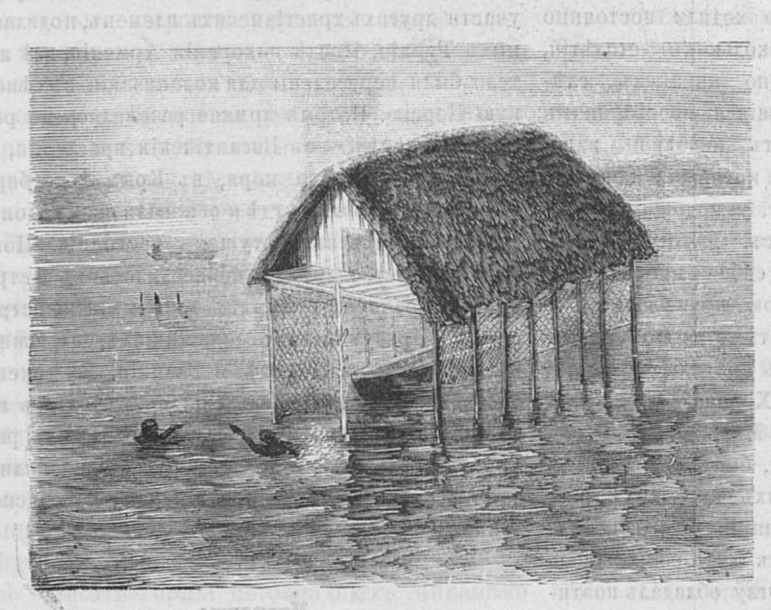
Путешествіе Камерона можетъ быть раздѣлено на четыре отдѣла: первый отъ берега до Уджиджи; второй — изслѣдованіе озера Танганійка; третій—поѣздка въ Ніангве, на берега широкой Луалаба; и четвертый—отъ Ніангве, на югъ и западъ, до западнаго берега. Первый путь хотя и извѣстенъ читателямъ изъ сочиненій Буртона, Спика и Станлея, но не смотря на то, они найдутъ въ запискахъ Камерона множество новыхъ свѣдѣній о мѣстности, произведеніяхъ и населеніи этой страны. Результаты произведенныхъ имъ измѣреній этой мѣстности показаны въ приложенной къ книгѣ весьма интересной картѣ, изъ которой видно, что мѣстность, по направленію къ западу до 34° западной широты, идетъ все въ гору; затѣмъ, мало по малу спускается во внутренность материка, образующаго обширную впадину или бассейнъ, постепенно возвышаясь къ западному берегу, гдѣ круто обрывается. Мѣстность страны, лежащей ближе къ берегу, очень разнообразна; то ровная, то чрезвычайно гористая, во многихъ мѣстахъ болотистая и подверженная наводненіямъ орошающихъ ее многочисленныхъ рѣкъ; въ ней также попадаются лѣсистыя, густо-населенныя и плодородныя пространства. Эта страна раздѣлена на множество мелкихъ государствъ, населенныхъ разными независимыми другъ отъ друга племенами; Камеронъ пó долгу останавливается на описаніи ихъ наружности, обычаевъ и нравовъ. Онъ особенно подробно говоритъ о племени Уаніамвези (Wanyamwesi), среди котораго онъ прожилъ, больной лихорадкою, нѣсколько недѣль; по этой причинѣ онъ только въ февралѣ 1874 г. могъ добраться до Уджиджи съ большими затрудненіями, происходившими отъ постоянно уменьшившагося числа спутниковъ и отъ частыхъ остановокъ во многихъ деревняхъ, гдѣ имъ пускали кровь изъ рукъ.

Аравійскіе купцы оказали Камерону хорошій пріемъ въ Кавеле, столицѣ Уджиджи, гдѣ онъ и нашелъ записки Ливингстона; 13 марта, онъ отправился въ объѣздъ южной половины озера Танганійка. Извѣстно, что Буртонъ и Спикъ изслѣдовали только, сравнительно, небольшую часть озера по сосѣдству съ Уджиджи, тогда какъ Ливингстонъ и Станлей объѣхали восточные и сѣверозападные берега сѣверной его части. Камеронъ значительно увеличилъ наши свѣдѣнія объ этомъ интересномъ озерѣ; онъ проѣхалъ вдоль восточнаго берега южной половины озера, проплылъ къ западу у самой его оконечности, направился вверхъ по западному берегу и, осмотрѣвъ Лукугу, вернулся въ Уджиджи 9-го мая. Онъ очень подробно описываетъ свою поѣздку и прилагаетъ снятые имъ контуры береговъ; на тщательное выполненіе этой работы мы вполнѣ можемъ положиться. Берега озера бóльшею частью возвышенны и скалисты, покрыты деревьями и другою растительностію, какъ напр. густо разросшимся тростникомъ, и изрѣзаны множествомъ рѣчекъ. Въ окрестностяхъ озера и на самомъ озерѣ попадается множество разнообразныхъ животныхъ, четвероногихъ, птицъ, насѣкомыхъ, рыбъ; озеро, по словамъ Камерона, представляетъ восхитительное зрѣлище; населеніе западныхъ береговъ отличается развитіемъ, промышленностью; многія части восточнаго берега были, не за долго до того, опустошены торговцами невольниковъ, и слѣды ихъ набѣговъ встрѣчались по всей дорогѣ Камерона. Что касается рѣки Лукугу, то Камеронъ полагаетъ, что она вытекаетъ изъ озера Танганійка и впадаетъ въ Луалаба. Онъ говоритъ, что открылъ въ ея теченіи новое западное направленіе, по которому онъ и поплылъ; на дальнѣйшемъ плаваніи онъ встрѣтилъ препятствіе въ сплошной растительности. Мы не остановимся теперь на разрѣшеніи вопроса о направленіи теченія рѣки. но не откладываемъ его обсужденіе на неопредѣленное время, надѣясь, что Станлей разрѣшитъ этотъ спорный вопросъ также удовлетворительно и съ тою же точностью, съ какою онъ обозначилъ контуры Викторіи Ніанза. Географы чрезвычайно должны благодарить Камерона за расширеніе ихъ свѣдѣній объ озерѣ Танганійка.

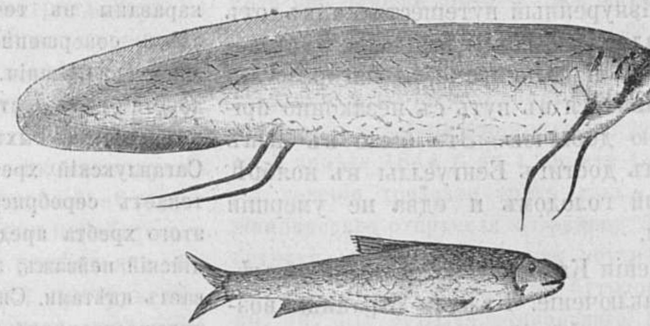
Камеронъ, спустя двѣ недѣли по возвращеніи изъ этой экскурсіи,—совершенной съ такими затрудненіями по причинѣ постоянно уменьшавшагося числа спутниковъ и ихъ трусости, переплылъ озеро и отправился въ Ніангве, въ надеждѣ достать тамъ лодокъ и пуститься внизъ по теченію Луалаба. Онъ проѣзжалъ многія мѣста, гдѣ до него былъ Ливингстонъ, память о которомъ живо сохранилась среди населенія. Главные округи по этой дорогѣ, Угухха и Маньюема, (Uguhha and Manyuema) населены самымъ интереснымъ, изъ видѣнныхъ Камерономъ, племенемъ. Въ Угухха разработывается въ значетельныхъ размѣрахъ мѣдь и приготовляютъ изъ нея полосы; въ Маньюемѣ, находящаяся въ изобиліи желѣзная руда, плавится въ искусно устроенныхъ огромныхъ печахъ. Маньюемское населеніе во многихъ отношеніяхъ весьма замѣчательно и хотя придерживается людоѣдства, но тѣмъ не менѣе стоитъ на высшемъ уровнѣ образованія, сравнительно съ окружающими ихъ племенами. Камеронъ полагаетъ, что высшая раса произошла отъ пришельцевъ, а низшіе классы состоятъ изъ туземныхъ жителей. Они живутъ деревнями въ хорошо устроенныхъ домахъ, хорошо сложены и заслуживаютъ изученія.



Деревня Килемба.



Озеро Моріа.



Рыбы, водящіяся въ озерѣ Кассали.

(Къ статьѣ: «*Путешествіе по Африкѣ*».)

Въ Ніангве Камеронъ былъ хорошо принятъ старикомъ-арабомъ, оказывавшимъ разныя услуги Ливингстону, но, къ сожалѣнію, Камеронъ не могъ достать лодокъ и потому не могъ осуществить своей завѣтной мечты. Онъ слышалъ отъ живущаго болѣе на югъ населенія, что прекрасная широкая рѣка Луалаба, текущая въ Ніангве, вливается къ западу въ большое озеро Санкорра, куда пріѣзжаютъ для торговли въ огромныхъ лодкахъ, вмѣщающихъ около 200 человѣкъ. Камеронъ совершенно основательно полагаетъ, что между Луалабою и Конго существуетъ какая-нибудь связь и считаетъ послѣднюю, главною рѣкою, орошающею западную и сѣверозападную области Танганійка. Луалаба течетъ по нижней части большого центрально-африканскаго бассейна, и принадлежитъ къ одной изъ самыхъ большихъ рѣкъ; въ верхней ея части впадаетъ множество притоковъ, а потому трудно себѣ представить, чтобы вся эта громадная масса воды могла изливаться въ другую какую-либо текущую по югозападной Африкѣ рѣку, кромѣ Конго. Между 5° сѣв. шир. и 10° южной шир. находится обширное пространство, которое не мѣшало бы разслѣдовать, а до того времени, мы воздержимся отъ какой-бы то ни было положительной теоріи относительно этой страны. Разрѣшеніе этого вопроса не заставитъ себя долго ждать потому, что этими изслѣдованіями занимаются многія экспедиціи, находящіяся на мѣстѣ или вновь снаряжаемыя. Всѣ собранныя Камерономъ свѣдѣнія весьма важны и принесутъ несомнѣнную пользу послѣдующимъ путешественникамъ.

Камеронъ въ сообществѣ одного аравійскаго купца проѣхалъ на югъ, въ надеждѣ пробраться потомъ, какимъ-либо способомъ, на сѣверъ къ озеру Санкорра. Но и здѣсь онъ обманулся въ своихъ ожиданіяхъ; онъ встрѣчалъ затрудненія со стороны безумныхъ вождей и жестокихъ торговцевъ невольниками; кромѣ того, ему приходилось имѣть дѣло съ трусостью своихъ спутниковъ. Большая часть страны, находящейся между Ніангве и берегомъ, на югъ и западъ, по которой путешествовалъ тогда Камеронъ совершенно была неизвѣстна, и ни разу, сколько мы знаемъ, не посѣщалась ни однимъ европейцемъ. Второй томъ представляетъ съ точки зрѣнія новизны еще болѣе интереса. Почва плодородная, лѣсистая и достаточно орошаемая. Множество рѣкъ пересѣкаются между собою; уровень разлива рѣкъ текущихъ на востокъ и западъ таковъ, что во время, вѣроятно, часто бывающихъ наводненій ихъ теченіе должно иногда измѣняться.

Южнѣе, въ 200 миляхъ отъ Ніангве, Камеронъ прибылъ въ Килемба, главную резиденцію Казонго, вождя обширнаго округа Уруа, и мѣстопребываніе знаменитаго аравійскаго купца Юма Американи. Этотъ купецъ, поддерживающій обширныя торговыя сношенія со всею Центральною Америкою, человѣкъ очень развитой; онъ сообщилъ Камерону много географическихъ свѣдѣній, добытыхъ имъ во время своихъ дальнихъ путешествій. Камеронъ былъ вынужденъ прожить въ Килембѣ около 8 мѣсяцевъ, и если бы не этотъ великодушный, гуманный и развитой аравійскій купецъ, то, если-бы онъ и остался въ живыхъ, жизнь его была бы невыносима. Обращеніе этого замѣчательнаго человѣка съ Камерономъ выше всякой похвалы. Камеронъ встрѣтилъ въ Килемба одного до невозможности жестокаго торговца невольниками изъ португальскихъ колоній. Звѣрства, производимыя имъ, почти невѣроятны и тяжело читать ихъ описаніе; этими торговцами невольниковъ, пріѣзжающими съ западнаго берега, опустошается вся страна; до тѣхъ поръ, пока не будетъ положенъ конецъ подобнымъ злодѣяніямъ, путешественники не должны расчитывать на свободный доступъ въ эти страны, и самая торговля не можетъ производиться на правильныхъ началахъ.

Камеронъ, во время своего пребыванія въ Килемба, посѣтилъ замѣчательное маленькое озеро, Моріа, обстроенное домами на высокихъ столбахъ. Онъ также слышалъ о людяхъ, живущихъ въ этой странѣ въ подземельяхъ или пещерахъ; Ливингстонъ, если не ошибаемся, также говорилъ объ этомъ въ своихъ послѣднихъ запискахъ. Камеронъ посѣтилъ также лежащее на югъ, не далеко отъ Килемба, озеро Кассали, на которомъ множество пловучихъ острововъ; но ему не дозволили пристать къ берегу. Онъ собралъ много интересныхъ свѣдѣній о народѣ, среди котораго ему пришлось жить, и записалъ все, что слышалъ о географическомъ положеніи этой страны. Но такъ какъ жизнь его была обставлена всевозможными стѣснительными условіями, то онъ, по неволѣ, долженъ былъ проводить время большею частью праздно. Изнуренный путешественникъ отъ души обрадовался, когда Кендалю, жестокому торговцу невольниками, заблагоразсудилось отправиться въ путь съ незаконно пріобрѣтенною добычею. Это было въ іюнѣ 1875 г. Онъ достигъ Бенгуеллы въ ноябрѣ, измученный голодомъ и едва не умершій отъ цынги.

О сочиненіи Камерона можно вывести слѣдующее заключеніе: Каждая страница возбуждаетъ сильнѣйшій интересъ; онъ значительно расширилъ наши свѣдѣнія по части орошенія, геологіи, населенія и производительности главной части пройденной имъ Африки. Въ послѣднихъ двухъ главахъ онъ говоритъ о результатахъ, добытыхъ имъ во время своего путешествія; ботаники будутъ пріятно удивлены, найдя въ приложеніи перечисленіе всѣхъ растеній, собранныхъ въ странѣ, лежащей между озеромъ Танганійка и распредѣленныхъ по порядку г. Оливеромъ. Флора этой мѣстности принадлежитъ, по словамъ Оливера, къ бассейну рѣки Конго.

* * *

Встрѣча.

I.

Я опять пострѣчался съ тобою....
То же чувство широкой волною
Охватило всю душу мою, —
И, какъ прежде, тебя я люблю!

Воротились ко мнѣ
Мои вешніе дни, —
Воротилося вновь
И безумье любви!...

II.

Этотъ берегъ роскошнаго Крыма...
Это вѣчно шумящее море...
Знойнымъ солнцемъ и нѣгой томима,
Ты не знала печали и горя.

Я признаньемъ моимъ
Не смущалъ твой покой, —
И доволенъ такъ былъ
Твой женихъ молодой.

III.

Но я зналъ, что любимъ былъ *тобою*...
Что ты знаешь о чувствѣ *моемъ*...
И разстался, томимый тоскою,
И такъ долго страдалъ я потомъ...

И картиной святой
Стала ты для меня,
Южной, яркой звѣздой —
Безъ лучей и огня.

Ив. Я—нъ.

* * *

Отъ Карса до Эрзерума.

Съ горы, на которой построена крѣпость Карсъ, раскрывается видъ къ Востоку на армянскій кварталъ, расположенный по ту сторону рѣки. Этотъ кварталъ, болѣе другихъ пострадавшій отъ русскихъ орудій во время войны 1853—1856 г., представляетъ и теперь еще груду развалинъ. По деревянному мосту и худо мощенымъ, страшно узкимъ улицамъ проходятъ и теперь еще караваны на западъ, въ Эрзерумъ. Долина, растилающаяся передъ Карсомъ, отличалась въ прежнія времена особенно роскошною растительностію и свидѣтельствовала о благосостояніи жителей, но теперь и она представляетъ весьма жалкій видъ. Характеристическая черта армянскихъ плоскогорій — безлѣсіе; но здѣсь мѣстность оживляется попадающимися кое — гдѣ зелеными лужайками. Несмотря на то, что изъ Карса въ западную Турцію ходили постоянно караваны въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, здѣсь совершенно не видно никакихъ слѣдовъ цивилизаціи. Попадающіяся по сторонамъ дороги горы останавливаютъ невольно вашъ взоръ на густыхъ лѣсахъ, которыми покрытъ Саганлукскій хребетъ, гдѣ, у подошвы, протекаетъ серебристый Араксъ. Южный склонъ этого хребта представляетъ собою вполнѣ альпійскій пейзажъ; здѣсь, весною, почва залита бываетъ цвѣтами. Спускаясь затѣмъ на юго-западъ, путешественникъ проѣзжаетъ сначала около развалинъ какого-то замка до Хорассана, гдѣ сходится дорога, идущая черезъ Мешингердъ. Этотъ замокъ — Керъ-Оглу-Калесси, былъ резиденціею одного изъ самыхъ странныхъ курдскихъ разбойничьихъ атамановъ; преданіе о его подвигахъ и дѣяніяхъ до сихъ поръ живо сохранилось въ памяти населенія. Керъ-Оглу обладалъ поэтическимъ даромъ, и всѣ пѣсни изъ разбойничьяго быта приписываются ему. Въ Аракской котловинѣ мѣстность дѣлается опять однообразной и переходитъ въ равнину.

Отсюда идетъ единственный путь по восточной Ефвратской котловинѣ, мимо Топракъ-Кале, въ Баязетъ. За этою деревнею начинаются горы, куда не удалось еще взобраться ни одному европейцу.

Въ этихъ горахъ виднѣется одинъ только возможный проходъ къ Аракской и Ванской котловинамъ. Нѣкоторые ученые указываютъ на этотъ проходъ, какъ на тотъ, черезъ который Ксенофонтъ протѣснился съ своимъ десятитысячнымъ войскомъ. Оставивъ за собою гору, намъ пришлось опять ѣхать по зеленымъ равнинамъ; коегдѣ попадались жалкія деревеньки, прежде армянскія, а теперь курдскія; по обѣимъ сторонамъ дороги тянулись непрерывно ограды изъ розъ, до тѣхъ поръ, пока мы наконецъ не поравнялись съ почернѣвшею отъ времени развалиною башни Зихта. Она считалась въ прежнее время ключемъ Эрзерума; но съ тѣхъ поръ, какъ русскіе, 49 лѣтъ тому назадъ, до тла разрушили это мѣсто, все осталось въ такомъ же видѣ и ничего не было сдѣлано для его возобновленія.

Какой-то англійскій офицеръ высказалъ какъ-то разъ мнѣніе, что онъ не понимаетъ, зачѣмъ турки защищаютъ Эрзерумъ отъ русскихъ; лучше всего было бы, чтобы тутъ совсѣмъ не было города. Это мнѣніе совершенно справедливо, въ особенности, если мы ясно представимъ себѣ общее положеніе Армянской столицы. Эрзерумъ нельзя назвать даже городомъ. Дома, съ плоскими крышами, безпорядочно сгруппированы по узкимъ грязнымъ улицамъ. Изъ всего этого рѣзко выдѣляется одна древняя медрессэ; всѣ же остальныя постройки очень низки и совсѣмъ непохожи на строенія какой нибудь крѣпости. Зимою, которая продолжается здѣсь полгода, городъ этотъ совершенно вымираетъ; сообщеніе съ страною невозможно, благодаря страшнымъ снѣжнымъ заносамъ. Жители города видятся между собою очень рѣдко и, главнымъ образомъ, проводятъ жизнь въ семьѣ, въ сообществѣ домашнихъ животныхъ. Жилье армянъ ничѣмъ не лучше сарая, да къ тому еще подземельнаго; въ него не проникаетъ ни свѣтъ, ни воздухъ; здѣсь овцы, свиньи распоряжаются на правахъ хозяевъ и, не стѣсняясь, безпокоятъ гостя, имѣвшаго несчастье получить приглашеніе отъ хозяина армянина.

Впрочемъ, пріемная комната у нихъ отдѣляется отъ жилой повѣшеннымъ курдскимъ ковромъ; мебели никакой нѣтъ, сидѣть приходится на рогожахъ; по стѣнамъ развѣшены сѣдла, оружія и разная посуда, употребляющаяся только въ торжественныхъ случаяхъ. Нравственное и умственное ихъ развитіе на самой низшей ступени, такъ что участь армянъ ничѣмъ не лучше участи другихъ христіанскихъ племенъ, подвластныхъ Турціи. Послѣ покоренія Арменіи, всѣ жители были переселены для колонизаціи въ сѣверную Персію. Потомъ армяне разсѣялись по разнымъ странамъ, — въ Византійскія провинціи, на прибрежья Чернаго моря, въ Крымъ, по берегамъ Дона и Волги, — гдѣ и основали свои колоніи, которыя теперь въ цвѣтущемъ состояніи. Позднѣе, множество армянъ переселилось въ Астрахань и Транзундъ. Армянъ теперь можно встрѣтить въ Придунайскихъ провинціяхъ, въ южной Россіи, даже въ Польшѣ и Галиціи. Въ теченіе послѣднихъ столѣтій все еще продолжалось переселеніе армянъ, но до самыхъ большихъ размѣровъ дошло оно тогда, когда русскіе появились по ту сторону Кавказа, послѣ первой персидской войны.

* * *

Мириդиты.

На самыхъ лучшихъ даже картахъ очень не точно обозначена страна, гдѣ живутъ миридиты. Мѣстность эта не вполнѣ еще снята. По картамъ видно, что страна миридитовъ лежитъ между небольшими рѣками Мати и Рцанъ, впадающими въ Адріатическое море; эта страна изрѣзана Альпами, на вершинахъ которыхъ, даже лѣтомъ, не растаиваетъ снѣгъ.

Статистика не коснулась еще деревень и долинъ, и поэтому мы только приблизительно можемъ опредѣлить количество населенія, и то на основаніи того, что прежній князь миридитовъ Бибъ-Дода, 15 лѣтъ тому назадъ, собралъ войско въ 10,200 человѣкъ въ подмогу Сердаръ-Экрему-Омеру-пашѣ противъ черногорцевъ и герцеговинцевъ. У этихъ горцевъ, каждый, между 18 и 60 лѣтнимъ возрастомъ, долженъ, въ случаѣ войны, являться по призыву, такъ что на основаніи этого можно предположить, что населеніе состоитъ изъ 100,000 человѣкъ. Но въ это число входятъ мириднты, равно какъ и ихъ сосѣди, принадлежащіе также какъ и они къ тому же вѣроисповѣданію т. е. католическому. Этотъ народъ гораздо было бы правильнѣе называть «Ghegen» хотя и потому, что подъ названіемъ мириднты разумѣютъ всѣхъ горцевъ, исповѣдующихъ римско-католическую вѣру, живущихъ въ сѣверной Албаніи и не подчиненныхъ Турціи, но это неправильно, а это имя можетъ только относиться къ племенамъ, живущимъ у Крабскихъ горъ.

Населеніе Албаніи состоитъ, главнымъ образомъ, изъ арнаутовъ, первоначальная родина коихъ въ южномъ Кавказѣ, между Каспійскимъ моремъ и рѣкою Кура. Арнауты называютъ себя на своемъ родномъ языкѣ «шкипетары». Горная цѣпь Краба раздѣляетъ ихъ на два совершенно отличныхъ племени какъ по языку и по происхожденію, такъ и по вѣрованію: въ сѣверной Албаніи живутъ римско-католическіе мириднты, занимающіе самое значительное мѣсто; на югѣ же живутъ греко-православные тоски. Въ теченіе вѣковъ, послѣ ихъ переселенія въ Албанію, мириднты и тоски перешли въ магометанство. Къ такимъ принадлежатъ жители городовъ и болѣе южныхъ прибрежныхъ провинцій Албаніи, которымъ не такъ легко было освободиться отъ господства Турціи; эти-то албанцы—магометане, мириднты и тоски извѣстны въ настоящее время подъ названіемъ арнаутовъ, и они-то доставляютъ султану необузданныхъ баши-бузуковъ, настоящихъ кровопійцъ.

Говорятъ, что мириднты коварны, не допускаютъ никакихъ нововведеній, относятся недовѣрчиво къ иностранцамъ, чрезвычайно суевѣрны и въ высшей степени фанатичны. Но таковы всѣ горцы, живущіе особнякомъ; въ особенности же такія племена, которыя со всѣхъ сторонъ окружены враждебными народами и вынуждены были въ теченіе четырехъ столѣтій отстаивать свое существованіе, свободу и вѣру.

Враги ихъ—а всѣ народы—не католики, живущіе по сосѣдству, считаются ихъ врагами — т. е. черногорцы, тоски (арнауты), сербы, зинзары и т. д., довольно не нахвалятся трезвостію мириднтовъ и ихъ храбростью, доходящею до совершеннаго равнодушія къ жизни. Турки не разъ пытались покорить альпійскихъ мириднтовъ, но имъ это не удавалось; они съ такою храбростью защищались, что османы отложили свое намѣреніе покорить ихъ въ старину, тѣмъ болѣе что эти горцы не обладаютъ никакими особенными богатствами. И такъ образовалось въ сѣверо-западной Албаніи маленькое государство въ государствѣ; оно формально хотя и не признается Турціею, но не платитъ никакихъ податей Вали изъ Скутари и управляется собственнымъ своимъ княземъ. Въ настоящее время правитель мириднтовъ, сынъ Бибъ-Дода, князь Пренкъ.

Послѣ того какъ турки отказались отъ своихъ завоевательныхъ плановъ, установились между мириднтами и турками самыя хорошія отношенія. Выше было сказано, что отецъ теперешняго правителя выдвинулъ 10,000 мириднтовъ совершенно добровольно и за очень умѣренное вознагражденіе со стороны генераллисимуса Омеръ-паши; Турція должна быть обязана содѣйствію этой горсти людей тѣмъ, что ей удалось покорить въ 1862 г. часть Черногоріи, такъ какъ воинскія наклонности этихъ двухъ народовъ совершенно схожи. Францисканцамъ открытъ всюду свободный доступъ по Черной Дринѣ, Рцану и Мати. Мириднтъ никогда не покидаетъ своей родины добровольно; религія же заставляетъ его отправляться въ Римъ, въ Collegium de propaganda fide, чтобы оттуда возвращаться обратно на родину въ качествѣ миссіонера. Но миссіонерами большею частью францисканцы. Всѣ приходы зависятъ отъ главныхъ приходовъ Дураццо и Алессіо; епископъ назначается папою. Замѣчательно то, что въ большихъ городахъ, какъ напр. Орошъ Келети, Котри, Міетья и т. д. молятся въ церквахъ, во время богослуженія, за императора Франца-Іосифа I; кстати здѣсь замѣтить, что императоръ уже нѣсколько разъ присылалъ подарки въ церкви и духовнымъ лицамъ Албаніи; миссіонеры могутъ существовать только иностранными пособіями, такъ какъ въ этой странѣ господствуетъ страшная бѣдность.

Произведеній страны едва достаточно для собственнаго потребленія. Въ ней воздѣлывается въ незначительномъ количествѣ рисъ, ячмень, кукуруза, арбузы, тыквы, отлично удается табакъ, и въ дикомъ состояніи растетъ шафранъ. Лошади отличаются горячимъ нравомъ, пропорціональнымъ сложеніемъ, темною мастью и чрезвычайною выносливостью. Ослы въ большемъ употребленіи; въ болотистыхъ мѣстностяхъ попадаются буйволы.

Страна мириднтовъ представляетъ для охотника большую приманку. Тутъ водятся орлы, коршуны, лысухи, кулики, цапли, дикія утки, а въ Матиской долинѣ множество шакаловъ. Умственное развитіе населенія стоитъ на самой низшей степени. Поэзія ограничивается нѣсколькими геройскими пѣснями, въ которыхъ главное воспѣваемое лицо—мириднтскій національный герой Дзуръ Кастріотиксъ, на котораго смотрятъ, какъ на «щитъ Европы противъ набѣговъ турецкихъ ордъ»; затѣмъ другія пѣсни воспѣваютъ дѣянія принца Муза изъ Клиссуры, родины Али, Янинскаго паши, пользующагося дурною славою. Пѣвцы на площадяхъ аккомпанируютъ себѣ игрою на тамбуринѣ или на 4—6 струнной мандолинѣ, на которой они перебираютъ струны стволомъ пера. Въ помѣстьяхъ богатыхъ людей употребляется инструментъ, сдѣланный изъ бузиннаго дерева—это флейта, извѣстная подъ названіемъ «Гаваль».

Мириднтъ средняго роста, сильный и коренастый; рѣдко попадаются высокорослые; сѣрые глаза будто бы пронизываютъ васъ; женщины маленькія, некрасивыя нечистоплотныя и также приниженны, какъ и черногорки. По одежѣ мириднты не отличаются отъ остальныхъ албанцевъ. Національная фустанелла, узкій корсетъ, ниспадающая мантилья и красная (не турецкая, а похожая на шапку) феска попадаются вездѣ.

* * *

Новости наукъ и жизни.

Турецкій флагъ съ взорваннаго монитора.

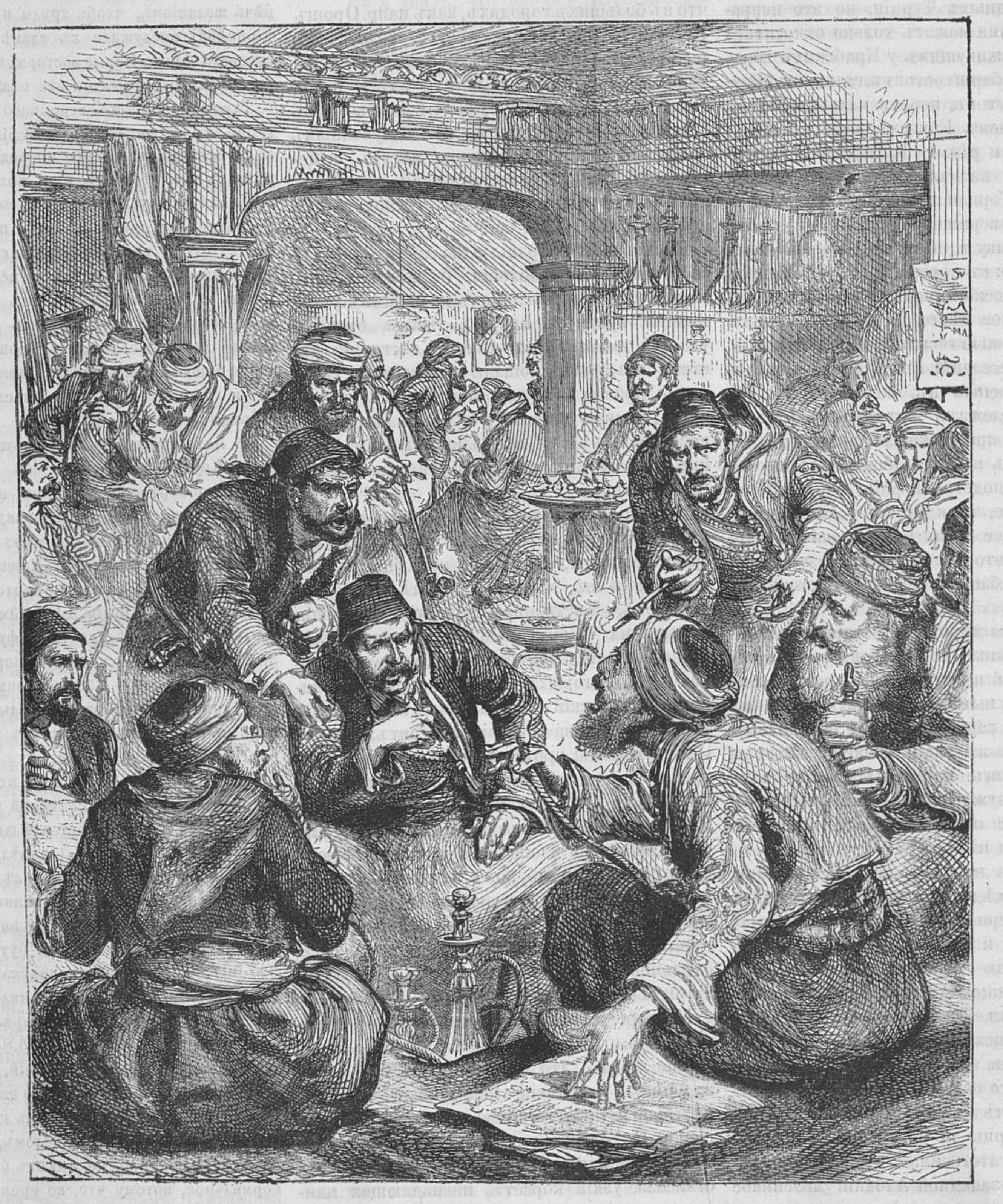
Флагъ взорваннаго лейтенантами Дубасовымъ и Шестаковымъ турецкаго монитора помѣщенъ по Высочайшей волѣ въ большомъ залѣ морского училища. Церемонія его перенесенія, происходила въ воскресенье, 29-го мая. Въ половинѣ двѣнадцатаго, воспитанники были выстроены со знаменемъ училища въ столовомъ залѣ. Вслѣдъ за прибытіемъ управляющаго морскимъ министерствомъ, турецкій флагъ былъ внесенъ въ залу двумя унтеръ-офицерами гвардейскаго экипажа и помѣщенъ передъ фронтомъ воспитанни- Его Императорскаго Высочества генералъ-адмирала, объявляющій о Высочайшей волѣ и милости, оказанной морскому училищу. Чтеніе ресковъ. Вице адмиралъ Лесовскій прочелъ рескриптъ крипта было привѣтствовано гимномъ и криками «ура». Затѣмъ вице-адмиралъ Лесовскій сказалъ воспитанникамъ, что присутствіе турецкаго трофея въ стѣнахъ училища должно свидѣтельствовать о подвигѣ, совершенномъ его бывшими воспитанниками. Но не одно геройство помогло имъ совершить этотъ подвигъ: въ этомъ помогли имъ ихъ познанія. Г. Лесовскій окончилъ свою рѣчь желаніемъ, чтобъ труды и познанія воспитанниковъ послужили къ славѣ и процвѣтанію русскаго флота. Новые восторженные крики «ура» послужили отвѣтомъ на это пожеланіе.

Турецкій флагъ—огромнаго размѣра, изъ темно-бурой шерстяной матеріи, съ большимъ полумѣсяцемъ и звѣздою посрединѣ. Во многихъ мѣстахъ онъ изорванъ, а въ полумѣсяцѣ имѣетъ правильную круглую дыру, вѣроятно, отъ ядра. Воспитанники привѣтствовали перенесеніе трофея въ стѣны училища передъ самымъ отправленіемъ въ плаваніе. Вслѣдъ за церемоніею послѣдовалъ обѣдъ и затѣмъ выходъ воспитанниковъ на пристань, гдѣ ихъ ожидалъ пароходъ «Фонтанка» для отправленія въ Кронштатдъ. Отправленіе парохода совершилось при звукахъ музыки и привѣтствіяхъ многочисленной публики, собравшейся на пристани.

— Яхта сообщаетъ, что изготовленное на заводѣ Круппа наибольшее изъ существующихъ орудій пріобрѣтено русскимъ правительствомъ. Орудіе это находилось на филадельфійской выставкѣ въ Америкѣ и, для доставки въ Россію, нагружено на пароходъ «Essen», который, въ началѣ мая, сталъ на мель около острова Эзеля. Калибръ этого орудія 14 дюймовъ, снарядъ—стальная бомба, вѣсомъ 1,245 фунтовъ, зарядъ—302 фунта призматическаго пороха; начальная скорость снаряда—1,590 футовъ въ секунду. По послѣднимъ извѣстіямъ корабль уже снятъ съ мели при помощи прибрежныхъ жителей, за что они получили 10,000 р. с.

Торговля шампанскимъ во Франціи. Извлекаемъ изъ отчета Реймской торговой палаты слѣдующія свѣдѣнія о торговлѣ шипучими винами: съ 1 апрѣля 1844 г. по 1 апрѣля 1877 г., т. е. въ теченіи тридцати трехъ лѣтъ, фабриканты шампанскаго отправили заграницу 311.029,393 бутылки шампанскаго, а для внутренняго употребленія пошло 86.838,108 бутылокъ, всего же 397.967,501 бутылка шампанскаго. Вывозъ шампанскаго заграницу сильно поднялся съ 1844, такъ что съ 1844 по 1845 г. было отправлено 4.380,214 бут., а съ 1876 — 1877 — 15.882,964 бут.; но этотъ періодъ не самый лучшій, потому что съ 1875 по 1876 г., было вывезено на одинъ милліонъ больше бут., а въ теченіи трехъ лѣтъ послѣ войны было вывезено, среднимъ числомъ, 18.000,000 бут. Но это количество не можетъ быть принято за нормальное, потому что, во время войны, когда Шампань находилась въ оккупаціонномъ положеніи, то вывозъ шампанскаго заграницу значительно уменьшился. Такъ съ 1870—71 г. было отправлено заграницу только 7.544,223 бут., между тѣмъ, какъ въ предшествовавшемъ году вывозъ простирался до 13.858,839 бут.; интересно то, какъ потребленіе шампанскаго внутри страны слабо развилось. Въ 1844 г., для внутренняго потребленія, пошло 2.255,438 бут., а въ 1876 г. цифра эта поднялась до 3.127,991 бут., т. е. въ теченіе 33 лѣтъ только на 872,553 бут. Такъ какъ дирекція фабрикъ шампанскаго сводитъ ежегодно счетъ отпускаемаго заграницу и внутрь страны количества шампанскаго, то разница совершенно очевидная. Больше всего было потреблено въ странѣ до 1 апрѣля этого года, а именно 71.398,726 бут. Въ 1876 г.—только 64 милліона и въ 1875 г. только 52 милліона бут. Въ 1844 г.— 23 милліона, въ 1856 и 1857 гг. было употреблено только 15 милліоновъ; но съ этого года количество шампанскаго, употребляемаго въ странѣ, постоянно поднималось. Россія потребляетъ во всей Европѣ больше всего шампанскаго; это количество сильно увеличится въ будущемъ году, потому что Россія захочетъ отпраздновать свои побѣды.

Во время сербско-турецкой войны было вывезено въ Россію значительно больше шампанскаго, а теперь, по взятіи Константинополя, жажда сдѣлается исполинскою.



Военные споры въ Константинопольской кофейнѣ.

— Локпортскія газеты сообщаютъ, что проэктъ г. Голли на счетъ отопленія города паромъ будетъ приложенъ на практикѣ въ видѣ опыта. Въ виду этого предполагается раздѣлить городъ на кварталы, и въ каждомъ кварталѣ устроить совершенно независимые другъ отъ друга паровые котлы, и соединить ихъ съ отапливаемымъ паромъ котлами. Съ введеніемъ такой системы отопленія, жители Локпорта будутъ въ состояніи отлично обходиться безъ печей, подобно тому, какъ теперь отлично обходятся безъ частныхъ колодцевъ и свѣчей, а надлежащее распредѣленіе температуры въ домѣ будетъ зависѣть отъ откручиванія крана.

Проэктъ весьма легко выполнимъ, и если его, какъ слѣдуетъ, осуществить на практикѣ, то окажется значительное сбереженіе топлива. Многіе возражаютъ на это, что при повсемѣстномъ введеніи этой системы отопленія, придется отказаться отъ всѣхъ настоящихъ приспособленій въ кухнѣ; кромѣ того устройство паровыхъ котловъ и содержаніе при этомъ необходимаго числа людей въ большомъ городѣ обойдется очень дорого. Паровую систему отопленія можно замѣнить сравнительно дешевымъ способомъ, а именно газомъ. Газъ въ настоящее время проведенъ почти во всѣ дома мало-мальски значительныхъ городовъ; для проведенія же его въ печки и въ кухни понадобится весьма несложное устройство; добываніе газа весьма дешево, такъ тысяча кубическихъ футовъ стоитъ менѣе, чѣмъ 20 центовъ; выгода этой системы очевидна. Никакое другое топливо не сжигается такъ хорошо, и не требуетъ такого легкаго и дешеваго устройства, какъ газъ. Разъ, что газъ проведенъ для отопленія и для приготовленія кушанья, то онъ покроетъ собою всѣ расходы на перевозку и доставку дровъ на квартиру.

Газовое отопленіе имѣетъ еще то преимущество передъ паровымъ, что при немъ можно точно опредѣлить количество, потребное для каждаго потребителя, и сообразно съ этимъ производить извѣстное уже количество газа. Газъ можетъ сохраняться и не терять отъ времени своихъ согрѣвающихъ свойствъ, между тѣмъ какъ паръ не обладаетъ этими достоинствами, такъ что при паровомъ отопленіи нѣтъ никакой возможности придумать способъ, для увеличенія и уменьшенія теплоты, смотря по требованіямъ потребителей. При газовомъ отопленіи будетъ получаться такой же яркій свѣтъ и горячая зола, какъ и отъ сгораемаго дерева, но вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ отклонены многіе несчастные, по своимъ послѣдствіямъ, случаи.

Мы не мало удивляемся тому, почему Лакпортъ, подавшій мысль газоваго освѣщенія, не подумалъ примѣнить газъ къ отопленію. Можетъ быть не предвидится по сосѣдству съ этимъ городомъ достаточныхъ источниковъ. Такъ не мѣшаетъ городамъ, расположеннымъ неподалеку отъ газовыхъ источниковъ, примѣнить къ себѣ эту новую систему отопленія. Большой желѣзодѣлательный заводъ въ западной Пенсильваніи сообщаетъ намъ, что вся плавильная работа производится газомъ, проведеннымъ изъ природнаго ключа, находящагося на разстояніи девяти миль отъ завода. Каждый городъ, находящійся по сосѣдству съ такимъ богатымъ естественнымъ резервуаромъ топлива, обязанъ разработать эти источники и снабдить городъ газомъ для отопленія, подобно тому, какъ другіе города, въ виду общей пользы, проводятъ воду изъ рѣкъ или копаютъ озеро или прудъ. Можно заранѣе предсказать, что этому примѣру послѣдуютъ даже такія мѣстности, гдѣ нѣтъ мѣстности, находящейся по близости природныхъ газовыхъ источниковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что многіе города не замедлятъ ввести у себя эту систему отопленія.

Смѣсь.

Смерть отъ колодезныхъ испареній. Недавно произошло страшное несчастіе неподалеку отъ Плесси, въ деревнѣ Зигфридъ. Какая-то женщина пошла за водой къ одному изъ колодцевъ. Она нечаянно уронила ведро, которое упало въ колодезь глубиною въ 7 ф. На случай этотъ подвернулся мужчина, который взялся полѣзть за ведромъ и спустился въ колодезь по шесту; прошло нѣсколько минутъ, но никто не возвращался. Женщина закричала и созвала сосѣдей, для того, чтобы достать человѣка, отправившагося за ведромъ. Молодой, здоровый человѣкъ полѣзъ въ колодезь, но и тотъ не вернулся; полѣзъ, наконецъ, третій, но и тотъ не вылѣзъ обратно. Тогда только пришло сосѣдямъ въ голову, что всѣ трое мущинъ задохлись въ колодцѣ отъ вредныхъ газовъ. Нашелся до того отважный человѣкъ, что рѣшился и послѣ этого опуститься въ колодезь; онъ спускался на привязанной къ нему веревкѣ, но не успѣлъ еще спуститься, какъ раздался крикъ о помощи: его сейчасъ же вытащили, но въ безчувственномъ состояніи. Принявъ необходимыя мѣры, были вытащены затѣмъ и несчастные задохнувшіеся отъ колодезнаго газа. Въ колодцѣ было всего воды въ $1\frac{1}{2}$ метра глубины и, по показаніямъ спасавшихъ, одного изъ погибшихъ нашли въ стоячемъ положеніи, а другіе два лежали въ водѣ.

Взрывъ котла на панцырномъ фрегатѣ «Revanche». Въ № 20 «St. Pet. Herold» читаемъ: «Мы получили надняхъ изъ Ниццы слѣдующую телеграмму: «Въ ту самую минуту, когда расположенная передъ рейдомъ Вильфрантъ французская эскадра собиралась тронуться, произошелъ взрывъ одного изъ шести котловъ на панцырномъ фрегатѣ «Revanche». Объ этомъ взрывѣ гораздо подробнѣе разсказываетъ «Petit Journal»: «Тогда на всѣхъ прочихъ судахъ забили тревогу, и на церкви Вильфрантъ ударили въ набатъ. Всѣ жители бросились на возвышенный берегъ, подымающійся надъ рейдомъ, и слѣдили за несчастіемъ. Многіе матросы «Revanche», искавшіе спасенія на такелажѣ, страшно ошпарились паромъ, выходящимъ изъ разбитаго котла, другіе же бросились въ воду и большая часть ихъ безслѣдно пропала; насчитываютъ убитыхъ 20 чел., а тяжело раненыхъ—40. Послѣ того, какъ возможность дальнѣйшаго взрыва была устранена, «Revanche» былъ взятъ на буксиръ «Provence'омъ» и потянутъ въ Тулонъ». «Figaro» сообщаетъ о слѣдующемъ геройскомъ подвигѣ, обнаружившемся при этой катастрофѣ. Во время взрыва одного котла, можно было опасаться и другихъ взрывовъ, которые бы причинили неминуемую смерть всѣмъ лицамъ, находящимся на «Revanche». Чтобы предотвратить это страшное бѣдствіе, нужно было закрыть клапаны: послѣ этого, другіе котлы не могли бы выпускать паровъ и причинить взрыва. Но для исполненія подобной задачи нужно было броситься среди самыхъ горячихъ паровъ, убившихъ уже 20 человѣкъ и подвергнуться самой ужасной смерти. Настоящій герой, г. Guet, второй инженеръ-механикъ, пожертвовалъ собою, бросившись въ пространство, насыщенное горячими парами. Онъ добрался до клапановъ и захлопнулъ ихъ, но при этомъ такъ обгорѣлъ, что вскорѣ этотъ герой пожертвовалъ жизнью для спасенія многихъ своихъ товарищей.

— Въ Вашингтонѣ живетъ девяносто-пятилѣтняя старуха, Сарра Дэвисъ, съ гордостью разсказывающая всѣмъ, что каждый президентъ жалъ ей руку. На этихъ дняхъ она отправилась въ «бѣлый домъ», чтобы совершить традиціонную формальность и пожать руку президенту Гейссу. Ее сопровождалъ докторъ Исаакъ Каль изъ Мэриланда. Президентъ принялъ ее очень любезно, пожалъ ей руку и пожелалъ, чтобы она пожала руку и многимъ его будущимъ наслѣдникамъ. Передъ уходомъ, она разсказала президенту, съ мельчайшими подробностями, торжество, происходившее при закладкѣ Капитолія Вашингтономъ, который лично на немъ присутствовалъ, и прибавила, что она тогда имѣла честъ пожать въ первый разъ руку «Отца Республики».

Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій.

Истекшая недѣля дала нашему оружію новыя пріобрѣтенія и почти безъ пролитія крови. Несостоятельность турокъ въ Малой Азіи обнаруживается все болѣе и болѣе. Извѣстія, идущія въ иностранныя газеты изъ Константинополя и Эрзерума, почти единогласно подтверждаютъ, какъ справедливость высказаннаго нами мнѣнія, такъ и того, что турками овладѣваетъ уныніе, и мало по малу они подготовляются къ потерѣ Эрзерума и Карса.

По принятому нами порядку, начнемъ обзоръ съ сѣвера, съ Черноморскаго побережья.

21-го мая два турецкіе броненосца подошли къ Сочѣ и послѣ пятичасового бомбардированія посадили на 5 гребныхъ судовъ дессантъ. Но за это непріятель поплатился дорого: наши войска, расположенныя скрытно, подпустили суда шаговъ на 200 къ берегу и, открывъ огонь, перебили всѣхъ гребцовъ и дессантъ. Мониторы поспѣшили на помощь, забрали суда и направились на юго-востокъ къ Пипундѣ (почти на половинѣ разстоянія между Сочи и Сухумомъ, верстахъ въ 60 отъ Сухума). Здѣсь турки не встрѣтятъ сопротивленія, такъ какъ эти мѣста очищены нами.

Отрядъ генерала Кравченко, отошедшій отъ Сухума сначала въ Цебельду (на картѣ легко убѣдиться, что отрядъ не могъ отойти по дорогѣ, такъ какъ она пролегаетъ по берегу моря), успѣлъ 17-го мая, чрезъ Богадскій мостъ перейдти чрезъ р. Кодоръ, преодолѣвъ сопротивленіе мѣстнаго населенія. Ниже по теченію Кодора при Атарѣ (верстахъ въ 7 ниже Наа и верстахъ въ 12 отъ устья Кодора) расположенъ отрядъ генерала Алхазова. Отъ него 18-го мая былъ посланъ отрядъ: сотня ейскаго казачьяго полка (кубанскаго войска) и 2 роты второй кутаисской пѣшей дружины, для воспрепятствованія абхазцамъ перейдти Кодоръ; отрядъ имѣлъ жаркое дѣло, потерявъ убитыми 1 офицера, 13 нижнихъ чиновъ и ранеными 3 офицера и 22 нижнихъ чина.

Затѣмъ перевалы чрезъ Кавказскій хребетъ въ Кубанскую область охраняются нашими войсками, а къ Туапсѣ (верстахъ въ 70 къ сѣверо-западу отъ Сочи по берегу моря) стоитъ отрядъ полковника Шелковникова.

«Daily News» сообщаетъ, что Клапка отправляется въ Сухумъ-Кале.

Отрядъ генерала Оклобжіо послѣ занятія д. Кабулеты и высотъ за дер. Самеба и овдѣнія лѣвымъ берегомъ р. Кинтриши не имѣлъ столкновеній съ непріятелемъ.

Пораженіе турецкой кавалеріи при Бегли-Ахметѣ въ значительной степени связало руки турецкому главнокомандующему, такъ какъ онъ лишился возможности узнавать о движеніи и расположеніи нашихъ войскъ. Хотя въ нашихъ войскахъ кавалерія и превосходила турецкую и въ численномъ, а главное въ нравственномъ отношеніяхъ, но тѣмъ не менѣе еще большее ослабленіе непріятеля намъ не безполезно.

Частныя свѣдѣнія сообщаютъ о полной блокадѣ Карса; но это не подтверждается оффиціальнымъ путемъ. Войска подъ Карсомъ расположились лагеремъ при Мацра (верстахъ въ 8-ми къ востоку и нѣсколько ближе Заима) и при Базгами верстахъ въ 8 отъ Карса къ востоку. Описаніе окрестностей Карса мы дадимъ на дняхъ вмѣстѣ съ планомъ.

Мемду тѣмъ, подъ Карсомъ идутъ безпрерывныя рекогносцировки, которыя, вѣроятно, укажутъ на слабыя стороны этого оплота Турціи въ Малой Азіи. Иностранныя газеты сообщаютъ, что уже Карсъ близокъ къ паденію, что замѣчается недостатокъ продовольственныхъ припасовъ и, наконецъ, что онъ подвергается бомбардированію, противъ котораго держится съ успѣхомъ. Противъ мнимаго бомбардированія Карсъ, конечно, можетъ держаться съ большимъ успѣхомъ, но какъ будетъ онъ держаться противъ дѣйствительнаго бомбардированія — покажетъ будущее.

Отъ ардаганскаго отряда была направлена 20-го мая колонна войскъ къ Ольтѣ; она заняла 21-го числа Пенякъ, а вечеромъ и Ольту, кавалерія прошла въ 36 часовъ 115 вер., а пѣхота въ двое сутокъ. Если принять во вниманіе, что дорога проходитъ вообще по мѣстности гористой, что отрядъ долженъ былъ двигаться съ извѣстными предосторожностями по непріятельской странѣ, — то подобный переходъ принадлежитъ къ числу самыхъ трудныхъ и быстрыхъ. Въ этихъ пунктахъ найдены большіе склады боевыхъ и продовольственныхъ припасовъ.

Въ то же время на югѣ отрядъ генерала Тергукасова 23 мая занялъ Каракилису и укрѣпленный лагерь при ней безъ боя. Непріятель отступилъ къ Зейдаханъ, верстъ на 30 далѣе къ Эрзеруму.

Такимъ образомъ, отрядъ продвинулся верстъ на 90 отъ Баязета и находится на разстояніи только перехода отъ Алашкерта.

Иностранныя газеты сообщаютъ, что будто-бы наши развѣдчики подходятъ чуть не къ самому Эрзеруму, но, кажется, у страха глаза велики—пока наши отряды не перешли еще Саганлуга. Что касается до турецкихъ войскъ, то о нихъ извѣстно очень мало. Депеша изъ Константинополя сообщаетъ, что паши: Сулейманъ, Али-Саибъ, Махметъ-Али продолжаютъ съ успѣхомъ дѣйствовать къ сторонѣ Эрзерума, гдѣ стоитъ Мухтаръ-паша. Изъ трехъ названныхъ пашей, Сулейманъ оперируетъ на сѣверѣ, Али-Саибъ на югѣ, а Махметъ-Али на востокѣ. Полагаемъ, что каждый изъ читателей не посѣтуетъ на насъ, если мы не поясняемъ этой депеши. Агенство Рейтера сообщаетъ, что Мухтаръ находится у Цивикъ (не Зивипъ ли, по дорогѣ изъ Бардуса къ югу верстахъ въ 20), но здѣсь его можно обойдти съ юга чрезъ Гесечиванъ (Гечеванъ?) Гаконецъ сообщаютъ, что Мухтаръ-паша замѣненъ Измаиломъ пашею. Другіе сообщаютъ, что онъ въ Кеприкеѣ, верстахъ въ 40 къ востоку отъ Эрзерума.

Бухарестскій корреспондентъ «Daily News» пишетъ отъ 22-го мая (3-го іюня):

Условія дунайской кампаніи до сихъ поръ неблагопріятны для русскихъ интересовъ; въ настоящемъ и будущемъ это предпріятіе сильно озабочиваетъ военные авторитеты. Я писалъ уже относительно выбора времени и о выгодахъ, представляемыхъ въ этомъ отношеніи нынѣшней кампаніей передъ предъидущими. Но дождливая погода и дурное состояніе путей сообщенія и изломанные мосты на желѣзныхъ дорогахъ уничтожили эти преимущества. Позднее объявленіе войны имѣло дурныя послѣдствія, которыхъ, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, не могла поправить быстрота желѣзно-дорожнаго сообщенія. Дунай до сихъ поръ непроходимъ. Рѣдко вода бываетъ въ немъ такъ высока, какъ въ нынѣшнемъ году, и единственная причина этого — сильные дожди. Прибыль воды отъ снѣга съ Карпатскихъ и Баварскихъ горъ еще ожидается и эксперты утверждаютъ, что едва ли возможно будетъ предпринять переходъ ранѣе четырехъ недѣль. Вслѣдствіе этого наступленіе произойдетъ крайне поздно. Въ 1828 г. русскіе перешли Дунай 9-го іюня. Въ 1829 г. въ первыхъ числахъ мая. Въ 1854 году осада Силистріи началась 19-го іюня. 90 дней самый крайній срокъ для кампаніи, начинающейся 1-го іюля. Съ 1-го октября арміи слѣдуетъ быть на зимнихъ квартирахъ, а понятно для каждаго, что 90 дней слишкомъ короткій срокъ, предоставляемый Россіи для выполненія программы, отличающейся безконечными усложненіями, особенно не теряя изъ виду того, что три лѣтнихъ мѣсяца самое нездоровое время года въ Болгаріи, какъ по причинѣ страшныхъ жаровъ, такъ и вслѣдствіе вредныхъ болотныхъ испареній.

Всѣ эти неблагопріятныя условія уравновѣшиваются пока прекраснымъ состояніемъ войска физическимъ и нравственнымъ, но неумолимый Дунай преграждаетъ путь и неумолимые жары начинаютъ наступать.

Турецкіе плѣнные. («Тифлисскій Вѣстникъ»).

Плѣнные турки, взятые въ Ардаганѣ, производятъ впечатлѣніе далеко не въ ихъ пользу; они всего менѣе походятъ на бравыхъ солдатъ. Это какой-то сбродъ ополченцевъ, не нюхавшихъ пороха. Самъ паша, взятый въ плѣнъ подъ Ардаганомъ, не выглядываетъ генераломъ. Старичекъ, далеко не представительный, онъ, повидимому, больше думаетъ объ ѣдѣ, покоѣ, чѣмъ о своей неволѣ; онъ мало обращаетъ вниманія и на разсматривающую его публику; не успѣлъ онъ сойти съ вагона, какъ усѣлся на багажъ и съ хорошимъ апетитомъ началъ лакомиться черешнями. Плѣнные въ большинствѣ случаевъ удовлетворяютъ любопытствующихъ, вступаютъ съ ними въ разговоръ. По словамъ плѣнныхъ, если-бы взятіе Ардагана было отсрочено на три—четыре дня, то Ардаганъ могъ-бы продержаться еще долгое время, такъ какъ ожидали подкрѣпленія гарнизона въ числѣ 13,000 войска. Нѣкоторые изъ плѣнныхъ, кромѣ родного турецкаго языка, обнаружили знакомство съ армянскимъ и грузинскимъ языками. Многіе изъ нихъ бывали въ Закавказскомъ краѣ, преимущественно, въ ахалцыхскомъ и ахалкалакскомъ уѣздахъ. Вчера, предъ вечеромъ, плѣнные съ любопытствомъ осматривали всѣ затѣи народнаго гулянья въ Александровскѣ.

Корреспондентъ газеты «Кавказъ» пишетъ, между прочимъ, слѣдующее:

Два слѣдующіе эпизода, случившіеся во время перехода отряда отъ Ардагана въ лагерь подъ Заимомъ, лучше меня объяснятъ, за кѣмъ, именно, должна быть признана главная заслуга въ подготовленіи побѣды на Гюлявердинской высотѣ, послужившая, такимъ образомъ, облегченію взятія на другой день самаго Ардагана, изъ котораго ночью, послѣ штурма Омеръ-оглы, этого неприступнаго, по мнѣнію турокъ, укрѣпленія, бѣжала большая часть его гарнизона, а въ томъ числѣ и главный его командиръ — Гассанъ-паша? Вотъ почему такое слабое сопротивленіе оказалъ уже 5-го мая Ардаганъ.

Эпизодъ первый. Войска выступили изъ-подъ Ардагана 10-го числа въ 8 часовъ утра и въ 10 часовъ сдѣланъ былъ первый привалъ. Я держался славныхъ елисаветопольцевъ, прислушиваясь къ нескончаемымъ разсказамъ офицеровъ и солдатъ о дѣлѣ, доставившемъ имъ эту славу. Многіе изъ солдатъ шли гордо, украшенные георгіевскими орденами, розданными имъ наканунѣ, при громкихъ крикахъ ихъ товарищей; другіе-же посматривали на нихъ съ завистью такого характера, какая обыкновенно вызывается желаніемъ и даже страстью добиться при первомъ удобномъ случаѣ равной съ другими чести. На привалѣ, по обыкновенію, всѣ сѣли или улеглись, когда внезапно подъѣхалъ къ полку генералъ Девель и, поздоровавшись съ солдатами, слѣзъ съ лошади и сѣлъ на разосланную бурку. Офицеры его штаба, пѣхоты и артиллеріи окружили высоко-уважаемаго и любимаго ими командира. Поданы были закуска и вино. Начался разговоръ. Выступили на сцену анекдоты, взятые изъ боевой жизни и прежнихъ походовъ. Всѣми овладѣлъ духъ товарищества, но такого товарищества, какого я давно, съ университетскихъ временъ, не встрѣчалъ и не испытывалъ. Всѣ собравшіеся были уже окрещены боевымъ огнемъ, почему и неудивительно, что между старыми и молодыми, старшими и младшими, не обнаруживалось особенной разницы, что на одно время всѣ сравнялись. Загремѣла пѣсня—одна, потомъ другая. Вдругъ встаетъ генералъ Девель и, поднявъ надъ своею головою стаканъ съ виномъ, обращается къ лежавшимъ неподалеку елисаветопольцамъ. Кружокъ офицеровъ раздвинулся, и всѣ смолкли. Генералъ воскликнулъ:

— «Пью за здоровье храбрыхъ елисаветопольцевъ и ихъ, еще храбрѣйшаго командира, полковника князя Амираджиби»! Вскочили со своихъ мѣстъ солдаты и, взбрасывая фуражки, закричали ура, переходившее изъ роты въ роту, изъ батальона въ батальонъ, по всей колоннѣ и дорогѣ. Вскочили и музыканты и, снявъ въ одно мгновеніе чахлы съ инструментовъ, ударили тушъ. Сцена вышла крайне торжественная и поразительная тѣмъ болѣе, чѣмъ неожиданнѣе она появилась.

Полковникъ Амираджиби, снявъ тоже фуражку, отвѣтилъ:

— «За здоровье нашего храбраго отряднаго командира, съумѣвшаго направить насъ къ славной побѣдѣ!»

И новое «ура» разлилось, и увлеченные солдаты бросаются къ обоимъ командирамъ и вскидываютъ ихъ на свои плечи. На глазахъ многихъ присутствовавшихъ показываются слезы. Но, едва спустили генерала на землю, какъ онъ, поднимая вновь стаканъ, вторично воскликнулъ:

— «Еще одинъ тостъ! За здоровье 3-й артиллерійской баттареи подполковника Мусхелова, подготовившей намъ побѣду на Гюлявердинской высотѣ»!

И еще разъ «ура» раздалось по горамъ и лощинамъ.

Второй эпизодъ совершился послѣ прибытія отряда въ лагерь авангарда корпуснаго командира, находящагося въ 4 верст. отъ Займа, ближе къ Карсу. Тутъ стояли 1, 2 и 4 баттареи 39 артиллерійской бригады, къ которой принадлежитъ и баттарея Мусхелова, а также Дербентскій и Кубинскій пѣхотные полки. Оказалось, что въ этомъ лагерѣ приготовлены были обѣды отдѣльно для генерала Девеля и его штаба и отдѣльно для офицеровъ 3 баттареи. Но этого мало. Едва показалась колонна елисаветопольскаго полка, какъ солдаты дербентскаго и кубинскаго полковъ, выбѣжавъ изъ своихъ палатокъ, встрѣтили побѣдителей громкики и восторженными братскими поздравленіями. Вездѣ пили въ честь побѣдителей и всюду гремѣло «ура». Въ концѣ концовъ офицеры Елисаветопольскаго полка, прибѣжавъ со своими музыкантами къ палаткѣ, занятой артиллеристами, гдѣ угощались представители 3-й баттареи, стали играть и пѣть гимнъ исключительно въ честь послѣднихъ. И тутъ обнаружилось, что сами елисаветпольцы, эти признанные уже всѣми герои событія 4-го мая, отдаютъ предпочтеніе заслуженной славѣ баттареѣ Мусхелова, утверждая, что они безъ удачныхъ выстрѣловъ этой баттареи не успѣли-бы овладѣть Гюлявердинскою высотою, какъ важнѣйшимъ и единственнымъ ключомъ къ занятію на другой день ослабленнаго ночнымъ бѣгствомъ большей части гарнизона, сбитаго съ толку и опустившаго голову и руки—Ардагана.

Такимъ образомъ, благодаря великодушному и безпристрастному поведенію генерала Девеля и елисаветопольцевъ, выяснился фактъ такого удачнаго дѣйствія баттареи Мусхелова, о которомъ забывать кому-бы то ни было грѣшно.

Одинъ врачъ, дезертировавшій изъ Требинье, передаетъ печальныя вѣсти о состояніи турецкой арміи. Съ начала кампаніи 2,400 человѣкъ умерло въ Требинье; городъ этотъ служитъ главнымъ госпитальнымъ складомъ арміи, сосредоточенной въ Гачко и состоящей изъ 36 баталіоновъ, въ 300—400 человѣкъ каждый; но изъ этого числа, по крайней мѣрѣ, половина больныхъ; преимущественно кровавый поносъ и скорбутъ. Врачи и фельдшера постоянно подвергаются преслѣдованіямъ со стороны фанатиковъ-мусульманъ, жалованье имъ почти не платится, такъ что число ихъ, никогда не бывшее достаточнымъ, постоянно уменьшается благодаря дезертирству. Изъ 36 батальоновъ, находящихся въ Гачко, только 6 состоятъ изъ хорошо дисциплинированныхъ войскъ, остальные были завербованы наскоро, такъ что нѣсколько батальоновъ сформировано изъ баши-бузуковъ Утверждаютъ, что въ Мостарѣ находится три тысячи больныхъ.

По словамъ дезертировъ, въ Подгорицѣ положеніе арміи нисколько не лучше. Войска терпятъ всевозможныя лишенія, пищу они получаютъ въ количествѣ, едва достаточномъ для поддержанія существованія; одежда ихъ скудна до крайности; солдаты принуждены работать надъ сооруженіемъ новыхъ земляныхъ верковъ; они дезертировали бы массами, если бы не опасались быть убитыми черногорцами.

Напротивъ того, состояніе здоровья черногорскихъ войскъ—превосходное, и госпитали ихъ почти пусты. Вообще, положеніе арміи самое удовлетворительное и она жаждетъ дѣйствія. Черногорцы желали бы атаковать Никшичъ, но князь не расположенъ рисковать своимъ войскомъ для атаки безъ надлежащей артиллерійской силы. Недавно была произведена рекогносцировка русскими инженерами и они не совѣтуютъ предпринимать атаки, не имѣя на это достаточныхъ средствъ. Городъ состоитъ изъ 300 домовъ, построенныхъ на довольно далекомъ разстояніи другъ отъ друга; 60 домовъ принадлежатъ христіанскимъ семействамъ. Бомбардированіе Никшича не было бы труднымъ дѣломъ, но такъ какъ каждый домъ стоитъ отдѣльно, то работа была бы во всякомъ случаѣ мѣшкотная. Около города есть старая цитадель, построенная на небольшой возвышенности. Цитадель эта господствуетъ надъ городомъ, который не имѣетъ наружныхъ стѣнъ. Въ равнинѣ находятся три небольшихъ блокгауза безъ артиллеріи. Гарнизонъ снабженъ провіантомъ, какъ утверждаютъ, всего на двѣ недѣли.

* * *

Телеграммы.

Лондонъ 24 мая (5 іюня), вторникъ, вечеромъ. Депеша лорда Дерби, отъ 16 мая, къ англійскому послу въ Парижѣ сообщаетъ объ отклоненіи Англіею предложенія Лессепса относительно нейтрализаціи Суэзскаго канала. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ депешѣ выражено, что всякая попытка блокады канала или иного нарушенія судоходства по немъ была бы признана Англіею, за дѣйствіе угрожающее Индіи и наносящее серьёзный ущербъ всемірной торговлѣ. Поэтому подобная мѣра была бы несовмѣстна съ сохраненіемъ пассивнаго нейтралитета со стороны Англіи. Порта и хедивъ получили такое же извѣщеніе, причемъ имъ сообщено о рѣшимости Англіи не допускать обращенія Суэзскаго канала въ театръ борьбы или какихъ бы то ни было военныхъ операцій.

Лондонъ, 25 мая (6 іюня), среда. Спеціальный корреспондентъ «Агентства Рейтера» телеграфируетъ изъ Аѳинъ, отъ вчерашняго числа, что предводители партій Кумундуросъ, Заимисъ, Трикуписъ и Делигеоргисъ пришли, на сегодняшнемъ совѣщаніи, къ соглашенію относительно основаній политики, которой должно слѣдовать коаліціонное министерство.

Кумундуросъ объявилъ палатѣ, что кабинетъ вышелъ въ отставку и что будетъ составлено новое министерство, въ составъ котораго войдутъ представители всѣхъ партій.

Лондонъ, 24 мая (5 іюня), вторникъ, вечеромъ. Въ палатѣ общинъ, г. Боркъ, отвѣчая Уоллэ, объяснилъ, что англійское правительство не спрашивало у иностранныхъ правительствъ ихъ мнѣнія относительно отвѣта лорда Дерби на циркуляръ князя Горчакова, почему и не получало никакого отвѣта.

На замѣчаніе Гаулэ по вопросу о томъ, что Россіи слѣдуетъ представить увѣреніе, что русскія суда не будутъ проходить Суэзскимъ каналомъ, Боркъ отвѣчалъ, что онъ не имѣетъ ничего прибавить, такъ какъ всѣ относящіяся къ этому дѣлу подробности заключаются въ корреспонденціи, представленной сегодня, утромъ, парламенту. По словамъ Борка, въ Россіи обнародованъ вчера указъ, въ которомъ заявлено, что Россія принимаетъ парижскую декларацію относительно иностранныхъ подданныхъ, не исключая и американскихъ гражданъ.

Эгертонъ, на вопросъ Пиза, заявилъ, что извѣстіе о мятежѣ, вспыхнувшемъ, будто бы, на пароходѣ «Alexandra», не имѣетъ основанія; на пароходѣ произошелъ лишь случай нарушенія дисциплины.

Лондонъ, 25 мая (6 іюня), среда, вечеромъ. Маркизъ Гартингтонъ потребовалъ отъ правительства, въ палатѣ общинъ, чтобъ оно сообщило депешу лорда Дерби къ русскому правительству относительно Суэзскаго канала. На это сэръ Стаффордъ Норскотъ заявилъ, что въ настоящее время нельзя допустить сообщенія иныхъ документовъ, кромѣ тѣхъ, которые представлены были палатѣ вчера. Переписка эта внесена была лишь съ тою цѣлью, чтобъ предъявить общему собранію акціонеровъ Суэзскаго канала подлинные документы, въ видахъ огражденія означенныхъ акціонеровъ отъ ошибокъ. Маркизъ Гартингтонъ возвѣстилъ, что завтра онъ обратится къ правительству съ запросомъ слѣдующаго содержанія: сообщая Россіи о своемъ рѣшеніи противиться примѣненію къ Египту обычныхъ правъ воюющихъ сторонъ, приняло ли правительство мѣры къ тому, чтобы побудить Порту и Египетъ ограничить принадлежащія имъ, какъ воюющимъ, права по отношенію къ Россіи и отказаться отъ стѣсненій движенія русскихъ судовъ по каналу, если суда эти идутъ съ мирною цѣлью?

Кельнъ, 25 мая (6 іюня), среда, вечеромъ. Въ «Kölnische Zeitung» телеграфируютъ изъ Константинополя, отъ сегодняшняго числа, что Порта разослала своимъ представителямъ за границею циркуляръ, который долженъ быть сообщенъ сегодня иностраннымъ представителямъ. Въ циркулярѣ этомъ Порта протестуетъ противъ провозглашенія независимости Румыніи и указываетъ на то, что Турція, съ своей стороны, всегда признавала договоры, которыми опредѣлены отношенія Румыніи къ ней, уважала права и привиллегіи княжества и находилась въ наилучшемъ согласіи съ княземъ и его правительствомъ. По словамъ циркуляра, князь Карлъ, даже по открытіи нынѣшней войны, заявилъ, что онъ не имѣетъ намѣренія измѣнить свои отношенія къ Портѣ, при которыхъ Румынія пользуется благополучіемъ, и будетъ, по прежнему, исполнять обязанности вассала Порты. Слова своего (прибавляетъ циркуляръ) князь не сдержалъ, а потому Порта, на основаніи существующихъ договоровъ, протестуетъ нынѣ рѣшительнымъ образомъ передъ державами.

Аѳины, 26-го мая (7-го іюня), четвергъ. Новое министерство образовалось въ слѣдующемъ видѣ: президентомъ совѣта и морскимъ министромъ назначенъ Канарисъ; министромъ внутреннихъ дѣлъ — Кумундуросъ; иностранныхъ дѣлъ—Трикуписъ; министромъ финансовъ—Делигеоргисъ; министромъ юстиціи—Заимисъ; исповѣданій—Ѳеодоръ Деліанисъ; военнымъ министромъ—Цимбракакисъ. Народъ доволенъ такимъ составомъ кабинета.

Парижъ, 28-го мая (9-го іюня), суббота. Бонапартисты развиваютъ чрезвычайную дѣятельность.

Изъ вполнѣ достовѣрныхъ источниковъ сообщаютъ, что Руэ только-что получилъ манифестъ принца Люи-Наполеона. Въ этомъ манифестѣ принцъ приглашаетъ своихъ сторонниковъ, нисколько не отказываясь отъ отстаиванія его правъ и отъ надежды увидѣть его въ скоромъ времени на престолѣ, пока группироваться около маршала Макъ-Магона и всѣми силами поддерживать маршала въ предпринятой имъ борьбѣ противъ республики и революціи.

Вонапартисты колеблются нынѣ уже предать этотъ манифестъ гласности.

Вѣна, 27-го мая (8-го іюня), пятница. Корреспондентъ «Neue Freie Presse» сообщаетъ изъ Парижа, что тамъ распространились слухи объ образованіи новаго министерства, составленіе котораго будетъ поручено будто бы Дюфору.

Парижъ, 27-го мая (8-го іюня), пятница. Гамбета заявилъ, что установленіе новыхъ налоговъ и усиленіе прежнихъ положительно невозможно, если герцогъ Брольи будетъ упорствовать и не выйдетъ изъ министерства. Даже въ случаѣ, если произойдетъ вторичная отсрочка засѣданій палаты, Жюль Симонъ произнесетъ при чтеніи протокола рѣчь, въ которой подробно будетъ возражать на посланіе маршала Макъ-Магона.

Константинополь, 27-го мая 8-го іюня), пятница. Носятся слухи, что правительство намѣревается упразднить канцелярію по дѣламъ печати и прибѣгнуть къ внутреннему займу,

Римъ, 27-го мая (8-го іюня), пятница. Предложеніе Испаніи измѣнить нѣкоторыя статьи заключеннаго съ папою конкордата принято ватиканомъ.

Берлинъ, 28-го мая (9-го іюня), суббота. Въ National-Zeitung» напечатана статья, подъ заглавіемъ: «Французскій сенатъ и европейскій миръ», въ которой говорится слѣдующее. Отъ рѣшенія сената зависитъ участь Франціи и спокойствіе Европы. При распущеніи палаты депутатовъ дѣло идетъ о томъ, чтобъ подавить общественное мнѣніе, подтасовать выборы и обмануть Францію, на что правительство желаетъ получить согласіе сената. По мнѣнію газеты, дѣло это касается ближе всего Франціи, но съ каждымъ днемъ становится яснѣе, что во Франціи ультрамонтанство, въ самомъ воинственномъ видѣ, поставило себѣ задачею захватить государственную власть въ свои руки. Сенату предстоитъ вооружить ултрамонтанство мечемъ военнаго могущества Франціи. Выполненіе новѣйшей государственной перемѣны во Франціи повлечетъ за собою непосредственное воспламененіе. Государства, которымъ болѣе другихъ грозитъ опасность, даже въ виду наихудшихъ намѣреній, не вынутъ меча первыя, и Германія, прежде всего, имѣетъ въ миролюбіи своего императора и государственныхъ дѣятелей ручательство въ томъ, что ею приняты будутъ въ соображеніе лишь ея насущнѣйшіе интересы; но песимистская политика, которую открыто преслѣдуетъ и проповѣдуетъ Ватаканъ, могла-бы проникнуть въ европейскій ареопагъ и получить въ немъ право голоса. Трагическій исходъ можетъ быть лишь вопросомъ времени. «Мы не можемъ думать—заключаетъ газета—чтобы французскій сенатъ не понялъ глубокаго значенія, которое будетъ имѣть его рѣшеніе».

Лондонъ, 30 мая (10 іюня), понедѣльникъ, вечеромъ. Спеціальный корреспондентъ «Агентства» Рейтера» телеграфируетъ изъ Константинополя, отъ сегодняшняго числа, что турецкая палата депутатовъ вотировала кредиты, требуемые по военному и морскому министерствамъ. Палата приняла также постановленіе о сліяніи министерствъ исповѣданій и торговли и объ упраздненіи большого числа излишнихъ мѣстъ по административной части. Большинство требуетъ отмѣны статьи расхода въ 130,000 турецкихъ фунтовъ, употребляемыхъ на пенсіи чиновникамъ.

Парижъ, 30 мая (11 іюня), понедѣльникъ, вечеромъ. Сегодня утромъ прибылъ сюда Великій Князь Алексѣй Александровичъ.

Князь Гогенлоэ сдѣлалъ французскому правительству самыя удовлетворительныя увѣренія относительно миролюбивыхъ намѣреній германскаго правительства.

Лондонъ, 30 мая (11 іюня), понедѣльникъ, вечеромъ. Въ засѣданіи палаты лордовъ, маркизъ Салисбюри, возражая Демаулэ, заявилъ, что нѣтъ основанія для опасеній по поводу близости русскихъ къ индійстой границѣ. Ораторъ допускаетъ, что было бы желательно учредить консульства, которыя могли бы быть полезны.

Въ палатѣ общинъ г. Боркъ, отвѣчая Дженкинсу, сказалъ, что онъ не получилъ оффиціальнаго извѣщенія о недѣйствительности блокады Чернаго моря Частнымъ образомъ онъ узналъ о проходѣ нѣсколькихъ судовъ. Впрочемъ, онъ не станетъ извѣщать Порту о томъ, что недѣйствительная блокада не будетъ признаваема, такъ какъ Порта, въ качествѣ державы, подписавшей парижскую декларацію, сама знаетъ это.

Вѣна, 30 мая (11 іюня), понедѣльникъ, вечеромъ. Въ газетѣ «Politische Correspondenz» напечатана телеграмма изъ Петербурга, извѣщающая о невѣрности извѣстія относительно того, будто бы князь Горчаковъ уѣдетъ на шесть недѣль въ отпускъ.

Лондонъ, вторникъ, 12-го Іюня. На обѣдѣ, устроенномъ вчера гильдіею портныхъ, маркизъ Салисбюри и Лордъ Дерби произнесли рѣчи, въ которыхъ коснулись кризиса на Востокѣ, причомъ указывали на необходимость преслѣдованія мирной политики. Лордъ Дерби сказалъ, что Англія должна быть готова къ защитѣ своихъ интересовъ, если на нихъ сдѣлано будетъ покушеніе, но что важнѣйшимъ изъ всѣхъ британскихъ интересовъ служитъ сохраненіе мира.

На обѣдѣ присутствовалъ Митхадъ-паша.

Той-же газетѣ телеграфируютъ изъ Константинополя, что турецкій посланникъ въ Аѳинахъ, получилъ, по телеграфу, предписаніе потребовать отъ греческаго правительства объясненій по поводу вооруженія Греціи, однако до сихъ поръ не вручилъ эллинскому кабинету никакой ноты.

По извѣстіямъ изъ Бухареста, румынскіе министры Братіано и Когальничано отправились въ Плоешты, чтобъ окончательно порѣшить вопросъ объ участіи румынской арміи въ военныхъ дѣйствіяхъ.

Изъ Каттаро сообщаютъ, что турецкая колонна снабдила Горанско провіантомъ. Турецкія силы сосредоточены у Карстаца и готовятся къ наступленію, чтобъ освободить Никшичъ отъ блокады.

Почтовый ящикъ.

Г-ну Е. М. Стихотвореніе: «Страшная минута» не будетъ напечатано.

Г-ну М. Н. П. Станція Здолбуново. Присланное Вами стихотвореніе не будетъ напечатано.

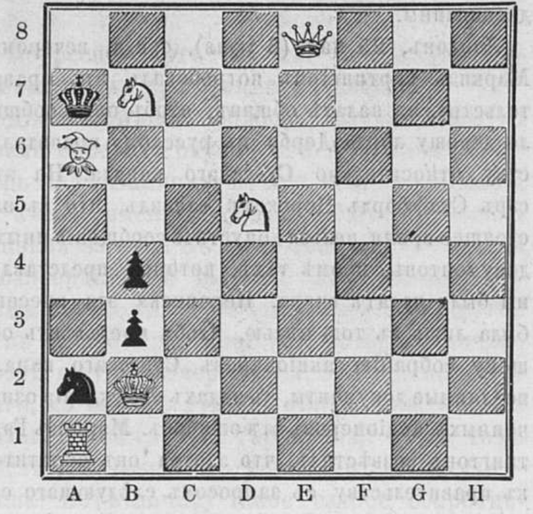
Г-ну В. Н. Т. Присланныя стихи не будутъ напечатаны.

Шахматы.

Задача XXII.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 2 хода.

Черные.



Бѣлые.

Рѣшеніе XXI задачи, помѣщенной въ № 22.

Бѣлые.	*Черные.*
1) F7—G6...	1) H6—F4 берутъ
2) C6—D7...	2) F4—E5 берутъ (a)
3) G6—E4 † ...	3) Какъ нибудь
4) Конекъ даетъ матъ.	
3) GH—D3† ...	(a) 2) E3- -E2 берутъ
4) D3—C3† и матъ.	3) D4—E5 берутъ

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи. Бомбардированіе Сухума.—Разсказъ бухарца (оконч.). — Черная Индія (продолж.). — Мимолетные наброски. — Путешествіе по Африкѣ. — Стихотвор. «Встрѣча».—Отъ Карса до Эрзерума. — Мириды.—Новости наукъ и жизни.—Смѣсь. — Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій.—Телеграммы. — Почтовый ящикъ. — Шахматы. — Объявленія.

Гравюры: Русскій лагерь, расположенный на берегахъ Прута.—Среднеазіятскіе типы.—Типы южной Африки.—Озеро Санкорра.—Деревня Килемба. — Озеро Морія. — Рыбы, водящіяся въ озерѣ Кассали — Военные споры въ Константинопольской кофейнѣ.—Почталіонъ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Объявленія.

ОТЪ КОНТОРЫ «ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ».

Переплеты для «Живописнаго Обозрѣнія» на 1877 годъ уже приготовляются и будутъ высылаться въ началѣ іюля мѣсяца. Вслѣдствіе увеличенія формата журнала въ нынѣшнемъ году, увеличена и цѣна на переплеты: 1 р. 75 коп. для одного тома, безъ пересылки. Пересылка— за два фунта, по разстоянію. Требованія, поступившія въ редакцію, будутъ удовлетворяться немедленно, при чемъ контора редакціи покорнѣйше проситъ подписавшихся на переплеты по старой цѣнѣ, дослать дополнительную сумму.

Въ конторѣ редакціи «ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ» находится въ продажѣ **большая гравюра.**

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ.

Снимокъ къ картины *Леонарда да Винчи.* Цѣна *50 коп.* съ пер. *75 коп.*

Въ конторѣ редакціи **„Живописнаго Обозрѣнія“** а также въ музыкальныхъ магазинахъ В. Бесселя и К⁰ и М. Бернарда, находятся въ продажѣ **ноты:**

МАРШЪ

РУССКИХЪ ДОБРОВОЛЬЦЕВЪ.

Сочиненіе **ФЛОРІАНА ГЕРМАНА.** (8 страницъ). Цѣна **1** руб. съ пересылкою **1** р **50** коп.

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ ГАЗЕТЫ

НАШЪ ВѢКЪ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ «НАШЪ ВѢКЪ» СЪ 1 АПРѢЛЯ.

Желающіе получать газету платятъ:

Въ Петербургѣ безъ доставки.

На 9 м.	На 8 м.	На 7 м.	На 6 м.	
9 р. 50 к.	8 р. 50 к.	7 р. 50 к.	7 р.—к.	
На 5 м.	На 4 м.	На 3 м.	На 2 м.	На 1 м.
6 р.—к.	5 р.—к.	3 р. 75 к.	2 р. 50 к.	1 р. 25 к.

Въ Петерб. съ дост. и съ перес. во всѣ мѣст. имперіи.

На 9 м.	На 8 м.	На 7 м.	На 6 м.	
12 р.—к.	11 р.—к.	10 р.—к.	8 р. 50 к.	
На 5 м.	На 4 м.	На 3 м.	На 2 м.	На 1 м.
7 р. 50 к.	6 р.—к.	4 р. 50 к.	3 р.—к.	1 р. 50 к.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, Большая Конюшенная, д. № 17. кв. № 2, и въ главныхъ книжныхъ магазинахъ. Контора редакціи для пріема подписки и объявленій открыта ежедневно. Принимаются казенныя и частныя объявленія всякаго рода, на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Плата за объявленія, печатаемыя петитомъ по 8 к. за строчку на послѣдней страницѣ и 15 впереди текста.

Въ Парижѣ подписка на газету и объявленія принимается у M. Adam, 2 Carrefour de la croix rouge.

Контора проситъ высылать требованія заблаговременно, чтобы можно было озаботиться своевременной разсылкой газеты.

При возобновленіи подписки, равно и при перемѣнѣ адреса, просятъ обращаться исключительно въ главную контору (Большая Конюшенная д. № 17, кв. № 2) съ приложеніемъ прежней бандероли.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА САМОЕ ДЕШЕВОЕ ИЗЪ ВСѢХЪ ЕЖЕДНЕВНЫХЪ, ПОЛИТИЧЕСКИХЪ И ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ИЗДАНІЙ ГАЗЕТУ

„НОВОСТИ“

на 1877 годъ.

Въ С.-Петербургѣ, Больш. Садовая д. № 47.
» Кронштадтѣ, въ отдѣлен. газ. «Новости».
» Москвѣ, въ московскомъ отдѣленіи газеты «Новости, на углу Дмитріевки и Охотнаго ряда, д. Благороднаго Собранія, въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Живарева.

Въ Казани, въ отдѣленіи конторы газеты «Новости» при книжномъ и музыкальномъ магазинѣ «Восточная Лира».

Цѣна на 8 мѣсяцевъ съ 1 мая по 1 января 1878 года для иногородныхъ 7 рубл., для городскихъ подписчиковъ съ доставкою 6 руб.; на 1 годъ 9 руб.; на другіе сроки по 1 руб. за каждый мѣсяцъ.

По богатству, разнообразію и свѣжести извѣстій какъ политическихъ и внутреннихъ, вообще, такъ и съ театра войны, въ особенности, газета «Новости» нисколько не отличается отъ наиболѣе распространенныхъ ежедневныхъ изданій.

Во все время войны въ газетѣ «Новости» будутъ печататься спеціальныя корреспонденціи и телеграммы съ Дуная, Кавказа и Персидской границы, изъ славянскихъ земель и Константинополя.

Кромѣ того, въ газетѣ «Новости» постоянно печатаются всѣ телеграммы «Международнаго Тел. Агент.» и »Agence génér. russe«.

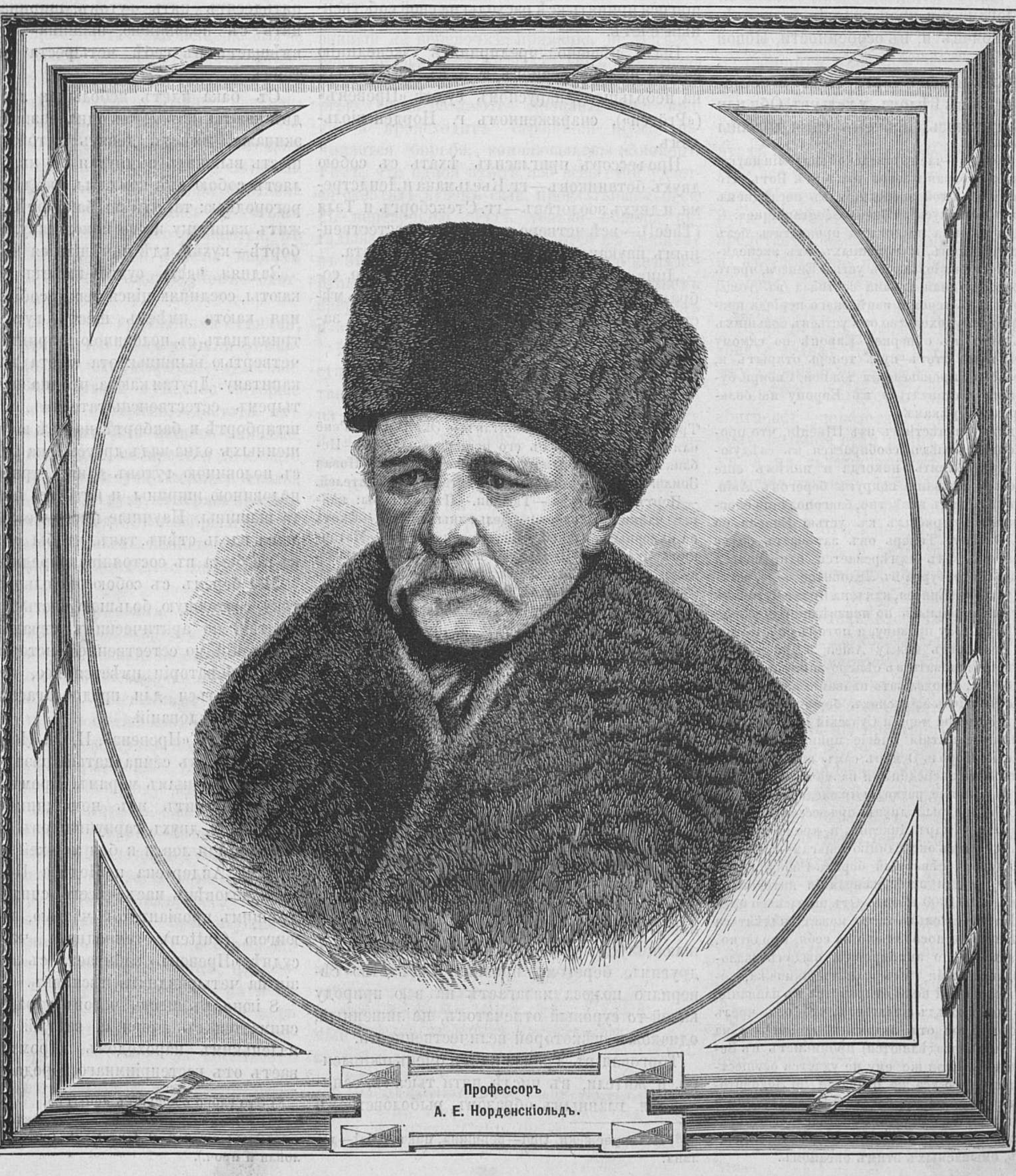
При настоящемъ нумерѣ Живописнаго Обозрѣнія разсылается всѣмъ подписчикамъ іюньское приложеніе „ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО“.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 4 Іюня 1877 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

Живописное Обозрѣніе

Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде

№ 24. Томъ I. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода—4 р. 50 к. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 12 Іюня 1877 года. Адрессъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Троицкій переулокъ, домъ № 27/1. Годъ V.



Профессоръ
А. Е. Норденскіольдъ.

Подписка на „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ 1877 г. продолжается.

Въ 1877 году журналъ выходитъ **еженедѣльными** нумерами (въ годъ 52 нумера), иллюстрированными множествомъ художественныхъ гравюръ. Всѣ подписчики получаютъ, въ **видѣ премій**, ежемѣсячное приложеніе подъ заглавіемъ «Жизнь и Хозяйство», со множествомъ рисунковъ. Годовымъ подписчикамъ разсылаются слѣдующія преміи: большая гравюра: **продажа амулетовъ**, снимокъ съ картины проф. **Генриха Семирадскаго**, на толстой веленевой бумагѣ, длиною одинъ аршинъ, шириною $12\frac{1}{2}$ вершковъ, и **Карта театра военныхъ дѣйствій, Европейской и Азіятской Турціи.**

Годовая подписная цѣна журнала съ достав. и перес. 7 руб., безъ перес. и доставки—6 руб. На полгода: съ 1-го іюля, съ пересылкою—4 р. 50 коп., безъ перес.—3 руб.

Подписка продолжается. Новые подписчики получаютъ журналъ съ перваго нумера.

Сѣверная шведская полярная экспедиція подъ начальствомъ профессора А. Е. Норденскіольда *).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

От Новой Земли до Енисея Соч. доктора Гіальмара Тэля.

ВВЕДЕНІЕ.

Сѣверная шведская экспедиція 1875 г. была предпринята съ цѣлью проникнуть въ Карское море до устьевъ Оби или Енисея, съ тѣмъ, чтобы установить новый путь сообщенія между Европою и Азіею, и если позволило бы время, то направиться на сѣверо-востокъ и открыть предполагаемую тамъ землю.

Члены экспедиціи взяли на себя также трудъ изслѣдовать геологическія, ботаническія и зоологическія произведенія этихъ сѣверныхъ районовъ и, въ особенности, Новой Земли.

Было предположено такъ, чтобы мореплаватели, на островѣ Бѣломъ, у устьевъ Оби или Енисея, раздѣлились, причемъ одни должны были возвратиться моремъ въ Швецію и по пути продолжать, на сколько возможно, изслѣдованіе Новой Земли (восточнаго берега), а другіе должны были плыть вверхъ по одной изъ большихъ азіятскихъ рѣкъ и вернуться въ Швецію черезъ Сибирь, Россію и Финляндію.

Проф. Норденскіольду первому пришла въ 1874 г. мысль объ этой экспедиціи. Этотъ знаменитый изслѣдователь Шпицбергена, путешествующій уже въ теченіи двадцати лѣтъ по сѣвернымъ странамъ, нашелъ, къ счастью, въ г. Оскарѣ Диксонѣ—директорѣ большого торговаго дома въ Готембургѣ—человѣка, взявшаго на себя снабдить экспедицію въ матеріальномъ отношеніи и согласившагося принять всѣ расходы на свой собственный счетъ.

Было рѣшено предпринять экспедицію спустя шесть мѣсяцевъ, т. е. въ іюнѣ 1875 г., на небольшомъ парусномъ суднѣ «Превенъ» («Pröven»), снаряженномъ г. Норденскіольдомъ.

Профессоръ пригласилъ ѣхать съ собою двухъ ботаниковъ—гг. Кьельмана и Лендстрема, и двухъ зоологовъ—гг. Стексборгъ и Тэля (Théel),—всѣ четверо—доктора по естественнымъ наукамъ Упсальскаго университета.

Лица, отправлявшіяся съ экспедиціею, собрались 31 мая 1875 г. на назначенномъ мѣстѣ, и г. Тэль оттуда же началъ вести и записывать свой дневникъ.

I.

Тромзе.— Превенъ. — Капитанъ. — Экипажъ. — Ренё или Оленій островъ съ его пещерою.—Фуглё.—Исбликъ.—Морскія птицы.—Первые ледники.—Новая Земля.—Рыбная ловля и охота естествоиспытателей. —Портъ Кармакула.—Тюлени.—Птичьи горы: кàйры, чайки, рыболовы.—Дельфины.—Isatis.—Охота на сѣверныхъ оленей.—Безъименная губа.—Маточкинъ проливъ.—Нечаянное истребленіе гагачьихъ яицъ. — Разумныя заботы. — Сѣверный Газландъ (Gaasland). — Кастинскій проливъ. — Форели. — Вайгачъ.—Палатки самоѣдовъ.—Карскія ворота.—Бури.

Тромзе, 7 іюня 1875 г. Пока нагружали Превенъ съѣстными припасами, устанавливали на немъ научные инструменты и множество вещей, необходимыхъ при изученіи и собираніи коллекцій по естественной исторіи, мы успѣли осмотрѣть этотъ маленькій красивый городокъ, который хотя и расположенъ къ сѣверу отъ сѣвернаго пояса, но немногимъ отличается отъ городовъ, черезъ которые мы проѣзжали по норвежскому берегу. Тромзе лежитъ на восточномъ берегѣ острова того же имени. Окрестности его чрезвычайно живописны, благодаря, главнымъ образомъ, Тромсдальстинду *), возвышающемуся своею снѣжною вершиною надъ другимъ берегомъ пролива. Сосѣдство сѣвернаго полюса налагаетъ на всю природу какой-то суровый отпечатокъ, не лишенный, однакожъ, нѣкоторой величественности.

Торговля въ Тромзе идетъ очень оживленно, и жители, въ числѣ пяти тысячъ, занимаются, главнымъ образомъ, рыболовствомъ и относящимися до этого промыслами. Отсюда преимущественно отправляются промышленники на ловлю или охоту за китами и моржами на группу Шпицбергенскихъ острововъ.

Судно «Превенъ» (Pröven) *), которому мы довѣряемъ нашу жизнь—одномачтовое **), свыкшееся съ плаваніемъ по сѣвернымъ морямъ, такъ какъ въ теченіи двадцати лѣтъ, или съ того времени, какъ его спустили съ Христіанзундской верфи, оно только и употреблялось для плаванія по сѣвернымъ морямъ; его пришлось всего почти перестроивать восемь лѣтъ тому назадъ, по случаю приключившагося въ немъ поврежденія. Въ корабельной книгѣ значится: длина судна—пятьдесятъ пять футовъ, ширина—семнадцать съ половиною, вышина—тринадцать; вмѣщаетъ въ себѣ четыреста пятьдесятъ тоннъ.

Съ бака идетъ небольшая лѣстница въ двѣ каюты, изъ коихъ одна ,назначенная для экипажа, имѣетъ девять футовъ длины и шесть вышины, а другая (6 кв.) представляетъ собою двѣ комнаты, раздѣленныя перегородкою: та, что на бакбортѣ, принадлежитъ капитану и его помощнику, а на штирбортѣ—кухня, гдѣ помѣщается и поваръ.

Задняя часть судна имѣетъ также двѣ каюты, соединяющіяся между собою; внутренняя каюта имѣетъ шесть футовъ длины, тринадцать съ половиною ширины и пять съ четвертью вышины: эта каюта назначается капитану. Другая каюта, предназначенная четыремъ естествоиспытателямъ, имѣетъ на штирбортѣ и бакбортѣ по двѣ койки, подвѣшенныхъ одна надъ другою; она имѣетъ пять съ половиною футовъ длины, тринадцать съ половиною ширины и пять съ восьмою фута вышины. Научные инструменты разставлены вдоль стѣнъ, такъ, чтобы морская качка не была въ состояніи повредить ихъ.

Мы беремъ съ собою небольшую библіотеку, состоящую, большею частью, изъ путешествій по арктическимъ странамъ и изъ сочиненій по естественной исторіи. Въ нашей лабораторіи имѣется все, что можетъ потребоваться для предполагаемыхъ научныхъ изслѣдованій.

Капитанъ «Превена», Н. Я. Исаксенъ, отправляется въ семнадцатый разъ въ плаваніе по сѣвернымъ морямъ. Кромѣ этого, экипажъ состоитъ изъ помощника капитана, Абрамсона, двухъ гарпунщиковъ (они всегда берутся для ловли и боя моржей и тюленей), Нильча Андерсена и Педера Педерсена, и пяти человѣкъ насъ—всего, считая съ завѣдующимъ провіантской частью, поваромъ и юнгою (gutten), семнадцать человѣкъ на суднѣ. «Превенъ» забираетъ съ собою провизіи на четырнадцать мѣсяцевъ.

8 іюня, въ шесть часовъ утра, «Превенъ» снимается съ якоря и, взятый на буксиръ маленькимъ пароходомъ «Тромзе», отчаливаетъ отъ гостепріимнаго города.

---

*) Норденскіольдъ—членъ шведской академіи наукъ и корреспондентъ французской академіи. Вотъ что было написано объ этой экспедиціи въ послѣднемъ шестимѣсячномъ выпускѣ «Revue Géographique»:

«Читающая публика не должна пропустить безъ вниманія результатовъ, полученныхъ отъ экспедиціи доктора Норденскіольда къ устью Енисея, чрезъ Карское море: главная задача состояла въ томъ, чтобы открыть, въ теченіи извѣстнаго періода времени, правильное судоходство отъ устьевъ большихъ сибирскихъ рѣкъ къ сѣверной Европѣ по самому кратчайшему пути. Этотъ путь теперь открытъ и, такимъ образомъ, произведенія южной Сибири будутъ постоянно доставляться въ Европу по большимъ сибирскимъ рѣкамъ.

По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Швеціи, что профессоръ Норденскіольдъ сообирается въ слѣдующемъ году предпринять никогда и никѣмъ еще не совершенное плаваніе вокругъ береговъ Азіи. Онъ уже два раза, какъ извѣстно, благополучно обогнулъ Нордкапъ и прибылъ къ устью Енисея, по Ледовитому Океану. Теперь онъ затѣваетъ болѣе длинное плаваніе. Онъ намѣревается отправиться въ 1878 г. изъ Готенбурга въ Ледовитое море, остановиться у устьевъ Енисея, какъ на промежуточной станціи, затѣмъ проплыть по неизвѣданнымъ еще морямъ къ Берингову проливу, а потомъ спуститься по морямъ, лежащимъ между Азіей и Америкою. Онъ думаетъ прозимовать въ сѣверо-восточной Азіи и, весною 1879 г., продолжать плаваніе на востокъ, затѣмъ на югъ, вдоль азіятскихъ береговъ, и вернуться чрезъ Красное море и Суэзскій каналъ.

Въ этомъ путешествіи многіе принимаютъ живѣйшее участіе. Король Оскаръ самъ вызвался покровительствовать экспедиціи и назначилъ отъ себя 50,000 кронъ. Главные расходы экспедиціи принимаетъ на себя щедрый другъ профессора, готенбургскій купецъ Оскаръ Диксонъ, и, кромѣ того, г. Сибиряковъ ссужаетъ экспедицію деньгами и обязывается изслѣдовать сѣверный берегъ Сибири. Диксонъ купилъ уже для этой экспедиціи китоловное судно «Вега» за 150,000 кронъ. Отъ шведскаго правительства Норденскіольдъ также можетъ надѣяться получить нѣкоторое пособіе; оно на себя, вѣроятно, возьметъ расходы по экипировкѣ, выдачѣ жалованья и продовольствія тѣмъ лицамъ экипажа, которыя по собственной волѣ отправятся въ плаваніе.

Проф. Норденсікольдъ полагаетъ, что онъ чрезъ открытое, свободное отъ льдовъ море (мнѣнія на счетъ этого очень раздѣляются) проникнетъ въ Беринговъ проливъ. Если же ему не удастся осуществить этотъ планъ, то все же плаваніе по Ледовитому океану снабдитъ науку богатыми свѣдѣніями и познакомитъ насъ съ природою, растительною и животною жизнію разныхъ частей Ледовитаго океана и странъ, омываемыхъ этимъ океаномъ.

*) По норвежски, tind—вершина, пикъ, а dal—долина.

*) Это слово означаетъ «опытъ».

**) Норвежцы называютъ на своемъ языкѣ суда, подобныя Pröven у fangstjakt (яхта для китовой ловли и проч.).

Въ Ульфсфіордѣ (Ulfsfjord), надъ которымъ грозно возвышается Ульфстиндъ, буксирный пароходъ оставляетъ насъ, но, вслѣдствіе непопутнаго вѣтра, мы вынуждены бросить якорь, немного ранѣе полночи, въ Рене *), близь Карлее. По случаю затишья, мы должны пробыть здѣсь пять дней, въ теченіи которыхъ изслѣдуемъ окрестности. Всюду, на каждомъ шагу, попадаются на землѣ многочисленные слѣды пеструшки, или такъ—называемой норвежской крысы (Lemmns norvegicus), совершенно опустошающей мѣстности, въ которыхъ она водворяется.

Прошлую осень и зиму, ихъ столько было, что жители считаютъ это за одну изъ египетскихъ язвъ; но эти грызуны, вѣроятно, переселились куда нибудь въ другое мѣсто, и потому, несмотря на то, что я разставилъ десять ловушекъ, ни одно животное не попалось. Мѣстный докторъ, Родъ, разсказалъ мнѣ, что смертность ихъ такъ велика, что въ странѣ находили множество этой падали, заражавшей даже воздухъ, и что многія болѣзни происходили только отъ этого.

12 іюня, вечеромъ, несмотря на чрезвычайно сильный вѣтеръ и большія волны, три сильныхъ гребца причаливаютъ наше судно къ восточному берегу Рене, гдѣ находится, по разсказамъ, замѣчательная пещера. Мы ее не скоро отыскали. Главная галерея, имѣющая вышины и ширины болѣе пяти метровъ и длины въ десять разъ больше, раздваивается посрединѣ и образуетъ другую, болѣе узкую, но и болѣе длинную аллею Почва скрывается подъ текущимъ ручейкомъ. Жители Рене, воображая, что эта пещера обитаема духами, никогда не осмѣливались входить въ нее; но съ нами они на это рѣшаются, въ полной увѣренности, что факелы нашихъ проводниковъ изгонятъ злыхъ духовъ—охотниковъ до темноты.

Темная пещера, съ гранитными стѣнами, разомъ освѣщается—и предъ нашими суевѣрными спутниками открываются чудесные сталактиты въ полтора фута, на которые они съ завистью смотрятъ;—достать ихъ очень трудно. Одинъ изъ нашего экипажа, отважнѣе остальныхъ, взбирается до самаго свода по выступамъ и углубленіямъ скалы, протягиваетъ къ нимъ руку, но теряетъ равновѣсіе и—трахъ въ воду! Онъ забрызгиваетъ ею всю компанію, а факелы наши гаснутъ. Это легкое паденіе возбуждаетъ между нами смѣхъ.

14 іюня. Пушечный залпъ, разбившій въ дребезги оконныя стекла, пробуждаетъ меня, и я въ одинъ мигъ вскакиваю съ постели.

— Неужели взорвалась бочка съ пивомъ? спросилъ капитанъ, выскакивая изъ своей каюты... Это ничего болѣе, какъ задуманный моими товарищами сюрпризъ по случаю моего födelsedag (дня рожденія). Яхту иллюминуютъ флагами и, по поводу праздника, подымается южный вѣтерокъ, благодаря которому мы обогнули островъ Ванде, (Vandö) славящійся своимъ Вандтиндъ (Vandtined) и своимъ ледникомъ (около тысячи метровъ), потомъ Скаарö и Пипертиндъ, весь покрытый снѣгомъ, и, наконецъ, Фугельзундъ и Фугле (Fuglesund et Fuglö) **)—островъ, названный такъ по множеству птицъ, въ особенности гагъ и чаекъ, вьющихъ на немъ свои гнѣзда. Эта скала, возвышающаяся надъ моремъ и надъ другими, совершенно голыми скалами, приблизительно на восемьсотъ метровъ, принадлежитъ г. Эбелтофтъ, знаменитому адвокату, которому наша экспедиція много обязана за ласковый пріемъ, оказанный имъ ей въ Тромзе. Скала приноситъ ему большой доходъ, такъ какъ на ней собирается значительное количество гагачьяго пуху.

Мы, въ теченіи двухъ дней, продолжаемъ свое плаваніе, благодаря попутному вѣтру; «Превенъ» дѣлаетъ въ часъ по шести узловъ.

17-го, мы огибаемъ Нордъ-Капъ, сіяющій при утреннемъ солнцѣ, въ сопровожденіи нашихъ спутниковъ, т. е. китовъ и бурныхъ птицъ.

Procellaria glacialis, зловѣщая бурная птица *), мрачная предвозвѣстница приближенія къ полярнымъ странамъ, разсѣкаетъ волны, или же носится тихо въ воздухѣ, и тишина эта нарушается только изрѣдка ударами ея крыльевъ. Въ продолженіи довольно значительнаго времени, птица остается неподвижно на воздухѣ, съ распростертыми крыльями, надъ водною струей за кормою.

Она очень внимательно слѣдитъ за тѣмъ, что ей бросаютъ съ палубы, и кидается на добычу; сало и свинина—деликатесъ для нея; она съ пренебреженіемъ относится къ соленой рыбѣ. Во время этого однообразнаго переѣзда, самымъ забавнымъ занятіемъ считается бросать съ кормы судна кусокъ сала, привязанный на веревочкѣ; приманка не успѣетъ еще прикоснуться къ водѣ, какъ уже цѣлая стая бурныхъ птицъ кидается на нее съ жадностью. Тогда раздаются пронзительные крики и происходитъ страшный шумъ; начинается борьба, кончающаяся, наконецъ, тѣмъ, что одной птицѣ изо всей стаи удается схватить кусокъ сала, проглатываемый ею съ веревочкою. Тутъ только обжора догадывается, что не все дѣлается къ лучшему въ этомъ мірѣ: когда судно тащитъ ее на веревкѣ, она, конечно, защищается, взлетаетъ вверхъ и волею-неволею раскрываетъ клювъ и выпускаетъ добычу.

Какъ только покажется сало на поверхности воды, затѣвается новая схватка, и такъ до тѣхъ поръ, пока не раздерутъ его на самые мелкіе кусочки. Иногда, приманку насаживаютъ на крюкъ, для того, чтобы завладѣть птицею, но можно достигнуть той же цѣли, и не заставляя ее страдать.

Опущенная въ воду и вытащенная вечеромъ изъ морской глубины наметка даетъ намъ знать о признакахъ жизни въ морѣ, на триста пятидесяти метрахъ глубины (71° 12′ сѣв. шир. и 26° 43′ вост. долг. отъ Гринвича).

18 іюня. Мы плывемъ довольно скоро, такъ какъ дуетъ западный вѣтеръ; сѣть, плывущая на поверхности воды, наполняется животными, напоминающими собою желто-коричневое желе и распространяющими въ воздухѣ зловонный запахъ. Море въ этихъ мѣстахъ очень оживлено: около пятидесяти судовъ, большей или меньшей величины, парусныхъ и паровыхъ, направляются во всѣ стороны.

Въ полночь вѣтеръ свѣжѣетъ; «Превенъ» дѣлаетъ въ часъ отъ шести до семи узловъ; вдали виднѣется темная точка: это самая сѣверная норвежская крѣпость Вардегусъ (Vardöhus), которую мы огибаемъ.

Прежде, чѣмъ отплыть отъ твердой земли, начальникъ экспедиціи совѣтуется съ капитаномъ, куда направлять судно рулемъ: на островъ Калгуевъ или на Гаазландъ (западный берегъ Новой Земли)? Рѣшаютъ, что къ послѣднему пункту.

И такъ, поворачиваемъ носомъ къ Новой Землѣ; термометръ, ночью, показывалъ 0°,7 стоградусника.

Styrman (помощникъ капитана) обращаетъ мое вниманіе на яркую бѣлую полосу, отдѣляющуюся на небѣ, какъ-разъ на горизонтѣ: эта полоса—предвозвѣстница льдовъ, откуда и ея названіе snöblick или isblick (blick—свѣтъ, is—ледъ, snö—снѣгъ), данное ей сѣверными мореплавателями; она бываетъ видна на разстояніи двадцати, а иногда и болѣе километровъ.

20-то, мы плывемъ уже по Бѣлому морю, гдѣ сильно ощущается зыбь. На этомъ переѣздѣ, «Превенъ» сопровождается слѣдующими живыми существами: чайками о трехъ пальцахъ, разбойниками съ длинными хвостамц, маленькими кайрами и бурными птицами. Трехпалыя чайки постоянно кружатся вокругъ мачты и упорно преслѣдуютъ паруса, которые они клюютъ.

21 іюня мы находимся на разстояніи двадцати географ. миль отъ Новой Земли; тюлени показываются тамъ и сямъ; наконецъ, вотъ и земля въ виду насъ! Гарпунщики приготовляютъ уже орудія и радуются при мысли, что имъ опять представляется случай сражаться съ моржами и тюленями. Въ четыре съ половиною часа, первые ледники появляются на бакбортѣ и на носу.

Я не стану описывать, какое неизъяснимое волненіе овладѣваетъ мною, какъ новичка относительно сѣверныхъ плаваній, при видѣ этихъ ледниковъ, плавающихъ по волнамъ. Они все попадаются чаще и чаще, до того, что «Превенъ» вынужденъ сворачивать съ пути; пролавировавши къ сѣверу, мы прямо предстаемъ передъ льдами, болѣе рѣдкими, и въ полночь переплываемъ эту первую преграду, благодаря опытности нашего капитана и начальника экспедиціи.

Впереди насъ плыветъ fangstfastyg (рыболовная лодка). Чайка, которая извѣстна между моряками со временъ сенатора Мартенса —вѣроятно, вслѣдствіе ея важности (Larus eburneus),—перелетаетъ иногда въ нашу сторону; большія стаи кайръ носятся въ воздухѣ, а на льдахъ кое-гдѣ отдыхаютъ гренландскіе тюлени. Двѣнадцать миль отдѣляютъ насъ отъ берега Новой Земли, но онъ скрывается отъ нашихъ взоровъ вслѣдствіе густого тумана и падающаго снѣга; стоградусный термометръ понижается до 0°,6.

Здѣсь ночи нѣтъ и потому мы вдвойнѣ можемъ работать: въ 1 часъ утра, равно какъ и въ полдень, мы можемъ закидывать конопляныя кисти (houppes, svâble) и ловить множество зміехвостовъ, звѣздообразныхъ растеній и другихъ морскихъ животныхъ.

Наконецъ, мы пристаемъ къ твердой землѣ; 22 іюня въ 9 час. вечера мы бросаемъ якорь въ небольшой бухтѣ Газланда *). Всѣ члены экспедиціи, не теряя времени, отправляются на шлюпкахъ, чтобы изслѣдовать почву этой *Новой Земли*—первой цѣли нашего предпріятія.

Только-что мы высадились, какъ пришли въ неудержимый восторгъ. Lefve Professor Норденскіольдъ! Lefve Novaïa Zemlia **)! Таковы были первые крики, которые огласились въ тиши, и затѣмъ раздалось громкое «ура!».

На землѣ видны свѣжіе слѣды оленей; я не пошелъ по этимъ слѣдамъ, но убилъ за то двухъ прехорошенькихъ фіолетовыхъ куличковъ и разбойника, и нарвалъ нѣсколько растущихъ на землѣ цвѣтовъ: одинъ цвѣтокъ въ особен-

---

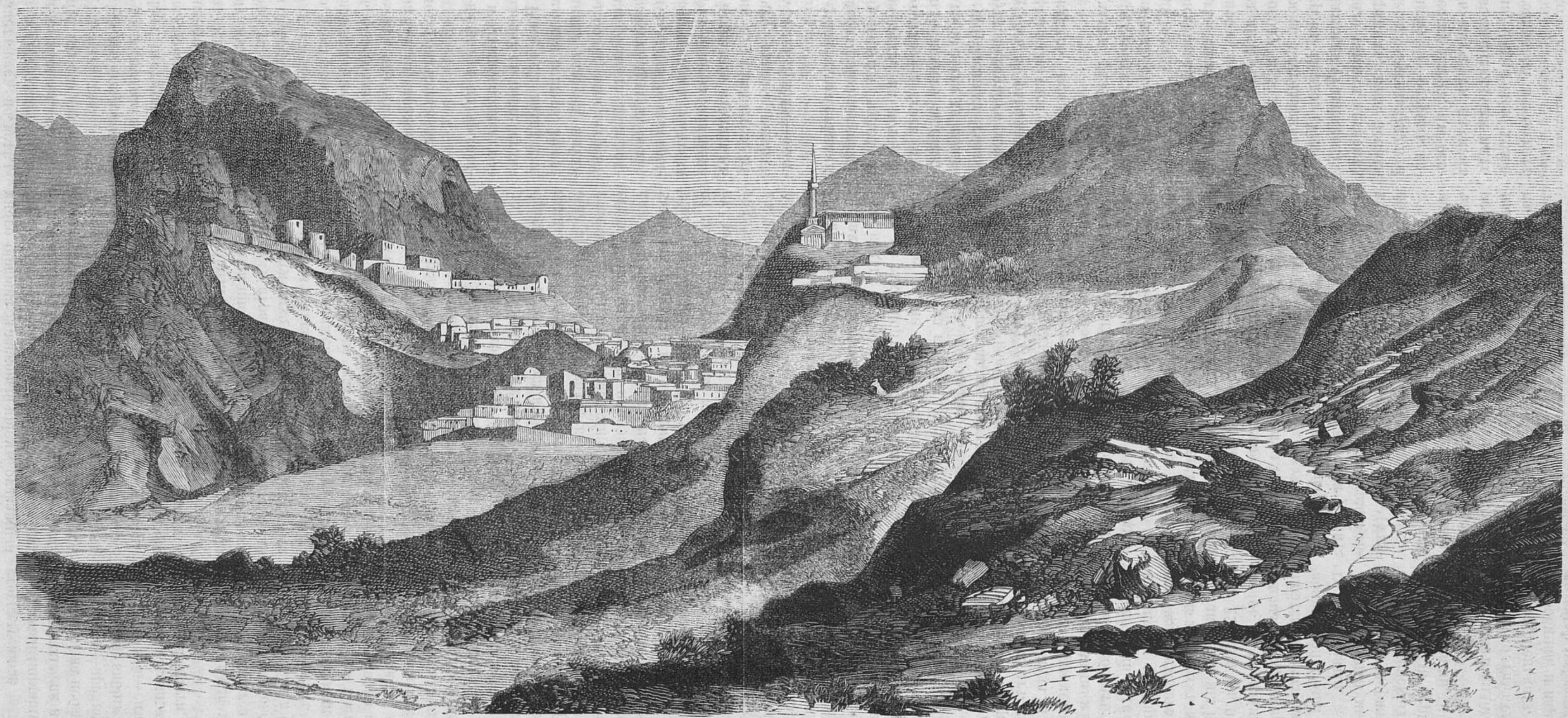
*) Оленій островъ находится приблизительно въ шестидесяти километрахъ сѣвернѣе отъ Тромзе.

**) Fugl по норвежски означаетъ птицу; sund—проливъ; skaar—разрѣзъ; vand—вода; tind—гора.

*) Шведы называютъ эту птицу Stormvogel (отъ storm — буря, и fogel — птица). У насъ она называется петрушкою (Petit—Pierre), въ память того, что св. Петръ ходилъ по водѣ.

*) Gaas—гусь, land—земля.

**) Lefve—браво или ура.



Видъ крѣпости Баязета, взятой русскими войсками 30 апрѣля 1877 года.

ности (Eritrichium villosum) привлекъ мое вниманіе поразительнымъ сходствомъ своимъ съ незабудкою; но здѣсь символъ дружбы чище и яснѣе.

Эта часть Новой Земли имѣетъ видъ плоской страны, прорѣзанной въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оврагами и прудами; на горизонтѣ, однакожъ, виднѣются красивыя очертанія горъ.

Утромъ, докторъ Штюксбергъ занимается расчисткою морского дна, а я закидываю кисти въ воду; всѣ эти кисти вытаскиваютъ каждый разъ, цѣлыми сотнями, зміехвостовъ, морскихъ ежей, великолѣпныхъ Solaster papposus и другихъ морскихъ звѣздъ, прекрасную Алекто (Alecto), огромнаго равноногаго рака, множество Pygnogonidoe, нѣсколькихъ Hyas coarctatus... словомъ, всего и не перечтешь.

23-го, къ полудню, мы, т. е. г. Люндестремъ, я и четверо изъ нашихъ fangstmän (матросовъ), поплыли къ льдамъ на другую сторону фіорда, чтобы прочистить морское дно и поймать птицъ или захватить яйца. Я, по дорогѣ, убиваю Larus glaucus и кайру. Безчисленное множество гагъ, взобравшись на льдины, тихо ими уносятся, маленькія кайры постоянно взлетаютъ, а дикіе гуси носятся въ воздухѣ, точно огромные плуги. По всему фіорду попадаются льдины, между которыми наша шлюпка просѣкаетъ себѣ путь зигзагами; солнце ярко свѣтитъ, но даже и на солнцѣ термометръ не поднимается выше 4°. Почва острововъ и материка въ этихъ мѣстахъ составлена, большею частью, изъ шиферныхъ слоевъ, иногда вертикально углубляющихся въ море. Мы приплываемъ къ небольшому озеру, на которомъ я отдѣляюсь отъ товарищей, чтобы поохотиться за гагою и ныркомъ. Прежде всего, попадается мнѣ птица изъ болотныхъ: по двухцвѣтному клюву и яркимъ перьямъ, я немедленно узнаю красиваго зуйка съ ожерельемъ. Не застрѣливъ ни одного нырка, я прошелъ черезъ небольшую бухточку, покрытую льдомъ, къ моимъ товарищамъ, размѣстившимся возлѣ хижины, которую строютъ себѣ русскіе рыбаки.

Подходя къ товарищамъ, я услышалъ радостный крикъ: докторъ Люндстремъ только-что открылъ подъ ветхимъ поломъ хижины цѣлое семейство пеструшекъ (Myodes obensis), разбѣжавшихся во всѣ стороны.

Въ этой русской хижинѣ мы принимаемъ пищу и отдыхаемъ. Она выстроена изъ дерева, въ русскомъ стилѣ; стѣны всѣ покрыты странными надписями, а вмѣсто крыши—у насъ небо, такъ какъ настоящая крыша, вѣроятно, была сорвана вѣтромъ. Передъ этимъ жильемъ стоятъ простые деревянные кресты, свидѣтельствующіе о томъ, что смерть сразила многихъ изъ этихъ несчастныхъ, отправляющихся сюда въ твердой надеждѣ скорѣе заработать здѣсь средства для прокормленія своихъ семействъ.

Затѣмъ, мы отправляемся къ маленькимъ озерамъ; мнѣ-таки удается застрѣлить двухъ нырковъ и захватить съ собою ихъ яйца. Оттуда мы пришли къ другой зимней стоянкѣ, сложенной кое-какъ изъ кирпича; она скорѣе была похожа на медвѣжью берлогу, чѣмъ на человѣческое жилье; въ ней нельзя даже стоять, расправившись во весь ростъ. А русскіе рыбаки, несмотря на это, часто довольствуются такимъ жильемъ! Что за несчастная жизнь! Здѣсь не видно крестовъ, но есть только нѣсколько другихъ хижинъ и каменная башня.

Къ полночи мы вернулись на судно. Въ отсутствіи директора экспедиціи, г. Норденскіольда, мы приготовляемъ, по случаю его имянинъ, сюрпризъ: сегодня день св. Адольфа. Мы украсили ему столъ арктическими цвѣтами, а по срединѣ стола поставили огромный прелестный букетъ изъ незабудокъ Новой Земли (Eritrichium villosum); по бокамъ разложены четыре пойманныхъ нами сегодня пеструшки, а пятая лежитъ посрединѣ, на гнѣздѣ изъ снѣжныхъ золотыхъ подорожниковъ. День этотъ прошелъ очень пріятно и останется въ моей памяти, какъ одно изъ лучшихъ воспоминаній нашего плаванія. Другіе наши спутники принесли съ собою жаворонка изъ породы колибри и лебединыя яйца.

24 іюня, въ Ивановъ день, «Превенъ», вслѣдствіе поднявшагося сѣвернаго вѣтра, долженъ былъ искать мѣста, гдѣ бы прочнѣе забросить якорь, поплылъ къ сѣверу и бросилъ вечеромъ якорь на разстояніи сорока километровъ отъ Газкана, въ удобномъ портѣ Кармакула. Хорошенько расчистивши дно, мы всѣ высаживаемся, на слѣдующій день, на землю. Друзья мои собрали маленькую коллекцію пауковъ и насѣкомыхъ изъ семейства Harpalus; я застрѣливаю двухъ кайръ, а матросъ убиваетъ тюленя (Placa annulata).

28 іюня. Проведши два дня въ Кармакулѣ, въ теченіи которыхъ всѣ изслѣдованія, сдѣланныя нами, имѣли чисто научный интересъ, мы отправились изъ этого порта при душемъ, какъ и всѣ эти дни, прохладномъ вѣтрѣ и температурѣ 1°. Снѣгъ падаетъ хлопьями; вчера погода была туманная, дулъ сѣверо-восточный вѣтеръ, гнавшій огромныя массы льда къ «Превенъ», причемъ онъ каждый разъ сильно раскачивался, издавая глухой шумъ, напоминающій пушечный выстрѣлъ.

29 и 30-го, «Превенъ» продолжаетъ лавировать. Я пользуюсь, въ полночь, проясненіемъ погоды и отправляюсь, чтобы пополнить нашу провизію; въ три часа я застрѣливаю четырнадцать кайръ.

(*Продолженіе будетъ.*)

Черная Индія.

Романъ Жюля Верна.

(*Продолженіе.*)

Жакъ Райанъ не могъ долго лежать въ постели, и не имѣлъ времени долго быть больнымъ; если, вообще, никто его достаточно не имѣетъ, то тѣмъ болѣе жители здоровыхъ мѣстностей низменной Шотландіи. Жакъ Райанъ скоро поправился; онъ порѣшилъ, какъ только встанетъ съ постели, выполнить разные задуманные имъ планы, а затѣмъ приняться за работу на Мельрозской фермѣ. Онъ надумался, главнымъ образомъ, навѣстить товарища своего, Гарри, и узнать отъ него, отчего онъ не пріѣхалъ, согласно обѣщанію, на Ирвинскій праздникъ; да, притомъ, нельзя было допустить, чтобы сынъ стараго надсмотрщика не зналъ о крушеніи «Motala», описанномъ весьма подробно въ газетахъ. Гарри непремѣнно долженъ былъ знать объ участіи, которое принималъ Жакъ при подачѣ помощи несчастнымъ, и объ его ушибѣ, и нельзя было ничѣмъ объяснить того, что Гарри не поспѣшилъ узнать о состояніи здоровья своего пріятеля.

Если Гарри не пришелъ,—значитъ, онъ не могъ придти. Жакъ Райанъ готовъ былъ скорѣе отречься отъ существованія огненныхъ женщинъ, чѣмъ повѣрить равнодушію Гарри по отношенію къ нему.

По прошествіи двухъ дней послѣ катастрофы, Жакъ Райанъ отправился, громко распѣвая, къ дебаркадеру желѣзной дороги, идущей чрезъ Глазго въ Стерлингъ и Коландеръ.

Онъ, въ ожиданіи поѣзда, занялся чтеніемъ афишъ; на одной изъ нихъ, между прочимъ, стояло:

«4 декабря, инженеръ Джемсъ Старръ изъ Эдинбурга сѣлъ въ Грантонской пристани на пароходъ «Принцъ Уэльскій». Онъ въ тотъ-же день высадился въ Стерлингъ, и съ того времени не имѣется никакихъ свѣдѣній о немъ.

Просятъ обладающаго какими либо свѣдѣніями объ этмъ, сообщить ихъ предсѣдателю «Royal Institution» въ Эдинбургѣ».

Жакъ Райанъ перечелъ нѣсколько разъ эту афишу и не могъ скрыть своего великаго изумленія.

— Г-нъ Старръ! вскрикнулъ онъ:—я же его какъ-разъ 4 декабря встрѣтилъ, въ сопровожденіи Гарри, въ Яросской шахтѣ; этому миновало уже десять дней! съ тѣхъ поръ онъ не возвращался! Неужели только этимъ можно объяснить, что Гарри не сдержалъ своего слова?

Жакъ Райанъ вскочилъ въ вагонъ, твердо рѣшившись не давать до тѣхъ поръ ни о чемъ знать предсѣдателю «Royal Institution», пока самъ не побываетъ въ коттэджѣ. Черезъ три часа, онъ высаживался на Каллапдерской станціи и направлялся къ Яроской шахтѣ.

— Неужели они такъ серьезно заняты тамъ, въ подземельи? спрашивалъ онъ себя. Жакъ Райанъ менѣе, чѣмъ черезъ часъ, былъ въ Яроской шахтѣ. Все, по внѣшнему виду, оставалось, какъ прежде; царствовала такая же глубокая тишина.

Онъ подошелъ подъ развалившуюся пристройку, покрывавшую собой отверстіе шахты, и пристально посмотрѣлъ въ это отверстіе.... но ничего не увидѣлъ; онъ прислушался—но все было тихо.

— Гдѣ-же моя лампа?! вскрикнулъ онъ. Лампа, которую Жакъ Райанъ, обыкновенно употреблялъ при посѣщеніяхъ коттэджа, всегда стояла въ углу верхней площадки лѣстницы; но, на этотъ разъ, ея не оказалась на обычномъ мѣстѣ.

— Вотъ тебѣ—на! замѣтилъ Жакъ Райанъ, начинавшій не на шутку безпокоиться.— Но я все же спущусь въ подземелье,—и съ этими словами онъ началъ спускаться по безконечнымъ лѣстницамъ.

Хотя онъ отлично зналъ и помнилъ расположеніе Дошарской шахты, однако спускался осторожно. Жакъ Райанъ считалъ каждую пройденную площадку, зная, что очутится въ самой ямѣ, перейдя тридцать площадокъ. Тамъ не трудно будетъ добраться до коттэджа, который, какъ извѣстно, былъ выстроенъ въ самомъ концѣ главной галлереи.

Жакъ Райанъ очутился уже на двадцать шестой площадкѣ; отъ дна ямы отдѣляло его только двѣсти ступенекъ.

Онъ осторожно опустилъ ногу, ища первую ступеньку двадцать седьмой площадки. Но нога его не находила никакой опоры. Жакъ Райанъ нагнулся, желая дотронуться рукою до слѣдующей площадки, но напрасно: лѣстницы не было. Понятное дѣло, что ее разрушили.

— Это штуки стараго Никка! сказалъ онъ себѣ не безъ нѣкотораго страха.

Жакъ Райанъ стоялъ въ недоумѣніи, желая проникнуть взоромъ въ эту темноту. Потомъ ему пришло въ голову, что если онъ не можетъ сойти, то и жители каменноугольной копи не могли выйти: другого никакого сообщенія не было между почвою графства и глубиною пещеры.

Если лѣстницы, ведущія въ Яроскую шахту, были разрушены со времени послѣдняго посѣщенія имъ коттэджа, то что сталось съ Симономъ Фордомъ, женою, сыномъ и инженеромъ? Продолжительное отсутствіе Джемса Старра доказывало, что онъ не покидалъ съ того времени Яроской шахты. Какимъ же путемъ доставлялась тогда провизія въ коттэджъ? Вѣдь могло случиться, что всѣ съѣстные запасы ихъ истощились, и тогда легко представить себѣ странное положеніе обитателей подземелья на 1,500 фут. подъ землею.

Все это передумалъ Жакъ Райанъ, и пришелъ, наконецъ, къ заключенію, что самъ онъ ничего не можетъ сдѣлать, чтобы сойти въ коттэджъ. Злоумышленники прекратили-ли путь сообщенія? Онъ допускалъ и эту мысль. Судьи все это разберутъ, но нужно имъ поскорѣе дать знать объ этомъ.

Жакъ Райанъ перегнулся надъ площадкой и закричалъ благимъ матомъ:

— Гарри! Гарри!

Эхо нѣсколько разъ повторило эти слова и затѣмъ умолкло въ самыхъ отдаленныхъ углахъ Яроской шахты. Жакъ Райанъ поспѣшно поднялся по верхнимъ лѣстницамъ и, черезъ нѣсколько минутъ, былъ уже на поверхности земли. Онъ не терялъ ни минуты, въ одинъ мигъ добѣжалъ до Колландерской станціи, поспѣлъ какъ-разъ на экстренный эдинбургскій поѣздъ, и въ три часа по полудни отправился къ эдинбургскому городскому головѣ.

Жакъ Райанъ разсказалъ ему все, что зналъ. Свѣдѣнія его показались совершенно правдоподобными, и объ этомъ поспѣшили увѣдомить сэра Эльфинстона, предсѣдателя «Royal Institution»—не только коллегу, но и искренняго друга Джемса Старра. Тотъ просилъ, чтобы ему разрѣшили произвести розыскъ. Для этого, ему дали нѣсколькихъ чиновниковъ, вооружившихся лампами, кирками и длинными веревочными лѣстницами; они захватили съ собой съѣстные припасы и подкрѣпляющія средства. Всѣ направились къ Аберфойльскимъ каменноугольнымъ копямъ.

Въ тотъ же вечеръ, сэръ Эльфинстонъ, Жакъ Райанъ и чиновники отправились въ Яроскую шахту и спустились по двадцати шести лѣстницамъ, до того мѣста, гдѣ долженъ былъ поневолѣ остановиться, нѣсколько часовъ тому назадъ, Жакъ Райанъ.

Зажженныя лампы, привязанныя къ длиннымъ канатамъ, были опущены въ глубину, и тогда оказалось, что послѣднія четыре лѣстницы разрушены. Никакого сомнѣнія не могло быть теперь на счетъ того, что сообщеніе между коттэджемъ и поверхностью земли было преднамѣренно прекращено.

— Чего же мы ждемъ, сударь? спросилъ нетерпѣливый Жакъ Райанъ.

— Надо, прежде всего, поднять лампы, милый мой, отвѣтилъ сэръ Эльфинстонъ;—потомъ и мы спустимся, а ты намъ укажешь дорогу.

— Въ коттэджъ! вскрикнулъ Жакъ Райанъ,—и, въ случаѣ надобности, въ самыя отдаленныя мѣста ямы.

Какъ только лампы были вытащены на площадку, чиновники прикрѣпили къ ней веревочныя лѣстницы: площадки нижнихъ лѣстницъ существовали. Жакъ Райанъ первый спустился по этимъ лѣстницамъ и первый очутился въ самомъ низу Яроской шахты. Круглое отверстіе шахты было совершенно пусто, и сэръ Эльфинстонъ немало удивился, когда Жакъ Райанъ закричалъ:

— Вотъ остатки лѣстницъ! но они полуобгорѣвшие.

— Жакъ Райанъ правъ, г. Эльфинстонъ! — вотъ тутъ совершенно остывшая зола.

— Какъ вы думаете? спросилъ Жакъ Райанъ:—имѣлъ-ли инженеръ Старръ какой-либо интересъ, чтобы уничтожить единственный путь сообщенія?

— Нѣтъ, отвѣтилъ сэръ Эльфинстонъ,—не думаю. И такъ, милый мой, веди-же насъ въ коттэджъ!—тамъ мы узнаемъ правду.

Жакъ въ недоумѣніи пожалъ плечами. Но, тѣмъ не менѣе, взявъ въ руки лампу, онъ скорымъ шагомъ провелъ всѣхъ по галереѣ въ коттэджъ. Черезъ четверть часа, они всѣ остановились передъ углубленіемъ, гдѣ помѣщался коттэджъ Симона Форда. Свѣта не было ни въ одномъ окнѣ. Жакъ бросился къ двери, которую онъ стремительно открылъ. Въ коттэджѣ никого не было, но все стояло въ большомъ порядкѣ, какъ и при Маджъ. Съѣстныхъ запасовъ было до того достаточно, что семейству Фордъ стало бы ихъ на нѣсколько дней.

Отсутствіе хозяевъ было непонятно. Однакожъ, нельзя ли было точно опредѣлить время, когда они покинули коттэджъ? Хотя въ этихъ подземныхъ сферахъ день и не смѣнялся ночью, но Маджъ обозначала въ календарѣ каждое наступающее число крестомъ.

Этотъ календарь висѣлъ въ залѣ на стѣнѣ. Послѣдній крестъ стоялъ передъ 6-мъ числомъ декабря, т. е. спустя день по прибытіи Джемса Старра, что и подтвердилъ Жакъ Райанъ; на основаніи этого, можно было заключить, что хозяева и инженеръ покинули коттэджъ десять дней тому назадъ. Неужели изслѣдованія инженера могли продлиться такъ долго? Конечно, нѣтъ.

Такого мнѣнія былъ, по крайней мѣрѣ, сэръ Эльфинстонъ. Сдѣлавши тщательный обыскъ въ коттэджѣ, онъ не зналъ, что слѣдовало предпринять дальше. Темнота была страшная, и зажженныя лампы, точно звѣзды на темномъ фонѣ, освѣщали тамъ и сямъ шахту. Вдругъ, Жакъ Райанъ закричалъ:

— Смотрите, смотрите!—и, говоря это, онъ указалъ на свѣтящуюся точку, показавшуюся въ отдаленныхъ закоулкахъ галереи.

— Друзья мои, направимся на этотъ огонь! сказалъ сэръ Эльфинстонъ.

— Это какой нибудь горный духъ! замѣтилъ Жакъ,—мы никогда не догонимъ его.

Но сэръ Эльфинстонъ и чиновники, мало склонные къ суевѣрію, бросились по направленію этого передвигавшагося огонька; Жакъ послѣдовалъ за ними. Они задались, однакожъ, не легкою работою догнать эту свѣтящуюся точку: факелъ, какъ казалось, переносился съ мѣста на мѣсто человѣкомъ небольшого роста, но очень ловкимъ и увертливымъ. Это существо поминутно скрывалось за насыпями и снова показывалось въ какой нибудь боковой галереѣ. Предсказаніе Жака осуществлялось на дѣлѣ: всѣ они, въ теченіи часа, гонялись за этимъ огонькомъ напрасно, и углубились въ юго-западную часть Дошарской шахты.

Разстояніе между блуждающимъ огонькомъ и ими начало какъ бы уменьшаться. Слѣдовало-ли это приписать усталости убѣгавшаго существа, или же просто тому, что оно хотѣло привлечь сэра Эльфинстона и его товарищей какъ-разъ къ тому мѣсту, гдѣ находились жители коттэджа? Этотъ вопросъ было трудно разрѣшить.

Чиновники ускорили шагъ; прежде—огонекъ находился на разстояніи двухъ сотъ шаговъ отъ нихъ, а теперь приблизился къ нимъ на пятьдесятъ шаговъ. Это разстояніе уменьшилось потомъ до того, что можно было даже различить, что несшій факелъ имѣлъ человѣческую форму, такъ-что Жаку пришлось отказаться отъ мнѣнія, что это было сверхъестественное существо. Онъ прибавилъ шагу и закричалъ:

— Живѣе, друзья!—онъ устаетъ; мы скоро его поймаемъ и все узнаемъ отъ него.

Но поймать его сдѣлалось еще труднѣе: въ самыхъ отдаленныхъ углубленіяхъ шахты пересѣкалось множество узкихъ туннелей; въ этомъ лабиринтѣ, факельщикъ могъ легко скрыться, для чего ему стоило только потушить свой фонарь и укрыться въ какомъ нибудь углубленіи.

— Да и въ самомъ дѣлѣ, подумалъ сэръ Эльфинстонъ,—если онъ убѣгаетъ отъ насъ, то зачѣмъ онъ не скроется?

Не успѣла мелькнуть эта мысль въ головѣ сэра Эльфинстона, какъ огонекъ исчезъ; вся же компанія приблизилась вслѣдъ затѣмъ къ узкому отверстію между шиферными скалами.

Проскользнуть черезъ это отверстіе не составляло ничего труднаго; они не прошли и ста шаговъ въ новой, болѣе широкой и высокой галереѣ, какъ вдругъ остановились. Недалеко отъ перегородки лежало на землѣ четыре тѣла, а можетъ быть — и четыре трупа.

— Джемсъ Старръ! вырвалось у сэра Эльфинстона.

— Гарри! Гарри! вскрикнулъ Жакъ Райанъ, нагнувшись къ своему пріятелю. Это, въ самомъ дѣлѣ, были инженеръ и семейство Фордъ.

Кто-то изъ нихъ приподнялся, и затѣмъ раздался голосъ старой Маджъ:

— Спасайте прежде ихъ!

Сэръ Эльфинстонъ, Жакъ и всѣ остальные захотѣли привести въ чувство инженера, Симона и Гарри, для чего и влили въ нихъ нѣсколько капель взятаго съ собою вина; имъ это удалось. Несчастные, заключенные въ Ново-Аберфойль, чуть не умерли съ голоду.

Джемсъ Старръ разсказалъ, что если съ ними этого не случилось, то только потому, что они три раза находили возлѣ себя кусокъ хлѣба и кувшинъ съ водою; подававшій имъ эту помощь ничего другого не могъ сдѣлать. Сэръ Эльфинстонъ подумалъ, не дѣло ли это того недосягаемаго блуждающаго огонька, который привлекъ и ихъ къ самому этому мѣсту? Какъ-бы тамъ ни было, но инженеръ, Маджъ, Симонъ и Гарри Фордъ были спасены и приведены въ коттэджъ.

Джемсъ Старръ и товарищи его не могли отыскать отверстія галереи потому, что это отверстіе было заставлено камнями, положенными одинъ на другой; но такъ-какъ они очутились въ совершенной темнотѣ, то и не могли узнать, въ чемъ дѣло, и раздвинуть камней.

И такъ, въ то самое время, какъ они изслѣдовали подземную пещеру, всякое сообщеніе между старой и новой Аберфойльской копью было преднамѣренно прервано рукою злоумышленниковъ.

XIII.

По прошествіи трехъ лѣтъ послѣ только-что разсказанныхъ нами событій, проводники Жоанъ и Мюррэ особенно рекомендовали многочисленнымъ туристамъ, ѣздившимъ по графству Стерлингъ, осмотрѣть Ново-Аберфойльскую копь.

Нигдѣ, ни въ какомъ государствѣ нельзя было встрѣтить ничего болѣе рѣдкаго по своему устройству.

Посѣтитель переносился въ ея глубину безъ устали и безъ опасности. Въ 7 миляхъ на юго-западъ отъ Колландера былъ проведенъ наклонный туннель; у входа въ него были устроены зубчатыя, съ бойницами, башни. Этотъ, слегка наклоненный, туннель подходилъ какъ-разъ подъ замѣчательную естественную пещеру, описанную нами въ одной изъ предъидущихъ главъ. Въ немъ были проложены двойные рельсы, по которымъ вагоны приводились въ движеніе гидравлическою силою; поѣзды ходили по нимъ туда и обратно черезъ каждый часъ, доставляя все необходимое жителямъ образовавшейся тамъ подпольной деревни, названной громкимъ именемъ «Угольнаго города».

Въ «Угольномъ городѣ» электричество играло одну изъ самыхъ важныхъ ролей; оно служило проводникомъ теплоты и свѣта. Хотя и много было тамъ вентиляціонныхъ шахтъ, но сквозь нихъ проникало слишкомъ мало свѣта, чтобы освѣтить глубокую тьму Ново-Аберфойля. Это подземелье, однако, ярко освѣщалось посредствомъ многочисленныхъ электрическихъ круговъ, замѣнявшихъ собою солнечный дискъ. Такія электрическія солнца и звѣзды были подвѣшены, во внутреннихъ выгибахъ сводовъ, къ естественнымъ столбамъ, въ которыхъ проходилъ электро-магнитный токъ, сильно освѣщавшій подземелье. Когда наступало время отдыха, то, посредствомъ машины, гасился весь огонь и наступалъ глубокій мракъ.

Всѣ эти приспособленныя и усовершенствованныя машины дѣйствовали какъ бы въ пустомъ пространствѣ, т. е. они совсѣмъ не сообщались съ окружающимъ воздухомъ: если бы въ немъ накопилось достаточное количество взрывчатаго рудничнаго газа, то и тогда взрыва не произошло бы. Электричество играло важную роль не только въ промышленной и домашней жизни «Угольнаго города», но и во всѣхъ Ново-Аберфойльскихъ галереяхъ.

Здѣсь кстати сказать, что предсказанія инженера Старра на счетъ богатства этой залежи совершенно оправдались. Разработка ея началась съ западной стороны, на разстояніи четверти мили отъ «Угольнаго города», находившагося въ центрѣ раскопокъ. Внутреннія раскопки имѣли прямое сообщеніе съ внѣшними посредствомъ вентиляторовъ и отверстій, черезъ которые доставлялся уголь на поверхность. Туннель, гдѣ проходила желѣзная дорога, служилъ только для перевозки жителей и для доставленія нужныхъ вещей.

Читатели, вѣроятно, хорошо помнятъ, какъ странно была устроена эта обширная пещера, въ которой инженеръ и его товарищи оставались заточеными въ теченіи десяти дней. Надъ ихъ головами простирался сводъ въ готическомъ стилѣ; столбы, поддерживавшіе его, сливались съ шиферным слоемъ на высотѣ трехъ сотъ футовъ, — высотѣ, почти равняющейся вышинѣ «Мамонтова Свода» кентукскихъ пещеръ. Всѣмъ извѣстно, что Мамонтова пещера одна изъ величайшихъ во всей Америкѣ и можетъ вмѣстить въ себѣ пять тысячъ человѣкъ. Ново-Аберфойльская пещера была такихъ же точно размѣровъ и одинаковаго расположенія; здѣсь, вмѣсто чудесныхъ сталактитовъ, взоръ приковывался къ камменноугольнымъ наростамъ, покрывавшимъ собою всѣ шиферныя стѣны и походившимъ на кругловыпуклый стеклярусъ, на которомъ отражался электрическій свѣтъ.

Подъ этимъ сводомъ находилось озеро, равное по величинѣ Мертвому морю «Мамонтовой пещеры», — озеро, въ прозрачныхъ водахъ котораго жило множество безглазыхъ рыбъ, и которое было названо инженеромъ «Малькольмскимъ озеромъ». Симонъ Фордъ именно здѣсь построилъ себѣ коттэджъ и ни за что не согласился бы промѣнять его на лучшіе эдинбургскіе отели. Этотъ коттэджъ былъ выстроенъ какъ-разъ на берегу озера, на которое открывался видъ изъ пяти оконъ.

Черезъ два мѣсяца былъ построенъ, по сосѣдству съ жилищемъ Симона, другой коттэджъ, въ которомъ поселился Джемсъ Старръ. Инженеръ всецѣло отдался Ново-Аберфойльскимъ залежамъ; онъ отправлялся на поверхность земли только въ крайнихъ случаяхъ.

Едва открылись эти новыя залежи, какъ рудокопы старой копи поспѣшили бросить плугъ и борону и принялись опять за кирку и ломъ. Увѣрившись, что не окажется недостатка въ работѣ, и увлекшись высокою платою за разработку, они всѣ переселились въ самую копь.

Выстроенные изъ кирпича домики рудокоповъ расположились довольно живописно по берегамъ Малькольмскаго озера и на высотахъ скалъ. Работники, занимавшіеся ломкою скалъ и перевозкою угля, смотрители за работами, столяры, сторожа и пересыпщики, — все это переселилось въ самую глубину Ново-Аберфойля и основало «Угольный городъ», выстроившійся подъ восточною частью озера Кэтринъ, лежавшаго въ сѣверной части графства Стерлингъ.

На берегахъ Малькольмскаго озера образовалась точно фламандская деревня. Въ честь Св. Жайльсъ (Saint-Gilles) была выстроена какъ-разъ надъ самымъ озеромъ, на высокой скалѣ, часовня.

Само собой разумѣется, что жители «Угольнаго города» были въ правѣ гордиться мѣстомъ своего жительства; они изрѣдка выѣзжали изъ своей деревни, подражая въ этомъ Симону Форду, никогда не покидавшему копи. Старый надсмотрщикъ составилъ себѣ такое мнѣніе, что тамъ, наверху, постоянно идетъ дождь, и если принять во вниманіе, что все это происходило въ соединенныхъ королевствахъ, то онъ не совсѣмъ былъ неправъ. Ново-Аберфойльское населеніе, такимъ образомъ, благоденствовало. Оно, въ три года, устроило свою жизнь такъ комфортабельно, что объ этомъ ему никогда нельзя было и думать, живя на поверхности земли. Много дѣтей, родившихся въ подземельи, не дышало еще земнымъ воздухомъ.

Жакъ первый откликнулся на зовъ инженера. Мельрозская ферма лишилась своего пѣвца и музыканта; но звонкія пѣсни его, тѣмъ не менѣе, раздавались въ Ново-Аберфойльскихъ копяхъ. Онъ поселился въ новомъ коттэджѣ Симона Фордъ; ему предложили комнатку, и онъ безъ церемоніи принялъ приглашеніе. Старая Маджъ любила его за добрый нравъ и хорошій характеръ. Она также вѣрила въ привидѣнія и въ существованіе духовъ, и, оставаясь наединѣ съ нимъ, разсказывала ему разныя легенды. Жакъ и въ самомъ дѣлѣ былъ хорошій малый и трудолюбивый работникъ; по прошествіи шести мѣсяцевъ по возобновленіи работъ, онъ былъ поставленъ во главѣ отряда рабочихъ, работавшихъ внутри копи.

— Вы сдѣлали хорошую находку, г. Фордъ, говорилъ Жакъ; — для этого можно было даже быть на краю смерти.

— Еще бы! отвѣтилъ Симонъ; — но ни г. Старръ, ни я — мы никогда не забудемъ, что обязаны тебѣ жизнью.

— Мнѣ кажется, что скорѣе Гарри, чѣмъ мнѣ, — потому что вѣдь онъ пообѣщалъ мнѣ придти на Ирвинскій праздникъ...

Да ну, полно, Жакъ, замѣтилъ Гарри, пожимая руку пріятеля: — мы всѣ обязаны тебѣ; ты едва оправился отъ ушиба, какъ уже, не теряя ни часу, ни даже минуты, отправился къ намъ въ коттэджъ.

— Это все такъ; но скажу только то, что безъ того невидимаго горнаго духа....

— Ну, слава Богу! вскичалъ Симонъ Фордъ, — мы обязаны горному духу!

— Да, горному духу, сыну феи, повторялъ Жакъ Райанъ, — внуку огненной женщины, Уриску... словомъ, кому хотите. Вѣрно только то, что мы безъ него никогда не пришли бы въ галлерею, откуда вы не могли выйти.

— Конечно, Жакъ, сказалъ Гарри. — Остается только доказать, въ самомъ-ли дѣлѣ это — сверхъестественное существо, какъ тебѣ угодно предполагать.

— Въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія! Это существо можно смѣло сравнить съ блуждающимъ огонькомъ, или съ сильфомъ, пропадающимъ, какъ тѣнь. Повѣрь Гарри, оно когда нибудь еще появится.

— Какъ-бы тамъ ни было, Жакъ, но его надо непремѣнно отыскать, и ты намъ долженъ помочь въ этомъ.

— Вы берете на себя трудную задачу, г. Фордъ.

— Ничего, ничего, Жакъ!

Легко представить себѣ, что Ново-Аберфойльская копь скоро сдѣлалась отлично знакома всей семьѣ Фордъ и въ особенности Гарри: онъ изучилъ всѣ, даже самые потайные ея ходы, до того, что могъ опредѣлить, какому мѣсту на поверхности земли соотвѣтствовало то или другое мѣсто въ подземельи. Онъ зналъ, что надъ такою-то жилою простиралось озеро Ломондъ, а надъ такою-то — озеро Кэтринъ; что такіе-то столбы служили поддержкою или опорою Грампіанской цѣпи горъ, такой-то сводъ былъ фундаментомъ Дембартока; что надъ большимъ прудомъ проходила Боллохская желѣзная дорога, а тамъ уже кончался шотландскій берегъ и начиналось море; шумъ его волнъ, въ бурную погоду, доходилъ въ подземелье.

Да и какъ любилъ Гарри Ново-Аберфойль! Какъ часто заходилъ онъ въ самую глубь копи, съ привязанною къ шляпѣ лампою! Онъ изслѣдовалъ пруды, искусно управляя лодочкою, и охотился за птицами, которыя появились въ пещерѣ; между ними были бекассины и черныя утки, питавшіяся рыбою, которою изобиловали темные воды озеръ и прудовъ. Глаза Гарри были какъ бы нарочно созданы для темныхъ пространствъ, также точно, какъ глаза моряка — для дальнихъ предметовъ.

Во всѣхъ своихъ прогулкахъ, Гарри не терялъ надежды поймать то таинственное существо, которому онъ обязанъ былъ спасеніемъ своей жизни, равно какъ и всей семьи; онъ вѣрилъ, что ему это удастся, хотя до сихъ поръ ничто и не оправдывало такихъ надеждъ.

На семейство Фордъ никто теперь уже не покушался.

Очень ошибся бы тотъ, кто вообразилъ бы, что въ Ново-Аберфойльскихъ копяхъ все было мрачно и однообразно. Отнюдь нѣтъ. Населеніе имѣло одни и тѣ же интересы, одни и тѣ же вкусы, и потому затѣвались разныя увеселенія. Каждый зналъ другъ друга, довольствовался обществомъ подземелья и не скучалъ по землѣ.

Притомъ, каждое воскресенье предпринимались прогулки по копи, катанья по озеру и прудамъ. На берегу Малькольмскаго озера часто раздавались звуки волынки. Шотландцы сбѣгались на звуки своего національнаго музыкальнаго инструмента; начиналась пляска, и Жакъ Райанъ, одѣтый въ національный костюмъ, былъ царемъ праздника.

Симонъ Фордъ до того увлекался, что увѣрялъ даже, будто «Угольный городъ» могъ уже соперничать съ столицею Шотландіи, подверженной атмосфернымъ невзгодамъ, зимнимъ стужамъ и лѣтнему зною,—гдѣ воздухъ былъ пропитанъ дымомъ многочисленныхъ заводовъ и совершенно оправдывалъ данное ей прозвище «Старой коптилки». *)

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

* * *

(**Романсъ.**)

Ты пѣла, и чудные звуки
Мнѣ въ душу зерномъ западали,
Гдѣ въ чудно-прекрасныя грёзы
Они выростали!

Всѣ горькія, мрачныя думы,
Что сердце и умъ волновали —
Тѣ звуки, мнѣ падая въ душу,
Собой вытѣсняли!

Они только теплыя чувства
Въ остывшей душѣ пробуждали,
Они только свѣтлыя мысли
Въ умѣ зарождали!

Ты смолкла, но чудные звуки
Жить долго во мнѣ продолжали,
И долго отвагой и счастьемъ
Мой духъ наполняли!

А. Алѣевъ.

Мимолетные наброски.

(**Фельетонъ.**)

Необходимая оговорка. — Торжество въ Александрійской школѣ и поэзія ея воспитанницъ. — Будущій корреспондентъ моей газеты. — Г. Немировичъ-Данченко и румынскіе быки.—Современная басня.

При первомъ знакомствѣ съ тобой, читатель, я забылъ сдѣлать одну маленькую оговорку: мнѣ слѣдовало предупредить тебя, что твой покорный слуга отнюдь не намѣренъ держаться рутиннаго пріема своихъ многочисленныхъ собратій по фельетону. Объяснимся. Дѣло въ томъ, что обыденная жизнь, рядомъ съ крупными, выдающимися фактами, даетъ намъ еще цѣлую массу крайне мелкихъ явленій, незаслуживающихъ, повидимому, никакого вниманія. Но такъ-ли это, полно? Дѣйствительно-ли эти мелкія явленія не стоютъ нашего вниманія, да и можно-ли, вообще, какой бы то ни было жизненный фактъ окрестить названіемъ «мелкаго»? Я такъ не думаю. Мнѣ, напротивъ, сдается, что именно въ этихъ-то мелкихъ фактахъ общественной жизни и заключается вся ея суть. Постараюсь уяснить тебѣ мою мысль примѣромъ. Когда я хвораю, положимъ, тифозной горячкой—это фактъ для меня выдающійся; но когда, вспотѣвши, я выпилъ стаканъ холодной воды, вызвавшій у меня развитіе подобной болѣзни—это явленіе мелкое, о которомъ, пожалуй, мнѣ даже не придется и вспомнить. Если такое положеніе для тебя ясно, то ты безъ труда поймешь, что я хочу сказать. А я хочу сказать, что большинство фельетонистовъ набрасывается именно на крупные факты, оставляя безъ вниманія мелкіе. Нѣтъ ничего мудренаго, что противоположный пріемъ далеко не угодитъ тебѣ, но я все-таки намѣренъ слѣдовать ему неуклонно, какъ только представится къ тому подходящій случай. Теперь такой случай какъ-разъ на лицо, и нельзя имъ не воспользоваться. Вотъ что сообщаетъ, между прочимъ, «Петербургская Газета»:

«Въ воскресенье, 29 мая, въ купеческой для дѣвицъ Александрійской школѣ, что при домѣ призрѣнія престарѣлыхъ и увѣчныхъ гражданъ, въ Ямской, близь Волковскаго кладбища, происходилъ выпускъ воспитанницъ, достигшихъ 16-лѣтняго возраста, въ числѣ 28. Послѣ божественной литургіи и напутственнаго молебствія въ церкви дома призрѣнія, въ залѣ школы дѣвицъ былъ прочитанъ актъ, въ присутствіи членовъ купеческой управы, Воденикова, Попова и Эзелева, послѣ чего дѣвицы пропѣли слѣдующую «прощальную пѣснь»:

Покидая невозратно
Нашу пристань, нашъ покровъ,
Гдѣ насъ грѣла благодатно
Солнца нашего любовь,
Мы со страхомъ на волненье
Смотримъ вдаль, куда идти;
О, прими насъ, Провидѣнье,
Будь вожатый намъ въ пути!
Вознесемся-жъ мы съ молитвой къ Милосердному творцу,
Съ благодарною хвалою воздадимъ Ему хвалу:
Ты младенческому гласу, милосердый Богъ, внемли!
Храни благодѣтелей Ты нашихъ,
Сохрани для насъ ихъ дни:»

Газета прибавляетъ: «Въ публикѣ, присутствовавшей на этомъ актѣ, многіе соболѣзновали, что достопочтенный предсѣдатель комитета, г. Новинскій, не осчастливилъ своимъ присутствіемъ такое знаменательное событіе Александрійской школы».

Для большинства читающей публики, подобное «событіе» представляетъ, въ сущности, очень маленькій фактъ, даже явленіе чуть-ли не домашнее — и только. Мы, однакожъ, попробуемъ, читатель, отнестись къ нему нѣсколько серьезно. Прежде всего, самъ собою рождается вопросъ: кто сочинилъ для «шестнадцатилѣтнихъ» дѣвицъ такую нескладную и безтолковую «прощальную пѣснь»? Сперва, признаюсь, я погрѣшилъ-было на г. Новинскаго: должно быть, молъ, потому-то онъ и «не осчастливилъ событія», что вздумалъ подшутить надъ нимъ юмористическими виршами. Но, по зрѣломъ размышленіи, мнѣ пришлось выкинуть изъ головы эту догадку. Тогда я ударился въ другую крайность: я предположилъ, что «съ благодарною хвалою воздали хвалу» сами «шестнадцатилѣтнія» дѣвицы, или, по крайней мѣрѣ, одна изъ нихъ. Въ такомъ случаѣ, мнѣ оставалось только «со страхомъ на волненье смотрѣть вдаль» и думать: чему уже учили въ школѣ этихъ дѣвицъ, и слѣдовало-ли торжествовать ихъ выходъ изъ-подъ «покрова» въ жизнь, гдѣ, конечно, онѣ уже не будутъ «согрѣты любовью ихняго солнца» за подобное младенческое ўпражненіе въ виршахъ? Но въ силу того, что я всегда стою на сторонѣ молодого поколѣнія и всѣ его вины возлагаю на старшихъ, мнѣ и эту догадку хотѣлось бы выбросить вонъ. Такъ назовите-же намъ, пожайлуста, гг. представители Александрійской школы, настоящаго творца «прощальной пѣсни», котораго я считаю вполнѣ достойнымъ моимъ соперникомъ... по юмористическому пріему. Не отрицаю, что, въ дѣтствѣ, и мнѣ случилось подносить поздравительные стишки... бабушкѣ; но я помню также, что ихъ тщательно, бывало, редактировали мои домашніе, чтобы не сконфузить будущаго *веселаго поэта*; притомъ же, я никогда не рискнулъ бы и самъ читать ихъ публично. Мы, писатели, часто удивляемся той огромной массѣ бездарныхъ и нелѣпыхъ стиховъ, какою постоянно бываетъ запружена любая изъ нашихъ редакцій; но что же въ томъ мудренаго, если иная школа, не съумѣвъ выучить своихъ питомцевъ даже толкомъ владѣть русскимъ языкомъ, торжественно поощряетъ, въ то же время, ихъ дѣтское бумагомаранье. Безъ шутокъ, я нисколько не удивлюсь, когда одна изъ названныхъ «шестнадцатилѣтнихъ» дѣвицъ принесетъ къ намъ въ редакцію свои стихи и «младенческимъ гласомъ» попроситъ напечатать ихъ... О, гг. Водениковъ, Поповъ и Эзелевъ! не можете-ли хоть вы удержать дѣвицъ отъ такого безполезнаго моціона?

Но я постараюсь сейчасъ утѣшить васъ, г-жи бывшія воспитанницы Александрійской школы: не однѣ вы способны являться передъ публикой съ чѣмъ попало, — есть у насъ и такіе писатели. Вы навѣрно расхохочетесь до слезъ, какъ и мой читатель, когда я познакомлю васъ съ слѣдующей выдержкой изъ корреспонденціи г. Немировича-Данченко:

«Часа черезъ два мы были въ Пьетро—новая бѣда, поѣздъ только что ушелъ. Въ станціонномъ домѣ помѣщеній нѣтъ — оставайтесь подъ открытымъ небомъ.

— А это у васъ что такое? Обращаемся мы къ начальнику станціи, указывая на длинный рядъ товарныхъ вагоновъ.

— Быковъ въ Крайову посылаемъ.

— Пустыхъ вагоновъ нѣтъ?

Нѣтъ... Въ одномъ довольно свободно, два быка тамъ—только.

— Чего же лучше... Позвольте намъ помѣститься съ ними.

— Вы шутите... Помилуйте, какое же это общество для васъ! зарапортовался смущенный румынъ.

— Нѣтъ, серьезно... А общество—ничѣмъ не хуже всякаго другого!...

— Да вѣдь вамъ будетъ неудобно.

— Это уже не ваше дѣло... Доѣдемъ кое-какъ.

— Я не знаю, какъ это сдѣлать... Какую съ васъ плату взять... Въ товарные поѣзды мы съ вѣса беремъ.

— Мы заплатимъ за третій классъ.

Сказано, сдѣлано. Къ общей потѣхѣ кондукторовъ, желѣзно-дорожной администраціи и прислуги—маленькое общество корреспондентовъ русскихъ газетъ помѣстилось въ вагонъ съ двумя быками и однимъ козломъ, порывавшимся къ намъ. Мы солидно и серьезно смотрѣли въ глаза быкамъ, столь же сосредоточенно и внимательно оглядывавшимъ насъ. Взаимно представлены мы не были и поэтому вѣроятно, можно сказать, быки не рѣшились сразу заговорить съ нами. Неловкое молчаніе это продолжалось всю станцію. Одинъ изъ насъ преспокойно спалъ, другой, распластавшись на животѣ и не обращая вниманія на тряску поѣзда, набрасывалъ что-то въ записную книжку, третій завелъ съ козломъ родъ партизанской войны, къ стыду человѣчества окончившейся полною побѣдою козла. Намъ было очень весело. Особенно смѣшили насъ глупо удивленные глаза быковъ и шовинизмъ козла, нѣтъ—нѣтъ да и пытавшагося боднуть четырехъ туристовъ изъ-за своей перекладины... Тѣмъ не менѣе, сближенія съ быками не послѣдовало...

---

*) Старый Эдинбургъ называется «Auld-Reeky».

Не знаю, какъ ты, читатель, а меня просто восторгъ беретъ отъ этой пикантной сценки. Необходимо замѣтить, впрочемъ, что я нѣсколько поскупился: она растянута въ оригиналѣ еще на половину столбца слишкомъ; но хорошенькаго, говорятъ, понемножку... Когда у меня будетъ своя газета, я первымъ долгомъ приглашу къ себѣ г. Немировича-Данченко.

— Достопочтеннѣйшій! скажу я ему, — я только что началъ издавать газету, и средства мои пока весьма ограничены. Мнѣ нуженъ корреспондентъ... не взыскательный. Конечно, всѣ дорожнія издержки на мой счетъ, но... какъ бы это вамъ лучше сказать?... но... въ видахъ сохраненія моихъ интересовъ... позвольте мнѣ свѣсить васъ и отправить... въ одномъ вагонѣ съ животными. Мнѣ помнится, что вы нашли однажды, что подобное общество для васъ «ничѣмъ не хуже всякаго другого»...

И я впередъ увѣренъ, читатель, что г. Немировичъ-Данченко весьма охотно приметъ мое предложеніе. Но долго еще придется ждать, пока у меня будетъ собственная газета. Поэтому, въ данную минуту, я хочу вознаградить моего будущаго сотрудника, по крайней мѣрѣ, стихами.

Быки и литераторъ.

Современная басня.

Посвящается г. Немировичу-Данченко.

Въ вагонѣ какъ-то разъ въ Крайову
Везли румыскихъ двухъ быковъ —
Конечно, безъ коровъ:
Вѣдь всѣмъ извѣстно, что корову
Обидѣть можетъ быкъ, —
Начнетъ еще бодаться!
Но человѣкъ къ всему привыкъ,
Такъ не быковъ ему бояться.
Сказать навѣрно не могу,
По этой иль другой причинѣ—
Съ быками ѣхалъ (я не лгу),
На зло приличью и рутинѣ
Какой-то путникъ молодой
Съ биноклемъ, съ книжкой записной.
Онъ былъ, какъ дома, въ томъ вагонѣ
И всю дорогу хохоталъ.

«Кто можетъ быть сей либералъ?»
Мычали росшіе въ загонѣ
Всю жизнь румынскіе быки
Другъ другу... на ухо, понятно:
Вѣдь тоже, бестіямъ, пріятно,
Что и они не дураки...
Когда же поѣздъ прибылъ къ цѣли—
Какъ ни стѣснялъ ихъ этикетъ,
Быки спросить не утерпѣли:
«Кто вы, таинственный сосѣдъ?»
— Я литераторъ! былъ отвѣтъ.

Смыслъ этой басни очень ясенъ:
Широкъ міръ Божій и прекрасенъ—
И съ легкой Данченко руки,
При точкѣ зрѣнія извѣстной,
Въ немъ могутъ ѣхать въ дружбѣ тѣсной
И литераторъ, и быки.

Теперь... Но нѣтъ! рѣшительно, читатель, я не въ состояніи сегодня бесѣдовать съ тобою дольше: ужъ очень меня смѣхъ разбираетъ...

Веселый поэтъ

Письма изъ Америки

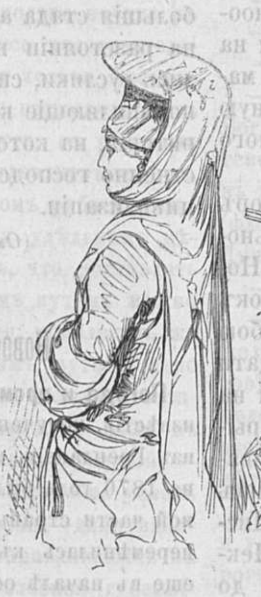
I.

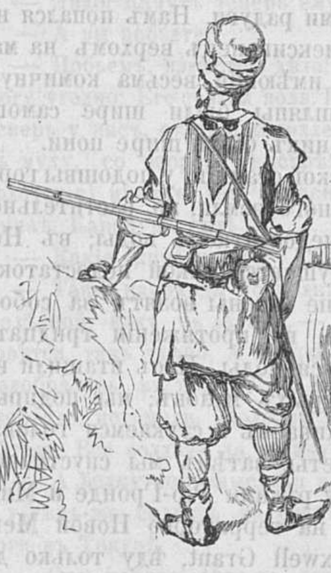
Пуэбло, Колорадо.

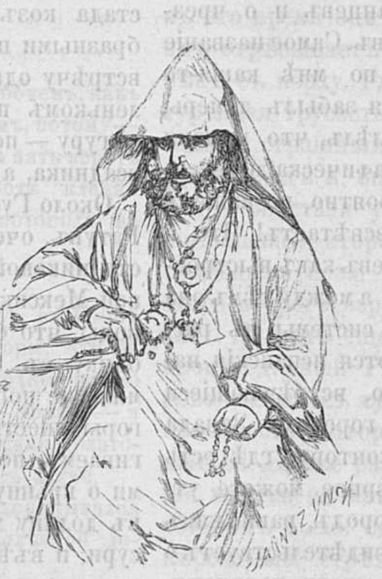
Путешествуя по Новой Мексикѣ, я счелъ не лишнимъ сообщить нѣкоторыя свои замѣтки объ этой странѣ, такъ какъ въ Европѣ вообще о ней почти ничего не знаютъ. Границы Новой Мексики въ послѣднее время такъ часто измѣнялись, что старые американскіе путешественники не могутъ ихъ точно опредѣлить. Она образовала изъ себя территорію только съ 1850 г., отъ нея отдѣлился въ сѣверной ея части цѣлый градусъ широты, который присоединили къ Колорадо, часть сѣверозападнаго угла присоединились къ Невадѣ, а вся территорія Аризона отдѣлилась съ запада Новой Мексики; такъ что Новая Мексика простирается на триста миль въ ширину, а въ длину больше.

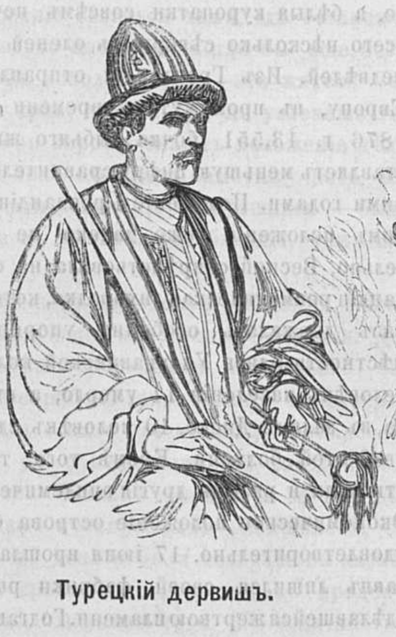
Самая удобная дорога въ Новую Мексику чрезъ Пуэбло къ Эль-Маро пролегаетъ между Денверомъ и Ріо-Гранде, оставляя въ сторо-

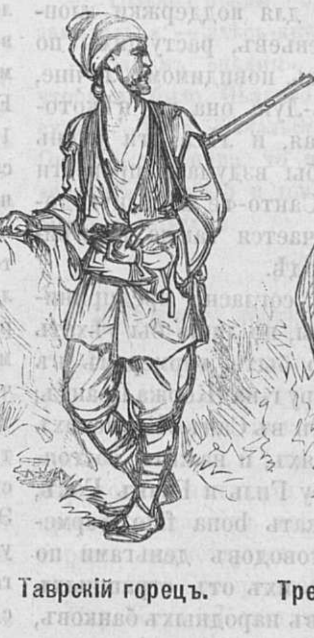
ВОСТОЧНЫЯ ТИПЫ.

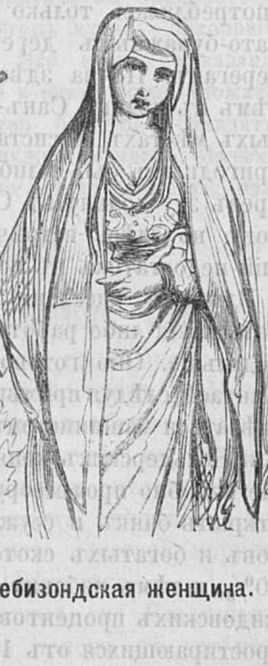

Курдская женщина.

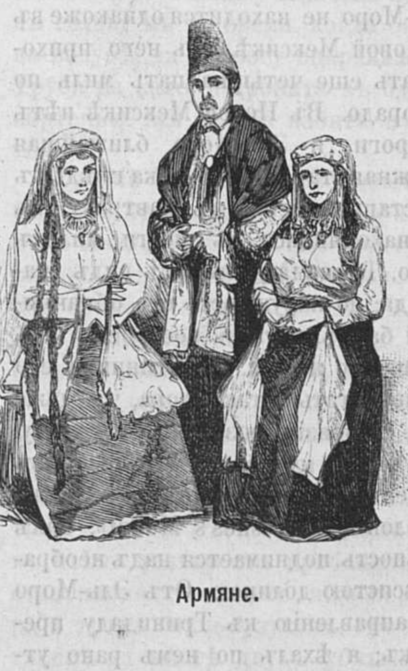

Кара-гиссарскій армянинъ.


Армянскій священникъ.


Турецкій дервишъ.


Таврскій горецъ.


Требизондская женщина.


Армяне.

нѣ 106 миль степей, и проходя по каменноугольнымъ залежамъ. Мнѣ хотѣлось проѣхать въ Санта-фэ, чрезъ Барло и станцію Сандерсонъ, а на возвратномъ пути заѣхать въ «Maxwell Grant» содержащій въ себѣ 2,000,000 акровъ, и купленныхъ г-мъ Максуеллемъ или его предшественниками за 60,000 ф. ст., отъ лица, пользовавшагося этою землею на основаніи грамоты, пожалованной испанскимъ правительствомъ,—правительство Соединенныхъ Штатовъ признаетъ всѣ такія права. И такъ я простился съ почтеннымъ другомъ своимъ, г. Стрэйтъ,—оказавшимъ мнѣ столько вниманія во время моей болѣзни въ большой центральной гостинницѣ въ Пуэбло— въ 9 ч. утра 23 окт. и проснулся рано утромъ въ Эль-Моро. Что за прелестный городокъ Эль-Моро! На счетъ каждой улицы и каждаго даже камня есть своя легенда, передающая о жестокости испанцевъ и о чрезмѣрномъ терпѣніи индійцевъ. Самое названіе «Эль-Моро» возбуждаетъ во мнѣ какія-то давнишнія воспоминанія,—я забылъ теперь, что оно означаетъ; я пожалѣлъ, что у меня не было подъ рукою географическаго лексикона, но и въ немъ я, вѣроятно, не нашелъ бы нужныхъ свѣдѣній. Разсвѣтаетъ! Что я вижу? Нѣтъ и шести мѣсяцевъ какъ выстроена новѣйшая часть города, а между тѣмъ она не представляетъ никакой системы въ распредѣленіи. Вездѣ попадаются испанскія названія. Чикъ, Броунъ и Ко, встрѣчающіеся во всѣхъ коммерческихъ городахъ Запада имѣютъ даже здѣсь свою контору; гдѣ есть такая контора, то вы навѣрное можете утверждать, что это новый городъ, равно какъ вывѣска Берингъ Брасъ, свидѣтельствуетъ о его древности, На каждомъ шагу попадаются крытые вагоны; Ріо-Гранде—главный путь сообщенія, онъ перевозитъ всѣ товары Новой Мексики на новую желѣзнодорожную станцію. Эль-Моро не находится однакоже въ настоящей Новой Мексикѣ, отъ него приходится проѣхать еще четырнадцать миль по южному Колорадо. Въ Новой Мексикѣ нѣтъ желѣзной дороги, и Эль-Моро ближайшая желѣзнодорожная станція. Четверка гнѣдыхъ лошадей доставила меня къ завтраку, въ Тринидадъ, находящійся въ шести миляхъ отъ Эль-Моро. Тринидадъ имѣетъ видъ стариннаго города; но наружность его обманчива; народный банкъ, хотя и построенъ изъ глины, совершенно новый, а гостинница его «Соединенные Штаты», такъ нова, что даже не кончена. Провизія возится по городу, упряжью въ восемь муловъ, нѣкоторые изъ нихъ совершенно молочнаго цвѣта, а также въ десять воловъ, и «Fishes's Mount», какъ большая крѣпость поднимается надъ необработанною, лѣсистою долиною. Отъ Эль-Моро тянется по направленію къ Тринидаду прекрасный паркъ; я ѣхалъ по немъ рано утромъ и солнце освѣщало его такъ, что я давно не видѣлъ такого красиваго вида, въ концѣ парка начинается высокая гора. Завтракъ конченъ; экипажъ подъѣхалъ къ гостинницѣ, и увы! четверку гнѣдыхъ лошадей замѣнили шестью мулами, и докучливый коммисіонеръ гостинницы пристаетъ ко мнѣ, чтобы я непремѣнно занялъ мѣсто внутри кареты. Я протестовалъ, но напрасно; онъ повторялъ: «что, если кто займетъ мѣсто на верху, то этимъ прибавится значительная тяжесть». Я согласился, воображая, что дорога можетъ быть очень скверная, но не тутъ-то было! не успѣли мы выѣхать изъ города, какъ два любимца кучера отправились на верхъ; я же въ обществѣ одного нѣмца, его жены и двухъ дѣтей остался внутри кареты, изъ которой могъ слѣдить за одной стороной дороги. Я проѣхалъ, сидя въ каретѣ, тридцать три мили, доѣхалъ только до Maxwell Grant, воротился въ тотъ же вечеръ въ Тринидадъ и къ счастью сидѣлъ на козлахъ, такъ что, на обратномъ пути, осмотрѣлъ the Ratoon range и очертанія горъ. Мнѣ пришлось дѣлать свои замѣтки на возвратномъ пути.

За Тринидадомъ, тянутся по лѣвую руку утесистыя горы, покрытыя до самой подошвы снѣгомъ; у самаго прохода подымались «испанскіе пики», точно исполинскія сахарныя головы и открывали видъ на Ла-Вета.

Спутникъ мой увѣрилъ меня, что на плоскогоріяхъ Новой Мексики пропасть золотого песку, но что его не добываютъ за недостаткомъ воды. По дорогѣ паслись большія стада козъ, отличающихся самыми разнообразными цвѣтами радуги. Намъ попался на встрѣчу одинъ мексиканецъ верхомъ на маленькомъ пони, имѣющій весьма комичную фигуру — поля шляпы были шире самого всадника, а всадникъ былъ шире пони.

Около Густонской станціи, у подошвы горъ Ратунъ, очень много земли, но растительности никакой за недостаткомъ воды; въ Новой Мексикѣ ощущается такой недостатокъ воды, что большіе вагоны возятъ за собою бочку съ водою; на протяженіи тридцати миль не попадается воды. Насъ втащили на горы шесть бодрыхъ муловъ; мы подпрыгиваемъ, подскакиваемъ и стукаемся головами о крышу кареты; затѣмъ мы спустились въ долину между рѣками Ріо-Гронде и Миссури, и въѣхали на территорію Новой Мексики чрезъ Maxwell Grant, ѣду только до Красной Рѣки, предназначенной какъ бы для орошенія всей по сосѣдству лежащей мѣстности, чего я однакоже не замѣтилъ, и она употреблялась только для поддержки хлопчато-бумажныхъ деревьевъ, растущихъ по берегамъ. Почва здѣсь, повидимому, лучше, чѣмъ въ долинѣ Санъ-Луи; она въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лѣсистая, и лѣса эти очень пригодились бы, еслибы вздумали провести чрезъ эту долину въ Санто-фе желѣзную дорогу; но здѣсь встрѣчается также полнѣйшій недостатокъ въ водѣ.

Здѣшнее населеніе согласно предпринимать какія либо работы, но лишь бы уѣхать подальше. Оно готово быть фермеромъ въ Кантасѣ, слѣдуя примѣру г-на Жоржа Грантъ; сдѣлаться машинистомъ въ Санъ-Жуанскихъ или Больдерскихъ копяхъ, и нажить состояніе подобно профессору Гиль и Блакъ Гокъ, открыть банкъ и ссужать bona fide фермеровъ и богатыхъ скотоводовъ деньгами по 10%, и тѣмъ избавить ихъ отъ страшныхъ жидовскихъ процентовъ народныхъ банковъ, простирающихся отъ 18 до 25%. Но англичане неохотно пускаются въ этого рода сдѣлки: они скорѣе покупаютъ копь, платятъ за нее десять разъ больше ея стоимости, и покупаютъ не отъ самого владѣльца, а чрезъ подпольныхъ агентовъ; они берутъ на себя орошеніе территоріи горнымъ ручьемъ.

Тѣмъ не менѣе англійскія предпріятія, затѣянныя цѣлымъ обществомъ капиталистовъ, здѣсь никогда не удаются, между тѣмъ какъ личныя попытки капиталистовъ увѣнчиваются всегда почти успѣхомъ. По берегамъ Красной рѣки живутъ англійскіе переселенцы и совершенно благоденствуютъ; г-нъ Адамсъ, почтмейстеръ Клифтона, назвалъ намъ въ числѣ такихъ гг. Миллеръ, Мареланъ, Исаака Денби, Гардингъ и Клетронъ.

На возвратномъ пути въ Тринидадъ, мы увидѣли очень красивую рысь. Кучеръ нашъ, проѣхавшій по южной части Аризоны, говоритъ, что на этой территоріи скотоводство можетъ разводиться съ большимъ успѣхомъ чѣмъ въ Колорадо; тамъ снѣжныя мятели бываютъ рѣже и иногда не бываютъ во время стрижки и рожденія ягнятъ, но вода должна была быть проведена по глинистой почвѣ на разстояніи 200 или 300 фут. Въ Новой Мексикѣ и Аризонѣ бываютъ превосходные урожаи въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ введена система орошенія; испанцы нашли въ Пуэбло индійцевъ, воздѣлывавшихъ землю при введеной системѣ орошенія; они воздѣлывали эти долины въ теченіе 276 лѣтъ, въ продолженіи которыхъ они не были унавожены и не истощились.

Пуэбло ничѣмъ не заслуживаетъ особеннаго вниманія; по сторонамъ дороги паслись большія стада антилопъ, и такъ близко, что на разстояніи выстрѣла. По степи попадались суслики, сидящіе на заднихъ лапкахъ и помышляющіе какъ бы о томъ, что эта территорія, на которой они прежде безпрепятстненно господствовали, подчинилась вліянію цивилизаціи.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Новости наукъ и жизни.

Погода и промыслы въ Гренландіи. Послѣднія извѣстія, полученныя датскимъ правительствомъ изъ Гренландіи, не слишкомъ утѣшительны. Весна 1876 года была тамъ очень сурова, а въ южной части страны свирѣпствовали бури. Погода перемѣнилась къ лучшему въ іюнѣ мѣсяцѣ, и еще въ началѣ осени воздухъ былъ замѣчательно теплый. Ловля тюленей въ лѣтнее время была очень обильна, чего нельзя сказать объ охотѣ: морскихъ птицъ и зайцевъ оказалось весьма мало, а бѣлыя куропатки совсѣмъ исчезли. Убито всего нѣсколько сѣверныхъ оленей и нѣсколько медвѣдей. Изъ Гренландіи отправлено было въ Европу, въ промежутокъ времени съ 1875 до 1876 г. 13,551 бочка рыбьяго жира, что составляетъ меньшую цифру сравнительно съ прежними годами. Положеніе Гренландіи въ санитарномъ положеніи тоже далеко не удовлетворительно. Весной свирѣпствовала на сѣверѣ Гренландіи ревматическая лихорадка, которая на этотъ разъ держалась особенно упорно. Въ одной мѣстности близъ Уперпавикской колоніи, изъ 80 человѣкъ населенія 11 умерло, а въ теченіе лѣта, въ заливѣ Диско, 40 человѣкъ сдѣлалось жертвой этой болѣзни. Кромѣ того, тамъ свирѣпствовали и разныя другія эпидемическія болѣзни. Экономическое положеніе острова было вообще удовлетворительно. 17 іюня прошлаго года, Годгавнъ лишился своей фабрики рыбьяго жира, сдѣлавшейся жертвою пламени. Годгавнъ — колонія на южномъ берегу Гренландіи, снабженная богатыми запасами каменнаго угля; тамъ останавливались, на пути въ полярныя страны, суда *Pandora Alert* и *Discovery*.

Торпедъ, дѣлающій 275 миль въ часъ. По словамъ англійскихъ газетъ, никогда не было еще придумано болѣе страшнаго военнаго орудія, какъ представленный недавно въ адмиралтейство торпедъ, изобрѣтенный священникомъ С. М. Ромусъ.

Эта машина имѣетъ 50 тоннъ вѣсу и передвигается на поверхности воды со скоростью 275 миль въ часъ. Она сдѣлана изъ дерева или желѣза, а на концѣ ея устроено нѣсколько наклонныхъ плоскостей. Въ передней части торпеда находится воспламеняющееся вещество, при помощи котораго можетъ быть взорванъ самый укрѣпленный броненосецъ. Говорятъ, что торпедъ этотъ управляется рулемъ, сдѣланнымъ изъ не особенно толстаго листового желѣза.

Если польза этого британскаго изобрѣтенія оправдается на дѣлѣ, то можно смѣло предсказать, что броненосцы скоро потеряютъ свое значеніе, и что самый флотъ будетъ вскорѣ состоять чуть-ли не изъ кораблей, сдѣланныхъ изъ пробковой коры.

Вымираніе корейцевъ. Въ газетахъ сообщаютъ, что изъ корейцевъ, на которыхъ возложены были всѣ надежды по колонизаціи Амурскаго и Приморскаго края, и число которыхъ дошло-было до десяти тысячъ, осталось, вслѣдствіе голода, болѣзней и другихъ бѣдствій (или вообще лишеній), только четыре тысячи. А, между тѣмъ, лишь на корейцевъ и можно было возлагать основательныя надежды, что этотъ край не останется безлюднымъ и будетъ имѣть трудолюбивое земледѣльческое населеніе; всѣ другія средства развить здѣсь населеніе сколько нибудь въ значительномъ размѣрѣ оказались несостоятельными. Китайцы могутъ являться только временными работниками, потому что приходятъ безъ женщинъ, да и не охотно идутъ въ холодныя мѣста; за опытъ переселенія финляндцевъ моремъ, казна поплатилась полумилліономъ рублей, уплаченныхъ за неудачную попытку удѣльному вѣдомству, не говоря уже о томъ, что доставлять людей изъ Россіи кругосвѣтнымъ путемъ можно только десятками, много сотнями; привлекать же населеніе передвиженіемъ сухимъ путемъ и по Амуру оказалось невозможнымъ, потому что заселеніе и самого Амура остановилось. Дѣло въ томъ, что крестьяне изъ русскихъ губерній, — единственные люди, которыхъ можно еще увлечь незнаніемъ дѣла и положенія края,—двинувшіеся было сначала на Амуръ, останавливаются на пути въ томской, даже въ тобольской губерніяхъ, и дальше нейдутъ, потому что, пройдя и половину такого громаднаго пути, являются уже обнищавшими и обезсилѣвшими, почему и получаютъ разрѣшеніе селиться тамъ, гдѣ остановились. Одно только населеніе могло бы еще, безъ вреда для себя, доходить туда,—это жители Забайкальскаго края; но ихъ уже не увлечешь теперь: они очень хорошо знаютъ положеніе дѣлъ у насъ, и для нихъ слишкомъ памятна участь, постигшая ихъ односельцевъ, двинувшихся — было сначала даже въ мѣста болѣе близкія, чѣмъ наши.

— Одесскій корреспондентъ «Нашего Вѣка» сообщаетъ слѣдующія интересныя свѣдѣнія: Депутація одесскаго городскаго кредитнаго общества и бессарабско-таврическаго земельнаго банка получила отказъ отъ министра финансовъ. Ходатайство ея заключалось въ томъ, чтобы казна заплатила банкамъ проценты за текущій годъ по ссудамъ неисправныхъ заемщиковъ, съ тѣмъ, чтобы эти деньги были возвращены казнѣ, по окончаніи срока ссуды, платежемъ процентовъ въ теченіи лишняго года. Въ ходатайствѣ одесской думы о краткосрочной ссудѣ въ 500,000 рублей тоже отказано. За послѣднее время, въ Одессѣ удивительно какъ разохотились посылать депутаціи съ курьезнѣйшими просьбами о пособіи капиталистамъ. Здѣшніе банки назначили въ публичную продажу громадное число имуществъ, а именно: городское кредитное общество—644 дома; земскій банкъ Херсонской губерніи—410 имѣній; бессарабско-таврическій земельный банкъ —71 имѣніе и 92 дома въ разныхъ городахъ, кромѣ Одессы. Публикаціи о продажѣ одесскихъ домовъ еще не было: должно быть, разсчитывали на успѣхъ депутаціи.

— «Голосу» пишутъ изъ Москвы: Сторонники «Московскихъ Вѣдомостей» крайне опечалены пронесшимся слухомъ, будто бы долгъ казнѣ, наросшій уже на этой газетѣ до почтенной цифры, далеко превышающей 100,000 рублей, будетъ сложенъ со счетовъ и, такимъ образомъ, газетѣ будетъ дарована богатая правительственная субсидія. Говорятъ даже, будто задумана частная подписка, чтобъ уплатить этотъ долгъ. Корреспондентъ прибавляетъ, что «за слухи онъ не ручается», но ему достовѣрно извѣстно, что долгъ есть и образовался онъ вслѣдствіе нежеланія издателей платить сполна арендную плату.

Смѣсь.

Русскій солдатъ о военныхъ событіяхъ. (По корреспонденціи г. Гирса въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ»).

— Правда-ли, сударь, спрашивали меня въ Яссахъ солдаты,—пишетъ г. Гирсъ,—что наши въ азіятской туречинѣ ужь взяли ихъ крѣпость Ардаганъ?

— Правда.

— Лихо! Капутъ теперь ему!

— А вы побьете?

— Побьемъ, извѣстно дѣло! А впрочемъ, какъ Богу угодно: Его святая воля. Побьемъ, потому— теперь у насъ, сударь, антиллерія на пять верстъ въ муху, со второго выстрѣла. Вотъ клецки (флотскіе) ихнихъ двѣ кирасирки потопили на Дунаѣ. Карачунъ ему!

— Какіе «кирасирки»?

— Такіе пароходы подводные, всѣ въ бронѣ желѣзной, какъ въ латахъ, — монуторы, что-ли, зовутся, такъ чудно. А клецки—молодцы, ночью подобрались къ нему — да мину, — трахъ! — и взорвало, потопили. Молодцы матросики, благодѣтели! Все солдату да казаку будетъ легче.

— А водку поразмыслили здѣсь? допытывался я у тѣхъ-же солдатъ на станціи желѣзной дороги въ Текучѣ.

— Это первое дѣло-съ для солдата. Чтобы солдатъ да водки не поразмыслилъ. Что тогда онъ и за солдатъ!

— Только пьяны, братцы, не напивайтесь, замѣчалъ я: — здѣсь кругомъ чужіе — нехорошо.

— Зачѣмъ «пьяны». Это строго наказэно, чтобы не было. Пьянаго и спать можно уложить, сударь. Тутъ начальство большое — увидятъ. Опять—заграница, то нужно помнить. Зачѣмъ «пьяны!» Пьянаго и дома можно оставить, разсуждали молодцы.

Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій.

Вѣсти, полученныя, за послѣднюю недѣлю, съ Балканскаго полуострова и Малой Азіи, не представляютъ особенно выдающихся фактовъ. Тѣмъ не менѣе, мы можемъ порадовать читателя новымъ смѣлымъ предпріятіемъ нашихъ моряковъ, свѣдѣнія о которомъ заимствуемъ изъ одесской корреспонденціи «Сѣвернаго Вѣстника».

Пароходы «Константинъ» и «Владиміръ» отправились 27 мая на поискъ къ устьямъ Дуная. Вмѣстѣ съ ними отправились и два миноносныхъ катера, составляющихъ часть береговой обороны города Одессы. На катерѣ № 1 находился лейтенантъ Пущинъ и трое охотниковъ-матросовъ. На катерѣ № 2 лейтенантъ Вл. Рождественскій, охотникъ-механикъ Алексѣй Канцеровъ и два матроса. На «Константинѣ» кромѣ того, было 4 катера, которые уже дѣлали визитъ турецкой флотиліи въ Батумѣ. Пароходы остановились миляхъ въ двадцати отъ Сулина. Когда стемнѣло, катера отправились по направленію къ Сулину. Ночь была чрезвычайно темная; трудность поиска увеличивалась еще отъ малаго знакомства съ мѣстностью. Около двухъ часовъ ночи миноносцы № 1 и № 2, опередивши четыре другихъ катера, усмотрѣли при слабомъ свѣтѣ маяка 4 турецкихъ броненосца, стоявшихъ на якорѣ. Сверху по рѣкѣ шелъ пятый броненосецъ, были видны его цвѣтные фонари. Не теряя времени, катеръ № 2 бросился атаковать одинъ изъ броненосцевъ, стоявшихъ на якорѣ; онъ приблизился къ наибольшему, стоявшему съ краю. Уже они были въ разстояніи пяти саженей, какъ часовой окликнулъ ихъ съ броненосца—но на миноносцѣ молчали. Тогда часовой выстрѣлилъ изъ ружья. Въ одно мгновеніе поднялась страшная тревога и по приблизившемуся врагу стали стрѣлять чуть ли не изо всѣхъ орудій. Градомъ сыпалась картечь. Но катеръ № 2, не смотря на ужасающій огонь, удачно подвелъ мину. Мину взорвало; въ одно мгновеніе поднялся столбъ воды. Катеръ былъ залитъ водою. Удальцы дали задній ходъ, но въ это время они увидѣли, что отступленіе имъ отрѣзываетъ броненосецъ, шедшій по рѣкѣ съ верху. Гибель была неминуема. Но турецкая трусость и тутъ выручила — испуганные страшнымъ взрывомъ, турки повернули назадъ и, опасаясь такой же участи и для себя, стали уходить. Въ это мгновеніе послышался второй взрывъ: это Пущинъ подводилъ свою мину. Каковъ результатъ этого второго взрыва—неизвѣстно еще, такъ какъ Пущинъ еще не вернулся. Но взрывъ, произведенный Рождественскимъ и Канцеровымъ, нанесъ существенныя поврежденія броненосцу, который замѣтно сталъ погружаться. Ближе разсмотрѣть свои дѣянія наши моряки не могли: было темно, да и не до того имъ было: огонь изъ орудій былъ невѣроятный, стрѣляли изъ ружей, стрѣляли картечью, даже палили изъ орудій большого калибра. Къ счастію, выстрѣлы всѣ были неудачны. На катерѣ № 2 картечью сорвало съ Канцерова шапку и слегка контузило его въ голову въ то время, когда онъ находился на палубѣ, да матросу оцарапала пуля лобъ. Труба на катерѣ пробита въ одномъ мѣстѣ картечью, вся палуба избита пулями и картечью.

«Русскій Инвалидъ» сообщаетъ изъ лагеря подъ Ардаганомъ, что, 25 апрѣля, охотники Ахалцыхскаго конно-иррегулярнаго дивизіона, въ числѣ 20 человѣкъ, подъ командою юнкера князя Накашидзе, совершили молодецкій подвигъ близъ сел. Уръ. Переправясь незамѣтно вплавь на лѣвый берегъ р. Куры, охотники ударили въ шашки на баши-бузуковъ, составлявшихъ конвой начальника войскъ въ Ардаганѣ, Хаджи-Гусейна-паши, который осматривалъ мостъ. Обративъ ихъ въ бѣгство, охотники захватили въ плѣнъ только-что прибывшаго изъ Константинополя молодого инженернаго офицера и трехъ баши-бузуковъ; прочіе турки, оставивъ на мѣстѣ двухъ убитыми, ускакали въ Ардаганъ. Изъ числа охотниковъ утонулъ одинъ всадникъ.

— Та же газета говоритъ о дѣйствіяхъ Эриванскаго отряда съ 12 по 26 апрѣля: Эриванскій отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Тергукасова, былъ расположенъ въ лагерѣ подъ Игдыремъ. 15 апрѣля былъ выдвинутъ, по направленію къ Баязету, авангардъ отряда, который ночевалъ на Чингильскихъ горахъ (Джингалы). Остальныя войска, раздѣленныя на двѣ колонны, двинулись 16 апрѣля: правая — по каравансерайской дорогѣ на Куджахъ (урочище Кудхаръ, а лѣвая направилась, вслѣдъ за авангардомъ, на Орговскій постъ. Обѣ эти колонны имѣли ночлегъ въ названныхъ пунктахъ почти на самой границѣ.

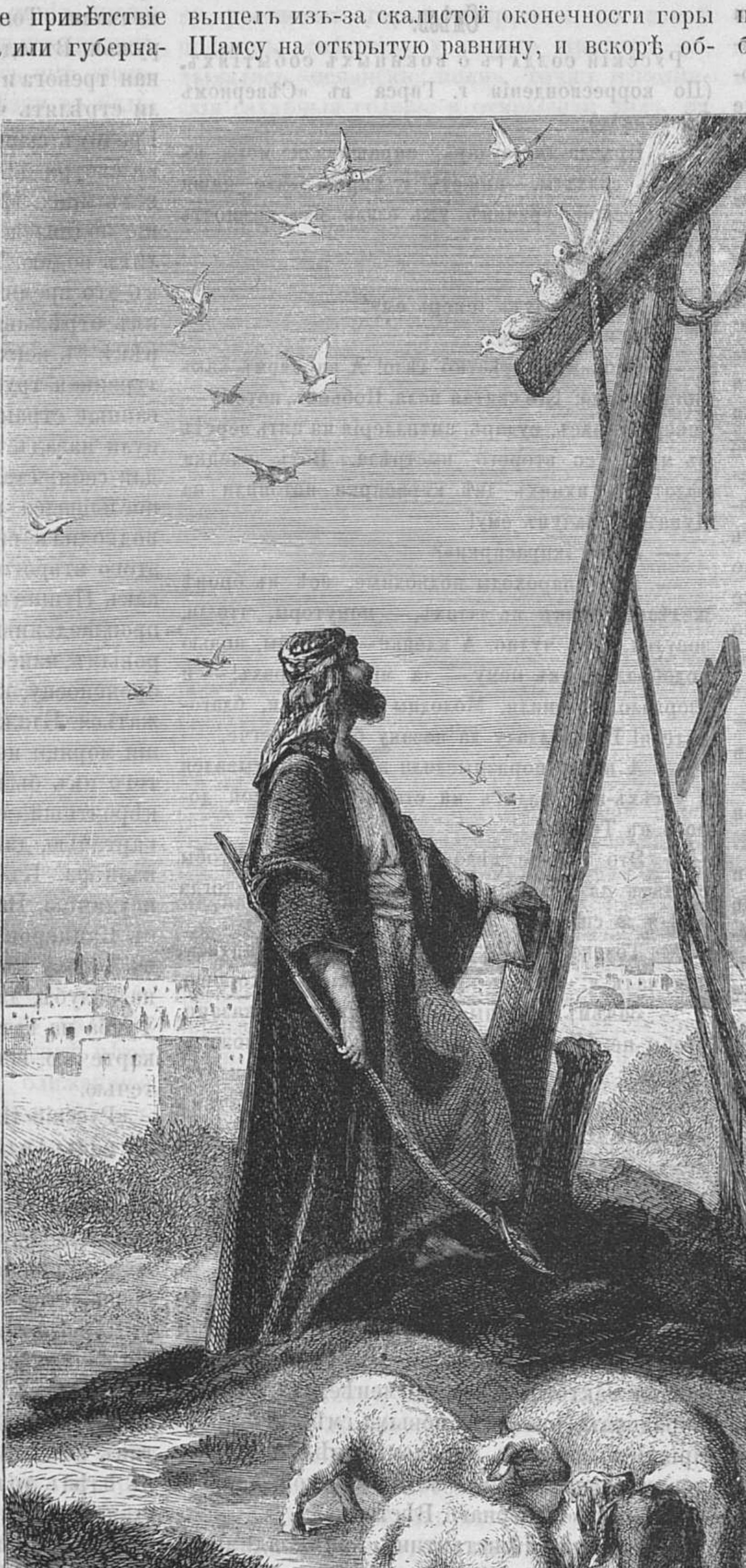
17-го апрѣля, главныя силы, двигаясь весьма медленно, хотя и по разработанной авангардомъ, но все еще весьма трудной дорогѣ, вечеромъ достигли перевала, сдѣлавъ въ теченіе дня не болѣе 14 верстъ; причемъ войсковой обозъ встрѣтилъ еще большія затрудненія. Начальникъ отряда, обогнавъ колонну, настигъ свой авангардъ на Чингильскихъ горахъ, гдѣ былъ встрѣченъ родоначальникомъ джелахинскаго общества, передававшаго ему словесное привѣтствіе баязетскаго паши (мутесарифа или губернатора), вмѣстѣ съ заявленіемъ, что паша, по обязанности службы, будетъ защищаться съ вѣренными ему войсками до послѣдней крайности. Въ виду этого заявленія, а также свѣдѣній, полученныхъ изъ другихъ источниковъ, о намѣреніи турокъ защищаться въ Баязетѣ, генералъ-лейтенантъ Тергукасовъ, по прибытіи авангарда въ Карабулагъ, въ ночь съ 17-го на 18-е апрѣля, направилъ къ Баязету рекогносцировочный отрядъ.

18-го апрѣля, въ 3 часа пополуночи, отрядъ этотъ, въ составѣ двухъ сотенъ 2-го Сунженскаго полка, подъ командою начальника штаба отряда, генеральнаго штаба полковника Филипова, сопровождаемаго офицерами генеральнаго штаба, артиллерійскимъ и корпуса топографовъ, выступилъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы къ разсвѣту появиться передъ самымъ городомъ, въ разстояніи 17 верстъ отъ авангарда.

На разсвѣтѣ, рекогносцировочный отрядъ вышелъ изъ-за скалистой оконечности горы Шамсу на открытую равнину, и вскорѣ обнаружилъ пѣхотные и кавалерійскіе посты турецкихъ войскъ, расположенныхъ верстахъ въ трехъ отъ города, на линіи села Зангезуръ. Осмотрѣвъ по пути мѣстность и не обнаруживъ укрѣпленій, отрядъ приблизился, уже при полномъ разсвѣтѣ, на ружейный выстрѣлъ къ с. Зангезуръ, изъ котораго немедленно и, не открывая огня, отступили турецкіе аванпосты за скалистыя высоты, замыкающія г. Баязетъ съ западной и восточной стороны.

По занятіи с. Зангезуръ, отрядъ увидѣлъ, въ разстояніи нѣсколько болѣе пушечнаго выстрѣла, два турецкихъ батальона, поспѣшно отступавшіе изъ цитадели по горной тропѣ, ведущей въ горы Ала-дагъ (на юго-западъ отъ Баязета). Вслѣдъ за отступленіемъ турецкихъ войскъ, изъ города вышли чины городскаго управленія (меджлисъ), обѣщая сдать городъ черезъ два часа; но еще до истеченія назначеннаго срока, городское населеніе согласилось безусловно покориться нашимъ войскамъ, а начавшійся въ городѣ безпорядокъ былъ прекращенъ городскимъ правленіемъ, послѣ угрозы начальника рекогносцировочнаго отряда прислать казаковъ для водворенія порядка.

Получивъ отъ полковника Филипова донесеніе о положеніи дѣлъ, генералъ-лейтенантъ Тергукасовъ направился къ Баязету съ авангардомъ. Прибывъ въ с. Зангезуръ, въ полдень 18 апрѣля, начальникъ отряда былъ встрѣченъ почетнѣйшими жителями города, христіанскимъ и мусульманскимъ духовенствомъ и толпою горожанъ. При этомъ генералъ-лейтенанту Тергукасову было по-



Язычникъ передъ Крестомъ.

дано письмо баязетскаго паши, Али-Кямали, оставившаго городъ еще прежде отступленія войскъ. Въ своемъ письмѣ, Али-Кямали-паша сообщалъ, что онъ передастъ великодушію русскихъ войскъ жителей города и оставшихся въ немъ больныхъ нижнихъ чиновъ. Генералъ-лейтенантъ Тергукасовъ, прочтя передъ жителями это письмо, объявилъ, что русскія войска сражаются лишь съ вооруженнымъ непріятелемъ, а беззащитнымъ покровительствуютъ.

На другой день, 19 апрѣля, генералъ-лейтенантъ Тергукасовъ, осмотрѣвъ городъ, назначилъ комендантомъ крѣпости и цитадели подполковника Ковалевскаго, съ обязанностію засѣдать въ городскомъ совѣтѣ, который оставленъ для внутренняго управленія.

Изъ собранныхъ въ городѣ свѣдѣній оказалось, что населеніе находилось въ весьма враждебномъ настроеніи въ отношеніи турецкаго правительства. Что бывшій гарнизонъ города состоялъ изъ одного баталіона низама (800 человѣкъ) и одного баталіона редифа (700 человѣкъ), при 500 человѣкъ кавалеріи. Что гарнизонъ этотъ, при первомъ появленіи разъѣздовъ рекогносцировочнаго отряда полковника Филипова не только оставилъ всѣ военные и продовольственные запасы, но даже бросилъ военный лазаретъ съ 16 больными, не смотря на увѣренія лазаретнаго доктора, г. Гофмана, что появившіяся русскія войска есть только передовые разъѣзды, и что еще достаточно времени, чтобы, до появленія отряда, вывести изъ города все необходимое. Между тѣмъ, больные, брошенные своимъ начальствомъ, были ограблены жителями, въ средѣ которыхъ возникли большіе безпорядки и грабежи; при этомъ всѣ казенные склады были расхищены, а общественныя зданія, а также дома паши и другіе, подверглись разоренію, повидимому, не изъ корыстныхъ видовъ, а какъ бы вслѣдствіе злобы мѣстнаго населенія. Цитадель города Баязета, также носившая на себѣ слѣды разоренія, была тотчасъ же занята нашими войсками.

По занятіи гор. Баязета, генералъ-лейтенантъ Тергукасовъ, оставивъ авангардъ въ городѣ, главныя силы своего отряда расположилъ въ с. Арзибѣ; войска же правой колонны, подъ начальствомъ подполковника Шипшева, были остановлены между сел. Мысунъ и Карумъ.

Въ такомъ положеніи войска эриванскаго отряда оставались нѣсколько дней для устройства управленія въ занятомъ краѣ.

26 апрѣля войска эриванскаго отряда выступили по направленію на Діадинъ, и въ тотъ же день заняли этотъ пунктъ, причемъ жители его изъявили полную покорность нашему правительству.

Относительно военныхъ дѣйствій Ріонскаго отряда, мы находимъ въ газетѣ «Post» слѣдующія подробности о схваткѣ при Барумѣ на Хотцубатскихъ высотахъ: настоящее дѣйствіе началось 11-го. Въ ночь съ 10-го войска вышли изъ лагеря при Муха-Эстатѣ. Движеніе русскихъ колоннъ скрывалъ густой туманъ. Они заняли позицію по рѣчкѣ Кинтриши, противъ Хотцубатскихъ высотъ. Турки стояли на этихъ высотахъ; позиція ихъ по свойству самой почвы была какъ нельзя болѣе удобна; кромѣ того, она была и хорошо укрѣплена. Генералъ-маіоръ Данибековъ, командовавшій лѣвымъ крыломъ, поставилъ одну часть войска, подъ начальствомъ подполковника Козелкова (командира 1-го пластунскаго отряда), по большой дорогѣ; другую же, подъ начальствомъ полковника Солтана, вправо отъ дороги. Оба отдѣленія получили приказаніе двигаться медленно въ данномъ направленіи. Правымъ крыломъ командывалъ генералъ-маіоръ Шереметьевъ. Онъ точно также раздѣлилъ свое войско на двѣ колонны; одну, подъ личнымъ своимъ начальствомъ поставилъ на Кабулетской дорогѣ, причемъ въ резервѣ остались у него 2 сотни кутаискаго кавалерійскаго полка. Другая колонна, подъ начальствомъ маіора Лейстета, размѣстилась по рѣчкѣ Ачкуѣ. Въ лѣсу находились войска подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Оклобжіо. Въ 4 часа русскіе были замѣчены турками. Послѣдніе открыли сильный артиллерійскій огонь. Оба крыла разсыпались по кустамъ. Русская артиллерія отвѣчала на турецкій огонь и своими мѣткими выстрѣлами ослабила турецкія укрѣпленія и тѣмъ способствовала дальнѣйшей аттакѣ инфантеріи. Резервы были пододвинуты. Русскіе стрѣлки шагъ-за-шагомъ подвигались впередъ. Турецкія войска получили подкрѣпленія со стороны колубетскихъ жителей; послѣдніе дрались, какъ львы. Мѣстный ландверъ занялъ шанцы. Его-то храбрости и слѣдуетъ приписать упорное сопротивленіе турокъ. Изъ лѣсу и горныхъ ущелій медленно и осторожно вышелъ русскій центръ. Стрѣлки кинулись штурмомъ на турецкія позиціи, защищенныя различными бревнами, балками, хижинами, изъ за которыхъ турки поддерживали жаркій огонь. Съ праваго крыла подошли въ помощь къ центру закатальцы и, не смотря на турецкій огонь, выстроились въ порядкѣ. Русскія 24-хъ фунтовыя пушки опустошали турецкій центръ и его укрѣпленія. Турки однако сохраняли свои позиціи. Правое крыло, подъ начальствомъ генералъ-маіора Шереметьева, двинулось по берегу рѣчки Ачкуи. Фланговая цѣпь изъ резервовъ 2 и 4 роты втораго стрѣлковаго баталіона, съ маіоромъ Лейстетомъ во главѣ, присоединилась къ нему. Вышедшіе изъ лѣсу боковые патрули попали подъ неожиданный огонь спрятанныхъ во рвѣ турокъ. Маіоръ Лейстетъ былъ тяжко раненъ изъ первыхъ. Командиръ 2-го стрѣлковаго баталіона, подполковникъ Макеевъ, былъ контуженъ въ колѣно. Обѣ роты съ ожесточеніемъ кинулись на врага; но турки не дождались приближенія русскихъ, оставили ровъ и побѣжали къ рѣчкѣ Ачкуѣ. Здѣсь они заняли терасы, прикрытыя строеніями. Русскій артиллерійскій огонь сжегъ три дома. Лѣвое крыло между тѣмъ разстрѣляло всѣ свои патроны; пока раздавали новые, турки грозили обойти его. Центръ замѣтилъ опасность. Генералъ Оклобжіо подалъ знакъ къ штурму и сталъ самъ во главѣ. Раздалось русское «ура».

Турки съ криками «Аллахъ иль Аллахъ» кинулись въ штыки на встрѣчу русскимъ; но предводитель ихъ Эдибекъ палъ отъ русской пули. Тогда турки побѣжали назадъ, и русскіе завладѣли высотами. Врагъ, тѣснимый Данибековымъ, кидается на правое крыло генералъ-маіора Шереметьева. Русская ариллерія отражаетъ натискъ и заставляетъ замолчать турецкія батареи. Лѣвый флангъ генералъ-маіора Шереметьева занимаетъ изгибы Ачкуи, и врагъ оставляетъ терасы. Въ 6 часовъ изъ Кабулетъ начинается снова наступательное движеніе.

Ружейный огонь длится $1/_2$ часа. Русская артиллерія отражаетъ турокъ съ большимъ урономъ. Въ 7 часовъ турки получили новое подкрѣпленіе. Они перешли Ачкую и напали на 2 сотни кутаискаго кавалерійскаго полка. 5 сотенъ того же полка, подъ начальствомъ штабъ-ротмистра кн. Дибуадзе и прапорщика кн. Дадіани, подоспѣли на помощь. Сотни разсыпались и поддерживали оживленную перестрѣлку до прибытія 1-й роты 1-го баталіона ленкоранскаго полка. Турки принуждены были отступить. Въ 10 часовъ приблизился турецкій броненосный флотъ и сталъ стрѣлять по русскимъ, но безъ всякаго вреда для нихъ. Подполковникъ Макеевъ, не смотря на свою рану, перешелъ со своими 3 ротами стрѣлковъ Ачкую и кинулся на занятыя турками высоты. Шанцы и укрѣпленія были взяты. Разбитый на всей линіи врагъ долженъ былъ, наконецъ, оставить свои позиціи, и русскіе заняли Хоцубатскія высоты. Съ ихъ стороны было убито 12 солдатъ и 9 офицеровъ. Ранено 107 человѣкъ.

Корреспондентъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», г. Максимовъ, пишетъ изъ Плоешта, 22-го мая: «Каждому хочется знать хотя приблизительно время переправы (черезъ Дунай) и мѣсто, гдѣ она будетъ совершена; но объ этомъ знаютъ только три лица въ настоящую минуту въ арміи: Его Высочество Главнокомандующій арміей, генералъ Непокойчицкій и г. Левицкій. Правда, на мѣсто будущей переправы указываютъ часто иностранные корреспонденты, но они ничего не знаютъ.

«Наши войска заняли въ настоящее время весь берегъ Чернаго моря и берегъ Дуная, начиная съ Одессы и кончая правымъ флангомъ, расположеннымъ у мѣстечка Турнъ-Магурели, находящагося противъ Никополя. Выше по берегамъ Дуная идутъ уже румынскія войска, мимо Калафата, вплоть до австрійской границы.

«Послѣ взрыва монитора въ Мачинскомъ рукавѣ остался только турецкій пароходъ, да еще одна канонерская лодка.

«По всѣмъ признакамъ, турки свыклись съ мыслью о необходимости удаленія за Балканы съ момента перехода нашего войска черезъ Дунай; они приготовились къ этому и продолжаютъ готовиться съ поспѣшностью. Румынскій министръ иностранныхъ дѣлъ получилъ точныя свѣдѣнія изъ Тульчи, что всѣ административныя лица этого города вывезли въ Константинополь казенный архивъ и всѣхъ своихъ женъ и дѣтей. Въ городѣ остались одни мужчины; вооруженные ружьями и револьверами, они ожидаютъ нападенія русскихъ, и всѣ готовы сейчасъ же оставить городъ, коль скоро «московы» вступятъ на турецкій берегъ Дуная. Турецкій градоначальникъ Тульчи получилъ приказаніе сжечь городъ до-тла, какъ скоро русскіе покажутся въ его окрестностяхъ. Градоначальникъ предлагалъ иностраннымъ подданнымъ выѣхать изъ города «ранѣе его отъѣзда»; въ противномъ случаѣ, онъ не ручается за послѣдствія. Турецкая администрація принимаетъ мѣры, чтобы выселить изъ города болгаръ и отдать ихъ подъ надзоръ баши-бузуковъ, чѣмъ воспрепятствовать болгарамъ соединиться съ нашими войсками. Болгары-очевидцы разсказываютъ, что въ городѣ лавки всѣ заперты, купцы прячутъ товаръ въ погреба или перетаскиваютъ его на коммерческія суда, стоящія въ гавани. Нѣкоторые изъ иностранныхъ консуловъ обратились въ свои посольства въ Константинополѣ за указаніемъ средствъ для помощи подданнымъ своего государства. Посольства между прочимъ указали на англійскій пароходъ «Кокатвиксъ» и на французскій—«Le Petrol», которые въ настоящее время находятся въ Тульчѣ. Жители болѣе тридцати окрестныхъ болгарскихъ деревень стеклись въ городѣ Тульчѣ и живутъ по четыре и по пяти семействъ въ одной квартирѣ; всѣ они боятся и бѣгутъ отъ баши-бузуковъ, которые тѣмъ временемъ грабятъ, гдѣ только могутъ, а турецкія власти не обращаютъ на это никакого вниманія».

— Въ газету «Neues Wiener Tageblatt» телеграфируютъ изъ Плоешта, что въ ночь съ 6 на 7 іюня турецкій отрядъ пробовалъ проникнуть изъ Туртукая въ устье рѣки Арджиса, близъ Ольтеницы, но былъ отброшенъ казачьимъ пикетомъ. Рано утромъ 7 числа турецкія батареи въ Туртукаѣ открыли пальбу, чтобы прикрыть свои работы по возведенію береговыхъ укрѣпленій. Одна русская батарея отвѣчала на ихъ огонь. Турецкіе рабочіе были разогнаты русскими выстрѣлами и одна изъ турецкихъ батарей вынуждена замолчать. Изъ этого факта слѣдуетъ, по видимому, заключить, что турки опасаются перехода русскихъ черезъ Дунай близъ Туртукая.

— Корреспондентъ «Русскаго Міра» изъ дѣйствующей арміи, между прочимъ, пишетъ: «Дороги по Валахіи вообще хороши и удовлетворяютъ потребностямъ движенія арміи; даже болѣе: онѣ удовлетворяютъ передвиженію тяжелой осадной артиллеріи при перевозкѣ ея рутьерами, для которыхъ, какъ извѣстно, необходимое условіе, чтобы черезъ каждыя 10 верстъ была вода и чтобы уклонъ дороги былъ не болѣе 15°.

«Въ районѣ расположенія дѣйствующей арміи есть масса шпіоновъ. Въ портовыхъ городахъ и мѣстечкахъ по Дунаю, говорятъ, кишмя кишатъ подозрительныя личности; попадаются личности съ явными уликами, доказывающими, что онѣ собираютъ свѣдѣнія для турецкаго лагеря.

«Генералу Непокойчицкому было адресовано письмо отъ какого-то нѣмца, написанное по французски. Нѣмецъ писалъ, что онъ, представляя рекомендаціи нѣсколькихъ акредитованныхъ лицъ, предлагаетъ свои услуги быть оффиціальнымъ корреспондентомъ «Nord. Allg Zeitg.». Представьте общее удивленіе, когда этотъ самый нѣмецъ пойманъ теперь на Дунаѣ съ явными признаками, что онъ турецкій шпіонъ, причемъ всю переписку съ турецкимъ лагеремъ имѣлъ черезъ одну женщину, живущую въ Букарештѣ. Русскихъ подданныхъ передаютъ полевому суду, а подданныхъ иностранныхъ державъ, даже турецкихъ, передаютъ судамъ румынскимъ: но такъ какъ Румынія не объявлена на военномъ положеніи, то ихъ судятъ обыкновеннымъ порядкомъ суда, гдѣ требуются сложныя доказательства и приговоръ присяжныхъ, который зависитъ отъ многихъ обстоятельствъ».

— Изъ Букарешта телеграфируютъ въ «Times», что изъ числа тридцати трехъ округовъ, на которые раздѣлена Румынія, двадцать восемь объявлены на военномъ положеніи и что необходимость этой мѣры обусловлена главнымъ образомъ размноженіемъ шпіоновъ. Слухи о мирѣ все продолжаются, вопреки воинственнымъ извѣстіямъ изъ Сербіи и Греціи и безпрерывному, хотя и медленному, движенію войскъ къ Дунаю, но многіе смотрятъ на нихъ, какъ на затишье передъ бурею.

— Изъ Бѣлграда телеграфируютъ въ «Neues Wiener Tagblatt», что Сулейманъ-паша занялъ тремя батальонами Бѣлину, и что положеніе черногорцевъ на сѣверѣ и востокѣ отчаянное, такъ какъ превосходство тутецкихъ силъ слишкомъ громадно, чтобы черногорцы могли оказывать сопротивленіе съ какою-либо надеждой на успѣхъ.—Въ ту же газету телеграфируютъ изъ Аграма, что боснійскіе инсургенты сожгли всѣ мѣстности между Яйацомъ и Травникомъ. Изметъ-паша форсированнымъ маршемъ идетъ на Травникъ. — Турки усиливаютъ свои гарнизоны на сербской границѣ вдоль Дрины.

— Въ полученныхъ въ Парижѣ извѣстіяхъ съ Кавказа говорится, что на военномъ совѣтѣ, происходившемъ недавно въ Александрополѣ, рѣшено: 1) образовать летучіе отряды, которые будутъ дѣйствовать между Владикавказомъ и Кутаисомъ; 2) разставить небольшіе отряды по горнымъ дорогамъ Грузіи; 3) охранять берега Азовскаго моря между Анапой и Ростовомъ съ помощью 20,000 человѣкъ; 4) погрузить торпеды отъ Керчи до Ростова. Эти мѣры предполагается принять въ видахъ подавленія возстанія на Кавказѣ. Далѣе будто бы рѣшено взять Эрзерумъ ранѣе Карса, такъ какъ послѣ паденія первой изъ названныхъ крѣпостей послѣдняя не будетъ въ состояніи держаться. Что касается Батума, то будто бы рѣшено не брать этой крѣпости ранѣе Эрзерума и Карса, такъ какъ, въ виду приморскаго положенія ея, все равно трудно было бы удержаться въ ней.

Въ «Московскія Вѣдомости» телеграфируютъ изъ Мацры: «1 іюня приступлено къ устройству осадныхъ батарей вокругъ Карса. Турки выдвинули артиллерію и пѣхоту съ цѣлью воспрепятствовать работамъ, но дѣйствіемъ нашей артиллеріи были отбиты съ потерей».

2-го іюня, въ 3 часа дня, гарнизонъ Карса сдѣлалъ вылазку противъ нашего праваго фланга, въ составѣ 9 батальоновъ, при двухъ батареяхъ, оттѣснилъ наши аванпосты и занялъ высоты у Чивтлика. Генералъ Гейманъ, съ небольшою частью грузинскаго полка и охотниками эриванскаго, завязалъ перестрѣлку съ непріятельскою пѣхотою, между тѣмъ какъ князь Чавчавадзе, съ двумя батальонами грузинскаго полка, двинулся въ тылъ непріятелю и бросился въ штыки; турки были выбиты съ занятыхъ высотъ и начали отступать; но когда въ лѣвый ихъ флангъ врѣзался, направленный княземъ Чавчавадзе, сѣверскій драгунскій полкъ, то отступленіе непріятеля обратилось въ бѣгство, а подоспѣвшая конная батарея привела его окончательно въ безпорядокъ; турки оставили на мѣстѣ до двухъ сотъ тѣлъ; у насъ убитыхъ 11 и раненыхъ 106 нижнихъ чиновъ и легко раненъ прапорщикъ сѣверскаго драгунскаго полка Аэтовскій; того же 2-го числа, турецкая конница со стороны Вана показалась около Тепориса, но тотчасъ убѣжала, лишь только выслана была наша пѣхота изъ Баязета.

Передадимъ теперь, со словъ г. Гирса, нѣкоторыя свѣдѣнія относительно того обстоятельства, почему генералъ Черняевъ не получилъ назначенія въ дунайской арміи и уѣхалъ на Кавказъ. Извѣстно, что почтенный генералъ былъ хорошо принятъ высшею властью арміи, какъ въ первый, такъ и во второй его пріѣздъ въ Кишиневъ. Всѣ цѣнили добрыя намѣренія по славянскому вопросу. Нѣкоторые находили, что для успѣха нашей дѣятельности среди балканскихъ славянъ, по формированію болгарскихъ дружинъ, можно было бы воспользоваться именемъ генерала, очень популярнымъ среди славянъ. Наконецъ, за нимъ признавались большія познанія по части топографіи западной Болгаріи, что тоже пригодилось-бы. Но, при опредѣленіи соотвѣтствующаго назначенія въ арміи генералу, встрѣтились соображенія: человѣкъ имѣетъ соотвѣтственно небольшой чинъ генералъ-маіора; онъ командовалъ уже сербскою арміею на правахъ главнокомандующаго. Дать дивизію — мало; дать корпусъ неудобно въ томъ отношеніи, что, даже при производствѣ въ генералъ-лейтенанты, — онъ будетъ моложе многихъ дивизіонеровъ. Кромѣ того, при той извѣстной независимости и самостоятельности, которыми пользовался почтенный генералъ въ должности главнокомандующаго сербскою арміей, нельзя было бы ему теперь отказать въ нихъ совершенно, а между тѣмъ этимъ нарушился бы важный принципъ единовластія въ арміи и безразличія предъ послѣднимъ всѣхъ чиновъ ея отъ самаго низшаго до самаго высокаго. Эти соображенія и послужили, вѣроятно, причиною назначенія генерала на Кавказъ. Лица, видѣвшія генерала Черняева въ Кишиневѣ послѣдній разъ, передаютъ, что нашли его очень поправившимся и пополнѣвшимъ, сравнительно съ тѣмъ, какимъ онъ былъ при окончаніи тяжелой для него сербско-турецкой войны прошлаго года.

— По свѣдѣніямъ острогскаго корреспондента «Times», въ битвѣ при Крстацѣ черногорцы потеряли убитыми и тяжело ранеными шестьсотъ человѣкъ, а турки—убитыми тысячу двѣсти. Военная добыча черногорцевъ состояла, какъ говорятъ, изъ пятидесяти сабель.

Телеграммы.

Лондонъ, 13-го іюня. «Агенству Рейтера» сообщаютъ изъ Константинополя, отъ 12-го іюня, что турецкій посолъ въ Вѣнѣ подалъ просьбу объ отставкѣ, но просьба эта еще не принята.

Дервишъ-паша назначенъ главнокомандующимъ турецкою арміей въ Малой Азіи, на мѣсто Мухтаръ-паша.

Стокгольмъ, 13-го іюня. Стортингъ единогласно отклонилъ требованіе правительства относительно ассигнованія средствъ по сохраненію нейтралитета. Расходы на это признаны финансовою коммисіею ненужными.

Рагуза, 1 (13) іюня. Черногорцы съ успѣхомъ бомбардируютъ Подгорицу и Диноху. Многіе дома повреждены ими.

Въ Скутари объявлено осадное положеніе.

Землинъ, 1 (13) іюня. Изъ австрійскихъ источниковъ сообщаютъ, что окончательно рѣшено совершить переходъ черезъ Дунай на этихъ дняхъ.

Афины, 1 (13) іюня. Турецкій посолъ при здѣшнемъ дворцѣ, Фотіадесъ-бей, по приказанію своего правительства, вручилъ королю Георгію энергическій протестъ противъ вооруженій, предпринятыхъ Греціею.

Парижъ, 1 (13) іюня. Въ свѣдущихъ кружкахъ вполнѣ подтверждаютъ извѣстіе, что Руэръ недавно получилъ отъ принца Люи-Наполеона манифестъ, въ которомъ претендентъ приглашаетъ своихъ приверженцевъ дѣятельно отстаивать его права, но въ то же время придерживаться пока выжидательнаго образа дѣйствія.

Бѣлградъ, 2 (14) іюня. Министръ иностранныхъ дѣлъ, г. Ристичъ, сообщилъ державамъ меморандумъ сербскаго правительства, въ которомъ оно ходатайствуетъ о присоединеніи къ Сербіи нишскаго и новобазарскаго санджаковъ и Малаго Зворника и объ отмѣнѣ вассальныхъ отношеній княжества къ Портѣ.

Константинополь, 2 (14) іюня. Здѣсь получено извѣстіе, что сокровища, принадлежащія мечети въ Меккѣ, уже находятся на пути въ Константинополь и въ скоромъ времени будутъ вручены Портѣ для покрытія военныхъ издержекъ.

Лондонъ, 14 іюня. Спеціальный корреспондентъ «Агенства Рейтера» телеграфируетъ изъ Эрзерума: «Послѣ занятія Ольты, турки отошли далѣе въ направленіи къ Ардагану. Въ пятницу и субботу подъ Карсомъ происходили серьезныя стычки, подробности которыхъ пока неизвѣстны.

Дармштадтъ, 2 (14) іюня, вечеромъ. Въ правительственной газетѣ объявлено о воцареніи герцога Гесенскаго Людвига IV.

Берлинъ, 2 (14) іюня, вечеромъ. На выборахъ въ рейхстагъ, происходившихъ въ шестомъ берлинскомъ избирательномъ округѣ, кандидатъ соціальныхъ демократовъ, Газенклеверъ, получилъ 12,752, а прогрессистъ Людвигъ Леве — 11,652 голоса. Такимъ образомъ, выбраннымъ оказался Газенклеверъ.

Вѣна, 2 (14) іюня, вечеромъ. Газетѣ «Neue Freie Presse» телеграфируютъ изъ Рима, что между папскимъ престоломъ и бельгійскимъ правительствомъ происходятъ переговоры о назначеніи другого нунція въ Брюссель. Папскій нунцій въ Парижѣ просилъ инструкцій на случай новыхъ событій въ области внутренней политики Франціи. Кардиналъ Симеони предписалъ ему уклониться отъ всякаго вмѣшательства во внутреннія дѣла и выжидать событій.

Пештъ, 2 (14) іюня. Запросъ депутата Гельфи въ палатѣ представителей венгерскаго сейма былъ слѣдующаго содержанія: намѣрено ли правительство оставаться безучастнымъ зрителемъ перехода русскихъ войскъ черезъ Дунай и допустить раздѣлъ Турціи?

Пештъ, 2 (14) іюня, вечеромъ. Въ палатѣ представителей венгерскаго сейма, Гельфи обратился къ правительству съ запросомъ относительно направленія восточной политики. Затѣмъ онъ спросилъ, правда ли, что поэтъ Петефи арестованъ въ Россіи? На это министръ-президентъ отвѣчалъ, что относительно Петефи уже наводятся справки.

Константинополь, 2 (14) іюня. По полученнымъ здѣсь достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, Сулейманъ-пашѣ до сихъ поръ не удалось одержать рѣшительную побѣду надъ черногорцами, которые все еще занимаютъ Дужскій проходъ.

Аѳины, 3 (15) іюня. Возбужденіе возрастаетъ все съ большею силою. Ежедневно происходятъ народныя сборища, принимающія чрезвычайно бурный характеръ. На сходкахъ населеніе энергически требуетъ объявленія войны.

Возстаніе въ Эпирѣ и Ѳессаліи быстро разростается.

Константинополь, 3 (15) іюня, Фазли-паша назначенъ начальникомъ турецкой арміи въ Ѳессаліи.

Въ городѣ появились воззванія, требующія возвращенія Митхадъ-паши и казни Редифъ-паши.

Аѳины, 3 (15) іюня. Въ греческихъ областяхъ Турціи появились отряды инсургентовъ.

Палата одобрила военныя предложенія правительства.

Вѣна, 3 (15) іюня, вечеромъ. При производствѣ слѣдствія по дѣлу о членахъ «интернаціонала», арестованъ одинъ изъ служащихъ при университетской библіотекѣ. У него найдены бумаги, писанныя по-русски и по-польски, бумаги эти въ сильной степени компрометируютъ арестованныхъ и разоблачаютъ сущность международной пропаганды, направленной къ тому, чтобъ произвести переворотъ въ Россіи и въ Австріи. Пятеро арестантовъ препровождены въ областной судъ.

Константинополь, 3 (15) іюня. Возбужденіе достигло здѣсь крайнихъ предѣловъ, такъ что ежеминутно нужно ожидать общаго возстанія. Режимъ террора, установленный Редифомъ и Даматомъ, вызываетъ сильное озлобленіе. Населеніе, нисколько уже не стѣсняясь, открыто и громко требуетъ возвращенія Митхада-паши.

Константинополь, 3-го (15-го) іюня. Англія, какъ увѣрены здѣсь, твердо рѣшилась не допустить, чтобы Греція объявила войну.

Правительство намѣрено внести въ палату законопроектъ о мѣрахъ къ искорененію въ Аравіи и Триполисѣ торговли невольниками.

Тифлисъ, 4-го іюня. Въ газетѣ «Кавказъ» пишутъ: «Командиръ кутаиской дружины, подполковникъ князь Микеладзе, палъ жертвою гнусной измѣны; измѣною же объясняются всѣ, столь неожиданныя, событія, совершившіяся въ Сухумскомъ отдѣлѣ. Ни высшее, ни мѣстное начальство не сомнѣвалось въ вѣрности абхазцевъ и всѣ мѣры были приняты противъ внѣшняго, а не противъ внутренняго врага. Впрочемъ, происшествія въ Абхазіи—капля въ морѣ событій настоящей войны».

Константинополь, 4-го (16-го) іюня. Порта издала приказъ по войскамъ, въ которомъ строго предписывается соблюдать постановленія женевской конвенціи и не нарушать неприкосновенности краснаго креста.

Парижъ, 4-го (16-го) іюня, вечеромъ. Герцогъ Брольи прочиталъ въ сенатѣ посланіе маршала Макъ-Магона, въ которомъ онъ напоминаетъ сенату, что президенту республики присвоено право распускать палату депутатовъ. «Я вынужденъ—говоритъ маршалъ—прибѣгнуть къ этой мѣрѣ, вслѣдствіе несогласій съ палатою. Ни одно изъ министерствъ не могло удержаться на мѣстѣ, не дѣлая уступокъ радикаламъ и не подчиняясь условіямъ, которыя они ставили. Чтобы не допускать этого впредь, я рѣшился потребовать распущенія. Я желалъ бы отложить его до голосованія бюджета, но продолженіе агитаціи, вызванной во Франціи депутатами, подписывавшими адресы, не можетъ быть допускаемо. Депутаты не могутъ удивляться тому, что ихъ представляютъ на усмотрѣніе страны, къ которой они обращались. Итакъ, я ограничиваюсь требованіемъ, чтобы палата вотировала нѣсколько безотложныхъ законовъ. Къ націи я обращусь съ довѣріемъ. Франція не хочетъ, чтобы нынѣшнія учрежденія были извращены радикализмомъ, и не желаетъ, чтобы въ 1880 году, въ моментъ пересмотра конституціи, все оказалось разстроеннымъ. Франція отдастъ справедливость моимъ намѣреніямъ и изберетъ себѣ уполномоченныхъ изъ среды лицъ, которыя обѣщаютъ содѣйствовать мнѣ».

Въ понедѣльникъ сенатскія бюро займутся разсмотрѣніемъ требованія президента о распущеніи палаты депутатовъ.

Лондонъ, 4-го (16-го) іюня. По достовѣрнымъ извѣстіямъ изъ Константинополя, тамъ, въ ночь съ четверга на пятницу, конфискованы полиціею объявленія, содержащія угрозу, что, въ случаѣ новаго пораженія, Редифъ-паша будетъ умерщвленъ, а султанъ изгнанъ.

Константинополь, 5-го (17-го) іюня. Общій упадокъ духа усиливается.

Турецкая броненосная эскадра, находившаяся подъ Сухумъ-Кале, удалилась оттуда.

Гарнизонъ на островѣ Критѣ недавно усиленъ.

Турецкій почтамтъ на островѣ не выдаетъ греческихъ газетъ.

Парижъ, 5 (17) іюня. Во время вчерашняго бурнаго засѣданія палаты, на улицахъ собралась народная толпа, находившаяся въ сильно возбужденномъ настроеніи. Порядокъ однако не былъ нарушенъ.

Константинополь, 5 (17) іюня. Въ чрезвычайно бурномъ засѣданіи турецкаго парламента депутаты энергически высказались противъ непосредственныхъ переговоровъ съ Россіей и взвели обвиненіе противъ Махмуда-Недима въ томъ, что онъ, будучи великимъ визиремъ, незаконнымъ образомъ присвоилъ себѣ нѣсколько милліоновъ. Будетъ наряжено слѣдствіе.

Цетинье, 17 іюня, вечеромъ. 15 іюня турки безъ боя доставили провіантъ въ Никшичъ. Въ тотъ же день подъ Васоевичами происходило сильное сраженіе между черногорцами и войсками Мехмеда-Али-паши, въ числѣ 15,000 человѣкъ, которые были совершенно разбиты. 16 іюня турки сдѣлали, между Спужемъ и Даниловградомъ, четыре сильныхъ нападенія на черногорцевъ, но были энергически отбиты двумя черногорскими батальонами. Спустя нѣсколько времени черногорцы, получивъ подкрѣпленіе еще изъ двухъ батальоновъ, оттѣснили турокъ до Разиной-Главицы. Турецкія войска, преслѣдуемыя непріятелемъ, поспѣшно отступили къ Спужу, оставивъ на мѣстѣ 2,000 тѣлъ. Черногорцы лишились 115 человѣкъ убитыми и ранеными.

Вѣна, 6 (18) іюня, вечеромъ. Газетѣ «Neue Freie Presse» сообщаютъ изъ Букарешта, отъ сегодняшняго числа, что Рущукъ почти совершенно покинутъ жителями. Численность мѣстнаго гарнизона простирается до 18,000 человѣкъ; сверхъ того, за стѣнами крѣпости расположено 15,000 человѣкъ. Въ Шумлѣ, какъ полагаютъ, находится 25,000 человѣкъ. Русскіе сдѣлаютъ попытку перейти Дунай одновременно на различныхъ пунктахъ. Много матеріала отправляется въ Журжево и Турнъ-Маргурели. Въ Калафатѣ устраиваются новыя баттареи.

Константинополь, 6 (18) іюня, вечеромъ. Палата депутатовъ постановила сократить бюджеты различныхъ министерствъ на 300,000 фунтовъ. Во вторникъ палата окончательно утвердитъ принудительный заемъ.

Аѳины, 6 (18) іюня. Предводитель отряда греческихъ добровольцевъ, Карапатаки, принялъ на себя начальство надъ всѣми инсургентами въ Ѳессаліи.

Парижъ, 6 (18) іюня. Рѣчь, произнесенная Гамбеттою въ засѣданіи палаты, имѣла громадный успѣхъ.

Министерство находится въ крайне затруднительномъ положеніи. Легитимисты и орлеанисты, на которыхъ оно твердо разсчитывало, оказываются несговорчивыми, не соглашаясь на распущеніе, если имъ предварительно не будутъ даны новыя обширныя гарантіи, которыя однако легко могутъ вызвать весьма серьезныя и опасныя усложненія.

Лондонъ, 7 (19) іюня. Въ засѣданіи палаты общинъ, при спеціальномъ обсужденіи бюджета морского министерства, первый лордъ адмиралтейства, г. Уордъ Гёнтъ, отвѣчая на вопросъ г. Гошена, опровергалъ тревожныя заявленія газеты «Times» относительно броненосцевъ, построенныхъ по образцу судна «Inflexible». Г. Гёнтъ утверждалъ, что «Inflexible» въ состояніи выдержать три удара торпеда. «Нынѣшняя война — продолжалъ ораторъ—показываетъ, что торпеды не такъ опасны, какъ принято думать. Употребляемые Россіею и Турціей торпеды уже много лѣтъ извѣстны въ Англіи, которая далеко опередила прочія страны познаніями по части приготовленія торпедъ. Адмиралтейство внимательно разсматриваетъ вопросъ объ огражденіи судовъ отъ торпедъ посредствомъ сѣтей. Рыбовидныя торпеды могутъ быть спускаемы съ судовъ всякаго рода, почему и не существуетъ намѣренія приступить къ постройкѣ многихъ миноносныхъ лодокъ. Послѣднія непригодны для плаванія въ морѣ и могутъ быть употребляемы лишь для защиты гаваней».

Римъ, 7 (19) мая. Болѣзнь папы усиливается.

Вѣна, 7 (19) іюня. Въ «Presse» телеграфируютъ, что Гобартъ-паша, во главѣ сильной турецкой эскадры, подстерегаетъ у Гибралтара русскій флотъ.

* * *

Наши гравюры.

Язычникъ передъ крестомъ.

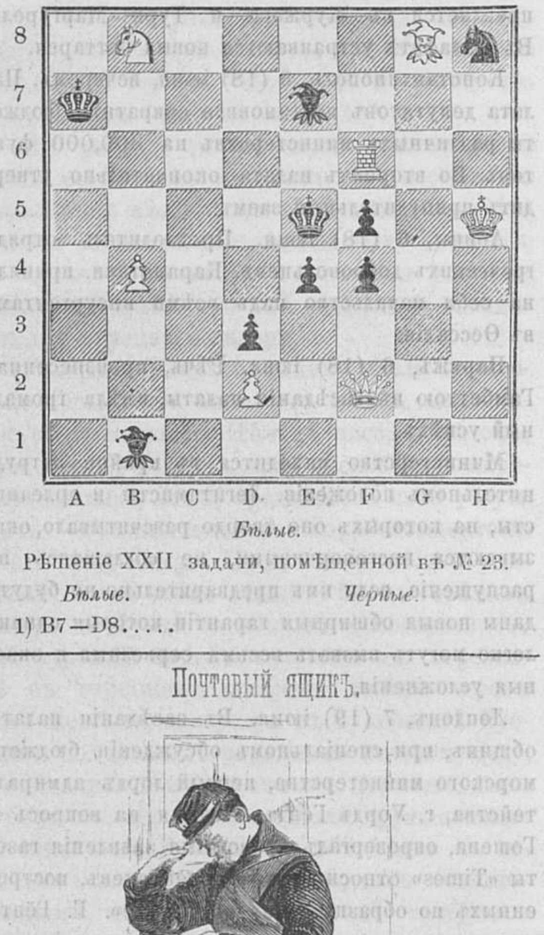
Въ тѣ варварскія времена, когда язычество все еще гордо поднимало свою голову, лишь понемногу уступая отважной проповѣди христіанъ, послѣдніе нерѣдко платились жизнью за свое ученіе. Распятіе на крестѣ считалось тогда самой обычной казнью для нихъ. Къ этимъ-то именно временамъ и относится содержаніе нашего рисунка. Вы видите на немъ два креста. Съ одного изъ нихъ, вѣроятно, только-что сняли замученнаго христіанина, такъ-какъ даже привязывавшая его веревка не убрана еще. Языческій пастухъ, стерегшій неподалеку свое стадо и, можетъ быть, видѣвшій предсмертныя судороги мученика, подошелъ теперь къ этому кресту и жадно впился въ него глазами. Что происходитъ у него на душѣ? Можетъ быть, слабый свѣтъ истины уже озарилъ ее; можетъ быть, онъ еще смутно сознаетъ теперь величіе человѣка, добровольно пожертвовавшаго собой ради идеи... Но кто знаетъ, не встанетъ-ли завтра же этотъ задумавшійся язычникъ въ смѣлые ряды христіанъ!..

Шахматы.

Задача XXIII.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Черные.



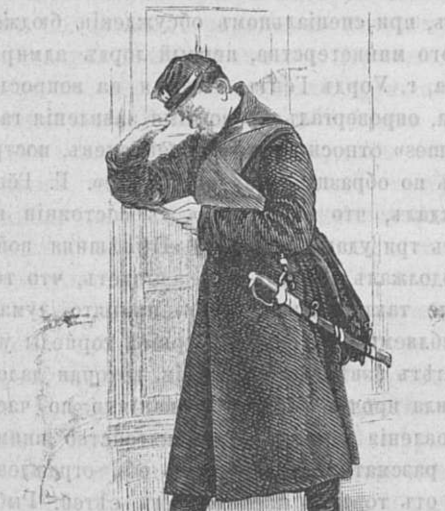
Бѣлые.

Рѣшеніе XXII задачи, помѣщенной въ № 23.

Бѣлые. *Черные.*

1) B7—D8.....

Почтовый ящикъ.



Петербургъ. Г-ну Акви—ну. Статья ваша напечатана, и выраженное Вами условіе исполнено редакціей въ точности.

Нижній-Новгородъ. Г-ну П. И. Ха—ву. Не трудитесь обременять насъ ни стихами, ни романомъ. Мы, дѣйствительно, сочувствуемъ талантливымъ поэтамъ, но Васъ не можемъ заподозрить даже въ знаніи первыхъ правилъ стихосложенія. Беремъ для образца двѣ Ваши строчки:

«Галантерейные товары,
Горшки, мыло и шаровары».

Повѣрьте, что любой балаганный стихоплетъ легче владѣетъ стихомъ. Совѣтуемъ Вамъ, прежде всего, учиться: въ Ваши 23 года это еще не поздно.

Сызрань. Г-ну Березину. Жалоба на неполученіе Вами пяти нумеровъ журнала отправлена въ С.-Петерб. Почтамтъ, а вмѣстѣ съ этимъ высланы Вамъ *вторично* и самые №№.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи. Сѣверная шведская полярная экспедиція подъ начальствомъ проф. А. Е. Норденскіольда.—Черная Индія (продолж.).—Стихотвор. «Романсъ».—Мимолетные наброски.—Письма изъ Америки.—Новости наукъ и жизни.—Смѣсь.—Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій.—Телеграммы.—Наши гравюры.—Шахматы.—Почтовый ящикъ.—Объявленія.

Гравюры: Портретъ проф. А. Е Норденскіольда.—Видъ крѣпости Баязета, взятой русскими войсками 30 апрѣля 1877 г.—Курдская женщина.—Кара-Гиссарскій армянинъ.—Армянскій священникъ.—Турецкій дервишъ.—Таврскій горецъ.—Требизондская женщина.—Армяне.—Язычникъ передъ Крестомъ.—Почталіонъ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Объявленія.

ОТЪ КОНТОРЫ «ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ».

Переплеты для «Живописнаго Обозрѣнія» на 1877 годъ уже приготовляются и будутъ высылаться въ началѣ іюля мѣсяца. Вслѣдствіе увеличенія формата журнала въ нынѣшнемъ году, увеличена и цѣна на переплеты: 1 р. 75 коп. для одного тома, безъ пересылки. Пересылка—за два фунта, по разстоянію. Требованія, поступившія въ редакцію, будутъ удовлетворяться немедленно, при чемъ контора редакціи покорнѣйше проситъ подписавшихся на переплеты по старой цѣнѣ, дослать дополнительную сумму.

Въ конторѣ редакціи «ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ» находится въ продажѣ большая гравюра.

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ.

Снимокъ къ картины *Леонарда да Винчи.* Цѣна *50 коп.* съ пер. *75 коп.*

Въ конторѣ редакціи „Живописнаго Обозрѣнія“ а также въ музыкальныхъ магазинахъ В. Бесселя и К⁰ и М. Бернарда, находятся въ продажѣ **ноты:**

МАРШЪ
РУССКИХЪ ДОБРОВОЛЬЦЕВЪ.

Сочиненіе **ФЛОРІАНА ГЕРМАНА.** (8 страницъ). Цѣна **1** руб. съ пересылкою **1** р. **50** коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА САМОЕ ДЕШЕВОЕ ИЗЪ ВСѢХЪ ЕЖЕДНЕВНЫХЪ,
ПОЛИТИЧЕСКИХЪ И ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ИЗДАНІЙ
ГАЗЕТУ

„НОВОСТИ“

на 1877 годъ.

Въ С.-Петербургѣ, Больш. Садовая д. № 47.

» Кронштадтѣ, въ отдѣлен. газ. «Новости».

» Москвѣ, въ московскомъ отдѣленіи газеты «Новости, на углу Дмитріевки и Охотнаго ряда, д. Благороднаго Собранія, въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Живарева.

Въ Казани, въ отдѣленіи конторы газеты «Новости» при книжномъ и музыкальномъ магазинѣ «Восточная Лира».

Цѣна на 8 мѣсяцевъ съ 1 мая по 1 января 1878 года для иногородныхъ 7 рубл., для городскихъ подписчиковъ съ доставкою 6 руб.; на 1 годъ 9 руб.; на другіе сроки по 1 руб. за каждый мѣсяцъ.

По богатству, разнообразію и свѣжести извѣстій какъ политическихъ и внутреннихъ, вообще, такъ и съ театра войны, въ особенности, газета «Новости» нисколько не отличается отъ наиболѣе распространенныхъ ежедневныхъ изданій.

Во все время войны въ газетѣ «Новости» будутъ печататься спеціальныя корреспонденціи и телеграммы съ Дуная, Кавказа и Персидской границы, изъ славянскихъ земель и Константинополя.

Кромѣ того, въ газетѣ «Новости» постоянно печатаются всѣ телеграммы «Международнаго Тел. Агент.» и »Agence génér. russe».

ВЫШЛА ТЕТРАДЬ ШЕСТАЯ

РУССКІЙ АРХИВЪ

(годъ пятнадцатый).

ИЗДАВАЕМЫЙ ПЕТРОМЪ БАРТЕНЕВЫМЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Казаки по отношенію къ государству и обществу IV—V (Великорусское казачество.—Запорожскіе нравы.—Значеніе благочестія.—Показанія самовидца.—Усы). Статья П. А. Кулиша. Стр. 113.

Николай Ивановичъ Второвъ. Главы 1 и 2-я. (Автобіографія.—Дѣтство.—Казанская гимназія.—Казанскій университетъ.—Первоначальная служба). Статья М. Ѳ. Де-Пуле. Стр. 136.

Унтеръ-офицеръ Старичковъ, герой 1806 года. (Сообщено Г. Н. Александровымъ). Стр. 166.

Правила для обхожденія съ нижними чинами (1815). Изъ приказовъ князя М. С. Воронцова. (Сообщено Н. Н. Мурзакевичемъ). Стр. 167.

Путешествіе по Россіи и въ чужихъ краяхъ Великаго Князя Николая Павловича 1816 и 1817 года. (Сообщено Б. Г. Глинкою-Маврынымъ). Стр. 172.

Изъ Старой Записной Книжки, начатой въ 1813 году. (Сатирическія объявленія.—Застольная пѣснь). Стр. 221.

Письмо В. А. Жуковскаго къ А. М. Веневитиновой. 1849. Стр. 228.

Изъ дневника, веденнаго Ю. Ѳ. Самаринымъ въ Кіевѣ, въ 1850 году. (По поводу книги П. А. Кулиша). Стр. 229.

Къ жизнеописанію Г. С. Винскаго. Стр. 233.

Преданіе о казни Пугачева. (Сообщено Ф. Л. Ляликовымъ). Стр. 234.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
ВЪ 1877 ГОДУ

(годъ пятнадцатый).

Русскій Архивъ, посвященный историческому изученію нашего Отечества, преимущественно въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, издается въ 1877 году на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и первыя четырнадцать лѣтъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1877 года, выходящаго, *по мѣрѣ отпечатанія,* двѣнадцатью тетрадями (изъ коихъ каждыя четыре тетради составляютъ особую книгу), какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1877 году доставляютъ или высылаютъ восемь рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву, на Никитскій бульваръ, въ домъ Дюгамеля, въ Контору Русскаго Архива.*

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается на Большой Морской, **№ 11,** въ Главной Конторѣ газеты Русскій Міръ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 Іюня 1877 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде.

№ 25. Томъ I. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода—4 р. 50 к. Отдѣльн. №№ по 15 к.

С.-Петербургъ, 19 Іюня 1877 года.

Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Троицкій переулокъ, домъ № 27/1.

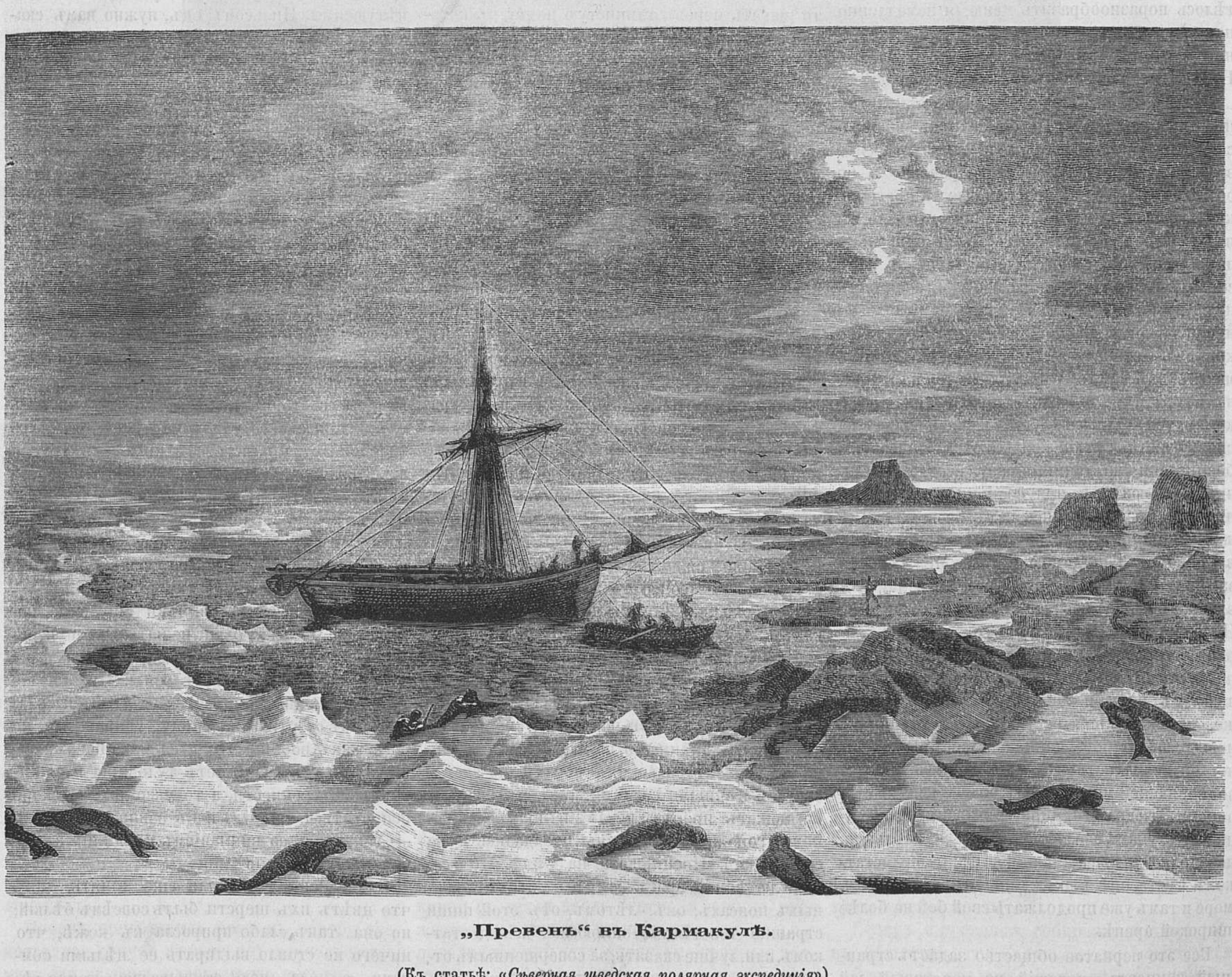
Годъ V.

Подписка на „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ" 1877 г. продолжается.

Въ 1877 году журналъ выходитъ **еженедѣльными** нумерами (въ годъ 52 нумера), иллюстрированными множествомъ художественныхъ гравюръ. Всѣ подписчики получаютъ, въ **видѣ премій**, ежемѣсячное приложеніе подъ заглавіемъ «Жизнь и Хозяйство», со множествомъ рисунковъ. Годовымъ подписчикамъ разсылаются слѣдующія преміи: большая гравюра: **продажа амулетовъ**, снимокъ съ картины проф. **Генриха Семирадскаго**, на толстой веленевой бумагѣ, длиною одинъ аршинъ, шириною 12½ вершковъ, и **Карта театра военныхъ дѣйствій въ Европейской и Азіятской Турціи.**

Годовая подписная цѣна журнала съ достав. и перес. 7 руб., безъ перес. и доставки—6 руб. На полгода: съ 1-го іюля, съ пересылкою—4 р. 50 коп., безъ перес.—3 руб.

Подписка продолжается. Новые подписчики получаютъ журналъ съ перваго нумера.



„Превенъ" въ Кармакулѣ.

(Къ статьѣ: *«Сѣверная шведская полярная экспедиція»*).

Сѣверная шведская полярная экспедиція подъ начальствомъ профессора А. Е. Норденскіольда.

(*Продолженіе.*)

Часть первая.

Отъ Новой Земли до Енисея.

Въ первый день іюля, небо было голубое, солнце сіяло и воздухъ былъ совершенно лѣтній. Кромѣ того, наступило полное затишье, поверхность моря точно зеркальная, льдины, освѣщаемые солнцемъ, напоминаютъ собою блескъ бриллiантовъ и изумрудовъ. Только-что кончили обѣдъ, какъ завѣдующій провіантскою частью пришелъ узнать у меня, не хочу ли я убить «ковве» (тюленя). Я взялъ ружье и вышелъ вмѣстѣ съ нимъ. Неподалеку отъ насъ лежалъ на льдинѣ большой тюлень (Phaca barbata) и грѣлся на солнцѣ; я выстрѣлилъ, но пуля только ранила его; онъ сейчасъ же исчезъ подъ водою, оставляя за собой на льдинѣ большое кровяное пятно. Я отмстилъ эту неудачу на другомъ, къ которому осторожно подплылъ; первый выстрѣлъ ранилъ его въ спину, а другой убилъ замертво. Это молодой Phoca barbata — самое большое пока изъ убитыхъ мною млекопитающихъ.

По временамъ, повѣваетъ легкій вѣтерокъ. Вдали виднѣются «Птичьи горы».

2 іюля, около четырехъ часовъ утра, «Превенъ» бросаетъ якорь; въ зрительную трубу мы увидѣли на землѣ четырехъ великолѣпныхъ, преспокойно пасшихся, оленей. Мы все время питались солеными вещами и консервами, а потому понятно, что всѣмъ намъ захотѣлось поразнообразить меню; я немедленно пересѣлъ въ шлюпку и, въ сопровожденіи одного изъ нашихъ людей, хорошаго малаго, Нильса, направился къ желанному берегу.

Густой туманъ скрывалъ наше приближеніе отъ непріятеля. Но онъ вдругъ разсѣялся, и передъ нами открылось самое чудесное зрѣлище. Неподалеку отъ «Превена» и по обѣ стороны его поднимались блестящія горы, крутые склоны которыхъ прямо уходили въ воду. Всѣ выступы скалъ были буквально покрыты миріадами птицъ; по чернымъ, какъ смоль, крыльямъ на спинѣ и бѣлымъ перьямъ на груди, по полету или вертикальному положенію тѣла, когда онѣ находятся въ покоѣ, и по крикамъ—сейчасъ-же можно узнать въ нихъ маленькихъ кайръ. Онѣ виднѣются на выступахъ горъ, имѣютъ важную, невозмутимую осанку, жмутся другъ къ другу, и каждая сидитъ на своемъ яйцѣ. Другія подымаются въ воздухѣ безчисленными стаями, образуя всегда одну линію; со шлюпки и при солнечномъ освѣщеніи, онѣ представлялись намъ безконечными жемчужными ожерельями, передвигаемыми въ воздухѣ невидимою рукою. Между ними замѣчается, тамъ и сямъ, трехпалая чайка и высоко-высоко носится морской рыболовъ. На вздымающихся волнахъ тоже видны кайры, которыя съ видимымъ удовольствіемъ покачиваются на нихъ, или же погружаютъ носы въ воду и ловятъ себѣ пищу. Иныя же, разъяренныя, вступаютъ въ страшный между собою бой, кончающійся, обыкновенно, вмѣшательствомъ миролюбивой кайры, водворяющей миръ между враждующими сторонами. Эти драки начинаются преимущественно на уступахъ скалъ, между двумя сосѣдками, незадолго до высиживанія яицъ; за недостаткомъ мѣста, онѣ вынуждены отправляться въ море и тамъ уже продолжать свой бой на болѣе широкой аренѣ.

Все это пернатое общество задаетъ странный концертъ, похожій на неистовый лай голодной стаи собакъ, или же на раскаты грома, отдающіеся эхомъ въ горахъ.

Далѣе виднѣется цѣлый рядъ бѣлыхъ дельфиновъ, которые ,въ числѣ нѣсколькихъ сотенъ, волнуютъ море, точно буря. Наша шлюпка проплываетъ мимо ихъ, и они остаются совершенно покойными, не обращая на насъ никакого вниманія.

Здѣсь были молодые дельфины, судя по ихъ меньшей величинѣ и сѣроватому цвѣту: у взрослыхъ—кожа ослѣпительной бѣлизны, съ радужными оттѣнками. Большая часть изъ нихъ достигала отъ четырехъ до пяти и даже шести метровъ длины. Они плаваютъ, какъ китоводные, то на спинѣ, то на брюхѣ; въ такомъ положеніи, они издаютъ иногда странный звукъ, хорошо знакомый сѣвернымъ рыбакамъ. Я, на всякій случай, выстрѣлилъ въ нихъ, но неудачно: эти млекопитающія уязвимы, какъ извѣстно, только въ одномъ мѣстѣ тѣла, а именно, если направить ударъ въ глазъ, который у нихъ, сравнительно со всѣмъ туловищемъ, замѣчательно малъ.

Высадившись, мы притягиваемъ шлюпку на берегъ и отправляемся въ путь. На каждомъ шагу попадаются намъ птицы! Вотъ цѣлое стадо шотландскихъ гусей съ черною шеею, а дальше отъ берега—стаи дикихъ гусей.

Солнце, однако, начинаетъ здо̀рово припекать; мнѣ даже не вѣрится, чтобы на 72° широты могъ быть такой зной. А, между тѣмъ, это въ самомъ дѣлѣ такъ: мы всѣ въ поту. Положимъ, на насъ шерстяные костюмы и, притомъ, мы должны пробивать себѣ дорогу по горамъ и по доламъ; то намъ приходится переходить въ бродъ черезъ горный потокъ, то шагать черезъ глинистую почву, въ которой мы постоянно вязнемъ.

— Докторъ, сказалъ мнѣ тихо Нильсъ, дергая меня за рукавъ. — А что? — Видите вотъ тамъ? — Что такое? — и приблизившись ко мнѣ, шепнулъ: en rav (лисица)!

И, въ самомъ дѣлѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ насъ я увидѣлъ прекраснаго песца (Vulpes lagopus, Линней). Къ счастью, лиса эта насъ не замѣтила, такъ что я отлично разсмотрѣлъ ее, любуясь ея прекраснымъ лѣтнимъ костюмомъ я хочу сказать—ея чернобурымъ мѣхомъ. Зимою она, какъ извѣстно, совершенно бѣлая, и такой мѣхъ очень дорого цѣнится. Она, впрочемъ, совершенно походитъ на своихъ собратьевъ, живущихъ въ цивилизованныхъ странахъ, и, живя въ сѣверныхъ районахъ, ни мало не утратила качествъ присущихъ ея породѣ. Съ наклоненной къ землѣ мордою, она скачетъ то вправо, то влѣво; эта ледовитая лиса охотилась въ то время, повидимому, за пеструшками. Вдругъ она исчезаетъ гдѣ нибудь за горою; мы бросаемся ей вслѣдъ, но лиса пропала! Тонкое ея чутье открыло ей наше присутствіе, и она сочла лучшимъ скрыться. Черезъ нѣсколько минутъ мы видимъ ее вдали, какъ она, что есть духу, убѣгаетъ, направляясь въ горы; я считаю счастьемъ для себя, что увидѣлъ на свободѣ это животное, попадающееся только въ самыхъ сѣверныхъ странахъ. Песецъ хотя и часто встрѣчается въ сѣверной Скандинавіи, но это бываетъ только на самыхъ высокихъ горахъ, по сосѣдству съ вѣчными снѣгами, такъ что онъ легко можетъ пройти незамѣченнымъ. Впрочемъ, говорятъ, что песцы попадались и на самомъ югѣ Швеціи, даже на Зундѣ. Это—самый лютѣйшій врагъ птицъ въ этихъ сѣверныхъ поясахъ; онъ, лѣтомъ, отъ этой пищи страшно толстѣетъ; зимою же, за недостаткомъ, или, лучше сказать, за совершеннымъ отсутствіемъ птицъ, лиса чрезвычайно худѣетъ.

Мы продолжаемъ нашъ путь. Нильсъ всегда на сторожѣ и очень осторожно подвигается впередъ. Вдругъ, онъ страшно вскрикиваетъ: я внезапно исчезъ въ одномъ углубленіи и хотѣлъ перешагнуть его, но нога моя упирается на кусокъ обрушившагося льда, такъ что я падаю, какъ письмо, опущенное въ почтовый ящикъ. Я не ушибся, такъ какъ попалъ, къ счастью, въ воду въ полметра глубины; спутникъ мой ложится, протягиваетъ мнѣ руку и вытаскиваетъ меня, а мнѣ остается только радоваться, что это паденіе обошлось одною холодною ванною. Если бы вода была глубже, то положеніе мое было бы изъ самыхъ критическихъ, потому что ледникъ вдается въ море носомъ, и горный потокъ образуетъ страшный водопадъ.

Перевѣсивъ ружье чрезъ плечо и вытряхнувши свои высокіе морскіе сапоги, мы продолжаемъ путь. Съ вершины холмика, мы, наконецъ, завидѣли вдали преспокойно пасущагося у берега оленя и потихоньку подкрадываемся къ нему. Благодаря противному вѣтру, олень, отличающійся чуткимъ обоняніемъ, не слышитъ нашего приближенія; но земля, состоящая, главнымъ образомъ изъ шифера, трещала подъ нашими шагами. Мы всходимъ, наконецъ, на послѣднюю вершину; но нужно быть еще осторожнѣе, взлѣзть наверхъ и удерживать дыханіе: въ оврагѣ мы видимъ не одного, а четырехъ оленей, изъ которыхъ двое съ великолѣпными рогами; судя по размѣрамъ, другіе оба—молодые олени. Разстояніе слишкомъ еще большое для ружейнаго выстрѣла: что тутъ дѣлать? Совѣтуюсь съ Нильсомъ; онъ, нужно вамъ сказать, всегда склоняется на выжидательное положеніе и совѣтуетъ ждать, по какому направленію пойдутъ олени.

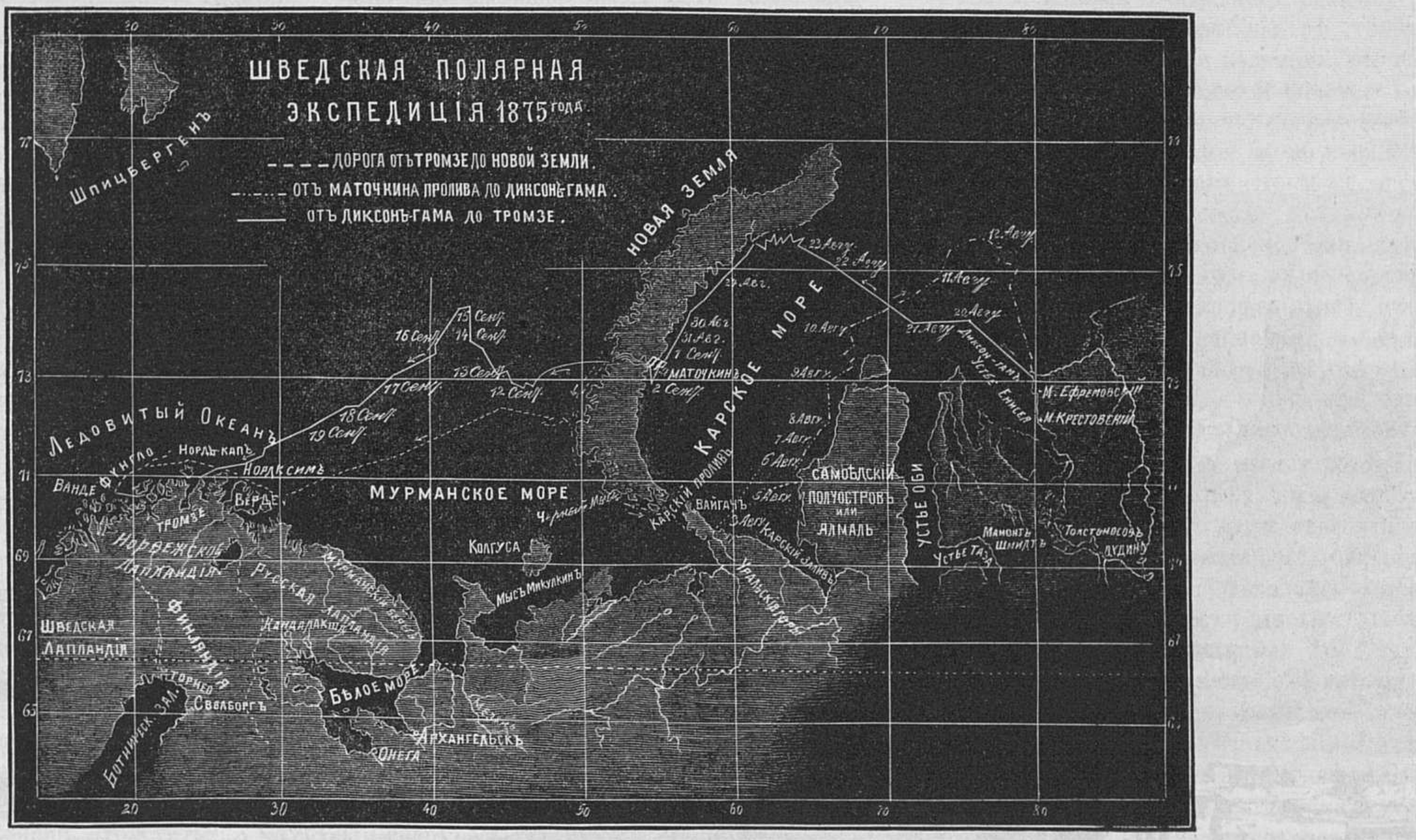
Олени направляются по лѣвую нашу руку, къ верхушкѣ горы, лежащей наискосокъ отъ насъ. Мы спускаемся по той же дорогѣ по которой взлѣзали; насъ скрывала скала, такъ что мы очутились скоро на разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ оленей. Какъ приступить къ нападенію? Нильсъ, вооруженный моимъ Ремингтономъ, долженъ стрѣлять въ самаго большого и самаго дальняго оленя, а я беру на себя убить самаго близкаго. Сказано, сдѣлано; раздаются два выстрѣла одновременно и падаютъ двѣ жертвы; остальные олени убѣгаютъ на высокія верхушки. Мы въ восторгѣ подбѣгаемъ къ убитымъ оленямъ; я своего убилъ на мѣстѣ; это былъ молодой, двухъ или трехлѣтній, олень. Другой же, сраженный Нильсомъ, хорошаго роста, съ трудомъ тащится къ леднику, находящемуся на противоположномъ склонѣ; но Нильсъ не даетъ ему далеко заходить; однимъ ударомъ ножа онъ кладетъ конецъ страданіямъ несчастнаго животнаго.

Каждый охотникъ пойметъ ощущеніе, которое мы должны были испытывать при видѣ этихъ двухъ оленей, распростертыхъ на снѣгѣ ослѣпительной бѣлизны. Нильсъ, не теряя времени, принимается за дѣло; онъ кладетъ обѣ жертвы на спину, упирая ихъ на рога, какъ вообще дѣлается на сѣверѣ, однимъ махомъ разсѣкаетъ туловища и вынимаетъ внутренности, а то мясо можетъ скоро испортиться. Вокругъ насъ взвиваются чайки — сенаторы, со вниманіемъ слѣдящія за невиданнымъ ими зрѣлищемъ.

Олени наши не начали еще линять, такъ что цвѣтъ ихъ шерсти былъ совсѣмъ бѣлый; но она такъ слабо приросла къ кожѣ, что ничего не стоило выдирать ее цѣлыми комками, а подъ нею открывалась темно-сѣрая кожа — ихъ лѣтній костюмъ. Рога покрыты еще кожею, — такъ всегда бываетъ у оленей, до тѣхъ поръ, пока они не дойдутъ до полнаго годового развитія. Олень тѣмъ отличается отъ другихъ видовъ того же семейства, что самка его также снабжена рогами. Убитые нами два экземляра очень походятъ на дикихъ оленей Норвегіи и Сибири, и также, какъ и эти, отличаются отъ шпицбергенскаго болѣе длинными ногами и большимъ туловищемъ. Эти олени чрезвычайно жирѣютъ осенью на Новой Землѣ и Шпицбергенѣ.

Идя по направленію къ морю, мы приходимъ къ Alkerg, (т. е. гора кайръ) которую мы завидѣли, высаживаясь съ Превена. Мы утолили голодъ яйцами кайръ (это весьма лакомое кушанье) и жажду, напившись изъ сосѣдняго потока, причемъ я наклонился надъ пропастью и со вниманіемъ слѣдилъ за пернатою республикою.

Все пространство, обнимаемое глазомъ, занято безчисленными стаями кайръ, гнѣзда которыхъ такъ густо насажены, что невозможно просунуть руку: на сто квадр. саженъ будетъ приблизительно около пяти сотъ птицъ. Я не ошибусь, если скажу, что всѣхъ птицъ на этой горѣ около нѣсколькихъ милліоновъ.


ШВЕДСКАЯ ПОЛЯРНАЯ
ЭКСПЕДИЦІЯ 1875 года
ДОРОГА ОТЪ ТРОМЗЕ ДО НОВОЙ ЗЕМЛИ.
ОТЪ МАТОЧКИНА ПРОЛИВА ДО ДИКСОНЪ-ГАМА.
ОТЪ ДИКСОНЪ-ГАМА ДО ТРОМЗЕ.
ШПИЦБЕРГЕНЪ
НОВАЯ ЗЕМЛЯ
КАРСКОЕ МОРЕ
ЛЕДОВИТЫЙ ОКЕАНЪ
МУРМАНСКОЕ МОРЕ
Нордъ-капъ
Нордксимъ
Ванде
Фунгло
Тромзе
Верде
Норвежская Лапландія
Русская Лапландія
Финляндія
Шведская Лапландія
Мурманскій берегъ
Кандалакша
Торнео
Свеаборгъ
Ботническ. зал.
Бѣлое море
Онега
Архангельскъ
Колгуса
Мысъ Микулкинъ
Черный Мысъ
Карскій проливъ
Вайгачъ
Маточкинъ
Самоѣдскій полуостровъ или Ялмаль
Устье Оби
Устье Таза
Мамонтъ Шмидтъ
Толстоносовъ
Дудино
Карскій заливъ
Уральскія горы
Диксонъ-гамъ
Устье Енисея
М. Ефремовскій
М. Крестовскій
12 Сент.
13 Сент.
14 Сент.
15 Сент.
16 Сент.
17 Сент.
18 Сент.
19 Сент.
1 Сент.
2 Сент.
30 Авг.
31 Авг.
29 Авг.
23 Авгу.
22 Авгу.
21 Авгу.
20 Авгу.
12 Авгу.
11 Авгу.
10 Авгу.
9 Авгу.
8 Авгу.
7 Авгу.
6 Авгу.
5 Авгу.
3 Авгу.
20
30
40
50
60
70
80
77
75
73
71
69
67
65

По времени, намъ пора вернуться на Превенъ. Мы оставили оленей, съ тѣмъ, чтобы за ними послѣ пріѣхать въ лодкѣ, и присоединились къ друзьямъ какъ разъ въ то время, когда они садились завтракать.

Послѣ полудня, мы опускаемъ въ море большую сѣть съ нѣсколькими кайрами; сѣть эта прикрѣплена къ желѣзному кольцу, имѣющему въ діаметрѣ шестьдесятъ сантиметровъ. По прошествіи часа, сѣть вытаскивается не только со скелетами птицъ, но и съ сотнями монистковъ. Мы нарочно бросили сѣть съ такою приманкою, иначе почти невозможно словить морскихъ животныхъ; это единственный удающійся способъ при ловлѣ большихъ раковидныхъ изъ семейства десятиногихъ.

Поваръ приготовилъ намъ къ вечеру превосходное сочное жаркое изъ оленьяго мяса; мясо это вкусомъ напоминаетъ косулю.

«Превенъ» входитъ на слѣдующій день въ бухту, названную русскими *Безъименной*. Забросивши якорь, я отправляюсь въ сопровожденіи двухъ людей осмотрѣть логовище, въ которомъ, по словамъ капитана, должны находиться шесть песцовъ. Лисицы въ логовищѣ, и до насъ доходитъ какой-то странный визгъ; самка одна показалась въ нѣкоторомъ разстояніи и испустила жалобные крики. Въ норѣ прорыто множество аллей; мы насчитали до пятнадцати выходовъ.

5-го іюля, рано утромъ, я отправляюсь съ г. Норденскіольдомъ въ шлюпкѣ, чтобы изслѣдовать входъ въ Безъименную бухту. Мы проѣзжаемъ мимо и подъ цѣлыми вереницами кайръ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мы стрѣляемъ, чтобы узнать, какое эхо въ горахъ: тысячи вспуганныхъ птицъ взлетаютъ и буквально заслоняютъ солнце.

По прошествіи трехъ часовъ, мы прибыли къ цѣли нашего плаванія. Первымъ дѣломъ по высадкѣ было сооруженіе палатки. Между тѣмъ, какъ г. Норденскіольдъ опредѣляетъ астрономическое расположеніе мѣстности, наши матросы отправляются за поисками древесныхъ стволовъ, выбрасываемыхъ моремъ на берегъ, и разводятъ чудесный огонь; одинъ изъ нихъ, исполняя обязанности повара, приготовляетъ намъ превкусный ужинъ. Если вѣрить отзывамъ, то никто не умѣетъ такъ хорошо приготовлять рисовый супъ, какъ лапландцы: супъ и оленье мясо—вотъ все, что умѣютъ они приготовить, но то и другое очень вкусно, хотя немного жирно, впрочемъ, какъ разъ настолько, насколько нужно для питанія организма, когда ртуть въ термометрѣ стоитъ на 3°.

На слѣдующее утро, мы рано просыпаемся отъ чудеснаго запаха мокко, приготовляемаго нашими людьми. Сдѣлавши свой туалетъ и плотно позавтракавши, каждый расходится въ разныя стороны по окрестностямъ. Что касается меня, то я иду по склону горы, возвышающейся на южной сторонѣ бухты, съ цѣлію собирать насѣкомыхъ; приподнявъ камни съ земли вдоль берега, я нашелъ множество пауковъ и клещеносовъ, но дальше попадаются мнѣ мухи, комары и огромныя долгоножки, которыхъ гибель въ сырыхъ мѣстахъ и около прудовъ. Мнѣ приходится идти по берегу извилистой рѣки, воды которой шумно изливаются въ море, образуя бѣлоснѣжную пѣну. Наконецъ, я и на верхушкѣ горы; у подошвы нашихъ ногъ простирается озеро; позади насъ необъятное море, къ которому летитъ цѣлая стая дикихъ гусей, издавая весьма негармоничные звуки; впереди—горы, разнообразные контуры которыхъ выдѣляются на горизонтѣ, а по крутымъ склонамъ ихъ бѣгутъ, извиваясь въ долинѣ, многочисленные горные потоки.

Только-что мы всѣ успѣли воротиться, какъ уже «Превенъ» снимается съ якоря и направляется къ Маточкину Шару — этому замѣчательному проливу, раздѣляющему Новую Землю на два острова: на одинъ, бо́льшій къ сѣверу, и другой, гораздо меньшій къ югу. Мы высадились 7-го и немедленно отправились въ дальнюю экскурсію; штурманъ, вмѣстѣ съ Педеромъ, убиваютъ десять оленей.

Послѣ полудня, къ «Превенъ» стали прибывать съ востока такія огромныя пловучія льдины, что намъ угрожаетъ опасность быть увлеченными въ море. Не теряя времени, мы вооружаемся баграми, крюками и другими орудіями и, послѣ большихъ усилій, намъ удается освободиться отъ льдинъ. «Превену» приходится цѣлую ночь бороться съ этими измѣнническими льдинами; если бы порвались канаты, то якоря сорвались бы и намъ пришлось бы бороться со льдами, рискуя удариться о берегъ или попасть въ яму. Г. Норденскіольдъ совѣтуетъ удалиться; яхта наша становится тогда на якорь въ небольшой бухтѣ, лежащей противъ нашего прежняго якорнаго мѣста. Мои коллеги—натуралисты отправляются на землю, оставляя меня одного на суднѣ до обѣда; я запускаю лапу якоря на глубину двадцати пяти и до пятидесяти метровъ на песчаное дно. На этой глубинѣ, животная жизнь состоитъ изъ дырчатыхъ, которыхъ мы вытаскиваемъ цѣлыми массами, изъ раковинъ, изъ колючекожихъ изъ класса морскихъ кубышекъ и изъ мелкихъ змѣехвостовъ.

Вечеръ я посвящаю собиранію насѣкомыхъ въ обществѣ гг. Кьельмана и Лендстрема.

Входъ въ проливъ окруженъ высокими горами; почва здѣсь преимущественно шиферной формаціи и не содержитъ въ себѣ никакихъ ископаемыхъ. Прекрасная гренландская гага, (Somateria spectabilis, L) одну изъ которыхъ я убиваю, попадается большими стаями въ Маточкиномъ проливѣ; старыхъ самцевъ очень немного. Читатели мои, вѣроятно, знаютъ, что эта гага — prakteider, встрѣчается только въ полярныхъ моряхъ; она попадается въ Гренландѣ, на Медвѣжьемъ островѣ и Шпицбергенѣ, но осенью и зимою водится, какъ и нѣжная гага (Somateria mollissima, L), на берегахъ Финнмаркена. Всѣ собранныя нами на Новой Землѣ яйца принадлежатъ къ виду Somateria mollissima, L; Мальмженъ говоритъ, что птица эта водится въ большомъ изобиліи на восточномъ берегу Шпицбергена; но число ихъ значительно изъ года въ годъ уменьшается, также точно, какъ и на Скандинавскомъ, вслѣдствіе неправильной экономіи. Мореплаватели по Ледовитому океану не довольствуются лучшими перьями гаги, которыя она выщипываетъ у себя во время сидѣнія на яйцахъ, для украшенія своего гнѣзда и для поддержанія въ немъ пріятной теплоты, но захватываютъ еще съ собою и яйца, чѣмъ значительно уменьшается будущій выводъ гаги. На Норвежскомъ берегу, въ особенности на сѣверѣ, Somateria mollissima сдѣлалась почти ручною птицею; жители острововъ очень хлопочутъ о сохраненіи этихъ дорогихъ гостей—постояннаго источника ихъ доходовъ, и не допускаютъ къ себѣ на острова никакихъ иностранцевъ, коль скоро гаги избираютъ ихъ своимъ мѣстожительствомъ. Благодаря благоразумнымъ мѣрамъ островитянъ, направленнымъ къ сохраненію урожая пуха и яицъ, гаги охотно возвращаются ежегодно и гнѣздятся на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, и такъ привыкаютъ къ нимъ, что къ насѣдкѣ можно даже подходить и ласкать ее, и она остается совершенно покойной.

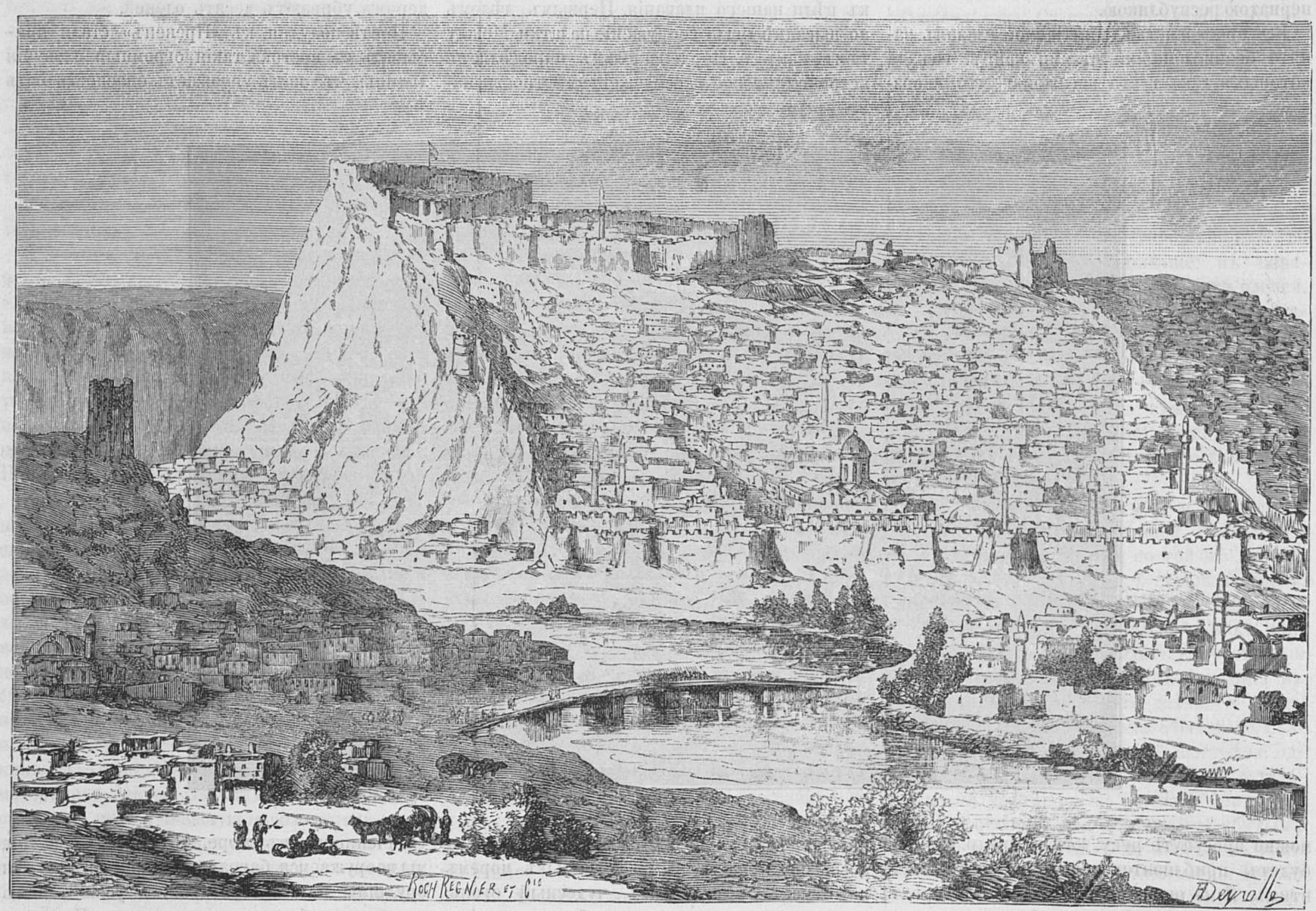
Наступаютъ нѣсколько теплыхъ лѣтнихъ дней при 15° температурѣ; сильное теченіе то съ запада, то съ востока, смотря потому, откуда дуетъ вѣтеръ, и приливъ и отливъ въ Маточкиномъ проливѣ пригоняютъ льдины къ «Превенъ», такъ что мы должны опять перемѣнить мѣсто и пристать къ противоположному берегу. Часовой, смотрящій въ даль съ высоты мачты, различаетъ парусъ; это рыболовное судно (fangstjakt), управляемое капитаномъ Маттисеномъ изъ Гаммерфеста; оно вскорѣ по сосѣдству съ нами забрасываетъ якорь. Мы салютуемъ его, поднимая шведскій флагъ; никогда еще голубой съ золотомъ флагъ не развѣвался на Новой Землѣ. Сосѣдъ нашъ, не обращая вниманія на всѣ наши предостереженія, направляется къ проливу, въ надеждѣ проложить себѣ путь, но встрѣчаетъ непреодолимую преграду изъ льдовъ, такъ что вынужденъ отказаться отъ своего намѣренія.

12-го іюля, гг. Норденскіольдъ и Кіельманъ отправляются въ шлюпкѣ, чтобы изслѣдовать состояніе льдовъ, между тѣмъ, какъ Лендстремъ, въ сопровожденіи матроса, восходитъ на сосѣднюю гору, чтобы оттуда дѣлать топографическія наблюденія.

Небо ясно, солнце ярко свѣтитъ, словомъ—настоящее лѣто: ртуть въ термометрѣ между 11 и 12°. Горы съ ихъ блестящими верхушками отражаются въ тихой синей водной поверхности. Въ 8 час. вечера поднимается сильный вѣтеръ. Г. Лендстремъ не вернулся къ намъ на ночь, а пришелъ на слѣдующее утро съ своимъ спутникомъ, совершенно усталый и измоченный до костей. Но онъ не жалуется; онъ чувствуетъ себя вполнѣ вознагражденнымъ за все перенесенное имъ прекраснымъ видомъ, открывшимся передъ нимъ на три тысячи футовъ надъ поверхностью моря.

По его словамъ, на этой вышинѣ была гробовая тишина, прерываемая завываніемъ вѣтра и дождемъ, ударявшимъ по крутымъ склонамъ. Внутри страны представлялись одни только горы и долины, между которыми виднѣлись огромные ледники и замерзшія рѣки. Маточкинъ проливъ имѣлъ видъ широкой и длинной голубой ленты, извивающейся между горами; верхушки иныхъ скрывались отъ взора за проливнымъ дождемъ или спускающимся туманомъ, другія же освѣщались блѣдно-желтыми лучами полночнаго солнца.

(Продолженіе слѣдуетъ.)



Видъ крѣпости Карса.

◆

Черная Индія.

Романъ Жюля Верна.

(*Продолженіе.*)

XIV.

Давнишняя мечта Симона Форда, наконецъ, осуществилась, и вся семья стараго надсмотрщика благоденствовала.

Но всякому бросалось въ глаза, что Гарри, отъ природы немного угрюмый, все болѣе и болѣе углублялся въ себя; даже съ Жакомъ Райанъ, этимъ веселымъ и сообщительнымъ товарищемъ, онъ не былъ на распашку.

Въ одно воскресенье—это было въ іюнѣ—

оба пріятеля прогуливались по берегамъ Малькольмскаго озера. Въ «Угольномъ городѣ» по воскресеньямъ не работали. На поверхности земли происходила гроза; изъ земли выходили теплые пары. На поверхности графства атмосфера была душная.

Въ «Угольномъ городѣ», напротивъ, атмосфера была вѣчно ровная, тихая, не было ни дождя, ни вѣтра. Многіе спустились съ поверхности графства Стерлингъ въ подземельный городъ, чтобы подышать въ каменноугольныхъ копяхъ свѣжимъ и прохладнымъ воздухомъ.

Электрическіе диски испускали изъ себя яркій свѣтъ, который конечно, могъ бы поспорить съ британскимъ солнцемъ, обыкновенно застланнымъ облаками.

Посмотри, Гарри! вскрикнулъ Жакъ Райанъ,—сколько у насъ посѣтителей! Да ну!—разгони же свою грусть хоть ради этихъ посѣтителей, а то они еще вообразятъ, что мы завидуемъ ихъ счастью.

— Жакъ, отвѣтилъ Гарри,—не обращай на меня вниманія; ты веселъ за двоихъ, достаточно и этого!

— Твое грустное настроеніе непремѣнно отразится и на мнѣ, Гарри! На глазахъ навертываются слезы, губы сжимаются, мнѣ больно смѣяться, даже пѣсни измѣняютъ. Что съ тобою, Гарри?

Я тебѣ говорилъ, Жакъ.

— Неужели все та же мысль?

— Да, та же.

— Ахъ, бѣдный мой Гарри! отвѣтилъ Жакъ, пожимая плечами:—гораздо лучше было бы, еслибы ты послѣдовалъ моему примѣру и приписалъ это все горнымъ духамъ,—тогда бы ты успокоился.

— Ты отлично знаешь, Жакъ, что горные духи существуютъ только въ твоемъ воображеніи: со времени возобновленія работъ, ни одинъ не являлся въ Ново-Аберфойль.

— Положимъ, Гарри! но если *бранье* (brawnies) не показываются, то и тѣ, которымъ ты хочешь приписать всѣ эти странныя и непонятныя событія, также не являются!

— Я ихъ отъищу, Жакъ!

— Ахъ, Гарри, Гарри! на слѣдъ духовъ Ново-Аберфойль не легко попасть.

— Я попаду на слѣдъ этихъ воображаемыхъ духовъ,—замѣтилъ Гарри рѣшительнымъ тономъ.

— И такъ, ты хочешь отомстить?

— Отомстить и наградить, Жакъ! Не забывай, что если одна рука насъ заключила въ копи, то другая освободила! Я никогда не забуду этого!

— Твердо-ли ты убѣжденъ, Гарри, что эти двѣ руки не принадлежатъ одному и тому же лицу?

— Какимъ образомъ могла тебѣ придти въ голову такая мысль?

— Да ты знаешь... Гарри! обитатели подземелій иначе созданы, чѣмъ мы!...

— Ну, вотъ, что выдумалъ!...

— Нѣтъ, Гарри... далеко нѣтъ... Вѣдь могъ же наконецъ забраться въ это подземелье какой-нибудь съумасшедшій...

— Съумасшедшій! отвѣтилъ Гарри: — да развѣ можно предположить, что въ съумасшедшемъ обнаружится такая послѣдовательность въ мысляхъ, чтобы съ того времени, какъ разрушены лѣстницы Яроской шахты, онъ перестал̃ъ причинять намъ зло!

— Но, Гарри, теперь вѣдь намъ никто никакого зла не причиняетъ: въ теченіе трехъ лѣтъ ничего злоумышленнаго не было направлено противъ тебя и твоихъ.

— Не смотря на это, Жакъ, какое-то предчувствіе подсказываетъ мнѣ, что этотъ вредный человѣкъ не оставилъ своихъ намѣреній; я и самъ не знаю, на чемъ я основываю свои предположенія. Во всякомъ случаѣ, Жакъ, въ интересахъ возобновленныхъ работъ, я долженъ узнать, кто и откуда онъ?

— Въ интересахъ возобновленныхъ работъ? удивленно переспросилъ Жакъ Райанъ.

— Да, Жакъ, повторилъ Гарри.—Можетъ быть, я и ошибаюсь, но изъ всего этого я вижу, что тотъ человѣкъ руководствуется интересами совершенно противоположными нашимъ. Я много думалъ объ этомъ. Припомни только цѣлый рядъ необъяснимыхъ фактовъ, логически связанныхъ одинъ съ другимъ. Это анонимное письмо, опровергающее письмо отца, доказываетъ, прежде всего, что кто-то развѣдалъ наши планы и хотѣлъ помѣшать ихъ осуществленію. Г. Старръ посѣтилъ насъ въ коттэджѣ. Не успѣли мы вступить въ Дошарскую яму, какъ огромный камень брошенъ къ нашимъ ногамъ, и всякое сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ уничтожается, такъ какъ лѣстницы были разломаны. Начинается наше изслѣдованіе; трещины въ гранитныхъ слояхъ оказываются замазанными, такъ что мы, въ первую минуту, не въ состояніи были доказать присутствіе новой жилы. Потомъ эти трещины обнаруживаются, и новая каменноугольная залежь открыта нами. Мы возвращаемся. Въ воздухѣ происходитъ сильное движеніе. Лампа наша разбивается. Насъ охватываетъ полнѣйшій мракъ. Мы кое-какъ идемъ по темной галереѣ... Выходъ задѣланъ. Мы очутились въ засадѣ. Неужели ты не видишь, Жакъ, во всемъ этомъ злого умысла? Въ каменноугольной копи находилось какое-то таинственное существо, но оно не было похоже на духа. Не знаю, какими мотивами былъ побуждаемъ этотъ человѣкъ, но онъ задался мыслію препятствовать нашему входу въ копь. Мнѣ кажется, что онъ до сихъ поръ живетъ въ копи и, можетъ быть, даже замышляетъ противъ всѣхъ насъ что нибудь недоброе! Я готовъ рисковать жизнію, но, во что бы то ни стало, открою его!

Гарри все это говорилъ съ такимъ убѣжденіемъ, что встревожилъ даже Жака. Райанъ сознавалъ, что Гарри былъ правъ, по крайней мѣрѣ, относительно прошлаго. Происходили-ли эти факты отъ естественныхъ или сверхъестественныхъ причинъ, во всякомъ случаѣ, они были очевидны.

Но, тѣмъ не менѣе, Жакъ объяснялъ ихъ по своему; въ разговорѣ съ Гарри онъ не настаивалъ на своемъ предположеніи, потому что хорошо зналъ, что Гарри никогда не согласится допустить вмѣшательства какихъ либо духовъ, и сдѣлалъ видъ, что повѣрилъ въ присутствіе какого-то существа, желающаго зла семейству Фордъ.

— Хорошо, Гарри, я съ тобою во многомъ согласенъ; не согласишься-ли и ты теперь, въ свою очередь, со мною и не повѣришь ли существованію какого нибудь благодѣтельнаго *бранье*, приносившаго вамъ хлѣбъ и воду и, такимъ образомъ, спасшаго васъ отъ...

— Жакъ, прервалъ его Гарри,—это существо въ самомъ дѣлѣ живетъ, также точно, какъ и тотъ злоумышленникъ; я обоихъ ихъ буду вездѣ искать, въ самыхъ нѣдрахъ каменноугольной копи!

— Но обладаешь-ли ты какими нибудь признаками, на основаніи которыхъ можешь приступить къ своимъ разслѣдованіямъ? спросилъ Жакъ Райанъ.

— Кажется, отвѣтилъ Гарри.—Вотъ что я тебѣ скажу. Въ пяти миляхъ на западъ отъ Ново-Аберфойль, подъ слоемъ, поддерживающимъ Ламондъ, есть природный колодезь, перпендикулярно спускающійся въ самыя нѣдра залежи. Недѣлю тому назадъ, я хотѣлъ зондировать его глубину. Опуская зондъ, я приставилъ ухо къ отверстію шахты, и мнѣ показалось, что въ воздухѣ, внутри, происходило такое движеніе, какое происходитъ отъ взмаха крыльевъ.

— Это было ничто иное, какъ птица, залетѣвшая въ нижнія галереи каменноугольной копи, отвѣтилъ Жакъ.

— Подожди, Жакъ, дай мнѣ кончить. Сегодня утромъ я опять ходилъ къ этой шахтѣ и, наставивъ ухо, слышалъ что-то въ родѣ стона...

— Стонъ! вскрикнулъ Жакъ: ты ошибся, Гарри... это была просто тяга воздуха... а, впрочемъ, можетъ быть, и какой нибудь горный духъ...

— Завтра, Жакъ, все разъяснится.

— Завтра? повторилъ Жакъ удивленно, смотря на пріятеля.

— Да; завтра я опущусь въ эту пропасть.

— Гарри, ты искушаешь Бога!

— Нѣтъ, Жакъ; я, опускаясь, испрошу у него благословенія. Завтра мы съ тобою придемъ къ этой шахтѣ и возьмемъ съ собою нѣсколькихъ товарищей. Я обмотаю вокругъ себя длинную веревку, посредствомъ ея вы меня будете опускать и, по заранѣе условленному знаку, вытащите. Могу-ли я разсчитывать на тебя, Жакъ?

—Гарри, сказалъ Жакъ, пожавъ плечами,—я сдѣлаю все, что ты хочешь, но не могу не повторить тебѣ, что не одобряю этого.

— Лучше ошибиться, чѣмъ не предпринимать ничего. И такъ, завтра мы отправляемся къ шахтѣ въ шесть часовъ; но объ этомъ—ни слова! Прощай, Жакъ!

Гарри поспѣшилъ разстаться съ пріятелемъ во избѣжаніе длинныхъ разговоровъ, посредствомъ которыхъ Жакъ непремѣнно постарался бы разубѣдить своего товарища.

Но опасенія Жака не были безосновательны: если личный врагъ Гарри въ самомъ дѣлѣ находился въ этой шахтѣ, то Гарри угрожала неминуемая опасность. Что могло дать поводъ этимъ предположеніямъ?

— А впрочемъ, говорилъ себѣ Жакъ Райанъ, зачѣмъ желать непремѣнно доискиваться какихъ нибудь серьезныхъ причинъ, когда это такъ легко объясняется сверхъестественнымъ вмѣшательствомъ духовъ?

Какъ бы тамъ ни было, но, на слѣдующій день, Жакъ Райанъ и трое рудокоповъ, въ сопровожденіи Гарри, явились къ отверстію заподозрѣнной шахты.

Гарри ничего не сказалъ о своемъ намѣреніи ни Джемсу Старръ, ни старому надсмотрщику. Жакъ Райанъ, съ своей стороны, тоже никому не проговорился. Остальные рудокопы вообразили, что они отправляются изслѣдовать залежь въ вертикальномъ направленіи.

Гарри взялъ съ собою канатъ около двухъ сотъ футовъ длины. Этотъ канатъ не былъ толстъ, но чрезвычайно проченъ. Такъ какъ Гарри не пришлось бы по немъ спускаться и взбираться съ помощью рукъ, то канатъ долженъ былъ имѣть лишь на столько крѣпости, чтобы могъ сдержать тяжесть тѣла Гарри. Товарищи должны были опустить его въ пропасть и вытащить. Сотрясеніе каната было условнымъ знакомъ, чтобы вытащить его обратно изъ шахты.

Шахта была довольно обширна, отверстіе ея имѣло около двѣнадцати футовъ въ діаметрѣ; поперекъ колодца положили балку въ видѣ моста, такъ что канатъ, скользя по балкѣ, могъ спускаться въ середину шахты. Такимъ образомъ, нечего было опасаться, чтобы Гарри стукался о боковыя стѣнки.

— И такъ, ты рѣшился непремѣнно изслѣдовать пропасть? спросилъ Жакъ вполголоса.

— Непремѣнно, Жакъ.

Гарри обмоталъ канатъ вокругъ своей таліи, такъ, чтобы онъ не раскачивался.

Такимъ образомъ, обѣ руки Гарри были свободны, къ поясу онъ прикрѣпилъ спасительную лампу, а въ бокъ воткнулъ огромный шотландскій ножъ, вкладываемый всегда въ кожаныя ножны.

Гарри дошелъ до середины балки и оттуда началъ тихонько спускаться въ шахту. Такъ-какъ канатъ немного покачивался, то свѣтъ лампы, освѣщая то одинъ, то другой уголъ стѣнокъ, давалъ возможность тщательно осмотрѣть всѣ стѣнки.

Стѣнки состояли изъ каменноугольныхъ шиферныхъ слоевъ; онѣ были такъ гладки, что по нимъ невозможно было вскарабкаться наверхъ.

Гарри сообразилъ, что онъ спускается съ умѣренною быстротою—приблизительно на футъ въ секунду. Такимъ образомъ, никакая случайность не могла застать его врасплохъ.

Въ теченіе двухъ минутъ, или, иначе сказать, опустившись приблизительно на сто двадцать футовъ, Гарри не встрѣтилъ ни одной боковой галереи въ стѣнкахъ шахты, которая постепенно переходила въ воронкообразную форму. Спускаясь далѣе въ глубь, Гарри началъ ощущать струю болѣе свѣжаго воздуха, изъ чего заключилъ, что эта шахта находилась въ связи съ какимъ либо рукавомъ заливныхъ трубъ.

Канатъ медленно опускался. Мракъ и тишина были абсолютные. Если какое нибудь таинственное существо и вздумало сдѣлать изъ этой пропасти убѣжище для себя, то, въ настоящую минуту, оно или покинуло пропасть, или же никакое движеніе не обнаруживало его присутствія.

Гарри, спускаясь все дальше, вытащилъ даже ножъ изъ ноженъ; дойдя наконецъ до глубины ста восьмидесяти футовъ, онъ почувствовалъ подъ собою почву: канатъ не былъ уже такъ натянутъ и не разматывался болѣе.

Гарри вздохнулъ: онъ одного только боялся, чтобы кто нибудь не надрѣзалъ каната въ то время, какъ онъ будетъ опускаться. Стѣны были гладки, въ нихъ не было ни одного углубленія, гдѣ бы могъ скрыться человѣкъ.

Шахта эта все болѣе и болѣе съуживалась. Гарри отвязалъ лампу, провелъ ею по сторонамъ и убѣдился, что съ боку, въ нижнемъ слоѣ, кончалась труба; для того, чтобы пролѣзть въ эту трубу, нужно было двигаться на четверенькахъ. Гарри хотѣлъ знать, по какому направленію шла эта галерея и примыкала ли она къ какой либо другой пропасти. Онъ легъ на землю и началъ ползти, но наткнулся на что-то, заградившее ему дорогу; ощупавъ это «что-то», ему показалось, что препятствіе—тѣло, лежащее поперегъ дороги; въ первую минуту онъ съ отвращеніемъ отступилъ, но потомъ опять приблизился. Осязаніе не обмануло его: онъ въ самомъ дѣлѣ наткнулся на тѣло. Схвативъ его, Гарри увидѣлъ, что несмотря на то, что оконечности были точно ледяныя, въ тѣлѣ оставалось нѣсколько жизненныхъ признаковъ.

Гарри привлекъ это тѣло къ себѣ, затѣмъ вытянулъ его изъ галереи въ шахту и, приблизивъ къ нему лампу, вскрикнулъ:

— Дитя!

Дитя, найденное Гарри въ этой пропасти, еще дышало, но такъ слабо, что можно было ожидать съ минуты на минуту его смерти. Нужно было, не теряя времени, доставить бѣдняжку къ отверстію шахты и отнести въ коттэджъ, гдѣ Маджъ позаботится объ немъ. Гарри ни о чемъ другомъ и не думалъ; онъ какъ слѣдуетъ обмотался канатомъ, прикрѣпилъ лампу и прижалъ дитя къ груди, придерживая его лѣвою рукою; правая же рука его была свободна, но въ ней онъ держалъ ножъ. Подавъ условный знакъ товарищамъ, Гарри сталъ подниматься.

Онъ осматривался по сторонамъ, такъ-какъ не одинъ теперь могъ подвергнуться опасности. Сначала все шло благополучно, но вдругъ Гарри почувствовалъ подъ собою страшное движеніе воздуха; онъ пристально посмотрѣлъ внизъ и различилъ что-то огромное, подымавшееся и даже задѣвшее его. Это была громадная птица; онъ не могъ различить, къ какому виду она принадлежала.

Крылатое животное носилось нѣсколько минутъ надъ Гарри и затѣмъ съ яростью налетѣло на него. Гарри защищался сколько могъ, стараясь нанести ножемъ ударъ въ сильный клювъ птицы, и, въ тоже самое время, охранялъ дитя; но птица не трогала ребенка, а приставала только къ Гарри; вслѣдствіе вращательнаго движенія каната, ему никакъ не удавалось нанести птицѣ серьезный ударъ.

Борьба продолжалась; Гарри закричалъ сколько было духу, надѣясь, что товарищи услышатъ его; онъ не ошибся, канатъ сейчасъ же сталъ быстрѣе подниматься.

Оставалось подниматься еще около восьмидесяти футовъ; птица перестала прямо нападать, но, къ великому ужасу Гарри, поднялась надъ его головою на разстояніе двухъ футовъ, такъ-что рука Гарри не могла ее достать, насѣла на канатъ и принялась долбить его клювомъ.

У Гарри волоса поднялись дыбомъ. Птица уже продолбила одну канатную прядь. Канатъ ослабѣвалъ, а они находились на сто футовъ надъ дномъ пропасти. Гарри испустилъ страшный, раздирающій крикъ.

Другая прядь также порвалась отъ двойной тяжести; Гарри бросилъ ножъ и съ сверхъестественною силою схватился за канатъ, какъ разъ въ то время, когда онъ чуть не разорвался. Хотя Гарри обладалъ желѣзною силою, но канатъ мало по малу выскользалъ изъ его пальцевъ; онъ могъ бы схватиться обѣими руками за него, но тогда нужно было уронить ребенка, котораго онъ держалъ въ рукахъ, а такая мысль и въ голову ему не приходила.

Жакъ Райанъ и товарищи страшно тревожились этими неистовыми криками и быстрѣе вытягивали канатъ. Гарри думалъ, что онъ не въ силахъ будетъ долѣе сопротивляться; онъ даже закрылъ на мгновеніе глаза, приготовляясь упасть въ пропасть, но потомъ снова ихъ открылъ.

Птица, испугавшись, улетѣла. А въ ту минуту, какъ Гарри совсѣмъ ослабѣлъ и едва держался за канатъ, товарищи схватили его и положили на землю съ ребенкомъ.

Но реакція не замедлила произойти: Гарри упалъ безъ чувствъ въ объятія товарищей.

(*Продолженіе будетъ.*)

* * *

Письма изъ Америки.

I.

Денверъ, Колорадо.

Я выѣхалъ изъ Пуэбло въ нарочно отведенномъ для насъ генераломъ Пальмеръ, директоромъ желѣзной дороги Ріо-Гранде, вагонѣ, для доставленія насъ въ Денверъ. Было 8 час. 30 мин. утра, такъ что солнце было, къ счастью, на правой нашей рукѣ, а утесистыя горы на лѣвой. Небольшой поѣздъ шелъ быстро и ровно; не смотря на то, что ртуть въ термометрѣ поднялась выше 80°, прохладный вѣтерокъ съ горъ умѣрялъ жаръ, и такъ какъ мы ѣхали по плоскогорію, лежащему на 6,000 ф. надъ моремъ, то воздухъ былъ довольно разрѣженный и пріятный. По дорогѣ попадались намъ нѣсколько красивыхъ резиденцій, высохшая рѣка и мексиканскія dug-ovts (это такъ называемыя ямы, вырытыя въ землѣ, съ досчатою крышей, служащія жилищами туземныхъ жителей). Небольшая рѣка, текущая по правую руку, орошала нѣсколько индійскихъ полей, на которыхъ былъ посѣянъ хлѣбъ, сѣно, дыни и капуста по берегамь, такъ что, благодаря этой рѣчкѣ, получаются порядочные урожаи. Горы то появляются, то скрываются по мѣрѣ того, какъ мы огибаемъ долину; но вершина Пикъ никогда не теряется изъ виду; верхушка его подымается надъ всѣми горами. На Пикѣ, во время нашего проѣзда, не было снѣгу, и темная голая верхушка его подымалась на 2,500 ф, надъ лѣсами, растущими по его склонамъ. На бѣднаго Шмидта, болтливаго и пріятнаго иностраннаго агента желѣзной дороги Санта-Фе, рожденіе котораго мы праздновали наканунѣ, взявшагося добровольно быть нашимъ спутникомъ, смотрѣли какъ на накачивающій насосъ: онъ едва успѣетъ объяснить что нибудь по-нѣмецки, какъ къ нему уже пристаютъ, чтобъ онъ то же самое повторилъ по-французски или по-англійски; никому не пришло въ голову спросить, отчего горы, мимо которыхъ мы проѣзжали, названы «Утесистыми», а то названіе было какъ нельзя болѣе кстати: на нихъ не было ни зелени, ни лѣсовъ—словомъ, онѣ были лишены растительности. Никто изъ насъ не могъ предположить, чтобы гора Пикъ имѣла 14,000 ф. вышины; это можно объяснить только тѣмъ, что, выѣхавши изъ города Канзаса, мы постепенно поднимались, а эта вершина, поднимаясь надъ плоскогоріемъ, по которому мы тогда ѣхали, на 8,000 фут., со станціи Колорадскихъ Родниковъ казалась на разстояніи ружейнаго выстрѣла, между тѣмъ, какъ она на самомъ дѣлѣ находилась на разстояніи, по крайней мѣрѣ, восьми миль. Я не далъ такого промаха, какъ остальные спутники мои, потому что привыкъ на морѣ сообразоваться съ разстояніемъ, другіе же вообразили, что она находится на границѣ западнаго Колорадо. Разсказываютъ въ видѣ анекдота, что одинъ ирландецъ постоянно передъ завтракомъ ходилъ гулять на заранѣе опредѣленныя ему мѣста, думая возвратиться къ завтраку, но всегда опаздывалъ и возвращался къ обѣду или ужину.

Во время одной изъ своихъ прогулокъ, онъ пришелъ къ рѣкѣ въ шестьдесятъ футовъ шириною, гдѣ съ нимъ на берегу встрѣтился случайно одинъ изъ его пріятелей, въ то самое время, какъ тотъ раздѣвался. «Собираетесь купаться, г-нъ Фланаганъ? «спросилъ пріятель.

— Поневолѣ приходится это сдѣлать: я

иначе не поспѣю къ обѣду, если не переплыву эту рѣчку, отвѣтилъ Г. Ф. — «Да развѣ вы не можете перескочить черезъ нее, она имѣетъ всего нѣсколько футовъ».—Мнѣ легко поддаться на эту удочку; когда я очужусь на ея срединѣ, рѣчка вдругъ окажется въ милю ширины; здѣсь все представляется въ двадцать разъ меньше, чѣмъ въ Старомъ Свѣтѣ». Здѣсь ходятъ лучшіе анекдоты про ирландцевъ, чѣмъ даже въ Англіи.

Подъѣхавъ поближе къ Пику, мы были въ состояніи различить ели, растущія по обширнымъ долинамъ, похожимъ на овраги. Гранитовидная почва служила какъ бы предвозвѣстникомъ того, что мы приближаемся къ парку Памятниковъ, гдѣ каждая скала въ отдѣльности имѣетъ какія нибудь фантастическія, смѣшныя, человѣческія или низшихъ животныхъ формы; медвѣди приходятъ сюда иногда по ночамъ за дикими вишнями, но рѣдко трогаютъ жителей. Очень крутая, идущая въ гору дорога доставляетъ насъ на станцію Раздѣльную (Divide Station), лежащую на 7,500 ф. надъ морскимъ уровнемъ; отсюда идетъ самая разнообразная мѣстность: обнесенныя стѣнами скалы, предназначенныя для всевозможныхъ посѣвовъ, и отдѣльныя горныя вершины, имѣющія форму дворцовъ, такъ что кто не видалъ ихъ при дневномъ свѣтѣ, а только въ сумеркахъ, можетъ въ самомъ дѣлѣ подумать, что гордые высокомѣрные испанскіе лорды XVI ст. придали странѣ свой стиль. Природа особенно живописна на Западѣ; по прелестному мѣстоположенію, съ нею можно сравнить только центральную часть Колорадо, куда мы должны были пріѣхать на слѣдующій день. Скалы имѣли самый фантастическій, но не лишенный художественности характеръ; попадающееся намъ на встрѣчу и на дорогѣ населеніе было на видъ здоровое, сильное, и составляло рѣзкій контрастъ съ тощими жителями восточныхъ штатовъ. Мы до Данвера ѣхали шесть часовъ и сдѣлали 120 миль; въ этотъ промежутокъ времени слѣдуетъ включить нѣсколько продолжительныхъ остановокъ, для того, чтобы лучше было осмотрѣть мѣстность. Пиво въ Данверѣ хорошее; вся компанія, въ сопровожденіи нѣсколькихъ полицейскихъ, отправилась снимать виды города и описывать его. Путешественникъ найдетъ въ немъ прекрасныя гостинницы, французскій отель Шарпіо и большую центральную гостинницу. Улицы очень хороши. Жизнь въ Данверѣ имѣла бы для меня ту прелесть, что такъ какъ я очень люблю музыку, то до моего слуха постоянно долеталъ бы пискъ паровыхъ свистковъ. По тому, на сколько развита у какого-либо народа музыка, судятъ воообще о степени его цивилизаціи; но жители Данвера должно быть или лишены вкуса, или же слуховые ихъ нервы на столько крѣпки, что могутъ выдерживать этотъ пронзительный свистъ, постоянно раздающійся по улицамъ и сливающійся со свистомъ машинъ и локомотивовъ. Вслѣдствіе этого, невозможно серьезно заняться науками въ Данверѣ, да и литературныя занятія также не могутъ происходить успѣшно. Пока не вытѣснится изъ Данвера этотъ варварскій обычай, до тѣхъ поръ нельзя разсчитывать, чтобы въ стѣнахъ его водворились тишина и спокойствіе.

Изъ Данвера мы отправились по Колорадской центральной желѣзной дорогѣ на золотыя розсыпи въ Клагъ-Гокъ, находящіяся на разстояніи тридцати восьми миль. Директоръ этой линіи очень любезно позволилъ мнѣ путешествовать на локомотивѣ; хотя этотъ способъ путешествія не особенно удобенъ и покоенъ, но я предпочелъ его другимъ, и проѣздилъ такъ по всѣмъ западнымъ штатамъ, никогда не встрѣчая препирательствъ со стороны директоровъ. Мы проѣхали черезъ Соуфъ-Платтъ, на которомъ оказался бассейнъ чистой воды; затѣмъ проѣхали черезъ хорошо орошенную плодородную долину, всю съѣденную саранчею, за исключеніемъ большихъ дынь; овесъ такъ былъ попорченъ, что представлялъ собою сѣно. Черезъ семнадцать миль, мы прибыли въ Гольдекъ, а оттуда желѣзная дорога доставила насъ въ Джоржъ-тоунъ, гдѣ пришлось пересѣсть въ экипажъ. Гольденъ—очень красивый городъ, имѣетъ 3,000 жителей и лежитъ между сѣверными и южными Столовыми горами, окруженный со всѣхъ сторонъ горами въ долинѣ Васкецъ-Форкъ; Клиръ-Крикъ или Васкецъ Канонъ представляетъ самое величественное зрѣлище: трудно себѣ представить болѣе страшные обрывы, по склонамъ которыхъ намъ пришлось ѣхать. Потокъ съ шумомъ прорывается почти надъ самыми колесами; дорога до того извилиста, что вагоны постоянно скрываются; вы попадаете то въ водную яму, то въ ущелье скалъ, то на склонъ обрыва; при этотъ, вѣтеръ и вода сильно бурлятъ и бушуютъ между Утесистыми горами. Охота доведена здѣсь до такихъ размѣровъ, что дичь значительно поубавилась; но изрѣдка попадаются горные тетерева и черные или коричневые медвѣди. Зимою спускаются въ долину горныя овцы.

Вездѣ на дорогѣ сохранились слѣды промывателей золотого песку. Потребовалось большого труда и расходовъ, чтобы отвести въ сторону этотъ горный потокъ и изслѣдовать или собирать золотой песокъ въ руслѣ рѣки. Теперь добывается весьма незначительное количество золотого песку, а кварцевыя золотыя руды пользуются монополіею.

Промываніе золотого песку далеко не пріятное занятіе: люди, по колѣна въ водѣ, передвигаются въ пескѣ, съ лопатами и ушатами въ рукахъ. Вода, вслѣдствіе таянія снѣговъ, очень холодна, и работники, повидимому, не могли похвалиться хорошимъ положеніемъ. Заработокъ ихъ въ день составляетъ около 5 шил., такъ какъ они работаютъ только въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ году. Городъ Блакъ-Гокъ лежитъ въ прекрасной мѣстности; рудники—въ самомъ городѣ, такъ что каждый какъ бы подкапываетъ домъ своего сосѣда. На заводъ профессора Гилль доставляется весь добываемый золотой песокъ; дѣла его идутъ весьма успѣшно. Я чуть чуть не поступилъ на эти заводы, но если бы и сдѣлалъ это, то немного этимъ выигралъ бы, такъ какъ секретъ тщательно хранится. Профессоръ купилъ его отъ Суансескаго завода, и шахта имѣетъ глубиною до 300 фут. Главное украшеніе города составляетъ римско-католическій университетъ, построенный въ очень красивомъ стилѣ. Отправляясь на охоту въ Middle Park, — средній паркъ, — охотникъ можетъ достать собакъ, лошадей, провизію, палатки, постели и водку за 15 ф. ст. въ недѣлю, или же за 20 ф. ст. на четырехъ человѣкъ. Въ слѣдующемъ моемъ письмѣ я опишу болѣе удобный способъ для охоты; но намъ нужно прежде возвратиться въ Данверъ т. е. графу Штейнбокъ и мнѣ, остальная же компанія отправилась на источники Идаго и присоединилась къ намъ въ Данверѣ, по прошествіи двухъ дней.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

* * *

Мимолетные наброски.

(Фельетонъ.)

Дѣтскій канканъ въ «Демидовкѣ».—Соблазнительная поза мирового судьи.—Канканирующій г. Суворинъ.—Франтъ съ Невскаго проспекта, бьющій на улицѣ домъ. — Набожность купца Егузинскаго. — Капризъ И. С. Тургенева.

«Вѣкъ просвѣщенія, не узнаю тебя!» Эта пресловутая карамзинская фраза неотвязно вертѣлась у меня въ головѣ все время, когда на дняхъ, въ Демидовомъ саду, я смотрѣлъ на тамошнюю сцену, гдѣ подвизались въ безшабашномъ канканѣ двѣ дѣвочки и два мальчика, одѣтые въ грубо-карикатурный костюмъ. Кому принадлежитъ безчестіе этого нововведенія и зачѣмъ публика поощряетъ его своимъ смѣхомъ и аплодисментами? Я понимаю, что нельзя запретить взрослымъ вести себя неприлично, — это дѣло ихъ вкуса, ихъ невѣжества. Но дѣти заслуживаютъ бо̀льшаго вниманія. Если отъ мастерового можно требовать, чтобы онъ не посылалъ своихъ учениковъ босыми въ мелочную лавку, то развитая часть посѣтителей сада г. Егарева имѣетъ тѣмъ большее право потребовать отъ него, чтобы онъ не оскорблялъ ея вкусовъ подобными сценками голаго цинизма. Я не изъ пуристовъ, но смѣю думать, что публичные увеселительные сады не должны быть школами развитія грязныхъ представленій, въ особенности для подростающаго поколѣнія. Да, читатель, эти дѣти канканировали съ совершенствомъ, съ видимой любовью. «Что же будетъ дальше, когда вы выростете?» невольно думалось мнѣ весь вечеръ. Но не станемъ винить ихъ, а лучше пожалѣемъ: гнилое яблоко зависитъ отъ подточеннаго гнилью дерева, и да ляжетъ весь стыдъ видѣннаго мною канкана на матерей этихъ бѣдныхъ малютокъ, на публику, неумѣющую отличать смѣшного отъ неблагопристойнаго.

А впрочемъ, отчего бы и не канканировать дѣтямъ, когда нынѣ этимъ всѣ занимаются? Вѣдь вотъ даже мировой судья 13 участка принимаетъ иногда у себя въ камерѣ соблазнительныя позы.... конечно, въ смыслѣ его званія. По словамъ «Петербургской Газеты», 6 іюня, при разбирательствѣ какого-то гражданскаго дѣла, онъ, замѣтивъ, что одинъ изъ тяжущихся подперся руками и всталъ фертомъ, подбоченился самъ и сказалъ тяжущемуся: «а вы этакъ не стойте на судѣ! Такъ стоять на судѣ нельзя, а въ кабакѣ—можно». Совершенно вѣрно, г. судья, но гдѣ же у васъ логика? Почему же другому нельзя дѣлать того, что позволяется вамъ? Развѣ вы не понимаете, чтъ вами сдѣлано такое же неприличіе и выказанъ такой же недостатокъ уваженія къ тому же суду, представителемъ котораго вы являетесь сами? Этотъ маленькій фактъ прелестно иллюстрируетъ наши общественные нравы и привычки. Мы все хотимъ учить другихъ хорошему поведенію, не умѣя держать самихъ себя благопристойно и съ достоинствомъ. Если бы тяжущемуся вздумалось пуститься въ присядку, то, вѣроятно, и вы, г. судья, въ видахъ вящщаго назиданія, послѣдовали бы его примѣру. Такъ, по крайней мѣрѣ, выходитъ по общепринятой логикѣ.

У насъ, въ литературномъ мірѣ, тоже водятся свои комики, свои канканеры. Но единственною, несравненною знаменитостью въ этомъ родѣ, безспорно, является г. Суворинъ: онъ ежедневно откалываетъ такого беззастѣнчиваго публицистическаго трепака, что даже глазамъ не вѣрится, какъ это человѣкъ не краснѣетъ за себя. Возьмемъ самый свѣжій примѣръ. Г. Нотовичъ чѣмъ-то не угодилъ въ своей газетѣ г. издателю «Новаго Времени», и вотъ онъ обращается къ нему съ цѣлымъ синодикомъ топорныхъ грубостей, точь въ точь какъ пуасардка парижскаго рынка, уличенная въ несвѣжести своей провизіи. Г. Суворинъ заканчиваетъ этотъ бранный синодикъ слѣдующими словами: «Оказывается, что г. Нотовичъ принадлежитъ къ числу тѣхъ евреевъ, которыхъ слѣдуетъ убѣждать не словами, а другимъ, болѣе *чувствительнымъ* способомъ, или въ случаѣ отвращенія отъ такой расправы — судомъ». Позвольте васъ спросить, г. издатель «Новаго Времени», какимъ же это такимъ «чувствительнымъ способомъ?» — ужъ не тѣмъ ли, какимъ грозили, однажды вамъ самимъ? И это вамъ не стыдно хвастаться, что вы лучше умѣете владѣть палкой или кулаками, чѣмъ перомъ? О, публицистъ, похваляющійся способностью тащить въ судъ другого публициста! не есть ли это послѣднее слово безстыднаго литературнаго канкана? Такъ и хочется посовѣтовать: при, дескать, при его въ участокъ, бутарь! Я непремѣнно наградилъ бы васъ сегодня стихами, еслибъ не боялся, что вы и меня притянете къ суду. Стыдитесь!

По наклонности давать знать о себѣ не иначе, какъ «чувствительнымъ способомъ», у г. издателя «Новаго Времени» нашелся достойный соперникъ въ лицѣ нѣкоего потомственнаго почетнаго гражданина Осокина, приговореннаго недавно судомъ, за такую наклонность, къ аресту на одинъ мѣсяцъ. «Петербургская Газета» передаетъ этотъ случай такъ: При переѣздѣ Невскаго проспекта нѣкоею г-жею Югановой, къ ней подошелъ какой-то франтъ изъ числа стоявшей тамъ около какого-то экипажа компаніи молодыхъ людей и схватилъ г-жу Юганову за руку, а когда та вырвалась и крикнула извощику ѣхать скорѣе, то франтъ размахнулся бывшею у него палкою и «вытянулъ» ею по спинѣ даму. Какъ это тебѣ покажется, читатель? каковъ этотъ мелкій фактикъ изъ нашихъ повседневныхъ общественныхъ нравовъ? Человѣкъ, ни съ того, ни съ сего, бьетъ на улицѣ палкой незнакомую даму — и это днемъ, на самой людной улицѣ столицы! Но я не рѣшусь обвинять слишкомъ строго потомственнаго почетнаго гражданина Осокина: у кого же ему и учиться, какъ не у родныхъ публицистовъ?

Намъ все грозитъ опасностью, читатель:
На улицахъ грозитъ паденьемъ домъ,
На Невскомъ угрожаетъ, даже днемъ,
Торцовой мостовой его топтатель,
Въ редакціи—зазнавшійся издатель,
Сопернику грозящій кулакомъ...

Вотъ и извольте тутъ писать веселые фельетоны! Повторяю еще разъ то, что высказалъ въ прошлой бесѣдѣ: не въ крупныхъ, а вотъ именно въ такихъ мелкихъ явленіяхъ обыденной дѣйствительности надо искать разгадки нашего общественнаго строя, или, вѣрнѣе сказать, неустройства...

Знакомъ ли ты, читатель, съ купцомъ Егузинскимъ? Если незнакомъ, то я сейчасъ познакомлю тебя съ нимъ: онъ тоже можетъ удѣлить кусочекъ такого, ничѣмъ незамѣнимаго матеріала бытописателю нашихъ дней. Въ газетѣ «Нашъ Вѣкъ» пишутъ: «Въ минувшемъ году наши газеты сообщили о пріостановкѣ работъ по постройкѣ сельской церкви въ Шуваловѣ, по причинѣ недостатка необходимыхъ для того суммъ. Теперь «Русскому Міру» передаютъ, что препятствіе это устранено, благодаря оригинальному пожертвованію купцомъ Егузинскимъ 10,000 руб., съ тѣмъ условіемъ, чтобы предоставленное ему право содержанія въ Парголовской волости трактировъ, питейныхъ и торговыхъ заведеній было продолжено еще на пять лѣтъ. Если принять во вниманіе огромное количество дачниковъ, населяющихъ лѣтомъ Парголовскую волость, и многочисленность здѣшнихъ крестьянъ, то не трудно понять, что г. Егузинскій не останется въ убыткѣ отъ сдѣланнаго имъ пожертвованія и возвратитъ его съ избыткомъ». Конечно, нѣтъ— прибавлю и я отъ себя. Но не въ этомъ вся суть дѣла. Тутъ, главнымъ образомъ, бросается въ глаза тотъ назидательный фактъ, что русскій капиталистъ и, по всей вѣроятности, человѣкъ почтенныхъ лѣтъ, усердно посѣщающій храмъ Божій, осмѣливается съ неподражаемымъ цинизмомъ дѣлать пожертвованіе на церковь за право держать кабаки. Преклоняюсь передъ изобрѣтательностью г. Егузинскаго и подношу ему, на память, слѣдующее четырестишіе:

Можно смѣло и свободно
Водкой деньги наживать,
Но не слѣдуетъ подобной
Лептой... храма осквернять!

Не замѣчаешь ли ты, читатель, что я сегодня какъ-будто не въ своей тарелкѣ, и что тонъ моей рѣчи звучитъ нѣсколько лихорадочно. Не удивляйся: я только-что узналъ изъ берлинскихъ газетъ, что И. С. Тургеневъ заявилъ своимъ знакомымъ въ Берлинѣ о данномъ имъ самому себѣ словѣ не писать болѣе романовъ. Мотивомъ къ такому рѣшенію послужили, по замѣчанію тѣхъ же газетъ, неблагопріятные отзывы русской печати о его послѣднихъ работахъ. Это извѣстіе произвело на меня крайне раздражающее впечатлѣніе. Я предполагалъ до сихъ поръ, что г. Тургеневъ, какъ и каждый изъ насъ, писателей, работаетъ для своего народа, а отнюдь не для тѣснаго кружка россійскихъ критиковъ и рецензентовъ. Я полагалъ также, что всякій уважающій себя работникъ снова служитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и его свободѣ, такъ-что для него даже обязательно выслушивать, безъ старческой раздражительности, любой свободный отзывъ, изъ какого бы легеря онъ ни шелъ и въ какую бы сторону ни клонился. Если извѣстіе, переданное берлинскими газетами, справедливо, то я долженъ сознаться, что глубоко ошибался... относительно взглядовъ и убѣжденій г. Тургенева. Во всякомъ случаѣ, я самъ, по крайней мѣрѣ, не пророню ни единой слезинки, если этотъ, безспорно, талантливый писатель, по самолюбивому капризу, замолкнетъ для россійской публики. Но лучше больше пишите, Иванъ Сергѣевичъ, да поменьше капризничайте...

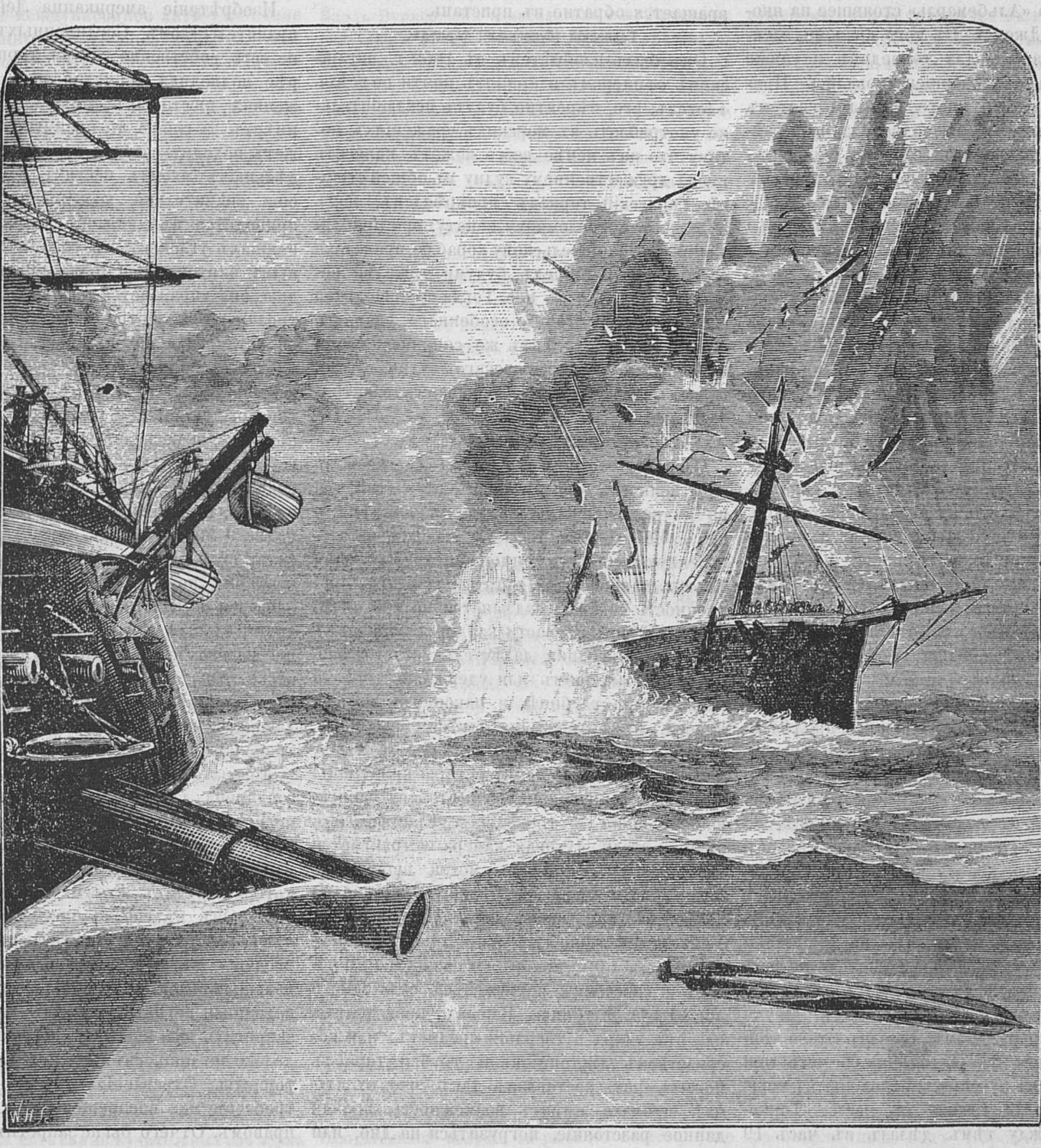
Веселый поэтъ.

Торпеды.

Е. Ридъ, извѣстный англійскій инженеръ, прочелъ недавно лекцію, въ которой высказалъ свое мнѣніе относительно того, какъ придется въ будущемъ вести морскую войну, вслѣдствіе усовершенствованія торпедовъ. Многіе, вѣроятно, объ этомъ уже задумывались; но такъ какъ мнѣніе, которое мы намѣрены изложить, высказано инженеромъ, спеціально занимавшимся постройкою кораблей, то оно должно имѣть, для интересующихся этимъ вопросомъ, болѣе серьезное значеніе. Ридъ говоритъ, что до тѣхъ поръ, пока не будетъ придуманъ способъ для огражденія судовъ отъ торпедовъ, броненосцы, обшитые 24 дюймовой броней, съ орудіями во 100 тоннъ—анахронизмъ, и что постройка ихъ представляетъ только трату времени и денегъ. «Ни подвѣшиваніе сѣтокъ изъ желѣзныхъ цѣпей, ни перегородки въ обыкновенныхъ судахъ—ничто въ этомъ родѣ не въ состояніи будетъ защитить судно отъ торпеда и предотвратить страшное бѣдствіе, нанесенное этимъ разрушительнымъ подводнымъ орудіемъ. Торпедъ Уатгеда наноситъ страшный ударъ; онъ передвигается, на разстояніи нѣсколькихъ сотъ ярдовъ, въ два раза скорѣе, чѣмъ самый быстрый броненосецъ; онъ такъ прямолинейно движется, что можно опустить второй торпедъ въ томъ самомъ мѣстѣ, откуда былъ пущенъ первый. На дѣлѣ было уже нѣсколько разъ доказано, что, при тихой погодѣ, ядра брошенныя на броненосецъ, могутъ только причинить вредъ судну на нѣсколько футовъ подъ водою, между тѣмъ, какъ торпедъ дѣйствуетъ на всю подводную часть его». Ридъ говоритъ далѣе, что въ очень непродолжительномъ времени выйдутъ изъ употребленія болѣе или менѣе длинные и узкіе броненосцы, въ которыхъ дно паровыхъ котловъ и крюйткамера снабжены желѣзною бронею. Онъ совѣтуетъ правительству хорошенько обдумать вопросъ о дальнѣйшей постройкѣ броненосныхъ судовъ и говоритъ при этомъ, что главная цѣль при постройкѣ кораблей состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать ихъ недосягаемыми для торпедовъ и пушекъ, а это, по его мнѣнію, совершенно возможно; кромѣ того, мы должны строить небольшіе броненосцы, которые, отличаясь быстрымъ ходомъ, могли бы легко лавировать и обходить торпеды.

Къ сожалѣнію, Ридъ умалчиваетъ о средствѣ, которымъ онъ, по его словамъ, обладаетъ, для огражденія судовъ отъ торпедовъ. Онъ, впрочемъ, открыто высказывается, что, по его мнѣнію, необходимо перестроить весь британскій флотъ, такъ что огромныя суммы, потраченныя Англіею на его увеличеніе, пропали даромъ. До тѣхъ поръ, пока будетъ въ употребленіи тяжелая артиллерія, суда должны быть такими же, чтобы имѣть возможность перевозить тяжелыя орудія и, въ то же время, выдерживать дѣйствія столь же сильной непріятельской артиллеріи. Теперь задуманъ уже планъ постройки такого судна, которое могло бы противустоять дѣйствію орудія въ 100 тоннъ, и англійскіе желѣзно-заводчики предлагаютъ сдѣлать броню въ 40 дюйм. толщины. Если задумываютъ строить такіе тяжелые броненосцы, то нечего и думать о томъ, чтобы они отличались быстрымъ и легкимъ ходомъ. Если мы даже начнемъ строить легкія суда, то цѣль все-таки не достигается, когда, при этомъ, на нихъ будетъ употребленъ матеріалъ, легко воспламеняющійся отъ огня тяжелой артиллеріи.

Мы вполнѣ согласны съ г. Ридомъ, что можно придумать средство для огражденія судовъ отъ торпедовъ, но ничего не можемъ предложить сами. Къ изобрѣтенію такого средства стоитъ приложить много труда. Оградить корабль можно двумя способами: во-первыхъ, можно устроить снаружи корабля какія-либо преграды противъ торпеда, а во-вторыхъ—измѣнить весь планъ постройки судна. Самое простое устройство преграды снаружи корабля, это обыкновенная сѣтка, употребляемая во время войны, когда суда стоятъ на якорѣ. Сѣтка эта состоитъ изъ тонкаго проволочнаго каната, имѣетъ видъ массивной кольчуги, прикрывающей подводную часть корабля, навѣшивается на длинныхъ шестахъ и носитъ названіе кринолина. Главная задача при постройкѣ кораблей должна состоять въ устройствѣ такого дна, на которое не дѣйствовалъ бы взрывъ торпеда. Нечего и говорить, какъ интересно будетъ изобрѣтеніе въ этомъ смыслѣ, тѣмъ болѣе, что оно можетъ обезпечить изобрѣтателя въ матеріальномъ отношеніи и доставить ему имя.



Мониторъ разрушенный взрывомъ торпеда.

Разныя системы торпедовъ.

Въ послѣднее время, торпеды такъ усовершенствовались, что дѣйствіе ихъ можетъ сильно повліять на исходъ настоящей восточной войны. По мѣрѣ того, какъ Англія, Франція, Италія и, вообще, европейскія морскія державы придумывали всевозможныя огромныя орудія и занимались постройкой ужасныхъ броненосцевъ, совершенствовались и торпеды, такъ-что теперь они могутъ совершенно уничтожить дѣйствіе этихъ чудовищныхъ судовъ.

Первый изобрѣтатель торпеда былъ Давидъ Бутнель, родомъ изъ Уэстбрука въ Коннектикутѣ, въ 1742 г. Онъ не только изобрѣлъ торпедъ, но еще и подводную лодку, направляемую ко дну непріятельскаго судна. Произведенные имъ лично опыты, не смотря на денежное пособіе частнаго лица, г. Уатингтона, не привели къ желаемымъ результатамъ, такъ-что изобрѣтеніе это было предано забвенію до начала настоящаго вѣка, когда Робертъ Фультонъ—американецъ, проживавшій во Франціи—предложилъ французскому правительству устроить торпедъ. Послѣ долгихъ переговоровъ, предложеніе Фультона не было принято, и онъ продалъ свой секретъ британскому адмиралтейству за 75,000 долларовъ. Послѣ неудавшейся Катамаранской экспедиціи, задуманной съ цѣлію уничтожить французскій военный флотъ и транспортныя суда, которыя предполагалось собрать въ Булони, Фультонъ возвратился въ Соединенные Штаты, гдѣ новая попытка его взорвать, во время войны 1812 г., англійскія блокирующія суда—тоже не увѣнчалась успѣхомъ. Англійскіе капитаны были внѣ себя отъ злости, и называли это изобрѣтеніе «безчеловѣчнымъ».

Въ 1829 г., полковникъ Самуилъ Кольтъ началъ производить опыты надъ подводнымъ торпедомъ, взрываемымъ электрогальванической батареей. Послѣ многихъ неудачъ, ему удалось, наконецъ, 18 октября 1842 г., взорвать бригъ «Вольта» въ Нью-Іоркской гавани, въ присутствіи 40,000 зрителей. До тѣхъ поръ взрывались только суда, стоявшія на якорѣ; но 13 апрѣля 1843 г. Кольтъ взорвалъ бригъ въ 500 тоннъ, шедшій на парусахъ по рѣкѣ Потомакъ, причемъ, производя взрывъ лично, онъ самъ находился въ Александріи, т. е. на разстояніи пяти миль отъ мѣста катастрофы.

Австрія прежде всѣхъ другихъ европейскихъ державъ воспользовалась этимъ изобрѣтеніемъ, устроивъ, для защиты Венеціи, усовершенствованную электрическую минную сѣть. Россія послѣдовала ея примѣру, и въ крымскую войну заградила усовершенствованными минами входъ въ Кронштадтъ и Севастопольскую бухту, удержавъ, такимъ образомъ, англійскій флотъ на почтительномъ разстояніи. Важное значеніе торпедовъ обнаружилось только во время американской междоусобной войны, когда они изъ оборонительныхъ средствъ перешли въ наступательныя. Превосходство флота Соединенныхъ Штатовъ дало имъ возможность завладѣть самыми важными пунктами. Конфедеративное правительство организовало особенный миноносный отрядъ; онъ началъ опускать во многихъ мѣстахъ торпеды и строить небольшіе пароходы для перевозки шестовыхъ торпедовъ. Эти миноносныя лодки были очень мѣтко названы «Давидъ», а дѣйствіе ихъ обнаруживалось въ самыхъ страшныхъ размѣрахъ. Правительство Соединенныхъ Штатовъ построило въ подражаніе «*Давиду*» особаго рода торпеды, и въ 1864 г. командиру Кушингу удалось взорвать конфедеративное судно «Альбемарль» стоявшее на якорѣ въ рѣкѣ Джемсъ. Съ того времени, электрическіе снаряды для торпедовъ и самые торпеды сильно усовершенствовались. Придумано, напримѣръ, много разныхъ системъ торпедовъ, которыя мы подведемъ подъ слѣдующіе пять разрядовъ: стоячія, неподвижныя мины, шестовые торпеды, гарвескіе (буксирные) торпеды; уайтгедскіе (рыбовидные) и лейскіе. Скажемъ теперь нѣсколько словъ о каждой системѣ въ отдѣльности.

Стоячіе, неподвижные торпеды.

Этотъ торпедъ ничто иное, какъ опущенная мина, взрывающаяся вслѣдствіе удара или электричествомъ. Если такого рода торпедами уложить дно въ гавани или на якорномъ мѣстѣ, то приближеніе непріятельскаго судна будетъ невозможно. Торпеды должны быть окружены береговыми батареями или военными кораблями, для того, чтобы не давать непріятельскимъ водолазамъ снимать ихъ съ мѣста. Каждый каналъ можетъ быть запруженъ этими скрытыми минами, а взрывъ ихъ разомъ уничтожаетъ какое бы то ни было судно; онѣ прикрѣпляются къ землѣ якорями. Взрывчатое вещество состоитъ изъ пороха, пироксилина или динамита; гильза можетъ быть желѣзная или деревянная.

Шестовые торпеды.

Шестовый торпедъ прикрѣпляется на концѣ шеста отъ 15 до 38 ф. длины, придѣланнаго къ лодкѣ, и взрывается также посредствомъ удара или электричества. Недавно былъ произведенъ весьма интересный опытъ съ шестовымъ торпедомъ въ Шербургѣ, во Франціи. Этотъ торпедъ былъ прикрѣпленъ на шестахъ къ небольшому судну «Торнекрафтъ» и находился почти совсѣмъ подъ водою. На поверхность воды выходила лишь самая небольшая часть его, но все же на столько, что она могла выдерживать на себѣ тяжесть машины и двухъ косыхъ парусовъ; торпедъ управлялся лейтенантомъ, двумя инженерами и рулевымъ. Взрывъ этого торпеда повредилъ два судна, послѣ чего они были взяты на буксиръ и отведены въ море, со скоростію 14 узловъ въ часъ. «Торнекрафтъ», между тѣмъ, дѣлалъ въ часъ 19 узловъ, а такой скорости не достигало до сихъ поръ ни одно судно въ эскадрѣ; онъ нагналъ ретирующіяся суда, нанесъ имъ ударъ шестовымъ торпедомъ, спустивъ лукъ, и затѣмъ отскочилъ назадъ. Въ аттакующемъ суднѣ была произведена огромная пробоина, такъ что оно немедленно опустилось въ воду. «Торнекрафтъ» только завертѣлся и затѣмъ вернулся неповрежденнымъ къ эскадрѣ. Тагое небольшое сѣрое судно съ трудомъ отличается въ открытомъ морѣ; да даже еслибъ его и примѣтили, то попасть въ него очень трудно. Полдюжины такихъ торпедоносцевъ можетъ уничтожить самое большое судно. Расходъ на ихъ устройство самый ничтожный въ сравненіи съ страшными суммами, затрачиваемыми на постройку большихъ военныхъ кораблей. Такихъ небольшихъ судовъ можно построить множество; они удобно перевозятся на большихъ судахъ и, въ случаѣ надобности, могутъ быть спущены на воду. Итальянское правительство уже выполнило на дѣлѣ эту мысль: на двухъ огромныхъ построенныхъ имъ броненосцахъ «Дандоло» и «Дуиліо» приспособлены въ кормѣ укрѣпленные бронею сухіе доки, прикрывающіе собою небольшой пароходъ-торпедъ. Какъ только нужно къ нему прибѣгнуть, сухой докъ наполняется водою и открывается; маленькое судно выталкивается на непріятельскій корабль и, сдѣлавши свое дѣло, возвращается обратно въ пристань.

Гарвескій (буксирный) торпедъ.

Онъ былъ изобрѣтенъ въ 1862 г. англійскимъ офицеромъ и принятъ почти во всѣхъ флотахъ; его, вѣроятно, будутъ исключительно употреблять въ морскихъ сраженіяхъ, потому что онъ менѣе всего можетъ наносить вреда дружественному судну въ общей стычкѣ. Гарвескій торпедъ прикрѣпленъ, надъ водою, къ проволочному канату; при приближеніи къ непріятельскому кораблю, проволока ослабляется и торпедъ, будучи тяжелѣе воды, погружается въ нее. Тогда производится взрывъ посредствомъ особеннаго ударнаго механизма; въ моментъ же соприкосновенія съ бортомъ непріятельскаго судна, этотъ торпедъ можетъ быть взрываемъ электричествомъ.

Уайтгедскій (рыбовидный) торпедъ.

Секретъ этого изобрѣтенія составляетъ собственность британскаго адмиралтейства, но до насъ дошли слѣдующія свѣдѣнія о немъ. Уайтгедскіе торпеды похожи на заостренную съ обоихъ концовъ сигару и имѣютъ 18 фут. длины и два фута въ діаметрѣ. Внутренность сигары раздѣляется на три отдѣленія: въ верхней части кладется зарядъ въ 350 ф. пироксилина; далѣе слѣдуетъ отдѣленіе съ механизмомъ для удержанія торпеда на желаемой глубинѣ, и, наконецъ, духовая камера, въ которой находится механизмъ, приводимый въ движеніе сжатымъ воздухомъ. Къ нижнему концу сигары придѣланы винтами, съ правой и лѣвой стороны, двигающіеся впередъ торпеды, сдѣланные изъ лучшей стали. Духовая камера устраивается такой силы, чтобы она могла выдержать напоръ 1,200 ф. на квадр. дюймъ, не смотря на то, что заряжается обыкновенно 800 ф. Уайтгэдскій торпедъ можетъ проходить разстояніе въ 1,000 ярдовъ со скоростію 20 узловъ и способенъ погружаться отъ одного до 30 фут. глубины. Взрывъ происходитъ или отъ удара о твердый предметъ, или посредствомъ дистанціонной трубки; торпедъ можетъ быть поставленъ такъ, что, въ случаѣ промаха, имѣетъ возможность, пройдя данное разстояніе, погрузиться на дно, или же всплыть на поверхность, чтобы снова быть пущеннымъ въ дѣло. Онъ спускается въ воду съ дирекціоннаго станка, установленнаго гдѣ-нибудь въ портѣ. Можно спустить его также и на поверхности воды; тогда торпедъ немедленно погружается въ воду и затѣмъ прямо идетъ на непріятельское судно. Онъ можетъ попасть въ цѣль, какъ бы скоро оно не двигалось, и не смотря на быстроту хода того судна, съ котораго онъ пущенъ. Этотъ торпедъ разсчитанъ такъ, что можетъ произвести взрывомъ отверстіе въ 70 фут.; понятное дѣло, что никакое судно не выдержитъ такого удара. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что каждое, сравнительно слабо укрѣпленное, судно, но такое, которое можетъ подойти къ сильному на разстояніи 1,000 ярдовъ, способно нанести страшный вредъ, спуская эти разрушительныя орудія, а ночью такого рода нападенія никто и не подозрѣваетъ. Недавно изобрѣтенное электрическое освѣщеніе, употребляемое на марсѣ, служитъ пособіемъ для аттакуемой стороны; но если на нее направлено нѣсколько торпедоносныхъ судовъ съ разныхъ сторонъ, и если эти суда управляются ловкими офицерами, то ничто не въ состояніи спасти непріятельскій корабль. Этотъ торпедъ, безъ всякаго сомнѣнія, самое сильное военное орудіе настоящаго времени.

Лейскій торпедъ.

Изобрѣтеніе американца Лей, купленное правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ, не есть, собственно говоря, торпедъ, но скорѣе подводная торпедоносная лодка, снабженная шестовымъ торпедомъ. Эта лодка имѣетъ за собою то преимущество, что можетъ обходиться безъ команды, хотя въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ и можетъ быть еще значительно усовершенствована. Она приводится въ движеніе снарядомъ, наполненнымъ углекислымъ газомъ и двигательнымъ винтомъ. Вся лодка держится подъ водою; она управляется и всѣ движенія ея контролируются электро-гальванической батареей, установленной на берегу. Батарея соединяется съ лодкою посредствомъ кабеля, развертывающагося по мѣрѣ ея удаленія. Мѣстонахожденіе лодки указывается на поверхности воды посредствомъ флага, что и даетъ возможность управлять ходомъ. Главный недостатокъ лейскаго торпеда тотъ, что онъ не обладаетъ скоростью и можетъ дѣлать не болѣе 9 миль въ часъ, такъ-что непріятельскому судну достаточно спустить свои лодки и затѣмъ порвать кабель, чтобы торпедъ оказался во власти непріятеля. Всякія предохранительныя отъ нападенія торпедовъ мѣры весьма мало развиты; главная причина этого заключается въ томъ, что прежде, чѣмъ изобрѣтать что нибудь противъ нападающаго, нужно знать, изъ чего сдѣлано употребляемое имъ орудіе.

Доказательствомъ того, на сколько Англія озадачена дѣйствіемъ торпедовъ на броненосцевъ, можетъ служить то обстоятельство, что теперь тамъ задумано учредить международное анти-торпедное общество, во главѣ котораго будетъ стоять полковникъ Мартинъ. Онъ въ своемъ проэктѣ, между прочимъ, говоритъ: «Когда были изобрѣтены и введены въ общее употребленіе на войнѣ разрывныя пули, то всѣ націи единодушно порѣшили изгнать ихъ изъ употребленія и запретить ихъ выдѣлку; но разрывныя пули далеко не приносятъ столько вреда, сколько торпеды. Отравленіе пуль и, вообще, употребленіе яда воспрещено международнымъ правомъ. Отчего бы не запретить и торпеды, дѣйствіе которыхъ также внезапно и разрушительно, какъ дѣйствіе яда, тѣмъ болѣе, что даже не существуетъ и средствъ избѣгнуть ихъ нападенія. Если бы я, напримѣръ, выстрѣлилъ изъ мортиры гуттаперчевымъ мѣшкомъ съ дистанціонной трубкой, наполненной стрихниномъ, и зарядилъ бы этотъ мѣшокъ разрывнымъ зарядомъ, чтобы онъ разорвался среди города или другого населеннаго мѣста, то вредъ получился бы гораздо меньшій, чѣмъ отъ дѣйствія торпеда, потому что жители могли бы уклониться отъ высыпавшагося стрихнина, между тѣмъ какъ скрытые, даже рыбоводные торпеды наносятъ, внезапно, неизбѣжное и полнѣйшее зло. Многіе искусные работники были убиты при накачиваніи сжатаго воздуха въ хвостъ неразряженныхъ рыбовидныхъ торпедовъ. Если бы зарядить такой торпедъ пироксилиномъ, при неосторожномъ обращеніи съ нимъ, или, если бы граната попала въ торпедъ какъ разъ во время его отправленія противъ врага, то нечего и говорить о страшныхъ послѣдствіяхъ подобной случайности. Правительство всѣхъ государствъ отлично понимаетъ, какой вредъ причиняютъ торпеды, это видно изъ того, что, послѣ австро-итальянской войны, всѣ вытащенные торпеды; оказались деревянными. Понятное дѣло, что мы не должны отставать отъ другихъ государствъ, но каждый согласится со мною, что, чѣмъ скорѣе международное анти-торпедное общество выполнитъ свою задачу, тѣмъ окажется лучше въ интересахъ всего человѣчества!»

Къ сожалѣнію, очень можетъ быть, что всѣ государства раздѣлятъ нашъ взглядъ и предпочтутъ торпеды, какъ болѣе дешевое и дѣйствительное средство для уничтоженія столь дорогихъ и огромныхъ броненосцевъ *).

Новости наукъ и жизни.

Смертная казнь. Въ «Спб. Вѣд.» пишутъ изъ Парижа, отъ 27 мая: «Сторонники смертной казни съ давнихъ временъ занимаются изученіемъ физіологіи смерти и отыскиваютъ наилегчайшій способъ уничтоженія осужденнаго на смерть человѣка. Между образованными народами такихъ способовъ есть три: разстрѣливаніе, гильотинированіе и повѣшеніе. Количество времени страданій разстрѣливаемаго, переходъ его отъ жизни къ смерти, прямо обусловливается пораженіемъ болѣе или менѣе важныхъ органовъ; если пули попадутъ въ голову или сердце, жизнь быстро прекращается, если же то и другое цѣло, то казненный еще живетъ и чувствуетъ, хотя все тѣло его, какъ рѣшето, будетъ пронизано пулями. Поэтому, существуетъ законъ, послѣ залпа, стрѣлять, въ упоръ, въ голову и сердце осужденнаго. Гильотина, быстро отдѣляющая голову отъ туловища, считается однимъ изъ гуманнѣйшихъ способовъ прекращенія человѣческой жизни, но рядъ наблюденій надъ гильотинированными показалъ, что мозгъ казненнаго, по отдѣленіи головы отъ туловища, продолжаетъ функціонировать до тѣхъ поръ, пока желудочки его сердца и кровеносные сосуды не освободятся отъ крови, что можетъ совершиться въ продолженіе 4—6 минутъ. Послѣ казни Биллуара, вопросъ продолжительности страданій гильотинированнаго былъ снова поднятъ. Присутствовавшіе при исполненіи казни, замѣтили, что, по обезглавленіи Биллуара, его лѣвая нога нѣсколько минутъ судорожно билась. Очевидно, и въ туловищѣ, по отдѣленіи его отъ головы, чувствительность не прекращается тотчасъ. Что-же касается до повѣшенія, то этотъ способъ уничтоженія преступнаго человѣка есть самый мучительный изъ всѣхъ трехъ. Механическое сжатіе дыхательнаго горла, шейныхъ мускуловъ и кровеносныхъ сосудовъ, посредствомъ веревки, не можетъ абсолютно прекратить акты дыханія и моментально произвести апоплексію головнаго мозга. Агонію смерти повѣшеннаго, обыкновенно, сопровождаетъ, нѣкоторое время, хрипѣніе—это послѣднее усиліе субъекта ввести струю воздуха въ легкія черезъ то небольшое пространство, которое неизбѣжно остается между дыхательнымъ горломъ и шейными позвонками, до тѣхъ поръ, пока мускулы не вытянутся. Американскія газеты сообщаютъ весьма любопытный фактъ наблюденій надъ тремя повѣшенными преступниками. Въ Западной Каролинѣ былъ повѣшенъ, 25 мая, за убійство резидента штата Миссури, Дови, нѣкто Самуилъ Орръ. Функціи сердца казненнаго прекратились только послѣ 20 минутнаго его висѣнія въ петлѣ. Другой казненный былъ негръ Карлъ Вурмси; онъ изнасиловалъ г-жу Карауванъ, убилъ ее и продалъ трупъ медику за три доллара. Нельзя пройдти молчаніемъ хладнокровія, съ которымъ этотъ несчастный явился на казнь. Входя на эшафотъ, онъ жевалъ табакъ, потомъ, когда шерифъ спросилъ его, не имѣетъ-ли онъ что нибудь сказать? Фурмси отвѣчалъ: нѣтъ. На это шерифъ ему замѣтилъ, что окружающая громадная толпа народа, явившаяся поглядѣть на его казнь, желаетъ слышать отъ него спичъ, и если онъ его не скажетъ, то общество будетъ недовольно. Фурмси проговорилъ нѣсколько безсвязныхъ фразъ къ толпѣ и объявилъ, что больше говорить не желаетъ и готовъ къ казни. Палачи стали связывать ему руки и ноги, надѣли черный колпакъ на голову и только тогда, когда петля была надѣта на шею, Фурмси выплюнулъ табакъ изо-рта. Несчастный мучился семнадцать минутъ, пока испустилъ духъ. Третій повѣшенный былъ тоже негръ, Яковъ Бургуань, его казнили за убійство гражданина, Александра Грегга. Этотъ также, какъ и первый, испустилъ духъ послѣ двадцати-минутнаго висѣнія. Всѣ эти факты несомнѣнно доказываютъ, что принятые способы казни нелѣпы въ физіологическомъ отношеніи и преступны въ соціальномъ.

Ловля трески. По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ Норвегіи, оказывается, что у острововъ Лофодена, гдѣ устроена правительственная инспекція, ловля трески въ 1876 году была обильнѣе, чѣмъ въ прежніе годы. Такъ, въ прошломъ году было изловлено 28 милліоновъ штукъ этой рыбы, а въ періодъ 1860—77 годовъ было поймано среднимъ числомъ всего $18^{3}/_{4}$ милліоновъ ежегодно.

Изъ всего количества, пойманнаго въ 1876 году, было посолено и высушено на скалахъ, т. е. превращено въ «Klippfisk» $23^{1}/_{2}$ милл., а остальная часть обращена въ «Stocfisk» или «rundfisk», (высушена на воздухѣ, безъ предварительнаго соленія). Кромѣ того, добыто рыбьяго жиру до 57,000 боченковъ и 27,000 боч. икры, а также 12 милліон. головокъ, которыя сданы на заводы искуственнаго гуано, приготовляющіе, изъ головокъ и костей трески, удобреніе весьма полезное, особенно при свекловичныхъ засѣвахъ

Въ водахъ Норланда, гдѣ не существуетъ наблюдательной полиціи за рыбною ловлею, было поймано 35 милліон. штукъ трески, добыто 15,000 боченк. трескового жиру и 7,500 боч. икры; а въ провинціи Ромздаль ловля трески дала 10 милл. штукъ. Въ окрестностяхъ Финмаркена, гдѣ ловля начинается позже и продолжается до іюня, изловлено до сего времени 7 милл. штукъ трески. Если ловля въ этихъ мѣстностяхъ даетъ, какъ обыкновенно, 15.000,000 шт., то окажется, что весь итогъ ловли во всей Норвегіи будетъ равняться 60 милліонамъ штукъ; въ 1871 году этотъ итогъ составлялъ $35^{1}/_{2}$ мил., въ 1872 г.—40 милл., а въ 1873 и 1874 гг.—$43^{1}/_{2}$ милл. штукъ трески.

Треска, въ видѣ «Klippfisk'а, отправляется преимущественно въ Испанію, гдѣ вкусъ ея до того полюбился народу, что рабочіе, отправляясь на работу, обыкновенно захватываютъ съ собою кусокъ хлѣба и нѣсколько кусковъ этой соленой рыбы въ сушеномъ видѣ. Во время гражданской войны въ Испаніи, этой трески было употреблено въ карлистской арміи громадное количество; ее и варили, и приготовляли инымъ способомъ.

Въ самой Норвегіи, ея также идетъ много въ пищу, потому что она здорова и пріятна на вкусъ; она предпочитается говядинѣ, которая признается слишкомъ питательною для мѣстныхъ обывателей. Норвежскіе солдаты употребляютъ ее въ хлѣбѣ. Эту сушеную рыбу они превращаютъ въ порошокъ, который смѣшиваютъ съ мукою и изъ смѣси этой приготовляютъ хлѣбъ.

Для отправки въ Испанію, соленая треска въ сушеномъ видѣ направляется въ г. Бергенъ, гдѣ, безъ всякой особой упаковки, ею наполняютъ трюмъ корабля, и такъ она везется въ Испанію. Но она также можетъ быть укладываема въ ящики, въ количествѣ 3, 6 и 10 пудовъ. Такъ именно это дѣлается, когда ее отсылаютъ въ Гавану. Разрѣзанная вдоль и плоская, она удобно распредѣляется въ ящикѣ. Отъ 14 до 18 штукъ этой рыбы составляютъ пудъ. Послѣ соленія, высушенная треска теряетъ очень много въ своемъ вѣсѣ. Она не портится въ жару, какъ опытъ показалъ въ Гаваннѣ.

Для употребленія въ пищу, ее сначала мочатъ, затѣмъ чистятъ въ водѣ и тогда варятъ.

— Изъ Иркутска «Русс. Міру» пишутъ, что тамошнее высшее мѣстное начальство намѣрено возбудить ходатайство объ учрежденіи въ Восточной Сибири больницы для душевно-больныхъ, а равно о постройкѣ восьмидесяти богадѣльныхъ зданій въ губерніяхъ Иркутской и Енисейской и въ Забайкальской области, для призрѣнія въ нихъ 800 дряхлыхъ, увѣчныхъ и неизлечимо больныхъ ссыльныхъ, по десяти человѣкъ въ каждомъ.

Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій.

Военныя дѣйствія, происходившія въ Малой Азіи съ 25-го мая по 5-е іюня, представляютъ особый интересъ.

Намъ уже извѣстно, что главныя силы генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова, послѣ цѣлаго ряда рекогносцировокъ окрестностей Карса, къ 25-му мая окончательно расположились на позиціяхъ двухъ пунктахъ: отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Девеля, у с. Мацра — къ сѣверо-востоку отъ крѣпости, и войска генералъ-лейтенанта Геймана къ западу отъ нея — по линіи Бозчала-Аравартанъ. Въ это время прочія части дѣйствующаго корпуса находились: отрядъ генерала Тергукасова у Каракилисы, а колонна, направленная изъ Ардагана—на пути къ городу Ольтѣ.

Одновременно съ прибытіемъ великаго князя, главнокомандующаго кавказскою арміею, въ лагерь у с. Мацра, войска наши, расположенныя подъ Карсомъ, приступили къ подготовительнымъ операціямъ, съ цѣлью овладѣть крѣпостью, начавъ съ обозрѣнія передовыхъ ея укрѣпленій и съ устройства складочныхъ мѣстъ для разнаго рода парковъ.

Такъ, 27-го мая, генералъ Гейманъ произвелъ усиленную рекогносцировку западныхъ фортовъ Карса, со стороны Шораха, а на другой день, 28-го мая, его высочество лично, подъ прикрытіемъ войскъ мацринскаго лагеря, обозрѣлъ расположеніе сѣверныхъ укрѣпленій. Въ оба дня, турки не препятствовали нашимъ рекогносцировкамъ, ограничиваясь лишь огнемъ съ ближайшихъ крѣпостныхъ верковъ, не причинявшимъ намъ почти никакого вреда *). 31-го мая турки однако рѣшились выслать изъ крѣпости три полевыхъ батареи, которыя, занявъ высоты *), вмѣстѣ съ орудіями передовыхъ укрѣпленій, открыли стрѣльбу по нашему лагерю и транспортамъ; но дѣйствіе нашей артиллеріи вскорѣ заставило непріятельскія батареи замолкнуть, и онѣ вынуждены были прекратить огонь и отступить въ крѣпость.

---

*) Кстати, заимствуемъ изъ корреспонденціи г. Буренина, помѣщаемой въ «Новомъ времени», слѣдующее описаніе устройства торпедовъ. Намъ предложили,—говоритъ онъ,—покуда въ ожиданіи отплытія посмотрѣть на того самаго «Цесаревича», который далъ первый ударъ монитору. Мина своей тяжестью опускаетъ шестъ въ воду подъ извѣстнымъ угломъ. Лодка, выдвинувъ такимъ образомъ мину, устремляется на разрушаемое судно, заводитъ мину подъ его подводную часть, гальваническій проводникъ отъ мины соединяется—и дѣло готово. Все это геніально просто и, какъ все геніально-простое, приноситъ необыкновенно сложные результаты...

*) Потеря наша состояла всего изъ 15 раненыхъ

Черезъ два дня послѣ того, 2-го іюня, гарнизонъ крѣпости сдѣлалъ болѣе серьозную попытку помѣшать нашимъ работамъ, и произвелъ вылазку въ значительныхъ силахъ противъ войскъ генерала Геймана. Это была, можно сказать, первая болѣе серьозная вылазка со стороны карскаго гарнизона, одна изъ тѣхъ, какія должны обыкновенно производиться обороняющимися въ началѣ осады. Но и она окончилась для турокъ печальнымъ образомъ. Вотъ какъ происходило дѣло: въ 3 часа пополудни турки, въ составѣ 9 батальоновъ пѣхоты, при 2-хъ батареяхъ, вышли изъ крѣпости и, оттѣснивъ наши аванпосты, заняли высоты у с. Чивтлика, противъ Аравартана (лѣваго фланга лагеря). Генералъ Гейманъ, какъ и слѣдовало ожидать отъ опытнаго военачальника, распорядился здѣсь вполнѣ основательно: удерживая непріятельскія войска съ фронта огнемъ небольшихъ частей грузинскаго гренадерскаго полка, съ охотниками отъ эриванскаго, онъ, въ тоже время, приказалъ князю Чавчавадзе, находившемуся съ кавалеріей на правомъ флангѣ нашего расположенія у с. Кочалы (позади Бозгала), атаковать противника съ лѣваго его фланга и въ тылъ.

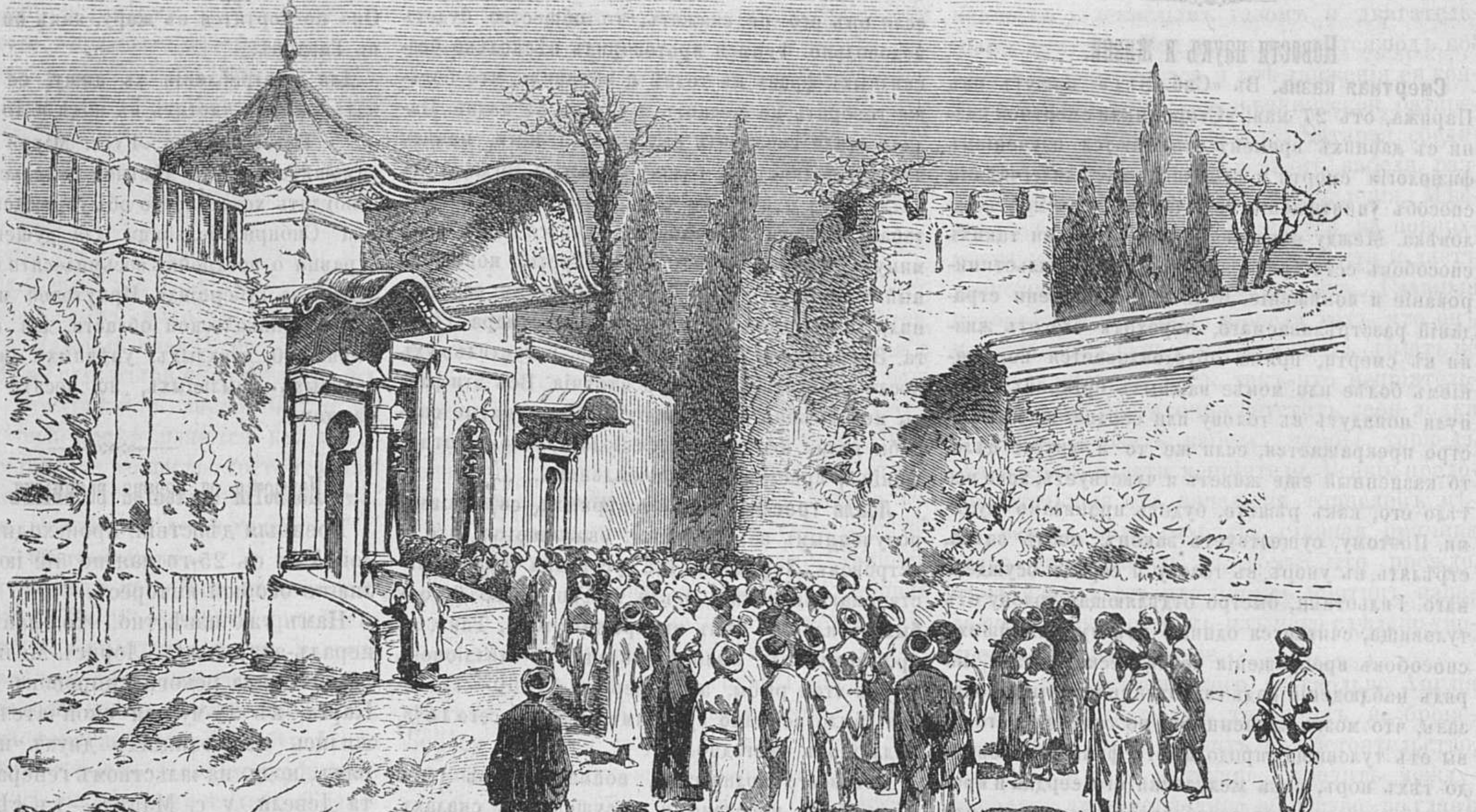
Войска наши не заставили себя долго ждать: 2 батальона грузинскаго гренадерскаго полка, бывшіе подъ руками у князя Чавчавадзе, быстро появились на флангѣ непріятеля и ударили въ штыки; турки скоро были выбиты съ занятой ими позиціи и стали отступать, поражаемые выстрѣлами 1-й батареи кавказской гренадерской артиллерійской бригады; вслѣдъ затѣмъ новый ударъ во флангъ, послѣдовавшій со стороны сѣверскаго драгунскаго полка, обратилъ турокъ въ безпорядочное бѣгство; подоспѣвшая своевременно конная батарея кубанскаго казачьяго войска довершила общее разстройство ихъ. Турки оставили на мѣстѣ дѣйствія до 200 тѣлъ; у насъ потеря заключалась въ 11 убитыхъ и 106 раненыхъ нижнихъ чиновъ. Какъ ни отрывочны свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ, доставленныя намъ оффиціальною телеграммою, нельзя не замѣтить въ нихъ того утѣшительнаго явленія, что войска не только показали себя отважными, но въ дѣйствіяхъ ихъ выказались взаимная связь и поддержка частей войскъ различныхъ родовъ оружія.

Генералъ Тергукасовъ 4-го іюня разбилъ турецкія войска подъ начальствомъ Махмеда-паши на Оглахъ, между Зейдекяномъ и Дали-баба; войска эти были отборными и дрались хорошо. Тѣмъ не менѣе, побѣда наша полная, непріятель бѣжалъ, оставивъ въ нашихъ рукахъ до 600 плѣнныхъ. Самъ Махмедъ-паша убитъ. Генералъ Тергукасовъ свидѣтельствуетъ о превосходномъ дѣйствіи артиллеріи и молодецкихъ атакахъ ставропольскаго и крымскаго полковъ и 3-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона. Потеря наша: убитъ хорунжій Мудрый и 94 нижнихъ чиновъ; ранены: крымскаго полка маіоръ Свіонтницкій и 119 нижнихъ чиновъ, контуженъ переяславскаго драгунскаго полка маіоръ Пуджевскій.

Что касается кобулетскаго отряда генерала Оклобжіо, то онъ продолжалъ разработку дорогъ, устроилъ черезъ р. Кинтриши два моста и, въ видахъ обезпеченія тыла, высылалъ отдѣльныя колонны вдоль теченія р. Ачкуа, для приведенія къ покорности мѣстнаго населенія и введенія тамъ русскаго управленія. Между прочимъ, 2 іюня турки два раза принимались атаковать правый флангъ занятой нами позиціи на высотахъ Самеба, но оба раза съ урономъ были отражены. Дѣйствія этого отряда вообще чрезвычайно затруднены какъ самою мѣстностью, такъ и ненастною погодой.

Въ «Русскомъ Инвалидѣ» напечатано слѣдующее: Хотя въ раіонѣ расположенія дѣйствующей арміи на Дунаѣ дѣло не дошло еще до рѣшительнаго столкновенія, но близость ожидаемаго событія, едва ли не важнѣйшаго и самаго труднаго акта настоящей войны — переправы черезъ Дунай — замѣтно обнаруживается въ усиленной дѣятельности, проявляемой въ послѣднее время непріятелемъ. Такъ, турки поспѣшно укрѣпляютъ главнѣйшія береговыя свои позиціи на пространствѣ между Никополемъ и Туртукаемъ, и почти ежедневно открываютъ артиллерійскій огонь по лѣвому берегу Дуная, какъ съ цѣлью мѣшать нашимъ работамъ, такъ, вѣроятно, и съ намѣреніемъ заставить своими выстрѣлами обнаружить въ извѣстныхъ пунктахъ наши силы, чтобы по нимъ судить о наиболѣе вѣроятныхъ мѣстахъ переправы. Перестрѣлки эти остаются, однако, безрезультатными и ограничиваются лишь ничтожными для насъ потерями. Поиски, производимые турецкими небольшими отрядами на румынскій берегъ, преимущественно для грабежа и разбоя, не всегда оканчиваются для нихъ удачно, какъ, напримѣръ, набѣгъ ихъ 6 іюня близъ Турну-Магурели, гдѣ турки были настигнуты подоспѣвшими частями нашихъ войскъ, причемъ потеряли нѣсколько человѣкъ и большую часть захваченнаго ими на лѣвомъ берегу скота.

Тѣмъ временемъ, горсть нашихъ отважныхъ моряковъ не перестаетъ тревожить турецкіе мониторы, плавающіе по Дунаю. 8 іюня, одинъ изъ послѣднихъ, выйдя изъ Рущука, приблизился къ занятому нашими войска-



Бунтъ софтовъ въ Константинополѣ.

---

*) Въ телеграммѣ не сказано, какія высоты и съ какой стороны.

ми Журжеву и открылъ огонь по находившимся тамъ нашимъ шлюпкамъ; несмотря на то, что это происходило среди бѣлаго дня, одна изъ шлюпокъ, подъ командою лейтенанта Скрыдлова, смѣло бросилась въ атаку на мониторъ и подъ градомъ выстрѣловъ ударила въ него минымъ шестомъ. Къ сожалѣнію, чистая случайность разстроила успѣхъ смѣлаго предпріятія: приводъ, соединяющій торпедъ, былъ перебитъ выстрѣломъ съ монитора и, такимъ образомъ, послѣдній былъ спасенъ отъ взрыва; шлюпкѣ нашей удалось довольно счастливо вернуться къ румынскому берегу; но во время перестрѣлки на ней ранены: лейтенантъ Скрыдловъ и добровольно находившійся на шлюпкѣ извѣстный художникъ В. В. Верещагинъ.

Недавно, въ ночь на 24-е мая, была сдѣлана рекогносцировочная переправа между Журжево и Рущукомъ 70 казаками вмѣстѣ съ 40 пѣхотинцами охотскаго полка. Переправившись на лодкахъ за Дунай, наши вскорѣ наткнулись на партію турокъ въ 160 человѣкъ, которые встрѣтили ихъ залпомъ изъ ружей; казаки должны были скрыться въ береговые камыши, откуда открыли сильный огонь по туркамъ; послѣдніе не выдержали и обратились въ бѣгство, оставивъ на мѣстѣ 16 человѣкъ убитыми и 6 плѣнными, въ числѣ которыхъ оказался одинъ турецкій офицеръ. Затѣмъ казаки исполнили рекогносцировку и благополучно переправились обратно, вмѣстѣ съ плѣнными турками, и захватили съ собой убитыя непріятельскія тѣла. Съ нашей стороны, въ этой стычкѣ были ранены трое казаковъ; потерь убитыми у насъ не оказалось. Эта рекогносцировка была совершена подъ командой есаула Третьякова, который въ награду получилъ коня. Этотъ же самый Третьяковъ участвовалъ вмѣстѣ съ 200 казаковъ и столько же пѣхоты въ занятіи Барбошскаго моста 13 апрѣля. О послѣднемъ фактѣ самъ Третьяковъ разсказываетъ весьма интересныя подробности, которыя, вѣроятно, не многимъ извѣстны. Дѣло въ томъ, что двѣсти конныхъ казаковъ должны были на своихъ же коняхъ провести столько же пѣхоты, причемъ каждый казакъ правой ногой опирался въ правое стремя, оставляя лѣвое для опоры правой ноги пѣхотинцу; затѣмъ обхвативши каждый своего пѣхотинца, казаки проскакали на рысяхъ, вплоть до Барбоша, разстояніе 115 верстъ.

«Николаевскій Вѣстникъ» сообщаетъ слѣдующія подробности о молодецкой атакѣ нашими минными катерами турецкихъ броненосцевъ въ Сулинскомъ гирлѣ: «29-го мая, пароходъ «Великій Князь Константинъ», имѣя на буксирѣ 4 своихъ и два одесскихъ быстроходящихъ миноносныхъ катера, вышелъ изъ Одессы въ крейсерство къ острову Федопоси (Змѣиный), около котораго, какъ было извѣстно, почти каждую ночь крейсируютъ непріятельскія суда. Не встрѣтивъ никого у острова, «Константинъ», направился къ Сулину, приблизившись къ которому на разстояніе 5 миль, отправилъ на рейдъ, для атаки, всѣ бывшіе съ нимъ миноносные катера. Миноносцы подошли къ рейду въ 2 часа ночи и застали на немъ 4 броненосца, изъ которыхъ три были на якорѣ и 1—въ ходу. Быстроходящіе катера, № 1-й — лейтенанта Пущина и № 2—лейтенанта Рождественскаго, тотчасъ же смѣло пошли въ атаку; мало отстававшій отъ нихъ катеръ «Чесма», подъ управленіемъ лейтенанта Зацареннаго *), разсчитывалъ также произвести атаку одновременно съ ними, но, къ сожалѣнію, буксирная мина, которою вооруженъ этотъ катеръ, и на этотъ разъ была причиной неуспѣха нападенія. Лишь только она была выпущена за бортъ, какъ проводники ея попали въ винтъ катера; пришлось остановить машину и заняться очисткою винта.

«Въ это время, катера Рождественскаго и Пущина шли въ атаку, видя другъ друга. Рождественскій бросился на ближайшаго броненосца, стоявшаго на якорѣ по прямому направленію курса его катера. Пущинъ же подался въ глубину рейда. Въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ отъ броненосца, катеръ Рождественскаго былъ окликнутъ турецкимъ часовымъ, и въ тотъ же моментъ по немъ открытъ былъ штуцерный огонь, а затѣмъ послѣдовала общая тревога на рейдѣ и сильный пушечный и ружейный огонь. Въ отвѣтъ на окликъ, Рождественскій далъ полный ходъ, и, вслѣдъ затѣмъ, послѣдовалъ автоматическій взрывъ его мины, почти въ упоръ къ броненосцу, но, по соображенію Рождественскаго, нѣсколько раньше, чѣмъ произошло столкновеніе: повидимому, турки приняли предосторожности и, вѣроятно, мина нашего катера вблизи непріятельскаго борта встрѣтила загражденіе. Въ этотъ моментъ, катеръ съ его бравой командой подвергся огромной опасности; благополучно выйти изъ критическаго положенія ему удалось только, благодаря особенному хладнокровію и распорядительности лейтенанта Рождественскаго, замѣчательному мужеству вольнаго механика Канцерова и бравой катерной командѣ. Осыпаемый частыми выстрѣлами, подъ самымъ бортомъ броненосца, залитый столбомъ воды, поднятой взрывомъ мины, катеръ оказался съ лопнувшимъ штуръ-тросомъ и сломанною осью штуръ-вала. Чтобы сдѣлать возможнымъ управленіе рулемъ, Рождественскому пришлось выйти изъ рубки и, при помощи механика Канцерова, собственноручно работать нѣсколько минутъ надъ приведеніемъ въ порядокъ верхняго штуръ-вала, подъ градомъ пуль и картечи, слѣды которыхъ остались на корпусѣ катера. Въ тоже время, минеръ, матросъ Сокольниковъ, спокойно обрубалъ минные проводники и сбрасывалъ за бортъ остатки шеста.

«Выйдя изъ подъ выстрѣловъ непріятеля, Рождественскій остановилъ машину и сталъ поджидать катеръ Пущина, по направленію котораго былъ слышенъ, незадолго передъ тѣмъ, глухой, минный взрывъ; простоявъ, такимъ образомъ, нѣсколько минутъ и замѣтивъ, что на него идетъ непріятельскій пароходъ, открывшій по немъ огонь, Рождественскій приказалъ дать полный ходъ машинѣ и снова увидѣлъ себя въ большой опасности, такъ какъ паръ упалъ, и турепкій пароходъ сталъ замѣтно догонять катеръ; но это продолжалось недолго; вмѣстѣ съ топливомъ, въ топку подбросили паклю съ саломъ, и вскорѣ катеръ быстро удалился въ море. Прочіе же три миноносные катера, хотя и приблизились къ Сулинскому устью, но, услышавъ минные взрывы и открывшуюся тревогу, и замѣтивъ погоню, возвратились, не дѣлая попытокъ къ нападенію.

«Такъ окончилась смѣлая атака катера лейтенанта Рождественскаго, по осмотрѣ котораго въ Одессѣ, в подводной части оказались поврежденія, ясно свидѣтельствующія, что катеръ, при нападеніи, имѣя быстрый ходъ и большой диферентъ на корму, перескочилъ бонное загражденіе, сорвавъ себѣ приэтомъ киль; возвращаясь же обратно заднимъ ходомъ, онъ могъ миновать бонъ, благодаря лишь той случайности, что образовавшійся, при взрывѣ мины, столбъ воды залилъ его носовую часть и тѣмъ приподнялъ корму.

«Что касается парохода «Константинъ», то, услыша канонаду и желая ближе подойти къ берегу, чтобы во время подхватить катера, онъ, вслѣдствіе теченія и темноты, приткнулся къ мели. Положеніе было крайне опасное, въ виду ежеминутной возможности быть атакованнымъ несравненно сильнѣйшимъ непріятелемъ; но быстрая хладнокровная распорядительность капитана и его помощниковъ помогли пароходу во время сняться съ мели, такъ что погнавшійся было за нимъ броненосецъ, послѣ нѣсколькихъ безвредныхъ для парохода выстрѣловъ, отсталъ и поворотилъ къ Сулину. «Константинъ» же къ 5 часамъ снова вернулся къ заранѣе условленному мѣсту, гдѣ и принялъ всѣ катера, кромѣ катера Пущина, какъ извѣстно, невозвратившагося изъ экспедиціи».

5 іюня начато бомбардированіе карскихъ фортовъ: Карадага, Араба и Мухлиса, продолжающееся съ восьми батарей, вооруженныхъ 25-ю орудіями и мортирами; потеря наша двухдневная: двое убитыхъ; 13 раненыхъ нижнихъ чиновъ, тяжело раненъ прапорщикъ осадной артиллеріи Цейдлеръ.

По свѣдѣніямъ изъ Карса, уронъ турокъ въ дѣлѣ 3 іюня простирается до 200 убитыхъ и 250 раненыхъ. Дѣло это произвело на карскій гарнизонъ сильное впечатлѣніе.

Генералъ Тергукасовъ выступилъ изъ Зейдекяни къ Кепри-кеву.

Отрядъ генерала Алхазова, произведя рекогносцировку Очемчиръ и Моквы, не встрѣтилъ непріятеля; въ средѣ возмутившихся абхазцевъ начались раздоры.

6 іюня, турки, въ числѣ около 800 человѣкъ, высадились близъ Турну-Магурели и захватили пасшійся на лугу румынскій скотъ; подоспѣвшія части уланъ и казаковъ и одна рота тамбовскаго полка отбили большую часть скота; турки ушли, потерявъ 8 человѣкъ; у насъ 1 уланъ и 1 казакъ ранены. Вода въ Дунаѣ продолжаетъ спадать.

По извѣстіямъ изъ Черногоріи, Сулейманъ-паша пробился къ Никшичу и снабдилъ его провіантомъ; Въ Васоевичахъ же и у Спужа черногорцы отразили турокъ.

Великій князь Константинъ Николаевичъ телеграфируетъ, что родители лейтенанта Пущина, командовавшаго одною изъ миноносныхъ лодокъ при атакѣ турецкихъ мониторовъ у Сулины, получили отъ сына извѣстіе, что онъ находится въ плѣну у турокъ и что съ нимъ обращаются хорошо.

Наведеніе моста у Браилова началось. Происходитъ постоянная артиллерійская перестрѣлка. Переходъ значительныхъ русскихъ силъ въ этомъ пунктѣ ожидается сегодня или завтра.

Усиленное движеніе русскихъ войскъ къ Дунаю продолжается. Совмѣстность военныхъ дѣйствій русскихъ и румынскихъ военныхъ силъ окончательно рѣшена.

Командиръ 1 бригады 18 пѣхотной дивизіи, генералъ-маіоръ Жуковъ, доноситъ объ успѣшномъ исполненіи возложеннаго на него труднаго порученія—переправиться на судахъ черезъ Дунай изъ Галаца и затѣмъ занять на правомъ берегу высоты Буджака.

Въ ночь съ 9 на 10 іюня, въ присутствіи командира 14 корпуса, генералъ-лейтенанта Циммермана, посажены на суда десять ротъ

---

*) Лейтенантъ Зацаренный—тотъ самый, который атаковалъ турецкій фрегатъ у входа на Батумскій рейдъ.

рязанскаго и ряжскаго полковъ, по пяти отъ каждаго. Первыя, причалившія къ берегу, рязанскія роты, встрѣченныя сильнымъ огнемъ непріятеля изъ ложементовъ, неустрашимо бросились на высоты и выбили турокъ; впереди всѣхъ вышли: поручикъ Эльснеръ и прапорщикъ Сушковъ. Непріятельская конница покушалась ударить во флангъ нашей малочисленной пѣхоты, но подоспѣвшія роты ряжскаго полка заставили турокъ отступить. Къ семи часамъ утра, непріятель, получивъ подкрѣпленіе, возобновилъ атаки на правый нашъ флангъ; ряжскія роты, встрѣченныя огнемъ двухъ орудій и атакою кавалеріи, выдержали горячій бой, доходившій до рукопашныхъ схватокъ и продолжавшійся до полудня. Не имѣя ни артиллеріи, ни кавалеріи, пѣхота наша бросилась въ штыки на непріятельскую конницу; съ прибытіемъ же одного нашего орудія, бой принялъ новый оборотъ; турки прекратили огонь и отступили. Наши войска, подкрѣпленныя остальною частью бригады, утвердились на высотахъ Буджака.

По засвидѣтельствовію генерала Жукова, въ этомъ горячемъ бою десяти ротъ противъ 3,000 непріятельской пѣхоты и до 300 конницы, при двухъ орудіяхъ, войсками нашими оказаны чудеса храбрости. Особенную распорядительность выказали, кромѣ командировъ обоихъ полковъ, полковниковъ Шульгина и Шелковникова и начальника штаба дивизіи полковника Михѣева, подполковникъ ряжскаго полка Акинфіевъ, капитанъ того же полка Клоченко и поручикъ Ермоловъ. Къ сожалѣнію, успѣхъ этотъ стоитъ намъ довольно значительной потери: 7 убитыхъ ряжскаго полка; подпоручики: Васильевъ и Никольскій, и рязанскаго полка подпоручикъ Васильевъ, и нижнихъ чиновъ 41, ранены рязанскаго полка поручикъ Эльснеръ и ряжскаго—Атрашкевичъ, а нижнихъ чиновъ 88.

Пароходы «Константинъ» и «Владиміръ» выходили опять въ море на поиски: первый къ анатолійскимъ берегамъ, а послѣдній къ румелійскимъ; «Константинъ», 8 іюня, около мыса Керемпе, утопилъ четыре турецкихъ купеческихъ судна, снявъ съ нихъ команды, которыя свезъ на берегъ на своихъ шлюпкахъ, затѣмъ возвратился въ Севастополь. Пароходъ «Владиміръ» возвратился 10 числа въ Одессу, привезя съ собою призъ—турецкій коммерческій бригъ «Асланъ-Бахри» съ шестнадцатью человѣками экипажа, взятый въ 30 миляхъ отъ Варны по пути изъ Кюстенджи.

Въ дополненіе къ извѣстію о дѣлѣ на Буджакѣ, генералъ-лейтенантъ Циммерманъ доноситъ телеграмою, что прибылъ 11 числа, въ 3 часа дня, въ Мачинъ съ бородинскимъ Его Величества полкомъ, на пароходахъ, баркахъ и гребныхъ судахъ. Городъ оставленъ турками и занятъ безъ выстрѣла. Духовенство и жители-христіане вышли на встрѣчу съ крестами, иконами, хоругвями и пѣніемъ.

Подъ Карсомъ продолжается устройство осадныхъ батарей и бомбардировка сѣверныхъ фортовъ; 10 іюня турки произвели вылазку двумя батальонами съ батареею и двумя эскадронами, прикрывавшими фуражировку. Наша кавалерія атаковала непріятеля и заставила его удалиться въ крѣпость. У насъ убитъ одинъ казакъ и ранено три драгуна и два казака. Непріятель понесъ значительную потерю въ рукопашной схваткѣ съ казаками втораго владикавказскаго полка.

Получены свѣдѣнія, что толпы курдовъ, прибывшія отъ Вана, окружили городъ Баязетъ, гарнизонъ котораго отбилъ уже нѣсколько атакъ; на помощь ему двигаются подкрѣпленія. Кабулетскій отрядъ, 11 числа, открылъ огонь со всѣхъ батарей своей передовой позиціи противъ непріятеля, расположеннаго у Цихиджвари.

Въ Абхазіи, кавалерія генерала Алхазова, подъ начальствомъ полковника князя Шервашидзе, имѣла 9 числа дѣло у Мергулы и Моквы съ возставшими жителями и возвратившимися кавказскими переселенцами; у нихъ забрано много лошадей и оружія; предводитель ихъ Харибсъ-Маршаже и нѣсколько абхазцевъ взяты въ плѣнъ. На мѣстѣ боя осталось 35 тѣлъ; съ нашей стороны убитъ одинъ казакъ и ранено нѣсколько милиціонеровъ.

— Черногорскій корреспондентъ «Новаго Времени», разсказывая о битвѣ черногорцевъ съ турками при Мартиничахъ, сообщаетъ слѣдующія любопытныя подробности о томъ, какъ батальоны Боже Петровича спѣшили, чрезъ Даниловградъ, на помощь къ отряду, занимавшему Мартиничи: «Только-что завязалось дѣло, какъ батальоны Боже Петровича, предводительствуемые имъ самимъ, кинулись съ Планины въ подмогу, чрезъ Даниловградъ. Въ этотъ моментъ, я стоялъ на улицѣ и видѣлъ картину, которую никогда не забуду. Батальонъ пошелъ за батальономъ съ невѣроятной быстротою, бросая по дорогѣ чубуки и куртки, чтобъ легче было бѣжать. Съ сверкающими глазами, устремленными въ одну точку, гдѣ видѣнъ дымъ и слышны выстрѣлы, черногорцы скакали, какъ серны, черезъ каменья. Выстрѣлы смолкли... въ дѣло пошелъ ятаганъ... Когда подоспѣли батальоны Боже Петровича, турки были смяты, разбиты и отступили назадъ въ свои укрѣпленія. Потеря непріятеля: около 1,000 убитыхъ и раненыхъ. Черногорцевъ убито 50 и ранено 75.

* * *

Телеграммы.

Парижъ, 7-го (19) іюня, вечеромъ. Шуазель внесъ въ палату депутатовъ составленную лѣвою стороною формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ; въ формулѣ этой выражено энергическое порицаніе политикѣ кабинета и заявлено, что кабинетъ не пользуется довѣріемъ націи. Министръ общественныхъ работъ, Пари сказалъ, что палата можетъ высказаться теперь, сенатъ же скажетъ свое слово завтра. Если онъ выскажется за распущеніе, то страна, въ свою очередь, разсудитъ между коалиціею всѣхъ лѣвыхъ и коалиціею всѣхъ консерваторовъ. Формула перехода къ очереднымъ дѣламъ принята большинствомъ 363 голосовъ противъ 158-ми, послѣ чего засѣданіе закрыто.

Парижъ, 7 (19) іюня, вечеромъ. По достовѣрнымъ слухамъ, маршалъ Макъ-Магонъ намѣренъ, тотчасъ по распущеніи палаты депутатовъ, обратиться къ націи съ манифестомъ.

Эрзерумъ, 7 (19) іюня. Персидскій консулъ пригласилъ персидскихъ подданныхъ немедленно выѣхать изъ города.

Парижъ, 20 іюня. Во вчерашнемъ засѣданіи палаты депутатамъ розданъ отчетъ о состояніи ликвидаціонныхъ счетовъ. Затѣмъ, палатѣ было сообщено, что, какъ заявилъ военный министръ, артиллерійской коммисіей принятъ новый образецъ пушки. Часть требуемыхъ правительствомъ 209-ти милліоновъ франковъ предполагается употребить на заготовленіе этихъ новыхъ орудій. Далѣе, въ представленномъ палатѣ докладѣ сказано, что предполагается приступить къ постройкѣ укрѣпленій на сѣверной границѣ, отъ Дюнкирхена до Шимэ. Коммиссія единогласно предлагаетъ палатѣ вотировать требуемые правительствомъ 209 милліоновъ.

Рагуза, 8 (20) іюня. Черногорцы день и ночь сражаются противъ Сулейманъ-паши подъ Острогомъ, не давая ему подвигаться впередъ. Битва продолжается.

Берлинъ, 20 іюня. Въ газетѣ «Provinzial Correspondenz» пишутъ: «Передъ отъѣздомъ своимъ въ Эмсъ, императоръ Вильгельмъ собралъ около себя министровъ и, серьезно взволнованнымъ голосомъ, высказалъ имъ опасенія по поводу разрушительныхъ стремленій, обнаружившихся въ церковной и соціальной областяхъ. Приэтомъ, императоръ съ довѣріемъ просилъ министровъ совокупными усиліями содѣйствовать рѣшенію задачъ, могущихъ возникнуть среди подобныхъ обстоятельствъ».

Вѣна, 20 іюня, вечеромъ. Распространитель сенсаціонныхъ слуховъ о Петефи, Манасесъ, уличенъ, въ Клаузенбургѣ, въ обманѣ: настоящее имя его—Поппъ, и въ Сибири онъ никогда не былъ.

Версаль, 10 (22) іюня. Послѣ длинной рѣчи герцога Брольи, сенатъ отсрочилъ до завтра дальнѣйшее обсужденіе предложенія о распущеніи палаты депутатовъ. Брольи, въ своей рѣчи, указывая, что кабинетъ Жюля Симона находился подъ вліяніемъ Гамбетты, отрицалъ справедливость дѣлаемаго нынѣшнему министерству упрека въ клерикальныхъ происках. «Министерство — сказалъ герцогъ Брольи — предано церкви, однако, не отвергаетъ ни одного изъ принциповъ общаго права и не желаетъ вовлекать страну въ религіозныя распри или войну».

Вѣна, 8 (20) іюня. Газета «Tagblatt» сообщаетъ о двухъ важныхъ рѣшеніяхъ австро-венгерскаго правительства, состоящихъ въ томъ, что, во-первыхъ, Австрія нисколько не будетъ противиться проходу русскихъ войскъ черезъ Сербію, а во-вторыхъ, она не намѣрена терпѣть, чтобы турки заняли Черногорію, и потому уже обратилась къ Портѣ съ энергическою нотою, въ которой требуетъ, чтобы вторженіе турокъ въ Черногорію было немедленно пріостановлено.

Цетинье, 8 (20) іюня, вечеромъ. Сегодня происходило кровопролитное сраженіе подъ Спужемъ. Армія Али-Саиба-паши совершенно разбита войсками Божо Петровича. Подробности этого дѣла еще неизвѣстны.

Лондонъ, 9 (21) іюня. По словамъ «Агенства Рейтера», вчера происходило засѣданіе совѣта англійскихъ министровъ.

Въ «Morning-Post» пишутъ: «Парламентская сессія не будетъ закрыта безъ того, чтобъ не было принято достаточныхъ мѣръ для предотвращенія случайностей, которыя слишкомъ явственны. Такъ какъ британскіе интересы тѣсно связаны съ затронутыми на Востокѣ вопросами, то, въ видахъ надлежащаго охраненія ихъ, должна быть открыта британская государственная казна».

Римъ, 9 (21) іюня. Въ коллегіи кардиналовъ возникли весьма серьозныя несогласія.

Лондонъ, 9 (21) іюня. «Агенству Рейтера» сообщаютъ изъ Канеи, отъ 20 іюня, что нѣсколько деревень близь Ретимно отказываются отъ уплаты налоговъ правительству.

Парижъ, 10 (22) іюня. Министерство Брольи-Фурту наврядъ-ли можетъ разсчитывать на большинство въ сенатѣ. Графъ Шамборъ совѣтуетъ легитимистамъ воздержаться отъ подачи голосовъ при вотированіи предложенія о распущеніи палаты депутатовъ. Если сенаторы-республиканцы съ своей стороны не примутъ участія въ голосованіи, то министерство потерпитъ полное пораженіе. Въ такомъ случаѣ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что въ палатѣ депутатовъ немедленно же будетъ предложено предать суду министерство Брольи-Фурту.

Вѣна, 9 (21) іюня, вечеромъ. Газетѣ «Politische Correspondenz» телеграфируютъ изъ черногорской главной квартиры, Острога, отъ 20 іюня: «Черногорцы, отступая передъ подавляющимъ перевѣсомъ турецкихъ войскъ, уступили непріятелю Дужскій Проходъ и заняли позиціи подъ Острогомъ. Пятеро пашей, во главѣ 40 батальоновъ, при 20 орудіяхъ и провіантскомъ обозѣ въ 500 лошадей, произвели, въ воскресенье, нападеніе на черногорцевъ; бой продолжается, безъ перерыва, до настоящей минуты, днемъ и ночью. До сихъ поръ турки не овладѣли ни пядью земли. Если черногорцамъ придется уступить въ виду перевѣса силъ непріятеля, то успѣхъ будетъ стоить туркамъ весьма дорого, такъ какъ они, въ теченіи послѣднихъ трехъ дней, понесли огромныя потери. Черногорцы продолжаютъ драться съ большимъ воодушевленіемъ».

Парижъ, 10 (22) іюня, вечеромъ. Въ засѣданіи сената членъ лѣваго центра, Берто, возставалъ противъ распущенія палаты депутатовъ. Министръ народнаго просвѣщенія, Брюне, сказалъ: «Мы не произведемъ государственнаго переворота; мы защитники умѣренной республики, законы которой подлежатъ пересмотру. По отношенію къ вопросу объ оффиціальныхъ кандидатурахъ, министерство ограничится указаніемъ на истинныхъ приверженцевъ маршала Макъ-Магона. Примѣнять осадное положеніе правительство не станетъ, если его не принудятъ къ тому радикалы». Касательно отношеній Франціи къ иностраннымъ державамъ, Брюне сказалъ, что въ этомъ отношеніи нѣтъ никакой опасности: Франція хочетъ мира. Рѣчь свою Брюне заключилъ просьбою, чтобы сенатъ согласился на распущеніе палаты депутатовъ.

Парижъ, 10 (23) іюня, вечеромъ. Послѣ рѣчей, произнесенныхъ Берто, Брюне и Лабулэ, сенатъ, большинствомъ 150 голосовъ противъ 130-ти, принялъ предложеніе о распущеніи палаты депутатовъ.

Букарештъ, 9 (21) іюня. Генералъ Черняевъ получилъ назначеніе бригаднаго командира.

Галацъ, 10 (22) іюня, 11 ч. 20 м. вечера. Прошлою ночью, русскія войска перешли черезъ Дунай. Полки ряжскій и рязанскій, подъ начальствомъ генерала Жукова, произвели рекогносцировку до Гарваны. Кононадэ продолжалась до полудня. У насъ ранены три офицера и сорокъ рядовыхъ.

Эскадра лейтенанта Дубасова произвела утромъ диверсію на Мачинъ. Турки пустили въ нее двадцать выстрѣловъ. Наши моряки отвѣчали. Урона нѣтъ.

Завтра ожидаютъ новаго боя.

Константинополь, 11 (23) іюня, вечеромъ. Сегодня турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ сообщилъ представителямъ Порты заграницей, что Баязетъ снова взятъ турецкими войсками.

Соединеніе войскъ пашей Аали-Саиба и Сулеймана, идущихъ отъ Спужа къ Никшичу, послѣдовало у Даниловграда.

Парижъ, 11 (23) іюня. Газета «France» передаетъ, что адмиралъ принцъ Жуанвильскій будетъ назначенъ начальникомъ французской эскадры въ Средиземномъ морѣ.

Лондонъ, 11 (23). Въ письмѣ лорда Дерби къ графу Шувалову, отъ 6 мая, выражено, что Англія искренно присоединится къ нейтральной политикѣ, пока дѣло касается только турецкихъ интересовъ. Всякая попытка блокировать Суэзскій каналъ и воспрепятствовать судоходству по каналу была бы сочтена Англіею за угрозу по отношенію къ Индіи и за серьозный вредъ для торговли всего міра. Англія не могла бы отнестись равнодушно къ факту перехода Константинополя въ другія руки и находила бы серьозныя препятствія къ существенному измѣненію дѣйствующихъ условій, которыми опредѣлено судоходство по Босфору и Дарданелламъ. Въ письмѣ своемъ лордъ Дерби намекаетъ также на то, что интересы Англіи сопряжены и съ вопросомъ о Персидскомъ заливѣ.

Въ отвѣтѣ князя Горчакова графу Шувалову, отъ 30 мая (12 іюня), сказано слѣдующее: Россія никакимъ образомъ не будетъ препятствовать или угрожать судоходству по Суэзскому каналу и не включитъ Египта въ районъ военныхъ дѣйствій. Князь Горчаковъ повторяетъ, что пріобрѣтеніе Константинополя не входитъ въ планы русскаго Императора. Будущность Константинополя составляетъ вопросъ общаго интереса, который можетъ быть рѣшенъ лишь путемъ общаго соглашенія. Константинополь не могъ бы принадлежать ни одной изъ европейскихъ державъ. Вопросъ о Босфорѣ и Дарданеллахъ долженъ быть разрѣшенъ путемъ общаго соглашенія на основѣ справедливой и хорошо обезпеченной. Относительно прочихъ интересовъ Англіи, императорскій кабинетъ выражаетъ готовность уважать ихъ, пока Англія останется нейтральною. Цѣль Россіи состоитъ въ томъ, чтобъ дѣйствительнымъ образомъ обезпечить христіанское населеніе Турціи противъ невыносимыхъ злоупотребленій турецкой администраціи. Императоръ рѣшился не класть оружія до тѣхъ поръ, пока участь турецкихъ христіанъ не будетъ вполнѣ надежно обезпечена.

Вѣна, 11 (23) іюня. Въ газетѣ «Politische Correspondenz» напечатано слѣдующее сообщеніе высокоофиціознаго характера: «По поводу сдѣланныхъ, за послѣдніе дни, различныхъ сообщеній о рѣшеніи Австро-Венгріи относительно принятія военныхъ мѣръ, мы, ссылаясь на неоднократныя заявленія по этому предмету, должны снова напомнить, что правительство не можетъ принять на себя никакой отвѣтственности за извѣстія какихъ бы то ни было газетъ, за исключеніемъ извѣщеній газеты «Wiener Abendpost» и спеціально обозначенныхъ сообщеній «Politische Correspondenz». Что касается фактической стороны пущеннаго въ обращеніе извѣстія, то мы можемъ вполнѣ опредѣленно заявить слѣдующее: съ одной стороны правительство, въ виду нынѣшняго положенія дѣлъ, не можетъ освободить себя отъ обязанности своевременно и серьезнѣйшимъ образомъ слѣдить за всѣми возможными случайностями, чтобъ предохранить интересы монархіи отъ всякаго ущерба; съ другой стороны, относительно возможнаго принятія военныхъ мѣръ до настоящей минуты не постановлено, ни въ какомъ направленіи, никакихъ положительныхъ рѣшеній».

Цетинье, 11 (23) іюня, вечеромъ. Послѣ шестичасоваго безпрерывнаго боя, потери 7,000 человѣкъ и множества повозокъ, Сулейманъ-паша перешелъ сегодня на лѣвый берегъ рѣки Зеты, въ видахъ соединенія съ Али-Саибомъ-пашою у Спужа.

Вѣна, 13 (25) іюня. Въ газетѣ «Politische Correspondenz» напечатана слѣдующая телеграмма изъ черногорской главной квартиры въ Цетиньѣ, отъ 23 іюня, почью: «Сегодня, съ утра до 7 часовъ вечера, происходило ожесточенное сраженіе на пространствѣ между деревнями Зарайцы и Ниничи. Турки лишились болѣе 3,000 человѣкъ; потери черногорцевъ убитыми и ранеными значительны».

Парижъ, 13 (25) іюня. Въ засѣданіи палаты депутатовъ, Греви благодарилъ палату за оказанное ему довѣріе и прибавилъ, что страна будетъ призвана судить палату и должна будетъ признать, что палата, въ теченіе своей непродолжительной дѣятельности, оказала Франціи большія услуги. Слова эти были покрыты рукоплесканіями лѣвой стороны. Затѣмъ Греви прочелъ декретъ о распущеніи палаты депутатовъ, въ которомъ сказано, что избиратели будутъ созваны черезъ три мѣсяца. На лѣвой сторонѣ раздались крики: «Да здравствуетъ республика!» Нѣсколько голосовъ воскликнуло: «Да здравствуетъ миръ!» Правая же сторона кричала: «Да здравствуетъ Франція!» Засѣданіе закрыто.

Парижъ, 13 (25) іюня. Завтра появится манифестъ лѣвой стороны сената, приглашающій избирателей выбрать вновь прежнихъ 363 депутатовъ лѣвой. Манифестъ этотъ подписанъ всѣми бюро лѣвой стороны.

Константинополь, 13 (25) іюня, бывшій турецкій министръ полиціи, Гусни-паша, занимавшій донынѣ должность губернатора Янины, скоропостижно умеръ.

Въ Баязетѣ снова поставлены турецкія власти. Бомбардированіе Карса продолжается.

Константинополь, 13 (25) іюня. Турецкій военный совѣтъ рѣшилъ дать русскимъ генеральное сраженіе немедленно послѣ окончательнаго перехода ихъ черезъ Дунай.

Рагуза, 13 (25 іюня), 8 час. 20 мин. вечера. Послѣ семидневной битвы, армія Сулейманъ-паши совершенно разбита черногорцами, которые преслѣдуютъ ее, лишивъ возможности возвратиться въ Никшичъ, или спастись въ Спужъ.

Потери турокъ громадны. Онѣ простираются до десяти тысячъ человѣкъ убитыми.

Пештъ, 13 (25) іюня. Предсѣдатель совѣта венгерскихъ министровъ будетъ завтра отвѣчать на сдѣланный правительству запросъ по восточнымъ дѣламъ. Содержаніе этого отвѣта будетъ въ главныхъ чертахъ слѣдующее: если Австрія приступитъ къ мобилизаціи, то исключительно въ видахъ обороны. Чрезвычайнаго кредита или увеличенія бюджета не будетъ испрошено у палаты. Австрія рѣшительно отказывается отъ присоединенія къ ней какой бы то ни было части турецкой территоріи.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Г-ну Панкевичу, въ г. Прилуки. Карта театра войны Вамъ выслана. Вы просите разъяснить содержаніе нашей преміи «Продажа амулетовъ». Съ удовольствіемъ исполняемъ Ваше желаніе. Вамъ извѣстно, конечно, что и теперь весьма многіе люди отличаются суевѣріемъ. Древніе народы грѣшили, въ этомъ отношеніи, еще больше нашего, въ особенности на Востокѣ. Тамъ даже шла торговля своеобразными символическими знаками, называвшимися *амулетами*, которые, по увѣренію продававшихъ ихъ, приносили счастье тѣмъ, кто запасался этими знаками и носилъ ихъ. Они доставляли или благополучіе въ дорогѣ, или давали успѣхъ въ любви—словомъ, покровительствовали своимъ владѣльцамъ. На нашей гравюрѣ представлена сцена изъ римской жизни. Вы видите комнату знатной римлянки, гдѣ, на первомъ планѣ, помѣстился восточный рабъ, торгующій амулетами и, можетъ быть, нарочно призванный сюда для ихъ покупки. По выраженію лица римлянки, видно, что она не совсѣмъ довольна своей судьбой и хочетъ попытать счастья при помощи амулета. Рабъ объясняетъ ей подробно его волшебную силу. Сзади, невольница завистливо смотритъ на свою госпожу, не имѣя, вѣроятно, возможности пріобрѣсти и для себя такую же вещицу. Вотъ вамъ и все содержаніе нашей гравюры.

Шахматы.

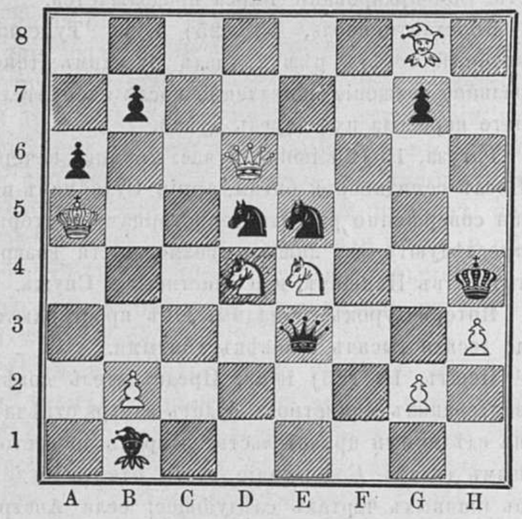
Задача XXIV.

А. А. Теляковскаго въ Ковно.

Кто раньше всталъ, тотъ и капралъ.

Матъ въ 4 хода.

Черные.



Бѣлые.

Рѣшеніе задачи № XXIII.

Бѣлые.	*Черные.*
1) G8—B3	1) E7—D6 берутъ
2) F2—D4†	
3) Матъ конькомъ.	

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи. Сѣверная шведская полярная экспедиція подъ начальствомъ проф. А. Е. Норденскіольда (продолж.).— Черная Индія (продолж.). — Письма изъ Америки (продолж.).—Мимолетные наброски. — Торпеды. — Новости наукъ и жизни. — Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій. — Телеграммы. — Почтовый ящикъ. — Шахматы. — Объявленія.

Гравюры: «Превенъ» въ Кармакулѣ.—Шведская полярная экспедиція 1875 года. — Видъ крѣпости Карса. — Мониторъ разрушенный взрывомъ торпеда. — Бунтъ софтовъ въ Константинополѣ. — Почталіонъ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Объявленія.

ОТЪ КОНТОРЫ «ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ».

Переплеты для «Живописнаго Обозрѣнія» на 1877 годъ уже приготовляются и будутъ высылаться въ началѣ іюля мѣсяца. Вслѣдствіе увеличенія формата журнала въ нынѣшнемъ году, увеличена и цѣна на переплеты: 1 р. 75 коп. для одного тома, безъ пересылки. Пересылка— за два фунта, по разстоянію. Требованія, поступившія въ редакцію, будутъ удовлетворяться немедленно, при чемъ контора редакціи покорнѣйше проситъ подписавшихся на переплеты по старой цѣнѣ, дослать дополнительную сумму.

Въ конторѣ редакціи «ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ» находится въ продажѣ **большая гравюра.**

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ.

Снимокъ къ картины *Леонарда да Винчи.* Цѣна *50 коп.* съ пер. *75 коп.*

Въ конторѣ редакціи **„Живописнаго Обозрѣнія“** а также въ музыкальныхъ магазинахъ В. Бесселя и К° и М. Бернарда, находятся въ продажѣ **ноты:**

МАРШЪ

РУССКИХЪ ДОБРОВОЛЬЦЕВЪ.

Сочиненіе **ФЛОРІАНА ГЕРМАНА.** (8 страницъ). Цѣна **1** руб. съ пересылкою **1** р. **50** коп.

„МОСКОВСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

журналъ политики, литературы и художествъ.

(Изданіе безцензурное.)

Выходитъ еженедѣльно, въ формѣ сброшюрованныхъ и снабженныхъ изящными обертками книгъ.

Для большаго удобства гг. подписчиковъ все годовое изданіе журнала «Московское Обозрѣніе» раздѣляется на шесть большихъ томовъ (отъ 500 до 600 стр. бол. формата въ каждомъ), снабженныхъ отдѣльными обертками, нумераціями и оглавленіями.

Желая доставлять гг. подписчикамъ самыя свѣжія извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій, редакція пріобрѣла трехъ собственныхъ спеціальныхъ корреспондентовъ въ Дунайской арміи, двухъ — на Кавказѣ, одного—въ Черногоріи и одного—въ Петербургѣ, и кромѣ того вошла въ соглашеніе съ рус. международнымъ телеграфнымъ агенствомъ.

Всѣ, получаемыя изъ указанныхъ источниковъ, телеграфныя извѣстія съ 6-го апрѣля наст. года выпускаются въ свѣтъ ежедневно (а иногда и 2 раза въ день) и въ видѣ приложеній разсылаются гг. подписчикамъ при журналѣ безплатно.

Подписная цѣна:

На годъ съ доставкою и пересылкою 7 руб. — коп.
На полгода...................... 4 » — »
На годъ безъ дост. и пер............ 6 » — »
На полгода...................... 3 » 50 »

Для всѣхъ, какъ служащихъ, такъ и не служащихъ подписчиковъ можетъ быть допускаема разсрочка.

Лица, подписавшіяся на все годовое изданіе журнала, пользуются правомъ на полученіе безплатной преміи.

ОТКРЫТА ПОЛУГОДОВАЯ ПОДПИСКА

НА ЖЕНСКІЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ РУКОДѢЛЬНО-МОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ВАЗА“.

Самый полный изящный изъ существующихъ модныхъ журналовъ, дающій къ каждому № модн. картинки и вырѣзныя выкройки во весь ростъ, со множествомъ политипажей и узоровъ.

Вслѣдствіе поступающихъ запросовъ, Редакція объявляетъ, что она вновь заготовила преміи, такъ что полугодовыя подписчики могутъ получить всѣ шесть премій, приплачивая 5 р. къ подписной цѣнѣ.

ПРЕМІИ: 1) **Подушка**, 2) **Вѣеръ**, 3) **Альбомъ** рисунковъ для вышивокъ въ русскомъ стилѣ, 4) **Табуретъ** къ фортепіано, 5) **Двѣ розетки** для подсвѣчниковъ и 6) **Прошивки.** — Преміи высылаются немедленно.

Подписная цѣна: на $^1/_2$ года безъ премій съ дост. 4 р. и 3 р. безъ доставки.

Адресъ: Петербургъ, въ Редакцію журналъ «Ваза».

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА САМОЕ ДЕШЕВОЕ ИЗЪ ВСѢХЪ ЕЖЕДНЕВНЫХЪ, ПОЛИТИЧЕСКИХЪ И ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ИЗДАНІЙ

ГАЗЕТУ

„НОВОСТИ“

на 1877 годъ.

Въ С.-Петербургѣ, Больш. Садовая д. № 47.
» Кронштадтѣ, въ отдѣлен. газ. «Новости».
» Москвѣ, въ московскомъ отдѣленіи газеты «Новости, на углу Дмитріевки и Охотнаго ряда, д. Благороднаго Собранія, въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Живарева.

Въ Казани, въ отдѣленіи конторы газеты «Новости» при книжномъ и музыкальномъ магазинѣ «Восточная Лира».

Цѣна на 8 мѣсяцевъ съ 1 мая по 1 января 1878 года для иногороднихъ 7 рубл., для городскихъ подписчиковъ съ доставкою 6 руб.; на 1 годъ 9 руб.; на другіе сроки по 1 руб. за каждый мѣсяцъ.

По богатству, разнообразію и свѣжести извѣстій какъ политическихъ и внутреннихъ, вообще, такъ и съ театра войны, въ особенности, газета «Новости» нисколько не отличается отъ наиболѣе распространенныхъ ежедневныхъ изданій.

Во все время войны въ газетѣ «Новости» будутъ печататься спеціальныя корреспонденціи и телеграммы съ Дуная, Кавказа и Персидской границы, изъ славянскихъ земель и Константинополя.

Кромѣ того, въ газетѣ «Новости» постоянно печатаются всѣ телеграммы «Международнаго Тел. Агент.» и »Agence génér. russe».

ВЫШЛА ТЕТРАДЬ ШЕСТАЯ

РУССКІЙ АРХИВЪ

(годъ пятнадцатый).

ИЗДАВАЕМЫЙ ПЕТРОМЪ БАРТЕНЕВЫМЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Казаки по отношенію къ государству и обществу IV—V (Великорусское казачество.—Запорожскіе нравы.—Значеніе благочестія.—Показанія самовидца.—Усы). Статья П. А. Кулиша. Стр. 113.

Николай Ивановичъ Второвъ. Главы 1 и 2-я. (Автобіографія.—Дѣтство.—Казанская гимназія. — Казанскій университетъ. — Первоначальная служба). Статья М. Ѳ. Де-Пуле. Стр. 136.

Унтеръ-офицеръ Стариковъ, герой 1806 года. (Сообщено Г. Н. Александровымъ). Стр. 166.

Правила для обхожденія съ нижними чинами (1815). Изъ приказовъ князя М. С. Воронцова. (Сообщено Н. Н. Мурзакевичемъ). Стр. 167.

Путешествіе по Россіи и въ чужихъ краяхъ Великаго Князя Николая Павловича 1816 и 1817 года. (Сообщено Б. Г. Глинкою-Мавринымъ). Стр. 172.

Изъ Старой Записной Книжки, начатой въ 1813 году. (Сатирическія объявленія.—Застольная пѣснь). Стр. 221.

Письмо В. А. Жуковскаго къ А. М. Веневитиновой. 1849. Стр. 228.

Изъ дневника, веденнаго Ю. Ѳ. Самаринымъ въ Кіевѣ, въ 1850 году. (По поводу книги П. А. Кулиша). Стр. 229.

Къ жизнеописанію Г. С. Винскаго. Стр. 233.

Преданіе о казни Пугачева. (Сообщено Ф. Л. Ляпковымъ) Стр. 234.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

ВЪ 1877 ГОДУ

(годъ пятнадцатый).

Русскій Архивъ, посвященный историческому изученію нашего Отечества, преимущественно въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, издается въ 1877 году на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и первыя четырнадцать лѣтъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1877 года, выходящаго, *по мѣрѣ отпечатанія*, двѣнадцатью тетрадями (изъ коихъ каждыя четыре тетради составляютъ особую книгу), какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1877 году доставляютъ или высылаютъ восемь рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву, на Никитскій бульваръ, въ домъ Дюгамеля, въ Контору Русскаго Архива.*

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается на Большой Морской, № 11, въ Главной Конторѣ газеты Русскій Міръ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 18 Іюня 1877 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12

Живописное Обозрѣніе

№ 26. Томъ I. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода—4 р. 50 к. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 26 Іюня 1877 года. Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Троицкій переулокъ, домъ № 27/1. Годъ V.

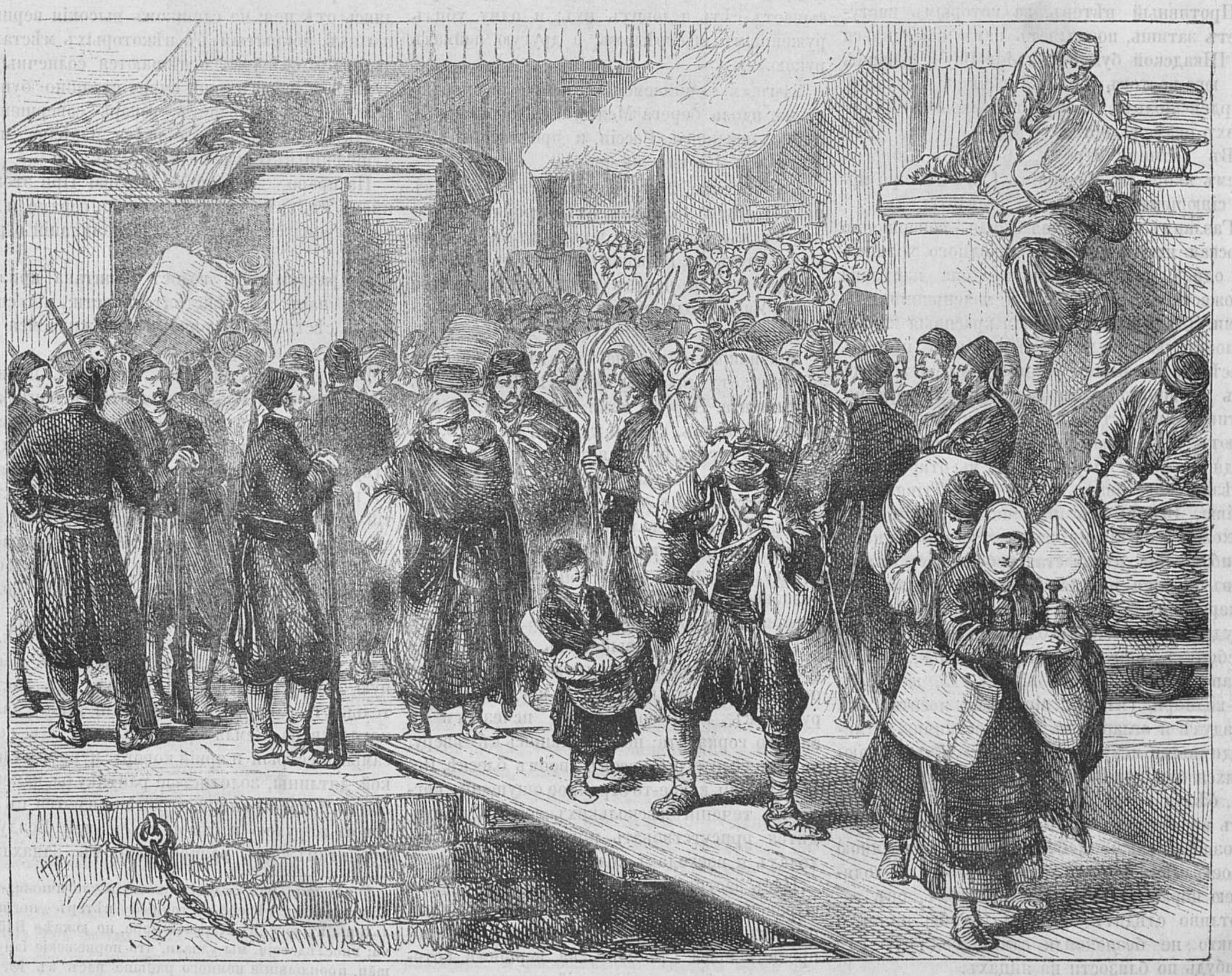
Гос. Публич. Б-ка в Ленингр

☞ Подписка на „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ 1877 г. продолжается. ☜

Въ 1877 году журналъ выходитъ **еженедѣльными** нумерами (въ годъ 52 нумера), иллюстрированными множествомъ художественныхъ гравюръ. Всѣ подписчики получаютъ, въ **видѣ премій**, ежемѣсячное приложеніе подъ заглавіемъ «Жизнь и Хозяйство», со множествомъ рисунковъ. Годовымъ подписчикамъ разсылаются слѣдующія преміи: большая гравюра **„Продажа амулетовъ“**, снимокъ съ картины проф. **Генриха Семирадскаго**, на толстой веленевой бумагѣ, длиною одинъ аршинъ, шириною $12^1/_2$ вершковъ, и **Карта театра военныхъ дѣйствій въ Европейской и Азіятской Турціи.**

Годовая подписная цѣна журнала, съ достав. и перес. 7 руб., безъ перес. и доставки—6 руб.; на полгода: (съ 1-го іюля), съ пересылкою—4 р. 50 коп., безъ перес.—3 руб.

Подписка продолжается. Новые подписчики получаютъ журналъ съ перваго нумера.



Станція желѣзной дороги въ Рущукѣ.

(Спасеніе горожанами своего имущества.)

ОТЪ КОНТОРЫ „ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ“. Во избѣжаніе задержки по высылкѣ №№ журнала за ВТОРОЕ полугодіе (т. е. съ 1-го іюля), контора „Живописнаго Обозрѣнія“ покорнѣйше проситъ гг. подписавшихся на журналъ съ разсрочкою и внесшихъ менѣе 5 руб., озаботиться своевременною высылкою остальныхъ денегъ.

Сѣверная шведская полярная экспедиція подъ начальствомъ профессора А. Е. Норденскіольда.

(*Продолженіе.*)

Часть первая.

От Новой Земли до Енисея.

Г. Лендстремъ, въ память своего восхожденія, положилъ stenrös (груду камней) на вершинѣ и оставилъ à minima термометръ и бутылку, въ которой вложилъ французскій адресъ. Сходя съ горы, ботаникъ нашелъ кое-гдѣ растущій горный макъ, (Papaver nudicaule) нѣжная чашечка котораго выдерживаетъ бури и морозы.

День самый теплый, солнце до того грѣетъ, что ртуть въ термометрѣ поднимается на 17°. Такъ какъ льдины, заградившія намъ входъ въ проливъ, не скоро разгонятся, то мы направляемся къ южному берегу Газланда.

Норденскіольдъ предлагаетъ и совѣтуетъ войти въ Карское море чрезъ какой нибудь изъ южныхъ проливовъ. Что же касается сѣвернаго пути, то лучше и не рисковать, тѣмъ болѣе, что въ памяти живы еще несчастныя послѣдствія, постигшія предшествовавшую намъ экспедицію *). Норвежскій капитанъ, встрѣченный нами въ Маточкиномъ проливѣ, сообщилъ намъ, что море, сѣвернѣе пролива, также запружено льдами.

Противный вѣтеръ, за которымъ наступаетъ затишь, позволяетъ намъ высадиться въ Шкадской бухтѣ (Skadde Bay), лежащей на юго-востокъ отъ Маточкина пролива; Норденскіольдъ собираетъ множество юрскихъ окаменѣлостей.

Въ пятницу утромъ, 16-го, мы забрасываемъ якорь на сѣверномъ Газконѣ, при ярко сіяющемъ солнцѣ и 17° теплоты.

Газландъ или Гусиная Земля—совершенно плоская: нигдѣ не видно ни одного холмика, ни одной даже неровности; она изрѣзана множествомъ ручейковъ и маленькими озерами. Здѣсь растутъ самыя красивыя каменноломки, ранункулы, устели-камень и проч. Насѣкомыя цѣлыми роями собираютъ медъ изъ чашечекъ и жужжатъ надъ прудами. Птицъ множество; каждую минуту пролетаютъ, парами или стаями, ходулечники; подходя къ какому нибудь ручью, мы открываемъ гнѣзда фіолетовыхъ куличковъ (Tringa maritima, Brünn). Въ низменныхъ равнинахъ, похожихъ на преріи, взлетаетъ, при нашемъ приближеніи, цѣлая стая небольшихъ куличковъ (Tringa minuta, Leisl) или зуйковъ съ ожерельями (Charandrius hinticula, L). Около груды камней или по близости скалъ, весело щебечутъ многочисленныя снѣжныя plectrophanes (Plectrophanes nivalis, L), жаворонки-колибри (Alanda alpestris) носятся въ воздухѣ и оглашаютъ его короткими, но мелодичными нотками. На озерахъ, вздымающихся отъ дуновенія вѣтра, виднѣются нырки, бѣлая грудь которыхъ видна издали, и отъ времени до времени проплываетъ граціозно и важно лебедь, съ величественною своею осанкою, какъ нельзя больше подходящею царю этихъ мѣстъ; приэтомъ, онъ заботливо слѣдитъ за тѣмъ, чтобы ничто и никто не безпокоили самку, сидящую гдѣ нибудь по близости на яйцахъ.

На слѣдующее утро, я застрѣливаю у берега моря двухъ дикихъ гусей (Anser segetum), попадающихся здѣсь на каждомъ шагу, а Нильсъ застрѣливаетъ лебедя, въ то время, какъ я купаюсь въ прозрачной водѣ сосѣдней рѣчки.

Въ воскресенье, 18-го, мы оставляемъ сѣверный Гусиный мысъ и направляемся, съ попутнымъ вѣтромъ, къ югу. Между 11 и 12 час. ночи, мы бросаемъ якорь у южнаго Гусинаго мыса. Намъ пришлось выдержать страшную бурю; мы только во вторникъ причалили къ землѣ.

20-го, Педеръ застрѣливаетъ красивую Strix nyctea L; Лендстрему выпало счастье найти рѣдкую Pleuropogon sabini, растущую здѣсь въ такомъ изобиліи, что она покрываетъ собою цѣлыя лужайки. Г. Стюксбергъ беретъ нѣсколько экземпляровъ Dysticus.

Въ теченіи слѣдующихъ двухъ дней, погода намъ благопріятствовала, и мы прибыли въ Кастинскій проливъ, съ его плоскими, но не лишенными прелести берегами. Море не глубоко у западнаго берега Новой Земли и рѣдко поднимается на сорокъ или 50 саженъ; Зондъ считаетъ обыкновенную его глубину отъ 25 до 30 саженъ.

23-го іюля. Мы изслѣдуемъ страну, не обращая вниманія на дождь. Маленькія озера изобилуютъ форелями; Норденскіольдъ забрасываетъ сѣть и ловитъ ихъ; я одну убилъ ружейнымъ выстрѣломъ, а другую поймалъ рукою.

24-го, мы снимаемся съ якоря и проплываемъ вдоль берега Междушарскаго острова, принадлежащаго Россіи, и проѣзжаемъ затѣмъ весь Кастинскій шаръ.

Воскресенье, 25-го, начинается скверно: къ намъ изрѣдка подплываютъ огромныя льдины; но мы счастливо лавируемъ и продолжаемъ путь къ Карскимъ воротамъ, въ надеждѣ пройти черезъ нихъ въ Восточное море. Увы! входъ въ него совершенно запруженъ льдами.

Мы направляемся на югъ, къ Югорскому проливу, отдѣляющему островъ Вайгачъ отъ континента. Передъ нами спускается, на нѣсколько часовъ, густой туманъ; но 26-го, въ полдень, погода проясняется, и мы различаемъ Вайгачъ по лѣвую руку.

На островѣ, по дорогѣ, самоѣды построили свои пирамидальныя юрты. При видѣ нашей яхты, они, какъ бѣшеные, метаются по берегу, и на лицахъ ихъ выражается сильное безпокойство, вслѣдствіе чего они и не заговариваютъ съ нами.

Сегодня, въ первый разъ за все время плаванія нашего по этому морю, солнце не показывается въ полночь, и когда мы лавируемъ къ югу, совершенно исчезаетъ съ нашего горизонта; но поднявшись къ сѣверу, мы увидѣли его во всемъ своемъ блескѣ. Испытываешь какое-то странное ощущеніе, когда въ теченіи нѣсколькихъ часовъ приходится присутствовать при нѣсколькихъ заходахъ и восходахъ солнца.

Насъ застигаетъ сѣверо-восточная буря, и «Превенъ» вынужденъ стать на якорь, какъ разъ къ сѣверу отъ Югорскаго пролива, напротивъ мыса Грибіони, на вершинѣ котораго мы различаемъ русскій крестъ.

Мы находимся въ такомъ критическомъ положеніи, что и не думаемъ продолжать путь по своему маршруту. Можетъ быть, намъ придется добровольно отказаться отъ своего предпріятія? Изъ всѣхъ экспедицій, экспедиція Норденскіольда - Диксона можетъ считаться самою счастливою по полученнымъ результатамъ. Страшная эта буря и сильный вѣтеръ непремѣнно пригонятъ всѣ льдины Карскаго моря къ южной его сторонѣ, совсѣмъ близко къ намъ, и заградятъ намъ путь, какъ и въ другихъ мѣстахъ!... *) E pur si muove!

II.

Мысъ Грибіони. — Флора и Фауна. — Самоѣды. — Ужасный аппетитъ. — Сани. — Кабарова. — Игры. — Маленькія самоѣдскія дѣвочки. — Свадьбы. — Церковь. — Палатки. — Костюмы. — *Дыры ласки.* — Пьянство. — Пиръ. — Характеръ самоѣдовъ.

30 іюля. Восходъ солнца великолѣпный; теплые лучи его какъ-разъ появились во время, чтобы оживить насъ, такъ какъ мы, за послѣдніе дни, совершенно упали духомъ. Всѣ мы рано поднялись и вышли на палубу, желая полюбоваться величественной картиной, открывавшейся надъ Югорскимъ проливомъ.

Дневное свѣтило выходитъ на горизонтъ изъ-за пурпурно-красныхъ, окаймленныхъ золотою кромкою, облаковъ. Налѣво поднимается туманъ надъ одинокой цѣпью горъ на островѣ Вайгачъ, какъ бы нехотя отдѣляясь отъ нея; не слишкомъ высокія вершины ихъ, покрытыя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ льдомъ и снѣгомъ, освѣщаются солнечными лучами, а океанъ, еще вчера страшно бушевавшій, представляетъ теперь совершенно гладкую поверхность, образуя изрѣдка, при дуновеніи вѣтерка, мелкую зыбь.

На право — материкъ, Европа! При этомъ имени, сильнѣе забилось у насъ сердце, и въ умѣ зароилось множество воспоминаній о родинѣ.

Но раздающійся голосъ капитана призываетъ насъ къ дѣйствительности; мы спѣшимъ сѣсть въ шлюпку и высаживаемся на берегъ у мыса Грибіони.

Высадившись, каждый изъ насъ принимается за свои любимыя занятія; вскорѣ раздаются удары молотка геолога по прибрежнымъ извѣстковымъ скаламъ, въ надеждѣ открыть ископаемыя сокровища, хранящіяся въ нихъ въ теченіи нѣсколькихъ тысячелѣтій. Верхній, силурійскій слой даетъ Норденскіольду огромныя богатства трехълопастныхъ животныхъ весьма причудливой формы, изъ которыхъ онъ и составляетъ большую коллекцію.

Ботаники расходятся, каждый въ отдѣльную сторону, и намѣрены совершить длинную экскурсію внутрь страны, гдѣ растительность слишкомъ богата для такого дальняго сѣвера. Земля представляетъ изъ себя самый пестрый и яркій коверъ: пурпуръ сладкой дятлины, золотистые ранункулы, каменоломки и крестовники перемѣшиваются съ луговою жерухою и бѣлой валеріаной. Воздухъ пропитанъ ихъ разнообразнымъ запахамъ.

---

*) Экспедиція гг. Вейпрехта и Пейера. (См. L'Année geographique de 1872 et de 1875).

*) Наши разсужденія, хотя и логичныя, не оправдались: сѣверо-восточный вѣтеръ погналъ льдины къ югу, въ Карское море, но южнѣе Вайгача; впослѣдствіи, мы узнали, что норвежскіе fangstmän, проплывшіе немного раньше насъ въ Югорскій проливъ, были занесены бурею въ Карскій заливъ и затерты льдами, которыя задержали ихъ на шесть недѣль.

Друзья наши, Кіельманъ и Лендстремъ, бодро пускаются въ путь и возвращаются съ переполненными исполинскими жестянками.

Зоологи отправляются съ ружьемъ черезъ плечо и сѣтью въ рукахъ, захватывая по дорогѣ все, что живетъ и движется на землѣ и на днѣ морскомъ, куда они очень успѣшно запускаютъ сѣти. Прежде всего, моими жертвами дѣлаются большой шмель и ночная бабочка, а потомъ я ловлю множество жуковъ изъ семейства жужелицъ и молодыхъ жаворонковъ (Alauda alpestris), не говоря уже о воробьяхъ, которые доставляютъ мнѣ, на островѣ Вайгачъ, одинъ новый видъ; въ болотахъ обрѣтаются фіолетовые морскіе кулички (Tringa maritima) и Tringa minuta, а на возвышенностяхъ живутъ красные зуйки.

Поднимаясь вверхъ по озеру, мы встрѣчаемъ, тамъ и сямъ, горы съ широкой окружностью, которыя однакожъ, не возвышаются, кажется, болѣе ста метровъ: по глазомѣру невозможно правильно судить о настоящей ихъ высотѣ, потому что здѣсь положительно не достаетъ предметовъ для сравненія. Склоны этихъ горъ покрыты цвѣтущей морошкою (Rubus chamamorus), на которой изрѣдка попадаются зеленыя ягоды; онѣ еще не созрѣли и, какъ полагаетъ г. Лендстремъ, никогда не могутъ созрѣть здѣсь. Объ этомъ можно только пожалѣть, потому что морошка составляетъ весьма важный предметъ пищи въ этихъ сѣверныхъ странахъ. Мы взяли съ собой нѣсколько боченковъ ее, и она не только подается намъ часто за столъ, но и употребляется нами, какъ превосходное предохранительное средство отъ скорбута. Голубика (Myrtillus uliginosa) и брусника (Vaccinium vitis idoea), которыя вообще цѣнятся сѣверными жителями, хотя и попадаются здѣсь, но очень рѣдко; онѣ чуть-чуть поднялись отъ земли, такъ-что нельзя ожидать, чтобы плоды на нихъ созрѣвали.

Одному изъ нашихъ ботаниковъ удалось-таки найти *единственный* цвѣточекъ брусники, и онъ держится того мнѣнія, что ея кустики могутъ приносить плоды, если температура земли, въ теченіи извѣстнаго времени, будемъ имѣть 30° тепла, какъ, напримѣръ, сегодня.

Объѣхавъ вокругъ всего фіорда, я застаю нашихъ рыбаковъ за распластываніемъ годовалаго тюленя, приготовляемаго къ обѣду Тольöфзеномъ.

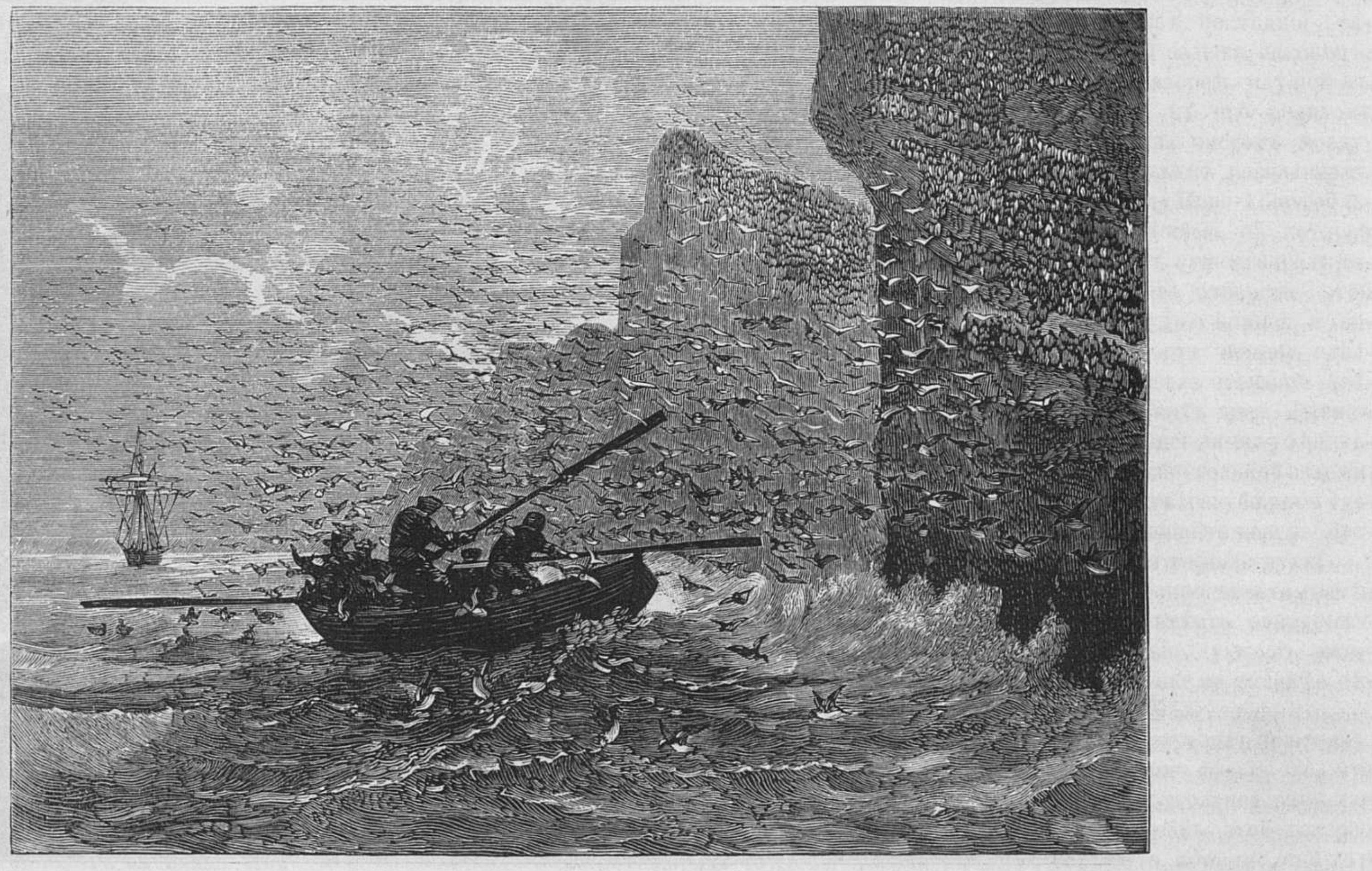
Къ пяти часамъ, мы всѣ собрались на «Превенъ», измученые и голодные.

Послѣ скромнаго обѣда, все наше общество располагало отправиться на обычный отдыхъ, какъ вдругъ прибѣгаетъ къ намъ, запыхавшись, gutten (такъ по норвежски называется юнга) и разсказываетъ, что въ виду насъ—самоѣды. Мы сѣли всѣ въ шлюпку, предварительно захвативъ съ собой необходимую вещь, безъ которой вы не можете быть увѣрены, что васъ хорошо примутъ эти туземцы, а именно кружку съ водкой, къ которой мы примѣшали на скорую руку, значительное количество спирту. Причаливаемъ, наконецъ, къ берегу; тамъ насъ встрѣчаютъ два молодыхъ самоѣда, съ темно-коричневымъ цвѣтомъ лица, и хорошенькій мальчикъ; съ ними трое саней, въ которыхъ запряжено по четверкѣ оленей. Собаки поднимаютъ далеко не привѣтливый лай, да и сами туземцы смотрятъ не любезнѣе; тѣмъ не менѣе, они подходятъ къ намъ, усердно кланяясь и торопливо сбрасывая, движеніемъ головы назадъ, свои тюленьи шапки, привязанныя на веревочкѣ,—такъ, обыкновенно, кланяются самоѣды,—и недовѣрчивымъ тономъ освѣдомляются, съ какой цѣлью пожаловали мы на берегъ. Г. Норденскіольдъ, — единственный человѣкъ между нами, говорящій по русски,—даетъ имъ понять, что наши намѣренія самыя миролюбивыя. Услыхавъ это, они не могутъ скрыть своей радости, что имѣютъ дѣло не съ купцами, постоянно ихъ обирающими, и разсыпаются передъ нами въ любезностяхъ (причиною тому, можетъ быть, кружка съ живительной влагой), на которыя мы отвѣчаемъ только нѣсколькими русскими словами, заученными во время переѣзда Самоѣды, наконецъ, съумѣли дать намъ понять, что желаютъ осмотрѣть «Превенъ», и мы, конечно, спѣшимъ удовлетворить ихъ любопытство.

Когда они подробно осмотрѣли все наше плавучее жилье, мы приказываемъ дать гостямъ пообѣдать, интересуясь тѣмъ, какъ они сладятъ съ различными блюдами, приготовленными нашимъ поваромъ. Самоѣды съ жадностію набрасываются на все, что подано на столъ, мало заботясь о порядкѣ меню: истребляютъ въ перемежку сардинки и варенье, ветчину и шоколатъ, тартинки съ масломъ, жаркое и сыръ. Чѣмъ больше имъ даютъ, тѣмъ больше они ѣдятъ. Эти обжоры и пьютъ съ такою же неумѣренностью; но такъ-какъ пиво не пришлось имъ по вкусу, то они нагружаются водкой, нарочно приготовленной нами для нихъ. Между тѣмъ, какъ взрослые, за каждымъ глоткомъ, разсыпаются намъ въ благодарностяхъ и усиленно кланяются, маленькій мальчикъ, не привыкшій къ этого рода церемоніямъ, опустошаетъ, не стѣсняясь, стаканы всего общества, и все это количество вина не производитъ на него ни малѣйшаго вліянія. Всѣ трое продолжаютъ наѣдаться и напиваться, точно будто хотятъ въ одинъ день наѣсться навсегда.

Когда они опорожнили, такимъ образомъ, всѣ поставленныя передъ ними бутылки,—маленькому мальчику досталось на долю только полъ-порціи, — то наши гости стали высказывать желаніе вернуться на берегъ. Мы провожаемъ ихъ, и какъ только высадились, они съ гордостью показали намъ свою упряжь и экипажи, приглашая насъ сѣсть въ нихъ. Эти сани, употребляемые самоѣдами зимою и лѣтомъ, высоки и чрезвычайно легки.

Когда мы усѣлись въ нихъ, олени помчали насъ стрѣлою: ни камешки, ни болота, ни дернина, ни пригорки, ни спуски—ничто не останавливаетъ нашей бѣшенной ѣзды. Мы не въ состояніи скрыть своего удивленія, и



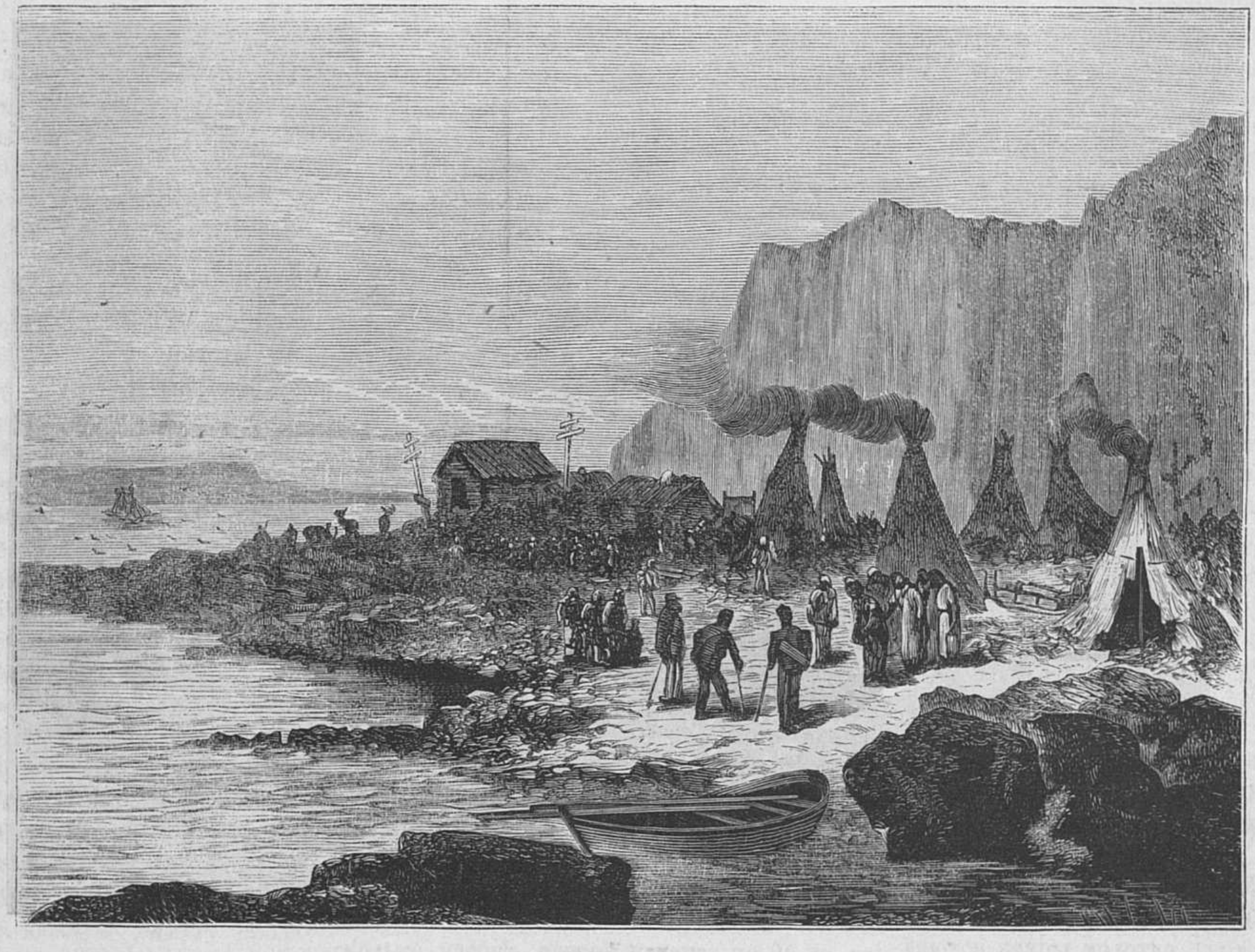
Кайры.

(Къ статьѣ: «*Шведская полярная экспедиція*».)

это приводитъ въ восторгъ нашихъ проводниковъ; гиканьемъ и ударами трехъ-метровой палки, они еще пуще погоняютъ оленей, такъ-что мы, буквально, съ быстротой молніи проѣзжаемъ огромныя пространства. Скоростью бѣга, олени перещеголяютъ, кажется, лошадей. Самоѣды привозятъ насъ обратно къ берегу, раскланиваются съ нами съ совершеннымъ довольствомъ и такимъ видомъ, какъ-будто считаютъ себя совсѣмъ не ниже насъ, потомъ усаживаются въ сани и направляются къ сѣверу, гдѣ у нихъ свои юрты.

31-го іюля, по полудни, «Превенъ» распускаетъ паруса и направляется въ самый Югорскій проливъ, который, къ всеобщей радости, совершенно очистился отъ льда. Желая изслѣдовать страну, мы, вечеромъ, забрасываемъ якорь недалеко отъ Кабаровой—самоѣдской стоянки, расположенной на материкѣ, вблизи отъ входа въ проливъ.

Эта стоянка состоитъ изъ пяти или шести конусообразныхъ юртъ и нѣсколькихъ деревянныхъ избъ, напоминающихъ собой рыбачьи хижины вдоль норвежскаго берега; греческій крестъ, водруженный на крышѣ одной мазанки, и нѣсколько другихъ, воткнутыхъ у входа, свидѣтельствуютъ о православной вѣрѣ.



Жилища самоѣдовъ.

Гг. Норденскіольдъ и Лендстремъ высаживаются; мы завидѣли на берегу много мущинъ и женщинъ, которые, несмотря на поздній часъ, не вернулись къ своимъ пенатамъ. Дочерей Евы этой страны нельзя упрекнуть въ любопытствѣ: наши друзья не успѣли еще высадиться, какъ уже эти «дамы», точно вспугнутыя лани, скрылись въ своихъ юртахъ.

Мущины, напротивъ, всецѣло предались полевымъ играмъ, такъ-что не обращаютъ никакого вниманія на иностранцевъ. Одна изъ этихъ игръ состоитъ въ слѣдующемъ: двадцать человѣкъ стоятъ кружкомъ, а посрединѣ лежитъ желѣзное кольцо; играющіе передаютъ изъ рукъ въ руки желѣзную пику и, по очереди, бросаютъ ее въ кольцо. Какъ только удается кому нибудь воткнуть остріе пики вертикально, всѣ остальные испускаютъ громкіе радостные крики; потомъ начинаетъ пробовать свое искуство другой. Тутъ же расположена еще одна группа, принимающая живое участіе уже въ иного рода игрѣ: палки, въ родѣ кеглей, ставятся одна на другую, а играющій старается сбить ихъ палкой, которую онъ бросаетъ съ силой и, притомъ, стоя на извѣстномъ, заранѣе опредѣленномъ, разстояніи.

Въ стоянкѣ живутъ самоѣды и русскіе, пріѣхавшіе, по словамъ ихъ, съ Большой Земли или, по самоѣдскому нарѣчію, съ *Аачка-та*: такъ называется страна, лежащая между Ураломъ и Печорою.

Русскіе чрезвычайно любезны и предупредительны; они привѣтливо приглашаютъ иностранцевъ войти въ ихъ избы, выстроенныя изъ сплавливаемаго ими дерева, выбрасываемаго на берегъ морскими волнами. Всѣмъ извѣстно, какъ русскій мужикъ искусно и ловко управляетъ топоромъ.

Избы очень низки, внутренняя отдѣлка ихъ болѣе, чѣмъ скромна; по сторонамъ устроены нары, а вся мебель состоитъ изъ скамеекъ и стола. На шатающемся столѣ, вскорѣ появляется самоваръ, и вы чувствуете себя точно во снѣ, когда вамъ, въ этихъ сѣверныхъ полярныхъ странахъ, подаютъ превосходный чай въ чашкахъ изъ китайскаго фарфора. Многіе европейцы, я увѣренъ, незнакомы съ такою роскошью.

Мы скоро разговорились. Чрезвычайно пріятно было видѣть, какъ оживлялись ихъ лица по мѣрѣ того, какъ Норденскіольдъ разсказывалъ имъ о своемъ путешествіи, о цѣли и о благодѣтельныхъ результатахъ его въ будущемъ, если наша экспедиція увѣнчается успѣхомъ. Они разсыпались въ похвалахъ, дѣлали разныя удивленные жесты и возгласы—словомъ, смотрѣли на Норденскіольда, какъ на благодѣтеля и освободителя.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Черная Индія.

Романъ Жюля Верна.

(*Продолженіе.*)

XV.

Два часа спустя, Гарри, не скоро пришедшій въ себя, и ребенокъ, сильно ослабѣвшій, были приведены Жакомъ Райаномъ и его товарищами въ коттэджъ.

Тамъ они разсказали о случившемся старому надсмотрщику, и Маджъ употребила всевозможныя усилія, чтобы возстановить силы несчастнаго существа, спасеннаго ея сыномъ.

Гарри думалъ сначала, что онъ вытащилъ изъ пропасти ребенка.... Но это была молодая дѣвушка около пятнадцати или шестнадцати лѣтъ. Ея неопредѣленный и точно изумленный взглядъ, худенькое личико, на которомъ отпечаталось перенесенное страданіе, бѣлый цвѣтъ кожи, которой солнечные лучи никогда не касались, и тонкая миніатюрная талія,—все это придавало ей что-то странное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣяло какою-то прелестью. Жакъ Райанъ справедливо сравнивалъ ее съ духомъ сверхъестественной формы. Вслѣдствіе ли совершенно особенныхъ условій жизни, но эта дѣвушка не могла быть причислена къ человѣческому роду; у нея было престранное лицо; свѣтъ зажженныхъ въ коттэджѣ лампъ утомлялъ ее, на все окружающее она смотрѣла такъ, какъ бы все это было совершенно ново для нея.

Дѣвушку положили на постель Маджъ, и послѣ того, какъ она начала приходить въ себя, старая шотландка спросила ее:

— Какъ тебя зовутъ?

— Нелли 1), отвѣтила молодая дѣвушка.

— Нелли, тебѣ больно?

— Я голодна, отвѣтила Нелли:—я не ѣла съ.... съ....

По этимъ нѣсколькимъ словамъ можно сейчасъ было видѣть, что Нелли не привыкла говорить; она говорила на древне-гель-

---

1) Нелли — уменьшительное имя Елены.

скомъ нарѣчіи, на которомъ часто говорили Симонъ Фордъ и его семейство.

Маджъ принесла молодой дѣвушкѣ кое-что поѣсть. Голодъ совершенно измучилъ Нелли. Съ какихъ поръ находилась она въ шахтѣ? Никто не могъ отвѣтить на это.

— Сколько дней пробыла ты въ шахтѣ? спросила Маджъ.

Нелли не отвѣчала и будто-бы не понимала предложеннаго ей вопроса.

— Сколько дней?... повторила Маджъ.

— Дней?... повторила Нелли, для которой это слово не имѣло никакого значенія; затѣмъ она покачала головою, давая этимъ знать, что не понимаетъ, о чемъ у нея спрашиваютъ.

Маджъ взяла Нелли за руку и приласкала ее, думая вызвать въ ней довѣріе къ себѣ.

— Сколько тебѣ лѣтъ, дитя мое? спросила она ласковымъ голосомъ, нѣжно глядя на дѣвушку.

Нелли опять отрицательно замотала головою.

— Да сколько же тебѣ лѣтъ?

— Лѣтъ?... повторила Нелли.

Молодая дѣвушка не отдавала себѣ, повидимому, отчета въ словѣ «лѣта», также точно, какъ и въ словѣ «дни».

Симонъ Фордъ, Гарри и Жакъ Райанъ съ жалостію смотрѣли на нее. Эта несчастная, одѣтая въ грубую одежду, могла вызвать къ себѣ состраданіе каждаго.

Гарри болѣе всѣхъ чувствовалъ къ ней какое-то влеченіе.

Онъ подошелъ къ дѣвушкѣ, взялъ ее за руку и, пристально посмотрѣвъ на нее (на губахъ ея показалась слабая улыбка), сказалъ:

— Нелли! ты была одна, тамъ, въ каменноугольной копи?

— Одна, совершенно одна! отвѣтила молодая дѣвушка; на лицѣ ея изобразился страхъ; смягчившіеся на мгновеніе глаза, отъ пристальнаго взгляда молодого человѣка, опять сдѣлались дикими.

— Одна, совершенно одна! повторила она, и опустилась на постель, какъ будто-бы ей стоило большихъ усилій произнести эти слова.

— Бѣдное дитя! замѣтила Маджъ: — она такъ слаба, что не въ состояніи говорить. Нѣсколько часовъ отдыха и немного подкрѣпляющей пищи возстановятъ ея силы. Пойдемъ отсюда, Симонъ! оставимъ ее, Гарри!— пускай она покойно поспитъ.

Всѣ вышли изъ комнаты по совѣту Маджъ, и черезъ нѣсколько минутъ Нелли крѣпко уснула.

Это событіе надѣлало много шуму не только въ каменноугольной копи, но и по всему графству Стерлингъ, а затѣмъ и по всему Соединенному Королевству. Слухи о странности Нелли, какъ и слѣдовало ожидать, увеличились въ страшныхъ размѣрахъ. Объ этомъ не меньше бы говорили, еслибъ нашли дѣвушку заключенной въ шиферной скалѣ, точно допотопное существо, извлеченное ударомъ кирки изъ каменистаго слоя.

Нелли нисколько не подозрѣвала, что была въ модѣ. Суевѣрные воспользовались этимъ случаемъ, включили его въ сборникъ легендъ и смотрѣли на Нелли, какъ на духа Ново-Аберфойльской залежи; а когда Жакъ Райанъ высказывалъ это убѣжденіе Гарри, тотъ отвѣчалъ:

— Хорошо, Жакъ, пусть будетъ по твоему! но во всякомъ случаѣ это добрый духъ! Онъ-то и приносилъ хлѣбъ и воду, когда мы находились, точно въ заточеніи, въ этой копи! Если злой духъ остался тамъ, то мы непремѣнно, въ одинъ прекрасный день, найдемъ его!

Инженеру Джемсу Старръ дали немедленно знать о случившемся.

Когда молодая дѣвушка совершенно пришла въ себя и набралась силъ, инженеръ сталъ ее о многомъ разспрашивать. Нелли, какъ оказалось, не знала самыхъ обыкновенныхъ вещей, но была не лишена способностей и природнаго ума; понятія о времени совсѣмъ были чужды ей: она не привыкла подраздѣлять время ни на часы, ни на дни, и даже не знала этихъ словъ; глаза ея привыкли къ темнотѣ, и свѣтъ электрическихъ дисковъ ослѣплялъ ее; но, въ темнотѣ, зрачекъ ея, сильно расширяясь, давалъ ей возможность различать предметы. Мозгъ Нелли никогда не воспринималъ впечатлѣній внѣшняго міра, такъ какъ она, какъ можно было по всему судить, никогда не покидала каменноугольную копь. Знала-ли эта бѣдная дѣвушка о существованіи солнца и звѣздъ, городовъ и деревень? Мы имѣемъ полнѣйшее основаніе думать, что она не имѣла ни малѣйшаго понятія объ этомъ.

Джемсъ Старръ отказался отъ рѣшенія вопроса, одна ли она жила въ Аберфойльскихъ копяхъ: всякій намекъ на это обстоятельство приводилъ ее въ неописанный ужасъ. Нелли не хотѣла или не могла на это отвѣтить; но подъ этимъ, безъ всякаго сомнѣнія, скрывалась какая-то тайна, которую она одна могла раскрыть.

— Хочешь съ нами остаться? или хочешь вернуться, откуда пришла? спросилъ ее Джемсъ Старръ.

На первый вопросъ, молодая дѣвушка отвѣтила: «О да!» на второй же—она испустила только страшный крикъ.

Джемсъ Старръ, Симонъ Фордъ и Гарри видѣли что-то недоброе въ этомъ упорномъ молчаніи; у нихъ живо сохранились въ памяти всѣ странныя и необъяснимыя обстоятельства, сопровождавшія открытіе каменноугольной залежи. Хотя въ теченіи трехъ лѣтъ и не произошло ничего особеннаго, но они находились въ постоянномъ ожиданіи появленія ихъ невидимаго врага. Имъ сильно захотѣлось изслѣдовать таинственную шахту; они и предприняли это, хорошо вооруженные и въ сопровожденіе многихъ людей. Но никакихъ подозрительныхъ слѣдовъ не оказалось. Шахта соединялась съ нижними этажами пещеры, прорѣзанными въ каменноугольной залежи.

Джемсъ Старръ, Симонъ и Гарри часто разговаривали объ этихъ вещахъ. Если въ копи находятся какія нибудь недоброжелательныя лица, то Нелли могла бы разсказать объ этомъ, но она упорно молчала. Малѣйшій намекъ на прошедшее молодой дѣвушки вызывалъ въ ней истерическіе припадки, такъ что нашли лучшимъ не напоминать ей о немъ. Современемъ, нужно было полагать, у ней какъ нибудь вырвется эта тайна.

Черезъ двѣ недѣли послѣ появленія Нелли въ коттэджѣ, она стала во всемъ помогать Маджъ и была ея правою рукою; дѣвушка скоро свыклась съ мыслью не покидать семью, среди которой была такъ радушно принята; ее совершенно удовлетворяла семья Фордъ, гдѣ на нее смотрѣли, какъ на пріемыша.

Нелли была, въ самомъ дѣлѣ, премилая; новая жизнь развивала ея красоту. Это, конечно, были первые счастливые дни въ ея жизни; она сильно привязалось къ тѣмъ, кому была обязана за неиспытанное еще ею счастіе; Маджъ, съ своей стороны, любила ее, какъ дочь; словомъ, она была всеобщею любимицею. Жакъ Райанъ жалѣлъ только объ одномъ—что не на его долю выпало спасти ее; часто, навѣщая коттэджъ, онъ распѣвалъ пѣсни. Нелли, совершенно незнакомая съ музыкой, слушала его съ удовольствіемъ и даже съ восторгомъ, но всѣ замѣчали, что дѣвушка больше интересовалась серьезными бесѣдами съ Гарри, который растолковывалъ ей то, чего она не понимала.

По мѣрѣ того, какъ Нелли начала освоиваться въ семьѣ Фордъ, Жакъ Райанъ утратилъ, въ значительной степени, вѣру въ горныхъ духовъ; да кромѣ того, черезъ два мѣсяца, сильный ударъ былъ нанесенъ его суевѣрію.

Гарри къ этому времени неожиданно сдѣлалъ открытіе, объяснявшее, до нѣкоторой степени, появленіе огненныхъ женщинъ на замкѣ Дендональдъ въ Ирвинѣ.

Гарри отправился на изслѣдованіе южной части каменноугольной копи, которое продолжалось нѣсколько дней, и ему пришлось пробираться черезъ послѣднія галереи этой замѣчательной залежи; наконецъ, онъ поднялся по узкой галереѣ, идущей въ шиферной скалѣ. Вдругъ, къ его великому удивленію, онъ очутился на чистомъ воздухѣ. Галерея прямо выходила къ развалинамъ замка Дендональдъ. Между Ново-Аберфойльскою копью и возвышенностію, на которой красовался древній замокъ, существовалъ таинственный ходъ. Верхнее отверстіе этой галереи было скрыто грудою камней и поросшимъ бурьяномъ, — вотъ почему слѣдственная коммисія и не могла отыскать его.

По прошествіи нѣсколькихъ дней, Джемсъ Старръ и Гарри отправились лично убѣдиться въ расположеніи каменноугольной залежи.

— Теперь можно будетъ разубѣдить суевѣрныхъ рудокоповъ. Прощайте теперь, *браньe*, огненныя женщины и горные духи!

— Торжествовать особенно нечего, замѣтилъ Гарри,—потому что, вмѣсто огненныхъ женщинъ, появились другіе духи, въ которыхъ рудокопы чуть ли еще не сильнѣе вѣруютъ.

— Ты правъ, Гарри, возразилъ инженеръ, —но что же дѣлать? Вѣрно только то, что скрывающіеся въ каменноугольной копи люди сообщаются посредствомъ этой галереи съ поверхностію земли. Это, конечно, они-то и взобрались на башню замка въ ту злополучную ночь и хотѣли притянуть Motala къ берегу, а затѣмъ воспользоваться обломками и всею добычей, еслибъ Жакъ Райанъ и его товарищи не помѣшали ихъ намѣреніямъ. Вотъ отверстіе трущобы! но вопросъ состоитъ только въ томъ, живутъ ли эти негодяи еще и до сихъ поръ въ ней?

— Иначе и быть не можетъ, отвѣтилъ Гарри:—вѣдь Нелли всегда содрогается, когда заговариваютъ объ этомъ.

Гафри былъ правъ. Если бы таинственные обитатели каменноугольной копи оставили ее, или еслибъ они вымерли, то съ какой стати молодая дѣвушка такъ упорно молчала бы?

Джемсу Старръ, во что бы то ни стало, хотѣлось проникнуть въ эту тайну; будущность разрабатываемой залежи, казалось ему, находилась въ зависимости отъ нея. Тогда прибѣгли къ самымъ строгимъ мѣрамъ, объ этомъ дали знать судебному слѣдователю, и полицейскіе чиновники тайно водворились въ развалинахъ замка Дендональдъ. Гарри скрывался въ немъ нѣсколько ночей между бурьяномъ, но все напрасно!—ни одна человѣческая душа не показалась у верхняго отверстія галереи.

Порѣшили, наконецъ, такъ, что злоумышленники покинули Ново-Аберфойльскую залежь; что же касается до Нелли, то они, вѣроятно, думаютъ, что она умерла въ той шахтѣ. Пока каменноугольная копь не стала разрабатываться, они въ ней могли еще находить вѣрное и безопасное убѣжище; но обстоятельства сильно измѣнились: имъ теперь не представлялось удобнаго убѣжища, и можно было не безосновательно придти къ заключенію, что копь оставлена ими.

Несмотря на всѣ эти логичныя разсужденія, ни Джемсъ Старръ, ни Гарри не могли успокоиться на подобной мысли. Гарри часто повторялъ:

— Нелли посвящена во всѣ эти тайнства, иначе нельзя объяснить ея упорнаго молчанія. Она насъ всѣхъ любитъ, а мать мою даже обожаетъ, и если никогда не говоритъ о своемъ прошедшемъ, разсказъ о которомъ могъ бы насъ совершенно успокоить или, по крайней мѣрѣ, разсѣять наши сомнѣнія, то значитъ же, что совѣсть запрещаетъ ей открыть всю тайну; можетъ быть, она въ виду нашихъ интересовъ такъ упорно молчитъ.

Всѣ тогда порѣшили избѣгать, насколько можно, разговоровъ, касающихся ея прошлаго.

Но, разъ какъ-то, Гарри, при случаѣ, высказалъ Нелли, что Джемсъ Старръ, Симонъ и Маджъ, да и онъ самъ, считаютъ ее ихъ спасительницею.

Былъ какой-то праздникъ; никто не работалъ ни на поверхности графства Стерлингъ, ни въ подземельяхъ; всѣ гуляли; подъ сводами Ново-Аберфойльской залежи раздавались оглушительныя пѣсни.

Гарри и Нелли вышли изъ коттэджа и медленнымъ шагомъ прогуливались по лѣвому берегу Малькольмскаго озера.

Тамъ электрическій свѣтъ не такъ былъ силенъ, и лучи его преломлялись на углахъ живописныхъ скалъ или на столбахъ, поддерживающихъ своды. Этотъ полусвѣтъ былъ пріятнѣе глазамъ Нелли, которая все еще не могла привыкнуть къ сильному свѣту.

Черезъ часъ, Гарри и Нелли остановились передъ часовнею Св. Жайльса, на природной площадкѣ, возвышавшейся надъ озеромъ.

— Тебя свѣтъ ослѣпляетъ, сказалъ Гарри, — и ты, конечно, не могла бы выдержать солнечныхъ лучей.

— Конечно нѣтъ, если солнце таково, какъ ты мнѣ описалъ его, Гарри.

— Нелли, замѣтилъ Гарри, — описывая его, я не могъ изобразить тебѣ настоящую его яркость, равно какъ и великолѣпный внѣшній міръ. Но неужели ты ни разу, со дня твоего рожденія, не появлялась на поверхности земли?

— Ни разу, Гарри; да если я не ошибаюсь, меня туда никогда и не носили ни отецъ, ни мать; а то непремѣнно осталось бы у меня что нибудь въ памяти о внѣшнемъ мірѣ.

— Я вѣрю тебѣ, Нелли; да, притомъ же, очень многіе никогда не покидали копи. Сообщеніе было прежде очень затруднительно, и нѣкоторые дѣвушки и парни, въ твои годы, не бывали еще на поверхности земли. Но теперь желѣзная дорога, идущая по туннелю, въ нѣсколько минутъ доставитъ тебя на поверхность графства; я жду-не дождусь того мгновенія, когда ты мнѣ скажешь: «Гарри! мнѣ кажется, что я въ состояніи вынести солнечный свѣтъ; я хочу полюбоваться этимъ свѣтиломъ,—поѣдемъ же вмѣстѣ, Гарри, на поверхность земли.

— Я когда нибудь скажу тебѣ это, Гарри, и можетъ быть даже очень скоро. Я отправлюсь съ тобою туда, но...

— Но что, Нелли? Неужели ты никогда не захочешь покинуть этого подземнаго царства, въ которомъ ты прожила всю свою жизнь, и изъ котораго мы вытащили тебя еле-еле живой?

— Нѣтъ, Гарри, я не то хотѣла сказать. Есть и въ темнотѣ своя прелесть; но еслибъ ты зналъ, что привычный глазъ видитъ въ ней! Онъ въ состояніи слѣдить за проходящими тѣнями; иногда, передъ глазами, перекрещиваются какіе-то круги! Въ глубинѣ каменноугольной копи есть черныя отверстія, наполненныя какимъ-то неопредѣленнымъ свѣтомъ. До тебя долетаютъ звуки, разговаривающіе голоса. Видишь, Гарри, чтобы ощущать все то, что чувствую я, нужно прожить тамъ столько же лѣтъ, сколько я.

— И ты не боялась, Нелли, оставаясь одна?

— Мнѣ вездѣ было легко на душѣ, когда я оставалась одна.

Голосъ Нелли немножко дрожалъ, когда она произнесла эти слова. Гарри поспѣшилъ вывести ее изъ охватывавшаго ее страха.

— Да вѣдь можно было заблудиться въ этихъ длинныхъ галереяхъ; или тебя это не страшило?

— Нѣтъ, Гарри; я отлично знала всѣ изовроты новой залежи.

— И ты никогда не покидала ее?

— Иногда.... отвѣтила молодая дѣвушка, запинаясь; я пробиралась иногда въ старую Аберфойльскую копь.

— Ты видѣла, значитъ, старый коттэджъ?

— Коттэджъ видѣла.... но живущихъ въ немъ—только издали.

— Тамъ жили мои родители и я, сказалъ Гарри.—Мы никогда не хотѣли покинуть нашего стараго жилища.

— Было бы, можетъ быть, лучше для васъ, еслибъ вы его покинули, тихо замѣтила молодая дѣвушка.

— Отчего, Нелли? Вѣдь, только благодаря твердому нашему рѣшенію не покидать коттэджа, мы открыли новую залежь. А это открытіе доставило благосостояніе цѣлому населенію и привело тебя къ жизни, да кромѣ того, ты попала въ среду любящихъ тебя людей.

— Я о себѣ не говорю, замѣтила Нелли:— я мало забочусь о томъ, что со мною можетъ случиться; но для другихъ....

— Что ты хочешь этимъ сказать?

— Ничего, ничего.... Но прогулка въ Ново-Аберфойльскую копь была сопряжена съ значительными опасностями: разъ, неосторожные такъ далеко забрались, что заблудились.

— Заблудились? сказалъ Гарри, смотря на Нелли.

— Да.... заблудились.... отвѣчала Нелли дрожащимъ голосомъ.—Лампа ихъ погасла, и они не могли найти дорогу...

— И они находились въ заточеніи восемь дней; они непремѣнно умерли бы съ голоду, еслибъ не нашлось доброй души, которая, тайкомъ, приносила имъ немного пищи, и которая потомъ привела къ нимъ ихъ освободителей. Такъ безъ этого существа имъ никогда не удалось бы выйти изъ этой могилы?

— Почему ты это знаешь? спросила молодая дѣвушка.

Потому, Нелли, что эти люди были: Джемсъ Старръ—мой отецъ, и я.

Нелли схватила руку молодаго человѣка и такъ пристально смотрѣла на него, что Гарри смутился.

— Ты! повторила молодая дѣвушка.

— Да, отвѣтилъ Гарри, помолчавъ, — мы тебѣ, и только тебѣ обязаны жизнью!

Нелли опустила голову, закрыла лицо обѣими руками и замолчала. Гарри видѣлъ ее въ первый разъ въ такомъ волненіи.

— Тѣ, кто спасли тебѣ жизнь, Нелли, прибавилъ Гарри взволнованнымъ голосомъ,—были уже ранѣе того обязаны тебѣ своею жизнью, и неужели ты думаешь, что они когда нибудь были бы въ состояніи забыть это?

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Письма изъ Америки.

(*Продолженіе.*)

III. *)

Денверъ, Колорадо.

Кто только былъ въ Денверѣ или въ какой-либо иной части Колорадо, тотъ непремѣнно слыхалъ объ Орегонѣ Биллѣ, знаменитомъ охотникѣ Запада; но немногіе, вѣроятно, удостоились видѣть его, такъ какъ онъ бо̀льшую часть года проводитъ въ дикихъ горахъ. Графу Штейнбоку и мнѣ удалось, однакожъ, встрѣтиться съ нимъ, и въ теченіе недѣли онъ былъ въ нашемъ распоряженіи. Въ это короткое время, Билль сопровождалъ насъ въ нашихъ экскурсіяхъ по горамъ. Встрѣча наша съ знаменитымъ охотникомъ произошла слѣдующимъ образомъ. Мы сидѣли за ужиномъ въ какомъ-то ресторанѣ, и генералъ Штейнбергъ разсказывалъ намъ приключенія барона Арнольда де Л. Мальсуорфа, Фроста, Жеральда Уэльмана и г. Гастона Сулара; всѣ эти охотники недавно только возвратились съ охоты, куда отправлялись на два мѣсяца, подъ предводительствомъ Билля. Какъ-разъ въ эту минуту, вошелъ извѣстный охотникъ. Онъ прекрасно сложенъ, съ сильно развитыми мускулами, волосы носитъ à la Indienne; они у него ниспадаютъ по плечамъ, а на головѣ былъ надѣтъ сомбреро. **) По американскому обычаю, насъ кто-то съ нимъ познакомилъ. Мы, какъ водится, потребовали вина. Билль разговорился о многихъ своихъ приключеніяхъ и, между прочимъ, упомянулъ о томъ времени, когда онъ былъ солдатомъ подъ начальствомъ генерала Прайса.

— Вы служили тогда въ рядахъ бунтовщиковъ? сказалъ серьезно ген. Штейнбергъ.

— Въ Конфедеративной арміи, замѣтилъ съ достоинствомъ Билль.

Наступила натянутая минута, но мы сгладили эту неловкость взрывомъ смѣха. При прощаньи, Орегонъ Билль принялъ мое предложеніе и согласился взять насъ подъ свою защиту, на время охотничьихъ экскурсій въ Утесистыхъ горахъ. Остальное наше общество возвратилось обратно въ Филадельфію, чрезъ Маниту и Конконъ-Сити. Несмотря на то, что намъ были предоставлены особенные вагоны и даровой проѣздъ, положеніе нашей кампаніи сдѣлалось весьма незавидно; но благодаря подоспѣвшимъ во время банковымъ билетамъ, подписаннымъ извѣстными колоніальными банкирами Сильверъ и Кº. изъ Корнгилля, намъ не пришлось испытать на себѣ строгости колорадскаго закона, примѣняемаго къ несостоятельнымъ личностямъ. Путешествіе было чрезвычайно пріятное. Намъ представлялись по дорогѣ депутаціи, мы сами ѣздили къ начальникамъ разныхъ штатовъ, и вездѣ, на разстояніи 2,800 миль, намъ оказывали самый радушный пріемъ, какого, конечно, мы ни гдѣ болѣе не встрѣтимъ. Обстановка и условія жизни далеко уступаютъ нашимъ европейскимъ, но не хорошо было бы, съ моей стороны, критиковать тотъ или другой радушный пріемъ нашихъ разнообразныхъ хозяевъ. Англичане часто путешествуютъ по Европѣ, и многое приходится имъ тамъ по вкусу только потому, что не походитъ на Англію; по той же причинѣ, неглижируютъ и Америкой. Я не вижу, почему судья, описанный Лео фонъ Эллiотомъ въ Топекѣ, одинъ изъ худшихъ законодателей; развѣ только потому, что Элліоту пришлось увидѣть его сидящимъ въ судѣ, съ ногами, протянутыми на скамейку, гдѣ лежалъ списокъ очередныхъ дѣлъ. Не понимаю я также, почему штатъ Канзасъ долженъ страдать, находясь подъ управленіемъ добраго и способнаго губернатора Осборна, только потому, что онъ разрѣшилъ намъ свободный проѣздъ по его штату и заранѣе объявилъ, что не будетъ взыскивать съ насъ ни за какіе поступки. Предоставляю критику моимъ послѣдователямъ, а я не хочу за это браться, такъ какъ вездѣ встрѣчалъ самое радушное вниманіе, и она была бы, съ моей стороны, даже неблагодарностью.

---

*) Въ предъидущемъ №, по недосмотру редакціи, въ заголовкѣ этой статьи поставлена цифра I вмѣсто II.

**) Соломенная шляпа съ широкими полями.

И такъ, мы отправляемся въ горы. Я усаживаюсь съ Орегономъ Биллемъ въ его экипажъ, запряженный муломъ, а гр. Штейнбокъ садится верхомъ на молодаго пони. Насъ окружаютъ темныя Утесистыя горы; мы, въ сопровожденіи повара Жака и собаки Каламити, расположились въ Моррисонѣ, у подошвы горъ: Билль не совѣтуетъ намъ пускаться ночью въ дальнѣйшій путь, въ горы. Разставлять палатку слишкомъ темно, да и утро скоро наступитъ, а потому мы воспользовались приглашеніемъ трактирщика расположиться на ночь въ его опустѣвшемъ кабакѣ, гдѣ и уснули крѣпкимъ сномъ.

Солнце уже порядочно взошло, когда Жакъ принесъ намъ утренній завтракъ и такой бѣлый хлѣбъ, какого мы до сихъ поръ нигдѣ не встрѣчали; онъ былъ испеченъ изъ колорадской муки. Нужно замѣтить, что пшеница въ Колорадо до того хороша, что ньюіоркскіе хлѣбные торговцы покупаютъ колорадскую пшеницу на мѣстѣ, по существующимъ тамъ цѣнамъ, хотя и приплачиваютъ за ея провозъ на разстояніи 2,000 желѣзнодорожныхъ миль.

Чѣмъ дальше мы подвигались и поднимались по Тюрки-Крикъ-Канонъ, тѣмъ воздѣланныя пространства попадались рѣже и рѣже; намъ встрѣчались повозки, запряженныя волами, погоняемыми только понукиваніемъ; по бревнамъ и верхушкамъ небольшихъ деревъ перескакивали горныя бѣлки, предпочитавшія, повидимому, держаться ближе къ землѣ. Мы, весь день, все поднимались въ гору, но къ вечеру пришлось спуститься внизъ по крутому склону. Въ долинѣ мы увидѣли необстроенную еще школу, гдѣ и остановились на ночь. Какой-то полковникъ, содержащій неподалеку гостинницу, предложилъ было намъ остановиться у него, но мы отказались, найдя это неприличнымъ для охотниковъ. Орегонъ Билль и Жакъ, во все время путешествія, постоянно ложились ночью на траву и завертывались въ шерстяныя одѣяла, не накрывая, однакожъ, головы, несмотря на то, что ночи стояли очень холодныя; только въ Колорадо такіе подвиги и могутъ проходить безнаказанно. Ни я, ни графъ Штейнбокъ не ощущали холода; страшный зной Филадельфіи пропекъ насъ насквозь.

Къ утру, одинъ изъ нашихъ муловъ куда-то забрелъ, и прошло довольно много времени, пока его отыскали. Мы старались какъ нибудь убить это время. Билль забралъ въ свой походный экипажъ всевозможныя угощенія и съѣстные припасы, а Жакъ готовилъ вкуснѣе, чѣмъ въ гостинницахъ; разставленная нами палатка была очень помѣстительна и даже имѣла вентиляцію.

Мы обставились всевозможными удобствами, и мнѣ эта жизнь въ палаткѣ такъ пришлась по сердцу, что я условился остаться съ Биллемъ весь ноябрь, декабрь и январь въ Санъ-Лукской долинѣ и постепенно отходить къ Востоку, къ Дель-Норте, на разстояніи 200 миль къ рѣкѣ Гюнинзонъ. Мы выбрали, судя по времени года, неблагопріятную мѣстность для охоты, но теперь уже поздно было отправиться куда нибудь въ другое мѣсто. Графъ Штейнбокъ, желавшій только охотиться, остался недоволенъ экскурсіей; что же касается меня, то я получилъ отъ Орегона Билль столько свѣдѣній относительно охоты, а отъ Джонатана Гиггинсона, благоденствующаго англійскаго колониста, пріобрѣлъ такъ много важныхъ и полезныхъ подробностей на счетъ ухода за скотомъ и способа воздѣлывать землю въ этихъ гористыхъ мѣстностяхъ, что считалъ себя совершенно вознагражденнымъ за неудачную охоту, потраченныя деньги и время.

(*Продолженіе будетъ.*)

Оставь въ покоѣ мертвыхъ!

(Изъ Альберта Шамиссо.)

Гранитныя старыя стѣны
Видны изъ-за чащи лѣсной, —
Тамъ нѣкогда церкви и замки
Стояли, блестя красотой.

И въ почвѣ холодной подъ ними
Покоятся много вѣковъ
Когда-то могучіе люди —
Правители царствъ, городовъ.

Но что ты подъ камнями тѣми
Все ищешь во мракѣ ночей?
Вскопавши могилы, найдешь ты
Лишь прахъ да остатки костей. —

Сынъ немощный жалкой минуты!
То—времени грозный законъ...
Оставь же въ покоѣ умершихъ—
Вѣдь ихъ не пробудетъ твой стонъ!

А. Е.

Мимолетные наброски.

(Фельетонъ.)

Можно-ли чему нибудь удивляться?—Студентъ, обличающій товарища въ кражѣ атласа.—Судебное разбирательство по этому поводу.—Газета «La Russie Contemporaine».— Моя замѣтка автору «Анны Карениной».

По истинѣ, читатель, мы живемъ съ тобой во времена удивительныя, такъ что, кажется, скоро перестанешь удивляться чему бы то ни было. Я, напримѣръ, дожилъ чуть-ли не до сѣдыхъ волосъ, но мнѣ никогда и въ голову не приходило, что я могу дожить еще до того позорнаго факта, чтобы какой нибудь студентъ рѣшился подвергнуть товарища публичному обвиненію въ воровствѣ. А, между тѣмъ, подобный фактъ у меня на лицо, и мнѣ невозможно его игнорировать, хотя я и желалъ бы отъ души никогда не видѣть нашей учащейся молодежи въ качествѣ матеріала, пригоднаго для моей воскресной бесѣды. Но, нечего дѣлать... разскажемъ все по порядку. Вотъ какъ передаютъ этотъ фактъ наши газеты:

17-го іюня, въ столичномъ мировомъ съѣздѣ слушалось дѣло окончившаго курсъ медицинскихъ наукъ въ гейдельбергскомъ университетѣ Максима Аксельруда, обвинявшагося въ кражѣ. Бывшій студентъ медико-хирургической академіи Шеболдаевъ, занимавшійся 21 февраля въ одной комнатѣ съ Аксельрудомъ, уходя, просилъ послѣдняго, присмотрѣть за его книгами, или же передать ихъ сторожу анатомическаго института. По возвращеніи, Шеболдаевъ не нашелъ ни Аксельруда, ни атласа, вслѣдствіе чего рѣшилъ, что атласъ пропалъ. Спустя недѣлю, Шеболдаевъ увидѣлъ въ студентческой библіотекѣ объявленіе Аксельруда о продажѣ нѣмецкихъ книгъ и атласа Гейцмана. Пригласивъ съ собою студента Чернова, Шеболдаевъ отправился къ Аксельруду, котораго не засталъ дома. Пересматривая книги, онъ нашелъ пропавшій у него атласъ и хотѣлъ взять его, но по совѣту хозяина квартиры, у котораго Аксельрудъ занимаетъ комнату, оставилъ до прихода Аксельруда. Когда послѣдній явился, Шеболдаевъ спросилъ его, какъ достался ему атласъ, на что студентъ Аксельрудъ отвѣчалъ, что купилъ его у студента, имени котораго назвать не желаетъ, и послѣ неотступнаго требованія Шеболдаева, возвратилъ ему атласъ, говоря, что теряетъ 6 рублей. Шеболдаевъ хотѣлъ вывѣсить заявленіе о случившемся въ академіи, и обращался къ прозектору, доктору Тарнецкому, и инспектору Пескову, которые отказали ему въ этомъ. Вскорѣ затѣмъ Аксельрудъ возбудилъ противъ Шеболдаева и Чернова обвиненіе въ самоуправствѣ и клеветѣ. Мировой судья Протасьевъ оправдалъ обвиняемыхъ, признавъ самое обвиненіе недобросовѣстнымъ; съѣздъ утвердилъ это рѣшеніе. При разсмотрѣніи дѣла въ съѣздѣ, товарищъ прокурора нашелъ возможнымъ возбудить противъ Аксельруда обвиненіе въ похищеніи у Шеболдаева атласа. Изъ показаній двухъ служителей академіи, Бенета и Лебедева, на судѣ выяснилось, что, дѣйствительно, Аксельрудъ покупалъ у какого-студента книгу и заплатилъ за нее 6 руб. На основаніи этихъ и другихъ данныхъ, мировой судья отвергъ обвиненіе въ кражѣ, такъ какъ не было тайнаго похищенія атласа, но призналъ Аксельруда виновнымъ въ присвоеніи чужого имущества, ввѣреннаго ему на храненіе, и приговорилъ обвиняемаго къ аресту при тюрьмѣ на шесть съ половиною мѣсяцевъ. Защитникъ его, присяжный повѣренный Унковскій, апеллировалъ и, на судѣ, обратилъ, между прочимъ, вниманіе съѣзда на положеніе Аксельруда, который своимъ трудомъ пробиваетъ себѣ дорогу, и которому дѣло это помѣшало сдать экзаменъ, такъ какъ профессоръ Груберъ отказался экзаменовать его, пока настоящее дѣло не разъяснится; кромѣ того, Аксельрудъ собирается теперь, въ качествѣ студента или фельдшера, отправиться въ дѣйствующую армію. Товарищъ прокурора Суходольскій, на основаніи свидѣтельскихъ показаній, находилъ обвиненіе недоказаннымъ и полагалъ приговоръ мироваго судьи отмѣнить. Въ послѣднемъ своемъ словѣ, Аксельрудъ сказалъ: «Данное мнѣ разрѣшеніе держать экзаменъ прямо на врача не понравилось академическому начальству, и оно стало давить меня, и давить шибко, въ особенности Ланцертъ, такъ что, въ продолженіи четырехъ лѣтъ, я не могъ сдать экзамена, несмотря на то, что имѣю аттестаты гейдельбергскихъ профессоровъ и сдалъ уже 24 экзамена. Далѣе, онъ объяснилъ, что купилъ книгу, но у кого — не знаетъ; когда же Шеболдаевъ, придя къ нему наканунѣ экзамена Грубера, сталъ утверждать, что книга его, и требовалъ ея возвращенія, онъ отдалъ ему ее, на честное слово, до разъясненія дѣла, прося только оставить его покойно готовиться къ экзамену. На другой же день, для доказательства справедливости своего объясненія о покупкѣ книги, вывѣсилъ два объявленія, приглашая лицо, продавшее книгу, явиться на другой же день, но оно не явилось. Съѣздъ оправдалъ Аксельруда.

Вотъ вся сущность дѣла, какъ она выяснилась на судѣ.

Отвернемся поскорѣе, читатель, отъ такого... грустнаго факта и поищемъ лучше чего-нибудь веселенькаго. Кстати же, теперь у насъ, въ Петербургѣ, народился нѣкій весельчакъ, чтобъ не сказать—юродивый: это —французская газета «La Russie Contemporaine», выпустившая недавно свой пробный нумеръ. Для характеристики этой новой литературной трущобы, достаточно привести одно мѣсто изъ нея, гдѣ о такъ-называемыхъ нагилисткахъ говорится, что «ces femmes meritent d'être fouettées en place publique», т. е., что онѣ «заслуживаютъ быть высѣченными на площади». Не могу тебѣ сказать, въ какомъ именно мѣстѣ всего достойнѣе было бы примѣнить подобную же мѣру къ самому г. де-Легэ, редактору названной газеты, за высказанную имъ мерзость, но, полагаю, что на русской землѣ этого не можетъ случиться, ибо, по всей вѣроятности, ни одинъ изъ моихъ соотечественниковъ не пожелаетъ осквернить ее такой испорченной кровью... Тѣмъ болѣе удивляетъ меня негодованіе нѣкоторыхъ русскихъ газетъ, съ которымъ онѣ отнеслись къ этой французской диковинкѣ: было бы слишкомъ много чести придавать ей какое бы то ни было иное значеніе, кромѣ гаерскаго «упражненія на туго натянутомъ канатѣ». Даже больше—я, напримѣръ, положительно побрезговалъ бы внести ее, какъ матеріалъ, въ мои юмористическіе стихи. Молчаливое презрѣніе—вотъ, по моему, самый лучшій отвѣтъ, какой только можетъ дать русская печать своему непрошенному французскому сподвижнику.

Въ іюньской книжкѣ «Русскаго Вѣстника», въ самомъ концѣ ея, напечатано: «Въ предъидущей книжкѣ, подъ романомъ «Анна Каренина» выставлено: окончаніе слѣдуетъ. Но со смертью героини собственно романъ кончился. По плану автора, слѣдовалъ бы еще небольшой эпилогъ, листа въ два, изъ коего читатели могли бы узнать, что Вронскій, въ смущеніи и горѣ послѣ смерти Анны, отправляется добровольцемъ въ Сербію, что всѣ прочіе живы и здоровы, а Левинъ остается въ своей деревнѣ и сердится на славянскіе комитеты и на добровольцевъ. Авторъ, быть можетъ, разовьетъ эти главы къ особому изданію своего романа».

Нѣтъ, графъ, ужъ увольте, пожалуйста. Вы и такъ тянули вашъ романъ два года, а теперь хотите еще заманить публику на его отдѣльное изданіе, обѣщая приподнести ей новыя главы: не черезъ край-ли вы, полно, хватили? Мнѣ кажется, что ужъ если, по вашему плану, вамъ слѣдовало наградить читателей эпилогомъ «листа въ два», то и надо было дать его въ свое время, а не заканчивать безцеремонно романа какъ попало. Это приличествуетъ только заурядному строчилѣ заурядной беллетристической дребедени. Но вѣдь вы, вѣроятно, не такъ же смотрите на свои произведенія. А если вы на нихъ смотрите серьезно, въ чемъ я ни минуты не сомнѣваюсь, то почему же вы сразу не закончили вашего романа какъ слѣдуетъ? Быть любимцемъ публики—вѣдь это не значитъ еще имѣть право вставать къ ней въ халатныя отношенія... Дѣлаю настоящую замѣтку потому, что она можетъ не безъ пользы пригодиться вамъ въ другой разъ.

Веселый поэтъ.

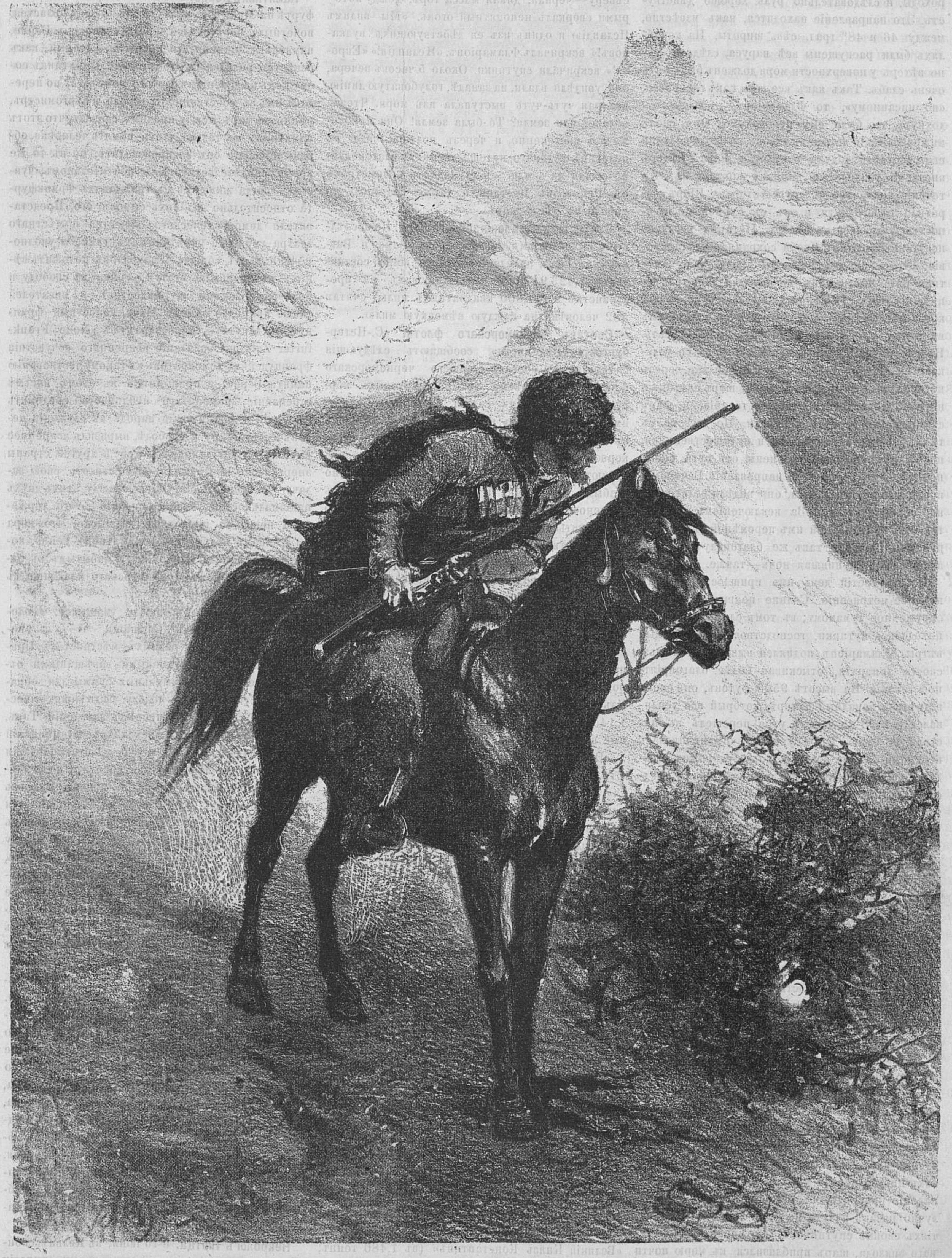
Новости наукъ и жизни.

Воздушный полетъ изъ Америки въ Европу. 26 апрѣля настоящаго года, пять воздухоплавателей покинули Филадельфію на воздушномъ шарѣ и уже 28 апрѣля вечеромъ благополучно спустилисъ на землю близь Ренна, въ Бретани. Они совершили путешествіе въ Европу изъ Сѣверной-Америки черезъ океанъ въ 60 часовъ. Объ этомъ безпримѣрномъ въ лѣтописяхъ аэронавтики воздушномъ плаваніи нѣкоторыя нѣмецкія газеты сообщаютъ слѣдующее: «Настоящими героями этого событія являются Гаспаръ Фламаріонъ и Эмиль Якоби. Послѣдній—берлинскій уроженецъ, уже 20 лѣтъ живущій въ Гамбургѣ, извѣстенъ въ Европѣ, какъ постоянный попутчикъ аэронавта Теодора Сивеля. Въ мартѣ 1875 г. Якоби совершилъ, вмѣстѣ съ Сивелемъ и двумя членами парижскаго клуба аэронавтовъ, путешествіе съ научными цѣлями. Къ счастію, болѣзнь помѣшала Якоби совершить вторичное путешествіе въ обществѣ Кроче-Спинелли и Гастона Тиссандье, подъ руководствомъ Сивеля,— во время котораго, какъ извѣстно, погибли Сивель и Спинелли. Съ того времени, Якоби совершилъ нѣсколько самостоятельныхъ воздушныхъ плаваній. Гаспаръ Фламаріонъ уже нѣсколько лѣтъ какъ занимается вопросомъ воздухоплаванія, и во время осады Парижа неоднократно леталъ на воздушномъ шарѣ.

Послѣ безчисленныхъ старательныхъ опытовъ, Фламаріону удалось, наконецъ, шесть мѣсяцевъ тому назадъ, изобрѣсти машину для управленія воздушнымъ шаромъ. Фламаріонъ не утверждаетъ — какъ это дѣлали его предшественники — что съ помощью его аппарата возможно во всякое время дать любое направленіе воздушному шару. Напротивъ того, онъ утверждаетъ, что это химера, которая не можетъ осуществиться ни при какихъ обстоятельствахъ, потому что никогда не удастся воздушному шару побороть господствующее теченіе воздуха. Фламаріонъ говоритъ только слѣдующее: всегда существуютъ воздушныя теченія настолько сильныя, чтобы сообщить воздушному шару такое быстрое движеніе, съ какимъ не можетъ сравниться самый скорый желѣзно-дорожный поѣздъ. На различной высотѣ отъ земли, у этихъ воздушныхъ теченій различныя направленія. Шаръ долженъ отыскать тотъ слой воздуха, гдѣ господствуетъ теченіе, благопріятное для его плаванія. Аппаратъ Фламаріона способствуетъ этому, равно какъ и управленію воздушнымъ шаромъ при содѣйствіи благопріятнаго, то есть непротивнаго вѣтра. Шаръ, въ которомъ Фламаріонъ предположилъ совершить свое путешествіе, названъ имъ «Филадельфія». Его дорожный аппаратъ состоялъ изъ слѣдующихъ вещей: огромнаго, круглаго, прочно сдѣланнаго шелковаго шара, просторнаго челнока, двухъ колесъ системы, изобрѣтенной Фламаріономъ, оба независимые другъ отъ друга въ своемъ движеніи и служащіе одновременно и рулемъ; и двигателемъ, наконецъ сильной, но вмѣстѣ съ тѣмъ легкой паровой машины въ 15 лошадиныхъ силъ. Чтобы приводить колеса въ движеніе, Фламаріонъ, въ противность всѣмъ теоріямъ, помѣщаетъ двигателя въ челнокѣ, а не въ самомъ шарѣ. Въ путешествіи участвовали еще Ульманъ изъ Чикаго, машинистъ, по имени Тэйлоръ, и Никольсонъ, художникъ и членъ французскаго жюри въ Филадельфіи, пожелавшій вернуться такимъ рискованнымъ путемъ въ свое отечество. Путешественниковъ предупредили не брать съ собой никакого багажа. Каждый долженъ былъ одѣться очень тепло и захватить съ собой два шерстяныхъ одѣяла для защиты отъ холода, царствующаго въ высшихъ слояхъ атмосферы. Съѣстные припасы состояли изъ 20 фунтовъ ветчины и копченаго мяса, десяти дюжинъ вареныхъ яицъ и нѣсколькихъ бутылокъ говяжьяго бульона. Кромѣ того, изъ напитковъ были взяты 50 литровъ бордо, пять литровъ коньяку и 50 литровъ прѣсной воды. Жидкости заключались въ кожаныхъ мѣхахъ, привѣшенныхъ къ наружной сторонѣ челнока.

Отплытіе изъ Филадельфіи состоялось 26 апрѣля, въ 4 часа утра. Шаръ, наполненный ночью, поднялся послѣ того, какъ обрѣзали веревки, сначала медленно, съ раскачивающимся движеніемъ, затѣмъ все скорѣе и скорѣе, пока не достигъ высоты 10,000 футовъ. Погода была прекрасная, небо удивительно ясно; сила и направленіе вѣтра были благопріятны. Когда достигнута была высота, показавшаяся Фламоріону пригодной, онъ отдалъ приказъ механику, машина засвистѣла, колеса пришли въ движеніе, и шаръ увѣренно и неуклонно полетѣлъ на востокъ. О первыхъ девяти часахъ путешествія нельзя ничего сказать, кромѣ того, что шаръ неизмѣнно держался на высотѣ 10,000 футовъ. Движеніе было едва примѣтное. Давно уже испытано воздухоплавателями, что они не чувствуютъ вѣтра, если только онъ не усиливается настолько, что шаръ уже не можетъ за нимъ слѣдовать. Путешественники движутся вмѣстѣ съ воздушнымъ теченіемъ и также быстро, какъ и оно, и имъ поэтому кажется, что они находятся среди полнаго затишья и безвѣтрія. На той сравнительно небольшой высотѣ, на какой находились путешественники, они не испытывали никакого неудобства отъ разрѣженнаго воздуха. Въ двѣнадцать часовъ они поѣли съ аппетитомъ; отъ ощутительнаго холода защищало ихъ теплое платье. Подъ собою они видѣли уже, въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, океанъ, лежавшій спокойно и, повидимому, неподвижно на солнечномъ свѣтѣ, а поверхность его сверху представлялась слегка выпуклой. Около часу, путешественники попали въ облака. Густой туманъ окружилъ ихъ, сырость пристала къ шару, къ платью; они не могли отличить своихъ пальцевъ, подноcя ихъ къ глазамъ. Это длилось около часа, затѣмъ снова показалось солнце.

Около 4 часовъ пополудни, пролетѣли они надъ нѣсколькими пароходами, которые замѣтили шаръ и привѣтствовали его пушечными выстрѣлами. Многіе выкидывали при этомъ флаги Воздухоплаватели узнали, съ помощью подзорныхъ трубъ, американскіе, французскіе и нѣмецкіе цвѣта. Ночь, какъ и день, прошла безъ всякихъ событій. Всѣ путники, за исключеніемъ Фламаріона и Якоби, испытывали, послѣ возбужденія и впечатлѣній шестнадцатичасоваго воздушнаго плаванія, сильное утомленіе, завернулись въ свои одѣяла и, растянувшись на днѣ челнока, немедленно крѣпко заснули и пробудились только на слѣдующее утро, подкрѣпленные и освѣжившіеся. Ночью, Якоби замѣтилъ, что одно колесо сильно нагрѣлось, но этой бѣдѣ скоро помогли. Второй день наступилъ при такихъ же благопріятныхъ обстоятельствахъ, какъ и первый. Океанъ, подъ путешественниками, спустившимися на высоту 7500 футовъ, вслѣдствіе



Черкесъ на стражѣ.

постепеннаго выдѣленія газа, казался очень оживленнымъ — доказательство, что они слѣдуютъ въ томъ направленіи, какого держатся пароходы, и слѣдовательно руль хорошо дѣйствуетъ. Это направленіе находится, какъ извѣстно, между 46 и 48° град. сѣв. широты. На корабляхъ были распущены всѣ паруса, слѣдовательно вѣтеръ у поверхности моря долженъ былъ быть очень слабъ. Такъ какъ все шло, какъ говорится, «по писанному», то Фламаріонъ рѣшился отдохнуть, что было ему необходимо. Онъ спалъ въ продолженіи четырехъ часовъ, но около полудня его разбудили толчки и прыжки шара. Вѣтеръ внезапно усилился и компасъ показывалъ, что теченіе повернуло въ другую сторону. Шаръ своротило съ его пути, и онъ съ бурной поспѣшностью увлекался къ сѣверу. Путники казались испуганными, одинъ Якоби сохранялъ хладнокровіе. «Этотъ порывъ не долго продлится», замѣтилъ онъ. Фламаріонъ не пытался бороться съ вѣтромъ. Онъ сдѣлалъ то, что дѣлаютъ мореходы, когда вѣтеръ, какъ они выражаются, «дуетъ имъ въ зубы», т. е. сталъ эренговать и лавировать. Не смотря на то, шаръ все далѣе и далѣе увлекало на сѣверъ; холодъ усилился; облако, черезъ которое они пролетѣли, осыпало шаръ снѣгомъ и инеемъ. Поднялось противное теченіе, и шаръ стало сильно вертѣть и трясти. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣтеръ перемѣнился, и путешественники, послѣ двухъ-часового уклоненія отъ пути, снова понеслись въ восточномъ направленіи. Вечеромъ, послѣ солнечнаго заката, они видѣли великолѣпное сѣверное сіяніе. За исключеніемъ краткой тревоги, причиненной имъ перемѣной вѣтра, второй день прошелъ такъ же благополучно, какъ и первый; наступившая ночь--также.

Но на третій день имъ пришлось испытать нервное потрясеніе. Солнце появилось утромъ, окруженное туманомъ; въ томъ слоѣ воздуха, гдѣ находились путники, господствовали противные вѣтры. Фламаріонъ поднялся выше съ помощью своего аппарата, отыскивая болѣе благопріятное теченіе. На высотѣ 9500 футовъ, они снова встрѣтили западный вѣтеръ, который все усиливался и къ 8-ми часамъ утра перешелъ въ настоящую бурю. Эта буря не ограничивалась верхними слоями воздуха, но взбудоражила воздухъ и близь поверхности океана. Океанъ представлялъ страшное зрѣлище. Валы вставали точно ледяныя горы, между ними появлялись черныя пропасти, порою море становилось похоже на грозную бѣлую массу пѣны, затѣмъ снова напоминало громадный котелъ съ кипящей смолой. Приэтомъ, до воздухоплавателей доносился шумъ волнъ, завываніе вѣтра, точно отдаленные раскаты грома. Вдругъ, Фламаріонъ сдѣлалъ отчаянное движеніе. Дрожащей рукой показалъ онъ на дыру фута въ три длиной, образовавшуюся посрединѣ шара. Этотъ послѣдній началъ опускаться съ бѣшенной скоростью, причемъ совершалъ самые дикіе прыжки. Буря, правда, нѣсколько задерживала скорость паденія, но не приподнимала шара вверхъ.

Шаръ приближался къ морю съ страшной скоростью, ревъ волнъ становился все явственнѣе. Тутъ Якоби опомнился и съ изумительной ловкостью и смѣлостью вскарабкался по канату къ скважинѣ. Вскорѣ онъ достигъ ее, связалъ крѣпко веревкой, зашилъ дыру и укрѣпилъ на ней кусокъ парусины. Эта работа заняла всего какихъ-нибудь десять минутъ. Черезъ пять минутъ, паденіе прекратилось. Якоби спустился благополучно назадъ и чуть не былъ задушенъ въ объятіяхъ своихъ спутниковъ. Во время этого опаснаго эпизода, шаръ приблизился къ морю почти на пятьсотъ футовъ, но когда выбросили пять мѣшковъ съ балластомъ, онъ снова поднялся на пятьсотъ футовъ. Буря продолжалась до 11 часовъ утра. Затѣмъ, шаръ снова попалъ въ область тумана, пробравшаго всѣхъ путешественниковъ до самыхъ костей. Въ 2 часа опять показалось солнце. Одновременно съ этимъ, усмотрѣна земля къ сѣверу—черная, дикая масса горъ, между которыми сверкалъ непонятный огонь. «Мы видимъ Исландію и одинъ изъ ея дѣйствующихъ вулкановъ!» вскричалъ Фламаріонъ. «Исландія!» «Европа!» вскричали спутники. Около 5 часовъ вечера, они увидѣли вдали, на западѣ, голубоватую линію, которая чуть-чуть выступала изъ моря. Чтожъ, облако? или земля? То была земля! Она приближалась постепенно, и черезъ полтора часа, въ половинѣ седьмаго, путешественники благополучно сошли на землю въ двѣнадцати километрахъ отъ Ренна, въ Бретани, и также благополучно убрали къ мѣсту шаръ.

Статистика населенія земного шара. По послѣднимъ вычисленіямъ профессоровъ Бема и Вагнера, въ Готѣ, населеніе земного шара составляетъ 1,423,917,000 чел., живущихъ на пространствѣ 2,444,800 квадратныхъ миль, считая 582 человѣка на каждую нѣмецкую милю.

Составъ черноморскаго флота. «С.-Петербургскія Вѣдомости» сообщаютъ слѣдующія свѣдѣнія о составѣ нашего черноморскаго флота: «Мы имѣемъ четыре винтовыхъ корвета (изъ которыхъ самый большой, «Воинъ», имѣетъ 1,829 тоннъ водоизмѣщенія, машину въ въ 250 силъ, и вооруженъ 10 орудіями). Эти корветы, представляя нѣкоторое боевое значеніе, являются судами деревянными, съ сравнительно слабыми машинами, и не могутъ бороться съ броненосными судами; недавво имъ приказано разоружиться и окончить кампанію. Транспортныя средства черноморскаго флота состоятъ изъ четырнадцати паровыхъ шкунъ (въ сложности 6,361 тонна водоизмѣщенія, приводимыхъ въ движеніе паровыми машинами въ 1,090 силъ и вооруженныхъ 32-мя орудіями).

«Для портовыхъ надобностей существуетъ семь пароходовъ (3,407 тоннъ водоизмѣщенія, приводимыхъ въ движеніе машинами въ 880 паровыхъ силъ и вооруженныхъ 14-ю орудіями). Изъ этихъ пароходовъ, только «Эрикликъ», въ 1,145 тоннъ, построенъ въ 1873 году, а остальные въ 1846—1857 годахъ.

«Всѣ эти шхуны и пароходы, конечно, не имѣютъ боеваго значенія, исключая развѣ «Эриклика», который, обладая большою скоростью хода, можетъ быть употребленъ для рекогносцировокъ во время войны.

«Недлинный списокъ судовъ черноморскаго флота оканчивается двумя поповками: «Новгородъ» (въ 2,491 тонну, имѣетъ машину въ 480 силъ и вооружена двумя 11-ти дюймовыми обуховскими орудіями) и «Вице-адмиралъ Поповъ» (въ 3,550 тоннъ водоизмѣщенія, имѣетъ машину въ 640 силъ и вооружена двумя 12-ти дюймовыми обуховскими орудіями). Всего въ черноморскомъ флотѣ состоитъ 28 судовъ, имѣющихъ въ сложности 22,396 тоннъ водоизмѣщенія, приводимыхъ въ движеніе машинами въ 4,340 паровыхъ силъ и вооруженныхъ 88-ю орудіями, изъ которыхъ только на поповкахъ имѣется четыре орудія большого калибра.

«Отъ «Общества пароходства и торговли» весною принято 12-ть пароходовъ; какъ видно, они небольшихъ размѣровъ и годны только для буксировки и перевозки незначительныхъ грузовъ по рѣкамъ. За нихъ правительство заплатило обществу около 275,000 руб.

«Сверхъ этихъ пароходовъ, правительство приняло недавно отъ общества еще четыре: «Аргонавтъ» (въ 615 тоннъ, съ машиною въ 160 силъ), «Великій Князь Константинъ» (въ 1,480 тоннъ, съ машиною въ 160 силъ) и «Чайка» (въ 400 тоннъ, съ машиною въ 45 силъ). Изъ этихъ четырехъ, только три первые годны для военныхъ надобностей. Они вооружены артиллеріею, снабжены минами и, по извѣстіямъ съ Чернаго моря, употребляются для развѣдокъ о мѣстѣ нахожденія судовъ турецкаго флота».

Памятникъ Берне. 6-го іюня открытъ во Франкфуртѣ на-Майнѣ, въ присутствіи высшихъ властей, почетныхъ посѣтителей и родственниковъ Берне, памятникъ знаменитаго писателя, который, какъ извѣстно, родился въ этомъ городѣ. Памятникъ сооруженъ иждивеніемъ особаго комитета, но переданъ имъ въ собственность города, и бургомистръ, принимая даръ, между прочимъ, сказалъ, что этотъ памятникъ не только чтитъ память человѣка, образъ котораго онъ воспроизводитъ, но въ то же время свидѣтельствуетъ о почтительномъ чувствѣ, всегда жившемъ въ гражданахъ Франкфурта относительно великихъ сыновъ его. Представители демократическаго общества и мѣстнаго театра украсили памятникъ цвѣтами, а уполномоченный отъ социалъ-демократовъ положилъ вѣнокъ къ подножію статуи «бойца за свободу и право»; общество журналистовъ и писателей также принесло вѣнокъ. Наке, извѣстный французскій депутатъ, напечаталъ въ «Neue Frankfurter Zeitung» заявленіе искренняго сочувствія французскихъ демократовъ къ такому чествованію памяти Берне, и припомнивъ въ этомъ письмѣ стремленіе знаменитаго публициста соединить нѣмецкій и французскій народъ въ служеніи человѣчеству, миру и свободѣ, выразилъ искреннее желаніе, чтобы демократы той и другой страны энергически продолжали осуществлять свою задачу—сглаживать пагубную вражду этихъ двухъ національностей. Читая описаніе этого торжества, невольно приходишь къ мысли, что пора бы нѣмцамъ подумать и о памятникѣ Гейне, покоящагося такимъ одинокимъ и забытымъ въ одномъ изъ уголковъ Монмартрскаго кладбища въ Парижѣ.

Пожертвованія въ пользу учащихся. «Голосу» сообщаютъ изъ Варшавы, что, въ послѣднее время, въ разныхъ мѣстностяхъ Привислянскаго Края, духовными завѣщаніями отказаны довольно значительныя суммы для образованія стипендій въ пользу бѣднѣйшихъ воспитанниковъ разныхъ учебныхъ заведеній. Такъ, напримѣръ, помѣщикъ Александръ Стемпинскій недавно завѣщалъ 12,000 руб. на стипендіи для студентовъ варшавскаго университета и для учениковъ варшавскихъ гимназій; купецъ Рафаель Розенъ отказалъ 9,000 руб. на стипендіи для учениковъ калишской гимназіи; помѣщикъ Іосифъ Кронковскій оставилъ послѣ себя, въ пользу бѣднѣйшихъ учениковъ петроковской гимназіи, въ помѣстьи Пыздры: домъ, пивоваренный заводъ, большой садъ и огородъ, поле и различное движимое имущество, а также и небольшой наличный капиталъ; наконецъ, помѣщикъ Романъ Родалинскій—10,000 руб. на образованіе, изъ процентовъ, стипендій для двухъ учениковъ.

— Не разъ было замѣчено, что замѣчательные люди, если и имѣютъ потомство, то не надолго. «Herold of Health» собралъ слѣдующія любопытныя данныя о знаменитыхъ людяхъ Англіи. По разсчетамъ журнала выходитъ, что въ настоящее время нѣтъ въ живыхъ ни одного потомка по мужской линіи: у Чосера, Шекспира, Спенсера, Мильтона, Бутлера, Драйдена, Попа, Купера, Гольдсмита, Скотта, Байрона, Мура, сэра Сиднея, Вальтера, Ралэя, Кромвелля, Нельсона, Стаффорда, Аддисона, Свифта, Джонсона, Уальноля, Болинброка, Чатама, Питта, Фокса, Берка, Каннинга, Бэкона, Локка, Ньютона, Дэви, Юма, Гиббона, Маколея, Гогарта, сэра Рейнольдса и Давида Гаррика.

Некрологъ Пютца. 6-го іюня, въ Кельнѣ, скончался на 71 году жизни преподаватель гимназіи Вильгельмъ Пютцъ, извѣстный своими историческими, географическими и литературными трудами. Его сочиненія, особенно учебники географіи и справочные историческіе конспекты, разошлись въ сотняхъ тысячъ эклемпляровъ и переведены почти на всѣ европейскіе языки. Передъ смертью, онъ завѣщалъ значительную часть своего имущества на госпиталь св. Маріи въ Кельнѣ, на стипендіи въ гимназіи и Боннскому университету, въ которомъ онъ началъ свои научныя занятія подъ руководствомъ знаменитаго Нибура.

Смѣсь.

Характерная черта русскаго матроса. Г. Буренинъ описываетъ два интересныхъ эпизода, которые разсказаны ему А. П. Шестаковымъ. Матросъ Ничепоренко, въ страшный моментъ, когда освобождали винтъ «Ксеніи» отъ запутавшихъ его веревокъ, наклонился съ борта. Въ это время, пуля пролетѣла около его головы, ударила въ воду и всплескомъ забрызгала ему лицо.

— Тьфу, проклятая,—обтирая лицо, проговорилъ хладнокровно Ничепоренко:—ажно, глаза запорошила: дѣло дѣлать мѣшаетъ.

Матросъ Стѣнинъ, въ то время, когда миноноски уходили подъ градомъ пуль и ядеръ, прехладнокровно шарилъ на днѣ лодки.

— Что ты тутъ дѣлаешь?—спросилъ кто-то его.

— Винтикъ ищу, винтикъ, ваше благородіе, винтикъ потерялся отъ баттареи (гальванической).

— А да, ну его къ чорту, винтикъ! До винтика-ли тутъ!

— Нельзя, ваше благородіе: безъ винтика машина не будетъ дѣйствовать, винтикъ казенный.

И онъ таки подъ выстрѣлами отыскалъ этотъ казенный винтикъ.

— «Церк. Общ. Вѣстнику» доставлена оригинальная резолюція одного изъ владыкъ недавняго прошлаго, Игнатія Семенова, епископа олонецкаго (1828—1842) а потомъ архіепископа донскаго и воронежскаго (1842—1847; 1847—1850). Онъ былъ особенный врагъ всякихъ кляузъ, доносовъ и сутяжничества въ средѣ духовенства.

Въ одномъ селѣ священникъ выдавалъ замужъ дочь. Разумѣется, пиръ былъ на славу, всѣ подпили порядкомъ и веселились по сельскому, по домашнему. Между прочимъ, мѣстный діаконъ оказался любителемъ хореографическаго искуства, и празднуя веселье, «веселыми ногами», въ одушевленіи, отхватилъ передъ гостями трепака, чѣмъ всѣхъ привелъ въ немалый восторгъ. На бѣду, на томъ же пирѣ былъ и благочинный, которому такое дѣяніе діакона показалось весьма оскорбительнымъ, заслуживающимъ высшей мѣры взысканія, и въ ревности своей благочинный настрочилъ доносъ архіерею о томъ, какъ діаконъ на свадьбѣ у священника «ударилъ трепака». Архіепископъ Игнатій, получивъ доносъ, написалъ такую резолюцію:

> «Діаконъ N «ударилъ трепака»...
> Но трепакъ не проситъ;
> Зачѣмъ же благочинный доноситъ?
> Вызвать благочиннаго въ консисторію и допросить».

Дѣло окончилось тѣмъ, что доноситель, проѣхавъ полтораста верстъ и не мало израсходовавъ денегъ на поѣздку, возвратился домой съ внушеніемъ, что благочинному слѣдовало бы на мѣстѣ, словесно, сдѣлать внушеніе діакону.

— Изъ Кессингена сообщаютъ слѣдующій интересный анекдотъ: Въ прошлое воскресенье, во время прогулки князя Бисмарка въ прилегающемъ къ селенію лѣску, двѣ крестьянки въ странныхъ костюмахъ обратили на себя его вниманіе. Канцлеръ полюбопытствовалъ узнать, кто онѣ такія: «Вы вѣрно не здѣшнія?» обратился онъ къ нимъ съ вопросомъ:—«подобныхъ костюмовъ и шляпокъ я еще не видалъ».—Мы изъ Грабенфельда, отвѣтили крестьянки,—и пріѣхали сюда поглядѣть на Бисмарка.—«Тогда вамъ не далеко ходить, смѣясь сказалъ князь:—я Бисмаркъ, смотрите на меня». Озадаченныя крестьянки въ нѣмомъ удивленіи посмотрѣли на него.—Also, ihr seid der Bismark? (Такъ вы-то Бисмаркъ?), наконецъ, робко спросила одна изъ нихъ;—но гдѣ-же три волоска на вашей головѣ? (Необходимо знать, что Бисмаркъ, который не можетъ похвастаться густыми волосами, изображается на всѣхъ каррикатурахъ съ тремя волосками на головѣ).—Какая ты дура, перебила ее другая крестьянка:—если на г. Бисмаркѣ надѣта шляпа, то нельзя-же видѣть трехъ волосъ. Бисмаркъ громко засмѣялся и, отходя, снялъ вѣжливо шляпу, чтобъ дѣвушки могли видѣть, что у него, сверхъ историческихъ трехъ волосъ, есть ихъ еще нѣсколько.

Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій.

Такъ долго ожидаемое всѣми событіе—переправа черезъ Дунай,—наконецъ совершилось на правомъ флангѣ нашей дѣйствующей арміи. 15 іюня, на разсвѣтѣ, войска 8-го корпуса, имѣя впереди 14-ю дивизію, генерала Драгомірова, переправились у Зимницы, напротивъ Систова, на лѣвый берегъ Дуная. Въ тотъ же день другія части дѣйствующей арміи готовились переправиться черезъ Дунай у Турну, напротивъ Никополя.

Заимствуемъ изъ «Neues Wiener Tagblatt» подробное описаніе о переходѣ нашихъ войскъ черезъ Дунай у Галаца и Браилова. У Галаца русскіе переправлялись на плотахъ, лодкахъ и паромахъ, а у Браилова переходили по пловучему мосту особой конструкціи, на наемныхъ буксирныхъ судахъ и на лодкахъ. На каждомъ плоту помѣщалось по 45 человѣкъ, а для управленія плотомъ требовалось только 6 человѣкъ. Такихъ плотовъ было отъ 30 до 40. Лодки, перевозившія войска—обыкновенныя лодки, употребляемыя на Дунаѣ, съ двумя рулями, вмѣщающія отъ 6—8 чел. Въ Галацѣ было 120 лодокъ, въ Браиловѣ—80. Паромовъ въ Галацѣ было 8, въ Браиловѣ отъ 60—65. У Галаца на паромахъ переправляли пушки и лошадей. Паромы у Браилова имѣли назначеніемъ служить плашкоутами при наводкѣ моста. Мостъ построенъ чрезвычайно крѣпкій, по ночамъ онъ освѣщается фонарями. Для охраненія моста отъ дѣйствія какихъ-либо разрушительныхъ снарядовъ устроены особыя приспособленія, не допускающія приближенія къ мосту такихъ снарядовъ. Мостъ построенъ на плашкоутахъ только на пространствѣ, занимаемомъ русломъ рѣки, дальше же, на берегу рѣки, залитомъ водою, мостъ устроенъ частью на козлахъ, частью сдѣланы плотины, мостъ имѣетъ километръ длины. Войска проходятъ мостъ въ 20 минутъ. Въ числѣ разныхъ приготовленій къ переправѣ слѣдуетъ упомянуть еще о 8 буксирныхъ судахъ, приспособленныхъ исполнять обязанность плавучихъ батарей, въ высокихъ бортахъ ихъ сдѣланы бойницы, а сѣрая окраска бортовъ придаетъ этимъ судамъ видъ мониторовъ. Наконецъ, не надо забывать, что русскіе создали на Дунаѣ собственную флотилію, которая при переправѣ русскихъ войскъ оказываетъ большія услуги. Флотилія эта составилась изъ четырехъ румынскихъ канонирокъ, изъ трехъ пароходовъ, купленныхъ у частныхъ лицъ, и изъ шести русскихъ небольшихъ паровыхъ баркасовъ. Все это должно было быть заготовлено заранѣе. Постоянная убыль воды въ Дунаѣ заставила русскихъ поторопиться начинать переправу. До сихъ поръ полагали, что русскіе ждутъ уменьшенія разлива, для того, чтобы начать переправу. Напротивъ, они начали переправу, не успѣвъ окончить всѣхъ нужныхъ приготовленій къ ней, чтобы воспользоваться еще разливомъ рѣки, потому что то пространство, которое теперь легко можетъ быть пройдено на плотахъ, лодкахъ и паромахъ, превратиться въ непроходимыя топи и болота, какъ только спадетъ вода. Поэтому, въ послѣднее время приготовленія къ переправѣ производились съ большою поспѣшностью. 21 іюня, утромъ, одинъ русскій офицеръ генеральнаго штаба, съ восемью казаками, отправился изъ Галаца для рекогносцировки черезъ Дунай и вышелъ на берегъ близъ турецкой деревни Залока. Въ одномъ мѣстѣ, русскій отрядъ былъ осыпанъ градомъ пуль изъ турецкаго блокгауза, причемъ два казака были тяжело ранены, тѣмъ не менѣе, предпріятіе удалось вполнѣ; удобный путь для переправы былъ найденъ—и въ ночь съ 21 на 22 іюня цѣлая русская бригада была переправлена на лодкахъ и плотахъ изъ Галаца на турецкій берегъ. Нѣсколько человѣкъ болгаръ служили при этомъ проводниками. До деревни Залока пароходы вели на буксирѣ паромы съ орудіями, затѣмъ, дальше, на пространствѣ залитомъ водою, артиллеристы подвигали паромъ помощью шестовъ. Само собою разумѣется, что эта экспедиція была сопряжена съ большими затрудненіями, тѣмъ не менѣе, въ два часа пополуночи, 3,000 чел. съ 2 орудіями стояли уже на прибрежныхъ высотахъ, и сраженіе началось еще до разсвѣта. Турки смекнули, что происходитъ что-то неладное, и въ темнотѣ стали стрѣлять наудачу. Русскія войска не обращали вниманія на стрѣльбу турецкихъ форпостовъ. Они твердо пошли впередъ, и въ 3 часа утра, 22 іюня, ихъ привѣтствовали первые выстрѣлы съ турецкихъ батарей. Въ отвѣтъ на это русскія орудія тотчасъ же открыли огонь. Затѣмъ вступила въ бой русская пѣхота. Жаркое сраженіе длилось до 11 часовъ. Битва кончилась рукопашной схваткой. Русскіе взяли много плѣнныхъ и захватили нѣсколько орудій. Турки въ безпорядкѣ бѣжали къ Мачину. Облака пыли указывали направленіе ихъ бѣгства, это было видно даже изъ Галаца и Браилова. Русскіе сперва преслѣдовали турокъ, но потомъ стали укрѣплять свои позиціи на занятыхъ ими высотахъ. Въ этотъ день турки не безпокоили больше русскія войска, казачьи патрули доходили до самаго Мачина, нигдѣ не встрѣчая непріятеля. На слѣдующій день войска, какъ извѣстно, заняли Мачинъ.

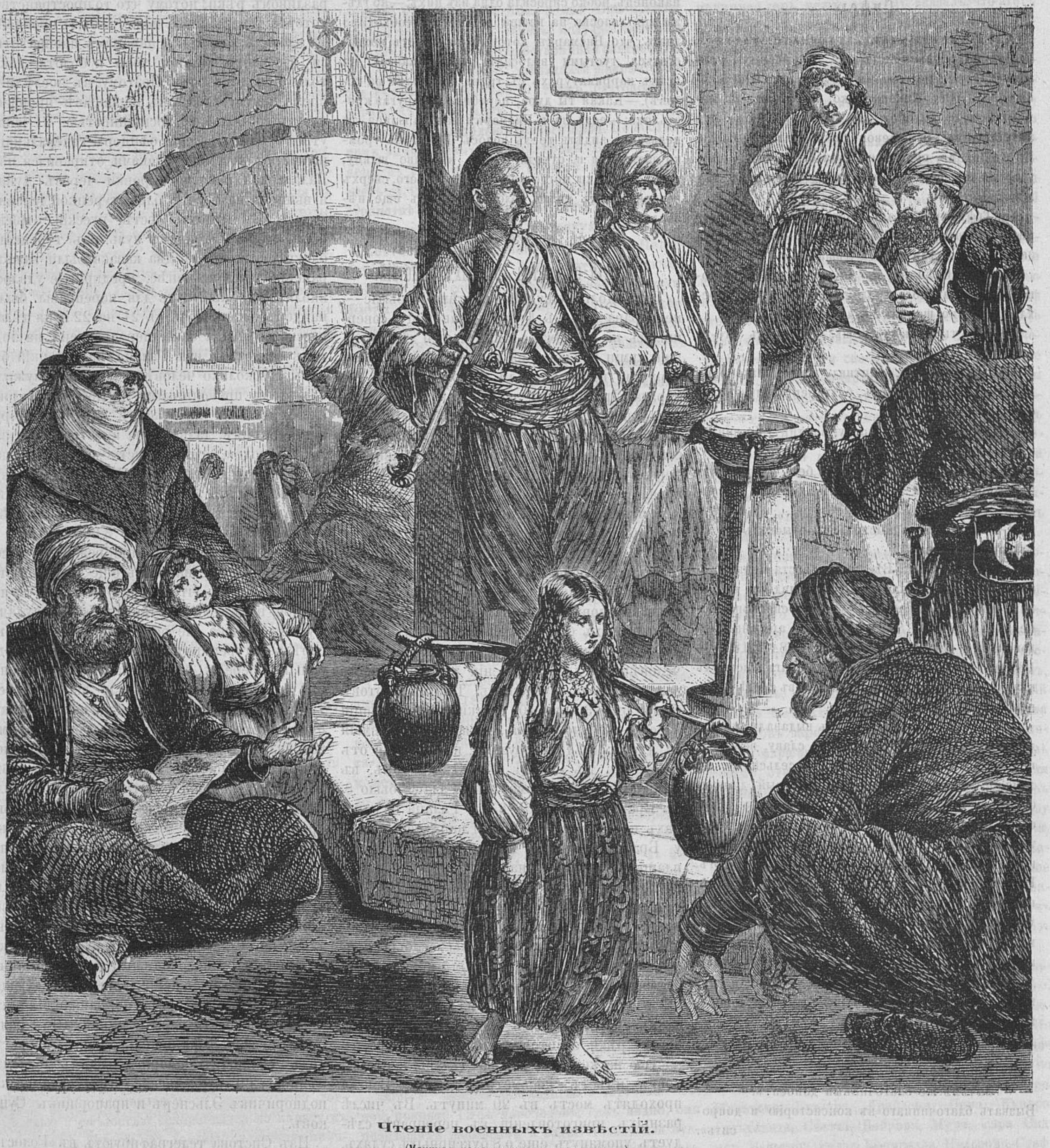
При переправѣ черезъ Дунай, 10-го іюня, первыми вышли на правый дунайскій берегъ, подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, офицеры 69-го рязанскаго пѣхотнаго полка, подпоручикъ Эльснеръ и прапорщикъ Супковъ.

Изъ Систова телеграфируютъ въ «Голосъ» отъ 19-го іюня: «Центръ нашей арміи, переправившійся на турецкій берегъ, съ котораго я пишу вамъ эту телеграмму, подвинулся впередъ. Говорятъ, что цѣль этого движенія—уничтожить желѣзную дорогу, ведущую изъ Рущука въ Шумлу. Турецкія войска стянулись къ Рущуку, откуда только можно было. Сраженіе или подъ Рущукомъ, или близь Рущука представляется неминуемымъ. Бомбардированіе Рущука продолжается успѣшно съ журжевскихъ батарей. Такъ какъ турки бросаютъ снаряды преимущественно въ зданія, надъ которыми развѣвается флагъ общества «Краснаго Креста», то устроенный близь журжевской желѣзнодорожной станціи лазаретъ временно спустилъ свой флагъ».

Въ виду перехода русскихъ войскъ за Дунай, приводимъ, со словъ «Рус. Инв.», свѣдѣнія о турецкой крѣпости *Рущукъ*. Рущукъ находится на правомъ берегу Дуная, ниже впаденія въ него р. Лома. Господствуя надъ теченіемъ Дуная, крѣпость эта обстрѣливаетъ водяной путь по рѣкѣ, а также замыкаетъ пути въ Шумлу, Варну и въ Тирнову и служитъ исходнымъ пунктомъ желѣзной дороги въ Европу черезъ Дунай и Журжево въ Бухарестъ. Кромѣ того, крѣпость Рущукъ составляетъ одинъ изъ опорныхъ пунктовъ стратегической позиціи, образуемой крѣпостями: Рущукъ и Силистрія на Дунаѣ, Шумла и Варна.

Рущукъ, какъ главный городъ дунайскаго вилайета, имѣетъ большое значеніе, и въ отношеніи матеріальныхъ средствъ находится въ гораздо лучшихъ условіяхъ, чѣмъ другія придунайскія крѣпости. Городъ лежитъ на краю возвышающагося къ югу плато, глиняные обрывы котораго круто спускаются къ Дунаю. Ниже Рущука, на лѣвомъ берегу рѣки, находится Румынскій городъ Журжево (Журжа). Между Рущукомъ и Журжево Дунай раздѣляется островомъ 'Журжулуй, или Чурой, на два рукава, изъ которыхъ болѣе широкій протекаетъ мимо Рущука.

Ядро крѣпости состоитъ изъ непрерывной ограды, окружающей городъ со стороны суши, и изъ батарей на открытомъ водяномъ фронтѣ, обороняющихъ Рущукъ къ сторонѣ Дуная и Лома; кромѣ того, непосредственно впереди восточной стороны, на пути въ Силистрію, лежитъ большое внѣшнее укрѣпленіе, въ видѣ кронверка, устроенное для защиты находящагося внутри его городскаго предмѣстья.



Чтеніе военныхъ извѣстій.

(Уличная константинопольская сцена.)

Главная крѣпостная ограда сухопутной стороны образуется изъ восьми бастіоновъ фронтовъ (девять малыхъ бастіоновъ), съ весьма длинными куртинами и перпендикулярными къ нимъ флангами. Профиль ея слабыхъ размѣровъ, съ сухимъ рвомъ, шириною около 46, а глубиною въ $19\frac{1}{2}$ футовъ. Эскарпы и контръ-эскарпы одѣты каменными плитами. Гласиса и другихъ внѣшнихъ верковъ, кромѣ упомянутаго выше, на восточной сторонѣ не имѣется. Укрѣпленіе, прикрывающее предмѣстье, построено по одной системѣ съ главною оградою и состоитъ изъ трехъ фронтовъ съ тремя полными бастіонами и съ однимъ полубастіономъ.

Въ сухопутныхъ фронтахъ устроены четыре выхода въ поле. Всѣ сообщенія рѣчныхъ фронтовъ прикрыты небольшими земляными верками.

Вокзалъ желѣзнаго пути находился у самаго Дуная, передъ кронверкомъ. Желѣзнодорожная линія идетъ отсюда, по глубокой лощинѣ, внутрь страны, пересѣкая путь въ Силистрію. По открытіи военныхъ дѣйствій, станція желѣзной дороги перенесена къ югу отъ кронверка; туда переведена и новая линія желѣзной дороги.

Поясъ отдѣльныхъ верковъ окружаетъ главную сухопутную ограду. Укрѣпленія эти возведены въ разстояніи около тысячи шаговъ отъ послѣдней. На господствующихъ южныхъ высотахъ находятся штерншанцы: Уюджелеръ и Кійякапу, восточнѣе — пять земляныхъ верковъ; въ центрѣ расположенія на командующей высотѣ, у дороги въ Шумлу, расположено сильнѣйшее укрѣпленіе Левантъ —штерншанецъ большихъ размѣровъ, а далѣе, съ восточной стороны — три четырехсторонныхъ редута и одинъ шестисторонній; изъ нихъ наиболѣе сильный фортъ Ханамджи, сѣвернѣе котораго устроена новая вѣтвь желѣзной дороги. Укрѣпленія южной стороны командуются мѣстностью, лежащею еще далѣе на югъ.

Относительно современнаго вооруженія крѣпости ничего положительнаго сказать нельзя; судя по протяженію главной ограды, за исключеніемъ куртинъ и отдѣльныхъ верковъ, она требуетъ до 200 орудій для вооруженія. Однѣ же куртины, приспособленныя также къ пушечной оборонѣ, допускаютъ постановку на нихъ значительнаго числа орудій. По послѣднимъ извѣстіямъ, на вооруженіи главной ограды находилось 85 орудій, изъ которыхъ многія большихъ калибровъ. Главнѣйшій фортъ Левантъ, считающійся ключемъ позиціи, имѣетъ въ своемъ вооруженіи 17 орудій большаго калибра (23 сантим.).

Гарнизонъ крѣпости по военному времени долженъ простираться до 8,000 человѣкъ; но въ послѣднее время численность его доведена до 15,000 чел., кромѣ войскъ расположенныхъ подъ крѣпостью.

Слабая сторона крѣпости заключается въ недостаткѣ прикрытія каменныхъ верковъ главной ограды и внѣшнихъ построекъ, въ близкомъ расположеніи отдѣльныхъ укрѣпленій и въ томъ, что лѣвый берегъ Дуная не занятъ; сила же ея—въ отдѣльныхъ веркахъ южной стороны и въ возможности наступательныхъ дѣйствій на правомъ берегу по всѣмъ направленіямъ. Въ виду упомянутой близости отдѣльныхъ верковъ, можно предполагать, что турки постараются отчасти ослабить этотъ недостатокъ, выдвинувъ далѣе впередъ новую линію укрѣпленій, хотя бы и полеваго характера, что и подтверждается новѣйшими извѣстіями.

Южная сторона крѣпости, вслѣдствіе командующей ею впереди мѣстности, представляется естественнымъ фронтомъ для аттаки. По овладѣніи аттакующимъ отдѣльными верками южной стороны, служащими ключемъ къ Рущуку, всякое дальнѣйшее сопротивленіе крѣпости почти невозможно.

Военныя событія на малоазіятскомъ театрѣ войны получили за послѣднія двѣ недѣли большее развитіе, что объясняется значительными подкрѣпленіями, прибывшими къ турецкимъ войскамъ анатолійской арміи и лазистанскаго корпуса. Въ то время, какъ бомбардированіе карскаго укрѣпленнаго лагеря постепенно усиливается постройкою новыхъ батарей и приближеніемъ ихъ къ крѣпостнымъ фортамъ, эриванскій отрядъ продолжалъ свое наступательное движеніе отъ Зейдекяна къ горамъ Дели-бабы. Турки, оказывавшіе до сихъ поръ лишь слабое сопротивленіе, рѣшились преградить путь нашему эриванскому отряду, угрожавшему лѣвому флангу ихъ стратегическаго расположенія. 4-го іюня, при наступленіи къ Дели-бабѣ, генералъ Тергукасовъ столкнулся съ турецкою дивизіею, подъ начальствомъ Махмуда-паши, занявшею сильную позицію въ горахъ. Не взирая на мужественную защиту отборныхъ турецкихъ войскъ, послѣднія были разбиты и обращены въ бѣгство, съ потерею многихъ плѣнныхъ; начальникъ турецкой дивизіи палъ на полѣ битвы. Нашъ уронъ въ этомъ дѣлѣ состоялъ изъ одного офицера и 26 нижнихъ чиновъ убитыми, и двухъ офицеровъ и 119 нижнихъ чиновъ ранеными.

Понесенная турками неудача не заставила ихъ, однако, отказаться отъ намѣренія задержать движеніе эриванскаго отряда. Усилившись свѣжими войсками, они, 9-го іюня, сами переходятъ въ наступленіе и, въ составѣ 20 батальоновъ, при 12 орудіяхъ и 4,500 чел. конницы, атакуютъ генерала Тергукасова при сел. Даяръ, въ 22 верстахъ къ западу отъ Зейдекяна. Хотя позиція нашего отряда была крайне слаба въ тактическомъ отношеніи, простираясь по фронту на пять верстъ и притомъ на сильно пересѣченной мѣстности, однако, всѣ попытки превосходнаго числомъ непріятеля, направленныя на лѣвый флангъ позиціи, были отражены съ большими для него потерями. Къ сожалѣнію, и нашъ уронъ простирается до 429 чел., выбывшихъ изъ строя, въ томъ числѣ 15 офицеровъ. На слѣдующій день отбитый непріятель ограничился лишь незначительной перестрѣлкой.

Въ то время, какъ на фронтѣ дѣйствій эриванскаго отряда турецкія силы пытались перейти въ наступленіе, въ тылу отряда появились, со стороны Вана, толпы курдовъ, подкрѣпленныя, сколько извѣстно, и регулярными турецкими войсками, которыя обложили городъ Баязетъ, занятый небольшимъ нашимъ гарнизономъ. Послѣдній отбилъ уже нѣсколько аттакъ непріятельскихъ скопищъ, въ ожидакіи подкрѣпленія. 13-го іюня передовой отрядъ, двинутый изъ нашихъ предѣловъ къ Баязету, имѣлъ близь этого пункта небольшую стычку съ войсками противника.

Въ виду значитетьныхъ подкрѣпленій, полученныхъ арміею Мухтара-паши и затруднительнаго положенія, въ которое могъ быть поставленъ эриванскій отрядъ, въ случаѣ нападенія на него большихъ турецкихъ массъ, направлена была изъ подъ Карса, черезъ Саганлугъ, колонна войскъ генерала Геймана, при которой находился и командующій кавказскимъ дѣйствующимъ корпусомъ, генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ. 12-го іюня эта колонна подошла къ Менджингерту, и узнавъ, что вправо отъ ея пути слѣдованія расположены значительныя турецкія силы, аттаковала ихъ, 13-го числа, въ сильно укрѣпленной позиціи, на Зивинскихъ скалистыхъ высотахъ; непріятельскій корпусъ, ее занимавшій, состоялъ изъ 23 баталіоновъ, подъ начальствомъ Измаила-паши.

Бой былъ упорный и продолжался до вечера, окончившись сбитіемъ турокъ съ ихъ передовыхъ позицій. Но понесенныя отрядомъ генерала Геймана потери, простирающіяся до 30 офицеровъ и 850 нижнихъ чиновъ, выбывшихъ изъ строя, побудили генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова, отойти на прежнюю позицію.

Въ Лазистанѣ, въ теченіи минувшей недѣли, были также два серьезныя дѣла съ непріятелемъ. 11-го іюня войска Кобулетскаго отряда, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Оклобжіо, аттаковали лѣвый флангъ турецкаго расположенія у Цихисдзири. Турки сражались съ большимъ упорствомъ, пользуясь удобною для обороны крайне пересѣченной мѣстностью, усиленною искусственными препятствіями и содѣйствіемъ броненосца. Послѣ боя, продолжавшагося цѣлый день, войска наши овладѣли частью непріятельской позиціи, лишившись при этомъ 11 офицеровъ и до 400 нижнихъ чиновъ ранеными и убитыми.

На другой день, 12-го числа, турки усиленные свѣжими войсками, прибывшими изъ Константинополя, аттаковали въ свою очередь, подъ предводительствомъ новаго своего начальника, Дервиша-паши, нашу позицію на Самебскихъ высотахъ, но, послѣ девяти-часоваго ожесточеннаго боя, были отражены съ большимъ урономъ, оставивъ своихъ убитыхъ въ нашихъ рукахъ. Потеря наша въ этотъ день ограничивалась 150 чел., выбывшими изъ строя.

Въ Сухумскомъ отдѣлѣ, турки продолжаютъ высаживать новыя силы съ артиллеріею, для поддержанія абхазскаго возстанія. 13-го іюня высадившіяся вновь непріятельскія войска аттаковали отрядъ генералъ-маіора Алхазова, у приморскаго поста Илори, но были отброшены артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ; отрядъ же нашъ лишился всего одного нижняго чина раненымъ.

Вспыхнувшіе безпорядки въ Дидоевскомъ обществѣ, лежащемъ въ западной части Средняго Дагестана, по сѣверному склону главнаго кавказскаго хребта, вынудили также посылку туда небольшаго отряда, на который, 12-го іюня, и произведено дидоевцами нападеніе. Мятежникамъ нанесено при этомъ сильное пораженіе; съ нашей же стороны убито и ранено два офицера и 30 нижнихъ чиновъ.

Письма корреспондента «Тифлисскаго Вѣстника» изъ ріонскаго отряда могутъ въ значительной степени разсѣять недоразумѣнія, возбуждаемыя медлительностью дѣйствій генерала Оклобжіо. «Послѣ взятія высотъ Хуцъ-Убани нашему отряду нельзя было сейчасъ двинуться дальше, что легко объясняется характеромъ мѣстности. Дорогъ не было. Обозу, артиллеріи, зряднымъ ящикамъ и войскамъ невозможно было двигаться по такого рода мѣстности. Надо было проложить удобные пути сообщенія и очистить, по мѣрѣ возможности, страну отъ лѣсовъ. Отъ рѣки Чолока (нашей границы), мимо Нижнебагильскаго моста, до крайнихъ нашихъ позицій по ту сторону рѣки Кинтриши проложена удобная дорога, почти вся углубленной профили. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она смѣло можетъ претендовать на названіе капитальнаго сооруженія.

— Заимствуемъ изъ корреспонденціи «Русскаго Міра» описаніе битвы, происходившей 23-го мая между войсками Сулеймана-паши и черногорцами подъ начальствомъ Вукотича.

«Цѣль турокъ заключалась единственно въ

томъ, чтобы, скорѣе покончивъ съ Черногоріей, отправить изъ 95 батальоновъ, дѣйствующихъ противъ черногорцевъ, хоть половину на Дунай, противъ Россіи. Вслѣдствіе того отданы были приказанія немедленно начать энергическія дѣйствія противъ Черногоріи съ трехъ сторонъ.

«Черногорцы стояли въ своихъ позиціяхъ, занимая двумя отрядами дороги къ Дугѣ, подъ общимъ начальствомъ воеводы Петра Стефанова Вукотича. Правымъ флангомъ командовалъ Лазарь Сочица и занималъ мѣстность отъ Муратовицъ, черезъ Равно, почти до Липника. На лѣвомъ флангѣ, черногорскія войска и герцеговинскій отрядъ Трифка Вукаловича расположились почти у Церницы.

«Въ понедѣльникъ, 23-го мая, утромъ, турецкія войска близъ блокгаузовъ Стречанье и Чарадье, столкнулись въ первый разъ съ черногорцами, занимавшими всѣ высоты горъ Врлине, Утесъ и Чурило. Черногорцы, въ числѣ 8 батальоновъ, подъ командой Вукотича, начали стрѣлять со своихъ позицій въ 6 часовъ утра, и живая перестрѣлка открылась по цѣлой линіи въ полукругѣ противъ 45—50 батальоновъ турецкихъ войскъ, предводимыхъ Сулейманъ-пашею. Другіе 8 батальоновъ черногорцевъ находились на дорогѣ къ Горанску подъ начальствомъ воеводы Сочицы; но въ этотъ день они не успѣли принять участія въ сраженіи.

«Сулейманъ-паша лично дѣйствовалъ съ тридцатью батальонами противъ Вукотича, которому князь Николай прислалъ въ помощь два батальона изъ южнаго отряда.

«Жестокій бой продолжался цѣлый день съ утра до ночи, и турки не могли нигдѣ прорваться черезъ черногорскую линію. Аттака возобновлялась то штыками, то ятаганами, а турки бросали въ черногорцевъ картечью изъ своихъ горныхъ пушекъ.

«Турки потеряли при многочисленныхъ штурмахъ цѣлыхъ три батальона и не хотѣли уже идти впередъ, но Сулейманъ-паша и миралай Хаджи-Османъ грозили своимъ войскамъ револьверами и вновь ихъ гнали къ новому штурму. Черногорцы отняли у турокъ уже три батальонныхъ знамени и убили больше 2,000 низамовъ, оружіе которыхъ досталось черногорцамъ. Но турки вновь пошли на приступъ и опять оставили на мѣстѣ около 1,000 тѣлъ, не прорвавшись все-таки черезъ линію.

«Было уже 7 часовъ вечера, и на полѣ битвы лежало уже 3,000 слишкомъ мертвыхъ турокъ и около 600 убитыхъ и раненыхъ черногорцевъ, но позиціи остались всѣ еще за Вукотичемъ. Къ сумеркамъ, огонь у черногорцевъ и у турокъ немного утихъ; но турки, между тѣмъ, поставили свою батарею противъ главныхъ черногорскихъ позицій и открыли около 8—9 часовъ вечера ужасную пушечную пальбу противъ Крстаца, гдѣ именно была главная квартира Вукотича. Картечи, гранаты и бомбы осыпали собою всю позицію черногорцевъ. Вукотичъ, не имѣя пушекъ, не могъ отвѣчать на этотъ адскій огонь, и долженъ былъ, наконецъ, отступить въ 9 часовъ вечера, чтобы занять за Крстацемъ новую позицію у Ноздры.

«Но турки, не зная, что черногорцы перемѣнили позицію, стрѣляли всю ночь на Крстацъ, гдѣ никого не было, и потратили напрасно много снарядовъ. Только къ утру поняли турки тишину черногорцевъ, прекратили свою тщетную пушечную пальбу и заняли оставленныя Вукотичемъ позиціи Крстаца».

Послѣднія депеши съ театра войны извѣщаютъ, что всѣ турецкія войска, дѣйствовавшія противъ черногорцевъ, окончательно разбиты и, съ потерею всего до десяти тысячъ одними убитыми, изгнаны за предѣлы Черногорья. Потери Сулеймана-паши доходятъ до 10,000 человѣкъ.

Въ корреспонденціи «Бирж. Вѣд.» подробно разсказаны уже извѣстные подвиги лейтенанта Скрыдлова и г. Верещагина. Извлекаемъ слѣдующій наиболѣе выдающійся эпизодъ изъ этой обширной корреспонденціи:

«Лейтенантъ Скрыдловъ, убѣдившись въ томъ, что пароходъ быстро приближается къ нашимъ работавшимъ шлюпкамъ, рѣшился напасть на него и взорвать его на воздухъ. Но прежде, чѣмъ пойдти впередъ, лейтенантъ Скрыдловъ обратился къ художнику Верещагину и сталъ просить его оставить катеръ. Скрыдлову тяжело было брать на свою отвѣтственность будущность своего пріятеля и въ то-же время человѣка посторонняго, не принадлежащаго къ его командѣ и къ составу офицеровъ отряда. Эти просьбы Скрыдлова нѣсколько обидѣли Василія Васильевича Верещагина.—«Что съ тобою? Съ ума ты сошелъ?» отвѣтилъ онъ Скрыдлову, и заявилъ рѣшительно, что бы ни воспослѣдовало, онъ не оставитъ Скрыдлова ни на минуту. Выпили по глотку хереса, остававшагося въ фляжкѣ, и приказаніе Скрыдлова: «По мѣстамъ!» сразу, моментально разбудило частію заснувшую было команду. При видѣ дыма и черной массы непріятельскаго судна, матросы сразу ободрились духомъ,—куда и сонъ прошелъ! «Отваливай!» скомандовалъ лейтенантъ Скрыдловъ. «Ходъ впередъ!» и.... «Шутка», все больше и больше прибавляя ходу, бросилась на массивный турецкій пароходъ. Мина ударила пароходъ, но не взорвалась. Скрыдловъ въ тотъ-же моментъ почувствовалъ ударъ пули въ ногу. Василій Васильевичъ Верещагинъ и команда замѣтили, какъ передернуло лейтенанта. Не теряя присутствія духа, Скрыдловъ пересиливаетъ боль и отдаетъ приказаніе взорвать мину посредствомъ проводниковъ. «Есть!» кричитъ минеръ Виноградовъ, и пускаетъ токъ, но мина опять-таки не взрывается. Лейтенантъ Скрыдловъ въ отчаяніи хватаетъ себя за голову, рветъ на себѣ волосы, глаза его наполняются слезами досады. Василій Васильевичъ Верещагинъ начинаетъ его уговаривать и успокоивать. Минеръ Виноградовъ бросается осматривать проводникъ,—оказывается, что проволока оборвана пулею. Ничего больше не остается какъ отступить. Полный задній ходъ,—и катеръ отходитъ отъ борта. Другая пуля попадаетъ въ другую ногу лейтенанта Скрыдлова, третья задѣваетъ его правую руку. Лишь только катеръ отошелъ отъ борта турецкаго парохода, какъ былъ раненъ и Верещагинъ. Нашъ почтенный художникъ такъ разсказывалъ мнѣ объ этомъ эпизодѣ: «Пуля ранила меня на вылетъ; сгоряча я почувствовалъ только небольшую боль, а потому не сразу пришелъ къ тому заключенію, что раненъ; я преспокойно началъ ощупывать мѣсто боли и замѣтилъ, между прочимъ, что палецъ входитъ въ какое-то отверстіе, а панталоны наполняются кровью». Крови вытекло такъ много, что Вас. Вас. до сихъ поръ находится въ лихорадочномъ состояніи. Тогда онъ уже убѣдился въ томъ, что раненъ, подобно Скрыдлову. Въ этотъ моментъ, лейтенантъ Скрыдловъ находился на бакѣ шлюпки, около миннаго шеста, а Верещагинъ стоялъ на кормѣ шлюпки. Вся «Шутка» оказалась унизанную пулями, подводная часть была пробита въ одномъ мѣстѣ насквозь, такъ-что шлюпка дала течь».

* * *

Телеграммы.

Хацу-бани, 13-го іюня. Вчера турки аттаковали правый флангъ и центръ самебскаго расположенія. Послѣ боя, продолжавшагося $8^1/_2$ часовъ, непріятель былъ совершенно отброшенъ, причемъ потерпѣлъ огромный уронъ. Съ нашей стороны оказалось около 150-ти человѣкъ убитыхъ и раненыхъ.

Берлинъ, 14-го (26-го) іюня, вечеромъ. По повелѣнію русскаго Императора, генералъ-адъютантъ графъ Адлербергъ прислалъ графу Мольтке, какъ шефу 69-го рязанскаго полка, слѣдующую телеграмму изъ Плоештъ, отъ 26-го іюня, 11 часовъ 15 минутъ утра: «По высочайшему повелѣнію, имѣю честь сообщить вашему высокопревосходительству, что 11-го (23-го) іюня рязанскому полку выпало на долю перейти Дунай у Галаца, первою изъ частей русской арміи вступить на непріятельскую землю и, послѣ славнаго боя, заслужить орденъ св. Георгія, пожалованный, какъ офицерамъ, такъ и солдатамъ».

Вѣна, 14-го (26-го) іюня, вечеромъ. Газетѣ «Politische Correspondenz» телеграфируютъ изъ Букарешта, отъ сегодняшняго числа: «Русскія войска заняли Гирсову, повидимому, безъ боя, послѣ того, какъ городъ былъ, будто бы, поспѣшно очищенъ турками. Сегодня, съ разсвѣтомъ, на всей линіи Дуная началась ужасная канонада со всѣхъ русскихъ и румынскихъ батарей. Вчера, Виддинъ и Рущукъ зажжены были во многихъ мѣстахъ, первый дѣйствіемъ румынскихъ, а второй—русскихъ батарей».

Кназь Горчаковъ прибылъ сюда вмѣстѣ съ дипломатическою канцеляріей.

Цетинье, 14 (26) іюня. Вчера Сулейманъ-паша и Али-Саибъ-паша соединились у Спужа, потерявъ въ 9 дней 6,000 человѣкъ.

Вчера же соединились разрозненныя части черногорскихъ войскъ. Князь Николай произвелъ имъ смотръ. По окончаніи смотра, князь обратился къ войскамъ съ краткою рѣчью, въ которой сказалъ, что теперь наступаетъ рѣшительная борьба, требующая напряженія всѣхъ силъ и готовности къ крайнимъ жертвамъ.

Между Никшичемъ и Спужемъ нѣтъ ни одного турка.

Сегодня турецкія войска вышли изъ Спужа въ Подгорицу.

Константинополь, 14-го (26-го) іюня. Русскія войска заняли Бабадагъ.

Берлинъ, 14-го (26-го) іюня. Въ передовой статьѣ вліятельной берлинской газеты «National Zeitung» говорится:

«Нельзя не признать, что съ переходомъ русскихъ войскъ черезъ Дунай значительно приблизился моментъ, когда Англія и Австрія должна занять вполнѣ опредѣленное положеніе въ восточномъ вопросѣ. Однако, уже теперь можно утверждать, что положеніе это ни въ какомъ случаѣ не будетъ благопріятно для Турціи. Надъ Оттоманскою имперіею нависли тучи, болѣе грозныя, чѣмъ когда либо въ исторіи турецкаго владычества.

Константинополь, 15-го (27-го) іюня. Побѣды, одержанныя русскими въ Малой Азіи, и удачная переправа ихъ черезъ Дунай вызываютъ здѣсь сильную тревогу. Порта развиваетъ лихорадочную дѣятельность. Она разсчитываетъ, что ей удастся выставить вполнѣ, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, еще 200,000 человѣкъ, и что внутренній принудительный заемъ дастъ ей необходимыя денежныя средства.

Аѳины, 16-го (28-го) іюня, вечеромъ. По требованію русскаго посольства, греческое правительство арестовало 193 ящика боевыхъ припасовъ, выгруженные въ Корфу и предназначавшіеся для доставки въ Превезу. Турецкій посолъ протестовалъ противъ этой мѣры, утверждая, что за означенными боевыми припасами придетъ турецкое военное судно. Броненосцамъ «Георгій» и «Ольга» дано приказаніе немедленно выйти изъ Пирея и отправиться въ Корфу для защиты нейтралитета территоріи. Греческое правительство разрѣшаетъ увезти боевые припасы не иначе, какъ на нейтральномъ суднѣ.

Кладово, 16-го (28-го) іюня. Бомбардированіе Виддина продолжалось въ теченіи всего сегодняшняго дня.

Баши-бузуки, переправившись на лодкахъ черезъ Дунай, ограбили Островени (на западъ отъ Калараша) и Орсени.

Рагуза, 16-го (28-го) іюня. Извѣстіе о томъ, что турки вытѣснены изъ предѣловъ Черногоріи, вполнѣ подтверждается.

Аѳины, 17-го (29 го) іюня, вечеромъ. Эпизодъ съ арестованными въ Корфу турецкими боевыми припасами улаженъ. Фотіадесъ-бей заявилъ, что нота его не заключала въ себѣ угрозы. Боевые припасы будутъ доставлены въ Тріестъ.

Делигеоргисъ внесетъ въ палату проектъ займа въ 40 милліоновъ драхмъ.

Орсова, 17-го (29-го) іюня. Русскіе войска заняли Меджидіе на желѣзной дорогѣ изъ Черноводъ въ Кюстенджи. Турки намѣрены защищать два послѣдніе пункта.

Константинополь, 17-го (29-го) іюня. Извѣстіе объ успѣшномъ переходѣ русскихъ черезъ Дунай, хотя и сообщенное населенію въ искаженной формѣ, вызвало сильное смятеніе. Господствуетъ всеобщее опасеніе, какъ бы русскимъ не удалось съ такою же легкостью завладѣть одною или другою изъ значительныхъ крѣпостей.

Отношенія между Турціей и Греціей близки къ открытому разрыву.

Смирна поспѣшно укрѣпляется.

Вѣна, 18-го (30-го) іюня. Деспотовичъ приступилъ къ осадѣ крѣпостцы Куприсъ.

Въ Болгаріи идетъ пропаганда въ пользу изгнанія болгарскаго экзарха.

Бухарестъ, 18-го (30-го) іюня. Журжево такъ сильно пострадало отъ бомбардированія изъ Рущука, что половина города представляетъ однѣ развалины.

Наведеніе румынами моста черезъ Дунай у Петросани почти окончено.

Усилія русскихъ въ Болгаріи будутъ направлены къ захвату желѣзныхъ дорогъ.

Константинополь, 18-го (30-го) іюня. Образованіе резервныхъ частей встрѣчаетъ значительное противодѣйствіе со стороны населенія, которое прибѣгаетъ ко всевозможнымъ средствамъ, чтобы уклониться отъ исполненія воинской повинности. Порта однако рѣшилась во что бы то ни стало добиться своего, и пускаетъ въ ходъ самыя крайнія мѣры, чтобы собрать 200,000 резервнаго войска.

Аѳины, 18-го (30 го) іюня. Дѣло съ турецкимъ оружіемъ, захваченнымъ греческими властями на островѣ Корфу, ускорило рѣшительныя военныя мѣры, такъ какъ война съ Турціей считается нынѣ неизбѣжною. Правительство издало уже приказъ о созывѣ всѣхъ лицъ, подлежащихъ воинской повинности.

Вѣна, 19-го іюня (1-го іюля). Въ «Montagsrevue» сообщаютъ, что Сулейманъ-паша и Али-Саибъ-паша намѣрены возобновить наступательныя дѣйствія противъ Черногоріи. На этотъ разъ они вторгнутся въ княжество соединенными силами у Жабляка (на юго-востокъ отъ Цетинья).

Парижъ, 19-го іюня (1-го іюля). Сегодня президентъ республики маршалъ Макъ-Магонъ, произвелъ смотръ войскамъ, которыхъ собрано было 35,000 человѣкъ. Все прошло спокойно. Войска съ одушевленіемъ привѣтствовали маршала, но публика отнеслась къ нему съ полнымъ равнодушіемъ.

Одесса, 20-го іюня, вечеромъ. Въ пятницу, семь турецкихъ судовъ бомбардировали румынское селеніе Жебріени, населенное русскими. Слухъ о высадкѣ турокъ въ Шагонахъ, близъ Татарбунара, не оправдался. Вчера утромъ десять турецкихъ броненосцевъ прошли по направленію къ Севастополю; съ 7 до 10 часовъ утра они держались на высотѣ Одессы и подходили на десять миль къ электрическому маяку.

Римъ, 20 іюня (2 іюля), вечеромъ. Папа ощущаетъ большой упадокъ силъ. Спеціальный коммисаръ уполномоченъ папою обсудить разногласія, существующія между Ватиканомъ и Россіею, и изложить сущность вопросовъ, которые должны послужить основою предстоящихъ вскорѣ переговоровъ.

Всѣ извѣстія о сдѣланныхъ, будто бы, Россіею предложеніяхъ лишены основанія.

Парижъ, 20-го іюня (2 іюля), вечеромъ. «Агентство Гаваса» сообщаетъ, что выборы въ палату депутатовъ состоятся въ сентябрѣ, а частные выборы въ генеральные совѣты—въ октябрѣ.

Вчера арестованы здѣсь руководители испанской радикальной партіи, Зорилья, Лагуньеро и Муросъ. Поводомъ къ аресту ихъ послужило не требованіе, поступившее, будто бы, изъ Мадрида, а то, что означенныя лица публично произнесли рѣчи, направленныя противъ французскаго правительства. Говорятъ, что при обыскѣ у арестованныхъ найдены компрометирующія бумаги.

Вѣна, 20 іюня (2 іюля). Греческое правительство возвратило конфискованные имъ въ Корфу турецкіе боевые припасы по настоянію Австріи.

Изъ Орсовы сообщаютъ, что мостъ, сооружаемый румынами близъ Калафата, совершенно разрушенъ.

Шумла, 20 іюня (2 іюля). Абдулъ-Керимъ-паша занятъ нынѣ, какъ въ томъ здѣсь увѣрены, подготовительными дѣйствіями къ рѣшительному генеральному сраженію.

Аѳины, 20 іюня (2 іюля). Королевскимъ декретомъ повѣлено пріостановить на одиннадцати-дневный срокъ выдачу звонкой монеты и присвоить банковымъ билетамъ принудительный курсъ. Банки дѣлаютъ правительству двухъ-процентный заемъ, въ суммѣ 20 милліоновъ драхмъ.

Британскій флотъ вышелъ съ запечатанными приказами.

Парижъ, 20 іюня (2 іюля). Въ «Journal Officiel» напечатанъ дневной приказъ маршала Макъ-Магона по случаю вчерашняго парада. Въ приказѣ этомъ маршалъ высказываетъ солдатамъ свое удовольствіе по поводу ихъ выправки, правильности движеній, хорошаго закала и усердія къ службѣ. «Сознайте хорошенько свои обязанности—говоритъ Макъ Магонъ. Я разсчитываю на васъ для защиты самыхъ дорогихъ интересовъ страны и увѣренъ, что вы поможете мнѣ поддержать уваженіе къ власти и законамъ при выполненіи ввѣренной мнѣ задачи, которую я выполню до конца».

Вѣна, 21 іюня (3 іюля). Командующій войсками въ Рущукѣ настоятельно требуетъ подкрѣпленій. Рущукъ обращенъ въ развалины.

По извѣстіямъ отъ вчерашняго дня, румыны переходятъ черезъ Дунай при Четати, южнѣе Радуевца, на турецкую территорію.

Изъ Константинополя сообщаютъ, что Мустафа-Вефикъ-паша назначенъ комендантомъ Карса.

◆

Наши гравюры.

Черкесъ на стражѣ.

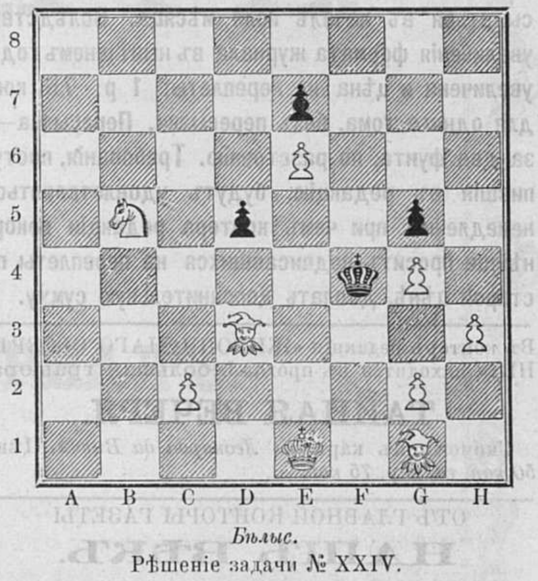
Вероломство, хитрость и мстительность, соединенныя съ крайней отвагой, всегда были отличительными качествами горцевъ. Горе тому, противъ котораго накопилась въ душѣ черкеса непримиримая ненависть: рано или поздно, мѣткая пуля его найдетъ врага, внезапно просвистя изъ-за какой нибудь скалы! Подстеречь соперника, притаившись гдѣ нибудь въ ущельи — самое любезное дѣло для черкеса. Такой-то именно моментъ и представленъ на нашемъ рисункѣ. Вы видите, что всадникъ и конь точно слились въ одно цѣлое, точно застыли въ нѣмомъ ожиданіи. Наклонившись всѣмъ тѣломъ впередъ, съ какимъ упорствомъ и зоркостью всматривается этотъ всадникъ въ гористую даль! Ружье на готовѣ, правая рука уже схватилась за курокъ.... Можетъ быть, еще одна минута — и врага какъ не бывало!

Шахматы.

Задача XXV.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

Черные.



Бѣлые.

Рѣшеніе задачи № XXIV.

Бѣлые.	*Черные.*
D4—F5 †	H4—H5
G2—G4 †	E5—G4
G8—F7 †	G7—G6
D6—G6 † и матъ.	

Почтовый ящикъ.

Г. Дмитрію Затворнику, въ Царское Село. Хотя Вы и взяли для себя скромный псевдонимъ *Затворника*, но присланное Вами стихотвореніе изобличаетъ Васъ въ противномъ. Мы не можемъ его напечатать... именно съ точки зрѣнія его сюжета: онъ слишкомъ избитъ и, главное, не освѣщенъ никакой новой мыслью. Стихъ у Васъ довольно гладкій, такъ-что Вамъ не мѣшало бы употребить его на что нибудь болѣе серьезное.

Г. Пикульскому, на ст. Тулу. Мартовскій нумеръ приложенія «Жизнь и Хозяйство» высланъ Вамъ *вторично*. Подчеркиваемъ это слово потому, что, ранѣе этого, онъ уже былъ отосланъ Вамъ вмѣстѣ съ № 10 »Живописнаго Обозрѣнія».

◆

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи. Сѣверная шведская полярная экспедиція подъ начальствомъ проф. А. Е. Норденскіольда (продолж.).—Черная Индія (продолж.). — Письма изъ Америки (продолж.).—Стихотвор. «Оставь въ покоѣ мертвыхъ!»—Мимолетные наброски.—Новости наукъ и жизни. — Смѣсь.—Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій. — Телеграммы. — Наши гравюры.—Шахматы. — Почтовый ящикъ.—Объявленія.

Гравюры: Станція желѣзной дороги въ Рущукѣ. — Кайры.—Жилища самоѣдовъ.—Черкесъ на стражѣ. — Чтеніе военныхъ извѣстій. — Почтаріонъ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Объявленія.

ОТЪ КОНТОРЫ «ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ».

Переплеты для «Живописнаго Обозрѣнія» на 1877 годъ уже приготовляются и будутъ высылаться въ началѣ іюля мѣсяца. Вслѣдствіе увеличенія формата журнала въ нынѣшнемъ году, увеличена и цѣна на переплеты: 1 р. 75 коп. для одного тома, безъ пересылки. Пересылка—за два фунта, по разстоянію. Требованія, поступившія въ редакцію, будутъ удовлетворяться немедленно, при чемъ контора редакціи покорнѣйше проситъ подписавшихся на переплеты по старой цѣнѣ, дослать дополнительную сумму.

Въ конторѣ редакціи «ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ» находится въ продажѣ большая гравюра.

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ.

Снимокъ къ картины *Леонарда да Винчи.* Цѣна *50 коп.* съ пер. *75 коп.*

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ ГАЗЕТЫ

НАШЪ ВѢКЪ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ «НАШЪ ВѢКЪ»
СЪ 1 АПРѢЛЯ.

Желающіе получать газету платятъ:

Въ Петербургѣ безъ доставки.

На 9 м.	На 8 м.	На 7 м.	На 6 м.
9 р. 50 к.	8 р. 50 к.	7 р. 50 к.	7 р. — к.

На 5 м.	На 4 м.	На 3 м.	На 2 м.	На 1 м.
6 р. — к.	5 р. — к.	3 р. 75 к.	2 р. 50 к.	1 р. 25 к.

Въ Петерб. съ дост. и съ перес. во всѣ мѣст. имперіи.

На 9 м.	На 8 м.	На 7 м.	На 6 м.
12 р. — к.	11 р. — к.	10 р. — к.	8 р. 50 к.

На 5 м.	На 4 м.	На 3 м.	На 2 м.	На 1 м.
7 р. 50 к.	6 р. — к.	4 р. 50 к.	3 р. — к.	1 р. 50 к.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, Большая Конюшенная, д. № 17. кв. № 2, и въ главныхъ книжныхъ магазинахъ. Контора редакціи для пріема подписки и объявленій открыта ежедневно. Принимаются казенныя и частныя объявленія всякаго рода, на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Плата за объявленія, печатаемыя петитомъ по 8 к. за строчку на послѣдней страницѣ и 15 впереди текста.

Въ Парижѣ подписка на газету и объявленія принимается у M. Adam, 2 Carrefour de la croix rouge.

Контора проситъ высылать требованія заблаговременно, чтобы можно было озаботиться своевременной разсылкой газеты.

При возобновленіи подписки, равно и при перемѣнѣ адреса, просятъ обращаться исключительно въ главную контору (Большая Конюшенная д. № 17, кв. № 2) съ приложеніемъ прежней бандероли.

„МОСКОВСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

журналъ политики, литературы и художествъ.

(Изданіе безцензурное.)

Выходитъ еженедѣльно, въ формѣ сброшюрованныхъ и снабженныхъ изящными обертками книгъ.

Для большаго удобства гг. подписчиковъ, все годовое изданіе журнала «Московское Обозрѣніе» раздѣляется на шесть большихъ томовъ (отъ 500 до 600 стр. бол. формата въ каждомъ), снабженныхъ отдѣльными обертками, нумераціями и оглавленіями.

Желая доставлять гг. подписчикамъ самыя свѣжія извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій, редакція пріобрѣла трехъ собственныхъ спеціальныхъ корреспондентовъ въ Дунайской арміи, двухъ — на Кавказѣ, одного—въ Черногоріи и одного—въ Петербургѣ, и кромѣ того вошла въ соглашеніе съ рус. международнымъ телеграфнымъ агенствомъ.

Всѣ, получаемыя изъ указанныхъ источниковъ, телеграфныя извѣстія съ 6-го апрѣля наст. года выпускаются въ свѣтъ ежедневно (а иногда и 2 раза въ день) и въ видѣ приложеній разсылаются гг. подписчикамъ при журналѣ безплатно.

Подписная цѣна:

На годъ съ доставкою и пересылкою	7 руб.	— коп.
На полгода	4 »	— »
На годъ безъ дост. и пер.	6 »	— »
На полгода	3 »	50 »

Для всѣхъ, какъ служащихъ, такъ и не служащихъ подписчиковъ можетъ быть допускаема разсрочка.

Лица, подписавшіяся на все годовое изданіе журнала, пользуются правомъ на полученіе безплатной преміи.

ОТКРЫТА ПОЛУГОДОВАЯ ПОДПИСКА

НА ЖЕНСКІЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ РУКОДѢЛЬНО-МОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ВАЗА“.

Самый полный изящный изъ существующихъ модныхъ журналовъ, дающій къ каждому № модн. картинки и вырѣзныя выкройки во весь ростъ, со множествомъ политипажей и узоровъ.

Вслѣдствіе поступающихъ запросовъ, Редакція объявляетъ, что она вновь заготовила преміи, такъ что полугодовыя подписчики могутъ получить всѣ шесть премій, приплачивая 5 р. къ подписной цѣнѣ.

ПРЕМІИ: 1) **Подушка,** 2) **Вѣеръ,** 3) **Альбомъ** рисунковъ для вышивокъ въ русскомъ стилѣ, 4) **Табуретъ** къ фортепіано, 5) **Двѣ розетки** для подсвѣчниковъ и 6) **Прошивки.** — Преміи высылаются немедленно.

Подписная цѣна: на $1/2$ года безъ премій съ дост. 4 р. и 3 р. безъ доставки.

Адресъ: Петербургъ, въ Редакцію журналъ «Ваза».

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА САМОЕ ДЕШЕВОЕ ИЗЪ ВСѢХЪ ЕЖЕДНЕВНЫХЪ, ПОЛИТИЧЕСКИХЪ И ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ИЗДАНІЙ

ГАЗЕТУ

„НОВОСТИ“

на 1877 годъ.

Въ С.-Петербургѣ, Больш. Садовая д. № 47.

» Кронштадтѣ, въ отдѣлен. газ. «Новости».

» Москвѣ, въ московскомъ отдѣленіи газеты «Новости, на углу Дмитріевки и Охотнаго ряда, д. Благороднаго Собранія, въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Живарева.

Въ Казани, въ отдѣленіи конторы газеты «Новости» при книжномъ и музыкальномъ магазинѣ «Восточная Лира».

Цѣна на 8 мѣсяцевъ съ 1 мая по 1 января 1878 года для иногородныхъ 7 рубл., для городскихъ подписчиковъ съ доставкою 6 руб.; на 1 годъ 9 руб.; на другіе сроки по 1 руб. за каждый мѣсяцъ.

По богатству, разнообразію и свѣжести извѣстій какъ политическихъ и внутреннихъ, вообще, такъ и съ театра войны, въ особенности, газета «Новости» нисколько не отличается отъ наиболѣе распространенныхъ ежедневныхъ изданій.

Во все время войны въ газетѣ «Новости» будутъ печататься спеціальныя корреспонденціи и телеграммы съ Дуная, Кавказа и Персидской границы, изъ славянскихъ земель и Константинополя.

Кромѣ того, въ газетѣ «Новости» постоянно печатаются всѣ телеграммы «Международнаго Тел. Агент.» и »Agence génér. russe».

СЪ 1-го ІЮЛЯ 1877 ГОДА

БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ ВЪ МОСКВѢ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ

РУССКАЯ ГАЗЕТА.

Приступая съ 1-го іюля текущаго года къ изданію «Русской Газеты», Редакція избрала себѣ задачей: сопоставить съ обозрѣніями явленій и событій собственно политическихъ,—тѣ основные интересы, нужды и силы, нравственныя и естественныя, изъ взаимодѣйствія которыхъ слагается наша столичная и провинціальная общественная жизнь. При выборѣ такой задачи Редакція руководилась убѣжденіемъ въ необходимости близкаго знакомства съ зиждущими силами общества для правильнаго разумѣнія и всесторонней оцѣнки событій міра политическаго.

Сопоставляя въ одно цѣлое и дѣлая доступными общему вѣденію тѣ стороны и выдающіяся явленія нашей общественной жизни, свѣдѣнія о которыхъ доселѣ составляли исключительное достояніе мѣстныхъ или спеціальныхъ изданій, Редакція надѣется этимъ путемъ способствовать сознательному общенію интересовъ и силъ государственныхъ съ общественными, общихъ съ мѣстными, нравственныхъ съ политическими.

Средствами къ выполненію этой задачи «Русской Газетѣ» будетъ служить, независимо отъ обозрѣній внѣшней и внутренней политики, общественная хроника, отечественная этнографія, статистика, мѣстная исторія, корреспонденція и сообщенія о важнѣйшихъ событіяхъ въ мірѣ судебномъ, биржевомъ, торговомъ и проч. Въ изданіи отведено мѣсто и изящной литературѣ, въ формѣ фельетона, очерковъ, разсказовъ и стихотвореній.

Стараясь сдѣлать изданіе, въ виду общаго интереса его задачи, по возможности общедоступнымъ, Редакція вполнѣ сознаетъ и трудность ея выполненія, безъ дѣятельнаго участія со стороны самаго общества, и, вѣря въ сочувствіе послѣдняго къ ея стремленіямъ, покорнѣйше проситъ всѣхъ, обладающихъ свѣдѣніями изъ указанныхъ областей нашей общественной жизни, сообщать таковыя Редакціи, не стѣсняясь литературной обработкой.

«Русской Газетѣ» обѣщали содѣйствіе: И. С. Аксаковъ, Н. П. Аксаковъ, Н. А. Артлебенъ, П. Е. Астафьевъ, Ѳ. В. Барсовъ, Н. П. Бочаровъ, пр. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, пр. А. Д. Градовскій, Д. И. Иловайскій, доц. Гр. Л. А. Камаровскій, пр. П. Л. Карасевичъ, В. О. Ключевскій, пр. В. Н. Лешковъ, А. Н. Плещеевъ, В. Е. Румянцевъ, А. Ц. Стадлинъ, пр. А. Н. Стояновъ, Н. А. Чаевъ, доц. А. И. Чупровъ, С. А. Юрьевъ и др.

„Русская Газета“ выходить будетъ пять разъ въ недѣлю, а въ остальные дни особые листки съ политическими извѣстіями, въ видѣ прибавленій къ газетѣ.

Условія подписки:

Безъ доставки.

На полгода съ 1 іюля по 1 января 1878 г.	3 р.	50 к.
На 3 мѣсяца съ 1 іюля по 1 окт. 1877 г.	2 »	— »

Съ доставкой въ Москвѣ и пересылкою.

На полгода съ 1 іюля по 1 января 1878 г.	4 р.	25 к.
На 3 мѣсяца съ 1 іюля по 1 окт. 1877 г.	2 »	50 »

Подписка принимается:

Въ конторѣ Редакціи: Арбатъ, домъ Лазарика, № 2; и въ конторѣ Н. П. Бочарова, по изданію книги Сборника свѣдѣній о русскихъ процентныхъ бумагахъ; у церкви Николы Грачи, домъ Поливановой, квар. № 12.

Въ книжныхъ магазинахъ въ Москвѣ: Соловьева, Васильева (Страст. бульваръ), Мамонтова, Вольфа (Кузнецкій мостъ), Анисимова, Кольчугина (Никольская).

Въ Петербургѣ: Анисимова, Мамонтова и Вольфа.

Гг. иногородные съ своими требованіями благоволятъ обращаться непосредственно въ Контору Редакціи.

Частныя объявленія для напечатанія въ «Русской Газетѣ» по 10 коп. за строчку мелкаго шрифта, принимаются въ Конторѣ Редакціи и въ Конторѣ Сборника Бочарова.

Отвѣтствен. Редакт.-Издатель **А. А. Александровскій.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 Іюня 1877 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

Гос. Публичная б-ка в Ленинграде.

ЖИВОПИСНОЕ
ОБОЗРѢНІЕ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

1877.

(ГОДЪ ПЯТЫЙ)

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Цѣна въ бумажкѣ	6 руб.
» » коленкоровомъ переплетѣ	7 руб.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1877.

Оглавленіе II тома „ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ“ за 1877 годъ.

Романы, повѣсти, разсказы, очерки и пр.

стр.
Американецъ (очеркъ) *г-жи Юрьевой* 18
Анюта (очеркъ) *г-жи Юрьевой* 12
Два трактира (эскизъ) *Альфонса Додэ* 85
Кадуръ и Катель (разсказъ) *Альфонса Додэ* 397
Капитанша Квановская (повѣсть) *Л. Левандвы* 162, 178, 210, 229, 242, 258, 274, 298, 320, 338.
Крестьянскій младенецъ Ванюшка (разсказъ) *В. Гивартовскаго* 386, 410
Народныя суевѣрія (разсказы) *Н. Б. Куроѣдова* 54, 69, 85, 98, 114, 130
Нечеловѣческая месть (романъ) *Анри Тесье* 115, 133, 150, 166, 180, 197, 214, 232, 243, 261, 278, 302, 328 343, 354, 373, 387, 411, 426
Тайна врача (разсказъ) *Роберта Гальта* 431
Усы (разсказъ) *Стороженко* 370
Черная Индія (романъ) *Жюля Верна* 5, 35, 50
Чортовъ волосъ (романъ) *Эдуарда Кадоля* .. 99, 117, 131, 146, 163, 178, 194, 211, 230, 246, 259, 275, 298, 326, 339

Стихотворенія.

Болгаринъ въ турецкой тюрьмѣ, *С. Г-ва* 397
Вечеръ (изъ А. Шамиссо), *А. Егорова* 264
Если-бы!... *А. Константинова* 154
Здѣсь и тамъ, *А. Михайлова* 386
Изъ Генриха Гейне, *Петра Быкова* 184
Исповѣдь Гретхенъ *Л. Е. Оболенскаго* 431
Лѣтнія пѣсни, *А. Круглова* 71
Лѣтняя ночь, *Петра Быкова* 11
Майская ночь, *А. Л. Алѣева* 55
Мятель (разсказъ въ стихахъ) *А. Комарова* 354
Мой старый домикъ (изъ В. Сырокомли) *Омулевскаго* 248
Надежда, *А. М—ва* 256
Надъ могилой, *Б. Левина* 280
На часахъ, *А. Константинова* 138
Невинной душѣ (изъ В. Сырокомли) *Омулевскаго* 338
Неровный бракъ, *А. М—ва* 235
Нищій-итальянецъ, *А. М—ва* 216
Не хочу я слушать этой пѣсни, *А. Круглова* 40
Нищіе, *А. М—ва* 314
Обломки старины, *Б. Левина* 289
По рукамъ! 271
Поэзія, *г-жи Юрьевой* 411
Пожаръ въ деревнѣ, *М. В. Лоссіевскаго* 106
Падшіе ангелы 345
Пряха *А. М—въ* 224
Поэтъ-нищій, *А. Константинова* 170
Пьяный бѣднякъ, (изъ В. Сырокомли) *Омулевскаго* 196
Рѣшеніе Залевка, *Ив. Якунина* 12
Счастіе (изъ Виктора Гюго) *Омулевскаго* 87
Талисманъ бѣднаго Гассана (сказка въ стихахъ), *А. Михайлова* 226
Уличная сцена, *А. Михайлова* 123

Біографіи замѣчательныхъ дѣятелей.

Додэ, Альфонсъ, *Петра Быкова* 72, 83
Драгомировъ, Михаилъ Ивановичъ 225
Гаррикъ, Давидъ 346
Гейманъ, Василій Александровичъ 286
Гурко 322
Кайроли 347
Кетлэ, Яковъ, Адольфъ Ламбертъ 158
Палестрина 90
Попъ Мило, *Майкова* 193
Радецкій, Федоръ Федоровичъ 123
Скобелевъ, Михаилъ Дмитріевичъ 209
Тьеръ, Адольфъ 187
Шопенгауеръ, Артуръ, *С. С. Шашкова* 324

Фельетонъ.

Мимолетные наброски, *Веселаго поэта* 16
Наши ближніе, *Нѣкто*:
  Парадоксы доктора Клименко 87, 103
  Какъ люди дѣлаются отцами 119
  Лёшенька 154
  Кукушка стараго времени 170
  Конторщикъ 199
  Не сошлись во взглядахъ и разъѣхались ... 251
  Отецъ—добрый малый 284
  Молодой, полный силъ юноша 314
  Кукушка новой формаціи 362
  Отецъ по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ 416
Обо всемъ (фельетонныя замѣтки) *Н. И.* 135, 185, 218, 235, 268, 306, 347, 379, 398
Письмо изъ Москвы 40

Статистика, путешествія, этнографія, географія и пр.

стр.
Атакама и Караколесъ 283, 325, 342, 359, 378, 399, 414
Озеро асфальта на озерѣ Тринидадѣ 87
Проектъ образованія внутренняго моря въ Алжирѣ 58, 70
Письма изъ Америки 14, 38
Спорное побережье 197, 290
Сѣверная шведская полярная экспедиція профессора *Норденскіольда* 2, 34, 50, 66, 82

Популярныя статьи по разнымъ отраслямъ знаній.

Доброе старое время, *Макса Вирта* 139, 153, 168, 183
Закаленное стекло 102
Замѣтка о воспитаніи дѣтей 217
Знаменитыя отравительницы, статья д-ра *Пфотенгауера* 264, 280, 301, 323, 375
Керосинъ и марена 71
Нервныя болѣзни 55, 67
Почему мы смѣемся 106
Рыболовныя артели, *В. Г—го* 304
Спириты и спиритизмъ *Н. Ш* 394, 418
Телефонъ 436
Фабрикація конвертовъ 214

Картины животнаго и растительнаго царства.

Балканскія розы 37
Колубачскій комаръ 15
Насѣдка особаго рода 415
Саранча 250
Степныя птицы въ Германіи 358

Статьи по искуствамъ, наши гравюры и проч.

Аттака Гривицкаго редута 352
Аттака турками Никополя 368
Бомбардированіе Рущука 176
Бѣлошвейка 144
Бомбардированіе Никополя 160
Битва подъ Плевной 192
Видъ Галаца 30
Возвращеніе съ ярмарки 30
Возвращеніе съ войны 208
Вѣшаніе болгаръ 272
Гаданіе 440
Голодъ въ Индіи 405
Грабежъ баши-бузуковъ 80
Городъ танцовщицъ 80
Зейбеки 64
Имянинный обѣдъ 271
Искушеніе 192
Казачій пикетъ 240
Каменьщики 384
Клеопатра 256
Ловля рыбы 271
Молодость 176
Маленькій помощникъ 192
Непрошенныя учительницы 440
На балу 384
Настигнутые бѣглецы 347
Оригинальный мостъ въ Японіи 295
Павелъ Рубенсъ 47
Пересылка шпіоновъ изъ русскаго лагеря ... 96
Полевая почта въ Дунайской арміи 112
Починить нельзя 160
Падшіе ангелы 352
При свѣтѣ уличнаго фонаря 359
Пилигриммы 384
Рѣшительная минута 256
Снабженіе Варны провіантомъ 160
Систово 295
Тайна открыта 440
Уводъ женщинъ въ плѣнъ 80, 96
Улика 175
Улица въ Галацѣ 143
Утро и ночь 30
Флорентинская мебель 175
Черногорцы 224
Черкесы въ Добруджѣ 334
Шипкинскій перевалъ 208
Юный браконьеръ 334
Ярый политикъ 144

Замѣтки разнаго содержанія, статьи изъ современной жизни и пр.

Мостъ на скорую руку 394
стр.
Открытіе с.-петербургскаго собранія художниковъ 419
Отъ редакціи 365
Предстоящій спектакль въ Парижѣ въ пользу русскихъ раненыхъ 106
Призывъ къ подпискѣ 331
Указъ Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссійскаго изъ Правительствующаго Сената 78

Новости наукъ и жизни.

19, 40, 59, 74, 90, 106, 124, 140, 158, 174, 189, 205, 221, 237, 254, 268, 291, 310, 331, 349, 366, 382, 402, 420, 438

Смѣсь.

22, 43, 76, 91, 109, 125, 140, 159, 174, 190, 205, 222, 238, 255, 268, 293, 310, 332; 350, 366, 382, 402, 421

Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій.

24, 43, 59, 78, 91, 110, 125, 142, 159, 174, 191, 207, 223, 238, 255, 270, 293, 311, 333, 351, 367, 383, 404, 423, 439

Телеграммы.

28, 46, 61, 78, 93, 111, 127, 143, 159, 175, 191, 208, 223, 239, 255, 271, 295, 311, 334, 368, 383, 405, 423, 439

Рисунки.

Адольфъ Тьеръ 188
Адольфъ Кэтлэ 156
Артуръ Шопенгауеръ 324
Алушта 241
Азіятско-турецкіе типы 52
Альфонсъ Додэ 80
Аю-Дагъ 272
Бѣлошвейка 132
Бомбардированіе Рущука 172
Битва подъ Плевной 180
Бомбардированіе Никополя 148
Бирсъ-Нимрудъ 224
Бакчисарай 368
Братья Кайроли 289
Бой подъ Плевной .... 308—309
Балаклава 332
Вѣшаніе болгаръ 268
Въ которой рукѣ 252
Возвращеніе съ войны 201
Видъ города Галаца 28
Возвращеніе съ конской ярмарки 9
Въ траншеяхъ въ отрядѣ генарала Скобелева . 425
Гаданіе 433
Гривицкій редутъ 340
Гора св. Николая 348
Гора св. Николая 356
Гаціендадо 381
Гейманъ 386
Голодъ въ Индіи 390
Группа кактусовъ 416
Генералъ Гурко 337
Гаррикъ 276
Гора Гозна 224
«Гóра»—націон. танецъ румыновъ 116
Городъ Красноярскъ 84
Грабежъ башибузуковъ, переправа скота съ румынскаго берега за Дунай 76
Дагъ-Дай 352
Драхвы 360
До свиданія 105
Драгомировъ 225
Дѣдъ и внукъ 313
Два закройщика 432
Еврейская школа 273
Египетскій дворецъ 113
Египетская танцорка 68
Енисейскія тунгусы 65
Е. И. В. Князь Сергѣй Максимиліановичъ 297
Желѣзные рудники 100
Искушеніе 177
Имянинный обѣдъ 260
Каменьщики 372
Кактусъ 304
Карсъ 294
Клеопатра .... 244—245
Казачій пикетъ 236
Лагерь зейбековъ 108
Ловля рыбы 265

	стр.
Мятель	361
Мостъ	392
Молодость	169
Маленькій помощникъ	185
Непрошенныя учительницы	437
Ночь	44
Насѣдки особаго рода	424
Нижне-Тагильскъ	92
На балу	369
Нищій музыкантъ	217
Неровный бракъ	233
Надежда	256
Надъ могилой	281
Настигнутые бѣглецы	321
Охота съ борзыми	400
Обломки старины	288
Охота	228
Охота на моржей	33
Провожатый въ пустынѣ	344
Падшіе ангелы	345
При свѣтѣ фонаря	353
Перевязочный пунктъ	377
Пилигриммы	380
Плячилья	401
Послѣдній нарядъ	412
Полезное препровожденіе времени	417
Подъ Плевной	420
Поѣздъ въ пустынѣ	421
Прогулка въ саняхъ у самоѣдовъ	1
Послѣ битвы	21
Павелъ Рубенсъ	41
Пересылка шпіоновъ изъ русскаго лагеря въ Вакарешти, близъ Бухареста	81
Палестрина	93
Политикъ	137
Починить нельзя	153
Попъ Мило	194
Портъ Адалія	196
Портовая караулка	196
Пряха	212
По рукамъ	257
Плевно	269
Первые ландыши	300
Рудокопъ изъ Караколеса	404
Рубенсъ съ женою	57
Румынскія стрѣлки	60
Русская полевая почта на Балкан. полуостр.	98
Радецкій	124
Рѣшительная минута	249
Румыны на Гринвицкомъ редутѣ	316
Сестры милосердія	388
Самоѣдскіе идолы	8
Свадебный подарокъ	396
Самоѣды передъ фотографіей	49
Снѣжки	409
Смущенная молочница	121
Снабженіе Варны провіантомъ	145
Скала у входа въ портъ Адалія	196
Скобелевъ	209
Смирна	224
Систово	284
Старый кутила	305
Тамбо въ Кордильерахъ	384
Телефонъ	436
Турецкая деревня у подножія Тавра	196
Тайна открыта	428
Улица въ Галацѣ	129
Улика	161
Уводъ въ плѣнъ женщинъ	73
Уводъ плѣнныхъ женщинъ	89
Утро	17
Флорентинская мебель	164
Чолосъ	364
Черногорцы	220
Чатырдагъ	312
Черкесы въ Добруджѣ	328
Церковь въ Кабаровѣ	5
Шлюпка Анна	36
Шибкинскій проходъ	204
Эрегли (оврагъ)	224
Юмористич. картинки	176
Юмористич. картинка	144
Юмористич. картинка	128
Юный браконьеръ	329
Японскій мостъ	292

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 22 декабря 1877 года.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

№ 27 и 28. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода—4 р. 50 к. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 10 Іюля 1877 года. *Адресъ конторы редакціи:* С.-П.-бургъ, Троицкій переулокъ, домъ № 27/1. Годъ V.

Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде.

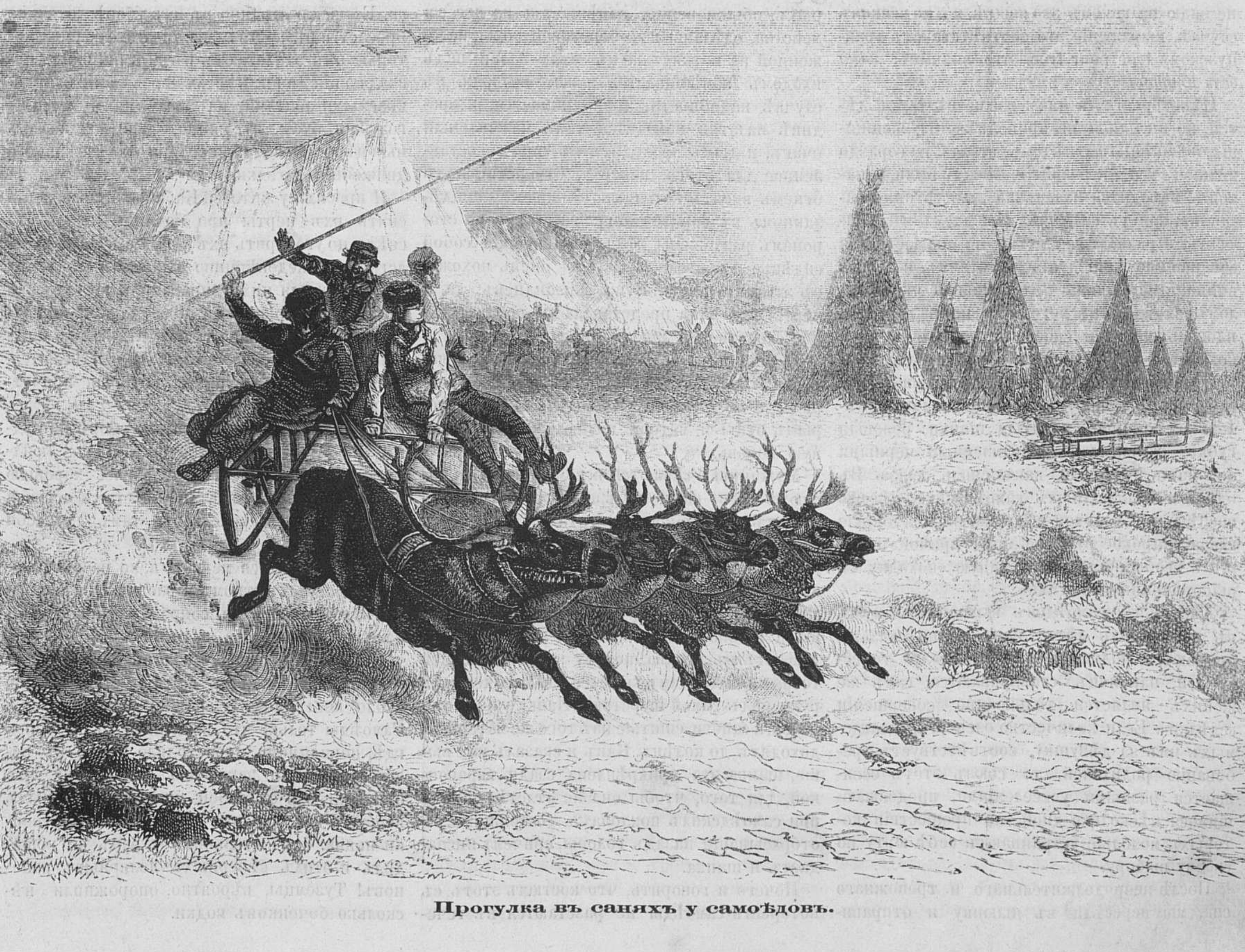
Подписка на „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ 1877 г. продолжается.

Въ 1877 году журналъ выходитъ **еженедѣльными** нумерами (въ годъ 52 нумера), иллюстрированными множествомъ художественныхъ гравюръ. Всѣ подписчики получаютъ, въ **видѣ премій**, ежемѣсячное приложеніе подъ заглавіемъ «Жизнь и Хозяйство», со множествомъ рисунковъ. Годовымъ подписчикамъ разсылаются слѣдующія преміи: большая гравюра **„Продажа амулетовъ“**, снимокъ съ картины проф. **Генриха Семирадскаго**, на толстой веленевой бумагѣ, длиною одинъ аршинъ, шириною 12½ вершковъ, и **Карта театра военныхъ дѣйствій въ Европейской и Азіятской Турціи.**

Годовая подписная цѣна журнала, съ достав. и перес. 7 руб., безъ перес. и доставки—6 руб.; на полгода: (съ 1-го іюля), съ пересылкою—4 р. 50 коп., безъ перес.—3 руб.

Подписка продолжается. Новые годовые подписчики получаютъ журналъ съ перваго нумера.

ОТЪ КОНТОРЫ „ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ“. Во избѣжаніе задержки по высылкѣ №№ журнала за ВТОРОЕ полугодіе (т. е. съ 1-го іюля), контора „Живописнаго Обозрѣнія“ покорнѣйше проситъ гг. подписавшихся на журналъ съ разсрочкою и внесшихъ менѣе 5 руб., озаботиться своевременною высылкою остальныхъ денегъ.



Прогулка въ саняхъ у самоѣдовъ.

Сѣверная шведская полярная экспедиція подъ начальствомъ профессора А. Е. Норденскіольда.

(Продолженіе.)

Гг. Норденскіольдъ и Лендстремъ, вернувшись на судно, надѣялись отдохнуть немного; но они не разсчитывали на гостей: вслѣдъ за ними поплыло нѣсколько лодочекъ, наполненныхъ туземцами. На палубѣ у насъ собралось множество народа: кромѣ семнадцати лицъ, принадлежащихъ къ экспедиціонному составу, расположились еще около двадцати самоѣдовъ, цѣлую ночь оживлявшихъ все наше общество. Съ ними пріѣхало также нѣсколько русскихъ, которые, своимъ высокимъ ростомъ, хорошимъ сложеніемъ, веселымъ и открытымъ лицомъ, обрамленнымъ каштановыми или черными волосами, съ расчесаннымъ посрединѣ проборомъ, представляютъ рѣзкій контрастъ въ сравненіи съ низкорослыми самоѣдами, отличающимися желто-коричневымъ цвѣтомъ лица, широкими щеками, толстыми губами, приплюснутымъ носомъ, низкимъ лбомъ, расширенными ноздрями, рѣдкой бородой и черными, какъ смоль, волосами.

Большая часть самоѣдовъ предлагали намъ мѣха и желали вымѣнять ихъ на водку. «Дай водку и возьми все» — говорили они ломаннымъ русскимъ языкомъ, причемъ кланялись, сбрасывая, по обычаю страны, шапку съ головы, и почти съ каждымъ словомъ прибавляли «баринъ» и «батюшка». Когда они желаютъ добыть что-нибудь, они кладутъ одну руку на этотъ предметъ, а другою показываютъ, какія вещи готовы дать въ обмѣнъ, причемъ говорятъ: troc om troc, не знаю на какомъ это языкѣ, но, во всякомъ случаѣ, выраженіе это соотвѣтствуетъ французскому troc pour troc, что значитъ: *мѣна безъ придачи*.

Нѣкоторые изъ нихъ взяли съ собой дѣтей, но ни одинъ не привезъ жены; женщины, по мнѣнію самоѣдовъ, стоятъ на гораздо низшей степени развитія. Между ними, однакожъ, находится маленькая пятилѣтняя красавица; зовутъ ее Анна. Мы даемъ ей конфекты и разныя лакомства; но она остается совершенно равнодушною къ нимъ, и все ея вниманіе поглощено подареннымъ ей зеркаломъ; смотрясь въ него, она не налюбуется вдоволь чертами своего красиваго личика: кокетство ея переходитъ всякіе предѣлы.

Отличительныя черты, характеризующія самоѣдскую Венеру, слѣдующія: полное кругленькое личико, налитыя щечки, розовыя губки, бѣлый лобъ, обрамленный черными локонами, и черные, какъ смоль, глаза. Въ одной изъ народныхъ самоѣдскихъ пѣсенъ воспѣвается молодая дѣвушка за «маленькіе глаза, широкое румяное лицо, прямой носъ» и, въ особенности, за странную «походку съ вывороченными ногами».

Дѣвушки у самоѣдовъ выходятъ замужъ въ тринадцать лѣтъ, или, лучше сказать, продаются; родители и сваты долго торгуются и, наконецъ, сговариваются; самъ же женихъ является только по совершеніи «сдѣлки». Если количество оленей, предлагаемыхъ имъ за дѣвушку, соотвѣтствуетъ требованію родителей, то союзъ этотъ освящается разными увеселеніями, продолжающимися нѣсколько дней, по прошествіи которыхъ молодые устраиваютъ себѣ юрту по своему выбору.

Послѣ непродолжительнаго и тревожнаго сна, мы пересѣли въ шлюпку и отправились изучать типическія черты и свойства туземцевъ; на всякій случай, я взялъ съ собой фотографическій приборъ. Солнце ярко свѣтитъ, жара стоитъ невыносимая, — по крайней мѣрѣ, такъ кажется намъ, одѣтымъ съ головы до ногъ въ шерстяной костюмъ.

Чистая прозрачная рѣчка протекаетъ мимо насъ такъ заманчиво, что мы не можемъ удержаться отъ искушенія и бросаемся въ воду; температура ея доходитъ до 12°. Послѣ купанья, русскіе приходятъ за нами и ведутъ насъ къ деревянной избѣ, на крышѣ которой водруженъ греческій крестъ, завидѣнный нами еще съ «Превена». «Вотъ наша церковь!» говорятъ они, набожно крестясь.

Мы прошли сѣни, замѣняющія паперть, и когда предстали передъ алтаремъ, то не мало удивились, увидѣвъ и здѣсь, какъ вообще въ православныхъ церквахъ, пять или шесть золотыхъ и серебряныхъ иконъ, изображающихъ Пресвятую Дѣву съ младенцемъ Іисусомъ, св. Николая (котораго самоѣды—идолопоклонники чтутъ, какъ Бога, называя его Миколой) и другихъ святыхъ; потомъ мы нашли шесть лампадъ и кадильницу—словомъ, все, что необходимо для служенія по обряду православной церкви. Въ ней нѣтъ ни кафедры, ни сидѣній. Служба совершается только разъ въ годъ, потому-что священникъ живетъ очень далеко и приходъ его весьма обширенъ; ему приходится дѣлать по нѣсколько верстъ пѣшкомъ, съ палкой въ рукѣ, или же разъѣзжать въ саняхъ, чтобы совершать требы многочисленной, но разбросанной паствы.

По выходѣ изъ церкви, мы отправлялись въ гости къ самоѣдамъ. Ихъ юрты, въ которыхъ, обыкновенно, помѣщается по два семейства, сдѣланы изъ березовой коры, наложенной на воткнутыя въ землю палки; надъ входомъ навѣшивается кожа, которая, въ случаѣ надобности, приподнимается; посрединѣ палатки находится такъ называемый очагъ, и дымъ проходитъ въ нарочно оставленное для этого, наверху, отверстіе; надъ огнемъ виситъ котелокъ на крюкѣ, придѣланномъ къ горизонтальной палкѣ, а по сторонамъ разложены мѣха, замѣняющія собой сидѣнье и постели. Самоѣды очень похожи, въ этомъ отношеніи, на лапландцевъ, да и черты ихъ лица представляютъ поразительное сходство съ лапландцами.

Женщины сидятъ на корточкахъ, присматриваютъ за котелкомъ и чинятъ свои наряды, а не то играютъ съ дѣтьми, къ которымъ отцы и матери питаютъ очень нѣжную любовь.

Мужчины одѣваются весьма просто, но костюмъ ихъ какъ нельзя больше соотвѣтствуетъ потребностямъ этихъ сѣверныхъ странъ: вся ихъ одежда состоитъ, обыкновенно, изъ «малицы», т. е. шубы изъ оленьей шкуры, обращенной шерстью къ тѣлу, какъ у русскихъ тулуповъ; снаружи, она обшита только собачьей кожей, и ее рѣдко надѣваютъ въ рукава, потому что, для большей теплоты, самоѣдамъ кажется удобнѣе держать руки подъ самой шерстью. Шапка у нихъ тюленья, а сапоги, сшитые изъ того же матеріала, доходятъ до колѣнъ. Какъ я сказалъ уже выше, шапка эта прикрѣплена сзади веревочкой, для того, чтобы она не отлетѣла прочь при самоѣдскихъ поклонахъ, состоящихъ въ отбрасываніи назадъ головы, причемъ ниспадаетъ и шапка.

Нечего и говорить, что костюмъ этотъ, съ которымъ самоѣды не разстаются въ теченіи цѣлаго года, не всегда бываетъ безукоризненно чистъ и нерѣдко на немъ можно замѣтить значительныя прорѣхи. Въ нашемъ присутствіи, одинъ изъ туземцевъ тихонько зашелъ за спину другого, просунулъ свою руку въ подобную прорѣзь, сдѣланную у того на спинѣ малицы, (въ большинствѣ случаевъ, прорѣзи эти оставляются въ плечевыхъ швахъ) и началъ щекотать товарища. Послѣдній вскочилъ, разразился громкимъ смѣхомъ и, въ свою очередь, сталъ искать глазами, съ кѣмъ бы продѣлать такую же штуку. Лендстремъ, разсказавшій мнѣ про эту забаву, говоритъ, что не только дѣти, но даже и взрослые обоихъ половъ имѣютъ на своей одеждѣ *дыру ласки*, какъ называютъ они сами эти прорѣзи.

Женскій костюмъ болѣе изященъ. Онъ представляетъ кацавейку изъ оленьей шкуры, обхватывающую талію и расходящуюся книзу въ видѣ юбки, которая доходитъ до колѣнъ, а иногда и ниже; подолъ ея всегда обшивается собачьей шкурой. На нѣкоторыхъ самоѣдкахъ, мы видѣли что-то въ родѣ оборокъ, сдѣланныхъ изъ тюленьей или медвѣжьей шкуры; воротничекъ съ отворотами тоже сдѣланъ изъ мѣху и застегивается на груди. Воротничекъ этотъ замѣняетъ здѣсь боа нашихъ южныхъ франтихъ. Маленькія ноги туземокъ обуты въ весьма неграціозныя туфли изъ оленьей шкуры, отъ которыхъ идутъ высокія штиблеты, выложенныя такимъ же мѣхомъ.

Впослѣдствіи, отвѣчая требованіямъ моды, самоѣдки стали нашивать на это, необходимое въ полярныхъ странахъ, одѣяніе столько голубого, краснаго и желтаго, что ужъ ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя принять за звѣрей, въ шкурки которыхъ они облекаются. Если что странно въ ихъ уборѣ, хотя и не бросается рѣзко въ глаза, такъ это волосы, которые онѣ заплетаютъ въ двѣ широкія, ниспадающія до пятъ косы, перевязанныя ярко-красными лентами; на послѣднихъ нашиты голубыя бусы, пуговицы, кольца или мѣдныя цѣпочки, побрякивающія при малѣйшемъ движеніи самоѣдки.

Я просилъ у жителей Кабаровой позволенія снять ихъ черты при помощи солнечнаго свѣта; но уговорить ихъ оказалось совсѣмъ не легко; они недовѣрчиво относятся къ этому странному для нихъ аппарату, и какъ только фотографъ скрывается подъ черное покрывало, чтобы установить объективъ, всѣ ощущаютъ какую-то неловкость и разбѣгаются, въ особенности женщины, которыя прячутся въ юрты.

Въ полдень, всѣ мы были въ сборѣ на суднѣ. Послѣ обѣда, гг. Норденскіольдъ, Люндстремъ, и Стюксбергъ, пользуясь хорошею погодою, отправились къ берегамъ острова Вайгача, чтобы разставить тамъ для себя палатки.

Что же касается меня, то я, по распредѣленіи собранныхъ утромъ зоологическихъ находокъ, отправился, въ сопровожденіи капитана и его помощника, въ гости къ самоѣдамъ.

Селеніе ихъ представляетъ самый оживленный видъ: передъ юртами стоятъ сани, около послѣднихъ спокойно пасутся олени. Самоѣды только-что вернулись съ Печоры, гдѣ, повидимому, происходило нѣчто въ родѣ ярмарки; я заключаю это потому, что они привезли съ собой множество разныхъ вещей. Увы! большая часть колоніи мертвецки пьяна: бичъ столькихъ странъ не пощадилъ и этихъ сѣверныхъ полярныхъ районовъ! Туземцы, вѣроятно, опорожнили нѣсколько боченковъ водки.

Внутренность каждой юрты представляетъ раздирающее душу зрѣлище: иные лежатъ на землѣ, другіе встаютъ при нашемъ приближеніи, подходятъ къ намъ шатаясь, хватаютъ насъ за руки, цѣлуютъ ихъ и кланяются намъ въ поясъ, приглашая сѣсть съ ними рядомъ, въ обществѣ десяти или двѣнадцати человѣкъ. Женщины тоже принимали участіе въ оргіи и потеряли всякое сознаніе. Я не стану описывать отвратительныхъ сценъ, которыхъ мы были невольными свидѣтелями. Оставимъ этихъ несчастныхъ, предоставивъ ихъ самимъ себѣ. Пойдемъ лучше съ тѣмъ русскимъ, который пришелъ сюда и, съ презрительною миною, приглашаетъ насъ оставить эту пьяную компанію. Только-что мы вышли, какъ онъ указалъ намъ на сани, запряженныя четверкой оленей въ превосходную сбрую, дѣлая, отъ времени до времени, какой-то странный жестъ и громко смѣясь: я понялъ, что русскій предлагаетъ мнѣ сѣсть въ эти сани. Я охотно принимаю предложеніе, товарищи слѣдуютъ моему примѣру, и мы, въ одинъ мигъ, несемся во весь карьеръ по степи: такую ѣзду можно сравнить только съ самымъ быстрымъ полетомъ какой нибудь птицы. При этомъ, русскій приговариваетъ: «Хорошо! Отлично! Они всѣ пьяны, дураки!» — Да, да, отвѣчаемъ мы ему въ одинъ голосъ. Вдругъ, раздаются у насъ за спиной страшные, неистовые крики: это кричатъ самоѣды, вскочившіе въ свои сани и бросившіеся въ погоню за нами. — Стой! говорю я русскому. Онъ останавливаетъ оленей,—и начинается горячая ссора; дѣло чуть-чуть не доходитъ до драки, такъ что мы только теперь соображаемъ, что русскій взялся прокатить насъ въ чужихъ саняхъ, не имѣя своихъ собственныхъ. Ссора начинаетъ принимать ужасные размѣры; мы выходимъ изъ саней, и тогда самоѣды усмиряются, увѣряя насъ въ дружескомъ къ намъ расположеніи, и что они сердятся только на этого голыша.

Во время пировъ, самоѣды обнаруживаютъ особенно звѣрскія свойства. Хозяинъ приглашаетъ гостей собраться на открытомъ воздухѣ и велитъ привести отличнаго оленя. Однимъ ударомъ топора по лбу, онъ сбиваетъ его съ ногъ, вонзаетъ ему ножъ въ сердце и вынимаетъ гортань; затѣмъ затѣвается свалка и чуть не драка, чтобы завладѣть этою гортанью. Побѣдитель ѣстъ ее тутъ же, на мѣстѣ, сырьемъ. Потомъ олень распластывается, изъ него вынимаются внутренности, и его кладутъ спиной на устроенныя съ этой цѣлью подставки. Въ такомъ видѣ, олень похожъ на большое продолговатое блюдо, на которомъ печень и другіе лакомые куски плаваютъ точно въ крови. Гости подходятъ съ ножемъ въ рукахъ, отрѣзываютъ себѣ кусокъ теплаго еще мяса, обмакиваютъ его въ кровь, и подносятъ ко рту; они ѣдятъ этотъ кусокъ съ откинутой назадъ головой, потомъ снова обмакиваютъ его въ кровь, и это продолжается до тѣхъ поръ, пока не съѣдятъ всего отрѣзаннаго ими куска. Кровь струится у нихъ по бородѣ и подбородку, стекая по шеѣ. Печень и легкія оставляются на дессертъ.

Послѣ этой варварской трапезы, самоѣды возвращаются въ юрты, гдѣ принимаются за полусваренное въ кострюлѣ мясо. Въ то время, дѣвушки поютъ иногда народныя пѣсни: forte, можетъ быть, и не дурно, но мелодія ихъ сильно напоминаетъ лягушечій концертъ.

Такъ-какъ самоѣды живутъ всегда въ обширныхъ странахъ, гдѣ имъ приходится бороться съ суровымъ климатомъ и природою, и такъ-какъ они отчуждены отъ всякаго цивилизованнаго общества, подвергаясь частымъ опасностямъ, то эти люди составили себѣ самое мрачное понятіе о жизни. Они живутъ въ такой странѣ, гдѣ ночь тянется безпрерывно въ теченіе четырехъ или пяти мѣсяцевъ, и этотъ продолжительный мракъ оставляетъ какой-то суровый слѣдъ на ихъ лицѣ, а его застывшее выраженіе обдаетъ васъ, при первомъ взглядѣ, какимъ-то холодомъ. Знаменитый финнъ Кастрѐнъ (Castrén), говоря объ этомъ народѣ, сказалъ: «Если бы самоѣды обладали сильными страстями, они навѣрное были бы однимъ изъ самыхъ дикихъ и необузданныхъ племенъ земного шара. Но провидѣніе устроило такъ, что заставляетъ ихъ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ относиться ко всѣмъ событіямъ жизни!»

Хотя эти люди и одарены быстрымъ соображеніемъ, но отличаются особенной выносливостью и настойчивостью въ выполненіи. Если вы съумѣли снискать ихъ расположеніе и они вполнѣ убѣдятся, что у васъ нѣтъ никакихъ заднихъ мыслей, то принимаютъ васъ съ открытыми объятіями, но ни за что не измѣнятъ своихъ привычекъ.

Впрочемъ, надо отдать имъ честь, одно качество выкупаетъ всѣ другіе ихъ недостатки: они удивительно щедры.

Эти дикари, борющіеся съ нуждою, обладающіе самыми неясными понятіями о добрѣ и злѣ, о справедливомъ и несправедливомъ, старающіеся захватить собственность ближняго хитростію, насиліемъ или обманомъ, — эти дикари, говорю я, готовы подѣлиться послѣднимъ кускомъ съ друзьями, и часто бываютъ примѣры, что многіе отказываютъ себѣ въ самомъ необходимомъ, чтобъ помочь сиротамъ или нищимъ.

Мнѣ пріятно подумать, что шведская полярная экспедиція 1875 г. принесла этимъ несчастнымъ извѣстную долю пользы: открытіе новаго пути значительно облегчитъ сношенія съ этими отдаленными племенами и дастъ возможность вводить и распространять между ними нашу европейскую цивилизацію.

III.

Моржи.—Ялмалъ.—Самоѣдскіе идолы.—Бѣлый Островъ.—Устье Енисея.—Радость естествоиспытателей.—Теченія.—Тюлени, привлеченные музыкой.—Новый портъ.—Сѣверо-восточный путь открытъ.

Г. Норденскіольдъ, отправляясь съ «Превена» внутрь Югорскаго пролива, чтобы тамъ разставить палатки, приказалъ остальному экипажу присоединиться къ нему, когда будетъ можно. Такъ-какъ теперь намъ не оставалось ничего новаго узнавать или осматривать въ Кабаровой, то мы и воспользовались легонькимъ вѣтеркомъ и сильнымъ юго-западнымъ теченіемъ, чтобы присоединиться къ начальнику экспедиціи и товарищамъ.

Югорскій проливъ не долго проплыть, и мы вскорѣ очутились въ Карскомъ морѣ, совершенно свободномъ отъ льдовъ. «Превенъ» повернулъ носомъ къ срединѣ полуострова, вдающагося въКарское море, на западъ отъ Оби, который самоѣды называютъ Ялмалъ (Yalmal).

Карское Море, съ самаго начала, приняло насъ очень недружелюбно; оно было удивительно бурно; небо все время оставалось покрыто тучами, при томъ-же шелъ проливной дождь, сопровождаемый громомъ, такъ что мы промокли до мозга костей. Словомъ, намъ казалось, что для того, чтобы проникнуть въ тайны этого ледника, какъ называли прежде это негостепріимное море, изслѣдованія котораго предпринимались въ теченіе трехъ вѣковъ, но никогда не увѣнчивались благопріятнымъ результатамъ,—нужно было подвергнуться какимъ-либо серьезнымъ испытаніямъ.

Наконецъ, 8-го, занавѣсъ раздирается, тучи разсѣеваются какъ-бы сверхъестественной силой, и громадное свѣтило привѣтствуетъ насъ самыми яркими и благотворными лучами: при переѣздѣ, нами овладѣло какое-то очарованіе, и казалось, что мы плывемъ скорѣе по синимъ волнамъ Средиземнаго моря, чѣмъ по водамъ сѣвернаго полярнаго океана.

8-го, утромъ, до насъ долетаетъ, изъ-за кормы «Превена», страшный шумъ, похожій на мычаніе и лай: это—моржи (Rostarus arcticus, Pallas). Они имѣютъ для насъ всю прелесть новизны, и мы не можемъ достаточно налюбоваться этими животными, когда они забавляются на поверхности воды, то выходя изъ нея и выставляя наружу свои слоновидные клыки, то сразу скрываясь подъ водою и, черезъ нѣсколько минутъ, появляясь снова, уже на нѣкоторомъ разстояніи, причемъ вода такъ и волнуется вокругъ нихъ. Кое-гдѣ плыветъ матка, неся на спинѣ дѣтеныша.

Количество моржей значительно уменьшается съ каждымъ годомъ; причиною тому служитъ ихъ чрезмѣрное истребленіе. Въ настоящее время, они, въ видѣ исключеній, попадаются еще въ полярныхъ моряхъ, неподалеку отъ сѣверныхъ береговъ и льдовъ, но въ большомъ количествѣ водятся только по сосѣдству съ Беринговымъ проливомъ, въ сѣверо-западной и сѣверо-восточной Америкѣ, гдѣ составляютъ главную пищу эскимосовъ, и, наконецъ, у Шпицбергена и на Новой Землѣ.

Въ полдень того же дня, часовой, стоявшій на мачтѣ, объявилъ, что видна земля: это — самоѣдскій полуостровъ Ялмалъ. Гг. Норденскіольдъ, Лендстремъ и Стюксбергъ высадились близъ Головинскаго мыса. Передъ ними простирается обширное плоское пространство, на которомъ не замѣчается ни одного камня, а только виднѣется бѣлый песокъ и глина. По равнинѣ извивается рѣка, и нѣсколько ручейковъ текутъ между песчаными холмиками, покрытыми зеленымъ лугомъ. Ни одинъ цвѣтокъ не веселитъ глазъ и не нарушаетъ однообразія этой мѣстности.

Наши друзья увидѣли на берегу слѣды самоѣдскихъ саней и человѣческихъ ногъ. Направляясь по этимъ слѣдамъ, они скоро пришли къ песочному холму, въ которомъ открываютъ груды моржовыхъ, оленьихъ и другихъ костей, перемѣшанныхъ съ медвѣжьими черепами, изъ которыхъ нѣкоторые совсѣмъ недавніе. Посреди этой глыбы, они находятъ шесть или семь человѣческихъ изображеній, грубо сдѣланныхъ изъ сплавного лѣса, въ пятьдесятъ или шестьдесятъ сантиметровъ вышины; ротъ, носъ, глаза и сердце, на сколько можно различить, обрызганы свѣжею кровью. Это—самоѣдскіе идолы, и для того, чтобы видѣть въ нихъ что нибудь божественнное, надо быть именно такимъ дикаремъ, какъ самоѣдъ. Около этого жертвенника водружены двѣ палки, къ которымъ привѣшены окровавленные медвѣжьи и оленьи черепа. Неподалеку видны на землѣ слѣды разложеннаго костра и свѣжеобглоданныя кости, разбросанныя тамъ и сямъ. Все это свидѣтельствуетъ о недавно происходившемъ, на этомъ мѣстѣ, пиршествѣ, устроенномъ по случаю какихъ-либо жертвоприношеній, совершаемыхъ, обыкновенно, самоѣдами въ честь ихъ боговъ.

Къ десяти часамъ вечера, присоединяются къ намъ остальные товарищи, и мы направляемся къ сѣверо-востоку, обогнувъ Бѣлый Островъ. На встрѣчу намъ попадаются льдины, такъ что мы можемъ пополнить нашъ запасъ свѣжей воды.

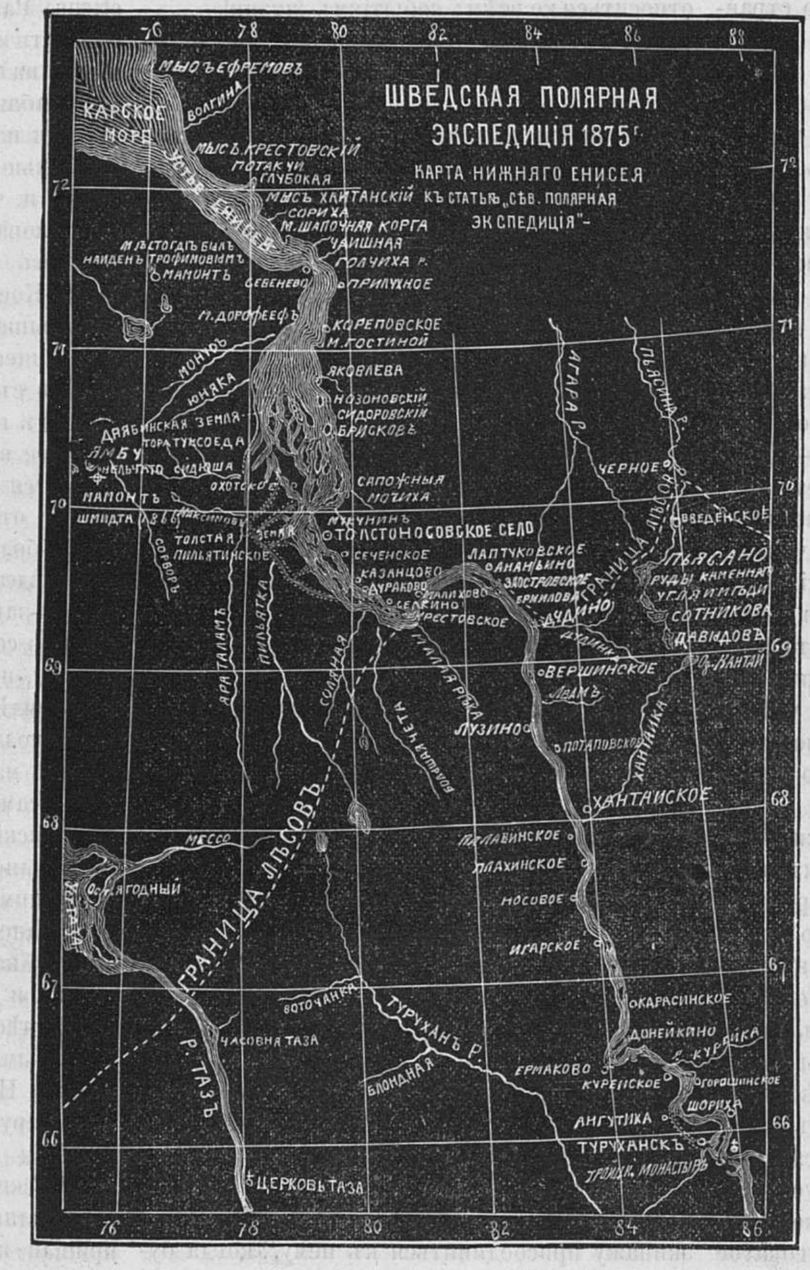
12 августа, мы находимся между 75° 31′ сѣв. широты и 79° 30′ восточной долготы по Гринвичскому меридиану. Передъ нами—обширное ледяное пространство, которое какъ-бы говоритъ намъ: «Далѣе вы не пойдете!» «Превенъ» плыветъ мимо этихъ недоступныхъ преградъ, лавируя къ востоку; но на слѣдующій день, при пробужденіи, оказывается, что несмотря на строгое приказаніе нашего начальника, судно направили прямо на льдины, такъ-что насъ окружили ихъ огромныя пловучія массы.

Къ тому-же, разражается страшная буря—настоящій ураганъ. Наконецъ, капитану удается вывести насъ изъ этого критическаго положенія, но мы попадаемъ изъ огня въ полымя, очутившись въ открытомъ морѣ. Вѣтеръ не унимается, и страшныя волны ударяютъ о наше судно, такъ-что мы вынуждены были взять паруса на гитовы. Никогда еще жизнь не казалась мнѣ такою бренною, какъ въ эту страшную минуту. Несмотря на то, что мы не теряемъ присутствія духа предъ неминуемой опасностью, въ нашей памяти невольно проходитъ длинный рядъ экспедицій, предпринимавшихся сильными морскими державами, въ теченіи болѣе трехъ сотъ лѣтъ, для открытія опаснаго сѣверо-восточнаго пути, и постоянно встрѣчавшихъ сопротивленіе со стороны этой непреодолимой преграды!

Наконецъ 14 августа снова наступила хорошая солнечная погода, но все-таки еще очень холодно. Мы повернули судно къ югу, правя прямо въ устье Енисея. Мы со всѣмъ жаромъ принялись тогда за работу. Временами попадались намъ птицы, однакожъ въ значительно меньшемъ количествѣ, чѣмъ на Новой Землѣ. Наше общество особенно понравилось одному красивому ходуличнику,—и въ одинъ прекрасный день онъ спустился на палубу и съ большимъ удивленіемъ смотрѣлъ на насъ, точно мы упали съ луны; мы воспользовались его изумленіемъ и поймали его. Вскорѣ однакожъ мы выпустили его на свободу, но онъ снова усѣлся на палубѣ нашего судна и до тѣхъ поръ наблюдалъ насъ, пока его любопытство не было окончательно удовлетворено.

Норденскіольдъ обратилъ наше вниманіе на тотъ фактъ, что животныя, вынутыя изъ глубины морской и положенныя въ воду, взятую съ поверхности моря, почти мгновенно лишаются признаковъ жизни. Произведенный нами опытъ подтвердилъ его слова.

Здѣсь, какъ и у западнаго берега Новой Земли, мы изслѣдовали температуру моря, не только на поверхности, но и на разной глубинѣ, для чего употребляли термометры Негретти и Замбре, а также термометръ Козелла, пріобрѣтенные весною г. Оскаромъ Диксономъ въ Лондонѣ. Полученные нами результаты изслѣдованія могутъ разъяснить нѣкоторые изъ возбужденныхъ въ послѣднее время вопросовъ относительно морскихъ теченій этихъ странъ; — направленіе которыхъ старались опредѣлить, принимая во вниманіе температуру поверхности воды. «Благодаря многочисленнымъ изслѣдованіямъ, произведеннымъ вдоль западнаго берега Новой Земли, начиная отъ Маточкина пролива до Югорскаго шара и отъ него до 75° 30′ сѣв. шир. и 82° восточн. долготы по Гринвичскому меридиану и наконецъ до устьевъ Енисея, я пришелъ къ убѣжденію, говорилъ Норденскіольдъ, отъ котораго я и заимствую эти интересныя данныя,—что температура въ этихъ моряхъ рѣзко отличается отъ температуры на поверхности и зависитъ отъ температуры атмосфернаго воздуха, отъ сосѣдства льдовъ и прѣсной воды (теплой), изливающейся изъ Оби и Енисея; но при всемъ этомъ температура воды, на десять саженъ глубины постоянно сохраняетъ одинъ или два градуса ниже нуля по Цельсію. *) Такимъ образомъ оказывается, что здѣсь нѣтъ теплаго теченія, какъ предполагали нѣкоторые изслѣдователи.


ШВЕДСКАЯ ПОЛЯРНАЯ
ЭКСПЕДИЦІЯ 1875 г.
КАРТА НИЖНЯГО ЕНИСЕЯ
КЪ СТАТЬѢ „СѢВ. ПОЛЯРНАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ"-
76
78
80
82
84
86
88
72
71
70
69
68
67
66
КАРСКОЕ МОРЕ
МЫС ЪЕФРЕМОВЪ
ВОЛГИНА
МЫСЪ КРЕСТОВСКІЙ
ПОТАКУИ
ГЛУБОКАЯ
УСТЬЕ ЕНИСЕЯ
МЫСЪ ХАИТАНСКІЙ
СОРИХА
М. ШАПОЧНАЯ КОРГА
ЧАИШНАЯ
ГОЛЧИХА Р.
МѢСТО ГДѢ БЫЛЪ НАЙДЕНЪ ТРОФИМОВЫМЪ МАМОНТЪ
СЕВЕНЕВО
ПРИЛУХНОЕ
М. ДОРОФЕЕФЪ
КОРЕПОВСКОЕ
М. ГОСТИНОЙ
МОНУЮ
ЮНЯКА
ЯКОВЛЕВА
НОЗОНОВСКІЙ
СИДОРОВСКІЙ
О. БРИСКОВЪ
ДАЯБИНСКАЯ ЗЕМЛЯ
ТОРА ТУКСОЕДА
ЯМБУ
НЕЛЬЧАТО
СИДЮША
ОХОТСКОЕ
САПОЖНЫЯ
МОЧИХА
МАМОНТЪ
ШМИДТА 1866
МАКСИМОВЪ
ЗЕМЛЯ
МУЧНИНЪ
ТОЛСТОНОСОВСКОЕ СЕЛО
ТОЛСТАЯ
ПИЛЬЯТИНСКОЕ
СОРВОРЪ
СЕЧЕНСКОЕ
КАЗАНЦОВО
ДУРАКОВО
МАЛИХОВО
СЕЛКИНО
КРЕСТОВСКОЕ
ЛАПТУКОВСКОЕ
АНАНЬИНО
ЗАОСТРОВСКОЕ
ЕРМИЛОВА
ДУДИНО
ДУДИНКА
АГАРА Р.
ПЬЯСИНА Р.
ЧЕРНОЕ
ГРАНИЦА ЛЬВОВЪ
ВВЕДЕНСКОЕ
ПЬЯСАНО
РУДЫ КАМЕННАГО УГЛЯ И МѢДИ
СОТНИКОВА
ДАВЫДОВЪ
ОЗ. КАНТАЙ
ВЕРШИНСКОЕ
ЛЕАМЪ
ЯРАТАЛАМЪ
ПИЛЬЯТКА
СОЛЯНАЯ
МАЛАЯ РѢКА
БОЛЬШАЯ ЧЕТА
ЛУЗИНО
ПОТАПОВСКОЕ
ХАНТАЙКА
ХАНТАИСКОЕ
МЕССО
ОСТ. ЯГОДНЫЙ
УСТЬ ТАЗА
ГРАНИЦА ЛЬВОВЪ
ПЛАВИНСКОЕ
ПЛАХИНСКОЕ
НОСОВОЕ
ИГАРСКОЕ
ВОТОЧАНКА
ТУРУХАНЪ Р.
ЧАСОВНЯ ТАЗА
Р. ТАЗЪ
БЛОНДНАЯ
ОКАРАСИНСКОЕ
ДОНЕЙКИНО
Р. КУРЕЙКА
ЕРМАКОВО
КУРЕЙСКОЕ
ОГОРОШИНСКОЕ
ШОРИХА
АНГУТИКА
ТУРУХАНСКЪ
ТРОИЦК. МОНАСТЫРЬ
ЦЕРКОВЬ ТАЗА

На слѣдующій день, въ воскресенье 15 августа 1875 года, вѣтеръ стихъ утромъ, къ полудню посвѣжело и мы вскорѣ приплыли къ группѣ острововъ и скалъ, расположенныхъ на сѣверо-востокъ отъ устьевъ Енисея. Въ 9 час. вечера этого достопамятнаго дня «Превенъ» сталъ на якорь въ портѣ, названномъ Норденскіольдомъ въ честь щедраго покровителя нашей экспедиціи Диксоновымъ (Dicksons-Hamn).

Голубой съ золотомъ флагъ гордо развивался на мачтѣ; никогда еще шведскій флагъ не казался намъ такимъ красивымъ. Въ первый разъ европейскій флагъ развѣвался въ этой отдаленной азіятской странѣ! Сѣверовосточный путь, объ открытіи котораго въ теченіи трехъ вѣковъ хлопотали три великія націи, наконецъ открытъ! Шведская экспедиція 1875 года достигла своей цѣли.

— На берегу медвѣдь! вскричалъ часовой, съ верху мачты. Мы тотчасъ же навели зрительныя трубы и увидѣли на берегу огромнаго бѣлаго медвѣдя; онъ спокойно прогуливался. Спустили шлюпку; я сѣлъ въ нее въ сопровожденіи Педера, которому вручилъ свое одноствольное ружье; самъ же я вооружился превосходнымъ ремингтоновскимъ ружьемъ.

Мы высадились. Мишка уже лежалъ на холмикѣ и по видимому дремалъ. Мы осторожно прошли вдоль берега, защищенные небольшими скалами и кучами сплавнаго дерева. Но все-таки опасаясь, что медвѣдь какъ-нибудь почуетъ наше присутствіе мы легли на землю, притаили дыханіе и стали пробираться ползкомъ по склону берега, на которомъ отдыхалъ медвѣдь. Вскорѣ шагахъ въ пятидесяти отъ вершины холма, мы увидѣли, что огромная мохнатая голова повернулась въ нашу сторону: врагъ уже наблюдалъ за нами и не прошло мгновенія, кинулся на насъ. Я внезапно вскочилъ и выстрѣлилъ на разстояніи тридцати шаговъ; медвѣдь повернулся и обратился въ бѣгство (мой выстрѣлъ попалъ ему въ лобъ, но пуля скользнула по черепу, не повредивъ его). Я зарядилъ вторично и бросился вслѣдъ за колоссомъ; я не сдѣлалъ и десяти шаговъ, какъ медвѣдь остановился и съ угрозой посмотрѣлъ на меня. Я прицѣлился въ лѣвое плечо; медвѣдь сдѣлалъ нѣсколько страшныхъ прыжковъ, и затѣмъ замертво упалъ.

Весь экипажъ «Превена» крикнулъ «ура»! Съ палубы судна наблюдали за нами въ зрительныя трубы и привѣтствовали насъ флагомъ; затѣмъ друзья наши толпой присоединились къ намъ, желая посмотрѣть на исполина медвѣдя, и опорожнили въ честь покойника, предназначенный для торжественныхъ случаевъ коньякъ, пожертвованный экспедиціи великодушнымъ французомъ.

Воздухъ огласился тройнымъ ура! которымъ мы привѣтствовали успѣшно кончившееся предпріятіе нашего знаменитаго начальника. И мой подвигъ не былъ забытъ друзьями: они посмотрѣли на него по выраженію г. Норденскіольда, какъ на событіе, знаменующее собою покореніе страны, гдѣ въ теченіе нѣсколькихъ тысячилѣтій безпрепятственно господствовалъ медвѣдь; скоро суда многихъ націй будутъ крейсировать между Европою и обширными басейнами Иртыша, Оби и Енисея.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

---

*) Если опустить на 10 сажень глубины бутылку съ водой въ сѣверныхъ частяхъ Карскаго моря,—гдѣ вода на поверхности почти не содержитъ въ себѣ соли и очень тепла въ это время года, — то вода въ бутылкѣ замерзаетъ.

Черная Индія.

Романъ Жюля Верна.

(*Продолженіе.*)

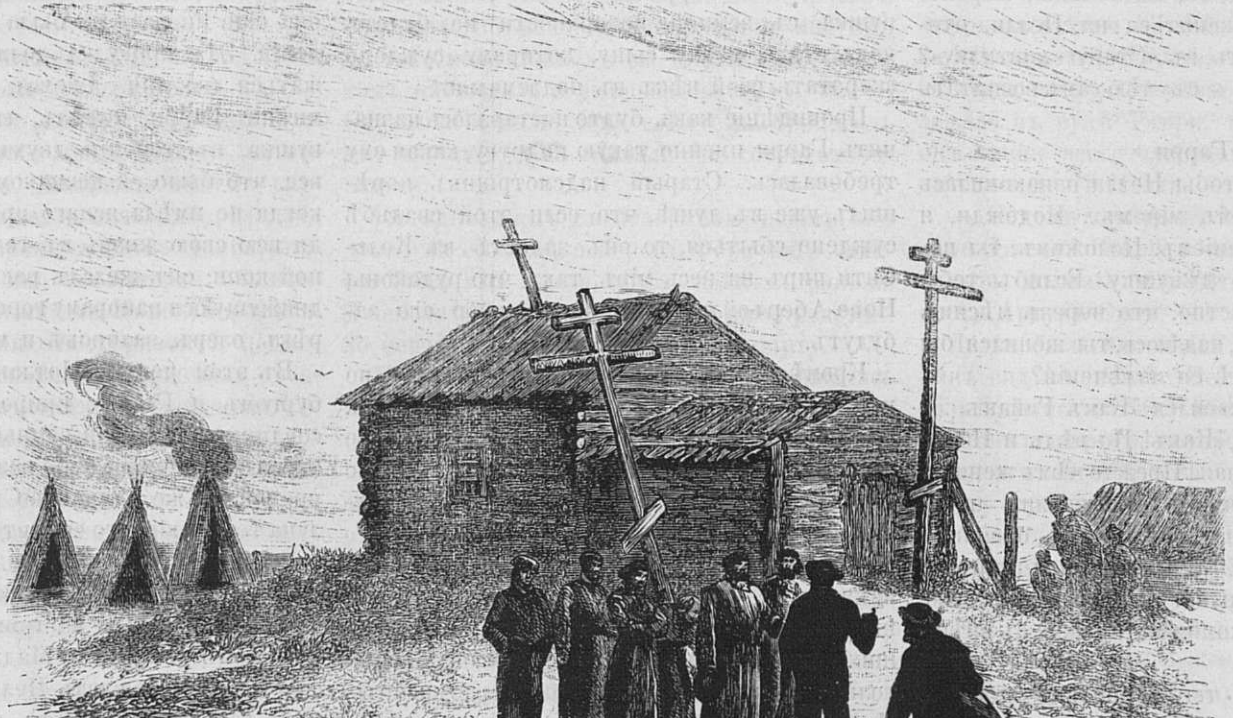
XVI.

Между тѣмъ разработка Ново-Аберфойльской залежи шла чрезвычайно успѣшно. Инженеръ Джемсъ Старръ и Симонъ Фордъ, открывшіе эту богатую каменноугольную залежь, совершенно справедливо пользовались значительными выгодами. Гарри былъ также пайщикомъ, но ему никогда въ голову не приходило покинуть коттэджъ; онъ теперь заступилъ мѣсто отца, сдѣлался надсмотрщикомъ и за всѣми слѣдилъ.

Жакъ Райанъ гордился своимъ товарищемъ и былъ въ восторгѣ, что Гарри выпала такая счастливая карьера. Они другъ съ другомъ часто видѣлись или въ коттэджѣ, или встрѣчались на подземныхъ работахъ. Отъ Жака не скрылось чувство, питаемое Гарри къ молодой дѣвушкѣ. Гарри не хотѣлъ въ этомъ признаться, но Жакъ только смѣялся, когда тотъ отрицательно качалъ головой.

Величайшимъ желаніемъ Жака было сопровождать Нелли, когда она въ первый разъ отправится на поверхность графства; ему непремѣнно хотѣлось видѣть удивленіе и восторгъ дѣвушки, которыхъ та, конечно, не будетъ въ состояніи скрыть, когда передъ нею откроется никогда невиданная ею природа. Жакъ былъ почти увѣренъ, что Гарри предложитъ ему раздѣлить подобную прогулку, но тотъ никогда и словечка не проронилъ объ этомъ, что, по правдѣ сказать, начинало уже немного безпокоить его.

Жакъ Райанъ спускался, однажды, въ вентиляціонную шахту, соединявшую нижніе этажи каменноугольной копи съ земной поверхностью. Онъ выбралъ для этого одну изъ тѣхъ лѣстницъ, которыя, качаясь при помощи извѣстнаго приспособленія, опускаются и поднимаются съ большой легкостью.



Церковь въ Кабаровѣ.

(Къ статьѣ: «*Шведская полярная экспедиція*».)

Двадцать размаховъ лѣстницы уже спустили Жака Райана на полтораста футовъ, какъ вдругъ, очутившись на узенькой площадкѣ, онъ встрѣтилъ Гарри, всходившаго наверхъ къ наружнымъ работамъ.

— Это ты? сказалъ Жакъ, пристально вглядываясь въ своего товарища, освѣщеннаго электрическимъ свѣтомъ.

— Да, Жакъ, отвѣтилъ Гарри,—и радъ, что встрѣтилъ тебя; я хочу кое-что предложить тебѣ...

— А я ничего не хочу слышать до тѣхъ поръ, пока ты не скажешь мнѣ, какъ поживаетъ Нелли! сказалъ Жакъ Райанъ.

— Нелли здорова, Жакъ, такъ что я надѣюсь, черезъ мѣсяцъ или шесть недѣль...

— Жениться на ней, Гарри?

— Ты самъ не знаешь, что говоришь, Жакъ!

— Можетъ быть, но я знаю, что мнѣ слѣдуетъ сдѣлать...

— Ну, что же такое ты сдѣлаешь?

— Я женюсь на ней, если ты не предупредишь меня, возразилъ Жакъ, разражаясь хохотомъ.—Нелли мнѣ очень нравится; да лучшей жены рудокопу и не нужно: она молода, добра и никогда не покидала копи! При томъ, Нелли сирота, такъ, же какъ и я, и если ты, въ самомъ дѣлѣ, не думаешь жениться на ней... если она не побрезгуетъ твоимъ товарищемъ, Гарри...

Гарри серьезно смотрѣлъ на Жака и слушалъ его очень внимательно.

— Я не возбуждаю въ тебѣ ревности, Гарри? спросилъ Жакъ тоже очень серьезно.

— Нѣтъ, Жакъ, спокойно отвѣтилъ Гарри.

— Если ты самъ не думаешь жениться на Нелли, то, по крайней мѣрѣ, не желаешь, вѣроятно, чтобы она осталась старой дѣвой.

— Я ничего подобнаго не желаю, отвѣтилъ Гарри.

Лѣстница качнулась, и оба друга могли разойтись по противоположнымъ направленіямъ; но они не воспользовались этой возможностью.

— Гарри, произнесъ Жакъ,—неужели ты повѣрилъ тому, что я только-что сказалъ о Нелли?

— Нѣтъ, Жакъ.

— Ну, такъ я хочу серьезно съ тобою поговорить.

— Ты хочешь говорить серьезно?...

— Добрый мой Гарри! отвѣтилъ Жакъ,—я могу дать хорошій совѣтъ другу.

— Дай, Жакъ.

— Изволь! Слушай: ты любишь Нелли всею силою души, чего она, впрочемъ, и заслуживаетъ. Старый отецъ твой, Симонъ, и старуха мать любятъ ее такъ, какъ будто она ихъ родное дитя, и тебѣ ничего не стоитъ сдѣлать, чтобы дѣвушка и въ самомъ дѣлѣ стала ихъ дочерью... Зачѣмъ ты не женишься на ней?

— По твоимъ словамъ; я могу заключить, что тебѣ извѣстны чувства Нелли?

— Это каждый знаетъ также хорошо, какъ и ты, Гарри,—вотъ почему у тебя и нѣтъ ревности ни ко мнѣ, ни къ другимъ. Но лѣстница сейчасъ опустится, и...

— Подожди, Жакъ! сказалъ Гарри, удерживая товарища, который уже занесъ ногу съ площадки на раскачивавшуюся ступеньку.

— Гарри! вскрикнулъ Жакъ, смѣясь,—ты хочешь меня изуродовать!

— Нѣтъ, Жакъ, выслушай меня; я говорю серьезно.

— Готовъ слушать до слѣдующаго размаха лѣстницы, но не дольше.

— Жакъ! сказалъ тогда Гарри,—мнѣ нечего скрывать отъ тебя, что я люблю Нелли; ничего я такъ не желаю, какъ видѣть ее моею женою...

— Ну, и хорошо.

— Но въ томъ положеніи, въ какомъ она теперь, мнѣ совѣстно требовать отъ нея рѣшительнаго отвѣта.

— Я тебя не понимаю, Гарри.

— Я хочу сказать, Жакъ, что Нелли никогда еще не выходила изъ этого подземелья, гдѣ она, вѣроятно, и родилась. Дѣвушка ничего не знаетъ о внѣшнемъ мірѣ; ей все придется изучать собственными глазами, а можетъ быть даже и сердцемъ. Почему я знаю, какое впечатлѣніе произведетъ на нее внѣшній міръ? Она совсѣмъ неземное созданіе, и мнѣ кажется, что если я потребую отъ нея теперь слова, жить постоянно въ каменноугольной копи, то это будетъ похоже, съ моей стороны, на желаніе воспользоваться ея невѣдѣніемъ. Понялъ-ли ты меня, Жакъ?

— Да, но не совсѣмъ... Я предвижу, однако, что пропущу, изъ-за тебя, слѣдующій размахъ лѣстницы.

— Жакъ, продолжалъ Гарри серьезнымъ тономъ,—ты долженъ выслушать меня даже и тогда, еслибъ всѣ эти подъемные машины перестали дѣйствовать, и еслибъ этой площадкѣ пришлось выскользнуть изъ подъ моихъ ногъ!

— Хорошо, Гарри; я люблю, когда со мною такъ говорятъ. И такъ, ты хочешь, вѣроятно, прежде чѣмъ жениться на Нелли, отослать ее въ пансіонъ, въ «Старую коптилку»?

— Нѣтъ, Жакъ, я съумѣю самъ воспитать для себя жену.

— Это и лучше, Гарри.

— Но я хочу, чтобы Нелли ознакомилась прежде съ внѣшнимъ міромъ... Подожди, я объясню это сравненіемъ. Положимъ, ты полюбилъ бы слѣпую дѣвушку. Еслибъ тебѣ было навѣрно извѣстно, что черезъ мѣсяцъ она будетъ видѣть, надѣюсь, ты женился бы на ней только послѣ ея излѣченія?

— Конечно, согласился Жакъ Райанъ.

— Вотъ видишь, Жакъ! Но вѣдь и Нелли все равно, что слѣпая. Прежде чѣмъ жениться на ней, я хочу, чтобъ она вполнѣ понимала, что, выходя за меня замужъ, она избираетъ именно меня, и должна подчиниться условіямъ моей жизни. Словомъ, я желаю, чтобы Нелли ознакомилась прежде съ внѣшнимъ міромъ.

— Ты хорошо, ты правильно судишь, Гарри! когда же ты думаешь приступить къ этому опыту?

— Черезъ мѣсяцъ, Жакъ, отвѣтилъ Гарри. —Теперь глаза Нелли все больше и больше привыкаютъ къ электрическому свѣту; черезъ мѣсяцъ, надѣюсь, она уже будетъ въ силахъ увидѣть землю съ ея чудесами! Нелли узнаетъ, что тамъ, наверху, болѣе обширный горизонтъ, чѣмъ здѣсь, въ темной копи; она пойметъ, что границы земнаго шара безпредѣльны...

Пока Гарри увлекался такимъ образомъ, Жакъ Райанъ сошелъ съ площадки и всталъ на слѣдующую ступеньку качающейся лѣстницы.

— Гдѣ же ты, Жакъ?

— Подъ тобою, отвѣчалъ, смѣясь, Жакъ: — ты подымаешься въ безпредѣльное пространство, а я опускаюсь въ пропасть!

— Прощай, Жакъ! отвѣтилъ Гарри, цѣпляясь за поднимающуюся лѣстницу.—Не говори никому о нашемъ сегодняшнемъ разговорѣ.

— Хорошо! закричалъ Жакъ,—только съ однимъ условіемъ...

— Съ какимъ?

— Чтобы при первомъ путешествіи Нелли на земную поверхность, я сопровождалъ васъ туда.

— Хорошо Жакъ, согласился Гарри.

Мало по малу, разстояніе между пріятелями увеличивалось; голоса ихъ слабѣли, но до Гарри долго еще доносились слова Жака:

— А знаешь, Гарри, что предпочтетъ Нелли, когда увидитъ звѣзды, солнце и луну?

— Нѣтъ, не знаю, Жакъ.

— Тебя, дружище, тебя одного!

Голосъ Жака, наконецъ замолкъ.

Гарри посвящалъ всѣ свободныя минуты образованію Нелли. Онъ выучилъ ее читать и писать, и молодая дѣвушка дѣлала удивительные успѣхи. Можно было подумать, что она инстинктивно обладала уже и прежде знаніями: всѣ удивлялись быстротѣ ея соображенія.

Симонъ и Маджъ, съ каждымъ днемъ, все больше и больше привязывались къ своей пріемной дочери; они часто задумывались также о ея прошломъ. Чувство Гарри къ Нелли не осталось для нихъ тайною, но они противъ этого ничего не имѣли.

Читатели, конечно, помнятъ, что, когда инженеръ, послѣ десятилѣтней разлуки, увидѣлся съ Симономъ Фордомъ въ старомъ коттэджѣ, старый надсмотрщикъ, между прочимъ, сказалъ ему:

— Зачѣмъ Гарри жениться? Ни одна дѣвушка съ земной поверхности не будетъ подъ стать моему сыну, которому суждено скоротать свой вѣкъ въ подземельи.

Провидѣніе какъ будто постаралось назначить Гарри именно такую подругу, какая ему требовалась. Старый надсмотрщикъ порѣшилъ уже въ душѣ, что если этой свадьбѣ суждено сбыться, то онъ задастъ въ Коль-Сити пиръ на весь міръ, такъ что рудокопы Ново-Аберфойльской копи не скоро его забудутъ.

Кромѣ Симона, было и еще одно лицо, не менѣе желавшее соединенія Нелли съ Гарри. Это былъ Джемсъ Старръ; у него также стояло на первомъ планѣ взаимное счастіе этой молодой четы, но имъ руководилъ другой, болѣе общій мотивъ.

Дѣло въ томъ, что Джемсъ Старръ не совсѣмъ еще успокоился относительно странныхъ, таинственныхъ событій, происшедшихъ при открытіи Ново-Аберфойля; одна только Нелли могла ихъ вполнѣ разъяснить. Но если аберфойльскимъ рудокопамъ угрожаютъ въ будущемъ новыя опасности, то какъ предупредить ихъ, не зная о причинѣ явленія?

— Нелли упорно молчала все это время, но она не будетъ въ состояніи долго скрывать свою тайну отъ мужа, часто говорилъ самому себѣ Джемсъ Старръ.—Опасность можетъ угрожать Гарри такъ же, какъ и намъ. Свадьба, отъ которой будетъ зависѣть благоденствіе супруговъ и всей Ново-Аберфойли, должна считаться счастливой.

Такъ разсуждалъ Джемсъ Старръ, и сообщилъ эту мысль старому Симону, а тотъ тотчасъ-же согласился съ нимъ, что онъ правъ. Повидимому, ничто не препятствовало соединенію Гарри съ Нелли.

И въ самомъ дѣлѣ, откуда могло встрѣтиться препятствіе? Гарри и Нелли любили другъ друга; родители не желали лучшей подруги для сына, а товарищи Гарри только завидовали его счастію, сознавая при этомъ, что онъ вполнѣ заслужилъ его. Съ другой стороны, молодая дѣвушка ни отъ кого не зависѣла и могла поступать по влеченію сердца.

Но чѣмъ слѣдовало объяснить, между прочимъ, то непонятное явленіе, что, когда, по окончаніи работъ, электрическій свѣтъ потухалъ, и наступала совершенная ночь, когда жители Коль-Сити расходились по домамъ,— въ самыхъ темныхъ закоулкахъ Ново-Аберфойля бродило, какъ тѣнь, какое-то таинственное существо? Что побуждало его проникать черезъ самыя узкія, почти непроходимыя галереи? Зачѣмъ подкрадывалось это загадочное существо къ берегамъ Малькольмскаго озера? Зачѣмъ направлялось оно всегда къ мѣсту жительства Симона Форда и совершало свои ночныя экскурсіи такъ осторожно, что даже никто не открылъ до сихъ поръ его присутствія? Зачѣмъ подходило оно къ окнамъ и приставляло ухо къ ставнямъ, стараясь подслушать разговоры обитателей коттэджа?

Зачѣмъ это таинственное существо грозило порой кулакомъ, когда до него долетали нѣкоторыя слова? Зачѣмъ, наконецъ, вырывалось у него нерѣдко восклицаніе:

— Она и онъ!... Никогда!

XVII.

Спустя мѣсяцъ, 20 августа, вечеромъ, Симонъ Фордъ и Маджъ провожали изъ коттэджа, съ самыми задушевными пожеланіями, четырехъ путешественниковъ.

Джемсъ Старръ, Гарри и Жакъ Райанъ отправлялись съ Нелли наверхъ,—туда, гдѣ она еще ни разу не была со дня своего рожденія. Эта прогулка должна была продолжаться два дня. Джемсъ Старръ, раздѣляя мнѣніе Гарри, хотѣлъ, чтобы молодая дѣвушка, въ теченіи двухъ сутокъ, увидѣла все, что было ей незнакомо, о чемъ она никогда не имѣла яснаго представленія, проводя всю свою жизнь въ темной каменноугольной копи; онъ желалъ раскрыть передъ нею движущуюся панораму городовъ, степей, горъ, рѣкъ, озеръ, заливовъ и морей.

Въ этой части Шотландіи, между Эдинбургомъ и Глазго, природа, какъ нарочно, соединила всѣ свои земныя чудеса. По всей странѣ, временами, небо вездѣ одинаково ясно, временами же одинаково покрыто облаками; луна то серебристо свѣтитъ, то заволакивается тучами; солнце вездѣ одинаково ярко блеститъ и грѣетъ, и вездѣ можно видѣть необъятный рой звѣздъ на темной синевѣ неба.

Симонъ Фордъ и Маджъ сочли бы за счастіе сопровождать Нелли; но, какъ читатели, вѣроятно, помнятъ, они неохотно разставались съ коттэджемъ и никакъ не могли рѣшиться, даже на сутки, выбраться изъ своего подземнаго жилища.

Джемсъ Старръ тщательно наблюдалъ за ощущеніями, испытываемыми Нелли; онъ старался объяснить ихъ себѣ съ психологической точки зрѣнія и какъ бы желалъ открыть что нибудь такое, что могло навести его на пониманіе таинственныхъ событій,— среди которыхъ протекло ея дѣтство.

Гарри задавался тревожною мыслью, не предстанетъ ли передъ нимъ, послѣ всего видѣннаго, новая Нелли, совсѣмъ непохожая на ту, которую онъ до сихъ поръ зналъ и любилъ.

Что же касается Жака Райана, онъ былъ веселъ, какъ зябликъ, вылетѣвшій при первыхъ лучахъ солнца, и надѣялся, что веселость его заразитъ и все остальное общество.

Нелли казалась задумчивой и какъ бы находилась въ состояніи духовнаго созерцанія.

Джемсъ Старръ не безъ основанія рѣшилъ, что отъѣздъ ихъ долженъ совершиться вечеромъ: нужно было, чтобы молодая дѣвушка постепенно переходила отъ подземнаго мрака къ дневному свѣту.

За нѣсколько минутъ до отъѣзда, Нелли взяла Гарри за руку и спросила:

— Гарри, я непремѣнно должна оставить каменноугольную копь на нѣсколько дней?

— Да, Нелли, отвѣтилъ Гарри,—это необходимо; это нужно и для тебя, и для меня!

— Но, послушай, Гарри, возразила Нелли, — съ тѣхъ поръ, какъ ты спасъ мнѣ жизнь, я такъ счастлива, что не желала бы ничего лучшаго. Ты образовалъ меня, — неужели этого недостаточно? Зачѣмъ мнѣ отправляться туда, наверхъ?

Гарри молча посмотрѣлъ на нее. Онъ почти раздѣлялъ мысли Нелли.

— Я понимаю тебя, дитя мое, сказалъ Джемсъ Старръ,—но необходимо, чтобы ты отправилась съ нами. Тебя сопровождаютъ тѣ, кого ты любишь, и съ ними же ты вернешься назадъ. Если, по возвращеніи изъ нашего путешествія, тебѣ захочется навсегда остаться въ копи, по примѣру старика Форда, Маджъ и Гарри, то никто не будетъ препятствовать твоему желанію. Я даже думаю, что это такъ именно и случится, и совершенно сочувствую тебѣ въ этомъ. Но, во всякомъ случаѣ, тогда ты въ состояніи будешь вѣрнѣе уяснить себѣ, что̀ ты покидаешь и на что̀ рѣшаешься. И такъ, сбирайся въ путь!

— Пойдемъ, дорогая Нелли, сказалъ Гарри.

— Гарри, я готова идти съ тобой.

Въ девять часовъ вечера, послѣдній поѣздъ уносилъ Нелли и ея спутниковъ на поверхность графства. Двадцать минутъ спустя, они уже высаживались въ дебаркадерѣ, откуда шла къ Стерлингу вѣтвь Дембартокской желѣзной дороги, по которой обыкновенно отправлялись жители Ново-Аберфойля.

Ночь была темная. На горизонтѣ поднимались кое-какія испаренія, движимыя сѣверо-восточнымъ вѣтеркомъ, освѣжавшимъ атмосферу. Такъ-какъ днемъ погода была хороша, то можно было надѣяться, что и ночь будетъ ясная.

Пріѣхавъ въ Стерлингъ, Нелли и ея спутники тотчасъ-же вышли изъ дебаркадера. Передъ ними, между большими деревьями, разстилалась дорога, шедшая къ берегу Форфа.

Первое ощущеніе, физически испытанное молодой дѣвушкой, былъ охватившій ее свѣжій воздухъ, который она начала жадно вдыхать.

— Вдыхай въ себя, Нелли, этотъ воздухъ, пропитанный всѣми благоуханіями деревни,—сказалъ Джемсъ Старръ.

— Что это за дымъ носится надъ нашими головами? спросила Нелли.

— Это облака, отвѣтилъ Гарри, — полусгущенные пары, уносящіеся вѣтромъ на западъ.

— Ахъ, замѣтила Нелли, съ какимъ удовольствіемъ, я унеслась бы въ этомъ тихомъ безмолвномъ вихрѣ! А что это за блестящія точки, выбѣгающія изъ-за облаковъ?

— Это звѣзды, о которыхъ я тебѣ говорилъ, Нелли. Все это—безчисленныя солнца, цѣлые міры, похожіе, быть можетъ, на нашъ міръ.

Между тѣмъ, созвѣздія стали все яснѣе выдѣляться на темно-синемъ сводѣ, съ котораго вѣтеръ, мало-по-малу, разгонялъ облака.

Нелли любовалась безчисленными звѣздами, разсѣянными въ небесномъ пространствѣ.

— Но если это солнца, замѣтила она,—то какъ же я могу выносить ихъ блескъ?

— Хотя это и солнца, отвѣтилъ Джемсъ Старръ,—но они очень удалены отъ насъ. Изъ видимыхъ тобою безчисленныхъ звѣздъ, самая ближайшая къ намъ звѣзда—Вега, изъ созвѣздія Лиры,—вонъ та, что прямо въ зенитѣ,—но и она удалена отъ насъ на пятьдесятъ тысячъ милліардовъ миль: блескъ ея не можетъ дѣйствовать на твое зрѣніе. Но завтра, наконецъ, ты увидишь наше солнце, и хотя оно тоже удалено отъ насъ на тридцать восемь милліоновъ миль, ни одинъ человѣческій глазъ не можетъ пристально смотрѣть на него: блескъ его ярче, чѣмъ раскаленное горнило. Пойдемъ дальше, Нелли!

Джемсъ Старръ велъ за руку молодую дѣвушку; Гарри шелъ сбоку; Жакъ Райанъ то отбѣгалъ, то возвращался назадъ, напоминая молодую собаку, выражающую нетерпѣніе и досаду на медленность движенія своего хозяина.

Дорога по которой они шли, была безлюдна. Нелли смотрѣла на силуэты большихъ деревьевъ, качавшихся отъ дѣйствія вѣтра. Они казались Нелли великанами, дѣлавшими различныя движенія. Шумъ вѣтра, наступившая затѣмъ внезапная тишина, горизонтъ, яснѣе выдѣлявшійся, когда дорога шла равниной,—все это дѣйствовало на Нелли какъ-то особенно; она сперва задавала вопросы и требовала объясненій относительно многихъ до того невидѣнныхъ ею, предметовъ, но потомъ наблюдала и любовалась всѣмъ молча. Спутники поняли, чему слѣдуетъ приписать это молчаніе, и не мѣшали ей сосредоточиваться.

Къ одинадцати съ половиною часамъ, они достигли сѣвернаго берега Форфскаго залива. Тамъ ихъ ждала лодка, нанятая раньше Джемсомъ Старръ, на которой имъ предстояло переѣхать къ Эдинбургскому порту.

Нелли смотрѣла въ воду, гдѣ отражались мерцающія звѣзды.

— Это озеро? спросила она.

— Нѣтъ, отвѣтилъ Гарри,—это большой заливъ, морской, съ проточной водой, устье рѣки. Зачерпни немного этой воды въ руку и отвѣдай: ты увидишь, что она не такая прѣсная и пріятная, какъ вода Малькольмскаго озера.

Молодая дѣвушка наклонилась, зачерпнула воды и поднесла ее ко рту.

— Вода какая-то соленая, замѣтила она.

— Да, это море загнало сюда воду, потому что тамъ теперь сильный приливъ. Три четверти земного шара покрыты такою же соленою водою.

— Но отчего же въ рѣкахъ бываетъ вода прѣсная? Развѣ вода, падающая съ облаковъ въ море не прѣсная?

— Вода, испаряясь, хотя бы и изъ моря, становится прѣсною, отвѣтилъ Джемсъ Старръ. —Облака образуются изъ паровъ, а вода, содержащаяся въ нихъ и падающая въ видѣ дождя, въ море, тоже прѣсная.

— Гарри! Гарри! воскликнула молодая дѣвушка,—посмотри, что это за огненная полоса на небѣ? Неужели это лѣсъ горитъ?

Нелли указывала рукой на восточную часть неба, на которой загоралась красноватая полоса.

— Нѣтъ, Нелли, отвѣчалъ Гарри,—это луна восходитъ.

— Да, луна, сказалъ Жакъ Райанъ:—это великолѣпный серебрянный подносъ, который небесные духи приводятъ въ движеніе, и въ который падаетъ безчисленное множество монетъ, иначе сказать—звѣздъ.

— А! замѣтилъ смѣясь, Джемсъ Старръ,—я и не подозрѣвалъ въ тебѣ, Жакъ, способности придумывать такія смѣлыя сравненія.

— Согласитесь г. Старръ, что мое сравненіе вѣрно. Посмотрите звѣзды исчезаютъ по мѣрѣ того, какъ подвигается луна. Поэтому то я и говорю, что звѣзды падаютъ на луну.

— Это значитъ, Жакъ, отвѣчалъ инженеръ,—что луна, своимъ блескомъ, затмѣваетъ блескъ звѣздъ шестой величины; оттого послѣднія и исчезаютъ при ея приближеніи.

— Какъ это все прекрасно! повторяла Нелли.—Но я думала, что луна круглая?

— Она круглая и есть, когда бываетъ полною, отвѣтилъ Джемсъ Старръ,—т. е. тогда, когда стоитъ прямо противъ солнца; но теперь наступила послѣдняя четверть луны, и она уже на ущербѣ. И такъ серебряный подносъ, по выраженію пріятеля Жака, теперь не больше, какъ блюдечко для бритья.

— О, какое обидное сравненіе, г. Старръ! вскричалъ Жакъ Райанъ:—я только что хотѣлъ запѣть пѣсню, гдѣ восхваляется луна, но ваши слова сдавили мнѣ горло.

Между тѣмъ луна поднималась все выше и выше, а вмѣстѣ съ этимъ рѣдѣли и послѣднія облака. Въ зенитѣ и на западной части неба, звѣзды все еще блистали на темномъ фонѣ, но лунный свѣтъ скоро уничтожилъ и ихъ. Нелли молча наслаждалась и любовалась этою чудною картиною; глаза ея не уставали отъ пріятнаго серебристаго свѣта луны, но рука замѣтно дрожала. Рука эта лежала въ рукѣ Гарри, и, по ея волненію, онъ лучше всего чувствовалъ, что происходитъ въ душѣ Нелли.

— Сядемъ теперь въ лодку, друзья, сказалъ Джемсъ Старръ:—мы еще до восхода солнца должны взобраться на возвышенность Артуръ-Сизъ.

Лодка была привязана у берега, а лодочникъ сидѣлъ возлѣ. Нелли и товарищи ея размѣстились въ ней какъ можно удобнѣе. Наставили парусъ, который тотчасъ-же надулся отъ попутнаго сѣверо-западнаго вѣтра.

Эта первая поѣздка по водѣ на поверхности земли произвела сильное впечатлѣніе на молодую дѣвушку. Ей нѣсколько разъ приходилось ѣздить по озерамъ Ново-Аберфойля, но какъ мѣрно ни управлялъ веслами Гарри, все же тамъ чувствовалось усиліе гребца; но тутъ, въ первый разъ, Нелли плавно скользила по водной равнинѣ. Это движеніе можно сравнить съ передвиженіемъ аэростата въ воздухѣ. Поверхность залива чуть-чуть рябила. Нелли сидѣла полулежа, немного отбросившись назадъ, и безъ сопротивленія отдавалась мѣрному покачиванію лодки. Отъ времени до времени, поверхность Форфскаго залива освѣщалась луною, и тогда казалось, что лодка скользитъ по блестящей серебряной скатерти. Небольшія волны плавно катились къ берегу. Но глаза Нелли постепенно смыкались; ею овладѣла какая-то сладкая дремота: голова ея склонилась на грудь Гарри, и Нелли крѣпко заснула на этой груди.

Гарри хотѣлъ разбудить ее, ему хотѣлось, чтобы она ничего не пропустила. Но Джемсъ Старръ отсовѣтовалъ ему это, говоря:

— Не тревожь ее: двухчасовой сонъ лучше приготовитъ ее къ воспринятію дневныхъ впечатлѣній.

Въ два часа утра лодка причалила къ Гронтонской пристани. Нелли проснулась какъ-разъ въ минуту остановки.

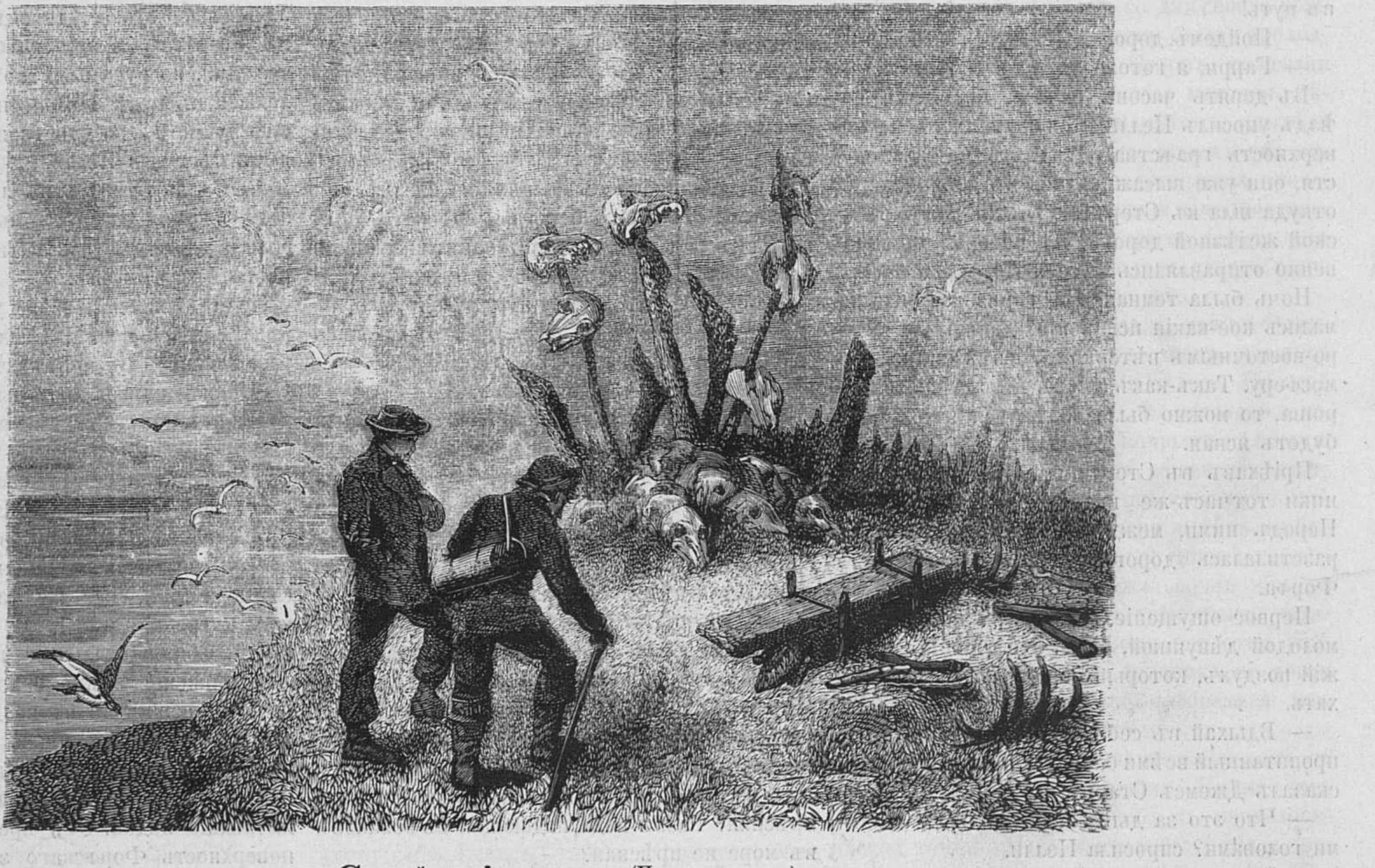
— Я спала? спросила она.

— Нѣтъ, дитя мое, сказалъ Джемсъ Старръ,—тебѣ приснилось, что ты спала.

Ночь была уже очень свѣтла. Луна находилась теперь посреди неба и испускала лучи по всему небосклону.

Въ Грантонскомъ портѣ стояло на якорѣ нѣсколько рыболовныхъ лодокъ, тихо качавшихся отъ небольшого волненія залива. Съ приближеніемъ утра, вѣтеръ спадалъ. Воздухъ былъ необыкновенно чистъ, что предвѣщало великолѣпный осенній день, какіе бываютъ только по сосѣдству съ моремъ. Изъза горизонта поднимались легкіе пары, столь прозрачные, что первые лучи солнца должны были сразу разсѣять ихъ. Молодая дѣвушка могла вдоволь налюбоваться чуднымъ зрѣлищемъ моря, когда оно на горизонтѣ, какъ кажется наблюдателю, сливается съ небосклономъ.

Гарри взялъ Нелли подъ-руку, и они пошли за Джемсомъ Старромъ и Жакомъ Райаномъ, по опустѣвшимъ улицамъ предмѣстья столицы Шотландіи, которое представилось Нелли очень похожимъ на «Угольный городъ», съ тою только разницей, что здѣсь сводъ былъ болѣе удаленъ, и что на этомъ сводѣ мерцали блестящія точки. Она бодро шла впередъ, такъ-что Гарри пересталъ опасаться, что утомитъ ее своимъ крупнымъ шагомъ. Послѣ получасовой ходьбы, онъ, однакожъ, спросилъ ее:



Самоѣдскіе идолы. (Полярн. экспед.)

— Ты не устала?

— Нѣтъ, Гарри. Мнѣ кажется, что мои ноги даже не прикасаются къ землѣ. Небо очень высоко надъ нами, но я охотно полетѣла бы туда, вверхъ.

— Смотри, не спускай съ нея глазъ, Гарри, закричалъ Жакъ Райанъ: — она, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ улетитъ! Я испытываю тоже самое, когда долго не выѣзжаю изъ каменноугольной копи.

— Это можно объяснить тѣмъ, сказалъ Джемсъ Старръ, — что въ копи, мы чувствуемъ на себѣ давленіе шифернаго свода, покрывающаго весь «Угольный городъ». Какъ вырвешься изъ копи, то небо представляется въ видѣ бездонной пропасти, въ которую такъ и хочется броситься. Ты, вѣроятно, ощущаешь тоже самое, Нелли?

— Да, г. Старръ, отвѣтила молодая дѣвушка, — я чувствую какъ будто головокруженіе.

— Привыкнешь, Нелли, сказалъ Гарри,— привыкнешь къ этому необозримому внѣшнему міру и забудешь тогда нашу мрачную каменноугольную копь.

— Этого никогда не будетъ, Гарри! отвѣтила Нелли. Говоря это, молодая дѣвушка поднесла руку къ глазамъ, какъ бы желая вызвать въ памяти все, что она покинула въ копи.

Джемсъ Старръ и его спутники проходили, между тѣмъ, по тихимъ улицамъ спящаго предмѣстья. Вотъ они уже миновали Лейтскій бульваръ, обогнули Кальтонъ-Гилль, гдѣ еще неясно различались обсерваторія и памятникъ Нельсона, прошли по Регентской улицѣ, перешли черезъ мостъ и прямымъ путемъ достигли, наконецъ, окраины города Кононгэтъ.

Въ городѣ все было тихо, жизнь нигдѣ еще не закипала. На готической колокольнѣ кононгэтской церкви пробило два часа. Нелли остановилась.

— Что это такое? вотъ эта неясная масса? спросила она, указывая на какое-то зданіе, возвышавшееся на небольшой площади, нѣсколько въ сторонѣ.

— Эта масса, сказалъ Джемсъ Старръ, — дворецъ древнихъ шотландскихъ королей. Онъ называется Голирудъ; въ немъ нѣкогда совершались ужасныя дѣла. Не смотря на странныя событія, свидѣтелемъ которыхъ былъ этотъ дворецъ, ты не найдешь его слишкомъ мрачнымъ при дневномъ свѣтѣ. Голирудъ, со своими четырьмя большими зубчатыми башнями, похожъ скорѣе на увеселительный замокъ какого нибудь владѣтельнаго лица, придавшаго ему нарочно феодальный видъ. Но будемъ продолжать нашъ путь. Какъ-разъ посрединѣ ограды древняго аббатства Голирудъ находятся прелестныя Салисбюрнскія скалы, возвышающіяся надъ Артуръ-Ситомъ, — на нихъ-то мы и взберемся. Съ ихъ вершины ты увидишь восходъ солнца изъ-за морского горизонта.

Артуръ-Ситъ—холмъ въ 750 футовъ вышины, возвышающійся надъ всѣми сосѣдними холмами. Менѣе, чѣмъ въ полчаса, Джемсъ Старръ и его спутники достигли, по отлогой дорожкѣ, вершины Артуръ-Сита, которая, — если смотрѣть на нее съ запада, — очень похожа на черепъ льва.

Тамъ они всѣ усѣлись, и Джемсъ Старръ, всегда имѣвшій на-готовѣ какія-нибудь цитаты изъ великихъ писателей, сказалъ:

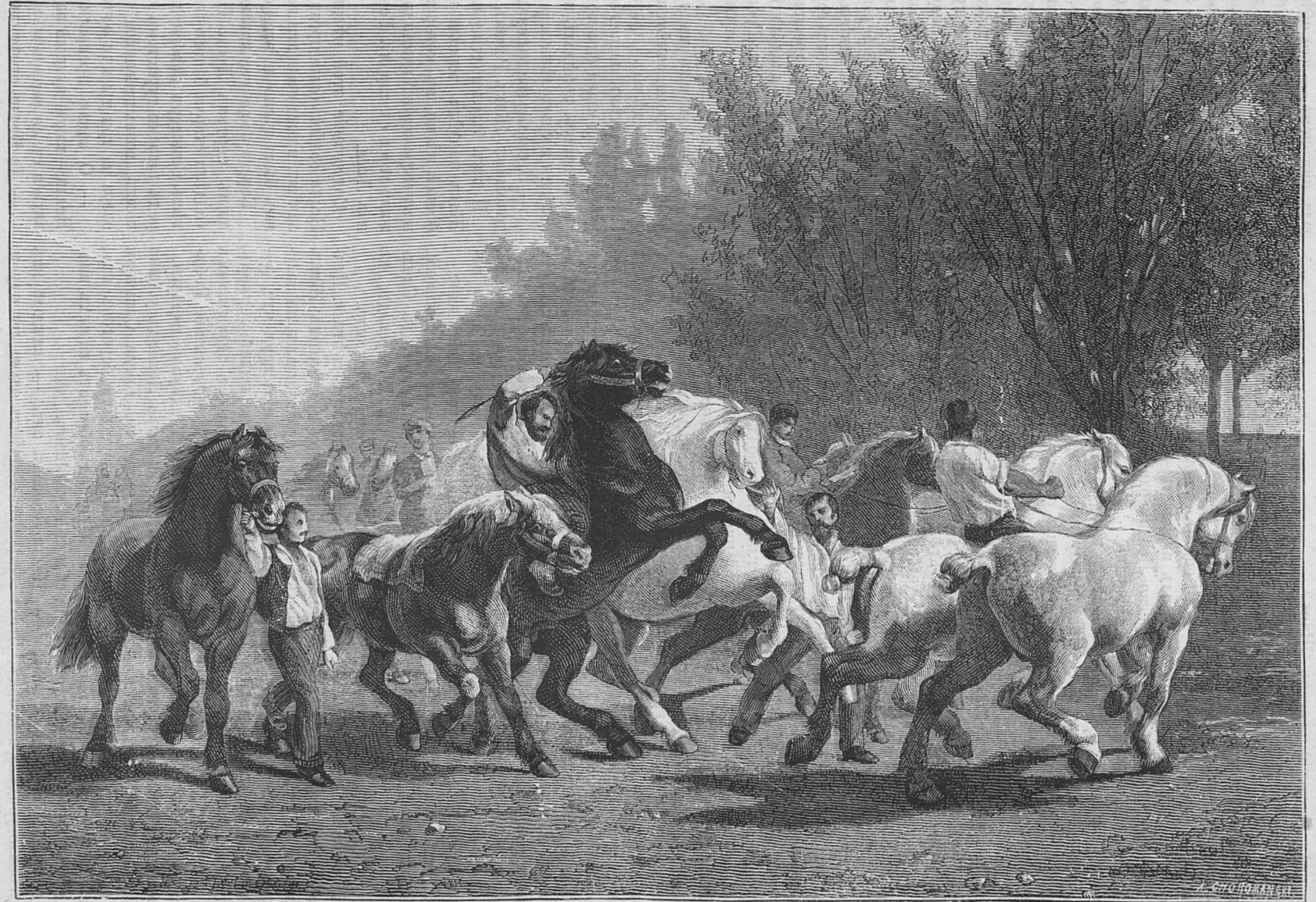
— Вотъ-что написалъ Вальтеръ Скоттъ въ восьмой главѣ своей «Эдинбургской тюрьмы»: «Еслибъ мнѣ предоставили выбрать мѣсто, съ котораго лучше всего слѣдить за восходомъ и захожденіемъ солнца, то я непремѣнно пришелъ бы на Артуръ-Ситъ». Имѣй терпѣніе, Нелли: солнце теперь уже скоро взойдетъ, и ты въ первый разъ увидишь это свѣтило во всемъ его великолѣпіи.

Взоры молодой дѣвушки были обращены на востокъ. Гарри стоялъ возлѣ Нелли и наблюдалъ за ней съ очевидною тревогой. Не слишкомъ-ли сильно подѣйствуютъ на нее первые лучи дневного свѣтила? Всѣ, не исключая и Жака Райана, хранили глубокое молчаніе.

На горизонтѣ, застланномъ легкими облачками, появилась теперь блѣдно-розоватая полоска. У подошвы Артуръ-Сита былъ видѣнъ неясно Эдинбургъ. Кое-гдѣ показывались свѣтящіяся точки: это просыпались обыватели древняго города, встающіе обыкновенно съ разсвѣтомъ.

Окружность моря яснѣе обозначилась на горизонтѣ; цвѣта, мало по малу, располагались въ видѣ солнечнаго спектра: отъ крайнихъ слабыхъ испареній шелъ красный цвѣтъ, который, постепенно поднимаясь, переходилъ у зенита въ фіолетовый. Тѣни выступали все рѣзче и рѣзче: розовая переходила въ красную, а красная превращалась въ огненный цвѣтъ.

Нелли смотрѣла на городъ, начинавшій теперь выдѣляться яснѣе. Можно было уже различить нѣсколько остроконечныхъ колоколенъ и большихъ зданій; въ воздухѣ распространялся какой-то слабый свѣтъ. Наконецъ, первый лучъ отразился въ глазахъ молодой дѣвушки. Это былъ тотъ зеленый лучъ, который выходитъ изъ моря по ут-



Возвращеніе съ конской ярмарки.

рамъ и по вечерамъ, когда воздухъ бываетъ совершенно чистъ.

Спустя полминуты, Нелли вскочила на ноги, протянула руку по направленію какой-то точки въ кварталахъ новаго города, и закричала:

— Пожаръ!

— Нѣтъ, Нелли, это не пожаръ: это солнечные лучи, освѣщающіе памятникъ Вальтера Скотта.

Въ самомъ дѣлѣ, верхушка памятника точно горѣла, испуская цвѣтъ, похожій на огонь маяка самой большой величины.

Наконецъ наступилъ день. Солнце вышло изъ-за горизонта; но дискъ его казался какимъ-то влажнымъ, точно оно и въ самомъ дѣлѣ вышло изъ воды. Вскорѣ, однакожъ, блескъ дневного свѣтила сдѣлался таковъ, что на него уже невозможно было долго смотрѣть. Нелли закрыла глаза руками.

Гарри умолялъ ее отвернуться отъ солнца.

— Нѣтъ, Гарри, мои глаза должны привыкнуть видѣть то, что видишь и ты!

Она, мало по малу, раскрывала глаза и, открывъ ихъ совсѣмъ, увидѣла Божій міръ во всемъ его блескѣ. Набожная дѣвушка опустилась на колѣни и воскликнула:

— О, Боже, какъ чудно-роскошенъ и хорошъ твой міръ!

Послѣ этого, Нелли посмотрѣла внизъ. У подошвы горы развертывалась великолѣпная панорама: тамъ видѣнъ былъ Эдинбургъ, съ его новыми кварталами и ихъ прямыми улицами, съ его старымъ городомъ, съ скученными домами, перекрещенными безпорядочной сѣтью переулковъ и закоулковъ. Надъ городомъ возвышались двѣ горы: замокъ, выстроенный на базальтовой скалѣ, и Кальтонъ-Гилль, на которомъ виднѣлись еще недавнія развалины памятника въ греческомъ стилѣ. Отъ города развѣтвлялось множество дорогъ, изящно обсаженныхъ деревьями. Къ сѣверу Форфскій заливъ глубоко врѣзывался въ берегъ, на которомъ расположенъ Лейтскій портъ. Ниже начинался живописный Файфскій берегъ. Прямая дорога, напоминающая Пирейскую, шла отъ моря къ этимъ сѣвернымъ Афинамъ. Къ западу тянулись прекрасные берега Ньюгавена и Порто-Белло, оттѣнявшіеся желтоватымъ пескомъ. Въ открытомъ морѣ виднѣлось нѣсколько шлюпокъ и дымились два-три парохода. Вдали зеленѣла обширная равнина; небольшіе холмики разнообразили мѣстность. На сѣверѣ поднимались Ломондскія горы, на западѣ Бенъ-Ломондскія и Бенъ-Ледискія, отъ которыхъ лучи солнечные отражались такъ, какъ будто ихъ вершины были покрыты вѣчными льдами.

Нелли не могла говорить. Губы ея безсознательно шевелились и издавали неясные звуки. Руки ея дрожали; ею овладѣло головокруженіе; силы оставляли ее. Отъ чистаго свѣжаго воздуха, отъ чуднаго зрѣлища, въ первый разъ ею видѣннаго, она ослабѣла, и безъ чувствъ упала въ объятія Гарри.

Эта молодая дѣвушка, проведшая всю жизнь въ нѣдрахъ земли, увидѣла, наконецъ, внѣшній міръ, созданный Богомъ и воздѣланный человѣкомъ. Она впервые обняла взоромъ безконечное море и безпредѣльное небо.

XVIII.

Отдохнувъ и подкрѣпивъ силы завтракомъ, общество нашихъ путешественниковъ отправилось въ страну озеръ.

Къ Нелли возвратились силы; глаза ея привыкли къ дневному свѣту и легкія свободно втягивали въ себя живительный и здоровый воздухъ; она съ восторгомъ любовалась разнообразной растительностью, голубымъ небомъ и красивыми насѣкомыми.

Они сѣли въ вагонъ и поѣхали по Эдинбурго-гласговской желѣзной дорогѣ, намѣреваясь черезъ Дембартонъ и Баллохъ достигнуть южной оконечности озера Ломонда.

— Здѣсь жили Робъ-Рой и Фергусъ Мак-Грегоръ! вскричалъ Джемсъ Старръ. — Эта страна поэтически воспѣта Вальтеръ Скоттомъ! — Ты не знакомъ съ этой страной, Жакъ?

— Я знакомъ съ нею по ея пѣснямъ, г. Старръ, отвѣчалъ Жакъ Райанъ; — судя по этимъ пѣснямъ, надо думать, что эта страна прекрасна!

— О! она въ самомъ дѣлѣ прекрасна подтвердилъ инженеръ. — Я увѣренъ, что наша дорогая Нелли сохранитъ о ней пріятное воспоминаніе.

— Имѣя васъ, г. Старръ въ нашей компаніи, мы получимъ двойную пользу отъ нашего путешествія, сказалъ Гарри. — Пока мы будемъ любоваться мѣстностью, вы намъ разскажете ея исторію.

— Изволь, Гарри, я сдѣлаю это съ удовольствіемъ, сказалъ инженеръ, — если только память мнѣ не измѣнитъ, но подъ однимъ условіемъ: когда я устану разсказывать, веселый Жакъ долженъ будетъ пѣть намъ свои пѣсни.

— Объ этомъ меня не зачѣмъ просить, возразилъ Жакъ Райанъ и взялъ очень высокую ноту.

Желѣзная дорога проходитъ черезъ Дембартонъ, главный городъ графства; замокъ, служившій иногда королевской резиденціей, стоитъ еще нетронутый временемъ; онъ живописно расположенъ на двухъ базальтовыхъ скалахъ.

Городъ Дембартонъ стоитъ при сліяніи рѣкъ Кляйда и Левена. Джемсъ Старръ разсказалъ нѣсколько эпизодовъ изъ исторіи несчастной Маріи Стюартъ. Изъ замка Дембартона она поѣхала во Францію, какъ невѣста Франциска II, короля французскаго. Въ 1815 году англичане намѣревались заключить въ Дембартонскій замокъ Наполеона I, но потомъ остановились на островѣ Св. Елены.

Вскорѣ поѣздъ остановился въ Баллохѣ. Наши путники пересѣли на пароходъ Синклеръ, отправлявшійся въ Инверснэдъ, на сѣверной оконечности озера Ломондъ.

Съ самаго утра солнце ярко свѣтило. Нелли сидѣла между Гарри и Джемсомъ; Жакъ Райанъ безпрестанно прохаживался по палубѣ и осыпалъ вопросами инженера, что, поправдѣ сказать, было даже излишне: Старръ, и не дожидаясь вопросовъ, съ энтузіазмомъ описывалъ страну, гдѣ знаменитый Робъ-Рой совершалъ свои легендарные подвиги.

Въ самомъ началѣ озеро Ломондъ усѣяно множествомъ островковъ. Когда Синклеръ проходилъ мимо скалистыхъ береговъ ихъ, Старръ не замедлилъ обратить на нихъ вниманіе своихъ спутниковъ.

— Нелли, сказалъ онъ, — каждый изъ этихъ островковъ имѣетъ свою легенду и, можетъ быть, даже собственныя пѣсни, равно какъ и горы возвышающіяся вдоль озернаго берега. Можно безъ преувеличенія сказать, что почти вся исторія Шотландіи имѣетъ связь съ этими горами и островами.

— Знаете, г. Старръ, что̀ напоминаетъ мнѣ эта часть Ломонда?

— Что̀, Гарри?

— Тысячу островокъ озера Онтаріо, такъ прекрасно описанныхъ Куперомъ. Тебя также, милая Нелли, должно поражать это сходство; нѣсколько дней тому назадъ, я прочелъ тебѣ этотъ романъ, который, по справедливости, считается лучшимъ произведеніемъ американскаго романиста.

— Да, Гарри, отвѣчала Нелли; — эта мѣстность очень похожа на описанную Куперомъ. Обрати вниманіе, что нашъ пароходъ Синклеръ такъ же точно скользитъ между этими островами, какъ у Купера пароходъ Жасперъ, плывшій по Онтаріо.

— Это сходство только доказываетъ, сказалъ инженеръ, — что обѣ мѣстности были вполнѣ достойны вниманія великихъ писателей. Я не видѣлъ, Гарри, тысячи остроьовъ Онтаріо, но сомнѣваюсь, чтобы они были такъ же живописны, какъ нашъ Ломондскій архипелагъ. Полюбуйтесь этимъ пейзажемъ! Вотъ островъ Муррей съ старою крѣпостью Ленoксъ, гдѣ жила старуха герцогиня Альбани послѣ смерти своего отца, мужа и двухъ сыновей, казненныхъ по приказанію Якова I. Вотъ острова Кляръ, Кро, Торръ; одни скалисты, дики, лишены всякой растительности, другіе покрыты густою травою, березою и лиственницею; тамъ цѣлыя поляны обросли верескомъ, теперь пожелтѣвшимъ и высохшимъ. Право, я не могу допустить, чтобы озеро Онтаріо съ его многочисленными островами было болѣе живописно!

— Какой это портъ? спросила Нелли, указывая на восточный берегъ озера.

— Это Бальмага, отвѣчалъ Джемсъ Старръ. — За нимъ начинается гористая Шотландія. Видите развалины древняго греческаго монастыря; на его кладбищѣ покоятся многіе члены семейства Мак-Грегора, имя котораго до сихъ поръ живо сохранилось въ Шотландіи.

— Развѣ только по пролитой этимъ семействомъ крови, замѣтилъ Гарри.

— Ты сдѣлалъ правильное замѣчаніе, Гарри; — но тѣмъ не менѣе нужно сознаться, что военная слава самая громкая. Разсказы о сраженіяхъ, побѣдахъ переходятъ изъ поколѣнія въ поколѣніе....

— И еще болѣе запечатлѣваются пѣснями, дополнилъ Жакъ Райанъ.

И какъ бы въ подтвержденіе своихъ словъ Жакъ пропѣлъ первый куплетъ старинной боевой пѣсни, въ которой воспѣвались подвиги и сраженія Александра Мак-Грегора, сражавшагося съ сэромъ Генфри Колькоуромъ, изъ Люса.

Содержаніе этой пѣсни навело тоску на Нелли. Зачѣмъ было проливать столько крови, зачѣмъ враждовали эти люди, точно имъ обоимъ было тѣсно на этой обширной равнинѣ.

Берега озера съуживаются передъ небольшимъ портомъ Люсъ. Нелли на мгновеніе увидѣла старую башню стариннаго замка; затѣмъ Синклеръ повернулъ къ сѣверу и передъ глазами туристовъ открылся Бенъ-Ломондъ, возвышающійся надъ поверхностью озера на три тысячи футовъ.

— О какая прекрасная гора! вскричала Нелли; — какой чудный видъ долженъ открываться съ ея вершины.

— Да Нелли, отвѣтилъ Джемсъ Старръ, — посмотри, какъ ея вершина гордо выдѣляется изъ группы березъ, дубовъ и лиственницъ, покрывающихъ нижніе склоны горы! Оттуда открывается видъ на двѣ трети нашей древней Каледоніи. Здѣсь, на восточной половинѣ озера жилъ кланъ Макъ-Грегора. Здѣсь якобиты и гановерцы не разъ сражались между собою. Въ ущельяхъ этой горы до сихъ поръ еще эхо часто повторяетъ незабвенныя имена Робъ-Роя и Мак-Грегора Кампбеля.

Бенъ-Ломондъ, крайняя вершина цѣпи Грампіенскихъ горъ, дѣйствительно имѣла полное право на вниманіе великаго шотландскаго романиста. Джемсъ Старръ замѣтилъ, что въ мірѣ, конечно, есть болѣе высокія горы, вершины которыхъ покрыты вѣчными снѣгами; но трудно найти гору болѣе — поэтическую, чѣмъ Бенъ-Ломонъ.

— И подумаешь, прибавилъ онъ, — всей горой Бенъ-Ломондъ владѣетъ одинъ герцогъ Монтрозъ! Въ огромныхъ имѣніяхъ его свѣтлости эта гора занимаетъ такое же относительное положеніе, какъ маленькій палисадникъ при домѣ небогатаго купца въ лондонскихъ предмѣстьяхъ.

Синклеръ подошелъ къ деревнѣ Торбетъ, гдѣ должны были высадиться путешественники, ѣхавшіе въ Инверари. Съ этого мѣста Бенъ-Ломондъ особенно красивъ. Далѣе страна становилась скалистѣе; кое гдѣ виднѣлись одинокія деревья, между ними были и вербы, изъ которыхъ въ прежнія времена гнули петли для висѣлицъ и вѣшали на нихъ бѣдняковъ.

— Этимъ способомъ соблюдали экономію въ веревкахъ, сказалъ Джемсъ Старръ.

Озеро къ сѣверу постепенно съуживалось. Возвышающіяся по бокамъ горы какъ бы сдвигали его. Пароходъ проплылъ еще мимо нѣсколькихъ островковъ. На одномъ изъ нихъ виднѣлись развалины крѣпости, принадлежавшей Макфорлэну. Наконецъ Синклеръ подошелъ къ пристани Инверследъ.

Въ ожиданіи завтрака Нелли и ея ступники осмотрѣли горный потокъ, быстро несущійся съ значительной высоты и впадающій въ озеро. Онъ точно имѣлъ назначеніе служить развлеченіемъ туристамъ. Черезъ потокъ былъ переброшенъ легкій мостикъ; отсюда открывался широкій видъ почти на все озеро Ломондъ, и Синклеръ казался ничтожною точкою на его поверхности.

Послѣ завтрака наши путники отправились на озеро Катринъ въ экипажѣ съ гербомъ фамиліи Бридальбанъ, въ былыя времена снабжавшей скитавшагося Робъ-Роя водою и дровами.

Гарри посадилъ Нелли на имперіалъ; спутники ея усѣлись возлѣ нея. Статный кучеръ въ красной ливреѣ тронулъ возжами и четверка лошадей дружно потащила экипажъ въ гору, вдоль извилистаго горнаго потока.

Дорога въ гору шла очень круто. По мѣрѣ того, какъ экипажъ подымался выше, величественно обрисовывалась горная цѣпь противоположнаго берега озера—вершины Аррокгаръ гордо возвышались надъ инвернагаской долиной. По лѣвую руку выдвигался Бенъ-Ломондъ, съ его крутымъ сѣвернымъ склономъ.

Мѣстность между озерами Ломондъ и Катринъ дика и живописна. Въ самомъ началѣ она изрѣзана узкими ущельями, идущими вплоть до Аберфойля. При этомъ имени сердце молодой дѣвушки болѣзненно сжалось; оно вызвало въ ней воспоминанія о страшныхъ подземельяхъ, гдѣ она провела все свое дѣтство. Замѣтивъ это, Джемсъ Старръ поспѣшилъ развлечь ее разсказами, что вполнѣ соотвѣтствововало его желанію, потому что въ это время они проѣзжали по берегу небольшаго озера Ардъ, бывшаго свидѣтелемъ подвиговъ Робъ-Роя. Почва здѣсь была известковая, перемѣшанная съ булыжникомъ и превратившаяся отъ времени и отъ вліянія атмосферы въ твердую цементоватую массу. Между развалившимися овчарнями торчали бѣдныя хижины, походившія скорѣе на звѣриныя берлоги, чѣмъ на людское жилье. Нѣсколько мальчишекъ съ блѣдно-русыми волосами съ широко-раскрытыми глазами, высовываясь изъ оконъ хижинъ, провожали любопытными взглядами проѣзжавшій экипажъ.

— Здѣсь, сказалъ Джемсъ Старръ,—жилъ и дѣйствовалъ Робъ Рой. У этой хижины былъ схваченъ милиціей графства Ленноксъ судья Николь Ижарви, достойный сынъ своего отца, діакона. Видите на этой рѣчкѣ бродъ; черезъ него перешелъ Робъ-Рой, спасаясь отъ солдатъ герцога Монтроза. Еслибы ему были знакомы темные закоулки нашей копи, онъ смѣло могъ бы спуститься въ нее, не рискуя быть пойманнымъ! Здѣсь, друзья мои, каждое мѣсто напоминаетъ прошлое, которымъ вдохновлялся Вальтеръ Скоттъ, когда перефразировалъ въ великолѣпныхъ строфахъ призывъ къ оружію клана Макъ Грегора.

Экипажъ, поднявшись по крутымъ берегамъ горнаго потока, спустился въ долину безлѣсную, безводную, покрытую однимъ верескомъ Въ иныхъ мѣстахъ возвышались пирамидальныя груды камней.

— Это кладбище героевъ, сказалъ Джемсъ Старръ. — Въ прежнія времена каждый прохожій былъ обязанъ класть сюда камень, для отданія чести воинамъ, погребеннымъ въ этихъ могилахъ. Еслибы этотъ обычай держался до сихъ поръ, то здѣсь, вѣроятно, образовались бы цѣлыя горы. Здѣсь все способствуетъ развитію поэтическаго чувства. Здѣсь воображеніе всегда напряжено и еслибы родина грековъ была ровная и низменная, они бы не создали своей поэтической мифологіи.

Едва окончилъ свою рѣчь Старръ, экипажъ остановился у гостинницы Стронаклакеръ, на берегу озера Катринъ. У берега стоялъ на готовѣ къ отплытію пароходъ «Робъ-Рой». Путешественники заняли мѣста на немъ и онъ вскорѣ отчалилъ.

Озеро Катринъ не велико—длина его десять англійскихъ миль, а ширина двѣ. Первыя горы, мимо которыхъ проѣхали Нелли и ея спутники, имѣла величественный характеръ.

— Это озеро, замѣтилъ Джемсъ Старръ—никогда не замерзаетъ. Я считаю не лишнимъ напомнить, что оно подало поводъ къ легендѣ «Дѣва озера». Если Жакъ попристальнѣе посмотритъ вдаль, я готовъ пари держать, что онъ увидитъ на поверхности озера легкую скользящую тѣнь прекрасной Елены Дугласъ!

— Конечно, г. Старръ! почему и не увидѣть ее? отчего и не предположить, что эта прекрасная женщина можетъ показаться на поверхности озера Катринъ? Появляются же горные духи въ каменноугольной копи на водахъ озера Малькольмъ!

Въ это мгновеніе раздались звуки волынки; игралъ горецъ, одѣтый въ національный костюмъ; черезъ нѣсколько минутъ пассажиры «Робъ-Роя» услышали простую, нѣжную и тихую пѣсню; въ тонѣ ея напѣва слышались и дуновеніе вѣтра и журчаніе ручья и шелестъ листьевъ, только припѣвъ былъ нѣсколько странный; музыкальная фраза состояла изъ трехъ тактовъ въ два темпа и одного такта въ три темпа. Эта пѣсня въ противоположность стариннымъ пѣснямъ была въ мажорномъ тонѣ.

Жакъ Райанъ чувствовалъ себя на верху блаженства. Онъ зналъ эту пѣсню о шотландскихъ озерахъ; когда горецъ окончилъ ее, онъ запѣлъ своимъ звучнымъ голосомъ гимнъ, посвященный поэтическимъ легендамъ древней Каледоніи.

Нелли нѣсколько утомилась отъ напряженнаго состоянія, въ которомъ она находилась. Она уже не говорила; по временамъ только у нея вырывалось восклицаніе: «Боже мой! Боже мой, какъ это прекрасно»? Ей необходимъ былъ отдыхъ. Гарри взялъ ее за руку.

— Нелли, милая моя Нелли, сказалъ онъ съ волненіемъ,—мы скоро вернемся въ наше темное жилье. Не будешь-ли ты сожалѣть о томъ, что видѣла здѣсь и не является-ли у тебя желаніе здѣсь остаться?

— Все, что я видѣла, я сохраню въ памяти, но за счастье сочту вернуться съ тобою въ дорогую нашу Аберфойль.

— Нелли, хочешь чтобы мы на всегда соединились въ священномъ мѣстѣ? Согласна-ли ты быть моей женою?

— Да, Гарри, отвѣтила Нелли, свѣтло и искренно посмотрѣвъ ему въ глаза; — я то хочу, но не знаю, въ состояніи-ли буду сдѣлать тебя счастливымъ....

Нелли не успѣла окончить фразы, отъ которой зависѣла будущность Гарри, какъ произошло какое-то необъяснимое явленіе.

Несмотря на то, что Робъ-Рой находился еще въ полу-милѣ отъ берега, онъ получилъ сильное сотрясеніе. Киль его ударился о дно озера и никакими усиліями нельзя было его вытащить.

Въ чемъ заключалась причина этого явленія? По смутнымъ догадкамъ, пассажиры предположили, что въ восточной части озера Катринъ вода разомъ вытекла, точно дно озера треснуло и втянуло воду въ нѣдро земли. Вода исчезла такъ же быстро, какъ во время отлива послѣ сильнаго равноденственнаго прилива.

— Друзья мои, вскричалъ Джемсъ Старръ, — если это такъ, Господь спасаетъ Новую Аберфойль.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ЛѢТНЯЯ НОЧЬ.

Ночь спустилась... Тѣни
Длинныя лежатъ;
Льется отъ растеній
Сильный ароматъ.

Синей мглой одѣтый,
Дремлетъ темный лѣсъ,
Столько блеска, свѣта
Льетъ луна съ небесъ.

Вѣтеръ мягкій, нѣжный
Вѣетъ надъ водой
И шуршитъ въ прибрежной
Осокѣ густой.

Сонмомъ звѣздъ блистаетъ
Голубой эфиръ...
Надъ землей витаетъ
Благодатный миръ...

Замерли всѣ звуки,
Тишина кругомъ, —
И стихаютъ муки
На сердцѣ больномъ.

Можешь въ это время
Ты легко вздохнуть,
Жизни тяжкой бремя
Съ плечъ своихъ стряхнуть.

Сладкія мгновенья
Кроетъ эта ночь, —
И съ души сомнѣнья
Отгоняетъ прочь...

Петръ Быковъ.

Рѣшеніе Залевка.

(По Плутарху.)

Въ великой Греціи, въ ея цвѣтущій вѣкъ,
Смиренно жилъ мудрецъ, по имени Залевкъ;
И и́здалъ онъ законъ (давно ужъ отмѣненный), —
Что всякъ прелюбодѣй, на мѣстѣ уличенный,
Лишится зрѣнія за свой тяжелый грѣхъ, —
Дабы примѣръ такой подѣйствовалъ на всѣхъ.
И много граждан такъ ослѣплѣно ужъ было....
Какъ вдругъ, Залевка сынъ возлюбленный и милый
Въ томъ сладостномъ грѣхѣ былъ также уличенъ,
Но, въ честь заслугъ отца, былъ судьями прощенъ.
Когда узналъ Залевкъ неправое рѣшенье,
Онъ вновь созвалъ судей, отвергнувъ снисхожденье:
«Нельзя!» сказалъ мудрецъ: «я самъ издалъ законъ;
Пусть будетъ примѣненъ и къ сыну также онъ.
Но если, точно, вы почтить меня хотите, —
Одинъ глазъ у него, другой же — мой возьмите».
И судьи, выслушавъ Залевка съ изумленьемъ,
Исполнили его отцовское рѣшенье.

Ив. Якунинъ.

Анюта.

Очеркъ Г-жи Юрьевой.

Уже свечерѣло, когда вернулись родители невѣсты съ осмотра женихова имущества. 120 десятинъ земли, новый домъ — двухъэтажный, съ мезониномъ; комнаты нарядно убраны: всѣ узорчатыми бумажками оклеены, на окнахъ цвѣты, занавѣски, двѣ канарейки въ клѣткахъ; чистота вездѣ; амбары, конюшня, хлѣва̀, сараи, гумно новое,—все въ порядкѣ, все хозяйственно; восемь лошадей, тридцать коровъ, двадцать двѣ свиньи, а овецъ, куръ, гусей — и счету нѣтъ! Да и женихъ-то самъ—молодецъ! Видно, что сынъ купеческій—бѣлый, румяный... А что ходятъ про него слухи, будто онъ съ крестьянскими дѣвушками много занимается... такъ мало-ли какіе слухи разносятъ злые языки, всего не перѣслушаешь! А хоть-бы и правда, такъ чтоже это, сущіе пустяки! извѣстно, молодой человѣкъ, холостой, одинокій, живетъ въ довольствѣ, ну, чтожъ ему больше и дѣлать! А женится — перемѣнится. За то, хозяйство-то какое! А земля-то, а коровы, а свиньи!

Такое, приблизительно, впечатлѣніе вынесли родители невѣсты изъ осмотра женихова имущества и, вернувшись на-веселѣ, въ яркихъ краскахъ изобразили дочкѣ ожидающее ее довольство. А невѣста сидѣла, какъ въ воду опущенная. Слушала и не слушала, и казалось ей,—среди тумана какого-то она сидитъ, казалось ей, надвигается на нее какая-то сила и влечетъ ее куда-то на вѣрную гибель; подъ ногами пола не слышно, все вокругъ колеблется, а у самой у нея ни на крошечку нѣтъ больше силы, постоять за себя — передъ той грозной тучей, что на нее надвинулась; руки и ноги, какъ отнялись; слово сказать хочетъ, языкъ не движется; морозъ прошелъ по всѣмъ членамъ; она ясно сознаетъ только одно: «быть бѣдѣ!» и точно застыло въ ней все.

— Анютка! Чтоже ты молчишь? деревянная! коритъ ее мать. — Или все еще Сеньку на умѣ держишь? Что же такое твой Сенька передъ Иваномъ Петровичемъ? ты-бы то подумала! Дурища! Хозяйство, что-ли, у твоего Сеньки есть, или пустошь какая, или капиталъ отложенъ, или коммерція? Тьфу! Ни кола, ни двора! Великая птица—писаришко волостной, воръ мірской! А туда-же, чуфарится, цыгарки куритъ! Пинжакъ — не пинжакъ! Сапоги — не сапоги! Міроѣдъ онъ, больше ничего! Только мірскими деньгами, награбленными и сытъ. Только міромъ и живетъ,—пока держутъ вора... А вѣрнаго что у него? Перо одно—только и есть всего имущества. А перо—оно невѣрное! Оно обманетъ какъ разъ! На него не разсчитывай: сегодня — сытъ, а завтра—поди побирайся, да кланяйся, гни спину! А земля-то не выдастъ, кормилица, матушка наша! — Да что же ты молчишь, что глазами поводишь, какъ очумѣлая? Встряхни-ка ее, батька! никакъ она угорѣла...

Подошелъ отецъ, мужикъ здоровый, тряхнулъ ее за плечи, сорвалъ платокъ съ головы. Дѣвушка покачнулась и простонала...

— Чтожъ ты молчишь? пристаетъ мать.

— Быть бѣдѣ... вымолвила Анюта наболѣвшія въ ней слова.

— Что ты сказала?

— Я? я — ничего, матушка... Я, матушка, не противлюся... воля твоя...

— То-то, дѣвка, за умъ взялась! Давно-бы такъ! Выбей ты изъ головы своей, его, окаяннаго... Вѣдь мы тебѣ добра хотимъ. Ты то подумай, вспомнилъ-ли онъ, Сенька, чтобъ ему пусто было! вспомнилъ-ли воръ тебя послѣ того, какъ мы ему на-отрѣзъ сказали, что бери, молъ, коли залюбилъ гораздъ — безприданницу: что за ней тебѣ отъ насъ гроша мѣднаго не перепадетъ, бери—какую нашелъ! Небось, отъ безприданницы отлынулъ...

Отъ этихъ словъ матери уже сама встрепенулась Анюта и зорко устремила на мать свои блестящіе на исхудавшемъ, блѣдномъ лицѣ глаза, и чутко слушала...

— Нобось, послѣ того носу не кажетъ, духу его не слыхать! А сосѣди сказываютъ: за Панкратьевой Настушкой сватовъ засылалъ...

Разомъ вспыхнула вся Анюта. Изъ глазъ точно искры посыпались; сердце заколотило громко; тумана вокругъ нея какъ не бывало, и той силы неодолимой, что будто какъ навалилась на нее и влекла ее къ бѣдѣ неминучей, Анюта ужъ не слышитъ... Истомленную, забитую, ее эти слова матери отрезвили, привели въ себя, и *свою* силу она почуяла.

А мать, очень довольная произведеннымъ эфектомъ, продолжала:

— Настушка тоже невѣста богатая, а по красотѣ и по нраву — не тебѣ чета: и ростомъ удалась, и дюжая, бѣлая, румяная; нравомъ тихая, уважительная, не то что какъ ты—самоуправная привередница... И чистыми денежками за нею — три тысячи, окромя нарядовъ...

Каждое слово матери острымъ гвоздемъ входило въ сердце Анюты. Сердце такъ сильно забилось, что ей даже тошно стало отъ этой боли, и она не слыхала уже, какъ мать продолжала:

— Ну, ужъ Настушка и Сенькѣ не чета! Какже! держи карманъ шире, Семенъ Владиміровичъ! И сосѣди-то всѣ смѣются, говорятъ: залетѣла ворона не въ свои хоромы! Вытуритъ его Панкратъ: Панкратъ, вѣдь, удалой! Онъ не даромъ во хмѣлю хвастался, что контора вся и съ писаришкой, и со старшиной въ его мошнѣ сидитъ... Выпроводитъ онъ Сеньку съ большимъ конфузомъ!

Такое заключеніе, можетъ быть, нѣсколько успокоило-бы Анюту и вернуло-бы ее къ прежней покорности своей бѣдѣ неминучей, но она ничего этого не слыхала. Въ головѣ ея вертѣлось только одно отчетливое и жгучее представленіе: Настушка бѣлая, румяная, уважительная, и за нею три тысячи чистыми денежками, кромѣ нарядовъ...

Довольная, что вывела дочь изъ столбняка и дождалась отъ нея покорнаго слова, старуха помолилась Богу и, наказавъ Анютѣ заложить хорошенько дверь въ сѣняхъ, ушла за занавѣску, гдѣ уже храпѣлъ хозяинъ.

Анюта вышла въ сѣни изъ душной избы; морознымъ воздухомъ охватило ее.

«Хорошо тутъ! подумала она, — сейчасъ вернусь сюда!» Она вошла опять въ избу потихоньку, и когда убѣдилась, что спятъ всѣ, вернулась, настежь открыла дверь на крыльцо и стала на порогѣ. И думалась Анютѣ такъ, или въ родѣ того:

«Настушка бѣлая, румяная, уважительная, не то что какъ я,—и за нею — три тысячи чистыми деньгами, кромѣ приданаго... Охъ, тошно мнѣ! Охъ, Се́нюшка, и такими-же ласковыми глазами будешь ты и на нее смотрѣть... и тихо ей будешь выговаривать: «Настуша, пригожѣе тебя на свѣтѣ нѣтъ»... Охъ, тошно мнѣ! Сеня, Се́нюшка, вѣдь ты мнѣ тоже говорилъ... вѣдь ты на меня смотрѣлъ такими глазами!... Нравъ у меня—непокорный, неуважительный, и превередница я... Се́нюшка, передъ тобой я тиха, я взгляду твоему послушна, не только что слову... Передъ тобой у меня своей воли нѣтъ! Вотъ, скажи ты мнѣ только: кинься въ прорубь, Анюта, втопись... и я втоплюсь, слова не вымолвлю... Какая-же я непокорная? Я только родителямъ непокорна за то, что люблю тебя, за то, что ты мнѣ всѣхъ дороже!... Сблѣднѣла я, съ тѣла спала, все за то, что по тебѣ я сохну! Вѣдь была я пригожа, вѣдь ты самъ мнѣ говорилъ... Ахъ, Сеня, за чтожъ теперь меня бросилъ? Безприданницею взять меня не хочешь! Старики за мною тебѣ денегъ не даютъ... Ахъ, Сеня!... Настушкѣ Панкратьевой три тысячи даютъ, а меня вы, мама съ тятькой, обездолить хотите! Меня продать вы хотите тирану! Я вѣдь слышала, мнѣ сосѣдки говорили, какъ купецкій сынъ хвастался... говоритъ: «Анютка упрямая, Анютка—нравная, это, — говоритъ,—пустяки; я — говоритъ—не такихъ кобылъ переучивалъ, у меня будетъ смирена!» Вотъ онъ что говорилъ, тиранъ! Меня къ кобылѣ пировнялъ... Вотъ онъ какъ хвастался еще до свадьбы! Господи! Къ нему, къ такому тирану—да вѣдь это — руки на себя наложить... За чтожъ мнѣ такое несчастье, Господи... Чѣмъ я хуже другихъ? Чѣмъ я хуже Настушки? Настушка—дюжая, бѣлая, румяная... ну да! ну да! Какъ есть, свинья откормленная! Дивья ей быть дюжой и румяной—развѣ есть въ ней *такое* сердце? Развѣ можетъ у ней болѣть сердце? Да ей, поди, все-равно, за кого ее выдадутъ батюшка съ матушкой... что ей дѣлается? За кого благословятъ, того и будетъ миловать. Свинья откормленная — какъ есть! И какъ подумаешь: мой Сеня.... ахъ, тошнехонько мнѣ»...

Забѣлѣвшіе отъ мороза пальцы она прикладываетъ къ своимъ горячимъ, бьющимся вискамъ и качается изъ стороны въ сторону. Боль, шумъ въ головѣ. Томно ей. И морозу не охладить ея горячую голову, не заморозить расходившагося сердца.

«Господи! за что-же, за что-же мнѣ такое несчастье? и вѣдь какая-же я безприданница? и за мной вѣдь четыре тысячи, вонъ, въ сундукѣ лежатъ... и ключъ у меня... вотъ онъ... и какъ еще тятька съ маткой мнѣ вѣрятъ ключъ-то? Эти четыре тысячи я сама своими руками получила отъ тятьки: сама и собирала ихъ по рублямъ, по копѣйкамъ за три года, что въ лавочкѣ торговала... Черезъ мои руки онѣ всѣ прошли... и самъ тятька, какъ лавочку открылъ, «отсюда.—говоритъ,—пойдетъ все тебѣ на приданое.» Сама я въ лавкѣ торговала, сама счетъ вела, сама всякій день барыши въ сундукъ откладывала, вотъ онъ, ключъ-то: у меня... Вѣдь они мнѣ вѣрятъ, а за что-же они загубить меня хотятъ? Что я имъ сдѣлала? Вотъ, и честная была, краденой копѣйкой не поживилась, а что̀ взяла? Тирану продаютъ меня, развратнику... загубить хотятъ...

Оцѣпенѣвшими отъ холода пальцами Анюта развязала подъ ситцевой кофточкой поясокъ съ ключемъ и крѣпко прижала ключь къ горячей щекѣ.

«Вотъ онъ, ключъ... Да неужели я?.. Вѣдь они мнѣ вѣрятъ, на совѣсть мою надѣятся? Ну, чтожъ, что вѣрятъ: вѣдь они загубить меня хотятъ, а я не дамся! Я не хочу! я не могу! Грѣхъ-то какой я дѣлаю!.. Се́нюшка, милый, вѣдь это я для тебя все... А мнѣ хоть-бы что! Мнѣ ничего не нужно... Сѐнюшка, смотри, вотъ что я дѣлаю... Не знаю сама что я дѣлаю...»

Анюта кинулась въ избу. Скрипнули половицы. Она вздрогнула всѣмъ тѣломъ.

«Тише, тише,» приговариваетъ она сама—себѣ.

Дверь заскрипѣла громко, протяжно; о желѣзный засовъ двери звякнулъ ключъ, который она держала въ рукѣ.

«Тише вы, черти...» прошептала Анюта.

Она не помнила, какъ открыла сундукъ, какъ вынула деньги и спрятала ихъ за пазуху, какъ спустилась съ крылечка, тихонько притворивъ за собою всѣ двери, какъ отодвинула тяжелый засовъ у калитки и побѣжала по улицѣ большого, уснувшаго уже въ эту пору села...

Ревность осилила то, на что у любви не хватало рѣшимости.

Анюта очнулась у знакомаго порога волостной конторы. Въ окнѣ писаревой квартиры еще былъ свѣтъ. Она постучала въ окно ключемъ. Въ окнѣ мелькнула высокая фигура молодого писаря. Анюта вздрогнула и холодъ прошелъ по тѣлу — не легче, какъ отъ родительскихъ словъ, въ которыхъ она услыхала о своей бѣдѣ-неминучей. Она вспомнила въ одинъ мигъ, что голова у нея не покрыта, волоса не приглажены, что коса распустилась еще послѣ родительской встрепки, что она въ одномъ платьѣ выбѣжала по такому морозу, и что платье-то старое, измятое; ей вдругъ стыдно стало всего этого. Она готова была бѣжать назадъ, но ноги у нея задрожали, а надъ самой головой ея, изъ окошка она услыхала грубый голосъ:

— Какого еще лѣшаго въ экую пору!

Потомъ она увидала прижатое къ стеклу знакомое лицо. И застыла на мѣстѣ.

Послышались торопливые шаги. Щелкнула задвижка, дверь въ сѣни открылась и на крыльцо вышелъ ея Се́нюшка, Семенъ Владимірычъ — самъ. Высокій, стройный, очень молодой еще; едва пробиваются усики, чуть запушился подбородокъ; поверхъ красной русской рубахи накинутъ темный пиджакъ; на рубахѣ блеститъ золотая дамская цѣпочка отъ серебряныхъ часовъ скрытыхъ за пазухой; за ухомъ, среди черныхъ кудрей—перо. Все это отчетливо и быстро разглядѣла Анюта въ ясную, морозную ночь.

«Все это онъ за работой, милый, и въ такую позднюю пору работаетъ!» промелкнуло у нея въ головѣ.

— Анна Марковна! въ умѣ ли вы? что съ вами? Въ этакую позднюю пору! прошепталъ онъ, боязливо оглядываясь. — Этакъ не годится, Анна Марковна. Этакъ — насъ всякій осудитъ... вы потеряете вашу репутацію, а родители ваши съ меня отвѣтъ спросятъ...

— Сеня, Се́нюшка! не говори такъ... лучше, пусти меня скорѣе, мнѣ холодно, ты видишь, я въ одномъ платьѣ, какъ была... пусти-же! Я такое разскажу тебѣ, такое...

Анюта крѣпко ухватила его за руку и, неслышно проскользнувъ въ дверь, повела его за собою.

Войдя въ комнату, она въ изнеможеніи опустилась на стулъ. Ни кровинки въ лицѣ. Только глаза горятъ.

«Она съума сошла»... подумалъ Семенъ Владимірычъ и боязливо отступилъ отъ нея.

— Вѣдь какъ хорошо тебѣ въ красной рубахѣ! заговорила она,—особливо съ золотой цѣпочкой. Я всегда говорила: не носи ты нѣмецкаго платья, развѣ для наряда когда, въ большой праздникъ... тебѣ такъ пристала эта красная рубашка! Я тебѣ шелковую, красную сошью, шаровары бархатные сошью, какъ у зарѣцкаго барина... Ты и теперь совсѣмъ какъ баринъ! Лицо такое нѣжное... Сеня... Се́нюшка... ахъ я вѣдь не то говорю совсѣмъ... А ты вотъ что скажи мнѣ Сеня, правда-ли, скажи, что ты сваталъ Панкратьеву Настушку?

— Сватали ее мнѣ... чтоже... съ кислой улыбкой замялся Семенъ Владимірычъ. — Только послушайте вы меня, Анна Марковна, съ вашего разговору я вижу, толку не много, и, чего добраго, еще бѣду на свою голову соберешь! Тятенька вашъ узнаетъ, сохрани Богъ... Шли-бы лучше домой почивать...

— Что? что? Съ Настушкой дѣло слажено? Полно, Сеня! Это — пустое! Это ничего не значить, что сложено. За наши деньги, Сеня, мы съ тобой все обладимъ по-своему. Вотъ мое приданое, Сеня...

Торопливыми, судорожными движеніями вынимала Анюта изъ за пазухи пестрыя бумажки, и раскладывала на столѣ, и считала:—

— Вотъ 25, вотъ 100, еще 100, вотъ 10, 10... Считай самъ, здѣсь четыре тысячи...

Алчнымъ огнемъ загорѣлись черные, бархатные глаза молодого писаря. Онъ теперь понялъ значеніе Анютинаго прихода и не считалъ ее съумасшедшею...

— Постой, Анюта! ласково проговорилъ онъ.

Пошелъ, опустилъ занавѣску у окна; просунулъ голову въ пріотворенную дверь: тихо все; сторожъ храпитъ въ конторѣ. Семенъ Владимірычъ заперъ дверь на крючекъ и, придвинувъ стулъ, сѣлъ около Анюты.

— Ну, брось, брось считать! отвелъ онъ руки,—ихъ много, денегъ-то, гдѣ ихъ всѣхъ пересчитать! Я вижу теперь, вижу, какъ ты меня любишь... Анюта... жизнь моя!

Онъ хотѣлъ обнять ее. Но его переходъ изъ прежняго тона былъ слишкомъ рѣзокъ, и какъ ни надорванъ былъ разсудокъ дѣвушки — диссонансъ не скрылся отъ нея... Она вырвалась изъ его объятій и, снова вспыхнувъ вся, гордо выпрямилась передъ нимъ. На этотъ разъ она вспыхнула отъ стыда. Она на минуту сознала свое позорное положеніе.

— А! вотъ ты какой... ты думаешь я покупать пришла твои ласки! Ты думаешь, мнѣ продажная любовь нужна... О, какой ты!.. Да ты-бы лучше убилъ меня... Вѣдь ты знаешь, я кто? Я—воровка! Я родителей своихъ обокрала. Вотъ, сейчасъ, я пойду... донесу на себя... во всемъ повинюсь... Сторожа разбужу... старшину позову, во всемъ повинюся... во всемъ... я одна въ отвѣтѣ буду, тебя я выгорожу... я не скажу и того, что любя тебя, я на дѣло такое пошла... я про то не скажу. А вѣдь мнѣ что? Мнѣ ничего не нужно... Вѣдь ты любилъ меня прежде, вѣдь какъ любилъ! Но я ничего не скажу, я одна въ отвѣтѣ буду... И это лучше будетъ. А то нѣтъ... лучше-бы ты убилъ меня.

Она закрыла лицо руками. Поблѣднѣлъ Семенъ Владимірычъ. Тревожно всталъ съ своего мѣста.

«Вѣдь пойдетъ... объявитъ... отъ нея станется... ивсе пропало»!

Да, промелькнула и эта мысль у него, но вѣдь онъ, хоть и взяточникъ, хоть корыстный человѣкъ, но не совсѣмъ-же бездушный: и ему стыдно стало. Стыдно за свою низость передъ дѣвушкой, такъ беззавѣтно ему преданной. Насталъ моментъ, что стыдъ и отголосокъ какого-то великаго человѣческаго чувства взяли верхъ надъ мелкой натурой.

—Коли такъ, Анюта, пойдемъ вмѣстѣ, объявимъ вмѣстѣ... потому — я виновнѣе тебя... я одинъ всему причина...

Онъ проговорилъ это тихо, робко, точно невольно, но искренно. И этой одной, хотя и робкой, но искренной ноты его голоса было довольно, чтобы вновь и окончательно смутить разсудокъ и совѣсть Анюты.

— Нѣтъ! я не скажу... никому ничего не скажу, и тебя не пущу... Что я, дура, надѣлала! Что я сказала тебѣ? Вѣдь ты любишь меня, вѣдь я это вижу, и чего-жъ мнѣ еще...

Она крѣпко обвила руками его шею. Онъ говорилъ ей ласковыя слова; искренно говорилъ. Онъ сильно былъ взволнованъ. Эта минута была, можетъ быть, самой счастливой и самой чистой въ его жизни.

Но она очень скоро прошла. Надо было искусно скрыть преступленіе, вѣдь не объявлять же себя ворами, въ самомъ дѣлѣ! Незамѣтно подложить деньги обратно? Лишиться всего, о чемъ мечталъ, что такъ нежданно, такъ легко досталось? Да кто-же на себя руку подыметъ? Нѣтъ, это Семену Владимірычу не по силамъ... А вотъ, есть въ селѣ одинъ попъ подкупной, онъ и безъ родительскаго благословенія за двѣсти рублей обвѣнчаетъ — хоть завтра; а еще есть въ селѣ одинъ становой, у котораго рыльце въ пушку по разнымъ, волостному писарю хорошо извѣстнымъ, дѣлишкамъ, — онъ руку писаря держитъ, онъ пособитъ, выручитъ, если родители дѣло о покражѣ поднимутъ. Всё обойдётся...

И въ самомъ дѣлѣ, всё обошлось.

Анюта прокралась домой еще за-долго до свѣту. Старики еще крѣпко спали.

На утро — воскресенье. Ждали жениха, сынка купеческаго. Женихъ пріѣхалъ раньше обѣдни. Анюта встрѣтила его принаряженная.

— Вотъ-съ, Анна Марковна, вѣжливо обратился къ ней нарѣченный женихъ,—вотъ-съ, я пріѣхалъ къ вамъ сегодня, чтобы самолично удостовѣриться въ пріятныхъ вашихъ чувствахъ ко мнѣ и увѣриться въ вашемъ согласіи касательно предмета нашего бракосочетанія... и какое ваше на эту статью мнѣніе послѣдуетъ?

— Ахъ, Иванъ Петровичъ, какъ вы это красно говорите! Мнѣ вотъ, такихъ словъ, чтобы вамъ подстать — и не подобрать никакъ!

— Помилуйте, Анна Марковна-съ! Для меня кажное ваше словечко — будетъ какъ бальзанъ-съ душеспасительный.

— Ну, вотъ вамъ бальзанъ, коли такъ: разрубите вы меня на мелкіе кусочки, коли я за васъ замужъ пойду! вотъ вамъ и весь тутъ мой сказъ...

Ахнулъ женихъ. Грозно поднялся съ мѣста отецъ. Затопталась на мѣстѣ, засуетилась мать и проворно вытолкнула дочку за дверь въ сѣни отъ грѣха; шепнувъ только ей на-ухо:

— Вотъ, я ужо тебя искалечу... такая...

Того только и надо было Анюткѣ. Шубку, заранѣе въ сѣняхъ заготовленную на плечи накинула и—въ церковь.

На паперти встрѣчаетъ её становой, лукаво подмигиваетъ и говоритъ:

— Дѣльце обошлось, попъ за двѣсти рублей согласился — безъ родительскаго разрѣшенія и безъ троекратнаго оглашенія, послѣ обѣдни сейчасъ и повѣнчаетъ, а мы съ женою посажеными будемъ — съ нашимъ удовольствіемъ...

Въ церкви во время обѣдни увидала Анюта Настушку Панкратеву, и вспыхнула вся, и не могла ужъ замаливать свой тяжкій грѣхъ, какъ собиралась. Въ головѣ ея безпорядочно закружились мысли:

За Настушкою—три тысячи, за мною—четыре... Настушка—дюжая, румяная, да и я не хуже буду, какъ все обойдется, какъ я поуспокоюсь, да пообживусь... А ужъ Настушкѣ зато ввѣкъ такъ не любить, какъ я его люблю... Вотъ онъ стоитъ на клиросѣ... Милый... желанный... оглянись на меня, оглянись, милый... Глаза у него — что звѣздочки... яснымъ свѣтомъ горятъ... Какъ онъ смотрѣлъ на меня вчера! Онъ не будетъ ужъ на нее такъ смотрѣть, нѣтъ! Все на меня только! Гм... да можетъ-ли она понять, какіе у него глаза! Вѣдь она что? свинья откормленная, ей—все равно... ей за то и можно быть уважительной и покорной; а вотъ какъ я-то свою непокорную головушку передъ нимъ преклоню... И не будетъ у меня передъ нимъ своей воли... все — для него! Милый! Ясные твои глазоньки!...

Три дня прошло со свадьбы Семена Владимірыча и Анюты. Родители хватились денегъ. Объявили пропажу; объявили подозрѣніе на молодыхъ. Но это дѣло загасятъ, какъ многія другія дѣла и поважнѣе этого: становой орудуетъ усердно за писаря, а судебный слѣдователь имѣетъ причины держать руку становаго...

Родители, конечно, проклинаютъ молодыхъ, на глаза къ себѣ не пускаютъ.

Анюта не смѣетъ выдти одна на-улицу, боясь встрѣчи съ отцомъ: искалечитъ всенародно, какъ обѣщалъ.

Молодая плачетъ, сохнетъ день ото-дня. Совѣсть-ли ее мучаетъ передъ родителями, довѣрія которыхъ она не оправдала? проклятіе-ли родительское тяготитъ ее?—Нѣтъ! Не до родителей ей, не до проклятія: Семенъ Владимірычъ, не смотря на успокоительныя рѣчи становаго, очень тревожится за свою судьбу, за свою репутацію, — и, мелкая душонка, вымѣщаетъ свою тревогу на преданной ему кроткой и беззащитной женщинѣ.

То онъ по цѣлымъ днямъ ей слова не скажетъ, то-каждый ея шагъ, каждое слово злобно пересмѣиваетъ: и мужичка-то она необразованная, и безпутною-то она дочерью была, безпутной и женой будетъ... коритъ ее и прошлымъ, и настоящимъ, и будущимъ... Анюта слово свое держитъ: терпитъ все молча, кротко, и только плачетъ потихоньку...

Письма изъ Америки.

(*Продолженіе.*)

IV.

Охота.—Штатъ Колорадо.

Охотники, описывая свои похожденія, почти всегда ограничиваются перечисленіемъ множества убитыхъ ими звѣрей, птицъ и рыбъ, такъ-что читатели постоянно бываютъ вынуждены не довѣрять автору, заподозривъ его въ умышленномъ обманѣ. Но описывать удачную охоту не составляетъ никакихъ затрудненій; если-же, въ теченіи нѣсколькихъ дней, ягташъ вашъ не наполняется, то вы поневолѣ проходите эти дни молчаніемъ. Такимъ образомъ если вы напечатаете ваши охотничьи похожденія, гдѣ будетъ сказано напримѣръ, что 21 числа такого-то мѣсяца вы убили буйвола, и подробно опишите эту охоту, затѣмъ скажете нѣсколько словъ объ убитомъ вами, 28 числа того же мѣсяца, лосѣ, то читатель уже составляетъ себѣ понятіе, какъ будто охотнику удалось подрядъ убить буйвола, лося, оленя и т. д. Онъ подозрѣваетъ охотника во лжи, ибо всѣмъ извѣстно, что лѣтомъ не можетъ быть такой обильной охоты въ Скалистыхъ горахъ. На подобную охоту можно разсчитывать не ранѣе сентября; тотъ-же, кто посѣтитъ Скалистыя горы къ 1-му ноября, получитъ еще больше удачи. Впрочемъ, не каждый согласится подвергаться снѣжнымъ мятелямъ.

Начнемъ теперь съ нашего отъѣзда изъ города Дженктіона. Потерявшійся мулъ, о которомъ рѣчь шла выше, былъ отысканъ нами на частномъ сѣнокосѣ, и мы, изъ боязни, чтобы съ насъ не потребовали штрафа за потраву, поспѣшили отправиться въ Диръ-Крикъ.

По дорогѣ, намъ пришлось проѣзжать мимо рудниковъ, принадлежащихъ одной англійской компаніи, гдѣ американцы, въ видѣ исключенія, ненавидятъ англійскихъ колонистовъ Колорадо за введеніе ими у себя такъ-называемаго суда Линча (народный самосудъ): одинъ американецъ, совершившій какое-то преступленіе, былъ судимъ именно этимъ судомъ.

Намъ приходится то спускаться, то подниматься. Мы чередуемся съ графомъ Штейнбокомъ, то онъ, то я беру въ свое распоряженіе маленькаго пони. Утесы испещрены объявленіями и покрыты соснами, по верхушкамъ которыхъ постоянно перебѣгаютъ бѣлки. Передъ нами постоянно раскрываются въ высшей степени живописные виды. Наконецъ, мы спустились въ котловину, окруженную со всѣхъ сторонъ горами съ снѣжными вершинами, и доѣхали до помѣстья мистера Гигинсона. Поля его отлично обработаны, а земли тянутся вдоль берега Южнаго Плата; здѣсь, спереди и сзади, торчатъ горы. Хозяина мы не застали дома, а потому проѣхали въ Буффало-Кривъ, гдѣ и расположились на ночь: тутъ говорятъ, попадается много оленей. На слѣдующее утро, Билль закинулъ сѣти для ловли форели, но, въ этотъ день ни одна не попалась. Мы стали приготовлять ружья и вынули все нужное для охоты. У графа было ружье Эванса, которое оказалось, впослѣдствіи, никуда негоднымъ, хотя и получило одобрительный аттестатъ на Филадельфійской выставкѣ. При первомъ выстрѣлѣ, это ружье дѣйствовало отлично, но потомъ совершенно отказалось служить; патроны были такъ велики, что курокъ не могъ закрываться, такъ-что приходилось каждый разъ срѣзывать ихъ, къ великой досадѣ Орегона Билля.

— Есть только одно хорошее американское ружье или, много-много полтора: это—шарповское и ремингтоновское, сказалъ онъ, наконецъ.

У Билля были съ собою ружья обѣихъ системъ. Онъ мѣтко попадалъ въ горныхъ тетеревовъ. Индійцы обыкновенно употребляютъ винчестерскія ружья и за такое ружье охотно даютъ лучшихъ и самыхъ дорогихъ своихъ лошадей; такое ружье стоитъ въ Америкѣ 50 руб. Желая показать какъ легко бьетъ шарповское ружье, Билль взялъ его какъ пистолетъ и, прицѣлившись въ бѣлый камушекъ, лежавшій на дорогѣ на разстояніи болѣе двухъ сотъ шаговъ, мѣтко попалъ въ него. Я тоже могу похвалиться подобнымъ-же подвигомъ. Я выстрѣлилъ прежде изъ шарповскаго ружья и затѣмъ уже изъ своего ланкастерскаго, стоющаго 500 руб. Оказалось, что ланкастерское ружье, хотя и гораздо дороже, но немногимъ лучше шарповскаго.

Билль предсказывалъ мнѣ, что я непремѣнно схвачу ревматизмъ, если буду купаться въ горныхъ ручьяхъ. Но я не измѣнилъ своей привычкѣ и все обошлось благополучно. Однакожь, считаю не лишнимъ замѣтить, что въ этихъ горныхъ потокахъ очень опасно купаться.

Жара стояла невыносимая, 14 сентября мы отправились въ дальнѣйшій путь; Билль и я шли впереди пѣшкомъ, Жакъ ѣхалъ на козлахъ фургона, а графъ позади насъ верхомъ на пони. Дорогой я углубился въ думы, но былъ прерванъ въ своихъ мечтахъ долетѣвшимъ до моего слуха шумомъ. По обѣимъ сторонамъ дороги густо росли деревья и кустарники; я обернулся, но никого не увидѣлъ. Черезъ нѣсколько секундъ мимо меня промчались шесть ланей и великолѣпный олень, это случилось такъ неожиданно, что я успѣлъ выстрѣлить только послѣ того, какъ животныя скрылись въ чащѣ лѣса; я бросился за ними вслѣдъ и преслѣдовалъ ихъ на разстояніи нѣсколькихъ миль по выгорѣвшему лѣсу, лишенному всякой растительности и животной жизни. Выйдя изъ лѣса, я очутился на полянѣ, густо обросшей мехиканскимъ репейникомъ.

Отъ этихъ колючекъ спасаетъ только кожаная одежда. Лани и олень исчезли и я остался съ непріятной увѣренностію, что, кажется, заблудился; я не могъ сообразить, въ какомъ направленіи находится нашъ фургонъ и въ какую сторону мы направляемся для стоянки. Я хотѣлъ оріентироваться по солнцу, но моя попытка оказалась безуспѣшною. Надо мною пролетѣлъ орелъ; я выстрѣлилъ въ него въ надеждѣ, что на мой выстрѣлъ откликнутся мои спутники и что птица упадетъ мертвая къ моимъ ногамъ; но ни то, ни другое ожиданіе не оправдалось. Потомъ я застрѣлилъ горную бѣлку, но и на этотъ выстрѣлъ не получилъ никакого отвѣта. Убѣдившись, что выжидать и долго думать нечего, я взобрался на самую высокую гору, надѣясь съ ея вершины увидѣть что-нибудь или кого-нибудь. Я осмотрѣлся кругомъ и видѣлъ только голыя вершины Скалистыхъ горъ. Я не замѣчалъ ни рѣки Плата, ни жилья, ни клуба дыма, я громко аукнулъ, и зовъ мой огласился съ невѣроятною силою въ горахъ. Когда голосъ мой затихъ, мимо меня промчались пагубные мнѣ олень и шесть ланей: я спугнулъ ихъ своимъ ауканіемъ. И на этотъ разъ мнѣ не повезло, я выстрѣлилъ. попалъ въ одну лань, но только слегка ранилъ; она сперва упала, но потомъ быстро поднялась на ноги и побѣжала за товарищами.

Мое отчаянное ауканье услышалъ Билль, взобравшійся тоже на какую-то гору. Мы сошлись и затѣмъ присоединились къ нашему фургону. Между тѣмъ наступилъ вечеръ и мы расположились вдоль какого-то ручейка; мѣстами этотъ ручеекъ изобиловалъ водою, мѣстами же совершенно пропадалъ въ пескѣ на разстояніи мили, а иногда и больше. Такое свойство горныхъ потоковъ намъ было незнакомо; и когда мы съ графомъ Штейнбокомъ отправились на слѣдующій день въ горы, то принявъ этотъ ручеекъ за пограничную линію нашего лагеря, долго блуждали и съ трудомъ послѣ утомительнаго странствованія добрались до нашей палатки.

На слѣдующій день мы очень много выходили, но должны были удовольствоваться только прекрасными видами, которыми изобиловала пройденная нами мѣстность. Графъ Штейнбокъ не встрѣтилъ никакой дичи, я же видѣлъ одного оленя, нѣсколько кроликовъ и бѣлокъ, и застрѣлилъ одинъ рѣдкій экземпляръ черной бѣлки. Мы всѣ разбрелись въ разныя стороны, условившись встрѣтиться ниже въ долинѣ, на разстояніи шести миль, у ручья, котораго, однакожъ, не оказалось, и мы утомленные и измученные вернулись наконецъ въ палатку, гдѣ насъ ожидало превосходно приготовленное Жакомъ кушанье изъ тетеревовъ, застрѣленныхъ Биллемъ.

На слѣдующее утро мимо насъ пролетѣла стая саранчи. Въ этотъ же день мы снова отправились на охоту и снова встрѣтили неудачу; всѣ вмѣстѣ мы принесли одну козулю, полъдюжины горныхъ тетеревовъ и кроликовъ. Мы порѣшили отложить охоту до зимы и я отправился пѣшкомъ къ мистеру Гигинсону, у котораго хотѣлъ разспросить о колонистахъ этой долины, чѣмъ они занимаются и т. под., но, придя къ нему, узналъ, что онъ другою дорогою отправился къ намъ въ палатку. Мистрисъ Гигинсонъ очень радушно приняла меня и упросила позавтракать; я принялъ ее предложеніе. Вернувшись въ нашу палатку, я къ моему удовольствію засталъ еще Гигинсона. Онъ очень любезно сообщилъ мнѣ много интересныхъ статистическихъ свѣденій насчетъ пастбищъ и сельскаго хозяйства въ Колорадо. Эти свѣденія тѣмъ интереснѣе, что прошелъ только годъ съ того времени, какъ Колорадо изъ территоріи сталъ штатомъ. Здѣсь еще не организовано статистическаго земледѣльческаго бюро; каждый сельскій хозяинъ ведетъ книги, собственно для себя. Коммисіонеры Филадельфійской выставки, какъ оказалось, не имѣли въ своемъ распоряженіи напечатанныхъ статистическихъ таблицъ по земледѣлію и рудокопству въ штатѣ Колорадо. На свѣденія, сообщенныя мнѣ Гигинсономъ можно смѣло положиться. По его мнѣнію колонисты, переселяющіеся въ Колорадо, не должны разсчитывать на земледѣліе; здѣшнія горныя долины благопріятствуютъ скотоводству, но почва ихъ не особенно выгодна для земледѣлія. По словамъ Гигинсона, колонисту, переселяющемуся въ Колорадо необходимо имѣть при себѣ не менѣе 6,000 руб.; получивъ надѣлъ въ 160 акровъ изъ общественной земли, переселенецъ долженъ купить сто головъ скота; среднимъ числомъ каждая голова обойдется ему 25 р. По прошествіи трехъ лѣтъ, онъ можетъ ежегодно продавать 60 бугаевъ каждаго по 35 руб.; стадо его въ тоже время будетъ увеличиваться въ размѣрѣ 25% въ годъ. 3,500 руб., оставшіеся послѣ покупки скота, переселенецъ употребитъ на постройку деревяннаго помѣщенія для скота и на покупку корма.

По мнѣнію Гигинсона, для успѣшнаго земледѣлія въ Колорадо необходимо хорошее орошеніе, онъ не вѣритъ тѣмъ, которые, предлагая землю, настаиваютъ, что она удобна для земледѣлія и безъ орошенія. Расходы по орошенію въ Колорадо очень велики, рабочія руки здѣсь дороги, а хлѣбъ цѣнится дешево, при томъ въ край прилетаетъ множество саранчи; при существованіи обильнаго орошенія легко утопить саранчу, пока она еще безъ крыльевъ.

Законы относительно пріобрѣтенія земли въ Колорадо тѣ же, что и въ Канзасѣ. Колонистъ надѣляется 160 акрами земли и можетъ прикупить еще 160 акровъ.

Индѣйцы, живущіе въ штатѣ Колорадо не отличаются воинственными наклонностями, они ни на кого не нападаютъ, живутъ мирно съ сосѣдями и объ одномъ только заботятся, чтобы ихъ оставляли въ покоѣ.

Невоздѣланная земля въ 160 акровъ отдается въ надѣлъ переселенцу только послѣ заявленнаго имъ желанія натурализироваться. Гигинсонъ, между прочимъ, разсказалъ мнѣ, что съ нимъ изъ Лондона пріѣхалъ пріятель, желавшій работать съ нимъ въ компаніи; когда этому англичанину предложили дать слѣдующую присягу: «я на всегда отказываюсь отъ подданства ея величества королевы Викторіи», онъ остановился на словѣ «навсегда», отказался отъ земли и отправился обратно на родину.

Гигинсонъ завернулся въ коверъ и легъ спать на травѣ, я-же отправился въ палатку, гдѣ графъ Штейнбокъ уже крѣпко спалъ.

(*Продолженіе будетъ.*)

Колумбачскій комаръ.

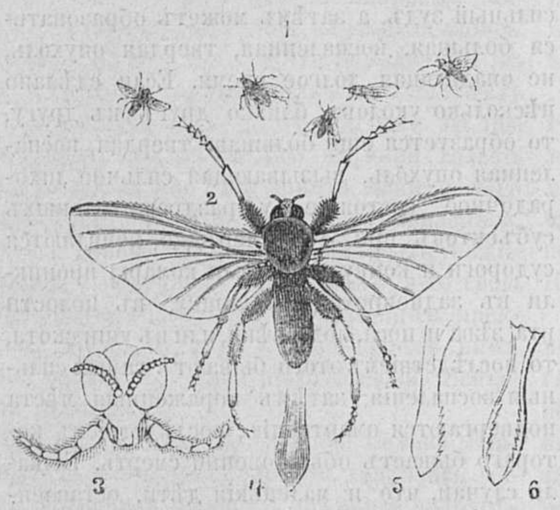
Въ 1877, какъ и въ 1876 году, колумбачскіе комары производили страшныя опустошенія среди домашнихъ животныхъ. «Много бѣдъ надѣлали комары въ Темешварѣ и окрестностяхъ, пишутъ въ мѣстной газетѣ.— Размножившись въ лихорадочныхъ болотахъ пограничной мѣстности, они поднялись громадными роями и налетѣли въ Темешваръ, убивая скотъ повсюду на улицахъ и пастбищахъ. Въ общинѣ Либлинда они убили только 60 лошадей, въ Базіатскомъ округѣ нѣсколько сотъ штукъ скота всякой породы, и на всѣхъ проселочныхъ дорогахъ видны трупы павшихъ лошадей, сдѣлавшихся жертвами страшныхъ насѣкомыхъ. Въ Темешварѣ, съ барабаннымъ боемъ, возвѣщено было запрещеніе выгонять на пастбища скотъ, и въ другихъ мѣстахъ тоже были приняты мѣры. И къ сѣверу отъ Темешвара распространилась эта язва, въ особенности въ округахъ Новоградскомъ и Липскомъ, и вездѣ причинила значительный вредъ».

Здѣсь дѣло идетъ о зудящемъ комарѣ (simulia), а именно о simulia maculata (simulium maculatum, simulium molestum), о которомъ съ давнихъ поръ извѣстно, что онъ чаще всего и всегда въ колоссальномъ количествѣ встрѣчается въ окрестностяхъ древняго за̀мка Колумбача (въ сербскомъ округѣ Пожаровицѣ), на низменномъ, сыромъ, поросшемъ кустарникомъ, берегу Дуная, особенно же между Новой Паланкой и Орсовой; онъ нападаетъ на работающій или пасущійся домашній скотъ и своими уколами и высасываніемъ крови можетъ убивать его. Этихъ, очень маленькихъ тѣломъ, но по истинѣ страшныхъ дѣйствіемъ своего жала, насѣкомыхъ, по временамъ находили и наблюдали не только въ Венгріи и Сербіи, но и въ Австріи и Моравіи, особенно послѣ разливовъ Дуная; равнымъ образомъ встрѣчались они въ Силезіи, Богеміи, Мекленбургѣ и Бранденбургѣ, хотя уже въ значительно меньшемъ количествѣ; такъ, напримѣръ, въ 1867 г. они посѣтили округъ Нижній Борнимъ. Въ 1804 г. это насѣкомое появилось въ Бранденбургѣ въ такомъ большомъ количествѣ и сдѣлалось столь опасно для скота, что медицинская и санитарная коллегія въ Берлинѣ вынуждена была напечатать наставленіе объ этихъ насѣкомыхъ и о мѣрахъ предосторожности противъ причиняемаго ими вреда. Эти колумбачскіе комары, которые появляясь на Дунаѣ, всегда встрѣчались въ такихъ массахъ, что рои ихъ, видимые издали, казались грозной тучей—вредны, главнымъ образомъ, тѣмъ, что они массами проникаютъ во всѣ полости тѣла животныхъ, сообщающіяся съ помощію отверстій съ внѣшнимъ міромъ (такъ, напримѣръ, въ полости носа, рта, живота, дыхательнаго горла, заднепроходной кишки) и производятъ пораженія слизистой оболочки этихъ органовъ, высасывая кровь. Всякій уколъ такого комара на кожѣ человѣка или домашнихъ животныхъ, причиняетъ значительную боль и вызываетъ сильный зудъ, а затѣмъ можетъ образоваться большая, воспаленная, твердая опухоль, не опадающая долгое время. Если сдѣлано нѣсколько уколовъ близко другъ къ другу, то образуется еще бо̀льшая, твердая, воспаленная опухоль, вызывающая сильное лихорадочное состояніе; у раздражительныхъ субъектовъ при этомъ, нерѣдко, появляются судороги и конвульсіи. Если комары проникли въ заднепроходную кишку, въ полости рта, зѣва и носа, подъ вѣки, или въ уши скота, то послѣдствіемъ этого бываютъ самыя сильныя воспаленія; затѣмъ пораженныя мѣста подвергаются омертвенію, послѣдствіемъ котораго бываетъ обыкновенно смерть. Бывали случаи, что и маленькія дѣти, оставленныя безпомощными на свободѣ, были убиваемы этими комарами.

Если весна теплая, то simulia maculata появляется въ концѣ апрѣля или началѣ мая. Примѣты этого комара слѣдующіе: маленькое двукрылое насѣкомое, 3 — 4 милиметра длиною, 1—2 миллиметра наибольшей ширины (см. фиг. 1, естественная величина); пепельно-сѣраго цвѣта съ синимъ жаломъ; хоботокъ, голова, и ноги темнобурые; послѣднія съ бѣловатымъ отливомъ; на спинѣ три черноватыя продольныя линіи, изъ которыхъ средняя очень тонкая; крылья бѣлыя; брюхо вверху стальносиняго цвѣта съ черными пятнами, которыя соединяются другъ съ другомъ, образуя широкую, по краямъ зазубренную, полосу; снизу брюхо желтовато-бѣлое или буроватое; хоботки вытянуты, цилиндрической формы, состоятъ изъ одинадцати члениковъ; щупальцы выдаются, имѣя изогнутую форму; боковыя щетинки или setae, имѣютъ зазубренную форму (см. фиг. 2, сильно увеличенный колумбачскій комаръ; фиг. 3, голова съ хоботками, щупальцами и щетинками; фиг. 4, средняя щетинка; фиг. 5, боковая щетинка; фиг. 6, она же снизу). Эти комары обыкновенно уменьшаются въ числѣ во вторую половину мая, въ іюнѣ уже не встрѣчаются такіе колоссальные рои, которые могли бы причинить вредъ; но, тѣмъ не менѣе, отдѣльными недѣлимыми или маленькими роями комары встрѣчаются въ своемъ отечествѣ впродолженіи всего лѣта. Флерке утверждаетъ, что въ одинъ годъ можетъ происходить два поколѣнія simulia maculata, между тѣмъ, другіе принимаютъ, что въ годъ развивается только одно поколѣніе. Комары кладутъ свои яйца на траву, ситникъ, кустарники, растущіе у воды; вылупившіяся личинки попадаютъ въ воду, гдѣ претерпѣваютъ дальнѣйшую метаморфозу—именно превращеніе въ куколку; изъ куколки развиваются уже зрѣлыя насѣкомыя.

Совсѣмъ неправда, что мѣстомъ развитія колумбачскаго комара служатъ штолыки колумбачскихъ известковыхъ ломокъ, гроты при Орсовѣ и т. д., но, во всякомъ случаѣ, можно допустить, что развившіеся изъ куколокъ комары, по случаю дурной погоды, забираются въ такія пещеры и пользуются ими, какъ убѣжищемъ. Замуравливаніе многихъ такихъ песчаниковыхъ гротовъ ни мало не способствовало уменьшенію опаснаго насѣкомаго. Сухость вообще и холодъ весной въ то время, какъ они появляются на свѣтъ, истребляютъ комаровъ. Продолжительный, сильный и тяжелый дождь и сильный вѣтеръ въ то время, какъ они вылупляются изъ куколокъ, тоже препятствуютъ ихъ размноженію.

Шенбауеръ («Исторія вредныхъ колумбачскихъ комаровъ») говоритъ, что въ 1783 году, на земляхъ, принадлежавшихъ, вблизи Колумбача, императорско-королевскому горному вѣдомству, было убито комарами 20 лошадей, 32 жеребенка, 60 коровъ и быковъ, 71 теленокъ, 130 свиней, 310 овецъ. Въ 1830 году, отъ той же причины, на берегахъ Моравы пало нѣсколько сотъ лошадей и коровъ. Въ видахъ предохраненія рекомендуютъ натирать различныя части тѣла пасущихся животныхъ ворванью или, еще, лучше табачнымъ щелокомъ или мазью, состоящею изъ сгущеннаго табачнаго щелока, ятра и небольшого количества горнаго масла. Слѣдовало бы попытать, не полезно ли прибавить сюда еще бензина и масла (1 : 20).



Колумбачскій комаръ.

Часто встрѣчающіяся въ Америкѣ, обременяющія скотъ, такъ называемыя черныя мухи или blaekflies, вѣроятно, тождественны съ simulia maculata, или принадлежатъ къ близко родственной породѣ, можетъ быть simulia reptans, о которой мы знаемъ отъ Спеллена фон-Фолленгофена, что появившись въ большомъ числѣ, онѣ могутъ убивать мелкихъ животныхъ, напримѣръ, птицъ. Но колумбачскій комаръ не имѣетъ рѣшительно ничего общаго съ такъ называемой мухой цеце (glossina morsitans), о которой намъ разсказываютъ почти всѣ африканскіе путешественники, что она принадлежитъ къ числу самыхъ тяжкихъ язвъ той части свѣта. Нѣсколькимъ экспедиціямъ въ южную Африку помѣшала эта муха цеце, нападающая на лошадей, воловъ, собакъ и убивающая ихъ. Ея уколъ смертоносенъ почти для всѣхъ домашнихъ животныхъ; они умираютъ большею частію спустя нѣсколько часовъ, будучи ранены нѣсколькими мухами, или же въ теченіе 1—12 недѣль (и то при пользованіи), если уколовъ не много. Отъ колумбачскаго комара, цеце отличается уже своею значительною величиною.

* * *

Мимолетные наброски.

(Фельетонъ.)

Я лишаюсь самаго дорогого матеріала.—Предпріятіе г. Льюиса Фарлея, неодобренное г. Аксаковымъ. — Милліонная кража въ обществѣ взаимнаго кредита.—Дѣло о сиреневыхъ увѣтахъ.—Современная басня. — Потѣха, устроенная для дѣтей г. Аристовымъ.—Три колпака.—Строгая нравственность адвоката Амани.

Дорогой читатель... но позволь мнѣ прежде перевести духъ: я такъ взволнованъ, такъ взволнованъ... Событіе, взбудоражившее обычное теченіе моей жизни, имѣетъ для меня гораздо бóльшую важность, чѣмъ всѣ подобныя мелочи. Такъ знай же, читатель: г. Суворинъ уѣзжаетъ на дняхъ въ Болгарію! Въ № 482 своей газеты, въ концѣ воскреснаго фельетона, онъ напрямикъ объявилъ: «Такъ какъ матерьяла въ Петербургѣ становится меньше и меньше, то на дняхъ я ѣду въ Болгарію». Понимаешь-ли ты все громадное значеніе для меня этого грядущаго событія? Вѣдь я лишаюсь, такимъ образомъ, самаго драгоцѣннаго матеріала для моей бесѣды съ тобой; вѣдь я утрачиваю съ нимъ неизсякаемый источникъ веселости и смѣха! Ради Бога, не уѣзжайте отъ насъ, г. издатель «Новаго Времени», не отнимайте у меня веселаго расположенія духа! Но, по всей вѣроятности, г. Суворинъ останется неумолимымъ и уѣдетъ.

Но такъ-какъ всякому знакома
Превратность въ мысляхъ простаковъ,
То оставайтесь лучше дома,
Лутературный Хлестаковъ:

Они, въ отлучку вашу эту,
Перебѣгутъ еще съ тоски,
Пожалуй, въ новую газету,
Отнявъ у васъ всѣ пятаки.

Да, это дѣло рискованное.

Вѣдѣнію моему, какъ фельетониста, подлежатъ, однакожъ, иногда и финансовыя дѣла. Вотъ уже больше двухъ недѣль, какъ весь Петербургъ, а съ нимъ и всѣ столичныя газеты судятъ и рядятъ о милліонной кражѣ въ обществѣ взаимнаго кредита. Виновникомъ этого колоссальнаго похищенія оказался кассиръ общества, нѣкто г. Бритневъ, создавшій себѣ, такимъ образомъ, хотя и грандіозный, но, въ полномъ смыслѣ слова, «рукотворный» памятникъ. Я, впрочемъ, не виню г. Бритнева: украсть цѣлый милліонъ и не воспользоваться всѣми его прелестями — вѣдь это, въ своемъ родѣ, даже заслуга въ нашъ практическій вѣкъ; а бѣдный кассиръ именно не вкусилъ отъ упомянутыхъ прелестей, проигравъ поличное на биржевыхъ спекуляціяхъ. Меня поражаетъ, однакожъ, загадочная ширь русской натуры: г. Струве наивно добивается, чтобы петербургская дума подарила ему почти милліончикъ; г. кассиръ Бритневъ воруетъ и чуть-ли не выбрасываетъ за окно больше милліона. Изумительно! непостижимо! Газеты разсказываютъ, что, когда въ обществѣ взаимнаго кредита обнаружилась названная растрата денегъ, то нѣкоторые изъ членовъ совѣта, предполагая сперва весь убытокъ въ 400,000 рублей, тотчасъ же внесли отъ себя эту сумму. Ну, какъ тутъ, право, удержаться, чтобы не воскликнуть:

Это прелесть, наслажденье!
Солидарность-то какая:
Чуть открылось похищенье,
Платятъ всѣ, не разсуждая!

Еслибъ съ этакимъ эфектомъ
Выражалося участье,
Къ неворующимъ субъектамъ,
Вотъ бы было въ мірѣ счастье!

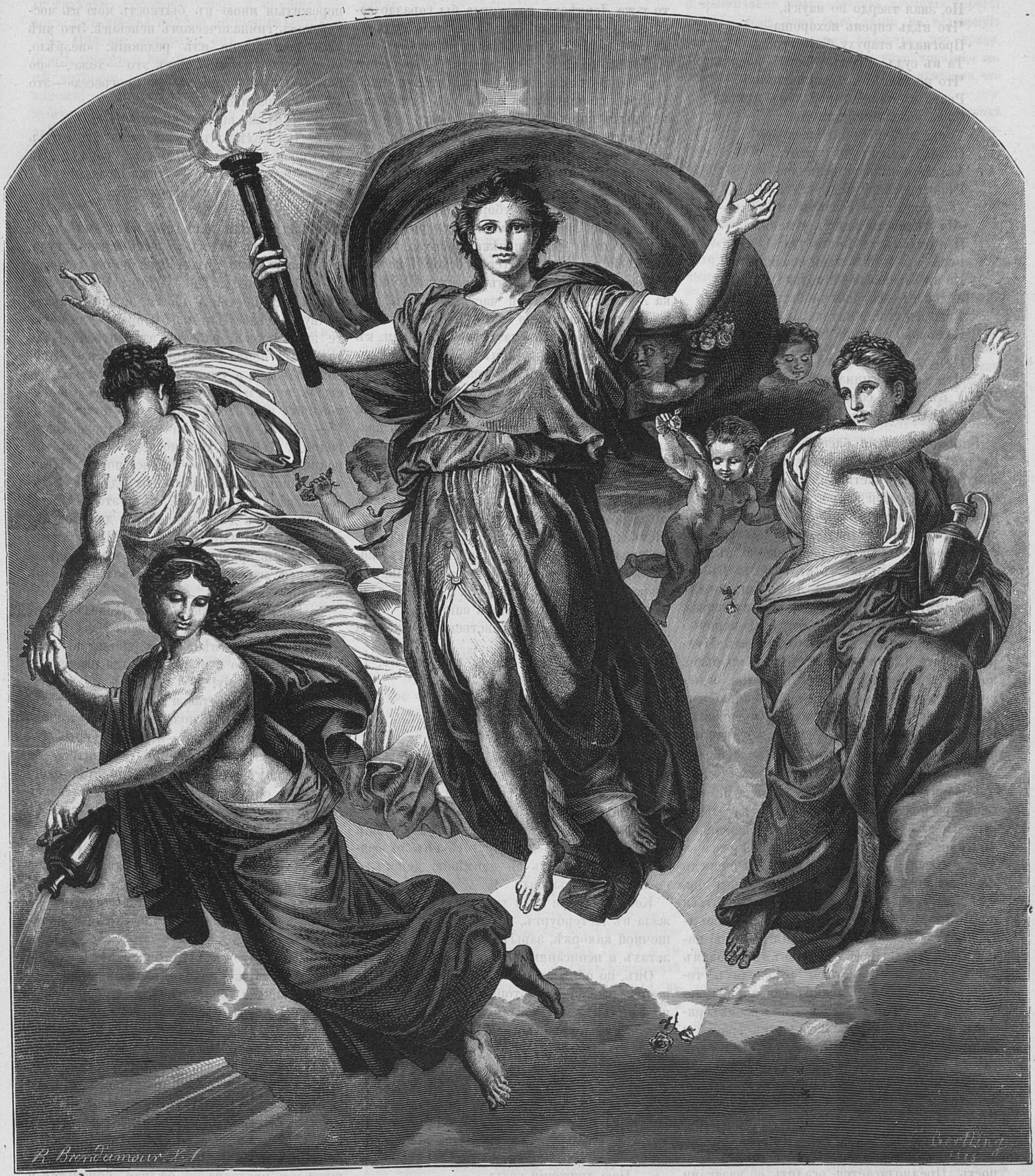
Да, дѣйствительно, читатель, тогда и умирать не слѣдовало бы. Но, на практикѣ, дѣло происходитъ нѣсколько иначе. Приведемъ здѣсь одинъ, весьма краснорѣчивый примѣръ. Недавно въ камерѣ мироваго судьи 12 участка разбиралось дѣло по иску старушкой Линстремъ 1 руб. 75 коп. съ содержателя Надеждинской аптеки, г. Оппенгейма, за доставленные ему цвѣты сирени, въ количествѣ семи фунтовъ. Отвѣтчикъ не призналъ иска правильнымъ, объяснивъ, что сирень онъ не принялъ, такъ какъ она оказалась негодною для аптекарскаго дѣла, что Линстремъ сама оставила цвѣты на скамейкѣ, и что если она попроситъ у него на бѣдность, то онъ готовъ дать ей 1 руб. 75 коп. Имѣя въ виду, что въ предшествовавшее засѣданіе истица объяснила, что собирала сирень въ Петровскомъ паркѣ съ дозволенія сторожей, на что не имѣла права, такъ-какъ Петровскій паркъ принадлежитъ городу: мировой судья постановилъ, въ силу подлежащихъ статей закона, въ искѣ Линдстремъ отказать и, независимо отъ этого, спросить городскую управу: имѣютъ ли право сторожа Петровскаго парка дозволять частнымъ лицамъ рвать цвѣты сирени? «Я вамъ отказалъ въ вашемъ требованіи», сказалъ судья истицѣ: «Можете идти домой. Можетъ быть, васъ потребуютъ еще разъ сюда». Выходя изъ камеры, старушка Линстремъ горько заплакала. Не правда-ли читатель, какими крупными чертами обрисовывается въ этомъ крошечномъ процессѣ личность г. аптекаря Оппенгейма, сперва отнимающаго у бѣдной труженицы ея мизерный заработокъ, а потомъ выражающаго желаніе дать ей его-же на бѣдность, если она попроситъ? Какой изумительный цинизмъ жирнаго аптекарскаго самодовольства! Утѣшьтесь, г-жа Линстремъ: вы стоите недосягаемо выше этого, повидимому, богатаго человѣка, такъ какъ не унизились до просьбы къ нему; напрасно только вы плакали: онъ не стоилъ не единой вашей слезинки. А васъ, г. Оппенгеймъ, я считаю долгомъ передать въ достояніе потомства, что сейчасъ-же и постараюсь исполнить по силѣ моего разума.

Аптекарь и сирень.

Современная басня.

(*Посвящается г. Оппенгейму*).

Трудясь на пользу человѣку,
Въ одну столичную аптеку
Старушка бѣдная одна
Носила травы. Разъ она
Семь фунтовъ ровно собрала
Цвѣтовъ сирени по заказу
И принесла.
Но озадачена была
Аптекаремъ старушка сразу.
«Ты нарвала цвѣтовъ дрянныхъ.—
Наука требуетъ иныхъ:


R. Brendamour X.A.

Утро.

Я денегъ не плачу за нихъ!»
Прикрикнулъ нѣмецъ на бѣдняжку—
И, отвернувшись, отпустилъ
Кому-то затхлую ромашку.
Хоть барыша онъ и нажилъ.
Процентовъ сто на этой штукѣ,
Но, зная твердо по наукѣ,
Что вѣдь сирень нехороша—
Прогналъ старуху безъ гроша.
Та въ судъ, а судъ рѣшилъ логично
Что не совсѣмъ благоприлично
Рвать въ паркѣ городскомъ цвѣты:
Сама, молъ, виновата ты.
Тутъ, получивъ прямое право
Истицѣ денегъ не платить,
Аптекарь-нѣмецъ величаво
Рѣшился шику подпустить.
«Ты попроси»—сказалъ онъ сухо—
«На бѣдность денегъ у меня,
И я отдамъ тебѣ, старуха,
Весь заработокъ твой сполна».
Но та заплакала—и только.
А денегъ—спросятъ—было сколько?
Увы! къ стыду аптекарей—
Немножко меньше двухъ рублей....

Изъ этой басни ясно видно,
Что хлѣба отнимать кусокъ
У бѣдняка—совсѣмъ безстыдно,
А бѣдность—не порокъ.

Впрочемъ, басня басней, но, во всякомъ случаѣ, надо отдать справедливость и мировому судьѣ 12 участка: имъ поднятъ теперь совершенно новый вопросъ, который можно назвать «сиреневымъ». Вопросъ этотъ едвали не запутаннѣе такъ—называемаго «восточнаго», который мы разрѣшаемъ, въ данную минуту, съ оружіемъ въ рукахъ. Въ самомъ дѣлѣ, имѣла-ли г-жа Линстремъ право рвать цвѣты сирени въ Петровскомъ паркѣ, когда ей позволили это сторожа, нарочно приставленные для присмотра за нимъ? Мудрый Эдипъ, разрѣши! Какъ бы то ни было, но будь я на вашемъ мѣстѣ, г. судья, я непремѣнно отослалъ бы эти похищенные изъ Петровскаго парка семь фунтовъ сиреневыхъ цвѣтовъ въ общество взаимнаго кредита, на память: знайте, молъ, господа, что правосудіе не дремлетъ.

Говорятъ, что жаркое время года не особенно располагаетъ человѣка къ дѣятельности. Но я усматриваю, теперь совершенно противное этому: не смотря на самый разгаръ лѣта, у насъ поставлено нынѣ на очередь столько новыхъ вопросовъ, что, казалось бы, ужъ гдѣ тутъ найти намъ время заниматься еще пустяками, а, между тѣмъ, выискиваются дѣятели и на этомъ поприщѣ. Вотъ, напримѣръ, нѣкто В. И. Аристовъ, по словамъ «Петербургскаго Листка», руководитъ теперь, въ Лѣсномъ, дѣтскимъ сказачьимъ легіономъ, уже насчитывающимъ въ своихъ рядахъ, до 50 человѣкъ. Ихъ учитъ фронту и маршировкѣ какой-то отставной солдатъ, а самъ г. Аристовъ устроилъ дѣтямъ крѣпость на дачѣ Блинова, въ Сосновомъ переукѣ, окопавъ ее рвомъ и снабдивъ турецкимъ флагомъ. Онъ уговорилъ также нѣсколькихъ мальчиковъ быть турками, одѣлъ ихъ въ фески и посадилъ гарнизономъ въ эту крѣпость. Предполагается осадить ее казаками и взять штурмомъ. Также будетъ устроена и переправа черезъ Дунай. Газета прибавляетъ: мальчишки давно уже ходятъ съ синяками и ссадинами на лицѣ, и нѣкоторые родители, не безъ основанія, опасаются за ребра, руки и ноги своихъ дѣтей при предстоящей переправѣ черезъ Дунай. Намъ передавали, что артистка Е. И. Левкѣева, проживающая въ Лѣсномъ на дачѣ, сшила и подарила казакамъ большое знамя.

Нельзя, конечно, никому запретить дурачиться, даже уродливо — прибавлю и я, въ свою очередь; но если «Петербургскій Листокъ» не выдумалъ этого факта, для шутки, то г-жа Левкѣева поступила бы гораздо сообразнѣе съ логикой, еслибъ сшила и подарила себѣ и г. Аристову... по колпаку.

По настоящему, слѣдовало бы поднести еще одинъ такой-же колпакъ и г. Буренину, храбро заявившему въ одной изъ своихъ потѣшныхъ корреспонденцій, что онъ первый вступилъ на мачинскій (непріятельскій) берегъ во время переправы нашихъ войскъ у Браилова, да ужъ Богъ съ нимъ: онъ и безъ того, кажется, давно уже сопричастенъ сему секретному головному убору.

Находятъ время заниматься теперь курьезными вещами даже и нѣкоторые адвокаты. Такъ, по словамъ «Петербургской Газеты», адвокатъ Амани, явясь въ управленіе 1 участка Александро-Невской части, заявилъ, что во время проѣзда его въ двѣнадцать часовъ ночи, съ женою, по Знаменской площади, къ нему подошелъ мѣщанинъ Африканъ Афанасьевъ и, сочтя его съ женою за влюбленную парочку, сталъ предлагать ему номеръ въ своей квартирѣ. Полиція, разумѣется, не замедлила распорядиться и застала въ названной квартирѣ три влюбленныя парочки. Впрочемъ, я вполнѣ сочувствую г. Амани. Въ самомъ дѣлѣ, какая нестерпимая обида: принять двухъ супруговъ за влюбленныхъ, когда всему міру извѣстно, что бракъ охлаждаетъ даже самыя пылкія страсти! Мнѣ даже думается, что почтенный адвокатъ поступитъ совершенно логично, если займется, современемъ, преслѣдованіемъ и самихъ «влюбленныхъ парочекъ». Suum cuique....

Подумаешь, какія нравственныя времена настали!

Веселый поэтъ.

Американецъ.

Очеркъ Г-жи Юрьевой.

Это нашъ давнишній знакомый. Мы его прозвали американцемъ, потому что онъ во всю свою недолгую жизнь собирался въ Америку.

Но онъ не попалъ въ Америку: въ качествѣ баласта—его не приняли на корабль, а въ качествѣ чего-либо другого онъ оказался неподходящимъ по неимѣнію денегъ и по незнанію языковъ.

Когда, четыре года тому назадъ, я пріѣзжала въ Петербургъ, я застала его въ крошечной каморкѣ, зарытаго въ книгахъ, газетахъ и исписанныхъ листахъ бумаги.

Онъ, по обыкновенію, сыпалъ восторженными фразами, въ которыхъ, сквозь потокъ поэтическихъ блёстокъ его собственнаго остроумія, просвѣчивали то Прудонъ, то Дарвинъ, то кто-нибудь изъ другихъ извѣстныхъ мыслителей. Но на этотъ разъ, я замѣтила въ немъ какую-то ненормальную, лихорадочную экзальтацію. Онъ былъ тревоженъ и часто оглядывался на ситцевую занавѣску, раздѣляющую пополамъ его маленькую комнату.

— Что-же вы подѣлываете? спрашиваю я.

— Чаю движенія воды.

— А это что? указываю на рукописи.

— Это—мои измышленія.

— Въ какомъ родѣ?

— Во всякомъ. Тутъ есть сказка для стариковъ или размышленія сига, оставившаго свое водное жилище, чтобы прогуляться по хваленому бѣлу-свѣту....

— Что-же онъ вынесъ изъ этой прогулки?

— Много сквернаго: развратился и опалѣлъ. Вотъ, прочтите на досугѣ. — А вотъ тутъ у меня звѣринецъ изображенъ.

Онъ подалъ мнѣ тетрадку озаглавленную: «пенсіонерскій бытъ».

— Тутъ у меня нанизаны всѣ прелести пережитыя мною въ бытность мою въ московскомъ гимназическомъ пенсіонѣ. Это мнѣ ужъ возвращено изъ редакціи: «незрѣло, молъ, и нецензурно». Вотъ это — тоже,—«по поводу Спенсеровой теоріи прогресса»—это тоже возвратили.

— Чѣмъ-же вы теперь кормитесь?

— Два нелѣпыхъ урока имѣю на двухъ противуположныхъ окраинахъ города. Но это — не дѣло. И это — тоже не дѣло!

Онъ указалъ на свои рукописи.

— А гдѣ-же дѣло?

— Здѣсь для меня его нѣтъ; мнѣ тутъ нечего дѣлать, оттого-то и стремлюсь я туда, гдѣ можно дѣло дѣлать, гдѣ почва готова.

— Эхъ, Павелъ Николаевичъ! Вы все старую пѣсню поете! А развѣ подготавливать почву не дѣло? Или вы, бѣлоручка, не хотите этой черной работой заниматься? Вѣдь тамъ, гдѣ почва-то готова и безъ васъ много дѣлателей; а у васъ есть свой родной пустырь, вотъ и трудитесь надъ нимъ, подготовляйте изъ него плодородную почву.

— Нѣтъ у меня ничего родного! Нѣтъ родины. Гдѣ мнѣ хорошо, гдѣ любо, тамъ и родина моя. А здѣсь—мнѣ все погано. Здѣсь мнѣ душно, тѣсно; здѣсь нѣтъ для меня дѣла. Развѣ вы не видите? вѣдь это — фактъ: мнѣ не даютъ дѣла—никакого, даже самаго мизернаго,—о я-ли не ищу дѣла! Вы видите...

Его рѣчь прервана была стономъ изъ-за ситцевой занавѣски. Послышался слабый женскій голосъ:

— Съ кѣмъ это вы, Павелъ Николаевичъ?

— Не безпокойтесь, Настасья Васильевна, я съ другомъ, отвѣчалъ американецъ, какъ-то сконфуженно и пытливо глядя на меня.

— Я пить хочу!

— Сейчасъ, Настасья Васильевна! Господи! Какъ-же это? Я позабылъ совсѣмъ... обрадовался, заговорился—и позабылъ!..

Онъ засуетился. Отчаяніе выразилось на его блѣдномъ, худомъ лицѣ. Оно стало еще блѣднѣе; опухшія вѣки широко открылись вокругъ его безцвѣтныхъ глазъ.

— Ужасно! Это чортъ знаетъ что такое! шепталъ онъ, стоя передо мною и разводя руками.—Велѣно для нея изъ миндалю питье приготовить и лекарствъ вотъ по этому рецепту взять... Подлецы еще не заплатили за уроки... второй мѣсяцъ даромъ хожу къ чорту на кулички...

— Такъ чтожъ вы стоите? пойдемте въ аптеку, въ лавку, добудемъ что надо.

Мы вышли. Дорогой онъ безсвязно очертилъ мнѣ короткую повѣсть своего знакомства съ Настасьей Васильевной: — возвращаясь съ одного урока вечеромъ, онъ проходилъ мимо родильнаго дома и увидалъ прижавшуюся къ стѣнѣ рыдающую женщину. Оказалось, что въ этомъ домѣ ее не приняли за неимѣніемъ вакансіи, а до другого такого дома ей далеко... для нея было ужъ поздно, а своей квартиры у нея нѣтъ: она швея изъ магазина — бѣдная, обманутая и брошенная, какихъ много.

Не долго думая, американецъ нанялъ дрожки, посадилъ ее съ собою и привезъ къ себѣ, въ свою единственную комнату. Онъ жилъ не далеко отъ Надеждинской. Пріѣхавъ, онъ сунулъ рубль своей ворчливой хозяйкѣ и послалъ ее за акушеркой. У него было тогда пятьдесятъ рублей, собранные долгимъ трудомъ и постомъ въ то время, когда онъ считалъ себя богатымъ уроками. Онъ копилъ деньги на дорогу въ Америку. Эти деньги онъ всѣ употребилъ для доставленія возможнаго комфорта и медицинской помощи найденной имъ женщины. Роды были трудные. Ребенокъ умеръ, а женщина — вотъ ужъ третья недѣля не поправляется.

— Она все тоскуетъ объ умершемъ ребенкѣ своемъ и все бредитъ о томъ подлецѣ, который бросилъ ее... пояснилъ американецъ. — Она все сокрушаетъ, что француженка не будетъ любить его такъ, какъ она любила.

Мы вернулись; приготовили питье и лекарства. За занавѣской я увидала разметавшуюся въ бреду молодую женщину. Она вся горѣла.

Она то стонала, то произносила отрывочныя фразы, то дико хохотала.

Мы прикладывали къ головѣ ея ледяные компрессы, но бредъ не прекращался. Только безсвязнѣе становились фразы, слабѣе стоны.

— Здѣсь былъ ребенокъ... говорила она. — Мой ребенокъ... змѣя взяла... она его взяла у меня... Всѣ ушли... меня прогнали... вотъ — одна въ полѣ...

— Настасья Васильевна, не всѣ васъ оставили... Я не оставлю васъ никогда!

Почти безсознательно вторилъ ей американецъ, припавъ къ ея холодѣющей рукѣ.

— Настасья Васильевна, я все брошу... все — для васъ... все — отдамъ... живите, Настасья Васильевна!

Онъ плакалъ и захлебывался, какъ ребенокъ.

Стоны замолкли. Она какъ будто заснула. Я отвела его отъ постели.

—Скажите: что̀ она будетъ жить? скажите мнѣ это! просилъ онъ меня съ какою-то дѣтской настойчивостью.

— Знаете что? если она... проговорилъ онъ, въ упоръ глядя на меня своими безцвѣтными глазами:—если она,—то и я тоже—уйду!

— Куда?

— Къ «сигу»... отвѣтилъ онъ чуть слышно; но въ его тонѣ была рѣшительность. И въ самомъ дѣлѣ, что̀ могло остановить его? Онъ могъ-бы пристраститься къ дѣлу, — но дѣло ему не давалось. Вотъ онъ отдалъ все, что имѣлъ, существу, случайно попавшемуся на его дорогѣ, потому только, что существо это нуждалось въ помощи... Теперь онъ готовъ пожертвовать всѣми своими завѣтными мечтами (вѣдь они только и остались у него,—но и это — много) — что-бы только сохранить ея жизнь. Но эта жизнь — гаснетъ. Американецъ убѣжденъ, что онъ никому ужь на свѣтѣ не нуженъ и ему не жаль ни съ чѣмъ разстаться. «Моя родина — тамъ, гдѣ мнѣ лучше, гдѣ мнѣ любо...» А если лучшаго не предвидится—то, по крайней мѣрѣ, покончить разомъ съ тѣмъ, что несомнѣнно-худо!...

Я что-то начала ему говорить «объ измѣнѣ идеѣ», о «бѣгствѣ съ поля битвы»... Но онъ меня не слушалъ и я сама чувствовала, что говорю избитыя фразы и не находила другихъ словъ.

Онъ еще разъ неопредѣленно развелъ руками и тяжело опустился на стулъ. Голова и руки повисли, какъ неживыя. Длинныя прямыя пряди его желтыхъ волосъ почти закрыли лицо.

Я заглянула за занавѣску. Тамъ борьба и страданія уже застыли въ непробудномъ снѣ.

Когда я вышла, онъ взглянулъ на меня, понялъ,—и опять свѣсилъ голову.

Прошло нѣсколько минутъ тяжелаго молчанія.

Онъ поднялся наконецъ и медленно отвелъ съ лица нависшіе волосы.

— Вы говорили, что вы свободны сегодня? спросилъ онъ тихо.—Такъ вотъ, сговоритесь съ моей хозяйкой... она не злая старуха, она все тутъ справитъ, что на̀до... а я пойду.

— Пойдете?!

— Не пугайтесь! посмотрѣлъ онъ на меня своими кроткими глазами. — Я «туда» — не пойду. Я «трусомъ» — не буду. Вѣрьте.

Онъ крѣпко пожалъ мою руку и взялся за шапку.

— Куда-жъ вы?

— Теперь-то? а по морозу пробѣжаться, голову освѣжить... Урокъ дамъ, теперь какъ разъ время; — можетъ, и денегъ дадутъ. Я еще доктору долженъ.

— А потомъ?

— А вы все сомнѣваетесь? потомъ потяну все ту-же лямку. Помалодушествовалъ я въ ту минуту. Простите!

И онъ ушелъ.

Скоро послѣ того я уѣхала изъ Петербурга. Американецъ писалъ мнѣ, что получилъ какое-то мѣсто, но что сослуживцы его «хапаютъ» и ему тамъ врядъ-ли ужиться. Потомъ пересталъ писать.

Черезъ годъ я услышала о человѣкѣ, найденномъ на петербургской мостовой — мертвымъ и который, по анатомированіи, оказался умершимъ съ голода.

Человѣкъ этотъ былъ — нашъ американецъ.

Онъ «ушелъ отъ худшаго.»

Онъ сдѣлалъ величайшій подвигъ, какой только доступенъ въ его положеніи: онъ умеръ «естественной смертію».

Новости наукъ и жизни.

— Профессоръ Фуксъ издалъ недавно любопытное изслѣдованіе о землетрясеніяхъ вообще и въ 1875 году въ частности, въ которомъ выводитъ, что эти явленія, а равно и волканическія изверженія, случаются среднимъ числомъ около трехъ разъ въ недѣлю въ большей или меньшей степени въ разныхъ частяхъ земнаго шара. Въ 1875 году, т. е. за время 366 дней, было сто только такихъ случаевъ, о которыхъ мы имѣемъ достовѣрныя и подробныя свѣдѣнія; но, конечно, были и такіе, о которыхъ намъ ничего неизвѣстно, такъ какъ они происходили въ мѣстностяхъ, никѣмъ не посѣщаемыхъ, но въ которыхъ несомнѣнно существуютъ волканическія силы. Наиболѣе серьезныя изъ этихъ явленій случились въ Кукутѣ (Новая Гранада), 16, 17 и 18 мая вышеупомянутаго года, въ Санъ-Кристовалѣ и Гвадалачарѣ (Мексика) — 11-го февраля, въ Лагорѣ (Пенджабъ) и въ Порто-Рико — 12-го и 21-го декабря; при этихъ землетрясеніяхъ погибло не менѣе 20 тысячъ человѣкъ; имущественныя же потери неисчислимы. Кромѣ землетрясеній, чувствуемыхъ жителями той мѣстности, гдѣ они происходятъ, бываютъ многіе случаи сотрясеній такого же рода въ глубинѣ океана, и проявленія волканической силы обнаруживались неоднократно подъ водою, какъ было, напримѣръ, еще недавно около Гаваны. Наиболѣе интереснымъ было внезапное изверженіе волкана Цебоpуко (въ Мексикѣ), случившееся 11 го февраля, одновременно съ вышеупомянутыми землетрясеніями въ Санъ-Кристованѣ и Гвадалачарѣ. Эту гору считали совершенно потухшею, такъ какъ со времени открытія Америки никто не помнитъ случая ея изверженія. Значительное количество волканическихъ явленій пришлось въ 1875 г. на долю греческаго Архипелага; профессоръ Фуксъ особенно указываетъ въ этомъ отношеніи на островъ Санторинъ.

— Недавно, въ Журжевѣ, испытывали освѣтительное дѣйствіе электрическаго аппарата съ парашютомъ, который поднимался ночью вверхъ и чрезвычайно ярко освѣтилъ турецкій берегъ: часовые, дома, люди были видны въ подзорную трубу очень явственно; говорятъ, это яркое, движущееся свѣтило чрезвычайно поразило воображеніе мусульманъ, которые недоумѣвали, что это за комета явилась надъ Дунаемъ.

— Въ Духовъ день въ англійскомъ городѣ «Гуль» происходило народное гулянье. — Между прочими увеселеніями, предполагалось пустить воздушный шаръ въ 25,000 куб. фут. объема. Воздухоплаватель Маткайфъ уже сѣлъ въ лодку и шаръ былъ пущенъ, какъ вдругъ газъ воспламенился отъ неудачно помѣщеннаго фонаря и послѣдовалъ ужасный взрывъ, отъ котораго болѣе или менѣе пострадало около 60 зрителей. — Аэронавтъ остался невредимъ.

— Въ Силезской Пруссіи, въ окрестностяхъ Каттовица, въ лѣсу произошелъ необычайный случай. Одинъ рабочій, котораго видѣли до того во хмѣлю, заснулъ въ лѣсу на большой муравьиной кучѣ, гдѣ его и нашли спустя нѣсколько времени страшно обезображеннымъ. Муравьи изрыли ему лицо и буквально съѣли его языкъ. Перенесенный въ свое жилище, несчастный скончался спустя нѣсколько часовъ, не придя ни на минуту въ чувство.

— Въ Германіи издавна укоренилось мнѣніе, что всѣ нѣмцы, особенно-же нѣмки, должны имѣть непремѣнно свѣтлорусые волосы и голубые глаза. Вѣроятно, для того, чтобъ подкрѣпить это неопровержимыми данными, въ Пруссіи, годъ назадъ, предпринята была перепись цвѣтовъ глазъ и волосъ у дѣтей, посѣщающихъ школы. Въ настоящее время, въ нѣмецкихъ газетахъ обнародованы результаты такихъ курьезныхъ наблюденій, сдѣланныхъ спеціально назначенною для этого «антропологическою» коммиссіей. Изъ отчета коммиссіи видно, что въ числѣ 4.127,766 осмотрѣнныхъ школьниковъ, только $42,_{97}\%$ обладаютъ желаннымъ голубымъ цвѣтомъ глазъ, т. е. менѣе половины. Относительно-же цвѣта волосъ, коммиссія оказалась болѣе счастливою: наблюденія показали, что 72% всего числа дѣтей имѣютъ русые волосы; на каштановый цвѣтъ волосъ приходится только 26% и на черный всего 2%.

— Въ Америкѣ изобрѣтенъ автоматичессій аппаратъ, названный *рельсовымъ контролеромъ*. Онъ состоитъ изъ вагона, въ которомъ помѣщается бумажная лента въ нѣсколько сотъ футовъ длины и особый механизмъ, снабженный карандашемъ и весьма чувствительный ко всѣмъ неровностямъ пути. Для изслѣдованія состоянія пути вагонъ этотъ прицѣпляется къ отдѣльному локомотиву и отправляется быстрымъ ходомъ, причемъ на протяженіи одной англійской мили распутывается 3 ф. ленты, на которой и получаются отмѣтки, наглядно указывающія состояніе рельсовъ и полотна.

— Г. Н. Ф—ъ помѣстилъ въ № 24 «Недѣли» интересную статью о женщинахъ-телеграфисткахъ въ Лондонѣ, гдѣ ихъ насчитываютъ около 1,500. Кандидатки, отъ 14 до 18 лѣтъ, экзаменуются въ познаніи самыхъ элементарныхъ основъ грамматики и ариѳметики, осматриваются докторомъ и затѣмъ поступаютъ въ спеціальную школу на 2 — 3 мѣсяца. Послѣ этихъ искусовъ, начинается служба, непремѣнно на центральной лондонской станціи. Тамъ есть зала, до такой степени громадная, что протяженіе столовъ, на которыхъ помѣщаются аппараты, равняется 343 саж. Здѣсь работаетъ, кромѣ мужчинъ, 800 дѣвушекъ поочередно, но очередь распредѣлена такимъ образомъ, что въ самое горячее время, отъ 11 до 5 час., всѣ работницы на лицо. Всѣ дѣвушки работаютъ только днемъ и не болѣе 8 часовъ въ сутки. Жалованья онѣ получаютъ отъ 8 до 30 шиллинговъ въ недѣлю. Большинство получаетъ обыкновенно 18 ш., т. е. нѣсколько болѣе 30 руб. въ мѣсяцъ. На самой станціи есть большая опрятная кухня, гдѣ телеграфистки въ указанный для каждой партіи льготный часъ могутъ или получать за 6 пенсовъ (около 20 к.) кусокъ горячаго мяса съ картофелемъ и зеленью, или разогрѣвать принесенный ими обѣдъ. Въ шестомъ часу разносится чай съ хлѣбомъ и масломъ. Это угощеніе — на казенный счетъ, и его дѣвушки обязаны пить у своихъ аппаратовъ, чтобы не терять времени. Въ случаѣ болѣзни, ихъ лечитъ казенный докторъ, ири чемъ въ первые 6 мѣс. продолжительной болѣзни онѣ получаютъ $^{2}|_{3}$ жалованья, а потомъ, отъ 9—12 мѣс., половину. Разстроившихъ здоровье посылаютъ работать въ приморскіе города Брайтонъ и Гастингсъ, и тамъ онѣ работаютъ уже не болѣе 6 часовъ. Телеграфистки ежегодно имѣютъ право на двухъ-недѣльный отпускъ. Вышедшая послѣ десятилѣтней службы въ отставку по болѣзни пользуется пенсіономъ, а достигшія 60 лѣтъ всѣ безъ исключенія имѣютъ на него право. Въ видѣ наказаній въ принципѣ полагается денежный штрафъ и исключеніе изъ службы, но первый почти не практикуется, а послѣднее съ 1874 г. было примѣнено только *одинъ* разъ. Больше всего дѣвушки грѣшатъ запаздываніемъ, что каждый разъ и записывается въ книгу, а когда прогульное время дойдетъ до нѣсколькихъ часовъ, провинившаяся обязана отработать ихъ.

— На дняхъ напечатанъ отчетъ виленской астрономической обсерваторіи за 1874 и 1875 годы, представленный директоромъ ея П. М. Смысловымъ въ засѣданіи физико-математическаго отдѣленія 5 октября 1876 года. Періодъ дѣятельности обсерваторіи за это время касается задачъ: изученія солнца, по фотографическимъ его снимкамъ посредствомъ геліографа и опредѣленія постояннаго коеффиціента оберацiи и скорости свѣта изъ наблюденій юпитеровыхъ спутниковъ. Наконецъ г. Бергъ производилъ наблюденія фотометромъ Шверда, для опредѣленія прежде всего законовъ поглощенія свѣта земною атмосферою, а потомъ относительной свѣтлости различныхъ свѣтилъ. Прибавимъ къ этому, что приблизительное опредѣленіе времени, нужное какъ для исчисленныхъ трехъ задачъ, такъ и для жителей Вильны, посредствомъ башенныхъ часовъ и пушечнаго выстрѣла въ полдень, производилось аккуратно. Наконецъ велись и метеорологическія наблюденія, которыя доставлялись въ главную физическую обсерваторію. Въ концѣ 1876 года обсерваторія сгорѣла.

— Для скорой осушки жилыхъ помѣщеній въ новоотстроенныхъ домахъ, инженеромъ Линьи придумана желѣзная подвижная печь, въ верхней части которой имѣется 6 жестяныхъ трубъ, длиною отъ 1 до $1^{1}/_{4}$ метра; трубы могутъ быть поворачиваемы, удлинняемы и укорачиваемы по произволу; продукты горѣнія топлива направляются цо этимъ трубамъ непосредственно на осушаемыя стѣны; операція производится при полуоткрытыхъ окнахъ и требуетъ для каждой комнаты 4 или 5 дней времени. Идея осушенія основана на томъ соображеніи, что въ известковомъ растворѣ каменныхъ стѣнъ новаго зданія, на видъ совершенно сухихъ, всегда содержится нѣкоторое количество гидрата извести, который обращается въ безводную углекислую известь отъ соединенія съ выдыхаемою жильцами углекислотою, причемъ находившаяся до того времени въ химическомъ соединеніи съ известью вода выдѣляется въ видѣ сырости на стѣнахъ. Линьи достигаетъ того же выдѣленія раньше, чѣмъ домъ наполнится жильцами; углекислота, отдѣляемая его печью, замѣняетъ, такимъ образомъ, процессъ дыханія людей. Печь Линьи можетъ быть также съ пользою употребляема для совершенной осушки сырыхъ самихъ по себѣ и нездоровыхъ подвальныхъ помѣщеній, до покрытія ихъ стѣнъ непроницаемыми для сырости оболочками. Съ этою цѣлью нужно отбить всю штукатурку, тщательно опрыскать стѣны водою, и затѣмъ уже сушить ихъ печью Линьи.

— Заимствуемъ изъ «Journal des sciencis militaires» слѣдующія данныя о военныхъ силахъ, какими можетъ въ настоящее время располагать Англія на сушѣ:

Англійская армія составляется изъ войскъ внутри и внѣ королевства. Войска внутри королевства, по своей численности, распредѣляются такимъ образомъ: дѣйствующая армія, вмѣстѣ съ резервомъ ея, образуется изъ 77-ми баталіоновъ пѣхоты, въ десять ротъ каждый; 22-хъ полковъ кавалеріи, по четыре эскадрона въ каждомъ; 57-мь полевыхъ батарей, по шести орудій; всего 160,000 человѣкъ. Затѣмъ 125,000 человѣкъ образуютъ милицію, въ составъ которой входятъ 130 баталіоновъ пѣхоты, 42 полка кавалеріи, называемые «yeomanry», 22 батареи артиллеріи. Дѣйствующая армія вмѣстѣ съ милиціей должны составить восемь армейскихъ корпусовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ по три пѣхотные дивизіи, въ каждой по семи баталіоновъ пѣхоты, три эскадрона кавалеріи, семь артиллерійскихъ батарей и одной кавалерійской бригады. Еслибъ всѣ эти восемь армейскихъ корпусовъ оставили королевство, для его защиты останутся еще войска волонтеровъ, состоящія изъ 900 пѣхотныхъ отрядовъ въ 140,000 человѣкъ; четырехъ отрядовъ кавалеріи въ 1,000 человѣкъ и 210 — артиллеріи въ 30,000 человѣкъ, не считая при этомъ 7,000 саперовъ, батарей береговой и крѣпостной артиллеріи. Войска, расположенныя внѣ королевства, образуютъ дѣйствующую армію, мѣстную милицію и отряды сипаевъ. Къ дѣйствующей принадлежатъ: армія въ Индіи, состоящая изъ 50-ти баталіоновъ пѣхоты, по восьми отрядовъ въ каждомъ; девяти полковъ кавалеріи, по три эскадрона въ каждомъ, 57 полевыхъ батарей, по шести орудій. Затѣмъ, гарнизонъ на Гибралтарѣ: изъ пяти баталіоновъ пѣхоты, семи артиллерійскихъ батарей и четырехъ инженерныхъ отрядовъ; гарнизонъ на островѣ Мальта такой же численности съ тою лишь разницею, что вмѣсто четырехъ инженерныхъ отрядовъ— два. Въ другихъ англійскихъ колоніяхъ — 14 баталіоновъ пѣхоты, 14 артиллерійскихъ батарей и шесть инженерныхъ отрядовъ. Численность всѣхъ этихъ силъ простирается до 70,000 человѣкъ. Мѣстная милиція въ колоніяхъ королевства немногочисленна; важнѣйшій изъ полковъ, входящихъ въ ея составъ—артиллерійскій на Мальтѣ. Наконецъ, сипаевъ въ Индіи насчитывается около 120,000 человѣкъ.

— Англійскія газеты говорятъ о вновь изобрѣтенномъ въ Англіи орудіи. Это — нѣчто въ родѣ пушки, снабжонной крестообразно сложенными въ направленіи непріятеля саблями, которыя своимъ продольнымъ положеніемъ покрываютъ пространство, описываемое ихъ лезвіемъ. По разсчету изобрѣтателя, 8-ми дюймовое ядро можетъ нести сабли въ 14 футовъ на 600 ядровъ въ горизонтальномъ направленіи, поражая каждаго, кто встрѣтится на пути.

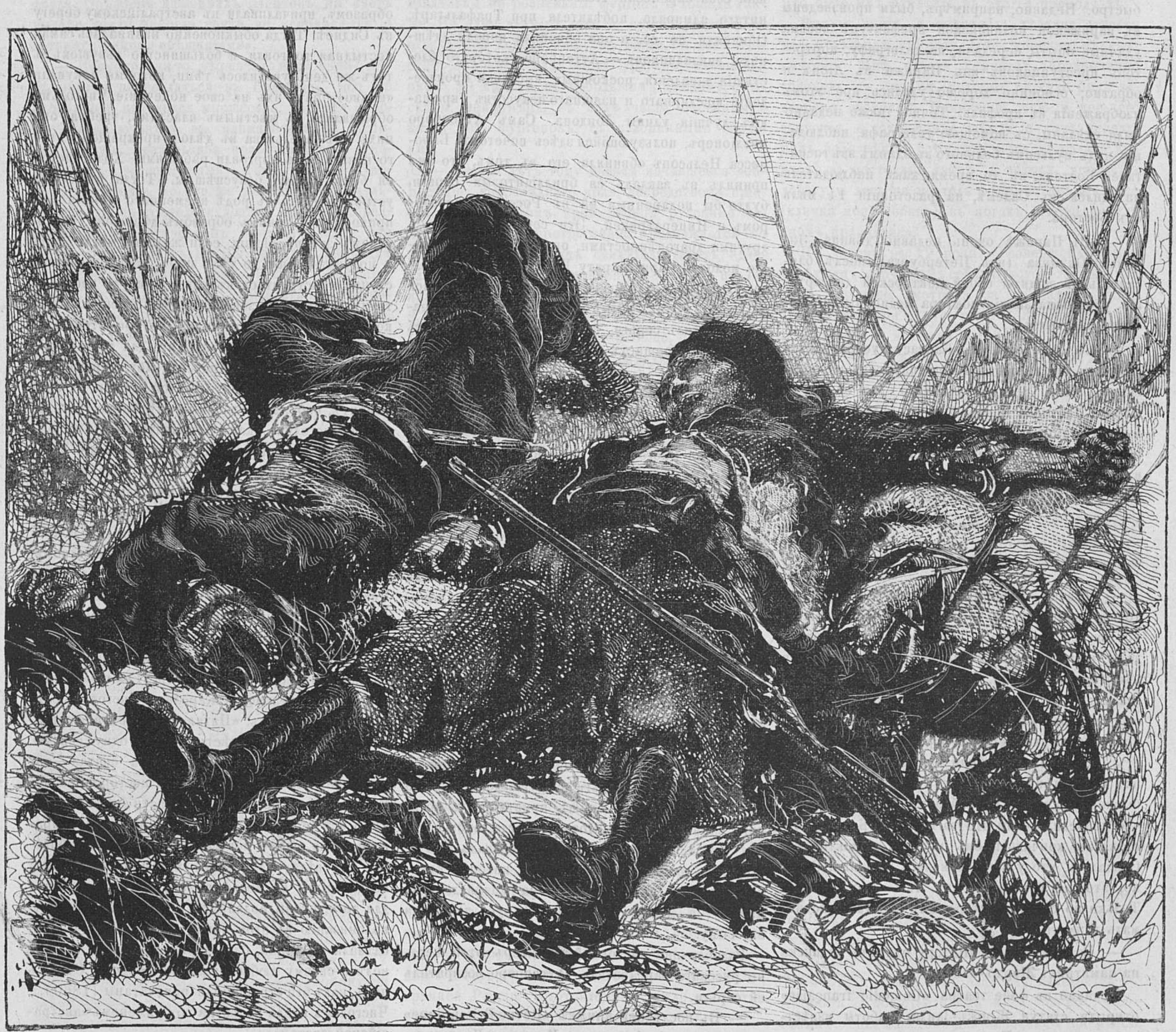
— На этой недѣлѣ должно выйти въ Парижѣ, у книгопродавца Кальманъ-Леви, историческое сочиненіе подъ интереснымъ заглавіемъ: «Фарисеи». По словамъ парижскихъ газетъ, это сочиненіе составлено, на основаніи новыхъ и любопытныхъ источниковъ. Авторъ его — Коганъ, извѣстный изслѣдователь юдаизма.

— Французская газета «Ariégeois» сообщаетъ о любопытномъ случаѣ сохраненія трупа въ теченіи 500 лѣтъ. Трупъ этотъ найденъ въ стѣнѣ кафедральнаго собора Сенъ-Лизьѐ (St. Lizier). всѣ члены оказались сохранившимися, только кожа нѣсколько пожелтѣла. Въ означенномъ мѣстѣ, какъ гласитъ надпись на памятникѣ, должно было находиться тѣло епископа кузранскаго, Ожера II, который въ архивахъ собора, дѣйствительно, значился погребеннымъ въ стѣнѣ и умеръ въ 1303 году.

— Въ Англіи, странѣ, которая до сихъ поръ больше всякой другой отличалась консерватизмомъ въ такъ-называемомъ женскомъ вопросѣ, сдѣланъ недавно въ этомъ отношеніи значительный шагъ впередъ, и притомъ въ такой области этого вопроса, которая встрѣчала наибольшую оппозицію со стороны англичанъ — именно, медицинской. Совѣтъ Лондонскаго университета постановилъ допускать женщинъ не только къ слушанію лекцій,—что въ нѣкоторой степени дозволялось и прежде—но и къ пріобрѣтенію посредствомъ экзамена степени врача, чего до сихъ поръ не было, такъ что разрѣшеніе слушать лекціи оставалось занятіемъ, совершенно непроизводительнымъ въ практическомъ отношеніи. Этимъ благимъ началомъ дѣло однако не ограничилось. На-дняхъ состоялось постановленіе того же совѣта давать женщинамъ ученыя степени и по всѣмъ другимъ факультетамъ. Постановленіе это, по закону, пойдетъ на утвержденіе парламента, и надо надѣяться, что оно будетъ одобрено имъ также, какъ одобрилъ онъ рѣшеніе относительно степени медицинской.

— Извѣстный своими критическими изданіями Мольера, Расина, Раблэ и Лафонтена, Люи Моланъ приступилъ къ изданію полнаго собранія сочиненій Вольтера, которое будетъ состоять изъ 45 томовъ, довольно объемистаго формата. Недавно вышелъ второй томъ, въ которомъ помѣщены трагедіи Вольтера съ многочисленными примѣчаніями издателя и статья этого послѣдняго о предисловіяхъ автора къ «Маріаннѣ», «Бруту» и «Заирѣ». Томъ первый, который будетъ посвященъ біографіи Вольтера съ относящимися къ этому предмету приложеніями и документами, появится по окончаніи всего изданія. Судя по предшествующимъ трудамъ издателя, и здѣсь читатели найдутъ много важныхъ примѣчаній и коментаріевъ, библіографическихъ и біографическихъ указаній, подробные систематическіе алфавиты и т. п. Важное достоинство новаго изданія будетъ составлять переписка Вольтера, которая до сихъ поръ печаталась съ значительными пробѣлами, и которую Моланъ намѣревается помѣстить съ пополненіемъ этихъ послѣднихъ весьма цѣнными, имѣющими большое значеніе для культурной и литературной исторіи прошлаго столѣтія письмами знаменитаго писателя и его корреспондентовъ.

— Минная аттака, произведенная лейтенантомъ Скрыдловымъ на паровомъ катерѣ «Шутка» противъ турецкаго броненоснаго судна на Дунаѣ, 8-го іюня, послужила предлогомъ для весьма интереснаго опыта, произведеннаго на прошлой недѣлѣ въ Англіи въ присутствіи многихъ англійскихъ, а также итальянскихъ офицеровъ. Какъ извѣстно, «Шутка», несмотря на полученныя пробоины въ подводной части, продолжала плавать, относительно, безопасно и не затонула во время отступленія отъ турецкаго судна. Англійскіе заводчики, Торникрофтъ и Дональдсонъ, строители «Шутки», пожелали сдѣлать опытъ относительно того, насколько паровая шлюпка способна плавать по полученіи пробоинъ. Для того они выстрѣлили непосредственно изъ ружья Мартини-Генри въ подводную часть шлюпки, имѣвшей 76 фут. длины и 40 фут. ширины; получилась пробоина немного болѣе $^{3}/_{4}$ дюйма въ діаметрѣ, на разстояніи около одного фута ниже поверхности воды. Когда шлюпка стояла на якорѣ, то въ теченіи 25 секундъ времени набиралось въ ней одно ведро воды. Когда-же дали ходъ—воды стало прибывать менѣе, а когда ходъ достигъ 10-ти узловъ ($17^{1}/_{2}$ верстъ въ часъ)—воды прибывало очень мало, и шлюпка была какъ-бы застрахована отъ потопленія. При наибольшей-же средней скорости шлюпки въ 18,9 узла (33 версты въ часъ) воды почти вовсе не попадало сквозь отверстіе. Конечно, замѣчаютъ «С.-Петерб. Вѣдом.», выстрѣлъ изъ орудія былъ-бы гораздо опаснѣе, но, во всякомъ случаѣ, какъ видно изъ опыта, значительная скорость хода всегда будетъ до извѣстной степени предохранять отъ потопленія.



Послѣ битвы.

— По словамъ корреспондента газеты «Times», въ Римѣ получены письма отъ профессора Пальміери, въ которыхъ почтенный профессоръ говоритъ, что въ послѣдніе дни Везувій находится въ необыкновенно неспокойномъ состояніи; надъ кратеромъ по ночамъ показывается отраженіе огня. Недавно открылся новый кратеръ, надъ которымъ образовался конусъ. 18 (30) мая извнутри вылетали камни, но на незначительную высоту.

— «Abendpost» сообщаетъ, что на послѣднихъ, происходившихъ въ Вѣнѣ, опытахъ стрѣльбы изъ 15 сантиметроваго пробнаго ствола изъ бронзированной стали оказалось, что и крѣпостныя орудія, отвѣчающія всѣмъ требованіямъ, могли бы быть изготовляемы изъ того же сплава. Вышеупомянутые стволы, заряженные ядромъ въ 58,8 килограммовъ вѣса и 8 килограммами пороха, били на разстояніе $1^{1}/_{2}$ нѣмецкихъ миль, при чемъ внутреннія стѣнки ствола не претерпѣваютъ ни малѣйшаго поврежденія. «Abendpost» замѣчаетъ по этому поводу, что при дальнѣйшемъ усовершенствованіи пушекъ такой системы, Австрія пріобрѣтетъ независимое положеніе въ дѣлѣ вооруженія отъ иностранныхъ заводчиковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлаетъ большія сбереженія въ своихъ расходахъ.

— Начиная сь 1856 г. французы пробуравили въ алжирской Сахарѣ 104 артезіанскихъ колодца, которые доставляютъ 103,046 литровъ воды въ минуту и, орошая большія полосы страны, дѣлаютъ ее годною для обработыванія; на склонахъ Уэдъ-Рира было пробуравлено въ истекшемъ году пять такихъ колодцевъ, изъ числа которыхъ одинъ, у Тигедидина, при глубинѣ отъ 64 до 70 метровъ, даетъ ежеминутно по 3,008 литр. воды. Въ то время, какъ стараются превратить самую низкую часть алжирской и тунисской Сахары въ море, французская администрація имѣетъ въ виду осушить лежащія у морского берега безполезныя и зловредныя озера: Оранское (пространствомъ около 4 кв. миль) и Феццарское, что у Боны, и превратить такимъ образомъ необитаемую страну въ населенную и производительную.

— Изъ Шотландіи, изъ портоваго города Обана, въ иностранныхъ газетахъ есть свѣдѣнія, что туда заплыла морская змѣя. Ловилъ ее цѣлый городъ. Стрѣляла въ нее цѣлая рота съ утра до вечера и, наконецъ, убитую вытаскивали 70 чел. Длиною она оказалась 15 аршинъ а толщиною въ срединѣ—$1^{1}/_{2}$ аршина. Голова маленькая. Теперь разсказы о громадныхъ морскихъ змѣяхъ вполнѣ подтверждаются.

— Въ Германіи изобрѣтена и возбуждаетъ всеобщее удивленіе швейная машина, дѣйствующая безъ помощи человѣческой руки или ноги, а посредствомъ пружины, помѣщенной внутри, которая, будучи приведена въ движеніе, поддерживаетъ дѣйствіе машины въ продолженіи цѣлаго дня. Если это изобрѣтеніе привьется, то польза его несомнѣнна уже въ томъ отношеніи, что, благодаря ему, будетъ сберегаться здоровье работницъ, значительно страдающее отъ настоящаго устройства швейныхъ машинъ.

— Въ Портсмутѣ происходилъ 24-го мая (5-го іюня) цѣлый рядъ опытовъ относительно примѣненія торпедовъ для оборонительной цѣли. Опыты происходили подъ руководствомъ капитана Артура и нѣкоторыхъ другихъ офицеровъ.

— Примѣненія телеграфа къ требованіямъ практической жизни расширяются замѣчательно быстро. Недавно, напримѣръ, были произведены въ парижской полицейской префектурѣ весьма удачные опыты передачи, по телеграфу, портретовъ преступниковъ изъ Парижа въ Ліонъ и обратно; особенно хорошо удались при этомъ изображенія въ профиль. Точно также недавно были сдѣланы, съ помощью телеграфа, наблюденія надъ пульсомъ больного въ одномъ изъ госпиталей Бостона, въ то время, какъ наблюдатель находился въ Салемѣ, на разстояніи 14 миль отъ Бостона.

— Въ Парижѣ очень недавно дѣвица Зинаида Окунева (изъ Петербурга), послѣ блистательной защиты своей докторской диссертаціи, удостоена званія доктора медицины парижскаго факультета.

— Въ Америкѣ, въ Канзасѣ, устраивается фабрика для изготовленія препаратовъ изъ крысинаго мяса, предназначаемаго для сбыта въ Китаѣ. Изъ мяса крысъ будутъ дѣлать консервы, на манеръ, какъ приготовляютъ гомаровъ, паштеты изъ гусиныхъ печенокъ или анчоусы, и въ закупоренныхъ жестянкахъ оно будетъ вывозиться въ Небесную Имперію.

Смѣсь.

— Пѣвецъ Рубини былъ замѣчателенъ не только красотой, но и необыкновенной обширностью своего голоса. Онъ могъ сразу брать даже высокія ноты и тянуть ихъ впродолженіи нѣкотораго времени. Однажды вечеромъ, поднявъ глаза къ небу, вытянувъ руки и раскрывъ ротъ, онъ хотѣлъ взять особенно эффектную ноту, производившую всегда фуроръ; нота не вылетаетъ. Озадаченный Рубини напрягъ всѣ силы своихъ великолѣпныхъ легкихъ и взялъ ноту необыкновенно ясно. Но сейчасъ же почувствовалъ что повредилъ себѣ что то внутри. Когда представленіе кончилось, онъ послалъ за докторомъ. Оказалось, что у него сломалась ключица. Однако, это не помѣшало ему пѣть впослѣдствіи. Только по совѣту доктора, онъ избѣгалъ поднимать тяжести.

— Во Франціи, въ Шатору открыта подписка на памятникъ Жоржъ-Зандъ.

Недавно въ фойе театра «Comedie française» открыта статуя Жоржъ-Занда, работы извѣстнаго скульптора Клезингера, женатаго на дочери покойной писательницы. Подобно извѣстной статуѣ Вольтера, работы Гудона, Жоржъ-Зандъ изображена въ сидячемъ положеніи; она сидитъ задумчиво съ перомъ въ рукѣ; одѣта она во что-то похожее на древній пеплумъ. По общему отзыву, твореніе Клезингера превосходно и черты серьезнаго и задумчиваго лица великой писательницы схвачены чрезвычайно вѣрно. Дѣлалъ эту статую Клезингеръ по заказу Эмиля Жирардена, который и подарилъ ее театру. Поставлена статуя Жоржъ-Зандъ возлѣ Альфреда Мюссе, игравшаго не малую роль въ ея жизни.

Въ фойе, по словамъ французскихъ газетъ, постоянно толпится публика, а въ тотъ вечеръ когда давалась на сценѣ «Comedie française» пьеса Жоржъ-Сандъ «Маркизъ де-Вильмеръ» статуя была окружена грудою цвѣтовъ и лавровыми вѣнками.

— Лондонскій корресп. «Сѣвер. Вѣстн.» пишетъ въ названную газету:

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, «Whitehall Rewiew» напечатала «подлинный» разсказъ неназванной «англійской аристократки», которая, во время своего пребыванія въ Россіи, была подвергаема чуть не пыткамъ при арестѣ и въ тюрьмѣ. Вчера въ бостритскомъ полицейскомъ мировомъ судѣ проявилась самая эта героиня-аристократка, особа почтенныхъ лѣтъ, называющая себя баронесой Нельсонъ — внукой знаменитаго адмирала, побѣдителя при Трафальгарѣ. Обвиняли не ее, а она обвиняла короля здѣшнихъ закладчиковъ — Аттенборо, котораго блестящія заведенія, роскошныя выставки произведеній ювелирнаго и изящнаго искусствъ украшаютъ лучшія улицы Лондона. Самъ Аттенборо милліонеръ, пользующійся здѣсь почетомъ. Баронесса Нельсонъ обвиняла его въ томъ, что онъ принялъ въ закладъ ея брилліантовыя серьги, будто бы подаренныя ей въ Россіи Императоромъ и Императрицей. Эти серьги, вмѣстѣ съ другими драгоцѣнностями, она дала на подержаніе молодому аристократу Голлу, сыну сэра Голла, извѣстнаго адмирала, который тоже явился въ судъ. Голлъ, нынѣ скрывшійся въ Австралію, заложилъ серьги, и Аттенборо безъ денегъ ихъ не возвращаетъ баронессѣ. Вотъ въ чемъ дѣло.

Г. Аттенборо вчера на судѣ публично подвергнулъ «англійскую аристократку», которой разсказъ въ «Whitehall Rewiew» надѣлалъ въ свое время много шума въ Лондонѣ («Whitehall Rewiew» газета аристократическая par excellence), жестокому перекрестному допросу. Она жестоко ругала русскихъ, толковала, что собирается потребовать отъ графа Шувалова разныхъ удовлетвореній за жестокое съ нею обращеніе. Между тѣмъ изъ отвѣтовъ, которые она должна была давать обвиняемому, выяснилось, что патетическій разсказъ газеты о звѣрствѣ русскихъ былъ гадкою сплетней. Вовсе не доказано даже, чтобы она была баронессой; жила же она въ Россіи гувернанткой и скопила 24,000 руб., кромѣ драгоцѣнностей въ родѣ брильянтовыхъ серегъ. Попадала къ мировымъ судьямъ, но ни разу арестована не была (а «Whitehall Rewiew» разсказывалъ ужасы объ обращеніи съ ней въ русской тюрьмѣ). Серьги и другія дорогія вещи дала замотавшемуся юношѣ аристократу, котораго очень любила... Потомъ, когда юноша отъ нея скрылся, съ его отца потребовала 300 ф. стерл. и удовольствовалась 5 ф., которые адміралъ далъ ей на бѣдность. Она жаловалась на нищету, а между тѣмъ 24,000 руб. завѣщала его сыну.

Разоблачивъ настоящій характеръ «этой жертвы русскаго варварства», Аттенборо возвратилъ ей серьги.

— Въ послѣдней книжкѣ «Revue Britannique» находимъ извѣстіе о смерти Каролины Чисгольмъ, получившей въ Англіи прозваніе «австралійской святой». Она родилась въ 1810 году въ Натгэмтонѣ; въ 1835 году вышла замужъ за офицера и переѣхала съ нимъ въ Мадрасъ. Здѣсь, она была поражена тѣмъ ужаснымъ развратомъ, который господствуетъ между туземными женщинами, цѣлыми толпами наполняющими лагери солдатъ, противъ чего военныя власти не принимали никакихъ мѣръ. Чисгольмъ задумала устроить пріютъ для тѣхъ изъ падшихъ женщинъ, которыя изъявляли желаніе перемѣнить образъ жизни. Жены другихъ англійскихъ офицеровъ были въ ужасѣ отъ «неприличности» ея намѣренія, но намѣреніе осуществилось. Ко времени своего отъѣзда изъ Индіи, черезъ два года, Чисгольмъ успѣла устроить на довольно широкую ногу свое заведеніе и привлечь къ поддержанію его цѣлое дамское общество въ Мадрасѣ, состоящее изъ англичанокъ, отнесшихся столь недружелюбно, въ самомъ началѣ, къ пріюту. Болѣзнь мужа заставила ее переѣхать на жительство въ Австралію. Здѣсь открылось еще болѣе широкое поприще для дѣятельности мадрасской благотворительницы. Англійскія приходскія благотворительныя общества имѣли обыкновеніе высылать въ колоніи своихъ воспитанниковъ или воспитанницъ, если число ихъ доходило до извѣстнаго предѣла. Корабли, нерѣдко съ десятками и даже сотнями молодыхъ дѣвушекъ, высланныхъ такимъ образомъ, причаливали къ австралійскому берегу въ Сиднеѣ. Тогда обыкновенно начиналась самая постыдная торговля, и большинство дѣвушекъ въ тотъ-же день уводилось тѣми, которые покупали «право» брать ихъ на свое попеченіе. Чисгольмъ обращалась къ мѣстнымъ властямъ, требуя отъ нихъ вмѣшательства въ дѣло и прекращенія этого новаго вида торговли рабынями. Ходатайства ея были однако безуспѣшны. Тогда она сама устроила нѣчто въ родѣ временнаго пріюта для приводимыхъ такимъ образомъ дѣвушекъ, въ которомъ эти послѣднія, если желали, могли жить и получать пищу до тѣхъ поръ, пока не являлся случай пристроиться къ какому-нибудь честному труду. Чисгольмъ завела сношенія со многими колонистами, поселившимися внутри страны, и пользовалась этими сношеніями для доставленія работы дѣвушкамъ. Мистеръ Лоу, уроженецъ Австраліи и представитель этой страны въ парламентѣ, собралъ подробныя свѣдѣнія о дѣятельности Чисгольмъ, какъ покровительницы прибывающихъ въ Австралію дѣвушекъ. Изъ его отчета открывается, что болѣе 11,000 молодыхъ дѣвушекъ получили, благодаря Чисгольмъ, возможность трудиться и, такимъ образомъ, были спасены отъ нравственной гибели. Теперь дѣло покровительства поддерживается цѣлымъ обществомъ, учрежденіе котораго опять-таки принадлежитъ Чисгольмъ. Съ именемъ послѣдней связано также много дѣтскихъ пріютовъ, элементарныхъ даровыхъ школъ, больницъ и тому подобныхъ благотворительныхъ заведеній въ Австраліи. Мишле, въ своей извѣстной книгѣ «La Femme», отзывается о дѣятельности Каролины Чисгольмъ слѣдующимъ образомъ: «Пятая часть свѣта Австралія до сихъ поръ имѣетъ только одну святую, только одну героиню легенды. Эта святая — англичанка. Безъ богатства, безъ посторонней помощи, она сдѣлала для этой части свѣта больше, чѣмъ всѣ общества эмиграціи. Британское правительство, самое могущественное и самое богатое въ свѣтѣ, владѣющее многими милліонами подданныхъ, не могло ничего путнаго сдѣлать для того, чтобы подвинуть впередъ правильную колонизацію въ этой новой части свѣта. Но это сдѣлала женщина, благодаря своей энергической волѣ и своему любвеобильному сердцу». Съ тѣхъ поръ, какъ эти строки были напечатаны (1860 г.), Чисгольмъ стала извѣстна подъ именемъ «австралійской святой».

— Въ «Бремскій листокъ» отъ 16 марта пишутъ изъ Капштадта: «Эти строки предназначаются, какъ предостереженіе, нѣмецкимъ путешественникамъ. Въ концѣ прошлаго ноября отправились мы изъ Гамбурга, со многими нѣмецкими семьями, на «Вондромѣ» и прибыли сюда по прошествіи 95-тидневнаго плаванія. Эти семьи отправились въ дорогу на томъ основаніи, что переселенцамъ предлагалась тамъ земля на весьма выгодныхъ условіяхъ; при пріѣздѣ въ Капшадтъ, сейчасъ — обнаружился обманъ. Правительство не имѣетъ въ своемъ распоряженіи удобной земли; къ намъ на корабль пришли агенты отъ правительства и объявили, что мы шесть мѣсяцевъ должны ждать земли, или же можемъ уѣхать назадъ. Агенты уходятъ и, затѣмъ, является къ намъ услужливый агентъ торговаго дома Годефруа изъ Гамбурга, который, въ качествѣ «нѣмца», даетъ сельскимъ хозяевамъ совѣтъ не брать землю, а поступать на службу къ фермерамъ. Словомъ, членамъ одного семейства приходилось раздѣлиться; о землѣ никто уже не думалъ, такъ какъ агентъ увѣрилъ насъ, что мы, внутри страны, можемъ только пріобрѣсти землю отъ кафровъ и подвергались бы постояннымъ нападеніямъ. Множество фермеровъ пришло къ намъ на корабль для найма рабочихъ. И такъ, многимъ пришлось сдѣлаться рабами самыхъ безсовѣстныхъ эксплоататоровъ чужого труда. Обѣщанія нѣмецкихъ агентовъ на счетъ выдачи земли никогда почти не исполняются и остаются одними обѣщаніями».

— Несмотря на то, что печать постоянно отсовѣтываетъ переселяться въ Бразилію, все же охотниковъ находится множество. Главная опасность заключается въ климатическихъ условіяхъ. Хотя бразильское правительство и употребляетъ всевозможныя мѣры въ санитарномъ отношеніи, но все же ничего почти нельзя сдѣлать съ господствующими тамъ лихорадками. По статистическимъ отчетамъ видно, что господствовавшая въ 1876 г. желтая лихорадка прекратилась послѣ 1 іюня 76 г. Теперь составилось въ Бразиліи новое общество, выхлопотавшее монополію поливать и очищать улицы въ большихъ городахъ. Но тѣ городскія части, въ которыхъ живутъ пролетаріи, и откуда, стало быть, преимущественно и распространяются всѣ болѣзни, — далеко не въ удовлетворительномъ состояніи. Не смотря на всѣ заботы объ увеличеніи источниковъ для питья воды, освидѣтельствованіе всѣхъ кораблей, устройство карантина, окуриваніе товаровъ, писемъ, свидѣтельствованіе всѣхъ лавокъ и трактировъ, пока еще не удается совсѣмъ прекратить эпидемическія болѣзни, такъ какъ это выше силъ человѣческихъ. Желтая лихорадка въ особенности свирѣпствуетъ внутри Пернамбука и друг. провинцій.

— Одинъ изъ англійскихъ журналовъ посвящаетъ довольно подробный этюдъ весьма мало извѣстному въ литературѣ голландскому поэту, Іосту ванъ-денъ-Вонделю, котораго авторъ статьи называетъ «голландскимъ Мильтономъ» на томъ основаніи, что ему будто бы Мильтонъ обязанъ многими, встрѣчающимися въ «Потерянномъ Раѣ» изображеніями паденія мятежныхъ ангеловъ и, вообще, идеею своей знаменитой поэмы. Вондель родился въ 1587 г., умеръ въ 1679 г. и написалъ тридцать двѣ трагедіи, между которыми особенно славилась и пользуется до сихъ поръ въ Голландіи извѣстностью «Люциферъ. Она напечатана и поставлена на амстердамскую сцену въ 1654 г., именно въ то время, когда Мильтонъ служилъ секретаремъ при англійскомъ резидентѣ въ Амстердамѣ; а «Потерянный Рай», начатый въ 1658 г., появился въ свѣтъ въ 1667 г., и, по изслѣдованіямъ автора вышеупомянутой статьи, вліяніе голландской трагедіи, по крайней мѣрѣ, относительно содержанія и нѣкоторыхъ отдѣльныхъ подробностей, замѣтны здѣсь въ значительной степени, такъ что встрѣчается даже въ буквальной передачѣ стихъ Вонделя: «Лучше владычествовать въ аду, чѣмъ быть слугою на небѣ!» Мильтонъ, стало быть, сдѣлалъ съ голландскимъ «Люциферомъ» то, что сдѣлалъ, напр., Гёте съ «Фаустомъ» народныхъ преданій и древнихъ нѣмецкихъ писателей, или съ «Рейнеке-Фуксъ», и также, какъ и Гёте, наложилъ на свое заимствованіе печать самобытнаго, великаго таланта, сдѣлавъ безсмертнымъ то, что, безъ этого похищенія, если можно такъ выразиться, конечно, умерло бы въ пыли литературныхъ архивовъ.

— «Одесскій Вѣстникъ» сообщаетъ слѣдующія подробности о дѣйствіи урагана, разразившагося въ Одессѣ и ея окрестностяхъ: Въ 3 часа по полудни, близъ Одессы, при дер. Каристалѣ, имѣніи Мавро-Біази, подлѣ станціи Выгоды, показалась на западѣ туча, превратившаяся вскорѣ въ ужасный ураганъ. Въ нѣсколько минутъ снесены были, буквально, всѣ копны вновь накошеннаго и прошлогодніе скирды сѣна, разбросаны въ щепки, работавшія въ полѣ, 2 американскія конныя грабли, лошади изувѣчены, фургоны разбиты. Мгла сдѣлалась страшная: ревъ бури заглушалъ стоны людей и животныхъ, несшихся съ неимовѣрною быстротой. Сила вѣтра была такъ велика, что изъ ѣхавшихъ вмѣстѣ 2 фургоновъ, одинъ перебросило через другой; владѣльцы не розысканы; фургонъ и лошади также. Ни одни въ мірѣ грабли, самой усовершенствованной конструкціи, не могли бы такъ счистить сѣнокосы, какъ этотъ ураганъ, длившійся около 20 минутъ, съ небольшимъ дождемъ. Отысканы, напримѣръ, въ полѣ части окованныхъ колесъ отъ фургоновъ, съ изломанными ободьями.

— Десять лѣтъ тому назадъ начавшееся «обрусѣніе» югозападнаго края, посредствомъ пріобрѣтенія въ этомъ краѣ имѣній русскими землевладѣльцами, прогрессивно продолжается по настоящее время, какъ свидѣтельствуетъ «Кіевлянинъ». Съ 10-го января 1865 года по 1-е января 1876 г. въ уѣздахъ югозападнаго края 2,108 русскими собственниками пріобрѣтено 1.376,665 десятинъ земли. Вообще, русскіе землевладѣльцы находятся въ слѣдующемъ цифровомъ отношеніи къ мѣстнымъ землевладѣльцамъ-полякамъ:

Въ губерніяхъ:	Общее число помѣсти. собствен.	Поляк.	Русск.
Кіевской	1,596	965	631
Подольской	1,703	1,160	543

— «Нашъ Вѣкъ» сообщаетъ, что въ послѣднее засѣданіе государственнаго совѣта состоялась отмѣна установленнаго акциза на керосинъ. Это постановленіе имѣетъ существенно важное значеніе не только для нашего юнаго нефтяного промысла, но и отзовется весьма благопріятно на распространеніе керосиннаго освѣщенія, доступнаго по цѣнѣ для бѣднѣйшихъ классовъ населенія. Не смотря на наши колоссальные нефтяные источники, не слѣдуетъ забывать, что еще до сихъ поръ наши деревенскія избы освѣщаются лучиной, и, слѣдовательно, рѣшеніе вопроса о дешевомъ освѣщеніи имѣетъ для насъ жизненное значеніе.

— «Кронштадтскому Вѣстнику» пишутъ изъ Кишенева, что болѣе 15 госпиталей на югѣ Россіи, по близости театра войны, приведены уже въ полный видъ и снабжены всѣмъ необходимымъ для единовременнаго принятія около 20,000 раненыхъ. При системѣ постояннаго перемѣщенія ихъ и возможности перевозки выздоравливающихъ и легко раненыхъ далѣе, въ госпитали внутренней Россіи, изготовленное число кроватей считается вполнѣ достаточнымъ.

— Первая бумажная фабрика въ Германіи открыта была въ Равенсбургѣ, въ 1290 г., а затѣмъ первыя бумажныя фабрики открыты были: въ Италіи, въ 1320 году, въ гор. Эмбріано (Анкона); въ гор. Базелѣ, въ Швейцаріи, въ 1430 г.; въ Испаніи—въ 1340 году; въ гор. Труа, во Франціи, въ 1360 г.; въ гор. Фридрихсбургѣ, въ Даніи, въ 1540 году; въ Швеціи—въ 1550 году; въ Англіи—около 1496 года. Въ Польшѣ, первая бумажная фабрика открыта была въ Езёрнѣ, около ста лѣтъ тому назадъ.

— Изъ Западной Сибири нѣкто г. Крестовъ прислалъ въ газету «Сибирь» слѣдующій интересный разсказъ о томъ, какъ онъ попалъ въ разбойничій притонъ, скрывавшійся на одномъ постояломъ дворѣ.

Наканунѣ, не помню какого, праздника, пишетъ онъ, я едва добрался до села. Вьюга была страшная: какъ говорится, ни зги не было видно. Ямщикъ привезъ меня на постоялый дворъ. Не знаю почему, но мнѣ сразу не понравился онъ. Эта непріязнь еще больше увеличилась, когда встрѣтить меня вышелъ самъ хозяинъ постоялаго двора, дѣтина лѣтъ 45, съ виду настоящій разбойникъ. Онъ началъ помогать мнѣ вытаскивать мои вещи, и увидавъ двѣ мои двустволки и еще револьверъ, не могъ не замѣтить:

— Однако, вы, баринъ, съ опаскою ѣдете.
Что было мнѣ отвѣтить на это? я промолчалъ.

Вынувъ вещи, я попросилъ хозяина отвести мнѣ отдѣльную комнату, если, конечно, таковая имѣется. Мнѣ отвели комнатку, чрезвычайно грязную, съ окнами, которыя наглухо были затворены ставнями. Напившись чаю и кое-чего закусивъ, я совершенно забылъ о томъ невольномъ подозрѣніи, которое у меня закралось при входѣ въ постоялый дворъ, а потому, уставъ за дорогу, я легъ на постель и, помѣстивъ Милорда (кличка моей собаки) въ ногахъ, скоро уснулъ сномъ праведника.

Но часовъ въ 12 ночи я совершенно былъ разбуженъ ворчаніемъ собаки, которая, оскаливъ зубы, яростно смотрѣла за комнатную печь. Подозрѣнія мои вдругъ ожили. Я схватился за револьверъ и все-таки хотѣлъ закликнуть собаку. Но было уже поздно: Милордъ съ дикимъ лаемъ кинулся за печь. Не давая себѣ яснаго отчета, я почти невольно пустилъ двѣ пули изъ револьвера по тому направленію, куда бросилась собака. Въ темнотѣ ничего не было видно и съ секунду въ комнатѣ царила мертвая тишина. Затѣмъ что-то тяжело рухнуло на полъ. Я дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ; паденіе чего-то тяжелаго привело меня въ себя; быстро зажегъ я свѣчу и увидѣлъ хозяина постоялаго двора, судорожно сжавшаго въ рукѣ длинный ножъ и плавающаго въ лужѣ собственной крови. Я выбѣжалъ въ сосѣднюю комнату и громко началъ звать на помощь. Но нескоро мнѣ пришлось докричаться: всѣ, какъ-будто нарочно, не хотѣли показываться. Наконецъ, прибѣжали работники и двѣ-три женщины. Наскоро объяснивъ имъ въ чемъ дѣло, я повелъ ихъ въ мою комнату. Ихъ это, какъ будто, мало удивило. Передавъ дѣло въ руки властей и оставивъ обо всемъ случившемся письменное заявленіе, я поспѣшилъ поскорѣе выбраться изъ этого злополучнаго мѣста. Милорда я съ тѣхъ поръ сталъ любить больше прежняго.

— Въ Америкѣ, какъ извѣстно, произнесеніе спичей при всякомъ удобномъ и даже неудобномъ случаѣ, составляетъ одну изъ общепризнанныхъ обязанностей всякаго порядочнаго джентльмена. Американцы говорятъ прощальныя рѣчи даже на эшафотѣ!

Смертная казнь, какъ извѣстно, налагается въ Америкѣ за общеуголовныя преступленія. Особенныхъ спеціалистовъ для исполненія смертной казни, въ родѣ европейскихъ палачей, тамъ не существуетъ. Исполненіе этой печальной обязанности возложено закономъ на шерифа, нанимающаго, въ большинствѣ случаевъ, какого-нибудь бѣдняка, чтобы затянуть мертвую петлю приговоренному къ смерти преступнику. Вотъ при какой обстановкѣ совершается это наказаніе.

Въ штатѣ Георгія судился на дняхъ, одинъ негръ, Чарльзъ Фурлэй за убійство нѣкой Кэруэй, принадлежавшей къ породѣ бѣлыхъ, и трупъ которой онъ продалъ одному врачу за три доллара. Подсудимый былъ приговоренъ къ повѣшенію, казнь должна была произойти на главной городской площади, въ присутствіи всего городскаго населенія, чрезвычайно падкаго на подобнаго рода зрѣлища. Убійца твердыми шагами взошелъ на эшафотъ, энергически жуя табакъ во рту. По прочтеніи духовникомъ установленной молитвы, шерифъ обратился, по обыкновенію, къ осужденному съ обычнымъ вопросомъ: не желаетъ ли онъ что нибудь сказать передъ смертью? Фурлэй отвѣтилъ, что ему нечего говорить. Тогда шерифъ сталъ его увѣщевать, что такъ не годится, что все населеніе собралось на площади, что зрители съ нетерпѣніемъ ожидаютъ рѣчи и т. д. Увѣщаніе подѣйствовало, негръ изъявилъ желаніе сказать рѣчь. Водворилось мертвое молчаніе. Громовымъ голосомъ произнесъ осужденный слѣдующее:

«Мнѣ было бы очень трудно импровизировать рѣчь предъ подобнымъ многочисленнымъ собраніемъ. Мѣсто, гдѣ я теперь нахожусь, дополнитъ остальное. Я вамъ долженъ сказать, что я помирился съ Христомъ (Продолжительныя рукоплесканія). Я явился сюда не съ цѣлью разсказать вамъ о своихъ проступкахъ, содѣянныхъ много лѣтъ тому назадъ; чрезъ нѣсколько секундъ я буду тамъ, гдѣ надѣюсь обрѣсти вѣчный покой (крики въ толпѣ: аминь!). Не подражайте мнѣ, не дѣлайте того, что я сдѣлалъ. Но если вы станете подражать мнѣ, то вѣрьте, что милосердный Господь проститъ и васъ. Онъ и мнѣ облегчилъ мою ношу. Больше мнѣ нечего сказать вамъ.» Затѣмъ онъ обратился къ шерифу съ словами: «я готовъ»!

Ему быстро связали руки и ноги, обмотали петлю вокругъ шеи, нахлобучили на лицо черную шапку — и тогда только онъ выплюнулъ табакъ, который жевалъ во все время произнесенія предсмертнаго спича. Черезъ минуту все было кончено.

— Подобное же зрѣлище происходило одновременно въ одномъ изъ городовъ Южной Каролины при исполненіи казни надъ другимъ негромъ, Джекомъ Бергойномъ, приговореннымъ къ повѣшенію за убійство «бѣлаго». Разница состояла въ томъ, что подсудимый не ждалъ напоминанія со стороны шерифа, но, бросивъ мрачный взглядъ на шумѣвшую вокругъ эшафота толпу, ex proprio motu, произнесъ слѣдующую импровизацію:

«Мое настоящее положеніе должно послужить страшнымъ предостереженіемъ для всѣхъ васъ, бѣлыхъ и негровъ, собравшихся здѣсь. Молитва моя дошла до Господа — чувствую, что онъ простилъ меня. Я не первый на эшафотѣ, но желалъ бы быть послѣднимъ. Богъ не похожъ на человѣка; Онъ прощаетъ, человѣкъ — никогда! Я готовъ отправиться къ Господу. Буду на рѣкѣ Іорданѣ тоскливо дожидаться достославнаго дня воскресенія мертвыхъ, въ томъ числѣ и васъ. Какъ только раздастся призывъ архангельской трубы, вы всѣ воспрянете, какъ одинъ человѣкъ. Вы знаете въ чемъ состояло мое преступленіе— меня лукавый попуталъ. Я долго находился въ рабской зависимости у нечистаго, но нынче я свободенъ—и отправляюсь въ лучшій міръ. Скажите моей женѣ, моимъ дѣтямъ и сестрѣ моей, Мери, что я ихъ буду дожидаться на небѣ, гдѣ мы ужь болѣе не разстанемся. Скажите брату, чтобы онъ распорядился насчетъ моихъ похоронъ. Прощайте всѣ! До свиданія въ раю!»

Сказавъ это, негръ обратился къ властямъ съ напоминаніемъ, что настало время отправить его къ праотцамъ. Шерифъ не заставилъ повторять этой просьбы.

— Въ газетѣ «New-York Herald» (4 іюня) помѣщена слѣдующая краткая замѣтка объ аббатѣ Листѣ: «Листъ говоритъ на всѣхъ языкахъ. Онъ самъ переписываетъ всѣ свои сочиненія. Встаетъ онъ чуть свѣтъ и имѣетъ плохое старинное фортепіано, на которомъ никогда не играетъ. Почитавъ свой молитвенникъ, онъ садится за мизерный завтракъ состоящій обыкновенно изъ $^1/_2$ дюжины устрицъ, а въ скоромные дни — изъ куска ветчины, и затѣмъ цѣлый день ходитъ по гостямъ. Мірскія его слабости — черный кофе и скверныя маленькія итальянскія сигары очень дешевыя или даровыя. Его осаждаютъ маменьки, желающія, чтобы онъ давалъ уроки ихъ наслѣдницамъ, и предлагаютъ ему по доллару за урокъ. Когда онъ бываетъ свободенъ, то обѣдаетъ съ своимъ зятемъ Эмилемъ Оливье, tête à tête и за десертомъ толкуютъ о мірскихъ дѣлахъ».

— «Музыкальный Свѣтъ» разсказываетъ слѣдующій анекдотъ:

Друзья знаменитаго актера Превиля рекомендовали ему одну молодую дѣвицу, красоты обаятельной, желавшую изучать драматическое искусство для поступленія на сцену. У нея былъ прелестный голосъ, чистѣйшее произношеніе, однимъ словомъ она обладала всѣми качествами, чтобы нравиться, и ей заранѣе всѣ предсказывали блестящій успѣхъ на театральномъ поприщѣ.

Артистъ началъ заниматься съ своей ученицей и между прочимъ сталъ проходить съ нею роль Аріадны.

Однажды, для возбужденія ея воображенія, стараясь объяснить ей красоты пьесы, онъ началъ яркими красками описывать печаль героини Аріадны, покинутой своимъ возлюбленнымъ, Тезеемъ.

— Отдайтесь вполнѣ, — говорилъ онъ — волнующему васъ впечатлѣнію; не бойтесь — выйдетъ отлично! Чувство и душа — вотъ все, что намъ нужно!

Но ученица, какъ и прежде, безжизненно, холодно, подобно монастырской послушницѣ, повторила монологъ.

Превиль дрожалъ отъ нетерпѣнія, но умѣлъ всегда быть сдержаннымъ.

— Какъ! Вы остаетесь холодною въ такой трогательной сценѣ? Смотрите на меня, когда я буду произносить эти слова... вы видите: я плачу, я внѣ себя! Не будьте-же такъ холодны—плачьте, рыдайте!... Ахъ, Богъ мой! — вы ничего не чувствуете — Я это вижу!... Ну оставимъ Аріадну и поговоримъ о васъ самихъ... Вѣдь вы намѣрены когда нибудь выйдти замужъ? Да, неправдали ли? Отвѣчайте пожалуйста...

— Конечно... да...

— Прекрасно! Ну, представьте же себѣ, что вашъ возлюбленный .. т. е. я хотѣлъ сказать: вашъ женихъ, избранникъ вашего сердца—покинетъ васъ .. что вы будете дѣлать?

— Я?.. право, не знаю...

— Нѣтъ, отвѣчайте мнѣ откровенно.

— Откровенно? Извольте — я отыщу себѣ другого ..

— Вы отыщите себѣ другого, говорите вы? Ну-съ, такъ знайте же, что это мой послѣдній урокъ! Оставьте всякую надежду на трагедіи и драмы! Вы никогда не будете въ состояніи ихъ играть — увѣряю васъ. Сдѣлайтесь модисткою, работницей, чѣмъ вамъ угодно, но актрисой вамъ не быть!.. Мое почтеніе, прощайте!

— Въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» пишутъ: «Крестьянинъ Иванъ Гришухинъ снялъ у общества моршанско-сызранской желѣзной дороги подрядъ на постройку деревяннаго моста черезъ сухой оврагъ. Новый мостъ вскорѣ былъ готовъ, но старый все еще продолжалъ торчать рядомъ съ нимъ. Гришухинъ все не могъ собраться снести его. «Думалъ, думалъ онъ—пишетъ мѣстный «Листокъ»—какъ-бы поскорѣе очистить подрядъ, да и додумался... Залегъ подъ мостъ съ топоромъ въ рукахъ и ну со всего плеча крошить сваи, поддерживавшія старый мостъ. Осилилъ работу почти совсѣмъ и былъ радъ своей выдумкѣ. Главная выгода, по разсчету Ивана Гришухина, состояла въ томъ, что времени потрачено немного на разборку старья. Дошло дѣло до послѣдней сваи; острый топоръ мужика блеститъ по воздуху и впивается въ дерево... Но вдругъ мостъ дрогнулъ и... рухнулъ,—рухнулъ такъ мгновенно, что несчастный подрядчикъ не успѣлъ ахнуть, и поминай какъ звали! Облитаго кровью, изувѣченнаго, Гришухина тотчасъ вытащили изъ-подъ развалинъ, и страшно было на него взглянуть: ребры поломаны, грудь раздавлена, черепъ разбитъ. Отецъ Петръ, мѣстный священникъ, проворно прибѣжавшій на мѣсто катастрофы, успѣлъ только благословить мертвое тѣло, а души въ немъ уже не было.

— По словамъ «Staturday Review», недавно возникло весьма оригинальное общество, именующее себя «Милиціей Іисуса Христа». Агентовъ его, преимущественно въ Бельгіи и Франціи, насчитывается, какъ говорятъ, до милліона. Конечная цѣль этого общества, организованнаго по образцу доминиканскаго ордена іезуитовъ, заключается въ заботахъ о возстановленіи свѣтской власти папы; пока же, въ наивномъ ожиданіи подобнаго результата своей дѣятельности, члены его обязуются вносить въ папскій фондъ, по крайней мѣрѣ, по франку въ мѣсяцъ, всячески поддерживать католическую печать и — главное—если будетъ возможно, открыто носить бѣлый крестъ на одеждѣ.

— Въ с. Гильдендорфѣ, Одесскаго уѣзда, въ саду, застрѣлился, по словамъ корреспондента «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», военный писарь Голубевъ. Первые два выстрѣла онъ сдѣлалъ въ подбородокъ, но остался живъ. Онъ дѣлаетъ третій выстрѣлъ въ нижнюю губу, и пуля засѣдаетъ въ небной кости. Голубовъ остается живъ и послѣ этого. Тогда онъ прикладываетъ револьверъ къ груди, пуля попадаетъ между 4 и 5 ребромъ, пробиваетъ лѣвое легкое и вылетаетъ подъ лѣвою лопаткой. Послѣ этого послѣдовала мгновенная смерть. Самоубійца оставилъ записку, въ которой объясняетъ, что онъ поставленъ въ безвыходное положеніе двумя женщинами, изъ которыхъ одна надоѣла, а другая не можетъ ему принадлежать. Кромѣ того, найдено нѣсколько фотографическихъ карточекъ и стихи, сочиненія самоубійцы — подъ названіемъ «Гусарская пѣсня». Начало романа въ Елисаветградѣ, гдѣ Голубевъ стоялъ нѣсколько времени.

Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій.

5 іюля обнародована слѣдующая телеграмма его императорскаго высочества главнокомандующаго дѣйсвующею арміей изъ Тырнова, отъ 3-го іюля: Имѣю счастіе поздравить съ переходомъ чрезъ Балканы передового отряда войскъ Вашего Величества. Переходъ совершился, 1-го іюля, въ $5^1/_2$ часовъ вечера, безъ выстрѣла. Вчера же, 2-го іюля, въ 2 часа дня, генералъ Гурко овладѣлъ Ханкіой, который былъ занятъ 300 человѣкъ низама, застигнутыхъ врасплохъ и обращенныхъ въ бѣгство. Непріятель отступилъ къ востоку на деревню Конаро. У насъ убитъ одинъ казакъ; раненъ 1 стрѣлокъ, 1 пластунъ и 3 казака.

Такимъ образомъ наши войска перешли черезъ Балканы не по дорогѣ ведущей чрезъ Габрово на Казанлыкъ, укрѣпленный турками, а восточнѣе, по горной тропинкѣ, ведущей отъ Тырнова къ сел. Ханкіой, черезъ перевалъ, на высотѣ около 4,000 футовъ надъ уровнемъ моря. Ханкіой лежитъ на лѣвомъ берегу р. Тунджа.

— Въ тотъ же день обнародовано другое, еще болѣе важное извѣстіе о блистательной побѣдѣ русскихъ войскъ, сообщенное въ слѣдующей телеграммѣ Государю Императору командира девятаго армейскаго корпуса генерала-лейтенанта барона Криднера, изъ Турнъ-Магурели, отъ 3-го іюля:—«Имѣю счастіе донести, что Никополь у ногъ Вашего Величества, послѣ ожесточеннаго боя, длившагося вчера съ четырехъ часовъ утра до наступленія ночи. Крѣпость сдалась безусловно, сегодня, на разсвѣтѣ. Войска Вашего Величества дрались съ безпримѣрнымъ мужествомъ, овладѣвая постепенно рядами сильно укрѣпленныхъ позицій. Въ плѣнъ взято двое пашей и до шести тысячъ регулярнаго войска».

Это первая крѣпость на европейскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій, сдавшаяся русскимъ войскамъ. Овладѣніе ею чрезвычайно важно для дальнѣйшихъ операцій нашей арміи. Теперь въ тылу дѣйствующей арміи остается только Рущукъ, къ которому, по словамъ спеціальнаго корреспондента «Голоса» направленъ корпусъ войскъ подъ начальствомъ его императорскаго высочества Наслѣдника Цесаревича. Противъ Видина оперируютъ румынскія войска.

— Главная квартира нашей арміи, дѣйствующей въ европейской Турціи переведена въ Трново, откуда прислана слѣдующая телеграмма его императорскаго высочества Главнокомандующаго: «Сегодня открыто телеграфное сообщеніе съ Трновомъ. 30-го іюня прибылъ въ Трново; встрѣченъ жителями съ восторгомъ. Линія Янтры уже съ 25-го іюня занята нашими войсками безъ боя. Авангарды выдвинуты на правый берегъ; мусульманское населеніе бѣжитъ почти отовсюду еще до нашего прихода. До 29-го іюня были только мелкія стычки разъѣздовъ съ черкесами и вооружонными жителями, уходившими внутрь страны. 29-го іюня вознесенскій полкъ, слѣдуя изъ Радани на Церковницу, наткнулся разъѣздами у деревни Чаприкіой на непріятельскій транспортъ подъ конвоемъ около 1,500 человѣкъ; полкъ подошолъ, произвелъ рядъ атакъ, но не могъ выбить непріятеля, засѣвшаго за повозками, на пересѣчонной мѣстности; только въ пять часовъ пополудни, когда прибылъ на подкрѣпленіе генералъ Леоновъ съ двумя эскадронами лубенскихъ гусаръ и полусотней казаковъ при двухъ орудіяхъ, непріятель бѣжалъ. Наши преслѣдовали до наступленія темноты. Захвачены 300 повозокъ, 10 плѣнныхъ, на мѣстѣ найдено 50 убитыхъ турокъ. У насъ пропалъ безъ вѣсти воронежскаго полка полковникъ Ушаковъ, уже раненный въ руку, и пять нижнихъ чиновъ; убиты того-же полка штабсъ-капитанъ Литвиновъ и восемь нижнихъ чиновъ. Всѣ тѣла найдены страшно изуродованными. Ранены одинъ офицеръ и 15 нижнихъ чиновъ

Изъ телеграммы «Прав. Вѣст.» изъ Зимницы отъ 4-го іюля, видно, что 1-го іюля въ Трновѣ являлась его высочеству главнокомандующему депутація турокъ съ заявленіемъ привѣтствія великому князю и добрыхъ чувствъ къ русскимъ. Въ числѣ депутатовъ находились вице-губернаторъ Дранова, первый секретарь суда въ Трновѣ, начальникъ трновской таможни и двое трновскихъ гражданъ, Мехмедъ-эфенди и Алли-эфенди. Главнокомандующій изволилъ оказать имъ милостивый пріемъ; приказалъ возстановить богослуженіе въ мечетяхъ; далъ обѣщаніе охранять мечети и имущество мирныхъ жителей, поручилъ депутатамъ возстановить въ населеніи спокойствіе и довѣріе къ русской арміи. Депутаты заявили отъ лица мусульманскаго населенія покорность нашему правительству и выразились, что мусульмане не оставили бы Трнова, еслибъ своевременно получили воззваніе Государя Императора, которое было перехвачено мѣстнымъ губернаторомъ, Саидъ-пашою, бывшимъ до разрыва съ Турціею губернаторомъ Варны.

По словамъ телеграммы спеціальнаго корреспондента «Голоса» отправленъ въ Горью отрядъ, гдѣ турки «рѣжутъ болгаръ». При этомъ отрядѣ слѣдуетъ великій князь Николай Николаевичъ Младшій.

— «Рус. Инв.» сообщаетъ слѣдующій рапортъ командующаго 14-ю пѣхотною дивизіей, командиру 8-го армейскаго корпуса, отъ 19-го іюня: «Во исполненіе приказанія его императорскаго высочества главнокомандующаго — переправиться на правый берегъ Дуная, для прикрытія устройства моста, ввѣренный мнѣ отрядъ приступилъ къ переправѣ на понтонахъ, въ ночь съ 14-го на 15-е іюня, у Зимницы. Предварительныя мѣры, какъ-то: сосредоточеніе отряда отъ Бею къ Зимницѣ, спускъ понтоновъ, вязка паромовъ, постройка моста черезъ одинъ изъ затоновъ Дуная, расположеніе батарей для поддержки десанта — удалось исполнить вполнѣ скрытно отъ турокъ; такъ, что когда, къ 12-ти часамъ ночи, на берегу сосредоточились первые эшелоны десанта, на непріятельскомъ берегу не обнаруживалось признаковъ тревоги.

«Тихо и безъ суеты былъ посаженъ на понтоны первый эшелонъ, подъ начальствомъ полковника *Родіонова*, въ составѣ: одинадцати ротъ волынскаго его императорскаго высочества великаго князя Николая Николаевича Старшаго полка, сотни пластуновъ, № 2-го горной батареи и полсотни донского казачьяго № 23-го полка; вмѣстѣ съ эшелономъ слѣдовалъ командиръ 1-й бригады генералъ-майоръ *Іолшинъ* съ генеральнаго штаба капитаномъ *Мальцевымъ*. Ровно въ часъ ночи, отвалилъ отъ берега первый рейсъ и двинулся, согласно съ предположеніемъ, къ устью ручья Текиръ-дере; но усилившееся волненіе на Дунаѣ начало сносить понтоны къ болгарскому берегу, и какъ только голова десанта подошла къ караульному дому *), турецкіе пѣхотные посты открыли огонь по понтонамъ. Эшелонъ продолжалъ подвигаться впередъ къ долинѣ Текиръ дере; но за темнотою и, особенно, вслѣдствіе сильнаго теченія, затруднившаго подходъ къ берегу, часть понтоновъ была снесена почти на версту ниже, а часть прибита къ берегу выше предположеннаго мѣста высадки, и только нѣсколько понтоновъ подошли къ устью Текиръ-дере. Такимъ образомъ, высадившіяся двѣнадцать ротъ поневолѣ растянулись на правомъ берегу, скучившись въ трехъ пунктахъ.

«Между тѣмъ, турки, воспользовавшись замедленіемъ высадки десанта, успѣли собраться на кручѣ Дуная, по обѣ стороны Текиръ-дере, и открыли сильный огонь по десанту, причинившій ощутительный ущербъ: нѣсколько понтоновъ было прострѣлено и одинъ паромъ съ двумя горными орудіями былъ пущенъ ко дну; приэтомъ, командиръ второй горной батареи подполковникъ *Стрѣльбицкій*, штабскапитанъ *Кобіевъ*, лейбгвардіи первой артилерійской бригады подпоручикъ *Тюрбертъ* и 19 артилеристовъ нашли славную смерть въ волнахъ Дуная.

«Уже разсвѣтало. Къ огню турецкой пѣхоты присоединилась артилерія: батарея изъ нѣсколькихъ орудій, находившаяся у Систова, открыла огонь по понтонамъ. Немедленно наша батарея, находившаяся у мѣста посадки десанта, начала обстрѣливать турецкую батарею, что отвлекло часть орудій отъ стрѣльбы по десанту, завязавшихъ перестрѣлку съ нашею артилеріею. Несмотря на страшный огонь почти въ упоръ и на то, что безъ преувеличиванія можно считать, что противъ каждаго бойца нашей передовой славной дружины находилось по десятку враговъ, волынскія роты взбирались на кручи берега, и куча за кучею , какъ пришлось, штыками выбивали турокъ. Тѣмъ временемъ успѣли высадиться и изготовиться шесть горныхъ орудій, немедленно открывшихъ огонь по непріятельской цѣпи на разстояніи 230 саженъ.

«Къ двумъ часамъ ночи, передовой эшелонъ, выбивъ штыками турокъ, занялъ отдѣльными кучами караульный домикъ, мельницу у Текиръ-дере и высоту у мостика черезъ этотъ ручей. Въ тотъ же часъ, вернулся назадъ первый понтонъ, а, затѣмъ, постепенно стали прибывать и другіе понтоны. Для ускоренія прибытія подкрѣпленій было рѣшено посылать войска на тотъ берегъ поротно и приэтомъ только одну пѣхоту, выславъ впередъ гвардейскую роту. Но слѣдующимъ эшелонамъ пришлось выносить еще болѣе губительный огонь, такъ какъ уже стало совсѣмъ свѣтло и турки, встревоженные первыми выстрѣлами, прибыли изъ сосѣдняго лагеря и отъ Систова, и усѣяли стрѣлковыми цѣпями береговыя кручи и ближайшія высоты, образовавъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ линію огня въ нѣсколько ярусовъ. Во время рейсовъ этихъ эшелоновъ отъ непріятельскаго стрѣлковаго огня потонуло нѣсколько понтоновъ, много было убитыхъ, и нѣкоторые понтоны приходилось отводить назадъ, такъ какъ, снесенные къ отвѣснымъ обрывамъ берега, они не могли высаживать находившійся на нихъ десантъ. Такъ, несмотря на всѣ усилія поскорѣе подкрѣпить находившіяся на правомъ берегу части, это достигалось съ большимъ трудомъ.

«Тогда, съ разрѣшенія вашего превосходительства, поручивъ веденіе дальнѣйшей переправы генералу-майору *Рихтеру* и оставивъ при немъ, за офицера генеральнаго штаба его императорское высочество великаго князя Николая Николаевича Младшаго, я, вмѣстѣ съ дивизіоннымъ штабомъ и состоявшимъ при мнѣ свиты Его Императорскаго Величества генераломъ-майоромъ *Скобелевымъ*, генеральнаго штаба подполковникомъ *Сухотинымъ*, капитаномъ *Ласковскимъ* и штабсъ-ротмистромъ *Цуриковымъ*, переѣхалъ на правый берегъ Дуная. До пяти часовъ утра вновь подходившіе эшелоны десанта отдѣльными партіями частью направлялись по долинѣ Текиръ-дере, преимущественно же двигались на право и на лѣво, подкрѣпляя сначала высадившіеся эшелоны, послужившіе основаніемъ боевому порядку, обращонному фронтомъ къ Рущуку и къ Систову. Около того же времени, почти одновременно, вся лѣвая сторона боеваго порядка *) двинулась на штурмъ высотъ, причемъ дѣятельную помощь оказали батареи, стоявшія у лѣваго фланга мѣста посадки десанта **). Страшный и меткій огонь въ перекрестъ поражалъ храбрецовъ, принужденныхъ почти безъ выстрѣла взбираться на высокія кручи, покрытыя виноградниками и садами. Но, наконецъ, послѣ ожесточоннаго боя, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходившаго до штыковой свалки, турки сдали и уступили намъ рядъ высотъ, окаймляющихъ съ востока устье Текиръ-дере. Къ шести часамъ утра, турки настолько были отодвинуты назадъ отъ берега, что высадка десанта могла производиться уже внѣ опасности отъ непріятельскаго стрѣлковаго огня. Къ тому же времени, по указанію генералъ-майора *Іолшина*, былъ изготовленъ спускъ для десанта, нѣсколько выше устья Текиръ-дере. Послѣ этого, можно было приступить къ болѣе систематическому распредѣленію высаживавшихся частей.

«Передвиженіе впередъ передовыхъ эшелоновъ, какъ упомянуто выше, въ направленіяхъ къ востоку и западу отъ Текиръ-дере, было вынуждено тѣмъ, что турки своимъ меткимъ огнемъ съ окружающихъ командующихъ высотъ дѣлали невозможнымъ пребываніе и движеніе нашихъ войскъ вверхъ по долинѣ рѣчки; между тѣмъ, такое движеніе имѣло слѣдствіемъ, во-первыхъ, растянутость позиціи, на которой стояли роты волынскаго и минскаго полковъ, именно: около 15-ти ротъ занимали фронтъ до трехъ верстъ, и во-вторыхъ, въ центрѣ образовался прорывъ. Выславъ часть вновь прибывшаго эшелона на заполненіе прорыва и приказавъ, затѣмъ, вновь высаживавшимся частямъ собираться въ долинѣ, у мельницы, для образованія резерва, я предполагалъ временно пріостановить наступленіе; однако, это пока оказалось невозможнымъ. Вскорѣ появилась новая турецкая батарея изъ двухъ орудій дальнаго боя, и съ высоты, противъ нашего центра, стала поражать послѣдній, а также фланги и тылъ нашихъ боевыхъ частей; сверхъ того, турки видимо обнаружили намѣреніе наступать на нашъ центръ, не прекращая въ то же время дѣятельной и меткой стрѣльбы съ фронта противъ лѣвой стороны нашего боевого порядка. Все это вызвало новое передвиженіе боевыхъ частей. Дружно помогая другъ другу, гвардейцы, минскіе и волынскіе бросились на врага и овладѣли виноградниками, занявъ, такимъ образомъ, еще полосу въ нѣсколько сотъ шаговъ шириною и окончательно отбросивъ турокъ съ высотъ. Къ восьми часамъ утра, я пріостановилъ наступленіе на всемъ фронтѣ, а бригадѣ генерала-маіора *Іолшина* было приказано только удерживаться на занятыхъ высотахъ. Турки перестали напирать на центръ, а ихъ двухорудійная батарея направила огонь на пароходъ, только-что начавшій перевозку войскъ; затѣмъ, все дѣло свелось къ безплодной перестрѣлкѣ, отъ времени до времени то разгоравшейся, то утихавшей.

---

*) Турецкій пикетъ — близь устья рѣчки Текиръ-дере.

*) Т. е. часть боевого порядка, обращенная къ Рущуку, между Текиръ-дере и Дунаемъ, состоявшая изъ гвардейскаго отряда и ротъ волынскаго и минскаго пѣхотныхъ полковъ.

**) Двѣ батареи 9-й артилерійской бригады.

«Считая дѣло переправы обезпеченнымъ съ восточной стороны, я рѣшилъ подготовить достиженіе главной цѣли дня—занятіе хребта, командующаго городомъ Систовымъ, для чего воспользовался 2-ю бригадою, генерала-маіора *Петрушевскаго*. Первые эшелоны этой бригады, вмѣстѣ съ командиромъ ея, прибыли еще раньше, и тотчасъ же двинулись на усиленіе правой стороны боевого порядка, обращенной къ Систову. Затѣмъ, остальнымъ эшелонамъ было приказано, по сборѣ баталіоновъ, продвинуться впередъ, сквозь утомленныя и потерпѣвшія части 1-й бригады, и взять направленіе на Систовскія Высоты, не предпринимая, однако, рѣшительнаго наступленія до прибытія стрѣлковой бригады и артиллеріи.

«Между тѣмъ, все время производилась самая дѣятельная работа на Дунаѣ: несмотря на обстрѣливаніе лѣваго берега систовскою батареею, неутомимые понтонеры, уральцы, моряки и гребцы отъ войскъ молодецки подвозили войска; наконецъ, около восьми часовъ утра прибылъ пароходъ. Благодаря особенно дѣятельной помощи, оказанной пароходомъ, уже къ $10^1/_2$ часамъ прибыли эшелоны стрѣлковой бригады, и съ 11-ти часовъ уже можно было начать наступленіе противъ систовскихъ высотъ.

«Тогда было отдано приказаніе: 2-й бригадѣ генерала-маіора *Петрушевскаго*, двинуться на систовскія высоты съ фронта, направляясь отъ Дуная; стрѣлковой бригадѣ, генерала-маіора *Цвѣцинскаго*, поддержать это наступленіе, направляясь за лѣвымъ флангомъ 2-й бригады; а затѣмъ, обѣимъ бригадамъ, сдѣлавъ захожденіе лѣвымъ плечомъ впередъ, направиться: 2-й бригадѣ—къ Систову, а стрѣлковой бригадѣ — въ обхватъ главнаго и командующаго гребня Систовскихъ Высотъ; бригадѣ же генерала-маіора *Іолшина* — оставаться на занятыхъ высотахъ.

«Генералъ-маіоръ *Петрушевскій* повелъ свою бригаду черезъ виноградники, причемъ пришлось преодолѣть весьма серьёзныя препятствія, и особенно подольскому пѣхотному полку, при овладѣніи ближайшимъ предгоріемъ Систовскихъ Высотъ; послѣднему оказала помощь наша артиллерія, стоявшая на лѣвомъ берегу. Турки, охватываемые съ праваго ихъ фланга стрѣлковыми цѣпями, руководимыми свиты Его Величества генераломъ-маіоромъ *Скобелевымъ*, и правѣе его, частями житомирскаго и подольскаго полковъ, быстро занявшими дефилеи рущукской дороги *), отступили безъ особеннаго сопротивленія. Въ два часа пополудни, бригада генерала-маіора Петрушевскаго уже занимала Систовскія Высоты и подступы къ этому городу. Около трехъ часовъ дня, наши войска вошли въ городъ, встрѣченныя на пути гражданами города—болгарами, объявившими, что турецкія войска и турецкое населеніе покинули городъ.

Такъ былъ занятъ городъ Систовъ, почти безъ выстрѣла, и только баталіону подполковника *Бакова* пришлось дать нѣсколько выстрѣловъ по непріятелю, появившемуся влѣво отъ командующаго гребня и тотчасъ же оставившему свою позицію, угрожаемую справа цѣпью стрѣлковъ генерала-маіора *Скобелева*.

«Бой 15-го іюня обошелся недешево ввѣренному мнѣ отряду: 748 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ выбыли изъ строя; изъ этого числа на долю первыхъ эшелоновъ, т. е. волынскаго и минскаго пѣхотныхъ полковъ, гвардейскаго отряда, горной батареи и пластунскихъ сотень приходится 636 человѣкъ, слѣдовательно, почти седьмой человѣкъ выбылъ изъ рядовъ. Но смѣло можно сказать, что эшелоны честно выполнили свой долгъ: несмотря на весьма упорное сопротивленіе турокъ, на ихъ убійственный и меткій огонь, не взирая на безвыходное положеніе, въ которомъ находились эти эшелоны въ первые часы переправы, когда, встрѣченные вдесятеро превосходившимъ непріятелемъ, они могли ясно видѣть, что разсчитывать на скорую помощь съ берега нельзя—несмотря на все это, наши храбрецы беззавѣтно шли въ штыки, сбрасывали турокъ съ кручъ и овладѣвали ими; не было возможности гдѣ-нибудь укрыться и временно передохнуть немного: изъ каждаго куста летѣли пули и вырывали изъ строя храбрецовъ.

«Характеристическою чертою боя было то, что первыя вступившія въ бой части не составляли нетолько цѣльныхъ баталіоновъ или ротъ, но даже взводовъ; каждая вновь прибывавшая часть пристроивалась къ первымъ попавшимся кучкамъ, и такими-то импровизованными «частями-товариществами» наши храбрецы, предводимые и руководимые случайными начальниками, безъ малѣйшей надежды на близкую поддержку, выдержали славный бой; каждое товарищество зорко слѣдило за тѣмъ, что дѣлается у сосѣдей, и какъ только они подавались впередъ или имъ угрожалъ непріятель, немедленно слѣдовала помощь или производилось передвиженіе въ связи съ движеніемъ сосѣдей. Что касается образованія общаго резерва, то объ этомъ можно было подумать только по переправѣ послѣднихъ эшелоновъ 14-й дивизіи, т. е. около $9^1/_2$ часовъ утра, слѣдовательно, почти черезъ восемь часовъ по завязкѣ боя. Горная батарея оказала громадную поддержку лѣвому флангу и должна составить (въ будущемъ) незамѣнимую принадлежность десанта, производимаго въ условіяхъ, подобныхъ тѣмъ, въ которыхъ пришлось исполнить ввѣренному мнѣ отряду. Всѣ чины до конца исполнили свой долгъ съ полнымъ самоотверженіемъ. Начальники, начиная съ субалтернофицеровъ и до старшихъ чиновъ дивизіи, а равно состоявшіе при ней: генералъ, штабъ и оберъ-офицеры, выполняя возложенныя на нихъ назначенія и порученія, почти все время находились въ передовыхъ цѣпяхъ. Дѣлалось это не изъ пустой запальчивости, а потому, что только такимъ путемъ можно было сколько-нибудь судить о положеніи дѣлъ въ боевой части: крайне пересѣченная мѣстность, до такой степени закрытая, что достаточно было отойти шаговъ на 50 назадъ отъ цѣпи, чтобъ не имѣть уже никакого понятія о происходящемъ въ ней; отсутствіе нетолько конныхъ ординарцовъ, но даже лошадей у начальствующихъ лицъ — недопускали иного способа управлять боемъ, такъ какъ своевременное полученіе приказаній въ боевыхъ участкахъ было почти не мыслимо при разъединеніи ихъ крутыми и глубокими оврагами и длинными скатами высотъ, на которыхъ стояли наши боевыя части.

«Турки дрались упорно и стрѣляли мѣтко; къ несчастью, тѣ изъ нихъ, которые оказались отрѣзанными въ кустахъ и оврагахъ, дали не одинъ примѣръ вѣроломства, стрѣляя и бросаясь съ ножами на одиночныхъ санитаровъ, убиравшихъ раненыхъ».

«Съ нашей стороны было не мало подвиговъ безпримѣрнаго мужества со стороны какъ нижнихъ чиновъ, такъ и офицеровъ, о чомъ будетъ представлено особо, по сборѣ дополнительныхъ свѣдѣній, но и теперь можно сказать, что минскаго полка поручикъ *Моторный*, волынскаго полка прапорщикъ *Сергѣевъ* и конно-горной батареи поручикъ *Лихачевъ* явили самоотверженіе, хладнокровіе и распорядительность изъ ряда выходящія. Не могу не засвидѣтельствовать также о великой помощи, оказанной мнѣ свиты Его Величества генералъ-маіоромъ *Скобелевымъ*, принимавшимъ на себя съ полною готовностью всѣ назначенія, не исключая и ординарческихъ, и о томъ благотворномъ вліяніи, которое онъ оказывалъ на молодёжь своимъ блистательнымъ и неизмѣнно яснымъ спокойствіемъ».

— О занятіи нашими войсками Бѣлы въ газетѣ «Daily News» напечатана слѣдующая телеграмма спеціальнаго корреспондента этой газеты Форбесаэтъ 23-го іюня (5-го іюля): «Сегодня, утромъ, бригада драгунъ 12-го корпуса двинулась изъ деревни Павло къ Бѣлѣ, отстоящей на равномъ почти-что разстояніи отъ Систова и Рущука, миляхъ въ двадцати отъ Дуная. Такъ какъ извѣстно было, что турки не покинули Бѣлы, то генералъ Арнольди двигался весьма осторожно. Дорога пролегаетъ по холмистой мѣстности и съ Дуная мы могли видѣть долину Янтры и хорошенькій городокъ, лежащій нѣсколько вдали отъ рѣки. Такъ какъ позиція у Бѣлы весьма сильная, если занять ее, то необходимо было соблюдать большую осторожность. По свѣдѣніямъ, турки занимали деревню съ лѣвой стороны. Сюда направленъ былъ отрядъ казаковъ, которыхъ я сопровождалъ. Отрядъ этотъ прогналъ небольшую партію турокъ и возвратился къ главной колоннѣ. На мосту болгаре устроили генералу Арнольди трогательную встрѣчу. Генералъ поцаловалъ крестъ, поднесенный ему священникомъ, плакавшимъ отъ восторга. Но оставалось еще занять высоты; поэтому генералъ выдвинулъ впередъ эскадронъ драгунъ съ застрѣльщиками, которые съ примкнутыми штыками взобрались на высоты и прогнали немногихъ, находившихся здѣсь турокъ. Затѣмъ, на высотахъ раскинули лагерь, въ которомъ позже расположилась вся кавалерія 12-го корпуса. Потери не оказалось никакой. Нѣсколько человѣкъ взято въ плѣнъ. Въ окрестностяхъ часто происходятъ стычки съ черкесами. Сегодня, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Бѣлы, въ одной деревнѣ происходило сраженіе при этомъ убитъ русскій кавалерійскій офицеръ и раненъ одинъ солдатъ; черкесовъ убито нѣсколько человѣкъ. 12-й корпусъ направляется къ Рущуку. Турки весьма жестоко поступили съ жителями Бѣлы и болгаре безмѣрно радуются своему освобожденію. Это—способный народъ и въ большинствѣ—хорошо воспитанный. Нѣсколько турокъ, оставшихся въ Бѣлѣ, временно содержатся въ Конакѣ. Русскія войскà ведутъ себя превосходно. Жители Бѣлы не тронули ни турецкихъ домовъ, ни турецкаго имущества».

---

*) Дефилеями рущукской (и трновской) дороги названа часть дороги, идущей изъ Систова въ тѣснинѣ между двумя высотами, лежащими ниже колѣна этой дороги.

— О дѣйствіи нашей арміи въ Добруджѣ «Русск. Инв.» сообщаетъ слѣдующія извѣстія: 16 іюня, гинералъ-адъютантъ Шамшевъ занялъ безъ боя Бабадагъ. Во всѣхъ христіанскихъ деревняхъ по пути и въ самомъ Бабадагѣ отрядъ нашъ былъ встрѣченъ населеніемъ съ восторгомъ. Духовенсто вышло на встрѣчу въ полномъ облаченіи, съ хоругвями и пѣніемъ многолѣтія нашему Государю, при неумолкаемыхъ «ура!» мѣстныхъ жителей. Воззваніе Государя Императора къ болгарамъ, прочитанное собравшемуся народу, было принято со слезами умиленія. Кромѣ христіанъ, на встрѣчу генералу-адъютанту Шамшеву вышло и мѣстное еврейское общество, во главѣ котораго привѣтствовалъ нашего генерала раввинъ. Немедленно по прибытіи отряда въ Бабадагъ, начали стекаться представители болгарскихъ и русскихъ обществъ изъ окрестныхъ деревень, съ хлѣбомъ-солью. Черкесскія деревни, а также черкесскіе и турецкіе дворы были всѣ покинуты и все имущество вывезено; нѣкоторые мусульмане удалились внутрь страны еще полтора мѣсяца назадъ. Еще по пути въ Бабадагъ, генералу-адъютанту Шамшеву приходилось все время выслушивать горькія жалобы христіанъ на невыносимыя притѣсненія и лютую жестокость черкесовъ. По прибытіи въ Бабадагъ, онъ получилъ уже точное указаніе, что черкесы и башибузуки неистовствуютъ въ деревняхъ: Кацапкіой, Каранасуфъ, Сарыюртъ и Хаманджи, убиваютъ тамъ болгаръ, насилуютъ женщинъ и оскверняютъ православные храмы; что болгарскія семейства, спасаясь отъ этихъ разбойниковъ, уже нѣсколько дней сидятъ въ плавняхъ безъ пищи. Въ виду этого, генералъ-адъютантъ Шамшевъ послалъ 17-го іюня, утромъ, полковника Измайлова съ небольшимъ отрядомъ казаковъ на поискъ. Полковникъ Измайловъ настигъ двѣ черкесскія шайки, числомъ около 100 человѣкъ, разбилъ ихъ и отнялъ 70 штукъ оружія, 50 лошадей и до 20,000 головъ разнаго скота. Черкесы оставили на мѣстѣ стычки 37 тѣлъ, не считая тѣхъ, которые погибли въ плавняхъ въ то время, когда бѣжали туда отъ спѣшенныхъ казаковъ. Въ плѣнъ взяты семь человѣкъ, въ томъ числѣ извѣстные разбойники и заклятые враги христіанъ Кара-Мустафа (турокъ) и арабъ Аадемъ; Кара-Мустафа свирѣпствовалъ въ краѣ цѣлыя 12 лѣтъ, наводилъ ужасъ своими злодѣйствами, а въ послѣднее время состоялъ на службѣ турецкаго правительства въ качествѣ лазутчика. Послѣ помянутой стычки которая сразу заставила всѣхъ башибузуковъ и черкесовъ скрыться изъ окрестностей, полковникъ Измайловъ вернулся въ Бабадагъ, выдавъ предварительно мѣстнымъ жителямъ христіанамъ отобранное у черкесовъ оружіе и скотъ. Потеря наша: два раненые казака, одна убитая и пять раненыхъ лошадей. Впродолженіи времени съ 17-го до 18-го іюня отрядъ полковника Измайлова прошолъ всего 100 верстъ. Другой отрядъ, высланный изъ Бабадага на поискъ къ сторонѣ деревень Татаръ-Рымникъ и Татаръ-Ирымникъ подъ начальствомъ полковника Слюсарева, нигдѣ черкесовъ не нашолъ, но видѣлъ кровавые слѣды, ими оставленные. На улицахъ деревни Сарыюртъ лежали 15 труповъ, страшно обезображенныхъ. Жителей не было: они всѣ укрылись въ лѣсá. Впослѣдствіи оказалось, что черкесы свирѣпствовали въ деревнѣ Сарыютъ 17-го іюня, въ то самое время, когда полковникъ Измайловъ имѣлъ вышеупомянутую стычку съ двумя другими ихъ шайками. Изъ разспросовъ по дорогѣ получены слѣдующія свѣдѣнія: Турки отступили къ Меджидіе и далѣе за Трояновъ Валъ. 17-го же іюня приходилъ изъ Меджидіе въ деревню Кучикіой турецкій регулярный эскадронъ, но, узнавъ о присутствіи нашего отряда въ деревнѣ Кацапкіой, немедленно ушолъ обратно. Въ Меджидіе стоитъ отъ 1,500—2,000 человѣкъ пѣхоты и около 100 человѣкъ кавалеріи. На береговой дорогѣ стоитъ у деревни Мамакіой, около баталіона пѣхоты. Въ самомъ городѣ Кюстенджи войскъ нѣтъ; они переведены въ Черноводы, а артиллерія вывезена на пароходѣ въ Варну. На линіи Черноводы — Кюстенджи, за Траяновымъ Валомъ, турки укрѣпляются и намѣрены обороняться. О числѣ собранныхъ тамъ войскъ и о намѣреніяхъ непріятеля свѣдѣнія еще противорѣчивы: по однимъ свѣдѣніямъ—турки намѣрены ограничиться обороною, по другимъ — ожидаютъ прибытія Гассана-паши египетскаго съ подкрѣпленіями, и тогда, имѣя всего до 25,000, намѣрены сами перейти въ наступленіе. 19 го іюня, въ Бабадагѣ разнесся слухъ будто наши войска намѣрены уйти оттуда. Это произвело ужасное смятеніе: толпы народа окружили генерала-адъютанта Шамшева, возвращавшагося съ рекогносцировки, и молили не оставлять городъ на жертву лютому мщенію турокъ. Потомъ явилось духовенство съ тою же мольбою—не покидать христіанъ, уже ограбленныхъ почти донага, на вѣрную мученическую смерть. Генералъ-адъютантъ Шамшевъ поспѣшилъ успокоитъ встревоженное населеніе».

— Съ театра войны въ Малой Азіи и на Кавказѣ обнародованы слѣдующія официальныя извѣстія:

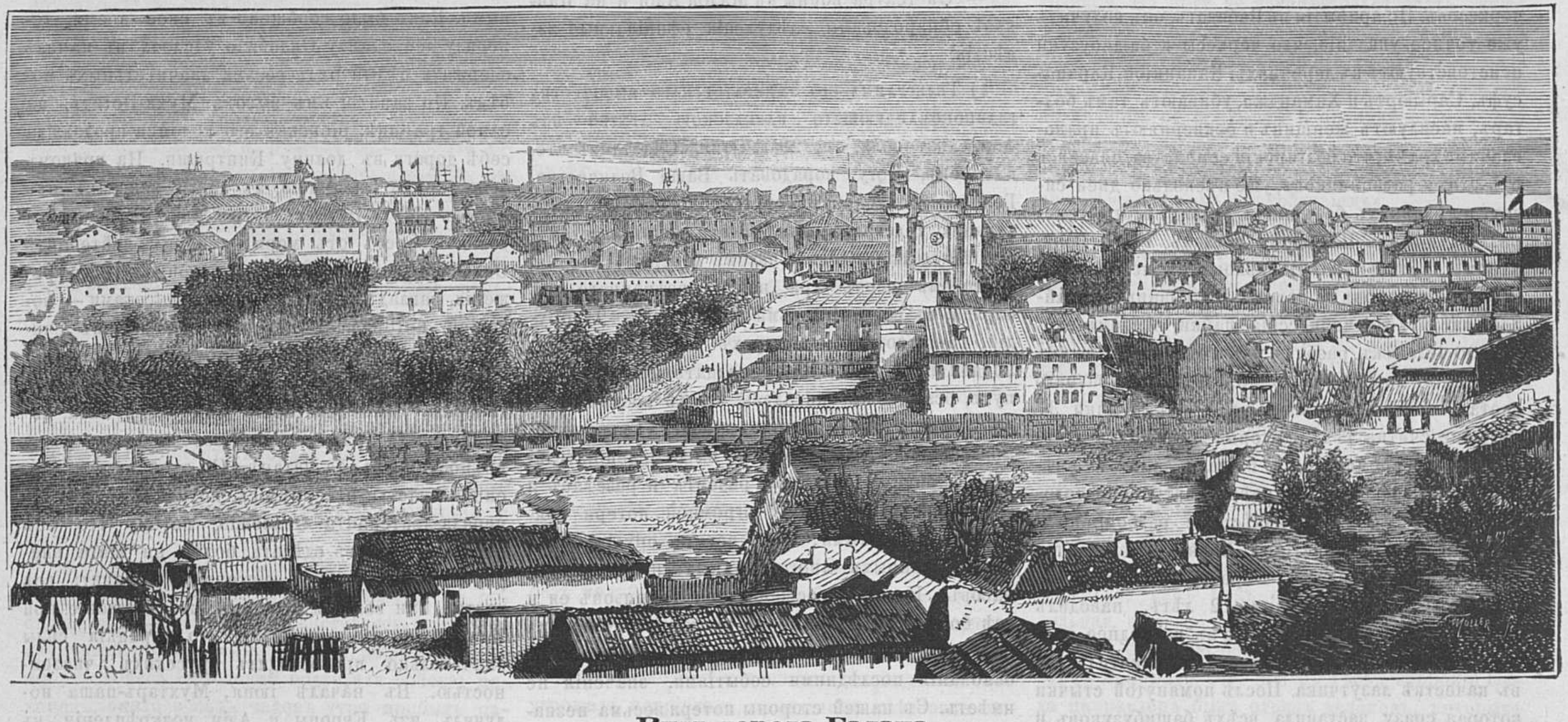
1) Телеграмма его императорскаго высочества главнокомандующаго кавказскою арміей изъ Александрополя, отъ 29-го іюня, «Счастливъ что, наконецъ, могу порадовать Ваше Величество. Генералъ-лейтенантъ Тергукасовъ прислалъ слѣдующую телеграмму изъ бивуака подъ Баязетомъ, отъ 28-го іюня, девять часовъ вечера: «Сегодня, въ восемь часовъ утра, войска ввѣреннаго мнѣ отряда, въ составѣ восьми баталіоновъ, 24 орудій, 15-ти сотенъ и четырехъ эскадроновъ, атаковали непріятельскій тринадцатитысячный корпусъ, осаждавшій цитадель; послѣ восьми часовой перестрѣлки и канонады, войска взяли штурмомъ командующія городомъ высоты, непріятельскій корпусъ на голову разбитъ и разсѣянъ и сверхъ нанесенной ему огромной потери убитыми и раненными, взято четыре орудія, около 80-ти плѣнныхъ много военныхъ и другихъ запасовъ. Цитадель освобождена, гарнизонъ ея и всѣ больные и раненые до послѣдняго человѣка выведены, такъ какъ городъ, разрушенный до основанія послѣдними событіями, значенія не имѣетъ. Съ нашей стороны потеря весьма незначительна, но въ точную извѣстность еще не приведена. Всѣ роды войска мужествомъ и взаимнымъ содѣйствіемъ показали себя по прежнему достойными похвалы. Имѣю счастіе поздравить съ освобожденіемъ геройскаго гарнизона, бодро выдержавшаго 23-хъ дневную осаду при чрезвычайныхъ лишеніяхъ всякаго рода».

2) Телеграмма его императорскаго высочества главнокомандующаго кавказскою арміею, отъ 2-го іюля: «Гарнизонъ баязетской цитадели состоялъ: изъ втораго баталіона ставропольскаго полка, 7-й и 8-й ротъ крымскаго полка, четвертаго взвода 4-й батареи 19-й артиллерійской бригады, сотни 2-го хоперскаго, 2-й и 5-й сотни уманскаго и 26 человѣкъ кавказскаго казачьяго полковъ и военно-временнаго госпиталя № 11-й, всего къ 6-му іюня было: 4 штабъ-офицера, 26 оберъ-офицеровъ и 1,587 нижнихъ чиновъ. Изъ нихъ убито во время осады 2 штабъ-офицера, 114 нижнихъ чиновъ; ранено 7 оберъ-офицеровъ и 359 нижнихъ чиновъ. Остальные дошли отъ лишеній до крайней степени изнуренія, требующаго продолжительныхъ гигіеническихъ мѣръ. Въ послѣднее время они питались дохлой кониной. Начальникомъ гарнизона былъ комендантъ цитадели, тифлискаго мѣстнаго полка капитанъ Штоковичъ, долго прежде служившій въ лейбэриванскомъ Его Величества полку. Завтра чрезъ Эривань отправляюсь въ Игдыръ для осмотра молодецкаго отряда. Подъ Карсомъ ничего новаго не произошло. Жары сильные.

3) Телерамма военнаго министра, изъ Зимницы: «Съ Кавказа получено извѣстіе, что войска генерала Алхазова, 1-го іюля, перешли въ наступленіе двумя колоннами отъ Поквеши и Тқварчели на правый берегъ Галидгзи, выбивъ непріятеля изъ устроенныхъ имъ заваловъ; они отбросили его за Мокву и заняли высоты Гумъ. Потери нашихъ и въ этомъ дѣлѣ ничтожны.

По донесенію генерала Тергукасова, при прибытіи его отряда въ Баязетъ, городъ этотъ найденъ до такой степени разрушеннымъ и зараженнымъ грудами гніющихъ труповъ, слѣдовъ неистовствъ турокъ, что дальнѣйшее пребываніе въ Баязетѣ нашихъ войскъ оказалось невозможнымъ.

— Сообщаемъ слѣдующую корреспонденцію изъ Тифлиса отъ 19 іюня (1 іюля) о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ въ Малой Азіи, напечатанную въ вѣнской газетѣ «Politische Correspondenz»: «Блестящія надежды, возбужденныя первоначальными успѣхами обоихъ фланговъ кавказской арміи, потомъ, къ сожалѣнію, оказались обманчивыми. Какъ было сообщено въ свое время, генералу-лейтенанту Оклобжіо удалось въ началѣ одержать цѣлый рядъ весьма значительныхъ побѣдъ. По занятіи имъ высотъ Муха-Эстатъ, на самой границѣ, ріонская его колонна проложила себѣ дорогу въ долину Кинтриши. На правомъ берегу рѣки Кинтриши, въ 45-ти верстахъ отъ высотъ Муха-Эстатъ и на разстояніи шести только верстъ отъ моря, генералъ-лейтенантъ Оклобжіо, послѣ жаркаго и кровопролитнаго сраженія, завладѣлъ Хоцубанскими Высотами — позиціей, которая съ полнымъ основаніемъ считается ключомъ сѣверной Кабулетіи и ачарской долины. Послѣднимъ удачнымъ дѣйствіемъ этого генерала было завоеваніе Самебы, пункта, командующаго надъ всѣми сообщеніями между крѣпостями въ Лазистанѣ. Съ этой минуты, военное счастье отвернулось, повидимому, отъ генерала-лейтенанта Оклобжіо, потому что онъ нетолько не могъ сдѣлать болѣе ни шага впередъ, а долженъ былъ постепенно оставить всѣ взятыя ими важныя позиціи. Уже сраженіе при Цихедзире ясно показало, что турецкія силы значительно превосходятъ русскихъ численностью. Въ началѣ іюня, Мухтаръ-паша получилъ изъ Европы и Азіи подкрѣпленіе въ 22 баталіона при 45 орудіяхъ. Подслѣднія подкрѣпленія привелъ Дервишъ-паша. Атака русскихъ на позицію Цихедзире была энергически отбита турками. Лишившись, при Цихедзире, до 800 человѣкъ убитыми и ранеными, генералъ Оклобжіо оказался вынужденнымъ отступить въ Самебу. Этимъ наступательныя дѣйствія ріонской колонны пока кончились и турки, съ своей стороны, перешли въ наступленіе. Тридцать четыре турецкіе батальйона атаковали на высотахъ Самебы ослабленную колонну генерала Оклобжіо и, несмотря на ихъ геройское сопротивленіе, принудили ихъ очистить эту позицію. Ріонская колонна отступила по направленію къ высотамъ Муха-Эстатъ, которыя, 17-го (29-го) іюня, снова ею были заняты. Еще сомнительно, будетъ ли она въ состояніи удержаться на нихъ, если и тамъ на нее произведутъ нападеніе превосходныя военныя силы. Послѣднее сраженіе стоило генералу Оклобжіо четырехъ штабъ-офиреровъ, 16-ти оберъ-офицеровъ и 450 рядовыхъ убитыми и ранеными. Лѣвый флангъ, которымъ командовалъ генералъ-лейтенантъ Тергукасовъ, постигла не лучшая участь. Извѣстно, что этотъ генералъ въ непрерывномъ почти побѣдномъ шествіи занялъ Баязетъ, Діадинъ и Сура-Оганесъ. Первое препятствіе, встрѣченное движеніемъ впередъ состоявшей подъ его начальствомъ эриванской колонны, были приближеніе къ Баязету многочисленныхъ шаекъ курдовъ изъ Вана. Высланный генераломъ Тергукасовымъ генералъ-майоръ Амилохваровъ разогналъ курдовъ, преслѣдовалъ ихъ за аладагскій горный кряжъ и возвратился, затѣмъ, къ главнымъ силамъ колонны. Потомъ, лѣвый флангъ двинулся къ Кара-Килиссѣ. Эта позиція, городъ Алашкертъ съ цитаделью, Топрахъ-Кале и Зейдекянъ были заняты безъ боя послѣ того, какъ турки добровольно очистили эти важные пункты. Но съ тѣмъ вмѣстѣ успѣхи Тергукасова, купленные, правда не слишкомъ дорогою цѣною, пріостановились. Русскій лѣвый флангъ внезапно былъ атакованъ съ двухъ сторонъ превосходными турецкими силами. Въ тылу снова показались ванскіе курды въ числѣ 10,000 человѣкъ, между тѣмъ, какъ фронтъ Мухтара-паши, двинувшагося изъ Делибабы въ Зейдекянъ, былъ стремительно атакованъ. Первое столкновеніе произошло, 4-го (16-го) іюня, на Дарандагскихъ Высотахъ. Бой былъ жаркій, но остался не рѣшоннымъ въ томъ смыслѣ, что русскіе не дали выбить себя изъ своихъ позицій. Но, 9-го (21-го) іюня, Мухтаръ-паша получилъ весьма значительныя подкрѣпленія и весьма энергическимъ образомъ возобновилъ свою атаку на русскія позиціи. Лѣвый флангъ Тергукасова былъ отражонъ съ большимъ урономъ, послѣ чего и центръ и правый флангъ его колонны оказались вынужденными отступить. Потери, понесенныя колонною генерала Тергукасова, 9-го (21-го) іюня, были чрезвычайно чувствительны. Офиціальныхъ свѣдѣній насчётъ ихъ еще не имѣется. Тургукасовъ имѣлъ дѣло со всею арміей Мухтара-паши, превосходившей силы его впятеро. Чтобъ выручить Тергукасова, находившагося въ крайне стѣсненномъ положеніи, генералъ Лорисъ-Меликовъ, 14-го (26-го) іюня, выступилъ съ войсками генерала-лейтенанта Геймана изъ позицій подъ Карсомъ, но добился только того, что навлекъ часть арміи Мухтара-паши на себя — причемъ и ему самому, при Зевинѣ и Миледюеѣ, не особенно постасчливилось — и черезъ это облегчилъ Тергукасову отступленіе.



Видъ города Галаца.

— Мы находимъ въ «Тифл. Вѣст.» слѣдующее интересное извѣстіе:

«Войну мелкими отрядами нашъ противникъ ведетъ хотя не съ умѣньемъ, но дѣятельно. Ни одна почти ночь не обойдется, чтобъ гдѣ-нибудь съ боку или въ тылу отряда шайка не напала на наши аванпосты и не завязала перестрѣлки. Напримѣръ, съ 14-го на 15-е іюня, непріятельскій отрядецъ, неподалеку отъ нижнебагильскаго поста, напалъ въ послѣполуночное время на гурійскую цѣпь. Напавшіе стрѣляли мѣтко. Утромъ насчитали у насъ убитыхъ 12 и раненыхъ 6 человѣкъ. 16-го іюня потащились въ направленіи къ Озургетамъ казенныхъ 13 фургоновъ съ кобулетками и маленькими кобулетцами. Это ѣхали семьи передавшихся на нашу сторону жителей со своими пожитками. Но мужья и отцы этихъ полудикарокъ-красотокъ — варвары, компрометирующіе анатолійскую армію. Они ведутъ себя не хуже башибузуковъ... Больно и горько на душѣ становится, когда узнаешь, что за наше гуманное и ласковое обращеніе съ турецкими плѣнными и сдавшимися жителями, земляки ихъ, случайно попавшимся двумъ нашимъ дружинникамъ въ ихъ разбойничьи руки, ночью съ 15-го на 16-е іюня, отрѣзали головы».

* * *

Телеграммы.

Лондонъ, 27-го іюня, понедѣльникъ. Сэръ Норткотъ, отвѣчая въ палатѣ общинъ Монку, сказалъ, что извѣстіе о томъ, будто бы Лейардъ сообщилъ султану, что британскіе интересы требуютъ занятія Константинополя и Дарданеллъ,— невѣрно. Гатторнъ-Гарди, отвѣчая Андерсону, заявилъ, что смотръ войскамъ, назначенный на завтра въ Виндзорѣ, не имѣетъ никакого особаго значенія и что по отправкѣ войскъ за границу нѣтъ рѣчи.

— 28-го іюня, вторникъ. Броненосныя суда «Achilles» и «Azincourt», шлюпъ «Ruby» и канонерка «Flamingo» получили приказаніе присоединиться къ британскому флоту въ Средиземномъ морѣ. Газета «Morning Post» сообщаетъ, что баронъ Калице прибудетъ вскорѣ въ Лондонъ съ особымъ порученіемъ отъ вѣнскаго двора.

— Въ палатѣ общинъ Эджертонъ заявилъ на вопросъ Уайтворта, что инженеру Смайли предписано оставить турецкую службу; въ противномъ случаѣ онъ будетъ исключенъ изъ списка англійскихъ офицеровъ. На вопросъ Уоллея сэръ Норткотъ объяснилъ, что въ послѣднее время съ державами не было установлено никакого соглашенія относительно операцій флота на Востокѣ.

— 29-го іюня, среда. По сообщенію «Агентства Гаваса», британскій флотъ въ Безикской бухтѣ будетъ усиленъ присоединеніемъ къ нему четырехъ весьма сильныхъ броненосцевъ, именно «Shannon», «Temeraire», «Hercules» и «Thunderer» или «Dreadnought».

— 2-го іюля, суббота. «Агентству Рейтера» телеграфируютъ изъ Аѳинъ отъ сегодняшняго числа, что въ четвергъ вечеромъ около сорока турокъ изъ деревень близъ Ретимно, на островѣ Критѣ, сдѣлали нападеніе на христіанскую деревню, причемъ одинъ христіанинъ былъ раненъ. Турецкія власти произвели нѣсколько арестовъ.

— 30-го іюня, въ четвергъ. Г. Боркъ, отвѣчая въ палатѣ общинъ Бэкстеру, заявилъ, что въ настоящее время правительство не имѣетъ склонности принимать на себя протекторатъ надъ островомъ Самоа. На дальнѣйшій вопросъ Бэкстера, Боркъ высказалъ сожалѣніе по поводу того, что арестованные болгаре донынѣ не выпущены на свободу, и объяснилъ, что, двѣ недѣли назадъ, лордъ Дерби предписалъ сдѣлать Портѣ новыя представленія, пояснивъ, что обѣщаніе султана по этому дѣлу должно быть непремѣнно выполнено. Переписку по этому вопросу Боркъ представилъ палатѣ. Далѣе, Боркъ заявилъ, что британскій консулъ въ Требизондѣ получилъ изъ Сухумъ-Кале частное письмо, съ изложеніемъ свѣдѣній о мнимыхъ жестокостяхъ, совершонныхъ русскими войсками. Правительство не имѣетъ возможности провѣрить эти свѣдѣнія. Г. Гиксбичъ, возражая Нолэну, назвалъ невѣрнымъ извѣстіе, будто бы въ Ирландіи появился колорадскій жукъ. Г. Дженкинсъ заявилъ въ палатѣ общинъ, что завтра или въ понедѣльникъ онъ обратится къ правительству съ вопросомъ, имѣетъ ли оно въ своихъ рукахъ воззваніе русскаго Царя къ болгарамъ, и правда ли, что русскимъ гражданскимъ управленіемъ насильственно введено въ Болгаріи употребленіе русскаго языка? Если это правда, то намѣрено ли британское правительство протестовать противъ этой мѣры, противорѣчущей заявленіямъ, сдѣланнымъ русскимъ Царемъ передъ войною?

— 1-го Іюля, пятница. Канонерскимъ лодкамъ «Flamingo» и «Condor», изъ которыхъ послѣдняя снабжена торпеднымъ апаратомъ, предписано отправиться на Дунай для охраненія британскихъ интересовъ. По словамъ газеты «Morning Post», закрытіе парламента послѣдуетъ 10-го августа.

— 6-го іюля, пятница. Сэръ Норткотъ, отвѣчая, въ палатѣ общинъ, Лоусону и Горлэ, заявилъ, что британскій флотъ потому отправленъ въ Бэзикскую Бухту, что этотъ пунктъ представляетъ болѣе удобную стоянку. Безика занимаетъ центральное положеніе и адмиралъ, находясь тамъ, можетъ, въ случаѣ необходимости, легко войти въ сношенія съ г. Лэйардомъ или съ британскимъ правительствомъ Посланный туда флотъ состоитъ изъ семи броненосцевъ и одного фрегата, бронею непокрытаго. На вопросъ, почему флотъ отправленъ въ Безикскую бухту, а не въ Суэзскій Каналъ, Норткотъ повторилъ, что по причинѣ удобства и центральнаго положенія Безики, чего не представляетъ Суэзскій каналъ. Сверхъ того — прибавилъ ораторъ — нѣтъ причины ставить въ каналѣ еще какія-нибудь суда, кромѣ стоящихъ уже тамъ. Бывшій президентъ Сѣвероамериканскихъ Соединенныхъ Штатовъ, Грантъ, выѣхалъ отсюда въ Брюсель. Въ палатѣ общинъ Лоусонъ заявилъ, что, заэтра, онъ предъявитъ сэру Норткоту запросъ о причинахъ отправки британскаго флота въ Безикскую бухту.

— Субота, 7-го іюля. Во время преній въ палатѣ общинъ по поводу бюджета морскаго министерства, Лоусонъ снова коснулся вопроса о перемѣщеніи британскаго флота въ Безикскую бухту, причемъ высказалъ сожалѣніе, что никто не знаетъ, какъ поступить съ флотомъ. «Это — сказалъ онъ — всегда было слабымъ пунктомъ политики кабинета и товарища сэра Норткота по министерству не могли бы присоединиться къ сдѣланному имъ успокоительному заявленію». Присутствіе британскаго флота въ Безикской Бухтѣ ораторъ считаетъ предостереженіемъ, или указаніемъ, или угрозою по отношенію къ той или другой изъ воюющихъ сторонъ, т. е. такимъ дѣйствіемъ, которое легко можетъ перейти въ участіе въ ходѣ событій. Сэръ Стаффордъ Норткотъ, протестуя противъ такого толкованія, замѣтилъ, что заявлять, будто бы отправка флота въ Безикскую бухту составляетъ угрозу—слишкомъ смѣло. Въ настоящее время было бы неудобно входить въ общее обсужденіе правительственной политики, которая уже вполнѣ обсуждена; во время недавнихъ преній политика кабинета была выставлена съ откровенностью и затѣмъ вполнѣ разъяснена представленными парламенту депешами. Каждый долженъ согласиться, что правительство изложило свои взгляды и намѣренія съ большою полнотою и прямодушіемъ. По отношенію къ войнѣ правительство сохраняетъ полный нейтралитетъ и думаетъ, что оно располагаетъ общимъ довѣріемъ страны. Какъ уже заявлено, цѣль отправки флота въ Безикскую бухту состоитъ въ томъ, чтобъ поставить этотъ флотъ въ положеніе, удобное для сношеній съ правительствомъ. Сэръ Норткотъ не считастъ цѣлесообразнымъ высказывать что-нибудь болѣе сказаннаго.

Вѣна, пятница 24-го іюня, вечеромъ. Газетѣ «Politiche Correspondenz» сообщаютъ изъ Бѣлграда: «Ходятъ слухи о предстоящемъ министерскомъ кризисѣ, въ виду того, что скупщина, вопреки желанію кабинета, сочла нужнымъ провѣрить выборъ рукозодителя консервативной партіи, Милутина Горошанина. Ранко Алимпичъ вышелъ въ отставку изъ военной службы и назначенъ правительственнымъ делегатомъ въ скупщинѣ. «Дѣйствіе прошлогодняго закона объ отсрочкѣ платежей по обязательствамъ продолжено для округовъ, пострадавшихъ отъ войны, до 7-го ноября 1878 года, а для прочихъ округовъ — до 7-го ноября нынѣшняго года. «Князь Миланъ возвратится сегодня въ Бѣлградъ». Той же газетѣ пишутъ изъ Рагузы: «Войска пашей Сулеймана и Али-Саиба, бо́льшая часть которыхъ уходитъ къ Скутари и Антивари, будутъ, повидимому, переведены частью въ Ѳессалію, частью на Дунай. Въ Герцеговинѣ и Албаніи всѣ турецкіе форты и блокгаузы снабжены провіантомъ; здѣсь будетъ оставленъ лишь небольшой корпусъ, подъ начальствомъ Мехмеда-Али паши, достаточный для оборонительныхъ дѣйствій».

Субота, 25-го іюня. Въ газетѣ «Politiche Correspondenz» помѣщена слѣдующая телеграмма изъ Бѣлграда, отъ сегодняшняго числа: «Передъ обсужденіемъ проекта отвѣтнаго адресса, скупщина займется разсмотрѣніемъ бюджета, а также предложеній, касающихся покрытія государственныхъ долговъ, простирающихся до 1,500,000 дукатовъ, и заключенія займа. Депутаты отвергаютъ всякую частную сдѣлку съ Румыніей, въ виду ея враждебнаго образа дѣйствій во время сербской войны, причемъ опа отвергла предложеніе Сербіи о заключеніи союза. Скупщина, вѣроятно, послѣдуетъ совѣтамъ Россіи, сущность которыхъ будетъ изложена, Ристичемъ въ закрытомъ засѣданіи. Говорятъ, что, несмотря на сильное противодѣйствіе консервативной партіи, правительство будѳтъ располагать въ скупщинѣ значительнымъ большинствомъ. Князь Миланъ остается еще въ Крагуевацѣ». — Въ газетѣ «Abendpost» пишутъ: «Англійскія газеты усиленно занимаются обсужденіемъ вопроса объ общности интересовъ Австро-Венгріи и Англіи, и мы полагаемъ, что намъ слѣдуетъ обратить на ихъ выводы вниманіе, насколько выводы эти, по существу, основываются на томъ соображеніи, что означенные интересы, прежде всего, являются интересами мира». Засѣданія рейхсрата отсрочены до 15-го сентября.

— 27-го іюня, понедѣльникъ, вечеромъ. Адресъ сербской скупщины толкуется здѣсь въ томъ смыслѣ, что отъ Сербіи нельзя ожидать активной политики. Галиційскій сеймъ созванъ на 8-е августа. Графъ Людвигъ Водзицкій назначенъ ландмаршаломъ, а епископъ Ступницкій — его замѣстителемъ.

— 28-го іюня, вторникъ. Газетѣ «Politische Corecpondenz» пишутъ изъ Бѣлграда отъ сегодняшняго числа: «Во вчерашнемъ засѣданіи скупщины, которое было весьма бурно, 31 депутатъ оппозиціонной партіи (консерваторы и члены крайней лѣвой стороны) заявили, что они выходятъ изъ скупщины вслѣдствіе образа дѣйствій большинства. При этомъ они высказали нѣсколько обвиненій, оскорбительныхъ для чести собранія и министровъ. Большинство, съ презрѣніемъ отвергнувъ мотивы этого поступка, приняло выходъ означенныхъ депутатовъ къ свѣдѣнію. Новые выборы назначены на 12-е, 14-е и 17-е іюлр. Скупщина остается пока въ такомъ составѣ при которомъ постановленія ея будутъ имѣть законную силу. Той же газетѣ сообщаютъ изъ Цетиньи, что, вопреки заявленіямъ турокъ, отступленіе Сулеймана-паши должно быть приписано не дипломатическому вмѣшательству, а исключительно громадности потерь, понесенныхъ турецкою арміей, и переходу русскихъ войскъ черезъ Дунай. Всѣмъ турецкимъ регулярнымъ войскамъ въ Босніи и Герцоговинѣ, даже гарнизонамъ блакгаузовъ, предписано двинуться въ Болгарію. Въ Албаніи турецкіе гарнизоны будутъ оставлены лишъ въ Подгорицѣ и Спужѣ.

— Четверкъ 30–го іюня, вечеромъ. Телеграммы сегодняшнихъ утреннихъ газетъ:

«Княгиню Елизавету румынскую и министра Братіано ожидаютъ, въ пятницу, въ Букарештѣ. «Deutsche Zeitung» телеграфируютъ изъ Букарешта: «Недавно Россія предоставила въ распоряженіе румынскихъ желѣзныхъ дорогъ сто локомотивовъ. По слухамъ, русское правительство заключило съ фирмою Бееръ, Зондгеймеръ и комп., во Франкфуртѣ, контрактъ на поставку 80,000 пудовъ сѣна. 4,000 упряжныхъ воловъ и 800 повозокъ, имѣя цѣлью приступить къ обложенію и осадѣ Рущука».

— Пятница, 12-го іюля. Газетѣ «Presse» сообщаютъ ихъ Букарешта, что князю Черкасскому поручено сформировать болгарскую національную милицію, въ которую обязаны зачислиться всѣ болгаре, способные носить оружіе.

Берлинъ, среда, 29-го іюня, вечеромъ. «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» подтверждаетъ извѣстіе о томъ, что пруское министерство рѣшило обратиться въ союзный совѣтъ съ ходатайствомъ о запрещеніи вывоза лошадей. Запрещеніе это не должно относиться исключительно къ той или другой границѣ имперіи. По словамъ газеты, причиной этой мѣры служитъ желаніе, чтобъ надобность въ лошадяхъ для арміи не встрѣтила препятствій вслѣдствіе слишкомъ значительнаго вывоза, особенно по отношенію къ качеству лошадей. Постановленіе союзнаго совѣта по этому вопросу подготовлено уже заранѣе посредствомъ конфиденціальнаго соглашенія.

Берлинъ, червергъ, 23-го іюня. Турецкій посолъ при здѣшнемъ дворѣ находится въ Эмсѣ.

— Пятница, 24-го іюня. Вчера, въ 10 часовъ вечера, князь Бисмаркъ возвратился сюда изъ Фридрихсруэ. По словамъ «Германскаго Имперскаго Указателя», 4 го іюля, императоръ Вильгельмъ принялъ въ частной аудіенціи Саадула бея, который вручилъ ему рескриптъ султана объ отозваніи Эдхема-паши и свои вѣрительныя граматы.

— Суббота, 25-го іюня. Сегодня, утромъ, князь Бисмаркъ выѣхалъ въ Варзинъ. Вчера, онъ принималъ англійскаго посла. Старшій сынъ князя Бисмарка, графъ Гербертъ Бисмаркъ, уѣхалъ изъ Берлина сегодня, въ 4 часа утра. Семейство имперскаго канцлера отправится позже въ Гастейнъ.

— 27-го іюня, понедѣльникъ. Въ «Германскомъ Имперскомъ Указателѣ» напечатано имперское повелѣніе, которымъ, впредь до дальнѣй распоряженій, на всѣхъ границахъ Германской имперіи запрещается вывозъ лошадей. Имперской канцеляріи предоставлено право допускать изъятія отъ означеннаго запрещенія и установить нужныя мѣры для контроля надъ исполненіемъ вышеупомянутаго повелѣнія, которое вступаетъ въ силу со дня его обнародованія.

— Четверкъ, 30-го іюня, вечеромъ. «Германскій Имперскій Указатель» заявляетъ, что, по собраннымъ офиціально свѣдѣніямъ, извѣстіе газетъ о появленіи колорадскаго жучка́ близь Флото окозалось невѣрнымъ.

— 2-го іюля, суббота, вечеромъ. По словамъ «Norddeutsche Allgemeine Zeitung», извѣстіе о томъ, будто бы во время пребыванія начальника германскаго адмиралтейства въ Вильгельмсгафенѣ предписано было зачислить въ службу всѣ суда, объявляется, изъ достовѣрныхъ источниковъ, вполнѣ вымышленнымъ. Сегодня утромъ съ третьимъ санитарнымъ поѣздомъ, снаряженнымъ на средства германскаго центральнаго комитета «краснаго креста», выѣхали отсюда на театръ военныхъ дѣйствій русскій гофегермейстеръ Толстой и секретарь русскаго посольства Муравьевъ.

Парижъ, пятница, 24-го іюня, Газета «Moniteur» говоритъ, что въ дипломатическихъ кружкахъ Вѣны и Берлина считаютъ принца Людвига Батенберга Гесенскаго кандидатомъ на престолъ Болгаріи. Сообщенный газетою «Morning Advertiser» слухъ, будто бы французскій флотъ послѣдуетъ за британскимъ въ Безискую Бухту, лишонъ основанія.

— суббота, 25-го іюня. Газета «Avenir Militaire» сообщаетъ, что военный министръ еще не принялъ окончательнаго рѣшенія относительно срока созванія въ нынѣшнемъ году резервистовъ и производства осеннихъ маневровъ. Такъ какъ въ этомъ отношеніи все зависитъ отъ открытія избирательнаго періода, то военный министръ, по соглашенію съ президентомъ совѣта и министромъ иностранныхъ дѣлъ, старается добиться отъ министра внутреннихъ дѣлъ, чтобъ выборы произошли въ возможно скорѣйшемъ времени.

— Среда 29-го іюня. По словамъ «Агенства Гаваса», попытка Сербіи заключить заемъ въ Парижѣ не удалось.

Крагуевацъ, воскресенье, 25-го іюня. Скупщина вручила князю Милану вотированный ею отвѣтный адресъ на тронную рѣчь. Въ адресѣ этомъ выражено, что князь, призвавъ народъ, въ прошломъ году, къ оружію, поступилъ съ достоинствомъ и согласно желаніямъ и задачѣ Сербіи. Скупщина благодаритъ князя за то, что онъ выразилъ Императору Александру чувства благодарности сербскаго народа, и признаетъ справедливость совѣтовъ князя Милана относительно необходимости единодушнаго и осмотрительнаго образа дѣйствій. Полагаясь на патріотическую заботливость князя, скупщина высказываетъ довѣріе къ правительству и, въ заключеніе адреса, выражаетъ радостное сочувствіе народа къ князю, по поводу рожденія наслѣдника сербскаго престола.

Бѣлградъ, 3-го іюля, воскресенье, вечеромъ. На вчерашнихъ выборахъ въ сельскихъ округахъ избраны снова члены оппозиціи.

— 4-го іюля. Войскамъ, стоящимъ на Тимокѣ, отправлено приказаніе быть на готовѣ къ выступленію въ походъ. Правительство сообщило иностраннымъ представителямъ, что вывозъ изъ Сербіи жизненныхъ припасовъ воспрещенъ.

Афины, 4-го іюля. Для приведенія арміи въ военное положеніе, правительство заключило съ греческимъ національнымъ и англійскимъ іоническимъ банкомъ заемъ въ 20 милліоновъ драхмъ за 2 процента, затѣмъ рѣшилось выпустить облигацій на 20 милліоновъ драхмъ изъ 9 проц. погашаемыхъ въ теченіе 40 лѣтъ посредствомъ тиража.

Корфу, 1-го (13-го) іюля, пятница, вечеромъ. Вчера здѣсь прошла турецкая транспортная эскадра съ войсками, находившимися въ составѣ арміи, которая дѣйствовала противъ Черногоріи.

Цетинье, 4-го іюля. Претендентъ на сербскую корону Петръ Карагеоргіевичъ вступилъ на Черногорскую службу.

Каиръ, четвергъ, 30-го іюня. Сумма, необходимая для оплаты іюльскихъ купоновъ объединеннаго долга, уже внесена.

Мадритъ, четверкъ, 30-го іюня. Сенатъ принялъ бюджетъ безъ всякихъ измѣненій. Кастеляръ внесъ въ конгресъ возвѣщонный имъ запросъ по поводу арестованія въ Парижѣ Руиса Сорильи, причомъ онъ, въ рѣчи своей, доказывалъ, что Сорилья имѣлъ право воспользоваться гостепріимствомъ Франціи. Кастеляръ выразилъ сожалѣніе о примѣненной къ Сорильѣ строгой мѣрѣ, тогда какъ карлистамъ было позволено заниматься во Франціи организаціею заговора и Дону-Карлосу разрѣшено было пребываніе во Франціи. Въ данномъ случаѣ, по словамъ Кастеляра, не было оказано уваженія международному праву. Ораторъ взываетъ къ праву гостепріимства, въ которомъ не должно быть отказываемо никакому политическому эмигранту. На запросъ Кастеляра министръ иностранныхъ дѣлъ отвѣчалъ, что Сорилья составилъ заговоръ противъ монархіи и принадлежатъ къ интернаціонали. Французскія власти, арестуя его, полагали, что присутствіе его могло вызвать волненія, а потому и выслали его изъ Франціи.

Тифлисъ, четвергъ, 13-го іюня. Арестанты, заключонные, въ числѣ болѣе 300 человѣкъ, въ елисаветпольской тюрьмѣ, которая построена всего на 60 человѣкъ, высбодившись изъ камеръ, отняли силою ружья у караульныхъ и пытались уйти. При усмиреніи ихъ, убито 10 и ранено 11 арестантовъ; изъ числа солдатъ ранены, кирпичами въ голову, пятеро. Порядокъ возстановленъ вліяніемъ прокурора окружнаго суда.

— Воскресенье, 26-го іюня. Сегодня, у насъ хоронятъ сапернаго офицера Михайловскаго, убитаго часовымъ въ тюрьмѣ.

— 28-го іюня, вторникъ. Сюда ежедневно прибываютъ эриванскіе жители съ семействами; настроеніе нѣсколько безпокойное. Войска безпрерывно двигаются изъ Россіи на турецкую границу.

Кронштадтъ, среда, 22-го іюня. Его императорское высочество генералъ-адмиралъ прибылъ сюда, на яхтѣ «Стрѣльна», въ $2^1/_2$ часа пополудни, въ сопровожденіи великаго князя Вячеслава Константиновича, и направился на большой рейдъ, къ фрегату «Свѣтлана». На фрегатѣ его высочество произвелъ смотръ, на которомъ присутствовали ихъ высочества великіе князья Константинъ и Дмитрій Константиновичи. Въ началѣ было произведено примѣрное артиллерійское ученье, за которымъ послѣдовали ученья парусное и десантное. Всѣ паруса были поставлены, потомъ закрѣплены и спущены, послѣдовательно, брамъ-реи, брамъ-стенги, нижніе и марсъ-реи; фрегатъ почти разоружился на рейдѣ, въ видѣ всей эскадры. Маневръ былъ исполненъ блистательно. Смотръ кончился въ 5 часовъ 18 минутъ пополудни. Въ настоящее время фрегатъ сгружаетъ порохъ и, какъ говорятъ, тотчасъ же войдетъ въ гавань. По только-что получоннымъ свѣдѣніямъ, его императорское высочество генералъ-адмиралъ, во время смотра, благодарилъ офицеровъ и команду за плаваніе и поздравилъ всѣхъ, въ полномъ составѣ, съ походомъ на Дунай. Радостное извѣстіе это встрѣчено было съ восторгомъ.

— 28-го іюня, вторникъ. Сегодня утромъ пароходъ ораніенбаумской компаніи столкнулся съ германскимъ пароходомъ «Александръ». Пассажиры возвратились на берегъ; поврежденія незначительны.

Рига, суббота, 25-го іюня. Участокъ тукумской желѣзной дороги до Майоренгофа открытъ сегодня утромъ. Ежедневно въ оба направленія ходитъ по шести поѣздовъ. Продолжительность проѣзда составляетъ 45 минутъ.

Ростовъ-на-Дону, воскресенье, 26-го іюня, вечеромъ. Сегодня, при большомъ стеченіи народа, совершено освященіе вновь построеннаго и уже совершенно готоваго барачнаго госпиталя на 150 кроватей.

Муромъ, четверкъ, 23-го іюня. Сегодня, послѣ молебствія, поднятъ флагъ и ярмарка началась. Съѣздъ торговцевъ пока менѣе прошлагодняго.

Рыбинскъ, среда, 29-го іюня. Сегодня, преосвященнымъ Іонаѳаномъ, въ присутствіи губернатора, совершено здѣсь торжественное молебствіе за успѣхъ русскаго оружія. Отъ города послана телеграмма его императорскому высочеству главнокомандующему дѣйствующей арміею.

Тирасполь, пятница, 24 го іюня. Санитарный поѣздъ имени великой княгини Александры Петровны доставилъ сюда изъ Яссъ 48 больныхъ и 54 раненыхъ. Всѣ 102 помѣщены въ госпиталь. Поѣздъ сегодня же возвращается въ Яссы.

Таганрогъ, воскресенье, 26-го іюня. Сегодня происходило торжественное освященіе лазарета, устроеннаго обществомъ попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ на средства города и при дѣятельномъ участіи дамскаго комитета.

Майнцъ, пятница, 1-го іюля. Епископъ майнцскій Кеттелеръ скончался сегодня въ Бурггаузенѣ.

Мюнхенъ, суббота, 25-го іюня. Извѣстный писатель Гаклендеръ скончался.

Кобленцъ, 3-го іюля, воскресенье. Бывшій прусскій министръ Бетманъ Гольвегъ скончался, на 82 году жизни, въ замкѣ Рейнекъ.

Наши гравюры.

Возвращеніе съ ярмарки.

Кому приходилось посѣщать лѣтомъ конскія ярмарки гдѣ нибудь на югѣ, въ Малороссіи въ Польшѣ, въ Венгріи,—тому будетъ понятна вся прелесть переданной здѣсь сцены. Жара душнаго лѣтняго дня начинаетъ спадать, ярмарка кончилась, не обошлось безъ попоекъ, безъ брани и тревогъ, теперь настастъ пора возвратиться домой съ раскупленными лошадьми, куда нибудь въ степное захолустье, гдѣ можно такъ сладко и мирно отдохнуть послѣ этихъ тревожныхъ дней ярморочнаго разгула.

Утро и ночь. *) Копіи съ аллегорическихъ картинъ К. Берфлинга въ Дюссельдорфѣ.

Ночь и утро—зима и весна—смерть и воскрессенье—какъ близки они по своимъ понятіямъ!... Ночь и зима минуты отдыха и времянной смерти; но съ утромъ и весной расцвѣтаетъ воскресенье и жизнь. По всей вѣроятности эти, или имъ подобныя мысли послужили талантливому дюссельдорфскому профессору темою для картинъ, копіи съ которыхъ мы помѣщаемъ на страницахъ нашего журнала, и которыя, какъ по своему замыслу, такъ и по исполненію, относятся къ лучшимъ аллегорическимъ художественнымъ произведеніямъ нашего времени. Изъ мрачнаго тумана, логовища совъ и летучихъ мышей.... поднимается ночь—въ видѣ высокой стройной дѣвушки, сидящей на черномъ, длинногривомъ конѣ.

Правою рукою она поднимаетъ покрывало и закрывается отъ свѣта луны; лѣвою прижимаетъ къ груди усыпленнаго ребенка; другой ребенокъ лежитъ на ея колѣняхъ въ летаргическомъ оцѣпѣненіи. Налѣво изъ подъ покрывала показываются сонные призраки и соблазны. Гесперъ, молодой, крѣпкаго сложенія юноша, съ опущеннымъ внизъ факеломъ гаснущаго дня, держитъ за узду лошадь. Рядомъ, на первомъ планѣ паритъ поэзія въ видѣ дѣвушки, держащей лиру. — Струны которой будятъ крылатаго генія. На верху въ безвоздушномъ пространствѣ, маленькіе геніи зажигаютъ звѣзды. Другая картина представляетъ утро, во всемъ своемъ блескѣ, распространяющее свѣтъ и жизнь. Огненный силуэтъ Авроры выдѣляется изъ солнца, высоко держа въ рукѣ горящій факелъ дня. Подъ охватывающее ея голову покрывало малые геніи сыплютъ цвѣты, просыпающіеся на землю. Подруги Авроры, дочери Зевеса и Ѳемиды, Горы, образуютъ группу, полную гармоніи. Одна изъ нихъ, подняла руку вверхъ, кажется, радостно привѣтствуетъ солнечные лучи, вѣстниковъ новой жизни. Другая, подавая руку сестрѣ, выливаетъ на землю изъ кувшина, благотворный дождь; третья сидитъ на тучѣ и отталкиваетъ темные туманы ночи.

Картины дюссельдорфскаго профессора нарисованы въ большихъ размѣрахъ, но мы полагаемъ, что объёмы нашихъ рисунковъ дадутъ достаточное понятіе о красотѣ оригиналовъ.

Видъ Галаца.

Галацъ — одинъ изъ важныхъ въ стратегическомъ отношеніи пунктовъ, на лѣвомъ берегу Дуная и въ послѣднее время, когда на Дунаѣ сосредоточиваются русскія войска, онъ играетъ видную роль. Сюда въ скоромъ времени будетъ проведена желѣзная дорога изъ Бендеръ. Эта линія въ 250 верстъ протяженія должна быть, какъ сообщаютъ газеты сооружена въ 3 мѣсяца.

---

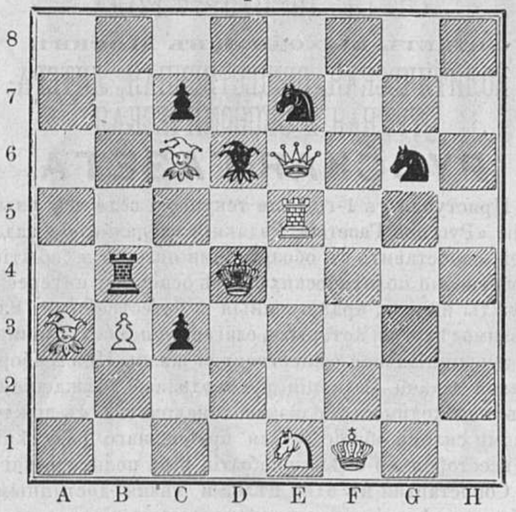
*) Въ слѣдующемъ нумерѣ Жив. Обозр. будетъ помѣщена «Ночь».

Шахматы.

Задача XXVI.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 2 хода.

Черные.



Бѣлые.

Рѣшеніе задачи № XXV.

Бѣлые.	*Черные.*
1) E1—H2 †	1) F4—E3
2) H2—B8	2) D5—D4
3) B5—C7	3) C3—F4
4) C7—D5 †† и матъ.	

Почтовый ящикъ.

Село Г—но. К. М—скій. Ваши стихи не могутъ быть напечатаны: они крайне слабы, а иногда просто курьёзны. Вы пишете:

Ахъ, ты дѣвица
Бѣлолицая!
Глазъ, бровь черные...
Разскрасавица!
Дѣйствительно, красота замѣчательная.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи. Сѣверная шведская полярная экспедиція подъ начальствомъ проф. А. Е. Норденскіольда (продолж.). — Черная Индія (продолж.). — Стихотвор. «Лѣтняя ночь» и «Рѣшеніе Залевка». — Анюта (очеркъ г-жи Юрьевой). — Письма изъ Америки (продолж.). — Колумбачскій комаръ. — Мимолетные наброски. — Американецъ (очеркъ г-жи Юрьевой). — Новости наукъ и жизни. — Смѣсь. — Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій. — Телеграммы. — Наши гравюры.—Шахматы. — Почтовый ящикъ. — 25-й тиражъ выигрышей Государственнаго Банка. — Объявленія.

Гравюры: Прогулка въ саняхъ у самоѣдовъ.—Шведская полярная экспедиція 1875 года. — Церковь въ Кабаровѣ.—Самоѣдскіе идолы.—Возвращеніе съ конской ярмарки. — Колумбачскій комаръ. — Утро.—Послѣ битвы.—Видъ города Галаца.—Почталіонъ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

25-й тиражъ выигрышей Государственнаго Банка.

На основаніи высочайше утвержденнаго 13-го ноября 1864 года положенія о внутреннемъ 5% съ выигрышами займѣ и согласно утвержденнымъ г. министромъ финансовъ правиламъ для тиража выигрышей и тиража погашенія билетовъ займа, 1-го іюля 1877 г, Правленіемъ Банка, въ присутствіи членовъ Совѣта Государственныхъ Кредитныхъ Установленій, депутатовъ отъ всѣхъ сословій по назначенію с.-петербургской городской думы и депутатовъ отъ с.-петербургской биржи и публики, произведены тиражъ выигрышей и тиражъ погашенія билетовъ 1-го займа 1864 года.

Выигрыши пали на слѣдующіе билеты:

Нумера серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.	Нумера серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.	Нумера серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.	Нумера серій	№№ билет.	Сумма выигрыша.	Нумера серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.	Нумера серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.	Нумера серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.
8,306	48	200,000	16,343	7	ПО ПЯТИСОТЪ РУБЛЕЙ КАЖДЫЙ.	13,977	33	ПО ПЯТИСОТЪ РУБЛЕЙ КАЖДЫЙ.	14,789	29	ПО ПЯТИСОТЪ РУБЛЕЙ КАЖДЫЙ.	14,356	23	ПО ПЯТИСОТЪ РУБЛЕЙ КАЖДЫЙ.	12,890	43	ПО ПЯТИСОТЪ РУБЛЕЙ КАЖДЫЙ.	5,795	5	ПО ПЯТИСОТЪ РУБЛЕЙ КАЖДЫЙ.
16,738	12	75,000	7,686	33		12,291	40		2,496	38		16,203	41		16,279	41		2,773	45	
18,622	38	40,000	4,505	28		1,967	24		17,283	40		11,364	37		5,618	40		17,127	3	
9,018	26	25,000	10,860	7		14,173	34		17,055	31		13,847	8		15,295	27		1,905	47	
15,581	3	10,000	7,236	49		16,879	24		16,341	26		2,523	49		7,830	38		1,137	15	
172	20	10,000	16,340	19		261	14		8,413	4		6,160	4		9,666	23		17,845	1	
5,075	11	10,000	18,381	6		8,804	48		9,598	11		2,948	40		7,541	37		19,398	22	
14,552	32	8,000	4,023	29		2,494	7		18,303	30		11,626	44		13,211	31		10,017	17	
15,013	30	8,000	18,346	21		853	42		9,507	16		19,640	38		7,132	50		15,288	12	
7,193	5	8,000	6,556	43		6,903	47		19,774	22		9,186	46		7,797	14		6,131	24	
8,589	42	8,000	10,580	25		5,121	33		744	16		5,231	35		18,863	32		15,175	27	
1,633	46	8,000	8,874	19		90	6		19,297	36		5,732	4		783	45		14,594	25	
15,919	38	5,000	3,218	49		9,439	30		15,666	25		11,303	29		17,537	22		6,384	21	
16,349	32	5,000	14,878	38		4,144	13		11,647	46		9,005	6		15,902	34		3,824	45	
12,308	46	5,000	3,016	22		8,302	40		10,614	23		6,927	5		12,446	44		12,639	11	
17,489	44	5,000	2,828	34		4,495	10		5,120	27		7,647	9		6,579	45		15,050	18	
18,324	2	5,000	2,274	37		8,527	26		4,304	1		13,885	3		2,284	4		1,410	31	
794	39	5,000	18,971	18		12,236	47		8,305	43		15,485	13		3,772	29		5,564	36	
15,358	38	5,000	8,246	8		5,780	5		216	41		13,751	27		6,258	18		14,465	21	
4,209	44	5,000	11,970	37		5,948	14		16,391	29		791	40		3,646	22		2,623	17	
18,237	49	1,000	14,193	4		13,179	20		4,189	34		18,703	18		2,434	44		3,686	7	
19,860	29	1,000	10,412	7		3,279	37		15,358	43		9,688	26		13,989	2		14,430	15	
13,471	23	1,000	204	28		7,397	19		12,721	43		6,048	50		2,548	43		15,774	33	
6,304	41	1,000	18,186	20		588	2		12,678	40		1,424	47		13,735	23		15,969	8	
1,199	11	1,000	13,476	47		9,313	29		15,812	46		14,953	4		1,622	22		12,719	20	
8,691	24	1,000	8,777	18		5,557	5		4,250	10		10,984	48		12,541	22		4,104	45	
4,054	32	1,000	18,409	26		10,256	43		15,029	44		7,841	33		19,168	2		5,666	41	
17,101	17	1,000	7,407	9		10,659	47		7,017	9		8,190	13		3,592	16		7,479	48	
1,627	4	1,000	16,004	50		9,365	12		14,069	20		15,391	36		16,963	31		4,973	41	
9,313	14	1,000	2,964	16		4,556	25		17,404	43		11,897	43		18,465	31		7,873	49	
5,122	4	1,000	19,408	16		3,227	7		627	20		11,341	24		13,406	8		3,747	33	
908	12	1,000	11,615	47		11,178	24		12,139	24		13,775	10		1,596	33		12,922	13	
965	3	1,000	11,551	10		11,700	11		18,342	24		1,902	5		5,005	39		30	37	
3,303	7	1,000	10,878	6		10,388	12		14,469	31		11,752	48		3,578	44		13,695	21	
81	31	1,000	8,642	21		9,774	23		11,105	47		17,617	36		17,497	8		12,558	18	
10,806	15	1,000	18,758	46		12,330	23		14,234	16		19,793	45		7,523	42		7,542	21	
13,771	32	1,000	10,676	36		12,256	41		7,143	16		10,977	6		5,588	30		12,074	42	
96	48	1,000	12,294	33		2,440	12		19,249	8		9,882	18		17,047	3		13,284	33	
17,202	40	1,000	14,324	10		306	28		2,927	2		6,966	3		7,487	17		9,976	38	
5,176	49	1,000	19,361	12		11,478	6		8,538	25		12,625	23		18,977	30		241	44	
1,118	8	500	4,312	15		18,263	10		6,212	28		15,434	13		19,832	36		14,551	46	
18,559	44	500	9,432	5		2,951	23		14,303	24		19,947	4		11,320	41		8,354	32	
6,312	17	500	2,641	48		16,395	46		18,438	14		7,316	28		18,604	15				

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ Банкѣ, въ С.-Петербургѣ съ 1-го октября 1877 года.

ТАБЛИЦА

серій билетовъ 1-го внутренняго 5% съ выигрышами займа 1864 г., вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенный въ правленіи Государственнаго Банка, 1-го іюля 1877 года.

Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій
364	4,965	3,611	8,640	3,090	5,979	19,882	12,205	17,059	8,570	6,509	17,625	15,281	12,623	3,820
19,827	17,311	8,074	13,486	15,818	961	10,032	9,755	11,421	12,566	18,615	7,125	19,861	4,640	12,790
3,657	2,951	8,307	7,600	4,721	6,556	8,704	3,340	15,962	14,324	9,738	4,472	10,170	1,576	19,503
12,712	18,195	17,789	15,137	12,226	9,292	11,632	1,026	17,238	14,294	13,075	11,716	980		

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ по 125 руб. за билетъ, будетъ производиться съ 1-го іюля 1877 г., въ Государственномъ Банкѣ, его отдѣленіяхъ и конторахъ.

Объявленія.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ за 1875 и 1876 гг.

За каждый годъ, большой томъ изящно отпечатанный, со множествомъ рисунковъ, лучшихъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, уступается подписчикамъ каждый годъ за 3 рубля (безъ приложеній):

въ изящномъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ	**4 р.**
за два тома	**5 „**
въ изящныхъ же переплет. за два тома	**7 р.**

Деньги на пересылку высылаются по разстоянію: за одинъ томъ на 7 фунт.; за два тома 14 фунт. (До 1000 верстъ) прилагается 1 р. на пересылку за каждый томъ; сверхъ же 1000 верстъ, на каждыя сто верстъ, прилагается 7 к. на томъ.

Въ конторѣ редакціи «ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ» находится въ продажѣ **большая гравюра.**

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ.

Снимокъ къ картины *Леонарда да Винчи.* Цѣна *50 коп.* съ пер. *75 коп.*

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ ГАЗЕТЫ

НАШЪ ВѢКЪ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ «НАШЪ ВѢКЪ»

съ 1 АПРѢЛЯ.

Желающіе получать газету платятъ:

Въ Петербургѣ безъ доставки.

На 9 м.	На 8 м.	На 7 м.	На 6 м.	На 5 м.	На 4 м.	На 3 м.	На 2 м.	На 1 м.
9 р. 50 к.	8 р. 50 к.	7 р. 50 к.	7 р. — к.	6 р. — к.	5 р. — к.	3 р. 75 к.	2 р 50 к.	1 р. 25 к.

Въ Петерб. съ дост. и съ перес. во всѣ мѣст. имперіи.

На 9 м.	На 8 м.	На 7 м.	На 6 м.	На 5 м.	На 4 м.	На 3 м.	На 2 м.	На 1 м.
12 р. — к.	11 р. — к.	10 р. — к.	8 р. 50 к.	7 р. 50 к.	6 р. — к.	4 р. 50 к.	3 р. — к.	1 р. 50 к.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, Большая Конюшенная, д. № 17. кв. № 2, и въ главныхъ книжныхъ магазинахъ. Контора редакціи для пріема подписки и объявленій открыта ежедневно. Принимаются казенныя и частныя объявленія всякаго рода, на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Плата за объявленія, печатаемыя петитомъ по 8 к. за строчку на послѣдней страницѣ и 15 впереди текста.

Въ Парижѣ подписка на газету и объявленія принимается у M. Adam, 2 Carrefour de la croix rouge.

Контора проситъ высылать требованія заблаговременно, чтобы можно было озаботиться своевременной разсылкой газеты.

При возобновленіи подписки, равно и при перемѣнѣ адреса, просятъ обращаться исключительно въ главную контору (Большая Конюшенная д. № 17, кв. № 2) съ приложеніемъ прежней бандероли.

„МОСКОВСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

журналъ политики, литературы и художествъ.

(Изданіе безцензурное.)

Выходитъ еженедѣльно, въ формѣ сброшюрованныхъ и снабженныхъ изящными обертками книгъ.

Для большаго удобства гг. подписчиковъ, все годовое изданіе журнала «Московское Обозрѣніе» раздѣляется на шесть большихъ томовъ (отъ 500 до 600 стр. бол. формата въ каждомъ), снабженныхъ отдѣльными обертками, нумераціями и оглавленіями.

Желая доставлять гг. подписчикамъ самыя свѣжія извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій, редакція пріобрѣла трехъ собственныхъ специальныхъ корреспондентовъ въ Дунайской арміи, двухъ — на Кавказѣ, одного—въ Черногоріи и одного—въ Петербургѣ, и кромѣ того вошла въ соглашеніе съ рус. международнымъ телеграфнымъ агенствомъ.

Всѣ, получаемыя изъ указанныхъ источниковъ, телеграфныя извѣстія съ 6-го апрѣля наст. года выпускаются въ свѣтъ ежедневно (а иногда и 2 раза въ день) и въ видѣ приложеній разсылаются гг. подписчикамъ при журналѣ безплатно.

Подписная цѣна:

	руб.	коп.
На годъ съ доставкою и пересылкою	7	—
На полгода	4	—
На годъ безъ дост. и пер.	6	—
На полгода	3	50

Для всѣхъ, какъ служащихъ, такъ и не служащихъ подписчиковъ можетъ быть допускаема разсрочка.

Лица, подписавшіяся на все годовое изданіе журнала, пользуются правомъ на полученіе безплатной преміи.

ОТКРЫТА ПОЛУГОДОВАЯ ПОДПИСКА

НА ЖЕНСКІЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ РУКОДѢЛЬНО-МОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ВАЗА“.

Самый полный изящный изъ существующихъ модныхъ журналовъ, дающій къ каждому № модн. картинки и вырѣзныя выкройки во весь ростъ, со множествомъ политипажей и узоровъ.

Вслѣдствіе поступающихъ запросовъ, Редакція объявляетъ, что она вновь заготовила преміи, такъ что полугодовыя подписчики могутъ получить всѣ шесть премій, приплачивая 5 р. къ подписной цѣнѣ.

ПРЕМІИ: 1) **Подушка,** 2) **Вѣеръ,** 3) **Альбомъ** рисунковъ для вышивокъ въ русскомъ стилѣ, 4) **Табуретъ** къ фортепіано, 5) **Двѣ розетки** для подсвѣчниковъ и 6) **Прошивки.** — Преміи высылаются немедленно.

Подписная цѣна: на ½ года безъ премій съ дост. 4 р. и 3 р. безъ доставки.

Адресъ: Петербургъ, въ Редакцію журналъ «Ваза».

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА САМОЕ ДЕШЕВОЕ ИЗЪ ВСѢХЪ ЕЖЕДНЕВНЫХЪ, ПОЛИТИЧЕСКИХЪ И ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ИЗДАНІЙ

ГАЗЕТУ

„НОВОСТИ“

на 1877 годъ.

Въ С.-Петербургѣ, Больш. Садовая д. № 47.

» Кронштадтѣ, въ отдѣлен. газ. «Новости».

» Москвѣ, въ московскомъ отдѣленіи газеты «Новости, на углу Дмитріевки и Охотнаго ряда, д. Благороднаго Собранія, въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Живарева.

Въ Казани, въ отдѣленіи конторы газеты «Новости» при книжномъ и музыкальномъ магазинѣ «Восточная Лира».

Цѣна на 8 мѣсяцевъ съ 1 мая по 1 января 1878 года для иногородныхъ 7 рубл., для городскихъ подписчиковъ съ доставкою 6 руб.; на 1 годъ 9 руб.; на другіе сроки по 1 руб. за каждый мѣсяцъ.

По богатству, разнообразію и свѣжести извѣстій какъ политическихъ и внутреннихъ, вообще, такъ и съ театра войны, въ особенности, газета «Новости» нисколько не отличается отъ наиболѣе распространенныхъ ежедневныхъ изданій.

Во все время войны въ газетѣ «Новости» будутъ печататься спеціальныя корреспонденціи и телеграммы съ Дуная, Кавказа и Персидской границы, изъ славянскихъ земель и Константинополя.

Кромѣ того, въ газетѣ «Новости» постоянно печатаются всѣ телеграммы «Международнаго Тел. Агент.» и »Agence génér. russe».

СЪ 1-го ІЮЛЯ 1877 ГОДА

БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ ВЪ МОСКВѢ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ

РУССКАЯ ГАЗЕТА.

Приступая съ 1-го іюля текущаго года къ изданію «Русской Газеты», Редакція избрала себѣ задачей: сопоставить съ обозрѣніями явленій и событій собственно политическихъ,—тѣ основные интересы, нужды и силы, нравственныя и естественныя, изъ взаимодѣйствія которыхъ слагается наша столичная и провинціальная общественная жизнь. При выборѣ такой задачи Редакція руководилась убѣжденіемъ въ необходимости близкаго знакомства съ зиждущими силами общества для правильнаго разумѣнія и всесторонней оцѣнки событій міра политическаго.

Сопоставляя въ одно цѣлое и дѣлая доступными общему вѣденію тѣ стороны и выдающіяся явленія нашей общественной жизни, свѣдѣнія о которыхъ доселѣ составляли исключительное достояніе мѣстныхъ или специальныхъ изданій, Редакція надѣется этимъ путемъ способствовать сознательному общенію интересовъ и силъ государственныхъ съ общественными, общихъ съ мѣстными, нравственныхъ съ политическими.

Средствами къ выполненію этой задачи «Русской Газетѣ» будетъ служить, независимо отъ обозрѣній внѣшней и ввутренней политики, общественная хроника, отечественная этнографія, статистика, мѣстная исторія, корреспонденція и сообщенія о важнѣйшихъ событіяхъ въ мірѣ судебномъ, биржевомъ, торговомъ и проч. Въ изданіи отведено мѣсто и изящной литературѣ, въ формѣ фельетона, очерковъ, разсказовъ и стихотвореній.

Стараясь сдѣлать изданіе, въ виду общаго интереса его задачи, по возможности общедоступнымъ, Редакція вполнѣ сознаетъ и трудность ея выполненія, безъ дѣятельнаго участія со стороны самаго общества, и, вѣря въ сочувствіе послѣдняго къ ея стремленіямъ, покорнѣйше проситъ всѣхъ, обладающихъ свѣдѣніями изъ указанныхъ областей нашей общественной жизни, сообщать таковыя Редакціи, не стѣсняясь литературной обработкой.

«Русской Газетѣ» обѣщали содѣйствіе: И. С. Аксаковъ, Н. П. Аксаковъ, Н. А. Артлебенъ, П. Е. Астафьевъ, Э. В. Барсовъ, Н. П. Бочаровъ, пр. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, пр. А. Д. Градовскій, Д. И. Иловайскій, доц. Гр. Л. А. Камаровскій, пр. П. Л. Карасевичъ, В. О. Ключевскій, пр. В. Н. Лешковъ, А. Н. Плещеевъ, В. Е. Румянцевъ, А. Ц. Стадлинъ, пр. А. Н. Стояновъ, Н. А. Чаевъ, доц. А. И. Чупровъ, С. А. Юрьевъ и др.

„Русская Газета“ выходить будетъ пять разъ въ недѣлю, а въ остальные дни особые листки съ политическими извѣстіями, въ видѣ прибавленій къ газетѣ.

Условія подписки:

Безъ доставки.

На полгода съ 1 іюля по 1 января 1878 г.	3 р. 50 к.
На 3 мѣсяца съ 1 іюля по 1 окт. 1877 г.	2 » — »

Съ доставкой въ Москвѣ и пересылкою.

На полгода съ 1 іюля по 1 января 1878 г.	4 р. 25 к.
На 3 мѣсяца съ 1 іюля по 1 окт. 1877 г.	2 » 50 »

Подписка принимается:

Въ конторѣ Редакціи: Арбатъ, домъ Лазарика, № 2; и въ конторѣ Н. П. Бочарова, по изданію книги Сборника свѣдѣній о русскихъ процентныхъ бумагахъ; у церкви Николы Грачи, домъ Поливановой, квар. № 12.

Въ книжныхъ магазинахъ въ Москвѣ: Соловьева, Васильева (Страст. бульваръ), Мамонтова, Вольфа (Кузнецкій мостъ), Анисимова, Кольчугина (Никольская).

Въ Петербургѣ: Анисимова, Мамонтова и Вольфа.

Гг. иногородные съ своими требованіями благоволятъ обращаться непосредственно въ Контору Редакціи.

Частныя объявленія для напечатанія въ «Русской Газетѣ» по 10 коп. за строчку мелкаго шрифта, принимаются въ Конторѣ Редакціи и въ Конторѣ Сборника Бочарова.

Отвѣтствен. Редакт.-Издатель **А. А. Александровскій.**

При слѣдующемъ 29 № «Живописнаго Обозрѣнія» разошлется іюльское приложеніе «ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО», выпускъ котораго такъ же какъ и 27 № „Живописнаго Обозрѣнія“ былъ задержанъ по независящимъ отъ Редакціи обстоятельствахъ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 Іюля 1877 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Гос. Публичная Б-ка

№ 29. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода—4 р. 50 к. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 17 Іюля 1877 года. Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Троицкій переулокъ, домъ № $27/_1$. Годъ V.

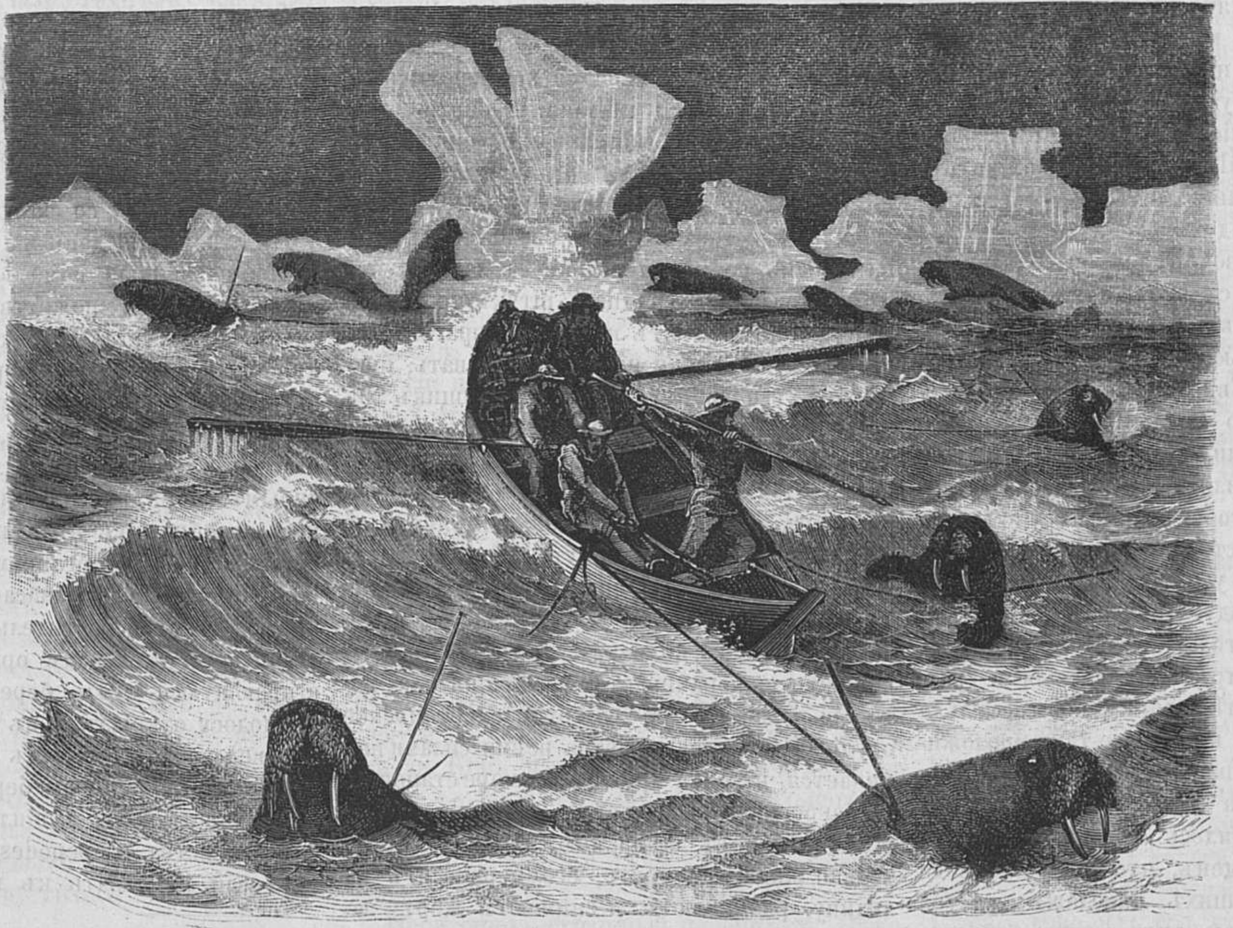
Подписка на „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ" 1877 г. продолжается.

Въ 1877 году журналъ выходитъ **еженедѣльными** нумерами (въ годъ 52 нумера), иллюстрированными множествомъ художественныхъ гравюръ. Всѣ подписчики получаютъ, **въ видѣ премій**, ежемѣсячное приложеніе подъ заглавіемъ «Жизнь и Хозяйство», со множествомъ рисунковъ. Годовымъ подписчикамъ разсылаются слѣдующія преміи: большая гравюра „**Продажа амулетовъ**", снимокъ съ картины проф. **Генриха Семирадскаго**, на толстой веленевой бумагѣ, длиною одинъ аршинъ, шириною $12\frac{1}{2}$ вершковъ, и **Карта театра военныхъ дѣйствій въ Европейской и Азіятской Турціи.**

Годовая подписная цѣна журнала, съ достав. и перес. 7 руб., безъ перес. и доставки—6 руб.; на полгода: (съ 1-го іюля), съ пересылкою—4 р. 50 коп., безъ перес.—3 руб.

Подписка продолжается. Новые годовые подписчики получаютъ журналъ съ перваго нумера.

ОТЪ КОНТОРЫ „ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ". Во избѣжаніе задержки по высылкѣ №№ журнала за **ВТОРОЕ** полугодіе (т. е. съ 1-го іюля), контора „Живописнаго Обозрѣнія" покорнѣйше проситъ гг. подписавшихся на журналъ съ разсрочкою и внесшихъ менѣе 5 руб., озаботиться своевременною высылкою остальныхъ денегъ.



Охота на моржей.

(Къ статьѣ: «*Шведская полярная экспедиція*».)

Сѣверная шведская полярная экспедиція подъ начальствомъ профессора А. Е. Норденскіольда.

(Продолженіе.)

Часть вторая.

I.

Возвращеніе «Превена» черезъ Карское море.

Буря.—Разбитая шлюпка.—Разлука.—Карское Море.—Встрѣча съ рыболовнымъ судномъ.—Охота на моржей.—Миддендорфскій мысъ.—Бухта Удде.—Флора Новой Земли и Карскаго моря.—Обратный путь чрезъ Маточкинъ проливъ.—Задельбергъ.—Охота на бѣлаго медвѣдя.

По пріѣздѣ въ Диксоксъ-Гамнъ, члены нашей экспедиціи, согласно заранѣе составленному плану, раздѣлившись, отправились въ Швецію двумя различными путями: Норденскіольдъ, Лендстремъ и Стюксбергъ, поѣхали черезъ Сибирь; Кіельманъ и я—моремъ, на «Превенѣ». Мой товарищъ прежде участвовалъ въ сѣверной экспедиціи на ост. Шпицбергенъ (въ 1872—73 г.); на него какъ на человѣка, болѣе знакомаго съ сѣверными морями, возложена обязанность управлять экспедиціею на обратномь пути чрезъ Карское море.

17 августа происходилъ прощальный пиръ, но мы по необходимости разстались позже; въ слѣдующіе три дня (16, 17 и 18 августа) продолжала свирѣпствовать буря; волны перекидывало черезъ палубу. Нордланская шлюпка, нагруженная необходимыми вещами для нашихъ товарищей, отправляющихся по Енисею, была спущена въ море, такъ-же, какъ и желѣзная шлюпка, нарочно построенная для экспедиціи, но страшная волна оторвала эту послѣднюю и ударила ее о скалы, гдѣ она разбилась въ дребезги.

19 августа буря утихла, дождь пересталъ, туманъ разсѣялся. По возвращеніи людей, посланныхъ для розысканія обломковъ шлюпки, гг. Норденскіольдъ, Лендстремъ и Стюксбергъ, въ сопровожденіи трехъ матросовъ сѣли въ нордландскую шлюпку—«Анна», на которой былъ поднятъ шведскій королевскій флагъ, между тѣмъ какъ на «Превенѣ» развивались шведскій и норвежскій флаги; «Анна» тронулась въ путь; когда она отошла на нѣкоторое разстояніе мы закричали въ послѣдній разъ «farväl» (прощайте); намъ отвѣчали тѣмъ же и наши друзья вскорѣ скрылись у насъ изъ виду....

Въ пять часовъ вечера докторъ Кіельманъ приказалъ сняться съ якоря, хотя намъ предстоялъ путь не легкій, сопряженный съ нѣкоторой опасностью.—Капитанъ всходилъ на верхъ мачты и видѣлъ на горизонтѣ массу льда, прибитаго сюда бурею. Опасаясь быть запертыми ими, если останемся стоять на мѣстѣ, мы рѣшились ускорить свой отъѣздъ, съ тѣмъ, чтобы хотя съ трудомъ, но пробраться чрезъ страшныя глыбы льдовъ прежде, чѣмъ они успѣютъ образовать непроходимую преграду. Проплывъ къ сѣверо-востоку съ быстротою четырехъ узловъ, въ 10 час. веч. мы встрѣтили опасныя и грозныя льдины. На слѣдующій день масса льда была уже плотнѣе, но мы все-таки проложили себѣ путь и вошли въ открытое море.

21 августа снова стала неистовствовать буря; плохо приходилось «Превену»; воздухъ былъ до того холоденъ, что замерзала вода волнъ обрызгивавшихъ такелажъ; палуба представляетъ собою видъ озера; «сколько ни выкачивай—выкачать воду изъ моря невозможно».

По пути, назначенному нами по нашей картѣ, 22 августа намъ слѣдовало быть на тридцать минутъ сѣвернѣе сѣверо-западнаго берега острова Бѣлаго, подъ 74° сѣв. широты, и 71° вост. долготы по Гринвичскому меридіану; но мы находились подъ 75° 14′ сѣв. шир. и 68° 45′ вост. долг. Такое уклоненіе отъ настоящаго пути можно было объяснить только сильнымъ теченіемъ изъ Оби или Енисея, отнесшимъ насъ къ сѣверо-западу. *)

23 августа мы были въ виду берега, у котораго вскорѣ различили рыболовное судно изъ Гаммерфеста, подъ командою Гельжа Иверсена. Я переѣхалъ на бортъ этого судна вмѣстѣ съ нашимъ штурманомъ. Норвежцы прибыли сюда нѣсколько дней тому назадъ и занимались охотою на моржей.

Представьте себѣ цѣлое стадо моржей, грѣющихся на солнцѣ, лежа на льдинахъ; они находятся въ полудремотѣ.

Отважные матросы—одинъ гарпунщикъ и три гребца,—медленно направляются въ лодкѣ къ моржамъ: слабый и мѣрный звукъ веселъ не тревожитъ гиперборейскихъ ладзироні. Къ лодкѣ прикрѣпленъ десятисаженный канатъ, очень прочный, хотя тонкій; къ одному его концу привязанъ багоръ, такъ свободно, что его легко вытащить какъ только будетъ поймано животное; это и есть грозный гарпунъ. Лодка подплываетъ близко къ моржамъ; гарпунщикъ, не теряя ни минуты, съ силою вонзаетъ смертоносное орудіе въ тѣло самаго близкаго моржа: въ воздухѣ раздается страшный крикъ; раненый опускается въ воду, таща за собою желѣзный крюкъ и канатъ, иногда чрезвычайно быстро развертывающійся. Его товарищи также уходятъ въ море, а на поверхности остается только широкій багровый слѣдъ. Гребцы сильными ударами веселъ стараются удержать шлюпку въ покоѣ; если буксиръ пойдетъ на дно, то судя по тому, что носъ приходился въ уровень съ водою, можно ожидать, каждую минуту, что оно перевернется. Такія мгновенія страшно мучительны и служатъ какъ бы предисловіемъ къ болѣе серьёзнымъ опасностямъ. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ, на поверхности воды появляется широкая спина, за ней огромная голова съ страшными глазами. Животное тяжело вдыхаетъ въ себя воздухъ; оно сильно бьетъ по водѣ задними ногами и исчезаетъ, но затѣмъ снова появляется на поверхности. Изумленные товарищи его спѣшатъ къ нему на помощь, собираются вокругъ лодки кучей въ двадцать или тридцать штукъ, мычатъ и разъяренно смотрятъ на своихъ враговъ. Въ это время охотники не должны зѣвать, иначе могутъ погибнуть. Если гарпунщикъ хорошо вооруженъ, онъ захватываетъ столько моржей, сколько позволяетъ канатъ; лодкѣ приходится тогда бороться съ десяткомъ исполиновъ, изъ которыхъ каждый тянетъ ее къ себѣ. Плѣнниковъ тянутъ одного за другимъ къ лодкѣ; гарпунщикъ вынимаетъ тогда двухконечную пику и ударяетъ ею по головѣ животнаго; получивъ ударъ моржъ обыкновенно поворачивается къ непріятелю, который вонзаетъ ему въ грудь смертоносное орудіе. Несчастная жертва всѣми силами выбивается, и лодка трещитъ и море становится багровымъ отъ крови. Тоже самое происходитъ и съ остальною добычею. Какъ только животное убито, его переносятъ на льдину, разнимаютъ и снимаютъ жиръ; затѣмъ его разрубаютъ на двѣ половины, передняя часть черепа отрубается для добычи изъ нея клыковъ.

Само собою разумѣется, что гарпунщикъ и его товарищи, подвергающіе свою жизнь большой опасности, не всегда выходятъ побѣдителями изъ борьбы съ такимъ сильнымъ непріятелемъ; часто случается, что они сами становятся добычею тѣхъ, съ кѣмъ рѣшились помѣряться силами.

23-го августа ледъ стоялъ почти сплошной къ сѣверу; поэтому мы принуждены были направить судно на сѣверо-западъ; въ два часа мы пріѣхали къ мысу, лежащему на югъ отъ Миддендорфскаго мыса. Куда ни обращали мы свои глаза, вездѣ видѣли обширные ледники, покрывающіе собою плоскогоріе. Путь къ сѣверу все еще оставался для насъ недоступнымъ; поэтому направленію простиралась безпрерывная ледяная масса*); въ концѣ концовъ г. Кіельманъ отказался отъ намѣренія обогнуть сѣверный мысъ Новой Земли и приказалъ держать направленіе къ югу. Мы проѣхали мимо пяти ледниковъ, исходящихъ какъ бы изъ одной общей точки, скрытой за горизонтомъ. Здѣсь, у берега, глубина около 150 саженъ; она составляетъ рѣзкій контрастъ съ тою, какую намъ приходилось измѣривать въ Карскомъ морѣ. Къ югу отъ этой ледяной массы на большое разстояніе простирается такая же высокая равнина, безъ выдающихся вершинъ, но чѣмъ дальше, тѣмъ равнина эта дѣлается разнообразнѣе, на ней попадаются то холмики и горы, то впадины и овраги; изрѣдка виднѣются небольшіе острова.

Мы крейсировали въ теченіе пяти дней, не имѣя возможности пристать къ землѣ, потому что ни одинъ изъ нашихъ якорей не достаетъ дна. Мы вынуждены оставаться въ открытомъ морѣ и потому что морское теченіе или вѣтеръ могутъ бросить насъ на скалы и мы разобьемся. При переѣздѣ черезъ Карское море мы каждый разъ встрѣчали какія нибудь препятствія, или совершенное затишье или сильный вѣтеръ, почему мы не могли плыть по немъ на всѣхъ парусахъ; я начиналъ уже думать, что иначе и не можетъ быть на этомъ странномъ морѣ; но 28 августа въ 4 часа вечера поднялся свѣжій сѣверный вѣтеръ, такъ что мы могли плыть къ югу со скоростью пяти узловъ.

На слѣдующій день мы бросили якорь въ бухтѣ, названный нами «Удде», такъ какъ ее изрѣзываетъ множество бухточекъ и мысковъ. 30 августа, мы воспользовались поднявшимся вѣтеркомъ и распустили паруса, но не на долго. 31 августа «Превенъ» не могъ двинуться съ мѣста, точно онъ стоялъ на якорѣ. Этотъ день былъ для меня счастливымъ. Моря, какъ южныя, такъ и сѣверныя, изобилуютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ растительными организмами, извѣстными подъ именемъ «Diatomacae». И въ Карскомъ морѣ мы нашли растительную полосу, изобилующую множествомъ организмовъ, и простирающуюся вдоль берега Ялмала. Такую же полосу открылъ я въ восьмидесяти или ста верстахъ на западъ отъ Безъименной бухты, на западномъ берегу Новой Земли. Поверхность воды изобилуетъ раковидными, изъ семейства «Copepodes»; ихъ такъ много, что если привязать къ носу корабля сѣть, то она наполнится въ нѣсколько минутъ. Эти раковидныя служатъ пищею для многихъ морскихъ животныхъ. Странно, что каждый разъ, какъ мы встрѣчали группы «Diatomacae» замѣчалось полнѣйшее отсутствіе въ раковидныхъ и на оборотъ.

---

*) Далѣе идя вдоль восточнаго берега Новой Земли мы снова попали въ сильное теченіе съ сѣвера на югъ, или, иначе сказать, въ направленіе совершенно противоположное тому, о которомъ шла рѣчь.

*) Норвежскіе рыболовы разсказали намъ впослѣдствіи, что это ледяное пространство простиралось на десять географическихъ миль, и что его можно было проплыть до и послѣ того, какъ мы остановились передъ нимъ, принявъ его за недоступную преграду. Одно изъ рыболовныхъ суденъ проплыло вокругъ Новой Земли (въ 1875 году).

Ночью и на слѣдующій день шелъ мелкій дождь безъ вѣтра. Недалеко отъ насъ показывались гренландскіе тюлени, быстро плывшіе и по временамъ высовывавшіе голову изъ воды. Этотъ видъ тюленя попадается на восточномъ берегу Новой Земли. Онъ отличается отъ другихъ разновидностей тѣмъ, что встрѣчается большею частью стадами и плыветъ почти всегда съ высунутою на поверхность головою; вблизи на его бѣловатомъ тѣлѣ можно отличить большія черныя пятна по обѣимъ сторонамъ спины.

Туманъ, носившійся предъ нами въ теченіе послѣднихъ дней, помѣшалъ нашимъ наблюденіямъ; а теченіе слегка относило насъ во время затишья. Представьте себѣ наше удивленіе, когда немного прояснилось и мы увидѣли, что находимся въ двѣнадцати минутахъ на югъ отъ Маточкина пролива: мы совершенно нечаянно пропустили его, а такъ какъ мы положили себѣ воротиться въ Швецію чрезъ Маточкинъ проливъ, то мы опять поплыли къ сѣверу.

3 сентября вечеромъ, мы вошли въ проливъ; благодаря хорошей погодѣ, мы могли полюбоваться мѣстностью при входѣ въ Маточкинъ проливъ съ восточной стороны. Только здѣсь мы встрѣтили настоящія горы съ снѣжными вершинами. Сѣверная часть Новой Земли не имѣетъ выдающихся возвышенностей: это, такъ сказать, обширное плоскогоріе, изрѣзанное громадными ледниками; горная же половина Новой Земли и Вайгачъ представляютъ собою низменную мѣстность, на которой кое-гдѣ попадаются небольшія горы. Маточкинъ же проливъ составляетъ рѣзкій контрастъ съ Новой Землей и можетъ справедливо называться альпійскою страною.

Къ вечеру начало темнѣть, наступила ночь, на небѣ показались звѣзды, и мы обрадовались появленію этой первой ночи точно старому другу, съ которымъ встрѣтились послѣ продолжительной разлуки. На западѣ показывалось по временамъ сѣверное сіяніе или, лучше сказать, широкія свѣтящіяся полосы, напоминающія собою проходящія тучки. Но подобное же явленіе мнѣ приходилось наблюдать и въ Швеціи. Направо и налѣво поднимаются высокія горы, обрывами спускающіяся въ море; между горами остается узкое пространство не болѣе семи верстъ въ самыхъ широкихъ мѣстахъ, иногда же оно съуживается до разстоянія ружейнаго выстрѣла.

Вечеромъ мы бросили якорь въ небольшой бухтѣ у подошвы Задельберга, названнаго этимъ именемъ потому, что имѣетъ сходство съ сѣдломъ.

Взобравшись на вершину Задельберга, мы любовались великолѣпною панорамою; передъ нами открылся обширный видъ до самаго входа въ Карское море. Маточкинъ проливъ извивается у подошвы Задельберга точно голубой поясъ, испещренный серебряными блестками, и скрывается на западѣ за мысами или возвышенными горами. По извилистой дорогѣ мы спустились въ глубокую долину.

5 сентября, послѣ обѣда мы направили судно къ берегу. Собравъ нѣсколько камней, мы наложили ихъ одинъ на другой и воздвигли нѣсколько памятниковъ (stenrös или varde) подобныхъ тѣмъ, какіе встрѣчаются иногда въ этихъ странахъ. Подъ одной изъ этихъ грудъ наши послѣдователи найдутъ французскую надпись: Шведская сѣверная экспедиція, $^5/_9$ 75.

Чтобы не утомить читателей, я не стану распространяться о приключеніяхъ во время нашего остальнаго обратнаго плаванія. Скажу только, что намъ пришлось имѣть дѣло съ страшными бурями; «Превену» не разъ угрожало крушеніе.

Тотчасъ же, какъ мы высадились въ Гамтерфестѣ, я сѣлъ на пароходъ, дѣлающій рейсы вдоль Норвежскаго берега; я прибылъ въ Тромзе ранѣе «Превена», приставшаго только 3-го октября, и проплывшаго менѣе, чѣмъ въ четыре мѣсяца около пятнадцати тысячъ верстъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Черная Индія.

Романъ Жюля Верна.

(*Продолженіе.*)

XIX.

Въ Новомъ Аберфойлѣ шла дѣятельная работа: слышался взрывъ динамита, разрывавшій угольную жилу; раздавались удары кирки и лома, трескъ горныхъ буровъ, просверливавшихъ песчанниковые и шиферные слои; происходилъ какой-то подземный гулъ. Воздухъ струей выходилъ въ вентиляціонные галереи. Деревянныя двери съ трескомъ притворялись отъ тяги воздуха. Въ нижнихъ туннеляхъ, телѣжки, приводимыя механизмомъ въ движеніе, двигались съ быстротою пятнадцати миль въ часъ, и механическіе звонки предупреждали рудокоповъ давать дорогу. Огромныя корзины постоянно поднимались и спускались посредствомъ устроенныхъ на поверхности земли машинъ. Угольный городъ былъ ярко освѣщенъ.

Словомъ шла кипучая работа. Выкапываемый каменный уголь съ необыкновенною быстротою накладывался въ телѣжки, которыя потомъ цѣлыми сотнями сбрасывали его въ корзины, стоявшія въ глубинѣ шахтъ. Между тѣмъ какъ одна часть рудокоповъ отдыхала отъ ночныхъ работъ, дневные работники, старались не потерять ни одной минуты.

Симонъ Фордъ и Маджъ, кончивъ обѣдъ, усѣлись въ дворѣ коттэджа; старый надсмотрщикъ обыкновенно отдыхалъ послѣ обѣда, куря трубку, набитую прекраснымъ французскимъ табакомъ. Они разговаривали о Нелли, о сынѣ, о Джемсъ Старрѣ, объ экскурсіи на поверхность земли. Гдѣ они теперь? что дѣлаютъ? Добрые люди не понимали, какъ можно было оставаться такъ долго внѣ копи, не испытывая тоски?

Въ эту минуту послышался страшный гулъ, точно въ копь изливался съ невѣроятною силою водопадъ.

Симонъ Фордъ и Маджъ встрепенулись. Они увидѣли, что вода въ озерѣ Малькольмъ сильно поднялась. Высокія волны ударяли о стѣны коттэджа; Симонъ взялъ Маджъ за руку и поспѣшно увелъ ее въ верхній этажъ жилья. Копь огласилась страшными отчаянными воплями всего населенія угольнаго города. Его жители искали убѣжища отъ внезапнаго наводненія на высокихъ шиферныхъ скалахъ, идущихъ вдоль берега озера.

Произошелъ страшный переполохъ. Нѣкоторыя семейства рудокоповъ, потерявъ сознаніе, бросились къ туннелю, чтобы добраться въ верхніе слои; многіе вообразили, что наводненіе это происходитъ отъ моря, которое можетъ прорваться въ каменноугольную копь, такъ какъ нѣкоторые галереи подходили подъ сѣверный каналъ; тогда вся копь, не смотря на ея громадные размѣры, непремѣнно будетъ залита водою и ни одинъ изъ обитателей Новаго Аберфойля не избѣгнетъ смерти.

Въ то самое время когда первые бѣглецы почти достигли отверстія туннеля, они очутились лицомъ къ лицу съ Симономъ Фордомъ, вышедшимъ изъ коттэджа.

— Постойте, постойте, друзья мои! закричалъ имъ старый надсмотрщикъ. — Если суждено затопить нашъ городъ, то наводненіе быстрѣе сдѣлаетъ свое дѣло, чѣмъ мы успѣемъ спастись! Но вода въ озерѣ болѣе не прибываетъ: опасность уже миновала.

— А товарищи наши, работающіе внутри, въ самой глубинѣ копи? вырвалось у нѣкоторыхъ рудокоповъ.

— За нихъ нечего бояться, отвѣтилъ Симонъ Фордъ. — Работы производятся на одинъ этажъ выше поверхности озера.

Слова стараго надсмотрщика подтвердились. Вода разомъ нахлынула; но достигнувъ нижняго этажа, она только подняла уровень Малькольмскаго озера. Угольному городу не угрожала никакая опасность, такъ что можно было смѣло надѣяться, что вода, излившись въ самыя нижнія, еще не разработываемыя галереи копи, не тронетъ рудокоповъ работающихъ выше.

Какой причинѣ слѣдовало приписать наводненіе: изліянію-ли массы воды, находящейся надъ пещерою и просочившейся сквозь верхнія ея слои, или изліянію воды съ поверхности земли? того ни Симонъ Фордъ, ни его товарищи объяснить не могли. Этотъ случай былъ слишкомъ необыкновенный.

На другой день разъяснилась эта причина. Въ мѣстныхъ газетахъ появилось извѣстіе о странномъ явленіи природы, замѣченномъ на озерѣ Катринъ. Нелли, Гарри, Джемсъ Старръ и Жакъ Райанъ, поспѣшно вернувшіеся въ коттэджъ, подтвердили это извѣстіе и, къ своему великому удивленію узнали, что въ Новомъ Аберфойлѣ все дѣло обошлось нѣкоторыми матеріальными поврежденіями.

И такъ, дно озера Катринъ внезапно провалилось; воды его разомъ вылились черезъ огромную трещину въ самую копь. Въ любимомъ озерѣ шотландскаго романиста не осталось воды достаточной для того, чтобы «Дама озера», могла замочить свои ноги, по крайней мѣрѣ въ сѣверной его части. Озеро превратилось вдругъ въ прудъ въ нѣсколько акровъ, и то только тамъ гдѣ дно было ниже провалившагося мѣста. Такимъ образомъ приходилось теперь вычеркнуть съ географическихъ картъ Великобританіи одно озеро.

Вода попала въ копь потому, что между нею и дномъ озера слой земли былъ довольно тонокъ.

Джемсъ Старръ, и Гарри Фордъ спрашивали себя, не слѣдуетъ-ли приписать этого явленія злоумышленному намѣренію. Въ нихъ еще съ большею силою снова пробудились прежнія подозрѣнія. Неужели злой духъ снова примется преслѣдовать изслѣдователей и рудокоповъ богатой каменноугольной копи? Нѣсколько дней спустя по возвращеніи съ экскурціи на поверхности земли, Джемсъ Старръ говорилъ объ этомъ въ коттэджѣ съ старымъ надсмотрщикомъ и его сыномъ.

— Знаешь что, Симонъ, хотя это явленіе можетъ быть легко объяснено, но во мнѣ шевелится предчувствіе, что оно должно быть поставлено въ одинъ разрядъ со всѣми прежними необъяснимыми покушеніями на нашу жизнь.

— Я раздѣляю ваше мнѣніе, г. Джемсъ, отвѣтилъ Симонъ Фордъ; — произведемъ слѣдствіе сами и не будемъ предавать его гласности.

— О! вскричалъ инженеръ, — я заранѣе знаю къ какимъ прійдемъ мы результатамъ!

— Къ какимъ?

— Мы нападемъ на слѣдъ преступленія, но не отыщемъ злоумышленника.

— Но онъ во всякомъ случаѣ существуетъ! отвѣчалъ Симонъ Фордъ.—Гдѣ скрывается онъ? Какъ бы ни былъ преступенъ человѣкъ, но я не думаю, чтобы могла возникнуть въ человѣческомъ существѣ мысль, взорвать дно озера, Право, я скоро по примѣру Жака Райана начну вѣрить, что какой нибудь горный духъ мститъ намъ за вторженіе въ его владѣнія.

Отъ Нелли старались скрыть эти переговоры; она съ своей стороны дѣлала видъ, что ничего не замѣчаетъ, но опытный наблюдатель не могъ бы не замѣтить, что она тревожится такъ-же какъ и прочіе члены пріютившей ее семьи.

Наконецъ было порѣшено, что Джемсъ Старъ, Симонъ и Гарри Фордъ отправятся на мѣсто, гдѣ треснула земля, и употребятъ всѣ усилія, чтобы удостовѣриться, какая могла быть причина этого страннаго явленія. Свое намѣреніе они держали втайнѣ.

Черезъ нѣсколько дней они втроемъ сѣли въ шлюпку, управляемую Гарри, и тщательно изслѣдовали естественные столбы, поддерживающіе ту часть земнаго шара, въ углубленіи котораго образовалось дно озера Катринъ.

Это изслѣдованіе навело ихъ на путь истины. Столбы были повреждены динамитомъ, что можно было заключить изъ обугленныхъ мѣстами частей ихъ; вода просочилась внутрь копи и черезъ образовавшіяся трещины.

Очевидно, это крушеніе сводовъ было заранѣе задумано и совершено человѣческою рукою.

— Теперь не остается ни малѣйшаго сомнѣнія, что это дѣло злоумышленника, сказалъ Джемсъ Старъ. — Можно вообразить себѣ о размѣрахъ бѣдствія, еслибы трещину произвели не въ днѣ озера, а въ днѣ моря.

— Да! сказалъ съ нѣкоторою гордостью старый надсмотрщикъ; затопить нашъ Аберфойль можетъ только море!

— Но я рѣшительно не могу понять какими побужденіями руководится негодяй, желающій во чтобы то ни стало положить конецъ нашимъ разработкамъ?

— Я тоже этого не могу понять, отвѣтилъ Джемсъ Старръ. — Я въ одномъ увѣренъ, что это дѣло одного человѣка, а не шайки злоумышленниковъ; потому что иначе они выходили-бы изъ своей засады и дѣлали бы нападенія и грабежи на поверхности земли. Трудно предположить, чтобы въ теченіе трехъ лѣтъ нельзя было открыть ихъ слѣдовъ; прежде я думалъ, что гдѣ нибудь въ нѣдрахъ шахты живутъ контрабандисты или фальшивые монетчики, желающіе изгнать насъ изъ своихъ предѣловъ, но убѣдился въ ошибочности своего предположенія. Ясно теперь, что существуетъ какой-то заклятый врагъ нашъ, рѣшившійся во что бы то ни стало погубить Новый Аберфойль. Онъ слишкомъ слабъ, чтобы дѣйствовать открыто противъ насъ, но тѣмъ не менѣе онъ страшенъ для насъ. Онъ лучше всѣхъ насъ знакомъ съ нашимъ подземнымъ жильемъ, потому что до сихъ поръ ни разу не попался намъ, не смотря на всѣ наши поиски; онъ знатокъ своего дѣла! Симонъ! подумай хорошенько нѣтъ-ли у тебя какого-нибудь личнаго врага, котораго можно было бы подозрѣвать? Ненависть иногда такъ глубоко западаетъ въ душу, что даже время не въ состояніи изгладить этого чувства. Припомни всю свою жизнь, начиная съ ранней молодости.

Прежде чѣмъ отвѣтить, честный надсмотрщикъ добросовѣстно вызвалъ прошлое въ своемъ умѣ и наконецъ сказалъ:

— Нѣтъ, беру Бога въ свидѣтели что ни Маджъ, ни я никому не сдѣлали зла. Мнѣ кажется, у насъ нѣтъ ни одного врага.

— Ахъ! воскликнулъ Джемсъ Старръ, если бы Нелли рѣшилась высказаться!

— Умоляю васъ г. Старръ, и васъ, моего отца, сказалъ Гарри, — сохранимъ еще нѣкоторое время втайнѣ наше слѣдствіе. Не спрашивайте пока мою добрую Нелли! Я вижу что она страдаетъ; я увѣренъ, что она съ трудомъ хранитъ тягостную для нея тайну. Ея молчаніе можно объяснить или тѣмъ, что ей нечего сказать, или тѣмъ что она не считаетъ себя вправѣ говорить! Нѣтъ никакого сомнѣнія, что она ко всѣмъ намъ искренно привязана; если она сама сообщитъ мнѣ что-нибудь, я не замедлю подѣлитьсясъ вами этимъ открытіемъ.

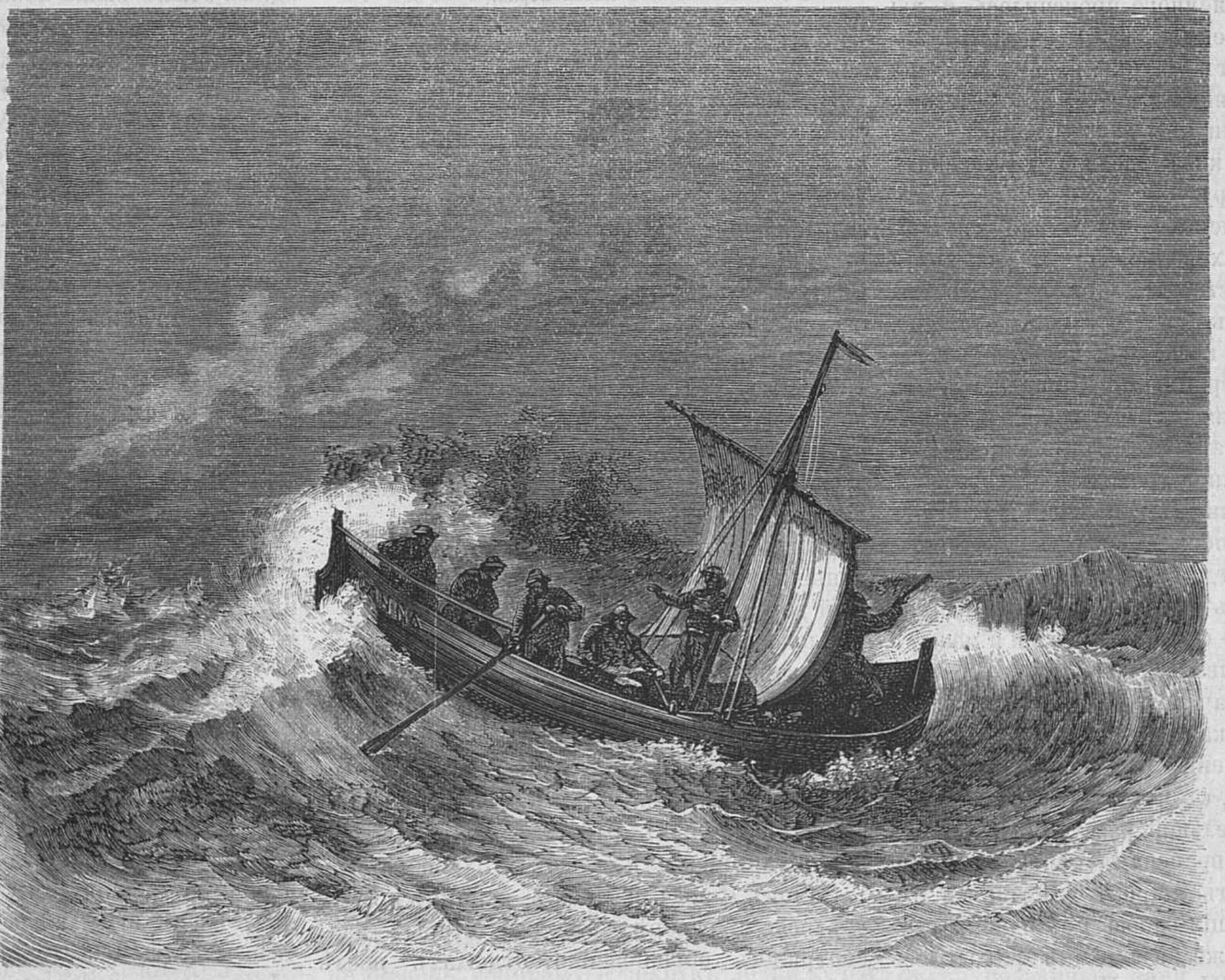
— Пусть будетъ по твоему Гарри! отвѣчалъ инженеръ,—но молчаніе Нелли, если она что нибудь знаетъ, просто непонятно!

Гарри хотѣлъ ввернуть свое слово, но инженеръ, не давъ ему высказаться, продолжалъ:

— Будь покоенъ, Гарри! мы ничего не станемъ выпытывать у той, которая должна сдѣлаться твоей женою!

— Только бы получить мнѣ на это ваше согласіе, мой отецъ и я былъ бы счастливѣйшимъ изъ людей.

— Сынъ мой, отвѣчалъ Симонъ Фордъ,— ровно черезъ мѣсяцъ будетъ день твоей свадьбы. Надѣюсь, г. Старръ, что вы не откажетесь быть посаженнымъ отцемъ Нелли?



Шлюпка Анна.

(Къ статьѣ: «*Шведская полярная экспедиція*»).

— Конечно, не откажусь, Симонъ, отвѣчалъ Джемсъ Старръ.

Инженеръ и его спутники вскорѣ вернулись въ коттэджъ. Они никому не сказали, къ какимъ результатамъ привело ихъ изслѣдованіе, и населеніе копи продолжало приписывать крушеніе дна озера явленію природы.

Нелли принялась за свои обычныя занятія. Она сохранила отъ путешествія на поверхность земли неизгладимыя воспоминанія; Гарри пользовался ими чтобы образовать ее. Ознакомленіе съ внѣшнимъ міромъ не оставило въ ней никакихъ сожалѣній. Послѣ экскурсіи она продолжала любить темное подземелье, въ которомъ провела свое дѣтство и готова была провести въ ней и остальную жизнь, сдѣлавшись женою Гарри.

Слухъ о скорой свадьбѣ Гарри Форда съ Нелли разнесся по всей копи; поздравленіямъ не было конца; Жакъ Райанъ конечно, болѣе другихъ сочувствовалъ счастію своего друга; онъ прилежно разучивалъ лучшія пѣсни для торжества, на которомъ долженъ былъ присутствовать весь Угольный городъ.

Въ этотъ послѣдній мѣсяцъ передъ свадьбою Гарри въ Аберфойлѣ, почти что ни день случалось какое-нибудь бѣдствіе.

Такъ въ одной изъ нижнихъ галерей произошелъ пожаръ, пламя разрушило деревянные подмостки; на мѣстѣ пожара была найдена лампа, оставленная поджигателемъ. Гарри и его товарищи рисковали жизнію, желая прекратить огонь, угрожавшій всей копи; имъ удалось это сдѣлать съ помощію предохранительныхъ снарядовъ, наполненныхъ водою, насыщенною угольною кислотою. Въ другой разъ загорѣлась шахта, вслѣдствіе уничтоженія подпорокъ; Джемсъ Старръ рѣшилъ, что онѣ подпилены. Гарри, въ то время наблюдавшій въ шахтѣ за работами, былъ буквально засыпанъ обломками и остался въ живыхъ, только благодаря чистой случайности. Спустя нѣсколько дней на механической желѣзной дорогѣ, телѣжка, на которой находился Гарри, наѣхала на положенную поперегъ дороги балку и перевернулась.

Подобныя непредвидѣнныя случайности стали такъ часто повторяться, что рудокопами овладѣла паника. Надсмотрщики съ трудомъ могли удерживать ихъ на работахъ.

— Одному не продѣлать этихъ гадостей, тутъ дѣйствуетъ цѣлая шайка злоумышленниковъ! повторялъ Симонъ Фордъ;—удивительно, что намъ до сихъ поръ не удается схватить ни одного изъ нихъ.

Снова начались тщательные поиски. Полиція графства была на сторожѣ день и ночь, но не напала на слѣды. Джемсъ Старръ запретилъ Гарри удаляться одному отъ центра работъ, потому что, сколько можно было судить, всѣ злоумышленія были направлены прямо противъ Гарри. Были приняты предосторожности и къ охраненію Нелли. Симонъ Фордъ и Маджъ не отпускали ее ни на шагъ отъ себя. Нелли видѣла, что ее хотятъ сберечь отъ какой-то опасности; она охотно подчинялась постоянному надзору за ней, не показывая виду, что ее тяготитъ эта преувеличенная о ней заботливость. Впрочемъ она и сама слѣдила за всѣми; она только тогда была покойна, когда всѣ любимые ею люди были въ сборѣ въ коттэджѣ. Вечеромъ, когда входилъ Гарри, радость явственно выражалась на ея лицѣ, между тѣмъ она по своей натурѣ была сдержанной и мало сообщительной. Съ наступленіемъ утра она вскакивала съ постели раньше всѣхъ; ею овладѣвала тревога, когда наступало время отправляться на внутреннія работы.

Для ея успокоенія, Гарри желалъ, чтобы ихъ свадьба состоялась поскорѣе. Ему казалось, что послѣ этого злоумышленники поймутъ всю тщету своихъ усилій повредить имъ, и Нелли успокоится только послѣ того, какъ сдѣлается его женою. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали назначеннаго дня свадьбы: Джемсъ Старръ, Симонъ Фордъ и Маджъ. Всѣ они были въ страшной тревогѣ и ожидали чего-то ужаснаго. Имъ стало ясно, что скрытый врагъ нападаетъ только на тѣхъ, кто близокъ къ Нелли, поэтому надо было ожидать, что онъ снова напомнитъ о себѣ въ день ея свадьбы.

Однажды утромъ за недѣлю до свадьбы, Нелли подъ вліяніемъ какого-то предчувствія вышла первая изъ коттэджа, желая осмотрѣть окрестности. Не успѣла она ступить на крыльцо, какъ страшный крикъ вырвался изъ ея груди. Его услышали Маджъ, Симонъ и Гарри и въ одно мгновеніе сбѣжались къ молодой дѣвушкѣ.

Нелли была блѣдна, какъ смерть; на ея лицѣ выражалась страшная тревога, неописанный ужасъ; она не могла ни вымолвить ни одного слова, ни оторвать глазъ отъ двери коттэджа, только что раскрытой ею. Она показала на надпись, на дверь, очевидно, сдѣланную ночью:

«Симонъ Фордъ! ты укралъ у меня послѣднюю каменноугольную жилу старой копи! твой сынъ, Гарри, укралъ у меня Нелли! Горе вамъ! горе всѣмъ! горе Новому Аберфойлю!

Сильфаксъ».

— Сильфаксъ! вскричали въ одинъ голосъ Симонъ Фордъ и Маджъ.

— Кто этотъ человѣкъ? спросилъ Гарри, смотря то на отца, то на молодую дѣвушку.

— Сильфаксъ! повторяла въ отчаяніи Нелли,—Сильфаксъ!

Произнося это имя она страшно дрожала; Маджъ обняла ее и почти насильно увела ее въ комнаты.

Джемсъ Старръ не замедлилъ явиться. По прочтеніи этой угрозы, онъ сказалъ:

— Рука, начертавшая эти строки, та самая, которая написала мнѣ извѣстное тебѣ противорѣчивое письмо, Симонъ! этого человѣка зовутъ Сильфаксъ! Судя по вашему смущенію и безпокойству, я вижу, что вы знакомы съ нимъ. Кто этотъ Сильфаксъ?

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Балканскія розы.

Болгарія была для насъ не такъ давно еще совершенною terra incognita.

Не болѣе 50 лѣтъ тому назадъ стали распространяться у насъ новыя и точныя свѣдѣнія объ этой странѣ, и ея населеніи, доходящемъ, приблизительно, до четырехъ милліоновъ; мы этимъ обязаны человѣку, посвятившему всю свою жизнь на изученіе и изслѣдованіе турецкихъ областей, населенныхъ юго-славянскими племенами, занимающемуся исторіею изящныхъ искусствъ и этнографіею, —Филиппу Феликсу Каницу, родившемуся въ Пештѣ 1829 г. Въ своемъ сочиненіи о Болгаріи онъ опровергаетъ всѣ установившіяся понятія о странѣ, положеніи и образѣ жизни народонаселенія. Онъ подтверждаетъ жестокое и несправедливое обращеніе турецкаго правительства съ подвластными ему Болгарами. Благодаря Ф. Каницу, мы знаемъ теперь настоящее направленіе рѣкъ и горъ, и тамъ, гдѣ у прежнихъ географовъ значились пустыри, Каницъ открылъ много старыхъ деревень.

Сочиненіе его о Болгаріи читалось бы, еще можетъ быть долгое время, одними спеціалистами; богатое содержаніе его стало бы только постепенно проникать въ учебники, школьныя и народныя книжки, и не обратило бы на себя всеобщаго вниманія и интереса, если бы не срашныя событія, выдвинувшія Болгарію до того, что имя ее попадается ежедневно во всѣхъ газетахъ.

Каницъ всего болѣе наблюдалъ за работами населенія какъ въ полѣ, такъ и въ мастерскихъ и предсказываетъ, что Болгарія сдѣлается со временемъ единственною промышленною страною Турціи. Мы не будемъ здѣсь подробно излагать содержаніе этого сочиненія, а ограничимся описаніемъ воздѣлыванія розъ и связаннаго съ этимъ, приготовленія розоваго масла.

Каницъ назвалъ эту главу слѣдующимъ образомъ: «Изъ Казанлыкской долины розъ чрезъ Травно-Балканскую гору въ Тирново». Онъ указываетъ на Казанлыкъ, какъ на центральный пунктъ этой пролышленности; этотъ городъ состоитъ изъ 2,500 болгарскихъ, 1,500 турецкихъ, 30 европейскихъ и и 50 цыганскихъ домовъ и имѣетъ около 2,100 жителей. Авторъ описываетъ свое путешествіе въ Казанлыкъ слѣдующимъ образомъ:

«По дорогѣ намъ попадались небольшіе караваны, направляющіеся въ городъ; къ вьючнымъ сѣдламъ ословъ были привязаны огромныя корзины, наполненныя розами, распространявшими въ воздухѣ благоуханіе. За ослами шли сельскія красавицы въ рубашкахъ ослѣпительной бѣлизны, въ нарядныхъ пестрыхъ шерстяныхъ передникахъ; это шествіе носило на себѣ отпечатокъ чего-то торжественнаго и праздничнаго; не только головы красавицъ были увѣнчаны розами, но даже ихъ посохи были обвиты этими прекрасными цвѣтами.

Нигдѣ въ настоящее время воздѣлываніе розъ не доведено до такихъ размѣровъ и совершенства, какъ въ Голландіи. На эту отрасль Голландія жертвуетъ огромныя суммы; всевозможные сорта розъ, отличающіеся между собою формою лепестковъ и цвѣтомъ, составляютъ гордость голландскихъ садовниковъ, спеціально занимающихся разведеніемъ розъ, отправляемыхъ въ суровый Альбіонъ, на берега Невы и Босфора, въ сады султана и пашей; востокъ платитъ двойную и тройную цѣну за такія произведенія, которыми онъ въ лучшія свои времена снабжалъ западъ. Во врѐмена Геродота, розы были уже извѣстны на берегахъ Тигра и Евфрата; вавилоняне до того благоговѣли предъ этимъ цвѣтомъ, что дѣлали его изъ металла, вырѣзывали изъ дерева и украшали ими свои жезлы. Они знали неизвѣстный грекамъ и римлянамъ способъ добыванія благовоннаго масла; въ южной Азіи до сего времени употребляютъ изъ благовонныхъ товаровъ предпочтительно розовое масло. На берегахъ Ганга оно добывается въ большомъ количествѣ и по своей дороговизнѣ доступно весьма немногимъ; бѣдные довольствуются болѣе дешевою розовою водою. Добываемое въ Индіи розовое масло отправляется въ огромномъ количествѣ на всѣ главные восточные рынки и даже въ Персію; потому что издавна воспѣтая поэтами «Ширазская долина» производитъ только розовую воду, но не драгоцѣнное эѳирное розовое масло. Когда-то славившееся египетское розовое масло совершенно утратило свой прежній характеръ; долины Зринагора и Мединетъ-Фаюма все болѣе и болѣе запускаются; онѣ едва могутъ удовлетворить мѣстнымъ требованіямъ.

И такъ все количество розоваго масла, добываемаго въ Индіи, Персіи и Египтѣ расходится на востокѣ. Огромное же количество этого масла, употребляемаго европейскими и въ особенности англійскими парфюмерами, получается бо̀льшею частью изъ живописныхъ мѣстностей Средне-Балканскаго плоскогорія вблизи Ѳракіи. Главный предметъ занятій жителей многихъ вилайетовъ состоитъ въ воздѣлываніи розъ, но это воздѣлываніе въ особенности достигло большихъ размѣровъ въ Казанлыкѣ.

Чтобы судить о прелести и пышности Казанлыкской долины, скажемъ только, что изъ числа 123 Ѳракійскихъ деревень занимающихся преимущественно добываніемъ розоваго масла, 42 причисляются къ этой долинѣ, и что изъ ежегодно добываемаго въ европейскомъ Гюллистонѣ 1,650 киллогр. выпадаетъ на долю Казанлыка 850 киллогр. Количество, получаемаго масла, конечно, зависитъ отъ «вѣтра и погоды», сильно вліяющихъ на урожай розъ. Такъ напр. во Ѳракіи было добыто въ чрезвычайно благопріятный 1866 г. 3,000 килогр. этого масла; а въ 1872 г., вслѣдствіе морозовъ и града, получилось всего только 800 килогр. Пространство, занимаемое подъ розы должно быть чрезвычайно значительно, если изъ 3,200 килогр. розъ получается только одинъ килгр. масла.

Блѣднорозовая Ѳракійская роза (Rosa damascena, sempervirens и moschata) растетъ лучше всего на песчаныхъ, обращенныхъ къ солнцу склонахъ. Сажаніе производится весною и осенью; сборъ въ маѣ до первыхъ чиселъ іюня. Крестьяне занимаются бо̀льшею частью сами какъ разведеніемъ розъ, такъ и добываніемъ изъ нихъ масла; но бываетъ и такъ, что разводители доставляютъ свой урожай натурою на большія фабрики города; между ними пользуется извѣстностію фирма «Братьевъ Попозоелу».

Розы, ростущія по склонамъ Балканскихъ горъ заключаютъ въ себѣ на $50^0/_0$ больше масла, чѣмъ розы долинъ; ихъ масло душистѣе, дороже цѣнится и больше требуется.

Производство розоваго масла обложено двойною податью. Въ маѣ чиновники, назначаемые отъ правительства дѣлаютъ оцѣнку урожая розъ и взимаютъ съ арендаторовъ денежную подать въ размѣрѣ $12^1/_2{}^0/_0$, примѣняясь къ средней рыночной цѣнѣ на розы, смотря по урожаю. Масло затѣмъ вторично обкладывается пошлиною, которая до того была высока десять лѣтъ тому назадъ, что не на шутку грозила подорвать эту процвѣтающую промышленную отрасль; многіе крестьяне начали тогда засѣвать свои участки не розами, а кукурузою и проч.

Масло, предназначаемое въ продажу для Европы дѣлается изъ розъ, растущихъ въ горахъ и долинахъ, смѣшиваемыхъ между собою при температурѣ въ 12 или 13 R. Только послѣ многолѣтней опытности можно отличить настоящее масло отъ поддѣльнаго. Знатоки по этой части узнаютъ настоящее масло не только по запаху, но и по виду. По словамъ мѣстныхъ жителей подмѣсь состоитъ изъ масла гераніума; знаменитые же англійскіе химики, серьёзно, съ научной точки зрѣнія изслѣдовавшіе это масло, нашли, что въ розовое масло подмѣшивается масло, добываемое изъ норди. Добросовѣстность продавца служитъ единственною гарантіею чистоты драгоцѣннаго розоваго масла. Кромѣ выше названной фирмы, соединившейся недавно съ «Маноглу и сынъ» и имѣющей вспомогательное заведеніе въ Лейпцигѣ, пользуются также извѣстностію дома Имзенъ и К°, Гольстенъ и К° въ Константинополѣ.

Каницъ отправился съ сѣверной части Балканскихъ горъ до Травна, откуда въ сопровожденіи одного болгара сдѣлалъ экскурсію. «Мой провожатый, говоритъ онъ, довелъ меня извилистыми дорогами до тѣнистаго склона горы, гдѣ я къ немалому удивленію увидѣлъ священника, дружелюбно разговаривавшаго съ старымъ туркомъ, занятымъ производствомъ розоваго масла. Эта сцена носила на себѣ характеръ самыхъ дружескихъ отношеній. Массивная дочка попа только что принесла корзины, полныя розъ и всыпала ихъ въ подогрѣтый котелъ, изъ котораго труба вела въ холодильникъ; въ чанъ постоянно текла свѣжая вода, проведенная изъ горы; тутъ-же стояли бутылки, наполняемыя туркомъ чрезъ узкую воронку капля по каплѣ маслянистою, душистою эссенціею.

Здѣсь я узналъ, что Травна — единственное мѣсто на сѣверномъ склонѣ Балканскихъ горъ, гдѣ производится розовое масло, и что попъ Стефанъ поставляетъ для дистилляціи въ этотъ округъ розы съ трехъ плантацій, дающихъ отъ $1^1/_4$ до $1^1/_2$ килогр. масла. Любезный попъ подарилъ мнѣ на память бутылочку этого масла; и затѣмъ мы отправились далѣе.

Способъ приготовленія розоваго масла слѣдующій.

Въ кубъ всыпается 40 фунт. свѣжихъ розъ и вливается 60 ф. воды. Масса эта выжимается руками; подъ кубомъ разводится малый огонь. Когда вода начнетъ нагрѣваться и обращаться въ пары, на кубъ надѣвается колпакъ и замазываются пазы. Въ то же самое время наливается въ холодильникъ холодная вода; устанавливается заслонка и поддерживается умѣренный огонь. Когда насыщенная парами вода начнетъ кипѣть и кубъ слишкомъ нагрѣтъ, то огонь уменьшается, а дистилляція продолжается до тѣхъ поръ пока не перегонится 30 ф. воды, на что обыкновенно потребно отъ 4 до 5 часовъ; полученная такимъ образомъ розовая вода наливается снова на 40 ф. розъ и дистиллируется до тѣхъ поръ пока перегонится 15 или 20 ф. Такимъ образомъ полученная розовая вода имѣетъ, если розы свѣжи и хорошихъ сортовъ, весьма сильный запахъ: она сливается въ глиняные, или оловянные сосуды и выставляется на ночь на воздухъ; тогда *атаръ* или розовое масло выступаетъ на поверхности въ видѣ маленькихъ мягкихъ шариковъ или каплями, тщательно собираемыхъ съ поверхности листомъ касатика. Изъ 8,000 розъ добывается среднимъ числомъ одинъ лотъ розоваго масла.

* * *

Письма изъ Америки.

(*Продолженіе.*)

V.

Штатъ Колорадо.

На слѣдующее утро я, прежде всего, застрѣлилъ бѣлку, черную какъ уголь, и такъ какъ этотъ видъ составляетъ рѣдкость, то Билль взялъ на себя трудъ тщательно, по правиламъ науки, содрать съ него кожу и сдѣлалъ изъ него потомъ чучело. Я убилъ этого звѣрька только одной дробью на разстояніи 80 ярдовъ. Олени болѣе не попадались намъ; мы снялись съ мѣста и воротились къ берегу Южной Платы, гдѣ остановились въ пустомъ деревянномъ домѣ, на разстояніи одной мили на востокъ отъ рѣки. Въ этотъ день дулъ небольшой вѣтеръ и погода вообще благопріятствовала намъ для ловли форели. Поднявшись на гору, возвышающуюся надъ рѣкою, мы ознакомились съ страннымъ свойствомъ вѣтра на вершинахъ горъ. Вѣтеръ дулъ прерывисто, чрезъ значительные промежутки. Прежде чѣмъ мы ощущали его дуновеніе, мы за нѣсколько минутъ слышали его шелестъ между суками сосенъ, затѣмъ онъ уносился отъ насъ и гдѣ нибудь въ ущельѣ отдавался послѣдній его свистъ и все затихало до слѣдующаго порыва. Въ Платѣ было множество форелей и довольно значительныхъ размѣровъ. Я прицѣплялъ къ удочкѣ мухъ шести различныхъ видовъ, но форель не хватала ихъ. Графъ Штейнбокъ прицѣпилъ искусственнаго кузнечика, но также напрасно; наконецъ выступилъ на сцену Билль; онъ прицѣпилъ къ удочкѣ настоящаго кузнечика и вытянулъ немедленно двухъфунтовую форель, а за нею множество мелкихъ, которыя мы сейчасъ же сдали Жаку. Мы въ этотъ день не много наработали, потому что пришлось гоняться за муломъ, который втерся въ табунъ дикихъ лошадей; послѣ большихъ усилій намъ удалось, наконецъ, загнать его къ нашей палаткѣ. На насъ напалъ цѣлый рой мухъ, такъ что мы должны были отправиться далѣе; мухи появились въ Канзасѣ и скалистыхъ горахъ вслѣдъ за населеніемъ; охотники десять лѣтъ тому назадъ не видѣли ни одной мухи.

Въ домѣ Гиггинсона, куда я былъ приглашенъ на ужинъ, я прочелъ въ мѣстной газетѣ письма о Минизоттѣ и Техасѣ, написанныя спеціально для переселенцевъ въ эти провинціи. Сколько мнѣ извѣстны эти мѣстности, въ нихъ переселенцамъ устроиться труднѣе, чѣмъ въ другихъ штатахъ. Я бы совѣтовалъ лучше переселяться въ Виргинію, или даже въ Флориду. Здѣсь климатъ, почва и удобство жизни лучшіе. Въ Канзасѣ климатъ очень жаркій, и если можно рекомендовать этотъ штатъ для переселенцевъ, то единственно изъ за плодородной богатой почвы. Но самый лучшій климатъ въ Колорадо; тамъ, какъ и вообще въ штатахъ лежащихъ на востокъ отъ Скалистыхъ горъ, термометръ то значительно поднимается, то опускается, но жара здѣсь даже не чувствуется. Холодовъ въ Колорадо также не бываетъ; но къ несчастью почва въ этой мѣстности не особенно плодородная. Такъ что и тутъ приходишь невольно къ убѣжденію что ничего совершеннаго на свѣтѣ нѣтъ.

Возвращаясь ночью отъ Гиггинсона въ палатку, я заблудился и вдоволь измочился въ Буффало Крикъ, въ притокѣ Платы. Слѣдующій день было воскресенье, и мы провели его очень пріятно въ семействѣ Гиггинсона.

Отъ Гиггинсона мы направились на Денверъ; на западной сторонѣ неба собиралась темная, грозная туча, Билль предсказалъ грозу; но мы не хотѣли оставаться и погнали нашихъ муловъ, быстро доставившихъ насъ на ту сторону Платы. Мы пришли къ тому заключенію, что существующій законъ, по которому никто не можетъ владѣть въ Колорадо болѣе чѣмъ 320 акрами, не привелъ къ тѣмъ послѣдствіямъ, какихъ отъ него ожидали; населеніе здѣсь, правда небогатое и не бѣдное, но особаго благосостоянія здѣсь не замѣчается; новые переселенцы не принесли никакой пользы колонистамъ, раньше поселившимся въ этомъ штатѣ. Между тѣмъ чрезвычайно низкій поземельный налогъ побуждаетъ переселяться сюда массу народа, такъ какъ въ южныхъ штатахъ поземельный налогъ очень высокъ.

Перечитывая статистическій отчетъ Гиггинсона, Штейнбокъ и я буквально подпрыгнули отъ страшнаго удара грома, за которымъ немедленно пошелъ проливной дождь точно изъ ведра; фургонъ ѣхалъ впереди насъ, но мы не рѣшились добѣжать до него и подлѣзли подъ большой густой кустъ, гдѣ и укрылись отъ ливня. Мы почти добрались до вершины горы и имѣли удовольствіе быть свидѣтелями самой страшной въ тотъ годъ горной грозы; мы смотрѣли внизъ въ долину и видѣли, какъ молнія разсѣкала тучи.

Вскорѣ мы промокли до костей, поспѣшили догнать фургонъ и, не смотря на грозу, ѣхали почти цѣлый день, пока не достигли нашихъ квартиръ. На дорогѣ случилось съ нами замѣчательное происшествіе; я по просьбѣ Билля, не стану говорить ни имени главнаго дѣйствующаго лица, ни мѣста, гдѣ это случилось. Мы опорожнили въ теченіе дороги кувшинъ съ виски, но по прежнему дрожали отъ холода. Графъ и я, идя впереди, увидѣли домъ въ окнахъ котораго было выставлено нѣсколько бутылокъ. Измокшіе до костей, при видѣ ихъ мы не могли преодолѣть любопытства и пожелали узнать, что содержится въ этихъ бутылкахъ, графъ удивительно настойчивъ; будь онъ въ городѣ, въ домѣ, въ лѣсу, онъ до тѣхъ поръ не успокоится пока не узнаетъ, что ему нужно; онъ въ такихъ случаяхъ не обращаетъ никакого вниманія ни на природныя, ни на искусственныя предметы.—Наши поиски на этотъ разъ тотчасъ же увѣнчались успѣхомъ.

— Есть-ли у васъ виски? спосили мы.

— Да отвѣтили намъ.

— Дайте намъ немного.

Предъ нами поставили большую бутылку, налили намъ ея содержимое въ стаканы и кромѣ того дали намъ бутылку на дорогу; мы разговорились съ пятью или шестью веселыми малыми и, разставшись съ ними по дружески, сѣли въ фургонъ.

Странно что ни Билль, ни Жажъ не выпили ни одного глотка; они оба были пасмурны; но вскорѣ нами началъ овладѣвать сонъ; мы выпили только маленькій стаканъ виски смѣшавъ его съ бокаломъ воды; по произведенному на насъ дѣйствію можно было принять виски за лавровишневую воду.

Сдѣлавъ надъ собою страшное усиліе я всю дорогу шелъ впереди, желая убѣдиться въ томъ не напоили-ли насъ чѣмъ нибудь наркотическимъ съ цѣлію ограбить насъ, отобрать часы, кошельки, и ружья; графъ Штейнбокъ заснулъ и проспалъ подъ навѣсомъ фургона въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Все кончилось благополучно, но могли бы выйти серьёзныя послѣдствія.

Поздно вечеромъ мы пріѣхали въ Дженктіонъ, отлично поужинали форелью и дичью и отправились къ полковнику Макъ-Нассеру содержателю гостинницы, поблагодарить его за его прежнее приглашеніе; мы провели у него нѣсколько часовъ въ пріятномъ разговорѣ и выпили нѣсколько стакановъ хорошаго виски, но не смотря на это, проснулись на слѣдующее утро, сильно простудившись.

Мы ѣхали нигдѣ не останавливаясь день и ночь, пока не дотащились до Денвера, гдѣ, не смотря на оглушительные свистки фабрикъ и заводовъ, провели нѣсколько пріятныхъ дней въ Швейцарской гостинницѣ.

Проѣзжая во второй разъ черезъ Колорадо, я имѣлъ удовольствіе присутствовать на первыхъ засѣданіяхъ сената и палаты депутатовъ этого штата. Нѣсколько мехиканскихъ депутатовъ не умѣли ни читать, ни писать, ни говорить по анлійски.

На двухъ денверскихъ озерахъ, соединенныхъ между собою каналами, въ двухъ миляхъ на западъ отъ озеръ, близъ «Grand View Hôtel» (по несчастію закрытаго во времена нашего пребыванія, а то мы бы навѣрное въ немъ остановились, такъ какъ изъ этого отеля самый живописный видъ), можно по утрамъ охотиться на дичь, которой изобилуетъ это озеро и при томъ она почти ручная. Здѣсь можно нанимать лодки по 4 шил. въ день. Озера эти, впрочемъ, съ трудомъ доступны; они окружены со всѣхъ сторонъ высокими горами, и путнику приходится очень долго ихъ отыскивать. Мостъ, идущій отъ Денвера къ озерамъ, весь увѣшенъ всевозможными объявленіями. Нѣмецкій военный оркестръ сильно оживилъ Денверъ. Джемъ Мэсъ, кулачный боецъ, давалъ свои представленія въ какомъ-то ветхомъ и маленькомъ театрѣ, и получилъ одни убытки.

Денверъ, очень чистый и хорошенькій городъ, построенъ на одной изъ возвышенностей напротивъ скалистыхъ горъ. За городомъ идетъ плоскогоріе, закрывающее собою видъ на пустынную равнину. Чтобы составить себѣ точное понятіе о величинѣ и красивомъ мѣстоположеніи этого города, нужно непремѣнно отправиться для этого къ «Grand View Hôtel».

Стоитъ посмотрѣть здѣсь музей Жоржа Тэлора; входъ въ него даровой. Въ немъ можно осмотрѣть и купить всѣ Колорадскія рѣдкости и принадлежности спорта. Г. Тэлоръ, естествоиспытатель по профессіи и по любви къ этой наукѣ, очень любезенъ и сообщителенъ; при публичной библіотекѣ устроена прекрасная гимназія; въ ней можно читать англійскія и ньюіорскія газеты. Каждому иностранцу доступенъ входъ въ эту библіотеку: ему надо только послать свою карточку библіотекарю. Въ городѣ происходятъ скачки, бываетъ ярмарка, отведено мѣсто для стрѣльбы въ цѣль; здѣсь прекрасный монетный дворъ.

Во время моего пребыванія въ Денверѣ капитанъ Богардусъ, стрѣляя на пари, убилъ изъ 23 птицъ, въ летъ 20 штукъ съ лѣвой стороны. Онъ отличный стрѣлокъ, но это была самая удачная стрѣльба, въ его жизни, особенно, если принять во вниманіе, что огромная толпа тѣснилась вокругъ него и, понятно, мѣшала, да при томъ ртуть въ термометрѣ сильно понизилась и подулъ крѣпкій вѣтеръ. Я съ сожалѣніемъ выѣхалъ изъ Денвера, гдѣ меня удивительно радушно принимали м-ръ Дозонъ, издатель «The Tribune», м-ръ Ульфъ Лондонеръ, извѣстный своими обширными торговыми оборотами и многіе другіе. Изъ Денверъ мы отправились въ Кейенъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Московскія письма.

Письмо 1-е.

(Фельетонъ.)

Надъ Москвой стряслась бѣда, бѣда не малая: любимое ея дѣтище—биржа, посрамлена, обругана. И кѣмъ же? Однимъ изъ биржевыхъ дѣятелей. Вотъ какимъ образомъ это случилось. Недѣлю тому назадъ, въ обычный часъ, въ зало биржи собрались наши московскіе биржевики. Не мало были изумлены они, найдя *въ сей храминѣ наживы* такія *вещественные знаки*, которые ясно свидѣтельствовали о томъ, что по ихъ залѣ прогуливалось наканунѣ животное, и притомъ животное, имѣющее человѣческій образъ. Переглянулись изумленные биржевики, постояли около «*вещественныхъ знаковъ*», поморщились и пошли къ сторожу.

— Какое тутъ животное было? спрашиваетъ одинъ изъ нихъ.

— Помилуйте, какое животное! Это Н. К. были.

Взволновалась биржа... Такого оскорбленія отъ Н. К. никто не ожидалъ. Стали распрашивать подробности.

— Приходютъ, объясняетъ сторожъ, Н. К. ко мнѣ нонича часовъ этакъ въ 10 утра. Дай ключъ, говорятъ, отъ того мѣста, куда... сторожъ замялся.

— Знаемъ, знаемъ отъ какого, заголосила хоромъ биржа. Валяй дальше!...

Сторожъ продолжалъ.

— Я, стало быть, говорю имъ: начальство мнѣ приказало отнюдь никому ключа не давать, кромѣ какъ по приказанію *самихъ*. Такъ не дашь ключа? говорятъ. Нѣтъ. А если таперича я вдругъ нездоровъ сдѣлался? Это какъ вамъ будетъ угодно, говорю; только ключъ давать безъ *самихъ* намъ неприказано. Ну, такъ я же вамъ насолю; будете впередъ ключъ давать... И, бѣгомъ, ударились въ залу. Больше я ничего не знаю.

Остальнаго и не нужно было биржевикамъ, они прекрасно знали конецъ. Да конецъ-то, пожалуй, и вамъ не нуженъ, читатель...

Разсказъ сторожа чрезвычайно странно подѣйствовалъ на умы биржевиковъ. Они раздѣлились на двѣ партіи. Одна обвиняетъ *самаго* за такое нелѣпое приказаніе, другая—Н. К. Въ одномъ только всѣ согласны — это — что «*биржа осрамлена*». Чѣмъ эта комедія окончится пока неизвѣстно, а потому я, до поры до времени, оставляю биржу въ покоѣ и переѣду во славный градъ Владиміръ, въ гости къ тамошнему нотаріусу Николаю Павловичу Смирнову.

Какъ ни страненъ этотъ переѣздъ мой изъ Москвы во Владиміръ, а между тѣмъ онъ возможенъ, хотя бы уже по одному тому, что синьоръ Смирновъ недавно очутился точь въ точь въ такомъ же положеніи, въ какомъ находится теперь Московская биржа.

Нигдѣ съ такой силой не процвѣтаютъ дикія убѣжденія, какъ въ провинціи. Изгоняемыя постепенно изъ центра цивилизаціи, (если принять за центръ столицы наши) онѣ спѣшатъ укрыться гдѣ-нибудь въ захолустьи, въ нашихъ провинціальныхъ городкахъ и здѣсь съ полною силою продолжаютъ уживаться въ головахъ обывателей. Отчего крайняя сбивчивость понятій, безтолковое пониманіе самыхъ обыкновенныхъ вещей—все это царитъ въ провинціи. Само собою разумѣется, что здѣсь, какъ и вездѣ въ обществѣ, есть свои *толкователи*, люди *знающіе*, какъ ихъ называютъ, и мнѣніе которыхъ—есть законъ. Къ одному изъ такихъ-то провинціальныхъ *всезнаекъ*, къ *всемогущему* нотаріусу града Владиміра, господину Смирнову и является, однажды, мѣстный врачъ Якубовскій.

— Помогите!! вопитъ докторъ.

— Что такое? спрашиваетъ его мѣстный толкователь.

— Не знаю какъ бы устроить такъ, чтобы журналъ «Московское Обозрѣніе» напечаталъ мою корреспонденцію.

— Очень просто. Отправить ее въ редакцію, рѣшаетъ нотаріусъ.

— Эхъ-ма!! въ томъ-то и бѣда, что не принимаютъ. Я не только посылалъ, самъ даже нарочно ѣздилъ за этимъ въ Москву.

— Ну, и что же?

— Не принимаютъ, въ отчаяніи проговорилъ докторъ.

— Да, скверно... очень скверно. Нотаріусъ задумался.

— Не можете-ли вы что нибудь устроить, снова пытается спросить у него докторъ.

— Я-то!... Конечно могу. Мнѣ стоитъ только, батюшка, написать приказъ и дѣло сдѣлано!! Ободряетъ, по хлестаковски, пріятеля г. Смирновъ.

— Отецъ родной!! Благодѣтель! взмолился докторъ. Прикажите имъ.

— Извольте, для васъ готовъ...

Приказъ строчится. Храбрый нотаріусъ посылаетъ его въ редакцію...

Мнѣ удалось заполучить копію съ этого уморительнаго предписанія, которую я и помѣщаю въ настоящемъ письмѣ, будучи вполнѣ увѣренъ, что читатели «Живописнаго Обозрѣнія» не посѣтуютъ на меня за это. Вотъ текстъ его:

Іюня 17-го дня 1877 г.

№ 387.

Господинъ редакторъ!

На основаніи 141 ст. Нот. Полож. Коллежскій совѣтникъ Родиславъ Ивановичъ Якубовскій поручилъ мнѣ передать Вамъ для напечатанія въ ближайшемъ № издаваемаго подъ редакціей Вашего журнала «Московское Обозрѣніе» прилагаемую при семъ статью подъ названіемъ «*Корреспонденція изъ Владиміра*». (?)

Прилагая при семъ означенную статью, перенумерованную по листамъ и зашнурованную печатью, прошу Васъ, милостивый государь, увѣдомить меня о полученіи этой статьи; по напечатаніи же оной прошу также выслать ко мнѣ въ контору 50 экземпляровъ того № Вашего журнала, въ которомъ передаваемая статья будетъ напечатана, за что деньги пять рублей и на пересылку одинъ рубль при семъ посылаю.

При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду 1033 ст. Улож. о наказ. (?)

Нотаріусъ Смирновъ.

Не правда-ли *страшный приказъ*, читатель!

Да, сорвалось! синьоръ нотаріусъ. Что дѣлать, въ слѣдующій разъ, авось, будете осторожнѣе предписывать приказы *тамъ*, гдѣ вы не имѣете никакого права, а теперь пока совѣтую вамъ ѣхать въ Москву—*разгонять тоску*, размыкать горе вдвоемъ съ Московскою биржею. Право, легче будетъ... Вѣдь, положеніе-то одинаково... Кстати и мнѣ пора въ Москву, тамъ теперь москвичи расползлись по доламъ и, пребывая въ бездѣліи, усиленно, практикуютъ на своихъ физіономіяхъ излюбленный ими романъ: «*Битва русскихъ съ кабардинцами*». Возьмемъ, напримѣръ, дачниковъ села Пушкина. Чѣмъ не герои? Посмотрите, какое генеральное сраженіе они учинили 14 іюня, на платформѣ Пушкинской станціи?!... Дѣло было такъ. Около 8-ми часовъ вечера, двое изъ дачниковъ, а именно—персидскій и греческій консулъ г. *Зайченко* и нѣкій юнакъ господинъ... господинъ... какъ бишь его... Мѣстные дачники называютъ его Трузовскимъ барченкомъ (т. е. изъ дачи г. Трузе), настоящей же фамиліи никто не знаетъ. Впрочемъ, не въ фамиліи интересъ, а въ самомъ фактѣ...

Итакъ, оба героя явились на платформу (это единственное въ Пушкинѣ центральное мѣсто, гдѣ дачники сходятся для *гуляній* и *бесѣдъ*)—съ собаками громадныхъ размѣровъ. Псы не сошлись характерами и потому между ними произошла жестокая грызня, наведшая страшную панику на гуляющую публику. Трудно было разобрать, кто и что кричалъ въ это время. Словомъ было общее смятеніе... Не успѣла еще окончиться собачья драка, и къ глазамъ ошеломленной публики представилась другая картина: владѣльцы собакъ вступили въ единоборство, угощая другъ друга куда ни попало англійскими боксами. Кто вышелъ изъ борьбы побѣдителемъ сказать съ точностью трудно, но можно думать, что юнакъ, у котораго въ рукахъ былъ хлыстъ, одержалъ побѣду, и консулъ Зайченко оказался побѣжденнымъ; у перваго, послѣ свалки, видъ былъ болѣе бодрый.

Такія потасовки въ послѣднее время, зачастую, случаются у насъ на дачахъ. Что дѣлать, тоска... Дѣлать нечего, ну и развлекаемся *примѣрными сраженіями*. Вотъ и въ Царицынѣ на дачѣ тоже... Но, нѣтъ, боюсь надоѣсть вамъ читатель, описывая невинныя развлеченія москвичей. Хорошенькаго по немножку. До слѣдующаго раза. А теперь пока прощайте... **Сѣверянинъ.**

⁂

(Съ сербскаго)

Не хочу я слушать этой пѣсни: —
Я слыхалъ давно иныхъ пѣвцовъ, —
Были то достойные собратья
Сгибнувшихъ за родину бойцовъ

Пѣсня ихъ исполненная силы,
Спящій людъ на новый путь звала,
И священнымъ, и высокимъ дѣломъ,
Какъ и подвигъ доблестный была.

Отъ души та пѣсня выливалась,
Широко́ неслась во всѣ концы,
Подъ ея торжественные звуки
Шли на смерть отважные бойцы.

А теперь не ту я пѣсню слышу,
Въ новой фальшь, неискренность звучитъ,
И хотя порой тонка́ поддѣлка,
Чуткій слухъ неправду отличитъ.

Не слыхать теперь могучихъ звуковъ,
(Какъ и нѣтъ уже былыхъ бойцовъ),
Но пождемъ, быть можетъ и дождемся —
Молодыхъ и искреннихъ пѣвцовъ...

А. Кругловъ.

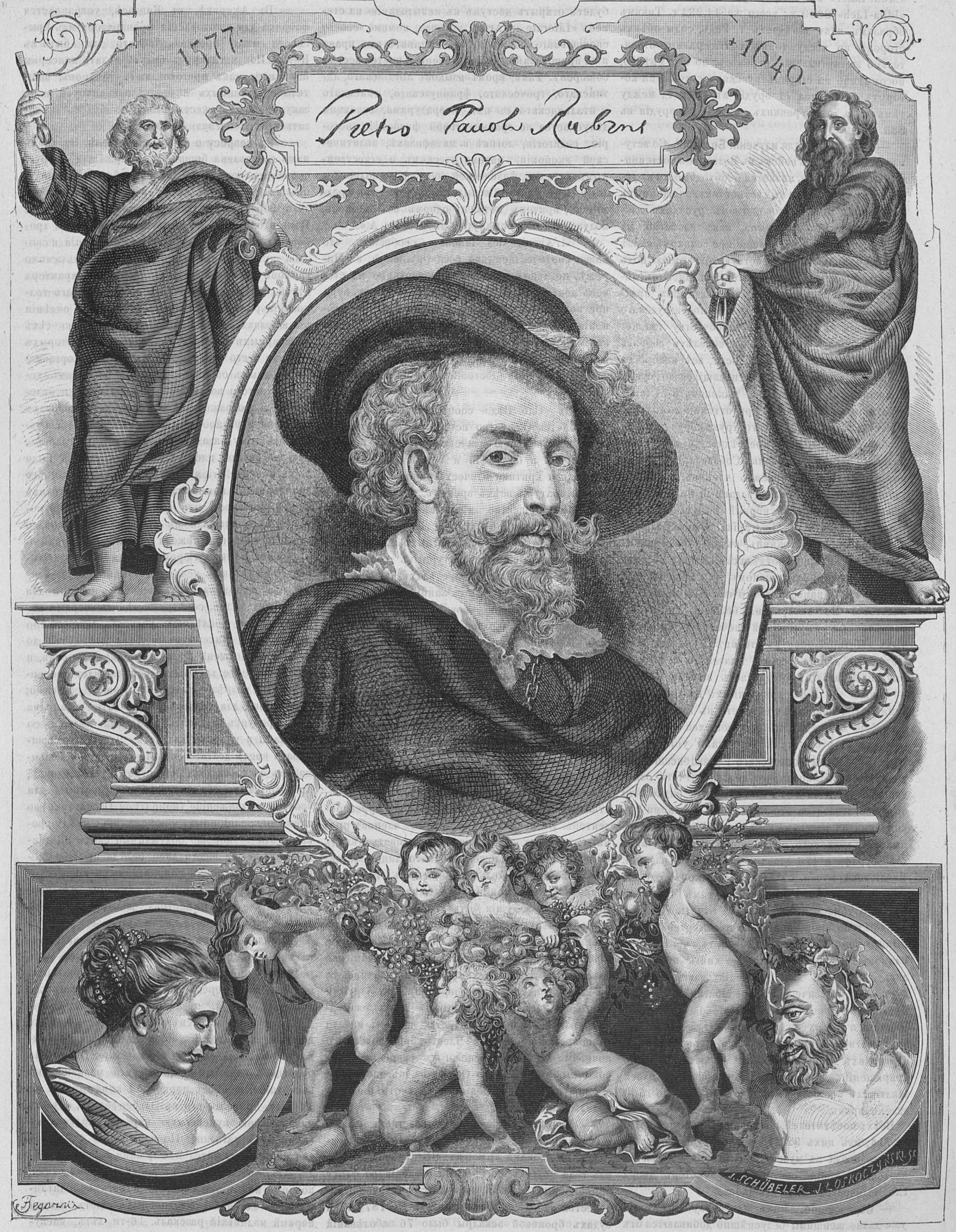
Новости наукъ и жизни.

— **Подводная шлюпка.** Въ датскихъ газетахъ сообщаютъ, что гражданскій инспекторъ Адольфъ Кейфлеръ, въ Копенгагенѣ, изобрѣлъ новое судно, способное плавать, какъ надъ водою, такъ и подъ водою. Датское правительство не пожелало воспользоваться новымъ изобрѣтеніемъ, а потому г. Кейфлеръ предлагаетъ его одной изъ великихъ державъ. Назначеніе судна дѣйствовать противъ непріятельскихъ судовъ помощью торпедъ, какъ самодвижущихся, такъ и простыхъ; оно состоитъ изъ двухъ частей, одна для воды непроницаема, а другая открыта; судно снабжено паровою машиною, помощью которой оно приводится въ движеніе, какъ въ горизонтальномъ, такъ и въ вертикальномъ направленіи. Запасъ топлива и воздуха достаточенъ для непрерывнаго плаванія подъ водою въ теченіе двѣнадцати часовъ сряду. Для того, чтобъ судно могло держаться на опредѣленной глубинѣ, ниже поверхности воды, у него приспособленъ самодѣйствующій аппаратъ, помощью котораго судно держится на извѣстной глубинѣ съ необычайною правильностью. Ходъ впередъ и назадъ, въ вертикальномъ и горизонтальномъ направленіи, а равно и остановки машины производятся моментально; въ случаѣ надобности, скорость судна можетъ быть увеличиваема въ весьма значительной степени. Судно можетъ также держаться на опредѣленной глубинѣ, въ спокойномъ состояніи, не двигаясь горизонтально, ни взадъ, ни впередъ.

Экипажъ этой подводной шлюпки будетъ состоять изъ четырехъ человѣкъ. изъ которыхъ двое управляютъ машиною и находятся въ помѣщеніи, для воды непроницаемомъ; другіе же двое въ открытой части ея; изъ нихъ одинъ управляетъ движеніями шлюпки, а другой дѣйствуетъ минами. Если непріятельское судно стоитъ на якорѣ, то подводная шлюпка подходитъ къ нему вплотную, и мину прикрѣпляютъ къ подводной части судна; если же непріятель движется, то въ него пускаютъ самодвижущуюся мину.

Если описанная подводная шлюпка дѣйствительно въ состояніи исполнять все то, что о ней говорится, то примѣненіе ея въ минномъ дѣлѣ неминуемо произведетъ громадный переворотъ въ морской войнѣ. Такая шлюпка, очевидно, будетъ въ состояніи подходить совершенно незамѣченною, среди бѣлаго дня, ко всякому непріятельскому судну, и тогда никакія скорострѣльныя пушки и картечницы не устранятъ невидимой опасности. Всякому судну останется одно изъ двухъ: или вовсе не приближаться къ непріятельскимъ берегамъ, или рисковать, быть ежеминутно взорваннымъ на воздухъ, безъ всякой надежды оградить себя, будь то днемъ или ночью, отъ ужасной опасности. Съ другой стороны такая же подводная шлюпка будетъ въ состояніи совершенно свободно производить различныя изслѣдованія подъ водою около непріятельскихъ береговъ, причемъ она съ большою пользою будетъ служить для вылавливанія торпедъ, чего теперь нельзя дѣлать безнаказанно, если только минныя загражденія находятся подъ защитою береговыхъ батарей. Весь вопросъ будетъ заключаться въ томъ, какая великая держава раньше воспользуется новымъ изобрѣтеніемъ, потому что берегъ, охраняемый десятками такихъ шлюпокъ, будтъ буквально недоступенъ для непріятельскихъ судовъ. Наконецъ, съ введеніемъ такихъ шлюпокъ, вопросъ о броненосныхъ судахъ непремѣнно разрѣшится самъ собою, такъ какъ отъ подводныхъ шлюпокъ имъ уже не уберечься, какіе бы кринолины они не устроивали около себя.

— **Военное и морское дѣло.** Извѣстный англійскій инженеръ Ридъ въ статьѣ своей, напечатанной въ The Illustrated London News, разбираетъ возможность столкновенія русскаго и турецкаго флотовъ въ случаѣ, еслибы русская броненосная эскадра появилась въ Средиземномъ морѣ. Сопоставляя силы обоихъ броненосныхъ флотовъ, г. Ридъ перечисляетъ слѣдующія русскія суда: «Петръ Великій» 9660 топнъ, «Севастополь» 6200 тоннъ, «Петропавловскъ» 6175 т., «Князь Пожарскій» 4500 т., «Адмиралъ Лазаревъ» 3750 т., «Адмиралъ Грейгъ» 3850 т., «Адмиралъ Чичаговъ» 3700 т., «Адмиралъ Спиридовъ» 3750 т. и батарея «Кремль» 3300 т.; всего 44,885 тоннъ. Противъ этой русской эскадры турки моглибы противопоставить слѣдующія суда: «Mesuvdieh» 8994 т., «Azazieh» 6500 т., «Orcanieh» 6500 т., «Osmanieh» 6500 т.,


1577
+1640
Pietro Pauolo Rubens
Fegorni
J. SCHÜBELER J. ŁOSKOCZYŃSKI. SC

Павелъ Рубенсъ.

«Mahmudieh» 6500 т., «Arni-Illah» 2320 т., «Muni-Zafer» 2320 т., «Neghim Shefket» 2300 т., «Idjla-Lieh» 2300 т.; всего же 44,234 т. Тикимъ образомъ, какъ замѣчаетъ г. Ридъ, силы обѣихъ сторонъ по числу тоннъ почти равны, относительно же артиллеріи, перевѣсъ, но его мнѣнію, несомнѣнно на сторонѣ русскихъ судовъ, на которыхъ находится 77 орудій въ 1012 т., между тѣмъ какъ на турецкихъ судахъ 94 орудія въ 833 тонны.

— **Матерьялы для изученія Болгаріи.** Со вступленіемъ русскихъ войскъ въ Болгарію и постепеннымъ занятіемъ ея, является необходимость въ устройствѣ управленія въ мѣстностяхъ, очищенныхъ отъ турокъ подъ руководствомъ русскихъ властей. Задача эта возложена, какъ извѣстно, на особое управленіе, состоящее при великомъ князѣ главнокомандующемъ дѣйствующею арміею, подъ начальствомъ завѣдывающаго гражданскими дѣлами, князя Черкасскаго. Для облегченія предстоящей въ первое время дѣятельности русскаго управленія въ Болгаріи, его высочеству главнокомандующему угодно было повелѣть собрать объ этой странѣ, по возможности, всѣ матеріалы и статистическія данныя, относящіяся до существовавшихъ въ Болгаріи законовъ и административныхъ порядковъ при оттоманскомъ владычествѣ. Исполненіе этого труда поручено было особой коммисіи, подъ предсѣдательствомъ генеральнаго штаба полковника Соболева, состоящей изъ русскихъ и болгарскихъ членовъ, и результатомъ ея работъ явился изданный на русскомъ языкѣ въ Бухарестѣ первый выпускъ «Матеріаловъ для изученія Болгаріи». Это небольшая брошюра въ 117 страницъ, въ которой сгруппированы въ четырехъ отдѣлахъ свѣдѣнія объ устройствѣ административномъ и полицейскомъ, судебномъ, финансовомъ и о системѣ податей и налоговъ. Не смотря на большія трудности, встрѣченныя въ техникѣ печатанія упомянутыхъ «Матеріаловъ» въ столицѣ Румыніи, книжечка эта издана весьма тщательно и, по своему содержанію, представляетъ важное пособіе не только для лицъ, призванныхъ къ участію въ административной дѣятельности въ Болгаріи, но и вообще для всѣхъ, интересующихся существовавшими въ этомъ краѣ порядками управленія.

— **Богатства московскаго Румянцовскаго музея.** Изъ опубликованнаго недавно отчета означеннаго музея за 1873 — 1875 года видно, что онъ обогатился за это время 252 древними рукописями на русскомъ языкѣ и 356 на иностранныхъ. Сверхъ того, музей пріобрѣлъ 3472 акта и автографа и 476 славяно-церковныхъ изданій. Библіотека музея обладаетъ слишкомъ сотнею тысячъ различныхъ изданій, въ томъ числѣ до 250,000 томовъ и брошюръ. За отчетное время, пріобрѣтено вновь покупкою и пожертвованіями 20,000 томовъ и болѣе 425 картъ, чертежей и плановъ. Число требованій на книги простиралось до 82,675. Въ отдѣленія изящныхъ искуствъ и классическихъ древностей поступило нѣсколько новыхъ картинъ Маковскаго, Гуно, Рицпони и другихъ художниковъ. Отдѣлы гравюръ, нумизматики, доисторическихъ, христіанскихъ и русскихъ древностей тоже не остались безъ приращеній. Дашковскій этнографическій музей заключалъ въ себѣ, къ концу 1875 года, до 1500 экземпляровъ.

Всѣхъ посѣтителей, обозрѣвавшихъ музей, было 96,714; изъ нихъ 92,815 получили право безплатнаго входа въ музей. Директоромъ музея въ настоящее время состоитъ гофмейстеръ Двора Его Величества, В. А. Дашковъ.

— **Образованіе.** Какъ извѣстно, въ Англіи уже давно женщины безуспѣшно добиваются отъ университетовъ учоныхъ степеней. Въ настоящее время, шотландскій университетъ св. Андрея принимаетъ на себя починъ въ этомъ благомъ дѣлѣ. По словамъ «The Englishwoman's Review», съ 1878 года женщинамъ въ этомъ университетѣ будетъ открытъ доступъ къ испытатанію на степень «Literate in Arts», которая, помимо своего спеціальнаго значенія, предоставитъ имъ права и на преподаваніе. Выборъ спеціальностей весьма обширенъ. Такъ, кромѣ языковъ англійскаго, латинскаго, греческаго, французскаго, нѣмецкаго и итальянскаго съ ихъ литературами, экземенъ допускается по сравнительной философіи, исторіи, педагогіи, логикѣ и матафизикѣ, политической экономіи, математическимъ и естественнымъ наукамъ, физической географіи и палеонтологіи. Выдержавшій испытаніе въ четырехъ предметахъ, причомъ хотя въ одномъ изъ языковъ, получитъ вышеупомянутый титулъ «L. A.».

— «L'Avenir des femmes» сообщаетъ, что наша соотечественница г-жа Окунькова, въ Парижѣ, недавно представила дисертацію на степень доктора «О физіологическомъ дѣйствіи эѳира при подкожныхъ вспрыскиваніяхъ и его примѣненіи, какъ возбуждающаго средства». По словамъ журнала, профессоръ Вернёль (Verneuil), разсматривавшій этотъ трудъ, призналъ въ немъ большія научныя достоинства и новизну взглядовъ.

— Въ «Спб. Вѣд.» сообщаютъ, что въ Ригѣ учреждается Общество исторіи литературы, которое имѣетъ своею задачею: преуспѣяніе исторіи литературы и біографіи и содѣйствіе развитію эстетики и критики отечественной и иностранной литературы всѣхъ временъ. Для достиженія этой цѣли, Общество имѣетъ въ виду: а) учрежденіе библіотеки, б) устройство кабинета для чтенія, в) открытіе неизвѣстныхъ или не опубликованныхъ еще литературныхъ сокровищъ, преимущественно же въ предѣлахъ Россіи, и въ своихъ засѣданіяхъ будетъ заниматься обсужденіемъ и разработкою вновь открытыхъ матеріаловъ, а равно и разборомъ опубликованныхъ уже въ разное время произведеній литературы, въ видѣ бесѣдъ, совѣщаній или чтенія лекцій, и наконецъ будетъ издавать на свой счетъ результаты совѣщаній въ засѣданіяхъ и турудовъ, какъ отдѣльными сочиненіями, такъ и періодическими изданіями, чѣмъ надѣется возбудить интересъ къ занятіямъ исторіею литературы, біографіею, эстетикою и критикою. Членами Общества могутъ быть лица обоего пола, безъ различія ихъ племеннаго происхожденія; они раздѣляются на дѣйствительныхъ членовъ, почетныхъ и корреспондентовъ. Въ число дѣйствительныхъ членовъ принимаются лица, желающія содѣйствовать цѣлямъ Общества, по предложенію одного лица, состоящаго уже дѣйствительнымъ членомъ. Въ число корреспондентовъ принимаются лица, живущія внѣ города Риги, могущія быть полезными Обществу въ видѣ сотрудниковъ и, наконецъ, въ почетные члены выбираются только такія лица, которыя, сдѣлались уже извѣстными своими трудами по литературѣ. Дѣйствительные члены уплачиваютъ въ кассу Общества единовременно по 5 руб. и ежегодно по 3 руб. Въ замѣнъ этихъ ежегодныхъ взносовъ предоставляется членамъ внести единовременно 60 руб. Члены-корреспонденты и почетные члены отъ денежныхъ взносовъ освобождены. Уставъ этого Общества, въ настоящее время, уже представленъ на разсмотрѣніе правительства.

— Противъ броненосцевъ возстаетъ *гигіена.* Такъ, «общество морскихъ врачей» въ Кронштадтѣ, по словамъ «Кроншт. Вѣст.», нашло, что изъ года въ годъ, со времени введенія во флотѣ броненосныхъ судовъ, замѣчается увеличеніе количества заболѣвающихъ цынгою. Въ 1874 г. на судахъ броневой эскадры было 76 заболѣваній цынгою, а деревянныхъ судахъ — 46. Впрочемъ «морскіе врачи» не вполнѣ еще увѣрены въ этомъ выводѣ. Дѣло въ томъ, что приведенныя цифры взяты абсолютно, безъ отношенія къ какой либо постоянной единицѣ.

— Въ Америкѣ, въ Канзасѣ, устраивается фабрика для изготовленія препаратовъ изъ крысинаго мяса, предназначаемаго для сбыта въ Китаѣ. Изъ мяса крысъ будутъ дѣлать консервы на манеръ какъ приготовляютъ гомаровъ, паштеты изъ гусиныхъ печенокъ или анчоусы, и въ закупоренныхъ жестянкахъ оно будетъ вывозиться въ Небесную Имперію.

— **Къ вопросу о школьной гигіенѣ.** На дняхъ намъ доставлена брошюра, содержащая въ русскомъ переводѣ рѣчь г. Гольцмайера, сказанную имъ на публичномъ актѣ аренсбургской гимназіи и обратившую на себя вниманіе педагоговъ. Цѣль этой рѣчи—уяснить тѣ гигіеническія требованія устройства школьнаго помѣщенія и способа преподаванія, безъ которыхъ немыслимо гармоническое развитіе тѣла, души и характера дѣтей. Указавъ на вредъ систематическаго толкованія ранѣе 7 лѣтъ и много-часоваго сидѣнія въ школахъ, авторъ останавливается на тѣхъ санитарныхъ условіяхъ, несоблюденіе которыхъ сильнѣе всего сказывается на дѣтскомъ организмѣ вреднымъ образомъ. Главныя изъ этихъ условій: чистота воздуха съ раціональнымъ отопленіемъ, непродолжительность сидѣнья въ школахъ и частая и разнообразная гимнастика. «Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, говоритъ г. Гольцмайеръ, интеллигентное населеніе Дерпта немало было поражено извѣстіемъ, что вслѣдствіе сдѣланнаго санитарною коммисіею осмотра дерптскихъ школъ оказалось, что классныя помѣщенія послѣднихъ заключали въ себѣ воздухъ гораздо худшаго качества, нежели воздухъ нездоровыхъ и переполненныхъ тюремъ города Дерпта. Отопленіе желѣзными печами и обыкновенную вентиляцію авторъ находитъ весьма вредными для юнаго организма, совѣтуя замѣнить первыя кафельными, а послѣднюю устроять непремѣнно выше оконъ. Максимумъ сидѣнья для дѣтей до 7 лѣтъ не долженъ превышать двухъ часовъ, и далѣе не болѣе трехъ, что́ конечно идетъ совершенно въ разрѣзъ съ существующей системой; кромѣ того, для правильнаго развитія организма онъ требуетъ устроить школьныя скамьи со спинками и упоромъ для ногъ. Чтобы парализировать вредъ долгаго сидѣнія въ школѣ, г. Гольцмайеръ составилъ весьма остроумную табличку, съ подробнымъ объяснительнымъ текстомъ, для «вольныхъ движеній» (комнатной гимнастики) во время рекреаціонныхъ промежутковъ между уроками; это — хорошо обдуманный сводъ 33 движеній тѣла для шести дней недѣли при 12 минутномъ упражненіи, направленныхъ ко всестороннему развитію организма. Думаемъ, что продѣлывая все эту гимнастику, школьники значительно укрѣпятъ свое хилое здоровье.

Некрологъ. 23-го іюня (5 іюля) скончался извѣстный нѣмецкій писатель Гаклендеръ. Онъ родился 1 ноября 1816 года въ Бурштейдѣ, близъ Ахена. Черезъ нѣсколько недѣль онъ уже лишился матери, а когда ему было 12 лѣтъ, у него умеръ и отецъ, который, хотя и былъ школьнымъ учителемъ, но могъ дать своему сыну только элементарное образованіе. Небогатые родственники взяли осиротѣвшаго мальчика на воспитаніе, и, послѣ церковной конфирмаціи на 14 году, привезли его въ Эльберфельдъ, гдѣ онъ началъ свою купеческую карьеру мальчикомъ въ модномъ магазинѣ. Но перо скоро сдѣлалось для него привлекательнѣе аршина. Какъ и Фрейлигратъ, онъ написалъ въ досужее время стихи, которые имѣлъ удовольствіе видѣть напечатанными въ одной изъ ежедневныхъ газетъ, и свой первый маленькій разсказъ. 16-ти лѣтъ, наскучивъ торговыми занятіями, онъ рѣшилъ сдѣлаться солдатомъ и поступилъ рекрутомъ въ артиллерію въ Кельнѣ. Попытка выслужиться и выдержать офицерскій экзаменъ ему не удалась, и молодой воинъ, мирно покончивъ съ своею солдатскою жизнью, снова возвратился къ торговымъ занятіямъ. Однако, барыши доставались ему очень трудно. Первое свое мѣсто — прикащика — онъ скоро потерялъ, вслѣдствіе банкротства хозяина, и всѣ попытки найти какое-нибудь другое мѣсто были неудачны. Тогда онъ взялся за перо, служившее ему до тѣхъ поръ только для развлеченія, и написалъ фантастическую новеллу: «Четыре карточныхъ короля». Штуттгартскій «Morgenblatt», которому онъ предложилъ эту первую свою работу, взялъ изъ нея одну часть, и авторъ получилъ приглашеніе лично явиться къ редактору, Герману Гауффу. Онъ принялъ это приглашеніе, и въ 1841 году написалъ для той же газеты «Очерки солдатской жизни въ мирное время», появившіеся вслѣдъ затѣмъ и отдѣльной книгой, и своимъ необыкновеннымъ успѣхомъ доставившіе ему прочное положеніе и вліятельныя знакомства. Баронъ фонъ-Таубенгеймъ взялъ его съ собой въ путешествіе на востокъ, а графъ Нейпергъ рекомендовалъ его королю виртембергскому, который сначала далъ ему мѣсто при дворѣ, а затѣмъ назначилъ секретаремъ къ наслѣдному принцу съ чиномъ надворнаго совѣтника. Тѣмъ временемъ явились его «Приключенія въ Караульнѣ», «Дагерротипы», «Путешествіе на Востокъ» и «Странствованіе къ Мекку». Съ 1844 по 1846 годъ молодой писатель, такъ быстро получившій извѣстность, сопровождалъ наслѣднаго принца въ его путешествіяхъ по Италіи, Бельгіи и Германіи и въ поѣздкѣ его для бракосочетанія въ Петербургъ. Возвратившись въ Штуттгартъ, онъ завѣдывалъ постройкой виллы наслѣднаго принца у горы на Штарнбергскомъ озерѣ; въ 1849 году онъ былъ отставленъ отъ двора съ полнымъ содержаніемъ, такъ какъ у него, какъ у иностранца, было при дворѣ много враговъ. Изданный въ 1847 году романъ «Мигъ счастья», имѣлъ существенное вліяніе на это дѣло. Получивъ отставку, Гаклендеръ отправился въ сѣверную Италію, находился въ свитѣ Радецкаго во время войны съ Пьемонтомъ и затѣмъ написалъ «Очерки солдатской жизни въ военное время». Онъ принималъ участіе и въ походѣ принца прусскаго, а затѣмъ женился на Каролинѣ Опицъ, происходившей изъ рода стараго силезскаго поэта Мартина Опица изъ Боберфельда. Теперь для него наступила пора неутомимаго творчества; появились наиболѣе зрѣлыя произведенія его фантазіи, настроенной разнообразнѣйшими житейскими впечатлѣніями. Его произведенія появлялись прежде всего въ «Кельнской Газетѣ», въ которой съ начала 1850 года печатался романъ «Безъименныя исторіи», а въ фельетонахъ слѣдующихъ годовъ — романы «Евгеній Штильфридъ», «Новый Донкихотъ», «Мрачный часъ», «Романъ художника», «Послѣдній бомбардиръ» и много мелкихъ статей, печатавшихся до самаго послѣдняго времени. Въ 1859 году императоръ Францъ-Іосифъ призвалъ Гаклендера въ свою главную квартиру въ Веронѣ, желая, чтобы онъ, какъ и въ 1849 году, составилъ описаніе похода, чего онъ, однако, не исполнилъ, такъ какъ война кончилась не въ пользу Австріи. Возвратившись въ Штуттгартъ, онъ снова былъ принятъ въ государственную службу королемъ Вильгельмомъ, и назначенъ директоромъ построекъ и садовъ; но въ 1865 году, при перемѣнѣ государя, снова получилъ отставку. Между тѣмъ, онъ построилъ собственную виллу на Штарнбергскомъ озерѣ, гдѣ и жилъ постоянно до сихъ поръ. Тамъ написаны всѣ его дальнѣйшія сочиненія. Изъ болѣе раннихъ слѣдуетъ упомянуть: «Торговые обороты» (Handel und Wandel), чрезвычайно занимательно рисующіе купеческую жизнь, «Зима въ Испаніи» (сначала печатавшаяся въ «Кельнской Газетѣ» подъ заглавіемъ «Письма изъ Испаніи»), нѣсколько тенденціозный романъ «Рабская жизнь въ Европѣ», «Война миръ», «Пережитое»; изъ позднѣйшихъ — «Отрывочные разсказы» (Geschichten im Zickzack), «Нули». Въ 1855 г. Гаклендеръ, вмѣстѣ съ Эдмундомъ Гёферомъ, основалъ журналъ «Hausblätter», а въ 1859 г., съ Эдмундомъ Цоллеромъ, иллюстрированную газету «Ueber Land und Meer». Настоящую область его составлялъ юмористическій нравоописательный романъ «Евгеній Штильфридъ» и «Безъименныя исторіи» отличаются особеннымъ богатствомъ красокъ и живостью разсказа. Его юморъ былъ преимущественно спокойный и добродушный, проникнутый тою гуманностью, которая съ рѣзкой насмѣшкой бичуетъ ложь общественныхъ отношеній и находитъ человѣческую сущность во всѣхъ состояніяхъ и лицахъ. Онъ успѣшно дѣйствовалъ и на поприщѣ драмы: «Тайный агентъ» (1850) — прелестная комедія, получившая право гражданства на сценѣ; сюда же относятся: «Магнетическое леченіе» и шутки: «Виноватъ», «Сидѣть смирно» и «Потерянный сынъ», принятыя публикой съ большимъ одобреніемъ. Полное собраніе сочиненій Гаклендера вышло въ 60 томахъ, которые до сихъ поръ выдерживаютъ уже третье изданіе — доказательство, что въ Германіи все еще любятъ читать его разсказы и юмористическіе очерки. До самаго конца своей жизни онъ не уставалъ печатать свои произведенія, хотя его творческая сила не имѣла уже тѣхъ богатыхъ дарованій, той юношеской свѣжести, какою отличались его произведенія 30 лѣтъ тому назадъ. Теперь этотъ разсказчикъ веселыхъ исторій замолкъ навсегда, и тысячи людей, наслаждавшихся ими, съ горестью узнаютъ, что ихъ любимый писатель сошелъ въ могилу.

Смѣсь.

— «Deutsche Volksfreund» сообщаетъ о слѣдующемъ интересномъ qui pro quo, случившемся въ одно изъ пребываній германскаго императора въ Эмсѣ. Лейбъ-медикъ русскаго императора, д-ръ Карелль, имѣетъ большое сходство съ германскимъ императоромъ, только моложе лицомъ и немного худощавѣе. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ г. Карелль пробылъ нѣсколько недѣль въ Эмсѣ, и такъ какъ онъ во время своего путешествія вообще охотно даетъ совѣты больнымъ, то ему пришлось лечить тамъ одну даму. На слѣдующій день эта дама встрѣтила германскаго императора. Она быстро подошла къ нему и радостно протянула ему руку со словами: «Какъ я рада, г. докторъ, что и вы также опять здѣсь». Императоръ спокойно отвѣчалъ ей: «Я думаю, дитя мое, что вы ошибаетесь». Удивленная дама спросила: «Да развѣ вы не г. докторъ Карелль?» Императоръ отвѣчалъ: «Нѣтъ, но все-таки я радъ, что похожъ на честнаго человѣка». Императоръ, прибавляетъ названная газета, впослѣдствіи велѣлъ написать объ этомъ случаѣ, г. Кареллю, отъ котораго и слышалъ этотъ разсказъ нѣмецкій репортеръ.

— Германія выслала на конгрессъ 88 представителей, а Австрія — 1. Засѣданіе открылъ членъ рейхстага Ауэръ. Гейбъ и Газенклеверъ были избраны предсѣдателями. Отчетъ читалъ Ауэръ. Изъ отчета, между прочимъ, видно, что въ Германіи существуетъ 42 печатныхъ органа социаль-демократовъ, несчитая беллетристическаго журнала «Neue Welt» и 14 ремесленныхъ газетъ, редактируемыхъ въ томъ же духѣ. 14 типографій работаютъ исключительно на социаль-демократовъ. Въ 1876 г. было всего на всего 18 органовъ, имѣвшихъ въ общей сложности 100,000 подписчиковъ. Нынѣ же число послѣднихъ возросло до 150,000. Въ числѣ редакторовъ находятся: 12 человѣкъ съ высшимъ образованіемъ, 12 наборщиковъ, 14 купцовъ, 3 слесаря, 1 каменьщикъ, 1 механикъ, 1 сигарочникъ, 1 бочаръ, 1 сапожникъ, 1 золотыхъ дѣлъ мастеръ, 1 книгопродавецъ, 2 портныхъ, 1 учитель и 2 рисовальщика. Истрачено на выборную агитацію съ августа 1876 по май 1877 г. 21,000 марокъ. Собрано же для этой цѣли 28,000 марокъ.

— Берлинскія газеты совѣтуютъ путешественникамъ, пріѣхавшимъ въ незнакомый городъ, не выходить изъ гостинницы, не взявъ у швейцара ея адреса. На-дняхъ одинъ московскій профессоръ, пріѣхавъ въ Берлинъ, не исполнилъ этой предосторожности, забылъ названіе гостинницы и той улицы, гдѣ она находится, и берлинская полиція безуспѣшно возила его по гостинницамъ, чтобъ узнать, въ которой изъ нихъ онъ остановился и оставилъ свои вещи. Эти поиски еще продолжаются.

— По словамъ «Донской Газеты», въ ростовской конторѣ государственнаго банка, «въ виду нынѣшнихъ политическихъ обстоятельствъ, будутъ выдаваться ссуды денегъ подъ хлѣбъ, въ половинномъ размѣрѣ противъ его стоимости. Въ скорости будутъ выработаны правила, на основаніи которыхъ будетъ производиться эта операція, столь полезная для края, южная часть котораго, въ противномъ случаѣ, была бы хотя и при хлѣбѣ, но безъ денегъ».

Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій.

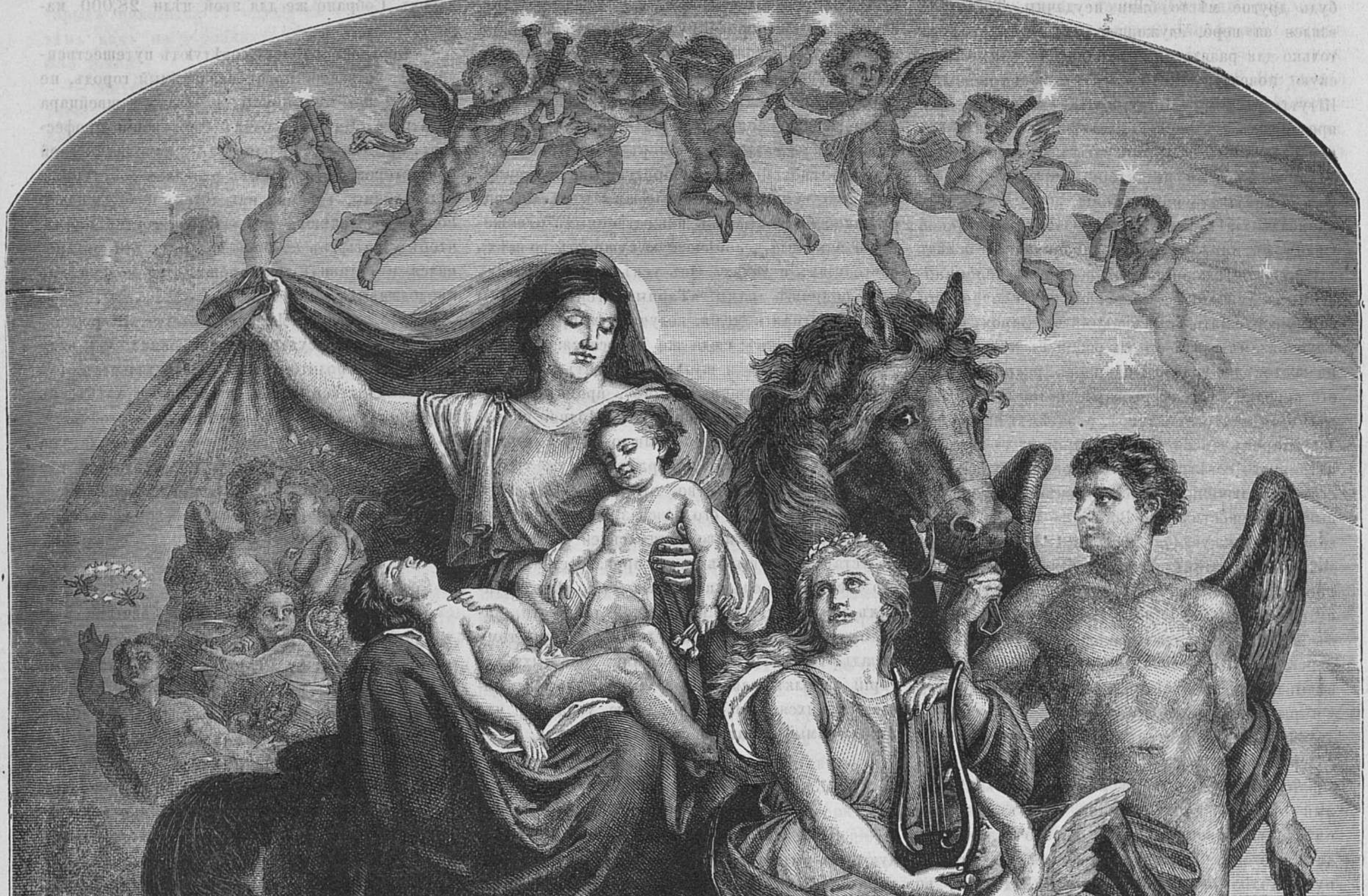
Главнѣйшій перевалъ черезъ Балканы уже въ нашихъ рукахъ. Объ этомъ блистательномъ успѣхѣ, одержанномъ нашими войсками, сообщается въ двухъ слѣдующихъ обнародованныхъ телеграммахъ Его Императорскаго Высочества главнокомандующаго дѣйствующею арміей изъ Тырнова, отъ 4-го іюля:

1) Генералъ Гурко съ передовымъ отрядомъ изъ всѣхъ родовъ оружія, выступивъ изъ Тырнова 30-го іюня, перевалилъ 1-го іюля за Балканы; 2-го іюля засталъ врасплохъ и разсѣялъ стоявшій у выхода изъ ущелья, въ деревнѣ Ханкіой, турецкій баталіонъ и теперь идетъ на Казанлыкъ, въ тылъ непріятелю, занимающему укрѣпленный проходъ Шипка. Двѣ сотни казаковъ доходили до Ени-Загры и порвали тамъ телеграфъ, по дорогѣ въ Нони-Гагру и Сливно, у деревни Орсозаре. 3-го іюля, была стычка между казаками и толпами баши-бузуковъ и черкесовъ, поддержанныхъ тремя таборами турецкой пѣхоты. Непріятель держался лишь до прибытія казанскихъ драгунъ съ четырьмя орудіями посланныхъ генераломъ Гурко на поддержку, и, завидѣвъ ихъ, обратился въ полнѣйшее бѣгство. Захвачены одно знамя, нѣсколько значковъ и множество оружія. Все турецкое населеніе бѣжитъ къ Адріанополю.

Отъ 7-го іюля тоже изъ Тырнова: Ура! Проходъ Шипки сегодня у насъ въ рукахъ. Сынъ мой, великій князь Николай, сію минуту прибылъ съ этимъ радостнымъ извѣстіемъ.

5-го іюля, орловскій полкъ дрался съ неимовѣрнымъ мужествомъ противъ 14-ти таборовъ; въ полку и въ 30-мъ казачьемъ около 100 убитыхъ и 100 раненыхъ; офицеровъ убито два и ранено пять. 5-го же іюля, генералъ Гурко взялъ Казанлыкъ и селеніе Шипку.

Сегодня, 7-го іюля, орловцы вновь перешли въ наступленіе, но турки бѣжали безъ боя и даже безъ выстрѣла. Въ четыре часа дня, войска турецкія были въ виду орловскаго полка, турки бѣжали на западъ, бро-


C. Bertling
1876

Ночь.

сивъ три знамени, восемь орудій и оружіе; паника огромная.

Перевалъ занятъ въ эту минуту орловскимъ полкомъ и двумя орудіями.

Изъ Никополя получена слѣдующая телеграмма отъ 7 (21) іюля: Ни города, ни цитадели не существуетъ. Нашъ артиллерійскій огонь изъ Магурелли изрѣшетилъ всѣ стѣны, а турки, въ послѣднюю минуту, стали жечь дома. Наши же солдаты, войдя въ городъ, должны были тушить пожары. При взятіи Никополя, въ городѣ собственно, въ домахъ обывателей было устроено нѣсколько засадъ, за что турки понесли заслуженное наказаніе. Девятый корпусъ велъ себя блистательно. Въ сдавшемся гарнизонѣ не замѣтно ни озлобленія, ни огорченія—одна апатія на лицахъ какъ нижнихъ чиновъ, такъ и высшихъ офицеровъ. Пашей я уже не засталъ здѣсь. Обыватели-турки относятся къ нашимъ войскамъ дружелюбно. Они, по ихъ словамъ, не ожидали, что русскіе—такой добрый народъ.

— О дѣйствіяхъ подъ Рущукомъ имѣется телеграммма отъ 7 (21) іюля слѣдующаго содержанія: Сейчасъ переѣхалъ на лѣвый берегъ изъ подъ окрестностей Рущука, который совершенно окруженъ нашими войсками на 15 верстъ вверхъ и семь верстъ внизъ по теченію Дуная. Необходимо ожидать въ скоромъ времени большого сраженія. Находящіеся въ этой мѣстности 12-й, 4-й и 13-й корпуса находятся въ связи съ квартирою главнокомандующаго, великаго князя Николая Николаевича, въ Тырновѣ.

Въ Добруджѣ находится всего на всего до 50,000 нашихъ войскъ.

Три дня назадъ были довольно значительныя стычки близъ Разграда.

Турки, очевидно, были отрѣзаны отъ Разграда и Шумлы, такъ какъ 25,000-ный корпусъ регулярныхъ войскъ скрылся въ Рущукъ, гарнизонъ котораго опредѣляется теперь въ 50,000 человѣкъ.

Здоровье нашихъ войскъ превосходно. Благодаря хорошимъ извѣстіямъ о нашихъ успѣхахъ, приходящихъ со всѣхъ сторонъ, энтузіазмъ въ войскахъ всеобщій.

Открыто постоянное сообщеніе между правымъ берегомъ и лѣвымъ, у румунскаго мѣстечка Парапанъ, почти насупротивъ Рущука. Изъ Журжева въ Парапанъ — полчаса разстоянія.

— Турки дѣлаютъ возмутительныя жестокости надъ нашими убитыми, ранеными и плѣнными. Объ этомъ сообщается въ телеграммѣ его императорскаго высочества главнокоманоующаго дѣйствующею арміей, отъ 9-го іюля, изъ Тырнова слѣдующаго содержанія: «Поведеніе нашихъ войскъ изъ ряда вонъ молодецкое; но мы всѣ возмущены. Сейчасъ получилъ отъ генерала Гурко донесеніе, въ коемъ излагаетъ о неистовствахъ и варварствахъ, дѣлаемыхъ турками надъ нашими убитыми, ранеными и плѣнными, а въ особенности вѣроломствомъ ихъ — 6-го іюля, когда они, во время боя, выкинули бѣлый флагъ и вступили въ переговоры; при приближеніи же нашего парламентера и войскъ внезапно открыли по нимъ огонь; Лигницъ и корреспонденты «Times» были свидѣтелями варварскихъ поступокъ. Подробности излагаются въ донесеніи, которое будетъ послано завтра».

О такихъ же звѣрствахъ турокъ извѣщается и въ слѣдующей телеграммѣ изъ Кюрюкъ-Дара: 6-го іюля, близь Субботана: владикавказскій кавалерійскій полкъ, прикрывавшій аванпосты, былъ окруженъ турецкою кавалеріей въ превосходномъ числѣ. Владикавказцы молодецки пробились, причемъ особенно отличилась сотня Борисова, стоявшая совершенно отдѣльно и ударившая въ лѣвый флангъ непріятеля. Болѣе ста турокъ изрублено; по слухамъ, въ этомъ дѣлѣ палъ Мусса-паша Кундуховъ, извѣстный предводитель. Нами взято четверо плѣнныхъ. Наступленіе нашего авангарда, стоявшаго впереди Баш-Кадык-Лара, заставило турокъ отступить. Дагестанцы преслѣдовали турокъ, причемъ прорвали непріятельскую цѣпь.

Владикавказскій кавалерійскій полкъ потерялъ убитыми 10 человѣкъ и ранеными 21; въ томъ числѣ раненъ одинъ офицеръ.

Турки обезглавливаютъ и раздѣваютъ нашихъ убитыхъ. Это вызываетъ общее негодованіе въ нашихъ войскахъ.

—«Главная квартира Императора всероссійскаго и главная квартира арміи — говоритъ корреспондентъ газеты «Daily News», въ письмѣ отъ 24-го іюня (6-го іюля) — находятся въ настоящее время въ Зимницѣ; онѣ расположены рядомъ, но совершенно отдѣльны одна отъ другой. На холмикѣ, съ правой стороны отъ жалкой зимницкой гостиницы, находится небольшое угловое мѣсто. Прежде всего тутъ попадается садъ, или, скорѣе, здѣсь когда-то былъ садъ. Здѣсь, посреди коновязей, безчисленныхъ фургоновъ и покрытыхъ потомъ слугъ, находится квартира великаго князя главнокомандующаго. Онъ и его штабъ живутъ въ палаткахъ, подвергаются укушенію комаровъ и принуждены глотать немалое количество пыли и обѣдать вмѣстѣ въ общей палаткѣ, по крайней мѣрѣ, должны члены штаба; самъ великій князь обѣдаетъ вмѣстѣ съ Государемъ. Его Величество помѣщается въ саду замка, задній фасадъ котораго выходитъ на Дунай противъ Систова, а передній фасадъ выходитъ на ровный зеленый лугъ, по обѣимъ сторонамъ котораго насаженъ рядъ красивыхъ старыхъ илимовъ. Замокъ этотъ и лугъ прилегаютъ къ саду, къ которому идетъ тропинка отъ гостиницы. Замокъ слишкомъ скромное помѣщеніе для Императора, хотя очень удобная резиденція для достаточнаго боярина. Главный входъ находится посрединѣ дома. Это—самое прохладное помѣщеніе во всей Зимницѣ и въ которомъ менѣе всего пыли, такъ какъ стоитъ близко отъ Дуная и провѣтривается вѣтеркомъ, идущимъ съ рѣки, тогда какъ въ другихъ частяхъ Зимницы жаръ нестерпимый. Пониже дома, пологій скатъ искуственно спущенъ и на немъ разведенъ хорошій виноградникъ, съ виноградными лозами, вьющимися по рѣшоткамъ. Въ бесѣдкѣ этого сада Государь проводитъ значительную часть времени; здѣсь для Его Величества устроенъ большой телескопъ, въ который Онъ съ большимъ интересомъ и вниманіемъ наблюдаетъ за противоположнымъ берегомъ. Государь ведетъ весьма дѣятельную жизнь и нерѣдко посѣщаетъ раненыхъ и осматриваетъ войска. Телеграфная проволока, проведенная въ сосѣдній сарай, исправляющій должность телеграфной станціи, передаетъ здѣсь извѣстія со всего свѣта. Главнѣйшія лица императорской свиты занимаютъ небольшой четырехугольникъ палатокъ, построенныхъ въ два ряда, подъ густою зеленью илимовъ находящихся посрединѣ луга. На этомъ лугу постоянно видны посѣтители и кучки людей, сидящихъ подлѣ палатокъ и пьющихъ чай. Почтенный князь Суворовъ постоянно здѣсь и всегда охотно разговариваетъ съ посѣтителями. Чаще всего можно видѣть его вмѣстѣ съ княземъ Меншиковымъ; генералъ Игнатьевъ по временамъ выходитъ изъ своей прохладной палатки потолковать о разныхъ стратегическихъ соображеніяхъ. Позади службъ, находящихся при замкѣ, расположены палатки разныхъ знатныхъ лицъ, въ томъ числѣ недавно прибывшаго мингрельскаго князя и англійскаго военнаго агента, полковника Уэллеслея. На лугу находится большая палатка, служащая столовою. Иногда свита обѣдаетъ у столовъ, поставленныхъ на открытомъ воздухѣ, вблизи пролегающей военной дороги, по которой вьются вихри пыли. По временамъ обѣдаетъ здѣсь и Государь; но обыкновенно онъ кушаетъ вмѣстѣ со свитою. Надняхъ здѣсь случился весьма интересный эпизодъ. Во время обѣда раздались звуки похороннаго марша, такъ какъ госпиталь и кладбище, гдѣ хоронятъ умершихъ раненыхъ, расположены по сосѣдству. Императоръ освѣдомился о томъ, не хоронятъ ли это молодого артиллерійскаго офицера (Тюрберта), погибшаго при потопленіи понтона, на которомъ онъ находился во время переправы и трупъ котораго найденъ былъ четыре дня спустя въ нѣкоторомъ разстояніи отъ мѣста переправы внизъ по Дунаю. Узнавъ, что хоронятъ именно этого самаго офицера, Его Величество немедленно же всталъ изъ-за стола и, сопровождаемый великимъ княземъ главнокомандующимъ и всею Его свитою, направился къ маленькой красивой церкви, гдѣ происходило богослуженіе. Государь оставался въ церкви во все время службы, продолжавшейся въ теченіи часа, и потомъ вышелъ на паперть, подлѣ которой выкопана была могила; Его Величество стоялъ у головы гроба въ то время, какъ покойника опускали въ могилу. На слѣдующій день, всѣ турецкіе плѣнные были приведены изъ гауптвахты и выстроены на лугу, какъ разъ въ то время, когда кончался обѣдъ. Плѣнныхъ окружили пѣхотные солдаты съ примкнутыми къ ружьямъ штыками и съ открытыми патронными сумками. Несомнѣнно, что этотъ несчастный народъ полагалъ, что его привели сюда для разстрѣлянія и что послѣдній часъ настал. Его Величество явился среди плѣнныхъ съ своимъ переводчикомъ; ласково говорилъ съ ними и разспрашивалъ ихъ. Низамы отвѣчали Императору съ прямодушною откровенностью, которую можно даже назвать грубостью. Они сказали Его Величеству, что въ теченіи послѣднихъ двадцати шести мѣсяцевъ, они не получали ни гроша изъ своего жалованья. На вопросъ Государя о томъ, довольны ли они получаемою ими теперь пищею, низамы отвѣчали, что имъ никогда еще въ жизни не приходилось такъ кормиться, а одинъ изъ нихъ прибавилъ, что онъ душевно радъ, что взятъ въ плѣнъ, такъ какъ ему надоѣла эта тягостная жизнь и неполученіе жалованья. Свитскіе офицеры ходили по рядамъ плѣнныхъ и раздавали имъ папиросы, которыя плѣнные съ полною развязностью закуривали съ папиросъ, бывшихъ въ зубахъ офицеровъ; сцена эта имѣла характеръ чисто семейный. Его Величество обѣщалъ каждому раненому на войнѣ по два червонца и, сколько мнѣ извѣстно, деньги эти уже розданы раненымъ».

— Пароходы нашей черноморской флотиліи не бездѣйствуютъ, что явствуетъ изъ двухъ слѣдующихъ телеграммъ изъ Одессы:

1) 6-го іюля: Пароходы «Веста», «Константинъ» и «Владиміръ», вышедшіе изъ Севастополя 3-го іюля, сдѣлали экспедицію къ

берегамъ анатолійскому и килійскому. Не нашедши нигдѣ непріятеля, названные пароходы прибыли, сегодня утромъ, въ Одессу. Яхта «Ливадія», участвовавшая въ означенной экспедиціи, пошла въ Очаковъ.

2) Отъ 10-го іюля: Вчера, 9-го іюля, пароходъ «Аргонавтъ», подъ командою капитана-лейтенанта Снѣтова, ходилъ на рекогносцировку къ Килійскому Устью Дуная. «Аргонавтъ» нашелъ тамъ три броненосца и до десяти купеческихъ судовъ. Произошла перестрѣлка, во время которой «Аргонавтъ» далъ до 20-ти выстрѣловъ изъ мортиръ. Вечеромъ, «Аргонавтъ» возвратился въ Очаковъ безъ всякихъ поврежденій.

Одесса, понедѣльникъ, 11-го іюля, 9 часовъ утра. Въ дополненіе къ вчерашнему извѣстію о рекогносцировкѣ, произведенной «Аргонавтомъ», сообщаю названіе турецкихъ броненосцевъ, стоящихъ въ Килійскомъ Устьѣ: «Неджими-Шевкетъ», «Авни-Иллахъ» и «Ассари-Шевкетъ».

— Хроника наша была уже закончена какъ въ Петербургѣ обнародовано чрезвычайное важное извѣстіе, сообщающее подробности о блистательномъ переходѣ нашихъ войскъ за Балканы. Оно изложено въ слѣдующей телеграммѣ Его Императорскаго высочества главнокомандующаго дѣйствующею арміею, изъ Тырнова, отъ 8-го іюля. Имѣю счастье поздравить Ваше Величество съ переходомъ черезъ Балканы и съ занятіемъ трехъ перевалов въ горахъ. Послѣ лихого занятія, 25-го іюня, кавалеріею древней столицы Болгаріи, города Тырнова, я двинулся лично туда съ пѣхотой и 30-го же числа направилъ Гурко съ командуемымъ имъ передовымъ отрядомъ на Балканскій перевалъ; 1-го іюля войска перешагнули черезъ Балканы, послѣ неимовѣрныхъ трудовъ, безъ выстрѣла. Съ 2-го по 6 іюля включительно, передовой отрядъ имѣлъ каждодневно блистательныя дѣла и, двигаясь вверхъ по долинѣ рѣки Тунджи, старался достигнуть съ юга главнаго прохода у Шибки. Съ боя былъ взятъ 2-го числа Ханкіой; 3-го іюля разбитъ непріятель у деревни Уфлорги; уничтоженъ телеграфъ въ Ени-Загрѣ; 4-го іюля жаркое дѣло произошло въ деревнѣ Кишла; 5-го іюля взяты съ боя городъ Казанлыкъ и деревня Шибка. Въ то-же время посланные мною орловскій пѣхотный полкъ съ 30-мъ донскимъ полкомъ въ Габрово аттаковали 5-го іюля Шибкинскій сильно укрѣпленный проходъ съ сѣвера, гдѣ явивъ подвиги геройства, мужества и неутомимости, заняли лѣвымъ флангомъ, подъ начальствомъ командира 30-го казачьяго полка, полковника Орлова, перевалъ Янины; центръ и правый флангъ, сбивъ непріятеля съ нѣсколькихъ позицій штыками, не могли однако занять самаго перевала, ибо эта укрѣпленная мѣстность была сильно занята четырнадцатью таборами и восемью орудіями. 7-го іюля князь Мирскій, узнавъ, что Гурко занялъ въ 5 часовъ вечеромъ деревню Шибку, рано утромъ двинулся снова впередъ; тогда непріятель не выдержалъ, въ паникѣ побѣжалъ безъ выстрѣла съ перевала къ западу по долинѣ, бросивъ свои лагери, орудія и знамена. И такъ, благодаря мужеству и неустрашимости славнаго и молодецкаго войска Вашего Величества, трудный переходъ черезъ Балканы свершился, три прохода въ нашихъ рукахъ.

— Объ арміи, дѣйствующей въ азіятской Турціи обнародована телеграмма начальника штаба Кавказскаго военнаго округа, изъ Александронополя, отъ 10-го іюля. 8-го іюля турки аттаковали лѣвый флангъ расположенія отряда генерала Алхазова, открывъ одновременно огонь съ пароходовъ и со стороны Очемчиръ и двинувъ затѣмъ свою пѣхоту; но встрѣченные огнемъ пѣхоты и артиллеріи, войска непріятеля быстро оступили и отвели пароходы, изъ которыхъ одинъ поврежденъ нашими выстрѣлами. Потеря наша, благодаря хорошему укрѣпленію позиціи, совершенно ничтожная.

Прибывающія изъ Батума турецкія суда высаживаютъ войска въ Очемчиры и забираютъ оттуда абхазскія семейства.

Войска Мухтара, въ числѣ 40 баталіоновъ, расположились въ укрѣпленной позиціи на сѣверномъ склонѣ горы Аладяки, между Визинкевомъ и Керхата.

Изъ Терской области свѣдѣнія принимаютъ вновь тревожный характеръ. Въ нѣсколькихъ аулахъ Ичкеріи милиція наша, преслѣдуя преступника Алибека, была встрѣчена выстрѣлами и даже сдѣлано нападеніе на двѣ наши роты, съ цѣлію освободить арестованныхъ. Признано необходимымъ вновь собрать отрядъ на Дагестанѣ на Андійскихъ высотахъ для содѣйствія Терской области.

Телеграммы.

Бѣлостокъ, 10-го іюня, воскресенье. Сегодня мѣстнымъ комитетомъ общества Краснаго Креста открытъ и освященъ лазаретъ на 15 кроватей, устроенный служащими бресто-граевской желѣзной дороги.

Харьковъ, 8-го іюля, пятница. Сюда только-что прибылъ санитарный поѣздъ имени ея высочества Евгеніи Максимиліановны. Дорогою на поѣздѣ происходило обученіе санитаровъ. Сегодня, по случаю праздника казанской Божіей Матери, священникомъ поѣзда отслужена обѣдня. Сегодня же поѣздъ отправляется въ Елисаветградъ.

Бендеры, 9-го іюля, суббота Сегодня сюда прибылъ изъ Ельца отрядъ изъ десяти воспитанниковъ александровскаго желѣзнодорожнаго училища. Воспитанники эти назначаются на практическія занятія при сооруженіи бендеро-галацкой дороги.

Ростовъ-на-Дону, 9-го іюля, суббота. По всему югу урожай превосходенъ; сѣна убрано много, пшеницу убираютъ теперь. Рабочіе въ средней цѣнѣ.

Ташкентъ, 6-го (18-го) іюля, среда. Старшій сынъ кашгарскаго бадаулета Якубъ-Бека, Бекъ-Кули-бекъ, увѣдомилъ генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана I-го о смерти своего отца и вступленіи своемъ на престолъ.

По извѣстіямъ изъ Бухары, недавно умеръ сынъ бухарскаго эмира, Сеидъ-Мухамедъ-ханъ, бывшій, въ прошломъ году, съ посольствомъ въ Петербургѣ.

Тифлисъ, 7-го іюля, четвергъ. Во вторникъ 5-го іюля, прибылъ сюда уполномоченный отъ московскаго центральнаго склада общества попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ, г. Поливановъ, сопровождающій транспортъ госпитальныхъ принадлежностей на 1,000 кроватей.

Сюда прибылъ капитанъ Базенъ, племянникъ бывшаго маршала Базена; онъ отправляется въ главную квартиру.

— 7-го іюля, четвергъ, вечеромъ. Подписка на «восточный заемъ» въ здѣшнемъ отдѣленіи государственнаго банка дала до сихъ поръ 440,000 рублей. Подписываются преимущественно мелкими суммами: крупныхъ требованій мало.

— 8-го іюля, пятница. Общество поданія помощи при кораблекрушеніяхъ открыло въ Тифлисѣ подписку, въ видѣ дополнительнаго сбора въ помощь семействамъ воиновъ, пострадавшихъ на водѣ въ нынѣшнюю войну.

Римъ, 8-го іюля, пятница, вечеромъ. Итальянская броненосная эскадра вышла изъ Анконы въ Тарентъ.

По словамъ газетъ, существовавшія между правительствомъ и обществомъ верхне-итальянскихъ желѣзныхъ дорогъ несогласія окончательно устранены.

Бѣлградъ, 9-го іюля, суббота. Во вчерашнемъ своемъ засѣданіи скупщина дала правительству разрѣшеніе на всѣ расходы и мѣры въ теченіе войны.

Скупщина будетъ закрыта 1-го августа.

Аѳины, 9-го іюля, суббота. Такъ какъ въ пограничныхъ съ Турціею провинціяхъ Греціи появилось нѣсколько шаекъ турецкихъ разбойниковъ, то греческое правительство рѣшило отправить на границу отряды войскъ.

— 9-го іюля. Ожидаютъ болѣе рѣшительной политики отъ греческаго правительства. Законъ о призывѣ на службу резервистовъ приводится въ исполненіе и вслѣдствіе этого 10,000 человѣкъ перваго призыва включены въ составъ кадровъ постоянной арміи. Кромѣ того 6,000 волонтеровъ увеличили число пѣхоты, и приступлено къ формированію 12 стрѣлковыхъ баталіоновъ тоже изъ добровольцевъ.

Мальта, 11-го іюля, понедѣльникъ. Турецкая яхта «Изединъ» прибыла сюда съ инструкціями для турецкаго консула и затѣмъ отправилась къ острову Криту.

Бухарестъ, 7-го іюля. Военному министру открытъ чрезвычайный кредитъ въ 1.337,500 франковъ на военныя надобности.

— 8-го іюля, пятница. Изъ Константинополя сообщаютъ сюда, что тамъ ходятъ слухи о намѣреніи султана отказаться отъ престола въ пользу Юссуфа-Изедина, сына покойнаго Абдулъ-Азиса; Юсуфъ-Изединъ пользовался всегда расположеніемъ русскихъ дипломатическихъ кружковъ.

Парижъ, 7-го іюля, четвергъ. «Агентству Гаваса» сообщаютъ изъ Константинополя, отъ сегодняшняго числа, что Абдулъ-Керимъ-паша смѣщенъ и замѣненъ Османомъ-пашею. Смѣщенъ также и военный министръ.

— 7-го іюля, четвергъ, вечеромъ. Распространившійся на биржѣ слухъ о попыткахъ посредничества между Россіей и Турціей не подтверждается.

Князь Орловъ отправился во Флоренцію, чтобъ посѣтить свою мать, какъ онъ дѣлаетъ ежегодно.

«Газетѣ «Temps» телеграфируютъ изъ Аѳинъ, что отрядъ греческихъ волонтеровъ перешелъ турецкую границу. Въ Ѳессаліи, вѣроятно, возникнетъ инсуррекціонное движеніе. Греческое министерство мобилизуетъ войска постоянной арміи и волонтеровъ.

Нью-Іоркъ, 11-го іюля, понедѣльникъ. Городъ Питерсбегъ въ рукахъ участниковъ стачки. Въ субботу милиція стрѣляла по возмутившимся, причемъ 20 человѣкъ убито и 29 ранено. Вечеромъ и ночью послѣдовали дальнѣйшіе безпорядки. Возмутившіеся открыли стрѣльбу по вагонамъ и желѣзнодорожнымъ мастерскимъ, направивъ артиллерійскій огонь также и противъ машиннаго зданія, гдѣ укрѣпилась милиція. Первая попытка милиціи выйдти изъ машиннаго зданія была отбита, но вторая удалась, хотя при этомъ оказалось 30 человѣкъ убитыхъ и много раненыхъ, а также разрушены были 150 машинъ и 250 вагоновъ. Питерсбегскій шерифъ убитъ, генералъ милиціи Персанъ раненъ и милиція, во время отступленія ея на правый берегъ Алегэни, была преслѣдуема и разсѣяна. Въ Питерсбегѣ полнѣйшая анархія; стачка распространяется все далѣе.

Берлинъ, 11-го іюля, понедѣльникъ. Вслѣдствіе обнаруженія падежа рогатаго скота въ Бейтенскомъ округѣ, вывозъ этого скота изъ Силезіи воспрещенъ. Вывозъ съ скотопригоннаго двора въ Берлинѣ закрытъ. Въ Гамбургѣ и другихъ прибрежныхъ пунктахъ предписано принять предохранительныя мѣры по отношенію къ вывозу скота.

— 11-го іюля понедѣльникъ. По телеграфическимъ извѣстіямъ, германская эскадра въ Средиземномъ морѣ выступила, 9-го (21-го) іюля, вечеромъ, изъ-подъ Бейрута и 10-го (22-го) іюля прибыла къ Ларнатеѣ, на островѣ Кипрѣ.

Лондонъ, 7-го іюля, четвергъ, вечеромъ Г. Боркъ, отвѣчая въ палатѣ общинъ Поуверу, сказалъ, что донесенія консуловъ и сообщенія Порты о жестокостяхъ русскихъ войскъ въ Турціи были бы предъявлены палатѣ точно такъ же, какъ это было сдѣлано по отношенію къ жестокостямъ, совершеннымъ турками въ Болгаріи; тогда палата могла бы сама судить о достовѣрности этихъ свѣдѣній.

На вопросъ Гэнбери, Боркъ подтвердилъ, что въ одномъ изъ главныхъ устьевъ Дуная русскіе затопили четыре судна, оставивъ воды лишь на четыре фута глубины. Британскій посолъ, г. Лофтусъ, выразилъ русскому правительству надежду, что имъ будутъ приняты мѣры къ устраненію этого неудобства. Англійскому коммисару на Дунаѣ дано полномочіе присоединиться ко всякому протесту по этому дѣлу, переписка по которому будетъ обнародована.

Сэръ Норскотъ объяснилъ, на вопросъ маркиза Гартингтона, что сессія, какъ онъ надѣется, будетъ закрыта 12-го августа.

— 8-го іюля, пятница, вечеромъ. Здѣшнія утреннія газеты, какъ передаетъ «Агентство Рейтера», сообщаютъ, что начальству портсмутскаго арсенала предписано приготовить къ выходу въ море, на 25-е іюля, суда «Crocodile», «Malabar» и «Euphratus», предназначающіяся для перевозки войскъ. Мѣсто назначенія этихъ судовъ неизвѣстно.

Газета «Daily Telegraph» передаетъ слухи о томъ, что британское правительство рѣшило немедленно занять полуостровъ Галлиполи.

— 9-го іюля, суббота. Палата общинъ, большинствомъ 235 голосовъ противъ 77, отклонила предложеніе Поуэра относительно освобожденія арестованныхъ феніевъ; правительство высказалось также противъ этого предложенія.

— 9-го іюля. Въ сегодняшнемъ засѣданіи палаты общинъ Горлей сдѣлаетъ слѣдующее предложеніе: въ видахъ предупрежденія будущихъ замѣшательствъ, могущихъ угрожать путямъ въ Индіи, палата общинъ приглашаетъ министерство принять мѣры, какія оно сочтетъ необходимыми, для покупки Суэзскаго канала и подступовъ къ нему или для пріобрѣтенія протектората надъ Египтомъ.

— 9-го іюля. Въ Портсмутѣ полученъ приказъ адмиралтейства о томъ, чтобъ три военныхъ судна индійскаго флота, употребляемыхъ для перевозки войскъ, къ будущей средѣ 13-го (25-го) іюля были готовы сняться съ якоря и выступить въ море. Въ Индіи корпусъ въ 50,000 мѣстныхъ войскъ приготовленъ къ перевозкѣ въ Европу. Починка всѣхъ транспортныхъ военныхъ судовъ продолжается съ усиленною поспѣшностью.

— 11-го іюля, понедѣльникъ. «Times» сообщаетъ, что въ четвергъ транспортное судно «Евфратъ» снимется съ якоря, въ Портсмутѣ, и отправится въ море съ отрядомъ въ 1,500 человѣкъ дессантныхъ войскъ; за нимъ послѣдуютъ на дняхъ четыре другихъ транспортныхъ судна съ дессантными войсками. Увѣряютъ, будто назначеніе этихъ войскъ усилить гарнизонъ острова Мальты, но полагаютъ, что они отправляются на полуостровъ Галлиполи. Въ альдершотскомъ лагерѣ нѣсколько полковъ получили приказаніе быть наготовѣ къ отплытію. Изъ Чатама броненосное судно «Temeraire» прямо отправится въ Средиземное море для усиленія англійскаго флота въ турецкихъ водахъ.

Сегодня ночью, въ палатѣ общинъ будетъ представленъ запросъ правительству съ требованіемъ объяснить цѣль этихъ воинственныхъ демонстрацій.

— 11-го іюля, понедѣльникъ. Судно «Euphrates» отплываетъ въ четвергъ къ Мальтѣ, съ 1,500 солдатами; затѣмъ, въ самомъ скоромъ времени, отправлено будетъ еще 1,500 человѣкъ на судахъ «Crocodile», «Malabar» и другихъ судахъ, предназначенныхъ для перевозки войскъ. Женщины и дѣти не могутъ сопровождать войска. Въ Портсмутѣ полагаютъ, что мѣстомъ назначенія отправляемыхъ войскъ служитъ полуостровъ Галлиполи.

Газета «Morning Post» сообщаетъ, что британское правительство рѣшило значительно усилить морскія силы флота на Средиземномъ морѣ.

Вѣна, 7-го іюля, четвергъ, вечеромъ. Въ газетѣ «Politische Correspondenz» напечатана слѣдующая депеша изъ Константинополя, отъ 18-го іюля: «Здѣсь большой кризисъ; предстоитъ отставка также и Эдхема-паши. Въ назначеніи Аарифи-паши усматриваютъ переворотъ въ благопріятномъ для приверженцевъ Митхада-паши смыслѣ.

«Главнокомандованіе турецкою арміей будетъ ввѣрено, вмѣсто Абдулъ-Керима-паши, Сулейману-пашѣ, а до его прибытія — Осману-пашѣ. Преемникомъ Абдулъ-Керима-паши называютъ также и Ахмеда-Эюба-пашу. Возбужденіе въ столицѣ весьма велико».

Въ той же газетѣ напечатано высоко-оффиціозное сообщеніе, которое неоднократно предостерегаетъ отъ сенсаціонныхъ извѣстій. Относительно извѣстія газеты «Observer» о томъ, будто бы вѣнскій кабинетъ усиливался конфиденціально вывѣдать намѣренія русскаго правительства и готовность его къ заключенію мира, причемъ попытки эти остались безуспѣшными, въ помянутомъ оффиціозномъ сообщеніи выражено, что и приведенное извѣстіе, какъ можно заявить съ полною достовѣрностью, совершенно лишено фактическаго основанія.

— 8-го іюля, пятница. Султанъ вызвалъ телеграммой генерала Клапку въ Константинополь; Клапка тотчасъ же выѣхалъ отсюда. Увѣряютъ, что онъ назначенъ начальникомъ главнаго штаба турецкой арміи въ Болгаріи.

— 8-го іюля. По полученнымъ здѣсь извѣстіямъ, въ Константинополѣ кризисъ. Этотъ кризисъ объясняютъ здѣсь скорѣе въ смыслѣ готовности турокъ искать мира, чѣмъ въ смыслѣ призыва Митхада-паши къ управленію.

— 10-го іюля. Двадцать корреспондентовъ (французскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ) на Дунаѣ подписали протестъ противъ жестокостей, приписываемыхъ русскимъ войскамъ турецкимъ правительствомъ.

— 11-го іюля, понедѣльникъ. Газетѣ «Neue Freie Presse» сообщаютъ изъ Константинополя, отъ 10-го (22-го) іюля, что Редифъ-паша отправленъ будетъ въ ссылку; постъ же военнаго министра останется пока незамѣщеннымъ.

Константинополь, 6-го іюля, среда, вечеромъ. Аарифи-паша назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ на мѣсто Савфета-паши, который назначается министромъ общественныхъ работъ. Говорятъ, что предстоятъ еще другія перемѣны въ составѣ турецкаго кабинета.

— 6-го іюля, среда, вечеромъ. 20,000 регулярныхъ войскъ и значительное число волонтеровъ отправлены въ Адріанополь. Адріанопольское населеніе большими массами прибываетъ въ Константинополь, гдѣ и размѣщается правительствомъ въ общественныхъ школахъ.

— 7-го іюля, четвергъ, вечеромъ. О смѣщеніи Абдулъ-Керима-паши объявлено оффиціально. Маршалъ дворца, Саидъ-паша, назначенъ временно морскимъ министромъ. Министръ общественныхъ работъ, Савфетъ-паша, вышелъ въ отставку. Нынѣшній губернаторъ Адріанополя, снова назначенъ турецкимъ посломъ въ Парижѣ.

— 8-го іюля, пятница. Хедивъ египетскій посылаетъ султану другой вспомогательный корпусъ въ 20,000 человѣкъ. Англійское правительство ссудило хедива необходимыми денежными средствами.

— 10-го іюля, воскресенье. По слухамъ, Порта разрѣшила Англіи занять Константинополь корпусомъ въ 50,000 человѣкъ, хотя бы Россія и признала вмѣшательство Англіи за casus belli.

Наши гравюры.

Павелъ Рубенсъ.

На дняхъ исполнилось трехсотлѣтіе со времени рожденія знаменитаго художника Рубенса.

Петръ Павелъ Рубенсъ родился въ Кельнѣ въ 1577 году отъ богатыхъ родителей. Отецъ его вскорѣ скончался, и мать опредѣлила молодого Рубенса пажемъ къ знатной графинѣ Лалингъ. Гордая, необузданная натура мальчика не пододавалась дисциплинѣ. Съ 16-ти лѣтъ онъ предался страстно рисованію и настоялъ, чтобы ему взяли преподавателемъ извѣстнаго живописца Товія Форгехта. Успѣхи Рубенсъ оказалъ замѣчательные. Первые его этюды составили историческіе и, преимущественно такъ называемые героическіе пейзажи Особенно замѣчательна картина «Четыре части свѣта», на которой подъ видомъ четырехъ старцевъ, окруженныхъ различнаго рода эмблемами, изображены четыре главныя рѣки четырехъ частей свѣта въ видѣ боговъ рѣкъ: Дуная, Нила, Ганса и Мараньона Послѣ Форгехта Рубенсъ началъ учиться у Янъванъ-Оорта, а затѣмъ у Отто Веніуса, который и уговорилъ его ѣхать для окончательнаго усовершенствованія въ Италію. Герцогъ мантуанскій Гонзаго назначилъ молодого художника своимъ придворнымъ живописцемъ. Его пригласили въ Мадритъ, гдѣ онъ заработалъ огромныя деньги, исполнивши портреты королевской семьи и другихъ знатныхъ особъ. Въ Римѣ онъ изучилъ мѣстныя древности и издалъ иллюстрированное ихъ описаніе. Талантъ въ полномъ его блескѣ проявился въ картинѣ «Св. Игнатій, изцѣляющій изступленнаго». Вернувшись на родину по болѣзни матери, онъ удалился на нѣкоторое время въ монастырь, вслѣдствіе ея кончины; но разсѣявшись, вскорѣ женился и предался весь живописи, поселившись въ Антверпенѣ, гдѣ была родина его предковъ. Первая большая картина была хранящаяся въ настоящее время въ Гаагѣ «Марія Ильдефонса», затѣмъ появились картины «Поднятіе Іисуса Христа на крестъ» и «Снятіе со креста», два роскошные пейзажа, извѣстные подъ названіемъ «Фландрскаго луга» и «Острова Цитеры», громадная «Львиная Охота», собственный портретъ и другія. По вызову Маріи Медичи, онъ ѣздилъ въ Парижъ исполнить нѣсколько картинъ для Люксенбургской галлереи. Не мало поработалъ онъ и для Лондона, познакомившись въ Парижѣ съ министромъ англійскаго короля, герцогомъ Букингеномъ. Затѣмъ Рубенсъ исполнялъ должности посла, сперва въ Мадритѣ, а затѣмъ Лондонѣ. По возвращеніи въ Антверпенъ, онъ потерялъ жену; но вскорѣ женился вновь. Скончался Рубенсъ въ 1640 году, и погребенъ въ Антверпенѣ. Здѣсь на могилѣ его поставлена капелла, а городъ соорудилъ ему колоссальную бронзовую статую.

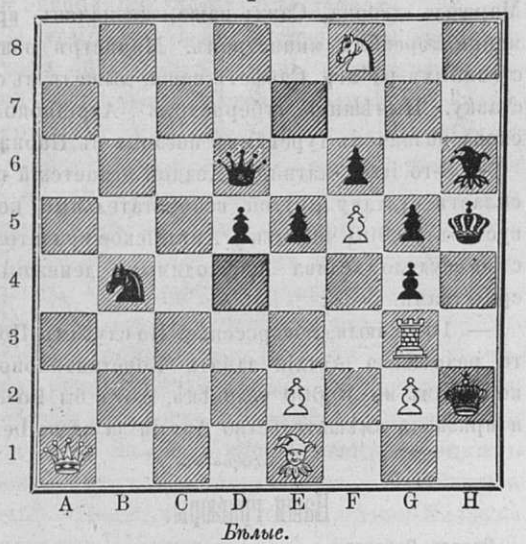
* * *

Шахматы.

Задача XXVII.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

Черные.



Бѣлые.

Рѣшеніе задачи № XXVI.

Бѣлые. *Черные.*

1) E6—F7....

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи. Сѣверная шведская полярная экспедиція подъ начальствомъ проф. А. Е. Норденскіольда (продолж.). — Черная Индія (продолж.). — Балканскія розы. — Письма изъ Америки (продолж.). Московскія письма. — Стихотвореніе. — Новости наукъ и жизни. — Смѣсь. — Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій. — Телеграммы. — Наши гравюры. — Шахматы. — Объявленія.

Гравюры: Охота на моржей.—Шлюпка Анна. — Павелъ Рубенсъ. — Ночь.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Объявленія.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ за 1875 и 1876 гг.

За каждый годъ, большой томъ изящно отпечатанный, со множествомъ рисунковъ, лучшихъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, уступается подписчикамъ каждый годъ за 3 рубля (безъ приложеній):

въ изящномъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ .... 4 р.

за два тома.................... 5 „

въ изящныхъ же переплет..

за два тома.................. 7 р.

Деньги на пересылку высылаются по разстоянію: за одинъ томъ на 7 фунт.; за два тома 14 фунт. (До 1000 верстъ) прилагается 1 р. на пересылку за каждый томъ; сверхъ же 1000 верстъ, на каждыя сто верстъ, прилагается 7 к. на томъ.

Въ конторѣ редакціи «ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ» находится въ продажѣ **большая гравюра.**

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ.

Снимокъ къ картины *Леонарда да Винчи.* Цѣна *50 коп. съ пер. 75 коп.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА САМОЕ ДЕШЕВОЕ ИЗЪ ВСѢХЪ ЕЖЕДНЕВНЫХЪ, ПОЛИТИЧЕСКИХЪ И ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ИЗДАНІЙ

ГАЗЕТУ

„НОВОСТИ“

на 1877 годъ.

Въ С.-Петербургѣ, Больш. Садовая д. № 47.
» Кронштадтѣ, въ отдѣлен. газ. «Новости».
» Москвѣ, въ московскомъ отдѣленіи газеты «Новости, на углу Дмитріевки и Охотнаго ряда, д. Благороднаго Собранія, въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Живарева.

Въ Казани, въ отдѣленіи конторы газеты «Новости» при книжномъ и музыкальномъ магазинѣ «Восточная Лира».

Цѣна на 8 мѣсяцевъ съ 1 мая по 1 января 1878 года для иногородныхъ 7 рубл., для городскихъ подписчиковъ съ доставкою 6 руб.; на 1 годъ 9 руб.; на другіе сроки по 1 руб. за каждый мѣсяцъ.

По богатству, разнообразію и свѣжести извѣстій какъ политическихъ и внутреннихъ, вообще, такъ и съ театра войны, въ особенности, газета «Новости» нисколько не отличается отъ наиболѣе распространенныхъ ежедневныхъ изданій.

Во все время войны въ газетѣ «Новости» будутъ печататься спеціальныя корреспонденціи и телеграммы съ Дуная, Кавказа и Персидской границы, изъ славянскихъ земель и Константинополя.

Кромѣ того, въ газетѣ «Новости» постоянно печатаются всѣ телеграммы «Международнаго Тел. Агент.» и »Agence génér. russe».

СЪ 1-го ІЮЛЯ 1877 ГОДА

выходитъ въ Москвѣ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ

РУССКАЯ ГАЗЕТА.

Приступая съ 1-го іюля текущаго года къ изданію «Русской Газеты», Редакція избрала себѣ задачей: сопоставить съ обозрѣніями явленій и событій собственно политическихъ,—тѣ основные интересы, нужды и силы, нравственныя и естественныя, изъ взаимодѣйствія которыхъ слагается наша столичная и провинціальная общественная жизнь. При выборѣ такой задачи Редакція руководилась убѣжденіемъ въ необходимости близкаго знакомства съ зиждущими силами общества для правильнаго разумѣнія и всесторонней оцѣнки событій міра политическаго.

Сопоставляя въ одно цѣлое и дѣлая доступными общему вѣденію тѣ стороны и выдающіяся явленія нашей общественной жизни, свѣдѣнія о которыхъ доселѣ составляли исключительное достояніе мѣстныхъ или спеціальныхъ изданій, Редакція надѣется этимъ путемъ способствовать сознательному общенію интересовъ и силъ государственныхъ съ общественными, общихъ съ мѣстными, нравственныхъ съ политическими.

Средствами къ выполненію этой задачи «Русской Газетѣ» будетъ служить, независимо отъ обозрѣній внѣшней и внутренней политики, общественная хроника, отечественная этнографія, статистика, мѣстная исторія, корреспонденція и сообщенія о важнѣйшихъ событіяхъ въ мірѣ судебномъ, биржевомъ, торговомъ и проч. Въ изданіи отведено мѣсто и изящной литературѣ, въ формѣ фельетона, очерковъ, разсказовъ и стихотвореній.

Стараясь сдѣлать изданіе, въ виду общаго интереса его задачи, по возможности общедоступнымъ, Редакція вполнѣ сознаетъ и трудность ея выполненія, безъ дѣятельнаго участія со стороны самаго общества, и, вѣря въ сочувствіе послѣдняго къ ея стремленіямъ, покорнѣйше проситъ всѣхъ, обладающихъ свѣдѣніями изъ указанныхъ областей нашей общественной жизни, сообщать таковыя Редакціи, не стѣсняясь литературной обработкой.

«Русской Газетѣ» обѣщали содѣйствіе: И. С. Аксаковъ, Н. П. Аксаковъ, Н. А. Артлебенъ, П. Е. Астафьевъ, Э. В. Барсовъ, Н. П. Бочаровъ, пр. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, пр. А. Д. Градовскій, Д. И. Иловайскій, доц. Гр. Л. А. Камаровскій, пр. П. Л. Карасевичъ, В. О. Ключевскій, пр. В. Н. Лешковъ, А. Н. Плещеевъ, В. Е. Румянцевъ, А. Ц. Стадлинъ, пр. А. Н. Стояновъ, Н. А. Чаевъ, доц. А. И. Чупровъ, С. А. Юрьевъ и др.

„Русская Газета“ выходитъ пять разъ въ недѣлю, а въ остальные дни особые листки съ политическими извѣстіями, въ видѣ прибавленій къ газетѣ.

Условія подписки:

Безъ доставки.
На полгода съ 1 іюля по 1 января 1878 г. 3 р. 50 к.
На 3 мѣсяца съ 1 іюля по 1 окт. 1877 г. 2 » — »
Съ доставкой въ Москвѣ и пересылкою.
На полгода съ 1 іюля по 1 января 1878 г. 4 р. 25 к.
На 3 мѣсяца съ 1 іюля по 1 окт. 1877 г. 2 » 50 »

Подписка принимается:

Въ конторѣ Редакціи: Арбатъ, домъ Лазарика, № 2; и въ конторѣ Н. П. Бочарова, по изданію книги Сборника свѣдѣній о русскихъ процентныхъ бумагахъ; у церкви Николы Грачи, домъ Поливановой, квар. № 12.

Въ книжныхъ магазинахъ въ Москвѣ: Соловьева, Васильева (Страст. бульваръ), Мамонтова, Вольфа (Кузнецкій мостъ), Анисимова, Кольчугина (Никольская).

Въ Петербургѣ: Анисимова, Мамонтова и Вольфа.

Гг. иногородные съ своими требованіями благоволятъ обращаться непосредственно въ Контору Редакціи.

Частныя объявленія для напечатанія въ «Русской Газетѣ» по 10 коп. за строчку мелкаго шрифта, принимаются въ Конторѣ Редакціи и въ Конторѣ Сборника Бочарова.

Отвѣтствен. Редакт.-Издатель **А. А. Александровскій.**

ИНОСТРАННЫХЪ ПЕРЕВОДНЫХЪ РОМАНОВЪ,

издаваемый въ Москвѣ

Е. П. Вороновою.

Означенный журналъ издается въ 1877 году по той-же программѣ и въ томъ-же объемѣ, какъ и въ прошедшемъ, то есть: журналъ выходитъ ежемѣсячно книгами большаго формата и заключаетъ въ себѣ рядъ интересныхъ романовъ, принадлежащихъ перу лучшихъ иностранныхъ писателей.

Зная, какъ осуждается публикою растяжка интереснаго романа на многіе мѣсяцы, редакція рѣшилась, за рѣдкими только исключеніями, помѣщать въ каждой книгѣ по полному, совершенно законченному роману.

Подписная цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 12-ти книгъ, въ Москвѣ безъ доставки на домъ 10-ть руб., съ доставкой 11-ть руб., а съ пересылкою иногороднымъ 12 ть руб.

Подписавшіеся до 15-го февраля 1877 года получатъ, кромѣ означенныхъ книгъ, премію, въ видѣ отдѣльнаго романа.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ редакціи журнала, на Тверской улицѣ, въ домѣ Голяшкина и въ наиболѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Исакова.

Гг. иногородныхъ просятъ адресовать свои требованія на имя Редактора-издательницы, Елизаветы Петровны Вороновой.

Для чиновниковъ, служащихъ въ Москвѣ, допускается разсрочка черезъ гг. казначеевъ.

Въ первыхъ книгахъ журнала будутъ напечатаны слѣдующіе интересные романы: *Сынъ Роберта Дьявола, По слѣдамъ преступленія, Забытый уголокъ, Страшная тайна, Король Корсики.*

Впрочемъ, редакція оставляетъ за собой право замѣнить эти романы другими, если встрѣтятся болѣе интересные.

Редакторъ-издательница Е. Воронова.

ОТЪ КІЕВСКАГО ОБЩЕСТВА ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЕЙ.

Поступилъ въ продажу «Указатель русской литературы» по математикѣ, чистымъ и прикладнымъ естественнымъ наукамъ (физикѣ, химіи, минералогіи, геологіи, географіи, ботаникѣ, зоологіи, лѣсоводству, сельскому хозяйству, пчеловодству, технологіи и проч.) медицинѣ и ветеринаріи за 1875 г., составленный подъ редакціею проф. Н. А. Бунге и лѣкаря П. В. Гвоздика. (Изданіе Кіевскаго Общества Естествоиспытателей).

«Указатель» за 18˘5 г. составленъ по тому же плану, какъ и за предшествовавшіе годы. Цѣна «Указателю» 2 руб.—Съ требованіями просятъ обращаться въ Кіевское Общество Естествоиспытателей, Кіевъ, зданіе Университета св. Владиміра. Тамъ же можно получать «Указатель» за 1872, 1873 и 1874 годы; цѣна 2 руб. за каждый годъ.

Кіевское Общество Естествоиспытателей, въ виду издаваемаго имъ Указателя русской литературы по математикѣ, чистымъ и прикладнымъ естественнымъ наукамъ, медицинѣ и ветеринаріи, имѣетъ честь покорнѣйше просить гг. авторовъ сочиненій по названнымъ наукамъ присылать Обществу (Кіевъ, Университетъ Св. Владиміра) или самыя сочиненія, или заявленія объ ихъ выходѣ, а всѣ ученыя общества и редакціи журналовъ по естествознанію и медицинѣ—обмѣнивать свои изданія на изданія Кіевскаго Общества Естествоиспытателей.

При настоящемъ нумерѣ Живописнаго Обозрѣнія разсылается всѣмъ подписчикамъ іюльское приложеніе „ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО“.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 Іюля 1877 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

№ 30. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода—4 р. 50 к. Отдѣльн. №№ по 15 к. **С.-Петербургъ, 24 Іюля 1877 года.** *Адресъ конторы редакціи:* С.-П.-бургъ, Троицкій переулокъ, домъ № 27/1. **Годъ V.**

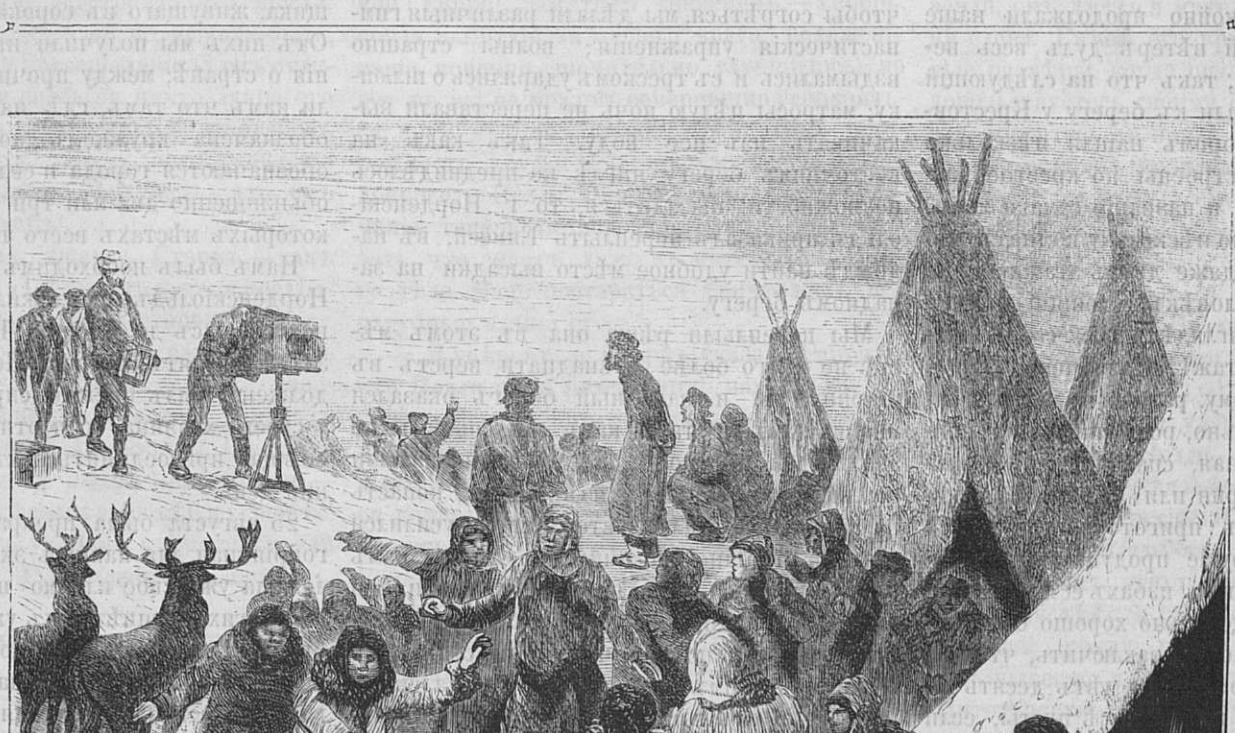
Подписка на „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ 1877 г. продолжается.

Въ 1877 году журналъ выходитъ **еженедѣльными** нумерами (въ годъ 52 нумера), иллюстрированными множествомъ художественныхъ гравюръ. Всѣ подписчики получаютъ, въ **видѣ премій**, ежемѣсячное приложеніе подъ заглавіемъ «Жизнь и Хозяйство», со множествомъ рисунковъ. Годовымъ подписчикамъ разсылаются слѣдующія преміи: большая гравюра **„Продажа амулетовъ“**, снимокъ съ картины проф. **Генриха Семирадскаго**, на толстой веленевой бумагѣ, длиною одинъ аршинъ, шириною 12½ вершковъ, и **Карта театра военныхъ дѣйствій въ Европейской и Азіятской Турціи.**

Годовая подписная цѣна журнала, съ достав. и перес. 7 руб., безъ перес. и доставки—6 руб.; на полгода: (съ 1-го іюля), съ пересылкою—4 р. 50 коп., безъ перес.—3 руб.

Подписка продолжается. Новые годовые подписчики получаютъ журналъ съ перваго нумера.

ОТЪ КОНТОРЫ „ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ“. Во избѣжаніе задержки по высылкѣ №№ журнала за ВТОРОЕ полугодіе (т. е. съ 1-го іюля), контора „Живописнаго Обозрѣнія“ покорнѣйше проситъ гг. подписавшихся на журналъ съ разсрочкою и внесшихъ менѣе 5 руб., озаботиться своевременною высылкою остальныхъ денегъ.



Самоѣды передъ фотографіей.

(Къ статьѣ: «*Шведская полярная экспедиція*».)

Сѣверная шведская полярная экспедиція подъ начальствомъ профессора А. Е. Норденскіольда.

(*Продолженіе.*)

Часть третья.

Отъ Диксонъ-Ганнъ до Стокгольма черезъ Сибирь.

Отъѣздъ «Анны». — Крестовскій мысъ. — Песчаная мель.—Кормчій изъ казаковъ.—Село Дудино.—Дудинка.—Буксирное судно «Александръ».—Рыбы въ Енисеѣ.—Скопцы.—Остяки, Юраки, Долганы, Тунгусы.—Туруханскъ.—Саливанское.—Русскія пѣсни.

Въ 10 час. утра 19-го августа 1875 года, пожавъ друзьямъ руку, опорожнивъ прощальный кубокъ и раскланявшись съ ними въ послѣдній разъ, мы подняли флагъ и пустились въ открытое море и наша шлюпка «Анна», благодаря попутному вѣтру скоро скрылась съ горизонта «Превена».

«Анна» разсѣкала волны Енисея и быстро подвигалась впередъ, оставляя за собою множество островов, лежащихъ по лѣвую руку. Какъ видитъ глазъ, вездѣ мѣстность низменная и ровная, ни одной примѣтной возвышенности. Вдоль береговъ лежатъ груды древесныхъ стволовъ, выбрасываемыхъ втеченіе вѣковъ волнами; многіе острова на Енисеѣ обязаны только этой причинѣ своему происхожденію. Изрѣдка попадаются намъ тюлени, съ любопытствомъ разсматривающіе насъ, и довольно равнодушные бѣлые дельфины; вотъ вамъ общество этой страны.

Послѣ полудня мы причалили близъ Ефремовскихъ камней, чтобы изслѣдовать почву и приготовить теплую пищу, для чего развели небольшой костеръ. Вдругъ, на разстояніи двухъ ружейныхъ выстрѣловъ, появились три бѣлыхъ, мохнатыхъ медвѣдя, привлеченные запахомъ пищи. Мы, нисколько не стѣсняясь нечаяннымъ сосѣдствомъ, съ любопытствомъ разсматривали другъ друга.

Затѣмъ мы спокойно продолжали наше плаваніе. Попутный вѣтеръ дулъ весь вечеръ и цѣлую ночь, такъ что на слѣдующій день мы уже пристали къ берегу у Крестовскаго мыса, на которомъ нашли нѣсколько избъ. Эти избы выстроены по крестообразной формѣ, (откуда и названіе самаго мыса) и имѣютъ каждая по нѣскольку комнатъ; нѣкоторыя изъ нихъ даже двухъ-этажныя, но такъ низки, что человѣкъ, стоящій передъ домомъ, можетъ разглядѣть все, что дѣлается въ верхнемъ этажѣ. Назначеніе этихъ комнатъ, по видимому, разное; въ иныхъ замѣчалось, относительно, роскошная обстановка. Тамъ есть ванная, спальня, двѣ большихъ залы, пивоварня или булочная, отдѣленіе, въ которомъ приготовляется рыбій жиръ и разные другіе продукты рыболовства; кромѣ комнатъ въ избахъ есть каморки, чуланы, сѣни. Все довольно хорошо сохранилось, и изъ этого можно заключить, что эти домики были еще обитаемы лѣтъ десять тому назадъ. Теперь же они всѣ пусты, если не считать ихъ жителями пары соколовъ съ двумя птенчиками.

Растительность въ этой мѣстности довольно роскошная, въ особенности около обитаемыхъ мѣстъ; по словамъ колонистовъ, здѣсь принимаются и разводятся многія растенія; они служатъ доказательствомъ прошедшей культуры и возможности ея возобновленія при новыхъ болѣе выгодныхъ условіяхъ.

Изслѣдовавъ почву, мы отправились далѣе и скоро заснули, покачиваемые сѣверо-западнымъ вѣтромъ и небольшими волнами; мы ѣхали ближе къ восточному берегу Енисея.

21 августа, утромъ, мы доплыли до Хайтанскаго мыса, гдѣ, послѣ продолжительныхъ усилій, намъ удалось найти удобную якорную стоянку для «Анны». Мы разложили костеръ изъ древесныхъ стволовъ, чтобы обогрѣть оцѣпенѣвшіе члены.

На слѣдующій день мы предприняли экскурсіи по окрестностямъ, которыя отличаются очень богатою флорою, состоящей изъ березъ, карликовъ и разныхъ вересковыхъ растеній; кромѣ того множество кустовъ морошки съ весьма вкусными ягодами въ значительномъ количествѣ. Морошка, на сколько мы могли заключить, попадается далеко на сѣверѣ и составляетъ главную растительность тундръ,—этихъ однообразныхъ безлѣсныхъ сѣвероазіятскихъ степей.

Послѣ обѣда мы отправились далѣе и высадились на ночь въ Сапожной корчѣ. Подулъ очень холодный вѣтеръ; ртуть въ термометрѣ опустилась ниже нуля, но днемъ стало теплѣе. Мы высадились на грудахъ плавучаго дерева, такъ что не нашли удобнаго мѣста, гдѣ бы развести огонь, не рискуя произвести пожара. Эти деревья доходятъ до громадныхъ размѣровъ; нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ болѣе двухъ аршинъ въ поперечникѣ. Не далеко отъ берега, тамъ гдѣ дерево уже успѣло сгнить, попадается множество грибовъ; между деревьями виднѣются водныя пространства, изобилующія рѣчными раками. На оконечности мыса стоитъ нѣсколько заброшенныхъ избъ; въ нихъ водворились огромныя стада гусей; они длинными вереницами летятъ на югъ.

Сильный вѣтеръ задержалъ насъ здѣсь до 23 августа; къ вечеру намъ удалось наконецъ спустить шлюпку по рѣкѣ, и хотя дождь промочилъ насъ до нитки, мы продолжали путь. Намъ пришлось провести страшную ночь; наступилъ непроглядный мракъ и холодъ, пронизывающій до костей: чтобы согрѣться, мы дѣлали различныя гимнастическія упражненія; волны страшно вздымались и съ трескомъ ударялись о шлюпку; матросы цѣлую ночь не переставали выкачивать изъ нее воду. Такъ какъ на восточномъ берегу нигдѣ не предвидѣлось возможности высадиться, то г. Норденскіольдъ приказалъ переплыть Енисей, въ надеждѣ найти удобное мѣсто высадки на западномъ берегу.

Мы переплыли рѣку; она въ этомъ мѣстѣ не много болѣе двѣнадцати верстъ въ ширину, но и западный берегъ оказался низменнымъ и такъ какъ мы совсѣмъ не знали этой мѣстности, то снова переплыли на восточный берегъ изъ боязни, попасть на подводную скалу. Вѣтеръ снова усилился и сталъ страшно раскачивать «Анну»; намъ иногда казалось, что на берегу, вдали, мы видимъ огоньки, что, могло и быть въ дѣйствительности потому что, если судить по географическимъ картамъ, не въ далекомъ разстояніи отъ насъ должны были находиться населенныя мѣста; но увы, мы вскорѣ убѣдились, что это только блуждающіе огоньки; этотъ оптическій обманъ происходилъ отъ пѣнящихся волнъ, разбивающихся о подводныя скалы и берега. Наконецъ мы снова у восточнаго берега, и только что хотѣли пустить судно вдоль его, чтобы отыскать хорошее мѣсто высадки, какъ раздался голосъ Ніельса: «Корма на подводной скалѣ!» Прежде чѣмъ намъ удалось повернуть бокомъ, на насъ нахлынули волны, разбивавшіяся съ силою о песчаную мель, лежащую въ уровень съ водою.

Взявъ на гитовы паруса и ставъ за вѣтромъ, мы хотѣли отплыть отъ этого мѣста, для чего прибѣгли къ весламъ, но буря и страшныя волны скоро заставили насъ отказаться отъ нашего намѣренія. Волны перебрасывало черезъ нашъ шлюпъ; если бы съ боку налетѣла одна только волна, то она съ разу наводнила бы судно. Отважный Ніельсъ вывелъ насъ изъ критическаго положенія. «Нужно переплыть песчаную мель», сказалъ онъ рѣшительнымъ голосомъ. Хотя мы и не вполнѣ довѣряли ему, но все же подняли паруса и направили судно какъ разъ на бушующую стихію... Audaces fortuna juvat! Въ одно мгновеніе колоссальная волна налетѣла на насъ и подняла насъ надъ подводнымъ камнемъ. Послѣ это мы скоро приплыли къ удобному мѣсту, гдѣ и привязали нашу шлюпку.

Берегъ весь зеленый, благодаря ольхамъ, между которыми простирается богатая растительность; неподалеку отъ нашей палатки впадаетъ въ Енисей рѣчка, Мезенкинъ, извивающаяся между песчаными холмиками, изъ которыхъ, повидимому, преимущественно, состоитъ внутренность страны; долина, по которой онъ протекаетъ, очень красива благодаря изобилію зелени; она вся изрѣзана мысами и небольшими островками.

За все время нашего плаванія, мы не встрѣтили ни одной человѣческой души, и, понятное дѣло, никогда не ощущали такой сильной потребности въ человѣческомъ обществѣ, какъ въ это время. Представьте же себѣ нашу радость, когда 24-го августа утромъ, мы вдругъ увидѣли собакъ, и съ ними двухъ человѣкъ, собирающихъ морошку по сосѣдству съ нами. Мы пригласили ихъ къ себѣ въ палатку, угостили ихъ кофе, чѣмъ снискали ихъ довѣріе до того, что они между собою вступили въ оживленный разговоръ. Это были двое русскихъ; одинъ изъ нихъ казакъ Федоровъ, служащій у прикащика, живущаго въ сорока верстахъ отсюда. Отъ нихъ мы получили интересныя свѣдѣнія о странѣ; между прочимъ, они объяснили намъ что тамъ, гдѣ на картѣ мѣстность обозначена кружкомъ подобно тому какъ обозначаются города и селенія, тамъ живетъ обыкновенно два или три человѣка, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ всего только одинъ.

Намъ былъ необходимъ проводникъ и г. Норденскіольдъ предложилъ Федорову провожать насъ до Дудина. Казакъ согласился за пятьдесятъ рублей. Но такъ какъ онъ долженъ былъ прежде спросить позволенія у своего хозяина, то и отправился къ нему, обѣщая присоединиться къ намъ на слѣдующій день.

25 августа была прекрасная погода благопріятная для нашихъ экскурсій. Осень наложила уже свое клеймо на растительность; со многихъ отцвѣтшихъ уже растеній мы собрали сѣмяна. Эта мѣстность замѣчательна ископаемыми остатками мамонтовъ; на берегахъ Енисея часто находятъ ихъ кости.

26 августа явился нашъ проводникъ въ сопровожденіи своего хозяина, четырехъ другихъ русскихъ и восьми большихъ собакъ. Они были очень любезны съ нами и помогли намъ собраться въ дорогу. «Анна» распустила паруса и поплыла; однакожъ нѣсколько разъ сбивалась съ дороги и при новомъ кормчемъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

* * *

Черная Индія.

Романъ Жюля Верна.

(*Окончаніе*).

XX.

Теперь все объяснилось; при имени Сильфаксъ, старый надсмотрщикъ все понялъ.

Сильфаксъ былъ послѣднимъ «кающимся» Дошарской шахты.

За долго до изобрѣтенія предохранительной лампы Гемфре, Симонъ Фордъ знавалъ этого ужаснаго человѣка; онъ, рискуя жизнію, каждый день производилъ взрывы рудничнаго газа. Симонъ Фордъ встрѣчалъ это странное существо, блуждающимъ по копи и всегда въ обществѣ огромной совы; тамъ, гдѣ рука Сильфакса не могла достать слишкомъ высокаго слоя, птица летѣла вверхъ, держа въ клювѣ зажженный фитиль. Этотъ старикъ въ одинъ прекрасный день безъ вѣсти пропалъ и вмѣстѣ съ нимъ исчезла маленькая сиротка, родившаяся въ копи, и неимѣвшая родныхъ, кромѣ него, приходившагося ей прадѣдомъ. Эта сиротка была Нелли. Пятнадцать лѣтъ оба они жили въ какой-то таинственной пропасти, пока Гарри не вытащилъ молодую дѣвушку изъ колодца.

Старый надсмотрщикъ подъ вліяніемъ жалости и негодованія сообщилъ инженеру и своему сыну все, вызванное въ его памяти именемъ Сильфакса. Все непонятное разъяснилось теперь для нихъ. Сильфаксъ былъ то таинственное существо, котораго тщетно разъискивали въ самыхъ глубокихъ шахтахъ Новаго Аберфойля!

— Ты его зналъ, Симонъ? спросилъ инженеръ.

— Да! отвѣтилъ надсмотрщикъ;—его прозывали «человѣкъ съ совой!» И тогда, какъ я въ первый разъ встрѣтился съ нимъ, онъ былъ уже не молодъ; онъ пятнадцатью или двадцатью годами старше меня. Онъ былъ точно дикій человѣкъ, ни съ кѣмъ не зналcя; про него составилось понятіе, что онъ не боится ни воды, ни огня! Онъ избралъ ремесло «кающагося» изъ любви къ искуству; это опасное занятіе разстроило его мысли; всѣ говорили, что онъ злой, но, можетъ быть, онъ былъ только съумасшедшимъ; онъ отличался чрезмѣрною силою, и никто лучше его не зналъ самыхъ отдаленныхъ закоулковъ копи; ходилъ слухъ, что у него скоплены значительныя деньги. Я думалъ что онъ давнымъ давно умеръ!

— Но, спросилъ Джемсъ Старръ,—какъ понять эти слова: «Ты укралъ у меня послѣднюю каменноугольную жилу старой копи!»

— Сейчасъ я объясню ихъ вамъ, сказалъ Симонъ Фордъ.—Сильфаксъ, какъ я говорилъ, давно помѣшался и всегда заявлялъ свои права на старый Аберфойль. По мѣрѣ того какъ Дошарская шахта—его шахта,—истощалась, онъ дѣлался угрюмѣе и угрюмѣе, точно съ каждымъ ударомъ кирки выбивали его внутренности! Ты должна это помнить, Маджъ?

— Да, Симонъ, отвѣтила старая шотландка.

— Прочтя имя «Сильфаксъ» на дверяхъ, я все это припомнилъ, но, повторяю, я считалъ его умершимъ; мнѣ и въ голову не приходило, чтобы злоумышленникъ, котораго мы давно уже отыскиваемъ, былъ старый «кающійся» Дошарской шахты!

— Теперь все понятно! сказалъ Джемсъ Старръ.—Сильфаксъ, вѣроятно, случайно узналъ о существованіи новой залежи! Руководствуясь эгоизмомъ съумасшедшаго, онъ поставилъ себѣ задачею отстаивать ее. Живя въ копи, бродя по ней днемъ и ночью, онъ узналъ твой секретъ, Симонъ, и догадался, что вы меня пригласили поскорѣе пріѣхать въ коттэджъ, слѣдствіемъ этого и явилось противорѣчивое письмо! Теперь объясняется, кѣмъ брошенъ камень въ Гарри, кѣмъ разрушены лѣстницы Яросской шахты, кѣмъ задѣланы трещины въ новой залежи; теперь ясно, кому мы обязаны нашимъ заключеніемъ, изъ котораго освобождены великодушіемъ Нелли, спасшей насъ безъ вѣдома и наперекоръ Сильфаксу!

— Да, да, г. Джемсъ, теперь все понятно, отвѣчалъ Симонъ Фордъ.—Старый «кающійся» положительно съумасшедшій!

— Вѣроятно, сказалъ Джемсъ Старръ, покачивая головою;—но его съумасшествіе должно быть страшное, ужасающее! О, я понимаю теперь, что Нелли не можетъ вспомнить безъ содроганія о своей жизни съ нимъ. Какъ грустно должно было пройти ея дѣтство въ обществѣ этого старика!

— Вообразите себѣ жизнь съ этимъ дикаремъ и его совою, не уступающей ему въ дикости! Вѣроятно, и птица еще не издохла, конечно, она потушила тогда нашу лампу, и, вѣроятно, она же старалась и чуть не перебила клювомъ каната, на которомъ держались Гарри и Нелли!...

— Теперь понятно и то, прибавила Маджъ, —что извѣстіе о свадьбѣ его внучки съ нашимъ сыномъ должно было привести его въ негодованіе и довести до ярости.

— Извѣстіе о свадьбѣ Нелли съ сыномъ того, котораго онъ обвиняетъ въ похищеніи послѣдней жилы стараго Аберфойля, дѣйствительно могло его взбѣсить, замѣтилъ Симонъ Фордъ.

— Но, чтобы тамъ ни было, а онъ не можетъ помѣшать нашему браку! вскричалъ Гарри;—онъ долженъ убѣдиться, что Нелли теперь живется несравненно лучше, чѣмъ прежде; я почти увѣренъ, г. Старръ, что если бы онъ попался намъ въ руки, намъ удалось бы его убѣдить...

— Съумашедшіе не разсуждаютъ, добрый мой Гарри! замѣтилъ инженеръ.—Теперь, когда мы открыли нашего врага, положеніе наше, конечно, значительно улучшилось, но все же мы не можемъ совершенно успокоиться, зная, кто онъ такой. Необходима осторожность, друзья мои; прежде всего нужно допросить Нелли! Она пойметъ, что ея молчаніе теперь безполезно; она должна сказать, что знаетъ, даже въ интересахъ своего дѣда. Надо постараться уничтожить всѣ пагубные планы его.

— Я увѣренъ, г. Старръ, сказалъ Гарри,—что Нелли сама разскажетъ намъ все, что нужно. Ясно теперь, что она молчала потому, что считала молчаніе своимъ долгомъ. Мать моя хорошо сдѣлала, что увела ее въ ея комнаты; ей нужно было прійти въ себя; а теперь я за нею отправлюсь...

— Это безполезно, Гарри, сказала рѣшительнымъ твердымъ голосомъ молодая дѣвушка, входя въ залу коттэджа.

Нелли была блѣдна, съ покраснѣвшими отъ слезъ глазами, но на лицѣ ея выразилась твердая рѣшимость.

— Нелли! вскричалъ Гарри, бросившись къ молодой дѣвушкѣ.

— Гарри, сказала Нелли, остановивъ движеніемъ руки своего жениха;—твой отецъ, твоя мать и ты должны сегодня все узнать. Отъ васъ, г. Старръ также ничего не должно быть скрыто; вы узнаете все, что относится къ ребенку, котораго Гарри себѣ на бѣду вытащилъ изъ пропасти.

— Нелли! вскричалъ Гарри.

— Я внучка стараго Сильфакса, начала Нелли; я не знала ни отца, ни матери до самаго того дня, какъ была принята вами...

— Да будетъ благословенъ этотъ день, дочь моя! отвѣтила старая шотландка.

— Я жила одна въ теченіе пятнадцати лѣтъ въ самыхъ отдаленныхъ закоулкахъ копи въ обществѣ моего дѣда; нѣтъ, я не такъ выражаюсь; вѣрнѣе сказать, я жила благодаря ему, его я почти не видѣла. Когда онъ исчезъ изъ стараго Аберфойля, онъ укрылся въ эту залежь, о существованіи которой никто, кромѣ него, не зналъ. Онъ, по своему, былъ тогда добръ со мной, но я его боялась! Онъ питалъ меня тѣмъ, что доставалъ на верху; мнѣ, однакожь, представляется, хотя не совсѣмъ ясно, что въ первые года моего дѣтства моей кормилицей была коза, смерть которой меня сильно огорчила. Дѣдъ, увидѣвъ мое горе, замѣнилъ ее, подаривъ мнѣ собаку; но собака эта, къ несчастью, была слишкомъ рѣзвая, часто лаяла; дѣдъ не любилъ рѣзвости и веселости; каждый шумъ безпокоилъ его. Меня онъ пріучилъ къ тишинѣ, но ничего не могъ подѣлать съ собакой; бѣдное животное вскорѣ исчезло. Товарищемъ дѣда была мрачная сова; я боялась ее сначала, но птица не смотря на мое отвращеніе къ ней, страшно привязалась ко мнѣ и въ концѣ концевъ снискала себѣ мое расположеніе. Она болѣе повиновалась мнѣ, чѣмъ моему дѣду, и я за нее боялась. Дѣдъ былъ ревнивъ. Сова и я по возможности старались скрыть нашу взаимную дружбу. Но довольно обо мнѣ! Теперь скажу о васъ...

— Говори, разсказывай все по порядку, дочь моя, сказалъ инженеръ.

— Дѣдъ мой, продолжала Нелли,—всегда враждебно относился къ вашей дѣятельности въ копи, впрочемъ, мѣста ему было даже болѣе чѣмъ достаточно. Онъ, какъ кротъ, зарылся глубоко въ землю, такъ тяготила бы его встрѣча съ вами. Когда я разспрашивала его о людяхъ, живущихъ на поверхности земли, онъ дѣлался мрачнымъ и не отвѣчалъ ни слова. Гнѣвъ его принялъ самые страшные размѣры, когда онъ увидѣлъ, что вы не довольствуетесь своими старыми владѣніями, а добираетесь до новой залежи. Онъ поклялся, что если вы проникнете въ его новыя владѣнія, извѣстныя ему одному, то непремѣнно погибнете. Несмотря на преклонные лѣта, онъ удивительно силенъ; отъ его угрозъ я дрожала за васъ и за него!

— Продолжай, Нелли, сказалъ Симонъ Фордъ, когда молодая дѣвушка остановилась.

— Послѣ первой удавшейся вамъ попытки—продолжала Нелли,—проникнуть въ новую Аберфойль, дѣдъ мой слѣдилъ за вами и задѣлалъ отверстіе. Я не знала васъ, но меня мучила мысль, что христіане обречены на смерть въ этихъ подземельяхъ; рискуя попасться дѣду, я приносила вамъ нѣсколько дней кряду воды и хлѣба; я хотѣла васъ вывести, но трудно было укрыться отъ бдительности дѣда. Вы уже были на краю смерти! Жакъ Райанъ и его товарищи подоспѣли... Богу было угодно, чтобъ я ихъ встрѣтила! Я привела ихъ къ вамъ. На возвратномъ пути я попалась дѣду; онъ былъ страшно сердитъ на меня; я думала, что онъ меня убьетъ! Съ того времени жизнь моя стала невыносимой! Дѣдъ совсѣмъ помѣшался. Онъ объявилъ себя королемъ тьмы и огня! Когда до его слуха доносились удары вашихъ кирокъ по угольной залежи, на которую онъ смотрѣлъ, какъ на свою собственность, онъ приходилъ въ ярость и билъ меня. Я вздумала бѣжать, но это было невозможно; онъ глазъ не спускалъ съ меня. Наконецъ, три мѣсяца тому назадъ, въ минуту страшнаго бѣшенства, онъ спустился со мною въ шахту—гдѣ ты, Гарри, отыскалъ меня,—самъ же онъ исчезъ, тщетно призывая къ себѣ сову. Не могу сказать, сколько времени я тамъ пробыла, знаю только, что я умирала, когда ты спасъ меня, мой Гарри; но видишь, внучка стараго Сильфакса не можетъ сдѣлаться женою Гарри Фордъ, потому что если свадьба состоится, можешь погибнуть ты и всѣ близкіе тебѣ люди.

— Нелли! вскричалъ Гарри.

— Это рѣшено, продолжала молодая дѣвушка,—я должна принести себя въ жертву; спасти васъ можно только въ такомъ случаѣ, если я вернусь къ моему дѣду. Онъ угрожаетъ всей Новой-Аберфойли!.... Отъ него нельзя ждать пощады и никто не можетъ придумать, на что онъ рѣшится изъ жажды мести; я должна исполнить свой долгъ! Если я стану колебаться, то буду считать тебя самымъ презрѣннымъ существомъ! Прощайте! благодарю васъ за все! вы осчастливили меня! Чтобы тамъ ни случилось, но знайте, что душа моя всегда будетъ среди васъ!

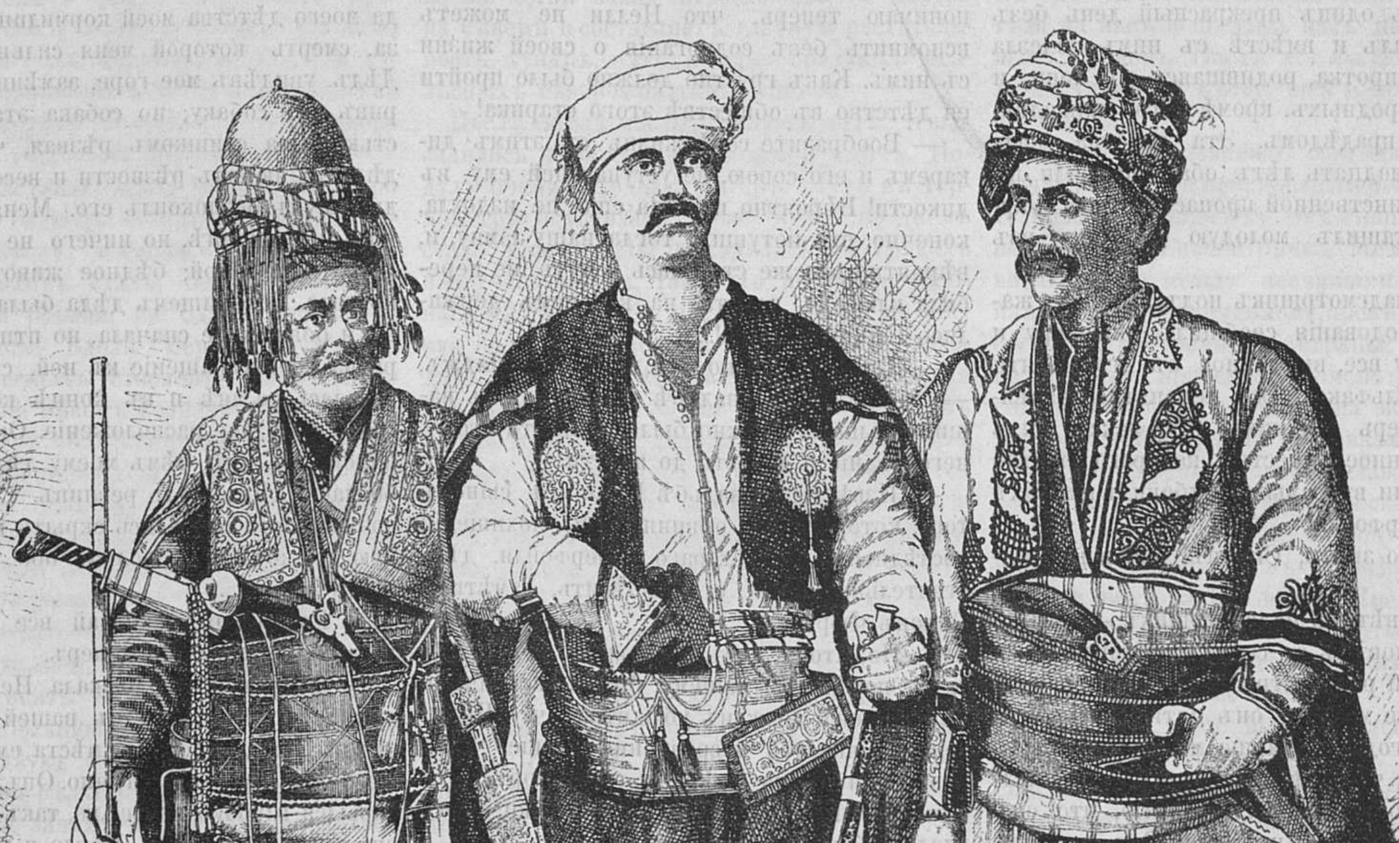
При этихъ словахъ Симонъ, Маджъ и Гарри въ страшномъ отчаяніи вскочили.

— Какъ это можно, Нелли, мы не допустимъ, чтобы ты насъ покинула?

Джемсъ Старръ остановилъ ихъ и, подойдя къ Нелли, взялъ ее за обѣ руки.

— Послушай меня, дочь моя! Ты высказалась, дай же и намъ высказать наше мнѣніе. Мы не отпустимъ тебя, въ случаѣ надобности употребимъ даже силу. Неужели ты считаешь насъ столь низкими, что мы пріймемъ твое предложеніе? Угрозы Сильфакса страшны, это правда, но вѣдь онъ человѣкъ, ничего сверхестественнаго онъ совершить не можетъ и мы всегда будемъ въ состояніи принять предосторожности противъ его покушеній. Можешь-ли ты, въ интересахъ самаго Сильфакса, сообщить намъ его привычки, гдѣ онъ обыкновенно находится? Мы хотимъ только лишить его возможности вредить намъ и постараемся убѣдить его.

— Вы требуете отъ меня невозможнаго, отвѣтила Нелли.—Дѣдъ мой вездѣ и нигдѣ! Я никогда не знала, гдѣ онъ живетъ. Рѣшившись разстаться съ вами, я предвидѣла ваши возраженія, г. Старръ. Я должна отправиться къ моему дѣду, потому что это единственное средство спасти васъ. Онъ—невидимъ, но самъ все видитъ, все знаетъ. Чѣмъ объясните вы иначе, что онъ все узнаетъ, узналъ и о моей предполагаемой свадьбѣ? На сколько я могу судить, то дѣдъ мой хотя нѣсколько помѣшанъ, но обладаетъ сильнымъ умомъ. Онъ меня многому обучалъ. Онъ внушилъ мнѣ вѣру въ Бога и въ одномъ только обманулъ меня, стараясь разжечь во мнѣ ненависть ко всему человѣчеству. Когда Гарри принесъ меня въ этотъ коттеджъ, меня сочли за полную невѣжду, но я была только напугана! Въ первые дни я думала, что я въ рукахъ злодѣевъ, и хотѣла бѣжать! Я тогда только поняла, какъ я сильно заблуждалась, когда увидѣла вашу жизнь. Я увидѣла, что вы, Маджъ, пользуетесь уваженіемъ вашего мужа и сына! когда я присмотрѣлась къ хорошей жизни руднич-



Азіятско-турецкіе типы.

Зейбекъ (разбойникъ изъ Айдана). Трапезундскій турокъ. Зажиточный эрзерумскій горожанинъ.

ныхъ работниковъ, на которыхъ я привыкла смотрѣть, какъ на рабовъ, я вознесла молитвы къ Богу, въ благодарность за всѣ его милости и сказала: «Дѣдъ, обманывалъ меня!» Но теперь я пришла къ убѣжденію, что онъ и самъ ошибался! Я вернусь къ нему и буду сопровождать его по тайнымъ ходамъ, по которымъ и прежде съ нимъ ходила. Онъ меня навѣрное подстерегаетъ. Я позову его.... Онъ услышитъ мой голосъ и, кто знаетъ, можетъ быть, мнѣ и удастся навести его на путь истины!

Молодой дѣвушкѣ дали высказаться. Но когда она замолчала и глаза ея наполнились слезами, Гарри, обратившись къ Маджъ, спросилъ:

— Какъ бы вы назвали, матушка, того человѣка, который покинулъ бы эту благородную дѣвушку?

— Я назвала бы его, отвѣтила Маджъ,— подлецомъ; и если бы этимъ человѣкомъ былъ мой сынъ, я отреклась бы отъ него.

— Нелли, ты слышала мнѣніе нашей матери, сказалъ Гарри.—Куда бы ты ни пошла, я послѣдую за тобою. Если ты будешь настаивать на томъ, чтобы покинуть коттэджъ, мы покинемъ его вмѣстѣ.....

— Гарри, Гарри! вырвалось у Нелли.

Но она была слишкомъ потрясена; губы ея посинѣли и она безъ чувствъ упала въ объятія Маджъ, по просьбѣ которой инженеръ, Симонъ и Гарри вышли изъ комнаты, оставивъ женщинъ на единѣ.

XXI.

На совѣтѣ въ коттэджѣ было рѣшено, что слѣдуетъ принять самыя строгія мѣры осторожности. Угроза стараго Сильфакса была высказана слишкомъ категорично, и оставлять ее безъ вниманія было бы крайне неблагоразумно. Оставалось еще рѣшить, какое средство можетъ употребить прежній «кающійся» для уничтоженія Новой Аберфойли.

У разныхъ выходовъ копи были разставлены вооруженные сторожа, которымъ было приказано тщательно слѣдить днемъ и ночью. Незнакомыхъ людей пропускали только послѣ представленія инженеру Старру, для удостовѣренія въ личности. Все населеніе Угольнаго города было извѣщено объ угрозахъ Сильфакса; для всѣхъ теперь стало ясно, что этотъ злой геній не имѣетъ сношеній ни съ однимъ изъ рудокоповъ, слѣдовательно, не было причины опасаться измѣны. Не скрыли отъ Нелли о мѣрахъ предосторожности и она нѣсколько успокоилась. Рѣшеніе Гарри вездѣ слѣдовать за нею, побудило ее отказаться отъ намѣренія возвратиться къ дѣду. Въ теченіе недѣли, предшествовавшей свадьбѣ Нелли и Гарри, въ Новой-Аберфойли не случилось никакого несчастія и рудокопы отдѣлались отъ паники, угрожавшей прекращеніемъ работъ.

Джемсъ Старръ старался отыскать стараго Сильфакса. Злопамятный старикъ поклялся не допустить свадьбы Нелли съ Гарри; слѣдовало расчитывать, что онъ постарается достигнуть своей цѣли. Обыскали всѣ углы, даже въ верхнихъ этажахъ, соединяющихся съ развалинами замка Дендональда въ Ирвинѣ, но только убѣдились, что Сильфаксъ сообщался съ внѣшнимъ міромъ, по всей вѣроятности, черезъ эти развалины; что этимъ путемъ онъ приносилъ себѣ провизію и необходимыя жизненныя принадлежности. Что же касается «Огненныхъ женщинъ», то Джемсу Старру пришла въ голову очень вѣроятная мысль, что Сильфаксъ зажигалъ выдѣляющійся гдѣ-нибудь въ развалинахъ рудничный газъ, чѣмъ просто объяснилось странное явленіе.

Съ приближеніемъ дня свадьбы опасенія Старра увеличились, и онъ рѣшился подѣлиться своей тревогою съ Симономъ, который безпокоился не менѣе его.

Наконецъ наступилъ день свадьбы!

О Сильфаксѣ въ теченеі послѣдней недѣли ничего не было слышно.

Съ самаго утра все населеніе Угольнаго города было на ногахъ. Работы въ Новой-Аберфойли прекратились. Всѣ считали своимъ долгомъ засвидѣтельствовать свое уваженіе старому надсмотрщику и его сыну, въ благодарность за то, что отецъ и сынъ настойчивыми изслѣдованіями доставили благосостояніе цѣлому населенію рудокоповъ.

Вѣнчаніе было назначено въ 11 часовъ въ часовнѣ Сент-Джайльса, построенной на берегу Малькольмскаго озера. Въ назначенный часъ изъ коттэджа вышли Гарри, подъ руку съ матерью и Симонъ Фордъ подъ руку съ Нелли. За ними слѣдовали Джемсъ Старръ, покойный на видъ, но ждавшій чего-то страшнаго, и Жакъ Райанъ разодѣтый въ праздничный костюмъ музыканта.

За ними шли другіе инженеры копи, почетные жители Угольнаго города, друзья, товарищи стараго надсмотрщика, далѣе всѣ члены огромнаго семейства рудокоповъ, составлявшаго населеніе Новой-Аберфойли.

На верху былъ одинъ изъ тѣхъ знойныхъ лѣтнихъ августовскихъ дней, особенно тягостныхъ на сѣверѣ. Душный воздухъ проникалъ даже въ нѣдра камменноугольной копи, гдѣ температура сильно поднялась. Атмосфера была насыщена электричествомъ; барометръ Угольнаго города значительно понизился, что составляло рѣдкое явленіе. Въ подземельи стало до крайности душно.

По правдѣ сказать, это измѣненіе въ атмосферѣ нисколько не озаботило жителей Новой-Аберфойли и всѣ они, какъ и слѣдовало ожидать, нарядились въ праздничныя платья.

Маджъ надѣла древній національный костюмъ; на головѣ у нея былъ токъ самаго древняго покроя, на плечи была накинута мантилья изъ клѣтчатой ткани.

Нелли твердо рѣшилась скрывать свою тревогу; мужественная дѣвушка казалась совершенно спокойною.

Она была одѣта просто; но эта простота которую она предпочла богатому роскошному платью, придавала ей особенную прелесть. На головѣ у нея была пестрая лента, которою обыкновенно повязываются молодыя шотландки.

Симонъ Фордъ по костюму ничѣмъ бы не уступилъ Вальтеръ-Скотовскому судьѣ Николю Жарви.

Огромная толпа направилась къ часовнѣ Сентъ-Джайльсъ, по случаю торжества великолѣпно убранной.

Своды Угольнаго города были освѣщены множествомъ ярко горѣвшихъ электрическихъ солнцъ. Вся Новая-Аберфойль была залита свѣтомъ. Въ часовнѣ электрическія лампы испускали сильный свѣтъ и разноцвѣтныя оконныя стекла горѣли точно огненные калейдоскопы.

Церемонію долженъ былъ совершать почтенный Вильямъ Гобзонъ. Онъ ждалъ молодыхъ на паперти Сентъ-Джайльса. Когда шествіе торжественно обогнуло берегъ Малькольмскаго озера, раздались звуки органа и обѣ пары, вслѣдъ за почтеннымъ Гобзономъ, вошли въ часовню. Началась служба. Гарри и Нелли стали передъ священникомъ, державшимъ Евангеліе въ рукахъ.

— Гарри, спросилъ почтенный Гобзонъ,— согласны-ли вы взять въ жены Нелли, и обѣщаетесь-ли вы всегда любить ее?

— Обѣщаюсь, отвѣтилъ молодой человѣкъ твердымъ голосомъ.

— А вы, Нелли, согласны-ли взять въ мужья Гарри Фордъ и любить его?

Молодая дѣвушка не успѣла еще отвѣтить, какъ внѣ часовни раздался страшный вопль всей толпы.

Одна изъ громадныхъ скалъ, подымавшаяся въ видѣ терасы надъ Малькольмскимъ озеромъ, въ ста шагахъ отъ часовни, внезапно разверзлась безъ взрыва, точно ея крушеніе было приготовлено заранѣе. У подошвы этой скалы образовалась огромная впадина, существованіе которой никто не предполагалъ; и въ которую съ шумомъ вливалась вода изъ озера. Потомъ въ разступившейся скалѣ показалась шлюпка, а въ ней стоялъ старикъ съ взъерошенными волосами, съ длинною серебристою бородою. Онъ держалъ въ рукѣ лампу Дэви, въ которой горѣлъ фитиль, окруженный металлической оправой спасительнаго снаряда.

— Рудничный газъ! рудничный газъ! закричалъ онъ страшнымъ голосомъ, — горе всѣмъ, всѣмъ!

Въ эту минуту распространился въ атмосферѣ слабый запахъ, свойственный углеводородному газу.

Причина этого объяснилась: разступившаяся скала открыла свободный выходъ большому количеству газа, заключавшемуся въ огромныхъ «отдушинахъ» между шиферными слоями, закрывающими собою отверстіе. Рудничный газъ направился къ сводамъ при давленіи пяти или шести атмосферъ. Старикъ зналъ о существованіи этихъ отдушинъ, и разомъ открылъ ихъ такъ, чтобы воздухъ въ подземельи быстро насытился этимъ газомъ.

Джемсъ Старръ и нѣсколько другихъ выскочили изъ часовни и бросились на берегъ:

— Вонъ изъ копи! вонъ изъ копи! закричалъ инженеръ, понявъ неминуемое бѣдствіе.

— Рудничный газъ! рудничный газъ! повторялъ старикъ подвигая впередъ шлюпку,

Гарри, увлекая за собою невѣсту, отца и мать, поспѣшно выбѣжалъ изъ часовни.

— Вонъ изъ копи! повторялъ Джемсъ Старръ.

Но бѣжать уже поздно! Старый Сильфаксъ сейчасъ приведетъ въ исполненіе свою послѣднюю угрозу и помѣшаетъ свадьбѣ Нелли съ Гарри, похоронивъ все населеніе подъ развалинами Угольнаго города. Надъ головой его носилась его сова, бѣлыя крылья которой были покрыты черными пятнами. Но въ эту минуту бросился въ воду Жакъ Райанъ и быстро поплылъ по направленію къ шлюпкѣ. Онъ намѣревался схватить сумасшедшаго прежде, чѣмъ тотъ успѣетъ осуществить свою ужасную месть.

Сильфаксъ замѣтилъ его; онъ разбилъ стекло лампы и вытащивъ зажженный фитиль, поднялъ его высоко надъ головой. Воцарилась глубокая тишина. Джемсъ Старръ съ покорностію выжидалъ страшнаго взрыва и удивлялся только тому, какъ до сихъ поръ еще уцѣлѣла Новая-Аберфойль.

Все лицо Сильфакса исказилось; онъ понялъ, что рудничный газъ по своей легкости скопился въ верхнихъ сводахъ. Тогда сова, понявъ жестъ Сильфакса, схватила лапой фитиль, какъ дѣлала прежде въ галереяхъ

Дошерской ямы, и начала взлетать вверхъ, слѣдя за движеніемъ руки старика.

Еще нѣсколько секундъ и Новая-Аберфойль исчезла бы безслѣдно...

Въ эту минуту Нелли вырвалась изъ объятій Гарри, и покойно но рѣшительно бросилась къ берегу озера, и закричала звучнымъ голосомъ:

— Гарфангъ! гарфангъ! ко мнѣ! ко мнѣ!

Умная птица поколебалась немного; но, узнавъ голосъ Нелли, выронила фитиль въ воду озера и, очертивъ большой кругъ, спустилась къ ногамъ молодой дѣвушки; тогда подземелье огласилось страшнымъ зычнымъ голосомъ; Сильфаксъ испустилъ послѣдній крикъ.

Въ то время, когда Жакъ Райанъ хотѣлъ схватить шлюпку, старикъ, увидѣвъ, что месть его не осуществилась, погрузился въ воды озера.

— Спасите его! спасите его! раздирающимъ голосомъ закричала Нелли.

Гарри услышалъ ее; онъ бросился въ воду и нырнулъ нѣсколько разъ, но безъ успѣха.

Старый Силфаксъ на всегда скрылся въ глубинѣ Малькомскаго озера.

XXII.

Спустя шесть мѣсяцевъ послѣ этихъ событій, прерванное бракосочетаніе Гарри Фордъ и Нелли, торжественно совершалось въ часовнѣ Сент-Джайльсъ. Старый Гобзонъ благословилъ ихъ союзъ, и молодые, одѣтые еще въ черное, вернулись въ коттэджъ.

Джемсъ Старръ и Симонъ Фордъ спокойно отпраздновали свадьбу; пиръ продолжался до слѣдующаго утра. Жакъ Райанъ, одѣтый въ національный костюмъ музыканта, игралъ, пѣлъ и плясалъ къ удовольствію всей собравшейся публики.

На слѣдующій день въ копи снова принялись за обычныя работы подъ руководствомъ Джемса Старра.

Само собою разумѣется, что Гарри и Нелли были вполнѣ и заслуженно счастливы. Что же касается стараго надсмотрщика Симона Форда, то онъ по прежнему здоровъ и задумываетъ отпраздновать пятидесятилѣтіе своей свадьбы съ доброй и совершенно бодрой Маджъ.

— А послѣ перваго пятидесятилѣтія, можетъ быть, доживете и до втораго, сказалъ Жакъ Райанъ. Какъ думаете, не будетъ для васъ слишкомъ много двухъ пятидесятилѣтій, г. Симонъ.

— Я съ тобою согласенъ, другъ мой, отвѣчалъ старый надсмотрщикъ.—Ничего не было бы удивительнаго, если бы при климатическихъ условіяхъ Новой-Аберфойли, неподвергающейся никакимъ внѣшнимъ невзгодамъ, кто-нибудь и дожилъ до двухъ сотъ лѣтъ.

Будущее покажетъ суждено ли населенію Угольнаго города присутствовать при торжествѣ столѣтней свадьбы почтеннаго надсмотрщика.

Сова стараго Сильфакса, несмотря на всѣ старанія Нелли удержать ее, черезъ нѣсколько дней улетѣла; эта птица не только чуждалась людскаго общества, по примѣру ея стараго хозяина, но съ какимъ-то особеннымъ нерасположеніемъ относилась къ Гарри; его она, подъ вліяніемъ ревности, ненавидѣла, какъ похитителя Нелли, у котораго она напрасно оспаривала молодую дѣвушку при выходѣ изъ пропасти. Нелли только изрѣдка видѣла ее, носящеюся надъ Малькомскимъ озеромъ.

Прилетала-ли сова изъ желанія видѣть своего бывшаго друга? или, можетъ быть она хотѣла проникнуть взоромъ на самое дно озеро, въ которомъ утонулъ Сильфаксъ? Ея посѣщенія объяснялись различнымъ образомъ и она вскорѣ сдѣлалась легендарной птицей и послужила темой многихъ фантастичныхъ разсказовъ, сочиняемыхъ Жакомъ Райаномъ.

Благодаря этому веселому молодому человѣку до сихъ поръ поется на шотландскихъ семейныхъ вечеринкахъ легенда про птицу стараго Сильфакса, бывшаго «кающагося» Аберфойльской каменноугольной копи.

Конецъ.

Народныя суевѣрія.

Изъ охотничьихъ разсказовъ **Н. Б. Куроѣдова.**

> «Тамъ чудеса: тамъ лѣшій бродитъ,
> «Русалка на вѣтвяхъ сидитъ....
> « ....
> «Тамъ русскій духъ, тамъ Руссью
> пахнетъ»...
>
> *Пушкинъ.*

I.

Ѳедина люба.

— Хоть смѣйтесь, братцы, хоть невѣрьте; а чертовку я видѣлъ! Можетъ и не чертовкой она прозывается; а... я все таки видѣлъ.

Такъ бесѣдовалъ, стоя, массивный мой конюхъ Ѳедюха, съ сидящими вокругъ костра дворовыми ребятами, на отдыхѣ послѣ удачной работы бреднемъ. Не безъ вниманія и я прислушивался къ таинственному сказанію доморощеннаго оратора, подъ клокотъ котелка съ ухою и бурленіе охотничьяго самоварчика; благодушно такъ — любовно оглядывая давно знакомую картину лѣтняго вечера на Кинельчикѣ. — Грандіозныя горы, широкая пойма, высокая роща надъ спокойной рѣкой, тихія озеры, чуть сквозившія изъ-за густаго камыша, — все-все это уже объято было теплыми іюльскими сумерками; все спало, безмолствовало и еще болѣе располагало душу къ впечатлительности.

Кромѣ добродушной покорности, курносая личность Ѳедюхи выражала глубокую вѣру во все и всѣхъ, безъисключенія: на лбу было написано, что «тепло ему на свѣтѣ!» Жестикуляція же была въ полнѣйшемъ отсутствіи; какъ началъ разсказывать онъ, такъ и докончилъ, все въ той же безъискуственной позѣ: слегка понуренная набокъ голова, съ упавшею чрезъ низкій лобъ кудластою, черною прядью и раздвинутыя циркулемъ ноги въ дегтярныхъ ботфортахъ; только длинныя лапы его изъ первоначальнаго ферта преобразились въ недвижно повислыя плети. Рѣчь гудѣла глухо, монотонно и съ какимъ-то жалостнымъ однообразіемъ.

Совершенный контрастъ составлялъ рыжебородый сосѣдъ его у костра, молодцеватый, бойкій парень, шорникъ-Егранька. Отрывчатыя фразы его были звонки, рѣзки, насмѣшливы и съ вѣчно новою интонаціею; словомъ, Ѳедя канителилъ, а этотъ дробью сыпалъ; тотъ изображалъ моржа невозмутимаго, а этотъ картоннаго арлекина наниткахъ. Ну а мины у Евграфа, за исключеніемъ постояннаго сарказма улыбки, неуловимы были, какъ вольты разъигравшейся ласточки.

При этомъ, Егранька былъ уже слегка пьяненькій, по обыкновенію; и потому еще болѣе чѣмъ всегда склонный къ самородному скептицизму.

— Ну ты спросилъ бы фамилію; какъ-де и величаютъ васъ, сударыня? Нето у нашего батюшки полюбопытствуй: онъ же добрый,—скажетъ, да и эпитемью укажетъ.

Чертовидецъ промычалъ что-то укоризненно, продолжая съ горечью:

Самъ я знаю — не слѣдъ бы вѣрить въ чертей да чертовокъ; и мать просвирьня моей баушкѣ сказывала про это: вѣрь, говоритъ, въ одно—али въ Бога, али въ черта; потому, и во святыихъ книгахъ такъ писано—Христосъ, говоритъ, въ лоскъ поборолъ дьявола, и усылалъ его куда Макаръ телятъ не гонялъ; въ преисподнію, слышь, подъ землю сверзилъ... Значетъ черта энтаго теперича нѣтъ на міру!

Порѣшилъ Ѳедя, вздохнувъ съ облегченіемъ. Но тотчасъ же, еще глубокомысленнѣе понуря голову, продолжалъ какъ будто нехотя:

А я все-таки видѣлъ ча... Да вотъ!... Помнишь ли, Егранька, какъ господа на молодыхъ волчатъ раннюю облаву дѣлали? — Все твой братецъ родимый, псарь-кошка, подстроилъ ихъ. Еще я и тогда, какъ за всегда почитай, коноводилъ этими загоньщиками... Ну-ужъ и намаялись! ни коли не запомню я такой безпутной слякоти: на пашнѣ собаки вязли поколѣно.

Тутъ слѣдуетъ маленькое отступленіе.

Весна въ этотъ годъ была на диво ранняя, дружная и теплая; столь благотворная для выводокъ всякой дичи и звѣря. Псарь Николай подвылъ и провѣдалъ много волчьихъ семеекъ въ окружности; особенно раннихъ, то-есть взрослыхъ, — въ дальнемъ и среднемъ колкѣ, близь большого лѣса Мулузюка. И подбилъ меня устроить облаву, пока еще не густо одѣнется листомъ колокъ. — «И стая и борзяки у насъ, сударь, все больше молодятина; надо на молодыхъ же пріѣздить и понатравить, чтобы не осрамиться въ съѣзжемъ полѣ осенью». — Мысль дѣльная, рѣчь толковая; Облаву мы наладили. Да помѣшали намъ дожди пятидневные, ну и пора рабочая, для люда непривычная; народъ собирался неохотно, и огромный запасъ водки оказался на половину лишнимъ. Отъ нея то, конечно, и вышелъ безпорядокъ; такъ что дѣло кончилось не ладно... уже очень трагически!

— Вѣдь въ ту пору, продолжалъ разсказчикъ, облава эфта незадалась: мертвечиной закончилась! Вернулись рано до вечера. Баринъ и велѣлъ мнѣ охотничьихъ коней отогнать къ ночи то въ табунъ, сюда вонъ — на горы. Далъ я имъ передохнуть маленько; — вишь и самъ то отяжелѣлъ ужъ очення съ энтой сивухи триклятой... А вволю же было тогда, ребятушки, — хоть ковшемъ зачерпывай!

Пріостановился Ѳедя, и, съ медовой улыбочкой, облизывалъ губы, будто смакуя воспоминаніе.

— Вотъ погналъ я коней уже въ сумерки. Табуна на Кинельскихъ горахъ незасталъ; здѣсь на кордѣ былъ уже онъ, у Длиннаго затона. И темна же была ночь эта, братцы мои, словно осенняя! Толи уже больно наволочно: мѣсяцъ и не проглядывалъ, а звѣздъ какъ впоминѣ не бывало; только молнія безперечь такъ и освѣтитъ все, будто полымемъ; а потомъ еще темнѣе сдѣлается. Страшно таково, жутко, ребятушки! Тутъ еще громъ, какъ нашъ черный быкъ, съ сердцевъ, на загонѣ глухо, да рокотно почукиваетъ,—тамъ далеко гдѣ-то, за озерами.... Вогналъ я коней въ загородь. А у самаго въ башкѣ такая городьба идетъ, такая трескотня неумолчная, какъ въ арбузѣ переспѣлымъ, когда на пробу его тискаешь; да на питье все потягиваетъ. Ну извѣстно—съ похмѣлья. Благо кинель-то подъ бокомъ, думаю: добреду-ко до омута, тамъ и онучь необмочу, зачерпывая пригоршенью. Вотъ и сталъ я пробираться пониже березки той, что на самомъ обрывѣ торчала, помните, — кривая да щедушная? — Наобумъ почитай двигаюсь, только по молонью: какъ огниво по кремню шаркнетъ, это значитъ, заискрится, я и гляжу на березки то и мекаю себѣ, чтобъ не просчитать шаги, да въ воду не шарахнуться.

Уже не далече было отъ берега,—вдругъ это молонья то какъ засвѣтилася; и вижу я: отъ меня рукой подать стоитъ, да кто же бы вы думали, братики?—Крысина Олька черномазая! — Вотъ съ коей я короводился все; еще платъ подарилъ ей зеленый, съ разводами....

По платку то я ее боле и спозналъ, признаться; ну и хвигура то какъ есть ея, такая же сухоребрая. Въ бѣлыхъ рукавахъ, набойчатомъ сарафанишкѣ; оперлась этакъ на хворостину и головку принагнула, ажъ концы платочка развѣваются.

Сначала я таки поробилъ на порядкахъ: ужъ Ольгунька ли это, думаю? зачѣмъ бы ей, на ночь глядя, въ табунъ притащиться?... Да потомъ припомнилъ, какъ она и допрежъ того, отъ побоевъ своей злющей мачихи, понедѣлямъ бѣгала куда глаза глядятъ.—Ну и ничего; полегчало у меня немного на сердцѣ... Только и жалостно же стало мнѣ ее, бѣдную! Вотъ опять молонья-то, что свѣча затеплилась;—какъ днемъ разглядѣлъ я всю до волоса: Пригорюнилась дѣвка, запечалилась; даже слезку видно на рѣсницѣ, что росинка хрустальная; черныя косы изъ подъ плата выбились, черезъ грудь повисли и колышатся; вишь и сама то вся осинкой вздрагиваетъ: вотъ-вотъ зарыдала бъ, да удерживается...

Разсказать нельзя, братцы, какъ мнѣ тяжко стало за нее бездольную, горемыку сиротливую! — Дай, молъ, окличу, да утѣшу по старинному:

— Что это ты забрѣла сюда, Оля, чуть не къ полуночи;—аль за кобылкой въ табунъ пошла, да запозднилася?

Молчитъ Ольгурка, не шелохнется; лишь платочекъ мой шурчитъ, по вѣтру развѣвается. Не спужалась ли меня, думаю. Я все ощупью — ближе, да ближе; а самъ заговариваю:

— Иль можетъ опять, молъ, съ маткой Крысихой поздорила?—Да и хочу этакимъ то манеромъ пріобнять-приласкать ее, знаете...

Анъ тутъ опять молонья то шаркъ, да съ громомъ! — Какъ вдругъ отшатнется она, будто ошалѣлая: застонала, затряслась вся, да какъ будултыкъ въ воду то — словно глыбина!...

Такъ я и обмеръ, братцы мои, инда на земль присѣлъ, со страха то! Волосы дыбомъ, руки-ноги трясутся; а зубы такъ и щелкаютъ, что твои ножи у Феклистича, когда котлетки крошатъ... Въ ушахъ гудитъ, въ глазахъ круги зеленые, въ головѣ же да подъ сердцемъ и незнай чего творилося; а тамъ уже и совсѣмъ изъ памяти выбило!— я только въ первые спозналъ какъ барышни то въ обморлокъ падаютъ...

— Ну, какъ очухался, поди и тошно сдѣлалось? — оно всегда такъ съ похмѣлья то, какъ чертики начнутъ показываться.—Будто съ участіемъ перебилъ рыжій скептикъ иронически.

— Чертики!... обидѣлся Ѳедюха. — Это ты до нихъ охочь допиваться то. А я, братъ, хоть и потребляю, да всегда вмѣру, значитъ, при памяти... Нѣтъ, не чертика я видѣлъ; а какъ есть живую Ольку, вотъ какъ красками размалевану, видѣлъ...

— Замѣстъ Ольки то березову кривулину!—облапилъ ее, съ пьяныхъ глазъ то, покачнуло тебя; а ты вѣдь вонъ какая арясина, — ну и ее спихнулъ съ обрыва... До сихъ поръ твоя чернавка то бѣлой березкой торчитъ изъ омута, безжалостно заключилъ рыжебородый.

— Да чаво ты толкуешь, зубоскалъ! — отозвался ему, за смутившагося Ѳедю, старикъ Кирила.—Береза и упала не въ ту пору вовсе; опосля того уже я ее 'самъ видалъ, какъ лѣтось ходилъ рыбу удить съ Евликомъ. Вотъ и онъ вѣдь здѣсь, живой человѣкъ.

Кирило-рыбакъ, — усастый, хмурый человѣкъ, вѣчно бурчащій себѣ подъ носъ, ворчунъ и ругатель; а впрочемъ предобрый, готовый отдать съ себя послѣднюю рубаху ближнему. Бѣда только когда пропуститъ лишнюю; для него же, по слабости душевной и тѣлесной, чуть не каждая чарка была лишняя: на ножъ лезетъ за всякую мелочь; обидчивъ до крайности и безъ толку. По этому конечно его очень любили поддразнивать, то есть вышучивать; на что нашъ братъ русакъ такъ падокъ.

— И, ей-богу же, правда!—прогнусилъ малютка Евликъ,—или Фигнеръ; какъ прозвалъ его отецъ мой, взявъ въ стремянные за малорослость.

— Я и самъ на берегу березку, лопни-глаза мои, видѣлъ!

— Нну-такъ ему почудилось!—Не нашелся болѣе осаженный Егранѧ.

— И бултыкнулось то такъ?

— И бултыхнулось такъ... А може и самъ въ это самое время плеснулся въ омутѣ.

— Въ энто самое время такъ ужъ бизпримѣнно ему и надо было всплескиваться?

— Да, такъ себѣ и надобно было; такой случай уже вь:палъ.

— Такъ да такъ, да эдакъ, да случай какой то?! — Задорливо спорилъ Кирила.—А ѣдалъ ли ты, рыжій, пироги съ табакомъ? не бось случая не было! И не будетъ безъ Божьяго произволенія. Такъ.... гмъ! Знать и мать то тебя такъ-себѣ, случаемъ только сродила, безбожника! — ядовито заключилъ онъ, отплевываясь.

— Съ чего же это, дядюшка-Кирила, ты серчаешь больно? — саркастически заигрывалъ Еграня.—Ну коли не люба Ѳедькина и не береза кривобокая причудилась ему, такъ чертовка по твоему, что ли? Инъ будь по вашему. Только онъ же самъ вѣдь, милый человѣкъ, растолковывалъ намъ, что черта сверзили скрозь землю?! а впрочемъ можетъ одного только черта; бабу же ему, аль тебѣ, дядюшка, оставили?

Послышался сдержанный хохотъ. Но Кирила не опѣшилъ, какъ пеньтюхъ Ѳедюха; задорный старикъ силился выпутаться съ честію. И, смѣривъ врага зловѣщими глазами, продолжалъ положительнымъ тономъ:

— Оно правда, дьявола сверзили. Но вѣдь чертъ онъ — чертъ и есть; каверзникъ, значитъ, ослушникъ онъ всесвѣтный.... Вонъ и межъ вами мастеровыми-учеными не мало же есть поганцевъ то: отпоритъ его баринъ за художества и въ Сибирь сошлютъ на каторгу, въ рудники подземные; глядь, а онъ и оттелева подъявится! Да чего добраго еще краснаго пѣтуха подпуститъ-тѣ въ отмѣстку то; примѣрно, какъ Сашка Зарѣченскій,— благопріятель твой.... А чертъ и не вамъ съ Сашкой чета, еще ловчѣй урвется изъ подъземного то острога; усмотришь за ними окаянными! Чай ихъ тьма-тьмущая, какъ черви кишатъ; расплодились тамъ съ своими чертовками то: тѣсно стало, ну и лѣзутъ на верхъ то свѣта вольнаго! — Богъ, де, добрый—не припомнитъ зла!... Нѣтъ, его надо бы по моему: какъ сборолъ только, тутъ же на смерть придушить бы, ядовитую гадину; худую траву-изъ-корня-вонъ!!. вотъ оно что....

На подобные стоическіе аргументы не нашелся какъ отвѣтить даже и доморощенный скептикъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

* * *

Майская ночь.

(Пѣсня.)

Милый другъ, не горюй,
Прочь уныніе, прочь!
Можно-ль плакать о чемъ
Въ эту чудную ночь?!...

Небо чисто, на немъ
Облака не плывутъ,
Мѣсяцъ, звѣзды съ него
Свѣтъ на землю къ намъ льютъ;

И кругомъ на землѣ
Тишь такая стоѝтъ,
Что разслышать могу,
Какъ въ насъ сердце стучитъ!

Прочь-же горе, тоска,
Прочь уныніе, прочь!
Можно-ль плакать о чемъ
Въ эту чудную ночь?!...

Пусть въ прошедшемъ не такъ
Было тихо вокругъ: —
Не горюй, не тужи,
Ненаглядный мой другъ!

«Что исчезло, то вновь
«Не вернется назадъ»,
Будь-же веселъ, мой другъ,
Что о прошломъ стонать!

Отгони-же тоску
И уныніе прочь!
Можно-ль плакать о чемъ
Въ эту чудную ночь?!...

Вѣрь, блаженъ только тотъ,
Кто назадъ не глядитъ,
Кто безумно впередъ
Забѣгать не спѣшитъ.

Кто доволенъ судьбой,
Ловитъ счастія мигъ
Въ настоящемъ, кто жизнь
Въ наслажденьи постигъ!

Будь-же веселъ, мой другъ!
Что о томъ горевать,
Чтò исчезло и вновь
Не вернется назадъ! —

Прочь-же горе, тоска,
Прочь о прошломъ печаль:
Снова счастье уйдетъ,
Снова будетъ намъ жаль!

А. Л. Алѣевъ.

* * *

Нервныя болѣзни.

О! нервы мои, нервы! о еслибы у меня не было нервовъ! Какъ часто слышимъ мы эти жалобы и желаніе, которое, къ счастью, никогда не исполняется, потому что все же лучше обладать какими нибудь нервами, чѣмъ совсѣмъ ихъ не имѣть; желать не имѣть ихъ, значитъ посягать на самую жизнь. Мы обязаны способности разсуждать, чувствовать и хотѣть, только дѣятельности мозга, самостоятельное развитіе котораго можетъ происходить при посредствѣ нервовъ, передающихъ впечатлѣнія внѣшняго міра мозгу и тѣмъ возбуждающихъ его къ дѣятельности. Если бы у насъ не было нервовъ, мы были бы безсмысленными и безчувственными существами. Но, къ несчастью, нервная наша система дѣйствуетъ часто неправильно, вслѣдствіе болѣзненныхъ припадковъ, причиняющихъ боли, извѣстныя подъ названіемъ нервныхъ болей или ослабленія нервовъ. Мы задались мыслію описать проявленія, причины и способъ леченія этой болѣзни. Теперь какъ разъ кстати это сдѣлать, такъ какъ въ настоящее время весьма многіе страдаютъ ослабленіемъ нервовъ, и эта болѣзнь нарушаетъ покой не только больныхъ, но и разстраиваетъ зачастую семейное счастіе и очень трудно излечивается.

Нервные больные принадлежатъ къ числу такихъ, которые заслуживаютъ большого сочувствія, но они имъ пользуются обыкновенно въ меньшей степени, чѣмъ всякіе другіе больные. Люди съ здоровыми нервами не допускаютъ даже болѣзненнаго состоянія нервовъ въ другихъ; они считаютъ жалобы этихъ несчастныхъ преувеличенными и готовы утверждать, что больной находитъ удовольствіе наскучать всѣмъ окружающимъ разсказами о своихъ страданіяхъ, которыя, дѣйствительно, часто бываютъ невыносимы и недостаетъ терпѣнія ихъ переносить.

Такъ какъ въ большинствѣ случаевъ нервами страдаютъ женщины, то въ этой статьѣ мы преимущественно будемъ говорить о нихъ. Встрѣчаются, впрочемъ, и нервные мущины, такъ что къ нимъ можно будетъ отнести все, о чемъ мы намѣрены говорить.

Болѣзненное нервное состояніе проявляется въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, такъ что каждая больная узнаетъ въ нижеслѣдующихъ строкахъ нѣкоторые изъ обнаруживающихся въ ней признаковъ.

Всѣ почти нервныя женщины страдаютъ чрезмѣрною чувствительностію и самыми разнообразными болями. Чаще всего бываютъ головныя и спинныя боли; при этомъ бываютъ также колики въ животѣ и боли въ суставахъ бедра и колѣнѣ. Нервы чувствъ, и въ особенности слуховые, въ высшей степени раздражены.

Болѣзнь эта обнаруживается часто въ органахъ движенія. Иныя женщины съ отвращеніемъ рѣшаются на переходъ съ мѣста на мѣсто, и это чувство до того сильно, что онѣ не встаютъ съ постели, отказываются даже поднести руку ко рту, такъ что ихъ нужно кормить. Но вслѣдствіе какого нибудь сильнаго потрясенія, испуга или боязни, больныя разомъ пріобрѣтаютъ самообладаніе и могутъ безъ всякаго видимаго затрудненія управлять своими движеніями. Много есть примѣровъ, что больныя, пораженныя параличомъ, лежавшія въ теченіи мѣсяцевъ и годовъ безъ движенія, въ виду какой либо опасности, напр. пожара, разомъ вскакиваютъ съ постели и бросаются бѣжать. Очень ошибутся тѣ, которые припишутъ подобный параличъ притворству больныхъ. Кромѣ паралича эта болѣзнь сопровождается судорожными припадками; такъ судороги сводятъ руки и ноги, происходитъ дрожь въ отдѣльныхъ суставахъ и во всемъ тѣлѣ, всхлипываніе, повтореніе отдѣльныхъ словъ и т. д. Эти симптомы обнаруживаются безъ всякой видимой причины или же вслѣдствіе самаго ничтожнаго обстоятельства; бываетъ достаточно малѣйшаго шума или ощущенія неудовольствія для того, чтобы проявились эти симптомы болѣзни.

При такомъ состояніи замѣчаются не рѣдко разнаго рода разстройства въ пищеварительномъ аппаратѣ, обнаруживающіяся въ стягиваніи мышечныхъ волоконъ въ пищепріемномъ и въ кишечномъ каналахъ, и въ неправильномъ отправленіи кишечныхъ и поджелудочныхъ желѣзъ. Въ первомъ случаѣ испытывается ощущеніе, подобное тому, какъ будто въ горлѣ застрялъ комокъ, (globus hystericus) а во второмъ пропадаетъ всякій аппетитъ, происходятъ неправильныя испражненія, скопленіе вѣтровъ и т. д.

Въ дыхательныхъ органахъ замѣчаются также разстройства, такъ напр. ускоренное дыханіе, одышка, спазмодическій смѣхъ и рыданіе, нервный, вызывающій боли, кашель и тому подобные симптомы.

Мы, по недостатку мѣста, должны ограничиться такимъ краткимъ описаніемъ признаковъ болѣзни и перейти къ подробному изложенію болѣе важныхъ и серьёзныхъ симптомовъ нервныхъ болѣзней, а именно къ психическимъ отправленіямъ. Въ этихъ случаяхъ пропадаетъ почти всегда одна только воля. Нервныя больныя, болѣе чѣмъ всѣ другія, совершенно отдаются вліянію боли; проявленія воли если и высказываются, то въ отрицательномъ видѣ; такія больныя никогда почти не говорятъ: «я хочу», но очень часто: «не хочу». Докторъ и окружающіе совѣтуютъ такой больной: «крѣпитесь, соберитесь съ духомъ и терпѣніемъ!» но отвѣтъ почти всегда бываетъ одинъ: «я бы такъ хотѣла, но не могу преодолѣть себя!» Воля ослабляется не только въ психическомъ (нравственномъ) значеніи этого слова, но она также отказывается управлять нервами произвольныхъ движеній. Вотъ этимъ-то и можно объяснить отвращеніе такихъ больныхъ ко всякаго рода движеніямъ и къ сопряженнымъ съ ними занятіямъ.

При нервныхъ болѣзняхъ почти незамѣтно непосредственнаго разстройства умственныхъ способностей. Но если мысли больной сосредоточиваются только на своей болѣзни, то умственнымъ способностямъ очень естественно угрожаетъ опасность; когда больная начинаетъ интересоваться разносторонними вопросами, то можно смѣло предсказать наступающее выздоровленіе.

Больная не только лишена силы воли, но не можетъ справиться и съ своимъ настроеніемъ; всѣмъ извѣстно, какъ страшно измѣняется къ худшему характеръ нервныхъ женщинъ. Вначалѣ болѣзни замѣчается раздражительность, дурное расположеніе духа, безпричинный и быстрый переходъ отъ грустнаго къ веселому настроенію, отвращеніе къ обычнымъ занятіямъ. Больная только и думаетъ о своей болѣзни и создаетъ себѣ на счетъ ея самыя мрачныя и безнадежныя картины. Такія больныя почти всегда ощущаютъ потребность разсказывать о своихъ страданіяхъ другимъ, съ тѣмъ, чтобы вызвать къ себѣ участіе и состраданіе. Но близкіе, вслѣдствіе постоянныхъ жалобъ, выслушиваютъ ихъ совершенно равнодушно, а иногда даже выказываютъ нетерпѣніе, такъ что къ дѣйствительнымъ страданіямъ больной примѣшивается горькое сознаніе въ томъ, что окружающія ее лица относятся къ ней совершенно безучастно, и, чтобы вызвать въ нихъ сожалѣніе къ себѣ, больная преувеличиваетъ свои страданія. У многихъ больныхъ желаніе вызвать къ себѣ состраданіе и сожалѣніе такъ сильно, что онѣ украдкою наносятъ себѣ разныя раны.

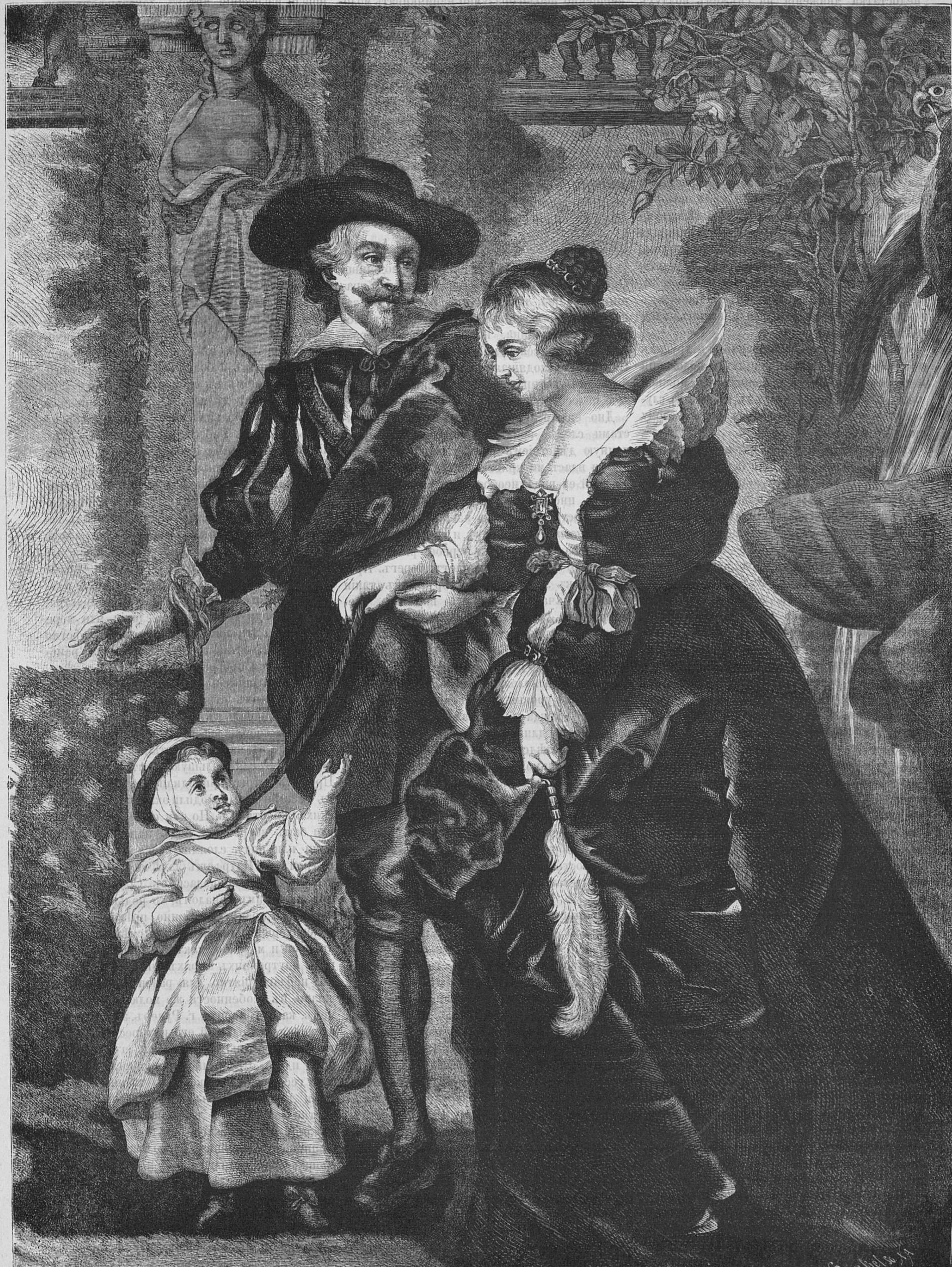
Кромѣ меланхоліи замѣчаются другіе симптомы, дающіе поводъ думать объ умственномъ разстройствѣ; съ такими больными случаются обмороки и головокруженія; онѣ страдаютъ безсонницей, спячкою, галлюцинаціями. Больныя видятъ предъ собою въ дѣйствительности не существующіе предметы; онѣ слышатъ шумъ, запахъ, не ощущаемый другими; онѣ часто во снѣ очень живо и совершенно логично разсуждаютъ, встаютъ и исполняютъ привычныя свои занятія. Такое состояніе извѣстно подъ названіемъ сомнамбулизма или снохожденія. Первыя, страдающія галлюцинаціями, говорятъ и дѣлаютъ во снѣ то, къ чему онѣ способны и въ бодрствующемъ состояніи. Вторыя же являются «ясновидящими», выказываютъ разныя способности, представляютъ изъ себя богато одаренныхъ существъ, обладающихъ знаніями, совсѣмъ для нихъ недоступными въ бодрствующемъ состояніи. Такія больныя чувствуютъ непреодолимое желаніе казаться интересными. Тщательныя и серьёзныя изслѣдованія такихъ больныхъ показали, что онѣ дѣйствуютъ по предначертанному плану, чтобы обмануть другихъ.

Самое опасное въ нервныхъ болѣзняхъ,— это поврежденіе умственныхъ способностей; всѣ другіе симптомы, какъ бы они ни были мучительны, никогда не бываютъ опасны, между тѣмъ какъ нерѣдко случается, что психическія страданія кончаются какою-нибудь настоящею душевною болѣзнію.

Читатель найдетъ, вѣроятно, что признаки этой болѣзни описаны въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, но пусть онъ прочтетъ до конца нашу статью и найдетъ въ ней для себя утѣшеніе и надежду освободиться отъ этой сложной болѣзни. Прежде чѣмъ излагать способы леченія этой болѣзни, нужно упомянуть о причинахъ ея происхожденія.

Медицина не далѣе какъ двадцать лѣтъ тому назадъ признавала нервныя болѣзни слѣдствіемъ неправильнаго отправленія всей нервной системы; но это весьма неточное опредѣленіе и можно его замѣнить обратнымъ положеніемъ: а именно, что болѣзненное ослабленіе и разстройство нервовъ влекутъ за собою неправильное отправленіе нервной системы. Леченіе производилось прежде, согласно существовавшему взгляду на нихъ; противъ нервныхъ болѣзней употреблялись слѣдующія средства: асафетида, камфора, касторовое масло и т. д. всѣ эти средства съ успѣхомъ иногда употреблялись для уничтоженія отдѣльныхъ болей на извѣстное время, но никогда вполнѣ не излечивали больныхъ. Но медицина въ настоящее время не довольствуется общими понятіями и фразами, она старается путемъ изслѣдованія вникать въ самую суть болѣзни; благодаря неутомимымъ трудамъ въ этой области науки, мы знаемъ теперь, что болѣзненное ослабленіе нервовъ происходитъ вслѣдствіе матеріальныхъ измѣненій въ веществѣ, содержащемся въ нервахъ, или въ головномъ или спинномъ мозгахъ. Но наука не въ состояніи еще опредѣлить, какимъ образомъ происходятъ эти измѣненія.

Главная причина этой болѣзни лежитъ, конечно, въ недостаточной пищѣ нервнаго вещества. Нервы, головной и спинной мозги требуютъ, подобно всѣмъ другимъ органамъ, непрестаннаго обновленія веществъ. Если кровь не содержитъ въ себѣ въ надлежащемъ количествѣ составныхъ частей, такъ напр. въ блѣдной немочи, то мозгъ и нервы, не получая для нихъ обновляющихъ частицъ, начинаютъ неправильно дѣйствовать. Изъ только что сказаннаго видно, что нервныя болѣзни происходятъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе испорченности крови отъ


Rich Stenkel sc.

Рубенсъ съ женою.

недостатка движенія на свѣжемъ воздухѣ, продолжительнаго пребыванія въ воздухѣ, насыщенномъ углекислотою, нездоровой пищи. Нервныя болѣзни происходятъ кромѣ того еще и отъ другихъ обстоятельствъ, которыя съ трудомъ открываются, но они непремѣнно разрушительно дѣйствуютъ на составныя части нервовъ. Назовемъ здѣсь чрезмѣрное нервное раздраженіе и разныя другія психическія дѣйствія, слишкомъ сильное напряженіе умственныхъ способностей, въ особенности въ дѣтскомъ возрастѣ, и слишкомъ частое доставленіе себѣ возбуждающихъ удовольствій. Къ вредно дѣйствующимъ занятіямъ можно отнести усидчивыя и чрезмѣрныя упражненія на фортепіано. Изъ музыкальныхъ консерваторій выходятъ часто субъекты, весьма расположенные къ нервнымъ болѣзнямъ. Мы далѣе вернемся къ вредно дѣйствующимъ психическимъ вліяніямъ.

Упомянемъ здѣсь, независимо отъ другихъ причинъ, о разныхъ измѣненіяхъ въ положеніи и строеніи органовъ, лежащихъ въ нижней части живота. Мы совѣтуемъ въ такихъ случаяхъ немедленно обращаться къ женскому доктору.

Зачатки расположенія къ нервнымъ болѣзнямъ проявляются иногда въ дѣтскомъ возрастѣ. Право удивительно, какъ многіе родители какъ бы съ цѣлію развиваютъ нервность въ своихъ любимцахъ и тѣмъ самымъ готовятъ имъ въ будущемъ самую тягостную и жалкую жизнь. То неблагоразумный отецъ засаживаетъ свою восьмилѣтнюю дочку, послѣ того какъ она въ теченіе трехъ часовъ просидѣла на твердой школьной скамьѣ, еще на цѣлый часъ за фортепіано, вмѣсто того чтобы пустить ее на свѣжій воздухъ, чтобы ея утомленные члены расправились и чтобы молодая грудь вдохнула въ себя чистаго воздуха. То безумная мать внушаетъ своему ребенку разныя вовсе непримѣнимыя въ жизни наставленія. Иные потворствуютъ всѣмъ капризамъ дѣтей, если же не въ состояніи исполнить этихъ капризовъ, то ребенка жалѣютъ и стараются его какъ нибудь утѣшить иначе. Ребенокъ привыкаетъ къ тому, что всѣ его капризы исполняются, такъ что вскорѣ ему ничѣмъ нельзя угодить. Тамъ виновный отецъ воспитываетъ малокровное, вялое существо, здѣсь безумная мать развиваетъ въ ребенкѣ слабохарактерность и неумѣніе отказывать себѣ. Вѣдь то, что она называетъ силою характера, есть ничто иное, какъ чрезмѣрное упорство и упрямство и также похоже на силу воли и характера, какъ отрицаніе на утвержденіе. Изъ этого уже видно, какъ часто причины нервности лежатъ въ самомъ воспитаніи.

Кромѣ того, нервность значительно развивается въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ приходится ежедневно высиживать 5 или 6 часовъ; послѣдствія не такъ вредны, если классъ—большая, свѣтлая, чистая комната, и если послѣ каждыхъ двухъ часовъ дается для отдыха хотя 10 минутъ; но, въ большей части случаевъ, въ училищахъ задаютъ столько уроковъ, что дѣвочка едва съ ними можетъ справиться дома и вынуждена напрягать, для приготовленія ихъ, всѣ свои умственныя способности; мы очень часто видимъ какъ молодыя, живыя, веселыя дѣвочки превращаются во время школьной жизни въ вялыхъ, грустныхъ и какъ въ нихъ обнаруживаются уже многіе признаки нервныхъ болѣзней. И на что, спрашивается, приносится въ жертву здоровье, веселый нравъ? Совершенно неблагоразумно напичкивать молодыхъ дѣвушекъ разнородными поверхностными научными свѣдѣніями, не давая имъ никакихъ серьёзныхъ и прочныхъ знаній. Нужно обладать сильнымъ умомъ, чтобы ихъ усвоивать и извлекать изъ отрывочныхъ свѣдѣній, предлагаемыхъ дѣтямъ, надлежащую пользу.

Въ зрѣломъ возрастѣ нервныя болѣзни бываютъ слѣдствіемъ обманутыхъ надеждъ, оказываемаго пренебреженія, сожалѣнія о недостигнутой цѣли жизни и т. д.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Проектъ образованія внутренняго моря въ Алжирѣ.

Въ Константинской провинціи, у подошвы Оресскихъ возвышенностей и у самой границы Сахары, тянется, отъ востока къ западу, на протяженіи 375 километровъ, обширная котловина, начинающаяся на разстояніи пятидесяти километровъ отъ города Бискры и доходящая до самаго залива Габесъ, отъ котораго она отдѣлена только узкою полосою земли.

Дно ея представляетъ плоскую, или мѣстами слегка покатую поверхность, выровненную дѣйствіемъ водъ и покрытую толстыми пластами кристаллической соли, придающей ей видъ необозримой равнины, убѣленной инеемъ или снѣгомъ. Такого рода поверхность носитъ на языкѣ арабовъ названіе *шоттъ*, въ Алжирѣ, и *зебка* въ Тунисѣ. Оба слова синонимы, и первое, распространенное во Франціи, означаетъ: берегъ. Прошло сорокъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ такія равнины начали привлекать вниманіе ученыхъ, и съ 1845 года г. Вирле-д'У, основываясь на древнихъ традиціяхъ, такъ же какъ на измѣреніяхъ г. Боблейя, вычислилъ, что важнѣйшая изъ этихъ низменностей, шоттъ Мельриръ, расположенный въ Алжирѣ, находится ниже уровня Средиземнаго моря, и что послѣднее когда-то заливало часть, если не всю подошву длинныхъ оресскихъ возвышенностей. Впослѣдствіи барометрическія наблюденія гг. Вильмо, Мареса, Вилля представили отрицательныя обозначенія. Къ сожалѣнію, эти наблюденія не отличались совершенною точностью, и инженеръ г. Вилль писалъ въ 1868 году, что, основываясь на всѣхъ собранныхъ до тѣхъ поръ данныхъ, нельзя съ полною увѣренностью сказать, что шоттъ Мельриръ дѣйствительно ниже уровня Средиземнаго моря.

Пріобрѣсти эту увѣренность суждено было капитану Рудеру. Онъ же напалъ на мысль, что можно «ввести воды Средиземнаго моря въ страну шоттовъ, т. е. внести плодородіе, торговлю, жизнь въ самое сердце алжирской Сахары, превратить во внутреннее море опасные и нездоровые солончаки». Дѣйствительно, путемъ тригонометрическаго нивеллированія, произведеннаго имъ въ 1874 и въ 1875 годахъ, онъ пришелъ къ убѣжденію, что дно бассейна шотта Мельрира находится на 24 метра ниже уровня Средизернаго моря; тоже самое относится и къ шотту Рарсъ, по крайней мѣрѣ къ той его части, которая врѣзывается въ алжирскую территорію. Оставалось провѣрить эти данныя по отношенію къ послѣднему, въ его тунисской части, а также къ шотту Джеридъ, ближайшему къ заливу Габесъ и расположенному въ Тунисѣ. Въ 1876 г., французскій министръ народнаго просвѣщенія поручилъ г. Рудеру эту провѣрку, результаты которой опубликованы были недавно въ подробномъ и интересномъ трудѣ. Изобразивъ вкратцѣ свои прежнія и новыя изысканія, авторъ доказываетъ тождество между бассейномъ шоттовъ и Тритонской губой древнихъ; затѣмъ дѣлаетъ обзоръ земляныхъ работъ, которыя придется исполнить для наполненія водою того бассейна, указываетъ на послѣдствія этого пополненія и наконецъ разсматриваетъ возраженія, возбужденныя его проектомъ.

Въ четвертой изъ своихъ пиѳическихъ одъ, сочиненныхъ въ 462 году до нашей эры въ честь Арсезилая, царя Сирены, поэтъ Пиндаръ упоминаетъ о томъ, что корабль Арго дошелъ до озера Тритонія, расположеннаго въ глубинѣ «грозоносныхъ» Сиртъ; Геродотъ же, писавшій нѣсколько лѣтъ позднѣе, передаетъ, въ IV книгѣ своей исторіи, что буря выбросила Язона въ ложбины большаго залива или бухты. Силаксъ, въ своемъ плаваніи по Средиземному морю, тоже упоминаетъ о большомъ Тритонскомъ заливѣ, объ озерѣ и устьѣ рѣки того же имени; а черезъ два вѣка послѣ него, Помпоній Мела говоритъ о большомъ озерѣ Тритонѣ, «принимающемъ въ себя рѣку Тритонъ»; при этомъ онъ опредѣляетъ его географическое положеніе за большой Сиртой, или теперешнимъ заливомъ Габесъ. Въ «Нигрисѣ» Плинія и въ «Жирѣ» Птоломея, путешественникъ Шоу, гг. Виньенъ де-Сенъ-Мартенъ и Дювейрье единодушно признаютъ рѣку Джедди, орошающую Лагуа; а въ шоттѣ Мельрирѣ, куда она впадаетъ,—озеро Черепахъ географа Александрина. Наконецъ, по мнѣнію г. Рудера, всѣ традиціи, относящіяся къ странѣ шоттовъ, даютъ болѣе или менѣе точное воспоминаніе объ этой древней бухтѣ, и существуетъ мнѣніе, очень распространенное среди туземнаго населенія, что море покрывало эти ложбины, хотя и неизвѣстно когда, но во всякомъ случаѣ гораздо раньше рожденія пророка.

Сопоставляя эти преданія съ текстомъ и подвергая ихъ строгой критикѣ, капитанъ Рудеръ пришелъ къ убѣжденію, что бассейнъ шоттовъ сообщался съ Средиземнымъ моремъ еще въ началѣ христіанской эры и образовалъ тогда большую Тритонскую губу. Противъ этого приводили возраженіе, что въ бассейнѣ не находили окаменѣлостей морскихъ животныхъ. Но эти окаменѣлости могли быть погребены подъ наносными почвами или подъ слоями песка, занесеннаго вѣтромъ. Г. Катрфажъ замѣчаетъ, что, такъ какъ бухта сообщалась съ Средиземнымъ моремъ узкимъ каналомъ, то воды ея возобновлялись преимущественно прѣсной водою, исчезнувшей нынѣ, и что это смѣшеніе водъ прѣсной и морской, какъ замѣчено на многихъ внутреннихъ моряхъ, питаемыхъ рѣками, неблагопріятно для развитія животной жизни, въ особенности же молюсковъ. Впрочемъ, какъ говоритъ г. Рудеръ, этотъ споръ, несмотря на большой его интересъ, касается только косвеннымъ образомъ его проекта. Дѣло идетъ о разрѣшеніи вопроса физической географіи, и, какова бы то ни была исторія древней бухты Тритоны, наукѣ извѣстно теперь, что дѣйствительно, на югѣ Алжиріи и тунисскаго округа, существуетъ обширная котловина, расположенная ниже уровня Средиземнаго моря, и если прорыть полосу земли, отдѣляющую ее отъ залива Габесъ, то море затопитъ ее.

Съ этой точки зрѣнія, главный вопросъ состоитъ въ томъ, чтобы побѣдить это затрудненіе и преобразовать эту болотистую низменность во внутреннее море. Она вмѣщаетъ въ себѣ, какъ мы уже говорили, три ясно разграниченные бассейна: 1) бассейнъ шотта Мельриръ, имѣющій 6,700 квадр. километровъ поверхности и вмѣстимость въ 160 миллiардовъ 800,000 куб. метровъ; 2) бассейнъ шотта Рарса, поверхность коего 1,350 квад. километровъ, а вмѣстимость 32 миллiарда 400,000 куб. метровъ; 3) шотта Джеридъ, поверхность котораго, приблизительно, исчисляется въ 5,000 квадратныхъ километровъ, а вмѣстимость въ 127 миллiардовъ 300,000 кубическихъ метровъ. Это составитъ общую поверхность въ 13.050 квадратныхъ километровъ, а вмѣстимость 320 миллiардовъ 500,000 кубическихъ метровъ. Такъ какъ бассейнъ шотта Джеридъ занятъ озеромъ покрытымъ крѣпкой корой, уровень котораго выше уровня моря, то для того, чтобы дать водамъ Средиземнаго моря доступъ къ нему, слѣдуетъ сначала отвести это озеро въ шоттъ Рарсъ, посредствомъ прорытія перешейка Крицъ, раздѣляющаго два шотта. Когда этотъ перешеекъ будетъ прорытъ и озеро Джеридъ отведено въ Рарсъ, на перешейкѣ (зеніе) Аслуди, отдѣляющемъ этотъ послѣдній отъ шотта Мельриръ, выкопаны будутъ каналы. Наконецъ, когда три бассейна будутъ готовы принять воды Средиземнаго моря, тогда приступятъ къ проведенію водъ въ шоттъ Мельриръ, прорывъ перешеекъ Мела, находящiйся между шоттомъ и моремъ.

Сила воды, которая наполнитъ бассейны, играетъ важную роль въ сбереженіяхъ. Инжинеры, трудившіеся надъ прорытіемъ Суэзскаго перешейка, полагали, что они могутъ ускорить работы, примѣнивъ силу теченія. Вмѣстимость озеръ на Суэзскомъ перешейкѣ составляла всего 1,200 миллiоновъ кубическихъ метровъ, между тѣмъ какъ вмѣстимость шоттовъ Мельрира и Рарса составляетъ 193 миллiарда кубическихъ метровъ. Такимъ образомъ, условія, въ которое поставлено послѣднее предпріятіе, гораздо выгоднѣе, и чего не въ состояніи сдѣлать теченіе этой массы воды. Г. Рудеръ исчисляетъ только въ 25,640,137 кубич. метровъ всю массу земли, которую придется срыть, или 30 миллiоновъ на случай измѣненій, которыя могутъ быть произведены въ первоначальномъ проектѣ.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

Новости наукъ и жизни.

— **Финансы. Истинныя причины пониженія цѣнности серебра.** Для дополненія отчета коммисіи нижней палаты объ обезцѣненіи серебра, англійское министерство иностранныхъ дѣлъ поручило своимъ представителямъ за границей собрать возможно полныя свѣдѣнія о движеніи серебра и монетномъ законодательствѣ странъ, въ которыхъ они пребываютъ. Индійское правительство также было приглашено «составить краткую записку о вліяніи, которое имѣло паденіе серебра на торговлю и на цѣны въ Индіи, равно какъ исчисленіе мѣръ, принятыхъ имъ въ видахъ устраненія существующихъ невыгодныхъ условій». Полученныя изъ этихъ источниковъ свѣдѣнія, недавно обнародованы англійскимъ правительствомъ, какъ одно цѣлое, и пополнены новыми данными, которыя представляютъ возможность яснѣе обозрѣть и очертить вліяніе новыхъ факторовъ, вызвавшихъ различныя измѣненія въ цѣнности серебра, и извлечь изъ опыта теоретическія положенія.

Обратимся сначала къ производству серебра въ Америкѣ, о которомъ было такъ много шума и толковъ. Въ этомъ отношеніи, отчетъ не даетъ намъ почти никакихъ новыхъ или точныхъ свѣдѣній, но, въ концѣ концовъ, онъ представляетъ очевидное доказательство, что добываніе серебра въ рудникахъ Соединенныхъ Штатовъ гораздо менѣе значительно, чѣмъ показано въ отчетахъ парламентской коммисіи. Въ 1876 году напр. ожидали, что добыто будетъ 9,000,000 ф. ст., между тѣмъ, какъ въ докладѣ д-ра Линдермана, директора сѣверо-американскаго монетнаго двора, производство въ бюджетномъ году, истекшемъ 30 іюня 1876 года, оцѣнивается только въ 7,700,000 ф. При этомъ г. Линдерманъ выражаетъ опасеніе, что, такъ какъ новыхъ открытій залежей серебра не было сдѣлано, то рудники будутъ давать все менѣе и менѣе; и теперь уже два или три изъ нихъ, прежде очень богатые, начинаютъ быстро истощаться. Гг. Уельсъ, Фарго и К⁰, маклера въ Санъ-Франциско, оцѣниваютъ производство нѣсколько выше, а именно, по ихъ даннымъ, въ 1876 г., было добыто серебра на 8,300,000 ф. ст. Но, съ другой стороны, въ корреспонденціи «Times» изъ Санъ-Франциско исчисляется, что все производство, въ названномъ году, не превышало 5,600,000 ф. ст.

Трудно сказать, которая изъ этихъ цифръ наиболѣе вѣрна; но, какъ бы то ни было, вѣрно однако то, что отпускъ серебра изъ Америки не увеличился, а напротивъ, постепенно продолжаетъ сокращаться. Согласно даннымъ г. Линдермана, излишекъ отпуска серебра надъ привозомъ составлялъ въ послѣднія пять лѣтъ:

Годы истекшіе.	дол.	ф. ст.
Іюня 30 1872	25,302,543	5,060,508
» — 1873	26,953,869	5,390,773
» — 1874	23,636,216	4,727,243
» — 1875	17,947,241	3,589,448
» — 1776	17,386,506	3,477,301

Цифры эти вполнѣ согласны съ данными отчетовъ о дниженіи серебра въ Нью-Іоркскомъ портѣ, а также съ отчетами англійскаго министерства торговли, которое опредѣляетъ привозъ серебра изъ Соединенныхъ Штатовъ въ 1874 г. въ 3,476,722 ф., въ 1875 г.—3,181,227 ф., въ 1876 г.—2,637,224 ф. Что касается сокращенія привоза въ Англію, въ послѣднемъ году, то оно въ значительной степени объясняется увеличеніемъ отправокъ серебра прямымъ путемъ, изъ Санъ-Франциско въ Китай, преимущественно за счетъ Англіи, такъ какъ «англійскіе купцы, желая сберечь отъ 1 до $2^1/_2$%, распорядились, чтобы кредиторамъ ихъ въ Китаѣ серебро отправлялось непосредственно агентами ихъ въ Санъ-Франциско». Но это измѣненіе нисколько не опровергаетъ факта, что вся сумма отпуска серебра изъ Соединенныхъ Штатовъ сильно уменьшилась въ 1876 году, противъ 1869 года, какъ это видно изъ отчета директора монетнаго двора; и такимъ образомъ очевидно, что относительно Соединенныхъ Штатовъ только предполагаемое, а не дѣйствительное увеличеніе вызвало подавленіе цѣнъ на серебро.

Совершенно другое нужно сказать о Германіи, производившей дѣятельныя продажи извлеченнаго изъ денежнаго обращенія серебра. Однако, отчетъ ничего не говоритъ намъ объ успѣхѣ замѣны серебряной монеты золотою, вѣроятно потому, что невозможно было собрать окончательныхъ свѣдѣній. Поэтому намъ ничего не извѣстно ни о количествѣ серебра, извлеченнаго германскимъ правительствомъ изъ обращенія, ни о томъ, что оно намѣрено съ нимъ дѣлать; но отчеты англійскаго министерства торговли показываютъ, что, между тѣмъ, какъ, съ начала 1873 г. до конца іюня 1876 года, привозъ серебра въ Соединенныя Королевства изъ Германіи простирался всего до 5,197,000 ф., въ теченіе слѣдующихъ одинадцати мѣсяцевъ онъ достигъ 9,883,000 ф. Г. Уардъ, англійскій консулъ въ Бременѣ, исчисляетъ, что, въ іюнѣ 1876 г., въ рукахъ германскаго правительства находилось серебра на сумму 20,123,000 ф.,—цифра, почти равная цифрѣ, помѣщенной въ отчетѣ парламентской коммисіи. Мы сомнѣваемся, чтобы даже само германское правительство могло съ приблизительною точностью сказать, какимъ количествомъ серебра оно въ концѣ концевъ будетъ располагать. Съ достовѣрностью извѣстно только, что Германія, въ теченіи одинадцати послѣднихъ мѣсяцевъ, снабдила рынокъ серебромъ въ количествѣ, вдвое превышающемъ суммы, которыя она отпускала въ предшествовавшіе $3^1/_2$ года. Насколько можно судить изъ отчета, сильное увеличеніе отпуска серебра изъ этой страны не было вовсе уравновѣшено уменьшеніемъ подвозовъ изъ другихъ странъ. Къ тому же, европейскія страны не измѣнили выжидательнаго положенія, принятаго ими въ то время, когда происходили засѣданія парламентской коммисіи, и не приступили къ перечеканкѣ нѣмецкихъ монетъ. Напротивъ, онѣ стали еще болѣе сдержанны, и чеканка серебряной монеты какъ будто пріостановилась. Въ текущемъ году назначенъ максимумъ въ 2,232,000 ф., до котораго допускается чеканка серебряной монеты; но надо полагать, что этотъ максимумъ не будетъ достигнутъ.

При такихъ обстоятельствахъ, замѣчательна была поглощающая сила Востока. Годовой отпускъ серебра въ Индію изъ Англіи, въ теченіе четырехъ лѣтъ, заключившихся апрѣлемъ 1876 г. простирался среднимъ числомъ до 4.100,000 ф., но въ послѣдніе одинадцать мѣсяцевъ онъ возросъ до 10.573,000 ф. Такъ, напр., отпускъ въ Китай сильно увеличился. Такимъ образомъ серебро, вивозимое Германіей, нашло себѣ помѣщеніе и естественный сбытъ. Наиболѣе интересная часть отчета, которая касается вліянія этого новаго огромнаго прилива серебра на торговлю и цѣны въ Индіи. Приливъ этотъ не имѣлъ сильныхъ послѣдствій, такъ какъ прежніе запасы были слишкомъ громадны. Таково, по крайней мѣрѣ, заключеніе, къ которому пришло индійское правительство, послѣ тщательнаго изученія колебаній цѣнъ товаровъ на индійскихъ рынкахъ, съ января 1873 г. по февраль тек. года. Полученныя данныя показываютъ, что цѣны привозныхъ товаровъ были вообще ниже въ концѣ этого періода, чѣмъ въ началѣ; что же касается отпускныхъ, то, хотя цѣны на многіе изъ нихъ, каковы: индійская конопля, рисъ, шелкъ, чай и пшеница, показываютъ значительное повышеніе, но это, безъ сомнѣнія, обусловливалосъ другими вліяніями, не находившимися въ связи съ движеніями серебра. Сравненіе цѣнъ этихъ товаровъ на лондонскомъ рынкѣ представило бы приблизительно такія же измѣненія. Такимъ образомъ, обезцѣненіе серебра было преимущественно обезцѣненіемъ его стоимости сравнительно съ золотомъ.

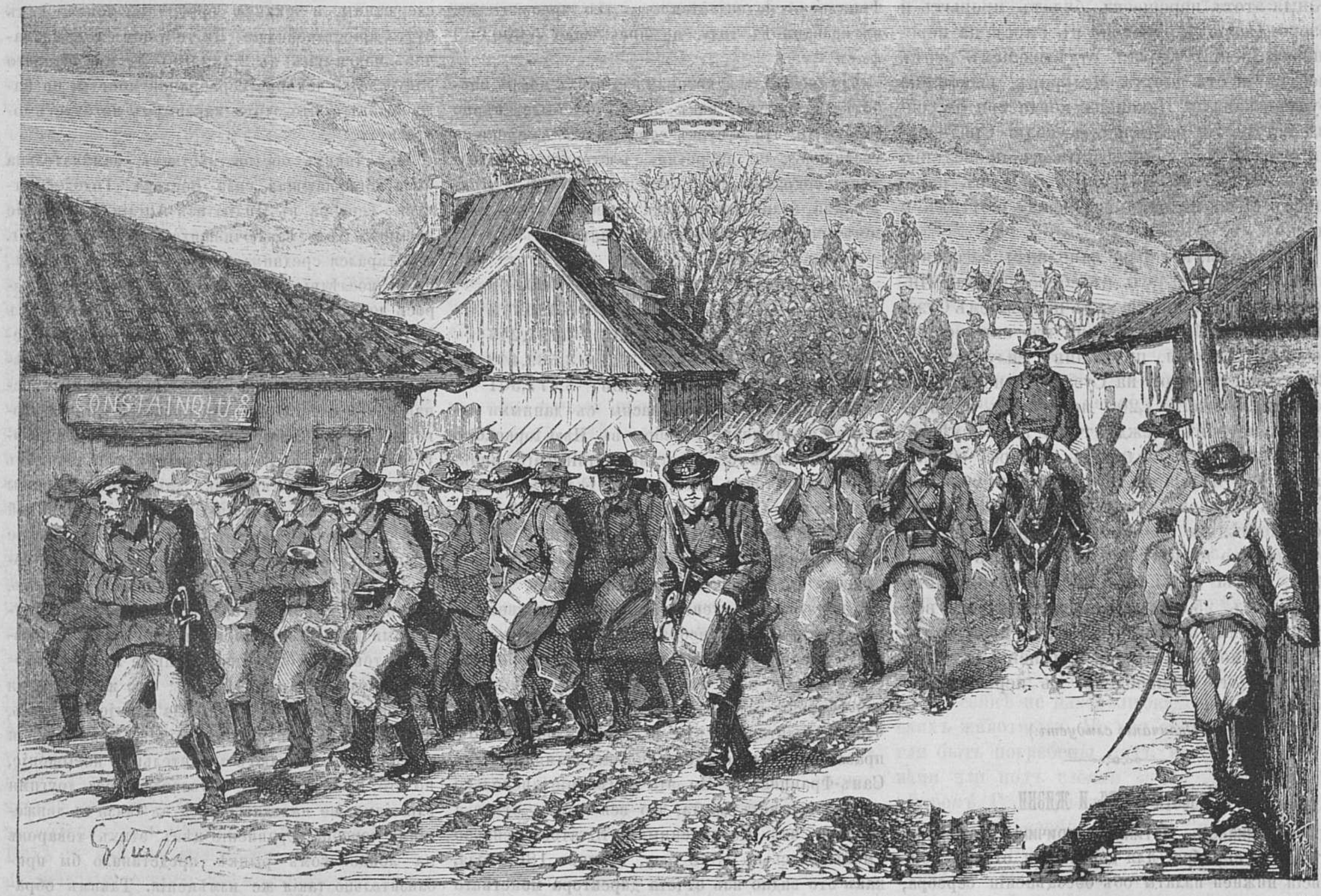
— **Школа на акціяхъ.** Въ Кельнѣ недавно сдѣлана попытка основать «школу на акціяхъ». Это будетъ школа декоративной живописи, живописи на деревѣ и мраморѣ. Основный капиталъ 10,800 марокъ, въ 72 акціяхъ, по 150 марокъ.

— **Конгрессъ въ Брюсселѣ для изслѣдованія внутренности Африки.** На первомъ его засѣданіи разсматривался вопросъ объ учрежденіи въ Африкѣ станціи, которая подавала бы изслѣдователямъ Африки нужную для нихъ помощь. Были обсуждены разныя мѣропріятія. Имѣются достаточныя средства для снаряженія первой экспедиціи.

Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій.

На прошлой недѣлѣ получены только слѣдующія оффиціальныя извѣстія:

Телеграмма Его Императорскаго Высочества главнокомандующаго дѣйствующею арміею, изъ Тырнова, отъ 10-го іюля: 8-го іюля генералъ-лейтенантъ Шильдеръ-Шульднеръ первою бригадою 5-й дивизіи аттаковалъ Плевно съ сѣверной стороны, а костромской полкъ съ 8-ю орудіями съ восточной; аттака не удалась; противникъ оказался сильнѣе чѣмъ предполагали. Генералъ-лейтенантъ Шильдеръ-Шульднеръ отступилъ по Бѣльскому шоссе. 9-го прибыли къ нему, Шильдеру, подкрѣпленія, дано время отдохнуть и устроиться. Турки остались въ Плевнѣ. Потеря 1-й бригады 5-й дивизіи: убиты командиръ 17-го пѣхотнаго архангелогородскаго полка, полковникъ Розенбомъ и 14 офицеровъ; ранены: генералъ Кноррингъ и 36 офицеровъ; нижнихъ чиновъ выбыло изъ строя 1,878; въ костромскомъ полку убитъ командиръ, полковникъ Клейнгаузъ; подробности неизвѣстны. Потеря кавалеріи и артиллеріи ничтожна.



Румынскіе стрѣлки.

Телеграмма военнаго министра изъ Бѣлы, отъ 12-го іюля. Генералъ-лейтенантъ Циммерманъ, изъ Браилова доноситъ, пароходъ «Николай» и два катера подъ командою лейтенанта Дубасова, не доходя верстъ 20 до Силистріи, открыли огонь по небольшому турецкому лагерю и принудили турокъ отойти; но затѣмъ встрѣтивъ турецкій мониторъ, открыли по немъ огонь съ разстоянія 1,000 саж. Пятымъ выстрѣломъ съ «Николая» произведенъ пожаръ на палубѣ монитора, который турки успѣли потушить; десятымъ выстрѣломъ снова произведенъ пожаръ, такъ что мониторъ пересталъ стрѣлять, присталъ къ берегу и началъ высаживать команду; пушечная картечная граната произвела среди этой команды большое смятеніе. Но въ это время подошли изъ Силистріи пароходъ и другой мониторъ, а на берегъ выѣхала полевая батарея; наши отступили медленно, отстрѣливаясь. Турецкій мониторъ получилъ значительныя поврежденія, имѣлъ убитыхъ и раненыхъ. У насъ поврежденія самыя ничтожныя и потери не было. На пароходѣ «Николай» командовалъ орудіями саперный поручикъ, Максимовичъ.

11-го іюля, выше Рущука, спускались 5 турецкихъ пароходовъ и 2 монитора; наши батареи изъ Слободзеи выстрѣлами сожгли 3 парохода, четвертый потопили.

Телеграмма начальника штаба Кавказскаго военнаго округа, изъ Александрополя, отъ 13-го іюля. Войска генерала Алхазова заняли 10-го іюля средней колонною укрѣпленную позицію непріятеля у селенія Меркулки, причемъ непріятель лишился 48 человѣкъ убитыми и оставилъ въ нашихъ рукахъ много ружей и различныхъ предметовъ довольствія. У насъ убито и ранено офицеръ милиціи и два нижнихъ чина. Одновременно съ аттакою Меркулки, войсками лѣвой колонны обстрѣливались Очемчиры, защищаемые огнемъ съ флота.

Войска Мухтара-паши продолжаютъ усиленно укрѣпляться на занятой ими позиціи. Противъ отряда полковника Комарова, расположеннаго на позиціи внѣ Ардагана, показалось изъ Ольты около трехъ тысячъ турокъ.

Телеграммы Его Императорскому Высочеству Великому Князю генералъ-адмиралу отъ управляющаго морскимъ министерствомъ, отъ 12-го іюля. I. «Изъ Севастополя, отъ адмирала Никонова получена слѣдующая телеграмма: Сегодня съ разсвѣтомъ пришелъ «Веста», сильно пострадавшій въ дѣлѣ, которое имѣлъ вчера близъ Кюстенджи съ турецкимъ броненоснымъ корветомъ. Дѣло длилось пять часовъ. Убито офицеровъ 2, ранено 5, нижнихъ чиновъ убито 9, ранено 18. Подробное донесеніе ожидаю сегодня». II. 9-го іюля пароходъ «Веста» отправился въ крейсерство къ румелійскому берегу. Утромъ 11-го іюля, въ 35 миляхъ отъ Кюстенджи, съ 8 часовъ до половины втораго «Веста» имѣла жаркій бой съ большимъ турецкимъ броненосцемъ, нмѣвшимъ ходу до 13 узловъ. Во время сраженія у «Весты» былъ перебитъ штуртросъ; въ эти минуты до исправленія, турки приблизились на ружейный выстрѣлъ, и отъ ихъ залпа «Веста» сильно пострадала. Потери офицеровъ: убито 2, тяжело ранено 2, легко ранено 4, въ томъ числѣ и командиръ; нижнихъ чиновъ убито 9, ранено 16. Пароходъ сильно избитъ, двѣ пробоины въ корпусѣ, а 10-ти или 11-ти дюймовая бомба, пробивъ палубу, лопнула на кормовомъ кубрикѣ и произвела пожаръ надъ пороховымъ и бомбовыми погребами. Пожаръ былъ потушенъ быстро. Офицеры, команда и волонтеры вели себя съ необыкновеннымъ геройствомъ. Кромѣ нашихъ пуль и мелкихъ снарядовъ въ непріятеля попало навѣснымъ огнемъ три мортирныя бомбы: одна лопнула въ кормовой части, другая не разорвалась, а третья лопнула въ башнѣ и рѣшила бой. Отъ удачнаго взрыва нашей бомбы въ башнѣ броненосца, онъ бѣжалъ. 12-го іюля съ разсвѣтомъ «Веста» пришла въ Севастополь; до сихъ поръ изъ числа убитыхъ извѣстно только о подполковникѣ корпуса морской артиллеріи Черновѣ. III. Въ дѣлѣ парохода «Веста» убиты артиллеріи подполковникъ Черновъ и прапорщикъ Яковлевъ и 9 человѣкъ команды. Очень тяжело ранены лейтенантъ Михаилъ Перелешинъ и 2 человѣка команды. Серьезно ранены лейтенантъ Кротковъ, мичманъ Петровъ и 4 человѣка команды. Легко ранены и контужены: командиръ, старшій офицеръ лейтенантъ Владиміръ Перелешинъ, юнкеръ Яковлевъ и 11 человѣкъ команды. Сейчасъ получилъ телеграмму, что лейтенантъ Михаилъ Перелешинъ послѣ ампутаціи скончался.

Телеграммы.

Москва, 15-го іюля, пятница. Санитарный поѣздъ имени Ея Величества Государыни Императрицы отправился сейчасъ, черезъ Кіевъ, въ армію. Публика съ любопытствомъ осматривала улучшенную систему вентиляціи, перевязочное отдѣленіе, помѣщеніе для санитарнаго персонала и устроенную для поѣзда петербургскимъ комитетомъ грамотности библіотеку.

— 16-го іюля, суббота, вечеромъ. Пять московскихъ ямскихъ слободъ пожертвовали вчера въ пользу центральнаго московскаго склада около 4,000 рублей, а купецъ Филитесъ представилъ милліонъ штукъ папиросъ. Кромѣ массы разныхъ другихъ предметовъ, складъ отправилъ уже двадцать двѣ тысячи рубахъ въ обѣ арміи. Требованія госпиталей на Кавказѣ увеличиваются. Московскій центральный складъ, устроивъ слишкомъ тысячу кроватей при кавказской арміи, нуждается нынѣ въ вещевыхъ и денежныхъ пожертвованіяхъ. Предсѣдательница склада, Марія Васильевна Дурново, равно какъ ея сотрудницы и сотрудники, работаютъ неустанно.

— 16-го іюля, суббота, вечеромъ. Здѣсь радушно одобряется предположеніе москвичей отправить германскому императору благодарственный адрессъ за искренній и честный образъ дѣйствій его величества по восточному вопросу. Фабриканты предполагаютъ поднести императору Вильгельму роскошный альбомъ видовъ Москвы, а дамы заняты составленіемъ узора для роскошнаго ковра, который онѣ намѣрены поднести князю Бисмарку. Симпатіи Москвы къ германской націи проявляются ежедневно.

Харьковъ, 12-го іюля, вторникъ. Сегодня, въ 12 часовъ, на харьковской станціи Курско-харьково-азовской желѣзной дороги, преосвященнымъ Саввою въ присутствіи представителей высшаго мѣстнаго общества, правительственнаго инспектора дороги и управляющаго дорогою, при громадномъ стеченіи публики, торжественно освященъ былъ санитарный поѣздъ. Поѣздъ этотъ, состоящій изъ 25 вагоновъ, устроенъ мѣстнымъ управленіемъ общества попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ, на средства, пожертвованныя С. С. Поляковымъ. Поѣздъ отличается особыми удобствами въ отношеніи вентеляціи въ примѣненіи автоматической передачи сигнала къ паровозу, замѣняющаго обыкновенную употребляемую для этой цѣли веревку.

— 14-го іюля, четвергъ. Сегодня отправленъ на Кавказъ санитарный поѣздъ С. С. Полякова.

— 14-го іюля, четвергъ. Харьково-николаевская дорога безусловно прекратила пріемъ и передачу грузовъ, даже военныхъ, слѣдующихъ транзитомъ въ Одессу. Причиною этой мѣры служитъ такой же отказъ со стороны одесской дороги.

Одесса, 14-го іюля, четвергъ. Сегодня въ 11 часовъ утра, у насъ начались городскіе выборы; за отсутствіемъ городского головы предсѣдательствовалъ г. Маразли. Выборы начались съ третьяго разряда, подачею предложеній о кандидатахъ. Заявленія подаются исправно. Общество видимо горячо интересуется выборами.

— 15-го іюля, пятница, вечеромъ. Городской голова возвратился сюда изъ поѣздки въ главную квартиру, гдѣ имъ было заявлено, что въ виду урожая въ одесскомъ районѣ и закрытія порта, цѣны на хлѣбъ и овесъ такъ низки, что Одесса можетъ поставлять провіантъ и фуражъ для арміи на 40 процентовъ дешевле противъ цѣнъ существующихъ въ Румыніи. Поэтому, онъ исходатайствовалъ разрѣшеніе, чтобъ изъ Одессы ежедневно было отправляемо по одному вагону съ тѣми товарами, которые одесскіе торговцы пожелаютъ отправлять для арміи.

Тифлисъ, 12-го іюля, вторникъ, вечеромъ. Санитарный отрядъ княгини Хилковой отправился вчера въ александропольскій отрядъ арміи. На дняхъ отправляется къ эриванскому отряду санитарный отрядъ г-жи Бокуниной.

— 13-го іюля, среда, вечеромъ. Таинственное дѣло объ убійцѣ дѣвицы Андріевской будетъ разсматриваться въ сентябрѣ. Обвинительный актъ по этому дѣлу изложенъ на пятидесяти листахъ; подсудимыхъ трое, свидѣтелей сто человѣкъ.

— 18-го іюля, понедѣльникъ. «Тифлискій Вѣстникъ» сообщаетъ, что 22 ученицы здѣшняго повивальнаго института, окончившія курсъ въ нынѣшнемъ году, отправлены въ Боржомъ, въ барачный ея высочества госпиталь. Въ теченіи года онѣ спеціально готовились къ тому роду дѣятельности, который предстоитъ имъ нынѣ въ Боржомѣ.

Тула, 12-го іюля, вторникъ, вечеромъ. Сегодня, высокопреосвященнымъ Никандромъ, архіепископомъ тульскимъ и бѣлевскимъ, совершено освященіе госпиталя № 3-й, устроеннаго мѣстнымъ управленіемъ общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ на 35 кроватей.

Ольвіополь, 15-го іюля, пятница, вечеромъ. Санитарный поѣздъ имени Евгеніи Максиміліановны, принцессы Ольденбургской, принялъ, 13 іюля, въ Яссахъ 182 больныхъ и шесть раненыхъ. Поѣздъ оставилъ въ кишиневскомъ госпиталѣ одиннадцать глазныхъ больныхъ, остальныхъ сдалъ, сегодня, въ Елисаветградѣ. Многіе дорогой поправились и вообще всѣ довольны удобствомъ кроватей.

Копенгагенъ, 16-го іюля, суббота вечеромъ. Сегодня, король далъ согласіе на отставку генерала Гафнера и назначилъ военнымъ министромъ генерала Деріера.

Берлинъ, 14-го іюля, четвергъ. Въ дипломатическихъ кружкахъ увѣряютъ, что время выступленія Германіи изъ нейтралитета считается близкимъ.

Гамбургъ, 17-го іюля, воскресенье, вечеромъ. Первый лордъ британскаго адмиралтейства, Уордъ Гентъ, скончался.

Аугсбургъ, 17-го іюля, воскресенье, вечеромъ. Въ «Allgemeine Zeitung» сообщаютъ изъ Вѣны, что Мидхатъ-паша еще не вызванъ обратно въ Константинополь и не поѣдетъ туда, а возвратится, въ концѣ этой недѣли, въ Лондонъ.

Туринъ, 17-го іюля, воскресенье, вечеромъ. Принцъ Амедей, выпрыгнувъ вчера, вечеромъ, изъ экипажа, который понесли лошади, сильно разбилъ себѣ голову. Ночь проведена имъ спокойно и здоровье поправляется.

Римъ, 13 го іюля, среда, вечеромъ. Газета «Libertà» сообщаетъ, что со вчерашняго дня между кабинетами происходитъ обмѣнъ нотъ. Полагаютъ, что дѣло идетъ о соглашеніи относительно коллективнаго дѣйствія флотовъ, которые должны быть готовы какъ къ тому, чтобъ противодѣйствовать единичнымъ дѣйствіямъ какой-нибудь одной изъ державъ, такъ и къ тому, чтобъ оказать дѣятельную защиту иностраннымъ подданнымъ въ Константинополѣ.

— 15-го іюля, пятница, вечеромъ. Газеты «Libertà и «Fanfulla» опровергаютъ извѣстіе, будто бы Мелегари заявилъ, что занятіе Галлиполи англичанами нарушаетъ интересы Италіи. «Fanfulla» прибавляетъ, что отношенія Италіи къ Англіи остаются самыми дружественными.

— 17-го іюля, воскресенье, вечеромъ. По словамъ газеты «Courrier d'Italie», итальянское правительство представило на дняхъ державамъ категорическое увѣреніе въ своихъ миролюбивыхъ намѣреніяхъ и твердо рѣшилось не отступать отъ усвоенной имъ программмы нейтралитета.

Прага, 18-го іюля, понедѣльникъ. Оффиціозная газета «Bohemia» передаетъ, что на послѣднемъ совѣтѣ министровъ рѣшено немедленно мобилизовать два армейскихъ корпуса. Австрія не выйдетъ изъ предѣловъ настоящаго нейтралитета и не займетъ Боснію и Герцеговину, но желаетъ быть готовой ко всякимъ случайностямъ.

Пештъ, 12-го іюля. Здѣсь происходилъ митингъ, сочувственный туркамъ и заявившій свое желаніе, чтобъ австрійское правительство предложило свое посредничество для заключенія мира между Россіей и Турціей. Говорятъ, что готовятся демонстраціи венгровъ въ пользу турокъ.

— 14-го іюля, четвергъ. «Pester Lloyd» сообщаетъ изъ берлинскаго «чрезвычайнаго» источника, что кн. Горчаковъ уполномочилъ представителей Россіи при иностранныхъ дворахъ заявить, что приписываемая Россіи идея—вступить въ непосредственныя соглашенія съ Портой—лишена всякаго основанія и что Россія остается вѣрна не разъ высказаннымъ принципамъ, вслѣдствіе которыхъ она признаетъ за восточнымъ вопросомъ европейскій характеръ.

— 15-го іюля, пятница, вечеромъ. На устроенной здѣсь народной сходкѣ, въ которой приняли участіе 8,000 человѣкъ приняты слѣдующія резолюціи: сходка высказываетъ порицаніе усвоенному русскими способу веденія войны въ Болгаріи, признаетъ расширеніе могущества Россіи несовмѣстнымъ съ интересами Австро-Венгріи и постановляетъ потребовать отъ правительства, черезъ депутацію, чтобъ оно домогалось прекращенія безчеловѣчнаго способа веденія войны и своевременно оградило интересы монархіи.

— 15-го іюля, пятница. Вся Венгрія приготовляется устроить митинги на подобіе пештскаго, т. е. въ пользу турокъ. Пештскій митингъ въ вѣнскихъ вліятельныхъ кружкахъ прошелъ почти незамѣченнымъ; по крайней мѣрѣ ему не придаютъ тутъ ни малѣйшаго значенія.

— 18-го іюля понедѣльникъ. По всей Венгріи распространяется враждебная Россіи агитація. Въ Дебречинѣ, Эрлау и Каморнѣ были устроены народныя собранія, на которыхъ принята резолюція пештскаго митинга.

Вѣна, 12-го іюля, вторникъ. Въ здѣшнихъ кружкахъ увѣряютъ, что итальянское правительство намѣрено вести рѣшительную политику въ смыслѣ присоединенія къ своей территоріи новыхъ провинцій.

— 14-го іюля, четвергъ. Въ газетѣ «Politische Correspondenz» напечатана слѣдующая депеша изъ Петербурга: «Въ русскихъ руководящихъ кружкахъ дѣйствія Англіи признаются демонстраціею, не имѣющею большаго значенія; здѣсь твердо увѣрены, что Англія, будучи изолирована, будетъ избѣгать воинственныхъ дѣйствій. Занятіе Галлиполи (еслибъ оно состоялось) могло-бы вызвать столкновенія лишь въ томъ случаѣ, еслибъ англійскія войска соединились съ турецкою арміей; высадка же въ Галлиполи, не имѣющая наступательнаго характера, была бы просто оставлена Россіей безъ вниманія.

— 14-го іюля, четвергъ, вечеромъ. Газетѣ «Politische Correspondenz» сообщаютъ изъ Бѣлграда: «Скупщина приняла бюджетъ. Министръ финансовъ внесъ законопроектъ о заключеніи внѣшняго займа въ суммѣ двухъ милліоновъ дукатовъ, обезпечиваемаго со стороны государства рудниками и лѣсами Шумадіи».

— 14-го іюля, четвергъ, вечеромъ. Газетѣ «Neue Freie Presse» сообщаютъ изъ Бухареста, отъ 24-го іюля: «Бывшему румынскому торговому агенту въ Тульчѣ, Іовановичу, и директору сельскохозяйственнаго училища въ Бухарестѣ, Аурелеа, поручено правительствомъ отправиться въ Добруджу для изслѣдованія положенія этой области, чтобы затѣмъ высказать мнѣніе о томъ, было ли бы желательно присоединеніе Добруджи къ Румыніи.

— 14-го іюля, четвергъ. Телеграмма, полученная газетою «Neue Freie Presse» изъ Константинополя, отъ 26-го іюля, сообщаетъ, что Мидхатъ-паша вызванъ султаномъ въ Константинополь и уже выѣхалъ изъ Пломбьера, откуда, черезъ Вѣну, онъ отправится непосредственно въ турецкую столицу.

— 16-го іюля, суббота. Митхадъ-паша пріѣхалъ сюда и бесѣдовалъ довольно долго съ турецкимъ посломъ, Алеко-пашею, и посѣтивъ сегодня графа Андраши. Ходитъ слухъ, въ достовѣрности котораго имѣю право не сомнѣваться пока, что Мидхатъ-паша отправляется отсюда не въ Константинополь, а въ Лондонъ съ особымъ довѣреннымъ ему порученіемъ отъ своего правительства. Появившееся въ здѣшнихъ газетахъ извѣстіе о предстоящей немедленной мобилизаціи многихъ корпусовъ арміи лишено рѣшительно всякаго основанія.

— 16-го іюля, воскресенье, вечеромъ. Сегодня Мидхатъ-паша посѣтилъ графа Андраши и бесѣдовалъ съ нимъ полчаса; затѣмъ графъ Андраши пріѣхалъ къ нему въ «Hêtel Métropole», чтобъ возвратить визитъ. Между тѣмъ, Митхадъ, послѣ своего посѣщенія у Андраши, отправился къ Алеко-пашѣ и возвратился лишь въ $3^1/_2$ часа.

— 16-го іюля, суббота, вечеромъ. Газетѣ «Tagblatt» сообщаютъ изъ Аѳинъ: «На островѣ Критѣ, близь Ретимно, произошло кровопролитное сраженіе. Возстаніе разростается.

17-го іюля, воскресенье. Оффиціозныя газеты опровергаютъ слухи о мобилизаціи новыхъ корпусовъ и называютъ неосновательными всѣ политическія комбинаціи, основанныя на слухахъ о вооруженіяхъ Австріи.

Мидхатъ-паша сохраняетъ характеръ частнаго человѣка, ни съ кѣмъ изъ политическихъ дѣятелей не видится, никого не принимаетъ; онъ ожидаетъ дальнѣйшихъ приказовъ султана и до полученія ихъ не выѣдетъ изъ Вѣны.

17-го іюля, воскресенье, вечеромъ. По словамъ газеты «Neue Freie Presse», ничего опредѣленнаго неизвѣстно о томъ, сколько времени Мидхатъ-паша пробудетъ въ Вѣнѣ; достовѣрно только, что поѣздка въ Вѣну предпринята была имъ по желанію султана и что онъ ожидаетъ дальнѣйшихъ инструкцій изъ Константинополя. Вызова Мидхата-паши обратно въ Константинополь еще не послѣдовало; извѣстія же объ его отъѣздѣ въ Лондонъ или Бриндизи преждевременны. Вчера Мидхатъ-паша посѣтилъ турецкаго посла, съ которымъ и провелъ нѣсколько часовъ.

— 17-го іюля, воскресенье, вечеромъ. По словамъ «Montags-Revue», въ Вѣну вызваны цислейтанскій министръ финансовъ Претисъ и венгерскіе министръ-президентъ Тисса и министръ финансовъ Шелль, для участія, вмѣстѣ съ княземъ Ауэршпергомъ, графомъ Андраши и имперскимъ министромъ финансовъ Гофманомъ, въ засѣданіяхъ совѣта министровъ. Совѣтъ этотъ собирается съ цѣлью обсудить вопросъ о томъ, не наступило-ли теперь для Австріи время выйти изъ занимаемаго ею донынѣ пасивнаго положенія и, путемъ мобилизаціи, по крайней мѣрѣ, части своей арміи, возстановить военную готовность Австро-Венгріи. Графъ Андраши, считая эту мѣру необходимою, не имѣетъ, однако, при этомъ въ виду измѣнять австрійскую политику, которая стремится лишь къ охраненію интересовъ монархіи. Присутствіе Мидхата-паши не имѣетъ рѣшительно никакой связи съ предстоящими мѣрами. Австрійская политика чуждается всякой мысли объ окупаціи, но ни въ какомъ случаѣ не можетъ допустить, чтобъ новый порядокъ дѣлъ былъ установленъ безъ ея участія или наперекоръ интересамъ, о которыхъ было заявлено Австріею.

Марсель, 13-го (25-го) іюля, среда, вечеромъ. Здѣшній муниципальный совѣтъ распущенъ и и замѣненъ муниципальною коммисіей.

Парижъ, 16-го (28-го) іюля, суббота, вечеромъ. Маршалъ Макъ-Магонъ, отвѣчая на привѣтствіе мѣстнаго мэра въ Буржѣ, сказалъ: «Сохранить внутренній и внѣшній миръ и идти во главѣ людей порядка изъ всѣхъ партій, оставаясь на почвѣ конституціи—такова моя цѣль; иной цѣли я никогда не имѣлъ». Далѣе маршалъ протестовалъ противъ клеветы, утверждающей, будто бы внѣшнія отношенія Франціи поколеблены и свободѣ совѣсти грозитъ опасность; онъ заявилъ, что клевета не лишитъ его присутствія духа и не воспрепятствуетъ ему довершить свою задачу. Маршалъ надѣется, что нація, избравъ новыхъ уполномоченныхъ, положитъ конецъ распрѣ, продленіе которой нанесло бы вредъ интересамъ Франціи.

— 16 го іюля, суббота, вечеромъ. Маршалу Макъ-Магону оказана въ Буржѣ весьма сочувственная встрѣча. Отвѣчая на рѣчь президента коммерческаго суда, маршалъ сказалъ: «Франція сдѣлала все, чтобъ локализовать войну на Востокѣ; главная цѣль, къ которой стремится французская политика, есть миръ».

Лондонъ, 11-го (23-го) іюля, понедѣльникъ, вечеромъ. Сэръ Норскотъ, отвѣчая маркизу Гартингтону, заявилъ, что слухи объ отправкѣ войскъ и ихъ назначеніи основаны на томъ, что при нынѣшнемъ неопредѣленномъ состояніи области Средиземнаго моря, правительство сочло необходимымъ усилить гарнизонъ Мальты до его полной численности. Такова причина отправки войскъ и это—единственный отвѣтъ, который можетъ быть данъ.

— 12-го іюля, вторникъ, вечеромъ. Сэръ Норскотъ, на вопросъ Уолле, объяснилъ въ палатѣ общинъ, что правительствомъ не было получено ни письменныхъ, ни иныхъ жалобъ Россіи на нарушеніе нейтралитета.

Г. Боркъ заявилъ, что переговоры относительно заключенія новаго торговаго договора съ Франціей пріостановлены; правительство занято обсужденіемъ сдѣланныхъ на конференціи предложеній. Французское правительство просило, чтобъ переговоры по этому предмету были возобновлены лишь по окончаніи выборовъ.

— 12-го іюля, четвергъ. Вчера Джонъ Брайтъ произнесъ въ Брэдфордѣ рѣчь, въ которой высказался противъ всякой попытки воспрепятствовать движенію русскихъ войскъ на Константинополь, по мнѣнію оратора, это было бы дѣйствіемъ несправедливымъ и только затянуло бы войну. Притомъ, Англія не имѣетъ нынѣ союзниковъ. Подобныя требованія вызвали бы европейскую коалицію, которая подвергла бы Англію униженію.

Вчера же, на банкетѣ рыбныхъ торговцевъ, въ лондонскомъ Сити, маркизъ Гартингтонъ, обсуждая восточный вопросъ, также протестовалъ противъ преждевременнаго вмѣшательства Англіи въ войну, доказывая, что Англіи слѣдуетъ сохранить не только строгій, но и безпристрастный нейтралитетъ.

— 12-го іюня, вторникъ. По словамъ «Агентства Рейтера», британское правительство предписало приготовить къ отплытію еще два судна для перевозки войскъ, именно суда «Simon» и «Himalaya». Въ Альдершотѣ ожидаютъ на будущей недѣлѣ полученія приказа о приготовленіи къ походу еще нѣкоторыхъ частей войскъ, между прочимъ, двухъ кавалерійскихъ полковъ, инженерныхъ войскъ и обоза.

— 12-го іюля, вторникъ. На запросъ Грэнвиля, лордъ Дерби заявилъ въ палатѣ лордовъ: «Мнѣ не трудно отвѣчать на этотъ вопросъ, который совершенно естественъ и своевременъ. Численность нашихъ гарнизоновъ въ Средиземномъ морѣ не достигаетъ полной цифры; поэтому, въ виду нынѣшняго неопредѣленнаго и тревожнаго состоянія Европы, признано желательнымъ усилить ихъ присылкою 3,000 человѣкъ. Это—единственное обстоятельство, служащее основою газетныхъ сообщеній».

Въ палатѣ общинъ, г. Боркъ заявилъ, что о тайныхъ приготовленіяхъ къ экспедиціи въ Италіи, итальянскихъ или адріатическихъ гаваняхъ, оффиціально ничего неизвѣстно. Отвѣчая Каллану, Боркъ объяснилъ, что онъ не имѣетъ оффиціальныхъ свѣдѣній о посылкѣ въ Римъ адъютанта князя черногорскаго Николая. Итальянское правительство потребовало отъ палаты кредита на покупку лошадей; но британскому правительству извѣстно, что наличность лошадей въ итальянской арміи гораздо ниже требуемой по штатамъ мирнаго времени. Далѣе, на вопросъ Каллана же, Боркъ отвѣчалъ, что ему ничего неизвѣстно о томъ, будто бы одинъ изъ русскихъ генераловъ назначилъ цѣну за голову британскаго военнаго уполномоченнаго, Кемпбеля. Отвѣчая Сэмьюэльсону, Боркъ сказалъ, что британскій консулъ въ Эрзерумѣ засвидѣтельствовалъ о большихъ насиліяхъ, совершенныхъ турецкими иррегулярными войсками и шайками курдовъ въ Арменіи. Британскому представителю въ Константинополѣ предписано сдѣлать по этому поводу представленія Портѣ.

— 13-го іюля, среда, вечеромъ. Въ палатѣ общинъ при обсужденіи по статьямъ билля о южно-африканской конфедераціи, оппозиціонные доводы О'Донеля вызвали оживленный эпизодъ, закончившійся тѣмъ, что Парнель долженъ былъ оставить залу засѣданія до тѣхъ поръ, пока палата постановитъ рѣшеніе. Сэръ Норскотъ предложилъ резолюцію, въ которой выражено, что Парнель, въ виду упорнаго и настойчиваго нарушенія имъ порядка преній, заслуживаетъ порицанія со стороны палаты и долженъ быть устраненъ отъ участія въ преніяхъ до пятницы. Послѣ преній, палата приняла предложеніе объ отсрочкѣ обсужденія билля до пятницы, къ чему присоединилось и правительство.

Въ пятницу сэръ Норскотъ намѣренъ внести также резолюцію объ измѣненіи очереднаго порядка дѣлъ.

— 13-го іюля, среда, вечеромъ. Въ палатѣ общинъ г. Уоллэ обратился къ правительству съ вопросомъ, обозначило ли оно Россіи тотъ пунктъ, на которомъ оно сочло бы необходимымъ занять противное Россіи положеніе. Сэръ Норскотъ, заявилъ на это, что онъ считаетъ неудобнымъ и не соотвѣтствующимъ общественнымъ интересамъ отвѣчать на предъявленный вопросъ. «Правительство, сказалъ онъ, увѣдомитъ палату, когда будетъ имѣть что сообщить».

— 13-го іюля, среда. Газетѣ «Times», какъ передаетъ «Агентство Рейтера», сообщаетъ, что британскій флотъ въ Безикской бухтѣ получилъ приказаніе въ весьма скоромъ времени отправиться къ Галлиполи. Торійская печать продолжаетъ настаивать на своевременномъ занятіи Галлиполи.

Вѣнскій корреспондентъ газеты «Times» телеграфируетъ, что въ турецкомъ посольствѣ въ Вѣнѣ ничего не извѣстно о предполагаемыхъ, будто бы, между Россіей и Турціей мирныхъ переговорахъ.

— 14 іюля, четвергъ. По извѣстіямъ, полученнымъ «Агентствомъ Рейтера» изъ Бомбея, свѣдѣнія объ урожаѣ представляются неблагопріятными. Во многихъ мѣстностяхъ Индіи существуетъ серьезное опасеніе относительно новаго появленія голода.

— 15-го іюля, пятница вечеромъ. «Агентству Рейтера», сообщаютъ изъ Константинополя, отъ 26-го іюля, что нынѣшній шейхъ-уль-исламъ смѣненъ и премникомъ ему назначенъ Кара-эфенди.

— 15-го іюля, пятница, вечеромъ. По сообщенію «Агентства Рейтера», Сулейманъ-паша понесъ пораженіе подъ Карабунаромъ, лишился десяти орудій и отступилъ къ Адріанополю. Русскія войска прервали, въ Хаскіоѣ, сообщеніе между Филипполемъ и Адріанополемъ. Русскіе находятся въ Ямболи и между Эски-Загрой и Татарбунаромъ; второй русскій корпусъ обложилъ Силистрію.

— 15-го іюля, пятница. По словамъ «Агентства Рейтера», въ вульвичскомъ арсеналѣ замѣтна усиленная дѣятельность; по приказанію военнаго министерства, тамъ производится снаряженіе запасныхъ полевыхъ орудій.

Газета «Daily News» передаетъ, что въ «національный комитетъ помощи» поступило предложеніе отправить одинаковое число походныхъ лазаретовъ въ русскую и турецкую арміи.

— 15-го іюля, пятница. Членамъ парламента роздана дипломатическая переписка за время съ 20-го іюня по 27-е іюля, касающаяся жестокостей, будто бы совершенныхъ русскими войсками. Депеша лорда Дерби къ Лорду Лофтусу, отъ 17 іюля, сообщаетъ нѣсколько донесеній британскихъ консуловъ въ Турціи, заключающихъ въ себѣ перечень жестокостей, совершенныхъ русскими войсками и указываетъ на опасеніе ужасной мести со стороны мусульманъ. Въ депешѣ выражено также, что британскимъ консуламъ предписано употребить все свое вліяніе, чтобъ предотвратить насилія. Въ депешѣ г. Лэйарда къ лорду Дерби, отъ 10-го іюля, сказано: султанъ убѣжденъ, что русскіе рѣшили уничтожить все мусульманское насеніе. Онъ не принимаетъ на себя никакой отвѣтственности за то, еслибъ христіане были подвергнуты кровавымъ репрессаліямъ. Лэйардъ замѣтилъ султану, что на Порту падетъ страшная отвѣтственность, если дѣло дойдетъ до всеобщей рѣзни христіанъ. Въ депешѣ отъ 10-го іюля, г. Лэйардъ сообщаетъ, что онъ имѣетъ основаніе думать, что русскіе агенты подстрекали болгаръ къ избіенію мусульманъ, и высказываетъ опасенія относительно репрессалій. Турецкіе министры обратили вниманіе г. Лэйарда на то, что религіозной войны желала не Турція, а возникла она по волѣ Царя, Который, въ прокломаціи къ населенію, заявилъ, что Онъ ведетъ войну за православныхъ противъ невѣрныхъ. По свѣдѣніямъ Лэйарда, газетныя извѣстія о жестокостяхъ турокъ въ Добруджѣ не имѣютъ основанія.

— 16-го іюли, суббота. Палата общинъ, послѣ оживленныхъ преній, значительнымъ большинствомъ голосовъ, отклонила всѣ поправки къ резолюціи сэра Норскота относительно измѣненія порядка очередныхъ занятій въ продолженіи остальной части сессіи; самая же резолюція принята большинствомъ 282 голосовъ противъ 32. Другая резолюція, касающаяся члена палаты, Парнеля, принята 250 голосами противъ 7-ми.

— 16-го іюля. По сообщеніямъ «Агентства Рейтера», англійская эскадра выступила изъ Безикской бухты. Дальнѣйшее назначеніе ея пока неизвѣстно. «Times» сообщаетъ, что третьяго дня посажены на суда 43 офицера и 1216 нижнихъ чиновъ. Войска эти отправляются въ Мальту.

— 18-го іюля. Корреспондентъ «Times» изъ Терапіи телеграфируетъ, что въ Константинополѣ господствуетъ паника; увѣряютъ, что султанъ съ диваномъ скоро переѣдетъ въ Бруссу.

Новѣйшія извѣстія изъ Калькутты неоставляютъ сомнѣнія въ неизбѣжности голода во всей южной половинѣ Индіи.

Вчера первый лордъ адмиралтейства Уардъ Гонтъ скончался въ Гамбургѣ.

— 18-го іюня, понедѣльникъ. Какъ передаетъ «Агентство Рейтера», газета «Daily Telegraph» сообщаетъ, что черезъ нѣсколько дней отправка войскъ на Мальту будетъ возобновлена. Прежде другихъ отправлены будутъ четыре пѣхотные полка, двѣ кавалерійскія и одна артиллерійская бригады.

— 18-го іюля, понедѣльникъ. По извѣстіямъ, привезеннымъ въ Плимутъ кораблемъ «Tasmanian», перуанское правительство обратилось къ иностраннымъ консуламъ съ циркуляромъ, объявляя, что оно потребуетъ отъ британскаго правительства удовлетворенія за нападеніе на Хуаскаръ.

Портсмутъ, 14-го іюля, четвергъ, вечеромъ. Сегодня вечеромъ судно «Euphrates» отплыло отсюда къ Гибралтару и Мальтѣ, съ 40 офицерами и 1481 солдатомъ.

Константинополь, 12-го (24) іюля, вторникъ, вечеромъ. Г. Лэйардъ отправилъ военно судно «Rapid» въ Каварну для охраненія христіанъ. Графъ Зичи сдѣлалъ распоряженіе, чтобъ христіанскіе бѣглецы были принимаемы па пароходы австрійскаго «Ллойда».

— 12-го іюля (черезъ Вѣну). Англійскій посолъ, Лэйардъ, нѣсколько разъ въ послѣдніе дни имѣлъ аудіенціи у султана. Лэйардъ также много разъ видѣлся съ руководящими лицами и велъ съ ними продолжительныя конференціи. Эти аудіенціи у султана и переговоры съ вліятельными лицами касаются чрезвычайно важной сдѣлки Англіи съ Портой, подробности которой еще неизвѣстны.

— 12-го іюля. Увѣряютъ, что Лэйардъ отправилъ британскому правительству телеграмму, въ которой говоритъ, что положеніе христіанъ, какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціяхъ, въ высшей степени опасно и что имъ ежеминутно угрожаетъ опасность подвергнуться избіенію. Англійскій посолъ настаиваетъ на необходимости энергическихъ дѣйствій въ пользу христіанъ, такъ какъ Порта рѣшительно не имѣетъ средствъ для защиты ихъ. Характеристично, что рядомъ съ этимъ безпокойствомъ Лэйарда за христіанъ, идутъ приготовленія для того, чтобы поднять знамя пророка, этотъ символъ борьбы на жизнь смерть съ невѣрными, т. е. съ христіанствомъ.

— 13-го іюля, среда. Переговоры Лэйарда съ Портою по вопросу о допущеніи британскаго флота въ Дарданеллы до сихъ поръ не увѣнчались успѣхомъ. Мусульманское населеніе Филиппополя отправило Али-Суави телеграмму, въ которой проситъ убѣдить султана въ необходимости заключить перемиріе.

— 15-го іюля, пятница. Паденіе великаго визиря неизбѣжно; представляется несомнѣннымъ, что паши Абдулъ-Керимъ и Редифъ будутъ преданы военному суду.

— 15-го іюля, пятница, вечеромъ. Французскій консулъ въ Кавале, греческій—въ Бургасѣ, французскій и итальянскій консулы въ Галиполи, обратились къ своимъ посольствамъ въ Константинополѣ съ ходатайствомъ объ отправкѣ военныхъ судовъ къ мѣстамъ ихъ пребыванія, гдѣ мусульмане обнаруживаютъ сильнѣйшее возбужденіе.

— 16-го іюля, суббота. Мегеметъ-Рушди-паша отказался отъ предлагаемаго ему званія великаго визиря, при чемъ настоятельно совѣтовалъ султану вернуть изъ ссылки Мидхата-пашу. Увѣряютъ, что за послѣднимъ отправленъ въ Бриндизи пароходъ «Изеддинъ».

— 16 го іюля, суббота. Британскій флотъ отплылъ изъ Безикской бухты, но мѣсто его назначенія еще неизвѣстно. Полагаютъ, что онъ будетъ употребленъ для крейсированія.

— 17-го іюля. Изъ всѣхъ провинцій вызвано большое число рабочихъ для устройства укрѣпленій въ окрестностяхъ столицы; главныя укрѣпленія сооружаются у Чатладе и Черкмержи на берегу Мраморнаго моря.

— 18-го іюля. По извѣстіямъ, почерпнутымъ изъ дипломатическихъ кружковъ, султанъ отказался отъ намѣренія развернуть знамя пророка, вслѣдствіе рѣшительныхъ настояній Лэйарда, который вновь подтвердилъ султану обѣщаніе, что Англія въ роковой моментъ явится на помощь Турціи.

Въ Бруссѣ, въ правительственныхъ зданіяхъ приготовляются помѣщенія для султана и министровъ.

Адріанополь, 14-го іюля, четвергъ, вечеромъ. Находящіеся здѣсь иностранные консулы обратились къ губернатору съ нотою, требуя обезпеченія общественной безопасности. Итальянскій консулъ совѣтовалъ итальянцамъ выѣхать отсюда.

Вашингтонъ, 11-го іюля, понедѣльникъ, вечеромъ. Какъ слышно, правительство отправляетъ въ Питерсбегъ Шеридана съ порученіемъ принять начальство надъ войсками, для дѣйствія противъ возмутившихся. Правительство стягиваетъ съ нѣсколькихъ пунктовъ войска въ тѣхъ видахъ, чтобъ въ случаѣ необходимости, они могли принять участіе въ усмиреніи. По донесеніямъ убытки, нанесенные Питерсбегу опустошеніями, простираются отъ 3-хъ до 4-хъ милліоновъ долларовъ, считая стоимость 125 разбитыхъ локомотивовъ и 2000 вагоновъ. Питерсбегскіе граждане учредили, вчера, «комитетъ безопасности» для предотвращенія новыхъ насилій. Участники стачки въ Филадельфіи препятствуютъ желѣзнодорожному сообщенію. Питерсбергскій губернаторъ Гейзъ потребовалъ содѣйствія союзныхъ войскъ.

Нью-Іоркъ, 11-го іюля, понедѣльникъ, вечеромъ. Движеніе по желѣзной дорогѣ пріостановлено. Новыхъ безпорядковъ не было, но во многихъ городахъ и мѣстечкахъ господствуетъ безпокойство. Къ Филадельфіи идутъ союзныя войска. Рабочіе вообще присоединяются къ стачкѣ; часть возмутившихся въ Питерсбегѣ вооружена.

— 12-го іюля, вторникъ. Стачка служащихъ на желѣзной дорогѣ принимаетъ болѣе широкіе размѣры. Въ Санъ-Франциско и другихъ пунктахъ господствуетъ сильное безпокойство. Вашингтонъ, Филадельфія и Балтиморъ охраняются союзными войсками; низшіе слои населенія обнаруживаютъ сочувствіе къ участникамъ стачки. Опасаются, что безпорядки примутъ болѣе серьезный характеръ. Нью-Іоркъ охраняется милиціею и арсеналомъ; населеніе оскорбляетъ солдатъ. На происходившей вчера народной сходкѣ произнесены были возбуждающія рѣчи; рѣшено устроить, въ среду, митингъ-монстръ, съ цѣлью выразить сочувствіе участникамъ стачки. Въ Ридингѣ (въ Пенсильваніи) толпа произвела нападеніе на милицію; огнемъ послѣдней въ средѣ возмутившихся убито семь и ранено 25 человѣкъ. Толпа овладѣла цейхгаузомъ. Въ Гаррисбургѣ также произошли безпорядки; поэтому правительство предписало вооружить броненосныя суда. Сосредоточеніе войскъ продолжается. Губернаторы восточныхъ штатовъ предложили свое содѣйствіе.

— 13-го іюля, среда, вечеромъ. Вчера участники стачки держали себя съ большею умѣренностью не отступая, однако, отъ своихъ требованій и продолжая задерживать отправку товарныхъ поѣздовъ. Милиція въ Нью-Іоркѣ, Бруклинѣ и Джерсэ-Сити день и ночь стоитъ подъ ружьемъ. Вчера, въ нѣкоторыхъ городахъ Запада принуждены были закрыть лавки и мастерскія. Союзныя войска, прибывъ въ Питсбургъ, возстановили тамъ спокойствіе. Въ Санъ-Франциско учрежденъ «комитетъ безопасности». Правительство отправило сильные отряды войскъ въ Сентъ-Луисъ и Чикаго, гдѣ народныя массы угрожаютъ порядку. Губернаторъ Пенсильваніи издалъ прокламацію, которою онъ приглашаетъ гражданъ организовать вооруженныя общества для охраненія собственности Въ Питсбургѣ арестованы вчера, безъ сопротивленія 50 возмутившихся.

— 14-го іюля, четвергъ, вечеромъ. Въ общемъ, положеніе дѣлъ нѣсколько улучшилось; движеніе поѣздовъ на нѣкоторыхъ линіяхъ желѣзныхъ дорогъ возобновлено. Вчера, вечеромъ, здѣсь происходилъ митингъ, на который собралось 10,000 человѣкъ и который высказался въ пользу участниковъ стачки; порядокъ приэтомъ нарушенъ не былъ. Вчера же, были волненія въ Чикаго, во время которыхъ убито двое и ранено пятеро возмутившихся. Въ Буфало арестовано около тридцати человѣкъ. Въ Санъ-Франциско господствуетъ сильное возбужденіе.

— 16-го іюля, суббота. Въ положеніи дѣлъ произошла едва замѣтная перемѣна; настроеніе общества становится болѣе спокойнымъ. Незначительные безпорядки, произошедшіе въ Чикаго и Санъ-Франциско, подавлены. На центральной техасской желѣзной дорогѣ началась стачка.

— 17-го іюля, воскресенье, вечеромъ. Во время безпорядковъ въ Чикаго убито было 21, ранено 90 человѣкъ. Защитники настоящихъ безпорядковъ находятъ поддержку преимущественно въ рабочихъ угольныхъ копей, устроившихъ стачку.

* * *

Наши гравюры.

Зейбеки.

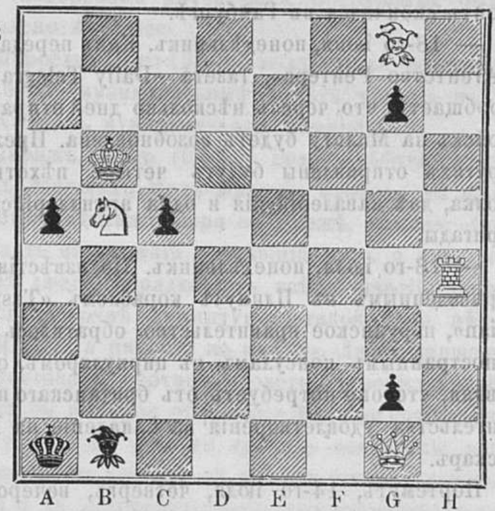
За послѣднее время довольно часто, въ извѣстіяхъ изъ Турціи, а также изъ Малой Азіи, упоминаются зейбеки. Это остатки аборигеновъ, т. е. первобытныхъ жителей, обитавшихъ нѣкогда въ горахъ Лидіи. Въ настоящее время, они разсѣяны по Малой Азіи и ихъ можно встрѣтить по всему берегу Средиземнаго моря, отъ Дарданеллъ до Сиріи. Они сохранили воинственныя и кочевыя привычки своихъ предковъ; многіе изъ нихъ живутъ исключительно грабежемъ и воровствомъ. Болѣе робкіе поступаютъ въ караваны или занимаются торговлей. Они въ высшей степени суевѣрны и весьма плохо слѣдуютъ ученію Ислама. Зейбеки отличаются отъ прочаго населенія Малой Азіи своими нравами, обычаями и костюмомъ. Этотъ послѣдній довольно оригиналенъ, онъ состоитъ изъ панталонъ въ обтяжку, спускающихся до колѣнъ и не длинной куртки, почти совершенно исчезающей подъ широкимъ поясомъ, который они обматываютъ вокругъ таліи восемь разъ. Этотъ кушакъ заключаетъ въ себѣ цѣлый арсеналъ, состоящій изъ ятагана, одного или двухъ пистолетовъ непомѣрной длины, и одного или нѣсколькихъ кинжаловъ. Здѣсь-же помѣщаются патроны, кисетъ съ табакомъ, трубка и многіе другіе мелкіе предметы. Такимъ способомъ наполненный поясъ мѣшаетъ зейбекамъ опускать руки, что и придаетъ ихъ походкѣ особенный видъ. Не менѣе замѣчателенъ ихъ головной уборъ; онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ фесовъ, надѣтыхъ одинъ на другой и поддерживаемыхъ войлочной тульей. Сверху всего этого обмотанъ шелковый поясъ на манеръ тюрбана. Этотъ головной уборъ, имѣющій иногда до 50 сантиметровъ вышины, оказываетъ практическую пользу своимъ владѣльцамъ, такъ какъ служитъ имъ защитой при нерѣдко происходящихъ между ними стычкахъ и ссорахъ.

Шахматы.

Задача XXVIII.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 2 хода.

Черные.



Бѣлые.

Рѣшеніе задачи № XXVII.

Бѣлые.	*Черные.*
1) A1—A7	1) D6—F8 берутъ
2) A7—E3	2) Кое какъ
3) G3—H3†	3) G4—H3 берутъ.
4) E3—H3 † и матъ.	

Почтовый ящикъ.

Г. Ровно, Волынской губ. Г. Ю. А. П. Вы сами, въ своемъ письмѣ, называете посланныя Вами стихотворенія «бредомъ юношеской фантазіи»; какъ же Вы можете надѣяться увидѣть ихъ въ печати. Нельзя же печатать всякій бредъ, да еще притомъ бредъ, изливающійся въ такихъ выраженіяхъ:

Ты помнишь, какъ при половодьи весною
Я мчался лодкой, натянувъ паруса. —

Мчаться лодкой — недурно!

Ст. Сергіево, г Рождественскому. Отвѣтомъ на Вашъ вопросъ можетъ служить почтовый ящикъ въ № 7 «Жив. Обозр».

Гор. Сызрань, г. Березину. Ваша жалоба препровождена въ Газетную Экспедицію С.-Петербургскаго Почтамта, чрезъ которую получите недоставленные нумера. Очень жаль, что Сызранская почтовая контора къ получателямъ періодическихъ изданій относится съ небрежностью.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи. Сѣверная шведская полярная экспедиція подъ начальствомъ проф. А. Е. Норденскіольда (продолж.). — Черная Индія (оконч.). — Народныя суевѣрія.—Стихотвореніе: «Майская ночь».—Нервныя болѣзни. — Проэктъ образованія внутренняго моря въ Алжирѣ. — Новости наукъ и жизни.—Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій.—Телеграммы. — Наши гравюры. — Шахматы. — Почтовый ящикъ. — Объявленія.

Гравюры: Самоѣды передъ фотографіей.—Азіятско-турецкіе типы.—Рубенсъ съ женою.—Румынскіе стрѣлки.—Почталіонъ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Объявленія.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ за 1875 и 1876 гг.

За каждый годъ, большой томъ изящно отпечатанный, со множествомъ рисунковъ, лучшихъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, уступается подписчикамъ каждый годъ за 3 рубля (безъ приложеній):

въ изящномъ переплетѣ съ золотымъ
тисненіемъ . . . . 4 р.
за два тома. . . . . 5 „
въ изящныхъ же переплет. .
за два тома. . . . . 7 р.

Деньги на пересылку высылаются по разстоянію: за одинъ томъ на 7 фунт.; за два тома 14 фунт. (До 1000 верстъ) прилагается 1 р. на пересылку за каждый томъ; сверхъ же 1000 верстъ, на каждыя сто верстъ, прилагается 7 к. на томъ.

Въ конторѣ редакціи «ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ» находится въ продажѣ большая гравюра.

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ.

Снимокъ къ картины *Леонарда да Винчи*. Цѣна *50 коп.* съ пер. *75 коп.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА САМОЕ ДЕШЕВОЕ ИЗЪ ВСѢХЪ ЕЖЕДНЕВНЫХЪ,
ПОЛИТИЧЕСКИХЪ И ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ИЗДАНІЙ
ГАЗЕТУ
„НОВОСТИ“
на 1877 годъ.

Въ С.-Петербургѣ, Больш. Садовая д. № 47.
» Кронштадтѣ, въ отдѣлен. газ. «Новости».
» Москвѣ, въ московскомъ отдѣленіи газеты «Новости, на углу Дмитріевки и Охотнаго ряда, д. Благороднаго Собранія, въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Живарева.

Въ Казани, въ отдѣленіи конторы газеты «Новости» при книжномъ и музыкальномъ магазинѣ «Восточная Лира».

Цѣна на 8 мѣсяцевъ съ 1 мая по 1 января 1878 года для иногородныхъ 7 рубл., для городскихъ подписчиковъ съ доставкою 6 руб.; на 1 годъ 9 руб.; на другіе сроки по 1 руб. за каждый мѣсяцъ.

По богатству, разнообразію и свѣжести извѣстій какъ политическихъ и внутреннихъ, вообще, такъ и съ театра войны, въ особенности, газета «Новости» нисколько не отличается отъ наиболѣе распространенныхъ ежедневныхъ изданій.

Во все время войны въ газетѣ «Новости» будутъ печататься спеціальныя корреспонденціи и телеграммы съ Дуная, Кавказа и Персидской границы, изъ славянскихъ земель и Константинополя.

Кромѣ того, въ газетѣ «Новости» постоянно печатаются всѣ телеграммы «Международнаго Тел. Агент.» и »Agence génér. russe».

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 23 Іюля 1877 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Гос. Публичная б-ка в Ленингр.

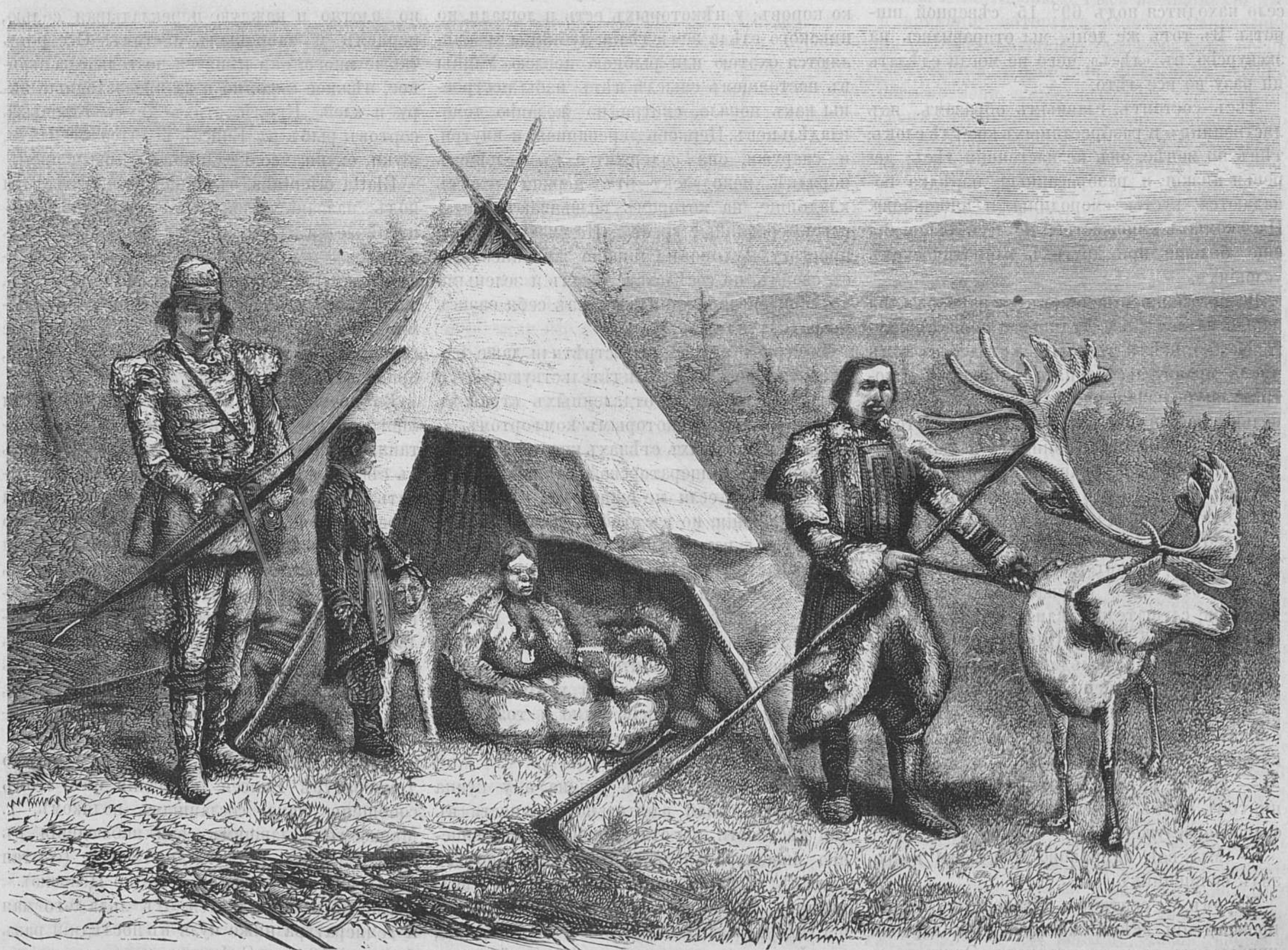
№ 31. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода—4 р. 50 к. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 31 Іюля 1877 года. Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Троицкій переулокъ, домъ № $27/_1$. Годъ V.

Подписка на „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ 1877 г. продолжается.

Въ 1877 году журналъ выходитъ **еженедѣльными** нумерами (въ годъ 52 нумера), иллюстрированными множествомъ художественныхъ гравюръ. Всѣ подписчики получаютъ, въ **видѣ премій**, ежемѣсячное приложеніе подъ заглавіемъ «Жизнь и Хозяйство», со множествомъ рисунковъ. Годовымъ подписчикамъ разсылаются слѣдующія преміи: большая гравюра **„Продажа амулетовъ“**, снимокъ съ картины проф. **Генриха Семирадскаго**, на толстой веленевой бумагѣ, длиною одинъ аршинъ, шириною $12^1/_2$ вершковъ, и **Карта театра военныхъ дѣйствій въ Европейской и Азіятской Турціи.**

Годовая подписная цѣна журнала, съ достав. и перес. 7 руб., безъ перес. и доставки—6 руб.; на полгода: (съ 1-го іюля), съ пересылкою—4 р. 50 коп., безъ перес.—3 руб.

Подписка продолжается. Новые годовые подписчики получаютъ журналъ съ перваго нумера.



Енисейскіе тунгусы.

(Къ статьѣ: «*Шведская полярная экспедиція*»).

Сѣверная шведская полярная экспедиція подъ начальствомъ профессора А. Е. Норденскіольда.

(Продолженіе.)

31 августа въ девять часовъ утра, недалеко отъ Заостровскаго, мы поравнялись съ пароходомъ, «Александромъ», подъ командою купца Ивана Михайловича Ярменьева, плавающимъ по Енисею. Когда мы подъѣхали къ нему на шлюпкѣ, капитана не было на палубѣ; онъ появился по прошествіи нѣсколькихъ минутъ и привѣтствовалъ насъ съ свойственнымъ русскимъ радушіемъ. Тѣмъ не менѣе, когда мы разсказали откуда мы, онъ нахмурился, не довѣряя, по видимому, нашимъ словамъ; но когда мы показали ему свою подорожную, взятую на всякій случай нашимъ начальникомъ при отъѣздѣ изъ Швеціи, онъ совершенно успокоился. Иванъ Михайловичъ пригласилъ насъ войти въ его гостинную, находящуюся въ задней части корабля; тамъ онъ угостилъ насъ чаемъ и водкою, въ ожиданіи обѣда. Мы перенесли свой багажъ на пароходъ къ великому удивленію русскаго экипажа, который никакъ не могъ понять, какой толкъ въ коллекціи зоолога и большомъ ящикѣ, наполненномъ «сѣномъ». «Анну», привезшую насъ къ цѣли нашего плаванія, мы разгрузили. «Александръ» взялъ ее на буксиръ.

Въ шесть часовъ вечера пароходъ снялся съ якоря и, въ сопровожденіи большой барки, нагруженной рыбою, и нѣсколькихъ маленькихъ лодокъ и стаи чаекъ, направился вверхъ по большой рѣкѣ до Дудинскаго села, гдѣ мы высадились 1-го сентября. Это село находится подъ 69° 15′ сѣверной широты. Въ тотъ же день, мы отправились на экскурсію, въ «лѣсъ», чего не могли сдѣлать ни разу во все лѣто.

Лѣсъ состоитъ, главнымъ образомъ, изъ лиственницъ и разбросанныхъ кое-гдѣ елокъ; тѣмъ не менѣе, онъ не настоящій лѣсъ; деревья низкія и разбросанныя; изрѣдка попадаются кусты смородины и шиповника. Насѣкомыхъ множество, но ихъ было бы еще больше при другихъ климатическихъ условіяхъ.

Возвратившись вечеромъ на пароходъ, мы нашли на немъ все Дудинское общество: духовенство, всѣхъ мѣстныхъ жителей, въ томъ числѣ правительственнаго чиновника—смотрителя; большая часть всѣхъ ихъ добровольно поселилась въ этой странѣ. Кто-то изъ этого общества понималъ и даже немного говорилъ по-французски и по-нѣмецки, но такъ мало и плохо, что мы не могли обойтись безъ переводчика. Вы легко представите себѣ, до какой степени насъ осадили разспросами, на которые нашъ начальникъ охотно отвѣчалъ, разсказывая о нашемъ плаваніи; слушатели слѣдили за разсказомъ по развернутой картѣ. Они поняли, что экспедиція Норденскіольда можетъ и имъ принести пользу; священникъ попросилъ у насъ позволенія явиться на слѣдующій день и отслужить благодарственный молебенъ за наше благополучное прибытіе къ нимъ.

— Мы не католики, отвѣчали мы ему;— притомъ же мы ничего не поймемъ изъ русскаго богослуженія.

— Мы всѣ одинаково христіане! возразилъ священникъ.

Утромъ, 2 сентября, духовенство, въ сопровожденіи всѣхъ жителей этой деревни, прибыло къ намъ на пароходъ. Экипажъ съ «Александра» и съ барки, какъ и жители деревни, усердно молился при богослуженіи, совершаемомъ по греческому обряду. Во время богослуженія къ запаху ладана примѣшался запахъ гари; пономарь не замѣтилъ, что шуба его занялась отъ кадильницы. Боясь потревожить усердно молящихся, я утѣшалъ себя мыслію, что если пономарь не обладаетъ особенно развитыми обонятельными нервами, то взамѣнъ этого можетъ похвалиться чувствительностію въ ногахъ. Черезъ минуту старикъ отшатнулся, выронилъ кадило, и въ одно мгновеніе сбросилъ съ себя шубу. Пожаръ прекратился отъ одного ведра воды. По окончаніи богослуженія, появилась на сцену водка, каждый подходилъ къ намъ, съ чаркою въ рукѣ и съ раскрытою головою, чтобы выпить за наше здоровье. Г. Норденскіольдъ купилъ у «Александра» весь запасъ вина, состоящій изъ двухъ бутылокъ мадеры и, въ свою очередь, выпилъ за здоровье нашихъ новыхъ друзей.

Послѣ этого мы оставили «Александра» и отправились съ нашими друзьями въ ихъ жилища. Дудино расположено на югъ отъ лѣса; въ немъ числится пятьдесятъ жителей; оно состоитъ изъ двѣнадцати деревянныхъ, очень низкихъ избушекъ, вокругъ которыхъ земля хорошо утоптана; этотъ земляной валъ защищаетъ ихъ зимою отъ слишкомъ сильныхъ морозовъ; нигдѣ цѣльныхъ стеколъ въ рамахъ, какъ въ европейскихъ хижинахъ, а небольшіе склеенные кусочки стекла,— стекло, вѣроятно, стоитъ здѣсь очень дорого. Входъ въ хижины неудобенъ уже потому, что чрезъ одну и ту же дверь входятъ и люди и рогатая скотина, направляющаяся отсюда въ хлѣвъ, рядомъ съ комнатой.

Каждая семья имѣетъ одну или нѣсколько коровъ; у нѣкоторыхъ есть и лошади, но никакого слѣда земледѣлія: дубинцы пробавляются охотою или рыбною ловлею. Улицы въ настоящемъ смыслѣ нѣтъ; избы построены какъ попало, смотря по желанію домовладѣльцевъ. Церковь деревянная; и внутри, и снаружи, она содержится въ большомъ порядкѣ; неподалеку отъ церкви лежитъ кладбище, на которомъ возвышаются простые деревянные кресты. Не смотря на всю простоту, Дудино не лишено живописности; съ своимъ, по сосѣдству, лѣсомъ и зелеными холмами оно представляетъ изъ себя оазисъ посреди тундръ.

Внутри домиковъ мы встрѣтили даже нѣкоторую роскошь, свидѣтельствующую о томъ, что въ этихъ отдаленныхъ странахъ можно жить съ нѣкоторымъ комфортомъ.

На выбѣленныхъ стѣнахъ красуются образа, портреты императорской фамиліи и т. д. Эти картины, если не ошибаюсь, нѣмецкаго происхожденія; но въ этой странѣ пушныхъ звѣрей мы встрѣтили нѣчто французскаго производства — какъ вы думаете что?... парижскій модный журналъ за 1850 г.

Намъ показали туземное оружіе и разные предметы царства животнаго и ископаемаго; болѣе всего насъ заинтересовали, конечно, клыки мамонтовъ, каменный уголь и мѣха. Намъ вездѣ подносили одно и тоже угощеніе: чай, вино, превосходный коньякъ и пироги.

Побывавъ въ гостяхъ у попа и у купца Сотникова, самой вліятельной личности въ той мѣстности, мы отправились по приглашенію инженера—поляка, сосланнаго, по его словамъ, за пустяки: за убійство своего полковника. Жена и обѣ дочери добровольно послѣдовали за нимъ; домикъ, хотя бѣдный, свидѣтельствовалъ о прежней лучшей жизни; они показали намъ коллекцію туземныхъ костюмовъ и украшеній; инженеръ подарилъ каждому изъ насъ на память гребешокъ, сдѣланный туземцами изъ клыковъ мамонта.

3 сентября, утромъ, мы поднялись вверхъ по Дуднику, небольшому притоку Енисея; здѣсь вездѣ богатая растительность.

По возвращеніи съ прогулки, мы сдѣлали визитъ смотрителю; домъ его очень удобный; у него много разныхъ мѣховъ: собольихъ, горностаевыхъ, песцовыхъ; одна изъ его шубъ, очень пушистая, сдѣлана изъ одних хвостовъ лисицы, другая изъ лисьихъ лапъ; онъ, какъ и вообще всѣ дудинцы, принималъ насъ съ величайшимъ радушіемъ.

Но наступилъ наконецъ часъ отъѣзда; 4 сентября мы простились съ нашими друзьями; погода великолѣпная и сильный сѣверный вѣтеръ погоняетъ «Александра». Мы стоимъ на палубѣ и машемъ платками пока совсѣмъ не скрылись съ глазъ нашихъ гостепріимныхъ друзей.

«Александръ» точно передвижной магазинъ. Владѣлецъ этого парохода закупаетъ произведенія, сбываемыя ему прибрежными жителями; товаръ состоитъ, преимущественно изъ мѣховъ и рыбы; взамѣнъ мѣстные жители получаютъ чай, сахаръ, табакъ, водку, сукно, ситцы, котлы и другую желѣзную домашнюю утварь; бумагу, порохъ, спички, картузы, обувь и проч. Принявъ рыбу, капитанъ тотчасъ же солитъ ее и набиваетъ ею боченки; барка, идущая на буксирѣ, переполнена этими произведеніями.

Енисей изобилуетъ рыбою; иногда попадаются экземпляры весьма почтенныхъ размѣровъ, вѣсящіе пуда по два и болѣе. Болѣе всего ловится рыба изъ породы семги; ее складываютъ въ боченки, набивая довольно плотно и каждую перекладывая солью, перцемъ и лавровымъ листомъ. Осетровъ также много; они цѣнятся не только за вкусное, нѣжное мясо, но и за превосходные икру и клей. Кромѣ этихъ двухъ главныхъ сортовъ рыбъ въ Енисеѣ водятся стерляди, щуки, окуни, чебаки, лини, налимы и проч.

Blatta orientalis, въ общежитіи извѣстная подъ названіемъ рыжихъ таракановъ, — встрѣчается здѣсь цѣлыми легіонами, какъ впрочемъ вездѣ на Востокѣ въ человѣческомъ жильѣ: мебель, стѣны, полъ, потолокъ, платья, посуда, все усѣяно этими насѣкомыми. Имъ предоставляется здѣсь такая же свобода какъ у насъ мухамъ; но послѣднія, признаюсь, пріятнѣе.

Во время этого переѣзда мы пріобрѣли много интересныхъ свѣдѣній въ области ботаники, и такъ какъ намъ пришлось ѣхать съ сѣвера на югъ, то имѣли случай наблюдать до какого градуса сѣверной широты простирается растительность. Странно, что многія растенія, растущія въ южныхъ или среднихъ частяхъ Швеціи, попадаются здѣсь у самаго сѣвернаго полюса; это явленіе можно объяснить тѣмъ, что Енисей, своимъ разливомъ, переноситъ сѣмяна или корни въ болѣе сѣверные поясы; эта рѣка уноситъ съ собою весною столько земли, песку и глины, что почва на всемъ нижнемъ теченіи ея одинаковая.

Здѣсь кстати сказать нѣсколько словъ о температурѣ Енисея; свѣдѣнія объ этомъ сообщены намъ сосланнымъ полякомъ, г. Марксомъ, дѣлавшимъ свои наблюденія въ Енисейскѣ отъ 1871 г. до 1874 г. (считая по новому стилю, градусы же по Цельсію).

Енисей освобождается отъ льда 9-го мая и температура ниже нуля въ послѣдній разъ бываетъ 19 мая. Снѣгъ же, и довольно сильный, выпадаетъ даже 31; половодье въ Енисеѣ бываетъ 26 того же мѣсяца. Первый пароходъ отправляется изъ Енисейска въ

Туруханскъ 7 іюня. Первый снѣгъ выпадаетъ 25 сентября и температура понижается первый разъ 27 того же мѣсяца.

Енисей покрытъ льдомъ въ теченіе 179 дней, т. е. почти полъ-года. Температура ниже нуля остается въ теченіе 115 дней; ртуть замерзаетъ, среднимъ числомъ, въ теченіе 8 дней. Самая высокая температура въ Енисейскѣ была + 32°, 9 (12 іюля 1872), самая низкая — 58°, 6 (12 января 1872). Вода не слишкомъ сильно прибываетъ. Небо обыкновенно безоблачное, дни ясные. Наступленіе весны и пора цвѣтовъ мѣняется, но разница эта не переходитъ 5 или 6 дней.

6 сентября мы повстрѣчались съ ссыльнымъ Ульманомъ, превосходно говорившимъ по-нѣмецки; это первая встрѣча въ Азіи съ человѣкомъ, съ которымъ мы могли совершенно свободно объясняться. Онъ родомъ изъ Саксоніи; жилъ въ Польшѣ, Пруссіи и Финляндіи; онъ, какъ самъ выразился, «два раза предпринималъ безплатныя путешествія въ Сибирь». Онъ разсказалъ намъ всю свою жизнь, исполненную превратностей; романистъ извлекъ бы изъ нея матеріалъ на нѣсколько томовъ. Ульманъ уже старъ и тугъ на ухо; онъ принадлежитъ къ сектѣ скопцовъ, игравшей извѣстную роль въ исторіи Россіи. Онъ пользуется всеобщимъ почетомъ сосѣдей, и извѣстенъ въ околодкѣ какъ услужливый врачъ и искусный мастеръ разныхъ ручныхъ издѣлій. Одинъ онъ не тоскуетъ по Европѣ, потому что «тамъ, говоритъ онъ, я не найду себѣ никакой дѣятельности, а въ родительскомъ домѣ встрѣчу только чужихъ».

Утромъ 7 сентября мы поровнялись съ пароходомъ, идущимъ съ юга; онъ нагруженъ былъ картофелемъ, огурцами, яйцами и проч. Капитанъ щедро пополнилъ нашъ провизіонный запасъ. Мы получили также умственную пищу въ видѣ послѣднихъ газетъ, т. е. вышедшихъ два мѣсяца тому назадъ. Такъ какъ мы въ теченіе трехъ мѣсяцевъ не получали никакихъ свѣдѣній изъ цивилизованнаго міра, то съ жадностію накинулись на «Русскій Словарь» и на «Русскую грамматику». Впрочемъ мы вскорѣ нашли отдѣлъ «Швеція и Норвегія»; но статья эта не содержала въ себѣ ничего такого, чтобъ могло насъ заинтересовать. Насъ болѣе занялъ иллюстрированный журналъ съ его картинками и шахматными задачами.

Каждый день являлись къ намъ самоѣды, юраки, даиганы и тунгусы для сбыта рыбы. Одна молодая женщина обратилась ко мнѣ съ нѣсколькими вопросами, но видя, что я не могу поддерживать съ нею разговора, съ досадой отвернулась отъ меня. Какъ-то разъ, остякъ съ женою провожалъ насъ до ближайшей станціи; они оба почти одинаково одѣты: головы покрыты краснымъ бумажнымъ платкомъ; мѣшкомъ сшитая шуба доходитъ до колѣнъ; мужа отъ жены можно отличить только по штанамъ, исключительно мужской принадлежности. Они весело, не стѣсняясь, говорили съ нами: — о чемъ? не умѣю сказать; — но они повидимому были очень довольны, въ особенности когда мы давали имъ табакъ.

12 сентября мы переѣхали за сѣверный поясъ; мы осмотрѣли мѣстечко, расположенное къ сѣверу вблизи отъ Туруханска и состоящее изъ многихъ домовъ: это Силиванское. Здѣсь живутъ скопцы; здѣсь воздѣлываются рѣпа и картофель; послѣдній какъ разъ въ цвѣту; морозы не подѣйствовали пагубно на него, какъ здѣсь иногда случается.

Послѣ полудня мы проѣхали черезъ Туруханскъ, самый сѣверный городъ на берегу Енисея. Нашъ пароходъ причалилъ къ Троицкому монастырю. Мы полюбовались на церковь, окрашенную бѣлою краскою, съ ея высокими башнями, отдѣляющимися на темномъ фонѣ сосновыхъ и еловыхъ лѣсовъ, и отражающимися въ зеркальной поверхности Енисея. Мы отправились прежде всего къ почтенному настоятелю, живущему около кладбища, и оказавшему намъ самый радушный пріемъ. Затѣмъ, вмѣстѣ съ экипажемъ «Александра» мы пошли въ церковь и присутствовали на богослуженіи; церковь украшена разными золотыми и серебряными иконами. Изъ церкви мы отправились къ богомольцу, пришедшему изъ Святой Земли; онъ живетъ неподалеку въ скитѣ.

Получивъ отъ настоятеля благословеніе и просфору, мы отправились въ обратный путь.

На югъ отъ Туруханска и отъ большого восточнаго притока Енисея, Нижней Тунгуски, природа становится богаче. Снова появились горы, которыхъ мы не видѣли съ самаго устья Енисея; долина нижняго теченія Енисея состоитъ изъ песчаныхъ и земляныхъ холмиковъ. Впрочемъ, эти горы не слишкомъ высоки; въ нихъ попадается очень разнообразная флора, въ особенности при сравненіи съ тою, которую мы до сихъ поръ встрѣчали. Прогуливаясь по густымъ лѣсамъ, высокія деревья которыхъ защищаютъ богатую растительность, мы часто натыкались на могилы, съ крестами, на которыя родственники и друзья покойнаго кладутъ узелки съ тряпьемъ и пищу для «блуждающей души»; это повсемѣстный обычай, даже въ южной Сибири, гдѣ, какъ намъ разсказывали, колдуны и ворожеи страшно эксплоатируютъ суевѣрный народъ. Такъ, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ населеніе было недовольно чрезмѣрною алчностію «блуждающихъ духовъ» — можетъ быть, даже и боговъ, — къ деньгамъ. Тотъ, кто завладѣлъ деньгами, оставилъ для своего оправданія на могилѣ пустую бутылку и старую колоду картъ. Когда суевѣрные туземцы явились на эту могилу, то всякія сомнѣнія разсѣялись,

— А! а! вскричали они, такъ вотъ на что вы употребляете деньги! мы понимаетъ теперь куда все изчезаетъ!

Преданіе умалчиваетъ о томъ, перестали ли они оставлять на могилахъ деньги и пищу.

Далѣе, гдѣ Тунгуска впадаетъ въ Енисей, рѣка течетъ быстрѣе, но нашъ пароходъ не смотря на это, взялъ на буксиръ еще барку. Пароходъ получалъ поминутныя сотрясенія, такъ что мы предпочли идти пѣшкомъ по берегу, и безъ труда шли наравнѣ съ «Александромъ». Весь запасъ топлива скоро истощился и намъ ничего другого не оставалось, какъ отправиться на землю и колоть дрова; къ счастью, намъ недалеко приходилось переносить дрова.

На югъ отъ шестьдесятъ-пятой параллели, берега становятся разнообразнѣе и жилища менѣе разсѣяны; пять или шесть поселковъ имѣютъ свои церкви; улицы до того грязны что ихъ приходится обходить; ночные морозы стали уже чувствительны, но днемъ по прежнему погода стоитъ теплая.

Наше вниманіе возбудили туземныя лодки; ихъ тянутъ вдоль берега собаки; въ деревняхъ женщины и дѣти сидятъ передъ избами и грызутъ кедровые орѣхи. Мы сами собирали ихъ въ лѣсахъ, состоящихъ изъ огромныхъ лиственницъ кедровыхъ, и другихъ смолистыхъ деревьевъ, составляющихъ главное богатство Сибири; во всякомъ случаѣ эти лѣса имѣютъ большую цѣнность, чѣмъ находимое здѣсь золото, привлекающее ежегодно массу людей.

Чѣмъ ближе мы подвигаемся къ Енисейску тѣмъ чаще попадаются намъ промывки золота; они устроены не на Енисеѣ, а на небольшихъ его притокахъ: большая часть заброшена и огромныя заведенія служатъ доказательствомъ, что на нихъ было потрачено больше денегъ, чѣмъ вывезено. Золото далеко не осчастливило жителей этихъ мѣстностей: въ Енисейскѣ многіе жалуются, что земледѣліе и промышленность въ бѣдственномъ положеніи, благодаря тому, что рабочій классъ, соблазняясь золотомъ, совсѣмъ пересталъ воздѣлывать землю.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

Нервныя болѣзни.

(*Окончаніе.*)

Говоря въ предъидущей нашей статьѣ о причинахъ, способствующихъ развитію слабыхъ нервовъ, мы забыли упомянуть въ числѣ ихъ, нецѣлесообразную психическую діететику (духовную пищу), противъ которой грѣшатъ весьма часто; для того, чтобы мозгъ, служащій главнымъ источникомъ, регуляторомъ и рефлекторомъ дѣятельности всей нервной системы, могъ правильно дѣйствовать, недостаточно одного только матеріальнаго обновленія въ видѣ приливающей къ нему крови, но нужно его, кромѣ того, надлежащимъ образомъ употреблять. Но, вѣроятно, многія изъ моихъ читательницъ, не обращаютъ на это обстоятельство должнаго вниманія. Я не говорю о тѣхъ женщинахъ, умъ и вниманіе которыхъ всецѣло направлены на веденіе домашняго хозяйства и на воспитаніе дѣтей, и которыя не имѣютъ свободнаго времени, чтобы заняться умственнымъ своимъ развитіемъ въ тѣсномъ значеніи этого слова. Я говорю о молодыхъ и пожилыхъ дамахъ, имѣющихъ много свободнаго времени и проводящихъ его въ самыхъ пустыхъ и безполезныхъ занятіяхъ.

Многія изъ нихъ, вмѣсто того, чтобы посвящать свое свободное время серьёзнымъ умственнымъ занятіямъ, предаются исключительно чтенію пустыхъ романовъ, ослабляющихъ умъ и развивающихъ болѣзненную мечтательность. Изрѣдка читать хорошій романъ доставляетъ пріятное препровожденіе времени, но исключительно такое чтеніе вредно. Въ теченіе моей многолѣтней медицинской практики я могъ убѣдиться также въ томъ, что получаемые въ иныхъ семействахъ нѣсколько еженедѣльныхъ беллетристическихъ журналовъ приносятъ много вреда всѣмъ, предрасположеннымъ къ нервнымъ болѣзнямъ. Само собою разумѣется, что хорошій журналъ можетъ считаться самымъ лучшимъ образовательнымъ средствомъ, но, тѣмъ не менѣе, каждый можетъ отлично понять, что разнообразное содержаніе многихъ журналовъ производитъ въ головѣ винегретъ, не могущій ни въ какомъ случаѣ служить здоровою пищею для ума. Подобное чтеніе ослабляетъ, раздражаетъ и отвлекаетъ умственныя способности и препятствуетъ дальнѣйшему самообразованію и развитію.

Многія больныя, предпринимавшія всевозможныя леченія, какъ напр. морскія и другія купанья, минеральныя и желѣзныя воды, пересовѣтовавшись со многими докторами, задаютъ наконецъ доктору такой вопросъ: «можно-ли вылечиться отъ нервнаго разстройства»? Отвѣчаю на это, на основаніи многолѣтней моей практики: даже въ тѣхъ случаяхъ, когда больныя уже очень запустили свою болѣзнь, леченіе можетъ значительно облегчать страданія, а въ большинствѣ случаевъ достигаетъ совершеннаго излеченія. Необходимыя для этого условія—терпѣніе и настойчивость. Но предупреждать болѣзни легче, чѣмъ ихъ вылечивать. Теперь перейдемъ къ этой самой важной части воспитанія.

Пища ребенка должна быть простая, легко перевариваемая и питательная. Въ первое время жизни она должна исключительно состоять изъ молока. Няньки и кумушки держатся на этотъ счетъ совсѣмъ противоположнаго и ошибочнаго мнѣнія; онѣ говорятъ, что ребенку, начинающему ходить, слѣдуетъ непремѣнно все давать ѣсть безъ разбора; результатами такого воспитанія являются дѣти съ толстыми и большими животами, тонкими кривыми ногами и разными другими золотушными признаками. Ребенокъ, питавшійся, въ теченіе перваго года жизни, исключительно молокомъ, служитъ рѣзкимъ контрастомъ съ другими дѣтьми. Всѣ возбудительные напитки, какъ-то пиво, вино, кофе и т. д., вредны. Мнѣніе, что дѣти отъ кофе дѣлаются слишкомъ шаловливыми и капризными не безосновательно. Лакомста также вредны, плоды же и фрукты не входятъ въ эту категорію. Лакомства разстраиваютъ пищевареніе, портятъ зубы и, кромѣ этого, изнѣживаютъ ребенка. Частое и продолжительное движеніе на свѣжемъ воздухѣ играетъ такую же важную роль въ воспитаніи, какъ и здоровая пища. Въ первые мѣсяцы ребенка необходимо ежедневно купать въ водѣ, нагрѣтой отъ 25° до 28° Р. По прошествіи одного года, вода должна охлаждаться и быть доведена до 15° и менѣе, но въ такой водѣ не слѣдуетъ купать ребенка, а употреблять ее для ежедневнаго обмыванія всего тѣла. При этомъ весьма полезно купать ребенка разъ въ недѣлю въ теплой водѣ отъ 25 до 26°, въ которой ребенокъ не долженъ сидѣть болѣе четверти часа. Для дѣтскаго организма необходимъ продолжительный сонъ. Ребенокъ отъ 4 до 6 лѣтъ долженъ спать одинадцать часовъ, отъ 7 до 10 лѣтъ десять часовъ, отъ 11 до 14 лѣтъ девять часовъ.

Затѣмъ слѣдуетъ обращать вниманіе на нравственное воспитаніе ребенка. Ребенокъ не долженъ придавать своему маленькому существу особеннаго значенія и считать себя центромъ, вокругъ котораго сосредоточивается жизнь всѣхъ окружающихъ его людей. Необходимо, съ самыхъ раннихъ лѣтъ, внушать ему чувство долга, пріучать его къ послушанію и лишеніямъ. Такимъ образомъ можно легче всего развить въ немъ силу характера, а это одно изъ лучшихъ предохранительныхъ средствъ противъ слабости нервовъ.

Совѣтуемъ не напрягать слишкомъ рано умственныхъ способностей ребенка. Не слѣдуетъ посылать въ школу дѣтей ранѣе семилѣтняго везраста; для слабыхъ и нервныхъ дѣтей срокъ этотъ долженъ быть продленъ.

Перейдемъ теперь къ леченію нервныхъ болѣзней. Васъ не вылечитъ отъ нервности никакая травка, микстура, мазь экстрактъ или пилюли. Вы достигнете совершеннаго излеченія при разумномъ и здоровомъ образѣ жизни. Начинать леченіе нужно съ твердою рѣшимостію быть послѣдовательными и вооружиться терпѣніемъ. Поворотъ къ лучшему хотя и обнаруживается уже по прошествіи нѣсколькихъ недѣль, но, чтобы достигнуть вполнѣ удовлетворительныхъ результатовъ, необходимо продлить время леченія.

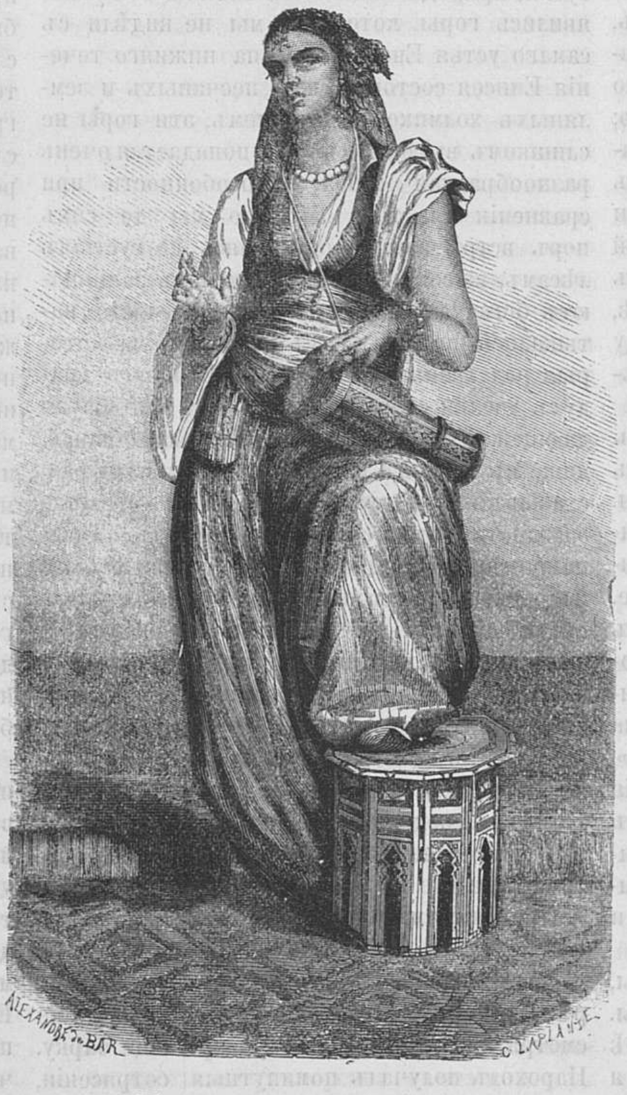
Вотъ четыре главныя средства, посредствомъ которыхъ, въ тѣхъ случаяхъ когда устранены всѣ вышеупомянутыя вредныя вліянія, достигается облегченіе самыхъ серьёзныхъ нервныхъ болѣзней, а при постоянномъ и продолжительномъ употребленіи этихъ средствъ достигаютъ и совершеннаго выздоровленія.

1) Цѣлесообразная пища и побольше движенія на свѣжемъ воздухѣ.

2) Наружное употребленіе воды въ видѣ обмываній и ваннъ.

3) Упражненіе произвольныхъ мускуловъ (тѣлесная гимнастика).

4) Техническая гимнастика.



Египетская танцорка.

1) Мы уже выше упомянули какъ важно для здоровья нервной системы и ея центровъ правильное обновленіе веществъ посредствомъ цѣлесообразной пищи. Одна изъ самыхъ главныхъ задачъ для нервныхъ больныхъ—это правильное употребленіе пищи. Самая лучшая пища для такихъ больныхъ: молоко, и сваренныя въ смятку яйца, жареное мясо, въ особенности дичь, баранина и говядина. Леченіе молокомъ даетъ, въ иныхъ случаяхъ, блестящіе результаты. Для кого молоко противно, тотъ пусть пьетъ его мало по малу столовыми ложками. Кромѣ молока и воды можно совѣтовать нѣкоторымъ паціентамъ пить по стакану хорошаго мартовскаго пива. Нужно находиться побольше на открытомъ воздухѣ, очень полезно жить въ деревнѣ, въ лѣсистой мѣстности. Въ теплую и хорошую погоду больная должна большую часть дня проводить на дворѣ. Если же больная до того слаба, что не въ состояніи ходить и долго сидѣть, то ей слѣдуетъ вынести на воздухъ кушетку или же устроить койку, такъ чтобы она вдыхала въ себя свѣжій воздухъ въ покойномъ и удобномъ положеніи. Мнѣ приходилось получать самые удовлетворительные результаты, содержа больныхъ по возможности дольше на свѣжемъ воздухѣ и слѣдуя предписанной діетѣ.

2) Мы знаемъ, что большая часть нашихъ многочисленныхъ нервовъ, развѣтвляясь на самыя тонкія нити, проходитъ въ нашу кожу; понятно, что раціональный уходъ за кожей можетъ благотворно вліять на нервную систему. Вотъ почему мы причисляемъ воду къ одному изъ четырехъ средствъ для излеченія нервныхъ больныхъ. Но знать, какимъ образомъ употреблять воду и какой температуры должна быть вода, весьма важно. Общія правила слѣдующія: при малокровіи и сильной слабости холодныя ванны и обмыванія холодною водою вредны; для такихъ больныхъ слѣдуетъ приготовлять два или три раза въ недѣлю теплыя ванны отъ 25 до 28° по Р., которыя онѣ должны принимать не болѣе четверти часа. Больныя, не страдающія ни малокровіемъ, ни чрезмѣрною слабостію, должны ежедневно обмываться холодною водою. Вначалѣ леченія вода должна имѣть 20 или 22°, и затѣмъ постепенно понижать ее до 15, 12 и 10°. Обмываніе производится такъ: берутъ простыню, опускаютъ ее въ воду и затѣмъ обворачиваютъ ее вокругъ тѣла; послѣ того тѣло крѣпко вытирается сухою простынею; вся эта процедура должна продолжаться не болѣе пяти минутъ. Накинувши на себя платье нужно прогуливаться на чистомъ воздухѣ, въ дурную же погоду можно гулять по галлереѣ или по комнатамъ. Послѣ того какъ вы себя на сухо вытрете, никогда не ложитесь сейчасъ въ постель. Иногда могутъ быть полезны рѣчныя и морскія купанья, но на счетъ этого нужно совѣтоваться съ докторомъ. При ежедневныхъ холодныхъ обмываніяхъ, полезно принимать разъ въ недѣлю теплыя ванны.

3) Упражненіе произвольныхъ мускуловъ также очень полезно; но нервныя больныя не должны дѣлать той гимнастики, какую прописываютъ для здоровыхъ, сильныхъ организмовъ. Главное правило то, чтобы больныя не слишкомъ утомлялись. Длинныя прогулки слѣдуетъ дозволять только послѣ того, какъ вернутся силы. Конечно, въ тѣхъ случаяхъ, когда больныя не слишкомъ слабы, то движенія на открытомъ воздухѣ полезны. При прогулкахъ необходимо все таки упражнять мускулы, но помните что гимнастика должна быть послѣдовательная и систематичная.

Комнатная гимнастика доведена въ настоящее время почти до совершенства. Я прописывалъ моимъ больнымъ Шреберовскую гимнастику и мое леченіе увѣнчалось успѣхомъ. Излишнее утомленіе вредно. Вначалѣ леченія гимнастика должна продолжаться въ теченіе первыхъ дней нѣсколько минутъ, а затѣмъ постепенно прибавлять и самыя упражненія и время. Я никогда не прописывалъ упражнять мускулы болѣе часа.

4) Кромѣ тѣлесной гимнастики слѣдуетъ еще упомянуть четвертое главное средство—психическую гимнастику; она также важна,

какъ и тѣлесная гимнастика и требуетъ только болѣе терпѣнія со стороны больной. Она состоитъ въ слѣдующемъ: больная должна, во что бы то ни стало, пересилить свою болѣзнь, хотя бы даже на самое короткое время, т. е. твердо рѣшиться не говорить о болѣзни, чѣмъ нибудь заняться и ежедневно должна увеличивать время занятія. Заранѣе знаю, что мнѣ отвѣтятъ, что невозможно совладать съ болѣзнію. Но, право, стоитъ только захотѣть. — Но что же мнѣ дѣлать? спроситъ меня, вѣроятно, не одна больная.

Отвѣчу коротко и ясно: пускай больная точно и охотно исполняетъ всѣ предписанія 1, 2, 3 пунктовъ. Задавшись мыслію объ исполненіи этихъ предписаній, больная сдѣлаетъ уже достаточно большое усиліе надъ собою. Больныя должны преодолѣть свое отвращеніе къ прогулкамъ, къ ежедневной гимнастикѣ и обмываніямъ. Исполнять это, покажется вначалѣ тяжелымъ, а затѣмъ все пойдетъ очень хорошо. Больная должна говорить о своей болѣзни въ крайнихъ только случаяхъ, и съ окружающими ее лицами должна вести разговоръ о постороннихъ предметахъ, даже и тогда, если ничего кромѣ болѣзни ее не интересуетъ. Такимъ образомъ мало по малу станетъ пропадать болѣзненное эгоистическое чувство; больная со временемъ почувствуетъ себя въ состояніи заняться чѣмъ нибудь полезнымъ для себя и для другихъ. Такихъ занятій множество; назовемъ только нѣкоторыя изъ нихъ, напр. чтеніе популярно-изложенныхъ научныхъ сочиненій, занятія по хозяйству и т. д. Что-же касается до рукодѣлій, то вязаніе, вышиваніе гладью и шитье вредно дѣйствуютъ на нервы, производя слишкомъ сильное рефлективное раздраженіе на кончикахъ пальцевъ.

Вотъ главныя средства для выздоровленія. Кромѣ доброй воли больной нужно, чтобы окружающая ее среда оказывала ей поддержку и поощряла ее къ леченію. Если слабонервность болѣе всего отзывается на психической сторонѣ, то больная должна перемѣнить мѣсто своего жительства, находиться среди новыхъ лицъ, раздѣляющихъ и возбуждающихъ въ ней совершенно новыя понятія и мысли, чѣмъ тѣ, которыя она привыкла слышать. Впрочемъ, путешествія и поѣздка на морскія купанья всегда почти бываютъ пагубны для такихъ больныхъ. Желѣзныя ванны слѣдуетъ принимать только по предписанію врача.

Кому удалось достигнуть совершеннаго излеченія, тѣ не должны пренебрегать мѣрами для предупрежденія нервныхъ болѣзней, и должны обставить свою жизнь полезною дѣятельностію.

Народныя суевѣрія.

Изъ охотничьихъ разсказовъ **Н. Б. Куроѣдова**.

(*Продолженіе.*)

II.

Какъ шалитъ водяной.

— А то вотъ что, ребятушки! примирительнымъ тономъ продолжалъ диспутантъ-побѣдитель: можетъ, Ольгунька то и впрямь только причудилась Ѳедянькѣ; ну, а бултыхнулся это безпремѣнно водяной!... Ни чертей этихъ, ни другой какой нечистой сволочи, не знавалъ я и не видывалъ; зачѣмъ прилыгать мнѣ на старости, (грѣшилъ старина—любилъ прикрасить.)—За то водянова-дѣдушку встрѣчалъ на своемъ вѣку не единожды...

— А каковъ онъ таковъ изъ себя то, дядюшка, — на тебя не смахиваетъ? не стерпѣлъ таки нашъ пострѣлъ, рыжебородый.

— Брр... разбойникъ! забурчалъ, и забрызгалъ слюнями Кирила. — Не пригожъ; да все же миловиднѣе тебя, червистаго рыжика!

— Что, Еграня, съѣлъ грибъ! Знать нашла коса на камень,—обрадовались ребята: а ты не слушай его дурня, дядинька,—разсказывай знай!

Но Кирила, съ самосознательнымъ достоинствомъ, покопалъ прежде въ кострѣ головешками, отыскалъ пригодную для закурки своей курносой чилимки,—родъ деревянной трубки, съ кожанымъ колпачкомъ вмѣсто крышки,—никогда не вынимаемой имъ изо рта, даже и въ потухшемъ состояніи; пыхнулъ разочка два тютюномъ, и тогда уже только, сплюнувъ мастерски въ сторону, началъ диктаторскимъ голосомъ:

— Водяной... это, дѣтушки, штука мудреная! Онъ и не то чтобы очень ужъ злобенъ, какъ другая пòгонь; а попроказничить надъ нашимъ братомъ-рыбакомъ любитъ таки: — не трожъ, дескать, и ты моего народца подводнаго!—И прехитрый же старикашка, доложу я вамъ!... Вотъ теперь видишь ты, положимъ, онъ въ самаго сома обернулся: ну сомъ — какъ слѣдъ сому, всплыветъ этакъ наверхъ, толстой мордой своей почмокиваетъ, усомъ шевелитъ и плесомъ пошлепываетъ. Глядь, — бултыхъ! — и сичасъ же малымъ огольчикомъ сдѣлается... Нырнетъ этотъ огольчикъ, вынырнетъ, всплеснется, и уже весломъ плыветъ поверху... А тамъ, гляди, это самое весло встало, и зашагало человѣкомъ къ берегу!..

— Это на одной ногѣ-то? значитъ, какъ пчелякъ-Костя безъ костыля...

Угрюмый старикъ только покосился на Евграфа знаменательно.

— Пресмѣшная животина водяной этотъ, ребятушки; а все не даромъ такъ куролеситъ онъ: отводитъ вишь ты рыболова отъ рыбки... Знаете, вотъ какъ добрая матка, дика-утица,—лихова стрѣльца, или ясна-сокола, отъ своихъ маленькихъ дѣтушекъ...

— Да ты, дядя, больно ужъ жалостно что то,—словно Лазаря тянешь!... Не хочешь ли, я вотъ и трешничекъ пожертвую?

— А энтаго хошъ? Кирила, быстро выхвативъ пылающую головню, грозно поднялъ ее надъ головою рыжаго. Но послѣдній, не теряя присутствія духа, съ преумилительно-дурацкою миною, протянулъ къ огню наложенную трубку,—для закурки будто-бы:

— Ай, спасибо, дядинька! Я вѣдь знаю, что ты добренькій...

Только сплюнулъ старикъ въ его сторону.

— Да не перебивай ты, озарь! Ну-тя тутъ... урезонивали проказника заинтересованные ребята.

Старикъ нашъ снова затянулъ сказочнымъ голосомъ:

— Въ первой на своемъ вѣку довелось мнѣ спознать водянова чудушку при остроженки *), на Большомъ-Кинелѣ, въ ночь подъ Ивана-постнаго.

— Поди въ Нижне-Кинельской, дядюшка?

— Да, подъ Черкаской слободой, на Таузаковской мельницѣ; тогда нашего старова барина было еще.—Помню, и ночьку же эту диковинную! Темень такая, ни зги не видно, хоть глазъ выколи; а тишь на водѣ, словно застыла вся рѣченька — не шелохнется. Да и впрямь уже стало пристывать маленько отъ замерзовъ то по затоньчикамъ, тонкимъ ледкомъ, будто слюнькой, подернуло... То есть что ни на есть наилучшая пора для энтой охотки!

— Вотъ диво то, братцы мои: ночь хоть глазъ коли, да съ морозцемъ еще; а онъ ее нахваливаетъ?!

— И малъ ты, Евланя, и мозгу въ тебѣ столько же! — Вѣдь лучатъ чай при горѣвѣ; а чѣмъ вокругъ темнѣе, тѣмъ огонь ярче и рыбу на днѣ виднѣе. Это разъ,—отъ холоду же она смирнѣе и вода еще свѣжѣе; ну а не будь затишья—рябь по водѣ, рябь и въ глазахъ—за аршинъ дна не увидѣшь; тогда какъ его за три—виднехонько... Понялъ что ли, мальчуга?

— Охота съ нимъ тебѣ балякать, дядя; знай да знай разсказывай! заговорили нетерпѣливые слушатели.

—Не торопите, братики, наслушаетесь! а эти мелочи знать каждому не мѣшаетъ; вѣдь мы съ вами всѣ ватажничать охотники ярые. Вотъ и поѣхалъ я часа за два до полуночи, съ Ильею-Премудрымъ человѣкомъ. Чай знаете Таузаковскаго рыбака-то? прозваннаго эдакъ самимъ старымъ бариномъ за то, что и рыболовъ же онъ былъ какихъ и нету-ти! Примудрялся онъ, судари, во всякую пору, изъ любой воды, какую хошь рыбицу по заказу выловить; — ажъ-бы водилась такая въ указанномъ мѣстѣ. А дно это по Кинелю зналъ онъ, какъ свои пять пальчиковъ; такъ только псарь-Кошка наши колки домашнія вѣдаетъ:—Каждый то камешекъ, песчаничекъ, всѣ отмели, омута, перекатики, всякую травку и каряженку... Ну-ужъ и человѣче-же этотъ былъ, премудрый Илюшенька!

Кирила Игнатьичъ почтительно вздохнулъ, при воспоминаніи о столь великой премудрости, и набилъ новую чилимку.

— Ѣдемъ это мы, дѣтушки мои, въ лодочкѣ-душегубочкѣ; чуть сами умѣстились, да горѣльцемъ запаслись только на версту;—и то борты то надъ водой чуть на полъ-ладони сухоньки. Остальное горево, еще съ вечера, развезли по берегу въ семи притонахъ, верстъ на восемь. Да настоящаго то смолья у насъ въ ту пору не случилося; такъ мы добыли порожнюю бочку изъ подъ дегтя, и пораскололи ее намелко. За то и огневище было знатное; куда вотъ этому костру, даромъ что малое; — что наша лампада билліярдная!

Разсказчикъ вынулъ головню и, запыливъ курилку, продолжалъ уже тономъ ниже, задумчиво, какимъ-то любовно-мечтательнымъ голосомъ:

— Необыкновенное дѣло это остроженіе!.. И страшновато оно и занятно — заманисто: мурашки ползаютъ по сердцу, а такъ бы вѣкъ просидѣлъ надъ полымемъ; будто въ другомъ мірѣ обрѣташься. Тишь это и темень кругомъ поверху; а наклонится, словно сквозь стекло курной хаты на бѣлый свѣтъ глянешь, — не надивуешься! Глазъ оторвать не хочется отъ днища подводнаго, заколдованнаго... Тамъ эта синьтява сизоспинная рябитъ на песочкѣ цѣлыми стаями, что твои камешки самоцвѣтные; тутъ судачина полосатый черезъ перекатъ лѣниво переваливается; сонный язикъ подъ глинистою кочкою бѣлѣетъ, точно колышекъ березовый; бойкій шересперъ, ярче молонья, промелькнетъ подъ лодкою; острогой не успѣешь шевельнуть на разбойника... А весело, какъ удастся иной разъ влѣпить тогда въ него свою стрѣлочку-самолеточку, ни дать ни взять какъ ухлопать на взлетѣ бекасика... Не то смотришь: темный обручь съ боченка валяется середь рѣки на днищѣ, — кого-то обронить угораздило? думаешь,—анъ это вьюнъ гладкошкурый свернулся кольцемъ, не шевелится. То вдругъ сомина страшнѣющій, словно бревно сквозь дыма пожарнаго, глубоко проплываетъ по омуту... А въ ютномъ затонѣ, подъ лопушистою травкою, что̀ малымъ лѣскомъ зеленѣя кудрявится: на днѣ у пологаго берега,—непробудно спитъ пузатая щука, послѣ сытнаго ужина, и стоитъ она непремѣнно хвостомъ къ берегу... Намотайте это себѣ на усъ, ребятушки!...

---

*) Лученье производится въ легкомъ челнѣ, къ носу котораго прикрѣпляется на желѣзномъ пруту полъаршинный подносъ изъ толстой проволоки, — коза, для развода огня, имянуемаго горѣвомъ, горѣльцемъ и т. д. Лучшій матерьялъ для освѣщенія: смолье (сухіе сосновые корни) и береста.—Острогою называется на прямомъ, аршинъ въ пять, древкѣ рогатина, о пяти и болѣе стальныхъ зубьяхъ, съ жальцами, какъ у англійскихъ крючковъ.

— А мнѣ-то начто, дядинька, коли у меня нѣтъ его? застѣнчиво пропищалъ смѣтливый Евланька.

— На языкъ, дитятко!—на языкъ; да покрѣпче.

Мальчуга сконфузился.

— Ну, а чай и вамъ извѣстно, что щучина для острожинъ есть первая добыча насущная: иная рыба въ глуби ночуетъ, другую бить не такъ сподручно — на ходу приходится; а щука-рябая старуха почивать изволитъ во всю ноченьку, и всегда на отмель жмётся, — подъ бочёкъ къ своему живому завтраку, малымъ рыбьимъ дѣтушкамъ. Вонъ и тогда мы залучили добычи болѣе пяти пудиковъ; ну а щурятины на полраза больше было остальной рыбицы.... Премудрый тутъ-же, въ Ивановъ-день, на слободскомъ базарѣ, сбылъ ее пра̀солу за лабаньчикъ ровнехонько.

— А что, дядя Кирила, до водянова-то далече еще?

— Ближе, чѣмъ до кабака тебѣ, Еграшенька.... Такъ вотъ и поплыли мы, сударики мои,—продолжалъ Игнатьичъ, довольный своей находчивостью, — пе́рво-на̀-перво къ вешнику мельницы. Оно тамъ хоть и глубоко, зато тѣмъ сподручно, что видко очненно: дно то бѣлымъ каменникомъ устлано; да и по скату стлань осиновая — бѣлесеватая-жъ. Илья въ кормѣ огребался. А гребецъ онъ былъ такой, что, не вынимая весла изъ воды,—безъ плёска, взмаха, несетъ себѣ ладейку, словно вихрь по по̀лю былиночку, и вертитъ онъ ей, что твой вонъ наѣздникъ Васька иноходчикомъ....

Кивнулъ головою Кирила на тутъ же сидящую личность; — безличную, апатичносонную, съ свинцовыми глазами и лицемъ блондина не блондина, брюнета не брюнета —такъ какого-то пепельнаго цвѣта, — безъ мысли и значенія.... А между тѣмъ ѣздокъ онъ былъ препорядочный.

— Я-же на носу съ острогой, по обыкновенію,—не прерывая, говорилъ Кирила.—Ну, а вы вѣдь знаете, какъ я владѣю ею: и съ лѣвой руки, и съ правой—кидкомъ, безъ пуделя; не въ похвальбу сказать, вотъ какъ Лукьянычъ своей фузейкою.

Тутъ уже Игнатьичъ отнесся не пренебрежительно, а съ умильнымъ взглядомъ на особу, — совсѣмъ другого сорта. Леодоръ Лукьяновъ, теперь уже покойникъ, былъ одинъ изъ камердинеровъ отца моего; потомъ—времяннымъ дядькой моимъ, или скорѣе надзирателемъ за шаловливой юностью моей въ пансіонѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Мужчина умный, серьезный, малоглаголевый, съ сердитыми бровями, сухой и длинный, какъ хворостина заборная. Онъ только прикашлянулъ снисходительно на топорный комплиментъ Игнатьича; который, между прочимъ, закурилъ чилимку, продолжая:

— Ну-съ, вотъ такъ подплываемъ мы почитай къ самому склону вешняка. Ни одной рыбенки не перекинулъ въ лодку я—не лукнулъ еще стрѣлочку не единожды! Какъ вдругъ, слышу сзади, Илья понукаетъ меня торопливымъ шепотомъ:

— Да чаво ты, Игнатьичь! спишь что-ли, али вовсе не видѣшь?!

— Чаво, молъ,—гдѣ?

— Ахъ ты, курина.... слѣпота! да вонъ-вонъ, съ лѣва-то къ стлани; ишь—ты какой сазанина!

— И-то, глядико-сь ты!.... Сначала я не распозналъ межъ комлями стлани то,—точно полѣно осиновое. Ну да гребцу завсегда и ловчѣе за̀зрить рыбину: сидитъ онъ значитъ ниже къ водѣ; а я все на ногахъ должѐнъ съ острогою-то, и чрезъ огонь не такъ видко, дымомъ глаза часто заститъ.—Обозартился же я, братцы мои, разглядѣмши такую глыбину; заторопился, изъ опаски чтобы не ускользнулъ, знаете,—рыбина-то вѣдь сторожкая;—да какъ махну его съ плеча, чуть не броскомъ, во всю моченьку! такъ и ушло ратовище мое по самую ма̀кушку; а я еще возьми да понапри на него съ дуру-то.... Дергъ-дергъ назадъ-то, дудки! словно вросла острога, на четь вершка со дна не подается.—Такъ и посоловѣлъ я; обернулся къ Премудрому; а онъ только сѣдою башкою покачиваетъ, ухмыляется!

— Э-эхма! и простофиля же ты, говоритъ, Кирюшинька, паче малаго дитятки: мастерище ты лукать первѣющій; а удержу, гдѣ надобно, у тебя и нѣту-ти. Видѣшь рыбка близко стоитъ, смирнехонько; ну и мокни острогу легонько, подводи къ твоему плавнехонько; да какъ будетъ ближе четверти, тогда уже и вонзай ее,—не силою, а скоростью; потомъ, пожалуй, и принажми малехонько, коли рыбица могучая, безпокойная.... Запомни, говоритъ, слова̂ мои Кирилушка!...

— И запомнилъ я, братики; на вѣки-вѣчные!

— Ну а теперича эфто что же такое вышло? молвилъ онъ: вѣдь ты пришилъ сазана-то къ стлани, значитъ; зубцы-то чай съ жальцами до половины вошли въ дерево; чего-же теперь подѣлаешь?

— Ну, думаю, шаба́шъ моя охота! вотъ-тѣ и подъ Ивана ночь долго-жданная.... А что, дядя, ужли, молъ, не отыщется другой какой остроженки у всего вашего рыбачества?

— Какъ не быть, есть-то есть, Кирюшенька; дать-то не даютъ намъ съ тобою, головушка!—Въ эку по̀ру—ночиньку развѣ одинъ мертвый острожило, да тараканъ запечный, усидятъ домосѣдами.... А ты вотъ что, парень, лучше: перекинь-ко мнѣ топорикъ-то; да придерживайся самъ за ратовище по крѣпчѣе.... Жаль мнѣ стало горя твоего рыбацкаго! самъ былъ молодъ, самъ азартился; надо помо̀чь бѣдѣ....

— Гляжу, а мой Илюшенька ужъ и лапотки сбросилъ и самъ совсѣмъ оголяется!...—Что ты это, Христосъ съ тобою, дѣдушка! и то уже могильнымъ выглядишъ; а тутъ еще подъ лодку собираешся: вѣдь совсѣмъ захолодаешъ, до̀смерти задрогнешь, родименькій!

— Нишкни, говоритъ, глупый чилаѣкъ! не впервой мнѣ на вѣку проламывать ледокъ своимъ грѣховнымъ тѣльцемъ, таковское оно: поизносилось на порядкахъ, поприсохло, что у жереха сухопараго; потому и кровь уже на рыбью смахиваетъ;—такъ,-какъ рыбкѣ же, и мнѣ ничего ни подѣется.

— Только и видѣлъ я его, голубчика!.... Да и моргнуть не успѣлъ, какъ онъ уже суетъ мнѣ древко̀-то со̀дна; а за древкомъ и сѣдая голова надъ водою закачалася, а аршиннаго сазана мнѣ протягиваетъ.... На-тѣ вотъ!

Лишь руками развёлъ нашъ Кирила Игнатьевичь!

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Проектъ образованія внутренняго моря въ Алжирѣ.

(Окончаніе.)

По точнымъ исчисленіямъ, произведеннымъ гг. Дозацъ и Ле-Массонъ, инженерами суэзской компаніи, затраты на кубическій метръ не превысятъ 75 сантимовъ, много обойдутся въ 1 франкъ, со включеніемъ всѣхъ издержекъ; слѣдовательно, расходъ долженъ простираться до 30 мил. франковъ. Надо сознаться, что эти расходы очень незначительны, въ сравненіи съ благодѣтельными результатами наполненія шоттовъ водою, въ томъ видѣ, въ которомъ оно предлагается г. Рудеромъ. Первымъ изъ этихъ результатовъ будетъ измѣненіе сухаго и жаркаго климата. Примѣръ этому замѣчался уже на Египтѣ. «Двадцать лѣтъ тому назадъ, говорилъ г. Лессепсъ 22 іюня 1874 г., на перешейкѣ не было никогда дождей. Теперь же, мы должны выписывать изъ Франціи черепицы для покрытія нашихъ домовъ. Въ особенности въ текущемъ году выпало значительное количество влаги». Притомъ въ Египтѣ нѣтъ такого большаго горнаго кряжа, какъ поперечная Оресская цѣпь, который могъ бы исполнять роль конденсатора. Испаренія огромной водной массы, въ 783 милліоновъ гектолитровъ, должны подниматься вверхъ, встрѣчая въ возвышеніяхъ препятствіе для своего распространенія, и затѣмъ охлаждаться. Далѣе, сгущаясь въ облака, испаренія будутъ разрѣшаться дождемъ, который, оплодотворивъ почву, снова притечетъ къ внутреннему морю, превративъ настоящіе потоки въ постоянныя и правильныя рѣки.

Сцилаксъ, Полибій и Діодоръ сицилійскій единогласно восхваляютъ плодородіе и богатство тѣхъ частей Алжира и Туниса, которыя расположены къ югу отъ Атласа, а Ретингеръ и даже Антонинъ указываютъ на существованіе не менѣе тридцати-сорока римскихъ колоній въ самомъ бассейнѣ шоттовъ, или въ ихъ окрестностяхъ. Нынѣ эта обширная область совершенно безплодна, за исключеніемъ нѣкоторыхъ оазисовъ; а между тѣмъ она состоитъ большею частью изъ наносныхъ почвъ, которымъ не достаетъ только влаги, чтобъ обратиться въ плодородную территорію. Это можно, напр., сказать объ обширной равнинѣ, разстилающейся отъ Шегга до тунисской границы, между двумя предгорьями—Ореса на сѣверѣ и сѣвернымъ берегомъ шоттовъ на югѣ. Когда внутреннее море откроетъ ей путь сообщенія, дастъ ей болѣе умѣренный климатъ, и правильные дожди, эта равнина превратится въ обширный оазисъ, обнимающій поверхность въ 600,000 гектаровъ, годный для разведенія хлопка. Въ Тунисѣ, такое же значительное пространство земли станетъ годнымъ для обработки.

Это море, добавляетъ г. Рудеръ, образовало бы въ извѣстной степени преграду для саранчи; оно имѣло бы чрезвычайно благопріятное вліяніе на общую производительность Телля, умѣривъ дѣйствіе сирокко главнаго бича этой мѣстности. Разрушительныя свойства этого вѣтра зависятъ отъ его сухости. Въ нѣсколько часовъ, онъ поглощаетъ влажность плодотворной пыли, сушитъ колосья, когда жатва въ полномъ разгарѣ. Впрочемъ, хлѣбныя растенія составляютъ главное богатство Алжира.

Наконецъ, выгода наполненія водою шоттовъ для Франціи заключалась бы въ томъ, что отпускная и привозная торговля между Суданомъ и берегомъ Средиземмаго моря направилась бы къ французскимъ колоніямъ; эту торговлю г. Ларжо, неустрашимый изслѣдователь триполійской Сахары, оцѣниваетъ въ 52 милліона франковъ въ годъ. Нынѣ караваны изъ Рата и Томбукту, двухъ большихъ сахарскихъ рынковъ, направляются, со времени французскихъ завоеваній, на Радатестъ и Энъ-сала. Алжирскіе порты, въ случаѣ осуществленія проекта, будутъ также близки отъ Радатеса, какъ Триполи, и наименѣе отдалены отъ Энъ-сала, чѣмъ какой-либо портъ марокскаго прибрежья. Караваны, останавливаясь на границахъ колоніи и на территоріи какъ бы найтральной, не будутъ опасаться придирчивости французскихъ властей. Они будутъ привозить слоновую кость изъ Борну, страусовыя перья, выдѣланныя кожи, ладонъ, леопардовыя шкуры изъ Томбукту; а коммерсанты, съ своей стороны, станутъ отдавать имъ въ обмѣнъ бумажныя ткани яркихъ цвѣтовъ, индійскія ткани, сукна, шелковыя матеріи, инструменты, оружіе и т. п. предметы, и все это по дешевымъ цѣнамъ, благодаря дешевизнѣ морскихъ фрахтовъ.

Г. Рудеръ сообщаетъ, что онъ, съ самаго начала его проекта возбудилъ противъ себя многочисленныя возраженія. Такъ, утверждали, что наполненіе шоттовъ водою грозитъ потопленіемъ оазисамъ Нифзауа и Джерида,—перспектива, встревожившая населеніе, которое оказало весьма недружелюбный пріемъ французской коммисіи и ея начальнику. Дѣло, однако, въ томъ, что оазисы, даже въ своихъ наиболѣе низменныхъ частяхъ, находятся по крайней мѣрѣ на 20 метровъ выше внутренняго моря. Нѣтъ основаній также опасаться, чтобы сахарское море поглотило оазисъ Уедъ-Риръ, или чтобы воды его проникли въ артезіанскій слой, занимающій все пространство этого бассейна.

Второе предположеніе не можетъ осуществиться потому, что колодцы проходятъ всегда черезъ нѣсколько непроницаемыхъ пластовъ, прежде, чѣмъ проникнутъ до достаточно обильнаго источника, и не только въ Суфѣ, но и во всѣхъ земляхъ, прилегающихъ къ бассейну. Эта поверхность находится выше уровня проектированнаго моря. Безъ сомнѣнія, пришлось бы пожертвовать нѣкоторыми оазисами, каковы Нсира, Дендура, Сиди-Магомедъ-Гусса; но эти оазисы и безъ того уже находятся не въ цвѣтущемъ положеніи и едва ли въ нихъ есть болѣе 8,000 финиковыхъ пальмъ. Въ другихъ мѣстностяхъ этимъ деревьямъ не угрожала бы никакая опасность, ни въ Беледъ-Джеридѣ, ни въ Тунисѣ. Но предположивъ даже, что сосѣдство моря было бы губительно, какъ полагаетъ г. Коссонъ, для иныхъ деревьевъ, что, однако, опровергается существованіемъ множества пальмъ въ оазисахъ Габеса и острова Джерба, находящихся у Средиземнаго моря, то и въ такомъ случаѣ не надо забывать, что богатство Джерида заключается исключительно въ финикахъ, только вслѣдствіе неудовлетворительности его климата.

Возраженіе, повидимому, болѣе вѣское сдѣлано было г. Шарлемъ Гуйбе. Недостаточно, говоритъ онъ, образовать внутреннее море въ Алжирѣ; надо поддерживать его, а иначе, очень вѣроятно, черезъ испареніе, огромное, непополняемое количество воды достигнетъ максимума насыщенія солью и превратится въ огромный солончакъ. Средиземное и Красное моря уже три года теряютъ воды гораздо болѣе, чѣмъ принимаютъ ее непосредственно отъ своихъ притоковъ; они питаются океаномъ, и, однако, въ глубинѣ ихъ не образуется никакого осадка соли. Слѣдуетъ предположить, что непремѣнно существуютъ подводныя теченія въ проливахъ Гибралтарскомъ и Бабельмандебскомъ, и, говоря вообще, вѣроятно, что между обоими сообщающимися морями, подверженными въ неровной степени испаренію, происходитъ постоянный обмѣнъ воды и соли. Для того, чтобы подобное нижнее теченіе образовалось въ заливѣ Габесъ, слѣдуетъ только придать будущему кризскому проливу глубину отъ 8 до 10 метровъ. Каналъ, соединяющій Амерскія озера съ Краснымъ моремъ, имѣетъ въ глубину только 8 метровъ, и несмотря на то, что испаренія въ немъ происходятъ очень сильныя, слои соли, осаждающіеся на днѣ этихъ озеръ, не перестаютъ растворяться.

Лѣтнія пѣсни.

I.

Воздухъ свѣжъ, благодатенъ и чистъ,
Напоенъ ароматомъ полей...
Спитъ рѣка; не шелохнется листъ,
За рѣкою поетъ соловей.

Хорошо въ эту пору въ лѣсу
Съ ненаглядною, милой сидѣть,
На ея любоваться красу,
Въ очи ясныя нѣжно глядѣть;

Хорошо въ задушевныхъ рѣчахъ
Передать свою страсть и любовь,
Что̀ огонь зажигаетъ въ очахъ,
И волнуетъ горячую кровь;

Хорошо, всѣхъ людей позабывъ,
Крѣпко милую къ сердцу прижать,
И, рукой ея талью обвивъ,
Цѣловать, цѣловать, цѣловать!

Пронесутся года, заблеститъ
Сѣдина на твоихъ волосахъ...
Но объ этихъ блаженныхъ часахъ
Память сердце твое сохранитъ.

Удрученный болѣзнью старикъ,
Ты припомнишь, что было весной,
И, недугъ позабывши, на мигъ
Оживешь ты невольно душой.

II.

Ночь. Заснули всѣ спокойно...
Тьма и тишина...
За нахмуренною тучкой
Спряталась луна.

Я открылъ окно. Прохладой
Вѣетъ отъ рѣки.
Самъ не знаю, отчего-то
Грудь полна тоски.

Утомленный и разбитый
Шумомъ, суетой,
Я болѣлъ, живя въ столицѣ,
По глуши родной.

Въ это царство сна, покоя,
Въ этотъ дальній край—
Подъ родимыя березы—
Я рвался, какъ въ рай!

Вотъ и онъ... просторъ, свобода,
Тишина, покой,
Ни заботъ, ни думъ... а сердце
Полно все тоской.

Хочетъ снова прежней жизни,
Гдѣ и блескъ и шумъ,
Жизни, полной безпокойства,
И труда, и думъ!

III.

На поляхъ и въ лѣсу—все цвѣты и цвѣты,
Ароматъ и просторъ... не ошиблася ты:

Послѣ зимнихъ трудовъ, надрывающихъ грудь,
Хорошо здѣсь пожить, хорошо отдохнуть,

Позабыться совсѣмъ, отрѣшиться отъ думъ
Слушать сагу рѣки, лѣса стараго шумъ...

Не ошиблася ты—здѣсь свободно дышать...
Только я, милый другъ, не могу отдыхать:

Что̀ мнѣ этотъ просторъ, что̀ мнѣ эти цвѣты,
Если ты далеко̀, не со мной если ты!

А. Кругловъ.

Керосинъ и марена.

Въ четвергъ, 21 іюля, всѣ петербугскія газеты напечатали слѣдующую телеграму изъ Баку отъ 17 іюля: «Бакинскіе нефтепромышленники встревожены слухомъ, что американцы получаютъ будто бы двѣнадцатилѣтнюю привилегію на нефте-проводъ отъ Баку до Чернаго моря, и другія неизвѣстныя пока монополіи. Истощивъ пенсильванскіе источники въ какіе-нибудь 16 лѣтъ и боясь конкуренціи Россіи, американцы обратили взоръ на Баку. Бакинскіе нефте-промышленники увѣрены, что если дадутъ американцамъ какую-нибудь привилегію, то они уничтожатъ русское производство, а если дадутъ еще и привилегію на перевозочныя средства, то они рѣшительно уничтожатъ производство, забравъ въ свои руки одну изъ обширныхъ отраслей русской промышленности. Разъ данная американцамъ привилегія на перевозочныя средства убьетъ на всегда русскую нефте-промышленность и устранитъ навсегда доступъ русскаго фабриката на всемірный рынокъ, имѣющій громадное значеніе при настоящемъ оскудѣніи пенсильванскихъ нефтяныхъ источниковъ».

Экіе, подумаешь, печальники о землѣ русской гг. нефтепромышленники! Только еще недавно обнародовано Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта объ уничтоженіи съ перваго сентября этого года акциза съ керосина. Правительство рѣшилось на эту мѣру изъ желанія помочь развитію еще неустановившагося у насъ новаго промысла. Правительство предоставило нефтяной промышленности полную свободу, зная, что только при свободѣ промысла возможно его процвѣтаніе. А гг. промышленники сейчасъ же въ слезы: «обижаютъ насъ, мы погибли, американцы насъ забьютъ!» Между строками вашей телеграмы, каждый прочтетъ, что вы желаете монополіи. Но нынѣшняя зима показала слишкомъ очевидно, чего можно ожидать отъ нашихъ нефте-промышленниковъ въ томъ случаѣ, если бы имъ была предоставлена монополія. Въ вашихъ рукахъ, гг. нефте-промышленники, было средство завалить рынокъ вашимъ производствомъ, но вы несъумѣли воспользоваться благопріятнымъ случаемъ. Американскій керосинъ, вслѣдствіе исключительныхъ обстоятельствъ, сильно повысился въ цѣнѣ. Еслибъ вы оставили прежнюю цѣну на свой керосинъ, то, хотя онъ и худшаго качества, чѣмъ американскій, онъ вытѣснилъ бы его. Но вы непомѣрно подняли цѣну на свой керосинъ и кончилось тѣмъ, что требованія на американскій керосинъ еще болѣе усилились. Вамъ-ли, господа, толковать о доступѣ русскаго керосина на всемірный рынокъ! Гдѣ намъ объ этомъ думать, когда мы только и знаемъ, что просимъ о монополіи! Напротивъ, надо желать, чтобы американцы принялись за разработку нефтяныхъ копей; только тогда мы будемъ имѣть хорошій керосинъ и добыча его значительно усилится. Тогда, дѣйствительно, явится возможность русскому керосину явиться на всемірномъ рынкѣ.

Плачутъ также и кавказскіе марeноводы. Они просятъ о принятіи мѣръ противъ ввоза въ Россію ализарина, вытѣсняющаго изъ техническаго производства марену. Самой удобной мѣрой признано возвышеніе пошлины на ввозимый въ Россію ализаринъ съ 4 р. 40 коп. на 25 руб. съ пуда.

Если марена признана уже менѣе выгодной въ техническихъ производствахъ, чѣмъ ализариновая краска, добываемая изъ каменнаго угля, то какъ ни возвышайте пошлины на привозный ализаринъ, а производство марены должно будетъ пасть. Это неотъемлемый законъ, противъ котораго ничего не подѣлаешь. Еслибы было обращено вниманіе на жалобы извощиковъ, которые теряли отъ постройки желѣзныхъ дорогъ, мы до сихъ поръ не имѣли бы ни одной версты желѣзной дороги. Ализаринъ гораздо лучше и удобнѣе при обработкѣ и окраскѣ тканей, чѣмъ марена и ни одна ситцевая фабрика, какъ бы велика ни была пошлина на ализаринъ, не замѣнитъ его мареной. Слѣдовательно невозможно уже искуственно поддерживать производство марены; получится только одинъ результатъ—вздорожаніе ситцевъ; такъ не лучше-ли капиталы и трудъ, употребляемые на производство марены, отдать на какое-нибудь другое промышленное предпріятіе. Многое, что мы получаемъ изъ-за границы, можно бы выдѣлывать въ Россіи; для этого недостаетъ только умѣнья, капитала и рукъ. Привыкли мы къ маренѣ и не можемъ разстаться съ нею. Займитесь производствомъ ализарина; каменный уголь есть и у насъ.

Современные иностранные писатели.

Альфонсъ Додэ.

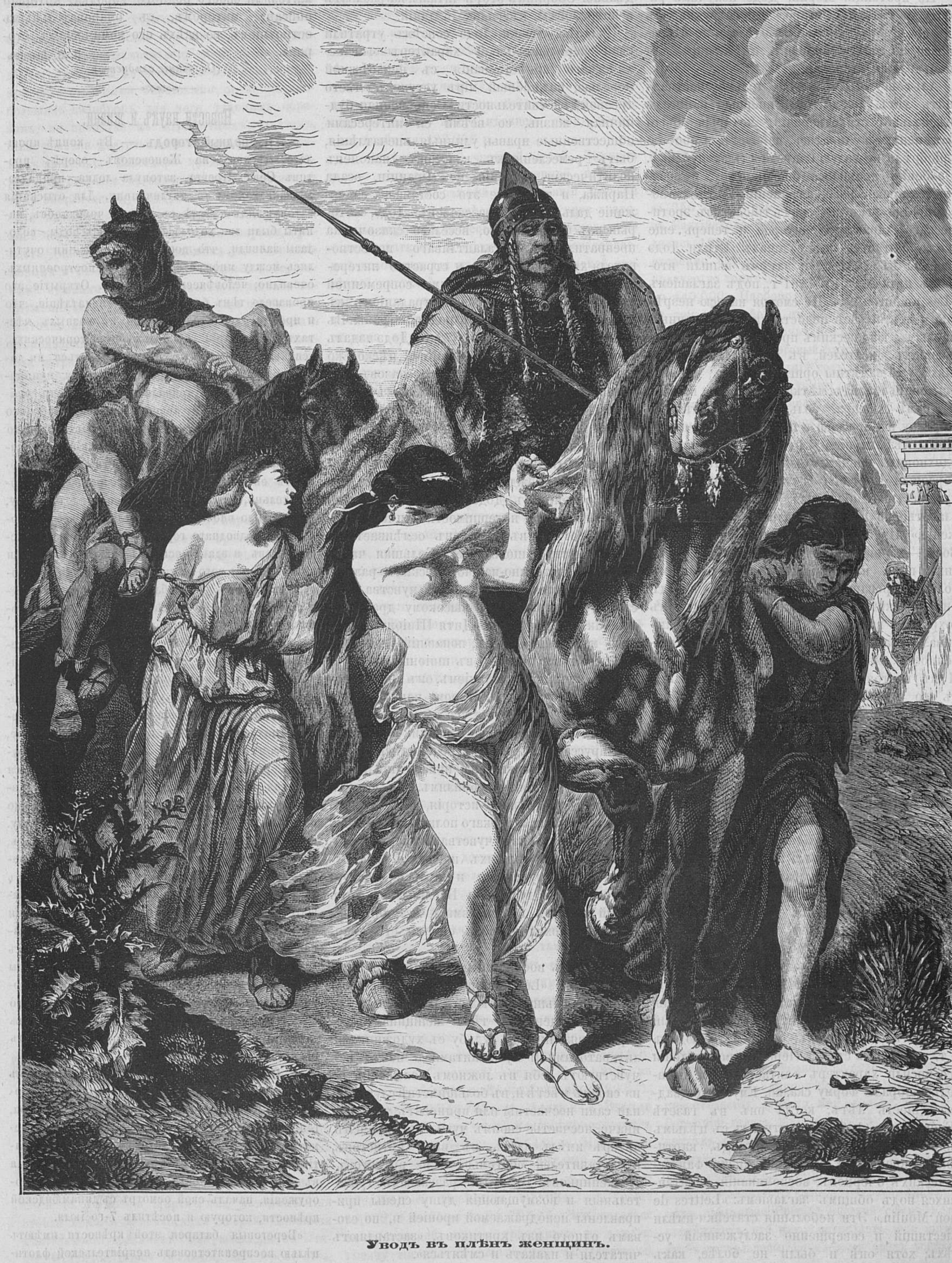
Между современными французскими романистами особенно ярко выдѣляется симпатичная личность молодого, даровитаго писателя Альфонса Додэ, принадлежащаго къ реальной школѣ, начало которой положено Стендалемъ (Анри Бэйль) и Бальзакомъ; къ ней въ настоящее время принадлежатъ такіе таланты, какъ Эмиль Золя и Гюставъ Флоберъ. Уже въ началѣ своей литературной дѣятельности Додэ обратилъ на себя вниманіе читающей публики неподдѣльной поэзіей, искренностью и глубокой правдивостью своихъ произведеній. Отсутствіе фальши, напыщенности, трескучихъ фразъ и ловко подобранныхъ эфектовъ, замѣчательная простота, подробный и до тонкости вѣрный психологическій анализъ и нерѣдко широта обобщеній,—составляютъ отличительныя качества таланта этого писателя. Додэ рисуетъ жизнь такъ, какъ она есть, нисколько не прикрашивая ея непривлекательныхъ сторонъ, безъ лжи и вычурности, безъ сантиментализма, не прибѣгая къ искуственному подбору фактовъ; его произведенія запечатлѣны мѣткой и тонкой иронiей полной граціи, изящества и неподдѣльнаго юмора. Додэ—писатель субъективный; присутствіе автора ощущается постоянно, во всѣхъ его произведеніяхъ; онъ всегда откровенно и прямо выражаетъ свои симпатіи или негодованіе. Во многихъ отношеніяхъ онъ напоминаетъ Диккенса; такъ же, какъ и у знаменитаго англійскаго юмориста, почти въ каждомъ романѣ и даже въ мелкихъ очеркахъ и сказкахъ Додэ выведены дѣти, къ которымъ авторъ относится всегда тепло и сердечно; подобно Диккенсу, Додэ и въ самыхъ порочныхъ личностяхъ, выводимыхъ въ его произведеніяхъ, показываетъ примиряющія человѣчныя стороны характера.

Какъ истинный поэтъ, какъ чуткій художникъ, Додэ любитъ природу; въ своихъ произведеніяхъ онъ относится къ ней правдиво, честно; уважая истину, онъ никогда не извращаетъ природу, не старается такъ или иначе прикрасить ее. Со зломъ, съ подлостью, невѣжествомъ и тупоуміемъ онъ борется усердно, но для этой борьбы онъ предпочелъ тонкую иронію, которая въ его искусной рукѣ обращается нерѣдко въ самое опасное и дѣйствительное оружіе. По словамъ его біографа, «онъ никогда не сердится», это было бы фальшивой нотой въ его произведеніяхъ. Онъ смѣется или только улыбается, и трудно представить себѣ что-нибудь убійственнѣе этой улыбки. Онъ не скупится на уколы булавкой. Произведенія его — оживленныя, веселыя сатиры, безъ видимой горечи, и рѣзкость нападокъ прикрывается въ нихъ хорошимъ расположеніемъ духа. Въ сущности, у Альфонса Додэ очень развитъ юморъ, но не тотъ необузданный юморъ, какой мы видимъ у Раблé, а также и не свирѣпый юморъ Свифта, но юморъ новѣйшаго качества, современный, нервный юморъ, одушевленный поэтическимъ пламенемъ, схватывающимъ смѣшныя стороны и передающимъ ихъ съ поэтической окраской».

Независимо отъ всѣхъ своихъ рѣдкихъ качествъ, Додэ въ совершенствѣ владѣетъ техникой языка; его описанія отличаются живостью слога, яркостью колорита и оригинальностью манеры. Читая его произведенія, невольно чувствуешь чарующую прелесть разсказа и съ каждой новой строкой все болѣе и болѣе привязываешься къ обаятельной личности автора, искренно симпатизируешь ей. И не одни только соотечественники этого замѣчательнаго беллетриста очарованы его свѣжимъ и сильнымъ талантомъ,—Додэ пользуется не меньшимъ успѣхомъ и заграницей; его произведенія, переводятся почти на всѣ европейскіе языки. Покойный Диккенсъ обратилъ на него серьёзное вниманіе и, разбирая первыя произведенія Додэ, назвалъ его возникающимъ свѣтиломъ французской литературы.

Альфонсъ Додэ родился въ одномъ изъ южныхъ департаментовъ Франціи—Провансѣ, въ городѣ Нимѣ, 13 мая 1840 года; отецъ его имѣлъ фабрику шелковыхъ платковъ и жилъ безбѣдно. Нимъ, по словамъ Додэ, подобно всѣмъ южнымъ городамъ, городъ свѣтлый, солнечный и достаточно пыльный; въ немъ нѣсколько римскихъ памятниковъ и монастырь Кармелитовъ. Въ большомъ просторномъ помѣщеніи, отдѣлявшемся отъ фабричныхъ зданій садомъ, прошли лучшіе годы дѣтства Альфонса Додэ. «Когда отецъ мой, говоритъ онъ, — раззорился отъ пожаровъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, мы принуждены были покинуть Нимъ и перебраться въ сырой Ліонъ и занять помѣщеніе въ четвертомъ этажѣ. Въ нашей квартирѣ было мрачно, а дворъ нашего дома походилъ на колодезь. Здѣсь частенько вспоминались мнѣ и садъ, и фабрика, и я грустилъ о нихъ точно о существахъ живыхъ». Додэ съ самыхъ малыхъ лѣтъ былъ смѣтливъ, живъ и любознателенъ; онъ былъ способный, бойкій и воспріимчивый ребенокъ; ученье давалось ему легко; онъ замѣтно успѣвалъ въ наукахъ, хотя и не отличался особеннымъ прилежаніемъ и усидчивостью; онъ любилъ чтеніе, но болѣе всего чувствовалъ любовь къ природѣ и понималъ ея прелести; деревенская жизнь съ ея благоухающими полями и пѣніемъ птицъ, картины простонародныхъ нравовъ, сельскія легенды, сказки и незатѣйливыя, но полныя характерности и поэзіи, пѣсни родины, — все это въ достаточной степени вліяло на свѣжую, неиспорченную натуру ребенка, и это вліяніе осталось въ немъ на всю жизнь. И гораздо позже, когда жизнь шумнаго Парижа, заставила его вращаться въ совершенно иной средѣ, характеръ его не испортился; молодой человѣкъ сохранилъ всѣ хорошія качества и задатки, впечатлительность натуры и даже своеобразную прелесть языка, его картинность и выразительность.

Едва перешагнувъ дѣтскіе годы, Додэ самъ сталъ заботиться о кускѣ насущнаго хлѣба и пробивать себѣ дорогу. Шестнадцати лѣтъ онъ уже выхлопоталъ себѣ мѣсто учителя въ гимназіи города Сарла, въ дордонскомъ департаментѣ, и здѣсь, далеко еще не окрѣпшій силами, онъ испыталъ много горя. Но онъ не ропталъ и стоически выносилъ всѣ превратности судьбы, всякія лишенія и невзгоды и съ жаромъ, съ увлеченіемъ, свойственными молодой, энергичной и честной натурѣ, занимался своимъ дѣломъ. Урывками, въ свободное время, онъ продолжалъ работать и надъ собственнымъ образованіемъ, много учился и читалъ, постепенно пополняя его пробѣлы. Однако онъ скоро оставилъ Сарла и отправился искать счастья въ Парижъ, куда влекли его завѣтныя мечты. Жутко пришлось ему на первыхъ порахъ въ Парижѣ; онъ поселился у брата, такого же бѣдняка, какъ и онъ. «Мой братъ, разсказываетъ Додэ, — жилъ въ мансардѣ шестаго этажа и окна его помѣщенія выходили какъ разъ на сен-жерменскую колокольню. И тутъ нужда не покидала меня: я нерѣдко мучился отъ голода и холода и спать ложился безъ огня, съ пустымъ желудкомъ». Но мало-по-малу обстоятельства молодого человѣка поправились; онъ познакомился съ герцогомъ де-Морни, знаменитымъ въ своемъ родѣ дѣятелемъ, который устроилъ «второе декабря», походъ въ Мехику и за всѣмъ тѣмъ, самъ сочинялъ довольно остроумные водевили и оперетки. Додэ — поэтъ, сохранившій «всю свѣжесть и весь ароматъ родимыхъ полей», пылкій и живой, отличавшійся быстрымъ соображеніемъ, съ юмористическимъ складомъ ума, смѣлый и разговорчивый, не могъ не понравиться Морни, который и сдѣлалъ его своимъ личнымъ секретаремъ. Додэ имѣлъ способность очаровывать всѣхъ и каждаго, очаровалъ онъ вполнѣ и Морни; однакожъ, по словамъ Золя, «служба у Морни не сдѣлала Додэ чопорнымъ и накрахмаленнымъ; онъ сохранялъ свободу дѣйствія, гранилъ парижскую мостовую съ увлеченіемъ школьника, вырвавшагося на волю.» Жилъ Додэ



Уводъ въ плѣнъ женщинъ.

на самомъ краю города, въ уединенномъ уголкѣ предмѣстья, въ обществѣ другихъ поэтовъ, съ цѣлой ватагой веселой богемы, нравы которой онъ изучилъ въ совершенствѣ.

По протекціи Морни, Додэ получилъ работу въ газетѣ «Фигаро,» гдѣ сотрудничалъ до тѣхъ поръ, пока не заболѣлъ и не отправился, по совѣту медиковъ, въ Алжиръ, для поправленія здоровья.

Альфонсу Додэ минуло только шестнадцать лѣтъ, когда онъ впервые написалъ нѣсколько стихотвореній, которыя были замѣчены, заучивались наизустъ, и вообще пріобрѣли не малую извѣстность въ публикѣ. Особенно нравилось большинству, и получило широкое распространеніе его стихотвореніе «Les prunes» — рядъ тріолетовъ эротическаго характера, которое и теперь еще часто читается въ салонахъ. Стихи Додэ изданы въ 1857 г. и затѣмъ вышли вторымъ изданіемъ въ 1861 г., подъ заглавіемъ «Les amoureuses.» Не смотря на всю незрѣлость ихъ, на всѣ недостатки, свойственные первымъ, юношескимъ произведеніямъ начинающихъ писателей, въ этихъ стихотвореніяхъ уже замѣтны оригинальность, свѣжій, искренній талантъ, мѣткая и изящная иронія.

Кромѣ Алжира, больной Додэ посѣтилъ Корсику и Сардинію и провелъ въ путешествіяхъ цѣлыхъ пять лѣтъ. Южная природа вдохновила впечатлительнаго поэта, разнообразныя картины и встрѣчи, во время путешествія, обогатили его познаніями и благотворно подѣйствовали на его воображеніе.» Пребываніе въ Алжирѣ, говоритъ Золя, — хорошо подѣйствовало на Додэ, до сихъ поръ находившагося подъ вліяніемъ только провансальской природы; передъ нимъ раскрылся широкій горизонтъ, и онъ сохранилъ въ памяти его обаяніе; его убаюкивали арабскіе напѣвы и придали мужественность мягкости провансальной поэзіи. И въ настоящее время можно еще найти въ его произведеніяхъ слѣды граціозныхъ впечатлѣній той эпохи его жизни: долгихъ морскихъ путешествій, портовъ, гдѣ дремлютъ корабли, ароматъ тропическихъ странъ, яркія краски и уличную жизнь полуденнаго края».

Возвратясь изъ своего добровольнаго изгнанія, молодой писатель вполнѣ окрѣпъ и тѣломъ и духомъ. Женившись въ Парижѣ, онъ дѣятельно принялся за работу, всецѣло посвятивъ себя литературѣ; сотрудникъ разныхъ ежедневныхъ и еженедѣльныхъ періодическихъ изданій, онъ, съ каждымъ новымъ произведеніемъ, пріобрѣталъ все бо̀льшую и бо̀льшую популярность сначала въ тѣсномъ литературномъ кружкѣ, а затѣмъ и въ массѣ читателей. Множество замѣтокъ, черновыхъ набросковъ, составленныхъ Додэ, во время его путешествія, дали ему богатый матеріалъ для сказокъ, очерковъ, этюдовъ и т. п. мелкихъ статей. Первыя произведенія его носили характеръ фантастическій; писатель выбралъ форму сказки. Ему было двадцать шесть лѣтъ, когда онъ въ газетѣ «Evénement» (1866 г.) выступилъ съ цѣлымъ рядомъ провансальскихъ легендъ, картинокъ современной парижской жизни, фантастическихъ очерковъ, воспоминаній, печатавшихся подъ общимъ заглавіемъ: «Lettres de mon Moulin.» Эти небольшія статейки имѣли блестящій и совершенно заслуженный успѣхъ; хотя онѣ и были не болѣе, какъ фельетонами, но каждая сказка, каждый очеркъ представляли вполнѣ выработанное и законченное, художественное произведеніе, въ которомъ безукоризненная форма изложенія и мастерскіе пріемы идутъ рука-объ-руку съ чрезвычайной занимательностью сюжета и разнообразіемъ содержанія. Года черезъ два эти очерки были изданы отдѣльно. Сборникъ этотъ читался на расхватъ и потребовалъ нѣсколько изданій.

Позднѣе, сказки Додэ совсѣмъ утратили свой первоначальный характеръ фантастическаго повѣствованія съ неизбѣжной моралью; волшебный міръ уступилъ мѣсто трезвой дѣйствительности. Современная будничная жизнь, со всѣми ея интересами общественные нравы, уличныя впечатлѣнія, бытъ ремесленныхъ классовъ, наконецъ политическія волненія во Франціи, осада Парижа, и т. п. все это составило содержаніе дальнѣйшихъ разсказовъ Додэ, который изъ беззаботнаго, веселаго сказочника превратился въ талантливаго повѣствователя-художника, живо и страстно интересовавшагося всѣми явленіями современной жизни и проникавшагося состраданіемъ къ бѣдствіямъ и невзгодамъ родной страны. Въ періодъ времени 1866—1872 г., Додэ издалъ кромѣ «Letres de mon Moulin», нѣсколько другихъ сборниковъ своихъ разсказовъ, печатавшихся въ фельетонахъ разныхъ повременныхъ изданій: «Letres à un absent», «Les Contes du Lundi», «Robert Helmont. Ètudes et Paysages» и друг. Въ сценахъ и эпизодахъ изъ послѣдней франкопрусской войны, помѣщенныхъ между другими очерками въ этихъ сборникахъ, Додэ съумѣлъ избѣжать узкости взгляда, нетерпимости или шовинизма; напротивъ, въ нихъ онъ осмѣиваетъ и нетерпимость и шовинизмъ. Большая часть этихъ воинственно-патріотическихъ разсказовъ замѣчательна по глубинѣ чувства, простотѣ, реальности и по высокому драматизму. Такъ въ разсказѣ: «Дитя Шпіонъ» выведенъ маленькій Стеннъ, попавшій, благодаря дурному товариществу, въ шпіоны къ пруссакамъ; мучимый раскаяніемъ, онъ признается во всемъ своему отцу, старому воину, и тотъ взявъ деньги, добытыя его сыномъ такимъ гнуснымъ ремесломъ, со словами: «я отдамъ ихъ пруссакамъ», уходитъ, не простясь съ сыномъ, искать смерти; онъ присоединился къ идущимъ на войну мобилямъ. Въ «Осадѣ Берлина» разсказана исторія, пораженнаго параличемъ, кирасирскаго полковника, Жува, которому дочь, изъ чувства жалости, разсказываетъ о мнимыхъ побѣдахъ французовъ надъ пруссаками и который восторгается по поводу взятія Берлина, въ тотъ самый моментъ, когда нѣмцы, вступивъ въ Парижъ, проходятъ подъ окнами его квартиры.

Вмѣстѣ съ военными разсказами Доде издалъ книгу: «Les Femmes d'Artistes», — собраніе небольшихъ этюдовъ и легкихъ эскизовъ, посвященныхъ тѣмъ женщинамъ, которыя связали свою судьбу съ художниками, литераторами и музыкантами и почти всѣ чувствуютъ себя въ ложномъ положеніи, не на своемъ мѣстѣ и, въ большинствѣ случаевъ, или сами несчастны или приносятъ, такъ или иначе, несчастье своимъ мужьямъ. Впрочемъ, авторъ имѣлъ здѣсь въ виду артистовъ, представителей «богемы», а не артистовъ-тружениковъ. Въ этихъ разсказахъ трогательныя и возмущающія душу сцены приправлены неподражаемой ироніей и, по словамъ одного изъ критиковъ, «заставляютъ читателя и плакать и смѣяться».

Въ 1873 году Додэ написалъ «Удивительныя приключенія Тартарена изъ Тараскона». Это—добродушная и веселая шутка, полная неистощимаго юмора и остроумія, въ которой фигурируетъ «король Тараскона»—Тартаренъ, простакъ, вообразившій себя героемъ и дѣлающій всевозможныя нелѣпости и промахи, изъ желанія прославиться передъ жителями своего родного городка, который описанъ авторомъ, съ очаровательнымъ остроуміемъ, со всѣхъ его комическихъ сторонъ.

П. В. Быковъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

Новости наукъ и жизни.

— Подводный городъ. — Въ концѣ прошлаго мѣсяца, на Женевскомъ озерѣ, противъ Сентъ-Прегта, затонула лодка, принадлежавшая какому то англичанину. Для отысканія затонувшихъ вмѣстѣ съ лодкою чемодановъ, наняты были два водолаза. Выйдя изъ воды, водолазы заявили, что достигнувъ дна, они очутились между множествомъ зданій, построенныхъ, очевидно, человѣческими руками. Открытіе это произвело тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе, что и прежде уже найдено было въ разныхъ мѣстахъ Швейцаріи нѣсколько доисторическихъ, «свайныхъ» построекъ. Желая убѣдиться въ достовѣрности новаго открытія, мѣстныя муниципальныя власти отправились въ лодкѣ къ указанному пункту. На поверхности воды пролито было значительное количество растительнаго масла, такъ какъ извѣстно, что тонкій слой жира, находящійся на поверхности воды, сообщаетъ ей необыкновенную прозрачность. Дѣйствительно, благодаря этому простому средству, можно было вполнѣ ясно разглядѣть все расположеніе подводнаго города; улицы, площади, массы домовъ и зданій ясно выдѣляются красными полосами, изъ чего можно заключить, что при постройкѣ домовъ употребленъ былъ красный цементъ, который, по свидѣтельству древнихъ историковъ, былъ въ употребленіи у кимвровъ, кельтовъ и галловъ и былъ прочнѣе римскаго цемента Подводный городъ состоитъ, приблизительно, изъ двухсотъ домовъ и имѣетъ видъ продолговатый; начинаясь у Сентъ-Прегта, онъ доходитъ до Моржа. Почти въ самой серединѣ города находится пустое пространство, которое, безъ сомнѣнія, служило площадью или городскимъ рынкомъ. Въ одномъ углу поднимается высокая четырехугольная башня, которая съ давнихъ уже поръ извѣстна была лодочникамъ, но которая была принимаема за подводную скалу. Совѣтъ кантона Ваадтъ постановилъ, говорятъ, ассигновать извѣстную сумму на устройство вокругъ этого города дамбы, и приступить затѣмъ къ выкачиванію воды и осушкѣ города, покоящагося подъ водой, быть можетъ, многіе десятки столѣтій. Подобно тому, какъ Геркуланумъ и Помпея освобождены были отъ покрывавшей ихъ долгое время массы отвердѣвшей лавы, а Ѳивы и Карнакъ изъ подъ песка, вновь открытый городъ будетъ освобожденъ отъ покрывающей его воды и въ немъ, быть можетъ, найдены будутъ слѣды древности, не менѣе любопытные, чѣмъ въ названныхъ городахъ.

— Военное и морское дѣло. По словамъ «Русскаго Инвалида», товарищъ его императорскаго высочества генералъ-фельдцейхмейстера, генералъ-адъютантъ Баранцовъ, предполагая осмотрѣть въ нынѣшнее лѣто всѣ крѣпости балтійскаго побережья, съ цѣлью личнаго убѣжденія въ степени готовности артиллерійскаго ихъ вооруженія, началъ свой осмотръ съ динамюндской крѣпости, которую и посѣтилъ 7-го іюля.

«Береговыя батареи этой крѣпости имѣютъ цѣлью воспрепятствовать непріятельской флотиліи ворваться въ рѣку Двину, подойти къ Ригѣ и бомбардированіемъ нанести вредъ этому богатому, торговому городу. До послѣдняго времени динамюндская крѣпость, хотя и снабжена была нарѣзными береговыми орудіями, но они принадлежали къ среднимъ калибрамъ берегового вооруженія, такъ какъ орудіями наибольшихъ принятыхъ у насъ калибровъ требовалось прежде всего, по мѣрѣ изготовленія, снабдить другія, болѣе важныя, въ стратегическомъ отношеніи, приморскія крѣпости. Съ конца же прошлаго года были приняты артиллерійскимъ вѣдомствомъ дѣятельныя мѣры къ снабженію и динамюндской крѣпости стальными береговыми орудіями наибольшихъ калибровъ, для чего, главнымъ образомъ, не прибѣгая къ заграничнымъ заказамъ, была усилена дѣятельность нашихъ сталепушечныхъ заводовъ. Благодаря предпринятымъ мѣрамъ со стороны артиллерійскаго вѣдомства и тому энергическому содѣйствію, которымъ отвѣтили на этотъ призывъ заводы, готовящіе для насъ береговыя орудія и къ нимъ снаряды, крѣпость Динамюндъ нынѣ снабжена уже 9-ти дюймовыми и 11-ти дюймовыми стальными береговыми пушками. Такимъ образомъ, береговое вооруженіе этой крѣпости можно уже считать достаточно надежнымъ, а если къ этому прибавить устроиваемыя инженернымъ вѣдомствомъ минныя загражденія, то нѣтъ сомнѣнія, что крѣпость Динамюндъ, помощью этихъ двухъ существенныхъ средствъ обороны, выполнитъ свое назначеніе и не допуститъ непріятельскую флотилію прорваться въ рѣку Двину. Независимо отъ осмотра, въ динамюндской крѣпости, въ присутствіи товарища генерала-фельдцейхмейстера, была произведена практическая стрѣльба: прицѣльная изъ берегевыхъ нарѣзныхъ пушекъ по подвижной цѣли и навѣсная изъ нарѣзныхъ мортиръ по неподвижному плоту, представлявшему палубу судна. Результатъ той и другой стрѣльбы былъ весьма хорошій, особенно же, если принять во вниманіе, что наводчики у многихъ орудій были изъ молодыхъ солдатъ, поступившихъ на службу лишь въ 1876 году, и что съ нѣкоторыхъ батарей, вооруженныхъ 9-ти дюймовыми пушками, практическая стрѣльба производилась только въ первый разъ».

— Любопытный примѣръ **кругосвѣтнаго плаванія** въ теченіи всего 68-ми дней представляетъ путешествіе, совершенное недавно американскимъ консуломъ изъ Іерусалима, Де-Гэссомъ (De Hass). Въ американскомъ журналѣ «Omaha Republican», онъ такъ описываетъ свой маршрутъ: «Путь изъ Александріи, чрезъ Парижъ до Лондна и оттуда до Нью-Йорка и Сан-Франциско совершенъ былъ нами въ теченіи 20 дней; столько же дней понадобилось, чтобъ проѣхать отъ Сан-Франциско до Японіи. Отсюда до Кантона въ Китаѣ мы ѣхали шесть дней. Далѣе десятидневный путь по Китайскому морю и черезъ Малакскій проливъ въ Цейлонъ, откуда мы уже прямо поплыли къ Суэзскому каналу, для чего потребовалось 12 дней, а черезъ нѣсколько часовъ по желѣзной дорогѣ мы прибыли въ Александрію, проѣхавъ, такимъ образомъ, разстояніе въ 25,000 миль — 16,000 миль водою и 9000 сухимъ путемъ — въ 68 дней, не встрѣтивъ никакой опасности».

— **Землетрясенія.** Нѣмецкій профессоръ Фуксъ, на основаніи точныхъ наблюденій, вычислилъ, что проявленія внутренней подземной силы въ видѣ землетрясеній или вулканичаскихъ изверженій въ 1875 году повторялись ровно три раза въ недѣлю. Наиболѣе разрушительныя послѣдствія землетрясеній были въ Новой Гренадѣ, въ Мексикѣ, въ Лагорѣ и Порто-Рико, которымъ они стоили 20,000 человѣческихъ жизней. Признаки дѣятельности вулкановъ были замѣчены въ Италіи, Исландіи, Новой Зеландіи, на островѣ Ява, въ Мексикѣ и Греціи, причемъ самымъ ужаснымъ было изверженіе, происходившее въ Исландіи, гдѣ облака дыма застилали солнечный свѣтъ, и въ теченіи нѣсколькихъ недѣль лава разливалась на 15 нѣмецкихъ миль въ длину и 1½ мили въ ширину.

— **Отчетъ Телеграфнаго департамента.** На станціяхъ государственаго телеграфа за передачу депешъ въ іюнѣ мѣсяцѣ 1877 года телеграфнаго сбора поступило 471,871 р.; въ этомъ же мѣсяцѣ прошлаго года сбора получено 391,695 р.; слѣдовательно, въ іюнѣ мѣсяцѣ сбора поступило болѣе на 80,176 р.; всего съ 1-го января по 1-е іюля сбора поступило 2.738,776 р.; въ прошломъ году за это-же время 2.315,570 р.; въ теченіи истекшихъ шести мѣсяцевъ сбору поступило болѣе на 423,206 р.

— **Замѣчательный частный музей.** Зимница заняла важное мѣсто въ военной исторіи, какъ одна изъ важнѣйшихъ позицій русской арміи. Но Зимница имѣетъ также и иное значеніе. Ея окрестности весьма богаты археологическими остатками и представляютъ неисчерпаемый источникъ для раскопокъ. На вѣнской всемірной выставкѣ 1873 года, было не мало древней посуды, доставленной изъ зимницкихъ раскопокъ. Въ то время, вѣроятно, было обращено не мало вниманія на мѣстонахожденіе этихъ рѣдкостей. Большая часть этой посуды состоитъ изъ кружекъ до-римскихъ временъ, затѣмъ изъ множества римскихъ монетъ, бронзовыхъ и желѣзныхъ украшеній и изъ предметовъ, принадлежащихъ къ каменному періоду, а именно: изъ каменныхъ молотковъ, стрѣлъ и проч.

Нѣкоторыя изъ кружекъ имѣютъ поразительное сходство съ тѣми, которыя были найдены въ Штиріи. Самая большая изъ кружекъ покрыта весьма хорошо сохранившимися и хорошо исполненными барельефами. Теперь сдѣлалось извѣстнымъ, что одинъ богатый русскій, нѣкто г. Барановскій, купилъ зимницкія раскопки и подарилъ ихъ русскому правительству, въ память счастливаго перехода русскихъ войскъ черезъ Дунай. Владѣлецъ раскопокъ былъ вынужденъ стѣсненнымъ положеніемъ своимъ продать ихъ, несмотря на желаніе предоставить ихъ странѣ. Имя этого владѣльца: Цезарь Болліакъ, весьма извѣстный въ Австріи. Это тотъ самый человѣкъ, который въ 1848 году зарылъ венгерскую королевскую корону св. Стефана между Ортовой и и Верчіоравой и обвинялся въ похищеніи бриліантовъ, украшавшихъ корону. Этотъ самый человѣкъ былъ членомъ румынскаго революціоннаго комитета, а въ 1849 г. бѣжалъ въ Константинополь.

При Кузѣ, онъ вернулся, былъ издателемъ нѣсколькихъ газетъ, депутатомъ и занимался преимущественно археологическими работами и изслѣдованіями. Въ настоящую минуту Болліакъ лежитъ въ тяжелой болѣзни, лишился языка и движенія, и, повидимому, раскаивается въ томъ, что продалъ свою коллекцію, такъ какъ показываетъ знаками, что желаетъ сохранить рѣдкости, найденныя имъ въ Зимницѣ.

— **Число лошадей на земномъ шарѣ.** Въ иностранныхъ газетахъ приводятся весьма интересныя данныя о числѣ лошадей на земномъ шарѣ. Въ Россіи считается 16.160,000 лошадей, въ Сѣверной Америкѣ 9.504,200, въ Германіи 3.352,231, въ Великобританіи 2.790,851, во Франціи 2.742,738, въ Австріи и Венгріи 3.569,434 (въ томъ числѣ Венгріи принадлежатъ 2.179,811), въ Италіи 657,544, въ Норвегіи и Швеціи 655,456, въ Испаніи 381,009, въ Даніи 216,570, въ Бельгіи 282,163, въ Голландіи 260,056, въ Швейцаріи 100,934, въ Греціи 98,938, и въ Португаліи 79,716. Что касается числа лошадей, какое приходится на каждую тысячу жителей въ названныхъ государствахъ, то, по разсчету журналовъ, оказывается въ Россіи $227_{,05}$, въ Америкѣ $244_{,16}$, въ Даніи $175_{,55}$, въ Венгріи $146_{,99}$, въ Швеціи $114_{,88}$, въ Великобританіи $86_{,10}$, въ Германіи $81_{,64}$ и въ Португаліи только $18_{,25}$. Наконецъ, численность муловъ распредѣляется такимъ образомъ: во Франціи 303,775, въ Австріи и Венгріи 14,935, въ Италіи 293,868, въ Германіи 1626 и въ Испаніи—огромное число 6.665,472.

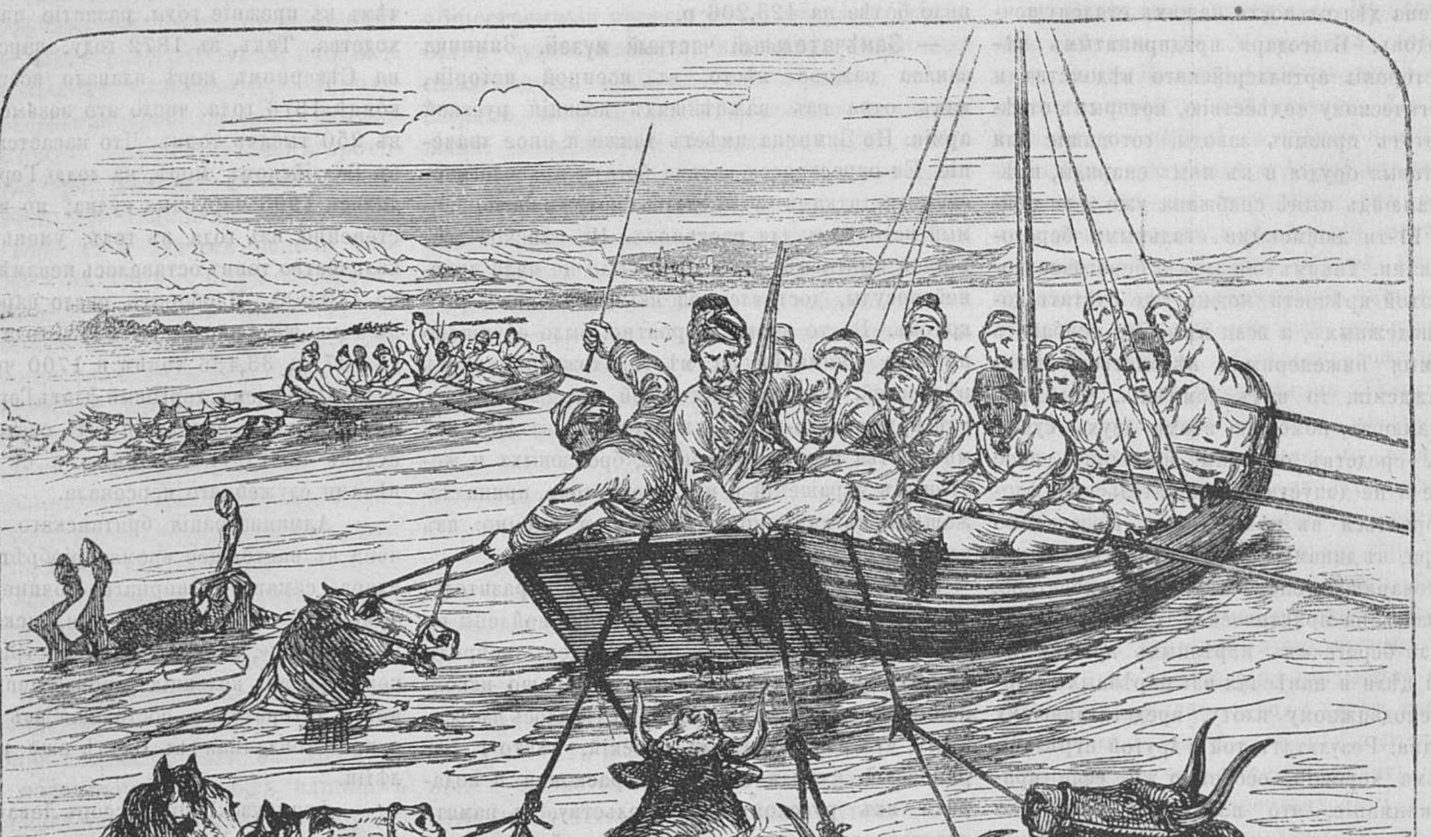
— Въ нѣмецкихъ газетахъ сообщаютъ слѣдующія данныя о **торговомъ флотѣ Германіи:**

Въ теченіи послѣдняго пятилѣтія парусныхъ судовъ во всѣхъ портахъ Сѣвернаго моря насчитывалось до 2336 въ 440,000 тоннъ, съ экипажемъ въ 16,470 человѣкъ. Въ означенный же періодъ времени замѣчается также и большее, чѣмъ въ прежніе годы, развитіе пароваго судоходства. Такъ, въ 1872 году, паровыхъ судовъ на Сѣверномъ морѣ плавало всего 82; но въ концѣ 1876 года, число это возвысилось до 182 въ 250 тысячъ тоннъ. Что касается судоходства въ Балтійскомъ морѣ, на долю Германіи приходились 1993 парусныя судна; но цифра эта постепенно, изъ года въ годъ, уменьшалась, хотя количество тоннъ оставалось неизмѣннымъ, именно 440,000. Наоборотъ, число паровыхъ судовъ въ томъ же районѣ съ 1872 года увеличилось до 137 въ 33,486 тоннъ и 1700 человѣкъ экипажа. Въ общемъ, торговый флотъ Германіи въ обоихъ моряхъ за послѣдній годъ состоялъ изъ 4745 судовъ въ 1.084,882 тонны и съ 42,362 человѣками служебнаго персонала.

— Администрація британскаго музея озабочена въ настоящее время пріобрѣтеніемъ экземпляра самаго обширнаго сочиненія въ свѣтѣ. Таковымъ, по словамъ лондонскаго журнала «Athenaeum», оказываетъ «Илюстрированная императорская колекція произведеній древней и новой литературы», состоящая изъ 6109 томовъ и приготовленная въ Китаѣ еще въ XVIII столѣтіи.

— Французскій профессоръ Левассёръ (Levasseur) высчиталъ недавно, что срокъ, въ теченіи котораго удвоивается населеніе Россіи, не превышаетъ и 50-ти лѣтъ, тогда какъ для другихъ странъ онъ значительно больше, именно: для Пруссіи 61½ годъ; для Саксоніи 63 года; Виртемберга 67 лѣтъ; Испаніи 78; Баваріи 98 и для Франціи 198 лѣтъ. По мнѣнію г. Левассёра, въ данной странѣ тѣмъ больше рожденій, чѣмъ въ большой степени въ ней практикуется эмиграція.

— Въ Парижѣ издана книга подъ заглавіемъ «L'académie de guerre de Berlin» содержащая въ себѣ обзоръ того, что сдѣлно въ Европѣ за послѣднее время по части военнаго образованія. Большая часть книги посвящена сравненію регулятивъ и программъ, принятыхъ въ военныхъ школахъ Франціи и Германіи. Опытъ Германіи убѣждаетъ автора, что для поддержанія единства въ арміи необходимо организовать ея образованіе такимъ образомъ, чтобъ всѣ ступени военношкольнаго обученія находились въ тѣсной связи одна съ другою. Въ этомъ отношеніи во Франціи почти ничего не сдѣлапо: теоретическаго и практическаго обученія унтеръ-офицеровъ, правильно поставленныхъ солдатскихъ школъ она не имѣетъ, въ дѣлѣ высшаго образованія она представляетъ лишь робкія попытки; приэтомъ, существующія во Франціи на положеніи высшихъ школъ, какова, напримѣръ, сенсирская, стоятъ правительству столько же, сколько стоютъ въ Германіи девять школъ вмѣстѣ. Переходя къ другимъ странамъ, авторъ останавливается на школахъ Италіи, Бельгіи и Россіи. Для насъ особенно интересенъ отзывъ его о русскомъ военномъ образованіи. Указавъ на несомнѣнные успѣхи, сдѣланные Россіей въ этой сферѣ, авторъ утверждаетъ, что намъ недостаетъ еще многаго, чтобъ воспользоваться плодами этихъ успѣховъ. Такъ, образовательный уровень не во всѣхъ кадрахъ русской арміи одинаковъ; наибольшею образовательною подготовкою обладаетъ артил-



Грабежъ башибузуковъ, переправа скота съ Румынскаго берега за Дунай.

лерія и потому-то въ ней не образованные въ военномъ отношеніи офицеры встрѣчаются, какъ исключеніе между тѣмъ, какъ въ пѣхотѣ и кавалеріи они представляютъ большинство. Что касается николаевской военной академіи, то, по мнѣнію автора, она даетъ лишь спеціально техническое образованіе, но не имѣетъ характера высшаго образовательнаго учрежденія, подобнаго берлинской военной академіи. «Вотъ почему — доставляя превосходныхъ офицеровъ, замѣчательныхъ спеціалистовъ, николаевская академія не имѣетъ того значенія для арміи, какое она должна бы имѣть. Вотъ почему, въ Россіи можно достигнуть высшихъ степеней въ рядахъ арміи, вовсе не бывъ въ академіи генеральнаго штаба».

— **Ассоціація книгопродавцевъ.** Англійскіе книгопродавцы намѣрены основать ассоціацію и съ этой цѣлью выбрали комитетъ для предварительныхъ работъ на предстоящей въ октябрѣ конференціи. Вопросы, подлежащіе обсужденію комитета слѣдующіе: общій планъ устройства, организаціи и администраціи книгопродавческой дѣятельности и расширенія ея; составленіе каталоговъ, храненіе книгъ и пр. Американскіе книгопродавцы пришлютъ на конференцію своего делегата.

— **Новый историческій журналъ.** Берлинское историческое общество предполагаетъ издавать журналъ подъ заглавіемъ «Fortschritte der Geschichte». Журналъ будетъ появляться неправильно, отъ времени до времени, черезъ нѣсколько лѣтъ, и въ каждой книжкѣ будетъ помѣщаться отчетъ о появившихся какъ въ Германіи, такъ и другихъ странахъ историческихъ сочиненіяхъ, вмѣстѣ съ критической оцѣнкою ихъ. Первая книга уже составлена комитетомъ и будетъ послана на предварительное одобреніе общаго собранія всѣхъ членовъ общества.

— **Обычай въ Индіи.** Въ Индіи считается большимъ несчастіемъ имѣть только дочерей, потому что онѣ не могутъ отправлять похоронныхъ процессій по родителямъ, а безъ этихъ процессій ни одна умершая душа не найдетъ себѣ покоя и осуждена на вѣчное странствованіе. Кромѣ того, свадьба дочери сопряжена съ такими расходами, которые раззоряютъ родителей. Положеніе вдовъ особенно печально. Смерть мужа считается доказательствомъ нерасположенія боговъ, и когда это несчастіе случится, у вдовы отбираютъ всѣ драгоцѣнности и наряды, она обязана надѣть грубую одежду и постоянно ходить съ бритой головой.

— **Памятникъ Бёрне.** 25-го мая (6-го іюня) въ Франкфуртѣ послѣдовало торжественное открытіе памятника Бёрне. На церемоніи присутствовали всѣ гражданскія и городскія власти, а также депутаціи отъ различныхъ ферейновъ.

* * *

Смѣсь.

— **Морская змѣя.** Въ Шотландіи, къ берегамъ портоваго города Обана, приплыла морская змѣя. Ловилъ ее цѣлый городъ. Стрѣляла въ нее цѣлая рота съ утра до вечера и, наконецъ, убитую вытаскивали 70 человѣкъ. Длиною оказалась 15 аршинъ и толщиною въ срединѣ $1^{1}/_{2}$ аршина. Голова маленькая. Теперь разсказы о громадныхъ морскихъ змѣяхъ вполнѣ подтверждаются.

— **Женщина-герой.** Недавно маршалъ Макъ-Магонъ пожаловалъ военною медалью за отличіе молодую, 27-ми лѣтнюю дѣвушку, Додю, начальницу телеграфной станціи въ Энгіенѣ, за мужество, выказанное ею во время послѣдней франко-прусской войны. Въ концѣ ноября 1870 года, какъ сообщаетъ «Figaro», штабъ прусскаго корпуса, занимавшаго Орлеанъ, сообщилъ по телеграфу принцу Фридриху-Карлу, въ Питовье, о движеніи французскаго корпуса въ Жіенъ и о томъ, какъ можно было бы окружить этотъ корпусъ и отбросить его на Орлеанъ. На телеграфной станціи въ Питовье служила тогда 20-ти-лѣтняя г-жа Додю. Понятно, что нѣмцы позаботились о томъ, чтобы занять телеграфныя станціи своими агентами, и г-жа Додю была удалена отъ аппарата и жила въ отдѣльной комнатѣ. Черезъ эту комнату проходила телеграфная проволока. Она прикрѣпила къ этой проволокѣ имѣвшійся у нея проводъ и соединила его со стоявшимъ въ этой комнатѣ запаснымъ аппаратомъ. Этимъ путемъ ей удалось получать секретныя телеграммы прусскихъ военныхъ властей, рискуя быть разстрѣлянной, если бы это открылось. Такимъ образомъ, она перехватила вышеозначенную прусскую депешу, которая затѣмъ дошла и до прусскихъ телеграфистовъ, удивлявшихся однако, слабости электрическаго тока. Г-жа Додю тотчасъ же доставила перехваченную ею депешу супрефекту города Потпвье, который велѣлъ перевести ее, понялъ ея важное значеніе и послалъ ее въ трехъ экземплярахъ тому французскому генералу, которому угрожала опасность. Но нѣмцы были бдительны: они перехватили двухъ гонцовъ и разстрѣляли ихъ; но третьему удалось проскользнуть, доставить депешу по назначенію, и французскій корпусъ былъ спасенъ. О поступкѣ г-жи Додю было объявлено въ приказѣ по вѣдомству почтъ и телеграфовъ, а отъ военнаго министра она получила оффиціальную благодарность. Однако, пруссаки узнали объ этомъ и собирались было подвергнуть г-жу Додю строгой карѣ, но въ это время было заключено перемиріе. Послѣ того принцъ Фридрихъ Карлъ, выразивъ г-жѣ Додю удивленіе по поводу ея геройскаго поступка, предложилъ ей высокую должность по телеграфному вѣдомству въ Германіи, но г-жа Додю отказалась отъ этого предложенія.

— **Острота.** Въ Римѣ теперь въ ходу шутка-разговоръ фантастическихъ Паскино и Марфоріо о папѣ. Этими именами римляне называютъ двѣ античныя статуи, къ которымъ преимущественно прилѣплялись пасквили — сатирическія выходки противъ официальныхъ лицъ.—«Какой слухъ о папѣ?» (Rumore, слухъ). Говорятъ онъ въ плѣну. — «Кто полонилъ его?» — Отбрось первую букву отъ rumore и ты узнаешь. — «Umore (собственное настроеніе духа). И тяжелъ этотъ плѣнъ?» — Отбрось еще букву. — «More. Онъ, стало быть, умретъ въ плѣну? А когда это будетъ?» — Откинь еще букву. — «Ore (скоро). Кто же ему наслѣдуетъ?» — Поступись еще одной. — «Re (король). Какой король?» — Отбрось опять. — «E, Эммануилъ!»

— **Нѣмецкіе солдаты**, оставшіеся во Франціи послѣ заключенія мира, были размѣщены на квартирахъ у мѣстныхъ жителей, которые однакожь не были обязаны ихъ продовольствовать, а должны были только давать огонь, на которомъ бы тѣ могли приготовлять себѣ пищу. Это обстоятельство послужило поводомъ къ множеству жалобъ со стороны нѣмецкихъ солдатъ. Жители не хотѣли варить солдату его раціоновъ, чѣмъ тотъ былъ поставленъ въ затруднительное положеніе; имѣя постоянныя столкновенія съ своимъ квартирнымъ хозяиномъ и его семействомъ, нѣмецкій солдатъ не имѣлъ никакой возможности приготовлять себѣ пищу: не помогали никакія просьбы, силой тоже ничего нельзя было добиться; солдату ничего не хотѣли варить и по возможности мѣшали ему самому заняться кулинарнымъ искуствомъ. Наконецъ съ горя одинъ голодный нѣмецъ пріобрѣлъ радикальное средство положить конецъ враждебнымъ дѣйствіямъ въ кухнѣ и средство это было моментально принято во всей оккупаціонной нѣмецкой арміи. Каждый нѣмецъ сталъ варить селедку. Какъ ни проста эта операція, но изъ нея вышло дѣло очень хитрое. Соленую селедку клали въ горшокъ или кастрюлю, затѣмъ обливали ее керосиномъ или же какою-нибудь другою вонючею жидкостью, въ которой селедка должна была вариться подъ крышкой. Какъ только кастрюля была поставлена на огонь и селедка начала вариться, хозяинъ, хозяйка, тетушка, бабушка и вся вообще семья мгновенно бросились въ кухню. Даже грудной ребенокъ заволновался въ колыбели и началъ взывать о помощи. Страшная вонь наполнила домъ, заразила всѣ комнаты, до погреба и чердака. «Пожаръ! пожаръ.» кричали всѣ, бросаясь въ кухню, изъ которой шелъ запахъ, а тамъ у печи стоялъ солдатъ, желавшій слѣдить, что дѣлается въ кастрюлѣ съ его селедкой.

— Несчастный, что вы тутъ варите? сказала хозяйка схватываясь за носъ.

— Селедку! отвѣчалъ воинъ съ стоическимъ равнодушіемъ.

— Ради Бога, снимите съ огня кастрюлю мы задохнемся.

— Нельзя раньше, пока селедка хорошо не проварится, возразилъ нѣмецъ, становясь предъ очагомъ, чтобы никто не прикоснулся къ кастрюлѣ.

Во всѣхъ домахъ, гдѣ квартировали нѣмецкіе солдаты, повторялось тоже самое; домохозяева были внѣ себя отъ досады. Всѣ задыхались. У всѣхъ была головная боль. И вотъ принялись они усердно просить солдатъ снять кастрюли, такъ какъ вонь становилась болѣе и болѣе невыносимою. Солдаты не соглашались; между тѣмъ въ кухнѣ всѣ предметы до того пропитались мерзкимъ запахомъ, что отъ него трудно было избавиться и въ цѣлую недѣлю. Хозяйка снова умоляетъ солдата смилостивиться, обѣщаетъ предоставить въ его распоряженіе кухню, только бы онъ не заносилъ болѣе въ домъ селедку. Миръ, наконецъ заключается, съ условіемъ что хозяйка станетъ ежедневно превращать солдатскіе раціоны въ хорошо-сваренный супъ.

Драма въ церкви. На-дняхъ, въ Введенской церкви Семеновскаго полка, должно было совершиться вѣнчаніе счастливой купеческой четы. Съѣздъ приглашенныхъ по билетамъ былъ опредѣленъ извѣстнымъ часомъ. Къ этому времени экипажи запрудили площадь передъ храмомъ; самый храмъ наполнился разодѣтыми гостями. Свѣчи какъ въ паникадилахъ, такъ и у мѣстныхъ иконъ засвѣтились; дорогіе ковры покрыли всю церковь; духовенство въ дорогихъ ризахъ и два лучшихъ хора пѣвчихъ ожидали встрѣчи жениха и невѣсту. Словомъ, вся эта обстановка стоила большихъ денегъ. Въ ожиданіяхъ прошелъ назначенный часъ, другой, — виновники торжества не являлись. Наконецъ, въ церковь является герольдъ-шаферъ, посланный женихомъ, и торжественно произноситъ, что виновники торжества повѣнчаны уже въ другой церкви и ожидаютъ дорогихъ гостей въ назначенномъ для пира мѣстѣ. Такая неожиданная метаморфоза имѣла свой эффектъ, и поѣзжане поспѣшили къ своимъ экипажамъ. Храмъ опустѣлъ, огни погасли и только въ одномъ углу, около какой-то скромно одѣтой женщины, блѣдной, какъ полотно, заботливо суетилась старушка, поднося къ ея носу флаконъ со спиртомъ. Въ числѣ прочихъ, разсказываетъ репортеръ «Пет. Листка», подошли и мы къ этому мѣсту, и узнали, что вся эта церемонія въ святомъ храмѣ была наглымъ обманомъ со стороны счастливаго жениха, который, боясь скандала за свои эротическія прегрѣшенія холостой жизни, устроилъ этотъ сюрпризъ той жертвѣ, къ которой мы подошли и которая лежала на полу полумертвою.

— **Уроды.** Изъ Гостынина, Варшавской губерніи пишутъ, что въ концѣ іюня, въ деревнѣ Чермно, Гостынинскаго уѣзда, родились двѣ дѣвочки-близнецы, сросшіяся между собою плечами. «Несмотря на совершенно правильное сформированіе организма каждой изъ обѣихъ дѣвочекъ, роды были настолько трудны, что, спасая жизнь матери, пришлось пожертвовать жизнью близнецовъ, явившихся на свѣтъ мертвыми. Тѣла этихъ дѣвочекъ, какъ весьма рѣдкихъ экземпляровъ, сохранены въ спиртѣ и, какъ говорятъ, будутъ отправлены въ Варшаву въ анатомическій университетскій музей».

— **Плѣнные турки.** Голосу сообщаютъ, что 6,000 военноплѣнныхъ турокъ, взятыхъ нашими войсками послѣ штурма крѣпости Никополя, будутъ, въ самомъ непродолжительномъ времени, доставлены въ Кишиневъ и, по распоряженію главнаго штаба, будутъ размѣщены во внутреннихъ губерніяхъ слѣдующимъ образомъ: въ Саратовѣ, Пензѣ, Тамбовѣ, Орлѣ, Тулѣ, Калугѣ, Могилевѣ, Витебскѣ, Смоленскѣ, Твери и Ярославлѣ по 500 человѣкъ, въ Костромѣ 300 и во Владимірѣ 200 плѣнныхъ. Всѣ эти плѣнные изъ Кишинева въ мѣста назначенія будутъ отправляемы по желѣзнымъ дорогамъ, безъ всякаго замедленія, причемъ мѣстные воинскіе начачальники обязаны будутъ предварять по телеграфу уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ тѣхъ пунктовъ, въ которые будутъ назначаемы плѣнные, для сдѣланія съ ихъ стороны своевременно всѣхъ необходимыхъ распоряженій для приготовленія плѣннымъ помѣщенія, продовольствія и всего, что̀ можетъ потребоваться для нихъ въ томъ или другомъ городѣ.

— **Турецкій броненосецъ.** Голосъ сообщаетъ слѣдующія подробности о турецкомъ броненосномъ фрегатѣ «Ассари-Тевфикъ», дравшемся, 11-го іюля, подъ Кюстенджи, съ пароходомъ «Вѣста» и бѣжавшемъ отъ русскаго парохода.

«Ассари-Тевфикъ» имѣетъ 272,$_3$ фута длины и 50 футовъ ширины, при углубленіи въ 21,$_{32}$ фута. Его водопомѣщеніе 4,687 тоннъ; номинальная сила машины 750 лошадиныхъ силъ, а скорость хода 13 узловъ. «Ассари-Тевфикъ» имѣетъ 640 человѣкъ команды и вооруженъ 8-ю орудіями 9-ти дюймоваго калибра (12-титонныя), изъ числа которыхъ 6 орудій помѣщаются въ батареѣ, а два въ открытой башнѣ на барбетѣ. Бортъ и башня «Ассари-Тевфикъ» покрыты бронею 8-ми дюймовой толщины, положенной на 12-ти дюймовую подкладку. Носовая (на 82 фута) и кормовая (на 122 фута) части корпуса не имѣютъ броневого прикрытія.

— **Замѣчательная путешественница.** Мѣсяцевъ восемь тому назадъ въ Тифлиссъ пріѣхала г-жа Серена, извѣстная въ европейской литературѣ путешественница. Она остановилась въ настоящее время, по словамъ газеты «Кавказъ», въ заинтересовавшемъ ее Закавказьи.

Высшія власти нашего края оказали ей самый любезный пріемъ.

Кутаисъ былъ первой станціей въ ея кавказскихъ путешествіяхъ: съ тѣхъ поръ она объѣхала и описала большую часть Закавказья. Какъ «Кавказъ» слышалъ, ея описаніе нашей страны достигло уже до 130 главъ.

Изъ любви къ этому труду, изъ любви къ путешествію, первому, предпринятому въ нашей странѣ женщиной, она имѣла мужество преодолѣть всякаго рода затрудненія и рѣшилась оставаться одной, вдали отъ родныхъ и близкихъ ей людей.

Родные ея — мужъ и дѣти — живутъ въ Лондонѣ. Мужъ ея, итальянецъ, бывшій членъ правительства Венеціанской республики и товарищъ извѣстнаго Манина. Онъ, вмѣстѣ съ Маниномъ сдался на капитуляцію австрійскимъ властямъ и оба подверглись изгнанію.

Г-жа Серена выступила на литературное поприще недавно и случайно. Своими письмами объ Австріи она заслужила драгоцѣнный подарокъ на память отъ того-же императора, который изгналъ ея мужа. За письма о Скандиваніи она получила золотую медаль Litteris et Artibus— орденъ за заслуги. Нашему Императору она представила свои Письма о Россіи, которыя и были напечатаны въ «Precurseur d'Amiens»; кромѣ того, Его Величеству, во время проѣзда г-жи Серены черезъ Петербургъ, угодно было выразить желаніе имѣть ея письма о Скандинавіи, и за поднесеніе этого сочиненія она удостоилась получить отъ Императора дорогой подарокъ на память черезъ генерала Игнатьева, тогда русскаго посланника въ Константинополѣ.—Передъ своимъ пріѣздомъ на Кавказъ, она посѣтила Египетъ, Святую Землю, Ливанъ, Сирію и Грецію, по рекомендаціи шведскаго короля она получила благосклонный пріемъ у короля и королевы Эллиновъ. Аѳинскія дамы назначили ее почетнымъ членомъ Syllogus—Общества для распространенія образованія между женщинами.

Въ русской литературѣ она заявила себя первыми письмами своими о Петербургѣ, помѣщенными въ «Голосѣ».

Указъ Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссійскаго, изъ правительствующаго сената.

По указу Его Императорскаго Величества, правительствующій сенатъ слушали: во 1-хъ, именной Высочайшій Его Императорскаго Величества указъ, данный правительствующему сенату въ сел. Бѣла (въ Болгаріи) 10-го іюля 1877 года, за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, въ коемъ изображено: «Принимая во вниманіе, что часть запасныхъ нижнихъ чиновъ арміи должна служить обезпеченіемъ для пополненія рядовъ войскъ, не приведенныхъ на военное положеніе и, посему не могутъ получить другаго назначенія, мы признали необходимымъ, для пополненія запасныхъ и резервныхъ частей, призвать, на основаніи 39-й статьи устава о воинской повинности, часть ратниковъ государственнаго ополченія. Вслѣдствіе сего повелѣваемъ: 1) призвать нынѣ на службу сто восемьдесятъ восемь тысячъ шестьсотъ ратниковъ перваго разряда, и 2) призывъ ратниковъ произвести изъ губерній и областей Европейской Россіи и Кавказа, по правиламъ означеннаго устава и положенія о государственномъ ополченіи, и согласно тѣмъ указаніямъ, какія даны Нами на сей предметъ военному министру. Правителвствующій сенатъ не оставитъ сдѣлать немедленное къ исполненію сего надлежащее распоряженіе;—и во 2-хъ предложеніе министра юстиціи, отъ 22-го іюля сего года, за № 8,652, слѣдующаго содержанія: Высочайшимъ повелѣніемъ, послѣдовавшимъ отъ 21-го сего іюля, Государь Императоръ соизволилъ населеніе бессарабской губерніи, въ виду особыхъ условій, въ которыхъ эта губернія находится, освободить отъ призыва ратниковъ, согласно именному указу, данному правительствующему сенату, въ 10-й день сего іюля, а потому призыву подлежатъ не 188,600 ратниковъ, какъ выражено въ вышеозначенномъ Высочайшемъ указѣ, но за вычетомъ 3,133 человѣкъ, причитающихся съ населенія бессарабской губерніи, всего 185,467 ратниковъ. О таковой Высочайшей волѣ, сообщенной ему, министру юстиціи, предлагаетъ правительствующему сенату. Приказали: О таковомъ Высочайшемъ указѣ и предложенномъ министромъ юстиціи Высочайшемъ повелѣніи, для приведенія во всеобщую извѣстность и должнаго, въ чемъ до кого касаться будетъ, исполненія, увѣдомить его императорское высочество, намѣстника кавказскаго, министровъ и главноуправляющихъ отдѣльными частями, однихъ—указами, а другихъ—чрезъ передачу къ дѣламъ оберъ-прокурора 1-го департамента правительствующаго сената копій съ опредѣленія сената; равнымъ образомъ послать указы: генералъ-губернаторамъ; военнымъ губернаторамъ, губернаторамъ и губернскимъ, областнымъ и войсковымъ правленіямъ; въ святѣйшій-же правительствующій сvнодъ, во всѣ департаменты правительствующаго сената и общія оныхъ собранія сообщить вѣдѣнія, а въ департаментъ министерства юстиціи — копію съ опредѣленія; для припечатанія-же, въ установленномъ порядкѣ, конторѣ сенатской типографіи дать извѣстіе. Іюля 23-го дня 1877 года.

Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій.

Съ того дня, которымъ мы закончили хронику № 30 «Жив. Обозр.» обнародованы только двѣ слѣдующія телеграммы его императорскаго высочества главнокомандующаго дѣйствующею арміею, изъ Тырнова, отъ 19-го іюля.

1) «Вчера, 18-го іюля, генералъ баронъ Криденеръ вторично аттаковалъ Плевно, но безуспѣшно. Подробности неизвѣстны. По разъясненіи дѣла немедленно сообщу.

2) Отъ 22-го іюля изъ Чаушмахала: «Подробностей о плевненскомъ дѣлѣ 18-го іюля еще нѣтъ; войска наши остались на тѣхъ позиціяхъ, которыя занимали передъ аттакой. Потери большія: изъ строя выбыло болѣе 5,000; убитъ командиръ шуйскаго полка баронъ Каульбарсъ; тяжело раненъ командиръ козловскаго полка Степановъ; легко ранены: генералъ-маіоръ Божеряновъ и командиръ рыльскаго полка Саранчевъ. Войска сражались геройски; лѣвый флангъ взялъ два ряда укрѣпленій, но къ вечеру отступили; духъ войскъ, Мною видѣнныхъ, превосходный. Завтра пойду осмотрѣть остальныя. Плевно и Ловча заняты значительными турецкими силами и сильно укрѣплены.

Генералъ Гурко разрушилъ ямбольскую и филиппопольскую вѣтвь желѣзной дороги. 18-го іюля разбилъ на-голову отрядъ арміи Сулеймана, занимающій Іени-Загру, разсѣялъ его и взялъ двѣ пушки. 19-го іюля разбилъ другой отрядъ той-же арміи у Джуганли, близъ Эски-Загры, а затѣмъ, въ виду наступающихъ со всѣхъ сторонъ войскъ Сулеймана, вытѣснившихъ наше болгарское ополченіе изъ Эски-Загры, отошелъ въ балканскіе проходы. Со стороны Шумлы пока все тихо.

Телеграммы.

Москва, 21-го іюля. Въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» напечатано сегодня заявленіе вице-предсѣдательницы женскаго дружества въ Бѣлградѣ. До свѣдѣнія дружества дошло, что нѣкоторыя лица въ разныхъ городахъ Европы собираютъ пожертвованія на имя несуществующаго «Славянскаго женскаго дружества», и оно заявляетъ, что неуполномочивало никого собирать по Европѣ пожертвованія въ пользу представляемыхъ имъ интересовъ.

— 22-го іюля. Въ Москвѣ объявлена несостоятельность московскаго акціонернаго Общества снабженія желѣзныхъ дорогъ ихъ принадлежностями. Въ этой несостоятельности сильно заинтересована казна.

Баку, 17-го іюля. Бакинскіе нефте-промышленники просятъ напечатать нижеслѣдующее: Бакинскіе нефте-промышленники встревожены слухомъ, что американцы получаютъ будто бы двѣнадцати лѣтнюю привиллегію на нефте-проводъ отъ Баку до Чернаго моря и другія неизвѣстныя пока монополіи. Истощивъ Пенсильванскіе источники въ какіе нибудь 16 лѣтъ и боясь конкуренціи Россіи, американцы обратили взоръ на Баку. Бакинскіе нефте-промышленники увѣрены, что если дадутъ американцамъ какую нибудь привиллегію, то они уничтожатъ русское производство, а если дадутъ еще и привиллегію на перевозочныя средства, то они рѣшительно уничтожатъ производство, забравъ въ свои руки одну изъ обширныхъ отраслей русской промышленности. Разъ данная американцамъ привиллегія на перевозочныя средства убьетъ на всегда русскую нефте-промышленность и устранитъ навсегда доступъ русскаго фабриканта на всемірный рынокъ, имѣющій громадное значеніе при настоящемъ оскудѣніи Пенсильванскихъ нефтяныхъ источниковъ.

Тифлисъ, 22-го іюля, пятница. Профессоръ Груббе, сопровождающій харьковскій санитарный отрядъ, находится здѣсь; отрядъ же выѣхалъ уже въ Владикавказъ.

Устроенный вчера, въ пользу пострадавшихъ турецкихъ армянъ, увеселительный вечеръ далъ хорошій сборъ.

Кутанскій губернаторъ доноситъ, что всходы озимаго и яроваго хлѣбовъ и травъ удовлетворительны; ожидается хорошій урожай.

Здѣсь, въ Тифлисѣ, подписка на облигаціи «восточнаго займа» доставила, до 21-го іюля 800,000 р. Въ Ставрополѣ подписка дала, до 12-го іюля, 130,000 рублей.

Бухарестъ, 19-го іюля, вторникъ, вечеромъ. Британскій полковникъ Уэллеслей прислалъ своему правительству донесеніе, въ которомъ онъ категорически опровергаетъ приписываемыя турками русскимъ войскамъ жестокости.

— 19-го іюля, вторникъ вечеромъ. Князь Карлъ издалъ декретъ, которымъ повелѣвается открыть кредиты на усиленіе кадровъ арміи и числа офицеровъ.

— 21-го іюля, четвергъ, вечеромъ. Тисса принималъ, сегодня, депутацію отъ буда-пештскаго митинга, явившуюся къ нему подъ предсѣдательствомъ Пульскаго. По прочтеніи принятой митингомъ резолюціи, Тисса высказалъ, что принятіе прочныхъ мѣръ противъ жестокостей будетъ возможно лишь по возстановленіи мира. По словамъ Тиссы, непризванное вмѣшательство отдѣльной державы могло бы увеличить размѣры войны. Ораторъ надѣется, что уже не далеко то время, когда европейскимъ державамъ представится случай надолго положить конецъ ужасамъ войны. Правительство считаетъ своею задачею охранять австро-венгерскіе интересы, щадя, однако, по возможности, дорогую кровь націи. Необходимо, продолжалъ Тисса, побороть даже самыя справедливыя чувства, чтобъ трезво взвѣсить событія и, при каждомъ шагѣ собразоваться съ положеніемъ Европы, имѣя въ виду единственную цѣль, чтобъ интересы монархіи, въ виду грядущихъ событій, не потерпѣли ущерба и остались охраненными. Когда придетъ время, правительство не замедлитъ принять надлежащія мѣры, остерегаясь, однако, дѣйствовать съ чрезмѣрною поспѣшностью.

Бѣлградъ, 22-го іюля, пятница. Скупщина утвердила осадное положеніе и временную отмѣну закона о свободѣ печати и разрѣшила продолжать это осадное положеніе до слѣдующаго созыва скупщины.

— 22-го іюля, пятница. Декретомъ на имя военнаго министра, князь Миланъ уполномочиваетъ его созвать 3,000 чиновъ милиціи для охраненія границъ Сербіи. Сверхъ того, князь предписываетъ заготовить и пополнить боевой матеріалъ.

Пештъ, 14-го іюля. На митингѣ здѣшнихъ туркофиловъ, о которомъ я извѣщалъ васъ, собралось пять тысячъ человѣкъ. Митингъ, подъ предсѣдательствомъ Пульскаго, былъ крайне оживленный. Говорили Кипалы и Гельфи; Клапка прочелъ свою рѣчь. Воинственные намеки Гельфи вызвали крики одобренія. Митингу были сдѣланы четыре предложенія: протестовать противъ русскихъ жестокостей (!) въ Болгаріи; отправить къ правительству депутацію съ приглашеніемъ положить конецъ жестокостямъ и охранить интересы Австро-Венгріи, и т. п. Не смотря на перерывы радикальной партіи, митингъ разошелся въ порядкѣ.

— 19-го іюля. Приблизительно въ 200 городахъ и мѣстечкахъ въ Венгріи въ будущее воскресенье будутъ происходить туркофильскіе митинги.

Вѣна, 16-го іюля. Офиціозный «Fremdenblatt» говоритъ сегодня, что Австрія еще не имѣетъ причинъ выходить изъ своего сдержаннаго положенія относительно Россіи.

— 16-го іюля. Мидхатъ паша уѣзжаетъ отсюда въ Константинополь завтра.

Генералъ Моллинари подаетъ въ отставку.

— 18-го іюля. По словамъ газеты «Presse», у графа Андраши происходило предварительное совѣщаніе министровъ, въ виду подготовленія къ назначенному на завтра засѣданію совѣта.

— 18-го іюля. Опять слухи о предстоящей общей мобилизаціи австро-венгерской арміи. Ожидаютъ большого засѣданія совѣта министровъ австрійскихъ и венгерскихъ.

Мидхатъ-паша остается пока здѣсь, въ качествѣ чрезвычайнаго полномоченнаго Порты.

Румынскій министръ Когальничано долженъ пріѣхать завтра.

Въ «Deutsche Zeitung» телеграфируютъ, что Англія не будетъ протестовать противъ движенія русскихъ войскъ на Константинополь.

Сербскія войска стягиваются къ турецкой границѣ.

— 19-го іюля. По достовѣрнымъ извѣстіямъ, постановленіе о мобилизаціи части арміи еще не скрѣплено формально подписью императора Франца-Іосифа; если она состоится, какъ ожидаютъ, то вооруженія Австріи, по объясненію оффиціозныхъ газетъ, не будутъ направлены ни противъ Россіи, ни противъ Турціи.

— 20-го іюля Сегодня Мидхата-пашу посѣтили британскій посолъ Бёкананъ, а потомъ генералъ Клапка и турецкій посолъ Алеко-паша.

Сегодня же прибылъ сюда румынскій министръ Когальничано, который имѣлъ продолжительное совѣщаніе съ здѣшнимъ румынскимъ агентомъ, Балечано.

— 20-го іюля. Газета «Politiche Correspondenz» опровергаетъ сообщенное аугсбурскою «Algemeine Zeitung» извѣстіе, будто бы Австрія сдѣлала князю Горчакову представленія по поводу участія Румыніи въ операціяхъ русскихъ войскъ.

Той же газетѣ пишутъ изъ Бѣлграда, что греческій консулъ Доксасъ возвратился въ Бѣлградъ изъ Крагуеваца, куда онъ ѣздилъ съ порученіемъ, состоявшимъ, будто бы, въ предложеніи союза со стороны Греціи; порученіе это, повидимому, не имѣло успѣха.

— 20-го іюля. Мидхатъ-паша сказалъ, что Порта дастъ свое согласіе на занятіе извѣстныхъ частей турецкой имперіи англійскими или австрійскими войсками только съ тѣмъ условіемъ, чтобы Англія и Австрія предварительно заключили съ Портой союзный договоръ; въ противномъ случаѣ всякая оккупація будетъ сочтена Портой за объявленіе войны. Порта разрѣшаетъ, однако, занятіе Сербіи австрійскими войсками.

— 20-го іюля. Здѣшнія газеты единогласно сообщаютъ, что совѣтъ австрійскихъ министровъ, во вчерашнемъ своемъ засѣданіи, не принялъ постановленія ни относительно общей, ни относительно частной мобилизаціи арміи. Графу Андраши, политика котораго была вполнѣ одобрена совѣтомъ, дано только полномочіе сдѣлать распоряженіе объ усиленіи войскъ, уже расположенныхъ на южной австрійской границѣ. Одновременно съ тѣмъ, ведутся переговоры относительно средствъ на покрытіе расходовъ по мобилизаціи четырехъ дивизій; расходы эти исчисляются въ суммѣ около 25 милліоновъ флориновъ.

— 21-го іюля. Оффиціозныя газеты формально отрицаютъ существованіе ноты, по слухамъ, адрессованной графомъ Андраши къ князю Горчакову, относительно Румыніи, принявшей участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ за Дунаемъ, и Болгаріи.

— 22-го іюля. Здѣшнія газеты въ восторгѣ отъ вторичной неудачи русскихъ подъ Плевной.

По словамъ румынскаго министра Когальничано, признаніе независимости Румыніи не встрѣтитъ затрудненій.

Мобилизація войскъ, быть можетъ, будетъ направлена противъ Италіи.

— 22-го іюля. Мидхатъ-паша отправилъ въ Константинополь формальное прошеніе на имя султана разрѣшить ему возвращеніе въ Турцію.

— 22-го іюля. Въ «Политической Корреспонденціи» помѣщено высоко оффиціозное письмо изъ Берлина относительно настоящаго дипломатическаго положенія дѣлъ. Въ Берлинѣ не имѣютъ повода видѣть въ мобилизаціи частицы австрійской арміи перехода къ новому фазису восточнаго вопроса; положеніе его остается прежнее; Австрія, Германія и Россія сохраняютъ свои взаимныя дружественныя отношенія, и непоколебимость тройственнаго союза, заключеннаго съ цѣлью сохраненія мира въ Европѣ, повліяла на поведеніе другихъ европейскихъ державъ. Изъ этого можно заключить, что образъ дѣйствій Германіи и дипломатическое давленіе, произведенное ею на австрійское правительство, способствовали къ тому, чтобы умѣрить воинственный задоръ министерства Биконсфильда.

Зальцбургъ, 20-го іюля. Германскій императоръ прибудетъ сюда 7-го августа, а 8-го августа выѣдетъ въ Ишль, для встрѣчи съ императоромъ австрійскимъ.

Берлинъ, 19-го іюля. Газета «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» слышала изъ самаго надежнаго источника, что военныя мѣры, которыя можетъ принять Австрія, будутъ касаться мобилизаціи только четырехъ дивизій. Принимая эту мѣру, Австрія отнюдь не имѣетъ въ виду отступить отъ соблюдаемаго ею до нынѣ нейтральнаго и сдержаннаго образа дѣйствій. Это распоряженіе или другія мѣры, которыя были бы приняты Австріей, тѣмъ менѣе могутъ отразиться неблагопріятно на превосходныхъ отношеніяхъ, существующихъ между Вѣною и Петербургомъ.

— 21-го іюля, четвергъ. Германскій императоръ выѣдетъ, 7-го августа изъ Гаштейна въ Зальцбургъ, а 8-го августа поѣдетъ оттуда въ Ишль, куда прибудетъ въ полдень. Затѣмъ, 9-го августа онъ отправится, черезъ Эбензе и Гмюнденъ, въ Нассау, а оттуда въ Эгеръ, куда пріѣдетъ въ $8^1/_2$ часовъ вечера. 10-го августа, утромъ, онъ проѣдетъ изъ Эгера въ Бабельсбергъ.

— 21-го іюля. «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» положительно утверждаетъ, что Австрія ни въ какомъ случаѣ не поддержитъ Митхада, если онъ будетъ стоять за продолженіе военныхъ дѣйствій.

Газеты, нежелающія начала общей европейской войны, отзываются сегодня съ одобреніемъ объ Австріи, нежелающей будто бы нарушать нейтралитета (?).

Прибытіе германскаго панцырнаго флота въ Салоники объясняютъ фанатическимъ возбужденіемъ тамъ мусульманъ.

Лондонъ, 18-го іюля. «Агентству Рейтера». сообщаютъ изъ Шанхая, что судно «Баянъ», подъ русскимъ адмиральскимъ флагомъ, вышедшее изъ Санъ-Франциско, прибыло 1-го іюля во Владивостокъ; ожидается прибытіе и остальной части эскадры. Портъ загражденъ сильными торпедами.

Вскорѣ отправится во Владивостокъ начальникъ англійской эскадры.

— 19-го іюля. Въ засѣданіи палаты сэръ Норскотъ, на вопросъ Лоусона, заявилъ, что британская эскадра не покидала Безикской бухты, а только крейсируетъ въ ней.

На вопросъ Симона, г. Боркъ подтвердилъ, что въ Яссахъ и Дарабинѣ евреи подверглись насиліямъ, причемъ мѣстными властями произведено нѣсколько арестовъ. Возражая Чемберлэну, г. Боркъ сказалъ, что на депешу лорда Дерби къ русскому правительству по поводу жестокостей русскихъ войскъ въ Малой Азіи еще не получено отвѣта.

Сэръ Норскотъ, отвѣчая маркизу Гартингтону, объяснилъ, что парламенту предстоитъ еще разсмотрѣть много законопроектовъ; онъ надѣется, что парламентъ окончитъ свои работы къ 15-му августа.

— 19-го іюля. Газета «Times», какъ передаетъ «Агентство Рейтера». опровергаетъ извѣстіе о предстоящей дальнѣйшей отправкѣ англійскихъ войскъ на островъ Мальту. По словамъ газеты, полки, которымъ предписано быть готовыми къ походу, предназначены исключительно для Индіи.

— 19-го іюля. Сэръ Норскотъ, отвѣчая въ палатѣ общинъ Уоллэ, заявилъ, что нѣтъ надобности вносить въ палату предложеніе объ открытіи спеціальнаго кредита на покрытіе расходовъ по недавней отправкѣ войскъ и усиленію британскаго флота въ Средиземномъ морѣ. «Расходы эти не велики—продолжалъ сэръ Норскотъ—и сомнительно, чтобъ вообще оказалось нужнымъ, въ теченіи года, требовать дальнѣйшихъ суммъ; въ настоящее же время это не нужно. Никакихъ другихъ заявленій относительно воззрѣній и намѣреній правительства по отношенію къ восточной войнѣ я сдѣлать не имѣю. Мнѣ кажется нецѣлесообразнымъ вступать въ препирательства съ русскими газетами по вопросу о насиліяхъ, совершенныхъ русскими войсками».

— 19-го іюля. Изъ отвѣта, даннаго сэромъ Норскотомъ на запросъ Уоллэ, газета «Times», какъ передаетъ «Агентство Рейтера», выводитъ заключеніе, что британское правительство не намѣрено вмѣшиваться въ войну Россіи съ Турціей.

— 19-го іюля. По свѣдѣніямъ «Агентства Гаваса», турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ, Аарифи-паша, подалъ прошеніе объ отставкѣ, которое и принято. На мѣсто его назначенъ Серверъ-паша.

— 19-го іюля. Во время преній въ палатѣ общинъ, Вольфъ заявилъ, что въ пятницу онъ предоставитъ проектъ адресса къ правительству, въ которомъ будетъ выражено, что палата хотя и одобряетъ вполнѣ соблюдавшійся до нынѣ Англіей нейтралитетъ, однако, въ виду настоящаго положенія дѣлъ на Востокѣ, считаетъ необходимымъ принять мѣры для охраненія и удержанія въ силѣ обязательствъ, обусловленныхъ договорами о регулированіи судоходства по Дунаю и прохода чрезъ Босфоръ и Дарданеллы.

— 20-го іюля. Въ пятницу ожидаютъ бурныхъ преній по восточному вопросу въ палатѣ общинъ; отъ министерства будутъ потребованы объясненія по поводу вооруженій.

«Times» заявляетъ, что у министерства нѣтъ намѣренія произвести вмѣшательство въ войну между Россіей и Турціей.

Въ засѣданіи палаты общинъ Уоллэ обратился къ канцлеру казначейства съ запросомъ, не потребуетъ ли правительство спеціальнаго кредита на покрытіе расходовъ на снаряженіе войскъ, отправляемыхъ на Востокъ; сэръ Норскотъ отвѣтилъ, что расходы эти очень незначительны; онъ считаетъ сомнительнымъ, чтобъ въ теченіи настоящаго года явилась необходимость потребовать особую сумму сверхъ бюджета, и во всякомъ случаѣ достовѣрно, что пока, въ ближайшемъ будущемъ, въ этомъ надобности не предстоитъ.

— 20-го іюля. Происходившее въ закрытомъ засѣданіи палаты общинъ обсужденіе билля о южноафриканской конфедераціи окончилось въ $2^1/_4$ часа пополудни. Такимъ образомъ, засѣданіе длилось двадцать шесть часовъ. Пренія были самыя бурныя.

— 20 іюля. Въ скоромъ времени ожидается внесеніе въ парламентъ новыхъ документовъ о звѣрствахъ, совершаемыхъ будто бы русскими войсками въ Турціи.

— 21-го іюля. Сэръ Норскотъ, отвѣчая, въ палатѣ общинъ, на вопросъ Уоллэ, сказалъ, что имъ никогда не было получено отъ русскаго правительства сообщенія, въ которомъ было бы сказано, что Англія, въ огражденіе своихъ интересовъ въ Египтѣ, должна бы употребить свое вліяніе въ такомъ смыслѣ, чтобъ открыто враждебныя дѣйствія Египта не вынудили Россію обороняться съ своей стороны, посредствомъ нападенія на эту страну.

— 22-го іюля. Здѣсь ходятъ слухи, которые передаются также изъ Берлина, что Мидхатъ-паша ведетъ переговоры о заключеніи займа на лондонской биржѣ, при участіи вѣнскаго дома Ротшильдовъ. Успѣхъ этихъ переговоровъ считается сомнительнымъ.

Парижъ, 19-го іюля. Въ сегодняшнемъ засѣданіи совѣта французскихъ министровъ, герцогъ Деказъ сдѣлалъ важныя сообщенія относительно восточныхъ дѣлъ.

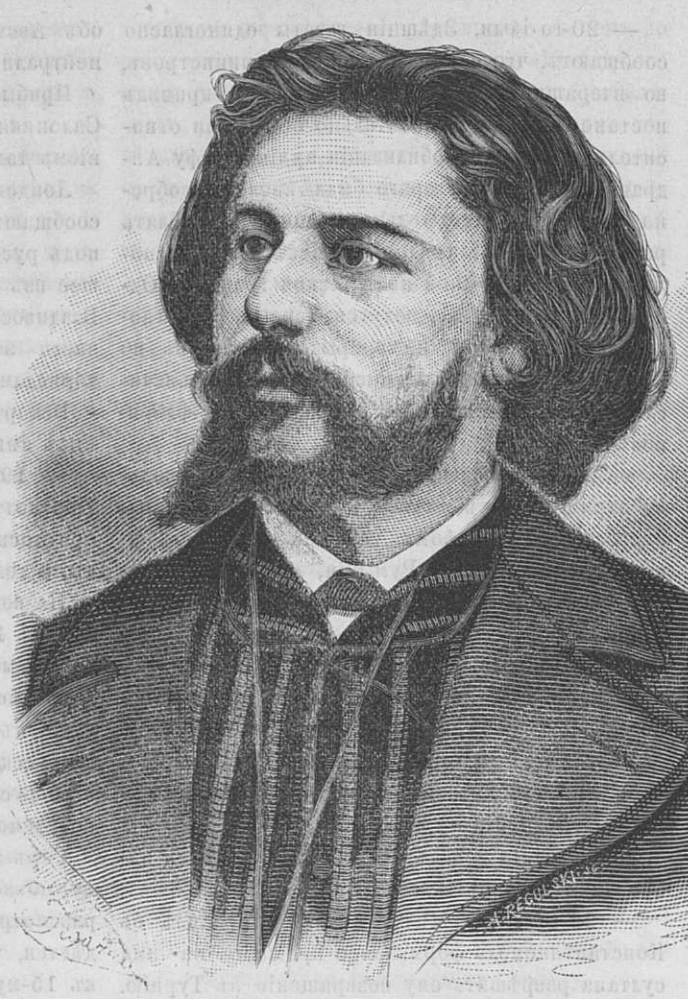
Нью-Іоркъ, 18-го іюля. Въ настоящее время повсюду возстановилось спокойствіе. Ежедневныя засѣданія кабинета прекратились. Въ Нью-Орлеанѣ созвана подъ ружье милиція, въ виду того, что нѣкоторымъ отраслямъ промышленности грозитъ стачка.

* * *

Наши гравюры.

Городъ танцовщицъ.

Въ странѣ пирамидъ, среди развалинъ древнихъ капищъ и дворцовъ Фараоновъ сохранилось на берегахъ Нила бѣдное мѣстечко, Эснехъ, которое, еще въ глубокой древности, было колыбелью египетскихъ танцовщицъ, сестеръ индійскихъ баядерокъ, посвященныхъ Милитѣ или Венерѣ. Альмэ (египетскія танцовщицы) танцовали прежде предъ алтаремъ Нейты, покровительницы ихъ города. Въ настоящее время только голыя колонны свидѣтельствуютъ о древнемъ величіи; исчезли языческіе храмы, смолкло пѣніе волхвовъ, но альмэ все-таки существуютъ. Эснехъ до сихъ поръ остался колыбелью египетскихъ танцовщицъ и, за малую денежную плату, можно любоваться ихъ танцами столь же древними и таинственными, какъ и вся исторія Египта. Нашъ рисунокъ представляетъ читателю одну изъ такихъ альмэ въ минуту отдыха.



Альфонсъ Додэ.

Уводъ въ плѣнъ женщинъ.

И въ наше время война страшное бѣдствіе, но она покажется легкой и гуманной, если сравнить ее съ войнами въ предшествовавшія столѣтія. Нужно имѣть сильно развитое воображеніе, чтобы представить себѣ всѣ ужасы, какими сопровождалась она въ тѣ темныя времена. Убійства, грабежъ, пожары, насиліе, самое возмутительное издѣваніе надъ человѣческой личностью смѣнялись одно другимъ. На нашей гравюрѣ изображенъ одинъ изъ эпизодовъ жестокостей, сопровождавшихъ вторженіе дикихъ ордъ германцевъ въ Галлію, къ которой уже успѣла привиться римская цивилизація и нравы ея смягчились. Варвары разрушили храмы, зажгли городъ, убили всѣхъ мужчинъ и старухъ, а молодыхъ,— связавъ имъ руки—привязали къ гривамъ лошадей, несчастныхъ-же лишившихся чувствъ, перебросили черезъ сѣдло и потащили въ плѣнъ; этимъ мученицамъ на чужбинѣ придется испытать печальную участь рабынь... Страдалицы молятъ боговъ о ниспосланіи имъ смерти, которая для нихъ кажется отрадой при мысли о тѣхъ ужасахъ, которые должны выпасть на ихъ горькую долю въ неволѣ у безжалостныхъ дикарей.

Грабежъ баши-бузуковъ.

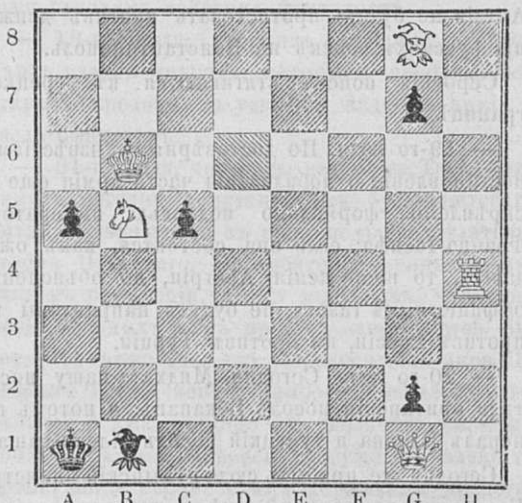
Для усиленія своей регулярной арміи Турція вызвала полудикихъ воинственныхъ обитателей горъ, степей и пустынь Азіи и Африки. Незнакомые съ новѣйшими способами веденія войны, сравнительно плохо вооруженные баши-бузуки, оказываютъ очень мало пользы въ правильномъ сраженіи, но они годны для аванпостной службы, а въ особенности для нападеній на непріятельскіе транспорты, такъ какъ въ этомъ случаѣ они воодушевляются отличительнымъ ихъ качествомъ—жаждой къ грабежу. Турецкое правительство, плохо содержащее свою регулярную армію, почти вовсе не заботится о продовольствіи башибузуковъ, и тѣ грабятъ и своихъ и чужихъ. Большая часть баши-бузуковъ, по натурѣ, вовсе не религіозны, но муллы, дѣйствуя на ихъ суевѣріе и предразсудки, успѣваютъ разжигать въ нихъ религіозный фанатизмъ, и плохо тогда приходится беззащитнымъ христіанамъ, подданнымъ Турціи; баши-бузуки не ограничиваются уже однимъ грабежемъ, а варварски, жестоко истязаютъ и убиваютъ христіанъ. На нашемъ рисункѣ изображено возвращеніе баши-бузуковъ черезъ Дунай послѣ набѣга въ Румынію—въ мѣстность, въ то время еще незанятую русскими войсками. Они награбили массу скота, очень ловко привязали его къ своимъ лодкамъ и тянутъ за собой; нѣкоторыя изъ скотинъ захлебнулись, онѣ плывутъ перевернутыя, брюхомъ кверху, но отвязывать ихъ некогда, къ тому же и мертвая скотина небезвыгодна: съ нея можно содрать кожу.

Шахматы.

Задача XXIX.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 2 хода.

Черные.



Бѣлые.

Рѣшеніе задачи № XXVIII.

Бѣлые.	*Черные.*
1) A1—A7	1) D6—F8 берутъ
2) A7—E3	2) Какъ нибудь
3) G3—H3†	3) G4—H3 берутъ.
4) E3—H3 † и матъ.	

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи. Сѣверная шведская полярная экспедиція подъ начальствомъ проф. А. Е. Норденскіольда (продолж.). — Нервныя болѣзни (оконч.). — Народныя суевѣрія (продолж.).—Проектъ образованія внутренняго моря въ Алжирѣ (оконч.). — Стихотвореніе: «Лѣтнія пѣсни».—Керосинъ и марена. — Современные иностранные писатели. — Новости наукъ и жизни. — Смѣсь. — Указъ Его Импер. Вел. Самодер. Всерос., изъ правит. сената. —Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій.—Телеграммы. — Наши гравюры. — Шахматы.

Гравюры: Енисейскіе тунгусы.—Египетская танцорка.—Уводъ въ плѣнъ женщинъ.—Грабежъ башибузуковъ, переправа скота съ Румынскаго берега за Дунай.—Альфонсъ Додэ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

При 32-мъ № журнала «Живописнаго Обозрѣнія» разошлется приложеніе ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО, за Августъ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 30 Іюля 1877 года.

Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

Живописное Обозрѣніе

№ 32. Томъ II.

На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.;
на полгода—4 р. 50 к. Отдѣльн. №№ по 15 к.

С.-Петербургъ, 7 Августа 1877 года.

Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ,
Троицкій переулокъ, домъ № $^{27}/_{1}$.

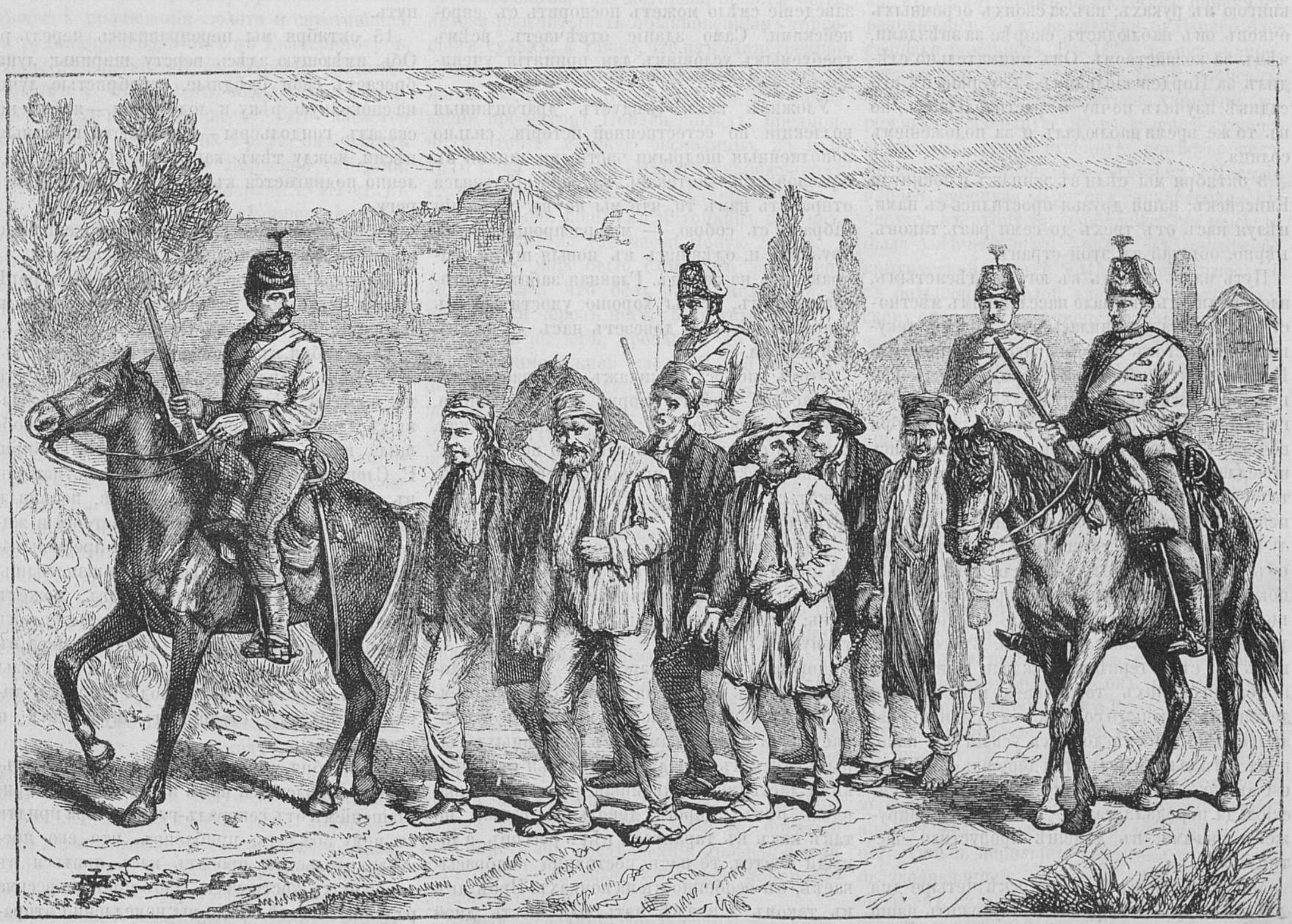
Годъ V.

Подписка на „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ 1877 г. продолжается.

Въ 1877 году журналъ выходитъ **еженедѣльными** нумерами (въ годъ 52 нумера), иллюстрированными множествомъ художественныхъ гравюръ. Всѣ подписчики получаютъ, въ **видѣ премій,** ежемѣсячное приложеніе подъ заглавіемъ «Жизнь и Хозяйство», со множествомъ рисунковъ. Годовымъ подписчикамъ разсылаются слѣдующія преміи: большая гравюра **„Продажа амулетовъ“**, снимокъ съ картины проф. **Генриха Семирадскаго,** на толстой веленевой бумагѣ, длиною одинъ аршинъ, шириною $12^{1}/_{2}$ вершковъ, и **Карта театра военныхъ дѣйствій въ Европейской и Азіятской Турціи.**

Годовая подписная цѣна журнала, съ достав. и перес. 7 руб., безъ перес. и доставки—6 руб.; на полгода: (съ 1-го іюля), съ пересылкою—4 р. 50 коп., безъ перес.—3 руб.

Подписка продолжается. Новые годовые подписчики получаютъ журналъ съ перваго нумера.



Пересылка шпіоновъ изъ русскаго лагеря въ Вакарешти, близъ Бухареста.

Сѣверная шведская полярная экспедиція подъ начальствомъ профессора А. Е. Норденскіольда.

(Окончаніе.)

Енисейскъ.—Красноярскъ, главный городъ Енисейской губерніи. — Телеграфная загадка. — Тарантасъ.—Караваны.—Ямщики. — Село. — Томскъ. — Омскъ.—Тюмень.—Уралъ.—Екатеринбургъ. — Рудники.—Нижне - Тагильскъ.—Конецъ путешествія.

Енисейскъ, куда мы прибыли 30 сентября, живописно расположенъ на лѣвомъ берегу рѣки того же имени, въ ста пятидесяти верстахъ на югъ отъ впаденія Ангары въ Енисей.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ этотъ городъ былъ истребленъ страшнымъ пожаромъ, но скоро опять обстроился; многочисленные дома наружнымъ и внутреннимъ видомъ свидѣтельствуютъ о значительныхъ богатствахъ; каменныхъ домовъ мало; въ немъ нѣсколько прекрасныхъ магазиновъ, напоминающихъ собою европейскіе; на балконахъ сидятъ, развалившись въ креслахъ, мѣстныя красавицы съ романомъ въ рукахъ. Улицы правильныя и широкія; тамъ и сямъ небольшіе садики, а вокругъ церквей зеленыя лужайки, на которыхъ съ удовольствіемъ останавливается утомленный глазъ.

Кухня въ гостинницѣ, въ которой мы остановились, хорошая, но, судя по постелямъ, можно подумать, что о нихъ не заботятся въ Сибири. Мы предпочли лечь на полъ; съ этимъ можно было бы примириться, если бы не множество пруссаковъ, мечущихся во всѣ стороны, точно бѣшеные. Содержатель гостинницы цѣлый день прогуливается важно съ книгою въ рукахъ; изъ за своихъ огромныхъ очковъ онъ наблюдаетъ скорѣе за звѣздами, чѣмъ за хозяйствомъ. Онъ внимательно слѣдилъ за Норденскіольдомъ, который въ его садикѣ изучалъ почву и растительность, но въ то же время наблюдалъ и за положеніемъ солнца.

3 октября мы сѣли въ экипажъ и покинули Енисейскъ; наши друзья простились съ нами, цѣлуя насъ отъ трехъ до семи разъ; таковъ, вѣрно, обычай въ этой странѣ.

Путь нашъ лежалъ къ югу по лѣсистымъ, плодороднымъ, но мало населеннымъ мѣстностямъ; дорога уклонилась отъ Енисея, текущаго на востокъ и примыкающаго прямо къ Красноярску, губернскому городу Енисейской губерніи, расположенному на лѣвомъ его берегу. Мы прибыли въ Красноярскъ 5-го октября вечеромъ. Не теряя времени, мы отправились немедленно съ багажемъ и экипажемъ въ телеграфную контору, чтобы отправить депешу г. Диксону. На слѣдующій день мы получили отвѣтную телеграмму. Я упоминаю объ этомъ обстоятельствѣ, для того, чтобы показать вамъ быстроту телеграфныхъ сообщеній въ Сибири; но такая быстрота нерѣдко вредитъ смыслу депеши. Въ то время, какъ мы съ нетерпѣніемъ ждали извѣстія о прибытіи нашихъ товарищей, мы получили депешу слѣдующаго содержанія: «Madame est arrivé» (sic). Послѣ долгихъ усилій мы наконецъ отгадали смыслъ этой депеши: «Kjellman est arrivé....» Другую же депешу Норденскіольда передали такъ, что Енисей запруженъ рифами; въ депешѣ пропустили частицу «не».

Мы пробыли въ Красноярскѣ четыре дня для того, чтобы хорошенько уложить наши коллекціи для дальняго пути и въ ожиданіи денегъ, потребованныхъ нами изъ Швеціи по телеграфу. Въ этихъ отдаленныхъ странахъ телеграммы передаются съ необыкновенною скоростью. Два дня спустя, по отправленіи нашей депеши, мы уже могли получить деньги изъ Красноярскаго банка, хотя и пришлось обмѣняться шестью телеграммами, чтобы исполнить всѣ формальности.

Красноярскъ имѣетъ 11,238 жителей; онъ значительно развился и украсился въ послѣднее время. Здѣсь бросается въ глаза бо́льшая роскошь, чѣмъ въ Енисейскѣ. Въ магазинахъ можно найти все возможное; но такъ какъ тамъ нѣтъ ни фабрикъ, ни промышленныхъ заведеній, то цѣны на мануфактурные товары очень высоки. Это важный коммерческій пунктъ; онъ стоитъ на дорогѣ сообщеній Европы съ Китаемъ, Японіей и Восточною Сибирью.

Въ Красноярскѣ находятся: семинарія (сто сорокъ учениковъ), гимназія, учрежденная въ 1867 г., разныя училища, телеграфная контора и проч.

По рѣкѣ постоянно ходятъ рыболовныя суда, не даромъ закидывающія сѣти, и барки, нагруженныя арбузами; арбузы родятся въ большомъ количествѣ въ окрестностяхъ Минусинска, откуда ихъ доставляютъ воднымъ путемъ. Въ Красноярскѣ они считаются большимъ лакомствомъ. Одна дѣвица сказала мнѣ, что она никогда не поѣдетъ въ Швецію, потому что туда привозятъ мало арбузовъ.

На слѣдующій день мы осмотрѣли гимназію; учителя и ученики въ числѣ 180 всѣ были въ формѣ. Способъ преподаванія и школьныя принадлежности весьма удовлетворительны и въ отличномъ порядкѣ; что касается языковъ и въ особенности естественныхъ наукъ, то это азіятское учебное заведеніе смѣло можетъ поспорить съ европейскими. Само зданіе отвѣчаетъ всѣмъ требуемымъ условіямъ для принятія учениковъ.

Уложивъ какъ слѣдуетъ драгоцѣнныя коллекціи по естественной исторіи, сильно пополненныя щедрыми частными лицами въ Красноярскѣ,—аптекарь, г. Деловскій, взялся отправить намъ то, что мы не въ состояніи забрать съ собою, — мы распрощались съ друзьями и, одѣвшись въ новыя шубы, направились на западъ. Главная забота состояла въ томъ, чтобы хорошо умоститься въ экипажѣ, который довезетъ насъ до желѣзной дороги.

Этотъ сибирскій экипажъ, называемый тарантасомъ, имѣетъ форму прямоугольника, внутренность же его совершенно плоская, какъ въ сундукѣ; такъ какъ въ немъ не устроено сидѣнья, то мы вынуждены были обложиться сѣномъ во избѣжаніе постоянныхъ сотрясеній.

Подорожная при насъ, безъ нее невозможно предпринимать путешествій;—все готово; два крестьянина, державшіе лошадей, отходятъ; кучеръ закричалъ: «пошелъ!» и мы тронулись.

Дорога изъ Красноярска къ Уралу проходитъ черезъ огромныя степи, съ черноземной и глинистой почвой, на которой не встрѣчается ни одного камня; въ низменныхъ сырыхъ мѣстахъ попадаются деревья съ широкими листьями, но хвойныя растутъ только вдоль рѣкъ. Дорога довольно гладкая, но такъ какъ въ тарантасѣ нѣтъ рессоръ, а лошади мчатся, то насъ постоянно подбрасываетъ, въ особенности на кочкахъ. Проѣхавъ въ такомъ экипажѣ пять или шесть дней сряду, путникъ чувствуетъ себя совершенно разбитымъ, изломаннымъ. Мы часто выходили изъ себя, но хорошее расположеніе духа не покидало насъ, иначе путешествіе было бы невыносимымъ. Мѣстность однообразная, скучная; все пребываетъ здѣсь въ покоѣ, за исключеніемъ насъ, которые ни минуты не остаемся на одномъ мѣстѣ; все безмолствуетъ, за исключеніемъ ямщика, который не перестаетъ погонять лошадей; онъ давалъ имъ самыя нѣжныя названія то «голубчиковъ», то «овечекъ». Но какъ только они переставали мчаться, какъ ему хотѣлось, онъ прибѣгалъ къ болѣе энергичнымъ мѣрамъ.

Мы встрѣтили партію арестантовъ, сопровождаемую солдатами. На первой повозкѣ сидѣли мужчина, молодая дѣвушка и женщина, державшая ребенка на рукахъ; на другихъ расположились мужчины и женщины. Завидѣвъ насъ издали, они посторонились, чтобы дать намъ дорогу. По недоброжелательнымъ взглядамъ, по исхудалымъ лицамъ мы заключили, что это, по мѣстному выраженію, партія *несчастныхъ*. Набитые на повозкахъ, какъ сельди въ боченкахъ, они везли съ собою необходимые рабочіе инструменты. Ихъ отправляли на островъ Сахалинъ, такъ что имъ придется ѣхать въ такомъ положеніи около семи тысячъ верстъ, если, конечно, они не предпочтутъ идти пѣшкомъ.

12 октября, вечеромъ, мы пріѣхали въ Томскъ, гдѣ остановились въ очень хорошей гостинницѣ.

Томскъ довольно красивый городъ. Дома и церкви большею частью каменные и оштукатурены известью. Сколько я могу судить, женскій полъ имѣетъ здѣсь прекрасныхъ представительницъ.

14 октября г. Норденскіольду удалось купить другой экипажъ и мы отправились въ путь.

15 октября мы переправились черезъ р. Обь, имѣющую здѣсь версту ширины; луна бросаетъ свои блѣдные, серебристые лучи на спокойную рѣку и лодочники,—я едва не сказалъ, гондольеры — напѣваютъ грустныя пѣсни, между тѣмъ какъ паромъ нашъ медленно подвигается къ противоположному берегу.

16 октября выпалъ снѣгъ и совершенно покрылъ дорогу; не щадитъ онъ и насъ.

18 октября—морозъ. Пробывъ въ дорогѣ цѣлыя сутки, мы, голодные, измученные и измокшіе, пріѣхали въ Омскъ.

19 октября, къ нашей великой радости, мы встрѣтили Скандинавовъ; въ ихъ обществѣ мы провели нѣсколько пріятныхъ и полезныхъ для себя часовъ; такъ какъ они сообщили намъ множество свѣденій о Сибири. Г. Словцовъ, учитель естественной исторіи въ Омскомъ военномъ училищѣ, подарилъ намъ драгоцѣнную коллекцію растеній и животныхъ; между прочими были пресмыкающіяся съ Алтайскихъ горъ, поющая мышь, которая по словамъ музыкантовъ, можетъ издавать, по крайней мѣрѣ, три ноты, потомъ большіе ядовитые пауки, попадающіеся въ пещерахъ песчаныхъ степей, куда киргизы сажаютъ преступниковъ, подвергая ихъ такимъ образомъ страшнымъ мученіямъ и проч.

21 октября, какъ разъ передъ нашимъ отъѣздомъ, явился къ намъ адъютантъ съ приглашеніемъ отъ генералъ-губернатора придти къ нему обѣдать, прибавивъ, что его превосходительство проситъ насъ явиться въ дорожныхъ костюмахъ. Насъ приняли весьма радушно. Послѣ обѣда мы немедленно отправились въ путь.

Дорога наша шла на западъ и все по степямъ. Выпалъ такой сильный снѣгъ, что установилась отличная санная дорога. На какой-то станціи намъ пришлось ожидать нѣсколько часовъ, потому что въ тотъ же день потребовалось полтораста лошадей для перевозки денегъ въ Алтай. Мы очень скоро ѣдемъ; въ сутки мы дѣлаемъ обыкновенно не менѣе 200 верстъ.

26 октября мы пріѣхали въ Тюмень, расположенный близъ какого-то притока Тобола. Этотъ городъ чрезвычайно великъ въ окружности, но дома всѣ маленькіе и не привлекательны. Въ немъ, однакожь, есть совершенно европейская гостинница, лучшая изъ всѣхъ сибирскихъ гостинницъ.

Мы приближаемся къ Уралу. Мѣстность становится разнообразнѣе; попадаются уже сосновые и еловые лѣса, и все свидѣтельствуетъ, что мы миновали степи. Странно, что на этихъ деревьяхъ, равно какъ и на попадающихся въ степи, не замѣчается лишаевъ; это можно объяснить только недостаткомъ влажности въ воздухѣ этихъ странъ. За Ураломъ деревья уже вездѣ изобилуютъ лишаями.

Въ ночь съ 28 на 29 октября мы пріѣхали въ Екатеринбургъ. Не смотря на то, что городъ этотъ расположенъ на восточномъ склонѣ Уральскаго хребта, онъ совершенно европейскій городъ. Мѣстность его очень живописна; дома и зданія несравненно лучше и красивѣе зданій, видѣнныхъ нами въ послѣднее время... Мы прожили въ Екатеринбургѣ четыре дня. и вездѣ намъ оказывали самый радушный пріемъ.

31 октября мы отправились въ золотые рудники, находящіеся недалеко отъ города; они принадлежатъ нѣмецкому обществу, извлекающему изъ нихъ, какъ говорятъ, большіе доходы. Осмотрѣвъ устройство и самый процессъ промыванія золота и спустившись въ рудники, мы вернулись въ Екатеринбургъ, чтобы познакомиться съ старымъ русскимъ ученымъ, г. Шупинымъ, обладающимъ богатыми свѣденіями по всему, что касается естественной исторіи на Уралѣ; онъ издалъ подробное сочиненіе о Пермской губерніи. Онъ показалъ намъ документъ XVIII ст., въ которомъ перечислялись всѣ шведскіе плѣнные, переселенные сюда послѣ Полтавской битвы и образовавшіе впослѣдствіи свою колонію. Ихъ потомки говорятъ по русски, но нѣкоторые и до сихъ поръ еще носятъ шведскія фамиліи.

1 ноября, усѣвшись въ первый разъ въ сани, мы распрощались съ Екатеринбургомъ и направились на сѣверъ въ Тагильскіе заводы, куда пріѣхали 2 ноября вечеромъ. Насъ поразило, что въ одномъ мѣстѣ сосредоточилось столько минеральныхъ богатствъ. Можно сказать, что здѣсь богатѣйшіе рудники: желѣзные, мѣдные, малахитовые, не говоря уже о множествѣ золота и платины, добываемыхъ промываніемъ. Кромѣ того здѣсь устроено нѣсколько заводовъ; нижне-тагильскія желѣзныя издѣлія славятся своими достоинствами. Нижне-тагильскіе заводы принадлежатъ Демидовымъ съ 1725 г. Настоящій владѣлецъ, князь Демидовъ, живетъ въ Парижѣ. Управляющій всѣми этими богатствами, родомъ шведъ, г. Вальстедтъ, изъ Готембурга, онъ оказалъ намъ самый радушный пріемъ... Если бы я вздумалъ перечислять всѣ подземныя богатства этого края, я не скоро справился бы съ своею задачею; скажу только, что тамъ устроены огромныя заведенія, колоссальные чугунноплавильные заводы, замѣчательный «желѣзный и мѣдный музей», больница, словомъ, на всемъ лежитъ отпечатокъ высшей цивилизаціи. Финлянецъ, инженеръ Лендгренъ, живущій въ Тагильскѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, взялся быть нашимъ чичероне и мы, благодаря его супругѣ, нашей соотечественницѣ, были точно дома въ его семьѣ.

5 ноября, вечеромъ, мы выѣхали изъ Тагильска на трехъ княжескихъ саняхъ. Намъ остается проѣхать нѣсколько миль и мы перевалимъ въ Европу. Мы ѣдемъ черезъ Уральскій хребетъ, но намъ не бросается въ глаза ни одна выдающаяся возвышенность, а между тѣмъ этотъ горный хребетъ служитъ границею двумъ частямъ свѣта; Уралъ покрытъ почти сплошными лѣсами; населенныхъ мѣстностей на немъ очень мало.

13 ноября мы пріѣхали въ Нижній Новгородъ, откуда уже начинается европейская желѣзнодорожная сѣть. До Нижняго мы ѣхали въ саняхъ, не смотря на то, что на послѣднихъ тридцати верстахъ почти не было снѣгу. Къ намъ подходили наканунѣ волки, но не сочли нужнымъ побезпокоить насъ.

15 ноября мы пріѣхали въ Москву, сдѣлавъ отъ Диксонъ-Гама болѣе девяти тысячъ верстъ.

Наконецъ, 30 ноября мы высадились въ Стокгольмѣ, гдѣ простились съ нашими матросами, немедленно отплывшими въ Тромзе, куда они возвратятся наканунѣ Рождества.

Нѣсколько словъ на счетъ второй экспедиціи профессора Норденскіольда на Енисей.

Путешествіе профессора Норденскіольда уничтожило сомнѣнія на счетъ возможности перевозить черезъ Карское море въ Европу произведенія сѣверной Сибири. Многіе, однакожъ, возразили, находя, что экспедиція эта встрѣтила исключительныя благопріятныя обстоятельства, на которыя, можетъ быть, нельзя разсчитывать обыкновеннымъ торговымъ судамъ; а также, что изъ единственной попытки нельзя еще выводить рѣшительныхъ заключеній. Въ отвѣтъ на эти возраженія профессоръ Норденскіольдъ предпринялъ вторую морскую экспедицію, 25 іюля 1876 г. на пароходѣ «Имеръ», снаряженномъ гг. Оскаромъ Диксономъ и Сибиряковымъ.

30 іюля они вошли въ Маточкинъ проливъ, раздѣляющій на двѣ части Новую Землю.

Карское море было слишкомъ запружено льдами, такъ что безъ риску нельзя было пробраться черезъ него. 5 августа «Имеръ» повернулъ на югъ, проплылъ до Карскихъ воротъ, мимо южной части Новой Земли и, поднявшись къ сѣверу вдоль Самондскаго полуострова, прибылъ къ устьямъ Енисея, гдѣ открылъ островъ около пятидесяти верстъ длиною, названный «Сибиряковымъ».

Нѣсколько южнѣе острова начинается собственно рѣка. «Имеръ» поплылъ по ней вверхъ до Мезенкина, небольшой русской станціи на правомъ берегу, подъ 71° 25′ сѣв. широты, гдѣ г. Норденскіольдъ разсчитывалъ встрѣтить г. Тэля и его товарищей, которымъ поручено было изслѣдовать Енисейскую долину. Надежды его были обмануты.

1-го сентября «Имеръ» долженъ былъ отправиться въ обратный путь, чтобы не быть затертымъ льдами и, проплывъ черезъ Маточкинъ проливъ, причалилъ 22-го сентября въ Тромзе. Г. Тэль, вынужденный возвратиться черезъ Сибирь, пріѣхалъ въ Швецію только 9 декабря. Онъ собралъ богатыя коллекціи и его изслѣдованія пролили новый свѣтъ на эту до сихъ поръ еще почти незнакомую страну.

Вторая экспедиція Норденскіольда окончательно убѣдила, что торговыя сношенія между Европою и Азіей черезъ Карское море возможны. Норденскіольдъ говоритъ, что возможно установить совершенно правильное пароходное сообщеніе по сѣвернымъ морямъ. Ученый профессоръ намѣренъ въ 1878 г. изслѣдовать на всемъ протяженіи сѣверный берегъ Азіи и возвратиться въ Европу черезъ Беринговъ проливъ.

Современные иностранные писатели.

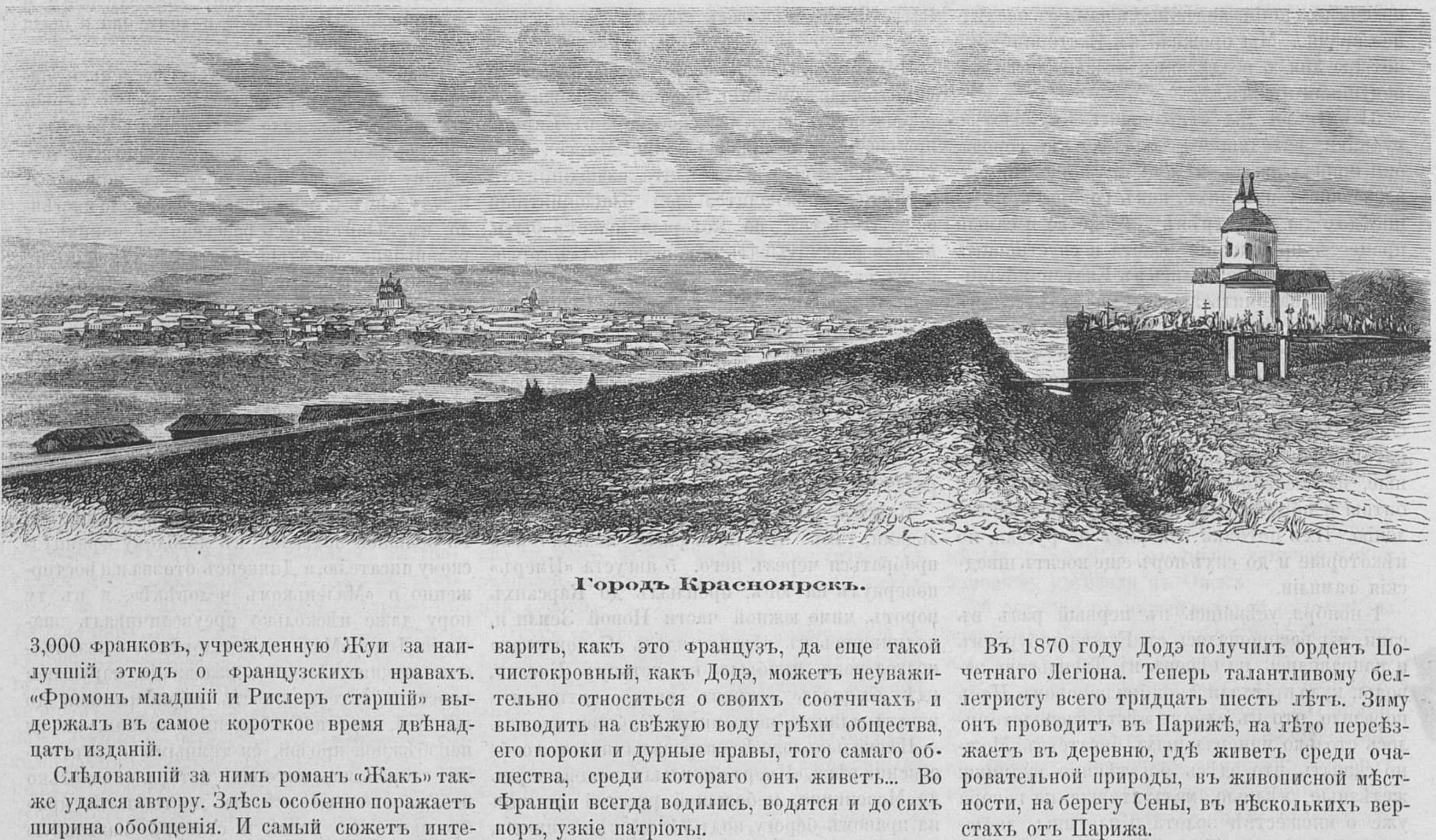
Альфонсъ Додэ.

(Окончаніе.)

Отъ сказокъ и другихъ мелкихъ работъ, Додэ перешелъ къ драматургіи. Онъ началъ одноактными сценами: «Les Absents», «Le Frère ainé», «L'Oeuillet blanc», «Le Sacrifice», «La Dernière Idole», всѣ они давались на театрахъ и имѣли нѣкоторый успѣхъ. Потомъ онъ написалъ драмы: «Lise Tavernier» и «L'Arlésienne». Послѣдняя не понравилась публикѣ и потерпѣла на сценѣ фіаско, не смотря на ея несомнѣнныя литературныя и сценическія достоинства; публика нашла ее слишкомъ скучной. «L'Arlésienne» не скроена по извѣстному шаблону заурядныхъ французскихъ драмъ и комедій и рѣзко выдѣляется изъ уровня подобныхъ посредственностей своимъ тонкимъ анализомъ, своимъ настоящимъ драматизмомъ и поэтическими красотами, потому она и была непонята массой.

Необходимость заработывать деньги писаніемъ мелкихъ разсказовъ и всякихъ срочныхъ статескъ, для фельетоновъ разныхъ газетъ, долго не давала возможности талантливому писателю приступить къ роману. А между тѣмъ его дарованіе созрѣвало и крѣпло; въ талантливомъ разсказчикѣ понемногу развивались богатые задатки будущаго блестящаго романиста. Въ 1874 г. онъ попробовалъ свои силы въ этомъ родѣ, написавъ, если можно такъ выразиться, увертюру къ роману,—небольшую, но въ высшей степени граціозную, художественную повѣсть, подъ заглавіемъ: «Маленькій человѣкъ. Исторія одного ребенка». Критика сочувственно отнеслась къ этому произведенію. Эта повѣсть была замѣчена и въ Англіи. Въ англійской критической газетѣ «Athenaeum» отнеслись съ большой похвалой къ молодому французскому писателю, а Диккенсъ отозвался восторженно о «Маленькомъ человѣкѣ», и въ ту пору даже нѣсколько преувеличивалъ значеніе Додэ. «Маленькій человѣкъ»—поэтическая вещица. Легкость изложенія, чарующая простота, естественность, обрисованныя до мелочей, картины обыденной жизни, съ ея неизбѣжной прозой, ея темными и грустными сторонами, которыя авторъ нисколько нескрашиваетъ,—всѣ эти достоинства ярко бросаются въ глаза и ставятъ названную повѣсть на ряду съ лучшими произведеніями легкой литературы.

Наконецъ, въ 1875 г., Альфонсъ Додэ въ первый разъ выступилъ съ строгообдуманнымъ произведеніемъ, — онъ написалъ романъ: «Фромонъ младшій и Рислеръ старшій», который произвелъ глубокое впечатлѣніе и на публику, и на критику: успѣхъ романа превзошелъ ожиданія автора. Читатель, привыкшій видѣть въ трудахъ Додэ одинъ лишь анализъ мелкихъ фактовъ будничной жизни, остроумныя, небольшія картинки съ тонкой, безукоризненной отдѣлкой деталей, былъ пораженъ силой творчества автора, шириной захвата и глубокой психологической правдой и мощью чувства, которыми отличается романъ «Фромонъ младшій и Рислеръ старшій», заставившій отчасти недоумѣвать и критику, которая не подозрѣвала въ молодомъ писателѣ способности до такой степени проникнуться вѣяніями современной жизни, чтобы яркими и натуральными красками, съ безпощадной правдивостью обрисовать не одинъ какой-нибудь моментъ народной жизни а цѣлую эпоху. Въ новомъ произведеніи своемъ, Додэ явился неумолимымъ сатирикомъ, забрасывающимъ сарказмами парижскую буржуазію, тонкимъ знатокомъ и удивительнымъ наблюдателемъ явленій той среды, которую онъ изображаетъ съ изумительными подробностями. Романъ этотъ чрезвычайно удаченъ: и по изображенію типовъ, и по высокому драматизму, и художественной манерѣ изложенія. Независимо отъ другихъ дѣйствующихъ лицъ, автору особенно удалось обрисовать фигуру Сидоніи— героини пьесы, представительницы типа тѣхъ женщинъ современной Франціи, которыя неостанавливаются рѣшительно ни передъ чѣмъ, изъ за стремленія къ роскошной жизни готовыя пасть самымъ постыднымъ образомъ. О достоинствѣ романа Додэ, можно судить уже и потому, что даже французская академія присудила автору одну изъ весьма значительныхъ премій своихъ въ 3,000 франковъ, учрежденную Жуи за наилучшій этюдъ о французскихъ нравахъ. «Фромонъ младшій и Рислеръ старшій» выдержалъ въ самое короткое время двѣнадцать изданій.



Городъ Красноярскъ.

Слѣдовавшій за нимъ романъ «Жакъ» также удался автору. Здѣсь особенно поражаетъ ширина обобщенія. И самый сюжетъ интересенъ своей новизной; въ романѣ разсказана исторія сына «кокотки», исторія полная потрясающаго драматизма. «Передъ читателемъ,—говоритъ Золя—развертывается цѣлая жизнь человѣческая, со всѣми ея случайностями и разнообразіемъ обстановки. Эпизоды слѣдуютъ за эпизодами, картины за картинами...» Въ этой простой и въ высшей степени задушевной исторіи, авторъ мастерски обрисовываетъ два діаметрально противоположныхъ мірка, двѣ среды: одна состоитъ изъ жалкихъ «неудачниковъ», т. е. различныхъ артистовъ, литераторовъ, медиковъ и т. п., «непризнанныхъ геніевъ», у которыхъ нѣтъ ничего, кромѣ непомѣрнаго самолюбія, особъ, потерпѣвшихъ фіаско на различныхъ поприщахъ. Вторая среда—это ремесленники, рабочій классъ; авторъ описываетъ мірокъ, съ его кипучей дѣятельностью, чрезвычайно живо и картинно, очевидно съ полнѣйшимъ знаніемъ дѣла. Романъ свой Додэ напечаталъ съ такимъ посвященіемъ: «Книга эта, полная печали, гнѣва и ироніи посвящается Гюставу Флоберу—моему другу и наставнику».

Въ 1876 году, Додэ въ сотрудничествѣ съ Бэлò передѣлалъ для сцены своего «Фромона младшаго и Рислера старшаго»; пьеса эта шла въ сентябрѣ (1876 г.) на театрѣ «Vaudeville» и имѣла большой успѣхъ; но французская критика, недовольная тѣмъ, что авторъ, безъ стѣсненія, и съ такой рѣзкостью, выставилъ на показъ язвы современнаго общества Франціи, отнеслась къ автору съ тайнымъ недоброжелательствомъ и осудила честныя намѣренія Додэ, заподозривъ его въ пристрастіи. «Я не въ состояніи допустить, говоритъ одинъ изъ извѣстныхъ критиковъ, въ газетѣ «Revue politique et litteraire,—чтобы нарисованные Альфонсомъ Додэ портреты были похожи и чтобы выставленные имъ типы являлись вѣрными дѣйствительности». Критикъ возмущается, что Додэ выставляетъ Францію въ такомъ невыгодномъ свѣтѣ передъ всей Европою; онъ не въ силахъ переварить, какъ это французъ, да еще такой чистокровный, какъ Додэ, можетъ неуважительно относиться о своихъ соотчичахъ и выводить на свѣжую воду грѣхи общества, его пороки и дурные нравы, того самаго общества, среди котораго онъ живетъ... Во Франціи всегда водились, водятся и до сихъ поръ, узкіе патріоты.

Альфонсъ Додэ имѣетъ большой кругъ почитателей и сильныхъ поклонниковъ его симпатичнаго таланта, но особенно онъ нравится женщинамъ, за его субъективность. «Онѣ, говоритъ Золя,—находятъ въ немъ свою собственную, нервную чувствительность, свою душу и сердце. Смѣлость писателя не пугаетъ ихъ, потому что онъ умѣетъ ловко маскировать ее».

Додэ работаетъ медленно и съ удивительной добросовѣстностью и терпѣніемъ; ему нисколько не надоѣдаетъ переписывать свои романы по три раза, всегда съ новыми поправками. Сперва онъ набрасываетъ начерно всю ту массу идей, которыми полна его голова; потомъ со вниманіемъ перечитываетъ написанное, перемарываетъ и вновь переписываетъ и только послѣ новой поправки пишетъ на бѣло. Отъ такого процесса писанья, хотя онъ и теряетъ много времени, но за то его произведенія всегда вполнѣ обработаны, закончены и не страдаютъ небрежностью отдѣлки. Додэ—истинный труженикъ, онъ постоянно сидитъ дома и работаетъ съ увлеченіемъ, не какъ поставщикъ литературнаго товара, а какъ настоящій художникъ, у котораго «нажива» отходитъ совсѣмъ на задній планъ; въ деньгахъ онъ не видитъ особенной прелести...

— «Большое счастіе говоритъ біографъ Додэ,—что въ великой борьбѣ натуральной школы съ публикой, она имѣетъ въ своей средѣ такого обаятельнаго писателя, какъ авторъ «Fromont jeune et Risler ainé». Онъ идетъ въ авангардѣ съ улыбающимся лицомъ. На него возложена миссія трогать, открывать двери для толпы романистовъ, болѣе суровыхъ, слѣдующихъ за нимъ. Онъ пріучаетъ публику къ точному анализу, къ изображенію современнаго общества, къ смѣлостямъ слога. Буржуазія, принимая его въ свой домъ, не подозрѣваетъ, что впускаетъ къ себѣ врага—натуральную школу; а когда Альфонсъ Додэ пройдетъ, за нимъ пройдутъ и другіе»...

Въ 1870 году Додэ получилъ орденъ Почетнаго Легіона. Теперь талантливому беллетристу всего тридцать шесть лѣтъ. Зиму онъ проводитъ въ Парижѣ, на лѣто переѣзжаетъ въ деревню, гдѣ живетъ среди очаровательной природы, въ живописной мѣстности, на берегу Сены, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Парижа.

На русскомъ языкѣ существуютъ полные переводы только двухъ романовъ Додэ: «Фромона младшаго и Рислера старшаго» и «Маленькаго Человѣка». «Жакъ» печатался въ двухъ журналахъ лишь въ извлеченіи. Затѣмъ существуютъ еще «Разсказы Альфонса Додэ», изданіе «Современной Дѣтской Библіотеки» (Спб. 1877 г.), куда вошло семь разсказовъ,—преимущественно изъ эпизодовъ франко-прусской войны.

Въ настоящее время въ газетѣ «Temps» печатается новый романъ Додэ «Набобъ», о которомъ много говорили еще задолго до появленія первыхъ главъ его. Судя по этимъ главамъ, переводъ которыхъ напечатанъ въ іюльской книжкѣ журнала «Дѣло», романъ этотъ отличается всѣми выдающимися достоинствами послѣднихъ произведеній А. Додэ.

П. В. Быковъ.

Два трактира.

Эскизъ **Альфонса Додэ.**

Я возвращался изъ Нима. Стояла несносная іюльская жара. Бѣлая, пыльная дорога, насколько можно было разглядѣть, тянулась между оливковыми садами и молодымъ дубнякомъ и представлялась какъ-бы воспламененною, подъ огромнымъ, матоваго блеска, солнцемъ, наполнившимъ собою все небо. Ни пятнышка тѣни, ни малѣйшаго дуновенія вѣтерка. Ничего, кромѣ дрожанія знойнаго воздуха и скрипучей пѣсни кобылокъ, — шальной, оглушительной музыки, которая, въ данный моментъ, казалась звучной даже отъ этого безконечнаго, свѣтоноснаго дрожанія... Цѣлыхъ два часа я шагалъ по совершенной пустынѣ, какъ вдругъ предо мною, изъ пыли дороги, выдвинулась группа бѣлыхъ домовъ. Это была станція С.-Винцентъ: пять или шесть строеній, съ красными кровлями, водопой безъ воды въ купѣ тощихъ фиговыхъ деревъ и въ самомъ концѣ два большихъ постоялыхъ двора, одинъ противъ другого, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ дороги.

Въ сосѣдствѣ этихъ трактировъ было что-то странное, поражающее. Съ одной стороны огромное, новое зданіе, полное жизни и одушевленія; всѣ двери настежъ, у подъѣзда остановившійся дилижансъ, лошади въ мылѣ, ихъ распрягали; а вышедшіе путешественники на-скоро, подъ короткою тѣнью стѣнъ на дорогѣ пили и ѣли; дворъ запруженный мулами, повозками; извощики лежащіе подъ сараемъ, въ ожиданіи *холодка.* Внутри: крики, божба, стукъ кулаковъ по столу, звонъ стакановъ, стукъ билліардныхъ шаровъ, щелканье пробокъ откупориваемаго, пѣнящагося лимонада, и, господствовавшій надъ всей этой сумятицей, веселый, звучный голосъ, который пѣлъ, заставляя дребезжать стекла:

La belle Margoton
Tant matin s'est levée,
A pris son broc d'argent,
A l'eau s'en est allée..*)

...Противоположный трактиръ, напротивъ, былъ молчаливъ и словно покинутъ. Трава у подъѣзда, разломанныя ставни, на дверяхъ вѣтка иглицы, вся изъѣденная ржавчиной, повисшая какъ ветхій султанъ, ступеньки порога, терявшіяся въ камняхъ мостовой... Все это такъ убого, жалко, что было-бы по истинѣ благодѣяніемъ зайти туда и выпить глотокъ чего нибудь.

Войдя, я обрѣлъ длинную залу, пустую и угрюмую настолько, что ослѣпительный свѣтъ дня, врывавшійся въ три большіе окна безъ гардинъ, дѣлалъ ее еще болѣе пасмурною, еще болѣе пустынною. Нѣсколько колченогихъ столовъ, на которыхъ валялись, потускнѣвшіе отъ пыли, стаканы, порванный билліардъ съ его четырьмя лузами, на подобіе деревянныхъ чашекъ, желтый диванъ и старая конторка—все покоилось здѣсь сномъ среди тяжелой и нездоровой жары. А мухъ-то! мухъ! Никогда не приходилось мнѣ видѣть ихъ столько: на потолкѣ, прилипшія къ стекламъ; въ стаканахъ цѣлыя кучи... Когда я открылъ дверь, жужжаніе и трепетаніе ихъ крыльевъ напомнили мнѣ потревоженный улей.

Въ концѣ залы, въ амбразурѣ окна, прильнувъ къ стеклу, стояла женщина и пристально смотрѣла на улицу. Я позвалъ ее два раза: «Эй, хозяйка!» Она медленно обернулась ко мнѣ и я увидѣлъ жалкую фигуру поселянки, морщинистую, съ потрескавшейся кожей, съ землистымъ цвѣтомъ лица, обрамленную длинными оборками порыжѣлаго, кружевнаго чепца, какой у насъ обыкновенно носятъ старухи. А между тѣмъ это была не старая женщина, но слезы заставили ее совсѣмъ поблекнуть.

— Что вамъ угодно? спросила она меня, вытирая свои заплаканные глаза.

— Присѣсть на нѣсколько минутъ и выпить чего нибудь...

Она посмотрѣла на меня чрезвычайно удивленная, не трогаясь съ мѣста, какъ будто не понимала меня.

— Развѣ это не постоялый дворъ? спросилъ я.

Женщина вздохнула:

— Пожалуй, — это постоялый дворъ, если хотите, отвѣчала она. — Но почему вы не пойдете туда, напротивъ, какъ и другіе? Тамъ гораздо веселѣе...

— Тамъ слишкомъ шумно для меня... Мнѣ пріятнѣе остаться у васъ.

И, не дожидаясь ея отвѣта, я расположился у стола.

Когда хозяйка вполнѣ увѣрилась, что я говорилъ серьёзно, она начала ходить взадъ и впередъ съ весьма озабоченнымъ видомъ, открывая ящики, передвигая бутылки, безпокоя мухъ... Нельзя было не замѣтить, что она отвыкла прислуживать гостю. По временамъ несчастная останавливалась и хваталась за голову, словно отчаяваясь въ успѣхѣ.

Затѣмъ она удалилась въ глубь комнаты; я слышалъ, какъ она звенѣла огромными ключами, щелкала замками, шарила въ хлѣбной квашнѣ, дула, сметала пыль, мыла тарелки. Время отъ времени тяжелый вздохъ, плохо сдерживаемое рыданье...

Спустя четверть часа, послѣ подобныхъ пріемовъ, передо мною стояли: тарелка *пассриля* (изюмъ), черствый хлѣбъ изъ Бокэра, жесткій какъ песчаникъ и бутылка виноградныхъ выжимокъ.

— Вамъ подано, сказало странное созданье и быстро повернулось, чтобы снова занять мѣсто у окна.

Попивая, я пытался вовлечь ее въ разговоръ:

— У васъ не часто бываютъ посѣтители, неправдали, бѣдняжка?

— О! нѣтъ сударь, никогда, никого... Когда мы были одни въ этой мѣстности, тогда было совсѣмъ другое; у насъ была станція, у насъ обѣдали охотники, во время перелета утокъ, цѣлый годъ останавливались извощики... Но съ той поры, какъ здѣсь поселились наши сосѣди, мы все потеряли... Народъ больше любитъ ходить туда, насупротивъ. Находятъ, что у насъ слишкомъ скучно... По правдѣ, домъ нашъ имѣетъ мало привлекательности. Я не красива, болѣю лихорадкой, мои обѣ дочки умерли... А тамъ, наоборотъ, смѣхъ не умолкаетъ. Трактиръ тотъ содержитъ уроженка Арля, красивая женщина, вся въ кружевахъ и съ золотою цѣпочкой въ три ряда, на шеѣ. Кондукторъ, ея любовникъ, всегда останавливается у нея съ дилижансомъ. И ко всему, тамъ толпа горничныхъ, за которыми волочатся... И дѣла у нея идутъ хорошо. У нея гоститъ вся молодежь Безуса, Редессана, Жонкіера. Подводчики дѣлаютъ объѣздъ, лишь бы заѣхать къ ней... Я же, по цѣлымъ днямъ, остаюсь тутъ одна и чахну.

Она проговорила это разсѣянно, равнодушнымъ голосомъ, по прежнему прислонившись лицомъ къ стеклу. Очевидно, ее что-то сильно озабочивало, въ противоположномъ трактирѣ...

Вдругъ, на другой сторонѣ дороги, стало замѣтно усиленное движеніе. Дилижансъ тронулся, поднявъ пыль. Слышалось хлопанье бича, звуки почтоваго рожка; выбѣжавшія дѣвушки, кричали: «Прощайте!... прощайте!» И затѣмъ могучій голосъ, переходившій въ болѣе нѣжный, пѣлъ:

A pris son son broc d'argent,
A l'eau s'en est allée;
De là n'a vu venir
Trois chevalier d'armée... *)

При этихъ звукахъ, моя хозяйка задрожала всѣмъ тѣломъ.

—Слышите-ли, сказала она почти шопотомъ, оборотясь ко мнѣ,—это голосъ моего мужа... Неправда-ли, онъ хорошо поетъ?

Я посмотрѣлъ на нее съ изумленіемъ:

— Какъ? Вашъ мужъ... И онъ тоже ходитъ туда?

— Что прикажете дѣлать, сударь? воскликнула она голосомъ раздирающимъ сердце, но съ большой кротостью.—Мужчины всѣ таковы, они не любятъ видѣть слезъ; а я плачу постоянно, со времени смерти моихъ дочерей... Потомъ, этотъ большой домъ такъ скученъ, въ немъ ни души не бываетъ... И вотъ, когда онъ слишкомъ соскучится, мой бѣдный Ося, — онъ идетъ туда, напротивъ, выпить, а такъ какъ у него прекрасный голосъ, то арлезіенка заставляетъ его пѣть. Тсъ!... вотъ онъ начинаетъ.

И, трепещущая, съ простертыми руками, съ катившимися крупными слезами, которыя дѣлали ее еще болѣе безобразной, она, какъ бы въ экстазѣ, стояла у окошка, слушая своего Осю, который пѣлъ для арлезіенки:

Le premier lui a dit:
Bonjour, belle mignonne **).

Народныя суевѣрія.

Изъ охотничьихъ разсказовъ **Н. Б. Куроѣдова.**

(*Продолженіе.*)

— Такъ про этаго-то водянова ты намъ сказъ завелъ, дядюшка? Ну, такихъ и я не мало видывалъ, начиная съ тебя примѣрно...

Головня полетѣла въ Еграньку; а вмѣстѣ съ нею градомъ посыпались на него руготня всей честной компаніи.

— Оболтусы вы, ребята, какъ погляжу на васъ, — бараны вы пустоголовые! Затянулъ старый хрычь про видѣнія, канителилъ чуть не до полуночи, и законьчилъ вамъ са-азаниной!.... Аль не смѣкаете зачѣмъ такъ пустозвонитъ онъ: не сочинилъ еще настоящаго-то водянова лохматой башкой своей; вотъ...

— Это ты дуришь, Егранька! Игнатьичъ говоритъ толковито; хотя и не торопыжно, по твоему, процѣдилъ сквозь зубы сумрачный Лукьянычъ.—Не всѣ мы, какъ онъ, вѣдали: что такое есть охота съ острогою; теперича же и всѣмъ будетъ понятливѣе, какъ дойдетъ дѣло до видѣнія; а оно будетъ еще...

— Слышь, рыжая собака! вотъ какъ умные-то люди разсуждаютъ; не тебѣ чета, суслику... Все кончено, я потому и не сразу засказалъ о видѣніи, чтобы васъ, молокососовъ, надоумить хоть маленечко; а вотъ теперь хошъ прямо пойдемъ до водянова...

---

*) Прелестная Марготонъ, вставъ рано и взявъ серебряный жбанъ, отправилась за водой.

*) Взявъ серебряный жбанъ отправилась за водой; туда незамѣтно подъѣхали три вооруженные рыцари.

**) Первый сказалъ ей: здраствуй милая красотка.

— Нѣтъ ты, Игнатьичъ, повѣдай мнѣ прежде про то, какъ это вы леща-то добываете этой рогатиной; вѣдь онъ все болѣ на ходу въ ночную-то пору?

— На ходу, Лукьянычъ! и жерехъ съ судакомъ, и налимъ и самъ сомъ на ходу; да почитай вся порода самоѣдная—полуночники, окромя щуки только. Но бѣгаютъ всѣ одинцами, опричь окуня. А лещъ, и непрожорливая животина, да тоже изъ безсонныхъ; только ходитъ станицами, ну не во всяко время одначе. Бьемъ же мы его на глубокихъ быстрякахъ межъ перекатами, или межъ крутоярныхъ береговъ и отмелью. Пристанешь это себѣ къ мели веселкомъ, приткнумшись, и поджидаешь, глядючи насупротивъ теченія; вотъ и летитъ онъ, сизый голубчикъ мой, ребромъ, словно щепа здоровенная,—этакъ четверти на три отъ верху-то другорядь. Нну, дашь ему пробѣчь маленько за лодку-то, да и наровишь уловить на цѣль-то съ косика, въ угонь, да побоку! Коли далече съ руки, такъ метнешь, какъ лучкомъ, желѣзце-то... Его легко вѣдь—мишенька не малая; ни коли я не давалъ по лещу промаха, а иной разъ и съ заскокомъ приходилося...

— Это какъ съ заскокомъ? — верхомъ, чтоль, на палочкѣ?..

Кирила неудостоилъ даже вниманіемъ безпокойнаго забіяку. Леодоръ же повелъ только бровью неодобрительно.

— Завидѣтъ это онъ свѣтокъ-то, что ли,—испужается, и шарахнется иной разъ въ сторону; ну тутъ уже Ильюша мой не дремлетъ, какъ пращею метнетъ ладью на перерѣзъ ему, ракаліѣ! Крѣпись знай только, острогой упершись въ бортъ, чтобы въ воду не царапнутся.

— Диво, какъ и тутъ человѣки приловчаются! глубокомысленно философствовалъ Лукьянычъ.—Другое дѣло ружье: тамъ тебѣ глазъ одинъ вѣрный только надобенъ; а тутъ вѣдь, лукнико ты двусаженною стрѣлкою безъ лука, съ плеча значитъ; да гляди еще, чтобъ самому нечебурахнуться?—Поди ты вотъ...

— Всяко дѣло мастера боится! нежданно заключилъ наѣздникъ.

— Такъ-тось, дѣтушки! продолжалъ Игнатьчъ наставительно.—И есть тамъ на Кинелѣ-рѣкѣ заливина изъ старицы. Хвигурою смахиваетъ на это вотъ Гранное озеро: не то чтобы круглый совсѣмъ,—поростянутъ отъ рѣчьки-то; а проходъ въ него что лазейка на подволоку—чуть лодкѣ прошмыгнуть. И что это за мѣстечко распрекрасное! Кругомъ всего залива дуброва уремная, высокая; и понависли надъ водою ветлы кудрявыя, точно въ зеркало любуются. Только на дальномъ концѣ выдалась лужайка зеленая; а къ водѣ сошла она мысочкомъ бѣлопесчанымъ. Черезъ полянку эту по камушкамъ быстрый ручей звонко точется. Глубокое русло проѣлъ онъ по середь тинистаго дна затоннаго; за то къ берегу все отмели песчаныя вперемежъ съ травкой подводною... Приволье такое для рыбки, что и сказать нельзя! Только очень ужъ сумрачно это мѣсто; глухо и тѣнисто въ немъ, особливо о полуночи. Какъ ни бодришся ты, а все что-то будто чудится; не ловко такъ, холодновато подъ сердцемъ; и трепехчется оно въ груди, что чижикъ въ клѣткѣ передъ кошкою...

Кирилу Игнатьевича опять было началъ подтачивать червячекъ сказочнаго краснорѣчія; но, взглянувъ на рыжаго, онъ сплюнулъ, знать вспомнивъ чего то; — и круто оборвалъ канительную интонацію.

— Не доплывая взмаховъ на восемь до лазейки, выдается носомъ крутояръ суглинистый; съ самаго конца его повисъ сухой крутинникъ надъ водою. И вижу я, други вы мои, подъ обмытыми корнями деревца, развалилась невиданная рыбина: длиною болѣ двухъ аршинъ будетъ; спиница изъ-сизорябоватая, ажъ раздвоилась жолобомъ отъ жиру; а морда ну вотъ какъ есть щуриная, только въ буграхъ это вся и словно сѣдымъ мохомъ подернута... Такъ это, браты, у меня инда дрожь подъ жилками, руки-ноги трясутся, какъ у пьяницы!.. А запримѣтилъ я ее, голубушку, еще издали...

— Видишь, что ли, другъ-Илюшенька?

— Вижу, говоритъ Кирюшенька!

— А видалъ-ли ты прежде такую чадушку, и какъ она прозывается, старинушка?

— Невидалъ я допрежъ этого, родименькій, такой диковинной щучины; а прозывается она—водяной, съ нами сила крестная!!.

— Не успѣлъ онъ довершить крестное знаменіе, какъ вдругъ весь крутинникъ ходуномъ заходилъ: и шумитъ, и качается, а вода подъ нимъ какъ въ котлѣ кипитъ-пѣнится; и пошла это со дна по верху, полосой до залива самаго, муть волнистая... Точно кто мнѣ глотку сжалъ, захватило дыханіе, и чую, какъ волосы подъ шапкой поднимаются!.. Одначе, я скажу вамъ, дѣтушки,—страхъ-то страхомъ, а рыбины мнѣ стало жаль несказанно!..

— Богъ-тебѣ судья, премудрый человѣкъ!—упустили мы за даромъ такую добычину. И съ чего это тебѣ на умъ взбрело объ водяномъ эфтомъ, дѣдушка?

— А съ того, соколикъ мой, что щука-рыба всѣмъ извѣстная,—головою къ берегу отъ роду-родясь нестаявала. Но уже коли ты такой невѣрящій, да храбреющій, такъ заѣдемъ изволь въ заливину: она безпримѣнно тамъ будетъ. Покажъ свою удаль-прыть надъ рыбкою; только попомни рѣчь мою правдивую: не видать тебѣ ее залученную, какъ ушей своихъ; да гляди, чтобы худого чего не прилучилося, тогда не пеняй на меня, дитятко!

— Нну, думаю, была-не была! айда, голубчикъ-дѣдко, попытаемся!

— А надо вамъ домолвить: мы съ этого мысочка крушиннаго завсегда бывало поботаемъ маленько къ заливу-то, или съ вечера же побросаемъ овсеца паренаго, для привады; да какъ взъѣдемъ въ него, тотчасъ же переймемъ мордою, или вятелемъ; потомъ уже и выбираемъ рыбешку острогою, какъ изъ мисы вилкою. Ну а на этотъ разъ куда тутъ, до ботанья ли; торопимся: живо вплыли истокомъ и заперли лазейку подготовленной снастію. Поѣхали же мы, какъ всегда, ключевымъ русломъ, прямо держимъ на поляночку; значитъ и передъ собою и по обѣ стороны видко все, какъ на картиночкѣ... Только и диву же дался я, братики: а ни еди-единственной рыбешки по всему заливу?! Когда прежде бывало кишитъ это она, словно въ щербѣ у ватажниковъ.

— И дивиться нечему, Кирилушка!—шепчетъ мнѣ дѣдуся на ухо, — эдакое чудище хоть кого такъ выпугнетъ; а ты вотъ глянько передъ носомъ къ полянкѣ-то, каково-оно?!

— Уфъ, ты-господи!.. Такъ опять всего морозомъ передернуло... Стоитъ это оно, опять пастью къ берегу, аршина на три по самому руслу ручейному, и еще страшнѣй, еще громаднѣе показалось оно супротивъ прежняго... Брръ! вспомнить даже боязно!

Кирила тяжело вздохнулъ подъ гнетомъ былаго впечатлѣнія.

— Опустилъ я рогатинку мою подъ воду, и подвожу ее тихонько все глубже, да глубже; а лодка все ближе... Забила меня опять ликоманка съ головы до пяточекъ, и духъ захватило — отъ страха, азарта и жданья, кажись вѣчнаго! — скороли же въ мѣру-то будетъ? А броскомъ не охота: оробѣлъ ужъ оченно, на себя не полагаюсь, какъ на ребенка малаго... Ну вотъ оно и въ самую пору, кажись бы мнѣ... Прицѣлился я по правиламъ (въ водѣ на цѣль берешь за всегда ближе къ себѣ на четверть), перекрестился въ умѣ это, да кааакъ-садану ее въ поперегъ!—а самъ—на ратовище-то всемъ туловищемъ:—трррахъ, оно у меня на двое!! Я-то башкой ко дну, въ самую тину, по шейку втюрился; дѣдку же съ лодкой, вверхъ-тормой, на песочекъ вышвырнуло...

Кирила перевелъ духъ, торопливо пыхнулъ разокъ-другой носогрейкою, и продолжалъ съ облегченіемъ:

— Непомню, дѣтушки, какъ я вынырнулъ на божій міръ грязной рожей-то; только, съ горяча и обидно же было мнѣ на этого дьявола: подъявись онъ тутъ воочію, кажись на драку полѣзъ бы съ антихристомъ!—Глаза и уши залѣплены, носъ и ротъ полнехоньки... Тьфу-ты, погань непотребная!.. А какъ, всполоснумшись, ступилъ ногою на берегъ,—вдругъ это предо мною станица гусей на подъемѣ престрашенная, словно со дна же со мною въ мѣстѣ выпырхнула! — запылила мнѣ пескомъ снова глазыньки; и пошло это по дубровѣ то: гу-уу... жжуу!!...

Азартно звукоподражалъ Кирила Игнатьевичъ; смѣшно тараща покраснѣлыми глазищами и страшно ощетиня усы, размахивалъ руками во всѣ стороны; отчего изъ чилимки его фонтаномъ сыпались искры на слушателей... Картина была преэфектная, фигура—прекомичная!

Нестерпѣлъ Рыжебородый! — ловко вышибъ трубку изъ рукъ бѣсноватаго разсказчика, съ неподражаемой гримасою подражая ему руками и голосомъ,—какъ будто въ невольномъ увлеченіи же его разсказомъ:

— Жууу!... шшу-у!.,.

Точно водой окатили Игнатьича: остолбенѣлъ онъ на мгновеніе; потомъ дикой кошкой метнулся на обидчика, и впился ему зубами въ ухо!... но въ тотъ же мигъ покатился по травѣ кубаремъ, отъ ловкаго швырка Еграньки. Зная бѣшеные припадки старика, его живо обхватили нѣсколько рукъ пріятелей; но бѣдняга долго еще метался, рвался и рыдалъ, какъ малый ребенокъ:

— Братики! голубчики! дайте еще хоть разочекъ мнѣ тррреснуть его по харицѣ...

Въ концѣ-концовъ, Кирилу успокоила по обыкновенію чарка водочки, миротворно поднесенная самимъ важнымъ Лукьянычемъ. Евграфу же строго-настрого запрещено было розѣвать ротъ. Однако онъ упорно оправдывался, подлещаясь слегка къ Леодору:

— Да сами вы умный человѣкъ, разсудите: гдѣ же тутъ диво-то дивное? Щуки-то, старые люди говорятъ, и сажённыя важивались; а что головой стояли не по закону, такъ вѣдь и у насъ на міру—для такихъ большихъ господъ законъ не писанъ!... Про гусей же и толковать нечего: и вамъ какъ первѣющему стрѣльцу извѣстно чай,—завсегда они осенью съ озимей къ водѣ на песокъ ночевать слетаются. Значитъ и щука какъ щука и гуси—какъ гуси...

— И ты дурень—какъ дурень!... перебилъ угомонившійся рыбакъ.—А зачѣмъ же щука креста испужалася? А что это за бородавки по кулаку на башкѣ у ней? А... а... э, да что съ тобой толковать-то съ бездѣльникомъ!...

Съ отчаяньемъ махнулъ рукою Кирила Игнатьевичъ, и сплюнулъ въ сторону.

— Нѣтъ ты вотъ что, Егранька: коли самъ уже такой нѐхристь, Ѳома-невѣрующій, такъ покрайности не мѣшай добрымъ людямъ бесѣдовать; слышь, парень! добавилъ прекурьёзно сановитый Леодоръ Лукьяновичъ,—хотя и снисходительнымъ тономъ, но вразумительно поведя сердитыми бровями.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Озеро асфальта на островѣ Тринидадѣ.

Къ замѣчательнымъ явленіямъ природы можно причислить смоляное озеро, или озеро асфальта, (Pilch-Lake) на островѣ Тринидадѣ, принадлежащее къ владѣніямъ англичанъ и находящееся въ архипелагѣ Малоантильскихъ острововъ. Озеро это расположено въ 36 миляхъ къ югу отъ Пуэрто-д'Еспанья. Западный берегъ острова на протяженіи 20 миль представляетъ совершенно ровную поверхность, поросшую лѣсомъ, и хотя со стороны моря можно замѣтить только нѣсколько домовъ, тѣмъ не менѣе участокъ этотъ хорошо застроенъ и обработанъ. При помощи многочисленныхъ рѣкъ, впадающихъ въ заливъ Пася, сплавляютъ сахаръ, воздѣлываемый въ этихъ странахъ и нагружаютъ имъ корабли, стоящіе на якорѣ у устьевъ рѣкъ и заливовъ.

Съ приближеніемъ къ Напариму, когда покажется отвѣсная гора, у подножія которой расположенъ Сан-Фернандецъ, берегъ представляетъ болѣе привлекательную картину: здѣсь зеленѣетъ великолѣпная роща; тамъ тянутся широкія плантаціи сахарнаго тростника, кокосовыя деревья и королевская пальма, развѣвающая свои пушистые листья, украшаютъ и обновляютъ мѣстность; тамъ и сямъ бѣлѣются изящныя постройки и красивыя жилища, окруженныя зеленымъ ковромъ, раскинувшимся до морского берега, а самый берегъ, изрѣзанный многочисленными заливами, подымается вверхъ терассами. Однако, какъ ни красива эта часть острова Тринидада, но здѣсь невозможно жить иноземцу, вслѣдствіе вредныхъ испареній широкихъ, глубокихъ и стоячихъ болотъ, отравляющихъ воздухъ.

При Пуантъ-ла-Бреа видны массы земной смолы, которыя, выступая между деревьями, подобно чернымъ скаламъ, доходятъ до самаго моря. Близь деревни ла-Бреа, значительная часть окрестности залита смолой, которая широко вошла въ море и тамъ образовала многочисленныя мели. Асфальтовое или смоляное озеро, изъ котораго вылилась вся эта масса, лежитъ невдалекѣ отъ небольшого холма, возвышающагося на 80 фут. надъ уровнемъ моря, въ разстояніи отъ послѣдняго на $^3/_4$ мили; къ этому озеру между деревьями и травой ведетъ тропинка, покрытая сгустѣвшею смолою. Тропинка пролегаетъ чрезъ лѣсъ, у опушки котораго начинаются берега смоляного озера. На первый взглядъ оно кажется покрытымъ островками, поросшими деревьями и кустами, но, послѣ внимательнаго наблюденія, оказывается, что это не болѣе, какъ пласты застывшей смолы, прорѣзанные щелями въ 5—6 фут. глубины, полными воды.

Зеленоватая смола у береговъ озера совершенно затвердѣла и остыла. Приближаясь, однако, босикомъ къ серединѣ озера и минуя щели съ водой, чувствуешь, какъ увеличивается теплота, и какъ смола постепенно дѣлается мягче; подошвы не могутъ уже переносить жара, а въ самой серединѣ озера растопленная смола кипитъ и клокочетъ. Въ періодъ дождей, когда озеро бываетъ залито водой, можно проходить почти черезъ все озеро; но въ лѣтнее время, въ особенности во время жаркихъ мѣсяцевъ, большая часть его совершенно недоступна.

Не разъ уже пробовали измѣрить глубину этой смолы, но никогда еще не достигали дна. Діаметръ этого озера имѣетъ около полуторы англійской мили. Замѣчательная особенность озера состоитъ въ томъ, что на немъ находится до десяти островковъ, плотно облитыхъ смолой, на которыхъ однако ростутъ деревья, кусты и различная зелень. Если простоять спокойно нѣкоторое время на этомъ озерѣ, близь его середины, то можно замѣтить, какъ поверхность его сначала незамѣтно погружается подъ ногами, затѣмъ образуется глубокая впадина, и когда она углубится уже настолько, что плечи сравняются съ поверхностью озера, то нужно выскакивать возможно скорѣе, если хочешь избѣжать страшной смерти въ потокѣ кипящей смолы. Недавно произошелъ такой случай: съ одного военнаго корабля были посланы на это озеро бочки для наполненія ихъ смолой, которую хотѣли привести въ Англію; бочки вкатили на озеро и уже начали наполнять; но вскорѣ часовой сообщилъ о приближеніи разбойничьяго корабля, который шелъ не далеко отъ берега. Всѣ люди поэтому были призваны на палубу, чтобы преслѣдовать разбойниковъ; когда вернулись за бочками, то не нашли ни одной изъ нихъ, такъ какъ всѣ онѣ утонули въ смолѣ.

Смола изъ этого озера выливается непрерывно и цѣлая окрестность залита ею на большое разстояніе, за исключеніемъ одного залива Грапно, защищеннаго отъ потока крутымъ холмомъ. Нужно удивляться, что, насколько запомнятъ старожилы, никогда не слыхали тамъ про вулканическія изверженія, между тѣмъ какъ неисчерпаемый источникъ среди озера изливаетъ постоянно смолу. Затвердѣвшая смола, кажется какъ бы вскипяченной на большомъ огнѣ и потомъ вдругъ застывшей; тамъ, гдѣ смола находится еще въ жидкомъ состояніи, поверхность представляется совершенно гладкой и ровной.

Были дѣланы многочисленные опыты съ цѣлью опредѣлить возможность примѣненія этой смолы къ какому нибудь полезному употребленію.

Въ Англію были посланы два, нагруженные смолой, корабля, гдѣ послѣ произведенныхъ опытовъ дознано что, для того, чтобы сдѣлать ее полезной, необходимо примѣшивать къ ней такое количество масла, что стоимость ея значительно превысила бы цѣну обыкновенной смолы, приготовляемой въ Англіи. Въ послѣднее время стали употреблять эту смолу для покрытія крышъ и устройства тротуаровъ и мостовыхъ, и въ этомъ отношеніи она превосходитъ всѣ асфальтовыя смѣси.

Счастье.

(Изъ Виктора Гюго.)

Когда, какъ дитя въ колыбели
Покоясь въ объятьяхъ моихъ,
Поешь ты, и мысленно вторю
Я звукамъ напѣвовъ твоихъ, —
Мнѣ грезится, вновь оживая,
Все лучшее жизни былой...
О, пой, моя прелесть родная,
Неумолкаемо пой!

Когда ты смѣешься,—на губкахъ
Твоихъ расцвѣтаетъ любовь,
И нѣтъ даже тѣни сомнѣнья
Въ тебѣ на душѣ моей вновь:
Тотъ смѣхъ—мнѣ порука живая,
Что сердцу измѣна чужда...
О, смѣйся же, прелесть родная,
Смѣйся тѣмъ смѣхомъ всегда!

Когда на глазахъ моихъ спишь ты
Въ тѣни, и чиста и ясна, —
Волшебные звуки мнѣ шепчетъ
Дыханье твое, и со сна
Ты тѣло порой обнажаешь
Въ невѣденьи дѣтскомъ стыда...
О, спи, моя прелесть родная,
Спи такъ невинно всегда!

Когда я изъ устъ твоихъ нѣжныхъ
«Люблю тебя» слышу подчасъ, —
Мнѣ кажется... кажется, небо
Открылося настежъ для насъ;
Слѣпитъ меня, ярко сверкая
Изъ глазъ твоихъ, лучь той любви...
Люби, моя прелесть родная,
Неудержимо люби!

Послушай! вся жизнь человѣка
И все, къ чему рвется душа,
Всѣ прелести міра, чѣмъ эта
Короткая жизнь хороша, —
Вся тайна завѣтнаго рая
Лишь въ томъ и дана, можетъ быть,
Что можемъ мы пѣть и смѣяться,
Грезить и пылко любить!

Омулевскій.

Наши ближніе.

(Фельетонные наброски.)

I.

Парадоксы доктора Клименко.

Интересный процессъ привлекъ въ залу петербургскаго окружнаго суда массу народа. Дѣло шло о поддѣлкѣ подписи на векселяхъ. Подсудимый былъ молодой человѣкъ порядочной фамиліи, чуть не мальчикъ по годамъ, совершенно мальчикъ по виду. Неясное, розовенькое, какъ у дѣвочки, личико съ едва пробивающимся свѣтлымъ пушкомъ надъ верхней губой; голубые, влажные глаза, застѣнчиво глядѣвшіе изъ подъ длинныхъ и густыхъ темныхъ рѣсницъ; красиво очерченныя розовыя и пухленькія губы и тонкія, нѣсколько страстныя ноздри правильнаго носика; выхоленныя бѣлыя руки, напоминавшія руки молодой женщины-аристократки; неокрѣпнувшій, не то дѣтскій, не то юношескій, крайне симпатичный голосъ, — все это говорило, что подсудимый былъ скорѣе счастливчикомъ, баловнемъ жизни, любимцемъ семьи, чѣмъ несчастною жертвою судьбы.

Какъ онъ попалъ на скамью подсудимыхъ?

Это была простая, обыкновенная исторія.

Въ театрѣ Берга былъ бенефисъ одной изъ публичныхъ женщинъ, распѣвающихъ на подмосткахъ кафе-шантановъ скабрезныя пѣсенки съ приправою еще болѣе скабрезныхъ тѣлодвиженій. Ему хотѣлось присутствовать на бенефисѣ, попировать на бенефисномъ ужинѣ и поднести этой публичной женщинѣ нѣсколько букетовъ съ надеждою, что она, наконецъ, обратитъ вниманіе и на него и подаритъ мимоходомъ и его своею продажною любовью. У него не было въ эти дни денегъ, такъ какъ на него уже втеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ будировала его семья за невыдержанный имъ по веснѣ экзаменъ. Чтобы исполнить свою прихоть, свой капризъ, онъ поддѣлалъ на векселѣ подпись своего дяди-сенатора и добился желаемаго: онъ былъ на бенефисѣ, онъ поднесъ букеты бенефиціанткѣ, онъ присутствовалъ у нея на ужинѣ и даже удостоился послѣ ужина чести поцаловать руку этой публичной женщины, когда она прощалась съ гостями, чтобъ докончить ночь съ однимъ изъ сотенъ своихъ любовниковъ. За эти блага онъ отдался въ руки ростовщиковъ, запуталъ себя въ ихъ сѣти, мучился нравственно цѣлый годъ, запятналъ свою фамилію, испортилъ свою будущность, долженъ былъ, быть можетъ, отправиться въ мѣста «не столь отдаленныя» Сибири и—что̀ было хуже всего для него, баловня, гордеца, красавчика,—переживалъ теперь безконечно долгіе часы унизительнаго публичнаго процесса. Онъ могъ избѣжать всего этого, признавшись своимъ роднымъ въ своемъ проступкѣ, но у него не хватило на это смѣлости и до послѣдней минуты онъ все думалъ, что «авось дѣло уладится какъ-нибудь само собою». Какъ оно могло уладиться само-собой? Онъ не спрашивалъ себя объ этомъ; онъ даже не задумывался объ этомъ. Когда ему начинало дѣлаться очень страшно за свое будущее, когда тревожныя мысли лишали его сна, онъ клалъ себѣ на голову пуховую подушку, зажмуривалъ глаза и старался заснуть «насильно.» Когда ему пришлось говорить на судѣ, у него слышались въ дрожащемъ голосѣ слезы; когда онъ съ дѣтской откровенностью признавался въ своихъ продѣлкахъ, онъ всхлипывалъ и обливался слезами. Онъ неумѣлъ отказать себѣ ни въ одной прихоти и не умѣлъ мужественно перенести заслуженнаго наказанія. Онъ былъ жалокъ, мелокъ, пошлъ. Изъ такихъ людей выходятъ созданія, торгующія собой, ради мелочныхъ удобствъ жизни; изъ такихъ людей никогда не выходятъ герои; такихъ людей совѣстно даже карать, какъ совѣстно наказывать трусливаго щенка, начинающаго визжать прежде, чѣмъ его коснется поднятая на него рука.

Впрочемъ, какая-то нарумяненная старушка, вся въ блондахъ и перьяхъ, разглядывая его сквозь золотой лорнетъ, со вздохомъ замѣтила:—Pauvre enfant! Il est adorable.

Если бы дѣло шло только объ уплатѣ по его векселямъ,—она, вѣроятно, заплатила бы сотни, тысячи, десятки тысячъ за этого «ребенка».

Ему нужно бы было знать это раньше.

— Нечего сказать, хороши наши «дѣти!» съ негодованіемъ проговорилъ кто-то за мною, когда юноша окончательно разрыдался,—скверно разрыдался, точно онъ хотѣлъ упасть къ ногамъ судей и обнять ихъ колѣни, проползти за ними по полу, покрыть поцалуями ихъ руки, полы ихъ форменной одежды.

— Да, да, хороши, что тутъ и толковать! замѣтилъ другой голосъ съ горькою ироніей.—А вы вотъ скажите-ка мнѣ лучше что: каковы должны быть отцы и матери, у которыхъ могли выйдти подобныя дѣти?

Я оглянулся: за мною сидѣлъ господинъ лѣтъ сорока, плотный, здоровый, съ серьезнымъ, немного помятымъ, но все еще красивымъ и румянымъ лицемъ, съ нѣсколько сдвинутыми бровями и съ насмѣшливымъ выраженіемъ въ глазахъ. Онъ былъ одѣтъ небрежно, какъ одѣваются достаточные старые холостяки: галстухъ повязанъ нѣсколько набокъ, цвѣтная сорочка нѣсколько смята и сидитъ на груди скверно, воротникъ у сюртука загнулся сзади вверхъ и никѣмъ не приведенъ въ порядокъ, вся одежда хотя сдѣлана изъ хорошаго матеріала, нова, не заношена, но немного запятнана, небрежно вычищена.

— Дѣти, все дѣти дурны! насмѣшливо продолжалъ онъ, обращаясь уже прямо ко мнѣ.—А объ отцахъ никто не говоритъ, потому что судятъ да рядятъ все больше отцы, а судятся все больше дѣти. Нарожаютъ чортъ знаетъ какой мерзости, которую и за людей-то совѣстно считать, да потомъ и удивляются, что на судъ являются подобные зайцы....

— Вы отцовъ обвиняете, началъ я.

— А вы думаете, что дѣти отцовъ создаютъ? тѣмъ же насмѣшливымъ тономъ перебилъ онъ меня.—Если бы я былъ судьей, я бы, пожалуй, наказывалъ и дѣтей, а отцовъ ихъ ужь непремѣнно приговорилъ бы къ двойному наказанію.

— Вы, вѣрно, очень счастливый отецъ, съ улыбкой сказалъ я,—и потому не боитесь, что и васъ могла бы случайно постигнуть тяжелая участь испытать удвоенное наказаніе за проступки вашихъ дѣтей.

— За какого же подлеца вы меня считаете, если думаете, что я былъ когда нибудь отцомъ! со смѣхомъ воскликнулъ мой собесѣдникъ.—Нѣтъ-съ, покуда Богъ миловалъ, еще ни къ какой юбкѣ не пришился законнымъ бракомъ. Я, батюшка, старый холостякъ, быть можетъ, немного брюзга, немного «киникъ», но все таки холостякъ, а не отецъ, и признаюсь вамъ, горжусь этимъ, горжусь... Такъ и на могильной плитѣ у себя велю изобразить: «сей человѣкъ жилъ, но не плодилъ нравственныхъ и физическихъ уродовъ.»

Залъ уже опустѣлъ; мы остались одни и поднялись съ мѣстъ. Меня заинтересовалъ мой собесѣдникъ и я спросилъ его:

— Въ качествѣ холостяка вы, вѣроятно, обѣдаете гдѣ нибудь въ гостинницѣ?

— У Балашева лѣтомъ отравляюсь; все же думается, что на чистомъ воздухѣ обѣдаешь, отвѣтилъ онъ.

Я улыбнулся, взглянувъ на его здоровенную фигуру.

— Вы чего улыбаетесь? спросилъ онъ.

— Я думаю, что я смѣло могу идти обѣдать съ вами туда же, видя, какое вліяніе производитъ на васъ тамошняя отрава, отвѣтилъ я.

— Да вы на мою физику не смотрите, махнулъ онъ рукою.—Это я у разныхъ отцовъ и матерей семейства подкармливаюсь, а у Балашева такъ только для проформы обѣдаю, чтобы не сказали знакомые, что на даровыхъ хлѣбахъ живу. Вѣдь семейные люди всѣ на одинъ ладъ: придите къ нимъ послѣ обѣда въ гостинницѣ—они васъ закормятъ на убой съ полнымъ радушіемъ; придите къ нимъ натощакъ прямо къ обѣду, съ цѣлью плотно поѣсть—они кислую рожу сдѣлаютъ и за спиной начнутъ называть васъ дармоѣдомъ, да лизоблюдомъ. Это ужь семейная жизнь такія добродѣтели вырабатываетъ.

— А холостая жизнь какія добродѣтели вырабатываетъ? спросилъ я, смѣясь.

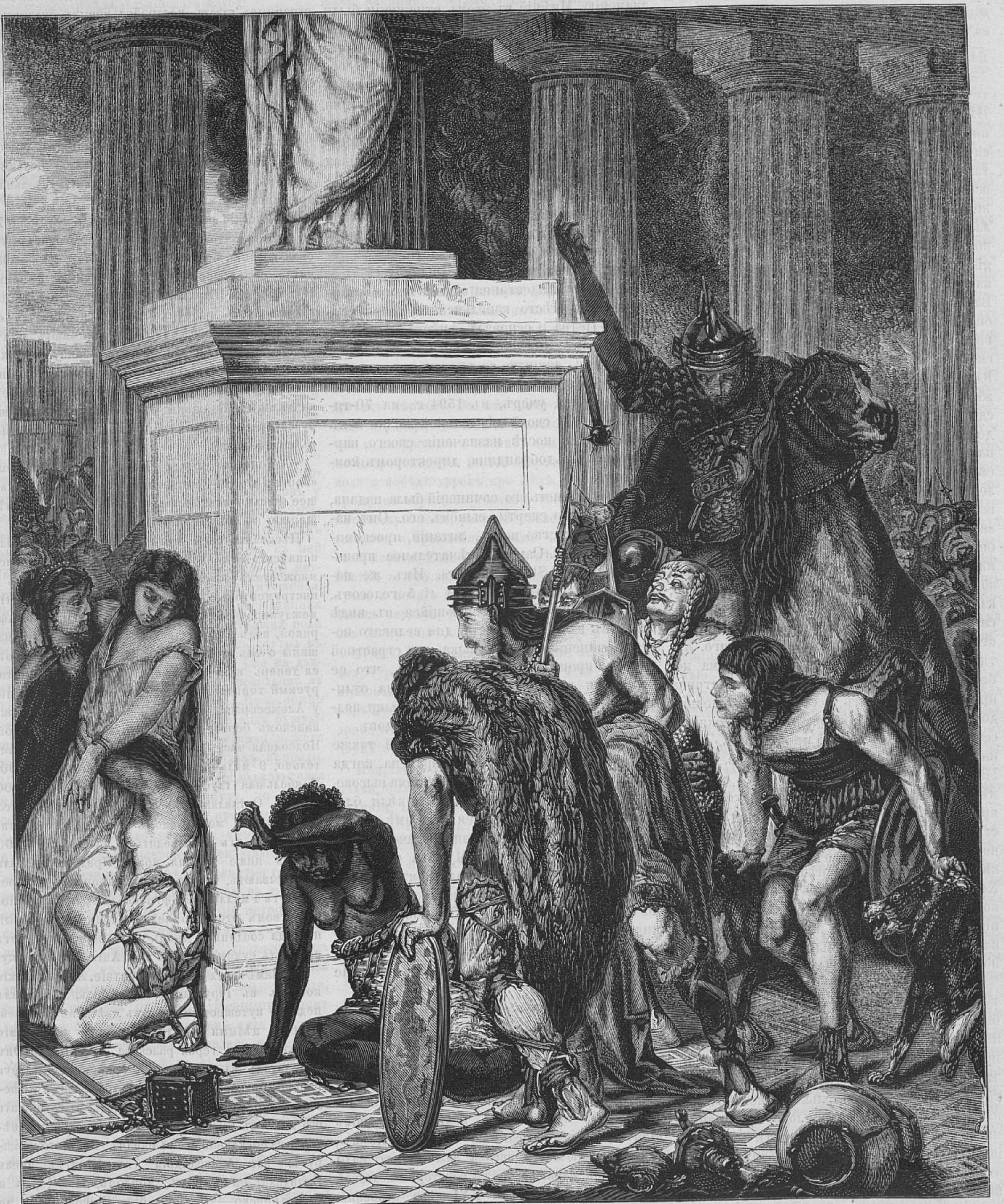
— Холостая жизнь? повторилъ въ раздумьи мой собесѣдникъ.—Пріучаетъ совсѣмъ никого не кормить, рѣшилъ онъ и засмѣялся добродушнымъ смѣхомъ, причемъ его глаза вдругъ сдѣлались такими искренно-добрыми и веселыми, что я сразу угадалъ въ немъ стараго добряка, привыкшаго среди одинокой жизни добродушно ворчать и брюзжать на всѣхъ и все.

Мы пошли обѣдать въ Лѣтній садъ въ ресторанъ Балашева и познакомились сразу, откровенно, коротко, какъ знакомятся маленькія дѣти и старые холостяки. Мой новый знакомый, Иванъ Ивановичъ Клименко, былъ не лишенною ума, бойкою на языкъ, немного парадоксальною, немного циничною, но, во всякомъ случаѣ, оригинальною личностью.

Онъ былъ хохолъ, когда-то учился въ медицинской академіи, избралъ спеціальностью дѣтскія болѣзни и, уморивъ, по окончаніи курса, перваго и единственнаго своего паціента-ребенка, навсегда отказался отъ медицины. Къ счастью, у него было тысченокъ десять-пятнадцать денегъ и какой-то хуторъ съ небольшой землицей въ Малороссіи и потому онъ могъ существовать безъ помощи заработковъ. Онъ попалъ къ себѣ на хуторъ, чтобы устроить свои дѣла, но тутъ же страстно влюбился въ одну хохлушку сосѣдку и рѣшился свить себѣ въ деревнѣ постоянное гнѣздо. Все шло отлично: хохлушка-сосѣдка слушала его страстныя объясненія, его хохлацкія пѣсни, его мечты о прелестяхъ семейнаго счастія въ деревнѣ и, когда онъ уже устроилъ все въ своемъ домѣ для семейной жизни, «скоропостижно» вышла замужъ за гусарскаго корнета, который черезъ полгода проигрался въ пухъ и бросилъ ее на произволъ судьбы съ «очевиднымъ залогомъ своей страстной любви», какъ выражался Клименко. Съ этой поры Клименко оставилъ мечты о семейномъ счастіи, сдалъ хуторъ и землю въ аренду и поѣхалъ «смотрѣть на людей».

— Да вотъ такъ и понынѣ смотрю на нихъ, подлецовъ, закончилъ онъ свой разсказъ, отзывавшійся не то горечью, не то юморомъ и ироніей.

Въ то время, когда я познакомился съ нимъ, онъ былъ уже извѣстною въ Петербургѣ личностью: онъ зналъ почти полъ-Петербурга и половина Петербурга знала его въ лицо, какъ она знаетъ разныхъ корнетовъ, носящихся на рысакахъ по Невскому, и старыхъ кутилъ, аккуратно являющихся въ первые ряды креселъ въ театрахъ на всѣ «открытія» и «бенефисы». Онъ числился въ какомъ-то министерствѣ на должности «гранителя мостовой», какъ онъ выражался самъ, и могъ существовать безбѣдно, проживъ сначала свой хуторъ и землицу, а потомъ принявшись за проживанье полученнаго имъ наслѣдства отъ «тетушки», о существованіи которой онъ только потому и зналъ, что она умерла, да наслѣдства отъ дяди, который называлъ его дармоѣдомъ и въ одинъ прекрасный день такъ серьезно рѣшился лишить его, своего единственнаго наслѣдника, всего имѣнія, что «взялъ да и умеръ со злости безъ всякой духовной». Онъ состоялъ членомъ въ десяткѣ благотворительныхъ обществъ, «чтобы имѣть возможность уличать ханжей и лицемѣрокъ»; онъ посѣщалъ всѣ публичныя ученыя засѣданія и лекціи, «чтобы знать, до какой степени мы еще невѣжды»; онъ ежедневно являлся въ собраніяхъ или въ театрахъ, «чтобы узнать, есть-ли такія степени разврата, до которыхъ мы не дошли еще»; онъ здоровался и говорилъ съ сотнями людей, про которыхъ онъ зналъ не только то, что они Надрѣзковы, Ухоревы, Починкины, Корсиковы, но про которыхъ онъ даже разсказывалъ такія закулисныя исторіи, что иногда трудно было понять, откуда онъ ихъ узналъ. Въ сущности, это былъ «неудачникъ», храбро выносившій послѣдствія своихъ неудачныхъ попытокъ сдѣлаться дѣятелемъ, семьяниномъ, воротилой, знаменитостью и «человѣкомъ, какъ всѣ человѣки», говоря его словами. Онъ скучалъ, потому что у него не было опредѣленнаго дѣла и опредѣленнаго мѣста въ обществѣ; онъ бранилъ всѣхъ и все, потому что ему было совѣстно бранить свою скуку, сознать-



Уводъ плѣнныхъ женщинъ.

ся въ которой значило бы сознаться въ своемъ неумѣньи устроить жизнь какъ слѣдуетъ и, по его выраженію, «войти въ свое стойло».

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Палестрина.

Джіованно Петръ, Алоизій Палестрина—извѣстный иногда подъ именемъ Praenestnus—родился въ 1524 г. въ небольшомъ мѣстечкѣ Палестринѣ (въ древности Praeneste). Шестнадцатилѣтнимъ юношей онъ отправился въ Римъ, съ цѣлію усовершенствоваться въ искусствѣ. Ему удалось поступить въ такъ называемую капеллу Джуліо (Giulio), основанную папой Юліаномъ III и состоящую подъ управленіемъ Гудималя. Здѣсь онъ сдѣлалъ замѣчательные успѣхи. Въ 1551 г. онъ получилъ званіе учителя младшаго класса (magister puerorum), а впослѣдствіи учителя капеллы (magister capellae), состоящей при Ватиканской базиликѣ Св. Петра. Въ 1554 г. онъ выпустилъ въ свѣтъ сочиненіе, доставившее ему какъ извѣстность въ артистическомъ мірѣ, такъ и особенную милость папы Юліана III. Хотя Палестрина принадлежалъ къ духовному званію, однакожь его сдѣлали пѣвчимъ папской капеллы. Это продолжалось, впрочемъ, не долго, такъ какъ папа этотъ вскорѣ умеръ, равно какъ и преемникъ его Марцелъ II, управлявшій престоломъ всего четыре дня. послѣ ихъ смерти, всѣ пѣвцы, непринадлежащіе къ духовному званію, были уволены съ выдачею имъ небольшой награды. Палестрина — въ то время уже женатый — очутился, такимъ образомъ, въ весьма критическомъ положеніи; но, къ счастью, ему удалось занять открывшуюся, не задолго до этого, вакансію капельмейстера въ церкви св. Іоанна Латеранскаго. Хотя мѣсту этому соотвѣтствовало весьма небольшое содержаніе, однакожь Палестрина прослужилъ на немъ шесть лѣтъ, выполняя добросовѣстно и аккуратно принятыя на себя обязанности, пока не получилъ, наконецъ, лучшаго мѣста въ церкви св. Маріи Маджіоре. Тогда-то онъ и написалъ свои замѣчательныя *импреперіи*, музыка которыхъ примѣнена къ службѣ страстной недѣли. Въ страстную пятницу 1560 г. онѣ были въ первый разъ исполнены въ этой же церкви и произвели огромнѣйшее впечатлѣніе. Хотя Палестрина занялся церковной музыкой собственно съ 1565 г., но съ появленіемъ его импреперіи замѣчается уже новое направленіе въ музыкѣ, такъ какъ онѣ положили начало новой ея школѣ.

Излишнимъ было бы распространяться тутъ о той степени нелѣпости, до которой была доведена церковная музыка ея тогдашними композиторами. Достаточно будетъ привести одинъ фактъ, ясно изображающій эту грустную эпоху: случалось, что композиторы заставляли пѣть только нѣсколько словъ или же повторять одно слово безконечное число разъ, не обращая притомъ ни малѣйшаго вниманія на смыслъ. Небрежность въ этомъ отношеніи доходила до того, что только первое слово каждаго текста перекладывалось на музыку, остальныя же слова предоставлялись инстинкту поющихъ. Музыка не выражала ровно ничего. Для лучшаго пониманія исполнителей, ноты писались различными цвѣтами; и такъ, если въ текстѣ говорилось о мракѣ и туманѣ—ноты были черныя; если приходилось пѣть о свѣтѣ и солнцѣ—онѣ были красныя; зеленыя же ноты употреблялись при воспѣваніи растеній, полей и виноградниковъ. Принадлежала-ли эта мысль композитору или копировщику рѣшить трудно. И такъ, Римъ былъ театромъ всевозможныхъ споровъ и совѣщаній, касающихся церковной музыки и усвоенія ей характера, соотвѣтствующаго ея высокому назначенію. Мнѣнія въ этомъ отношеніи были весьма различны, но когда Палестрина, получивъ предложеніе написать «Мессу», написалъ ихъ *три*, и когда онѣ заслужили всеобщее одобреніе, то судьба и направленіе церковной музыки рѣшились сами собою, и имя Палестрины сдѣлалось общеизвѣстнымъ. Третья изъ этихъ мессъ, такъ называемая «Messa Papae Marcelli», т. е. месса посвященная папѣ Марцеллу, въ особенности замѣчательна. Она-то и доставила своему автору мѣсто придворнаго композитора папской капеллы, а съ нимъ вмѣстѣ и многочисленные доходы. Мессы эти были впослѣдствіи пожертвованы королю испанскому Филиппу II.

Въ 1571 г. Палестрина занялъ вновь оставленное имъ мѣсто капельмейстера при церкви св. Петра и основалъ, вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ Нанини, извѣстную музыкальную школу, давшую со временемъ воспитаніе многимъ знаменитостямъ.

Палестрина умеръ, въ 1594 г., на 70-тилѣтнемъ году своей дѣятельной жизни и въ первый годъ послѣ назначенія своего, кардиналомъ Альдобрандини, директоромъ концертовъ.

Большая часть его сочиненій была издана, уже послѣ его смерти, сыномъ его. Онъ написалъ множество мессъ, литаній, проскомидій и гимновъ. Самое замѣчательное произведеніе его «Stabat Mater». Имъ же написаны мадригалы *) на 4 и 5 голосовъ, мотеты, плачь Іереміи, поющійся въ видѣ псалмовъ въ послѣдніе три дня великаго поста. Сочиненная имъ музыка для страстной недѣли производила такой эфектъ, что ее повторяли въ папской капеллѣ. Она отличается отъ прежней церковной музыки полнотою звуковъ и богатствомъ аккордовъ.

Великій Палестрина — называемый также *княземъ музыки*—жилъ въ тѣ времена, когда музыка, какъ искусство, была цѣнима высоко. Испанія, Франція, Нидерланды имѣли блестящихъ представителей ея въ Римѣ, когда появленіе Палестрины совершило такой огромный переворотъ въ ней. Музыка его отличается величіемъ, благородствомъ и суровостью. Смерть его произошла одновременно со смертью извѣстнаго «Orlando di Lasso», нидерландскаго композитора. Палестрина похороненъ въ Римѣ; на гробу его находится надпись: «Iiovanne, Petrus, Aloyzius musicae Principe».

Новости наукъ и жизни.

— По словамъ «Revue historique», историческая коммисія при академіи наукъ въ Краковѣ, приготовляетъ два изданія, имѣющія общій интересъ. Въ первомъ изъ нихъ, называемомъ «Correspondance du cardinal Stanislas Hosius», будутъ заключаться весьма важные матеріалы для исторіи церкви вообще и исторіи польской церкви второй половины XVI вѣка особенно. Второе изданіе приготовляется къ двухсотлѣтнему юбилею освобожденія Вѣны въ 1683 году Яномъ Собѣскимъ; оно будетъ содержать въ себѣ неизданные документы, относящіеся къ царствованію Собѣскаго въ Польшѣ.

— Итальянское правительство задумало недавно цостроить такіе броненосцы, которые превосходили бы «Duilio» и «Dandolo»—самые сильные въ итальянскомъ флотѣ. По свѣдѣніямъ иностранныхъ газетъ, постройка новыхъ судовъ начата, но, по всей вѣроятности, пройдетъ не менѣе шести лѣтъ прежде, чѣмъ работы будутъ окончены. Корабли эти предполагается сдѣлать обширнѣе самыхъ большихъ броненосцовъ въ англійскомъ военномъ флотѣ. Какъ извѣстно, «Inflexible» и «Dreadnought» обладаютъ силою въ 8000 — 9000 лошадей, но задуманные броненосцы въ Италіи будутъ имѣть вдвое большую противъ этой силу. Броня будетъ стальная, толщиною въ метръ.

— Русскіе рабочіе въ Берлинѣ,—«National Z» сообщаетъ, что въ Берлинѣ существуетъ русская колонія, состоящая изъ 50 человѣкъ рабочихъ, приглашенныхъ на войлочную фабрику Ейзенберга и Штрука, на Mariannenstrasse. Многіе изъ этихъ рабочихъ женаты и привезли съ собою своихъ женъ. Всѣ они занимаютъ помѣщеніе въ домѣ, принадлежащемъ хозяину фабрики. За помѣщеніе вычитается изъ жалованья. Они носятъ красную рубашку и такіе же (красные?) панталоны. Женщины одѣваются какъ вообще русскія женщины низшаго слоя (т. е. вѣроятно, въ сарафанахъ).

— Тоннель между Испаніей и Африкой. «Journal de St.-Pétersbourg» передаетъ слѣдующее письмо изъ Марселя, отъ 18 іюля, помѣщенное въ «Messager du Midi».

Нѣсколько дней тому назадъ сюда прибыли испанскіе инженеры, пріѣхавшіе сдѣлать опись множества усовершенствованныхъ снарядовъ и инструментовъ, назначаемыхъ для прорытія международнаго тоннеля между Испаніей и Африкой, подъ Гибралтарскимъ проливомъ. Эти машины очень похожи на тѣ, которыя употребляются теперь при прорытіи ст. Готарда. Проэктируемый тоннель, начинаясь на берегахъ Испаніи у Альжесираса, будетъ оканчиваться на африканскомъ берегу между Танджеромъ и Цеутой. Подводная часть канала будетъ имѣть, приблизительно, 9 миль длины, при наклонѣ 1 на 100. Наибольшая глубина моря въ проливѣ — 3000 футовъ. Оставляя 300 футовъ промежуточнаго пространства между дномъ и сводомъ тоннеля, работы будутъ производиться на глубинѣ 3300 футовъ ниже уровня моря. Предприниматели расчитываютъ, что расходы по прорытію не превзойдутъ 4 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Посредствомъ этого тоннеля и тоннеля, который нѣкогда соединитъ Дувръ съ Калэ, можно будетъ проѣхать сухимъ путемъ изъ Англіи въ Африку.

— **Замѣчательное путешествіе.** Американскій консулъ въ Іерусалимѣ, др. Гассъ, совершилъ недавно путешествіе вокругъ свѣта въ 68 дней, то есть цѣлыми 12 днями скорѣе извѣстнаго Филеаса Фогга, героя разсказа Жюля Верна. Онъ напечаталъ въ одной изъ американскихъ газетъ письмо, въ которомъ описываетъ свое путешествіе и прибавляетъ, что онъ могъ-бы совершить его даже въ 62 дня, если бы не противный вѣтеръ, задержавшій его въ океанѣ. Вотъ его маршрутъ: изъ Александріи (въ Египтѣ), чрезъ Бриндизи, въ Парижъ, Лондонъ, Нью-Іоркъ и С.-Франциско—20 дней; отъ С.-Франциско до Іокогамы—20 дней; оттуда въ Кантонъ—6 дней; оттуда по Китайскому морю чрезъ Малакскій проливъ на островъ Цейлонъ—10 дней; оттуда 12 дней до Суэза и нѣсколько часовъ по желѣзной дорогѣ въ Александрію. Весь путь составляетъ 25,000 англійскихъ миль, изъ которыхъ 1,600 моремъ, а 9,000 по желѣзной дорогѣ, и былъ совершенъ безъ всякихъ приключеній.

* * *

---

*) «Мадригаломъ» называли прежде «идиллію». Въ музыкальной формѣ это былъ переходъ къ оперному стилю. Текстами для нихъ служили романтическія или пастушескія поэмы, которыя отдѣлывались художественно для нѣсколькихъ голосовъ. Главный голосъ дѣлался все сильнѣе, а остальные голоса служили ему какъ бы акомпаниментомъ.

Смѣсь.

— **Разрушеніе горы въ Савоіи.** Въ «Альпійскомъ Вѣстникѣ» помѣщенъ любопытный разсказъ о разрушеніи горы въ Савоіи, присланный въ этотъ журналъ Берардомъ, президентомъ тарентскаго отдѣла Альпійскаго клуба:

«Сообщаю вамъ о томъ впечатлѣніи, какое произвело на жителей самое величественное и, въ то же время, самое ужасное зрѣлище. О разрушеніи, которое постоянно угрожаетъ двумъ самымъ цвѣтущимъ селеніямъ Сентъ-Фуа (Tarentaise), было невѣрно сообщено въ журналѣ, какъ о мгновенномъ явленіи, разрушительное дѣйствіе котораго уже совершилось. Говорили, что произошелъ обвалъ горы. Нисчуть не бывало. Гора разрушается безостановочно вотъ уже двадцать дней, наполняя своимъ щебнемъ узкую долину, заглушая своимъ неумолкаемымъ грохотомъ всякій другой шумъ и покрывая горизонтъ на далекое разстояніе густымъ облакомъ желтоватой пыли.

«Гребень *Краснаго Клюва* имѣетъ 2,460 метровъ высоты; онъ господствуетъ на 1,340 метровъ надъ дорогой проходящей черезъ Mazure и Miroir (названія двухъ селеній, гдѣ случилось это явленіе). Общій склонъ не превышаетъ 50 градусовъ; слѣдовательно поверхность этого склона развертывается на діагонали, отъ 17 до 1,800 метровъ длины.

«Вся масса заключающаяся въ этомъ склонѣ, составляетъ усѣченный конусъ въ 200 метр. ширины на верхней части и до 600 метровъ у основанія; она состоитъ изъ твердаго и плотнаго шифера. Этотъ каменистый валъ отдѣленъ отъ главной горы, или же соединяется съ ней только вертикальной частью, отъ 40 до 50 метровъ толщины, уже треснувшей и пошатнувшейся. Вся гора разрушается, какъ стѣна, расшатанная какой-то невидимой силой. Часть, стоящая пока вертикально, прибавитъ быть можетъ завтра къ значительной массѣ, находящійся уже въ движеніи, массу своихъ громадныхъ осколковъ въ 1,200,000 кубическихъ метровъ. Невозможно описать ужасное зрѣлище. Только видъ бушующаго океана или извергающаго вулкана можетъ дать понятіе о таинственныхъ силахъ природы. Иногда наступаетъ тишина, продолжающаяся нѣсколько секундъ, много минуту, но затѣмъ снова начинается разрушеніе, продолжающееся безостановочно около пятисотъ часовъ. Камни въ 40 кубическихъ метровъ перемѣщаются безъ видимой причины, какъ будто поднятые усиліями подземнаго духа; они скатываются въ тридцать секундъ, скачками отъ 4 до 500 метровъ, по склону въ 1,800 метровъ и падаютъ въ русло потока, или устремляются съ грохотомъ на лѣсъ, ломая на своемъ пути попадающіяся деревья. Прежде, чѣмъ упасть въ воду у моста, бывшаго уже два раза разрушеннымъ, одинъ изъ камней встрѣтилъ на своемъ пути высокую сосну; эта сосна не только сломалась, но совсѣмъ улетучилась, стволъ и вѣтви исчезли въ воздухѣ, какъ искры разрывающейся ракеты. Два другихъ камня столкнулись между собой; отъ сильнаго удара они искрошились въ куски величиною въ нѣсколько кубическихъ метровъ и пронеслись надъ долиной, какъ ласточки во время бури. За ними послѣдовали болѣе крупные камни и наконецъ начали скатываться съ шумомъ мелкіе камешки. Я изучалъ это явленіе во всѣхъ его видахъ и со всѣхъ пунктовъ. Я шелъ вчера вдоль конуса разрушенія и рискнулъ взойти на треснувшій и почти разрушенный гребень, который, имѣя 2,460 метровъ высоты, господствуетъ на 150 метровъ надъ первыми осѣданіями; зрѣлище ужасное, но оно можетъ быть изучено только отсюда; даже по ту сторону главныхъ разсѣлинъ я ощутилъ хотя легкое, но явственное движеніе. По моему убѣжденію, явленіе это нельзя объяснить обыкновенными альпійскими обвалами. Здѣсь не дѣйствуютъ ни просачиванье водъ, ни таяніе льдовъ, ни какое либо разъѣданіе; покатость склона, гораздо меньшая, чѣмъ покатостъ высокихъ проходовъ, какъ, напримѣръ, проходъ de la Galise, не объясняетъ движенія скалъ и сотрясенія ихъ при 40 градусахъ, между тѣмъ какъ оно оставляетъ ихъ въ покоѣ подъ угломъ въ 75 градусовъ. Я предполагаю существованіе геологическихъ силъ поднятія, сложныя направленія которыхъ имѣютъ составную силу, косвенную оси горы, почти параллельной ея склону.

Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій.

На прошлой недѣлѣ получены слѣдующія телеграммы его императорскаго высочества, главнокомандующаго дѣйствующей арміей изъ Горнаго Студеня.

1) Отъ 30 іюля: «Въ иностранныхъ газетахъ много говорятъ о бѣгствѣ нашихъ войскъ послѣ плевенской неудачи 18-го іюля, о преслѣдованіи нашихъ войскъ турками въ Систово, о неудачныхъ попыткахъ обложить Рущукъ и Силистрію, о побѣдахъ турокъ при Рущукѣ, Разградѣ и въ другихъ мѣстахъ. Все это такая-же наглая ложь, какъ и распространенная враждебною намъ печатью въ прошломъ мѣсяцѣ выдумка о никогда небывалой неудачи нашей переправы у Никополя и побѣдѣ турокъ при Бѣлѣ. Разъ навсегда прошу не обращать никакого вниманія на систематическую ложь, распространяемую турецкими газетами и враждебною намъ частью европейской печати. Если отъ Меня нѣтъ никакихъ извѣстій, то это значитъ только, что все благополучно и новаго ничего нѣтъ. Когда у насъ случались неудачи, то немедленно телеграфировалъ объ этомъ Самъ.»

2) Отъ 1 Августа: «31-го іюля, въ $2^1/_2$ часа дня, турецкая кавалерія, около 700 человѣкъ атаковала Жидины, близъ Разграда. 4-й эскадронъ Лубенскаго гусарскаго полка отбилъ нападеніе; въ концѣ схватки подошелъ батальонъ съ двумя орудіями.

Непріятельская кавалерія, за которою, какъ видно, была также пѣхота съ артиллеріею, отступила. Нчша потеря: убитъ корнетъ Барановскій и 4 нижнихъ чина; тяжело ранены: ротмистръ Левенталь и штабсъ-ротмистръ Богдановичъ и 9 нижнихъ чиновъ.»

Отъ 1-го же августа получена телеграмма начальника штаба дѣйствующей арміи слѣдующаго содержанія

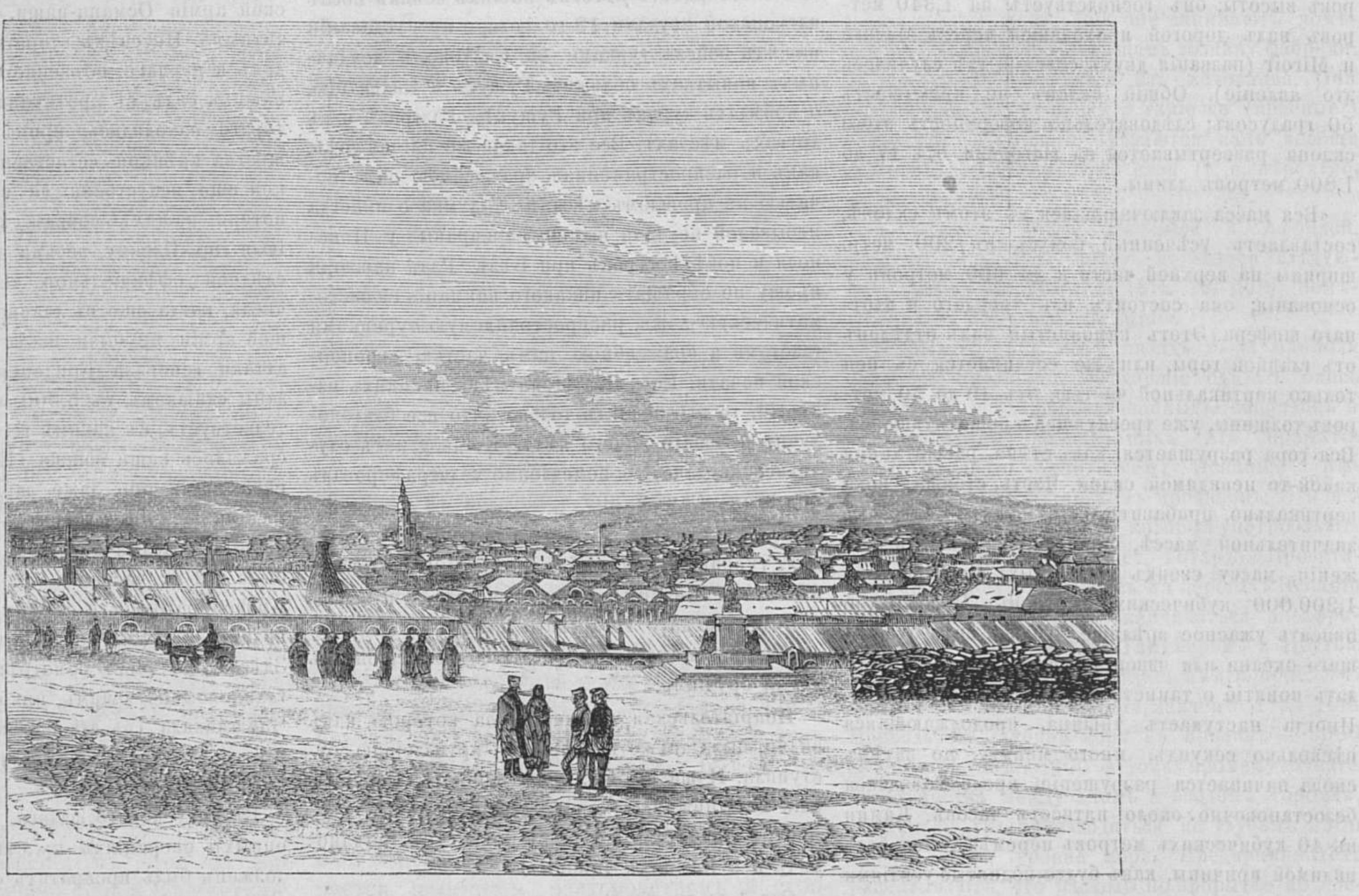
«Сегодня посылаются съ курьеромъ реляціи сраженій при Никополѣ и при Плевнѣ 8-го и 18-го іюля, а также вѣдомость потерямъ. У насъ спокойно и благополучно.»

— Съ театра военныхъ дѣйствій въ Малой Азіи получена только слѣдующая телеграмма начальника штаба кавказскаго военнаго округа, отъ 28-го іюля, изъ Александрополя: «Непріятельскій корпусъ, сосредоточенный противъ отряда генерала Тергукасова, началъ свое наступленіе 24-го числа, одновременно на всемъ протяженіи отъ Чингильскаго до Каравансарайскаго перевала; скопища баши-бузуковъ и курдовъ, поддержанныя шестью батальонами, спустившись отъ села Зора и Кунджахи, оттѣснили оборонявшіеся весь день пикеты наши и, занявъ Аликочакъ, пытались овладѣть, находившимся въ тылу отступавшаго Уманскаго полка, селеніемъ Халфалю, но выбиты оттуда драгунами. Потеря наша состоитъ изъ двухъ раненыхъ офицеровъ, четырехъ убитыхъ и тринадцати раненыхъ нижнихъ чиновъ; непріятель оставилъ на мѣстѣ десятъ тѣлъ. Непріятельскій корпусъ сосредоточивается къ Ани-Кочаку; войска же генерала Тергукасова, къ которому послана особая колонна изъ главныхъ силъ, къ Игдыру. 23-го числа полковникъ Комаровъ разбилъ въ болотахъ верхняго Геля летучій отрядъ турокъ, силой до двухъ тысячъ; непріятель обращенъ въ бѣгство неожиданнымъ для него появленіемъ на мѣстѣ боя колонны подполковника, князя Барятинскаго, изъ двухъ стрѣлковыхъ батальоновъ, прошедшихъ въ эту ночь 45 верстъ. Въ дѣлѣ этомъ турки потеряли до тридцати убитыми. Потеря наша ничтожна. По послѣднимъ свѣдѣніямъ Дервишъ-паша съ четырьмя батальонами лучшихъ своихъ войскъ оставилъ Цихисдзири, и направился на судахъ къ сѣверу.

— Въ «Рус. Инв.» напечатанъ слѣдующій перечень военныхъ дѣйствій съ 25 по 31 іюля: Весь интересъ событій на европейскомъ театрѣ войны продолжаетъ сосредоточиваться, до сихъ поръ, на правомъ флангѣ нашего операціонаго фронта, между рр. Осмою и Видомъ, гдѣ двукратныя усилія, направленныя противъ сильно укрѣпившейся вокругъ Плевны и Ловчи видинской арміи Османа-паши, оказались безрезультатными. Неуспѣхъ второго плевненскаго дѣла, какъ и перваго, объясняется несоразмѣрностью нашихъ силъ съ противникомъ, на сторонѣ котораго находились, кромѣ того, всѣ преимущества крѣпкой естественной позиціи, усиленной еще искуственными преградами. Поэтому и потери нашихъ войскъ, аттаковавшихъ 18-го іюля гор. Плевну, весьма чувствительны: по послѣдней оффиціальной телеграммѣ отъ 22-го числа, когда еще въ главной квартирѣ дѣйствующей арміи не были извѣстны всѣ подробности аттаки генерала Криденера, потери эти показаны слишкомъ въ 5,000 человѣкъ, что свидѣтельствуетъ, съ какимъ геройскимъ мужествомъ сражались наши войска. На лѣвомъ флангѣ боевой линіи они даже завладѣли съ боя двумя рядами непріятельскихъ укрѣпленій, но понесенныя тяжелыя потери и истощеніе силъ, вслѣдствіе 12-ти часового боя, заставили генерала Криденера отвести войска назадъ въ тѣ самыя позиціи, которыя они занимали передъ аттакой. Здѣсь они были осмотрѣны его высочествомъ главнокомандующимъ, прибывшимъ въ мѣстечко Чаушмахала (въ 40 вер. къ востоку отъ Плевны, по бѣльскому шоссе), причемъ духъ войскъ найденъ превосходнымъ.

Въ виду новаго фазиса, наступившаго въ военныхъ операціяхъ къ сѣверу отъ Балкановъ, долженъ былъ прекратить свой лихой набѣгъ и передовой отрядъ генерала Гурко. Цѣль его, по овладѣніи горными проходами, заключалась, какъ видно, въ разсѣяніи отдѣльныхъ турецкихъ отрядовъ, расположенныхъ въ долинѣ Тунджи, въ воспрепятствованіи, хотя временно, сосредоточенію прибывшихъ изъ Адріанополя, а также изъ Черногоріи частей арміи Сулеймана-паши и, вообще, въ извлеченіи наибольшей пользы изъ того правственнаго впечатлѣнія, которое должно было произвести на турокъ неожиданное появленіе русскихъ войскъ по ту сторону Балкановъ. Генералъ Гурко съ успѣхомъ исполнилъ эту задачу. Обезпечивъ за собой обладаніе Шибкинскимъ, Травнинскимъ и Ханкіойскими проходами, передовой отрядъ нашъ выслалъ сильныя кавалерійскія части на востокъ и на югъ, въ долину р. Марицы, гдѣ онѣ разрушили на нѣкоторомъ протяженіи желѣзнодорожныя вѣтви изъ Адріанополя въ Ямболь и въ Филиппополь. Съ главными силами своего отряда генералъ Гурко направился къ Іенѣ-Загрѣ, куда уже начали прибывать передовыя войска Сулеймана-паши, и 18-го іюля разбилъ ихъ на-голову, овладѣвъ при этомъ двумя орудіями. На другой день, 19-го числа, отрядъ нашъ появляется въ окрестностяхъ Эски-Загры и, въ 10 верстахъ къ востоку отъ него, у дер. Джуганли, разбиваетъ другой авангардъ турецкой арміи. Только наступленіе главныхъ силъ Сулеймана-паши, подкрѣпленныхъ прибывшими съ устья Марицы новыми батальонами изъ Черногоріи и вытѣснившихъ болгарское ополченіе, оставленное въ Эски-Загрѣ, побудили генерала Гурко отойти къ балканскимъ проходамъ и прекратить свой лихой набѣгъ въ долины Тунджи и Марицы, безспорно принадлежащій къ блестящимъ эпизодамъ настоящей кампаніи.

На мало азіятскомъ театрѣ часть турецкихъ силъ отъ Баязета и Діадина направилась 24-го іюля противъ отряда генералъ-лейтенанта Тергукасова, расположеннаго на южной окраинѣ нашихъ предѣловъ. Переваливъ черезъ Агри-дагъ, турки стали спускаться съ горъ, но были остановлены въ дальнѣйшемъ наступленіи нашими драгунами, выбившими ихъ изъ сел. Халфалю. Потери наши въ этомъ дѣлѣ состояли изъ двухъ раненыхъ офицеровъ и 17 нижнихъ чиновъ, выбывшихъ изъ строя. Отрядъ генерала Тергукасова, къ которому послано подкрѣпленіе, сосредоточивается у Игдыря.



Нижне-Тагильскъ.

Ардаганскій отрядъ имѣлъ 23-го іюля удачное дѣло въ верховьяхъ р. Куры, на Гельской равнинѣ, съ летучимъ турецкимъ отрядомъ, силою въ 2,000 чел.; непріятель былъ разбитъ и обращенъ въ бѣгство, оставивъ на мѣстѣ до 30 тѣлъ.

По послѣднимъ полученнымъ свѣдѣніямъ, главнокомандующій батумскимъ турецкимъ корпусомъ, Дервишъ-паша, отплылъ изъ Цихисдзири съ четырьмя баталіонами лучшихъ своихъ войскъ и направился къ сѣверу; цѣль этого движенія пока не выяснена.

— Сообщаемъ изъ корреспонденціи, напечатанной въ «Голосѣ», слѣдующія свѣдѣнія объ усмиреніи Абхазіи: 1-го іюля, вслѣдствіе полученныхъ извѣстій о близкомъ расположеніи непріятельскихъ скопищъ, намѣревавшихся переправиться у Тkillварчелы въ предѣлы Самурзаканскаго округа, рано утромъ двинулась тkварчельская колона маіора князя Нижерадзе и одновременно съ нею, для облегченія задачи, возложенной на колону, двинулась колона изъ паквешскаго лагеря подъ командою маіора Томаева, состоящая изъ двухъ баталіоновъ, двухъ горныхъ орудій и одной сотни казаковъ лабинскаго полка. Колона эта переправилась черезъ рѣку Гализгу у Паквешъ, прослѣдовала по правой сторонѣ ея и заняла высоты Эшкета, командующія надъ всею мѣстностью общества Губи. Обѣимъ колонамъ предписывался самый энергическій образъ дѣйствій, съ уничтоженіемъ всѣхъ поселеній и имущества непріятеля, причемъ скотъ разрѣшено обращать въ собственность войскъ. Движеніе обѣихъ колонъ началось въ три часа утра. Авангардами служили въ правой колонѣ охотники, а въ лѣвой конные казаки. Охотники, подъ командою прапорщика Муромцева, начали дѣло самымъ блистательнымъ образомъ. Пользуясь темнотою, они незамѣтно переправились черезъ рѣку Галлизгу и, при содѣйствіи князя Мысоста Маршани, скрытно подошли съ тыла къ первымъ заваламъ; на окликъ непріятельскаго часового, проводникъ нашъ отвѣтилъ, что идутъ свои, и спросилъ самъ, кто онъ. Оказалось, что это были жители села Гудаута, которые до восьми часовъ были перебиты, ружья уничтожены. Въ слѣдующихъ завалахъ была поднята тревога, и защитники ихъ успѣли бѣжать, оставивъ на мѣстѣ три трупа.

«Эта молодецкая аттака навела на абхазцевъ паническій страхъ. Между тѣмъ колонна князя Нижерадзе съ большимъ затрудненіемъ переправилась также черезъ рѣку Гализгу и двинулась на высоты Губи, а охотники и милиція вправо, къ верховью рѣчки, для изслѣдованія мѣстности. Итакъ, обѣ колонны двигались къ высотамъ Эшкега. Въ двухъ верстахъ отъ главной высоты находится конусообразное возвышеніе, наверху котораго величаво возвышается старинная башня, очень удобная для обороны. Въ этой башнѣ и въ завалахъ, окружавшихъ ее, засѣло около 100 человѣкъ абхазцевъ. Подпустивъ нашу цѣпь шаговъ на полтораста, они открыли огонь изъ своихъ скорострѣльныхъ ружей Пибоди; цѣпь, не отвѣчая на выстрѣлы, смѣло бросилась на гору, а часть ея пошла въ обходъ заваловъ. При дружномъ натискѣ со всѣхъ сторонъ, абхазцы не долго сопротивлялись и бѣжали, оставивъ большіе запасы съѣстныхъ припасовъ и патроновъ, повидимому, заготовленныхъ на продолжительную защиту. На мѣстѣ остались два трупа и одинъ смертельно раненый, который вскорѣ умеръ; на этихъ жертвахъ были патронташи турецкаго образца. При взятіи заваловъ, у насъ убитъ одинъ и ранены четверо. Абхазцы, ретировавшись, заняли высоты Эшкета, откуда ихъ заставили отступить, и колонна наша, занявъ позицію на этихъ высотахъ, послала часть кавалеріи и двѣ роты для преслѣдованія разбитаго непріятеля, до рѣки Моквы. Съ занятіемъ Эшкетскихъ высотъ наступленіе тkварчельской колонны сдѣлалось безостановочнымъ. Абхазцы, поражаемые съ фронта стрѣлками и артиллеріей, отступили и къ 12-ти часамъ дня все пространство между рѣками Гализгой и Моквой было совершенно очищено отъ непріятеля почти безъ всякаго урона съ нашей стороны. Колонна князя Нижерадзе заняла позицію въ центрѣ Губи, а маіора Томаева возвратилась въ паквешскій лагерь. На другой день, колонна князя Нижерадзе была усилена двумя горными орудіями, сотнею дружины и полусотнею казаковъ и отправилась на рекогносцировку вдоль рѣки Моквы, жгла аулы, а часть отряда занялась устройствомъ моста черезъ рѣку Гализгу».

«Движеніе, сдѣланное 1-го іюля, показало, что между рѣками Гализгой и Моквой, кромѣ мужского населенія, могущаго носить оружіе, другихъ жителей нѣтъ. Чтобъ заставить ихъ просить пощады, или откочевать, сдѣлано было движеніе, 3-го іюля, колонною князя Нижерадзе и Томаева, которое увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Непріятель вездѣ выбитъ изъ своихъ позицій и разсѣянъ. Чтобы окончательно подѣйствовать на умы возмутившихся, генералъ Алхазовъ издалъ прокламацію слѣдующаго содержанія

«Жители Абхазіи! Прежде чѣмъ наказать васъ за возмущеніе, я обращаюсь къ вашему благоразумію. Силы ваши слишкомъ слабы, чтобъ оказать серьезное сопротивленіе, на помощь турокъ вамъ нечего разсчитывать—они много обѣщали, но мало дали, а потому покоритесь, выдайте оружіе и аманатовъ и ожидайте спокойно милости и прощенія отъ великодушія Государя Императора. Отказъ вашъ поведетъ за собою полное разореніе, такъ какъ я прикажу войскамъ предавать огню безпощадно все имущество ваше и разорять васъ. Еще разъ повторяю: опомнитесь и покоритесь»...

«Результатомъ этой прокламаціи послѣдовало изъявленіе покорности пока 250 повстанцами».

Телеграммы.

Ташкентъ, 29-го іюля, пятница. Туркестанская казенная палата выслала петербургскому монетному двору, для перечеканки, 3,051,289 руб. высокопробной коканской серебряной монеты.

Тифлисъ, 27 го іюля, среда. Финляндскій санитарный отрядъ выѣзжаетъ, сегодня, въ эриванскій отдѣлъ, въ Дарочичагъ. 18 фургоновъ санитарныхъ вещей уже отправлены туда.

— 29 го іюля, пятница. Возлѣ Стараго Манглиса уже пятый день горятъ хвойные лѣса частныхъ владѣльцевъ.

Въ виду военнаго положенія и существующей дороговизны, правленіе поти-тифлисской желѣзной дороги постановило сдѣлать прибавку, въ размѣрѣ 20%, къ жалованію служащихъ, получающихъ содержаніе не свыше 1,500 рублей, за все время отъ начала до конца войны.

Одесса, 31-го іюля, воскресенье. Вчера прибылъ изъ Антверпена миноносный катеръ черноморскаго яхтъ-клуба. Сегодня онъ спущенъ въ воду; длина его 56 футовъ, ходъ 15 узловъ въ часъ. По указу о государственномъ ополченіи Одесса ставитъ 298 ратниковъ.

Жмеринка, 22-го іюля, пятница. Санитарный поѣздъ имени принцессы Евгеніи Максиміліановны прибылъ третьяго дня изъ Тирасполя. На поѣздѣ 123 больныхъ и раненыхъ воиновъ; изъ нихъ 70 оставлены здѣсь, а 53 отвезены вчера въ Винницу.

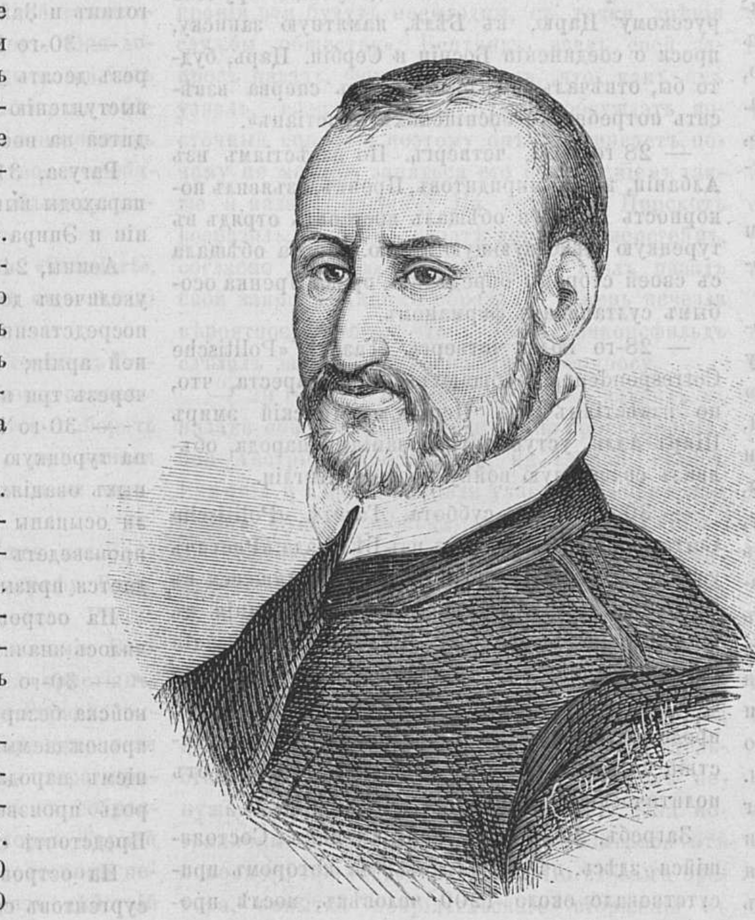
Полтава, вторникъ, 26 іюля. Ильинская ярмарка окончилась благополучно. Торговали превосходно мануфактурными товарами и шерстью. Цѣна на грязную шерсть была 10 руб. 15 коп.,на мытую 13 руб. 50 коп. Грязная покупалась для Петербурга. Торговля желѣзомъ шла плохо.

Харьковъ, 25 іюля, понедѣльникъ. Сейчасъ отправленъ отсюда ярославскій поѣздъ съ плѣнными турками въ числѣ 500 человѣкъ. Стеченіе публики на станціи желѣзной дороги было громадное. Сегодня ночью прибудутъ еще 800 плѣнныхъ, которымъ здѣсь назначена дневка.

— 27-го іюля, среда. Пятый санитарный поѣздъ, имени ея высочества герцогини эдинбургской, благополучно прибылъ сюда, съ 154 больными и ранеными. Четыре турка направляются въ Калугу и Вязьму.

Тула, 23-го іюля, суббота. Съ высочайшаго Ихъ Императорскихъ Величествъ соизволенія вчера открытъ въ Тулѣ маріинскій пріютъ для бѣдныхъ дѣтей мѣщанскаго сословія. По инициативѣ губернатора, какъ предсѣдателя попечительства о дѣтскихъ пріютахъ, воспитанники этого пріюта, сверхъ первоначальнаго образованія, будутъ обучаемы токарному и столярному мастерствамъ. Попечительницею пріюта утверждена супруга губернатора Марія Александровна Ушакова, директоромъ же—купецъ Иванъ Сергѣевичъ Бѣлобородовъ.

Ростовъ на Дону, 25-го іюля, понедѣльникъ. Третьяго дня генералъ Черняевъ по пути на Кавказъ, прибылъ въ Ростовъ. Городъ, узнавъ желаніе генерала повидаться съ матерью, живущею въ Бердянскѣ, предложилъ ему для этой поѣздки особый пароходъ, на которомъ генералъ и выѣхалъ вчера съ тѣмъ, чтобы возвратиться обратно въ Ростовъ въ среду 27-го іюля для продолженія своего путешествія на Кавказъ. Когда генералъ Черняевъ подъѣхалъ къ пароходной пристани, то громадная толпа народа, собравшаяся проводить его, разомъ сняла шапки и какъ только генералъ вышелъ изъ коляски, то при полнѣйшей тишинѣ одинъ изъ мѣщанъ города, выступивъ впередъ, провозгласилъ слѣдующее: «да здравствуетъ генералъ Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ—честь и слава русскаго народа», и толпа залилась неумолкаемыми криками ура. Энтузіазмъ былъ такъ великъ, что когда генералъ проходилъ между рядами толпы къ сходнѣ парохода, то многіе бросались цѣловать руки.



Палестрина.

Третьяго дня санитарный поѣздъ изъ Владикавказа привезъ 136 человѣкъ больныхъ солдатъ, которые въ полнѣйшемъ порядкѣ и были размѣщены въ отлично устроенномъ барачномъ госпиталѣ «Краснаго Креста».

Самара, 24-го іюля, въ 20 мин. днемъ. Сегодня, въ десять часовъ утра, при сильномъ восточномъ вѣтрѣ и жарѣ вспыхнулъ пожаръ въ центрѣ Самары, въ самой лучшей части города. Пожаръ, по направленію вѣтра, все еще распространяется стремительно и гибельно. Пожарный обозъ съ паровою трубою, поставленною у рѣки Волги и живѣйшее участіе гражданъ не въ силахъ противостоять распространенію пламени. Убытки отъ пожара громадны. Лучшіе дома, съ магазинами, съ товарами, а также и лазаретъ «Краснаго Креста» объяты огнемъ. Участь, постигшая Моршанскъ, неизбѣжна для Самары. Помощь тысячамъ несчастнымъ необходима.

Самара, воскресенье, 25-го іюля. Вчера, около полудня вспыхнулъ пожаръ въ лучшей части города, продолжавшійся до полуночи. Сгорѣло до 150-ти зданій, въ томъ числѣ: двѣ церкви, губернаторскій домъ, полицейское управленіе и контора государственнаго банка, изъ которой спасены всѣ деньги и документы. Убытокъ громадный. Большая часть домовъ былазастрахована.

Орелъ, 22-го іюля, пятница. Сегодня, въ часъ пополудни, происходило здѣсь торжественное освященіе образцовыхъ лѣтнихъ бараковъ, устроенныхъ на 100 человѣкъ, орловскимъ дворянствомъ. Послѣ молебствія, отслуженнаго архіереемъ, уполномоченные дворянства отправили министру императорскаго двора теллеграмму на имя Ея Величества Государыни Императрицы. Телеграмма эта напечатана въ «Орловскомъ Вѣстникѣ».

Рыбинскъ, 27-го іюля, среда. Вчера противъ города въ амбарахъ Михалкова вспыхнулъ пожаръ. Огонь уничтожилъ 9,000 кулей муки Блинова. Мука не застрахована. Сгорѣло также сѣмя льняное 1,000 кулей, Дегтярева. Пожаръ почти потушенъ.

Варшава, 25-го іюля, понедѣльникъ. Сегодня по тереспольской желѣзной дорогѣ отправленъ варшавскій санитарный поѣздъ, состоящій изъ 25-ти вагоновъ и приспособленный къ помѣщенію 220 раненыхъ. При отправленіи поѣзда присутствовали генералъ-губернаторъ и депутація отъ войскъ.

Кронштадтъ, 23-го іюля, суббота. Сегодня, въ 2 часа пополудни, прибылъ сюда, послѣ пятилѣтняго заграничнаго плаванія корветъ «Аскольдъ».

Берлинъ, 23-го іюля, суббота. Фельдмаршалъ Штейнмецъ внезапно скончался нынѣшнею ночью, отъ удара, на водахъ въ Ландекѣ, въ Силезіи.

— 30-го іюля суббота. «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» называетъ лишенными всякаго основанія возникшіе въ послѣднее время толки относительно Сербіи. «Вопросъ о распространеніи района, операцій на Сербію—говоритъ газета—никѣмъ не былъ затрогиваемъ за послѣд-нее время. Императоръ Александръ, во вниманіе къ интересамъ Австріи, съ самаго начала войны добровольно исключилъ Сербію изъ круга военныхъ операцій. Въ настоящую минуту нѣтъ никакого признака, который показывалъ бы, что въ русской главной квартирѣ воззрѣнія измѣни-лись. Мнимыя вооруженія Сербіи умышленно изображаются въ преувеличенномъ видѣ. Положеніе русскихъ армій вовсе не таково, чтобъ сомнительное содѣйствіе Сербіи могло казаться необходимымъ и желательнымъ; тѣмъ менѣе могла бы Сербія имѣть поводъ къ тому, чтобъ добровольно подвергать себя риску. Мѣры, принимаемыя русскою главною квартирою, могутъ въ самое короткое время дать ей возможность возобновить наступательныя дѣйствія».

Зальцбургъ, 27-го іюля, среда. Сегодня, утромъ, императоръ Вильгельмъ выѣхалъ отсюда въ Ишль.

Ишль, 27-го іюля, среда. Сегодня, въ 12½ часовъ по полудни, прибыли сюда императоры германскій и австрійскій. Оба они оснановились въ «Hôtel Elisabeth», гдѣ ожидалъ ихъ австрійскій наслѣдный принцъ. Императоры встрѣтились самымъ искреннимъ образомъ и императоръ Вильгельмъ тотчасъ же сдѣлалъ визитъ австрійской императрицѣ.

— 28-го іюля, четвергъ. Сегодня, въ 9 часовъ утра, германскій императоръ, простившись самымъ задушевнымъ образомъ съ австрійскою императрицею и наслѣднымъ принцемъ, выѣхалъ изъ Ишля. Австрійскій императоръ провожалъ его до Эбензе. Свиданіе обоихъ монарховъ свидѣтельствовало объ искреннѣйшемъ согласіи между ними.

— 28-го іюля. Изъ достовѣрнаго источника сообщаютъ, что обмѣнъ мыслей между императорами Вильгельмомъ и Францомъ Іосифомъу прочилъ настоящія дружественныя отношенія между державами и дальнѣйшее сохраненіе нейтралитета. Передъ своимъ отъѣздомъ изъ Ишля императоръ Вильгельмъ отправилъ шифрованную телеграмму Государю Императору.

Кельнъ, 29-го іюля, пятница. Въ «Kölnische Zeitung» телеграфируютъ изъ Константинополя отъ 28-го іюля: «Австрійское правительство формально сообщило Портѣ, что Россія не обращалась къ Австріи ни съ какими ходатайствами касательно Сербіи. Воззрѣнія Австріи по отношенію къ Сербіи остаются безъ измѣненія.

Пильницъ, 24-го іюля, воскресенье. Нынѣшнею ночью, принцъ Густавъ Ваза скончался.

Парижъ, 22-го іюля. Гражданскій судъ, разсмотрѣвъ ходатайство Аделины Патти о личномъ и имущественномъ разводѣ ея съ маркизомъ Ко, постановилъ утвердить разводъ въ пользу мужа.

— 23-го іюля, суббота. Англійскій посолъ, лордъ Ляйонсъ, получивъ кратковременный отпускъ, выѣхалъ сегодя изъ Парижа.

— 27-го іюля, среда. Министерство Брольи запретило разнощикамъ газетъ продавать портретъ Тьера.

Римъ, 24-го іюля, воскресенье. Въ опроверженіе слуховъ о натянутости отношеній между Австріей и Италіей, газета «Courrier d'Italie» заявляетъ, на основаніи достовѣрныхъ свѣдѣній, что между вѣнскимъ и римскимъ кабинетами существуетъ полное согласіе. По словамъ газеты, итальянское правительство стремится къ тому, чтобъ ни одинъ изъ крупныхъ интересовъ Австріи не подвергался ущербу. Въ Вѣнѣ извѣстно, что Италія не имѣетъ никакихъ плановъ относительно территоріальнаго захвата или исправленія своихъ границъ, что она пользуется своимъ вліяніемъ въ миролюбивомъ смыслѣ и желаетъ сохраненія искреннихъ отношеній со всѣми, особенно же съ сосѣдними государствами.

Вѣна, 24-го іюля, воскресенье. Газета «Wiener Abendpost» находитъ, что въ европейской печати все болѣе и болѣе явственно обнаруживается правильное пониманіе причинъ и цѣли военныхъ мѣръ, которыя предположено принять въ Австро-Венгріи, въ виду извѣстныхъ случайностей. По словамъ газеты, нѣкоторыя замѣчаемыя еще по временамъ недоразумѣнія едва ли можно назвать совершенно непроизвольными. Вполнѣ сообразныя съ положеніемъ дѣлъ и съ интересами австро-венгерской политики сужденія встрѣчаются въ германской печати; особенно «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» указываетъ именно настоящую цѣль этой политики, говоря, что основною чертою ея служитъ послѣдовательное стремленіе устранить или, по возможности, замедлить опасность обобщенія войны.

— 25-го іюля, понедѣльникъ. Газета «Fremdenblatt» опровергаетъ извѣстіе о томъ, будто бы австрійскій военный агентъ, Бахтальсгеймъ, имѣетъ специальное порученіе отъ прусскаго Императора.

— 25-го іюля, понедѣльникъ. Изъ Бѣлграда сообщаютъ, что князь Миланъ и совѣтъ министровъ положили предоставить рѣшенію князя Горчакова предложеніе Греціи относительно греко-сербскаго союза. Скупщина въ закрытомъ засѣданіи уполномочила правительство при благопріятныхъ обстоятельствахъ провозгласить независимость Сербіи.

— 26-го іюля, вторникъ, вечеромъ. Газетѣ «Politische Correspondenz» сообщаютъ изъ Бѣлграда, что скупщина, предъ отсрочкою своихъ зэсѣданій, вотировала всѣ финансовые законопроекты, причемъ высказалась въ томъ смыслѣ, чтобъ Ристичъ ходатайствовалъ объ отмѣнѣ, на будущее время, уплаты дани Турціи. Надняхъ Ристичъ отправится въ Вѣну.

Извѣстіе о томъ, будто бы Сербія мобилизуетъ 40,000 человѣкъ, невѣрно. По этому поводу редакція газеты «Politische Correspondenz» замѣчаетъ: «Съ другой стороны, намъ сообщаютъ изъ Бѣлграда, что именно въ послѣднее время сербское правительство продолжаетъ, хотя и не въ особенно значительныхъ размѣрахъ, военныя приготовленія».

— 26-го іюля, вторникъ. Сообщенное газетами извѣстіе о прекращеніи товарнаго движенія по русскимъ желѣзнымъ дорогамъ, примыкающимъ къ дорогамъ австрійскимъ, объявляется, изъ достовѣрныхъ источниковъ, невѣрнымъ.

— 27-го іюля, среда. Въ газетѣ «Politische Correspondenz» помѣщена слѣдующая телеграмма изъ Бѣлграда: «Боснійская депутація вручила русскому Царю, въ Бѣлѣ, памятную записку, прося о соединеніи Босніи и Сербіи. Царь, будто бы, отвѣчалъ, что онъ желаетъ сперва взвѣсить потребности боснійскихъ христіанъ».

— 28-го іюля, четвергъ. По извѣстіямъ изъ Албаніи, князь миридитовъ, Пренкъ, изъявилъ покорность Портѣ и обѣщалъ поставить отрядъ въ турецкую дѣйствующую армію. Порта обѣщала съ своей стороны опредѣлить права Пренка особымъ султанскимъ фирманомъ.

— 28-го іюля, четвергъ. Газетѣ «Politische Correspondenz» сообщаютъ изъ Бухареста, что, по извѣстіямъ изъ Персіи, афганскій эмиръ Ширъ-Алли, уступая требованіямъ народа, объявилъ священную войну противъ Англіи.

— 30-го іюля, суббота. Газетѣ «Politische Correspondenz» сообшаютъ изъ Бѣлграда: «Ристичъ увѣряетъ, что близкое ему лицо, числящееся въ составѣ милиціи, не получало предписанія къ выступленію въ походъ. Частная мобилизація сербской арміи имѣетъ цѣлью только охраненіе границъ. Сербія останется нейтральною; однако, продолжительность ея сдержаннаго образа дѣйствій зависитъ отъ хода военныхъ событій и отъ политическихъ комбинацій въ Европѣ».

Загребъ, 25-го іюля, понедѣльникъ. Состоявшійся здѣсь, вчера, митингъ, на которомъ присутствовало около 1200 человѣкъ, послѣ продолжительныхъ преній пришелъ къ соглашенію и принялъ резолюцію, въ которой выражено убѣжденіе, что варварски-жестокое подавленіе христіанскихъ народовъ Востока будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать Турція. По этому, сказано въ резолюціи — Турецкая имперія въ Европѣ должна быть упразднена, если имѣется въ виду обезпечить человѣческое существованіе восточныхъ христіанскихъ націй. Митингъ выражаетъ свое горячее сочувствіе націямъ, борющимся за свободу, и Россіи, союзницѣ Австро-Венгріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, митингъ высказываетъ убѣжденіе, что Австро-Венгрія не станетъ защищать Турцію, а соединитъ границы Далмаціи и Кроаціи и займетъ Боснію и Герцоговину.

Аграмъ, 25-го іюля, понедѣльникъ. Состоявшійся здѣсь вчера митингъ, на которомъ присутствовало около 1,200 человѣкъ, послѣ продолжительныхъ преній, пришелъ къ соглашенію и принялъ резолюцію, въ которой выражено убѣжденіе, что варварски-жестокое подавленіе христіанскихъ народовъ Востока будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать Турція. Поэтому—сказано въ резолюціи—турецкая имперія въ Европѣ должна быть упразднена, если имѣется въ виду обезпечить человѣческое существованіе восточныхъ христіанскихъ націй. Митингъ выражаетъ свое горячее сочувствіе націямъ, борющимся за свободу, и Россіи, союзницѣ Австро-Венгріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, митингъ высказываетъ убѣжденіе, что Австро-Венгрія не станетъ защищать Турцію, а соединитъ границы Далмаціи и Кроаціи и займетъ Боснію и Герцоговину.

Львовъ, 27-го іюля, среда, вечеромъ. Сегодня открыта сессія галицiйскаго сейма. Въ произнесенной при этомъ рѣчи, ландмаршалъ указалъ на то, что сеймъ долженъ устраниться отъ вліяній которыя стремились бы заставить его служить постороннимъ цѣлямъ. Сейму, по словамъ ландмаршала, не подобаетъ подавать голосъ о затрудненіяхъ на Востокѣ. Какое бы направленіе не приняли дѣла, страна будетъ окружать монарха своею самоотверженною преданностью.

Бѣлградъ, 25 іюля, понедѣльникъ. Ристичъ выѣхалъ въ Вѣну съ особымъ порученіемъ. Приступлено къ мобилизаціи перваго призыва.

— 27-го іюля. Сегодня отданъ приказъ 12 баталіонамъ, при 5 орудіяхъ выступить въ Неготинъ и Зайчаръ.

— 30-го іюля. Первый призывъ милиціи черезъ десять дней будетъ совершенно готовъ къ выступленію въ походъ; вся артиллерія приводится на военное положеніе.

Рагуза, 31-го іюля, воскресенье. Англійскіе пароходы выгрузили на берегу сѣверной Албаніи и Эпира запасы пороха, риса и сухарей.

Аѳины, 24-го іюля. Численный составъ арміи увеличенъ до 27,000 человѣкъ; резервисты непосредственно зачисляются въ кадры регулярной арміи; выступленіе въ походъ назначено черезъ три недѣли.

— 30-го іюля. Войска выступили въ походъ на турецкую границу, при самыхъ восторженныхъ оваціяхъ столичнаго населенія; войска были осыпаны цѣлымъ дождемъ цвѣтовъ. Король произведетъ смотръ войскамъ въ Ламіи. Ожидается призывъ втораго класса резервовъ.

На островѣ Критѣ, въ Ретимнѣ, сосредоточилось значительное число повстанцевъ.

— 30-го іюля, суббота, вечеромъ. Отсюда войска безпрерывно выступаютъ къ границѣ, сопровождаемыя одушевленными возгласами и пѣніемъ народа, усыпающаго путь цвѣтами. Король произведетъ у Ламіи смотръ войскамъ. Предстоитъ созывъ второго резерва.

На островѣ Критѣ, значительное число инсургентовъ собралось близъ Ретимно; турки засѣли въ укрѣпленіяхъ. Островъ строжайше блокированъ турецкою эскадрою.

Лондонъ, 23-го іюля. Аѳинскій корреспондентъ «Times» сообщаетъ извѣстія, по которымъ можно думать, что войска Греціи съ Турціей неизбѣжна. Порта отправляетъ войска и артиллерію въ Эпиръ и Ѳессалію. Въ Ламіи (греческій городъ на границѣ съ Турціей) полученъ большой транспортъ ружей съ австрійскихъ заводовъ.

Англійской эскадрѣ, стоявшей въ Ламаншѣ, отдано приказаніе отправиться въ портъ Виго (на южномъ берегу Испаніи) и ожидать тамъ дальнѣйшихъ распоряженій.

— 23-го іюля, суббота. По сообщенію «Агенства Рейтера», газета «Times» передаетъ, что въ Портсмутѣ получено приказаніе адмиралтейства, чтобъ два судна были приготовлены для отправки, 11-го августа, въ Средиземное море еще 3,000 солдатъ.

По свѣдѣніямъ газеты «Standart», морскимъ министромъ будетъ назначенъ Гиксъ Бичъ, а оберъ-секретаремъ по дѣламъ Ирландіи—Плёнкетъ.

— 23-го іюля, суббота. «Агенству Рейтера» сообщаютъ изъ Аѳинъ, отъ 3-го августа, что оффиціальнымъ распоряженіемъ 30-го іюля предписано закрыть чрезвычайную сессію греческой палаты. Королевскимъ повелѣніемъ назначены чины штаба греческой арміи и начальники различныхъ бригадъ, полковъ и батальоновъ.

Главный равинъ острова Корфу, въ воинственной рѣчи, призывалъ евреевъ къ поступленію волонтерами въ греческую армію, для защиты общаго отечества, приглашая христіанъ и евреевъ острова братски соединиться между собою.

— 23-го іюля, суббота. Палата общинъ приняла, въ третьемъ чтеніи, билли о южно-африканской конфедераціи.

— 25-го іюля, понедѣльникъ. «Агенство Рейтера» сообщаетъ, что британское правительство отдало приказаніе о немедленной отправкѣ на островъ Мальту, на частныхъ судахъ, 500 тоннъ бомбъ.

— 25-го іюля, понедѣльникъ. «Агенству Рейтера» сообщаютъ изъ Константинополя, что султанскимъ декретомъ повелѣно сократить содержаніе всѣхъ чиновниковъ па половину.

25-го іюля, понедѣльникъ. На вопросъ Дилька, г. Боркъ объяснилъ въ палатѣ общинъ, что Порта поддерживаетъ свое заявленіе о дѣйствительности блокады черноморскихъ портовъ. Она допускаетъ, что въ соблюденіи блокады могли быть допущены нѣкоторыя неправильности, по обѣщаетъ воспрепятствовать повторенію подобныхъ случаевъ. «Англійское правительство — прибавилъ Боркъ — не можетъ объявить блокаду недѣйствительною».

— 26-го іюля, вторникъ. Газета «Standart». опровергаетъ извѣстіе объ отправкѣ еще 3,000 солдатъ на островъ Мальту.

На вчерашней консервативной сходкѣ въ Гэтфильдскомъ Паркѣ маркизъ Силисбюри заявилъ «Британское правительство надѣется побороть трудности нынѣшняго положенія, не нанося ущеаба интересамъ и чести страны и не нарушая мира».

Какъ телеграфируютъ газетѣ «Times» изъ Константиноподя, Кадри-бей заявилъ графу Зичи, что Порта готова заключить миръ, если Россія удовольствуется установленіемъ автономіи Болгаріи подъ властью губернаторовъ изъ христіанъ.

— 26-го іюля, вторникъ. Лордъ Гарвей, выступившій кандидатомъ на мѣсто представителя отъ города Бата въ палатѣ общинъ, вчера произнесъ рѣчь передъ избирателями; на собравшемся поэтому поводу митингѣ, лордъ Гарвей высказалъ полное свое одобреніе восточной политикѣ Гладстона и порицалъ образъ дѣйствій парламента, который утратилъ ту высокую славу, какой онъ пользовался въ былое время.

Г. Уэллеслей прибылъ сюда и имѣлъ вчера совѣщаніе съ лордомъ Дерби въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

По извѣстіямъ изъ Константинополя, полученнымъ газетой «Times», Кадри-паша сдѣлалъ иностраннымъ посламъ сообщеніе о готовности Порты принять посредничество для заключенія мира съ Россіей. Порта согласна даровать Болгаріи автономію съ назначеніемъ губернаторовъ изъ христіанъ.

— 26-го іюля, вторникъ. Кинэли обратился, въ палатѣ общинъ, къ правительству съ вопросомъ, имѣетъ ли оно свѣдѣніе о существованіи между Россіею, Австріею и Германіей соглашенія относительно раздѣла Турціи. Сэръ Норскотъ отвѣчалъ на это, что по этому предмету правительство не имѣетъ свѣдѣній, которыя могло бы сообщить палатѣ. Кинэли заявилъ, что такой отвѣтъ мало удовлетворителенъ и что поэтому онъ возобновитъ свой вопросъ.

— 27-го іюля, среда. По сообщенію «Агентства Рейтера», секретарь англійскаго посольства въ Вашингтонѣ, Плёнкетъ, назначенъ на такую же должность въ Петербургѣ, а секретарь посольства въ Ріо-Жанейро, Друммондъ, переведенъ на такую же должность въ Вашингтонъ.

— 27-го іюля, среда. Секретарь казначейства, Дайкъ, заявилъ въ палатѣ общинъ, что секретарь казначейства, Смитъ, назначенъ первымъ лордомъ адмиралтейства. Извѣстіе это встрѣчено палатою съ большимъ одобреніемъ.

— 28-го іюля, четвергъ. «Агентству Рейтетера» телеграфируютъ изъ Бомбея, что сегодня туда прибылъ акредитованный при афганскомъ эмирѣ турецкій посланникъ. Большое число магометанскихъ предводителей приготовили ему восторженную встрѣчу.

— 28-го іюля, четвергъ. Лордъ Биконсфильдъ сдѣлаетъ въ палатѣ лордовъ — вѣроятно, до закрытія, а можетъ быть уже сегодня вечеромъ — важныя заявленія относительно восточной политики Англіи.

— 28-го іюля, четвергъ, вечеромъ. Въ засѣданіи палаты общинъ, сэръ Норскотъ просилъ Бентинка не вносить своего запроса по восточнымъ дѣламъ. «Правительство признаетъ — сказалъ Норскотъ — что пренія по восточному вопросу были бы желательны, но полагаетъ, что пренія эти будутъ невыгодны, съ точки зрѣнія службы обществу». Бентинкъ взялъ свой запросъ назадъ. Фоусетъ заявилъ, что, какъ онъ узналъ, палата лордовъ будетъ обсуждать восточный вопросъ; поэтому онъ спрашиваетъ, почему не можетъ заняться его обсужденіемъ также и палата общинъ? На это сэръ Норскотъ возразилъ, что и въ палатѣ лордовъ Эверсгеймъ, согласно желанію правительства, взялъ назадъ свой запросъ. Такимъ образомъ, теперь исчезла вѣроятность того, чтобъ лордъ Биконсфильдъ сдѣлалъ заявленіе по восточному вопросу.

— 29 го іюля, пятница. Г. Боркъ заявилъ въ палатѣ общинъ, что относительно проектированной Австріею мобилизаціи, на случай, еслибъ Румынія и Сербія приняли участіе въ войнѣ, или еслибъ русскія войска проникли въ Сербію, между Англіей и Австріей не происходило никакихъ переговоровъ. О переговорахъ русскаго Царя съ султаномъ ничего неизвѣстно.

Относительно британской политики въ Индіи, г. Гамильтонъ заявилъ, что правительство отнюдь не измѣняло своей политики въ принципѣ; измѣненіе касается лишь усвоеннаго правительствомъ метода: держаться въ сторонѣ отъ ненужнаго вмѣшательства во внутреннія дѣла пограничныхъ государствъ, не отказываясь отъ основного принципа политики. По словамъ оратора, попытка непріятельскаго вторженія въ Индію представляется на долгіе годы невѣроятною; однако, племена, живущія въ пограничныхъ округахъ, будучи возбуждаемы иноземными интригами, могутъ причинять большія опасенія. Маркизъ Гартингтонъ высказалъ надежду, что правительство не усвоитъ политики вмѣшательства, чтобъ воспрепятствовать успѣхамъ Россіи въ Средней Азіи. Сэръ Норскотъ заявилъ, что истинная политика Англіи въ Индіи упрочится, въ предѣлахъ собственныхъ владѣній, посредствомъ улучшенія управленія и положенія мѣстнаю населенія, а также посредствомъ пріобрѣтенія любви и довѣрія племенъ. «Хотя правительство, продолжалъ сэръ Норскотъ — и не опасается матеріальнаго нападенія на Индію, однако мы должны оградить себя отъ всего, что могло бы поколебать довѣріе и преданность населенія тѣхъ областей. Измѣненія этой политики въ революціонномъ смыслѣ не послѣдовало».

Газеты «Times», «Standard» и «Daily News» одобряютъ заявленія, сдѣланныя лордомъ Биконсфильдомъ. Газета «Daily Telegraph» полагаетъ, что политика министерства встрѣтитъ поддержку со стороны націи, но что правительство должно будетъ нести и отвѣтственность за послѣдствія ошибочной оцѣнки имъ положенія дѣлъ.

— 29-го іюля, пятница. Лордъ Биконсфильдъ лишь отчасти оправдалъ ожиданія, возлагавшіяся на его сегодняшнее сообщеніе въ палатѣ лордовъ; вмѣсто подробнаго мотивированнаго изложенія политики министерства, премьеръ сдѣлалъ короткое, чисто формальное сообщеніе, извиняя его тѣмъ, что считаетъ пренія по восточному вопросу вредными въ настоящую минуту. Палата, съ своей стороны, не настаивала. Лордъ Биконсфильдъ сказалъ: «что касается нашей политики, то я скажу только, что она была ясно опредѣлена и поддерживалась послѣдовательно все это время. Въ началѣ этой жестокой и разрушительной войны, правительство объявило строгій, но условный нейтралитетъ. Условія нейтралитета были заявлены въ то же время. Затѣмъ въ этомъ смыслѣ было сдѣлано сообщеніе Россіи, которая дала отвѣтъ примирительнаго свойства. Кабинетъ не имѣетъ основанія сомнѣваться, что Россія честно выполнитъ условія, которыя были предметомъ дипломатической переписки, во всякомъ случаѣ, въ поддержаніи этихъ условій будетъ заключаться политика англійскаго правительства».

Порта увѣдомила англійскаго посла Лэйарда, что она сама намѣрена отправить гарнизонъ на полуостровъ Галлиполи и усилить укрѣпленія на немъ; занятіе же полуострова англійскими войсками Порта допускаетъ единственно при условіи, если Англіи заключитъ оборонительный и наступательный союзъ съ Турціей.

— 30-го іюля, суббота. Монкъ повторилъ въ палатѣ общинъ вопросъ свой относительно того, что намѣрено сдѣлать британское правительство въ случаѣ занятія Константинополя русскими войсками. Форстеръ заявилъ, что руководители оппозиціи рѣшили не возбуждать преній по этому вопросу; но рѣшенія этого они не могли бы принять, еслибъ, въ виду послѣднихъ депешъ и заявленія правительства о томъ, что оно не отступитъ отъ соблюденія строгаго нейтралитета, они не составили себѣ убѣжденія, что правительство не предприметъ ничего, могущаго вовлечь Англію въ войну. «Правительство — продолжалъ Форстеръ — можетъ не отвѣчать на запросъ Монка. Было бы фактическимъ нарушеніемъ нейтралитета, еслибъ Англія стала предостерегать Россію, ведущую войну съ Турціей, противъ занятія Константинополя, причемъ было бы заявлено, что подобный шагъ, являющійся необходимымъ результатомъ войны, Англія должна будетъ признать враждебнымъ дѣйствіемъ; хотя, съ другой стороны, правительство, конечно, не можетъ одобрить занятія Константинополя». Сэръ Норскотъ, повторилъ, что онъ считаетъ невозможнымъ отвѣчать на вопросъ: что стало бы дѣлать правительство въ означенномъ случаѣ?

— 30-го іюля, суббота. Въ засѣданіи палаты общинъ Фаусеттъ обратился къ министерству съ требованіемъ дать обязательство, что оно во время перерыва засѣданій парламента не приметъ участія въ войнѣ, не испросивъ предварительно совѣта у парламента. Канцлеръ казначейства, лордъ Норскотъ, отвѣчалъ, что правительство вполнѣ сознаетъ обязанности, налагаемыя на него конституціей, и вполнѣ готово выполнить ихъ.

— 30-го іюля, суббота. Лордъ Дерби заявилъ въ палатѣ лордовъ, что распространенные иностранными газетами слухи, будто бы англійская политика въ восточномъ вопросѣ состоитъ въ выжиданіи раздѣла Турціи, съ тѣмъ, чтобъ принять въ немъ участіе, лишены всякаго основанія.

— 30-го іюля, суббота. Въ засѣданіи палаты общинъ, Гаркортъ высказалъ рѣшительное порицаніе образу дѣйствій адмирала Горсэ въ Перу, по отношенію къ судну «Хуаскаръ». Отправку торпедной экспедиціи въ гавани дружественныхъ государствъ Гаркортъ назвалъ нарушеніемъ международнаго права. Гокеръ доказывалъ, что, на сколько извѣстны факты, адмиралъ Горсэ имѣлъ право считать «Хуаскаръ» судномъ, неимѣющимъ національности, и такимъ, которое было виновно въ нападеніи на британскія суда, почему съ нимъ и слѣдовало обращаться, какъ судномъ непріятельскимъ. Отправка торпедной экспедиціи не была дѣйствіемъ, враждебнымъ по отношенію къ дружественному правительству, такъ какъ послѣднее само ходатайствовало о вмѣшательствѣ адмирала Горсэ.

Въ продолженіи засѣданія палаты, Фоусетъ потребовалъ объясненій о будущей политикѣ Англіи въ восточномъ вопросѣ. Онъ не желаетъ, чтобъ правительство заявило, что оно не намѣрено отступать отъ нейтралитета ни при какихъ обстоятельствахъ; ораторъ хочетъ только, чтобъ правительство, въ случаѣ, если имъ будетъ признано необходимымъ дѣйствовать по отношенію къ Россіи враждебно, сдѣлало это не иначе, какъ созвавъ предварительно парламентъ. Далѣе, Фоусетъ спросилъ, протестовалъ ли г. Лэйардъ противъ образа дѣйствій Шефкета-паши въ Батумѣ. Сэръ Норскотъ заявилъ, что по дѣлу Шефкета-паши онъ не получалъ никакихъ спеціальныхъ свѣдѣній; Лэйардъ же желалъ представленія Портѣ всякій разъ, когда это казалось необходимымъ. «Что касается восточной политики — прибавилъ Норскотъ — то правительство вполнѣ сознаетъ свои конституціонныя обязательства; которыя и будетъ соблюдать со всею точностью.»

Константинополь, 23-го іюля, суббота. Порта пригласила представителей христіанскихъ общинъ формировать изъ христіанъ милицію, которая будетъ служить для охраненія общественной безопасности, совмѣстно съ жандармами.

— (Черезъ Вѣну), 24-го іюля. Порта надѣется вскорѣ заключить заемъ при посредствѣ товарищества банкировъ, во главѣ которыхъ стоитъ вѣнскій банкиръ Гиршъ. Заемъ будетъ гарантированъ акцизными сборами съ напитковъ, продажу которыхъ Порта предлагаетъ банкирамъ взять на откупъ.

Наши гравюры.

Уводъ женщинъ въ плѣнъ.

Помѣщенная въ этомъ № гравюра служитъ дополненіемъ къ гравюрѣ подъ тѣмъ же заглавіемъ, напечатанной въ № 31 «Жив. Об.» Нѣсколько женщинъ успѣли укрыться въ храмѣ. Варвары побѣдители уже намѣревались удалиться, но явилась измѣнница, открывшая дикарямъ убѣжище несчастныхъ. Черная рабыня, узнавъ объ этомъ, поспѣшила предупредить страдалицъ, но не успѣла и должна заплатить жизнью за свое самоотверженіе. Однакожъ побѣдители, опасаясь засады, входятъ осторожно подъ своды храма...

Пересылка шпіоновъ изъ русскаго лагеря въ Вакарешти близъ Букареста.

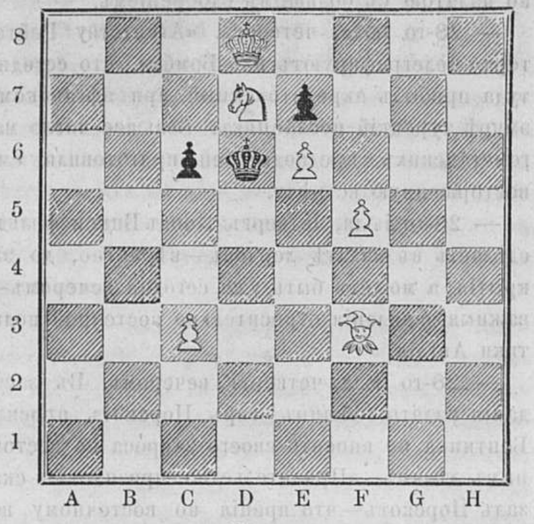
Едва-ли нужно объяснять смыслъ этой гравюры. Можно прибавить только одно, что по разслѣдованію очень часто заподозрѣнные въ шпіонствѣ оказываются мирными жителями, арестованными по ошибкѣ. Очень вѣроятно, что въ этой толпѣ, конвоируемой казаками, не всѣ шпіоны. Сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе; между шпіонами большинство евреи, которые часто удосуживаются служить шпіонами въ лагеряхъ обоихъ противниковъ. Нечего и говорить, что если такого «ловкаго» человѣка поймаютъ, то расправа съ нимъ бываетъ короткая: висѣлица или разстрѣляніе.

Шахматы.

Задача XXX.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

Черные.



Бѣлые.

Рѣшеніе задачи № XXIX.

Бѣлые. *Черные.*

1) H4—H1...

Почтовый ящикъ.

Г. М. Михайлову, г. Бѣлый. Ваше заявленіе о неаккуратной доставкѣ №№ «Живописнаго Обозрѣнія» препровождено въ Газетную Экспедицію С.-Петербургскаго почтамта. Журналъ высылается Вамъ аккуратно, а недоставка его всецѣло падаетъ на почту. Надѣемся, что недоставленные Вамъ нумера почта разъищетъ и передастъ по принадлежности.

С. Козьмодемьянскъ В. Л—ву. Охотно-бы исполнили Ваше желаніе, но обработка стихотвореній очень слаба.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи. Сѣверная шведская полярная экспедиція подъ начальствомъ проф. А. Е. Норденскіольда (оконч.). — Современные иностранные писатели (оконч.). — Два трактира. — Народныя суевѣрія (продолж.). — Озеро асфальта на островѣ Тринидадѣ. — Стихотвореніе: «Счастье». — Наши ближніе. — Палестрина. — Новости наукъ и жизни.— Смѣсь. — Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій. — Телеграммы. — Наши гравюры. — Шахматы. — Почтовый ящикъ. — Объявленія.

Гравюры: Пересылка шпіоновъ изъ русскаго лагеря въ Вакарешти, близъ Бухареста. — Городъ Красноярскъ. — Уводъ плѣнныхъ женщинъ. — Нижне-Тагильскъ. — Палестрина. — Почталіонъ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Объявленія.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ за 1875 и 1876 гг.

За каждый годъ, большой томъ изящно отпечатанный, со множествомъ рисунковъ, лучшихъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, уступается подписчикамъ каждый годъ за 3 рубля (безъ приложеній):

въ изящномъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ . . . . 4 р.
за два тома. . . . . 5 „
въ изящныхъ же переплет. .
за два тома . . . . 7 р.

Деньги на пересылку высылаются по разстоянію: за одинъ томъ на 7 фунт.; за два тома 14 фунт. (До 1000 верстъ) прилагается 1 р. на пересылку за каждый томъ; сверхъ же 1000 верстъ, на каждыя сто верстъ, прилагается 7 к. на томъ.

Въ конторѣ редакціи «ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ» находится въ продажѣ большая гравюра.

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ.

Снимокъ къ картины *Леонарда да Винчи.* Цѣна *50 коп.* съ пер. *75 коп.*

Въ конторѣ редакціи „Живописнаго Обозрѣнія“ а также въ музыкальныхъ магазинахъ В. Весселя и К⁰ и М. Бернарда, находятся въ продажѣ **ноты:**

МАРШЪ
РУССКИХЪ ДОБРОВОЛЬЦЕВЪ.

Сочиненіе **ФЛОРІАНА ГЕРМАНА.** (8 страницъ). Цѣна 1 руб. съ пересылкою 1 р 50 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА САМОЕ ДЕШЕВОЕ ИЗЪ ВСѢХЪ ЕЖЕДНЕВНЫХЪ, ПОЛИТИЧЕСКИХЪ И ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ИЗДАНІЙ
ГАЗЕТУ
„НОВОСТИ“
на 1877 годъ.

Въ С.-Петербургѣ, Больш. Садовая д. № 47,
» Кронштадтѣ, въ отдѣлен. газ. «Новости»,
» Москвѣ, въ московскомъ отдѣленіи газеты «Новости, на углу Дмитріевки и Охотнаго ряда, д. Благороднаго Собранія, въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Живарева.

Въ Казани, въ отдѣленіи конторы газеты «Новости» при книжномъ и музыкальномъ магазинѣ «Восточная Лира».

Цѣна на 8 мѣсяцевъ съ 1 мая по 1 января 1878 года для иногородныхъ 7 рубл., для городскихъ подписчиковъ съ доставкою 6 рубл:, на 1 годъ 9 руб.; на другіе сроки по 1 руб. за каждый мѣсяцъ.

По богатству, разнообразію и свѣжести извѣстій какъ политическихъ и внутреннихъ, вообще, такъ и съ театра войны, въ особенности, газета «Новости» нисколько не отличается отъ наиболѣе распространенныхъ ежедневныхъ изданій.

Во все время войны въ газетѣ «Новости» будутъ печататься спеціальныя корреспонденціи и телеграммы съ Дуная, Кавказа и Персидской границы, изъ славянскихъ земель и Константинополя.

Кромѣ того въ газетѣ «Новости» постоянно печатаются всѣ телеграммы «Международнаго Тел. Агент.» и «Agence génér. russe».

При настоящемъ нумерѣ Живописнаго Обозрѣнія разсылается всѣмъ подписчикамъ приложеніе за августъ „ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО“.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 6 Августа 1877 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Гос. Публичная б-ка в Ленинграде

№ 33. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода—4 р. 50 к. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 14 Августа 1877 года. Адресъ конторы редакціи: С.-Петербургъ, Троицкій переулокъ, домъ № 27/1. Годъ V.

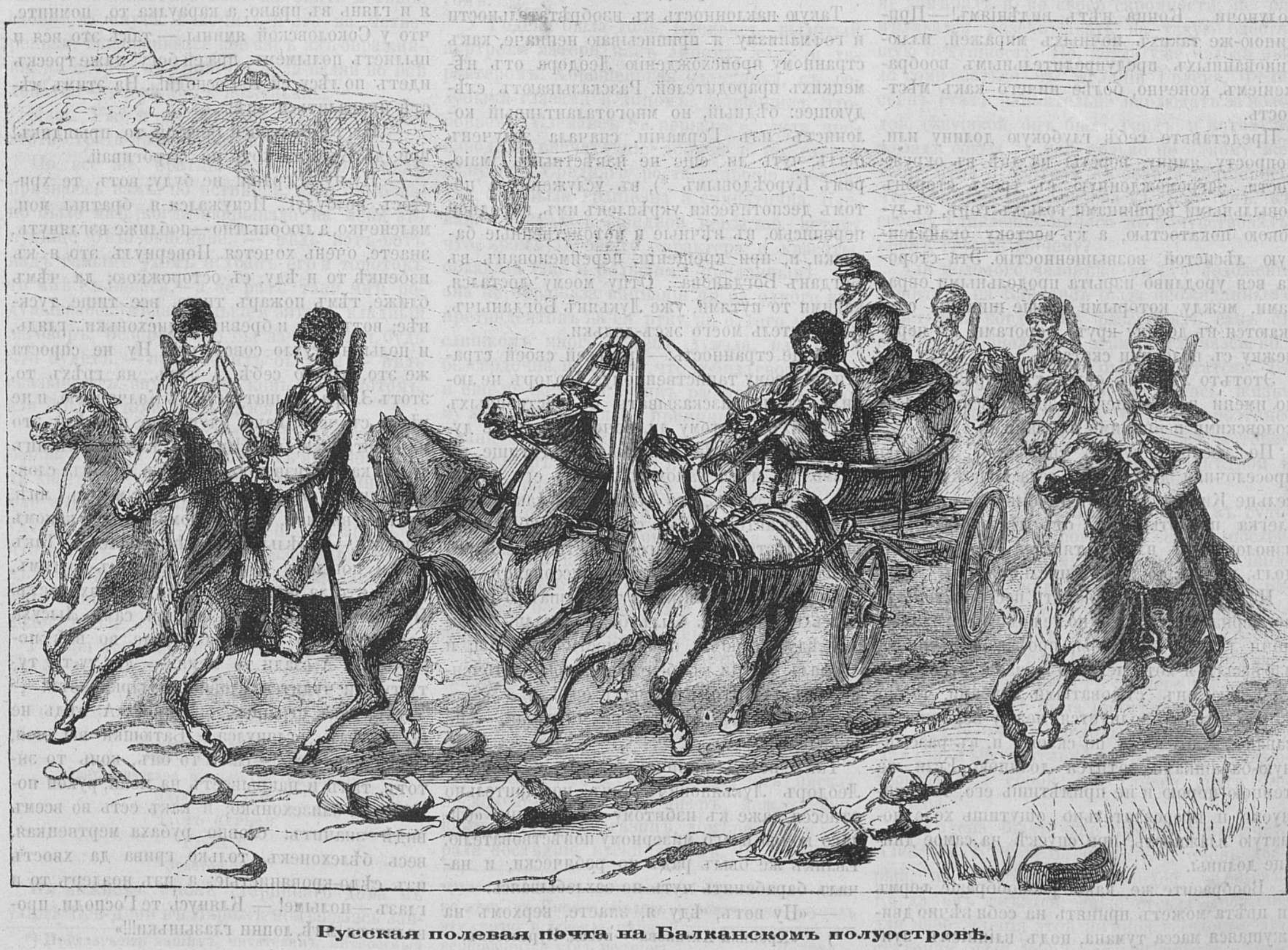
Подписка на „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ 1877 г. продолжается.

Въ 1877 году журналъ выходитъ **еженедѣльными** нумерами (въ годъ 52 нумера), иллюстрированными множествомъ художественныхъ гравюръ. Всѣ подписчики получаютъ, **въ видѣ премій**, ежемѣсячное приложеніе подъ заглавіемъ «Жизнь и Хозяйство», со множествомъ рисунковъ. Годовымъ подписчикамъ разсылаются слѣдующія преміи: большая гравюра **„Продажа амулетовъ“**, снимокъ съ картины проф. **Генриха Семирадскаго**, на толстой веленевой бумагѣ, длиною одинъ аршинъ, шириною $12\frac{1}{2}$ вершковъ, и **Карта театра военныхъ дѣйствій въ Европейской и Азіятской Турціи.**

Годовая подписная цѣна журнала, съ достав. и перес. 7 руб., безъ перес. и доставки—6 руб.; на полгода: (съ 1-го іюля), съ пересылкою—4 р. 50 коп., безъ перес.—3 руб.

Подписка продолжается. Новые годовые подписчики получаютъ журналъ съ перваго нумера.

КОНТОРА „ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ“ приглашаетъ гг. подписавшихся на журналъ съ разсрочкою — выслать къ первому сентябрю, слѣдуемыя деньги, согласно условіямъ подписки, во избѣжаніе замедленія, могущаго произойти при дальнѣйшей высылкѣ имъ нумеровъ журнала.



Русская полевая почта на Балканскомъ полуостровѣ.

Народныя суевѣрія.

Изъ охотничьихъ разсказовъ **Н. Б. Куроѣдова.**

(*Продолженіе.*)

III.

Бѣлый конь.

—А вотъ я, дяинька Лукьянычъ, такъ бѣлаго коня, ономясь, у Самойловскихъ яминъ, видѣлъ,—пра-и-богу, лопни глаза, — видѣлъ!.... затараторилъ Евлампій Фигнеръ. А надобно предупредить, что мальчуга этотъ, кромѣ охоты смертной играть почетную роль понятаго, т. е. поддакивать и правдѣ и лжи безъ разбора,—какъ и поддакнулъ онъ Кирилѣ про бѣлую берѐзку,—имѣлъ еще похвальную привычку божится то и дѣло до того, что захлебывался божбою,—вѣрнѣйшая примѣта врунишки. Двѣнадцатилѣтній, чернявый карапузикъ, смѣтливый, гнусливый, съ пуговкой вмѣсто носа и кривыми фертообразными ножками, онъ казался на видъ, да и по слову и дѣлу,—просто глуповатымъ парнишкою; къ завершенію же ансамбля, блудливъ былъ и робокъ — и кошка и заяцъ!

— Ну это, положимъ, былина-то давнишняя; а, впрочемъ, разсказывай уже кстати,— соблаговолилъ разрѣшить Леодоръ Лукьяновичъ.

Про бѣлаго коня развѣ только одинъ заѣзжій въ наши мирныя палестины невѣдаетъ; каждый туземный мальчишка слышалъ, а многіе и видѣли, если не самого коня, то другія мелкія видѣнія, въ этихъ пресловутыхъ яминахъ. Тому синіе огоньки мерещились, этой черный котъ промяукалъ человѣчьимъ голосомъ, или сѣрая ворона на лету проблеяла по бараньи, да какъ жалостно; а то и цѣлое стадо овецъ пробѣжало о полуночи.... Конца нѣтъ видѣніямъ!—Причиною-же такихъ ночныхъ миражей, иллюминованныхъ предупредительнымъ воображеніемъ, конечно, болѣе ничего какъ мѣстность.

Представьте себѣ глубокую долину или, попросту, ямину, версты на двѣ въ окружности, загроможденную съ трехъ сторонъ ковыльными вершинами голыхъ горъ, съ луговою покатостью, а къ востоку окаймленную лѣсистой возвышенностію. Эта сторона вся уродливо изрыта продольными оврагами, между которыми лысые шиканы спускаются въ долину круто порогами, въ перемежку съ пологими скатами.

Этотъто лѣсъ въ оврагахъ и прозывается по имени владѣльцевъ: Самойловскими, Соколовскими и прочими яминами.

По лѣсной опушкѣ сползаетъ змѣйкою проселочная дорога отъ села Куроѣдова въ сельце Кинельское; изъ глубины долины она слегка повертываетъ отъ лѣса вправо, на изволокъ; а влѣво тянется мочежинный долъ, вплоть до рѣки Кинельчика.

Не знаю, чѣмъ объяснить постоянство атмосфернаго явленія,—но не помню ни единой ночи лѣтней, когда бы, проѣзжая долиною, избѣжалъ я хотя легкаго тумана; а по обыкновенію, онъ сѣдоватыми клуба́ми, точно живое что-то, волнуется между вершинами, саваномъ стелется по склону и, въ разсыпную-барашками, катится долиною. Если же темною порою и не примѣтишь его, то неминуемо и преосязательно ощутишь холодноватую влажность, при спускѣ на самое днище долины.

Вообразите же, какое разнообразіе формъ и цвѣта можетъ принять на себя вѣчно движущаяся масса тумана, подъ вліяніемъ луннаго сіянія; а тутъ еще сосѣдство мочежины, мѣстами гниловато-болотистой?!

Но ни какими убѣжденіями не заставите вы любого изъ простонародія односельца моего разувѣриться въ бѣломъ конѣ и прочихъ бараньихъ видѣніяхъ.

Про Леодора же Лукьяновича и говорить нечего.—А между тѣмъ, судя по религіозности, онъ былъ человѣкъ, глубоко вѣрующій; да въ чорта то вѣрилъ, кажется, еще искреннѣе, такъ сказать, фанатически вѣровалъ. Не любилъ онъ его, конечно, но побаивался дьявола, чуть ли не больше кого слѣдовало. Только и это выходило у него странно какъ то: при такой сухости ума и характера, обладалъ упрямо горячимъ воображеніемъ, а потому ему нравилось все таинственное, страшное; и онъ, какъ будто нарочно, раздрожалъ фантазію, насиловалъ нервы, напрягалъ о̀рганы всѣхъ пяти чувствъ, ради того только, чтобы возсоздать себѣ видѣнія. — Это была слабость, конекъ его.

Никто не зналъ лучше его житіе святыхъ; но тѣхъ только, гдѣ на сцену непремѣнно являются демоны. Столѣтнія же святцы могъ прочесть наизусть, и особенно любилъ Брюсовы предсказанія; это опять таки была его слабость. Многіе годы посвящалъ онъ изобрѣтенію домашнихъ барометровъ и термометровъ, сооружая ихъ изъ всевозможныхъ хозяйственныхъ матерьяловъ и даже—гадостей; чего только не шло у него въ дѣло: свиныя кишки, рыбій пузырь, кошачья желчь, лягушья шкурка въ спирту съ приправой отрубей, соли и т. д. И, вѣрите ли, иногда ему опыты эти удавались до нѣкоторой степени. Сдѣлать же вопросъ Леодору: о грядущей погодѣ, времени нынѣшней пасхи, или о видѣніи такому то святому,—значило помазать елеемъ его по сердцу.

Такую наклонность къ изобрѣтательности и гофманизму я приписываю неиначе, какъ странному происхожденію Леодора отъ нѣмецкихъ прародителей. Разсказываютъ слѣдующее: бѣдный, но многоталантливый колонистъ изъ Германіи, сначала залученъ былъ, чуть ли еще не извѣстнымъ маіоромъ Куроѣдовымъ *), въ услуженіе; а потомъ деспотически укрѣпленъ имъ, народной переписью, въ вѣчные и потомственные батраки, и, при крещеніи, переименованъ въ Богданъ Богданова.. Отцу моему достался, какими то путями, уже Лукьянъ Богданычъ, — родитель моего эксъ-дядьки.

И еще странность:—при всей своей страсти ко всему таинственному, Леодоръ не любилъ самъ разсказывать о собственныхъ видѣніяхъ;—потому ли, почему поэтъ въ душѣ любитъ болѣе лелеять свое дѣтище въ безмолвіи, чѣмъ самому оглашать его чтеніемъ, или затѣмъ, что Лукьянычъ, какъ очень немногіе авторы, самъ сознавалъ убійственный недостатокъ своего повѣствовательнаго краснорѣчія: — отрывистый диссонансъ, при ворчливой интонаціи. За то слушать о видѣніяхъ го̀товъ онъ былъ безъ устали, забывая ѣду и прочія потребности природы; и слушалъ всегда въ безмолвіи, сосредоточенно,—съ апетитомъ слушалъ онъ!...

Хорошее это качество, гг. читатели, — не правда ли?...

Такъ вотъ причина, почему почтенный Леодоръ Лукьяновичъ такъ поощрительно отнесся даже къ избитому сюжету про «бѣлаго коня» и его мизерному повѣствователю. Евликъ же былъ радъ по ребячески, и началъ барабанить чуть не захлебываясь:

— «Ну вотъ, ѣду я, знаете, верхомъ на Лысухѣ... Лысуху то знаете? меренъ то былъ рыжій—лысый... Старый баринъ послалъ къ Кинельскому, за лекарствомъ для Таирки,— кульеромъ, значитъ. Увязался за мною Колчанка триклятый, изъ барской своры, да мой Злорадъ. Ночь же была хоть весення, а наволочная: за три шага дороги не видно. Да мнѣ что,—мнѣ наплявать! — все скокомъ и скокомъ туда и оттелева. Спустился это я назадъ въ саму яму то, и сталъ подниматься ужь шагомъ: такъ и быть, передохни, молъ, Лысухонька!—Старушка вѣдь ты. А самъ и затяни отъ скуки:

«У воротъ дѣвка стояла,
Калину ломала»...

Извѣстно, чего у нашего брата одинокаго, да въ самую ноченьку, на умѣ копышится,—дѣвье да пѣсенки: хоша оно грѣшно бы по настоящему: не мясоѣдъ былъ въ ту пору. И только я, знаете, помянулъ про дѣвку то; вдругъ это, позадь меня, изъ-за вершины то, кровяной мѣсяцъ, какъ пятакъ мѣдный, выкатился; ровно его, замѣстъ мяча, лаптой оттудова шлепнули, или московскаго калача ему колѣнкой поддали!...

— Дуррручина ты! прости Господи... Кирила Игнатьевичъ даже сплюнулъ отъ негодованія. — Вѣдь ты теперича больше грѣшишь, мозглякъ безпутный! Экую ахинею поришь про лампаду небесную: станетъ она съ тобою, паршивцемъ, въ лапту играть?!... А?—Такъ ли Лукьянычъ?

— Гмъ, оно конечно!... Ну да вѣдь щенокъ еще, — извинительно. — Покровительственно процѣдилъ сквозь зубы Леодоръ Лукьяновичъ.

— Да это я и то вѣдь такъ только, дяинька!—для блезиру, шутки ради, значитъ... Нну, это какъ засвѣтила лампада небесная, я и глянь въ право; а караулка то, помните, что у Соколовской ямины, — такъ это вся и пылнетъ полымемъ, пра ей богу! даже трескъ идетъ по лѣсу, ей те Господи!... На этимъ мѣстѣ провалиться мнѣ!...

— Ну те, съ твоей божбой то, прындикъ! ври, да Бога то хоть не затрогивай.

— Ну-ну, Еграня! не буду; вотъ те христосъ, не буду!... Испужался я, братцы мои, маленечко, а любопытно—поближе взглянуть, знаете, очень хочется. Повернулъ это я къ избенкѣ то и ѣду, съ осторожкою; да чѣмъ ближе, тѣмъ пожаръ тише, все тише, тускнѣе; вотъ уже и бревны виднехоньки... глядь, и полымя утухло совсѣмъ?!... Ну не спроста же это, мѣкаю себѣ. А тутъ, на грѣхъ то, этотъ Злорадка, шатущій, съ Калчанкою, и не вѣсть съ чего, какъ одурѣлые присѣли это на кортышки, глядѣли, глядѣли на мѣсяцъ то, да ка-акъ взвоютъ благимъ матомъ, словно волковъ причуяли!... И вздумалось мнѣ, братцы вы мои, какъ вспомнилъ въ какомъ мѣстѣ я,—о бѣлыемъ конѣ-то, знаете!... Такъ это и пошло у меня все кругомъ-кругомъ, точно кто за шиворотъ меня потряхиваетъ. Не знай ужь какъ, я-ли, или сама Лысуха повернула это въ гору то; да во всѣ ноженьки!... А сзади то меня: — «ту-ту-ту! ту-ту-ту!!» и чудится, словно пофыркиваетъ! — У-ухъ, какъ страшно, братики!... А вѣдь не вытерпѣлъ, оглянулся... Батюшки вы мои, свѣтики родные!—самъ то онъ, конь то энтотъ, такъ и накрываетъ на меня, рукой подать — близехонько; и какъ есть во всемъ видѣ значитъ: словно рубаха мертвецкая, весь бѣлехонекъ, только грива да хвостъ изъ сѣдо-кровянистые; а изъ ноздеръ то и глазъ—полыме! — Клянусь те Господи, провалиться мнѣ, лопни глазыньки!!!»

---

*) — «Хроника Аксакова»—псевд. Куролесовъ.

Я это: — «Да воскреснетъ Богъ, и расточатся!...

А онъ это—игого-го! фырръ-фырръ-фръ!...

Я опять это... а онъ опять это!...

Такъ и обмеръ, не взвидѣлъ свѣта вольнаго! Припалъ покрѣпче къ гривѣ, защурилъ свои глазыньки, да ногами Лысуху все тыкъ-тыкъ въ брюхо то... А она, такъ вотъ и выметнется, словно камешкомъ, такъ и стелется въ горку то ласточкой!—Ну-ужь и лошадка была, спасибо ей, голубушкѣ: не будь ее — згибъ-бы парень задаромъ!...

— А вѣдь какъ и пожалѣли-бъ объ тебѣ, Евлашенька, передразнилъ, пригнушивая рыжій.

Опять, Еgranька!!—выразили хмурыя брови Лукьяныча.—И задира прикусилъ языкъ.

— Вынесла Лысушенька на самую вершиночку! Ну, думаю, теперь еще ходчѣе пойдетъ подъ изволокъ, къ дому то. И полегчало немного подъ сердцемъ. Чтоже-бы вы думали, братцы мои? вѣдь опять меня такъ вотъ и тянетъ глянуть назадъ, хоть въ полъглазика перекрестился я, да какъ глянулъ.... Какъ глянулъ, точно меня кто о земь башкою треснулъ!... Загудѣло это все кругомъ, затрезвонило; ну ни дать, ни взять — подъ колоколами на колокольнѣ, въ пасочную заутреню; и засвѣтилося все вокругъ, будто плошками... это знать бѣлый конь то разсыпался. —Ну тутъ уже я болѣ ничево-чевохоньки незапамятую; будто во снѣ, послѣ тяжкаго дня страднаго. А какъ очухался только, гляжу, что за притча такая? —Лежу я подъ кручью въ Соколовской трещинѣ, окуратно эдакъ, свернувшись колачикомъ, только голову да спину, ровно послѣ угарной бани, поламываетъ. Лысупъ надо мною по лужайкѣ травку щиплетъ, пресмирнехонько; а Злорадка, шельмецъ, въ губы меня полизываетъ!... Темь же опять и тишь, словно въ омутѣ. Вскочилъ я это на четвереньки, выкорапкался кое какъ изъ овражинки, да скорѣе на конягу,—айда-валяй во всѣ лопатки,—давай Богъ ноженьки!...

Даа!.. Ужь и во вѣки же не забыть мнѣ этого страха-престрашеннаго.

Но все же, братцы вы мои, по правдѣ признаюсь вамъ, по истинной: какъ ни боязно было мнѣ, когда накрывало на меня это чудище бѣло-огненное, — вѣдь вотъ-вотъ надъ самымъ ухомъ и храпъ его и топотокъ то мнѣ слышился,—а не разъ таки мнѣ подумывалось: вѣдай только я энтотъ кладный заговоръ, безпримѣнно бы зачурался и, будь что будетъ, — проговорилъ бы его! — вѣдь сказываютъ, сичасъ же, конь-бы золотомъ, али брыліантами разсыпался?!...

— Держи карманъ пошире!... А вотъ какъ башка то твоя не разсыпалась мякиною, когда хватился ты съ мерина въ овражину? — Это вотъ диво-дивное. Да и то, впрочемъ, не удивленіе: крѣпка она у тебя, Евлашенька, что чугунъ пивной! вишь зазвенѣло только въ ней, да искры изъ глазъ посыпались; — это плошки то твои пасхальныя, да звоны колокольные...

Говоря это, скептикъ, искоса поглядывалъ на Лукьяныча.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Чортовъ волосъ *).

(Фантастическое путешествіе въ Японію).

Эдуарда Кадоля.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

Золотое Руно.

Въ нижнемъ этажѣ стариннаго дома въ улицѣ Сен-Дени въ Парижѣ помѣщалась лавка, надъ дверьми которой висѣла старая, заржавѣвшая вывѣска съ надписью: «Золотое руно, Антуанъ Годенъ, суконщикъ».

Весь торговый міръ Парижа, Седана и Эльбефа хорошо зналъ Годена; его векселя стоили наличныхъ денегъ. Годенъ былъ добродушный веселый толстякъ; онъ отлично зналъ свое дѣло и не простиралъ своихъ желаній дальше улучшенія суконнаго производства. Остроумный по природѣ, онъ любилъ посмѣяться; платя аккуратно большіе налоги, онъ считалъ себя вправѣ пошутить и надъ парламентомъ и надъ министрами, но самъ не добивался политическаго вліянія. Впрочемъ, предметомъ его насмѣшекъ была почти исключительно парижская городская администрація. «Нельзя же, платя большой налогъ, говорилъ онъ,—пѣть хвалебные гимны нашему муниципалитету, когда приходится ѣздить и ходить по грязной, худо вымощенной мостовой». Насмѣшки надъ городскимъ управленіемъ обратились у него въ привычку, стали какъ бы необходимостью его темперамента: не переработывать же себя на старости лѣтъ!

Годенъ былъ вдовъ; онъ не принадлежалъ къ тѣмъ лицемѣрамъ, которые принужденно вздыхаютъ, когда имъ напоминаютъ о покойницѣ женѣ, а между тѣмъ въ душѣ рады, что избавились отъ нея; Годенъ искренно сожалѣлъ о смерти жены, которая, дѣйствительно, была безукоризненной женой, матерью и хозяйкой; веселая, остроумная, заботливо ведущая домашнее хозяйство, она, къ несчастью, слишкомъ недолго оживляла его домъ. Входя во все, но съ большимъ тактомъ, то есть, оставаясь всегда на второмъ планѣ, она была его лучшимъ другомъ.

У Годена была дочь, Клемансъ, вылитый портретъ матери какъ лицомъ, такъ и характеромъ. Хорошенькая блондинка, съ голубыми глазами и лицомъ, дышащимъ здоровьемъ, Клемансъ съ перваго взгляда производила впечатлѣніе доброй и не глупой дѣвушки. Средняго роста, хорошо сложенная, она была граціозна и симпатична. Клемансъ считалась завидной невѣстой, потому что, кромѣ хорошаго характера и красоты, обладала еще и большимъ приданнымъ. Но она не обращала вниманія ни на одного изъ претендентовъ на ея руку, не оттого, что она слишкомъ много о себѣ думала, или была безсердечна, но потому, что любила своего отца и еще не желала съ нимъ разстаться; къ тому же воспитанная въ принципахъ старинной французской буржуазіи, она пока еще считала, что выборъ жениха по праву принадлежитъ не ей, а ея отцу. Правду сказать, въ этомъ не было слишкомъ большой жертвы съ ея стороны, потому что она отгадала намѣреніе своего отца, которое, какъ нельзя болѣе, согласовалось съ ея собственнымъ желаніемъ. Поэтому, исполненіе долга не представляло для нея особаго затрудненія.

31 марта, когда начинается нашъ разсказъ, у Антуана Годена кончали счетъ магазина. Три прикащика и мальчикъ неутомимо перекладывали товары. Хозяинъ уже ушелъ. Запершись въ своемъ кабинетѣ, окруженный счетами и бумагами, онъ писалъ нескончаемые столбцы цифръ, между тѣмъ, какъ внизу, въ магазинѣ, домѣривали и убирали послѣдніе куски суконъ. Въ семь часовъ все было кончено. Усталые прикащики, въ ожиданіи ужина, присѣли на прилавокъ.

Первый изъ нихъ былъ красивый, молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати четырехъ. Звали его Фелисьенъ Мерле. Отецъ его славился знаніемъ ткацкаго дѣла, но не могъ составить себѣ состоянія и умеръ вскорѣ послѣ своей жены, оставивъ едва вышедшаго изъ младенчества, Фелисьена, совершенно одинокимъ и почти нищимъ. Фелисьена пріютила его единственная родня, бабушка девяносто шести лѣтъ отъ роду, но вскорѣ онъ лишился и ея. Впрочемъ, отъ этой послѣдней потери, онъ не пострадалъ матеріально. Фабриканты, у которыхъ работалъ его отецъ, позаботились о его существованіи. Находя его не глупымъ и со способностями, они понемногу пріучали его къ дѣлу, оставляя ему достаточно свободнаго времени, чтобы онъ могъ чтеніемъ пополнять знанія, пріобрѣтаемыя имъ на вечернихъ классахъ у мѣстнаго школьнаго учителя.

Фелисьенъ окончилъ свое образованіе восемнадцати лѣтъ отъ роду, познакомившись поверхностно съ массой вещей, но ничего не зная основательно. Поступивъ на службу къ Антуану Годену, онъ настолько заслужилъ довѣріе и любовь хозяина, что тотъ сталъ смотрѣть на него, какъ на родного сына, рѣшился выдать за него Клемансъ и сдать ему всю торговлю.

Годенъ никому не повѣрялъ своихъ плановъ, однакожь Клемансъ догадалась о его замыслахъ и вотъ почему она такъ слѣпо довѣрила отцу свою будущность и заранѣе изъявила согласіе повиноваться ему. Она полюбила молодого человѣка безъ всякихъ стараній съ его стороны, тѣмъ болѣе, что онъ, менѣе догадливый, чѣмъ Клемансъ, ничего не замѣчалъ и, по своей скромности, не осмѣливался разсчитывать на такую блестящую будущность. Но, когда уже нельзя было сомнѣваться въ желаніи Годена, Фелисьенъ сталъ внимательно наблюдать за молодой дѣвушкой; онъ былъ гордъ, и потому не желалъ союза съ ней, только по одному желанію отца и противъ ея воли. Убѣдившись, что дѣвушка расположена къ нему, онъ, къ своему удивленію, ничего не почувствовалъ, кромѣ грусти. Почему?

Для молодого человѣка въ его положеніи женитьба на Клемансъ была неожиданнымъ счастьемъ; когда онъ разсуждалъ самъ съ собою, онъ вполнѣ съ этимъ соглашался, но... но... прежде всего онъ былъ мечтатель. Въ его воображеніи часто рисовалась жизнь полная блеска, роскоши, нѣги и поэтическихъ увлеченій, въ сравненіи съ которой его будущность казалась ему безцвѣтной и монотонной.

Стыдясь своей несправедливости къ судьбѣ, онъ никому не повѣрялъ своихъ мыслей, даже, своему лучшему другу, молодому Ландри, тоже прикащику Годена, почти еще ребенку, но одаренному такимъ любящимъ и нѣжнымъ сердцемъ, что онъ какъ бы олицетворялъ собой идеалъ дружбы. Извѣстная поговорка: «онъ пойдетъ за него въ огонь и въ воду» вполнѣ была примѣнима къ дружбѣ между этими молодыми прикащиками: Ландри, дѣйствительно, съ радостью пожертвовалъ бы собой для своего друга Фелисьена.

У Годена былъ еще третій прикащикъ: Алексисъ Бускарель, красивый, очень добрый, но простоватый молодой человѣкъ. Когда онъ смѣялся, даже стекла дрожали; для возбужденія этой шумной веселости, достаточно было самой плоской шутки. Впро-

---

*) Предлагаемъ нашимъ читателямъ интересный трудъ извѣстнаго оріенталиста. Проживъ нѣсколько лѣтъ въ Японіи, Кадоль основательно изучилъ эту страну и усвоилъ вѣрный взглядъ насчетъ совершившихся тамъ реформъ. *Пр. Ред.*

чемъ, онъ не былъ совсѣмъ глупъ, но нѣсколько неотесанъ и шелъ прямо къ цѣли, напроломъ. Онъ находилъ Клемансъ прехорошенькой и искренно сожалѣлъ, что хозяинъ, пристроивая ее, не подумалъ о немъ.

Всѣ эти молодые люди сидѣли на прилавкѣ и отдыхали, ожидая Годена. Наконецъ, послышались его шаги. Хотя въ лавкѣ было уже довольно темно, всѣ замѣтили, что выраженіе лица хозяина предвѣщало нѣчто хорошее. Можно было держать пари, что годовой счетъ оказался весьма благопріятнымъ.

— Превосходно, дѣти, сказалъ онъ, обращаясь къ прикащикамъ;—сегодня мы повеселимся. Я пригласилъ нѣсколько человѣкъ родныхъ и друзей, и заказалъ праздничный ужинъ, за ужиномъ я сообщу вамъ пріятную новость, которую никто изъ васъ и не подозрѣваетъ.

Но онъ ошибался; всѣ уже догадывались о его новости, и Клемансъ принаряжалась въ своей комнатѣ съ сильно бьющимся сердцемъ.

— Ты скоро будешь нашимъ хозяиномъ, шепнулъ Фелисьену Бускарель.

Однакожъ старикъ Годенъ, желавшій объявить послѣ десерта свою новость, которая, впрочемъ, ни для кого уже не была тайной, не вытерпѣлъ и проболтался послѣ перваго блюда. Всѣ присутствующіе показали, что въ первый разъ услышали эту новость; они предобродушно удивлялись, радовались и очень шумно выражали свой восторгъ. Бускарель радовался не менѣе другихъ, и съ полнымъ самоотверженіемъ поздравлялъ Фелисьена.

Самъ Годенъ чувствовалъ то внутреннее довольство самимъ собою, какое человѣкъ испытываетъ послѣ совершенія добраго дѣла. Онъ зналъ, что, поступая такимъ образомъ, онъ не только упрочиваетъ счастье дочери, но и другимъ подаетъ хорошій примѣръ.

— Таковъ мой планъ, сказалъ онъ,—скажите, одобряете вы его или нѣтъ?

Говоря это, онъ болѣе обращался къ дочери, и всѣ присутствующіе не безъ лукавой улыбки обратили вниманіе на молодую дѣвушку, щеки которой покрылись яркимъ румянцемъ.

— Ну, повторилъ старикъ.

Клемансъ обняла отца и, подъ предлогомъ поцѣлуя, скрыла свое лицо на его груди.

— А теперь, сказалъ старикъ, цѣлуя ее,—дай руку Фелисьену. Вы помолвлены, дѣти.

— «Браво, браво» закричали присутствующіе.

Когда Клемансъ снова сѣла на свое мѣсто, Годенъ обратился къ молодому человѣку, молчаніе котораго приписали волненію.

— Начиная съ завтряшняго дня, сказалъ онъ,—ты будешь моимъ компаньономъ; отчего, впрочемъ, не измѣнятся наши отношенія, такъ какъ давно уже я привыкъ считать тебя за родного сына.

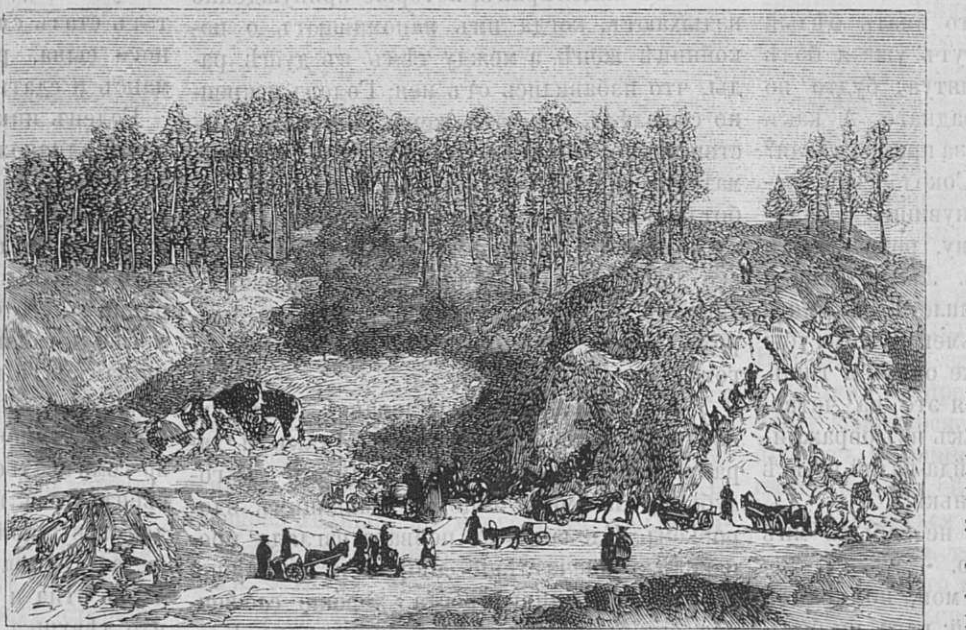
Самымъ счастливымъ изъ присутствующихъ былъ Ландри. Онъ не могъ удержаться, чтобы не выразить хозяину въ самыхъ горячихъ выраженіяхъ своего удовольствія. Конечно, такой порывъ мальчика, показался нѣсколько страннымъ, но онъ былъ такъ искрененъ, что не только никто не посмѣялся надъ нимъ, напротивъ, всѣ были глубоко тронуты.

Я не буду приводить всѣхъ послѣдующихъ подробностей праздника. У васъ, читатели, достаточно развито воображеніе и вы можете представить себѣ провозглашаемые тосты, всеобщее оживленіе, жениха и невѣсту, дружно шепчущихся, и пр. и пр. Только въ 11 часовъ поднялись изъ-за стола. Еще полчаса ушло на прощанье и все, наконецъ, погрузилось въ обычное спокойствіе. Годенъ, сопровождаемый дочерью, поднялся во второй этажъ, Бускарель и мальчикъ остались внизу, а будущій мужъ Клемансъ сопровождаемый Ландри, прошелъ въ магазинъ, гдѣ онъ обыкновенно ночевалъ.

Глава II.

Наслѣдство колдуна Мерлена.

Насколько Ландри былъ веселъ и доволенъ, настолько Фелисьенъ былъ молчаливъ и мраченъ.



Желѣзные рудники.

(Къ статьѣ: *«Шведская полярная экспедиція»*. См. № 32, стр. 66.)

— Что это! вскричалъ наконецъ Ландри, —отъ счастья ты, кажется, потерялъ способности соображенія? Глядя на тебя, можно подумать, что ты несчастнѣйшій человѣкъ въ мірѣ. Чего же тебѣ еще нужно?

— Конечно! отвѣчалъ уныло Фелисьенъ,—конечно!

— Ты обманываешь меня, я очень хорошо это вижу, возразилъ жалобнымъ тономъ Ландри.—Скажи мнѣ, что съ тобой?

Фелисьенъ началъ отговариваться, увѣряя, что нѣтъ причинъ быть ему недовольнымъ. Какого еще счастья можно желать человѣку въ его положеніи: безъ состоянія, безъ родныхъ, почти подкидышу? Одинъ изъ богатѣйшихъ комерсантовъ дѣлалъ его своимъ компаньономъ, отдавалъ ему половину громадныхъ барышей и, сверхъ того свою единственную дочь. Нужно быть очень неблагодарнымъ, если не съумасшедшимъ, чтобы не благодарить за это судьбу. Его невѣста была прелестна во всѣхъ отношеніяхъ: хороша собой, честна, уважаема всѣми и, главное, чувствовала къ нему нѣчто болѣе простой дружбы, въ чемъ и призналась ему сегодня вечеромъ, съ позволенія своего отца. Чего-жъ желать болѣе здравомыслящему человѣку? Все это Фелисьенъ повторялъ такъ настойчиво, какъ будто, кромѣ Ландри, старался убѣдить и самаго себя. Ландри, слушавшій его очень внимательно, сказалъ ему это. Тогда молодой человѣкъ смутился, потупилъ глаза и, почти съ гнѣвомъ, сразу высказалъ всѣ свои сомнѣнія.

— Да правда! я неблагодарный, съумасшедшій, недостойный счастья, которое посылаетъ мнѣ судьба! Я бы долженъ на колѣняхъ благодарить за него Бога; но я не могу, не могу! Правда, я не доволенъ; эта, повидимому, блестящая будущность не удовлетворяетъ меня. Эта независимая, богатая и полная труда жизнь, самая, повидимому, счастливая и завидная, кажется мнѣ скучной, однообразной и мрачной. Эта молодая дѣвушка, одаренная красотой и всевозможными добродѣтелями, не представляетъ для меня высшаго счастья. Она мнѣ кажется слишкомъ обыкновенной и лишенной того обаянія, которое опьяняетъ и воодушевляетъ. Ея здоровый видъ, вѣчно хорошее расположеніе духа, даже ея красота почти отталкиваютъ меня. Мнѣ кажется, что я бы могъ полюбить только существо грустное, блѣдное, граціозное. Нѣтъ, я не влюбленъ въ Клемансъ! Въ моихъ мечтахъ я вижу себя колѣнопреклоненнымъ предъ воздушнымъ созданіемъ, облокотившимся на балконъ, на берегу озера, въ которое смотрится серебряная луна.

Среди благоухающаго безмолвія, я слышу удары веселъ зопоздалаго гондольера и вижу, какъ кругомъ его летятъ миліоны брильятовыхъ брызгъ. Я слышу за бархатной занавѣской, отдѣляющей насъ, звуки пиршества, гдѣ, освѣщенная блескомъ тысячи свѣчей, волнуется толпа женщинъ, сверкающихъ красотой и роскошью наряда. И я, всемогущій властелинъ всей этой толпы, упиваюсь взглядомъ обожаемой женщины, душа которой стремится въ небесныя сферы.

Фелисьенъ говорилъ такъ серьёзно, что Ландри перепугался. «Онъ болѣнъ», подумалъ юноша.

— Подумай, другъ мой, продолжалъ Фелисьенъ, ободренный его молчаніемъ,—какая будущность готовится мнѣ! Начиная съ завтрашняго дня и до безконечности, я буду мѣрять и продовать сукно, стараясь по возможности вытянуть его, чтобы выгадать лишній вершокъ. Въ продолженіе двадцати, тридцати лѣтъ, а можетъ быть и болѣе, я буду биться, какъ рыба объ ледъ, въ этомъ тѣсномъ для меня кругѣ, заботясь только о томъ, чтобы приготовить по возможности большое приданое дочерямъ, которыхъ судьба пошлетъ мнѣ. Въ продолженіе всей моей жизни я буду дышать этимъ спертымъ воздухомъ лавки, лишенной даже солнечнаго свѣта и предсѣдательствовать за обѣденнымъ столомъ противъ моей супруги, всѣ достоинства которой будутъ заключаться только въ томъ, что она добрая женщина. Вставая съ зарею и ложась съ курами, я буду прозябать среди мелочныхъ заботъ, чуждый поэзіи и цивилизаціи... Быть устрицей, прикованной къ своей скорлупѣ, и знать, что есть гдѣ-то волнующійся океанъ, кратеры, извергающіе пламя, и безконечныя пространства, сверкающія свѣтомъ и наполненныя божественной гармоніей!

— Но, вскричалъ пораженный Ландри,— ты не въ своемъ умѣ! ты слишкомъ много пилъ и разсудокъ измѣняетъ тебѣ. Я разбужу кого-нибудь, чтобы сдѣлать тебѣ чаю.

Фелисьенъ остановилъ его съ грустной улыбкой.

— Увы! кому я повѣряю свои мечты, сказалъ онъ,—этотъ другъ даже не понимаетъ меня.

У Ландри навернулись слезы.

— Продолжай, сказалъ онъ кротко,—я вижу, ты страдаешь. Говори все, что у тебя на душѣ. Я постараюсь понять тебя.

Фелисьенъ только этого и желалъ.

— Видишь-ли, продолжалъ онъ, съ явнымъ наслажденіемъ прислушиваясь къ своему голосу, — есть существа, предназначенныя небомъ для высшихъ цѣлей, для которыхъ недостаточно счастья обыкновенныхъ смертныхъ. Скажи, пожалуста, какую пользу для прогресса приношу человѣчеству я, одна изъ его особей, продавая сукно въ улицѣ Сен-Дени?

— Это вѣрно, почти никакой, сказалъ Ландри,—но отчего ты убѣжденъ, что именно ты предназначенъ для высшихъ цѣлей?

— Мнѣ говоритъ это внутренній голосъ. Меня мучаютъ стремленія къ чему-то высшему. Отчего же мнѣ постоянно снятся роскошные дворцы, наполненные свѣтомъ, цвѣтами, музыкой и избраннымъ обществомъ? Отчего я вижу себя, окруженнымъ секретарями, дипломатами, и мнѣ чудится, что я распоряжаюсь правительственными дѣлами, всѣ нити которыхъ находятся въ моихъ рукахъ? Отчего, наконецъ, мой сонъ смущается какъ бы воплемъ несмѣтнаго народа, на колѣняхъ умоляющаго меня стать во главѣ его?

Не смотря на всѣ усилія, Ландри не могъ помириться съ мыслью, что этотъ приказчикъ сдѣлается преобразователемъ несмѣтнаго народа. Между тѣмъ, онъ не смѣлъ противорѣчить. Вообще щекотливо быть судьею въ подобныхъ вопросахъ. Воспоминаніе о Магометѣ, Жаннѣ д'Аркъ и другихъ, подобныхъ имъ, великихъ людяхъ, смутили добраго юноша, который въ то же время мысленно говорилъ себѣ: «Невозможно представить себѣ, чтобы человѣкъ, ничѣмъ себя незарекомендававшій, вдругъ объявилъ бы цѣлому народу: «Не заботьтесь теперь ни о чемъ, я дамъ вамъ просвѣщеніе». И всѣ бы пошли за нимъ. Когда подумаешь, сколько нужно хлопотъ, просьбъ и рекомендацій, чтобы добиться какого-нибудь ничтожнаго мѣста, то, во всякомъ случаѣ, позволительно спросить, какими средствами этотъ вдохновенный мечтатель надѣется достичь цѣли». Такого рода вопросъ и предложилъ Ландри своему другу.

— Я не сомнѣваюсь въ твоемъ призваніи, сказалъ онъ,— я даже убѣжденъ, что, если тебѣ представится возможность исполнить твое желаніе,—ты не обманешь ничьихъ надеждъ, но для этого, по меньшей мѣрѣ, нужно быть министромъ, что, согласись, для тебя невозможно, принявъ во вниманіе конкуренцію на видныя мѣста. Берегись, не слишкомъ ли ты надѣешься на свои силы, стремясь достичь невозможнаго!

Фелисьенъ усмѣхнулся, какъ человѣкъ, увѣренный въ своемъ могуществѣ.

— Вопросъ о средствахъ и путяхъ къ достиженію моей цѣли, отвѣчалъ онъ съ увѣренностью, — такъ простъ, какъ ты, можетъ быть, и не воображаешь.

Видя, что Ландри недовѣрчиво смотритъ на него, онъ продолжалъ, такъ таинственно, что слушатель его вздрогнулъ:

— Слушай.

Въ эту минуту догорѣвшая свѣча затрещала, вспыхнула раза три и совсѣмъ погасла, но магазинъ вмѣсто того, чтобы погрузиться въ темноту, вдругъ освѣтился блѣднымъ, зеленоватымъ свѣтомъ. Возбужденный Ландри вздрогнулъ, но черезъ минуту улыбнулся, понявъ, что луна свѣтила въ окно магазина. Однакожь, это объясненіе не помогло и Ландри по прежнему какъ-то странно чувствовалъ себя.

— Слушай! повторилъ Фелисьенъ, придвигаясь къ дрожащему Ландри. — За неимѣніемъ въ своей родословной знаменитыхъ предковъ, я имѣю преимущество считать своимъ дальнимъ родственникомъ колдуна Мерлена, о которомъ ты, конечно, слышалъ. Впослѣдствіи фамилія Мерлена утратила свой послѣдній слогъ и я уже называюсь просто Мерле. Моя старая бабушка оставила мнѣ бумаги, изъ которыхъ обнаруживается наше родство съ Мерленомъ. Мой пращуръ былъ знаменитѣйшимъ астрологомъ и алхимикомъ и вмѣстѣ другомъ короля Артуса, рыцаря «Круглаго стола». Преданіе говоритъ, что онъ умеръ своей собственной смертію на островѣ Бордзе, куда онъ скрылся на стеклянномъ кораблѣ, но это ложь. Онъ попалъ въ руки инквизиторовъ. Его хотѣли сжечь, но онъ однимъ словомъ погасилъ костеръ. Его хотѣли повѣсить, но ни одна веревка не выдерживала его; наконецъ, его приговорили къ обезглавленію, но въ ту минуту, когда топоръ опускался на его шею, его тѣло исчезло, и на эшафотѣ осталась одна одежда. Такова была власть моего пращура. Впослѣдствіи нашли его могилу. Это было нѣчто въ родѣ подземной пещеры. Трупъ лежалъ на мраморной плитѣ, и такъ хорошо сохранился, что его можно было принять за спящаго человѣка. Къ несчастію, къ нему прикоснулись и онъ весь разсыпался. Мерленъ оставилъ своему семейству драгоцѣнныя бумаги. Время попортило ихъ и только двѣ изъ нихъ возможно разобрать: одна—его генеалогія, другая же то, что называется волшебной книгой, въ полномъ смыслѣ этого слова. Она наполнена кабалистическими формулами, плодомъ его безсонныхъ ночей и постояннаго труда, — формулами, въ силу которыхъ, если ихъ правильно и серьезно произносить, духъ тьмы дѣлается покорнымъ слугою заклинателя.

Несмотря на довѣрчивость и доброту Ландри, онъ, наконецъ, не вытерпѣлъ.

— Одно изъ двухъ, вскричалъ онъ,—или ты помѣшался, или ты надо мной насмѣхаешься. Въ нашъ вѣкъ, когда электричество въ одну секунду обноситъ человѣческое слово семь разъ кругомъ земного шара, невозможно заставить мало-мальски мыслящее существо вѣрить въ чертовщину. Если ты говоришь серьёзно, ты жертва больного воображенія и никакими силами ты не убѣдишь меня, что, произнося кабалистическія слова и дѣлая соотвѣтствующіе имъ жесты и гримасы, ты заставишь явиться и повиноваться тебѣ существо чисто идеальное.

— Попробуемъ? сказалъ Фелисьенъ.

— Зачѣмъ?

— Чтобы убѣдиться?

— Этого я вовсе не желаю.

Въ свою очередь, будущій зять Годена разсердился.

— Вотъ наши современные умники! воскликнулъ онъ. — Узнавъ, что электричество облетаетъ земной шаръ семь разъ въ секунду, что земля обходитъ вокругъ солнца въ 365 дней съ четвертью, что измѣрена величина луны, они, въ силу этого, безъ всякого основанія отвергаютъ существованіе невидимыхъ существъ, о которыхъ упоминается на каждой страницѣ лѣтописей человѣчества. Вы, умники, кричите: все это глупости. Колдуновъ сжигали сотнями, до сихъ поръ архивы наполнены ихъ процессами и признаніями. Вы не признаете чорта и въ то же время допускаете, что время и пространство безконечны, что нѣтъ такого цѣлаго, отъ котораго нельзя бы было взять половины!

— Такъ ты признаешь чорта? спросилъ Ландри.

— Я признаю его именно, потому что признавать его вы считаете абсурдомъ, отвѣчалъ Фелисьенъ торжествующимъ голосомъ.—Во всякомъ случаѣ, я не признаю за собой права отвергать то, что только ускальзываетъ отъ моего пониманія. Я считаю неслыханной смѣлостью ограничивать видъ и состояніе всякаго предмета, только пятью сторонами, въ силу того только, что человѣкъ одаренъ пятью чувствами. Кто поручится, что въ далекомъ будущемъ не явится существо болѣе совершенное, одаренное какимъ-нибудь шестымъ чувствомъ, которое дастъ ему возможность понимать природу болѣе широко, чѣмъ понимаемъ ее мы. Отчего же, если теплота и электричество проникаютъ въ тѣло безъ перемѣщенія молекулъ, ты считаешь невозжнымъ существованіе кругомъ насъ воздушныхъ существъ, хотя бы мы ихъ и не видали и даже не чувствовали ихъ присутствія. Если бы возможно было одарить человѣка чутьемъ, какимъ обладаетъ собака, угадывающая въ хорошемъ или дурномъ расположеніи духа ея хозяинъ, тогда нашлись бы тысячи способовъ пополнить наши знанія. Съ этого момента, все настоящее рухнуло бы само собою; существамъ болѣе развитымъ понадобились бы другіе нравы, другія чувства, другія учрежденія. Все надо бы было создавать снова. И зная все это также хорошо, какъ и я, ты осмѣливаешься утверждать: «Это есть, а этого нѣтъ и быть не можетъ». Сумасшедшій ты, а не я! Мы правы, говоря, что мы буквально ничего не знаемъ, но что все всегда возможно — это непреложная истина.

— Наконецъ, сказалъ озадаченный Ландри, что же ты хочешь дѣлать?

— Я хочу попробовать, вотъ и все.

— Ну чтожъ! пробуй, я не буду тебѣ мѣшать.

Не смотря на настойчивость, съ которой Фелисьенъ защищалъ свои убѣжденія, его увѣренность нѣсколько поколебалась, когда онъ не встрѣтилъ болѣе отпора со стороны Ландри, спокойствіе котораго было убійственно. Согласясь на опытъ, онъ не вѣрилъ ни одному слову своего друга и уступилъ ему чисто изъ любезности. Онъ терпѣливо смотрѣлъ, какъ Фелисьенъ чертилъ круги на полу и въ воздухѣ, бормоча какія-то кабалистическія слова. Ландри былъ убѣжденъ, что Фелисьенъ упрямится изъ самолюбія и, по свойственной ему добротѣ, уже придумывалъ, какими бы словами утѣшить друга, когда тотъ убѣдится въ своей ошибкѣ.

Вдругъ Ландри поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ. Онъ еще ничего не видѣлъ и не слышалъ, но почувствовалъ сильный запахъ сѣры. Откуда было взяться этому запаху въ магазинѣ суконъ? Онъ принялъ это за обманъ своего воображенія, но, взглянувъ на Фелисьена, былъ пораженъ выраженіемъ его лица: въ глазахъ его свѣтилось торжество.

— Слышишь? спросилъ онъ.

Ландри не имѣлъ силъ отвѣчать. Да, онъ чувствовалъ и если самъ заклинатель чувствовалъ тоже самое, то онъ не могъ болѣе сомнѣваться. Неужели же это правда! неужели чортъ появится. Бѣднякъ страшно струсилъ при мысли о возможности свиданія, къ которому онъ не подготовился. Притомъ же чортъ чорту рознь. Въ какомъ расположеніи духа появится вызываемый. Ландри былъ страшно взволнованъ и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы стыдился своего невольнаго страха.

Вдругъ послышался страшный трескъ и магазинъ освѣтился необъяснимымъ свѣтомъ. Ландри задыхался. Онъ хотѣлъ остановить Фелисьена, удвоившаго усилія, но не могъ. Онъ хотѣлъ вскрикнуть, но голосъ замеръ у него въ горлѣ. Пробило полночь. Ландри показалось, что онъ слышитъ двѣнадцать ударовъ грома. Полъ магазина раздался и пропустилъ струю такого сильнаго свѣта, что Ландри принужденъ былъ закрыть глаза рукою. Когда же онъ осмѣлился взглянуть, онъ убѣдился въ томъ, что ничего нельзя отвергать, не зная навѣрно. Чортъ стоялъ передъ нимъ!...

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

* * *

Закаленное стекло.

Подъ словомъ закалки какого-нибудь вещества подразумѣвается внезапное охлажденіе его послѣ накаленія, которое производится слѣдующимъ способомъ: вещество, совершенно раскаленное, опускаютъ въ холодную жидкость; большая или меньшая закалка вещества зависитъ отъ степени накаленія и отъ быстроты и степени охлажденія. Закалку можно отчасти или даже совершенно уничтожить. Эта обратная операція—прокаливаніе—состоитъ въ нагрѣваніи закаленнаго вещества и постепенномъ его охлажденіи. Если его нагрѣвать до температуры закалки, то отъ нея не останется никакого слѣда; если же температура при прокаливаніи ниже, то уменьшается только степень закалки, но она не уничтожается вполнѣ.

Опыты съ закалкою стекла и замѣчательныя свойства закаленнаго стекла были въ первый разъ произведены и изслѣдованы въ XVII столѣтіи: были получены «стеклянныя слезы» или «слезы принца Рудольфа». Въ настоящее время такія слезы производятся на стеклянныхъ заводахъ, какъ рѣдкость, и получаются отъ медленнаго капанія жидкаго стекла со стержня въ сосудъ съ холодной водой. Получаемая такимъ образомъ слеза или капля (рис. 1) при охлажденіи отламывается отъ стержня.

Замѣчательное свойство этихъ капель состоитъ въ томъ, что онѣ не разбиваются, если ударить по толстой ихъ части молоткомъ, но если отломать маленькій кусочекъ хвоста, то онѣ немедленно разсыпаются на множество частей. До послѣдняго времени это явленіе объясняли тѣмъ, что стекло снаружи остывало и твердѣло скорѣе, чѣмъ внутри; находящаяся же внутри масса, остывая медленнѣе, послѣ затвердѣнія наружной оболочки, не могла уже застыть вполнѣ и оставалась только въ сгущенномъ, но не плотномъ видѣ; въ силу этого, въ то время, когда наружная оболочка разламывалась, внутреннія частицы, не плотно связанныя между собою, естественно должны были разсыпаться на множество мелкихъ частей.

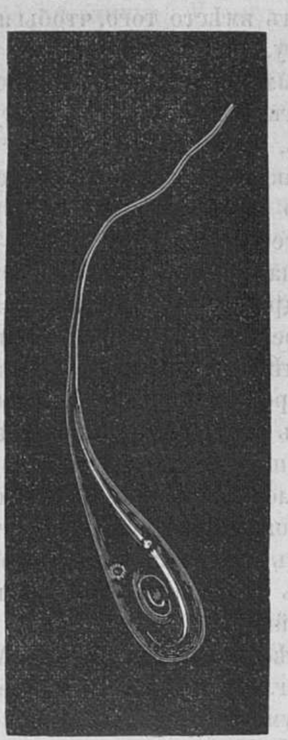


Рис. 1.

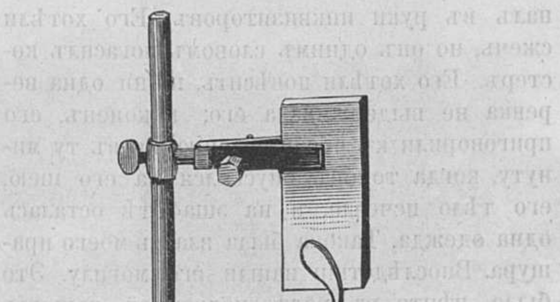


Рис. 2.

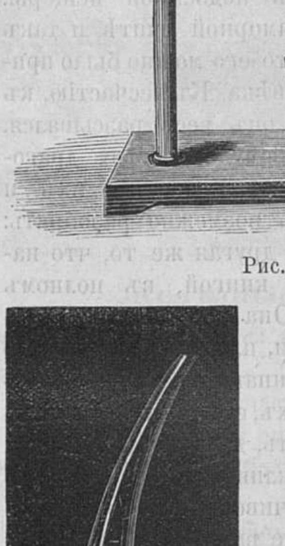


Рис. 3.

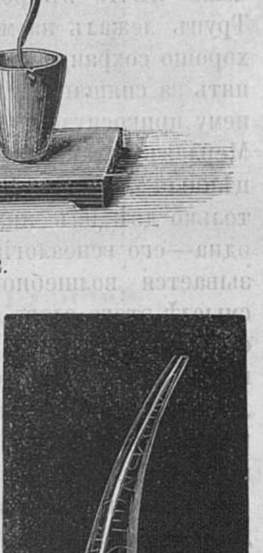


Рис. 4.

Викторъ де-Люинъ однакожь опровергаетъ эту теорію; по его мнѣнію, указанныя свойства «слезы» зависятъ, главнымъ образомъ, отъ состоянія ея наружныхъ слоевъ, а внутренняя масса играетъ въ этомъ явленіи второстепенную роль. Для подтвержденія этого вывода онъ предлагаетъ произвести слѣдующій опытъ: надъ платиновымъ сосудомъ съ фтористо-водородною кислотою вѣшается стеклянная капля такъ, что только конецъ или хвостъ капли погруженъ въ жидкость. Фтористо-водородная кислота разъѣдаетъ стекло и капля постепенно опускается въ жидкость, хвостъ отдѣляется, но за его отдѣленіемъ не слѣдуетъ тотчасъ же размельченія частей слезы. Оно происходитъ въ томъ случаѣ, если хвостъ уничтожится кислотою до самаго мѣста расхожденія или расширенія грушевидной формы, иначе сказать, до самой шейки слезы. Если же, наоборотъ, опускать сначала широкій конецъ слезы въ кислоту, то слои стекла постепенно разъѣдаются кислотою, и подъ конецъ распадаются, при чемъ цѣлыми остаются хвостъ и шейка или начало слезы.

Эти опыты доказываютъ, что прочность слезы, главнымъ образомъ, зависитъ отъ цѣлости той части стекла, гдѣ начинается шейка слезы, и что до тѣхъ поръ, пока она цѣла, можно удалять всѣ наружные слои слезы и она не распадется. Изъ этого слѣдуетъ, что наружные слои не составляютъ существенной части для сохраненія равновѣсія. Постепенно уничтожая посредствомъ фтористо-водородной кислоты широкій конецъ слезы, останется одинъ только хвостъ. Если опускать въ жидкость широкимъ концомъ разомъ нѣсколько слезъ и разновременно вынимать ихъ изъ жидкости, то ядра получаются разной величины и прочности.

Слеза составлена изъ неравномѣрно закаленныхъ и вслѣдствіе этого неравномѣрно расширенныхъ слоевъ стекла. Расширеніе наржуныхъ слоевъ во время закалки производитъ изогнутую линію, образующуюся отъ сжиманія внутреннихъ частицъ слезы по направленію къ оси. Разрѣзавъ слезу въ такомъ мѣстѣ, чрезъ которую проходитъ ось, мы увидимъ, что стекло въ наружныхъ слояхъ, называемыхъ Люиномъ активными, будетъ находиться въ такихъ точно условіяхъ, какъ въ стеклянномъ блюдѣ, подвергнутомъ сжиманію: наружныя части расширяются, внутреннія сжимаются, а между ними находится нейтральный слой, въ которомъ стекло остается въ настоящемъ своемъ видѣ. Въ слезѣ сжиманіе доведено до крайней степени; всѣ расширенные и сжатые отъ сжиманія слои соединяются въ шейкѣ слезы; вотъ почему прочность слезы зависитъ отъ прочности шейки; если прочность шейки ослаблена, активные слои, вслѣдствіе напряженія при сжиманіи, будутъ стремиться къ равновѣсію, а черезъ это самое произойдетъ разрывъ слезы. Если же наружные слои медленно уничтожаются, такъ что шейка остается невредимой, то остальные слои поддерживаются противодѣйствующими внутренними слоями, и равновѣсіе сохраняется.

Если неравномѣрные изгибы, производящіе отъ неравномѣрной закалки наружныхъ слоевъ, начинаютъ отдѣляться другъ отъ друга, то частицы стекла въ каждомъ слоѣ располагаются въ обратномъ положеніи, смотря по тому, откуда начинается раздѣленіе съ хвоста или широкаго конца; при поперечномъ разрѣзѣ слегка закаленнаго стекла центральныя части не перемѣняютъ положенія, между тѣмъ какъ крайнія частицы сильно закаленнаго стекла его измѣняютъ. При этомъ получается усѣченный конусъ, верхушка котораго обращена или къ хвосту или широкому концу, смотря по тому, откуда началось дѣленіе частей.

Для доказательства этого положенія Люинъ вправилъ слезу въ гипсъ, какъ показано на рус. 2, хвостъ былъ уничтоженъ фтористо-водородною кислотою, а широкій конецъ отрѣзанъ пилою. Частицы послѣ разрыва сохранили свое положеніе, благодаря гипсу, такъ что можно было удобно изучить положеніе и форму ихъ. Слеза бываетъ обыкновенно такой формы, какъ показано на рис. 3, но при отдѣленіи частицъ обнаруживается, что она составлена изъ нѣсколькихъ усѣченныхъ конусовъ, взаимно соединенныхъ другъ съ другомъ. На рис. 4 изображена слеза, хвостъ которой былъ уничтоженъ кислотою. Верхушки конусовъ обращены къ хвосту. Слеза на рис. 5, была разрѣзана на широкомъ концѣ, и верхушки конусовъ обращены къ этому концу. Наконецъ, на рис. 6 изображена слеза, разрѣзанная посрединѣ, и въ каждой изъ двухъ половинокъ конусообразныя верхушки расположены въ обратномъ положеніи. Случается иногда, что при дѣйствіи на слезу кислоты хвостъ распадается въ одно время съ наружными слоями и получается слеза такой формы, какъ показано на рис. 7.

Подобныя же явленія замѣчаются и въ цилиндрическихъ стержняхъ закаленнаго стекла. Часто случается, что при нагрѣваніи стержня на одномъ концѣ, онъ разбивается вдоль, при чемъ получаются удлиненныя коническія частицы. Если опускать въ воду болѣе или менѣе толстыя нити жидкаго стекла, то они застываютъ спиралями, или весьма длинными или перекрученными. Эти нити сильно напряжены, благодаря закалкѣ наружнаго слоя, такъ что если одинъ конецъ спирали или трубки будетъ погруженъ въ кислоту, то они распадаются, точно слезы. Если вправить трубку въ гипсовую форму и затѣмъ перерѣзать ее пополамъ, мы увидимъ что конусообразныя верхушки частицъ будутъ расположены въ противоположномъ направленіи, какъ показано на рис. 8 и 9.

Если закаленныя нити очень тонки, то онѣ сильно перекручиваются; въ такомъ случаѣ достаточно погрузить одинъ конецъ въ хлористо-водородную кислоту, чтобы произвести разрывъ. Когда изъ большой массы стекла получаютъ цилиндрическіе стержни, то на концахъ остатка образуются грушевидные, похожіе на слезы, закругленные куски. Когда ихъ отдѣляютъ отъ паяльной трубки, они при охлажденіи распадаются, какъ слезы, разрѣзаемыя съ широкаго конца, какъ показано на рис. 10. Одинъ изъ кусковъ этихъ огромныхъ слезъ, случайно разбившись, обнаружилъ слѣдующее удивительное явленіе: при сжиманіи его между пальцами, оказалось, что онъ былъ сильно нагрѣтъ; эта теплота, вѣроятно, произошла отъ разрыва. На рис. 11 изображена слеза богемскаго стекла, распавшаяся во время сильнаго охлажденія.

Свойства закаленнаго стекла могутъ быть открыты во всякой стеклянной вещи, внезапно охлажденной въ воздухѣ послѣ сильнаго накаливанія. Выдувальщики стекла, послѣ испытанія извѣстнымъ приборомъ, изображеннымъ на рис. 12, качества стекла, небрежно бросаютъ его на полъ и оставляютъ на полу пока оно остынетъ. Такимъ образомъ, брошенная стеклянная вещь неразбивается отъ самаго сильнаго удара по наружной сторонѣ, но если въ средину ея падетъ какое-нибудь тяжелое тѣло, она разбивается въ дребезги.

Свойства, замѣчаемыя въ стеклянныхъ слезахъ, какъ мы уже сказали, могутъ быть открыты и вообще въ закаленномъ стеклѣ. Но если стекло закалено не вполнѣ, по разбитымъ кускамъ нельзя опредѣлить степень закалки. Она опредѣляется дѣйствіемъ стекла на поляризованный свѣтъ. Если поставить стеклянный подносъ, закаленный, а потомъ охлажденный на воздухѣ между двумя никкелевыми призмами и направить паралельныя лучи такъ, чтобы они пересѣкали стекло, получатся блестящія полосы, расположенныя, какъ показано на рис. 13. Форма разноцвѣтныхъ полосъ зависитъ отъ формы подноса.

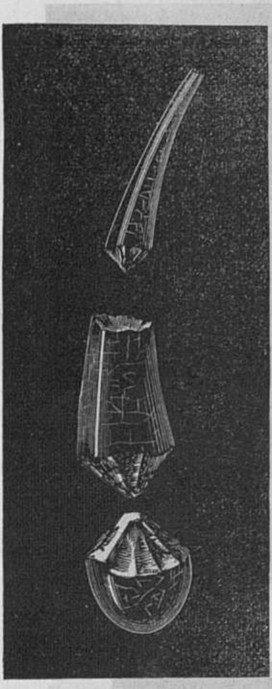


Рис. 5.

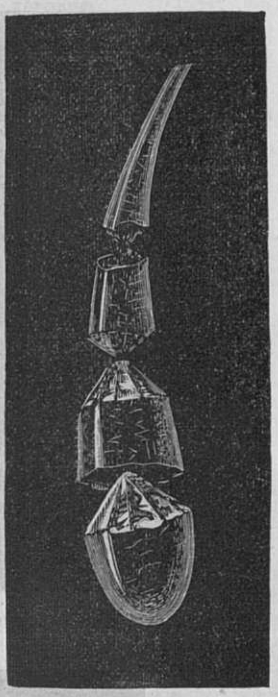


Рис. 6.

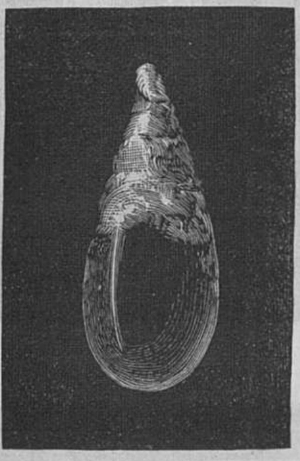


Рис. 7.

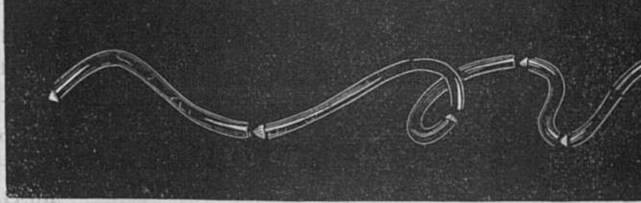


Рис. 8.

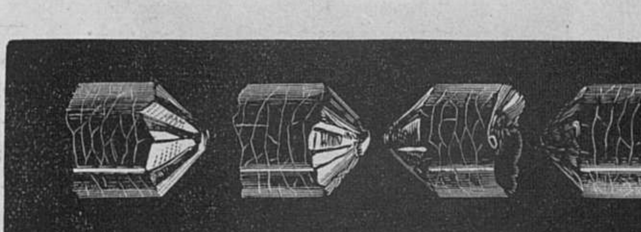


Рис. 9.

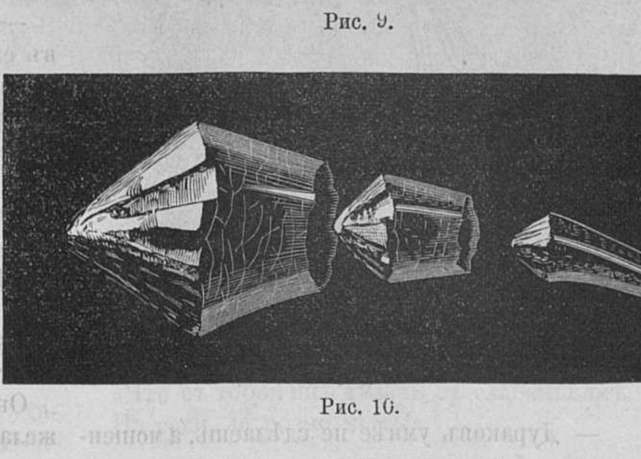


Рис. 10.

Если плоскій, на подобіе линейки, кусокъ стекла вправить въ винтъ и поставить между двумя никкелевыми призмами, онъ не произведетъ никакого дѣйствія. Заставьте винтъ вращаться; по мѣрѣ того, какъ стекло вращается вмѣстѣ съ винтомъ и, слѣдовательно, находится подъ вліяніемъ паляризованныхъ лучей, замѣчается по среди линейки черная полоска; затѣмъ концы линейки окрашиваются и появляется множество разноцвѣтныхъ полосъ. Остановите винтъ; явленіе окрашиванія уничтожается, и стекло опять принимаетъ первоначальный видъ.

Опустимъ стеклянную слезу въ сосудъ съ паралельными сторонками и съ угольной кислотою. Когда она подвергается дѣйствію поляризованнаго свѣта (рис. 14), вокругъ нея замѣчаются разноцвѣтныя полосы, похожія на тѣ, которыя получались при вращеніи стеклянной линейки. Опыты доказали, что закалка производитъ такое же дѣйствіе, какъ и вращеніе, съ тою только разницею, что результаты отъ закалки постоянные, между тѣмъ какъ отъ вращенія исчезаютъ какъ только дѣйствующая причина устраняется. Наука доказала, что закаленное стекло, подверженное дѣйствію поляризованнаго свѣта, сопровождается тѣми же явленіями, какъ и стекло, подвергнутое вращенію.

* * *

Наши ближніе.

(Фельетонные наброски.)

(*Продолженіе.*)

— Вы сегодня гдѣ думаете убивать свой вечеръ? спросилъ онъ меня, когда мы оканчивали обѣдъ.

— Вѣроятно, дома. У меня срочная работа есть, отвѣтилъ я.

— Ахъ, да, я и забылъ, что вы къ литературному стойлу пристроились, замѣтилъ онъ, улыбаясь. Это хорошо; такъ удобнѣе жить; чуть не знаешь, куда себя дѣвать—сейчасъ и идешь въ свое стойло, ну, и успокоишься. Нашему брату, людямъ, не вошедшимъ ни въ какое стойло, труднѣе успокоиваться, никогда не знаешь, куда себя дѣвать, все измышляешь, какъ бы это такъ сдѣлать, чтобы день прошелъ.

— Кто же мѣшаетъ пристроиться? Изберите опредѣленное занятіе, отвѣтилъ я банальною фразой.

— Поздно, батюшка, стараго воробья на мякинѣ проводить! махнулъ онъ рукою. Ужь къ какому дѣлу я ни пристройся, а все таки не могу себя обмануть, что это дѣло — дѣйствительно дѣло, а не то же бездѣлье да еще бездѣлье-то отупляющее.

— Я васъ не совсѣмъ хорошо понимаю.

— Объяснимтесь. Вы вотъ пишете тамъ что-то и печатаете. А какъ вы думаете, то ли вы именно пишите, что, по вашему убѣжденію, необходимо нужно писать? Не пишете ли вы только того, что вамъ можно и удобно писать? Пишете ли вы потому именно, что обществу необходимо ваше писанье? Не пишете ли вы только потому, что вамъ самимъ нужно же что-нибудь дѣлать, чтобъ не сидѣть сложа руки и жрать? Подготовлены ли вы вполнѣ къ писанью? Не пишете ли вы иногда и такое, въ вѣрности чего вы не вполнѣ увѣрены? Поразберите-ка все это — и вы увидите, что вы чаще всего бездѣльничаете точно такъ же, какъ и мы грѣшные, съ тою только разницею, что вамъ за ваше бездѣльничанье платятъ деньги, а намъ не платятъ. И такъ въ каждомъ дѣлѣ: пользы отъ дѣла на грошъ, вреда на рубль, а плата за дѣло — десятки и сотни рублей.

— У васъ удивительно парадоксальный складъ ума, засмѣялся я.

— Ну, еслибъ мы стали спорить, такъ еще это вопросъ, кому изъ насъ пришлось бы отстаивать свое мнѣніе большими парадоксами: вамъ ли, признающему пользу разныхъ ремесленныхъ занятій людей, или мнѣ, признающему благовидное мошенничество этихъ занятій. Вонъ взгляните, но подлыя рожи этихъ гарсоновъ во фракахъ съ салфетками подъ мышкой, какимъ онѣ самодовольно дѣловымъ видомъ преисполнены. Вѣдь каждый изъ нихъ думаетъ, что безъ него такъ и погибло бы человѣчество, а человѣчество только выиграло бы, если бы ему пришлось самому ходить на кухню за своей порціей обѣда. Во-первыхъ, моціонъ полезенъ, во-вторыхъ, въ кухнѣ тогда не могли бы изъ вонючей провизіи готовить кушанья, въ третьихъ, не нужно бы было тратиться «на водку», въ четвертыхъ... ну, положимъ, что въ четвертыхъ въ человѣчествѣ было бы хоть однимъ классомъ меньше людей, дошедшихъ до полнѣйшаго тупоумнаго самодовольства отъ сознанія, что они необходимыя спицы въ колесницѣ общественной жизни.

Намъ подали кофе. Клименко вынулъ портсигаръ, обрѣзалъ кончикъ сигары, закурилъ ее и откинулся на креслѣ.

— Какъ вы думаете, что болѣе всего содѣйствуетъ развитію человѣчества? спросилъ онъ меня.

— На этотъ вопросъ не легко отвѣтить одной фразой, улыбнулся я.

— Отчего же нѣтъ, проговорилъ онъ.— Вы можете сказать: семейная жизнь, дружная общественная дѣятельность... да мало ли, что вы можете сказать. А я на все на это скажу вамъ, что это ложь. Общество двигаетъ впередъ недовольство. Да-съ, недовольство собою и окружающимъ. А кто же недоволенъ собою и окружающимъ? Люди, неставшіе въ стойло.

— То есть общество двигаете впередъ вы? захохоталъ я.

Клименко даже обидчиво нахмурился.

— Ну да, то есть не я одинъ, а мы всѣ, люди безъ стойла, сказалъ онъ.—Попади мы въ райскій шалашъ семейнаго счастія или въ бѣличье колесо общественной дѣятельности — и конецъ. Мы успокоились бы на мысли, что мы не даромъ коптимъ небо и что все идетъ отлично. А вотъ какъ бродишь безъ стойла да думаешь, что бы такое начать, что бы такое сдѣлать, такъ и видишь что и то скверно, и другое гадко, и всѣ-то мы люди-человѣки въ сущности дармоѣды, старающіеся надувать другихъ своимъ дѣловымъ видомъ, чтобы за самый этотъ видъ получить побольше окладъ. Укажите мнѣ на любого дѣятеля и я вамъ скажу, сколько грошей стоитъ его дѣйствительно полезная дѣятельность и сколько тысячъ рублей онъ сдираетъ съ общества своею мошеннически напускною дѣловитостью... Нашъ братъ, человѣкъ, не попавшій въ стойло, по крайней мѣрѣ, не надуваетъ общества, а такъ-таки и выдаетъ себя за праздношатающагося... Впрочемъ, вы не думайте, что мы такъ-таки ничего и не дѣлаемъ, — нѣтъ-съ, мы наблюдаемъ, анализируемъ, критикуемъ — и притомъ еще безъ всякаго оклада и содержанія.

— Вы бы хоть мемуары писали, улыбнулся я.

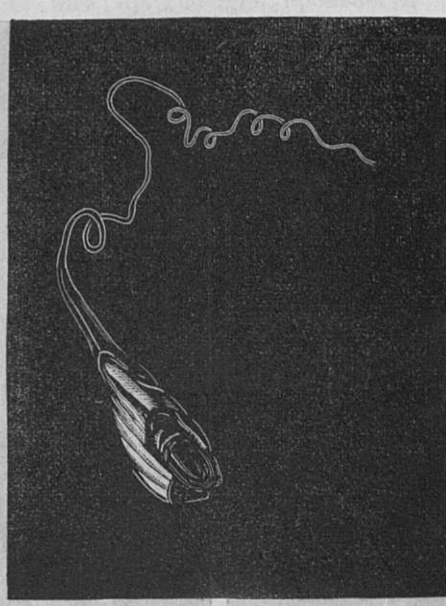


Рис. 11.

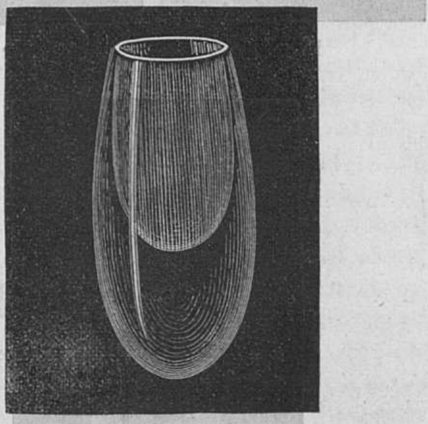


Рис. 12.

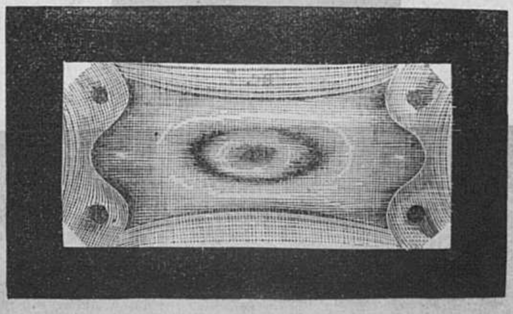


Рис. 13.

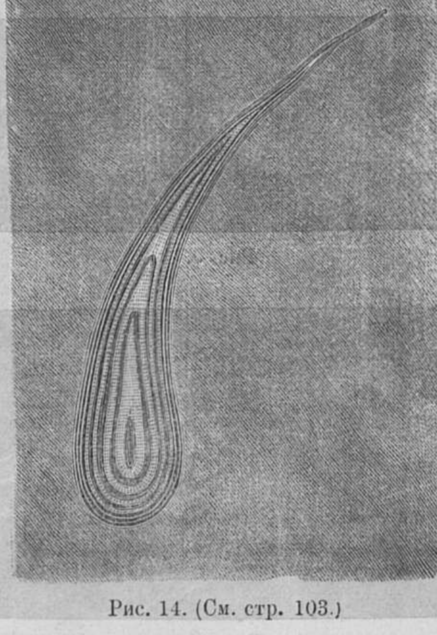


Рис. 14. (См. стр. 103.)

— Дураковъ умнѣе не сдѣлаешь, а мошенники и безъ насъ знаютъ, что они мошенники, махнулъ рукой Клименко. — Я вотъ больше для саморазвитія наблюдаю. Впрочемъ, если хотите, я могу подѣлиться съ вами моими наблюденіями; вамъ, можетъ быть, пригодится; вѣдь вы, писатели, вездѣ свой медъ собирайте...

Я поблагодарилъ Клименко за предложеніе. Мнѣ было не безинтересно услышать наблюденія этого «бывалаго» человѣка.

— Только я съ васъ взятку возьму, добавилъ онъ.—Бросьте свою «срочную» работу сегодня и поѣдемте куда нибудь на острова убивать время.

Я изъявилъ согласіе. Мы вышли отъ Балашева и направились къ жилищу Клименко. Ему нужно было переодѣться.

Квартира Клименко была просторная: въ ней былъ нѣкоторый комфортъ, нѣкоторая роскошь, хотя на всемъ лежала печать холостой жизни небѣднаго человѣка безъ опредѣленныхъ занятій и привязанностей. Тутъ были и картины, и бронза, и книги, но все это словно случайно попало сюда, точно купилось отъ нечего дѣлать, отъ скуки, мимоходомъ, мимоѣздомъ, на какомъ нибудь публичномъ «базарѣ», на какомъ нибудь аукціонѣ, не потому, что было нужно, а потому, что попало на глаза, подвернулось подъ руку. Намъ отперла двери молодая краснощекая здоровая и бойкая служанка «изъ столичныхъ» съ смѣлыми и живыми глазами, одѣтая празднично, нѣсколько пестро и съ претензіей казаться «барышней». Она быстро бросила на меня подозрительный и не совсѣмъ дружелюбный взглядъ.

— А гдѣ Митька? спросилъ у нея Клименко

— Извѣстно гдѣ—слоновъ продаетъ на улицѣ, отвѣтила она и разсмѣялась, показавъ два ряда бѣлыхъ зубовъ.—Что ему больше дѣлать!

— Приготовьте мнѣ переодѣться, проговорилъ онъ.

— Ѣдете опять куда нибудь? спросила служанка.

— Ну да, не съ вами же сидѣть, сказалъ онъ и попросилъ меня подождать въ гостинной.

Я остался одинъ. Въ сосѣдней комнатѣ началось переодѣванье хозяина.

— Опять на всю ночь къ французенкамъ какимъ нибудь уѣдете, послышался не совсѣмъ тихій голосъ служанки.

— Да тебѣ-то что? съ досадой проговорилъ Клименко пониженнымъ голосомъ.

— Видно чужія-то лучше своей! съ упрекомъ замѣтила молодая женщина.

— Дура! тихо проворчалъ Клименко.

— Онѣ-то умнѣе, что ли? послышался вопросъ, сдѣланный вкрадчивымъ и лукавымъ тономъ.

— Замолчи ты! Не то я тебя выгоню! сердился Клименко.

— Ну, ну, чего сердитесь! Хорошій мой!

Я ясно услышалъ поцалуй и сдержаный смѣхъ молодой дѣвушки.

— Тссъ! Отстань! ворчалъ Клименко, но въ его голосѣ уже слышался не гнѣвъ.

Минутъ черезъ пять онъ вышелъ ко мнѣ расфранченный, беззаботно насвистывая изъ «Прекрасной Елены»:

«Мы всѣ невинны отъ рожденья»....

Его лицо сіяло и точно помолодѣло.

— Ну, вотъ я и готовъ! Поѣдемте злословить! Обратился онъ ко мнѣ, быстро подходя къ зеркалу.—Надѣюсь, не долго задержалъ? У меня вѣдь все мигомъ. Не люблю копаться....

Онъ говорилъ быстро, развязно, точно желая показать, что въ эти минуты переодѣванья не произошло ничего особеннаго между нимъ и его востроглазой служанкой. А она, уже не сердитая и не хмурая, съ ласковой и лукавой улыбкой смотрѣла, стоя въ дверяхъ, какъ онъ охорашивался передъ зеркаломъ, поправляя галстухъ и жилетъ. Въ ея глазахъ было столько ласки и обожанія, что я понялъ все.

«Такъ вотъ оно, его стойло-то», подумалъ я, и невольно улыбнулся.

Онъ, смотря въ зеркало, замѣтилъ мою улыбку, покраснѣлъ, какъ школьникъ, повернулся какъ-то по мальчишески на каблукахъ, окинулъ взглядомъ и красавицу-служанку и меня, быстро взялъ меня подъ руку и повлекъ за собою.

— Вы о чемъ это задумались? спросилъ онъ меня веселымъ, совсѣмъ молодымъ тономъ.

— О стойлѣ, отвѣтилъ я.

— О незаконномъ? захохоталъ онъ и ударилъ меня слегка по рукѣ.—Человѣкъ, батюшка, есмь, и весь на лицо передъ вами...

Мы поѣхали въ Ливадію. Клименко обѣщалъ мнѣ разсказать нѣсколько исторій объ «отцахъ и дѣтяхъ», такъ какъ вопросъ объ «отцахъ и дѣтяхъ» послужилъ поводомъ къ нашему первому знакомству. **Нѣкто.**

(*Продолженіе будетъ.*)

Пожаръ въ деревнѣ.

На всякъ часъ неубережешься.
Пословица.

I.

Нива зноемъ изсушенная,
Солнце въ небѣ высоко.
Жнутъ крестьяне утомленные—
Имъ работать не легко.

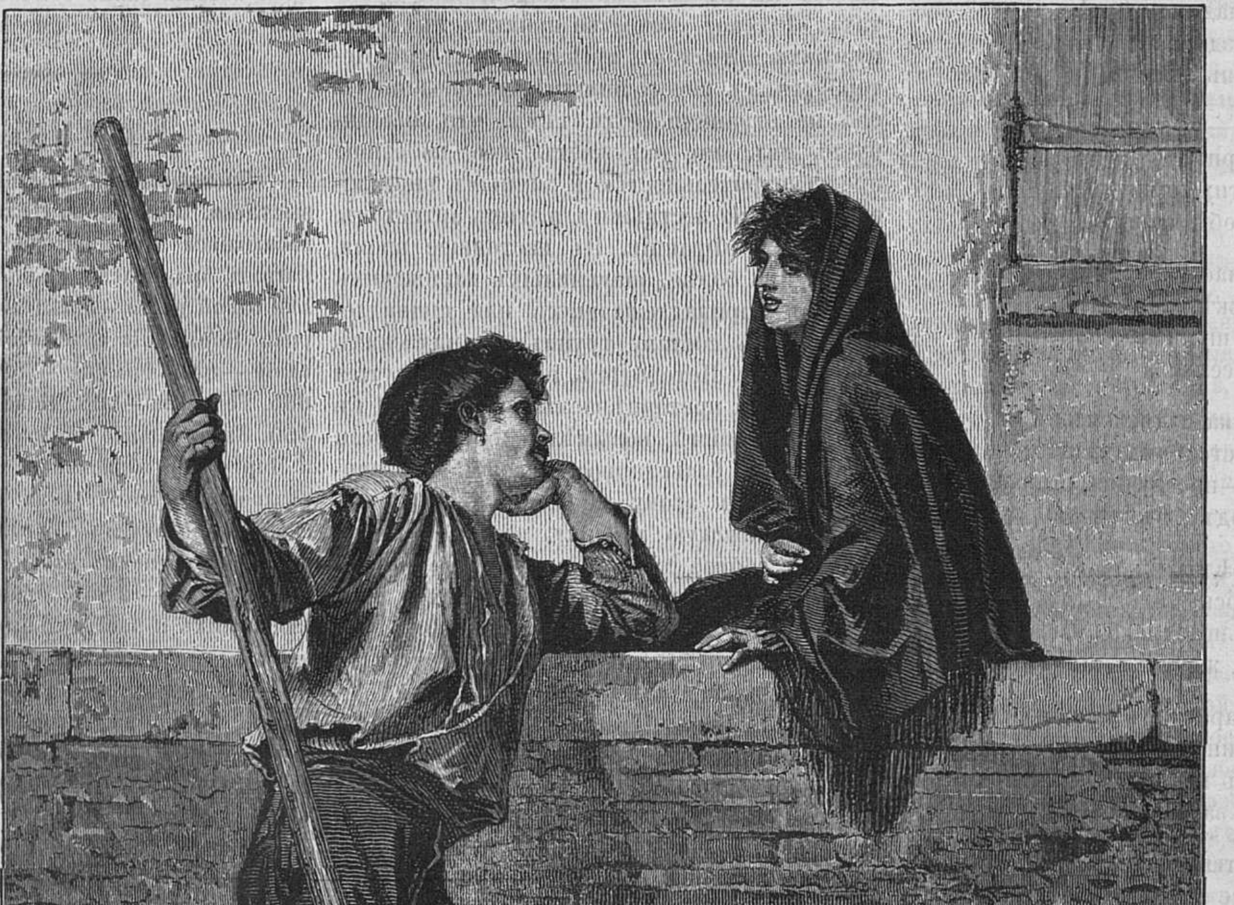
Подъ кустомъ съ ребенкомъ маленькимъ
Мать присѣла покормить —
«Что съ тобой мнѣ дѣлать съ слабенькимъ,
На, соси, да полно ныть!»
И рукою торопливою
Сорвала съ него платокъ,
И подъ пѣсенку унылую
Грудь ея схватилъ сынокъ.

Тихо все—кобылки прыгаютъ,
Льетъ съ жнецовъ горячій потъ—
Быстро, быстро руки двигаютъ,
Вишь ты солнышко не ждетъ.

Урожаи нонѣ славные:
Что хлѣба, что гречь, овесъ;
Умолили православные,
Много пролили знать слезъ.

И всѣ жнутъ, согнувшись спинами,
Утирая потъ порой,
Дни то нонѣ значитъ длинные
Такъ работай знай, не стой!

И не ждутъ они не вѣдаютъ,
Что бѣда уже ихъ ждетъ...
Пошабашили, обѣдаютъ;
Выше солнышко идетъ.



До свиданія.

II.

Въ деревушкѣ съ у̀тра ранняго
Поднялось все на жнитво,
Кромѣ малаго да стараго
И въ деревнѣ все мертво.

Полдень. Дѣти по завалинамъ
Размѣстились поиграть,
Поручивъ ихъ волѣ Божіей
Залегло старье все спать.

И шумятъ, играютъ малые —
«Маша, дайкось сладимъ печь!»
Ну и сладили, и вздумали
Въ печкѣ той огонь зажечь.

Запылала печка—весело
На завалинѣ горитъ;
Помаленьку, потихоничку
Знай кругомъ себѣ палитъ.

А ребятамъ ужь наскучило:
«Побѣжимъ къ рѣкѣ скорѣй!»
И бѣгутъ толпою шумною.
Печка пышетъ веселѣй...

Занялась избушка пламенемъ,
Къ небу дымъ столбомъ валитъ;
Плачъ и шумъ—проснулись старые,
Со жнитва народъ бѣжитъ.

Да пока бѣжали бѣдные,
Полдеревни занялось;
Сколько горя безъисходнаго,
Сколько горькихъ, жгучихъ слезъ.

Вотъ стоитъ старикъ съ иконою,
«Непалимой купиной»,
Тутъ бѣжитъ съ ведеркомъ худенькимъ
Баба къ рѣчкѣ за водой.

Всѣ кричатъ, суются попусту,
Рубятъ, валятъ все кругомъ,
Да куда ужь въ сушъ такую-то
Сладить съ этакимъ огнемъ.

Погорѣли. «Воля Божія,
За грѣхи свой крестъ несемъ;
Урожаи хоть хорошіе,
Значитъ все же проживемъ.

Только мать—Ненила старая
Обгорѣла, съ нею внукъ,
Ко груди его притиснула,
Что нельзя развесть и рукъ».

Потужили всѣ, поохали —
И на ниву дожинать:
Пропусти-ка, значитъ, времечко,
Такъ и хлѣба не видать.

И, глотая слезы горькія,
Жнутъ себѣ жнецы, да жнутъ;
Былъ бы хлѣбушко—остатное
Православные найдутъ.

М. В. Лоссіевскій.

Предстоящій спектакль въ Парижѣ въ пользу нашихъ раненыхъ.

Во время французско-нѣмецкой войны русское общество выказало слишкомъ очевидно свои симпатіи французамъ. Въ Петербургѣ былъ учрежденъ комитетъ съ спеціальнымъ назначеніемъ собирать пожертвованія въ пользу раненыхъ въ бояхъ французовъ. Комитетъ этотъ собралъ довольно-значительную сумму, большая часть которой составилась изъ пожертвованія русскихъ людей. Какъ только началась настоящая русско-турецкая война, французы вспомнили о русскихъ пожертвованіяхъ и открыли въ Бордо и въ нѣкоторыхъ другихъ провинціальныхъ городахъ Франціи подписку въ пользу нашихъ раненыхъ. Результаты извѣстны только о подпискѣ въ Бордо, достигшей до 5,000 р. Въ настоящее время готовится въ Парижѣ спектакль въ пользу нашихъ раненыхъ, который, по всей вѣроятности, дастъ огромный сборъ, такъ какъ въ этомъ спектаклѣ принимаютъ участіе лучшія парижскія актрисы: талантъ и красота несомнѣнно привлекутъ массу зрителей въ театръ.

Передаемъ слѣдующее заявленіе, напечатанное въ нѣсколькихъ парижскихъ газетахъ: «Русское общество принимаетъ французскихъ артистовъ, пріѣзжающихъ въ Петербургъ, съ неистощимымъ благоволеніемъ: оно не ограничивается тѣмъ, что аплодируетъ имъ; оно окружаетъ ихъ любезною предусмотрительностью и личнымъ вниманіемъ, столь же лестными для этихъ артистовъ, какъ и для Франціи. Въ настоящее время, многія изъ болѣе знаменитыхъ парижскихъ актрисъ, принадлежавшихъ или принадлежащихъ къ составу труппъ французскихъ театровъ въ Петербургѣ, глубоко тронутыя страданіями, претерпѣваемыми ранеными въ восточной войнѣ, возымѣли добрую мысль — выразить благодарность свою Россіи, присоединивъ къ этому заявленію благодарности и парижскую публику, всегда готовую сдѣлать доброе дѣло. Дамы эти составили изъ себя комитетъ, состоящій, кромѣ г-жъ Дика Петѝ и Марѝ Коломбьѐ, которымъ принадлежитъ счастливый починъ въ этомъ дѣлѣ, изъ г-жъ: Сары Бернаръ, Мадлены Броганъ, Круазеттъ, Плессѝ, Стеллы Колàсъ, изъ «Французскаго Театра»; Краусъ, изъ «Большой Оперы»; Гейльброннъ, изъ «Лирическаго Театра»; Марѝ Делапортъ, Аталѝ Манвуà, Массенъ, Паскà, изъ «Vaudeville» и «Gymnase»; Анны Жюдѝкъ, изъ «Variétés»; Луизы Теò, изъ «Bouffes Parisiens»; Жанны Граньѐ, изъ «Renaissence». Ближайшая цѣль этого комитета — организовать въ самомъ непродолжительномъ времени спектакль въ пользу раненыхъ съ лотереею-томбола, для которой имѣются ужь цѣнные выигрыши. О днѣ спектакля и его программѣ, которая, при такихъ распорядительницахъ, несомнѣнно будетъ необыкновенно блестяща, будетъ объявлено своевременно. Деньги, собранныя отъ этого спектакля, будутъ переданы въ русское посольство въ Парижѣ для представленія ихъ ея величеству Императрицѣ всероссійской».

Почему мы смѣемся?

По общепринятому мнѣнію, мы смѣемся, потому что намъ весело. Но это невѣрно и ошибочное заключеніе нами основывается, вѣроятно, на томъ, что при смѣхѣ мы ощущаемъ радостное чувство; но оно можетъ считаться скорѣе послѣдствіемъ смѣха, нежели причиною. Мы радуемся, имѣя поводъ къ смѣху, но самый смѣхъ происходитъ отъ противоположности между нашимъ представленіемъ о событіи и тѣмъ впечатлѣніемъ, которое мы получаемъ при совершеніи этого событія. Чѣмъ сильнѣе эта противоположность, тѣмъ сильнѣе и побужденіе наше къ смѣху. Одно ощущеніе веселья никогда не вызоветъ у насъ смѣха. Если, напримѣръ, человѣкъ получитъ сумму денегъ, весьма для него значительную, онъ очень обрадуется, безъ сомнѣнія, но смѣяться по этому поводу не будетъ. Грустные люди смѣются, конечно, рѣже и меньше другихъ, но это происходитъ, вѣроятно, отъ того, что вслѣдствіе угнетающей ихъ скорби, живительная игра ихъ духовныхъ силъ ослабѣла, между тѣмъ какъ человѣкъ, не удрученный заботою, сохраняетъ большую способность подмѣчать представляющіеся ему контрасты. По этому самому, замѣчаніе о томъ, что «дуракъ хохочетъ тамъ, гдѣ умный только улыбнется», имѣетъ свое основаніе. Человѣкъ ограниченный, большею частью, счистливѣе въ извѣстномъ смыслѣ, нежели высокоразвитый человѣкъ. Къ тому же, умственный горизонтъ его такъ ограниченъ, что его недозрѣлый умъ часто встрѣчаетъ рѣзкія противоположности, вызывающія у него хохотъ тамъ, гдѣ человѣкъ умный видитъ лишь явленія самыя обыкновенныя и неспособныя заставить его улыбнуться.

Новости наукъ и жизни.

— Промышленность. Награды Филадельфійской выставки. Предъ нами лежатъ числовыя данныя, касающіяся этого интереснаго вопроса. Всѣхъ наградъ присуждено 13.036, изъ которыхъ болѣе одной трети—5.314 достались на долю Америки. Португаліи присуждено 953 награды, Испаніи — 842, Франціи — 697, Великобританіи—665, Германіи—605, Канадѣ—520 и Россіи—450. Значительное число наградъ для Испаніи и Португаліи объясняется тѣмъ, что множество различныхъ сортовъ вина, выставленныхъ этими странами, получили каждый по наградѣ. По отдѣльнымъ группамъ предметовъ наибольшее число наградъ — 2.856 пришлось на 4-ю группу «животныхъ и растительныхъ продуктовъ и машинъ».

— Подземный городъ въ Женевскомъ озерѣ. Проф. Фогтъ, на котораго газеты указывали, какъ на одного изъ участниковъ открытія города, погребеннаго подъ водами Женевскаго озера, пишетъ по этому поводу громкое опроверженіе въ журналѣ «Gartenlaube». Онъ называетъ всю эту исторію «безстыдною мистификаціей, въ которой нѣтъ ни одного слова правды». Ни почтенный профессоръ, ни кто другой изъ жителей береговъ Женевскаго озера не имѣютъ понятія о сказанномъ изумительномъ открытіи и просятъ считать его колоссальною газетною уткой

— Въ Америкѣ изобрѣтенъ аппаратъ, посредствомъ котораго предметъ (или одушевленное существо), находящійся, положимъ, въ Нью-Іоркѣ, можетъ быть видимъ совершенно отчетливо въ Петербургѣ и притомъ не въ видѣ фотографическаго изображенія, а, такъ-сказать, во-очію, со всѣми характеристическими особенностями его и даже въ состояніи движенія. Аппаратъ, служащій для подобной передачи изображеній, дѣйствуетъ при посредствѣ электрическаго тока и получилъ названіе «телектроскопа». Идея устройства телектроскопа состоитъ въ слѣдующемъ: на станціи отправленія устраивается родъ ширмы или перегородки, усѣянной множествомъ торчащихъ перпендикулярно къ плоскости этой перегородки, проволочныхъ иголъ. Эти иглы расположены такъ близко одна къ другой, что представляютъ собой родъ щетинистой плоской поверхности. Каждая игла представляетъ собою конецъ электрическаго проводника. Передъ подобною перегородкою помѣщается лицо или предметъ, изображеніе котораго хотятъ передать. Различная игра свѣта и тѣней, производимая контурами предмета, воспринимается чувствительными щетинками (черезъ которыя пропускается электрическій токъ), и будучи передана телеграфнымъ проводникомъ на станцію назначенія, воспроизводится тамъ, посредствомъ аналогичнаго аппарата, въ видѣ изображенія совершенно сходнаго съ тѣмъ, которое находится на станціи отправленія. Если вѣрить бостонскимъ газетамъ, то опыты надъ телектроскопомъ, произведенные въ этомъ городѣ, въ присутствіи многочисленнаго собранія публики, увѣнчались полнѣйшимъ успѣхомъ. Изобрѣтатель телефона Грагамъ Белль намѣренъ, по сообщенію тѣхъ же газетъ, купить привиллегію на телектроскопъ и, сочетавъ его съ телефономъ, передающемъ по телеграфу звуки, давать сеансы, на которыхъ жители Нью-Іорка, Бостона или С.-Франциско, не только услышатъ оперу, разыгрываемую въ Лондонѣ или Парижѣ, но и будутъ отчетливо видѣть физіономіи и игру исполнителей.

— Въ теченіе прошлаго года Калифорнія доставила золота слишкомъ на 20 милліоновъ долларовъ (по настоящему курсу почти 40 милліоновъ рублей). Другіе золотые пріиски Соединенныхъ Штатовъ доставили за этотъ годъ золота на 48 милліоновъ рублей. Канада доставила почти на 80 милліоновъ рублей серебра и т. д. Разработка даже недрагоцѣнныхъ металловъ доставляетъ въ Америкѣ громадныя богатства предпринимателямъ. Такъ, напримѣръ, администрація комстокскаго мѣднаго рудника (въ Калифорніи), принадлежащаго частной акціонерной компаніи, помѣщаетъ ежемѣсячно въ газетахъ скромное объявленіе, которымъ она приглашаетъ акціонеровъ получить за истекшій мѣсяцъ дивидендъ (въ Америкѣ весьма многія компаніи выплачиваютъ дивидендъ ежемѣсячно) въ размѣрѣ, ни болѣе ни менѣе, какъ 1.080,000 долларовъ (почти 2 милліона рублей). Насколько обширныхъ размѣровъ достигла въ настоящее время нефтяная промышленность въ Америкѣ, можно судить изъ того, что длина нефтепроводовъ въ въ одной лишь Пенсильваніи достигаетъ громадной цифры въ 3,350 верстъ! Эксплоатація желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ, рудниковъ и заводовъ сопряжена съ массою ежегодныхъ жертвъ и человѣчество, обогатившись въ теченіе послѣдняго столѣтія массою новыхъ изобрѣтеній и усовершенствованій, внесло вмѣстѣ съ тѣмъ въ свою жизнь и тысячи такихъ опасностей, о которыхъ предки наши не имѣли ни малѣйшаго понятія. Статистика, рядомъ неопровержимыхъ фактовъ и цифръ, приводить которыхъ мы здѣсь не будемъ, доказываетъ намъ, что эти усовершенствованія нашего вѣка обходятся намъ ежегодно 20,000 человѣческихъ жизней; и цифра эта скорѣе ниже, чѣмъ выше дѣйствительной! Надъ этимъ грустнымъ фактомъ не разъ, вѣроятно, задумывался американецъ Шау, предоставившій въ распоряженіе лондонскаго: «Society of Arts» капиталъ, на проценты съ котораго должны быть присуждаемы золотыя медали (по 250 р. каждая) лицамъ, сдѣлавшимъ какія либо полезныя изобрѣтенія, клонящіяся къ устраненію или, по крайней мѣрѣ, къ уменьшенію, опасности для человѣческой жизни, сопряженной съ различными промышленными производствами. Выборъ достойныхъ предоставляется на усмотрѣніе того же общества.—Первая медаль Шау должна быть присуждена въ настоящемъ году. Мы бы, съ своей стороны, не задумались присудить ее французу Zietar'у, изобрѣвшему совершенно безопасную керосиновую лампу. Изобрѣтеніе его, по простотѣ своей, напоминаетъ Колумбово яйцо, и надо удивляться, какъ до сихъ поръ оно никому не пришло въ голову. Лампа Zietar'а состоитъ изъ глухого резервуара, въ средней части котораго находится узкій цилиндрикъ, вмѣщающій въ себѣ свѣтильню и сообщающійся съ резервуаромъ посредствомъ одного лишь маленькаго отверстія, въ нижней его части. Въ резервуаръ вливается (посредствомъ пробки, впослѣдствіи наглухо завинчиваемой) керосинъ и свѣтильня впитываетъ въ себя этотъ керосинъ мало по малу, причемъ онъ входитъ въ цилиндрикъ черезъ маленькое отверстіе, о которомъ было упомянуто выше. Такъ какъ, помимо этого небольшого и совершенно удаленнаго отъ пламени отверстія, керосинъ не можетъ никоимъ образомъ сообщиться съ пламенемъ, то лампа является совершенно застрахованною отъ взрыва. Ее можно не только наклонить или опрокинуть, но и бросить на полъ, безъ малѣйшаго вреда и опасности. Въ виду милліоновъ керосиновыхъ лампъ, расходящихся ежегодно по всему свѣту и проникающихъ въ самые отдаленные уголки его, въ среду людей неразвитыхъ и неосторожныхъ, безопасная лампа Zietar'а представляетъ изобрѣтеніе поистинѣ благодѣтельное.

— Къ числу, имѣющихъ цѣлью обезопасить человѣческую жизнь, изобрѣтеній слѣдуетъ отнести и такъ-называемый «рельсовый автоматическій сигналъ» для желѣзныхъ дорогъ, изобрѣтенный американскимъ профессоромъ Робинзономъ. Извѣстно, какъ мало надежды можно возлагать на станціонныхъ стрѣлочниковъ, получающихъ грошевое содержаніе и облеченныхъ въ то же время громадною, непосильною отвѣтственностью. Сигналъ Робинзона, принадлежа къ самодѣйствующимъ, совершенно устраняетъ участіе въ манипуляціяхъ съ нимъ стрѣлочника. На разстояніи двухъ или трехъ верстъ отъ станціи, Робинзонъ устраиваетъ одинъ изъ рельсовыхъ стыковъ такимъ образомъ, чтобы одна линія рельсовъ (положимъ, правая) была совершенно уединена, т. е. изолирована, отъ другой (лѣвой). За симъ оба конца стыкнутыхъ рельсовъ правой линіи соединяются съ галваническою батареею, а оба конца рельсовъ лѣвой линіи съ электрическимъ сигналомъ и переводнымъ рычагомъ стрѣлки. Когда путь свободенъ отъ поѣзда, сообщенія между правой и лѣвой линіями рельсовъ, а слѣдовательно и между батареею и сигналомъ, не существуетъ и этотъ послѣдній указываетъ что «путь свободенъ». Но лишь только приближающійся къ станціи поѣздъ поровняется съ сигнальнымъ стыкомъ, металлическія колеса паровоза и соединяющая ихъ металлическая же ось послужатъ проводникомъ между правой и лѣвой линіями рельсовъ. Цѣпь замыкается и сигналъ, подъ вліяніемъ дѣйствія электрическаго тока, станетъ на знакъ «путь закрытъ», а стрѣлка, вслѣдствіе той же причины, приметъ надлежащее положеніе. Батареею для сигнала Робинзона, при опытахъ въ Бостонѣ, служилъ одинъ лишь элементъ Callaud и дѣйствіе его продолжалось, безъ малѣйшаго ослабленія, въ продолженіе 158 дней. При этомъ не замѣчено было ни малѣйшаго вліянія на силу тока близости земной поверхности. Никакого дѣйствія на сигналъ не оказали также и, бывшія втеченіе этого времени, грозы.

—Извѣстно, что мысль о соединеніи Европы съ Африкой подводною желѣзною дорогою давно уже занимала человѣчество. Удобнѣйшимъ пунктомъ для проложенія такой дороги является, разумѣется, Гибралтарскій проходъ, ширина котораго не превышаетъ 14 верстъ. Въ настоящее время этотъ интересный вопросъ возбужденъ снова и многіе инженеры трудятся уже надъ составленіемъ подробныхъ проектовъ предполагаемаго туннеля. По произведеннымъ изысканіямъ, наибольшая глубина пролива составляетъ 400 сажень. Прибавляя сюда 50 сажень на толщину слоя земли, которую необходимо оставить надъ сводомъ туннеля, получимъ полное погруженіе туннеля подъ уровнемъ моря равнымъ 450 саженямъ. Принимая же для спуска въ туннель и подъема изъ него уклонъ въ $^1/_{10}$, получимъ необходимую длину спуска и подъема по 9 верстъ. Такъ что полная длина туннеля составитъ 32 версты. Стоимость прорытія и обдѣлки туннеля исчислена въ $1^1/_2$ милліона рублей съ версты; слѣдовательно полная стоимость туннеля опредѣлится въ 40 милліоновъ рублей. Такъ какъ вентилировать внутреннее пространство туннеля было бы крайне затруднительно и дымъ, отдѣляемый паровозами, дѣлалъ бы невозможнымъ, почти часовое, пребываніе пассажировъ въ туннелѣ, то движеніе поѣздовъ въ туннелѣ предполагается производить посредствомъ проволочныхъ каналовъ, однимъ концомъ прикрѣпленныхъ къ поѣзду, а другимъ наматываемыхъ на барабанъ, расположенный внѣ туннеля, на поверхности земли, и приводимый въ вращательное движеніе отъ постоянной паровой машины.

— Въ газетѣ «Новое Время» сообщаютъ объ изготовленномъ Д. Колесовымъ, по изобрѣтенному имъ способу, для одной изъ сельскихъ церквей Владимірской губерніи, иконостаса изъ кожи и картона, покрытыхъ особою непроницаемою массою. Иконостасъ этотъ отличается своею дешевизною, прочностью и легкостью. Способъ г. Колесова въ особенности удобенъ для примѣненія къ иконостасамъ сельскихъ и походныхъ церквей. Изобрѣтатель намѣренъ ходатайствовать о выдачѣ ему на изобрѣтеніе привиллегіи.

— **Технологія. Порохъ гераклинъ.** Въ послѣднее время, въ Америкѣ, при разработкѣ рудниковъ и каменноугольныхъ копей, а также на всѣхъ минныхъ работахъ, употребляется для взрывовъ вновь изобрѣтенный американцемъ Дикергофомъ порохъ, называемый «гераклинъ». Этотъ порохъ, при взрывѣ, дѣйствуетъ равномѣрно на всѣ части, слабыя и твердыя, взрываемаго вещества и по силѣ производимаго взрыва равняется динамиту. По отзывамъ американскихъ техниковъ, гераклинъ имѣетъ еще и то преимущество надъ динамитомъ, что производитъ взрывъ только будучи герметически закупоренъ. Въ открытомъ состояніи, гераклинъ горитъ какъ всякое простое тѣло, въ видѣ бенгальскаго огня, такъ, что, въ случаѣ пожара, въ мѣстѣ его склада не можетъ быть никакой катастрофы. Сверхъ того, гераклинъ почти втрое дешевле динамита. Въ Европѣ, на многихъ работахъ, гдѣ требуется взрывчатая сила, уже употребляется гераклинъ.

— **Пути Собщеній. Венгерскія желѣзныя дороги.** Въ настоящее время, въ большей части европейскихъ государствъ, желѣзнодорожное дѣло переживаетъ кризисъ. Но кризисъ свирѣпствуетъ съ особенной силой въ той части континента, которая въ одно и то же время служитъ границей и соединтельнымъ звеномъ между Востокомъ и Западомъ; эта часть континента—Австро-Венгрія. Въ этой странѣ, желѣзнодорожный вопросъ является однимъ изъ самыхъ животрепещущихъ и составляетъ предметъ горячихъ преній. Недавно въ Цислейтаніи парламентъ принялъ законопроектъ, которымъ правительству предоставляются самыя широкія полномочія, доходящія до наложенія секвестра и, при нѣкоторыхъ условіяхъ, даже до пріобрѣтенія желѣзныхъ дорогъ въ собственность государства. Этимъ сдѣланъ первый, хотя робкій, шагъ на пути къ системѣ управленія желѣзными дорогами государствомъ.

Что касается Венгріи, то она болѣе рѣшительна въ своихъ дѣйствіяхъ. Она давно уже пришла къ убѣжденію, что одно государство можетъ оказать дѣйствительную помощь желѣзнымъ дорогамъ. Она дошла до этого убѣжденія не теоретическимъ путемъ. Высоко ставя принципъ самоуправленія, Венгрія нисколько не является поклонницей полновластія государства. Но практическій опытъ убѣдилъ ее въ необходимости государственнаго вмѣшательства въ настоящія, желѣзнодорожныя затрудненія, и, еслибы состояніе бюджета это позволило, государственныя дороги стали бы въ Венгріи общими явленіями.

Нынѣ во владѣніи управленія венгерскаго правительства находятся двѣ отдѣльныя сѣти; болѣе важная, сѣверная, и вторая—южная, имѣющая меньшее протяженіе, но требующая значительныхъ затратъ.

Сѣверная сѣть, образованная изъ двухъ главныхъ линій—изъ пешто-руттской и мискольцъ-гатванской и ихъ вѣтвей, имѣетъ протяженія

602 километра. Обыкновенно въ нее включаютъ также: 1) такъ называемыя гоморскія промышленныя дороги (167 километровъ) и 2) маленькую дорогу Гранъ-Гаресницъ-Шемницъ. Первая изъ нихъ находится въ томъ исключительномъ положеніи, что государство, будучи ея собственникомъ, пользуется, однако, отъ промышленниковъ, особенно заинтересованныхъ въ ея процвѣтаніи, гарантіею процентовъ въ размѣрѣ 4000 флориновъ на километръ. Вторая замѣчательна тѣмъ, что выстроена исключительно съ цѣлью облегченія управленія государственными имуществами; она — узкоколейная, имѣетъ свое отдѣльное счетоводство подъ наблюденіемъ министра финансовъ. Слѣдовательно, этотъ путь, не болѣе 22 километровъ протяженія, не можетъ, также какъ гоморскія дороги, служить основаніемъ для оцѣнки результатовъ государственной администраціи въ Венгріи. По этому оставимъ эти дороги въ сторонѣ и обратимъ вниманіе исключительно на 602 километра, образующіе сѣверную сѣть.

Въ 1876 году валовой доходъ съ этой сѣти простирался до 5.566,933 флорина 95 крейцеровъ, или 9237 флор. крейцеровъ на километръ. Сравнительно съ предыдущимъ годомъ, въ которомъ доходъ составляетъ всего 4.927,690 флор. (или 8772 флор. на километръ), эти цифры представляютъ увеличеніе на 13$^0/_0$.

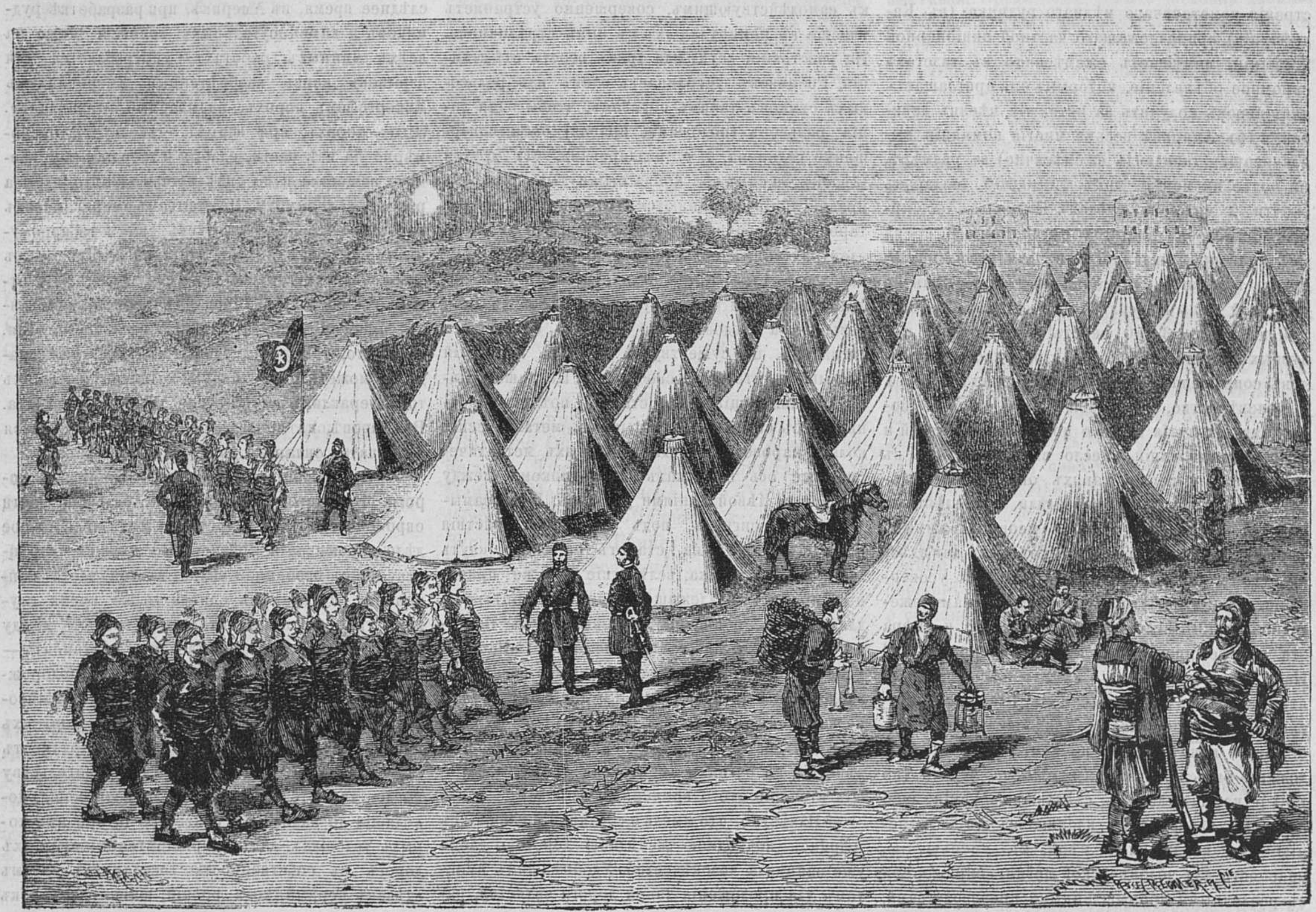
Расходы 1876 также превысили расходы предшествовавшаго года, но въ гораздо меньшей пропорціи. Они поставляли 3.628,551 флор. 34 крейцера (6,020 флор. 83 крейц. на километръ); слѣдовательно, увеличеніе не превысило 4$^0/_0$.

За вычетомъ расходовъ, сѣверная сѣтъ принесла чистаго дохода 1,938,574 флор. 90 кр. (или 3,216 флор. 83 крейц. на километръ). ъВ предшествовавшемъ году чистый доходъ составлялъ только 1,434,039 флор. Слѣдовательно, приращеніе чрезвычайно велико, а именно 35$^0/_0$. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что это приращеніе обусловливалось главнымъ образомъ повышеніемъ тарифовъ. Оно было бы еще больше, еслибы событія не оказали угнетающаго дѣйствія на развитіе торговли и промышленности. Какъ бы то ни было, однако, нынѣ дѣйствующій тарифъ не возбудилъ никакого неудовольствія, чтó доказываетъ, что происшедшее повышеніе вполнѣ оправдывается. Съ другой стороны, въ числѣ расходовъ 1876 г. фигурируютъ такіе, которые не повторяются каждый годъ въ одинаковомъ размѣрѣ, такъ, напр., возобновленіе рельсовъ и разнаго рода ремонтъ, на что потребовалось около 208,000 флориновъ. Слѣдовательно, результатъ 1876 г. можно считать нормальнымъ, и надо ожидать въ будущемъ скорѣе увеличенія, чѣмъ уменьшенія доходовъ, а между тѣмъ этотъ результатъ представляетъ чистый доходъ въ 3$^1/_8$$^0/_0$. Нѣкоторые найдутъ его, можетъ быть, недостаточнымъ. Но для дороги, существующей только нѣсколько лѣтъ, и которой приходится бороться съ различными естественными препятствіями, онъ долженъ быть признанъ весьма удовлетворительнымъ.

Что же касается южной сѣти (Карльштадтъ-Фіуме и Цакани-Аграмъ), то ея цифровыя данныя гораздо менѣе удовлетворительны. Валовой сборъ простирался до 709,054 фл. 32 кр. на протяженіи въ 279 километровъ, что составляетъ только 2,540 фл. 3 кр. на километръ Это представляетъ уменьшеніе на километръ 8,540 фл. 72 кр. сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ, расходы простирались до 922,550 фл. 50 кр. Слѣдовательно, весь дефицитъ равнялся 213,501 фл. 18 кр. или на километръ 760 фл. 40 кр. Очевидно, это положеніе не можетъ продолжаться долго. Оно особенно сильно проявляется на карльштадтъ-фіумской дорогѣ; къ счастью, причины этого положенія извѣстны, и, если до сихъ поръ не найдены средства помочь ему, то нѣтъ сомнѣнія, что они будутъ скоро найдены.

Для полноты намъ остается сказать нѣсколько словъ о тѣхъ венгерскихъ желѣзныхъ дорогахъ, которыя пользуются правительственною гарантіею. Ихъ всего двѣнадцать. Сумма гарантій равняется 24,494,177 флориновъ; — это максимумъ того, что государство имѣетъ право выдавать желѣзнымъ дорогамъ. Въ три послѣдніе года, этотъ максимумъ былъ почти достигнутъ. Въ 1874 году цифра выданныхъ суммъ составляла 22,296,336 флориновъ; въ 1875 г.— 21,228,697 и въ 1876 г. 20,660,341. Слѣдовательно, изъ 24$^1/_2$ милліоновъ были вытребованы 20$^1/_2$ милліоновъ круглымъ числомъ. Очевидно, это не нормальныя условія, и еслибы они должны были продолжаться, то было бы основаніе безпокоиться на счетъ будущаго.

Къ счастью, недавно появился въ печати превосходный трудъ г. Іеронимп, чиновника министерства путей сообщенія, въ которомъ ясно доказывается, что настоящее положеніе дѣлъ только временное; что оно составляетъ явленіе, присущее не только венгерскимъ дорогамъ, но распространяется и на гарантированныя дороги Цислейтаніи, и именно на двѣ большія дороги— государственную и южную;—наконецъ, что оно обусловливается исключительными обстоятельствами, которыя имѣли мѣсто въ Австро-Венгріи, въ политическомъ и финансовомъ отношеніи, со времени 1873 г. Послѣ внимательнаго изученія



Лагерь Зейбековъ.

приходовъ и расходовъ различныхъ гарантированныхъ венгерскихъ дорогъ, почтенный администраторъ приходитъ къ заключенію, что доходы должны увеличиться въ ближайшемъ будущемъ и что тогда бремя, которое несетъ государство, вслѣдствіе выдачи гарантій, будетъ значительно облегчено.

— **Библіографія.** Въ Филадельфіи издана брошюра подъ заглавіемъ «Turkey and the United States: how they travel a common road to ruin» (Турція и Соединенные Штаты: о томъ, какъ оба государства одинаково стремятся къ разрушенію). Брошюра эта, адресованная ея авторомъ въ видѣ открытаго письма къ нынѣшнему президенту Соединенныхъ Штатовъ, Гейсу, должна произвести сильное впечатлѣніе въ Америкѣ, такъ какъ написана весьма убѣдительно и заключаетъ въ себѣ массу фактическихъ данныхъ, подтверждающихъ выводы автора. Прежде всего, г. Бэрдъ (Baird) вкратцѣ прослѣживаетъ тотъ путь, какимъ Оттоманская Имперія постепенно дошла до своего настоящаго положенія—до финансоваго банкротства и нравственнаго истощенія. Но гораздо любопытнѣе и оригинальнѣе является параллель, проведенная авторомъ между современнымъ положеніемъ Турціи и Соединенныхъ Штатовъ. Какъ ни странно, съ перваго взгляда, подобное сопоставленіе, но въ дѣйствительности оно имѣетъ свои основанія. Начать съ того, что въ южныхъ штатахъ мы замѣчаемъ почти полное отсутствіе мѣстной промышленности, варварскую систему земледѣлія, банкротство государственной казны, безпрерывное разрушеніе общественныхъ кредитныхъ учрежденій и частныхъ банкирскихъ фирмъ; далѣе, податную систему, ведущую къ постоянной конфискаціи имуществъ населенія; наконецъ, развитіе пауперизма и невѣжества въ огромныхъ размѣрахъ. «Во всѣхъ отношеніяхъ — говоритъ г. Бэрдъ—положеніе страны значительно ухудшилось въ сравненіи съ тѣмъ, какъ оно было до 1860 года. Мы уничтожили рабство, но закрѣпостили почти все населеніе—одинаково черное и бѣлое. Безъ средняго сословія, на которомъ только и можетъ прочно держаться свободное правительство, югъ всегда будетъ служить для Соединенныхъ Штатовъ источникомъ несогласій и раздоровъ, а для себя самаго—источникомъ бѣдствій и матеріальнаго разоренія». Затѣмъ, чтобы судить о положеніи дѣлъ въ сѣверныхъ штатахъ и вообще въ союзѣ, достаточно упомянуть, что за одинъ прошлый годъ тамъ насчитывается до 9,092 случаевъ банкротствъ съ обязательствомъ на 191,117,786 фунт. стерлинговъ, а за три послѣдніе года торговыя предпріятія потеряли 775,916,139 фун. стерл. Съ другой стороны, вездѣ господствуетъ крайняя безработица, лишающая мѣстный рабочій людъ возможности даже прокормить себя и свою семью. Тысячи милліоновъ капитала, помѣщеннаго въ предпріятіяхъ рудниковыхъ, желѣзнодорожныхъ и промышленныхъ, ничего не приносятъ ихъ владѣтелямъ. И въ подтвержденіе всего этого, брошюра переполнена краснорѣчивыми цифрами, почерпнутыми изъ первыхъ источниковъ!

Чтобъ предупредить дальнѣйшее пониженіе денежной валюты, которое, по мнѣнію автора, и составляетъ главную причину застоя въ промышленности и торговлѣ, а также постоянныхъ банкротствъ и безработицы, г. Бэрдъ предлагаетъ цѣлый рядъ финансовыхъ мѣропріятій, въ существѣ дѣла направленныхъ противъ легковѣсныхъ денегъ въ видѣ акцій и разнаго рода облигацій и требуетъ замѣщенія Джона Шермана (стоящаго теперь во главѣ финансоваго управленія штатовъ) другимъ лицомъ. «Иначе—заключаетъ авторъ свою брошюру—задавленному, обнищалому населенію страны придется выбирать между подчиненіемъ мѣстной олигархіи хищниковъ-фермеровъ и возстаніемъ, которое повторило бы событія 1789 года во Франціи и 1875 года въ Турціи. Иначе, штаты ожидаетъ та же участь, какая въ настоящее время постигла Турцію. Разница между обоими государствами развѣ въ томъ только, что Турцію можно уподобить верблюду съ тяжелою поклажей, медленно, въ теченіи трехъ столѣтій, выступавшему навстрѣчу своей судьбѣ, а Соединенные Штаты—локомотиву, который, пробѣгая 45 миль въ часъ, мчится, не взирая на толчки и препятствія, чтобъ въ дребезги разбить весь поѣздъ съ 45,000,000 пассажирами».

— **Новое усовершенствованіе въ стереотипѣ.** Сотрудникомъ издаваемыхъ въ Санъ-Франциско газетъ Evening Bulletin и Morning Coll, г. Лорнигъ Пикерлингъ, получена недавно привилегія на изобрѣтенное имъ средство въ минуту воспроизводить телеграфическимъ путемъ стереотипныя доски, вслѣдствіе чего можно съ величайшею скоростью и удобствомъ сообщать по телеграфу куда угодно цѣлыя страницы газетъ, затѣмъ немедленно воспроизводить ихъ печатно. Такъ страница «Times», напримѣръ, можетъ быть передана въ нѣсколько минутъ изъ Лондона въ Нью-Іоркъ въ видѣ клише удобнаго для печати. Разница состоитъ только въ томъ, что воспроизведенная такимъ путемъ страница газеты можетъ быть большихъ или меньшихъ размѣровъ, чѣмъ оригиналъ. Способъ воспроизведенія заключается въ слѣдующемъ. Промежутки между литерами и строками оригинальной доски наполняются веществомъ, дурнымъ проводникомъ электричества, которое, однакожь, оставляетъ нетронутыми поверхность литеръ. Приготовленная такимъ образомъ доска ставится на быстро вращающійся вокругъ своей оси цилиндръ, который, вращаясь, подвергаетъ поочередно литеры дѣйствію магнитныхъ иглъ, находящихся на поставленной въ надлежащемъ разстояніи отъ него рамы. По мѣрѣ того, какъ металлическія поверхности приходятъ въ соприкосновеніе съ магнитными иглами, устанавливается электрическій токъ, причемъ на другой станціи дѣйствуютъ соотвѣтственныя магнитныя иглы. Электрическій токъ воспринимается на этой станціи особымъ химическимъ составомъ, гдѣ рисуетъ какъ разъ тѣ же самыя литеры, отъ которыхъ онъ происходитъ, вслѣдствіе чего получается точный оттискъ, который подвергается вслѣдъ за этимъ такому же стереотипному способу, какъ фотогравировка.

Смѣсь.

— **Знамя пророка.** Извѣстно, что султанъ Абдулъ-Гамидъ намѣренъ развернуть знамя пророка и призвать всѣхъ правовѣрныхъ къ оружію, для защиты ислама. Знамя пророка—«санджакъ шерифъ»—было въ послѣдній разъ развернуто Махмудомъ II, въ 1826 г., когда рѣшено было истребить янычаръ. Церемонія эта происходила слѣдующимъ образомъ:

Наканунѣ, вечеромъ, султанъ призвалъ къ себѣ всѣхъ министровъ, шейха-уль-ислама, губернаторовъ Румеліи и Анатоліи и объявилъ имъ, что рѣшился поднять завтра знамя пророка. Всѣ приглашенные одобрили намѣреніе султана, а шейхъ-уль-исламъ тутъ же написалъ «фетву», въ которой, на основаніи корана, доказывалось, что возмущеніе солдатъ противъ калифа равносильно возмущенію ихъ противъ самаго Бога и что султанъ пользуется въ такомъ случаѣ правомъ истребить бунтовщиковъ. Затѣмъ всѣ министры ушли; только одинъ шейхъ-уль-исламъ пробылъ всю ночь у султана, моля Бога явить калифу помощь въ истребленіи на другой день «враговъ вѣры».

Раннимъ утромъ, на другой день, султанъ отправился, въ сопровожденіи министровъ и высшихъ сановниковъ, которые были опоясаны мечами особеннымъ образомъ, во дворецъ стараго сераля, гдѣ хранилось знамя.

Одинъ улемъ прочелъ вслухъ житіе пророка и обратился къ присутствующимъ съ рѣчью, въ которой доказывалъ, что врата рая для всѣхъ ихъ открыты. Затѣмъ приступили къ поднятію крышки ящика, въ которомъ хранилось знамя пророка, завернутое въ сорокъ покрывалъ; шейхъ-уль-исламъ приступилъ немедленно къ самой церемоніи развертыванія знамени. При отнятіи каждаго покрывала, всѣ падали на землю, громко возглашая: «Эшхадъ анъ ла Илахи илла Аллахъ, Ва-Мегемедъ Рассулъ-Аллахъ!» (Исповѣдую во всеуслышаніе, что нѣтъ Бога, кромѣ единаго Бога, и Магомета, его пророка). Когда знамя освобождено было отъ сорока покрывалъ и явилось глазамъ присутствующихъ, всѣ пали опять лицомъ на землю и трижды прокричали: «Богъ великъ! Богъ всемогущъ! Богъ величественъ!» Затѣмъ султанъ поцѣловалъ знамя, а всѣ остальные только прикоснулись устами къ краю покрывала. Шейхъ-уль-исламъ прикрѣпилъ знамя къ длинному шесту и вручилъ его султану, а послѣдній передалъ его одному изъ улемовъ, избранному въ знаменосцы. Султанъ обнажилъ свой мечъ, съ крикомъ: «Аллахъ акбаръ!» (Богъ великъ!), что сдѣлали и всѣ остальные; затѣмъ всѣ, предшествуемые знаменемъ, отправились къ воротамъ султанскаго дворца, гдѣ ожидали уже ихъ цѣлыя тысячи вѣрныхъ, которые, узнавъ о поднятіи знамени пророка, явились туда съ ятаганами и пистолетами. Завидя знамя, толпа издала конвульсивный крикъ и бѣшено заволновалась. Въ этотъ день всѣ янычары были истреблены. По улицамъ ручьями текла кровь, отрубленныя головы и обезображенныя тѣла валялись цѣлыми кучами. Кромѣ янычаръ, погибло множество невинныхъ людей. На другой день, во всѣхъ мечетяхъ назначены были благодарственныя молитвы...

— **Воинственные мальчуганы.** По разсказу корреспондента «Новороссійскаго Телеграфа», въ Кишиневѣ собралось нѣсколько мальчиковъ, которые, доставши различными дозволенными и недозволенными путями денегъ, купили въ мѣстномъ лучшемъ русскомъ магазинѣ оружіе, пороху, пуль и дроби, достали револьверы и маленькую пушку, запаслись колбасою, сардинками и хлѣбомъ и не на шутку задумали отправиться на Дунай, бить турокъ. Имѣвшіе лошадокъ должны были составить кавалерію, остальные — артиллерію и пѣхоту. Въ одинъ прекрасный вечеръ, они отлучились изъ дому, и только послѣ полуночи посланнымъ родителей импровизованныхъ героевъ удалось найти ихъ въ лощинѣ, въ одномъ загородномъ лугу.

— **Пожаръ.** Въ «Голосѣ» напечатано слѣдующее письмо изъ Вилкоміра, на которое обращаемъ особенное вниманіе читателей:

«Трудно описать ужасное положеніе несчастныхъ жителей города Вилкоміра, Ковенской губерніи. 29-го іюня, во время ярмарки, выгорѣлъ почти весь городъ, всего до 1,000 домовъ. Сотни семействъ, безъ крова, голодныя и въ конецъ разоренныя, оглашаютъ воздухъ душу раздирающими воплями. Самое мѣсто, гдѣ былъ городъ, и городъ очень красивый, представляетъ теперь ужасное зрѣлище. Это груда черныхъ, страшныхъ развалинъ, съ торчащими трубами и обгорѣвшими стѣнами. Положеніе погорѣльцевъ самое безвыходное. Вотъ куда слѣдовало бы немедленно протянуть руку помощи, чтобъ спасти погорѣльцевъ отъ ужасовъ голодной смерти».

— Не туркамъ жаловаться на ужасы войны, пишутъ въ «Сѣверн. Вѣст.», когда въ ихъ войскѣ находятся зейбеки, приводившіе недавно въ трепетъ мирное населеніе Константинополя. Извѣстно, что эти люди, которые, по словамъ корреспондентовъ, такъ и просятся на полотно художника, какъ типическія проявленія дикаго безобразія, были истиннымъ наказаніемъ для населенія турецкой столицы. Расположившись станомъ близь лѣтняго дворца Ильдишъ, они шайками бродили по улицамъ, заходили въ шинки, пили раки, которая не запрещена Магометомъ, потому, что онъ ее не зналъ, и расплачивались за угощеніе ударами ятагановъ. Впрочемъ, эти благородные воины, столь грубые по отношенію къ торговцамъ, оказывались очень внимательными, встрѣчая дамъ, особенно такихъ, которыя ходятъ безъ фаты, т. е. европейскихъ. На Галатской улицѣ, гдѣ многочисленное собраніе греческаго и еврейскаго полусвѣта, вѣроятно, напоминало имъ рай Магомета, они произвели невообразимыя безчинства, и, не удовлетворившись этимъ, забрались на Grande Rue de Péra и на Таксимъ, мѣсто прогулки европейскихъ дамъ, гдѣ позволяли себѣ самыя безстыдныя дерзости. Чтобы попробовать европейскихъ удовольствій и послушать французскихъ шансонетокъ, они врывались въ кафе-шантаны, напримѣръ, въ Alcazar de Byzance или въ Théatre d'Europe, конечно, безъ билетовъ, разгоняли публику криками «гетъ! гетъ!» (вонъ!), усаживались въ кресла и заставляли пѣть «C'est l'amant d'Amanda». Если кто не хотѣлъ уступить имъ мѣста, они выхватывали ятаганъ и кричали «кесъ, кесъ!» (бей!). Не одного попотчивали они ятаганомъ. Случаевъ убійства и разбоя было не мало, и это въ столицѣ, на виду у всѣхъ европейцевъ, вдали отъ непріятеля.

— «Кельнской Газетѣ» телеграфируютъ изъ Парижа, отъ 1-го (13-го) іюля, что въ тамошнихъ русскихъ кружкахъ ходятъ слухи о крупныхъ финансовыхъ операціяхъ, совершаемыхъ обществомъ, взявшимъ на себя поставку провіанта для русской дунайской арміи. Во главѣ этого общества стоятъ трое извѣстныхъ русскихъ капиталистовъ, гг. Грейгеръ, Горвицъ и Коганъ. Грейгеръ, прибывшій надняхъ въ Парижъ, оставался тамъ всего въ теченіи пяти дней и выѣхалъ, 30-го іюня (12-го іюля), обратно въ Россію. Какъ увѣряютъ, онъ пріѣзжалъ спеціально для закупки золота. Русскій рубль ходилъ за послѣднее время въ Румыніи по 2 франка 25 сантимовъ, да и по этой цѣнѣ иногда его брали весьма не охотно. Между тѣмъ, Грейгеру удалось купить въ Парижѣ золота на 10,000,000 рублей по курсу 2 франка 60 сантимовъ за рубль. Сверхъ того, онъ заключилъ условіе на поставку ему 50,000,000 (?) рублей золотомъ по тому-же курсу. Русское правительство обязалось, по слухамъ, платить за поставку продовольствія для Дунайской арміи по 700,000 рублей ежедневно, съ тѣмъ чтобы продовольствіе доставлялось поставщиками непосредственно въ то мѣсто, куда потребуется. При этомъ поставщики не имѣютъ права требовать, чтобы ихъ предупреждали заранѣе о предлагаемыхъ передвиженіяхъ войскъ. Правительство уплачиваетъ за поставленное въ войска продовольствіе разъ въ три мѣсяца, золотомъ или бумажными деньгами по курсу.

— Въ Мозырскомъ уѣздѣ случилось, по словамъ «Современныхъ Извѣстій», чрезвычайное происшествіе, изумившее всѣхъ загадочностью и счастливымъ исходомъ. Ленинской волости, въ деревнѣ Песчанкѣ, сынъ прусскаго подданнаго Карла Маркварта, Эмиль, двухъ лѣтъ и пяти мѣсяцевъ отъ роду, 3-го іюня, около полудня, въ отсутствіи отца и матери пропалъ изъ дому безъ вѣсти. Впродолженіи трехъ дней родители съ сосѣдями розыскивали ребенка въ окружающихъ деревню лѣсахъ, но всѣ поиски ихъ были напрасны, и дитя считали уже погибшимъ. О происшествіи этомъ заявлено было приставу 4-го стана Мозырскаго уѣзда только спустя шесть дней, 9 іюня, и тогда же приставомъ наряжена была облава, и вечеромъ, въ девяти верстахъ отъ дому, ребенокъ былъ найденъ не только живымъ, но и бодрымъ. Ребенокъ былъ босой и въ одной только рубашонкѣ, въ пеленѣ у него были найдены ягоды—«земляника», которыми онъ, по всей вѣроятности, и питался. Замѣчательно еще и то, что ребенокъ былъ найденъ за нѣсколькими бродами и въ болотистыхъ мѣстахъ, а къ тому еще въ то время въ теченіи трехъ сутокъ были проливные дожди и холодныя ночи, не говоря уже о цѣлыхъ миріадахъ насѣкомыхъ и множествѣ въ той мѣстности дикихъ звѣрей.

— Въ числѣ явленій, составляющихъ прямое послѣдствіе настоящей войны, слѣдуетъ, между прочимъ, отмѣтить замѣчаемое у насъ увеличеніе числа страхованій жизни военно-служащими. Такъ по полученнымъ «Одес. Листкомъ Объявл.», свѣдѣніямъ многіе, по преимуществу изъ семейныхъ офицеровъ дѣйствующей арміи, съ цѣлью обезпеченія ихъ семействъ, передъ отправленіемъ на войну застраховали свою жизнь. Что касается до размѣра суммы, въ которую застрахована ими жизнь, то въ большинствѣ случаевъ она не превышаетъ пяти тысячъ рублей.

— Въ «Berliner Börsen Zeitung» пишутъ, что въ Зензибарѣ нѣсколько дней тому назадъ появился одинъ камердинеръ султана Абдулъ-Гамида и внукъ пророка (?). Это молодой 22 лѣтній человѣкъ, очень красивой наружности, высокаго роста, стройный, съ черными огненными вдохновенными глазами. Пріѣхавъ въ Зензибаръ, онъ тотъ-часъ же объявилъ всѣмъ, что его зовутъ Мухамедъ-бей, что онъ внукъ пророка и служитъ главнымъ камердинеромъ султана Абдулъ-Гамида, который теперь послалъ его къ правовѣрнымъ южной Африки, южной Аравіи и Индіи разсказать имъ, въ какомъ бѣдственномъ положеніи находится теперь Турецкая имперія и подвигнуть ихъ къ молитвамъ и денежнымъ пособіямъ. Султанъ Саидъ-Боргамъ, которому доложено было о прибытіи экстреннаго посланника отъ Абдулъ-Гамида, поспѣшилъ пригласить молодого человѣка въ загородный дворецъ, гдѣ отведено было ему богатое помѣщеніе. Дня черезъ два Мухамедъ-бей имѣлъ ауедіенцію у султана Саидъ-Боргома, на которой представилъ ему доказательства того, что онъ внукъ пророка, камердинеръ Абдулъ-Гамида и его посланникъ къ правовѣрнымъ Африки и Азіи. Саидъ очень обрадовался, что ему выпало на долю счастіе оказать гостепріимство такому высокому гостю, и тотчасъ-же собралъ совѣтъ изъ знатныхъ вельможъ своего государства, которые порѣшили разослать по всѣмъ городамъ особыхъ чиновниковъ для сбора добровольныхъ приношеній правовѣрныхъ для «святой войны». Султанъ первый пожертвовалъ 5.000 рупиновъ, т. е. около 500 р. Богато одаренный высокій путешественникъ отправился въ Аденъ, гдѣ ему тоже все удалось, какъ нельзя лучше. Странно только, что въ Аденѣ, соединенномъ съ Константинополемъ телеграфнымъ сообщеніемъ, никому ни пришло въ голову спросить у султана, правда-ли, что онъ послалъ своего камердинера къ правовѣрнымъ Аравіи и Индіи? Только послѣ отъѣзда Мухамедъ-бея въ Бомбей, принялись аденцы сомнѣваться въ истинности словъ внука пророка. Они написали обо всемъ въ Константинополь, откуда получили отвѣтъ, что у султана никогда не было камердинера, по имени Мухамедъ-бей, и что Абдулъ-Гамидъ вообще никакого посла не отправлялъ.

— Я не разъ слышалъ—пишетъ корресп. «Б. Вѣд.» — что англійскіе мир. судьи сами себя штрафуютъ. Мнѣ передавали, напримѣръ, положительно, что сэръ Томасъ Гаукъ, мировой судья въ Эсетевѣ, крайне добросовѣстный жрецъ правосудія, въ часы досуга любилъ попивать съ друзьями и доходилъ до того, что, забывая о своемъ достоинствѣ, велъ себя черезчуръ развязно и весело. На другое утро, являясь въ присутствіе и занявъ судейское мѣсто, онъ провозглашалъ: «Сэръ Томасъ!» и самъ отвѣчалъ: — «Здѣсь, ваше прев—во».—«Вы вчера неприлично вели себя, сэръ Томасъ», опять громко провозглашалъ судья и опять самъ отвѣчалъ: «Совѣстно сознаться, а дѣйствительно такъ». — «Я васъ приговариваю къ фунту стерлинговъ штрафа, сэръ Томасъ». — «Благодарю покорно, ваше прев — во, вотъ деньги», отвѣчалъ самъ себѣ судья и вносилъ штрафъ.

Меня увѣряли, что это не анекдотъ; я даже удостовѣрился въ возможности такихъ курьезовъ. Вчера мировой судья Эбердира, г. Райсъ, совершенно подобнымъ образомъ публично вызывалъ самаго себя въ судъ за оставленіе безъ присмотра на улицѣ принадлежащей ему собаки, публично выслушалъ свои собственныя объясненія и приговорилъ самаго себя къ штрафу.

— Рисунокъ, изданный недавно подполковникомъ Моллэри, знакомитъ насъ съ интереснымъ обращикомъ народнаго календаря, находящагося въ употребленіи у американскихъ индійцевъ племени Дакота. Календарь размалеванъ красной и черной красками на плащѣ изъ буйволовой кожи, въ который облекается индіецъ, избранный съ спеціальною цѣлью — вести народный календарь, и умѣющій толковать загадочный смыслъ его изображеній. Изображенія эти, служащія хронологической помѣткой, заимствованы отъ какого нибудь крупнаго событія или явленія, ознаменовавшаго тотъ или другой годъ. Такъ въ 1813 году въ племени Дакота сильно свирѣпствовалъ коклюшъ: календарь помѣтилъ этотъ годъ фигурой человѣка, изо рта котораго выходитъ струя воздуха; 1833 годъ памятенъ по громадному количеству метеоровъ: въ календарѣ они изображены въ видѣ черныхъ и красныхъ пятенъ и тому подобное. Такихъ символическихъ знаковъ въ календарѣ 71, отъ 1800 до 1871 года; очевидно, что нынѣшній представитель индійскаго календаря воспользовался хронологическими помѣтками своего предшественника по должности.

Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій.

Главная квартира нашей арміи, дѣйствующей на Дунаѣ, находится въ настоящее время въ Горномъ Студенѣ. Туда же, по сообщенію офиціальной телеграммы отъ 2 августа, изволилъ прибыть Государь Императоръ съ своею главною квартирою.

Изъ Горнаго Студеня присланы его императорскимъ высочествомъ главнокомандующимъ дѣйствующей арміей слѣдующія двѣ телеграммы:

1) Отъ 4-го августа: «2-го августа наши батареи въ Слободзеѣ открыли огонь по рущукскимъ паровымъ мельницамъ, сожгли 8 мельницъ. Заставили замолчать рущукскія батареи.

3-го августа, въ 4 часа утра, открыли огонь турки по Журжеву; артиллерійскій бой продолжался цѣлый день.

2-го августа, утромъ турецкая пѣхотная колонна, съ двумя сотнями кавалеріи, стала наступать отъ Плевны на Тукеницу, но, встрѣченная огнемъ нашей артиллеріи, отступила.

Передовыя наши посты заняли прежнія мѣста. Затѣмъ все спокойно.—

Отрядъ генерала Гурко потерялъ за весь походъ, со 2-го по 20-е іюля, 10 офицеровъ и 181 нижняго чина убитыми, 24 офицера и 709 нижнихъ чиновъ ранеными, 9 офицеровъ контуженными и 57 нижнихъ чиновъ безъ вѣсти пропавшими.

Потеря болгарскаго ополченія около 600 нижнихъ чиновъ и 22 офицера убитыми и ранеными. Точную цифру сообщу по полученіи донесенія».

2) Отъ 5-го августа: «Артиллерійскій бой 3-го августа между Рущукомъ и Журжевомъ кончился тѣмъ, что наши батареи заставили замолчать турецкія, у насъ убитъ, одинъ, ранено два артиллериста.

4-го августа происходили слѣдующія дѣла:

1. На правомъ берегу Калараша турки стали тѣснить наши посты впереди Долоба, но къ 11 часамъ утра сами были оттѣснены подошедшими тремя ротами и двумя орудіями; затѣмъ непріятель выдвинулъ кавалерію съ артиллеріею противъ Басардова къ Кадакіою и 4 батальона лѣвѣе, и завязавшаяся перестрѣлка прекратилась около 3 часовъ пополудни. Турки отошли къ Рущуку; полковникъ Хрещатицкій съ двуми сотнями двинулся вслѣдъ за ними до Черноводы и Іени-Эсмила, и выбилъ оттуда баши-бузуковъ и черкесовъ. Наша потеря 5 человѣкъ и легко раненыхъ двое.

2. По османъ-базарской дорогѣ наши четыре роты отъ Кесарева произвели рекогносцировку къ Димиркіою, открыли тамъ превосходныя силы и вернулись въ Кесарево, потерявъ одного офицера и 30 нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными.

3. Въ Балканахъ турки атаковали Ханкіоскій перевалъ, но были отбиты елецкимъ полкомъ».

— Съ театра военныхъ дѣйствій въ Малой Азіи получены двѣ телеграммы отъ начальника штаба Кавказской арміи изъ Александрополя слѣдующаго содержанія:

1) Отъ 2-го августа: «Непріятельскій корпусъ Измаила-паши остановился въ дальнѣйшемъ наступленіи своемъ противъ отряда генерала Тергукасова, имѣя по сю сторону горъ только авангардъ свой; главные-же силы его, въ числѣ до 40 батальоновъ, съ многочисленною кавалеріею и 55 орудіями, сосредочиваются къ Мысынскому ущелью. 30-го іюля произошло незначительное дѣло наблюдательнаго отряда изъ пяти конныхъ сотенъ, подъ командой генерала Калбалай-Хана, съ непріятельскимъ авангардомъ, въ которомъ у насъ убитъ 1 казакъ и ранено 10. Въ главныхъ силахъ корпуса предпринималисьрекогносцировки позицій Мухтара-паши. 27-го іюля грузинскимъ полкомъ съ батареею, прошедшими къ Худжи-Вали, осмотрѣны укрѣпленія непріятельскаго центра. Въ этотъ день непріятельская кавалерія аттаковала аванпосты наши впереди Вашъ-кадыклара, но дѣйствіемъ спѣшившихся казаковъ и подоспѣвшими двумя батальонами и сѣверскими драгунами отбита съ потерею 20 убитыхъ, при ничтожномъ уронѣ съ нашей стороны. Ингурскій отрядъ генерала Алхазова продолжалъ движеніе свое впередъ и находился 31-го іюля у Атары на рѣкѣ Кодоръ, гдѣ устраиваетъ переправу; кавалерія отряда перешла на правый берегъ».

2) «Въ Кабулетскомъ отрядѣ, 1-го августа турки аттаковали охотниковъ, расположенныхъ на правомъ флангѣ нашей мухаестатской позиціи; но прибывшій резервъ охотниковъ подъ командою генеральнаго штаба капитана Клечковскаго и пѣшая дружина войскового старшины князя Джорджадзе оттѣснили его къ рѣкѣ Ачкуа. Въ завязавшейся затѣмъ по всей линіи перестрѣлкѣ принимали участіе артиллерія обѣихъ сторонъ и турецкіе броненосцы.

У насъ убито 23 и ранено 38 нижнихъ чиновъ».

* * *

Телеграммы.

Тифлисъ, 2-го августа, вторникъ. Вчера, вечеромъ, сюда прибылъ генералъ Черняевъ. Всѣ увѣрены, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ онъ получитъ высокое назначеніе. Телеграммою изъ Александрополя генералъ Черняевъ вызывается въ главную квартиру; впрочемъ, онъ теперь нѣсколько боленъ, хотя и не опасно.

Одесса, 2-го августа, вторникъ. Секретарь одесскаго прокурора, совершившій, по словамъ «Новороссійскаго Телеграфа», рядъ подлоговъ и другихъ преступленій, бѣжалъ изъ Одессы; въ послѣднее время онъ велъ очень роскошную жизнь.

— Одесса, 6-го августа, суббота. Сюда прибылъ первый транспортъ раненыхъ подъ Плевной, которыхъ привезено сегодня 200, а вчера 300 человѣкъ. Такъ какъ постройка госпиталя еще не окончена, то раненые размѣщены въ больницѣ, въ палаткахъ и другихъ зданіяхъ.

Предсѣдатель мѣстнаго управленія общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, гр. Левашевъ, уѣхалъ, сегодня, на однѣ сутки, въ Кишиневъ.

Сегодня, вечеромъ, послѣ отслуженнаго въ вокзалѣ желѣзной дороги молебствія, отправилась въ Бухарестъ вторая одесская партія санитарнаго персонала, состоящая изъ 20 сестеръ милосердія и 10 кухарокъ.

Съ 8-го августа товарное движеніе между Кишиневомъ и Унгены возстановлено и ежедневно отправляется по четыре поѣзда.

Отправившаяся вчера, по направленію къ Дунаю, экспедиція поповокъ и пароходовъ возвратилась сегодня утромъ въ Одессу.

Прага, 5-го августа, пятница. Вопреки запрещенію административной власти, въ Бехинѣ (?) происходилъ народный митингъ, съ цѣлью выразить сочувствіе чеховъ къ русскому оружію. Собралось до 6,000 чеховъ, но отряды жандармовъ, стянутые изъ ближайшихъ окрестностей, разогнали участниковъ митинга.

Аграмъ, 5-го августа. Въ Церквеницѣ, въ Хорватіи, происходилъ огромный народный митингъ для выраженія сочувствія балканскимъ славянамъ и Россіи. Собралось до 5,000 человѣкъ со всей хорватской окраины и съ далматинскихъ острововъ. При громкихъ, единодушныхъ крикахъ одобренія, потрясавшихъ воздухъ, единогласно принята резолюція слѣдующаго содержанія:

«Собравшіеся на митингъ сыны сербохорватскаго народа выражаютъ свои искреннія пожеланія побѣды русскому оружію и окончательнаго паденія Турціи.

«Готовы поддержать цѣлость и независимость Хорватіи и присоединенія къ ней Босніи и Герцеговины.

«Увеличенная этими провинція Хорватія должна вступить въ тѣсный союзъ, на федеративныхъ началахъ, съ славянскими княжествами, которыя существуютъ и будутъ образованы на Балканскомъ полуостровѣ.

«Борьбѣ балканскихъ славянъ за освобожденіе ихъ отъ турецкаго ига должна быть оказана посильная поддержка, а къ императору Францу-Іосифу надо обратиться съ прошеніемъ, чтобы онъ не слѣдовалъ мадьярской политикѣ».

Римъ, 1-го августа, понедѣльникъ. Оффиціозная газета «Diritto» говоритъ по поводу свиданія императоровъ германскаго и австрійскаго въ Ишлѣ, что согласіе трехъ державъ: Россіи, Германіи и Австріи останется и впредь не нарушеннымъ; и что согласіе это служитъ лучшимъ ручательствомъ ограниченія театра войны и сохраненія европейскаго равновѣсія.

Вѣна, 2-го августа, вторникъ, вечеромъ. Газетѣ «Presse» сообщаютъ слѣдующія извѣстія:

Изъ Кракова: «Многочисленные бѣглецы изъ русско-польскихъ губерній, уклоняющіеся отъ воинской повинности, прибываютъ сюда и затѣмъ отправляются въ Венгрію и Силезію».

Лондонъ, 1-го августа, понедѣльникъ. Корреспондентъ «Times» изъ Нью-Іорка сообщаетъ, что тамъ появились турецкіе агенты, тайкомъ набирающіе рекрутъ для турецкой арміи между рабочими, страдающими отъ отсутствія заработковъ. Агенты предлагаютъ жалованье за три мѣсяца впередъ и даровой проѣздъ въ Турцію.

— 2-го августа, вторникъ, вечеромъ. По сообщенію «Агенства Рейтера», въ рѣчи королевы, при закрытіи парламента выражено, что отношенія Англіи къ иноземнымъ державамъ остаются дружественными. Упомянувъ вскользь о безуспѣшности усилій сохранить миръ, королева продолжаетъ: «Послѣ того, какъ между Россіей и Турціей вспыхнула война, я заявила о своемъ намѣреніи соблюдать нейтралитетъ, пока не будутъ затронуты интересы Англіи. Интересы эти опредѣлены въ сообщеніи, посланномъ русскому правительству, отвѣтъ котораго указывалъ на его дружелюбныя намѣренія. Когда представится благопріятный случай, я не примѣну употребить всѣ усилія, чтобъ содѣйствовать возстановленію мира на условіяхъ, согласныхъ съ честью воюющихъ, общей безопасностью и благополучіемъ другихъ націй. Если же, во время борьбы, права моей имперіи окажутся затронутыми или если имъ будетъ грозить опасность, я буду разсчитывать на ваше содѣйствіе для ихъ возстановленія и охраненія».

Копенгагенъ, 5-го августа, пятница, вечеромъ. Ютландскій священникъ Голинъ, который, по поводу изданія временнаго финансоваго закона, сдѣлалъ съцерковной каѳфдры нѣсколько заявленій, оскорбительныхъ для короля, приговоренъ, сегодня, судомъ къ увольненію отъ должности и заключенію въ рабочій домъ на восемь мѣсяцевъ.

Панама, 31-го іюля, воскресенье. Пароходъ «Эгеръ», принадлежащій «Тихо-океанской пароходной компаніи» (Pacific Steam Navigation Company), потерпѣлъ, 15-го іюня, крушеніе въ 70-ти миляхъ отъ Вальпарайсо. На пароходѣ этомъ находилось, приблизительно, 160 человѣкъ. Изъ нихъ 43 человѣка, до 18-го іюля, достигли материка, а 20 человѣкъ были спасены первымъ британскимъ военнымъ судномъ «Amethyst», которое отправилось на помощь погибающимъ, но, вслѣдствіе бурной погоды, не могло приблизиться къ утесамъ. Нѣсколько пассажировъ затонувшаго парохода частью погибли на скалахъ отъ недостатка жизненныхъ припасовъ, частью бросились въ море; спасены только три человѣка. Полагаютъ, что, въ общей сложности, погибло 100 человѣкъ.

Горный Студень, 8-го августа, понедѣльникъ. Сулейманъ-паша послѣ неудачной атаки Ханкіойскаго перевала, 4-го августа, повидимому собирается атаковать другіе Балканскіе проходы; пока, впрочемъ, все тихо.

Александрополь, 8-го августа, понедѣльникъ. I. Дабы отвлечь вниманіе Мухтара-паши отъ предпринятаго генераломъ Тергукасовымъ движенія противъ корпуса Измаила-паши, 6-го числа произведена демонстрація частью войскъ генерала Лорисъ-Меликова къ сторонѣ позиціи, занятой войсками Мухтара-паши; встревоженный симъ движеніемъ, непріятель притянулъ къ позиціямъ своимъ всѣ войска изъ заднихъ линій, обнаруживъ и числительность силъ своихъ и ихъ расположенія, послѣ продолжительнаго артиллерійскаго боя, преимущественно на нашемъ правомъ флангѣ и центрѣ, а равно нѣсколькихъ жаркихъ схватокъ пѣхоты и кавалеріи въ окрестностяхъ высоты Большой-Ягны, подъ начальствомъ прибывшаго за два дня предъ симъ съ частями войскъ изъ Ардагана полковника Комарова, авангардъ нашъ расположился лагеремъ въ селеніи Кюльверданъ, а главныя силы возвратились на позицію у Кюрюкъ-Дара. Потеря наша въ этотъ день убитыми прапорщикъ владикавказскаго пѣхотнаго полка Комаровъ и 60 нижнихъ чиновъ; ранеными и контуженными 270 нижнихъ чиновъ и 8 офицеровъ; а именно: севастопольскаго полка штабсъ-капитанъ Ващенко и портупей-юнкеръ Хоруженскій и прикомандированный къ полку штабсъ-капитанъ, петербургскаго гренадерскаго, короля Фридриха-Вильгельма III полка, Уманецъ; владикавказскаго полка: маіоръ Григоровичъ, штабсъ-капитанъ Мышляевъ и Мокропліо; нижегородскаго полка прапорщикъ Евстафьевъ и поручикъ принцъ Махмудъ-Мирза.

II. Въ ночь съ 7-го на 8-е число кавалерійская колонна изъ Башъ-Кадыкларскаго лагеря, въ коей находились нижегородцы, чеченцы, сводный дворянскій конный полкъ Закавказскихъ губерній и команды конныхъ охотниковъ съ одною конною батареею, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта князя Чавчавадзе, произвели поискъ къ селенію Буланохъ, по правую сторону Субботинскаго ручья. Застигнутая при этомъ врасплохъ турецкая регулярная конница атакована охотниками и чеченцами, при чемъ непріятель потерялъ 60 убитыхъ и плѣнными 1 офицера и 6 нижнихъ чиновъ, а также взято 20 лошадей, ружья и другое оружіе. Съ открытіемъ огня съ непріятельскихъ батарей, кавалерія наша отошла въ лагерь. Потеря наша состоитъ изъ двухъ контуженныхъ офицеровъ: маіора Витте въ голову тяжело и капитана Чернышева въ ногу; между нижними чинами нѣтъ никакой потери.

* * *

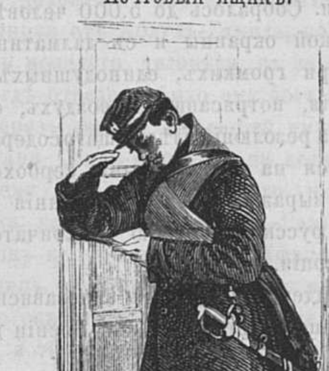
Наши гравюры.

Полевая почта въ Дунайской арміи.

Тырновскій корреспондентъ вѣнской «Presse» сообщаетъ нѣсколько интересныхъ подробностей о полевомъ телеграфѣ и полевой почтѣ русской дѣйствующей арміи. Полевое телеграфное отдѣленіе, весьма добросовѣстно исполняетъ свои обязанности, но устройство матеріальной части его не дозволяетъ ему дѣйствовать такъ, какъ то является желательнымъ. Полевой телеграфъ долженъ удовлетворять одному важному условію—удобству перемѣщенія, такъ какъ онъ входитъ въ составъ главной квартиры и долженъ слѣдовать за нею повсюду. Вслѣдствіе этого полевое телеграфное отдѣленіе не можетъ имѣть съ собою ни проволокъ въ такомъ количествѣ, которое превышало бы насущныя потребности главной квартиры, ни столбовъ большихъ размѣровъ, которые могли бы поддерживать не одну, а двѣ или болѣе проволокъ. Понятно, что вслѣдствіе этого передача депешъ встрѣчаетъ порою серьезныя затрудненія. Само собою разумѣется, что первыми принимаются депеши главнокомандующаго, затѣмъ депеши, касающіяся распоряженій по продовольствованію арміи, политическія и придворныя депеши и, наконецъ, частныя депеши многочисленныхъ лицъ свиты. Такъ какъ въ часъ времени самый расторопный телеграфистъ можетъ отправить не болѣе двадцати депешъ нормальнаго размѣра, то изъ этого слѣдуетъ, что въ сутки (телеграфъ работаетъ днемъ и ночью безостановочно) дѣятельность полевого телеграфа ограничивается 480 депешами. Эта скромная цифра доказываетъ уже, что для газетныхъ корреспондентовъ отправка телеграммъ непосредственно изъ главной квартиры сопряжена съ большими затрудненіями; слѣдуетъ сознаться, что главная квартира всячески старается облегчить корреспондентамъ ихъ задачу, предоставляя полевой телеграфъ въ ихъ распоряженіе всякій разъ, какъ это только представляется возможнымъ. Задача корреспондентовъ облегчается также тѣмъ, что въ началѣ кампаніи можно было телеграфировать только на русскомъ языкѣ, а теперь, благодаря прибытію телеграфистовъ, прекрасно говорящихъ на всѣхъ другихъ нарѣчіяхъ, и на всякомъ иностранномъ языкѣ. Что касается собственно телеграфной станціи, то она имѣетъ видъ обыкновенной коляски, на козлахъ которой расположенъ аппаратъ, а задняя скамья служитъ письменнымъ столомъ. Въ Тырновѣ телеграфная станція расположена между ставками главнокомандующаго и генерала Непокойчицкаго, въ двадцати шагахъ отъ той и другой.

Полевая почта находится въ большомъ амбарѣ, прилегающемъ къ маріанопольской мельницѣ. Съ перваго взгляда тамъ какъ будто царитъ страшный безпорядокъ, но безпорядокъ этотъ только кажущійся. За неимѣніемъ особыхъ пронумерованныхъ ящиковъ, какъ въ городскомъ почтамтѣ, письма и посылки лежатъ на полу, гдѣ и сортируются служащими. Денежная экспедиція находится въ особомъ зданіи, но отправка денежныхъ посылокъ сопряжена съ такими затрудненіями, что многіе не рѣшаются отправлять денегъ по почтѣ, а ждутъ для этого какой нибудь оказіи. Почта отправляется заграницу три раза въ недѣлю, при чемъ письма, назначенныя въ Австрію, идутъ чрезъ Бухарестъ, Унгены и Варшаву, что замедляетъ, конечно, полученіе ихъ по назначенію. Но генералъ Нелидовъ обѣщалъ принять мѣры для устраненія этого неудобства. Адресы должны быть написаны на русскомъ языкѣ и на языкѣ той мѣстности, куда отправляются. Письма корреспондентовъ вовсе не контролируются. Всѣ служащіе на полевой почтѣ отличаются своею предупредительностью и любезностью.

Почтовый ящикъ.



Иркутскъ, И. П. П—ву: Къ сожалѣнію, редакція не можетъ воспользоваться ни стихотвореніями, ни корреспонденціей. Первыя — слабы, вторая не можетъ быть напечатана потому, что Ред. Жив. Об. не располагаетъ мѣстомъ для печатанія постоянныхъ корреспонденцій изъ разныхъ городовъ, печатать же случайныя корреспонденціи было бы безполезнымъ.

Поэту на Днѣпрѣ: «Могила нищаго» была уже переведена.

Курскъ. Любителю шахматной игры: Редак. Жив. Об. приметъ во вниманіе Вашъ добрый совѣтъ.

Меджибожъ, г. Е. К—ій; Люблинъ, г. Г—въ: Стихотворенія очень слабы.

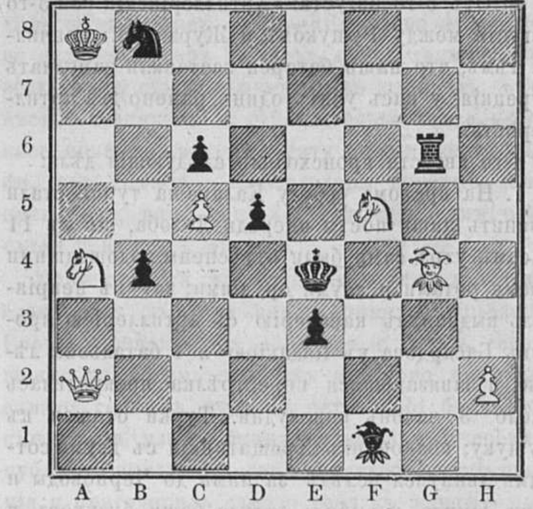
* * *

Шахматы.

Задача XXXI.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Черные.



Бѣлые.

Рѣшеніе задачи № XXX.

Бѣлые.	*Черные.*
1) D8—C8	1) C6—C5
2) F3—A8	2) C5—C4
3) C8—B7	3) D6—D5
4) B7—C7 † и матъ.	

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи. Народныя суевѣрія (продолж.). — Чортовъ волосъ. — Закаленное стекло. — Наши ближніе (продолж.). — Стихотвореніе: «Пожаръ въ деревнѣ». — Предстоящій спектакль въ Парижѣ въ пользу нашихъ раненыхъ. — Почему мы смѣемся?—Новости наукъ и жизни.—Смѣсь.—Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій. —Телеграммы. — Наши гравюры. — Почтовый ящикъ. — Шахматы. — Объявленія.

Гравюры: Русская полевая почта на Балканскомъ полуостровѣ.—Желѣзные рудники. — 14 рис. къ статьѣ: «Закаленное стекло».—До свиданія.—Лагерь Зейбековъ.—Почталіонъ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Объявленія.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ за 1875 и 1876 гг.

За каждый годъ, большой томъ изящно отпечатанный, со множествомъ рисунковъ, лучшихъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, уступается подписчикамъ каждый годъ за 3 рубля (безъ приложеній):

въ изящномъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ . . . . 4 р.
за два тома. . . . . 5 „
въ изящныхъ же переплет. .
за два тома . . . . 7 р.

Деньги на пересылку высылаются по разстоянію: за одинъ томъ на 7 фунт.; за два тома 14 фунт. (До 1000 верстъ) прилагается 1 р. на пересылку за каждый томъ; сверхъ же 1000 верстъ, на каждыя сто верстъ, прилагается 7 к. на томъ.

Въ конторѣ редакціи «ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ» находится въ продажѣ **большая гравюра.**

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ.

Снимокъ къ картины *Леонарда да Винчи.* Цѣна *50 коп.* съ пер. *75 коп.*

Въ конторѣ редакціи **„Живописнаго Обозрѣнія“** а также въ музыкальныхъ магазинахъ В. Весселя и К^0 и М. Бернарда, находятся въ продажѣ **ноты:**

МАРШЪ

РУССКИХЪ ДОБРОВОЛЬЦЕВЪ.

Сочиненіе **ФЛОРІАНА ГЕРМАНА.** (8 страницъ). Цѣна **1** руб. съ пересылкою **1** р. **50** коп.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 13 Августа 1877 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде

№ 34. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода—4 р. 50 к. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 21 Августа 1877 года. *Адресъ конторы редакціи:* С.-П.-бургъ, Троицкій переулокъ, домъ № 27/1. Годъ V.

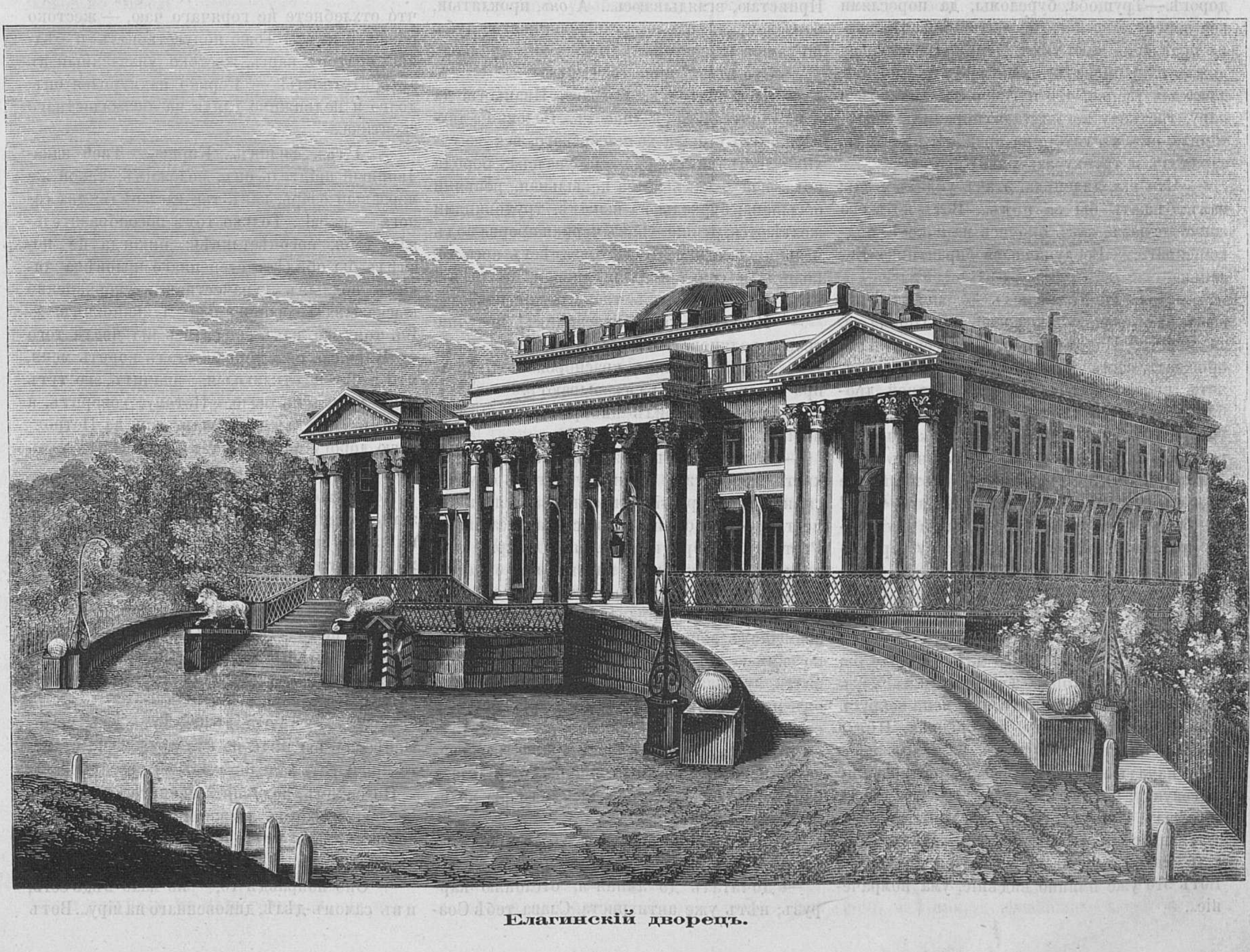
Подписка на „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ 1877 г. продолжается.

Въ 1877 году журналъ выходитъ **еженедѣльными** нумерами (въ годъ 52 нумера), иллюстрированными множествомъ художественныхъ гравюръ. Всѣ подписчики получаютъ, въ **видѣ премій**, ежемѣсячное приложеніе подъ заглавіемъ «Жизнь и Хозяйство», со множествомъ рисунковъ. Годовымъ подписчикамъ разсылаются слѣдующія преміи: большая гравюра **„Продажа амулетовъ“**, снимокъ съ картины проф. **Генриха Семирадскаго**, на толстой веленевой бумагѣ, длиною одинъ аршинъ, шириною 12½ вершковъ, и **Карта театра военныхъ дѣйствій въ Европейской и Азіятской Турціи.**

Годовая подписная цѣна журнала, съ достав. и перес. 7 руб., безъ перес. и доставки—6 руб.; на полгода: (съ 1-го іюля), съ пересылкою—4 р. 50 коп., безъ перес.—3 руб.

Подписка продолжается. Новые годовые подписчики получаютъ журналъ съ перваго нумера.

КОНТОРА „ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ“ приглашаетъ гг. подписавшихся на журналъ съ разсрочкою — выслать къ первому сентябрю, слѣдуемыя деньги, согласно условіямъ подписки, во избѣжаніе замедленія, могущаго произойти при дальнѣйшей высылкѣ имъ нумеровъ журнала.



Елагинскій дворецъ.

Народныя суевѣрія.

Изъ охотничьихъ разсказовъ **Н. Б. Куроѣдова.**

(*Продолженіе.*)

IV.

И почтеннаго человѣка лѣшій обошелъ.

— Гмъ.... Ну-такъ, Евграфъ Ивановичъ! Всѣхъ изволилъ облаять, осмѣхотворить по обезъяньему. Ну, положимъ, Федюхѣ причудилось видѣніе съ похмѣлья, по твоему; Игнатьичу, тамъ, по старости, что ли;—Евлику по молодости лѣтъ, положимъ. А мнѣ же, понимаешь, — меня-то, по твоему, отъ какихъ такихъ причинъ заводилъ разъ лѣшій, было до смерти?!... слегка иронически, и съ сознаніемъ собственнаго достоинства, вопросилъ Лукьянычъ Рыжаго.

Тотъ не смутился однакоже, стѣснился только отвѣтомъ немного; покашлялъ, посморкался и отвѣчалъ, уже отвернувшись въ сторону, уклончиво:

— Вы то особь-статья, Леодоръ Лукьяновичъ! васъ може и всамомдѣлишній лѣшій обошелъ... а може...

— Ну, ну что же—може?

— А вы вотъ прежде растолкуйте намъ, Леодоръ Лукьянычъ, — какъ это? то-есть: гдѣ и при какомъ случаѣ было? тогда оно уже само собою видно будетъ.

— Гдѣ, какъ!!... угрюмо отрубилъ Лукьянычъ, и, нехотя, повелъ свои отрывчатыя рѣчи, не терпящія многосоюзія:

— Оченно просто какъ: ходилъ на узерокъ, лѣтось — осенью. Заяцъ поздно перелинялъ;—въ октябрѣ. Пошелъ было опушкой Шониковской, навязался въ компанію твой благопріятель, Кирша безпутный; сбилъ идти въ глубь Спорнаго лѣса, по Петровской дорогѣ.—Трущоба, буреломы, да порослями все перепутано; ноги не вытащишь. Ну, зайца правда не мало тамъ. День былъ хмурый, дождь накрапывалъ; мягко, шагу не слыхать; лафа для узерка, что и говорить! Зашибъ я пару, третьему ногу заднюю поранилъ; закартавилъ онъ въ глубь, на право. Я присталъ, зарядилъ и трубку закуриваю...

— Что вы, дяденька! этакъ уйдетъ вѣдь; вамъ бѣжать бы за нимъ... Вотъ я-бъ его живо догналъ, какъ ономясь на покосѣ, подкошеннаго. — Воодушевился борзятникъ-Евланька.

— Догнать не догналъ — спужать спужалъ бы; ускакалъ бы косой, съ горяча-то, за версту. Подбитаго его завсегда надо обождать, самъ остановится скорѣе; истечетъ кровію; косой хлибокъ съ одной дробины сытъ; посидитъ минутку, шевелнетъ ушами, кочнетъ головой, да и ножки къ верху—капутъ!... Одначе же, этотъ увелъ меня далеко; все въ глубь трущобы. Хотѣлъ уже бросать его; глядь, изъ-подъ куста — фырь! Я—бацъ! а онъ—въ сторону, да на кругахъ на кругахъ: заколесилъ, ерзгаетъ у коряжины...

— А може и другой это подмѣнилъ его...

Леодоръ какъ будто и не слыхалъ даже рыжаго, продолжая свое сказаніе:

— Тутъ я погорячился малость: надо бы зарядить—пришибить; я же—за нимъ, какъ мальчикъ малый. Замаялъ онъ меня вокругъ буреломины-то до поту, до одышки. Нѣтъ-то-нѣтъ опомнился: присѣлъ на пень, заряжать началъ... Отвелъ глаза къ потронташу на секунду; потомъ глядь — его уже слѣдъ простылъ! Протеръ глаза: послѣ поту-то не затуманило ли ихъ, думаю? — Нѣтъ; какъ есть сквозь землю провалился, ракалія!... Вотъ это уже имянно видѣніе, ума помраченіе...

— Вамъ бы подъ коряжинку то заглянуть, Леодоръ Лукьяновичъ!

— Не тебѣ учить, малокососу! отчеканилъ сердито разсказчикъ.—Егранька почесалъ въ затылкѣ.

— Не робокъ я, всеконечно; хорошо понимаю, что не можетъ же нечистая сила тронуть единаго волоса крещенаго. Ну, все же стало жутко. Къ тому же, дождикъ зачастилъ, какъ изъ сита; стало въ лѣсу ночьночью. Надо къ дому, думаю; а гдѣ домъ? разсудить не могу; такъ меня закружилъ, обезкуражилъ этотъ косой дьяволъ. Сталъ гопъ-гопать товарища. Отгопнулся мнѣ Кирша, только далеко очень; и, кажись, совсѣмъ не по линіи къ дому. Однако, я побрелъ на него. Прошелъ саженъ со ста, опять: гопъ-гопъ!... Слушаю: безпутный-то откликается уже сзади, еще дальше. Я это за нимъ; ногами то работаю, какъ ходулями... Долго шелъ, опять окликнулся; но онъ мнѣ аукаетъ уже еле слышно, совсѣмъ то въ лѣву сторону!... Ну, дѣло не ладно; даже въ жаръ меня бросило. Кричу это во всю глотищу безшабашному-то: обожди меня, образина дурацкая! Самъ же, побросалъ зайцевъ, да въ прибѣжку за бездѣльникомъ...

— Ухъ, какъ это Киршей попахиваетъ! шепчетъ Евграфъ сосѣду на ухо. — Такую же шуточку отмочили мы съ нимъ и надъ стрѣльцомъ Любимовымъ; тоже по узерку...

— Трущоба не пролазная... продолжаетъ Лукьянычъ.—Ноги путаются, кафтанъ зацепляется, лицо поцарапалъ до крови, самого одышка замаяла; нѣтъ моей мочи дольше, — такъ и брякнулся!... Долго лежалъ ницъ лицомъ, какъ съ угару на конникѣ... Только и чудится мнѣ: будто кто охаетъ надо мною. Привстаю, вглядываюсь... А *онъ*, проклятый, близехонько: изъ-за суховершиннаго дуба, по самыя плечи, виднѣется!

— Это кто, Кирша-то что-ли?

— Твой патретъ, Евгравъ Иванычъ! да и на пріятеля то смахиваетъ... Головица двурогая, что у быка холмогорскаго, вся то сухими листьями съ сучками увалена; борода подъ ней — какъ метла ковыльная, репьями обсыпана; буркалы на выкатѣ, трудовицами желтѣются; ртище—какъ черная прорва подъ мельницей; а черезъ него, замѣстъ носа то, повисла и сочится дыня гнилая, потреснутая... тьфу-ты, погонь! тварь оглашеная!!...

— Ишъ-ты, какой красавчикъ! получше твоего водянова тезки-то, Игнатьичъ!

— Молчи, лешьякъ красноржій! Слышь, про твоего батьку разсказываютъ.

Леодоръ перебилъ пикировку продолженіемъ:

— Сначала, отъ безумія, ужь что ли, я хвать было ружье къ плечу; потомъ одумался: не слѣдъ крестіанину связываться съ нечестью; — вспомнилъ эти слова писанія. — Растегнулъ воротъ себѣ, шарю-шарю гайманъ съ оброзками, — пальцы не корчатся, не найду, точно спряталъ кто!... Все ровно же, думаю: своеручнымъ, кресто-перстнымъ знаменіемъ ошарашу тебя, окояннаго!.. Только снимаю это картузъ съ себя... Догадалась, знать, лукавая гадина! — Какъ захлопаетъ онъ ручищами, словно филинъ крыльями, и стонъ пустилъ нечеловѣческій, по всему лѣсу темному!... Такъ у меня, признаться сказать, ноги подкосилися. Закрылъ я глаза картузомъ, сижу не шевелясь,—творю молитвы довоскрестныя...

— А лучше бы выпалить въ филина то.— тихомолкомъ бормочетъ Еграня.

— Дочиталъ до аминя я, отслоняю каррузъ; нѣтъ уже антихриста. Слава тебѣ Создателю! передохнулъ немного; приподымаюсь, колѣнки неразгибаются; кое какъ привсталъ же однако. Только будто шальной побрелъ назадъ, не оглядываясь. Версты чай три прошагалъ, на поляну вышелъ. — Что же, разсуждаю себѣ, надо попытать хоть: куда это я путь держу? Уже стемнѣло совсѣмъ; звѣзды за дождемъ не виднѣются, на полянѣ же посвѣтлѣе немного. Выглядѣлъ я старое дерево, ощупалъ корень: мохъ то мнѣ подорогѣ, значитъ, на полночь; путь же къ селу мнѣ на полдень; приходится повернуть назадъ опять... Гмъ, нѣтъ! мекаю себѣ, лучше въ лѣсу ночую, а не пойду на встрѣчу лѣшему... Только дождь этотъ, не переставая, идетъ; да въ утробѣ моей, словно органъ, похрипываетъ. Пожалѣлъ тутъ я о брошеныхъ бѣлячишкахъ. — Развелъ бы костеръ, отогрѣлся, поужиналъ, и спи себѣ съ Богомъ... Дѣлать нечего; не издыхать же стать подъ дождемъ, да въ проголодь; порѣшилъ идти на пролетъ всю ноченьку, куда кривая не вынеситъ!... И вынесло же меня на свѣту, за пятнадцать верстъ, въ подлѣсное-Аверкино?!...

Послышались всеобщіе возгласы удивленія и сожалѣнія, съ забористымъ свистомъ Еграньки.

— Такъ вотъ каковы они лѣшіе-то, Евграфъ Ивановичъ! — съ этими не пошутишь небось, какъ ты думаешь? торжественно заключилъ почтенный повѣствователь, вполнѣ увѣренный въ неоспоримость своего вывода.

— Да коли не филинъ это, такъ не Кирша ли подшутилъ надъ вами, Леодоръ Лукьяновичъ?...

Испытали ли вы, господа: предположивъ, что отхлебнете не горячаго чаю, — жестоко обжечся имъ?... Тоже почувствовалъ и бѣдный ораторъ нашъ, жестоко уязвленный въ авторитетность! — Горько нахмурился онъ, долго и недвижимо глядя на безжалостнаго скептика...

— Гмъ... филинъ... Кирша... Твой закадышный пріятель онъ, положимъ; такой же мерзавый озарь, какъ ты; васъ вѣдь: два сапога — пара!... Только тотъ пособразительнѣе тебя, посовѣстливѣй: никогда не посмѣлъ бы обидѣть степеннаго человѣка такимъ подлымъ дурачествомъ, укоризненно высказывалъ огорченный Лукьяновичъ. — Къ тому же, какъ свидѣлись мы послѣ того съ Киршею, онъ первый сталъ корить меня, что я ему не откликался;—значитъ, его тутъ и въ духахъ не было.—Потому, говоритъ, я и самъ заплутался; да ладно еще на Петровскую дорогу напалъ,—такъ и ночевалъ тамъ у кумы Анфисы Подовалихи...

По безмолвно-смѣющимся, лукавымъ глазамъ Еграньки, ясно видно было, что у него на языкѣ чуть держится какая то злая выходка противъ кичливыхъ доводовъ растеряннаго Лукьяныча; да побаивался онъ уже очень то затрогивать; а можетъ быть, и жаль отчасти стало ему почтенную особу. Отъ того то онъ круто обернулъ свою придирчивую тактику на уступчивую, и пролепеталъ уклончиво:

— Да, это другое дѣло!.. Тутъ ужь чего... Извѣстно, вы вѣдь не кто другой, не станете прилыгать... человѣкъ божественный!...

Но потомъ, подумавъ немного, съ рѣшимостью тряхнулъ рыжими космами, и продолжалъ, какъ будто стѣсняясь чѣмъ то, неохотно:

— Оно поправдѣ то, — не мало вѣдь есть, и въ самомъ-дѣлѣ, диковеннаго на міру... Вотъ и со мной, пожалуй, тоже... Ну да что растобарывать-то,—смѣяться, пожалуй, будете...

— Да полно ужь ломаться то, рыжій! а ты разсказывай, загудѣли обрадованные ребята. — Даже и божественный человѣкъ, очень польщеный такимъ подходящимъ прозваніемъ, смягчился до нѣкоторой степени, и процѣдилъ сквозь зубы:

— На что же; какой тутъ смѣхъ? — Разсказывай...

(Продолженіе слѣдуетъ.)

* * *

Нечеловѣческая месть.

Романъ Анри Тесье.

ПРОЛОГЪ.

Канунъ Рождества.

Глава I.

Почему Дени пришелъ къ нелестному заключенію о дѣвушкахъ вообще и о дѣвицѣ Рейнольдъ-д'Отфоръ въ частности.

Въ половинѣ двѣнадцатаго вечеромъ изъ всѣхъ выходовъ Сен-Мартенскаго театра, фонари котораго начинали уже гаснуть, тѣснясь и одурѣвъ, стремилась потокомъ толпа, пропитанная еще удушливымъ запахомъ, порождаемымъ газомъ, пылью и жаромъ въ атмосферѣ, уже испорченной дыханіемъ двухъ тысячъ людей и насыщенной табачными и буфетными испареніями.

По мѣрѣ того какъ эта пестрая и болтливая толпа разсыпалась по тротуару, вездѣ слышалось одно и то же восклицаніе:

— Какой туманъ!

И немедленно, вслѣдъ затѣмъ, слѣдовало другое восклицаніе разнообразное въ своемъ выраженіи, но рѣшительно у всѣхъ одинаковое по смыслу:

— Надо спѣшить... скоро полночь!

И смѣясь, болтая, толкаясь, перекликиваясь, всѣ эти люди неслись къ четыремъ разнымъ концамъ громаднаго города, какъ бы повинуясь, каждый, мановенію своего бѣса. Такъ оно и было; каждаго подстрекало одно чувство, заставляло спѣшить одно желаніе: насладиться давно ожидаемымъ удовольствіемъ. Одинъ и тотъ же тарантулъ укусилъ актеровъ, дѣлавшихъ сокращенія и пропуски въ своихъ роляхъ,—машинистовъ, слишкомъ поспѣшно подставлявшихъ новыя декораціи,—оркестръ, совершенно выпустившій всѣ ритурнели. Публика ничего этого не замѣчала. Да если бы она и замѣтила, то не сказала бы ни слова. Она явилась на представленіе модной пьесы только затѣмъ, чтобы скоротать время, заставить себя забыть о томъ промежуткѣ, который отдѣлялъ ее еще отъ завѣтнаго часа, одинаково желаннаго, какъ для зрителей въ залѣ театра, такъ и для актеровъ на сценѣ.

Скоро наступитъ полночь—часъ веселыхъ трапезъ, безумныхъ пиршествъ, которыя готовились охватить горячкою и погрузить во всевозможныя наслажденія, на остатокъ ночи, весь Парижъ, начиная съ его верхнихъ слоевъ и до нижнихъ, — съ мелкаго трактира и до значительнаго ресторана,—съ лавочки до роскошной столовой, — съ каморки швеи до дома вельможи...

Сегодня 24 декабря 1875 года, — канунъ Рождества!.. Всякій парижанинъ считаетъ обязанностью встрѣтить праздникъ за ужиномъ!

Среди толпы, направляясь внизъ по бульвару къ станціи омнибусовъ Сен-Мартенскаго квартала, пробиралась группа изъ шести человѣкъ; подвигались они медленно, за что и получали не мало толчковъ, не нарушавшихъ, впрочемъ, ихъ хорошаго расположенія духа. Впереди держась другъ за друга, трусили мальчикъ лѣтъ пятнадцати и двѣнадцатилѣтняя дѣвочка. Разглядывая экипажи, они болтали, разсыпаясь въ восторженныхъ восклицаніяхъ по поводу пьесы, игры актеровъ, костюмовъ и балета. За ними шелъ человѣкъ уже пожилой, нѣсколько тучный, но еще бодрый и проворный. Лицо его, гладкое, съ округленными, мягкими чертами, не привлекало на себя никакого вниманія, но, всматриваясь въ него ближе, можно было замѣтить замѣчательную энергію въ этомъ нѣсколько ожирѣвшемъ подбородкѣ, въ этихъ мясистыхъ, но сжатыхъ губахъ, въ этихъ сѣрыхъ глазахъ, проницательныхъ, подвижныхъ и плохо скрытыхъ очками въ золотой оправѣ.

Онъ велъ подъ руку женщину среднихъ лѣтъ, одѣтую съ явнымъ желаніемъ прифрантиться. Ея французская шаль, шляпа съ изобиліемъ цвѣтовъ и перьевъ, брошъ, серьги и множество колецъ, блестѣвшихъ на ея костлявыхъ пальцахъ, выдавали мѣщанство, дезертировавшее изъ своей лавочки. Впрочемъ, наружность этой особы была симпатична, не смотря на ея приплюснутый носъ, слишкомъ широко прорѣзанный ротъ и почти прозрачную худобу.

Въ нѣсколькихъ шагахъ за этою парой, шелъ господинъ, долговязый, подтянутый, правильный, какъ геометрическая фигура, и въ длинномъ сюртукѣ, застегнутомъ на глухо, по военному, и, должно быть, мало согрѣвающемъ при осьмиградусномъ морозѣ. Онъ велъ почтенную даму, скромно закутанную въ ватерпруфъ съ наброшеннымъ на голову капюшономъ, изъ подъ котораго выглядывало добродушное, улыбающееся и красноватое лицо.

Въ ту минуту, когда двѣ первыя пары дошли до конца тротуара возлѣ театра «Ренесансъ», мальчикъ внезапно остановился.

— Вотъ четвероместный экипажъ, г. Дени! воскликнулъ онъ съ торжествомъ, указывая на пустую карету, поворачивавшую изъ улицы Бонди.

— Браво! произнесъ господинъ въ золотыхъ очкахъ, дѣлая своею тростью знакъ кучеру остановиться.

Экипажъ подъѣхалъ и дѣти бросились на его переднею скамейку, прижимаясь другъ къ другу, чтобы оставить еще свободнымъ третье мѣсто.

— Ну же, Лорье! Чортовъ увалень! Подвигайся же, закричалъ Дени, видя, что послѣдняя пара слишкомъ отстала.—Если ты бѣжалъ такимъ шагомъ на «Малаховъ курганъ», не мудрено, что тебя успѣла хватить пуля!

— Другъ любезный! Прошу тебя замѣтить, что я сообразуюсь съ шагомъ твоей супруги и потому долженъ умѣрять свой пылъ.

— Что дѣлать! мнѣ уже не осьмнадцать лѣтъ! сказала дама въ ватерпруфѣ съ добродушной улыбкой. — Дени постоянно забываетъ объ этомъ!

— Ну, ладно! Виноватъ, мудрая ты моя старушка, отвѣчалъ Дени кротко, съ любовью взглядывая на жену.—Однакожь надо поторопиться, если мы желаемъ свято соблюсти обычай! наступленіе праздника должно застать насъ за ужиномъ.

— Надо поторопиться! повторилъ Лорье, приподнимая свой воротникъ.

— Вы, г-жа Лорье, сядете на заднюю скамейку, направо; ты, жена, налѣво, а Лорье, благо ты худощавъ, между дамами. Это замѣнитъ тебѣ пальто, которое ты забылъ дома! А я, продолжалъ Дени, вытирая свои запотѣвшіе отъ тумана очки,—я возьму Люсьену къ себѣ на колѣни.

— О, какъ славно! весело воскликнула дѣвочка, обвивая шею отца своими руками.

Дени чмокнулъ ее въ обѣ щеки и закричалъ:

— Ступай, кучеръ! На набережную Орфевръ... № 48... Живо!

Черезъ четверть часа Дени и его спутники шумно входили въ большую квартиру, находившуюся въ третьемъ этажѣ.

— Еще семь минутъ! сказалъ Дени, смотря на свои часы, между тѣмъ какъ дамы снимали, одна свою шаль, другая свой ватерпруфъ, а Лорье поправлялъ свой страшно тугой воротникъ, подпиравшій ему щеки.

Дѣти, уцѣпившись за руки служанки, красивой, толстой норманки, утащили ее съ собою въ столовую, крича отъ восторга при видѣ обильно сервированнаго стола.

На блестящей бѣлизною скатерти красовался ужинъ. Столъ былъ загроможденъ устрицами, закусками, пирожнымъ, и освѣщался висячей лампой и двумя канделябрами съ пятью рожками. Въ серединѣ возвышалась корзинка съ фруктами и цвѣтами; справа возлѣ нея стоялъ орѣховый пирогъ вышиною въ осьмнадцать дюймовъ; слѣва—горка изъ раковъ, самого эфектнаго вида. На отдѣльномъ столѣ высился гомерическій запасъ бутылокъ съ пробками различныхъ цвѣтовъ и съ свято сохраненнымъ дипломомъ ихъ древности, выведенныхъ на ихъ бокахъ пылью и паутиной.

Столовая имѣла вполнѣ буржуазный характеръ, обличавшій заботливую руку хозяйки, любящей комфортъ и простоту. Буфетъ и стулья были орѣховые, съ наклеенной рѣзьбою изъ чернаго дерева; сервизъ бѣлый фарфоровый, стаканы изъ гладкаго хрусталя. На стѣнахъ висѣли большія гравюры въ узенькихъ золоченыхъ рамахъ; между ними помѣщалась дюжина блюдъ старинной руанской работы.

Надъ одной изъ дверей виднѣлся въ рамкѣ дипломъ на медаль за спасеніе погибавшихъ, а на каминѣ, между двухъ золоченныхъ бронзовыхъ лампъ и подъ стекляннымъ колпакомъ, стояло чучело собаки изъ породы грифоновъ, черной и бѣлой шерсти. Съ перваго взгляда, подобное украшеніе казалось причудою довольно сомнительнаго вкуса; но, при дальнѣйшемъ вниманіи, взоръ приковывался къ собакѣ и не могъ уже оторваться нея. Мастеръ-натуралистъ представилъ бѣдное животное полулежащимъ и готовымъ броситься. Передняя часть туловища была приподнята и упиралась на лапы, которыя какъ бы впились въ землю съ отчаяннымъ, судорожнымъ движеніемъ. Голова, откинутая назадъ, съ широко раскрытыми эмалевыми глазами, выражала страданіе; нѣсколько капель крови просачивались на губахъ, искаженныхъ злобою, а въ судорожно сжатыхъ зубахъ висѣлъ клочекъ сукна. Была ли это придуманная поза или же мастеръ воспроизвелъ эпизодъ изъ жизни бѣдной собаки? Никто не могъ этого сказать.

Всѣ друзья, всѣ посѣтители Дени разспрашивали его на этотъ счетъ, но онъ отвѣчалъ только отрывисто и съ волненіемъ:

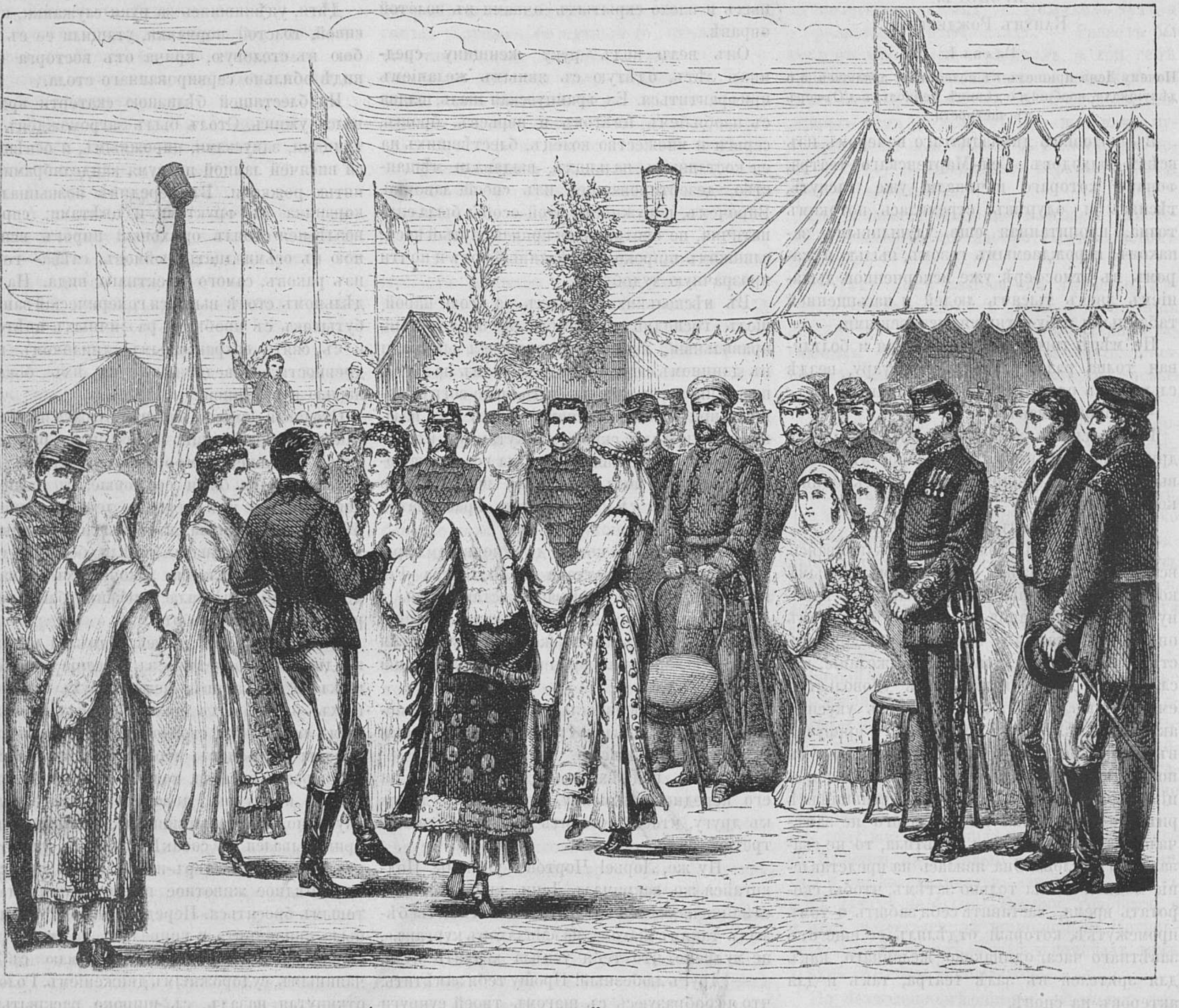
— Славная была собака!... Звали ее *Левъ*; она вполнѣ заслужила воздaнную ей почесть.

Замѣтя, что эти разспросы, повидимому, не нравились Дени, всѣ перестали безпокоить его своимъ любопытствомъ и никто не узналъ исторіи *Льва*.

Въ ту минуту, когда часы стали бить полночь, всѣ присутствовавшіе усѣлись за столъ и Дени, взявъ въ руки бутылку мадеры, началъ разливать вино въ рюмки.

— Наконецъ-то, дорогіе друзья мои, сказалъ онъ съ довольнымъ видомъ, — мы выпьемъ въ честь того счастія, которое мы съ женою испытываемъ, видя васъ у себя въ рождественскій сочельникъ! Это наслажденіе достается мнѣ въ первый разъ втеченіе двадцати семи лѣтъ, которыя я на службѣ. Первый разъ я пользуюсь отпускомъ въ сочельникъ.

— Нечего сказать, замѣтилъ Лорье, прищелкивая языкомъ,—нелегкое у тебя ремесло, бѣдняга Дени! Ты никогда не знаешь отдыха! Ни одного дня покоя!



„Го́ра“ — національный танецъ румыновъ.

— И какія передряги, какія тяжелыя порученія! прибавила г-жа Лорье.

— Не считая еще тѣхъ тревогъ, которыя онъ заставляетъ меня испытывать, тихо замѣтила хозяйка дома съ своею благодушною улыбкою. — Его такъ боятся, а долго ли до злого умысла...

— Полно, жена! перебилъ Дени,—все это вздоръ! Что суждено, того не минуешь, такъ гласитъ восточная мудрость. Въ настоящую же минуту вѣренъ одинъ фактъ: я свободенъ, я въ отпуску, какъ Эженъ и Люсьена, и мы должны воспользоваться нашимъ временемъ!

— У папы каникулы! воскликнула Люсьена своимъ тоненькимъ фальцетомъ.

— И папа отыскалъ въ завѣтномъ уголку эти бутылочки, поджидавшія подобнаго торжественнаго случая, весело отвѣчалъ Дени — Это осужденные на смерть, которыхъ мы и предадимъ казни.

— Безъ всякаго угрызенія совѣсти! прибавилъ Лорье, принимаясь за устрицы.

— За работу! воскликнулъ Дени, слѣдуя его примѣру,—и пусть каждый изъ насъ призоветъ на помощь всѣ силы своего желудка!

Въ это мгновеніе раздался сильный ударъ колокольчика. Дени, съ первою устричною раковиною въ рукахъ, прискочилъ и нахмурилъ брови. Всѣ умолкли и стали прислушиваться. Послѣ какихъ-то краткихъ переговоровъ, служанка Маріанна полуоткрыла дверь и выставила свое озадаченное лицо.

— Лакей герцога Рейнольда д'Отфора желаетъ видѣть хозяина, сказала она.

— Лакей герцога? повторилъ Дени, положивъ салфетку.

— Его прислалъ отецъ нашего хозяина съ очень нужнымъ письмомъ.

— Письмо!... Давай же его скорѣе, глупая!

— Вотъ оно!

Маріанна подала Дени конвертъ который онъ разорвалъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ.

— Письмо отъ отца! говорилъ онъ съ волненіемъ.—Въ такое время!... Вы позволяете, друзья мои?

— Еще бы! пробурчалъ Лорье съ набитымъ ртомъ.

— Отецъ г. Дени управляющимъ у стараго герцога? спросила тихо г-жа Лорье, обращаясь къ г-жѣ Дени.

— Болѣе полувѣка. Мой мужъ родился въ замкѣ.

— Сколько же ему лѣтъ?

— Г-ну Контуа?... герцогъ, по старой семейной привычкѣ, зоветъ его Контуа... О, ему должно быть лѣтъ семдесятъ шесть.

— А герцогу?

— Восемдесятъ два года! но онъ такой еще молодецъ, что ему нельзя дать и шестидесяти... Что съ тобою, Дени?... Ты, кажется, получилъ дурныя вѣсти? спросила добрая женщина, замѣчая на лицѣ мужа мрачное облако, видимое только ей одной. — Не захворалъ ли твой отецъ? Или съ нимъ случилось что нибудь непріятное? Говори... говори же скорѣе!

— Нѣтъ, ничего, отвѣчалъ Дени отрывистымъ голосомъ, и съ такимъ выраженіемъ на лицѣ, которое совершенно противорѣчило его словамъ, однакожь, тотчасъ же оправился и продолжалъ весело: — Маріанна, попросите обождать. Я выйду сію минуту... Служебное дѣло, мои милые друзья; оно касается нѣсколько моего отца, но только косвенно....

— Правду-ли ты говоришь? спросила г-жа Дени.

— Правду? истинную правду? озабоченно перепросили г. и г-жа Лорье.

— Совершенно правду! Только, мои милые друзья, увы! мнѣ приходится на себѣ испытать поговорку, что далеко еще отъ чаши до рта. Я долженъ васъ покинуть.

— Вотъ тебѣ разъ! прошептала г-жа Дени.—Я догадалась, что это письмо принесетъ мнѣ непріятность.

— Да, произнесъ Дени, вставая,—мнѣ необходимо уйти, чтобы распорядиться. Но продолжайте ужинъ; я вернусь къ фазану... У насъ будетъ и фазанъ, не такъ ли, хозяйка? .. Веселитесь же безъ меня, а я возвращусь черезъ полчаса.

— Экая досада! вздохнулъ Лорье.—Мы разсчитывали, что испытаемъ столько удовольствія....

— Ну что жь, будемъ наслаждаться имъ тридцатью минутами позже, вотъ и все! Прошу васъ потерпите немножко!

Г-жа Дени хотѣла пойти вслѣдъ за мужемъ, но онъ сдѣлалъ ей знакъ оставаться на своемъ мѣстѣ и прошелъ въ свою комнату.

Здѣсь, онъ надѣлъ мигомъ свое пальто, обмоталъ кашне вокругъ шеи, сунулъ въ карманъ револьверъ, который вынулъ изъ ящика въ шифоньеркѣ и, захвативъ свою трость, прошелъ въ прихожую, гдѣ ожидалъ его лакей герцога Рейнольда.

Г-жа Дени, острый слухъ которой не пропустилъ шаговъ мужа, отворила дверь столовой.

— Не забудь взять свой кашне, Дени! сказала она.—Туманъ такой ужасный!

Въ то же время, не смотря на свою полноту, добрая женщина быстро кинулась къ мужу и спросила его на ухо, пока обнимала его:

— Что случилось? Я умираю отъ безпокойства.

— Мадмуазель Эрмину похитили сегодня утромъ, отвѣчалъ ей мужъ.

— О, бѣдный герцогъ! простонала она съ искреннимъ горемъ, но уже облегченнымъ тѣмъ, что дѣло не касалось ея свекра.

И она воротилась проворно въ столовую.

Дени вышелъ, дѣлая знакъ лакею слѣдовать за нимъ.

На тротуарѣ, захлопнувъ за собою выходную дверь, онъ остановился. Шагахъ въ двадцати отъ него прохаживались медленными шагами два городскіе сержанта. Дени свистнулъ. Оба полицейскіе быстро оборотились и подошли къ нему.

— Вы звали, г. Дени? сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Да, Рено; сбѣгайте немедленно въ префектуру за Лера. Отыщите его и пришлите ко мнѣ на бульваръ Инвалидовъ, № 32. Я буду ждать его тамъ.

— Бѣгу, г. Дени! отвѣтилъ Рено, пускаясь въ путь гимнастическимъ шагомъ.

Дени, подойдя къ газовому рожку, перечиталъ еще разъ полученное письмо слѣдующаго содержанія:

«Дорогой Аристидъ!

«Всѣхъ насъ поразило страшное несчастіе. Мадмуазель Эрмина, внучка герцога, ангелъ красоты и добродѣтели, ушла сегодня послѣ полудня потихонко изъ дома! Теперь уже почти полночь, а она все еще не вернулась!

«Приходи скорѣе; я предчувствую похищеніе.... можетъ быть, хуже того, и возлагаю всю свою надежду на одного тебя.

«Твой отецъ и другъ

«Контуа».

— Вы знаете, содержаніе этого письма, Жанъ? спросилъ Дени.

— Да, сударь. Г. Контуа знаетъ, что я ничего не выболтаю.

— И я тоже. Въ которомъ часу вышла мадмуазель Эрмина?

— Во второмъ часу.

— Не предупредивъ никого?

— Даже Фанни, ея горничная, и та не знала, что барышня вышла изъ дома.

— А какъ принялъ герцогъ ея отсутствіе за обѣдомъ?

— Г. герцогъ страдаетъ сильнымъ припадкомъ подагры и пять дней уже не выходитъ изъ своей комнаты. Сегодня докторъ Сезеранъ, старый другъ, приходилъ навѣстить его; г. Контуа, задержавъ доктора, разсказалъ ему, какая бѣда приключилась съ нами. Тогда докторъ сказалъ герцогу, что у барышни мигрень, и что онъ предписалъ ей лечь въ постель. Такимъ образомъ, г. герцогъ не знаетъ о томъ, что его внучка пропала.

— Отлично! въ нашемъ распоряженіи, въ случаѣ необходимости, цѣлыхъ сорокъ восемь часовъ для поисковъ; герцога можно увѣрять, что его внучка все еще лежитъ въ постели, прошепталъ Дени.

— Садитесь снова въ карету, сказалъ онъ громко лакею, — и скажите моему отцу, что я явлюсь вслѣдъ за вами.

— Все исполню, г. Дени! отвѣчалъ лакей, вскакивая въ фіакръ, въ которомъ онъ пріѣхалъ. Экипажъ тронулся тотчасъ же полною рысью.

Дени, заложивъ свою трость за спину, отправился пѣшкомъ по одному направленію съ экипажемъ.

Онъ хотѣлъ дать себѣ время на размышленіе.

«Чортъ возьми! думалъ онъ, дѣло не шуточное и весьма можетъ усложниться такими обстоятельствами, которыя не приходятъ на мысль моему отцу... Съ одной стороны, похищеніе съ согласія молодой дѣвушки и, въ такомъ случаѣ, неизбѣжность брака... неравнаго, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія! Будь иначе, не было бы надобности прибѣгать къ такому насильственному устарѣвшему средству! Съ другой, похищеніе съ помощью ловушки, что нѣсколько сомнительно, если принять во вниманіе уходъ дѣвицы изъ дому втихомолку... Во всякомъ случаѣ, огласка, которая нанесетъ жестокій ударъ бѣдному герцогу и забрызгаетъ его гербъ! Провалиться бы имъ, этимъ молодымъ дѣвушкамъ и ихъ любовнымъ интрижкамъ!.... Хороша барышня, нечего сказать! И еще какой день выбрала! Канунъ Рождества! что крайне затрудняетъ розыскъ. Со стороны любовника очень ловко, а для меня масса хлопотъ!... Благодаря этому приключенію, мой бѣдный ужинъ, о которомъ я мечталъ цѣлый годъ, ускользаетъ отъ меня...»

И Дени подкрѣпилъ эту сердечную жалобу ударомъ трости по тротуару.

Онъ входилъ, въ эту минуту, изъ Вавилонской улицы на бульваръ Инвалидовъ, идя такъ быстро, что ему могла бы позавидовъ иная борзая. Вдругъ, точно пораженный электрическимъ ударомъ, онъ остановился, какъ вкопанный, и навострилъ ухо; съ мужественнымъ движеніемъ, противорѣчившимъ его буржуазной осанкѣ, крѣпкій станъ его выпрямися, а черты лица приняли рѣзкій отпечатокъ и мускулистая рука сжала залитую свинцомъ трость. До слуха его долетѣлъ человѣческій крикъ, пронзительный, страшный....

Онъ сталъ прислушиваться.

Тишина, — тяжелая тишина снѣжныхъ странъ, — растилалась кругомъ.

Съ снаровкою гурона-охотника, Дени догадался, что крикъ раздался изъ мѣстности въ окрестностяхъ церкви св. Франсуа-Ксавье. Онъ бросился впередъ, теперь только замѣтивъ передъ собою двѣ свѣтящіяся точки,—какъ бы отъ каретныхъ фонарей,—мерцавшія въ двухъ стахъ метрахъ передъ нимъ.

Дени пробѣжалъ это пространство въ нѣсколько секундъ и уже хотѣлъ броситься къ экипажу, когда второй крикъ, раздирающій, отчаянный, пронизывающій душу, какъ послѣдній призывъ въ смертной опасности, пронесся снова сквозь густой покровъ тумана.

Въ этотъ разъ, нечего было сомнѣваться: крикъ исходилъ изъ улицы Эбле. Дени вихремъ бросился въ нее. Онъ перекинулъ трость въ свою правую руку, а лѣвою ощупалъ въ карманѣ своего пальто ручку револьвера....

(*Продолженіе будетъ.*)

◆

ЧОРТОВЪ ВОЛОСЪ.

(Фантастическое путешествіе въ Японію).

Эдуарда Кадоля.

(*Продолженіе.*)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА III.

Послѣднія новости изъ ада.

Придя немного въ себя, молодые люди крайне удивились странному виду существа, стоявшаго передъ ними. Не было сомнѣнія, это былъ чортъ. Ни въ чемъ не было недостатка: ни въ рогахъ, ни въ когтяхъ, ни въ крючковатомъ носѣ, ни даже въ хвостѣ, который, впрочемъ, чортъ, по непонятному кокетству, старался спрятать. Къ довершенію всего, чортъ слѣдующими словами отрекомендовался молодымъ людямъ.

— Ты звалъ Асмодея, рѣзко сказалъ онъ, —я пришелъ; чего тебѣ нужно отъ меня?

Значитъ это былъ Асмодей. Но какъ типъ чорта измѣнился со временъ Мефистофеля! Вмѣсто высокой, сухой и угловатой фигуры передъ молодыми людьми стояло низенькое, обрюзгшее существо. Потерявъ, вѣроятно, съ годами свое зрѣніе, онъ щурился, какъ всѣ близорукіе, не смотря на золотые очки, покоившіеся на его носѣ. На его лицѣ, неутратившемъ дьявольскаго типа, въ настоящую минуту выражалось серьезное недовольство.

— Ну что же? спросилъ нетерпѣливо Асмодей пораженнаго Фелисьена.

— Не обезпокоилъ-ли я васъ? робко спросилъ заклинатель.

— Не объ этомъ рѣчь, возразилъ чортъ, —можно, я думаю, предположить, что я не билъ баклуши нѣсколько вѣковъ, ожидая твоего вызова. Ты вырвалъ меня изъ моего общества и разстроилъ мои привычки, этого ужь не исправишь, а потому нечего и толковать; но разъ я пришелъ, скажи, чего ты хочешь, и покончимъ.

Фелисьенъ оскорбился надменнымъ тономъ чорта и нашелъ его совсѣмъ неумѣстнымъ. Человѣкъ, имѣвшій власть вызвать чорта изъ глубины ада, имѣлъ по меньшей мѣрѣ право на большее уваженіе со стороны послѣдняго и потому Фелисьенъ повелительно и рѣзко обратился къ нему.

— Имѣй терпѣніе, мой другъ, я надѣюсь, ты не настолько глупъ, чтобы могъ предположить, что я вызвалъ тебя единственно изъ удовольствія полюбоваться твоею фигурою. Ты мнѣ очень нуженъ и мы, я надѣюсь, долго не разстанемся.

Физіономія чорта вытянулась. Не обращая на это вниманія, Фелисьенъ изложилъ ему свой проектъ, свое призваніе, жажду развлеченій, все, что, часъ тому назадъ, говорилъ Ландри, который сидѣлъ въ это время на полу съ вытаращенными глазами и съ разинутымъ ртомъ и слушалъ, не вѣря тому, что все это происходило наяву. Когда Фелисьенъ кончилъ, бѣдный чортъ съ отчаяніемъ всплеснулъ руками.

— Неужели же это никогда не прекратится! вскричалъ онъ и, обращаясь къ Фелисьену, грустно сказалъ: — мой бѣдный другъ, ты отсталъ отъ вѣка, ты не современенъ. Какимъ образомъ, послѣ Дидро и Вольтера, Конта и Литре, Прудона и Шарля Робена, послѣ энциклопедистовъ и позитивистовъ, ты поднимаешь вопросъ о бредняхъ прошлаго вѣка, услышавъ о которыхъ самый жалкій ученикъ гимназіи съ презрѣніемъ пожметъ плечами. Развѣ ты забылъ, что дилижансъ замѣненъ локомотивомъ, что существуетъ электрическій телеграфъ? Развѣ ты не читалъ ни Ренана, ни Тена, ни Абу? Ты, значитъ, не имѣешь ни малѣйшаго понятія объ основаніяхъ геологіи и лингвистическихъ изслѣдованіяхъ Шове о первобытныхъ расахъ. Но, дитя мое, въ настоящее время человѣкъ переѣзжаетъ со скоростью среднимъ числомъ тридцать верстъ въ часъ, а для передачи мысли достаточно почти мгновенія. Ты положительно не въ своемъ разсудкѣ, если желаешь повторить теперь исторію Фауста... Я не могу еще придти въ себя отъ изумленія, въ какое повергъ меня твой призывъ... Ты, вѣроятно, послѣдній человѣкъ, безъ смѣха доведшій до конца кабалистическія заклинанія, способныя вызвать духа изъ ада. Твой маленькій другъ, который до сихъ поръ не вѣритъ своимъ ушамъ и глазамъ, едва удерживался отъ смѣха, видя твои усилія вызвать чорта. Чортъ? въ наше время? да развѣ это возможно? Между тѣмъ ты меня призываешь и говоришь: «Перенеси меня на облакахъ въ страну, гдѣ я могу приложить къ дѣлу свое призваніе». Но, мой милый, это невозможно. Что такое облака? Водяныя испаренія, на нихъ ничего не перенесешь, а законъ тяжести, открытый Ньютономъ, абсолютно, запрещаетъ даже чорту убавить хотя-бы одинъ золотникъ твоего вѣса.

— Но, перебилъ Фелисьенъ, — ты существуешь, значитъ, ты можешь, если же ты можешь...

— Да, я могу, но только, не нарушая законовъ природы.

— Ну, чтожъ! сказалъ Фелисьенъ.

— Я считаю неособенно честнымъ помочь тебѣ пожертвовать вѣрнымъ счастьемъ иллюзіи; правдой — химерѣ. И для чего? Болѣе замѣчательные люди, чѣмъ ты, Фаустъ напримѣръ, о которомъ я тебѣ уже говорилъ и, который надѣлалъ столько хлопотъ моему родственнику и другу Мефистофелю, этотъ самый Фаустъ, говорю я, былъ-ли онъ, въ концѣ концовъ, удовлетворенъ? Вспомни только о Вальпургіевой ночи, о Маргаритѣ, объ Еленѣ, о Фаустѣ побѣдителѣ, о сценѣ печали и, наконецъ, о его концѣ, о томъ ужасномъ концѣ, когда вслѣдствіе своихъ необузданныхъ желаній, онъ приходитъ къ горькому разочарованію...

Видя, что Фелисьенъ задумался, чортъ не далъ ему времени опомниться и продолжалъ еще съ большимъ жаромъ.

— Какъ! ты пользуешься всѣми земными благами: независимостью, любовью честной и достойной дѣвушки, видящей въ тебѣ великаго человѣка, — богатствомъ, уваженіемъ и даже дружбой, этимъ рѣдкимъ даромъ, дружбой честнѣйшаго и добрѣйшаго существа, и ты все таки не доволенъ! И ты хочешь рискнуть всѣмъ этимъ ради миража вызваннаго въ твоемъ воображеніи книгами? Полно, полно, приди въ себя; вспомни басню: «о собакѣ, бросившей добычу и погнавшейся за тѣнью». Ты пользуешься прочной обстановкой и рвешься на встрѣчу неизвѣстнымъ приключеніямъ и безумнымъ увлеченіямъ, горечи которыхъ ты и не подозрѣваешь! Нѣтъ, мой другъ, повѣрь моей опытности! Уклонясь отъ прямого пути, ты вездѣ встрѣтишь препятствія; избѣгая всего обыкновеннаго, ты разочаруешься и дойдешь до отчаянія; выкинь изъ головы твои поэтическія бредни. Всѣ воспѣваемыя тобою радости ни что иное, какъ дымъ. Будь честенъ, справедливъ и, главное, добръ, и жизнь твоя будетъ счастлива и полна.

— Браво! вскричалъ Ландри, — браво! вотъ какъ говорятъ умные и развитые люди!

Польщенный чортъ растрогался и продолжалъ, впадая въ отеческій тонъ:

— Всѣ эти радости, къ которымъ ты стремишься, движимый только твоей гордостью, наполнены неизбѣжною горечью. Конечно, если ты непремѣнно хочешь, я могу дать тебѣ чашу величайшихъ наслажденій; да, ты будешь имѣть возможность упиваться этой амброзіей, но никакая сила не въ состояніи будетъ помѣшать тебѣ при послѣднемъ глоткѣ встрѣтить нѣчто, находящееся на днѣ всякаго человѣческаго удовольствія, до того противное, что въ тебѣ возбудится непреодолимое отвращеніе ко всему на свѣтѣ.

— Что же это такое? спросилъ съ безпокойствомъ Фелисьенъ.

— Не зная вѣрнаго опредѣленія, назовемъ это, пожалуй, чортовымъ волосомъ. Что это такое, въ сущности, я не могу тебѣ сказать. Для развратника, это — неожидаемый проблескъ разсудка, открывающій ему все безобразіе его жалкой жизни; для ловеласа, это — нѣмой укоръ умирающей Клориссы; для побѣдителя, это — тоскующій взглядъ вдовы, говорящій: «Что ты сдѣлалъ съ моимъ мужемъ, съ моимъ сыномъ?»

Не смотря на всю ловкость чорта, съ нимъ случилось тоже, что случилось бы и со многими на его мѣстѣ. Онъ перешелъ границы и своимъ краснорѣчіемъ произвелъ результатъ., діаметрально противуположный тому, какой онъ желалъ произвести. Онъ хотѣлъ убѣдить Фелисьена, чтобы тотъ отказался отъ своего проекта, но такъ увлекся, что Фелисьенъ, забывъ въ эту минуту свои желанія, только удивлялся, что чортъ читаетъ лекцію о нравственности и не могъ удержаться, чтобы не выразить ему своего изумленія.

— Да, сказалъ чортъ, — ты ожидалъ другого; ты думалъ, что я буду еще подстрекать тебя, насмѣхаться надъ добродѣтелью; что своимъ дьявольскимъ остроуміемъ заглушу въ тебѣ послѣдніе укоры совѣсти; конечно, это было бы естественно; но, къ несчастью, для тебя теперь мы поступаемъ не такъ.

— Отчего?

— Да просто оттого, что черти стали умнѣе. Въ концѣ концовъ, мы убѣдились, что, развращая человѣчество, сами бываемъ обмануты. Чѣмъ болѣе мы увлекали людей, тѣмъ болѣе прибавлялось у насъ дряни въ аду, такъ что мы были не въ состояніи уживаться съ ними. Они вѣчно сѣяли раздоры, и мы не имѣли ни секунды спокойствія; наконецъ, мы иначе повели дѣла и водворили порядокъ.

Молодые люди пришли къ тому убѣжденію, что чортъ насмѣхается надъ ними.

— Нисколько! вскричалъ Асмодей, угадывая ихъ мысли. — Въ послѣднее время у насъ въ аду все радикально измѣнилось. Вмѣсто того, чтобы терять время на мученіе людей, мы рѣшили оставить ихъ въ покоѣ, придя къ тому убѣжденію, что они сами достаточно изобрѣтательны, чтобы мучить другъ друга. Потомъ мы реформировали всѣ наши учрежденія. Всѣ заслуживающіе вниманія черти приглашены къ управленію адомъ, которое сосредоточивается теперь въ большомъ совѣтѣ. У насъ дѣла пошли такъ мирно, что всѣ, нападавшіе до сихъ поръ на наши порядки, нашли болѣе удобнымъ помогать правильному ходу администраціи. Мы дошли до того, что учредили премію за женское цѣломудріе и не отчаяваемся, современемъ, выдать достойной эту награду, хотя до сихъ поръ нѣтъ еще ни одной, на которую можно было бы указать, какъ на вѣроятную кандидатку. Вотъ отчего, заключилъ чортъ, — люди такъ мало о насъ теперь слышатъ. Мы слишкомъ заняты нашими дѣлами и вмѣсто того, чтобы мучить людей какъ на землѣ, такъ и въ аду, мы хлопочемъ о морализаціи. Я, напримѣръ, занимаю мѣсто судьи-докладчика на конкурсѣ въ нашей Академіи нравственныхъ наукъ и долженъ еще доложить 3,871 манускриптъ на очень интересную для насъ тему: «содержитъ-ли добро въ самомъ себѣ свое вознагражденіе?»

— Теперь я понимаю, сказалъ Фелисьенъ, — отчего у тебя было такое недовольное лицо, когда я тебя вызвалъ. Я помѣшалъ тебѣ, но есть способъ все устроить. Дай мнѣ какой-нибудь талисманъ и возвращайся къ своимъ занятіямъ.

— Талисманъ? сказалъ Асмодей, — ты шутишь?

— Нисколько!

— Но, другъ мой, талисманы давно уже вышли изъ моды. Люциферъ, нашъ глава, понялъ все неудобство талисмановъ. Нѣкоторые безпорядочные черти забывали ихъ на землѣ и они попадали въ руки драматическихъ писателей, которые, пользуясь ими, ставили самыя жалкія по содержанію и стилю волшебныя пьесы. Талисманы теперь находятся въ адскихъ архивахъ; если кто нибудь исходатайствуетъ себѣ право пользоваться талисманомъ, то долженъ слѣдить за человѣкомъ, которому вручитъ его, и не имѣетъ права возвращаться въ адъ, не принеся его обратно. Таковъ законъ.

— Въ такомъ случаѣ, что же дѣлать? На чемъ остановиться? спросилъ Фелисьенъ.

— На единственно-возможномъ и разумномъ исходѣ. Оцѣни предстоящее тебѣ счастье; женись на Клемансѣ; сдѣлайся компаньономъ въ торговлѣ ея отца; дружески пожми мнѣ руку и, отказавшись отъ своихъ фантазій, отпусти меня къ моимъ друзьямъ и собратьямъ, которые сильно безпокоятся о моемъ продолжительномъ пребываніи среди людей?

— Чего же они боятся? спросилъ, обидѣвшись, Фелисьенъ.

— Человѣчество не вселяетъ большого довѣрія, отвѣчалъ Асмодей: — чѣмъ защищенъ отъ заразы бѣдный, только что обращенный чортъ?

— Ужь не боятся ли они, что люди развратятъ дьявола?

— Именно это ихъ и безпокоитъ.

Опасаясь бѣгства Асмодея, Фелисьенъ рѣшился поскорѣе окончить свои переговоры съ нимъ.

— Полно, полно, сказалъ онъ,—за тебя я отвѣчаю, да къ тому же ты никогда не былъ въ болѣе безвредномъ обществѣ; твои родные могутъ успокоиться. Но такъ какъ ты не хочешь дать мнѣ талисмана, а я не имѣю ни малѣйшаго желанія отказаться отъ своего проекта, то мнѣ необходимо, чтобы ты, во чтобы то ни стало, остался со мною, пока не исполнится мое желаніе. Прошу тебя, оставь свои проповѣди! Разочаруюсь я или нѣтъ, долженъ-ли буду на каждомъ глоткѣ встрѣчать между чашей и губами твой чортовъ волосъ, я все таки хочу упиться наслажденіями власти и сладострастія. Ни слова болѣе! Кабалистическая власть отдала тебя въ мои руки, не возражай и повинуйся!

Тонъ, которымъ говорилъ Фелисьенъ, не терпѣлъ возраженій. Асмодей склонилъ голову.

— Хорошо! сказалъ онъ, — я твой рабъ, тебѣ остается только выразить твое желаніе; впрочемъ, это лишнее, я читаю у тебя въ душѣ. Но чтобы ты впослѣдствіи не упрекалъ меня, позволь мнѣ сказать еще нѣсколько словъ для твоей же пользы.

— Ну, говори!

— Такъ знай же, упрямецъ, что, ведя жизнь подъ исключительнымъ вліяніемъ фантазіи, человѣкъ быстро разрушается; года считаются втрое для того, кто не знаетъ границъ. Съ другой стороны спускъ въ эту пропасть такъ крутъ, что никто не въ состояніи возвратиться. Молодой, полный силъ, ты долго будешь въ состояніи наслаждаться удобствами и удовольствіями регулярной жизни. Между тѣмъ, какъ твои чувства притупятся, можетъ быть, съ первыхъ шаговъ той бѣшеной жизни, которую ты хочешь вести. Ты будешь думать и чувствовать, какъ старикъ, хотя будешь молодъ годами. Чтобы оживить себя, ты принужденъ будешь удвоить дозу наслажденій и, при первомъ возвращеніи разсудка, ты найдешь себя постарѣвшимъ, разочарованнымъ, печальнымъ, безъ цѣли, безъ желаній и безъ компаса на бурномъ и безжалостномъ океанѣ жизни. Разочарованный во всемъ, что нравится другимъ, устарѣвшій душой и тѣломъ, оторванный отъ всего интеллигентнаго міра, ты покончишь свои грустные дни одинокимъ и презираемымъ, какъ всякое существо, не умѣвшее внушить къ себѣ любви и преданности, какъ человѣкъ ослѣпленный себялюбіемъ, который никогда не зналъ идеала.

Слушая Асмодея, Фелисьенъ серьезно сожалѣлъ о томъ, что Люциферъ запряталъ въ архивъ талисманы. Принужденный слѣдовать за этимъ болтуномъ, молодой человѣкъ съ ужасомъ спрашивалъ себя, неужели онъ все время долженъ будетъ выслушивать его проповѣди. Талисманъ, по крайней мѣрѣ, былъ бы нѣмъ. Между тѣмъ, не имѣя выбора, онъ покорился необходимости и храбро спросилъ:

— Ты кончилъ?

— Я сказалъ все, что мнѣ предписывала совѣсть.

— Прекрасно, но моя воля ни сколько не поколебалась; идемъ.

— Въ такомъ случаѣ, я молчу и повинуюсь.

«А! наконецъ!» подумалъ Фелисьенъ,

— Но какъ мы отправимся, не прицѣпиться ли мнѣ къ твоему плащу? спросилъ онъ.

— Къ моему плащу? Для чего? Это было хорошо, когда дилижансъ везъ четыре дня до Бордо. Но теперь.... мы просто возьмемъ билеты на желѣзную дорогу.

— На какую?

— Что тебѣ до того. — Ты стремишься къ неизвѣстному! Закрой глаза, положись во всемъ на меня и не заботься ни о багажѣ, ни о цѣнѣ мѣста въ вагонѣ.

Асмодей направился къ дверямъ, но его остановили звуки сдержанныхъ рыданій. Онъ обернулся и увидалъ Ландри, о которомъ совсѣмъ забылъ. Ландри не пропустилъ ни одного слова изъ ихъ разговора и плакалъ при мысли о разлукѣ съ своимъ другомъ, который, забывъ осторожность, шелъ навстрѣчу всякимъ горестямъ и, почемъ знать, можетъ быть, и опасности. Чортъ былъ тронутъ.

— Ты плачешь, дитя, сказалъ онъ,—а между тѣмъ ты видишь, онъ даже не думаетъ о тебѣ.

— Потому, что его фантазіи ослѣпляютъ его.

— И ты все таки прощаешь его.

— Я его другъ!

Асмодей не могъ продолжать. Волненіе, сродное всѣмъ впечатлительнымъ натурамъ, заставило его прослезиться.

— Если ты такъ добръ, сказалъ онъ, вырывая изъ своей головы волосъ и, подавая Ландри,—возьми это, я знаю, что давая его тебѣ я не рискую ничѣмъ.

— Что это такое?

— Это чортовъ волосъ; въ твоихъ рукахъ это талисманъ. Бросивъ его на воздухъ, скажи твое самое задушевное желаніе и оно исполнится. Только подумай хорошенько, потому что этотъ талисманъ дѣйствителенъ только на одинъ разъ.

— Я придумалъ, весело вскричалъ Ландри и, дунувъ на волосъ, онъ проговорилъ: «я хочу слѣдовать за моимъ другомъ».

— Какъ! вскричалъ Асмодей,—и ты тоже, не смотря на мои увѣщанія, хочешь окунуться въ этотъ омутъ.

— О нѣтъ! отвѣчалъ Ландри,—я хочу только слѣдовать за моимъ другомъ не затѣмъ, чтобы раздѣлять его образъ жизни, но чтобы ободрять и утѣшать его, если съ нимъ случится несчастье.

— Если ты когда нибудь будешь у насъ, сказалъ съ глубокимъ уваженіемъ Асмодей,—я обѣщаю тебѣ великолѣпную будущность. Въ ожиданіи же этого, пусть твое желаніе исполнится безъ малѣйшей жертвы съ твоей стороны.

И, снова вырвавъ брошенный Ландри и возвратившійся на его голову волосъ, онъ отдалъ его молодому человѣку.

— Береги этотъ талисманъ; я убѣжденъ, что ты употребишь его съ пользой; помни только, что безъ него я не могу возвратиться домой и потому не забудь воспользоваться имъ.

— Благодарю васъ, не безпокойтесь, сказалъ Ландри.

Осторожный чортъ отнялъ у Фелисьена, на время разговора съ Ландри, возможность что-либо слышать или видѣть. Понимая характеръ правнука колдуна, онъ очень хорошо зналъ, что Фелисьенъ употребитъ всѣ усилія, чтобы завладѣть талисманомъ.

Покончивъ съ Ландри, Асмодей возвратилъ зрѣніе и слухъ Мерле и сказавъ: «Идемте, пора», отворилъ дверь и вышелъ на улицу, сопровождаемый молодыми людьми.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Наши ближніе.

(Фельетонные наброски.)

(*Продолженіе.*)

II.

Какъ люди дѣлаются отцами.

Мы—я и Клименко—пріѣхали въ «Ливадію». Прислуга и кассиръ раскланивались съ Клименко, какъ съ почетнымъ посѣтителемъ ихъ увеселительнаго заведенія. Мы взяли билеты и прошли въ садъ. Въ саду уже играла музыка. Клименко окинулъ прищуренными глазами садъ и проговорилъ:

— Мы съ вами здѣсь одни.

— Нѣтъ, народу порядочно, сказалъ я.

— Я хотѣлъ сказать, что здѣсь нѣтъ никого изъ кружка знакомыхъ мнѣ петербургскихъ шатуновъ, пояснилъ онъ.—Они, впрочемъ, вообще рѣдко бываютъ здѣсь и по большей части засѣдаютъ въ «Демидрошкѣ»... Вы желаете слушать музыкальныя экзерциціи или болтать за стаканомъ вина на чистомъ воздухѣ? спросилъ онъ меня.

— Послѣднее, я думаю, будетъ лучше, замѣтилъ я.

— Вы правы; они разыграютъ свои музыкальныя пьесы такъ же скверно и при насъ, какъ безъ насъ, значитъ лучше не стѣснять ихъ исполнять ихъ работу, рѣшилъ онъ и направился со мною на одинъ изъ балконовъ.

Передъ нами развернулся довольно красивый видъ на рѣку; на столѣ появилось бургонское вино; мы закурили сигары и приняли покойныя позы людей, убивающихъ праздный вечеръ на чистомъ воздухѣ. Воздухъ былъ дѣйствительно чистый, теплый, располагавшій къ лѣни, къ отдыху.

— Я вамъ хотѣлъ поразсказать объ отцахъ и дѣтяхъ, началъ въ раздумьи Клименко.—Я, можетъ, быть затруднился бы въ выборѣ разсказа, если бы этотъ тихій вечеръ не напомнилъ мнѣ почему то такихъ же тихихъ вечеровъ въ Швейцаріи, гдѣ я лечился сывороткою отъ скуки.

— Я и не зналъ, что сыворотка излечиваетъ отъ скуки, улыбнулся я.

— То есть она вовсе не излечиваетъ отъ скуки, но я то лечился ею отъ скуки по недоразумѣнію. Дѣло въ томъ, что лѣтъ восемь тому назадъ я началъ чувствовать, что здоровье мое серьезно разстроивается и тутъ ноетъ, и тамъ болитъ и здѣсь ломитъ, однимъ словомъ, я чувствовалъ, что у меня есть и ноги, и руки, и голова, и сердце, а это уже вѣрный признакъ серьезной болѣзни. Здоровые люди не чувствуютъ, не замѣчаютъ своей грѣшной плоти... Я посовѣтовался съ докторами и они послали меня сперва полоскаться водами, а потомъ переполаскиваться сывороткой. Я аккуратно исполнилъ ихъ предписанія, переполоскался всякою дрянью и, наконецъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ пришелъ къ убѣжденію, что я вовсе и не былъ никогда боленъ, а что меня грызла скука, продолжавшая грызть меня съ удвоенною силою и въ Эмсѣ и въ Интерлакинѣ. Вслѣдствіе этого открытія я обругалъ въ душѣ подлецами всѣхъ докторовъ, дѣлающихъ глубокомысленныя физіономіи ученыхъ, чтобы побольше срывать денегъ съ простячковъ,—и махнулъ въ Парижъ...

— Въ Парижъ? удивился я.

— Ну да, гдѣ же и лечиться отъ скуки, какъ не въ Парижѣ, пояснилъ Клименко.—Я узналъ свою болѣзнь и принялъ радикальныя мѣры. Черезъ два мѣсяца я былъ, какъ встрепанный, — никакихъ недуговъ и слѣда не осталось. Но дѣло не въ этомъ. Я вамъ сказалъ, что сегодняшній вечеръ напомнилъ мнѣ вечера, проведенные мною въ Швейцаріи...

— Своею скукою? спросилъ я.

— Нѣтъ, своимъ чистымъ воздухомъ и затишьемъ, пояснилъ съ легкой усмѣшкой Клименко. — А вмѣстѣ съ этимъ воспоминаніемъ припомнилась мнѣ одна исторія, которая, какъ нельзя лучше, можетъ служить вступленіемъ къ моимъ разсказамъ объ отцахъ и дѣтяхъ. Если бы я вздумалъ писать свои воспоминанія, то я началъ бы именно этой исторіей и назвалъ бы разсказъ о ней разсказомъ о томъ, «какъ люди дѣлаются отцами»... Пожалуйста, не думайте, что я хочу скабрезничать. Я люблю скабрезныя сцены въ жизни, но не люблю скабрезныя мысли и слова. Картины вообще нужно смотрѣть, а не разсказывать... Но не бойтесь, я болѣе не буду уклоняться въ сторону отъ разсказа...

Клименко налилъ себѣ полстакана вина, сдѣлалъ два глотка, затянулся сигарой и началъ:

— Я сидѣлъ вотъ точно такъ же, какъ теперь, среди вечерняго затишья, за стаканомъ вина, съ сигарою въ зубахъ на балконѣ одного изъ большихъ женевскихъ отелей. Я уже кончилъ въ то время леченіе сывороткою и готовился махнуть въ Парижъ, предвкушая всѣ сладости придуманнаго мною радикальнаго леченія. Вдругъ ко мнѣ на балконъ вбѣгаетъ какой то господинъ, длинный, тощій, какъ сухая треска, съ козлиной бородкой, съ длинными, какъ у деревенскаго попа, волосами, въ потертомъ и порыжевшемъ бархатномъ пиджакѣ и очень коротенькихъ «невыразимыхъ» свѣтлаго песочнаго цвѣта съ темными, коричневыми клѣтками.

— Извините меня, что я васъ безпокою... Вы, кажется, русскій, если я не ошибаюсь? спрашиваетъ онъ меня прерывающеюся отъ одышки и смущенія фистулою.

— Русскій, отвѣчалъ я.

— У меня до васъ большая просьба, съ еще большимъ волненіемъ говорилъ онъ. Вамъ, можетъ быть, покажется страннымъ... но что дѣлать... мы въ чужой странѣ... Не можете ли вы быть у меня свидѣтелемъ...

— Ради Бога, избавьте! перебиваю я.—Я ни въ какія дрязги не вмѣшиваюсь... Я далъ себѣ слово...

— Позвольте!... Вы меня не поняли... Мнѣ нуженъ свидѣтель и шаферъ... Я вѣнчаюсь и у меня не достаетъ свидѣтеля и шафера, поясняетъ онъ, окончательно смутившись.

Я такъ и разинулъ ротъ. Если бы онъ пригласилъ меня въ читальщики къ себѣ,— я удивился бы гораздо менѣе, потому что легче было представить его лежащимъ назавтра въ гробу, чѣмъ вообразить его стоящимъ сегодня подъ вѣнцомъ.

— Скажите, вы не откажитесь? спросилъ онъ, видя, что я не отвѣчаю, и протянулъ мнѣ руку.

Въ его голосѣ, въ его рукопожатіи было что то молящее, точно я призывался спасти его.

— Не смѣю отказаться, вѣжливо проговорилъ я. — Но позвольте узнать, съ кѣмъ я имѣю честь говорить.

— Апполонъ Александровичъ Невѣкинъ, степендіатъ Императорской Академіи Художествъ, отрекомендовался онъ.

— Очень пріятно познакомиться, промолвилъ я, назвавъ свою фамилію, и тутъ же подумалъ, что ему было бы приличнѣе называться, вмѣсто Апполона.—Харономъ.—Когда же вы вѣнчаетесь? спросилъ я.

— Сегодня, сейчасъ, отвѣчалъ онъ торопливо и вдругъ какъ то неловко замялся.— Только видите ли... началъ онъ въ смущеніи. — У меня есть еще просьба... извините меня... это такой случай...

— Да вы, пожалуйста, не стѣсняйтесь, ободрилъ я его. — Чѣмъ я могу быть вамъ полезенъ?

Онъ начиналъ меня интересовать.

— Видите ли, у меня здѣсь только одна эта пара платья, а мнѣ не хотѣлось бы... Знаете, все таки неприлично въ пестромъ...

— Позвольте на сколько я васъ понимаю, то вамъ нужна черная пара платья и вы, вѣроятно, не можете ее купить...

— Зачѣмъ покупать? зачѣмъ? воскликнулъ онъ жидкой фистулой.—Мнѣ только на разъ надѣть... Я никогда не ношу чернаго... Просто одолжите мнѣ на одинъ вечеръ, если у васъ есть...

Я не выдержалъ и расхохотался, взглянувъ на его фигуру. Онъ не столько обидѣлся, сколько смутился отъ моего невольнаго смѣха.

— Вы меня извините, началъ я.—Но ваша фигура и моя—мы съ вами, можетъ быть, и изъ одной глины сдѣланы, но въ разныя формы отлиты.

— А, это ничего... это ничего! заторопился онъ.—На одинъ разъ не важность... было бы черное... а то не бѣда...

Мнѣ оставалось только согласиться. Да впрочемъ, мнѣ уже и самому очень хотѣлось теперь полюбоваться, какъ будетъ висѣть мое платье на этой жерди. Я даже думалъ, что подобное зрѣлище окажетъ благотворное вліяніе на мое здоровье, доставивъ мнѣ нѣсколько веселыхъ минутъ. Я не ошибся въ своемъ предположеніи и пережилъ въ этотъ день нѣсколько самыхъ веселыхъ часовъ въ своей жизни. Правда, мнѣ за это удовольствіе пришлось обвѣнчать и устроить свадебный пиръ этого скелета, но я не жалѣлъ о потраченныхъ деньгахъ. Въ Парижѣ пришлось еще дороже заплатить за леченье отъ скуки. Когда я увидалъ невѣсту,—мнѣ пришлось разинуть ротъ отъ удивленія: я ожидалъ увидѣть необыкновенную красоту, передъ которой не могла устоять художественная натура Невѣкина, и увидалъ второй скелетъ, только миньятюрный, съ весноватымъ лицемъ, съ жиденькими, болѣзненно тонкими волосами, съ доскообразной грудью и красными пятнами на щекахъ вмѣсто румянца. Невѣкинъ выглядѣлъ въ моей «черной парѣ» комичнымъ, его невѣста въ заношенномъ барежевомъ платьѣ выглядѣла жалкою. Оказалось, что жениху и невѣстѣ нечѣмъ было заплатить въ церкви, не на что было устроить угощенія, а изъ гостей, какихъ то лохматыхъ и чумазыхъ личностей, какъ видно, не пристроившихся ни къ какому стойлу, едва ли хотя одинъ имѣлъ за душою пару франковъ. Такимъ образомъ, мнѣ пришлось женить эту пару на свой счетъ и я исполнилъ свою обязанность наилучшимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, подъ конецъ вечера всѣ лохматые гости горланили во все горло, точно они были не въ скромномъ женевскомъ пансіонѣ, а гдѣ-нибудь въ гулящемъ трактирѣ у насъ на святой Руси во время ярмарки. Невѣкинъ разчувствовался и все обнималъ меня, говоря мнѣ уже: «ты».

— Ты не шаферъ у меня, ты мой посаженный отецъ! взвизгивалъ онъ, утирая слезы и присасываясь ко мнѣ своими тощими губами.

«Молодая» все больше конфузилась и молчала, хотя она была не глупа, получила институтское образованіе, кое что читала на своемъ вѣку. Какъ я узналъ потомъ, Невѣкинъ получалъ содержаніе изъ академіи художествъ, но не представлялъ никакихъ работъ, шляясь по тавернамъ, кнейпе, горготкамъ и кафе заграницею, чѣмъ по музеямъ и мастерскимъ художниковъ, и въ послѣднее время ему перестали высылать деньги, вслѣдствіе чего онъ вступилъ въ переписку съ начальствомъ; онъ былъ недалекій-малый, мало даровитая личность, плохо образованный человѣкъ, но добрый товарищъ, увлекающаяся натура, bon-vivant, любящій шампанское, сыры, устрицъ и трюфли, но, по недостатку средствъ, замѣнявшій все это сквернѣйшими напитками тавернъ, селедками и печеными каштанами; молодая Аделаида Ивановна Рожкова, теперь madame Невѣкина, была совсѣмъ бѣдная сирота, поступившая въ Петербургѣ въ гувернантки въ отъѣздъ за границу въ семью какой то вдовы генеральши; генеральша повезла своихъ дѣтей и гувернантку на воды и проигралась тамъ въ пухъ и въ прахъ, такъ что едва могла дотащиться до Женевы, гдѣ жили ея богатые родственники; родственники приняли генеральшу сухо и холодно, намылили ея полусѣдую превосходительную голову за легкомысліе, дали ей денегъ для возвращенія въ Россію въ вагонахъ третьяго класса, а гувернантку—разсчитали; у несчастной дѣвушки не было сдѣлано съ генеральшею никакихъ формальныхъ условій о возвращеніи въ Россію и потому ей пришлось покориться судьбѣ; для нее настали тяжелые дни голоданья въ чужомъ городѣ, въ чужой скупой Швейцаріи, въ это время ее и встрѣтилъ Невѣкинъ, пріѣхавшій въ Швейцарію «посмотрѣть на природу». Вотъ все, что я узналъ о моихъ «пасаженныхъ дѣтяхъ» въ этотъ вечеръ. Что ихъ свело, почему они женились — это оставалось для меня загадкою.

На другой день по утру Невѣкинъ явился ко мнѣ, одинъ, хмурый, какъ осенняя ночь, поминутно вздыхая, точно онъ усталъ отъ тяжкой дороги. Послѣ я узналъ, что у него было въ привычкѣ такъ вздыхать, когда ему приходилось плохо. Я встрѣтилъ его радушно и спросилъ о его женѣ.

— Зубы у нея разболѣлись. Она такая слабая, отвѣтилъ онъ со вздохомъ.—Не знаю, что мы теперь будемъ дѣлать. Мнѣ нельзя уѣхать отсюда, покуда не получу извѣстій изъ академіи, а жить здѣсь дорого. Да и не на что уѣхать, мы остались совсѣмъ на бобахъ. Правда, у жены есть довольно богатые родные, но не ловко же ей просить ихъ о помощи теперь или уѣхать къ нимъ тотчасъ же послѣ свадьбы, вѣдь это ужъ выйдетъ чортъ знаетъ на что похоже...

— Извините меня, замѣтилъ я.—Я не понимаю, какъ вы рѣшились жениться въ такомъ положеніи.

— Да что же было дѣлать, развѣ вы не знаете, какую штуку съиграли съ моею женою? сказалъ онъ.

— Знаю. Ее бросили здѣсь на произволъ судьбы.

— Ну да... Какъ же было поступить въ этомъ случаѣ? Дѣвушка осталась на чужой сторонѣ одна безъ средствъ.

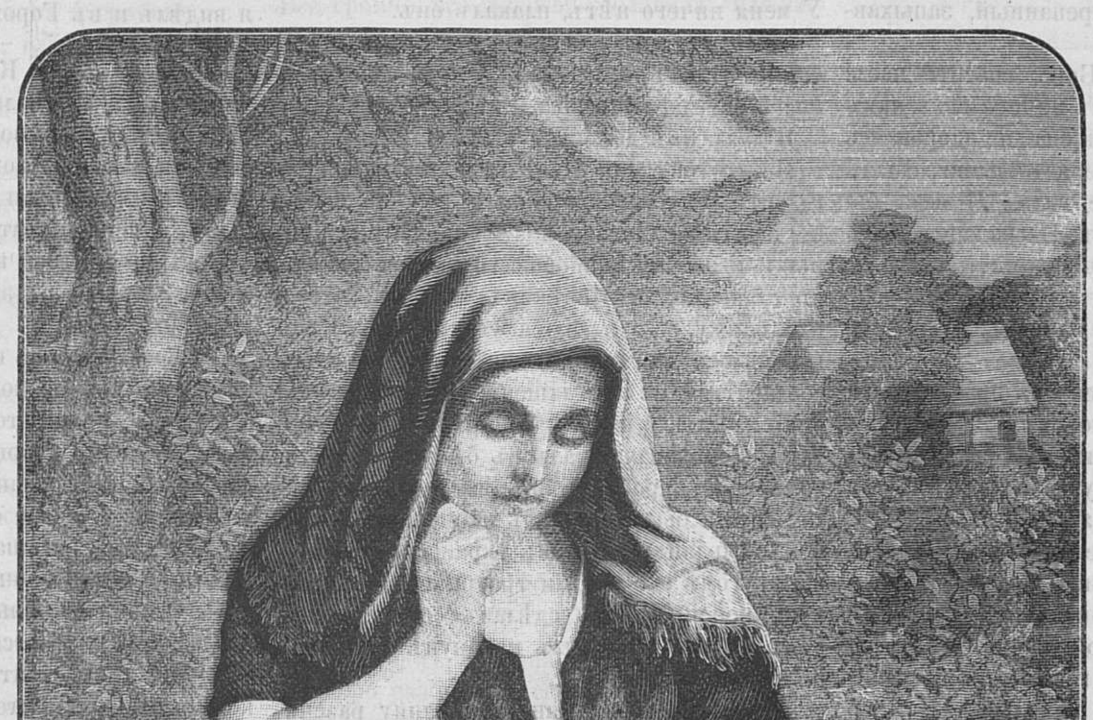
— Да, но какъ же вы дошли до мысли, что замужество можетъ поправить ея положеніе?

— Я этого и не думалъ, наивно сказалъ Невѣкинъ.—Просто вижу, она плачетъ, не знаетъ, что дѣлать; я ее постарался ободрить, утѣшить... Ну, а потомъ и вижу, что мнѣ, какъ честному человѣку, нельзя уже бросить ее, такъ какъ, можетъ быть, она сдѣлается матерью.

— Позвольте, позвольте, да развѣ она отъ того убивалась, что у нея любовника небыло, что вы ее этимъ способомъ утѣшали? воскликнулъ я.

— Нѣтъ... но какъ же иначе?.. Это такъ случилось... Я и самъ, не знаю, почему это случилось! прибавилъ онъ въ недоумѣніи.

Я расхохотался, какъ сумасшедшій. Я даже не извинялся передъ нимъ за свой смѣхъ.



Смущенная молочница.

— Да, хорошо вамъ смѣяться, а каково теперь намъ, вздохнулъ онъ.—Хоть въ петлю полѣзай... Положимъ, она еще не въ интересномъ положеніи, но вѣдь и это можетъ случиться...

— Ну, батинька, если каждый мужчина станетъ утѣшать такими средствами первую попавшуюся ему плачущую дѣвушку, такъ, разумѣется, ему придется, какъ честному человѣку, въ концѣ концовъ, жениться на ней, только едва ли въ подобномъ способѣ утѣшенія въ горѣ есть человѣческій смыслъ, замѣтилъ я.

— Да вѣдь это такъ само собою случилось... Чѣмъ же мы то тутъ виноваты? недоумѣвалъ онъ.

Я только руками развелъ...

* * *

Клименко отпилъ вина, затянулся сигарою и продолжалъ:

— Не думайте, что я разсказалъ вамъ исключительный случай. Нѣтъ, повѣрьте моей опытности и моей наблюдательности,— такихъ браковъ заключается сотни, тысячи и десятки тысячъ. Встрѣчаются мужчина и женщина, дѣлаются друзьями или утѣшаютъ другъ друга во взаимныхъ печаляхъ, гуляя при свѣтѣ луны гдѣ нибудь по саду, просиживая вдвоемъ за интереснымъ чтеніемъ, и трахъ! видятъ, что они подружились, начитались и доутѣшили другъ друга до того, что честь требуетъ законнаго брака. Это смѣшной способъ доказывать другъ другу сочувствіе и участіе, но этотъ способъ въ ходу у людей. Оно бы, пожалуй, и ничего, если бы слѣдствіемъ этого рода утѣшеній не являлись, въ концѣ концовъ, дѣти. Когда я уѣзжалъ изъ Женевы въ Парижъ, меня сильно интересовалъ вопросъ, какъ выбьются изъ своего положенія Невѣкины и что за участь ждетъ ихъ дѣтей, если таковыя будутъ. Я даже хотѣлъ попросить Невѣкина писать ко мнѣ, но я врагъ вообще всякой переписки съ той поры, какъ во время моего студенчества два изъ моихъ писемъ вовсе не дошли по адресу и прочлись любознательными людьми, которымъ не слѣдовало читать этихъ писемъ. Вслѣдствіе этого я не заикнулся Невѣкину о перепискѣ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я совсѣмъ потерялъ его изъ виду...

Прошло около двухъ лѣтъ и я уже забылъ объ этой странной парѣ, когда въ Петербургѣ мнѣ случайно встрѣтился на Невскомъ мой «посаженный сынъ». Онъ былъ все такимъ же скелетомъ, былъ все также пестро одѣтъ и все по прежнему вздыхалъ. Онъ по своей привычкѣ шумно обрадовался встрѣчѣ со мною, объявилъ, что онъ теперь пишетъ портреты, что у него есть уже сынъ... Мы обмѣнялись адресами и разошлись... Я думалъ зайдти къ нему, посмотрѣть на его житье-бытье, да какъ-то такъ и не собрался: сегодня у знакомыхъ обѣдъ, завтра чей-нибудь бенефисъ, а тамъ, глядишь, голова болитъ послѣ пикника—вѣдь и у насъ, какъ и у дѣловыхъ людей, есть свои «обязанности» и «дѣла», мѣшающія иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ сходить въ баню или къ обѣднѣ.

Такъ прошло еще мѣсяца три, когда въ

одну прекрасную ночь, часовъ въ двѣнадцать, въ моей квартирѣ раздался сильный звонокъ. Я только что пріѣхалъ изъ театра и собирался лечь спать, когда зазвѣнѣлъ колокольчикъ... Я веду такой мирный образъ жизни, что не опасаюсь незванныхъ ночныхъ посѣтителей и не вздрагиваю при неожиданныхъ ночныхъ звонкахъ, такъ какъ у меня нѣтъ ни рулетки, ни запрещенныхъ книгъ, ни беззаконныхъ сборищъ, но тутъ, признаться, я вздрогнулъ, такъ былъ рѣзокъ этотъ звонокъ. Такъ звонятъ только власть имѣющіе полицейскіе или не признающіе властей люди въ бѣдѣ. Я пошелъ самъ отпирать двери. Черезъ минуту передо мной стоялъ Невѣкинъ, растрепанный, запыхавшійся, взволнованный.

— Ради Бога, ради Бога, спасите насъ! У мальчика крупъ! У насъ ничего нѣтъ, намъ надо доктора! заговорилъ онъ, не здороваясь со мною. Я совсѣмъ потерялъ голову... Былъ у всѣхъ знакомыхъ... все голь... И если бы вы знали, какой ребенокъ! Вчера еще началъ говорить: «папа»... такъ чисто-чисто сказалъ: «папа»...

Онъ и волновался, и плакалъ. Я поспѣшилъ на помощь.

Самъ я давно отказался отъ практики. Но я знаю хорошихъ докторовъ. Я отослалъ Невѣкина домой и поскакалъ за врачемъ. Черезъ часъ врачъ и я уже были въ квартирѣ Невѣкиныхъ. Они жили на Гороховой, въ пятомъ этажѣ, на третьемъ дворѣ большого каменнаго разсадника тифовъ и лихорадокъ. По темной, головоломной лѣстницѣ мы добрались съ докторомъ до квартиры Невѣкиныхъ и нашихъ глазамъ представилось нѣчто болѣе, чѣмъ печальное. Передъ нами были двѣ почти пустыя комнаты, въ которыхъ если и были вещи, то именно такія вещи, которыя вовсе были ненужны для домашняго обихода. Въ гостиной стоялъ мольбертъ, на которомъ висѣли старыя мужскія панталоны и заношенная женская юбка; у одной стѣны стоялъ на полу портретъ какого-то большебородаго купца, на половину замазанный сѣрою краскою, какъ негодный и неудавшійся; въ углу красовалась новенькая дѣтская лошадка и игрушечные киверъ и сабля, вещи купленныя, какъ видно, очень недавно, хотя трудно было понять, какой смыслъ имѣла ихъ покупка, когда въ домѣ былъ только одинъ годовой ребенокъ; на подоконникахъ валялась груда фотографическихъ карточекъ актрисъ и актеровъ, ящикъ съ масляннымы красками и кисти; вмѣсто мебели здѣсь были только два кухонные табурета. Въ спальнѣ, куда ввела насъ Невѣкина, стояли березовая двуспальная кроватъ съ грязными подушками и простынями и роскошная колыбель съ кисеей и голубыми бантами; тутъ же валялись двѣ бутылки изъ подъ вина, закапанныя стеариномъ и, очевидно, служившія иногда вмѣсто подсвѣчниковъ; на большомъ столѣ, стоявшемъ между двумя окнами было нѣчто невообразимое; здѣсь на грязной скатерти, покрывавшей половину стола, были остатки ужина и грязной посуды, а на другой половинѣ его красовались банки и склянки съ духами, помадой, пудрой и громоздились двѣ картонки со шляпами; одна стѣна въ спальнѣ была вся увѣшена платьемъ или, лучше сказать, обрывкаками платья. Но среди этого хаоса, не смотря на нищенскую обстановку въ жилищѣ, были двѣ служанки, одѣтыя гораздо лучше, чѣмъ ихъ господа, а на столѣ виднѣлась недавно опорожненная бутылка изъ подъ рейнвейна. Докторъ осмотрѣлъ ребенка, хилое, золотушное и некрасивое созданье, и осторожно объявилъ, что его помощь тутъ не причемъ. Ребенокъ черезъ часъ умеръ въ страшныхъ мученіяхъ...

Я вамъ не могу передать отчаянія Невѣкиныхъ, они рыдали, то припадали къ трупу ребенка, то падали другъ другу въ объятія.

— Вчера еще купилъ ему игрушки, говорилъ, захлебываясь слезами, Невѣкинъ.—Онъ вѣдь все понималъ, какъ большой... У меня, знаете, вчера были деньги... вотъ попировали передъ горемъ... Вино пили, пріятели были... А теперь!...

Невѣкинъ припалъ къ ребенку.

— Господи, какъ мы его хоронить будемъ! У меня ничего нѣтъ, плакалъ онъ.

— Не говори, не говори о похоронахъ! Я его не отдамъ, не отдамъ зарыть въ землю моего ангела! убивалась Невѣкина.

Я далъ имъ денегъ и уѣхалъ.

На другой день Невѣкинъ заѣхалъ пригласить меня на похороны. Я вообще люблю посѣщать всякія церемоніи, кромѣ похоронныхъ, и потому попробовалъ отказаться отъ приглашенія, но Невѣкинъ заявилъ, что я ихъ обижу, что я гнушаюсь ими, и все это говорилось въ такомъ тонѣ, что пришлось согласиться на приглашеніе. На слѣдующій день я былъ у нихъ и вообразите мое удивленіе. Ребенокъ лежалъ въ бѣломъ глазетовомъ гробу, гробъ стоялъ на траурномъ катафалкѣ и былъ покрытъ парчевымъ покровомъ, гирлянды цвѣтовъ украшали покойника, кругомъ его горѣли траурныя свѣчи, выносъ ребенка былъ сдѣланъ со священникомъ, который служилъ наканунѣ панихиды по годовомъ ребенкѣ...

— Вотъ теперь нужно кормилицу разсчитать, выходныя платья ей дать, говорилъ Невѣкинъ, когда мы возвращались съ похоронъ на поминки, на которыя было приглашено человѣкъ восемь постороннихъ людей.—Похороны пришлось устроить въ долгъ... что мы будемъ дальше дѣлать—я и не знаю... И что это за жизнь!... Ни опредѣленной работы, ни опредѣленныхъ средствъ...

Я осторожно и съ подходцами намѣкнулъ Невѣкинымъ, что имъ было бы удобнѣе на время разойдтись, ей принять мѣсто гувернантки, ему нанять комнату отъ жильцовъ.

— Да какъ же это можно! Вѣдь Адель въ такомъ положеніи! шепнулъ мнѣ Невѣкинъ.—Она будетъ скоро матерью.

— Опять! тихо воскликнулъ я въ ужасѣ, взглянувъ на Невѣкину.

Она стыдливо опустила глаза, понявъ смыслъ нашего разговора.

— Я такъ боюсь, что это потрясеніе повліяетъ на нее, тихо сказалъ мужъ.— Она уже на пятомъ мѣсяцѣ беременна... Наша жизнь такъ горько сложилась, что только и ободряешься, сознавая, что мы любимъ другъ друга...

«И утѣшаемъ одинъ другого», чуть не сказалъ я и подумалъ: когда кончатся эти утѣшенія и сколько плодовъ они дадутъ? И хорошо еще, если эти плоды взаимныхъ утѣшеній будутъ погибать такъ же скоро, какъ первый плодъ этихъ утѣшеній. А что будетъ, если дѣти, наперекоръ всему, станутъ выживать?...

Я больше не видалъ Невѣкиныхъ, избѣгая встрѣчь съ ними. Впрочемъ, еще одинъ разъ они промелькнули на минуту передо мною: я видѣлъ ихъ подъѣзжающими къ «Демидрошкѣ» въ четвероместной каляскѣ съ четверыми пріятелями сомнительнаго сорта; Невѣкины были одѣты во все новое; компанія была навеселѣ и безцеремонно шумѣла. Увидавъ меня, Невѣкинъ обрадовался.

— А мы сегодня кутимъ, сказалъ онъ, потрясая мою руку.—Я получилъ заказъ написать портреты съ одной купеческой семьи, по сто рублей за портретъ и денегъ немного впередъ дали!...

— Есть у васъ дѣти? спросилъ я.

— Какъ же, какъ же, два мальчика и дѣвочка... Вы заходите къ намъ, посмотрите...

Онъ далъ мнѣ свой адресъ: Гончарная улица, нумеръ дома чуть не сотый, нумеръ квартиры чуть не тысячный... Я понялъ, что мнѣ незачѣмъ идти туда, такъ какъ картина, вѣроятно, представится такая же, какую я видѣлъ и въ Гороховой...

Мы допили съ Клименко нашу бутылку бургонскаго и пошли бродить по саду, гдѣ набралось уже много публики. Клименко встрѣтилъ цѣлую компанію знакомыхъ, представилъ имъ меня и волей-неволей мнѣ пришлось присутствовать на веселомъ холостомъ кутежѣ до поздней ночи. Когда мы на разсвѣтѣ садились въ экипажъ, Клименко замѣтилъ мнѣ:

— Вотъ и убили еще одинъ день въ своей жизни съ спокойной совѣстью, что не сдѣлались и въ этотъ день безсознательными убійцами какого нибудь будущаго человѣка. А это сознаніе, батинька, не шутка и немногіе трезвые отцы семейства могутъ сказать тоже, засыпая въ эту минуту въ своей супружеской опочивальнѣ...

— О, неисправимый панегиристъ холостого разгула! засмѣялся я.

— Да, да, толкуйте! ударилъ онъ меня по колѣнкѣ.—Поживите да посмотрите сами—и вы будете говорить то же.

— Вотъ послушаю еще, что вы видѣли, тогда, можетъ быть, и перейду въ вашу секту, пошутилъ я.

— Что жь я не отступаю отъ своего слова и подѣлюсь съ вами своими наблюденіями... А вѣдь признайтесь, вдругъ обернулся онъ ко мнѣ лицомъ и зорко взглянулъ мнѣ въ глаза,—вы напишете, напечатаете и продадите мой разсказъ, да кстати опишите и меня.

— Еще бы! улыбнулся я.— Разсказъ на столько же поучителенъ, насколько поучительны и вы сами. Не будь семействъ въ родѣ Невѣкиныхъ, не было бы и холостяковъ въ родѣ господъ Клименко..

— Пожалуй, что вы и правы, согласился онъ, удобно откидываясь къ спинкѣ коляски и протягивая впередъ ноги.

— Второй мой разсказъ объ «отцахъ и дѣтяхъ», началъ Клименко, спустя минуту, но я остановилъ его движеніемъ руки.

— Не лучше ли поговорить объ этомъ въ другое время, замѣтилъ я.— Теперь-же вы меня завезете домой...

Нѣкто.

(Подолженіе слѣдуетъ.)

Уличная сцена.

День знойный догоралъ и солнце озаряло
На пыльныхъ берегахъ Обводнаго канала
Дома и фабрики, и группы бѣдняковъ,
На воздухъ вышедшихъ изъ сумрачныхъ угловъ,
Чтобъ подышать вольнѣй въ часъ праздничной свободы
И, можетъ быть, забыть на мигъ свои невзгоды,
Смотря задумчиво на солнечный закатъ,
На игры шумныя оборвышей-ребятъ,
И уносясь душой въ родимыя селенья

Подъ звуки смутные гармоники и пѣнья
И смѣха дувушекъ, сидящихъ у воротъ,
Какъ бы съ надеждою пуститься въ хороводъ.

Но не деревня здѣсь. Свою печать столица
Успѣла наложить и на дѣвичьи лица
И на дѣвичью жизнь. Имъ скучно, но онѣ
Уже на улицѣ не пляшутъ по веснѣ.
И въ праздникъ отдыхать отъ будничной работы
Изъ смрадныхъ норъ своихъ выходятъ за ворота,
Смотря безрадостно въ затишьи вечеровъ
На сцены у дверей сосѣднихъ кабаковъ,
Тоскуя о лѣсахъ съ малиной и грибами,
О сельскихъ ярмаркахъ, гдѣ пестрыми толпами
Гуляетъ съ музыкой и пѣснями народъ,
Широко веселясь хотя однажды въ годъ, —
И если въ нихъ любовь внезапно возникаетъ,
То не весна ее на сердце навѣваетъ,
А смыслъ разнузданныхъ, циническихъ рѣчей
И общіе углы, гдѣ въ тишинѣ ночей
Имъ не любовь дарятъ, а только въ опьяненьи
Минутной лаской ихъ влекутъ на путь паденья...
А ласка такъ нужна измученнымъ сердцамъ!...

И нынче мнѣ пришлось одной изъ этихъ драмъ
Случайно увидать несложное начало.
Бродя по берегу родного мнѣ канала,
Свидѣтеля всѣхъ бѣдъ и нуждъ въ моей семьѣ!
Я вдругъ услышалъ шумъ: по пыльному шоссе—
Предметъ глумленія и шутокъ неприличныхъ—
Плясалъ сѣдой старикъ передъ толпой фабричныхъ.

Небритый, всклоченный, въ дырявомъ сюртукѣ,
День цѣлый просидѣвъ въ сосѣднемъ кабакѣ
Надъ составленьемъ просьбъ, и кляузъ, и посланій,
За жалкіе гроши безграмотныхъ созданій,
Заброшенныхъ судьбой изъ деревень глухихъ
Въ вертепы смрадные подваловъ городскихъ,—
Онъ мирно брелъ домой въ веселомъ настроеньи,
Забывъ и рядъ обидъ, и нужды, и лишенья,
И голодъ, такъ какъ онъ хотя и не былъ сытъ,
То все же затопилъ въ винѣ свой апетитъ,
И былъ на столько пьянъ, что шелъ, не замѣчая,
Какъ уличныхъ ребятъ надъ нимъ глумилась стая,
Какъ гасъ горячій день въ блаженной тишинѣ,
Напоминая всѣмъ объ отдыхѣ и снѣ...
Былъ и старикъ не прочь уснуть въ своей берлогѣ
И своротить въ нее готовился съ дороги,
Когда его толпа фабричныхъ шутниковъ
Заставила плясать,—и вотъ за лишній штофъ,
Обѣщанный ему гуляками въ награду,
Пустился онъ плясать въ присядку до упаду,
Махая въ воздухѣ разодраннымъ платкомъ...
Ужь онъ давно привыкъ служить толпѣ шутомъ.

Не знаю, долго-ли плясалъ бы горемыка,
Когда-бъ среди остротъ и хохота и крика
Не прозвучалъ надъ нимъ вдругъ голосъ молодой:
«Пойдемте, батюшка! Пора идти домой!»
Старикъ опомнился. Съ тоскливымъ выраженьемъ,
Краснѣя отъ стыда, смущенная глумленьемъ
Надъ выпившимъ отцомъ, предъ нимъ стояла дочь.
Онъ какъ-то съёжился, уйдти хотѣлъ онъ прочь,
Но праздная толпа любителей скандала
Его, какъ узника, изъ рукъ не выпускала
И, тѣша грубыя наклонности свои,
Все громче, все грознѣй горланила: «пляши!»

Вся блѣдная, въ слезахъ, съ безмолвною мольбою
Стояла дѣвушка, забитая судьбою,
Какъ жертва предъ лицомъ бездушныхъ палачей,
Предъ буйною толпой разгульныхъ дикарей,
Не смѣя съ горечью взывать къ ихъ состраданью,
Какъ вдругъ къ нимъ подошелъ съ суровой, рѣзкой бранью
Красивый юноша и сильная рука
Нежданно вырвала на волю старика.

Толпа опѣшила, — потомъ черезъ мгновенье
Послышались и брань, и шутки, и глумленья
Надъ юнымъ смѣльчакомъ, но онъ не слушалъ ихъ,
Стараясь отъ кружка пріятелей своихъ
Спровадить старика скорѣй въ его берлогу.
Да, впрочемъ, и толпа утихла понемногу
И скоро разбрелась спокойно по домамъ.
День догорѣлъ уже и вдоль по берегамъ
Лишь изрѣдка теперь скользили чьи-то тѣни
Тяжелой поступью усталости и лѣни...

Я тоже былъ своей прогулкой утомленъ
И навѣвали мнѣ на душу сладкій сонъ
Безлюдье полное и воздухъ безмятежный
Съ своею теплотой ласкающей и нѣжной,
Но прежде, чѣмъ идти домой въ обратный путь
На первую скамью присѣлъ я отдохнуть
И, безъ свидѣтелей, мечтая одиноко,
Почти забылся сномъ... Вдругъ слышу недалеко
Въ затишьи начался чуть слышный разговоръ.
Невольно обратилъ въ ту сторону я взоръ
И тотчасъ же узналъ знакомыя фигуры —
И эту дѣвушку, сидѣвшую понуро,
И парня стройнаго, нагнувшагося къ ней.

Не могъ разслушать я таинственныхъ рѣчей,
Но понялъ, что она его благодарила,
Что душу скорбную предъ нимъ она открыла,
Тоскливо жалуясь на пьянаго отца,
На тяжкіе труды, на нужды безъ конца,
На жизнь унылую въ подвальномъ подземельи,
Гдѣ и покоя нѣтъ, не только что веселья.
А онъ, какъ бы въ чаду, съ пылающимъ лицомъ,
Ей страстно говорилъ, Богъ вѣдаетъ о чемъ,
Дожно быть, о любви, о радостяхъ, о счастьи...
Потомъ подсѣлъ онъ къ ней, исполненный участья,
Несмѣло станъ ея обвилъ одной рукой,
Не вызвавъ ласкою ни радости живой
И ни отвѣтныхъ ласкъ. Она въ оцѣпененьи,
Вперивъ тоскливый взглядъ безъ цѣли въ отдаленье,
Не понимала словъ сосѣда своего
И даже, можетъ быть, не слушала его.
А онъ, склонившись къ ней, все съ возраставшимъ жаромъ
Ей что-то объяснялъ — и, кажется, не даромъ, —
По крайней мѣрѣ, я чрезъ нѣсколько минутъ
Увидѣлъ, что они съ своей скамьи встаютъ...

Куда они пошли?.. Тутъ недалеко поле
И загородный садъ... какъ будто по неволѣ,
Какъ будто въ полуснѣ въ объятіяхъ его
Она пошла, сама не зная для чего...
Что дѣлать: жизнь мрачна, а сердце ласки проситъ.

Но что же будетъ съ ней, какъ вдругъ ее онъ броситъ?

А. Михайловъ.

Генералъ-лейтенантъ Федоръ Федоровичъ Радецкій.

Имя генерала Радецкаго, извѣстное во всей Россіи съ времени переправы черезъ Дунай у Зимницы, — его корпусъ перешелъ въ этомъ мѣстѣ рѣку первымъ, — снова появилось въ послѣднихъ переправахъ; его корпусу назначено идти на подкрѣпленіе геройскаго отряда, защищающаго Шибкинскій проходъ. Мы увѣрены, что вполнѣ удовлетворимъ желанію нашихъ читателей, помѣщая въ настоящемъ нумерѣ портретъ этого талантливаго генерала и симпатичнаго человѣка.

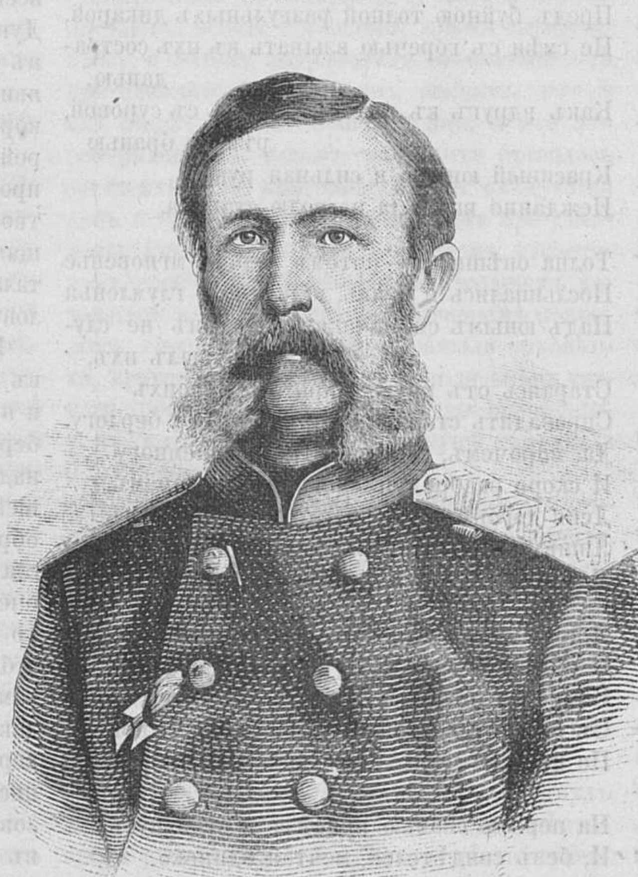
Федоръ Федоровичъ Радецкій, пишутъ въ газ. «Голосъ», родившійся въ 1820 году и происходящій изъ дворянъ Казанской губерніи, вѣроисповѣданія православнаго, принадлежитъ къ храбрѣйшимъ генераламъ нашей арміи, получившимъ высшее военное образованіе, которое выдѣлило его изъ числа прочихъ его товарищей и доставило ему очень почетное мѣсто—должность корпуснаго командира на 56-мъ году отъ рожденія, а боевые подвиги украсили его грудь орденами съ мечами, въ числѣ которыхъ онъ давно уже имѣетъ георгіевскій крестъ четвертой степени и золотую саблю съ надписью «за храбрость». Первоначальное образованіе свое Федоръ Федоровичъ получилъ въ главномъ инженерномъ училищѣ, а потомъ въ инженерной академіи, по окончаніи курса наукъ въ которой онъ былъ выпущенъ на службу, въ 1841 году, въ варшавскую инженерную команду, но оставался въ ней не долго; именно, годъ спустя онъ переведенъ былъ въ грузинскій инженерный округъ на Кавказѣ, гдѣ и провелъ бо́льшую часть своей военной службы, неоднократно участвуя въ дѣлахъ съ горцами, причемъ онъ обнаружилъ необыкновенную личную храбрость и подвиги мужественнаго самоотверженія; но особенно онъ отличился 18-го мая 1843 года, когда ему поручено было, съ отдѣльнымъ отрядомъ, произвести постройку, въ виду многочисленнаго непріятеля подъ сильнѣйшимъ его огнемъ, отдѣльной оборонительной башни на Каменномъ Мосту, въ верховьяхъ рѣки Кубани, а потомъ, при сильнѣйшемъ, въ 1844 году, пораженіи огромныхъ скопищъ Шамиля въ неприступной позиціи, за Теренгульскимъ Оврагомъ.

Не перечисляя всѣхъ отличій Федора Федоровича, потому что отличія эти, оказанныя имъ чуть ли не ежедневно въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ сряду, могли быть написаны въ цѣломъ томѣ, упомянемъ только, что, полюбивъ строевую жизнь въ боевыхъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ, онъ искалъ случая оставить службу въ инженерныхъ войскахъ и съ этою цѣлью, а вмѣстѣ съ тѣмъ, въ видахъ полученія высшаго военнаго образованія, Федоръ Федоровичъ поступилъ, въ 1847 году, въ николаевскую академію генеральнаго штаба, и окончилъ полный курсъ наукъ въ ней съ особымъ отличіемъ, за что и былъ награжденъ двумя чинами. По выходѣ изъ академіи генеральнаго штаба, капитанъ Радецкій продолжалъ свою службу на Кавказѣ, попрежнему принимая самое дѣятельное участіе въ военныхъ дѣлахъ противъ горцевъ, причемъ особенно совершилъ важный подвигъ въ 1855 году, когда ему удалось взять, послѣ неимовѣрныхъ усилій и трудовъ, соединенныхъ съ необыкновеннымъ мужествомъ и распорядительностью, главнѣйшихъ преступниковъ по возмущенію горцевъ на Кавказѣ, которые долгое время скрывались въ неприступной и укрѣпленной позиціи Табасорани.

За удачную переправу, мѣсяцъ назадъ, черезъ Дунай Федоръ Федоровичъ, какъ извѣстно, получилъ орденъ св. Георгія 3-й степени, а 18 лѣтъ назадъ онъ совершилъ почти подобный подвигъ, исполнивъ съ ввѣреннымъ ему отрядомъ, подъ убійственнымъ непріятельскимъ огнемъ, замѣчательно искусную переправу, 16-го и 17-го іюня 1859 года, черезъ Андійскую Койсу, за что и былъ тогда награжденъ тѣмъ же орденомъ 4-й степени, командуя тогда славнымъ и храбрымъ Дагестантскимъ пѣхотнымъ полкомъ.

Имя генерала Радецкаго хорошо извѣстно на Кавказѣ всѣмъ и каждому; онъ провелъ тамъ почти всю свою службу, бывши начальникомъ дивизіоннаго и разныхъ другихъ штабовъ, и командуя, постепенно, сперва батальономъ, потомъ полкомъ, затѣмъ бригадою и, наконецъ, 21-ю пѣхотною дивизіей, сдавши которую, онъ и получилъ назначеніе быть командиромъ 8-го пѣхотнаго корпуса, который нынѣ такъ славно отличился при переправѣ черезъ Дунай у Систова.

Личность Федоръ Федоровича въ высшей степени симпатическая. Онъ постоянно пользовался самою искреннею любовью и расположеніемъ, какъ товарищей своихъ и подчиненныхъ, такъ и начальниковъ. Прямота характера, необыкновенная честность во всѣхъ отношеніяхъ и справедливость къ подчиненнымъ составляютъ отличительную черту этого храбраго воина, составившую ему всеобщую любовь и уваженіе.



Командиръ 8 армейскаго корпуса Генералъ-Лейтенантъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Радецкій.

* * *

Новости наукъ и жизни.

— **Конкурсъ на лучшее сочиненіе.** По словамъ «Голоса», русское техническое общество объявляетъ конкурсъ на лучшее практическое сочиненіе: «Основанія счетоводства по эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ съ примѣненіемъ и къ постройкѣ оныхъ». Сочиненіе должно быть написано правильнымъ русскимъ языкомъ и объяснять порядокъ счетоводства по всѣмъ частямъ желѣзнодорожной администраціи. Объясненіе всякаго счетоводства и отчетности должно сопровождаться формами книгъ и разсчетовъ, а также указаніями на существующія по сему указанія и распоряженія правительства. Въ сочиненіи должны быть даны разъясненія тѣхъ частей счетоводства, которыя, какъ указываетъ практика, даютъ поводъ къ нареканіямъ на правильность или на неудовлетворительность этого счетоводства. Лучшее изъ представленныхъ сочиненій, удовлетворяющее условіямъ конкурса, будетъ награждено медалью общества и преміей въ двѣ тысячи рублей, если сочиненіе будетъ печатное. Если же сочиненіе будетъ рукописное, то оно печатается на счетъ общества и въ пользу сочинителя предоставляется 500 экземпляровъ и, сверхъ того, независимо отъ медали, тысяча рублей. Прочіе экземпляры поступаютъ въ пользу общества. Сочиненія на соисканіе этой преміи должны быть представлены въ совѣтъ русскаго техническаго общества къ 1-му сентября 1879 года.

— **Археологическій съѣздъ въ Казани.** Разсмотрѣнію отдѣленія исторической географіи и этнографіи происходящаго въ настоящее время въ Казани археологическаго съѣзда подлежатъ, какъ сообщаютъ, слѣдующіе вопросы:

1) Какихъ городовъ служилые люди были помѣщиками и вотчинниками въ Казанскомъ краѣ въ XVI и XVII вѣкахъ? На основаніи какихъ источниковъ и въ какой мѣрѣ возможно разрѣшеніе этого вопроса? 2) Какія сохранились преданія о названіяхъ русскихъ и инородческихъ поселеній въ казанской и сосѣднихъ съ нею губерніяхъ? 3) Свѣдѣнія и преданія о селѣ Байтеряковѣ; 4) свѣдѣнія о направленіи сторожевыхъ и засѣчныхъ линій въ казанской и сосѣднихъ съ нею губерніяхъ; 5) свѣдѣнія о селеніяхъ въ казанской и сосѣднихъ съ нею губерніяхъ съ словомъ «тарханъ»; 6) можно-ли опредѣлить границы Болгарскаго и Казанскаго Царствъ? 7) Можно-ли каратаевъ и терюханъ считать за подраздѣленіе мордвы, равное мошкѣ и эрзѣ? Было-ли какое-нибудь племя, которое, какъ указываетъ Кеппенъ, называлось бѣляки? 9) Кого можно считать въ наше время потомками бурмасовъ? 1) Нельзя-ли хорографическія, топографическія и племенныя названія болгарскаго историка XVI вѣка Шерефъ-Эддина пріурочить къ нынѣ существующимъ мѣстностямъ; 11) свѣдѣнія о развалинахъ древняго города болгаръ. 12) Какіе могутъ быть предложены указанія и соображенія относительно первоначальнаго состава книги «Большого Чертежа»? 13) Составляли-ли понтійскіе скифы, описанные Геродотомъ, одну народность, или можно между ними намѣтить разныя народности? Въ послѣднемъ случаѣ нѣтъ-ли возможности опредѣлить этнографическій составъ скифовъ? 14) Безлѣсная, нынѣ степная, полоса южной Россіи представляла-ли когда-либо въ древности обширныя пространства, покрытыя лѣсами, или-же она искони, насколько знаетъ ее исторія, отличалась своимъ нынѣшнимъ степнымъ характеромъ? 15) Что мы знаемъ объ Удинахъ? 16) Можно-ли опредѣлить отличительныя племенныя черты древнихъ народовъ, обитавшихъ въ казанской и сосѣднихъ съ нею губерніяхъ? 17) Не извѣстны-ли какіе-нибудь слѣды или памятники до мусульманской эпохи въ Болгарскомъ царствѣ; 18) собрать свѣдѣнія о древностяхъ, найденныхъ въ развалинахъ города Цвѣка (въ 10 верстахъ отъ Саратова). Въ какихъ собраніяхъ находятся эти древности? Желательно имѣть описаніе этихъ древностей. 19) Нельзя-ли собрать этнографическіе и лингвистическіе остатки новгородской колонизаціи въ вятскомъ краѣ, между рѣками Вяткой и Камой? 20) Нѣтъ-ли гдѣ-нибудь на русскомъ востокѣ мѣстныхъ преданій о первыхъ поселеніяхъ русскихъ и ихъ борьбѣ съ туземцами? 21) Насколько возможно возстановить слѣдующія подробности топографіи города Казани во время осады его войсками царя Іоанна IV: а) мѣсто, гдѣ находилась татарская крѣпость; б) предѣлы городскихъ татарскихъ поселеній; в) мѣста, гдѣ стояли осаждающіе? 22) Въ какой взаимной связи находятся легенды: а) о происхожденіи древнихъ русскихъ родовъ отъ Юлія Кесаря и другихъ римскихъ фамилій; б) о происхожденіи тѣхъ-же родовъ отъ выходцевъ съ прибрежья Адріатическаго моря во время Аттилы; в) о выходѣ изъ Далмаціи трехъ братьевъ: Дуса, Чеха и Леха, въ царствованіе императора Юстиніана, и какое отношеніе имѣютъ эти легенды къ западно-европейскимъ историческимъ свидѣтельствамъ 23) О современныхъ намъ фамильныхъ прозваніяхъ польскихъ и юго-западныхъ славянскихъ кростьянъ въ связи съ древними прозвищами славянъ; 24) объ этнологическихъ наслоеніяхъ славянскихъ мѣстностей сѣверо-восточнаго побережья Адріатическаго моря. 25) Принадлежатъ-ли славяне, живущіе въ сѣверной Италіи, къ племени Хорватскому, или-же къ Крайно-Словинскому? 26) Въ какихъ отношеніяхъ находилась Арская земля къ Казанскому царству? 27) Не осталось-ли въ казанской и сосѣднихъ съ нею поволжскихъ губерніяхъ слѣдовъ пребыванія новгородскихъ ушкуйниковъ? 28) Желательно имѣть подробный обзоръ археологическихъ работъ по изслѣдованію Сарая, описаніе, современнаго состоянія мѣстности, гдѣ находился Сарай, и сохранившихся отъ него развалинъ и произвести новыя раскопки въ Сараѣ. 29) Объ упоминаемыхъ въ русскихъ лѣтописяхъ городахъ въ Болгарскомъ царствѣ, кромѣ Болгаръ и старой Казани, не дошло до насъ монументальныхъ признаковъ, для опредѣленія ихъ мѣстоположенія, поэтому желательно собрать всѣ свидѣтельства изъ лѣтописей и разныхъ сочиненій позднѣйшихъ руссихъ писателей о слѣдующихъ городахъ Болгарскаго царства:

Жукотинѣ, Кременчугѣ, Брахимовѣ, Ошолѣ и другихъ, и дополнить эти свидѣтельства новыми, возможными въ настоящее время, изслѣдованіями по этимологіи названій этихъ городовъ, по опредѣленію ихъ мѣстоположенія и по ихъ исторіи. Напр., названіе «Кременчугъ», не было-ли переводомъ какого-либо татарскаго имени? Не находился-ли Кременчугъ (т. е. каменный городокъ), на мѣстѣ теперешней деревни Шашъ-Кермено, при устьи рѣки Меши, впадающей въ Кану? Не могутъ ли отыскаться какіе-нибудь вещественные остатки отъ другихъ городовъ? Нельзя-ли опредѣлить хронологическій предѣлъ существованія этихъ городовъ? Не сохранилось-ли какихъ-нибудь народныхъ преданій о нихъ?

Смѣсь.

— Желѣзно-дорожный процессъ въ Парижѣ. Недавно слушалось въ парижскомъ коммерческомъ судѣ дѣло, сущность котораго весьма поучительна для нашихъ желѣзнодорожниковъ и для публики.

При отправленіи почтоваго поѣзда со станціи Пети-Круа, около Мюльгаузена, стрѣлочникъ ошибся, невѣрно поставивъ стрѣлку, вслѣдствіе чего произошло столкновеніе двухъ поѣздовъ, почтоваго и товарнаго. Нѣсколько человѣкъ были ранены и убиты. Въ числѣ послѣднихъ находился нѣкто Леви, владѣлецъ посуднаго магазина. Послѣ Леви осталась вдова и малолѣтняя дочь, надъ которой учреждена опека, въ лицѣ ея матери. Послѣдняя предъявила искъ, лично отъ себя и отъ имени опекаемой, въ парижскомъ коммерческомъ судѣ, къ «обществу восточной желѣзной дороги», опредѣливъ исковую сумму 600 тысячъ франковъ: 500 тысячъ для себя и 100 тысячъ для своей малолѣтней дочери. На судѣ истица уменьшила свои исковыя требованія на половину.

Судъ призналъ, что смерть Леви произошла вслѣдствіе ошибочной постановки стрѣлки со стороны лицъ, служащихъ на дорогѣ; что маневрированіе поѣздовъ входитъ въ составъ существенныхъ обязанностей желѣзно-дорожной администраціи, лишенной, такимъ образомъ, возможности уклоняться отъ имущественной отвѣтственности за ошибки, совершенныя ея агентами. Поэтому, признавая за вдовой убитаго право искать убытки, причиненные столкновеніемъ поѣздовъ, имѣвшимъ для нея такія роковыя послѣдствія, судъ, на основаніи высказанныхъ соображеній, постановилъ: въ виду правильности исковой суммы, не оспоренной отвѣтчикомъ, присудить съ общества восточной желѣзной дороги, въ пользу г-жи Леви, 250,000 франковъ, а въ пользу ея дочери 50,000 франковъ, всего 300 тысячъ франковъ, возложивъ на отвѣтчика уплату судебныхъ издержекъ.

— Про султана ходятъ по Константинополю такіе анекдоты, что удивляешься охотѣ здѣшняго населенія шутить въ такія минуты. Султанъ, если еще не спятилъ окончательно, то мчится на всѣхъ рысяхъ къ умопомѣшательству. Подобно своему отцу Абдулъ-Меджиду, султанъ окружилъ себя разными колдунами, знахарями и тому подобными шарлатанами, съ которыми проводитъ большую часть времени въ изысканіи тайнъ будущаго. На-дняхъ, одинъ изъ новаго рода фаворитовъ объявилъ султану, что имперія будетъ спасена, когда мало-азіятская курица высидитъ орленка. Съ выходомъ изъ яйца юнаго царя птицъ, явится и полководецъ, предназначенный пророкомъ для истребленія гяуровъ. Султанъ возликовалъ и по его приказу въ его спальнѣ сидитъ уже насѣдка на однихъ только орлиныхъ яйцахъ. Нечего и прибавлять, что во избѣжаніе подлога, самъ султанъ ухаживаетъ за насѣдкой, кормитъ ее, поитъ и каждыя пять минутъ заглядываетъ въ спальню, не случилось ли, чего добраго, чего-нибудь съ матерью будущаго спасителя.

— Чудовищный гонораръ. 1,000,000 франковъ гонораръ получилъ англійскій авторъ, Джоржъ Эллiотъ (г-жа Льюисъ), за свой послѣдній романъ въ восьми томахъ, «Даніель Деронда». Романъ этотъ разошелся въ 40,000 экземплярахъ. Это самый большой гонораръ, когда либо полученный до сихъ поръ авторомъ, пишущимъ романы.

Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій.

Въ «Рус. Инв.» сообщенъ слѣдующій перечень военныхъ дѣйствій съ 8 по 14 августа:

Извѣстія минувшей недѣли сообщили намъ о важныхъ военныхъ событіяхъ, совершающихся на театрѣ войны въ Болгаріи. Двѣ недѣли относительнаго затишья, протекшія со втораго сраженія при Плевно и очищенія передовымъ отрядомъ нашимъ долины Тунджи, послужили какъ бы подготовительнымъ періодомъ для обѣихъ воюющихъ сторонъ, которымъ онѣ воспользовались, съ цѣлью притянуть къ себѣ подкрѣпленія и дать надлежащую групировку своимъ силамъ, сообразно съ измѣнившимися обстоятельствами и вѣроятными намѣреніями противника.

Къ началу августа три турецкія арміи: виддинская, дунайская и балканская занимали линіи Плевно — Ловча, Рущукъ — Разградъ — Османъ-Базаръ и южные выходы балканскихъ проходовъ, имѣя противъ себя внутри этихъ линій корпуса нашей арміи, отдѣльныя части которой держали въ рукахъ три среднихъ перевала великаго Балкана. Планъ дѣйствій турокъ заключался, какъ видно, въ прорывѣ черезъ горные проходы, въ соединеніи фланговъ всѣхъ трехъ своихъ армій и въ концентрическомъ наступленіи на нашу армію, съ намѣреніемъ оттѣснить ее къ Дунаю.

Исполненіе этого плана началось 4 го августа атакою почти всею арміею Сулеймана-паши Ханкіойскаго перевала въ Балканахъ, занятаго Елецкимъ пѣхотнымъ полкомъ, который мужественно отбилъ нападеніе и заставилъ турокъ совершенно очистить ущелье. Дѣйствія двухъ другихъ турецкихъ армій, дунайской и видинской, не имѣли въ этотъ день непосредственной связи съ наступленіемъ Сулеймана-паши, такъ какъ онѣ ограничились незначительными стычкою и перестрѣлкою между передовыми войсками на правомъ берегу Чернаго-Лома, къ юго-востоку отъ Рущука, и небольшимъ дѣломъ, происшедшимъ между нашимъ рекогносцировочнымъ отрядомъ и превосходными турецкими силами у сел. Димиркіой (въ 35 верстахъ отъ Тырнова, по османъ-базарской дорогѣ), въ которомъ мы потеряли одного офицера и 30 нижнихъ чиновъ, выбывшими изъ строя. Со стороны же Плевно происходили аванпостныя кавалерійскія стычки, причемъ наша кавалерія преслѣдовала турецкую конницу до пѣхотныхъ ложементовъ.

Послѣ неудачной атаки на Ханкіойскій перевалъ, балканская армія Сулеймана-паши избрала предметомъ своихъ дѣйствій Шипкинскій проходъ и 9-го августа, утромъ, атаковала его, въ составѣ 40 баталіоновъ. Съ ожесточеннымъ упорствомъ шли турки на приступъ нашей позиціи и, пользуясь громаднымъ перевѣсомъ въ силахъ, замѣняли свои разстроенные боемъ баталіоны свѣжими. Съ семи часовъ утра до поздней ночи произведено было десять атакъ на Шипку, но защищающія ее геройскія войска наши, подъ начальствомъ генералъ-маіоровъ *Дерожинскаго* (командиръ 2-й бригады 9-й пѣхотной дивизіи) и *Стольтова* (начальникъ болгарскаго ополченія), отбили всѣ приступы турокъ съ большимъ для нихъ урономъ, причемъ нашими выстрѣлами сброшены со скалъ три орудія турецкой батареи. Утомленный безуспѣшнымъ боемъ непріятель не рѣшился на другой день, 10-го августа, возобновить нападеніе открытою силою, но, устроивъ двѣ батареи дальняго боя, повелъ атаку траншеями на нашу позицію; весь день продолжалась перестрѣлка, окончившаяся къ 7 часамъ вечера. Для удержанія въ нашихъ рукахъ важнаго Шипкинскаго перевала и подкрѣпленія обороняющихъ его войскъ, уже два дня выдерживавшихъ борьбу съ несоразмѣрно превосходными непріятельскими силами, направлены были къ Шипкѣ нѣкоторыя части, подъ главнымъ начальствомъ командира 8-го армейскаго корпуса, генералъ-лейтенанта Радецкаго; подкрѣпленія эти изъ которыхъ нѣкоторымъ предстояло пройти около 56 верстъ въ одинъ день, начали подходить ночью съ 10-го на 11-е число. Въ теченіе же ночи турки открывали стрѣльбу изъ своихъ траншей, на которую, однако, съ нашей стороны не было отвѣта.

Турецкій главнокомандующій, Сулейманъ-паша, доказавшій свою настойчивость въ военныхъ дѣйствіяхъ на черногорскомъ театрѣ войны, рѣшилъ и здѣсь упорно добиваться своей цѣли, въ надеждѣ овладать Шипкою до прибытія къ намъ подкрѣпленій. 11-го августа, на разсвѣтѣ, онъ снова повелъ свои войска на приступъ съ трехъ сторонъ и до полудня нѣсколько разъ отчаянно штурмовалъ наши позиціи. Не смотря, однако, на ожесточеніе, съ которымъ дрались турки, наши молодецкія войска съ помощью подвезенныхъ на казачьихъ лошадяхъ стрѣлковъ, отразили всѣ нападенія и не уступили непріятелю ни одного шага. Къ вечеру подоспѣла и вся 4-я стрѣлковая бригада съ шестью орудіями, которая тотчасъ же вступила въ бой, возобновившійся съ новымъ упорствомъ. Въ 9 часовъ вечера 16-й стрѣлковый баталіонъ овладѣлъ непріятельскою высотою передъ правымъ флангомъ нашей позиціи, но и послѣ того атаки турокъ продолжались до полуночи, когда наступило лунное затмѣніе; канонада же поддерживалась и въ это время. На слѣдующій день, 12-го августа, рано утромъ, бой снова завязался, но затѣмъ перешелъ въ перестрѣлку, во время которой лѣвый флангъ турокъ былъ сбитъ, и два непріятельскія орудія, дѣйствовавшія въ тылъ нашей позиціи, были убраны. 13-го августа канонада на Шипкѣ возобновилась.

Въ этой замѣчательной геройской оборонѣ перевала Шипки, въ теченіе $4\frac{1}{2}$ сутокъ, противъ почти цѣлой непріятельской арміи, малочисленный отрядъ нашъ долженъ былъ, конечно, понести чувствительныя потери: раненыхъ за четыре дня боя вывезено въ Габрово 27 офицеровъ и около 900 нижнихъ чиновъ; о числѣ убитыхъ свѣдѣній еще нѣтъ.

Пятидневный бой на Шипкѣ, въ теченіе котораго всѣ отчаянныя попытки непріятеля вырвать изъ нашихъ рукъ обладаніе переваломъ были отражены, останется навсегда однимъ изъ славнѣйшихъ памятниковъ доблести и непоколебимой твердости русскаго солдата. Онъ не можетъ также не остаться безъ нравственнаго впечатлѣнія на атаковавшую армію, не имѣвшую успѣха, не смотря на свое громадное численное превосходство.

Если ожесточенныя атаки Сулеймана-паши на Шипку имѣли, между прочимъ, цѣлью оттянуть къ этому проходу часть нашихъ силъ отъ Осмы и Янтры, чтобы тѣмъ облегчить двумъ другимъ арміямъ, пашей Османа и Мехемедъ-Али, энергическое наступленіе на правый и лѣвый фронты нашего расположенія, то и эта задача осталась не вполнѣ достигнутою. Такъ, одновременно съ первымъ днемъ атаки Сулеймана на Шипку, 9-го августа, правый флангъ арміи Османа-паши предпринялъ наступленіе отъ Ловчи по направленію къ Сельви, впереди котораго находятся позиціи нашихъ войскъ, но все дѣло ограничилось авангардной перестрѣлкой; то же самое повторилось и на другой день, 10-го августа. Со стороны же Разграда и Эскиджумы попытка турокъ перейти въ наступленіе была, повидимому, гораздо серьезнѣе: именно, 10-го числа значитеньныя турецкія силы вытѣснили нашихъ два баталіона изъ сел. Аяслара (въ 30-ти верстахъ къ юго-западу отъ Разграда), но вечеромъ того же дня Софійскій пѣхотный полкъ взялъ обратно эту позицію съ боя, съ потерею 23 человѣкъ; когда же на слѣдующее утро, 11-го августа, турки пытались съ новыми силами овладѣть Аясларомъ, то троекратныя ихъ атаки были блистательно отбиты на всѣхъ пунктахъ тремя нашими полками, Софійскимъ, Невскимъ и Болховскимъ, и непріятель долженъ былъ отступить. Впрочемъ, послѣ полудня, сосредоточивъ значительныя силы, турки снова атаковали Аясларъ и принудили наши войска отступить къ Султанкіою (въ трехъ верстахъ къ сѣверу отъ Аяслара). Въ обоихъ сраженіяхъ при Аясларѣ мы потеряли убитыми: одного офицера и 66 нижнихъ чиновъ; ранеными 11 офицеровъ и 274 нижнихъ чиновъ. Со стороны же Османъ-Базара, Ловчи и Плевна 11-го эвгуста все было спокойно.

О дѣйствіяхъ нашего корпуса въ Добруджѣ, противъ котораго наступаютъ египетскія войска принца Гасана, имѣется лишь одно краткое извѣстіе, что 1-го августа наша казачья сотня разбила партію черкесовъ къ югу отъ Мангаліи.

Въ Малой Азіи часть нашихъ главныхъ силъ, расположенныхъ па позиціи у Кюрюкъ-Дара, произвели два наступательныхъ движенія противъ арміи Мухтара-паши, съ преимущественною цѣлью отвлечь вниманіе турецкаго главнокомандующаго отъ нашего Эриванскаго отряда, который долженъ былъ начать свои дѣйствія противъ корпуса Измаила-паши. 6-го августа командующій кавказскимъ дѣйствующимъ корпусомъ, генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ, двинулся къ турецкимъ позиціямъ между высотами Большой и Малой Ягны и горами Аладжа, чѣмъ заставилъ непріятеля притянуть къ нимъ всѣ свои силы. Завязавшійся на нашемъ правомъ флангѣ и въ центрѣ артиллерійскій бой, поддерживаемый съ обѣихъ сторонъ въ теченіе продолжительнаго времени, далъ возможность обнаружить числительность турецкихъ войскъ и ихъ расположеніе; послѣ нѣсколькихъ жаркихъ стычекъ, въ которыхъ приняли участіе прибывшія за два дня передъ тѣмъ части войскъ изъ Ардагана, подъ начальствомъ полковника Комарова (нынѣ генералъ-маіоръ), турки были оттѣснены, и авангардъ нашъ занялъ сел. Кюльверанъ (близъ Башъ-Кадыклара), главныя же силы возвратились къ Кюрюкъ-Дара. По доставленнымъ свѣдѣніямъ, непріятель потерялъ въ этомъ дѣлѣ до 800 чел.; нашъ же уронъ заключался въ 9 офицерахъ и 330 нижнихъ чинахъ, выбывшихъ изъ строя.

Сутки спустя послѣ этой демонстраціи, сводная кавалерійская колонна, составленная изъ регулярной и милиціонной конницы, произвела удачный ночной набѣгъ къ селенію Буланохъ, (въ 18 верстахъ къ юго-западу отъ Башъ-Кадыклара), причемъ, застигнутая въ расплохъ турецкая регулярная кавалерія была атакована охотниками и чеченцами и потеряла 60 человѣкъ убитыми: въ плѣнъ взяты: одинъ офицеръ и шесть нижнихъ чиновъ и захвачено нѣсколько лошадей и оружіе. Какъ только турки открыли огонь изъ своихъ батарей, наша кавалерія отошла къ своему лагерю, у Башъ-Кадыклара, понеся въ этомъ поискѣ потерю лишь изъ двухъ контуженныхъ офицеровъ.

Эриванскій отрядъ генералъ-лейтенанта Тергукасова, получивъ часть подкрѣпленій изъ главныхъ силъ, предпринялъ движеніе къ западу отъ Игдыря, и 8-го августа находился у с. Гюлюджи, лежащаго на дорогѣ, ведущей черезъ Абасъгельскій перевалъ. Оставленная у Игдыря часть войскъ имѣла незначительную перестрѣлку съ появившеюся противъ этого пункта непріятельскою колонною.

Въ Батумскомъ санджакѣ Кобулетскій отрядъ нашъ продолжаетъ занимать мухаэстатскую позицію, на правомъ берегу р. Чурукъ-су. 1-го августа турки произвели атаку на правый флангъ нащей позиціи, занятый охотниками, но подоспѣвшій резервъ ихъ съ пѣшею дружиною отбросилъ непріятеля къ р. Ачкуа. Вслѣдъ затѣмъ, завязалась артиллерійская и ружейная перестрѣлка по всей линіи, съ участіемъ въ ней и турецкихъ броненосцевъ; потеря наша въ этотъ день состояла изъ 61 нижняго чина убитыми и ранеными.

Удаленіе большей части турецкихъ войскъ изъ Сухумскаго раіона на европейскій театръ войны облегчило наступленіе Ингурскаго отряда генерала-маіора Алхазова, который, овладѣвъ всѣмъ теченіемъ р. Кодора, постепенно подвигается къ Сухуму. 7-го августа кавалерія отряда произвела рекогносцировку на правомъ берегу р. Маджары, эта рекогносцировка выяснила, что за р. Келасуры (въ 5 вер. къ югу отъ г. Сухума) находятся укрѣпленныя позиціи турокъ.

Затѣмъ съ 14-го августа получены слѣдующія официальныя телеграммы·

А. Отъ Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго дѣйствующею арміею изъ Горнаго Студеня:

1) Отъ 13-го августа: «Сегодня, 13-го августа, на Шипкѣ пятый день боя начался въ 9 часовъ утра и идетъ съ страшнымъ ожесточеніемъ. Наши войска стоятъ крѣпко. Нѣсколько сильнѣйшихъ аттакъ геройски отбиты.

Генералъ Дерожинскій, управлявшій первые три дня обороной Шипки, погибъ сегодня геройскою смертью».

2) Отъ того же числа: «У насъ ранены въ сраженіяхъ на Шипкѣ до вчерашняго вечера: генералъ Драгомировъ въ правую ногу навылетъ, не опасно; флигель-адъютантъ полковникъ князь Вяземскій; генеральнаго штаба: подполковникъ Ренкевичъ и капитанъ Мальцевъ; 16-го стѣлковаго батальона: подполковникъ Худяковъ и прапорщикъ Туровъ, 13-го стрѣлковаго батальопа: капитанъ Неппенстремъ, штабсъ-капитанъ Кондрацкій, поручикъ Коронелли и прапорщикъ Александръ Иваненко; 14-го стрѣлковаго батальона штабсъ-капитанъ Червинскій; Житомірскаго полка капитанъ Бѣлоусовъ; Брянскаго полка: подполковникъ Швабъ, маіоръ Молостовъ, подпоручики Денисовъ, Кикинъ и прапорщикъ Конціаловъ; Орловскаго полка: поручикъ Балясный и подпоручикъ Чертковъ».

3) Отъ 14-го августа: «13-го августа наши удержали позицію на Шипкѣ; потеря 30 офицеровъ, 400 нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными. Бой продолжался отъ 9 часовъ утра до 10 вечера. Ночью турки возобновили бой свѣжими войсками, и отчаянная борьба продолжается до сихъ поръ, по свѣдѣніямъ, отъ 12 часовъ по полудни 14-го августа. Наши держатся».

4) Отъ 15-го августа: «Вчера, съ полудня, и сегодня, 15-го августа, на Шипкѣ турки стрѣляютъ мало. Наши молодцы сохранили всѣ свои позиціи. Турки засѣли въ окружающихъ горахъ, дерутся посмѣнно; воду возятъ на ослахъ; пищу, патроны, горныя орудія — на волахъ, а гдѣ волы пройти не могутъ, заставляютъ таскать болгаръ».

5) Отъ 16-го августа: «Со вчерашняго вечера ружейные выстрѣлы на Шипкѣ почти прекратились и сегодня утромъ все спокойно. Наши стоятъ на своей позиціи; турки, скрывшись за окружающими горами, стоятъ въ отдаленіи батарей. Генералъ Непокойчицкій посланъ мною на Шипку для осмотра положенія дѣлъ. Общее число раненыхъ тамъ съ 9-го до 15-го августа 2,480, въ томъ числѣ 95 офицеровъ. Число убитыхъ еще неизвѣстно; врачи, санитары, при дѣятельной помощи «Краснаго Креста», все время работаютъ съ самоотверженіемъ; раненые вывозятся изъ Габрова безостановочно и сегодня будутъ вывезены всѣ. Противъ Плевны и Ловчи все тихо. Въ отрядѣ Наслѣдника Цесаревича, послѣ дѣлъ 11-го августа, при Аясларѣ, было только двѣ аванпостныя стычки. 13-го августа: 1) казачій разъѣздъ былъ окружонъ близъ Рущука у Черноводы, пробираясь потерялъ четыре убитыхъ, одного раненнаго и двухъ плѣнными; по прибытіи на выручку сотни казаковъ и трехъ ротъ, турки отступили; 2) вечеромъ, сторожевые посты наши у Спахрилара, тѣснимые турками, отошли, но на разсвѣтѣ опять выбили ихъ и заняли прежнія мѣста. Къ сторонѣ Осман-базара все спокойно».

Б. Отъ начальника штаба кавказской арміи изъ Кюрюкъ-Дара отъ 16-го августа: «13-го авста, съ разсвѣтомъ, Мухтаръ-паша атаковалъ всѣми силами своими позиціи генерала Лорисъ-Меликова, стараясь обойти нашъ лѣвый флангъ; бой длился до 5 часовъ пополудни; непріятель отброшенъ по всей линіи и съ большимъ урономъ возвратился къ своимъ укрѣпленіямъ на Аладжѣ. Къ сожалѣнію, внезапнымъ нападеніемъ еще съ разсвѣта турки овладѣли возвышенностью Кизиль-тапа, обороняемою однимъ батальономъ. Потери наши не малы и приводятся еще въ извѣстность; ранены генералъ-лейтенантъ князь Чавчавадзе, генералъ-маіоръ Комаровъ и подподполковникъ князь Барятинскій.

Огрядъ полковника Шелковникова, слѣдуя изъ Сочи на соединеніе съ отрядомъ генерала Алхазова къ Сухуму, 6-го августа подвинулся къ Гагринскимъ тѣснинамъ, защищаемымъ укрѣпившимся непріятелемъ; ночью укрѣпленія взяты штурмомъ, несмотря на огонь броненосца. Съ разсвѣтомъ неуспѣвшая пройти тѣснины часть отряда задержана дѣйствіемъ броненосца, но внезапная атака послѣдняго пароходомъ «Константинъ» освободила путь. Разбивъ 9-го числа непріятельскую партію у Пицунда, отрядъ атаковалъ 11-го числа Гудаутскую позицію, защищавшуюся регулярною турецкою пѣхотою съ орудіями и до тысячи абхазцевъ. Съ моря дѣйствовали три броненосца. Послѣ продолжительнаго боя непріятель частью бѣжалъ на суда, частью разсѣялся. Отбито много ружей и склады обмундированія и продовольствія. Мѣстность до Мацры очищена отъ непріятеля. Гудауты сожжены турками. Въ Лытнахъ отрядъ полковника Шелковникова остановился для отдыха. Потеря наша за все время самая ничтожная.

По послѣднимъ свѣдѣніямъ, «Константинъ» атаковалъ ночью 12-го числа броненосецъ въ Сухумѣ, взорвавъ подъ нимъ три мины. Послѣдствія еще неизвѣстны».

В. Отъ генералъ-адъютанта Аркаса къ управляющему морскимъ министерствомъ отъ 14-го августа: 1) Я уже доносилъ вашему превосходительству о посланномъ мною полковнику Шелковникову пароходѣ «Константинъ», который прибылъ къ Гагрѣ въ самую критическую минуту, оказавъ отряду громадную помощь. Затѣмъ, послѣ погони «Константинъ», простоявъ день въ Новороссійскѣ, отправился въ Сухумъ-Кале, гдѣ въ ночь съ 11-го на 12-е августа своими катерами взорвалъ большой броненосецъ, который вѣроятно можно считать погибшимъ, такъ какъ послѣ взрыва трехъ минъ одинъ изъ катеровъ сцѣпился съ непріятельскимъ катеромъ, имѣлъ съ нимъ бой веслами, причемъ пробили голову лейтенанту Писаревскому и столкнули его въ воду, но бравая команда спасла своего лейтенанта и отбилась. Какъ только начало разсвѣтать, съ

«Константина» увидали подходящіе два непріятельскіе парохода или броненосца, а потому онъ поспѣшилъ поднять свои катера и отправился въ Ялту, откуда мнѣ телеграфируетъ. Командиръ «Константина» превозноситъ похвалами за распорядительность и храбрость всѣхъ своихъ офицеровъ и команду. Хотя подходящіе къ броненосцу катера, освѣщенные огнемъ горѣвшаго на берегу зданія госпиталя, были осыпаны ружейнымъ огнемъ съ броненосца и съ берега, но къ счастью, убитыхъ нѣтъ. Телеграмму объ этомъ дѣлѣ посылаю также Его Величеству.

«Посланная мною въ крейсерство къ Румелійскому берегу яхта «Ливадія» 12-го августа утромъ подошла къ Коварнѣ, гдѣ увидѣла стоящими на якоряхъ одинъ трехмачтовый броненосецъ подъ адмиральскимъ флагомъ, другой двухмачтовый и фрегатъ. Затѣмъ, подойдя къ Варнѣ, увидѣла одинъ броненосецъ и 14 военныхъ и коммерческихъ пароходовъ. Поворотивъ къ выходу изъ залива, встрѣтила турецкую кочерму, которую сожгла, а команду отправила на берегъ. Вслѣдъ затѣмъ большой и малый броненосцы снялись съ якоря и погнались за «Ливадіей», нѣсколько нагоняя ее; яхта взяла курсъ на Севастополь и, облегчивъ себя выбрасываніемъ за бортъ небольшаго количества угля, начала удаляться отъ непріятеля и къ разсвѣту была уже отъ него въ семи миляхъ. Въ полдень яхта благополучно прибыла въ Севастополь. Около двухъ часовъ оба броненосца приблизились къ загражденію и открыли пальбу по батареямъ, но снаряды ихъ не долетали. Послѣ отвѣта съ нашихъ батарей, черезъ полчаса отправились по направленію къ Сулину».

Телеграммы.

Кіевъ, 8-го августа, понедѣльникъ. Во время возникшаго у насъ сегодня пожара, сгорѣли сахарные склады купца Либермана и нѣкоторыхъ другихъ. Убытки понесены громадные. Сгорѣвшее имущество было застраховано въ страховыхъ обществахъ «Саламандра» и «Сѣверномъ».

Рига, 9-го августа, вторникъ. Изъ напечатанныхъ въ «Rigasche Zeitung» свѣдѣній о сборѣ жатвы въ среднихъ мѣстностяхъ лифляндской губерніи видно, что начавшаяся жатва ржи обѣщаетъ во всѣхъ отношеніяхъ хорошій сборъ. Жатва яровыхъ хлѣбовъ ожидается повсемѣстно обильная.

Харьковъ, 10 августа, среда. Сейчасъ здѣсь получена телеграмма изъ Нижняго Новгорода, съ извѣстіемъ, что нижегородская желѣзная дорога отказывается принимать грузы прямого сообщенія на Харьковъ, хотя сама она не имѣетъ никакого отношенія къ мобилизаціи. Въ виду начинающейся у насъ, въ Харьковѣ, успенской ярмарки, распоряженіе это произвело здѣсь тяжелое впечатлѣніе; можно сказать навѣрное, что оно отзовется на дѣлахъ нижегородской ярмарки.

Черниговъ, 11-го августа. 10-го августа, въ 11 часовъ вечера, на курско-кіевской желѣзной дорогѣ поѣздъ № 15 изъ Кіева столкнулся съ поѣздомъ № 16, слѣдовавшимъ со вторымъ эскадрономъ лейбъ-гвардіи уланскаго полка; при этомъ ранено 12 уланъ, лошадей строевыхъ убито 7, бѣжало 5; поѣздной прислуги убито 2 и ранено два. Раненые перевезены въ конотопскій госпиталь общества «Краснаго Креста». Слѣдствіе производится.

Одесса, пятница, 12-го августа. По приглашенію одесскаго градоначальника, состоялось, сегодня, экстренное засѣданіе думы для разсмотрѣнія дѣлъ, обусловливаемыхъ военными обстоятельствами. Обсудивъ вопросъ о приспособленіи, къ 15-му октября, экзерциргауза для помѣщенія 250 больныхъ и раненыхъ, дума ассигновала на этотъ предметъ 24,000 рублей. Затѣмъ, на канализацію зданія городской больницы ассигновано 6,000 рублей и на выдачу пособій женамъ и семействамъ призываемыхъ на службу нижнихъ чиновъ запаса—2,000 рублей.

Считая нынѣшнее засѣданіе послѣднимъ засѣданіемъ старой думы, городской голова произнесъ рѣчь, въ которой отозвался о положеніи финансовъ города въ утѣшительномъ смыслѣ.

Систово, 12-го августа. Слухи о подписаніи конвенціи между Россіей и Румыніей относительно участія румынскихъ войскъ въ войнѣ опровергаются. Князь Карлъ желаетъ самостоятельно командовать своей арміей, и увѣряетъ, что лучше распуститъ румынскія войска по домамъ, чѣмъ согласится поставить ихъ подъ русское начальство, какъ того требуетъ наша дипломатія. Съ своей стороны, е. в. главнокомандующій в. к. Николай Николаевичъ рѣшительно отклонилъ самостоятельное участіе румынской арміи въ военныхъ дѣйствіяхъ.

Бухарестъ, 13-го августа, суббота. Россія потребовала, чтобъ румынская армія была безусловно подчинена русскому высшему военному начальству или же чтобы была демобилизована и приведена къ мирному составу.

— 13-го августа суббота. Вслѣдствіе того, что Россія отказалась отъ содѣйствія румынской арміи, румынская дивизія, перешедшая черезъ Дунай, будетъ обратно выведена изъ Болгаріи. Вся румынская армія будетъ демобилизована и приведена на мирное положеніе. Министръ-президентъ Братіано изъ Зимницы послалъ князю Карлу прошеніе объ отставкѣ, точно также министръ иностранныхъ дѣлъ Когольничано подалъ въ отставку. Полагаютъ, что князь Карлъ умѣритъ свою несвоевременную и неумѣстную строптивость, и дѣло уладится болѣе дружелюбно.

Львовъ, 14-го августа, воскресенье. Галиційскій сеймъ препроводилъ проектъ адреса къ императору Францу-Іосифу обратно въ сеймовую коммисію для составленія новой редакціи адреса. Рѣшеніе это принято послѣ рѣчи министра Галиціи Землковскаго, который поставилъ сейму на видъ, что австрійское правительство рѣшилось выступить противъ всякой манифестаціи, могущей нарушить добрыя отношенія между Австріей и Германіей или между Австріей и Россіей, что правительство рѣшилось даже распустить сеймъ, если онъ утвердитъ настоящій адресъ, заключающій демонстрацію въ польскомъ духѣ.

Вѣна, 9-го августа, вторникъ, вечеромъ. Газетѣ «Presse» сообщаютъ изъ Бѣлграда, отъ сегодняшняго числа:

«Министерскій кризисъ устраненъ, Стевча Михайловичъ остается министромъ-президентомъ; должность его будетъ исправлять Ристичъ въ продолженіи пяти-недѣльной поѣздки Михайловича въ отпускъ, въ Маріенбадъ и Остенде. Кризисъ устраненъ, благодаря вмѣшательству князя Милана.

«Военное министерство продолжаетъ дѣлать приготовленія къ открытію дѣйствій съ востока и съ юга. Въ правительственныхъ кружкахъ утверждаютъ, что Австрія не предъявитъ своего «veto» противъ начатія дѣйствій Сербіею».

Той же газетѣ сообщаютъ изъ Бухареста: «Россія заявила недавно оффиціально, что она не предъявила къ Сербіи никакихъ требованій относительно начатія дѣйствій».

— 11-го августа, четвергъ, вечеромъ. Газета «Politische Correspondenz» слышала, что австрійскому послу въ Константинополѣ предписано присоединиться къ представленіямъ, сдѣланнымъ германскимъ посломъ по поводу жестокостей, совершенныхъ турецкими войсками надъ ранеными и плѣнными. Подобныя же представленія будутъ сдѣланы въ Константинополѣ и итальянскимъ кабинетомъ.

— 14-го августа. Оффиціозная пражская газета «Bohemia» сообщаетъ, что германское правительство горячо благодарило графа Андраши за поддержку, оказанную имъ Россіи (?) въ охраненіи постановленій женевской конвенціи.

Оршова, 11-го августа, четвергъ. Изъ вѣрнаго источника сообщаютъ, что Сербія въ скоромъ времени приметъ участіе въ войнѣ; вооруженія продолжаются поспѣшнымъ образомъ.

Положеніе дѣлъ на болгарскомъ театрѣ войны значительно лучше.

Бѣлградъ, 11-го августа, четвергъ. Въ день рожденія князя Милана было положено провозгласить независимость Сербіи отъ Порты; но вслѣдствіе настоятельныхъ представленій дипломатическихъ агентовъ европейскихъ державъ, это предположеніе не было осуществлено.

Отправка войскъ на границу постоянно продолжается.

— 12-го августа, пятница. Князь Миланъ утвердилъ планъ кампаніи и дислокацію арміи. Глакнокомандующимъ сербской арміей назначенъ полковникъ Хорватовичъ. Вся армія раздѣлена на четыре корпуса; по окончаніи мобилизаціи, Сербія выставитъ въ поле 68 батальоновъ. Для переговоровъ съ Греціей сербскій дипломатическій агентъ выѣхалъ въ Аѳины.

Аѳины, 13-го августа, суббота. Въ оффиціальной газетѣ обнародованъ ordre de bataille греческой арміи; войска сформированы въ четыре бригады.

— 12-го августа, пятница. На островѣ Критѣ началось возстаніе. Первая стычка происходила у Ретимно. Генералъ-губернаторъ острова совѣтовалъ консуламъ европейскихъ державъ принять мѣры предосторожности для спасенія своего имущества и архивовъ.

Мальта, 9-го августа, вторникъ. Сюда прибыли англійскія военныя суда «Voge» (?) и «Hotspur», которыя, вслѣдъ затѣмъ, отправились далѣе, къ британской эскадрѣ, стоящей въ Безикской бухтѣ. Броненосецъ «Azincourt» также отправился въ Безикскую бухту, взявъ съ собою инструменты для устройства окоповъ подъ огнемъ, 400 саперовъ и достаточное число инженерныхъ войскъ.

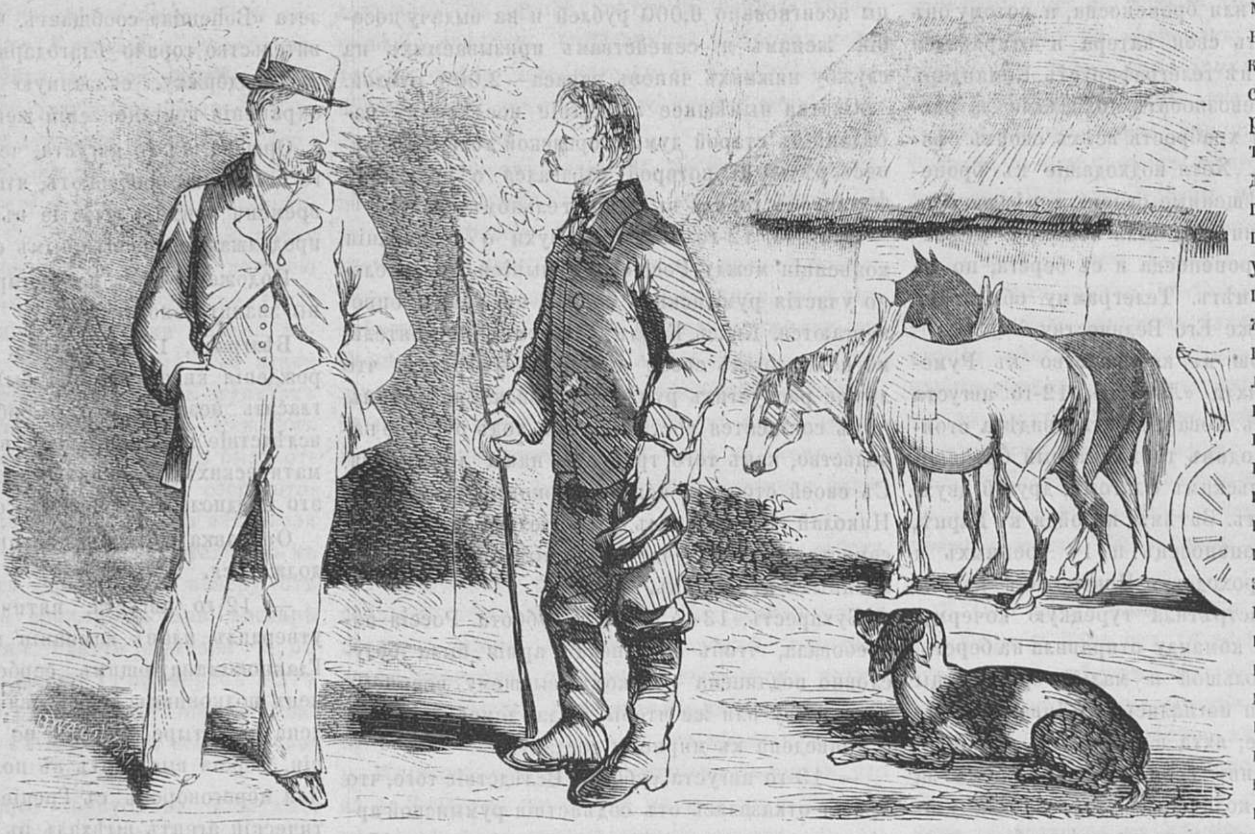
Берлинъ, 10 го августа, среда. По свѣдѣніямъ «Германскаго Имперскаго Указателя», императорское правительство, въ виду имѣвшихся у него оффиціальныхъ извѣстій о жестокостяхъ, совершенныхъ турецкими войсками надъ русскими ранеными и плѣнными, напомнило Портѣ о постановленіяхъ женевской конвенціи, къ которой пресоединилась и Порта. Вмѣстѣ съ тѣмъ германское правительство обратилось къ прочимъ европейскимъ державамъ съ запросомъ, не пожелаютъ ли онѣ сдѣлать подобныя предложенія въ Константинополѣ.

— 11-го августа, четвергъ. Князь Бисмаркъ сегодня выѣхалъ въ Гаштейнъ, гдѣ онъ встрѣтится съ графомъ Андраши. Между ними будутъ происходить переговоры о протестѣ противъ турецкихъ звѣрствъ.

— 13 го августа, суббота. По словамъ «Германскаго Имперскаго Указателя», германское правительство получило отъ всѣхъ великихъ державъ, находящихся въ сношеніяхъ съ Портою, сообщеніе, что представителямъ ихъ въ Константинополѣ предписано присоединиться къ представленіямъ Германіи по поводу жестокаго обращенія съ русскими плѣнными и ранеными, при напоминаніи Портѣ о женевской конвенціи. На такое же дѣйствіе уполномочены, по имѣющимся донынѣ свѣдѣніямъ, также и представители Бельгіи, Голландіи, Швеціи и Португаліи.

Римъ, 9-го августа, вторникъ. Итальянскій посланникъ при Портѣ формально заявилъ великому визирю о тягостномъ впечатлѣніи, произве-

ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ КАРТИНКА.



Хозяинъ. Ну, что новаго?

Работникъ. Оно бы все ничего, да вотъ у буланаго отдулись бока, съ натуги, сильно утомился, бѣдняга, какъ-бы не сдохъ.

Хозяинъ. Ничего съ нимъ не сдѣлается.. по себѣ знаю.. сколько разъ мнѣ приходилось отдуваться своими боками, а видишь, я живъ и здоровъ, апетитъ хорошій, полнѣю.

денномъ на итальянское правительство — звѣрскимъ избіеніемъ грековъ черкесами и баши бузуками въ Каварнѣ.

Парижъ, 14-го августа, воскресенье. Совѣтъ министровъ рѣшилъ привлечь Гамбетту къ суду за нападки на маршала Макъ-Магона, заключающіяся въ рѣчи, произнесенной Гамбеттою 15 августа, въ Лиллѣ.

Константинополь, 10-го августа, среда. Сегодня султанъ принималъ армянскаго патріарха и вручилъ ему орденъ перваго класса.

Комендантъ Янины, телеграммою, посланною во вторникъ, доноситъ, что на греческой границѣ нанесено пораженіе шестидесяти греческимъ разбойникамъ.

— 11-го августа, четвергъ. По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, Порта обратилась въ Аѳины съ нотою по поводу развитія разбойничества на границѣ, требуя, чтобъ греческое правительство положило конецъ такому положенію дѣлъ.

Сегодня Абдулъ-Киримъ-паша предсталъ передъ военнымъ судомъ.

— 12-го августа. Военный совѣтъ постановилъ призвать къ оружію всѣхъ мусульманъ, способныхъ къ военной службѣ, чтобы утроить численность турецкихъ армій на всѣхъ театрахъ войны.

* * *

Наши гравюры.

Елагинскій дворецъ

Одно изъ красивѣйшихъ зданій въ Петербургѣ на Елагиномъ островѣ, получившемъ это названіе по имени своего перваго владѣльца. Домъ на этомъ мѣстѣ былъ построенъ въ царствованіе императрицы Екатерины II и принадлежалъ графу Орлову. Въ 1817 году онъ купленъ со всѣмъ островомъ за 350,000 руб. Нынѣшній дворецъ воздвигнутъ по повелѣнію императора Александра I для лѣтняго мѣстопребыванія императрицы Маріи Федоровны. Императоръ Николай I очень любилъ этотъ дворецъ и часто проживалъ въ немъ. Въ настоящее время Елагинскій дворецъ составляетъ собственность Государя Императора.

Гóра—національный румынскій танецъ.

На нашемъ рисункѣ изображенъ эпизодъ пріема княземъ и княгинею румынскими его императорскаго высочества великаго князя Николая Николаевича. На лугу, подлѣ палатки, предназначенной для высокихъ посѣтителей, четыре прелестныя румынки и два румына пляшутъ свой красивый національный танецъ. Княгиня сидитъ на стулѣ; вправо отъ нея стоитъ его высочество главнокомандующій дѣйствующей арміей, опираясь на стулъ, а влѣво, ея супругъ, князь Румынскій; сзади нихъ огромная свита.

Смущенная молочница рис. Ф. Э. Мейергейма.

Между современными нѣмецкими художниками одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ Мейергейму. Рисунки его преимущественно посвящены тихой сельской и домашней жизни. Казалось-бы, что въ такъ ограниченномъ кругу трудно было бы найти идею для высшаго артистическаго творчества. Однако Мейергеймъ умѣетъ найти и возвысить ее своимъ глубокимъ талантомъ и знаніемъ характеровъ и типовъ.

Фридрихъ Эдуардовичъ Мейергеймъ родился въ Гданскѣ въ 1808 г. Уже на пятнадцатомъ году своей жизни онъ сталъ обращать на себя вниманіе своими пейзажами, и мѣстное общество любителей художества послало его въ Берлинъ стипендіатомъ. — Первымъ его геніальнымъ произведеніемъ былъ «Слѣпой нищій», появившійся на выставкѣ 1834 г. Изъ многихъ его работъ упомянемъ о самыхъ замѣчательныхъ: «Стрѣльба въ цѣль», «Жатва», «Сельская школа», «Вечеръ», «Смущенная молочница» и «Родина работника». Послѣдняя была выставлена на парижской выставкѣ 1855 г. Мейергеймъ снискалъ себѣ всеобщую извѣстность, состоитъ членомъ Дрезденской и Берлинской академіи, а съ 1855 г. занимаетъ мѣсто профессора живописи въ Берлинѣ.

Почтовый ящикъ.

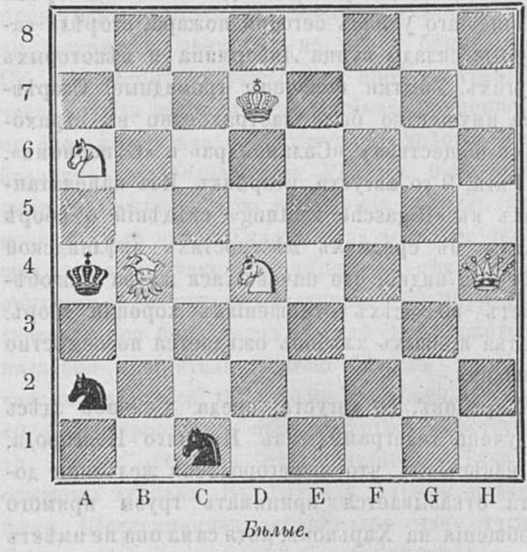
Москва. Сокольники. Свящ. В. П. Ш—ву. Жалобы на неполученіе приложеній при №№ «Жив. Об.» контора этого журнала получала уже не разъ, хотя вина за недоставленіе приложеній лежитъ не на конторѣ. Дѣло въ томъ, что контора «Жив. Об.» высылаетъ нумера журнала со всѣми приложеніями къ нему всѣмъ подписчикамъ на этотъ журналъ, — жалующіеся же не состоятъ подписчиками на этотъ журналъ, такъ какъ гг. книгопродавцы не сдавали въ контору «Жив. Об.» ихъ требованій. Подобныя продѣлки гг. книгопродавцевъ обличались уже не разъ въ нашихъ газетахъ и журналахъ и только остается удивляться, почему гг. подписчики обращаются по прежнему къ книгопродавцамъ, а не прямо въ редакціи журналовъ. Результатомъ обращенія къ книгопродавцамъ, а не прямо въ редакцію являются разныя недоразумѣнія и жалобы и, главное, потеря денегъ, которую редакціи не могутъ вознаградить, платя за гг. Живаревыхъ и тому подобныхъ ловкихъ комерсантовъ.

Шахматы.

Задача XXXII.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Черные.



Бѣлые.

Рѣшеніе задачи № XXXI.

Бѣлые.	*Черные.*
1) A2—A1....	1) G6—G4 берутъ
2) F5—D6†....	2) E4—F4
3) A1—F6 † и матъ.	

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи. Народныя суевѣрія (продолж.). — Нечеловѣческая месть.—Чортовъ волосъ (продолж.).—Наши ближніе (продолж.). — Стихотвор. «Уличная сцена». — Генералъ-лейтенантъ Федоръ Федоровичъ Радецкій.—Новости наукъ и жизни.—Смѣсь. — Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій. — Телеграммы. — Наши гравюры. — Почтовый ящикъ. — Шахматы.

Гравюры: Елагинскій дворецъ.—«Гóра»—національный танецъ румыновъ. — Смущенная молочница. — Командиръ 8-го армейскаго корпуса генералъ-лейтенантъ Федоръ Федоровичъ Радецкій.—Юмористическая картинка. — Почталіонъ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 Августа 1877 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Гос. публичная б-ка

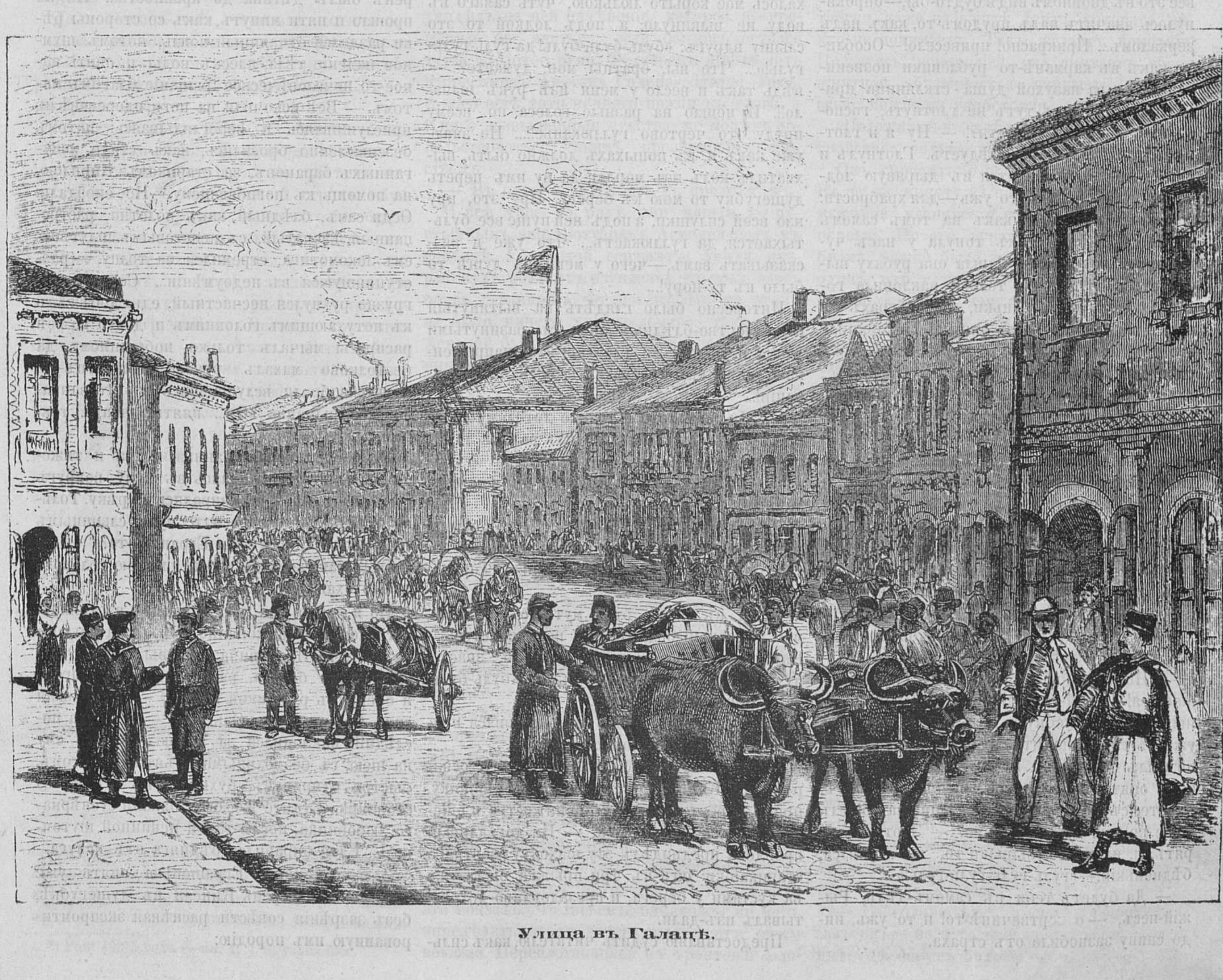
№ 35. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода—4 р. 50 к. Отдельн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 28 Августа 1877 года. Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Троицкій переулокъ, домъ № 27/1. Годъ V.

Подписка на „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ 1877 г. продолжается.

Въ 1877 году журналъ выходитъ **еженедѣльными** нумерами (въ годъ 52 нумера), иллюстрированными множествомъ художественныхъ гравюръ. Всѣ подписчики получаютъ, въ **видѣ премій**, ежемѣсячное приложеніе подъ заглавіемъ «Жизнь и Хозяйство», со множествомъ рисунковъ. Годовымъ подписчикамъ разсылаются слѣдующія преміи: большая гравюра **„Продажа амулетовъ“**, снимокъ съ картины проф. **Генриха Семирадскаго**, на толстой веленевой бумагѣ, длиною одинъ аршинъ, шириною 12½ вершковъ, и **Карта театра военныхъ дѣйствій въ Европейской и Азіятской Турціи.**

Годовая подписная цѣна журнала, съ достав. и перес. 7 руб., безъ перес. и доставки—6 руб.; на полгода: (съ 1-го іюля), съ пересылкою—4 р. 50 коп., безъ перес.—3 руб.

Подписка продолжается. Новые годовые подписчики получаютъ журналъ съ перваго нумера.



Улица въ Галацѣ.

Народныя суевѣрія.

Изъ охотничьихъ разсказовъ **Н. Б. Куроѣдова.**

(*Окончаніе.*)

V.

Видѣніе рыжаго скептика.

— Было это лѣтомъ, когда лишь на уду клюетъ и во всяку снасть идетъ, въ концѣ іюля, подъ имянины стараго барина, примѣрно. Требовалось заготовить хорошій рыбки къ господскому столу, и для людского — въ застольную тоже; потому — дальные то гости, съ своей челядью, заранѣе понаѣхали. Ну, тутъ у насъ, съ своими-то гостьми—холопами, устроилась орлянка и картежъ, разумѣется: — «Забубенный клубъ» значитъ, какъ прозвалъ наше завсегдашнее сборище въ музыканской каплиместиръ пьяненькій, Михалъ Василичъ. Вотъ и далъ мнѣ Богъ, что-ли,—али кто тамъ распоряжается этимъ, — облопошить въ хлюсты Рычковскаго кучера, на цѣлые два съ полтиною! Конечно, дѣло не обошлось безъ выпивки. А я это, какъ пришлось мнѣ ночью ѣхать прудомъ сѣти и морды осматривать, захватилъ съ собою еще полуштофчикъ за пазуху...

— Ну, ты ужь насчетъ кабачка-то поменѣе толкуй; и сами вѣдаемъ, что ты ни на шагъ безъ своей возлюбленной Ярофеевны!

— Нельзя, братики! съ испоконъ-вѣка у насъ вся суть на ней держится... Пошелъ я.—Ночька свѣтлая, тихая; мѣсяцъ вверхъ рожками, какъ серебряная бляшка на уздѣ красуется; а звѣзды-то яркія, что твой наборъ аплйкейный, мигаютъ себѣ по небу. И все это въ двойномъ видѣ будто-бы,—опрокинулось значитъ надъ прудомъ-то, какъ надъ зеркаломъ... Прикрасно! привесело!—Особливо какъ въ карманѣ-то рублевики позвениваютъ, да за пазухой душа-сткляница приголубилась!.. Какъ тутъ не глотнуть, господа мои бояре, съ радости?! — Ну я и глотнулъ, глотнулъ, какъ слѣдуетъ. Глотнулъ и еще, когда сталъ садится въ дырявую лодченку съ купальни; это ужь—для храбрости: вспомнилъ я, видите, какъ на томъ самомъ мѣстѣ, да смѣшно такъ тонула у насъ чувашленка недавно. — Зашла она рубаху выстирать съ купальны; только наклонила голову, обмакнула рученьки, да чебурахъ въ верхъ-тормой, хоть бы ахнула! Покорячила это ноженками съ минуточку, и пошла пузыри пускать со дна-то: «буль-буль-буль-буль!»... А плотнички-работнички, что хоромины господскія строили, смотрятъ себѣ съ пригорка, да еще посмѣиваются: «Экую, думаютъ, комедь-то ломаетъ, бабенка;—вишь съ нами заигрываетъ!» Но потомъ начали сумлеваться,—что то больно ужъ долго?.. Сбѣжалъ это на купальню Васянька-Кантрабасъ, прямо въ рубахѣ нырнулъ, не долго думая; глядь — уже синехонькую вытягиваетъ за косы!... Вотъ она, братцы мои, жизнь-то наша какая распотѣшная!!...

— А ну-тя тутъ и съ чувашкой то! разсказывай о видѣніи.

— Не торопись, старинушка, еще наслушаешся!—Твой-то водяной аяй былъ длинный какой... Хлебнулъ я въ третій разъ; это ужь съ горя, значитъ, — по чувашеньки! И поѣхалъ въ верхъ къ комышатнику. Анъ тутъ опять, нагрѣхъ, тѣ мосточки по дорогѣ, знаете, съ коихъ Настинъ сынишка пошелъ тоже ко дну, бурокъ ловить? — Этотъ, говорятъ, и, пуская пузырыки-то, все гулился, бѣдненькій!—«гуль-гуль-гуль-гуль!»...

— Да будетъ тебя въ самомъ-дѣлѣ, Рыжій-песъ, — о мертвечинѣ-то! и то ужь индо спину зазнобило отъ страха.

— А ты къ костру поверни ее, Ѳединька; не то кабы въ обморлокъ не брякнулся!.. Ну вотъ и послѣднію допилъ я, за успокой младенца Иванушки; и полштофчикъ свой бросилъ на днище за доски; потому — тотъ же покойникъ сталъ онъ: пустъ, голубчикъ, одинъ духъ сивушечный!

— Полно грѣшить-то, безшабашный! — строго замѣтилъ божественный». И Егранька, съ покорною миною, продолжалъ степеннѣе:

— Подплылъ я, ребятушки, къ Лысому мысу и только что обогнулъ его по устью Пулузюка, какъ вдругъ, словно затменіе сдѣлалось: пропали и мѣсяцъ и звѣзды, будто стухнули разомъ всѣ. — А это, знать, тучею заслонило ихъ скороспѣлою; и потянуло съ Толкивки сырью туманною,—вишь утренничекъ разъигрался сильной зыбью по всему прудищу. — Такое дѣло зачастую бываетъ передъ разсвѣтомъ-то. Только на этотъ разъ больно темно что то стало, и сильно зарябило воду, съ какимъ-то шумомъ-гуломъ небывалыемъ; словно изъ далеко-далека ночная буря идетъ, приближается... Жутко чаво-то мнѣ стало, — будто знобитъ отъ сыри то, даже зубы начали постукивать...

— Ага, Рыжій! знать нѐчисть-то не свой братъ; и ты его потрушиваешь?!

— Оно не то, чтобы тово... Ну и, нечего грѣха таить,—поробилъ маленько!—Особливо это, какъ, заторопимшись къ снастямъ, приналегъ я на весло во всю моченьку, да какъ разогналъ лодку-то, и прямо объ приколъ морды то—царрапъ!... Такъ и заколыхалось мое корыто люлькою, чуть самаго въ воду не выкинуло; а подъ лодкой то это слышу вдругъ: «буль-буль-буль! да гуль-гуль-гуль!»... Что вы, братцы мои, думаете? — вѣдь такъ и весло у меня изъ рукъ выпало!!. И пошло на разные голоса по всему пруду это чертово гуллюканье!!... Не знаю, уже какъ я, въ попыхахъ должно быть, выхватилъ колъ изъ морды; да ну имъ переть душегубку то мою къ берегу. Пру это, пру изо всей силушки, а подъ ней пуще все бультыхается, да гуллюкаетъ... Что уже и разсказывать вамъ,—чего у меня на душѣ то было въ ту-пору!...

Интересно было глядѣть на вытянутыя шеи, мертво-блѣдныя лица съ разинутыми ртами и такими же глазами, отъ напряженнаго вниманія и страха, всей честной компаніи!...

— Ну, какъ это я только дотолкнулся къ берегу, выскочилъ, выхватилъ разомъ лодку носомъ въ кручу; вода то въ ней и отхлынула въ корму. Гляжу я, други вы мои, сердечные!...

Разсказчикъ съ умысломъ пріостановился, внимательно озирая слушателей; потомъ, съ самодовольной улыбкою, докончилъ скороговоркой:

— А въ водѣ, этой мути-то лодочной, мой покойный полштофикъ покачивается! — Набирается трезвымъ пойломъ то, знаете, ну и выходитъ оно: — «буль-буль-буль-буль, да гуль-гуль-гуль-гуль!!»...

И, проказникъ, самъ же разразился пресоблазнительнымъ хохотомъ.

— Ахъ ты, анннафема!!... зарычалъ освирѣпѣлый Кирила, порываясь къ насмѣшнику, прямо черезъ тлѣвшія головни костра и ошеломленныхъ слушателей. — Но догадливый пройдоха предвидѣлъ эту выходку азартнаго старикашки: онъ въ три прыжка былъ уже за кустами у берега, и презадорливо дохохатывалъ изъ-дали.

Предоставляю судить читателю, какъ сильно было негодованіе, такъ жестоко осмѣянной, всей честной компаніи; особенно же божественнаго человѣка». Что за мина была у него послѣ этакого злѣйшаго афронта! Какими только ядовитыми эпитетами ни заклеймили моего доморощеннаго скептика...

Да мало онъ заботился о мнѣніи насчетъ своей выносливой особы: «вѣдь брань на вороту не виснетъ», частенько приговаривалъ Еграня. — Вскорѣ же послышался его забористый тенорокъ, безъзаботно распѣвающій, какъ будто бы ничего и не бывало:

«Чортъ болѣнъ былъ и, въ страхѣ,
«Обрекъ себя въ . . . . и т. д.»

Не дивитесь такой вовсе не народной пѣсенкѣ рыжаго шорника: въ кратковременную бытность свою исправляющимъ должность камердинера, онъ легко перенялъ много и водевильныхъ куплетцевъ нашего домашняго спектакля, перевирая ихъ, конечно, безсовѣстно; и по своему приноравливалъ къ духу и личностямъ «Забубеннаго клуба». — Покончивъ куплетецъ, Евграфъ голосилъ уже отъ озера:

— Ѳедяня! а Ѳедюшенька! Захвати ведерко, сбѣгай къ Кинелю по воду, а я дровецъ приволоку отсюдова: подновимъ костеръ, да и самоварчикъ наладимъ для барина.

Волей-неволей Ѳедюха долженъ былъ отправиться за водою для барина; а куда какъ не хотѣлось ему, подъ вліяніемъ всего слышаннаго, отдѣлиться отъ товарищей и идти по темнотѣ, да къ водѣ еще. — Суевѣренъ былъ дѣтина до крайности... Но не прошло и пяти минутъ, какъ со стороны рѣки раздался отчаянный вопль, потомъ шумное паденіе тѣла, плескъ воды и опять какое-то нечеловѣческое рычаніе благимъ матомъ. — Всѣ вскочили на ноги, одеревенѣли, прислушиваясь и переглядываясь: потомъ безсмысленно бросились, какъ стадо испуганныхъ барановъ, за старикомъ Кирилою, на помощь къ погибающему.—Но опоздали: Ѳедя самъ, блѣдный, какъ полотно, растрепанный, касматый, съ неистовымъ пыхтѣніемъ локомотива, стремился на толпу, — разступившуюся въ недоумѣніи... Со стономъ, грузно рухнулся несчастный, едва добѣжавъ къ потухающимъ головнямъ и долго на всѣ распросы мычалъ только побычиному, да безтолково махалъ рукою! Наконецъ-то, чуть разобрали, вслушавшись въ его заикающееся рычаніе: «Оо... пяять... чаар... товка!!»...

На ребятъ напала паника: молча и тяжело взыхали всѣ, сжимаясь въ кучу вокругъ Ѳедюхи, и боязливо озирались на рѣку. Только одинъ кто-то спросилъ, чуть слышнымъ голосомъ:—«Да гдѣ же Егранька-то?»

Ѳедя закачалъ только кудластою головою, тяжко охая.

Но я давно уже догадывался о настоящей сути переполоха; конечно, это была шуточка Евграфа Ивановича: онъ выждалъ Ѳедю за кустами берега, разоблачившись догола и обернувъ рубашкой голову, — изображая симъ Ѳедину любу, Ольгушу; — и, когда послѣдній наклонился за водою, кинулся ему на шею, съ безмолвными объятіями! Потомъ, быстро отпрянувъ, бухнулся въ рѣчку со стонами!... Судите же, о положеніи суевѣрнаго любовника, послѣ такой невинной шуточки?!... Едва оправился бѣдняга отъ испуга.

А неугомонный Еграшенька опять уже отзывался, посередь Кинеля въ душегубкѣ, безъ зазрѣнія совѣсти распѣвая экспромтированную имъ породію:

— «Ѳедя, сидя въ чистомъ полѣ,
Водку пилъ, сапѣлъ и пѣлъ;
И, въ своей дурацкой долѣ,
Никого знать не хотѣлъ.
Вдругъ, отъ куда ни возмися,
Оля стала передъ нимъ;
Ѳедька въ Ольку и влюбися!
Вѣрно чортъ шутилъ надъ нимъ»...

— Ей-гей! ребятушки! окликалъ онъ потомъ пренаивнымъ голосомъ: — Пора самая настоящая для заброда; я и бредень везу къ затону. — Ай-да пошевеливайтесь!... Аль може вамъ боязно идти къ могилкѣ-то Ѳединой любы-бѣлой березоньки?... Э-эхъ вы, пеньтюхи горемычные! — Да нынѣ не человѣкъ чорта, а чортъ человѣка боятся то долженъ...

VI.

Послѣсловіе.

Выслушавъ всѣ эти безхитростныя сказанія и не церемонные диспуты съ приключеніемъ, ночью, на чистомъ воздухѣ, предъ пылающимъ костромъ, — я невольно призадумался:—какъ сильно вліяетъ мѣстность на человѣка вообще и на воображеніе въ особенности!

Замѣтьте: вода, этотъ живительный элементъ природы, вѣчно движущаяся свѣтлою массою вода,—на ландшафтѣ, какъ глаза на портретѣ, —живитъ, веселитъ душу человѣка. Потому-то водяныя видѣнія не столь страшны, какъ шаловливы: — «Незлобливый проказникъ этотъ *водяной!*» — по словамъ старика рыболова, Игнатьича.

Да и Ѳедина-люба, чертовка, хотя и печальная *ундина*; но не такое же мрачное впечатлѣніе оставляетъ по себѣ, какъ злонамѣренный *лѣшьякъ* сердитаго стрѣльца, Леодора Лукьяныча.

— Отъ того, что тамъ уже другая обстановка: лѣсная тѣнь.—Тяжело она, таинственно ложится на душу; и уже не пріятная отчасти робость, а болѣзненный страхъ обуяетъ человѣка, при мысли, что это безобразное чудище можетъ заплутать его до смерти.

Чистое поле, степи и горы, опять-таки не мучительнымъ, а скорѣе завлекательнымъ страхомъ дѣйствуютъ на разгоряченное воображеніе: стремянный Евликъ, трусишка смертный; но и тотъ даже, стуча зубами подъ топотъ *бѣлаго коня*, невольно подумывалъ: «а вѣдь можно же, говорятъ, и завладать бы этимъ кладомъ?!»... и т. п.

Да, вотъ причины разнохарактерности народныхъ видѣній: что-то невидимое, таинственно, но осязательно для чувствъ, связуетъ ихъ съ природою.

И невольно, отвѣтною ноткою на задушевный мотивъ, шевельнулось въ моей памяти, глубоко прочувствованное изрѣченіе В. Гюго:

«Духъ земли переходитъ въ человѣка» *).

Н. Б. Куроѣдовъ.

ЧОРТОВЪ ВОЛОСЪ.

(Фантастическое путешествіе въ Японію).

Эдуарда Кадоля.

(*Продолженіе.*)

ГЛАВА IV.

Вашъ билетъ!

Начинало свѣтать, и цѣлыя вереницы тележекъ, наполненныхъ овощами, тянулись къ рынку. Заперѣвъ за собой дверь магазина, Фелисьенъ почувствовалъ, какъ сжалось его сердце; переходя черезъ улицу, онъ съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ бросилъ взглядъ на этотъ домъ, гдѣ, можетъ быть, скромное, но за то вѣрное счастье такъ легко давалось ему. Однообразные дни, проведенные имъ здѣсь, пронеслись въ его воспоминаніи. За этими почернѣвшими стѣнами онъ какъ-бы оставлялъ частицу самаго себя. И онъ долженъ былъ навсегда распроститься съ своимъ прошлымъ, проведеннымъ здѣсь все таки не безъ нѣкотораго удовольствія. Ему показалось, что въ окнѣ второго этажа, изъ-за приподнятой занавѣски, виднѣлось личико молодой дѣвушки. Клемансъ, проснувшаяся до зари, ожидала у окна его появленія. Онъ видѣлъ ея роскошные, золотистые волосы, выбивавшіеся изъ подъ гребня, ея большіе, задумчивые глаза. Невольное чувство нѣжности охватило сердце молодого человѣка. Клеменсъ была такъ граціозна, мила и добра. Сколько разъ онъ молча восхищался ею! Конечно, если бы онъ не зналъ, что она ему предназначена, очень можетъ быть, онъ безъ ума влюбился бы въ нее. Въ настоящую минуту онъ совершенно ясно все это сознавалъ. Что же имѣлъ онъ противъ этой милой дѣвушки? Рѣшительно ничего. Она была прелестна и, выходя за него замужъ, давала ему любовь, счастье и богатство. Все это прекрасно, но, къ несчастью, все это давалось слишкомъ легко; не нужно было прилагать ни малѣйшаго труда, ни борьбы, ни трескучихъ фразъ, ни приключеній. Ничего! Дѣвушка, богатство, счастье все само шло на встрѣчу. Глаза его упали на вывѣску и онъ мысленно увидѣлъ на ней измѣненіе, которое не преминуло бы явиться, если бы онъ остался тутъ: «Золотое руно. Фелисьенъ Мерле зять и преемникъ Антуана Годена». Нѣтъ! Тотъ, у кого есть хотя немного поэзіи въ душѣ и у кого возвышенныя чувства, не можетъ довольствоваться такимъ прозрачнымъ счастьемъ.

— Въ путь! сказалъ онъ съ презрѣніемъ.

И всѣ трое въ рядъ они пошли по пустыннымъ еще тротуарамъ. Асмодей шелъ въ срединѣ. Городской сержантъ, увидя ихъ, разинулъ ротъ отъ изумленія, что показалось очень страннымъ Фелисьену. Но въ этомъ не было ничего удивительнаго, такъ какъ Асмодей былъ видимъ только своимъ спутникамъ, а городской сержантъ видѣлъ только пару золотыхъ очковъ, прогуливающихся въ воздухѣ.

Несмотря на привычку ко всему необыкновенному, не могъ полицейскій агентъ совершенно хладнокровно смотрѣть на такой безпорядокъ. Въ одну минуту блюститель порядка перебралъ въ умѣ всѣ приказы, но не нашелъ ни одного, запрещающаго очкамъ прогуливаться по улицамъ, и потому, хотя съ сожалѣніемъ, но умѣрилъ свое рвеніе и пропустилъ ихъ. Но все таки донесъ о странномъ случаѣ высшему начальству, послѣдствіемъ чего было только то, что его приняли за сумасшедшаго и отсрочили его повышеніе.

Между тѣмъ наши путешественники молча продолжали путь. Фелисьенъ взглянулъ себѣ подъ ноги и съ ужасомъ замѣтилъ, что они двигались съ страшной быстротою и, что дома и магазины мелькали мимо нихъ, какъ телеграфные столбы мимо экстреннаго поѣзда желѣзной дороги.

Вскорѣ они пришли къ громадному строенію, архитектура котораго указывала, что это вокзалъ. Фелисьенъ, однакожь, не могъ опредѣлить, какая дорога идетъ отъ этого вокзала. Переплетавшіяся на фронтонѣ золотыя буквы составляли какое-то странное названіе. Нарядъ служащихъ былъ необычайный. Даже лица ихъ возбуждали въ немъ удивленіе. Куда онъ попалъ? Куда его повезутъ?

Когда онъ вошелъ въ залу, онъ почувствовалъ, что у него осторожно берутъ чемоданъ, очутившійся у него въ рукахъ, и, обернувшись, увидалъ человѣка въ форменной фуражкѣ, на которой было написано: «коммиссіонеръ». Съ уваженіемъ поклонясь Фелисьену, онъ сказалъ очень вѣжливо:

— Милостивый государь, я предлагаю свои услуги безплатно. Потрудитесь прочесть объявленіе на любомъ изъ столбовъ: «Запрещено давать на чай служащимъ». Я прошу васъ сдѣлать мнѣ честь: позволить служить вамъ до отъѣзда. Этого желаетъ содержащая дорогу компанія; пользуясь монополіей, она считаетъ своей пріятной обязанностью окружать публику всевозможными удобствами.

«Какъ отлично устроено, подумалъ Фелисьенъ; что бы ни говорили поклонники старыхъ порядковъ, цивилизація имѣетъ свою хорошую сторону».

Обернувшись, онъ столкнулся съ другимъ субъектомъ, который также низко поклонился ему и сладко улыбался.

— Я, милостивый государь, толмачъ здѣшней компаніи, и вашъ покорный слуга, сказалъ этотъ сладенькій агентъ.—Я могу взять вамъ билетъ и передать ваши желанія администраціи на какомъ бы языкѣ вы ни говорили: по-англійски, по-турецки, по-русски, по-испански, по-молдавански, по-еврейски, по-китайски, даже на языкѣ Данта, котораго никто не понимаетъ. Такъ желаетъ компанія. Пользуясь монополіей, она считаетъ своей пріятной обязанностью окружать публику всевозможными удобствами.

«Положительно, здѣсь безукоризненное устройство», подумалъ Фелисьенъ.

Онъ спросилъ о времени отхода поѣзда. Въ ту же минуту къ нему подошелъ какой-то мужчина, кланяясь и улыбаясь, какъ и два первые. По его фуражкѣ, вышитой серебромъ, можно было заключить, что это былъ одинъ изъ главныхъ агентовъ и дѣйствительно это былъ начальникъ станціи.

— Милостивый государь, я вашъ покорный слуга, сказалъ онъ,—и сейчасъ объясню вамъ все, что вы желаете знать. У насъ къ вашимъ услугамъ поѣзда поссажирскіе, почтовые и даже, въ случаѣ надобности, экстренные. Вы можете взять билетъ перваго, второго или третьяго класса. Всѣ вагоны снабжены коврами и грѣлками. Если вы желаете путешествовать лежа, мы можемъ предложить вамъ спальное купе. У насъ есть билеты для проѣзда туда и обратно по уменьшенной цѣнѣ, билеты для путешественниковъ, желающихъ останавливаться въ городахъ для осмотра ихъ достопримѣчательностей. Буфеты на всѣхъ станціяхъ, гостинницы, омнибусы, библіотеки, всюду указанія лучшихъ оттелей, игорныхъ домовъ и проч. Приказывайте, все будетъ исполнено; компанія этого требуетъ. Пользуясь монополіей, она считаетъ своей пріятной обязанностью окружать публику всевозможными удобствами.

«Прелестное устройство, подумалъ Фелисьенъ, и ничего бы я этого не увидалъ, сидя въ своей норѣ. Путешествовать при такихъ условіяхъ просто восторгъ, и я надѣюсь, что здѣсь, по крайней мѣрѣ, я не рискую встрѣтить чортова волоса».

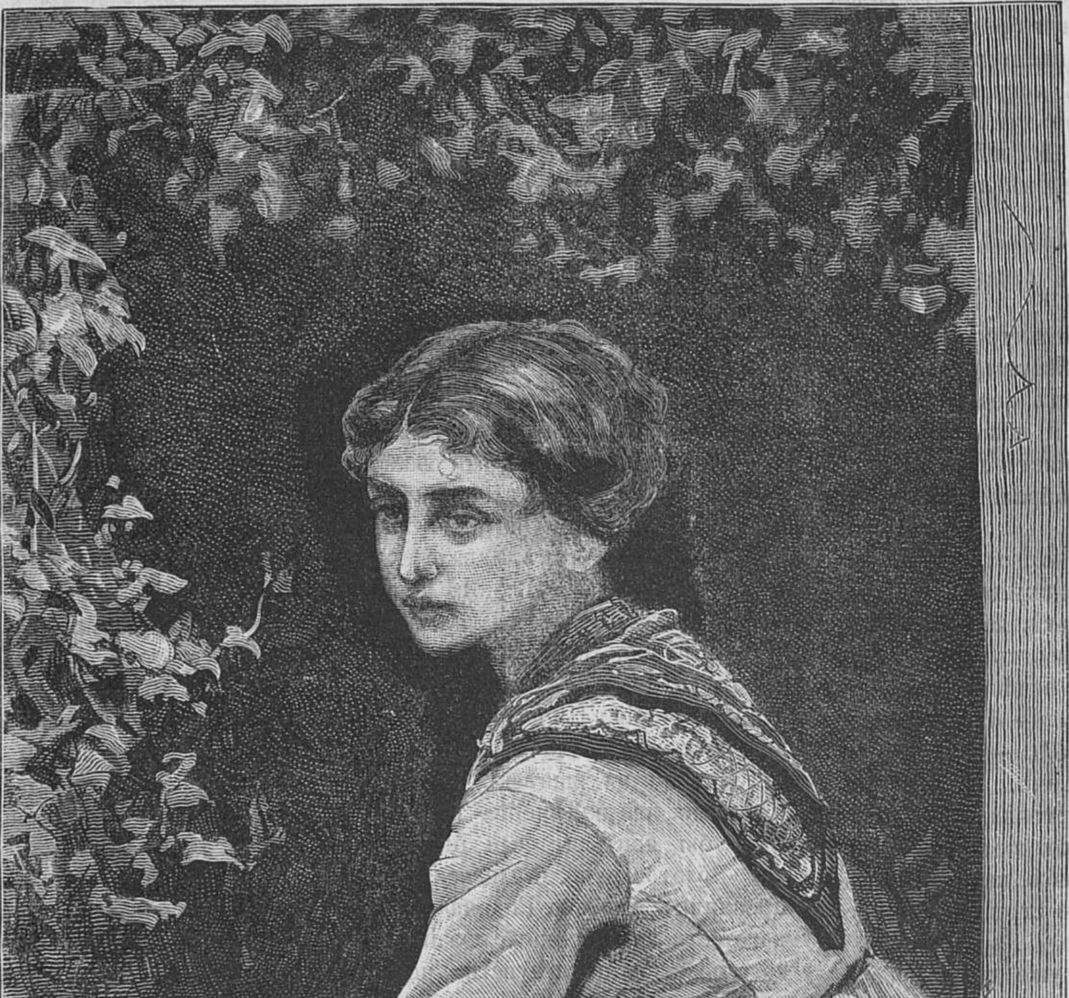
— Благодарю васъ, господа, громко сказалъ онъ,—но я только прошу васъ указать мнѣ, гдѣ берутъ билеты.

---

*) Ром: «93-й годъ»—кн. 1, ч. 3, глава 6-я.

Всѣ три человѣка почтительно поклонились и проводили его къ кассѣ.

Молодой человѣкъ положилъ нѣсколько золотыхъ и въ тотъ же моментъ къ нему вылетѣлъ билетъ и нѣсколько мелкихъ монетъ сдачи, которыя раскатились въ разныя стороны, «Такое невѣжество, что-то не вяжется со всѣмъ остальнымъ», подумалъ Фелисьенъ, собирая деньги.



Бѣлошвейка.

Въ ту же минуту грубый голосъ закричалъ ему, не желаетъ ли онъ ночевать у кассы.

— Но, сказалъ Фелисьенъ,— не могу же я уйти, не провѣривъ счета.

— Прошу васъ не разсуждать и проходить, повторили ему, толкая его въ спину.

Фелисьенъ принужденъ былъ поневолѣ отойти, сунувъ деньги, несчитая въ карманъ, хотя ему и показалось, что его обсчитали. Подойдя къ толмачу, онъ спросилъ его, гдѣ сдаютъ багажъ.

— Вашъ билетъ? рѣзко спросилъ толмачъ.

Фелисьенъ показалъ ему и получилъ еще болѣе рѣзкій отвѣтъ:

— Напротивъ; скорѣе!

— Но...

— Не разсуждайте, проходите.

Бѣдный путешественникъ не могъ придти въ себя. «Отчего такая перемѣна? Можетъ быть, оставалось уже мало времени». Онъ побѣжалъ въ багажное отдѣленіе и, обращаясь къ знакомому уже коммиссіонеру, попросилъ помочь ему.

— Вашъ билетъ?

— И, схвативъ чемоданъ, онъ швырнулъ его на вѣсы; затѣмъ бормоча какія-то непонятныя слова и перепачкавъ чемоданъ клеемъ, кинулъ его къ другимъ ящикамъ.

Пораженный Фелисьенъ остолбенѣлъ.

Вдругъ изъ за рѣшетки багажной кассы высунулось ужасное лицо, до того искаженное гнѣвомъ, что Фелисьенъ невольно отодвинулся назадъ.

— Вашъ билетъ? прорычало лицо.

— Вотъ онъ!

— Десять сантимовъ?

— Вотъ десять сантимовъ.

Голова изчезла и сейчасъ же послышался скрипъ пера и ворчанье.

Это было слишкомъ. Не успѣлъ Фелисьенъ открыть ротъ, чтобы выразить свое неудовольствіе, какъ другой служащій, такой же свирѣпый, какъ и первый, закричалъ ему прямо подъ ухо:

— Проходите, проходите, если вы недовольны, вы можете идти жаловаться, полицейская контора напротивъ.

— Конечно, я буду жаловаться, отвѣчалъ Фелисьенъ,—я сейчасъ же пойду въ контору и мы увидимъ, имѣете-ли вы право такъ обращаться съ людьми.

И онъ направился въ контору. Войдя туда, онъ увидѣлъ изящно одѣтаго господина, который непозволительно зѣвалъ, читая газету. Онъ даже не взглянулъ на Фельсьена, который началъ излагать свою жалобу.

Когда Фелисьенъ кончилъ, коммиссаръ, отвѣтилъ ему тономъ вѣжливаго равнодушія:

— Въ слѣдующей комнатѣ вы найдете, милостивый государь, все нужное, чтобы письменно изложить вашу просьбу. Въ будущемъ мѣсяцѣ дойдетъ очередь до вашего дѣла. Если вы потрудитесь засвидѣтельствовать свою подпись, найти свидѣтелей и адвоката, мы...

Послышался оглушительный звонокъ, помѣшавшій Фелисьену дослушать окончаніе фразы.

— Въ вагоны, въ вагоны, кричали на дебаркадерѣ.

— Если вы желаете сегодня уѣхать, поторопитесь, прибавилъ полезный дѣятель, зѣвая больше прежняго.

Фелисьенъ бросился къ двери, у которой было написано: «Станціонное зало». Увлеченный толпой, онъ вбѣжалъ въ нее, не останавливаясь. Оглушительный звонъ продолжался. Къ нему примѣшивался гулъ торопливыхъ шаговъ, стукъ тележекъ съ багажемъ, пыхтѣніе локомотива, свистки; вся эта вакханалія, приправленная лаемъ собакъ, кудахтаньемъ куръ, бранью коммиссіонеровъ, крикомъ газетчиковъ и взвизгиваньемъ цвѣточницъ, пронзительно выкрикавшихъ: «По два су, милостивые государи и милостивыя государыни, по два су».

Вдругъ на голову Фелисьена, бѣжавшаго подобно помѣшанному и, даже забывшаго о своихъ спутникахъ, упалъ чемоданъ. Фелисьенъ растянулся во весь ростъ. Въ ту же минуту онъ почувствовалъ, что множество рукъ поднимаютъ его. Тронутый этой неожиданной любезностью, онъ уже собирался выразить свою благодарность, но, къ своему великому изумленію, замѣтилъ, что окружающіе далеко не любезно смотрѣли на него. Коммиссіонеръ, уронившій чемоданъ, обвинялъ его въ томъ, что онъ упалъ нарочно; владѣлецъ чемодана требовалъ удовлетворенія за поврежденіе, дежурный сторожъ, схвативъ его за воротникъ, кричалъ ему въ самое ухо:

— Вашъ билетъ? Вашъ билетъ?

И всѣ присутствующіе повторяли за нимъ во все горло:

— Вашъ билетъ? Вашъ билетъ?

Думая ихъ успокоить, Фелисьенъ показалъ имъ его.

Но это не помогло; коммиссаръ, зѣвая и не разставаясь съ своей газетой, твердилъ, что отдастъ его подъ судъ, даже арестуетъ за то, что онъ пренебрегъ приказаніями оберъ-инженера и вошелъ въ залу, не показавъ предварительно билета. Фелисьенъ защищался, какъ могъ, говоря, что, въ концѣ концовъ, публика не обязана знать законы, предписанные его сіятельствомъ г. оберъ-инженеромъ и, что нѣсколько смѣло со стороны администраціи, получающей, благодаря монополіи, такіе громадные барыши и выдающей такой крошечный дивидендъ акціонерамъ, позволять себѣ такъ дерзко и оскорбительно обходиться съ путешественниками за то только, что они заплатили деньги этой же самой администраціи. Конечно, это глупо платить такъ дорого такимъ дерзкимъ и жаднымъ людямъ, но все-таки же это не уголовное преступленіе! Чего, наконецъ, отъ него хотятъ?

— Послушайте, шепнулъ ему коммиссаръ, находившій, что подобное происшествіе въ порядкѣ вещей, — не возражайте въ видахъ вашего собственнаго интереса.

Наконецъ, еще разъ осмотрѣвъ его билетъ, его помиловали и свирѣпый голосъ прокричалъ:

— Первый классъ впередъ!

Его заперли въ одно отдѣленіе съ англійскимъ семействомъ, расположившимся съ своими шалями, платками, одѣялами, подушками, несессерами и корзинами, и члены котораго встрѣтили его, оскаливъ зубы, какъ бѣшеныя собаки.

Раздался пронзительный свистокъ, поѣздъ дрогнулъ, англичане начали вытаскивать изъ корзинъ цыплятъ, окорока, бутылки и стаканы.

Вскорѣ поѣздъ вошелъ въ тоннель, а когда снова выѣхалъ на свѣтъ, Фелисьенъ очутился въ обществѣ Ландри и Асмодея; послѣдній читалъ новый, интересный, иллюстрированный романъ Ксавье-де-Монтепена.

— Скажи мнѣ, обратился Фелисьенъ къ Асмодею,—отчего это послѣ утонченнѣйшей вѣжливости въ вокзалѣ желѣзной дороги всѣ внезапно перешли къ непозволительной дерзости?

— Это логическія послѣдствія прогресса, предъ которымъ ты преклоняешься.

— Какимъ это образомъ?

— Пока ты не взялъ билета, ты составляешь часть публики; понимаешь?

— Конечно.

— И потому, продолжалъ Асмодей,—компанія, пользуясь монополіей считаетъ...

— Пріятной обязанностью, перебилъ Фелисьенъ, твердо помнившій эту формулу, — окружать публику всевозможными удобствами. Все это прекрасно, но для чего же эта ярость и толчки, разъ я заплатилъ за билетъ?

— Потому что тогда ты уже не публика, но «кладь». Вотъ въ чемъ разница. И такъ какъ обязанность компаніи доставлять кладь на мѣсто назначенія по возможности быстрѣе, то необходимымъ результатомъ этого и являются рѣзкія выраженія въ родѣ: «Проходите, проходите!» — «Вашъ билетъ»? «Первый классъ впередъ!» «Не возражайте!»

Не смотря на все желаніе, Фелисьенъ никакъ не могъ согласиться съ тѣмъ, чтобы эти неудобства были логическимъ результатомъ прогресса, поклонникомъ котораго онъ все-таки оставался. Ему даже казалось, что этотъ нѣсколько странный обычай «отправлять кладь», кромѣ того, что унижалъ путешественниковъ, но и грозилъ имъ нѣкоторою опасностью.

— Это предвидѣно, сказалъ Асмодей, — не безпокойся объ этомъ. Настоящее принадлежитъ математикамъ и потому всѣ служебныя мѣста заняты инженерами, приводящими для большаго удобства людей и вещи къ одному итогу. Такимъ образомъ, путешественникъ есть ничто иное, какъ кладь извѣстнаго вѣса и размѣра, которую оберъ-инженеръ старается доставить по возможно дешевой цѣнѣ. Неоспоримая безопасность путешественниковъ въ томъ и заключается, что стоимость перевозки вычислена такимъ образомъ, что въ нее входятъ расходы не только на помѣщеніе и передвиженіе, но и на поправку тѣхъ поврежденій, которымъ подвержена всякая кладь. Взглянувъ на статистическіе отчеты, ты окончательно успокоишься, увидѣвъ, что въ послѣднее время бываетъ раздавлено круглымъ числомъ одна половина путешественника на тысячу въ годъ.

— Половина?

— Это громадный прогрессъ!

— Конечно! но я съ ужасомъ думаю, что должна объ этомъ думать другая половина?

Фелисьенъ, однакожь, не разслышалъ отвѣта Асмодея, потому что, взглянувъ машинально въ окно, онъ замѣтилъ, что они ѣхали съ такой быстротой, что у него закружилась голова. Онъ закрылъ глаза, стараясь заснуть, чтобы отдохнуть отъ многочисленныхъ потрясеній, выпавшихъ на его долю въ короткое время. Его мысли смѣшались и предъ нимъ снова всталъ прелестный миражъ будущаго, какъ вдругъ стекло опустилось и ему ударилъ въ лицо порывъ холоднаго, почти ледянаго, вѣтра. Онъ съ испугомъ открылъ глаза и встрѣтился лицомъ къ лицу съ контролеромъ, который свирѣпымъ тономъ полицейскаго агента, поймавшаго мошенника, прорычалъ:

— Вашъ билетъ?

(Продолженіе слѣдуетъ.)

* * *

Нечеловѣческая месть.

Романъ Анри Тесье.

(*Продолженіе.*)

Глава II.

Извощикъ Жанъ Брюне получаетъ нѣчто очень не хорошее «на водку».

Въ ту самую минуту, когда Дени выходилъ изъ Сен-Мартенскаго театра съ своею семьею и своими пріятелями, курьерскій поѣздъ изъ Шартра приблизился къ станціи, и Монпарнасскій дебаркадеръ, мрачный, какъ гробница, не смотря на свои фонари, безсильные въ борьбѣ съ туманомъ, наполнился шумомъ и движеніемъ. Изъ всѣхъ выходовъ показывались пассажиры, закутанные до ушей, коммиссіонеры, сгибавшіеся подъ тяжестью чемодановъ, таможенные, просматривавшіе подозрительный багажъ; на каждомъ шагу раздавались всевозможные восклицанія а подчасъ и ругательства.

Среди тревожной толпы, всматривавшейся въ пріѣзжихъ, въ надеждѣ найти поджидаемаго родственника, пріятеля или знакомаго—два человѣка старались спрятаться въ тѣни галереи. Одинъ изъ нихъ, одѣтый просто, но прилично, былъ высокъ ростомъ и обладалъ рѣдкою силой, что можно было заключить по его атлетическому тѣлосложенію. Изъ лица его можно было разглядѣть только черныя, очень густыя брови, начало орлинаго носа и сѣросиніе глаза, пронзительные, какъ лезвее шпаги, да еще концы длинныхъ бакенбардъ. Все остальное скрывалось, какъ подъ непроницаемой маской, благодаря шляпѣ, совершенно надвинутой на уши, и воротнику, приподнятому и запахнутому надъ подбородкомъ.

Спутникъ его, напротивъ, былъ малъ ростомъ, коренастый и смуглый, какъ только что высадившійся на берегъ матросъ. На его совершенно выбритомъ лицѣ, красовались тонкіе ровно подстриженные усики. Костюмъ его, изображавшій нѣчто среднее между типомъ костюма уличнаго бродяги и городского буржуа, состоялъ изъ длинношерстнаго пальто, вышедшаго, очевидно, изъ плохенькаго «магазина дешеваго платья» и уже проношеннаго на обшлагахъ и локтяхъ, панталонъ изъ синей бумажной матеріи и мягкой войлочной шляпы, молодцовато сдвинутой на затылокъ.

Когда старшій таможенный отворилъ стеклянную дверь для пропуска пассажировъ, высокій нагнулся къ своему товарищу и проговорилъ ему чуть слышнымъ голосомъ:

— Вниманіе, Арми.

— Ессо, отвѣтилъ тотъ.

И оба принялись всматриваться въ пассажировъ почти съ угрожающей пристальностью.

Вдругъ, тотъ, который заговорилъ первымъ, толкнулъ Арми колѣномъ и сказалъ шопотомъ:

— Вотъ онъ.

Арми прослѣдилъ глазами за взглядомъ своего спутника и увидалъ молодого человѣка лѣтъ двадцати пяти, съ кожаннымъ мѣшкомъ въ рукахъ, вокругъ котораго было пристегнуто одѣяло.

— Красивый малый, синьоръ! проворчалъ онъ.

Путешественникъ, о которомъ шла рѣчь, былъ дѣйствительно красивъ собою: худощавый, бѣлокурый, съ шелковистыми усами и голубыми глазами, открытыми и сверкавшими прямодушіемъ. Обувь на немъ была изящная, перчатки—самые свѣжія. Онъ прошелъ передъ Арми и его товарищемъ, не замѣчая ихъ.

Въ свою очередь, оба шпіона вышли изъ пассажирской залы.

— Ты его узнаешь? спросилъ высокій.

— Хоть у самаго чорта въ домѣ, если онъ туда пожалуетъ! отвѣчалъ Арми съ весьма замѣтнымъ иностраннымъ акцентомъ.

— Ты не забудешь ничего?

— Ничего, синьоръ.

— Впрочемъ, я буду недалеко. До свиданія, желаю полнаго успѣха!

— Желаю полнаго успѣха! повторилъ Арми, провожая глазами своего товарища, исчезавшаго въ туманѣ.—Нечего сказать, незастѣнчивый малый! Его ничѣмъ не проберешь!

И не теряя изъ вида того, за которымъ слѣдилъ, Арми сдѣлалъ небольшой обходъ и поровнялся съ двумѣстной каретой, стоявшей въ углу двора. Кучеръ сидѣлъ на козлахъ, подобравъ возжи. Арми сдѣлалъ ему условный знакъ; карета двинулась съ мѣста безъ сѣдока и шагомъ.

Бѣлокурый молодой человѣкъ, дойдя до площади, осмотрѣлся кругомъ съ очевиднымъ желаніемъ убѣдиться идетъ-ли онъ по настоящему направленію, что сдѣлать было не легко, благодаря туману. Потомъ онъ повернулъ въ улицу Реннъ и вошелъ къ парикмахеру, мѣдная вывѣска котораго скрипѣла на своей проволокѣ.

Арми остановился, чтобы дать каретѣ время подъѣхать.

— Гони! сказалъ онъ кучеру,—а то меня изъ-за тебя заподозрятъ! Сойдемся черезъ двадцать минутъ тамъ, гдѣ назначено.

Кучеръ отпустилъ возжи, хлестнулъ свою лошадь и та помчалась, какъ стрѣла.

Арми свернулъ папироску и прижался лицомъ къ окну парикмахера. Молодой человѣкъ брился. Шпіонъ перешелъ тогда на другую сторону улицы и принялся расхаживать по тротуару, какъ часовой.

Черезъ десять минутъ, молодой человѣкъ вышелъ снова и направился къ извощичьей биржѣ, находящейся у начала бульвара Инвалидовъ. Здѣсь стояла въ рядъ нѣсколько фіакровъ.

Незнакомецъ прошелъ взадъ и впередъ мимо ряда экипажей, внимательно разсматривая каждую лошадь, точно желалъ удостовѣриться въ силѣ животнаго, которому хотѣлъ поручить везти себя. Онъ остановился, наконецъ, передъ одною каретой, заложенною небольшою сѣрою лошадью, статьи которой ему, вѣроятно, понравились, открылъ дверцу, убѣдился, что внутренность экипажа была, сравнительно, чиста и что стекла въ окнахъ были всѣ цѣлы.

Извощикъ посматривалъ на него, улыбаясь и съ добродушнымъ видомъ; онъ былъ заранѣе увѣренъ въ результатѣ испытанія, которому подвергали его экипажъ.

— Вы свободны на ночь, кучеръ?

— Свободенъ, сударь.

— И лошадь у васъ исправная?

— Служила прежде въ кавалеріи, какъ и ея хозяинъ, она чертовски бойка, вѣрьте слову Жана Брюне!

Незнакомецъ бросилъ свой мѣшокъ въ карету и сѣлъ въ нее.

— Далеко ѣхать, буржуа? спросилъ возница, запирая дверцу.

— Пока я еще не знаю и самъ.

— Вотъ какъ!

— Вы остановитесь сзади церкви Св. Франсуа-Ксавье, въ Бретейльской аллеѣ. Тамъ я скажу, куда надо ѣхать.

— Понялъ! Мы выѣзжаемъ въ 11 часовъ 45 минутъ.

— Хорошо!

Брюне взлѣзъ на козлы.

— Ну, Лагуа, голубушка, въ путь, да живехонько! сказалъ онъ своей лошади, подсвистывая ей, какъ дѣлаютъ арабскіе всадники...—Такой молодецъ, ѣдетъ въ полночь и еще въ Рождество! продолжалъ онъ, но уже про себя.—Будетъ, вѣрно, поджидать свою красавицу... потомъ поѣдутъ ужинать, а потомъ... Что же, и я, въ былое время, погуливалъ!

И весьма довольный своею проницательностью, Жанъ Брюне засмѣялся втихомолку.

Что касается Арми, онъ, увидавъ, что карета направляется въ сторону эспланады, ускорилъ шагъ, говоря про себя:

— Ужь эти влюбленные!... за три четверти часа до назначеннаго... Очень удобно ихъ ловить!

Доѣхавъ до указаннаго мѣста, то есть до аллеи Бретейль, Жанъ Брюне остановилъ свою карету у тротуара. Молодой человѣкъ выскочилъ проворно на землю и поспѣшилъ къ высокой стѣнѣ, находившейся шагахъ въ пятидесяти далѣе; ею отдѣлялся отъ улицы большой тѣнистый садъ.

Изъ-за вѣтвей, на разстояніи пистолетнаго выстрѣла, виднѣлся небольшой двух-этажный домъ. Фасадъ его, очевидно, выходилъ на бульваръ Инвалидовъ.

Въ стѣнѣ, тянувшейся по аллеѣ Бретейль, была продѣлана калитка.

Незнакомецъ смотрѣлъ на домъ пристально и съ большимъ изумленіемъ. Ему, вѣроятно, казалось страннымъ, что въ этотъ часъ домъ былъ освѣщенъ.

— Пусть бы еще въ комнатѣ дѣда, шепталъ молодой человѣкъ.—Онъ любитъ читать въ постели. Но лампа горитъ и въ комнатѣ управляющаго... освѣщена столовая, буфетъ... Очевидно, никто еще не легъ спать... Съ чего это они всѣ засидѣлись сегодня!... И только у нея, въ ея комнатѣ, нѣтъ огня... Это странно.

Онъ воротился къ каретѣ, посмотрѣлъ на свои часы при свѣтѣ одного изъ ея фонарей, что вызвало гримасу у Жана Брюне, и воротился опять къ садовой калиткѣ. Пройдя раза три или четыре взадъ и впередъ отъ нея къ экипажу, онъ зажегъ папиросу, прислонился къ дереву и сталъ курить съ лихорадочнымъ волненіемъ.

— Все это намъ дѣла извѣстныя! разсуждалъ, между тѣмъ, Жанъ Брюне, выпуская изо рта, съ удивительною правильностью, клубы дыма, добываемыя имъ изъ почтенной носогрѣйки, набитой по всѣмъ правиламъ искуства.—Малый волнуется, потому что она опоздала. Что дѣлать, любезный! Ей, вѣрно, еще кажется, что она не довольно хороша, чтобы тебѣ понравиться!... Не хватаетъ ей здѣсь одного бантика, тамъ—рисовой пудры... Мало-ли чего! Дамъ стѣснять въ этомъ не слѣдуетъ. Придетъ она, всетаки придетъ, голубушка, и ты бранить ее не станешь, вѣрь мнѣ, не станешь!

Незнакомецъ, однакожь, не раздѣлялъ увѣренности Жана Брюне. Неумолимая логика доказывала ему, что въ томъ домѣ, къ которому были прикованы его глаза, господствовало не нормальное оживленіе. Волненіе его возрастало съ каждой минутой; всѣ воспринимающія способности его существа напряглись къ одной всепоглощающей цѣли: услышать звукъ, шагъ, сигналъ какой-нибудь! Но все безмолвствовало среди окружавшаго, холоднаго и пронизывавшаго тѣло тумана...

Изъ сосѣдней церкви, сверкавшей огнями, доносились звуки органа и священныхъ гимновъ, но только притупленные, глухіе. Проѣзжавшіе вдали экипажи катились, какъ по коврамъ, а газовые рожки, безсильные пробить своимъ свѣтлымъ лучомъ облекавшій ихъ саванъ, пестрили мракъ одними желтоватыми и тоскливыми свѣтлячками... Наконецъ, на часахъ церковной колокольни пробило половина двѣнадцатаго. Молодой человѣкъ швырнулъ свою папиросу и, въ три прыжка, исчезъ въ улицѣ Эбле.

«А! видно красавица явится съ другой стороны! подумалъ Жанъ Брюне, теряя изъ вида своего сѣдока. Кварталъ этотъ, однакожь, населенъ не кокотками!»

Прошло нѣсколько секундъ. Жанъ Брюне, не выпуская своей трубки, насвистывалъ какой-то маршъ, напоминавшій ему то время, когда онъ, въ качествѣ кавалериста, скакалъ по африканскимъ степямъ.

Незнакомецъ, ускоряя шаги, спѣшилъ къ бульвару Инвалидовъ. Вдругъ онъ наткнулся на кого-то, шедшаго ему на встрѣчу, и съ такой силою, что оба они едва не упали.

— Невѣжа! вскричалъ молодой человѣкъ.

— Вы чего? возразилъ ему гнѣвный и осипшій отъ злоупотребленія спиртными напитками голосъ.—Мѣста, что-ли, на улицѣ мало? Какой нашелся! Весь тротуаръ занимаетъ и честныхъ людей калѣчитъ!

Незнакомецъ не захотѣлъ отвѣчать и взялъ въ сторону, чтобы продолжать свой путь. Но пьяный загородилъ ему дорогу.

— Извиниться ты долженъ, вотъ что!... Ты мнѣ трубку разбилъ и меня чуть не на смерть расшибъ!... Извиняйся, молокососъ, слышишь? А не то, отколочу!

— Вы съ ума сошли! Пропустите меня! сказалъ молодой человѣкъ, котораго начинала раздражать эта сцена.

— Это не заплативши за поломъ? Ни за что!

— Говорятъ вамъ, пропустите меня! повторилъ молодой человѣкъ съ сдержаннымъ гнѣвомъ.

И замѣтивъ, что онъ находился, въ эту минуту, близъ угла улицы Массеранъ, онъ отпрыгнулъ въ нее, надѣясь обойти стороною своего противника и продолжать свой путь.

— Получай! произнесъ передъ нимъ новый голосъ и, въ то же время, онъ почувствовалъ ударъ, который раздавилъ его шляпу и слегка поранилъ его въ лобъ.

— Разбойники! Васъ двое! воскликнулъ молодой человѣкъ, которому мѣшала разглядѣть что нибудь его шляпа.

— Трое, мой милый! сказалъ третій, подсмѣиваясь и съ сильнымъ иностраннымъ акцентомъ.

Молодой человѣкъ, успѣвъ, наконецъ, сорвать свою шляпу, старался разсмотрѣть что нибудь въ туманѣ и ускользнуть отъ своихъ противниковъ, но его поразили два новые удара, одинъ въ затылокъ, другой въ грудь. Онъ зашатался.

— Убійцы! проговорилъ онъ. Это западня

— А! ты не хочешь извиняться передъ честными людьми! сипло кричалъ первый напавшій.—Вотъ же тебѣ! Вотъ! Доволенъ ты?

И три удара, быстро одинъ за другимъ опустились на голову молодого человѣка, который свалился на колѣни, испуская отчаянный вопль о помощи.

— Ну! Не шумѣть! Дьяволъ! произнесъ голосъ съ иностраннымъ выговоромъ.—Работайте, ребята!

Раненный, защищаясь рукою, какъ щитомъ, старался выползти изъ улицы Массеранъ гдѣ, какъ онъ догадывался, крикъ его заглушался. Но трое злодѣевъ не переставали разить, то попадая въ свою жертву, которая начинала уже хрипѣть, то раздавая удары по стѣнѣ и выражая при этомъ, свою злобу ругательствами.

Вдругъ, въ концѣ улицы Эбле, раздался голосъ Жана Брюне, котораго крикъ сѣдока заставилъ спрыгнуть съ козелъ.

— Эй! буржуа! это вы тамъ зовете? кричалъ онъ.

— Скорѣе! надо покончить, а не то еще попадемся! сказалъ одинъ изъ злодѣевъ, повидимому, распоряжавшійся остальными.

— Въ такомъ случаѣ надо кровь пустить! отвѣчалъ пьяный и нагнулся къ молодому человѣку.

Почувствовавъ холодное лезвее въ своемъ тѣлѣ, несчастный имѣлъ еще силу приподняться и испустилъ второй крикъ, столь ужасный, что у отставного кавалериста застыла кровь въ жилахъ.

— А! заревѣлъ онъ,—такъ здѣсь убиваютъ! Держитесь, буржуа, я бѣгу къ вамъ...

— Ну, вы, утекайте! быстро произнесъ иностранецъ.—Я берусь одинъ перерѣзать глотку этому горлану!

Двое разбойниковъ скрылись, прижимаясь къ стѣнѣ, а иностранецъ бросился на раненаго и воткнулъ ему кинжалъ въ горло. Но, въ тоже мгновеніе, страшный ударъ, заставилъ убійцу покатиться на землю возлѣ своей жертвы.

— Вотъ тебѣ, каналья! произнесъ, запыхавшись и поднимая свою трость, Дени.

Жанъ Брюне повторялъ, между тѣмъ, съ другого угла улицы:

— Да гдѣ же вы, буржуа, гдѣ же вы?

— Принесите фонарь!... Живѣе! скомандовалъ Дени.

Пока извощикъ бѣжалъ обратно къ своему экипажу, Дени бросился къ бульвару и поспѣлъ именно въ ту минуту, когда уже, ранѣе подмѣченная имъ, карета двинулась съ мѣста.

— Шевелись! шевелись! кричалъ въ изступленіи чей-то голосъ внутри кареты.— Здѣсь полиціей пахнетъ!

Лошадь подъ двойнымъ ударомъ бича, ринулась впередъ. Но Дени, наведя свой револьверъ, выпустилъ два выстрѣла сряду. Карета завиляла изъ стороны въ сторону, но продолжала ѣхать.

— Ладно! я клеймо наложилъ и теперь отыскать будетъ не трудно, сказалъ Дени, возвращаясь въ улицу Массеранъ.

Жанъ Брюне привелъ туда же свой фіакръ, съ котораго сорвалъ фонари. Дени взялъ одинъ изъ нихъ и пошелъ, вмѣстѣ съ Жаномъ на мѣсто борьбы.

Приникнувъ къ стѣнѣ и съ длиннымъ ножомъ въ груди, лежалъ молодой человѣкъ, привезенный Жаномъ Брюне. Кровь била ручьемъ изъ его раны. Рядомъ съ нимъ, одѣтый въ плохое платье, лежалъ его убійца, съ виду уличный бродяга, съ головою разсѣченною свинцовою тростью Дени.

— Ахъ, бѣдный молодой человѣкъ! воскликнулъ съ горестью отставной солдатъ.— Неужели онъ умеръ?

— Нѣтъ еще! прошепталъ Дени, который успѣлъ вынуть кинжалъ изъ горла раненнаго и прислонилъ его туловище къ стѣнѣ.— Сердце бьется!.. Вотъ что, мой другъ, подойдите сюда и поддержите его, а я призову кого-нибудь къ намъ на помощь.

— Этотъ, кажется, получилъ свою подорожную... жалѣть объ этомъ мерзавцѣ не подобаетъ, сказалъ извощикъ, опуская снова убійцу, котораго онъ перевернулъ, и спѣша исполнить данное ему приказаніе.

Дени вынулъ изъ кармана свистокъ и извлекъ изъ него нѣсколько рѣзкихъ и неровно перемежавшихся звуковъ. Ему отвѣтили, съ различныхъ сторонъ, подобные же свистки.

— Идутъ! сказалъ онъ, приближаясь снова къ раненному, которому онъ весьма ловко снялъ галстухъ и разорвалъ рубашку: надъ ключицей зіяла широкая рана.

Дени свернулъ свой платокъ въ видѣ компресса, придавилъ имъ отверстіе раны и укрѣпилъ его на мѣстѣ съ помощью галстуха, снятаго съ молодаго человѣка, который онъ перевязалъ ему на крестъ подъ лопаткой. Онъ кончалъ уже эту перевязку на скорую руку, когда къ нему подбѣжали три городскіе сержанта.

Когда онъ приподнялся, пламя фонаря озарило вполнѣ его лицо и всѣ три полицейскіе привѣтствовали его однимъ восклицаніемъ:

— Г. Дени!

— Да, ребята, Дени, которому случай послалъ непріятную работу! Скорѣе носилки... этого несчастнаго надо доставить въ больницу!

— Носилки, сказалъ Жанъ Брюне, когда моя карета здѣсь! Рессоры у нея хорошія.

— Ну, давайте свою карету, любезный, отвѣчалъ Дени.—Кстати и того подлеца навалить на козлы до перваго полицейскаго поста.

Полицейскіе осторожно внесли раненнаго въ карету; одинъ изъ нихъ сѣлъ возлѣ него, поддерживая его на своихъ рукахъ для того, чтобы предохранить его отъ толчковъ. Неподвижное тѣло убійцы было положено поперегъ козелъ, на которые сѣлъ второй полицейскій. Жанъ Брюне, взявъ свою лошадь подъ устцы, приготовился тронуться въ путь.

— Вы хорошо поняли, не такъ ли? сказалъ Дени, вытирая себѣ потъ съ лица.— Убійцу сдать въ полицейскій участокъ, а молодого человѣка въ Гро-Калью, съ просьбою оказать ему возможную помощь. Потомъ, порыскайте хорошенько. Я ранилъ пулею лошадь; ее надо непремѣнно отыскать.

— Постараемся, г. Дени.

— А вы, извощикъ, приходите завтра утромъ въ префектуру и скажите тамъ, чтобы васъ провели въ мое отдѣленіе.

— Слушаю.

Дени пошелъ вверхъ по улицѣ Эбле и воротился къ бульвару, а карета поѣхала шагомъ.

— Кто этотъ господинъ? спросилъ Жанъ Брюне у полицейскаго, замѣнявшаго его на козлахъ.

— Это г. Дени, полицейскій инспекторъ.

— А! проговорилъ отставной солдатъ съ жестомъ неудовольствія, но тотчасъ же прибавилъ весело:—Все таки это славный человѣкъ, расправился онъ молодцомъ... А что до этого бѣднаго бѣлокураго... странную «на водку» пришлось мнѣ отъ него получить!

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Обо всемъ.

(Фельетонныя замѣтки).

Меркантильное направленіе нашей прессы.—Общность этого факта.—Золя о Французской литературѣ.—Нашимъ Вильмессанамъ далеко еще до ихъ прототипа.—Недостатокъ политическаго образованія у нашихъ публицистовъ.—Спектакль въ Парижѣ въ пользу нашихъ раненыхъ.—Пожертвованіе серебромъ.—Примѣръ достойный подражанія.—Вяземскіе благотворители.—Ураганъ и усушка, убавившіе на 180,000 пуд. казеннаго сѣна.—Подрядчики, недающіе разсчета своимъ рабочимъ.—Рвеніе не въ мѣру, выказанное тверскими, харьковскими и московскими дамами.—Самомнѣніе.

«Наша пресса прняла меркантильное направленіе, слышится со всѣхъ сторонъ,—у нея нѣтъ болѣе идеаловъ, всѣ ея стремленія направлены теперь исключительно къ наживѣ. Не то было прежде, по крайней мѣрѣ, въ недавнемъ прошломъ, когда наша литература считалась—и была въ дѣйствительности — руководительницей, а не только выразительницей общественнаго мнѣнія; когда она не потакала страстямъ толпы, а бичевала общественные пороки; когда существовала настоящая критика. Въ то время читатели съ нетерпѣніемъ ждали книжки журнала и перечитывали газету съ перваго до послѣдняго слова потому, что находили въ нихъ отвѣты на занимающіе ихъ вопросы... А теперь?»...

Въ этомъ упрекѣ много справедливаго. Традиціи хорошаго прошлаго поддерживаются еще — впрочемъ, только отчасти — петербургскими толстыми журналами, газеты же дѣйствительно вполнѣ приняли то направленіе, въ которомъ ихъ упрекаютъ. Но кто же въ этомъ виноватъ? Конечно, менѣе всего пресса. Виноваты сами читатели. Они требуютъ отъ газеты новостей, какъ можно болѣе новостей, сердятся на длинныя передовыя статьи, мирясь только съ длиннымъ воскреснымъ фельетономъ, своимъ любимымъ чтеніемъ, и газеты даютъ имъ фельетонъ и новости, только одни новости, а полученіе свѣжихъ новостей въ наше время обходится не дешево.

Газетная пресса приняла меркантильный и фельетонный характеръ не у насъ однихъ. Всѣ западныя литературы страдаютъ тѣмъ же недостаткомъ, только тамъ онъ проявляется еще шире, чѣмъ у насъ. Извѣстный французскій романистъ Золя, въ статьѣ о французской печати, напечатанной въ августовской книжкѣ «Вѣстника Европы», говоритъ: «Эпоха царствованія Люи-Филиппа была настоящимъ золотымъ вѣкомъ нашей журналистики... Такъ какъ желѣзныхъ дорогъ еще не существовало, то нѣкоторыя отдаленныя провинціи читали газеты тремя днями спустя послѣ ихъ появленія въ Парижѣ. Это казалось естественнымъ и никого не сердило. Въ настоящее время газета, вышедшая три дня тому назадъ, такъ стара, что не годится даже на обертку. Затруднительность сообщеній убаюкивала такимъ образомъ журналистику и она жила спокойно и солидно. Никакія телеграфическія депеши по утрамъ не тревожили публику. Для подтвержденія какого-нибудь важнаго извѣстія требовалась недѣля... Если журналистика плелась черепашьимъ шагомъ, за то эта чинность движеній сообщала ей бо́льшее чувство собственнаго достоинства. Такъ какъ печать живущая однѣми новостями еще не родилась, то каждая газета существовала лишь тѣми мнѣніями, представительницей которыхъ она была. На газету подписывались въ силу сочувствія къ ней; подписчикъ вѣрилъ въ свою газету; между читателями и редакторомъ существовала тѣсная связь. Списки подписчиковъ были какъ бы кадрами партіи... Розничная продажа почти не существовала; газеты не таскались по площадямъ, не попадали въ руки перваго встрѣчнаго; всѣ экземпляры имѣли свое опредѣленное назначеніе, они не выходили изъ круга семьи, великой семьи подписчиковъ. По этому связь сохранялась крѣпкая».

Своего золотого вѣка наша журналистика, правда, не имѣла; отдаленныя провинціи получали у насъ газету не черезъ три дня, а черезъ три мѣсяца; партій во французскомъ смыслѣ у насъ не было, но существовали отдѣльныя группы и вотъ между этими-то группами и редакціями выписываемыхъ ими газетъ существовала тѣсная связь; подписчикъ до такой степени любилъ свою газету, что не хотѣлъ читать никакой другой; только мнѣнія «своей» газеты онъ считалъ правильными. Такія тѣсныя отношенія между газетой и подписчикомъ сохранялись до того времени, пока изданіе газеты еще не приносило такихъ доходовъ, которые могли бы казаться привлекательными для капиталиста. Къ этому времени, въ силу «прогресса», заключавшагося въ проведеніи желѣзныхъ дорогъ и читатель сталъ иной. Подписчикъ въ какомъ-нибудь уѣздномъ городкѣ, получая газету черезъ двѣ недѣли по ея выходѣ, не гнался за «свѣжестью» новостей; теперь онъ сталъ получать ее на третій день, благодаря тому, что въ его городкѣ находится станція желѣзной дороги, и у него явилось незнакомое ему прежде желаніе — какъ можно скорѣе прочесть «свѣжія» новости. Удовлетворяя его желанію, какъ «покупателя», редакція газеты стали обращать свое главное вниманіе на подборъ новостей; всѣ ея заботы обратились теперь на то, чтобы дать своимъ читателямъ матеріалъ «подходящій» къ ихъ вкусу, и у насъ повторилось тоже, что произошло съ прессой во Франціи. «Мало-по-малу выросла другая журналистика, говоритъ Золя. — Перерожденіе было медленное, потому что его вызвали самые факты. По мѣрѣ того, какъ желѣзныя дороги и телеграфныя проволоки уничтожали разстояніе, читатели становились требовательнѣе. Съ другой стороны, жизнь стала лихорадочно-возбужденной и неугомонное любопытство неудержимо охватило публику. И вотъ какимъ образомъ родилась печать новостей. Газета перестала быть органомъ извѣстнаго мнѣнія; газета стала прежде всего листкомъ, повѣствующимъ о разныхъ мелкихъ событіяхъ, передающимъ мелочи повседневной жизни. Хроника расползлась и наводнила всѣ столбцы. Само собою разумѣется, что серьезныя критическія статьи вынуждены были стушевываться предъ этой набѣгающей волной, и вотъ наступилъ наконецъ день, когда факты стали властелинами газеты. Двухъ строчекъ достаточно для истолкованія важнѣйшихъ извѣстій»...

Типомъ газетъ этого рода во Франціи, Золя считаетъ пресловутый «Figaro», расходящійся въ нѣсколькихъ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. «Фигаро» представляетъ собой воплощеніе одного человѣка, говоритъ Золя,—и отсюда происходитъ его великій успѣхъ. Личность Вильмессана вся отразилась на его газетѣ. Эта личность, выдающаяся, конечно, изъ ряду, болтливая, охотно толкующая о своихъ личныхъ дѣлахъ публично, стирающая свое грязное бѣлье на улицѣ, постоянно обращающаяся къ своимъ читателямъ, а это читателямъ нравится... Никогда Вильмессанъ не будетъ враждебенъ тому, кто пробилъ себѣ дорогу, хотя бы то былъ его отъявленный врагъ. Вмѣстѣ съ этимъ онъ совсѣмъ не щекотливъ и занимается сплетнями со страстью; онъ болтунъ по темпераменту и громко разсказываетъ то, что ему передавали шопотомъ. Но что его дорисовываетъ, это его остроуміе, остроуміе комми-вояжера, который не стѣсняется въ выраженіяхъ. Ничто его не удивляетъ, ни передъ чѣмъ онъ не останавливается; онъ идетъ впередъ съ спокойствіемъ человѣка, желающаго успѣть во чтобы то ни стало... вообще онъ живетъ безпечно, какъ спекулянтъ, изучившій человѣческую скверну и пользующійся ею. Наконецъ, прибавьте къ этому удивительную способность къ рекламѣ, совершенно особенное умѣнье бить въ барабанъ и собирать вокругъ себя зѣвакъ: и вотъ вамъ Вильмессанъ. Понятно отсюда, чѣмъ должна быть «Фигаро». Она живетъ по преимуществу парижскими сплетнями и каждое утро выпускаетъ исторіи, обѣгающія Парижъ. Нескромность возведена газетою «Фигаро» на степень искуства. Ее читаютъ, чтобы познакомиться съ скандальной хроникой. Впрочемъ, она не безъ остроумія, что помогаетъ проглатывать самыя рискованныя вещи; будь она глупа, была бы возмутительна... «Фигаро» преисполнена личности; она постоянно говоритъ «я», выскакиваетъ впередъ, приглашаетъ публику войти въ ея кухню, живетъ на улицѣ. Тонъ ея сотрудниковъ тоже особенный. Они легкомысленны и рѣзки; они говорятъ отъ имени Парижа; все, повидимому, знаютъ и не терпятъ противорѣчія. Хозяинъ дома, испанскій цирюльникъ, брѣющій и оглушающій всѣхъ, болтающій по цѣлымъ часамъ и выкидывающій всякого рода штуки, никого не уважающій, преклоняющійся передъ успѣхомъ—служитъ лучшей вывѣской, какую только могла избрать для себя газета. Всякій разъ, какъ я читаю «Фигаро», мнѣ невольно чудится ярмарочная музыка, балаганъ, привлекающій и восхищающій толпу».

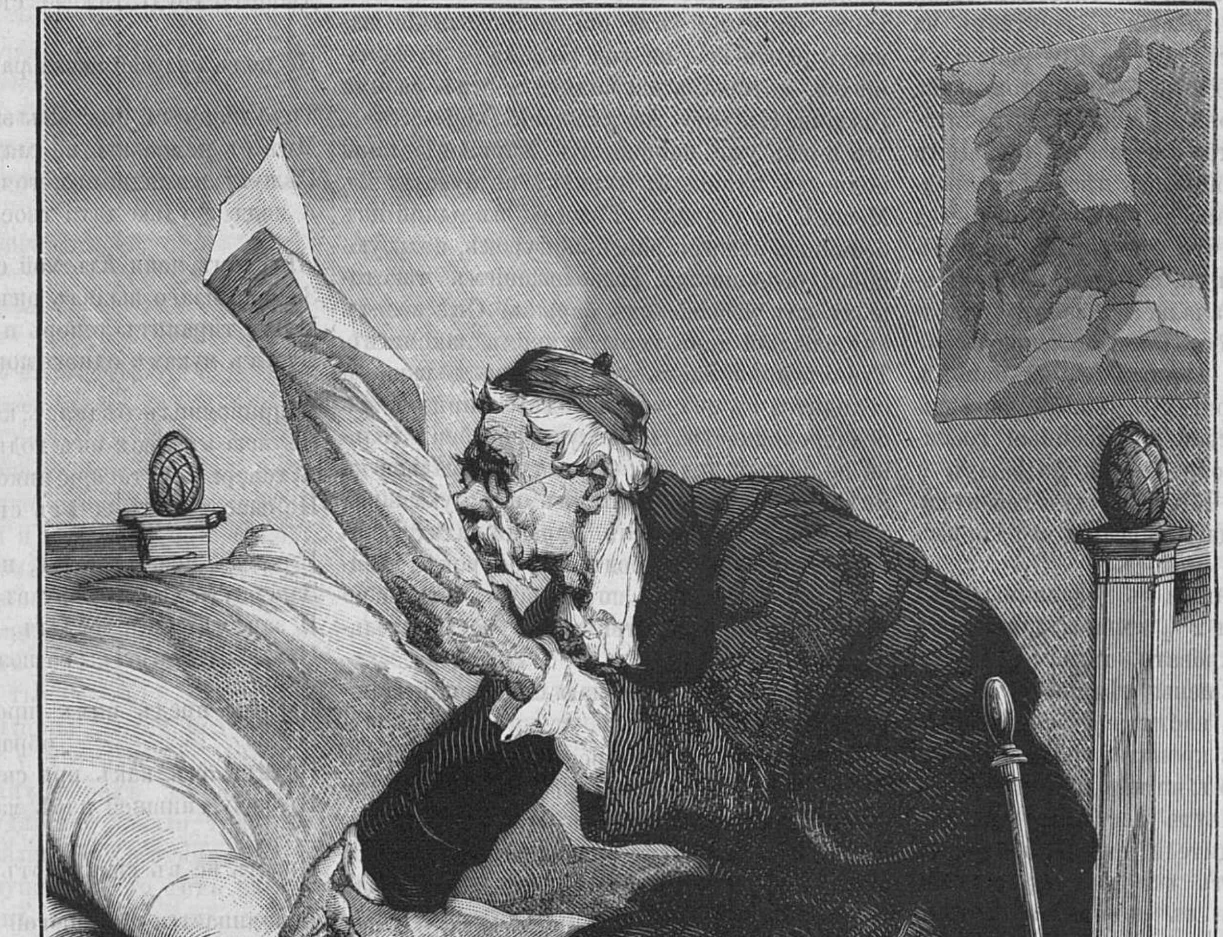
У насъ еще не народился Вильмессанъ,— чему мы можемъ только радоваться, —за то есть нѣсколько Вильмесанчиковъ, которые лѣзутъ изъ кожи вонъ, чтобы пріобрѣсти успѣхъ и если не пользуются всѣми тѣми пріемами, какими пользуется ихъ прототипъ, то или потому, что не умѣютъ, или же—и это относится къ ихъ чести—не на столько безсовѣстны, какъ онъ. Личностей мы называть не будетъ, но скажемъ, что за нѣкоторыми изъ нихъ нельзя не признать таланта, но ихъ газеты не могутъ выдержать никакого сравненія съ иностранными. Вообще у насъ есть публицисты, по таланту неуступающіе извѣстнымъ иностраннымъ публицистамъ. Но отчего же, читая ихъ вполнѣ добросовѣстно составленныя статьи, вы чувствуете какое-то неудовлетвореніе, вамъ всегда кажется, что чего-то недостаетъ въ статьѣ, въ ней что-то пропущено, чего вы не испытываете при чтеніи статьи иностраннаго публициста? Нашимъ публицистамъ недостаетъ политическаго образованія, въ нихъ мало наблюдательности, мало способности къ анализу. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, остановимся на корреспондентахъ, посланныхъ нашими газетами на театръ военныхъ дѣйствій. Въ числѣ ихъ были люди не безъ таланта, извѣстные въ литературѣ и между тѣмъ ихъ корреспонденціи совершенно блѣднѣютъ передъ письмами иностранныхъ корреспондентовъ. Возьмите Форбеса, корреспондента, англійской газеты «Daily News». Какъ прелестно, напримѣръ, вышло у него описаніе геройской обороны нашими войсками шипкинскаго перевала. Съ какимъ сочувствіемъ описываетъ онъ нашего солдата; какъ мѣтко онъ очерчиваетъ его характеръ. Два-три удачные штриха—и передъ нами, какъ живой, нашъ простой, грубый по наружности, но великодушный солдатъ, отдающій свои сухари и послѣднія деньги нуждающимся болгарамъ. А наши корреспонденты пробавлялись описаніемъ красотъ румынской природы и румынскихъ женщинъ, чрезмѣрно преувеличивая красоту и той и другихъ. Или же до приторности сладко описывали свои свиданія съ офицерами, отличившимися вначалѣ кампаніи. И повторяемъ, эти корреспонденты люди не безъ таланта. Нѣтъ, видно еще не скоро мы догонимъ нашихъ учителей.

Будетъ, однакожъ, о литературѣ, надо сказать что-нибудь и объ обществѣ. Оно по прежнему исключительно занято войною. Оно тоскливо ждетъ и съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ прочитываетъ извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій. Тѣмъ временемъ и пожертвованія на надобности, обусловливаемыя войною, не останавливаются. Приходятъ они и отъ иностранцевъ. Недавно мы сообщали о готовящемся въ Парижѣ спектаклѣ, сборъ съ котораго предназначался въ пользу нашихъ раненыхъ. Спектакль этотъ состоялся 16 (28) августа и далъ сбору 16,000 франковъ. Сумма весьма приличная! Спектакль происходилъ въ залѣ Вантадуръ, гдѣ даются оперныя представленія. Въ немъ принимали участіе всѣ лучшіе актеры и актрисы парижскихъ театровъ. Сыграны были четыре одноактные пьесы: «Comme elles sont toutes» (г-жи Коломбье и Персонъ и г. Дьедоне); «Les curieuses» (г-жи Делапортъ, Массенъ, Лебонъ и гг. Бертонъ, Дерваль и Мартенъ); «Le Passant» (г-жи Сара Бернаръ и Коломбье); «L'Eté de la St.-Martin» (г-жи Круазетъ и Прово-Понсенъ и гг. Тиронъ и Вормсъ) и «Lischen et Fritzchen» (г-жа Бюфаръ и г. Бертелье). Затѣмъ былъ данъ музыкальный дивертисментъ, въ которомъ приняли участіе: пьянистъ Теодоръ Риттеръ, пѣвица г-жа Дерваль, теноръ Нувелли, г-жа Тео̀ (сцена и куплеты изъ «M-me L'Archiduc»), г-жа Бѣлова (романсъ соч. баритона Фо̀ра), опереточный теноръ Пюжѐ, извѣстная Тереза̀, г-жа Норди (наша соотечественница, ученица петербургской консерваторіи, г-жа Кутузова), исполнившая дуэтъ съ теноромъ Нувели и отдѣльно арію изъ «Травіаты», г-жа Жюдикъ (двѣ шансонетки; «Si c'était moi!» и «Bras dessus bras dessous») и, въ заключеніе артисты театра «Renaissance», г-жа

Жираръ, гг. Симонъ и Люкò, исполнившіе сцены и куплеты изъ модной теперь въ Парижѣ оперетки «Les Cloches de Corneville», Планкета. Г жа Гейльбронъ, вслѣдствіе простуды, не могла принять участіе въ вечерѣ, но прислала 500 франковъ за свою ложу. Русское посольство взяло двѣ ложи, одна ложа была взята отъ имени великаго гердога Мекленбургскаго; сверхъ того, въ числѣ зрителей было все лучшее парижское общество. Весьма значительный сборъ съ этого спектакля составляетъ еще не весь вкладъ парижскихъ артистовъ въ святое дѣло помощи раненымъ воинамъ. Многіе изъ нихъ прислали болѣе или менѣе цѣнные выигрыши въ лотерею-томболу, которая будетъ разыграна въ половинѣ сентября. Въ числѣ этихъ выигрышей отмѣтимъ два, присланные бывшими любимцами посѣтителей михайловскаго театра: г. Вернѐ далъ ящичекъ изъ малахита съ бронзовыми и золотыми инкрустаціями, а г-жа Милà—три музыкальные альбома.

Пожертвованія, какъ я уже замѣтилъ, продолжаютъ поступать по прежнему. Вотъ одно изъ болѣе выдающихся. Помѣщикъ Лопатинъ, препроводивъ въ редакцію «Московскихъ Вѣд.» пожертвованное имъ на военныя надобности значительное количество столоваго серебра, сдѣлалъ при этомъ слѣдующее заявленіе: «Первый внутренній и восточный займы принесли въ государственную казну не деньги, а лишь денежные знаки, и не увеличили количество звонкой монеты, необходимой для расходованія за-границей на военныя надобности. Полагая, что передѣлка метала въ монету не можетъ затруднить правительство, и что вы, милостивый государь, не откажетесь открыть пріемъ металическихъ вещей, жертвуемыхъ на военныя надобности, покорно прошу передать въ распоряженіе правительства препровождаемое серебро вмѣстѣ съ прочими подобными пожертвованіями, которыя, по объявленіи мѣстъ пріема, вѣроятно, не замедлятъ стекаться со всѣхъ концовъ русской земли».

Конецъ заявленія мнѣ кажется совершенно лишнимъ, потому во 1), что жертвы серебромъ и другими вещами поступали и поступаютъ и во 2) зачѣмъ представлять сей часъ дѣло въ грандіозныхъ размѣрахъ? Мы, русскіе, народъ бѣдный; отъ жертвъ мы не отказываемся, напротивъ, большинство старается жертвовать по мѣрѣ силъ и возможности, а много-ли мы пожертвовали съ начала войны? Частныя лица внесли всего милліонъ (въ счетъ нейдутъ общества и учрежденія).



Политикъ.

Надо отдать справедливость русскому народу: въ большинствѣ случаевъ онъ любитъ дѣлать добрыя дѣла по евангельскому правилу, чтобы лѣвая рука не знала о томъ, что даетъ правая. Тѣмъ съ большею грустью читаешь извѣстіе, что пожертвованіе сдѣлано съ цѣлію самопрославленія и притомъ отдано то, что самимъ ненужно, хотя бы и ветошь какая-нибудь. Такимъ пожертвованіемъ отличилось вяземское купечество? Тотчасъ послѣ объявленія войны, въ газетахъ стали часто появляться извѣстія о жертвахъ на военныя надобности, въ пользу раненыхъ и пр. Вязьма—городъ не бѣдный, торговый, не мало тамъ купцовъ съ хорошимъ капиталомъ. Получаются тамъ и газеты. Въ одинъ прекрасный день собралось нѣсколько представителей вяземскаго именитаго купечества и стали толковать, что «не хорошо-де намъ отставать отъ другихъ, слѣдуетъ отличиться чѣмъ-нибудь; начальство за это похвалитъ, а потерю понесемъ мы небольшую, не впервые, съумѣемъ вернуть ее на нашихъ коммерческихъ оборотахъ». И вотъ, порѣшили они устроить свой собственный госпиталь съ сотней кроватей для больныхъ и раненыхъ воиновъ. Каковъ этотъ госпиталь видно изъ слѣдующаго описанія его корреспондентомъ газеты «Голосъ»:

«Кровати деревянныя съ деревяннымъ же помостомъ въ $2\frac{1}{4}$ и $2\frac{1}{2}$ аршина длины и въ $\frac{3}{4}$ ширины; какъ кровати, такъ и столики возлѣ нихъ выкрашены мѣдянкой; вмѣсто матрацовъ—мѣшки, набитые соломой. Я пробовалъ ложиться на кровати: три подо мною провалились, причемъ, ни на одной изъ нихъ нельзя было протянуть ногъ; по всей вѣроятности, распорядители предполагали, что тутъ будутъ лежать все ампутированные! Вентиляціи нѣтъ и въ поминѣ, а кровати такъ хорошо сдѣланы, что, по осмотрѣ ихъ земскимъ врачемъ, половину пришлось выбросить. Посуда—грошевая, глиняная; халаты хотя и есть, но туфель не полагается—словомъ, купеческій госпиталь скорѣе смахиваетъ на арестантскія казармы, нежели на больницу для раненыхъ».

Очень мило! Вяземское купечество, по всей справедливости, заслуживаютъ премію за изобрѣтательность.

Еще лучше отличились подрядчики сѣна; тутъ, правда, дѣло идетъ не о пожертвованіи, а о подрядѣ, но вѣдь подрядъ заключенъ для арміи, сражающейся противъ непріятеля. На станціи Раздѣльной (одесской желѣзной дороги) устроенъ запасный магазинъ сѣна, по условію съ подрядчиками. Доходитъ вѣсть до начальства, что въ сѣнѣ оказывается недочетъ. Назначенная для освидѣтельствованія его комиссія нашла, что не хватаетъ 180,000 пудовъ сѣна и что каждая кипа имѣетъ только снаружи сѣно, а внутри бурьянъ и солому. Подрядчики объяснили дурное качество сѣна недосмотромъ, а недостачу ураганами и усушкой.

Остается только развести руками и сказать: «молодцы!»

Комиссія, конечно, не согласилась съ хитросплетенными доводами подрядчиковъ и противъ нихъ начато формальное слѣдствіе.

Кстати уже о подрядчикахъ. По воспослѣдованіи высочайшаго повелѣнія о призывѣ ополченія, сдѣлано распоряженіе, чтобы подрядчики немедленно разсчитали тѣхъ изъ рабочихъ, которые подлежатъ призыву. Въ газетахъ сообщаютъ, что нѣкоторые подрядчики нашли для себя болѣе удобнымъ разсчета не давать и многіе рабочіе ушли, не дождавшись его.

Давно уже народная мудрость гласитъ: «все хорошо въ мѣру». Нерѣдко, однакожь, это правило не исполняется и женщины преступаютъ его чаще, чѣмъ мужчины. Нѣсколько времени тому назадъ газеты съ легкой иронiей сообщили о пріемѣ, сдѣланномъ тверскими дамами плѣннымъ туркамъ. Сердобольныя представительницы прекраснаго пола одѣляли башп-бузуковъ конфектами. Гуманность великое чувство, но... лучше, mesdames, если оно заставитъ васъ обратить ваше вниманіе хотя бы на положеніе нашихъ раненыхъ, не говоря уже о нуждающихся, которыхъ вы видите передъ своими глазами. Къ тому же угощеніе конфектами, это очень уже наивно. Въ Харьковѣ дамы поднесли плѣннымъ туркамъ по букету. Въ Москвѣ, по словамъ «Голоса», въ одной изъ больницъ лежитъ раненый турокъ, пользующійся особеннымъ расположеніемъ нѣкоторыхъ изъ московскихъ барынь. Онѣ возятъ ему каждый день горы всякихъ лакомствъ. Турокъ принимаетъ все это какъ должное и обходится съ своими благодѣтельницами съ безцеремонностію, на какую способенъ только подобный дикарь. «Ну, садысь, садысь ко мнѣ, барынь!» говоритъ онъ имъ, указывая мѣсто на своей постели. Барыни садятся; начинается хохотъ и болтовня. Турокъ треплетъ ихъ по рукамъ, по плечамъ, чуть не по лицу. Барыни находятъ турка «восхитительнымъ».

«Въ заключеніе сообщаю слѣдующій курьезъ:

Г. Стрекаловъ, второстепенный актеръ Александринскаго театра, составилъ труппу съ цѣлью дать нѣсколько спектаклей въ Петергофѣ въ пользу общества «Краснаго креста». Цѣль прекрасная, заслуживающая полнаго сочувствія! Одна бѣда, г. Стрекаловъ составилъ труппу изъ артистовъ второстепенныхъ и неизвѣстныхъ. Говорятъ, сборъ былъ недуренъ, что, конечно, надо приписать благотворительному характеру спектаклей. Но г. Стрекаловъ, вначалѣ дѣла, конечно, опасался, что даже и характеръ благотворительности не вывезетъ, такъ плоха его труппа и что надо обратиться къ искуственнымъ средствамъ приманки публики. Составляя афишу для второго спектакля, г. Стрекаловъ нашелъ нужнымъ прибѣгнуть къ обычной афишечной рекламѣ, заключающейся въ томъ, что фамиліи артистовъ, которые считаются извѣстными и потому могутъ сдѣлать сборъ, печатаются крупнымъ шрифтомъ. За неимѣніемъ въ труппѣ знаменитостей, г. Стрекаловъ произвелъ въ нихъ второстепенныхъ актеровъ Александринскаго театра, въ томъ числѣ и самого себя. Такимъ образомъ, къ числу знаменитостей теперь прибавились: г-жа Павлова и гг. Бродниковъ и Стрекаловъ.

Точно Петергофъ стоитъ за тридевять земель отъ Петербурга и въ немъ живутъ лѣтомъ на дачахъ обитатели какого-нибудь провинціальнаго захолустья, а не жители Петербурга, знакомые съ талантами знаменитостей, произведенныхъ въ этотъ санъ г. Стрекаловымъ!

Но, можетъ быть, г. Стрекаловъ слѣдуетъ правилу, что цѣль оправдываетъ средства, въ такомъ случаѣ ему и книги въ руки. **Н. И.**

* * *

На часахъ.

(Посвящается другу А. А. Видгандту.)

Опершись на ружье, онъ дремалъ на часахъ.
Передъ нимъ проносились видѣнья:
Надъ широкой рѣкой, на высокихъ холмахъ
Тонетъ въ зелени яркой селенье.

За рѣкой по полямъ на волнахъ золотыхъ,
Въ морѣ ржи свѣтъ и тѣни играютъ
И въ шумящихъ волнахъ сотни жницъ молодыхъ,
Точно бѣлыя чайки, ныряютъ.

Между ними одну отыскать онъ успѣлъ,
Омрачаетъ лицо ей забота,
Дышетъ грудь тяжело, стройный станъ располнѣлъ,
Не подъ силу ей стала работа.

Тихо шепчетъ она: «Въ эти знойные дни
Мнѣ съ немилымъ не сладко живется.
Рѣжутъ взгляды его, точно ножъ по груди,
А подъ грудью дитя твое бьется.

«Поѣдомъ меня ѣлъ мой суровый отецъ,
За постылаго выдалъ онъ силой,
Мужъ тиранитъ теперь и положенъ конецъ
Будетъ мукамъ одною могилой».

И припомнилъ бѣднякъ, какъ въ былые года
Съ нею въ лѣсъ онъ ходилъ на свиданья...
А теперь-то... теперь никогда, никогда
Не спасетъ онъ ее отъ страданья.

Никогда, можетъ быть, не придется ему
Завернуть на побывку въ селенье...
И зачѣмъ? Онъ солдатъ,—и теперь никому
Пользы нѣтъ отъ его возвращенья.

Вдругъ предъ нимъ промелькнулъ новый образъ въ потьмахъ:
Видитъ онъ, какъ при свѣтѣ лучины
Въ полусгнившей избѣ мать-старуха въ слезахъ
Прясть не въ силахъ отъ лютой кручины.

Вспоминается ей дорогой ея сынъ,
Тихо, тихо она причитаетъ:
«Повидать бы тебя на часочекъ одинъ,
Безъ тебя меня горе измаетъ.

«Хоть бы разъ на тебя передъ смертью взглянуть,
Мнѣ и жить-то осталось немного,
Слѣпнуть стали глаза, ноетъ старая грудь
И готово мнѣ мѣсто у Бога.

«Заверни ты ко мнѣ. Спитъ народъ на селѣ,
Въ темномъ небѣ и мѣсяцъ не свѣтитъ,
Въ лѣсъ на встрѣчу къ тебѣ проберусь я во мглѣ
И ужь тамъ насъ никто не замѣтитъ».

Вотъ она поднялась, вотъ пошла изъ избы,
Ближе голосъ ея раздается,
Все яснѣй бѣдняку слышны эти мольбы,
Все тревожнѣе сердце въ немъ бьется.

Въ мигъ теперь до нее могъ бы онъ добѣжать,
Могъ бы къ посту вернуться до срока,
Могъ бы смѣны потомъ онъ спокойнѣе ждать,
А до смѣны покуда далеко...

Положилъ онъ ружье, оглянулся въ потьмахъ,
Началъ красться впередъ безъ дороги
На знакомый призывъ, а въ завѣтныхъ рѣчахъ
Столько ласки и столько тревоги!

Ноетъ сердце отъ нихъ, эти стоны его
Въ лѣсъ дремучій все дальше заводятъ
Въ тьмѣ не можетъ бѣглецъ разсмотрѣть ничего,
А минуты такъ быстро уходятъ!

Вотъ и свѣтъ занялся, на вершинахъ лѣсныхъ
Золотистая зорька сверкнула, —

Утро близко уже и ночныхъ часовыхъ
Станутъ скоро смѣнять съ караула.

Не бѣжать ли назадъ? Но не можетъ найдти
Онъ изъ лѣса обратной дороги
Обступилъ его лѣсъ, лѣсъ стоитъ на пути—
И не служатъ усталыя ноги.

Весь въ холодномъ поту, съ побѣлѣвшимъ лицомъ,
Онъ на землю упалъ безъ сознанья
И не знаетъ онъ самъ, что случилось потомъ,
Какъ его привели на дознанье.

Какъ убитый стоялъ на допросѣ солдатъ,
Не просилъ онъ смягчить наказанье,
Только жуткая дрожь, да растерянный взглядъ
Говорили въ его оправданье.

А. К—новъ.

Доброе старое время.

Макса Вирта.

Счастливо юное поколѣніе! Это восклицаніе можно противопоставить тому восхваленію «добраго стараго времени», на которое такъ щедры отцы и матери! Юное поколѣніе вступаетъ на жизненный путь уже обладая всѣми тѣми пріобрѣтеніями въ области украшенія и обогащенія жизни, которыя добывались съ такимъ трудомъ его предками, втеченіе сотенъ и тысячъ лѣтъ. За сто лѣтъ тому назадъ, милліоны людей находились еще въ крѣпости у другихъ, въ рабствѣ. Равенство гражданъ передъ закономъ не существовало; государство давало тому, кто пользовался уже излишкомъ и отнимало у того, кто былъ неимущъ. За сто лѣтъ назадъ, не было пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ, не было воздушныхъ шаровъ, не было телеграфовъ. За сто лѣтъ назадъ, въ одной части Европы могъ еще господствовать такой избытокъ, что хлѣбъ тратился тамъ на прокормъ скота и на выкуриваніе водки, между тѣмъ какъ въ другой части народъ вымиралъ отъ голода... Въ одной странѣ, вино просто выливалось вонъ изъ боченковъ за недостаткомъ посуды, для продуктовъ новаго, лучшаго урожая, а въ другой—большая часть населенія даже не знакомилась, втеченіе всей своей жизни, со вкусомъ горе утоляющаго напитка. Что же вызываетъ такія похвалы «доброму старому времени» изъ устъ почтенныхъ старцевъ?... Въ сущности, оживаетъ при этомъ въ ихъ памяти не старое время, а время ихъ собственной молодости,—того періода человѣческой жизни, когда здоровье наиболѣе крѣпко, воображеніе наиболѣе живо, все кругомъ окрашено розовымъ цвѣтомъ, человѣкъ удовлетворяется наименьшимъ, потому самому, что у него еще мало требованій, мало извѣстныхъ уже наслажденій, да и слишкомъ еще мало средствъ для насыщенія всѣхъ своихъ нуждъ. Невольныя лишенія придаютъ еще большую силу способности вкушать удовольствіе, подобно тому, какъ голодъ служитъ лучшимъ поваромъ. Бываютъ, безъ сомнѣнія, случаи, въ которые старикъ справедливо желалъ бы воротить «доброе старое время»,—время своей молодости,—и именно по той причинѣ, что онъ дурно употребилъ эту молодость, вслѣдствіе чего и терпитъ на склонѣ своихъ дней. Онъ расточилъ или потерялъ по недоразумѣнію то, что ему досталось отъ старшихъ, пренебрегъ своимъ образованіемъ, связался съ дурнымъ обществомъ, пріобрѣлъ нехорошія привычки, разстроилъ здоровье... Если подобный человѣкъ, платясь за прошлое, горюетъ о «добромъ старомъ времени»,—томъ времени, когда онъ былъ еще молодъ, беззаботенъ, здоровъ и веселъ, то этому нельзя удивляться. Но тѣ люди, которые не расточили, а пріумножили свое достояніе честнымъ и разумнымъ трудомъ, тѣ, которые обогатили свой умъ познаніями, добыли себѣ достойное положеніе въ обществѣ, не злоупотребляли силами своей молодости и тѣмъ сохранили свое здоровье до преклонныхъ лѣтъ, эти люди не имѣютъ повода сѣтовать о минованіи «добраго стараго времени», потому что, по естественному ходу вещей, общія обстоятельства окружающей ихъ жизни должны были улучшиться съ теченіемъ времени. Исключенія могутъ быть лишь въ томъ случаѣ, когда дѣло касается личныхъ или политическихъ обстоятельствъ. Отдѣльныя лица могутъ подвергаться несчастіямъ, подобно тому, какъ общество можетъ быть потрясаемо кризисомъ, катастрофами, переворотами или же тѣми обширными внутренними колебаніями, которые характеризуютъ собою болѣзненныя переходныя времена. Наступаетъ пора, когда старые законы, обычаи, нравы, пріемы, удовлетворявшіе потребностямъ втеченіе вѣковъ, должны уступать мѣсто новымъ, и до того времени, пока эти послѣдніе не войдутъ вполнѣ въ плоть и кровь общества, общественный организмъ можетъ давать болѣзненные отпрыски, принимать уродливыя направленія. Но всѣ подобныя ненормальныя явленія стушевываются среди великаго цѣлаго, среди того правильнаго хода развитія, въ которомъ одно поколѣніе выростаетъ на плечахъ у другого. Кинувъ же взглядъ на всѣ истекшія тысячелѣтія, доступныя человѣческому наблюденію, мы убѣдимся, что ни одинъ вѣкъ не былъ столь богатъ практическими пріобрѣтеніями, какъ наше послѣднее столѣтіе. Втеченіе его сдѣлано болѣе новыхъ, пролагающихъ доселѣ невѣдомые пути, открытій, нежели впродолженіе всей исторической жизни человѣческаго рода.

Самой объемистой книги оказалось бы недостаточно для перечня всѣхъ тѣхъ успѣховъ въ области науки и техники, которые осуществились впродолженіе послѣдняго столѣтія, и нельзя намъ не гордиться при той мысли, что старѣйшій изъ живыхъ между нами людей можетъ похвалиться тѣмъ, что на его глазахъ совершено болѣе полезныхъ и составляющихъ переворотъ въ мірѣ открытій, чѣмъ впродолженіе всѣхъ предшествовавшихъ вѣковъ. За громаднымъ обиліемъ матеріала, мы можемъ, въ настоящей статьѣ, только коснуться немногихъ открытій, составляющихъ эпоху въ исторіи, и превращающихъ наше столѣтіе въ новый, отдѣльный періодъ времени.

Матерія и силы природы разъяснены, въ послѣднее время, въ степени, о которой недавно было еще трудно и помыслить. Не только открыты во вселенной (макрокозмѣ) болѣе сотни новыхъ небесныхъ тѣлъ, но и въ мірѣ атомовъ (микрокозмѣ) найдены около тридцати основныхъ тѣлъ, не поддающихся дальнѣйшему разложенію. Человѣкъ не только научился примѣнять для своихъ требованій ту силу, которая доселѣ считалась подвластною лишь одному сверхъ-естественному мановенію, но успѣлъ заглянуть и въ другіе глубокіе тайники природы.

Открытіе *Кирхгофа*, благодаря которому, съ помощью спектральнаго анализа, мы можемъ различать составныя вещества не только солнца, но и отдаленнѣйшихъ звѣздъ и туманныхъ пятенъ въ небесномъ пространствѣ, останется навсегда однимъ изъ величайшихъ доказательствъ человѣческаго ума. То, о чемъ едва смѣло мечтать самое отважное воображеніе, стало теперь, вслѣдствіе геніально-изобрѣтеннаго способа, достояніемъ положительной науки. Намъ извѣстны теперь тѣла, входящія въ составъ небесныхъ свѣтилъ.

Цѣлыя тысячелѣтія сѣялъ и жалъ человѣкъ, не отдавая себѣ отчета въ законахъ, управляющихъ тайною роста растеній. Цѣлыя тысячелѣтія возлагалъ онъ успѣхъ своей жатвы на одно благословленіе тайныхъ силъ. Древніе бургундцы дѣлали даже своихъ королей отвѣтственными за плодородіе почвы и свергали ихъ съ престола, въ случаѣ неурожая. Въ практическомъ сельскомъ хозяйствѣ, руководясь опытомъ, люди содѣйствовали росту сѣмянъ удобрѣніемъ почвы, посредствомъ котораго, безсознательно для себя, они возвращали ей часть веществъ, извлеченныхъ изъ нея образованіемъ плодовъ. *Юстусу Либиху* была предоставлена честь открытія великаго закона растительнаго обмѣна веществъ, согласно которому, растенія получаютъ только одну часть своего питанія изъ атмосферы, а большее же его количество извлекаютъ изъ почвы. На основаніи этого, желая поддержать плодородіе земли, мы должны возвращать ей тѣ вещества, которыя она уступила плодамъ. Со времени сказаннаго открытія, сдѣлались извѣстными, вслѣдствіе химическаго анализа, составныя вещества зерновыхъ хлѣбовъ, стручковыхъ, корнеплодныхъ и другихъ растеній. Эти вещества должны быть возвращены землѣ посредствомъ навознаго удобренія, а за недостаткомъ его, иными, искуственными средствами; въ противномъ случаѣ, почва необходимо захудѣетъ. Эти искуственныя средства, какъ тоже открыто, состоятъ изъ различныхъ минеральныхъ веществъ и химическихъ смѣсей. Они пополняютъ натуральное удобреніе и, благодаря имъ, равно какъ выводу на поверхность глубже лежащихъ слоевъ земли (глубокое вспахиваніе), раціональному плодоперемѣнному сѣянію, тщательному осушенію или увлаженію и перемѣшиванію земли, сельскіе хозяева ставятъ себя въ значительную независимость отъ неблагопріятныхъ метеорологическихъ условій, ограждаютъ себя отъ полныхъ неурожаевъ и достигаютъ, такимъ образомъ, болѣе равномѣрной производительности на своихъ земляхъ. Сверхъ того, въ послѣднее время, сельскіе хозяева поставлены даже въ возможность предусматривать погоду за сутки, по крайней мѣрѣ, впередъ, вслѣдствіе чего они могутъ принимать болѣе своевременныя мѣры для защиты своихъ жатвъ отъ дурного вліянія дождей, чѣмъ прежде. Устройство погодонаблюдательныхъ (метеорологическихъ) станцій, состоящихъ между собою въ телеграфической связи, передающихъ свои наблюденія въ одинъ центральный пунктъ, откуда они распространяются во всеобщее свѣденіе посредствомъ газетъ, позволяетъ намъ узнавать, за нѣсколько дней, будущее направленіе вѣтровъ, отъ которыхъ состоитъ въ зависимости погода. Такимъ образомъ, узнавая о неблагопріятной перемѣнѣ вѣтровъ изъ метеорологическихъ извѣстій, разумные хозяева откладываютъ свои приготовленія къ жатвѣ. Къ сожалѣнію, и по настоящее время еще, не всѣ убѣждены въ томъ, что, вышесказанное средство остается пока единственнымъ, по которому можно достовѣрно заранѣе заключать о погодѣ. Всѣ остальныя замѣчанія или сомнительны, или же основываются на предразсудкахъ. Такъ называемыя, простонародныя примѣты имѣютъ свою долю правдоподобности, какъ плодъ долголѣтнихъ наблюденій, но они шатки потому, что простой народъ не имѣетъ обыкновенія вести свои наблюденія систематично. Наблюденіями надъ животными не слѣдуетъ пренебрегать, если дѣло идетъ о краткихъ срокахъ времени (хотя метеорологическія замѣтки и здѣсь несравненно положительнѣе), но при желаніи опредѣлить характеръ погоды впередъ на продолжительное время года, уже будетъ вполнѣ ошибочно основывать свои заключенія на пріемахъ животныхъ. О шарлатанствѣ столѣтнихъ пророческихъ календарей и т. п. не стоитъ и говорить.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Новости наукъ и жизни.

— **Мореографъ.** До настоящаго времени положенія уровня воды около береговъ Европы опредѣлялось помощію самодѣйствующимъ приборовъ—мореографовъ, которые давали на полосѣ бумаги кривыя, показывающія состояніе уровня за 24 часа. Изъ этихъ ежедневныхъ показаній опредѣляли положеніе средняго уровня воды за 365 дней, т. е. за годъ; работа эта требовала очень много времени и труда. Теперь же одинъ гражданскій инженеръ Рейцъ, въ Гамбургѣ, изобрѣлъ такой мореографъ, который вмѣстѣ съ показаніемъ колебаній уровня, опредѣляетъ еще и средній уровень. Аппаратъ этотъ былъ на Лондонской выставкѣ, а теперь устанавливается у острова Гельголанда въ Нѣмецкомъ морѣ, съ цѣлію опредѣлить разность уровней въ Куксгавенѣ и у Гельголанда.

— **Конкурсъ.** Парижское «Общество противодѣйствія злоупотребленію табакомъ» только что опубликовало три слѣдующіе конкурса: премія въ 100 фр. — за лучшую записку, въ которой наиболѣе всесторонне будутъ указаны юношеству опасности преждевременнаго употребленія табака; другая въ 200 фр. предназначается врачу, который представитъ наибольшее количество собранныхъ имъ и еще неизданныхъ наблюденій надъ дѣйствіемъ табака, и третья въ 300 фр. автору записки о вліяніи табака на школьныя занятія. Всѣ эти конкурсные мемуары должны быть представлены въ бюро журнала «Abeille médicale» въ Парижѣ до 31 декабря 1877 г.

-- **Учебныя занятія.** Газеты нѣсколько времени тому назадъ сообщали уже свѣдѣнія о громадномъ числѣ кандидатовъ въ настоящемъ году на поступленіе въ наши реальныя училища, изъ которыхъ, по недостатку вакансій, могла быть принята только весьма незначительная часть. Въ виду этого, какъ мы успѣли узнать изъ достовѣрнаго источника, однимъ изъ членовъ нашего педагогическаго общества выработанъ планъ организаціи особаго товарищества для устройства и содержанія частнаго реальнаго училища. Капиталъ этого товарищества будетъ образованъ посредствомъ раздачи паевъ (цѣною не свыше 50 р.), причемъ родители, владѣющіе паями, будутъ пользоваться преимущественнымъ правомъ на помѣщеніе своихъ дѣтей въ училище. Хозяйственною частью училища будетъ завѣдывать избираемый для того изъ среды пайщиковъ совѣтъ, а учебною назначаемые министерствомъ народнаго просвѣщенія директоръ и инспекторъ. Составитель плана предполагаетъ, по образованіи товарищества, ходатайствовать передъ правительствомъ о присвоеніи училищу правъ, предоставленныхъ казеннымъ реальнымъ училищамъ. Упомянутый нами планъ предварительно его представленія на утвержденіе администраціи будетъ внесенъ авторомъ на обсужденіе нашего педагогическаго общества.

— **Благотворительность.** Британское библейское общество рѣшило подарить для каждаго раненаго или больного граматнаго воина по одному экземпляру св. писанія на родномъ его языкѣ. По этому агентъ означеннаго общества, г. Уаттъ, обратился къ комитетамъ «Краснаго Креста» съ заявленіемъ, въ которомъ объясняетъ, что требованія на книги должны быть присылаемы за подписью предсѣдателей или предсѣдательницъ мѣстныхъ комитетовъ общества «Краснаго Креста», и что раздача книгъ должна быть безплатная и только каждому граматному. Книги св. писанія, распространяемыя библейскимъ обществомъ, на русскомъ и славянскомъ языкахъ, изданы по благословенію св. синода, а на польскомъ, нѣмецкомъ, литовскомъ, латышскомъ, эстонскомъ, еврейскомъ, татарскомъ, турецкомъ и другихъ языкахъ — дозволены цензурнымъ комитетомъ. Заявленіе г. Уатта мы встрѣтили въ «Орловскомъ Вѣстникѣ».

Смертность гор. С.-Петербурга. (*Отъ 24 по 30 іюля*). Всѣхъ смертныхъ случаевъ (за исключеніемъ мертворожденій) за недѣлю отъ 24 по 30 іюля было 451 (267 муж. и 184 женщ.); по возрастамъ самая большая цифра (129) приходится на дѣтей до 5 мѣсяцевъ, а затѣмъ отъ 1 до 4 лѣтъ (56). Изъ этого числа умерло отъ инфекціонныхъ болѣзней: оспы—1, кори—5, скарлатины—11, дифтерита—7, крупа — 1, тифоидальной лихорадки—3, сыпнаго тифа—7, брюшнаго тифа—10, возвратной горячки—7, коклюша—3, родильной горячки—1, дисентеріи—3.

Изъ остальныхъ болѣзней наибольшее число смертныхъ случаевъ приходится на желудочно кишечные катарры (65), легочную чахотку (53), острое воспаленіе органовъ дыханія (34), затѣмъ слѣдуютъ: врожденная слабость, воспаленіе мозговыхъ оболочекъ, апоплексія. Случайныхъ смертей въ теченіи недѣли было 7, самоубійствъ 9.

Считая въ Петербургѣ 669,741 жителей, имѣемъ среднюю смертность этой недѣли равной 35,01 на 1000 ж.

— **Подземныя телеграфныя линіи.** Въ Германіи новыя телеграфныя линіи прокладываются подъ землею. На работы эти ассигнована значительная сумма. Цѣлью проведенія телегр. проволоки подъ землею, кромѣ предохраненія ея отъ внѣшнихъ атмосферныхъ явленій, было желаніе обезпечить ее на случай войны отъ перерыва непріятелемъ. Первая подземная линія между Берлиномъ и Галле дала хорошіе результаты, почему предположено устроить подземную телеграфную сѣть, которая первоначально соединитъ Берлинъ, Кассель, Франкфуртъ-на-Майнѣ и Майнцъ, и обезпечитъ, такимъ образомъ, сообщеніе съ Баваріей и Виртембергомъ, а также и сообщеніе съ Франціей. По окончаніи этихъ работъ слѣдующія линіи будутъ проведены между Берлиномъ и военными и коммерческими портами Балтійскаго и Сѣвернаго морей. «National Zeitung» сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія относительно проведенія этихъ телеграфныхъ линій: Работы по устройству подземнаго телеграфа между Галле, Франкфуртомъ и Майнцемъ уже окончены; вскорѣ линія эта будетъ продолжена до Мэца, который будетъ соединенъ особыми кабелями со Страсбургомъ и Тіонвилемъ.

— **Стереотипъ, воспроизведенный по телеграфу.** Газета «United States Courrier» сообщаетъ о любопытномъ изобрѣтеніи въ Санъ-Франциско. Ларингъ Пикерингъ, редакторъ и издатель газетъ «Evening Bulletain» и «Morning Calle» недавно получилъ патентъ на аппаратъ, которымъ моментально воспроизводятся по телеграфу стереотипныя доски, такъ что цѣлыя страницы газеты могутъ быть передаваемы изъ одного мѣста въ другое, совсѣмъ готовыми къ печати. Такъ, напримѣръ, страница «Times» или наборъ любаго другого изданія могутъ быть въ нѣсколько минутъ переданы изъ Лондона въ Нью-Іоркъ въ формѣ клише, которое останется только спустить на типографскій станокъ. Воспроизведеніе оригинальнаго набора можетъ быть увеличено или сокращено по произволу. Процедура, производимая при этомъ, заключается въ слѣдующемъ: промежутокъ между буквами и строками первоначальнаго стереотипа восполняется веществомъ, не проводящимъ электричества; лицевая же сторона буквъ остается открытой. Затѣмъ доска, приготовленная такимъ образомъ, ставится на быстро вращающійся цилиндръ, который подводитъ буквы одну за другой подъ намагниченныя иглы, вставленные въ рамку. По мѣрѣ того, какъ металлическая поверхность буквъ соприкасается съ иглами, устанавливается электрическій токъ и соотвѣтствующія намагниченныя иглы начинаютъ дѣйствовать на той станціи, куда отправляется депеша. Токъ принимается на доскѣ, покрытой особымъ химическимъ составомъ; на этой доскѣ токъ выводитъ буквы совершенно тождественныя съ тѣми, на которыхъ онъ первоначально образовался; такимъ образомъ получается совершенно вѣрный оттискъ, который затѣмъ остается лишь подвергнуть обыкновенному способу стереотипированія.

Смѣсь.

— **Юбилей Упсальскаго университета.** 24-го августа, Упсальскій университетъ, одинъ изъ древнѣйшихъ и знаменитѣйшихъ въ Европѣ, празднуетъ свой четырехсотлѣтній юбилей. Приглашенія ко всѣмъ другимъ университетамъ и первостепеннымъ ученымъ обществамъ въ образованномъ мірѣ давно разосланы. Петербургская академія наукъ отправляетъ въ Швецію двухъ депутатовъ (академиковъ Грота и Гадолина).

— **Victoria Regia.** Цвѣтеніе Victoria regia привлекаетъ, по словамъ «Сѣвернаго Вѣстника», ежедневно въ Ботаническій садъ многочисленную и разнообразную публику:

«Роскошный цвѣтокъ за-атлантическаго міра, ростущій въ водѣ, находится въ особо устроенной для него теплицѣ, въ бассейнѣ, имѣющемъ около трехъ саженъ въ діаметрѣ. Выращеніе его, разумѣется, стоило не мало трудовъ. Не смотря, однако, на всѣ приспособленія, выросшая здѣсь Victoria regia не достигаетъ тѣхъ размѣровъ, въ какихъ она является на родинѣ, гдѣ ея листья нерѣдко имѣютъ цѣлую сажень въ діаметрѣ. Листья расцвѣтшей здѣсь Victoria не достигаютъ въ діаметрѣ и 2 аршинъ; они имѣютъ совершенно круглую форму, нѣсколько загнутые къ верху края, и стебель до того толстый и упругій, что онъ можетъ удерживать на себѣ, не склоняясь, болѣе пуда. Въ саду былъ сдѣланъ слѣдующій опытъ: на поверхность листа положена была рѣшетка, на которую вызвали стать мальчика лѣтъ 12: стебель держалъ его, не погружаясь въ воду. Цвѣтокъ Victoria regia, махровый, бываетъ сначала бѣлаго цвѣта, но съ теченіемъ времени принимаетъ розоватый оттѣнокъ, затѣмъ темнокрасный, и по окончаніи цвѣтенія, продолжающагося около сутокъ, погружается въ воду. Необходимая для цвѣтенія его температура воздуха—около 30 градусовъ.

Дожди въ Болгаріи. Проѣздомъ изъ Горнаго Студеня, разсказываетъ корреспондентъ «Голоса», я встрѣтилъ цѣлые полки съ обозами, которые храбро мѣсили грязь, не обращая, казалось, ни малѣйшаго вниманія на дождь. Хуже всего, конечно, артиллеріи. Она, что называется, рѣжетъ своихъ лошадей, особенно слѣдуя по проселкамъ. Я, признаюсь, думалъ, что на время дождей будетъ пріостановлено всякое передвиженіе войскъ и, конечно, ошибся. Произошло это вотъ почему: въ концѣ іюля или въ началѣ августа, въ Болгаріи всегда идутъ проливные дожди и, какъ говорятъ старожилы, дожди эти продолжаются недѣли двѣ, приблизительно; именно этимъ-то временемъ турки думаютъ воспользоваться, о чемъ получены, какъ говорятъ, самыя положительныя свѣдѣнія съ разныхъ сторонъ. Извѣстіямъ этимъ придаютъ въ главной квартирѣ большую вѣру и потому-то передвиженіе войскъ продолжается безостановочно по заранѣе опредѣленному плану. Вслѣдствіе дождей, полотно дороги обратилось въ какую-то жалкую мерзость, въ которой вязнутъ люди, лошади, экипажи. Если вязнетъ пустая фура, посудите, что дѣлается съ тяжелымъ лафетомъ или пороховымъ ящикомъ; прибавьте къ этому, что фура можетъ промедлить въ пути, а лафетъ или ящикъ должны быть, во что-бы ни стало, доставлены въ назначенное мѣсто и въ указанное время. О томъ, что мы называемъ проселочными дорогами, и говорить нечего—по нимъ ни пройти, ни проѣхать. Мнѣ кажется, что во всякой другой арміи, такіе дожди, обратившіе мѣстность въ болото, пріостановили-бы всякое передвиженіе. Между тѣмъ дожди застигли насъ въ самую горячую пору, когда все въ движеніи—какъ войска, освоившіяся уже съ Болгаріей и побывавшія даже въ огнѣ, такъ и прибывающія изъ Россіи. И что-же? Солдаты легко мирятся съ непріятностью мѣсить грязь и быть обливаемыми дождевою водою.

— Бѣглецы изъ Россіи въ турецкой арміи. Въ рядахъ азіятской турецкой арміи немало бѣжавшихъ прежде изъ Россіи кавказскихъ уроженцевъ. Особенно часто встрѣчаются они въ средѣ воинственныхъ карапапаховъ. Эмиграція ихъ совершается вслѣдствіе такихъ, обыкновенно, причинъ: Въ нашемъ Закавказьи, разсказываетъ корреспондентъ «Голоса», между пограничнымъ мусульманскимъ населеніемъ существуетъ помѣщичій элементъ; многіе изъ этихъ помѣщиковъ очень богаты, но, за малыми исключеніями, всѣ лишены образованія и проводятъ жизнь въ праздности. Смѣлость, энергія, храбрость, ловкость во всѣхъ физическихъ упражненіяхъ цѣнятся у нихъ очень высоко; эти качества, не регулируясь образованіемъ, ищутъ себѣ очень неуважительный исходъ въ мирное время, когда болѣе всего цѣнятся гражданскія добродѣтели и остается весьма мало мѣста для удальства. Сидятъ у себя въ кунацкой подобные помѣщики, окруженные нукерами и друзьями; въ женскомъ обществѣ не пригоже находиться днемъ; женщины заперты въ отдаленной половинѣ дома; въ кунацкой одни мужчины слушаютъ пѣсни или игру мѣстнаго барда на доморощенномъ инструментѣ. Все, наконецъ, спѣто, все сыграно, скучно, тоска долитъ, а бурливая кровь все быстрѣе и быстрѣе вращается, сильные мускулы просятся къ дѣятельности. Вдругъ, кто-нибудь скажетъ: «Хорошо-бы шашлыкъ зажарить»! Дружеская компанія сразу хватается за эту мысль; зажарить, такъ зажарить, все время скоротается веселѣе. «Нѣтъ, стой! кричитъ, вдругъ, хозяинъ; свой шашлыкъ не такъ вкусенъ; я достану вамъ шашлыкъ»! И съ этими словами хозяинъ встаетъ, вооружается и приказываетъ сѣдлать лошадь. Всѣ радостно слѣдуютъ поданному примѣру и развеселившаяся компанія шумно выѣзжаетъ со двора. Они знаютъ уже въ чемъ дѣло. Хозяинъ вспомнилъ о баранѣ, замѣченномъ имъ у богатаго сосѣда. У него сто такихъ барановъ; онъ могъ-бы купить ихъ двѣсти, но свой или купленный баранъ—это такое обыденное, скучное дѣло! нужно утащить, отбить барана у сосѣда, изъ краденаго барана шашлыкъ въ тысячу разъ вкуснѣе. И вотъ помѣщикъ, ночью, какъ воръ, прокрадывается въ домъ сосѣда; по немъ стрѣляютъ; друзья подоспѣваютъ на выручку, завязывается иногда чуть не сраженіе, но, во всякомъ случаѣ, баранъ утащенъ; компанія весело доканчиваетъ ужинъ, хвастаясь своимъ удальствомъ. Другой разъ предметомъ добычи служитъ не баранъ, а красивый конь, съ которымъ ни за какія деньги не хочетъ разстаться сосѣдъ. Не грѣхомъ считается украсть и невѣсту; оно и удалѣе гораздо, да и дѣвушка, пожалуй, полюбитъ крѣпче; значитъ, такой человѣкъ, что своего чужимъ не выдастъ, да и защитить съумѣетъ;—оба рисковали жизнью: чего-же больше? какое кому до этого дѣло?

Но, при такихъ правахъ, при подобномъ образѣ жизни, очень легко столкнуться съ закономъ. Въ ночныхъ похожденіяхъ, въ удалыхъ схваткахъ недалеко и до убійства. Если нѣтъ возможности скрыть слѣды преступленія, если русскія власти всполошились, помѣщику ничего не остается болѣе, какъ бѣжать. И удаляется онъ за-границу, въ Малую Азію, гдѣ гостепріимно встрѣчается всякій преступникъ; становится онъ въ ряды карапапаховъ и, не имѣя возможности вернуться на родину законнымъ путемъ, дѣлаетъ на нее набѣги, превращается въ разбойника-любителя...

— Черкешенки. Настоящее движеніе кавказскихъ горцевъ если не отличилось особенной силой, то богато актами ужаснаго ожесточенія. Вотъ что разсказывается объ этомъ въ «Тифл. Вѣстн.»: Недавно жены и дочери одной возставшей шайки пожелали явиться посредниками между властью и инсургентами. Собравшись въ массу, они отправились въ лѣсъ и стали высказывать свои предложенія. Горцы выслушали свою женскую половину и отвѣтили... залпомъ. Вообще настоящее движеніе, если, къ счастью, и не отличается силою, то богато актами чрезвычайнаго ожесточенія. При штурмѣ аула Асахо, въ дидоевскомъ обществѣ, самое энергичное участіе въ сопротивленіи принимали женщины. Онѣ выходили по одной на крышу своихъ сакель и ругали съ нихъ войска, очевидно, желая быть разстрѣлянными. На смѣну одной убитой являлась немедленно другая. Одна женщина, мужъ которой сдался войскамъ, тутъ-же зарѣзала всѣхъ троихъ своихъ дѣтей и съ трупами ихъ бросилась въ кручу. Оставшіеся защитники Асахо, запершіеся въ одной башнѣ, въ числѣ 30 человѣкъ, какъ извѣстно, всѣ погибли подъ развалинами ея. Ни одинъ изъ нихъ не пожелалъ сдаться, и осажденные стрѣляли, пока пламя пожара не поглотило каждаго...

Болгары. Корреспондентъ «Голоса» изъ «Рущукской губерніи» сообщаетъ нѣсколько весьма интересныхъ свѣдѣній о правахъ болгаръ и объ учрежденной надъ ними русской администраціи. Рущукская губернія гораздо біднѣе Тырновской (и такая уже образована), потому что въ рущукской было поселено много черкесовъ, которые и до войны, и во время войны сильно обирали болгаръ. Вслѣдствіе этого, и народъ здѣсь гораздо хуже и испорченнѣе. Начальнику рущукскаго округа постоянно приходится разбирать жалобы въ родѣ того, что одинъ болгаринъ укралъ у другого хлѣбъ, воловъ, лошадь и т. п. Народъ здѣсь страшно забитый и до такой степени отупѣвшій и приниженный, что на его физіономіи не выражается ни стыда, ни раскаянія, когда онъ уличенъ въ чемъ-нибудь гадкомъ, и даже нѣтъ страха, когда на него налагается какое-нибудь взысканіе — онъ переноситъ все съ полнымъ равнодушіемъ: вѣроятно, по привычкѣ!

Начальникъ незавоеванной еще губерніи, какъ и исправники болѣе мелкихъ территорій, заняты уже и теперь съ утра до ночи. Они или разъѣзжаютъ по деревнямъ, или, оставаясь у себя дома, разбираютъ различныя дрязги, которыя составляютъ, однако, жизненный и насущный интересъ несчастнаго населенія, во многихъ мѣстахъ разореннаго совершенно черкесами. Трстеникъ, село, изъ котораго я пишу, находится верстахъ въ 20-ти отъ Рущука; населеніе бѣжитъ сюда, потому что черкесы и баши-бузуки начинаютъ рѣзать даже ни въ чемъ неповинныхъ сельчанъ. Въ кругъ дѣятельности гражданскаго начальника входитъ обязанность водворять бѣглецовъ въ селахъ, занятыхъ нашими войсками, и находить способы, что-бы они не умерли съ голода, такъ какъ большинство изъ нихъ бѣжитъ, не захвативъ съ собою ничего изъ своего имущества. Сверхъ того, на немъ лежитъ забота объ удовлетвореніи войскъ фуражемъ и отчасти хлѣбомъ. Словомъ—хлопотъ много. Сначала болгаре смотрѣли на такихъ гражданскихъ начальниковъ очень косо и страшно лгали; но когда увидѣли, что начальники заботятся о нихъ, наказываютъ виновныхъ и дѣлаютъ все, что только отъ нихъ зависитъ, чтобы облегчить участь болгаръ, они всѣ теперь идутъ къ начальникамъ и сами открываютъ виновныхъ болгаръ-же, причемъ постоянно слышится: «это — не турецкій судъ»!

— У всякаго своя бѣда. По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Пекина, жители Небесной имперіи приведены въ ужасъ таинственнымъ явленіемъ, распространившимся изъ дальнихъ провинцій до самой столицы. Явленіе это состоитъ въ томъ, что какая-то невидимая сила отрѣзываетъ китайцамъ косы. причемъ до настоящаго времени не удалось поймать съ поличнымъ ни одного изъ посягателей на общественное спокойствіе. Наконецъ, правительство нашлось вынужденнымъ для успокоенія умовъ издать слѣдующую прокламацію: «Согласно повсемѣстно распространеннымъ слухамъ, въ городѣ Пекинѣ дѣйствительно существуютъ люди, которые посредствомъ волшебства отрѣзываютъ косы. Обязанность всѣхъ почтенныхъ людей состоитъ въ томъ, чтобы тщательнымъ надзоромъ и наблюденіемъ положить конецъ этому преступному безчинству. Не имѣется препятствій, чтобъ и вы, и солдаты и простолюдины, сторожили каждый вокругъ своего дома и втайнѣ производили развѣдыванія; если вы встрѣтите что-нибудь подозрительное, то, не возбуждая ничьего вниманія, немедленно увѣдомьте насъ, чтобы мы могли принять мѣры къ поимкѣ преступниковъ». Неизвѣстно, какія послѣдствія будетъ имѣть эта прокламація.

— Поклоненіе волосу пророка. Въ мечети деревни Гацратбуль, лежащей у озера Дуля, въ Кашемирѣ, хранится священная реликвія Магомета—это волосъ изъ бороды пророка. Волосъ вложенъ въ стклянку, украшенную золотомъ, и шесть разъ въ годъ показываютъ его правовѣрнымъ въ праздничные дни, установленные въ честь волоса пророка, въ которые стекается большое количество магометанъ на поклоненіе этой святынѣ.

— Желѣзный конь. До настоящаго времени извѣстенъ былъ только одинъ искуственный деревянный конь, посредствомъ котораго греки вошли въ Трою. Слава деревяннаго коня, вѣроятно, померкнетъ предъ желѣзною лошадью, новымъ изобрѣтеніемъ, которое г. Ництшъ недавно показывалъ въ Берлинѣ цѣлому собранію техниковъ, механиковъ и журналистовъ. Лошадь эта помѣщается между двумя колесами, имѣющими два метра вышины, и приводится въ дѣйствіе движеніемъ ногъ, совершенно подобнымъ тому, которое производитъ всадникъ, ѣдущій по правиламъ англійской школы верховой ѣзды. Желѣзная лошадь легко достигаетъ быстроты полной конской рыси и можетъ съ одинаковымъ удобствомъ двигаться какъ по шоссе, такъ и по мостовой. Наибольшое вниманіе техниковъ возбудила легкость, съ которою новая машина дѣлаетъ повороты на самомъ ограниченномъ пространствѣ и даже на одной точкѣ.

— Наши барыни. Турецкіе плѣнные встрѣчаютъ, какъ извѣстно, со стороны русскихъ дамъ, особенно въ провинціи, самый радушный пріемъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ дѣло дошло даже до поднесенія букетовъ, подчиванія пирожнымъ, конфектами и т. п. Противъ такого любвеобилія возстаетъ въ «Моск. Вѣд.» г-жа Толычева и приводитъ кстати небезъинтересный эпизодъ изъ эпохи отечественной войны: Наши войска только-что возвратились изъ-за границы и москвичи начинали съѣзжаться на развалины родимаго города. Разъ Сергій Николаевичъ Глинка, проходя Тверскимъ бульваромъ, былъ пораженъ зрѣлищемъ, глубоко возмутившимъ его горячую природу. Группа дамъ, принадлежавшихъ къ высшему слою общества, окружила французскаго солдата и вела съ нимъ самый оживленный разговоръ. Солдатъ, обрадованный неожиданною честью, вертѣлся передъ ними, смѣялся и жестикулировалъ. Привыкшій къ гризеткамъ Пале-Ройяля, онъ угощалъ своихъ собесѣдницъ довольно безцеремонными остротами, на которыя русскія аристократки отвѣчали взрывами веселаго хохота и восклицаніями: il est charmant! Глинка не вспомнилъ себя: онъ подбѣжалъ къ дамамъ и крикнулъ: «Вы позорите русское имя; на васъ вопіетъ кровь русскихъ павшихъ за родину!» Сконфуженныя барыни должны были выслушать потокъ горячихъ упрековъ оратора, между тѣмъ какъ около него столпилась масса народа, и мужички выражали свое одобреніе восклицаніями: «Молодецъ баринъ, подѣломъ ихъ!» Эту исторію повторяли тогда на всѣ лады обѣ столицы.

— **Число пожаровъ за іюль.** Изъ напечатанной въ сегодняшнемъ нумерѣ «Правит. Вѣстника» вѣдомости о числѣ пожаровъ за минувшій мѣсяцъ іюль видно, что въ теченіи этого мѣсяца во всей Россіи было 2,468 пожаровъ, причинившихъ убытку на 6.646,301 р. Въ томъ числѣ отъ поджоговъ произошло 346 пожаровъ, отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ—622, отъ молніи—138 и по неизвѣстнымъ причинамъ—1,362. Болѣе другихъ пострадали губерніи: московская (убытку 912,146 р.), ярославская (убытку 453,748 рублей), тамбовская (451,031 р.), рязанская (302,999 р.), с.-петербургская (292,773 р.), владимірская (245,045 рублей), ковенская (416,378 р.), курская (336,496 р.), казанская (217,178 руб.), подольская (207.061 р.), гродненская (173,526 р.), кѣлецкая (167,522 руб.) симбирская (168,631 руб.), кіевская (150,699 р.).

— **Приношенія папѣ.** Надняхъ только сдѣлалась въ точности извѣстна цифра приношеній, полученныхъ папой по случаю его епископскаго юбилея. Она простирается до огромной суммы 16.476,381 франковъ изъ коихъ 9.190,000 золотомъ, а остальное бумажными цѣнностями. Пій IX повелѣлъ распредѣлить этотъ капиталъ слѣдующимъ образомъ: четыре милліона въ пользу папскаго престола, четыре милліона въ пользу военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, оставшихся вѣрными папѣ, четыре милліона для исправленія и украшенія монументальныхъ церквей, а остальное, то-есть 4.476,381, на дѣла благотворенія. Прочія многочисленныя приношенія драгоцѣнными вещами почти всѣ розданы Піемъ IX, щедрость котораго переходитъ иногда въ расточительность.

Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій.

Втеченіе недѣли съ 18 по 24 августа получены слѣдующія оффиціальныя извѣстія:

А. Изъ арміи, дѣйствующей въ европейской Турціи, телеграммы его императорскаго высочества главнокомандующаго изъ Горнаго Студеня:

Отъ 17-го августа. 1) На Шипкѣ полное спокойствіе. Турецкихъ войскъ вблизи позицій нѣтъ; собираются-ли отступить, или замышляютъ обходъ—пока не разъяснено. Ожидаютъ разъясненія въ скоромъ времени. Число раненыхъ, по свѣдѣніямъ къ вечеру, 16-го августа, 98 офицеровъ, 2,633 нижнихъ чина.

2) Въ рущукскомъ отрядѣ, 14-го августа, непріятельскій отрядъ всѣхъ трехъ родовъ оружія началъ наступать на Садину; выслалъ впередъ кавалерію при двухъ орудіяхъ, но, встрѣченный огнемъ двухъ ротъ зарайскаго полка и двухъ орудій, отступилъ, оставивъ на мѣстѣ восемь тѣлъ и увезъ съ собою много раненыхъ. Лубенскіе гусары его преслѣдовали. Наша потеря: 3 убитыхъ и 3 раненыхъ.

3) 15-го августа вышелъ изъ Рущука батальонъ пѣхоты съ двумя орудіями и 6,000 черкесовъ и двинулись на Кадыкіой, но три роты украинскаго полка, 5 сотенъ казаковъ, при двухъ орудіяхъ, отбросили непріятеля обратно въ Рущукъ. У насъ потери не было.

4) Въ нижне-дунайскомъ отрядѣ, 16-го августа, было два удачныхъ кавалерійскихъ дѣла: генералъ Яновъ захватилъ въ Кузгунѣ партію турецкихъ фуражировъ, изъ которыхъ 11 убито и 7 взято въ плѣнъ, 2 убѣжали. Полковникъ Варламовъ у Мамули и Азарлыка настигъ турецкій транспортъ, подъ конвоемъ 400 черкесовъ и 80 человѣкъ египетской конницы и, обративъ въ бѣгство конвой, захватилъ 96 человѣкъ, 237 головъ скота, 4,000 барановъ. У насъ ранено 3 казака.

5) Въ западномъ отрядѣ противъ Плевны и Ловчи все спокойно.

Отъ 18-го августа. 1. Въ дѣлахъ рущукскаго отряда выбыло изъ строя: 9-го августа убито: 1 офицеръ и 3 нижнихъ чина; ранено 4 офицера и 37 нижнихъ чиновъ. Убитъ софійскаго полка поручикъ Татьянинъ; раненъ того же полка поручикъ Краевскій; ранены легко: невскаго полка капитанъ Вязовскій, прапорщикъ Тумило-Денисовичъ, 1-й артиллерійской бригады поручикъ Илья Мушрубъ-Шаведовъ 1-й. 10-го и 11-го августа при Аясларѣ: убиты 39 нижнихъ чиновъ, ранено 6 офицеровъ, 243 нижнихъ чина; безъ вѣсти пропавшихъ 4, ранены тяжело: софійскаго полка прапорщикъ Татариновъ, легко—невскаго полка: поручикъ Юркевичъ. Болховскаго полка поручикъ Олешкевичъ, подпоручикъ Ловцовъ и прапорщикъ Спасскій. Умеръ на позиціи отъ солнечнаго удара невскаго полка маіоръ Князевъ.

2. Полное спокойствіе вездѣ. Князь Карлъ Румынскій назначенъ командующимъ соединенными русскими и румынскими войсками западнаго отряда; начальникомъ штаба его—генералъ Зотовъ.

Отъ 19-го августа. 1) На Шипкѣ полное спокойствіе. По всѣмъ признакамъ, армія Сулеймана-паши сильно разстроена рядомъ безуспѣшныхъ атакъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней. Всѣ балканскіе проходы заняты, по прежнему, нашими войсками.

18-го августа турки аттаковали передовыя войска рущукскаго отряда, которыя и отступили отъ Садины, Карахансанкіоя и Хайдаркіоя на главную позицію. Дальнѣйшихъ извѣстій еще нѣтъ.

Сегодня, 19-го августа, въ 9 часовъ утра, турки изъ Плевны аттаковали нашу позицію у Пелишата и Сталевоцы, развернувъ значительныя силы. По свѣдѣніямъ отъ 11-ти часовъ утра идетъ сильная кононада и ружейный огонь.

2) Вчерашнее авангардное дѣло, 18-го августа, при Карахансанкіоѣ, было очень упорно. Генералъ Леоновъ держался противъ 12,000 турокъ съ небольшими отрядами въ продолженіи 12-ти часовъ. Деревня переходила изъ рукъ въ руки шесть разъ. Принужденный, наконецъ, къ отступленію, генералъ Леоновъ отходилъ шагъ за шагомъ и, къ 8-ми часамъ вечера, прибылъ на главную позицію, убравъ всѣхъ раненыхъ, которыхъ около 400.

Сегодня, съ утра, турки начали стягивать значительныя силы противъ Гагова и Папкіоя. Въ то-же время восемь турецкихъ батальоновъ съ кавалеріей собрались на шоссе между Рущукомъ и Разградомъ и начали наступать на Кадыкіой. Дальнѣйшихъ извѣстій еще нѣтъ.

3) Генералъ Леоновъ, телеграммою отъ 3 часовъ по полудни, донесъ, что нѣсколько послѣдовательныхъ турецкихъ аттакъ молодецки отбито.

Отъ 20-го августа. Противъ праваго фланга рущукскаго отряда, а также на осман-базарской дорогѣ, въ Балканскихъ проходахъ и противъ Ловчи—все было тихо.

19-го августа, утромъ, 8 турецкихъ батальоновъ, выйдя изъ Рущука, вытѣснили нашъ передовой отрядъ изъ города Кадыкіоя, но подоспѣвшія подкрѣпленія снова выбили ихъ оттуда.

Ходъ боя 19-го августа у Плевны былъ, въ общихъ чертахъ, слѣдующій: въ 6 часовъ утра кавалерія сбила наши аванпосты, а къ 8-ми часамъ утра развернулась пѣхота съ артиллеріею, и началась канонада; затѣмъ нѣсколько послѣдовательныхъ аттакъ на Сгалевицы и Оврагъ, между Сгалевицы и Пелишата; послѣдній переходилъ нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки. Отбивъ всѣ аттаки, войска перешли въ наступленіе и окончательно отбросили турокъ, которыхъ было тысячъ около двадцати пяти, и въ 4 часа дня бой кончился.

Наша потеря около 600 человѣкъ.

Отъ 21-го августа. Потери наши 19-го августа: 1) при Кадыкіоѣ: 7 убитыхъ и 30 раненыхъ нижнихъ чиновъ; 2) подъ Плевною всего выбыло изъ строя 40 офицеровъ и 1,020 нижнихъ чиновъ. Турки понесли огромный уронъ. Въ одномъ только мѣстѣ, противъ д. Пелишатъ, насчитано пока 300 тѣлъ.

19-го августа была перестрѣлка нашихъ журжевскихъ баттарей съ Рущукомъ. У насъ не было ни потерь, ни поврежденій.

Къ Кюстенджи подходили въ тотъ-же день турецкіе броненосцы, но ушли въ Варну.

20-го августа, утромъ, толпа башибузуковъ и и черкесовъ прорвалась на Балканахъ въ д. Зелено-Древо, но съ появленіемъ нашихъ войскъ разсѣялась. Затѣмъ, 20-го августа, все и вездѣ было тихо.

Отъ 23-го августа.—1) Вчера, 22-го августа, генералы: князь Имеретинскій и Скобелевъ 2-й взяли приступомъ Ловчу. Подробности еще неизвѣстны.

2) Генералъ князь Имеретинскій доноситъ, что 22-го августа, послѣ 12-ти-часового боя, взята Ловча, несмотря на сильную, по природѣ, и укрѣпленную позицію и на упорное сопротивленіе турокъ. Героемъ дня былъ генералъ Скобелевъ 2-й.

Потери не приведены еще въ извѣстность; въ числѣ раненыхъ, къ сожалѣнію, генералъ Разгильдяевъ.

Б. Телеграммы начальника штаба кавказской арміи изъ Кюрюкъ-Дара:

Отъ 18-го августа. Находящаяся на Игдырѣ колонна эриванскаго отряда подъ начальствомъ полковника Самойлова аттакована была 12-го августа превосходными непріятельскими силами, но нападеніе отбито съ успѣхомъ. Непріятель оставилъ на мѣстѣ до 80 тѣлъ. 15-го числа турки возобновили аттаку тремя большими колоннами, направленными на фронтъ и въ обхватъ нашихъ войскъ на Халфалю и Чарухчи, не смотря на огромное превосходство въ силахъ, они отброшены послѣ пяти-часового огнестрѣльнаго и рукопашнаго боя, потерявъ до 400 человѣкъ. Уронъ нашъ незначителенъ.

Двѣнадцатаго же числа подверглась нападенію турокъ и другая колонна эриванскаго отряда у Абасъ-гельскаго перевала, но и здѣсь, послѣ незначительной перестрѣлки, турки отступили, не причинивъ намъ урона.

Въ кабулетскомъ отрядѣ, 12-го августа, непріятель атаковалъ постепенно всю передовую линію нашей мухаэстатской позиціи; послѣ продолжительной перестрѣлки и горячаго боя на правомъ нашемъ флангѣ, наступленіе отброшено съ большимъ для непріятеля урономъ. У насъ убито 21 и ранено 24 нижнихъ чина и ветеринарный врачъ Любанскій.

Направленныя противъ Сухума войска наши продолжаютъ наступленіе: колонна генерала Алхазова перешла 16-го числа рѣку Келасуру, занимая авангардомъ Агджагову; двинутая же отъ рѣки Маруха колонна генерала Бабича прибыла 12-го числа въ Цебильдинское. Непріятель, получивъ подкрѣпленія изъ Батума, укрѣпился на окружающихъ Сухумъ высотахъ.

Отъ 20-го августа: Авангардомъ генерала Алхазова занята 16-го августа въ верховьи рѣки Волчи позиція въ 800 саженяхъ отъ непріятельскихъ укрѣпленій впереди Сухума; при этомъ по нашей колоннѣ открытъ турками огонь съ баттарей и броненосцевъ, стоившій намъ 4 раненыхъ.

Въ Терской области отрядомъ генерала Смѣкалова и полковника Батьянова, 18-го августа, уничтожены аулы Ерсеной и Зандакъ и разбиты двѣ партіи мятежниковъ.

Телеграммы.

Лысково, 15-го августа, понедѣльникъ. Пароходъ «Борисъ» потонулъ ночью съ пассажирами. Столковеніе (?) ужасное.

Харьковъ, 15-го августа, понедѣльникъ. Сегодня послѣдовало оффиціальное открытіе ярмарки. Торгуютъ пока тихо.

Нижній-Новгородъ, 15-го августа, понедѣльникъ. Ярмарка открылась вполнѣ. Всѣ лавки заняты; торговцы, вызванные призывомъ, возвратились, но съѣздъ покупателей малъ и еще ожидается. Средніе и низшіе сорта мануфактурныхъ товаровъ, ситцу и суконъ требуются сносно; высшіе же сорта и всѣ предметы роскоши, товары галантерейные и модные идутъ не бойко. Бакалейные товары находятъ порядочный сбытъ; керосинъ бакинскій идетъ хорошо; персидскіе товары, фрукты и хлопокъ—въ требованіи, но ждутъ распаковки. Мочальный караванъ расторговывается благополучно. Пушной товаръ (средніе сорта) проходитъ хорошо. Кяхтинскій чай въ большомъ повышеніи; ожидается хорошій результатъ. Торговля уральскимъ желѣзомъ, за исключеніемъ листоваго, находится въ угнетенномъ состояніи: большіе остатки отъ прошлаго года и весенней лаишевской ярмарки увеличили запасы, а требованіе малое и цѣны очень низки. Вообще, по торговлѣ, большихъ сдѣлокъ мало. Дѣлаемый продавцами кредитъ сокращается, но деньги по старымъ обязательствамъ уплачиваются исправно. Погода хороша, болѣзней нѣтъ.

Одесса, 21-го августа, воскресенье. Профессоръ Пироговъ проѣздомъ черезъ Одессу осматривалъ госпитальныя учрежденія и обратился въ мѣстное управленіе Краснаго Креста съ письмомъ объ эвакуаціи раненыхъ. Въ этомъ письмѣ Пироговъ выражаетъ глубокое сожалѣніе о томъ, что тяжело раненые оставляются вблизи театра войны, а легко раненые транспортируются съ большою роскошью внутрь Россіи. По мнѣнію знаменитаго хирурга, можно допустить, что забыты уроки прошлаго, ибо такимъ распредѣленіемъ раненыхъ подготовляется зараженіе госпиталей на театрѣ войны, если во время не будутъ приняты необходимыя мѣры; онъ полагаетъ, что гуманнѣе и благоразумнѣе транспортировать теперь тяжело раненыхъ въ Новороссію, Подольскую и Кіевскую губерніи, нежели навѣрное жертвовать жизнью многихъ другихъ, обреченныхъ на помѣщеніе въ зараженныхъ предшественниками ихъ лазаретахъ.

Зара, 20-го августа. Вчера турецкія войска перешли у Кадинабуки австрійскую границу и проникли километра на два вглубь австрійскихъ владѣній. При этомъ они угнали принадлежавшій австрійскимъ подданнымъ скотъ, подожгли стогъ сѣна, количествомъ до 2,000 килограммовъ, и подпустивъ къ себѣ на тысячу шаговъ патруль изъ жандармовъ и стрѣлковъ, выкинувшихъ бѣлый флагъ, встрѣтили ихъ ружейными выстрѣлами. Къ счастью, никто не былъ раненъ. Намѣстникъ баронъ Родичъ отправился вчера въ Южную Далмацію.

Вѣна, 15-го августа, понедѣльникъ. Газетѣ «Politische Correspondenz» телеграфируютъ изъ Бѣлграда, отъ сегодняшняго числа: «Совѣтъ министровъ, собиравшійся вчера подъ предсѣдательствомъ князя Милана, принялъ постановленіе относительно совмѣстныхъ дѣйствій сербской арміи съ русскою въ Болгаріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлано распредѣленіе корпусовъ арміи, причемъ корпусными командирами назначены: Хорватовичъ, Николичъ, Лешанинъ, Алимпичъ, Протичъ и Влайковичъ.

«Депутація отъ сербскихъ устащей ведетъ съ военнымъ министромъ переговоры относительно сформированія вольныхъ отрядовъ сербскими офицерами, отправки ихъ въ лагерь боснійскихъ устащей и принятія Сербіею высшаго начальства надъ всѣми боснійскими вольными отрядами. Сербское правительство обнаруживаетъ мало готовности согласиться на этотъ планъ.

«Совѣтъ министровъ постановилъ принять на себя инициативу въ дѣлѣ примиренія всѣхъ партій. Въ случаѣ удачи въ этомъ предположено образовать коалиціонное министерство.

«Предварительно объявленія войны, говорятъ, будетъ созвана скупщина въ чрезвычайную сессію.

«Сюда прибылъ изъ русской главной квартиры князь Цешевъ (?), который совѣщается съ княземъ Миланомъ и сербскимъ военнымъ министромъ.

— 18-го августа, четвергъ. Свиданіе графа Андраши съ княземъ Бисмаркомъ состоится непремѣнно. Съ австрійской стороны начаты переговоры о совмѣстномъ посредничествѣ Австріи и Германіи для улаженія восточнаго вопроса тотчасъ послѣ первой большой битвы.

— 19-го августа, пятница. Газетѣ «Tagblatt» телеграфируютъ изъ Бѣлграда: «Несмотря на объявленную циркуляромъ военнаго министра готовность арміи къ походу, полагаютъ, что открытіе военныхъ дѣйствій отсрочено, въ виду того, что на сербской границѣ сосредоточены турецкія войска».

— 19-го августа. Въ газетѣ «Politische Correspondenz» напечатны слѣдующія телеграммы:

Изъ Афинъ: «Въ отвѣтѣ своемъ на ноту Порты по поводу волненій въ Фессаліи, греческое правительство заявляетъ, что волненія эти обусловлены исключительно подавляющимъ бременемъ, возложеннымъ Турціею на мѣстныхъ грековъ. Эллинское правительство протестуетъ противъ подозрѣнія относительно его прикосновенности къ означеннымъ волненіямъ. Британскій кабинетъ не дѣлалъ по этому поводу никакихъ представленій».

Изъ Бѣлграда: «Княжескимъ указомъ обнародованъ боевой порядокъ (ordre de bataille) сербской арміи».

Букарештъ, 21-го августа, воскресенье. Князь румынскій, Карлъ, отправился сегодня къ войскамъ своего корпуса, чтобъ принять непосредственно надъ нимъ начальство. Корпусъ этотъ стоитъ въ настоящее время лагеремъ на рѣкѣ Видѣ, подъ Плевною.

— 22-го августа, понедѣльникъ. Турки заняты постройкою моста черезъ Дунай ниже Силистріи. Полагаютъ, что они намѣрены попытаться сдѣлать высадку десанта въ Румыніи. Со стороны румыновъ сдѣланы всѣ необходимыя приготовленія чтобъ отразить непріятеля, въ случаѣ, если онъ дѣйствительно предприметъ подобную попытку.

Населеніе Румыніи, по извѣстіямъ всѣхъ газетъ, совершенно спокойно.

Бѣлградъ, 15-го августа, понедѣльникъ. Въ оффиціальной газетѣ обнародовано распоряженіе министра финансовъ, который предписываетъ начальникамъ округовъ всѣми законными средствами ускорить сборы по покрытію національнаго займа.

— 17-го августа, среда. Начальникомъ сербскаго главнаго штаба назначенъ Груичъ.

Прибывшіе въ Бѣлградъ, изъ русской главной квартиры, интендантскіе чиновники дѣлаютъ обширныя закупки хлѣба и скота.

Афины, 17-го августа, среда. Вооруженія продолжаются весьма дѣятельно; много волонтеровъ прибываетъ изъ Тріеста, Египта, съ острова Самоса и изъ Смирны.

Лондонъ, 16-го августа, вторникъ. Англійскій банкъ повысилъ свой дисконтъ до трехъ процентовъ.

— 16 го августа, вторникъ. Г. Лэйардъ увѣдомилъ, что, въ видахъ предотвращенія новыхъ случаевъ нарушенія постановленій женевской конвенціи турецкими войсками, великимъ визиремъ издано приказаніе, чтобъ правила означенной конвенціи были переведены на турецкій языкъ и розданы оттоманскимъ войскамъ. Равнымъ образомъ, будто бы, будутъ сдѣланы надлежащія распоряженія, чтобы предотвратить дальнѣйшія насилія со стороны черкесовъ и другихъ турецкихъ иррегулярныхъ войскъ.

— 19 го августа. По словамъ «Агентства Рейтера» г. Чарльзъ прислалъ въ лондонскій комитетъ попеченія о больныхъ и раненыхъ русскихъ воинахъ 2,000 фунтовъ стерлинговъ, изъ которыхъ 1,000 фунтовъ должны быть употреблены на выдачу пособій вдовамъ и сиротамъ павшихъ русскихъ воиновъ.

Парижъ, 17-го августа, среда. Сборъ со спектакля, даннаго вчера въ «Итальянскомъ театрѣ» въ пользу русскихъ раненыхъ, составилъ около 16 т. франковъ. На спектаклѣ присутствовало все высшее французское общество.

Римъ, 17-го августа, среда. Папа лежитъ на смертномъ одрѣ; доктора не покидаютъ св. отца.

Константинополь, 16-го августа, вторникъ. Сюда прибыло нѣсколько плѣнныхъ русскихъ офицеровъ.

Нью-Іоркъ, 18-го августа, четвергъ. Брайгэмъ Юнгъ скончался въ Ютахѣ.

Наши гравюры.

Улица въ Галацѣ.

Галацъ — одинъ изъ важнѣйшихъ прибрежныхъ городовъ Румыніи — лежитъ между устьями Серета и Прута на берегу Дуная, недалеко отъ озера Брашити. Сюда идетъ вѣтвь желѣзной дороги, такъ что въ Галацъ можно доѣхать по желѣзной дорогѣ съ сѣвера изъ Бырлада и съ запада изъ Плоешти, Бухареста, Журжева. Галацъ состоитъ изъ Стараго и изъ Новаго городовъ и расположенъ амфитеатромъ на постепенно понижающихся къ Дунаю холмахъ. Старый городъ состоитъ изъ кривыхъ и неправильныхъ улицъ, тогда какъ новый городъ построенъ болѣе на европейскій ладъ. Въ Галацѣ уже въ

1859 г. насчитывалось до 40,000 жителей, въ послѣднее же время число жителей здѣсь почти удвоилось. Галацъ всегда былъ довольно оживленнымъ городомъ, теперь же онъ сдѣлался настоящею толчеею и вѣроятно сильно выиграетъ отъ войны, какъ и вся Румынія, которой придется жертвовать не многимъ, чтобы вынуть горячіе каштаны изъ печки.

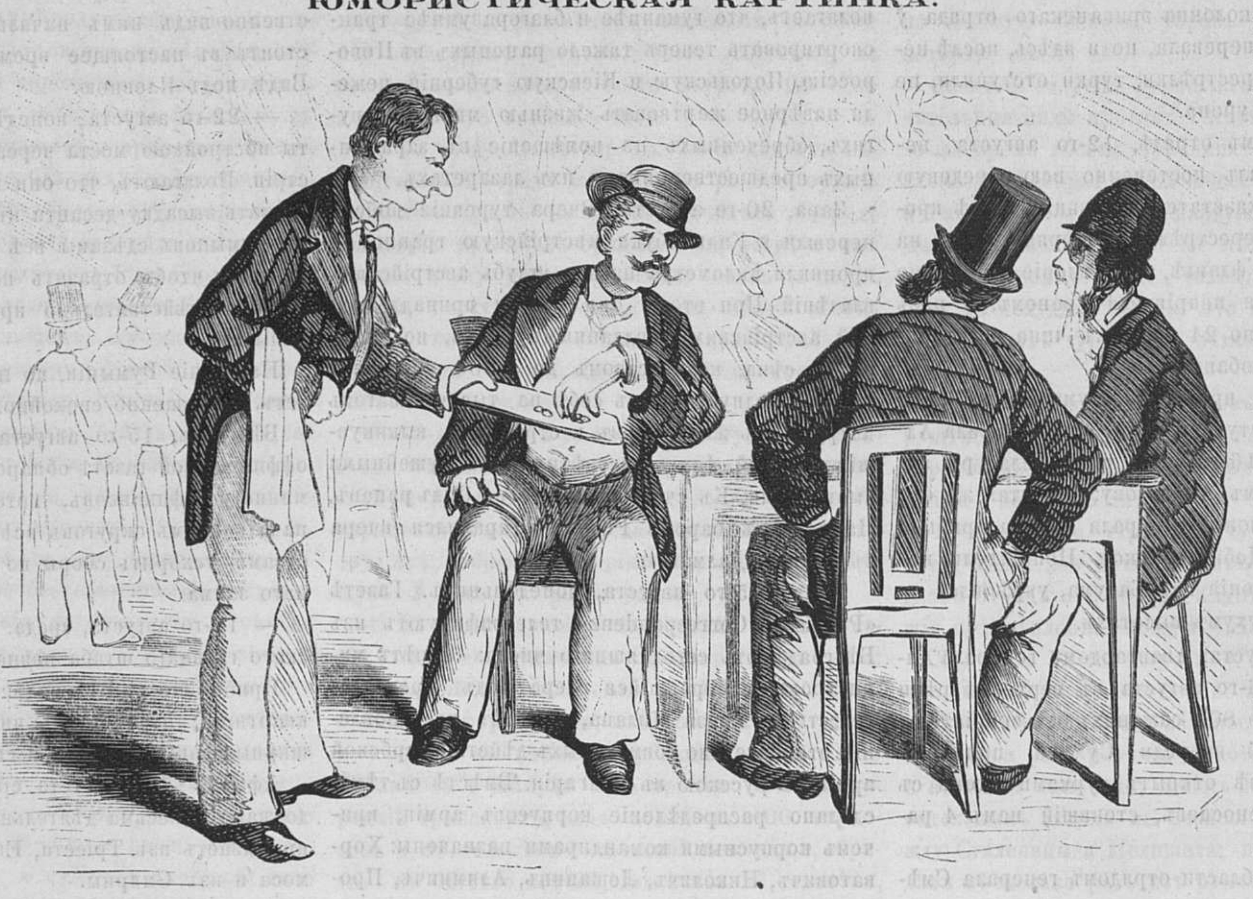
Бѣлошвейка.

Это одно изъ тѣхъ милыхъ задумчивыхъ женскихъ лицъ, которыя такъ мастерски передаетъ талантливый Андріолли. Эта бѣдная молоденькая работница, сидя на окнѣ съ работою въ рукахъ, задумалась и вы ясно видите, что въ этотъ теплый весенній день ей хочется пожить, что ей тяжело ея вѣчно одинокое сидѣнье за работой, что можетъ быть въ ней пробуждаютъ горькую завистъ тѣ счастливые люди, которые проходятъ мимо ея оконъ семьями въ загородные сады, въ лѣтніе театры..

Ярый политикъ.

Предъ вами, читатель, типъ страстнаго политика, съ утра до вечера роющагося въ разныхъ газетахъ и увѣреннаго, что всѣ дѣла приняли бы совершенно иное положеніе, если бы высшіе политики согласились съ его мнѣніемъ и планами. Онъ роется въ кипѣ газетъ и съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ищетъ какихъ-то извѣстій; — не находя же этихъ желаемыхъ извѣстій въ газетахъ, онъ начинаетъ составлять ихъ въ своемъ умѣ и, наконецъ, начинаетъ въ нихъ вѣрить, какъ будто бы ихъ почерпнулъ изъ самыхъ достовѣрныхъ денешъ. Онъ не знакомъ съ газетнымъ дѣломъ, не знаетъ, что всѣ политическія газеты пережевываютъ одно и тоже, перепечатываютъ одна отъ другой съ прибавленіемъ лишь редакціонныхъ комментаріевъ. Страстный политикъ похожъ на лотерейнаго игрока, который, не находя своего нумера въ одной таблицѣ, ищетъ его въ нѣсколькихъ другихъ, хотя всѣ онѣ печатаются одинаково.

ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ КАРТИНКА.

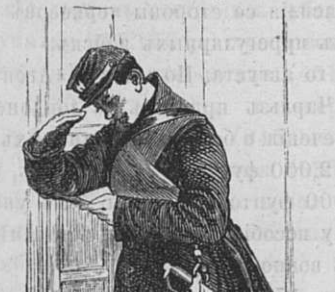


Лакей. Ваше сіятельство, потрудитесь получить сдачу.

Г-нъ А. А! поздравляемъ съ новымъ титуломъ!

Г-нъ Б. Онъ достался мнѣ очень дешево, не такъ какъ вамъ, милостивые государи. Я далъ за него полтинникъ на водку!...

Почтовый ящикъ.



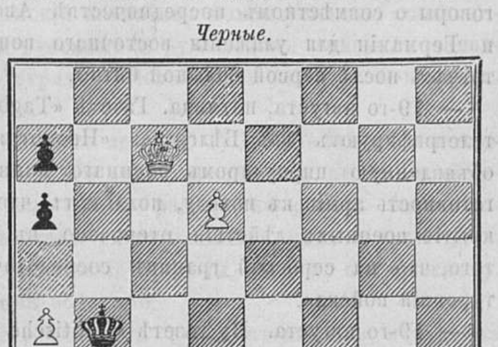
Г. Бердичевъ. Въ редакціи «Жив. Обозр.» получена жалоба г. Т. Голынскаго (г. Бердичевъ, с. Быстрикъ) на неполученіе №№ «Живописнаго Обозрѣнія» съ конца мая мѣсяца. Сожалѣя, что г. Т. Голынскій такъ поздно заявилъ свою жалобу, и тѣмъ не далъ возможности редакціи «Жив. Об.» гораздо раньше удовлетворить его справедливое требованіе, редакція, препроводивъ его заявленіе въ почтамтъ, обращается съ просьбою къ бердичевской почтовой конторѣ о болѣе правильной выдачѣ журнала. Всѣ №№ «Живописнаго Обозрѣнія» были своевременно посланы г. Т. Голынскому и редакціи только остается удивляться той небрежности, которую выказала, въ этомъ случаѣ бердичевская почтовая контора. Кстати, редакція считаетъ нужнымъ повторить гг. подписчикамъ просьбу жаловаться тотчасъ же на неполученіе №№ журнала. Это дастъ возможность редакціи дѣлать своевременныя заявленія въ главный почтамтъ, — въ противномъ же случаѣ будутъ постоянно происходить недоразумѣнія, въ которыхъ редакція нисколько не виновата, такъ какъ всѣ №№ «Жив. Обозр.» аккуратно и своевременно сдаются на почту.

Шахматы.

Задача XXXIII.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Черные.



Бѣлые.

Рѣшеніе задачи № XXXII.

Бѣлые.	*Черные.*
1) H4—H2	1) A2—A5 берутъ (a)
2) A6—C5†....	2) A4—A5 (или A3)
3) H2—C7 или D4—B5 † и матъ.	

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи. Народныя суевѣрія (оконч.). — Чортовъ волосъ (продолж.). — Нечеловѣческая месть (продолж.). — Обо всемъ. — Стихотвор. «На часахъ». —Доброе старое время.—Новости наукъ и жизни. — Смѣсь. — Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій. — Телеграммы. — Наши гравюры. — Почтовый ящикъ. — Шахматы.—Объявленія.

Гравюры: Улица въ Галацѣ.—Бѣлошвейка. — Политикъ. — Юмористическая картинка. — Почталіонъ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Объявленія.

Въ конторѣ редакціи «ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ» находится въ продажѣ **большая гравюра.**

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ.

Снимокъ къ картины *Леонарда да Винчи.* Цѣна *50 коп.* съ пер. *75 коп.*

Съ разрѣшенія Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1-го сентября открываются **курсы русскаго и ц—славянскаго языковъ и русской словесности** по программѣ, утвержденной Начальствомъ Учебнаго Округа. Эти курсы назначаются для лицъ **обоего** пола, готовящихся къ разнымъ экзаменамъ, равно какъ и для учащихся гдѣ-либо, но нуждающихся въ посторонней помощи по названнымъ предметамъ. Чтеніе предполагаются по вечерамъ въ будніе дни отъ 7—9 часовъ. По платнымъ условіямъ, курсы **вполнѣ общедоступны.** Для желающихъ—**отдѣльные** уроки. Есть помѣщеніе для двухъ пансіонеровъ. Знаменская ул., уголъ Озернаго переулка, д. № 33 (Дылева), кв. № 21 (отъ 3—7 часовъ ежедневно).

Преподаватель второй шестиклассной Прогимназіи, Кол. Сов. **А. Цвѣтковъ.**

При 36-мъ № журнала «Живописнаго Обозрѣнія» разошлется приложеніе ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО, за Сентябрь.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27 Августа 1877 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

№ 36. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода—4 р. 50 к. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 4 Сентября 1877 года. *Адресъ конторы редакціи:* С.-П.-бургъ, Троицкій переулокъ, домъ № $27/_1$. Годъ V.

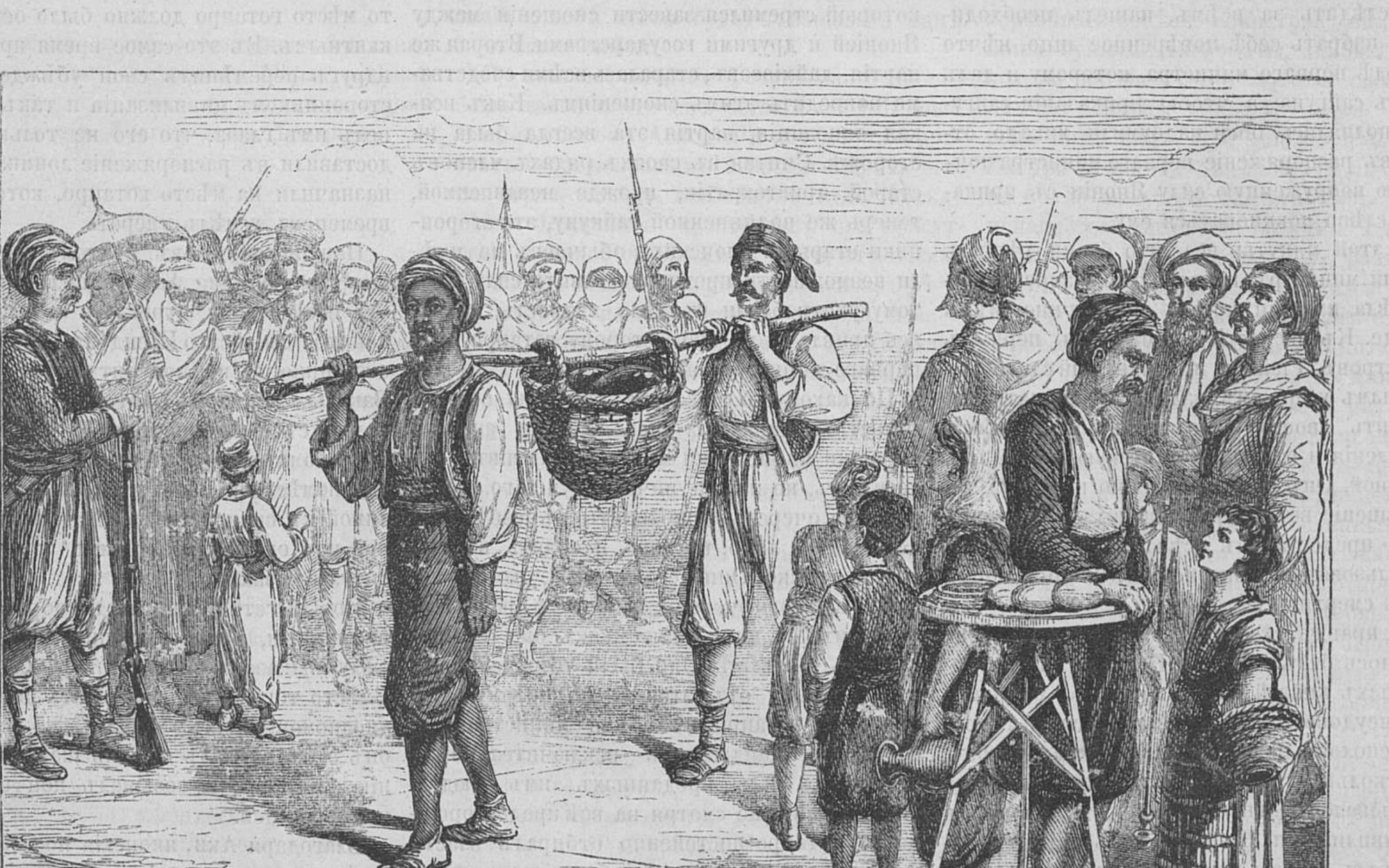
Гос. Публичная Б-ка

Подписка на „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ 1877 г. продолжается.

Въ 1877 году журналъ выходитъ **еженедѣльными** нумерами (въ годъ 52 нумера), иллюстрированными множествомъ художественныхъ гравюръ. Всѣ подписчики получаютъ, въ **видѣ премій**, ежемѣсячное приложеніе подъ заглавіемъ «Жизнь и Хозяйство», со множествомъ рисунковъ. Годовымъ подписчикамъ разсылаются слѣдующія преміи: большая гравюра **„Продажа амулетовъ“**, снимокъ съ картины проф. **Генриха Семирадскаго**, на толстой веленевой бумагѣ, длиною одинъ аршинъ, шириною 12½ вершковъ, и **Карта театра военныхъ дѣйствій въ Европейской и Азіятской Турціи.**

Годовая подписная цѣна журнала, съ достав. и перес. 7 руб., безъ перес. и доставки—6 руб.; на полгода: (съ 1-го іюля), съ пересылкою—4 р. 50 коп., безъ перес.—3 руб.

Подписка продолжается. Новые годовые подписчики получаютъ журналъ съ перваго нумера.



Снабженіе Варны провіантомъ.

Чортовъ волосъ.

(Фантастическое путешествіе въ Японію).

Эдуарда Кадоля.

Часть вторая.

(*Продолженіе.*)

Глава V.

Почему въ Парижѣ временами встрѣчается такъ много японскихъ пословъ.

Японская имперія нѣкогда находилась подъ неограниченнымъ управленіемъ микадо, императора, пользовавшагося вмѣстѣ и свѣтской и духовной властью. Внукъ солнца, получившій власть отъ самихъ боговъ, микадо никому не отдавалъ отчета въ своемъ управленіи. Его особа была такъ священна, что если кто-либо осмѣливался только взглянуть на нее, то немедленно умиралъ. Не то, чтобы боги карали дерзкаго, нѣтъ... чтобы избавить ихъ отъ излишняго безпокойства, самъ микадо бралъ на себя эту заботу. Онъ былъ предметомъ всеобщаго уваженія и обожанія. Этотъ монархъ, соединявшій въ своемъ лицѣ свѣтскую и духовную власть, былъ окруженъ князьями, получившими также свои права отъ самихъ боговъ и управлявшими дѣлами имперіи по своему усмотрѣнію. Они не находили нужнымъ доносить о чемъ-либо микадо, потому что считали его особу слишкомъ священною для того, чтобы утруждать ее всевозможными дрязгами администраціи. Такимъ образомъ, дѣла имперіи шли прекрасно, никто не жаловался, потому что всякому была дорога своя шкура, а чтобы этотъ золотой вѣкъ продолжился, былъ изданъ формальный законъ, запрещавшій иностранцамъ, подъ страхомъ ужасныхъ пытокъ и смерти, переступать японскія границы. Между тѣмъ микадо, не имѣя возможности самъ слѣдить за всѣмъ, нашелъ необходимымъ избрать себѣ повѣренное лицо, нѣчто въ родѣ перваго министра, которому и далъ титулъ сайгуна; а чтобы приказанія сайгуна исполнялись, боги надоумили микадо отдать въ распоряженіе перваго министра почти всю вооруженную силу Японіи съ приказомъ слѣпо повиноваться ему.

Съ этой минуты все, что бы ни рѣшилъ первый министръ, исполнялось безпрекословно. Дѣла имперіи пошли еще лучше, чѣмъ прежде. Къ несчастію, одинъ изъ первыхъ министровъ, Гіейасъ, проникнутый слишкомъ сильнымъ усердіемъ, вздумалъ окончательно избавить своего повелителя отъ заботъ управленія и отдѣлилъ свѣтскую власть отъ духовной. Онъ самоотверженно взялъ на себя рѣшеніе всѣхъ гражданскихъ и военныхъ дѣлъ, предоставивъ всѣмъ будущимъ микадо пользоваться поклоненіемъ и обожаніемъ всѣхъ смертныхъ.

По правдѣ сказать, это нововведеніе не обошлось безъ хлопотъ. Большая часть феодальныхъ князей, «даймiосовъ», изъявила свое неудовольствіе. Бонзы, съ своей стороны, всполошились, угрожая гнѣвомъ боговъ, и нѣсколько лѣтъ шла рѣзня, что уже тогда доказывало большую склонность японцевъ къ цивилизаціи. Но такъ какъ сайгунъ располагалъ арміею и доходами имперіи, то онъ, въ концѣ концовъ, все привелъ въ порядокъ, уничтожая однихъ и подкупая другихъ. Да! Гіейасъ былъ замѣчательный государственный человѣкъ! Не довольствуясь титуломъ сайгуна, онъ провозгласилъ себя тайкуномъ, то есть потомственнымъ императоромъ Японіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ все-таки первымъ вѣрноподданнымъ микадо, лишь бы послѣдній сидѣлъ безвыходно въ своемъ дворцѣ. Опасаясь, что старая аристократія можетъ возстать когда нибудь противъ него, или его пріемниковъ, тайкунъ издалъ законъ, обязывающій каждое семейство князей высылать ежегодно къ его двору одного изъ своихъ членовъ въ залогъ и, поселясь въ Іеддо, устроилъ вокругъ своего дворца цѣлый новый городокъ, ничѣмъ не уступавшій тюрьмѣ. Тамъ съ помощью отлично организованной полиціи тайкуны удерживали членовъ тѣхъ семей, возмущеніе которыхъ причинило бы имъ гибель, возстановивъ единодержавіе микадо и власть феодаловъ.

Похищеніе власти Гіейасомъ вызвало сначала только перемѣну личностей, стоящихъ во главѣ правленія, нисколько не измѣнивъ нравовъ и обычаевъ имперіи. Но впослѣдствіи, когда европейцы вздумали, во чтобы то ни стало, цивилизовать японцевъ и завести съ ними торговыя сношенія, бѣдные тайкуны, осаждаемые съ одной стороны посольствами, съ другой иностранными флотами, должны были отмѣнить приказъ о запрещеніи впускать иностранцевъ. Конечно, они сильно протестовали, каждый по своему: одинъ надувалъ купцовъ, другой просто убивалъ ихъ, чтобы только отбить охоту у послѣдователей. Но ничто не помогло. Благодаря упрямству голландцевъ, посылавшихъ, не смотря на громадный рискъ, впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ свои корабли, и съ помощію пушекъ другихъ державъ, иностранцы втерлись таки въ Японію. Послѣ этого населеніе раздѣлилось на два лагеря: одни допускали возможность европейской цивилизаціи, другіе же стояли за сохраненіе старыхъ порядковъ. Первая партія, буніосовъ, состоявшая изъ новой аристократіи, созданной тайкунами, боровшаяся съ феодалами, поддерживала тенденціи свѣтскаго монарха, который стремился завести сношенія между Японіей и другими государствами. Вторая же партія, дайміосовъ, старалась всѣми средствами повредить этимъ сношеніямъ. Какъ всякая оппозиція, партія эта всегда была на сторожѣ. Считая въ своихъ рядахъ членовъ старой аристократіи, прежде независимой, теперь же подчиненной тайкуну, эти сторонники старыхъ японскихъ обычаевъ не имѣли возможности противопоставить силу, а потому употребляли въ дѣло хитрость, стараясь привлечь на свою сторону готаиро, т. е. перваго министра тайкуна.

По какому-то роковому стеченію обстоятельствъ, тайкуны, бывшіе сами сначала первыми министрами микадо, похитивъ у него власть, не нашли ничего лучшаго, какъ, въ свою очередь, приблизить къ себѣ одно довѣренное лицо, готаиро, и отдать въ его власть войско. Они не опасались, что и готаиро, въ свою очередь, можетъ со временемъ поступить съ ними также, какъ они съ микадо въ XV вѣкѣ. Они были убѣждены, что застрахованы отъ этой бѣды потому, что окружили готаиро четырьмя министрами и совѣтомъ,—дайджаканъ—исключительно состоявшимъ изъ преданныхъ имъ людей. Между тѣмъ, не смотря на всѣ предосторожности, готаиро постепенно отбиралъ власть у тайкуна, такъ что можно было предвидѣть, что и тайкунъ вскорѣ будетъ доведенъ до состоянія микадо, т. е. до полнаго безличія.

Но покуда до этого еще не дошло, феодальняя партія, не безъ основанія опасавшаяся, что сношенія Японіи съ западными народами настолько откроютъ глаза обществу, что помѣшаютъ исполненію плана готаиро, начала тайно помогать ему свергнуть тайкуна; въ случаѣ же успѣха она рѣшила пожертвовать готаиро и возстановить власть микадо.

Во время этихъ интригъ партія цивилизаціи преобладала при дворѣ тайкуна. Посланники Англіи и Соединенныхъ Штатовъ поселились въ Іеддо и уже впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ не подвергались ни малѣйшей опасности. Мѣсто готаиро занималъ молодой человѣкъ лѣтъ 27, принцъ Аки, потомокъ знаменитой древней фамиліи, почти равной микадо. До полученія званія готаиро, онъ жилъ въ качествѣ заложника при дворѣ тайкуна. Проникнутый убѣжденіями своей касты, онъ долго противился всякому нововведенію и такъ горячо стоялъ за старые обычаи, что совѣтъ нѣсколько разъ предлагалъ тайкуну незамѣтно отдѣлаться отъ него, посредствомъ удара кинжаломъ въ спину. Но Аки избѣжалъ этой опасности, не потому, однакожь, чтобы некому было поручить убійство; японская столица изобилуетъ отставными военными, вышедшими въ отставку не по своей волѣ, которые всегда готовы на убійство, лишь бы возможно было нанести ударъ сзади, и за него имъ дали бы хорошую плату. Надѣвая маску, они не рискуютъ, что ихъ кто-нибудь узнаетъ, къ тому же свое дѣло они совершаютъ не въ одиночку, а собираются партіями въ нѣсколько человѣкъ. Ихъ называютъ лонины. Услуги ихъ покупаются за довольно сходную цѣну, и они, если представится случай, не отказываются и отъ грабежа. Отсюда понятно, что отдѣлаться отъ молодого Аки было не трудно, но тайкунъ почему-то призадумался воспользоваться столь обыкновеннымъ въ Японіи средствомъ избавиться отъ врага.

Между тѣмъ пока тайкунъ колебался, отдѣлаться-ли отъ Аки или сохранить его, внезапно заболѣлъ его первый министръ, неимѣвшій дѣтей, такъ что еслибъ онъ умеръ, то мѣсто готаиро должно было остаться вакантнымъ. Въ это самое время принцъ Аки вдругъ перемѣнилъ свои убѣжденія, сталъ сторонникомъ цивилизаціи и такъ ловко отвелъ имъ глаза, что его не только не предоставили въ распоряженіе лонинамъ, но еще назначили на мѣсто готаиро, который тѣмъ временемъ успѣлъ умереть.

Партія дайміосовъ, въ томъ числѣ и близкіе родственники Аки, пришла въ отчаяніе отъ его измѣны, отреклась отъ него, и знаменитое семейство Шендай объявило ему, что онъ никогда не получитъ руку красавицы Ваказы, женихомъ которой онъ считался почти съ младенчества. И чтобы онъ не могъ сомнѣваться въ этомъ рѣшеніи, Шендаи помѣстили Ваказу ко двору микадо фрейлиной къ священной особѣ,—первой и главной изъ его 13 законныхъ женъ, носящей титулъ кизаки.

Новый готаиро почти не обратилъ на это вниманія и, весь отдавшись своему новому дѣлу, выказалъ энергію, поразившую всѣхъ. Вмѣсто того, чтобы держать въ отдаленіи уполномоченныхъ западныхъ государствъ, онъ самъ сдѣлалъ первый шагъ къ сближенію съ ними, и созывалъ конференцію за конференціей.

Благодаря Аки, японскія посольства стали періодически появляться въ Европѣ и возвращались изъ нея съ очень цѣнными подарками, какъ напримѣръ: пароходомъ отъ королевы Англіи, карабинами отъ американцевъ, пушками отъ голландцевъ и съ инструкціями, какъ со всѣмъ этимъ обращаться съ пользою для человѣчества вообще и японцевъ въ особенности.

Феодальная партія негодовала, бонзы пророчили конецъ свѣта, а самъ микадо пришелъ въ ужасъ. Казалось, все уже было готово къ востанію, но американскіе карабины и голландскія пушки сдерживали недовольныхъ, несмотря на то, что они утверждали, изъ презрѣнія къ нововведеніямъ, что стрѣлы и сабли несравненно удобнѣе и полезнѣе всѣхъ этихъ глупостей.

Готаиро, однакожь, не остановился на первомъ шагѣ. Выхлопотавъ свободный доступъ иностранцамъ, онъ, послѣ многихъ увѣщаній и не смотря на окружающія его интриги, добился отъ тайкуна приказа выписать изъ Европы реформатора, чтобы передѣлать администрацію Японіи на европейскій ладъ и, такимъ образомъ, поставить свою родину наравнѣ съ европейскими державами.

Это былъ послѣдній и самый жестокій ударъ; неудовольствіе феодаловъ начало выражаться все громче и громче. Но Аки положилъ этому конецъ, формально заявивъ, что если микадо и его сторонники осмѣлятся выказывать сопротивленіе, онъ не остановится ни передъ чѣмъ и даже совсѣмъ уничтожитъ самый титулъ микадо.

Въ силу этихъ-то событій, однажды утромъ, со стороны набережной раздались пушечные выстрѣлы. Все населеніе Іеддо, т. е. около 2,000,000 человѣкъ, бросилось туда.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега бросилъ якорь красивый пароходъ. Лодка тайкуна подъѣхала къ борту, взяла двухъ путешественниковъ и вмѣстѣ съ десятью другими лодками, въ которыхъ помѣщались японскіе офицеры и чиновники, направилась къ берегу и причалила къ пристани, на которой стоялъ готаиро, окруженный министрами и всѣмъ тайкунскимъ дворомъ. Когда путешественники вышли, принцъ Аки пошелъ имъ навстрѣчу и, вопреки законамъ страны, пожалъ имъ руки по европейскому обычаю.

Первый изъ путешественниковъ былъ знакомый уже намъ Фелисьенъ Мерле, сдѣлавшійся, благодаря чорту, будущимъ реформаторомъ Японіи. Другой былъ Ландри.

Глава VI.

Честь удовлетворена.

Несмотря на всеобщее неудовольствіе, вызванное европейскимъ привѣтствіемъ принца, Аки, всѣ безпрекословно заняли назначенныя имъ въ процессіи мѣста и шествіе двинулось по направленію къ городу, гдѣ было приготовлено помѣщеніе для реформатора и его друга.

Во главѣ шли полицейскіе съ непокрытыми головами и несли въ рукахъ длинные желѣзные шесты, на которыхъ прикрѣплено было множество колецъ, бренчавшихъ при каждомъ ударѣ шеста о землю. За ними слѣдовали солдаты, вооруженные саблями и громадными луками со стрѣлами. Шествіе замыкалось нескончаемой вереницей роскошныхъ паланкиновъ, несомыхъ на плечахъ.

Для Фелисьена и Ландри были приготовлены два роскошные паланкина, но они изъявили желаніе помѣститься въ одномъ, не для того, чтобы мѣняться впечатлѣніями, въ ту минуту они молчали и съ удивленіемъ смотрѣли на всѣ эти новинки, а потому, что окружающая ихъ свита внушала имъ нѣкоторое безпокойство. Ихъ окружили почти сплошной стѣной офицеры, ѣхавшіе на лошадяхъ, очевидно, съ цѣлію помѣшать имъ видѣть далеко. Несмотря на это, они видѣли, мелькомъ, массу колѣнопреклоненнаго народа. Черезъ каждые сто шаговъ были устроены тріумфальныя арки, пройдя которыя шествіе на минуту останавливалось, свита вытягивалась въ одну линію и молодые люди могли взглянуть на общій видъ улицы. Архитектура домовъ была однообразна. Всѣ частные и казенные дома были построены въ одинъ этажъ съ высокими, изукрашенными массивными изгибами крышами. Двери и окна закрывались громадными подвижными рамами и были такъ высоки и широки, что можно было безпрепятственно видѣть всю внутренность жилища и сдѣлаться невольнымъ свидѣтелемъ самыхъ интимныхъ домашнихъ сценъ. Ландри, напримѣръ, къ своему великому изумленію увидѣлъ, и указалъ своему другу, цѣлое японское семейство купающееся въ большихъ ваннахъ, напротивъ самой двери. Вездѣ кипѣла жизнь и дѣятельность, вездѣ виднѣлись улыбающіяся, смышленыя лица, на которыхъ выражалось любопытство при встрѣчѣ съ иностранцами. На каждомъ шагу встрѣчались такъ называемые чайные дома, гдѣ услужливыя молоденькія японки подаютъ во всякое время готовый чай. Тутъ былъ устроенъ базаръ, на которомъ продавали всевозможныя бездѣлушки великолѣпной работы, тамъ толпа торгашей, толкавшаяся и кричавшая, какъ наши маклера на биржѣ. Между всѣмъ этимъ толпы зѣвакъ и гуляющихъ, въ числѣ которыхъ было не мало и женщинъ, обутыхъ въ своеобразные, соломенные башмаки и тащившихъ за руку босоногихъ ребятъ.

Фелисьенъ былъ пораженъ всѣмъ, что видѣлъ. Онъ думалъ найти здѣсь дикихъ, съ продѣтыми въ носъ рыбьими костями. Когда Асмодей сказалъ ему, что везетъ его въ Японію, онъ долго не соглашался. Но чортъ стоялъ на своемъ.

— Если ты такъ ясно выразилъ свой желанія, сказалъ онъ, — не могу же я везти тебя въ Понтуазъ. Японцы жаждутъ цивилизаціи и тебѣ легко будетъ выказать тамъ свои способности.

Первыя впечатлѣнія Фелисьена въ Японіи были таковы, что онъ остался вполнѣ доволенъ выборомъ Асмодея и хотѣлъ уже признать себя неправымъ и поблагодарить его, но чортъ исчезъ, неизвѣстно куда. Между тѣмъ Фелисьенъ чувствовалъ его присутствіе, которое сказывалось тѣмъ, что, незная японскаго языка, онъ свободно сказалъ рѣчь въ отвѣтъ на привѣтствіе принца Аки, — рѣчь, которую отлично поняли всѣ присутствующіе, что, конечно, онъ долженъ былъ приписать колдовству Асмодея. Внимательный чортъ, боясь, чтобы Фелисьенъ безъ его помощи, не потерялъ присутствіе духа, выбралъ минуту, когда Фелисьена оставили въ покоѣ, и шепнулъ ему:

— Я вездѣ буду слѣдовать за тобою, для большаго удобства, невидимкой. Иди смѣло впередъ, не заботясь ни о чемъ. Ты понимаешь, что чортъ моего сорта не можетъ оставаться безъ дѣла. Я займусь интересными для меня изслѣдованіями и вмѣстѣ съ тѣмъ буду наблюдать за тобой, чтобы явиться къ тебѣ на помощь при первой сдѣланной тобою крупной глупости.

Въ это время шествіе вступило въ новую часть города. Перемѣна была поразительна. Улица и сады были пусты и безмолвны, жилища заперты, все напоминало громадный монастырь. Здѣсь жили заложники. Изъ за опущеныхъ сторъ виднѣлись личики молодыхъ женщинъ, которыя, не смотря на строгій законъ этикета, старались взглянуть на путешественниковъ.

Шпіонъ—должность котораго въ Японіи очень уважается — наблюдалъ за шествіемъ и писалъ замѣтки на своемъ вѣерѣ. Шпіонство такъ развито въ Японіи, что даже семейная жизнь отъ него не застрахована. Асмодей предупредилъ Фелисьена, что и онъ не избавленъ отъ этого удовольствія, но успокоилъ его тѣмъ, что это не принесетъ ему ни малѣйшей непріятности, такъ какъ всѣ донесенія будутъ сначала попадать въ руки Асмодея и только просмотрѣнныя и редактированныя имъ будутъ отправляться по назначенію.

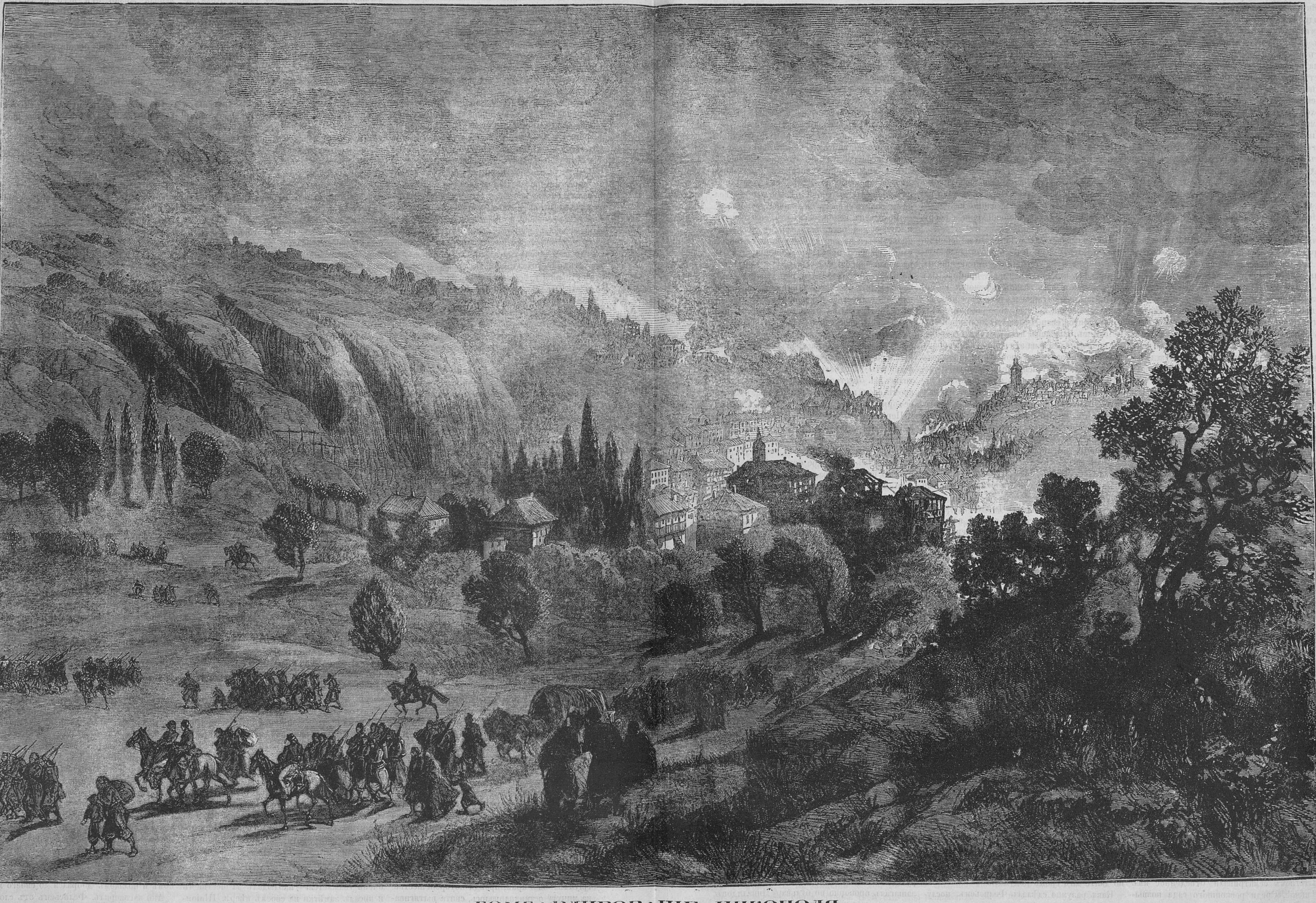
Наконецъ, шествіе приблизилось ко дворцу, который отличался отъ другихъ построекъ только размѣрами. Фелисьенъ и его другъ вышли изъ паланкина и вошли по великолѣпной лѣстницѣ въ анфиладу большихъ, высокихъ и безъ всякой мебели залъ.

Принцъ Аки и его свита въ нѣсколько минутъ переодѣлись изъ военнаго костюма въ придворный, состоящій изъ крошечной шапочки, шитой золотомъ, которая держалась на головѣ посредствомъ золотой нитки, завязанной подъ подбородкомъ; потомъ изъ широкаго балахона съ рукавами, падающими ниже колѣнъ, и, наконецъ, изъ фантастическихъ панталонъ до того широкихъ и длинныхъ, что онѣ тащились сзади каждой ноги, какъ шлейфъ. Несмотря на неудобство, этотъ костюмъ былъ необходимъ при соблюденіи этикета, по которому никто не имѣлъ права стоять передъ монархомъ и даже самые первые сановники обязаны были приближаться къ нему на колѣняхъ.

Когда Фелисьенъ и Ландри вошли въ пріемную залу, болѣе 1,500 человѣкъ сидѣло на толстыхъ цыновкахъ, не смѣя пошевельнуться, не смѣя поднять глазъ. Тутъ была вся знать Японіи: принцы древнихъ фамилій, одни, какъ заложники, другіе, какъ посланные отъ двора микадо, представители новой аристократіи тайкуна, члены дайджакана, т. е. верховнаго совѣта, министры, дайміосы, якунины, буніосы, дипломаты, шпіоны высшаго полета; всѣ они съ трепетомъ ожидали появленія тайкуна, чтобы униженно пасть передъ нимъ ницъ. При появленіи Фелисьена, Ландри и принца Аки никто не шевельнулся, но болѣе полутора тысячъ паръ глазъ съ ненавистью взглянуло на нихъ. Вдругъ перегородка, раздѣляющая залу, раздвинулась и въ глубинѣ комнаты появился тайкунъ, или скорѣе не тайкунъ, а диванъ съ цѣлымъ ворохомъ шелка и золота, изъ котораго торчала человѣческая голова въ миніатюрной шапочкѣ, привязанной золотой ниткой. Всѣ присутствующіе моментально пали ницъ и императоръ въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ могъ наслаждаться зрѣлищемъ болѣе 1,500 аристократическихъ спинныхъ хребтовъ. Наконецъ, онъ сдѣлалъ знакъ и всѣ приняли прежнее положеніе. Вторымъ знакомъ тайкунъ далъ понять, чтобы ему представили пріѣзжаго иностранца. Принцъ Аки всталъ и, взявъ Фелисьена за руку, сдѣлалъ съ нимъ два шага по направленію къ дивану.

Въ ту же минуту въ залѣ, не смотря на этикетъ, пронесся ропотъ негодованія, потому что Аки пренебрегъ обычаемъ и оскорбилъ принца Сатсуму, которому одному было предоставлено право представлять тайкуну иностранцевъ. Взбѣшенный принцъ всталъ также и, приблизившись къ Фелисьену, взялъ его за другую руку. Но въ ту же минуту брови тайкуна грозно сдвинулись и непріятный, нѣмой споръ былъ рѣшонъ въ пользу готаиро Аки. Сатсума выпустилъ руку Фелисьена, три раза распростерся передъ тайкуномъ и ползкомъ добрался до своего мѣста.

Аки заговорилъ. Фелисьенъ отъ слова до слова понималъ рѣчь оратора и не безъ удо-



БОМБАРДИРОВАНІЕ НИКОПОЛЯ.

вольствія слушалъ расточаемыя ему похвалы. Тайкунъ милостиво выслушалъ докладъ и, поздравивъ молодого человѣка съ счастливымъ пріѣздомъ, и, изъявивъ надежду, что онъ своимъ умомъ и просвѣщеніемъ принесетъ много пользы Японіи, вынулъ изъ рукава бумагу и удостоилъ самъ прочесть декретъ, въ которомъ Фелисьенъ провозглашался сіятельствомъ, великимъ преобразователемъ арміи и высочайшимъ совѣтникомъ верховнаго совѣта. Все это заключалось въ громкомъ титулѣ «Великаго Реформатора». Фелисьену оставалось только выразить свою благодарность, что онъ и сдѣлалъ, но въ такихъ благородныхъ выраженіяхъ, что самые предубѣжденные не нашли, къ чему придраться. Тайкунъ былъ глубоко тронутъ и, пожелавъ ему еще разъ успѣха, окончилъ пріемъ.

Между тѣмъ принцъ Сатсума не могъ переварить нанесеннаго ему оскорбленія. Возвратясь въ свой великолѣпный дворецъ, онъ собралъ всѣхъ родныхъ и, не смотря на то, что всѣ они, за исключеніемъ женщинъ, сами были свидѣтелями происшествія, разсказалъ имъ о нанесенной ему обидѣ. Трое старѣйшихъ въ родѣ отправились къ тайкуну, чтобы просить удовлетворенія. По всей вѣроятности, тайкунъ этого ожидалъ, такъ какъ имъ отвѣтили, что онъ не принимаетъ и что они не имѣютъ права жаловаться, такъ какъ Фелисьенъ, занимая при дворѣ важную должность, уже не иностранецъ, и потому принцъ Аки не нарушилъ закона, представивъ его помимо Сатсумы. Посланные возвратились и слово въ слово передали отвѣтъ принцу. Онъ выслушалъ ихъ и даже не поморщился.

— Какъ вы думаете, сказалъ онъ,—достаточно этихъ оправданій или нѣтъ?

— Конечно, нѣтъ! отвѣчали родные.

— Затронута или нѣтъ моя честь?

— Безъ сомнѣнія, затронута, подтвердили они.

— Въ такомъ случаѣ вы знаете, что вамъ должно сдѣлать, разъ я возвращу честь нашей оскорбленной фамиліи.

И ни сколько не колеблясь, онъ схватилъ кинжалъ и распоролъ себѣ животъ снизу до верху.

— Браво! Браво, наперерывъ закричали его жена, двѣ дочери, три сына и всѣ родные, не помня себя отъ гордости.

— Какъ! проговорилъ умирающій, пересиливая страданія, — неужели вы сомнѣвались въ моемъ уваженіи къ нашему имени и моему сану? Благодареніе богамъ, упадокъ нравовъ еще распространенъ не вездѣ. Моя рѣшимость увеличитъ славу нашего имени и ободритъ падающихъ духомъ. Мы должны подавать примѣръ, потому что, какъ по рожденію, такъ и по образованію, мы стоимъ выше грубыхъ предразсудковъ.

Проговоривъ это, онъ умеръ на глазахъ всего семейства, не перестававшаго изъявлять ему свое высокое уваженіе. Когда онъ испустилъ послѣдній вздохъ, мужчины и женщины съ гордостью подняли головы: честь семейства Сатсумы была удовлетворена и имъ оставалось только отомстить за смерть принца. Чтобы исполнить это, нужно было немедленно увѣдомить его сіятельство, великаго реформатора о происшедшемъ, такъ какъ они не сомнѣвались въ томъ, что образованный и знатный Мерле не замедлитъ дать имъ требуемое удовлетвореніе.

Между тѣмъ Фелисьенъ и Ландри съ любопытствомъ осматривали отведенное имъ помѣщеніе. Среди роскошнаго сада возвышалось прелестное зданіе на массивномъ гранитномъ фундаментѣ. Кругомъ всей постройки шла открытая галлерея, изъ которой свѣтъ проникалъ въ залы, отдѣленныя одна отъ другой бумажными ширмами. Въ комнатахъ, какъ и у тайкуна, не было мебели, но множество мягкихъ, красивыхъ и безукоризненной чистоты цыновокъ и подушекъ. Ландри сначала очень безпокоился о томъ, что жилище ихъ не имѣетъ ни одной солидной двери и, что они ни чѣмъ не гарантированы ни отъ простуды, ни отъ нападенія; но онъ скоро успокоился, узнавъ, что 600 человѣкъ стражи охраняетъ ихъ безопастность. Стража, конюхи, лакеи занимали съ своими семействами домики въ саду около дворца. Высокія стѣны окружали весь садъ, и чтобы проникнуть въ него, надо было пройдти мимо хорошо вооруженныхъ часовыхъ и мимо караульни, въ которой постоянно находился секретарь съ двумя помощниками и вооруженный швейцаръ.

Когда Фелисьенъ и Ландри уже оканчивали осмотръ сада, имъ пришли доложить, что семейство Сатсумы проситъ аудіенціи. Фелисьенъ изъявилъ согласіе принять ихъ немедленно и безъ всякой церемоніи, но его секретарь воспротивился этому рѣшенію, сказавъ, что семья пришла по серьезному дѣлу и оскорбится, если Фелисьенъ, принимая ихъ, не будетъ окруженъ всѣмъ своимъ дворомъ. Фелисьенъ сдался на эти доводы и, собравъ въ пріемной залѣ всю свою свиту, приказалъ впустить посѣтителей. Услышавъ о происшедшемъ несчастіи, онъ изъявилъ свое искреннее сожалѣніе и спросилъ, чѣмъ можетъ быть полезенъ родственникамъ покойнаго. Въ отвѣтъ на это одинъ изъ родныхъ Сатсумы, распростершись передъ нимъ нѣсколько разъ, подалъ ему великолѣпный кинжалъ, отлично наточенный.

— Чтожъ мнѣ дѣлать? спросилъ Фелисьенъ.

— Мы ждемъ удовлетворенія, отвѣчали родные.

— Извините, возразилъ Фелисьенъ,—какъ новый человѣкъ въ вашей странѣ, я не знаю еще ея обычаевъ. Да хранитъ меня небо, чтобы я когда нибудь отказалъ въ удовлетвореніи оскорбленнымъ мною или по моей винѣ, но я осмѣлюсь спросить васъ, въ чемъ должно состоять это удовлетвореніе.

— Онъ правъ! сказалъ съ презрѣніемъ одинъ изъ родныхъ, обращаясь къ своимъ.— Эти варвары не понимаютъ требованій чести; намъ необходимо объяснить ихъ ему.

И, обратясь къ Фелисьену, объяснилъ ему, что по законамъ страны, онъ немедленно долженъ вскрыть себѣ желудокъ, и выпустить изъ него всѣ внутренности.

— Ваше сіятельство, прибавилъ ораторъ,— занимаете слишкомъ почетное мѣсто, чтобы колебаться хотя одну минуту. Величіе имѣетъ свои обязанности и знатные люди должны точно исполнять законы, касающіеся чести ихъ имени.

Можно представить себѣ состояніе Фелисьена. Колебаться, значило лишиться обаянія на окружающихъ; повиноваться тоже было не совсѣмъ удобно.

— Я очень благодаренъ вамъ, господа, за оказанное мнѣ довѣріе, сказалъ онъ, — и принцъ Сатсума ничѣмъ не могъ выразить большого уваженія ко мнѣ, но вы застали меня врасплохъ, тѣмъ болѣе, что вы сами знаете, какъ много мнѣ здѣсь дѣла. Конечно, я не отказываю вамъ въ удовлетвореніи, но дайте мнѣ срокъ подумать.

Какъ разумно сдѣлалъ Фелисьенъ, послушавъ совѣта своего секретаря, окружить себя свитой. Иначе, родные Сатсумы немедленно умертвили бы его. Нѣкоторые изъ нихъ выдернули уже сабли; но въ эту минуту появилось новое лицо. Это былъ шпіонъ императора, командированный слѣдить спеціально за новымъ сіятельствомъ. Предупрежденный шпіономъ семейства Сатсумы, онъ немедленно донесъ обо всемъ тайкуну, который послалъ Фелисьену формальное запрещеніе что либо вскрывать себѣ подъ страхомъ самаго ужаснаго наказанія. Кромѣ того, монархъ предупреждалъ родныхъ покойнаго, что, въ случаѣ настойчивости съ ихъ стороны, приговоритъ ихъ всѣхъ послѣ всевозможныхъ пытокъ къ самоубійству.

Всѣ, повидимому, успокоились и повиновались безпрекословно, тѣмъ болѣе, что шпіонъ привелъ съ собой цѣлый взводъ солдатъ, вооруженныхъ съ головы до ногъ.

Фелисьенъ вообразилъ, что онъ спасенъ и, спустя два часа, выѣхалъ въ носилкахъ прокатиться по городу. Вдругъ, въ одной изъ улицъ на него напала толпа лониновъ. Завязалась борьба. Фелисьенъ выскочилъ изъ носилокъ и употреблялъ всѣ усилія, чтобы воодушевить свою свиту, которая, подавленная численностью напавшихъ, уже собиралась обратиться въ бѣгство. Замѣтивъ безвыходность своего положенія, онъ выхватилъ изъ кармановъ два великолѣпные револьвера, выстрѣлилъ и раскроилъ черепа пятерымъ своимъ врагамъ. Понявъ всю несостоятельность холоднаго оружія, лонины обратились въ бѣгство, оставивъ на полѣ битвы, кромѣ своихъ, еще человѣкъ 15 изъ свиты реформатора.

Перешагнувъ черезъ трупы, къ Фелисьену подошелъ сынъ Сатсумы.

— Ваше сіятельство, сказалъ онъ, любезно поклонившись,—простите намъ, что причинили вамъ маленькое безпокойство. Честь нашего рода требовала этого. Но кровь пролита и наша честь вполнѣ удовлетворена. Мы вовсе не кровожадны, но подумайте, что бы сталось съ обществомъ, если бы аристократія не слѣдовала строго принципамъ, на которыхъ покоятся нравственность и законы.

Фелисьенъ принужденно улыбнулся въ знакъ согласія, хотя и не могъ примириться съ мыслію, что честь аристократическаго имени и нравственные принципы зависѣли отъ убійства нѣсколькихъ бѣдняковъ, до которыхъ все это нисколько не касалось. Поклонившись принцу, онъ сѣлъ въ носилки и продолжалъ свой путь. При встрѣчѣ съ нимъ пѣшеходы падали ницъ и воздавали почести, которыя народы привыкли оказывать сильнымъ міра. Но Ландри, смотря на этотъ почетъ, не чувствовалъ ни малѣйшей радости и съ грустью припоминалъ предсказаніе Асмодея. «Онъ былъ правъ, думалъ онъ, чортовъ волосъ уже разъ встрѣтился, что то будетъ впослѣдствіи?»

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

* * *

Нечеловѣческая месть.

Романъ Анри Тесье.

(*Продолженіе.*)

Глава III.

Мадмуазель Фанни даетъ г. Дени случай оцѣнить ея проницательность.

Дени, разставшись съ каретою, увозившею двухъ дѣйствующихъ лицъ драмы, въ которую онъ былъ такъ неожиданно замѣшанъ, зашагалъ проворно по бульвару Инвалидовъ и остановился у дома подъ № 32.

Это былъ небольшой домъ въ два этажа надъ третьимъ, нижнимъ жильемъ, и съ дворомъ на улицу. На фронтонѣ его широкой рѣшетки красовался герцогскій гербъ Рейнольдовъ д'Отфоръ.

Какой-то человѣкъ ожидалъ, прислонясь къ этой рѣшеткѣ. Замѣтивъ Дени, Жанъ—это былъ онъ—отворилъ одну половину воротъ и впустилъ его.

— Г. герцогъ не спитъ, сказалъ онъ,—по этому г. Контуа поручилъ мнѣ поджидать васъ у воротъ и попросить избѣгать всякаго шума.

— Хорошо! отвѣчалъ Дени.

Жанъ провелъ его черезъ сѣни, едва освѣщенные фонаремъ съ матовыми стеклами, и черезъ билліардную залу въ большую комнату, имѣвшую видъ конторы и убранную простою дубовою мебелью. Въ каминѣ пылалъ большой огонь.

Старикъ, сидѣвшій въ широкомъ креслѣ, поднялся при звукѣ шаговъ по паркету, бросился къ Дени и нѣжно обнялъ его.

— Спасибо, Жанъ! сказалъ онъ лакею.— Вернитесь въ сборную комнату прислуги и скажите, чтобы всѣ тамъ ожидали моихъ приказаній.

Жанъ поклонился и вышелъ.

— Наконецъ-то, ты явился! воскликнулъ старикъ, подводя сына къ камину и придвигая ему кресло.—Злодѣй ты! заставилъ меня ждать и перенести Богъ знаетъ какія мученія!

— Прости мнѣ, отецъ, но не могъ же я предвидѣть, что случится это несчастіе.

— Ты былъ въ театрѣ, но никто не зналъ, въ какомъ...

Въ эту минуту, старикъ случайно взглянулъ на руки своего сына.

— Что съ тобою случилось? вскричалъ онъ.—Руки у тебя въ крови... и даже пальто и панталоны, забрызганы кровью!

— Да... въ самомъ дѣлѣ! произнесъ спокойно Дени.—Дай-ка мнѣ воды и полотенце, надо уничтожить эти неприглядныя пятна.

— Ты раненъ?... На тебя напали? проговорилъ управитель, весь дрожа отъ волненія.

— Нѣтъ, но въ ста шагахъ отсюда, зарѣзали одного бѣднаго малаго и мнѣ пришлось повозиться; поэтому я нѣсколько замѣшкался.

Говоря это, Дени мылъ себѣ руки и стиралъ мокрымъ полотенцомъ кровяныя пятна на его платьѣ.

— Вотъ и незамѣтно болѣе ничего, сказалъ онъ.—Теперь я готовъ тебя выслушать.

Контуа провелъ своею исхудалою рукою по лбу и откинулъ назадъ длинныя сѣдыя пряди, падавшія ему на лицо.

— Какъ я тебѣ и писалъ, началъ онъ,—мадмуазель Эрмина, потихоньку отъ всѣхъ насъ, вышла сегодня изъ дома во второмъ часу, черезъ садовую калитку, и болѣе не возвращалась. Я посылалъ къ ея дядѣ, ея кузинѣ, ко всѣмъ короткимъ знакомымъ герцога, подъ предлогомъ того, не у нихъ ли она забыла свой вѣеръ; ее нигдѣ не видали. Всѣ мы, домашніе, въ отчаяніи; я думалъ, что сойду съ ума... мы всѣ ее обожаемъ. Слава Богу, ея исчезновеніе удалось скрыть отъ дѣда...

— Я знаю. Жанъ сообщилъ мнѣ все. Само Провидѣніе послало сюда этого доктора.

— Не правда-ли? А теперь, Аристидъ, вся моя надежда на тебя! Надо отыскать нашу милую дѣвушку!... И ты найдешь ее, мой дорогой, если ты не хочешь, чтобы твой старый отецъ сошелъ въ гробъ отъ печали!

— Успокойся; мы и не то еще дѣлывали! Я не боюсь пообѣщать тебѣ, что къ завтрему я изловлю хорошенькую вѣтренницу... Помнится мнѣ, она очень хорошенькая?

— Ангелъ въ физическомъ и нравственномъ смыслѣ!... Ты, правда, ее мало видалъ... Ты такъ рѣдко навѣщаешь своего отца, дрянной ты человѣкъ! Но для твоего руководства, знай, что мадмуазель Эрмина,—натура самая прямодушная, умъ благороднѣйшій... И какая она нѣжная, самоотверженная, великодушная!...

— Да вотъ, и ея фотографіи, прибавилъ старикъ,—я приготовилъ ихъ для тебя и для твоихъ агентовъ, потому что ты, вѣдь, перероешь весь Парижъ, не такъ-ли?

— Это моя обязанность! Суди самъ, исполню ли я ее, какъ слѣдуетъ! отвѣчалъ г. Дени, внимательно разсматривая карточки, поданныя ему старикомъ.

На нихъ была изображена дѣвушка, лѣтъ шестнадцати или семнадцати, съ тонкими чертами лица и большими, задумчивыми глазами. Длинные, кудрявые, бѣлокурые волосы, обрамляли это прелестное лицо съ ангельской улыбкой и простодушной граціей.

— Я узналъ ее, проговорилъ вполголоса Дени;—дѣйствительно, невозможно предположить, чтобы дѣвушка, воспитанная, какъ она, и такого характера, рѣшилась бы по своей волѣ на тайный побѣгъ, въ особенности же, зная, что это можетъ нанести смертельный ударъ ея дѣду.

— Это очевидно! произнесъ со вздохомъ Контуа.

— Остается предположить насильственное похищеніе,—что, среди бѣлаго дня, не совсѣмъ правдоподобно. Впрочемъ, прежде всего надобно отыскать мадмуазель Эрмину, а тамъ мы уже отроемъ и всю правду на счетъ ея пропажи.

— Это вѣрно. Ищи же, ищи же тотчасъ, мой другъ!

— Изъ сколькихъ лицъ состоитъ собственная прислуга молодой герцогини?

— Изъ горничной, мадмуазель Фанни, потомъ Бабеты Лельевръ, бывшей кормилицы, а теперь ключницы въ домѣ; есть еще дѣвица Шапюи, швея.

— Всѣ онѣ здѣсь?

— Нѣтъ. Ирма Шапюи ушла сегодня. Это прекрасная дѣвушка, съ которою герцогиня имѣла, впрочемъ, весьма мало сношеній.

— Призови сюда остальныхъ двухъ женщинъ, отецъ.

Контуа быстро вскочилъ, не смотря на свою старость, и поспѣшилъ въ людскую.

Дени продолжалъ разсматривать фотографіи.

— Да, ворчалъ онъ,—она очень красива, вѣрно, въ эту исторію замѣшался влюбленный. Остается узнать, съ чѣмъ мы имѣемъ дѣло: съ безразсуднымъ ли доказательствомъ привязанности къ любимому человѣку, или же съ местью отвергнутаго вздыхателя...

Контуа воротился, подталкивая впередъ толстую особу лѣтъ подъ пятьдесятъ. Ея распухшіе и еще влажные глаза свидѣтельствовали о явномъ горѣ.

За нею шла мадмуазель Фанни, миловидная субретка съ плутовскою рожицей, тоже заплаканная.

— Бабета и Фанни, сказалъ управитель,—вы находитесь въ присутствіи моего сына, г. Дени, полицейскаго инспектора, который желаетъ васъ допросить.

— Полицейскій инспекторъ!... Стало быть, вы возвратите намъ мою дочечку, добрый господинъ! вскричала она, падая на колѣни.

Мадмуазель Фанни, съ любопытствомъ разсматривала Дени.

— Встаньте, голубушка, добродушно произнесъ инспекторъ,—и постарайтесь помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ! Вы согласны на это?

— О, Господи Іисусе! Согласна-ли я! Скажите, что надо для этого сдѣлать?

— Слушайте меня обѣ хорошенько. Не случилось-ли чего-нибудь особеннаго вчера или сегодня... чего-нибудь такого, что могло побудить м-ль Эрмину выдти?

— Ничего! рѣшительно отрѣзала кормилица.

— Ничего! повторила за нею, но не столь утвердительно, горничная.

— М-ль Эрмина вела переписку со многими лицами?

— Разумѣется, сказала Фанни,—она писала часто своимъ подругамъ, своему дядѣ, тѣмъ особамъ, наконецъ, которыя знакомы съ ея дѣдушкой.

— Кто относилъ письма на почту?

— Я.

— Всегда?

— Всегда.

— Вы никогда не замѣчали между этими письмами такого, которое было бы адресовано... кому-нибудь вамъ неизвѣстному?

— Никогда, сударь.

— М-ль Эрмина не переписывалась съ молодыми людьми, которые бывали въ домѣ.

— Во-первыхъ, быстро возразила Бабета,—у насъ и не бывало вовсе молодыхъ людей, а потомъ...

— Потомъ, перебила горничная,—я могу засвидѣтельствовать, что въ теченіе четырехъ лѣтъ моей службы здѣсь, я не видывала ни разу, чтобы м-ль Эрмина писала кому-нибудь, кромѣ короткихъ семейныхъ знакомыхъ.

— Хорошо. А получала она сама письма?

— Рѣдко. Большею частью, они были къ герцогу, которому м-ль Эрмина замѣняетъ секретаря.

— Бывали-же письма и къ ней самой?

— Такъ рѣдко что и поминать не стоитъ.

— А въ послѣдніе дни, не было ни одного такого письма на ея имя?

— Не было, съ живостью сказала кормилица.

М-ль Фанни бросила искоса загадочный взглядъ на Бабету Лельевръ. Дени подмѣтилъ этотъ взглядъ, но, казалось, не придалъ ему никакого значенія.

— Вы совершенно увѣрены въ этомъ, кормилица? переспросилъ онъ.

— Еще бы! отвѣтила толстуха, даже обидясь.—Я понимаю, что говорю!

— Ладно, ладно, Бабета, и я благодарю васъ. Вы можете идти.

Бабета вздохнула, какъ бы отряхнувъ съ груди громадную тяжесть, поклонилась Дени и вышла, повторяя съ искреннимъ волненіемъ:

— О, воротите ее намъ, г. полицейскій, воротите, умоляю васъ!

Контуа слушалъ внимательно разспросы своего сына и удивлялся его настойчивости. Фанни выжидала, устремивъ на Дени спокойный взглядъ. Инспекторъ обратился къ своему отцу.

— Всѣ письма получаются привратникомъ? спросилъ онъ.

— Разумѣется.

— Я попрошу васъ, моя милая, позвать сюда этого привратника, но такъ, чтобы въ людской этого не знали, сказалъ Дени горничной.

— Сію минуту, отвѣчала она, выбѣгая изъ комнаты.

— Ты что же думаешь? спросилъ Контуа.

— А то, что Бабета, изъ преувеличенной преданности, скрыла отъ меня часть истины...

— То есть?...

— М-ль Эрмина получила письмо сегодня утромъ или вчера.

— О, я увѣренъ, что ты ошибаешься!

Фанни возвратилась въ комнату въ сопровожденіи швейцара, красиваго мужчины съ величавою осанкой. Онъ раскланялся по военному,

— Много писемъ сдалъ вамъ почтальонъ со вчерашняго дня, мой любезный? спросилъ Дени.

— Вчера было четыре, сегодня три, не считая газетъ.

— Къ кому были вчерашнія?

— Два къ г. герцогу... одно къ г. Контуа... четвертое мнѣ.

— А сегодня?

— Сегодня одно къ герцогу... другое къ Реми, кучеру... а третье Бабетѣ Лельевръ.

— Спасибо, мой другъ, только объ этомъ мнѣ и нужно было спросить васъ.

Швейцаръ поклонился, повернулся на каблукахъ, какъ солдатъ при командѣ: «На право кругомъ!» и вышелъ изъ комнаты.

— Что скажешь? проговорилъ Дени, глядя на своего отца.

— Отдаю тебѣ честь. Тебя не проведешь, сказалъ старикъ, вздыхая.

— М-ль Фанни, сказалъ небрежно Дени,— правда, что Бабета не грамотная?

— Правда, сударь.

— Кто же можетъ съ нею переписываться?

Горничная закусила себѣ губы.

— Не знаю, сказала она.

— Не м-ль ли Эрминѣ назначалось то письмо, которое получила Бабета?

— О, сударь, кто осмѣлится предполагать это? воскликнула съ недовольнымъ видомъ субретка.

— Я, мое дитя, и вы тоже! Это видно у васъ по глазамъ.

— Въ такомъ случаѣ мои глаза лгутъ.

— Послушайте, полно хитрить; поговоримъ серьезно, сказалъ Дени, хмуря брови.—Я не кидаю никакой тѣни на честь вашей госпожи, которая сдѣлалась жертвой какой-нибудь темной интриги, я въ этомъ увѣренъ! Не корчите же изъ себя наивную дѣвочку,—вы слишкомъ умны для такого жеманства,—и докажите намъ, что вы желаете содѣйствовать извлеченію молодой герцогини изъ того опаснаго положенія, въ которомъ она, безъ сомнѣнія, находится.

Фанни колебалась. Дени возобновилъ свою атаку.

— Вы видѣли это письмо?

— Да! прошептала молодая дѣвушка, потупивъ глаза.

— И, подобно мнѣ, вы предположили, что оно назначалось м-ль Эрминѣ?

Фанни сдѣлала утвердительный знакъ.

— Былъ я правъ, отецъ? спросилъ, улыбаясь, Дени.

— Надо призвать снова Бабету! воскликнулъ старикъ управитель.

— Это безполезно, Бабета крестьянка, невѣжественная и лукавая въ то же время; она воображаетъ, что оказываетъ услугу своей вскормленницѣ тѣмъ, что не выдаетъ ея тайну; всѣ мои старанія узнать что нибудь отъ нея будутъ тщетны. Мы обойдемся безъ Бабеты, если м-ль Фанни будетъ откровенна.

— О, клянусь, я скажу все.

— Въ такомъ случаѣ, приступимъ прямо къ дѣлу. Что вы знаете?

— Ничего, честное слово! я подозрѣвала — вотъ и все.

— Что подозрѣвали?

— Что Бабета получила письмо для м-ль Эрмины, и мое подозрѣніе оправдалось, потому что я видѣла, какъ Бабета передала его ей, сегодня утромъ, около десяти часовъ, когда м-ль Эрмина сошла къ завтраку.

— И она прочла письмо?

— Нѣтъ, она спрятала его за корсажъ, но тотчасъ послѣ завтрака, она заперлась у себя въ комнатѣ.

— А вы... не полюбопытствовали немножко?...

— Что вы, сударь!... сказала съ скандализированной ужимкою Фанни.—Къ тому же, висятъ портьеры...

Дени улыбнулся.

— И вы оба увѣрены, сказалъ онъ, обращаясь одновременно къ своему отцу и къ горничной,—что м-ль Эрмина не захватила ничего съ собой?

— Рѣшительно ничего! отвѣчалъ Контуа.

— Даже портмоне не взяла, добавила Фанни.—И сережки забыла надѣть; я нашла ихъ въ вазочкѣ для колецъ.

— Въ чемъ она была одѣта?

— Платье фаевое съ складками; черный суконный полонезъ, вышитый гладью... Большая шелковая ротонда, подбитая куницей. На головѣ фетровая шляпа съ двумя перьями, бѣлымъ и сѣрымъ, и атласными листиками...

Дени записывалъ эти примѣты, по мѣрѣ того какъ горничная говорила.

— Хорошо, моя милая, сказалъ онъ взаключеніе, вставая.—Лучше поздно, чѣмъ никогда! Вы оказали мнѣ помощь нешуточную. Идите и будьте столь же молчаливы, какъ вы миловидны!

Фанни вся зардѣлась и вышла, дѣлая реверансъ.

— Что ты заключаешь изъ всего этого? тревожно спросилъ Контуа.

— Нѣтъ ничего проще! М-ль Эрмина получила письмо, которымъ ей назначалось свиданіе,—подъ какимъ нибудь предлогомъ, достаточно убѣдительнымъ для того, чтобы она рѣшилась на такой шагъ. Она вышла черезъ садъ, предполагая быть въ отсутствіи всего нѣсколько минутъ, и ее похитили... Вотъ и все!

— Гдѣ она можетъ быть?

— Въ Парижѣ, нѣтъ сомнѣнія.

— И ты возвратишь мнѣ ее?

— Это также вѣрно, какъ то, что я люблю тебя всей душою! Спи же спокойно, отецъ; завтра я побываю у тебя и надѣюсь привести тебѣ назадъ твою дорогую бѣглянку.

— Да услышитъ тебя Богъ! прошепталъ старикъ со слезами на глазахъ.

Дени взялъ свою шляпу и трость, пожалъ руку отцу и вышелъ обратно въ сѣни, не позволивъ ему проводить себя.

Въ ту минуту, когда онъ потребовалъ чтобы ему открыли рѣшетку, какая-то тѣнь мелькнула около него, и Фанни, ловко сунувъ ему въ руку бумажку, раскланялась съ нимъ снова, любезно произнося:

— Прощайте, г. Дени!

«Что это за штука?...» подумалъ онъ.

Когда швейцаръ осторожно заперъ за нимъ ворота, Дени поспѣшилъ развернуть полученную записку съ торопливостью влюбленнаго. И при свѣтѣ зажженной спички, онъ увидѣлъ всего двѣ строчки, написанныя вполнѣ правильно:

«Если вы не найдете ничего въ Парижѣ, ищите въ Мансѣ, улица Флери, № 10».

— Хе, хе! усмѣхнулся Дени, потирая себѣ руки съ явнымъ удовольствіемъ,—мастеръ же эта субретка! Дѣйствительно, пока существуютъ на свѣтѣ женщины, ни въ чемъ еще не надо отчаяваться!

Въ эту минуту, быстро катившійся фіакръ остановился противъ него. Изъ окна его кто-то выглянулъ.

— Лера! воскликнулъ инспекторъ.—Васъ-то мнѣ и надо!

И сдѣлавъ знакъ кучеру не трогаться съ мѣста, Дени сѣлъ въ фіакръ возлѣ своего подчиненнаго.

— Я послалъ за вами, Лера, сказалъ онъ,— намѣреваясь дать вамъ трудное порученіе, для исполненія котораго необходимы ваше тонкое чутье и ваша снаровка!

— Вы льстите мнѣ, г. Дени.

— Нѣтъ, я васъ только цѣню. Дѣло въ томъ, Лера, что похищена молодая дѣвушка. Вотъ ея фотографическія карточки, примѣты и кой-какія краткія указанія, которыя я записалъ. Соберите своихъ людей и чтобы черезъ часъ они принялись за работу! Требуется отыскать бѣдняжку къ завтрему.

— Постараюсь, скромно отвѣчалъ Лера.

— Съ другой стороны, надо послать кого-нибудь половчѣе, съ первымъ же поѣздомъ, въ Мансъ.

— Слушаю.

— Вотъ адресъ, по которому онъ наведетъ всѣ должныя справки и увѣдомитъ меня телеграммой, тамъ-ли или выѣхала куда-нибудь эта личность; вообще пусть разузнаетъ все поподробнѣе.

— Очень хорошо.

— А теперь, Лера, довезите меня въ своемъ фіакрѣ до улицы Варенъ, къ полицейскому участку...

— Позвольте мнѣ, г. Дени, посовѣтовать вамъ отправиться прежде въ улицу Контръ-Эскарпъ, въ ресторанъ Маньи, сказалъ Лера.

— Это зачѣмъ?

— Тамъ двое отравленныхъ. Я составлялъ протоколъ.

— Двое отравленныхъ! Нечего сказать, выдалась ночка! Да какъ же это случилось? Разскажите, Лера.

— Собралась тамъ разная молодежь. Ужинали. Вдругъ одинъ студентъ медицины... кажется мулатъ... и его подруга... прелестная дѣвушка, между прочимъ... упали, какъ убитые громомъ, послѣ того, какъ выпили по рюмкѣ мадеры.

— Самоубійство?

— Нѣтъ, всѣ товарищи въ одинъ голосъ опровергаютъ такое предположеніе, и мнѣ кажется, что они правы.

— Но эти прочіе развѣ не пили то-же самое вино?

— Пили, въ этомъ-то и заключается странность. Всѣ они остались живы.

— Вы арестовали кого-нибудь?

— Нѣтъ. Маньи знаетъ лично ихъ всѣхъ; къ тому же, они всѣ были до того растроены происшествіемъ, что прислугѣ пришлось разводить ихъ по домамъ. Только одинъ изъ нихъ остался при несчастныхъ жертвахъ, въ ожиданіи врача...

— И никакихъ слѣдовъ?...

— Одно обстоятельство подозрительно: только-что нанятый лакей, прислуживавшій этимъ молодымъ людямъ, исчезъ тотчасъ послѣ происшествія.

— Прекрасно! это уже одно звѣно цѣпи; отыщемъ и остальныя. До свиданія, Лера!

И Дени приказалъ своему кучеру ѣхать въ улицу Контръ-Эскарпъ, говоря про себя:

— Рѣшительное несчастіе! Мой ужинъ пропалъ!

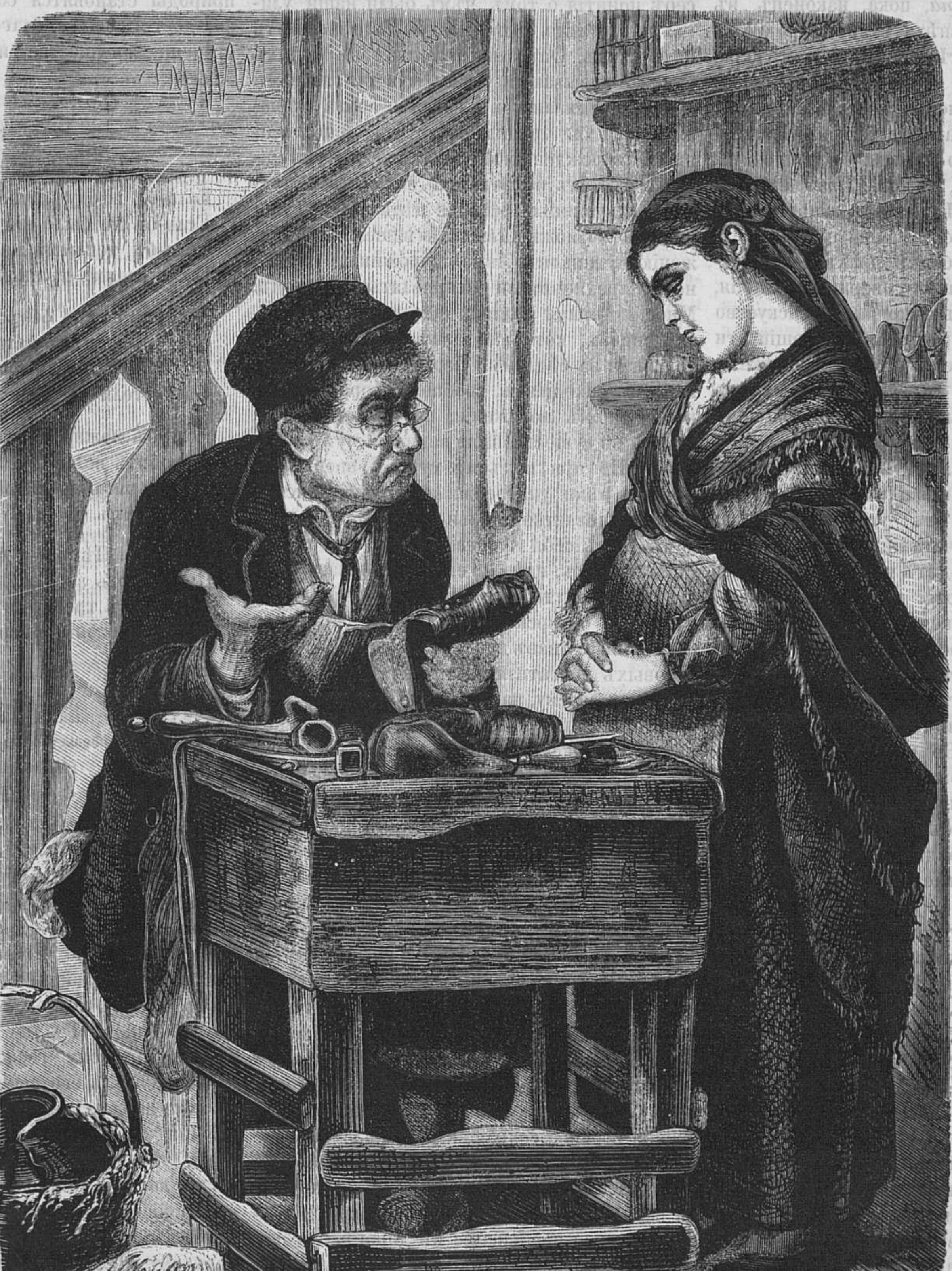
(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Доброе старое время.

Макса Вирта.

(*Продолженіе.*)

Мы видимъ, что примѣненіе электричества даетъ, въ сказанномъ случаѣ, человѣку возможность освободиться отъ рокового вліянія слѣпыхъ силъ природы. Но оно снабжаетъ человѣка и другими чудными силами. Электрическій телеграфъ для обмѣна мыслей между людьми, электромагнитный освѣтительный аппаратъ, съ помощью котораго наши ночи превращаются почти въ день, тѣ машины, въ которыхъ электричество служитъ главною движущею силою при дѣйствіи различныхъ научныхъ инструментовъ,—все это драгоцѣнные дары, примѣненіе которыхъ въ обширнѣйшихъ размѣрахъ пока еще не доступно, вслѣдствіе сопряженныхъ съ тѣмъ большихъ издержекъ, но имѣетъ передъ собою самую богатую будущность. Съ другой стороны, открытіе д-ра *Сименса*, согласно которому движущая сила безъ примѣненія постоянныхъ магнитовъ превращается въ электрическій токъ, вводитъ насъ въ другую область новыхъ и неизмѣримыхъ, покрытыхъ еще таинственною завѣсою, силъ. На основаніи уже произведенныхъ практическихъ опытовъ, можно теперь не считать болѣе фантастическою грезою то время, когда силы горныхъ потоковъ будутъ переносимы на равнины посредствомъ *телодинамическихъ* (дальнодѣйствующихъ) проволочныхъ канатовъ, съ тѣмъ, чтобы, повинуясь естественному закону, по которому теплота порождаетъ движеніе, а движеніе теплоту, вертѣть фабричныя колеса или служить къ работѣ электрическихъ освѣтительныхъ аппаратовъ на цѣлые города.



Починить нельзя.

Открытія въ области физики, химіи и механики открыли новыя стези для прогресса. Въ особенности, химія, благодаря методу количественнаго анализа, пролила новый свѣтъ на сокровеннѣйшую дѣятельность природы и вызвала на службу человѣку множество доселѣ неизвѣстныхъ веществъ и силъ. Все число пріобрѣтеній по этой части такъ громадно и разнообразно, что невозможно не только изложить, но даже просто переименовать всѣ отдѣльныя изобрѣтенія и открытія, не упуская изъ вида общаго взгляда на совершенный нами исполинскій шагъ впередъ. Ограничимся нѣсколькими главными указаніями на совершенное только въ дѣлѣ промышленности, принимая это слово въ его обширнѣйшемъ значеніи. Если мы возьмемъ здѣсь за путеводную нить не аналогичный порядокъ, а болѣе высшія культурныя точки тправленія, то увидимъ, на первомъ планѣ и въ качествѣ важнѣйшаго рычага для прогресса, улучшеніе человѣческаго состоянія и распространеніе мыслей и произведеній мысли, принимая опять это слово въ его наиболѣе обширномъ значеніи. Изобрѣтеніе книгопечатанія еще далеко не сказало своего послѣдняго слова, когда впервые озарило собой человѣчество. Цѣлыя столѣтія довольствовались люди нѣсколько усовершенствованнымъ прессомъ *Гуттенберга*, пока, наконецъ, въ нашемъ столѣтіи, успѣхи машиностроительнаго искуства, вмѣстѣ съ примѣненіемъ пара, не позволили ввести въ типографскіе аппараты такихъ улучшеній, передъ которыми уменьшается даже шагъ, отдѣляющій Гуттенберга отъ прежняго монаха—переписчика. 29 ноября 1814 г., газета *Times* изумила своихъ читателей слѣдующимъ заявленіемъ:

«Сегодняшній нумеръ нашей газеты представляетъ собою публикѣ практическій результатъ величайшаго усовершенствованія, которому подверглось типографное искуство со времени его изобрѣтенія. Читающій эти строки держитъ теперь у себя въ рукахъ одинъ изъ многихъ тысячъ экземпляровъ *Times*'а, отпечатанныхъ въ послѣднюю ночь посредствомъ механическаго аппарата. Изобрѣтена и приведена въ исполненіе почти «органическая» машинная система, которая, избавляя человѣка отъ утомительнѣйшей части работы при печатаніи, съ тѣмъ вмѣстѣ несравненно превосходитъ человѣческія силы въ отношеніи быстроты и точности исполненія».—Вмѣсто ста печатныхъ листовъ въ часъ, какъ то дѣлалось при ручной работѣ, скоропечатный прессъ, изобрѣтенный *Кенигомъ* и *Бауеромъ*, могъ выпускать первоначально по тысячѣ листовъ въ тотъ же промежутокъ времени. Но какъ отстала и эта машина отъ работающихъ теперь, въ типографіяхъ главныхъ міровыхъ газетъ, цилиндрическихъ прессовъ съ безконечной бумагой, выпускающихъ по тридцати и сорока тысячъ листовъ, отпечатываемыхъ съ обѣихъ сторонъ!

Подобное же тому совершилось и въ отношеніи путей сообщенія. Не далѣе какъ за сто лѣтъ тому назадъ самый быстрый способъ для передачи свѣденій на большихъ разстояніяхъ состоялъ въ посылкѣ верховыхъ курьеровъ, при посредствѣ подставныхъ лошадей. При Наполеонѣ I былъ изобрѣтенъ воздушный телеграфъ, передававшій сигналы съ одной башни на другую. Такъ какъ подобный способъ передачи былъ еще быстрѣе голубиной почты, извѣстной давно, но сомнительно вѣрной и затруднительной по устройству, и потому служившей болѣе для одной забавы, то новое изобрѣтеніе было привѣтствовано, какъ чудо. Но это чудо совершенно померкло въ половинѣ текущаго столѣтія передъ болѣе поразительнымъ изобрѣтеніемъ электрическаго телеграфа, обнимающаго теперь своею сѣтью весь земной шаръ и передающаго наши мысли, въ нѣсколько часовъ, въ отдаленнѣйшія части свѣта. А не болѣе какъ за какія нибудь пятдесятъ лѣтъ тому назадъ, мечта о чемъ нибудь подобномъ была бы сочтена просто фантастическою!

Другой, существующій нынѣ тоже способъ передачи депешъ, былъ бы, въ то время, тоже причисленъ къ нелепѣйшимъ бреднямъ. Мы разумѣемъ пневматическую почту, введенную теперь въ большихъ городахъ при разсылкѣ корреспонденціи. Между прочимъ, это послѣднее изобрѣтеніе служитъ доказательствомъ тому, съ какимъ трудомъ получаютъ повсемѣстное право гражданства даже и самыя полезнѣйшія изобрѣтенія. Пересылка пакетовъ черезъ трубы, изъ которыхъ вытягивается воздухъ, существуетъ въ Лондонѣ уже болѣе двадцати лѣтъ, а введена, напримѣръ, въ Берлинѣ лишь съ 1876 года.

Старѣйшіе изъ нынѣ живыхъ еще европейцевъ должны помнить первые опыты замощенія дорогъ и улицъ. Для составленія себѣ понятія о томъ, чѣмъ были наши улицы за сто лѣтъ тому назадъ, надо заглянуть на Востокъ. Описанія путешествій нашихъ отцовъ вызываютъ у насъ чувство жалости и смѣхъ. Увязаніе въ грязи и ломка экипажей какъ бы принадлежали къ общественнымъ учрежденіямъ, такъ что въ указанныхъ мѣстахъ обязательно находились подводы и кузницы, имѣвшія цѣлью содѣйствовать, по возможности, дальнѣйшему передвиженію путниковъ. Лица, дорожившіе временемъ, предпочитали отправляться верхомъ. Многіе старики должны еще помнить и тѣхъ торговцевъ, которые разъѣзжали со своими товарами за сѣдломъ. Переправка товаровъ гуртомъ находилась, вообще говоря, въ менѣе дурномъ положеніи, по крайней мѣрѣ, тамъ, гдѣ существовали водяные пути сообщенія. Но при подъемѣ судовъ вверхъ по теченію рѣки употреблялась только конская тяга, неудовлетворительность которой слишкомъ даетъ себя чувствовать и теперь, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она еще сохранилась. Слѣдуетъ упомянуть, что академіи наукъ, французская и баварская, семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, выслушавъ докладъ о новооткрытыхъ паровыхъ двигателяхъ, признали, къ вѣчному стыду своему, паровое судоходство одною только непрактичной забавой. Въ настоящее время всѣ океаны, моря, озера, рѣки, каналы, прорѣзываются пароходами, общее число которыхъ еще не особенно значительно, но тѣмъ не менѣе товаровъ на нихъ перевозится болѣе, чѣмъ на парусныхъ судахъ.

Въ концѣ 1875 г., протяженіе всѣхъ желѣзныхъ дорогъ въ пяти частяхъ свѣта равнялось 293,948 километрамъ, изъ которыхъ 141,603 кил. приходилось на Европу и 127,871 кил. на Америку. Общая стоимость ихъ исчислена въ 20 милліардовъ марокъ; ежегодный доходъ около 3,000 милліоновъ марокъ. Благодаря этимъ дорогамъ, мы переносимся изъ мѣста въ мѣсто въ десять разъ быстрѣе прежняго; разстоянія, раздѣлявшія страны, сокращены и жизнь наиболѣе подвижныхъ и производительнѣйшихъ классовъ населенія фактически увеличена на все то время, которое тратилось прежде на излишнее пребываніе въ дорогѣ. Высокіе горные хребты пробиты тунелями; такіе же тунели проходятъ подъ рѣками; берега другихъ рѣкъ и проливовъ соединяются между собою стальными трубами и висячими мостами. Великое дѣло Васко де-Гамы превзойдено проложеніемъ Суэзскаго канала, открывшаго прямой путь европейскимъ судамъ въ дальнія части Азіи. Объѣхать землю кругомъ можно въ восемьдесятъ дней, между тѣмъ какъ прежніе кругосвѣтные плаватели употребляли на это три года.

Подобнымъ изумительнымъ развитіемъ способовъ передвиженія мы обязаны паровымъ машинамъ, изобрѣтеннымъ за сто лѣтъ тому назадъ, но введеннымъ въ общее употребленіе лишь съ двадцатыхъ годовъ нашего столѣтія и доселѣ еще постоянно совершенствуемымъ и распространяемымъ въ своемъ примѣненіи. Требовались усилія сотень техниковъ—мыслителей для того, чтобы довести первообразную паровую машину Уатта отъ ея начальной простоты до той сложной производительной силы, на которую она оказывается способной теперь. Паровыя машины служатъ, такимъ образомъ, нагляднымъ доказательствомъ солидарности всѣхъ человѣческихъ стремленій и господства того культурнаго закона, въ силу котораго «одинъ работаетъ для всѣхъ и всѣ для одного»; въ этихъ соединенныхъ усиліяхъ тѣла и силы природы становятся сотрудниками человѣка, достигающаго благодаря этому высшей степени могущества и благосостоянія на землѣ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Если-бы!...

Если-бъ всюду вѣчно было лѣто!
Если-бъ не было нигдѣ зимы!
Если-бъ, теплымъ воздухомъ согрѣты,
Подъ своимъ тряпьемъ не дрогли мы!

Если-бъ можно безъ угла, безъ крова
Сладко спать въ затишьѣ вечеровъ
Подъ навѣсомъ неба голубого
На постели бархатистыхъ мховъ!

Если-бъ можно въ пору увлеченій
Полюбить всѣмъ сердцемъ, не страшась,
Что за мигъ любви и наслажденій
Проклинать ребенокъ будетъ насъ!

Если-бъ... Нѣтъ, отбросимъ эти грезы!
Про любовь забудемъ! Близокъ мигъ —
Истребятъ трескучіе морозы
И любви огонь, и насъ самихъ.

А. К—новъ.

Наши ближніе.

(Фельетонные наброски.)

(*Продолженіе.*)

III.

«Лёшенька».

Я и Клименко присутствовали на открытіи Александринскаго театра послѣ лѣтнихъ вакацій. Въ одномъ изъ антрактовъ Клименко встрѣтилъ своего стараго знакомаго, господина съ гладко зачесанными впередъ на вискахъ подкрашенными волосами, съ взбитымъ кверху хохломъ, съ большимъ орденомъ на шеѣ. Гладко причесанные виски придавали этому господину строгій видъ, хохолъ дѣлалъ его выше ростомъ, а орденъ на шеѣ внушалъ всѣмъ и каждому уваженіе къ чину этой особы. Сразу можно было угадать, что это петербургскій чиновникъ до мозга костей. Клименко относился къ нему съ ироніей, шутливо, какъ къ человѣку, на котораго онъ смотрѣлъ сверху внизъ. Сдѣлавъ ему нѣсколько вопросовъ, онъ между прочимъ спросилъ:

— И все по прежнему у васъ строчитъ исходящія бумаги Лёшенька Мордашевъ?

— Что вы, что вы! серьезно возразилъ чиновникъ.—Мордашевъ уже пять лѣтъ какъ умеръ.

— Неужели? А я и не зналъ! Скажите, какая потеря! Такой аккуратный столоначальникъ былъ, усмѣхнулся Клименко.

— Теперь на его мѣстѣ другой вполнѣ достойный человѣкъ, серьезно заявилъ чиновникъ, важно поправляя свой орденъ.—Не смѣю жаловаться — исполнительный человѣкъ, не уступитъ Мордашеву.

— Да? Значитъ le roi est mort—vive le roi! Лёшеньки Мордашевы, видно, не умираютъ, а только перемѣняютъ свои клички.

Занавѣсъ подняли и мы усѣлись по своимъ мѣстамъ.

— Такъ вотъ какъ: и Лёшенька умеръ, а я все думалъ, что онъ еще строчитъ дѣловыя бумаги, промолвилъ въ раздумьи Клименко.—И для чего онъ жилъ?.. Знаете что, обратился онъ ко мнѣ,—напомните мнѣ, чтобъ я вамъ разсказалъ его исторію. Она не весела, да что станете дѣлать, не все же веселыя исторіи разсказывать.

Спектакль шелъ вяло, пьеса разыгрывалась самымъ шаблоннымъ, самымъ ординарнымъ образомъ.

— Господи, скоро ли они отвѣтятъ публикѣ до конца свои уроки! пробормоталъ Клименко, указывая мнѣ глазами на актеровъ.—Хоть бы поскорѣй дорѣзали автора пьесы, а то еще пытать вздумали его передъ кончиной.

Пьеса кончилась посреди гробоваго молчанія стремившейся въ буфеты публики.

— Ну, зарѣзали и похоронили и пьесу и автора, пойдемте поминать покойниковъ, сказалъ Клименко, потягиваясь и зѣвая. — Надѣюсь, вы не останетесь слушать апраксинскіе каламбуры водевиля изъ устъ Шемаевыхъ и Марковецкихъ.

— Да, признаюсь, я усталъ! отвѣтилъ я.

— Еще бы! У меня послѣ подобныхъ зрѣлищъ является постоянно какое-то гнетущее настроеніе невыносимой тоски, сказалъ Клименко.—Думается, неужели мы ужъ въ самомъ дѣлѣ такъ бездарны, такъ безцвѣтны, что не можемъ добыть даже яркихъ талантовъ для одного русскаго театра въ столицѣ. Или эти лицедѣи потому такъ жалки, что большая часть ихъ ничто иное какъ добродѣтельные люди, исторію одного изъ которыхъ я хочу разсказать вамъ... Этотъ разсказъ будетъ какъ разъ кстати, такъ какъ «я сегодня такъ грустно настроенъ». Поѣдемте къ Палкину и поговоримъ тамъ за стаканомъ вина...

Мы вышли изъ театра.

— У Лёшенки было три матери и, по крайней мѣрѣ, четыре отца, если не считать его матерями и отцами всѣхъ остальныхъ благодѣтелей и покровителей, заботившихся о немъ, какъ о сынѣ, началъ Клименко, развалившись на полукругломъ диванѣ палкинской гостинницы, въ комнатѣ смежной съ зимнимъ садомъ.—Дѣло въ томъ, что Лёшенька былъ послѣдній и единственный отпрыскъ бѣдной, но благородной чиновнической фамиліи Мордашевыхъ, и на немъ покоились всѣ ея надежды и упованія. Его холостые дядюшки - чиновники и дѣвственницы - тетушки чиновничскаго происхожденія со дня его рожденія оспаривали у его вдовы - матери право называть его сыномъ. Онъ былъ бы Крезомъ, если бы у него было столько денегъ, сколько *любвей*, говоря языкомъ гончаровскаго «Обрыва», окружало его колыбель. Его любили не только его родные, его любила вся Заротная улица, любилъ весь Измайловскій полкъ, гдѣ жили Мордашевы, такъ какъ всѣ его тетушки и дядюшки на каждомъ перекресткѣ, въ каждой мелочной лавочкѣ, съ каждой черносалопницей и съ каждымъ дворникомъ только и говорили о томъ, какъ Лёшенька началъ смѣяться, какъ онъ началъ подниматься «на дыбочки», какъ онъ началъ говорить «мама» и «папа». Вся улица и весь околодокъ были заинтересованы вопросомъ о Лёшенькѣ и когда Лёшенька первый разъ появился на улицѣ, всѣ съ добродушной улыбкой говорили:

— Ишь какой фуфлыга!

Къ сожалѣнію, все богатство Лёшеньки заключалось въ этой любви ближнихъ, такъ какъ эти ближніе не могли дать ему ничего, кромѣ любви. Его семья была невѣжественна и бѣдна, и бѣдны и невѣжественны были знакомые съ нею обитатели Заротной улицы и Измайловскаго полка. Все, что они могли дать Лёшенькѣ,—это только любовь. И за то какъ же они его любили! Малѣйшій сквозной вѣтеръ въ присутствіи Лёшеньки поднималъ тревогу во всей семьѣ, на Лёшеньку накидывали какой нибудь шерстяной платокъ, закрывавшій его съ головою, и бѣжали изслѣдовать причину сквознаго вѣтра. Лёшеньку подхватывали на руки, если на улицѣ было хотя немного сыро, хотя бы на немъ и были надѣты и двѣ пары шерстяныхъ чулокъ, и сапоги и калоши. Стоило на лицѣ Лёшеньки появиться слишкомъ яркому румянцу или нѣкоторой блѣдности, чтобы весь кагалъ тетушекъ и дядюшекъ заметался за докторами и по аптекамъ. Иногда въ семьѣ Лёшеньки поднимались серьезныя баталіи между его матерью, тетками и дядюшками изъ за того, что кому нибудь изъ нихъ казалось, что который нибудь изъ членовъ семьи отнесся не съ должнымъ вниманіемъ къ Лёшенькѣ, выпустилъ, напримѣръ, его на улицу въ недостаточно теплой одеждѣ, позабылъ принести ему перваго числа при полученіи грошоваго жалованья гостинцевъ и тому подобное. Впрочемъ, могли ли Мордашевы и не любить Лёшеньку? Они были бѣдны, несчастны, невѣжественны, некрасивы, холосты и единственный членъ ихъ семьи, рѣшившійся жениться, умеръ, оставивъ имъ единственное свое дитя—Лёшеньку, который сдѣлался такимъ образомъ сыномъ всей семьи, ея единственною отрадою, ея единственною надеждою на болѣе свѣтлое будущее фамиліи Мордашевыхъ. Несчастные въ жизни холостяки и дѣвственницы легко привязываются къ сиротамъ и любятъ этихъ сиротъ нерѣдко болѣе горячо, чѣмъ отцы и матери, и благо имъ, если эти сироты не оказываются отогрѣтыми на груди змѣями. Къ счастію Мордашевыхъ и къ чести Лёшеньки, онъ не оказался такою змѣею, а вышелъ тѣмъ ласковымъ теленкомъ, который сосетъ двухъ матокъ. Слабенькій, худенькій и длинный, какъ жердочка, съ жиденькими волосами, съ золотушными глазками, съ блѣднымъ личикомъ, онъ говорилъ всею своею особою о худосочіи, о малокровіи, о недостаткѣ закала и энергіи, но въ то же время онъ такъ мягко улыбался, такъ предупредительно шаркалъ ножкой, такъ кротко отвѣчалъ на вопросы, что сразу можно было угадать въ этомъ слабенькомъ созданіи незлобивую и кроткую душу.

Онъ такъ привыкъ видѣть во всѣхъ ближнихъ людяхъ своихъ отцовъ и матерей, что до семнадцати лѣтъ подходилъ къ рукѣ ко всѣмъ женщинамъ и мужчинамъ, обижаясь даже, если у него отнимали руку. Его мягкая улыбка, его добродушные глаза, казалось, говорили въ эти минуты:

— Отчего же вы мнѣ не хотите дать поцѣловать руки, если я васъ такъ люблю!

Да и могъ ли онъ не любить этихъ ближнихъ, если ихъ заботы о немъ простирались до того, что ему, семнадцатилѣтнему юношѣ, замѣчали эти ближніе:

— Лёшенька, ты бы высморкался: ты сопишь!...

Онъ учился сначала въ уѣздномъ училищѣ, потомъ въ гимназіи. Едва ли были ученики прилежнѣе его. Онъ добросовѣстно, аккуратно, усидчиво долбилъ все, что задавали учителя, за которыхъ родные заставляли его ежедневно молиться, и, не отличаясь ни особенною памятью, ни особенной сообразительностью, иногда надрывался надъ работою, какъ надрывается безотвѣтная кляча, вытаскивающая наканунѣ своей смерти тяжелый возъ съ разнымъ мусоромъ.

— Лёшенька, да ты не мучай себя, брось уроки! говорили ему родные, терзаясь при видѣ ребенка, сидящаго за книгой до полночи.

— Какъ же можно, если мнѣ задано къ завтрашнему дню это выучить, возражалъ кроткимъ голосомъ Лёшенька.

— Ну, мы скажемъ господину учителю, что ты нездоровъ былъ, придумывали родные средство къ спасенію отъ уроковъ своего любимца.

— За что же я ихъ буду обманывать, если они ко мнѣ такіе внимательные, возражалъ Лёшенька.

Родные переглядывались въ умиленіи и умолкали, возводя глаза къ углу, установленному образами, какъ бы говоря: «Твори, Господи, волю свою!»

И много жаркихъ молитвъ возносилось къ небу, много земныхъ поклоновъ клалось въ эти вечера за ниспосланіе Лёшенькѣ «понятіевъ». Онъ это зналъ, чувствовалъ, угадывалъ и, съ полною вѣрою въ силу этихъ молитвъ и пожеланій, продолжалъ долбить все, что онъ понималъ съ трудомъ, и все, чего онъ не понималъ вовсе. Онъ благополучно кончилъ курсъ и въ уѣздномъ училищѣ и въ гимназіи, и трудно сказать, что ему больше помогло: молитвы-ли и пожеланія его ближнихъ, его-ли безотвѣтно покорная усидчивость или снисхожденіе учителей, у которыхъ рука не поднималась поставить нуль ученику, достойному монтіоновской преміи за добродѣтель. Быть можетъ, за добродѣтель ему удалось бы кончить курсъ и въ университетѣ, если бы въ это время средства его семьи не истощились окончательно. Въ девятнадцать лѣтъ его жизни много воды утекло въ его семьѣ: его старые холостяки-дядюшки, одинъ за другимъ, перешли въ это время въ болѣе покойныя жилища, чѣмъ жилище въ домѣ госпожи Орловой въ Заротной улицѣ, и семья Мордашевыхъ съ горечью видѣла, какъ все прибавляются и прибавляются могильные кресты на откупленномъ ею мѣстѣ на Митрофаньевскомъ кладбищѣ. Наконецъ, когда умеръ послѣдній дядя Лёшеньки, семья очутилась лицомъ къ лицу уже не съ лишеніями, не съ недостатками, не съ усиленнымъ трудомъ, а съ бѣдностью. Мать и тетки Лёшеньки были уже на столько стары, что не могли добывать достаточныхъ средствъ на поддержаніе юноши; онѣ еще продолжали шить и вышивать, но ихъ работа шла уже не такъ быстро и цѣнилась не такъ хорошо, какъ прежде; имъ нужна была посторонняя поддержка, опора. Лёшенька это понялъ, почувствовалъ. Онъ рѣшился опредѣлиться на службу куда-нибудь въ департаментъ. А между тѣмъ именно въ это время Лёшенька началъ видѣть нѣкоторый смыслъ въ наукѣ, сталъ интересоваться и тѣмъ, «какъ это все о разныхъ странахъ узнаешь изъ географіи», и тѣмъ, «какъ это все складно и опредѣлительно въ исторіи о старыхъ царяхъ описано». Онъ даже начиналъ мечтать о томъ необитаемомъ островѣ, «который онъ могъ бы поѣхать и открыть», и о той исторіи, «которую онъ могъ бы взять да и написать». Мало того, онъ началъ даже съ сладостной улыбкбй разсуждать съ товарищами о томъ, что теперь ужъ ихъ не будутъ звать «красной говядиной», такъ какъ у студентовъ синіе, а не красные воротники и вмѣсто фуражки трехуголка да притомъ же и шпага, какъ у офицеровъ. Мечтать о превращеніи въ студента жителю Заротной улицы въ сороковыхъ годахъ было тоже, что мечтать теперь армейскому прапорщику, не бывшему въ академіи, о возможности вдругъ сдѣлаться генераломъ. Отказаться отъ этихъ мечтаній наканунѣ ихъ осуществленія было не легко и Лёшенька отказался отъ нихъ не вдругъ. Сначала онъ смѣло мечталъ, что онъ поступитъ въ университетъ, найдетъ уроки, найдетъ мѣсто управляющаго въ большомъ-большомъ домѣ, найдетъ переписку у важнаго-важнаго сановника и будетъ получать рублей полтораста ассигнаціями въ мѣсяцъ и «огромную квартиру въ четыре комнаты». Но эти смѣлыя мечты быстро смѣнялись вопросами: «а если я не достану ни уроковъ, ни мѣста управляющаго домомъ, ни переписки, что тогда»? И въ воображеніи Лёшеньки начали рисоваться мрачныя картины: онъ зналъ, что его семья могла еще въ проголодь просуществовать кое-какъ четыре года, но вѣдь которая нибудь изъ тетокъ можетъ захворать, мать можетъ тоже заболѣть, понадобятся доктора, лекарства, убавятся заработки и увеличатся расходы, ихъ погонятъ съ квартиры изъ дома Орловой, они очутятся въ подвалѣ, онъ будетъ не въ состояніи спасти любимыхъ имъ созданій, онѣ умрутъ безъ помощи отъ голода и холода... Мрачныя картины все расширялись и расширялись до колосальныхъ размѣровъ и дѣло дошло до того, что Лёшенька былъ уже вполнѣ убѣжденъ, что онъ не достанетъ никакой частной работы, что всѣ любимыя имъ родственницы умрутъ съ голоду, что онъ самъ, въ борьбѣ съ нищетой, не кончитъ курса въ университетѣ, сдѣлается нищимъ. Онъ рѣшился ради спасенія своей семьи отказаться отъ университета. Не думайте, что его родственницы настаивали на этомъ. Нѣтъ, Боже сохрани! Онѣ готовы были принести всѣ жертвы, лишь бы Лёшенька былъ счастливъ, и говорили ему объ этомъ ежедневно, ежечасно, ежеминутно.

— Поступай, голубчикъ, въ университетъ, плачущими голосами твердили онѣ, слыша его мечты о шпагѣ и трехугольной шляпѣ,— поступай! Мы ночей не будемъ спать, а поддержимъ тебя. По міру сами пойдемъ, а дадимъ тебѣ возможность кончить ученье. Намъ не привыкать стать нужду терпѣть. И что намъ нужно?—одною ногою уже въ могилѣ стоимъ. И что за красавецъ ты будешь въ этой формѣ, хоть изъ за уголочка, хоть глазкомъ взглянемъ на тебя, когда пойдешь въ ней по улицѣ. Мы старушки убогія, мы черносалопницы, мы и виду не подадимъ на улицѣ, что мы твои родныя... Вѣдь тамъ графы да князья, въ университетѣ-то, учатся...

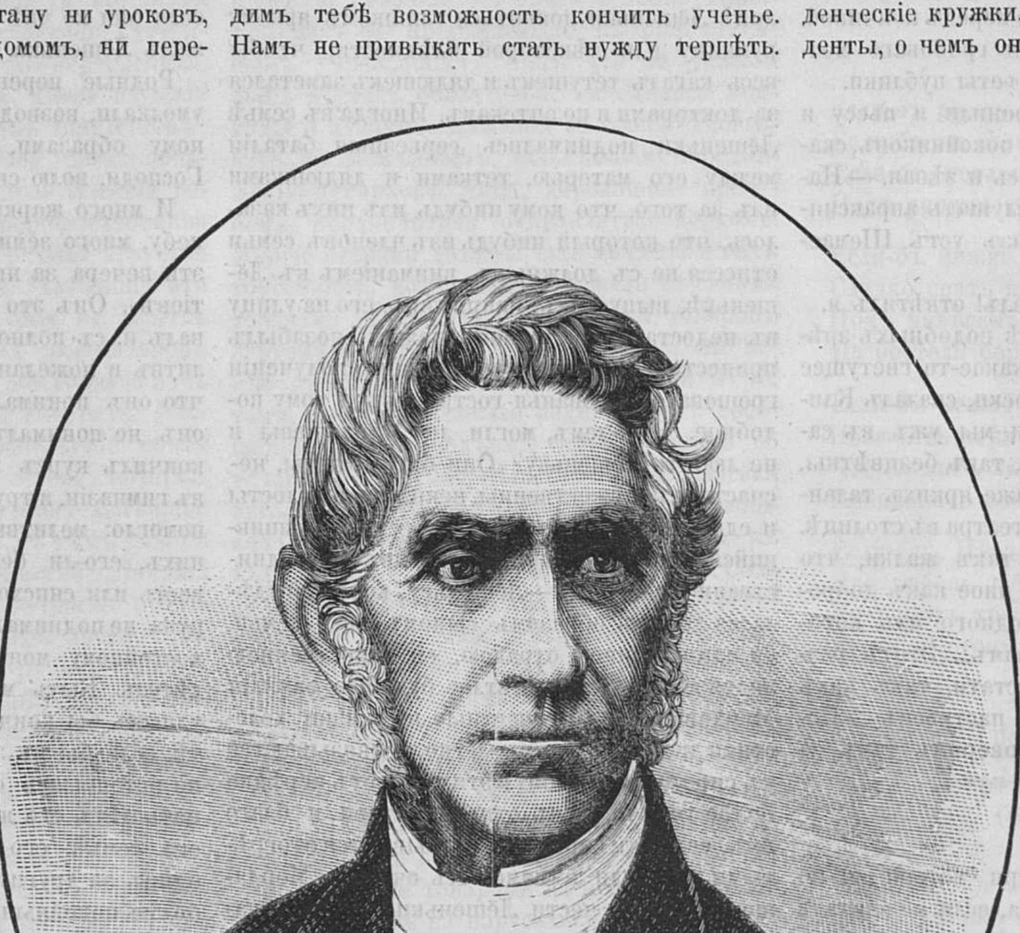
И какъ были опечалены, какъ плакали тетки, когда въ одинъ прекрасный день Лёшенька сказалъ матери:

— Мамаша, сходите къ папашѣ крестному, не дастъ ли онъ мнѣ мѣста.

Вся семья даже руками всплеснула.

— А университетъ-то какъ же?

Лёшенька блѣдный, взволнованный, глухо прошепталъ:



Адольфъ Кэтлэ.

— Я раздумалъ...

Воцарилось какое-то гробовое молчаніе, среди котораго было только слышно, какъ кто-то едва замѣтно, украдкою сморкался, скрывая свои слезы.

— Это вѣдь онъ для насъ себя въ жертву приноситъ, для насъ! шептались вечеромъ родственницы. — Ангелъ небесный, святая душа!

И за Лёшенькой стали ухаживать еще усерднѣе...

Онъ получилъ мѣсто, сталъ аккуратно ходить на службу, сталъ рачительно исполнять свои обязанности. Но молодость брала свое: его манило къ старымъ товарищамъ, въ студенческіе кружки, узнать, какъ живутъ студенты, о чемъ они толкуютъ, чему учатся. Можетъ быть, онъ и увлекся бы жизнью товарищей, если бы не случилось двухъ обстоятельствъ. Однажды его пригласили его бывшіе товарищи по гимназіи на пирушку. Пирушка оказалась веселой, шумной, съ пѣснями, съ виномъ. Сначала Лёшенька сильно дичился, потомъ онъ сталъ улыбаться, наконецъ, увлекся весельемъ, даже что-то спѣлъ такое веселое въ родѣ «козлика» или «чижика въ лодочкѣ» и ушелъ домой только въ два часа ночи, что-то распѣвая и на улицѣ и натыкаясь съ вѣжливыми извиненіями на фонарные столбы. Онъ не зналъ, какъ онъ пришелъ домой, какъ легъ, и только смутно вспомнилось ему, что кто-то раздѣвалъ его, кто-то стаскивалъ съ него сапоги, кто-то охалъ и плакалъ надъ нимъ какъ надъ покойникомъ, а онъ икалъ-икалъ до утра, ежеминутно, до боли въ груди. На слѣдующій день его родственницы ни слова не сказали ему насчетъ того, что произошло въ прошедшую ночь. Онѣ только удвоили свои заботы о немъ, онѣ только иногда тяжело вздыхали, а онъ старался избѣгать ихъ взглядовъ, краснѣлъ за себя. Вечеромъ онъ рѣшился освѣжиться на воздухѣ и пошелъ гулять.

— Ты въ гости, Лёшенька? робко спросила поблѣднѣвшая мать и что-то молящее прозвучало въ ея голосѣ.

— Я, мамаша, только прогуляться иду, кротко отвѣтилъ Лёшенька, понимая весь ея ужасъ.

Всю дорогу онъ думалъ, сколько волненій, сколько тяжелыхъ минутъ доставилъ онъ своимъ любящимъ родственницамъ и долгимъ отсутствіемъ, и пьянымъ видомъ и этою икотою, продолжавшеюся всю ночь. Онъ представилъ себѣ, какъ можетъ отразиться на нихъ повтореніе подобнаго случая; онъ представлялъ себѣ, какъ должны бояться его пьянства онѣ, у которыхъ умеръ отъ пьянства отецъ и одинъ изъ братьевъ. Онъ далъ себѣ честное слово не ходить болѣе на пріятельскія пирушки. Другой случай былъ иного рода. Лёшенька ходилъ къ одному изъ своихъ пріятелей, жившему въ Коломнѣ, на Козьемъ болотѣ, за книгами для чтенія, и часто заставалъ у этого пріятеля нѣсколько молодежи, горячо споривше о такихъ предметахъ, о которыхъ Лёшенька никогда и не задумывался. Онъ услыхалъ здѣсь, имѣвшія еще въ то время значеніе, имена Фурье и Сенъ-Симона и его, какъ любознательнаго юношу, заинтересовало, кто были эти люди: сенаторы или министры, и гдѣ и при какихъ короляхъ? Ему объяснили, что это были не министры и не сенаторы, а французскіе писатели, и тутъ же кстати разсказали, о чемъ писали эти люди. Это было въ концѣ сороковыхъ годовъ и Фурье и Сенъ-Симонъ интересовали нашу молодежь, какъ новинка. Лёшеньку увлекли горячія объясненія молодежью теорій этихъ писателей, какъ его увлекала исторія Робинзона, сказка объ Иванъ-Царевичѣ, и вообще всякія чудесныя исторіи съ необитаемыми островами и летающими рыбами. Онъ рѣшился еще разъ зайти къ пріятелю, чтобы подробнѣе распросить его, какъ это описываетъ Фурье, какъ весь свѣтъ въ одномъ домѣ жить будетъ, но къ величайшему ужасу онъ услышалъ отъ пріятеля, что о Фурье теперь не слѣдуетъ громко говорить, что въ городѣ произошла непріятная исторія изъ за самаго этого господина Фурье и что пріятель Лёшеньки ожидаетъ даже посѣщенія полиціи. Лёшенька опрометью убѣжалъ отъ пріятеля и не спалъ всю ночь, представляя себѣ, что и къ нему придетъ полиція и его родственницы умрутъ отъ страха при видѣ ея. Онъ представилъ себѣ, что будутъ говорить въ Заротной улицѣ, когда его, какъ мошенника, поведутъ на веревочкѣ съ городовыми и будочниками въ часть и чуть не умеръ отъ стыда и страха преждевременною смертью отъ сильнаго разстройства желудка. Къ счастію, все обошлось болѣе чѣмъ благополучно, полиція вовсе и не думала посѣщать какого-нибудь вовсе неизвѣстнаго Лёшеньку, но онъ уже не стремился къ пріятелямъ. Онъ сообразилъ, что съ одними можно спиться съ круга, а съ другими попасть въ бѣду, подвергая въ обоихъ случаяхъ непріятностямъ любимую семью, и сталъ сторониться отъ товарищей. Съ этой поры опредѣлилась вся его будущая жизнь: онъ проводилъ утро въ должности, вечеромъ отдыхалъ въ своей семьѣ отъ служебныхъ занятій или посѣщалъ тѣ дома, гдѣ шла такая же жизнь, какъ въ его семьѣ, безъ веселыхъ попоекъ, безъ горячихъ споровъ, съ мелкими сплетнями, съ мелкими интересами, съ мелкими радостями и невзгодами, передаваемыми другъ другу за чашкой цикорнаго кофе. Это была монотонная, скучная жизнь, а ему было только двадцать лѣтъ и иногда ему хотѣлось чего-то другаго, какихъ-то неиспытанныхъ наслажденій, напримѣръ, улетѣть на шарѣ до самой луны или вдругъ сдѣлаться военнымъ и непремѣнно главнокомандующимъ. Но среди этихъ мечтаній онъ, самъ не зная почему, сталъ заглядываться въ это время на одну дѣвушку въ знакомой ему семьѣ. Оно самъ не отдавалъ себѣ отчета, почему ему было очень сладко, когда она пожимала ему руку или садилась подлѣ него и весело щебетала съ нимъ. Онъ только чувствовалъ, что это ему пріятно, и все соображалъ, что вышло бы, если бы онъ взялъ да и поцѣловалъ бы ее сзади въ шейку.

— Какая хорошенькая эта Оленька! вырвалось однажды у него невольное восклицаніе, когда онъ возвращался домой изъ семьи этой дѣвушки.

— Да, заневѣстилась уже, вотъ жениховъ теперь ловятъ, замѣтила со вздохомъ его мать.—Вотъ и ты женишься, Лёшенька, бросишь насъ, голубчикъ!

— Я брошу васъ? Что вы, мамаша! воскликнулъ Лёшенька.

— Да какъ же иначе, родной! Ты въ такомъ возрастѣ, что уже время жениться. А женишься—не станешь же съ нами сидѣть. Ужъ молодая жена съ нами старухами не захочетъ жить. Да и тяжело тебѣ будетъ всю семью содержать. Богатой невѣсты не найдешь, а съ бѣдной женой только расходы прибавятся. Да богатая и гнушаться нами будетъ. Бѣдная хоть поглядѣть на тебя намъ позволитъ... Да ты, голубчикъ, не думай объ насъ. Женись, на комъ вздумаешь. Не губить же тебѣ себя изъ за насъ. Вотъ насъ сколько у тебя на шеѣ. Пора и отдыхъ тебѣ дать. Мы кое-какъ дотянемъ свой вѣкъ, не станетъ силъ работать — гдѣ нибудь въ богадѣльняхъ пріютимся, намъ не долго и жить...

Въ богадѣльняхъ пріютятся! Будутъ терпѣть нужду! Да развѣ это возможно? Развѣ онъ непремѣнно теперь же долженъ жениться? Для чего торопиться? И развѣ эта Оленька ужь такая красавица, что другой такой и не найдти потомъ? Да и имѣетъ ли онъ право думать о женидьбѣ, о своемъ домѣ, когда у него на рукахъ эти добрыя, святыя, преданныя ему женщины? Онъ пересталъ посѣщать семью молодой дѣвушки, онъ сталъ избѣгать молодыхъ женщинъ вообще. Ему дѣлала глазки, съ нимъ заигрывала хозяйская служанка, толкая его мимоходомъ локтемъ въ бокъ,—онъ сталъ избѣгать и ее, потому что хотя она, конечно, и не думала выйдти за него замужъ, но все-таки изъ сближенія съ нею могли выйдти непріятности, пожалуй, у нихъ родился бы незаконный ребенокъ. Что сказали бы тогда его несчастныя родственицы? Его зазывали товарищи по службѣ въ танцклассъ. Но онъ бѣжалъ отъ этихъ товарищей послѣ перваго же посѣщенія одного изъ танцклассовъ, гдѣ его вздумала поцаловать какая-то женщина легкаго поведенія и послѣ этого поцалуя ему все казалось, что вотъ-вотъ онъ захвораетъ и, можетъ быть, умретъ, не смѣя открыть ни матери, ни дѣвственницамъ-теткамъ причины своей постыдной болѣзни. У него даже лихорадка сдѣлалась отъ страху. Съ каждымъ днемъ, съ каждымъ мѣсяцемъ, съ каждымъ годомъ онъ дѣлался все болѣе и болѣе нелюдимымъ и все сильнѣе и сильнѣе втягивался въ службу. Онъ уже не только работалъ въ должности, но бралъ переписку на домъ, искалъ всевозможныхъ занятій. Впрочемъ, это было и не лишнимъ, такъ какъ его старыя родственницы дряхлѣли и постепенно приближались къ могилѣ, не имѣя силъ работать и нуждаясь въ докторахъ, въ лекарствахъ. Видя его блѣдность, его худобу, его постоянное сидѣнье надъ работой, бѣдныя женщины вздыхали и плакали.

— Труженикъ ты нашъ, отшельникъ ты нашъ, ради насъ ты себя губишь, ради насъ себя убиваешь! Хоть бы Господь насъ прибралъ скорѣе, развязалъ бы тебѣ руки!

Лёшенька чувствовалъ, какъ подступали у него къ горлу слезы при этихъ словахъ и уже боялся, что вотъ-вотъ онъ въ самомъ дѣлѣ останется одинъ. Онъ набожно молился по вечерамъ дома и ходилъ въ праздники къ ранней обѣдни, прося Господа пощадить его и отвести отъ него собиравшуюся надъ нимъ грозу. Но гроза была еще далеко, хотя въ воздухѣ и носились тучи: его мать и тетки хворали, но не умирали. Такъ прошли годъ, два, десять, двадцать лѣтъ — у Лёшеньки уже появились сѣдые волосы, у Лёшеньки уже стали выпадать зубы, а онъ все оставался тѣмъ же Лёшенькой, за которымъ ухаживали, котораго лелѣяли, которому все приготовляли его родственницы. Онъ добывалъ деньги, но онъ не умѣлъ налить себѣ стаканъ чаю; онъ занималъ уже мѣсто столоначальника, но онъ боялся долго заиграться въ карты, чтобы не обезпокоить своимъ отсутствіемъ домашнихъ; онъ былъ уже почти старикомъ, но съ нимъ все еще говорили его мать и тетки, въ видѣ ласки, тѣмъ картавымъ голосомъ, которымъ говорятъ младенцу: «агу, агусеньки!» и если онъ чего-нибудь боялся теперь, такъ это того, что эта жизнь можетъ кончиться, что онъ останется одинокимъ и безпомощнымъ... А вѣдь его ждала свобода...

Клименко на минуту замолчалъ.

— Что вамъ сказать еще о Лёшенькѣ? началъ онъ снова черезъ минуту. — У него умерли и мать и тетки, умерли не вдругъ, постепенно, хворая подолгу, какъ бы подготовляя его къ удару. Онъ вынесъ эти потери, не умеръ съ горя, не бросилъ службы, но опустился, сталъ неряшливѣе, сдѣлался разсѣяннымъ, началъ ежедневно ходить въ церковь. Онъ, вѣроятно, совсѣмъ бы погибъ въ грязи и отощалъ, если бы его не взяла на свое попеченіе его кухарка, замѣнившая ему и мать и тетокъ, если не въ отношеніи ласкъ и любви, то въ отношеніи опеки. Видя въ ней свою единственную опору, онъ сталъ даже бояться ее, какъ ребенокъ, и молча выносилъ весь шумъ и гамъ, постоянно достигавшій до него изъ кухни, гдѣ ежедневно вплоть до поздней ночи эта здоровенная баба пировала съ какимъ-то весьма близкимъ ей пожарнымъ. И то сказать: малѣйшій его протестъ противъ пожарнаго вызывалъ съ ея стороны цѣлую бурю, оканчивавшуюся роковыми для Лёшеньки словами:

— Что-жь, если я не ко двору пришлась, такъ давайте разсчетъ! Я не крѣпостная...

Дальнѣйшей его участи я не знаю. Можетъ быть, онъ началъ выпивать; можетъ быть, онъ занялъ мѣсто пожарнаго при своей кухаркѣ; можетъ быть, онъ женился на ней,—но вѣрно одно то, что онъ сошелъ въ могилу тѣмъ же Лёшенькой, какимъ жилъ всю жизнь... И сколько такихъ Лёшенекъ найдется у насъ! Они добросовѣстно тянутъ лямку жизни, переписываютъ свои бумаги, выучиваютъ свои роли, исполняютъ свои служебныя обязанности, но не ждите отъ нихъ ни иниціативы, ни страстности, ни оригинальности, ни смѣлости, ни новаторства, ни гражданскаго мужества, потому что они не общественные дѣятели, не граждане, а добродѣтельныя дѣти добродѣтельныхъ семействъ—и только.

— А взятокъ Лёшенька не бралъ? спросилъ я, шутя...

— Не бралъ, потому что не за что было ихъ давать ему, отвѣтилъ Клименко. — Но если бы можно и нужно было ихъ брать, онъ, вѣроятно, не задумался бы, такъ какъ для такихъ людей семья — все, а общество съ его интересами—ничто, и они сами, безъ семьи, для этого общества имѣютъ значеніе нулей безъ единицы.

Нѣкто.

Яковъ Адольфъ Ламбертъ Кэтлэ.

Яковъ Адольфъ Ламбертъ Кэтлэ родился 22-го февраля 1796 г. въ г. Гентѣ. Съ малыхъ лѣтъ онъ сталъ выказывать наклонность къ математикѣ и уже 18 лѣтъ сдѣлался преподавателемъ этого предмета въ королевской гентской коллегіи. Въ 1819 г., оставивъ должность учителя и получивъ степень доктора és sciences за математическую диссертацію, перешелъ доцентомъ въ Брюсельскую академію. Въ февралѣ слѣдующаго года онъ сдѣлался членомъ бельгійской академіи наукъ, при которой съ 1834 г. состоялъ секретаремъ.

Первые годы своей научной дѣятельности Кэтлэ посвятилъ высшей математикѣ и всѣ свои труды печаталъ въ Академическихъ Запискахъ. Кромѣ того, онъ обратилъ на себя вниманіе своими научными педагогическими взглядами и въ 1820 г. былъ посланъ бельгійскимъ министерствомъ въ Парижъ для разработки вопроса о народномъ просвѣщеніи. Въ Парижѣ Кэтлэ сошелся съ астрономами, осмотрѣлъ обсерваторію и такъ увлекся астрономіэю, что и самъ отдался ей всецѣло и впослѣдствіи подъ его руководствомъ была основана и построена брюсельская обсерваторія и съ 1828 г. оставался ея директоромъ до самой смерти, постигшей его 21-го февраля 1874 года въ Брюселѣ. До 1833 г. его труды не составляли ничего цѣлаго; онъ издалъ только популярный курсъ астрономіи. Въ 1833 г. онъ предался серьезнымъ наблюденіямъ не исключительно только астрономическимъ, но и метеорологическимъ и вообще болѣе дѣлалъ для метеорологіи, чѣмъ для астрономіи. Наблюденія его надъ переходящими звѣздами дали богатый матеріалъ Шнапарелю для извѣстной его теоріи. Что же касается до метеорологіи, то своими точными изслѣдованіями Кэтлэ неуступаетъ берлинскому профессору Довэ.

Занимаясь метеорологіей, онъ занимался вмѣстѣ съ тѣмъ физикой, теоріей вѣроятностей, статистикой и другими науками, обогащая каждую изъ нихъ практическими выводами, которые впослѣдствіи осуществлялись въ видѣ метеорологическихъ станцій, конгрессовъ и статистическихъ комитетовъ. Изъ числа лучшихъ его произведеніи мы назовемъ *«Всеобщую физику»*, *«Международную статистику»*, *«Антропологію»*.

Новости наукъ и жизни.

— **Статистика агрономическаго общества въ Россіи.** Въ недавно вышедшей книгѣ г. Вильсона, «Aperçu statistique de l'agriculture, de la sylviculture et des pècheries en Russie», приведены слѣдующія интересныя статистическія данныя, характеризующія положеніе сельско-хозяйственнаго образованія въ Россіи. Число высшихъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній пока ограничивается только двумя, а именно: Петровскою академіею въ Москвѣ и Агрономическимъ институтомъ въ С.-Петербургѣ. Петровскою академіею со дня ея основанія по 1874 годъ (включительно) было выпущено 272 воспитанника, окончившихъ въ ней полный курсъ; въ агрономическомъ же институтѣ со времени его перевода изъ Горокъ въ Петербургъ по тотъ же 1874 г. окончило курсъ 162 челов. Число среднихъ земледѣльческихъ школъ въ Россіи простирается до 6, и въ нихъ въ періодъ времени 1864—1873 г. окончило курсъ 664 челов. Изъ числа воспитанниковъ, окончившихъ курсъ въ среднеучебныхъ сельско-хозяйственныхъ школахъ за послѣднія пять лѣтъ, по имѣющимся о нихъ свѣдѣніямъ, 232 занимаютъ должности управляющихъ имѣніями, 14 занимаются садоводствомъ и виноградарствомъ, 10 находятся на государственной службѣ, 12 состоятъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Въ 1876 г. число учениковъ въ упомянутыхъ шести школахъ простиралось до 849 челов. Помимо перечисленныхъ уже нами школъ, существуютъ еще три школы, предположенныя спеціально для приготовленія садовниковъ-практиковъ, а именно: школы садоводства въ Пензѣ и Бессарабіи и Никитская школа садоводства и виноградарства, которыми съ 1864—1873 г. выпущено 67 садовниковъ. Въ заключеніе остается упомянуть еще только о Едимоновской молочной школѣ, (въ Корчевскомъ уѣздѣ) съ 30 учениками, которая была основана по иниціативѣ г. Верещагина, и школѣ пчеловодства (въ Конотопскомъ уѣздѣ), число казеннокошныхъ учениковъ въ которой въ настоящее время достигаетъ до 20.

— **Порядокъ увольненія колонистовъ изъ русскаго подданства.** «Новости» передаютъ, что въ одномъ изъ высшихъ учрежденій, по разсмотрѣніи представленія г. министра внутреннихъ дѣлъ о разъясненіи порядка, въ которомъ бывшіе колонисты могутъ быть увольняемы изъ русскаго подданства и выселяться изъ Россіи до отбытія ими воинской повинности, постановлены слѣдующія правила: 1) водворенные на казенныхъ земляхъ поселяне-собственники (бывшіе колонисты), подлежащіе по возрасту отбыванію воинской повинности, должны быть вносимы, на общемъ основаніи, въ призывные списки; 2) тѣ изъ нихъ, которые пожелаютъ воспользоваться предоставленнымъ имъ высочайше утвержденнымъ 4-го іюля 1871 г. положеніемъ объ устройствѣ ихъ быта правомъ выѣхать изъ Россіи, заявить о такомъ намѣреніи до 1-го сентября того года, въ которомъ подлежатъ призыву, и 3) тѣ изъ бывшихъ колонистовъ призывного возраста, которые, заявивъ въ означенный срокъ о намѣреніи выселиться изъ Россіи, не исполнятъ сего до дня вынимавія жеребья ихъ сверстниками и не объявятъ о томъ подлежащему присутствію о воинской повинности, привлекаются къ исполненію сей повинности, какъ уклонившіеся отъ нея, безъ жеребья; заявившимъ же своевременно о невыѣздѣ изъ Россіи предоставляется участвовать въ вынутіи жеребья на общемъ основаніи.

— **Проэктъ учрежденія института новыхъ языковъ.** На разсмотрѣніе министерства народнаго просвѣщенія поступаетъ проектъ учрежденія спеціальнаго института новыхъ языковъ, имѣющаго цѣлью приготовленіе опытныхъ иностранныхъ переводчиковъ и преподавателей иностранныхъ языковъ, а также облегченіе всѣмъ желающимъ изучить всѣ новые языки, (даже шведскій, польскій и т. п.), къ слушанію которыхъ они будутъ допускаемы въ качествѣ вольнослушателей.

— **Военное и морское дѣло.** Еще въ 1870 г. англійскій полковникъ Инглиса обращалъ вниманіе артиллеристовъ на тотъ интересный фактъ, что, если выстрѣлить ядромъ по мишени, состоящей изъ двухъ броневыхъ плитъ, отстоящихъ одна отъ другой на нѣкоторое разстояніе и такимъ образомъ отдѣленныхъ пустымъ промежуткомъ, то дѣйствіе ядра на броневыя плиты является несравненно менѣе разрушительнымъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда тѣ же самыя плиты сплочены вмѣстѣ. Онъ утверждалъ, что помѣщая заднюю плиту на извѣстномъ (сравнительно, весьма впрочемъ, незначительномъ) разстояніи отъ передней, — можно совершенно обезопасить ее этимъ отъ пробоины, хотя бы размѣры и сила удара ядра и были весьма значительны. Въ то время этотъ важный фактъ пропущенъ былъ безъ вниманія; теперь же, когда судьба броненоснаго флота виситъ, такъ сказать, на волоскѣ, вспомнили о заявленіи Инглиса и рѣшили его провѣрить. Для этого произведенъ былъ рядъ опытовъ слѣдующаго рода: граната Паллизера, вѣсомъ въ 23 пуда, выпущенная изъ 38-ми-тоннаго (2356 пудовъ) орудія, 13-ти-дюймоваго калибра, зарядомъ въ $3^1/_2$ пуда кубическаго зерноваго пороха,—направлена была въ мишень, состоявшую изъ двухъ панцырныхъ плитъ, отстоявшихъ одна отъ другой на разстояніи около одной сажени и имѣвшихъ толщину—первая (передняя) 10 дюймовъ, а вторая — 4 дюйма. Дѣйствіе выстрѣла оказалось слѣдующимъ: передняя плита была пробита насквозь, причемъ отверстіе въ ней было почти математически тождественно съ отверстіемъ дула орудія. Задняя же плита оказалась совершенно неповрежденною и только куски, нѣсколько сплавившагося металла, отъ разлетѣвшагося въ дребезги ядра, оказались прилипшими къ ея передней поверхности. Такимъ образомъ то же самое ядро, которое, какъ показали опыты, пробиваетъ насквозь мишень, состоящую изъ трехъ броневыхъ плитъ, каждая въ $6^1/_2$ дюймовъ толщиною, раздѣленныхъ прокладками изъ тиковаго дерева, толщиною въ 5 дюймовъ, и которое, слѣдовательно, проходитъ, при этомъ путь въ $29^1/_2$ дюймовъ (въ томъ числѣ $19^1/_2$ дюймовъ въ желѣзѣ), — въ настоящемъ случаѣ оказалось безсильнымъ пробить двѣ броневыя плиты совокупною толщиною въ 14 дюймовъ. А такъ какъ всѣ условія выстрѣла, т. е. вѣсъ и калибръ орудія, вѣсъ заряда и разстояніе отъ мишени, оставались въ обоихъ случаяхъ совершенно одинаковыми, то разница въ дѣйствіи выстрѣла можетъ быть приписана исключительно промежуточному слою воздуха, отдѣлявшему переднюю плиту отъ задней. Послѣ того подобный же опытъ былъ произведенъ при слѣдующихъ условіяхъ: 4-хъ-дюймовая плита помѣщена была впереди 10-ти-дюймовой и промежутокъ между ними уменьшенъ до 2-хъ аршинъ. Дѣйствіемъ выстрѣла передняя плита оказалась, какъ и въ предъидущемъ случаѣ, пробитою насквозь. Передняя поверхность второй плиты оказалась изрытою (на весьма незначительную глубину) осколками разлетѣвшейся гранаты; что же касается задней ея поверхности, то за исключеніемъ легкаго вздутія ея, въ томъ мѣстѣ, которое соотвѣтствовало мѣсту удара гранаты на передней поверхности,— она не оказала ни малѣйшихъ признаковъ серьезнаго поврежденія. Такимъ образомъ передняя плита, толщиною въ какихъ-нибудь 4 дюйма, совершенно защитила заднюю плиту отъ разрушительнаго дѣйствія ядра, которое при другихъ (упомянутыхъ выше) условіяхъ, безъ всякаго труда, пробиваетъ $19\frac{1}{2}$ дюймовую толщу желѣза на вылетъ. А это еще болѣе подтверждаетъ тотъ фактъ, что слой воздуха, заключенный между переднею и заднею броневыми плитами, оказываетъ извѣстное сопротивленіе, не только ослабляющее, въ замѣчательной степени, силу удара ядра, но и способствующее разрыву этого послѣдняго.

Смѣсь.

— **Осушка болотъ въ Полѣсьѣ.** Въ «Бирж. Вѣд.» мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія объ этомъ предметѣ: Экспедиціею г-на Жилинскаго проведено уже 300 верстъ каналовъ; районъ осушительнаго дѣйствія ихъ простирается на 200 тысячъ десятинъ, да ею-же подготовлено къ осушкѣ еще 300 т. д., что и будетъ произведено вскорѣ, съ затратою не болѣе 100 т. р. Двѣ трети каналовъ пригодны для сплава, который обходится теперь гораздо дешевле: пробный сплавъ стоилъ 900 р., вмѣсто 9,000. Явились новые сѣнокосы, увеличилась доходность имѣній: за одну дачу, напр., арендная плата съ 70 руб. поднялась на 700. Для изслѣдованія подпочвы производятся буровыя скважины; сдѣлано ихъ 48, глубиною до 10 саженъ; одною изъ скважинъ открытъ бурый уголь близъ гор. Мозыря; уголь посредственнаго качества, но есть надежда найти лучшій. Другою скважиною, близь м. Любязь, открытъ янтарь.

— Читальни дѣйствующей арміи открыты въ настоящее время комитетомъ грамотности въ 33 пунктахъ. Онѣ состоятъ преимущественно изъ газетъ и журналовъ, безплатно доставляемыхъ редакціями. Затѣмъ изъ книгъ, частью пріобрѣтенныхъ покупкою и частью поступившихъ въ видѣ пожертвованій, составлено болѣе 100 библіотекъ, которыя и разосланы въ разные госпитали.

— **Отъ телеграфнаго департамента.** На станціяхъ государственнаго телеграфа за передачу депешъ въ іюлѣ мѣсяцѣ сего 1877 года телеграфнаго сбора поступило 514,077 руб. Въ этомъ-же мѣсяцѣ прошлаго года сбора получено 387,807 руб. Слѣдовательно, въ іюлѣ мѣсяцѣ сего года сбора поступило болѣе на 126,270 руб. Всего съ 1-го января по 1-е августа сего года сбора поступило 3.261,217 руб. Въ прошломъ году за это-же время 2.703,485 руб. Слѣдовательно, въ 1877 году сбору поступило болѣе на 557,732 рубля.

— **Императорская публичная библіотека** доводитъ до свѣдѣнія публики, что она будетъ вновь открыта съ 15 августа.

Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій.

Втеченіи недѣли съ 24-го августа по 1-е сентября получены слѣдующія оффиціальныя извѣстія:

I. Изъ арміи, дѣйствующей въ европейской Турціи, телеграммы его императорскаго высочества главнокомандующаго:

Изъ Горнаго Студня — отъ 24 августа: 23 августа, 17 таборовъ отъ Рущука и Разграда атаковали Кадыкіой; временно было заняли его, но были выбиты оттуда съ большимъ урономъ. Нашихъ участвовало въ этомъ дѣлѣ 7 батальоновъ, 8 сотенъ и 22 орудія. Наша потеря около 30 убитыхъ, 150 раненыхъ. Командиръ Украинскаго полка полковникъ Немира контуженъ въ голову.

Отъ 25-го августа: 23-го августа, турки сдѣлали попытку наступленія отъ Микре на Ловчу, но послѣ четырехчасовой перестрѣлки были отбиты; въ тотъ же день турки атаковали небольшими силами Марепъ близъ Елены, но также отбиты. 24-го августа, турки атаковали рущукскій отрядъ по всей линіи, направивъ главную атаку на Кацлево и Обланово; первоначальная атака на Кацлево была поведена 15-ю батальонами, 18-ю эскадронами и 23-мя орудіями, и силы турокъ во время боя все усиливались. Нашъ кацлевскій отрядъ, состоящій изъ пяти батальоновъ и восьми эскадроновъ съ артиллеріей держался упорно, но послѣ шестичасоваго ожесточеннаго боя долженъ былъ отступить, съ большими потерями, на Острицу. Облановскій отрядъ, также атакованный большими силами, отбилъ всѣ атаки и удержалъ позицію. На флангахъ оборонительной линіи нашего рущукскаго отряда турки наступили на Кадыкіой и Попкіой, но пока неизвѣстно — была ли это атака или демонстрація.

На Балканахъ спокойно. Сулейманъ-паша занятъ переустройствомъ своей арміи въ окрестностяхъ Казанлыка. Потеря наша при взятіи Ловчи, 22-го августа, около 1,000 человѣкъ убитыми и ранеными. Туркамъ уронъ нанесенъ очень большой; взято въ плѣнъ ихъ около ста человѣкъ, все раненые.

Изъ Порадима отъ 27-го августа: 27-го августа на Кадыкіой и Папкіой атаки не было; по занятіи турками Кацлева, рущукскій отрядъ хотя и отбилъ атаку на Обланово, но отошолъ весь на новыя позиціи.

25-го августа, съ наступленіемъ темноты, наши войска западнаго отряда придвинулись къ Плевнѣ и устроили ночью батареи на высотахъ, окружающихъ турецкія укрѣпленія; турки же не замѣтили этого, и наши всю ночь работали безпрепятственно. Ровно въ шесть часовъ утра, 26-го августа, наши осадныя батареи открыли огонь, сдѣлавъ залпъ; началась канонада, продолжавшаяся цѣлый день. Убитъ батарейный командиръ 16-й артилерійской бригады, полковникъ Гудимъ, и ранены два артиллерійскіе офицера; потеря 26-го августа еще неизвѣстна въ точности, но не велика; ночью наши обмѣнивались рѣдкими выстрѣлами съ турками.

27-го августа, въ $5\frac{1}{2}$ часовъ утра, артиллерійскій бой возобновился съ большою силою.

На отдѣльныхъ мѣстахъ театра войны 26-го августа было все спокойно. При взятіи Ловчи, убитъ командиръ псковскаго полка, полковникъ Кусовъ, и командиръ 11-го стрѣлковаго батальйона, полковникъ Кирданъ, и раненъ одинъ офицеръ, въ грудь на вылетъ.

Отъ 28-го августа: вчера, 27-го августа, на разсвѣтѣ, наши батареи придвинулись ближе къ Плевнѣ; весь день шла канонада и къ вечеру нашъ лѣвый флангъ занялъ высоты къ югу отъ Плевны, съ потерею около 500 человѣкъ; центръ и правый флангъ приблизились къ турецкимъ укрѣпленіямъ на 600 — 700 саженъ. Деревня Гривица занята. Потери наши на правомъ флангѣ и въ центрѣ вообще невелики. Всю ночь шла пальба и сегодня, 28-го августа, рано утромъ, усилилась.

Отъ 29-го августа: Вчера, 28-го августа, наши батареи обстрѣливали Плевну цѣлый день съ разстоянія 600—700 саженъ; утромъ турки сдѣлали сильную вылазку противъ нашего лѣваго фланга, но были отбиты съ большимъ урономъ. Румыны сдѣлали смѣлую рекогносцировку непріятельскаго редута, который открылъ сильный ружейный огонь, но былъ принужденъ замолчать сосредоточенными выстрѣлами нѣсколькихъ нашихъ батарей; одна изъ нашихъ осадныхъ батарей передвинута вчера, вечеромъ, для стрѣльбы по турецкому укрѣпленному лагерю, ночью была сильная стрѣльба. Сегодня, въ пять часовъ утра, кононада возобновилась съ большою силою.

На прочихъ мѣстахъ театра войны спокойно.

При штурмѣ Ловчи, 22-го августа, взято два непріятельскихъ знамени, множество оружія, патроновъ и зарядныхъ ящиковъ. Похоронено нами 2,200 турецкихъ тѣлъ; сверхъ того, множество изрублено при преслѣдованіи нашею кавалеріей. Наша потеря не превышаетъ 1,000 человѣкъ.

Отъ 30-го августа: Вчера, 29-го августа, цѣлый день продолжалось обстрѣливаніе Плевны съ нашихъ осадныхъ и полевыхъ батарей, поздно вечеромъ, нашъ лѣвый флангъ, подъ начальствомъ генерала Скобелева, занялъ еще одну высоту, съ которой можно дѣйствовать по непріятелю, по укрѣпленному лагерю и городу; непріятель оказалъ лишь слабое сопротивленіе. Кавалерія наша на софійской дорогѣ отразила конныхъ черкесовъ, выходившихъ противъ нея изъ Плевны. Потери наши пока весьма невелики.

Отъ 1-го сентября: Вчера, 30 августа, съ разсвѣтомъ до 3 часовъ дня, мы обстрѣливали Плевно и затѣмъ пошли на штурмъ; къ вечеру были взяты три редута на южномъ фронтѣ генераломъ Скобелевымъ и большой Гривицкій редутъ — генераломъ Родіоновымъ, который при этомъ легко раненъ, а командиръ 17 пѣхотнаго Архангелогородскаго полка, полковникъ Шлиттеръ убитъ; убитъ также начальникъ 3-й стрѣлковой бригады, генералъ Добровольскій; въ штурмѣ послѣдняго редута участвовало 6 нашихъ и 1 румынскій баталіонъ, при этомъ взято два знамя и пять орудій.

Сегодня, 31 августа, съ разсвѣтомъ возобновился по всей линіи сильный огонь; наши войска стоятъ въ виду турецкихъ укрѣпленій, на занятыхъ вечеромъ мѣстахъ.

Потери наши за вчерашній день болѣе 5,000 одними ранеными, число убитыхъ еще неизвѣстно.

Въ «Русскомъ Инвалидѣ» сообщаютъ, что 29 августа, вечеромъ, на Дунаѣ, близъ Рущука, выстрѣлами нашей осадной артиллеріи зажженъ турецкій мониторъ.

II. Отъ начальника кавказскаго округа изъ Караяла: Въ ночь съ 25-го на 26-е августа, охотники изъ нашихъ конно-ирегулярныхъ частей произвели молодецкій набѣгъ на кавалерійскій лагерь Мухтара-паши и изрубили до шестидесяти человѣкъ, забравъ нѣсколько ружей и лошадей; при отступленіи навели преслѣдовавшихъ ихъ турокъ на скрыто расположенный Дагестанскій конный полкъ, гдѣ непріятель вновь понесъ большія потери. У насъ ранено, приэтомъ, одинадцать милиціонеровъ и нижнихъ чиновъ.

Въ кабулетскомъ отрядѣ 22-го августа турки завязали артиллерійскую перестрѣлку, причомъ у насъ раненъ командиръ 2-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона подполковникъ Макѣевъ.

Телеграммы.

Нижній-Новгородъ, 23-го августа, вторникъ. Ярмарочный голова, г. Мошнинъ, представилъ губернатору собранные имъ на семейномъ обѣдѣ около двухъ тысячъ рублей, прося препроводить эту сумму въ штабъ дѣйствующей арміи, для оказанія пособія семействамъ нижнихъ чиновъ, павшихъ при геройской защитѣ Шибкинскаго перевала.

Общимъ собраніемъ купечества постановлено продолжить еще на десять лѣтъ десятипроцентный сборъ на построеніе новаго ярмарочнаго собора, съ правомъ реализаціи этого сбора. Вмѣстѣ съ тѣмъ, собраніе вмѣнило комитету въ обязанность окончить сооруженіе собора къ 1880 году.

Мануфактурными товарами расторговались на ярмаркѣ хорошо. Чаю остается небольшое количество; продавали его дорого, но на сроки. Азіятскій хлопокъ закупленъ почти весь. Марена кавказская пошла за безцѣнокъ. Шерсть дорожаетъ.

Одесса, 24-го августа, среда. Сюда прибыло подъ флагомъ «Краснаго Креста» судно «Belle de Dunquerque» съ принадлежностями для госпиталей русской арміи, пожертвованными англійскимъ обществомъ.

Бѣлградъ, 26-го августа, пятница. Сербскій уполномоченный при Портѣ, Христичъ, уѣдетъ изъ Константинополя 1-го (13-го) сентября. Ожидаютъ начала военныхъ дѣйствій со стороны Сербіи съ 12-го (24-го) сентября.

— 28-го августа, воскресенье. Вооруженія дѣятельно продолжаются. Теперь Сербія имѣетъ 80,000 скорострѣльныхъ ружей и 350 орудій, по большей части тоже заряжающихся съ казны. Англійское правительство, черезъ своего агента, дѣлаетъ Сербіи грозныя внушенія, чтобы удержать княжество отъ участія въ войнѣ; но въ настоящую минуту англійская дипломатія потеряла всякое вліяніе въ Бѣлградѣ.

Бухарестъ, 28-го августа, воскресенье. 26-го августа, г. Поляковъ приступилъ къ постройкѣ желѣзной дороги отъ Фратешти къ Дунаю. Работами занято уже болѣе трехъ тысячъ человѣкъ; дорогу разсчитываютъ окончить къ 15-му октября. Въ то же время Поляковъ будетъ устраивать переправу черезъ Дунай на пароходахъ.

Острогъ, 27-го августа, суббота. Никшичъ сдался. Черногорское знамя развѣвается на стѣнахъ его цитадели. Это непремѣнно ускоритъ взятіе штурмомъ оставшихся еще непріятельскихъ шанцевъ. Низамъ и часть гражданъ оставили городъ, пройдя между двумя рядами побѣдителей. Потери черногорцевъ при послѣднемъ штурмѣ простираются приблизительно до 35 человѣкъ. Побѣдителямъ досталась 21 пушка и много другого оружія. Депешу посылаю изъ никшичскаго лазарета, который наполненъ ранеными турками.

Вѣна, 24-го августа, среда, вечеромъ. Газетѣ «Politische Correspondenz» телеграфируютъ изъ Бѣлграда, отъ сегодняшняго числа: «Милиціи перваго призыва предписано выступить въ походъ; къ 13-му сентября она должна собраться въ мѣстахъ сбора. Второму призыву милиціи приказано готовиться къ походу. Главное командованіе принимаетъ на себя сербскій князь. Командиромъ дринскаго корпуса назначенъ бывшій военный министръ Белимарковичъ. Всѣ корпусные командиры выѣзжаютъ завтра изъ Бѣлграда»

Римъ, 23-го августа, вторникъ. Укрѣпленія Рима будутъ окончены къ веснѣ будущаго года; они обойдутся въ 5 милліоновъ лиръ; 240 орудій уже получены и приступлено къ постановкѣ ихъ на веркахъ, въ окрестностяхъ Рима.

Парижъ, 23-го августа, вторникъ. Газеты сообщаютъ, что вчера, въ 6 часовъ вечера, Тьеръ внезапно скончался въ Сенъ-Жерменъ-анъ-Лэ.

— 23-го августа, вторникъ, вечеромъ. До окончанія завтрака, то есть, до $12^1/_2$ часовъ пополудни, здоровье Тьера было хорошо, но тутъ съ нимъ сдѣлался ударъ, при чемъ онъ лишился языка; спустя двадцать минутъ, наступилъ совершенный упадокъ силъ, продолжавшійся до момента смерти. Маршалъ Макъ-Магонъ отправилъ г-жѣ Тьеръ телеграмму, въ которой выразилъ ей свое соболѣзнованіе. Погребеніе Тьера будетъ совершено на счетъ государства. Увѣряютъ, что тѣло покойнаго будетъ погребено въ церкви «Дома Инвалидовъ», если семейство Тьера не воспротивится этому. Всѣ газеты безъ изъятія выражаютъ сожалѣніе по поводу смерти Тьера. Газета «Moniteur Universel» полагаетъ, что, по случаю похоронъ Тьера, поѣздка маршала Макъ-Магона на юго-западъ Франціи будетъ отложена на нѣсколько дней.

— 23-го августа, вторникъ, вечеромъ. Въ «Journal Officiel» напечатанъ докладъ министра Фурту на имя маршала Макъ-Магона. Въ докладѣ этомъ, Фурту говоритъ: «Въ теченіи болѣе полустолѣтія Тьеръ дѣлалъ честь Франціи и служилъ ей. Будучи поставленъ во главѣ правительства наканунѣ нашихъ бѣдствій, онъ, въ силу своего патріотизма, держался на высотѣ самой трудной и самой горестной задачи. Франція не можетъ забыть подобныхъ воспоминаній. Я увѣренъ, что всѣ партіи соединятся между собою, чтобъ засвидѣтельствовать свою благодарность и отдать справедливость Тьеру. Вслѣдствіе этого я предлагаю, чтобъ погребеніе Тьера было отнесено на попеченіе и на счетъ государства». Затѣмъ слѣдуетъ составленный въ этомъ смыслѣ декретъ.

— 25-го августа, четвергъ, вечеромъ. Гамбетта получилъ приглашеніе явиться, во вторникъ, въ судъ исправительной полиціи, по обвиненію въ оскорбленіи президента республики и въ поношеніи министровъ. По слухамъ, государственный прокуроръ потребуетъ, чтобъ засѣданіе суда было не публичнымъ.

— 26-го августа, пятница. Похороны Тьера назначены на субботу и будутъ происходить въ церкви «Notre Dame de Lorette».

— 27-го августа. суббота. Не смотря на дождь, идущій уже цѣлыя сутки, стеченіе публики на похороны Тьера было весьма велико. На пути слѣдованія погребальной процессіи магазины были заперты. Населеніе совершенно спокойно.

Константинополь, 26-го августа, пятница, вечеромъ. Правительство заключило заемъ въ суммѣ двухъ милліоновъ фунтовъ (по нарицательной стоимости) у оттоманскаго банка. Заемъ этотъ назначенъ на возвращеніе нѣкоторыхъ ссудъ, выданныхъ правительству галатскими банкирами, въ уплату за купленные въ Америкѣ боевые припасы и ружья и, наконецъ. на обезпеченіе находящихся въ обращеніи бумажныхъ денегъ.

* * *

Наши гравюры.

Снабженіе Варны провіантомъ.

Въ прошломъ нумерѣ «Живоп. Обозр.» мы помѣстили рисунокъ улицы въ Галацѣ, теперь мы помѣщаемъ картину изъ будничной жизни Варны, указывающую на способы снабженія провіантомъ этого города. Какъ Галацъ для Румыніи, такъ Варна для Турціи имѣетъ не малое значеніе. Варна, прежде Одессусъ, Констанція или Барнъ,—турецкая прибрежная крѣпость въ Болгаріи, резиденція паши и греческаго архіепископа. Подъ стѣнами этой крѣпости Амуратъ II въ 1444 году побѣдилъ Владислава V, короля венгерскаго. Русскіе взяли Варну въ 1828 году послѣ долгой осады, уступивъ, впрочемъ, ее снова Турціи послѣ заключенія мира. Конецъ настоящей войны покажетъ, какая участь ждетъ Варну.

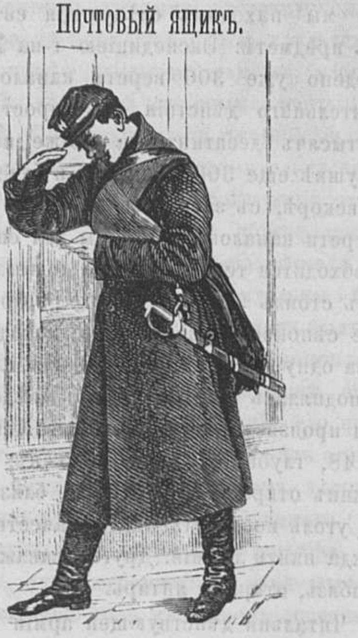
Бомбардированіе Никополя.

Въ отдѣлѣ «Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій» въ свое время было сообщено, какъ о бомбардированія Никополя, такъ и о сраженіи подъ этимъ городомъ и о взятіи крѣпости «Никополь». На нашей гравюрѣ изображенъ моментъ бомбардированія Никополя, произведеннаго 14 апрѣля, наканунѣ переправы нашихъ войскъ у Зимницы.

Починить нельзя!

Смыслъ этой сценки понятенъ самъ собою. Сапожникъ разсматриваетъ женскій башмакъ, пожимаетъ плечами, дѣлаетъ кислую гримасу и говоритъ: «этихъ башмаковъ починить нельзя». Это такъ просто. Но взгляните на другую фигуру—на фигуру бѣдно одѣтой дѣвушки, стоящей около сапожника—и вы поймете, угадаете другую фразу, которая готова сорваться съ языка этой бѣдняги. Эта фраза: «Но мнѣ не на что купить новые!» Эта фраза придаетъ драматическій характеръ этой будничной сценкѣ, повторяющейся, конечно, каждый день въ разныхъ темныхъ закоулкахъ большихъ городовъ, гдѣ тѣснится бѣдный, нуждающійся людъ.

Почтовый ящикъ.

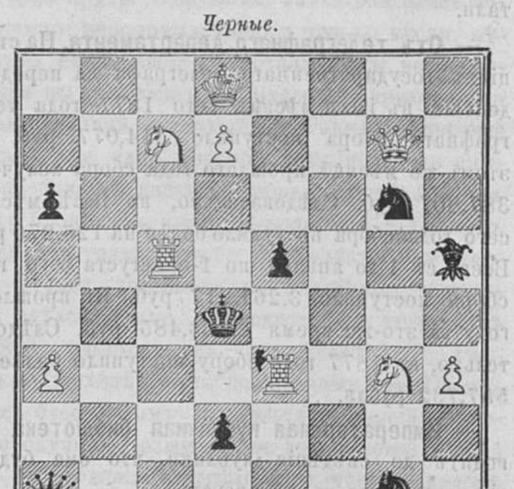


Екатеринославъ. А. В—овъ. Стихотвореніемъ не можемъ воспользоваться: оно очень слабо по формѣ.

Шахматы.

Задача XXXIV.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.



Рѣшеніе задачи № XXXIII.

Бѣлые.	*Черные.*
1) C7—B8	1) A6—A5 (а, в.)
2) B8—A7 берутъ	2) B4—A4 берутъ
3) C1—C4 † и матъ.	

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи. Чортовъ волосъ (продолж.).—Нечеловѣческая месть (продол.).—Доброе старое время (продол.).—Стихотвореніе «Если-бы!...» — Наши ближніе (прод.).—Яковъ Адольфъ Ламбертъ Кэтлэ. — Новости наукъ и жизни. — Смѣсь. — Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій. — Телеграммы. — Наши гравюры. — Почтовый ящикъ. — Шахматы.

Гравюры: Снабженіе Варны провіантомъ. — Бомбардированіе Никополя. — Починить нельзя. — Адольфъ Кэтлэ — Почталіонъ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

При настоящемъ нумерѣ Живописнаго Обозрѣнія разсылается всѣмъ подписчикамъ приложеніе за сентябрь „ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО“.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3 Сентября 1877 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

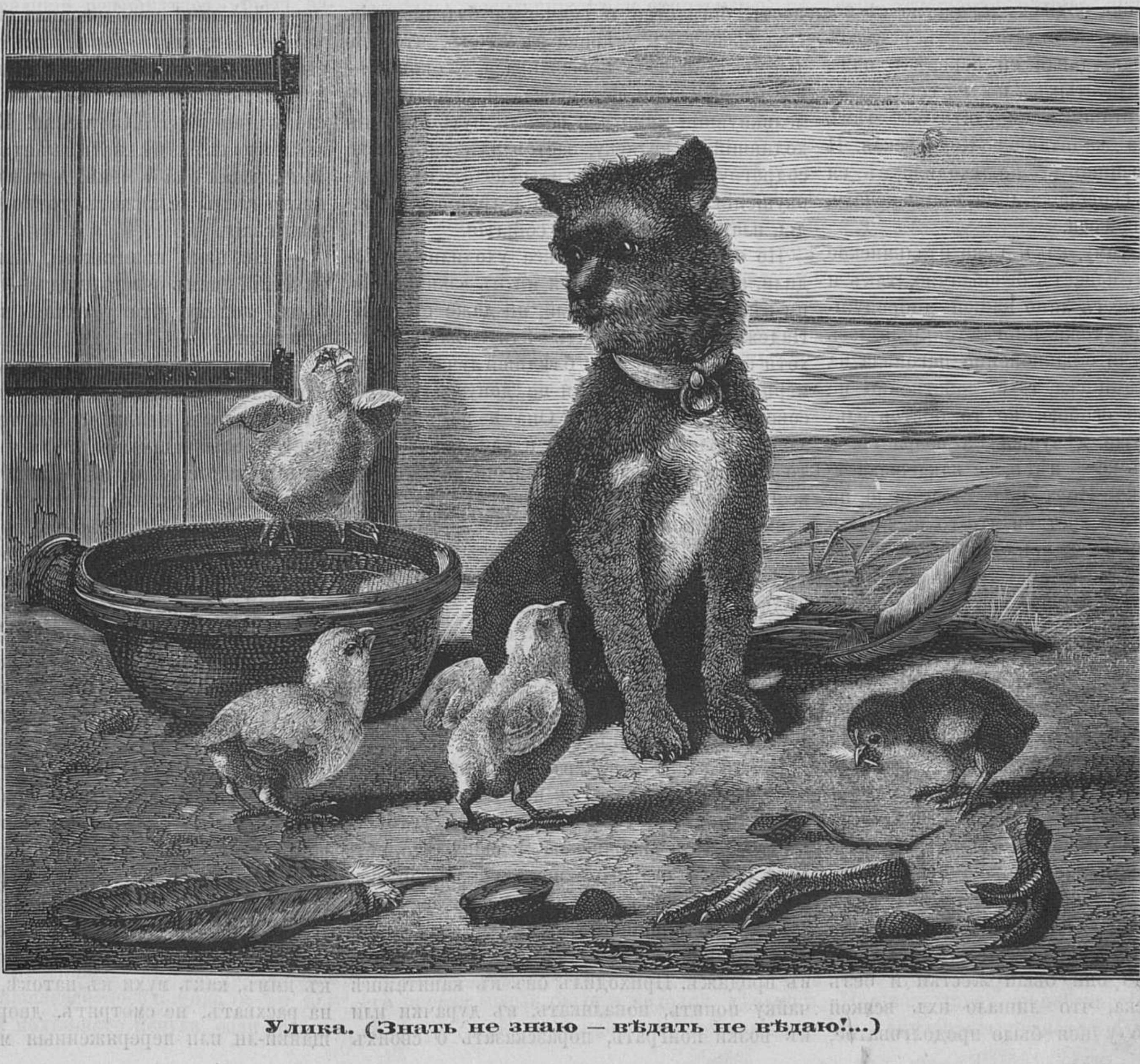
№ 37. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода—4 р. 50 к. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 11 Сентября 1877 года. Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Троицкій переулокъ, домъ № $27/_1$. Годъ V.

Подписка на „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ" 1877 г. продолжается.

Въ 1877 году журналъ выходитъ **еженедѣльными** нумерами (въ годъ 52 нумера), иллюстрированными множествомъ художественныхъ гравюръ. Всѣ подписчики получаютъ, въ **видѣ премій**, ежемѣсячное приложеніе подъ заглавіемъ «Жизнь и Хозяйство», со множествомъ рисунковъ. Годовымъ подписчикамъ разсылаются слѣдующія преміи: большая гравюра **„Продажа амулетовъ"**, снимокъ съ картины проф. **Генриха Семирадскаго**, на толстой веленевой бумагѣ, длиною одинъ аршинъ, шириною $12^1/_2$ вершковъ, и **Карта театра военныхъ дѣйствій въ Европейской и Азіятской Турціи.**

Годовая подписная цѣна журнала, съ достав. и перес. 7 руб., безъ перес. и доставки—6 руб.; на полгода: (съ 1-го іюля), съ пересылкою—4 р. 50 коп., безъ перес.—3 руб.

Подписка продолжается. Новые годовые подписчики получаютъ журналъ съ перваго нумера.



Улика. (Знать не знаю — вѣдать не вѣдаю!...)

Капитанша Кваповская.

Повѣсть **Л. Леванды.**

I.

Трудно было найти существо, болѣе довольное собою и всѣмъ окружающимъ, чѣмъ виленская обывательница, капитанша Бронислава Антоновна Кваповская, урожденная однодворка Ошмянскаго уѣзда. Спѣшимъ оговориться, что капитаншей мы титулуемъ г-жу Кваповскую потому, что она этого хочетъ, на самомъ же дѣлѣ она — губернская секретарша; произвела-же она себя въ капитанши, какъ потому, что ей это ничего не стоило, такъ и потому, что, какъ малограмотная, она имѣла очень смутное понятіе какъ о табличкѣ умноженія, такъ равно и о табели о рангахъ.

И чѣмъ только не была довольна наша капитанша? Она, во-первыхъ, была довольна тѣмъ, что она — капитанша Кваповская, а не кто-нибудь другая; во-вторыхъ, — что тридцать лѣтъ была за-мужемъ за губернскимъ секретаремъ, служившимъ въ какомъ-то присутственномъ мѣстѣ, тоже губернскомъ; въ третьихъ,— что мужъ ея умеръ, оставивъ ей въ наслѣдство домикъ на Зарѣчьѣ, около двухъ сотъ рублей чистогана и девяносто шесть рублей съ копѣйками выслуженнаго полнаго пенсіона; въ четвертыхъ,— что изъ цѣлой полдюжины дѣтей у нея на старости лѣтъ осталась въ живыхъ только дочь Франуся, которую она надѣялась пристроитъ не только за губернскаго, но даже за столичнаго секретаря, что, по ея табели о рангахъ, выходило чиномъ выше; и въ пятыхъ,— что несмотря на то, что она полька, она умѣетъ однако-же бойко говорить по-русски. Эту бойкость она пріобрѣла еще въ молодые годы, до своего замужества, когда она водила знакомство съ военными писарями, и эта бойкость осталась за нею на всегда, давая ей перевѣсъ надъ ея мужемъ. Въ шестыхъ... но мы сегодня не кончимъ, если станемъ исчислять все, чѣмъ была довольна капитанша Кваповская. И это довольство никогда не сходило съ ея круглаго, какъ сковорода, лица, вѣчно яснаго, вѣчно улыбающагося.

Но, подобно тому, какъ даже итальянское небо не всегда бываетъ безоблачно, такъ и ясное, улыбающееся лицо нашей добродушной капитанши тоже иногда покрывалось тучами. Эти тучи обыкновенно нагоняла на него панна Франциска, т. е. собственно не она сама своею особою, но то обстоятельство, что она уже дѣвушка на возрастѣ, а жениховъ нѣтъ какъ нѣтъ, не наклевывается, да и только. Не только столичные, но даже губернскіе секретари что-то не приходятъ дѣлать предложенія, стало быть, никто не замѣчаетъ и не отличаетъ ея Франуси, — «ея Франуси, которая» и т. д. Капитаншу не только бѣсило, но даже удивляло, хотя удивляться тутъ было не чему. Дѣло въ томъ, что Франуся была, что называется, дѣвушка ничего себѣ: ни дурна, ни хороша, ни глупа, ни умна, а что-то среднее между этими противоположностями. Она была ростомъ немножко выше средняго, имѣла довольно стройную талію, но шея у нея была короткая, а плечи немножко подняты вверхъ, что въ соединеніи съ головою несоразмѣрной величины придавало ей издали видъ горбуньи. Волосы у нея были длинные, густые, изсѣро-пепельнаго цвѣта, такъ, кажется, хорошо? Но они были жестки и безъ малѣйшаго лоска, что лишало ихъ всякой прелести. Лицо у нея было продолговатое, чистое, матоваго цвѣта, съ довольно правильнымъ носикомъ и хорошенькимъ ротикомъ, но безъ малѣйшаго выраженія чего-бы то ни было. Но хуже всего въ ней была ея походка: она, представьте себѣ, ходила, такъ таки просто ходила, не порхала, не гарцовала, не выдѣлывала pá, а просто ходила, добросовѣстно ставя на землю всю ступню то одной ноги, то другой, что въ соединеніи съ отсутствіемъ малѣйшаго кокетства, этой соли женской красоты и привлекательности, не можетъ нравиться мужчинамъ, будь они столичные или губернскіе секретари. Такова была Франуся.

Но на материнскій взглядъ капитанши, ея Франуся была чуть не чудомъ красоты, по крайней мѣрѣ, красивѣе всѣхъ дѣвушекъ, которыхъ она знала не только на Зарѣчьѣ, но и во всей Вильнѣ. По ея мнѣнію и даже убѣжденію, Франуся, просто, не можетъ не бросаться въ глаза каждому мужчинѣ, который хоть сколько нибудь знаетъ толкъ въ женской красотѣ, и на этомъ-то своемъ мнѣніи и даже убѣжденіи она строила много, много воздушныхъ замковъ... Она именно думала и надѣялась, что не сегодня, такъ завтра къ ея дому подкатитъ блестящій «эквипажъ», изъ котораго выскочитъ маіоръ, заправскій маіоръ, а можетъ быть, и полковникъ, войдетъ въ комнату, спроситъ: «не вы ли, сударыня, ея благородіе капитанша Кваповская?» и, получивъ утвердительный отвѣтъ, опустится на одно колѣно, скажетъ: «очастливьте меня, г-жа капитанша Кваповская, я встрѣтилъ на улицѣ вашу Франусю» и т. д. Она тѣмъ болѣе надѣялась на возможность такого событія, что и во снѣ ей постоянно снилось, и по гаданію на картахъ всегда выходило, что ея Франусю ожидаетъ необыкновенное, неслыханное счастье; знатность, богатство и всяческія благополучія. Она была такъ увѣрена въ этомъ, что цѣлые часы бывало просиживала у окошка— все въ ожиданіи «эквипажа», и каждый промелькнувшій мимо нея возокъ, чуть-чуть походившій на коляску, заставлялъ ея сердце содрогнуться и пріятно затрепетать въ предвкушеніи исполненія давно лелѣянной надежды, пламенно желаннаго событія.

Но сегодня и завтра все уходили и уходили, а никто не являлся ни въ «эквипажѣ», ни пѣшкомъ, ни военный, ни даже статскій. Надежда стала покидать бѣдную капитаншу, хотя еще не совсѣмъ: блѣдный лучъ все еще мерцалъ гдѣ-то вдали и не допускалъ ее до совершеннаго отчаянія. Она и не отчаявалась, а только досадовала и удивлялась. Эта-то досада и удивленіе и нагоняли тучи на всегда довольное, улыбающееся лицо капитанши Кваповской.

II.

Досаду свою капитанша Кваповская нерѣдко изливала предъ паномъ Фердинандомъ, своимъ ближайшимъ сосѣдомъ, полиціи писцомъ въ отставкѣ, котораго она немножко побаивалась, какъ ябедника и крючкотвора, а потому глубоко уважала и титуловала «паномъ совѣтникомъ».

Почти каждый вечеръ этотъ панъ совѣтникъ приковыливалъ къ ней на своей деревянной ногѣ, съ своею фарфоровою трубкою въ рукѣ и съ дворянскою медалью въ петлицѣ своего стараго изношеннаго сюртука, который отъ ветхости уже лоснился, какъ хорошо вычищенный сапогъ или какъ хорошая китайка, уже не встрѣчающаяся теперь въ продажѣ. Приходилъ онъ къ капитаншѣ чайку попить, покалякать, въ дурачки или въ возки поиграть, поразсказать о своихъ дѣлишкахъ или пожаловаться на свою «панію», т. е. жену, что она стала пить и таскать все изъ дому.

Предъ этимъ-то сосѣдомъ капитанша Кваповская и изливала свое сердце, когда досада уже слишкомъ накипала въ немъ и рвалась наружу. Разъ она сидѣла — сидѣла, сидѣла, нахмурившись, насупившись, да вдругъ начала, качая головою и горько улыбаясь:

— Ну, ужь свѣтъ! чортъ знаетъ, что такое!

— Это вы на счетъ чего, пани капитанова? освѣдомился панъ Фердинандъ, выпуская клубокъ дыма изъ рта.

— Да все на счетъ моей Франуси.

— А что опять съ вашей Франусей? спросилъ панъ Фердинандъ, полагая, что дѣло идетъ о какой то домашней или кухонной дрязгѣ.

— Да все то же, отвѣчала капитанша, вздыхая, — сидитъ, женихи не ходятъ.

— А, на счетъ этого! воскликнулъ панъ Фердинандъ, вспомнивъ знакомую ему канитель, которая уже порядочно ему надоѣла. — Ну, не турбуйся, пани капитанова, будутъ и женихи, все въ свое время.

— А время-то между тѣмъ и проходитъ, а дѣвка-то у меня и засидится! начала капитанша полуоктавою выше.

— Не засидится, успокоивалъ ее панъ Фердинандъ, закуривая новую трубку. — Свѣтъ не клиномъ сошелся, хватитъ и на ея долю. При томъ, она вѣдь еще молода.

— То-то и бѣситъ меня, продолжала капитанша уже цѣлою октавою выше,— то-то въ толкъ никакъ не возьму, что она молода и хороша, вѣдь Франуся хороша, а?

— Да, паненка ничего себѣ, ладная, согласился панъ Фердинандъ.

— Лад-на-я! передразнила его капитанша уже въ сердцахъ.—Ишь, какъ облагодѣтельствовалъ! Ладная! ладна всякая молодая дѣвушка, но моя Франуся не то, что ладна, а красавица, принцесса, крулевна! Ей только въ эквипажахъ разъѣзжать и въ атласахъ ходить. Вотъ какая она у меня! А женихи не ходятъ, никто глазъ не кажетъ, точно мы зачумленныя какія.

— Но, пани капитанова, замѣтилъ практическій панъ Фердинадъ, — это, можетъ быть, потому, что у вашей паненки нѣтъ приданаго?

— Такъ что жъ, что нѣтъ приданаго? спросила капитанша. — Развѣ добрые люди на приданомъ женятся? Это только вы гоняетесь за приданымъ, потому что голыши, скопидомы, какъ жиды. «Дайце ми женке зъ дукатами», какъ поется въ пѣснѣ. А порядочная молодежь совсѣмъ другой народъ: имъ только красивую дѣвушку подавай и довольно. Они сами и гардеробъ справятъ, и хозяйство соорудятъ и еще въ поясъ тебѣ поклонятся, что отпустилъ свое дѣтище. И въ самомъ дѣлѣ, что съ женщины взять? Онѣ развѣ жалованье получаютъ или дѣлами занимаются? Ихъ нужно взять, какъ онѣ есть.

— Однако, такъ не бываетъ, возразилъ панъ Фердинандъ, который, какъ видно, не раздѣлялъ взгляда капитанши на женскій вопросъ.

— Не бываетъ? переспросила капитанша,— а я вамъ докажу, что бываетъ, у русскихъ бываетъ. Я такъ и говорю, что нашимъ дѣвушкамъ теперь лафа: русскіе льнутъ къ нимъ, какъ мухи къ патокѣ, берутъ ихъ на расхватъ, не смотрятъ, дворянки-ли, мѣщанки-ли или переряженныя мужички. Вы, панъ совѣтникъ, чай, сами знаете, за кого вышла Михалинка? — За столоначальника. Стефка? — За контурлера. Бронця? — За интендантскаго. А Казьку знаете?

— Какую Казьку?

— Ну, эту пучеглазую верзилу, кузнеца Мильковича дочь.

— А, знаю, знаю! припомнилъ панъ Фердинандъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Чортовъ волосъ.

(Фантастическое путешествіе въ Японію.)

Эдуарда Кадоля.

(*Продолженіе.*)

Глава VII.

Какъ Ландри нашелъ себѣ занятіе.

Асмодей, позволивъ Ландри слѣдовать за другомъ, взялъ съ него формальное обѣщаніе не увлекаться фантазіями Фелисьена, и вести по прежнему скромную жизнь. Для большей предосторожности, догадливый чортъ не одарилъ Ландри способностью понимать мѣстный языкъ, будучи увѣренъ, что мимикой и посредствомъ нѣсколькихъ словъ, слышанныхъ и запомненныхъ имъ, онъ будетъ въ состояніи потребовать себѣ все необходимое. Такимъ образомъ, молодой человѣкъ былъ свидѣтелемъ всего происходившаго, но не могъ принимать участія въ дѣлахъ своего друга. Благодаря врожденной добротѣ, ласковости и общительности японцевъ, его вездѣ прекрасно принимали и онъ цѣлыми днями бродилъ по городу и его окрестностямъ, съ любопытствомъ присматриваясь ко всѣмъ невиданнымъ имъ до тѣхъ поръ диковинкамъ. Съ Фелисьеномъ онъ видѣлся только въ часы завтрака и обѣда, такъ какъ «великій реформаторъ» былъ заваленъ дѣлами; съ утра до ночи онъ просматривалъ бумаги, подписывалъ ихъ, совѣщался съ министрами и давалъ аудіенцію иностраннымъ посольствамъ.

Однажды рано утромъ Ландри отправился по дорогѣ Токаидо, соединяющей Іеддо съ Кіото, резиденціей микадо. Пройдя очень немного, онъ очутился на берегу широкой рѣки, черезъ которую не было ни малѣйшаго подобія моста. Для устраненія неудобства пришлось перебираться вплавь. У пристани стояли большія лодки и кромѣ того по обоимъ берегамъ имѣлось до 60 человѣкъ носильщиковъ, получившихъ отъ правительства патентъ на это занятіе и предлагавшихъ свои услуги за самую ничтожную плату. Ландри видѣлъ, какъ, благодаря имъ, купцы, курьеры, странники, бонзы и пр. благополучно переправлялись на другую сторону. Носильщики, въ числѣ шести или восьми, брали паланкинъ, и, ровнымъ шагомъ, погружаясь въ воду иногда до подбородка, переносили его на противоположный берегъ. Для пѣшеходовъ дѣло было еще проще. Одинъ изъ носильщиковъ становился сзади путешественника, наклонялся и просовывалъ свою голову между его ногъ. Когда путешественникъ, держась за платокъ на головѣ носильщика, удобно усаживался на его плечахъ, носильщикъ выпрямлялся и, схвативъ обѣими руками сѣдока за ноги, погружался въ волны. Если во время переправы приходилось встрѣтиться на срединѣ рѣки съ знакомыми, то останавливались, кланялись, разговаривали, смѣялись и курили. Дамы, нисколько не стѣсняясь, также осѣдлывали перваго попавшагося носильщика и не выказывали ни малѣйшаго испуга, если онъ нечаянно оступался. Конечно, при этомъ ножка или часть платья попадали въ воду, но такое приключеніе вызывало только смѣхъ ихъ самихъ и окружающихъ.

Ландри, желая подольше и хорошенько насмотрѣться на эту переправу, зашелъ въ чайный домъ, находившійся на берегу и потребовалъ завтракъ; онъ сѣлъ такъ, чтобы видѣть живописную переправу. Подлѣ него помѣстилась, за отдѣльнымъ столикомъ, молоденькая японка изъ Іеддо, и также потребовала завтракъ. Тамъ и сямъ купцы и путешественники пили чай, приправленный сильной дозой саки (родъ водки), которой, къ несчастію, злоупотребляютъ во всѣхъ слояхъ японскаго общества. Въ отдаленномъ углу чайнаго дома нѣсколько якуниновъ съ азартомъ проигрывали другъ другу большую часть полученнаго ими жалованья.

На дорогѣ, передъ входомъ, бродячіе акробаты показывали чудеса силы и ловкости и танцовали національные танцы, въ которыхъ главную роль играли зонтикъ и вѣеръ. Между тѣмъ услужливыя, улыбающіяся, предупредительныя служанки перебѣгали отъ одного посѣтителя къ другому, каждому подавая требуемое, каждому отвѣчая и съ каждымъ пересмѣиваясь. Какъ на дорогѣ и на рѣкѣ, такъ и въ чайномъ домѣ господствовали общее оживленіе и веселость. «Японцы, подумалъ Ландри, превеселый народъ, а моя сосѣдка, кажется, очень симпатичная дѣвушка».

Не смотря на то, что Ландри, по незнанію японскаго языка, думалъ по французски, японка, по видимому, угадала его мысли, потому что быстро взглянула на него, опустила глаза и потребовала счетъ. Ландри, кончившій завтракъ, заплатилъ также, и черезъ минуту догналъ незнакомку. Оба они сѣли на спины носильщиковъ и отправились черезъ рѣку. Молодая дѣвушка достала изъ кармана миніатюрную трубку, набила ее табакомъ, но, къ своему великому удивленію, тщетно искала кремень и огниво, чтобы закурить. Ландри любезно предложилъ ей огня и молодая дѣвушка, понявъ его жестъ, быстро наклонилась къ его трубкѣ. Но въ ту же минуту носильщикъ ея споткнулся и она, упавъ навзничъ, исчезла подъ водой. Раздался громкій смѣхъ окружающихъ, но Ландри не смѣялся. Не подумавъ о томъ, что не знаетъ самыхъ примитивныхъ правилъ плаванія, онъ смѣло соскочилъ со спины своего носильщика и, въ свою очередь, погрузился въ воду. На первыхъ порахъ онъ едва не потерялъ сознанія, но, понимая всю опасность положенія, употреблялъ всѣ усилія, чтобы выбраться на поверхность. Онъ имѣлъ въ рукахъ вѣрное средство спасенія: «чортовъ волосъ». Онъ уже взялся было за медальонъ, въ которомъ былъ спрятанъ этотъ талисманъ, но его остановило слѣдующее размышленіе: «это слишкомъ серьезное средство для такого пустяка; плаваютъ же люди и не тонутъ, авось и я выберусь собственными силами». Размышляя такимъ образомъ, онъ закрылъ глаза, стиснулъ зубы и сталъ брыкаться во всѣ стороны. Вдругъ онъ почувствовалъ, что руки его за что-то задѣваютъ и что-то тащитъ его за волосы. Онъ открылъ глаза и, къ своему великому стыду, увидалъ себя на поверхности воды, брыкающимся самымъ неприличнымъ образомъ, его окружало множество смѣющихся путешественниковъ.

Онъ не обратилъ вниманія на насмѣшки, его первая мысль была о молодой дѣвушкѣ. «Гдѣ она? гдѣ она?» повторялъ онъ, ища ее глазами, но нигдѣ не видѣлъ ея хорошенькаго личика. Ужасъ парализовалъ его члены. Онъ не шевелилъ ни руками, ни ногами, но, непонятно для него, голова его находилась на поверхности. Наконецъ онъ догадался, что кто-то держитъ его за волосы. Онъ поднялъ глаза и узналъ свою незнакомку, которая, плавая лучше его, спасала его.

— Не бойтесь, милостивый государь, и не рвитесь, говорила она ему по-японски.—Нѣтъ никакой опасности; приплывъ къ берегу, мы даже не поплатимся простудой, выпивъ въ чайномъ домѣ горячаго чая. Пожалуйста же, не рвитесь.

Ландри не понималъ ни звука, что причиняло ему большое горе, потому что голосъ незнакомки былъ мягокъ и пріятенъ, и онъ прислушивался къ нему, какъ къ моцартовской мелодіи. Инстинктивно понявъ, чего отъ него требуютъ, онъ прекратилъ всякія эволюціи и, достигнувъ берега, вошелъ вмѣстѣ съ молодой дѣвушкой въ чайный домъ, чтобы согрѣться чаемъ съ саки. Но въ какомъ ужасномъ видѣ они были! Мокрые, дрожащіе!

Служанки чайнаго дома приготовили имъ чай и поставили въ комнатѣ двое ширмъ, за которыми бы они могли раздѣться, чтобы отдать высушить свое платье. Сидя на циновкѣ съ поджатыми ногами, и, завернувшись въ одѣяло, Ландри соображалъ, какъ бы ему выразить благодарность своей спасительницѣ. Сила талисмана опять пришла ему на мысль. Ему стоило только сказать: «я хочу говорить по японски» и онъ немедленно заговорилъ бы, какъ уроженецъ Іеддо. Но онъ сообразилъ, что желанія его не ограничатся знаніемъ японскаго языка. Ему вдругъ захотѣлось понравиться молодой дѣвушкѣ; для начала войти съ ней въ дружескія отношенія, потомъ внушить къ себѣ привязанность сильнѣе дружбы, потомъ предложить ей руку и сердце. Для достиженія всего этого было мало знанія японскаго языка. Къ тому же, насколько онъ наблюдалъ, изученіе японскаго языка не было особенно трудно. Поминутно встрѣчался глаголъ «быть» и чаще всего въ неспрягаемой формѣ «есть». Значитъ нужно было выучить только нѣкоторыя слова. Онъ уже зналъ необходимыя слова: голодъ, жажда, сонъ, усталость; оставалось выучить: дружба, благодарность, любовь, и онъ заставилъ бы молодую дѣвушку понять себя. Онъ уже воображалъ, какъ онъ ей скажетъ: «Есть любовь!» «Гдѣ?» «Конечно, во мнѣ?» Объяснить что во мнѣ, совсѣмъ не трудно. Для этого японцы прикладываютъ палецъ къ носу. Значитъ ему стоило только приложить палецъ къ носу, встать на одно колѣно, бросить затуманенный взоръ и сказать нѣжнымъ голосомъ: «есть любовь!» Для этого не стоило лишаться талисмана и онъ рѣшился оставить его до поры до времени въ медальонѣ, а самому, между тѣмъ, заняться изученіемъ японскаго языка. Прійдя къ такому заключенію, онъ одѣлся и вышелъ изъ-за ширмъ

Молодая дѣвушка предупредила его и уже сидѣла за чашкой горячаго чая. Подлѣ ея чашки стояла другая, закрытая блюдечкомъ. Замѣтивъ Ландри, она сдѣлала ему знакъ приблизиться и, приподнявъ блюдечко, подала ему чашку. Ландри, не умѣя словами выразить то, что чувствовалъ, взялъ чашку и чокнулся съ своей хорошенькой сосѣдкой, желая ей при этомъ всевозможнаго счастія. Не зная этого европейскаго обычая, японка съ удивленіемъ посмотрѣла на Ландри и, нисколько не думая оскорблять его, разразилась громкимъ хохотомъ. Смотря на нее, и всѣ присутствующіе, исключая самого героя этой внезапной веселости, начали громко смѣяться.

Удивленный и оскорбленный Ландри съ грустью посмотрѣлъ на нее. Она смѣется надъ его чистосердечнымъ порывомъ! И двѣ крупныя слезы скатились по его щекамъ. Эти слезы вдругъ прервали смѣхъ молодой дѣвушки. Вынувъ изъ кармана кусочекъ бумаги, она заботливо вытерла ему глаза, расточая самыя нѣжныя утѣшенія. Хотя она говорила на японскомъ языкѣ и онъ не понялъ ни слова, но въ ея голосѣ слышалась такая доброта, что лицо Ландри прояснилось и онъ улыбнулся, что доставило видимое удовольствіе молодой дѣвушкѣ.

— Не смотря на то, что мое платье совершенно высохло, сказала она,—я все таки не могу продолжать моего пути и явиться въ такомъ жалкомъ видѣ къ той особѣ, которой я несла крашенную матерію, потому что особа эта самая знатная при дворѣ микадо: это красавица Ваказа, бывшая невѣста принца Аки. Поэтому я должна возвратиться въ Іеддо къ моимъ родителямъ и уже завтра исполнить ихъ порученіе. Не желая вамъ навязывать своего мнѣнія, я бы и вамъ совѣтовала возвратиться; такимъ образомъ, мы бы вмѣстѣ отправились въ путь, хотя, конечно, разговоръ вашъ не можетъ имѣть для меня большого интереса.

Ландри, не понявшій ни слова изъ этой тирады, все таки отвѣтилъ съ полнѣйшимъ апломбомъ:

— Конечно!

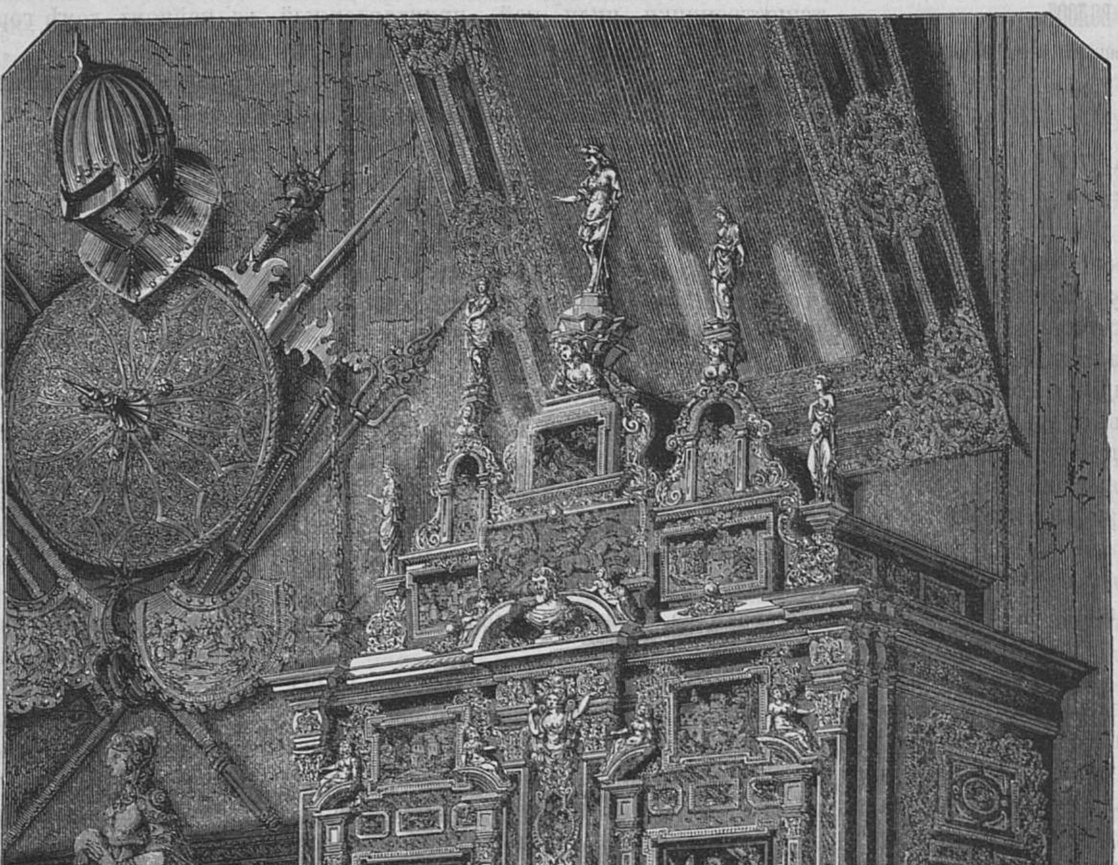
И, радуясь тому, что будетъ имѣть случай еще нѣсколько времени пробыть въ ея обществѣ, онъ всталъ и пошелъ рядомъ съ нею.

Прійдя въ Іеддо, она остановилась въ купеческомъ кварталѣ передъ домомъ красильщика. Тутъ была лавка ея отца. Она легко взбѣжала по ступенькамъ на крыльцо и шепнула нѣсколько словъ на ухо пожилому японцу, стоявшему въ дверяхъ и пристально смотрѣвшему на Ландри. Затѣмъ, она сдѣлала Ландри знакъ войти въ лавку. Не рискуя, повидимому, ничѣмъ, онъ вошелъ.

Глава VIII.

Красильщикъ двора Микадо.

Спустя два мѣсяца, Ландри безукоризненно говорилъ по-японски. Молоденькая красильщица, съ позволенія своихъ родителей, очень терпѣливо давала ему уроки. Каждый вечеръ по окончаніи дѣлъ, вся семья садилась на галлереѣ около дома и общими силами посвящала Ландри въ таинства японскаго языка. Нужно замѣтить, что молодой человѣкъ обладалъ замѣчательными способностями, потому что уже черезъ небольшой промежутокъ времени могъ, хотя, конечно, съ грѣхомъ пополамъ, разсуждать со старикомъ о современной политикѣ. Старикъ, будучи



Флорентинская мебель.

придворнымъ поставщикомъ микадо, совершенно естественно, стоялъ за старую аристократію, тогда какъ Ландри душой и тѣломъ принадлежалъ къ партіи тайкуна, первымъ лицомъ которой былъ «великій реформаторъ», который, по убѣжденію старика, дѣлалъ гадость за гадостью. Не довольствуясь введеніемъ въ войско огнестрѣльнаго оружія, проклятый реформаторъ обучалъ схваткѣ на штыкахъ. Попробуйте послѣ этого защищаться саблей, когда оружіе противника втрое длиннѣе вашего! Вмѣсто водяной мельницы, онъ устроилъ паровую! Наконецъ, къ довершенію всего, онъ издалъ такіе законы, которые уничтожаютъ обычаи страны. Къ великому негодованію бонзъ онъ не хотѣлъ сжигать трупы и хотѣлъ зарывать ихъ въ большую яму. Но это еще не все! Не говорилъ ли онъ о томъ, чтобы освѣщать по вечерамъ улицы, чтобы обязать каждаго дайміоса держаться правой стороны и главное не подвергать смертной казни того, кто, спѣша по дѣламъ, не лежалъ все время ницъ, пока проходилъ конвой дайміосовъ. Онъ хотѣлъ построить все законодательство на основаніяхъ варварскаго свода законовъ, привезеннаго имъ изъ его варварскаго отечества и главными правилами котораго были: права людей, свобода защиты, наказаніе, пропорціональное преступленію, гласность судебнаго разбирательства, нѣсколько судебныхъ инстанцій, контролирующихъ одна другую. Еслибы еще онъ остался только при однихъ проэктахъ, для осуществленія которыхъ нужно получить согласіе микадо, котораго тотъ, конечно, никогда не дастъ, но онъ деморализируетъ нравы! Въ прежнее золотое время, когда тайкуны строго отдѣляли Японію отъ остального міра, главный городъ могъ служить примѣромъ тишины и спокойствія. Принцы заложники не смѣли носу высунуть дальше своихъ жилищъ и блуждали за крѣпкими желѣзными рѣшетками, какъ опасные преступники. Теперь же проклятый реформаторъ почти вполнѣ возвратилъ имъ свободу. Онъ приглашаетъ ихъ на обѣды, на вечера и даже на парадные пріемы. Въ его, залитыхъ свѣтомъ, залахъ и роскошныхъ садахъ встрѣчается весь оффиціальный міръ, причемъ какъ бы не существуетъ чиновъ и званій; всѣ гости равны для хозяина. Войдя во вкусъ преобразованій, онъ предъявилъ свой авторитетъ даже относительно развлеченій. Не довольствуясь музыкою японцевъ и ихъ національными танцами, онъ составилъ европейскій оркестръ и, взявъ на себя роль танцмейстера, хотя съ великимъ трудомъ, но выучилъ всю знать танцовать вальсы и польки.

Таковы были причины ненависти къ реформатору въ душѣ консерватора красильщика. И Ландри стоило большихъ хлопотъ защищать своего друга. Къ счастью еще, что старикъ никогда не сердился и не говорилъ дерзостей, если даже Ландри и не бывалъ правъ, по этому одному можно судить насколько отстали японцы отъ вѣка.

Ландри пріобрѣлъ любовь окружающихъ и, не прибѣгая ни къ какому волшебству, достигъ желанной цѣли и получилъ руку хорошенькой Коо. Фрейлина священной императрицы Кизаки, жены микадо, красавица Ваказа, бывшая невѣста принца Аки, очень любила невѣсту Ландри, которая на нее работала, и изъявила желаніе присутствовать на ея брачномъ пиршествѣ, а потому старикъ красильщикъ, Ландри и Коо только и ждали, когда она назначитъ день свадьбы.

Однажды вечеромъ старикъ и Ландри по обыкновенію спорили, какъ вдругъ бесѣда ихъ была прервана приходомъ курьера. Ноги и туловище его были голы, на плечахъ онъ несъ палочку, къ концу которой былъ привязанъ лаковый ящичекъ. Они еще издали замѣтили его, по обыкновенію бѣгущимъ, но не обратили никакого вниманія, потому что курьеры часто попадаются на улицахъ Японіи, такъ какъ они доставляютъ почту.

— Здѣсь ли Коо? спросилъ курьеръ, остановившись у дверей лавки.

— Здѣсь! отвѣчала молодая дѣвушка.

Онъ отвязалъ красивый, лаковый ящичекъ и почтительно подалъ его ей. Гостепріимные хозяева усадили его въ концѣ галлереи и поподчивали его чаемъ, въ то же время одинъ изъ слугъ началъ вытирать ему спину кусочкомъ бумаги. Въ ящикѣ, поданномъ Коо, находилось письмо отъ принцессы Ваказы, въ которомъ она увѣдомляла, что такъ какъ она получила позволеніе пріѣхать на слѣдующій день въ Іеддо, то и свадьбу Ландри и Коо слѣдовало отпраздновать завтра же въ ея присутствіи.

Ландри спросилъ: можетъ ли онъ съ своей стороны пригласить на праздникъ своего друга, великаго реформатора. Онъ ручался, что Фелисьенъ, зная политическія убѣжденія принцессы, не оскорбитъ ее, выставляя на показъ свой санъ, а явится, какъ частное лицо. Къ его радости, оказалось, что эта просьба съ его стороны была предвидѣна и что принцесса заранѣе согласилась на нее. Если бы Ландри былъ болѣе знакомъ съ нравами и обычаями японцевъ, онъ, конечно, удивился бы, получивъ этотъ отвѣтъ, такъ какъ не было до сихъ поръ примѣра, чтобы японцы допустили иностранца присутствовать при какомъ-нибудь семейномъ торжествѣ. Впрочемъ, его свадьба сама по себѣ была противъ обычаевъ: во первыхъ, японка выходила замужъ за европейца, во вторыхъ, свадьба, противъ обыкновенія, праздновалась въ домѣ отца невѣсты и на его счетъ, а не на счетъ жениха. Старикъ взялъ на себя также заботу о подаркахъ.

Приготовленія къ предстоящему торжеству пошли быстро. За лавкой, которая выходила на улицу, помѣщалось жилище красильщика. Оно состояло изъ квадратнаго домика въ японскомъ стилѣ, завершавшагося острой кровлей и окруженнаго галереей. Домикъ находился въ саду, по которому протекалъ ручеекъ. На этомъ ручейкѣ была устроена давильня, въ видѣ водяной мельницы, для растиранія красокъ. Когда сняли бумажныя перегородки, раздѣлявшія внутренность дома на нѣсколько комнатъ, образовалась обширная, квадратная зала. У одной изъ стѣнъ устроили домашній алтарь, постлали вездѣ циновки, поставили маленькіе, низкіе столики, на которыхъ помѣстили символическія растенія, акваріумы, клѣтки съ бабочками, однимъ словомъ, все, что требовалось для священнодѣйствія. Общій видъ былъ прелестенъ. Въ то время, какъ все это устраивали, послышался сильный шумъ на улицѣ.

Передъ лавкой остановился конвой якуниновъ; среди нихъ верхомъ на лошади красовался «великій реформаторъ». Еслибы бѣдная, покинутая Клемансъ видѣла его въ эту минуту, она до такой степени была бы поражена величіемъ своего бывшаго жениха, что, по всей вѣроятности, упала бы передъ нимъ ницъ, по японскому обычаю. Это былъ не прежній Фелисьенъ Мерле. Закутанный съ головы до ногъ въ богатѣйшія матеріи, шитыя золотомъ, вооруженный сверкающимъ оружіемъ, онъ казался сказочнымъ братомъ солнца. Занимая высшую должность, сознавая свою власть, онъ гордо смотрѣлъ на преклонившійся народъ, считавшій его почти за полубога. Скромный кварталъ Сен-Дени съ его жителями былъ далеко отъ его мыслей. Онъ сознавалъ, что Асмодей честно исполнилъ свои обѣщанія. Онъ уже подумывалъ отпустить чорта во свояси. Чего бы онъ могъ отъ него потребовать? Онъ былъ первымъ послѣ тайкуна, почти равный готаиро и съ его стороны было бы болѣе, чѣмъ неблагоразумно, желать повышеній, хотя, конечно, готаиро во многомъ становился ему поперегъ дороги: кромѣ того, что онъ не могъ ничего дѣлать иначе, какъ отъ имени принца Аки, готаиро былъ еще такъ неделикатенъ, что подписывалъ всѣ проэкты Фелисьена своимъ именемъ, какъ бы выдавая ихъ за свои; иногда же раздражалъ Фелисьена своимъ упрямствомъ. Сравнительно съ прежнимъ положеніемъ прикащика въ магазинѣ суконъ, настоящее положеніе Фелисьена было блестящее и на мелкія неудовольствія не стоило обращать вниманія. При настоящемъ положеніи дѣлъ готаиро былъ, по мнѣнію Фелисьена, совершенно безполезенъ и должность его слѣдовало уничтожить, но все таки, если въ лицѣ его заключался тотъ чортовъ волосъ, о которомъ предупреждалъ его Асмодей, то съ этимъ зломъ еще легко было помириться.

Не безъ труда сойдя съ своего скакуна, Фелисьенъ бросилъ поводья своему первому конюшему и вошелъ въ садъ будущаго тестя Ландри. Не смотря на то, что красильщикъ былъ реакціонеръ, и съ удовольствіемъ злословилъ изподтишка Фелисьена, онъ былъ очень польщенъ безцеремоннымъ визитомъ сановника. Подойдя къ Фелисьену, онъ упалъ на колѣни и смиреннымъ голосомъ спросилъ, чѣмъ онъ можетъ служить его сіятельству? Фелисьенъ жестомъ пригласилъ его сѣсть на циновку.

— Мой милый, сказалъ онъ благосклонно,—отдавая вашу дочь за европейца, вы поступаете, какъ философъ, и вашъ поступокъ на вѣки запечатлѣется въ памяти купечества Іеддо, и въ особенности въ памяти японскихъ красильщиковъ. Вы сами, я думаю, не видите всей пользы, которую приносите. Однимъ рѣшительнымъ ударомъ вы стряхиваете пыль вѣковыхъ предразсудковъ, вы даете толчекъ прогрессу, вы скрѣпляете братскій союзъ народовъ, вы примиряете между собою двѣ расы.

— Ваше сіятельство, отвѣчалъ красильщикъ,—я никогда не предполагалъ, чтобы я былъ въ состояніи сдѣлать столько, но разъ вы увѣрены въ этомъ, я болѣе не сомнѣваюсь. Вы довольны и эта минута счастливѣйшая въ моей жизни. Прошу васъ считать меня вашимъ преданнѣйшимъ слугою—и да хранятъ васъ боги!

Ему хотѣлось прибавить, что его красильня лучшая и самая дешевая въ Іеддо, и что его сіятельству стоитъ только приказать и онъ доставитъ ему всевозможные образцы, но онъ удержался.

— Мнѣ, сказалъ Фелисьенъ,—болѣе, чѣмъ кому-нибудь другому, слѣдуетъ превознести вашъ поступокъ и, если вы ничего не имѣете противъ, я бы желалъ, послѣ священной церемоніи брака по обычаямъ страны, устроить у васъ въ домѣ европейскій праздникъ. Такимъ образомъ, соединеніе двухъ цивилизацій будетъ блестяще отпраздновано; притомъ всѣ расходы я беру на себя.

Японцы не скупы, и самые богатые живутъ изо дня въ день, проживая все, что наживаютъ, однакожь предложеніе Фелисьена принять на себя расходы произвело особенно пріятное впечатлѣніе на старика. Оставалось рѣшить вопросъ приличія; статсъ-дама двора микадо изъявила желаніе присутствовать на брачномъ пиршествѣ; прилично-ли было заставить ее быть на праздникѣ, устроенномъ на европейскій ладъ и слѣдовательно идущемъ совершенно въ разрѣзъ съ убѣжденіями ея повелителя? Рѣшеніе этого вопроса было очень щекотливо и Фелисьенъ прямо спросилъ совѣта отца Коо. Считая не особенно честнымъ скрывать отъ него свои цѣли, онъ признался ему, что видѣлъ въ этомъ удобный случай для пропаганды. Разсчитывая на то удовольствіе, которое получитъ красавица Ваказа при никогда невиданномъ ею празднествѣ, онъ надѣялся, что по своемъ возвращеніи въ Кіото, она такъ краснорѣчиво опишетъ все видѣнное, что всѣ дамы при дворѣ, хотя немного пошатнутся въ своемъ предубѣжденіи противъ Запада. Будучи глубокимъ политикомъ, «великій реформаторъ» слѣдовалъ убѣжденію, что его дѣло будетъ выиграно, если дамы непріятельскаго лагеря окажутся на его сторонѣ, а еще Макіавели зналъ, какимъ сильнымъ аргументомъ можетъ служить для убѣжденія женщины всякое удовольствіе. Отчеты, помѣщаемые въ ежедневной газетѣ Іеддо, о празднествахъ, устраиваемыхъ Фелисьеномъ, дѣйствительно возбудили большое любопытство въ средѣ прекраснаго пола самаго высшаго общества, и «великій реформаторъ» получилъ болѣе 400 анонимныхъ писемъ, въ которыхъ его спрашивали о подробностяхъ редовы и котильона, которые танцовались въ салонахъ реформатора и которые, не смотря на неудобство длинныхъ и широкихъ панталонъ, прекрасно исполнялъ самъ готаиро. Но понравится-ли принцессѣ Ваказѣ, если къ ней подойдетъ дама, сопровождаемая двумя кавалерами, и спроситъ, чего она желаетъ: «тыкву или огурецъ?» Японскіе кавалеры также охотно, какъ и въ Европѣ, замѣняютъ изящныя названія цвѣтовъ какими нибудь овощами и такая невинная шутка возбуждаетъ только смѣхъ.

Красильщикъ, молча, внимательно выслушалъ его. Фелисьенъ думалъ, что онъ взвѣшиваетъ высказанныя имъ неудобства; ничуть не бывало: — если бы реформаторъ могъ угадать его мысли, онъ встревожился бы не на шутку. Красильщикъ думалъ о томъ, какъ бы его отвѣтъ не возбудилъ подозрѣній, если онъ скажетъ, что, по его убѣжденію, нѣтъ никакого неудобства танцовать котильонъ при Ваказѣ и ввести ее въ общество приближенныхъ тайкуна. Онъ уже получилъ инструкціи принцессы, которыя заключались въ слѣдующемъ: «Я заранѣе соглашаюсь на всѣ условія, лишь бы готаиро не былъ въ числѣ приглашенныхъ, но согласіе мое слѣдуетъ приписать только моей привязанности къ вашему семейству». Значитъ въ поступкѣ принцессы заключалась задняя мысль, и какъ мы увидимъ впослѣдствіи не только задняя мысль, но цѣлый заговоръ!

— Ваша свѣтлость, сказалъ, наконецъ, красильщикъ,—ваши сомнѣнія дѣлаютъ большую честь вашей деликатности и любезности, но эти неудобства можно обойти. Принцесса пріѣдетъ къ намъ, какъ гостья, какъ всѣ приближенные тайкуна и какъ вы сами, слѣдовательно тутъ нѣтъ ничего неловкаго. Чтоже касается котильона, то, судя по газетамъ, гдѣ его описывали, этотъ танецъ вполнѣ приличенъ, къ тому же принцесса развита и либеральна. Только въ одномъ мы должны согласиться. Принцесса была невѣстой своего троюроднаго брата принца Аки, нашего достославнаго готаиро, такъ какъ этотъ союзъ не состоялся, то приличіе требуетъ, чтобы они не встрѣчались въ одномъ домѣ.

— Я болѣе всякаго другого, исключая, конечно, самаго готаиро, понимаю это, сказалъ Фелисьенъ,—и увѣряю васъ, что божественная Ваказа, пріѣхавъ на нашъ праздникъ, не рискуетъ встрѣтиться съ своимъ бывшимъ женихомъ.

— Въ такомъ случаѣ все устроивается прекрасно, сказалъ красильщикъ,—и мы всѣ къ вашимъ услугамъ.

Два часа спустя, домъ красильщика былъ переполненъ слугами «великаго реформатора», которые размѣщали въ немъ недавно полученную изъ Парижа мебель и превращали его пустыя залы въ великолѣпное помѣщеніе въ европейскомъ вкусѣ. Подъ наблюденіемъ самаго Фелисьена, весь садъ былъ убранъ венеціянскими фонарями и на каждомъ шагу были устроены всевозможныя развлеченія: бильярды, голландскіе волчки и т. д. Въ импровизированныхъ кухняхъ хлопотали о великолѣпномъ ужинѣ, меню котораго было составлено Першерономъ, преемникомъ Тортони. Наконецъ, знаменитый Ружжіери приготовлялъ фейерверкъ, который долженъ былъ поразить весь Востокъ. Программа праздника была составлена такимъ образомъ: утромъ брачная церемонія, по обычаямъ страны, въ средѣ семейства, потомъ европейскій праздникъ со всевозможнымъ великолѣпіемъ. Все Іеддо съ легко понятнымъ волненіемъ ожидало великаго дня.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

* * *

Нечеловѣческая месть.

Романъ Анри Тесье.

(*Продолженіе.*)

Глава IV.

Дени убѣждается, что ему вовсе не придется спать въ эту ночь.

Когда Дени прибылъ въ ресторанъ Маньи, было уже два часа ночи, но хотя въ залахъ не было ни одного посѣтителя, вся прислуга была на ногахъ и сумрачно перешептывалась; кассирша, заплаканная, стояла за своею конторкой; метрдотель быстро ходилъ изъ одной комнаты въ другую, суетясь и отдавая приказанія, а передъ самымъ подъѣздомъ, на которомъ красовались два полицейскихъ сержанта, стояла кучка зѣвакъ.

Дени, войдя, тотчасъ-же собралъ справки. Для этого онъ обратился прежде всего къ кассиршѣ. Она разсказала ему, что молодой человѣкъ, студентъ медицины, Натти Линденъ принадлежалъ, повидимому, къ хорошей фамиліи и имѣлъ достаточныя средства. Онъ приходилъ обѣдать въ ресторанъ два раза въ недѣлю: по четвергамъ и воскресеньямъ. Молодая дѣвушка, очень хорошенькая собой, держала себя всегда прилично; она жила съ Линденомъ уже два года, душа въ душу...

— Благодарю васъ, сударыня, сказалъ Дени, выслушавъ ея разсказъ.—Вы говорите, что г. комиссаръ еще не прибылъ?... Нельзя ли послать кого-нибудь за нимъ, пусть скажутъ ему, чтобы онъ поторопился? А я пойду наверхъ.

Зала, въ которую поднялся Дени, находилась во второмъ этажѣ и была ярко освѣщена. На одномъ изъ дивановъ лежало тѣло молодого мулата. Глаза у него были закрыты, зубы стиснуты, губы немного приподняты какъ бы въ судорожной улыбкѣ, страшная блѣдность покрывала это лицо, еще красивое, но уже принявшее окаменѣлость трупа.

Молодая дѣвушка лежала тутъ же, на матрацѣ у камина. Она была раздѣта и завернута въ одѣяло, изъ-подъ котораго виднѣлись только ея бѣлыя плечи и нѣжное, миловидное личико, покрытое тоже мертвенною блѣдностью, еще болѣе страшною отъ синеватыхъ круговъ подъ глазами и отъ темныхъ пятенъ, выступавшихъ уже на ея щекахъ, шеѣ и даже плечахъ.

На столѣ виднѣлось множество стклянокъ, тазъ съ губкою и хирургическій наборъ. У окна стояли три человѣка, онѣмѣлые, пораженные ужасомъ,—Кероэль, студентъ медицины, молодой человѣкъ съ умнымъ и энергичнымъ лицомъ; хозяинъ ресторана, добродушный толстякъ, взволнованный до того, что у него не переставали трястись губы; метрдотель, высокій, молодцоватый мужчина, всегда румяный, какъ подобаетъ фактотуму ресторана, славящагося своимъ погребомъ, но, въ настоящую минуту, пожелтѣлый, какъ шафранъ. Они всѣ трое двинулись на встрѣчу Дени.

— Вы докторъ? воскликнулъ студентъ.

— Къ сожалѣнію, нѣтъ, отвѣчалъ Дени. — Я только полицейскій инспекторъ. Но вы приняли уже необходимыя мѣры, какъ я вижу?

— Нѣтъ! Все мое усердіе напрасно. Передъ нами здѣсь случай, который оправдываетъ самыя ужасныя опасенія... Симптомы этого яда для меня совершенно новы, неизвѣстны; я не осмѣливаюсь приступить къ леченію, изъ опасенія ухудшить положеніе несчастныхъ.

— Они еще живы?

— О, да! я не теряю надежды...

Рѣчь молодого медика была прервана появленіемъ полицейскаго комиссара, который вошелъ въ сопровожденіи своего секретаря и немного поморщился, увидавъ, что Дени успѣлъ предупредить его. Однакожь, онъ скрылъ свою досаду и вѣжливо спросилъ у Дени, не угодно ли ему будетъ сойти въ ту комнату, въ которой произошло несчастіе?...

По приглашенію Дени, за ними послѣдовалъ тоже и Кероэль. Метрдотель шелъ впереди всѣхъ и отворилъ дверь № 5.

Эта комната принадлежала къ числу тѣхъ характерныхъ помѣщеній, которыя повторяются неизбѣжно во всѣхъ ресторанахъ, не смотря на очевидныя и вопіющія неудобства ихъ.

Потолокъ въ ней былъ до того низокъ, что воздухъ становился совершенно удушливымъ, какъ только зажигался газъ; единственное окно недостаточно освѣжало комнату. Мебель состояла изъ помятаго дивана, обтянутаго пунсовымъ репсомъ, полудюжины стульевъ ему подъ стать, ряда позолоченыхъ вѣшалокъ на стѣнѣ и разбитаго фортепьяно въ углу. Надъ диваномъ висѣло неизбѣжное зеркало, исцарапанное и испещренное именами, числами и даже цѣлыми надписями, произведеніемъ *ночныхъ красавицъ*, пировавшихъ здѣсь и заявлявшихъ, такимъ образомъ, что у нихъ водились настоящіе брилліанты.

На столѣ оставались неубранными разныя кушанья. Четыре бутылки стояли еще нераскупоренныя; пятая, опорожненная до половины, находилась на каминѣ. Передъ каждымъ приборомъ стояло по четыре рюмки, но три изъ нихъ были совершенно сухи; успѣла послужить каждому гостю только четвертая, самая маленькая. Двѣ такія маленькія рюмки были еще полны мадерой. Комиссаръ не отважился попробовать вкуса этого вина.

— Въ какомъ порядкѣ сидѣли? спросилъ онъ.

— Здѣсь сидѣлъ Натти, сказалъ Кероэль, указывая на стулъ у камина. — Слѣва отъ него—его подруга, Бланшъ; я на диванѣ съ Бертою, другъ которой, мой пріятель Марсель, занималъ стулъ, приходившійся между двумя нашими дамами. Справа возлѣ Натти сидѣлъ Вильневъ, нашъ общій хорошій знакомый, композиторъ; далѣе Эсмеральда, пѣвица одного изъ театровъ; наконецъ, возлѣ меня, справа, находился приборъ для Поля Ленди, который, однакожь, не пришелъ.

Рюмки, изъ которыхъ было выпито отравленное вино, не содержали въ себѣ ни капли жидкости.

— Надо взять то, что осталось въ полныхъ рюмкахъ, для анализа вина, сказалъ комиссаръ.

— Зачѣмъ? возразилъ студентъ. — Въ нихъ содержится совершенно безвредное вино! Я выпилъ свою, а вотъ и бутылка, изъ которой намъ наливали.

— Вы въ томъ увѣрены?

— Совершенно увѣренъ. Лакей, прислуживавшій намъ, началъ съ Берты, сидѣвшей ближе къ двери, потомъ налилъ мнѣ, Марселю, Эсмеральдѣ и Вильневу; затѣмъ ему пришлось пройти сзади Натти, который сидѣлъ тѣсно къ камину, и тогда уже налить Бланшъ и этому несчастному...

— И вы предполагаете?... спросилъ Дени.

— Я предполагаю, что этотъ лакей... убійца... успѣлъ поставить первую бутылку на каминъ, гдѣ она стоитъ и теперь, и вытащилъ откуда-то другую, изъ которой и налилъ вино своимъ жертвамъ.

— Соображеніе не дурно! прошепталъ Дени.

— Если не предположить, возразилъ комиссаръ,—что эти молодые люди, по какимъ нибудь причинамъ, неосязаемымъ для насъ, сами опустили въ свое вино какой-нибудь порошокъ...

— Это немыслимо, я готовъ поклясться! воскликнулъ Кероэль.—Я знакомъ съ Натти уже четыре года; онъ обладалъ всегда почти сверхестественной энергіей и рѣшительно неспособенъ на самоубійство! Къ тому же, онъ былъ счастливъ, будущее ему улыбалось, и потому ваше предположеніе невѣрное, г. комиссаръ!

— Почему знать, почему знать! сказалъ комиссаръ.

— Продолжайте свой разсказъ, молодой человѣкъ, перебилъ Дени.

— Всѣ мы были очень веселы, продолжалъ Кероэль.—Эсмеральда пѣла. Вдругъ, я слышу, Натти говоритъ со смѣхомъ Бланшъ: «Помѣняемся рюмками; говорятъ, что такимъ способомъ можно узнать мысли другъ у друга!» — «Давай!» сказала Бланшъ. И оба они выпили вино разомъ... Я смотрѣлъ на нихъ... даже завидно было видѣть такое счастіе... и что-же?... Оба они вдругъ откидываются назадъ, на спину своихъ стульевъ, да такъ быстро, что Линденъ свалился даже на полъ. Я вскрикнулъ и бросился къ нимъ. Всѣ замолчали, понявъ, что происходитъ что-то странное, и стали помогать мнѣ поднять Натти и поддержать Бланшъ... А лакей нашъ стоитъ и смотритъ на всѣхъ насъ, какъ ошалѣлый. Я его толкнулъ въ спину и крикнулъ: «Скорѣе пошелъ за докторомъ!»... Онъ мнѣ въ отвѣтъ: «Сейчасъ бѣгу, сударь!»... И исчезъ.

— Да, подтвердилъ метрдотель, — онъ пролетѣлъ мимо меня, какъ стрѣла. Я даже порадовался его усердію.

— Что же прочіе гости? спросилъ Дени у студента.

— Эсмеральдѣ сдѣлалось дурно; съ Бертой началась истерика. Ихъ постарались увести; Марсель и Вильневъ были тоже внѣ себя. Вильневъ потомъ воротился; я послалъ его къ доктору Ямлову, ученому токсикологу, а отъ него въ префектуру, не зная, что туда уже дано знать о происшествіи.

— Откуда взяли вы этого лакея? спросилъ комиссаръ у метрдотеля.

— Онъ изъ поденныхъ; пришелъ вчера, прося работы. Съ виду онъ былъ приличенъ и увѣрялъ, что службу знаетъ хорошо. Мы согласились взять его. Въ канунъ Рождества не приходится строго разбирать людей....

— Можете вы описать его примѣты?

— Плохо. Росту онъ скорѣе высокаго, чѣмъ маленькаго; если не ошибаюсь, у него черные усы и бакенбарды... Назывался онъ: Жанъ.

— Мнѣ показалось, что онъ прихрамываетъ, замѣтилъ Кероэль.

Секретарь записывалъ все, подъ диктовку своего начальника. Дени, неслушавшій болѣе, зажегъ свѣчу и осматривалъ тщательно стѣны и полъ комнаты.

Онъ остановился внезапно, дойдя до угла, образованнаго выступомъ камина и сосѣдней перегородкою.

Въ этомъ мѣстѣ, обои были залиты какою-то жидкостью, образовавшею пятно, величиною съ тарелку; на внутренней стѣнкѣ камина виднѣлись тоже брызги жидкости, разлетѣвшіяся во всѣ стороны и уже успѣвшія высохнуть, благодаря жару, господствовавшему въ комнатѣ.

— Гмъ! проворчалъ Дени. — Молодецъ обладалъ удивительнымъ присутствіемъ духа! Это пятно, эти брызги—слѣды вылитой имъ жидкости. Но гдѣ же самая бутылка? Унесъ онъ ее?... Это вѣроятно... Но, вѣроятно, затащилъ недалеко... Надо попытаться...

Комиссаръ продолжалъ, между тѣмъ, диктовать. Дени обратился къ нему.

— Я пойду снова наверхъ, сказалъ онъ, — а вы продолжайте свое слѣдствіе, любезный г. комиссаръ!

Выйдя въ сѣни, онъ позвалъ одного изъ слугъ и велѣлъ подать фонарей.

— Сколько? спросилъ слуга.

— Четыре; этого будетъ достаточно.

Лакей бросился со всѣхъ ногъ исполнить приказаніе, а Дени подозвалъ одного изъ своихъ агентовъ.

— Возьмите съ собою двухъ нашихъ, сказалъ онъ,—и обыщите всю улицу, вправо и влѣво; поройтесь въ стокахъ, въ канавкахъ, посмотрите за тумбами. Найдите бутылку и принесите ее мнѣ не проливъ заключающейся въ ней жидкости,—это очень важно! Если понадобиться, пошарьте и въ сосѣднихъ улицахъ, метровъ на сто или на полторасто отсюда...

— Слушаю, г. Дени.

Агенты удалились съ тремя фонарями, а Дени взялъ четвертый и отправился самъ тоже на поиски.

Ему посчастливилось болѣе, чѣмъ его подчиненнымъ. Вблизи моста, на береговомъ откосѣ, укрѣпленномъ камнями и сваями, блеснулъ подъ лучами фонаря какой-то предметъ; Дени остановился, нагнулся и едва не вскрикнулъ отъ восторга: предметъ, привлекшій его вниманіе, оказывался осколкомъ бутылки, именно ея дномъ! Очевидно, кто-нибудь швырнулъ эту бутылку; она разбилась, ударясь о твердое, но нижняя часть ея, болѣе крѣпкая, уцѣлѣла, засѣвъ между камнемъ и сваею, у самой воды.

Рискуя свалиться и изрѣзать себѣ руки, Дени досталъ драгоцѣнный осколокъ и увидалъ, что въ немъ сохранилось съ полърюмки темной и густоватой жидкости. Жидкость эта пахла виномъ!

Глава V.

Комиссаръ говоритъ одно, Дени другое. Ямловъ рѣшаетъ вопросъ.

Дени возвратился въ ресторанъ съ понятнымъ чувствомъ гордости и удовольствія; онъ воротилъ своихъ агентовъ, объявивъ имъ, что предметъ поисковъ уже имѣется налицо, и затѣмъ перелилъ осторожно въ новую стклянку то, что содержалось въ осколкѣ бутылки, а самый осколокъ завернулъ въ салфетку, которую вложилъ въ бумажный пакетъ, и запечаталъ его печатью ресторана, а рядомъ съ нею и своей собственною.

Совершивъ это, Дени воротился въ ту комнату, гдѣ комиссаръ составлялъ свой протоколъ; этотъ почтенный чиновникъ продолжалъ держаться того убѣжденія, что Натти и его подруга пали жертвою самоубійства. Его не могли разувѣрить въ этомъ никакія показанія свидѣтелей и онъ втайнѣ гордился своей проницательностью. Что касается самихъ отравленныхъ, онъ считалъ ихъ уже мертвецами и слегка подтрунивалъ надъ хлопотами Дени о скорѣйшемъ доставленіи имъ медицинской помощи.

— Докторъ, впрочемъ, здѣсь, сказалъ онъ небрежно,—и если вы желаете повидать его...

— Разумѣется, желаю! воскликнулъ Дени, направляясь къ двери.

Комиссаръ покачалъ иронически головою, но послѣдовалъ за нимъ «для проформы», какъ посовѣтовалъ ему на ухо секретарь, служившій ему постоянно руководителемъ.

Докторъ Ямловъ, находившійся уже въ № 5, былъ еще очень молодой человѣкъ, худощавый, болѣзненный на видъ, но съ умнымъ и симпатичнымъ лицомъ. Въ ту минуту, когда Дени и его спутники вошли въ комнату, онъ стоялъ на колѣняхъ возлѣ молодой женщины и слушалъ ея грудь. При звукѣ отворявшейся двери, онъ не перемѣнилъ своего положенія, но сдѣлалъ только рукою знакъ, чтобы ему не мѣшали. Минуты черезъ двѣ, онъ поднялся на ноги.

— Надежда еще не потеряна, проговорилъ онъ.

Комиссаръ улыбнулся недовѣрчиво.

— Но я долженъ сознаться, продолжалъ Ямловъ, обращаясь къ Кероэлю, — что не могу угадать, какой именно ядъ пущенъ здѣсь въ дѣло... О, еслибы въ рюмкмхъ осталась хотя одна капля жидкости, то, черезъ какія-нибудь два часа, я зналъ бы уже какой употребить реагентъ... Но ничего! Приходится дѣйствовать наудачу... и терять время, можетъ быть, совершенно напрасно, между тѣмъ здѣсь каждое мгновеніе дорого! Но я все же употреблю всѣ усилія...

— Желаю, чтобы ваши старанія увѣнчались успѣхомъ, г. докторъ, сказалъ комиссаръ.—Позвольте узнать ваше имя?

Докторъ холодно протянулъ ему свою карточку.

— А! вы не французъ? сказалъ комиссаръ, взглянувъ на карточку.

— Я родился въ Польшѣ.

— Значитъ, приняли французское подданство?

— И имѣю дипломъ парижскаго медицинскаго факультета.

— Прекрасно!... Можетъ быть, настоящій случай поможетъ вамъ сдѣлаться извѣстнымъ, г. докторъ!

Ямловъ поклонился еще холоднѣе прежняго.

Комиссаръ, готовый уже уйти, взглянулъ съ удивленіемъ на Дени.

— А вы, развѣ остаетесь? спросилъ онъ.

— Остаюсь. Дождусь носилокъ, которыя прибудутъ за этими несчастными.

— Какъ вамъ будетъ угодно. Прощайте, господа!

Онъ исчезъ, въ сопровожденіи своего помощника. Какъ только дверь закрылась за ними, Дени обратился къ Ямлову.

— Вы сказали, г. докторъ, что капля того вина, которое поднесли этимъ молодымъ людямъ, помогла бы вамъ спасти ихъ?

— Да, она послужила бы мнѣ для анализа, отвѣчалъ Ямловъ, смотря на прямодушное и серьезное лицо Дени.

— Такъ вотъ вамъ: берите! Тутъ больше чѣмъ надобно! сказалъ Дени, вынимая стклянку изъ своего кармана.

— Это вино!... Вы отыскали его! воскликнулъ Кероэль, пожимая съ чувствомъ руки Дени.

Между тѣмъ Ямловъ разсматривалъ жидкость, обмакнулъ въ нее слегка кончикъ пальца и дотронулся имъ до своего языка.

— Что вы дѣлаете! воскликнули разомъ Кероэль и Дени.

— Ничего, мы обстрѣлены, спокойно возразилъ докторъ. — Но я все еще не узнаю этого яда, прибавилъ онъ съ досадою.—Все равно, поспѣшу домой. Распорядитесь на счетъ отправки больныхъ, г. инспекторъ; черезъ часъ, я буду снова у нихъ.

— И съ противоядіемъ, докторъ?

— Надѣюсь!

Онъ схватилъ шляпу и хотѣлъ уйти, но Дени остановилъ его.

— Еще одно слово, докторъ, сказалъ онъ. — Сохраните мнѣ половину вина, заключающагося въ этой стклянкѣ. Часть слѣдуетъ, разумѣется, вамъ, для спасенія этихъ несчастныхъ, но другая нужна мнѣ для уличенія преступника!

— Будьте спокойны, г. Дени, я оставлю вамъ сколько будетъ нужно, отвѣчалъ докторъ.

Черезъ четверть часа прибыли къ ресторану носилки, и печальное шествіе тронулось по улицѣ, направляясь къ квартирѣ Натти и его подруги, въ сопровожденіи нѣсколькихъ полицейскихъ агентовъ и фіакра, въ которомъ сидѣли Кероэль и Дени.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

* * *

Доброе старое время.

Макса Вирта.

(Продолженіе.)

Число паровозовъ, служащихъ, въ настоящее время, на однихъ англійскихъ желѣзныхъ дорогахъ доходитъ до 10,000, а всѣхъ такихъ «волшебныхъ коней», бѣгающихъ по европейскимъ и американскимъ рельсовымъ путямъ, будетъ не менѣе 50,000! И, однако, эти гигантскіе сберегатели рабочей силы составляютъ еще лишь весьма незначительную часть всего количества работающихъ на человѣка паровыхъ машинъ. Не говоря уже о тѣхъ машинахъ, которыя приводятъ въ движеніе морскія суда, паръ вошелъ во всѣ области промышленной техники, превосходя своей силою прежнихъ лучшихъ двигателей: воду и животныхъ. По послѣднимъ статистическимъ свѣдѣніямъ, общая сила работающихъ нынѣ во Франціи паровыхъ машинъ равна 1.500,000 лошадиныхъ силъ, что представляетъ собою, въ сущности, работу 4.500,000 обыкновенныхъ упряжныхъ лошадей, или 31.500,000 человѣкъ. Англія еще богаче въ отношеніи паровыхъ машинъ. Въ прочихъ государствахъ, мы видимъ, болѣе или менѣе, подобное же распространеніе паровыхъ машинъ. Но не одинъ только паръ удесятерилъ, въ послѣднее время, силу нашихъ механическихъ приспособленій. Гидравлика сдѣлала огромный успѣхъ съ изобрѣтеніемъ турбинъ и дальнодѣйствующихъ проволочныхъ канатовъ; сверхъ того, многія машины приводятся въ дѣйствіе нагрѣтымъ воздухомъ, электромагнитизмомъ, газомъ, петролемъ и пр.; однимъ словомъ, всѣ естественныя силы служатъ намъ послушными орудіями для дѣйствія нашихъ машинъ. Безъ паровыхъ двигателей не было бы и того великаго переворота въ промышленномъ мірѣ, который совершился въ послѣднія десятилѣтія. Лишь при этомъ изобрѣтеніи стала возможною та неукоснительная точность всѣхъ механическихъ станковъ и другихъ рабочихъ машинъ, которая замѣнила прежнюю случайно отчетливую работу сотенъ рукъ, и позволяетъ теперь человѣку работать болѣе головою, только руководя массою фабричныхъ, послушныхъ и безошибочныхъ орудій. Въ прежнее время, рабочій терялъ по двадцати лѣтъ на то, чтобы достигнуть извѣстной ловкости въ своемъ ремеслѣ; въ наши дни, машина устанавливается на мѣсто уже одаренная способностью производить безошибочно самыя сложныя и тонкія работы. Эта способность вложена въ нее изобрѣтателемъ, но, кромѣ него, сотни другихъ механиковъ трудились годами, придумывая тѣ или другія ея частности, и мастеръ, построившій ее, съумѣлъ только извлечь пользу изъ сдѣланныхъ до него открытій и соединилъ ихъ въ одно цѣлесообразное цѣлое. И затѣмъ, когда остроумная машина создана и пущена въ ходъ, то пользоваться ею, управлять ею, будутъ тысячи людей, живущихъ въ различнѣйшихъ странахъ и не бывшихъ никогда въ состояніи сдѣлать своими руками сотой доли того, что работаетъ эта машина, а тѣмъ болѣе изобрѣсти и построить ее! Такимъ образомъ, благодаря успѣхамъ механики, простой, неразвитый рабочій можетъ пользоваться тѣми орудіями, для изобрѣтенія которыхъ требовались усилія самыхъ даровитыхъ людей, наблюденія и опыты самыхъ глубокихъ мыслителей. Именно въ этомъ характеристическомъ направленіи культуры, наше столѣтіе сдѣлало больше успѣхи, чѣмъ въ прошлыя столѣтія, взятыя вмѣстѣ.

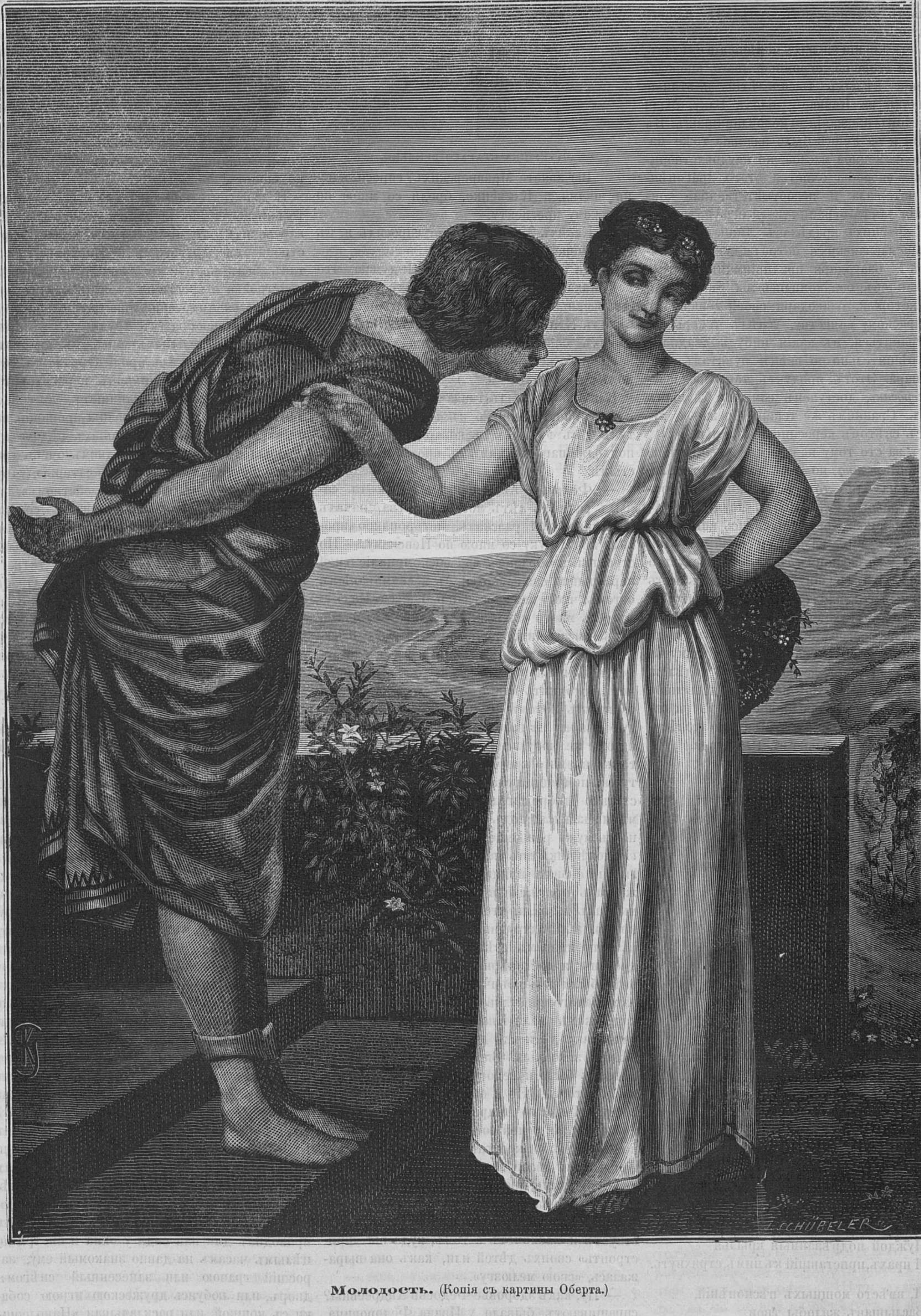
Изобрѣтеніе паровыхъ машинъ крайне упростило и облегчило самую ручную работу. Существуютъ фабрики и заводы, спеціально изготовляющіе отдѣльныя части, необходимыя потомъ плотнику, столяру и пр. Какъ далеки мы уже отъ того времени, когда каждый ремесленникъ долженъ изготовлять себѣ все самъ, начиная отъ самыхъ инструментовъ для своей работы!

Сельскія рабочія машины составляютъ тоже важную отрасль машиннаго производства. Главная родина ихъ—Англія и Америка, то есть, тѣ страны, въ которыхъ чувствуется сильный недостатокъ въ сельскихъ рабочихъ, вслѣдствіе большого отвлеченія рабочихъ рукъ на желѣзнодорожныя постройки. Механическія молотилки, жнеи и пр. выводятъ теперь изъ затрудненія сельскихъ хозяевъ. Въ прошломъ году, въ одной Великобританіи были въ ходу 50,000 жатвенныхъ, косильныхъ и другихъ сельско-хозяйственныхъ машинъ.

Мелкія ремесленныя и хозяйственныя машины, изобрѣтенныя въ послѣднее время, тоже весьма достойны вниманія. Во главѣ ихъ стоитъ *швейная машина*, которая не только произвела истинный переворотъ въ семейномъ обиходѣ, но и совершенно преобразовала нѣкоторыя ремесла, связанныя съ шитьемъ одежды. За нею слѣдуетъ вязальная машина,—впрочемъ, еще только весьма недавно усовершенствованная на столько, что можно надѣяться на ея распространеніе въ семействахъ. Изъ, собственно, ремесленныхъ машинъ замѣчательны особенно тѣ, которыя служатъ для выдѣлки войлочныхъ и шелковыхъ (плюшевыхъ) шляпъ, шеколада, льда, жестяныхъ издѣлій, винтовъ и пр., красовавшіяся на послѣднихъ всемірныхъ выставкахъ.

Мы говорили, въ началѣ нашей статьи, объ усовершенствованныхъ нынѣ способахъ для передачи человѣческой мысли. Сюда слѣдуетъ отнести и фабрикацію бумаги. Въ послѣднее время это производство достигло тоже высокой степени совершенства. Машина для выдѣлки бумаги была изобрѣтена въ началѣ нынѣшняго столѣтія, но вошла въ общее употребленіе лишь съ 30-хъ годовъ. Въ прежнее время, *каждый* листъ бумаги выдѣлывался отдѣльно, при чемъ бумажная масса черпалась изъ чана и пропускалась сквозь сито; полученный листъ прессовался между войлоками и затѣмъ просушивался. Изобрѣтеніе машины положило конецъ подобной утомительной и медленной работѣ. О другихъ изобрѣтеніяхъ, каковы, напр., литографія, фотографія, гальванопластика, и пр., стоитъ только упомянуть, чтобы дать пищу воображенію читателя. Всѣмъ этимъ открытіямъ предстоитъ еще великая будущность.

Но всѣ отрасли промышленности держатся въ большой или меньшей связи между собою. Какое нибудь новое изобрѣтеніе вызываетъ къ жизни другія или указываетъ на естественный продуктъ, бывшій дотолѣ въ пренебреженіи или въ весьма ограниченномъ употребленіи. Такъ было, напримѣръ, съ каменнымъ углемъ. Не далѣе какъ въ прошломъ столѣтіи, минеральный уголь былъ почти вовсе неизвѣстенъ на европейскомъ континентѣ, а если употреблялся въ Англіи, то лишь въ рѣдкихъ отдѣльныхъ случаяхъ. Даже и въ настоящемъ столѣтіи, а именно въ 1839 г., въ Великобританіи добывалось всего только 31 мил. тоннъ угля. Но въ 1872 г., количество это возросло уже до 125 мил. тоннъ, а въ 1875 г.—до 132 мил. тоннъ, что равняется стоимости 46 мил. фн. стерл. Даже въ Германіи, гдѣ, въ 1866 г., добывалось всего 28 мил. тоннъ, было получено, въ 1872 г., уже 42 мил.; въ Соединенныхъ Штатахъ, тѣ же года дали слѣдующее отношеніе: 21 мил. и 41 мил. Вообще же разработка каменнаго угля возвысилась въ это время въ Америкѣ и Европѣ, съ 184 на 250 мил. тоннъ. Безъ такого громаднаго увеличенія каменноугольной разработки, не было бы возможно вышеупомянутое распространеніе паровыхъ машинъ; вмѣстѣ съ тѣмъ именно это развитіе машиннаго производства и поощряло промышленниковъ къ большому добыванію дешеваго и хорошаго топлива.


I. SCHÜBELER

Молодость. (Копія съ картины Оберта.)

Освѣтительный газъ есть тоже продуктъ каменноугольной разработки и, благодаря ему, наше городское освѣщеніе подверглось коренному преобразованію, которое должно быть причислено тоже къ самымъ замѣчательнымъ техническимъ успѣхамъ нашего столѣтія.

Въ освѣщеніи жилыхъ помѣщеній сдѣланъ, съ своей стороны, огромный шагъ впередъ. Втеченіе цѣлыхъ тысячелѣтій, нефтяные источники на Кавказѣ, близъ Баку, были предметомъ обожанія огнепоклонниковъ. Въ Галиціи и на Рейнѣ было издавна тоже извѣстно «каменное масло»; но неудовлетворительные способы очистки этого драгоцѣннаго матеріала и несоотвѣтственная конструкція лампъ ограничивали его употребленіе до крайнихъ предѣловъ. Лишь по открытіи пенсильванскихъ петролейныхъ источниковъ и, благодаря предпріимчивому духу американцевъ, ознакомились мы съ продуктомъ, который, благодаря своей дешевизнѣ и прекрасному качеству, успѣлъ теперь распространиться, въ какія нибудь двадцать лѣтъ, рѣшительно по всѣмъ пунктамъ земного шара. Этотъ продуктъ, такъ называемый *керосинъ*, доступенъ самымъ бѣднымъ людямъ. Сравнимъ же теперь прежнюю лучину съ свѣтомъ керосиновой лампы...

Лѣтъ за сто тому назадъ, стала извѣстною въ Европѣ *резина*, но какъ долго употреблялась она на одно только стираніе ошибочныхъ штриховъ, сдѣланныхъ неумѣлою рукою школьника! Когда появились англійскіе резиновые плащи, калоши и т. п. издѣлія, это было уже великимъ событіемъ. Искуство вулканизировать резину (т. е. обращать ее въ такъ называемый *каучукъ*) было открыто въ 1839 г. Позднѣе, именно въ 1852 г., былъ изобрѣтенъ способъ придавать каучуку твердость рогового вещества. Съ этой минуты, каучукъ пошелъ на всевозможныя подѣлки. *Гуттаперча*, вещество весьма родственное резинѣ и тоже употребляемое теперь на самыя разнообразныя издѣлія, стало извѣстнымъ въ Европѣ только съ 1843 года.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

Поэтъ-нищій.

Поэтъ голодный въ низкой долѣ
Напоминаешь ты всегда
Орла возросшаго въ неволѣ,
Вдали отъ горнаго гнѣзда.

Среди нужды, среди лишеній
Не примирить твоей душѣ
Своихъ возвышенныхъ стремленій
Съ заботой мелкой о грошѣ.

Нуждой навязанное дѣло,
Какъ рабъ усталый подъ бичемъ,
Ты совершаешь неумѣло
И не заботишься о немъ.

Къ другимъ трудамъ, въ другія сферы,
Несутъ тебя твои мечты
И, вдохновенный, полный вѣры,
Готовъ туда умчаться ты.

Но тутъ же чувствуешь безсилье
Широкимъ вздохомъ развернуть
Нуждой подрѣзанныя крылья
И прахъ, приставшій къ нимъ, стряхнуть.

И, вмѣсто мощныхъ пѣснопѣній,
Заслышавъ жалобы твои,
Среди насмѣшекъ и глумленій
Тебѣ твердятъ твои враги,
Что безъ пристанища и хлѣба
Ты въ человѣческой семьѣ —
Червякъ, стремящійся на небо,
Орелъ, придавленный къ землѣ.

А. К—новъ.

Наши ближніе.

(Фельетонные наброски.)

(*Продолженіе.*)

IV.

Кукушка стараго времени.

— Вы знаете Макаревскихъ? спросилъ меня надняхъ Клименко, бродя со мною по Невскому проспекту.

— Какихъ Макаревскихъ? спросилъ я, въ свою очередь.

— Да все равно какихъ... Я думаю, что всѣ Макаревскіе непремѣнно дѣти Федосьи Андреевны Макаревской, съ усмѣшкой отвѣтилъ Клименко.—Я вспомнилъ о ней и ея дѣтяхъ совершенно случайно... вѣроятно, вслѣдствіе встрѣчи вонъ съ этимъ господиномъ...

Клименко указалъ глазами на оборваннаго и полупьянаго нищаго въ форменномъ сюртукѣ и въ фуражкѣ съ кокардой, только что подходившаго къ намъ съ просьбою о милостынѣ.

— Федосью Андреевну я помню съ самыхъ раннихъ лѣтъ моего дѣтства, началъ Клименко свой разсказъ, неторопливо проходя подъ руку со мною по Невскому. — Но страннымъ образомъ мое воспоминаніе о ней неразрывно связывается съ воспоминаніемъ о томъ, что у нея крестили ребенка.—На свѣтѣ есть много такихъ людей, про которыхъ нельзя вспомнить, не вспомнивъ объ извѣстной обстановкѣ. Такъ я зналъ одного армейскаго прапорщика, котораго я никогда не могъ вспомнить иначе, какъ запыхавшимся, облитымъ пòтомъ и ангажирующимъ десятую дѣвицу на галопъ... Федосью Андреевну я тоже не могу вспомнить, не вспомнивъ въ то же время о крестинахъ ребенка. Эта матушка-помѣщица старыхъ временъ была настолько добродѣтельною женой, что неизмѣнно каждый годъ доказывала свою вѣрность мужу рожденіемъ новаго ребенка. Другіе помѣщики изъ нашихъ сосѣдей справляли дни своихъ имянинъ и рожденій, когда же насъ приглашали къ Макаревскимъ, то мы такъ и знали, что насъ приглашаютъ на крестины. Я затруднился бы теперь назвать вамъ по именамъ всѣхъ дѣтей Федосьи Андреевны; я достовѣрно могу сказать, что всѣ онѣ были Ивановичи и Ивановны, такъ какъ самаго счастливаго отца семейства Макаревскихъ звали Иваномъ Федоровичемъ, и такъ какъ дѣти всѣ до одного были несомнѣнно законныя. Впрочемъ, Федосьѣ Андреевнѣ было и недосугъ баловаться при ея плодовитости... Но я обрисовалъ бы вамъ не вполнѣ Федосью Андреевну, сказавъ, что я воспоминаніе о ней соединяю только съ воспоминаніемъ о крестинахъ ребенка. Нѣтъ. Когда насъ звали къ Макаревскимъ, мы знали, что у нихъ крестины. Но когда насъ не звали къ Макаревскимъ—мы тоже напередъ знали, что Федосья Андреевна, вѣрно, отсутствуетъ и хлопочетъ о томъ, куда бы «пристроить» своихъ дѣтей или, какъ она выражалась, «свою мелюзгу».

— Ну, какъ здоровье Федосьи Андреевны? спрашиваютъ, бывало, у Ивана Федоровича, когда онъ заѣзжалъ къ намъ.

— Не знаю, не знаю... Она уѣхала, хлопочетъ пристроить куда-нибудь нашего мальчика, заботливо и грустно отвѣчалъ Иванъ Федоровичъ.—Только опасаюсь за нее... Она, знаете, въ интересномъ положеніи поѣхала въ Петербургъ — мало-ли что можетъ случиться... Женщина тоже слабая... Такъ это меня тревожитъ, даже сны нехорошіе вижу... право!

— Куда же вы думаете пристроить ребенка?

— Въ александровскій корпусъ хлопочемъ. Вотъ дочь въ прошломъ году свезли въ институтъ. Едва успѣешь одного поднять на ноги,—глядишь, Богъ другого даетъ... Столько хлопотъ!

И дѣйствительно такъ это и шло у нихъ: то они зовутъ на крестины одного изъ Макаревскихъ, то Федосья Андреевна «пристроиваетъ» другого изъ Макаревскихъ и такъ безъ конца: крестины и пристройка, пристройка и крестины ребятъ. И какъ умѣла Федосья Андреевна пристроивать дѣтей, такъ это и вообразить трудно. Объѣздитъ десятокъ вліятельныхъ лицъ, въ двадцати пріемныхъ комнатахъ продежуритъ, съ сотнею писарей и чиновниковъ переговоритъ, безъ счету прошеній напишетъ, а своего добьется. У нея даже образцы прошеній, написанные чиновниками разныхъ вѣдомствъ, хранились на случай: въ одномъ очень трогательно она называла себя «матерью, удрученною многочисленнымъ семействомъ», въ другомъ она униженно просила, сообразуясь въ каждомъ случаѣ съ характерами тѣхъ лицъ, къ которымъ приходилось обращаться. И за то были у нея дѣти и въ Александровскомъ корпусѣ, и въ Орловскомъ, и въ Аракчеевскомъ въ Новгородѣ, и въ Елисаветинскомъ и въ Смольномъ институтахъ, и на Николаевской и на Александровской половинѣ. Одним словомъ, это была вполнѣ «кукушка».

— Позвольте, почему вы ее называете кукушкой? спросилъ я.

— Да говорятъ, что кукушка въ чужія гнѣзда свои яица кладетъ для высиживанія, серьезно отвѣтилъ Клименко.—Самъ я не видалъ этого, но говорятъ, что такъ...

Я разсмѣялся.

— И точно, о своемъ гнѣздѣ, подобно большинству дѣльцовъ и спеціалистовъ, она мало заботилась, продолжалъ Клименко.—Въ свое гнѣздо она пріѣзжала только рожать да крестить дѣтей и, оправившись отъ родовъ, съ новымъ доказательствомъ своего супружескаго счастія, уже мчалась пристроивать подростающаго ребенка, такъ что Иванъ Федоровичъ большую часть года вдовствовалъ, оставленный на попеченіе разныхъ ключницъ, нянекъ, дворовыхъ дѣвокъ, поваровъ, кучеровъ и тому подобной челяди. Безъ надзора хозяйки управленіе домомъ шло, надо признаться, довольно плохо, тѣмъ болѣе, что самъ Иванъ Федоровичъ былъ человѣкъ не распорядительный, любившій болѣе всего предаваться созерцанію. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ вышелъ ротмистромъ въ отставку, онъ оставилъ всякія дѣла, ожирѣлъ, обрюзгъ, облекся въ халатъ и зажилъ созерцательною жизнью. Въ туфляхъ, надѣтыхъ на босую ногу, съ растегнутымъ воротомъ рубашки, съ трубкою въ зубахъ, онъ проводилъ дни или сидя у окна и смотря по цѣлымъ часамъ на давно знакомый ему, заросшій травою или занесенный снѣгомъ дворъ, или любуясь дружескою игрою собаки съ кошкой, или раскладывая «Наполеошку» съ желаніемъ угадать, пристроитъ или не пристроитъ ребенка Федосья Андреевна.

Среди этихъ созерцаній онъ не замѣчалъ, по скольку дней не сметалась пыль и паутины, какъ готовился ему и дѣтямъ обѣдъ, что выдѣлывали его подростки, иногда доходившіе до такихъ продѣлокъ, что дворня теряла голову и только ждала той минуты, когда «пристроятъ» хоть одного изъ этихъ головорѣзовъ, которыхъ никто не сдерживалъ, никто не наказывалъ, и которымъ только въ крайнихъ случаяхъ говорили:

— Погодите! погодите! вотъ пристроятъ васъ въ корпусъ, тогда крылья-то опустите!

Иванъ Федоровичъ не скучалъ, не тяготился этою жизнью и только иногда съ чувствительнымъ вздохомъ замѣчалъ на вопросъ знакомыхъ о томъ, какъ онъ поживаетъ:

— Вотъ все Федосью Андреевну поджидаю... Безъ нея, знаете, точно вдовецъ.

И когда Федосья Андреевна возвращалась, онъ на время оживалъ, самодовольно улыбался, выглядѣлъ не то оторопѣвшимъ, не то запыхавшимся и съ выраженіемъ счастливаго кота ходилъ по пятамъ за своею супругою, поминутно цѣлуя ея «пальчики».

— Измучилась ты, мамочка? сладко шепталъ онъ.

— Соскучился ты, папочка? такъ же сладко говорила она.

Они переживали медовый мѣсяцъ и ужь тутъ, конечно, имъ было не до дѣтей, тѣмъ болѣе, что нечего было много и думать о дѣтяхъ, такъ какъ ихъ надѣялись скоро «пристроить» и они могли «на послѣдяхъ» дѣлать, что имъ угодно.

Трудно было бы найдти болѣе любящихъ супруговъ и болѣе незлобивыхъ простяковъ, чѣмъ Макаревскіе, но я увѣренъ, что они пришли бы въ серьезное негодованіе, еслибы общество или государство рѣшилось отказать имъ на просьбу «о пристройкѣ» ихъ дѣтей и предложило имъ самимъ воспитывать ребятъ. Нельзя сказать, чтобъ они не любили своихъ дѣтей, но они не понимали, для чего они стали бы воспитывать сами этихъ дѣтей, когда есть казенные корпуса и институты. Зная о существованіи этихъ заведеній, они нисколько не заботились о томъ, сколько у нихъ дѣтей, и не задавались вопросомъ о томъ, во что обойдется воспитаніе этихъ дѣтей. Макаревскіе смотрѣли на дѣтей, какъ на казенную собственность, отъ которой казна должна была непремѣнно избавлять ихъ въ извѣстное время.

Клименко на минуту смолкъ и потомъ обратился ко мнѣ:

— Я думалъ въ нѣсколькихъ словахъ передать вамъ воспоминанія моихъ дѣтскихъ лѣтъ о Макаревскихъ; но теперь вижу, что эти воспоминанія не вполнѣ характеризуютъ Макаревскихъ и что мнѣ нужно передать вамъ дальнѣйшія мои встрѣчи съ ними. Разсказъ выйдетъ слишкомъ длиненъ, чтобы его передать на улицѣ... Не зайдемъ ли мы позавтракать къ Вольфу? Тамъ я вамъ доскажу остальное...

Я охотно согласился на предложеніе.

* * *

— Вотъ тѣ воспоминанія, которыя я вынесъ о Макарьевскихъ во времена моего далекаго дѣтства, продолжалъ Клименко, когда мы уже сидѣли въ ресторанѣ Вольфа за завтракомъ. — Потомъ моя семья переѣхала въ Петербургъ и Макаревскіе потерялись у насъ изъ виду... Прошло нѣсколько лѣтъ, мнѣ уже шелъ шестнадцатый годъ, когда мы случайно познакомились съ одной не особенно богатой вдовой учителя, Амаліей Федоровной Габерштадтъ. Эта женщина существовала небольшой пенсіей, содержаніемъ пансіонеровъ и заработками двухъ дочерей, занимавшихся шитьемъ и уроками. Впрочемъ, главнымъ образомъ, эта семья могла существовать потому, что у нея была нѣмецкая способность питаться болѣе духовною пищею, чѣмъ матеріальною, и сохранять поэтическіе восторги и порывы, даже питаясь картофелемъ, габерсупами, форшмаками и котлетами изъ селедокъ, смѣшанныхъ съ булкой. При такомъ взглядѣ на жизнь эта семья была вполнѣ весела и счастлива. Въ дни рожденій и имянинъ здѣсь члены семьи набирали какихъ нибудь полевыхъ цвѣтовъ или свѣжихъ березовыхъ, кленовыхъ и дубовыхъ листьевъ, сплетали изъ этой зелени гирлянды и вѣнки, украшали ими комнату и, устроивъ подобный сюрпризъ виновницѣ торжества, проводили день въ самомъ лучшемъ настроеніи духа, хотя бы у нихъ въ этотъ день и не было ни одного лишняго гроша въ карманѣ. Впрочемъ, деньги и не были нужны имъ для веселья: разные Карлы Карловичи и Вельгельмины Карловны, приходившіе поздравить виновницу праздника, приходили въ такой же восторгъ отъ гирляндъ и вѣнковъ, какъ и сами хозяйки, и не требовали ничего, кромѣ возможности проплясать подъ разбитое фортепьяно вальсъ въ три па или французскій кадриль съ самыми затѣйливыми фигурами. Если вдобавокъ ко всему этому подавался чай и бутерброды, то компанія была уже наверху блаженства и уносила съ собой на всю остальную жизнь воспоминаніе о томъ, какъ было весело на имянинахъ у мадамъ Габерштадтъ въ такомъ-то году. Присутствуя однажды на такомъ торжествѣ, мы очень удивились, встрѣтивъ здѣсь одного изъ Макаревскихъ, семнадцатилѣтняго кадета. Онъ былъ здѣсь, какъ дома, развязно распоряжался танцами, шумно бѣгалъ въ кухню за бутербродами и за чаемъ для гостей и когда всѣ стали разъѣзжаться, остался ночевать у мадамъ Габерштадтъ.

— Вы какъ сюда попали, Коля? спросила его моя мать.

— Я хожу въ отпускъ къ Габерштадтамъ, бойко отвѣтилъ юноша.

— Развѣ ваша семья знакома съ мадамъ Габерштадтъ?

— Нѣтъ. Я познакомился съ племянникомъ мадамъ Габерштадтъ и теперь хожу къ нимъ.

— Вы, кажется, не одни здѣсь въ Петербургѣ. Вашъ братъ тоже въ корпусѣ.

— Да, братъ Александръ въ Морскомъ корпусѣ, да двѣ сестры въ Смольномъ.

— А вашъ братъ здѣсь же?

— Нѣтъ, онъ ходитъ къ капитану Маевскому, тотъ его очень полюбилъ, въ театры возитъ съ собой, катаетъ, совсѣмъ избаловалъ. Ему счастье! Впрочемъ, я не завидую ему. Мнѣ тоже здѣсь весело. Капитанъ Маевскій холостякъ, а здѣсь барышни, танцуютъ часто. Конечно, онѣ нѣмки, но ничего — веселыя.

Мальчикъ былъ разбитной и угловатый, съ кадетскими взглядами.

— А вы развѣ тоже знаете Колю? спросила подошедшая мадамъ Габерштадтъ у моей матери.

— Да, наше имѣніе находится по сосѣдству съ имѣніемъ его родителей, отвѣчала матушка.

— Ахъ, какое почтенное семейство! восторженно произнесла мадамъ Габерштадтъ.— Матушка Коли такая милая дама!

— Такъ вы и ее знаете?

— Да, какъ же!... не лично, но по письмамъ, она мнѣ всегда поклоны посылаетъ и поздравляетъ меня въ письмахъ. Вотъ и нынче прислала такое письмо, пишетъ: «берегите, ради Бога, нравственность моего мальчика, какъ мать». О, я понимаю, каково должно быть для матери жить вдали отъ своего ребенка. Я, кажется, не перенесла бы, если бы моя Мальхенъ или Минна уѣхали отъ меня, да и Мальхенъ и Минна не пережили бы этого.

Она взглянула любовными глазами на свою семнадцатилѣтнюю, бѣловолосую и голубоглазую Мальхенъ, танцовавшую кадриль, и та, точно почуявъ этотъ взглядъ, подлетѣла, какъ на крылушкахъ, къ матери, обняла ее, звонко поцѣловала въ голову и снова, вся раскраснѣвшаяся, продолжала кадриль.

— Вы видите, развѣ мы можемъ разстаться! Нѣтъ мы не можемъ разстаться! съ увлеченіемъ произнесла мадамъ Габерштадтъ.— И я понимаю, каково должно быть мамашѣ Коли.

— Вы добрая женщина, проговорила моя мать, знавшая недостаточность средствъ госпожи Габерштадтъ.

— Жаль, что мы не можемъ доставить мальчику какихъ нибудь удовольствій или быть чѣмъ нибудь полезными его сестрамъ, съ грустью вздохнула мадамъ Габерштадтъ. — Онѣ бѣдныя такъ скучаютъ въ институтѣ. Мамаша Коли просила насъ навѣщать ихъ. Мы бываемъ тамъ. Мои Мальхенъ и Минна носятъ имъ иногда бездѣлицы, конфектъ или яблоковъ... но мы не можемъ многаго... наши средства не позволяютъ...

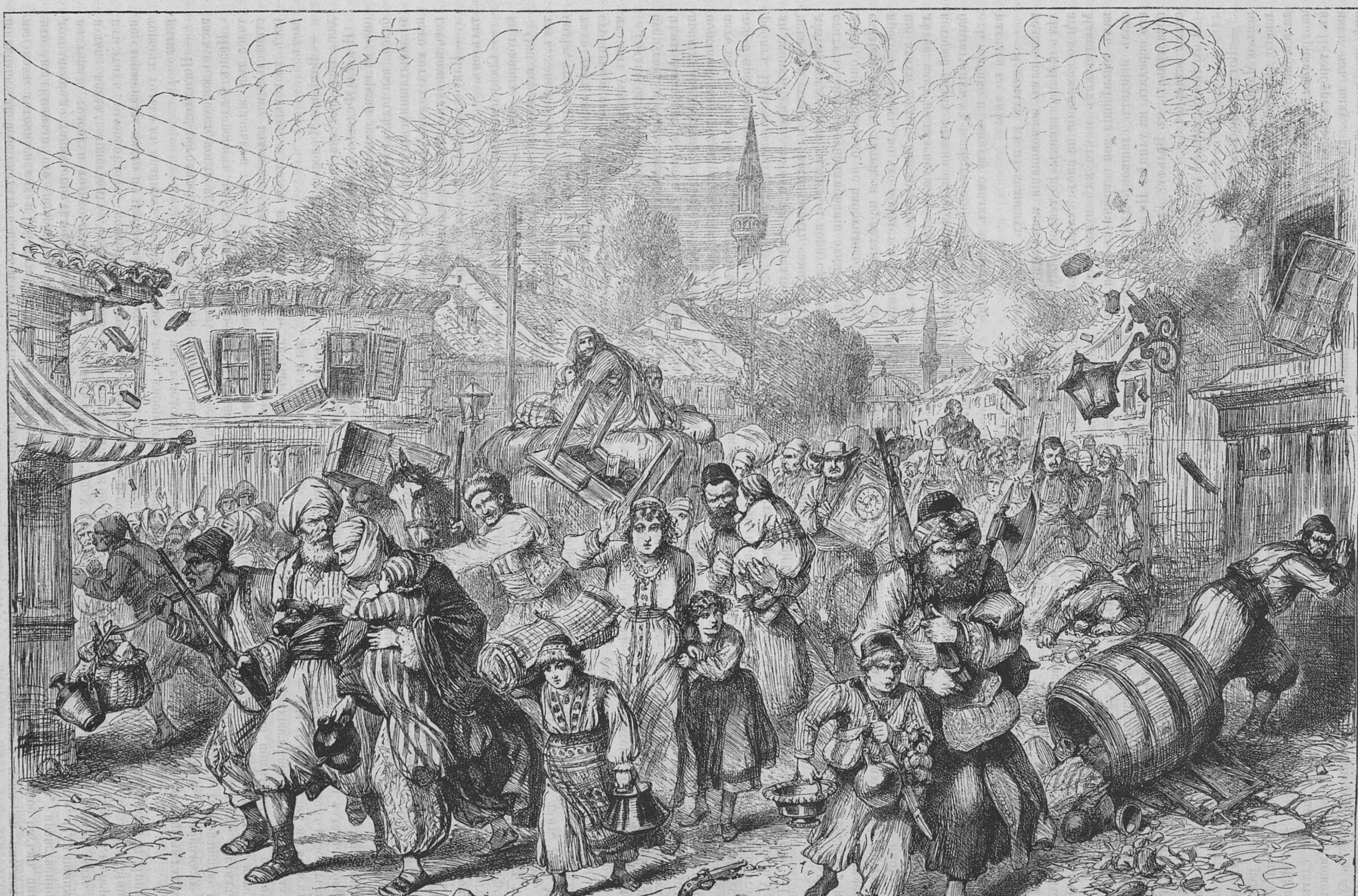
Моей матери стало какъ-то неловко и тяжело и, возвращаясь отъ Габерштадтовъ домой, она горячо осуждала Макаревскихъ...

— Бросили дѣтей на чужія руки и не заботятся о нихъ, говорила она отцу. — Хороши отецъ и мать!

Черезъ нѣсколько дней насъ совершенно неожиданно, безъ всякаго приглашенія съ нашей стороны, посѣтилъ Коля Макаревскій.

Онъ разговорился со мною о Габерштадтахъ.

— Нѣмки онѣ добрыя, только такія цирлихъ-манирлихъ, разбитнымъ тономъ говорилъ онъ.—Все у нихъ сантиментальности на умѣ. Выстираютъ мнѣ перчатки къ воскресенью и точно какой нибудь подарокъ дѣлаютъ, съ такой торжественностью ихъ поднесутъ: «Вотъ вамъ, Коля, и перчатки Мальхенъ приготовила!»—передразнилъ онъ сладкій голосокъ мадамъ Габерштадтъ. — Удивительная невидаль! Если бы мать присылала денегъ побольше, такъ мнѣ бы и въ магазинѣ за гривенникъ вымыли перчатки! А тутъ такъ и видишь, что на благодарность лѣзутъ! Впрочемъ я Мальхенъ благодарю, лукаво подмигнулъ онъ.—Она ничего, что нѣмка, а аппетитная булка! Я ее разъ такъ затискалъ да разцѣловалъ, что она даже разревѣлась! Жаловаться хотѣла и потомъ двѣ недѣли дулась. Да меня не проведешь! Знаю я, что онѣ хотятъ, эти вздыхающія дѣвчонки! Небось, вздумай я на ней жениться, такъ съ ручками и ножками выскочитъ. Мать тоже моя изъ ума выжила, пишетъ: «Я очень рада, что ты посѣщаешь скромный семейный домъ, но, ради Бога, остерегайся, чтобы тебя какъ нибудь не женили эти люди. Вѣдь эти бѣдныя нѣмки только и думаютъ, какъ бы сдать съ рукъ своихъ дочерей, потому онѣ можетъ быть и тебя прикармливаютъ». Нѣтъ, дудки, меня-то ужь на кривой не объѣдутъ. Я не какую нибудь нѣмку безъ состоянія могу подцѣпить въ провинціи, когда въ офицеры вый-



Бомбардированіе Рущука.

ду. У насъ въ провинціи за офицера любую купеческую дочь отдадутъ, — только бери. Да чего!—вотъ въ прошломъ году вышелъ отъ насъ въ Нижній-Новгородъ, Иванъ Рёденъ, такъ вѣдь такую невѣсту подцѣпилъ, что—ахъ! А онъ и вышелъ-то въ гарнизонъ, да и самъ маленькій ростомъ и носъ съ пуговку. На такого тоже ужь не очень невѣста позарится, коли она хоть что нибудь смыслитъ!

Онъ довольно долго говорилъ въ этомъ тонѣ, изумляя меня словами и понятіями, совершенно еще незнакомыми мнѣ. Потомъ онъ перешелъ къ разсказамъ о своемъ братѣ Александрѣ.

— Гуляка этотъ Маевскій, объяснялъ онъ мнѣ,—и для брата ничего не жалѣетъ, вмѣстѣ съ нимъ и кутитъ. Они совсѣмъ друзьями сдѣлались. Только споитъ онъ, бестія, Сашку и фанфарономъ сдѣлаетъ. Тотъ уже и теперь фыркаетъ—перчатки не перчатки, часы не часы. Да чего! ему уже въ корпусѣ тяжело жить! «У насъ, говоритъ, даже эта говядка съ душкомъ дается!» Это привыкъ, что Маевскій ему соусы въ разсоляхъ подаетъ, лишь бы онъ не блажилъ. А мать — дура, право, дура,—радуется, что Сашка отъ нея теперь денегъ ни на что не проситъ, а потомъ онъ ей глаза протретъ, когда Маевскій наряжать да подкармливать его не станетъ. Теперь онъ и передо мною носъ задираетъ—да мнѣ что! Я знаю, что это не на долго, что ему же хуже будетъ, когда выйдетъ во флотъ. На мичманское жалованье не разгуляешься, въ Кронштадтѣ или въ плаваніи невѣсты богатой не поддедюлишь, а Маевскій теперь его балуетъ, а потомъ и забудетъ. Только и останется у него отъ этой дружбы что пьянство на память. Вотъ также брата Павла въ Орлѣ архіерейскіе пѣвчіе вѣдь совсѣмъ споили. Возжался, возжался съ ними, ходилъ къ нимъ по праздникамъ, матери просвирки посылалъ, а теперь мать же и плачется: «и въ кого это ты, говоритъ, пьяницей сдѣлался». А у него только одинъ ей отвѣтъ: «ты, братецъ, ничего не понимаешь!» Это онъ въ привычку взялъ всѣмъ говорить: «братецъ». Шутъ, совсѣмъ шутъ, гороховый вышелъ: пьетъ и канты басомъ выводитъ — вотъ и все, чему научился.

Мнѣ тогда были еще «новы всѣ впечатлѣнія бытія» и потому я не мало дивился и разсказамъ и жаргону этого кукушкина сына. Впрочемъ, мнѣ не часто приходилось бесѣдовать съ нимъ. Мои отецъ и мать принимали его холодно и сухо, и онъ не могъ найдти особеннаго удовольствія въ сближеніи со мною. Мы слышали объ немъ только отъ госпожи Габерштадтъ, которая продолжала заботиться о немъ съ самою искреннею любовью. Однажды она даже чуть не захворала, вслѣдствіе того, что Коля Макаревскій простудился или объѣлся на Рождествѣ и заболѣлъ у нея въ домѣ горячкою. Въ эти дни она совсѣмъ потеряла голову: она боялась отправить его въ корпусную больницу и въ то же время боялась, что онъ заразитъ и ея дочерей и ея пансіонеровъ, такъ какъ она считала всѣ горячки прилипчивыми. Кромѣ того, у нея въ это время почти не было денегъ и ей приходилось занимать гроши, чтобы больной не нуждался ни въ чемъ. Добрая душа въ эти дни походила на насѣдку, которая не знаетъ, что дѣлать со своими цыплятами, находящимися въ опасности. Она была и жалка и смѣшна. То ей казалось, что больному непремѣнно нужно варенье, то ее смущала мысль, что, съ одной стороны, ея дочерямъ неловко ходить за молодымъ человѣкомъ и что, съ другой стороны, онѣ могутъ заразиться сами, то ей приходило въ голову, что только молодыя дѣвушки и могутъ, какъ любящія сестры, облегчить страданіе «бѣднаго сироты», какъ она теперь называла юношу. Но болѣе всего убивала ее мысль о томъ, какъ должна страдать мать этого юноши, не имѣющая возможности, вслѣдствіе наступившихъ родовъ, пріѣхать къ умирающему сыну. Толки объ этихъ страданіяхъ матери, наполняли цѣлые вечера въ семьѣ госпожи Габерштадтъ и принимали иногда чисто фантастическіе размѣры.

— Что, мама, если онъ умретъ раньше, чѣмъ выздоровѣетъ его мамаша! говорила Мальхенъ.

— О, Мальхенъ, не говори мнѣ этого! восклицала мать.

— А я, мама, то же объ этомъ думала сегодня, замѣчала Минна.

— Дѣти, дѣти, это не къ добру! У меня тоже была всю ночь эта мысль въ головѣ, восклицала мать. — Если его мама пріѣдетъ, а онъ будетъ лежать у насъ на столѣ,—она не вынесетъ этого и упадетъ у его трупа.

— Но, мама, вѣдь у нея грудной ребенокъ теперь, онъ тоже можетъ погибнуть, если она умретъ или сойдетъ съ ума, соображала Мальхенъ.

— О, да, да! Я именно этого и боюсь! Я нарочно писала ей, что ему лучше, что онъ поправляется! Пусть лучше она не пріѣзжаетъ, думая, что онъ не опасно боленъ.

— Да, а какъ потомъ мы объяснимъ ей, если онъ умретъ? спрашивала Минна.

— Вѣдь это еще болѣе поразитъ ее, заявляла Мальхенъ.

— О, я потеряла голову! я потеряла голову! хваталась руками за голову мать.

И такъ безъ конца шли опасенія, восклицанія, вздохи и слезы, а фантастическія картины все расширялись. Нужно отдать справедливость семейству мадамъ Габерштадтъ, оно нисколько не опечалилось, а даже напротивъ того обрадовалось, когда Коля Макаревскій сталъ поправляться, то есть обманулъ всѣ ихъ ожиданія трагической развязки. На это способны очень не многіе люди, дѣлающіе недовольную мину, когда имъ приходится протѣсняться сквозь собравшуюся на улицѣ толпу и увидать, вмѣсто окровавленнаго, раздавленнаго лошадьми человѣка, какую нибудь пьяную бабу, сидящую въ грязи и ругающую площадными словами городового. Повторяю, семейство мадамъ Габерштадтъ не разсердилось на Колю Макаревскаго, что онъ обманулъ ихъ ожиданія и не умеръ. Добрые люди обрадовались его выздоровленію до того, что готовы были надѣлать всякихъ глупостей подъ вліяніемъ охватившаго ихъ восторга и не только ухаживали всѣ за выздоравливающимъ, но даже готовили ему сюрпризы. Мальхенъ вязала ему какой-то бисерный кошелекъ, Минна вышивала закладку, а сама госпожа Габерштадтъ спила ему полдюжины «военныхъ галстуковъ».

Къ сожалѣнію, юноша находился еще въ раздражительномъ настроеніи духа послѣ болѣзни и вовсе не былъ тронутъ сюрпризами, а только замѣтилъ:

— Что мнѣ въ этихъ пустякахъ! Вы бы лучше написали моей матери, пока я былъ боленъ, чтобы она прислала денегъ, а то тутъ приходится терпѣть всякія лишенія безъ своего гроша въ карманѣ.

Какія лишенія приходилось ему терпѣть онъ не сказалъ, но бѣдныя женщины мучились цѣлый вечеръ, придумывая, чего ему недостаетъ. Еще болѣе опечалило ихъ то, что имъ удалось случайно услышать, какъ выздоравливающій юноша говорилъ навѣстившему его брату Александру:

— Хорошо тебѣ, если тебѣ Маевскій ни въ чемъ не отказываетъ! А мое положеніе другое. Тутъ хоть бы и захотѣлъ чего, такъ не дадутъ. Кошелекъ какой нибудь, пожалуй, свяжутъ, а что нужно, того и нѣтъ.

Впрочемъ, семья мадамъ Габерштадтъ получила и утѣшеніе за свои заботы и хлопоты. Когда Коля Макаревскій совсѣмъ оправился и ушелъ въ корпусъ, онѣ получили письмо и посылку отъ его матери. Она извѣщала ихъ, что она записала ихъ имена въ свою поминальную книжку, и прислала госпожѣ Габерштадтъ на память собственной своей работы шерстяную, вязанную косыночку.

— Мама, мама, она даже во время болѣзни не забыла о тебѣ! воскликнула Мальхенъ, примѣривая косыночку на голову и вертясь передъ зеркаломъ.

— И сама вязала! Больная вязала! растроганно добавила Минна.

Мадамъ Габерштадтъ прослезилась....

Мнѣ было лѣтъ двадцать пять, когда судьба меня опять забросила въ родную глушь и снова столкнула съ Макаревскими, слетѣвшимися со всѣхъ концовъ Россіи въ отчій домъ. Это была стая вороновъ, почуявшихъ падаль. Дѣло въ томъ, что Иванъ Федоровичъ въ одинъ прекрасный день объѣлся свинымъ саломъ и опился квасомъ, вслѣдствіе чего и отдалъ скоропостижно Богу свою незлобивую душу, не сдѣлавъ никакого распоряженія на счетъ имѣнія. Его дѣти только того и ждали. Боже мой, что это была за картина! «Я тебѣ зубы выколочу!» стономъ стояло въ воздухѣ въ домѣ Макаревскихъ. Федосья Андреевна, оторопѣвшая, растрепанная, въ чепцѣ, съѣхавшемъ на бокъ, не знала, что дѣлать — унимать - ли дѣтей, или грабить, подобно имъ, свое собственное имущество.

— Вы мнѣ домъ-то, домъ-то хоть оставьте! умоляла она.

— Отстаньте вы со своимъ домомъ! Вамъ законную часть выдѣлятъ! кричали дѣти.

— А серебро-то, серебро вѣдь мое, въ приданое мнѣ дадено, стонала она.

— Мы были, что-ли, при вашемъ вѣнчаньи? Мало-ли что вы выдумаете, что за вами въ приданое дано, такъ такъ вамъ все и отдать, бѣсновались сыновья.

— Аспиды вы, аспиды! кричала мать.

Она бросалась къ предводителю дворянства, къ исправнику, къ губернатору, къ сосѣдямъ.

— Грабятъ меня, собственныя дѣти грабятъ! рыдала она передъ властями.—Судите ихъ, уголовнымъ судомъ судите за неповиновеніе!

— Позвольте, позвольте, говорили ей.— Вы растолкуйте, чего вы хотите.

— Подъ судъ, подъ уголовный судъ хочу ихъ отдать!..

— Да за что-же?

— За неповиновеніе, за неповиновеніе!

— Да вѣдь вы получаете законную часть имѣнія?

— Что я съ этой частью буду дѣлать!

Мнѣ пусть домъ, усадьбу отдадутъ, серебро мое отдадутъ. Чѣмъ я жить буду? Я ихъ пристроила, я ихъ на ноги поставила, а они грабятъ.

— Да вѣдь законъ вамъ даетъ право только на извѣстную часть имѣнія.

— Что мнѣ законъ, я не съ закономъ, а со своими собственными дѣтьми имѣю дѣло! Они должны повиноваться! Я мать, я приказываю отдать мнѣ, что мнѣ надо, а они меня грабятъ!

Растолковать ей, что ея дѣтей не за что было отдавать подъ судъ, не было никакой возможности. Она писала прошеніе за прошеніемъ и не унималась. Получивъ вездѣ отказъ на просьбы объ отдачѣ ея дѣтей подъ судъ и объ отобраніи у нихъ въ ея пользу имѣнія, она начала заваливать всѣ присутственныя мѣста и всѣхъ провинціяльныхъ «особъ» прошеніями «о понужденіи ея дѣтей содержать мать, находящуюся въ престарѣлыхъ лѣтахъ». Много было съ нею хлопотъ властямъ, но едва-ли не больше хлопотъ доставляла она своимъ сыновьямъ и дочерямъ, къ которымъ она поочередно пріѣзжала гостить. На другой же день послѣ своего прибытія къ кому-нибудь изъ своихъ дѣтей, она заводила старую пѣсню о грабежѣ ея имущества неблагодарными дѣтьми и уже черезъ два-три дня была на ножахъ съ тѣмъ изъ дѣтей, у котораго гостила. Черезъ недѣлю она уже бѣжала отъ этого «изверга рода человѣческаго» и подавала на него жалобу «начальству», требуя «понудить его содержать мать, находящуюся въ престарѣлыхъ лѣтахъ».

Мы кончили завтракъ и вышли изъ ресторана.

— Когда-нибудь я вамъ разскажу исторію «кукушки новой формаціи», сказалъ мнѣ на прощаньи Клименко. — Это тоже интересный типъ, хотя и рѣже встрѣчающійся, чѣмъ кукушки старыхъ временъ.

Нѣкто.

Новости наукъ и жизни.

Новый способъ золоченія. Гертъ, вѣнскій золотильщикъ, изобрѣлъ слѣдующій новый способъ золоченія: взять $^1/_2$ дуката золота (краснаго или бѣлаго по желанію) и раскатать его въ листки, потомъ закалить и протравить эти листки, разрѣзать ихъ на кусочки и растворить въ смѣси, состоящей изъ 3 долей соляной кислоты и одной доли царской водки (считая каждую долю въ вмѣстимость наперстка). Когда золото растворится безъ осадка, надо прибавить въ него 10 грм. двууглекислаго натра, и поставить все на огонь въ открытомъ фарфоровомъ сосудѣ. Въ это же время слѣдуетъ согрѣть 2 литра рѣчной воды, прибавивъ къ ней 50 грм. ціанистаго калія. Когда этотъ послѣдній растворится, слѣдуетъ прибавить еще 10 грм. ѣдкаго кали и дать снова вскипѣть всей жидкости. Выпаренное золото вливается затѣмъ медленно въ эту жидкость, при чемъ въ нее прибавляется еще 20 грм. фосфорно-кислаго натра. Вся смѣсь должна повариться еще втеченіе нѣсколькихъ минутъ, послѣ чего она снимается съ огня. Черезъ 24 часа, она пропускается черезъ фильтръ и готова къ употребленію, но ее слѣдуетъ держать постоянно закупоренной, чтобы не выдохлась и не запылилась. При употребленіи, требуемая часть жидкости наливается въ фарфоровую чашку и согрѣвается на спиртѣ; вещи, которыя слѣдуетъ позолотить, кладутъ въ эту ванну, при чемъ жидкость помѣшивается заранѣе вычищенной цинковой палочкой. Золото осаживается мгновенно. Этотъ способъ золоченія, доступный и въ домашнемъ обиходѣ, весьма пригоденъ и выгоденъ для промышленныхъ цѣлей.

Смѣсь.

— Искуственныя ноги и руки. Въ Соединенныхъ Штатахъ существуетъ положеніе, согласно которому каждый офицеръ или солдатъ, потерявшій на службѣ во флотѣ или арміи ногу или руку, получаетъ черезъ каждыя пять лѣтъ отъ правительства искуственную оконечность, или, по желанію, денежную субсидію въ размѣрѣ 75 долларовъ за каждую ампутированную ногу и 50 долларовъ за каждую ампутированную руку, кисть руки или ступню, также черезъ каждыя пять лѣтъ. Фабриканты, желающіе поставлять для правительства означенныя искуственныя оконечности, обязаны вносить залогъ въ 5,000 долларовъ; этимъ залогомъ они отвѣчаютъ за доброкачественность издѣлій втеченіе пяти лѣтъ. Въ прошломъ году правительство выдало натурою 14 рукъ, 519 ногъ и 12 другихъ аппаратовъ. Деньгами же было оплачено 893 руки, 11 ручныхъ кистей, 1,530 ногъ, 60 ступней и 876 другихъ аппаратовъ.

— Транспорты общества «Краснаго Креста». «Врачебн. Вѣд.» доставленъ отчетъ с.-петербургскаго центральнаго склада общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ. Изъ отчета этого видно, что управленіе складомъ, со времени открытія военныхъ дѣйствій, отправило въ армію четыре транспорта, а именно: въ Яссы, Тифлисъ, Бухарестъ и Кишиневъ, — всего 4,736 пудовъ.

Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій.

Втеченіи недѣли, съ 1-го по 7-е сентября, получены слѣдующія телеграммы.

А) Отъ его высочества Главнокомандующаго дѣйствующею арміею:

Изъ Порадима — I. Отъ 1 сентября: «Вчера, 31-го августа, мы больше не аттаковывали, а обстрѣливали съ близкаго разстоянія всѣ турецкія укрѣпленія и городъ, который около 4-хъ часовъ дня загорѣлся; кромѣ того, замѣчено два большихъ взрыва въ турецкихъ укрѣпленіяхъ. Турки отвѣчали на огонь мало, направивъ всѣ усилія противъ нашего лѣваго фланга, угрожавшаго ихъ тылу. Пять ожесточенныхъ атакъ отбито генераломъ Скобелевымъ, но къ вечеру, послѣ шестой атаки, онъ принужденъ былъ оставить взятыя имъ 30-го августа укрѣпленія. За ночь войска наши окопались на занятыхъ вокругъ Плевны позиціяхъ. Съ самаго начала боя до часу дня 31-го августа привезено на перевязочные пункты 6,000 раненыхъ изъ коихъ 3,500 уже вывезено. На прочихъ мѣстахъ театра войны столкновеній не было. Рущукскій отрядъ сосредоточился на новыхъ позиціяхъ, въ полупереходѣ позади рѣки Черный Ломъ, линія которой занята турками.

II. Отъ 3-го сентября: «Вчера цѣлый день объѣзжалъ позиціи, выбралъ новыя мѣста для батарей, производилъ рекогносцировку непріятельскаго расположенія и потому не успѣлъ телеграфировать. 1-го сентября весь день и 2-го до 6-ти часовъ вечера наши батареи обстрѣливали Плевну. Турки не отвѣчали; повидимому, берегутъ снаряды на случай повторенія штурма. Въ 6 часовъ вечера, 2-го сентября, турки открыли усиленный огонь по гривицкому редуту и затѣмъ атаковали его, но были отбиты при содѣйствіи нашихъ и румынскихъ резервовъ; все дѣло продолжалось 3$^1/_4$ часа. Сегодня мы продолжаемъ обстрѣливать непріятельскія укрѣпленія, и городъ горитъ. По свѣденіямъ, къ вечеру 2-го сентября, черезъ всѣ перевязочные пункты прошло, съ 26-го августа, раненыхъ офицеровъ 239 и нижнихъ чиновъ 9,482; число убитыхъ около 3,000; точной цифры опредѣлить еще невозможно. Вся наша потеря около 300 офицеровъ и 12,500 нижнихъ чиновъ. Румынская армія до утра 2-го сентября потеряла около 60 офицеровъ и 3,000 нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными. Духъ войскъ, какъ нашихъ, такъ и румынскихъ, превосходенъ; молодыя румынскія войска дерутся отлично. На всѣхъ остальныхъ мѣстахъ театра войны все, попрежнему, спокойно».

Отъ 3-го же сентября: «1-го сентября турки поставили на половинѣ спуска съ горы Николая къ деревнѣ Шибкѣ три двухпудовыя мортиры и всю ночь бросали бомбы на гору Николая. Потеря наша 1-го сентября 38 человѣкъ; убитъ 9-й артиллерійской бригады штабсъ-капитанъ Гречишниковъ; 2-го сентября потеря 117 человѣкъ».

Отъ 4-го сентября: «Вчера, 3-го сентября, обстрѣливаніе Плевны продолжалось; турки почти не отвѣчали.

«Князю Карлу пожалованъ орденъ св. Георгія 3-й степени и генералу Чернату 4-й степени. Драгомировъ, князь Имеретинскій и Скобелевъ произведены въ генералъ-лейтенанты».

Изъ Горнаго Студня. — Отъ 5-го сентября: «Вчера, 4-го сентября, Я объѣзжалъ румынскія позиціи и остался вполнѣ доволенъ. Блокада и бомбардировка Плевны продолжаются. На тѣхъ мѣстахъ, которыя Я указалъ 2-го сентября, поставлены уже новыя батареи и наносятъ непріятелю значительный вредъ. Сегодня Я возвратился въ Горный-Студень. Сегодня, 5-го сентября, послѣ пяти-дневной бомбардировки, турки въ три часа утра неожиданно атаковали гору Николая на Шибкѣ, а въ пять часовъ утра распространили атаку по всей линіи. Послѣ девяти-часового упорнаго боя непріятель отброшенъ съ огромнымъ урономъ. Наши потери тоже значительны: убитъ флигель адъютантъ полковникъ князь Мещерскій, раненъ не опасно полковникъ Тяжельниковъ. Первыя атаки выдержалъ подольскій полкъ. Особенно отличились: командиръ этого полка Духонинъ, командиръ житомірскаго полка Тяжельниковъ, князь Хилковъ и Сендецкій.

Отъ 6-го сентября: «Генералъ Радецкій вчера 5-го числа вечеромъ, донесъ о полномъ отраженіи отчаяннаго штурма, предпринятаго турками на укрѣпленіе св. Николая (на Шибкѣ) и что въ этомъ штурмѣ дрались турецкая гвардія и арабистанскія войска. Наша потеря 19 раненыхъ офицеровъ; нижнихъ чиновъ: 100 убитыхъ и 400 раненыхъ».

Б) Отъ начальника штаба кавказской арміи изъ Караяла отъ 4 сентября: «Для подробнаго осмотра праваго фланга позиціи Мухтара-паши 1-го сентября генералъ-маіоромъ Лорисъ-Меликовымъ произведена рекогносцировка съ тремя батальонами, четырьмя эскадронами, семью сотнями и 12-ю орудіями. Выступивъ ночью, войска наши на разсвѣтѣ заняли оконечность горы Аладжи, осмотрѣвъ и часть тыльной дороги. Они произвели тревогу почти во всемъ непріятельскомъ лагерѣ. Уронъ нашъ, несмотря на сильный артиллерійскій и ружейный огонь противника при обратномъ движеніи нашемъ, состоитъ въ одномъ убитомъ и 23 раненыхъ. У непріятеля однихъ раненыхъ до 85. Въ Терской области войска наши ограничиваются дѣйствіями противъ остающихся наиболѣе упорствующихъ мятежниковъ».

— По отзыву инспектора госпиталей дѣйствующей арміи, ген. Косинскаго, напечатанному въ «Моск. Вѣд.» въ дѣлѣ подъ Шибкой наши врачи превзошли самихъ себя; болѣе честнаго и самоотверженнаго отношенія къ дѣлу требовать невозможно. Въ районѣ дѣйствія нашихъ войскъ были устроены три перевязочные пункта, изъ нихъ два передовые и одинъ главный, и, сверхъ того, особый лазаретъ въ Габровѣ. Первый передовый перевязочный пунктъ былъ расположенъ въ разстояніи около 2$^1/_2$ верстъ отъ крайняго пункта нашей боевой позиціи, второй на версту далѣе и ва нимъ въ разстояніи около полуторы версты—главный. Оба передовые пункта примыкали непосредственно къ дѣйствующимъ частямъ и крайнимъ заднимъ батареямъ. Первый передовой пунктъ, расположенный на склонѣ горы Николая, среди ложементовъ, находился постоянно подъ непрерывнымъ огнемъ непріятеля, стоявшаго на сосѣднихъ высотахъ, командовавшихъ дорогой; раненыхъ съ него можно было вывозить только ночью. Перевязка раненыхъ на передовыхъ пунктахъ производилась подъ выстрѣлами, и 9-го числа на одномъ изъ нихъ былъ раненъ врачъ болгарскаго ополченія—Угрюмовъ. Ночью 11-го августа непріятельскія позиціи подвинулись ближе, и передовые перевязочные пункты очутились подъ сильнѣйшимъ огнемъ съ обоихъ фланговъ, что заставило отодвинуть передовые пункты нѣсколько далѣе назадъ. Санитары 9-й и 14-й пѣхотныхъ дивизій бросались въ жестокій огонь и съ полнѣйшимъ самоотверженіемъ выносили раненыхъ изъ самыхъ опасныхъ пунктовъ; не мало этихъ честныхъ исполнителей своего долга пало жертвами своей христіанской и геройски-доблестной самоотверженности. Фельдшера гибли, подавая первоначальную помощь; цифра убыли ихъ пока еще не приведена въ точную извѣстность, но не далѣе, какъ вчера еще, 20-го числа, двое ивъ нихъ были сражены одною и тою-же пулей при исполненіи своихъ обязанностей. Еслибы я желалъ привести здѣсь имена врачей, своими самоотверженными трудами обратившихъ на себя вниманіе, то, чтобы быть вполнѣ справедливымъ, я долженъ-бы былъ привести поименный списокъ всѣхъ врачей, участвовавшихъ въ дѣлѣ; а ихъ было на передовыхъ перевязочныхъ пунктахъ 23, на главномъ сначала 8, а потомъ 10, въ Габровскомъ лазаретѣ 10, сверхъ того, 14-го числа прибылъ туда-же профессоръ Склифасовскій съ 4-мя ассистентами.

— 27-го августа (8-го сентября) происходила стычка на черногорской границѣ, на западъ отъ Подгорицы. Въ десять разъ сильнѣйшіе турки были разбиты при Летконольѣ черногорцами, подъ предводительствомъ Саввы Іокови, и племенемъ Кучи, подъ предводительствомъ Марка Миланова. Бой продолжался 6 часовъ. Турки потеряли 172 человѣка убитыми и втрое больше противъ этого количества ранеными. Черногорцы преслѣдовали ихъ до самой Подгорицы, гдѣ сожгли нѣсколько домовъ. Черногорскій вождь Савва Іоковъ смертельно раненъ. Потери черногорцевъ не превышаютъ 45 человѣкъ.

Пресѣка взята черногорцами. Гилекъ также сдался черногорцамъ на капитуляцію послѣ непродолжительнаго бомбардированія; впрочемъ, укрѣпленная казарма въ этомъ городѣ остается еще въ рукахъ турокъ. Сулейманъ-паша, находящійся въ Требинье, долженъ былъ отказать въ присылкѣ помощи, такъ какъ ему самому угрожаетъ непріятель.

Телеграммы.

Ташкентъ, 31-го августа, среда, вечеромъ. Къ Ташкенту примѣнено городовое положеніе.

30-го августа открыта городская дума. Послѣ присяги гласныхъ, выбранныхъ какъ изъ русскихъ, такъ и изъ туземцевъ, дума открыла свои дѣйствія.

Бухарестъ, 30-го августа. Румынскій князь обнародовалъ изъ главной квартиры въ Порадимѣ, отъ 8-го сентября, прокламацію къ румынамъ, въ которой говоритъ: «Съ тѣхъ поръ, какъ палаты объявили войну Турціи, прошло три мѣсяца, впродолженіи которыхъ мы старались держаться оборонительныхъ дѣйствій; не смотря на образъ дѣйствій Турціи, мы выносили все, надѣясь, что русско-турецкая война скоро окончится, и полагая, что наша умѣренность дастъ намъ серьезное право, при заключеніи мирныхъ условій, на то, чтобы великія державы приняли во вниманіе наши интересы. Къ несчастью, война, противъ ожиданія, затягивается и со стороны турокъ принимаетъ упорный характеръ. Участь Румыніи становится самою критическою; положеніе Румыніи пострадало бы, еслибъ турки перенесли войну на нашу территорію. Наша обязанность—сдѣлать усиліе, чтобъ предотвратить столь ужасную случайность; иначе намъ грозитъ опасность, вслѣдствіе пассивнаго образа дѣйствій, утратить все, чѣмъ мы владѣемъ; не имѣя гарантіи въ томъ, что Турція будетъ дѣлать различіе между оборонительною и наступательною войною, мы должны дѣйствовать совокупно съ русскою арміей, чтобъ ускорить окончаніе войны во чтобы то ни стало. Активныхъ дѣйствій съ нашей стороны требуютъ обстоятельства, національные и экономическіе интересы. Изъ оборонительнаго положенія мы выходимъ не вслѣдствіе жажды завоеваній, а подъ вліяніемъ чувства самосохраненія. Послѣ того, какъ заявлено, что Болгарія опустошена и населеніе ея отдано въ жертву жестокостямъ разнузданныхъ азіятскихъ ордъ, мы не имѣли гарантіи въ томъ, что участь наша будетъ лучше участи балканскихъ христіанъ. Турція, въ случаѣ побѣды, овладѣла бы Румыніею. До тѣхъ поръ, пока турецкія крѣпости отъ Ада-Кале до Мачина бомбардируютъ города и препятствуютъ какъ международнымъ, такъ и мѣстнымъ сношеніямъ на Дунаѣ; пока въ Болгаріи не будетъ введено гуманное управленіе, и пока не будутъ обезпечены человѣческія права турецкихъ христіанъ, Румынія не можетъ и не имѣетъ никакого права вѣрить, что она въ мирное время обезпечена отъ катастрофъ. Къ установленію подобнаго порядка вещей, Румынія должна содѣйствовать по мѣрѣ своихъ силъ. Неужели намъ постоянно опираться на иноземную помощь, никогда не разсчитывая на наши увеличившіяся силы и на нашу способность къ жизни? Пришло время, когда Румынія должна, путемъ самоотреченія всѣхъ классовъ и при помощи своей арміи и своихъ сыновъ, доказать Европѣ, что Румынія способна къ жизни, къ выполненію ея миссіи на устьяхъ Дуная, и къ тому, чтобы содѣйствовать возстановленію порядка и прочнаго положенія дѣлъ на Востокѣ, рядомъ съ русскимъ знаменемъ, на которомъ начертано освобожденіе христіанскихъ народовъ Востока. Поднимемъ же румынское знамя, на которомъ выставлены слова: Независимость румынскаго государства».

— 4-го сентября. Государь Императоръ пожаловалъ князю Карлу румынскому георгіевскій крестъ; князь Карлъ пожаловалъ Государю Императору орденъ Румынской Звѣзды.

Много георгіевскихъ крестовъ роздано румынамъ.

Бѣлградъ, 30-го августа. Сербская милиція выступила въ походъ и стягивается на границахъ княжества.

— 3-го сентября. Сербское правительство ускорило приготовленія къ войнѣ; недавно оно сдѣлало въ Бельгіи заказъ 40,000 ружей системы Шаспо. Достовѣрно, что ни одинъ изъ представителей державъ, кромѣ англійскаго, не сдѣлалъ представленій князю Милану по поводу ожидаемаго участія Сербіи въ войнѣ.

Катарро, 4-го сентября. Прошлою ночью нѣсколько тысячъ черногорцевъ окружили Билекъ, Любоміръ и Кореничъ, причемъ потребовали сдачи этихъ пунктовъ въ суточный срокъ.

Афины, 3-го сентября. Нынѣшнею ночью скончался, отъ удара, адмиралъ Канарисъ. По слухамъ, на похоронахъ его будетъ присутствовать королевская чета.

Обнаружился затруднительный министерскій кризисъ; вѣроятно, министерство останется при должности только до открытія засѣданій палаты, которая будетъ вскорѣ созвана.

Дрезденъ, 1-го сентября. Сегодня въ пять часовъ пополудни, скончалась вдовствовавшая королева Марія.

Константинополь, 29-го августа. Подверждается, что по поводу освобожденія трехъ лицъ, приговоренныхъ, за убійство консуловъ въ Салоникахъ, къ пятилѣтнимъ каторжнымъ работамъ и привезенныхъ въ Виддинъ, но теперь свободно разгуливающихъ по Салоникамъ, германскій и французскій послы обратились къ Портѣ съ отдѣльными, а не тождественными нотами. Нота Франціи требовала, чтобъ трое приговоренныхъ были снова арестованы; германскій посолъ высказался, въ своей нотѣ, въ подобномъ же смыслѣ.

— 29-го августа. Турецкимъ войскамъ, стоящимъ на сербской границы, дано приказаніе быть готовыми къ немедленному вступленію въ Сербію, въ случаѣ, если сербское княжество приметъ участіе въ войнѣ.

— 6-го сентября. Французское правительство изъявило Портѣ свое согласіе отправить своего посланника въ Константинополь, если Россія и Турція войдутъ въ соглашеніе относительно продолжительнаго перемирія.

Парижъ, 30-го августа. Гамбетта не явился къ суду, заявивъ, что адвокатъ его болѣнъ. Онъ приговоренъ заочно къ тюремному заключенію на три мѣсяца и къ уплатѣ штрафа въ 2,000 франковъ.

— 30-го августа. Редакторъ газеты «République Française» приговоренъ, наравнѣ съ Гамбеттою, къ тюремному заключенію на три мѣсяца и къ уплатѣ 2,000 франковъ штрафа.

Наши гравюры.

Улика (Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю!)

— Ты хорошо знаешь, Каро, что виноватъ, твоя физіономія выражаетъ это очень ясно; но ты такъ безсовѣстенъ, что тебѣ, повидимому, не стыдно совершеннаго тобою преступленія. Будь ты бѣдною, голодающею дворняшкой, можно бы было, пожалуй, извинить твой поступокъ, какъ вызванный страшной нуждою; но ты живешь въ холѣ, тебя кормятъ роскошно... Убивъ курицу, мать едва оперившихся цыплятъ, не изъ нужды, а изъ обжорства, ты совершилъ преступленіе, подлое, даже и для собаки...

Говорятъ, что у животныхъ нѣтъ разума, но факты показываютъ, что они обладаютъ чѣмъ-то близкимъ къ нему. Вѣроятно, каждый замѣчалъ различіе выраженій въ ихъ физіономіяхъ. Собака, совершившая поступокъ, за который ждетъ себѣ похвалы, и ходитъ, и визжитъ, и лаетъ иначе, чѣмъ собака, ожидающая возмездія за сдѣланную ею пакость. У собаки на нашей гравюрѣ прекомичное выраженіе: видно, что она притворяется будто ничего знать не знаетъ и вѣдать не вѣдаетъ о судьбѣ курицы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, облизывается при воспоминаніи о лакомомъ кускѣ, какимъ послужила ей бѣдная насѣдка... А несчастные, осиротѣлые цыплята топчутся вокругъ убійцы ихъ матери, они жалобно зовутъ ее, а одинъ изъ нихъ, уставъ отъ крика, играетъ ея перышкомъ; безпокойство ихъ представляетъ рѣзкій контрастъ съ ясно выраженнымъ на физіономіи собаки: «Мнѣ что до нихъ! Мой поступокъ доставилъ мнѣ удовольствіе! Только бы не открыли»... Но какъ ты ни хитеръ, Каро, ты все же очень глупый песъ. У тебя не хватило ума припрятать обличительныя лапки, которыя ясно указываютъ на участь курицы.

Флорентская мебель.

Флоренція втеченіи многихъ лѣтъ вмѣстѣ съ Римомъ и Венеціей составляла колыбель итальянскихъ искуствъ. Во Флоренціи родился «флорентинскій жанръ» или живопись изъ драгоцѣнныхъ камней, напр. агатовъ, жемчуговъ, бриллiантовъ, обдѣлываемыхъ и укладываемыхъ по рисункамъ знаменитѣйшихъ профессоровъ.

Рашпилемъ и долотомъ выдѣлывали изъ камня листья и цвѣты, фигуры людей, птицъ, звѣрей, дѣвственныя горы и золотящіяся нивы. Въ церквахъ и дворцахъ флорентинскихъ можно восхищаться мозаичнымъ искуствомъ, а европейскіе музеи пріобрѣли образцы подобныхъ вещей, особенно въ видѣ разной мебели. На нашемъ рисункѣ представленъ одинъ изъ образцовъ флорентинской мебели, находящійся въ Парижѣ въ музеѣ Клюни. Это несравненный остатокъ флорентинскаго искуства XVII вѣка. Это бюро раздѣлено на нѣсколько частей, а снаружи все покрыто мозаикой, изображающей пейзажи, птицъ, плоды и т. п. Множество фигуръ во весь ростъ, бюсты, каріатиды изъ серебра и бронзы дополняютъ украшеніе. Бюро опирается на четыре сфинкса и помѣщается на столѣ покрытомъ мраморомъ и отдѣланномъ черепахой. Даже ножки того стола въ видѣ золоченыхъ колоннъ, восхищаютъ знатоковъ своимъ богатствомъ и изяществомъ. Роскошь не только покрываетъ наружныя стороны, но проникаетъ также и внутрь и тамъ тѣ же украшенія, какъ и снаружи. Это бюро, исполненное въ Флоренціи, было перевезено въ Польшу для Маріи Лещинской, откуда спеціальный коммиссаръ Людовика XV взялъ его во Францію.

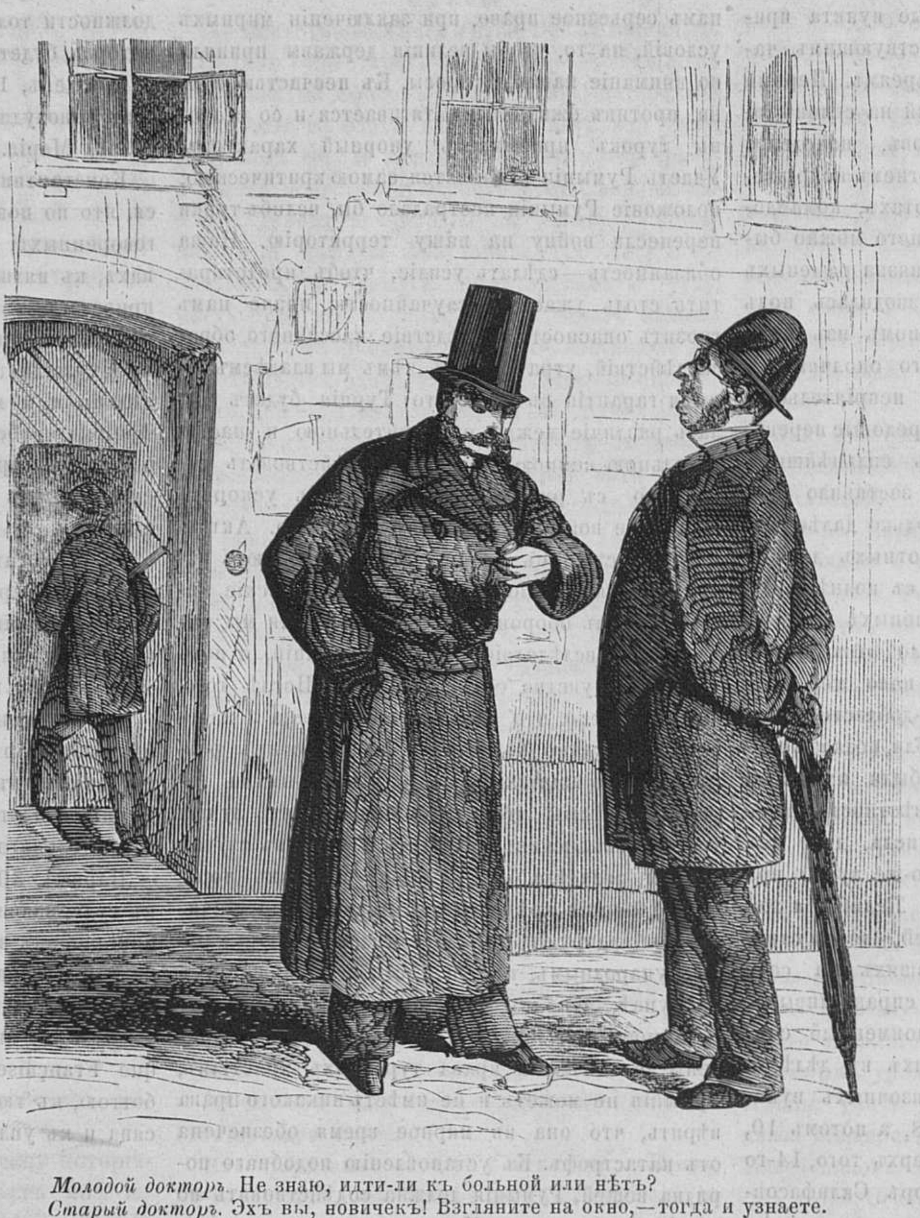
Молодость.

Наша гравюра изображаетъ снимокъ съ картины Оберта. Смыслъ ея слишкомъ понятенъ для каждаго и нѣтъ нужды разъяснять его. Конечно, многіе изъ молодыхъ людей, въ руки которыхъ попадется наша гравюра, въ настоящій моментъ переживаютъ именно то, что она изображаетъ; старики же и старухи, смотря на нее, невольно вздохнутъ о самой дорогой утратѣ въ жизни человѣка — о своей молодости.

Бомбардированіе Рущука.

Главный городъ Дунайскаго вилайета, Рущукъ вмѣстѣ съ тѣмъ одна изъ самыхъ сильнѣйшихъ крѣпостей европейской Турціи. Въ городѣ болѣе 30,000 жителей; гарнизонъ крѣпости 15,000 человѣкъ; да въ лагерѣ подъ городомъ стоитъ еще 15,000-е войско. На нашей гравюрѣ изображенъ моментъ, когда вслѣдствіе бомбардированія крѣпости съ нашихъ батарей въ дер. Слободзеѣ, около Журжи, городъ загорѣлся во многихъ мѣстахъ и испуганные жители толпами бѣгутъ изъ города.

ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ КАРТИНКА.



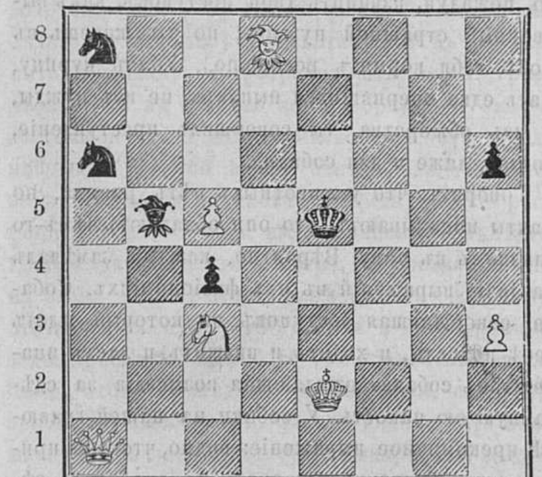
Молодой докторъ. Не знаю, идти-ли къ больной или нѣтъ?
Старый докторъ. Эхъ вы, новичекъ! Взгляните на окно,—тогда и узнаете.
Молодой докторъ: А что?
Старый докторъ: Да вонъ форточку отворили, значитъ уже провѣтриваютъ.. послѣ покойника.

Шахматы.

Задача XXXV.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Черные.



Бѣлые.

Рѣшеніе задачи № XXXIV.

Бѣлые.	*Черные.*
1) G7—F6....	1) A1—B1 (a, в, c)
2) F6—B6....	2) B1—B6 берутъ
3) G3—F5 †..	3) D4—C5 беретъ
4) E3—C3 † и матъ.	
	(a) 1) A1—F1
2) F6—F2....	2) F1—F2 берутъ
3) C7—E6 †..	3) D4—E3 берутъ
4) C5—C3 † и матъ.	
	(b) 1) D2--D1 (дается)
2) F6—B6....	2) D4—E3 берутъ
3) C5-C3††..	3) E3-D2 или F4
4) B6—E3 † и матъ.	
	(c) 1) D2—D1 (конёкъ)
2) G3—F5†....	2) D4—C5 берутъ
3) F6—D6 берутъ...	3) C5—C4
4) D6—B4 † и матъ.	

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи. Капитанша Квановская. — Чортовъ волосъ (продолж.). — Нечеловѣческая месть (продолж.).— Доброе старое время (продолж.). — Стихотвореніе «Поэтъ-нищій». — Наши ближніе (продолж.). — Новости наукъ и жизни. — Смѣсь. — Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій. — Телеграммы. — Наши гравюры. — Шахматы. — Объявленія.
Гравюры: Улика (и знать не знаю, и вѣдать не вѣдаю!...) — Флорентинская мебель. — Молодость. — Бомбардированіе Рущука. — Юмористическая картинка.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій**.

Объявленія.

Съ Высочайшаго ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА соизволенія учреждено въ городѣ Одессѣ общество подъ названіемъ: «Настоятельство Одесскихъ Болгаръ, собирающихъ пожертвованія по Имперіи для бѣдныхъ Болгарскихъ Православныхъ церквей и училищъ», существующее съ 1858 года, и состоящее изъ лицъ, избранныхъ изъ среды Одесскихъ Болгаръ и главнаго Покровителя и Попечителя, въ лицѣ Преосвященнаго Архіепископа Херсонскаго, а за отсутствіемъ Преосвященнаго, его Викарія.

Назначеніе сбора пожертвованій слѣдующее:

а) Снабжать необходимыми потребностями православныя церкви Болгарскія, гдѣ, по бѣдности приходскихъ средствъ, окажется это необходимымъ.

б) Вспомоществовать существующимъ нынѣ училищамъ возможными средствами и содѣйствовать къ учрежденію новыхъ училищъ, помогая учредителямъ матеріальными средствами.

в) Заботиться объ образованіи, въ духѣ Православія, способныхъ пастырей церкви и наставниковъ для училищъ.

г) Помогать, по мѣрѣ возможности, тѣмъ молодымъ Болгарамъ, которые, по любви къ наукѣ, пріѣзжаютъ въ Россію для образованія, стараясь объ опредѣленіи ихъ въ такія учебныя заведенія, какія признаны будутъ соотвѣтствующими потребностямъ болгарскимъ, съ цѣлью употребленія ихъ на пользу своей націи.

д) Помогать лицамъ, занимающимся сочиненіями и переводами на Болгарскій языкъ полезныхъ для народа книгъ, принимая мѣры къ изданію ихъ въ свѣтъ и къ распространенію въ Болгаріи.

е) Оказывать, въ чистыхъ видахъ человѣколюбія, по мѣрѣ возможности, и при извѣстныхъ условіяхъ, временныя пособія нѣкоторымъ лицамъ изъ Болгаръ, крайность положенія которыхъ достовѣрно будетъ извѣстна.

Жертвуемыя вещи и суммы могутъ быть присылаемы благотворителями въ г. Одессу, на имя Казначея Настоятельства, Василія Николаевича Рашеева (собств. домъ, на углу Дворянской и Нѣженской улицъ), или же въ Одесское Болгарское Настоятельство. Причемъ, настоятельство о полученныхъ пожертвованіяхъ извѣщаетъ благотворителя доставленіемъ ему квитанціи, или публикуетъ въ газетахъ

Желающіе участвовать въ пожертвованіяхъ въ пользу Болгарскихъ церквей и училищъ, приглашаются быть и постоянными благотворителями, съ ежегоднымъ взносомъ въ настоятельство, опредѣленной и соотвѣтственной усердію и достатку ихъ, суммы. Настоятельство, съ своей стороны, сочтетъ священнымъ для себя долгомъ сдѣлать распоряженіе, чтобы имена постоянныхъ благотворителей были вносимы въ синодики, для всегдашняго поминовенія во всѣхъ церквахъ, получающихъ пособіе, чтобы и о всѣхъ вообще благотворителяхъ совершаемы были молебствія о здравіи и спасеніи ихъ всякій разъ, по полученіи какою либо церковію пособія.

Помощь болгарскому народу нынѣ является тѣмъ болѣе необходимою, что во время прошлогоднихъ и нынѣшнихъ изувѣрствъ въ Болгаріи, многія церкви и училища поруганы, разорены и истреблены, священники, учители и всѣ лучшіе люди болгарскіе — повѣшены и казнены, а спасшіе свою жизнь въ бѣгствѣ нуждаются въ дневномъ пропитаніи.

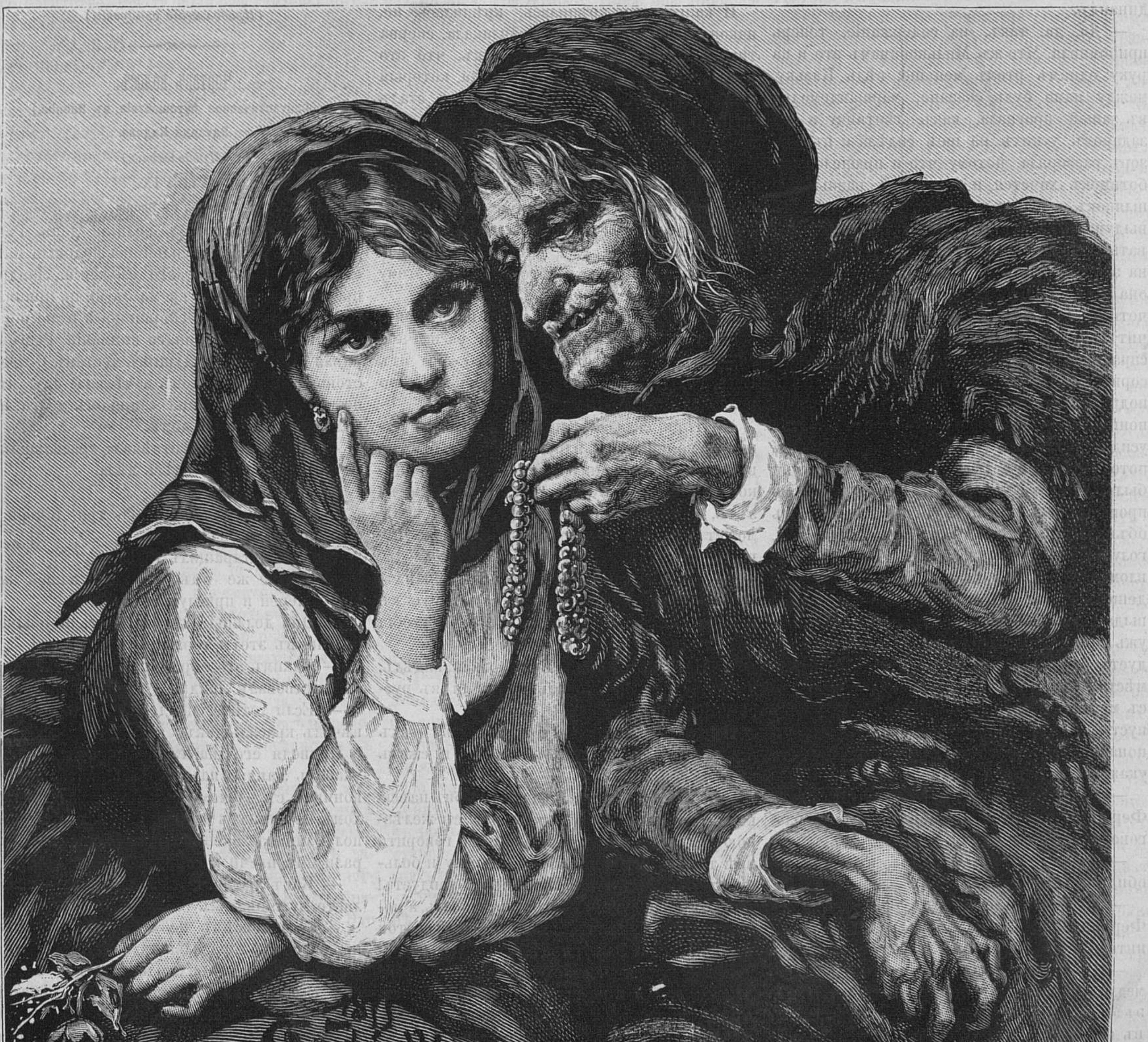
Одесское Болгарское Настоятельство, на попечителѣ и членахъ коего лежитъ обязанность заботиться, по возможности, объ умноженіи сбора пожертвованій, обращаясь къ великодушію русскаго народа, такъ живо и горячо отозвавшагося на мученическія страданія за-дунайскихъ болгаръ, проситъ содѣйствія посильными пожертвованіями дать возможность къ поддержанію и обновленію болгарскихъ церквей и училищъ, и для образованія молодыхъ болгаръ, пріѣзжающихъ съ этою цѣлью въ Россію.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 Сентября 1877 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

Живописное Обозрѣніе

Гос. Публичная б-ка в Ленинграде

№ 38. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода—4 р. 50 к. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 18 Сентября 1877 года. *Адрессъ конторы редакціи:* С.-П.-бургъ, Троицкій переулокъ, домъ № 27/1. Годъ V.



J. HOLEWINSKI f.

Искушеніе.

Капитанша Кваповская.

Повѣсть **Л. Леванды.**

(*Продолженіе.*)

— Ну, такъ вотъ эта самая Казька выходитъ за мужъ за офицера, да-съ, за настоящаго офицера, не изъ нынѣшнихъ этихъ кандидатиковъ, писаришекъ и перехрестовъ, а изъ Россеи, изъ корпуса. Онъ дворянинъ, какъ слѣдуетъ, и богатый человѣкъ.

— Ишь, куда хватила! удивился панъ Фердинандъ.—Это и есть, какъ говорится, залетѣла ворона въ высокія хоромы.

— Да-съ, пане совѣтнику, вотъ какія чудеса у насъ творятся!! А ты все толкуешь: нѣтъ приданаго! Казькѣ отецъ-кузнецъ много приданаго наковалъ: шишъ подъ крышкой, на каменномъ фундаментѣ, окнами на парадную улицу... Я давеча къ нимъ заходила, и сама Милькевичева разсказала мнѣ, какъ вся эта вавилонія происходила. Слушайте! познакомились они въ ботаническомъ саду или тамъ гдѣ-то въ клубѣ. Пошли шуры-муры, сувениры разные, офицеръ сталъ ходить въ слесарню замочки заказывать, гвоздь покупать и сманилъ къ себѣ дѣвку... какъ это она сказала?.. вотъ не припомню.

— На содержаніе, подсказалъ панъ Фердинандъ.

— Да, да, такъ, на содержаніе, теперь припомнила. Что жъ, Мильковичамъ это и на руку: однимъ ртомъ меньше; вѣдь Казьку, между нами будь сказано, маршандемодка въ зашей прогнала, какъ лѣнтяйку и она задаромъ у нихъ на шеѣ сидѣла и въ раззоръ раззоряла, потому что и прюнелевыхъ ботинокъ хочется, и ленточекъ разныхъ, и шляпокъ, и юпокъ и все, что чортъ-нѣмецъ выдумалъ. А откуда слесарю все это доставать? Ну, и махнули рукой: держи, молъ, ее на здоровье, кусокъ не завидный... Прожила она эдакъ у своего офицера мѣсяца три или четыре—и возвратилась: нашъ атласъ, значитъ, не отстаетъ отъ насъ. Что такое?—спрашиваютъ. А то,—говоритъ,—что мы поссорились. Поссорились? Да, поссорились и подрались.—Это отъ любви-то, отъ большой, понимаете?—Ну, говорятъ,—и сиди, покуда усидится; хлѣба и угла мы тебѣ не жалѣемъ, потому ты намъ дитя, какое бы тамъ ни было. А дитя. Хорошо-съ... сидитъ. Но не прошло трехъ дней, какъ офицеръ опять объявился и молитъ-проситъ: душенька, голубушка, прости, извини.. Тутъ Казька вломилась въ амбицію,—хоть сама рада-радешенька, что видитъ милаго дружка, а не выдаетъ себя,—и говоритъ: «нѣтъ, Сашка, ужь это дудки, ты на мнѣ женись, какъ слѣдуетъ быть, тогда и пойду, а нѣтъ, такъ съ мѣста не тронусь. Разъ сглупила и довольно съ меня, а во второй — ни ногой. И прошу пустыми фантазіями ко мнѣ не подъѣзжать и понапрасну ко мнѣ не ходить, потому что укажу, гдѣ Богъ, а гдѣ порогъ»

— Ишь, какъ откатала! облизнулся панъ Фердинандъ, который любилъ крупный разговоръ даже вчужѣ.

— Да-съ, здорово откатала, вѣдь она въ обиду себя не дастъ.

— Ну, что-же офицеръ? спросилъ панъ Фердинандъ, который, какъ видно, тоже заинтересовался романомъ слесарувны.

— Постойте, панъ совѣтникъ, нарочно медлила капитанша, чтобы произвести большій эффектъ своимъ разсказомъ, — все разскажу въ порядкѣ. На чемъ бишь я остановилась?

— На томъ, что откатала, припомнилъ панъ Фердинандъ, который очень хорошо помнилъ эффектнѣйшій моментъ разсказа.

— Да-съ, откатала. Офицеръ стоитъ, не уходитъ, порывается поймать ея руку, думаетъ, что уломаетъ дѣвушку, а не уломалъ, и пошелъ ни съ чѣмъ. А Казька говоритъ: вы думаете, что онъ не пріидетъ? пріидетъ! Я его знаю, онъ безъ меня жить не можетъ, даромъ, что ломается. Будетъ по моему... Что-же вы думаете? На завтра онъ пришелъ, высыпалъ на столъ четыреста рублей, слышите пане совѣтнику? че-ты-ре-ста рублей се-реб-ромъ, какъ одинъ грошъ, это ей на гардеробъ, и торопитъ свадьбою. Она сидитъ теперь, и шьетъ себѣ этотъ гордеробъ, а черезъ мѣсяцъ наша слесарувна будетъ офицершей, ея благородіемъ! каково?

— Счастье, замѣтилъ панъ Фердинадъ.

— Вотъ то-то и злость беретъ, вздохнула капитанша, чуть не съ слезами на глазахъ и съ пѣною у рта, — вотъ то-то и досадно, что такія-то выходятъ замужъ за такихъ молодцовъ, такихъ хорошихъ людей, а моя Франуся, моя Франуся, капитанская дочка, которой онѣ всѣ въ подметки не годятся, сидитъ, никто не сватается, никому не нужна, точно она монструмъ какой, страшило! О, Боже, Боже! За что мнѣ наказаніе такое? Чѣмъ я согрѣшила, чѣмъ моя Франусенька согрѣшила?..

И капитанша крѣпилась, крѣпилась, но, наконецъ, не выдержала и заплакала, сперва тихо, а потомъ и на взрыдъ, такъ, что это растрогало даже пана Фердинанда, который былъ вообще не изъ мягкихъ. Онъ сталъ моргать глазами, крутить свой сѣдой усъ, крякать, сопѣть, даже свистать, лишь бы совладать съ своимъ душевнымъ волненіемъ и не расплакаться, какъ теленку, будучи глубоко тронутымъ материнскими слезами бѣдной капитанши, съ которою онъ, какъ съ доброю сосѣдкою, уже лѣтъ двадцать дѣлилъ радость и горе и которой онъ по этому былъ очень преданъ.

— И, полно, пани капитанова! началъ онъ, когда уже былъ увѣренъ, что не расплачется, — съ какой стати еще плакать? Все отъ Бога, гвалтомъ ничего не возьмешь. Нужно молиться и не терять надежды.

— Нѣтъ, сказала капитанша какъ то рѣшительно, переставъ вдругъ плакать и быстро вытирая глаза своимъ ситцевымъ передникомъ,—будь, что будетъ, хоть и на старости лѣтъ, а стану молиться въ русской церквѣ, можетъ, будетъ лучше; нашъ Богъ уже пересталъ и смотрѣть на насъ.

— Что?! воскликнулъ панъ Фердинандъ, не вѣря ушамъ своимъ, и подпрыгнулъ къ капитаншѣ, заглядывая ей въ глаза, чтобы убѣдиться, не рехнулась-ли она.

— Насъ, католиковъ, Богъ возненавидѣлъ, а потому надобно ходить молиться въ русскую церкву.

Панъ Фердинадъ затрясся отъ этихъ словъ. Онъ заскрежеталъ зубами и сжалъ кулакъ.

— Пани капитанова! загремѣлъ онъ на всю комнату, стуча своею деревянною съ желѣзною подковою ногою,—ты не смѣй говорить мнѣ такихъ глупостей! Не то, я плюну и больше къ тебѣ ни ногой. Ишь, чему завидуетъ! Да ты, старая дура, не богохульствовать, а молиться должна, молиться Богу и нашей святой Остробрамской Заступницѣ, что твоя Франциска остается честною дочерью честнаго отца-капитана и не шляется, какъ эти шевцувны, кравцувны, слесарувны, столярувны и прочая сволочь. Если онѣ вѣшаются на шею и лѣзутъ въ схизму, такъ туда имъ и дорога, но дочь честнаго обывателя и польскаго дворянина должна сидѣть спокойно и ждать, что Богъ ей пошлетъ, а не брать наскокомъ и лѣзть мужчинамъ въ глаза... Впрочемъ, если у тебя уже такая смертная охота видѣть свою дочурку въ бархатѣ и атласѣ, такъ ты только пикни слово какому-нибудь жидовскому фактору, и онъ мигомъ ее пристроитъ. Но церкву ты мѣшать сюда не смѣй, потому что церква, какъ бы то ни было, тоже домъ Божій и мѣшать ее въ такое гнусное дѣло—грѣхъ смертный, за который душа твоя сгинетъ, пропадетъ въ тартарарѣ. Ты это и знай, и на усъ себѣ мотай!

Капитанша прикусила языкъ и робко молчала, сознавая, что панъ Фердинандъ собственно правъ, но, съ другой стороны, вѣдь и она не кругомъ же виновата. Какая мать можетъ равнодушно смотрѣть, какъ всѣ ровесницы ея дочери, такъ или сякъ, уже пристроены, гуляютъ подъ ручку съ своими мужьями, а ея дочь какъ будто собирается засидѣться до сѣдыхъ волосъ? А тутъ еще дороговизна, городскіе налоги, приближающаяся старость, такъ что домика и крошечнаго пенсіона, пожалуй, не хватитъ на прокормъ.

Это-ли не грустно? Это-ли не должно тревожить даже такое оптимистическое существо, какъ капитанша Кваповская?

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

* * *

Чортовъ волосъ.

(Фантастическое путешествіе въ Японію.)

Эдуарда Кадоля.

(*Продолженіе.*)

Глава IX.

Свадьба въ Японіи.

Наконецъ наступилъ великій день. Рано утромъ къ дому красильщика подошли пять слѣпыхъ геркулесовскаго сложенія. Ландри, пришедшій въ одно время съ ними, принялъ ихъ за странниковъ-сборщиковъ и не обратилъ на нихъ особеннаго вниманія. Разговаривая съ своимъ будущимъ тестемъ о предстоящей церемоніи, онъ замѣтилъ ему, что, по его мнѣнію, слѣпцы слишкомъ долго находились у него въ домѣ.

— Очень понятно, отвѣчалъ красильщикъ, — имъ такъ много здѣсь дѣла.

— Много дѣла?

— Конечно, у меня жена, три дочери и семь прислужницъ!

Ландри вытаращилъ глаза.

— Какое же имъ дѣло до вашей жены, дочерей и прислужницъ?

— Они должны ихъ растирать по обычаю страны въ этотъ торжественный день!

— Какимъ это образомъ растирать? полюбопытствовалъ Ландри.

— Если хотите, пойдемте взглянуть, отвѣчалъ красильщикъ.

Приведя его на галлерею, красильщикъ указалъ Ландри на слѣпцовъ, которые, покончивъ съ членами семейства, сидѣли верхомъ на спинахъ служанокъ, лежавшихъ на полу лицомъ внизъ, и съ рвеніемъ растирали имъ плечи и спину.

— Какъ! вскричалъ Ландри, вы—позволяете мужчинамъ!...

— Это совсѣмъ не мужчины, спокойно перебилъ его красильщикъ, — это слѣпцы. Они получили привиллегію на свое занятіе отъ самого микадо. Это священнодѣйствіе; эти слѣпцы, принадлежащіе къ ордену Бусетзу, ведутъ святую жизнь и пользуются общимъ уваженіемъ. Все, что они получаютъ, они отдаютъ ордену, который очень богатъ и могущественъ и до самой ихъ смерти обязанъ заботиться объ ихъ существованіи.

Несмотря на ихъ святость и всеобщее уваженіе, которымъ пользовались слѣпцы, Ландри не преминулъ бы осудить такой странный обычай, если бы въ ту же минуту не пришли доложить, что все въ домѣ готово. Дѣйствительно чистильщики, специально нанятые для такого торжественнаго случая, окончили свою работу. Еще наканунѣ начали они мыть и чистить домъ сверху до низу. Въ ожиданіи, пока ихъ отпустятъ, они дурачились и кричали во все горло. Въ ту минуту, какъ Ландри входилъ, одинъ изъ нихъ былъ положенъ на большой кусокъ матеріи, за четыре угла котораго держали его товарищи. Появленіе хозяевъ дома ихъ не смутило и, кажется, выгляди Ландри веселѣе, они съ нимъ продѣлали бы это полезное для здоровья упражненіе. Получивъ плату, они ушли, продолжая дурачиться и крича еще громче. Слуги принесли три большія изображенія боговъ, покровителей семьи и привѣсили ихъ къ стѣнѣ. Подъ ними устроили алтарь, кругомъ котораго разложили все приданое невѣсты и притомъ такъ, чтобы съ одного взгляда можно было увидѣть все его богатство. Всюду были разставлены цвѣты и растенія, символическое значеніе которыхъ ускользало отъ Ландри, но вызвало слезу умиленія у его будущаго тестя. На маленькомъ, низкомъ столикѣ стояли двѣ статуэтки, изображавшія японскихъ Адама и Еву. Религія японцевъ допускаетъ первобытное единство расъ. У насъ обыкновенно вмѣстѣ съ первой парой людей изображаютъ въ глубинѣ картины множество всевозможныхъ животныхъ. У японцевъ Адама и Еву сопровождаютъ только черепаха и журавль, животныя очень кроткаго нрава, которыя изображаютъ собою вѣчность союза и вѣчность счастія. Красильщикъ указывалъ мѣсто для каждой вещи и объяснялъ Ландри, что тотъ долженъ былъ сдѣлать во время церемоніи.

Наконецъ, все было готово и главныя дѣйствующія лица собрались. Тутъ было только свое семейство: отецъ, мать, двѣ сестры и двое родственниковъ невѣсты. Со стороны Ландри былъ только одинъ Фелисьенъ. Всѣ преклонили колѣна передъ алтаремъ и отецъ Коо началъ показывать все приданое по частямъ, объясняя употребленіе каждой вещи и какъ бы давая, такимъ образомъ, урокъ брачной жизни. Среди предметовъ роскоши, онъ вдругъ указалъ на нѣсколько ракушекъ и множество кусковъ сушеной рыбы.

— Такова была пища первыхъ жителей Японіи, сказалъ онъ,—ихъ нравы были чисты и святы; не забывайте никогда, что ваши предки, довольствуясь малымъ, успѣли основать самое великое и славное государство въ свѣтѣ.

Въ то время, когда онъ говорилъ, въ залу вошла великолѣпная процессія. Родственники второго колѣна, друзья, сосѣди въ богатыхъ нарядахъ, пришли засвидѣтельствовать законность брака. Двѣ молодыя дѣвушки, легкій нарядъ которыхъ долженъ былъ изображать бабочекъ, шли во главѣ процессіи. Это были такъ называемыя дружки молодой. Одна изъ нихъ изображала бабочку самца, другая—самку. Обѣ порхали отъ одного присутствующаго къ другому, указывали каждому его мѣсто и свободно распоряжались среди колѣнопреклоненнаго общества.

— Пусть молодые супруги, говорили онѣ,—пользуются жизнью, какъ бабочки, которыхъ мы изображаемъ. Пусть летаютъ они отъ цвѣтка къ цвѣтку, отъ удовольствія къ удовольствію, никогда не удаляясь другъ отъ друга до послѣдняго издыханія.

Дѣвушка, изображавшая бабочку самца, была замѣчательно хороша собой и граціозна. Ея чудные, черные волосы были заплетены и свернуты на вискахъ, чтобы изобразить большіе глаза бабочки. Большая часть волосъ была уложена высокой діадемой и, падая сзади роскошной волной между двумя крыльями, прикрѣпленными къ спинѣ, достигала до пола, и влачилась за нею, какъ царская порфира. Надъ ея черными бровями, по обычаю, существовавшему при дворѣ въ Кіото, были тщательно выведены два черные полукруга. Губы ея, выкрашенныя яркой, пунцовой краской, выказывали, открываясь, два ряда жемчужныхъ зубовъ. Въ то время, какъ она перебѣгала отъ одного къ другому, изъ-подъ платья мелькали ея прелестныя, голыя ножки. Какъ только она вошла, Фелисьенъ пришелъ въ неописанный восторгъ. Когда же, по правиламъ церемоніи, она приблизилась къ нему, сердце его забилось съ удвоенной силой и онъ едва могъ пробормотать отвѣтъ на ея вопросъ: «за чѣмъ онъ здѣсь»? Между тѣмъ, какъ его губы невольно шептали: «Боже! Какъ она хороша!»

Это была Ваказа, та самая красавица Ваказа, которую принцъ Аки принесъ въ жертву своему честолюбію.

«Я не могу повѣрить такому безсердечію принца Аки, говорилъ про себя Фелисьенъ.— Развѣ возможно забыть эту красавицу? Никогда! Увидя ее разъ, невозможно забыть ее до самой смерти. Нѣтъ! вѣроятно, принцъ Аки никогда и не видалъ ее; иначе никакая жажда почестей не устояла бы передъ нею. Вѣроятно, какъ предполагаемый союзъ, такъ и разрывъ были дѣломъ двухъ семействъ, помимо воли молодыхъ людей».

Фелисьенъ чувствовалъ, что за одинъ ея взглядъ онъ бы, не колеблясь, отдалъ всѣ свои титулы, всю свою славу, самого готаира, тайкуна, микадо, всю Японію и даже Ландри, на придачу. Вотъ та красавица, которая являлась ему въ его юношескихъ сновидѣніяхъ и нѣжно склоняла къ нему свое милое, улыбающееся лицо! Какъ глубоко онъ былъ благодаренъ Асмодею, за то, что онъ привезъ его именно сюда и онъ мысленно благодарилъ чорта.

— Побереги твою благодарность для другого случая, шепнулъ ему голосъ Асмодея,— ты очень хорошо знаешь, что я поступаю противъ своей воли. Иди же дорогою, которую самъ избралъ, но не благодари меня. Твоя благадарность оскорбляетъ меня.

Фелисьенъ не имѣлъ времени отвѣчать Асмодею, потому что принцесса приступила къ совершенію новой церемоніи. Взявъ съ маленькаго лакированнаго столика родъ чайника съ двойнымъ носикомъ, она налила въ него національный саки и, приблизясь къ жениху и невѣстѣ, дала каждому изъ нихъ въ ротъ по носику и, наклоняя чайникъ, заставила ихъ обоихъ, въ одно время, выпить содержимое. Въ то время, какъ они пили, она звучнымъ и гармоничнымъ голосомъ начала пѣть стихи, содержаніе которыхъ можно передать въ слѣдующихъ словахъ:

«Вмѣстѣ, соединеннными силами, выпейте чашу радостей и горестей жизни; пейте, смотря по силамъ, и хотя слабѣйшій изъ васъ выпьетъ меньшую долю, онъ все таки раздѣлитъ общій трудъ. О супруги! дѣлите все такимъ образомъ и старайтесь, чтобы ни одна слеза не прибавила горечи въ общую чашу жизненныхъ испытаній».

«О! подумалъ Фелисьенъ, тронутый до глубины души, чего бы я не далъ, чтобы выпить съ нею священнаго саки!»

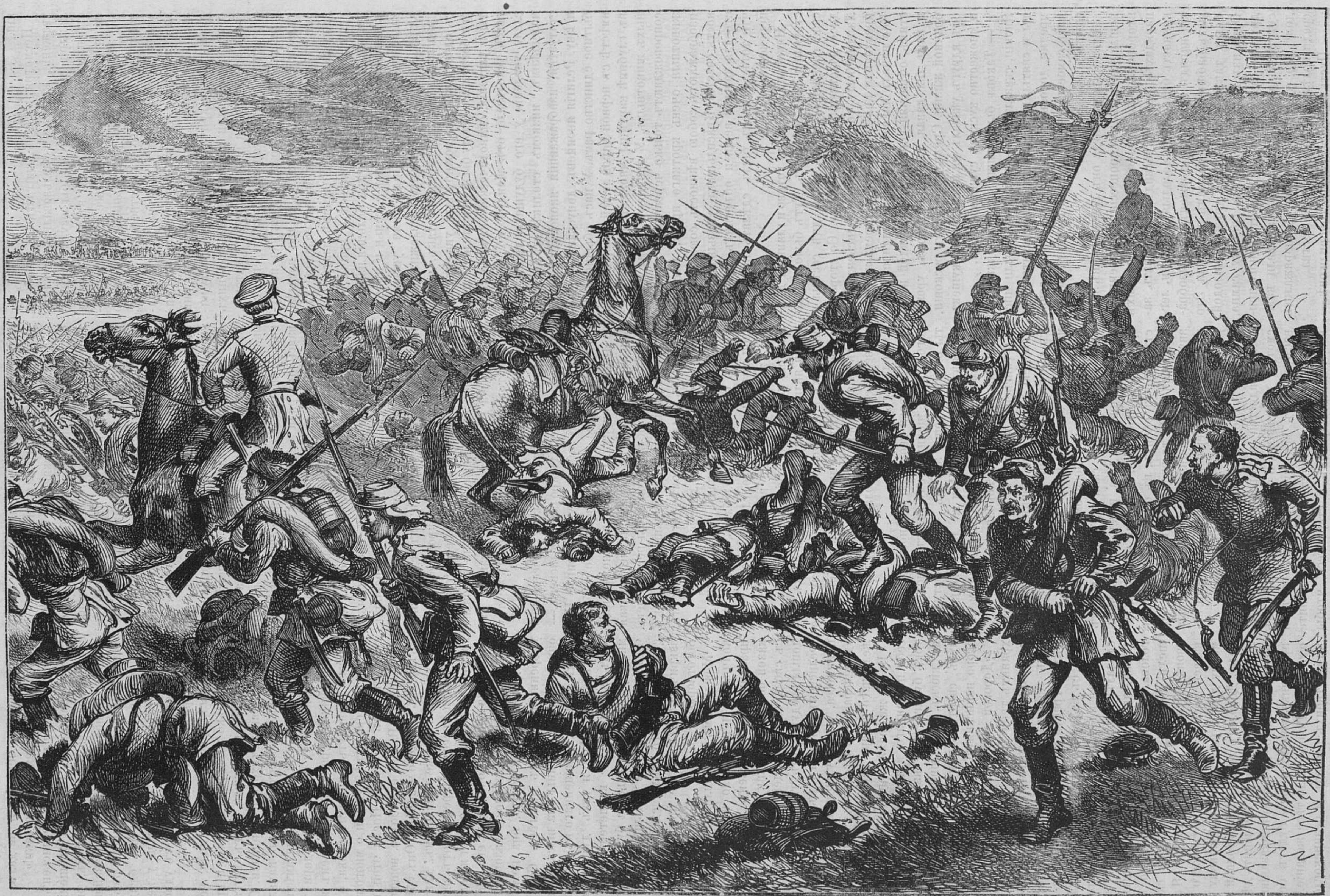
До окончанія церемоніи Фелисьенъ былъ, какъ очарованный. Во время угощенія, послѣдовавшаго за бракосочетаніемъ, онъ сидѣлъ на цыновкѣ рядомъ съ Ваказой и когда при невольномъ движеніи одного изъ нихъ, ихъ колѣна соприкасались, онъ блѣднѣлъ, какъ смерть, кровь приливала у него къ сердцу, затѣмъ черезъ минуту съ удвоенной силой ударялась въ голову.

Пока всѣ присутствующіе пили, не стѣсняясь, сколько влѣзетъ, смѣялись и кричали всѣ вмѣстѣ, не слушая другъ друга, Фелисьенъ и Ваказа тихо разговаривали. О чемъ они говорили? Разговоръ ихъ начался съ общихъ мѣстъ, но потомъ незамѣтно они перешли на почву поэзіи. Благодаря только что видѣнной церемоніи, Фелисьенъ не преминулъ упомянуть о прелести брака, о жизни вдвоемъ, о сродствѣ душъ и о многомъ другомъ въ томъ же духѣ. Послѣ этой интимной бесѣды Ваказа еще болѣе возвысилась въ глазахъ молодого человѣка. Онъ убѣдился, что умъ ея такъ же возвышенъ, какъ очаровательна красота. Переходя отъ серьезнаго тона къ нѣжному, отъ шутки къ сдержанности, она совсѣмъ очаровала его. Во всемъ сказывалось основательное образованіе и развитіе. И, не смотря на это, она не говорила увѣреннымъ тономъ педагога. Самыя неопровержимыя истины она высказывала въ формѣ вопроса, обращеннаго къ собесѣднику. «По крайней мѣрѣ, я такъ думаю, можетъ быть, мнѣніе болѣе компетентныхъ людей, мнѣніе вашего сіятельства будетъ вѣрнѣе?» Фелисьенъ былъ на седьмомъ небѣ и ему стоило большого усилія сдержать себя и не закричать ей тутъ же при всѣмъ: «Я васъ боготворю!»

Между тѣмъ часы шли. Японское угощеніе кончилось и наступало время европейскаго праздника, а Фелисьенъ все гулялъ съ Ваказой по саду и никакъ не могъ разстаться съ своей собесѣдницей. Наконецъ, Коо подошла предупредить, что пора переодѣваться. Фелисьенъ пришелъ въ отчаяніе, но когда принцесса, уходя, улыбнулась ему и сказала: «до вечера»,—онъ успокоился и въ ожиданіи желаннаго вечера вернулся въ свой дворецъ.

Въ то же время принцъ Аки принималъ у себя посланнаго, который принесъ ему свертокъ бумаги. Аки взялъ его и, удалившись въ кіоскъ, съ бьющимся сердцемъ развернулъ свертокъ и прочелъ слѣдующую, на скоро написанную, записку:

«Дорогой мой! душа, родная моей, да сохранитъ тебя Будда. Твоя вѣрная и покорная раба не пожалѣетъ ничего, чтобы помочь тебѣ въ достиженіи твоихъ великихъ цѣлей. Требуй у нея жизни, и она, не колеблясь, съ радостью отдастъ ее тебѣ. До сихъ поръ все идетъ прекрасно. Реформаторъ уже сдѣлалъ первые шаги по дорогѣ поэзіи и любви, на которой должна закружиться его голова. Увлекаясь мной постепенно, онъ дошелъ до того, что уже не могъ скрывать своихъ чувствъ. Ты этого хотѣлъ. Я повиновалась моему жениху, супругу моего сердца, моему другу, мной самой избранному повелителю. Доволенъ ли ты? Предстоящій вечеръ дастъ мнѣ возможность завершить дѣло очарованія, начатое по твоему приказанію. Когда праздникъ кончится, онъ будетъ безъ ума отъ меня. Таково было твое желаніе. Не понимая твоихъ плановъ, я безпрекословно повинуюсь тебѣ. Если нужно что-нибудь большее съ моей стороны, приказывай, я готова.



Битва подъ Плевной.

Завтра я возвращаюся въ Кіото, къ императрицѣ; тебѣ остается только начертить мнѣ планъ моего поведенія и ты можешь быть увѣренъ, что ни одна душа не узнаетъ того, что ты прикажешь мнѣ, которая съ самого ранняго дѣтства привыкла считать тебя властелиномъ своей жизни и обожаемымъ повелителемъ. Я жду приказаній.

«Любящая и преданная тебѣ Ваказа».

Прочитавъ записку, Аки задумался.

— Все идетъ прекрасно, проговорилъ онъ,—пора дѣйствовать.

Потомъ сложивъ руки и распростершись на полу, онъ проговорилъ:

«О Боги, просвѣтите мой бѣдный умъ, вдохновите вашего поклонника, какъ спасти Японію отъ цивилизаціи, которая обезчещиваетъ ее и грозитъ ей разрушеніемъ».

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Нечеловѣческая месть.

Романъ Анри Тесье.

(Продолженіе.)

Глава VI.

На сцену являются новыя лица.

По серединѣ улицы Дюпюитренъ, сравнительно тихой, не смотря на то, что она находится въ шумномъ одеонскомъ кварталѣ, возвышается шести-этажный домъ, увѣнчанный, сверхъ того, еще и мансардами, крохотныя оконцы которыхъ выглядываютъ, какъ любопытствующіе глаза, среди безчисленнаго множества трубъ.

За отсутствіемъ домовладѣльца, всѣмъ этимъ зданіемъ завѣдывала г-жа Шабуассо, привратница, перекрестившая себя въ «управляющую домомъ».

Полная, краснощекая, здоровенная, не смотря на свои пятьдесятъ шесть лѣтъ, и нѣсколько еще занятая собой, г-жа Шабуассо правила «своими жильцами» довольно деспотически. Впрочемъ, она болѣе шумѣла и «давала себя знать», чѣмъ тиранила ихъ дѣйствительно, и потому жила съ ними въ ладу, не смотря на свои далеко не парламентарныя замашки.

Въ этотъ вечеръ у г-жи Шабуассо были гости: двѣ пріятельницы, мелочной лавочникъ съ супругою и одинъ юноша, котораго хозяйка называла своимъ крестникомъ; по словамъ же мѣстныхъ сплетницъ, это былъ сынъ ея сестры, умершей въ дѣвицахъ. Вся эта публика явилась покушать каштановъ и выпить сидру, по приглашенію гостепріимной г-жи Шабуассо, но лавочникъ раскошелился съ своей стороны на дюжину грушъ (немножко тронутыхъ); юноша, по имени Анастазъ, служившій разсыльнымъ въ одной кандитерской, притащилъ вчерашій пирогъ и нѣсколько черствыхъ бисквитовъ, а одна изъ пріятельницъ кумушекъ приподнесла даже бутылку наливки!

Однимъ словомъ, поѣли на славу, насплетничались по горло и, въ два часа ночи, стали расходиться по домамъ.

Г-жа Шабуассо, стоя на порогѣ, провожала своими привѣтствіями гостей, и хотя они повернули уже за уголъ улицы, все еще кричала имъ вслѣдъ: «Покойной ночи»!!! такимъ голосомъ, которому позавидовалъ бы даже ея покойный мужъ, сержантъ бывшей крымской арміи.

Фіакръ, остановившійся у тротуара, прервалъ ея восклицанія, вдохновенныя, отчасти не одной дружбою, но и наливкою.

— Г. Кероэль! вскричала она, — какъ поживаете? Что такъ рано? Мои птички еще не слетѣлись на нашестъ и шляются не знаю гдѣ!

— Тише, тетушка Шабуассо! Войдите въ комнату; мнѣ надо съ вами поговорить, сказалъ Кероэль.

— Поговорить! произнесла она, инстиктивно смущенная его словами.

— Да, подтвердилъ Дени, вышедшій изъ фіакра вслѣдъ за Кероэлемъ, — и времени терять нечего!

— Ишь, какой прыткій! возразила старуха, задѣтая въ своемъ достоинствѣ. — А если мнѣ вовсе не угодно торопиться?

Кероэль шепнулъ ей два слова на ухо, заставившія ее мгновенно поблѣднѣть и перемѣнить тонъ.

— Полиція... *у меня* въ домѣ! пробормотала она.—Зачѣмъ?..

Она открыла, однакожь, двери настежь и,—дѣло невиданное!—даже посторонилась, чтобы пропустить входившихъ.

Увидя потомъ носилки, приближавшіяся въ сопровожденіи полицейскихъ, она почувствовала сотрясеніе, которое мигомъ разсѣяло послѣдній туманъ, навѣянный на нее наливкою пріятельницы, и вытаращила со страхомъ свои глаза на Дени.

— Сударыня, сказалъ онъ ей строго,— прошу воздержаться отъ всякаго крика, отъ безполезнаго шума. Мы привезли двухъ вашихъ жильцовъ, находящихся въ большой опасности.

— Моихъ жильцовъ! Когда же? застонала она такъ громко, что Кероэль зажалъ ей ротъ безъ церемоніи. Но когда онъ объяснилъ ей, что дѣло шло о Линденѣ и Бланшъ, старуха встрепенулась и объявила энергично, что не позволитъ никому прикоснуться къ ея милой жилицѣ и сама отнесетъ ее наверхъ.

— Несите вы лампу, сказала она Кероэлю,— а я справлюсь съ нею одна. Руки у меня здоровыя! Бѣдная моя голубушка!

Дени взглянулъ на нее одобрительно. Поднявъ окоченѣлое тѣло несчастной дѣвушки, г-жа Шабуассо обхватила его и понесла по лѣстницѣ, не переводя духа и только приговаривая со слезами:

— Бѣдняжечка моя!.. Холодна, какъ ледъ!.. Не умерла-ли она?.. Мертвую нести не возьмусь, потому что, знаете, отъ дыханія мертвыхъ бываетъ головокруженіе...

— Да полноте вы вздоръ молоть, тетка Шабуассо! уговаривалъ ее Кероэль.—Бланшъ жива, ручаюсь вамъ въ этомъ!

Успокоясь на этотъ счетъ, г-жа Шабуассо выказала замѣчательную распорядительность: она уложила Бланшъ въ постель, накрыла ее пуховымъ одѣяломъ, постлала для Натти тюфякъ на полу, развела огонь и сбѣгала къ себѣ за лишними одѣялами.

— Какъ-то перенесетъ это г. Баптистъ? сказала она Дени.

— Это кто такой? спросилъ Дени.

— Старичекъ тутъ одинъ; живетъ этажемъ ниже. Онъ очень любитъ этихъ молодыхъ людей.

— Я поговорю съ нимъ, сказалъ Дени.— Вы же, продолжалъ онъ, обращаясь къ своимъ полицейскимъ,—сойдите внизъ и обождите на улицѣ; можетъ быть, вы еще понадобитесь мнѣ.

Полицейскіе удалились, Кероэль остался при больныхъ, а г-жа Шабуассо довела Дени до квартиры Баптиста.

— Вы поберегите его, г. инспекторъ, сказала она:—Онъ человѣкъ старый; онъ сильно привязанъ къ нимъ!

Она ушла, а Дени постучалъ въ дверь, сначала легко, а потомъ сильнѣе, но отвѣта не получилъ.

Онъ сталъ стучать снова и, наконецъ, такъ, что и глухой могъ бы услышать, но никто не отзывался.

— Странно! Въ комнатѣ свѣтъ! сказалъ Дени съ удивленіемъ.

Онъ нагнулся къ замочной скважинѣ, но поднялся въ тоже мгновеніе и вышибъ дверь сильнымъ напоромъ плеча.

Кинувшись затѣмъ въ комнату, онъ остановился, пораженный изумленіемъ... На кругломъ столикѣ былъ накрытъ ужинъ и горѣли двѣ свѣчи. Въ креслѣ сидѣлъ старикъ лѣтъ семидесяти. Голова его была опущена на грудь и онъ, повидимому, спалъ. Но, присмотрѣвшись ближе и тронувъ его, Дени убѣдился, что старикъ былъ безъ чувствъ и холодный, какъ мраморъ.

— Вотъ тебѣ разъ! сказалъ Дени, тотчасъ же кинулся къ двери и закричалъ:

— Г. Кероэль! Скорѣе сюда!

Молодой человѣкъ прибѣжалъ на зовъ.

— Смотрите! сказалъ ему Дени, указывая на старика.—Новое несчастіе!

— И тѣ же самые признаки, проговорилъ съ ужасомъ Кероэль. — Дѣйствіе того же яда!

— Вы увѣрены въ этомъ?

— Готовъ поклясться!

Дени принялся осматривать все, что было на столѣ; отъ пирога былъ отрѣзанъ и съѣденъ небольшой кусокъ. Банка съ вареньемъ стояла почти нетронутая. Изъ бутылки было отпито съ рюмку.

— Въ чемъ же былъ ядъ? спросилъ онъ.

— Ямловъ разберетъ это, отвѣтилъ Кероэль. — Но смотрите! Бѣдный старикъ едва успѣлъ докончить какое-то письмо... Перо еще не обсохло. Не узнаемъ ли мы чего-нибудь изъ этого письма.

Дени быстро схватилъ поданный конвертъ, который не былъ еще запечатанъ.

На адрессѣ значилось:

«Сестрѣ Маріи-Жозефѣ,
настоятельницѣ визитандинокъ.
Въ Мансъ (департ. Сарты).»

— Мансъ! проговорилъ про себя Дени, передъ которымъ мелькнула, какъ молнія, мысль о запискѣ, врученной ему горничною Фанни.—Неужели существуетъ какая-нибудь связь?.. Дѣло разгорается, прахъ побери!

— Идите обратно, сказалъ онъ Кероэлю,— и не говорите ни слова привратницѣ, а то она снова подниметъ вой! Я останусь здѣсь, а вы пришлете доктора, какъ только онъ пріѣдетъ.

— Хорошо, отвѣчалъ Кероэль.

Оставшись одинъ, Дени заперъ съ трудомъ дверь, высаженную имъ изъ петель, и принялся читать письмо.

Оно было написано крупнымъ, немного дрожащимъ, но смѣлымъ почеркомъ:

«Дорогая моя госпожа!

Другіе зовутъ васъ: *мать!* но я не могъ пріучать себя къ этому, а теперь уже поздно начинать! Вы были всегда для меня,—чѣмъ и останетесь до моей кончины,—боготворимой моей госпожею, а если уже нужно дать вамъ другое имя, то я могу придумать развѣ только одно: *бѣдная мать!* Да, *бѣдная мать*, перенесшая столько горя, и покорная судьбѣ среди своихъ страшныхъ страданій! Но если я пишу вамъ ранѣе назначеннаго срока, то это потому, что на мрачномъ горизонтѣ, который мы такъ тщетно вопрошали до сихъ поръ, мелькнулъ слабый лучъ... Да, лучъ надежды! Но не предавайтесь слишкомъ большой радости; разочарованіе было бы ужасно! Благодарите, однакожь, Господа, и просите его пощадить меня для того, чтобы я могъ, до моего ежегоднаго пилигримства 28 іюня, возвѣстить вамъ: *Я нашелъ!*

«Я представляю себѣ ваше счастіе: вы забудете—не такъ ли?—двадцать четыре года печали и слезъ! Я буду счастливъ безмѣрно, о, любимая госпожа, успѣвъ послужить темнымъ орудіемъ въ рукахъ провидѣнія!

«Надѣйтесь же и молитесь.

«Я получилъ вашу посылку: пирогъ и варенье. Вы слишкомъ балуете меня! Я разговѣюсь вашимъ подаркомъ сегодня одинъ-одинешенекъ, вспоминая прошлое и думая о будущемъ, которое, вѣрьте мнѣ! развѣетъ, наконецъ, въ прахъ всѣ злыя козни, нагроможденныя вашимъ демономъ, съ цѣлью разлучить васъ навѣки съ тѣмъ, что принадлежитъ вамъ и,—къ несчастію, — тоже и ему!

«Прощайте, дорогая госпожа, ободритесь, примите мою благодарность и ждите меня.

«Баптистъ Муленъ».

— Вотъ какъ! сказалъ Дени.—Выходитъ, сестра Марія-Жозефа не просто монахиня... Во всякомъ случаѣ, очевидно, что не ея пирогъ и варенье отравили бѣднаго старика. Ядъ былъ въ винѣ... какъ и у тѣхъ! Странно!.. И въ письмѣ—такъ много таинственныхъ намековъ... Придется, пожалуй, ѣхать въ Мансъ...

— Г. Дени! позвалъ Кероэль изъ-за двери.—Вотъ и докторъ.

— Иду! отвѣчалъ инспекторъ, пряча письмо и спѣша наверхъ.

Г-жа Шабуассо, отъ которой невозможно было скрыть несчастіе, постигшее ея третьяго жильца, рыдала въ углу, примѣшивая къ своимъ слезамъ то ругательства, то воззванія къ Богу и всѣмъ святымъ.

— По результатамъ моего анализа, употребленный ядъ есть «упасъ», сказалъ Ямловъ, обращаясь къ Дени.—Къ счастію, его употребили неискусно или онъ нейтрализировался чѣмъ-нибудь. Во всякомъ случаѣ, количество яда, поглощенное этими несчастными, было или слишкомъ мало, или слишкомъ велико, что представляетъ, въ обоихъ случаяхъ, надежду на ихъ спасеніе.

— Дай-то Богъ! Вы знаете, что есть еще и третья жертва?

— Знаю и употреблю всѣ усилія, чтобы спасти всѣхъ троихъ. Я останусь здѣсь съ Кероэлемъ на всю ночь; г-жа Шабуассо намъ, конечно, поможетъ.

Старуха поблагодарила его выразительнымъ взглядомъ.

— Такъ, до свиданія! сказалъ Дени, пожимая руки обоимъ молодымъ людямъ.—У меня еще много дѣла на эту ночь, но утромъ я снова зайду, чтобы узнать, успѣшны ли ваши старанія.

— До свиданія, г. Дени!

Глава VII.

Дальнѣйшія похожденія Жана Брюне.

Отвезя раненнаго въ больницу, Жанъ Брюне возвращался обратно, погрузясь въ глубокія размышленія. Сидя по цѣлымъ днямъ и ночамъ на козлахъ, онъ обыкновенно сокращалъ себѣ время, мечтами о томъ, какъ онъ прикупитъ къ Лагуга и ея товарищу Султану еще пару лошадокъ, заведетъ себѣ помощника, потомъ еще другого, третьяго... Но происшествія этой ночи выбили розовыя мечты изъ ума стараго солдата и онъ ѣхалъ, невесело помахивая своей сѣдой головой съ коротко обстриженными волосами и небольшими всклокоченными бакенбардами.

Послѣ такой обильной треволненіями ночи, можно было и отдохнуть; къ тому же, было уже два часа; на сѣдоковъ нечего было разсчитывать...

— Эй! фіакръ! неожиданно крикнулъ кто-то.

Жанъ Брюне проворно подъѣхалъ къ тротуару.

Человѣкъ, подозвавшій его, былъ высокъ ростомъ и одѣтъ въ теплое пальто съ приподнятымъ воротникомъ. Рядомъ съ нимъ шла дама, въ шикарномъ туалетѣ и съ настоящею львиною гривою на плечахъ. Она куталась въ мѣховую ротонду. Эта пара повстрѣчалась съ Жаномъ Брюне на углу бульвара Османъ и площади Новой оперы.

Мужчина посадилъ даму въ карету и спросилъ:

— Гдѣ же ты хочешь поужинать, моя красотка «Комета»?

— Мнѣ все равно!

— У Маньи?

— Пожалуй! Тамъ весело!

— Слышите, кучеръ? Къ Маньи! сказалъ мужчина, садясь тоже въ экипажъ.

Жанъ поворотилъ по указанному направленію, сердечно сожалѣя о томъ, что его сѣдоки не выбрали ресторана поближе,—напримѣръ, ресторанъ Латюиля; а то приходится ѣхать въ улицу Контръ-Эскарпъ! Бѣдному Лагуга приходилось отхватать лишнихъ шесть километровъ изъ-за ихъ прихоти.

Но дѣлать было нечего. Къ тому же, сѣдоки были въ отличномъ расположеніи духа,—объ этомъ можно было судить по хохоту, раздававшемуся сквозь стѣнки кареты,—и слѣдовательно, была надежда на хорошую «на водку»... Утѣшая себя, если не лошадь, такими соображеніями, Жанъ подъѣхалъ къ ресторану Маньи, входные фонари котораго, къ его удивленію, были, однакожь, уже погашены. Въ ту же минуту, изъ господствовавшей кругомъ темноты вынырнулъ полицейскій, который объявилъ, что ресторанъ закрытъ.

— Это почему? спросилъ металлически звучавшимъ голосомъ мужчина, сидѣвшій въ фіакрѣ.

— По случаю одного происшествія.

— О, какая досада! пропищала Комета.—Тащиться въ такую даль и съѣсть грибъ!

— Въ двухъ шагахъ отсюда ресторанъ Фойо, замѣтилъ полицейскій.

— Фойо! Тамъ мерзость! Вы бы лучше послали насъ въ кабакъ! Что такое случилось у Маньи? Газъ, что-ли, взорвало?

— Нѣтъ. Убійство.

— Убійство! И насъ тутъ не было.. Все интересно бы посмотрѣть, продолжала Комета, между тѣмъ какъ спутникъ ея замѣтно поблѣднѣлъ и проговорилъ съ усиліемъ:

— Кучеръ!... Въ кафе Ришъ!

— Жанъ Брюне поворотилъ опять свою лошадку. Черезъ четверть часа онъ остановился на углу улицы Лепелетье.

Сѣдоки вышли; молодая женщина вбѣжала въ ярко освѣщенныя сѣни, извиваясь кокетливо всѣмъ тѣломъ, какъ змѣя, а ея спутникъ бросилъ пяти-франковую монету Жану, говоря:

— Сдачи не надо.

— Покорно благодарю! сказалъ Жанъ съ довольной улыбкою, опуская монету въ свой кожанный кошелекъ. Ну, теперь, продолжалъ онъ, проводивъ глазами своихъ сѣдоковъ,—не грѣхъ будетъ поднести себѣ стаканчикъ, и Лагуга хорошо поѣстъ. Не откажешься, старая?

Онъ слѣзъ съ козелъ, повелъ свою лошадь за уздцы до сосѣдняго погребка, разнуздалъ усталую Лагуга, погладивъ ее, при этомъ, ласково по мордѣ, надѣлъ ей торбу, а самъ вошелъ въ заведеніе и велѣлъ подать себѣ стаканъ грога.

Не смотря на поздній часъ, въ погребкѣ было еще много народа, почему Жану пришлось немного подождать своей порціи. Онъ воспользовался этимъ временемъ, чтобы набить себѣ трубку и принялся подбавлять новые клубы дыма къ атмосферѣ, уже почти невыносимой для человѣческаго дыханія.

У сосѣдняго столика сидѣли два человѣка облокотясь на него и нагнувшись до такой степени другъ къ другу, что ихъ лбы, или, вѣрнѣе сказать, козырьки ихъ шапокъ сталкивались между собою.

Оба они, не будучи положительно пьяны, достигли того блаженнаго состоянія, въ которомъ тѣло какъ бы готово было расплыться, отяжелѣвшая голова ищетъ опоры, а языкъ, перемалывая слова, издаетъ только звуки.

Жанъ окинулъ взглядомъ обоихъ собесѣдниковъ и выразительно причмокнулъ языкомъ.

Одинъ изъ пьяницъ опрокинулъ бутылку.

— Ни капли! пробормоталъ онъ.—А пить смерть хочется... И тебѣ тоже, Давіоль?

— Мнѣ?... Всегда!...

— Эй!... Гарсонъ!... Два пунша! прокричалъ первый, сопровождая свое приказаніе ударомъ кулака по столу.

Слуга, мальчикъ лѣтъ пятнадцати, ставившій въ эту минуту подносъ передъ Жаномъ Брюне, оборотился въ ихъ сторону и произнесъ:

— Не довольно-ли уже будетъ, г. Ламбленъ!

— Это что такое?... Ему, изволите-ли видѣть, кажется, что довольно!... Ахъ, ты дрянь! Подавай скорѣе, а не то я закачу тебѣ такъ, что ты и не опомнишься!

— И я плачу, замѣтилъ второй.

— Давіоль, ты вздоръ городишь!

— Вздоръ?...

— Да... Платишь не ты, а итальянецъ. А отчего его не видать? Съ часъ уже тому назадъ ему слѣдовало быть здѣсь и принести намъ деньги...

— Придетъ еще.

— А если нѣтъ?... Если онъ сбѣжитъ.

— Я поймаю!

— Гдѣ же?

— Въ улицѣ Мильтонъ.

— То-то... Плохо ему будетъ, если онъ вздумаетъ надуть... Я знаю, гдѣ лошадь... и славную штуку сыграю съ нимъ, коли донесу!

— Украли чьего нибудь коня, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, заключилъ Жанъ Брюне, невольно вслушиваясь въ разговоръ сосѣдей.—Впрочемъ, не мое дѣло... ну, ихъ!

Онъ вышелъ изъ заведенія и влѣзъ на козлы, приговаривая:

— Ну, голубушка Лагуга, на этотъ разъ поѣдемъ спать...

Но бѣдному Жану Брюне было суждено постоянно ошибаться въ своихъ разсчетахъ въ эту роковую ночь. Едва успѣлъ онъ подобрать возжи, какъ молодой, хотя нѣсколько хриплый голосъ произнесъ

— Вы не заняты, кучеръ?

— Нѣтъ, сударыня! отвѣчалъ Жанъ Брюне, узнавая молодую женщину. Не долго же вы пировали... И вы однѣ?

— Да... и не поужинала! Каково?

— Не хорошо, я полагаю.

— Впрочемъ, мнѣ что! Онъ далъ мнѣ два луидора... Какой онъ однакожь чудакъ! Заставилъ меня протаскаться съ одного конца города на другой, и для чего? Для того, чтобы бросить, едва мы вошли въ ресторанъ.

— Вѣрно, встрѣтилъ кого нибудь, съ кѣмъ не хотѣлъ встрѣчаться?

— Нѣтъ! Подошли къ нему два какіе-то пріятеля, онъ разболтался съ ними и даже разсказалъ, что катается со мною цѣлыхъ три часа... Впрочемъ, онъ совралъ: я только что встрѣтилась съ нимъ, когда мы наняли вашъ фіакръ.

— Куда же мы теперь поѣдемъ? спросилъ Жанъ.

— Въ улицу Нотръ-Дамъ-де-Лоретъ, № 48. Завезите сначала меня въ какое попало колбасное или пирожное заведеніе. У меня животъ подвело, благодаря этому дураку! Въ ресторанѣ пахнетъ такъ хорошо, что облизываешься, а онъ вдругъ отводитъ меня въ уголъ и говоритъ, да еще какимъ-то страннымъ голосомъ, такъ и видно, что притворяется: «Милая моя Кометочка, я не совсѣмъ хорошо себя чувствую; возьми вотъ это за безпокойство... Поужинай сегодня безъ меня, въ другой разъ увидимся...» Затѣмъ бросилъ мнѣ деньги и былъ таковъ!

— Что же вы не остались тамъ ужинать?

— Нашли дуру! Тамъ я проѣла бы всѣ сорокъ франковъ, между тѣмъ могу набить себя по горло за тридцать су!... Ну, ѣдемъ!

Жанъ Брюне улыбнулся, тронулъ свою лошадку и довезъ Комету до колбасной лавки въ улицѣ Мартиръ, гдѣ она запаслась порядочнымъ сверткомъ съѣдобныхъ вещей, завернутыхъ въ газетную бумагу, а потомъ доставилъ ее на квартиру.

Минутъ черезъ двадцать послѣ этого, Жанъ Брюне, тщательно вычиствъ свою Лагугу и задавъ ей корму, вытянулся, наконецъ, на своей постели, бормоча:

— Странный этотъ молодецъ, нечего сказать! Возить, возить бѣдную дѣвушку и потомъ швырнуть ее безъ церемоніи, даже ничего не поднеся!... Бедуинъ какой-то, право!... А потомъ, къ чему это выдумалъ, что ѣздилъ съ нею цѣлыхъ три часа?... Подозрительно что-то... Не мѣшаетъ хорошенько запомнить... Почему знать, можетъ, и пригодится... Да, и о красавицѣ не слѣдуетъ забывать! Улица Нотръ-Дамъ-де-Лореттъ, № 48. Зовутъ ее «Комета». Не забуду!

Глава VIII.

Дени, видавшій всякіе виды, приходитъ въ изумленіе.

Было уже около четырехъ часовъ утра, когда Дени прибылъ въ полицейскій участокъ, находившійся въ улицѣ Гренель. Не смотря на мрачныя событія этой ночи, онъ не забылъ о человѣкѣ, котораго убилъ ударомъ своей трости, и хотѣлъ лично удостовѣриться, не нашлось ли въ карманахъ его какого-нибудь предмета, способнаго навести на разгадку той мрачной и запутанной драмы, въ которой пришлось принять участіе и самому Дени.

Войдя въ участокъ, онъ обратился прямо къ дежурному.

— Вамъ доставили сегодня трупъ? сказалъ онъ.

— Да, почти что трупъ, г. Дени.

— Какъ: *почти что*?... Неужели мнѣ не удалось убить какъ слѣдуетъ этого мерзавца?

— А, это вы...

— Самъ я... Онъ живъ?

— То есть, видите ли, отъ тряски ли въ экипажѣ, не знаю, но только я замѣтилъ, что онъ шевелился, когда его положили на постель.

— Что же вы?

— Я послалъ за докторомъ.

— Превосходно сдѣлали!... Во-первыхъ, по человѣколюбію; во-вторыхъ, потому что если мертвые молчатъ, то раненые высказываютъ многое... благодаря горячкѣ. Далѣе?...

— Прежде, чѣмъ мой посланный успѣлъ воротиться, явился уже какой-то врачъ. Я подвелъ его къ полу-мертвецу... Онъ принялся щупать его, осматривать, выслушивать, и, наконецъ, набросилъ ему одѣяло на лицо и сказалъ: «Можете отправить его въ Моргу».

— Гм! сказалъ Дени,—а обыскали вы этого человѣка?

— Нѣтъ, мнѣ велѣно ждать вашего прихода, г. Дени.

— Пойдемте. Не мѣшаетъ исполнить эту формальность.

Полицейскій взялъ фонарь и ввелъ Дени въ каморку, гдѣ находился мертвый. Свѣтъ фонаря упалъ прямо на него.

— Что за оселъ, однакожь, вашъ докторъ! воскликнулъ Дени.—Смотрите, этотъ человѣкъ еще шевелится!

Дѣйствительно, члены убійцы подергивались...

Полицейскій подошелъ ближе, а Дени сдернулъ одѣяло, покрывавшее тѣло убійцы, но оба они тотчасъ и разомъ вскрикнули отъ ужаса.

— Чортъ возьми! проговорилъ Дени,—это что такое?...

Убійца лежалъ навзничь. Голова его была откинута на деревянное изголовье кровати и кровь, вытекшая изъ раны, запятнала тюфякъ и сгустилась въ видѣ большаго свертка на затылкѣ и подъ ухомъ. Но не это привело въ ужасъ полицейскихъ. Опухшее и залитое кровью лицо убійцы представляло собою одну сплошную рану, покрытую какою-то какъ бы кипящею пѣною, вызванною, очевидно, сѣрной кислотою.

Одинъ глазъ несчастнаго совершенно вытекъ и пустая впадина зіяла изъ-подъ вѣка; другой глазъ, отекшій, судорожно сведенный, представлялъ ужасный видъ; все лицо было разъѣдено кислотою. Губы, вспухшія и скорченныя, какъ бы душили языкъ, высунутый наружу, потемнѣвшій и сочившій кровь.

Полицейскіе агенты переглянулись. Изумленіе, овладѣвшее ими, смѣшивалось съ чувствомъ отвращенія. Дени оправился первымъ, но и онъ невольно понизилъ голосъ, говоря:

— Это дѣло вашего подложнаго доктора.

— Надо полагать. Но какимъ образомъ и зачѣмъ?

— Онъ хотѣлъ поставить этого несчастнаго въ невозможность выдать того, кто направлялъ его руку! Изъ этого слѣдуетъ, что въ нашей власти только орудіе преступленія, и намъ необходимо отыскать настоящаго виновника. Распорядитесь о доставленіи этого несчастнаго въ больницу и попросите тамъ, чтобы сдѣлали все для его облегченія. Необходимо, чтобы онъ заговорилъ... чтобы произнесъ хотя одно имя... а тамъ, пусть себѣ умираетъ! ему же лучше будетъ, потому что избѣжитъ эшафота.

Полицейскій отдалъ нужныя приказанія. Умирающаго положили на носилки и отправили въ госпиталь Гро-Калью.

Дени занялся обзоромъ вещей, найденныхъ въ карманахъ убійцы. Прежде всего онъ открылъ портмоне и нашелъ въ немъ двѣ двадцатифранковыя монеты, три банковые билета въ сто франковъ и нѣсколько су; затѣмъ у него нашлась шелковая веревка, длиною около трехъ съ половиною метровъ, и револьверъ, далѣе рабочая книжка, изъ которой были вырваны всѣ чистыя страницы; у переплета держалась только одна, вся испачканная, на которой было помѣчено: «Андрео Армигелло», 23 лѣтъ, слесарь, родомъ изъ Бензы (Италія). Особыя примѣты: безграмотенъ. Послѣднее мѣстожительство: Римъ, 1870 г. Эта книжка была свернута и помята, точно она прогостила нѣсколько мѣсяцевъ въ томъ карманѣ, въ которомъ была найдена.

Дени велѣлъ сдѣлать опись всѣмъ этимъ вещамъ и принести ихъ къ нему въ канцелярію. Собираясь уже уйдти, онъ спросилъ полицейскаго, можетъ-ли онъ узнать подложнаго врача, если встрѣтитъ его.

— Ну, не знаю, отвѣчалъ тотъ. Онъ высокъ ростомъ, но блондинъ или брюнетъ, не замѣтилъ, потому что воротникъ у него былъ приподнятъ и кашне надѣто. Ловокъ онъ и находчивъ... Стклянка съ кислотой, вѣроятно, была у него въ рукахъ, когда онъ вошелъ сюда; оставался же онъ здѣсь не болѣе минуты.

— Необходимо пуститься за нимъ тотчасъ же и поймать его! проворчалъ Дени съ бѣшенствомъ. И я поймаю его, поймаю, клянусь въ этомъ!...

Онъ отправился, наконецъ, домой. Проходя черезъ столовую, онъ вздохнулъ, при видѣ неубранныхъ остатковъ ужина, и налилъ себѣ въ утѣшеніе стаканъ бордосскаго, въ который обмакнулъ бисквитъ. Потомъ онъ пробрался на ципочкахъ въ свою спальню, раздѣлся въ тихомолку и юркнулъ осторожно въ постель, на которой уже храпѣла г-жа Дени.

— Хорошъ сочельникъ! сказалъ Дени, выпрямляя съ наслажденіемъ свои усталые члены.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Доброе старое время.

Макса Вирта.

(*Окончаніе.*)

Не болѣе какъ за двадцать лѣтъ тому назадъ, европейцы вовсе не знали тоже волоконъ *юты*, которыя замѣняютъ теперь, во многихъ случаяхъ, хлопчатую бумагу. За десять лѣтъ тому назадъ, на парижской всемірной выставкѣ, показались впервые издѣлія изъ этого матеріала, а въ настоящее время, Англія, Австрія и Германія обработываютъ уже, ежегодно, до 600,000 центнеровъ юты на выдѣлку различныхъ предметовъ.

Необыкновенные успѣхи нашего столѣтія распространились и на питательныя средства. Благодаря усовершенствованнымъ химическимъ пріемамъ, теперь выработываются совершенно новые предметы потребленія, какъ, напр., мясные экстракты и сгущенное молоко, что позволяетъ намъ пользоваться продуктами скотоводства отдаленнѣйшихъ странъ. Съ другой стороны, такіе издавна извѣстные предметы, какъ, напр., печеный хлѣбъ или пиво, изготовляются нынѣ по лучшей системѣ. Желѣзныя дороги и пароходы давно уже уровняли цѣны на хлѣбъ и мясо въ различныхъ частяхъ Европы, устраняя тѣмъ на настоящее и будущее время возможность повальнаго голода въ какой-нибудь странѣ, а паровыя мельницы обработываютъ совершеннѣе этотъ хлѣбъ и дозволяютъ запасать излишекъ урожаевъ на слѣдующіе года, между тѣмъ какъ усовершенствованные способы перевозки (устройство особыхъ пароходовъ съ ледниками) даетъ возможность перевозить въ Европу мясо американскаго и австралійскаго скота въ свѣжемъ и неиспорченномъ видѣ.

Обработка стали достигла тоже изумительной степени совершенства. Прежнія, грубо и съ трудомъ выдѣланныя изъ желѣза вещи, замѣняются отнынѣ стальными, отличающимися своею прочностью и изяществомъ. Наилучшія рельсы для желѣзныхъ дорогъ дѣлаются изъ стали. Стоимость ихъ вполнѣ вознаграждается ихъ прочностью, которая, съ другой стороны, представляетъ залогъ большей безопасности для поѣздовъ, а это послѣднее условіе составляетъ естественное требованіе нашего человѣколюбиваго и просвѣщеннаго времени.

Выработка оружія, ножей, ножницъ и тому подобныхъ орудій для воинственныхъ или мирныхъ цѣлей, тоже стоитъ на высокой степени совершенства и торговля этими издѣліями такъ распространена, что мы не удивляемся болѣе, видя въ рукахъ африканскаго негра солингенскій клинокъ или шеффильдскія ножницы. Сравнимъ же нынѣшнюю дешевизну подобныхъ предметовъ съ тѣми цѣнами, которыя господствовали въ древности, и мы увидимъ всю глубину культурно-историческаго значенія нашей эпохи передъ вѣками минувшими. Мы не можемъ опредѣлить въ точности, что могъ стоить, въ свое время, какой-нибудь бронзовый топоръ, подобный находимымъ теперь при раскопкахъ, но мы можемъ заключить объ этой цѣнѣ по тѣмъ усиліямъ, которыя должны требоваться для выдѣлки каменнаго и полированнаго топора безъ посредства желѣзныхъ инструментовъ. Въ наше время, простому дровосѣку легче добыть себѣ металлическій топоръ, нежели какому-нибудь царю во время Александра Македонскаго. Въ этомъ не могутъ не согласиться съ нами и самые отъявленные хулители новаго времени.

Мы не касались еще одного важнаго новѣйшаго изобрѣтенія, обусловившаго и извѣстный соціальный переворотъ, а именно, изобрѣтенія *прядильныхъ* и *ткацкихъ* машинъ, на которыхъ обработываются нынѣ всевозможныя волокна растеній и шерсти. Когда была изобрѣтена первая прядильная машина, существовали еще мѣста, въ которыхъ даже самопрялка считалась нововведеніемъ, а господствовало безмятежно освященное древностью веретено. Самый большій успѣхъ, достигаемый самопрялкою, состоялъ въ томъ, что можно было сучить за разъ двѣ нитки. На дѣйствующихъ теперь прядильныхъ машинахъ, одинъ человѣкъ можетъ править станкомъ съ 500 -- 800 шпулекъ. И подобные механическіе станки доведены до такого совершенства, что они не только сами собой останавливаются въ случаѣ порыва какой-нибудь нитки, но даже даютъ знать о томъ колокольчикомъ. Неудивительно, вслѣдствіе этого, что *одинъ* человѣкъ можетъ наблюдать даже за четырьмя механическими станками, заработывая притомъ вчетверо болѣе, нежели человѣкъ, работающій на ручномъ станкѣ. Громадное сбереженіе времени при сказанной механической работѣ имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что *готовая* пряжа сдѣлалась не дороже, нежели *сырой матеріалъ*, покупавшійся ручною пряхой, которая, добывая его по мелочамъ, платила за него, разумѣется, гораздо дороже, чѣмъ фабриканты, покупавшіе его оптомъ. Вслѣдствіе этого, мало по малу, ручная пряжа должна была совершенно исчезнуть съ рынка. Эта необходимость, которой подроставшее поколѣніе покорилось съ трудомъ и лишь испытавъ многія лишенія, была, въ сущности, лишь временнымъ затрудненіемъ, не поправимымъ для однихъ отживавшихъ свой вѣкъ стариковъ, неспособныхъ уже приняться за что нибудь новое, но она приняла характеръ истиннаго національнаго бѣдствія въ нѣкоторыхъ странахъ. Чтобы понять всю громадность совершеннаго переворота, слѣдуетъ припомнить, что даже и вначалѣ нашего столѣтія еще, пряжа для домашней одежды изготовлялась въ семействахъ и сученіе нитокъ было главнымъ подспорьемъ въ хозяйствѣ со стороны женскихъ членовъ семьи, въ особенности въ деревняхъ и зимою. Изобрѣтеніе механическихъ прядильныхъ станковъ разомъ убивало эту промышленность. Замѣнить ее чѣмъ-нибудь было трудно, хотя вся мыслящая часть населенія сознавала необходимость этой замѣны и желала помочь бѣдѣ. Но какимъ способомъ? Народъ вездѣ крѣпко держится старыхъ обычаевъ и, въ случаѣ ихъ несостоятельности, только складываетъ руки въ отчаяніи. Правительства, большею частью, слишкомъ мало знакомы съ промышленными подробностями для того, чтобы создать тотчасъ же новыя и выгодныя отрасли труда, а частные предприниматели слишкомъ поглощены желаніемъ быстрой наживы и не хотятъ облегчить затрудненіе, принеся сначала большія жертвы, а уже впослѣдствіи пожиная плоды. Между тѣмъ, при подобныхъ кризисахъ необходимы помощь и поощреніе сверху и извнѣ, и здѣсь-то открывается поле дѣятельности для истинныхъ, безкорыстныхъ и просвѣщенныхъ друзей человѣчества. Въ нашей статьѣ не мѣсто указывать на всѣ средства, съ помощью которыхъ можетъ быть поднята и усилена кустарная промышленность, но мы можемъ замѣтить, что во многихъ государствахъ уже приняты къ тому мѣры, оказывающія вполнѣ успѣшные результаты. Стоитъ упомянуть о часовыхъ издѣліяхъ въ Шварцвальденѣ и Юрѣ, саломенныхъ плетеньяхъ въ Швейцаріи и Тосканѣ, корзиночномъ мастерствѣ особенно усовершенствованномъ въ послѣднее время, вслѣдствіе разведенія различныхъ новыхъ улучшенныхъ травяныхъ породъ и добыванія съ нихъ превосходной саломы, вышиваніи гладью въ Германіи, Франціи и др. странахъ, плетеніи кружевъ, рѣзьбѣ изъ дерева, кости и другихъ матеріаловъ, выдѣлываніи щетокъ, метелокъ, и о другихъ европейскихъ кустарныхъ отрасляхъ промышленности, перечислить которыя всѣ мы не имѣемъ возможности.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что часть рабочаго населенія все же терпитъ вслѣдствіе введенія машинъ во всѣ отрасли производства. Но безполезно оплакивать то, чего нельзя избѣжать. Мастера, выдѣлывавшіе прежніе щипцы для свѣчей, должны сойти со сцены, съ изобрѣтеніемъ стеариновыхъ свѣчей, керосина и газа. Всякое поддерживаніе этой или тому подобной промышленности будетъ искуственнымъ и поведетъ лишь къ большому бѣдствію самихъ работниковъ, удаляя ихъ отъ болѣе современныхъ и, слѣдовательно, болѣе выгодныхъ занятій.

Каждое высшее и лучшее положеніе общественной жизни искупается, необходимымъ образомъ, подобными переходными временами, при которыхъ страдаютъ частныя лица. Но чѣмъ скорѣе знакомятся всѣ члены общества съ новыми усовершенствованіями, тѣмъ болѣе сокращаются сказанные тяжелые дни, уступая мѣсто одному общему благосостоянію.

Въ подобномъ же переходномъ состояніи находятся нынѣ отношенія между капиталомъ и трудомъ, рабочими и хозяевами. Такое положеніе вызываетъ различныя соціалистическія стремленія, приводящія въ ужасъ многихъ робкихъ людей. Но и въ настоящее время уже проглядываютъ болѣе разумныя основы труда и его вознагражденія, нежели то было, напримѣръ, при существованіи цеховъ, и врядъ ли кто либо изъ рабочихъ или хозяевъ искренно желаетъ вернуться вполнѣ къ подобнымъ покинутымъ учрежденіямъ, не смотря на все несовершенство настоящихъ рабочихъ условій.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что воскрешать «доброе старое время» незачѣмъ... Не говоря уже о міровыхъ событіяхъ, сразу ставящихъ цѣлыя страны въ высшее положеніе, каковы, напримѣръ, отмѣна крѣпостного состоянія въ Россіи, уничтоженіе рабства въ Соединенныхъ Штатахъ, возрожденіе національнаго единства въ Германіи и Италіи, наше время принесло съ собою ту солидарность человѣческой мысли по научнымъ работамъ, которая двинула естествознаніе и технику на такой исполинскій шагъ впередъ, что регрессъ теперь уже невозможенъ; власть человѣка надъ природою ростетъ съ каждымъ часомъ и устраняетъ постепенно всѣ тѣ преграды, которыя воздвигались передъ нимъ въ прежніе вѣка...

Изъ Генриха Гейне.

I.

Временъ позабытыхъ картины
Встаютъ изъ глубокихъ могилъ,—
И снова тѣ дни предо мною,
Когда я вблизи тебя жилъ.

Бывало, день цѣлый шатаюсь
По улицамъ я городскимъ,
Невольно пугая прохожихъ
Разстроеннымъ видомъ своимъ.

Но ночью всѣ улицы пусты,
И радъ я не видѣть людей;
Спокойно и молча брожу я
Со спутницей—тѣнью моей...

Вотъ мостъ прохожу,—раздается
Тяжелыхъ шаговъ моихъ гулъ;
Мнѣ мѣсяцъ, плывя изъ-за тучки,
Въ догонку печально кивнулъ.

А вотъ, наконецъ, и твой домикъ,
Я робко къ нему подхожу,
Со вздохомъ и болью на сердцѣ,
Въ окно твое, вверхъ я гляжу.

Я зналъ: изъ окна ты частенько
Тайкомъ наблюдала за мной;
И я, какъ колонна, недвижно,
Стоялъ озаренный луной.

II.

Красавицей юноша бредитъ,
Но только другой ей милѣй, —
Другой же въ другую влюбился
И скоро женился на ней.

Красавица съ первымъ же встрѣчнымъ
Съ досады пошла подъ вѣнецъ,
А юноша бѣдный, отъ горя
Зачахъ, истерзался въ конецъ.

Древнѣйшая сказка! Однако
Останется новой всегда —
И сердце того разорвется
Съ кѣмъ сбудется эта бѣда!

III.

Заслышу-ль я той пѣсни звуки,
Что пѣла милая, — и снова
Въ душѣ встаютъ былыя муки,
Совсѣмъ порваться грудь готова...

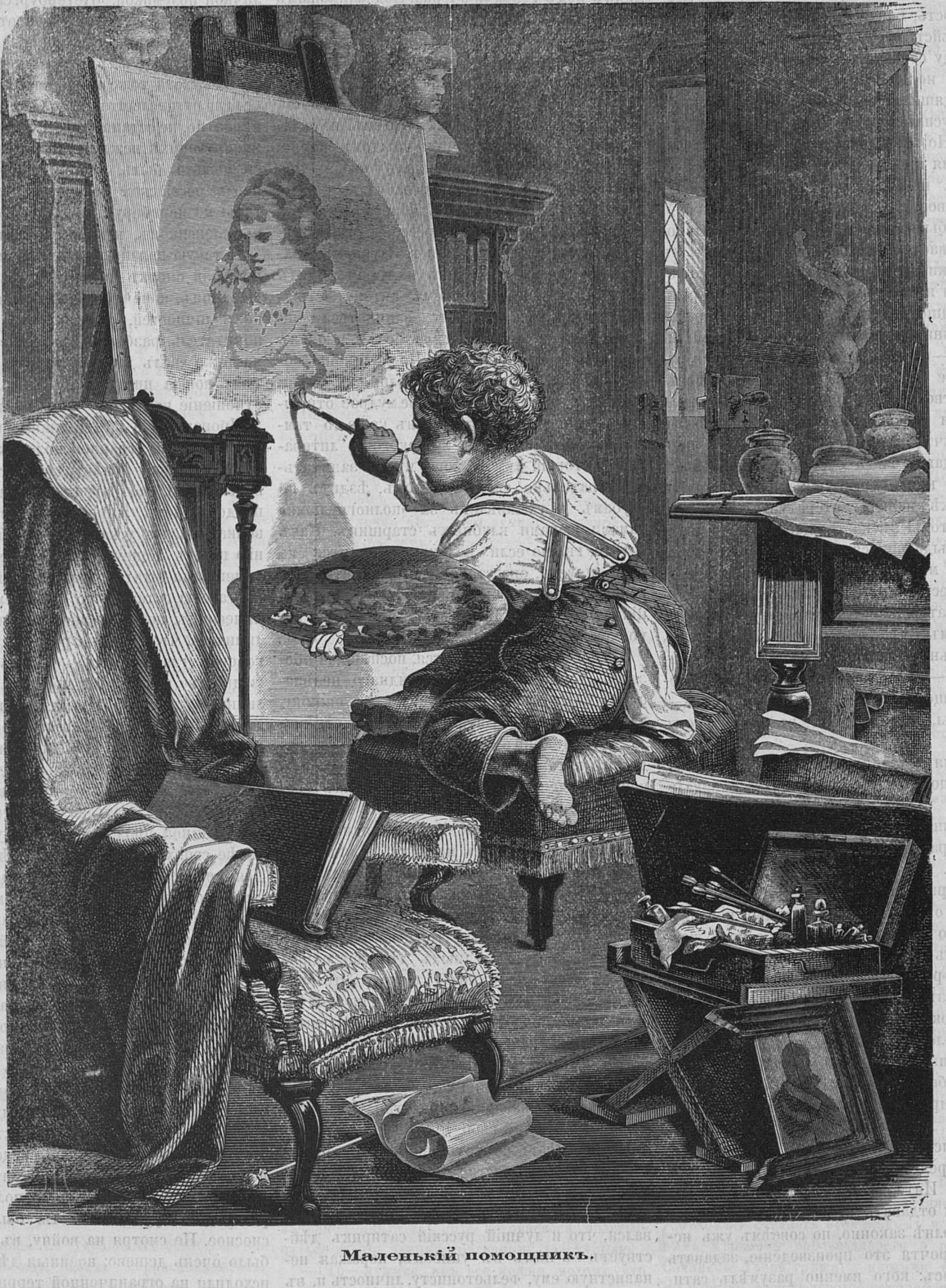
Гонимый тягостною думой,
Въ нагорный лѣсъ я убѣгаю,
И тамъ, одинъ, вдали отъ шума,
Слезами горе облегчаю.

IV.

Я дочь королевскую видѣлъ во снѣ, —
По блѣднымъ щекамъ ея слезы бѣжали;
Подъ липою сидя въ ночной тишинѣ,
Другъ друга въ объятьяхъ мы крѣпко держали:
«Не нуженъ мнѣ скипетръ отца твоего,
«Не надобенъ тронъ его, пышный, нарядный,
«Не нужно алмазной короны его, —
«Ты только нужна мнѣ, мой другъ ненаглядный!»

Петръ Быковъ.

* * *



Маленькій помощникъ.

Обо всемъ.

(Фельетонныя замѣтки).

Господство личнаго характера въ нашей литературѣ. — Мудрое измышленіе г. «Зауряднаго Читателя».—Малая пресса.—Перебранка съ нею г. Буренина.—Незавидное положеніе русскаго корреспондента. — Сатирическій очеркъ г. Щедрина «Тряпичкины-очевидцы».

Мы, русскіе, до такой степени привыкли къ жалобамъ нашей критики на упадокъ нашей литературы, на ея бѣдность, на отсутствіе въ ней выдающихся талантовъ, что всѣ, вполнѣ благонамѣренныя, разсужденія на эту тему принимаемъ за общее мѣсто, за жалкія слова. Мы, конечно, соглашаемся, что всѣ эти жалобы основательны, но при этомъ намъ приходитъ на мысль: когда же процвѣтала наша литература, когда она могла идти въ сравненіе съ далеко опередившими насъ западно-европейскими литературами? И мы отвѣчаемъ: никогда. Значитъ, такъ этому и быть должно и вина печальнаго положенія литературы лежитъ не столько въ ней самой, сколько въ общихъ причинахъ, препятствующихъ развитію русскаго народа и, разумѣется, и его литературы. Правда, еще недавно наша литература оживилась было на время; это случилось въ ту знаменательную эпоху нашей исторической жизни, когда подготовлялась и совершалась самая выдающаяся реформа настоящаго царствованія—уничтоженіе крѣпостного права. Тогда наша литература дѣйствительно работала въ прогрессивномъ направленіи, въ большинствѣ своихъ органовъ она не погрузилась еще въ меркантильность; почти всѣ органы тогдашней прессы дѣйствовали единодушно и не грызлись между собою изъ-за какихъ-нибудь пустячныхъ недоразумѣній въ угоду издателямъ, видящимъ въ скандальной полемикѣ средство усилить распространенность своихъ изданій. Но это хорошее для нашей литературы время прошло очень быстро: времена энтузіазма и всеобщаго увлеченія и воодушевленія вообще продолжаются недолго. У насъ оно было даже короче, чѣмъ обыкновенно бываетъ у другихъ болѣе развитыхъ политически народовъ. Быстро прошло хорошее время и на сцену снова выступили кружковые, лучше сказать, издательскі интересы,—несомнѣнный признакъ мало-развитой литературы,—исчезли идеалы, въ то время руководившіе дѣятельностію литераторовъ, большинство литературныхъ дѣятелей стало относиться чрезвычайно легкомысленно къ своей задачѣ, мѣняя убѣжденія, какъ перчатки, и давая тѣмъ справедливый поводъ суровымъ критикамъ-пуританамъ говорить объ упадкѣ нашей литературы. И нельзя сказать, чтобы въ настоящее время у насъ не было выдающихся талантовъ или чтобы ихъ стало меньше, чѣмъ въ прежнее время. Таланты есть, но общая дѣятельность нашей литературы запечатлѣна чисто-личнымъ характеромъ, что опять-таки составляетъ отличительный признакъ мало развитой литературы, — литературы народа, невыработавшаго еще у себя политической жизни,— литературы, находящейся въ переходномъ состояніи.

Недавняя полемика, возникшая въ нашихъ газетахъ по поводу сатирическаго очерка г. Щедрина «Тряпичкины-очевидцы», какъ нельзя лучше обнаружила, до какой степени наша литература запечатлѣна личнымъ характеромъ.

Г. Щедринъ писатель талантливый, выдающійся, онъ пользуется большей популярностью; его сатирическіе очерки возбуждаютъ говоръ въ публикѣ, многія выраженія и цѣлыя фразы въ нихъ запоминаются, нѣкоторыя изъ фразъ и выраженій обратились въ поговорки и присловья. Понятно, что при такомъ положеніи г. Щедрина, какъ писателя, хроникеры, ведущіе въ газетахъ «журнальныя обозрѣнія», считаютъ своимъ долгомъ разбирать почти каждый очеркъ г. Щедрина, напечатанный въ «Отечественныхъ Запискахъ»—ужь такой удобный матеріалъ представляютъ они для газетнаго фельетона. Интересоваться выдающимся писателемъ и отдавать отчетъ о его произведеніи—вполнѣ законно, но совсѣмъ ужь незаконно, прочтя это произведеніе, задавать себѣ вопросъ: кого именно разумѣлъ сатирикъ подъ той или другой личностью, фигурирующей въ его очеркѣ? И еще хуже указывать на того или другого изъ извѣстныхъ лицъ и указывать не только въ кружкѣ своихъ знакомыхъ, но и въ напечатанной хроникѣ.

Съ особеннымъ усердіемъ разбираетъ сатирическіе очерки г. Щедрина хроникеръ «Бирж. Вѣд.», подписывающій свои статьи псевдонимомъ «Заурядный Читатель». Г. «Заурядный» принадлежитъ къ безусловнымъ почитателямъ г. Щедрина, о чемъ говоритъ рѣшительно въ каждой статьѣ, посвященной разбору новаго произведенія талантливаго сатирика, и укоряетъ всѣхъ остальныхъ хроникеровъ въ недостаточномъ пониманіи г. Щедрина. Прочтя очеркъ «Тряпичкины-очевидцы» г. Заурядный призадумался и задалъ себѣ праздный вопросъ: кого разумѣлъ Щедринъ подъ героями очерка: Подхалимовымъ 1-мъ и Подхалимовымъ 2-мъ, корреспондентами, посланными на театръ военныхъ дѣйствій газетой «Краса Демидрона»? Г. Заурядный перебралъ въ умѣ всѣхъ извѣстныхъ ему корреспондентовъ, посланныхъ на оба театра военныхъ дѣйствій. «Не онъ! не онъ!» говорилъ Заурядный при каждомъ имени. «Эврика! наконецъ вскричалъ онъ. — Оба Подхалимовы—пропойцы и забулдыги, ясно Щедринъ имѣлъ въ виду корресподентовъ, отправленныхъ малой прессой!» Утвердившись въ этомъ убѣжденіи г. Заурядный настрочилъ фельетонъ, въ которомъ, далъ нагоняй своему любимому автору: стыдно-де такому великану заниматься мелюзгой, малой прессой, тѣмъ болѣе, что и въ крупной прессѣ находятся Подхалимовы, обладающіе только болѣе приличной внѣшностью. Ухватившись за такое мудрое открытіе г. Заурядный пустился въ какіе-то темные намеки, указывая на какого-то литератора, который вмѣсто того, чтобы заниматься старательно своимъ дѣломъ, ѣздитъ по клубамъ и ухаживаетъ за «полногрудыми» дамами, женами клубныхъ старшинъ. Какъ хотите, гг., но если полемика сводится на такіе намеки, она становится омерзительной и показываетъ весьма низкій уровень состоянія литературы. Далѣе, право, идти уже невозможно!

Малая пресса, разумѣется, поспѣшила обозвать догадливость г. Заурряднаго нелѣпостью, но сама сдѣлала такую же ошибку, какъ и критикъ «Бирж. Вѣд.» Она отвѣчала, что Щедринъ не могъ имѣть ее въ виду уже потому, что она не посылала своихъ корреспондентовъ на театръ военныхъ дѣйствій. Но, говоря это, малая пресса повторила нелѣпое предположеніе г. Заурряднаго, что Щедринъ изображалъ не типъ, а личность. Одна изъ газетъ малой прессы пошла еще дальше. Разными натяжками она старалась доказать, что г. Щедринъ списалъ Подхалимова съ одного литератора, посланнаго на дунайскій театръ военныхъ дѣйствій одною большою петербургскою газетою. Это уже ни на что не похоже! Фельетонистъ этой газеты, желая насолить врагу, приписываетъ г. Щедрину (котораго, замѣтимъ, самъ считаетъ очень талантливымъ писателемъ) свойства салопницъ, ходящихъ по домамъ, собирающихъ и разносящихъ сплетни. Но писатель, уснащающій свои произведенія сплетнями, не смѣетъ считать себя литераторомъ, и какъ бы онъ хлестко ни писалъ, никто не назоветъ его талантливымъ. Увлеченный личной полемикой, г. фельетонистъ обрадовался, что и лучшій русскій сатирикъ дѣйствуетъ съ нимъ въ унисонъ, поражая ненавистную ему, фельетонисту, личность и, въ порывѣ увлеченія, не замѣтилъ, что приравниваетъ г. Щедрина къ салопницѣ!

Къ сожалѣнію, полемика, вызванная нелѣпымъ заключеніемъ г. Заурряднаго, на этомъ не остановилась. Въ ней приняла участіе газета «Новое Время» въ лицѣ своего сотрудника г. Буренина. Указавъ г. Заурядному, что сатира г. Щедрина направлена вовсе не на личности, что Щедринъ «осмѣиваетъ вообще то положеніе русской прессы и даже русскаго общества, въ какомъ онѣ находятся по отношенію къ событіямъ борьбы на Востокѣ», г. Буренинъ самъ немедленно становится на личную почву и ни съ того, ни съ сего обрушивается на малую прессу въ такихъ выраженіяхъ, которыя не могъ бы дозволить ни одинъ уважающій себя писатель, еслибъ онъ не былъ ослѣпленъ личной полемикой. «Петербургскій Листокъ», противъ котораго, какъ и противъ «Петербургской Газеты», была направлена брань г. Буренина, отвѣчалъ ему болѣе сдержаннымъ тономъ, хотя тоже не обошелся безъ грубостей и ругательствъ. Перебранка на этомъ, вѣроятно, не остановится и читателямъ полемизирующихъ между собою газетъ придется, можетъ быть, еще долго перечитывать перлы россійской полемики, пока полемизаторы не переберутъ дословно весь ругательный лексиконъ, находящійся въ обращеніи.

И такую грязную полемику вызвалъ сатирическій очеркъ талантливаго писателя. Г. Щедринъ, конечно, не имѣлъ въ виду никакихъ личностей, между тѣмъ услужливый почитатель, разбирая его произведеніе, тотчасъ же свелъ дѣло на личную почву и затѣмъ пошла писать... Къ сожалѣнію, такое отношеніе къ дѣлу у насъ нерѣдкость.

Произведеніе г. Щедрина, подавшее поводъ къ этой странной полемикѣ, принадлежитъ къ числу менѣе удавшихся ему произведеній, но, по затронутому имъ вопросу, представляетъ живой интересъ. Сербская война вызвала у насъ потребность къ чтенію газетъ. Конечно, по сравненію съ Соединенными штатами или Англіей, требованіе на газеты осталось по прежнему микроскопическимъ, но, во всякомъ случаѣ, оно увеличилось, что было на руку издателямъ. Поговорка гласитъ, что «успѣхъ развиваетъ жадность» и издатели, продавъ въ розницу лишнюю тысячу экземпляровъ, пожелали другую и третью. Читатели требовали новостей, жаждали получать какъ можно скорѣе извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій, слѣдовательно, издатель могъ только въ такомъ случаѣ разсчитывать на увеличеніе подписки и розничной продажи, если съумѣетъ дать ранѣе своихъ конкурентовъ свѣжія новости. Для полученія ихъ самый удобный путь имѣть собственныхъ корреспондентовъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, что давно уже практиковалось западно-европейскими и американскими газетами. И вотъ, наши газеты послали своихъ корреспондентовъ, не разсчитавъ, что корреспондентъ тогда только можетъ принести дѣйствительную пользу пославшей его газетѣ, т. е. давать вѣрныя свѣдѣнія, если будетъ хорошо обставленъ съ матеріальной стороны, потому что свѣжія новости на театрѣ военныхъ дѣйствій обходятся очень дорого. Но какъ могли дать достаточныя матеріальныя средства своимъ корреспондентамъ наши сравнительно бѣдныя газеты? Еще въ Сербіи положеніе корреспондента русской газеты было довольно сносное. Не смотря на войну, въ Сербіи все было очень дешево; военныя дѣйствія происходили на ограниченной территоріи и потому добываніе свѣдѣній не представлялось особенно затруднительнымъ. И при всемъ томъ русскія корреспонденціи изъ Сербіи были замѣтно хуже корреспонденцій въ иностранныя газеты. Русскіе корреспонденты вынуждены были часто, по неимѣнію достаточныхъ средствъ собрать свѣдѣнія на мѣстѣ, писать по слухамъ, тогда какъ корреспонденты иностранныхъ газетъ получали ихъ своевременно, благодаря значительнымъ матеріальнымъ средствамъ, находившимся въ ихъ распоряженіи. Когда началась русская война, наши газеты отправили собственныхъ корреспондентовъ и на Дунай и въ Малую Азію. Онѣ увеличили содержаніе корреспондентовъ сравнительно съ тѣмъ, какое давали имъ въ Сербіи. Но на дѣлѣ оказалось, что русскій корреспондентъ получалъ сотни, когда требовались тысячи. Что же оставалось дѣлать русскому корреспонденту? Не имѣя возможности получать свѣдѣнія изъ самаго источника, онъ получалъ ихъ изъ третьихъ рукъ; не имѣя возможности лично провѣрить описываемый фактъ, онъ писалъ о немъ со слуховъ, а тутъ еще медленность почты и выходило, что читатели русскихъ газетъ знакомились въ письмахъ русскихъ корреспондентовъ съ тѣмъ, что имъ давно уже было извѣстно изъ корреспонденцій иностранныхъ газетъ (переведенныхъ и напечатанныхъ въ ихъ газетѣ нѣсколькими днями ранѣе русскихъ корреспонденцій). Къ тому же корреспонденціи, составленныя по слухамъ, не могли обладать той страстностью и энергіей очевидца, какія даютъ силу и значеніе корреспонденціямъ иностранныхъ газетъ. Такое жалкое значеніе русскихъ корреспонденцій въ неувлеченномъ и безпристрастномъ человѣкѣ вызывало естественное предположеніе что корреспонденціи, написанныя на Дунаѣ и въ Малой Азіи, очень удобно могли составляться и вдали отъ театра военныхъ дѣйствій, ибо слухи проникаютъ повсюду, и цѣна корреспонденціи отъ такого составленія нисколько бы не измѣнилась. Въ очеркѣ г. Щедрина корреспондентъ Подхалимовъ I-й посылаетъ телеграмму о переходѣ русскихъ войскъ черезъ Дунай изъ Кинешмы, что онъ могъ сдѣлать только послѣ прочтенія въ «Моск. Вѣд.» оффиціальной телеграммы объ этомъ событіи. Но развѣ не было случаевъ, что телеграммы корреспондентовъ объ извѣстномъ событіи, присланныя не изъ Кинешмы, а съ самаго театра военныхъ дѣйствій, печатались почти черезъ недѣлю послѣ обнародованія оффиціальной телеграммы объ этомъ событіи. Печатаніе такихъ телеграммъ не представляется-ли простымъ баловствомъ? Мнѣ привелось слышать упреки Щедрину, зачѣмъ его Подхалимовы дѣйствуютъ не на Дунаѣ или въ Малой Азіи, а шатаются въ Россіи, постоянно давая себѣ слово завтра непремѣнно уѣхать. Но развѣ отъ перемѣщенія арены дѣйствій могла произойти какая-нибудь разница въ положеніи Подхалимова, какъ корреспондента? Очевидно, никакой, такъ не все ли равно для дѣла, будетъ-ли корреспондентъ сидѣть въ Кинешмѣ или Зимницѣ (въ Румыніи). Въ очеркѣ г. Щедрина Подхалимовъ 1-й чрезвычайно остроумно объясняетъ значеніе корреспондента русской газеты. На вопросъ самодура купца, шутящаго надъ нимъ шутки, что такое корреспондентъ, Подхалимовъ

«объяснилъ, что въ недавнее время возникла шестая великая держава, называемая прессою, которая, стремясь къ украшенію столбцовъ и страницъ, повсюду завела корреспондентовъ. Эти послѣдніе обязываются замѣчать все, что происходитъ на ихъ глазахъ, и описывать въ легкой и забавной формѣ, способной заинтересовать и увеселить читателя. Писанія свои корреспонденты отправляютъ въ газеты для напечатанія, но бабушка еще на-двое сказала, увидятъ ли они свѣтъ. Все искуство корреспондента въ томъ заключается, чтобы угадать, какіе восторги своевременны и какіе преждевременны. Напримѣръ: во время сербской войны, нѣкоторые восторги были сочтены преждевременными, и потому множество корреспондентовъ погибло напрасною смертью; теперь-же, повидимому, эти самые восторги вполнѣ своевременны. Но и то только повидимому, ибо, ежели будущее неисповѣдимо вообще, то въ отношеніи къ корреспонденту оно неисповѣдимо сугубо. «Лови моментъ!» —вотъ единственное правило, которое умный корреспондентъ обязанъ вполнѣ себѣ усвоить».

Еще разъ приходится изумиться проницательности г. Зауряднаго Читателя. Къ чему понадобилась ему малая пресса для объясненія очерка г. Щедрина?

Въ заключеніе привожу слѣдующую чрезвычайно характеристичную выписку изъ очерка г. Щедрина. Разсказъ ведется отъ имени корреспондента Подхалимова 1-го.

«Я, въ качествѣ корреспондента, счелъ долгомъ вступить въ разговоръ, съ моими спутниками.

— Иванъ Иванычъ! обратился я къ моему амфитріону:—какъ вы думаете объ нынѣшнихъ военныхъ обстоятельствахъ?

Но онъ не безъ изумленія взглянулъ на меня и, вмѣсто отвѣта, откупоривъ фляжку, сказалъ:

— Выпьемъ... коррреспондентъ!

Я не отказался сдѣлать ему удовольствіе, но восклицаніе его, все-таки, мало удовлетворило меня. Отецъ Николай, видя мое недоумѣніе, поспѣшилъ ко мнѣ на помощь.

— Вмѣстѣ съ прочими, значитъ, сказалъ онъ: —какъ прочіе, такъ и мы.

— Вѣрррно! подтвердилъ и Иванъ Иванычъ.

— Но лично что же вы думаете? личное ваше мнѣніе въ чемъ заключается? настаивалъ я, ничего не понимая въ этой странной воздержности.

— А въ кутузку не желаешь... коррреспондентъ? отвѣтилъ онъ, послѣ минутнаго молчанія.

— Нетолько не желаю, но даже не понимаю, причемъ тутъ кутузка.

— Ну, а мы даже очень отлично понимаемъ.

— Позвольте, однакожъ! Если въ вашихъ мнѣніяхъ нѣтъ ничего предосудительнаго, то почему не высказать ихъ? Если энтузіазмъ самъ просится изъ вашей груди, то почему не выразить его публично, всенародно? Неужели вамъ неизвѣстно, что нынче никому выражать свой энтузіазмъ не воспрещается?

— И не воспрещается, и извѣстно, а все-таки... выпьемъ коррреспондентъ!

Я опять не отказалъ ему въ удовольствіи вмѣстѣ выпить, но, все-таки, стоялъ на своемъ:

— Но почему же? почему?

— А потому, что потому—вотъ тебѣ и сказъ!

— Боязно съ, пояснилъ отецъ Николай: думаютъ—слово-то не трудно молвить; анъ оно, пожалуй—не то, какое надобно. Ну, и кутузка притомъ же. Хоша нынче она и утратила прежнее всенародное значеніе, а все-таки, въ совершенствѣ забвенію не предана!

— Вѣрррно! опять подтвердилъ Иванъ Иванычъ.

— Но, вѣдь, вы сами были давича очевидцемъ, какъ люди совершенно простые выражали свой энтузіазмъ! И выражали такъ открыто, что, навѣрное, никто изъ нихъ не опасался подвергнуться за это административному воздѣйствію!

— То—мужики, имъ все можно, потому что имъ и подъ замкомъ посидѣть ничего; а мы—люди обстоятельные. Для насъ не токма что день или недѣля, а всякій часъ дорогъ! Будетъ... выпьемъ!»

Н. И.

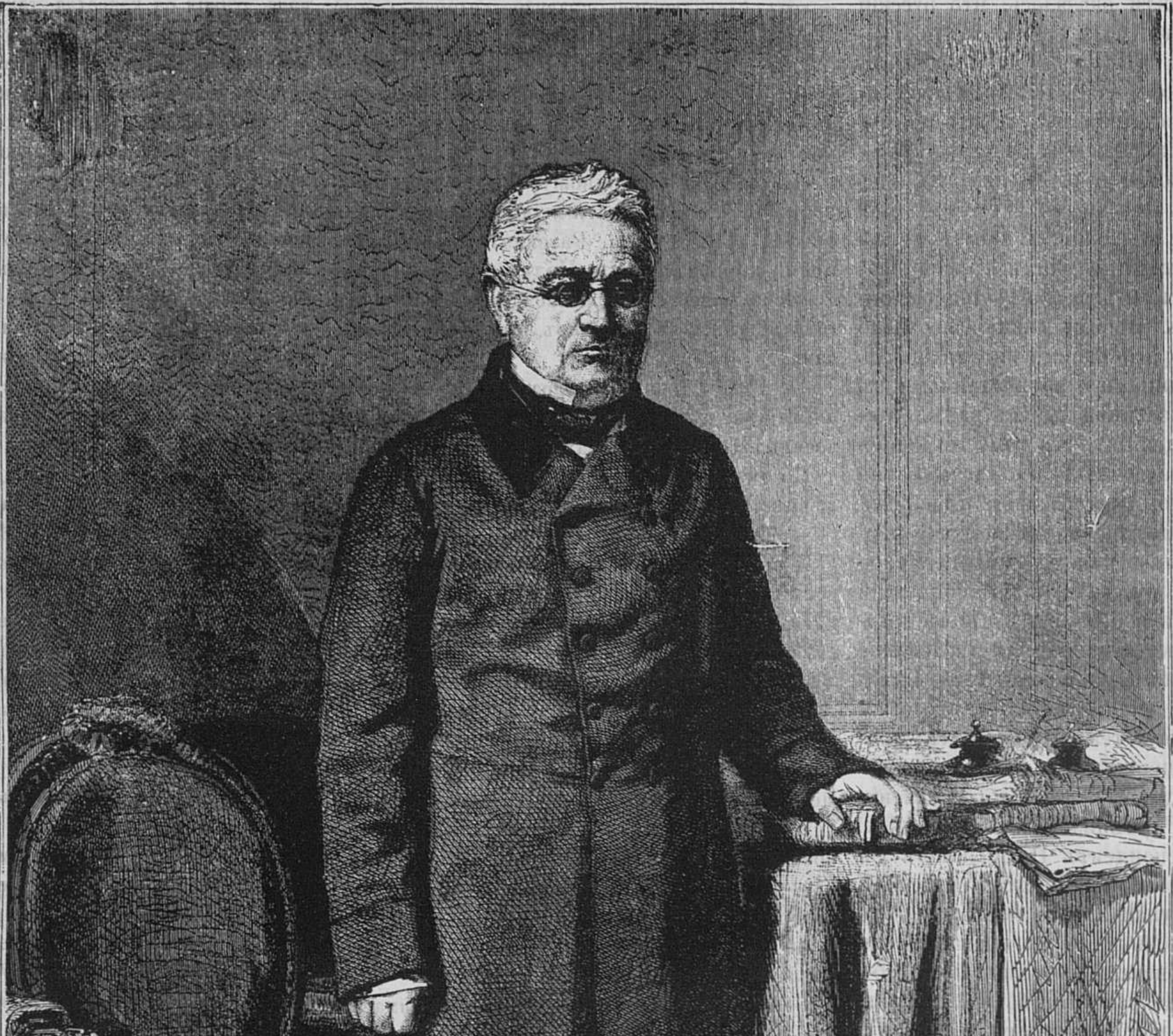
Адольфъ Тьеръ.

22 августа (3 сентября) этого года умеръ Тьеръ, одинъ изъ замѣчательныхъ государственныхъ людей XIX вѣка. Еще юношей Тьеръ заставилъ говорить о себѣ и цѣлые полвѣка имя его было извѣстно во всей Европѣ. Всегда онъ имѣлъ много почитателей и еще болѣе враговъ. Онъ представлялъ собою вполнѣ законченный типъ представителя французской управляющей либеральной буржуазіи. Въ немъ отражались какъ лучшія ея качества, такъ и недостатки.

Тьеръ родился въ 1797 году въ Э, въ Провансѣ и былъ сыномъ бѣднаго кузнеца. Въ первоначальной школѣ своей общины онъ обратилъ на себя вниманіе учителя, который такъ много твердилъ объ его умѣ, способностяхъ и прилежаніи, что заставилъ общину взять на свое попеченіе маленькаго Адольфа и помѣстить его въ колегію сначала въ Э, а потомъ въ Марсели. Въ Марсельской колегіи Тьеръ особенно подружился съ двумя своими товарищами: Минье и Кремье и оставался въ дружбѣ съ ними до самой смерти. По окончаніи курса въ колегіи, Тьеръ поступилъ на юридическій факультетъ въ Э. Изучивъ права, онъ отправился въ Парижъ, куда стремится всегда французская молодежь въ лицѣ болѣе развитыхъ и талантливыхъ ея представителей. Тьеръ поселился въ мансардѣ въ Латинскомъ кварталѣ вмѣстѣ съ другомъ своимъ Минье, недавно получившимъ премію отъ парижской академіи. По совѣту Минье, Тьеръ рѣшился явиться соискателемъ на премію, предложенную академіей въ Э за похвальное слово Вовенаргу и получилъ ее. Принадлежа по своимъ политическимъ убѣжденіямъ къ либеральной буржуазіи, Тьеръ во время раставрацiи не могъ разсчитывать на составленіе себѣ служебной карьеры; попасть въ палату онъ также не могъ: былъ слишкомъ молодъ и не имѣлъ никакихъ связей, никто не могъ рекомендовать его избирателямъ, которые его не знали. Поэтому онъ естественно обратился къ журналистикѣ и вскорѣ сдѣлался самымъ замѣтнымъ сотрудникомъ въ либеральной оппозиціонной газетѣ «Constitutionnel.» Участіе въ этой газетѣ познакомило его съ Манюэлемъ и открыло двери дома банкира Лафита, главы тогдашней оппозиціи. Черезъ Лафита Тьеръ познакомился съ Лафайетомъ, герцогомъ Орлеанскимъ (впослѣдствіи король Люи-Филиппъ), Талейраномъ и со всѣми выдающимися личностями опозиціонной партіи. Замѣчательно, что Тьеръ, добивавшійся расширенія своего знакомства, всегда умѣлъ держать себя независимо; онъ не отказывался отъ покровительства людей вліятельныхъ, но всегда выходило такъ, что не Тьеръ просилъ ихъ о чемъ нибудь, а они сами искали случая услужить ему.

Заручившись связями и знакомствами, получивъ нѣкоторую извѣстность въ журналистикѣ, Тьеръ написалъ и издалъ первый томъ «Исторіи французской революціи.» Эта книга была принята либеральной партіей крайне сочувственно; Тьера провозгласили замѣчательнымъ историкомъ; имя его стало популярно не только во Франціи, но и во всей Европѣ. Послѣдующіе томы этой исторіи, оконченной печатаніемъ въ 1827 г. не уменьшили, но также и не увеличили славы Тьера. Въ этомъ сочиненіи выступаетъ идея, характеризующая направленіе Тьера и его нравственныя тенденціи: онъ преклоняется передъ успѣхомъ и считаетъ его главнымъ и единственнымъ мѣриломъ справедливости и разумности. Сочиненіе Тьера грѣшитъ многими недостатками и не выдержитъ строгой научной критики, но оно было написано во время, соотвѣтствовало настроенію общества и вотъ причина его громаднаго успѣха. «Исторія французской революціи» разошлась въ 150,000 экземплярахъ и доставило обезпеченное положеніе автору.

Въ 1829 году Тьеръ вмѣстѣ съ другомъ своимъ Минье и республиканцемъ Арманомъ Карелемъ основалъ газету «National» съ строго-оппозиціоннымъ направленіемъ. Эта газета сразу пріобрѣла массу читателей и была лучшей газетой въ царствованіе Карла X и Люи-Филиппа, но въ 1848 году перешла въ руки реакціонеровъ. Въ февралѣ 1830 года «National» рѣшилась на смѣлую выходку, заявивъ кандидатуру на тронъ герцога Орлеанскаго. Послѣдовавшій затѣмъ процесъ еще болѣе связалъ газету съ партіей либеральной буржуазіи, охотно уплатившей штрафъ, присужденный съ «National' я.» Въ іюлѣ «National» еще рѣзче осуждалъ правительство, желавшее, по мнѣнію газеты, произвести государственный переворотъ. Когда же появились извѣстные *приказы* Полиньяка, Тьеръ организовалъ протестъ. Протестующіе намѣрены были напечатать свой протестъ въ газетахъ, но безъ своихъ подписей. «Нѣтъ, господа, такимъ путемъ мы ничего не достигнемъ, сказалъ Тьеръ, — подпишемся всѣ подъ нашимъ протестомъ; конечно, мы жертвуемъ своими головами, но иначе нельзя разсчитывать на успѣхъ.» Предложеніе его было принято.


MOUILLERON DEL.
J. ROBERT sc.

Адольфъ Тьеръ.

29-го іюля Тьеръ раздавалъ сражавшимся на баррикадахъ прокламацію, въ которой исчислялись достоинства герцога Орлеанскаго, а въ ночь съ 30 на 31 іюля, былъ въ составѣ депутаціи, вручившей, отъ имени народа, диктатуру герцогу Орлеанскому. 8 августа Люи-Филиппъ объявилъ себя королемъ и во Франціи началось владычество либеральной буржуазіи, наступила эпоха парламентаризма.

На первыхъ же выборахъ Тьеръ представился кандидатомъ въ своемъ родномъ городѣ Э и былъ выбранъ почти единогласно. Первыя рѣчи Тьера въ палатѣ были полны огня и энтузіазма. Онъ требовалъ немедленныхъ реформъ, широкаго примѣненія принциповъ первой революціи и твердой, рѣшительной и воинственной внѣшней политики. Но мало-по-малу (ходилъ слухъ, что по совѣту Талейрана) онъ остылъ, рѣчи его стали холоднѣе; Тьеръ бралъ уже не пафосомъ, а добродушіемъ, веселостью и шутливостью.

Тьеръ не попалъ въ первый кабинетъ іюльской монархіи, но, оставаясь другомъ президента министровъ Лафита и занимая официальную должность секретаря министерства, онъ оказывалъ не малое вліяніе на дѣйствія правительства Но буржуазія утомилась либерализмомъ и кабинетъ Лафита палъ. Къ удивленію всѣхъ, Тьеръ не только не послѣдовалъ за министерствомъ въ его паденіи, но еще сталъ говорить противъ него и получилъ мѣсто въ кабинетѣ Казиміра Перье. Теперь Тьеръ измѣнилъ свою политическую программу. Онъ твердилъ, что «буржуазія должна показывать видъ, что она либеральна въ высочайшей степени и быть въ дѣйствительности либеральной настолько, насколько позволяютъ ея собственные интересы. Ея девизомъ должны быть порядокъ и свобода». Съ помощью этихъ двухъ магическихъ словъ Тьеръ всегда одерживалъ побѣды противъ постоянныхъ враговъ буржуазіи: легитимистской аристократіи и республиканцевъ. Когда аристократія усиливается, буржуазія взываетъ къ свободѣ, соединяется съ народомъ и побѣждаетъ аристократію. Послѣ же побѣды буржуазія начинаетъ твердить о необходимости водворенія порядка, подаетъ руку побѣжденной аристократіи и, съ ея содѣйствіемъ, одерживаетъ верхъ надъ республиканцами. Эти два вида борьбы проходятъ чрезъ всю исторію Франціи съ конца прошлаго столѣтія.

Правленіе Люи-Филиппа было ознаменовано безпрерывными смѣнами министерствъ. Тьеръ какъ-то умѣлъ попадать почти въ каждое министерство, онъ сдѣлался необходимымъ человѣкомъ, безъ него, казалось, не могло существовать ни одно министерство; въ его присутствіи видѣли гарантію прочности министерства, но на самомъ дѣлѣ оно-то почти всегда и служило причиной паденія. Наконецъ, Тьеръ сдѣлался президентомъ министровъ и до самаго конца іюльской монархіи на этомъ посту мѣнялся съ Гизо. Тьеръ былъ представителемъ лѣваго центра въ палатѣ депутатовъ, Гизо—праваго. Съ 1832 по 1840 годы чаще одерживалъ верхъ лѣвый центръ, съ 1840 по 1848 — правый. Дѣятельность Тьера, какъ министра, была изумительная; онъ поспѣвалъ вездѣ, на всемъ была замѣтна его инициатива. Но, можетъ быть, благодаря именно этой вездѣсущности, онъ дѣлалъ не мало ошибокъ. Одной изъ крупныхъ ошибокъ его во внѣшней политикѣ была поддержка, оказанная имъ возмущенію египетскаго хедива, Мехмеда-Али противъ султана. Тьеръ поставилъ армію на военное положеніе, послалъ французскій флотъ въ Средиземное море и добился у палаты, несмотря на сильное сопротивленіе оппозиціи и даже части его друзей, денегъ на укрѣпленія Парижа. Между тѣмъ составилась коалиція изъ Россіи, Англіи, Австріи и Пруссіи, объявившая себя на сторонѣ Турціи. Франція не въ силахъ была бороться съ коалиціей и отказалась отъ поддерживанія мятежнаго хедива. Понятно, что Тьеръ послѣ такого печальнаго конца своей агитаціи, принужденъ былъ выйти въ отставку и уступить свое мѣсто Гизо.

Тьеръ на время удалился отъ политики и занялся продолженіемъ своей «Исторіи революціи», которую выпустилъ подъ заглавіемъ «Исторія консульства и имперіи». Эта книга не имѣла уже того успѣха, какъ первая, но все-таки разошлась въ значительномъ количествѣ экземпляровъ.

Въ 1845 году Тьеръ окончательно перешелъ на сторону рѣшительной оппозиціи. Онъ рѣзко порицалъ безсиліе и упорство Гизо, нападалъ на іезуитовъ, требовалъ пониженія ценза. Не пощадилъ онъ и самого Люи-Филиппа, сказавъ, что король не оправдываетъ надеждъ, возлагаемыхъ на него націей. Въ это же самое время онъ опять сталъ журналистомъ и въ газетѣ «Constitutionnel» печаталъ свои рѣзкія оппозиціонныя статьи, производившія не менѣе сильное впечатлѣніе, какъ и статьи его въ 1830 году въ «National'ѣ». Особенной рѣзкостью статьи эти отличались въ февралѣ 1848 года.

Вспыхнула февральская революція 1848 года. Въ ночь съ 23 на 24 февраля Люи-Филиппъ призвалъ Тьера и Одиллона Барро, поручая имъ составить министерство и спасти погибавшую монархію. Тьеръ вышелъ на улицу и обратился къ народу съ такимъ воззваніемъ: «Свобода! Порядокъ! Рефора! Довѣріе!» Но народъ отвѣчалъ ему криками «Да здравствуетъ республика!» Тьеръ возвратился во дворецъ «Уже поздно!» сказалъ онъ королю.

Во время второй республики Тьеръ въ національномъ собраніи присоединился къ правому центру и сдѣлался членомъ клуба улицы Пуатье, задававшагося цѣлію остановить развитіе демократическихъ идей во Франціи. Тьеръ былъ президентомъ этого клуба, когда настали президентскіе выборы. Сперва Тьеръ рѣзко высказался противъ кандидатуры принца Наполеона, но затѣмъ, къ удивленію своихъ друзей, подалъ голосъ за него. Тьеру часто приходилось удивлять одинаково и почитателей и недруговъ...

Не прошло и двухъ мѣсяцевъ со времени избранія принца Наполеона, и уже былъ рѣшенъ государственный переворотъ какъ Наполеономъ —въ свою пользу, такъ и клубомъ улицы Пуатье— въ пользу Орлеановъ. Переворотъ совершился черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и Тьеръ былъ арестованъ. Сперва его посадили въ Мазасъ, а затѣмъ отвезли за границу, запретивъ возвращеніе во Францію.

Во время владычества второй имперіи, Тьеръ, получившій амнистію, держался вдали отъ дѣлъ, хотя продолжалъ оказывать вліяніе въ оппозиціонныхъ салонахъ и въ академіи. Въ 1863 году онъ былъ избранъ депутатомъ въ законодательное собраніе и, конечно, присоединился къ оппозиціи. Онъ снова явился замѣчательнымъ ораторомъ, что случалось, впрочемъ, всякій разъ, когда онъ находился въ оппозиціи, а не стоялъ у правительственнаго руля. Въ своихъ блистательныхъ рѣчахъ онъ доказывалъ крайнюю необходимость расширенія свободы во Франціи, безъ чего страна будетъ доведена до послѣдней крайности и перестанетъ существовать, какъ самостоятельная великая держава.

Послѣ революціи 4 сентября 1870 года, вызванной седанской катастрофой, Тьеръ не попалъ въ число членовъ правительства народной обороны, потому что не былъ депутатомъ отъ города Парижа. Однажды онъ получилъ дипломатическое порученіе въ Лондонъ, Вѣну и Петербургъ и его посольство привело къ тому результату, что требованія Германіи нѣсколько уменьшились.

Собралось національное собраніе въ Бордо и Тьеръ былъ избранъ главою правительства. Большинство собранія состояло изъ представителей монархическихъ партій, но легальная правительственная форма была республиканская. Чтобы смягчить какъ-нибудь затрудненія, происходящія отъ такого порядка вещей, Тьеръ выступилъ съ такъ называемымъ «Бордосскимъ договоромъ», по которому партіи заключали между собою временное перемиріе. Заключая его, каждая партія была увѣрена, что станетъ держаться его только до тѣхъ поръ, пока не почувствуетъ себя настолько сильной, чтобы нарушить его.

Тьеръ оказалъ большія услуги Франціи, когда послѣ заключенія мира съ Германіей пришлось отыскивать средства для уплаты условленной контрибуціи. При подавленіи возстанія Парижа, извѣстнаго подъ именемъ «парижской комуны», Тьеръ дѣйствовалъ, можетъ быть, слишкомъ рѣзко, что способствовало не къ умиротворенію партій, столь необходимому для Франціи, а скорѣе къ еще большей враждѣ ихъ между собою.

Бордосскій договоръ, очевидно, не могъ долго существовать. Тьеръ видѣлъ необходимость установленія опредѣленнаго прочнаго правительства. Онъ считалъ единственно-возможной для Франціи республиканскую форму правительства, потому что только она могла привести къ примиренію между партіями, Тьеръ, однакожь, колебался дѣйствовать рѣшительно, онъ безпрестанно дѣлалъ уступки своимъ противникамъ, шелъ на компромисы и кончилось тѣмъ, что противники свергли его въ ту минуту, когда онъ поставилъ вопросъ объ окончательномъ утвержденіи республиканской формы правленія. Тьеръ подалъ въ отставку и на его мѣсто былъ избранъ прозидентомъ маршалъ Макъ-Магонъ.

Послѣ отставки Тьеръ очень рѣдко появлялся въ національномъ собраніи, еще рѣже произносилъ политическія рѣчи (онъ говорилъ только во время своихъ путешествій по Франціи, встрѣчая вездѣ сочувственный, восторженный пріемъ), но имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ то самое собраніе, которое свергло его, утвердило республиканскую форму правленія и разошлось, уступивъ свое мѣсто палатѣ, имѣвшей значительное республиканское большинство. Тьеръ былъ признанъ номинальной главой республиканской партіи и постоянно возбуждалъ страхъ въ Макъ-Магонѣ и реакціонерныхъ партіяхъ, которыя въ своихъ газетахъ ругали Тьера и клеветали на него. Послѣдній переворотъ, затѣянный Брольи, Фурту и клерикалами, былъ строго осужденъ Тьеромъ, предсказывавшимъ окончательное торжество республики. Во время приготовленія къ избирательной кампаніи, которая, по мнѣнію Тьера, должна была уничтожить послѣдствія переворота 16 мая, маститый государственный человѣкъ внезапно скончался.

Правительство Брольи-Фурту, желая сдѣлать изъ похоронъ Тьера демонстрацію въ пользу переворота 16 мая, пожелало похоронить его на счетъ государства и потому требовало, чтобы распоряженіе похоронами было предоставлено ему. Вдова Тьера, понявъ къ чему клонятся замыслы враговъ ея покойнаго мужа, отказалась отъ предлагаемой чести. Она похоронила мужа на свой счетъ; за гробомъ шли друзья покойнаго; въ процессіи участвовала масса представителей республиканской партіи.

Послѣ смерти Тьера напечатанъ манифестъ его къ избирателямъ, въ которомъ онъ говоритъ о необходимости утвержденія республики, объ избраніи республиканскихъ депутатовъ распущеннаго національнаго собранія и порицаетъ переворотъ 16 мая.

Новости наукъ и жизни.

— О четырехъ 80-ти тонныхъ орудіяхъ англійскаго флота, предназначенныхъ для вооруженія англійскаго броненосца Инфлексибль, «Times» сообщаетъ, что первоначально было назначено изготовить ихъ къ 1-му января 1878 года. Первое изъ этихъ орудій находится до сихъ поръ въ Шибурнесѣ, гдѣ изъ него было сдѣлано только нѣсколько выстрѣловъ, одинъ изъ которыхъ далъ неожиданно неблагопріятные результаты и теперь потребуется не менѣе двухъ мѣсяцевъ прежде, чѣмъ изъ него можно будетъ стрѣлять снова. Вообще же главное затрудненіе заключается въ рѣшеніи относительно наилучшаго устройства нарѣзовъ орудія, вслѣдствіе чего, надо полагать, орудія не будутъ готовы къ назначенному сроку. Къ тому же для этихъ орудій имѣется пока только одинъ станокъ, который слѣдуетъ испытать въ Шибурнесѣ прежде, чѣмъ приступятъ къ постройкѣ остальныхъ. Станки по всей вѣроятности будутъ сдѣланы по гидравлической системѣ. У перваго, такъ называемаго 84-тоннаго орудія труба испорчена и будетъ замѣнена новою, которая будетъ сдѣлана изъ цѣльнаго куска стали; діаметръ трубы у казенной части будетъ въ 24 дюйма, и спускаться къ дульному срѣзу.

— **Замѣчательный механикъ.** Мѣстныя «Вѣдомости» передаютъ извѣстіе о замѣчательномъ механикѣ, живущемъ въ Житомирѣ: «Г. Померанцъ, еврей, уроженецъ Ковенской губерніи; спеціальное его ремесло—часовое, которому онъ много уже лѣтъ посвятилъ себя въ Житомирѣ. Г. Померанцъ, въ 1865 году, устроилъ снарядъ для повѣрки и уравненія пѣшеходныхъ шаговъ; на мануфактурной выставкѣ 1870 года, въ С.-Петербургѣ, за представленные часы, съ календаремъ юліанскаго и грегоріанскаго счисленій, получилъ похвальный отзывъ; на политехнической выставкѣ 1872 г., за шагомѣръ и карманный музыкальный метрономъ, получилъ большую серебряную медаль; теперь-же устроилъ новой конструкціи часы съ календаремъ, которые намѣренъ отправить на парижскую выставку. Часы-календарь состоятъ изъ механизмовъ (размѣщенныхъ въ видѣ развѣтвленной лампы), приводимыхъ въ движеніе регулирующимъ маятникомъ, внутри котораго помѣщается весь часовой механизмъ, показывающій съ обѣихъ сторонъ: часы, минуты и дни недѣли. Надъ ними лампа, абажуръ которой расписанъ числами, обходя стрѣлку, выходящую изъ часовъ, показываетъ: часы, получасы и четверти; горизонтально съ этою лампою двѣ другія, одна — показывающая мѣсячныя числа, а другая — сколько въ каждомъ мѣсяцѣ дней. Ко всѣмъ тремъ лампамъ приспособлено керосиновое освѣщеніе. Выше же средней лампы помѣщается указатель года».

— **Тушеніе пожаровъ.** Нѣкто Буди, изъ Лейпцига, взялъ привиллегію на изобрѣтенное имъ средство тушенія пожаровъ. Онъ приготовляетъ небольшія плитки, состоящія изъ хлорнокислаго калія и окиси марганца, тщательно измельченныхъ, перемѣшанныхъ между собою, смоченныхъ водою въ видѣ тѣста и затѣмъ спресованныхъ. Плитки окружены огнеупорною оболочкою, препятствующею быстрому воспламененію ихъ содержимаго. Въ оболочкѣ этой оставлено лишь небольшое отверстіе заткнутое фитилемъ. Если бросить подобную плитку въ огонь, фитиль загорается и пламя сообщается внутреннему содержимому плитки, которое также загорается и, медленно горя, выдѣляетъ большое количество газовъ, дѣйствующихъ тушащимъ образомъ на окружающее пламя. — Для болѣе успѣшнаго дѣйствія плитокъ, къ огню не должно быть сильнаго притока воздуха. По этому средство Буди дѣйствуетъ лучше въ тихую погоду, нежели въ вѣтряную и лучше при внутреннихъ пожарахъ, чѣмъ при наружныхъ. Стоимость средства Буди весьма не высока, а потому при компактности его тушащихъ плитокъ и ихъ полной безопасности, ихъ можно смѣло рекомендовать всѣмъ желающимъ.

— **Пневматическая желѣзная дорога.** Въ Лондонѣ учредилась недавно акціонерная компанія, съ весьма солиднымъ основнымъ капиталомъ, задавшаяся цѣлью построить и затѣмъ эксплоатировать «пневматическую» подземную дорогу, для пассажирскаго движенія. Основная идея устройства этой дороги аналогична съ идеею устройства такъ называемыхъ «пневматическихъ почтъ». Путемъ для этой дороги будетъ служить чугунная труба, значительнаго діаметра, составленная изъ множества отдѣльныхъ частей, соединенныхъ герметически одна съ другою, и заложенная въ землю на значительную глубину. Подвижной же составъ ея будетъ состоять изъ вставленныхъ въ эту трубу вагоновъ, прицѣпленныхъ къ глухому поршню, герметически прилегающему къ внутреннимъ стѣнкамъ трубы. Пока поѣздъ еще не собранъ, поршень закрѣпленъ въ трубѣ на одномъ мѣстѣ. Воздухъ, заключенный въ трубѣ, впереди поршня, выкачивается изъ нея въ это время дѣйствіемъ сильныхъ разрѣжающихъ насосовъ, помѣщенныхъ на станціи назначенія. Когда наступило время отправленія поѣзда, задержка, удерживавшая поршень на мѣстѣ, вынимается и поршень, получившій свободу, начинаетъ, подъ вліяніемъ давленія на заднюю грань его атмосфернаго воздуха, двигаться впередъ, увлекая за собою вагоны. Скорость движенія такого поѣзда тѣмъ значительнѣе, чѣмъ больше разница въ упругостяхъ—атмосфернаго воздуха, позади поршня, и разрѣженнаго воздуха впереди его. Преимущества этой системы состоятъ въ полной безопасности схода вагоновъ съ пути, столь обыкновеннаго на рельсовыхъ дорогахъ, спокойная ѣзда и отсутствіе паровоза, а слѣдовательно и отдѣляемаго имъ дыма, что весьма важно для всякой подземной дороги. Проктируемая дорога должна соединить одну изъ станцій лондонской подземной паровой дороги съ Кенсингтонскимъ музеемъ. Разработка проекта и осуществленіе его поручено инженерамъ, пользующимся солидною репутаціею.

— **Глубина Атлантическаго океана.** По изысканіямъ многихъ лицъ, наибольшая глубина этого океана считалась до сихъ поръ равною 3750 саженямъ. Эту цифру принялъ и Мори, при составленіи своей «карты сравнительныхъ глубинъ Атлантики». Между тѣмъ, въ недавнее время, одинъ англійскій капитанъ наткнулся въ этомъ океанѣ на глубину несравненно значительнѣйшую. Употребленный имъ для промѣра этой глубины лотъ спускался въ продолженіи 9 часовъ и 25 минутъ, пока, наконецъ, не достигъ дна океана. Опредѣленная имъ глубина оказалась равною 6500 саженямъ, т. е. 13 верстамъ!

Смѣсь.

— **Съ войны.** Извлекаемъ изъ «Летучаго военнаго листка», издающагося при главной квартирѣ слѣдующее. Въ приказѣ начальника штаба ген. Непокойчицкаго, между прочимъ объявлено, что до свѣдѣнія его высочества главнокомандующаго дошло о томъ, что «нижніе чины бродятъ по одиночкѣ по окрестностямъ лагерей обижаютъ жителей, приносящихъ на нихъ жалобы, и ведутъ себя вообще неприлично». Вслѣдствіе этого, великій князь Главнокомандующій приказалъ объявить, чтобы съ бивуаковъ нижніе чины были отпускаемы не иначе, какъ командами, и что «съ нижними чинами, причинившими какіе-либо безпорядки, будетъ поступлено, какъ съ мародерами».

Въ томъ-же нумерѣ «Листка» напечатанъ штатъ гражданскаго управленія въ санджакахъ—округахъ болгарскаго края. Губернатору назначенъ окладъ въ 7,000 руб., да на экстраординарные расходы отъ 6,000 до 10,000; вице-губернатору 4,500 руб., начальникамъ округовъ по 2,500 руб., полиціймейстерамъ по 2,500 руб. и т. д.

Въ № 10-мъ, послѣ трехъ приказаній начальника штаба, помѣщена инструкція о взиманіи десятиннаго налога съ хлѣбныхъ полей и луговъ Болгаріи въ 1877 году.

№ 11-й «Летучаго Военнаго Листка» заключаетъ въ себѣ правила о подворной повинности съ населенія болгарскаго края, для удовлетворенія потребностей войскъ и для проѣзда отдѣльныхъ лицъ, слѣдующихъ по дѣламъ службы.

— **Ожесточеніе румынъ противъ турокъ.** Бухарестскій корреспондентъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» сообщаетъ что три дня тому назадъ, одинъ румынскій штабъ-офицеръ давалъ честное слово — наканунѣ своего выѣзда въ Плевну — что онъ лично и его команда не будутъ имѣть турецкихъ плѣнныхъ, и на вопросъ мой, почему-же это? офицеръ очень хладнокровно отвѣтилъ: «На мѣстѣ разстрѣляю всѣхъ безъ разбора, и пускай пишутъ заграницею, что хотятъ. Но я васъ спрашиваю, обратился онъ ко мнѣ, послѣ краткой паузы, турки имѣютъ-ли русскихъ или румынскихъ плѣнныхъ? Нѣтъ, поспѣшилъ самъ-же отвѣтить. Они ихъ избиваютъ. То же самое буду дѣлать я». Мнѣніе такого рода я слышу уже не отъ перваго румынскаго офицера. Всѣ они дышатъ злобою и ненавистью къ туркамъ, и я только воображаю себѣ, какія раздирающія сцены будутъ происходить на полѣ сраженія.

— **Одѣяла.** Необыкновенно холодный день напоминаетъ намъ, что газеты, положенныя между шерстяными одѣялами хорошо предохраняютъ отъ холода. Это указаніе полезно для бѣдныхъ, да и богатый не долженъ пренебрегать имъ — вмѣсто газеты, онъ можетъ употреблять потерявшія цѣнность процентныя бумаги.

— **Англійскія пожертвованія.** «Биржевымъ Вѣдомостямъ» пишутъ изъ Одессы: «Одесскій великобританскій консулъ получилъ увѣдомленіе отъ британскаго посла въ Константинополѣ, что, на дняхъ въ Одессу прибудетъ подъ англійскимъ флагомъ, судно «La ville de Dunkerque», везущее различные припасы въ пользу «Краснаго Креста», пожертвованные лондонскими комитетами вспомоществованія больнымъ и раненымъ воинамъ. Половина этихъ припасовъ выгружена въ Константинополѣ, для «Краснаго полумѣсяца». По выгрузкѣ припасовъ, судно предназначается для надобностей «Краснаго Креста». Если-бы эвакуація раненыхъ могла послѣдовать по Дунаю и, затѣмъ, моремъ, до Одессы, то, кромѣ выигрыша времени и болѣе успѣшнаго удаленія тяжело раненыхъ изъ госпиталей на театрѣ военныхъ дѣйствій, этимъ достиглось-бы прямое предупрежденіе зараженія пріемныхъ пунктовъ, и не одна сотня жизней была-бы спасена. Легко, быть можетъ, что именно для этой цѣли и будетъ предназначено ожидаемое сюда судно.

— **Потери сербовъ.** Изъ Бѣлграда пишутъ, въ вѣнскую «Politische Correspondenz»: «По оффиціальной статистикѣ сербскаго главнаго штаба утрата военнаго матеріала въ прошлогоднюю войну была весьма незначительна. Только сегодня сдѣлалось оффиціально извѣстнымъ число выбывшихъ въ эту войну изъ строя солдатъ. Сербія лишилась 5,000 убитыми и 15,000 ранеными, взятыми въ плѣнъ и пропавшими безъ вѣсти. Артиллерія лишилась только 18-ти человѣкъ убитыми. Наибольшую потерю понесли волонтеры, прибывшіе какъ изъ Россіи, такъ и изъ Босніи».

— **Бракъ между двумя докторами.** Изъ Вѣны пишутъ въ берлинскія газеты, что 11-го сентября, дѣвица-докторъ Роза Хилкова-Путята вышла замужъ за вѣнскаго профессора доктора Фридриха Кершбаумера. Новобрачная уроженка Россіи, получила докторскій дипломъ въ Швейцаріи. Ей теперь 23 года отъ роду.

— **Пущинъ.** По словамъ константинопольскаго корреспондента «Kölnische Zeitung», русское правительство предлагало Портѣ, черезъ посредство, принца Рейсса, освободить лейтенанта Пущина въ обмѣнъ на кого нибудь изъ турецкихъ плѣнныхъ, находящихся въ Россіи; но Порта отклонила это предложеніе, отозвавшись, очень лестнымъ, но прискорбнымъ для г. Пущина образомъ, что онъ одинъ дороже, чѣмъ Гассанъ-паша и сотня другихъ офицеровъ, находящихся въ плѣну у русскихъ.

— **Нашатырь.** «Бирж. Вѣд.» пишутъ изъ нашихъ средне-азіатскихъ владѣній, что на правомъ берегу р. Искандеръ-Су, близь горы Канъ-тау, отдается въ арендное содержаніе за 60 тиллей пещера, изъ которой добывается нашатырь. Изъ пещеры, какъ и изъ всѣхъ щелей горы, выходитъ бѣлый паръ. Арендаторъ плотно закладываетъ входъ въ пещеру и оставляетъ ее такъ на три мѣсяца. Въ это время пещера наполняется натеками нашатыря. Въ пещерѣ такъ жарко, что люди, выгребающіе изъ нея лопатами нашатырь, закутываются сплошь въ овчину, шерстью вверхъ, которая притомъ смочена въ водѣ. Собранный въ пещерѣ нашатырь свозятъ въ кишлаки (деревни), гдѣ его очищаютъ отъ постороннихъ примѣсей. Затѣмъ его продаютъ частью въ Самаркандѣ, частью въ другихъ мѣстахъ Туркестанскаго края. Нашатыря добывается 120 пудовъ въ годъ.

* * *

Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій.

О дѣлѣ на Шипкѣ 5 сентября обнародована слѣдующая оффиціальная телеграмма:

5-го сентября, ночью, непріятель скрытно подкрался къ правому флангу и скалѣ св. Николая; на правомъ флангѣ приближеніе было замѣчено нашимъ секретомъ. Командовавшій тамъ Волынскаго полка подполковникъ Сандецкій приказалъ приготовиться и выждать; командиръ I-й стрѣлковой роты, капитанъ Остаповъ, подпустивъ турокъ на 50 шаговъ, обратилъ ихъ въ бѣгство дружнымъ залпомъ; это было въ 5-ть часовъ утра. Непріятель аттаковалъ потомъ еще два раза, но былъ отбитъ, и къ 9-ти часамъ отступилъ. Въ центрѣ турецкія аттаки были слабѣе и къ восьми часамъ утра прекратились. Упорнѣе всего былъ бой на скалѣ св. Николая, начавшійся въ три часа утра. Турки влѣзли на скалу густыми цѣпями, забросали ручными гранатами, оттѣснили двѣ роты нашей передовой траншеи и начали устроивать траншеи помощью принесенныхъ туровъ и фашинъ. Несмотря на сильный ружейный и артиллерійскій огонь, непріятель продолжалъ прибывать и къ шести часамъ утра развернулъ даже на скалѣ бѣлый флагъ съ красною луною, вслѣдствіе чего наши было пріостановились. Первыя контръ-аттаки наши были отбиты; но къ полудню турки были сброшены со скалы и почти уничтожены двумя житомирскими и одною волынскою ротами; весь скатъ горы былъ сплошь покрытъ турецкими убитыми, число тѣлъ не менѣе трехъ тысячъ. Штурмовою колонною командовалъ сперва полковникъ Тяжельниковъ, а потомъ, за раною его, Волынскаго полка подполковникъ князь Хилковъ. Артиллерія наша дѣйствовала превосходно, особенно четвертая баттарея 14-й бригады полковника Гофмана и первая баттарея убитаго флигель-адъютанта князя Мещерскаго. Принявшій послѣ смерти его начальство поручикъ Сидоринъ разсѣялъ картечью нѣсколько штурмовыхъ турецкихъ колоннъ и затѣмъ раненъ двумя пулями. Саперы второго батальона, подъ начальствомъ подполковника Рѣзваго, также показали себя молодцами. Наша потеря больше первоначально показанной: 31 офицеръ, и около 1,000 нижнихъ чиновъ выбыло изъ строя убитыми и ранеными, въ числѣ послѣднихъ полковникъ генеральнаго штаба, Реннерфельдъ. Славною обороною 5-го сентября руководилъ генералъ Радецкій лично.

Сообщаемъ и всѣ другія оффиціальныя телеграммы, полученныя втеченіе недѣли съ 7 по 14 сентября.

А) Отъ его высочества Главнокомандующаго дѣйствующею арміею:

Изъ Горнаго Студня: I. Отъ 7-го сентября: Вчера 6-го сентября все и вездѣ было тихо. Блокада и обстрѣливаніе Плевны продолжаются.

II. Отъ 10-го сентября: 9-го сентября, съ 11 часовъ утра, турки возобновили бомбардированіе горы Николай на Шипкѣ, прекратившееся послѣ понесеннаго ими 5-го сентября пораженія; они стрѣляютъ изъ 14 мортиръ, иногда залпами.

9-го сентября, около часа дня, турки аттаковали отрядъ генерала Татищева на позиціи у Церковны; будучи отбиты на правомъ флангѣ, они аттаковали лѣвый, затѣмъ центръ, но вездѣ были отброшены; бой кончился только при лунѣ; отрядъ генерала Татищева остался на своей позиціи. Ожидается возобновленіе атаки сегодня.

III. Отъ 11-го сентября: а) 9-го сентября аттака турокъ на Церковну окончательно отбита и 10-го не возобновилась. Турки отступили. Потеря наша 20 офицеровъ, 400 нижнихъ чиновъ. Турки потеряли не менѣе 1000 человѣкъ.

Отъ кавалерійскаго корпуса нашего, стоящаго на дорогѣ изъ Плевны въ Софію, произведено было двѣ рекогносцировки для раскрытія численности подкрѣпленій, приближающихся изъ Софіи. 8-го сентября флигель-адъютантъ графъ Штакельбергъ, двинувшись къ Рахитѣ, опрокинулъ, не доходя этой деревни, три турецкихъ эскадрона и, обнаруживъ за ними пѣхоту, отошелъ. У насъ убито 5 нижнихъ чиновъ, ранены Маріупольскаго гусарскаго полка подполковникъ Андрикаевъ, корнетъ Ивановъ и 11 нижнихъ чиновъ. 9-го сентября полковникъ Тутолминъ, отбросивъ турецкук кавалерію, замѣтилъ у Темина 10 батальоновъ съ артиллеріей въ окопахъ и 2 полка кавалеріи и остановилъ наступленіе турецкой пѣхоты огнемъ артиллеріи. Тутолминъ отвелъ отрядъ на заранѣе выбранную наблюдательную позицію.

б) Подробности сраженія при Церковнѣ: 9-го сентября, въ 11 часовъ утра 20,000 турокъ съ 40 орудіями аттаковали позицію, занятую нашими 12 батальонами, причемъ сперва аттаковали правый флангъ генерала Горшкова. Курскаго полка маіоръ Домбровскій подпустилъ ихъ безъ выстрѣла на 30 шаговъ и, ударивъ въ штыки, обратилъ непріятеля въ бѣгство, положивъ 200 турокъ на мѣстѣ. Затѣмъ аттака возобновлена на лѣвый флангъ, но отбита Вятскимъ полкомъ. Послѣдній стремительный ударъ непріятеля былъ произведенъ на центръ, но также отбитъ съ громаднымъ урономъ. Особенно отличился тутъ Рыльскій полкъ, подпустившій на 400 шаговъ непріятеля и затѣмъ обратившій турокъ въ бѣгство меткимъ огнемъ. Въ 8-мъ часу вечера непріятель отступилъ.

10-го сентября утромъ турки прислали парламентера просить убрать убитыхъ; на нашихъ глазахъ они похоронили 800 тѣлъ, всего же потеряли 2000 человѣкъ. Наша потеря: убиты шесть офицеровъ и 60 нижнихъ чиновъ; ранены 20 офицеровъ и 300 нижнихъ чиновъ.

Отрядомъ нашимъ командовалъ генералъ Татищевъ.

Б) Отъ начальника штаба кавказской арміи изъ Караяла: I. Отъ 9-го сентября: Съ начала сентября Измаилъ-паша началъ воздвигать батареи по гребню и скатамъ горъ, противъ селенія Халфалю и Хошхаборъ, и открылъ бевредный огонь противъ войскъ генерала Тергукасова, обнаруживая намѣреніе спуститься на плоскость.

7-го сентября, въ три часа пополудни, предпринято непріятелемъ наступленіе на селеніе Халфалю и Верхніе Чарухчи. Атака эта, послѣ двухчасовой артиллерійской и ружейной перестрѣлки, повсюду отбита Бакинскимъ, Таманскимъ и Ставропольскимъ полками и непріятель обращенъ въ бѣгство съ большимъ урономъ. У насъ раненъ въ руку командиръ Бакинскаго полка, полковникъ Ивановъ. Передъ сумерками, партія 500 баши-бузуковъ прорвала аванпосты, бросилась къ Араксу, но тотчасъ была прогнана нѣсколькими казачьими сотнями, не нанеся никакого вреда. Вообще, потери наши во всѣхъ этихъ дѣлахъ крайне незначительны.

II. Отъ 13-го сентября: 9-го сентября произведена была непріятелемъ безвредная для насъ артиллерійская стрѣльба противъ муха-эстатской позиціи.

Въ тотъ же день непріятельскими броненосцами обстрѣливался берегъ отъ Молтаквы до поста св. Николая.

— Временной губернаторъ Болгаріи, князь Черкасскій телеграфируетъ изъ Бухареста, отъ 10-го (22-го) сентября, слѣдующее:

Обращаюсь къ русскому обществу съ убѣдительною просьбою о помощи нашимъ больнымъ и раненымъ братьямъ. Съ наступленіемъ осеннихъ холодовъ живо ощущается настоятельнѣйшая потребность въ тепломъ платьѣ всякаго рода. Необходима возможно скорая присылка полушубковъ, шерстяныхъ чулокъ, валенокъ, суконныхъ и бамазейныхъ панталонъ, фуфаекъ, шерстяныхъ куртокъ, одѣялъ, а также бѣлья полными смѣнами. Помощь нужна неотложная и въ огромныхъ размѣрахъ. Средства общества «Краснаго Креста» за Дунаемъ не въ состояніи удовлетворить подобнымъ требованіямъ. Необходимо, чтобы все русское общество сознало, какъ велика нужда, и пришло на помощь.

Усердно прошу патріотическаго содѣйствія со стороны всего русскаго общества.

Князь Черкасскій.

— Приводимъ изъ сухумской корреспонденціи «Тифлисскаго Вѣстника» слѣдующій отрывокъ: «Въ ночь съ 19-го на 20-е августа турки принуждены были очистить Сухумъ. И такъ, въ эту роковую ночь османы сняли съ своего султана наименованіе «побѣдоноснаго». Теперь безотлагательно стоитъ на очереди вопросъ: какія необходимо принять мѣры, чтобы спасти самый городъ и окрестности Сухума отъ страшной заразы?! Дѣло въ томъ, что турки, переселяя абхазцевъ, не успѣли забрать громаднаго количества скота и за день до своего бѣгства, для того, чтобы скотъ не достался гяурамъ, порѣзали и перестрѣляли нѣсколько тысячъ животныхъ,—преимущественно буйволовъ. Кто не видѣлъ своими глазами слѣдовъ безобразнаго, ехиднаго поведенія турецкихъ войскъ, тотъ врядъ-ли повѣритъ разсказамъ очевидцевъ! Въ самомъ городѣ -- сожженномъ и полуразрушенномъ — въ каждомъ домѣ валяется по нѣскольку штукъ убитаго рогатаго скота; всѣ улицы и площади заграмождены имъ; въ окрестностяхъ версты на 3 —4 (Трапецiя, Келасуры, Абжаква) горы и долины усѣяны падалью. Съ нѣкоторыхъ животныхъ снята кожа, а большинство служило мишенью для турецкихъ стрѣлковъ! Во всѣхъ рѣчкахъ и родникахъ съ цѣлью зараженія воды навален битый скотъ. По моему, всего скота тысячъ до 8—10 разлагаются при страшной жарѣ и заражаютъ воздухъ».

— Черногорцы взяли Корбъ, Ноздре и Злоступъ, въ Дужскомъ проходѣ, который теперь совершенно очищенъ отъ турокъ. Черногорцами взято въ плѣнъ 160 человѣкъ.

* * *

Телеграммы.

Бухарестъ, 11-го сентября. Порта опровергла правильность обвиненія, возведеннаго на турецкія войска въ нарушеніи ими законовъ войны, заявленіе о которомъ высказано въ послѣднемъ циркулярѣ министра Когольничану.

Нынѣ министръ обратился къ державамъ съ другимъ циркуляромъ, сообщающимъ объ организаціи Османомъ-пашей бандъ баши-бузуковъ, на которыхъ возлагается обязанность умерщвлять румынскихъ раненыхъ. Румынскій «Moniteur» сообщаетъ сегодня подробности о новыхъ жестокостяхъ, и кромѣ того заявляетъ, что турки препятствуютъ погребенію убитыхъ и перевозкѣ раненыхъ, стрѣляя въ лазаретный персоналъ арміи.

— (того же числа). Вчера генералъ Игнатьевъ, страдающій лихорадкой, былъ здѣсь проѣздомъ и отправился къ своему семейству, въ Кіевъ, гдѣ онъ останется въ временномъ отпускѣ, до дальнѣйшихъ приказаній.

Бѣлградъ, 7-го сентября. Англійскій дипломатическій агентъ настаиваетъ, чтобы сербское правительство отправило въ Константинополь ноту съ увѣреніями въ миролюбивыхъ намѣреніяхъ.

— 10-го сентября. Участіе Сербіи въ войнѣ противъ Турціи отложено на время. Итальянскій дипломатическій агентъ Іоанини вручилъ Ристичу ноту своего правительства съ рѣшительнымъ совѣтомъ воздержаться отъ вмѣшательства въ войну.

Афины, 9-го сентября. Весь нынѣшній кабинетъ остается, по смерти Канариса, при должности. Вскорѣ будетъ выбранъ президентъ совѣта.

Парижъ, 7-го сентября. Маршалъ Макъ-Магонъ издалъ манифестъ, въ которомъ онъ напоминаетъ, что со времени вступленія своего въ должность президента республики онъ обращался къ умѣреннымъ людямъ всѣхъ партій, стараясь обезпечить внутренній порядокъ и внѣшній миръ. Такъ какъ это двойное благодѣяніе было, повидимому, поколеблено радикальною палатою, то онъ, президентъ республики, воспользовавшись своимъ конституціоннымъ правомъ, обратился къ странѣ съ новымъ воззваніемъ. Маршалъ энергически отрицаетъ приписываемое ему желаніе ниспровергнуть республику; онъ заставитъ уважать то, что ввѣрено его охраненію. Отъ избирателей онъ ожидаетъ, что они выберутъ палату, которая, ставъ выше личныхъ споровъ партій, прежде всего займется дѣлами Франціи; для того-же, чтобъ предотвратить случаи злоупотребленія его именемъ, какъ это было при послѣднихъ выборахъ, маршалъ укажетъ кандидатовъ, которые одни только имѣютъ право дѣйствовать его именемъ. Маршалъ не будетъ подчиняться требованіямъ демагоговъ и останется на своемъ постѣ. Выборы, результатъ которыхъ будетъ враждебенъ его политикѣ, усилили бы (по словамъ манифеста) столкновеніе и вызвали бы вредную для всѣхъ интересовъ агитацію, благопріятные же его политикѣ выборы возстановили бы согласіе между общественными властями. Манифестъ заканчивается воззваніемъ къ довѣрію страны.

— 9-го сентября. Палаты соберутся 6-го ноября.

Версальскій мэръ, Рамо̀, подалъ прошеніе объ отставкѣ, мотивируя его манифестомъ маршала Макъ Магона.

— 11-го сентября. Астрономъ Леверье скончался.

* * *

Наши гравюры.

Искушеніе.

Прелестный рисунокъ Андріоли, лежащій теперь передъ нашими читателями, полонъ граціи и поэтическаго смысла. Смотря на него, невольно говоришь:

Ненаглядная малютка,
Говорятъ глаза твои,
Что твое сердчишко бьется
Первымъ трепетомъ любви,
Что уже ночной порою
Ты не спишь и предъ тобой
Въ смутныхъ грезахъ воскресаетъ
Чей-то образъ молодой,
Что съ невольнымъ любопытствомъ
И съ волненіемъ въ груди
Начинаешь слушать чутко
Ты слова ворожеи.
Эта старая колдунья,
Безобразная на видъ,
Столько счастья и богатства
И даровъ тебѣ сулитъ.
Говоритъ она, что кто-то
Полюбилъ тебя давно,
Что у ней подарковъ много
Для тебя припасено.
Но не вѣрь ей! Въ выраженьи
Ястребиныхъ этихъ глазъ
Скрыто тайное желанье
Погубить тебя какъ разъ;
Да и тотъ, кто честно любитъ
Въ простотѣ души тебя, —
Безъ нее найдетъ дорогу,
Къ сердцу чистому, дитя!

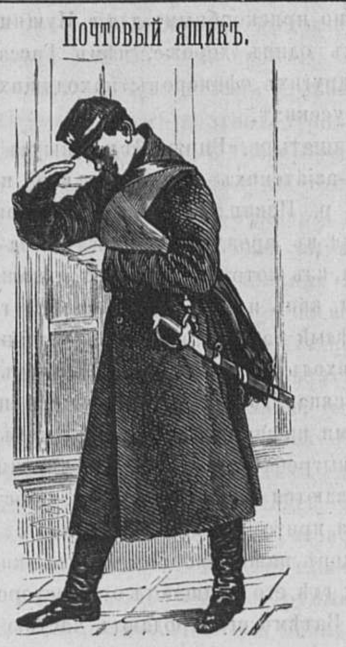
Битва подъ Плевной.

Имя этого болгарскаго города стало такъ популярно во всей Россіи, что извѣстно даже въ отдаленныхъ селеніяхъ. Плевна небольшой, но торговый городъ, лежащій на торной торговой дорогѣ изъ Никополя въ Софію. Османъ-паша, командиръ виддинскаго корпуса, занялъ этотъ городъ въ концѣ іюня и укрѣпилъ его; въ настоящее время Плевна окружена нѣсколькими рядами укрѣпленій, овладѣть которыми возможно только путемъ осады. Подъ Плевной уже происходило нѣсколько битвъ. Первыя двѣ битвы, 8 и 18 іюля, были неудачны для нашихъ войскъ; вначалѣ августа Османъ-паша атаковалъ наши войска, но былъ отбитъ съ большимъ урономъ. Затѣмъ къ Плевнѣ были подведены румынскія войска, которые вмѣстѣ съ нашими войсками, участвовали въ бояхъ съ 26 по 31 августа, окончившихся взятіемъ важнаго гривицкаго редута, господствующаго надъ городомъ. Въ настоящее время подъ Плевной относительно спокойно; съ обѣихъ сторонъ дѣйствуетъ только артиллерія. Но это затишье передъ бурей. Надо ожидать въ скоромъ времени новаго сраженія подъ Плевной, которое произойдетъ, по всей вѣроятности, тогда, когда подойдутъ къ нашимъ войскамъ ожидаемыя подкрѣпленія. На нашей гравюрѣ изображенъ моментъ сраженія подъ Плевной вначалѣ августа.

Маленькій помощникъ.

Дѣти—маленькіе обезьяны; что дѣлаютъ большіе, то хотятъ дѣлать и они; съумѣютъ ли они сдѣлать то, что дѣлаютъ взрослые — это не составляетъ для нихъ вопроса. И вотъ стоитъ уйдти изъ комнаты художнику, оставивъ незамкнутыми и не припрятанными кисти и краски, чтобы ребенокъ тотчасъ же воспользовался этими предметами для окончанія начатой художникомъ работы. Хороша должно быть выйдетъ картина, дорисованная такимъ помощникомъ. А между тѣмъ, съ такого стремленія ребенка подражать взрослому художнику, нерѣдко начиналась великая будущность многихъ и многихъ знаменитыхъ живописцевъ. Этотъ маленькій помощникъ, портящій теперь начатую его отцомъ или старшимъ братомъ картину, можетъ быть, сдѣлается со временемъ Рубенсомъ, Рембрандтомъ, Теньеромъ. Тѣмъ не менѣе, первая его попытка рисовать и продолжать работу взрослыхъ едва-ли пройдетъ ему даромъ.

Почтовый ящикъ.



Тихвинъ, Нов. губ. С. О—совъ. Вы просите «вмѣстить» Ваши «сочиненія» въ *«предыдущемъ нумерѣ»* «Живописнаго Обозрѣнія». Редакція, если бы даже Ваши сочиненія и были хороши, конечно, не могла бы исполнить Вашей просьбы, — Ваши же стихи таковы, что Вамъ только можно посовѣтовать не тратить времени на писаніе виршей въ родѣ слѣдующихъ:

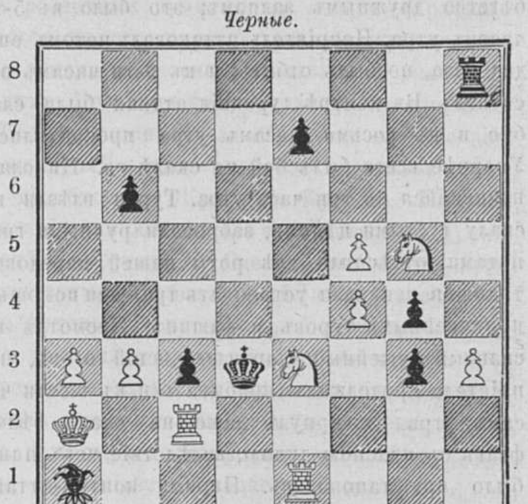
Гриша, Ера, Забіака,
Собесѣдникъ, другъ ты мой...
Ради тонкой папироски
Посѣти домишко мой и т. д.

Шахматы.

Задача XXXVI.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Черные.



Бѣлые.

Рѣшеніе задачи № XXXV.

Бѣлые.	*Черные.*
1) A1—D1....	1) E5—F4 (a)
2) D1—D6 †..	2) F4—F5
3) D6—F6 † и матъ.	
	(a) 1) A6—C5 берутъ
2) D1—D4†...	2) E5—D4 берутъ
3) D8—F6 † и матъ.	

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи. Капитанша Кваповская (продол.). — Чортовъ волосъ (продолж.). — Нечеловѣческая месть (продол.).—Доброе старое время (окон.). — Стихотвор. «Изъ Генриха Гейне». — Обо всемъ. — Адольфъ Тьеръ. — Новости наукъ и жизни. — Смѣсь. — Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій. — Телеграммы.—Наши гравюры.—Почтовый ящикъ. — Шахматы.

Гравюры: Искушеніе.—Битва подъ Плевной. — Маленькій помощникъ. — Адольфъ Тьеръ. — Почталіонъ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 17 Сентября 1877 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Гос. Публичная Б-ка

№ 39. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода—4 р. 50 к. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 25 Сентября 1877 года. *Адрессъ конторы редакціи:* С.-П.-бургъ, Троицкій переулокъ, домъ № $27/_1$. Годъ V.

Подписка на „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ 1877 г. продолжается.

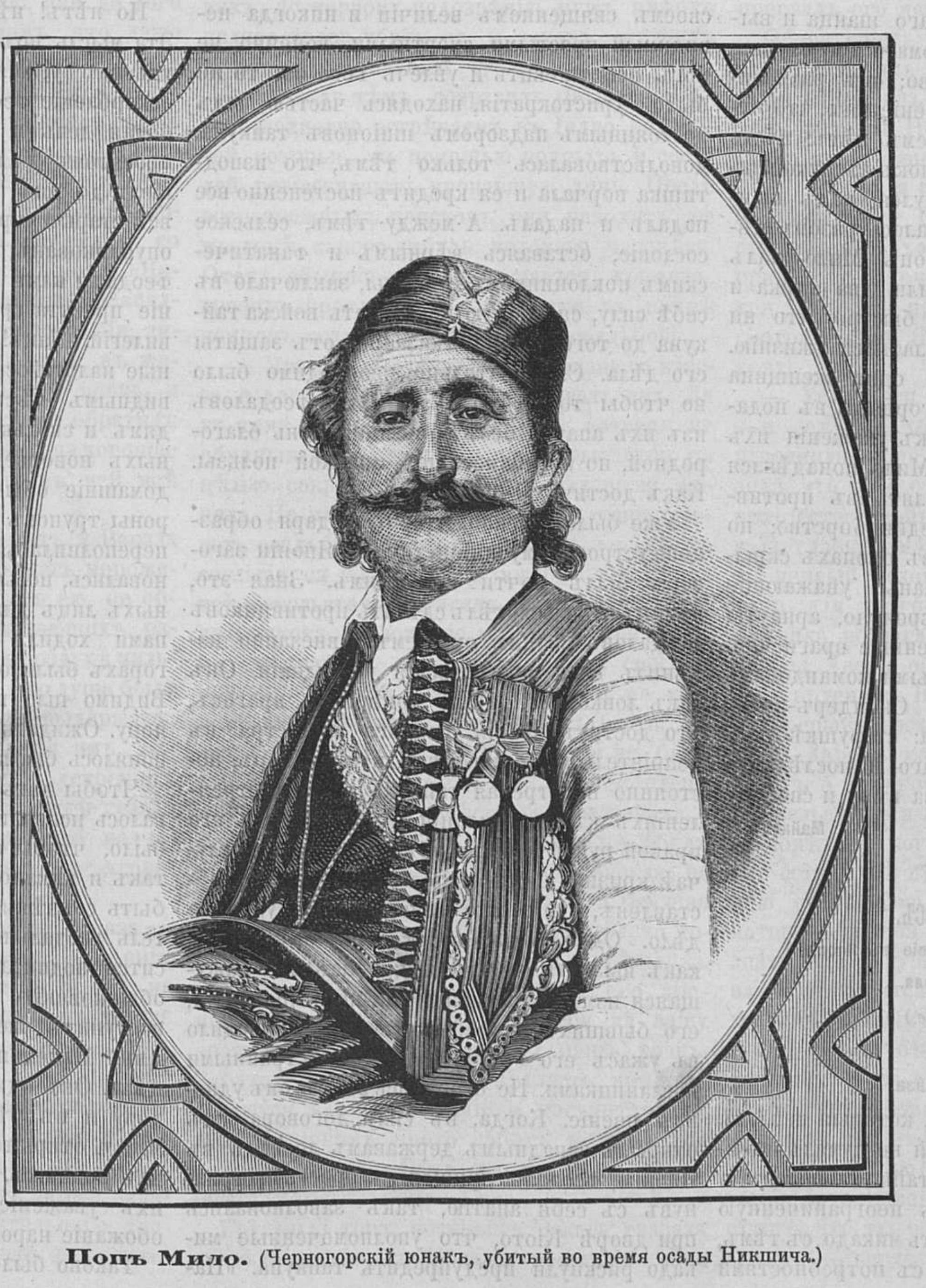
Въ 1877 году журналъ выходитъ **еженедѣльными** нумерами (въ годъ 52 нумера), иллюстрированными множествомъ художественныхъ гравюръ. Всѣ подписчики получаютъ, въ **видѣ премій**, ежемѣсячное приложеніе подъ заглавіемъ «Жизнь и Хозяйство», со множествомъ рисунковъ. Годовымъ подписчикамъ разсылаются слѣдующія преміи: большая гравюра **„Продажа амулетовъ“**, снимокъ съ картины проф. **Генриха Семирадскаго**, на толстой веленевой бумагѣ, длиною одинъ аршинъ, шириною 12½ вершковъ, и **Карта театра военныхъ дѣйствій въ Европейской и Азіятской Турціи.**

Годовая подписная цѣна журнала, съ достав. и перес. 7 руб., безъ перес. и доставки—6 руб.; на полгода: (съ 1-го іюля), съ пересылкою—4 р. 50 коп., безъ перес.—3 руб.

Подписка продолжается. Новые годовые подписчики получаютъ журналъ съ перваго нумера.

Попъ Мило.

Никшичъ палъ! Черногорское знамя развѣвается на его стѣнахъ. Много усилій съ обѣихъ сторонъ было употреблено изъ-за этой крѣпости, которая по положенію своему вдавалась далеко во владѣнія князя Николая и постоянно грозила имъ опустошительными набѣгами азіятской орды. Для послѣдней она служила опорнымъ передовымъ пунктомъ противъ Черногоріи. И вотъ почему турки обливали обильными потоками крови Дужскія ущелія, пробиваясь къ Никшичу, теряли здѣсь тысячи людей, и въ послѣдній разъ подъ предводительствомъ Сулеймана-паши, снабдивши Никшичъ провіантомъ, совершили злосчастную прогулку отсюда черезъ восточную часть Черногоріи до Подгорицы, уложивъ дорогу двѣнадцатью тысячами своихъ труповъ. Давно-бы, еще въ прошломъ году, Никшичъ сдался князю Николаю, если-бы не помѣшала тому услужливая туркамъ дипломатія. Подъ давленіемъ Австріи и Англіи и при послабленіи со стороны Россіи, въ то время еще желавшей сохраненія мира и успѣшнаго окончанія константинопольской конференціи, князь Николай вынужденъ былъ заключить невыгодное перемиріе и даже самъ принималъ на себя доставку провіанта осажденному имъ и голодному Никшичу.



Попъ Мило. (Черногорскій юнакъ, убитый во время осады Никшича.)

При послѣдней осадѣ Никшича окончившейся его сдачею, палъ рыцарскою смертію славный черногорскій юнакъ — попъ Мило. Онъ былъ родомъ изъ Марковины въ племени Чевы, и имѣлъ около 40 лѣтъ отъ роду; средняго роста, съ открытымъ добродушнымъ лицомъ, онъ отличался своею отвагою и необыкновенною силою. Въ 1862 году въ войнѣ между Черногоріею и Турціею онъ былъ назначенъ предводителемъ нѣсколькихъ тысячъ (званіе это уже теперь не существуетъ). Хотя въ молодости своей онъ и былъ посвященъ въ санъ священника, но никогда не совершалъ ни требъ, ни богослуженія, а предпочиталъ войну противъ турокъ. У него было три брата, но всѣ они погибли въ бояхъ съ турками. Сестра его въ замужествѣ за Джюромъ Петровичемъ, братомъ извѣстнаго воеводы Божидара Петровича. Лишившись братьевъ, онъ отдался знакомству съ Бахусомъ и всегда находился въ особенно воинственномъ настроеніи духа. Разъ какъ-то онъ забрался къ туркамъ и долго пробылъ въ ихъ лагерѣ; это навлекло на него несправедливое подозрѣніе. Послѣ смерти братьевъ онъ отказался отъ предводительства и сдѣлался настоящимъ юнакомъ, никому себя не подчиняя, сражаясь съ турками самъ по себѣ, приставая то къ тому, то къ другому отряду черногорцевъ. Онъ бился съ турками, какъ любитель, за свой страхъ, гдѣ и какъ хотѣлъ. Въ послѣднее возстаніе герцеговинцевъ, онъ находился съ ними; когда Черногорія объявила Турціи войну, онъ перешелъ въ ряды черногорцевъ. Мужество его было безпредѣльное; постоянно находясь въ возбужденномъ состояніи, доходившемъ иногда до самозабвенія, онъ совершалъ чудеса храбрости. Во время осады Никшича, когда послѣдніе окружающіе форты были взяты черногорцами, окопы послѣднихъ пододвинулись къ самымъ стѣнамъ города. Изъ-за укрѣпленій обѣ враждебныя стороны могли переговариваться между собою въ небольшія отверстія для ружей, не выставляя однакожь, головы, которая непремѣнно дѣлалась добычею вражеской пули. Вдругъ залегшіе въ окопахъ черногорцы видятъ, что попъ Мило смѣло идетъ къ турецкимъ шанцамъ; при немъ одна только сабля, которою онъ всегда гордился и которая дѣйствительно была высокихъ качествъ. Онъ останавливается у самаго шанца и выкликиваетъ какого-то знакомаго ему турка, предлагая ему единоборство; онъ распахиваетъ платье въ удостовѣреніе того, что огнестрѣльнаго оружія при немъ нѣтъ; пусть турокъ выходитъ на поединокъ въ рукопашную. Но турокъ не откликнулся; надъ шанцами забѣлѣли дымки, раздалось разомъ нѣсколько выстрѣловъ и попъ Мило палъ мертвый. Тотчасъ выскочили два турка и отрубили ему голову такъ быстро, что ни одинъ изъ нихъ не поплатился жизнію. Впрочемъ, немного спустя, одна женщина принесла его голову черногорцамъ въ подарокъ отъ турокъ и въ знакъ уваженія ихъ къ храброму юнаку. Попъ Мило понадѣялся на обычай турокъ не стрѣлять въ противника, вызывающаго на единоборство; но видно, что на этотъ разъ въ окопахъ скрывались не настоящіе османы, уважающіе воинскую честь, а были, вѣроятно, арнауты или сами горожане, отъявленные враги черногорцевъ, ренегаты, которыми командовалъ тоже ренегатъ, мадьяръ, Скендеръ-паша. Мать попа Мила еще жива: старушкѣ пришлось оплакивать четвертаго и послѣдняго сына, сложившаго голову за вѣру и свободу родины.

Майковъ.

Чортовъ волосъ.

(Фантастическое путешествіе въ Японію.)

Эдуарда Кадоля.

(*Продолженіе.*)

Глава X.

Принцесса Ваказа.

Несмотря на проклятія, которыя навлекъ на себя принцъ Аки, онъ и не думалъ измѣнять феодальной партіи и тайно хлопоталъ о томъ, чтобы возстановить неограниченную свѣтскую и духовную власть микадо, съ тѣмъ, чтобы тотъ, сообразуясь съ потребностями народа осторожно и постепенно цивилизовалъ бы его. Страшный трудъ! въ странѣ, гдѣ заговоръ представляетъ непреодолимыя затрудненія, потому что полиція проникаетъ даже въ частную жизнь гражданъ. Однако, онъ не отступилъ передъ трудностями предпріятія и рѣшился работать одинъ. — Обладая пытливымъ и глубокимъ умомъ, онъ скоро замѣтилъ слабую сторону старой аристократіи. Благоговѣя передъ обычаями предковъ, феодалы упорно стояли за луки и стрѣлы, тогда какъ войска тайкуна всѣ были вооружены ружьями, и принцъ Аки совершенно естественно первой задачей поставилъ себѣ завладѣть войсками тайкуна.

Въ настоящее время вооруженная сила была въ его рукахъ; кромѣ того, онъ стоялъ во главѣ свѣтской администраціи и вся полицейская дѣятельность была въ его вѣдѣніи.—Несмотря на это, та же армія, администрація и полиція, хотя фиктивно, но все же принадлежали тайкуну. Чтобы обратить всю эту силу противъ своего повелителя, нужно было достичь того, чтобы партія феодаловъ проснулась и выказала больше энергіи. Нужно было поставить двѣ враждующія системы лицомъ къ лицу. Вслѣдствіе этого во всѣхъ классахъ произошли бы смуты и волненія и тогда-то однимъ рѣшительнымъ ударомъ можно было произвести такое смятеніе, что войско, само не понимая какимъ образомъ, перешло бы на сторону микадо. Въ настоящую минуту простая революція во дворцѣ принесла бы громадную пользу, между тѣмъ какъ при всеобщемъ спокойствіи, ничего не выйдетъ. Микадо, замкнутый въ своемъ священномъ величіи и никогда невидимый простыми смертными, конечно, не могъ воодушевить и увлечь кого бы то ни было. Аристократія, находясь частью подъ постояннымъ надзоромъ шпіоновъ тайкуна, довольствовалась только тѣмъ, что изподтишка ворчала и ея кредитъ постепенно все падалъ и падалъ. А между тѣмъ, сельское сословіе, оставаясь вѣрнымъ и фанатическимъ поклонникомъ старины, заключало въ себѣ силу, способную поколебать войска тайкуна до того, чтобы отказались отъ защиты его дѣла. Слѣдовательно, необходимо было во чтобы то ни стало вывести феодаловъ изъ ихъ апатіи, безъ сомнѣнія, очень благородной, но не приносящей никакой пользы. Какъ достичь этого?

Уже было сказано, что, благодаря образцово устроенному шпіонству, въ Японіи заговоръ былъ почти немыслимъ. Зная это, принцъ Аки захотѣлъ сдѣлать противниковъ феодаловъ своимъ орудіемъ и внезапно измѣнилъ свои политическія убѣжденія. Онъ такъ ловко завладѣлъ довѣріемъ враговъ, что достигъ званія перваго министра въ непріятельскомъ лагерѣ. Съ тѣхъ поръ, постоянно подстрекая тайкуна въ его стремленіяхъ къ цивилизаціи, Аки сдѣлался его правой рукой и былъ убѣжденъ, что въ случаѣ кризиса на столько будетъ хорошо обставленъ, что легко выиграетъ задуманное дѣло. Одно только его теперь безпокоило, какъ вызвать желанный кризисъ. Его кажущаяся измѣна навлекала на него проклятія, его бывшихъ друзей, которыхъ приводило въ ужасъ его обращеніе съ иностранными посланниками. Не огорчаясь этимъ, онъ удвоилъ рвеніе. Когда, въ силу договора, онъ открылъ западнымъ державамъ доступъ въ Японію, феодалы пришли въ ярость и, стряхнувъ съ себя апатію, такъ заволновались при дворѣ Кіото, что уполномоченные микадо рискнули предупредить тайкуна. «Наконецъ то! подумалъ готаиро, наконецъ-то проснулись!» Немного спустя распространился слухъ о предполагаемыхъ реформахъ не только въ гражданскомъ, но и въ духовномъ законодательствѣ. На этотъ разъ шпіоны донесли принцу Аки, что негодованіе между окружающими микадо выражается уже почти открыто. Готаиро, какъ бы въ отвѣтъ на этотъ ропотъ, началъ переговоры съ европейскими посольствами, прося ихъ выслать въ Японію человѣка настолько образованнаго и развитаго, чтобы ему можно было поручить дѣло реформы. Феодалы были поражены, но принцъ Аки не далъ имъ одуматься и въ оффиціальной газетѣ, издающейся въ Іеддо, появился декретъ, по которому тайкунское посольство было отправлено для встрѣчи реформатора. Но и при этой сильной мѣрѣ феодалы ограничились проклятіями, и только при появленіи Фелисьена болѣе смѣлые заговорили о сопротивленіи. Принцъ Аки увидалъ, что онъ еще далекъ отъ цѣли. Пока дѣло шло только о легальномъ сопротивленіи. Неужели же мужественные феодалы и на этотъ разъ подчинятся? Принцъ Аки приходилъ въ отчаяніе, и въ душѣ онъ уже спрашивалъ самого себя, не пустая ли утопія его желаніе поднять старую аристократію на ея прежнюю высоту. Неужели въ ея средѣ не находится ни одного рѣшительнаго человѣка, который бы смѣло поднялъ знамя возстанія? Если онъ не рѣшался изъ опасенія, что не будетъ имѣть послѣдователей, и дѣйствительно бы ихъ не имѣлъ, то въ такомъ случаѣ аристократія вполнѣ заслуживала свое униженіе!

Но нѣтъ! нѣтъ! принципъ выше всего! Эта мысль подкрѣпила принца Аки и онъ удвоилъ усилія, рѣшившись даже нанести оскорбленіе феодаламъ, поднять оружіе. Работая день и ночь съ Фелисьеномъ надъ проектомъ радикальной реформы, онъ дошелъ до того, что окончательно опрокинулъ всѣ старыя учрежденія. Когда проектъ былъ опубликованъ, ударъ былъ такъ силенъ, что феодалы какъ будто проснулись: осуществленіе проекта грозило уничтоженіемъ ихъ привилегій. Какъ! судъ равный для всѣхъ; равные налоги! освобожденіе рабовъ, доступъ къ виднымъ мѣстамъ только способнымъ людямъ и сколько еще другихъ оскорбительныхъ нововведеній, не пощадившихъ даже домашніе обычаи, какъ, напримѣръ, похороны труповъ вмѣсто ихъ сожженія! Чаша переполнилась. Губернаторы провинцій волновались, посылая другъ къ кругу довѣренныхъ лицъ для совѣщаній. Крестьяне толпами ходили по деревнямъ. На высокихъ горахъ были организованы тайныя сборища! Видимо шло горячее приготовленіе къ отпору. Ожидали только знака и все населеніе поднялось бы, какъ одинъ человѣкъ.

Чтобы дать проекту законную силу, оставалось исполнить двѣ формальности. Нужно было, чтобы его утвердили какъ тайкунъ, такъ и микадо. Въ согласіи перваго не могло быть сомнѣнія, но микадо, какъ представитель феодальной власти, никогда не согласится подписать свой позоръ. Тайкунъ по обыкновенію пожелаетъ принудить его, и наступитъ желанная война. Такъ думалъ Аки. Наконецъ-то, онъ былъ близокъ къ цѣли. Онъ одинъ положилъ бы конецъ раздору и въ рѣшительную минуту, сбросивъ маску, открыто перешелъ бы на сторону своихъ родныхъ, однимъ ударомъ завоевавъ и ихъ уваженіе, и благодарность микадо, и обожаніе народа.

Таково было положеніе дѣлъ въ то время,

когда Аки получилъ письмо Ваказы. Она одна знала его проекты. Способомъ, ей самой неизвѣстнымъ, Аки нашелъ возможность переписываться съ нею. Каждое утро она находила письмо въ своей крошечной трубкѣ, а отвѣтъ клала, по указанію Аки, въ дупло въ саду микадо, но какъ ни старалась никогда не видала, кто приходилъ за нимъ. Благодаря этому, сообщеніе между молодыми людьми не прерывалось. Обо всемъ, что происходило при дворѣ микадо, Ваказа немедленно передавала принцу Аки. Не смотря на злословіе, которому принцъ подвергался при дворѣ микадо, Ваказа ни раза не усомнилась въ немъ. Она безпрекословно повиновалась его приказаніямъ и, слѣдуя имъ, возбудила въ Фелисьенѣ нѣчто болѣе простого вниманія.

«Великій реформаторъ» долженъ былъ служить слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ принца Аки. Фелисьенъ, въ которомъ Аки угадалъ честолюбца, можетъ быть, сталъ бы и сознательно служить планамъ принца, но для этого надо было во всемъ ему признаться, а на это Аки не хотѣлъ рисковать. Не отъ того, чтобы онъ боялся измѣны: отъ Фелисьена всегда легко было отдѣлаться при помощи наемныхъ убійцъ, но его смерть повлекла бы за собой недоразумѣнія съ европейскими державами. Но, если бы Фелисьенъ, увлеченный любовью, самъ измѣнилъ партіи тайкуна, она могла бы принести громадную пользу дѣлу феодаловъ.

Въ силу этого то соображенія готаиро просилъ Ваказу достигнуть того, чтобы Фелисьенъ влюбился въ нее. Красавица превзошла себя. Вечеромъ, во время европейскаго праздника, на свадьбѣ Коо, она до того была любезна съ Фелисьеномъ, что даже танцовала почти съ нимъ однимъ. Одѣтая и причесанная по послѣдней парижской модѣ, она походила скорѣе на француженку, чѣмъ на японку древней фамиліи. Когда она, граціозно положивъ руку на плечо Фелисьена, который былъ въ черномъ фракѣ и въ орденахъ, кружилась съ нимъ въ вальсѣ, со всѣхъ сторонъ раздавались восклицанія: «Какая красивая парочка!» Посланники западныхъ государствъ были въ восхищеніи; англійскій утверждалъ, что, навѣрное, въ жилахъ красавицы текла англійская кровь, и если бы германскій посланникъ не обратилъ своего исключительнаго вниманія на хорошее вино, то, навѣрное, нашелъ бы въ ней всѣ прелести Гретхенъ.

Во время фейерверка Фелисьенъ и Ваказа стояли на балконѣ. Она освѣжалась мороженымъ, онъ безмолвно восхищался ею, не обращая вниманія на трескъ летающихъ ракетъ, которыя разсыпались въ воздухѣ мильонами разноцвѣтныхъ искръ. Его душа была переполнена лиризмомъ и онъ, не выдержавъ, высказалъ ей чувства, овладѣвшія имъ. Ваказа задумчиво слушала его, устремивъ свои прекрасные глаза въ садъ, гдѣ гуляла пестрая толпа гостей. Ободренный молчаніемъ молодой дѣвушки, Фелисьенъ заговорилъ о бракѣ.

— Ваша свѣтлость, отвѣчала Ваказа,— конечно, говорите не серьезно. Церемонія, на которой вы присутствовали, произвела на васъ впечатлѣніе и вы невольно поддались ему.

Онъ хотѣлъ протестовать, но она перебила его, доказывая ему невозможность исполненія подобнаго желанія, если бы даже оно было искренне. Онъ былъ въ лагерѣ враговъ ея семейства, во главѣ партіи, задачей которой было паденіе феодальнаго дворянства. Она напомнила ему, что ея родители съ дѣтства обручили ее съ принцемъ Аки, въ Японіи ничего не можетъ быть священнѣе такого обязательства и, не смотря на это, какъ только принцъ Аки измѣнилъ принципамъ и дѣлу микадо, все было безвозвратно порвано. Какъ же могъ онъ предполагать, что будетъ принято предложеніе его, иностранца, явившагося затѣмъ, чтобы ниспровергнуть законную власть,— его, правой руки тайкуна? Но пусть не думаетъ онъ, что ему легко достанется побѣда и побѣдитъ-ли онъ еще? Старая аристократія можетъ быть побѣждена, унижена, раздавлена, но она всегда останется вѣрна своимъ принципамъ и лучше погибнетъ, чѣмъ измѣнитъ имъ.

— Къ счастью для васъ, прибавила принцесса,—ваше чувство ко мнѣ еще не успѣло всецѣло завладѣть вашимъ сердцемъ. Завтра же ваши серьезныя занятія, ваши важныя обязанности помогутъ забыть вамъ эти нѣсколько минутъ, проведенныя вмѣстѣ со мной, въ вихрѣ сегодняшняго брачнаго пира.

— Забыть? вскричалъ реформаторъ,—никогда!

— Все это одни слова! насмѣшливо сказала Ваказа.—Я читала описаніе нравовъ вашей родины. Воспоминаніе о нихъ сбиваетъ васъ съ толку. У васъ женщина можетъ располагать собою. Достигнувъ совершеннолѣтія она сама можетъ выбрать себѣ мужа, она можетъ даже обойтись безъ разрѣшенія родителей. У насъ иначе. Отецъ пользуется правомъ жизни и смерти надъ своими дѣтьми; даже выйдя замужъ, дѣвушка не освобождается отъ постояннаго ига, такъ какъ, по первому подозрѣнію, мужъ имѣетъ полное право убить ее, и законъ смотритъ на это сквозь пальцы.

— Между тѣмъ, возразилъ Фелисьенъ,— мы ежедневно встрѣчаемъ въ Іеддо родителей, которые, съ помощью родныхъ и сосѣдей, розыскиваютъ пропавшую дочь. Послѣ всевозможныхъ поисковъ они находятъ ее въ домѣ какого-нибудь молодого человѣка. Отецъ обыкновенно возмущается, кричитъ, грозитъ проклятіемъ и все-таки, въ концѣ концовъ, скандалъ завершается свадьбой!

— Это въ обычаяхъ людей низшаго класса, и дворянству стыдно слѣдовать имъ. Да къ тому же это только комедія, которая не обманываетъ никого и розыгрывается съ цѣлью сократить свадебныя издержки жениха. Не имѣя состоянія, чтобы отпраздновать свадьбу, женихъ похищаетъ невѣсту съ согласія ея родителей и вмѣсто праздника всѣ довольствуются этимъ маленькимъ скандальчикомъ. Положеніе молодыхъ при этомъ не ухудшается, такъ какъ этотъ способъ принятъ у людей низшаго класса и не кладетъ ни малѣйшаго пятна на ихъ честь. Но если бы бѣгство молодой дѣвушки не было заранѣе условлено, или, если бы ея отецъ нашелъ ее, вмѣсто извѣстнаго ему жениха, у другого, онъ, не колеблясь, тамъ же убилъ бы ее. Повторяю вамъ, дворяне никогда не допустятъ подобной комедіи, и я, выросшая въ правилахъ чести, буду женой только того, кого выберетъ мой отецъ, а я убѣждена, что ничто въ свѣтѣ не заставитъ его принять васъ, какъ зятя. Несмотря на вашу знатность и могущество, вы нашъ врагъ. Забудьте обо мнѣ, ваша свѣтлость, при васъ остаются власть, величіе и могущество; у васъ слишкомъ много заботъ и дѣла. Вы счастливѣе меня. Вамъ легче забыть, чѣмъ мнѣ.

Грустный тонъ, которымъ Ваказа сказала послѣднія слова тронулъ и восхитилъ Фелисьена. Ему показалось, что въ немъ звучало сожалѣніе. Онъ схватилъ ея руку и хотѣлъ что-то сказать, но взоръ, полный грустнаго и нѣжнаго упрека, остановилъ его. Фейерверкъ кончился. Толпа гостей шумно возвращалась изъ сада. При этомъ гулѣ веселыхъ голосовъ, они стояли безмолвные, забывъ все окружающее, устремивъ глаза вдаль, какъ бы прислушиваясь къ своимъ собственнымъ мыслямъ, и къ шелесту листьевъ, колеблемыхъ вечернимъ вѣтеркомъ. Вдругъ послышались звуки оркестра. Ужинъ былъ поданъ. Фелисьенъ хотѣлъ провести принцессу въ залу, но она высвободила свою руку, лежавшую въ его рукѣ, и грустно сказала молодому человѣку:

— Нѣтъ, я не пойду туда, я слишкомъ разстроена. Я уйду. Прощайте!

Фелисьенъ вздрогнулъ, «прощайте!» слѣдовательно она уйдетъ, и онъ никогда болѣе ее не увидитъ. Зная предразсудки японцевъ, Фелисьенъ понималъ, что надѣяться ему невозможно, Ваказа сказала правду; ни за что на свѣтѣ ея семья не согласится на ея бракъ съ нимъ. Не помогло бы даже чудо. Власть, которой онъ такъ добивался, теперь не только ни къ чему не служила, но даже становилась преградой между нимъ и принцессой. Что было просто для Ландри, оставшагося въ неизвѣстности, становилось невозможнымъ для него великаго и могущественнаго. Нечего сказать, хороша власть! оскорбленный ударомъ, нанесеннымъ его гордости и его любви, Фелисьенъ разразился проклятіями.

— Честное слово, ты сошелъ съ ума, прервалъ его чей-то голосъ.

Обернувшись, Фелисьенъ столкнулся съ парой золотыхъ очковъ, которые, только и были видны изъ всей фигуры Асмодея. Принцесса исчезла. Не видя ее нигдѣ, Фелисьенъ впалъ въ отчаяніе, удвоившее его гнѣвъ.

— Правда, я сошелъ съ ума! Развѣ у меня нѣтъ тебя? Ты уничтожишь всѣ препятствія. Я такъ хочу! Я хочу вновь увидѣть принцессу, я хочу жениться на ней, не смотря на глупые предразсудки ея родныхъ, не смотря на всю Японію! Ты слышишь, я такъ хочу!

— Успокойся сначала, отвѣчалъ Асмодей, —и если ты хочешь, чтобы твои желанія исполнились, не горячись такъ сильно. Но знай, что твое бѣшенство не можетъ измѣнить естественный ходъ событій. Ты требовалъ славы и могущества; ты ихъ получилъ: ты первый человѣкъ въ Японіи и важное лицо для другихъ государствъ. Европа и Америка возлагаютъ на тебя большія надежды. Дворы обоихъ полушарій обвѣшали тебя орденами. Восемнадцать тысячъ газетъ наперерывъ восхваляютъ тебя и, замѣть, даромъ. Даромъ! когда каждая строка рекламы стоитъ 5 франковъ. Я сдержалъ свое слово, ты пользуешься могуществомъ. Но я не могу помѣшать могуществу быть тѣмъ, чѣмъ оно есть. Тебѣ пришлось взглянуть на обратную сторону медали и чортовъ волосъ, о которомъ я тебя предупреждалъ, дастъ себя знать. Это могущество, котораго ты добивался, становится теперь преградой твоимъ другимъ желаніямъ; чѣмъ могу я помочь тебѣ? Я только бѣдный чортъ, къ которому ты относишься очень несправедливо, тѣмъ болѣе, что я предупреждалъ тебя. Не думаешь-ли ты, что твои жалобы удивляютъ меня? О! я этого ожидалъ! не оттого, чтобы ты былъ феноменомъ требовательности, но оттого, что ты человѣкъ, слѣдовательно, существо никогда не довольствующееся настоящимъ. Ты не мудрецъ, ты доказалъ это, оттолкнувъ счастіе, легко дававшееся тебѣ въ улицѣ Сен-Дени. Ты не мудрецъ, повторяю я, и потому, стремясь къ невозможному, ты будешь всегда презирать то, что получишь. Какъ только ты достигъ апогея могущества, ставъ товарищемъ оффиціальныхъ представителей земныхъ владыкъ, главою арміи, полиціи и всей администраціи, и готаиро уже мѣшаетъ тебѣ; ты завидуешь ему. И сколько уже разъ ты готовъ былъ обратиться ко мнѣ съ просьбой избавить тебя отъ него, и только стыдъ удерживалъ тебя. Ты не посмѣлъ выразить этого желанія, благодаря остатку чувства самоуваженія, но ты страдалъ и страдаешь теперь злѣйшей завистью. Успѣхъ потерялъ для тебя свою цѣну. Ты ощущаешь только присутствіе чортова волоса. Но, подумай, развѣ я не предупреждалъ тебя? Развѣ я не говорилъ тебѣ, что твои желанія будутъ увеличиваться по мѣрѣ удовлетворенія? Теперь ты хочешь присоединить любовь принцессы Вакзы къ тщеславію могуществомъ. Кто поручится, что разъ получивъ желаемое, ты не потребуешь власти самаго микадо.

Фелисьенъ терпѣливо выслушалъ Асмодея.

— Все это очень разумно, сказалъ онъ, но ты даромъ тратишь свое краснорѣчіе. Я хочу, ты слышишь, я хочу вновь увидѣть принцессу Ваказу.

— Только? проворчалъ Асмодей,—отчего же ты сразу не говоришь, я хочу ея любви, я хочу быть ея мужемъ!

— Мнѣ достаточно видѣть ее, говорить съ нею. Слушая тебя, я начинаю бояться твоей помощи. Ты доставляешь мнѣ только эфемерное. Я хочу быть любимымъ безъ помощи твоего обманчиваго колдовства; я хочу, чтобы Ваказа полюбила меня сама собою и свободно отдала бы мнѣ свою руку, но отнюдь, не благодаря твоимъ чарамъ.

Асмодей собирался возразить.

— Будь такъ добръ, вскричалъ Фелисьенъ съ нетерпѣніемъ,—избавь меня отъ твоихъ нравоученій; я люблю Ваказу; наше общественное положеніе навѣки раздѣляетъ насъ, дай мнѣ возможность приблизиться къ ней, больше я отъ тебя ничего не требую.

— Хорошо! сказалъ Асмодей;—я устрою такъ, что ты снова увидишься съ нею; но если бы я опасался того, что эта страсть погубитъ тебя, долженъ ли я предупредить тебя?

— Не утруждай себя, пожалуйста.

— Я ловлю тебя на словѣ, сказалъ чортъ, —но предупреждаю, что въ любви, какъ и въ могуществѣ, есть своя доля горечи.

— Я, не колеблясь, принимаю эту долю горечи, если твоя ограниченная власть не можетъ избавить меня отъ присутствія всюду твоего чортова волоса.

Слова «ограниченная власть» глубоко оскорбили Асмодея. Несмотря на философскій взглядъ на вещи, пренебреженіе этого ничтожнаго существа, которому онъ всетаки обязанъ былъ повиноваться, задѣло Асмодея за живое, и онъ рѣшилъ исполнять желанія Фелисьена, не предупреждая его объ опасностяхъ, если бы даже и зналъ, что неизбѣжный чортовъ волосъ погубитъ его.

Два часа спустя, принцъ Аки получилъ отъ принцессы письмо, въ которомъ она подробно увѣдомляла его о своемъ разговорѣ съ великимъ реформаторомъ и спрашивала новыхъ инструкцій. Вслѣдъ за письмомъ Ваказы, принцъ получилъ донесеніе шпіона о томъ, что ненавистный иностранецъ болѣе часа оставался совершенно одинъ на террасѣ, очень горячо говорилъ и жестикулировалъ, между тѣмъ какъ передъ нимъ въ воздухѣ висѣли, неизвѣстно какимъ образомъ прикрѣпленные, золотые очки, которые прыгали и качались соразмѣрно съ возраставшимъ волненіемъ реформатора. Что это были за очки? Принцъ Аки глубоко задумался надъ этимъ обстоятельствомъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

* * *

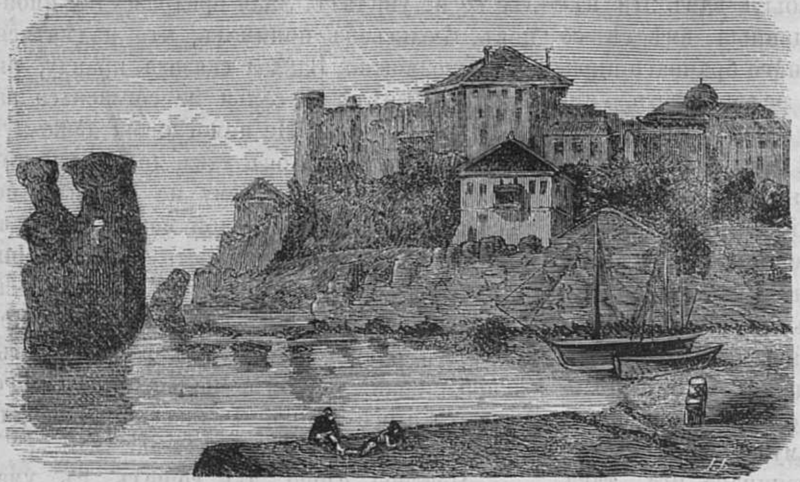


Рис. 1. **Скала у входа въ портъ Адалія.**

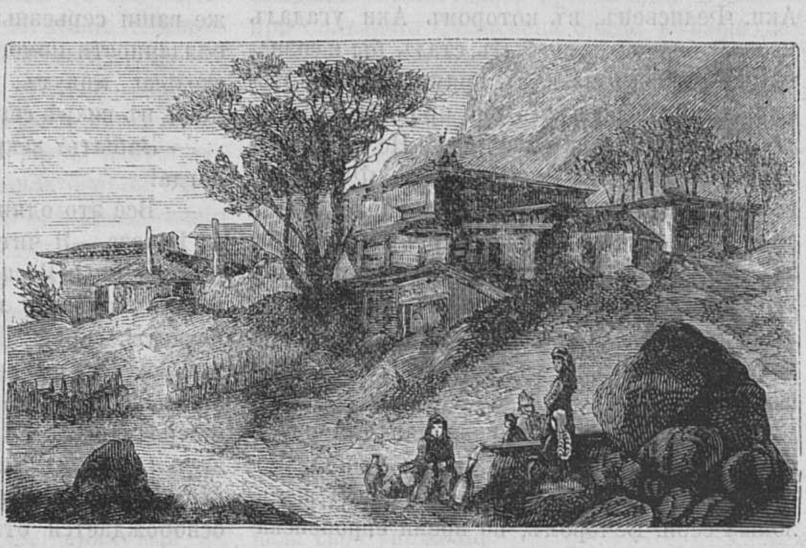


Рис. 3. **Турецкая деревня у подножія Тавра.**

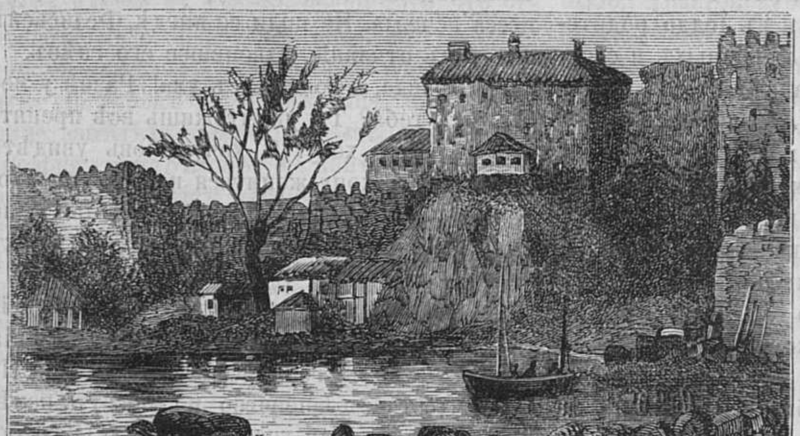


Рис. 2. **Портъ Адалія.**

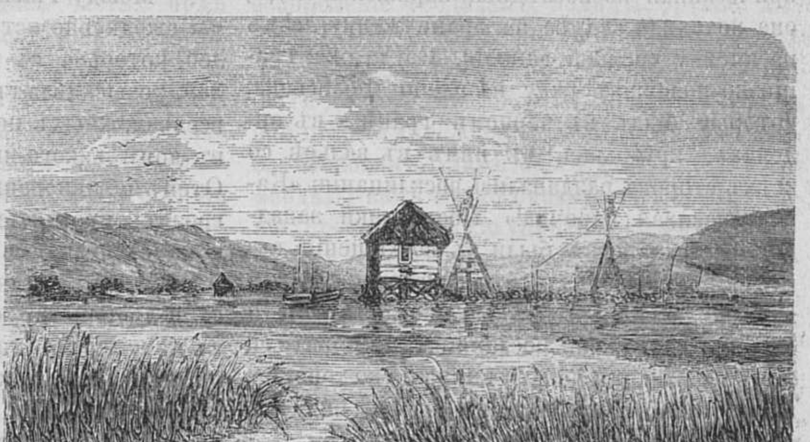


Рис. 4. **Портовая кароулка.**

ПЬЯНЫЙ БѢДНЯКЪ.

(Изъ Владислава Сырокомли.)

Мы выпили здорово,
Всѣ мелютъ, кто про что,
Лишь я ни съ кѣмъ ни слова,
Да и со мной никто.

Въ томъ не моя причина!
Имъ есть о чемъ сказать:
Кто говоритъ про сына,
Кто вспоминаетъ мать.

Одинъ, въ азартѣ хмѣля,
Надѣется за двухъ;
Другой, хоть еле-еле,
Но все-жъ мечтаетъ вслухъ.

А я? какимъ разсказомъ
Мнѣ позабавить ихъ?

Мое былое разомъ
Отниметъ смѣхъ у нихъ.

Что будетъ?—скрыто рокомъ;
Но въ помощь кто придетъ:
Не нужно быть пророкомъ,
Чтобъ горе знать впередъ!

Изба моя въ долинѣ,
У озера стоитъ;
Весной вода нахлынетъ,
И кровъ мой раззоритъ.

Весною всѣмъ привольно,
А я который годъ
Мой горькій вопль невольно
Сливаю съ шумомъ водъ!

Бѣгу, глотая слезы,
Я въ гору, въ лѣсъ густой;
Все лѣто—бури, грозы
Хозяйничаютъ мной.

Когда иные въ полѣ,
Подъ потомъ трудовымъ, —
Борюсь я крикомъ боли
Съ раскатомъ громовымъ.

А осенью угрюмой,
Подъ дождикъ проливной,
Какъ тучи, злыя думы
Нависнутъ надо мной.

У всякаго, въ то время,
Обиліе во всемъ,
А у меня—лишь бремя
Текущихъ слезъ ручьемъ.

Зимой свободенъ каждый —
Живетъ въ кругу друзей,
И въ день дымятся дважды
Всѣ трубы у печей.

А я, какъ перстъ, безроднымъ,
Безъ очага съ огнемъ,
Замерзшимъ и голоднымъ
Окоченѣю псомъ!

Могильщикъ, черезъ силу
Промерзшій грунтъ долбя,
Ругнетъ мою могилу —
Что умеръ въ холодъ я.

Попа не потревожатъ
Для похоронъ моихъ,
И даже—все, быть можетъ —
Совсѣмъ не будетъ ихъ.

А слезъ?—то роскошь, милый:
Кому по мнѣ ихъ лить!
Дождь оросить могилу,
Да вѣтеръ станетъ выть.

А сѣверной мятелью
Холмъ снѣгомъ занесетъ:
Вотъ и конецъ похмѣлью
Отъ всѣхъ земныхъ заботъ!

Омулевскій.

Спорное побережье.

(Виды въ окрестностяхъ военныхъ дѣйствій).

I.

Малоазіятскіе и русской Арменіи.

Уже въ глубокой древности на побережьяхъ Чернаго и Средиземнаго морей происходили битвы, шла борьба за обладаніе этими чудными странами, отличавшимися какъ богатствомъ почвы, такъ и превосходнымъ климатомъ. Оставляя въ сторонѣ извѣстное вторженіе въ Грецію персидскаго царя Ксеркса черезъ Босфоръ, пуническія войны, борьбу восточной римской имперіи съ мидянами и парфянами, крестовые походы, частыя вторженія турокъ изъ Азіи въ Европу и, наконецъ, окончательное завоеваніе ими Балканскаго полуострова, припомнимъ недавнія событія: борьбу французовъ въ Алжиріи, вторженіе союзныхъ войскъ въ Крымъ и современную намъ войну на Балканскомъ полуостровѣ и въ Малой Азіи, въ Арменіи.

Наше обозрѣніе спорнаго побережья мы начнемъ съ Малой Азіи. Здѣсь каждая пядь земли имѣетъ историческое значеніе, здѣсь зарождались, процвѣтали, падали и исчезли съ лица земли многіе народы.

Первый рисунокъ изображаетъ чрезвычайно живописную скалу у входа въ портъ Адалія. На второмъ рисункѣ изображена пристань порта Адалія, въ Анатоліи. Здѣсь находится памятникъ глубокой древности—гигантская башня, построенная римлянами. Городъ Адалія, стоящій на берегу залива того же имени, довольно населенъ, но ничѣмъ не замѣчателенъ. Но если люди здѣсь сдѣлали очень немного, природа изобильно расточила свои дары: мѣстность живописная, растительность богатая, климатъ превосходный. Самый умѣренный трудъ, приложенный здѣсь къ землѣ, щедро вознаграждается. Благодаря баснословнымъ урожаямъ, въ окрестностяхъ Адаліи бѣдность почти неизвѣстна, но именно потому, что человѣку здѣсь не приходится бороться съ неблагопріятными условіями почвы и климата, населеніе окрестностей Адаліи безпечно, мало развито и до того апатично, что въ самомъ городѣ найдется не болѣе какъ одинъ, много два человѣка, знающихъ, что старинная башня, интересующая европейскихъ туристовъ, построена римлянами, въ эпоху ихъ могущества. Если туристъ вздумаетъ предъ мѣстными жителями восхищаться этимъ памятникомъ глубокой старины и выражать свое удивленіе, какъ могло такъ сохраниться зданіе, подмываемое водою и много столѣтій подверженное вліянію бурь и непогодъ,—мѣстные жители посмотрятъ на него съ изумленіемъ: какъ можетъ умный человѣкъ интересоваться такими пустяками?..

Третій рисунокъ представляетъ видъ турецкой деревни, лежащей у подножія Тавра. Горы, окружающія эту деревню, принадлежатъ къ хребту, который тянется отъ Адаліи до р. Евфрата и имѣетъ среднюю высоту 11,000 футовъ. Южные склоны этихъ горъ большею частію почти недоступны; сѣверные болѣе пологи. Мѣстность здѣсь дикая; нравы и обычаи жителей остались тѣми же, какими они были много столѣтій тому назадъ, прогрессъ не коснулся ихъ и они пребываютъ въ первобытномъ невѣжествѣ. Человѣкъ здѣсь еще вполнѣ безпомощенъ.

Портовая караулка, изображенная на четвертомъ рисункѣ, также говоритъ о первобытныхъ пріемахъ въ мѣстныхъ постройкахъ. На крестообразномъ скрѣпленіи вкопанныхъ въ землю бревенъ положены доски; на нихъ сидитъ караульный, обязанный слѣдить за движеніемъ судовъ на морѣ. Въ случаѣ тревоги онъ дергаетъ веревку, протянутую отъ его сѣдалища къ строенію, гдѣ живетъ смотритель. Такія караулки, устроены во всѣхъ портахъ Малой Азіи.

Пятый рисунокъ представляетъ видъ Бирсъ-Нимруда, въ близкомъ разстояніи отъ берега Евфрата. На вершинѣ высокой горы расположены развалины гигантской башни, построенной еще во времена Геродота. У подножія горы ютится деревня Нимрудъ; при копаніи почвы въ окрестностяхъ этой деревни, часто находятъ много предметовъ, принадлежащихъ глубокой древности. Въ этой мѣстности встрѣчается много развалинъ древнихъ построекъ, а обширныя кладбища, сохранившіяся съ древнѣйшихъ временъ, свидѣтельствуютъ, что здѣсь когда-то мѣстность была густо населена и населеніе стояло на несравненно большей степени развитія, чѣмъ въ наше время.

Гора Гозна и оврагъ Эрегли, изображенные на шестомъ и седьмомъ рисункахъ, даютъ довольно точное понятіе о глубокихъ пропастяхъ, скалахъ и трудныхъ переходахъ, которыми отличаются мало-азійскія горы. Передъ этими гигантами европейскіе Альпы могутъ показаться ничтожными вершинами.

Смирна (рис. 8), портовый городъ и главный торговый рынокъ въ Малой Азіи, съ 160,000 жителей. Конечно, въ Смирнѣ нѣтъ промышленности въ европейскомъ смыслѣ, но торговля здѣсь значительная; предметами ея служатъ: шелковыя и шерстяныя ткани, винныя ягоды, изюмъ и пряности. Въ смирнской гавани постоянно стоитъ довольно значительный купеческій флотъ. Смирна соединена желѣзной дорогой съ Аденомъ. Населеніе въ Смирнѣ по преимуществу магометанское, но живетъ въ ней также не мало европейцевъ—итальянцевъ, французовъ и грековъ. На заднемъ планѣ нашего рисунка видны развалины замка, построеннаго на вершинѣ горы.

На девятомъ рисункѣ изображены пять городовъ и крѣпостей, имена которыхъ часто повторялись и повторяются до сихъ поръ въ извѣстіяхъ съ театра военныхъ дѣйствій: Ахалцыхъ, Сухумъ-Кале, Баязетъ, Эрзерумъ и Карсъ.

Ахалцыхъ въ 200 верстахъ отъ Тифлиса, русская пограничная крѣпость съ 15,000 жителей.

Сухумъ-Кале, портовый городъ, замѣчательный своимъ ботаническимъ садомъ. Вначалѣ настоящей кампаніи турки высадили у Сухумъ-Кале часть своихъ войскъ и черкесъ, переселившихся съ Кавказа въ Турцію послѣ послѣдней восточной войны. Русскія войска вынуждены были отступить изъ Сухумъ-Кале. Турки заняли его, но, въ свою очередь, очистили его въ августѣ мѣсяцѣ. Городъ обращенъ теперь въ развалины. Турки, оставляя его, наполнили его гніющими трупами скота, заражавшими воздухъ (объ этомъ см. № 37 Жив. Обозр. въ отдѣлѣ «Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій»).

Баязетъ, турецкая крѣпость и торговый городъ, извѣстенъ геройскою защитою русскаго гарнизона, оставленнаго здѣсь ген. Тергукасовымъ во время наступленія его къ Эрзеруму. Послѣдствіемъ ряда битвъ въ Баязетѣ было совершенное разрушеніе города.

Эрзерумъ, значительная крѣпость и главный городъ турецкой Арменіи, съ 40,000 жителей. Населеніе его преимущественно христіанское, занимающееся выдѣлкою шерстяныхъ, стальныхъ и кожанныхъ издѣлій; живущіе здѣсь магометане занимаются преимущественно торговлей. Съ одной стороны Эрзерумъ защищенъ горами, отдѣльныя вершины которыхъ достигаютъ 15,000 футовъ.

Карсъ, самая сильная крѣпость въ турецкой Арменіи, нѣсколько разъ видавшая подъ своими стѣнами русскія войска. Кромѣ искуственныхъ укрѣпленій, Карсъ защищенъ также естественными преградами—горами. Карсъ имѣетъ 12,000 жителей; въ немъ находятся священные для мусульманъ гробы и мечети, къ которымъ ежегодно стекается масса богомольцевъ. Въ Карсѣ живетъ армянскій епископъ.

Въ настоящемъ нумерѣ помѣщены рисунки 1-й, 2-й, 3-й и 4-й. Затѣмъ 5-й, 6-й, 7-й и 8-й будутъ напечатаны въ № 40-мъ, а 9-й въ № 41-мъ.

Нечеловѣческая месть.

Романъ Анри Тесье.

(*Продолженіе.*)

Часть первая.

Глава I.

Какъ началъ докторъ Петрусъ Веберъ свою карьеру.

Парижъ — знаменитѣйшій изъ городовъ, столица цивилизованнаго міра, — очагъ, теплота котораго распространяется на самыя отдаленныя точки земного шара,—не имѣющій себѣ соперниковъ, производитель искуствъ, роскоши, удовольствій и моды, — горнило, въ которомъ неустанно кипятъ всѣ чудеса цивилизаціи, — рай и адъ, гдѣ идутъ, рука объ руку, всѣ величія и всѣ язвы!

Парижъ — блестящій колоссъ, властвуетъ еще надъ міромъ, не смотря на свои послѣднія политическія невзгоды,—благодаря своей роскошной, неистощимой плодовитости! Но у ногъ этого Парижа-свѣтила, гнѣздятся Парижъ-зѣвака и Парижъ-сатиръ, Парижъ-надуватель и Парижъ-непотребство!

Несмотря, однакожь, на подобные странные и разнородные элементы, главная черта Парижа, этого многоцвѣтнаго хамелеона, состоитъ въ его неизмѣнной юности.

Добродушный сегодня, капризный завтра, остроумный и насмѣшливый всегда и не смотря ни на какое горе, Парижъ любитъ болѣе всего перемѣну. Онъ ищетъ себѣ ежедневной игрушки, которую ломаетъ часто, едва прикоснувшись къ ней.

Въ этой подвижности, въ этомъ стремленіи къ новому, заключается объясненіе восторговъ и презрѣній, расточаемыхъ великой столицѣ, — тѣхъ богатствъ, которыя она создаетъ, и тѣхъ крушеній, которыя она вызываетъ, вознося часто посредственность и топча потомъ въ грязь созданную ею же славу...

Люди искусные умѣютъ пользоваться минутами хорошаго расположенія духа у этого причудливаго ребенка—Парижа. Неловкіе и трусливые получаютъ на свою долю только брань и толчки.

Докторъ Петрусъ Веберъ принадлежалъ, безъ сомнѣнія, къ первой изъ названныхъ категорій, потому что онъ былъ, въ 1875 году, самымъ моднымъ докторомъ во всѣхъ двадцати парижскихъ округахъ! Ему платили за консультаціи у него въ кабинетѣ по два луидора, за визитъ на домъ — по сту франковъ, а операція, совершенная его искусными руками, обходилась не иначе, какъ въ крупный билетъ государственнаго французскаго банка. Паціенты доктора не торговались. Они платили ему безпрекословно по счету.

Его слава была упрочена. Въ его пріемной собиралось лучшее общество. Чего же болѣе? Поэтому всякому и пріятно было побывать у него, даже не чувствуя за собой ни малѣйшаго нездоровья,—просто изъ одного удовольствія быть введеннымъ въ пріемную его лакеемъ въ зеленой ливреѣ съ пунсовыми кантами, и очутиться среди избраннѣйшаго общества, ожидавшаго приговора знаменитаго цѣлителя... А чего не дѣлали, какой дипломатіи не пускали въ ходъ, чтобы добиться приглашенія на одинъ изъ тѣхъ вечеровъ, которые давалъ этотъ чародѣй раза два или три въ зиму, собирая у себя сливки парижскаго общества! На этихъ вечерахъ тѣснились такъ, что мяли другъ у друга бока, находясь въ атмосферѣ, близкой къ сенегальской, и все изъ-за того, чтобы имѣть счастіе пожать руку хозяину и аплодировать тремъ или четыремъ театральнымъ знаменитостямъ, которыя, чередуясь, приносили охотно на украшеніе вечеровъ доктора Вебера всю прелесть своей красоты и таланта...

Главнѣйшія газеты, — благодаря ловко разосланнымъ приглашеніямъ, — давали, на другой же день, свой отчетъ объ этихъ «артистическихъ» собраніяхъ, въ такомъ тонѣ, будто дѣло шло о какомъ-нибудь «первомъ представленіи». Сначала провозглашались имена артистовъ съ восхваленіями ихъ таланту, потомъ описывались туалеты женщинъ, имена и титулы мужчинъ, меню ужина, — и статья заканчивалась блестящимъ фейерверкомъ въ честь самого амфитріона.

Подобныя рекламы имѣли своимъ послѣдствіемъ увеличеніе практики у счастливаго доктора и прибавляли новый блескъ къ его медицинскому ореолу «знаменитаго спеціалиста». Докторъ Веберъ былъ спеціалистомъ по трудной и запутанной отрасли болѣзней грудныхъ и дыхательныхъ органовъ. Онъ предоставлялъ великодушно своимъ собратьямъ прочіе человѣческіе недуги, удерживая за собою только избранный отдѣлъ, которому посвятилъ всѣ свои труды.

Прибывъ въ Парижъ за три года передъ тѣмъ, докторъ Веберъ,—членъ медицинскаго факультета въ Цинцинати, — устроился роскошно въ бельэтажѣ одного дома въ улицѣ Шоссе-д'Антенъ.

На двухъ черныхъ мраморныхъ доскахъ, прибитыхъ по обѣ стороны воротъ, красовалась, золотыми буквами, одна только лаконическая надпись:

Докторъ Петрусъ Веберъ изъ Цинцинати.

Меблировка занятаго имъ помѣщенія была великолѣпна и отличалась строгимъ вкусомъ. Веберъ съумѣлъ придать своимъ комнатамъ такой видъ, что онѣ привлекали на себя вниманіе даже самыхъ взыскательныхъ знатоковъ по части искусства. Такое начало было очень не дурно для янки. Во-первыхъ, подобная обстановка указывала тотчасъ же на дѣйствительно значительное состояніе хозяина и на его рѣдкое умѣнье пользоваться своими деньгами, а во-вторыхъ, она прямо давала понять, что этотъ иностранецъ не какой-нибудь первый встрѣчный.

Надо прибавить къ этому, что докторъ былъ высокъ ростомъ, изященъ какъ Бруммель и, вообще, имѣлъ видъ настоящаго джентльмена; единственный недостатокъ его наружности заключался въ нѣсколько холодномъ и высокомѣрномъ выраженіи лица, что было, конечно, слѣдствіемъ ученыхъ занятій и скептицизма, порожденнаго слишкомъ точнымъ знаніемъ человѣческаго сердца.

Веберъ принималъ у себѣ отъ полудня до четырехъ часовъ, (въ первые мѣсяцы, надо правду сказать, являлось очень не много паціентовъ), потомъ садился въ изящный фаэтонъ или карету, смотря по времени года,—и отправлялся въ Булонскій лѣсъ, гдѣ прогуливался, задумчивый и мрачный, вплоть до своего обѣда. По вечерамъ его видѣли, — все такого же задумчиваго и одинокаго, — въ оперѣ, Французскомъ театрѣ или у итальянцевъ. Пріѣзжалъ за нимъ всегда его собственный экипажъ.

Его сосѣди часто задавали себѣ вопросъ: кто такой этотъ холодный въ своемъ обращеніи человѣкъ, всегда вѣжливый и замѣчательно изящный?

Но вниманіе сосѣдей очень мало подвигало дѣла доктора Вебера и если кто-нибудь могъ бы заглянуть въ карету, уносившую его изъ театра или съ прогулки полною рысью домой, тотъ увидѣлъ бы, можетъ быть, изумительную картину. Этотъ самый человѣкъ, поражавшій всѣхъ своею сдержанностью, наединѣ съ самимъ собою, рвалъ на себѣ перчатки, трепеталъ отъ злобы и произносилъ проклятія самыя страшныя и ругательства совершенно не американскія. Въ одинъ вечеръ дошло даже до того, что, воротясь къ себѣ, онъ заперся въ своемъ кабинетѣ, вынулъ изъ стола револьверъ, зарядилъ его и сталъ передъ огромнымъ зеркаломъ, возвышавшимся надъ каминомъ. Онъ смотрѣлъ, не блѣднѣя, на орудіе смерти, потомъ перевелъ, съ тѣмъ же страшнымъ спокойствіемъ, глаза на себя и проговорилъ:

— Если черезъ двое сутокъ, считая съ этой минуты, дьяволъ не явится мнѣ на помощь, эта игрушка препроводитъ меня къ нему!

Онъ простоялъ съ минуту, задумчиво и машинально повертывая свой револьверъ.

Потомъ, быстро оборотясь, онъ шагнулъ къ небольшой рамкѣ, висѣвшей на стѣнѣ, за бюро. Онъ нахмурилъ брови, а блѣдно-голубые глаза его заискрились, напоминая собою блескъ шпаги или кинжала, на лезвеѣ котораго играетъ солнце.

— Двое сутокъ! повторилъ онъ. — Этого достаточно! Надо только умѣть употребить ихъ съ пользою. Развѣ я не разбогатѣлъ и не сдѣлался докторомъ въ какіе-нибудь полчаса?

Рамка, передъ которою онъ стоялъ, заключала въ себѣ докторскій дипломъ, испещренный офиціальными печатями и подписями и выданный на имя «Петруса-Натаніэля Вебера, имѣвшаго отъ роду двадцать шесть лѣтъ и родившагося въ Новомъ-Орлеанѣ». Этотъ дипломъ былъ помѣченъ 1867 годомъ.

Докторъ закончилъ свое созерцаніе громкимъ металлическимъ смѣхомъ. Положивъ револьверъ обратно въ ящикъ, онъ выпилъ стаканъ воды съ коньякомъ и легъ спать спокойно, сказавъ себѣ:

— Завтра придумаю, а теперь заснемъ.

На слѣдующее утро, едва онъ окончилъ утренній туалетъ, въ комнату вошелъ его слуга, итальянецъ, и подалъ ему карточку.

— Кто тамъ, Арми?

— Графъ Кольмаръ, синьоръ.

— Что это за личность?

— Старикъ; человѣкъ больной.

— Да, но еще?...

— А! Cospetto! особа вельможная, синьоръ; мѣха на немъ—первый сортъ, экипажъ великолѣпнѣйшій, лошади—чудо!

— И экипажъ съ гербомъ?

— Еще бы!... корона!

— Проси ко мнѣ въ кабинетъ и попроси обождать.

Арми исчезъ, а на лицѣ Вебера показалась улыбка торжества.

«Неужели это то, что я жду? подумалъ онъ. Неужели моя звѣзда восходитъ... Почему же и не такъ!»

Черезъ пять минутъ, вполнѣ овладѣвъ собою, Веберъ вошелъ въ свой кабинетъ.

Графъ Кольмаръ, сидѣвшій въ одномъ изъ креселъ, показалъ видъ, будто хочетъ подняться, но Веберъ остановилъ его жестомъ и сѣлъ самъ къ своему письменному столу.

— Докторъ, началъ больной,—я не имѣю чести быть вамъ извѣстнымъ, но знаю васъ очень хорошо.

— Какимъ образомъ?

— О, Боже мой, очень просто. Мы встрѣтились съ вами раза два или три во Французскомъ театрѣ и въ оперѣ.

— И вы говорите, что знаете меня? спросилъ американецъ съ легкой усмѣшкою.

— Разумѣется! И я докажу вамъ это.

Графъ Кольмаръ усѣлся покойнѣе въ своемъ креслѣ и лѣниво вытянулъ ноги.

Веберъ, полузакрывъ глаза, лихорадочно

наблюдалъ за человѣкомъ, такъ странно явившемся къ нему, и фаталистически ждалъ результатовъ этого посѣщенія.

Гостю было лѣтъ подъ семдесятъ; довольно высокаго роста, онъ сгорбился вслѣдствіе болѣзни или лѣтъ, и былъ худощавъ донельзя. Лобъ у него былъ высокій и полысѣвшій, взглядъ жесткій, прятавшійся подъ густыми и нависшими бровями, носъ орлиный, губы тонкія и безцвѣтныя, подбородокъ квадратный, щеки впалыя и усѣянныя морщинами. Однимъ словомъ, ранній посѣтитель доктора Вебера не обладалъ симпатичнымъ видомъ, тѣмъ болѣе, что и цвѣтъ лица у него былъ желтый и испещренный темноватыми пятнами. Но осанку онъ имѣлъ сановитую и, сверхъ того, онъ видимо обладалъ рѣдкимъ природнымъ даромъ приковывать къ себѣ вниманіе,—этимъ своего рода магнетизмомъ, свойственнымъ только могучимъ натурамъ, сразу и безъ борьбы завоевывающимъ себѣ власть надъ другими.

Американецъ невольно почувствовалъ, что въ этомъ тщедушномъ тѣлѣ скрывается сила. Онъ машинально поклонился старику, пока тотъ продолжалъ:

— Для того, кто прожилъ много, изученіе человѣка не представляетъ затрудненій. Природа, которая совѣстливо совершаетъ свою работу, кладетъ клейма на свои творенія точно также, какъ монетный дворъ на металлы. Поэтому достаточно разобрать такую отмѣтку на человѣкѣ, — подобно тому, какъ Шамполіонъ разобралъ клинообразныя надписи въ Египтѣ, — для того, чтобы узнать, что онъ и чего стоитъ. Надо вамъ сказать, любезнѣйшій докторъ, я имѣю претензію считать себя Шамполіономъ, распознающимъ человѣческіе іероглифы. Я употребилъ на достиженіе этого искуства всѣ силы моего ума и могу, отложа скромность въ сторону, сказать, что я не потерялъ времени даромъ. Случай заставилъ меня встрѣтиться съ вами, и я понялъ васъ съ перваго взгляда. Но, не полагаясь еще вполнѣ на одинъ первый взглядъ, я повторилъ испытаніе и теперь, послѣ нѣсколькихъ нарочныхъ встрѣчъ съ вами, я пришелъ къ полному убѣжденію, что вы именно тотъ человѣкъ, котораго мнѣ надобно!

— А какого же человѣка вамъ надобно, г. графъ? спросилъ докторъ Веберъ, котораго заинтересовало подобное вступленіе.

— Мнѣ требуется, во-первыхъ, врачъ. Я страдаю болѣзнью печени, которая завелась у меня еще съ тѣхъ поръ, какъ я жилъ въ колоніяхъ... я прожилъ тамъ довольно долго! Вы скажите мнѣ, что это болѣзнь неизлечимая; я самъ знаю! Но я и не ищу у васъ излеченія, а только облегченія отъ сраданій... главное, я желаю, чтобы вы затормозили на столько болѣзнь, чтобы я успѣлъ покончить возложенную мною на себя задачу!

— Постараюсь.

— Далѣе... когда мы короче познакомимся... выяснится и то, желаетъ ли мой докторъ и можетъ ли онъ сдѣлаться моимъ другомъ.

— Признаюсь вамъ, г. графъ, что странность вашихъ предложеній...

— Изумляетъ васъ! Вѣрю вамъ, но ни на столько, однакожь, какъ вы желаете выказать! Вы человѣкъ, а подъ этимъ именемъ я разумѣю существо сильное, котораго не можетъ склонять подъ свое иго предразсудокъ, и который, въ случаѣ нужды, съумѣетъ даже сломить этотъ предразсудокъ, еслибы онъ и возсталъ между нимъ и преслѣдуемою имъ цѣлью! Ошибаюсь ли я?...

— Право, не понимаю...

— О, нѣтъ, вы отлично понимаете!

И старикъ, пристально посмотрѣвъ американцу въ глаза, повторилъ:

— Да, понимаете отлично!... Сверхъ того, вы очень честолюбивы и... вы позволяете довести откровенность до грубости?

— Сдѣлайте милость.

— Не смотря на окружающую васъ роскошь, которая только ловушка для глупцовъ, вы бѣдны, признайтесь въ этомъ?

— Г. графъ!

— Вы не запираетесь; хорошо! И такъ, я не ошибся. Знайте же, что я, съ своей стороны, богатъ, очень богатъ, страшно богатъ! Вы нужны мнѣ; и я могу быть вамъ полезенъ! Будьте мнѣ преданны и я заплачу вамъ по-королевски. Мало того, я поставлю васъ такъ, что вы получите возможность осуществить самыя безумныя мечты свои! Хотите?

— Хочу ли я!

— Прекрасно! Я знаю много и въ эпоху, когда жизнь начинаетъ уже покидать меня, я сочту себѣ счастливымъ, если мнѣ удастся передать другому тотъ излишекъ опытности, который не можетъ уже болѣе служить мнѣ. И такъ, я предлагаю вамъ торгъ. Хотите вы быть моимъ докторомъ? Я капризенъ, требователенъ, иногда даже тяжелъ въ обращеніи; но плата, которую я вамъ положу, заставитъ васъ забывать подобныя мелочи, а потомъ мы увидимъ, годитесь ли вы и для того дѣла, которое я хочу вамъ поручить. Что же, согласны?

— Согласенъ, сказалъ твердымъ голосомъ американецъ.

— Отлично. Начиная съ сегодня, вы будете получать по сту луидоровъ въ мѣсяцъ, но вы должны навѣщать меня всякій день.

— Я буду исполнять это, г. графъ, отвѣчалъ Веберъ, опуская глаза, чтобы скрыть сверкавшую въ нихъ радость.

— Вотъ вамъ за первую треть, продолжалъ Кольмаръ, выкладывая на столъ билетовъ на шесть тысячъ франковъ,—а такъ какъ я не люблю совѣщаться съ докторами иначе, какъ у себя на дому, то я жду васъ къ себѣ въ три часа.

— Я не премину быть, г. графъ, хотя бы для того только, чтобы выразить вамъ мою благодарность.

— Прошу оставить подобныя выраженія, докторъ. Мы заключаемъ коммерческую сдѣлку, вотъ и все!.... Отъ васъ зависитъ создать себѣ состояніе... Каково ваше медицинское достоинство, я не знаю, но для нашихъ общихъ выгодъ полезно, чтобы у васъ была блестящая практика. Я научу васъ, какъ ее пріобрѣсти и что изъ нея извлекать. Я научу васъ тоже... Но обо всемъ этомъ мы поговоримъ лучше у меня на дому. И такъ, до свиданія!

— До свиданія, г. графъ! повторилъ американецъ, затворяя дверь за своимъ посѣтителемъ.

— Во снѣ это или на яву? сказалъ Веберъ, оставшись одинъ и ощупывая себя, чтобы убѣдиться, что не бредитъ. — Нѣтъ! это не сонъ! Я давалъ себѣ срокъ сорокъ восемь часовъ, а графъ Кольмаръ предупредилъ меня на цѣлые полтора сутокъ!

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Наши ближніе.

(Фельетонные наброски.)

(Продолженіе.)

VI.

Конторщикъ.

— И куда это онъ могъ затеряться? говорилъ Клименко, шаря въ ящикѣ письменнаго стола и перерывая бумаги.

— Да вы что ищете? спросилъ я.

— Вотъ хотѣлъ вамъ подарокъ сдѣлать, отвѣтилъ онъ.—Рукопись есть одна у меня, подходящая по содержанію къ моимъ разсказамъ, да первый листокъ куда то затерялся... Впрочемъ, она и безъ этого листка понятна. Въ немъ не было ничего особеннаго, просто говорилось, что авторъ рукописи—одинъ бѣдный знакомый мнѣ юноша—за неимѣніемъ дѣла, сидя одиноко въ конторѣ наканунѣ Рождества, началъ писать свои мемуары. Эти мемуары остались неоконченными, по крайней мѣрѣ, мнѣ попалась въ руки только вотъ эта тетрадь, которою вы и можете распрядиться по своему усмотрѣнію...

— А если я ее напечатаю—авторъ не будетъ протестовать? спросилъ я, просматривая рукопись.

— Ну, батенька, мертвые не протестуютъ. Авторъ этой рукописи умеръ въ злѣйшей чахоткѣ, оставивъ въ нищетѣ жену и ребенка. Прочитайте ее, уничтожьте или напечатайте—это ваше дѣло.

Я взялъ рукипись, прочелъ и теперь предлагаю ее читателямъ.

. . . . У! какой сегодня морозъ, такъ и видно, что завтра Рождество. Я едва не отморозилъ ушей, спѣша въ своемъ легонькомъ пальто въ нашу контору. Къ несчастію, и въ конторѣ царитъ нынче холодъ, можетъ быть, оттого, что передъ закрытіемъ ее не сочли нужнымъ отопить, зная, что кромѣ меня въ нее не придетъ никто. А топить эти комнаты для меня не стоитъ! Что я такое? Простой конторщикъ и больше ничего. Я могу и въ холоду свести послѣдніе счеты, потому что эта моя обязанность. Чтожъ—они и не ошиблись: волей-неволей я сдѣлалъ свою работу и теперь только ожидаю, когда явится мой принципалъ, чтобы просмотрѣть эти счеты. Онъ останется ими доволенъ: дѣла за послѣдній мѣсяцъ шли отлично и онъ вполнѣ радостно можетъ встрѣтить праздникъ. Впрочемъ, онъ, вѣроятно, предчувствовалъ это. Сегодня утромъ, когда я явился сюда, онъ вышелъ ко мнѣ такой веселый, насвистывая какую то арію изъ италіянской оперы и, безъ обычной своей суровости, любезно заговорилъ со мною.

— Ну, Иванъ Ивановичъ, просмотрите-ка наши книги, какъ идутъ наши дѣлишки, сказалъ онъ мнѣ, кивнувъ головою.—Авось дѣтишкамъ на ёлку что-нибудь перепадетъ. Вы, надѣюсь, кончите работу къ пяти часамъ? Сегодня никто не помѣшаетъ.

— Я кончу скоро... у меня уже почти все провѣрено, отвѣтилъ я.

— И отлично, и отлично, весело проговорилъ онъ.—Вы у меня хорошій помощникъ... Плохо только, что вы все прихварываете...

Я струсилъ при послѣдней фразѣ, мнѣ показалось, что онъ можетъ отказать мнѣ отъ мѣста за то, что я все прихварываю. Про болѣзненныхъ людей всегда думаютъ, что они работаютъ меньше здоровыхъ.

— Я, кажется, не манкирую занятіями, несмѣло замѣтилъ я.

— Что вы! что вы! Развѣ я объ этомъ говорю! воскликнулъ онъ.—Мнѣ просто васъ жаль. Вы вонъ все кашляете. Вамъ нуженъ бы продолжительный отдыхъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ же... Я въ сущности здоровъ... простудился только немного по осени, пробормоталъ я.

Я боялся всегда, когда рѣчь заходила объ отпускѣ. Отпускъ мнѣ казался переходомъ къ отставкѣ. Уѣду я — меня нужно будетъ замѣнить кѣмъ-нибудь другимъ, тотъ можетъ оказаться способнѣе меня и когда я возвращусь изъ отпуска—мнѣ скажутъ:

— Вы уже болѣе не нужны.

Нѣтъ, я не могу разсчитывать на отпуски, на поправленіе здоровья въ отпуску! Да и какая польза выйдетъ изъ того, если я и поправлюсь въ отпуску? Вѣдь послѣ, оставшись безъ мѣста, захвораешь еще сильнѣе отъ холода и голода. Да если даже меня и не замѣнятъ другимъ во время отпуска, то работы въ мое отсутствіе накопится столько, дѣла придутъ въ такой безпорядокъ, что потомъ придется удвоить работу и снова израсходовать тѣ силы, которыя накопишь во время отдыха. Нѣтъ ужь лучше тянуть лямку, не снимая ея съ себя ни на минуту! Эти мысли мелькали въ моей головѣ, покуда я перебиралъ книги. Мой принципалъ въ это время сидѣлъ по другую сторону стола, откинувшись головою на спинку кресла, и, покуривая сигару, слѣдилъ пристальнымъ взглядомъ за мною. Мнѣ было какъ то неловко и тяжело чувствовать на себѣ этотъ взглядъ. Конфузливый отъ природы, впечатлительный и мнительный отъ болѣзненности и бѣдности, я всегда смущался отъ пристальныхъ взглядовъ. И точно, вѣдь если люди пристально смотрятъ на кого-нибудь, то значитъ они находятъ въ немъ что-нибудь особенное, необыкновенное, замѣчательное. А что же могло быть особеннаго, необыкновеннаго, замѣчательнаго во мнѣ? Не моя ли жалкая, сѣрая и болѣзненная фигура? Не мое ли истертое и выношенное платье? Не моя ли растерянная и придавленная физіономія? Нѣтъ, какъ хотите, а скверно сознавать, что люди, обративъ на тебя глаза, могутъ увидать только твое убожество и нравственное, и физическое, и матеріальное.

— Вы, кажется, женаты? спросилъ меня мой принципалъ сквозь зубы, пуская тонкую струйку дыма.

— Женатъ, отвѣтилъ я, краснѣя, точно сознавался въ преступленіи.

— И дѣти есть? спросилъ онъ.

— Да, сынъ шести лѣтъ, отвѣтилъ я и наклонился къ кассовой книгѣ, дѣлая видъ, что углубляюсь въ занятіе.

Но я чувствовалъ, угадывалъ, что мой принципалъ не спускаетъ съ меня своего взгляда.

— Что вы, вѣрно, по страстной любви женились? спросилъ онъ.

— Да, по любви, отвѣтилъ я глухо и сталъ передвигать костяшки на счетахъ.

Принципалъ вздохнулъ.

— Эхъ молодость, молодость! проговорилъ онъ съ оттѣнкомъ грусти въ голосѣ.—Вы, должно быть, были очень молоды, когда женились?

— На двадцать второмъ году, отвѣтилъ я.

— Ну да!.. Въ эти годы умѣютъ любить, но не умѣютъ разсчитывать... На бѣдной, конечно?

— Да!

Принципалъ опять вздохнулъ.

— Вы на меня не сердитесь, что я васъ расправиваю о вашей внутренней жизни? спросилъ онъ мягко.

Мнѣ сердиться! Да развѣ я смѣю сердиться на него! Я, краснѣя и запинаясь, пробормоталъ какую то любезность.

— Я искренно расположенъ къ вамъ, проговорилъ онъ, — и потому меня интересуетъ ваше положеніе. Вы, кажется, не кончили курсъ въ университетѣ?

— Да, отвѣтилъ я.

— И вышли оттуда именно ради это женидьбы?

Я промолчалъ, стыдясь признаться, что онъ угадалъ правду.

— Къ несчастью, теперь безъ связей или безъ диплома изъ какого-нибудь высшаго спеціальнаго учебнаго заведенія трудно составить себѣ прочное положеніе и карьеру, продолжалъ онъ.—При томъ же женатому, семейному человѣку представляется менѣе возможности выбирать мѣсто, выжидать, рисковать. Тутъ поневолѣ берешься за первый попавшійся трудъ. Вотъ и вамъ приходится прозябать здѣсь, хотя я знаю, что васъ не можетъ вполнѣ удовлетворить и обезпечить это мѣсто. Вамъ надо подумать о будущемъ...

Я опять начиналъ робѣть, точно онъ уже отказывалъ мнѣ отъ мѣста. Я пробормоталъ, что то въ родѣ того, что я доволенъ своимъ положеніемъ.

— Полноте, можно ли быть довольнымъ пятьюдесятью рублями жалованія, имѣя на рукахъ семью, промолвилъ онъ, пожимая плечами.—Вамъ надо подумать о будущемъ, семья ваша можетъ прибавиться, нужды возрастутъ, а я, къ сожалѣнію, не могу увеличить ваше жалованіе на столько, чтобы удовлетворить вполнѣ вашимъ потребностямъ. Вы знаете, что вы здѣсь не одни, содержаніе конторы обходится и безъ того дорого. Нынче не легко жить!

У меня вертѣлась на языкѣ просьба о томъ, чтобы онъ не заботился о прибавкѣ, но только бы не выгонялъ меня.

— Я къ вамъ привязался, какъ къ симпатичной, скромной личности и потому меня заботитъ ваше положеніе, продолжалъ онъ.— Я постараюсь что-нибудь сдѣлать для васъ. Мнѣ было бы тяжело потерять въ васъ хорошаго работника. Но все же я первый посовѣтую вамъ перейдти на другое мѣсто, если оно будетъ выгоднѣе. Я самъ готовъ похлопотать объ этомъ...

Онъ посмотрѣлъ на часы, всталъ и потянулся.

— Однако, мнѣ пора! До свиданья!

Онъ вышелъ. Я остался одинъ въ этой просторной, высокой комнатѣ съ желтыми конторками, съ желтыми письменными столами, съ желтою неудобною мебелью, съ бѣловато-сѣрыми, голыми стѣнами, безъ драпировокъ, безъ занавѣсокъ, безъ картинъ, и какое то жуткое чувство овладѣло мною въ этой неуютной, нежилой и вѣявшей холодомъ обстановкѣ, выглядѣвшей еще непривѣтливѣе въ этотъ сѣрый день, съ снѣжными тучами, безъ грѣющихъ лучей солнца, безъ голубого неба. Опустивъ на лѣвую руку голову, я машинально перевертывалъ правою рукою страницы конторскихъ книгъ, провѣрялъ цифры, итоги, реестры, — но все это было уже мною подготовлено раньше, вчера, третьяго дня и, въ сущности, у меня не было теперь дѣла. Я могъ бы даже не придти сегодня въ контору, подобно другимъ моимъ сослуживцамъ — моимъ начальникамъ и моимъ холостымъ товарищамъ—но я пришелъ сюда сегодня, въ этотъ день, о которомъ я уже давно мечталъ, какъ о рѣдкомъ днѣ отдыха, — пришелъ потому, что мой принципалъ сказалъ мнѣ вчера:

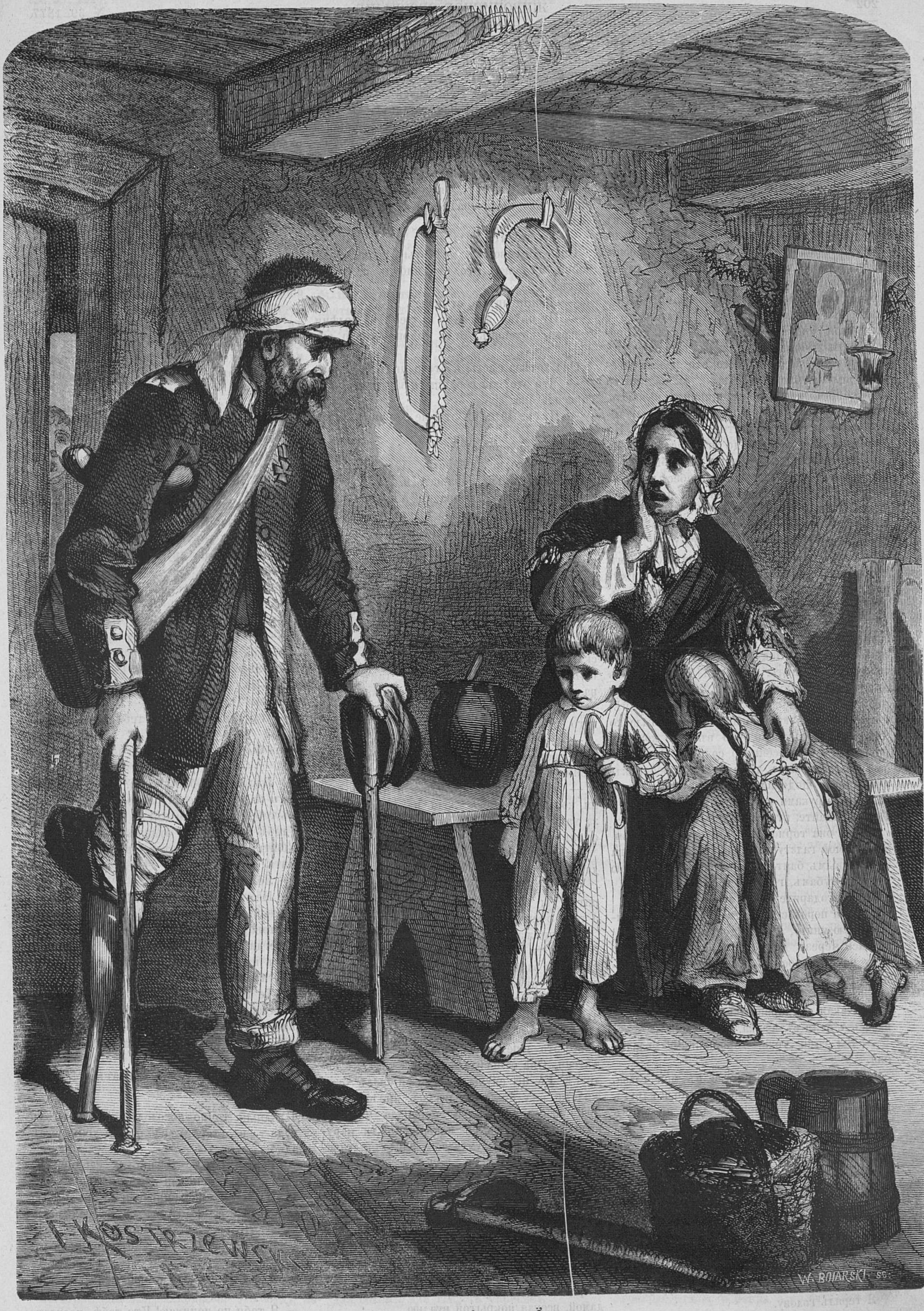
— А вы, Иванъ Ивановичъ, зайдите завтра: мы просмотримъ и провѣримъ съ вами книги.

У меня не повернулся языкъ сказать ему, что я уже все кончилъ и что онъ можетъ теперь же пересмотрѣть книги, не безпокоя меня завтра. Я боялся, что онъ сочтетъ мои слова за выраженіе неохоты придти на службу, за желаніе украсть у него лишній день для себя на прогулъ. Я промолчалъ вчера и пришелъ сюда сегодня. И то сказать: отчего бы мнѣ и не придти сюда? отчего бы мнѣ и не сидѣть здѣсь безвыходно? Развѣ я уже не сросся съ этою конторою, развѣ я уже не сдѣлался ея частью, ея принадлежностью, ея недѣлимымъ, какъ эти столы, какъ эти конторки, какъ эти табуреты и стулья? Да я давно уже превратился въ вещь, въ машину, въ орудіе.

— Иванъ Ивановичъ, занесите это въ приходную книгу! Это надо передѣлать, Иванъ Ивановичъ! Иванъ Ивановичъ, сходите и принесите книги за 1875 годъ! Сдѣлайте справку, Иванъ Ивановичъ, по дѣлу такого-то!

Я все это дѣлаю безмолвно, безотвѣтно, точно, аккуратно. Но бываютъ дни, когда мнѣ не приказываютъ, не даютъ справокъ, не поручаютъ переписокъ,—и я сижу сложа руки, потому что я самъ по своей иниціативѣ, безъ приказанія, безъ указанія не могу, не умѣю, не имѣю права ничего дѣлать. Я машина, орудіе, третья рука завѣдующихъ конторою, но я не человѣкъ. Но вѣдь былъ же и я когда-то человѣкомъ... О да, былъ,— и горе мнѣ именно потому, что я былъ человѣкомъ, что на память объ этой порѣ осталось мнѣ только одно воспоминаніе—моя семья, теща, жена и ребенокъ... Бѣдный мой мальчикъ, простишь ли ты меня, когда выростешь, за то, что я осмѣлился когда то быть человѣкомъ?...

«Я не помню ни отца, ни матери, ни родныхъ! Чужіе люди меня выкормили, поставили на ноги, воспитали, обучили въ гимназіи. У меня никогда не было своего дома, я постоянно гдѣ нибудь гостилъ, кѣмъ нибудь призрѣвался, кому нибудь одолжался. Вѣроятно, вслѣдствіе этого я сталъ слишкомъ тихимъ, застѣнчивымъ, осторожнымъ, и никогда моя душа не могла быть на распашку, такъ какъ я вѣчно боялся сѣсть на чье нибудь мѣсто, сказать что нибудь непріятное другимъ, съѣсть кусокъ, предназначенный не мнѣ. Только на семнадцатомъ году я узналъ, что значитъ «свой уголъ», низенькій, холодный, сырой, но все же «свой». Въ это время я сталъ жить уроками. Я бился съ нуждою, я терпѣлъ лишенія, но все же я чувствовалъ, что я имѣю право сидѣть у себя, гдѣ хочу, и ѣсть то, что купилъ на свои деньги. Правда, уроки, которыми я началъ жить, мѣшали мнѣ самому учиться, но я смотрѣлъ на это довольно равнодушно: меня никто не могъ упрекать за то, что я засиживался въ послѣднихъ классахъ гимназіи, меня никто не могъ поторопить поскорѣе кончить курсъ ученія, чтобы не сидѣть на чужой шеѣ. Я мечталъ, что я кончу ученіе двадцати лѣтъ, поступлю въ университетъ, потомъ изберу какую нибудь спеціальность, не торопясь, не спѣша, не бросаясь на первое попавшееся дѣло. Я только не разсчиталъ одного: я не зналъ, что въ двадцать лѣтъ могутъ пробудиться такія потребности, которыя могутъ перевернуть верхъ дномъ всѣ мои планы. Когда я окончилъ курсъ въ гимназіи, мнѣ навернулись очень выгодные уроки. Я зарабатывалъ до полутораста рублей въ мѣсяцъ. Это было цѣлое богатство въ моихъ глазахъ и я, вѣчно томившійся въ нищетѣ, вѣчно страдавшій отъ недостатковъ, позволилъ себѣ нѣкоторыя удобства. Я нанялъ недурную комнату, пріодѣлся получше, сталъ ѣсть не въ проголодь, посѣщалъ ино-


F. KOSTRZEWSKI
W. BOJARSKI sc.

Возвращеніе съ войны.

гда театры, любилъ принять у себя товарищей.

— Не налюбуюсь я на васъ, что вы за прекрасный молодой человѣкъ, говорила моя квартирная хозяйка, полная, обрусѣвшая нѣмка, вдова какого-то гусара, женщина съ вкрадчивыми манерами, съ предупредительными улыбочками.—Вѣчно то вы и веселы, и бодры; и работаете и веселитесь въ мѣру, не такъ, какъ другіе, у которыхъ сегодня густо, а завтра пусто.

Она начала все чаще и чаще заходить въ мою комнату и приглашать меня къ себѣ на чай. Я любилъ сидѣть съ нею. Она, воспитанная на мѣдные гроши, была не глупа, много путешествовала, много пережила, много видѣла, была хорошая разсказчица. Я узналъ, что когда то она была богата, что у нея была семейная драма, что мужъ ее бросилъ для любовницы и умеръ, оставивъ съ малолѣтнею дочерью. Все это разсказывалось мелькомъ, съ пробѣлами, съ какими то умолчаніями, невольно наводившими на мысль, что въ прошломъ Маріи Карловны были тоже грѣшки, темныя пятна, проступки. Но что мнѣ было за дѣло до ея нравственности, до ея прошлыхъ грѣховъ: она была моя квартирная хозяйка и веселая собесѣдница— и только. Но меня влекла къ ней не одна ея веселая, разбитная болтливость. Мнѣ было пріятно болтать съ нею, видя около себя ея шестнадцатилѣтнюю дочь, съ бѣлыми, какъ ленъ, длинными косами, съ яркимъ молодымъ румянцемъ, съ темными бровями, съ бойкими, сѣрыми глазками. Лёля—такъ звали дочь Маріи Карловны—не была красавицей, не отличалась правильными чертами, но она дышала свѣжестью, здоровьемъ, бойкостью, шаловливостью. Она, какъ ребенокъ, любила прыгать, хохотать, пѣть,—и съ каждымъ днемъ мнѣ становилось все необходимѣе и необходимѣе слышать этотъ смѣхъ, это пѣніе, эту болтовню. Иногда Лёля забѣгала ко мнѣ и мнѣ казалось, что въ мою комнату врывался лучъ весенняго солнца. Она сошлась со мною, какъ дѣвочка, какъ ребенокъ. Она иногда подкрадывалась ко мнѣ сзади, закрывала руками мои глаза и кричала;

— Угадайте, кто съ вами!

Порой она тормошила мои волосы, развязывала мой галстукъ, повязывала его снова затѣйливымъ бантомъ, подставляя мнѣ свою руку къ губамъ, говоря со смѣхомъ:

— Благодарите же за услугу!

Разъ я перелистовалъ какую-то иллюстрированную книгу, Лёля подошла ко мнѣ и нагнулась черезъ мое плечо, положивъ свою руку вокругъ моей шеи и почти касаясь лицомъ моей щеки. Мнѣ кровь бросилась въ голову.

— Какая вы хорошенькая! невольно сорвалось у меня съ языка.

— Вы сами тоже хорошенькій! сказала она.

Она пристально взглянула въ мои глаза, повернувъ руками къ себѣ мое лицо, и вдругъ горячо-горячо поцѣловала меня прямо въ губы.

— Любишь? съ дѣтскимъ лукавствомъ спросила она.

Я обезпамятѣлъ. Я не помню сколько разъ покрылъ я поцѣлуями это лицо. Она не противилась, не сознавала, что она поступаетъ неловко или дурно, и крѣпко обвивала руками мою шею.

— Хорошо тебѣ такъ? спросила она, сидя у меня на колѣняхъ.—Всегда бы такъ быть вмѣстѣ, близко, близко другъ къ другу.

Я терялъ голову.

Лёлю зачѣмъ-то кликнула мать. Она убѣжала безъ смущенія, безъ боязни, какъ бѣжитъ ребенокъ отъ своихъ игрушекъ. На другой день, ругая себя, каясь за свое поведеніе, я боялся на нее взглянуть, но она была по прежнему весела и рѣзва, и пришла ко мнѣ, какъ всегда безъ потупленныхъ глазокъ, безъ дѣвической стыдливости, безъ жеманной застѣнчивости. «Она совсѣмъ дитя», подумалось мнѣ. Она опять обвила мою шею рукою, поцѣловала меня въ щеку и спросила меня:

— Ты это что дѣлаешь?

Она уже говорила мнѣ «ты», громко, спокойно, не боясь, что кто нибудь ее услышитъ.

— Лекціи читаю, отвѣтилъ я.

— Ну читай, а я сяду къ тебѣ на колѣни и, какъ котенокъ, буду смирно-смирно сидѣть.

Она хотѣла сѣсть, я отстранилъ ее рукою.

— Что это? ты сердишься за что нибудь? спросила она.

— Нѣтъ, Лёля, но это не хорошо, отвѣтилъ я.

— Что нехорошо?

— Вы уже не ребенокъ, Лёля. Такъ съ мужчинами нельзя обращаться.

— Отчего-же? Ты знаешь Александра Васильевича Строгова, того толстаго отставного гусара, что у насъ бываетъ? Онъ вотъ всегда меня цѣлуетъ и сажаетъ къ себѣ на колѣни. Только я не люблю его. Онъ такой толстый и усищи у него противные. Я теперь даже не хожу къ нимъ. Знаешь, онъ насъ съ мамой пригласилъ разъ къ себѣ на дачу, тамъ пирушка была, мы танцовали, весело было, но меня такъ напоили шампанскимъ, что всѣ смѣялись надо мной, что я пьяна. А потомъ, мы съ мамой тамъ ночевали и у меня утромъ даже горячка сдѣлалась, думали, что я умру. Съ тѣхъ поръ я на него сердита.

— Какъ это рѣшается ваша матушка возить васъ къ такимъ господамъ, съ отвращеніемъ замѣтилъ я.

— Да онъ товарищъ папы и въ то время, когда мы у него были на вечерѣ, онъ за маму большіе долги заплатилъ. Онъ намъ очень помогъ.

— Все же не слѣдуетъ съ такими господами знаться.

— Ну да Богъ съ нимъ, что о немъ говорить! Ты вотъ не такой, ты хорошенькій и я тебя очень, очень люблю!

Она прижалась ко мнѣ. У меня кружилась голова. Эти сцены повторялись часто: иногда Лёля заставляла меня бѣгать съ нею по комнатѣ, иногда она жаловалась мнѣ, что мать ее притѣсняетъ, порой она говорила, что ей противно, какъ гадкій старикашка Строговъ все лѣзетъ къ ней съ поцѣлуями. И все это лепеталось и дѣлалось чисто по дѣтски. Она относилась ко мнѣ какъ къ подругѣ. Ее не смущало, если я былъ безъ жилета; она не задумывалась прилечь при мнѣ на диванъ; она поручала мнѣ, не краснѣя, завязать ей повыше локтя нарукавнички; она изумлялась, когда я говорилъ ей:

— Это неприлично! это нехорошо! что вы дѣлаете, Лёля!

— Отчего не хорошо? спрашивала она.

Изъ ея разсказовъ я узналъ многое, что освѣтило непривлекательнымъ свѣтомъ ея мать. Я узналъ, что одна самая парадная комната въ нашемъ домѣ нанята какимъ-то гвардейцемъ, который пріѣзжаетъ въ нее съ дамой, всегда покрытой вуалью.

— У нея старый мужъ, а она любитъ этого гвардейца, вотъ какъ я тебя, ну они и пріѣзжаютъ, чтобы быть вдвоемъ, поясняла Лёля. Потомъ я узналъ, что у ея матери были еще двѣ дочери, но ихъ отецъ отдалъ въ «Воспитательный домъ», потому что онъ былъ тогда не женатъ на ея матери.

— Онъ все говорилъ, что это не его дочери, объясняла она.—А какъ же онѣ не его, если мама была его женою?

Эта дѣтская наивность и въ то же время эта страстность, дѣлали Лёлю страннымъ существомъ. Я чувствовалъ, что она погибнетъ, какъ только случай сведетъ ее съ человѣкомъ, который воспользуется и ея неопытностью и ея страстностью. Ея страстность проявлялась во всемъ, въ отношеніяхъ къ матери, къ подругамъ, ко мнѣ. Мнѣ было жаль этого ребенка и въ то же время я не могъ его удержать въ границахъ приличія, не могъ растолковать ему, что такъ нельзя вести себя.

— Развѣ тебѣ не пріятно, что я тебя цѣлую? Развѣ ты сердишься на меня? Что же можетъ выйдти дурного изъ того, что я тебя ласкаю? твердила она.

Иногда дѣло доходило до слезъ и тогда мнѣ уже самому приходилось ласкать и цѣловать ея заплаканное личико. Я сознавалъ, что мнѣ нужно переѣхать отъ нихъ, иначе я не могъ ни учиться, ни сдерживаться. Я переѣхалъ. Но на другой же день Лёля была у меня.

— Лёля, какъ вы сюда попали! воскликнулъ я.

— Да мнѣ скучно безъ тебя, отвѣтила она.—Мама все ворчитъ, я одна, подруги нѣтъ,—ну пошла къ тебѣ.

Она насильно сѣла ко мнѣ на колѣни и какимъ-то дѣтски-молящимъ тономъ прошептала:

— Не гони меня, я тебя очень, очень люблю!

Она быстро наклонилась и поцѣловала мою руку.

— Вѣдь ты любишь меня? Да? Возьми меня къ себѣ. Не все ли равно тебѣ, буду ли я съ тобою жить или нѣтъ? Я вѣдь не стану тебѣ мѣшать. Ты будешь учиться, я буду шить, работать, потомъ вмѣстѣ пойдемъ гулять..

— Лёля...

— Не говори, не говори! Я знаю, что ты возьмешь меня къ себѣ. Гостилъ же у тебя твой товарищъ? Вотъ и я также буду у тебя всегда гостить. Вотъ тутъ и мѣсто мнѣ будетъ на диванчикѣ. Я маленькая, мнѣ немного нужно...

— То товарищъ, мужчина гостилъ...

— Скажите, пожалуйста, точно не все равно! Вотъ я возьму, да и одѣнусь мальчикомъ, тогда и прогнать не посмѣешь, мужчиной буду...

Черезъ мѣсяцъ я былъ женатъ...

Блѣдный, точно похолодѣвшій, смотрѣлъ я куда-то въ сторону на другой день послѣ свадьбы...

— Ваня, ты за что нибудь сердишься? спросила Лёля, обнимая и цѣлуя меня...

— И ты еще спрашиваешь! съ горечью проговорилъ я.—Зачѣмъ ты не сознались раньше, что ты уже любила.

— Кого? спросила она, смотря на меня въ недоумѣніи.

— Я думаю, ты это лучше меня знаешь! воскликнулъ я.

— Я тебя не понимаю! Кто тебѣ наслетничалъ на меня? Я никого никогда не любила, кромѣ тебя!

— Такъ что-же ты продавалась, что-ли? крикнулъ я.

Она смотрѣла на меня недоумѣвающими, откровенными глазами. Я былъ внѣ себя.

— Говори, говори, кто былъ тотъ негодяй, который увлекъ тебя! кричалъ я, стискивая ея руку.

— Мнѣ больно, Ваня! Я не знаю, за что ты сердишься, съ дѣтскими слезами проговорила она.

Я выпустилъ ея руки или, лучше сказать, онѣ выпали изъ моихъ рукъ. Въ это время вошла моя теща.

— Что это? Ты плачешь? О чемъ это? спросила она невиннѣйшимъ тономъ у Лёли.

Я не выдержалъ и сталъ упрекать тещу.

— Хорошо вы смотрѣли за дочерью! Вы меня нагло обманули! кричалъ я, сжимая кулаки.

Но Марья Карловна только удивлялась и клялась, что она ничего не знала о паденіи дочери. Она даже допрашивала дочь, она горько упрекала ее за вѣтренность, за дурное поведеніе, она дѣлала видъ, что теряется въ догадкахъ на счетъ того, кто погубилъ Лёлю. Я ушелъ и заперся въ своей комнатѣ, чтобы ничего не видать, чтобы ничего не слыхать. Я перебиралъ всѣ событія изъ прошлаго своей жены. Мало по малу я понялъ все, мнѣ припомнился разсказъ объ обращеніи съ нею старика Строгова и его сыновей, вечеринка у него, горячка сдѣлавшаяся съ Лёлей послѣ этой вечеринки, долги моей тещи, заплоченные Строговымъ послѣ этой пирушки. Мнѣ припомнился его радостный видъ на моей свадьбѣ, его обѣщанія позаботиться о насъ, двусмысленныя улыбки его сыновей, двухъ развращенныхъ фатовъ. Я пришелъ къ заключенію, что моя жена дѣйствительно ничего не знала о своемъ паденіи, что она была продана матерью. Но кто же ее погубилъ: Строговъ или его сыновья, или кто-нибудь другой изъ бывшихъ на пирушкѣ? Можетъ быть, виновникъ былъ не одинъ; во всякомъ случаѣ знали объ этомъ многіе—это теперь мнѣ было ясно, когда я вспоминалъ всѣ физіономіи, всѣ взгляды, всѣ рѣчи развращенныхъ мужчинъ, названныхъ на мою свадьбу матерью Лёли. Мнѣ стали противны всѣ эти люди, я боялся теперь встрѣтиться съ ними, боялся увидѣть ихъ двусмысленные взгляды. Я понималъ, что всѣ они, и Строговъ, и его сыновья, и товарищи ихъ и мать Лёли, знали о ея паденіи, и не знала, не помнила этого только она, поплатившаяся горячкою за вечеръ гнусной оргіи. Я рѣшился порвать всякую связь съ ними. Я такъ и сдѣлалъ. Но я не могъ растолковать Лёлѣ ни значенія ихъ поведенія, ни необходимости удалиться отъ нихъ. Она смотрѣла на все со своей дѣтски наивной точки зрѣнія, не понимая ни своего проступка, ни моего положенія обманутаго мужа. Я только теперь началъ понимать, что въ сущности у Лёли недоставало одного—какого бы то ни было представленія о нравственности. Она выросла въ той средѣ, гдѣ развратъ практиковался беззастѣнчиво, открыто, свободно, какъ нѣчто нормальное, законное; она не понимала почему она дѣвушкой не могла сидѣть у меня на колѣняхъ, она не понимала предосудительности свиданій у нихъ въ домѣ молодого офицера съ чужою женой, она не понимала меня, когда я говорилъ ей:

— Я уже оттого не приму къ себѣ ни одного изъ вашихъ знакомыхъ, что буду подозрѣвать въ немъ твоего минутнаго любовника или буду бояться, что ему извѣстно твое прошлое.

— Да что же я такого дурного сдѣлала, Ваня? со слезами говорила она.

Я начиналъ понимать, что и теперь, будучи замужемъ, она легко измѣнитъ мнѣ при первой ласкѣ какого нибудь смазливаго мальчика, измѣнитъ безъ думъ, безъ размышленій, безъ упрековъ совѣсти, просто потому, что этотъ мальчикъ смазливъ, что онъ приласкалъ ее, что ей «не за что не любить его», что, наконецъ, «ей такъ хорошо»—это была та проклятая фраза, которую мнѣ повторяла до замужества Лёля, когда я говорилъ ей о неприличіи ея обращенія со мною. Это не была глупость, это не была простая развратность натуры, это было просто полное отсутствіе понятій о нравственности. И то сказать, какія понятія о нравственности могли быть у Лёли, выросшей подъ надзоромъ Маріи Карловны и Строгова. Марія Карловна, какъ я узналъ потомъ, существовала главнымъ образомъ, отдачею комнатъ поденно различнымъ влюбленнымъ парамъ. Отставной гусаръ, старикъ Строговъ получалъ главные доходы съ тѣхъ лицъ, которымъ онъ помогалъ въ дѣлахъ любви. Мнѣ приходилось открыть передъ Лёлей цѣлый новый міръ этихъ понятій, разъяснить ей все, начиная съ азбуки нравственности. Только теперь понялъ я все это и увидалъ всѣ мелочи, которыя ускользали отъ меня прежде или казались мнѣ слѣдствіемъ дѣтской непорочности. Только теперь я замѣтилъ, что Лёля не имѣетъ способности краснѣть отъ застѣнчивости; что ее не приводитъ въ стыдливое смущеніе обнаженное тѣло, что она любитъ его, какъ другіе любятъ цвѣты, наряды, вино, сласти, фрукты. За такой женой нужно было слѣдить.

Не весело пошла моя семейная жизнь: Лёля сердилась на меня за то, что я разогналъ ея знакомыхъ, что я почти выгналъ изъ дому ея мать, что ей скучно сидѣть все одной. Рядомъ съ этими жалобами явились и другіе жалобы: у меня недоставало средствъ порядочно одѣвать ее, она же не умѣла зарабатывать денегъ и не умѣла хозяйничать. При малѣйшихъ недостаткахъ она говорила мнѣ:

— Вотъ со Строговымъ разошелся, а онъ тебѣ и работу далъ бы и мѣсто доставилъ бы! Выдумалъ всѣхъ гнать, кто меня любитъ,—теперь и сиди безъ знакомыхъ и безъ хлѣба. Жили бы у мамы—тамъ и дешевле было бы и веселѣе. А то тутъ считай каждый грошъ, да думай, чѣмъ накормить тебя...

О продолженіи университетскихъ занятій нечего было и думать. Я уже искалъ мѣста. Наконецъ, мѣсто нашлось здѣсь, въ конторѣ, съ пятьюдесятью рублями жалованья. Это было мало, но что-же дѣлать, если другого мѣста я не могъ найдти, а на уроки не смѣлъ разсчитывать, какъ на невѣрное средство къ существованію. У насъ же былъ уже ребенокъ. Я сталъ ходить въ контору, я занимался перепиской дома, я лѣзъ изъ кожи, но Лёля не благодарила меня за это, не цѣнила моихъ трудовъ, не поддерживала меня: она видѣла только одно то, что у нея нѣтъ такихъ нарядовъ, какъ у встрѣчавшихся съ нею ея подругъ, что мы терпимъ недостатки, что Строговъ могъ бы дать мнѣ лучшее мѣсто, что живя у ея матери мы были бы обезпеченнѣе, что я не вывожу ее никуда и самъ или отстутствую или молча сижу за скучной перепиской. Этого было довольно для сотенъ, для тысячъ упрековъ.

— Ты меня не любишь, оттого ничего для меня и не дѣлаешь, упрекала она меня.

Я говорилъ, что я ничего для нея не дѣлаю по недостатку средствъ,—она говорила:

— Иди къ Строгову! Переѣзжай къ мамѣ!

Я наотрѣзъ отказывался отъ этого,—она опять говорила, что я отказываюсь потому, что не люблю ее.

— Мама тоже говоритъ, плакала она.

— Гдѣ ты видѣла мать? сердито спрашивалъ я.

— Гдѣ? У нее была. Не сидѣть же мнѣ все дома, одной.

— Ты ужь и къ Строгову не ходила ли?

— А если бы и пошла, такъ что-же? Тамъ меня всѣ любили и ласкали. Бывало, захочу въ театръ—сейчасъ ложу берутъ, вздумаю кататься—велятъ экипажъ заложить. Если я и дулась на Строгова, такъ потому, что онъ старый и противный, а Коля и Миша Строговы всегда были мнѣ друзьями, мы росли вмѣстѣ...

— Не смѣй мнѣ говорить о нихъ! сердился я.

— Ну да, ты вѣдь всѣхъ ненавидишь, кто меня ласкалъ. Чѣмъ же я виновата, что они меня любили? Это ты только такой медвѣдь, что тебя никто не любилъ.

Иногда у насъ дѣло доходило до крупной брани, чаще же я плакалъ и молилъ Лёлю понять наше положеніе, отбросить лишнія требованія, жить мирной и скромной жизнью. Но на нее не дѣйствовали ни брань, ни мольбы. «Ты меня не любишь, оттого такъ и держишь»,—вотъ все, что слышалъ я въ отвѣтъ. Оставалось только доказывать ей любовь удвоеннымъ трудомъ, удвоеннымъ заработкомъ. Но домъ, хозяйство поглощали все, что добывалось трудомъ, и жалобы на недостатокъ развлеченій и нарядовъ слышались постоянно. Наконецъ, должно быть, Лёля утомилась жаловаться: я пересталъ слышать ея жалобы, пересталъ видѣть ея слезы. Я началъ радоваться этой перемѣнѣ; но мнѣ стали бросаться въ глаза новые наряды Лёли.

— Откуда у тебя это платье? спросилъ я однажды.

— Мама сдѣлала, отвѣтила она.

— Не смѣй брать отъ нея подарковъ!

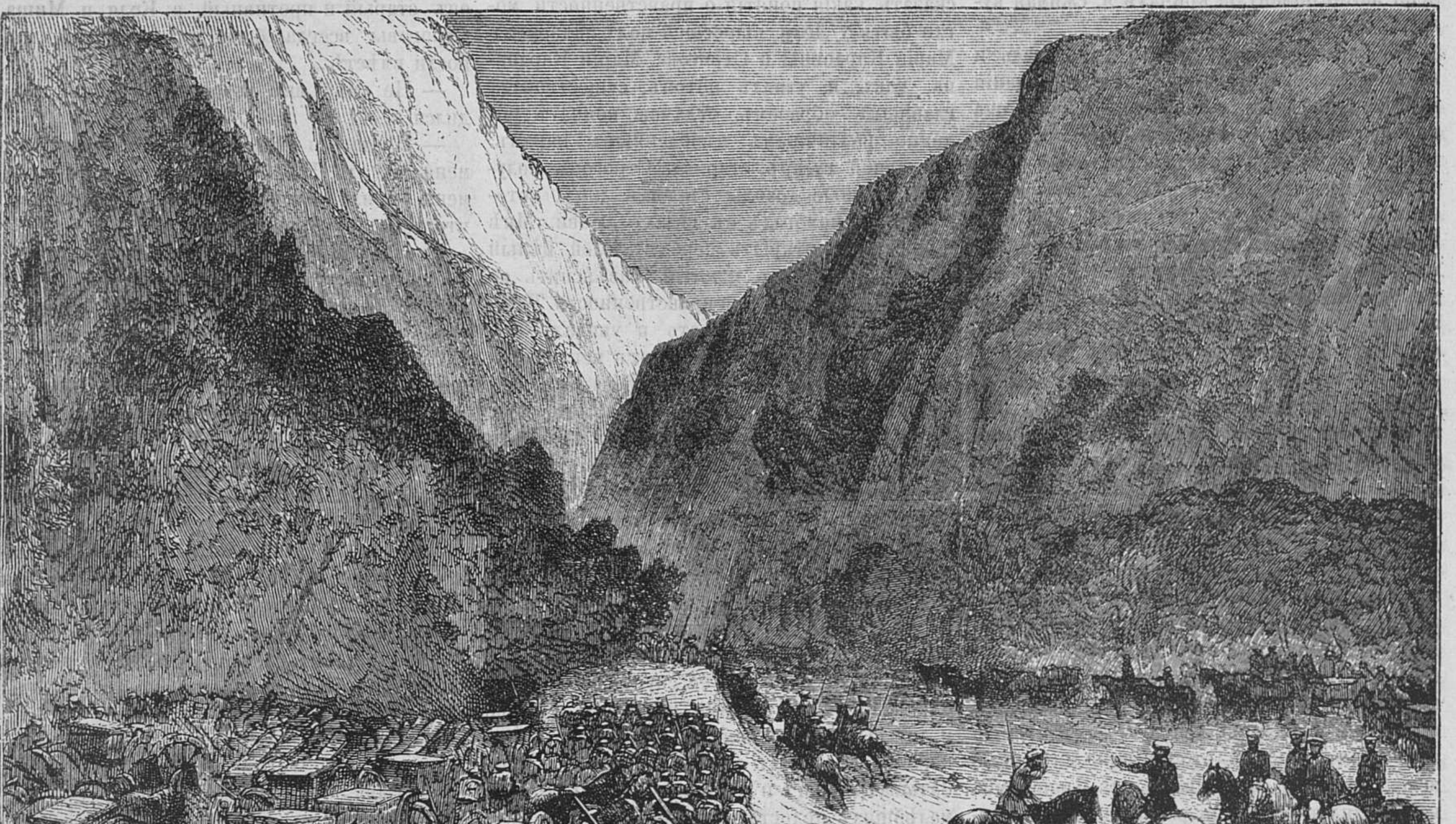
— Что же мнѣ оборванкой ходить? Сшей мнѣ такое платье, какъ это, вотъ я и не буду просить у мамы. Ты думаешь, мамѣ весело глядѣть, что я обтрепалась? Мама вонъ и то говоритъ, что я на себя стала непохожа. «Тебя, говоритъ, теперь и даромъ никто не возьметъ, если твой благовѣрный умретъ».

— Ты бы хоть не передавала мнѣ того, что говоритъ твоя мать! подавленнымъ голосомъ молилъ я.

— Да, я вѣдь знаю, что ты не любишь со мной разговаривать!

Она даже перестала теперь ласкаться ко мнѣ. Она, кажется, чувствовала ко мнѣ что то въ родѣ презрѣнія, отвращенія, гадливости.

И то сказать, я сталъ худъ, сухъ, сгорбился, состарѣлся; здоровье, свѣжесть, силы, румянецъ молодости—все ушло безвозвратно. Эта чисто матеріялистическая, чувственная натура не могла уже найдти наслажденія въ ласкахъ «скелета». Впрочемъ, нѣтъ! настало время, когда Лёля опять начала ухаживать за мною, когда она приблизила опять меня къ себѣ. Но Боже мой! мнѣ даже гадко вспомнить объ этомъ! Это было сдѣлано для того, чтобы я не отрекся отъ *ея* ребенка,—говорю отъ *ея* ребенка, а не отъ *моего*, потому что моимъ ребенкомъ былъ только Саша, первое дитя, подаренное мнѣ Лёлей. Да, она начала обманывать меня, она начала развратничать, но неумѣло, жалко, воображая о крупной наживѣ и попадаясь въ разставленныя ей сѣти даромъ, безъ барыша, съ печальною перспективой снова сдѣлаться матерью,—и какой матерью! которая проклинала свое дитя до его рожденія за то, что «ей было больно», какъ выражалась она. Я все это видѣлъ, чувствовалъ, угадывалъ и даже не могъ разстаться съ нею: разъ она сама ушла отъ меня къ матери, но мать черезъ недѣлю же поссорилась съ нею, выгнала ее, и она вернулась снова ко мнѣ, говоря, что я долженъ ее кормить. Я позволилъ ей жить, я ее кормлю, но я работаю не для нея, а для Саши, для моего ребенка, для моего несчастнаго мальчика. Не будь его — я бросилъ бы работу, запилъ бы, пересталъ бы трусить, что мнѣ откажетъ отъ мѣста мой принципалъ. Теперь же я тяну свою лямку покорно, неустанно, изо дня въ день, чтобы только спасти отъ голода и холода свое дитя...



Шибкинскій проходъ.

Я дописывалъ послѣднія строки, когда вернулся мой принципалъ. За нимъ внесли корзину съ игрушками.

— Сюда, сюда неси въ гостиную! говорилъ онъ швейцару и носильщику, указывая имъ на дверь.—Приходится воровскимъ манеромъ черезъ контору все носить, чтобъ дѣти не узнали, обратился онъ ко мнѣ.

Онъ весь сіялъ счастіемъ. Корзины внесли черезъ контору въ его гостиную.

— Вы кончили просмотръ книгъ? спросилъ онъ у меня, давая на водку прислугѣ.

— Да, не угодно ли просмотрѣть, отвѣтилъ я.

— Нѣтъ, нѣтъ... Чего смотрѣть!.. Все вѣрно—и слава Богу! отвѣтилъ онъ, наклоняясь надъ корзинами. — Помогите мнѣ, пожалуйста, развязать вотъ это.

Я сталъ развязывать корзины.

— А вашъ мальчуганъ гдѣ-нибудь тоже на ёлкѣ? спросилъ онъ, разставляя игрушки.

— Нѣтъ, отвѣтилъ я.

— Ну, такъ вотъ приводите его сегодня къ восьми часамъ... Пусть повеселится... Для дѣтей это лучшій праздникъ... Они годъ ждутъ ёлки.

Я поблагодарилъ.

— Непремѣнно, непремѣнно приводите! повторилъ онъ.—Игрушекъ много и для него будетъ...

Черезъ полчаса, окончивъ разборъ игрушекъ, я пошелъ домой. Привести Сашу къ нимъ на елку. Какая радость была бы для него! Но въ чемъ я поведу его? У него нѣтъ даже праздничной одежды. Или привести его въ затрапезной ситцевой рубашенкѣ на посмѣшище нарядныхъ дѣтей? Видѣть, какъ, смотря на него, будутъ дѣлать гримасы и господа, и лакеи? Да и настолько ли онъ выдресированъ, чтобы умѣть держать себя среди дѣтей, вышколенныхъ гувернантками и гувернерами? Нѣтъ, ему не мѣсто здѣсь. И не будетъ ли ему еще тяжелѣе жизнь, когда онъ посмотритъ на этотъ блескъ, на эту роскошь, на это счастье другихъ дѣтей? Нѣтъ, нѣтъ, пусть онъ лучше не знаетъ, что онъ несчастливъ, что другіе живутъ лучше!

Съ поникшей головою, съ тоскою въ душѣ вернулся я домой и засталъ Сашу, сидящимъ на окнѣ. Онъ обернулъ ко мнѣ свое худенькое, изъсиняблѣдное личико съ мутными глазками и молча поманилъ меня къ себѣ. Я подошелъ.

— Папа, елки! тихо прошепталъ онъ, указывая грустными глазами на улицу, гдѣ около тротуара была разставлена масса елокъ. Онъ ничего не сказалъ больше, онъ ни о чемъ не просилъ, онъ ни на что не жаловался,— но я чуть не заплакалъ отъ этой фразы, въ которой я услышалъ и мольбу, и жалобу, и упрекъ. Онъ зналъ, что онъ былъ несчастливъ, что другіе живутъ лучше. Да, тамъ были елки, а у него не было елки и я не могъ купить ему ее, не могъ доставить ему и минуты восторга. Бѣдный мой мальчикъ, ты еще не знаешь, что твой отецъ не только что елку не можетъ устроить тебѣ, но что онъ не знаетъ даже, откуда возьмутся у него средства, чтобы дать тебѣ образованіе, средства къ добыванію хлѣба, возможность стать на тотъ путь, на которомъ ты могъ бы... устраивать елки для своихъ будущихъ дѣтей... Что то изъ тебя...»

— Скажите, кто авторъ этой рукописи? спросилъ я у Клименко, кончивъ чтеніе этого недописаннаго отрывка.

— Вамъ нужна непремѣнно фамилія? усмѣхнулся онъ.—Пойдите въ коммерческіе и поземельные банки, въ правленія желѣзныхъ дорогъ и въ банкирскія конторы, во всѣ эти мѣста, гдѣ золото, акціи и облигаціи обращаются въ количествѣ милліоновъ, и высмотрите тамъ любого изъ этихъ неокончившихъ курса ученія молодыхъ конторщиковъ, рано женившихся на какихъ-нибудь дочеряхъ квартирныхъ хозяекъ, на какихъ-нибудь швейкахъ и получающихъ пятьдесятъ, шестьдесятъ рублей жалованья, безъ надежды, безъ умѣнія получить больше и составить карьеру — и спросите у этого юноши, уже страдающаго и геморроемъ и зародышемъ чахотки, не знаетъ ли онъ фамиліи героя этой исторіи, и когда вамъ назовутъ сотни фамилій подобныхъ «конторщиковъ» — выбирайте изъ нихъ любую. **Нѣкто.**

Новости наукъ и жизни.

— **Морская экспедиція.** «Московскія Вѣдомости» сообщаютъ, что отправленный въ іюнѣ А. Трапезниковымъ и графомъ А. Е. Комаровскимъ изъ Любека, для изслѣдованія морского пути въ Сибирь чрезъ рѣку Обь, принадлежащій г. Трапезникову пароходъ, подъ управленіемъ русскаго шкипера г. Даля и всѣмъ русскимъ на немъ экипажемъ, 28-го іюля вошелъ въ Карское море, 3-го августа миновалъ Бѣлый островъ, 1-го сентября вышелъ изъ Оби въ Иртышъ, 2-го сентября былъ въ Демьянскѣ, за 350 верстъ отъ Тобольска, откуда, по случаю мелководья и отмелей, шелъ медленно, и потому прибылъ въ Тобольскъ 8-го сентября съ грузомъ отправленныхъ съ нимъ товаровъ. Это первое судно, и притомъ русское, пришедшее изъ Европы въ Тобольскъ.

— **Астрономическое явленіе.** Въ субботу, 9-го сентября, въ десятомъ часу вечера, общее вниманіе прохожихъ обращали на себя столбы вокругъ луны. Столбы по обѣимъ сторонамъ диска луны замѣчены были десять лѣтъ тому назадъ въ ночь на 9-е декабря, и тогда въ первый и единственный разъ наблюдаемы были въ главной физической обсерваторіи, затѣмъ же наблюдаемы были только одни круги около луны. Въ 1875 году начато вновь наблюденіе вѣнца около луны, который является въ означенномъ году 3 раза въ февралѣ, одинъ разъ въ мартѣ, одинъ разъ въ апрѣлѣ и одинъ разъ въ декабрѣ. Изученіемъ всѣхъ явленій, наблюдавшихся у луны, занятъ одинъ изъ нашихъ молодыхъ метеорологовъ, который и приготовляетъ, какъ мы слышали, обширный трактатъ по этому поводу.

— **Открытіе новыхъ сѣрныхъ источниковъ.** Намъ сообщаютъ, что недавно въ Вятской губерніи открыты замѣчательные по своимъ свойствамъ сѣрные ключевые источники на землѣ, принадлежащей казнѣ, и что елабужское земство обратилось въ настоящее время въ министерство внутреннихъ дѣлъ съ ходатайствомъ объ уступкѣ ему этихъ источниковъ съ тѣмъ, что съ пріобрѣтеніемъ ихъ въ собственность, оно приступитъ къ немедленному устройству обширнаго лечебнаго заведенія съ наименованіемъ его Варзіатчинскимъ согласно мѣсту нахожденія источниковъ.

— **Допотопная птица.** Нѣмецкій ученый Эрнерстъ Геберлейнъ открылъ въ ломкахъ литографскаго камня около Соленготена еще одинъ экземпляръ archoeopteryx lithographica. Тотъ же Геберлейнъ открылъ двадцать лѣтъ тому назадъ первый экземпляръ этой допотопной птицы.

Это любопытное животное, служившее предметомъ изслѣдованій натуралистовъ, на половину гадъ и на половину птица. По отпечаткамъ на камнѣ крылья и позвонокъ видны совершенно ясно; кромѣ того, у archoeopteryx'а хвостъ длиною во все его тѣло, какъ хвостъ крысы, и состоитъ изъ нѣсколькихъ позвонковъ, уменьшающихся къ концу и покрытыхъ перьями.

— **Каталогъ.** «Биржевыя Вѣдомости» сообщаютъ, что учеными медиками и профессорами здѣшней медико-хирургической академіи готовится къ выпуску въ свѣтъ каталогъ всѣхъ медицинскихъ сочиненій, вышедшихъ до настоящаго времени и притомъ съ систематическимъ раздѣленіемъ по болѣзнямъ. На изданіе ассигновано 9000 рублей.

— **Отправка орудій для парохода «Россія».** Газетѣ «Яхта» пишутъ изъ Кронштадта, что на фрегатѣ «Свѣтлана» снимаются 6-ти дюймовыя нарѣзныя орудія, такъ какъ они пойдутъ на вооруженіе парохода «Россія», стоящаго въ настоящее время въ Николаевѣ и, какъ уже было сообщено въ этой газетѣ, пріобрѣтеннаго отъ русскаго общества пароходства и торговли. Для «Россіи» готовятся также минныя шлюпки.

— **Наводненія и вулканическія явленія въ Южной Америкѣ.** Въ нынѣшнемъ году Южная Америка сильно пострадала отъ дождей, которые лили тамъ отъ 20 до 30 іюля и покрыли сплошной массой воды 80 квадратныхъ миль отъ Кабалито до Санта-Катарина и отъ Матаньаса до Барракаса. Жители спасались на деревьяхъ, гдѣ сидѣли голодные. Когда на помощь къ нимъ пріѣхали въ лодкахъ, многіе уже оказались умершими отъ голода и холода. Линія желѣзной дороги во многихъ мѣстахъ была повреждена. Въ это наводненіе погибло болѣе трехъ милліоновъ головъ скота. Многіе изъ людей зажиточныхъ, потерявъ свои стада, стали нищими. Цѣлыя груды труповъ животныхъ навалены на поляхъ.

Во время наводненія замѣтно было землетрясеніе, и подземные толчки слышны были въ Мендозѣ, въ Кардобѣ и въ Буэносъ-Айресѣ. Въ окрестностяхъ этихъ городовъ всѣ колодцы сразу высохли за нѣсколько минутъ до подземныхъ толчковъ. Въ Катамаркѣ, кромѣ того, земля вдругъ разверзлась и образовала большое озеро, поглотившее не мало лѣсовъ и фермъ.

Не менѣе ужасное явленіе произошло 23-го іюня тоже въ Южной Америкѣ. Городъ Квито окруженъ множествомъ волкановъ. Изъ волкана Котопахи показалась лава, и, кромѣ того, онъ сталъ выбрасывать камни, грязь, пыль и засыпалъ не мало зданій, животныхъ и даже людей. Цѣлыя тучи пеплу покрыли небо, такъ что въ Квито въ полдень сдѣлалось такъ темно, что пришлось зажечь фонари. Легко себѣ представить ужасъ бѣдныхъ жителей. За 70 миль были слышны подземные удары въ родѣ пушечныхъ выстрѣловъ. Потери отъ этого изверженія громадны.

Новый буекъ. Одинъ американецъ, по фамиліи Куртеней, изобрѣлъ особый буекъ, который, дѣйствуя автоматически слышенъ на весьма большомъ разстояніи. Аппаратъ этотъ состоитъ изъ двойного желѣзнаго цилиндра, который ставится въ морѣ на якорѣ, въ какомъ угодно мѣстѣ; звукъ производится отъ передвиженія воды въ цилиндрѣ, которое, въ свою очередь, происходитъ отъ качанія цилиндра на волненіи. Изобрѣтатель утверждаетъ, что измѣненіе положенія уровня воды только на $^{1}/_{2}$ фута уже заставляетъ аппаратъ издавать такой сильный звукъ, что онъ слышенъ явственно на разстояніи отъ 5 до 7 морск. миль (отъ $8^{3}/_{4}$ до $12^{1}/_{4}$ верстъ). Такіе автоматическіе буйки Куртенея уже введены въ употребленіе во многихъ мѣстахъ около береговъ Америки, Австраліи и Англіи и представляютъ собою одно изъ цѣлесообразныхъ и въ то же время дешевѣйшихъ средствъ между разными сигнальными апаратами во время тумана. По слухамъ, сообщаемымъ нѣмецкими газетами, германское адмиралтейство пріобрѣло одинъ подобный апаратъ, съ которымъ и производятся въ настоящее время опыты въ вильгельмсгавенской гавани.

— **Истребленіе и разведеніе лѣсовъ въ Америкѣ и Австраліи.** Въ Америкѣ лѣса хотя рѣдко подвергаются страшнымъ пожарамъ, но за то врагомъ ихъ тамъ является человѣкъ и неблагоразумно истребляетъ ихъ. Въ послѣднія десять лѣтъ въ Соединенныхъ Штатахъ вырублено 12 милліоновъ акровъ лѣса. Двадцать пять большихъ городовъ сжигаютъ ежегодно отъ 5,000 до 10,000 акровъ лѣса. Изгороди, отдѣляющія одно владѣніе отъ другого, берутъ тоже немало лѣсного матеріала. На желѣзныя дороги употребляется въ годъ лѣсу съ 150,000 акровъ. Правда, Соединенные Штаты очень богаты лѣсомъ. На лѣсопромышленность тамъ употребляется 144 милліона долларовъ оборотнаго капитала, и ею занято 200,000 рабочихъ. Австралія смотритъ иначе на лѣсное хозяйство. Въ ней не только берегутъ лѣсъ, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже занимаются вопросомъ облѣсенія. Въ окрестностяхъ Джемсъ-Тауна устроены замѣчательные разсадники. На грядки ставятъ рядами бамбуковыя тросточки вершка въ два длиною и въ 4 сантиметра въ діаметрѣ. Землею засыпаютъ и промежутки и внутренность бамбуковыхъ цилиндровъ и въ каждый цилиндръ кладутъ по три, по четыре древесныхъ зерна. Когда деревца достаточно поднимутся, въ каждой трубочкѣ оставляютъ по одному растенію, а остальное вырываютъ и переносятъ уже на мѣсто. Черезъ нѣкоторое время бамбукъ начинаетъ гнить, и послуживъ сначала охраной для молодого корня, онъ служитъ ему потомъ удобреніемъ. При такомъ способѣ неудачъ не бываетъ, и, кромѣ того, молодыя растенія удобно перевозятся съ мѣста на мѣсто, безъ особенно тщательной укупорки.

— **Аэролитъ.** Въ Америкѣ камни летѣли изъ кратера, а въ Европѣ въ это самое время слетѣлъ камень съ неба. 21-го августа, въ шесть часовъ вечера, въ Ганау, въ Германіи, одинъ воспитанникъ реальной гимназіи спускалъ бумажный змѣй, какъ вдругъ ему что-то обожгло и ушибло руку. Въ это самое время онъ увидѣлъ, какъ на землю упалъ круглый камешекъ. Онъ хотѣлъ поднять его, но такъ обжегъ пальцы, что на другой день еще слѣды обжога были видны, и бросилъ его случайно въ лужу. На слѣдующій день мальчикъ принесъ камешекъ къ одному газетному репортеру, и тотъ, изслѣдовавъ его, убѣдился, что это метеорный камень, весьма рѣдкій.

— **Вулканическое изверженіе.** 1-го августа, какъ извѣщаетъ Journal des Débats, происходило въ морѣ близь Огненной земли, въ 140 миляхъ отъ Магелланова пролива, вулканическое изверженіе. Датскій корветъ Лютерфельдъ, находившійся подъ 65 гр. южной широты и 75 гр. западной долготы (по Гриничскому меридіану), встрѣтилъ въ морѣ огромную скалу въ видѣ конуса съ усѣченною вершиной, которая возвышалась на 40 футъ надъ поверхностью воды. Капитанъ судна хотѣлъ было лечь въ дрейфъ, но судя по картѣ, въ тѣхъ мѣстахъ не было земли. Снарядили лодку, гдѣ помѣстились капитанъ, одинъ изъ офицеровъ экипажа и трое матросовъ, и чрезъ нѣсколько минутъ очутились около скалистаго острова, вокругъ котораго море сильно бушевало. Одинъ изъ матросовъ вздумалъ было сойти на этотъ островокъ, но почва на немъ оказалась раскаленною, какъ на огнѣ, хотя никакого дыму видно не было. Два часа спустя островокъ исчезъ подъ водой. Подобное вулканическое изверженіе есть явленіе доселѣ невиданное въ этой части свѣта, на такомъ значительномъ разстояніи отъ земли.

Смѣсь.

— **Ремонтировка Исакіевскаго собора** будетъ продолжаться, какъ передаютъ «Бирж. Вѣд.», еще около года. Снимаютъ мраморную обшивку и исправляютъ самую кирпичную кладку. Вообще, постройка этого гигантскаго зданія не можетъ быть причислена къ удачнымъ. Въ немъ много недостатковъ. Самая главная и трудно-поправимая ошибка внутри собора заключается въ маломъ возвышеніи алтаря, лишающемъ массу молящихся возможности видѣть все совершающееся во время богослуженія. Три ступени для такого огромнаго храма ничего не значатъ, да еще при такомъ мракѣ, который въ немъ царствуетъ. Между тѣмъ, соборъ этотъ преимущественно предназначается для торжественныхъ богослуженій. Теперь при такихъ богослуженіяхъ передняя часть храма отгораживается рѣшетками для избранныхъ, а остальная масса молящихся можетъ только спокойно созерцать спины другъ у друга. Будь алтарь выше,—всѣ были-бы довольны: и служба видна, и голосъ священника слышнѣе, и превосходные пѣвчіе еще болѣе-бы выигрывали. Второй важный недостатокъ храма—это отсутствіе свѣта. Великолѣпные образа работы лучшихъ художниковъ совершенно пропадаютъ для глазъ молящихся; кромѣ свѣтлаго пятна отъ горящихъ передъ ними свѣчей, ничего не видно. Художники говорятъ, что развивающаяся отъ отсутствія свѣта сырость начинаетъ уничтожать превосходную живопись, и на нѣкоторыхъ образахъ она превратилась въ далеко не гармонирующія между собою пятна. Впрочемъ, въ полумракѣ собора трудно любоваться превосходной живописью и его богатыми орнаментами и бронзовыми украшеніями. А, между тѣмъ, сколько людей и сколько коммисій трудились надъ созиданіемъ этого храма.

— **Количество госпитальныхъ предметовъ, потребляемыхъ каждый мѣсяцъ.** Намъ передаютъ что изъ имѣющихся въ главномъ управленіи общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ свѣдѣній видно, что изъ числа перевязочныхъ и госпитальныхъ предметовъ, какія слѣдуетъ имѣть для раненыхъ, самыя крупныя цифры падаютъ на слѣдующіе предметы, необходимые для 3,000 человѣкъ раненыхъ *на одинъ мѣсяцъ*: бинтовъ въ $1\frac{1}{4}$ верш. 100,000 арш., ваты гигроскопической 50 пудовъ, треугольныхъ косынокъ 25,000 шт., коленкору 10,000 арш., вощеной бумаги 10,000 арш., марли апретированной 12,000 арш., тесьмы 50,000 арш., холста 3,000 арш. и клеенки 40,000 арш. Затѣмъ изъ припасовъ на каждый мѣсяцъ для тѣхъ-же 3,000 раненыхъ необходимо имѣть: вина виноградиаго крѣпкаго 600 бутылокъ; сахару рафинаду 100 пуд. и чаю чернаго фамильнаго 5 пудовъ.—Независимо отъ перечисленныхъ предметовъ долженъ быть громадный запасъ медикаментовъ, а также большой запасъ, такъ называемыхъ, шинъ, употребляемыхъ послѣ операціи и реестръ которымъ представленъ главному управленію профессоромъ Бергманомъ.

— **Политическіе процессы.** «Neue Freie Presse», приводитъ интересныя данныя о политическихъ процессахъ, какіе возбуждались съ 1863 г. противъ соціаль-демократовъ. Всѣхъ процессовъ насчитывается 2,843, причемъ 2,065 приходятся на долю Пруссіи, 418—на долю Саксоніи, остальные же 360 распредѣляются между другими землями Германіи. На каждый годъ приходится по 203 процесса, изъ которыхъ около половины относится къ проступкамъ противъ законовъ о печати. Притомъ слѣдуетъ замѣтить, что съ 1871 года число преслѣдованій увеличилось на $80^0/_0$. Поводомъ къ возбужденію преслѣдованія служили: обвиненіе въ государственной измѣнѣ пять разъ; оскорбленіе величества—193; оскорбленія князя Бисмарка—211; подстрекательство къ бунту—326; поношеніе государственныхъ учрежденій, кощунство и тому подобные проступки—298; сопротивленіе властямъ—277; оскорбленіе служебныхъ лицъ—619; нарушеніе государственныхъ законовъ—909. Только въ 400 случаяхъ обвиняемые были оправданы судомъ; на всѣ же остальные случаи приходится, въ общемъ, 173 года шесть мѣсяцевъ и три недѣли тюремнаго заключенія, что, среднимъ числомъ, составитъ 30 дней на каждый приговоръ суда; сверхъ того, денежнаго штрафа приходится всего 40,000 марокъ и столько же взыскано судебныхъ издержекъ.

— **Гроза.** «La Presse langroise» передаетъ любопытный случай, происшедшій во время сильной грозы, которая разразилась въ сѣверной части Франціи 19 іюня нов. стиля. Одинъ изъ жителей гор. Серке, находившійся въ полѣ въ ту минуту, когда гроза достигла наибольшой степени напряженія, былъ внезапно окруженъ электрическимъ токомъ, который сорвалъ съ него всю одежду и оставилъ совершенно обнаженнымъ. Объ этомъ происшествіи былъ составленъ протоколъ. Докторъ, призванный освидѣтельствовать лицо, съ которымъ электричество сыграло такую неожиданную шутку, не нашелъ на тѣлѣ никакихъ внѣшнихъ поврежденій.

— **Сумасбродное угощеніе.** Газета «Яхта», со словъ иностранныхъ газетъ, описываетъ замѣчательное по своему сумасбродству угощеніе, устроенное недавно англійскимъ адмираломъ Росселемъ офицерамъ своей эскадры. Въ саду былъ вырытъ глубокій бассейнъ, выложенный мраморомъ и такихъ размѣровъ, что въ него свободно вошло 600 бут. коньяку и столько же рому, 1,200 бут. малаги, 600 фунт. сахару и 200 шт. очищенныхъ мускатныхъ орѣховъ. Въ 4 бочкахъ, стоящихъ тутъ же, была приготовлена кипяченая вода, въ которой плавало 2,000 лимоновъ. Въ довершеніе всего по бассейну плавалъ въ лодкѣ изъ дерева акажу мальчикъ, который наполнялъ кубки присутствующихъ. Жаль, что при этомъ описаніи не объяснено, сколько взрослыхъ мореплавателей находилось на берегахъ этого бассейна и послѣ какого времени маленькая лодка-акажу стала на мель.

— **Ядовитый составъ.** Въ Берлинѣ стали продавать въ послѣднее время за дешевую цѣну составъ для чистки и возстановленія блеска столовыхъ приборовъ и другихъ издѣлій изъ алфенида. Опыты удавались какъ нельзя лучше, и составъ сталъ быстро раскупаться. Новое изобрѣтеніе неукрылось отъ вниманія берлинской полиціи, по иниціативѣ которой былъ произведенъ его химическій анализъ. Оказалось, что торговцы продавали растворъ ртути въ селитряной кислотѣ, то-есть весьма опасный ядъ, могущій оказать очень вредное вліяніе на здоровье лицъ, употребляющихъ вычищенные такимъ образомъ ножи, вилки и ложки. Берлинскія газеты сообщаютъ объ этомъ открытіи въ видахъ предостереженія публики. Въ самомъ дѣлѣ: не лучше-ли остеречься отъ употребленія составовъ, которые не представляютъ полной гарантіи своей безвредности?

— **Антонелли.** «Berliner Tagblatt» сообщаетъ слѣдующій анекдотъ, не лишенный интереса въ виду процесса о наслѣдствѣ кардинала Антонелли. «Однажды графъ Арнимъ, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ посланникомъ въ Римѣ, проѣзжалъ по Романьи. На камнѣ сидѣлъ молодой пастухъ и беззаботно пасъ свое стадо. При взглядѣ на него, графъ вздрогнулъ, до того черты мальчика напоминали кардинала Антонелли. Нѣсколько дней спустя пришлось графу Арниму ѣхать къ Антонелли; онъ не могъ удержаться отъ пристальнаго взгляда на кардинала.—«Что вы такъ на меня смотрите, графъ?» спросилъ этотъ послѣдній,—«развѣ у меня сегодня лицо болѣзненнѣе обыкновеннаго?» Извѣстно, что кардиналъ очень боялся болѣзни и смерти. Посѣтитель поспѣшилъ его успокоить и прерванный разговоръ возобновился. Но черезъ нѣсколько минутъ Антонелли опять воскликнулъ: «Графъ! не отпирайтесь, вы смотрите на меня сегодня пристальнѣе обыкновеннаго, скажите откровенно, почему?» Тогда, со всевозможными дипломатическими тонкостями и намеками на удивительную игру природы, сообщилъ графъ кардиналу свою встрѣчу съ пастухомъ. «Гдѣ это было?» спросилъ Антонелли. Графъ сказалъ.—«А, какъ вы думаете, сколько лѣтъ мальчику?» «Лѣтъ шестнадцать или семнадцать».—«Ну, такъ это, весьма вѣроятно, мой сынъ», отвѣчалъ хладнокровно Антонелли. Графъ былъ изумленъ подобнымъ хладнокровнымъ признаніемъ папскаго кардинала.

— **Наши потери.** «Вѣстникъ Народной Помощи» опредѣляетъ потерю нашей арміи, по свѣдѣніямъ до 15-го сентября, въ 52,008 человѣкъ, выбывшихъ изъ строя.

— **Примѣненіе воздухоплаванія для войны.** По извѣстіямъ изъ Парижа, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ французскихъ воздухоплавателей вызванъ главнымъ штабомъ русской дунайской арміи на театръ войны, чтобъ примѣнить воздушный шаръ къ обзору непріятельскихъ позицій.

— **Бѣгство Ляндау** возбудило въ Москвѣ очень много толковъ. Газеты ошибочно сообщили, что Ляндау находился на порукахъ у жены: онъ былъ подъ домашнимъ арестомъ. Особу Ляндау охранялъ находившійся при немъ безотлучно квартальный надзиратель. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней до бѣгства Ляндау лежалъ въ постели и его выдавали за больного. Нѣкоторые думаютъ, что въ постели лежалъ не больной Ляндау, а похожее на него чучело.

— **Дѣловая женщина.** Подъ этимъ заглавіемъ «Моск. Вѣдом.» заносятъ на свои страницы любопытную черту американской жизни. Около Ніагарскаго водопада жила семья, состоявшая изъ мужа и жены. Переходя однажды черезъ мостъ, мужъ поскользнулся, упалъ и былъ немедленно увлеченъ теченіемъ воды къ самому краю бездны. Съ нечеловѣческими усиліями ему удалось схватиться здѣсь за выступъ утеса, и онъ около получаса держался въ этомъ положеніи, пока его не постигла неизбѣжная участь. Взволнованная, сострадательная толпа наполнила берегъ и хлынула въ домъ, откуда жена несчастнаго принуждена была смотрѣть на ужасную картину, открывавшуюся прямо противъ оконъ. Дѣловая женщина не пропустила однакоже случая нажить деньги. Она не допускала никого къ окнамъ безъ предварительной уплаты одного доллара за «наемъ» окна.

— **Дѣло Курра.** Въ лондонскомъ судѣ происходитъ въ настоящее время громадный процессъ, называемый «процессомъ главныхъ инспекторовъ сыскной полиціи», въ которомъ, къ великому скандалу англичанъ, обвиняется во взяточничествѣ и потворствѣ мошенникамъ полиція чуть не всѣхъ трехъ королевствъ Великобританіи. Читатели, вѣроятно, помнятъ гигантскую мошенническую рекламу о выигрышахъ на англійскихъ скачкахъ, распространеніе которой по всей Европѣ обошлось ея авторамъ, какъ теперь оказывается, въ 300,000 руб. Эта цифра краснорѣчивѣе всего показываетъ, какъ громадны были барыши, добываемые изобрѣтателями этой ловушки! Въ настоящее время главный виновникъ этой аферы, нѣкто Курръ, 26-ти-лѣтній лондонскій мазурикъ, посаженъ въ тюрьму. Вотъ этотъ-то «художникъ», по словамъ лондонскаго корреспондента «Бирж. Вѣд.», и разоблачаетъ теперь на судѣ англійскую полицію, англійскую почту и англійскихъ адвокатовъ въ самыхъ позорныхъ сдѣлкахъ съ мошенниками. Адвокаты, напр., пользуясь доступомъ къ подсудимымъ въ тюрьмѣ, подкупали отъ ихъ имени лжесвидѣтелей и служили посредниками ихъ противозаконной корреспонденціи.

Курръ объяснилъ, что это, однако, самое обыкновенное средство. Адвокаты въ ужасѣ.

— И вы утверждаете, что передавали своему адвокату, извѣстному и почтенному Гомфрису, письма къ лжесвидѣтелямъ?

— Утверждаю.

Но не одинъ адвокатъ Гомфрисъ скомпрометированъ, скомцрометированъ даже Абрамсъ адвокатъ графини Гонкуръ, преслѣдовавшей мошенниковъ; и онъ былъ причастенъ подкупу, и даже адвокаты правительственной обвинительной стороны. Вся полиція нынче пришла въ движеніе въ Англіи, Ирландіи и Шотландіи, ибо почти вся она обвиняется въ полученіи взятокъ. Она предупреждала Курра, когда ему грозила опасность; она оберегала мошенниковъ отъ правосудія. Нѣсколкоь сотенъ денежныхъ писемъ присылалось мошенникамъ ежедневно изъ за-границы. Эти деньги обвинительная власть распорядилась задерживать, но почтовые служащіе были подкупаемы.

Ужасъ!

Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій.

Въ теченіе недѣли съ 15-го по 21-е сентября получены слѣдующія извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій:

А. Отъ его императорскаго высочества Главнокомандующаго дѣйствующей арміей:

Изъ Горнаго Студеня: Отъ 14-го сентября— «Около десяти тысячъ турецкой пѣхоты съ артиллеріей, шедшей изъ Софіи, пробились 10-го сентября сквозь нашу кавалерію въ Плевно. Подробности еще неизвѣстны. Въ рущукскомъ отрядѣ и на Балканахъ спокойно.»

Отъ 16-го сентября: 1) «Вездѣ холодъ и ненастье, а въ Балканахъ идетъ снѣгъ. За время бомбардированія Шипки, съ 9-го по 15-е сентября, у насъ убито и ранено 15 человѣкъ. 15-го сентября начали тамъ дѣйствовать наши мортиры, и тотчасъ взорвали турецкій пороховой погребъ. Въ прочихъ мѣстахъ спокойно.» 2) 12-го сентября турки атаковали авангардъ Еленинскаго отряда у Мореня. Послѣ 5 часовъ боя, отбиты съ весьма большимъ урономъ, оставивъ въ нашихъ рукахъ значекъ. Наша потеря: убиты 4 челов., ранены 1 офицеръ и 17 нижнихъ чиновъ. Особенно отличились орденскіе драгуны и взводъ 20-й конной батареи.

Послѣ пораженія при Церковнѣ, турки совсѣмъ очистили свою позицію противъ нашего отряда и поспѣшно отступили на Попкіой, бросивъ походный телеграфъ и нѣсколько патронныхъ ящиковъ. Затѣмъ, вездѣ спокойно.»

Изъ-подъ-Плевны отъ 19-го сентября: Кавалерійскій отрядъ генералъ-адъютанта Манзея, посланный генералъ-лейтенантомъ Цимерманомъ на рекогносцировку къ Базарджику, разбилъ 14-го сентября 500 черкесовъ у Чубоагъ-Куюса, 15-го сентября подошелъ къ Базарджику, отбросилъ 700 черкесовъ, нанеся имъ большой уронъ, а наступавшую изъ горъ пѣхоту остановилъ артиллерійскимъ огнемъ; 16-го сентября генералъ-адъютантъ Манзей тронулся обратно, по дорогѣ снова разбилъ 300 черкесовъ и возвратился на прежнее мѣсто, сдѣлавъ въ четыре дня 200 верстъ. Наши потери: 14-го сентября: убиты 17 человѣкъ; ранены: 1 офицеръ и 1 нижній чинъ; 16-го сентября: убиты 12 человѣкъ; 15-го сентября потери не было. Уронъ непріятеля во всѣхъ трехъ дѣлахъ весьма значителенъ. Базарджикъ укрѣпленъ и занятъ турецко-египетскими войсками.

Б. Отъ Начальника Штаба Кавказскаго военнаго округа изъ Караяла отъ 16-го и 17-го сентября: 15-го сентября Измаилъ-паша произвелъ наступленіе по всей линіи расположенія войскъ генерала Тергукасова и атаковалъ 12-ю баталіонами нашъ правый флангъ у Чарухчи. Послѣ продолжительнаго боя, непріятель отброшенъ Кубанскимъ полкомъ и преслѣдуемъ на разстояніи семи верстъ частями Кубанскаго, Ставропольскаго и Дербентскаго полковъ. Особенно отличились Кубанскій полкъ, 4-я батарея 19-й и 2-я—28-й артиллерійскихъ бригадъ.

Потеря непріятеля весьма велика. У насъ ранены: генералъ-лейтенантъ Девель и командиръ Кубанскаго полка полковникъ Кабенинъ, оба легко; Кубанскаго полка подпоручики: Старцевъ и Гусейновъ; Ставропольскаго—поручикъ Головинъ; Дербентскаго—прапорщикъ Смирновъ; 4-й батареи 19-й артиллерійской бригады: поручикъ Волженскій и прапорщикъ Липинскій; контужены: Кубанскаго полка полковникъ Мдивани, штабсъ-капитанъ Бамарадзе и подпоручикъ Кузнецовъ и командиръ 2-й батареи 38-й артиллерійской бригады подполковникъ Колодѣевъ, легко. Нижнихъ чиновъ убито 16, ранено и контужено 148.

Отъ 19-го сентября: «Въ послѣднихъ числахъ августа мѣсяца начались волненія въ Среднемъ Дагестанѣ, обнаружившіяся нападеніемъ мятежниковъ на Георгіевскій мостъ и мелкія команды, расположенныя въ разныхъ пунктахъ Гунибскаго округа. Волненія эти отразились сначала въ за-Алазанской Кахетіи, появленіемъ тамъ разбойничьихъ шаекъ лезгинъ, а съ 9-го сентября въ Кази-Кумухсломъ, Кайтаго-Табасаранскомъ и Кюринскомъ округахъ Средняго и Южнаго Дагестана. Одновременнымъ движеніемъ войскъ и милиціи съ разныхъ сторонъ и возвращеннымъ изъ Терской области отрядомъ полковника князя Накашидзе сначала было возстановлено спокойствіе въ Гунибскомъ округѣ, а затѣмъ и въ остальныхъ частяхъ Средняго и Южнаго Дагестана; причемъ молодецкими дѣйствіями отрядовъ полковниковъ князя Накашидзе и Теръ-Ассатурова возставшимъ было нанесено нѣсколько пораженій; 11-го же сентября у аула Лаваши и 12-го сентября у аула Кутиши этими отрядами была разсѣяно скопище мятежниковъ силою до 6,000 человѣкъ.

Такими удачными дѣйствіями войскъ возстаніе въ Дагестанѣ прекращено почти повсюду.

За все это время у насъ убитъ полковникъ Чемберъ; ранены 83-го пѣхотнаго Самурскаго полка: подпоручикъ Прокофьевъ и прапорщикъ Быковскій; убиты и ранены четыре сотенныхъ командира туземныхъ милицій и до 130 нижнихъ чиновъ милиціонеровъ.

— О дѣйствіяхъ черногорскихъ войскъ въ «Прав. Вѣстн.» напечатана слѣдующая телеграмма отъ 15-го сентября. Третьяго дня черногорцы нодъ начальствомъ Вукотича и Врбицы, не смотря на громадныя затрудненія, причиненныя страшными непогодами, устроили батареи передъ Строгишемъ, небольшою передовою крѣпостью по направленію отъ Горанско къ Пивѣ; разрушивъ ее, они ночью перевезли осадныя орудія на 350 саженъ отъ главной крѣпости, вслѣдствіе чего гарнизонъ ея, въ числѣ 300 человѣкъ, сдался на капитуляцію безусловно. Плѣнные обезоружены и отправлены въ Гацко. Черногорцы взяли три пушки, множество военныхъ припасовъ, ружей и провіанта. Потеря черногорцевъ состоитъ изъ трехъ убитыхъ и около 10 раненыхъ; у турокъ убито 15. Укрѣпленныя казармы въ Церквицѣ, по дорогѣ въ Фочу, сожжены, ровно какъ и мосты, турецкимъ гарнизономъ, отошедшимъ за Тару. Осадной артиллеріей въ Пивѣ командовалъ капитанъ Гейслеръ.

— Въ «Рус. Инвалидѣ» напечатанъ слѣдующій перечень военныхъ дѣйствій съ 12-го по 18-го сентября: Въ относительномъ положеніи обѣихъ воюющихъ сторонъ на Балканскомъ полуостровѣ не произошло, судя по извѣстіямъ минувшей недѣли, существенныхъ перемѣнъ, и всѣ три отряда нашей дѣйствующей арміи продолжаютъ занимать тѣ самыя позиціи, въ которыхъ они находились къ началу текущаго мѣсяца. Послѣ недавнихъ кровопролитныхъ боевъ подъ Плевной, задача русско-румынскихъ войскъ состояла въ блокированіи турецкой арміи Османа-паши, къ которой, какъ извѣстно было, спѣшили подкрѣпленія изъ сформированнаго въ Софіи корпуса. Для наблюденія за плевно-софійской дорогою, по которой должны были подойти турецкія подкрѣпленія, на лѣвомъ берегу р. Вида находился нашъ кавалерійскій корпусъ. 8-го и 9-го сентября кавалерійскіе отряды этого корпуса открыли, верстахъ въ 25 къ юго-западу отъ Плевно, присутствіе значительныхъ непріятельскихъ силъ изъ всѣхъ родовъ оружія, которыя наступали къ Плевнѣ съ большою осторожностью, окапываясь на занимаемыхъ ими позиціяхъ. Всѣ усилія нашей кавалеріи преградить путь турецкому вспомогательному отряду не увѣнчались успѣхомъ; хотя 9-го сентября кавалерійскій отрядъ полковника Тутолмина остановилъ огнемъ своей конной артиллеріи дальнѣйшее движеніе непріятеля къ Плевнѣ, но уже на другой день, 10-го числа, турки, въ числѣ десяти тысячъ пѣхоты съ артиллеріей, прорвались сквозь нашу кавалерію и усилили собою армію Османа-паши.

Оцѣнить значеніе этого факта для дальнѣйшихъ операцій подъ Плевной пока невозможно, по неимѣнію еще подробностей. Усиленіе плевненской турецкой арміи свѣжими войсками, конечно, увеличитъ средства ея сопротивленія, но лишь при одномъ условіи: если вмѣстѣ съ подкрѣпленіями въ людяхъ туркамъ удалось доставить въ Плевну значительный транспортъ не только продовольственныхъ, но и боевыхъ запасовъ, въ которыхъ армія Османа-паши, повидимому, терпѣла чувствительный недостатокъ. Въ противномъ-же случаѣ прибытіе десяти тысячъ человѣкъ подкрѣпленія, хотя-бы съ однимъ продовольствіемъ, едва-ли принесетъ ожидаемую турками помощь, въ виду довольно крупной цифры войскъ, увеличивающей собою число потребителей привезеннаго довольствія.

Послѣ вторичнаго отраженія атакъ Сулеймана-паши на Шипку, 5-го сентября, онъ до 14-го числа не возобновлялъ открытаго нападенія, а ограничился усиленіемъ своихъ батарей на южномъ склонѣ горы св. Николая, выставивъ на нихъ 14 мортиръ, изъ которыхъ, 9-го сентября, возобновилъ бомбардированіе нашихъ позицій на горѣ. Впрочемъ, вреда онѣ намъ особеннаго не причинили, такъ какъ до 14-го сентября всѣ наши потери ограничились 15 человѣками, выбывшими изъ строя. Въ этотъ-же день установлены и съ нашей стороны мортиры, огнемъ которыхъ тотчасъ взорванъ турецкій пороховой погребъ. Къ помѣщенному въ послѣднемъ нашемъ военномъ обозрѣніи описанію шипкинскаго боя, 5-го сентября, необходимо добавить, что потери начи въ этомъ дѣлѣ оказались значительнѣе первоначально показанныхъ и состояли изъ 31 офицера и около тысячи нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными.

Въ другомъ изъ занятыхъ нашими отрядами балканскихъ проходовъ, въ Еленинскомъ, турки пытались также прорваться и, 12-го сентября, аттаковали авангардъ нашъ у Мореня. Послѣ пятичасового боя непріятель былъ отбитъ съ урономъ, у насъ-же потеря состояла въ одномъ раненомъ офицерѣ и 21 нижнемъ чинѣ, выбывшихъ изъ строя.

Сосредоточеніе частей войскъ отряда Государя Наслѣдника Цесаревича между Баницкимъ-Ломомъ и Янтрою имѣло уже благопріятный результатъ, выразившійся въ преградженіи дальнѣйшаго наступленія арміи Мехмеда-Али-паши. Турецкій главнокомандующій, задавшійся, повидимому, цѣлью разрѣзать нашъ восточный отрядъ на двое и отбросить центръ и лѣвый его флангъ на Бѣлу и къ Дунаю, аттаковалъ, 9-го сентября, наше расположеніе у Церковны, гдѣ находились 12 батальоновъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Татищева. Со стороны турокъ направлены были въ атаку двѣ дивизіи изъ корпуса принца Хассана, въ числѣ до 20,000 человѣкъ при 40 орудіяхъ, и первый натискъ ихъ произведенъ былъ на правый флангъ нашихъ позицій. Будучи отбитъ въ этомъ пунктѣ, непріятель, постепенно усиливая штурмующія войска, повелъ рядъ атакъ на лѣвый флангъ нашъ, а затѣмъ и на центръ. Бой ,продолжался съ 11-ти часовъ утра до темноты, когда турки, обращенные въ бѣгство на всѣхъ пунктахъ молодецкими дѣйствіями Курскаго, Вятскаго и Рыльскаго пѣхотныхъ полковъ, вынуждены были къ общему отступленію. Хотя наши войска ожидали возобновленія атаки на другой день, однако, ея не послѣдовало, и турки выслали парламентера за разрѣшеніемъ похоронить своихъ убитыхъ. Уронъ непріятеля въ дѣлѣ при Церковнѣ исчисляется, примѣрно, въ 2,000 человѣкъ, такъ какъ число однихъ убитыхъ турокъ, преданныхъ землѣ на мѣстѣ боя, простирается до 800 человѣкъ. Понесенныя съ нашей стороны потери состоятъ изъ 26 офицеровъ и около 400 нижнихъ чиновъ, выбывшими изъ строя.

Послѣ этой неудачной атаки армія Мехмеда-Али-паши, какъ видно, не только пріостановила свое наступленіе, но и начала поспѣшно отступать къ Попкіою, бросивъ походный телеграфъ и нѣсколько патронныхъ ящиковъ. Послѣдующія извѣстія, вѣроятно, разъяснятъ причину такого образа дѣйствій турецкой арміи.

Со времени очищенія турками кавказскаго черноморскаго прибрежья военныя дѣйствія въ этомъ районѣ почти прекратились, да и на границахъ батумскаго округа обѣ воюющія стороны ограничиваются, повидимому, наблюдательнымъ образомъ дѣйствій, прерывая его иногда перестрѣлкою. Такъ, 9-го сентября, турки поддерживали безвредную канонаду противъ нашего отряда на мухаэстатской позиціи, и въ тотъже день непріятельскіе броненосцы обстрѣливали нашъ берегъ на протяженіи отъ окрестностей Поти къ югу до поста св. Николая. Послѣднее обстоятельство, быть можетъ, указываетъ на намѣреніе турокъ произвести попытку высадки гдѣлибо въ тылу нашего отряда въ надеждѣ принудить его очистить позицію на мухаэстатскихъ высотахъ.

Телеграммы.

Новочеркаскъ, 17-го сентября. Вчера, на 483-й верстѣ воронежско-ростовской желѣзной дороги разбилось семь вагоновъ санитарнаго поѣзда. Были ли при этомъ убитые и раненые—пока неизвѣстно.

Бухарестъ, 17-го сентября. Графъ Комаровскій, изъ русскаго посольства въ Римѣ, везетъ русскому Императору собственноручное письмо короля Виктора Эммануила, заключающее въ себѣ выраженіе дружественныхъ намѣреній послѣдняго.

Бѣлградъ, 19-го сентября. Сюда пріѣхалъ дипломатическій агентъ румынскаго правительства Катарджіу съ собственноручнымъ письмомъ князя Карла къ князю Милану.

Князь черногорскій, по слухамъ, требуетъ, на основаніи договора, заключеннаго имъ съ Сербіей, отправки сербскаго корпуса въ Старую Сербію, на соединеніе съ черногорскими войсками.

Въ Сербіи приготовленія къ мобилизаціи арміи ускорены.

Вѣна, 15-го сентября. Князь Ауэршпергъ, отвѣчая, въ палатѣ депутатовъ, на запросъ по восточной политикѣ, заявилъ, что правительство и въ настоящую минуту продолжаетъ держаться точки зрѣнія полнаго нейтралитета и охраненія интересовъ Австро-Венгріи, при чемъ оно, во всякомъ случаѣ, совершенно устраняется отъ принятія стороны той или другой изъ воюющихъ державъ. Относительно же образа дѣйствій монархіи, въ случаѣ вступленія Сербіи въ войну, правительство не можетъ высказаться заранѣе.

— 17-го сентября. Газетѣ «Presse» сообщаютъ изъ Бѣлграда: «Совѣтъ сербскихъ министровъ занимался обсужденіемъ вопроса о продолженіи активныхъ дѣйствій. По оффиціознымъ увѣреніямъ, дѣйствія эти будутъ возобновлены тотчасъ по полученіи сполна всѣхъ 8 милліоновъ рублей субсидіи отъ Россіи и по окончаніи вооруженій.

— 17-го сентября. Изъ Германштадта сообщаютъ, что на кронштадтской станціи желѣзной дороги (пограничный пунктъ съ Румыніей) арестовано 16 ящиковъ съ оружіемъ, въ Маріенбургѣ арестовано 36,000 патроновъ, въ другихъ мѣстахъ захвачены болѣе или менѣе значительныя посылки съ оружіемъ.

«Pester Lloyd» прибавляетъ къ этому, что на границѣ Трансильваніи собираются толпы вооруженныхъ венгерцевъ съ цѣлью вторженія въ Румынію.

Буда-Пештъ, 17-го сентября. Газета «Ellenör» подтверждаетъ сообщеніе «Ллойда» о движеніи въ Трансильваніи. Полагаютъ, что дѣло касалось сформированія тамъ венгерскаго легіона, силою въ 5,000 чел., который долженъ былъ собраться 28-го сентября, въ условленныхъ пунктахъ трансильванскихъ Альповъ и вторгнуться въ Румынію, чтобъ, при содѣйствіи части турецкихъ войскъ, приступить къ разрушенію румынской желѣзной дороги и тѣмъ самымъ воспрепятствовать дальнѣйшей поставкѣ русскихъ войскъ. Руководителемъ этого движенія называютъ генерала Клапку. Вся эта затѣя пресѣчена въ корнѣ, благодаря бдительности венгерскихъ властей.

Начало заговора относится ко времени пребыванія Мидхата въ Вѣнѣ.

Парижъ, 19-го сентября. Въ письмѣ своемъ по поводу сообщеннаго газетою «Ellenör» извѣстія, генералъ Клапка говоритъ: «Я не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о формированіи венгерскаго легіона, предназначавшагося для вторженія въ Румынію, иначе я убѣдилъ бы моихъ друзей отказаться отъ этого плана. Подобная выходка, не имѣя серьезной цѣли, вызвала бы только разъединеніе въ нашихъ рядахъ. Если политическая миссія монархіи, и особенно Венгріи, требуетъ, чтобъ начато было дѣйствіе, то необходимо, чтобъ даны были всѣ ея силы. Слѣдовательно, вышеупомянутое извѣстіе опровергается».

Константинополь, 14-го сентября. Зиверъ-бегу предписано выгнать монаховъ изъ афонскаго монастыря и водворить тамъ вновь греческихъ монаховъ.

— 16-го сентября. Съ Шипки сообщаютъ, что у подножія Балкановъ выпалъ снѣгъ, глубиною въ 10 сантиметровъ.

Нѣкоторые иностранные послы, въ томъ числѣ и графъ Зичи, на основаніи женевской конвенціи, обратились къ Портѣ съ просьбою о разрѣшеніи перевезти чрезъ Дунай лѣсъ для постройки бараковъ для раненыхъ.

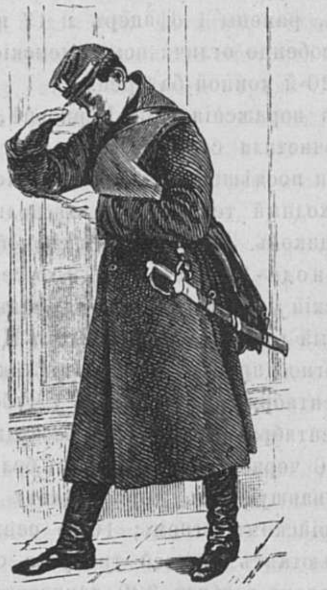
Наши гравюры.

Возвращеніе съ войны.

Война — одно изъ страшнѣйшихъ золъ, отъ которыхъ страдаетъ человѣчество, тщетно мечтающее втеченіи столѣтій о вѣчномъ мирѣ. На нашей гравюрѣ представленъ одинъ изъ эпизодовъ, такъ часто повторяющихся въ военное время, — это возвращеніе домой израненнаго и искалѣченнаго героя. Безъ ноги, съ костылями, съ перевязанной головой, онъ входитъ въ свою родную избу, — и, вмѣсто восторга первой встрѣчи съ семьею, встрѣчается съ испуганною женою, съ испуганными дѣтьми, неузнающими отца. Да и могутъ-ли они сразу узнать своего бодраго и браваго отца въ этомъ исхудаломъ, искалѣченномъ человѣкѣ? Онъ самъ не радостно смотритъ на нихъ, такъ какъ ему не до радости: онъ только нуждается въ отдыхѣ, въ успокоеніи, въ возможности дожить свой вѣкъ въ тепломъ углѣ. И благо ему и его семьѣ, если у нихъ есть хоть кое какія средства, чтобы прокормить этотъ лишній ротъ, этого уже безполезнаго отнынѣ члена семьи.

Шипкинскій перевалъ послужилъ мѣстомъ самаго выдающагося геройскаго подвига нашихъ войскъ въ настоящую войну. Семь дней къ ряду, съ 9 по 16 августа, атаковалъ наши позиціи Сулейманъ-паша съ силами, значительно превосходящими силы доблестныхъ защитниковъ перевала и былъ отбитъ съ огромнымъ урономъ. 5 сентября турецкій генералъ сдѣлалъ новую попытку и опять неудачно. Шипкинскій перевалъ находится на главномъ почтовомъ трактѣ изъ Рущука въ Адріанополь. Дорога изъ Габрова въ Шипку (24 версты) была шоссирована, но какое ужасное было это шоссе: теперь это шоссе исправлено нашими саперами и движеніе по немъ не представляетъ уже особыхъ затрудненій. Шипкинскій перевалъ находится на высотѣ 4,600 футовъ. Подъемъ на перевалъ съ сѣвера требуетъ около $4^1/_4$ час. времени, а спускъ на южную сторону около часа, изъ чего очевидно, что атака его съ южной стороны несравненно легче, чѣмъ съ сѣверной.

Почтовый ящикъ.



Г. Бердичевъ — г. Голынскому. Неполученные Вами №№ 34 и 37 «Живоп. Обозр.» конторою журнала высылаются Вамъ вторично.

Кувшинскій заводъ—г. Гальбаху. Недосланное приложеніе—уже послано.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи. Попъ Мило.—Чортовъ волосъ (продолж.).—Стихотвореніе «Пьяный бѣднякъ».— Спорное побережье.—Нечеловѣческая месть (продол.). — Наши ближніе (продолж.).—Новости наукъ и жизни. — Смѣсь. — Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій. — Телеграммы. — Наши гравюры.—Почтовый ящикъ.

Гравюры: Попъ Мило. — Къ статьѣ «Спорное побережье»: Скала у входа въ портъ Адалія.—Портъ Адалія.—Турецкая деревня у подножія Тавра. — Портовая кароулка. — Возвращеніе съ войны. — Шибкинскій перевалъ. — Почталіонъ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 Сентября 1877 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д № 12.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

№ 40. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода—4 р. 50 к. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 2 Октября 1877 года. Адрессъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Троицкій переулокъ, домъ № 27/1. Годъ V.

Гос. Публичная б-ка

Подписка на „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ 1877 г. продолжается.

Въ 1877 году журналъ выходитъ **еженедѣльными** нумерами (въ годъ 52 нумера), иллюстрированными множествомъ художественныхъ гравюръ. Всѣ подписчики получаютъ, въ **видѣ премій**, ежемѣсячное приложеніе подъ заглавіемъ «Жизнь и Хозяйство», со множествомъ рисунковъ. Годовымъ подписчикамъ разсылаются слѣдующія преміи: большая гравюра **„Продажа амулетовъ“**, снимокъ съ картины проф. **Генриха Семирадскаго**, на толстой веленевой бумагѣ, длиною одинъ аршинъ, шириною 12½ вершковъ, и **Карта театра военныхъ дѣйствій въ Европейской и Азіятской Турціи.**

Годовая подписная цѣна журнала, съ доставк. и перес. 7 руб., безъ перес. и доставки—6 руб.; на полгода: (съ 1-го іюля), съ пересылкою—4 р. 50 коп., безъ перес.—3 руб.

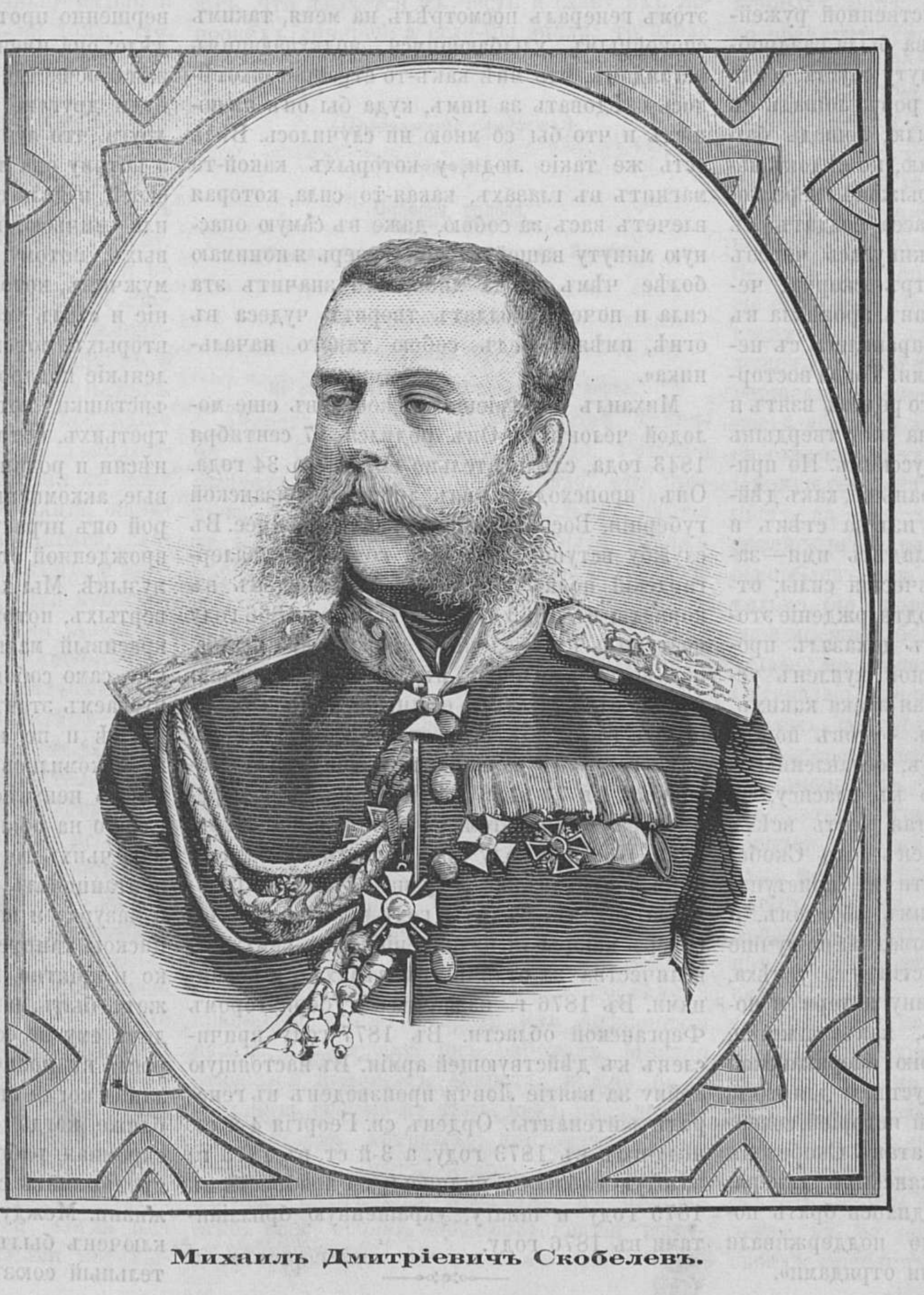
Подписка продолжается. Новые годовые подписчики получаютъ журналъ съ перваго нумера.

Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ.

(Свиты Его Императорскаго Величества генералъ-лейтенантъ).

Описывая послѣдній бой подъ Плевной «Летучій военный Листокъ», органъ дѣйствующей арміи, сказалъ, что въ этомъ бою, войска, бывшія подъ начальствомъ ген. Скобелева, «воодушевленныя примѣромъ этого *чисто-легендарнаго* героя, явили чудеса храбрости».

Мы подчеркиваемъ слово «легендарный» потому, что оффиціальный органъ арміи не рѣшился бы придать такое качество генералу, хотя бы и отличающемуся выходящимъ изъ ряду мужествомъ, если бы во всей арміи, и въ самомъ дѣлѣ не составилось о немъ такого же мнѣнія. И не одна армія относится такъ къ ген. Скобелеву, о немъ много говорятъ и во всемъ русскомъ обществѣ, о его необыкновенномъ мужествѣ дѣйствительно стали уже ходить легенды. Но чтоже такое легендарный герой? Это — любимецъ народа. Михаилъ Дмитріевичъ дѣйствительно принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ счастливцевъ, которые становятся народными кумирами въ тревожныя времена жизни обществъ. Конечно, народная привязанность очень капризна; какъ быстро народъ возноситъ на пьедесталъ своихъ кумировъ, также быстро и развѣнчиваетъ ихъ. Дѣлая это замѣчаніе, мы, конечно, не думаемъ предрекать ген. Скобелеву мимолетную славу; напротивъ, мы искренно желаемъ, чтобы его имя было поставлено на ряду съ именами тѣхъ любимцевъ народа, память о которыхъ сохраняется вѣка. Мы бы желали вѣрить, что ген. Скобелевъ удержится на той высотѣ, на какую взнесли его обстоятельства, его изумительное мужество. Какъ велико его мужество, какъ презираетъ онъ опасность, свидѣтельствуетъ тотъ же «Военный листокъ». «Ген. Скобелевъ, говоритъ оффиціальный органъ арміи, описывая сраженіе подъ Плевной 30 августа, — который все время самъ велъ свои войска, когда они шли впередъ и замыкалъ отступленіе, когда пришлось идти назадъ, остался цѣлъ какимъ-то необъ-



Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ.

яснимымъ чудомъ. Почти всѣ, окружавшіе его либо нашли славную смерть, либо ранены; онъ одинъ, смотрѣвшій все время въ глаза смерти, избѣгъ ея. Солдаты и офицеры смотрятъ на него, какъ на существо сверхъестественное: первые въ простотѣ души вполнѣ убѣждены, что онъ заговоренъ отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Довѣріе и любовь къ нему безграничны. Уже и турки хорошо знаютъ его: плѣнные на вопросъ: знаютъ-ли они ген. Скобелева, отвѣчаютъ, что такая фамилія имъ неизвѣстна, но они знаютъ Акъ-пашу, т. е. бѣлаго генерала (ген. Скобелевъ всегда выѣзжаетъ въ бой въ кителѣ и на бѣлой лошади), который постоянно впереди русскихъ».

Ген. Скобелевъ возбуждаетъ симпатію къ себѣ не въ однихъ русскихъ. Корреспонденты иностранныхъ газетъ при нашей арміи восторгаются имъ не менѣе русскихъ и изумляются его мужеству. Разсказавъ, какъ 30 августа Скобелевъ посылалъ полкъ за полкомъ въ атаку на турецкіе редуты на южной сторонѣ Плевны, корреспондентъ англійской газеты «Daily News» слѣдующими словами оканчиваетъ описаніе этой атаки: «У Скобелева оставались только два его лучшихъ баталіона стрѣлковъ. Онъ повелъ ихъ самъ, поскакавъ впереди на конѣ. Онъ торопилъ отставшихъ и, подъѣхавъ къ спутавшейся массѣ, сообщилъ ей собственное воодушевленіе и отвагу и отдалъ распоряженія. Онъ двинулъ солдатъ на приступъ силой слова и одобренія. Весь редутъ представлялъ одну массу огня и дыма, изъ котораго неслись возгласы, выстрѣлы, стоны и крики, съ акомпаниментомъ рева пушекъ и постояннымъ трескомъ убійственной ружейной пальбы. Сабля Скобелева была раздроблена пополамъ. Затѣмъ, минуту спустя, когда онъ готовился перескочить ровъ, лошадь съ сѣдокомъ покатилась на землю, лошадь была убита или ранена, не знаю, но сѣдокъ невредимъ. Онъ въ одинъ прыжокъ перескочилъ ровъ, и тогда вся масса солдатъ съ оглушительнымъ крикомъ кинулась черезъ ровъ, черезъ эскарпъ, контръ-эскарпъ, черезъ брустверъ и, какъ ураганъ, проникла въ редутъ. Штыки быстро расправились съ немногими оставшимися турками. Тогда восторженное «ура» возвѣстило, что редутъ взятъ и что, по крайней мѣрѣ, одна изъ твердынь Плевны перешла въ руки русскихъ. По примѣрамъ того, что я видѣлъ раньше, какъ дѣйствуетъ турецкая пѣхота изъ-за стѣнъ и траншей, я думалъ, что овладѣть ими—задача, превышающая человѣческія силы; отраженіе Крылова—новое подтвержденіе этого, а между тѣмъ Скобелевъ доказалъ противное! Но за то какой цѣной купленъ успѣхъ! Эта непродолжительная атака какихъ нибудь нѣсколькихъ сотенъ футовъ почвы стоила три тысячи человѣкъ, оставленныхъ на склонѣ холма, ведущаго къ гласису, на эскарпѣ и во рву—четвертая часть всѣхъ солдатъ Скобелева. Я увѣренъ, что Скобелевъ думаетъ, что если идти на приступъ, то слѣдуетъ уже идти такимъ образомъ, и что хотя потеря людьми громадна, но лучше вынести эту потерю и достигнуть успѣха, чѣмъ согласиться на половину потери и понести неудачу. Скобелевъ, какъ кажется, изучилъ съ пользой исторію американской войны. Онъ знаетъ ее наизусть, и для тѣхъ, кто хорошо знакомъ съ этой исторіей, совершенно ясно, что въ этой атакѣ Скобелевъ слѣдовалъ примѣру американскихъ генераловъ, которые, когда приходилось брать подобныя позиціи, постоянно поддерживали штурмовую колонну свѣжими отрядами».

Михаилъ Дмитріевичъ любимъ солдатами. «Съ нимъ пойдемъ куда угодно», говорятъ они. Онъ простъ въ обращеніи съ солдатами, и столько же дѣйствуетъ на нихъ своей простой, сколько и своей поразительной храбростью. Видя своего генерала постоянно впереди, подъ страшнымъ непріятельскимъ огнемъ, солдатъ съ полнымъ довѣріемъ идетъ за нимъ вездѣ, куда онъ ни поведетъ; подъ вліяніемъ обаянія, производимаго на него генераломъ, солдатъ и не замѣчаетъ опасности.

Также обаятельно, какъ на солдатъ, Михаилъ Дмитріевичъ дѣйствуетъ и на офицеровъ. Много адъютантовъ и ординарцевъ генерала Скобелева убиты или ранены, между тѣмъ всегда является масса охотниковъ занять мѣсто выбывшихъ. Вотъ что говоритъ объ обаяніи, производимомъ Михаиломъ Дмитріевичемъ корреспондентъ Бирж. Вѣд. г. Максимовъ. 30 августа послѣ взятія ген. Скобелевымъ одного изъ редутовъ подъ Плевной, турки направили на него адскій огонь. И вотъ ген. Скобелевъ приглашаетъ г. Максимова ѣхать съ нимъ на этотъ редутъ. «Послушайте, замѣтилъ я генералу Скобелеву (разсказываетъ г. Максимовъ)—къ чему вы такъ рискуете. Вы видите, аттака отбита, нужды въ васъ нѣтъ, между тѣмъ редутъ постоянно обстрѣливается... поберегите себя, подумайте, что будетъ тогда, если какая нибудь шальная пуля...» «Нѣтъ, уже я знаю свой долгъ, перебилъ меня генералъ:—прежде всего каждый обязанъ честно относится къ своему дѣлу... вы не хотите идти, а я долженъ идти. Пойдемте, Куропаткинъ!» При этомъ генералъ посмотрѣлъ на меня, такимъ спокойнымъ, улыбающимся, подкупающимъ взглядомъ, что мнѣ какъ-то страшно захотѣлось слѣдовать за нимъ, куда бы онъ ни пошелъ и что бы со мною ни случилось. Вѣдь есть же такіе люди, у которыхъ какой-то магнитъ въ глазахъ, какая-то сила, которая влечетъ васъ за собою, даже въ самую опасную минуту вашей жизни. Теперь я понимаю болѣе чѣмъ когда либо, что значитъ эта сила и почему солдатъ творитъ чудеса въ огнѣ, имѣя передъ собою такого начальника».

Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ еще молодой человѣкъ. Онъ родился 17 сентября 1843 года, слѣдовательно ему всего 34 года. Онъ происходитъ изъ дворянъ рязанской губерніи. Воспитаніе получилъ домашнее. Въ службу вступилъ въ 1861 году въ кавалергардскій полкъ юнкеромъ; произведенъ въ корнеты въ 1863 году. Затѣмъ въ 1866 году поступилъ въ академію генеральнаго штаба, изъ которой вышелъ въ 1868 году и назначенъ, въ качествѣ офицера генеральнаго штаба, въ штабъ туркестанскаго округа. Въ 1872 году онъ назначенъ командиромъ батальона въ 74-мъ пѣхотномъ полку и переименованъ при этомъ въ чинъ подполковника. Въ 1874 году произведенъ въ полковники и въ томъ же году назначенъ флигель-адъютантомъ. Въ 1875 году произведенъ въ генеръ маіоры съ назначеніемъ въ свиту его величества за отличіе въ дѣлахъ съ коканцами. Въ 1876 г. назначенъ губернаторомъ Ферганской области. Въ 1877 году причисленъ къ дѣйствующей арміи. Въ настоящую войну за взятіе Ловчи произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Орденъ св. Георгія 4-й ст. получилъ въ 1873 году, а 3-й ст. въ 1875 г.; золотую саблю съ надписью за храбрость въ 1875 году и шпагу, украшенную брилліантами въ 1876 году.

Капитанша Кваповская.

Повѣсть **Л. Леванды.**

(*Продолженіе.*)

III.

Однако, строго говоря, положеніе капитанши Кваповской было далеко не такое отчаянное, какъ она любила воображать себѣ. Францусѣ вовсе не угражала печальная будущность старой, хронической дѣвственницы: женихъ у нея уже былъ, онъ уже давно объявился, ждалъ только позволенія вести ее къ алтарю приходской фары, и капитанша очень хорошо знала объ этомъ, но изъ фальшиво понятаго гонора она нарочно игнорировала этого жениха и любила думать, что его и на свѣтѣ нѣтъ, хотя онъ очень часто приходилъ къ капитаншѣ въ гости и довольно удовлетворительно констатировалъ фактъ своего существованія.

Женихъ этотъ былъ Юзикъ или Юзефъ Холява, молодой, красивый, здоровый, веселый и неглупый малый, лѣтъ двадцати пяти, любившій Франусю до безумія. Но за нимъ водились два неисправимыхъ недостатка: то, что онъ по происхожденію — мѣщанинъ, и то, что онъ по профессіи — прикащикъ въ какомъ-то магазинѣ на Большой улицѣ. Этого было достаточно, чтобы ея благородіе капитанша Кваповская находила его недостойнымъ руки ея Франуси, хотя во всѣхъ другихъ отношеніяхъ она находила его добрымъ малымъ, который можетъ осчастливить всякую другую дѣвушку, только не ея дочку.

Но, какъ на зло, сама Франуся имѣла совершенно противоположный взглядъ на это дѣло: она именно находила, что Юзефъ можетъ осчастливить только ее, а не кого нибудь другую, что они созданы другъ для друга, что лучшаго жениха ей и не нужно, а потому она любила его всѣми силами души своей, и дала себѣ слово—быть женою его, или ничьею, полюбила-же она его во-первыхъ, потому, что онъ былъ первый изъ мужчинъ, который обратилъ на нее вниманіе и сталъ усердно ухаживать за нею, во-вторыхъ, потому, что сталъ носить ей маленькіе подарочки; конфеты, винныя ягоды, фисташки, которыя она очень любила, въ третьихъ, потому, что онъ очень мило пѣлъ пѣсни и романсы, чувствительные и шутливые, аккомпанируя себѣ на гитарѣ, на которой онъ игралъ мастерски, благодаря своей врожденной страсти и даже способности къ музыкѣ. Мы хотѣли было сказать въ четвертыхъ, потому, что онъ былъ видный и красивый малый, но припомнили, что это уже само собою разумѣется, а потому пропускаемъ этотъ пунктъ.

Гдѣ и по какому случаю молодые люди познакомились между собою, — намъ достовѣрно неизвѣстно; но носятся слухи, что гдѣ-то на обывательской вечеринкѣ, по случаю чьихъ-то крестинъ или имянинъ. Онъ протанцовалъ съ нею кадриль, польку, вальсъ и мазурку и нашелъ, что съ панною Францискою танцуется ему какъ то особенно легко и пріятно, и тутъ-же подумалъ, что, можетъ быть, и въ жизни ходить съ нею будетъ ему не совсѣмъ трудно. Дума эта выросла въ полное убѣжденіе и пламенное желаніе, когда онъ познакомился съ дѣвушкою ближе, когда онъ узналъ, что она добрая, скромная, работящая, неглупая и не прочь предпринять съ нимъ экскурсію по пути жижизни. Между Юзефомъ и Францискою заключенъ былъ оборонительный и наступательный союзъ, такъ какъ они знали, что только соединенными силами имъ, можетъ быть удастся уломать врага, т. е. капитаншу, которая добровольно на капитуляцію не сдастся. Планъ кампаніи былъ окончательно составленъ, когда благопріятствовавшая тайнымъ союзникамъ судьба опять свела ихъ на какой-то обывательской вечеринкѣ, на которой они на этотъ разъ больше говорили, чѣмъ танцовали. Рѣшено было приступить къ дѣйствію.

Претендентъ на руку панны Франциски началъ съ того, что сталъ подстерегать капитаншу, когда та ходила въ городъ, нечаянно попадался ей навстрѣчу, кланялся ей, заговаривалъ, освѣдомлялся о ея драгоцѣнномъ здоровьѣ, напрашивался на исполненіе какихъ-нибудь ея порученій, отъ чего та не отказывалась, и она, такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, свыклась съ своимъ тайнымъ врагомъ. Диверсіи эти имѣли слѣдствіемъ то, что капитанша, въ воздаяніе усердной службы, пригласила молодого человѣка бывать у нея за-просто, каковымъ приглашеніемъ послѣдній не преминулъ воспользоваться уже въ первое воскресенье.

Первый дебютъ Юзефа въ домѣ капитанши удался, какъ нельзя лучше. Онъ просто обворожилъ старуху своимъ милымъ и вѣжливымъ обращеніемъ, своимъ добродушіемъ и веселостью, своимъ почтительнымъ выслушиваніемъ ея разсказовъ о ея житьѣ-бытьѣ, объ уваженіи, которымъ она пользуется на всемъ Зарѣчьѣ, о вниманіи, которое ей оказываютъ въ губернскомъ казначействѣ, когда она приходитъ за полученіемъ пенсіи, и т. п. Капитанша рѣшила, что панъ Юзефъ Холява — добрый и порядочный малый и очень можетъ быть вхожъ въ ея домъ, что, по ея мнѣнію, еще больше опорядочитъ его, чему она будетъ очень рада.

Во второе воскресенье онъ, чтобы еще основательнѣе заполонить старуху, рѣшился развернуть предъ нею весь свой талантъ и искуство по части пѣснопѣній, для чего онъ въ этотъ разъ принесъ съ собою свою гитару. Этотъ маневръ тоже вполнѣ удался, да и не могъ не удасться, потому-что по части пѣснопѣній панъ Юзефъ Холява былъ знаменитостью въ средѣ мѣстныхъ прикащиковъ и подмастерьевъ. Его репертуаръ польскихъ пѣсенъ былъ неистощимъ, а въ послѣдніе годы сей репертуаръ разросся до грандіозныхъ размѣровъ отъ присоединенія къ нему русскаго элемента разныхъ формацій, начиная отъ русскихъ народныхъ пѣсней, сложенныхъ Богъ знаетъ когда и кѣмъ, и кончая водевильными и опереточными куплетами, смастеренными драматургами Александринской сцены. Онъ, благодаря своему тонкому музыкальному слуху, хваталъ ихъ налету, приковывалъ къ своей гитарѣ и съ тѣхъ поръ онѣ дѣлались его неотъемлемою собственностью навсегда. Какъ только мотивъ разъ или два прогулялся по струнамъ гитары, онъ Холявою уже никогда не забывался и являся по первому востребованію, хотя нашъ виртуозъ очень плохо разбиралъ ноты, имѣя о нихъ менѣе, чѣмъ элементарное понятіе.

Капитанша была такъ упоена сладостью пѣснопѣній пана Холявы, что заарествовала его гитару у себя, для того, чтобы онъ приходилъ не только по воскресеньямъ, но и въ будніе дни услаждать ея слухъ пѣснями, въ особенности русскими, которыя она очень любила, какъ пріятное воспоминаніе о лучшей порѣ ея жизни, о ея цвѣтущей и не совсѣмъ безмятежной молодости, когда она водила знакомство съ развеселыми военными писарями и бравыми фельдфебелями, съ которыми время коротaлось такъ весело, такъ шумно. Подъ мотивъ и слова: «Подъ вечеръ осени ненастной» или другой знакомой пѣсни, наша капитанша тайкомъ испускала иногда весьма многозначительные вздохи и съ трудомъ удерживала слезинку-злодѣйку, готовую скатиться съ глазъ по ея морщинистому лицу, вспоминая... но мало-ли есть не только у старыхъ капитаншъ, но и у болѣе чиновныхъ и вовсе не чиновныхъ особъ обоего пола, чѣмъ помянуть ушедшую и никогда не возвращающуюся молодость, для которой только и стоитъ жить на свѣтѣ?... Намъ кажется, что не надобно быть непремѣнно капитаншей Кваповской или чѣмъ-то въ этомъ родѣ, чтобы при воспоминаніи о молодости расчувствоваться и настроиться на элегическій ладъ.

Въ углу, подъ образами Остробрамской Божьей матери, Виленской заступницы, св. Франциски, патронессы капитанской дочки, и св. Рафаила, покровителя Снипишскаго предмѣстья, торжественно вколоченъ былъ въ стѣну гвоздь, и на этомъ гвоздѣ гитара пана Холявы обрѣла себѣ почетный и уютный покой. Противъ этого ничего не имѣли ни панъ Холява, ни панна Франциска, которые многозначительно переглянулись между собою, какъ-бы говоря: «чтожъ, начало есть».

О, если-бы капитанша знала, какому врагу ея кровнымъ интересамъ она даетъ пріютъ въ своемъ благородномъ домѣ, какую змѣю она отогрѣваетъ на своей старушечьей, но теплой материнскими чувствами, груди!...

Но ослѣпленныя матери никогда не знаютъ, что дѣлается въ честь и славу ихъ ясноокихъ дочерей; а если-бы знали, то плохо жилось бы на свѣтѣ даже въ молодости. Это фактъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Чортовъ волосъ.

(Фантастическое путешествіе въ Японію.)

Эдуарда Кадоля.

(Продолженіе.)

Глава XI.

Не обошлось безъ вмѣшательства чорта.

Декретъ о радикальной реформѣ, конечно, не былъ подписанъ микадо. Готаиро ожидалъ этого, но его поразило, что, противъ всякаго ожиданія, феодальная партія не возстала. Всѣ планы Аки были, такимъ образомъ, разрушены. Что теперь оставалось дѣлать? Онъ впалъ въ глубокое отчаяніе. Весь его трудъ кончился ничѣмъ. Что ему въ его проклятой власти и знатности? Что значилъ его титулъ перваго министра въ сравненіи съ тѣми жертвами, которыя онъ принесъ: съ его разрывомъ съ собственнымъ семействомъ, и съ семействомъ красавицы Ваказы. Не смотря на то, что онъ былъ развитѣе своихъ современниковъ, ему приходило желаніе вскрыть себѣ животъ, конечно, объяснивъ предварительно своимъ роднымъ и бывшимъ друзьямъ свое поведеніе. Но энергія еще не совсѣмъ оставила его, и онъ рѣшился дойти до послѣдней крайности, чтобы вывести изъ оцѣпененія партію, для которой онъ работалъ. Микадо отказался подписать декретъ; нужно было заставить его! но не такъ, какъ прежде, непосредствомъ хитрыхъ, дипломатическихъ переговоровъ, нѣтъ, нужно было явиться къ нему и открыто, публично, въ присутствіи всей феодальной аристократіи вынудить его согласіе. Неужели феодалы безропотно снесутъ даже и это оскорбленіе. А чтобы этотъ рѣшительный шагъ былъ болѣе чувствителенъ, Аки рѣшился внести даже въ Кіото ненавистную цивилизацію, для отраженія которой выродившіеся аристократы не находили никакихъ средствъ, кромѣ безплодныхъ проклятій.

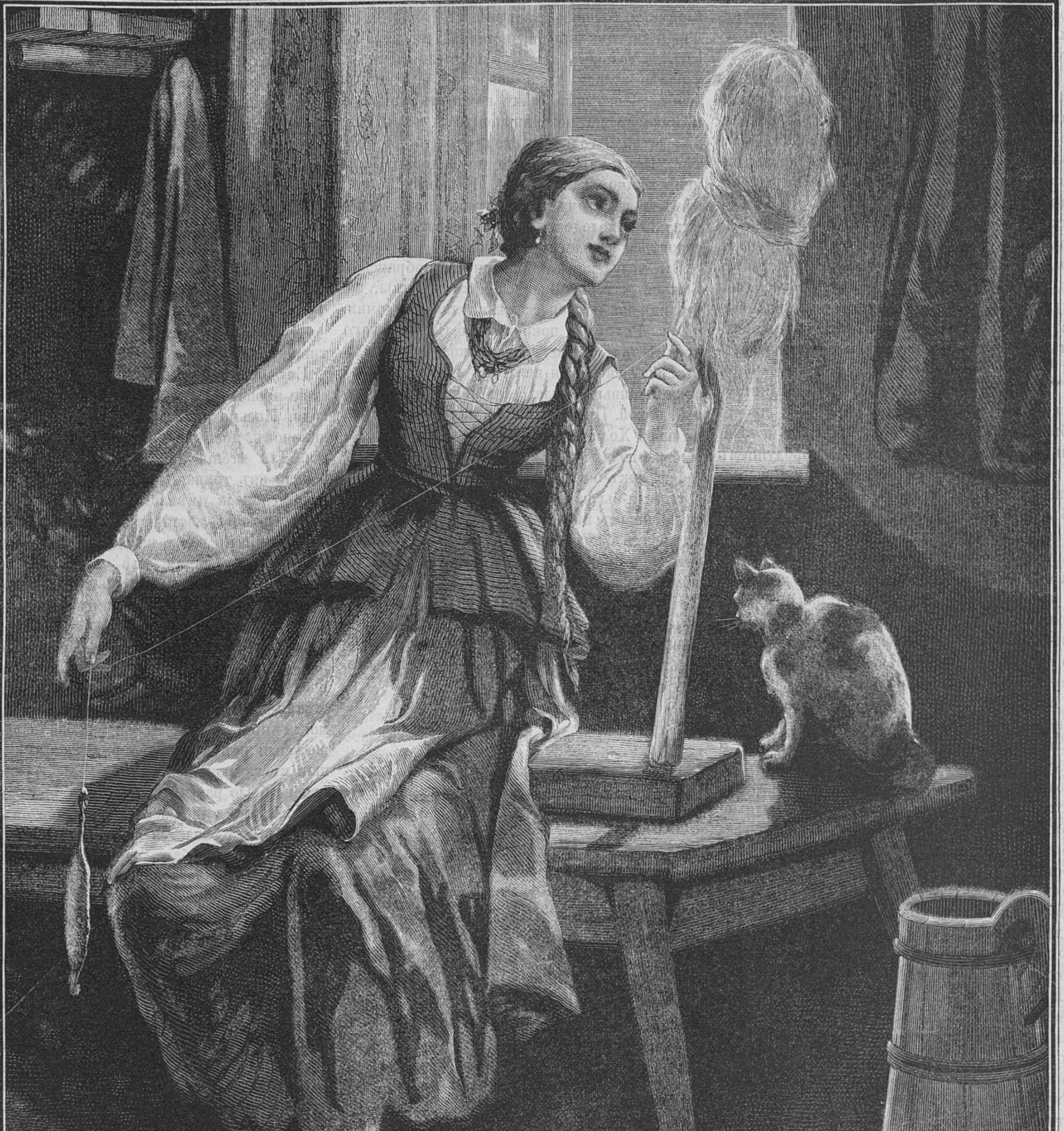
Въ тотъ же день въ засѣданіи совѣта было рѣшено, что Фелисьенъ лично отправится посланникомъ къ микадо и, не смотря на этикетъ, онъ, ненавистный иностранецъ, будетъ принятъ съ почестями и уваженіемъ, и будетъ говорить глазъ на глазъ съ внукомъ солнца, тогда какъ ни одинъ японецъ, какъ бы знатенъ онъ ни былъ, не имѣлъ права даже взглянуть на него.

Когда это рѣшеніе верховнаго совѣта было напечатано въ оффиціальной газетѣ, вся Японія пришла въ неописанный ужасъ, и полиція увѣдомила Готаиро, что болѣе двухъ сотъ человѣкъ было нанято, чтобы убить Фелисьена.

— Только то? сказалъ Аки,—ну, мы противопоставимъ имъ вдвое.

Ему оставалось только узнать, какое дѣйствіе произвела эта новость при дворѣ микадо. Письмо отъ Ваказы лучше всякихъ шпіоновъ, доставило ему желаемыя свѣдѣнія. Для чтенія прокламаціи, Кизаки, т. е. первая изъ тринадцати законныхъ женъ микадо, собрала двѣнадцать остальныхъ съ тѣмъ, чтобы составить великій семейный совѣтъ. Боясь взять на однѣхъ себя отвѣтственность рѣшенія, онѣ попросили включить въ совѣтъ и незаконныхъ женъ монарха. Это былъ родъ невольницъ-жрицъ, фиктивныхъ женъ, обязанностью которыхъ было посвятить свою жизнь съ дѣтства обожанію монарха и поклоненію ему. Къ этимъ послѣднимъ Кизаки присоединила и своихъ статсъ-дамъ и фрейлинъ, такъ что и Ваказа могла присутствовать на совѣтѣ. Сначала взвѣсили всѣ шансы сопротивленія и пришли къ заключенію, что на энергію микадо нечего было разсчитывать. Его постоянное бездѣйствіе, дошедшее до того, что онъ даже самъ не одѣвается и что служанки подносятъ къ его губамъ чашку саки, это положеніе обожаемаго идола сдѣлало его совершенно неспособнымъ понять всю важность дѣла; на это то, по мнѣнію Кизаки и ея окружающихъ, и разсчитывалъ тайкунъ. Принужденный говорить съ простымъ смертнымъ, да еще съ какимъ смертнымъ, съ европейскимъ варваромъ, микадо будетъ такъ оскорбленъ, что подпишетъ все, что угодно, только бы скорѣй отвязаться и войти въ свое прежнее безмолвное величіе. Слѣдовательно, на микадо надѣяться невозможно. Оставалась аристократія. Но что она могла сдѣлать. Не смотря на свой протестъ, противъ нововведеній, феодалы сознавали свою безпомощность. Что значатъ сабли и стрѣлы противъ пушекъ? И наконецъ, при малѣйшей попыткѣ къ возстанію, развѣ тайкунъ не могъ приговорить къ самоубійству одного изъ ихъ дѣтей, находящихся при его дворѣ въ качествѣ заложниковъ. Значитъ и на аристократію нельзя было разсчитывать.

Кизаки задумалась, пристально вглядываясь въ окружающихъ ее женщинъ. Вдругъ лицо ея прояснилось. Приказавъ удалиться пятидесяти незаконнымъ женамъ и запереть всѣ двери и окна, она предложила двѣнадцати законнымъ женамъ стать за дверями и слѣдить, чтобы ни одна душа не могла подойти къ ея помѣщенію. Затѣмъ, собравъ своихъ фрейлинъ, она сказала имъ:



Пряха,

Рисунокъ Андріолли.

— Послушайте, вы однѣ можете спасти отечество. Которая изъ васъ рѣшится пожертвовать собою?

— Всѣ! отвѣтили молодыя дѣвушки.

— Ну, такъ мы примемъ посланника. Когда Реформаторъ пріѣдетъ къ намъ, необходимо завлечь его настолько, чтобы онъ измѣнилъ своей партіи. Будучи главою арміи и администраціи, онъ можетъ сдѣлать переворотъ въ нашу пользу. Я не сомнѣваюсь, что онъ влюбится въ одну изъ васъ. Кто изъ васъ настолько проникнутъ святостью нашего дѣла, кто настолько ненавидитъ правительство тайкуна, что можетъ вынести ухаживанье и любезности этого варвара?

Колеблясь между долгомъ и скромностью, —молодыя дѣвушки медлили отвѣтомъ. Лобъ Кизаки нахмурился.

— Одно чувство должно преобладать въ васъ, сказала она, — чувство высокое, святое: патріотизмъ!

При этихъ словахъ всѣ дѣвушки выразили готовность повиноваться.

Все это принцъ Аки узналъ изъ письма Вакаэы и надежда снова явилась у него. Зная, что произошло между Вакаэой и Реформаторомъ на свадьбѣ Ландри, онъ легко могъ догадаться, которая изъ фрейлинъ императрицы привлечетъ вниманіе молодого человѣка. Немедля ни минуты, онъ послалъ новыя инструкціи своей невѣстѣ и сталъ торопить Фелисьена отъѣздомъ.

— Ваша свѣтлость, отвѣтилъ Фелисьенъ, — я поѣду завтра на разсвѣтѣ.

Дѣйствительно, на другой день лишь только что забрезжилось, на улицахъ Іеддо появился великолѣпный кортежъ, среди котораго Реформаторъ красовался на горячемъ, бѣломъ скакунѣ. Переправившись два раза черезъ рѣку О-Гаву, кортежъ проѣхалъ пригородъ Фокагава и, выѣхавъ на дорогу Токаидо, соединяющую Іеддо съ Кіото, торжественно направился къ резиденціи микадо. Не смотря на ранній часъ на каждомъ шагу встрѣчались курьеры тайкуна, нищіе и акробаты. Крестьяне везли въ городъ на рынокъ рисъ, рыбу и цыплятъ. Всѣ встрѣчные, при приближеніи Реформатора и его свиты, падали ницъ. Фелисьену вспомнилось такое же утро, когда онъ, съ презрѣніемъ оттолкнувъ скромное счастье, бѣжалъ изъ лавки Годена. На улицахъ Парижа также тянулась вереница окрестныхъ крестьянъ, стекавшихся къ центральному рынку; восходящее солнце также, какъ и теперь, освѣщало своими лучами небесный сводъ. Мысли молодого человѣка невольно перенесли его во внутренность лавки Годена. Что-то подѣлывалъ теперь старый добрякъ? Что сталось съ милой, кроткой Клемансъ? Что подумала она, когда узнала объ исчезновеніи своего жениха. По его соображеніямъ, въ настоящую минуту въ Парижѣ было одинадцать часовъ вечера и, вѣроятно, Годенъ, его дочь и весельчакъ Бускарель покоились уже сномъ праведниковъ. Воображеніе перенесло его въ комнату его бывшей невѣсты. Закутавшись въ одѣяло,—теперь вѣдь холодно въ Парижѣ, — въ маленькомъ плоеномъ чепчикѣ на роскошныхъ волосахъ, она, можетъ быть, видѣла его въ настоящую минуту во снѣ! А онъ? Что съ нимъ сталось, О! еслибы Клемансъ могла видѣть его въ эту минуту: красиваго и гордаго на кровномъ скакунѣ, отправляющагося въ резиденцію могущественнаго монарха, предписывать ему законы. Странно, къ чувству удовлетворенной гордости у него безсознательно примѣшивалось сожалѣніе о происшедшемъ. Въ его рукахъ было вѣрное счастье... А что-то дастъ ему настоящее положеніе?

Увлеченный воспоминаніями, онъ невольно сравнивалъ Клемансъ съ Вакаэой. То та, то другая брала верхъ и, наконецъ, обѣ слились въ одно лицо. Ему казалось, что Клемансъ и Вакаэа одно лицо, которому приходится становиться въ различныя условія жизненной обстановки, то быть скромною и довольною, то величественною и требовательною. Его настоящія надежды смѣшались съ воспоминаніями и воображеніе рисовало ему будущее, полнымъ славы и счастья! Въ эти минуты онъ вдыхалъ воздухъ полной грудью и, гордо выпрямляясь на сѣдлѣ, окидывалъ окрестность побѣдоносным взоромъ.

Вдругъ Фелисьенъ замѣтилъ длинную вереницу вооруженныхъ людей сопровождавшихъ какое-то знатное лицо. Очевидно, это ѣхалъ какой-нибудь могущественный дайміосъ. Онъ былъ окруженъ слугами, въ рукахъ у которыхъ были охотничьи птицы. «Странное время для охоты!» подумалъ Фелисьенъ. Дѣйствительно, воздухъ былъ свѣжъ для преслѣдованія пернатыхъ. Теперь было время только для охоты на кабана. Еще наканунѣ онъ самъ доставлялъ себѣ это удовольствіе, въ сопровожденіи принца Аки, который воспользовался уединеніемъ, чтобы передать ему свои секретныя инструкціи.

Фелисьенъ вспомнилъ, что готаиро совѣтовалъ ему остерегаться во время дороги въ Кіото. Онъ даже не скрылъ отъ него, что можетъ подвергнуться нападенію лониновъ. Впрочемъ, этотъ великолѣпный кортежъ не могъ имѣть ничего общаго съ шайкой наемныхъ убійцъ. При всемъ томъ Фелисьенъ сталъ наблюдать за каждымъ движеніемъ приближающагося кортежа. Около получаса обѣ свиты медленно шли другъ другу на встрѣчу, когда же приблизились на столько, что можно было разсмотрѣть лица, Фелисьенъ замѣтилъ въ своей свитѣ, какое-то волненіе.

— Что это значитъ? спросилъ онъ у своего конюшаго.

— Ваша свѣтлость, отвѣчалъ конюшій,— лицо этого господина мнѣ незнакомо. Это должно быть какой-нибудь феодальный принцъ съ окрестныхъ горъ; одинъ изъ тѣхъ, которые не согласились признать верховную власть тайкуна.

— Да, если это только не подложный принцъ, т. е. не начальникъ шайки лониновъ, подкупленныхъ убить меня. Готаиро предупреждалъ меня объ этомъ.

— Все можетъ быть, ваша свѣтлость.

— Увѣрены ли вы въ вашихъ людяхъ?

— Развѣ можно быть въ чемъ нибудь увѣреннымъ, ваша свѣтлость?

Было надъ чѣмъ призадуматься. Фелисьенъ приказалъ своему авангарду взять направо. Настоящій или подложный дайміосъ, казалось, не понялъ намѣренія Фелисьена и, вмѣсто того, чтобы также приказать своей свитѣ посторониться, онъ скомандовалъ занять всю середину дороги и, приказавъ спустить птицъ, началъ охоту, не обращая вниманія на то, что загородилъ путь Фелисьену. Оскорбленіе было очевидно и спутники Фелисьена съ безпокойствомъ посматривали на него и, какъ казалось, были готовы обратиться въ бѣгство. Молодой человѣкъ понялъ, что одна минута нерѣшительности погубитъ его.

— Посторонитесь! крикнулъ онъ своимъ солдатамъ, и, поднявъ лошадь въ галопъ, выѣхалъ на середину дороги.

— Посторонитесь! крикнулъ онъ также первому ряду солдатъ дайміоса, которые шли пѣшкомъ съ саблями наголо.

Видя, что они не трогаются съ мѣста, Реформаторъ осадилъ свою лошадь и ловко перескочилъ черезъ солдатъ, ударивъ хлыстомъ попавшихся подъ руку. Обѣ свиты были поражены такимъ поступкомъ. Фелисьенъ подъѣхалъ къ дайміосу.

— Ваша свѣтлость, сказалъ онъ,—вы, я вижу, относитесь ко мнѣ враждебно, и, благодаря вашимъ варварскимъ обычаямъ, вы только и желаете, какъ-бы стравить вашихъ солдатъ съ моими. Мы, цивилизованные люди, находимъ подобный пріемъ подлымъ. Оставимте этихъ бѣдняковъ въ покоѣ, и рѣшимъ нашъ споръ поединкомъ.

Не смотря на то, что Фелисьенъ говорилъ по японски, дайміосъ какъ будто не понялъ его. Устремивъ взглядъ на сокола, парившаго надъ его головой, онъ не удостоилъ даже взглядомъ своего собесѣдника. Фелисьенъ спокойно спустилъ курокъ своего карабина и убилъ сокола. Дайміосъ опустилъ глаза и взглядъ его сверкнулъ яростью.

— Знаете ли вы, что вы сдѣлали? закричалъ онъ.

— Конечно, отвѣчалъ, улыбаясь, Фелисьенъ,—я имѣлъ честь обратиться къ вамъ съ вопросомъ, но соколъ такъ развлекалъ васъ, что вы даже не обратили на меня вниманія; я убилъ сокола, и почтительно жду отвѣта вашей свѣтлости.

Японецъ позеленѣлъ. По его искаженному лицу можно было видѣть, что онъ собирался съ мыслями, какъ-бы утолить душившій его гнѣвъ. Наконецъ, осадивъ лошадь, онъ крикнулъ своимъ солдатамъ.

— Убейте его!

Не смотря на свою храбрость, Фелисьенъ испугался. Да и было чего; болѣе сорока человѣкъ обнажили сабли. Въ ту же минуту ему на ухо шепнулъ чей-то голосъ: «Не бойся ничего», и онъ замѣтилъ около себя золотые очки Асмодея.

Прежде чѣмъ онъ могъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, что хотѣлъ сдѣлать его спаситель, раздался страшный подземный ударъ. Небо почернѣло и красноватая молнія блеснула среди густого дыма, которымъ покрылась вся окрестность. Огнедышащая гора Фузи-Яма, послѣ стосорокалѣтняго спокойствія снова стала извергать лаву, камни и пламя. Въ ту же минуту раздавшаяся земля поглотила деревню Соки-Гава.

Фелисьенъ чувствовалъ, какъ земля колебалась подъ его ногами. Придя немного въ себя, онъ увидѣлъ, что обѣ свиты въ ужасѣ лежали на землѣ. Испуганныя лошади, освободившись отъ своихъ всадниковъ, неслись по равнинѣ. Волканъ, приведенный въ дѣйствіе сатаной, продолжалъ извергать пламя. Фелисьенъ сталъ искать дайміоса. Онъ исчезъ въ одной изъ трещинъ, которыми покрылась дорога Токаидо.

— Видишь, я для тебя ничего не жалѣю, сказалъ Асмодей Фелисьену, котораго онъ поддержалъ во время землетрясенія.—Громъ, молнія, волканы, все къ твоимъ услугамъ; неужели ты не доволенъ?

Фелисьенъ все еще не совсѣмъ пришелъ въ себя.

— Въ награду за мою услугу, продолжалъ Асмодей,—послушайся моего совѣта, не ѣзди въ Кіото, ты ничего не встрѣтишь тамъ, кромѣ горя. Вакаэа все равно не будетъ твоею.

— Ты значитъ знаешь, что со мной случится?

— Никто этого не знаетъ, самыя вѣроятныя вещи иногда не случаются. Но я опытнѣе тебя и, привыкнувъ къ человѣческому лицемѣрію, знаю, что тебѣ подготовляются всякія разочарованія, которыя въ конецъ состарятъ твое сердце.

Фелисьенъ нахмурился.

— Если ты знаешь будущее, скажи мнѣ его, отвѣчалъ онъ,—но если это у тебя только предчувствія или скорѣй предубѣжденія, въ такомъ случаѣ скажи, и оставь меня въ покоѣ. Я люблю! любовь также чародѣйка.

Асмодей иронически взглянулъ на Фелисьена.

— Чтожъ, ступай! желаю тебѣ успѣха! сказалъ онъ, насмѣшливо улыбаясь.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Фабрикація конвертовъ.

Въ настоящее время, фабрикація конвертовъ и тѣхъ машинъ, которыя нужны для ихъ заготовленія, достигла высокой степени совершенства. Какъ далеки мы уже отъ того времени,—хотя, сравнительно, и очень недавняго еще,—когда письмо самое нѣжное, самое полное самыхъ пламенныхъ или почтительныхъ чувствъ, писалось на сѣроватой бумагѣ, свертывалось въ неуклюжую или затѣйливую форму и припечатывалось облаткою или сургучемъ! Представимъ себѣ подобное посланіе отъ изящнаго кавалера въ рукахъ не менѣе элегантной дамы... Какъ все это кажется даже карикатурнымъ теперь, когда самая простая дѣловая или пріятельская записка пишется на атласистой бумагѣ и пересылается въ конвертѣ, не нуждающемся въ сургучѣ или облаткѣ, а украшенномъ красивымъ вензелемъ или гербомъ!

Мысль о выдѣлкѣ готовыхъ конвертовъ возникла во Франціи около 1830 года и, къ началу сороковыхъ годовъ, подобные конверты вошли уже въ болѣе или менѣе общее употребленіе во всей Европѣ. Въ это же время, а именно въ 1839 г. въ Англіи была введена «вѣсовая» такса, вмѣсто прежней почтовой системы, согласно которой, письмо *въ пакетѣ* оплачивалось вдвое дороже противъ свертнутаго просто. Съ введеніемъ новой таксы, поводъ къ свертыванію писемъ исчезъ самъ собою, и самозапечатывающіеся конверты изгнали изъ общаго употребленія облатки и сургучъ. Такъ, въ 1841 г., уже *половина* всей корреспонденціи въ Англіи пересылалась въ конвертахъ, а въ 1850 г., изъ 112 писемъ, только 12 оказывались просто свернутыми, безъ конвертовъ.

Но конверты, хотя и весьма уже распространенные въ продажѣ, какъ видно изъ вышесказаннаго, дѣлались пока еще отъ руки, и только въ 1845 г., Уарренъ-де-ла-Ріо и Эдмондъ Гилль взяли въ Англіи привилегію на *машину для изготовленія конвертовъ.* Эта машина была, однако, еще далека отъ совершенства: она не нарѣзывала сама бумаги и клапаны конвертовъ покрывались гумми-арабикомъ тоже отъ руки. Впослѣдствіи были изобрѣтены еще многія другія машины, но всѣ онѣ не обладали и половиною тѣхъ совершенствъ, которыми отличаются нынѣ *американскія* машины для выдѣлки конвертовъ, хотя самое употребленіе конвертовъ распространилось въ Америкѣ позднѣе, нежели въ Европѣ, а именно только около 1847 года. Вначалѣ и здѣсь конверты изготовлялись отъ руки, что требовало, понятнымъ образомъ, большой траты времени. Самый искусный роботникъ не могъ заготовлять болѣе 2,000—3,000 конвертовъ въ день. Первая машина для выдѣлки конвертовъ появилась въ Америкѣ въ 1849 г. Она была изобрѣтена Паркомъ и Уатсономъ. За нею послѣдовали и другія, и къ 1873 году, было уже выдано 54 патента на подобныя изобрѣтенія въ Соединенныхъ Штатахъ.

Самою практичною изъ всѣхъ подобныхъ машинъ считается, до сего времени, машина, изобрѣтенная Джорджемъ Ри (Reay). Она уступаетъ только машинѣ Локвуда, привлекавшей на себя общее вниманіе на бывшей филадельфійской выставкѣ. Машина Локвуда нарѣзываетъ сама конверты, сама покрываетъ ихъ гумми-арабикомъ и выпускаетъ уже совершенно сухими.

Фабрика конвертовъ, основанная Джорджемъ Ри, нынѣ уже умершимъ, существуетъ до сихъ поръ въ Нью-Іоркѣ подъ тою же фирмою и представляетъ собою одно изъ самыхъ громадныхъ заведеній въ этомъ родѣ. На ней работаютъ 30 машинъ, изъ которыхъ каждая изготовляетъ ежедневно по 30,000 конвертовъ, причемъ для управленія ею требуется всего одна работница, которая, сверхъ того, складываетъ конверты въ пачки и связываетъ ихъ, по мѣрѣ того какъ они выходятъ изъ-подъ машины. Одна изъ вышеупомянутыхъ машинъ заготовляетъ даже до 50,000 конвертовъ въ день, но такъ какъ одному человѣку невозможно успѣвать увязать такое количество конвертовъ, то на ней работаютъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется укладывать конверты въ пачки по 500 штукъ.

До 600 машинъ Ри распространены въ Америкѣ и Европѣ. Онѣ двухъ величинъ, для большихъ и меньшихъ конвертовъ, и стоимостью въ 750 и 900 долларовъ. Запасныя части машинъ продаются, сверхъ того, особо (для малыхъ машинъ=159 дол., для большихъ=500 дол.)

Машины Ри не гуммируютъ сами конвертовъ, но одна работница успѣваетъ гуммировать конверты съ 2 машинъ. Бумага рѣжется подъ особымъ прессомъ, стоимость котораго равняется 550 долларамъ. Рѣзцы къ нему стоятъ отъ 20 до 25 дол. за штуку.

Фирма Ри имѣла подрядъ на поставку правительственныхъ конвертовъ въ Соединенныхъ Штатахъ; въ настоящее время, она тоже изготовляетъ штемпельные конверты для многихъ южно-американскихъ государствъ. Она имѣетъ тоже привиллегію на автоматическій прессъ, прессующій въ день до 60,000 уже сложенныхъ въ пачки конвертовъ.

Фабрика «Самюэля Рейнора и К°» въ Нью-Іоркѣ пользуется тоже большою извѣстностью и выдѣлываетъ ежедневно до милліона конвертовъ. Работаютъ на ней машины, изобрѣтенныя самимъ Рэйноромъ и удостоенныя бронзовой медали на Филадельфійской выставкѣ. Машины Рэйнора отличаются простотою и прочностью конструкціи, и работаютъ весьма отчетливо и легко. Нарѣзанные конверты кладутся пачками въ пріемникъ машины. — Надъ пріемникомъ помѣщается гуммировальный штампъ, вращающійся на валькѣ и насыщаемый гумми-арабикомъ, съ помощью особаго приспособленія, при каждомъ поворотѣ валька. Штампъ имѣетъ форму конвертнаго клапана; онъ приходитъ съ нимъ въ соприкосновеніе, когда опускается, и смазываетъ его гумми-арабикомъ. Непосредственно вслѣдъ за тѣмъ, другой штампъ приближается къ бумагѣ и смазываетъ нижніе края конверта, захватывая его при этомъ и снимая съ нижележащей пачки. Вслѣдъ за тѣмъ, конвертъ попадаетъ въ каналъ, черезъ который переносится на прессовальную доску и его края загибаются кругомъ, но не закладываются еще окончательно; это дѣлается, когда пододвинувшая его досчечка удаляется обратно; съ боковъ пресса выступаютъ тогда особыя приспособленія, которыя нажимаютъ заложенные края, оставляя свободнымъ лишь верхній клапанъ конверта. Послѣ этого конвертъ готовъ; остается только высушить клей на клапанѣ. Это совершается посредствомъ новаго приспособленія, болѣе удобнаго и занимающаго менѣе мѣста, нежели крайне сложный механизмъ при машинѣ Локвуда. Лишь только прессовальное приспособленіе удаляется, конвертъ выбрасывается, посредствомъ пружины, въ проходъ, изъ котораго онъ попадаетъ въ систему четырехъ вертикальныхъ винтовъ, вышиною въ 3 фута и снабженныхъ спиральнымъ винтовымъ ходомъ. Конверты тихо спускаются по этимъ винтамъ, переходятъ внизу, съ помощью особой доски, въ другую, подобную же винтовую систему и поднимаются этими винтами снова наверхъ. Обѣ винтовыя системы могутъ принимать заразъ до 600 конвертовъ; для полнаго перехода каждаго конверта внизъ и вверхъ требуется около 10 минутъ, и этого времени вполнѣ достаточно для того, чтобы онъ успѣлъ высохнуть.

Подобно машинѣ Ри, машина Рэйнора изготовляетъ по 30,000 конвертовъ въ день, но гуммируетъ ихъ тоже при томъ. Для присмотра за каждой машиной достаточно одной работницы, вся обязанность которой состоитъ въ подкладываніи конвертовъ, выниманіи ихъ изъ верхняго отверстія винтовой системы и надзора за тѣмъ, чтобы не было недостатка клея въ содержащемъ его приспособленіи.

На фабрикѣ «Берлина и Джонса» въ Нью-Іоркѣ изготовляется тоже до милліона конвертовъ въ день, съ помощью машинъ собственнаго изобрѣтенія фирмы. Каждая машина выдѣлываетъ по 30,000 конвертовъ ежедневно и стоитъ 900 долларовъ. Машины «Берлина-Джонса» мало чѣмъ отличаются отъ машинъ Рэйнора: онѣ также сами гуммируютъ конверты, принимаютъ бумагу нарѣзанную, но только въ описаніи ихъ ничего не говорится о винтовомъ приспособленіи для сушки. Въ пользу машинъ Берлина и Джонса говоритъ то обстоятельство, что онѣ очень распространены въ Америкѣ; въ самыхъ правительственныхъ учрежденіяхъ Соединенныхъ Штатовъ работаетъ, въ настоящее время, до 50 машинъ этой фирмы, получившей тоже бронзовую медаль на Филадельфійской выставкѣ. Вообще, такъ какъ остроумная машина Локвуда требуетъ еще многихъ упрощеній, то машины Рэйнора и Берлина-Джонса могли бы считаться наилучшими, еслибы только онѣ не были тоже довольно сложны, вслѣдствіе того, что онѣ не только складываютъ, но и гуммируютъ конверты. По причинѣ такой сложности, требующей даже перемѣны цѣлыхъ частей машины для изготовленія конвертовъ различныхъ форматовъ, сказанныя машины употребляются въ Америкѣ лишь для заготовки массами конвертовъ двухъ или трехъ сортовъ формата, наиболѣе требуемаго въ продажѣ. Для изготовленія же конвертовъ всякихъ другихъ форматовъ, менѣе спрашиваемыхъ на рынкѣ, предпочитаются такія машины, которыя не требуютъ перестановки частей, и первое мѣсто между ними остается за машиной Ри.

Нечеловѣческая месть.

Романъ Анри Тесье.

(*Продолженіе.*)

Часть первая.

Глава II.

Странныя сновидѣнія.

Что послѣдовало за свиданіемъ графа съ докторомъ Веберомъ? Въ какой степени осуществятся тѣ обѣщанія, которыя графъ сдѣлалъ доктору такъ внезапно?—это выяснится изъ дальнѣйшаго хода нашей исторіи. Сочельникъ, которымъ начался нашъ разсказъ, приходился уже на четвертомъ году со времени этой встрѣчи стараго графа съ американцемъ.

Въ четыре часа утра привратникъ того

дома, въ которомъ жилъ американецъ, проснулся отъ сильнаго звонка. Почтенный портье потянулъ шнурокъ съ ворчаніемъ.

— Веберъ! произнесъ кто-то суровымъ голосомъ, проходя мимо двери.

— А, это нашъ докторъ! сказалъ портье своей супругѣ.—Видно, отпраздновалъ встрѣчу праздника не по нашему одною ветчинкою, да плохимъ винцомъ!

— А намъ было, можетъ быть, веселѣе, замѣтила полусоннымъ голосомъ его жена.

Докторъ Веберъ поднялся, между тѣмъ, къ себѣ. Онъ зажегъ свѣчу и заперся у себя въ спальнѣ, потомъ опустился въ кресло и закрылъ лицо руками.

— Совершено! произнесъ онъ со вздохомъ, походившимъ на предсмертное хрипѣніе,—но *онъ* никогда не узнаетъ, цѣною какихъ мукъ! Я не принималъ въ разсчетъ неожиданностей, а онѣ-то едва и не сгубили меня!.. По счастью, меня спасъ инстинктъ, какъ утопающаго, который ухватывается во время за сучокъ... Но если бы мнѣ давали теперь цѣлое состояніе съ тѣмъ, чтобы я повторилъ то, что сдѣлалъ, я не согласился бы!

Онъ поднялся съ кресла, какъ автоматъ и принялся ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Мнѣ слѣдовало бы умирать отъ усталости, а я не могу сидѣть на мѣстѣ! проговорилъ онъ.—Нервы у меня слишкомъ напряжены!.. Не даромъ Брюиксъ и Делангль сказали мнѣ, что я похожъ на игрока, потерявшаго послѣднюю ставку... Вздоръ, я не могу проиграть ставку!..

Онъ взглянулъ въ зеркало и невольно отступилъ назадъ.

— Они правы!.. Я страшенъ самому себѣ!

Дѣйствительно, лицо его было ужасно: глаза окружены синевою; на блѣдномъ лбу три глубокія морщины; губы безцвѣтныя и сухія, какъ пергаментъ; бакенбарды взъерошены... Въ довершеніе всего, полуразвязанный галстухъ болтался на совершенно измятомъ воротничкѣ рубашки.

— О! произнесъ Веберъ, едва слышнымъ голосомъ,—я похожъ на пятидесятилѣтняго, а мнѣ нѣтъ еще и двадцати пяти!

Онъ порывисто схватилъ графинъ съ водкою, стоявшій на подносѣ, налилъ себѣ полстакана, осушилъ его разомъ и закрылъ глаза, точно боясь увидѣть свое изображеніе въ зеркалѣ.

Понемногу, румянецъ снова показался на его щекахъ, а на губахъ заиграла улыбка, выражавшая самыя разнообразныя ощущенія.

— Что же! прошепталъ онъ.—Безъ этого нельзя было обойтись!.. И все кончилось такъ удачно... Нѣтъ никакихъ доказательствъ, уликъ... Я доволенъ собой!

Онъ легъ въ постель, задулъ свѣчу и черезъ пять минутъ, заснулъ крѣпкимъ сномъ. И пригрезился ему садъ. Въ аллеяхъ играютъ мальчики; ихъ много, пятьдесятъ; всѣ они въ грубыхъ сѣрыхъ курткахъ и съ суконными шапками на головахъ. Между ними особенно выдѣляется одинъ,—онъ выше и сильнѣе прочихъ. Онъ сидитъ отдѣльно, не принимаетъ участія въ общихъ играхъ и смотритъ съ презрѣніемъ на своихъ товарищей.

— *Волкъ!* кричатъ они ему въ лицо.

Сцена мѣняется. *Волкъ* въ ученьи у фабриканта хирургическихъ инструментовъ, который, замѣтивъ его смышленность, посылаетъ его въ школу вмѣстѣ съ своимъ сыномъ; теперь его называютъ уже не Волкомъ, а Пьеромъ. Вотъ и школа... Вотъ опять лавка фабриканта... Въ нее входитъ какой-то человѣкъ въ военномъ платьѣ и съ орденомъ. Онъ выбираетъ разные инструменты, ласкаетъ Пьера и потомъ уводитъ его за собой, переговоривъ о чемъ-то съ хозяиномъ.

Новая сцена. Сельскій видъ. Вездѣ зелень и цвѣты. Человѣкъ съ орденомъ, взявшій къ себѣ мальчика, докторъ и живетъ здѣсь Подъ его руководствомъ, *Волкъ* превращается въ развитаго, образованнаго юношу. Девятнадцати лѣтъ, онъ уже былъ въ состояніи выдержать свой первый экзаменъ. Его почтенный учитель, докторъ Гармонъ, даетъ ему тысячу франковъ и говоритъ:

— Поѣзжай въ Парижъ, сынъ мой! Поступи на медицинскій факультетъ и работай! Когда ты получишь дипломъ, возвращайся сюда: я уступлю тебѣ своихъ паціентовъ, а самъ стану отдыхать.

Пьеръ въ Парижѣ. Смутно возстаютъ передъ спящимъ двѣ или три безумныя ночи, во время которыхъ возникъ въ юношѣ новый міръ ощущеній, желаній и похотей. Всѣ прирожденные ему дурные инстинкты, заглушенные простою жизнью его первой юности, пробудились теперь въ немъ, грозные, жаждущіе удовлетворенія. Онъ не можетъ удержать себя и вскорѣ бѣжитъ изъ Парижа, прибываетъ въ большой приморскій городъ и садится на пароходъ.

Опять новая сцена. Онъ въ Америкѣ, безъ всякихъ средствъ, принужденный поддерживать свою жизнь самымъ унизительнымъ трудомъ. Всѣ его старанія приложить къ дѣлу тѣ начала знаній, которыя онъ успѣлъ пріобрѣсти у доктора Гармона, остаются напрасными. Онъ встрѣчаетъ вездѣ отказъ; прошло два года, а его все еще гнететъ нищета. Хорошо еще, что онъ выучился англійскому языку... онъ въ Новомъ Орлеанѣ. Онъ уже не ѣлъ цѣлыя сутки и смотритъ съ завистью на путешественниковъ, садящихся на пароходъ, который отправляется въ Бэтонъ-Роуджъ. Онъ самъ не знаетъ, какъ ему приходитъ на мысль, юркнуть тоже на пароходъ и спрятаться между двумя громадными ящиками... Пароходъ летитъ, соперничая въ быстротѣ съ другимъ судномъ. Пассажиры поощряютъ капитана и машинистовъ къ безумному соревнованію.

— Эй! не жалѣйте топки!

— Накаливайте!

Даже прелестныя миссъ съ розовыми щеками топаютъ гнѣвно своими ножками и кричатъ, заглушая визгливыми голосками общій шумъ:

— Шкиперъ, живѣе!

— Пусть насъ взорветъ, капитанъ, только не дайте *имъ* опередить насъ!

И пароходъ, какъ скаковой конь, вздрагивающій подъ бѣшеными ударами шпоръ своего сѣдока, летитъ, обдавая пѣною и паромъ потерявшую разсудокъ толпу. Вдругъ, страшный трескъ... Середина палубы взлетаетъ наверхъ, разметывая во всѣ стороны пассажировъ, среди колоссальнаго огненнаго снопа... Паровикъ разорвало. Пассажиры не столько испуганы, сколько взбѣшены такимъ происшествіемъ. Они забываютъ свои увѣчья, свою опасность, и только смотрятъ, съ безсильною злобою, на пароходъ—соперникъ, который проносится мимо ихъ, какъ метеоръ, и исчезаетъ вдалекѣ.

Но пока они слѣдятъ за нимъ взоромъ, огонь дѣлаетъ свое дѣло. Изъ всѣхъ отверстій судна показываются огненные языки, которые обращаютъ крики досады въ вопли отчаянія! Капитанъ старается водворить нѣкоторый порядокъ, но никто не слушаетъ его среди страшной суматохи. Всѣ толпятся, жмутся другъ къ другу, кричатъ, рыдаютъ и смотрятъ съ невыразимымъ отчаяніемъ на берега Миссисипи, къ которымъ судно уже не въ силахъ пристать... А вѣтеръ колышетъ пламя и нагибаетъ его, отъ носа парохода къ кормѣ, подобно гигантскому навѣсу, простертому надъ головами жертвъ... Понимая опасность, капитанъ командуетъ изо всей силы въ рупоръ:

— Всѣ на носовую палубу!

Самые ловкіе, выбравъ удобную минуту, проскользнули подъ огненнымъ сводомъ. Нѣкоторые другіе послѣдовали за ними болѣе медленно, между тѣмъ какъ трусы хватаются за ящики, клѣтки, скамейки и кидаются съ ними въ рѣку... Въ двухъ шагахъ отъ Пьера, высокій молодой человѣкъ открылъ, не суетясь, свой чемоданъ, вынулъ изъ него каучуковый поясъ, подложенный пробкою, и методически укрѣпилъ его вокругъ себя; потомъ, вложилъ въ него толстый портфель, кошелекъ и еще какой-то предметъ, который Пьеръ не успѣлъ разглядѣть. Одѣвшись, такимъ образомъ, молодой человѣкъ оттолкнулъ отъ себя ногою чемоданъ, какъ безполезную вещь, и подошелъ къ борту.

Пьеръ вышелъ изъ-за ящиковъ и,—машинально, по всей вѣроятности,—вытащилъ изъ кармана свой охотничій ножъ и раскрылъ его. Въ ушахъ у него звенѣло, кровь приливала ему въ голову, окрашивая все кругомъ него въ красный цвѣтъ. Онъ думалъ только одно: «я плаваю не хуже моржа!»

Молодой человѣкъ въ каучуковомъ поясѣ схватилъ весло и бросился въ воду. Вслѣдъ за нимъ шлепнулось въ рѣку еще что-то тяжелое...

. . . .

Еслибы кто-нибудь могъ обратить въ эту минуту вниманіе на воду, онъ увидалъ бы, что она какъ-то странно забурлила въ одномъ мѣстѣ и потомъ окрасилась красноватою пѣной...

. . . .

Въ сотнѣ футовъ отъ мѣста происшествія, вынырнула изъ-подъ воды блѣдная голова какого-то человѣка. Онъ энергично работалъ, пробиваясь къ берегу...

. . . .

Въ тотъ же вечеръ прибылъ на помощь потерпѣвшему судну другой пароходъ. Онъ подобралъ экипажъ и пассажировъ, державшихся еще на водѣ или на остаткахъ горѣвшаго парохода. Въ числѣ спасенныхъ находился молодой человѣкъ, полунагой, но съ каучуковымъ спасительнымъ поясомъ. Это былъ Пьеръ... Его доставили въ самую лучшую гостинницу Новаго Орлеана и онъ потребовалъ, чтобы ему принесли бѣлье и платье...

Оставшись одинъ, онъ вскрылъ поясъ руками, еще трепещущими отъ совершеннаго преступленія.

Въ портфелѣ—10,000 долларовъ въ билетахъ государственнаго банка Соединенныхъ штатовъ; въ кошелькѣ—шестьсотъ долларовъ золотомъ. Третій предметъ былъ хирургическій наборъ, подъ двойнымъ дномъ котораго лежалъ докторскій дипломъ на имя «Петруса Вебера, изъ Цинцинати»

Пьеръ вздрогнулъ съ ногъ до головы.

— Имя!.. Дипломъ!.. Капиталъ! сказалъ онъ, пьянѣя отъ восторга.—Благодарю тебя, случай!

Глава III.

Потайная квартира.

Петрусъ Веберъ—будемъ звать его такъ,—обладалъ сильною волею! Внезапно пробудясь отъ сна, въ которомъ прошедшее возставало передъ нимъ во всемъ ужасѣ, онъ не вздрогнулъ, не выказалъ даже тѣни непріятнаго ощущенія, а только равнодушно поворотился въ своей постели, закрытой сѣрыми суконными занавѣсями съ черной каймой, и облокотился на руку.

— Что это вы прислуживаете мнѣ сегодня, г-жа Лемерль? спросилъ онъ спокойнымъ, лѣнивымъ голосомъ женщину, принесшую ему шоколадъ.—Гдѣ же Арми?

Г-жа Лемерль, особа лѣтъ шестидесяти пяти, служила кухаркою у доктора. Она сдѣлала родъ деревенскаго реверанса и отвѣтила:

— Извините, г. докторъ, но такъ какъ Арми не воротился еще съ вечера...

— Вы исполняете дѣло за него. Спасибо вамъ. Да! сегодня 25-е декабря... немудрено, что Арми загулялъ гдѣ-нибудь... и позабылъ о моемъ шоколадѣ. Ну, на первый разъ можно ему и простить.

— Онъ такъ преданъ вамъ...

— О, да! Оставимъ это. Я сдѣлаю ему выговоръ только для вида.

— Вотъ письма къ вамъ.

— Благодарю васъ. Дайте мнѣ теплой воды, я буду одѣваться.

Пробѣжавъ бѣгло всѣ письма, Веберъ остановилъ свое вниманіе только на одной визитной карточкѣ, которая была прислана въ конвертѣ съ гербомъ. Карточка была отъ *графа Кольмара*. Внизу ея, подъ своимъ именемъ, старикъ написалъ карандашемъ, твердымъ почеркомъ: «У меня будетъ завтра пароксизмъ лихорадки. Не заставьте себя ждать».

Докторъ улыбнулся, разорвалъ карточку и всталъ. Онъ выбрился самымъ тщательнымъ образомъ и посвятилъ на остальной туалетъ не менѣе времени и стараній, чѣмъ самая записная кокетка. Вытирая себѣ руки мазью для смягченія кожи, онъ замѣтилъ на оконечности большого пальца правой руки маленькое черное пятно.

— Экая гадость! проговорилъ онъ сквозь зубы, схватилъ ножницы, отрѣзалъ себѣ ноготь по самое мясо, а потомъ принялся тереть кускомъ пемзы запятнанное мѣсто. Однакожь, несмотря на всѣ его усилія, пятно не сходило ни съ кожи, ни съ ногтя. Онъ закусилъ себѣ губы съ досады. Впрочемъ, это не помѣшало ему докончить свой туалетъ и одѣться самымъ изысканнымъ образомъ.

Выходя, онъ сказалъ г-жѣ Лемерль:

— Когда придетъ кучеръ, вы ему велите запречь «Нестора» въ карету; пусть будетъ готовъ къ двумъ часамъ.

У подъѣзда, Веберъ встрѣтился съ привратникомъ, который чистилъ ручку звонка и почтительно поклонился г. доктору.

Подозвавъ проѣзжій фіакръ, Веберъ крикнулъ такъ, что портье могъ его слышать:

— Въ улицу Сен-Люи! Отель Кольмаръ.

Кучеръ поворотилъ по указанному направленію, но едва онъ доѣхалъ до предмѣстья Монмартръ, Веберъ выглянулъ изъ фіакра и сказалъ:

— Я передумалъ; отвезите меня лучше на бульваръ Оріано, на уголъ улицы Маркаде.

Кучеръ повернулъ и высадилъ своего сѣдока на указанномъ мѣстѣ. Веберъ расплатился съ нимъ и пошелъ, запустивъ руки въ карманы и съ лорнетомъ въ глазу, вдоль улицы Маркаде, до самой церковной площади. Здѣсь онъ вошелъ въ контору омнибусовъ и взялъ билетъ. Омнибусъ былъ еще пустъ и кондукторъ сидѣлъ на тротуарѣ, покуривая сигару съ полузакрытыми глазами.

Веберъ сталъ медленно прохаживаться взадъ и впередъ, какъ бы поджидая отъѣзда омнибуса. Но, мало по малу, онъ удлиннилъ свою прогулку, началъ доходить до самаго конца площади, потомъ незамѣтно повернулъ въ улицу Раме, прошелъ ее всю съ тою же медленностью и задумчивостью, вступилъ въ улицу Лекюйе, изъ нея въ улицу Ламберъ и остановился на углу улицы Ни оле. Она была совершенно пуста. Передъ докторомъ высилась большая стѣна, черезъ которую деревья грустно перекидывали свои вѣтви, покрытыя инеемъ.

Въ этой стѣнѣ находилась одна массивная дверь на крѣпкихъ петляхъ. Удостовѣрясь, что никто не наблюдаетъ за нимъ изъ оконъ сосѣднихъ домовъ, докторъ вынулъ изъ кармана ключъ, отворилъ дверь и вошелъ въ небольшой заглохшій садикъ, черезъ который пробрался къ двухъ-этажному полуразрушенному домику, казавшемуся необитаемымъ и заброшеннымъ втеченіе уже многихъ лѣтъ.

Веберъ взобрался по четыремъ полусгнившимъ ступенямъ на крыльцо, отворилъ входную дверь осторожно, заперъ ее за собою тоже безъ всякаго шума и очутился въ совершенно темной комнатѣ, которую освѣтилъ, зажегши восковую спичку. Однакожь нѣскольке ранѣе, онъ преобразился до того, что его трудно было узнать. На голову онъ надѣлъ превосходно сдѣланный рыжій парикъ, наклеилъ бороду изъ такихъ же волосъ, завитую кокетливо въ видѣ вѣера, и такъ искусно, что самый опытный глазъ не узналъ бы подлога.

Полъ комнаты, въ которой находился Веберъ, былъ покрытъ толстымъ веревочнымъ ковромъ; стѣны и потолокъ были, очевидно, чѣмъ-то обшиты, а поверхъ обшивки были обиты ситцемъ. Изъ этой комнаты вели двѣ двери; Веберъ открылъ одну изъ нихъ; за нею оказалась другая, деревянная крашеная дверь. Онъ приложилъ къ ней ухо и сталъ слушать Въ домѣ господствовало полное безмолвіе. Задувъ горѣвшую еще спичку, Веберъ отворилъ дверь съ предосторожностью, крадучись, точно воръ, остановился на порогѣ и сталъ снова прислушиваться. Та же тишина.

«Хорошо, подумалъ онъ съ довольнымъ видомъ.—Арми въ точности исполнилъ мои приказанія и мнѣ нечего бояться».

Онъ вынулъ другую спичку, зажегъ канделябръ, стоявшій на каминѣ, и осмотрѣлъ кругомъ. Онъ находился въ большой, роскошно меблированной комнатѣ, обитой свѣтлосѣрымъ репсомъ съ малиновыми снурами и отдѣлкою. Посрединѣ стоялъ столъ съ приготовленною на немъ закускою. Въ глубинѣ комнаты виднѣлся альковъ съ постелью, а на столикѣ, между оконъ, стоялъ другой канделябръ, свѣчи котораго потухли, догорѣвъ до стеклышекъ. Наконецъ, возлѣ камина, въ большомъ креслѣ, свернувшись и закутавшись въ мѣховой плащъ, спала молодая женщина.

Она была прелестна собою и казалась не старше семнадцати или осьмнадцати лѣтъ. Изъ подъ ея неразвязанной шляпки выбивались безпорядочно бѣлокурые волоса; черты ея блѣднаго лица были искажены даже и во снѣ выраженіемъ ужаса. Ноги ея были завернуты въ каминный коврикъ, а въ своей правой рукѣ, судорожно сжатой и безъ перчатки, она держала столовый ножъ, острое и блестящее лезвее котораго сверкало среди складокъ ея черной фаевой юбки.

Огонь въ каминѣ погасъ и въ комнатѣ было очень холодно.

Веберъ смотрѣлъ на все, что было у него передъ глазами, съ злорадной усмѣшкою, которая замѣнилась выраженіемъ ужаса, когда онъ перенесъ свой взглядъ на столъ, накрытый для ужина. Ни одно блюдо не было тронуто! Различныя закуски, холодная дичь, майонезъ изъ гомара, пирожки, бутылки и даже графины все стояло въ порядкѣ и, очевидно, къ нимъ неприкасались.

Веберъ поблѣднѣлъ.

— Значитъ она спитъ естественнымъ сномъ? проговорилъ онъ съ бѣшенствомъ.— Ее одолѣла усталость! Эти догорѣвшія свѣчи... этотъ ножъ... Предосторожности!.. Не отступать же мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, передъ такимъ вздоромъ! За этой хорошенькой дѣвушкой три милліона... и мнѣ отказали... Я проигралъ славную партію... и намѣренъ теперь отыграться! Наркотическое средство не удалось.. прибѣгнемъ къ силѣ!

Молодая дѣвушка пошевелилась. Веберъ бросился къ канделябру, чтобы погасить свѣчи, но было поздно. Эрчина Рейнольдъ д'Отфоръ—это была она—открыла глаза и встала.

(***Продолженіе слѣдуетъ.***)

Нищій итальянецъ.

(Къ гравюрѣ на страницѣ 9.)

На доскахъ въ сыромъ углу подвала
Мальчуганъ несчастный угасалъ,
Подъ тряпьемъ, намѣсто покрывала,
Полуголый, молча онъ лежалъ.

Былъ хорошъ онъ и въ часы недуга:
Говорило смуглое чело,
Что его недавно солнце юга
Поцалуемъ страстнымъ обожгло.

На нагія плечи упадали
Массы черныхъ, матовыхъ кудрей
И глаза недѣтскіе сверкали
Изъ-подъ хмуро сдвинутыхъ бровей.

Въ полутьмѣ передъ его постелью
Не смолкалъ оборванный народъ,
Предаваясь буйному веселью
Послѣ дня работы и невзгодъ.

Но, смотря на сцены площадныя,
На тупой разнузданный развратъ,
Уносился онъ въ края родные,
Проклиная мрачный этотъ адъ.

Изъ своей Италіи далекой
Онъ не самъ рѣшился убѣжать,
Нѣтъ! подъ гнетомъ нищеты глубокой
Продала его родная мать, —

Въ край далекій, подъ чужое небо,
Не смотря на дѣтскія мольбы,
Чтобъ добыть кусокъ насущный хлѣба,
Продала она его въ рабы.

Начались года его скитаній
По вертепамъ нищенскимъ столицъ,
Посреди отверженныхъ созданій —
Жертвъ нужды и рекрутовъ темницъ.

Много мукъ ребенку доставляли
Шайки этихъ дикарей тупыхъ
Безграничной злобой,—но едва-ли
Не страшнѣе были ласки ихъ.

Не на радость надѣлило небо
Мальчугана яркой красотой, —
Торговалъ онъ ею ради хлѣба
Въ непосильной битвѣ съ нищетой.

Падалъ онъ, но и среди паденья
Онъ святое чувство сохранилъ
Къ той странѣ, откуда на мученье
Въ край далекій увезенъ онъ былъ.

Замиралъ онъ, словно пригвожденный,
Услыхавъ на улицѣ пустой

Звуки пѣсни, кѣмъ то занесенной
Изъ его Италіи святой.

Опустивъ смычекъ въ изнеможеньи,
Прислонясь къ стѣнѣ, онъ слушалъ ихъ,
И предъ нимъ, какъ въ сладкомъ сновидѣньи,
Проносился рядъ картинъ родныхъ.

Видѣлъ онъ сверкающее море,
Синій сводъ безоблачныхъ небесъ,
Сотни бѣлыхъ чаекъ на просторѣ,
Вѣчно свѣжій и зеленый лѣсъ.

Миртъ, фіалки, померанцы, розы,
Все въ цвѣту, все льетъ свой ароматъ,
Навѣвая сладостныя грезы,
Сновъ волшебныхъ безконечный рядъ.

Сквозь дремоту слышится, какъ волны,
Не смолкая мѣрно въ берегъ бьютъ,
И какъ будто въ тактъ имъ, грусти полны
Баркаролы рыбаки поютъ.

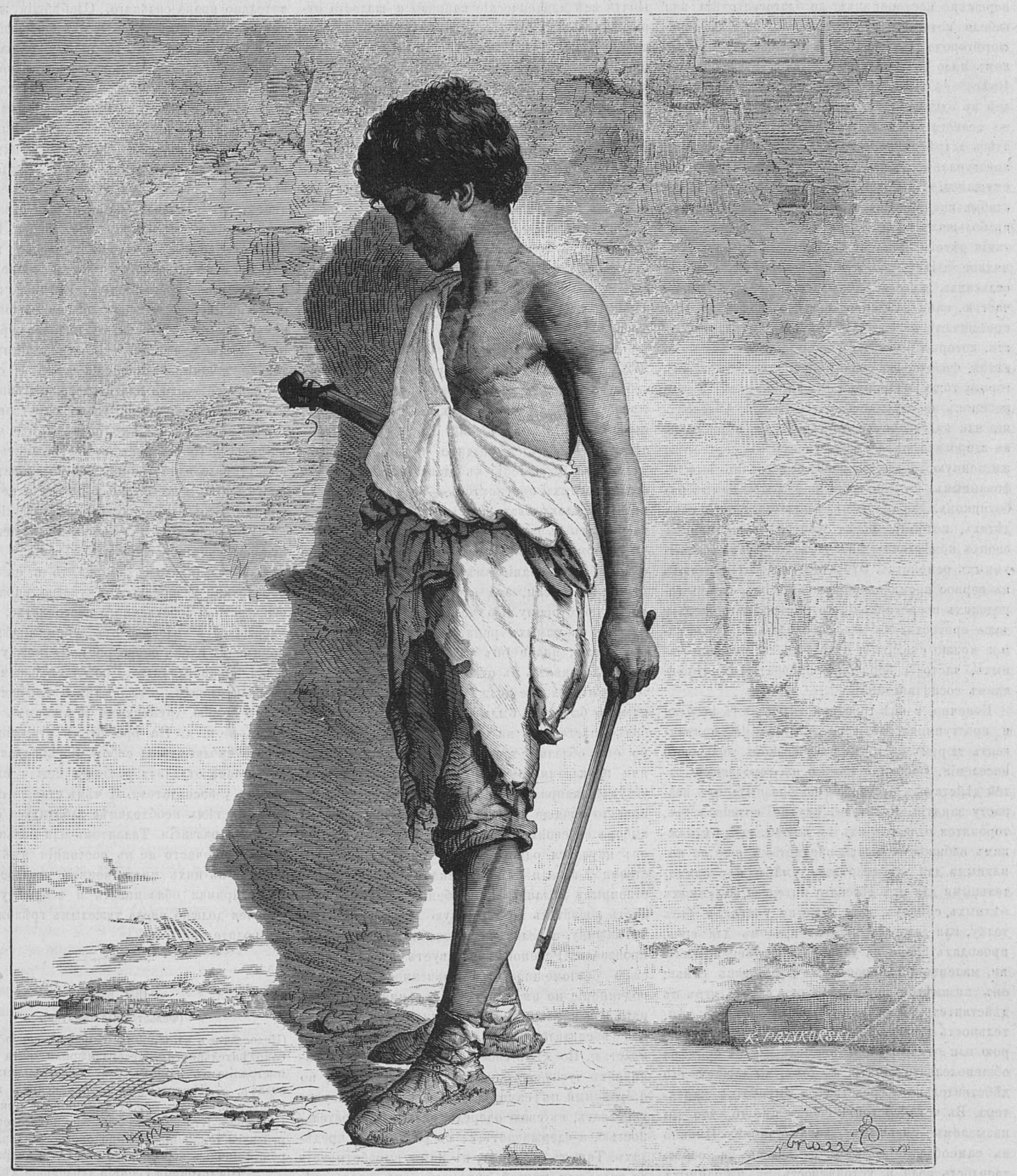
Вотъ ихъ группы: что за стройность тѣла!
Что за жесты! Сколько здѣсь огня
Въ буйномъ вихрѣ бойкой тарантелы,
Всѣхъ увлекшей на закатѣ дня.

По прибрежью, лѣни сладкой полны,
На припекѣ, на пескѣ лежатъ
Лазаронни, устремивъ безмолвно
Въ синеву безоблачную взглядъ.

И на нихъ, незнающихъ тревоги,
Изъ плющемъ обвитыхъ колонадъ,
Изъ-за гроздьевъ виноградныхъ боги,
Какъ они спокойные, глядятъ.

Въ этотъ край изъ омута паденья,
Слыша звуки голосовъ родныхъ,
Посреди предсмертнаго мученья,
Онъ унесся и на вѣкъ затихъ.

А. М—въ.



Нищій музыкантъ.

Замѣтка о воспитаніи дѣтей.

Въ большихъ городахъ находятся высшія образовательныя заведенія, академіи, коллекціи предметовъ изъ области наукъ и искусствъ, однимъ словомъ, — всѣ средства къ развитію ума и пониманію изящнаго; здѣсь кипитъ непрерывная дѣятельность и человѣку открывается обширнѣйшее поле для примѣненія пріобрѣтенныхъ имъ знаній и для воспитанія изъ себя полезнаго гражданина. Его поощряетъ къ тому уже одно благородное соревнованіе съ прочею людскою массою, тѣснящеюся въ фокусахъ жизни и цивилизаціи.

Таковы свѣтлыя стороны большихъ городовъ. Но не мало въ ней и темныхъ сторонъ. Городская жизнь далека отъ природной; она искуственна съ начала до конца. Въ городахъ человѣкъ даже забываетъ о природѣ; онъ видитъ вокругъ себя только твореніе рукъ человѣческихъ. Громадное скопленіе людей въ одномъ мѣстѣ едва-ли можетъ считаться естественнымъ. Кружась и толкаясь между тысячами людей, совершенно постороннихъ, до благосостоянія или гибели которыхъ ему нѣтъ дѣла, житель большого города дѣлается невольно эгоистомъ и слишкомъ мало сочувствуетъ нуждамъ другихъ людей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при огромномъ накопленіи людей въ одномъ мѣстѣ, является масса поводовъ ко всякаго рода соблазну. На каждомъ шагу здѣсь встрѣчается порокъ и развратъ, позоръ и преступленіе, возмущающіе сильныхъ людей, но смущающіе и заставляющіе колебаться болѣе слабыя натуры. Изъ этого слѣдуетъ, что жизнь въ большихъ городахъ не пригодна «для воспитанія дѣтей». Дѣтскія впечатлѣнія имѣютъ громадное вліяніе на всю жизнь человѣка. Дѣти сельскихъ жителей добываютъ себѣ, большею частью, сами всѣ матеріалы для своихъ игръ и привыкаютъ къ самостоятельности и находчивости, которыя бываютъ рѣдко удѣломъ городскихъ дѣтей. Физическое развитіе ребенка идетъ внѣ города тоже болѣе нормальнымъ путемъ. Такой ребенокъ не осуждается на чахлое существованіе или на безвременную гибель; онъ выростаетъ въ здороваго юношу и вступаетъ на серьезную жизненную дорогу, если не безупречно вышлифованнымъ, то сильнымъ и мужественнымъ работникомъ. Мы говоримъ, разумѣется, не о тѣхъ дѣтяхъ, которыя росли «митрофанушками» въ своихъ помѣстьяхъ, но о членахъ дѣльныхъ, разумныхъ семействъ. Эти дѣти, если и отстаютъ въ первое время въ образованіи отъ своихъ городскихъ сверстниковъ, то быстро нагоняютъ и даже превосходятъ ихъ впослѣдствіи. Тоже самое можно сказать и о дѣвушкахъ, неиспорченныхъ, часто совершенно превратнымъ, городскимъ воспитаніемъ.

Конечно, и внѣ городовъ выростаютъ негодяи и преступники, но все-таки главный контингентъ тюремъ состоитъ изъ осадковъ городского населенія. Особенно вредно на городскихъ дѣтей дѣйствуетъ отсутствіе сообразныхъ ихъ возрасту занятій. Родители, смутно сознавая это, торопятся отдавать ихъ въ школы, гдѣ бѣднягкамъ набиваютъ головы предметами, еще не понятными для ихъ незрѣлаго ума и не занимательными для ихъ дѣтскаго интереса. Въ самыхъ бѣдныхъ семьяхъ, дѣти даже не учатся, а безъ толку, или даже съ явнымъ вредомъ для себя, проводятъ время на улицѣ. Въ деревенской жизни, маленькій ребенокъ уже помощникъ семьи; онъ незамѣтно переходитъ отъ своихъ игръ къ дѣйствительной работѣ. Ограничивая всю дѣятельность городского ребенка чисто дѣтскою игрою или однимъ ученьемъ, безъ всякой примѣси общеполезнаго занятія въ домѣ, мы лишаемъ его дѣйствительнаго средства къ выработкѣ характера. Въ чемъ состоитъ собственно то, что мы называемъ сильнымъ характеромъ? Именно въ самообладаніи, которое ведетъ за собою твердость воли и устойчивость въ избранныхъ принципахъ, а все это пріобрѣтается не иначе, какъ терпѣніемъ и бодростью духа, безъ которыхъ человѣкъ никогда не можетъ быть полезенъ ни себѣ, ни другимъ. Большинство преступленій приписывается невѣжеству и дурному или ложному воспитанію, — но оно болѣе всего заслуживаетъ названіе ложнаго въ томъ случаѣ, когда оно не ведетъ ребенка постепенно, шагъ за шагомъ, къ выполненію его будущихъ серьезныхъ жизненныхъ обязанностей.

Человѣкъ обладаетъ врожденнымъ стремленіемъ къ дѣятельности и отказывается отъ нея только при полномъ своемъ нравственномъ или физическомъ разслабленіи. Силы, присущія ему, требуютъ для себя работы и, удовлетворяя этому требованію, человѣкъ чувствуетъ душевное наслажденіе. Ребенокъ не соглашается сидѣть на мѣстѣ, онъ ищетъ движенія и удовлетворяетъ себя играми, въ выборѣ которыхъ руководствуется своею фантазіею и наклонностями. Почти всѣ младенческіе капризы и шалости отроческихъ лѣтъ происходятъ отъ дурно направленной жажды дѣятельности. Если же это дурное направленіе обращается въ привычку, если юноша пріучается не любить дѣльной работы, то путь къ преступленію уже открытъ передъ нимъ. Избѣгая полезной дѣятельности, молодой человѣкъ примется сначала за безполезное и неразумное, потомъ перейдетъ къ дурному и завершитъ свою жизненную карьеру вредомъ для себя или для общества.

Какъ ни маловаженъ, повидимому, вопросъ о лакомствахъ, онъ имѣетъ тоже весьма важное значеніе въ воспитаніи ребенка. Разумные родители должны отказывать иногда ребенку въ лакомствѣ, не только потому, что излишество въ этомъ отношеніи можетъ быть вредно для его здоровья, но и для того, чтобы дитя научалось къ воздержанности и умѣнью отказывать себѣ въ прихотяхъ, — наукѣ, необходимой въ жизни! Сластолюбіе — порокъ, большею частью, прививной. Изъ ребяческой страсти къ лакомствамъ развивается позднѣе въ человѣкѣ неудержимое стремленіе къ удовлетворенію всѣхъ его животныхъ инстинктовъ, — ведущее, какъ то нечего и доказывать, часто къ тому, что онъ погрязаетъ въ самыхъ пошлыхъ порокахъ.

Каждому человѣку свойственно нѣкоторое самолюбіе и желаніе имѣть свою волю. До извѣстной степени, это стремленіе имѣетъ свою хорошую сторону. Но человѣкъ долженъ научаться, съ самыхъ раннихъ лѣтъ, обуздывать свою волю; иначе онъ сдѣлается жестокимъ и несправедливымъ въ отношеніи другихъ.

Воспитатели не должны требовать отъ ребенка чего бы то ни было въ запальчивости, тѣмъ болѣе, настаивать на неразумныхъ требованіяхъ, но они обязаны твердо стоять на выполненіи ими приказаннаго и ни въ какомъ случаѣ не уступать капризамъ ребенка. Съ тѣмъ вмѣстѣ, полезно почаще предоставлять ребенку свободу выбора въ своихъ дѣйствіяхъ, для того, чтобы онъ научался одновременно примѣненію собственной воли и умѣнью отказываться отъ собственныхъ желаній. Изъ ребенка и юноши слѣдуетъ воспитать не лишенную всякой иниціативы машину, а человѣка, способнаго обуздывать произволъ. Ребенокъ чувствуетъ инстинктивно свою безпомощность и зависимость, поэтому подчиненіе не имѣетъ для него ничего тягостнаго или неестественнаго, если только родители или воспитатели не злоупотребляютъ своею властью. По мѣрѣ своего развитія, ребенокъ начинаетъ чувствовать себя самостоятельнѣе, но пріученный къ самообладанію, онъ не злоупотребляетъ, въ свою очередь, этою самостоятельностью, а сдерживаетъ ее въ разумныхъ предѣлахъ. Такимъ образомъ, въ немъ выработывается тотъ или другой характеръ, по пословицѣ: «кто не умѣетъ слушаться, тотъ не будетъ умѣть разумно приказывать и другимъ».

Все, сказанное нами относится къ выдержкѣ ребенка. Но этого мало; необходимо развить въ немъ еще и силу нравственнаго побужденія. Весь общественный строй человѣчества зиждется на нравственныхъ началахъ, ниспроверженіе которыхъ повергло бы людей въ дикое, животное состояніе. Нравственнымъ побужденіемъ называется то стремленіе, въ силу котораго человѣкъ дѣйствуетъ хорошо, не вслѣдствіе приказанія или принужденія, но потому, что онъ самъ, добровольно, дѣлаетъ выборъ между дурнымъ и хорошимъ, — сознаетъ, что хорошее и полезное для него, хорошо и полезно для другихъ. Человѣкъ, удерживаемый отъ худого однимъ только страхомъ наказанія, ничѣмъ не отличается отъ животнаго, которое слушается насъ изъ боязни кнута.

Въ животномъ царствѣ господствуетъ исключительно право сильнаго. Слабѣйшія животныя защищаются, какъ умѣютъ, отъ сильнѣйшихъ, а если и попадаютъ имъ въ добычу, то размножаются опять съ такой быстротою, что убыль ихъ незамѣтна. Подобное же право сильнаго господствуетъ до сихъ поръ между дикарями. Люди же цивилизованные живутъ обществами, въ которыхъ общій интересъ заставляетъ ихъ соблюдать законы, охраняющіе права каждаго отъ произвола другихъ, хотя, къ сожалѣнію, случается иногда, что и цивилизованныя общества нерѣдко руководствуются правомъ сильнаго. Вотъ почему необходимо особенно тщательно воспитывать въ себѣ начала гуманности, справедливости и сочувствія къ ближнему, простирая эти чувства на всѣхъ членовъ общей человѣческой семьи. Въ этомъ чувствѣ заключается нравственный элементъ человѣческаго гражданства. Одни только законы, полицейскія мѣры и судебныя кары недостаточны для поддержанія спокойствія и порядка въ обществѣ, усовершенствованіе котораго заключается именно въ томъ, что большинство его членовъ не совершаетъ ничего преступнаго единственно уже по нравственному побужденію, а не только изъ страха передъ закономъ. Безъ этого побужденія, никакіе законы не удержали бы человѣческаго общества отъ окончательнаго распаденія.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что и въ ребенкѣ необходимо развивать то чувство справедливости, чести и собственнаго достоинства, которое удерживаетъ человѣка отъ дурныхъ дѣлъ. Дитя понимаетъ очень скоро различіе между приличнымъ и неприличнымъ, позволительнымъ и непозволительнымъ, вѣжливымъ и грубымъ, правдою и ложью, дружескимъ и злобнымъ обращеніемъ и т. д. Но при этомъ старшіе должны строго наблюдать за собою. Зоркій глазъ ребенка тотчасъ отличитъ различіе между словомъ и дѣломъ у воспитателя. И чѣмъ старше становятся дѣти, тѣмъ необходимѣе заботиться о ихъ душевномъ развитіи. Талантовъ или большой учености — мы часто не въ состояніи имъ дать, но развить въ нихъ нравственное чувство, — это наша прямая обязанность и всякое уклоненіе отъ нея должно пасть тяжелымъ грѣхомъ на душу родителей.

Обо всемъ

(Фельетонныя замѣтки).

(Недостатокъ въ нашемъ обществѣ способности къ самодѣятельности.—Несоразмѣрная трата на администрацію въ нашихъ благотворительныхъ обществахъ. — Дѣятельность американскихъ женскихъ обществъ.—Ссора между старшинами прикащичьяго клуба.—Кто виноватъ въ злоупотребленіяхъ еврейскаго товарищества продовольствія арміи?—Хорошій починъ херсонскаго земства и дворянства. — Предстоящія громкія уголовныя дѣла.)

Въ первой замѣткѣ («Обо всемъ» № 35 «Жив. Об.») я сказалъ, что у насъ частныя лица пожертвовали сравнительно немного на военныя надобности. Этотъ фактъ я объяснилъ нашей бѣдностью, а отнюдь не холодностью къ дѣлу. Не смотря на это, я получилъ возраженіе, въ которомъ упрекаютъ меня въ поспѣшности вывода, такъ какъ война только что началась и, слѣдовательно, можно надѣяться, что, по мѣрѣ продолженія ея, пожертвованія станутъ поступать и сумма ихъ будетъ постоянно увеличиваться. Я бы могъ отвѣтить моему почтенному оппоненту, что къ войнѣ мы, т. е. общество, приготовлялись съ прошлаго года, поэтому она не застала насъ въ расплохъ, но я сдѣлаю ему уступку и допущу, что ранѣе апрѣля мѣсяца нынѣшняго года о войнѣ мы не думали. Но и въ такомъ случаѣ, втеченіи пяти мѣсяцевъ, мы могли бы сдѣлать несравненно больше, еслибы были богаче: я все-таки остаюсь при своемъ мнѣніи, что желанія жертвовать у насъ много, но средствъ не хватаетъ. Я, конечно, имѣю въ виду массу нашего народа, а не отдѣльныхъ лицъ, потому что главнымъ жертвователемъ является все же она, масса, и изъ ея копеекъ составляются милліоны; богачи, безъ сомнѣнія, могли бы пожертвовать больше, чѣмъ они жертвовали, но исторія всѣхъ народовъ показываетъ, что торговый и промышленный классъ тугонекъ на безкорыстныя жертвы, — на такія жертвы, которыя не вознаграждаются ни улучшеніемъ положенія, ни какими-нибудь знаками, возбуждающими тщеславіе; комерсанты вообще не любятъ разставаться съ деньгами. И такъ, допуская, что мы едва-ли-бы могли пожертвовать болѣе, а также, что нельзя разсчитывать на значительное увеличеніе нашихъ жертвъ и въ будущемъ, во время продолженія войны, я скажу, что распорядиться полученными жертвами мы могли цѣлесообразнѣе, не отягощая благотворительнаго бюджета чрезмѣрными расходами. Во «Внутреннемъ обозрѣніи» сентябрьской книжки журнала «Дѣло» сообщена исторія лазарета въ Новгородѣ, учрежденнаго на пожертвованныя деньги. Лазаретъ устроенъ хорошо, снабженъ необходимымъ и, наконецъ, отправленъ на Дунай. И что же оказалось? Съ 3-го мая распорядители этимъ дѣломъ издержали 15,000 руб.; изъ нихъ 10,000 руб. на устройство лазарета и содержаніе служебнаго персона, а на больныхъ всего 380 руб.! Такіе результаты получились, разумѣется, отъ того, что мы мало подготовлены къ самодѣятельности и страшно любимъ наружный блескъ при малой заботливости о внутреннемъ содержаніи. Въ каждое учрежденіе, имѣющее благотворительный характеръ, мы любимъ совать большой служебный персоналъ,—выходитъ торжественнѣе, параднѣе и внушительнѣе, — а что будетъ дѣлать тамъ такой персоналъ — считать-ли мухъ или работать — забота не наша, тѣмъ болѣе, что содержать его можно на жертвы благотворителей, огромное большинство которыхъ не принимаетъ никакого участія въ управленіи.

Не такъ поступаютъ общества, опередившія насъ въ способности къ самодѣятельности и несравненно болѣе богатыя, чѣмъ мы. Въ брошюрѣ г. Затлера объ американской междоусобной войнѣ сказано, что расходы по управленію всѣхъ американскихъ частныхъ обществъ, учрежденныхъ съ цѣлію сбора и расходованія пожертвованій на надобности войны, нигдѣ не превышали 4%. Вотъ это называется вести дѣло цѣлесообразно! Не надо притомъ забывать, что въ кругъ дѣятельности этихъ обществъ входило несравненно болѣе предметовъ, чѣмъ въ нашихъ обществахъ.

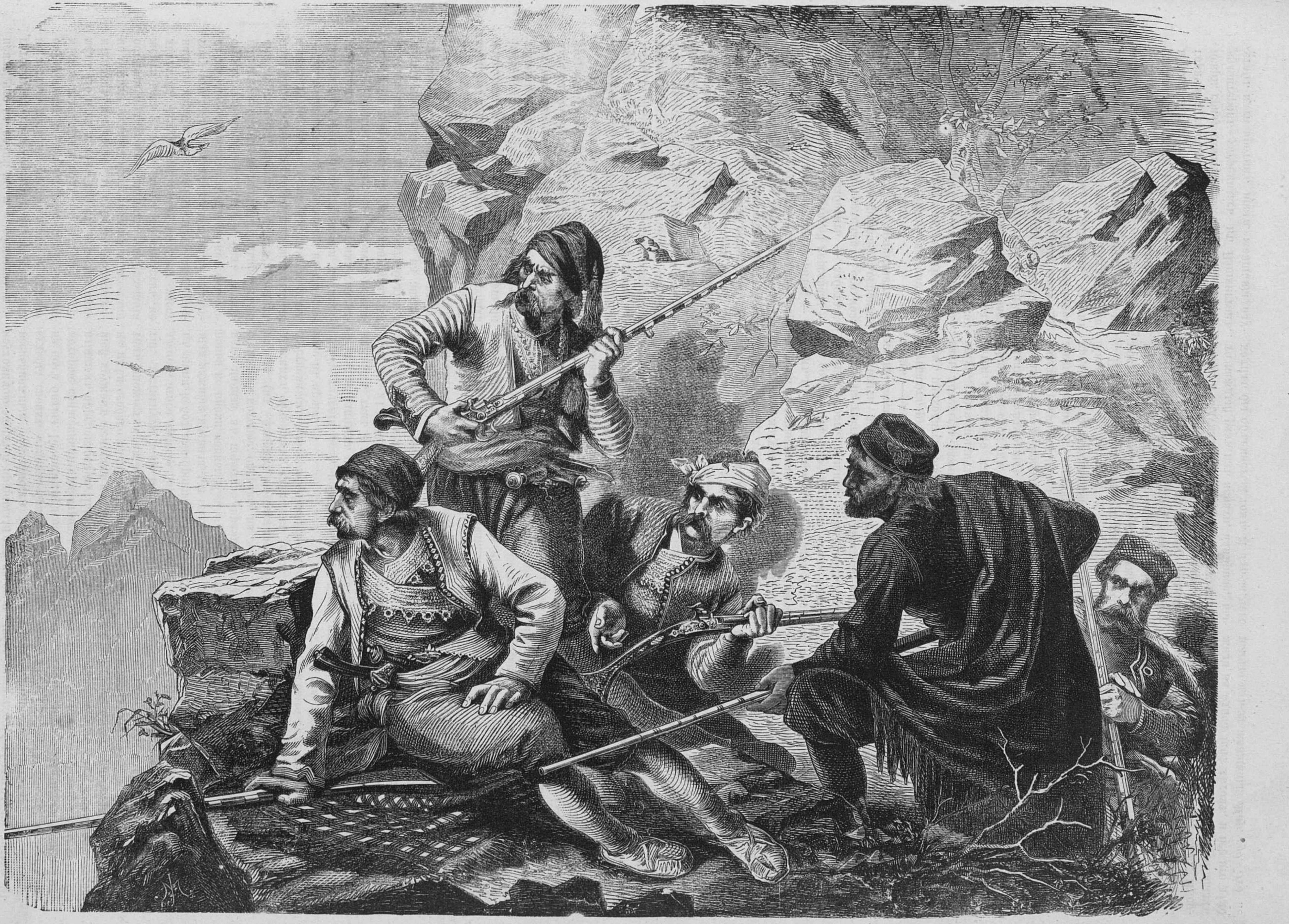
Быстрота, съ какой создавались эти общества, по истинѣ изумительна. «Когда, въ началѣ войны, говоритъ г. Затлеръ,—самый горячій патріотизмъ, подобно электрической искрѣ, сразу охватилъ весь народъ, и масса волонтеровъ устремилась въ Вашингтонъ, чтобъ идти противъ врага, женщины одушевились неменьшимъ желаніемъ способствовать по мѣрѣ силъ спасенію союза: съ неутомимою энергіей принимали онѣ на себя всевозможныя обязанности для облегченія судьбы своихъ отцовъ, братьевъ, сыновей на полѣ битвы. Къ нимъ присоединились нѣкоторые священники-филантропы, подъ ихъ вліяніемъ образовался въ Нью-Йоркѣ небольшой кружокъ женщинъ и мужчинъ, который, не имѣя особаго назначенія, стремился, путемъ множества самыхъ сложныхъ предпріятій, достигнуть извѣстной цѣли. Первымъ дѣломъ этого кружка было распространять въ арміи небольшія брошюры, излагавшія самыя важныя правила для поддержанія здоровья во время войны. Изъ этого незамѣтнаго начала въ короткое время развилось общество, которое, опираясь на массу всего народа (въ Америкѣ образовалось 30,000 дамскихъ обществъ), сдѣлалось столь могущественнымъ, что пріобрѣло громадное вліяніе въ арміи.

«Въ теченіи всей войны, общая сумма всѣхъ собранныхъ пожертвованій, какъ денежныхъ, такъ и матерьяльныхъ, простиралась до 212,000,000 доларовъ; изъ нихъ деньгами благотворительныя общества израсходовали на больныхъ и раненыхъ только 120,000,000 франковъ».

Кромѣ обычной дѣятельности, какую проявляютъ всегда общества съ благотворительнымъ характеромъ, американскія общества, соединившіяся въ одно и принявшія названіе «Санитарной комиссіи Соединенныхъ штатовъ» добились совѣщательнаго голоса въ медицинскомъ управленіи. Въ то время армія Союза, представляемаго сѣверными штатами, возрасла съ 13,000 до 800,000 человѣкъ. Трудно было найти достаточное число врачей на такую армію. И вотъ на помощь явилась «санитарная комиссія», составленная почти исключительно изъ женщинъ. Она самымъ добросовѣстнымъ уходомъ ея членовъ-женщинъ за больными и ранеными, замѣнила отчасти недостатокъ врачей. Соблюденіе гигіеническихъ условій—блистательно достигнутое — часто съ полнымъ успѣхомъ замѣняло лекарства.

Результаты, достигнутые американскими женщинами, могутъ послужить лучшимъ отвѣтомъ противникамъ вмѣшательства женщинъ въ госпитальное дѣло, какихъ у насъ, къ сожалѣнію, еще не мало. Надо отдать справедливость нашимъ женщинамъ, онѣ рвутся на театръ военныхъ дѣйствій, желая приносить пользу больнымъ и раненымъ, но, къ сожалѣнію — судя по корреспонденціямъ — встрѣчаютъ иногда препятствія и опускаютъ руки. Добросовѣстнымъ труженицамъ приходится, иногда невольно, затрогивать интересы разныхъ господъ завѣдующихъ, управляющихъ и пр. и они-то относятся враждебно къ содѣйствію женщинъ. «Знали бы свои сплетни!» сказалъ одинъ изъ такихъ завѣдующихъ сестрѣ милосердія, которая честно и искренно сообщила высшей власти, ревизовавшей госпиталь, о плачевномъ состояніи перевязочныхъ и иныхъ средствъ этого госпиталя. Это случилось на Кавказѣ.

Недостатокъ способности къ самодѣятельности въ нашемъ обществѣ обнаруживается на каждомъ шагу. Еслибы кто-нибудь вздумалъ вести лѣтопись ссоръ между участниками въ общемъ дѣлѣ въ нашихъ акціонерныхъ и иныхъ обществахъ, въ нашихъ клубахъ, и вздумалъ бы издавать ее ежегодно, то каждый разъ изъ печати, навѣрное, выходилъ бы объемистый томъ. И изъ-за чего происходятъ эти ссоры? Большею частію изъ-за пустяковъ, нестоющихъ вниманія. Еслибы такія ссоры происходили только въ какихъ-нибудь захолустьяхъ, въ отдаленныхъ уѣздныхъ городкахъ, гдѣ люди не знаютъ, чѣмъ занять время и отъ томящей ихъ скуки рады всякому развлеченію, хотя бы оно проявлялось въ видѣ взаимной потасовки или ссоры съ отборными ругательствами, но онѣ характеризуютъ и собранія въ столицахъ, гдѣ все-таки есть нѣкоторая возможность развлечься инымъ способомъ. Есть въ Петербургѣ купеческое общество взаимнаго вспоможенія, болѣе извѣстное подъ именемъ «прикащичьяго клуба»; управляется оно совѣтомъ выборныхъ старшинъ. Двое изъ старшинъ, долгое время жившіе въ мирѣ и согласіи, въ одинъ прекрасный день поссорились, мало того, о своей ссорѣ заявили суду, и судебное разбирательство ихъ дѣла было 20 сентября у мирового судьи 13 участка. Старшина Матвѣевъ обвинялъ старшину Боровкова въ клеветѣ. Повѣренный обвинителя, Амани, заявилъ судьѣ, что его довѣритель не обижается на то, что г. Боровковъ, ударя кулакомъ по столу, сказалъ г. Матвѣеву: «Молчи, скотина», но за то, что Боровковъ, въ присутствіи постороннихъ лицъ, сказалъ въ клубѣ, что Матвѣевъ, покупая дрова по 5 руб., показываетъ ихъ въ отчетности по 8 р.; за карнизы, купленные по 1½ руб., ставитъ 10 руб.; а также, что будто бы Матвѣевъ беретъ взятки съ подрядчиковъ и содержитъ домъ терпимости. Повѣренный Боровкова, Ярмаркинъ, не призналъ своего кліента виноватымъ, онъ обратилъ вниманіе на то, что Боровковъ, обращаясь къ Матвѣеву, сказалъ: «Говорятъ, что вы воръ», при чемъ назвалъ и тѣхъ лицъ, которыя ему объ этомъ передавали. Мировой судья предложилъ сторонамъ помириться. Амани соглашался съ тѣмъ, чтобы Боровковъ призналъ, что все сказанное имъ ложь; Ярмаркинъ требовалъ, чтобы Матвѣевъ «всѣ разворованныя деньги возвратилъ клубу». Примиреніе не состоялось и разборъ дѣла продолжался. Позволяю себѣ дальнѣйшую часть дѣла изложить по отчету о немъ, напечатанному въ «Бирж. Вѣд.», передавая буквально. *Ярмаркинъ.* Боровковъ сказалъ лишь, что говорятъ... *Мировой судья.* Если за то, что говорятъ, обращаться къ суду, то у женщинъ отнимутъ любимое ихъ право — сплетничать. Если станутъ выражаться такъ говорятъ, вы шулеръ, то, помилуйте, вѣдь за это можно познакомиться съ чужою рукою. Помилуйте, господа, зачѣмъ вы считаете мировой судъ какимъ-то контрольнымъ учрежденіемъ, которое непремѣнно обязано входить въ повѣрку всѣхъ покупокъ и поставокъ въ клубѣ свѣчей, дровъ и т. п, Языкъ нашъ—врагъ нашъ, ужь если прорвался, такъ дѣлать нечего, проси прощенія. *Ярмаркинъ.* Да въ клубѣ называли Матвѣева каторжникомъ. *Мир. суд.* Каторжникомъ называется тотъ, кто былъ сосланъ въ каторжную работу и бѣжалъ оттуда. И вдругъ это лицо является старшиною клуба? Что же это за клубъ? Вѣдь этимъ пошатнулось бы доброе имя клуба. Зачѣмъ непремѣнно желаютъ уронить достоинство клуба? Если есть виновные, то карайте ихъ вашимъ уставомъ; у васъ право есть, не обращайтесь въ судъ и не старайтесь достичь того, чтобы весь соръ, всѣ безпорядки клуба всплыли наружу. Это не дѣло. *Боровковъ.* Я согласенъ помириться. Мы съ Матвѣевымъ жили на одной дачѣ лѣтомъ, и все это дѣло вышло изъ-за женщины. *Мир. суд.* Это не



Черногорцы.

касается моей программы. *Амани.* Я очень хорошо понимаю ваши слова, г. мировой судья, но я ничего не могу сдѣлать, такъ какъ не уполномоченъ своимъ довѣрителемъ на примиреніе. Видя, что невозможно примирить тяжущихся, мировой судья отложилъ дальнѣйшее разбирательство, предлагая повѣренному обвинителя переговорить съ его довѣрителемъ и получить отъ него уполномочіе объ окончаніи дѣла мировой.

И ради какихъ соображеній гг. старшины прикащичьяго клуба поволокли свое чисто-личное дѣло въ судъ, когда они, какъ совершенно резонно замѣтилъ г. мировой судья, имѣли полную возможность разобраться своимъ судомъ. на что утвержденный правительствомъ уставъ дастъ имъ право!

Общество, мало способное къ самостоятельности, всегда отличается еще качествомъ людей слабыхъ: сваливать свою вину на другихъ. Безпрестанно приходится слышать: «жиды (такъ и говорятъ: «жиды», а не «евреи») грабятъ нашихъ офицеровъ и солдатъ дѣйствующей арміи, жиды поставляютъ недоброкачественные продукты!» Это негодованіе возбуждаетъ «Товарищество продовольствія арміи Грегера, Горвица и Когана». Со всѣхъ сторонъ раздаются крики и никому не приходитъ охота помочь дѣлу. Болѣе всего кричатъ именно тѣ русскіе комерсанты, которые имѣютъ полную возможность явиться конкурентами еврейской компаніи и повести дѣло добросовѣстно, если, они и въ самомъ дѣлѣ, такіе искренніе патріоты и такъ уважаютъ и жалѣютъ нашихъ воиновъ, какъ говорятъ. Недавно мнѣ пришлось встрѣтиться и разговориться съ такимъ комерсантомъ. По его словамъ (которымъ есть полное основаніе вѣрить) у него, кромѣ торговаго предпріятія болѣе ста тысячъ наличныхъ денегъ, хорошій кредитъ и широкое знакомство въ торговомъ и промышленномъ мірѣ. Онъ началъ ругать «жидовъ».

— Обираютъ они нашихъ доблестныхъ воиновъ, сказалъ онъ, — и неужели нельзя заставить ихъ вести дѣло болѣе честнымъ образомъ?

— Какъ нельзя, отвѣчалъ я, — средство есть и у васъ въ рукахъ.

— У меня?

— Да, у васъ и подобныхъ вамъ комерсантовъ. Вы человѣкъ съ деньгами; васъ уважаютъ въ комерческомъ мірѣ; съ вами пойдутъ въ компанію. Почему бы вамъ не учредить товарищества; довольствуясь умѣреннымъ барышомъ и ставя добросовѣстно продукты, вы принесете пользу и заставите еврейскую компанію дѣйствовать такъ же честно, какъ и вы.

— Такъ-то это такъ, да намъ не рука, не наше это дѣло. Въ этомъ дѣлѣ безъ честныхъ прикащиковъ обойтись нельзя, — не самимъ же намъ ѣхать туда, — а гдѣ вы найдете этихъ честныхъ-то; нынче всякій наровитъ какъ бы стибрить да улизнуть.

— Полноте, какъ не найти. Посмотрите, сколько образованныхъ молодыхъ людей ищутъ занятій; дайте имъ сносное жалованье и, повѣрьте, они съ радостью поѣдутъ.

— Нѣтъ, куда намъ ввязываться въ такое дѣло, не привычны мы къ нему. Вотъ жертвовать деньгами, мы не прочь, съ великимъ удовольствіемъ (послѣ я узналъ, что онъ пожертвовалъ 50 руб.), а въ маркитанты не пойдемъ!

Конечно, безполезно было убѣждать его, что онъ и ему подобные болѣе всѣхъ виноваты въ злоупотребленіяхъ еврейской компаніи, которая, не встрѣчая ни въ комъ конкуренціи, отличается дѣйствіями, всегда присущими монополистамъ. Г. Новосельскій, взявъ на себя чисто маркитанское дѣло и то, сравнительно, въ небольшихъ размѣрахъ, серьезной конкуренціи товариществу Грегера, Горвица и Когана, представить не можетъ. Тѣмъ отраднѣе было прочесть въ газетахъ, что, наконецъ, является серьезная конкуренція монопольной компаніи, въ лицѣ земства и дворянства. По словамъ «Моск. Вѣд.», херсонское земство и дворянство ходатайствуютъ о разрѣшеніи допустить ихъ къ продовольствію арміи. Какія условія предложили они и какой отвѣтъ получили на свое ходатайство — неизвѣстно. Но нельзя не привѣтствовать ихъ попытки! Еслибы примѣру херсонцевъ послѣдовала и бессарабская область, то можно было бы надѣяться, что дѣло продовольствія арміи пошло бы лучше, чѣмъ идетъ въ настоящее время. Разумѣется, нечего обольщать себя розовыми надеждами, что дѣло повелось бы безукоризненно — безъ прорѣхъ не обойдется — но, во всякомъ случаѣ, явится конкуренція, а съ нею невольное для предпринимателей удешевленіе цѣнъ и лучшее качество поставляемыхъ продуктовъ. Дѣло продовольствія еще болѣе выиграло бы еслибъ и частные комерсанты, стряхнувъ съ себя вѣковую лѣнь и удовольствовавшись умѣренными барышами (намъ подавай 20,30%, а на какія-нибудь 6—8 мы и смотрѣть не хотимъ!), приняли также участіе въ дѣлѣ общественномъ. Пусть не забываютъ они, что чѣмъ дороже будетъ стоить содержаніе арміи, тѣмъ больше придется взносить плательщикамъ податей, и прямыхъ и косвенныхъ, слѣдовательно, въ удешевленіи продовольствія арміи гг. комерсанты и лично заинтересованы.

Видно судьба наша такова, что не успѣемъ мы избавиться отъ впечатлѣнія одного громкаго процесса на смѣну его идетъ другой. Въ настоящее время предстоятъ разомъ два процесса, которые будутъ причислены къ разряду знаменитыхъ. Въ московскомъ окружномъ судѣ, по словамъ телеграммы, полученной въ Петербургѣ 26 сентября, будетъ обсуждаться громкое уголовное дѣло. Состоящій по армейской кавалеріи ген.-м. Леонидъ Гартунгъ, сынъ бывшаго министра полк. графъ Степанъ Ланской, кол. совѣт. Алферовъ, вдова купца Занфтлебена и крестьянинъ Мышаковъ обвиняются въ похищеніи съ корыстною цѣлію денежныхъ и другихъ документовъ, оставшихся по смерти купца Занфтлебена. Обвинительный актъ уже врученъ подсудимымъ. Къ суду вызываются 47 свидѣтелей; изъ числа ихъ нѣкоторые занимаютъ видное общественное положеніе. Обвинять будетъ товарищъ прокурора Н. В. Муравьевъ.

И Петербургъ не отстаетъ отъ древней столицы. Здѣсь также вскорѣ будетъ разбираться уголовное дѣло о поддѣлкѣ облигацій восточнаго займа. По словамъ газеты «Новости», «нѣкто отставной капитанъ В. устроилъ у себя мастерскую и заручился печатью государственнаго банка и клеймомъ, которые накладываются на сполна оплаченныя свидѣтельства восточнаго займа. Дѣло это было хорошо организовано и велось въ большой тайнѣ. На слѣдъ его напали только благодаря случайности. Одинъ изъ сбытчиковъ, дворянинъ К., жившій на широкую ногу въ лучшемъ номерѣ Европейской гостинницы, въ одинъ день отправился съ фальшивыми свидѣтельствами въ волжско-камскій банкъ, чтобы промѣнять ихъ на деньги, что онъ уже неоднократно дѣлалъ раньше. Но банкъ, уже наученный горькимъ опытомъ, такъ какъ передъ этимъ потерялъ уже на тѣхъ же свидѣтельствахъ 65 т. руб., не дался на этотъ разъ въ обманъ. К. задержали и вмѣстѣ съ найденными при немъ свидѣтельствами препроводили туда, куда не всякій охотно идетъ; затѣмъ ночью послѣдовалъ обыскъ въ номерѣ К., причемъ найдено около полутораста фальшивыхъ свидѣтельствъ. Всѣ они и ихъ владѣлецъ переданы судебной власти. Затѣмъ по полученнымъ свѣдѣніямъ о дѣятельности капитана В., былъ произведенъ обыскъ и у него, причемъ отобраны фальшивая печать банка и форма для клейменія свидѣтельствъ; у него также оказалось достаточно фальшивыхъ свидѣтельствъ. Затѣмъ, увидѣвъ изъ бумагъ капитана, что къ этому дѣлу близко стоитъ и родной братецъ его, исключенный изъ состава присяжныхъ повѣренныхъ здѣшней судебной палаты, слѣдователи въ ночь на 23-е сентября произвели обыскъ и у послѣдняго, причемъ нашли до ста тысячъ рублей денегъ. Братецъ В. вмѣстѣ съ найденными у него деньгами тоже арестованъ».

Н. И.

Новости наукъ и жизни.

— **Открытіе высшихъ женскихъ курсовъ въ Казани** состоялось и въ настоящее время уже начались пріемныя испытанія. Дѣвушки, окончившія курсъ въ женскихъ гимназіяхъ, институтахъ, епархіальныхъ и частныхъ женскихъ училищахъ перваго разряда, принимаются безъ экзамена, по представленіи ими атестата; прочія же экзаменуются педагогическимъ совѣтомъ изъ математики, физики, русскаго языка и словесности, всеобщей и русской исторіи. Вольнослушательницы не обязуются подвергаться испытаніямъ. Плата за весь годъ назначена 50 рублей; за иностранные языки должно приплачивать особо.

— **Отправленіе морской команды въ Николаевъ.** 22 сентября, какъ сообщаетъ «Кроштад. Вѣстникъ», въ часъ пополудни на колесныхъ пароходахъ: «Невка» и «Ижора», отправилась въ Петербургъ партія матросовъ въ 406 человѣкъ, назначенныхъ въ Николаевъ для укомплектованія черноморскихъ флотскихъ экипажей. Начальство надъ отрядомъ ввѣрено капитанъ-лейтенанту С. А. Скрягину.

— **Спутники Марса.** Парижская обсерваторія недавно получила отъ директора вашингтонской морской обсерваторіи, контръ-адмирала Роджера, подробный отчетъ о наблюденіяхъ, произведенныхъ надъ новооткрытыми спутниками Марса. Спутники эти были усмотрѣны не только въ Вашингтонѣ, но и въ Кэмбриджъ-Паркѣ. Братья Генри наблюдали наиболѣе отдаленный изъ этихъ спутниковъ съ обсерваторіи послѣдняго изъ названныхъ городовъ въ ночь на 27 августа. Въ Вашингтонѣ мистеръ Голлъ наблюдалъ спутника два часа къ ряду и нашелъ, что онъ измѣнилъ свое положеніе на 30 секундъ. Орбита его по отношенію къ эклиптикѣ земли представляетъ наклонъ въ 25 градусовъ. Обращается онъ вокругъ Марса въ 30 часовъ и 14 минутъ. Предположивъ точку наблюденія на самой планетѣ Марсѣ, онъ мѣняетъ свое положеніе съ быстротою почти 12 градусовъ въ часъ. Вычисленіе движенія этого спутника дозволяетъ измѣрить съ большею точностью, чѣмъ то было сдѣлано до сихъ поръ, массу самой планеты Марса. Второй спутникъ менѣе доступенъ для наблюденія. Предположивъ точку наблюденія на Марсѣ, онъ мѣняетъ свое положеніе съ быстротою 47 градусовъ и 11 минутъ въ часъ. Для совершенія полнаго круговорота вокругъ Марса ему требуется

7 часовъ и 38 минутъ; видимый діаметръ его орбиты составляетъ 33 секунды.

— Ель—соперница ванили. Ученымъ Тиману и Герману удалось приготовить изъ сока обыкновенной ели особый продуктъ, совершенно тождественный по вкусу и запаху съ тропическою ванилью. Если дальнѣйшія изслѣдованія подтвердятъ тождественность этихъ продуктовъ, важность открытія не будетъ подлежать сомнѣнію. Для приготовленія еловой ванили собираютъ сокъ изъ только-что срубленнаго дерева, кипятятъ его и, когда находящаяся въ соку бѣлковина свертывается, выливаютъ въ сосуды и затѣмъ подвергаютъ химическому процессу, составляющему пока секретъ изобрѣтателей. Получающійся продуктъ оказывается очень богатъ ванилиномъ. Какая перспектива предстоитъ нашимъ ельникамъ, если имъ удастся вступить въ конкурренцію съ тропическою ванилью?

— Полезное учрежденіе. Въ Лейпцигѣ составилось общество, имѣющее цѣлью противодѣйствовать фальсификація жизненныхъ продуктовъ, винъ, кофе и т. д.—фальсификаціи, принявшей, въ послѣднее время, широкіе размѣры. Въ члены этого общества принимаются лица всѣхъ сословій и состояній, заблаговременно заявившіе о своемъ желаніи посильно содѣйствовать цѣли, которую поставили себѣ учредители. Число членовъ увеличивается съ каждымъ днемъ не только въ Лейпцигѣ и его окрестностяхъ, но и во всѣхъ концахъ Германіи. Учредители намѣрены, въ виду общественной пользы, расширить рамки своей дѣятельности, которая будетъ распространяться не на одинъ городъ Лейпцигъ и его пригородье, какъ предполагалось сначала, но на всю Германію.

Смѣсь.

— Турецкая молитва. Насколько можно полагаться на обѣщаніе Порты, что она заставитъ свое правовѣрное воинство уважать правила женевской конвенціи, можно судить по содержанію слѣдующей сочиненной шейхъ-уль-исламомъ «молитвы», которая читается теперь ежедневно въ константинопольскихъ мечетахъ. Молитву эту приводитъ въ своей корреспонденціи изъ Константинополя г. Несторъ въ «Спб. Вѣдом.»:

«Хвала Богу, владыкѣ всей вселенной! Да будетъ Божье благословеніе съ нашимъ пророкомъ Мохамедомъ и его послѣдователями. Боже! ниспошли могущество твоему служителю султану, властителю правовѣрныхъ. Обезпечь намъ владычество на этомъ свѣтѣ. Да исчезнутъ всѣ невѣрные и враги нашей религіи; да исчезнетъ самая тѣнь всѣхъ русскихъ и грековъ, пребывающихъ во мракѣ, по примѣру свиней; а они еще осмѣлились поднять противъ правовѣрныхъ оскверненныя руки. Боже! разъедини ихъ, перебей ихъ оружіе, уменьши численность ихъ арміи и населенія! Пошли ихъ скорѣе въ адъ. Ниспошли имъ всевозможныя бѣды и несчастія Накажи ихъ такъ, какъ ты до сихъ поръ наказывалъ своихъ враговъ! Смѣшай ихъ языки! Боже! Да прольется кровь ихъ потоками и да будутъ они попраны правовѣрными мусульманами. Пусть дѣти ихъ останутся сиротами, жены вдовами. Лиши ихъ разсудка. Боже милостивый! да исчезнутъ всѣ невѣрующіе съ лица земли, всѣ русскіе, греки, славяне и всѣ европейцы (франки), исповѣдывающіе одну и ту-же вѣру и раздѣляющіе одни и тѣ-же мнѣнія. Истреби ихъ огнемъ, мечомъ, наводненіями, чумою, голодомъ, холерою, горячками, землетрясеніями. Да опустѣютъ ихъ города! Предоставь ихъ восьми злымъ духамъ. Боже! такъ какъ эти злые и дикіе безбожники желаютъ насъ истребить, то пусть-же сами они лишатся зрѣнія, всѣхъ чувствъ, женъ, дѣтей, всего имущества и, наконецъ, жизни. Боже! сдѣлай такъ, чтобы все ихъ имущество сдѣлалось добычею тѣхъ, которые вѣруютъ въ тебя и твоего пророка Мохамеда, на котораго ниспошли свое благословеніе.

— Падежъ скота на Кавказѣ. «Въ Тифл. Вѣст.» сообщаютъ: «Всѣ грузинскія газеты печатаютъ извѣстія о страшномъ падежѣ скота, охватившемъ почти всю Грузію. Не трудно себѣ представить, какой ударъ будетъ нанесенъ этимъ бѣдствіемъ экономическому быту сельскаго населенія. Энергическія мѣры со стороны уѣздной администраціи могли бы значительно уменьшить зло и даже положить ему конецъ, но, судя по всѣмъ извѣстіямъ, она вполнѣ бездѣйствуетъ и какъ-бы не считаетъ это дѣло подлежащимъ своему вѣдѣнію. Зараза все болѣе и болѣе распространяется и усиливается, благодаря тому, что невѣжественные крестьяне съ издохшихъ животныхъ снимаютъ шкуры, а трупы подвергаютъ гніенію на дорогахъ, на поляхъ, или же бросаютъ ихъ въ рѣки. Но главная причина быстраго разнесенія заразы по всему краю, кроется въ слѣдующемъ обстоятельствѣ: въ мѣстахъ, охваченныхъ болѣзнію, скотъ продается по крайне дешевой цѣнѣ. Узнавъ объ этомъ, крестьяне изъ мѣстностей, свободныхъ отъ чумы, пріѣзжаютъ въ эти мѣста, покупаютъ скотъ и угоняютъ къ себѣ. Въ числѣ купленныхъ животныхъ непремѣнно оказывается больной экземпляръ, который къ здоровой мѣстности прививаетъ заразу и лишаетъ близорукихъ и невѣжественныхъ крестьянъ во сто разъ болѣе, чѣмъ сколько они думали выгадать дешевою покупкою скота.»

— Алигаторъ въ Швеціи. Шведская «Венерсборгская Газета» напечатала недавно замѣтку о появленіи, на южномъ морскомъ прибрежьѣ Швеціи, настоящаго «alligator latus» изъ Миссисипи или какой-нибудь другой американской рѣки. Этотъ путешественникъ выползъ изъ такъ называемой у мѣстныхъ жителей «Карловой могилы» и отправился оттуда на прогулку по прилегающему полю, которое было засѣяно горохомъ. Невѣдомаго звѣря вскорѣ замѣтилъ подростокъ-мальчикъ, сопровождавшій купца, который осматривалъ постройку торговаго корабля. Смѣльчакъ догналъ чудовище и хотѣлъ ударить его по головѣ багромъ, но въ первый разъ промахнулся, и алигаторъ чуть не отгрызъ ему ноги. Только второй сильный и вѣрный ударъ въ голову положилъ на мѣстѣ американскаго гостя. Алигаторъ длиною въ три фута и шесть дюймовъ. Его остовъ находится теперь въ музеѣ мѣстнаго элементарнаго училища, гдѣ его съ любопытствомъ осматриваютъ окрестные жители.

— Тысячная юрта. Газетѣ «Нов. Вр.» пишутъ изъ Омска: «Лишь только была объявлена война, какъ дальновидные политики начали проповѣдывать о нашихъ волненіяхъ среди киргизъ. Конечно de facto этихъ волненій не существовало да и существовать не могло, тѣмъ болѣе, что по врожденной лѣни и апатіи ко всему, исключая собственнаго существованія, киргизы ничѣмъ не интересуются. Наконецъ, вѣсти о войнѣ достигли и до киргизъ и произвели на нихъ впечатлѣніе, какъ разъ противоположное тому, какое политики ожидали; лучшимъ доказательствомъ этого служитъ то, что киргизы Зайсанскаго приставства пріобрѣли по подпискѣ юрту и отсылаютъ ее великому князю Николаю Николаевичу старшему, какъ особенно удобную для походной жизни. Юрта эта находится въ Омскѣ и открыта для публики. Она сдѣлана изъ бѣлаго, дорогого войлока, по которому идетъ всевозможное шитье серебромъ, золотомъ и шелками. Внутри она украшена серебряными бляхами, а надъ дверцами сдѣланъ вензель великаго князя изъ чистаго золота съ серебряными вокругъ украшеніями. Ширина юрты (діаметръ) 12 арш.; окружность 48. Юрту оцѣниваютъ приблизительно въ 7 тысячъ руб., перевозка же ея въ дѣйствующую армію обойдется чуть ли не въ 5,000 руб. Но отправятъ ли юрту въ дѣйствующую армію, мы еще не знаемъ, такъ какъ одинъ изъ пріѣхавшихъ съ нею киргизъ заболѣлъ и черезъ два дня умеръ, какъ говорятъ, отъ сибирской язвы; такъ, по крайней мѣрѣ, гласитъ офиціальное увѣдомленіе. Но нѣкоторые доктора утверждаютъ, что то былъ нарывъ, а вовсе не сибирская язва. Чѣмъ кончится диспутъ, еще неизвѣстно, но юрта была бы очень полезна во время похода, особенно отъ холодовъ и дождей»:

— Положеніе врача въ Турціи. Одинъ англійскій медикъ, находящійся на службѣ въ оттоманской арміи пишетъ изъ Варны въ вѣнскую «Presse» отъ 25-го августа:

Врачу, любящему dolce far niente, или кейфъ, какъ выражаются по-турецки, отлично служить въ Турціи, и онъ будетъ вполнѣ доволенъ своей судьбой. Никто въ немъ не нуждается, никто его не зоветъ, и существованіе его обнаруживается только у офицера, платящаго жалованье, если только предположить, что жалованье ему когда-либо платится.

Военные врачи набираются изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ. Межъ ними можно встрѣтить, напримѣръ, членовъ мизантропическаго общества Филадельфіи, никогда не державшихъ въ рукахъ никакого остраго орудія, кромѣ ножа для рѣзанія жаркаго; можете встрѣтить мясниковъ, бывшихъ больничныхъ надзирателей и туземцевъ, окончившихъ образованіе въ школѣ Бруссы. Со всѣмъ тѣмъ вредъ, который могутъ принести эти импровизированные послѣдователи Гипократа, довольно незначителенъ, потому что, если турку не придется умереть на полѣ битвы, то онъ ни за что не станетъ принимать лекарство въ госпиталѣ: лекарство, приготовленное «гяуромъ», становится нечистымъ уже чрезъ одно прикосновеніе этой собаки и можетъ повредить вѣчному блаженству вѣрующаго. Самъ Аллахъ помогаетъ, кому хочетъ; если же онъ не поможетъ, то имъ лучше будетъ въ раю, нежели товарищамъ на мягкой постелѣ въ госпиталѣ. Таковы правила истиннаго мусульманина. Ничтожное число турецкихъ медиковъ, получившихъ научное образованіе, большею частію бываетъ изъ Австріи и Франціи. Единственные ихъ паціенты—ренегаты, которыхъ много между турецкими офицерами. Они охотно обращаются къ врачу, какъ лично для себя, такъ и для своихъ больныхъ женъ.

Невозможно перечислить многочисленныхъ жертвъ невѣжества и отсутствія гигіеническихъ правилъ; тысячи гибнутъ отъ поносовъ, тифа и лихорадокъ. На полѣ битвы, кромѣ убитыхъ, множество народу гибнетъ отъ совершеннаго отсутствія медицинской помощи. У турокъ нѣтъ носильщиковъ для переноски раненыхъ съ поля битвы, нѣтъ надзирателей, нѣтъ опредѣленнаго перевязочнаго пункта. Притомъ турецкіе раненые не даютъ дѣлать себѣ ампутацію; они боятся попасть въ рай калѣками. Съ другой стороны, у медиковъ нѣтъ надлежащихъ инструментовъ для произведенія хирургическихъ операцій, и даже бинты, корпія и т. п. есть ихъ личная собственность, которой едва достаетъ для ихъ покровителей между офицерами. По этому раненые солдаты большею частію умираютъ отъ нагноенія, быстро ихъ ослабляющаго. Кромѣ того, всякая рана, сколько-нибудь задѣвающая артерію, становится смертельной, вслѣдствіе сильнаго кровотеченія. Еще это счастливая категорія раненыхъ; самые несчастные тѣ, которые умираютъ медленной смертью отъ изнеможенія, будучи лишены всякой помощи.

Безошибочно можно сказать, что отъ 80 до 90 человѣкъ на 100 умираютъ отъ ранъ. При такихъ условіяхъ невозможно бы было объяснять себѣ храбрость и хладнокровіе турецкаго солдата, если бы мы незнакомы были съ восточнымъ фанатизмомъ и наслажденіями, обѣщанными въ раю Магомета.

Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій.

Втеченіе недѣли съ 22-го по 28-е сентября получены слѣдующія официальныя извѣстія:

А. Отъ его императорскаго высочества Главнокомандующаго дѣйствующей арміей:

Изъ-подъ-Плевны: 1) Отъ 20-го сентября.— Вчера и сегодня объѣхали съ княземъ Карломъ и Тотлебеномъ всѣ наши и румынскія передовыя позиціи и баттареи. Всѣ работы наши и румынскія сильно подвинулись впередъ. Турки на нашъ огонь не стрѣляли. На прочихъ мѣстахъ все тихо.

2) Отъ 21-го сентября — Рущукскій отрядъ, въ виду общаго отступленія арміи Мехмеда-Али-паши послѣ отраженія при Церковнѣ, выдвинулся впередъ.

У Силистріи замѣчены приготовленія къ переправѣ, противъ чего приняты надлежащія мѣры.

На Балканахъ вообще спокойно, на Шибкѣ бываютъ иногда небольшія перестрѣлки. 20-го сентября легко раненъ генералъ Мольскій.

19-го сентября изъ Плевны вышелъ на рѣку Видъ для фуражировки отрядъ изъ 5-ти батальоновъ, четырехъ эскадроновъ съ артиллеріею и отправился къ деревнѣ Долной-Метрополи. Но кавалерія отряда генерала Чернозубова, дѣйствуя мѣткимъ огнемъ артиллеріи и огнемъ спѣшенныхъ драгунъ, а также удачными кавалерійскими атаками драгунъ, казаковъ, кубанцовъ и румынъ, заставилъ непріятеля вернуться въ Плевну. Наша конная артиллерія дѣйствовала отлично: зажгли деревню, взорвали зарядные ящики и тѣмъ принудили турокъ поспѣшить отступленіемъ. У насъ раненъ екатеринославскаго драгунскаго полка капитанъ Менгіетъ и прапорщикъ Карцовъ; нижнихъ чиновъ убито и ранено около 40.

Вчера, 20-го сентября, вечеромъ, турки около полуночи усиленно стрѣляли по нашимъ и румынскимъ подступамъ. У насъ убито двое и раненъ одинъ человѣкъ; у румынъ одинъ человѣкъ убитъ. Затѣмъ наши баттареи всю ночь поддерживали огонь по намѣченнымъ цѣлямъ. Сегодня огонь продолжался. Въ одномъ изъ турецкихъ редутовъ взорванъ пороховой погребъ выстрѣломъ 4-й баттареи 31-й артиллерійской бригады. Турки почти не отвѣчали. Сегодня-же я посылалъ парламентера уговориться насчетъ порядка уборки раненыхъ и погребенія убитыхъ подъ Плевною на будущее время и достигъ соглашенія.

3) Отъ 22-го сентября.—На шоссе изъ Плевны въ Софію 12-го сентября было еще одно дѣло: полковникъ Левизъ-офъ-Менаръ съ владикавказцами отбилъ у деревни Радомирцы турецкій транспортъ съ солью, хиною и лѣкарствами, болѣе 1,000 головъ скота и 80 лошадей, а также разрушилъ мостъ у Радомирцы и возстановленную турками телеграфную линію.

20-го сентября сожженъ мостъ у деревни Червенбергъ.

Сегодня, 22-го, наши баттареи продолжали обстрѣливать Плевну и затѣмъ новаго ничего. Въ рущукскомъ отрядѣ только аванпостныя стычки. На Османъ-Базарской дорогѣ и въ Балканахъ тихо.

Изъ Горнаго Студеня 4) Отъ 25-го сентября.—Подъ Плевною наши саперныя работы продолжаются, несмотря на холодъ, дождь и вѣтеръ. Румыны значительно распространили свои траншеи. Перестрѣлки нѣтъ. Въ прочихъ мѣстахъ также тихо.

5) Отъ 26 сентября — 23-го сентября, отъ отряда нашего, стоящаго на Османъ-Базарской дорогѣ, былъ высланъ летучій отрядъ къ югу отъ Кезрова, къ дер. Козлюбегъ, для наказанія башибузуковъ за грабежи и убійства. Турки, захваченные въ расплохъ, понесли большія потери убитыми и плѣнными, и бѣжали; у насъ убиты 2 нижнихъ чина; ранены: 2 офицера и 10 нижнихъ чиновъ Якутскаго полка. Затѣмъ, все и вездѣ благополучно. Погода неблагопріятная.

Б. Отъ Начальника штаба Кавказскаго округа изъ Караяла: 1) отъ 22-го сентября:—20-го сентября войска наши атаковали укрѣпленныя высоты лѣваго фланга расположенія арміи Мухтара-паши, Большіе и Малые Ягны, и послѣ двухъчасового боя овладѣли горою Большіе-Ягны, причемъ частію уничтожены и частію взяты въ плѣнъ защищавшія ее войска. Гора-же Малые Ягны оказалась столь сильно укрѣпленною, что штурмъ оной признанъ равновременнымъ. Отбросивъ затѣмъ войска карсскаго гарнизона, вышедшія на помощь Мухтару-пашѣ въ составѣ 13-ти батальоновъ, наши войска ночевали на занятыхъ позиціяхъ. Потеря въ этотъ день состоитъ изъ 9 убитыхъ и 60 раненыхъ офицеровъ и до 1,000 убитыхъ и 2,000 раненыхъ нижнихъ чиновъ. Непріятель кромѣ 200 плѣнныхъ, понесъ, по свѣдѣніямъ, не менѣе значительныя потери.

21-го числа значительныя силы непріятеля атаковали наше лѣвое крыло, но вскорѣ блистательно были отражены и прогнаны до переднихъ линій своихъ лагерей; только наступленіе темноты прекратило преслѣдованіе. Потеря въ этотъ день состоитъ изъ 3 убитыхъ и 11 раненыхъ офицеровъ и до 40 убитыхъ и 250 раненыхъ нижнихъ чиновъ; потери непріятеля огромны.

Сегодня, 22-го сентября, правое крыло наше отодвигается съ занятыхъ 20-го числа высотъ, въ виду встрѣтившихся затрудненій въ снабженіи тамъ водою.

1) Отъ 26 сентября —Мятежникамъ Кайтагскаго округа въ Дагестанѣ нанесены, двинутымъ отъ Дешлагара, отрядомъ полковника Теръ-Асатурова два пораженія: 18-го числа, у селенія Кая-Кентъ и 21-го, у Джеми-Кентъ, гдѣ, послѣ упорной обороны, разбито скопище до 4,000. Потеря мятежниковъ въ обоихъ дѣлахъ простирается до 550 человѣкъ и 300, взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ. У насъ ранены 2 офицера и 12 нижнихъ чиновъ и милиціонеровъ и пропали безъ вѣсти поручикъ Кронебергъ и 3 нижнихъ чина. Преслѣдованіе въ лѣсахъ шаекъ Алибека продолжается; аулы Зондакъ, Беной, Таузенъ и другіе выселены на плоскость.

По послѣднимъ свѣдѣніямъ, потери войскъ Мухтара-паши, 20-го и 21-го сентября, простираются до шести тысячъ.

Особое приказаніе по войскамъ гвардіи и Петербургскаго военнаго округа въ С.-Петербургѣ.

Сентября 24-го дня 1877 года.

Въ виду затрудненій, встрѣчаемыхъ родственниками офицеровъ, находящихся въ Болгаріи, при пересылкѣ имъ теплой одежды, Ея Императорскому Величеству благоугодно было выразить желаніе, чтобъ лица эти воспользовались курьеромъ, который, по повелѣнію Государыни Императрицы, долженъ отправиться въ предстоящій четвергъ на театръ военныхъ дѣйствій, до Шипкинскаго прохода включительно, съ теплыми вещами, посылаемыми Ея Величествомъ.

О настоящей монаршей милости, по приказанію временнокомандующаго войсками, объявляя войскамъ округа, присовокупляю, что родственники офицеровъ частей, находящихся въ составѣ дѣйствующей арміи, могутъ посылки свои, съ точнымъ обозначеніемъ частей войскъ, къ которымъ офицеры принадлежатъ, доставить не позже среды, 28-го сего сентября, въ курьерскую часть главнаго штаба.

Телеграммы.

Одесса, 19-го сентября. Сегодня избранъ городскимъ головой Новосельскій большинствомъ 34 голосовъ противъ 27. На станціи Меренъ товарный поѣздъ наскочилъ на воинскій. Вагоны не повреждены, но въ 28-мъ и 30-мъ отъ хвоста захлопнувшимися дверями разбило головы двумъ солдатамъ, пять ранено упавшими ружьями, одинъ опасно. Причина столкновенія—небрежная ѣзда машиниста, который не замѣтилъ, что дискъ входа закрытъ. Между Бирзулой и Бендерами будутъ строить второй путь, стоимость его—1.600,000 руб.

Бендеры, 23-го сентября, воскресенье. Предписано немедленно приступить къ устройству второго пути между Бирзулой и Бендерами для облегченія воинскаго движенія. Сооруженіе будегъ произведено на средства казны, причемъ Русскому обществу пароходства предоставлено 10 проц. строительной цѣны, въ видѣ вознагражденія, за исполненіе этой экстренной работы. Управленіе дорогами считаетъ невозможнымъ возобновить товарное движеніе до конца ноября, кромѣ перевозки топлива въ Одессу, гдѣ крайняя нужда въ дровахъ.

Бѣлградъ, 23-го сентября. Изъ Франціи получено 50,000 ружей Шаспо. Милиція созвана къ 26-му сентября въ свои части и къ этому дню должна находиться въ своихъ мѣстахъ назначенія.

— 24-го сентября. Полагаютъ, что скупщина предоставитъ князю Милану диктаторскую власть на все время войны. Союзъ Сербіи съ Румыніей окончательно заключенъ.

Пештъ, 21-го сентября. Депутатъ Гельфи, членъ крайней лѣвой венгерскаго парламента, поставленъ подъ полицейскій надзоръ; онъ отправляется въ засѣданія палаты въ сопровожденіи 14 полицейскихъ.

Батальонъ за батальономъ отправляются въ Семиградію. Устроители движенія разсчитывали собрать 15,000 секлеровъ и двинуть ихъ въ Румынію; опасаются повторенія событій 1848 года. Въ Кезди-Вазаргели произошла кровавая стычка между гражданами и войскомъ. Сегодняшнія газеты сообщаютъ извѣстія о разгарѣ возстанія между секлерами (Секлеры—населеніе гористой мѣстности на румынской границѣ, составляющее отрасль венгерскаго племени; они ежегодно массами отправляются на заработки въ Румынію и возвращаются на зиму. Такимъ образомъ завербованные волонтеры надѣялись, не возбуждая подозрѣній, перейдти черезъ границу даже по главнымъ путямъ сообщенія и собраться по ту сторону границы для полученія оружія, которое хотѣли провезти туда заранѣе. Власти конфисковали нѣсколько транспортовъ, но, быть можетъ, часть оружія и достигла мѣста своего назначенія. Къ сожалѣнію, изъ Румыніи мы до сихъ поръ не получили ни одного извѣстія; мы находимъ молчаніе бухарестскаго телеграфа совсѣмъ неумѣстнымъ. Если въ Румыніи появились шайки мадьяръ и онѣ были расѣяны, то не лишне было бы знать это; если же удалось предупредить переходъ ихъ черезъ границу, то и это не мѣшаетъ оповѣстить).

— 22-го сентября. Вновь арестовано на желѣзнодорожной станціи нѣсколько транспортовъ оружія, которые были адресованы на имя барона Бѣла-Водіанера.

— 23-го сентября. По вѣнскимъ свѣдѣніямъ, затѣянная въ Семиградіи диверсія дѣло польской

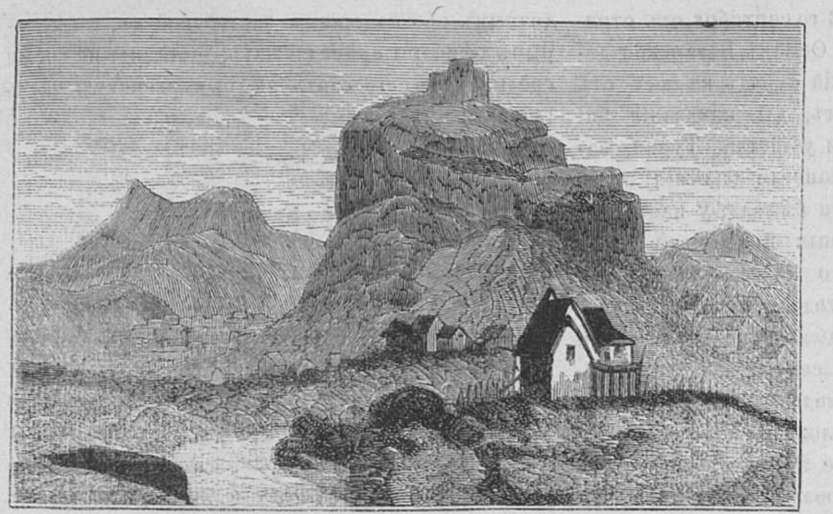


Рис. 5. **Бирсъ-Нимрудъ.**

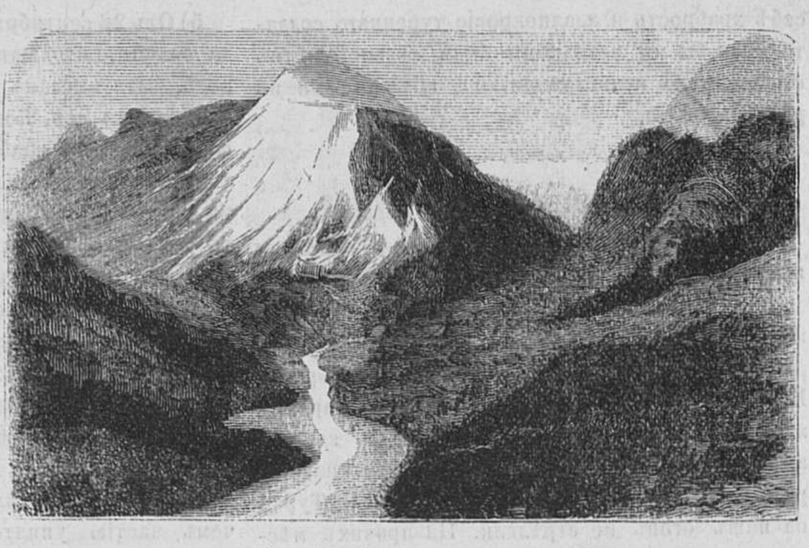


Рис. 7. **Оврагъ Эрегли.**

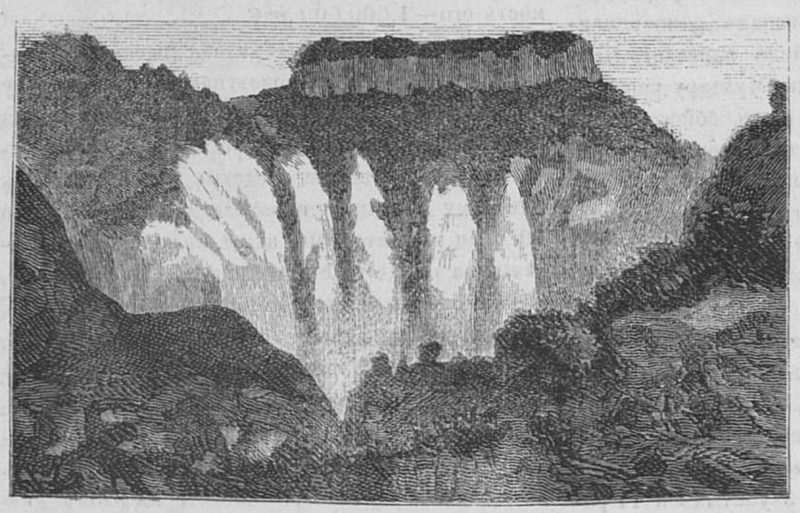


Рис. 6. **Гора Гозна.**

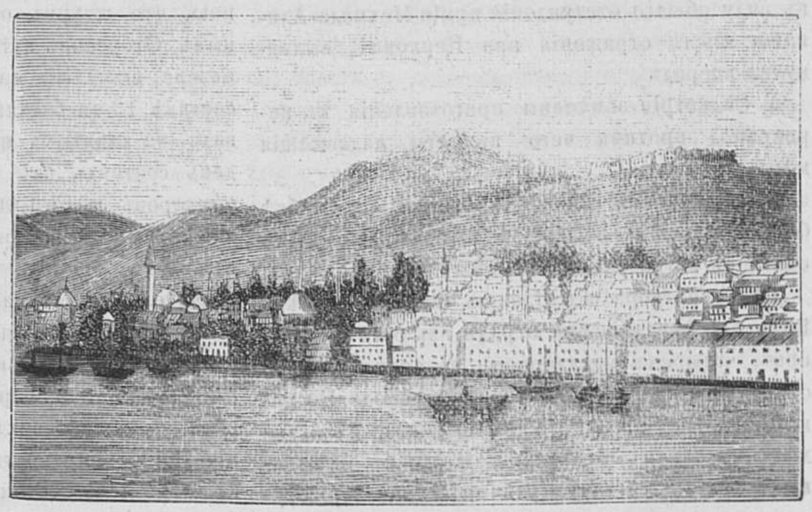


Рис. 8. **Смирна.**

(Къ статьѣ: *«Спорное побережье»* см. № 39.)

пропаганды. Деньги пожертвованы англійскими лордами и польскими магнатами сообща.

— 24-го сентября. Участники мадьярскаго заговора вмѣстѣ съ семиградскими магнатами распространили воззваніе къ румынамъ, въ которомъ убѣждаютъ ихъ вступить въ борьбу съ ихъ руссофильскимъ правительствомъ.

Парижъ, 20-го сентября. Республиканскій комитетъ 9-го парижскаго округа, подъ предсѣдательствомъ Гамбетты, обнародовалъ письмо, въ которомъ онъ выражаетъ довѣріе и сочувствіе г-ну Греви, формально поручая ему занять мѣсто Тьера во главѣ французской демократіи и принять на себя руководство большинствомъ 363-хъ республиканскихъ депутатовъ.

— 7-го октября. Населеніе въ тревожномъ состояніи вслѣдствіе полученныхъ здѣсь извѣстій о томъ, что итальянское правительство съ большой поспѣшностью приступило къ укрѣпленію своей границы съ Франціей, устройству фортовъ и вооруженію крѣпостей.

— Правительство возбудило новое преслѣдованіе противъ Гамбетты, манифестъ котораго появился сегодня. Въ манифестѣ этомъ онъ повторяетъ, что маршалу Макъ-Магону слѣдуетъ или подчиниться желаніямъ страны, или сложить съ себя должность.

— 26-го сентября. Циркуляръ Фурту запрещаетъ раскладывать въ кафе нумера газетъ и брошюры, въ которыхъ напечатаны избирательные манифесты депутатовъ.

Клерикальная партія на островѣ Корсикѣ поддерживаетъ кандидатуру Гаусмана противъ принца Наполеона.

Лондонъ, 23-го сентября. Увѣряютъ, что переговоры о турецкомъ займѣ въ 5 милліоновъ фунт. стерл вскорѣ будутъ благополучно окончены и Порта получитъ эту сумму.

* * *

Наши гравюры.

Пряха, рисунокъ **Андріолли.**

Жарокъ день, окно открыто
И у пряхи молодой
Разгараются ланиты
Въ нестерпимый этотъ зной.
Но не зной ей прясть мѣшаетъ:
Что-то слушаетъ она,
Чья-то пѣсня долетаетъ
Къ ней въ затишьи изъ окна.
Эта пѣсня молодая
Манитъ въ темные лѣса,
Гдѣ лежитъ еще, сверкая,
На зеленыхъ мхахъ роса,
Гдѣ привольно и прохладно,
Гдѣ, подъ птичій пискъ и гамъ,
Въ этотъ душный день отрадно
Отдаваться сладкимъ снамъ.
Да и тотъ, кто распѣваетъ,
Пробираясь черезъ рожь,
Эту пѣсню.... Пряха знаетъ,
Какъ онъ молодъ и пригожъ!...
Прясть нѣтъ силъ! Склонясь головкой,
Опустивъ веретено,
Съ любопытствомъ взоръ плутовка
Устремляетъ за окно:
Голосъ слышится все ближе,
Точно, подъ ухомъ звеня,
Говоритъ онъ: «Выходи же,
Ненаглядная моя!»...
И въ испугѣ котъ на стражѣ
Поднялъ уши, словно онъ
Задаетъ вопросъ: «Когда же
Допрядется этотъ ленъ?»

Черногорцы.

Съ оружіемъ въ рукахъ они засѣли на уступахъ родныхъ Черныхъ горъ и ждутъ, когда въ тѣсныхъ проходахъ, у подножья этихъ горныхъ уступовъ, покажутся враги. Мѣткія пули полетятъ свинцовымъ дождемъ въ этихъ враговъ, не станетъ пуль — полетятъ камни, но такъ или иначе—враги почувствуютъ, что они натолкнулись ни на кого-нибудь другого, а именно на черногорцевъ — самыхъ отважныхъ, самыхъ непокорныхъ изо всѣхъ славянскихъ племенъ, воюющихъ теперь съ Турціей. Въ этой войнѣ, начавшейся возстаніемъ босняковъ и герцеговинцевъ, продолжавшейся потомъ въ борьбѣ Сербіи и Черногоріи противъ турокъ и, наконецъ, дошедшей до открытаго разрыва Россіи съ Турціей,—только одни черногорцы могутъ гордиться своими побѣдами надъ врагомъ, котораго всѣ считали слабымъ и ничтожнымъ и къ которому, вслѣдствіе этого, относились, спустя рукава.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи. Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ. (Свиты Его Импер. Велич. генер.-лейтенантъ). — Капитанша Кваповская (продолж.). — Чортовъ волосъ (продолж.).—Фабрикація конвертовъ.—Нечеловѣческая месть (продол.). — Стихотвореніе «Нищій итальянецъ».—Замѣтка о воспитаніи дѣтей.—Обо всемъ. — Новости наукъ и жизни. — Смѣсь. — Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій. — Телеграммы. — Наши гравюры.

Гравюры: Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ.—Пряха рисунокъ Андріолли.—Нищій музыкантъ.—Черногорцы. — Къ статьѣ «Спорное побер.»: Бирсъ-Нимрудъ.—Гора Гозна.—Оврагъ Эрегли.—Смирна.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

При настоящемъ нумерѣ Живописнаго Обозрѣнія разсылается всѣмъ подписчикамъ приложеніе за октябрь „ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО“.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 30 Сентября 1877 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

№ 41. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода—4 р. 50 к. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 9 Октября 1877 года. Адрессъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Троицкій переулокъ, домъ № 27/1. Годъ V.

Гос. Публичная Б-ка Ленинград

Подписка на „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ 1877 г. продолжается.

Въ 1877 году журналъ выходитъ **еженедѣльными** нумерами (въ годъ 52 нумера), иллюстрированными множествомъ художественныхъ гравюръ. Всѣ подписчики получаютъ, въ **видѣ премій**, ежемѣсячное приложеніе подъ заглавіемъ «Жизнь и Хозяйство», со множествомъ рисунковъ. Годовымъ подписчикамъ разсылаются слѣдующія преміи: большая гравюра **„Продажа амулетовъ“**, снимокъ съ картины проф. **Генриха Семирадскаго**, на толстой веленевой бумагѣ, длиною одинъ аршинъ, шириною 12½ вершковъ, и **Карта театра военныхъ дѣйствій въ Европейской и Азіятской Турціи.**

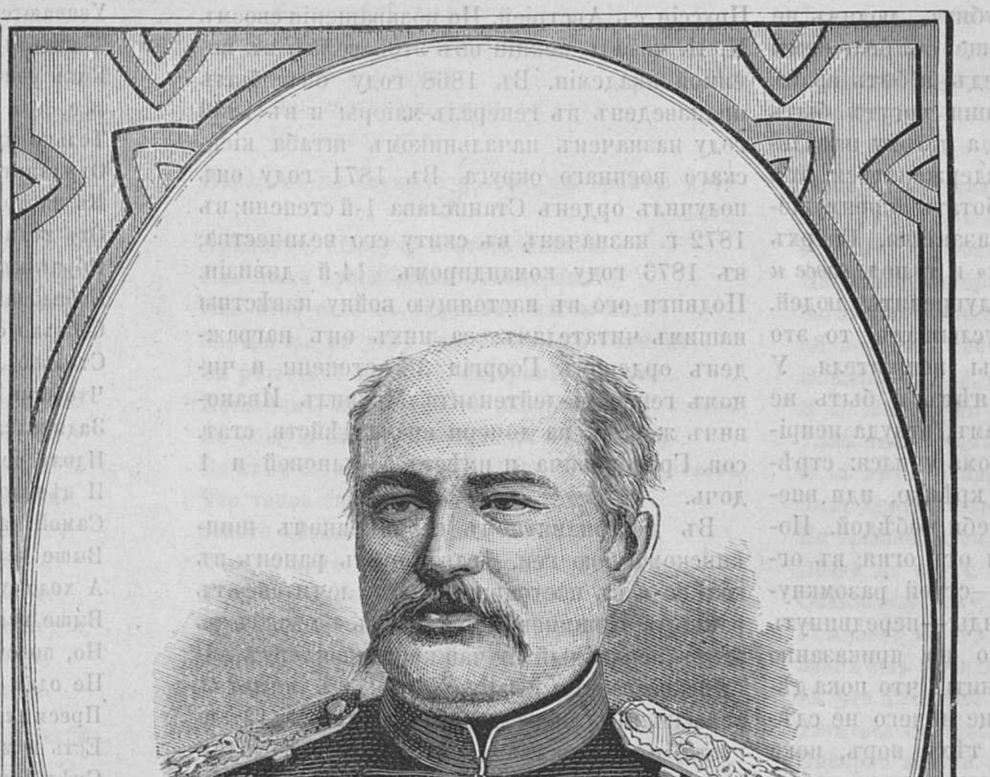
Годовая подписная цѣна журнала, съ достав. и перес. 7 руб., безъ перес. и доставки—6 руб.; на полгода: (съ 1-го іюля), съ пересылкою—4 р. 50 коп., безъ перес.—3 руб.

Подписка продолжается. Новые годовые подписчики получаютъ журналъ съ перваго нумера.

Въ началѣ ноября мѣсяца гг. подписчикамъ журнала будетъ разослана **ПРЕМІЯ** — иллюстрированная драма **„Марко Фоскарини“**, К. Залѣвскаго,—въ переводѣ **Омулевскаго.**

Михаилъ Ивановичъ Драгомировъ.

(Свиты Его Величества генералъ-лейтенантъ).



Михаилъ Ивановичъ Драгомировъ.

Извѣстность генерала Драгомирова началось гораздо ранѣе настоящей войны; о немъ говорили, какъ о талантливомъ профессорѣ нашей военной академіи; статьи его въ «Русскомъ Инвалидѣ» и «Военномъ Сборникѣ» читались всею арміею. Но эта извѣстность была, такъ сказать, спеціальная. Публика, масса, стала говорить о ген. Драгомировѣ вначалѣ этого года, передъ объявленіемъ войны. Какъ только была сформирована дѣйствующая армія, въ обществѣ заговорили о ген. Драгомировѣ, какъ объ одномъ изъ лучшихъ генераловъ, на котораго возлагаются большія надежды; разнеслись слухи о томъ, что его дивизія отличается замѣчательной подготовкой къ бою и, какъ всегда бываетъ у насъ, къ истинѣ прилели такія сказанія, въ которыхъ очень мало вѣроятнаго, такъ напримѣръ, сказаніе о томъ, какимъ образомъ генер. Драгомировъ пріучалъ солдатъ къ выстрѣламъ. Свою подготовленность къ бою 14-я дивизія ген. Драгомирова доказала въ день переправы чрезъ Дунай. Волынскому полку этой дивизіи досталась честь первому перейти эту рѣку, а за нимъ и другому полку той же дивизіи, Минскому; оба эти полка отличились замѣчательной подготовленностью къ бою и мужествомъ. Также храбро дрались они въ бою на Шипкѣ, равно, какъ и остальные полки этой дивизіи: Житомірскій и Подольскій. Замѣчательны приказы, данные генер. Драгомировымъ по дивизіи, наканунѣ и въ день переправы черезъ Дунай: 1) 13 іюля слѣдующаго содержанія: «По тревогѣ не суетиться, а выходить въ строй совсѣмъ собравшись и все досмотрѣвши, въ полномъ порядкѣ. Въ особенности это относится до кавалеріи и артиллеріи, въ которыхъ, въ случаѣ тревоги, сѣдловка и запряжка должны дѣлаться, если можно, даже методичнѣе, чѣмъ при выѣздѣ на ученье: оно и тѣмъ хорошо, что успокиваетъ людей. Начальникамъ отрядовъ необходимо имѣть свѣренные съ подчиненными имъ начальниками часы, что исполнять при сборѣ офицеровъ, съѣзжающихся за приказаніями». 2) Отъ 14 іюня: «Начальникамъ всѣхъ степеней не забывать назначать, кто ихъ долженъ замѣнить въ случаѣ убыли. Предварить всѣхъ, что въ случаѣ дѣла, поддержка будетъ, но смѣны никогда. Кто попадетъ въ боевую линію, останется въ ней, пока сдѣлано дѣло не будетъ; потому патроны беречь; хорошему солдату 30 патроновъ достанетъ на самое горячее дѣло. Какъ бы тяжело ни приходилось, не унывать, а помнить, что только «претерпѣвый до конца спасается». Святой долгъ офицеровъ — самимъ это постоянно помнить и людей подбадривать, чтобы этого не забывали. При вечерней и утренней молитвѣ послѣ «Отче нашъ» пѣть: «Господи силъ съ нами буди, иного бо развѣ Тебе помощника въ скорбѣхъ не имамы; Господи силъ, помилуй насъ»! Выносъ раненыхъ возложенъ на санитаровъ. Слѣдовательно, никто для этого и ни для чего другого рядовъ оставлять не долженъ. Офицеры и унтеръ-офицеры слѣдятъ, чтобы этого не было. Держись кучи, выручай другъ дружку—будетъ хорошо. Забирать патроны съ убитыхъ и раненыхъ. Штабъ-офицерамъ въ огнѣ рекомендую спѣшиваться. Врачамъ обращать бдительное и постоянное вниманіе на то, чтобы люди, сколько нибудь способные работать, въ число больныхъ не попадали. *Никогда* не забывать объявлять передъ дѣломъ, что собираемся дѣлать. Послѣдній солдатъ долженъ знать, куда и зачѣмъ онъ идетъ. Тогда, если начальникъ будетъ убитъ, смыслъ дѣла не потеряется. Если начальникъ будетъ убитъ, людямъ не только не теряться, но еще съ большимъ ожесточеніемъ лѣзть впередъ и бить врага. Помнить, что сигналы наши могутъ быть подаваемы и непріятелемъ, а потому начальникамъ рекомендуется воздерживаться отъ ихъ употребленія, а работать преимущественно словесными приказаніями. Сверхъ того, «отбоя», «отступленія» и т. под. *вовсе и никогда не подавать*, и предупредить людей, что если такой сигналъ услышатъ, то это только обманъ со стороны непріятеля. У насъ ни фланга, ни тыла нѣтъ и быть не должно; всегда фронтъ тамъ, откуда непріятель. Дѣлай такъ, какъ дома учился: стрѣляй мѣтко, штыкомъ коли крѣпко, иди впередъ, и Богъ наградитъ тебя побѣдой. Помнить мѣры предохраненія отъ огня; въ огнестрѣльный періодъ боя—строй разомкнутый: близко ложатся снаряды—передвинуть впередъ; ложиться только по приказанію старшаго начальника. Помнить, что пока дѣло совсѣмъ не кончено, еще ничего не сдѣлано, т. е. нужно бить до тѣхъ поръ, пока ничего свѣжаго и устроеннаго передъ тобою не останется. Иначе, получивъ подкрѣпленія, могутъ снова поворотить на насъ».

Говорить о значеніи приказовъ въ военное время совершенно лишнее, а въ особенности приказовъ, написанныхъ такъ просто и понятно для солдата, какъ приказы ген. Драгомирова. Въ приведенномъ приказѣ отъ 14 іюня замѣчательны слова: «послѣдній солдатъ долженъ знать, куда и зачѣмъ онъ идетъ». Этими словами вполнѣ характеризуется воспитательная система ген. Драгомирова. Онъ желаетъ, чтобы каждый солдатъ былъ развитъ въ военномъ отношеніи настолько, чтобы могъ отдавать себѣ отчетъ въ томъ, что онъ дѣлаетъ. И солдаты Драгомирова при переправѣ черезъ Дунай и въ бояхъ на Шипкинскомъ проходѣ доказали, что система ихъ генерала хороша, что они умѣютъ найтись въ затруднительныхъ обстоятельствахъ.

Михаилъ Ивановичъ Драгомировъ, происходящій изъ дворянъ Черниговской губ., родился 8 ноября 1830 года. Воспитывался въ дворянскомъ полку, изъ котораго выпущенъ прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ въ 1849 году; имя его записано на мраморную доску въ этомъ военно-учебномъ заведеніи. Въ 1856 году онъ поступилъ въ военную академію, гдѣ въ то время въ числѣ профессоровъ были генералы Милютинъ и Карцевъ. Въ 1858 году онъ окончилъ курсъ въ академіи съ золотой медалью и назначенъ въ гвардейскій генеральный штабъ. Совѣтъ академіи командировалъ его за-границу; здѣсь Михаилъ Ивановичъ дополнилъ свои какъ теоретическія, такъ и практическія знанія, слушая лекціи извѣстныхъ профессоровъ и находясь въ 1859 году въ штабѣ сардинской арміи во время войны Сардиніи съ Австріею. По возвращеніи изъ-за границы въ 1860 году, Драгомировъ былъ назначенъ адъюнктъ-профессоромъ военной академіи на каѳедру тактики. Въ 1863 году онъ былъ утвержденъ профессоромъ. Онъ же читалъ тактику и военную исторію покойному Наслѣднику Цесаревичу, а впослѣдствіи и нынѣшнему Наслѣднику Цесаревичу и великому князю Алексѣю Александровичу. Въ 1864 году М. И. Драгомировъ былъ произведенъ въ полковники и назначенъ начальникомъ штаба 2 гвардейской кавалерійской дивизіи. Въ 1866 году, къ качествѣ русскаго военнаго агента, онъ состоялъ при штабѣ прусскаго короля во время войны Пруссіи съ Австріей. По возвращеніи своемъ М. И. читалъ лекціи объ этой войнѣ въ военной академіи. Въ 1868 году онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и въ 1869 году назначенъ начальникомъ штаба кіевскаго военнаго округа. Въ 1871 году онъ получилъ орденъ Станислава 1-й степени; въ 1872 г. назначенъ въ свиту его величества; въ 1873 году командиромъ 14-й дивизіи. Подвиги его въ настоящую войну извѣстны нашимъ читателямъ; за нихъ онъ награжденъ орденомъ Гоогрія 3-й степени и чиномъ генералъ-лейтенанта. Михаилъ Ивановичъ женатъ на дочери врача дѣйств. стат. сов. Григоровича и имѣетъ 5 сыновей и 1 дочь.

Въ достопамятномъ семидневномъ шипкинскомъ бою ген. Драгомировъ раненъ въ колѣно и въ настоящее время лечится отъ раны въ Кишиневѣ. Вотъ какъ описываетъ этотъ печальный случай корреспондентъ англійской газеты «Daily News»: «Я оставилъ возвышеніе вскорѣ послѣ 11 часовъ (12 августа) и проложилъ себѣ дорогу къ холму съ котораго генералы и главный штабъ слѣдили за ходомъ боя. Пули свистѣли, какъ рой разъяренныхъ осъ. Одна изъ нихъ ударила въ колѣно ген. Драгомирова, спокойно стоявшаго подъ непріятельскимъ огнемъ и обозрѣвавшаго долину. И такъ, одинъ изъ лучшихъ генераловъ русской арміи выбываетъ изъ строя. Драгомировъ такъ же храбръ, какъ и ловокъ. Раненый въ колѣно онъ даже не снялъ очковъ, а спокойно сѣлъ, засучивъ штанину и перевязалъ свою рану платкомъ. Хирурги захлопотали вокругъ него, но онъ, какъ истый солдатъ, говоритъ имъ, что дождется для перевязки своей очереди. Его уводятъ для перевязки нѣсколько дальше, а потомъ уносятъ на носилкахъ. Послѣднія его слова—пожеланія торжества нашимъ храбрымъ войскамъ».

Талисманъ бѣднаго Гассана.

Восточная сказка.

На востокѣ жилъ когда-то
Ибрагимъ—купецъ богатый,
Посылавшій караваны
Въ отдаленнѣйшія страны.
Кони кровные, верблюды,
Драгоцѣнныхъ тканей груды,
Европейскіе червонцы,
Неподдѣльные, какъ солнце, —
Было все у Ибрагима,
И, судьбой своей хранимый,
Могъ бы жить онъ безъ печали,
Дни просиживать въ сералѣ,
Сладко грезить надъ кальяномъ,
Не завидуя султанамъ.
Но богатыхъ гордость губитъ:
Если насъ судьба голубитъ, —
Мы, рожденные изъ праха,
Забываемъ про Аллаха,
Про великаго пророка,
Въ книгѣ мудрости высокой
Завѣщавшаго когда-то
Въ каждомъ ближнемъ видитъ брата.
Ибрагимъ, подобно многимъ,
Не умѣлъ къ себѣ быть строгимъ:
Онъ забылъ среди богатства
Про святое чувство братства
И взамѣнъ его, къ несчастью,
Предавался самовластью,
Наслаждаясь низкой лестью
Тѣхъ, которые не честью,
А кускомъ насущнымъ хлѣба
Дорожатъ по волѣ неба.
Эти люди—чернь по духу,—
Точно лѣтомъ пыль въ засуху,
Увиваются за нами,
А подъ пыльными слоями,
Какъ извѣстно, исчезаетъ
Все, что блещетъ и сверкаетъ.
Только мудрость человѣка
Охраняетъ въ вѣкъ изъ вѣка
Въ чистотѣ первоначальной
Отъ толпы льстецовъ нахальной.
Ибрагимъ былъ слабъ по духу:
Избалованному слуху
Столько сладкихъ пѣсенъ пѣли,
Столько лгали съ колыбели,
Что при первомъ возраженьи
Задыхался отъ волненья
Идолъ черни безотвѣтной
И цѣнилось имъ привѣтно
Самой наглой лести слово
Выше истины суровой,
А холопское искуство
Выше искренняго чувства.
Но, по счастію, на свѣтѣ
Не одни холопы эти
Пресмыкаются предъ нами:
Есть и между бѣдняками
Смѣльчаки съ душою гордой,
Неподатливо и твердо
Выносящіе невзгоды
Ради нравственной свободы.
И одинъ бѣднякъ подобный,
Несшій честно и беззлобно
Бремя бѣдности глубокой,
Избранъ былъ по волѣ рока
Дать урокъ неизгладимый
Своеволью Ибрагима.

На коврахъ узорныхъ, на высокой крышѣ,
Подъ навѣсомъ легкимъ вьющихся растеній,
Точно въ драгоцѣнной изумрудной нишѣ,
Ибрагимъ забылся посрели видѣній.
Стройно развивались предъ его глазами
Чудныя картины въ облакахъ кальяна:
Вотъ въ пустынѣ знойной бѣлыми песками

Медленно змѣится лента каравана.
Золото, товары, люди и верблюды,
Все—его богатства: онъ имѣетъ право
Превратить все это въ пепельныя груды,
Выбросить все это сволочи лукавой.
Вотъ въ торговомъ портѣ корабли тѣснятся,
Тысячи народу, обливаясь пòтомъ,
Выгрузить товары поскорѣй стремятся
И конца нѣтъ крикамъ, брани и разсчетамъ,
А ему довольно вымолвить хоть слово, —
Стихнетъ гамъ, всходящій отъ земли до неба,
Корабли помчатся въ край далекій снова,
У людей не станетъ ни труда, ни хлѣба.
Вотъ онъ видитъ городъ: жалкія лачуги
Льнутъ къ его роскошнымъ, каменнымъ палатамъ,
Точно масса нищихъ, въ страхѣ и испугѣ
Павшая на землю ницъ передъ богатымъ.
Если онъ внезапно городъ этотъ броситъ —
Сколько здѣсь народу безъ работы будетъ,
Сколько жертвъ здѣсь голодъ безпощадный скоситъ,
Сколько кражъ и казней здѣсь тогда прибудетъ!
«Жизнью онъ обязанъ моему капризу!
Сплю я—въ немъ стихаетъ говоръ и движенье!»
Размышлялъ въ дремотѣ Ибрагимъ, а снизу
Полилось въ затишьѣ звонко чье-то пѣнье.
Этотъ голосъ свѣжій, сильный и здоровый
Говорилъ о жизни въ молодые годы,
Бодро выносящей гнетъ нужды суровой,
Заглушая пѣсней горе и невзгоды.
Ибрагимъ дремотно въ даль уставилъ взгляды,
Полусонно пѣсню до конца дослушалъ
И потомъ сквозь зубы проворчалъ съ досадой:
«Кто-жь, однако, это мой покой нарушилъ?»

Онъ раба торопливо зоветъ
И ему отдаетъ повелѣнье:
«Слышишь: кто-то тамъ глотку деретъ?
Прикажи прекратить это пѣнье!»
Рабъ уходитъ. Минуты летятъ,
А въ затишьѣ, на мигъ не смолкая,
Звуки пѣсни звенятъ и звенятъ,
Ибрагиму забыться мѣшая.
Приливаетъ къ вискамъ его кровь,
Все онъ видитъ, какъ будто, во мракѣ
И раба призываетъ онъ вновь:
«Что тебѣ приказалъ я, собакѣ?»
Рабъ, дрожа, говоритъ: «Я сказалъ,
Что велѣлъ передать ты Гассану,
Но со смѣхомъ отвѣтилъ нахалъ:
«Подожди, замолчу, какъ устану.»
Какъ? Гассанъ, этотъ бѣдный сосѣдъ,
Добывающій хлѣбъ свой трудами,
Такъ отвѣтилъ? За этотъ отвѣтъ
Будетъ каяться онъ со слезами!
Побагровѣлъ совсѣмъ Ибрагимъ,
Сжить со свѣта Гассана клянется,
А Гассанова пѣсня надъ нимъ,
Точно птица свободная, вьется.

И съ крыши уходитъ въ сераль Ибрагимъ,
Досадой и злобой безсильной томимъ,
И жены, замѣтивъ нахмуренный взглядъ,
Владыку утѣшить скорѣе спѣшатъ:
Поютъ онѣ робко тѣ пѣсни свои,
Гдѣ много такъ нѣги, и ласкъ, и любви;
Но, лобъ свой наморщивъ, какъ будто сквозь сонъ,
Внимаетъ онъ пѣснямъ, душой погруженъ
Въ тяжелыя думы о томъ, что сосѣдъ
Прислалъ ему грубый и дерзкій отвѣтъ,
И робкія пѣсни не могутъ вдохнуть
Покоя и мира въ тревожную грудь,
Въ ушахъ же напѣвы иные звенятъ
Могучи и звучны, какъ горный каскадъ,
Безпечны и бойки, какъ смѣхъ молодой,
Свободны и смѣлы, какъ вѣтеръ степной, —
И шепчетъ съ презрѣньемъ про женъ Ибрагимъ:
«Не спѣть, какъ Гассану, рабынямъ моимъ!»
Встаетъ онъ угрюмо, раба онъ зоветъ
И строгій приказъ онъ ему отдаетъ:
«Сейчасъ-же Гассана ко мнѣ приведи!
Хранить не умѣю я злобы въ груди,
Не мщу за обиды: пускай онъ придетъ,
Пускай предо мною онъ пѣсню споетъ».

Рабъ покорный торопливо
За пѣвцомъ идетъ;
Ибрагимъ нетерпѣливо
Ихъ обоихъ ждетъ,
Ждетъ и ходитъ онъ въ волненьи,
Ходитъ цѣлый часъ,
На раба за промедленье
Внутренно сердясь.
Наконецъ, шаги онъ слышитъ:
Рабъ идетъ одинъ
И отъ злости еле дышетъ
Гнѣвный властелинъ.
Рабъ вошелъ, блѣднѣе тѣни, —
Крикнулъ Ибрагимъ:
«Что-жь Гассанъ?»—и на колѣни
Рабъ упалъ предъ нимъ.
««Не гнѣвися!... Я Гассана
Дома не нашелъ...
Онъ, свой трудъ окончивъ рано,
Со двора ушелъ...
Я подумалъ—и не даромъ
Разсудилъ я такъ, —
Что въ кофейнѣ за базаромъ
Сборный пунктъ гулякъ,
Что Гассанъ пируетъ съ ними
Нынче, какъ всегда,
И съ велѣньями твоими
Я пошелъ туда...
Точно, встрѣтилъ я Гассана,
Передалъ приказъ,
Но отвѣтилъ онъ, какъ пьяный,
Надъ тобой глумясь:
«Пусть онъ прежде вѣтру въ полѣ
Запретитъ шумѣть,
Иль заставитъ птицъ на волѣ
По заказу пѣть»...

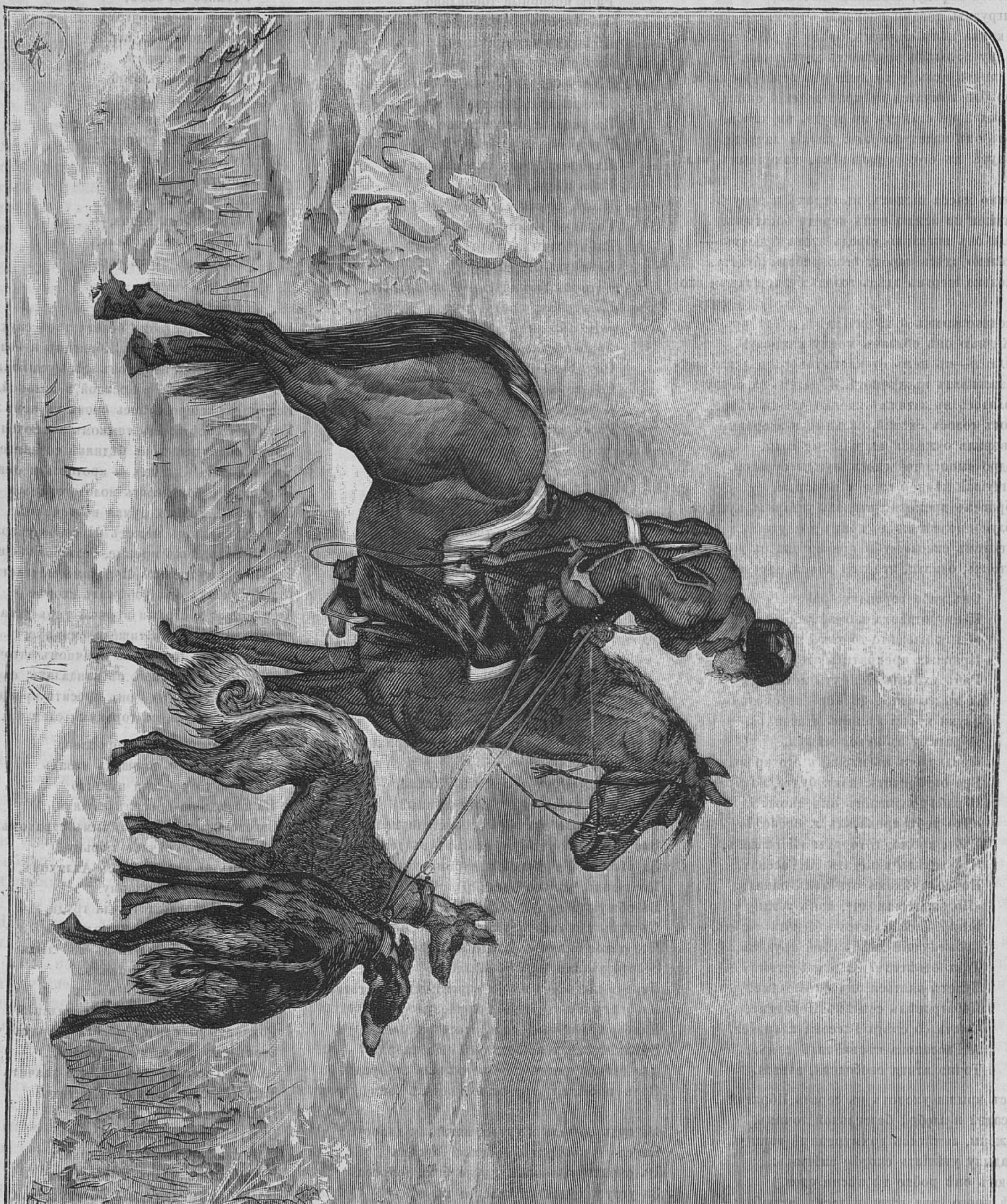
Ибрагимъ не слушалъ дальше, съ бранью крупной
Крикнувъ: «Проучу я этого нахала!
Или наши судьи стали неподкупны?
Или этой голи въ тюрьмахъ мѣста мало?
Завтра же по утру будетъ онъ въ темницѣ,
За рѣшеткой крѣпкой, за тремя замками..
Поглядимъ, какъ станетъ распѣвать онъ птицей,
Въ общую конуру брошенный съ ворами.
Съ кѣмъ тягаться вздумалъ! Вѣрно, онъ не знаетъ,
Что такое значитъ золото на свѣтѣ?
Золото дѣлами міра управляетъ,
Передъ нимъ безсильны взрослые, какъ дѣти,
Я богатъ и люди моему приказу,
Какъ рабы нѣмые, покоряться рады»...
Ибрагимъ не хвасталъ: онъ еще ни разу
Для своихъ желаній не встрѣчалъ преграды.
Ночь проспавъ тревожно, всталъ онъ утромъ рано,
Въ судъ пошелъ и судьи, ложному доносу
На слово повѣривъ, бросили Гассана
Въ смрадную темницу даже безъ допроса.
За услугу судей пригласивъ къ обѣду,
Ибрагимъ вернулся въ свѣтломъ настроеньи
Въ домъ свой, торжествуя легкую побѣду
Надъ несчастной жертвой яростнаго мщенья.
Угостилъ онъ судей съ роскошью султана,
Такъ что сталъ имъ послѣ сытнаго обѣда
Долгій отдыхъ нуженъ и въ дыму кальяна
Гости и хозяинъ, прекративъ бесѣды,
Наслаждаясь кейфомъ, полнымъ сладкой лѣни,
Полусномъ забылись на высокой крышѣ,
Подъ навѣсомъ легкимъ вьющихся растеній,
Точно въ драгоцѣнной изумрудной нишѣ...

Имъ глаза смежаетъ
Сладостная лѣнь,
А съ небесъ сверкаетъ
Жгучій лѣтній день.
Тучь на небѣ чистомъ
Не видать слѣдовъ,
Воздухомъ душистымъ
Вѣетъ отъ садовъ.
Утомясь на зноѣ,
Городъ весь кругомъ
Въ сладостномъ покоѣ
Позабылся сномъ,
И тоскливо въ этой
Мертвой тишинѣ
Плескъ фонтана гдѣ-то
Слышенъ въ сторонѣ.
Чувствомъ вялой скуки
Тяготя сердца,
Плачутъ эти звуки
Мѣрно, безъ конца, —
Плачуть, не смолкая...
Еслибъ въ этотъ часъ
Пѣсня удалая
Бойко пронеслась!...

И, томимый чувствомъ безотчетной скуки,
Вспомнилъ про Гассана Ибрагимъ невольно,
Вспомнилъ, какъ вчера онъ здѣсь услышалъ звуки
Пѣсни молодецкой, радостной и вольной,—
Вспомнилъ и проснулось снова въ немъ желанье
Услыхать сосѣда; «въ тяжкомъ заключеньи,
Вѣрно, пробудилось въ бѣднякѣ сознанье,
Что вся сила бѣдныхъ — кротость и смиренье;
Вѣрно, за строптивость молодого нрава
Кается онъ горько, думая въ темницѣ,
Чѣмъ купить онъ можетъ на свободу право,
Чтобы жить, какъ прежде, беззаботной птицей».
Такъ въ полудремотѣ Ибрагимъ мечтаетъ
И рабу велитъ онъ добѣжать скорѣе
До тюрьмы: у стражи вѣрный рабъ узнаетъ,
Сдѣлался-ль узникъ тише и смирнѣе,
Кается-ль онъ горько въ мрачномъ заточеньи,
За рѣшеткой крѣпкой, въ кандалахъ, съ ворами.
Согласится ль кротко онъ просить прощенье
За свое упорство, съ горькими слезами...

Приказъ исполнивъ торопливо,
Покорный рабъ пришелъ назадъ
И, какъ то робко и пугливо
На господина бросивъ взглядъ,
Заговорилъ онъ съ тайнымъ страхомъ:
«Я посѣтилъ сейчасъ тюрьму...
Попасть въ нее, клянусь Аллахомъ,
Я не желалъ бы никому.
Тамъ тяжело дышать для груди,
И въ вѣчной, мрачной полумглѣ,
Какъ черви, ползаютъ въ ней люди
По грязной и сырой землѣ...
Почти не видны дѣти праха
Сквозь эту тьму... но тѣмъ сильнѣй
Рождаетъ въ сердцѣ чувство страха
Звонъ ихъ невидимыхъ цѣпей»...
«А что Гассанъ? Узналъ, что значитъ
Тягаться съ сильными? Притихъ?
Покорно кается и плачетъ
О глупыхъ выходкахъ своихъ
И только молитъ о прощеньи?»
Въ волненьи молвилъ Ибрагимъ,
Но рабъ, умолкнувшій въ смущеньи,
Стоялъ, потупившись, предъ нимъ.
«Ну что жъ? Разсказывай скорѣе!
Что говорилъ онъ, дай отчетъ!»
Богачъ воскликнулъ и, робѣя,
Рабъ прошепталъ: «Гассанъ поетъ!»

Въ сердцѣ Ибрагима, точно въ морѣ волны
Подъ порывомъ вѣтра, заходила кровь.
Скрежеща зубами, въ ярости безмолвной,
Былъ готовъ заплакать онъ отъ этихъ словъ.
Какъ? у негодяя въ кандалахъ, въ темницѣ,
Какъ на волѣ, пѣсни только на умѣ?
Или рабъ придумалъ эти небылицы?
Можетъ быть, и вовсе не былъ онъ въ тюрьмѣ?



Охота.

«Самъ туда пойду я!» весь дрожа отъ злости,
Ибрагимъ воскликнулъ и подъ этотъ крикъ
Въ страхѣ и смятеньи повскакали гости,
Отъ дремоты сладкой пробудившись въ мигъ.
Разъяснивъ причину своего волненья,
Пригласилъ съ собою всѣхъ ихъ Ибрагимъ
Совершить прогулку къ мѣсту заключенья,
Чтобы убѣдиться въ истинѣ самимъ.
Быстро онъ съ гостями зашагалъ къ темницѣ,
Подошелъ къ ней, хмуро всталъ передъ стѣной,
Затаилъ дыханье,—слышитъ вольной птицей
Распѣваетъ пѣсню узникъ молодой.
Ибрагимъ, какъ будто громомъ пораженный,
Замеръ въ изумленьи и въ его умѣ,
Точно знакъ печатью огненной прожженный,
Начерталась пѣсня, спѣтая въ тюрьмѣ.

Пѣсня Гассана.

Я владѣю талисманомъ,
Оттого-то никогда
На лицѣ моемъ румяномъ
Нѣтъ унынія слѣда.

И въ неволѣ, и въ темницѣ
Сохраняя этотъ кладъ,
Я вольнѣе вольной птицы,
Небоящейся преградъ.

Я богачъ надъ богачами,
Только я, какъ богачи,

Не дрожу передъ ворами
За сокровища свои.

Ихъ похитить невозможно
И лишитъ меня ихъ тотъ,
Кто злодѣйски и безбожно
Самого меня убьетъ.

Не жалѣйте же Гассана:
Въ ветхомъ рубищѣ своемъ
Онъ, владѣлецъ талисмана,
Не горюетъ ни о чемъ.

Умолкла пѣснь. Въ свои палаты
Одинъ поплелся Ибрагимъ
И чувство зависти проклятой
Впервые овладѣло имъ.
«Что значутъ всѣ его имѣнья,
Верблюды, кони, карабли?
Весь этотъ прахъ въ одно мгновенье
Возможно сдуть съ лица земли.
Давно-ль корабль его крылатый,
Богатый грузъ, толпа рабовъ
Свирѣпымъ моремъ были взяты
Близъ африканскихъ береговъ?
Давно-ль въ Аравіи пустынной
На караванъ его большой
Напали смѣло бедуины
Неотразимою грозой?
Давно-ли складъ его съ товаромъ,
Съ маисомъ, съ кофе, съ табакомъ,
Былъ истребленъ до тла пожаромъ,
Какъ торжествующимъ врагомъ?
Положимъ, онъ встрѣчалъ со смѣхомъ.
Петери эти,—но вѣдь онъ,
Встрѣчаясь вѣчно съ неуспѣхомъ,
Быть можетъ, будетъ разоренъ...
Что еслибъ!!!. Сердце Ибрагима
Пугливо сжалось, мрачный взглядъ
Кругомъ онъ бросилъ: нелюдимо
Тянулся здавій бѣлыхъ рядъ,
Закрыты были всѣ ворота,
Но листья,—листья, свѣсясь внизъ,
Шептали съ страхомъ и заботой:
«Что замышляешь ты? очнись!»

Ибрагимъ безсонно ночи всѣ проводитъ.
Въ комнатахъ роскошныхъ по коврамъ цвѣтнымъ
Онъ, какъ призракъ страшный, безустанно ходитъ,
Страхомъ и заботой въ тишинѣ томимъ.
Ждетъ вѣстей онъ мрачныхъ изъ степей и съ моря,
Отворивъ окошко, на небо глядитъ,
Словно ожидая, что на небѣ вскорѣ
Зарево пожара грозно заблеститъ.
Слушаетъ онъ чутко, не идутъ-ли воры
Въ спальню, гдѣ хранится золото его,
Щупаетъ оружье, щупаетъ затворы,
А кругомъ не слышно ровно ничего.
Точно въ царствѣ смерти, гдѣ никто не дышетъ,
Все кругомъ безмолвно, но въ душѣ своей
Онъ какъ будто чей то голосъ тайный слышитъ,
Голосъ, говорящій явственно: «убей!»
Да, убить скорѣе долженъ онъ Гассана.
Онъ тогда спокойно ночью будетъ спать,
Зная, что богатства сила талисмана
Отъ невзгодъ случайныхъ станетъ охранять.
Только тотъ, кто этотъ талисманъ добудетъ,
Можетъ безъ боязни въ будущность смотрѣть:
Онъ глядѣть на ближнихъ съ завистью не будетъ
И, какъ птица, станетъ беззаботно пѣть.
И неслышной тѣнью, захвативъ съ тревогой
Золота пригоршни, вышелъ Ибрагимъ
Изъ дома, стараясь ближнею дорогой
До тюрьмы добраться... Вотъ она предъ нимъ,
Вотъ и стражъ, объятый сладкою дремотой...
Золото разгонитъ самый сладкій сонъ!
Золото отворитъ всякія ворота!
Золото заставитъ позабыть законъ!..

Тюрьма мрачна, какъ мрачный адъ,
На плитахъ грязныхъ и сырыхъ,
Въ оковахъ, узники въ ней спятъ
И слышенъ бредъ зловѣщій ихъ.
Онъ полонъ мукъ, проклятій, слезъ,
Укоровъ року и себѣ.
И только нѣтъ въ немъ яркихъ грезъ
О свѣтлой будущей судьбѣ...
Но вотъ одинъ изъ нихъ лежитъ
Въ коморкѣ тѣсной, въ сторонѣ
Отъ всѣхъ другихъ и сладко спитъ,
Безъ грезъ, безъ бреда, въ тишинѣ,
Какъ дѣти спятъ, когда заря
Въ своихъ объятьяхъ золотыхъ,
Любовью нѣжною горя,
Скользнувъ въ окно, пригрѣетъ ихъ...
То былъ Гассанъ. Во тьмѣ надъ нимъ
Былъ поднятъ ножъ. Одинъ ударъ,
Чуть слышный вздохъ—и Ибрагимъ
Воскресъ: онъ чувствовалъ, какъ жаръ
Въ немъ разливался отъ надеждъ
Похитить кладъ. На мертвецѣ
Всѣ швы, всѣ складочки одеждъ,
Съ огнемъ горячечнымъ въ лицѣ,
Онъ щупалъ, щупалъ—и въ потьмахъ
Онъ ощущалъ, что у него
Струею липкой на рукахъ
Сочилась кровь, но ничего
Сыскать на тѣлѣ онъ не могъ;
Тогда воскликнулъ онъ: «Огня!
Пускай узнаетъ весь острогъ,
Что былъ его убійцей я!
Пускай о томъ доносятъ всѣ!
Мнѣ только нуженъ талисманъ,—
А съ нимъ въ неволѣ и въ тюрьмѣ
Я буду пѣть, какъ пѣлъ Гассанъ».

Вдругъ изъ стражей одинъ Ибрагиму въ отвѣтъ
Грубымъ тономъ сказалъ: «Не шуми безъ пути.

Талисмана на узникѣ нѣтъ;
Цѣнныхъ кладовъ въ тюрьмѣ не найдти.

Если жъ слышалъ ты самъ, что нашъ бѣдный Гассанъ
Въ бойкой пѣснѣ своей намъ про кладъ говорилъ,

Такъ узнай-же, что тотъ талисманъ—
Вѣра въ мощь своихъ собственныхъ силъ».

А. Михайловъ.

Капитанша Кваповская.

Повѣсть **Л. Леванды.**

(*Продолженіе.*)

IV.

Правда, капитанша по временамъ смутно догадывалась, что тутъ не безъ хитраго умысла со стороны пана Холявы, тѣмъ болѣе, что она частенко ловила молодого человѣка, какъ онъ слишкомъ умильно засматривается на ея Францусю; но, съ другой стороны, она рѣшила, что изъ-за смутныхъ догадокъ не стоитъ лишать себя пріятнаго общества такого скромнаго и услужливаго молодого человѣка. Пусть онъ засматривается! Она была слишкомъ увѣрена въ себѣ и въ своей Францусѣ, чтобы придавать какое-нибудь серьезное значеніе этимъ засматриваньямъ. Всегда будетъ время остановить молодого человѣка,—думала она и была совершенно покойна на этотъ счетъ. А потому гитара пана Холявы продолжала висѣть въ почетномъ углу чистенькой комнаты капитанши Кваповской и услаждать ея слухъ чувствительными романсами, до которыхъ она, какъ извѣстно, была большая охотница.

Чтобы не забыть, мы тутъ же должны сказать, что гитара пана Холявы была какая-то странная: не проходило недѣли, чтобы она не портилась и не требовала починки. Тогда панъ Холява забиралъ ее съ собою, запирался въ своей комнатѣ и производилъ требуемую починку. Починка эта обкновенно состояла въ томъ, что панъ Холява, посредствомъ прилаженныхъ щипцовъ вынималъ изъ внутренностей гитары сложенную четвертушку почтовой бумаги, исписанную съ обѣихъ сторонъ очень мелкимъ шрифтомъ, прочитывалъ четвертушку съ большимъ вниманіемъ, откладывалъ ее въ свой бумажникъ, а потомъ садился къ столу, бралъ четвертушку чистой и тоже почтовой бумаги, исписывалъ ее тоже съ обѣихъ сторонъ и, сложивъ, опускалъ ее во внутренности гитары. Тогда починка считалась оконченною и на завтра гитара отправлялась на Зарѣчье, въ домикъ капитанши, чтобы висѣть на гвоздѣ въ почетномъ углу—впредь до востребованія.

Капитанша не могла надивиться странностямъ гитары пана Холявы и называла послѣднюю «гитарою съ порокомъ». Мы, съ своей стороны, тоже удивлялись періодическимъ рецидивамъ норовистой гитары. Но когда мы узнали причину этихъ рецидивовъ, мы не только перестали имъ удивляться, но даже возымѣли сугубое уваженіе къ самой гитарѣ, какъ къ предмету, отправлявшему двѣ разнородныя функціи: музыкальнаго инструмента и почтоваго ящика, до котораго еще не додумался даже великій Стефанъ, тайный совѣтникъ и геніальный директоръ прусскихъ почтъ и телеграфовъ.

Когда же молодые люди, черезъ посредство своего повѣреннаго-гитару, высказали другъ другу все, что было у нихъ на сердцѣ, тогда они нашли своевременнымъ сдѣлать болѣе рѣшительный шагъ, а именно: узнать мнѣніе капитанши объ ихъ дѣлѣ. Съ этою цѣлію панъ Холява, въ одно воскресенье, полусерьезно, полушутя и съ свойственнымъ ему балагурствомъ попросилъ у капитанши руки ея дочери.

Капитанша не повѣрила своимъ ушамъ.

— Что, что ты сказалъ? спросила она въ недоумѣніи, — я, кажется, разслышала, мнѣ показалось...

Панъ Холява смѣло повторилъ свою просьбу.

Капитанша затряслась отъ негодованія. Она окинула молодого человѣка съ ногъ до головы такимъ сердитымъ и презрительнымъ взглядомъ, что панъ Холява долженъ былъ бы чувствовать себя уничтоженнымъ, еслибы онъ былъ изъ робкаго десятка. Она хотѣла было ошпарить его такъ, чтобы у него пропала всякая охота и думать о ея Францусѣ, но пожалѣла его, а потому рѣшилась говорить спокойно, чтобы, необижая, урезонить его...

— Послушай, Юзефъ, начала она, принимая тонъ увѣщевающей матери, — ты въ шутку, или въ серьезъ?

— Ужъ на что серьезнѣе! отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Такъ ты, должно быть, съ ума сошелъ.

— Помилуйте пани капитанова, мнѣ не съ чего и сходить было: умомъ я, слава Богу, никогда не страдалъ.

— Такъ ты нынче пьянъ.

— Помилуйте, пани капитанова, вы же сами изволите знать, что, кромѣ чаю въ прикуску и водки въ приглядку, я ничего не пью.

— Ну, такъ ты просто дуракъ, рѣшила капитанша.

— Вотъ это правда, согласился молодой человѣкъ, обрадовавшись, какъ дорогой находкѣ. — Но въ Писаніи сказано, что дуракамъ счастье.

— А я тебѣ докажу, что не всѣмъ дуракамъ счастье.

— Чѣмъ вы это докажете, пани капитанова?

— Да тѣмъ, что запрещу тебѣ и думать о Франусѣ.

— Почему мнѣ не думать о такой достопочтенной паннѣ?

— А потому,—что она тебѣ не пара.

— Чѣмъ не пара? недоумѣвалъ молодой человѣкъ.

— Да тѣмъ, что она капитанская дочка.

— Такъ чтожъ? я согласенъ и на это; ну и буду титуловать ее: душенька—ваше благородіе.

— Не прійдется тебѣ такъ титуловать ее, сказала капитанша, саркастически улыбнувшись, — я до этого не допущу: ты ей не пара.

— Чѣмъ я-то не пара? опять недоумѣвалъ молодой человѣкъ, пожимая плечами.

— Да тѣмъ, что ты... Ну, скажи: кто ты такой?

— Я—Юзикъ.

— Ахъ, не то, нетерпѣливо перебила капитанша. Не понимаешь, о чемъ я тебя спрашиваю. Пойми же, ты кто такой? мѣщанинъ?

— Мѣщанинъ.

— Безъ чина?

— Матушка говоритъ, что я такъ и родился безъ чина.

— Вотъ дуракъ! не могла воздержаться, чтобы не воскликнуть простоватая капитанша, принимавшая шутки и балагурство пана Холявы за чистую монету.—Да кто рождается съ чиномъ? я тоже родилась безъ чина, а имѣю. А ты родился мѣщаниномъ и останешься мѣщаниномъ, понимаешь?

— Но меня вѣдь тоже не на улицѣ подняли, и возросъ я не въ воспитательномъ домѣ «Іисусъ Младенецъ», а у родителей, честныхъ ремесленниковъ.

— Да, что мнѣ въ ихъ честности, когда они не благородные, не чиновные?

— А я полагалъ, что честный ремесленникъ—тоже чинъ.

— Это ты по глупости по своей такъ полагалъ, а умные люди знаютъ, что человѣкъ безъ чина—все равно, что мужикъ: каждый можетъ съѣздить ему въ рожу и штрафа не платитъ. А мнѣ пусть кто посмѣетъ нанести обиду, — да такому несчастному въ Сибири не будетъ мѣста, каторги будетъ мало... Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что если ты хочешь жениться, такъ ты времени по напрасну не теряй, а поищи себѣ невѣсты гдѣнибудь на сторонѣ, потому что у меня невѣсты для тебя не припасено.

— А я думалъ, что припасено.

— Напрасно ты это думалъ, а чтобы тебѣ впредь и не думать объ этомъ, такъ вотъ что....

Она подошла къ почетному углу, сняла съ гвоздя гитару и, передавая ее пану Холявѣ, сказала:

— На, возьми себѣ свою бандуру и впредь ко мнѣ ни ногой, слышишь? Прошу тебя честью, а если не захочешь честью, такъ обяжу тебя подпиской въ полиціи—впредь насъ не безпокоить.

— Пани капитанова! воскликнулъ молодой человѣкъ трагически, бросившись предъ нею на колѣни,—ради пана Іезуса, не губите меня! Забудьте все, что я здѣсь говорилъ,—не я говорилъ, собака брехала! и пусть будетъ все по старому. Я противъ вашей воли не пойду. Нѣтъ, такъ нѣтъ. Безъ вашего позволенія и благословенія я панну Франциску къ алтарю не поведу, потому—что она этого не захочетъ, а если даже захочетъ, такъ я не захочу. А потому—пусть будетъ все по старому. Зачѣмъ вамъ губить молодого человѣка по напрасну?

Мягкосердая капитанша была тронута непритворнымъ, какъ ей казалось, отчаяніемъ и раскаяніемъ пана Холявы и простила его. Гитара возвратилась на свое мѣсто.

— Смотри-же, Юзефъ, сказала капитанша въ заключеніе,—ходить ходи къ намъ по прежнему, но думать о Франусѣ или бунтовать ее ты у меня не смѣй. Я за вами буду слѣдить, и если что нибудь замѣчу, то расправа у меня съ тобою будетъ короткая: въ зашей и баста! ты это помни.

— Помилуйте, пани капитанова; какъ-же не помнить?

— То-то-же.

Въ это воскресенье панъ Холява ушелъ отъ капитанши раньше обыкновеннаго, тѣмъ болѣе, что Франциски не было дома, такъ какъ она, по условію, отправилась къ сосѣдямъ въ гости. Онъ ее подстерегъ, когда она возвращалась домой, и остановилъ.

— Ну что? спросила дѣвушка, сгорая отъ любопытства.

— Арбузъ получилъ и вотъ какой величины! сказалъ весело панъ Холява, съ свойственною ему развязностью и беззаботностью.

— Что-же намъ дѣлать? спросила дѣвушка, надувши губки.

— Скушать его пока на здоровье и ждать.

На глазахъ дѣвушки навернулись слезы.

— Не плачь, душа моя, утѣшалъ ее молодой человѣкъ, цѣлуя ея ручки—перемелется—мука будетъ. Богъ покровительствуетъ любящимъ. Не сегодня, такъ завтра, а будетъ по нашему.

И они разстались.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

* * *

Чортовъ волосъ.

(Фантастическое путешествіе въ Японію.)

Эдуарда Кадоля.

(Продолженіе.)

Глава XII.

При лунномъ свѣтѣ.

Пять дней уже «Великій Реформаторъ» жилъ при дворѣ микадо. Городъ Кіото совсѣмъ преобразился. Жители его толпились на улицахъ въ праздничныхъ одеждахъ; акробаты, фокусники, шарманщики съ маріонетками, нищіе, странники, жрецы Будды расхаживали по улицамъ, которыя даже ночью были переполнены народомъ, такъ какъ большинство пришельцевъ, не имѣя жилищъ, спало подъ открытымъ небомъ. Въ чайныхъ домахъ раздавались звуки гитаръ и флейтъ, сопровождаемые пѣніемъ придворной молодежи и восклицаніями якуниновъ, проигрывающихъ свое жалованье въ шашки и въ кости.

Не смотря на ночные дозоры полицейскихъ, число которыхъ было удвоено, запоздавшему пѣшеходу было опасно проходить по улицамъ невооруженнымъ. Множество темныхъ личностей, собравшихся со всѣхъ сторонъ имперіи, съ кинжаломъ въ рукѣ, поджидало неосторожнаго прохожаго. Они были готовы на все, чтобы воспользоваться его кошелькомъ. Сидя на сторожѣ гдѣ-нибудь вблизи чайнаго дома, пользующагося дурной славой, они ждали знака служанки этого дома, ихъ соучастницы, подходили ближе, зорко слѣдили за выходящими изъ дома гражданами, пьяными отъ обильнаго употребленія саки, и могли оцѣнивать важность добычи.

Противъ всякаго ожиданія пріѣздъ Реформатора, по какому-то тайному приказанію, былъ причиной всеобщаго празднества въ Кіото. Даже за оградой замка, гдѣ подъ гигантскими деревьями прячутся дворцы микадо и его придворныхъ и тамъ обычное гробовое молчанье уступило мѣсто всеобщему оживленію.

Вездѣ строились трибуны, приготовлялись арены для скачекъ, для боя, быть можетъ, и для бала: никто еще не зналъ навѣрно программы предполагаемыхъ удовольствій. Знали только, что въ ожиданіи дня, когда этикетъ позволитъ посланнику тайкуна повергнуться передъ микадо, будутъ устроены небывалыя празднества. При дворѣ былъ назначенъ спектакль и, неслыханная милость, буржуазія Кіото, даже черный народъ, могли присутствовать на немъ. Это было такъ необычайно, что никто бы и неповѣрилъ такому слуху, если бы это не подтвердили работники, строившіе театръ.

Благодаря празднествамъ какъ публичнымъ, такъ и интимнымъ, происходившимъ иногда даже въ помѣщеніи Кизаки, Фелисьенъ нѣсколько разъ видѣлся съ Ваказой. Онъ выходилъ изъ себя, негодуя на несносный этикетъ. Онъ едва имѣлъ возможность украдкой сказать ей нѣсколько словъ, но этого ему было мало. Рискуя сдѣлать скандалъ, онъ, однажды ночью, вышелъ изъ своего помѣщенія и, пройдя черезъ сады, безпрепятственно дошелъ до дома, въ которомъ помѣщались фрейлины императрицы. Сообразивъ, что Ваказа была принцесса и занимала высшую должность, онъ рѣшилъ, что она должна жить въ главномъ отдѣленіи строенія. Онъ подошелъ къ нему. Спрятавшись въ высокую траву и акомпанируя себѣ на мандалинѣ, онъ запѣлъ такъ мелодично, какъ только можетъ пѣть молодой человѣкъ, вдохновляемый страстью и обладающій при этомъ симпатичнымъ голосомъ. Хотя онъ пѣлъ по-французски, но принцесса не сомнѣвалась, что онъ поетъ для нея. Не понимая словъ, она инстинктивно сознавала, что онъ умолялъ ее выйти къ нему и подарить ему нѣсколько минутъ, чтобы выслушать его объясненіе. Принцесса не знала, на что рѣшиться, потому что въ Японіи, какъ и вездѣ, считается неприличіемъ для дѣвушки выбѣгать по ночамъ въ садъ для бесѣды съ молодымъ человѣкомъ, если бы даже онъ и пѣлъ лучше самого Орфея. Конечно, она ничѣмъ не рисковала, выйдя къ Фелисьену, потому что знала, насколько онъ уважалъ ее. Къ тому же слѣдуя инструкціямъ принца Аки, она должна была поощрять любовь молодого человѣка, наконецъ, и политика Кизаки склоняла ее на свиданіе. Оставалось неумолимое «что скажетъ свѣтъ» въ томъ случаѣ, если бы ее застали. Но развѣ неприлично молодой принцессѣ, страдающей безсонницей отъ жара тропической ночи, выйти покурить трубку на галлерею своего дома. Это принято и въ Іеддо, и въ Іокогамѣ, и въ Кіото; отчего же нельзя этого сдѣлать въ императорской резиденціи? жаръ здѣсь такъ же несносенъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, даже можно предполагать, что сильнѣе, такъ какъ микадо считается внукомъ солнца и это родство неминуемо должно сказываться на окружающихъ. Ваказа рѣшилась, но прежде, чѣмъ выйти, она внимательно перечла инструкціи Аки.

Когда Фелисьенъ замѣтилъ ее, его голосъ прервался отъ волненія; но онъ быстро оправился и запѣлъ еще съ большей нѣжностью и еще съ большей выразительностью

— Подойдите, ваша свѣтлость, сказала Ваказа, немного наклонясь черезъ рѣшетку галлереи.

Едва она проговорила это приглашеніе, какъ Фелисьенъ уже былъ подлѣ нея. Она знакомъ пригласила его сѣсть и они оба сѣли, поджавъ ноги, на почтительномъ разстояніи другъ отъ друга. Молодая дѣвушка начала разговоръ, выразивъ совершенно естественно нѣкоторое удивленіе его поступку; въ ея голосѣ слышался упрекъ. Фелисьенъ сказалъ въ свое оправданіе, что любовь, одна любовь была его всемогущимъ повелителемъ.

— Увы, ваша свѣтлость, это очень грустно. Не смотря на честь, которую вы мнѣ дѣлаете, для меня было бы большимъ несчастіемъ, еслибы я отвѣчала на ваше чувство.

— Какъ, вскричалъ Фелисьенъ,—неужели мое чувство не заслуживаетъ вашего снисхожденія, вашего вниманія?

— Но, сказала Ваказа, избѣгая прямого отвѣта,—я уже говорила вамъ, что между нами непреодолимыя препятствія.

— Кастовые предразсудки! вскричалъ молодой человѣкъ,—варварскія бредни, которыя я поставилъ себѣ задачей показать въ ихъ настоящемъ свѣтѣ и уничтожить.

— Это въ вашей волѣ, отвѣчала Ваказа,—но вы еще далеки отъ цѣли. Препятствій множество. И я сама, выросшая въ этой средѣ, проникнутая вѣрой предковъ, никогда не соглашусь быть женой иностранца, главнаго виновника всѣхъ этихъ посягательствъ на права моего сословія.

Все это было высказано такимъ тономъ, что молодой человѣкъ испытывалъ необъяснимое блаженство. Слова молодой дѣвушки ласкали его самолюбіе. Зачѣмъ у Клемансъ не было сословныхъ предразсудковъ. Тогда онъ бы обожалъ ее. Зачѣмъ Клемансъ не пришло въ голову появиться ночью на какой нибудь галлереи, хотя бы даже за перилами площадки на лѣстницѣ, чтобы говорить съ нимъ при блескѣ звѣздъ, сидя поджавъ ноги? Но нѣтъ! бѣдная дѣвушка умѣла только радушно улыбаться и любить, и то только потому, что это ей было позволено. Никакого риску, ничего запрещеннаго. Нѣтъ, не ей овладѣть его поэтическимъ воображеніемъ! Какое сравненіе съ нею Ваказа! Во-первыхъ, она была принцесса, во-вторыхъ, она была недосягаема! Вотъ кѣмъ можно было увлечься. Не это ли было постоянной мечтой молодого честолюбца? Но гдѣ же тутъ чортовъ волосъ?

Въ три часа утра молодые люди все еще сидѣли и вели нескончаемый разговоръ о сословныхъ предразсудкахъ. Но препятствія только усиливали страсть Фелисьена. Онъ говорилъ ей, что готовъ на все, только бы сблизиться съ ней. Чтобы имѣть возможность жениться на ней, онъ охотно поджегъ бы Японію со всѣхъ четырехъ сторонъ. Что такое для него была Японія? Самъ тайкунъ и готаиро, и дайжаканъ, и микадо, и Кизаки, и даже сама реформа? Какое ему было дѣло до всего этого? Если бы Ваказа дала ему хоть тѣнь надежды, онъ отъ всего бы отрекся безъ малѣйшаго сожалѣнія. Она одна была ему дорога.

Увидѣвъ, какъ дешево онъ цѣнитъ интересы партіи, политику которой онъ явился сюда защищать, молодая дѣвушка какъ будто немного смягчилась. Замѣтивъ это, Фелисьенъ осмѣлился взять ее руку. Углубленная въ свои размышленія, Ваказа сперва, казалось, не обратила на это вниманія. Но потомъ, какъ бы опомнившись, она быстро выдернула руку и вскочила съ пола. О какъ я подла! вскричала она.—Вся древняя аристократія моего отечества унижена, порабощена, а мое сердце осмѣливается такъ сильно биться отъ льстивыхъ словъ того, кто поставилъ себѣ задачей нанести намъ послѣдній ударъ. Внукъ солнца, микадо, стонетъ въ своей раззолоченной темницѣ, боги льютъ кровавыя слезы, герои моей семьи или въ залогѣ въ рукахъ узурпатора, или заключены въ своихъ замкахъ. За ними слѣдятъ презрѣнные шпіоны, а я слушаю этого иностранца, правую руку нашего гонителя!

Она была блѣдна, и вся дрожала. Но въ этомъ гнѣвѣ на себя выражалось признаніе. Фелисьенъ замеръ; онъ чувствовалъ себя на седьмомъ небѣ. Она хотѣла бѣжать, но онъ удержалъ ее. Осторожно взявъ ее за рукавъ, онъ дрожащимъ голосомъ умолялъ ее снова сѣсть и выслушать нѣсколько словъ, которыя успокоятъ ее. Нервы дѣвушки настолько ослабѣли, что она почти не сопротивлялась. Потомъ, боясь, чтобы онъ не усомнился въ законности ея негодованія, она продолжала.

— Необходимо, чтобы вы, ваша свѣтлость, поняли все. Неоходимо, чтобы вы перестали видѣть въ нашихъ поступкахъ только слѣпые предразсудки. Въ этомъ-то и заключается коварная политика тайкуна. Они лгутъ, эти наглые узурпаторы; они насмѣхаются надъ западными державами. Микадо вовсе не безсмысленный идолъ, отъ котораго нечего уже ожидать? Онъ болѣе другихъ сторонникъ прогресса. Онъ хотѣлъ бы заявить объ этомъ, но тайкунъ противится, не желая, чтобы иностранныя державы видѣли, до какой степени онъ унижаетъ законнаго монарха.

Рѣчь ея лилась плавно, слова ея дышали убѣжденіемъ, правдой. Фелисьенъ невѣрилъ своимъ ушамъ.

— О! продолжала она съ энергіей, взявъ его руку и съ жаромъ пожимая ее,—о, еслибы вы знали нашего законнаго монарха, этого микадо, котораго вамъ представляютъ въ образѣ ограниченнаго, напыщеннаго фанатика, окруженнаго смѣшнымъ величіемъ: о! если бы вы могли поговорить съ нимъ!

— Чтоже тогда? спросилъ Фелисьенъ.

— Тогда! тогда вы черезъ часъ были-бы нашимъ! Вы поняли-бы, что этотъ строгій церемоніалъ, который не дозволяетъ ни одному смертному поднять на микадо глазъ, по которому даже самъ тайкунъ едва можетъ видѣть его въ отверстіе между полуоткрытыми перегородками и то только, распростершись на землѣ, вы поняли бы, что весь этотъ устарѣлый этикетъ, поддерживается для того, чтобы спасти жертву отъ всякаго соприкосновенія съ измѣнникомъ... Если бы вы только одинъ часъ поговорили съ глазу на глазъ съ микадо, вы стали бы сторонникомъ нашей партіи и тогда...

— И тогда? спросилъ Фелисьенъ съ волненіемъ. Она молчала.

— Тогда? повторилъ молодой человѣкъ,—кончайте, ради неба! мое сердце перестало биться въ ожиданіи вашего отвѣта.

Молодая дѣвушка опустила глаза. Луна освѣщала ея прекрасный лобъ; блѣдные лучи мерцали въ граняхъ богатыхъ булавокъ ея прически. Фелисьенъ замѣтилъ, что она покраснѣла. Въ ту же минуту онъ почувствовалъ, что она сжала его руку и окончила свою фразу, прошептавъ едва слышно:

— Тогда... можетъ быть, все было бы возможно.

Счастіе и гордость выразились на лицѣ Фелисьена при послѣднихъ словахъ Ваказы. Наконецъ-то! Вотъ это женщина! Не то, что та ничтожная лавочница. Та говорила: «я съ полнымъ довѣріемъ отдаю вамъ мою жизнь и поручаю свое счастье»; принцесса же, сказала только «можетъ быть!» Какая разница! Нѣтъ! эти слова стоили того, чтобы объѣхать половину земного шара, заключить договоръ съ чортомъ, и подвергнуться ударамъ убійцъ, подкупленнымъ дайміосами, это «можетъ быть» сулило ему самое высокое наслажденіе!

Уже стало свѣтать, когда Фелисьенъ вернулся домой. Сердце его сильно билось, когонъ мысленно повторялъ дорогое ему «можетъ быть!» Не смотря на всѣ старанія, онъ не могъ заснуть. Улегшись на множествѣ цыновокъ и ковровъ, онъ мало по малу додумался до того, что это «можетъ быть» открывало ему въ будущемъ такую обширную перспективу, которой онъ сначала и не замѣтилъ, такъ взволновали и очаровали его ея слова. Ея желаніе, чтобы онъ сдѣлался союзникомъ ея партіи, обязывало его перейти въ другой лагерь, что невозможно было сдѣлать, не измѣнивъ своей партіи, т. е. тайкуну, готаиро, дайджакану, западнымъ державамъ, и, наконецъ, всѣмъ сторонникамъ прогресса. Но какое ему было дѣло до всего этого? Тѣмъ болѣе, что, по словамъ Ваказы, настоящей прогрессивной партіей была партія микадо. Перейдя на ея сторону, онъ «Великій Реформаторъ» не измѣнялъ никому; напротивъ, онъ покидалъ обманщиковъ, чтобы присоединиться къ честнымъ людямъ. Онъ имѣлъ способность сухимъ выходить изъ воды; изъ него могъ выйти замѣчательный казуистъ. Въ настоящую минуту, онъ убѣждалъ себя, что попалъ на настоящую дорогу. Но какъ ни былъ увлеченъ, онъ вспомнилъ, что ему не мѣшаетъ оградить себя отъ мести тѣхъ, кого онъ покидаетъ, иначе можно нажить большія непріятности и въ Японіи скорѣе, чѣмъ въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ. Надо было устроиться такимъ образомъ, чтобы быть сильнѣе своихъ враговъ. Быть сильнѣйшимъ, это аргументъ, который цѣнится въ землѣ потомковъ солнца не менѣе, чѣмъ у насъ въ Европѣ. (Впрочемъ, Фелисьенъ былъ слишкомъ государственный человѣкъ для того, чтобы незнать эту азбуку политики). Въ концѣ концевъ, онъ рѣшился измѣнить своей партіи и перейти на сторону микадо, такъ какъ, только этой цѣной, можно было получить любовь принцессы. И такъ онъ достигнетъ желанной цѣли и выполнитъ благородную задачу. Оставалось взвѣсить всѣ шансы за и противъ, чтобы въ случаѣ борьбы, не остаться побѣжденнымъ и, потерявъ на вѣки Ваказу, быть приговореннымъ къ самоубійству.

Часа черезъ четыре, послѣ его возвращенія домой, посланный отъ Кизаки, принесъ ему приглашеніе присутствовать на парадномъ спектаклѣ, въ которомъ примутъ участіе придворные актеры его величества микадо. Фелисьенъ, настолько былъ уже знакомъ съ придворными обычаями, что не сомнѣвался, что это приглашеніе давало ему право провести вечеръ въ императорской ложѣ въ обществѣ фрейлинъ. Его судьба должна была рѣшиться въ этотъ вечеръ, и какое-то внутреннее чувство говорило ему, что успѣхъ будетъ на его сторонѣ. Онъ серьезно все обдумалъ и рѣшилъ, что микадо былъ угнетеннымъ, но все-таки законнымъ монархомъ, ближайшимъ родственникомъ самого солнца.—Кѣмъ же послѣ этого, какъ не наглымъ узурпаторомъ былъ тайкунъ? Конечно, желаніе прогресса могло извинить его, но предразсудки микадо, о которыхъ онъ такъ краснорѣчиво разсказываетъ —наглая выдумка съ его стороны. Возвращеніе власти микадо будетъ похвальнымъ предпріятіемъ; измѣна же тайкуну—святымъ дѣломъ. Фелисьенъ болѣе не колебался, что касается способовъ и средствъ для выполненія его задачи, онъ составилъ великолѣпный планъ, не представляющій ни малѣйшаго риска, только бы микадо согласился съ нимъ. По этому плану микадо долженъ былъ настолько упорствовать въ отказѣ на предложеніе тайкуна, чтобы тотъ лично явился вынудить подпись у своего повелителя. Конечно, тайкунъ, какъ всегда, явится въ сопровожденіи своихъ главныхъ сторонниковъ, окруженный многочисленной арміей. Тогда Фелисьенъ, ставъ во главѣ солдатъ, такъ какъ это была его обязанность, сдѣлается всесильнымъ. Микадо обратится къ богамъ, своимъ двоюроднымъ братьямъ и, высказавъ свои жалобы противъ узурпатора, публично проклянетъ его и торжественно объявитъ свою волю объ уничтоженіи тайкуната, и о возстановленіи своего единодержавія. Такое объявленіе естественно повлечетъ за собой нѣкоторое смущеніе; очень можетъ быть, что любимцы тайкуна, открыто возстанутъ противъ микадо, но даже въ случаѣ вооруженнаго сопротивленія со стороны тайкуна «Великій Реформаторъ» увѣренъ въ возможности увлечь большую часть войска на сторону законнаго монарха. Кромѣ того онъ рѣшилъ въ первыя же минуты схватки похитить тайкуна, чтобы помѣшать ему противодѣйствовать и, въ крайнемъ случаѣ, придушить его. Чтоже касается готаиро, Фелисьенъ не безъ удовольствія думалъ о возможности отдѣлаться отъ него. Безъ сомнѣнія, принцъ Аки станетъ на сторону тайкуна, а слѣдовательно, будетъ бунтовщикомъ и его арестуютъ. Лучше этого придумать нельзя: въ одинъ мигъ все бы кончилось и всѣ были бы довольны. Микадо въ знакъ благодарности сдѣлаетъ своего освободителя первымъ министромъ; осыпетъ его титулами и знаками отличія, сдѣлаетъ дайміосомъ, облагородивъ такимъ образомъ всѣхъ его предковъ до Адама и Евы включительно, въ томъ числѣ, конечно, и колдуна Мерлена, который, хотя косвенно, будетъ играть значительную роль въ событіяхъ. Послѣ этого, семейство Ваказы болѣе не станетъ противиться его союзу съ нею, все устроится прекрасно, потому что Асмодей не вмѣшается въ это дѣло, все произойдетъ естественнымъ ходомъ вещей, при которомъ, нечего бояться появленія чортова волоса. Не достигнувъ этого результата, Фелисьенъ даетъ себѣ слово впередъ умѣрить свои притязанія, для того уже, чтобы обличить во лжи этого болтуна Асмодея. Хотя онъ будетъ вторымъ лицомъ въ имперіи, но обѣщаетъ себѣ не завидовать микадо. Нѣтъ! онъ оставитъ его въ покоѣ, не нарушая его привычекъ, въ его тихой домашней жизни; онъ даже не будетъ принимать никакой серьезной мѣры, не посовѣтовавшись предварительно съ нимъ, хотя бы для формы.

— Нужно быть благоразумнымъ,—сказалъ онъ, и умѣрять свое честолюбіе, если въ награду за маленькіе уколы самолюбію, пользуешься любовью самой красивой и самой благородной принцессы въ свѣтѣ...

День показался ему нескончаемымъ, и еще за часъ до отправленія на спектакль, онъ былъ уже совсѣмъ одѣтъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Нечеловѣческая месть.

Романъ Анри Тесье.

(*Продолженіе.*)

Часть первая.

Глава IV.

Веберъ невольно отступилъ.

Эрмина, напротивъ, сдѣлала шагъ впередъ.

— Гдѣ я и кто вы такой, милостивый государь? спросила она такимъ тономъ, которымъ выражалось скорѣе недоумѣніе, чѣмъ страхъ.

Веберъ, ждавшій взрыва гнѣва и упрековъ, смутился передъ такимъ простымъ вопросомъ.

— Вы у преданнаго вамъ человѣка, герцогиня, пробормоталъ онъ.

Эрмина нахмурила брови. Совершенно оправясь отъ сна, она сообразила теперь все и ею начало овладѣвать безпокойство. Глаза ея сверкнули и она проговорила, порывисто сжимая ножъ въ своей рукѣ:

— Какимъ образомъ я здѣсь, въ незнакомомъ мнѣ домѣ, съ неизвѣстнымъ мнѣ человѣкомъ?

— Но развѣ вы не явились сюда добровольно? спросилъ тихо Веберъ, безотчетно стараясь поддержать мягкій тонъ разговора.

— Это до васъ не касается.

— Я удивляюсь, однако....

— Мнѣ слѣдуетъ удивляться, что я не нашла здѣсь того, кто пригласилъ меня сюда.

— Все это очень просто объясняется, между тѣмъ...

Эрмина посмотрѣла на Вебера-собесѣдника съ невозмутимою твердостью; она и не подозрѣвала грозившей ей опасности.

— Объяснитесь, проговорила она сухо. — Во-первыхъ, кто вы?

— Позвольте мнѣ не отвѣчать прямо на вашъ вопросъ. Я объясню вамъ все и тогда назову себя.

— Говорите; я жду!

— И такъ, если вы требуете объясненій, я долженъ начать съ того, что г. Поль Ленди, одинъ изъ вашихъ друзей...

—Мой единственный другъ, перебила гордо дѣвушка.

— Г. Поль Ленди написалъ къ вамъ, умоляя васъ повидаться съ нимъ въ этомъ домѣ, въ половинѣ третьяго...

— Онъ звалъ меня для того, чтобы избавить его отъ угрожающей ему опасности!

— Вы явились...

— И какой-то человѣвъ, ожидавшій меня, сказалъ мнѣ: «Черезъ минуту, г. Поль будетъ здѣсь!» Между тѣмъ, я здѣсь давно... болѣе сутокъ... заперта, какъ въ тюрьмѣ!... Сначала я ждала терпѣливо... потомъ мнѣ стало страшно... Я плакала, кричала, звала на помощь и лишилась, наконецъ, чувствъ при мысли, что мой бѣдный дѣдъ, уже больной, можетъ быть пораженъ на смерть, узнавъ о томъ, что я его покинула....

— Вы преувеличиваете...

— Но гдѣ Поль?... Отчего его нѣтъ со мною?

— Поль... Такъ коротко?... Вы любите его?

Молодая дѣвушка откинулась назадъ при этомъ дерзкомъ вопросѣ, какъ породистый конь, котораго коснулся ударъ бича.

— Какъ смѣете вы предлагать мнѣ такой вопросъ? сказала она съ гнѣвомъ.—Кто вы такой? говорите, я требую.

— Я человѣкъ, который любитъ васъ болѣе, чѣмъ Ленди и, во всякомъ случаѣ, честнѣе, чѣмъ онъ!

— Милостивый государь! Вы меня оскорбляете!... И вы хотите, чтобы я повѣрила, что онъ прислалъ васъ ко мнѣ!

— А въ немъ вы увѣрены?

— Какъ въ себѣ самой!

— Онъ любитъ васъ?

— Мы любимъ другъ друга.

— И вашъ дѣдъ знаетъ, что его внучка, герцогиня д'Отфоръ любитъ какого-то незаконнорожденнаго?

Эрмина, поднявшая голову при его первыхъ словахъ, потупила глаза. Веберъ воспользовался этой минутой смущенія.

— Нѣтъ? продолжалъ онъ.—И вы, вѣроятно, сознаетесь, что онъ пришелъ бы въ негодованіе... Почему вы не хотите допустить, что Поль Ленди только пошлый соблазнитель?

— Замолчите!

— Соблазнитель, добившійся вашей привязанности, для того, чтобы захватить громадное состояніе, которое достанется вамъ.

— Вы лжете! Вы клевещете на честнѣйшаго человѣка!

— Скажите, зачѣмъ онъ писалъ вамъ? Онъ очень хорошо зналъ, что не можетъ придти и что ваше присутствіе здѣсь, компрометируя васъ въ глазахъ общества, послужитъ для него орудіемъ, которымъ онъ легко можетъ воспользоваться?

Эрмина медленно подошла къ Веберу, остановилась прямо противъ него и проговорила съ энергіею, которую въ ней трудно было подозрѣвать.

— Кто бы вы ни были, милостивый государь, вы негодяй!

Веберъ не обратилъ вниманія на обиду.

— Какже вы назовете, сказалъ онъ,—того единственнаго друга, который разсчиталъ, что вашъ необдуманный поступокъ поставитъ васъ въ необходимость выдти за него замужъ?... Что докажетъ вамъ, что онъ не надѣялся на то, что герцогъ Рейнольдъ, старый и больной, не перенесетъ потрясенія, произведеннаго на него вашимъ бѣгствомъ, слѣдовательно, исчезнетъ самое главное препятствія, его планамъ?

Молодая дѣвушка поблѣднѣла отъ гнѣва, а Веберъ продолжалъ:

— Не онъ-ли назначилъ вамъ свиданіе?

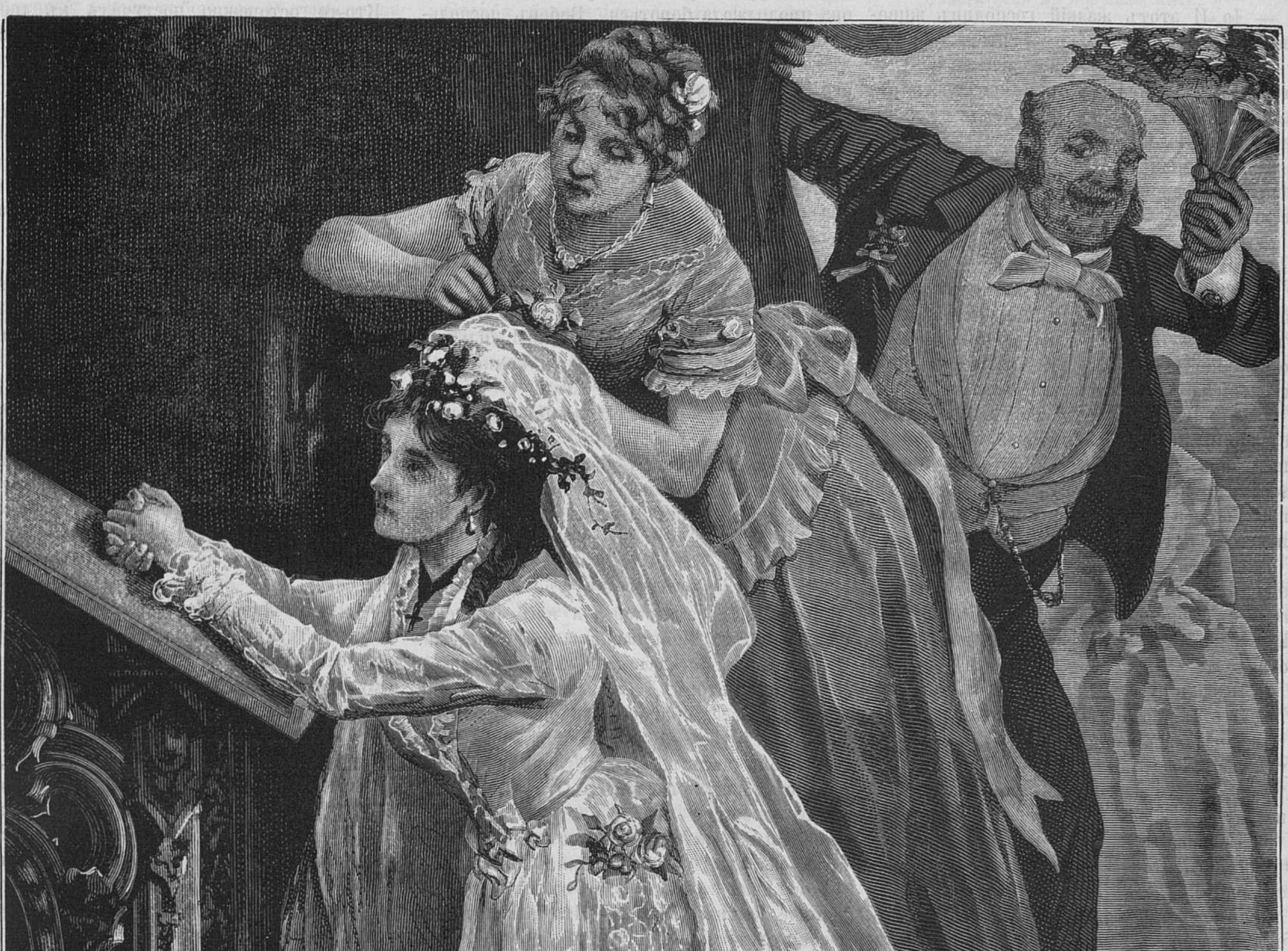
— А! воскликнула Эрмина, — вы проговорились!... Не онъ, я уже подозрѣвала это, получивъ его письмо, потому, что онъ никогда не рѣшался просить, чтобы я тайно видѣлась съ нимъ... Но я подумала, что ему грозитъ, можетъ быть, опасность... и я пришла. Ваша подлость для меня теперь очевидна.

— Хорошо! перебилъ страстно Веберъ,— думайте, что хотите, оскорбляйте меня... Но позвольте мнѣ убѣдить васъ въ той безумной страсти, которую вы мнѣ внушили...

— Не подходите! У меня ножъ! воскликнула молодая дѣвушка, испуганная пламенемъ, сверкавшимъ въ его глазахъ и отталкивая его руку, протянутую къ ней.

— Да, я васъ люблю! продолжалъ онъ бѣшено.—Цѣлыхъ два года слѣжу я за вами, какъ тѣнь, любуясь вашею красотою, вашею юностью... живя только вами и для васъ! Я просилъ вашей руки у герцога, онъ отказалъ мнѣ... хотя я принадлежу къ вашему кругу!

— Вы! повторила Эрмина съ гордостью,


Andriolli.
I. SCHÜBELER

Неровный бракъ.

Рисунокъ Андріолли.

до того оскорбительно, что Веберъ вздрогнулъ, какъ отъ удара хлыстомъ. — Въ нашемъ кругу я знаю только честныхъ людей, а вы поступили, какъ воръ!

— Воръ... за котораго вы выйдете замужъ.

— Я!

— Да. И этотъ жалкій господинъ живописецъ, этотъ герой вашъ... котораго вашъ дѣдъ выгналъ бы, какъ лакея, даже не удостоивъ разъяснить ему причины своего отказа, какъ мнѣ... Этотъ Поль Ленди не явится къ вамъ на помощь...

— Вы убили его? воскликнула молодая дѣвушка, озаренная внезапно посѣтившею ее мыслью.

— Нѣтъ... но непремѣнно убью, если онъ вздумаетъ становиться между вами и мною. О, я хочу обладать вами и достигну этого, хоть бы весь міръ возсталъ противъ меня. Слышите ли, Эрмина? Я люблю васъ страстно, безумно и не отступлю даже передъ преступленіемъ для достиженія своей цѣли...

Онъ кинулся къ ней, стараясь схватить ее своими руками. Но, гибкая, какъ ліана, она выскользнула изъ его объятій, бросилась за другую сторону стола и выставила впередъ свой ножъ, судорожно сжимая руками его рукоятку.

— Смерть отъ твоей руки послужитъ для меня отрадой! проревѣлъ онъ, отталкивая столъ съ бѣшенствомъ, съ явнымъ намѣреніемъ загнать дѣвушку въ уголъ возлѣ алькова.

— Я закричу!

— Эти стѣны обиты матрацами.

Она пыталась защищаться, но поняла, что будетъ побѣждена.

— О, простонала она, — ваше поведеніе низко!...

— Называйте, какъ хотите! Я васъ люблю, Эрмина, въ этомъ мое оправданіе и мое осужденіе...

Она не могла болѣе защищаться; столъ, придвинутый къ самой стѣнѣ, держалъ бѣдную дѣвушку какъ бы въ клещахъ, не позволяя ей двигаться. А Веберъ приближался къ несчастной шагъ за шагомъ, задыхаясь, съ налитыми кровью глазами, съ пѣною у рта, и произнося то проклятія, то угрозы, то мольбы...

— Эрмина, говорилъ онъ, — умоляю васъ, не противьтесь. Зачѣмъ заставляете вы меня употребить силу? Вы видите, что вы въ моей власти... Ваше отсутствіе изъ дому уже погубило васъ въ общественномъ мнѣніи... Останьтесь вы совершенно чистою, никто этому не повѣритъ!... О, проклятіе! Не доводите меня до крайности..

Молодая дѣвушка, замахнулась ножемъ.

— Умри же! закричала она, закрывая глаза.

Но Веберъ, быстро нагнувшись, успѣлъ избѣжать удара и, сжавъ ея руку до боли, вырвалъ у нея ножъ.

— Подлецъ! закричала она.

— Вы сами этого хотѣли, отвѣчалъ онъ грубо, опрокидывая въ сторону столъ и бросаясь на свою жертву.

— Наконецъ-то! прошипѣлъ онъ. — Ты будешь принадлежать мнѣ!

— Оставьте меня... Именемъ Господа! Пощадите меня! лепетала она со слезами, между тѣмъ какъ онъ осыпалъ поцѣлуями ея лицо и волоса.

— Молчи... молчи! отвѣчалъ онъ, сжимая ее такъ, что она задыхалась.—Я тебя обожаю... и ты будешь моей!

Молодая дѣвушка, въ своемъ мѣховомъ плащѣ, который скользилъ, по счастію, въ рукахъ злодѣя, рвалась и кидалась, усиливаясь оттолкнуть отъ себя эти объятія, эти поцѣлуи... А Веберъ, съ искаженнымъ лицомъ, обезумѣвъ отъ страсти, взбѣшенный сопротивленіемъ, старался поймать ее.

Изъ груди Эрмины вырвался вопль, но она продолжала бороться... Веберъ поскользнулся и упалъ, увлекая за собою молодую дѣвушку. Эрмина машинально ухватилась за его голову и сорвала съ него парикъ. Веберъ не могъ сдержать страшнаго ругательства; онъ быстро поднялся на ноги и опрокинулъ канделябръ, свѣчи котораго тотчасъ потухли.

— Помогите!... помогите!... кричала Эрмина въ припадкѣ ужаса.

Веберъ кинулся къ ней быстрѣе молніи и нагнулся, чтобы схватить снова свою жертву....

Въ это мгновеніе, послышались сильные и учащенные удары въ дверь комнаты и чей-то звонкій голосъ кричалъ:

— Смѣлѣе, молодецъ!... Выбивай, выбивай!...

При новомъ натискѣ, дверь не выдержала и сорвалась съ петель... На порогѣ ея показались Дени и Жанъ Брюне.

Глава V.

По горячимъ слѣдамъ

Послѣ знаменательной для него рождественской ночи, Дени заснулъ, какъ убитый. Въ назначенный часъ жена разбудила его.

— Кофе готовъ, Дени! сказала она.

— А!... уже!... проговорилъ онъ, протирая заспанные глаза.—Который часъ, моя милая?

— Семь часовъ, но ты вернулся такъ поздно и былъ утомленъ... Отвратительная твоя служба!

— Ты всегда огорчаешься по пустякамъ, жена! сказалъ Дени, усаживаясь на кровати и обмакивая въ свой кофе отлично поджаренные ломтики хлѣба. — Что говорить, не легкая служба, но привычка беретъ свое... Иной разъ, правда, бываетъ жутко... Вчера, напримѣръ...

— Что вчера?

— Я послѣ разскажу. У меня въ головѣ теперь сумбуръ, сперва надо привести свои мысли въ порядокъ.

— Скажи мнѣ только, что сталось съ молодой герцогиней?... Что твой отецъ?... герцогъ?

— Ничего, ничего, все устроится. Иди къ себѣ; мнѣ надо заняться.

Оставшись одинъ, Дени допилъ свой кофе, высморкался, понюхалъ табаку съ чисто эпикурейскую медленностью и затѣмъ принялся бодро и тщательно за свой туалетъ.

— Нечего сказать, дѣла по горло, говорилъ онъ про себя. — Во-первыхъ, убійство вооруженною рукою и притомъ съ засадою! Во-вторыхъ, — три отравленія! Въ-третьихъ, — убійца умерщвленъ тѣмъ самымъ человѣкомъ, который, по всей вѣроятности, былъ душою злодѣйскаго дѣла. Въ четвертыхъ,— похищеніе дѣвицы Рейнольдъ... Что касается отравленія, комиссаръ заблуждается, упорствуя въ своей мысли о самоубійствѣ! Заблуждается, въ этомъ нельзя сомнѣваться!... На счетъ зарѣзаннаго молодого человѣка, можно ожидать такого же отрицательнаго результата: ни до чего они не доберутся, какъ хитро ни поведутъ они слѣдствіе... А что, если предоставить ихъ самимъ себѣ?... пусть ищутъ, какъ умѣютъ! Я же буду продолжать дѣло по своему слѣду... Да, мнѣ представляется отличный случай выдвинуться впередъ!... Рѣшено! Я ограничусь передъ слѣдователемъ тѣмъ, что дамъ свои показанія... Пусть пользуется ими, какъ знаетъ, я же буду дѣйствовать въ сторонѣ, съ помощью Лера и молодого медика... онъ, кажется, дѣльный человѣкъ... Я увѣренъ, мы достигнемъ успѣха!

Кто-то осторожно постучалъ въ дверь.

— Войдите! закричалъ Дени. — А! кстати! продолжалъ онъ, увидавъ костлявую и хитрую физіономію Лера.—Я только что думалъ о васъ. Но прежде, чѣмъ говорить о дѣлѣ, скажите, завтракали-ли вы? я вижу, вы и спать не ложились?...

— Пожевалъ на ходу, г. Дени.

— Но пить хотите? Садитесь. Вотъ вино, коньякъ, сахаръ. Пейте и потолкуемъ.

— Очень вамъ благодаренъ, сказалъ полицейскій, наливая себѣ рюмку и выпивая ее со смакомъ, маленькими глотками.

— Лучше себя чувствуете теперь, не такъ ли? Ну, начинайте разсказывать, что вы сдѣлали.

— Разставшись съ вами, я разослалъ агентовъ по всѣмъ направленіямъ, приказавъ имъ освѣдомляться въ гостинницахъ, меблированныхъ комнатахъ, даже у акушерокъ...

— Ну, у акушерокъ!...

— Кто знаетъ, г. Дени, все могло случиться.

— Нѣтъ, Лера. Молодая дѣвушка вышла въ полной увѣренности, что воротится черезъ самое короткое время. Сверхъ того, она безупречнаго поведенія, неспособна... Однимъ словомъ, акушерокъ похеримъ.

— Потомъ, такъ какъ первый поѣздъ въ Мансъ отходитъ только въ семь часовъ, то я рѣшилъ, чтобы не терять столько времени, телеграфировать туда, къ одному пріятелю, Менару, прося его освѣдомиться, уѣхалъ изъ города или нѣтъ жилецъ дома № 10, въ улицѣ Флоры.

— Прекрасно сдѣлали.

— Всѣ мои агенты, между тѣмъ, воротились, но не разузнали ничего. Боюсь, что трудно намъ будетъ отыскать пропавшую дѣвушку.

— И я тоже думаю, почему и займусь ею лично. А вы, Лера, такъ и быть не поспите еще ночку. Принесите мнѣ эту жертву.

— Извольте, г. Дени; я высплюсь вдвое въ слѣдующую ночь.

— Спасибо вамъ. Такъ берите же фіакръ, отправляйтесь опять на телеграфную станцію и пошлите вашему пріятелю въ Мансъ вторую депешу.

Дени взялъ листъ бумаги, справился съ кое-какими замѣтками въ своей записной книжкѣ и написалъ:

«Отвѣчайте немедленно на счетъ улицы Флоры. Повидайте сестру Марію-Жозефу, въ монастырѣ Визитандинокъ. Сообщите ей, что г. Баптистъ Муленъ едва не отравился тѣмъ пирогомъ, который она прислала. Потребуйте объясненій, соберите всѣ справки. Если необходимо, я прибуду самъ въ Мансъ».

Передавъ телеграму Лера, Дени продолжалъ:

— Потомъ вы поѣдете въ больницу Гро-Калью и освѣдомитесь, каково тѣмъ раненымъ, которыхъ я препроводилъ туда. Спросите также всѣ вещи, которыя были найдены на зарѣзанномъ молодомъ человѣкѣ и пришлите мнѣ ихъ черезъ нарочнаго, вмѣстѣ съ своимъ отвѣтомъ. Наконецъ, разошлите своихъ людей по всѣмъ извощичьимъ дворамъ и по ветеринарнымъ заведеніямъ, городскимъ и окрестнымъ: пусть разузнаютъ, нѣтъ ли гдѣ лошади, оцарапанной моей пулею... Но, Лера, помните, что обо всемъ этомъ вы дадите знать только мнѣ одному. Я укажу вамъ въ точности, ту часть свѣдѣній, которую вы можете сообщить слѣдователю. Какъ я уже вамъ сказалъ, мы съ вами будемъ работать особнякомъ, въ качествѣ любителей, и если доберемся до сути раньше ихъ, обѣщаю вамъ, что мы жалѣть не будемъ.

— Я полагаю, г. Дени, что мы доберемся.

— Аминь. И такъ, за дѣло, Лера. Надѣюсь на вашу сметку и усердіе.

— Будьте благонадежны, г. Дени! Съумѣю вамъ угодить!

Онъ удалился бѣгомъ, а Дени, надѣвъ пальто, сунулъ свой кашне въ карманъ, поверхъ своего револьвера, простился съ женою, вышелъ на улицу, взялъ фіакръ и отправился въ аллею Бретейль, на уголъ улицы Эбле.

Было восемь часовъ, когда онъ подъѣхалъ къ мѣсту. Колокола церкви св. Франсуа-Ксавье трезвонили во всю мочь, сзывая набожныхъ людей къ обѣднѣ. Дени, повидимому, имѣя намѣреніе помолиться, пошелъ вслѣдъ за другими богомольцами къ тому церковному ходу, который обращенъ къ бульвару.

На паперти сидѣлъ убогій старикъ, разбитый параличемъ на обѣ ноги. Онъ продавалъ образки и четки, гнуся однообразнымъ и плачевнымъ голосомъ:

— Не забудьте увѣчнаго, будьте милостивы!

Дени, пропустивъ впередъ всю толпу, остался одинъ на ступеняхъ и опустилъ франковую монету въ руку старика.

— Богъ да наградитъ васъ, добрый господинъ! проговорилъ тотъ, и глаза его заблистали отъ радости.

— Надѣюсь, что Богъ васъ услышитъ, отвѣчалъ ему Дени,—но и сами вы, мой любезный, можете оказать услугу.

— Услугу? Приказывайте благодѣтель, приказывайте.

— Вы здѣсь изъ давнишнихъ?

— Съ самаго освященія церкви нахожусь... пожалуй, лѣтъ шесть будетъ.

— Не замѣтили-ли вы вчера, такъ, часовъ около двухъ, молодую дѣвушку, бѣлокурую, очень хорошенькую собой, одѣтую въ черное шелковое платье и мѣховую шубку?

— Вчера?... Около двухъ?... Мало было народа... на наряды я не засматриваюсь... Право, не знаю... Развѣ что молодая герцогиня Рейнольдъ...

— Вы ее знаете? живо перебилъ Дени.

— Знаю-ли я! Еще бы! И дѣдушку ея, славнаго человѣка, тоже знаю!... Они каждое воскресенье бываютъ. Она водитъ подъ руку своего старика! И какъ ухаживаетъ за нимъ! Не мудрено, что онъ ей такъ нѣжно говоритъ: «Тише, тише, Эрмина, не торопись; ты забываешь мои больныя ноги, да и нашего бѣднаго раненнаго»... Бѣдный раненный — это я; но она никогда не забываетъ меня, ангельская душа!... Скорѣе два раза подастъ, чѣмъ одинъ пропуститъ...

— Такъ, такъ, перебилъ Дени. — Вы видѣли вчера молодую герцогиню?

— Какже! Она была здѣсь около двухъ часовъ, оставалась всего съ минуту и, уходя, подала мнѣ пятьдесятъ сантимовъ. «Молитесь за меня, дядя Франсуа!» говоритъ.

— А вы не замѣтили, въ какую сторону она пошла?

— Какъ не замѣтить! Я ей всегда въ слѣдъ гляжу... Проводилъ ее глазами по бульвару...

Дени поблагодарилъ продавца образковъ и пошелъ по указанному имъ направленію. Экипажъ его слѣдовалъ за нимъ.

На углу Севрской улицы отдыхалъ комисcіонеръ. Дени предложилъ ему тѣже вопросы, какъ и дядѣ Франсуа.

Судьба благопріятствовала Дени: комисcіонеръ оказался тѣмъ самымъ, котораго Эрмина Рейнольдъ посылала нанять ей фіакръ. Дени узналъ ее по описанію этого человѣка.

— Гдѣ вы наняли экипажъ? спросилъ онъ.

— Въ двухъ шагахъ отсюда.

— Номера не помните?

— Нѣтъ. Знаю только, что стояло всего три фіакра; потомъ, кучеръ указалъ мнѣ, что трогается съ мѣста въ 2 часа 35 минутъ.

«Отлично!» подумалъ Дени и продолжалъ:

— Теперь, мой любезный, надо намъ отыскать этого кучера. Идите за мной.

Они пришли на экипажную биржу. Дежурный отыскалъ въ своей книгѣ нумера фіакровъ, стоявшихъ наканунѣ на очереди въ 2 ч. 35 м. Только одинъ изъ нихъ былъ нанятъ въ это время, а именно № 1743.

— Какже мнѣ найти этого кучера? спросилъ Дени.

— Предъявите свое требованіе въ каждомъ депо нашихъ экипажей и вамъ пришлютъ этого человѣка завтра же утромъ.

— Это будетъ слишкомъ поздно! Я распоряжусь иначе, а васъ попрошу только, прислать мнѣ его немедленно, если онъ случайно подъѣдетъ сюда.

Дени далъ свою карточку дежурному и пошелъ назадъ къ своему экипажу вмѣстѣ съ комиссіонеромъ.

— Вотъ что, пріятель, сказалъ Дени комиссіонеру, — соберите человѣкъ двадцать изъ своихъ товарищей и разошлите ихъ по всѣмъ извощичьимъ биржамъ. Надо устроить это дѣло не долѣе какъ въ два часа времени. По одному вашему молодцу на каждый округъ будетъ достаточно. Обѣщаю по десяти франковъ на человѣка за эту работу, да еще луидоръ тому, кто приведетъ мнѣ кучера.

— Это уже я приведу, буржуа, будьте увѣрены!

— Тѣмъ лучше. Вотъ мой адресъ. Не теряйте же ни минуты.

Онъ сѣлъ въ свой экипажъ, и велѣлъ ѣхать въ полицейскую префектуру.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Неровный бракъ

(Къ рисунку **Андріолли** на стр. 233).

Въ слезахъ, склонивъ свои колѣни,
Она молилась... Наступалъ
Конецъ дѣвичьихъ сновидѣній
И грёзъ про свѣтлый идеалъ.

Ей снились: вечеръ благодатный,
Луна, затишье, соловьи
И шопотъ, только сердцу внятный,
Съ словами первыми любви.

Потомъ въ торжественномъ сіяньи
Храмъ божій и предъ алтаремъ
Надъ ней свершается вѣнчанье
Съ любимымъ страстно женихомъ.

А тамъ—очагъ ихъ, мужъ любимый,
Красавцы дѣти—и она,
Любовью общею хранима,
Вполнѣ счастливая жена...

И вдругъ во имя приказанья,
Ей строго даннаго отцемъ,
Она, какъ жертва на закланье,
Идетъ вѣнчаться съ старикомъ.

Ему во храмѣ, какъ невѣста,
Она дастъ вѣрности обѣтъ, —
И въ сердцѣ силъ нѣтъ для протеста,
Спасти себя въ ней силы нѣтъ.

А. М—въ.

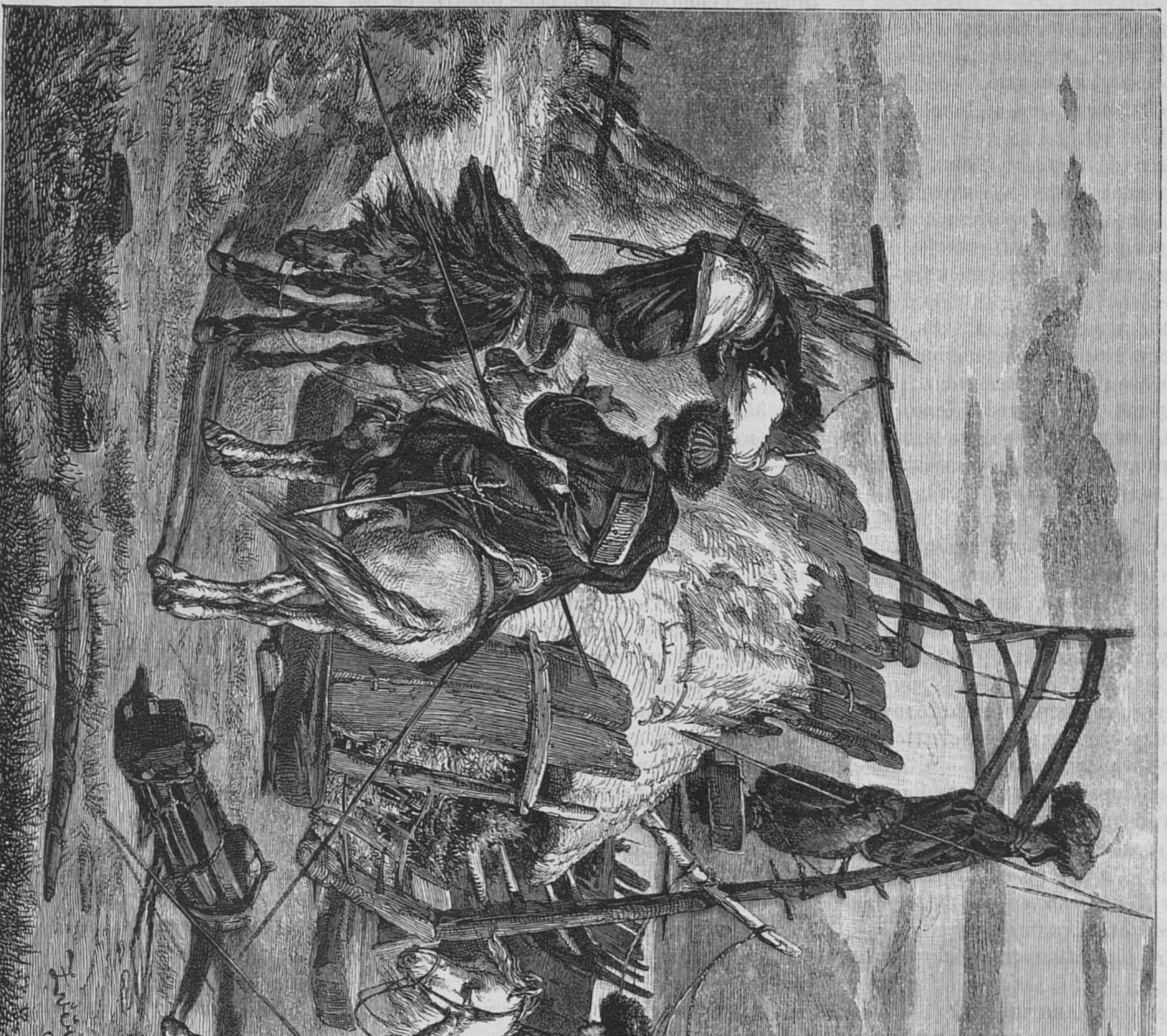
Обо всемъ

(Фельетонныя замѣтки).

(Истязаніе ребенка.—Невѣжество и бѣдность, причина этого преступленія.—Съ больной головы да на здоровую.—Пріютъ для арестанскихъ дѣтей мужескаго пола. — Предохранительныя мѣры на желѣзно-конныхъ дорогахъ.)

Вѣроятно, наши читатели хорошо помнятъ то время, когда всѣ газеты безъ исключенія, «возмущенныя ужаснымъ фактомъ», съ негодованіемъ твердили о жестокосердіи г. Кронеберга, истязавшаго свою дочь. Слѣдующее затѣмъ дѣло г-жи Борисовой, жестоко обращавшейся съ своей воспитанницей, несравненно болѣе возмутительное по своимъ подробностямъ, встрѣчено было гораздо менѣе рѣзкими нападками на виновницу безобразнаго обхожденія съ ребенкомъ (подробности такъ возмутительны, что другого эпитета подобрать невозможно). Теперь предстоитъ новое дѣло объ истязаніи ребенка. Оно уже разбиралось у мирового судьи и перенесено въ Петербургскій окружной судъ. Исключительныя-ли обстоятельства, нами переживаемыя, или, вѣрнѣе, свойство нашего характера тому причиной, но только новое дѣло прошло почти совершенно незамѣченнымъ. Впрочемъ, можетъ быть, разбирательство его въ окружномъ судѣ вызоветъ вниманіе публики и прессы...

Дѣло объ истязаніи ребенка, о которомъ мы говоримъ, разбиралось въ камерѣ мирового судьи 3 участка петербургскаго уѣзда (въ Новой деревнѣ). Подъ домомъ крестьянина Борисова въ Новой деревнѣ найденъ спящимъ мальчикъ и представленъ въ мѣстное полицейское управленіе; онъ оказался сыномъ бельгійской подданной Вильгельмины д'Аржанъ, проживавшей въ Новой же деревнѣ, вѣроятно, на дачѣ. По произведенному полиціей дознанію, оказалось, что вдова д'Аржанъ содержитъ сына Александра очень дурно, обращается съ нимъ жестоко, бьетъ его чѣмъ попало почти каждый день, по цѣлымъ суткамъ и болѣе оставляетъ его безъ пищи и платья, не даетъ ему постели, такъ что онъ спитъ въ грязномъ углу, при входѣ, у дверей, на полу, на кускѣ грязнаго ковра и мѣшкѣ, набитомъ опилками, прикрываясь грязной тряпкой. Вслѣдствіе дурного обращенія матери, избѣгая постоянныхъ побоевъ, мальчикъ началъ бѣгать отъ матери, скрываясь подъ крестьянскими избами за бревнами, поддерживающими строеніе. Въ послѣдній разъ онъ былъ найденъ въ одной рубашкѣ и штанишкахъ и доставленъ г. Галкинымъ въ полицейскій участокъ, причемъ г. Галкинъ объяснилъ, что онъ увидѣлъ мальчика въ то время, когда его хотѣли отвести къ матери, къ которой мальчикъ не шелъ, боясь полученія новыхъ побоевъ. Бѣднаго мальчика пріютилъ на время г. Долгорадскій, проживавшій въ Новой деревнѣ. Г-жа д'Аржанъ объяснила, что сынъ ея, Александръ, ведетъ себя крайне дурно, шалитъ, совершаетъ кражи и другіе неблаговидные поступки, почему г-жа д'Аржанъ исправляетъ дурныя наклонности своего сына, наказывая его, а чтобы онъ не бѣгалъ отъ нея — привязываетъ его къ своей кровати, но ничто не помогаетъ, и мальчикъ продолжаетъ предаваться шалостямъ, такъ что у г-жи д'Аржанъ не хватаетъ рукъ, чтобы отучить сына отъ дурныхъ привычекъ.



Казачій пикетъ.

Свидѣтели подтвердили жестокое обращеніе матери съ несчастнымъ сыномъ и мировой судья, находя это дѣло себѣ неподсуднымъ, рѣшилъ передать его прокурору Петербургскаго окружного суда.

Свою жестокость мать объяснила тѣмъ же, чѣмъ объясняютъ ее подобныя ей матери: испорченностію мальчика; истязанія она называетъ мѣрами исправительными. И чѣмъ же другимъ можетъ она объяснить свое поведеніе? и ужь, конечно, она не считаетъ себя жестокой. Въ мировомъ судѣ не выяснилось, что она за женщина, какую жизнь вела, любила-ли она отца своего ребенка, а эти подробности необходимо знать для правильной оцѣнки ея образа дѣйствій съ ребенкомъ. Но дѣло не въ томъ, сознательно или безсознательно дѣйствовала г-жа д'Аржанъ, виновна-ли она или сама достойна состраданія, а въ томъ, что она не исключеніе, что такихъ матерей, какъ она, не мало, но только по обстоятельствамъ онѣ избѣгаютъ скамьи подсудимыхъ. Столько же, если еще не больше, и жестокихъ отцовъ, тиранящихъ своихъ дѣтей. Статистика показываетъ у насъ ужасающую пропорцію смертности между дѣтьми. Ее объясняютъ бѣдностью и дурнымъ уходомъ за дѣтьми, но, вѣроятно, не малая часть несчастныхъ малютокъ умираетъ и отъ жестокаго обращенія съ ними отцовъ и матерей. Въ средѣ невѣжественной, такая жестокость явленіе довольно обыденное, жестокій отецъ или жестокая мать наивно объясняютъ «нельзя же иначе, если не бить ребенка, изъ него выйдетъ негодяй», конечно, и не подозрѣвая что именно побои и могутъ сдѣлать несчастнаго негодяемъ. Жестокость чаще проявляется въ такихъ семьяхъ, гдѣ дѣти нежеланные пришельцы, гдѣ они лишніе рты, служащіе невольной причиной еще большаго обнищанія нищенской семьи. По этому поводу припоминается мнѣ недавнее происшествіе, случившееся съ однимъ изъ нашихъ молодыхъ врачей, слушающихъ курсъ въ Берлинѣ.

Нашъ соотечественникъ принадлежитъ къ числу тѣхъ благородныхъ людей, которые во всякое время готовы идти на помощь страждущимъ бѣднякамъ; давая безплатно совѣты, они также покупаютъ лекарства и, по мѣрѣ возможности, улучшаютъ пищу больного. Врачъ, о которомъ идетъ рѣчь, узналъ, что по сосѣдству, недалеко отъ его квартиры, лежитъ больная беременная женщина, которой пришло время родить. Онъ поспѣшилъ къ ней. Войдя въ темный сырой подвалъ, онъ увидѣлъ несчастную, корчившуюся въ мукахъ; она лежала на полусгнившей соломѣ и жалобно стонала; въ одномъ углу мрачно и безучастно сидѣлъ мужъ больной, рабочій съ ближайшей фабрики; въ другомъ — жались, полу-голодные, четверо ребятъ. Врачъ, осмотрѣвъ больную, обратился къ мужу и сказалъ:

— Ваша жена родитъ двойни; о лекарствѣ не безпокойтесь, я принесу его. Чрезъ полчаса я возвращусь.

Мужъ свирѣпо посмотрѣлъ на него и сжалъ кулаки. Этотъ несчастный принадлежалъ къ тѣмъ невѣждамъ, которые считаютъ жену преступной, если она родитъ двойни; по ихъ понятію, виновникомъ происхожденія второго ребенка непремѣнно долженъ быть любовникъ. Непривыкшій встрѣчать въ комъ-нибудь участіе и потому непонимавшій, что посторонній человѣкъ можетъ безкорыстно оказать помощь, этотъ рабочій заподозрилъ врача въ связи съ своей женою.

— Очень нужны мнѣ ребята, у меня и безъ того ихъ довольно, сказалъ онъ, сурово посматривая на доктора.

Черезъ полчаса врачъ возвратился, принеся съ собой лекарство; въ его отсутствіе роженица разрѣшилась не двойней, какъ онъ предсказывалъ, а тройней. Новорожденные орали благимъ матомъ.

Едва вошелъ врачъ, разсвирѣпѣвшій мужъ напалъ на него и, нанося ему побои, заоралъ:

— Вотъ тебѣ тройня; намъ жрать нечего, а черезъ тебя корми еще трехъ дармоѣдовъ!

Слезы прочихъ дѣтей и безнадежное состояніе родильницы показывали, что кулаки расвирѣпѣвшаго невѣжды ходили и по ихъ спинамъ. Сбѣжавшіеся сосѣди едва могли укротить бѣшенаго звѣря.

Жена умерла на другой день. Неудивительно, если и всѣ ея дѣти послѣдуютъ за нею. Причиной ихъ смерти будетъ преимущественно жестокость ихъ отца, хотя, конечно, немалое вліяніе окажутъ жизнь впроголодь и сырое помѣщеніе, но статистика не констатируетъ этого факта, онъ будетъ ей неизвѣстенъ, потому что этотъ рабочій, котораго нищета сдѣлала подобнымъ дикому звѣрю, можетъ быть (и даже невѣрное), не попадетъ на скамью подсудимыхъ по обвиненію въ жестокомъ обращеніи съ дѣтьми.

Такихъ несчастныхъ наберется и у насъ не мало. Заколачиваютъ они въ гробъ своихъ дѣтей и гибнутъ бѣдныя малютки, не возбуждая ни въ комъ участія. Какъ предупредить это зло? Просвѣщеніе, силится со всѣхъ сторонъ, смягчитъ нравы. Въ немъ видятъ панацею отъ всѣхъ золъ, но пока невѣжественная масса просвѣтится, погибнутъ милліоны несчастныхъ дѣтей. Помочь горю нѣсколько могли бы общественныя заведенія для призрѣнія и воспитанія дѣтей, которыхъ не могутъ или не умѣютъ воспитать родители, съ которыми они жестоко обращаются. Но много-ли ихъ существуетъ не только у насъ, но и въ западной Европѣ и гдѣ найти средства для открытія такого количества ихъ, какое необходимо? Конечно, такія заведенія должны быть устроены хорошо, а главное, на началахъ гуманности, не такъ, какъ, напримѣръ, ведется у насъ въ настоящее время пріютъ арестанскихъ дѣтей мужескаго пола, пестуемый директоромъ г. Эйхгольцемъ. По словамъ газеты «Новости», въ этомъ пріютѣ почти всѣ мальчики переболѣли чесоткою, потому что все лѣто валялись на грязномъ и сыромъ полу. Дѣтямъ объявлено объ учрежденіи карцера и о томъ, что ихъ будутъ сѣчь. Исполнена-ли эта угроза, мы не знаемъ, но считаемъ нужнымъ сказать, что когда директоромъ этого пріюта былъ г. Пятковскій, а надзирательницей г-жа Казанцева, воспитаніе въ пріютѣ шло прекрасно; съ дѣтьми обращались вполнѣ гуманно и они были здоровы. По слухамъ, г. Пятковскій снова принимаетъ пріютъ, чему надо порадоваться.

Петербургская дума не отличается скоростью рѣшенія предлагаемыхъ ея обсужденію проектовъ и предположеній. Вѣроятно, та же участь постигнетъ и предложеніе г. Сан-Галли «о принятіи мѣръ къ устраненію несчастныхъ случаевъ на конно-желѣзныхъ дорогахъ», хотя съ принятіемъ его слѣдовало бы поторопиться. При нашей безпечности, у насъ часты случаи смерти и увѣчій, причиняемыхъ неосторожной ѣздой какъ экипажей, такъ и на конно-желѣзныхъ дорогахъ. Можно, пожалуй, согласиться, что нерѣдко причиной несчастій бываютъ сами пѣшеходы, необращающіе должнаго вниманія на предостереженія, но, разумѣется, гораздо чаще причина заключается въ непринятіи должныхъ мѣръ кучерами экипажей и вагоновъ конно-желѣзныхъ дорогъ. Извощики, напримѣръ, ѣздятъ часто по лѣвой сторонѣ улицы, сталкиваются съ встрѣчными экипажами и путаютъ пѣшеходовъ, переходящихъ улицу, которымъ приходится стремительно кидаться назадъ, иначе имъ угрожаетъ опасность очутиться между двумя встрѣчными экипажами. О безобразной ѣздѣ у насъ ломовыхъ извощиковъ и говорить нечего; часто они ѣдутъ въ два или три ряда, или, пустые, мчатся вереницей въ 15, 20 телѣгъ. Можно предупредить и несчастія на конно-желѣзныхъ дорогахъ принятіемъ нѣкоторыхъ предохранительныхъ мѣръ. Г. Сан-Галли предлагаетъ сдѣлать приспособленія на нижней части вагоновъ, а также постановить, чтобы остановки были въ большомъ числѣ пунктовъ и чтобы на ходу не дозволялось садиться въ вагоны или выходить изъ нихъ. Первыя двѣ мѣры вполнѣ раціональны, но послѣдняя, мнѣ кажется, излишней: зачѣмъ стѣснять напрасно; если введутся болѣе частыя остановки поѣздовъ, то входить и выходить во время пути будутъ только люди, привычные къ этому; кто же не надѣется на свои силы, тотъ, навѣрное, пойдетъ на пунктъ остановки; къ тому же, если запретить выходъ на пути, какой смыслъ добиваться устройства приспособленія на нижней части вагоновъ, имѣющей цѣлію облегчить входъ въ вагонъ и выходъ изъ него во время пути?

Н. И.

Новости наукъ и жизни.

— **Египетская армія.** Въ вышедшемъ недавно сочиненіи англичанина М'Коана о нынѣшнемъ положеніи Египта («Egypt as it is»), находятся, между прочимъ, могущія особенно интересовать въ настоящее время подробности объ египетскомъ войскѣ, сражающемся теперь въ Турціи подъ начальствомъ Гассана-паши. «Военнымъ министерствомъ, говоритъ авторъ, управляетъ принцъ Гассанъ-паша, третій сынъ хедива, о военномъ и общемъ образованіи котораго достаточно будетъ сказать, что онъ воспитанникъ оксфордскаго университета и маіоръ прусской арміи. Регулярная армія, въ нынѣшнемъ ея видѣ, состоитъ изъ 18 пѣхотныхъ полковъ (между которыми два составлены изъ суданскихъ негровъ), 4 кавалерійскихъ, по 6 эскадроновъ въ каждомъ, и 4 полевой артиллеріи, по 6 батарей въ каждой. Хотя въ настоящую пору подъ ружьемъ не можетъ находиться болѣе 20 тысячъ, но полковые кадры разсчитаны на армію въ 80 тысячъ человѣкъ. Пѣхота вооружена ремингтоновскими ружьями, кавалерія — частью револьверами и пиками, частью саблями и карабинами, полевая артиллерія — 100 крупповскими орудіями и 50 другого образца. Самую слабую сторону египетскаго войска составляетъ его дурная организація; вслѣдствіе же полнаго отсутствія въ немъ военной подготовки и дисциплины оно не можетъ принести никакой пользы, сражаясь гдѣ бы то ни было внѣ Египта...»

— **Новая драма.** А. А. Потѣхинъ окончилъ свою новую большую пьесу, которая пойдетъ въ бенефисъ г-жи Савиной, и на дняхъ читалъ ее въ небольшомъ кружкѣ своихъ знакомыхъ. По отзыву слышавшихъ эту пьесу — она сценична.

— **Антропометрическіе опыты во второй С.-Петербургской военной гимназіи.** Подъ руководствомъ одного изъ нашихъ даровитыхъ анатомовъ, Г. П. Лесгафта, недавно были произведены медицинскія измѣренія и изслѣдованія воспитанниковъ С.-Петербургской второй военной гимназіи. Эти измѣренія и изслѣдованія особенно интересны въ томъ отношеніи, что они являются у насъ первыми опытами собранія антропометрическихъ матеріаловъ, накопленіе и научная разработка которыхъ весьма желательна, въ виду того, что они позволятъ наукѣ точнѣе опредѣлить законы роста, дадутъ возможность контролировать примѣняемые у насъ методы физическаго воспитанія и скорѣйшимъ образомъ замѣчать различные физическіе недостатки, появляющіеся у учащихся въ различные періоды ихъ школьной жизни.

Вотъ результаты этихъ измѣреній:

1) У воспитанниковъ встрѣчаются чаще всего страданія щитовидной желѣзы (зобъ), сердца и накожныя сыпи.

Первое страданіе, замѣченное въ первомъ и во второмъ классѣ по одному разу, оказывается въ третьемъ классѣ уже 8 (изъ 52), въ пятомъ у десяти (изъ 61), а въ седьмомъ у 30 (изъ 52); слѣдовательно, 57%. Серьезныя страданія сердца наблюдались у 17 воспитанниковъ, а именно: третьяго класса — два, четвертаго — пять, пятаго — четыре и седьмого — шесть. У всѣхъ этихъ воспитанниковъ одинъ изъ звуковъ сердца (чаще первый) замѣненъ шумомъ и, повидимому, существуетъ страданіе сердечныхъ заслонокъ. Кромѣ того, замѣчались небольшія неправильности въ звукахъ сердца, какъ-то: усиленіе или ослабленіе одного изъ нихъ: въ первомъ классѣ — у двоихъ (изъ 32) или 6,25%, во второмъ — у 7 (изъ 44) или 15,6%, въ третьемъ — у 9 (изъ 59) или 15,2%, въ четвертомъ — у 17 (изъ 63) или 27%, въ пятомъ — у 19 (изъ 61) или 31%, въ шестомъ — у 11 (изъ 44) 25%, въ седьмомъ — у 15 (изъ 52) или 28,8%.

Страданія кожи встрѣчается чрезвычайно часто: въ старшемъ классѣ у большинства воспитанниковъ кожа шероховатая и на сторонѣ разгибателей, въ особенности на самыхъ суставахъ, поверхностный слой кожи съуживается; часто она покрыта прыщами. Въ низшихъ классахъ такія измѣненія кожи встрѣчаются рѣже, но и здѣсь иногда бываетъ видна сыпь на различныхъ частяхъ тѣла: въ первомъ классѣ—у 6 (изъ 32), во второмъ — у 5 (изъ 44), въ третьемъ—у 9 (изъ 59).

2) *Искривленіе позвоночнаго столба* встрѣтилось у воспитанниковъ втораго класса—одинъ разъ, третьяго класса—три раза, четвертаго класса—одинъ разъ, пятаго класса—одинъ разъ, шестого класса — одинъ разъ и седьмого класса — два раза. *Половыя грыжи* у двухъ воспитанниковъ.

3) Наконецъ, у нѣкоторыхъ воспитанниковъ обнаружены страданія легкихъ, а именно: перваго класса—одинъ разъ, втораго класса — два, третьяго класса—два, четвертаго класса—одинъ, пятаго класса—три, шестого класса—два и седьмого класса—два.

Смѣсь.

— **Католическій фанатизмъ.** Въ одной изъ католическихъ газетъ говорится, что смерть папы Пія IX искуплена добровольною жертвою молодой мученицы, дѣвицы Амеліи Лотаръ. Она томилась горячимъ рвеніемъ угодить Господу. Однажды, причастившись св. тайнъ, Амелія благоговѣйно молилась за благоденствіе церкви и святого отца, здоровье котораго внушало тогда большія опасенія всѣмъ истиннымъ католикамъ; вдругъ въ ней появилось желаніе пожертвовать своею жизнью за долголѣтіе Пія IX. Ей захотѣлось, если Богу только угодно, умереть, лишь бы ея смерть засчиталась за смерть папы, чтобы, такимъ образомъ, сохранить паствѣ св. Петра ея пастыря, который одинъ можетъ спасти ее отъ всѣхъ грозящихъ ей опасностей. Окончивъ свою молитву, она отправилась въ Ватиканъ и, упавъ къ ногамъ больного папы, разсказала ему все, что происходило на душѣ ея и что она желаетъ непремѣнно принести свою ничтожную жизнь въ жертву за его жизнь. Пій IX молчалъ нѣсколько мгновеній. Амелія же, скрестивъ руки и устремивъ взоръ на него, ждала отвѣта. Затѣмъ святой отецъ, положивъ руку ей на голову, торжественно и медленно произнесъ, точно прислушиваясь къ голосу свыше: «Иди, дочь моя, и дѣлай то, что Святой Духъ внушилъ тебѣ». Онъ трогательно благословилъ ее, и она ушла, полная душевной радости. Слѣдующій день былъ воскресный. Амелія, причастившись въ соборѣ св. Петра святыхъ таинъ, предложила въ молитвѣ жизнь свою Богу. Едва только успѣла она, говоритъ «Bulletin», произнести эти слова, какъ вдругъ съ нею сдѣлалось дурно и, вскрикнувъ, она упала безъ чувствъ. Ее снесли домой, призванный докторъ объявилъ, что его искуство здѣсь безпомощно. Послѣ трехдневныхъ страшныхъ страданій, ей стало нѣсколько легче; помолившись, она простилась со всѣми близкими и друзьями, выпросила ихъ прочитать надъ нею отходную и затѣмъ испустила послѣднее дыханіе. Когда вѣсть о ея смерти достигла Ватикана, папа принялъ ее спокойно, только поднявъ руки къ небу, прошепталъ: «Такъ скоро принято!» Онъ приказалъ устроить мученицѣ похороны, достойныя ея святого подвига, отказавъ марсельцамъ выдать тѣло святой ихъ соотечественницы.

— **Османъ-паша.** Имя главнокомандующаго виддинскою арміею Османа-паши пріобрѣло въ настоящую войну громкую извѣстность, благодаря событіямъ, разыгрывающимся втеченіе почти трехъ мѣсяцевъ вокругъ Плевны, а потому небезъинтересны нѣкоторыя біографическія данныя объ этомъ турецкомъ полководцѣ, заимствованныя изъ константинопольской газеты «La Vérité». Османъ-паша родомъ изъ города Токата, въ Малой Азіи, лежащемъ верстахъ въ 75-ти къ сѣверо-западу отъ Сиваса, и получилъ первоначальное образованіе въ приготовительной школѣ въ Константинополѣ, подъ руководствомъ своего брата, Гусейна, бывшаго тамъ учителемъ арабскаго языка. По выходѣ изъ этой школы, Османъ поступилъ въ военное училище и, окончивъ въ немъ курсъ съ отличіемъ, поступилъ въ 1853 г. на службу въ армію, съ чиномъ поручика; съ открытіемъ военныхъ дѣйствій на Дунаѣ, онъ былъ причисленъ къ главному штабу арміи въ Шумлѣ. Его хладнокровіе въ бою и выдающіяся военныя способности доставили ему, по окончаніи крымской кампаніи, чинъ капитана, съ переводомъ въ султанскую гвардію, гдѣ онъ вскорѣ былъ назначенъ баталіоннымъ командиромъ. Въ этой должности Османъ-паша участвовалъ въ усмиреніи критскаго возстанія, вернулся оттуда въ Константинополь съ чиномъ полковника и, пройдя разныя ступени командованія, былъ назначенъ начальникомъ дивизіи въ 5-мъ арабистанскомъ корпусѣ (штабъ-квартира Дамаскъ). При началѣ сербско-турецкой войны Османъ-паша командовалъ уже дивизіею въ Виддинѣ, и за свои дѣйствія у Зайчара (впрочемъ, не особенно блистательныя) произведенъ въ муширы, т. е. въ полные генералы. Съ объявленіемъ настоящей войны, Осману-пашѣ было ввѣрено командованіе видинскимъ корпусомъ, въ составѣ 68 баталіоновъ, 16 эскадроновъ и 174 орудій, съ частью котораго онъ появился, въ началѣ іюля, у Плевны, и такъ искусно укрѣпилъ свои позиціи, что, послѣ нѣсколькихъ попытокъ овладѣть ими открытою силою, пришлось вести противъ нихъ постепенную атаку. Въ награду за его подвиги подъ Плевной и выказанную имъ замѣчательную энергію, Османъ-паша награжденъ почетною саблею, высшею степенью ордена Османіэ и недавно пожалованъ титуломъ «эль-гази» (побѣдоносный).

— **Удивительная свадьба.** Изъ Варшавы пишутъ «Голосу», о необыкновенной свадьбѣ: Невѣстою была прелестная 22-лѣтняя брюнетка, женихомъ—сѣдой, какъ лунь, сгорбленный 86-ти лѣтній старикъ. Когда женихъ и невѣста заняли свои мѣста, вышелъ ксендзъ и начался обрядъ вѣнчанія. Запѣли «Veni Creator». Невѣста залилась горькими слезами. Женихъ видимо чувствовалъ себя въ неловкомъ положеніи и поминутно оглядывался по сторонамъ, какъ бы желая скорѣйшаго окончанія этой и для него невыносимой сцены. Послѣ вѣнчанія невѣста съ своими свидѣтелями тотчасъ же сѣла въ карету и уѣхала изъ костела направо, а жениха усадили въ карету его свидѣтели и повезли налѣво. Оказалось, что невѣстѣ, отъ одного изъ близкихъ ея родственниковъ, была оставлена по завѣщанію большая сумма денегъ, которую она могла получить только по выходѣ замужъ. Родственники хотѣли выдать ее почти насильно за человѣка, котораго она не любила Дѣвушка противилась. Между тѣмъ, проходили дни, недѣли и мѣсяцы. Дѣвушка сознавала необходимость въ деньгахъ, но получить ихъ могла только послѣ выхода въ замужество. Въ одно прекрасное утро дѣвушка идетъ къ костелу и перваго попавшагося ей на глаза старика-нищаго уговариваетъ быть ея мужемъ, за что обѣщаетъ ему 300 рублей и свой подвѣнечный костюмъ, но съ условіемъ, чтобы послѣ свадьбы онъ никогда къ ней не приходилъ. Свидѣтели обѣихъ сторонъ за свою службу получили каждый по 15 рублей.

— **Почта въ Соединенныхъ штатахъ.** Ежегодный отчетъ, напечатанный главнымъ директоромъ почтъ въ Соединенныхъ штатахъ, заключаетъ въ себѣ множество любопытныхъ подробностей о дѣятельности почтъ въ союзѣ съ 1876 года. Число предметовъ, отправленныхъ по почтѣ безъ всякой обертки, доходило до 14,346. Пришлось отправить обратно 593 страховыхъ письма, въ которыя были вложены, вопреки почтовымъ правиламъ международнаго почтоваго союза, монеты или драгоцѣнности. Три четверти этихъ писемъ присланы изъ Соединенныхъ же штатовъ. Какъ и въ предыдущемъ году по почтѣ пересылались самые разнообразные предметы, часто свидѣтельствующіе о невѣроятной эксцентричности отправителей. Такъ въ почтовыхъ ящикахъ находили музыкальные инструменты, ножи, искуственные зубы и глаза, парики, цвѣты, фрукты, овощи, дичь, рыбу, лекарства, косметики, платья, піявки, лягушекъ, ящерицъ. Такъ какъ пересылка по почтѣ многихъ изъ этихъ предметовъ запрещена, то посылки не были доставлены. Живой ужъ былъ найденъ въ сверткѣ, доставленномъ на почту Голигида и Кингстона, и такъ какъ никто за нимъ не явился, то онъ былъ отправленъ черезъ двѣ недѣли въ дублинскій зоологическій садъ. Ящикъ съ живой рогатой лягушкой прибылъ изъ Нью-Іорка въ Ливерпуль и былъ доставленъ по назначенію, другой пакетъ съ двумя живыми ящерицами, также былъ полученъ изъ Соединенныхъ штатовъ въ дублинской почтовой конторѣ и былъ выданъ лицу, явившемуся за полученіемъ его. Нѣсколько разъ случалось, что подавались жалобы о неполученіи такихъ писемъ, которыхъ по почтѣ не посылали. Такимъ образомъ, одно лицо жаловалось на пропажу письма, въ которое вложенъ былъ чекъ въ 500 долл. Когда его стали подробно допрашивать, то лицо это вынуждено было сознаться, что заявленіе это ложно и что оно выдумало исторію о пропажѣ письма съ цѣлію отдѣлаться на нѣсколько дней отъ своихъ кредиторовъ. Въ другомъ случаѣ предъявлена была жалоба на то, что письмо, посланное одному естествоиспытателю, не дошло по назначенію; но впослѣдствіи письмо это было найдено у того лица, кому оно было адресовано, въ клѣткѣ, куда его запрятала обезьяна.

— **Голуби-контрабандисты.** Сметливые люди успѣли примѣнить голубиную почту къ нарушенію таможенныхъ уставовъ. Во Франціи было недавно открыто, что французскіе голуби проносятъ черезъ границу отъ $^{1}/_{3}$ до $^{1}/_{2}$ унца табака подъ своими крылышками. Какой-то ловкій промышленникъ содержалъ до 80 такихъ пернатыхъ контрабандистовъ. Обманъ былъ открытъ совершенно случайно, благодаря раненному голубю, упавшему въ Сену, недалеко отъ Парижа, вмѣстѣ съ своею обличительною ношей.

Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій.

Настоящую хронику мы начнемъ описаніемъ блистательной побѣды, одержанной нашими войсками въ Малой Азіи надъ арміей Мухтара-паши. Объ этой побѣдѣ получены двѣ слѣдующія оффиціальныя телеграммы:

1) Его императорскаго высочества главнокомандующаго кавказскою арміей въ Горній Студень Государю Императору, отъ 3-го октября, въ 9 часовъ вечера: «Счастливъ, что могу поздравить Ваше Величество съ блестящею побѣдою. Сегодня армія Мухтара-паши разбита на̀голову и отрѣзана отъ Карса. Число взятыхъ орудій и плѣнныхъ еще не могу опредѣлить.

Всѣ войска̀ вели себя геройски. О потеряхъ и трофеяхъ донесу дополнительно».

2) Его императорскаго высочества главнокомандующаго кавказскою арміею, изъ Караяла, отъ 4-го октября, въ 1 часъ 8 минутъ пополудни: «Общій ходъ дѣйствій 2-го и 3-го октября былъ слѣдующій. Обходная колонна генерала Лазарева, занявъ 2-го октября Орлокскія высоты, сбила турецкія войска̀ и отбросила ихъ къ

Карсу и Визинкёву. Такъ какъ движеніемъ этимъ часть непріятельской арміи была уже обойдена, то на третье число была назначена общая атака расположенія Мухтара-паши. Ключъ его съ фронта составляла укрѣпленная гора Авліаръ. Въ шесть часовъ утра войскà наши начали общее наступленіе, подготовивъ атаку Авліара замѣчательно мѣткимъ огнемъ артиллеріи; генералъ Гейманъ, съ Эриванскимъ, Грузинскимъ и Пятигорскимъ полками и стрѣлковымъ баталіономъ, къ полудню блистательно штурмовалъ Авліаръ и овладѣлъ имъ. Съ занятіемъ этого пункта, армія Мухтара-паши была разрѣзана, часть ея, обратившаяся къ Карсу, встрѣченная во флангъ войсками генерала Лазарева и преслѣдуемая войсками генерала Геймана, была къ пяти часамъ совершенно разбита и разсѣяна, потерявъ множество убитыхъ, нѣсколько тысячъ плѣнныхъ и четыре орудія.

Одновременно съ этимъ, оставшіяся на правомъ флангѣ турецкія войска, въ составѣ трехъ дивизій, были отброшены съ своихъ аладжинскихъ позицій, окруженныя со всѣхъ сторонъ и понеся огромныя потери, къ восьми часамъ вечера вынуждены были сдаться. Много плѣнныхъ, съ семью пашами, 32 орудіями и огромнымъ количествомъ военнаго имущества. Мухтаръ-паша бѣжалъ въ Карсъ. Потери сравнительно не велики».

Этой побѣдѣ предшествовали дѣйствія нашихъ войскъ въ этой мѣстности, изложенныя въ слѣдующей телеграммѣ начальника штаба кавказской арміи изъ Караяла отъ 2-го октября:

«Войска Мухтара-паши, отступивъ, 27-го сентября, своимъ правымъ флангомъ и центромъ, остановились на заранѣе подготовленныхъ укрѣпленныхъ позиціяхъ на сѣверной оконечности Аладжи на Авліарѣ, Визинкевскихъ высотахъ и Малыхъ Ягнахъ. Преслѣдуя отступающаго непріятеля, войска наши расположились, 29-го сентября, на Кизылтапа, впереди селеній Субботанъ и Хадживали и на горѣ Большія Ягны.

1-го октября, съ разсвѣтомъ, турки, спустившись съ горы Малые Ягны и Визинкевскихъ высотъ, внезапно атаковали возведенный нами впереди Большіе Ягны редутъ. Несмотря на сосредоточенный артиллерійскій огонь, направленный ими на этотъ пунктъ и неоднократно повторенныя атаки, батальонъ, защищавшій редутъ, и подоспѣвшіе къ нему три батальона Мингрельскаго и Тифлисскаго полковъ, блистательно отбили всѣ попытки одиннадцати непріятельскихъ батальоновъ и обратили ихъ въ бѣгство, захвативъ въ плѣнъ трехъ офицеровъ. Непріятель оставилъ на мѣстѣ до ста тѣлъ. Потеря наша убитыми и ранеными не превышаетъ ста человѣкъ. Дѣло было, по истинѣ, молодецкое.

По послѣднимъ свѣдѣніямъ, въ дѣлѣ 20-го сентября раненъ Мингрельскаго полка майоръ князь Джандіеровъ и контуженъ Кубанскаго казачьяго полка есаулъ Бѣляевскій и драгунскаго полка прапорщикъ Скандровъ. Умеръ отъ ранъ Севастопольскаго полка подполковникъ Браганскій».

Изъ арміи, дѣйствующей за Дунаемъ получены слѣдующія телеграммы его высочества Главнокомандующаго изъ Горнаго Студня: 1) Отъ 27-го сентября—Въ рущукскомъ отрядѣ, 25-го сентября, небольшой турецкій отрядъ атаковалъ деревню Кошеву, но былъ отбитъ.

26-го сентября въ полдень, турки напали на наши передовые посты противъ Кадыкіоя, но при помощи подоспѣвшаго резерва сторожевыхъ постовъ отбиты съ большимъ урономъ. У насъ ранено 4 человѣка.

У Кадыкіоя сосредоточены большія турецкія силы. Констанца и Садина очищены турками.

У Силистріи, въ ночь съ 25-го на 26-е, турки открыли по нашимъ огонь съ парохода и батарей.

2) Отъ 29-го сентября—Турки развели мостъ, который начали-было наводить у Силистріи.

Командующій войсками въ Ловчѣ, генералъ Карцевъ, выслалъ, 21-го сентября, войсковаго старшину Тарасова съ одной сотней на поискъ къ турецкому Извору, который овладѣлъ имъ въ тотъ же день нечаяннымъ нападеніемъ. Выбивъ оттуда около 400 турокъ, составлявшихъ сборную команду разныхъ частей и уничтоживъ турецкіе склады хлѣба и фуража въ Изворѣ, Тарасовъ возвратился въ Микре.

23-го сентября, онъ, пройдя сперва чрезъ Торовъ, повторилъ набѣгъ на Изворъ и вновь выбилъ оттуда турокъ.

24-го окружилъ деревню Галата, выбилъ оттуда 300 баши-бузуковъ и преслѣдовалъ ихъ до города Тетебена. Найдя Тетебенскій горный проходъ занятымъ 400 черкесами съ тремя горными орудіями, Тарасовъ переночевалъ у Сопота и, на другое утро, воротился въ Микре.

Подъ Плевной, 26-го сентября, вечеромъ, турки хотѣли смѣнить свой траншейный караулъ; встрѣченные огнемъ румынъ, пріостановились, подвели подкрѣпленія и атаковали румынскія траншеи, но были отбиты съ большимъ урономъ.

Въ Сулинѣ турецкій трехмачтовый броненосецъ наткнулся, 27-го сентября, на наши минныя загражденія и взлетѣлъ на воздухъ.

3) Отъ 30-го сентября—Холодъ и ненастье продолжаются; вездѣ тихо; только въ рущукскомъ отрядѣ казаки заняли 29-го сентября деревню Опаку, выбивъ оттуда непріятеля.

4) Отъ 1-го октября—Новаго ничего нѣтъ; все благополучно.

5) Отъ 3-го октября—1-го октября болѣе тысячи пѣшихъ и конныхъ баши-бузуковъ спустившись съ горъ, атаковали деревню Морень близь Елены, но четыре роты Сѣвскаго полка и два эскадрона Орденскихъ драгунъ перешли въ наступленіе сами и отбросили турокъ, которые поспѣшно отступили, понеся большую потерю и оставивъ много неподобранныхъ тѣлъ на мѣстѣ стычки; у насъ ранены четыре человѣка Сѣвскаго полка.

Противъ отряда Цесаревича турки продолжаютъ сосредоточивать свои войска.

Въ прочихъ мѣстахъ новаго ничего нѣтъ.

О дѣйствіяхъ нашихъ моряковъ въ Сулинскомъ руслѣ Дуная имѣется двѣ телеграммы:

1) Генералъ-адъютанта Семеки къ его императорскому высочеству Генералъ-Адмиралу, отъ 28-го сентября: О новомъ доблестномъ подвигѣ моряковъ имѣю честь донести вашему императорскому высочеству: Отрядъ генералъ-лейтенанта Веревкина, въ составѣ флотиліи: шести вымпеловъ и шести миноносныхъ паровыхъ катеровъ, подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Дикова, съ частью Дорогобужскаго полка, на судахъ и на островѣ Лети, 26 числа къ вечеру подошелъ къ линіи нашего миннаго загражденія въ 12 миляхъ отъ Сулина. Въ ночь на 27 число миноносные катера выдвинулись на вторую милю, и въ 300 саженяхъ отъ бона заложили новую линію миннаго загражденія подъ сильныхъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ; потерь людьми не было, только былъ перебитъ картечью буксиръ одного плота съ двумя минами; люди спаслись, а плоты унесло внизъ. Въ ту же ночь передовыя части пѣхотной колонны по прибрежной, приморской дорогѣ къ сухопутной баттареѣ, имѣли удачную схватку съ турками. 27 утромъ флотилія двинулась на боевую позицію. Въ 8 часовъ утра турецкій пароходъ «Карталь» открылъ огонь по катерамъ и по пѣхотѣ. На берегу стрѣлки наши отвѣчали отлично, перебили много людей на пароходѣ и уничтожили весь десантъ, спущенный на катерѣ, такъ что катеръ, никѣмъ неуправляемый, унесло внизъ по теченію. Два выстрѣла съ паровой шхуны «Воронъ» остановили «Карталь». Подходившій къ нему на помощь трехъ-мачтовый винтовый пароходъ, взойдя на линію миннаго загражденія, поставленнаго ночью, былъ взорванъ и пошелъ ко дну. Въ 9 часовъ, занявъ боевую позицію въ трехъ миляхъ, флотилія наша открыла пальбу изъ мортиръ, но въ часъ должна была прекратить ее по случаю сильнаго тумана. Флагъ съ потонувшаго послѣ взрыва парохода въ виду броненосцевъ былъ снятъ капитанъ-лейтенантомъ Сатинымъ, лейтенантомъ Фридрихсомъ, гардемаринами графомъ Строгановымъ и Чабовскимъ. Потеря наша двое убитыхъ и четыре раненыхъ нижнихъ чиновъ. Въ Сулинѣ находятся, кромѣ мелкихъ судовъ, 4 броненосца; послѣдніе отошли въ черту города. Утромъ 28 наша флотилія, занявъ вчерашнюю позицію, открыла артиллерійскій огонь по турецкимъ судамъ.

2) Генералъ-адъютанта Аркаса къ его императорскому высочеству Генералъ-Адмиралу, отъ 29-го сентября. Счастливъ, что могу въ дополненіе къ депешѣ, посланной вчера управляющему морскимъ министерствомъ, донести вашему высочеству о подробностяхъ дѣйствій подъ Сулиномъ. Въ ночь на 27-е сентября, Диковъ *) съ флотиліею подойдя къ 12-й милѣ отъ Сулина, послалъ катера лейтенантовъ Кругскофа, Фридрихса, Лозинскаго, Скрягина, мичмана Радецкаго и гардемарина графа Строганова поставить мины. Катера подошли къ самому бону, были замѣчены, и не смотря на сильный картечный и ружейный огонь съ броненосцевъ и батарей, исполнили порученіе наилучшимъ образомъ. Въ 5 часовъ утра, получивъ извѣстіе о поставкѣ минъ, Диковъ пошелъ къ Сулину имѣя впереди пароходъ «Опытъ», съ приспособленіемъ для отысканія минъ; за «Опытомъ» шелъ самъ Диковъ на шхунѣ «Ворона» и остальныя суда отряда. Подойдя къ 6-й милѣ замѣчено бѣло, чтоизъ Сулина вышли на встрѣчу пароходъ «Карталь» и другой деревянный большой батарейный. Приказавъ «Опыту» возвратиться и высадивъ на берегъ какъ можно поспѣшнѣе бывшую на шхунѣ «Ворона» роту пѣхоты, Диковъ пошелъ на встрѣчу турецкимъ судамъ. «Карталь», сидящій только три фута, прошелъ загражденіе, но нѣсколько удачныхъ выстрѣловъ «Вороны» заставили его возвратиться. Между тѣмъ большой пароходъ приближался и уже началась перестрѣлка, какъ показался столбъ воды и пароходъ затонулъ взорванный одною изъ минъ, поставленныхъ ночью. «Карталь» быстро ушелъ къ Сулину. Взрывъ судна былъ встрѣченъ общимъ «ура» на всемъ отрядѣ; кормовой флагъ снятъ лейтенантомъ Фридрихсомъ. Часть людей кажется спаслась въ камышахъ. Броненосецъ, желавшій вѣроятно также встрѣтить флотилію, не трогался уже съ мѣста до окончанія бомбардировки этого дня. Окончивъ такъ удачно дѣло съ двумя турецкими судами, занявъ опредѣленную заранѣе диспозицію, Диковъ продолжалъ перестрѣлку съ броненосцами, къ ночи же отошелъ на пушечный выстрѣлъ отъ нашего загражденія, которое въ ночь усилено. Затѣмъ Диковъ телеграфируетъ, что въ 10 часовъ утра слѣдующаго дня, выстрѣломъ съ «Вороны» поврежденъ броненосецъ, кажется взорванъ котелъ. Отрядъ нашъ пошелъ ближе къ Сулину. Столь смѣлыя дѣйствія Дикова и его помощниковъ представляю милостивому вниманію вашего императорскаго высочества.

Телеграммы.

Бѣлградъ, 28-го сентября. Вчера происходилъ совѣтъ министровъ, въ которомъ было оконча-

---

*) Капитанъ-лейтенантъ Диковъ — начальникъ миноносной флотиліи на Дунаѣ у Сулина.

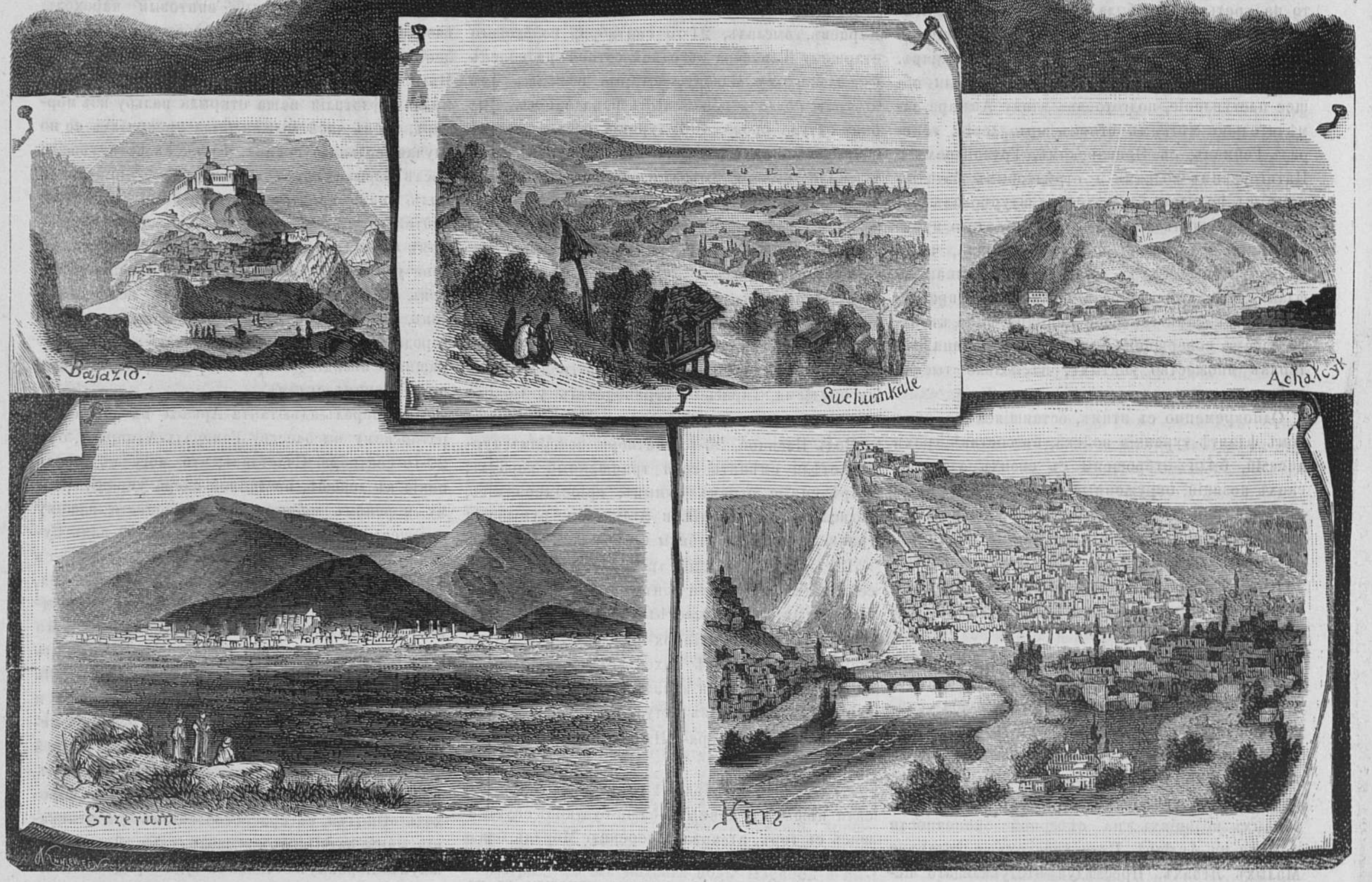


Рис. 9. (Къ статьѣ: *«Спорное побережье»* см. № 39.)

тельно рѣшено участіе Сербіи въ войнѣ. Сербія выставитъ 40,000 войска и направитъ главныя силы противъ Ниша. Бригады милиціи перваго призыва выступили на границу, милиція второго призыва послѣдуетъ за ними черезъ недѣлю. Утверждаютъ, что Эюбъ-паша назначенъ командующимъ турецкими войсками въ Старой Сербіи, а Мегеметъ-Али главнокомандующимъ въ Нишѣ.

— 29-го сентября. Ходятъ слухи, что Порта намѣрена обратиться къ сербскому правительству съ ультиматумомъ, въ которомъ будетъ требовать удаленія русскаго флага на зданіи русскаго консульства въ Бѣлградѣ и самого русскаго консула изъ сербской столицы, а также немедленнаго распущенія мобилизованной арміи.

Бухарестъ. Капитанъ Каухманъ, выдававшій себя за пруссака и получившій дозволеніе посѣтить армію, оказался корреспондентомъ газеты «Neue Freie Presse», въ которой онъ помѣщалъ корреспонденціи, исполненныя брани, клеветъ, и открывалъ узнанные секреты движеній арміи. Вслѣдствіе этого румынское правительство выслало его изъ предѣловъ Румыніи.

Вѣна, 26-го сентября. Газетѣ «Politische Correspondenz» сообщаютъ изъ Бѣлграда: Переговоры между Сербіею и русскимъ дипломатическимъ агентомъ окончательно заключены въ томъ смыслѣ, что между Сербіей и Россіей достигнуто соглашеніе.

7-го октября семь сербскихъ бригадъ выступили къ границѣ.

Вскорѣ въ Бѣлградъ прибудетъ изъ Горнаго Студня одинъ изъ полковниковъ русскаго генеральнаго штаба».

Константинополь, 30-го сентября. По слухамъ, Порта намѣревается произвести вторженіе въ Сербію и назначить Али-пашу комиссаромъ Порты для управленія княжествомъ.

— 1-го октября. Сюда пріѣхалъ графъ Владиславъ Платеръ, извѣстный «непримиримый» польской эмиграціи. Онъ привезъ съ собой 4 милліона франковъ, собранныхъ для того, чтобъ преобразовать польскій легіонъ, который доселѣ еще ничѣмъ себя не заявилъ. Преобразованіе должно начаться немедленно: организаторомъ называютъ Никада-пашу (панъ Былинскій), а начальникомъ легіона — Искендеръ-бея (панъ Товарновскій). Нельзя не обратить вниманія на то, что эта реорганизація легіона и пріѣздъ графа Плагера съ деньгами въ Константинополь совпадаютъ съ затѣями венгерцевъ.

Парижъ, 27-го сентября. За обнародованный избирательный манифестъ, Гамбетта вызванъ на слѣдующую пятницу въ судъ исправительной полиціи.

— 30-го сентября. Гамбетта снова приговоренъ заочно къ тюремному заключенію на три мѣсяца и къ уплатѣ 4,000 фр. штрафа. Типографщикъ приговоренъ къ заключенію на двѣ недѣли и къ штрафу въ 2,000 франковъ.

— 3-го октября. Избраны республиканскіе депутаты во всѣхъ парижскихъ избирательныхъ округахъ, за исключеніемъ одного, гдѣ избранъ консерваторъ Тушаръ. (На послѣднихъ выборахъ въ этомъ округѣ былъ избранъ герцогъ Деказъ, но онъ уступилъ свою парижскую кандидатуру Тушару изъ опасенія провалиться). Получаемыя изъ провинціальныхъ округовъ извѣстія подтверждаютъ побѣду республиканцевъ.

Грэви получилъ въ 9 округѣ 12,871 голосъ Гамбетта въ 20 округѣ 13,812 голосовъ.

* * *

Наши гравюры.

Казачій пикетъ.

Кубанскіе казаки едва ли не самое способное войско въ мірѣ для аванпостной службы. Пѣшіе кубанцы, извѣстные подъ именемъ пластуновъ, изобрѣли остроумный способъ обманывать турокъ заставляя ихъ выпускать безъ пользы большое количество выстрѣловъ. Они берутъ какой нибудь обрубокъ одѣваютъ его въ рваный казачій костюмъ и ставятъ подлѣ дерева или у какого нибудь закрытія. Турки, принявъ это чучело за часового начинаютъ стрѣлять въ него, а пластуны сидя гдѣ-нибудь въ сторонѣ, только посмѣиваются. Выдумка пластуновъ пришлась по вкусу и ихъ товарищамъ коннымъ кубанцамъ, которые, какъ видно изъ приложенной гравюры, употребляютъ тоже средство для обмана турокъ, т. е. ставятъ чучело и даютъ ему пику въ руку.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи. Михаилъ Ивановичъ Драгомировъ. (Свиты Его Велич. генер.-лейтенантъ).—Талисманъ бѣднаго Гассана.—Капитанша Кваповская (продол.). — Чортовъ волосъ (продолж.). — Нечеловѣческая месть (продол.). — Стихотвор. «Неровный бракъ». — Обо всемъ. — Новости наукъ и жизни. — Смѣсь. — Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій. — Телеграммы. — Наши гравюры.

Гравюры: Михаилъ Ивановичъ Драгомировъ.—Охота. — Неровный бракъ, рисунокъ Андріолли. — Казачій пикетъ. — Рис. 9. Къ статьѣ «Спорное побережье.»

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 Октября 1877 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

Живописное Обозрѣніе

Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде.

№ 42. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода—4 р. 50 к. Отдѣльн. №№ по 15 к.

С.-Петербургъ, 16 Октября 1877 года.

Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Троицкій переулокъ, домъ № 27/1. Годъ V.

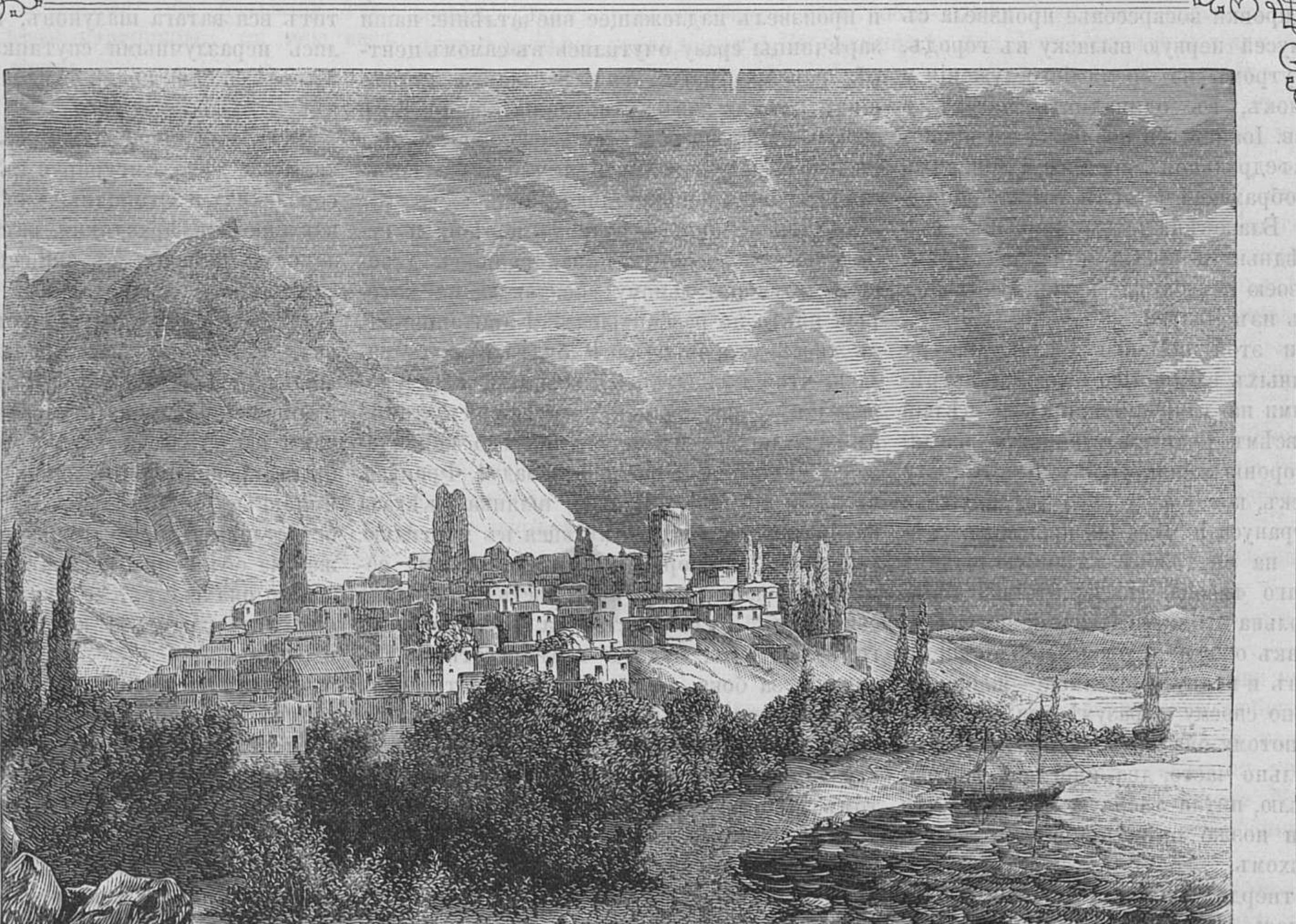
Подписка на „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ 1877 г. продолжается.

Въ 1877 году журналъ выходитъ **еженедѣльными** нумерами (въ годъ 52 нумера), иллюстрированными множествомъ художественныхъ гравюръ. Всѣ подписчики получаютъ, въ **видѣ премій**, ежемѣсячное приложеніе подъ заглавіемъ «Жизнь и Хозяйство», со множествомъ рисунковъ. Годовымъ подписчикамъ разсылаются слѣдующія преміи: большая гравюра **„Продажа амулетовъ“**, снимокъ съ картины проф. **Генриха Семирадскаго**, на толстой веленевой бумагѣ, длиною одинъ аршинъ, шириною 12½ вершковъ, и **Карта театра военныхъ дѣйствій въ Европейской и Азіятской Турціи.**

Годовая подписная цѣна журнала, съ достав. и перес. 7 руб., безъ перес. и доставки—6 руб.; на полгода: (съ 1-го іюля), съ пересылкою—4 р. 50 коп., безъ перес.—3 руб.

Подписка продолжается. Новые годовые подписчики получаютъ журналъ съ перваго нумера.

Въ началѣ ноября мѣсяца гг. подписчикамъ журнала будетъ разослана **ПРЕМІЯ**—иллюстрированная драма **„Марко Фоскарини“**, К. Залѣвскаго,—въ переводѣ **Омулевскаго.**



Алушта. (Ко 2-й статьѣ: «Спорное побережье» въ слѣдующемъ нумерѣ.)

Капитанша Кваповская.

Повѣсть **Л. Леванды.**

(*Продолженіе.*)

V.

— Надобно за дѣвку серьезно взяться, а то она у меня или совсѣмъ засидится или съ первымъ голышемъ снюхается. И что мудреннаго, что жениховъ нѣтъ? Живемъ мы на предмѣстьѣ, порядочному человѣку она никогда на глаза не попадается, гдѣ же тутъ быть роману? Надобно почаще бывать съ нею въ городѣ, авось кто-нибудь наклюнется. Да, непремѣнно надобно по чаще бывать съ нею въ городѣ.

Такъ думала про себя капитанша Кваповская, на которую предложеніе Холявы произвело сильное и непріятное впечатлѣніе. Правда, предложеніе было рѣшительно и категорически отвергнуто; но уже одно то, что *мѣщанишко* Холява возъимѣлъ смѣлость сдѣлать это предложеніе бросало капитаншу въ жаръ и въ холодъ. Она считала это афронтомъ своему достоинству и званію капитанши.

— Надобно по чаще бывать съ нею въ городѣ, — повторяла она себѣ въ десятый разъ и, наконецъ, рѣшилась.

На послѣднія деньги она соорудила себѣ суконное пальто кофейнаго цвѣта и шляпу съ пунцовыми лентами, а Франусѣ — тарлатановое платье, шелковую мантилью и соломенную шляпку съ лентами, цвѣтами и перьями, снабдила ее варшавскими ботинками, зонтикомъ, перчатками и молитвенникомъ въ красномъ переплетѣ и была увѣрена, что въ этомъ видѣ ея Франуся — восхитительна до nec plus ultra и заполонитъ хоть кого.

Въ этой увѣренности она въ первое послѣ обмундировки воскресенье произвела съ своей Франусей первую вылазку въ городъ, побывавъ утромъ во время богослуженія у Францискановъ, въ одинадцать часовъ у обѣдни у св. Іоанна, въ полдень — на проповѣди въ кафедральномъ костелѣ, а вечеромъ — въ остробрамской часовнѣ, отправившись оттуда въ Благовѣщенскую церковь, гдѣ какой-то бѣдный и ветхій чиновникъ вѣнчался съ своею ветхою же кухаркою, вывезенною имъ изъ Калуги.

Трофеями этой вылазки были: два-три двусмысленныхъ взгляда со стороны встрѣченныхъ ими на улицѣ мужчинъ и цѣлый коробъ совсѣмъ недвусмысленныхъ взглядовъ со стороны женщинъ, въ особенности же дѣвушекъ, которыя дерзко заглядывали въ лицо Франуси и чуть не прыскали смѣхомъ, видя на ея головѣ смѣшную шляпку невѣроятнаго фасона. Но капитанша была очень довольна этими незавидными трофеями, такъ-какъ она и двусмысленные взгляды мужчинъ и недвусмысленные — женщинъ толковала по своему и, разумѣется, въ свою пользу. А потому она производила свои вылазки довольно часто, два, иногда и три раза въ недѣлю, питая твердую надежду, что раньше или позже онѣ увѣнчаются желаннымъ успѣхомъ.

Но эта твердая надежда почему то не осуществилась. Прошло два мѣсяца въ вылазкахъ, а трофеи оставались одни и тѣ же; взгляды и опять взгляды, двусмысленные и недвусмысленные и вовсе безсмысленные, и больше ничего.

Это удивляло, но не обезкураживало нашу капитаншу, и она рѣшилась только перемѣнить тактику, направляя свои вылазки въ другую сторону. Она именно рѣшила, что паломничество по кастеламъ и церквамъ слѣдуетъ оставить, такъ какъ въ храмы Божіи люди ходятъ молиться, а не на смотрины; вылазки-же всего естественнѣе направлять на публичныя гулянья, городскія и загородныя, куда люди, въ особенности-же молодежь, ходитъ главнѣе — смотрѣть. Сказано, сдѣлано.

На соломенной шляпкѣ панны Франциски появилась еще одна гирлянда, которая придавала ея головѣ видъ висячаго цвѣтника; къ груди приколота была ленточная кокарда желтаго цвѣта и непомѣрной величины, молтвенникъ уступилъ мѣсто саку изъ клеенки и въ этихъ доспѣхахъ стали дѣлаться диверсіи то въ одно, то въ другое мѣсто публичныхъ гуляній города Вильны. Порядокъ шествія былъ слѣдующій: впереди шагала, выдѣлывая простолюдинскія па даже въ варшавскихъ ботинкахъ, панна Франциска, понуривъ голову и ни на кого не глядя — изъ скромности, страха и непривычки вращаться въ многолюдномъ обществѣ. За панною Францискою, въ трехъ шагахъ отъ нея, выступала утиннымъ шагомъ сама капитанша съ гордо поднятою головою и бросая на всѣхъ смѣлые, торжествующіе взгляды, какъ-бы говоря, «а что, есть-ли у кого изъ матерей такая куколка?» За капитаншею, а иногда и о бокъ съ нею ковылялъ панъ Фердинандъ на своей деревянной ногѣ, въ соломенной шляпѣ деревенскаго издѣлія и съ своею дворянскою медалью въ петлицѣ. Шествіе замыкалъ Трезоръ, огромная кудлатая собака пана Фердинанда, которая отъ старости едва передвигала ноги и постоянно отставала, чтобы сѣсть и немножко почесаться.

Первый дебютъ этой оригинальной процессіи происходилъ въ Ботаническомъ саду и произвелъ надлежащее впечатлѣніе: наши зарѣчинцы сразу очутились въ самомъ центрѣ перекрестнаго огня взглядовъ гуляющихъ, такъ какъ капитанша, направивъ свою колонну на главную аллею, не сходила съ нея весь вечеръ, находя, что эта аллея — самая лучшая операціонная линія.

— Деревенщина, — чутьемъ порѣшили гуляющіе и повеселѣли, обрадовавшись даровому и уморительному спектаклю, на который никто не разсчитывалъ. Капитанша-же, съ своей стороны, какъ будто сама старалась, чтобы спектакль выходилъ еще уморительнѣе: она громко, не стѣсняясь, точно въ саду никого нѣтъ, — поминутно командовала: «Франуся, воротись назадъ! Франуся, не пыли ногами! Франуся, шляпка съѣхала на бокъ! Франуся, не кутайся въ мантилью, разорвешь! Трезоръ, не отставай! Пане совѣтнику! маякъ уже не дѣйствуетъ? Пане совѣтнику! Гдѣ кресты на Трехкрестовой горѣ? Трезоръ, будетъ тебѣ чесаться!» Гуляющіе за бока держались и не отставали отъ нашихъ добрыхъ чудаковъ, предъ которыми они съ комическою важностью разступались, давая имъ дорогу — и образуя потомъ за ними безпрерывный хвостъ. Капитанша принимала эти знаки вѣжливости и вниманія съ легкимъ наклоненіемъ головы и добродушнѣйшею улыбкою, отъ которой близь стоявшіе приходили въ восхищеніе, находя эту комедію занимательною донельзя. Шутники хотѣли было тутъ-же свести знакомство съ нашими чудаками, которые точно съ неба упали, чтобы поразнообразить слишкомъ церемонное и монотонное гулянье въ фешенебельномъ саду, но отложили свое намѣреніе до другого раза.

Этотъ другой разъ не заставилъ себя долго ждать: онъ происходилъ на слѣдующій же день, и шутники привели въ исполненіе свое намѣреніе. Они познакомились и съ бойкою капитаншею и съ наивною и робкою Франциской, и съ одичавшимъ въ отставкѣ паномъ совѣтникомъ и съ выжившимъ изъ ума Трезоромъ, который отъ старости уже мало разбиралъ, кто его хозяинъ и ходилъ къ каждому, кто его кликалъ. Около нашихъ зарѣчинцевъ образовался довольно большой кружокъ веселой молодежи, которая была въ восхищеніи отъ своей неожиданной находки, оказавшейся гораздо занимательнѣе и забавнѣе, чѣмъ можно было предполагать. Зарѣчинцы сдѣлались героями гулянья: всѣ уступали имъ дорогу, очищали для нихъ скамейки, приглашая ихъ садиться, а молодежь разсыпалась предъ ними въ вѣжливостяхъ и любезностяхъ и угощала ихъ мороженнымъ, конфектами и лимонадомъ. Капитанша догадывалась, почему ей оказываютъ такое почтительное вниманіе и млѣла отъ восторга, многозначительно переглядываясь съ паномъ Фердинандомъ, какъ бы говоря: а что, пане совѣтнику, не правду-ли я говорила, что Франуся и т. д. панъ Фердинандъ только недоумѣвалъ, но далеко былъ отъ мысли, что все это — мистификація, потѣшающая молодежь и всю гуляющую публику.

— Завтра гулянье въ Желѣзной хаткѣ, — скажетъ бывало кто нибудь изъ молодежи, — вы на немъ будете, Брониславa Антоновна?

— Какъ-же, — отвѣтитъ капитанша, — это въ нашемъ сосѣдствѣ, будемъ безпремѣнно.

— И прекрасно. Слышите, господа? Капитанша завтра будетъ въ Желѣзной хаткѣ, значитъ и намъ туда.

— Всеконечно! — бывало радостно отвѣтитъ вся ватага шалуновъ, которые сдѣлались неразлучными спутниками капитанши во всѣхъ ея послѣ-обѣденныхъ экскурсіяхъ.

Такъ они провозились съ нашими чудаками все лѣто, фигурируя съ ними на всѣхъ городскихъ и загородныхъ гуляньяхъ, устроивая пикники, праздники, катанья по Виліи на лодкахъ, поѣздки въ экипажахъ въ Верки, соперничая между собою въ усердномъ ухаживаньѣ за Франусей и стараясь задабривать капитаншу, каждый въ свою пользу. Капитанша находилась въ большомъ затрудненіи, не зная, кому отдавать преимущество, такъ какъ всѣ, искавшіе руки ея дочери, были прекрасные молодые люди, служащіе, чиновные и богатые. Кого-же изъ нихъ осчастливить своею Франусей? У Франуси — же она объ этомъ несправлялась.

Что она знаетъ? — думала капитанша, — она вѣдь дитя. За кого скажу, за того и выйдетъ.

— Она часто приглашала молодыхъ людей къ себѣ, но они подъ разными благовидными предлогами уклонялись отъ этой чести, предпочитая лучше видѣться и дурачиться съ нашими милыми чудаками на свободѣ.

Комедія эта длилась до второй половины августа. Съ наступленіемъ же первыхъ темныхъ и длинныхъ вечеровъ, ватага возившейся съ капитаншей молодежи вдругъ разсѣялась, исчезла, ни разу не попадаясь на встрѣчу озадаченной капитаншѣ.

Она недоумѣвала, она скучала, она досадовала, но пришла къ заключенію, что у Франуси все еще нѣтъ жениха.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

* * *

Нечеловѣческая месть.

Романъ Анри Тесье.

(*Продолженіе.*)

Часть первая.

Глава VI.

Чѣмъ больше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ.

Прибывъ въ свою канцелярію, Дени засталъ уже тамъ Ямлова и Жана Брюне. Онъ занялся сначала молодымъ докторомъ, попросивъ Жана обождать.

— Что наши больные? спросилъ онъ, вводя Ямлова въ свой кабинетъ.

— Ручаюсь за нихъ, отвѣчалъ докторъ.

— За всѣхъ трехъ?

— За всѣхъ! Натти и молодая дѣвушка будутъ завтра же внѣ всякой опасности и оправятся скоро. Съ старикомъ дѣло затянется нѣсколько долѣе.

— Такъ они могутъ уже говорить?

— О, нѣтъ! возразилъ Ямловъ, улыбаясь, — но пульсъ ощутителенъ; кровообращеніе возстановилось, болѣзненныя пятна исчезли; однимъ словомъ, опасность миновала.

Дени протянулъ ему обѣ руки.

— Знаете, сказалъ онъ, — въ нашемъ ремеслѣ рѣдко приходится пускаться въ изліянія чувствъ, но я людей изучилъ и могу сказать, что вы принадлежите къ числу тѣхъ, кому мнѣ пріятно заявить свою симпатію!

Молодой врачъ покраснѣлъ отъ этого комплимента, а Дени продолжалъ:

— Да, вы сотворили почти чудо и съ такою скромностью, которая служитъ для меня лучшимъ ручательствомъ за ваше знаніе! Окажите же еще услугу, помогите мнѣ разъяснить одно запутанное дѣло... Ваши больные могутъ обойтись безъ васъ?

— О, да! Съ ними Кероэль.

— Такъ поѣзжайте въ больницу Гро-Калью съ этою карточкою... съ нею васъ вездѣ пропустятъ...

Онъ написалъ, продолжая говорить, нѣсколько словъ по своей визитной карточкѣ.

— Взгляните тамъ на двухъ раненыхъ, присланныхъ мною сегодня ночью. Я не сомнѣваюсь въ искуствѣ больничныхъ врачей, но, можетъ быть, они не обратятъ особеннаго вниманія на этихъ несчастныхъ, въ которыхъ я принимаю самое живое участіе.

— Я отправлюсь тотчасъ же, отвѣчалъ Ямловъ, взявшись за шляпу. — Кстати, я ожидалъ, что вы пришлете кого-нибудь сдѣлать обыскъ у Натти, и собралъ у него, на случай, все, что можетъ помочь вамъ выяснить дѣло. Вотъ, во-первыхъ, бумаги, которыя самъ Линденъ уложилъ въ одинъ пакетъ съ странною надписью: «Сжечь въ случаѣ моей скоропостижной смерти».

— Дѣйствительно, странная надпись! замѣтилъ Дени.

— Далѣе, я собралъ всѣ письма, полученныя Натти и Бланшъ втеченіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ... Какъ ни безсодержательны они на мой взглядъ, но я подумалъ, что ваша проницательность можетъ открыть въ нихъ тоже что-нибудь, имѣющее значеніе...

— Постараемся, докторъ! И такъ, до свиданія!

Очередь было за Жаномъ Брюне. Онъ передалъ въ подробности свою бесѣду съ бѣлокурымъ молодымъ человѣкомъ и свои размышленія въ то время, какъ онъ поджидалъ его въ аллеѣ Бретейль.

— Такъ, такъ! сказалъ Дени.—Садъ герцога доходитъ до аллеи... А вы не замѣтили, Жанъ, не слѣдовалъ ли кто-нибудь за вами?

— Мудрено было замѣтить что-нибудь среди тумана! Полагаю только, что мой сѣдокъ встрѣтилъ разбойниковъ въ улицѣ Эбле.

— И вы думаете, что онъ прибылъ съ желѣзной дороги?

— Да, потому что съ нимъ было одѣяло и небольшой саквояжъ.

— А! я еще не зналъ этой подробности... Хорошо. Обождите меня внизу; я васъ нанимаю на часы. Теперь девять часовъ двадцать минутъ.

Едва Жанъ Брюне успѣлъ выдти съ поклономъ изъ комнаты, какъ Дени подали телеграмму. Она была изъ Манса и содержала слѣдующее извѣстіе:

«Въ улицѣ Флоры, № 10, живетъ молодой художникъ, Поль Ленди. Выбылъ въ Парижъ вчера вечеромъ, на поѣздѣ отходящемъ въ 7 ч. 35 м. Менаръ».

— Поль Ленди! проговорилъ Дени, задумываясь. — Гдѣ я слышалъ это имя?... Да, это Кероэль говорилъ... Такъ звали того самого гостя, который не явился на ужинъ въ ресторанѣ... Но въ такомъ случаѣ что же это наболтала мнѣ мамзель Фанни? Что общаго между этимъ молодымъ человѣкомъ и Эрминою Рейнольдъ?... Одна вышла въ два часа, а этотъ прибылъ въ полночь... Чортъ возьми! Дѣло запутывается, вмѣсто того, чтобы распутываться!

Продолжая ворчать, онъ вскрылъ пакетъ, принесенный Ямловымъ. Прежде всего онъ вынулъ оттуда паспортъ на имя Натаніеля Ванъ-Линдена, рожденнаго въ Батавіи, въ 1855 году и студента медицины, который былъ визированъ французскимъ консуломъ и помѣченъ на Парижъ, 6 іюня 1873 года. Рядомъ съ этимъ документомъ лежалъ нумеръ газеты, напечатанной на половину на французскомъ, на половину на голландскомъ языкѣ. Одинъ изъ столбцовъ былъ обведенъ краснымъ карандашемъ. Въ заголовкѣ статьи значилось: «Процессъ Ванъ-Линдена».

Далѣе, Дени увидѣлъ большой вскрытый конвертъ, на которомъ сохранилась еще черная сургучная печать. Въ этомъ конвертѣ лежало письмо, помятое и испещренное мелкими пятнами, давно произведенными или каплями воды или слезъ... Въ письмо былъ вложенъ батистовый платокъ съ вензелемъ изъ перевитыхъ *E* и *B* и обшитый изорваннымъ кружевомъ. Самая ткань платка была надорвана во многихъ мѣстахъ. Письмо было подписано: Твоя бѣдная мать, Эмми Ванъ-Линденъ.

«Семейная тайна, по всей вѣроятности, и завѣщаніе», подумалъ Дени, начиная читать.

По мѣрѣ того, какъ его глаза бѣгали по строкамъ, на его лбу все глубже и глубже бороздилась вертикальная морщина; когда же онъ добрался до послѣдняго слова, то не могъ удержаться, чтобы не воскликнуть:

— Чортъ побери!

Потомъ онъ прибавилъ со вздохомъ:

— Вотъ еще одно старое преступленіе, оставшееся безнаказаннымъ!... Когда этотъ мальчикъ поправится, онъ разскажетъ мнѣ эту исторію. Что касается какого-то Морлака, о которомъ говорится въ этомъ письмѣ, это долженъ быть архи-мошенникъ, не поздоровится ему, если попадется мнѣ въ лапы!

Дени прочелъ еще нѣсколько незначительныхъ писемъ. Три изъ нихъ были подписаны: «Поль Ленди». Одно письмо онъ положилъ къ себѣ въ бумажникъ, а всѣ остальныя бумаги связалъ въ одну пачку, на которой сдѣлалъ свою помѣтку.

Кореспонденція Бланшъ, подруги Натти, состояла изъ нѣсколькихъ писемъ отъ Мулена. Въ одномъ изъ нихъ, старикъ благодарилъ ее, равно какъ и Линдена, за большую услугу, которую они ему оказали; въ прочихъ выражалось его желаніе сойтись поближе съ молодыми людями и поселиться въ одномъ домѣ съ ними. Всѣ эти письма были писаны годъ тому назадъ. Кромѣ нихъ, здѣсь были еще три записки отъ Ирмы Шапюи, швеи въ домѣ герцогини Рейнольдъ. Въ нихъ упоминалось объ Эрминѣ. Наконецъ, были еще двѣ визитныя карточки самой Эрмины. На оборотѣ одной изъ нихъ она написала: «Прошу мадмуазель Бланшъ не забыть принести мои шляпы въ понедѣльникъ утромъ». А на другой: «Если я могу быть вамъ полезной, милая мадмуазель Бланшъ, вы можете смѣло разсчитывать на мое расположеніе къ вамъ».

— Вотъ оно что! пробормоталъ Дени, — наша молоденькая герцогиня знала Натти и Бланшъ черезъ Поля Ленди... или же Поля Ленди черезъ своихъ двухъ пріятелей...

Онъ запечаталъ обѣ пачки прочитанныхъ имъ писемъ, отложивъ себѣ, на случай, одну изъ визитныхъ карточекъ Эрмины; въ это время вошелъ въ комнату сторожъ, который подалъ ему небольшой саквояжъ, завернутый въ одѣяло, и крѣпко связанный ящичекъ.

— А внизу васъ ждетъ какой-то комиссіонеръ, г. Дени, сказалъ онъ.

— Хорошо, я позвоню тотчасъ, отвѣчалъ инспекторъ, торопливо вскрывая ящикъ.

Наверху лежала записка Лера слѣдующаго содержанія: «Рана молодого человѣка серьезна; но не смертельна. Благодаря здоровому сложенію, онъ начинаетъ оправляться. Спасти убійцу нельзя, но надежда привести его въ чувство еще не потеряна. На это потребуется однакожь три или четыре дня. Посылаю всѣ вещи, найденныя при раненомъ: маленькій альбомъ, портмоне, въ которомъ находится 160 франковъ, перочинный ножъ и серебряные часы съ золотою цѣпочкой».

Развернувъ альбомъ, Дени увидалъ въ немъ акварельный портретъ, при взглядѣ на который у него вырвалось восклицаніе:

— Герцогиня Рейнольдъ!

Да, это была она, Эрмина. Сходство было поразительное.

— Чтожь это такое? сказалъ Дени; — неужели мой раненый...

Онъ вынулъ изъ альбома вложенныя въ него два письма. Оба они были адресованы: «Г. Полю Ленди. Въ Мансъ, улица Флоры, № 10».

— Чортъ возьми! воскликнуль снова Дени,—это онъ!

Первое письмо было отъ Линдена. Онъ писалъ:

«Дорогой Поль! Отложи на день въ сторону свою поэтическую любовь и явись освѣжить свое сердце среди искренняго дружескаго кружка. Мы ждемъ тебя ровно въ полночь у Маньи, комната № 5, 24 декабря. Будь непремѣнно, иначе никто изъ насъ тебѣ не проститъ».

«Штука усложняется! подумалъ Дени въ недоумѣніи.—Закадычные друзья и поражены въ одно и тоже время! Но какимъ образомъ этотъ бѣдняга, котораго ждали въ улицѣ Контръ-Эскарпъ, наткнулся на ножъ въ улицѣ Эбле».

Развернувъ второе письмо, Дени подскочилъ.

— Эврика! воскликнулъ онъ.

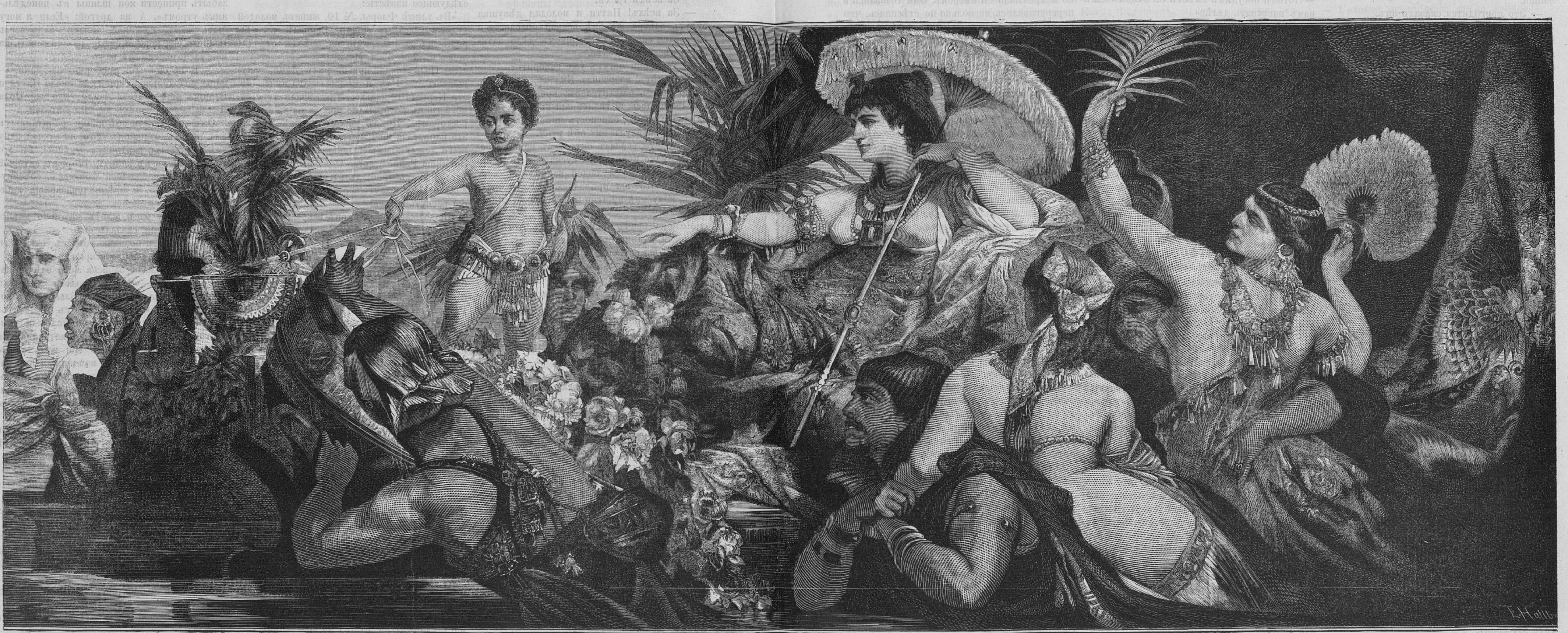
Это второе письмое написанное тонкимъ

и аристократическимъ почеркомъ на свѣтлой почтовой бумагѣ, украшенной монограммою *Э* и *Р*., было такого содержанія:

«Дорогой Поль!

«Мнѣ угрожаетъ большая опасность! Явитесь скорѣе, я разскажу вамъ все; вы одинъ можете меня спасти. Вся наша будущность зависитъ, быть можетъ, отъ этого свиданія. Я буду ждать васъ завтра, въ половинѣ перваго ночью, на углу бульвара и улицы Эбле. Вы, навѣрное, скажете, что я поступаю дурно, но не осуждайте, не выслушавъ меня.

Эрмина».



Клеопатра. Снимокъ съ картины Ганса Макарта.

— Я начинаю окончательно терять голову! сказалъ Дени. — Что за путаница? Зачѣмъ герцогиня приглашаетъ этого юношу на полуночное свиданіе, а сама выходитъ изъ дома въ два по полудни?... Гдѣ же она скрывалась въ этотъ промежутокъ времени? И почему не оказалось ее на мѣстѣ свиданія?... Дьявольская загадка?

Въ эту минуту, сторожъ снова пріотворилъ дверь въ кабинетъ Дени и сказалъ:

— Г. Дени, комиссіонеръ настаиваетъ говорить съ вами. Онъ изъ аллеи Бретейль...

— Уже! произнесъ Дени, поднимая голову.—Давайте его сюда, Симонъ!

Комиссіонеръ вошелъ.

— Вы отыскали № 1743? живо спросилъ Дени.

— Такъ точно.

— Чтоже?...

— Онъ отвезъ молодую даму въ улицу Николе, № 2, и высадилъ ее у садовой калитки, гдѣ ее кто-то поджидалъ.

— Она тамъ и осталась?

— Кучеръ обѣдалъ тутъ же, напротивъ калитки, и не видалъ, чтобы она выходила.

— Прекрасно. Сколько васъ было на поискахъ?

— Только двое. Я отправился случайно на набережную Орсэ и встрѣтилъ на таможней извощичьей биржѣ № 1743.

— Вотъ вамъ пятьдесятъ франковъ. Я очень доволенъ вами!

Комиссіонеръ вышелъ, а Дени, торопливо бросилъ въ свой столъ все, полученное отъ Лера, заперъ ящикъ и позвонилъ.

— Симонъ, сказалъ онъ сторожу, — пошлите ко мнѣ скорѣе Люксейля и Ренара.

Черезъ десять минутъ Дени вскочилъ въ фіакръ Жана Брюне, въ сопровожденіи своихъ двухъ агентовъ и закричалъ:

— Въ галопъ! Монмартръ, улица Николе.

Глава VII.

У хитрой лисы не одинъ выходъ изъ норы.

Жанъ Брюне подгонялъ свою лошадку постояннымъ посвистываньемъ, которое дѣйствовало на нее такъ убѣдительно, что карета прибыла черезъ двадцать минутъ къ повороту въ улицу Николе.

— Стопъ! закричалъ Дени, выскакивая изъ экипажа и дѣлая знакъ своимъ агентамъ не выходить.

Улица Николе, обыкновенно безлюдная, была совершенно пустынна въ эту минуту. Дени постучалъ въ калитку дома № 2-й. Отвѣта не было. Стукнувъ еще разъ, два, три, съ возрастающей силой, Дени подозвалъ Люксейля.

— То, что я хочу сдѣлать, быть можетъ, не совсѣмъ согласно съ закономъ, ворчалъ сквозь зубы Дени,—но иначе нельзя. Послать за комиссаромъ... цѣлый часъ потеряешь!... А какъ знать, что можетъ стоить «часъ» при такихъ обстоятельствахъ?... Вотъ что, Люксейль, надо отворить эту дверь.

— Пустячное дѣло! отвѣчалъ агентъ, вынимая изъ кармана связку такихъ отмычекъ, какія носятъ съ собой слесаря. Черезъ нѣсколько секундъ, калитка повернулась на своихъ петляхъ.

— Готово, г. Дени!

— Хорошо, Люксейль; вы пойдете со мною, а Ренаръ останется при каретѣ. Кстати, Брюне, вы, кажется, здоровенный дѣтина... Идите съ нами, можетъ быть, вы пригодитесь!

Жанъ Брюне, очень довольный, спрыгнулъ съ козелъ и вошелъ въ садъ, вслѣдъ за Дени. Дойдя безъ шума до павильона, Дени обошелъ кругомъ всего строенія, удостовѣрился, что оно было тщательно заперто и что изъ его двухъ боковыхъ фасадовъ небыло другого выхода, какъ черезъ окна. Задній фасадъ домика выходилъ въ небольшой огородъ, весь размытый дождемъ. Въ стѣнѣ дома была небольшая, углубленная въ землю дверь, которая вела, по всей вѣроятности, въ кухню, расположенную въ подвалѣ. Огородъ былъ окруженъ высокимъ заборомъ, къ которому былъ прислоненъ какой-то полуразрушенный сарайчикъ.

Дени подозвалъ знакомъ Люксейля.

— Во-первыхъ, сказалъ онъ,—надо отворить безъ шума домовую дверь, тѣмъ же способомъ, какимъ вы отперли калитку, а потомъ, вы встанете здѣсь, противъ крыльца, чтобы сторожить направо и налѣво. Сзади некуда убѣжать. Если же кто нибудь выскочитъ здѣсь,—одинъ или нѣсколько человѣкъ,—постарайтесь остановить... а окажется нужнымъ, стрѣляйте!... При васъ есть оружіе?

Агентъ показалъ свой револьверъ.

— А вы, Брюне,—у васъ кулаки здоровые;—пойдемте со мной, продолжалъ Дени, въ то время какъ Люксейль отворилъ дверь съ тою ловкостью, образецъ которой онъ уже имѣлъ случай выказать.

Войдя въ сѣни, Дени замѣтилъ, что стѣны и потолокъ были покрыты мягкой обивкою.

— Это напоминаетъ времена регентства, сказалъ онъ, прикладывая свое ухо къ скважинѣ между косякомъ и половинкою двери... —Никакого звука!...

Онъ перешелъ къ другой стѣнѣ и повторилъ тотъ же опытъ... Почудилось ему или нѣтъ, что гдѣ-то пронесся крикъ?... Онъ сосредоточилъ всѣ свои слуховыя способности... Среди мертвой тишины раздался явственно чей-то вопль: «Помогите!»

— Брюне! воскликнулъ Дени, — надо вышибить эту дверь!

Старый солдатъ подошелъ, ощупалъ обивку, потомъ отступилъ немного назадъ, разбѣжался и ударилъ въ дверь плечомъ, какъ тараномъ. Середина обивки разъѣхалась въ стороны; Дени и Жанъ потянули изъ всѣхъ силъ за матерію, и за нею показалась вторая дверь. Брюне выбилъ и второе препятствіе съ тою же легкостью.

— Ухо востро, Брюне! скомандовалъ Дени, кидаясь съ поднятою тростью въ комнату, въ которой господствовалъ полный мракъ. Жанъ Брюне вытащилъ изъ кармана спичку и зажегъ ее. При свѣтѣ ея, онъ разглядѣлъ валявшійся на полу канделябръ. Онъ поднялъ его и освѣтилъ комнату.

Между тѣмъ, Дени наткнулся на чье-то тѣло, лежавшее на коврѣ и нагнулся.

— Эрмина Рейнольдъ! воскликнулъ онъ, поднимая молодую дѣвушку и усаживая ее въ кресло.

— Мертвая? спросилъ испуганно Жанъ.

— Нѣтъ, безъ чувствъ только, благодареніе Богу! Мы во время явились! Но гдѣ-же тотъ?... Гдѣ онъ?

Дени оглянулъ комнату, кинулся въ альковъ, въ уборную... Никого не было! Своимъ полицейскимъ чутьемъ, Дени догадался о присутствіи потаенной двери въ деревянной стѣнѣ и нажалъ пружину... Дверь повернулась на своихъ петляхъ. За нею открылась лѣстница, по которой Дени спустился, не задумываясь и захвативъ съ собою только одну свѣчу изъ канделябра. Онъ очутился въ кухнѣ. Окно ея было раскрыто; огородный сарайчикъ, замѣченный имъ недавно, представлялъ собою развалины; далѣе виднѣлась калитка, продѣланная въ заборѣ. Сарай, очевидно, служилъ только ширмой для нея.

— Ахъ чортъ побери! воскликнулъ Дени съ бѣшенствомъ.—Негодяй улизнулъ! И виноватъ въ этомъ я! Не догадался!

Онъ воротился тѣмъ же путемъ въ комнату, гдѣ находилась молодая герцогиня, поднявъ дорогою фальшивую бороду изъ свѣтлыхъ волосъ и запонку отъ рукава рубашки.

— Это пригодится, сказалъ онъ.

Во время отсутствія инспектора, Жанъ Брюне старался привести въ чувство Эрмину, поглаживая ея маленькія руки своими красными и мохнатыми лапами.

— Вы не бойтесь болѣе, сударынька! говорилъ онъ, стараясь смягчать свой голосъ. Около васъ друзья... настоящіе друзья, право!... Это я, Жанъ Брюне... а потомъ г. Дени... славный чезонѣкъ, за котораго вамъ надо свѣчку поставить; это вѣрно!

Дени невольно улыбнулся, услышавъ себѣ такую безъискуственную похвалу. Онъ отыскалъ въ уборной флаконъ съ нюхательнымъ спиртомъ и поднесъ его къ лицу Эрмины. Она шевельнулась черезъ нѣсколько секундъ.

— Приходитъ въ себя! радостно закричалъ Жанъ Брюне.

Молодая дѣвушка дѣйствительно открыла глаза, но тотчасъ же закрыла ихъ снова съ крикомъ невольнаго ужаса.

— Не бойтесь, дитя мое, поспѣшилъ сказать Дени.—Я сынъ г. Контуа, управляющаго дѣлами вашего дѣда...

— Дѣдушка!... Дѣдушка! сказала Эрмина, заливаясь слезами.—О, отведите меня къ нему... Я боюсь... я не хочу здѣсь болѣе оставаться...

— Хорошо, мы поѣдемъ тотчасъ же, отвѣчалъ Дени,—но вы еще такъ слабы, что не можете идти; мы донесемъ васъ до кареты.

— Дѣдушка здѣсь? спросила, вздрогнувъ, молодая дѣвушка.

— Нѣтъ, и онъ не знаетъ ничего о вашемъ отсутствіи, прибавилъ съ намѣреніемъ Дени.

— Неужели? произнесла она, складывая руки и склоняя свою прелестную головку на плечо Дени, который самъ былъ готовъ расчувствоваться.—О, я обязана вамъ болѣе, чѣмъ думала!

Жанъ Брюне принялся ожесточенно покусывать себѣ усы, чтобы не выдать волненія, которое начинало овладѣвать и имъ.

— Ѣдемъ! сказалъ Дени, чтобы прекратить эту сцену.

Онъ поднялъ Эрмину на руки, какъ маленькаго ребенка, и понесъ ее черезъ садъ. Жанъ Брюне шелъ впереди, прочищая руками дорогу.

Посадивъ Эрмину въ карету, Дени обратился къ своимъ агентамъ.

— Мошенникъ скрылся черезъ заднюю калитку, замаскированную сараемъ сказалъ онъ. Она должна выходить въ улицу Раме черезъ сосѣдніе дворы. Разузнайте, кѣмъ былъ нанятъ этотъ домикъ и не видалъ-ли кто изъ сосѣдей бѣжавшаго отсюда человѣка?... Постарайтесь не терять времени и дѣйствуйте осторожно. Главное, заприте здѣсь все; я желаю найти неприкосновенными слѣды, оставленные негодяемъ.

— Слушаемъ, г. Дени.

Полицейскій инспекторъ вырвалъ листокъ изъ своей записной книжки и написалъ наскоро: «Дорогой батюшка, мнѣ удалось розыскать молодую герцогиню, и нашъ страхъ за нее былъ совершенно неоснователенъ. Она вышла изъ дома съ благотворительною цѣлью, но экипажъ ея опрокинулся, она лишилась чувствъ и была поднята добрыми людьми, которые пріютили ее. Она нисколько не пострадала отъ ушиба и нуждается только въ небольшомъ отдыхѣ. Къ пяти часамъ надѣюсь доставить ее къ вамъ домой».

«Самое лучшее средство прекратить всѣ толки на первый разъ! размышлялъ Дени. —Потомъ обсудимъ вмѣстѣ съ отцомъ какъ намъ поступать далѣе».

Онъ вложилъ записку въ конвертъ, адресовавъ его на имя г. Контуа, и поручилъ Люксейлю отправить письмо немедленно черезъ комиссіонера; потомъ сѣлъ въ карету возлѣ Эрмины, обезсиленной волненіемъ и находившейся въ состояніи, близкомъ къ новому обмороку.

— Ко мнѣ домой! скомандовалъ онъ Жану.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Чортовъ волосъ.

(Фантастическое путешествіе въ Японію.)

Эдуарда Кадоля.

(Продолженіе.)

Глава XIII.

Въ театрѣ микадо.

Съ семи часовъ вечера, двери императорскаго парка были открыты для всѣхъ безъ исключенія. Населеніе Кіото, проникнувъ въ эти великолѣпные сады, не помнило себя отъ восторга. Въ паркѣ было мало широкихъ аллей; но за то подъ сводами вѣковыхъ деревьевъ, пролегало множество узкихъ дорожекъ. Тысячи птичекъ сидѣли на вѣтвяхъ и тихо щебетали, приготовляясь уснуть. На открытыхъ мѣстахъ висѣло множество цвѣтныхъ, бумажныхъ фонарей, на которыхъ огромными буквами была написана программа народнаго праздника. Въ сѣверной сторонѣ парка былъ устроенъ театръ. Онъ отличался отъ другихъ построекъ своей высокой деревянной башней, въ видѣ клѣтки, на верху которой развѣвался національный флагъ. Снаружи театръ имѣлъ форму продолговатаго четыреугольника. Съ двухъ сторонъ къ высокимъ досчатымъ стѣнамъ его примыкали строенія менѣе высокія. Съ правой стороны — чайный домъ, съ лѣвой—ресторанъ. Такъ какъ народный спектакль долженъ былъ протянуться, по крайней мѣрѣ, до двухъ часовъ по полуночи, то распорядитель праздника, предполагая, что зрители проголодаются, позаботился выстроить эти два зданія.

Въ зрительную залу можно было попасть черезъ три узкія отверстія, изъ которыхъ главное, среднее, вело въ партеръ. Но да не введетъ васъ это слово въ заблужденіе. Партеръ и оркестръ нашихъ театровъ ничего не имѣютъ общаго съ японскими. Въ Японіи это неправильные ряды корридоровъ, гдѣ кое-какъ толпятся люди одного класса общества. Сообщеній, дверей между рядами нѣтъ. Чтобы попасть туда, нужно перелѣзать черезъ перегородки, дѣлая чудеса ловкости; дамы также участвуютъ въ гимнастическихъ упражненіяхъ. Со сцены, которая находится напротивъ, черезъ эти отдѣленія тянутся двѣ продолговатыя площадки разной величины. Та, которая уже, оканчивается только въ концѣ залы, другая, вдвое шире, дѣлаетъ прямой уголъ на самой серединѣ и оканчивается у боковой стѣны отверстіемъ съ занавѣсью. На первой площадкѣ комики и главные актеры декламируютъ разныя тирады; вторую, занимаетъ балетная труппа.

Часть партера, съ самого открытія, заняла буржуазія, а оставшіяся мѣста наполнились слугами и массой простого народа, изъ которыхъ нѣкоторые явились въ театръ совсѣмъ голые, другіе же были едва прикрыты грязнымъ и вонючимъ тряпьемъ. Большая часть изъ нихъ была безъ рубашекъ, но непремѣнно съ вѣеромъ. Они толкались и переругивались, нисколько не стѣсняясь, что свидѣтельствовало о большой дозѣ выпитаго саки. Самое меньшее чего можно было отъ нихъ ожидать, это—драки, отъ которой обыкновенно достается и ихъ ни въ чемъ невиннымъ сосѣдямъ.

Надъ партеромъ возвышались два яруса ложъ. Въ первомъ ярусѣ помѣщался классъ благородныхъ и богатыхъ, но не титулованныхъ зрителей. Весь-же цвѣтъ феодальной аристократіи, занималъ второй ярусъ. Тамъ-же едва виднѣлись и фрейлины. Я говорю «едва виднѣлись», потому-что онѣ до того были закутаны въ цѣлое море мантилій, парчи и газа, что не видно было даже кончика носа, и только булавки, воткнутыя въ ихъ волосы, свидѣтельствовали о томъ, что въ этой массѣ пестрыхъ матерій находилось живое существо. Напротивъ сцены была устроена царская ложа, гдѣ помѣстились близкія ко двору лица. Туда-то провели Фелисьена. Несмотря на все его желаніе приблизиться къ Ваказѣ, это было положительно невозможно. Чтобы достичь этого, ему нужно бы было пробраться чрезъ цѣлую стѣну, составившуюся изъ платьевъ фрейлинъ, и если бы онъ даже успѣлъ проникнуть туда, ему бы нѣвозможно было выбраться назадъ.

Совершенно невольно онъ обратилъ вниманіе на то, что происходило вокругъ. Въ ту минуту не на что было смотрѣть на сценѣ, такъ какъ занавѣсь еще не былъ поднятъ; но общій видъ партера былъ не безъ интересенъ. Шумъ стоялъ адскій. Гимнастическія упражненія зрителей, добывавшихъ себѣ мѣста, вызывали всеобщій хохотъ. Если какая-нибудь дама, перелѣзая черезъ перегородку, теряла равновѣсіе, то она храбро хваталась за косу уже помѣстившагося зрителя. Иногда не довольствуясь этой точкой опоры, она ставила ногу на спину ближайшаго сосѣда. Нерѣдко, вслѣдствіе неосторожнаго движенія одного изъ нихъ, происходило всеобщее паденіе, причемъ, множество ни въ чемъ неповинныхъ людей также падало и на мгновеніе исчезало между перегородками къ великому удовольствію сосѣдей. Близь сцены, театральные слуги пересмѣивались между собою и ихъ шутки то и дѣло вели за собой ссоры; тогда брань и побои сыпались градомъ, а зрители смѣялись до коликъ. Сами актеры, съ любопытствомъ просовывали головы въ какую-нибудь дырку въ занавѣси, громко смѣясь, слѣдили за происшествіемъ, между тѣмъ, какъ невозможный оркестръ употреблялъ всѣ усилія, чтобы настроить самые странные инструменты. Прислужницы чайнаго дома и ресторана, невозмутимо приносили желающимъ напитки, которые требовались во все горло. Ловкія, какъ котята, онѣ перешагивали съ одной перегородки на другую черезъ головы зрителей, которые изъ осторожности со смѣхомъ прятались въ глубину корридора.

Фелисьенъ, никогда не видѣвшій ничего подобнаго, былъ очень озадаченъ. При такой вознѣ и при такомъ гвалтѣ, онъ никогда не найдетъ возможности говорить съ принцессой, а между тѣмъ, только для этого онъ и пріѣхалъ сюда.

Вдругъ нѣсколько полу-костюмированныхъ актеровъ выползло изъ-подъ занавѣси и кликнуло служителей. Зная, зачѣмъ ихъ позвали, они прекратили свои ссоры и, бросившись на подмостки, схватили веревку занавѣси и стали тянуть ее изъ всѣхъ силъ. Вся зала шумно выразила свое удовольствіе, но въ самой серединѣ этой операціи, подобно громовому удару, раздался взрывъ хохота. Веревка, за которую тянули актеры и служители, лопнула, и всѣ эти молодцы попадали другъ на друга и покатились на головы зрителей перваго ряда, которые, розиня ротъ, смотрѣли, какъ поднимали занавѣсь. Свалка вышла страшная. Такъ же, какъ и у насъ, всѣ присутствующіе, давали свои совѣты, чтобы исправить несчастіе. Съ низу до верху, даже въ аристократическихъ ложахъ, всѣ спорили и кричали, не слушая другъ друга. Перегнувшись черезъ баллюстрады, мужчины и дамы волновались и жестикулировали, какъ маріонетки. Это было зрѣлище, котораго не опишешь. Во всемъ этомъ шумѣ, преобладалъ все-таки смѣхъ.

Но слуги встали, актеры поправили свои прически и занавѣсь, наконецъ, поднялась. Водворилось молчаніе, и всѣ обратили вниманіе на декорацію. Она состояла изъ цѣлой серіи ширмъ, сверкавшихъ самыми яркими красками японской живописи. Она представляла собою все, что угодно. Но только одни зрители партера имѣли возможность нѣчто представить себѣ, потому что публикѣ верхнихъ ярусовъ не было видно декораціи, но за то они могли наслаждаться видомъ закулиснаго безпорядка. Артисты, оканчивали одѣваться, разбирались въ ящикахъ, гримировались, и мѣряли маски; среди нихъ безпрестанно шмыгали служанки чайнаго дома, приносившія угощенія.

Однакожь, это сверхштатное представленіе видимо ни кого не стѣсняло, никто и не думалъ протестовать. Наконецъ, нѣкто въ родѣ режисера, который бѣсновался до тѣхъ поръ за кулисами, торопя артистовъ, появился передъ публикой, для того, чтобы изложить сюжетъ первой пьесы. Онъ началъ декламировать какимъ то особенно торжественнымъ голосомъ. За ширмами ему акомпанировалъ странный дуэтъ: флейты и чего-то въ родѣ трещетки, монотонный звукъ которой переходилъ то отъ *diminuendo* къ *forte*, то наоборотъ отъ *forte* къ *diminuendo*. Искуство играть на этомъ инструментѣ очень цѣнится въ Японіи.

Не успѣлъ режисеръ окончить своего изложенія, началась пьеса, нѣчто въ родѣ героической трагедіи. Актеры, въ причудливыхъ костюмахъ, въ маскахъ, становились въ невозможныя, очень не граціозныя позы, и монотонно выкрикивали длиннѣйшія тирады. Несмотря на то, что стихи были рифмованы, актеръ очень часто прибавлялъ отъ себя. Случалось это или отъ артистическаго увлеченія, или просто отъ того, что память измѣняла ему. При каждомъ измѣненіи текста видно было, какъ корчилась, точно отъ острой боли, какая-то дама уже пожилыхъ лѣтъ, которая пряталась въ складкахъ занавѣси. Со взоромъ полнымъ гнѣва, она переставала просматривать цѣлую кипу бумаги, испещренной японскими знаками, и, сложивъ руки у рта въ видѣ трубы, она подсказывала текстъ пьесы, пересыпая его ругательствами.

— А! негодяй! бездѣльникъ! кричала она, —ты слишкомъ много выпилъ твоего проклятаго саки! или у тебя въ горлѣ засѣлъ кусокъ жареной рыбы! Скотъ! пьяница! обжора!

Актеръ, къ которому была обращена эта рѣчь, ни мало не конфузился, а публика, слышавшая все отъ слова до слова, не выражала ни малѣйшаго удивленія. По общему мнѣнію, дама эта имѣла полное право выражать свое неудовольствіе. Она была авторомъ пьесы, она была оффиціальнымъ поэтомъ, которому микадо платилъ пенсію.

Когда Фелисьенъ, наконецъ, понялъ содержаніе пьесы, онъ пришелъ въ неописанное удивленіе. Эти дѣйствующія лица, одѣтыя, какъ ученыя собаки, которыя кривлялись, какъ бы страдая водобоязнью и ревѣли, какъ сатиры, имѣли невинную претензію изображать собою современныхъ историческихъ личностей. Одинъ изъ актеровъ въ кардинальской шапкѣ, въ глупѣйшей маскѣ, изображалъ президента Линкольна; другой, не менѣе забавный, президента южныхъ штатовъ, содержаніемъ пьесы была американская война. Къ счастью, режисеръ, отъ времени до времени, появлялся, чтобы напомнить о сюжетѣ, иначе никто бы ничего не понялъ.

Среди этихъ напыщенныхъ куколъ, декламирующихъ лирическія глупости, вдругъ появился полупьяный клоунъ и, прыгая по всей сценѣ, безпощадно ругалъ президента сѣверныхъ штатовъ. Актеръ, кривлявшійся на всѣ лады, который садился даже по лягушачьи, чтобы декламировать нагоняющія сонъ тирады, долженъ былъ изображать собою убійцу несчастнаго Линкольна. Въ послѣднемъ актѣ, благодаря опасному скачку черезъ ширмы, онъ очутился передъ президентомъ и, замѣнивъ револьверъ, японской саблей, предпринялъ убійственную погоню за своимъ противникомъ. Дѣйствіе перешло со сцены уже въ самую залу. Президентъ, обладая не меньшими клоунскими способностями, чѣмъ его противникъ, лазилъ съ ловкостью обезьяны по столбамъ зданія, почти до потолка, но, наконецъ, палъ подъ его ударами у дверей кулисъ.

Во все время погони, публика была какъ бы въ изступленіи, хотя большая часть зрителей даже не подозрѣвала, въ чемъ было дѣло, и въ моментъ убійства, весь партеръ, стоя, чтобы лучше видѣть, громко выражалъ свое удовольствіе и задыхался отъ смѣха. Вѣроятно, посланникъ Соединенныхъ Штатовъ, ничего не понялъ изъ этого маскарада, потому что смѣялся болѣе другихъ представителей иностранныхъ державъ.

Представленіе этой трагедіи длилось четыре часа безъ перерыва; но, несмотря на это, публика не выказывала ни малѣйшаго неудовольствія. Нужно прибавить, что во время представленія, нѣкоторые зрители, оставляли свои мѣста и отправлялись въ чайный домъ или въ ресторанъ, чтобы покурить и подкрѣпиться. Кромѣ того, нѣкоторые пили въ самомъ театрѣ, благодаря служанкамъ, которыя приносили требуемые напитки, и для сокращенія дороги влѣзали иногда прямо на сцену и протискивались между двумя актерами въ самый жаркій моментъ схватки.

Во время антракта, зала опустѣла. Только верхній ярусъ остался наполненнымъ своими аристократическими посѣтителями. Такъ же, какъ и у насъ, благородные дайміосы, переходили изъ ложи въ ложу, чтобы поздороваться съ дамами, поговорить о политикѣ, и подержать пари о бѣгахъ, назначенныхъ на другой день. Чтобы вполнѣ походить на насъ, имъ недоставало только разговора о биржевыхъ курсахъ. Несмотря на вліяніе иностранцевъ и партіи цивилизаціи, этотъ народъ не дошелъ еще до такого просвѣщенія.

Въ ложахъ фрейлинъ посѣтителей было болѣе, чѣмъ въ другихъ. Благодаря безпорядку, причиняемому постоянно входящими и выходящими изъ ложъ, Реформаторъ могъ, наконецъ, приблизиться къ принцессѣ, которая шепнула ему:

— Станьте около меня, когда дайміосы уйдутъ, я буду говорить съ вами, до тѣхъ же поръ молчите.

Антрактъ длился долго, и когда зала снова наполнилась, общій видъ былъ тотъ-же, какъ и при началѣ представленія. Но теперь, по крайней мѣрѣ, актеры были болѣе естественны. Давали комедію изъ быта японской буржуазіи. Дѣйствіе происходило въ Іеддо. Актеры, хотя и были загримированы, но у нихъ уже не было болѣе масокъ, и они гримасничали гораздо естественнѣе. Несмотря на видимое желаніе автора изобразить возможно реальную картину нравовъ, дѣйствіе поминутно прерывалось появленіемъ двухъ сказочныхъ лицъ, которыя ни къ селу, ни городу, прерывали ходъ пьесы непозволительными шутками.

Бѣдный Фелисьенъ, въ высшей степени сконфуженный первой ихъ остротой, быстро оглянулся на принцессу, думая встрѣтить вспыхнувшее отъ стыда лицо. Ни чуть не бывало! Красавица Ваказа была совершенно спокойна. Она даже открыто улыбалась. Всѣ другія молодыя дѣвушки вели себя точно также; и ихъ родители считали это вполнѣ естественнымъ. Подобное равнодушіе можно развѣ объяснить только закоренѣлой привычкой постоянно встрѣчать въ японскихъ театрахъ эти скандальныя дополненія. Если бы у насъ актеръ позволилъ себѣ, хотя сотую часть чего нибудь подобнаго, его, навѣрное бы, освистали, даже если бы зрители состояли преимущественно изъ развратныхъ людей. Правда, что и японская публика не допустила бы у себя на сценѣ нашихъ пьесъ, напримѣръ, такихъ, гдѣ на замужнюю женщину, мать семейства, смотрятъ, какъ на жертву брачнаго закона, и гдѣ она проповѣдуетъ свободу чувства. Въ Іеддо достаточно было бы одного акта «Сфинкса» или нѣкоторыхъ другихъ пьесъ Фелье, чтобы его приговорили распороть себѣ животъ, тутъ же передъ глазами публики.

Но Ваказа, можетъ быть, улыбалась для виду, чтобы не обратить на себя вниманія; можетъ быть, она даже не слыхала ничего среди громкаго смѣха окружающихъ?

Слушатели, не стѣсняясь, отвѣчали на шутки актеровъ, которые, привыкнувъ къ подобнымъ перерывамъ, поддерживали разговоръ и заманивали на сцену нѣкоторыхъ изъ зрителей, для того, чтобы въ случаѣ надобности удобнѣе было отплатить имъ.

— Сегодня ночью, послѣ спектакля, приходите, къ дворцу Кизаки, сказала Ваказа Фелисьену, пользуясь тѣмъ, что никто не обращалъ на нихъ вниманія.—Императрица лично приметъ васъ. Если ваши чувства ко мнѣ искренни, вы выслушаете все, что императрица скажетъ вамъ, чтобы просвѣтить вашъ умъ и заставить васъ оцѣнить настоящую политику нашей партіи. Съ глазу на глазъ съ вами, вдали отъ шпіоновъ, она переубѣдитъ васъ и, такимъ образомъ, примиритъ васъ съ вашей совѣстью.

Фелисьенъ хотѣлъ отвѣчать, но молодая дѣвушка приложила палецъ къ губамъ.

— Берегитесь, насъ могутъ услышать, сказала она.—Отвѣтьте да или нѣтъ.

— Да! отвѣчалъ, не колеблясь, молодой человѣкъ.

— Хорошо! сказала Ваказа, бросивъ на него нѣжный взглядъ.—Ступайте прежде къ ужину, остальное я устрою; теперь-же молчите!

Не смотря на все стараніе Фелисьена прислушаться къ тому, что говорили актеры, онъ ничего не слышалъ, ничего не понималъ, и пьеса окончилась прежде, чѣмъ онъ могъ догадаться о ея сюжетѣ. Было уже за полночь, когда кончился второй антрактъ. Слѣдующее за нимъ представленіе болѣе понравилось молодому человѣку. Шелъ балетъ, и такъ какъ представленіе было оффиціальное, то Кизаки и разрѣшила своей труппѣ танцоровъ, появиться передъ публикой. Танцоры эти, назначенные единственно для развлеченія семейства микадо, были замѣчательные артисты, конечно, сообразно съ требованіями японскаго вкуса. Они пользуются особеннымъ уваженіемъ по слѣдующей причинѣ: какъ у французовъ во время праздничнаго богослуженія въ церковныхъ хорахъ появляются оперныя знаменитости, такъ и бонзы культа Будды, заставляютъ балетную труппу микадо танцовать во время религіозныхъ торжествъ. Они сами, не считаютъ для себя предосудительнымъ присоединяться къ танцорамъ и принимать участіе въ ихъ благочестивыхъ антраша и священныхъ пируэтахъ. Вѣроятно, Будда отъ этого въ восторгѣ, потому что никогда не слышно было, чтобы онъ выразилъ хотя малѣйшее неудовольствіе по поводу этого смѣшенія, священниковъ съ скоморохами.

Можно представить себѣ, съ какимъ любопытствомъ буржуазія и простой народъ слѣдили за представленіемъ, даваемымъ танцорами, которые, въ первый разъ съ сотворенія міра, появлялись передъ такими зрителями, такъ какъ обыкновенно они танцовали только передъ микадо и его женами.

Сюжетъ балета представлялъ много интереса. Въ немъ изображалась страсть бабочки къ цвѣтку. Конечно, это было не ново, но что же ново подъ луною? Лучше придумать было нельзя. Бабочка, дѣйствительно, заслуживала всеобщую симпатію, потому что отличалась полной искренностью. Но въ цвѣткѣ было слишкомъ много кокетства. Какъ онъ заставлялъ ее страдать! Наконецъ, бабочка, потерявъ надежду, какъ будто отказалась отъ него. Къ счастью, другая бабочка, которая много путешествовала и многое видала, посовѣтовала ей притвориться влюбленной въ другого. Какъ это было тяжело для искренней бабочки! Сначала, она хотѣла предпочесть смерть этому средству. Но ея подруга настаивала, и выразительными жестами, доказывала ей, что для того, чтобы нравиться ей, не нужно насиловать свою природу. «Искренность прекрасное качество, но не нужно ничѣмъ злоупотреблять, и не нужно впадать въ тоску, говорила она ей своими прыжками.—Принадлежность характера бабочки, капризъ и легкомысліе; только при этихъ качествахъ она остается сама собою, и только этимъ можетъ прельщать; ради Бога, хотя съ виду будь легкомысленна!» Ея подруга, сдѣлавъ надъ собою усиліе, старалась казаться легкомысленною. Тогда совѣтчица, выпустивъ на сцену маленькую механическую змѣю (настоящихъ нѣтъ въ Японіи), выразительно указывала, что кокетливый цвѣтокъ немедленно будетъ укушенъ этою змѣею ревности. Было бы слишкомъ долго разсказывать всю пьесу; достаточно, что, въ концѣ концевъ, бабочка праздновала свою свадьбу съ цвѣткомъ, въ присутствіи множества другихъ цвѣтовъ и бабочекъ, которые составляли прелестныя группы. Если бы не ужасная отвратительная музыка, можно было бы съѣздить въ Японію, только ради подобнаго представленія.

Вдругъ сцена опустѣла. Цвѣты и бабочки, разбѣжались во всѣ стороны, нѣкоторые даже спрятались въ ложахъ зрителей. Это случилось потому, что на сцену ворвалась толпа клоуновъ, гимнастовъ и фокусниковъ. Они посыпались со всѣхъ сторонъ. Они скакали такими прыжками, какихъ мы, европейцы, никогда и не видывали. Большая часть изъ нихъ упала съ верхнихъ балокъ, но не на ноги и не на руки, а на фальшивые носы, длиною отъ двухъ до трехъ метровъ. Зрители напрягли все свое вниманіе, близорукіе вооружились очками.

Между тѣмъ въ одномъ углу залы, нѣсколько мужчинъ и женщинъ, быстро встали и направились къ выходу, безцеремонно толкая тѣхъ, черезъ головы которыхъ они должны были перелѣзать. Это были драматическіе писатели. Впереди всѣхъ шла дама—поэтъ, со сверткомъ бумаги подъ мышкой и съ кисточкой за ухомъ. Ихъ достоинство не позволяло имъ присутствовать при подобномъ святотатствѣ, которое заключалось въ томъ, что на сценѣ, гдѣ игрались ихъ литературныя произведенія, появились презрѣнные акробаты и фокусники. Они гордо вышли изъ залы и скрылись въ ресторанѣ, гдѣ часъ спустя, напившись до пьяна, вцѣпились другъ другу въ волосы изъ-за разрѣшенія какого-то вопроса эстетики.

Клоуны на сценѣ дѣлали чудеса ловкости, лазая, какъ кошки, кругомъ обруча, который держался на фальшивомъ носу одного изъ нихъ, лежавшаго на спинѣ, и одной рукой обмахивающагося вѣеромъ, а другой жонглировавшаго яицами, чашкой и кинжалами. Въ то же время онъ держалъ на ступняхъ ногъ по шесту, на которыхъ дѣти кривлялись, какъ обезьяны.

Фокусники, въ свою очередь, однимъ движеніемъ вѣера заставляли массу маленькихъ бумажекъ летать въ конецъ залы и струей воздуха ворочали ихъ назадъ. Иногда одинъ изъ этихъ клочковъ изображалъ ядовитую бабочку, которая съ ожесточеніемъ бросалась въ глаза фокусника. Онъ бѣгалъ отъ предполагаемыхъ уколовъ ея жала. Тогда другая бумажка, взявъ на себя защиту несчастнаго, схватывалась съ его врагомъ. Происходила ожесточенная борьба, послѣ которой, необъяснимымъ фокусомъ, оба бойца, какъ бы истребивъ другъ друга, исчезали изъ глазъ публики, оставивъ вмѣсто себя фосфорическій свѣтъ, который, угасая, разсыпался золотымъ дождемъ.

Хотя Фелисьенъ былъ и большой патріотъ, но онъ долженъ былъ сознаться, что французскимъ циркамъ далеко до такихъ представленій.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

* * *

Мой старый домикъ.

(Изъ Владислава Сырокомли.)

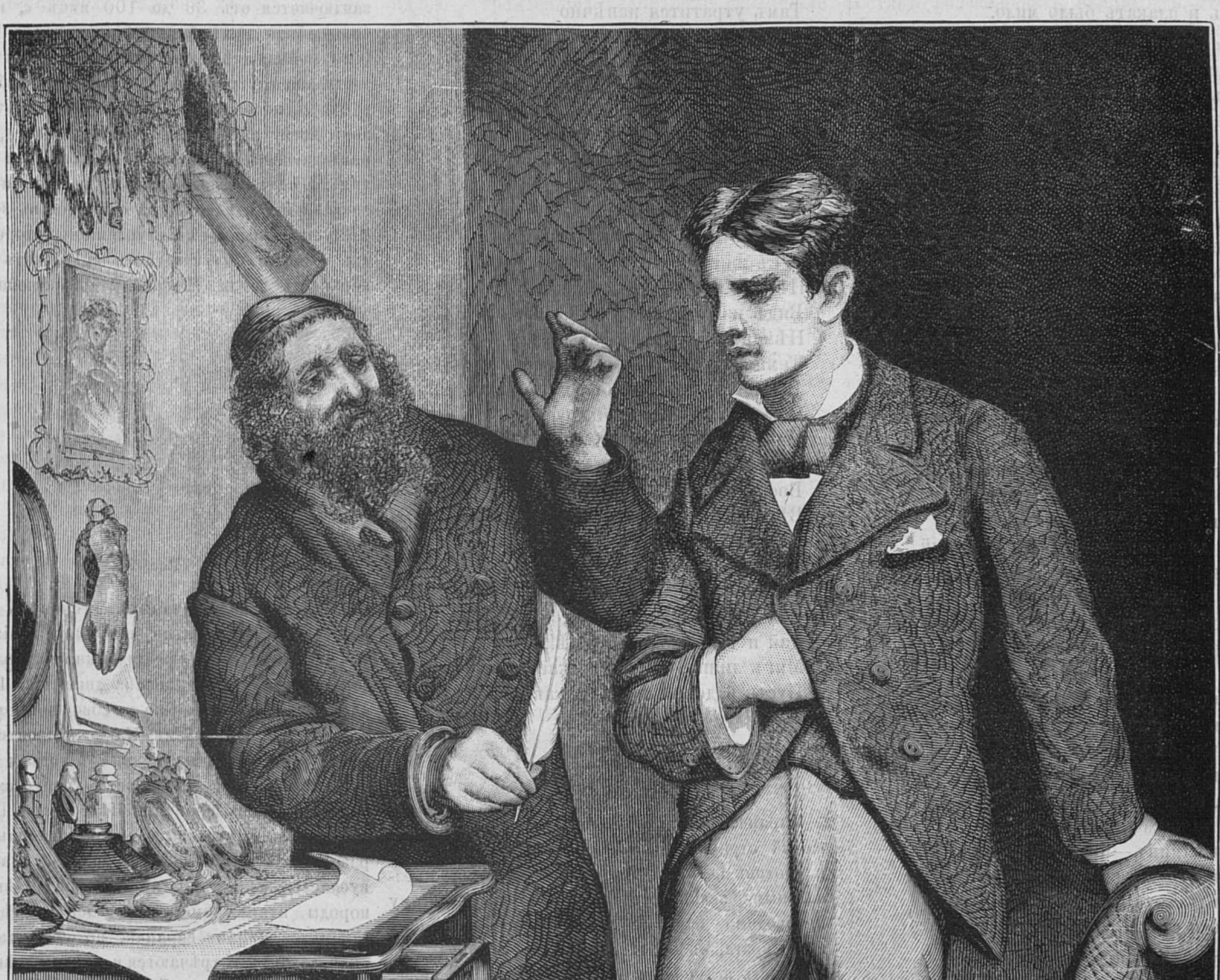
Ich sehe des Dorfes Weiden,
Des Wiesenbaches Rand,
Wo ich die ersten Freuden,
Den ersten Schmerz empfand.
Matisson.

I.

Тамъ, далеко, за горою,
За старинными дубами,
Берегъ Нѣмана каймою
Зеленѣетъ предъ глазами.
Справа топь; надъ топью тою
Разрослася густо ива,
А подальше, надъ чащéю,
Сосны высятся шумливо.
Какъ доѣдешь до забору —
Хата съ сгорбленной стѣною,
Крыша съ мохомъ и травою
Твоему предстанутъ взору;
А съ другого боку, выше,
Видно небо въ щели крыши.
Но взамѣнъ той старой хаты
Я бы не взялъ и палаты.
Отъ крыльца идутъ прямые
Колья съ острыми концами —
Входъ въ мой садикъ, гдѣ вѣнцами
Разрослися небольшіе
Бузины кусты густые.
Внутрь руинъ моихъ, въ окошки,
Ароматъ мнѣ шлетъ шиповникъ;
Отъ него идутъ дорожки
Въ глубь малинника, въ крыжовникъ.
Черезъ колья видно поле,
Нѣманъ издали мелькаетъ,
А внизу, при частоколѣ,
Старый улей догниваетъ.
Этотъ садикъ—онъ, я знаю,
Мой, хоть въ немъ и пустовато;
Здѣсь пишу я и мечтаю,
Роюсь киркой и лопатой.
Домикъ—садикъ—все покуда
Смотритъ весело и твердо.
Мнѣ здѣсь прелесть! и какъ гордо
Я вокругъ смотрю отсюда!
Да! гляжу-ль я на равнину,
На луга, на островъ рядомъ,
Или съ жадностью окину
Темный боръ сосновый взглядомъ,
Иль по Нѣману пускаю
Я глаза, какъ рыбарь лодку, —
О, тогда ужь и не знаю,
Какъ мнѣ смотрится въ охотку!
Горизонтъ мой — будто зала,
А тотъ лѣсъ на небосклонѣ,
Тѣ избушки—все такъ мало,
Точно мебель въ томъ салонѣ.
А вверху вонъ, по лазури,
Туча носится такъ низко...
О! когда дойдетъ до бури —
Мой не выдержитъ домишко!
Ужь какъ съ бурей вступишь въ схватку —
Плохо кровля помогаетъ:
Тутъ и дождь мнѣ льется въ хатку,
Да и вѣтеръ въ ней гуляетъ.

II.

Стукъ по лѣсу раздается,
Эхо будитъ тишь лѣсную
И несетъ мнѣ вѣсть дурную,
Что убраться мнѣ придется,
Что топоръ пріютъ поэта
Въ прахъ повергнетъ, не жалѣя,
И что въ будущее лѣто
Я ужь буду жить пышнѣе...
О! коль съ этой стариною
Рухнетъ каждый уголъ зданья, —
Не снесетъ ли онъ съ собою
Столькихъ лѣтъ воспоминанья?



Рѣшительная минута.

Если сердце волновалось
Страхомъ, грустью небывалой —
Мнѣ свободнѣе дышалось
Здѣсь, подъ крышей обветшалой.
Если радость наступала —
Эхо стѣнъ ее дѣлило;
Если скорбь—она стихала:
Тутъ и плакать было мило.

Здѣсь на всемъ своя примѣта:
Сѣни тѣ, крылечко это, —
Тутъ, бывало, слушалъ трели
Я пернатаго поэта,
Что̀ мнѣ съ Нѣмана летѣли.
Навѣвалъ порой онъ грезы,
Иногда тоску такую,
Что, бывало, зачастую
Такъ ручьемъ и хлынутъ слезы.
Разъ... я помню... снова мною
Старина овладѣваетъ...
Да! блаженъ и вздохъ бываетъ,
Грудью понятый другою...
Вотъ онъ, уголъ мой угрюмый,
Въ цвѣтъ окрашенный кирпичный, —
О, какія только думы
Здѣсь не зрѣли въ часъ обычный!
Вонъ виситъ вѣнокъ изъ жита —
Память жатвы благодатной.
Вонъ и пылью весь покрытый
Мой диванчикъ—отдыхъ знатный.
Вотъ мой столикъ — тронъ могучій,
Гдѣ я былъ законодатель —
Съ цѣлой рукописей кучей;
Тутъ же книжный шкапъ-пріятель —
Мой кумиръ и мой предатель!
А надъ столикомъ угрюмо
Нить повисла паутины;
На нее, съ тяжелой думой,
Я смотрѣлъ въ часы кручины,
Или, если мысль, бывало,
Какъ она-жъ, тянулась вяло.
Вотъ каминъ—пріятель старый;
Тутъ струился дымъ сигары,
Пепелъ трубки вытряхался,
Тутъ и стихъ плохой сжигался.

Рядомъ — комнатка другая:
Хоть и мало въ ней простора,
Каждый вечеръ шелъ сюда я
Пошагать въ азартѣ спора.
Здѣсь, за трудъ неутомимый,
Рай вкушалъ я благодати —
На груди жены любимой,
Въ ласкахъ милаго дитяти.
Полинялъ коверъ красивый —
Гордость этого салона,
Чайный столикъ сиротливо
Жмется въ уголъ; лишь изъ фона
Темныхъ стѣнъ глядитъ спѣсиво
Хмурый ликъ Наполеона.
О, любилъ я здѣсь смѣяться,
Веселить гостей, досугомъ,
И безъ устали шептаться
Съ закадычнымъ старымъ другомъ!

А вотъ здѣсь, ночной порою,
Я искалъ успокоенья...
Хоть и жестко, какъ каменья,
Было ложе подо мною,
Но на немъ, вдали отъ шума,
Быстро въ сонъ переходила
Недодуманная дума...
Сколько сновъ-то, сновъ тутъ было!
Въ этихъ снахъ, порой, условье
Духа бодраго лежало,
А порой отъ нихъ здоровье
И спокойствіе страдало...
О, на это изголовье
Слезъ мной пролито не мало!

III.

Старый домикъ! цѣлъ еще ты,
Но тебя разрушатъ вскорѣ...
Да! въ дни счастья и заботы
Мы срослись съ тобой на горе.
Скоро я вступлю въ иныя,
Сердцу чуждыя хоромы:
Имъ вѣдь наши незнакомы
Впечатлѣнія былыя.
Тамъ утратится навѣчно
Пережитое веселье,
Хоть возьму съ собой, конечно,
Я на это новоселье
И мой столикъ, и сигары —
Словомъ, все, что мной любимо:
Обновляютъ домикъ старый,
Но душа необновима...
Не приходится мечтаній
Ждать съ потухшими очами;
А съ живущими людями
Нѣтъ у насъ воспоминаній.
Видъ изъ оконъ будетъ новый:
Нѣманъ съ свѣтлой полосою,
Темный лѣсъ родной дубровы —
Все исчезнетъ за горою.
И мой садикъ... прочь пустое
Малодушіе невзгоды!
Развѣ счастіе былое
Воскресаетъ въ эти годы?
Вѣдь актеръ въ отставкѣ чистой,
Переживъ талантъ свой, тоже
Долженъ роль играть статиста...
Было... минуло... такъ чтоже?
Совершивъ свою задачу,
Дай и ты покой надеждѣ!...
Мигъ лишь... мигъ... пускай заплачу,
Пусть вздохну я вновь, какъ прежде!

Омулевскій.

Саранча.

Саранча составляетъ до настоящаго времени самый страшный бичъ для сельскихъ хозяйствъ и противъ него остаются почти совершенно безсильными всякія средства; но именно по этому необходимо изученіе свойствъ и привычекъ этого врага, въ надеждѣ найти какую-нибудь возможность истреблять его при первомъ же зарожденіи. Съ этою цѣлью, американскій ученый Рили произвелъ рядъ наблюденій, изъ которыхъ видно, что саранча, опустошая извѣстныя пространства, оставляетъ весьма часто послѣ себя яйца на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ; понятно, что своевременное истребленіе этихъ яицъ можетъ предохранять край отъ будущаго опустошенія. Искать яица слѣдуетъ, преимущественно, на мѣстахъ возвышенныхъ, съ почвою песчаной, но не рыхлой. На рис. 1 изображенъ процессъ кладки яицъ саранчею въ землю. Хвостовая оконечность саранчи—самки *a* — *a* снабжена двумя парами роговидныхъ клещей, съ помощью которыхъ насѣкомое можетъ, втеченіе нѣсколькихъ минутъ, пробуравить въ почвѣ отверстіе, достаточно глубокое для того, чтобы самка могла вложить въ него всю свою брюшную часть, такимъ образомъ, чтобы она лежала на 1 дюймъ и даже болѣе подъ поверхностью почвы. Принявъ такое положеніе, самка кладетъ свои яица, покрытыя клейковатою жидкостью и слипшіяся въ длинный, цилиндрическій комокъ, *b*, который покрываетъ потомъ землей. Въ каждомъ такомъ комкѣ заключается отъ 30 до 100 яицъ *c*, причемъ каждое изъ нихъ бываетъ длиною отъ 0,15 до 0,20 дюйма; цвѣта они блѣдножелтаго и имѣютъ слегка изогнутую форму. На рис. 1 изображена самка *d*, положившая склеенную такимъ образомъ массу яицъ; далѣе видна самка *e*, пробуравливающая отверстіе въ землѣ для кладки яицъ, и самка *f*, положившая уже яица и закрывающая ихъ землей. Яица остаются въ землѣ до слѣдующей весны, съ наступленіемъ которой молодая саранча вылупляется и выползаетъ на поверхность земли. На рис. 2 изображена молодая саранча на различныхъ степеняхъ своего развитія: *a* — *a* только что вылупившіяся личинки, *b* подросшія уже личинки, *c* куколка, которая у саранчи не лишена движенія. Изъ нея насѣкомое выходитъ уже въ совершенномъ видѣ и снабженное крыльями. На весь процессъ развитія, считая съ вылупленія изъ яицъ и до полнаго образованія насѣкомаго, требуется около двухъ мѣсяцевъ времени. Нѣкоторые наблюдатели находятъ, что выведенная, подобнымъ образомъ, въ *чужихъ мѣстахъ* саранча слаба и не пускается въ дальнія путешествія. Нѣкоторыя породы птицъ помогаютъ человѣку тѣмъ, что лакомятся яицами саранчи; подобные же охотники до нихъ встрѣчаются и между насѣкомыми. Сырный клещъ, напримѣръ, нападаетъ не только на эти яица, но и на самую саранчу. Трихинныя мухи кладутъ свои яица въ тѣло саранчи и образующіяся изъ нихъ личинки губятъ ее. Обыкновенныя мясныя мухи съѣдаютъ часть болѣе слабой саранчи. Но такое истребленіе ничтожно въ сравненіи съ тѣми миріадами саранчи, которые нападаютъ почти ежегодно на тѣ или другіе посѣвы въ различныхъ южныхъ мѣстностяхъ. Человѣкъ почти совершенно безсиленъ противъ этого зла, тѣмъ болѣе, что саранча появляется и распространяется съ ужасною быстротой. Противъ нея возможны только мѣры предохранительныя: истребленіе оставленныхъ прошлогоднею саранчею яицъ или уже успѣвшихъ вылупиться изъ нея молодыхъ насѣкомыхъ. Въ этомъ отношеніи полезно глубоко вспахивать землю осенью; яица углубляются, при этомъ въ землю до такой степени, что уже немногія изъ нихъ могутъ дать жизнь насѣкомому. Искуственное затопленіе подозрительныхъ мѣстностей тоже дѣйствительно: яица, пролежавъ нѣсколько дней подъ водою, становятся безплодными. Уже вылупившихся насѣкомыхъ можно давить катками или заметать ихъ въ кучи соломы, которыя потомъ зажигаются. При этомъ достаточно заметать одни только первые ряды; остальные двинутся сами за ними въ указанномъ направленіи. Иногда молодую саранчу загоняютъ, такимъ способомъ, въ ямы, изъ которыхъ выбираютъ ее въ мѣшки и убиваютъ потомъ лопатами и т. п. Такъ какъ молодая саранча не любитъ рыхлой земли, то полезно опахивать поля кругомъ для предохра-

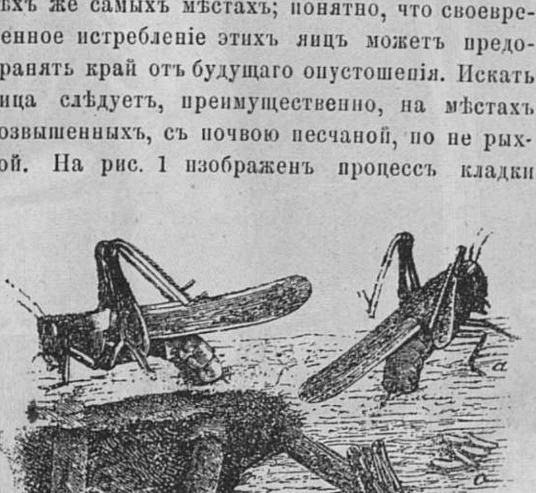


Рис. 1.

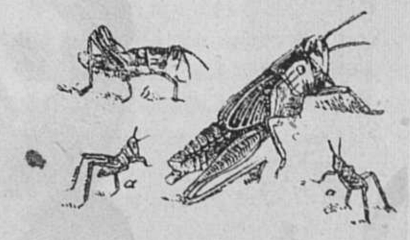


Рис. 2.

ненія жатвы. Конная саранча боится дыма, по этому извѣстныя небольшія мѣстности или отдѣльныя деревья могутъ спасаться отъ нея подобнымъ образомъ.

Рили рекомендуетъ, сверхъ того, еще новое средство противъ саранчи, — средство довольно героическое и на которое рѣшатся немногіе изъ потерпѣвшихъ саранчи хозяевъ. Основываясь на томъ, что саранча истребляетъ хлѣбъ у человѣка, Рили совѣтуетъ платить ей по правилу «око за око, зубъ за зубъ», то есть, проще говоря, употреблять ее въ пищу, по крайней мѣрѣ, въ голодные года, когда она можетъ служить хорошимъ подспорьемъ. Самъ онъ лично дѣйствительный «саранчистъ», по свидѣтельству американскаго журнала «Земледѣлецъ». Редакція этого журнала сообщаетъ, что почтенный профессоръ не раздѣляетъ слова отъ дѣла и присутствовалъ недавно на обѣдѣ, данномъ нѣсколькими учеными въ Сен-Луи, на которомъ саранча составляла главный кулинарный матеріалъ. Другого мяса не было. Искусный поваръ, которому вручили нѣсколько мѣръ саранчи, приготовилъ ее въ самыхъ разнообразныхъ видахъ и, по отзыву профессора Рили, лица, ѣвшія эти странныя блюда, были вовсе не мучениками науки, а имъ могъ бы даже позавидовать самый избалованный гастрономъ. Сырую саранчу почтенный профессоръ не рекомендуетъ, но варекая или жареная, по его словамъ, превосходитъ нѣжностью вкуса не только лягушечьи ножки или креветы, но даже и самыя устрицы. Чтобы не пугать воображенія ѣдоковъ самымъ именемъ саранчи, съ которымъ связывается представленіе о чемъ-то непріятномъ, Рили совѣтуетъ пустить ее въ общее употребленіе подъ ея научнымъ названіемъ «caloptenus». Меню вышесказаннаго обѣда было составлено слѣдующимъ образомъ: Супъ изъ калоптенусовъ (былъ такъ вкусенъ, что гости, вопреки правиламъ этикета, попросили по второй тарелкѣ); пирожки съ саранчею (несравненно вкуснѣйшіе, чѣмъ извѣстные пирожки съ устрицами); саранча подъ соусомъ; саранча тушеная; саранча жареная и, наконецъ, какъ дессертъ, саранча съ медомъ. Это послѣднее кушанье привело всѣхъ въ восторгъ. — Собственно говоря, первый человѣкъ, рѣшившійся съѣсть устрицу или рака, выказалъ не менѣе мужества, чѣмъ профессоръ Рили и его друзья, отважившіеся на саранчу. Быть можетъ, со временемъ, она получитъ такое же права гражданства на нашихъ обѣдахъ, какъ и эти два лакомыя блюда.

Наши ближніе.

(Фельетонные наброски.)

VII.

Не сошлись во взглядахъ и разошлись.

Я сидѣлъ съ Клименко въ Демидовскомъ саду за чайнымъ столикомъ, когда къ намъ подошелъ какой-то господинъ съ нарядной дамой.

— Докторъ Флигенрингъ! отрекомендовалъ мнѣ Клименко подошедшаго господина.

Спутницу доктора онъ не счелъ нужнымъ отрекомендовать. Впрочемъ, она и безъ представленія перекинулась съ нами нѣсколькими легкомысленными фразами и въ отвѣтъ на двусмысленную шутку Клименко ударила его китайскимъ вѣеромъ по плечу. Я понялъ, какого сорта была эта дама.

— Соломенный вдовецъ! сказалъ мнѣ Клименко, когда Флигенрингъ отошелъ отъ насъ.—Тоже интересный экземпляръ отца... Я вамъ хотѣлъ разсказать о нашихъ отцахъ старыхъ временъ, но встрѣча съ этимъ новѣйшимъ экземпляромъ охолостѣвшаго отца измѣняетъ мой планъ. Я передамъ вамъ его исторію теперь-же, а то послѣ, пожалуй, забуду поразсказать объ этомъ субъектѣ. Къ тому же вѣдь вамъ все равно, въ какой послѣдовательности я буду передавать свои наблюденія и замѣтки, такъ какъ они связаны между собою только одною общею идеею—стремленіемъ изобразить различные типы нашихъ отцовъ и матерей...

— Я васъ слушаю, сказалъ я.

* * *

— Докторъ Флигенрингъ—знаменитость, съ ироніей началъ Клименко.—Онъ открылъ философскій камень, съ помощью котораго изъ ничего можно дѣлать золото. Вы видѣли его жидовское узенькое личишко съ маленькимъ блѣднымъ лбомъ, съ масляными хитрыми глазами и, вѣроятно, поняли, что въ этой небольшой, сплюснутой съ боковъ головкѣ едва ли есть мѣсто для большого мозга. Оно такъ и есть: онъ не уменъ, не талантливъ, не ученъ, но онъ хитеръ и юрокъ. Этихъ двухъ качествъ совершенно достаточно, чтобы пользоваться успѣхомъ среди тысячи дураковъ, окружающихъ насъ. Въ медицинской академіи онъ сдѣлался извѣстнымъ во время студенчества тѣмъ, что перевелъ нѣсколько медицинскихъ сочиненій, попросивъ профессоровъ проредактировать переводъ. Такимъ образомъ, онъ заслужилъ репутацію человѣка трудящагося, хотя, какъ говорятъ, переводъ дѣлалъ не онъ самъ, а двѣ три барышни, влюбившіяся въ его глаза и въ его краснобайство. Чѣмъ онъ имъ платилъ — я не стану вамъ объяснять, но, во всякомъ случаѣ, вознагражденіе не было денежное. Такъ какъ на книгахъ стояло имя переводчика, то онъ получилъ извѣстность и въ литературномъ мірѣ и два три книгопродавца поручили ему перевести популярныя сочиненія «о сохраненіи женской красоты» и «о спасеніи отъ болѣзней», о которыхъ не говорятъ вслухъ. Онъ выставилъ на этихъ книжонкахъ свое имя и потерялъ всякую цѣну въ ученомъ мірѣ, но ему былъ уже ненуженъ этотъ міръ, такъ какъ онъ успѣлъ въ это время запастись отъ снисходительныхъ къ нему профессоровъ докторскимъ дипломомъ. Въ финансовомъ же отношеніи онъ выигралъ: во-первыхъ, книжонки, какъ все скабрезное, расходились быстро, а во-вторыхъ, у него явились особаго рода паціенты — увядающія красавицы и юноши въ критическомъ для юности положеніи. Онъ нашелъ нужнымъ, присматриваясь къ своимъ паціентамъ, сдѣлаться изобрѣтателемъ мазей, пилюль и порошковъ, возвращающихъ красоту и силу, или, говоря проще, сталъ изготовлять притиранія, косметики и нѣчто болѣе радикальное, за что однажды чуть не попалъ на скамью подсудимыхъ. Такова первоначальная карьера этого господина. Теперь онъ извѣстенъ въ Петербургѣ особенно тѣмъ семьямъ, гдѣ нужно скрывать невинныя шалости дѣвицъ отъ ихъ будущихъ супруговъ. Вообще большая часть его доходовъ приносится ему женщинами: онѣ любятъ «милаго доктора», да и онъ не остается безучастнымъ къ нимъ, если онѣ только хотя немного красивѣе макбетовскихъ вѣдьмъ. Но не думайте, что онъ вполнѣ легковѣсный человѣкъ. Нѣтъ, никто лучше его не умѣетъ играть роль серьезнаго ученаго. Щупая пульсъ, онъ, съ сдвинутыми бровями произноситъ: «о — о!» Потомъ смотря на языкъ, онъ съ многозначительнымъ покачиваніемъ головою протягиваетъ: «э — э!» Прилегая ухомъ къ груди больной, онъ уже совсѣмъ зловѣще восклицаетъ: «ага!» Одна больная чуть не умерла со страху отъ этихъ роковыхъ междометій, но даже и она, выходя отъ него, не могла не отдать полной признательности его знаніямъ. Вотъ вамъ портретъ во весь ростъ этого «моднаго дамскаго доктора». Я думаю, нѣтъ надобности распространяться о частностяхъ, разсказывать, напримѣръ, что, свидѣтельствуя одну молоденькую барыньку, онъ вздумалъ такъ пощекотать ее, что она потомъ краснѣла при одномъ его имени. Всѣ эти детали вы можете дополнить своимъ воображеніемъ, вспомнивъ плотоядные глаза и животныя губки этого тусклаго и изношеннаго лица. Но я долженъ упомянуть объ одной особенности этой личности. Какъ вы думаете, кѣмъ онъ слылъ въ свѣтѣ: консерваторомъ или либераломъ?

— Я склоняюсь къ мнѣнію, что онъ примыкалъ къ консерваторамъ или, лучше сказать, къ крѣпостникамъ. Такіе люди должны сожалѣть объ исчезновеніи дворовыхъ дѣвокъ, усмѣхнулся я.

— Вы не угадали: это либералъ съ легкимъ краснымъ оттѣнкомъ. По крайней мѣрѣ, такимъ онъ старался казаться. Иначе и не могло быть. Ему теперь лѣтъ сорокъ съ небольшимъ, то есть ему было около двадцати лѣтъ въ началѣ періода реформъ и онъ могъ сообразить всю невыгодность крѣпостническихъ, ретроградныхъ и консервативныхъ взглядовъ. Впрочемъ, я упомянулъ объ убѣжденіяхъ доктора только потому, что безъ этого вы не поняли бы, какъ онъ могъ жениться на одной изъ самыхъ либеральнѣйшихъ женщинъ петербургскаго общества. Вы, можетъ быть, слышали что-нибудь о существованіи въ былые годы въ Петербургѣ Эммы Федоровны?

— Кто это такая Эмма Федоровна? спросилъ я. — Я зналъ одну Эмму Федоровну Шварцъ, содержавшую кухмистерскую...

— Довольно, довольно! — съ комическимъ ужасомъ вскричалъ Клименко. — Не профанируйте этого имени и не выставляйте на видъ своего невѣжества по части общественной и государственной жизни своей родины... Извините мнѣ мою откровенную грубость, но я долженъ замѣтить вамъ, что вы, нынѣшніе литераторы, выказываете удивительное невѣжество во всемъ, что касается нашей, даже недавно прошедшей, жизни. Стоитъ пройдти двадцати-тридцати годамъ и вы на вопросъ о томъ, кто была, напримѣръ, Эмма Федоровна, безъ смущенія готовы отвѣтить, что она содержала кухмистерскую!... Это вѣдь просто непростительно. Этимъ незнаніемъ всѣхъ изгибовъ, всѣхъ пружинъ нашей общественной жизни я только и объясняю ту мелочность содержанія и ту узкость рамокъ, которыя сплошь и рядамъ встрѣчаются въ русскихъ современныхъ романахъ и повѣстяхъ. Всѣ эти повѣсти и романы происходятъ не на дѣйствительной почвѣ, а гдѣ-то въ облакахъ; въ нихъ встрѣчаются русскіе типы, русскія мысли, но русской общественной жизни не ищите въ нихъ — точно эти герои могутъ дѣйствовать и жить, не завися ни отъ околодочныхъ, ни отъ ростовщиковъ, ни отъ домохозяевъ... Впрочемъ, я уклоняюсь въ сторону и забываю объ Эммѣ Федоровнѣ, которую вы сочли за содержательницу кухмистерской. Нѣтъ, она была нѣмка, но кухмистерской не содержала и вообще стряпней не занималась. Лѣтъ тридцать тому назадъ, въ эпоху сильнѣйшаго блеска Эммы Федоровны, у насъ въ Петербургѣ еще не было рыжеволосыхъ француженокъ-кокотокъ, а вообще были или любовницы изъ крѣпостныхъ дѣвокъ или содержанки изъ рижскихъ, либавскихъ, ревельскихъ и пернавскихъ благородныхъ, но бѣдныхъ дѣвицъ.

Эмма Федоровна была уроженкой одного изъ этихъ нѣмецкихъ питомниковъ дѣвицъ легкаго поведенія и долгое время была царицею, владычицею, законодательницею петербургскаго полусвѣта. Не думайте, пожалуйста, что это была женщина въ родѣ вонъ этихъ Камилокъ, Альфонсинокъ, Сюзетокъ и какъ ихъ тамъ еще зовутъ. Это жертвы общественнаго темперамента и болѣе ничего: онѣ, какъ странствующіе фигляры, кочуютъ изъ столицы въ столицу; онѣ, какъ мошенники, выслѣживаютъ богачей; отъ нихъ не зависитъ ничья участь, но ихъ участь зависитъ отъ случайностей и, рядясь сегодня въ бриллiянты, большею частью фальшивые, онѣ не могутъ поручиться, что завтра имъ не придется голодать; онѣ записываются въ актрисы театра Берга и Буффъ, чтобъ не получить желтаго билета, а Эмма Федоровна была законною женою лица, находившагося въ командировкѣ, и, ужь разумѣется, не могла бояться никакихъ желтыхъ билетовъ. Онѣ и вообразить себя не съумѣютъ въ той роли, которую играла въ теченіе всей своей жизни Эмма Федоровна. Эмма Федоровна умѣла сдѣлаться центромъ, около котораго группировалась масса людей. У нея былъ одинъ изъ самыхъ роскошныхъ салоновъ Петербурга или, вѣрнѣе сказать, у нея была биржа, куда являлось не мало лицъ, но вовсе не затѣмъ, чтобы заплатить Эммѣ Федоровнѣ за ея мимолетныя ласки, а затѣмъ, чтобы поклониться Эммѣ Федоровнѣ и обдѣлать черезъ нее свои дѣла и дѣлишки. Въ этотъ салонъ, на эту биржу стекались многіе, такъ какъ здѣсь можно было сойдтись съ лицами, къ которымъ не легко было проникнуть въ дома. Но на этой биржѣ, гдѣ обдѣлывались сотни темныхъ и важныхъ дѣлъ, была и своя семейная жизнь. Эмма Федоровна любила своихъ родныхъ, выводила ихъ въ люди, пристроивала и брала къ себѣ на воспитаніе ихъ дѣтей. Одною изъ ея воспитанницъ была и ея племянница Аннета Зейфертъ. Молодая дѣвушка получила въ домѣ тетки блестящее домашнее образованіе. У нея были всевозможные учителя, масса русскихъ и иностранныхъ журналовъ и книгъ, и, что важнѣе всего, она пользовалась неограниченною свободою. Эм-

X.A. v. Kroesing

Въ которой рукѣ.

ма Федоровна могла удѣлять племянницѣ сотни и тысячи рублей, но не могла подарить ей ни одного часа въ день, такъ какъ ея дни были полны дѣловыхъ заботъ, визитовъ и оборотовъ. Неограниченная свобода, поклоненіе челяди, ухаживаніе молодежи, чтеніе всевозможныхъ новыхъ книгъ — все это вскружило голову молодой дѣвушки. И вотъ изъ нея вышла либералка, съ подкладкой избалованнаго ребенка, съ деспотическимъ характеромъ маленькой царицы, которая не терпитъ возраженій. Да что же иное и могло выйдти изъ молоденькой красавицы, не знавшей ни нужды, ни горя, ни препятствій въ то время, когда всѣ либеральничали, когда каждая книжка русскаго журнала приносила планы новыхъ реформъ, когда каждый русскій учитель былъ непремѣнно изъ тѣхъ скоропостижныхъ радикаловъ, которые «стараго Гаврила хлещутъ въ усъ, да въ рыло!»

Всѣ эти книги, всѣ эти учителя, вся взлелѣянная на даровыхъ хлѣбахъ молодежь, вертѣвшаяся около молоденькой дѣвушки— вскружили ей неглупую голову и поощряли ее, рукоплескали ей, когда она высказывала вычитанныя ею наканунѣ ультрарадикальныя мнѣнія, когда она, одѣтая по послѣдней модѣ, стремилась на публичныя лекціи, когда она замышляла открыть какія-то школы и мастерскія, топая въ то же время ногами на горничную, неловко подавшую ей платье.

Въ одинъ прекрасный день она совершенно неожиданно вышла замужъ за самаго либеральнаго изъ вертѣвшихся въ домѣ ея тетки юношей, и сдѣлала это не ради любви, а чтобы «освободиться отъ семейнаго гнета». Такъ какъ замужество за небогатаго человѣка было вызвано не любовью, не страстью, а желаніемъ «освободиться отъ семейнаго гнета», то Аннета Зейфертъ смотрѣла на свой поступокъ, какъ на подвигъ, и третировала своего жениха свысока, какъ третировали тѣхъ генераловъ, которые въ старые годы нанимались на свадьбы. Женихъ покорно выносилъ это обращеніе en canaille и даже поощрялъ его, громче всѣхъ толкуя о великомъ подвигѣ своей невѣсты. Если бы онъ поступилъ иначе, то, конечно, невѣста выгнала бы его отъ себя, какъ безчувственнаго подданнаго, не признающаго великихъ достоинствъ своей повелительницы. Юноша понималъ это очень хорошо и превозносилъ свою повелительницу за то, что она допустила его до своего ложа. Этотъ юноша былъ никто иной, какъ новоиспеченый докторъ Флигенрингъ. Тетка молодой дѣвушки, конечно, желала не такого брака для своей племянницы, но тѣмъ не менѣе не препятствовала ей выйдти замужъ за доктора, и даже дала за нею тысячъ пять деньгами, хорошее приданое и назначила ей ежемѣсячное содержаніе въ триста рублей. Молодая чета помѣстилась очень удобно, съ извѣстнымъ комфортомъ, открыла свой салонъ, гдѣ Анна Карловна Флигенрингъ сдѣлалась оракуломъ не бѣдной молодежи извѣстнаго сорта и играла въ маленькіе комплоты за ужинами. Было довольно странно видѣть здѣсь тонкія блюда, блестящую обстановку, слыша въ то же время толки о меньшемъ братѣ и анафемы сытому довольству «мѣщанства». Но и эти насвистанныя рѣчи и этотъ привычный комфортъ были въ характерѣ Анны Карловны, выросшей среди блондъ и атласа и среди либеральныхъ книгъ и учителей. Самъ Флигенрингъ вторилъ женѣ, хотя его интересовала одна только сторона ихъ жизни—ужины съ дорогими винами, соусами и устрицами. Такъ прошло года три ихъ супружеской жизни; у нихъ было уже трое дѣтей, когда въ одинъ прекрасный день Эмма Федоровна умерла скоропостижно. Все ея имѣніе досталось ея роднымъ, но не Аннѣ Карловнѣ, такъ какъ Анна Карловна оказалась незаконной дочерью незаконной сестры Эммы Федоровны, подобно многимъ изъ своихъ соотечественникъ, и не имѣла никакихъ законныхъ правъ на имѣніе тетки. Этотъ ударъ былъ очень чувствителенъ для Флигенринга, успѣвшаго при помощи Эммы Федоровны получить выгодное мѣсто, но ожидавшаго ея богатаго наслѣдства. Въ это время между мужемъ и женою произошла первая семейная сцена. Флигенрингъ упрекнулъ жену за то, что они лишились теперь поддержки; жена выразила то мнѣніе, что она очень рада даже, что они будутъ «жить своимъ трудомъ». Она говорила это тѣмъ болѣе смѣло, что знала, какъ значительны стали теперь доходы ея мужа.

— Наконецъ, я могу легко заработать переводами, статьями не менѣе денегъ, чѣмъ субсидіи тетки, рѣшила она.

И дѣйствительно она принялась за работу: заработала мѣсяца въ три до двухсотъ рублей, сдѣлала на эти деньги новое черное шелковое платье и устроила пикникъ, а затѣмъ снова начала искать работы, разъѣзжая за нею въ колясках. Толковъ о работѣ у нея всегда было много, хотя и не было самой работы. Флигенрингъ сдѣлался, такимъ образомъ, единственнымъ батракомъ и кормильцемъ семьи и этого было довольно, чтобы онъ пожелалъ сдѣлаться «главою» въ домѣ. Онъ сразу пересталъ поддакивать женѣ, преклоняться передъ ея умомъ, потакать ея капризамъ. Онъ даже сталъ требовать, чтобы она нѣсколько сократила свои собственные расходы, и сталъ спрашивать у нея отчета, куда уходятъ даваемыя ей на хозяйство деньги. Къ несчастью, именно этого она и не могла сдѣлать: у нея деньги уплывали, какъ вода, но куда — этого она и сама не знала. Она знала только, что у нея теперь никогда не было денегъ.

Мало по малу она начала упрекать мужа, что онъ мало даетъ денегъ и среди этихъ упрековъ появился одинъ новый мотивъ: жена упрекала мужа за то, что онъ развратничаетъ и тратитъ деньги на сторонѣ. Это не было слѣдствіемъ ревности. Нѣтъ, Анна Карловна просто видѣла, что мужъ сталъ относиться къ ней не съ прежнимъ благоговѣніемъ, она теперь осязательно видѣла, что онъ скупится на деньги для нея, и вывела изъ этого только то заключеніе, что у него есть любовница, на которую онъ тратится. Проживъ съ этимъ человѣкомъ нѣсколько лѣтъ, она знала его такъ же плохо, какъ въ день ихъ первой встрѣчи. Флигенрингъ могъ продавать себя, но покупать другихъ—было не въ его натурѣ. Еще черезъ полгода супруга начала замѣчать, что мужъ выживаетъ изъ дому ея либеральныхъ молодыхъ друзей и лизоблюдовъ, и приводитъ въ домъ все больше и больше своихъ пожилыхъ друзей, биржевыхъ купцовъ и крупныхъ промышленниковъ, для которыхъ онъ сталъ чѣмъ то въ родѣ фактора и ходатая по сердечнымъ дѣламъ.

Произошла новая свалка.

— Ваши баклушники насъ не накормятъ, а у насъ уже трое дѣтей, а тамъ, глядишь, будетъ и четвертый, говорилъ мужъ.

— Пожалуйста, не бойся, запальчиво отвѣчала жена.—Я давно желала бы жить съ тобой на разныхъ половинахъ и покончить наши супружескія отношенія. Мы давно уже перестали понимать другъ друга и намъ нечего носить маску взаимной любви. Слава Богу, я не мѣщанка!

Дѣйствительно, супруги разошлись на разныя половины и на этихъ разныхъ половинахъ началась разная жизнь. У мужа шелъ откровенный буржуазный развратъ и широкая нажива. У жены шло либеральное фразерство и нищающая праздность. Бурныя сцены повторялись чаще и чаще; мужъ говорилъ женѣ:

— Если ты желаешь быть сытой, живи со мною, какъ съ мужемъ, вытолкай свою свору праздныхъ болтуновъ и принимай любезно моихъ знакомыхъ.

Жена отвѣчала:

— Я никогда не торговала своими убѣжденіями! Я готова выносить лишенія, но не поступлюсь никогда своими взглядами!

Въ сущности, она говорила фразы, которыхъ не понимала сама. Она просто привыкла неограниченно приказывать и повелѣвать и въ этомъ заключался весь ея либерализмъ. Этотъ либерализмъ былъ и у Титъ Титычей, бившихъ зеркала съ криками: «нашему ндраву не препятствуй!» и у матушекъ-помѣщицъ старыхъ временъ, жаловавшихся на стѣсненія и на произволъ правительства, когда настала такая пора, что «даже и своей дѣвкѣ косу не смѣй обрѣзать». Анна Карловна если не била по щекамъ крѣпостныхъ дѣвокъ, за неимѣніемъ таковыхъ, то любила хлестать по лицу идеи и требовала за эту смѣлость рукоплесканій. На половинѣ же мужа приказывать ей было трудно, а прослыть оракуломъ и божкомъ было еще труднѣе, такъ какъ друзья ея мужа если и поклонялись какой-нибудь твари, то только золотому тельцу. Но мало того, что здѣсь она не встрѣчала поклоненій,—она начала встрѣчать здѣсь далеко не тонкіе сарказмы и насмѣшки мужа. Прошло еще года два и разладъ между мужемъ и женою дошелъ до крайнихъ предѣловъ; что мужъ считалъ бѣлымъ, то жена называла чернымъ, кого принимала жена, того готовъ былъ выгнать въ три шеи мужъ и наоборотъ.

— Вы на свою шушеру тратите мои деньги! кричалъ мужъ.

— А вы проживаете сотни рублей со своими эксплуататорами, шумѣла жена.

— Вы только кричите о трудѣ, а сами палецъ о палецъ не умѣете стукнуть, говорилъ мужъ.

— Не могу же я наживаться тѣми подлыми средствами, которыми наживаетесь вы, раздражалась жена.

— Однако, до сихъ поръ вы ѣдите мой подлый хлѣбъ, упрекалъ мужъ...

Вы, вѣроятно, не разъ встрѣчали такія милыя пары. Но вы видѣли, что онѣ все-таки живутъ подъ однимъ кровомъ вплоть до гробовой доски. Можетъ быть, и Флигенринги жили бы до гробовой доски вмѣстѣ, если бы не одно обстоятельство. Господинъ и госпожа Флигенринги имѣли очень дурную привычку жить гласно, то есть посвящать своихъ друзей во всѣ свои сокровенныя тайны. Это обстоятельство заставило ихъ разойдтись или, вѣрнѣе сказать, оно заставило госпожу Флигенрингъ бросить мужа. Она успѣла такъ очернить своего мужа въ глазахъ своихъ друзей, что они начали говорить ей:

— Но какъ же вы можете жить съ такимъ буржуа, съ такимъ эксплуататоромъ? Вамъ неловко существовать на деньги, добытыя такимъ путемъ. Вамъ опасно оставлять своихъ дѣтей въ такомъ домѣ. Вы должны жить самостоятельнымъ трудомъ.

Говорятъ: noblesse oblige. Здѣсь обязывало къ разводу, если не благородство, то радикальное фразерство, тѣмъ болѣе, что и кругъ пріятелей Анны Карловны нѣсколько измѣнился. Молодые лизоблюды-либералы, изъ породы самодурствующихъ матушкиныхъ сынковъ, уже давно оставили Анну Карловну, увидавъ, что ужины у нея стали поплоше, что она сама поизмялась, что черезъ нее не проникнешь къ Эммѣ Федоровнѣ, такъ какъ Эмма Федоровна сошла съ житейской сцены въ могилу, что, наконецъ, либерализмъ не кормитъ и имъ можно «баловаться» только въ юномъ возрастѣ. На мѣсто этихъ людей Анна Карловна привлекла къ себѣ разную трудящуюся молодежь, которая, пріѣхавъ изъ провинціи и еще не зная петербургскихъ болтуновъ, была увлечена горячими и смѣлыми рѣчами Анны Карловны и слушала съ полною вѣрою разсказы Анны Карловны о томъ, какъ она, Анна Карловна, «страдала за убѣжденія», какъ она, Анна Карловна, «дѣлала подвиги». Эта смѣлая, честная и искренняя молодежь, бодро шедшая на встрѣчу всѣмъ житейскимъ невзгодамъ, повѣрила словамъ влюбленной въ себя фразерки, повѣрила тѣмъ болѣе, что Анна Карловна жила теперь бѣдно подъ одною кровлей съ богатымъ негодяемъ мужемъ, стыдясь, какъ она говорила, марать руки его позорными средствами. Эта молодежь говорила теперь Аннѣ Карловнѣ, что она, Анна Карловна, сдѣлала бы лучше, если бы вовсе не жила съ мужемъ, а жила бы своимъ трудомъ. Этотъ совѣтъ давался тѣмъ искреннѣе, что сама эта молодежь жила работой, да къ тому же и Анна Карловна столько трубила этимъ молодымъ людямъ о своей привычкѣ къ труду, о своей нетребовательности, о своей непривычкѣ жить на чужой счетъ, что Анна Карловна должна была сойдти со своего пьедестала передъ лицемъ своихъ послѣднихъ поклонниковъ или разойдтись съ мужемъ. Сходить съ пьедестала, показать всѣмъ, что она фразерка, покориться супругу уже было невозможно. Супругъ уже откровенно принималъ на своей половинѣ своихъ любовницъ и, слыша за это упреки жены, говорилъ:

— Я еще слишкомъ молодъ, чтобы оставаться цѣломудреннымъ вдовцомъ!

И вотъ Анна Карловна разошлась съ мужемъ, забравъ своихъ ребятъ, о воспитаніи которыхъ она столько твердила, говоря всѣмъ и каждому, что обязанность матери-гражданки воспитать дѣтей гражданъ. Началась для нея странная жизнь. Въ кружкѣ ея знакомыхъ всѣ только о томъ и говорили, что она сдѣлала подвигъ, отказалась отъ довольства въ домѣ гнуснаго афериста и эксплуататора и рѣшилась своимъ трудомъ поднять дѣтей. Ей начали помогать, ее стали поддерживать, ее стали пристраивать къ работѣ. Къ несчастью, работа плохо шла впередъ, при старой привычкѣ вставать въ полдень, при любви болтать въ обществѣ праздныхъ людей, при стремленіи гнаться за какими-то великими трудами, плюя на мелкое дѣло. Не лучше шло дѣло и въ отношеніи хозяйства, при неумѣніи разсчитать гроши, при наклонности накупить варенья вмѣсто мяса, при полной безпомощности, когда было нужно обойдтись безъ кухарки и горничной. Несмотря на всѣ поддержки и пособія своихъ небогатыхъ друзей, Анна Карловна просто нищенствовала въ трехъ пустынныхъ комнатахъ, гдѣ все было перевернуто вверхъ дномъ вслѣдствіе неумѣнія хозяйки даже соблюсти внѣшній порядокъ. Бывали дни иногда, когда Анна Карловна и ея дѣти не ѣли и не пили ничего; бывали зимы, когда у нихъ не было ни полѣна дровъ; бывали времена, когда у дѣтей не было ни одежды, ни сапогъ. И въ эти-то трудныя времена, наивные и честные друзья Анны Карловны болѣе всего удивлялись ея энергіи, ея послѣдовательности, ея радикализму, говоря, что она скорѣе умретъ съ голоду, чѣмъ прибѣгнетъ къ помощи мужа, наживающагося постыдными средствами и портившаго дѣтей. И чего, чего не говорила она въ эти времена въ своемъ домѣ про своего мужа! Вся грязь, которою можно забросать человѣка, забрасывалась въ него. Развратникъ, лицемѣръ, эксплуататоръ, обманщикъ, негодяй, всѣ эти эпитеты казались недостаточно яркими, когда дѣло касалось его.

— Да, вы сдѣлали подвигъ, вырвавъ отъ него дѣтей! Какое вліяніе могъ бы онъ имѣть на нихъ! говорили друзья Анны Карловны, приходя серьезно въ ужасъ отъ ея разсказовъ.

— Да они его теперь презираютъ! говорила она, задыхаясь отъ злобы.

И дѣйствительно, дѣти презирали отца, потому что Анна Карловна сдѣлала изъ нихъ такихъ же фразеровъ, какъ она сама. Къ сожалѣнію, она ничего не могла дать имъ, кромѣ фразъ. Они были нищими оборванцами, они были невѣждами. Она не умѣла заработать имъ на хлѣбъ, она не умѣла сама научить ихъ чему нибудь, она не умѣла пріучить ихъ къ труду. Это обстоятельство послужило къ новому скандалу между супругами. Друзья Флигенринга стали ему говорить, что его дѣтей встрѣчаютъ на улицѣ чуть не босикомъ, что его уже подростающія дочери сами ходятъ въ мелочную лавку, что его дѣти нигдѣ не учатся. Это бросало тѣнь на него даже въ глазахъ его не особенно щепетильныхъ друзей. Онъ, нехотя, сталъ хлопотать, чтобы ему отдали его дѣтей. Но госпожа Флигенрингъ уже не могла сдѣлать этого, такъ какъ то значило бы «поступиться своими убѣжденіями», «измѣнить своимъ идеямъ». Вслѣдствіе этого она воспользовалась нѣсколькими добытыми ею гдѣ-то письмами мужа, говорившими о послѣдней степени его безнравственности и представила его письма въ одно изъ вѣдомствъ, куда обратился ея мужъ съ просьбою «объ отобраніи» у нея дѣтей. Дѣтей рѣшили не отбирать, такъ какъ были явныя улики въ крайней развращенности отца. Тогда Флигенрингъ, побуждаемый толками и настояніями своихъ друзей, попробовалъ доказать, что его жена сумасшедшая. Но и эта попытка не удалась. Флигенрингу не оставалось болѣе ничего, какъ умыть руки, и онъ это сдѣлалъ съ величайшею радостью, такъ какъ теперь онъ вполнѣ оправдалъ себя въ глазахъ своего кружка и избавилъ себя отъ необходимости содержать своихъ дѣтей, которыя только мѣшали бы его любовницѣ, жившей уже у него въ домѣ съ другими его дѣтьми. Такимъ образомъ, дѣти Анны Карловны остались навсегда у нея на голоданье, на бездѣльничанье, на неряшество, на фразерство. Ея прежніе наивные знакомые по прежнему называли ее женщиною съ убѣжденіями, горячею матерью, честною гражданкою, а знакомые ея мужа зовутъ его несчастнымъ отцомъ, страдающимъ за дѣтей, отнятыхъ у него недостойною женщиною, и, такимъ образомъ, оба супруга счастливы по своему, жена тѣмъ, что сохранила за собой титулъ матери-гражданки, обрекши дѣтей на нищету и невѣжество, а отецъ тѣмъ, что освободился, не набросивъ на себя тѣни въ своемъ кругу, отъ обязанности кормить первую семью, когда у него на рукахъ есть уже вторая семья. А дѣти... кто изъ друзей Анны Карловны и ея супруга задумывается объ ихъ участи?

— Но все-таки она внушитъ имъ болѣе честныя идеи, чѣмъ онъ, замѣтилъ я.

— Она научитъ ихъ честно говорить, отвѣтилъ Клименко,—но она не научитъ ихъ честно жить. Чтобы честно жить, нужно выросте среди трудовой жизни, нужно пріучаться къ труду съ дѣтства, нужно пріобрѣсти средства къ труду, то есть прочныя знанія, усидчивость, выносливость,—а этого не можетъ дать дѣтямъ какая-нибудь Анна Карловна, не умѣющая усидчиво работать и не имѣющая средствъ дать разностороннее образованіе дѣтямъ. Да этого мало, батенька, а вы подумайте, что будетъ съ ея дѣтьми, если не сегодня, такъ завтра она умретъ и дѣтямъ волей неволей придется войдти въ домъ отца, котораго они уже ненавидятъ и у котораго есть уже другая семья. А между тѣмъ у нея чахотка въ послѣднемъ періодѣ...

Мы помолчали, мнѣ было какъ-то не по себѣ.

— А впрочемъ, Флигенринги не сдѣлали ничего особенно возмутительнаго и изъ ряду вонъ выходящаго,—промолвилъ Клименко, вставая:—Они не сошлись во взглядахъ и разъѣхались—вотъ и все. **Нѣкто.**

Новости наукъ и жизни.

— Искуственное орошеніе. Въ скоромъ времени появится очень любопытная книга Стюарта объ орошеніи фермъ, о городовъ и пр. (Irrigation for the farm, garden and orchard by H. Stewart). Въ ней будутъ изложены подробно системы искуственнаго орошенія, принятыя въ Америкѣ, Англіи, Франціи, Италіи и Германіи, съ объясненіемъ наилучшихъ способовъ для орошенія различныхъ земель, необходимыхъ при этомъ построекъ и пр. Книга будетъ снабжена пояснительными политипажами въ текстѣ.

— Рельефная карта настоящей войны. Корреспондентъ «Allg. Zeit.» сообщаетъ, что, по приказанію турецкаго министра народнаго просвѣщенія, Мунифа-эффенди, одинъ изъ его чиновниковъ устроилъ въ саду школы въ Стамбулѣ, на пространствѣ въ двадцать квадратныхъ метровъ, рельефную карту театра военныхъ дѣйствій. Въ этой картѣ не забыты ни малѣйшія мелкія подробности; такимъ образомъ, улицы, желѣзныя дороги, и телеграфныя линіи обозначены проволоками; города, деревни, минареты мечетей сдѣланы изъ глины и камней, горы изъ гипса, а долины изъ дерна. Море и рѣки устроены изъ настоящей воды, и дно выстлано у моря синимъ асфальтомъ, а у рѣкъ зеленымъ. Устроенное кругомъ возвышеніе даетъ жителямъ возможность видѣть весь военный планъ.

— Телефонъ. Телефонъ, о которомъ такъ много говорили нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, появился въ Англіи. Съ нимъ дѣлали опыты передъ членами британскаго общества научнаго прогресса, во время его сессіи въ Портсмутѣ.

Съ тѣхъ поръ телефонъ уже примѣненъ къ дѣлу. Онъ устроенъ въ каменно-угольныхъ копяхъ Сент-Анстелли послѣ опытовъ, произведенныхъ докторомъ Форстеромъ, инспекторомъ копей. Посредствомъ этого телефона происходятъ переговоры между лицами, стоящими наверху шахты и внизу въ глубинѣ копей. Повидимому, онъ удачно замѣняетъ принятые до сихъ поръ знаки.

Въ Нью-Іоркѣ посредствомъ телефона переговариваются изъ конторы одного пароходнаго общества съ нѣкоторыми пристанями. И кромѣ того, тамъ онъ примѣняется уже во многихъ мѣстахъ.

Телефонъ состоитъ изъ двухъ одинаковыхъ ящиковъ, соединенныхъ электрической нитью и размѣщенныхъ на какомъ угодно разстояніи. Въ каждомъ ящикѣ находится желѣзная пластинка, которая подвергается сотрясенію. Обѣ пластинки положены и электрически соединены такимъ образомъ, что лишь только одна начинаетъ сотрясаться, какъ другая передаетъ немедленно тѣ же самыя сотрясенія.

Вслѣдствіе этого, если человѣкъ начнетъ говорить въ одинъ изъ этихъ ящиковъ, соотвѣтствующая пластинка, механически сотрясаясь, передаетъ тѣ же звуки, которые заставили сотрясаться первую пластинку. Приложивъ ухо, слушающій будетъ слышать голосъ, разговаривающій съ нимъ.

— **Безполезность громоотвода.** По новѣйшей теоріи американскаго ученаго Уайза, металлическія крыши дѣлаютъ совершенно излишними громоотводы, потому что молнія, ударивъ въ подобную обширную поверхность, дѣлается безвредною, размельчая свою силу на всю площадь предмета.

Смѣсь.

— **Новое международное общество.** Въ Брюсселѣ организованъ «Международный человѣколюбивый комитетъ» для оказанія пособій семействамъ, пострадавшимъ отъ настоящей войны; изъ разосланныхъ имъ циркуляровъ видно, что дѣятельность его будетъ состоять въ пособіяхъ для возстановленія разоренныхъ войною хозяйствъ, доставленіи занятій вдовамъ убитыхъ на войнѣ, воспитаніи ихъ дѣтей, призрѣніи раненыхъ и т. п. Циркуляры приглашаютъ лицъ всѣхъ націй къ участію въ святомъ дѣлѣ человѣколюбія, составляющемъ задачи комитета. Починъ организаціи этого комитета, по словамъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», принадлежитъ нѣсколькимъ бельгійскимъ дамамъ, въ числѣ которыхъ находятся двѣ русскія, состоящія въ замужествѣ за бельгійскими подданными.

Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій.

Втеченіе послѣдней недѣли получены слѣдующія официальныя извѣстія:

А. Отъ его императорскаго высочества Главнокомандующаго дѣйствующей арміею:

1) Отъ 4-го октября — 3-го октября, турки перешли четырьмя небольшими пѣхотными колоннами Ломъ, у Іованъ-Чифтлика, съ очевидною цѣлью произвести рекогносцировку нашего расположенія, но, будучи встрѣчены огнемъ нашихъ авангардовъ, остановились. Противъ нихъ высланъ отрядъ изъ всѣхъ родовъ оружія подъ начальствомъ генерала Косыча, но турки отступили.

Въ остальныхъ мѣстахъ новаго ничего нѣтъ.

2) Отъ 5-го октября — Изъ ловчинскаго отряда снова произведены два удачныхъ поиска: 29-го сентября войсковой старшина Антоновъ съ сотней 30-го полка произвелъ нечаянное нападеніе на Тетебенъ; спѣшивъ половину казаковъ, онъ выбилъ изъ передовыхъ окоповъ непріятеля, положивъ 8 человѣкъ на мѣстѣ. Затѣмъ, убѣдившись, что въ Тетебенѣ около 300 человѣкъ регулярной пѣхоты въ укрѣпленіяхъ, онъ отступилъ къ Трояну, не понеся никакихъ потерь и отхвативъ весь турецкій скотъ и лошадей.

29-го же сентября войсковой старшина Тарасовъ съ тремя взводами казаковъ 24-го полка напалъ на Торосъ. Перейдя подъ огнемъ непріятеля рѣку Видъ частью вбродъ, частью вплавь, Тарасовъ ударилъ въ шашки и отбросилъ турокъ въ деревню. Непріятель засѣлъ въ домахъ, но казаки спѣшились и выбили ихъ оттуда; турки бѣжали въ сосѣдній лѣсъ. Сила непріятельскаго отряда была около 300 человѣкъ; изъ этого числа убито 80 человѣкъ и самъ начальникъ отряда взятъ въ плѣнъ, а также нижнихъ чиновъ 11 челов.; захваченъ весь непріятельскій скотъ, освобождены 700 болгарскихъ женщинъ и дѣтей, которыхъ турки держали взаперти и морили голодомъ. Эти несчастные уведены Тарасовымъ въ Микре, куда онъ возвратился 30-го сентября.

Въ прочихъ пунктахъ все тихо.

3) Отъ 6 октября — Подъ Плевной наши работы подвигаются; батареи стрѣляютъ изрѣдка, но сосредоточенными залпами по указаннымъ пунктамъ одновременно. Сосредоточенный огонь этотъ, видимо, сильно дѣйствуетъ на непріятеля.

Въ прочихъ мѣстахъ новаго ничего нѣтъ.

4) Отъ 8-го октября — 7-го октября румыны взяли одинъ редутъ подъ Плевною, но вечеромъ того же числа турки отняли его обратно.

Въ нижнедунайскомъ отрядѣ 5-го октября казаки захватили по дорогѣ изъ Черноводъ въ Силистрію у Сейлыка турецкій транспортъ изъ 100 повозокъ съ провіантомъ. Прикрытіе состояло изъ 150-ти человѣкъ; изъ нихъ 26 изрублено, 32 взято въ плѣнъ, остальные разбѣжались.

6-го октября, тамъ же, казаки прогнали два эскадрона турецкой регулярной кавалеріи, причемъ убито семь турокъ и взято въ плѣнъ два.

5) Отъ 9-го октября — 7-го октября, въ $12^{1}/_{2}$ часовъ дня, четыре румынскихъ батальона вышли изъ четвертой параллели для атаки редута, но были встрѣчены такимъ ружейнымъ огнемъ, что отступили. Въ $6^{1}/_{2}$ часовъ вечера, начальникъ 4-й румынской дивизіи вновь двинулъ на редутъ три батальона, которые бросились впередъ, вскочили въ ровъ и оставались тамъ около часу, тщетно стараясь овладѣть самымъ редутомъ. Это продолжительное пребываніе тамъ войскъ было причиною преждевременнаго извѣстія о взятіи редута. Наконецъ, румыны должны были отступить.

Потеря въ двухъ офицерахъ и 200 нижнихъ чинахъ убитыми и 20 офицерахъ и 707 нижнихъ чинахъ ранеными. Въ числѣ раненыхъ командиръ 7-го линейнаго полка.

Потери непріятеля также должны быть значительны, такъ какъ румынскія батареи сильно обстрѣливали съ фланга и тыла всѣ подходившіе къ редуту турецкіе резервы.

6) Отъ 10-го октября — 7-го октября убитъ при Карагачкіоѣ начальникъ разъѣзда, посланнаго къ сторонѣ Эскиджумы, рижскаго драгунскаго полка прапорщикъ Чернушевичъ.

5-го октября двѣ роты турецкой пѣхоты съ конными баши-бузуками напали на наши передовые посты у Ханкіоя, но отбиты съ большимъ урономъ; у насъ ранено два человѣка.

Въ рущукскомъ отрядѣ 9-го октября произведены рекогносцировки по всей линіи, вызвавшія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ турецкаго расположенія тревогу и перестрѣлку; потери имѣлъ только тотъ нашъ отрядъ, который ходилъ на Іованъ-Чифтликъ; противъ него показалось на правомъ берегу Лома, со стороны Кошава и Писова, около 5,000 пѣхоты съ восемью орудіями и нѣсколькими частями кавалеріи. У насъ раненъ 1 офицеръ; нижнихъ чиновъ убито 2, ранено 14.

Б. Отъ Начальника штаба кавказскаго военнаго округа изъ Караяла отъ 9-го октября:

Потери наши въ сраженіи 3-го октября на Аладжинскихъ высотахъ состоятъ изъ 7 убитыхъ и 49 раненыхъ и контуженыхъ офицеровъ и 223 убитыхъ и 1,162 раненыхъ и контуженыхъ нижнихъ чиновъ. Ранены командиры полковъ: Ростовскаго, полковникъ Анчутинъ и волгскаго казачьяго, полковникъ Крузенштернъ; контуженъ генералъ-маіоръ Губскій.

Послѣ сраженія означеннаго числа войска главныхъ силъ перешли на Визинкевскія и Орлокскія высоты и направились къ позиціямъ у Владикарса, Саракамыша и Мацры.

Войска Измаила-паши 2-го октября произвели наступленіе, въ числѣ 27 батальоновъ, на позиціи генерала Тергукасова, направляя главную атаку на селеніе Лалфалы, повсюду оттѣснены войсками нашими до своихъ траншей. Въ ночь съ 4-го на 5-е число Измаилъ-паша, очистивъ позиціи свои у подножія горъ, отступилъ, преслѣдуемый отрядомъ генерала Тергукасова, занявшимъ 6-го числа противъ отступавшаго непріятеля позицію на зарскихъ высотахъ.

5-го числа Хоперскими казаками, подъ начальствомъ подполковника Перина, окруженъ и взятъ въ плѣнъ у селенія Зарцъ турецкій отрядъ, сдавшійся въ числѣ 23 офицеровъ и 200 нижнихъ чиновъ, съ тремя горными орудіями. Потеря наша въ дѣлѣ 2-го числа не превышаетъ 24 раненыхъ и контуженныхъ нижнихъ чиновъ.

Со 2-го октября спокойствіе въ южномъ Дагестанѣ возстановлено, въ среднемъ же Дагестанѣ произошли 3-го и 4-го чиселъ два дѣла съ мятежниками близъ селенія Лаваши, въ которыхъ войсками отряда полковника Накашидзе положено на мѣстѣ до 300 человѣкъ и захвачено много значковъ, лошадей и разнаго имущества; у насъ убито и ранено 24 нижнихъ чиновъ и милиціонеровъ.

Телеграммы.

Афины, 3-го (15-го) октября, понедѣльникъ. Нота Сервера-паши къ турецкому посланнику въ Лондонѣ Мусурусу-пашѣ, касающаяся отношеній Порты къ Греціи, заключается слѣдующею угрозою: «Порта наконецъ принуждена нанести ударъ тамъ (т. е. Греціи), гдѣ слѣдуетъ вырвать зло съ корнемъ». Турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ сваливаетъ на греческое правительство отвѣтственность за волненія, происходящія въ Фессаліи и Эпирѣ, и судя по рѣзкому концу фразы Порта намѣрена сама начать войну противъ Греціи.

Афины, 10-го (22 го) октября, понедѣльникъ. Греческое правительство принимаетъ болѣе рѣзкій тонъ противъ Порты и также старается освободиться отъ давленія англійской дипломатіи посредствомъ обращенія къ европейскимъ державамъ. Теперь былъ бы самый благопріятный моментъ поддержать греческое правительство, особенно въ виду того, что народъ все настоятельнѣе требуетъ войны противъ Турціи.

Буда-Пештъ, 8-го (20 го) октября, суббота вечеромъ. Венгерское правительство конфисковало, какъ военную контрабанду, рельсы, предназначавшіеся для постройки русскихъ желѣзныхъ дорогъ въ Румыніи.

Вѣна, 9-го (21-го) октября, воскресенье. Здѣсь произвела значительное впечатлѣніе телеграмма изъ Тифлиса, гдѣ утверждается, что въ палаткѣ Мухтара, захваченной русскими войсками, найденъ документъ, ясно доказывающій, что армія Мухтара-паши состояла подъ предводительствомъ англійскихъ офицеровъ и содержалась на англійскія деньги.

Берлинъ, 5-го (17-го) октября, среда, вечеромъ. По словамъ «Nordeutsche Allgemeine Zeitung», баронъ Гёнике отправится, 18-го октября, въ качествѣ делегата отъ германскаго общества «Краснаго Креста», на театръ русскихъ военныхъ дѣйствій, куда онъ доставитъ обильный запасъ самыхъ разнообразныхъ перевязочныхъ средствъ и хирургическихъ аппаратовъ.

Берлинъ, 8-го (20-го) октября, суббота. Хотя германская печать говоритъ о необходимости добиться отъ Россіи уступокъ по части пошлинъ и при этомъ принимаетъ въ соображеніе возможность давленія, однако, имперское правительство далеко отъ этой точки зрѣнія. Именно теперь правительство Германіи доказываетъ свой дружественный Россіи характеръ тѣмъ, что устраняется отъ всякаго давленія, имѣя въ виду лишь ближайшую цѣль и затрогивая въ Петербургѣ только вопросы о соотвѣтственномъ установленіи пошлинъ и объ устраненіи пограничныхъ затрудненій; вопросъ же о таможенномъ тарифѣ оно оставляетъ теперь совершенно безъ вниманія.

Парижъ, 4-го (16-го) октября, вторникъ. Полный результатъ выборовъ, за исключеніемъ колоній, представляется въ слѣдующемъ видѣ: консерваторовъ выбрано 201, республиканцевъ 314; перебаллотировокъ будетъ 14.

Парижъ, 4-го (16-го) октября, вторникъ. «Journal des Debats» говоритъ, что результатъ выборовъ побуждаетъ правительство подать въ отставку.

Въ послѣдующихъ телеграмахъ слухъ этотъ опровергается.

* * *

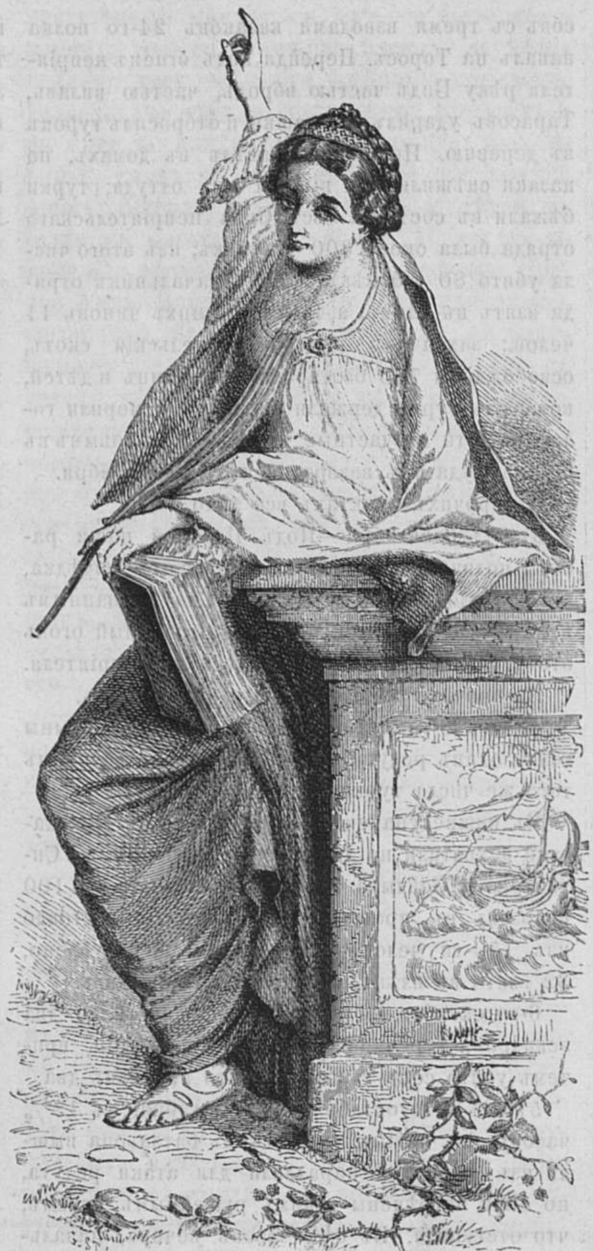
Наши гравюры.

Клеопатра, съ картины Ганса Макарта.

Гансъ Макартъ, одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ современныхъ живописцевъ, родился 18 мая 1840 года въ Зальцбургѣ, провелъ крайне тревожную юность, сначала учился въ гимназіи своего родного города, потомъ въ 1858 году поступилъ въ Академію въ Вѣнѣ, но уже черезъ два-три мѣсяца снова возвратился въ Зальцбургъ, гдѣ и рисовалъ для поддержки своего существованія гербы. Черезъ нѣсколько времени мы встрѣчаемъ его въ Мюнхенѣ, гдѣ онъ хочетъ учиться гравированію и, вмѣсто того, тотчасъ же поступаетъ въ школу Пилоти. Здѣсь онъ остается съ 1862 по 1865 годъ и дѣлается знаменитостью. Одною изъ характерныхъ юношескихъ работъ Ганса Макарта былъ портретъ Лавуазье въ темницѣ, написанный въ рембрандтовскомъ вкусѣ; не менѣе характерна его декоративная картина для одной изъ петербургскихъ роскошныхъ столовыхъ залъ. Затѣмъ слѣдуютъ его Рыцарь и Русалка, Леда, большой итальянскій ландшафтъ, Чума во Флоренціи, Юлія и т. д. Въ 1869 году Макарту предложили въ Вѣнѣ профессуру; онъ отказался отъ мѣста, но основалъ здѣсь мастерскую. Нарисовавъ, кромѣ другихъ произведеній, занавѣсъ для вѣнскаго городскаго театра, Фауста въ темницѣ у Маргариты, сцену на балконѣ изъ «Ромео и Юліи», Макартъ посѣтилъ въ 1876 году Египетъ и создалъ, кромѣ своей Клеопатры, множество бытовыхъ сценъ изъ египетской жизни. Макартъ — геній-колористъ; едва-ли кто-нибудь изъ живущихъ теперь художниковъ обладаетъ въ такой степени тайною свѣтотѣни, какъ онъ; богатство воображенія, способность къ декоративности, фантастическая идеализація сюжетовъ, страстность, переходящая иногда въ чувственность, вотъ главныя качества Макарта. Его слабая сторона состоитъ въ рисункѣ, въ торопливости созданій и, иногда, въ нѣкоторой распущенности содержанія. Создаетъ онъ изумительно быстро: «Чуму во Флоренціи» онъ кончилъ въ три мѣсяца, «Сцену на Нильскомъ берегу» въ 14 дней, число написанныхъ имъ портретовъ и отдѣльныхъ фигуръ очень велико. Предлагаемая нами читателю гравюра, представляетъ снимокъ съ одной изъ прелестныхъ макартовскихъ картинъ.

Рѣшительная минута.

— Подпишите вексель и у васъ будутъ деньги!... Вотъ фраза, готовая сорваться съ языка этого еврея, предлагающаго перо молодому человѣку, который, видимо, переживаетъ тяжелую внутреннюю борьбу. Но почему ему такъ понадобились деньги? Не сынъ-ли онъ какого-нибудь богатаго Плюшкина? Не выросъ ли онъ среди развратной семьи, научившей его мотовству, но ненаучившей его труду? Не надѣлалъ ли онъ неоплатныхъ долговъ, которые хочетъ покрыть теперь новымъ крупнымъ займомъ, надѣясь въ будущемъ на наслѣдство какой-нибудь бабки, какого-нибудь дѣда? Онъ, навѣрное, въ концѣ концовъ, подпишетъ вексель, но заплатитъ ли онъ по этому векселю,—это вопросъ. Быть можетъ, въ будущемъ онъ попадетъ на скамью подсудимыхъ въ качествѣ одного изъ «червонныхъ валетовъ» и совершитъ прогулку въ «мѣста не столь отдаленныя Сибири». Это одна изъ драмъ, все чаще и чаще повторяющихся въ наше время, когда мотовство и разгулъ матушкиныхъ сынковъ и золотой молодежи доходятъ до послѣднихъ предѣловъ.



Надежда.

Страшное, грозное время
Распрей, борьбы и утратъ
Давитъ, какъ тяжкое бремя,
Всѣхъ безъ изъятья подрядъ.
Какъ присужденные къ казни,
Мрачныя думы храня,
Съ чувствомъ глубокой боязни
Ждемъ мы грядущаго дня.
Что принесетъ онъ съ собою?
Кто въ непосильномъ бою,
Избранный въ жертву судьбою,
Голову сложитъ свою?
Кто у разрытой могилы
Надъ дорогимъ мертвецомъ
Склонится завтра безъ силы
Мертвенно блѣднымъ лицомъ?
Нѣтъ на вопросы отвѣта,
Будущность скрыта во тьмѣ,
Нѣтъ въ ней ни проблеска свѣта,
Точно въ подземной тюрьмѣ.
Если-жь порой передъ нами
Въ эту годину невзгодъ,
Полную только слезами,
Образъ надежды встаетъ, —
То не въ весеннемъ уборѣ,
Яркихъ лучей лишена,
Съ кроткою грустью во взорѣ
На землю сходитъ она, —
Сходитъ въ глубокомъ молчаньи
Съ книгой раскрытой судьбы
И не даетъ обѣщаній,
Слушая наши мольбы.
Тихо она поднимаетъ
Руку свою къ небесамъ,
Точно сказать намъ желаетъ:
«Отдыхъ васъ ждетъ только тамъ!»

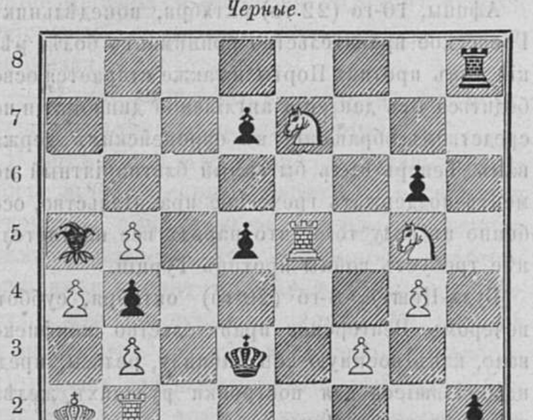
А. М—въ.

Шахматы.

Задача XXXVII.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

Черные.



Бѣлые.

Рѣшеніе задачи № XXXVI.

Бѣлые.	*Черные.*
1) E3—D5...	1) D3—D2 (a)
2) H2—G3 берутъ	2) C2—D3 (или H8—H1)
3) D5—B4 †	3) D3—D2
4) G5—F3 † и матъ.	
	(a) 1) D3—D4
2) D5—F4....	2) D4—C5
3) G5—E6....	3) C5—D6 (в)
4) E1—D1 † и матъ.	
	(b) 3) C5—B5
4) E1—E5 † и матъ.	

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи. Капитанша Кваповская (продол.). — Нечеловѣческая месть (продол.). — Чортовъ волосъ (продолж.). — Стихотвор. «Мой старый домикъ». — Саранча. — Наши ближніе. — Новости наукъ и жизни. — Смѣсь.—Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій.—Телеграммы.—Наши гравюры.—Шахматы.

Гравюры: Алушта. (Ко 2-й статьѣ «Спорное побережье» въ слѣдующемъ нумерѣ). — Клеопатра. Снимокъ съ картины Ганса Макарта.—Рѣшительная минута.—Въ которой рукѣ.—Надежда.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 15 Октября 1877 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

Живописное Обозрѣніе

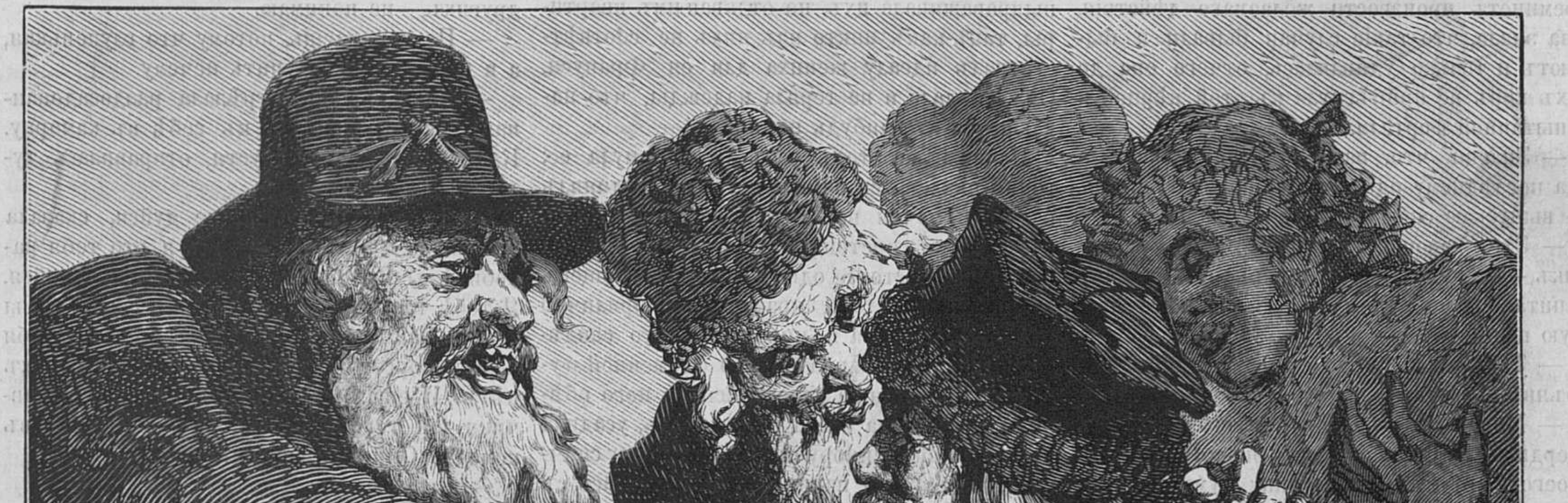
№ 43. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода—4 р. 50 к. Отдѣльн. №№ по 15 к.

С.-Петербургъ, 23 Октября 1877 года.

Адрессъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Троицкій переулокъ, домъ № 27/1.

Годъ V.

в Ленинград



По рукамъ.

Капитанша Кваповская.

Повѣсть **Л. Леванды.**

(*Продолженіе.*)

VI.

Но капитанша Кваповская, какъ опытный полководецъ, не теряла духа отъ неудачъ; она только рѣшилась перемѣнить тактику въ полномъ убѣжденіи, что не тотъ, такъ другой маневръ удастся, такъ-какъ не можетъ-же быть, чтобы никакой неудался.

— На зло имъ, — говорила теперь капитанша, имѣя въ виду Богъ знаетъ кого, — я свою Франусю выдамъ непремѣнно за чиновника, да-съ, за чи-нов-ни-ка! иначе не можетъ быть и не будетъ. Они пусть лопаются съ досады, а иначе не будетъ.

На этотъ разъ она вотъ что придумала: купно съ своею служанкою Мартою она вынесла изъ комнаты, находившейся въ сѣняхъ и служившей до сихъ поръ кладовою, кадки, шкапчики, ящики и прочую домашнюю рухлядь, вымыла полы, выбѣлила стѣны, поставила туда кой-какой мебели и рѣшилась отдавать ее въ наемъ, разсчитывая, не безъ ехидства, что квартира, занятая холостякомъ, разумѣется, чиновнымъ, въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ нею и ея Франусей не преминетъ произвести желаемаго дѣйствія. Она знала, что такіе случаи бывали и бываютъ и только удивлялась, отчего она до сихъ поръ не прибѣгнула къ этой вѣрной и испытанной фортели.

— Знаешь что, пане совѣтнику? сказала она послѣднему однажды вечеромъ за чаемъ, — выпускаю свою боковку въ наемъ.

— Это хорошо, одобрилъ панъ совѣтникъ,—квартиры пошли теперь въ гору, пани капитанова можетъ взять за боковку хорошую цѣну.

— Такъ сдѣлай одолженіе, напиши мнѣ объявленіе, знаешь, эдакое, забористое.

— Можно, въ сей моментъ, сказалъ панъ Фердинандъ, добывъ изъ бокового кармана своего сюртука четвертушку бумаги и обглоданный карандашъ.

— Какъ, карандашемъ будешь писать? удивилась капитанша.

— Мы это сперва черновую, а потомъ перебѣлимъ чернилами, объяснилъ панъ Фердинандъ, надѣвъ очки въ роговой оправѣ и собираясь писать. Онъ нѣсколько разъ потеръ себѣ лобъ, какъ-бы собираясь съ мыслями, расправилъ свои сѣдые усы, крякнулъ и, сопя и бормоча что-то себѣ подъ носъ, сталъ трясущеюся рукою писать. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ торжественно и громко прочелъ: «На зарѣчьѣ, въ домѣ капитанши Кваповской, отдается квартира въ наемъ съ 29-го сентября».

— И только? спросила капитанша, какъ видно, не совсѣмъ довольна редакціею.

— Чего-же еще?

— Да я бы хотѣла, чтобы знали, что отдается квартира холостая, понимаешь? для холостяка.

— Чтожъ, мы это прибавимъ.

— И прибавь, и скажи еще, что съ отопленіемъ.

— И съ отопленіемъ, пробасилъ панъ Фердинандъ, выводя карандашемъ то, что диктовала ему капитанша.

— И съ прислугой.

— И съ прислугой.

— И со всякими удобствами.

— Какія еще удобства? спросилъ панъ Фердинандъ, недоумѣвая.

— Да мало-ли у меня будетъ удобствъ, нетерпѣливо сказала капитанша.—Ну, вотъ, огородъ есть.

— Такъ чтожъ? Развѣ рѣпу жильцу сѣять?

— Рѣпу не рѣпу, а все-таки лучше, коли при домѣ и огородъ есть: свѣжій салатъ будетъ.

— Ну, нехай будетъ со всякими удобствами, согласился, наконецъ, панъ Фердинандъ, начертивъ и эти слова. Въ новой редакціи объявленіе было одобрено и капитаншею и панъ Фердинандъ переписалъ его на-бѣло.

— А что, не пустить-ли это въ «Курьеръ?»

— Въ «Курьеръ?» переспросилъ панъ Фердинандъ,—сохрани Богъ! печататься боюсь, еще, пожалуй, осмѣютъ. Наклеимъ лучше гдѣ-нибудь на Имбарахъ, у меня тамъ знакомый дворникъ есть. Народу тамъ много ходитъ, такъ замѣтятъ.

— На Имбарахъ, такъ на Имбарахъ, согласилась капитанша.

Объявленіе произвело желаемое дѣйствіе: къ капитаншѣ повалило много охотниковъ до квартиръ со всякимъ удобствомъ. Между этими охотниками были и отставные военные до капитанскаго чина включительно, и мелкіе чиновники, и музыканты, и домашніе учителя и прочій небогатый людъ, но капитанша не безъ дипломатической хитрости выправаживала ихъ, не отдавая имъ квартиры, такъ-какъ никто изъ нихъ не соотвѣтствовалъ идеалу жениха для ея Франуси. Она ожидала и не теряла надежды, что наклюнется кто-нибудь почище.

Надежда на этотъ разъ не обманула ее: точно наклевался одинъ, который соединялъ въ себѣ почти все, что требовалось отъ счастливало претендента на руку панны Францискі. Этотъ одинъ былъ воплощенъ въ особѣ молодого, красиваго и прилично одѣтаго человѣка и чиновника, что свидѣтельствовала кокарда на его форменной фуражкѣ. Капитанша ухватилась за него обѣими руками. Она ввела его въ залъ, усадила чуть не собственноручно, поднесла ему спички для закуренія папироски и пустилась съ нимъ калякать, умильно и добродушно ему улыбаясь.

— Ваша фамилія, позвольте спросить? спросила она въ теченіи разговора.

— Клименко.

— Очень рада, проговорила капитанша, дѣлая ему какой-то оригинальный, зарѣчинскій реверансъ, при чемъ она чуть не опрокинула стоявшаго позади ея маленькаго столика съ дешевымъ фаянсомъ. — Вы, пожалуйста, извините моей нецеремонности: я, изволите видѣть, не намѣрена отдавать свою квартиру кому-нибудь зря. Мы люди не богатые, но благородные, а потому пускать къ себѣ кого-нибудь съ улицы намъ не сподручно. Жилецъ, сосѣдъ—тотъ же домашній человѣкъ.

— Совершенно справедливо, — замѣтилъ молодой человѣкъ, не понимая, впрочемъ, въ чемъ собственно дѣло.

Капитанша сладко улыбнулась и продолжала:

— Вы гдѣ-нибудь служите?

— Служимъ, въ контрольной палатѣ.

— И... чинокъ имѣете?

— Имѣемъ-съ, въ титулярныхъ совѣтникахъ обрѣтаемся.

— Это по нашему, по военному, что будетъ? маіоръ?

— Маіоръ не маіоръ, а около того.

Капитанша просто таяла отъ удовольствія, точно этотъ молодой человѣкъ и чуть не маіоръ уже сдѣлалъ предложеніе ея дочери. Она такъ растаяла, что отдала квартиру за семь рублей въ мѣсяцъ, хотя она разсчитывала взять рублей десять или двѣнадцать.

— Ничего, наверстаемъ, утѣшала она себя, — да и что за счеты съ... Она недокончила фразы, но въ умѣ ея фраза эта была закруглена словомъ: съ зятемъ.

— Франуся, Франусенька, встрѣтила капитанша свою возвратившуюся изъ города дочку чуть не съ распростертыми объятіями. Поздравь меня: я уже выпустила квартиру.

— Ну, и слава Богу, отвѣтила Франуся, разстегивая свое пальто,—что взяла?

— Деньги небольшія: семь рублей въ мѣсяцъ, но жилецъ, если-бы ты видѣла, какого жильца мы достали! Молодой человѣкъ, кровь съ молокомъ, чиновникъ, чуточки до маіора не хватаетъ, собой красавецъ, по фамиліи Клименко, Данило Прокофьевичъ.

Франуся пожала плечами, не понимая, чему это мать такъ рада и съ какой стати она такъ расписываетъ этого жильца.

— А вѣдь тебѣ давали по десяти рублей въ мѣсяцъ, сказала она почти съ укоромъ.

— Давали! мало, что давали! Давала все такая шушера, которой я и за двадцать рублей не выпустила-бы квартиры.

— Чѣмъ этотъ жилецъ будетъ лучше другихъ,—не понимаю.

— Не понимаешь, потому что глупенькая, а я понимаю, меня учить нечему.

— Какъ знаешь, отрѣзала раздосадованная дѣвушка и ушла къ себѣ въ каморку. Капитанша, минуту спустя, отправилась туда-же.

— Да ты, Франуся, не дуйся, сказала она мягко и любовно,—чѣмъ я это тебя разобидѣла? Все будетъ ладно, не безпокойся. Я тебѣ только вотъ что хотѣла сказать. Ты теперь кацавейки да ватувки брось: у тебя развѣ корсетовъ да кофточекъ разныхъ нѣтъ? И еще: неужели воротнички и рукавчики для того сдѣланы, чтобы лежали въ комодѣ? Они выглажены?

— Выглажены.

— Такъ ты ихъ и носи на здоровье.

— Къ чему это франтовство?

— Вовсе не франтовство, а молодая барышня всегда должна быть прилично одѣта.

— Отчего мамаша до сихъ поръ ничего не говорила мнѣ объ этомъ?

— А оттого, что мы жили однѣ, теперь будетъ чужой человѣкъ, благородный, такъ не нужно срамиться, а то подумаетъ, что мы деревенщина, мужичье.

— Ага, теперь понимаю! воскликнула Франуся, многозначительно улыбнувшись.

— Понимаешь, — такъ тѣмъ лучше, значитъ и толковать много нечего. Да ты, впрочемъ, уже не маленькая, пора...

Капитанша не договорила, но Франуся поняла, въ чемъ дѣло, рѣшивъ про себя, что изъ этого ничего не выйдетъ, такъ какъ она своего Юзефа не промѣняетъ ни на кого въ мірѣ.

29-го сентября, титулярный совѣтникъ Клименко переѣхалъ на квартиру къ капитаншѣ Кваповской.

VII.

Въ ближайшее воскресенье капитанша Кваповская сочла нужнымъ ближе познакомиться съ своимъ жильцемъ и ближе познакомить этого жильца съ своимъ домомъ, съ своею дочерью.

Съ этою цѣлью она убрала свою квартиру по праздничному, заставила Франусю вырантиться до послѣдней возможности и сама тоже нарядилась въ свои лучшія платья и въ шесть часовъ вечера отправила Марту, свою служанку, пригласить жильца на чай. Къ совершенному удовольствію капитанши, всегда безтолковая Марта, сверхъ всякаго ожиданія, выполнила свою миссію блистательнѣйшимъ образомъ: она уже не сказала, что барыня приказала вамъ придти на чай и кланяться, какъ она затвердила было съ самаго утра, а весьма отчетливо, хотя немножко уроко-образно продекламировала, держась руками за кончикъ своего передника: барыня приказала кланяться вамъ и проситъ васъ на чай. Жилецъ поблагодарилъ и сказалъ, что будетъ.

Капитанша, въ ожиданіи дорогого гостя, разсѣлась на диванѣ и закурила трубку съ очень длиннымъ чубукомъ, что, по ея мнѣнію, должно было придавать ей весьма презентабельный видъ; Франусѣ же она велѣла ждать въ каморкѣ и выходить не раньше, какъ по прошествіи пяти-шести минутъ послѣ прихода гостя.

Такъ и было.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Чортовъ волосъ.

(Фантастическое путешествіе въ Японію.)

Эдуарда Кадоля.

(*Продолженіе.*)

Глава XIV.

Микадо у себя дома.

Немного позже двухъ часовъ ночи, въ то время, какъ народъ оживленными толпами возвращался въ городъ, двѣ тѣни безмолвно прокрадывались около высокихъ бамбуковыхъ деревьевъ, окружавшихъ дворецъ императора. Фонари гасли одинъ за однимъ; по временамъ напитанная масломъ бумага вспыхивала и освѣщала окрестность. Тогда двѣ таинственныя тѣни прятались въ какой-нибудь темный уголъ и выжидали, пока снова не наступитъ мракъ. Затѣмъ они продолжали свой осторожный путь. Это былъ Фелисьенъ, котораго Ваказа вела въ помѣщеніе микадо. Послѣ ужина, Кизаки пропустила ихъ черезъ свои собственныя комнаты. Придя къ той части зданія, которая отличалась отъ другихъ только тройнымъ заборомъ, они остановились, и молодая дѣвушка, вынувъ изъ-за кушака бронзовый ключъ великолѣпной работы, отперла имъ маленькую дверь, скрытую рѣзьбой.

Не смотря на возбужденное воображеніе и на всевозможные резоны, которыми обыкновенно хочетъ оправдать человѣкъ совершеніе имъ какого-нибудь двусмысленнаго поступка, въ рѣшительную минуту сердце какъ-то невольно сжимается. Такъ и теперь Фелисьену было не по себѣ. Прошлое, противъ его воли, вставало въ его воспоминаніи. Счастье, представлявшееся ему, было, по его мнѣнію, слишкомъ скромно, но возможно и не подвергало его никакому риску. Между тѣмъ, теперь онъ могъ подвергнуться большимъ опасностямъ. Надо было войти одному въ темный проходъ, дверь въ который отперла молодая дѣвушка, тутъ было надъ чѣмъ призадуматься. Ничто не наводитъ такъ на размышленія, какъ видъ совершенно темнаго, узкаго прохода, въ который нужно войти. Куда велъ этотъ проходъ? Не было ли въ немъ западни? Слѣдовало ли идти прямо, или повернуть налѣво или направо? И что за человѣкъ былъ микадо, къ которому онъ идетъ. Когда составляешь съ кѣмъ-нибудь заговоръ, не лишнее знать характеръ своихъ сообщниковъ.

Послѣднія слова Асмодея, сказанныя имъ на дорогѣ Токаидо, приходили на память молодому человѣку, и если бы не боязнь, что его упрекнутъ въ трусости, онъ охотно бы отложилъ свиданіе до другого дня. Вѣроятно, принцесса догадалась о колебаніи «Реформатора», потому что тотчасъ же взяла его руку и, не выпуская ее изъ своихъ, сказала:

— Наступила рѣшительная минута. Если вы передумали, еще есть время отказаться!

Но отказаться, значило потерять ее; Фелисьенъ не могъ ошибиться въ смыслѣ ея словъ. Онъ взглянулъ на молодую дѣвушку. Она стояла, вся залитая мягкимъ, голубоватымъ свѣтомъ мѣсяца. Глаза ея сверкали изъ-подъ длинныхъ черныхъ рѣсницъ, и все лицо ея дышало такой нѣжностью, передъ которой едва-ли бы устоялъ и болѣе твердый человѣкъ, чѣмъ Фелисьенъ. Онъ болѣе не колебался и упалъ передъ нею на колѣни.

— Для васъ я возмутилъ бы вселенную, о Ваказа! Я васъ люблю! вскричалъ онъ.

Когда мужчина такъ откровенно признается дѣвушкѣ, онъ, навѣрное, разсчитываетъ на взаимность. Къ словамъ, «я васъ люблю», онъ мысленно прибавилъ: «а вы, скажите мнѣ, что вы обо мнѣ думаете?» Но молодая дѣвушка, въ особенности образованная, часто стѣсняется дать категорическій отвѣтъ, и онъ обыкновенно узнается изъ ея краснорѣчиваго молчанія. Ваказа нашла нужнымъ отвѣтить яснѣе, потому что съ вопросомъ о чувствѣ былъ связанъ и политическій интересъ. Однакожь, она не сказала ни слова, а только посмотрѣла на Фелисьена и прижалась своимъ лицомъ къ его плечу. Искушеніе было слишкомъ велико и онъ поцѣловалъ ее въ високъ у самого корня волосъ, пропитанныхъ ароматной мастикой.

— Теперь, сказала она, — идите, судьба Японіи въ вашихъ рукахъ; идите, освободите мою родину отъ унизительнаго ига; микадо надѣется на васъ. Я подожду васъ здѣсь.

Фелисьенъ бросился въ темный проходъ. Какъ только онъ переступилъ порогъ, принцесса заперла дверь. Потомъ приложивъ къ губамъ тростниковый свистокъ, спрятанный у нея за корсажемъ, она произвела звукъ, похожій на крикъ ночной птицы.

Между тѣмъ, Реформаторъ ощупью, осторожно пробирался впередъ. Вдругъ яркій свѣтъ почти ослѣпилъ его, такъ что онъ принужденъ былъ въ первую минуту закрыть глаза. Въ концѣ галлереи отворилась дверь. Путь былъ ему теперь извѣстенъ, и онъ прямо направился къ цѣли.

Выйдя изъ узкаго прохода, Фелисьенъ вошелъ въ залу, стѣны, полъ и потолокъ которой были обтянуты толстой и роскошной матеріей. Вездѣ стояли чудныя растенія, гигантскіе аквариумы, въ которыхъ рѣзвились рыбы страннаго вида. Въ комнатѣ никого не было. Дверь заперлась за нимъ сама собою. Черезъ минуту одна изъ драпировокъ тихо поднялась и изъ за нее появился молодой человѣкъ, съ интеллигентнымъ и радушнымъ лицомъ. Это былъ микадо. Согласно съ требованіемъ этикета, Фелисьенъ преклонилъ колѣна и хотѣлъ пасть ницъ, но монархъ остановилъ его.

— Оставьте, сказалъ онъ по-французски, — этотъ унизительный и варварскій обрядъ, здѣсь нѣтъ ни подданнаго, ни государя, вы и я, два человѣка, одинаково рѣшившіеся уничтожить тиранію.

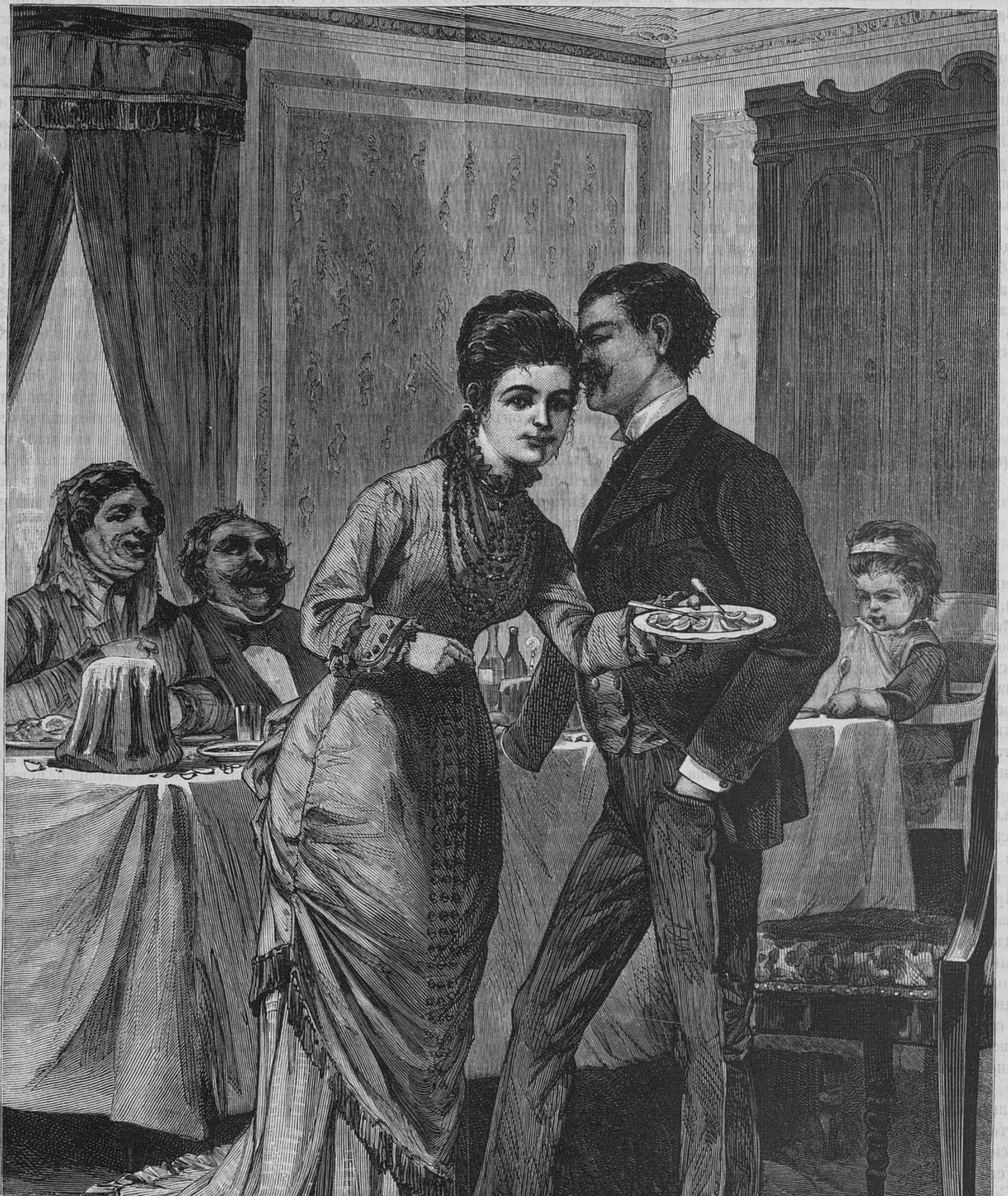
Говоря это, онъ сѣлъ на диванъ и указалъ Фелисьену мѣсто рядомъ съ собой. Фелисьенъ сѣлъ. Не смотря на то, что микадо былъ потомокъ солнца, существо почти сказочное, на которое запрещено смотрѣть, и которое самъ тайкунъ видитъ только на извѣстномъ разстояніи, и то склонившись до земли,—онъ все-таки былъ человѣкъ. А будучи человѣкомъ, онъ имѣлъ потребности, заглушить которыя не можетъ никакой санъ. Для всего человѣчества, личность микадо была неопредѣленна, непонятна, но самъ онъ, конечно, сознавалъ себя? Каково было бы существованіе человѣка, вѣчно заключеннаго въ такую обстановку, которая отрѣшала бы его отъ всего остальнаго живого міра, еслибъ отъ него была возможность сходить иногда съ пьедестала, на который его вознесли. Взгляните на микадо, на этого монарха, этого первосвященника, вѣчно останавливаемаго неумолимымъ этикетомъ въ удовлетвореніи его желаній, даже требованій природы. Когда онъ смѣялся? Съ кѣмъ онъ говорилъ? Ему нѣтъ ровныхъ, нѣтъ ни одного достойнаго, съ кѣмъ бы онъ могъ сблизиться. Но, къ счастію для нихъ, этикетъ, окружающій царственныхъ особъ, существуетъ для толпы, и каждый властитель, оставшись одинъ, спѣшитъ сложить съ себя его цѣпи; иначе онъ не могъ бы вынести и мѣсяца власти. Такъ же, какъ и другіе властители, микадо, въ частной жизни, не любилъ церемоніи. Если онъ и сидѣлъ безстрастный на своемъ неприступномъ тронѣ, какъ фарфоровая кукла и по цѣлымъ часамъ терпѣливо выносилъ поклоненіе своихъ подчиненныхъ, если при его оффиціальныхъ выходахъ толпа жрицъ, священныхъ, какъ весталки, и надоѣдала ему своими докучливыми услугами, то все-таки онъ былъ настолько уменъ, чтобы считать все это за идолопоклонство, по окончаніи котораго, когда вся толпа расходилась, онъ одѣвался, какъ всѣ, и принималъ безъ малѣйшей церемоніи, но только въ заперти, тѣхъ людей, общество которыхъ доставляло ему удовольствіе. Тогда уже не нужно было обходиться съ нимъ съ благоговѣніемъ. Онъ умѣлъ и самъ закурить свою трубку безъ помощи приставленныхъ для этого чиновниковъ. Освобожденный отъ поклоненія и этикета, онъ превращался въ простого смертнаго. Предполагая, что Папа любилъ бы нюхать табакъ, врядъ ли бы онъ согласился доставлять себѣ это удовольствіе, еслибы этикетъ требовалъ, чтобы кардиналъ набивалъ ему носъ табакомъ, и то съ церемоніей и съ обычнымъ колѣнопреклоненіемъ. Тогда онъ, навѣрно, позавидовалъ бы даже тому крестьянину, у котораго нѣтъ другого носового платка, какъ свои пять пальцевъ.

Микадо думалъ также, какъ и другіе его собратья по величію, и потому имѣлъ свое частное помѣщеніе, гдѣ онъ могъ быть такимъ же человѣкомъ, какъ и всѣ. Здѣсь онъ и принималъ Фелисьена:

— Намъ надо переговорить о многомъ, сказалъ онъ, — и такъ какъ вы провели вечеръ въ театрѣ и устали, я прикажу подать вамъ закусить теперь же, чтобы потомъ ничто не мѣшало намъ.

Говоря это, онъ позвалъ ударомъ въ гонгъ служанку и отдалъ ей приказаніе, которое та совершенно спокойно выслушала и тотчасъ же все исполнила безъ всякихъ церемоній. Она даже первая заговорила, не дожидаясь вопроса.

— Ваше величество, вѣроятно, забыли свою трубку, я имѣла смѣлость принести ее вамъ.



Имянинный обѣдъ.

— Благодарю васъ, отвѣчалъ микадо.

Фелисьенъ не вѣрилъ своимъ ушамъ.

Когда они остались снова одни, монархъ собственноручно наполнилъ чашку своего собесѣдника и, передавъ ему ее, прямо приступилъ къ дѣлу.

— Главный вопросъ въ томъ, сказалъ онъ,—что васъ безпокоитъ вполнѣ законное и честное сомнѣніе. Но оно основывается на заблужденіи, въ которомъ васъ старались поддерживать. Въ вашихъ глазахъ, какъ и въ глазахъ всего свѣта, тайкунъ представляетъ меня неспособной куклой, человѣкомъ, зараженнымъ идеями сѣдой старины. Въ дѣйствительности не такъ. Въ то время, какъ тайкуны посылаютъ своихъ сановниковъ въ Европу и Америку, и тѣ ничего не видятъ, кромѣ оффиціальныхъ празднествъ, я имѣю во всѣхъ странахъ болѣе скромныхъ агентовъ, которые, находясь въ толпѣ, видятъ именно то, что надо видѣть. Я также желаю прогресса и цивилизаціи, но не путемъ уничтоженія аристократіи, лучшей части нашего населенія, которая должна быть разсадникомъ и полководцевъ, и администраторовъ, и ученыхъ. Я хочу просвѣщенія и благосостоянія для всѣхъ, въ томъ числѣ и для тѣхъ, предки которыхъ прославили наше государство. Я хочу освободить японцевъ отъ ихъ варварскихъ обычаевъ, которые разобщаютъ насъ со всѣмъ остальнымъ міромъ. Я хочу достичь этого не кровопролитной революціей, а осторожнымъ движеніемъ впередъ, которое безъ потрясеній привело бы къ той же реформѣ. Подумайте, достоинъ-ли человѣкъ съ такими убѣжденіями вашего сочувствія и преданности. Они мнѣ очень нужны, потому что одинъ я не могу достигнуть желаемаго мною результата. Уже нѣсколько вѣковъ, увы, микадо не имѣютъ ни арміи, ни доходовъ. Стража, окружающая меня, на сторонѣ узурпатора, содержаніе моего дома, составляетъ часть его бюджета, и то, что я получаю, имѣетъ видъ милостыни. Конечно, старые аристократы даромъ служатъ мнѣ и составляютъ мою почетную свиту. Но что значатъ ихъ стрѣлы противъ ружей ихъ враговъ? Не могу же я допустить ихъ до неравной борьбы, когда одинъ изъ членовъ каждой ихъ семьи находится во власти тайкуна. Я бы всю жизнь упрекалъ себя, еслибы такъ жестоко отплатилъ имъ за ихъ самоотверженіе, порою очень великое, потому что въ числѣ ихъ находятся и такіе люди, которые внѣ службы при мнѣ, ими добровольно на себя наложенной, вынуждены ходить на работу въ городъ, чтобы достать средства для прокормленія своихъ дѣтей. Многіе изъ нихъ, по окончаніи оффиціальнаго пріема, во время котораго они красовались въ роскошныхъ и дорогихъ костюмахъ дайміосовъ, снимаютъ свой пурпуровый плащъ, княжескую шапку и обѣ сабли и садятся за ткацкій станокъ! И жизнь такихъ великодушныхъ людей я буду подвергать опасности! Это была-бы низость, на которую я, съ гордостью сознаюсь въ этомъ, не способенъ. Сколько разъ какъ меня, такъ еще раньше моего отца, это размышленіе останавливало дѣйствовать открытой силой противъ тайкуна и заставляло давать согласіе на мѣры, пагубныя для моего народа. Повидимому, я уступалъ изъ слабости. Нѣтъ, я преклонялся передъ силою, не желая уничтоженія моей аристократіи; я уступалъ изъ состраданія къ бѣднымъ и знаменитымъ отцамъ семействъ, дѣти которыхъ были бы немедленно убиты. А между тѣмъ и тайкунъ подпалъ подъ власть новаго тирана. Теперь мой противникъ уже не тайкунъ. Испорченный развращающимъ могуществомъ, уйдя весь въ соблюденіе церемоній, которыя я переношу поневолѣ, тайкунъ мало-по-малу отказывается отъ власти въ пользу честолюбца, готаиро, который медленно, но вѣрно забираетъ въ свои руки тайкунскую власть. Пора положить предѣлъ этимъ злоупребленіямъ, но, увѣряю, что еслибы вашъ планъ не представлялъ восемдесятъ шансовъ изъ ста на успѣхъ, я не рѣшился бы подвергать жизнь моихъ сторонниковъ опасному риску. Вотъ мое положеніе.

Фелисьену не нужно было дослушивать эту рѣчь до конца, чтобы окончательно стать на сторону микадо. Онъ уже мысленно представлялъ себѣ свое положеніе въ случаѣ успѣха и сознавался, что оно превышало его надежды. Тутъ было бы почти братское сотрудничество, почти раздѣленіе трона. И кто знаетъ?... У него закружилась голова отъ картинъ, которыя рисовало ему его воображеніе. Этотъ Микадо женатый уже много лѣтъ, не имѣлъ дѣтей. Конечно, онъ былъ еще молодъ, но одинокая жизнь, которую онъ велъ, заботы, негодованіе, уныніе, въ которое онъ впалъ вслѣдствіе угнетенія,—все это утомило его организмъ и видимо разстроило его нервную систему. Ни для кого не было тайной, что онъ былъ подверженъ припадкамъ, что очень безпокоило его приближенныхъ. Могло случиться и такъ, что въ одинъ прекрасный день, Микадо, умирая безъ потомства, усыновитъ его, Фелисьена, и назначитъ его своимъ преемникомъ. А! наконецъ то! вотъ что было бы верхомъ счастья! вотъ чѣмъ онъ былъ бы удовлетворенъ; Фелисьенъ Мерле, ничтожный прикащикъ, сдѣлался бы императоромъ, первосвященникомъ, однимъ словомъ, Микадо, свѣтскимъ, военнымъ и духовнымъ государемъ одной изъ важнѣйшихъ имперій въ свѣтѣ. Но это еще не все! По закону, вслѣдъ за усыновленіемъ, онъ дѣлался также внукомъ солнца!.... Мысль о такой славѣ совсѣмъ опьянила его. Онъ представлялъ себѣ отца Клемансъ и саму Клемансъ, когда до нихъ дойдетъ вѣсть объ его величіи. А что объ этомъ скажетъ добрый толстякъ Бускарель? Онъ мысленно обѣщалъ себѣ написать имъ тогда, и даже, можетъ быть, выписать ихъ къ себѣ, взявъ на себя издержки ихъ путешествія.

Сейчасъ же у него явилось много и другихъ проектовъ. Наслѣдовать, это прекрасно, царствовать надъ преданнымъ и счастливымъ народомъ, еще лучше, но ему казалось необходимымъ пріобрѣсти также и славу. Кому объявить войну? Онъ непремѣнно хотѣлъ имѣть какой нибудь поводъ, чтобы приказать вычеканить на монетахъ свое изображеніе съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ. О! дивный сонъ! но покуда, только сонъ! отчего же не дѣйствительность? Развѣ все это невозможно?

Фелисьенъ началъ разсматривать монарха и съ удовольствіемъ замѣчалъ его худобу, его уже немного сгорбленную спину, и глаза, слишкомъ блестящіе для здороваго человѣка. А потомъ, потомъ. Онъ старался отогнать отъ себя неотвязчивое воспоминаніе о многихъ историческихъ фактахъ, когда ради государственной пользы, ради счастья народа нѣкоторые принцы вынуждены были прибѣгать къ такимъ средствамъ, пользованіе которыми запрещено простымъ смертнымъ, подъ страхомъ уголовной отвѣственности.

Воспоминаніе о Ваказѣ привело его къ размышленію, удивившему его самого. Ваказа, конечно, была прекрасна и благородна, но, въ сущности, Ваказа была только принцесса. Сдѣлавшись микадо, уничтоживъ тысячь тридцать своихъ подданныхъ въ войнѣ, хотя бы противъ китайцевъ, не слишкомъ ли унизитъ онъ себя женитьбой на Ваказѣ? Но разъ онъ сядетъ на тронъ, ему будетъ легко жениться на дочери любого европейскаго государя.

Наконецъ, Фелисьенъ превозмогъ свое волненіе и началъ развивать передъ Микадо свой планъ, понимая, что это было самое спѣшное, такъ какъ все другое было еще настолько отдаленно, что онъ имѣлъ достаточно времени обдумать это все впослѣдствіи. Возбужденный пароксизмомъ честолюбія, онъ былъ удивительно краснорѣчивъ и его увѣренность мало по малу сообщилась и его собесѣднику. Только въ пять часовъ утра они разстались.

— Ну что? спросила Ваказа, когда Фелисьенъ вернулся къ маленькой двери.

— Все условлено, отвѣчалъ молодой человѣкъ.—Его величество, оффиціально откажется подписать приказъ о реформѣ. Я доложу объ этомъ готаиро, и устрою такъ, что совѣтъ дайджокановъ настоитъ на томъ, чтобы тайкунъ самъ отправился съ войскомъ, чтобы силой заставить Микадо подписать указъ.

— А потомъ? спросила молодая дѣвушка.

— Потомъ... я уже знаю что дѣлать, отвѣчалъ Фелисьенъ.

Свѣтъ занимающейся зари увеличивалъ красоту принцессы. Ея личико не поблѣднѣло отъ безсонной ночи и, несмотря на то, что теперь молодой человѣкъ уже не думалъ о бракѣ съ нею, страсть все-таки взяла верхъ. Провожая ее въ комнаты фрейлинъ, онъ повторялъ ей, что любитъ ее. И въ отвѣтъ на его страстныя признанія, она сжимала его руку и этимъ молчаливымъ пожатіемъ, какъ бы давала обѣщаніе остаться ему вѣрной.

— Будемъ надѣяться! сказала ему принцесса, прощаясь съ нимъ.

Когда радость, причиненная ему ея послѣдней фразой, нѣсколько утихла, Фелисьенъ уже забылъ о ней и сталъ думать о томъ, что для блага государства, можетъ быть, явится необходимость женитьбы его на какой-нибудь европейской принцессѣ, королевской дочери, и, наконецъ, рѣшилъ, что такъ какъ японскій законъ предписываетъ микадо имѣть тринадцать законныхъ женъ, то онъ все-таки можетъ жениться и на этой.... пока!

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Нечеловѣческая месть.

Романъ Анри Тесье.

(*Продолженіе.*)

Часть первая.

Глава VIII.

Жанъ Брюне дѣлается на время сыщикомъ.

Г-жа Дени, увидавъ своего мужа, который внесъ въ ея комнату Эрмину съ помощью Жана Брюне, съ трудомъ удержалась, чтобы не вскрикнуть отъ ужаса, но взглядъ Дени заставилъ ее сдержать свои чувства.

— Уложи въ постель эту бѣдную дѣвушку, сказалъ онъ. — Да принеси мнѣ потомъ ея платье. Надо осмотрѣть карманы.

Оставивъ жену въ спальнѣ съ Эрминой, онъ прошелъ въ столовую и остановился передъ чучелою собаки.

— Бѣдный мой *Левъ*, сказалъ онъ, — если бы ты былъ въ живыхъ, какую славную работу задалъ бы я тебѣ! Нечего дѣлать, приходится работать одному, безъ помощи твоего несравненнаго чутья! Не забуду я тебя во вѣки, мой вѣрный песъ, и никогда еще не сожалѣлъ я о тебѣ такъ, какъ теперь!

Г-жа Дени вошла съ платьемъ Эрмины въ рукахъ.

— А, хорошо! сказалъ онъ, запуская руку въ карманъ юбки и вынимая изъ него небольшой портфельчикъ изъ слоновой кости, обдѣланный въ серебро.

Открывъ его, Дени увидалъ съ дюжину визитныхъ карточекъ съ именемъ Эрмины и письмо, адресованное «Бабетѣ Лельевръ». Дени улыбнулся и принялся читать:

«Другъ мой, простите меня за печаль, которую я вамъ причиню, но бываютъ въ жизни минуты необъятнаго горя, и одна изъ нихъ наступила для меня. Завтра въ два часа пополудни, выдьте незамѣтно изъ дома, возьмите экипажъ и пріѣзжайте въ улицу Николе, № 2. Я буду васъ ждать и выскажу вамъ то, чего не имѣю силъ написать, уничтоженный постигшимъ меня страшнымъ несчастіемъ. Простите меня, другъ мой, за то, что я требую отъ васъ такого доказательства привязанности. Вы пріѣдете, не такъ ли? Вы такъ хорошо знаете, что моя жизнь принадлежитъ вамъ. Вашъ безутѣшный Поль Ленди».

Дени потеръ себѣ лобъ съ досадой.

— Еще новая загвоздка! проворчалъ онъ.— Этотъ молодецъ назначаетъ свиданія въ два часа, а самъ пріѣзжаетъ въ полночь?... Его ли это почеркъ?

Дени вынулъ изъ своего портфеля одно изъ писемъ Поля къ Натти и принялся сравнивать его съ почеркомъ записки къ Эрминѣ. Съ перваго взгляда, сходство было полное, но, вглядываясь тщательнѣе, нельзя было не замѣтить нѣкоторыхъ различій въ заглавныхъ буквахъ и въ росчеркѣ. Сверхъ того, письмо къ Натти было почти безъ знаковъ препинанія, а въ письмѣ къ Эрминѣ, напротивъ, стояли на своихъ мѣстахъ всѣ точки и запятыя.

— Вотъ она, разгадка! воскликнулъ Дени. —Но кто онъ, этотъ искусный авторъ подлога?... Женихъ, получившій отказъ?... Въ обществѣ герцога Рейнольда, казалось, не должно бы водиться убійцъ? А между тѣмъ, кому-то захотѣлось убить молодого человѣка, похищая въ то же время и молодую дѣвушку!

— Какъ ты думаешь, спросилъ онъ жену, —можетъ наша гостья выдержать маленькій допросъ?

— Я полагаю. Она въ лихорадочномъ состояніи, очень взволнована, но бреду нѣтъ.

— Такъ пойдемъ къ ней.

Дени пошелъ вслѣдъ за женою въ свою спальню.

Молодая дѣвушка лежала въ постели; она была очень блѣдна и слаба, но какъ только увидала Дени, лицо ея озарилось выраженіемъ самой нѣжной благодарности.

— Мой спаситель! проговорила она, протягивая ему свою дрожащую руку. — Чѣмъ могу я доказать вамъ...

— Объ этомъ мы поговоримъ послѣ, перебилъ Дени,—а теперь вамъ слѣдуетъ вполнѣ успокоиться; надо вамъ сегодня же возвратиться къ вашему дѣду.

— Бѣдный мой дѣдушка!... Вы правду говорите, онъ ничего не знаетъ?...

— Онъ думаетъ, что у васъ сильная мигрень. Самъ онъ не выходитъ изъ своей комнаты, по случаю припадка подагры; такимъ образомъ, съ помощью моего отца и Фанни, намъ удалось скрыть отъ него....

— Добрый г. Контуа! Милая моя Фанни! прошептала дѣвушка.

— Скрыть отъ него, продолжалъ съ удареніемъ Дени,—что вы отправились въ улицу Николе, съ цѣлью встрѣтить г. Поля Ленди...

Эрмина поблѣднѣла и потупила глаза.

— Вы знаете и это! прошептала она.

Дени продолжалъ невозмутимо:

— И тамъ вы нашли....

На этотъ разъ, дѣвушка подняла голову и глаза ея сверкнули гнѣвомъ.

— Вы его знаете?... Кто онъ, этотъ злодѣй? почти вскрикнула она.

— Я?.. Нѣтъ, не знаю, отвѣтилъ озадаченный Дени.—И вы тоже его не знаете?»

— О, если бы я знала!... Письмо Поля было подложное, я въ этомъ увѣрена! И оно написано этимъ негодяемъ... О, г. Дени, я еще очень молода, но въ нашей семьѣ не измѣняютъ своимъ клятвамъ... Такъ клянусь же вамъ, именемъ моей бѣдной матери, умершей при моемъ рожденіи, что если вы только отыщите этого человѣка, я не пожалѣю ничего...

— Хорошо, хорошо, перервалъ Дени,—но еслибы мнѣ дѣйствительно посчастливилось поймать его, что вы сдѣлаете?

Эрмина приподнялась на постели, съ трудомъ переводя духъ отъ волненія.

— Я сведу его съ Полемъ, сказала она съ мрачнымъ воодушевленіемъ;—онъ воспользовался именемъ Поля, и поддѣлалъ его почеркъ. Я сведу его съ Полемъ, котораго онъ обозвалъ незаконнорожденнымъ и обвинилъ въ низкомъ разсчетѣ... И я скажу Полю: «Вотъ онъ.. убей его!»

Она опустилась въ изнеможеніи на подушки. Дени оставилъ ее на попеченіе своей жены и вышелъ на улицу.

— Въ больницу Гро-Калью! сказалъ онъ Жану Брюне, но едва экипажъ тронулся съ мѣста, кто-то сдѣлалъ ему знакъ остановиться и Дени узналъ Лера, который подбѣжалъ, запыхавшись, къ дверцамъ фіакра.

— Что новаго? спросилъ Дени.

— Телеграмма изъ Монса. Сестра Марія-Жозефа въ отчаяніи и неотступно желаетъ васъ видить, говоря, что можетъ сообщить вамъ важные факты.

— Вотъ тебѣ разъ!

— Надо вамъ поѣхать къ ней, г. Дени. Не знаю почему, но мнѣ сдается, что каяться не будете.

— Поѣхать!.. поѣхать! хорошо вамъ говорить, Лера, но у меня дѣла по горло! Однакожь, нужно... Напишите Менару, что я постараюсь быть послѣзавтра.

— Исполню. А на счетъ раненной лошади ничего не узнали; нѣтъ такой ни въ одномъ извозчичьемъ заведеніи... Надо полагать, что она принадлежала какому-нибудь частному лицу... отыскать ее почти невозможно ...

— Вы о раненной лошади толкуете? спросилъ съ живостью Жанъ Брюне.

— Да, пріятель, отвѣчалъ Дени.—Неужели вы можете намъ указать на нее?

Брюне соскочилъ съ козелъ.

— Вы меня извините, что я вмѣшиваюсь въ ваши дѣла, началъ онъ,—я вовсе не любопытенъ и не прислушиваюсь никогда къ рѣчамъ моихъ сѣдоковъ, но вы говорили такъ громко...

— Да, замѣтилъ мягко Дени полицейскому,—есть за вами этотъ грѣшокъ, Лера. Надо вамъ быть осторожнѣе.

— Такъ на счетъ лошади, продолжалъ Брюне.—Какая-такая лошадь?

— Вы помните на молодого человѣка напало трое. Одного изъ нихъ я.... уложилъ, а два другіе успѣли скрыться, благодаря поджидавшему ихъ экипажу, но мой выстрѣлъ изъ револьвера попалъ въ лошадь....

Жанъ Брюне принялся энергично потирать себѣ руки, бормоча:

— Ахъ, черти!... Ахъ, дьяволы!.. Ахъ, чтобы имъ въ тартарары провалиться!

— Ну, Жанъ, если знаете что-нибудь, говорите толковѣе!

— Г. Дени! Я знаю... что я ничего не знаю! Но я узнаю... даю вамъ слово! Вы мнѣ позвольте самому поработать; я отыщу вамъ не только коня, но и тѣхъ двухъ шельмецовъ, которыхъ онъ вывезъ!

— Поработайте, Жанъ, поработайте, сказалъ Дени съ улыбкою.—Но не заставьте меня ждать слишкомъ долго.

— Завтра же отвѣтъ предоставлю. Кутимъ! Въ сыскную полицію поступаемъ! крикнулъ онъ.—Что же?... Не мѣсто краситъ человѣка, человѣкъ мѣсто... Присмотрѣлся я къ вамъ, и между вами есть отличные ребята! Да, я радъ услужить чѣмъ нибудь моему бѣдному сѣдоку....

Усѣвшись на козлы, старый солдатъ продолжалъ говорить про себя, въ то время, какъ Дени доканчивалъ свою бесѣду съ Лера, въ этотъ разъ уже понижавшимъ свой голосъ:

— Ахъ, вы, мошенники, понимаю я теперь вашъ воровской языкъ! Не даромъ же ваши рожи мнѣ такъ не нравились!... Вы заѣхали въ распивочную прямо изъ улицы Эбле... Шайка разбойниковъ!... Какъ они другъ друга-то называли?... Манженъ?... Ламбетъ?... Нѣтъ, Ламбетъ. Такъ. Ну, а другого?... Давіоль! Такъ, такъ, *Ламбенъ* и *Давіоль*. Не запамятуемъ. Сегодня же вечеромъ пойду опять винцо распивать въ улицу Лепелетье въ тамошній кабакъ!

Глава IX.

Петрусъ Веберъ не чувствуетъ охоты завтракать.

Въ то мгновеніе, когда Дени появился на порогѣ двери, ловко выбитой Жаномъ, Петрусъ Веберъ, бросившійся вонъ изъ комнаты при звукѣ незнакомыхъ голосовъ, былъ уже внѣ опасности. Пробѣжавъ сквозь сарайчикъ, на который Дени не обратилъ вниманія при обозрѣніи мѣстности, онъ стоялъ уже по другую сторону забора, тоже въ старомъ, запущенномъ сараѣ, и приводилъ въ порядокъ свой туалетъ. Всякій другой, на его мѣстѣ, думалъ бы только о бѣгствѣ, но Веберъ, не смотря на волненіе и бѣшенство отъ неудачи его плана, не потерялъ присутствія духа. Онъ даже успѣлъ захватить свою шляпу, когда бросился изъ роковой комнаты.

Простоявъ минуты съ двѣ неподвижно, опираясь на какую-то старую коляску, потому что ноги его тряслись, онъ успѣлъ совершенно опомниться и на губахъ его обрисовалась злая улыбка.

— Что же! сказалъ онъ.—Сорвалось ... но я еще цѣлъ и потому ничего не потеряно.

Веберъ затѣмъ пригладилъ свои волоса и бороду, поправилъ воротникъ и галстухъ и, замѣтивъ, что на одной изъ его манжетъ недостаетъ запонки, пробормоталъ какое-то ругательство, но тотчасъ же презрительно пожалъ плечами.

«Какъ я глупъ! подумалъ онъ. Чего опасаться? Эти запонки куплены мною въ Нью-Іоркѣ и никто, конечно, не обратилъ на нихъ особеннаго вниманія. Что касается парика и бороды, то хитеръ будетъ тотъ, кто отыщетъ парикмахера... Все хорошо. Эрмина не могла меня узнать. Возьмемъ же смѣлостью и выйдемъ отсюда».

Онъ поднялъ свой воротникъ и вышелъ осторожно въ улицу Раме. Пройдя нѣсколько шаговъ по бульвару, онъ зашелъ въ первую попавшуюся табачную лавку, купилъ сигару и закурилъ ее тамъ же, что позволило ему оглядѣть себя въ зеркало и удостовѣриться въ безупречности своего внѣшняго вида. Было половина двѣнадцатаго, когда онъ дошелъ до улицы Рима. «Не зайти ли мнѣ позавтракать къ Эсмеральдѣ?» подумалъ онъ и повернулъ въ Лиссабонскую улицу, вошелъ въ домъ № 33 и поднялся въ четвертый этажъ. Ему отворила дверь молоденькая горничная съ нахальною рожицей.

— Это вы! сказала она съ превосходно разыграннымъ выраженіемъ удовольствія. — Какъ кстати! барыня только-что встала.

— Хорошо! сказалъ Веберъ, отворяя самъ дверь въ залу.

Горничная юркнула быстро за тяжелую зеленую бархатную портьеру и шепнула тамъ одно только слово:

— Самъ!

Въ отвѣтъ ей послышалось шуршанье накрахмаленныхъ юбокъ и протяжное: «А!» походившее на зѣвокъ.

Быстрая, какъ молнія, субретка очутилась уже снова за спиною Вебера, когда онъ оборотился.

— Я пойду, доложу, сказала она съ легкимъ поклономъ, притворила залу и воротилась за зеленую бархатную портьеру, закрывавшую входъ въ уборную.

Молоденькая актриса, Эсмеральда, надѣвала на себя медленно, и какъ бы нехотя, голубой кашемировый пеньуаръ съ отворотами изъ серизоваго фая и кружевною отдѣлкою. Растянувшись на кушеткѣ, красивый молодой человѣкъ лѣниво курилъ папиросу.

— Ты слышалъ, Анри? сказала шепотомъ молодая женщина.—Это онъ!

— Въ переводѣ: убирайся! замѣтилъ молодой человѣкъ, поднимаясь съ мѣста.

— Какже иначе?

— Ну, ладно, испаряюсь, моя дурочка, да еще по черной лѣстницѣ, что до крайности оскорбительно. Надѣюсь, однако, что когда моя опера будетъ принята и я стану знаменитымъ композиторомъ, то и мнѣ будутъ открывать во всякое время двери настежъ, и тогда уже мое появленіе, можетъ быть, будетъ обращать въ бѣгство другихъ.

— Ты злишься? сказала Эсмеральда, склоняя къ нему на плечо свою головку съ кошачьею граціей.—Неразумный ты мальчикъ! Ты знаешь хорошо, что я люблю тебя одного? Но могу ли я прожить на тѣ полтораста франковъ въ мѣсяцъ, которые такъ щедро выдаетъ мнѣ директоръ театра. Согласишься ты платить хоть одной моей прачкѣ?

— Покорно благодарю! Сорокъ пять франковъ въ недѣлю! Попробовала бы ты жить немного экономнѣе!

— Я пробовала. Невозможно! И приходится покоряться судьбѣ. Кто не богатъ, тотъ долженъ довольствоваться только тѣмъ, что его любятъ. Иди же! А вечеромъ приходи за мною къ концу представленія; и принеси мнѣ какое-нибудь извѣстіе о Натти и Бланшъ. До свиданія!

Проводивъ Анри поцѣлуями, красавица быстро воротилась назадъ. Она, по всей справедливости, заслуживала названія красавицы. Средняго роста, сложенная великолѣпно, съ тонкою, бѣлою кожею, прозрачною, какъ лепестки чайной розы, и бархатистой, какъ пушокъ персика, съ густыми каштановыми волосами, которые обрамляли лицо, отличавшееся безупречною правильностью линій, столь рѣдкою въ наши дни; при господствѣ «смазливенькихъ» физіономій, она была дѣйствительно прелестна. За ея пунсовыми губами прятались красивые бѣлые зубы; руки и ноги ея были тоже хороши.

Обладая хорошенькимъ голоскомъ, Эсмеральда поняла, что театръ былъ ступенью, которая могла повести ее ко всему. Послѣ нѣсколькихъ связей,—столько же скоротечныхъ, сколько и прибыльныхъ,—она сошлась съ Веберомъ, къ которому случайно обратилась, какъ къ медику, и между ними возникли близкія отношенія, старательно скрываемыя какъ американцемъ, такъ и молодою актрисой. Докторъ былъ щедръ, не стѣснялъ ея свободы, не ревновалъ ее. Истинный перлъ, рѣдкость, сокровище между «содержателями!» разсуждала Эсмеральда и оказывала своему снисходительному покровителю много вниманія и уваженія. Проводивъ Анри, она бросилась къ своему трюмо, провела кисть съ велутиномъ по своему лицу и плечамъ, приколола двумя толстыми шпильками волоса и вошла въ гостиную, гдѣ ожидалъ ее докторъ.

— Прошу прощенія въ томъ, что заставила васъ ждать, проворковала она, подставляя свой лобъ для поцѣлуя, я—была въ такомъ видѣ, что не могла показаться!

— Кокетка! отвѣчалъ онъ, сажая ее возлѣ себя.

— Право, Петрусъ! Я провела такую ужасную ночь... и была страшна утромъ!

— Что же случилось съ тобою?

— Отгадай.

— Хорошо. Ты ужинала гдѣ-нибудь....

— Да, меня пригласили... Совершенно нечаянно устроилось... Ты не будешь меня бранить?... Знаешь, все старинные друзья...

— Вильневъ? небрежно спросилъ американецъ.

Эсмеральда чувствовала, что невольно краснѣетъ, но отвѣтила храбро:

— Да, Вильневъ, потомъ Марсель, Берта, Кероэль, Натти Линденъ и Бланшъ...

Услышавъ два послѣднія имени, Веберъ поблѣднѣлъ. Къ счастію для него, онъ сидѣлъ спиной къ свѣту и Эсмеральда, играя съ своей туфлей, не смотрѣла ему въ лицо.

Онъ сдѣлалъ надъ собою нечеловѣческое усиліе и заставилъ себя выговорить, хотя судорога сжимала ему горло:

— И что же?

— Натти и Бланшъ отравились виномъ!

— Отравились! могъ онъ повторить, благодаря тому же усилію воли.

— Да. Разумѣется, я упала въ обморокъ. Съ Бертой сдѣлалась истерика, и насъ обѣихъ стащили домой.

Веберъ успѣлъ уже достаточно овладѣть собою.

— И безъ ужина? сказалъ онъ. — Бѣдняжка!

— О, до ѣды-ли тутъ было! Подумай только: Бланшъ и Натти... такіе славные люди.... и вдругъ, умираютъ на моихъ глазахъ, въ какія-нибудь двѣ минуты...

— Они умерли? спросилъ онъ такимъ страннымъ голосомъ, что изумленная актриса подняла голову и воскликнула:

— Какъ ты говоришь это, Петрусъ! Можно подумать....

— Что подумать?... Я пораженъ этимъ страшнымъ событіемъ не менѣе, чѣмъ ты... И отчего ты за мной не послала?

— Въ самомъ дѣлѣ! Какая я недогадливая...

— Но ты посылала узнать, спасли-ли ихъ?

— Какже! Позвали какого-то доктора, но, кажется, ничего нельзя подѣлать! Все кончено, говоритъ привратница. Бѣдняжечка Бланшъ! Какое несчастіе! Натти! такой молодой, красивый, добрый!... О, это ужасно, неправда ли?

— Ужасно! повторилъ онъ, какъ эхо.

Въ эту минуту, дверь въ комнату отворилась и изъ нея показалась субретка.

— Завтракъ поданъ, доложила она.

— Пойдемъ закусить, сказала Эсмеральда, вставая и вытирая себѣ глаза.

Веберъ тоже всталъ, но остановилъ ее за руку.

— Я... благодарю тебя... ѣсть не хочется. Видишь ли, я уже позавтракалъ.

— Можетъ ли быть!

— Увѣряю тебя... Я зашелъ только затѣмъ, чтобы взглянуть на тебя и сказать, что сегодня же ты получишь серьги, которыя желала имѣть... Я заходилъ къ Мартелю, но онѣ еще не готовы; однакожь, онъ далъ слово, что принесетъ ихъ къ тебѣ сегодня же, до вечера.

— Ты ангелъ! воскликнула она, кидаясь къ нему на шею.

— Глупенькая!... Ну, прощай; извини, что я потревожилъ тебя такъ рано.

Эсмеральда, провожая своего гостя до передней, продолжала съ благодарностью пожимать ему руку.

— Ахъ! сказала она, — ты потерялъ одну запонку, Петрусъ.

Онъ притворился удивленнымъ.

— И въ самомъ дѣлѣ, сказалъ онъ.

— Ты идешь домой?

— Нѣтъ, мнѣ надо еще навѣстить графа Кольмара.

— Нельзя же тебѣ идти къ нему съ разстегнутымъ рукавомъ! Хочешь, я дамъ тебѣ свои запонки?

— Пожалуй!

Эсмеральда побѣжала въ свою уборную и скоро вернулась. Она вынула одинокую запонку изъ рукава Вебера и вдѣла ему свои.

— Вотъ, теперь хорошо! сказала она.

— Благодарю тебя, милочка! отвѣчалъ онъ, цѣлуя ея волосы.

Ему очень хотѣлось взять у нея свою запонку, но онъ боялся возбудить этимъ подозрѣніе.

«Ну, не бѣда! подумалъ онъ. Возьму ее завтра».

Какъ только онъ вышелъ, Эсмеральда принялась звонить изъ всѣхъ силъ. Вбѣжала субретка.

— Скорѣе, Франсина, сказала актриса, — бѣги въ кафе; Анри, можетъ быть, еще тамъ; зови его завтракать! Мой надоѣдало убрался!

(Продолженіе слѣдуетъ.)

◆

Вечеръ.

(Изъ Адальберта Шамиссо.)

Оставь меня! Своей дорогой
Пойду я. Поздно, холодно,
Ужь солнце близится къ закату,
И отдыхъ нуженъ мнѣ давно...

Зачѣмъ свои поешь мнѣ пѣсни?
Онѣ—чужія для меня, —
Ихъ смысла я не понимаю,
Въ нихъ только *звуки* слышу я.

А вѣдь и самъ я пѣлъ когда-то,
Зналъ много пѣсенъ, но — забылъ.

Для всѣхъ указаны дороги, —
Я не на той, гдѣ прежде былъ.

Мой путь извилистъ, шагъ неровенъ,
И сознаю я каждый часъ,
Что я безъ силъ, разбитъ, и въ сердцѣ
Мой прежній пылъ давно погасъ.

А. Егоровъ.

Знаменитыя отравительницы.

Ст. доктора Пфотенгауера.

Дѣйствіе ядовъ извѣстно съ самой глубокой древности; о нихъ упоминается уже въ библіи и въ греческихъ легендахъ о Геркулесѣ, Медеѣ, Деянирѣ и другихъ; Улиссъ привозитъ ядъ для стрѣлъ изъ Эпира. Позднѣе, мы видимъ, что кельты употребляютъ отравленное оружіе. Но если самое понятіе о ядахъ, какъ объ органическихъ или неорганическихъ веществахъ, способныхъ механически (видимо) или химически (невидимо) разрушать жизнь человѣка, распространено съ давнихъ поръ, то еще и въ настоящее время обращено слишкомъ мало вниманія на то страшное обаяніе, которое производитъ отравленіе на психическое состояніе самихъ отравителей. Если не первый, то самый большой уголовный процессъ по поводу «убійствъ посредствомъ отравы» возникъ въ Римѣ, въ 331 г. до Р. Х., причемъ, въ преступленіи обвинялись весьма многія патриціанки съ ихъ довѣренными рабынями. Дѣло было возбуждено по поводу внезапной смерти весьма значительнаго числа лицъ высшаго сословія, скончавшихся почти одновременно и при симптомахъ одной и той же загадочной болѣзни, которую врачи готовы были признать за чуму, удивляясь только тому обстоятельству, что она поражала исключительно однихъ мужчинъ. Но одна невольница выдала тайну обширнаго женскаго заговора; слѣдствіе открыло 170 приступницъ; всѣ онѣ были осуждены на казнь.

Уже въ то время былъ поставленъ вопросъ: какимъ образомъ столько женщинъ, принадлежавшихъ преимущественно къ высшему классу общества, могли запятнать себя убійствами? Никто не нашелъ ключа къ этой загадкѣ, и римляне прибѣгли къ старинному обряду, къ которому всегда прибѣгали по окончаніи общественныхъ бѣдствій. И на этотъ разъ особый диктаторъ, избранный съ спеціальною цѣлью, вбилъ желѣзный гвоздь въ храмѣ Юпитера капитолійскаго, въ знакъ того, что зло прекращено и завершено для прошлаго, а для будущаго недопустимо и «забито», подобно гвоздю.

Между тѣмъ, ключъ къ загадкѣ найти не трудно. Для объясненія преступленія мы допускаемъ теорію, еще мало изслѣдованную. Все дѣло заключается въ обаяніи, которое носятъ въ себѣ условія отравленія: ядъ можно дать въ самомъ незамѣтномъ количествѣ и самымъ незамѣтнымъ образомъ, между тѣмъ какъ разрушительное дѣйствіе этого, на видъ ничтожнаго, пріема громадны. Ни одной капли крови не пролито; въ питье или ѣду избранной жертвы всыпана только крохотная щепотка бѣлаго порошка, — и этого достаточно для прекращенія человѣческаго существованія! Какая приманка для преступной души, уже обуреваемой злыми помыслами! Притомъ каждый преступникъ, задумывающій убійство, желаетъ, конечно, скрыть слѣды своего преступленія и изыскиваетъ, по этому, возможно незамѣтныя средства для своихъ цѣлей. Однакожь, исключительную склонность именно къ отравленіямъ обнаруживаетъ всегда только одна извѣстная часть общаго числа убійцъ, что мы можемъ подтвердить наглядно рядомъ слѣдующихъ очерковъ, почерпнутыхъ изъ уголовной статистики двухъ послѣднихъ столѣтій.

Случаи, выбранные нами, принадлежатъ къ числу извѣстныхъ уголовныхъ дѣлъ; мы намѣрены освѣтить ихъ съ нашей точки зрѣнія. Читатель рѣшитъ, правы ли мы, приписывая мрачное обаяніе самому преступленію, къ которому прибѣгали извѣстныя отравительницы, или же заключенія наши, не принадлежа къ области реальныхъ наблюденій, составляютъ одинъ только плодъ кабинетнаго умозрѣнія.

Нашъ первый очеркъ посвященъ молодой и знатной француженкѣ.

I. Маркиза Брэнвилье.

Марія-Маргарита Обре вышла за мужъ, въ 1651 г., за маркиза Брэнвилье, полковника нормандскаго полка, мота и кутилу, польстившагося гораздо болѣе на богатое приданое, чѣмъ на миловидное личико своей невѣсты. Тотчасъ же послѣ свадьбы, онъ изложилъ передъ молодою женою свой взглядъ на супружество, который служилъ признакомъ хорошаго тона при развратномъ дворѣ Людовика XIV. Маркизъ былъ при этомъ на столько справедливъ, что дозволилъ своей женѣ поступать у себя въ домѣ съ тою же вольностью, съ какою онъ пользовался удовольствіями внѣ дома. Онъ самъ познакомилъ ее съ своимъ молодымъ пріятелемъ, кавалерійскимъ капитаномъ Сен-Круа, который скоро заставилъ ее позабыть о пренебрегавшемъ ею мужѣ. Молодая женщина полюбила своего новаго поклонника съ такою пылкостью, что связь ихъ сдѣлалась скоро предметомъ пересудовъ для всего города. Слухи о ней дошли и до старика Обре, отца молодой маркизы. Если мужъ ея молчалъ, притворяясь, изъ разсчета, что ему ничего неизвѣстно, то старый Обре, человѣкъ строгихъ нравовъ, не могъ переносить мысли о томъ, что дочь его пятнаетъ своимъ поведеніемъ почтенную семью, изъ которой она происходила. Занимая высокое судебное положеніе, онъ безъ труда получилъ отъ министра юстиціи «приказъ объ арестѣ», составлявшій въ тѣ времена употребительное средство укрощенія... Сен-Круа былъ арестованъ, и заключенъ въ Бастилію. Такая крутая мѣра, возбудивъ разные толки, ожесточила молодого человѣка почти до безумія. Сидя въ своей мрачной темницѣ, онъ вслухъ осыпалъ проклятіями виновника своего заключенія, какъ вдругъ изъ полумрака выдвинулся передъ нимъ длинный, худощавый, полуфантастическій человѣческій образъ и раздалась мѣрная, успокоительная рѣчь, въ которой доказывалась вся нецѣлесообразность поведенія молодого человѣка и вообще легкомысліе французовъ, которые горячатся, нападаютъ на своихъ враговъ прямо и тѣмъ сами предаютъ себя въ руки правосудія, между тѣмъ какъ въ Италіи люди благоразумные поступаютъ иначе; они умѣютъ избавляться отъ непріятныхъ имъ лицъ тайными средствами, — такими, что не открыть ихъ и самому искуснѣйшему врачу! Эта пылкая рѣчь принадлежала знаменитому итальянскому алхимику Экзили, ученику неаполитанской отравительницы Труфаніи, злодѣянія которой были открыты, а Экзили скрылся изъ Италіи и нашелъ себѣ пристанище въ Парижѣ, гдѣ снова имѣлъ столкновеніе съ правосудіемъ и попалъ въ Бастилію.

Сен-Круа цѣлый годъ поучался у своего новаго друга, пока не открылись передъ нимъ тюремныя двери. Онъ вышелъ на свободу уже полнымъ злодѣемъ, помышляя только о мести. Маркиза, встрѣтившая его съ восторгомъ, не только пылала къ нему прежнею любовью, но была готова, ради него, на всякое преступленіе. Прежде всего онъ потребовалъ крайней жертвы: жизни ея отца, и она, не колеблясь, согласилась на страшное дѣло. Собственными руками, лицемѣрно выказывая дочернюю нѣжность, она ежедневно подносила, ничего не подозрѣвавшему, старику чашки отравленнаго бульона; несчастный умеръ черезъ нѣсколько дней.

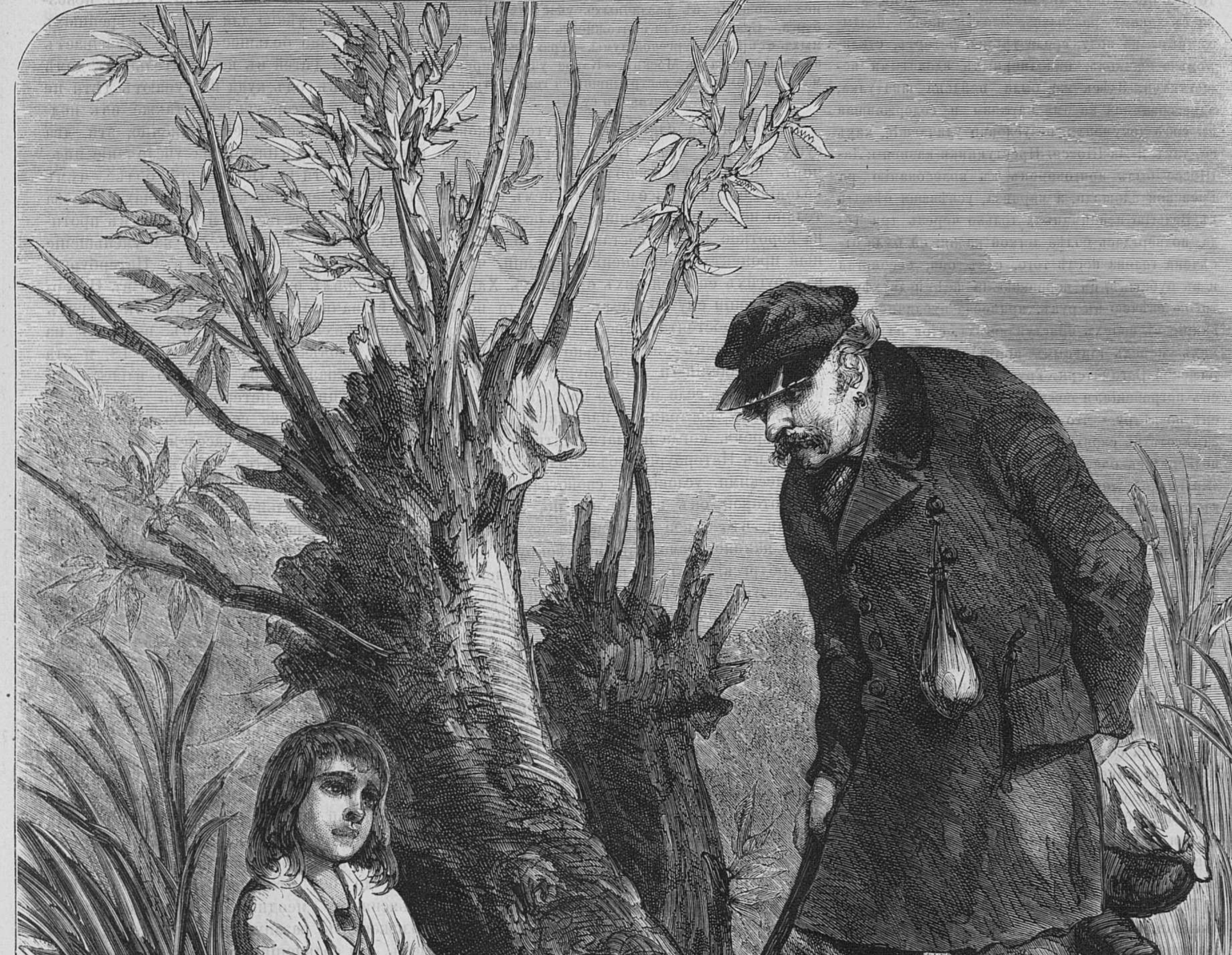
Смерть его удовлетворила Сен-Круа въ одномъ отношеніи: онъ отмстилъ тому, кто лишилъ его свободы. Но этого было мало. Злодѣй стремился къ другой цѣли, игравшей главную роль во всѣхъ остальныхъ его отравленіяхъ. Ему нужны были деньги, потому что онъ велъ жизнь, на которую не могло хватать средствъ, добываемыхъ одними честными путями. У маркизы были два брата и сестра, имѣвшіе права на отцовское наслѣдство; такимъ образомъ, въ особенности потому, что большая часть имущества пришлась на долю старшаго брата, наслѣдство, полученное маркизой, было сравнительно не велико, а Сен-Круа нужны были деньги и деньги.

Труденъ только первый шагъ. Если же онъ былъ совершенъ безтрепетно, если преступница не дрогнула передъ отцеубійствомъ, если, наконецъ, злодѣямъ удалось скрыть слѣды преступленія и остаться невинными въ глазахъ свѣта, то второе злодѣйство уже не казалось имъ страшнымъ. Напротивъ, таинственность самаго средства, легкость и удобство пользованія имъ произвели положительное обаяніе на посвященнаго уже въ злодѣи; они подстрекали его къ повторенію дѣла, не оставляющаго по себѣ кровавыхъ слѣдовъ. Женская рука слишкомъ слаба для физическаго насилія; она неспособна удачно направить грубый ударъ, и если она поднимается къ груди врага, то сама природа какъ бы наталкиваетъ ее на выборъ средствъ таинственныхъ, чуждыхъ всякихъ внѣшнихъ знаковъ преступнаго замысла.

Братья маркизы Брэнвилье, — совѣтникъ парламента и гражданскій судья, — передали ей черезъ незамужнюю сестру, Терезу, свой настоятельный совѣтъ — воздержаться отъ всякихъ дальнѣйшихъ сношеній съ Сен-Круа, поведеніе котораго становилось все болѣе и болѣе предосудительнымъ. Но этотъ совѣтъ только растравилъ ярость обоихъ преступниковъ; они твердо рѣшились убить своихъ непрошенныхъ нравоучителей. Маркиза дѣйствовала подъ вліяніемъ страсти, не дозволявшей ей переносить даже мысли о разлукѣ съ Сен-Круа, а онъ видѣлъ въ смерти враговъ средство для пріобрѣтенія богатства. Но на этотъ разъ преступники не рѣшились дѣйствовать непосредственно; они подкупили Ла-Шоссе, бывшаго лакея и фактотума Сен-Круа. Маркиза сама рекомендовала его своимъ братьямъ, какъ хорошаго слугу, — и этотъ слуга, за 300 пистолей, съумѣлъ такъ удачно подносить своимъ господамъ отраву, данную ему маркизою Брэнвилье и приготовленную искуснымъ Сен-Круа, что одинъ изъ братьевъ Обре умеръ черезъ три, а другой черезъ четыре мѣсяца послѣ перваго пріема яда. Тожественность болѣзненныхъ симптомовъ у обоихъ братьевъ возбудила подозрѣніе. Оба трупа были вскрыты, при чемъ въ нихъ обнаружилось присутствіе яда, но уликъ противъ преступниковъ не было, потому что злодѣй Ла-Шоссе выказывалъ столько заботливости и преданности во время болѣзни своихъ господъ, что старшій Обре оставилъ ему небольшую сумму по завѣщанію.

Преступники сдѣлали нѣсколько попытокъ съ цѣлью отравить и Терезу Обре; но она стала очень осторожна и недовѣрчива послѣ смерти своихъ братьевъ; наконецъ, чтобы избавиться отъ постояннаго страха за свою жизнь, она удалилась въ монастырь.

Подробное описаніе другихъ убійствъ, совершенныхъ тремя сообщниками и ихъ участи не входитъ въ рамки нашей статьи. Достаточно будетъ сказать, что Сен-Круа кончилъ свою жизнь



Ловля рыбы.

счастливѣе, чѣмъ заслуживалъ: онъ умеръ внезапно, работая въ своей адской лабораторіи. Стеклянная маска, которую онъ надѣвалъ для защиты себя отъ ядовитыхъ испареній при приготовленіи своихъ «poudres de succession», упала съ лица и разбилась. Злодѣя нашли бездыханнымъ на полу, среди тиглей, ретортъ, стклянокъ и ящиковъ, наполненныхъ ядовитыми веществами. Здѣсь же была найдена шкатулка, адрессованная на имя маркизы и содержавшая въ себѣ документы, безусловно уличавшіе, какъ ее, такъ и Ла-Шоссе. Преступники казнены: Ла-Шоссе былъ приговоренъ къ колесованію на Гревской площади, а маркиза, успѣвшая бѣжать въ Бельгію и пойманная только черезъ три года, подверглась болѣе легкой казни: ей была отсѣчена голова послѣ того, какъ она, босоногая и въ рубашкѣ, съ веревкою на шеѣ и двухфунтовою свѣчею въ рукѣ, принесла публичное покаяніе въ своихъ преступленіяхъ, стоя на колѣняхъ передъ главнымъ порталомъ церкви Парижской Богоматери. Трупъ ея не былъ удостоенъ погребенія, а сожженъ, и прахъ его разсѣенъ по вѣтру,—что дало поводъ г-жѣ Севинье замѣтить въ своихъ письмахъ, что всѣ парижане подверглись опасности вдохнуть въ себя атомъ «маленькой женщины» и заразиться ея страстью къ отравленіямъ.

Въ этой нѣсколько циничной шуткѣ остроумной француженки заключается мѣткое слово. Маркиза Брэнвилье дѣйствительно обнаруживала какую-то страсть къ отравленію. Она испытывала силу своихъ ядовъ не только надъ животными, а потомъ надъ своими родственниками, но и надъ такими людьми, отъ смерти которыхъ она не могла ожидать для себя никакой выгоды, которые не сдѣлали ей никакого зла, не мѣшали ея сношеніямъ съ Сен-Круа, наконецъ, нѣкоторыхъ она совсѣмъ не знала. Такъ, она отравила свою камеристку и даже, подъ видомъ сердобольнаго участія, отравляла бѣдняковъ въ богадѣльнѣ Hôtel Dieu, раздавая имъ отравленные сухари, ею приготовленные и не забывая навѣдываться, черезъ нѣсколько дней, о здоровьи своихъ бѣдныхъ призрѣнныхъ..

Такіе поступки женщины чувственной, развращенной, потерявшей всякое нравственное сознаніе и капризно испытывающей дѣйствіе смертоносныхъ средствъ на неповинныхъ существахъ, изъ одного только желанія болѣе и болѣе убѣждаться въ несомнѣнности средства,— это равнодушіе къ страданіямъ жертвъ, до того нечеловѣчно, до того ужасно, что рождаетъ невольно подозрѣніе о ненормальности психическаго состоянія преступницы, равно какъ вопросъ объ особомъ видѣ безумія, которой можетъ быть названъ «маніей отравленія». Однакожь, прочіе поступки маркизы Брэнвилье не указывали на душевное разстройство, и ни у судей, ни у самой подсудимой, ни даже у защиты, всегда готовой воспользоваться малѣйшимъ доводомъ въ пользу своего кліента, не возникало мысли о безуміи преступницы. Слѣдуетъ, однакожь, замѣтить, что дѣло Брэнвилье судилось въ то время, когда врачебная экспертиза была далеко не такъ разработана, какъ въ наше время, и вопросъ о «невмѣняемости» едва-ли и возбуждался въ судахъ. Во всякомъ случаѣ, маркиза Брэнвилье представляетъ собою не исключительное явленіе и въ слѣдующихъ очеркахъ мы познакомимся съ типами отравительницъ, преступная воля которыхъ проявлялась въ поступкахъ совершенно тождественныхъ съ дѣйствіями, которыми ознаменовала себя страшная Брэнвилье.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Обо всемъ.

(Фельетонныя замѣтки).

Петербургъ имѣетъ характеръ колоніи.—Большая смертность въ Петербургѣ.—Неодинаковое санитарное положеніе въ различныхъ участкахъ Петербурга.—Сравнительная ничтожность заботъ, требуемыхъ отъ Петербургской думы.—Трагическая развязка процесса въ Москвѣ.—Какое участіе принималъ въ этомъ дѣлѣ застрѣлившійся ген. Гартунгъ? —Приговоръ суда.

Несмотря на слишкомъ полуторавѣковое существованіе свое, Петербургъ до сихъ поръ еще имѣетъ преобладающій характеръ колоніи: осѣдлое населеніе въ немъ сравнительно не велико, а пришлое, въ особенности на короткое время, составляетъ значительный процентъ, несравненно большій, чѣмъ въ другихъ европейскихъ столицахъ. Характеръ колоніи ему придаетъ еще и то поразительное обстоятельство, что число умершихъ въ немъ значительно превышаетъ число рожденій и Петербургъ давно бы весь вымеръ, если бы его населеніе не увеличивалось постоянно наплывомъ извнѣ. Было время, когда неблагопріятныя условія жизни въ Петербургѣ объяснялись его климатическими условіями, свойствами почвы, на которой онъ построенъ, но, наконецъ, поняли, что такое объясненіе по меньшей мѣрѣ наивно. Осмотрѣвшись вокругъ себя, петербургскіе жители, конечно, интелегентная часть ихъ, убѣдились, что относительно удобствъ жизни и городского благоустройства Петербургъ далеко отсталъ не только отъ Лондона, Парижа, Берлина и Вѣны, но даже и отъ многихъ другихъ менѣе значительныхъ городовъ западной Европы. Придя къ такому печальному заключенію, заправители городскимъ хозяйствомъ Петербурга рискнули произвести нѣкоторыя реформы, ввели болѣе порядка, но все таки не догнали тѣ города, которые служили имъ примѣромъ, потому что тамъ не успокоились на лаврахъ, не сложили рукъ, а продолжали идти дальше и дальше. Петербургъ все еще идетъ въ хвостѣ за ними, на далекомъ отъ нихъ разстояніи. Къ ихъ несчастію, петербуржцы, какъ и вообще русскіе люди, большіе оптимисты, малѣйшій успѣхъ радуетъ ихъ чрезмѣрно; они готовы носиться съ нимъ и совершенно успокоиваться, точно съ достиженіемъ его все уже сдѣлано и болѣе желать нечего. Года два къ ряду петербуржцы съ восторгомъ хвастались, что въ Петербургѣ, благодаря мѣрамъ, принятымъ для улучшенія городского благоустройства, почти совершенно исчезла перемежающаяся лихорадка и что, вообще, смертность въ столицѣ значительно уменьшилась. Петербуржцы торжествовали свою побѣду до тѣхъ поръ, пока въ одинъ прекрасный день не появилась брошюра доктора Гюбнера, «Планъ С.-Петербурга въ санитарномъ отношеніи», изъ которой оказывается, что увлекшіеся петербуржцы тѣшили себя совершенно понапрасну. Добросовѣстный изслѣдователь Петербурга въ санитарномъ отношеніи, докторъ Гюбнеръ, тщательно собранными и провѣренными фактами, убѣждаетъ насъ, что Петербургъ по прежнему находится въ самомъ незавидномъ положеніи. Смертность его поразительно велика. На 1,000 человѣкъ его населенія ежегодно умираетъ 37, въ то время, какъ въ Лондонѣ умираетъ 21, а въ Парижѣ 23. Климатическія условія тутъ не при чемъ, потому что въ Петербургѣ есть участки, гдѣ смертность не велика, не превышаетъ лондонскую, именно такіе участки, которые находятся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ въ санитарномъ отношеніи. Конечно, на увеличеніе смертности въ Петербургѣ, должно оказывать нѣкоторое вліяніе пришлое населеніе, преимущественно рабочій классъ, но какъ оно велико судить невозможно по неимѣнію для того провѣренныхъ данныхъ. Еще большее вліяніе оказываетъ смертность дѣтей въ воспитательномъ домѣ (до 7,000) въ годъ, куда поступаютъ дѣти не только изъ Петербурга, но также изъ подгородныхъ мѣстностей. Конечно, эти два обстоятельства вліяютъ на увеличеніе цифры смертности въ Петербургѣ болѣе, чѣмъ въ другихъ европейскихъ столицахъ. Но за то есть обстоятельство, вліяющее въ противоположномъ смыслѣ, т. е. на уменьшеніе средней цифры смертности въ Петербургѣ. Мы говоримъ о войскѣ, котораго въ Петербургѣ значительно болѣе, чѣмъ въ другихъ европейскихъ столицахъ; въ войскахъ на 1,000 человѣкъ умираетъ всего 18, и эта благопріятная цифра не мало вліяетъ на среднюю цифру петербугской смертности, такъ какъ войска составляютъ въ нашей столицѣ десятую часть населенія. Если исключить войска, окажется, что въ Петербургѣ умираетъ изъ 1,000 не 37, а почти 41 человѣкъ. Слѣдовательно неблагопріятныя условія, вліяющія на увеличеніе средней цифры смертности въ Петербургѣ, уравновѣшиваются благопріятными, вліяющими на ея уменьшеніе.

И такъ смертность въ Петербургѣ велика и обусловливается болѣе всего санитарнымъ состояніемъ нашей столицы. Есть два участка въ Петербургѣ (1-й участокъ спасской части и 1-й участокъ адмиралтейской части), гдѣ средняя смертность за пять лѣтъ, съ 1870 по 1874 годъ, не превышаетъ лондонскую, т. е. 21 на 1,000, также есть пять участковъ (3-й и 2-й александро-невской, 3-й рождественской, 3-й нарвской и 3-й выборгской), гдѣ смертность превышаетъ 50 человѣкъ на 1,000, а въ послѣднемъ участкѣ доходитъ даже до 60. Эта поразительная разница объясняется неодинаковымъ санитарнымъ положеніемъ различныхъ участковъ. Возьмемъ для сравненія самый благопріятный— 1-й участокъ спасской части и самый неблагопріятный—3-й участокъ выборгской части. Для большей наглядности разницу между ними изобразимъ въ слѣдующей таблицѣ:

	Процентъ непривелигированныхъ сословій.	Процентъ личной прислуги.	На 100 комнатъ приходится жителей.	Процентъ домовъ съ проведенной водой.
1-й участокъ спасской части.........	$67\frac{1}{3}$	$20\frac{1}{3}$	125	93
3-й участокъ выборгской части.......	89	$2\frac{1}{2}$	270	менѣе $\frac{1}{2}$

Разница въ санитарномъ положеніи обоихъ участковъ слишкомъ очевидна. Въ спасскомъ участкѣ дома большіе, каменные, удобные; здѣсь много квартиръ занято богатыми людьми, что можно заключить по значительному проценту личной прислуги; населеніе въ каждой отдѣльной квартирѣ менѣе скучено ($1\frac{1}{4}$ человѣка на комнату); оно употребляетъ для питья чистую воду Невы, такъ какъ почти во всѣ его дома проведена вода изъ этой рѣки. Совершенно въ обратномъ положеніи находится выборгскій участокъ; дома тутъ большею частію деревянные, квартиры неудобные, населеніе въ нихъ болѣе скучено (почти 3 человѣка на комнату значительно меньшаго средняго размѣра, чѣмъ въ спасскомъ участкѣ). Правда этотъ выборгскій участокъ въ сущности и не принадлежитъ вполнѣ къ городу, такъ какъ въ него входятъ три пригородныя селенія лежащія на берегу Невы, причисленныя къ городу по отбыванію повинностей. Но почти не въ лучшемъ положеніи относительно смертности находится уже чисто городской участокъ—3-й участокъ нарвской части. Смертность здѣсь 56 на 1,000; процентъ непривилегированныхъ сословій $87^1/_3$, процентъ личной прислуги 5, на 100 платныхъ комнатъ приходится 300 жителей; домовъ съ проведенной водой 22%. Населеніе этого участка также скучено въ квартирахъ какъ и выборгскаго участка, большинство жителей этого участка пьетъ воду не изъ Невы, а изъ засоренныхъ Фонтанки и Обводнаго канала.

Если мы раздѣлимъ Петербургъ на двѣ части, относя къ первой участки съ смертностью ниже средней, а къ второй выше средней, по общему населенію почти равныя между собой (въ первой $49,_4$, во второй $50,_6$ общаго населенія) и составимъ такую же таблицу, какую мы составили для самаго благопріятнаго и самаго неблагопріятнаго участка, мы получимъ слѣдующія интересныя цифры:

	Процентъ непривилег. сословій.	Процентъ личной прислуги.	На 100 платныхъ ком. жителей.	Процентъ домовъ съ проведенной водой.
Первая половина.	$73^1/_8$	$15^1/_2$	153	50
Вторая половина.	77	$7^1/_2$	215	16

На 1,000 человѣкъ населенія умерло въ первой половинѣ 29 человѣкъ; во второй—$45^1/_2$. Краснорѣчіе этихъ цифръ поразительное, онѣ внушительно говорятъ петербургскому городскому управленію о томъ, что оно должно дѣлать и, если оно имѣетъ уши, чтобы слышать, оно можетъ принятіемъ необходимыхъ благоразумныхъ мѣръ устранить многія неблагопріятныя обстоятельства, вліяющія на увеличеніе средней цифры смертности; если бы средняя смертность въ Петербургѣ дошла только до средней смертности въ лучшей половинѣ города, т. е. до 29 на тысячу, то этимъ самымъ въ Петербургѣ ежегодно сохранялось бы 5,800 жизней и цифра рожденій превысила бы цифру смертности.

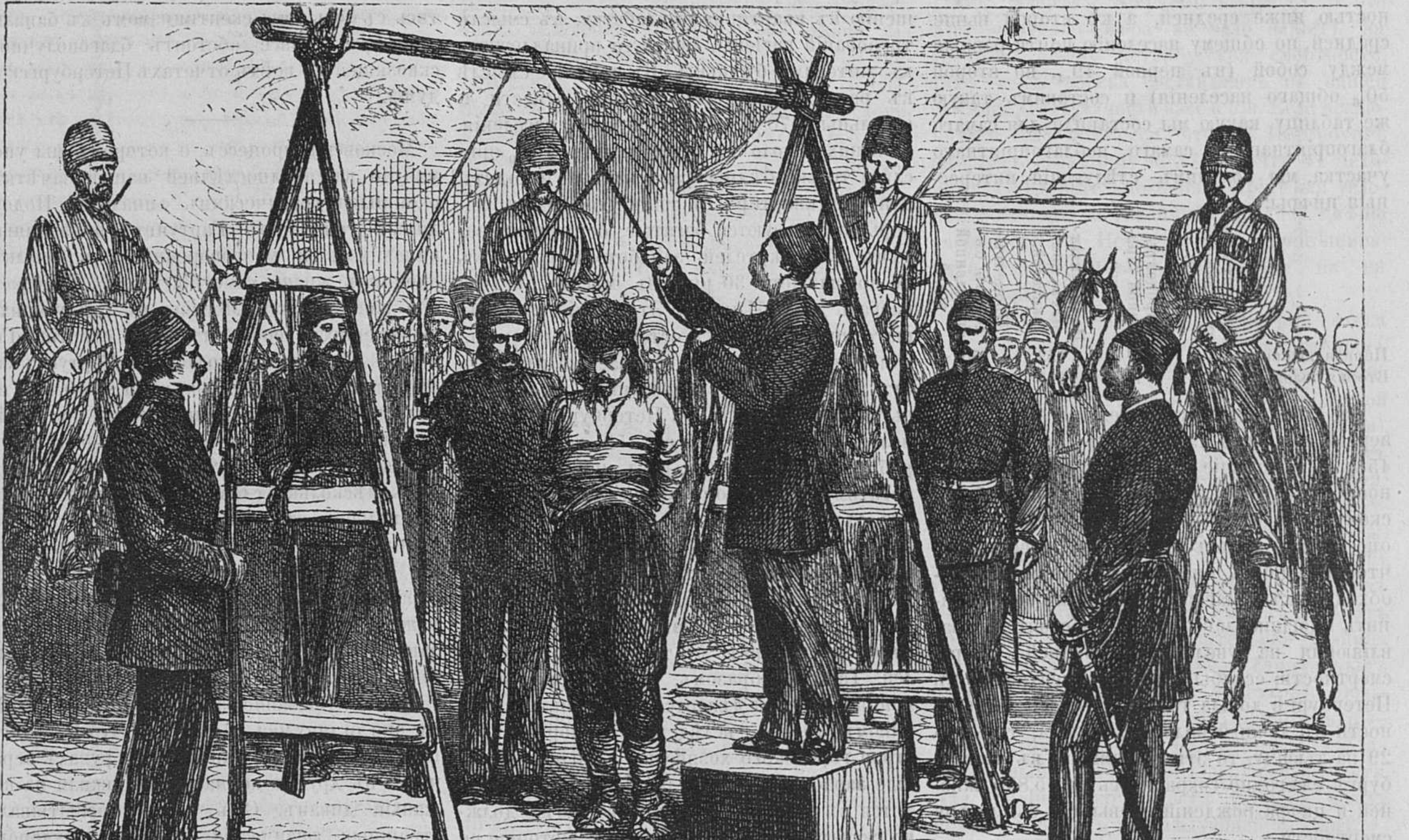
Но дождемся-ли мы до такого благополучія? Петербургская дума вообще отличается большой медленностью. И много-ли нужно сдѣлать ей для улучшенія санитарнаго положенія столицы Россіи? «Задача заключается не въ томъ, справедливо говоритъ г. Гюбнеръ,—чтобы воздвигать капитальныя сооруженія, для которыхъ городская казна не имѣетъ средствъ, но въ бдительномъ надзорѣ за состояніемъ общественнаго здоровья и неуклонномъ преслѣдованіи санитарныхъ интересовъ населенія. Необходимо, чтобы эти интересы имѣлись въ виду и соблюдались во всѣхъ предпріятіяхъ и начинаніяхъ, хотя бы дѣло шло о постановкѣ обыкновеннаго забора. Такую микроскопическую работу не могутъ замѣнить никакія денежныя затраты и сооруженія. Грустно видѣть заботу о чистотѣ въ интересахъ благообразія и заботу о постройкахъ въ интересахъ соблюденія красоты города. Грустно видѣть также полное безучастіе горожанъ къ санитарнымъ нуждамъ объ руку съ безполезными филантропическими затѣями и фатальнымъ убѣжденіемъ, что противъ бѣдности и ея послѣдствій ничего не подѣлаешь. Бѣдные виноваты въ томъ, что почва и городскіе каналы загрязнены и отравлены болѣзнетворными ядами. Бѣдные причиною того, что 80% населенія живутъ въ тѣсныхъ и сырыхъ квартирахъ, а 50% лишены чистой воды. Они же, бѣдные обыватели столицы, виноваты въ алчности домохозяевъ и въ нерадивости богатыхъ къ собственному своему животу. Но кто же эти бѣдные и кого можно назвать въ Петербургѣ богатымъ? Богатъ тотъ, кто имѣетъ квартиру *для себя*, съ просторными сухими и свѣтлыми комнатами, съ водопроводомъ и другими удобствами, необходимыми для жизни въ большомъ городѣ и въ холодномъ климатѣ. Такихъ богачей, въ средѣ жителей Петербурга, едва-ли наберется больше 10%. Возлѣ нихъ по задворкамъ, чердакамъ и вообще въ служебныхъ пристройкахъ, ютится и кормится до 20% столичныхъ обывателей, въ качествѣ прислуги и приживальщиковъ. Но по отношенію къ квартирному удобству, въ смыслѣ требованій гигіены, прислуга принадлежитъ къ жителямъ бѣднымъ. Въ томъ же смыслѣ къ разряду бѣдныхъ должно отнести и остальные 70% петербургскаго населенія. Изъ нихъ около 25% жителей съ 15% прислуги только бѣдны, такъ какъ не находятъ для себя квартиръ съ тѣми удобствами, которыми пользуются богатые; остающіеся затѣмъ 30% жителей, заработокъ которыхъ не превышаетъ 30 руб. въ мѣсяцъ, нельзя назвать даже бѣдными. Это нищіе, для большаго числа которыхъ остаются полутемныя каморки, углы и нары, отдаваемые въ наемъ отъ жильцовъ, въ подвальныхъ и надворныхъ помѣщеніяхъ. Въ Петербургѣ рабочій человѣкъ, получающій отъ 50 коп. до $1^1/_2$ руб. въ день не болѣе, какъ нищій. Подобно богатому и бѣдному обывателю столицы, онъ охотно платилъ бы треть своего заработка за квартиру, но таковыхъ для него нѣтъ. Въ Петербургѣ не строятъ домовъ для рабочихъ съ квартирами въ одну комнату, а городское управленіе находитъ излишнимъ поощрять къ тому предпринимателей. Такимъ образомъ, матеріально-обезпеченный рабочій дѣлается невольнымъ бѣднякомъ только вслѣдствіе ненормальнаго строя городского хозяйства. Если обезпеченные заработкомъ жители Петербурга находятся въ такомъ положеніи, то что же должно сказать о тѣхъ пролетаріяхъ, которые не имѣютъ постоянныхъ средствъ къ существованію вслѣдствіе нетрезвой жизни или по другимъ случайнымъ причинамъ? Немногіе изъ нихъ ютятся въ углахъ и каморкахъ запущенныхъ домовъ, на счетъ доброхотныхъ подаяній и благотворительныхъ обществъ; большая же часть вовсе не имѣютъ постояннаго крова и въ холодное время года ищутъ пріюта въ больницахъ, ночлежныхъ домамъ и такихъ трущобахъ, образцы которыхъ можно видѣть въ районѣ Сѣнной площади. Естественно, что это бездомное населеніе столицы больше другихъ подвержено вліянію болѣзнетворныхъ причинъ и становятся первыми жертвами эпидемическихъ болѣзней. Къ счастію, число пролетаріевъ въ Петербургѣ не велико и, по отношенію къ общему числу жителей, не превышаетъ полпроцента. Какъ неизбѣжный атрибутъ каждаго большого города, пролетаріатъ нуждается въ самомъ бдительномъ надзорѣ со стороны общественнаго управленія. Хорошо устроенные пріюты какъ для ночлега, такъ и для пребыванія въ нихъ днемъ, народныя кухни, отсылка на родину и воспитаніе сиротъ—вотъ главнѣйшія формы помощи, съ которыми городское управленіе, въ интересахъ охраненія общественнаго здоровья, должно спѣшить на встрѣчу неимущимъ».

Къ этимъ словамъ почтеннаго автора прибавить нечего, остается только пожелать, чтобы они нашли доступъ къ сердцамъ заправителей городскимъ хозяйствомъ Петербурга, и Петербургская дума прониклась бы убѣжденіемъ, что отъ дурного состоянія санитарной части въ городѣ терпитъ безусловно все его населеніе. Эта оговорка необходима потому, что заправители, принадлежа къ достаточному классу столичнаго населенія и пользуясь удобствами хорошихъ квартиръ, склонны относиться ко всему оптимистически. Можетъ быть, сознаніе, что дурныя санитарныя условія, вредно дѣйствующія на большую часть петербургскаго населенія, непользующагося удобствами жизни, отражается и на ихъ благосостояніи, побудитъ ихъ оглянуться вокругъ себя и отнестись съ большимъ скептицизмомъ къ банальной фразѣ: «все обстоитъ благополучно», сквозящей во всѣхъ отчетахъ Петербургской думы.

Московскій процессъ, о которомъ мы упомянули въ предпослѣдней нашей замѣткѣ, окончился трагическимъ финаломъ. Подсудимый ген.-маіоръ Гартунгъ, признанный виновнымъ и приговоренный къ ссылкѣ, окончилъ жизнь самоубійствомъ. Телеграфное извѣстіе изъ Москвы въ слѣдующихъ выраженіяхъ сообщаетъ о его смерти: «Генералъ Леонидъ Николаевичъ Гартунгъ застрѣлился 13-го октября, въ 5 ч. 40 мин. по полудни, чрезъ пять минутъ по прочтеніи вердикта присяжныхъ. Войдя въ отдѣльную комнату, покойный, убитый горемъ, произнесъ нѣсколько словъ, выражавшихъ безпредѣльное отчаяніе, и затѣмъ, въ изнеможеніи, присѣлъ къ столу, закрывшись рукой. Въ это время въ комнатѣ, гдѣ произошла страшная развязка, у окна стояли, говоря между собою вполголоса о поводахъ кассаціи, защитникъ покойнаго, присяжный повѣренный Щелканъ, и близкій пріятель Гартунга, г. К—въ. Внезапно раздался трескъ выстрѣла, они оглянулись и увидѣли, что Гартунгъ падаетъ со стула. Раненаго на рукахъ перенесли въ другую комнату и положили на кожаный диванъ. Онъ видимо испытывалъ страшныя физическія страданія; судороги лица и всего тѣла продолжались болѣе получаса; но ни одного вздоха, ни одного звука, выражавшаго нечеловѣческія муки, не вырвалось у него. Скоро невыносимыя страданія стали утихать; нѣсколько капель холодной воды, налитыя ему въ ротъ, онъ выбросилъ судорожнымъ движеніемъ губъ. Все тише и тише становились движенія, спокойнѣе и спокойнѣе становилось лицо, глаза смотрѣли передъ собою ясно, и губы едва слышно шептали: «Умираю...» Скоро Гартунга не стало. Во время мученій, переносимыхъ покойнымъ, присутствовавшіе тутъ друзья еще тщетно звали сначала доктора, потомъ священника,—ни того, ни другого не было: они явились уже черезъ полчаса послѣ кончины Гартунга. Послано было за супругой покойнаго, но она не могла уже застать его въ живыхъ. Гартунгъ нанесъ себѣ рану въ сердце».

Умирая, Гартунгъ оставилъ записку слѣдующаго содержанія: «Клянусь всемогущимъ Богомъ, что я въ этомъ дѣлѣ ничего не похищалъ, и прощаю моимъ врагамъ».

Трудно предположить, чтобы человѣкъ сталъ лгать въ минуту смерти, слѣдовательно, надо полагать, что въ данномъ случаѣ произошла судебная ошибка, безъ которыхъ, къ несчастію, не обходится и лучшій изъ судовъ — судъ присяжныхъ. Грустно, что случаются такія ошибки, но на этотъ разъ, если и существовала ошибка, она была еще поправима: сенатъ могъ кассировать приговоръ Московскаго окружнаго суда. Мы не станемъ вдаваться въ анализъ побужденій Гартунга, непожелавшаго ждать приговора сената и покончившаго самоубійствомъ; также считаемъ излишнимъ утѣшать присяжныхъ, произнесшихъ приговоръ, какъ то дѣлаютъ «Бирж. Вѣд.», говоря, что присяжные могутъ успокоиться потому, что у Гартунга былъ найденъ вексель въ 6,000 руб., выданный имъ Занфтлебену и имъ похищенный. Но Гартунгъ въ своей запискѣ говоритъ, что онъ *ничего не похищалъ*, слѣдовательно не похищалъ и этого векселя, который, по его словамъ, былъ переданъ ему самимъ Занфтлебеномъ. Перейдемъ прямо къ краткому изложенію дѣла.



Вѣшаніе болгаръ.

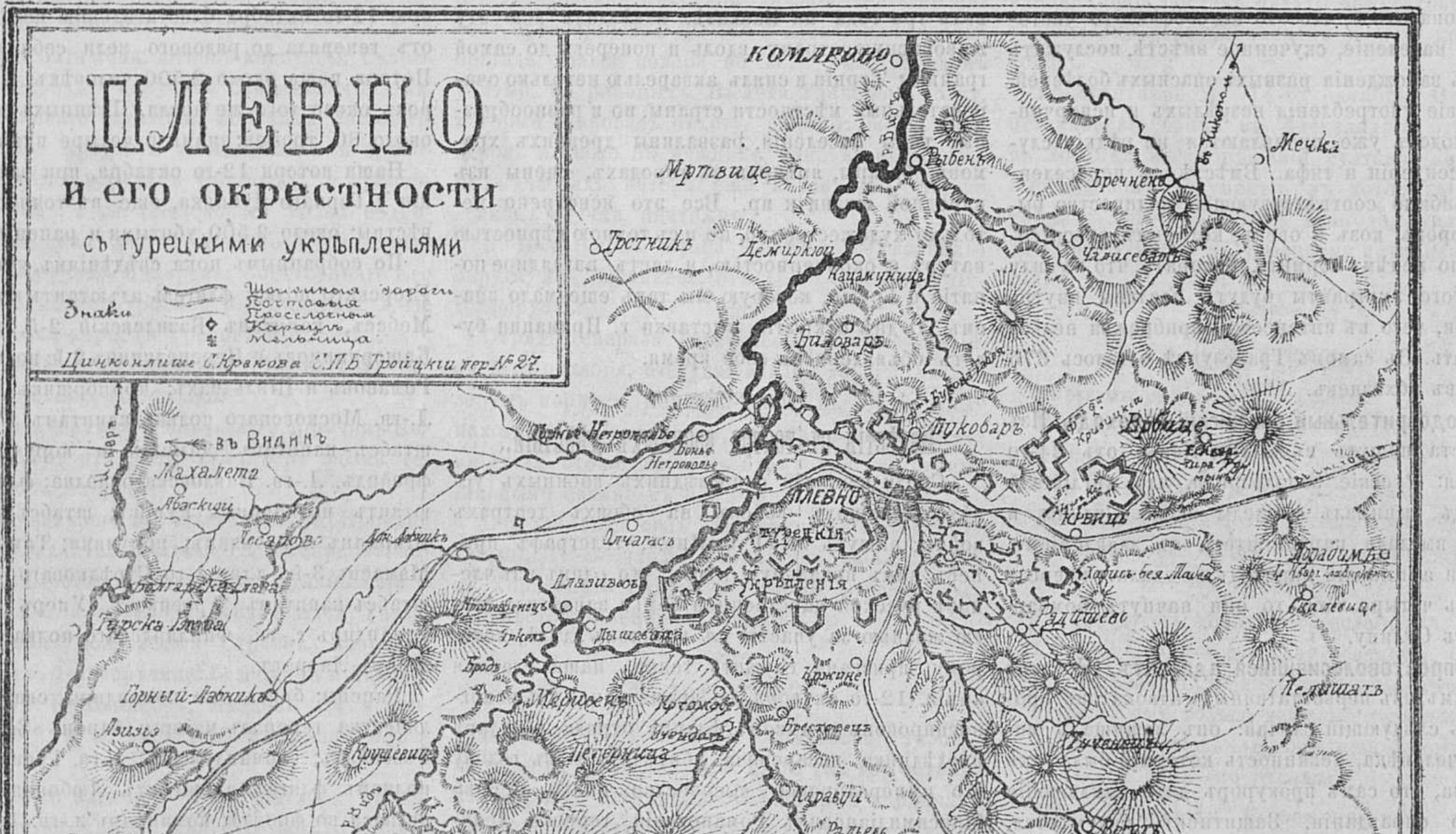
Московскій портной Занфтлебенъ, оставивъ свое ремесло, сдѣлался купцомъ и принялся за ростовщичество. Его кліентами были преимущественно разорившіеся аристократы, которыхъ рекомендовалъ ему факторъ Нарышкинъ. За ссуду Занфтлебенъ бралъ отъ 36 до 60% въ годъ. Въ 1873 году умерла жена его. Онъ пригласилъ къ себѣ въ качествѣ гувернантки къ малолѣтней дочери своей дѣвицу Ольгу Петровну Онуфріеву, а затѣмъ женился на ней въ январѣ 1876 года; ему въ то время было 64 года, женѣ его подъ 30. Взрослымъ сыновьямъ и замужнимъ дочерямъ его бракъ этотъ не нравился и они, уже и ранѣе жившіе съ отцомъ не совсѣмъ согласно, окончательно разсорились съ нимъ. Въ 1876 году Занфтлебенъ составилъ духовное завѣщаніе, по которому отказалъ своей женѣ 10 тыс. руб. и разную движимость, 10 тыс. одной изъ своихъ дочерей и 500 руб. своему слугѣ Мышакову; остальное имѣніе завѣщалъ раздѣлить по-ровну между остальными 4 сыновьями и 3 дочерями своими. Душеприказчиками онъ назначилъ двухъ своихъ кредиторовъ: ген. Гартунга и полк. графа Ланского. 11 іюля 1876 года Занфтлебенъ неожиданно умеръ на дачѣ близь Москвы въ с. Леоновѣ. Вдова дала знать Гартунгу; онъ пріѣхалъ, послалъ за становымъ приставомъ, но прежде, чѣмъ тотъ прибылъ, взялъ со стола и изъ стола покойнаго Занфтлебена бумаги, документы, книги и вещи, которыя тамъ были, сложилъ въ карету и уѣхалъ домой, взявъ съ собою Мышакова. Все это онъ дѣлалъ открыто, въ присутствіи одного изъ сыновей покойнаго, которому сказалъ, что дѣлаетъ все это потому, что онъ душеприказчикъ. На другой день послѣ этого событія въ квартиру Гартунга является другой сынъ Занфтлебена съ своимъ повѣреннымъ Колпаковымъ и требуетъ опечатанія взятыхъ Гартунгомъ бумагъ и документовъ; Гартунгъ и Алферовъ возражаютъ, что въ виду завѣщанія Занфтлебена никакихъ мѣръ «охраненія» наслѣдства, т. е. описи его судебнымъ приставомъ и проч. не требуется, что все это сдѣлаютъ сами душеприказчики; но подчиняясь настояніямъ Занфтлебена и его повѣреннаго, взятыя Гартунгомъ наканунѣ бумаги, книги и документы опечатываются. Не довольствуясь этимъ, сынъ Занфтлебена проситъ объ охраненіи имущества своего отца и въ квартирѣ мачихи. У нея въ комодѣ судебный приставъ находитъ между занавѣсками векселя, выданные разными лицами Занфтлебену съ его бланкомъ; вдова заявляетъ, что векселя эти подарены ей мужемъ, но ей не вѣрятъ и векселя присоединяются къ общей массѣ наслѣдственнаго имѣнія; у нея находятъ еще исполнительный листъ, выданный на имя мужа и еще какой-то вексель выданный мужу, безъ его бланка. Между тѣмъ душеприказчики Гартунгъ и Ланской представляютъ духовное завѣщаніе для утвержденія въ окружной судъ. Прошеніе подаетъ повѣренный ихъ Алферовъ и объявляетъ цѣну всему оставшемуся имѣнію въ 120,000 руб. Окружной судъ утверждаетъ духовное завѣщаніе. Тогда дѣти Занфтлебена возбуждаютъ обвиненіе противъ Гартунга за то, что онъ похитилъ часть документовъ ихъ отца, причемъ опредѣлить съ точностью на какую сумму совершено это похищеніе не могутъ потому, что въ числѣ похищенныхъ и пропавшихъ документовъ находится и вексельная книга, по которой можно бы вычислить на какую сумму оставалось послѣ смерти Занфтлебена обязательствъ, подлежавшихъ раздѣлу между наслѣдниками.

По этой жалобѣ было произведено слѣдствіе, а затѣмъ составленъ обвинительный актъ, которымъ преданы суду: Гартунгъ, гр. Ланской, Алферовъ, Мышаковъ и вдова Занфтлебенъ. Рѣшеніемъ присяжныхъ гр. Ланской и Мышаковъ оправданы, остальные признаны виновными. Судъ приговорилъ: Ольгу Занфтлебенъ къ ссылкѣ въ Тобольскую губ. на 1½ года; Алферова къ ссылкѣ въ Олонецкую губ. на 2½ года съ лишеніемъ правъ состоянія. Дѣло о Гартунгѣ за его смертью прекращено. **Н. И.**

* * *

Новости наукъ и жизни.

— **Археологическая находка.** Профессоръ Н. Д. Борисякъ, сообщая о результатахъ своихъ изслѣдованій, произведенныхъ во время поѣздки на съѣздъ углепромышленниковъ въ Таганрогѣ, упомянулъ о важной находкѣ, сдѣланной въ Бахмутскомъ уѣздѣ, у Клиновскихъ хуторковъ, въ древнихъ мѣдныхъ рудникахъ, уже изслѣдованныхъ горными инженерами Носовыми. По сообщенію г. Борисяка, древнія горныя разработки лежатъ подъ слоемъ новѣйшихъ образованій, толщиною по меньшей мѣрѣ въ три сажени. На этой глубинѣ были найдены такъ называемыя горныя дудки, тигли съ выплавленною мѣдью, деревянныя койла, которыми очевидно возможно было выработывать только мягкія руды. Этотъ фактъ допускаетъ предположеніе, что указанные рудники существовали еще до изобрѣтенія желѣзныхъ орудій. Всего же любопытнѣе найденные въ рудникахъ пять череповъ, изъ которыхъ два съ волосами, вполнѣ сохранившимися. Изученіе этихъ череповъ можетъ привести къ важнымъ заключеніямъ относительно народовъ, существовавшихъ, судя по геологическимъ даннымъ, задолго до нашей исторической письменной эры.


ПЛЕВНО
и его окрестности
съ турецкими укрѣпленіями
Знаки
Шоссейныя дороги
Почтовыя
Проселочныя
Караулъ
Мельница
Цинкографія С. Кракова С.П.Б. Троицкій пер. № 27.
КОМАРОВО
Мъртвице
Мечка
Тртникъ
Биловаръ
Буковаръ
Врбице
Кривица
Горнье Нетрополье
Долне Нетрополье
въ Виддинъ
Махалета
Абаскіои
Дол. Дъбникъ
ПЛЕВНО
турецкія укрѣпленія
Радишево
Пелишатъ
Тученица
Горни Дъбникъ
Азизъ
Крушевица
Телишъ
Цирикова
Свинаръ
Радомирци
Ракита
Лежнице
Бежаново
Годорицень
Држанце
Мердиженъ
Петерница
Брестовецъ
Каравуи
Ральевъ
Ново Брканъ
Стар. Бркачь
Пароилово
Сотево
Масштабъ 1:500.000
Километр.
10.000 шаговъ

— **Средство противъ солнечнаго удара.** Смертные стучаи отъ солнечнаго или апоплексическаго удара, часто встрѣчавшіеся между войсками во время длинныхъ и утомительныхъ переходовъ въ жаркое время, подали поводъ къ испытанію средствъ для предотвращенія ихъ. Въ Германской арміи, какъ сообщаетъ «Allgemeine Militaire Zeitung», прежде всего отмѣнено было существовавшее запрещеніе давать воду разгоряченному солдату, и уже этимъ самымъ достигнуто было уменьшеніе несчастныхъ случаевъ. Но вода не могла все-таки служить радикальнымъ средствомъ. По этому, на послѣднихъ нѣмецкихъ маневрахъ было испытано употребленіе кристализованной лимонной кислоты, давшее превосходные результаты: заболѣвавшимъ людямъ давали принимать разведенную лимонную кислоту, и въ большей части случаевъ дѣйствіе ея оказалось цѣлительнымъ. Средство это теперь окончательно введено въ германской арміи. Фельдшеръ каждой роты беретъ съ собой, на время похода, извѣстное количество кристализованной лимонной кисдоты и, по предписанію врача, отпускаетъ ее заболѣвающимъ.

— **Громадный заказъ.** По словамъ «С.-Пет. Вѣд.», на-дняхъ состоялось рѣшеніе, въ силу котораго правительствомъ заказаны на частныхъ заводахъ въ Россіи 10 тысячъ вагоновъ и 170 локомотивовъ. Это весьма серьезная поддержка внутренняго желѣзнодорожнаго производства. Иностранные заводы, впрочемъ, не теряютъ надежды что-нибудь урвать и для себя. Этимъ объясняется присутствіе въ столицѣ разныхъ агентовъ иностранныхъ заводовъ, наводнившихъ первокласные наши отели.

— **Экспедиція Ужфальви.** Въ послѣдней книжкѣ «Bulletin de la Société géographique» помѣщено новое письмо изслѣдователя среднеазіатскихъ областей, Ужфальви. Этотъ ученый увѣдомляетъ, что получилъ разрѣшеніе генерала Кауфмана изслѣдовать Ферганскую Область и Памирское Плоскогорье. «Сопровождать меня будетъ значительный отрядъ, пишетъ Ужфальви, но, что всего важнѣе, со мною ѣдетъ Вилькенсъ, ученый натуралистъ, только что прибывшій изъ Кашгара съ капитаномъ Куропаткинымъ». Ужфальви увѣренъ, что экспедиція въ Памиръ, а можетъ быть и до береговъ озера Викторія будетъ имѣть весьма полезные для науки результаты, о которыхъ онъ своевременно не замедлитъ сообщить географическому обществу.

— **Новыя рельсовыя пути на Кавказѣ.** «С.-Петербургскія Вѣдомости» увѣряютъ, что надняхъ въ правительственныхъ сферахъ рѣшено приступить немедленно къ сооруженію на Кавказѣ, на казенный счетъ, сѣти новыхъ рельсовыхъ путей.

* * *

Смѣсь.

— **Генералъ Драгомировъ** «Новому Времени» пишутъ изъ Конотопа: Озабоченные потребностью раненыхъ въ теплой одеждѣ, нѣкоторые изъ жителей Конотопа пріобрѣли 60 тулуповъ на частныя пожертвованія и, желая, чтобы ихъ приношеніе было разпредѣлено какъ можно скорѣе и соотвѣтственнѣе, просили своего согражданина, генерала Драгомирова, принять на себя посредничество въ раздачѣ тулуповъ. Генералъ Драгомировъ немедленно отвѣчалъ согласіемъ, и въ письмѣ своемъ, между прочимъ говоритъ: «Земно кланяюсь тѣмъ землякамъ, которымъ пришло въ голову привести въ исполненіе столь святую мысль. Нужны не одни полушубки, а и свитки, и холстъ, и просто—сукно: все пойдетъ и пойдетъ ни болѣе, ни менѣе—какъ на спасеніе людей отъ погибели. Скажите, сдѣлайте милость, всѣмъ, что тутъ придерживаться однихъ какихъ-либо вещей—нечего; примѣрно сказать, если кто запаску пожертвуетъ, и то годится, ибо все же шерстяная — куртку сшить можно; ручникъ — и то хорошо. Однимъ словомъ — все изъ крестьянской или нашей одежды пойдетъ въ прокъ. Кто что можетъ — пусть даетъ, и да будетъ благословенно имя его!» По позднѣйшимъ извѣстіямъ, тулупы конотопцевъ будутъ направлены въ лазаретъ подъ Шипку, гдѣ въ нихъ страшно нуждаются.

— **Переселеніе абхазцевъ въ Анатолію.** Изъ Трапезунда «Allgem. Zeit.» пишутъ, что переселеніе абхазцевъ на военныхъ турецкихъ судахъ изъ округа Очемчиры приняло большіе размѣры, чѣмъ вначалѣ можно было предполагать. Именно: въ Анатолію теперь переселилось 30,000 человѣкъ. Вдоль всего анатольскаго берега отъ Оффа до Инеболи не найдется мѣстечка, избавленнаго отъ нашествія абхазцевъ. Въ Трапезундѣ поселилось этихъ непрошенныхъ гостей 8,000, въ Тиреболисѣ 1,200, въ Керосомѣ 2,500, въ Орклу и Унпѣ около 1,000, а въ Сомсунѣ 3,000. Можно опасаться, что это не совсѣмъ-то чистоплотное населеніе, скученное вмѣстѣ, послужитъ мѣстомъ зарожденія разныхъ опасныхъ болѣзней. Вслѣдствіе употребленія незрѣлыхъ и испорченныхъ плодовъ уже проявляются не рѣдкіе случаи диссентеріи и тифа. Вмѣстѣ съ переселенцами прибыло соотвѣтствующее количество быковъ, коровъ, козъ и овецъ, которыхъ здѣсь совершенно нечѣмъ кормить. Говорятъ, что въ силу всего этого, эмигранты будутъ посланы внутрь Анатоліи, чего въ интересахъ прибрежья нельзя не желать. Въ самомъ Трапезундѣ осталось 375 семействъ абхазцевъ.

— **Подозрительный англійскій пароходъ.** Изъ Бухареста пишутъ въ «Daily News» отъ 24-го сентября: Русскіе заподозрили, что англійскій пароходъ вынималъ торпеды около Сулины, и потому выслали парламентера съ заявленіемъ, что если англійскій пароходъ не удалится черезъ двадцать четыре часа, то они начнутъ бомбардировать Сулину.

— **Опростоволосившійся адвокатъ.** Недавно съ однимъ изъ первостатейныхъ адвокатовъ произошелъ слѣдующій случай: онъ защищалъ молодого человѣка, невинность котораго была такъ очевидна, что самъ прокуроръ далъ заключеніе объ его оправданіи. Защитникъ, разумѣется, присоединился къ этому заключенію, и такъ какъ онъ былъ «очень занятъ», то оставилъ залу засѣданія до объявленія приговора. Сверхъ ожиданій, судъ призналъ подсудимаго виновнымъ и опредѣлилъ подвергнуть его тюремному заключенію. Прокуроръ подалъ протестъ. Копія съ него получена защитникомъ опять въ такое время, когда онъ былъ «очень занятъ», и, не читая протеста, онъ написалъ на поляхъ слѣдующія строки, которыя должны были послужить его помощникамъ руководствомъ при составленіи письменнаго возраженія: «опровергнуть всѣ мотивы прокурорскаго протеста и ходатайствовать объ утвержденіи приговора суда». Недоразумѣніе разъяснилось только послѣ того, какъ вторая инстанціи отмѣнила приговоръ и призвала обвиняемаго вполнѣ оправданнымъ.

— **Чистка улицъ въ Парижѣ.** Интересно знать во что обходится очищеніе улицъ въ Парижѣ. Въ 1877 году очищеніе улицъ будетъ стоить Парижу 4.618,000 франковъ. Съ 1873 года обязанность эта перешла на городское управленіе, а натуральная повинность жителей въ этомъ отношеніи переведена въ денежную. Каждый домохозяинъ обязанъ въ настоящее время только вымести утромъ свой тротуаръ; вся остальная очистка производится на счетъ города. Площадь этой очистки представляетъ 14.500,000 кв. метровъ; 3,120 постоянныхъ рабочихъ занимаются очисткой каждый день съ трехъ часовъ утра лѣтомъ и съ четырехъ часовъ утра зимой; къ десяти часамъ утра работы кончаются. Съ полудня до 4 часовъ вечера работаютъ только дежурные, на обязанности которыхъ лежитъ очищеніе рынковъ, полицейскихъ станцій и т. д. Каждый рабочій получаетъ въ мѣсяцъ 80 — 85 франковъ; старшіе получаютъ отъ 100—105 фр. ежемѣсячно. На помощь постояннымъ артелямъ рабочихъ нанимаются кромѣ того подеңщики, получающіе за полдня работы отъ 1 фр. до 1 фр. 75 сантимовъ. Количество этихъ поденщиковъ мѣняется вмѣстѣ съ измѣненіями въ температурѣ. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ оно простиралось до 1,930 человѣкъ.

— **Предстоящая выставка.** Въ «Голосѣ» пишутъ: Любителямъ искуства готовится весьма пріятная новость. Надняхъ возвратился съ Кавказа извѣстный нашъ даровитый художникъ-акварелистъ профессоръ Людвигъ Осиповичъ Премацци и намѣренъ въ непродолжительномъ времени устроить здѣсь выставку всѣхъ своихъ кавказскихъ рисунковъ и акварелей. Онъ провелъ три года на Кавказѣ, изъѣздилъ всю эту живописную страну вдоль и поперегъ до самой границы Турціи и снялъ акварелью нетолько очаровательныя мѣстности страны, но и разнообразные типы населенія, развалины древнихъ храмовъ, базары, ярмарки въ городахъ, сцены изъ народной жизни и пр. Все это исполнено нетолько художественно, но и съ точною вѣрностью натурѣ и оконченностью, и дастъ наглядное понятіе о Грузіи, которую мы такъ еще мало знаемъ. О днѣ открытія выставки г. Премацци будетъ объявлено въ свое время.

Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій.

«Среди извѣстій о послѣднихъ военныхъ успѣхахъ нашихъ войскъ на обоихъ театрахъ войны, пишутъ въ «Рус. Инв.», телеграфъ принесъ намъ печальную вѣсть, что одинъ изъ членовъ русской царственной семьи заплатилъ своею жизнью за участіе въ великомъ дѣлѣ, которому призвана служить теперь наша славная армія. 12-го октября, во время одной изъ рекогносцировокъ на лѣвомъ флангѣ отряда государя наслѣдника цесаревича, убитъ пулею въ голову его императорское высочество князь Сергѣй Максимиліановичъ Романовскій, герцогъ Лейхтенбергскій. Его высочество родился 8-го декабря 1849 г. и былъ третьимъ сыномъ великой княгини Маріи Николаевны и герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго, слѣдовательно роднымъ племянникомъ Государя Императора. Онъ состоялъ въ чинѣ ротмистра съ 1875 г. и флигель-адъютантомъ его величества съ 1876 г, числясь въ л.-гв. конномъ и преображенскомъ полкахъ, въ гвардейской артиллеріи и въ стрѣлковомъ батальонѣ императорской фамиліи. Съ открытіемъ кампаніи на Дунаѣ, князь Сергѣй Максимиліановичъ присоединился къ войскамъ дѣйствующей арміи, въ составѣ которой находятся также оба его старшіе брата, и тутъ-то Провидѣнію угодно было, чтобы юный князь палъ на полѣ брани жертвою своей неустрашимости. Смерть 28-лѣтняго князя должна грустно отозваться въ сердцѣ каждаго русскаго, видящаго въ этомъ примѣрѣ, что, несмотря на свое высокое положеніе, члены нашего императорскаго дома столь же беззавѣтно жертвуютъ своею жизнью, какъ и простой офицеръ, когда дѣло идетъ объ исполненіи своего долга и поддержаніи чести нашего оружія».

— Втеченіе истекшей недѣли, ознаменованной значительнымъ успѣхомъ, одержаннымъ къ югу отъ Плевны, получены слѣдующія оффиціальныя телеграммы:

А. Отъ его императорскаго высочества главнокомандующаго дѣйствующей арміей:

1) Изъ Тученицы, отъ 13-го октября — вчера, 12-го октября, генералъ Гурко, со ввѣреннымъ ему отрядомъ, въ которомъ были и части гвардіи, послѣ отчаянной десятичасовой битвы, взялъ сильно укрѣпленную турецкую позицію между Горнымъ Дубнякомъ и Телишемъ и сталъ на Софійскомъ шоссе, гдѣ и усиливаетъ позицію новыми укрѣпленіями; при этомъ взяты въ плѣнъ Ахметъ-Евзи-паша со своимъ начальникомъ штаба, много офицеровъ, до 3,000 нижнихъ чиновъ и цѣлый кавалерійскій полкъ; захвачено четыре орудія, много ружей и патроновъ. Потери наши неизвѣстны, но чувствительны. Подробности дополнительно.

Въ отрядѣ наслѣдника цесаревича вчера, 12-го октября, во время рекогносцировки, князь Сергѣй Максимиліановичъ убитъ наповалъ пулей въ голову.

2) Изъ Порадима отъ 14-го октября. — Вчера, 13-го октября, Я объѣзжалъ поле сраженія у Горнаго Дубняка и осматривалъ занятыя нами съ бою позиціи. Войска воодушевлены одержанною 12-го октября блистательною побѣдою; всѣ отъ генерала до рядового вели себя геройски. Потеря наша около 2,500 человѣкъ. Потеря турокъ около того же числа. Плѣнныхъ офицеровъ около 80, трофеи: знамя и четыре пушки.

Наши потери 12-го октября, при взятіи позиціи у Горнаго Дубняка, еще въ точности неизвѣстны: около 2,500 убитыми и ранеными.

По собраннымъ пока свѣдѣніямъ, убиты: л.-гв. Егерскаго полка: флигель-адъютантъ полковникъ Мебесъ, капитанъ Базилевскій 2-й, поручики: Кашерининовъ и Перепелицинъ 2-й; подпоручики: Романовъ и Шильдбахъ; прапорщикъ Гресбекъ. Л.-гв. Московскаго полка: капитанъ Роговской, штабсъ-капитанъ Дамишъ и поручикъ Бирфрейндъ. Л.-гв. Павловскаго полка: флигель-адъютантъ полковникъ Руновъ; штабсъ-капитаны: Ширманъ и Баталинъ; поручики: Тимоховичъ и Мамаевъ 3-й; л.гв. 1-го Стрѣлковаго баталіона штабсъ-капитанъ Арсеньевъ. Умеръ отъ ранъ командиръ л.-гв. Финляндскаго полка генералъ-маіоръ Лавровъ.

Ранены: бригадные командиры, свиты его величества генералъ-маіоры: баронъ Зедделеръ и Розенбахъ; командующій л.-гв. Гренадерскимъ полкомъ флигель-адъютантъ Любовицкій, легко, остался во фронтѣ; командиръ л.-гв. 1-го Стрѣлковаго его величества баталіона флигель-адъютантъ полковникъ Эбелингъ; командиръ л.-гв. Сапернаго баталіона флигель-адъютантъ полковникъ Скалонъ; начальникъ штаба 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи полковникъ Скалонъ; командиръ Кубанскаго дивизіона собственнаго его величества конвоя полковникъ Жуковъ.

Списокъ остальнымъ сообщу дополнительно, когда будутъ собраны точныя свѣдѣнія.

Кромѣ тѣхъ трофеевъ, о которыхъ я уже сообщалъ, взято еще одно знамя; плѣнныхъ турецкихъ офицеровъ около 80, въ томъ числѣ 11 кавалерійскихъ.

Первыми ворвались въ редутъ лейбъ-Гренадеры.

12-го октября, у Горнаго Дубняка ранены: лейбъ гвардіи Егерскаго полка полковникъ Столица, капитаны: Мендтъ, Коробка и Базилевскій 3-й; штабсъ-капитанъ Ольдерогге; поручики: Кинарсевъ, подпоручикъ Свѣтозоровъ, поручикъ фонъ-Зонъ, подпоручики: фонъ-Смиттъ, Грифъ, Гусаковъ, Крейтеръ, Лаппа-Старженецкій, Тигерстедтъ, послѣдній остался въ строю. Контужены: полковникъ фонъ-Нотбекъ; подпоручики: Лундтъ и Фразеръ 2-й, прапорщикъ фонъ-Фрейманъ. Старшій адъютантъ штаба 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи поручикъ фонъ-Беккеръ, раненъ легко; старшій адъютантъ штаба, генеральнаго штаба капитанъ Афанасовичъ контуженъ, остался во фронтѣ; лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады командиръ 6-й батареи полковникъ Семеновъ и лейбъ-гвардіи 2-й артиллерійской бригады командиръ 1-й батареи полковникъ Арсеньевъ, легко раненъ и остался во фронтѣ.

12-го октября у Горнаго Дубняка ранены: лейбъ-гвардіи Московскаго полка: полковникъ Поливановъ, капитанъ Рехенбергъ, поручики: Дингельштедтъ, Бабянскій, Драгиковскій, Вагнеръ, Парамоновъ; подпоручикъ Габріоловичъ. Лейбъ-гвардіи Павловскаго: флигель-адъютантъ полковникъ Мевесъ, капитаны: Путята, фонъ-Ольдерогге; штабсъ-капитанъ Гераковъ; поручики: Березовскій, Гинглятъ 1-й, Витгандъ, Кучинскій, Айкановъ, послѣдній смертельно; подпоручики: Потуловъ и князь Вачнадзе, прикомандированный подпоручикъ Полонскій; лейбъ-гвардіи Финляндскаго: полковникъ Прокопе 3-й, капитанъ баронъ Функъ и поручикъ Львовъ. Остальные еще неизвѣстны.

3) Изъ Богота отъ 15-го октября—12-го октября, у Горнаго Дубняка ранены: л.-гв. Сапернаго баталіона: капитанъ князь Кильдишевъ, поручики: графъ Ивеличъ и Адріановъ; л.-гв. 1-го Стрѣлковаго баталіона: штабсъ-капитаны: Скарятинъ и Арсеньевъ и поручикъ Савримовичъ; л.-гв. 4-го Стрѣлковаго баталіона: поручикъ Вильсонъ, подпоручики: Арбузовъ и Адамовичъ и прикомандированные: поручикъ Брофельдъ и прапорщикъ Климовъ; л.-гв. Павловскаго полка подпоручикъ Иващенко 2-й; л-гв. 2-го Стрѣлковаго баталіона поручикъ Вихиревъ; Собственнаго Его Величества конвоя, ротмистръ Скакунъ; л.-гв. Коннаго полка корнетъ Треповъ 2-й, легко.

12-го октября, въ сраженіи у Горнаго Дубняка, л.-гв. Финляндскаго полка:

Убиты: полковникъ Ожаровскій, поручикъ Пороженко; умеръ отъ ранъ командиръ полка генералъ-маіоръ Лавровъ.

Ранены: полковники: Кислинскій и Прокопе 3-й, штабсъ-капитаны: Плешко и Мясниковъ, поручикъ Болдыревъ, подпоручики: Пулиновскій и Воробьевъ 2-й и вольноопредѣляющійся Тагей; легко ранены: полковникъ Строевъ, капитанъ баронъ Функъ 1-й, поручики: Безсоновъ и Львовъ: подпоручики: Пчельниковъ, Ивановъ 2-й и Гершельманъ 3-й и вольноопредѣляющійся Гофенбекъ.

4) Отъ 16-го октября—12-го октября производили рекогносцировку непріятельскаго расположенія за р. Ломомъ шестью отрядами, направленными на Басарбово, Іованъ Чифтликъ отъ Кошавы на Кадыкіой, отъ Табачки на Нисово, отъ Кацелева на Соленикъ и черезъ Церовну на Костанцу.

У Басарбово встрѣчено сильное сопротивленіе, а у Іованъ Чифтлика оттѣснены на правый берегъ турецкіе посты; въ этомъ отрядѣ палъ смертью храбрыхъ Князь Сергій Максиміліановичъ. Пуля попала въ околышъ фуражки, около кокарды и пробила черепъ. Смерть была мгновенная.

У Кошавы переправились черезъ Кара Ломъ, заняли лѣвый берегъ Лома и вели артиллерійскую перестрѣлку съ турками; причемъ у насъ взорванъ одинъ передокъ, въ присутствіи Великаго Князя Сергія Александровича, все время неустрашимо находившагося на батареѣ.

У Нисова оттѣснены турецкіе передовые посты и стрѣлковая цѣпь.

У Соленика произведена тревога въ турецкомъ отрядѣ и цѣлый день прошелъ въ перестрѣлкѣ.

Изъ Церовцы выбиты турецкіе посты и оттѣснены къ деревнѣ Костанца.

Наслѣдникъ Цесаревичъ лично объѣзжалъ передовые посты противу непріятельскаго расположенія. Когда расположеніе и силы турокъ достаточно выяснились, отрядамъ нашимъ приказано было отойти.

Общая потеря наша во всѣхъ шести отрядахъ: четыре офицера и около 300 нижнихъ чиновъ. Почти вся потеря у Басарбова, Іованъ Чифтлика и въ Кошавскомъ отрядѣ.

4) Отъ 17-го октября.—Вчера, 16-го октября, войска гвардіи, подъ начальствомъ генерала Гурко, окружили турецкую укрѣпленную позицію у Телиша, на софійскомъ шоссе, и начали обстрѣливать изъ 72 орудій. Послѣ двухчасоваго бомбардированія, гарнизонъ Телиша, состоящій изъ семи таборовъ пѣхоты съ тремя орудіями, подъ начальствомъ ливы Измаила-Хаки-паши, сдался на капитуляцію и положилъ оружіе; изъ состава его бѣжало не болѣе 300 человѣкъ, остальные въ томъ числѣ самъ паша и болѣе 100 офицеровъ, находятся пока въ редутѣ у Горнаго Дубняка, но будутъ отпущены на свободу. Паша и нѣкоторые офицеры предпочли, впрочемъ, остаться въ плѣну.

Во взятіи Телиша участвовали: 1-я бригада 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, 1-я бригада 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, 2-я гвардейская кавалерійская дивизія и кавказская казачья бригада. Наша потеря во всей пѣхотѣ: одинъ убитый, 15 раненыхъ. Въ л.-гв. Уланскомъ полку, который атаковалъ пѣхоту, ранены: шесть офицеровъ и около 50 нижнихъ чиновъ; въ остальныхъ частяхъ потери еще неизвѣстны, но, во всякомъ случаѣ, ничтожны.

Б. Начальникъ штаба Кавказскаго военнаго округа, изъ Визинкева, отъ 16-го октября, телеграфируетъ:

Отрядъ генерала Тергукасова, преслѣдующій, съ 6-го октября, отступающій по дорогѣ на Эрзерумъ корпусъ Измаила-паши, къ 13-му числу находился у Каракилисы, въ виду аріергарда непріятеля отошедшаго къ этому дню съ своими главными силами къ Зейдекану.

Изъ главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса отъ Тыкмы, 10-го числа, направленъ за Саганлугъ къ Хорасану и Кеприкею особый отрядъ, подъ начальствомъ генерала Геймана.

Телеграммы.

Кельнъ, 13-го октября. «Кельнской газетѣ» передаютъ изъ Рима, отъ 12-го (24-го) октября изъ вѣрнаго источника: «Нѣкоторые кардиналы начали въ Ватиканѣ агитацію, направленную къ тому, чтобъ побудить папу назначить своимъ преемникомъ по папскому престолу Ледоховскаго. Дѣлаемыя въ этомъ направленіи усилія встрѣчаютъ пока препятствія.

«Патеръ Курчи исключенъ изъ общества Іисуса за то, что онъ отказался дать обѣщаніе не развивать болѣе свои политическія воззрѣнія ни публично, ни въ частныхъ бесѣдахъ».

Берлинъ, 15-го октября. Здѣшніе фабриканты приняли заказъ на поставку 150,000 палатокъ для русской арміи въ Болгаріи; работы производятся подъ наблюденіемъ русскаго чиновника и скоро будутъ окончены; въ концѣ будущей недѣли палатки будутъ сданы и начнется отправка ихъ на театръ войны.

Вѣна, 11-го октября. По слухамъ, князь Горчаковъ разослалъ циркулярное письмо русскимъ посламъ при европейскихъ дворахъ. Въ этой нотѣ проводится мысль, что окончаніе войны обусловлено радикальнымъ улучшеніемъ быта христіанъ въ Герцеговинѣ, Босніи и Болгаріи.

—17-го октября. Въ «Politische Correspondenz» телеграфируютъ изъ Константинополя, что султанъ, принимая вновь назначеннаго бельгійскаго посланника Верде, выразился передъ нимъ, что имперія нуждается въ радикальныхъ реформахъ и что онъ, султанъ, преобразуетъ свое государство и введетъ всѣ либеральныя учрежденія, причемъ онъ рѣшился принять за образецъ —Бельгію.

Парижъ, 14-го октября. Слухи объ отсрочкѣ открытія выставки 1878 года, вслѣдствіе оказавшихся, будто бы, замедленій въ производствѣ работъ, ложны. Работы по устройству выставки достаточно подвинулись впередъ, такъ что экспоненты уже теперь могутъ занимать отведенныя имъ помѣщенія.

— 14-го октября. Орлеанисты присоединились къ требованію республиканцевъ о выходѣ въ отставку маршала Макъ-Магона. Они желаютъ, чтобъ президентомъ республики былъ назначенъ герцогъ Омальскій. Между республиканцами и орлеанистами еще не состоялось никакого соглашенія.

— 16-го октября. Газета «Assemblée Nationale» говоритъ, что если сенатъ отвергнетъ требованіе о распущеніи палаты, президентъ республики подастъ въ отставку.

— 17-го октября. Произведенныя вчера 15 перебаллотировокъ дали слѣдующій результатъ: избрано 11 консерваторовъ и четыре республиканца. Общій составъ палаты депутатовъ будетъ таковъ: 320 республиканцевъ и 210 консерваторовъ.

Константинополь, 14-го октября. Отдѣленіе оттоманскаго банка въ Александріи отправило въ Лондонъ, съ разрѣшенія султана, подписанные хедивомъ документы, въ которыхъ хедивъ увѣряетъ, что онъ будетъ ежегодно уплачивать 250,000 фунтовъ по турецкому пятимильонному займу.

Наши гравюры.

По рукамъ, рисунокъ **Е. Андріолли.**

Ей ты, пріятель, что тамъ продаешь;
Лошадь, корову, овесъ или рожь?
Все по карману, все на руку намъ,
Все мы скупаемъ, всѣмъ торгъ мы ведемъ...
Есть кабачекъ тутъ—туда мы зайдемъ
И—«по рукамъ!»

Съ голоду, съ холоду ты продаешь?
Славно! Сходнѣе ты цѣну возьмешь.
Много платить не подъстать кулакамъ.
Нуженъ имъ только дешевый товаръ:
Много запросишь—пропустишь базаръ,
Такъ «по рукамъ?»

Что говоришь ты? Безбожники мы?
Крадемъ у нищихъ гроши изъ сумы?
Ей, не ругайся—поклонишься намъ!
Ну, уступай же скорѣй да не хнычъ!
Вспрыснемъ покупку: съ тебя магарычъ
И—«по рукамъ!»

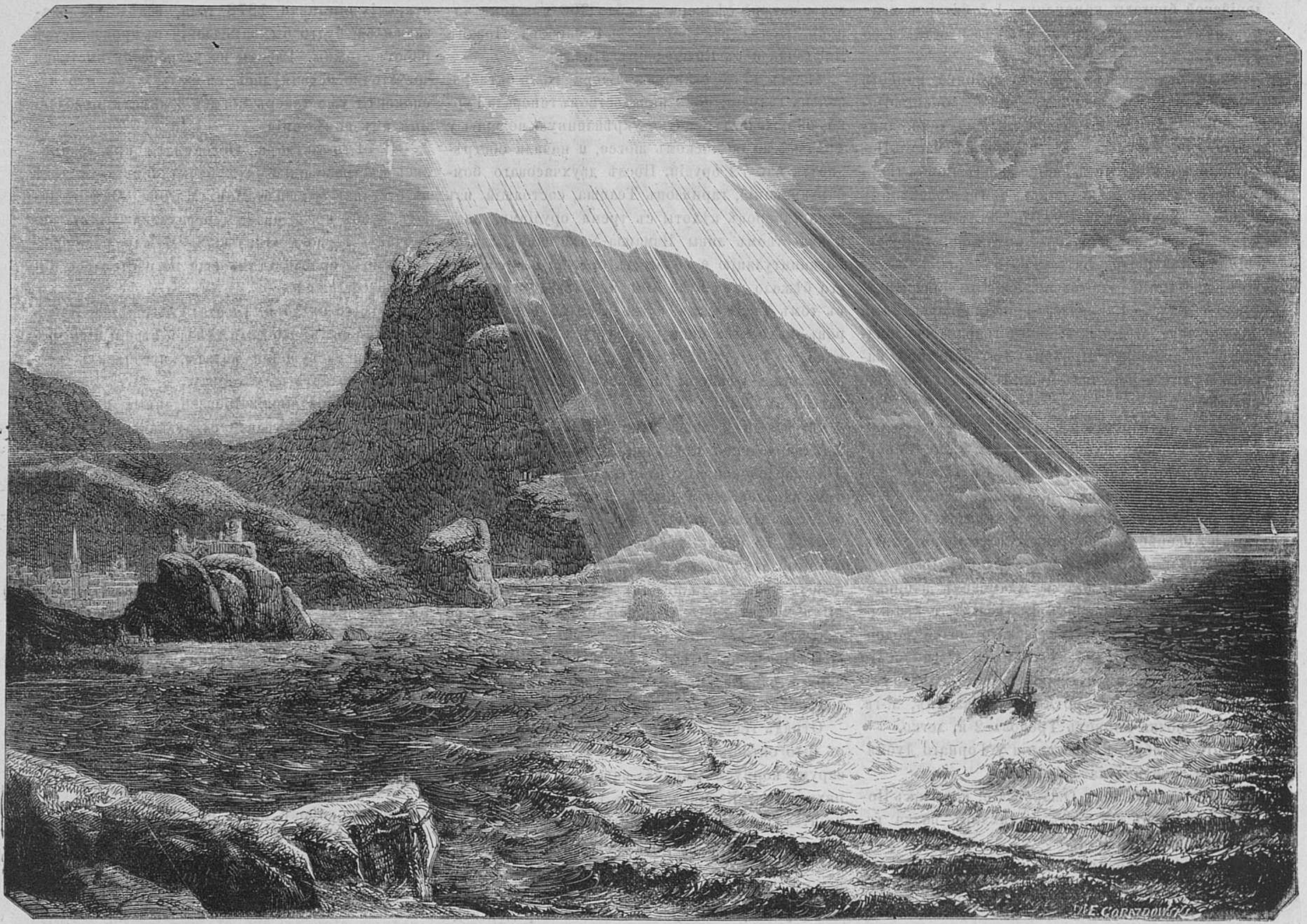
Имянинный обѣдъ.

Имянинный обѣдъ идетъ къ концу, приближается самая торжественная минута: приходится выпить за здоровье виновника торжества и сказать хоть сколько-нибудь складную рѣчь, выразивъ свои пожеланія. Но чего же пожелать имяниннику? Здоровья, богатства, счастія? Все это такъ банально, такъ избито! Нужно придумать какое-нибудь вполнѣ оригинальное пожеланіе—и вотъ именно эта мысль пришла въ голову молодому человѣку, серьезно подсказывающему молодой дѣвушкѣ «чего нужно желать». Ужь не дѣтей ли они пожелаютъ старикамъ?

Ловля рыбы.

Осень. Вода становится уже холодной. Не очень-то пріятно стоять въ ней по колѣно, увязая въ холодномъ илѣ, тинѣ или грязи стараго пруда. Но именно это приходится дѣлать деревенскому мальчугану, посланному управителемъ ловить бреднемъ и сѣтью рыбу въ господскомъ прудѣ. Онъ бродитъ въ водѣ, иззябшій и усталый, вытаскиваетъ сѣть и вся его добыча, весь плодъ его трудовъ заключается въ одной рыбкѣ...

О, когда бъ та маленькая рыбка
Не простой была, а золотою,
И сказала бъ громко мальчугану:



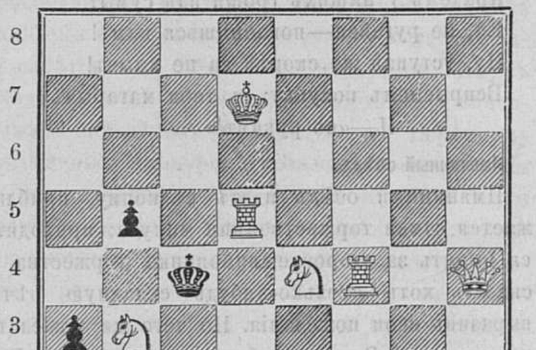
Аю-Дагъ (Къ статьѣ «Спорное побережье № 44 Жив. Обоз.»)

Шахматы.

Задача XXXVIII.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 2 хода.

Черные.



Бѣлые.

Рѣшеніе задачи № XXXVII.

Бѣлые.	*Черные.*
1) E7— —D5 берутъ	1) H2—H1 (королева)
2) E5—E3 †...	2) D3—D4 (a, b).
3) B2—D2 †...	3) D4—C5
4) G5—E4 † и матъ.	
	(a) 1) A5—B6
2) E5—E4....	2) B6—D4
3) D5—B4 берутъ	3) D3—C3
4) B2—C2 † и матъ.	
	(b) 1) D3—D4
2) E5—E6 ...	2) D7—E6 берутъ
3) B2—D2 ...	3) D4—E5 или C5
4) G5—F7 или E6 † и матъ.	

«Отпусти меня скорѣй на волю,
И за эту милость я исполню
Все, чего ты только пожелаешь!»
Закричалъ бы, хлопая въ ладоши,
Мальчуганъ: «Хочу я жить, какъ старый
Привередникъ нѣмецъ-управитель,
Ничего по цѣлымъ днямъ не дѣлать,
За чужою наблюдать работой,
Чтобъ нигдѣ людишки не лѣнились,
Чтобъ они и сѣяли, и жали,
И гоняли лошадей въ «ночное»,
И смотрѣли за гусями въ полѣ,
И въ прудахъ при мнѣ ловили рыбу
Мнѣ на полдникъ, на обѣдъ и ужинъ».
Но, къ несчастью, рыболовъ-ребенокъ
Въ сѣть поймалъ не золотую рыбку, —
А пискарь какой-то ошалѣлый,
Въ попыхахъ спасаяся отъ драки,
Забѣжалъ въ покрытый тиной неводъ,
Отъ враговъ желая здѣсь укрыться,
И, попавшись въ руки мальчугана,
Оробѣвъ совсѣмъ, лишился чувства...
Смотритъ мальчикъ глуповатымъ взглядомъ
На добычу трудной, долгой ловли,
А ему сердито управитель
Говоритъ: «Бросай скорѣе рыбу
И иди опять скорѣй на ловлю
Иль, глупецъ, ты думаешь, что нуженъ
Мнѣ какой-нибудь пискарь на ужинъ?»

Вѣшаніе болгаръ турками.

Болгарія, почти во всѣ войны Россіи съ Турціей, служила ареной, на которой происходила борьба. Понятно, отсюда, критическое положеніе болгарскаго народа, но никогда оно не было такимъ тяжелымъ, какъ въ настоящую войну, начатую прямо съ цѣлью освобожденія болгаръ изъ-подъ турецкаго ига. Не говоря уже о племенныхъ и религіозныхъ симпатіяхъ болгаръ къ русскимъ, не могутъ же они не относиться сердечно и искренно къ своимъ избавителямъ? Болгары вездѣ съ энтузіазмомъ встрѣчаютъ русскихъ, что, конечно, не можетъ нравиться туркамъ... Но, по обстоятельствамъ войны, русскимъ войскамъ иногда приходится оставлять разъ занятую мѣстность и въ этихъ-то случаяхъ разыгрывается ужасная кровавая драма. Турки приходятъ въ мѣстность, оставленную русскими, и начинается безчеловѣчная расправа. Одинъ изъ подобныхъ варварскихъ эпизодовъ изображенъ на нашей гравюрѣ. Вина подвергаемыхъ казни болгаръ состоитъ въ томъ, что они не отвертывались отъ русскихъ солдатъ, проходившихъ чрезъ ихъ городъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи. Капитанша Кваповская (продол.).—Чортовъ волосъ (продолж.). — Нечеловѣческая месть (продол.). — Стихотвор. «Вечеръ». — Знаменитыя отравительницы. — Обо всемъ. — Новости наукъ и жизни. — Смѣсь.—Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій.—Телеграммы.—Наши гравюры.—Шахматы.

Гравюры: По рукамъ.—Имянинный обѣдъ. — Ловля рыбы.—Вѣшаніе болгаръ.—Плевно и его окрестности.—Аю-Дагъ. (Къ статьѣ «Спорное побережье» въ № 44 Жив. Обозр.)

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 22 Октября 1877 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Гос Публичная б-ка в Ленинграде

№ 44 Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода—4 р. 50 к. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 30 Октября 1877 года. Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Троицкій переулокъ, домъ № 27/1. Годъ V.

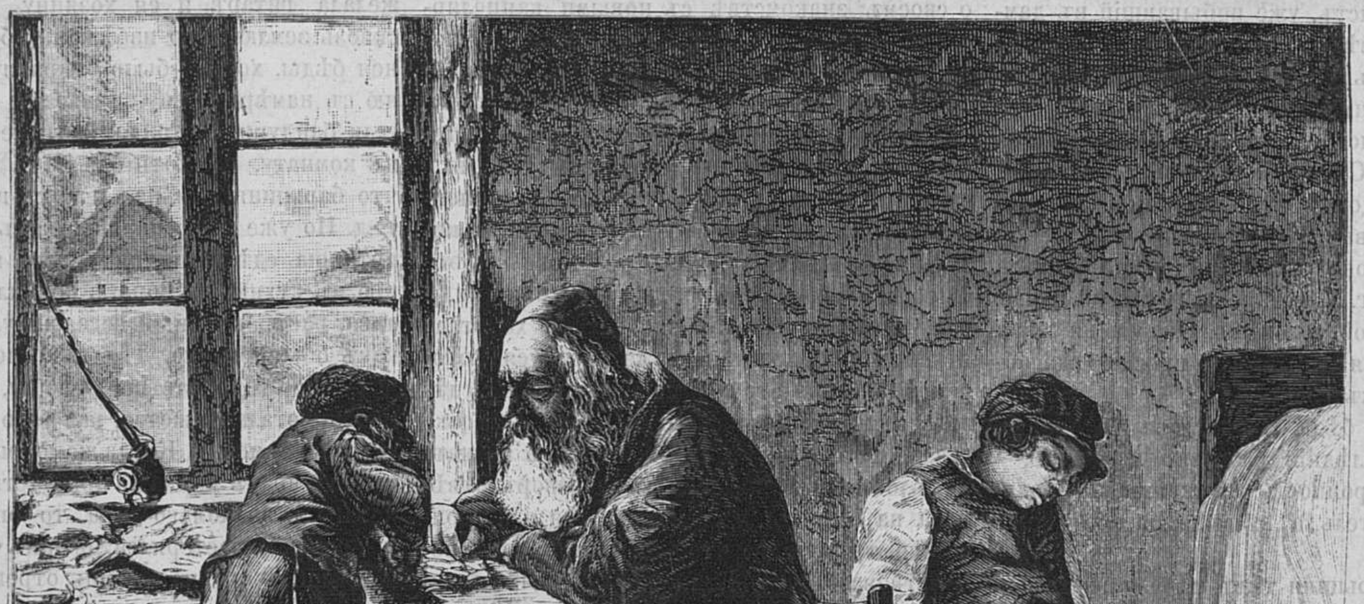
Подписка на „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ 1877 г. продолжается.

Въ 1877 году журналъ выходитъ **еженедѣльными** нумерами (въ годъ 52 нумера), иллюстрированными множествомъ художественныхъ гравюръ. Всѣ подписчики получаютъ, въ **видѣ премій**, ежемѣсячное приложеніе подъ заглавіемъ «Жизнь и Хозяйство», со множествомъ рисунковъ. Годовымъ подписчикамъ разсылаются слѣдующія преміи: большая гравюра **„Продажа амулетовъ“**, снимокъ съ картины проф. **Генриха Семирадскаго**, на толстой веленевой бумагѣ, длиною одинъ аршинъ, шириною 12½ вершковъ, и **Карта театра военныхъ дѣйствій въ Европейской и Азіятской Турціи.**

Годовая подписная цѣна журнала, съ достав. и перес. 7 руб., безъ перес. и доставки—6 руб.; на полгода: (съ 1-го іюля), съ пересылкою—4 р. 50 коп., безъ перес.—3 руб.

Подписка продолжается. Новые годовые подписчики получаютъ журналъ съ перваго нумера.

Въ началѣ ноября мѣсяца гг. подписчикамъ журнала будетъ разослана **ПРЕМІЯ**—иллюстрированная драма **„Марко Фоскарини“**, К. Залѣвскаго,—въ переводѣ **Омулевскаго.**



Еврейская школа.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1878 ГОДУ
ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

Иллюстрированный журналъ **„ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“** издается еженедѣльно въ форматѣ **большихъ иностранныхъ иллюстрацій** не менѣе двухъ листовъ въ каждомъ нумерѣ по слѣдующей программѣ:

1) Романы, повѣсти, разсказы, очерки и біографіи. 2) Драмы и драматическія сцены. 3) Поэмы, сказки и мелкія стихотворенія. 4) Иллюстрированныя путешествія. 5) Этнографическіе очерки. 6) Статьи научнаго содержанія. 7) Новости изъ области наукъ и искусствъ. 8) Телеграммы. 9) Смѣсь. 10) Шахматный листокъ.

Гг. подписчики кромѣ **52** нумеровъ **„ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ“**, получаютъ ежемѣсячное, безплатное иллюстрированное приложеніе **„ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО“**, составляющее большой отдѣльный томъ, заключающій въ себѣ статьи по отдѣламъ: 1) **Гигіены человѣка и животныхъ**, 2) **Сельскаго хозяйства**, 3) **Домоводства**, 4) **Садоводства**, 5) **Огородничества**, 6) **Лѣсоводства**, 7) **Пчеловодства**, 8) **Рыбоводства**, 9) **Овцеводства**, 10) **Птицеводства** и 11) **Разнообразныя практическія свѣдѣнія, кухонные рецепты и наставленія о первоначальной помощи заболѣвающимъ.**

Кромѣ того гг. подписчики 1878 г. получатъ **безплатныя преміи**, состоящія изъ **лучшихъ**, вполнѣ законченныхъ, **беллетристическихъ** произведеній русскихъ и иностранныхъ авторовъ съ **отдѣльными иллюстраціями на веленевой бумагѣ.**

Кромѣ означенныхъ премій, Редакція имѣетъ въ виду разослать въ видѣ преміи картину »Взятіе Константинополя«.

Въ журналѣ **„ЖИВОПИСНОЕ ОВОЗРѢНІЕ“** на 1878 годъ примутъ дѣятельное участіе своими трудами слѣдующія лица: П. В. Быковъ, С. И. Воскресенская, А. Егоровъ, И. Н. Захарьинъ (Якунинъ), С. М. Крапивина, Н. Н. Каразинъ, Н. Б. Куроѳдовъ, Л. Леванда, А. Майковъ, Д. Л. Мордовцевъ. В. И. Немировичъ-Данченко, И. В. Омулевскій, П. И. Пашино, В. Славянскій, К. М. Станюковичъ, Н. П. Стремоуховъ, Н. А. Чмыревъ, В. В. Чуйко, С. С. Шашковъ А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ), Н. В. Шелгуновъ, Н. И. Шульгинъ, г-жа Юрьева и другіе.

Редакція **„ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ“** имѣетъ въ своемъ распоряженіи для печатанія въ теченіи будущаго года романъ Э. Гонкура, разсказы А. Додэ и Э. Золя и статьи Вирхова, Геккеля, Гольцендорфа, Карла Фогта и др.

Сверхъ того предполагается печатать въ теченіи года **иллюстрированныя сказки** Боккачіо (Декамеронъ), въ перев. Н. И. Шульгина, **„Похвальное слово глупости“** Эразма, въ переводѣ А. К. Шеллера (А. Михайлова) и, если позволитъ мѣсто, **„Комическій романъ“** Скарона.

Въ художественномъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться гравюры различныхъ извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, отъ 4 до 8 гравюръ въ каждомъ нумерѣ.

Цѣна безъ доставки и пересылки на годъ **6** р., на полгода **3** р. **50** к., съ доставкою и пересылкою на годъ **7** р., на полгода **4** р.

Подписка на 1878 г. открыта и принимается въ конторѣ редакціи въ С.-Петербургѣ.

Капитанша Кваповская.

Повѣсть **Л. Леванды.**

(*Продолженіе.*)

— А вотъ и моя дочка, рекомендую: Франциска Михайловна, прошу любить и жаловать, — произнесла капитанша съ обворожительнѣйшею улыбкою и фамильярностью, послѣ того, какъ гость успѣлъ уже разсѣсться и перекинуться съ нею нѣсколькими незначительными фразами.

Гость всталъ и размашисто поклонился, какъ семинаристъ, уже побывавшій въ дамскомъ обществѣ, а Франциска зардѣлась до корней своихъ волосъ и стала нервно подергивать своими пунцовыми губками, что должно было исправлять должность поклона и реверанса. Смущеніе дѣвушки росло съ каждою секундою и было тягостно какъ для гостя, такъ равно и для капитанши.

— Да не конфузься, душечка, ободряла ее послѣдяя,—г. Клименко вѣдь сосѣдъ нашъ, стало быть, свой человѣкъ. Она у меня такая скромная, такая робкая, что просто бѣда, обратилась она къ гостю.

— Вовсе не бѣда, Бронислава Антоновна, возразилъ послѣдній развязно и весело,—напротивъ, скромность въ женщинѣ—большая добродѣтель, а въ молодой барышнѣ тѣмъ паче.

Молодая барышня тѣмъ паче конфузилась и краснѣла, незная, куда дѣвать руки и что дѣлать; но молодой человѣкъ ловко подвинулъ ей стулъ, на который она быстро опустилась, кивнувъ ему головою въ знакъ благодарности, такъ-какъ конфузиться сидя какъ-то легче. Капитанша продолжала прервавшійся было разговоръ о погодѣ, что доставляло Франусѣ возможность оправиться и придти въ себя отъ перваго смущенія.

Пришелъ панъ Фердинандъ, котораго капитанша поспѣшила отрекомендовать гостю, какъ своего добраго сосѣда, и сосѣдъ счелъ нужнымъ заговорить о канцелярскихъ дѣлахъ, дабы зарекомендовать себя, какъ стараго служаку, подвизавшагося когда-то на государственной службѣ и которому новые порядки тоже не безъизвѣстны. Онъ говорилъ о контрольной палатѣ, единствѣ кассы и прочихъ канцелярскихъ матеріяхъ, и былъ доволенъ, что гость не будетъ считать его совершенно отставшимъ отъ современности.

Подали самоваръ со всѣми чайными принадлежностями и Франуся, по мановенію капитанши, взялась хозяйничать, что избавило ее отъ непріятности молчать и конфузиться. Капитанша глазами поощряла и хвалила ее за ея расторопность и умѣнье разливать чай и украдкою бросала взгляды на гостя, чтобы убѣдиться, замѣчаетъ ли онъ, какая отличная хозяйка дочь ея. Ей казалось, что онъ замѣчаетъ, но мы знаемъ, что нѣтъ, такъ-какъ онъ весь былъ поглощенъ разговоромъ пана Фердинанда, который послѣ заявленія о своемъ знакомствѣ съ новыми канцелярскими порядками, сталъ разсказывать о порядкахъ старыхъ, въ особенности полицейскихъ, причемъ, онъ вывелъ на сцену прежнихъ полиційместеровъ, частныхъ приставовъ и квартальныхъ надзирателей, ихъ нравы и обычаи, обращеніе съ подчиненными и съ публикою и ихъ способы наживать деньгу. Для молодого человѣка все это было новостью, невѣроятными курьезами, и онъ хохоталъ отъ глубины души, хохотала и капитанша, хохотала даже Франуся, которая, благодаря этому всеобщему хохоту, сдѣлалась смѣлѣе, развязнѣе веселѣе. Она уже стала смотрѣть на гостя прямо, а не изъподълобья, вмѣшивалась въ разговоръ, отвѣчала на вопросы, уже не краснѣя и не конфузясь, тѣмъ болѣе, что она инстинктомъ почувствовала, что Клименко добрый и веселый малый, ну все равно, что ея Юзефъ.

— Эге, у васъ и гитара есть! сказалъ Клименко, который теперь только замѣтилъ сей музыкальный инструментъ въ почетномъ углу.—Кто у васъ играетъ, не вы-ли Франциска Михайловна?

Франциска Михайловна сказала, что нѣтъ, но капитанша ужасно сконфузилась, вспомнивъ аффронтъ, который она получила отъ хозяина гитары и мысленно обругавъ себя, отчего она не догадалась убрать этотъ инструментъ изъ почетнаго угла, дабы изъ разъясненій, кому онъ принадлежитъ, не уронить себя въ глазахъ гостя знакомствомъ съ какимъ-то мѣщаниномъ-прикащикомъ.

— Эта гитара не наша, начала капитанша съ намѣреніемъ, какъ бы поприличнѣе объяснить присутствіе этого мѣщанскаго инструмента въ ея благородномъ домѣ,—ее мимоходомъ оставилъ...

— Одинъ нашъ добрый знакомый, подхватила Франциска, видя, что мать затрудняется заключеніемъ фразы.

Мать бросила на дочь уничтожающій взглядъ, котораго гость, впрочемъ, не замѣтилъ.

— Можно полюбопытствовать? спросилъ послѣдній, направляясь къ почетному углу съ намѣреніемъ снять гитару со стѣны.

— Сдѣлайте одолженіе, сказала капитанша съ притворнымъ добродушіемъ, сама снявъ гитару со стѣны и передавъ ее Клименко. Она въ эту минуту искренно пожелала гитарѣ и ея хозяину провалиться сквозь землю и, во избѣжаніе большей отъ нея бѣды, хотѣла было отправиться на кухню съ намѣреніемъ приказать Мартѣ, что если бандуристъ придетъ, то не пускать его въ комнату, ну, хоть бы подъ предлогомъ, что барышня больна, лежитъ въ постели и т. д. Но уже было поздно: какъ только капитанша сдѣлала одинъ шагъ по направленію въ кухню, на порогѣ появился панъ Холява, расфранченный, веселый, улыбающійся, какъ обыкновенно. Дѣлать было нечего. На развязное привѣтствіе юноши, капитанша пробормотала, кажется, какое-то проклятіе и ушла въ коморку. Когда же юноша замѣтилъ въ полумракѣ комнаты присутствіе какого-то новаго, незнакомаго лица, то онъ опѣшилъ и немножко растерялся; но панъ Фердинандъ поспѣшилъ ему на помощь, отрекомендовавъ его гостю, причемъ, онъ даже солгалъ, назвавъ его своимъ крестникомъ.

Капитанша возвратилась изъ каморки съ зажженною лампою и поставила ее на столъ, вокругъ котораго вся компанія опять заняла свои мѣста. Одинъ только Юзефъ оставался въ глубинѣ комнаты, въ углу, гдѣ онъ присѣлъ на стулѣ и откуда пожиралъ глазами гостя, который показался ему подозрительнымъ въ извѣстномъ ему отношеніи. Сердце его екнуло, затрепетавъ отъ мысли, что сей молодой человѣкъ есть его счастливый соперникъ, женихъ его Франуси. Ибо что онъ здѣсь дѣлаетъ? почему мать и дочь такъ расфранчены? почему такой парадный чай? почему мать ухаживаетъ за гостемъ съ такою подобострастною почтительностью, а дочь не хочетъ даже смотрѣть въ его, Юзефа, сторону? Почему всѣ такъ торжественно молчатъ и замолкли именно тогда, когда онъ, Юзефъ, вошелъ въ комнату? Стало быть, онъ здѣсь лишній, онъ имъ мѣшаетъ, стало быть, его Франуся измѣнила ему, или никогда не любила, а только дурачила его, кружила ему голову, держала его про запасъ, пока не было жениха, а какъ только явился женихъ, такъ она, ни минуты не думая, бросила его, мѣщанина-прикащика. И бѣдный мѣщанинъ-прикащикъ готовъ былъ заплакать отъ стыда, досады и отчаянія, но крѣпился, чтобы не сдѣлаться еще болѣе смѣшнымъ и жалкимъ въ глазахъ своей возлюбленной, на которую онъ такъ надѣялся и въ искреннюю любовь которой онъ такъ свято вѣрилъ! «Вотъ и люби дворяночку! — упрекалъ онъ себя мысленно,—ты думаешь въ сурьезъ, готовъ жизнь свою отдать за нее, а для нея это только развлеченіе со скуки, отъ нечего дѣлать». Но какъ выбраться изъ дома, въ которомъ онъ такъ обманутъ, оплеванъ, съ соблюденіемъ хоть нѣкотораго приличія и своего человѣческаго достоинства? Потому, что хотя онъ и мѣщанинъ, а гоноръ все-таки имѣетъ, и этотъ гоноръ ему даже очень дорогъ, и ронять его никакъ невозможно. Онъ хотѣлъ перекинуться хоть однимъ взглядомъ съ «измѣнницей», прочитать на ея лицѣ, что она теперь думаетъ и чувствуетъ, но измѣнница сидѣла къ нему спиною и глазъ не спускала съ «него», по крайней мѣрѣ, ему такъ казалось. Онъ хотѣлъ тоже взглядомъ спросить у пана Фердинанда, который былъ къ нему всегда ласковъ и который тайкомъ покровительствовалъ его любви, хотѣлъ спросить, все-ли для него уже кончено, но тотъ сидѣлъ и упорно смотрѣлъ на свою дворянскую медаль, точно онъ въ первый разъ увидѣлъ ее въ своей петлицѣ.

Тягостное для всѣхъ молчаніе было наконецъ прервано гостемъ, который, держа гитару на своихъ колѣняхъ, не зналъ, что дѣлать, играть-ли ему или нѣтъ, такъ-какъ онъ замѣтилъ, что хозяйка что-то не въ духѣ.

— Не ваша-ли эта гитара? спросилъ онъ, обращаясь къ молодому прикащику, который сидѣлъ, понуривъ голову и потѣя отъ внутренняго волненія.

— М-моя-съ, промямлилъ прикащикъ какъ-то неестественно и не своимъ голосомъ.

Это мямленіе встревожило панну Франциску, чуткое, любящее сердце которой сейчасъ угадало, что съ ея возлюбленнымъ что-то не ладно, а потому, сидя-же на стулѣ, она сдѣлала полуоборотъ въ сторону, гдѣ сидѣлъ ея Юзефъ, и устремила на него такой взглядъ, въ которомъ можно было прочитать все кромѣ измѣны. Молодой человѣкъ ожилъ, у него отлегло отъ сердца, надежда, хотя слабая, опять блеснула ему.

— Стало быть, вы играете? продолжалъ спрашивать Клименко.

— Царапаемъ немножко, отвѣтилъ молодой прикащикъ уже развязно и весело.

— Какое царапаемъ! вставилъ панъ Фердинандъ.—Вы, Данило Прокофьевичъ, ему не вѣрьте, онъ артистъ, первый въ городѣ гитаристъ.

— Вотъ какъ! удивился Клименко.—Это интересно. Гитара очень неблагодарный инструментъ, но я слышалъ, что есть такіе молодцы, которые умѣютъ дѣлать изъ этого инструмента все, что угодно.

— Ну вотъ сей юноша такой молодецъ и есть, заявилъ панъ Фердинандъ твердо и безапелляціонно. Попросите только, такъ онъ вамъ будетъ выдѣлывать на своей бандурѣ такія штуки, что вы ахнете отъ удивленія, честное слово.

— По незнакомству я просить не смѣю, сказалъ Клименко,—но, признаться, мнѣ очень хотѣлось-бы послушать пана Холяву, потому что хотя я играю на гитарѣ очень плохо, но я большой любитель этого инструмента.

— Юзефъ! безцеремонно закомандовала бравая капитанша,—возьми гитару и не сиди, какъ бука.

Юзефъ повиновался тѣмъ охотнѣе, что онъ самъ хотѣлъ отличиться передъ своимъ соперникомъ и получить пальму первенства хоть бы на гитарѣ. Онъ подошелъ къ Клименко, принялъ изъ его рукъ гитару, сѣлъ опять на свое мѣсто, живо и умѣло настроилъ инструментъ, бойко прошелся по струнамъ въ видѣ прелюдіи, вскинулъ голову вверхъ, отчего его бѣлокурые вихры улеглись въ артистическомъ безпорядкѣ, что очень шло къ его интересному лицу, и царапнулъ арію изъ «Лючіи».

Клименко дѣйствительно ахнулъ отъ удивленія и восторга: онъ никогда не думалъ и не гадалъ, чтобы изъ такого бѣднаго инструмента, существующаго только для аккомпанированія себѣ въ неказистомъ пѣніи, можно было добывать такіе богатые, самостоятельные звуки довольно высокаго регистра, такія нѣжныя, мягкія и сочныя трели, такія staccato, такія фіоритуры помощью однихъ пальцевъ. Онъ не могъ усидѣть на мѣстѣ; онъ всталъ, подошелъ къ гитаристу, всталъ, какъ вкопанный, и пожиралъ его глазами: музыкальная жилка малоросса сказалась.

— Браво! брависсимо! воскликнулъ онъ, когда панъ Холява заключилъ арію бравурною фіоритурою.—Дайте мнѣ пожать вашу руку, вы дѣйствительно артистъ.

— А что? торжествовалъ панъ Фердинандъ, точно панъ Холява былъ его сынъ.

— Что и говорить, отвѣчалъ Клименко, —я въ первый разъ слышу такую игру.

Торжествовала и панна Франциска, которой, разумѣется, очень пріятно было, что ея возлюбленный зарекомендовалъ себя съ такой выгодной стороны. Даже капитанша смягчилась и предложила артисту стаканъ чаю, сообразивъ, что знакомство съ такимъ замѣчательнымъ молодымъ человѣкомъ вовсе не компрометируетъ ея домъ въ глазахъ Клименко.

За аріею изъ «Лючіи» послѣдовали другія пьесы, романсы и пѣсни, въ которыхъ панъ Холява имѣлъ случай зарекомендовать себя и по части вокальной музыки. Онъ рѣшительно сдѣлался героемъ вечера, который начался для него такими зловѣщими предзнаменованіями. Во взглядахъ Франуси онъ теперь читалъ то, что онъ привыкъ въ нихъ читать: любовь и покорность. Дѣвушка нисколько не перемѣнилась къ нему, и онъ мысленно упрекалъ себя, что онъ могъ хоть на минуту усомниться въ ней.

Всѣ подступили къ Клименко, чтобы и онъ что нибудь спѣлъ или съигралъ, такъ какъ всѣ видѣли, что онъ знаетъ и любитъ музыку. Онъ не заставилъ себя долго просить и взялъ гитару....

Вечеринка окончилась весьма благополучно простою, но сытною, закускою, въ которой литовскіе колдуны играли первенствующую роль.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Чортовъ волосъ.

(Фантастическое путешествіе въ Японію.)

Эдуарда Кадоля.

(*Продолженіе.*)

Глава XV.

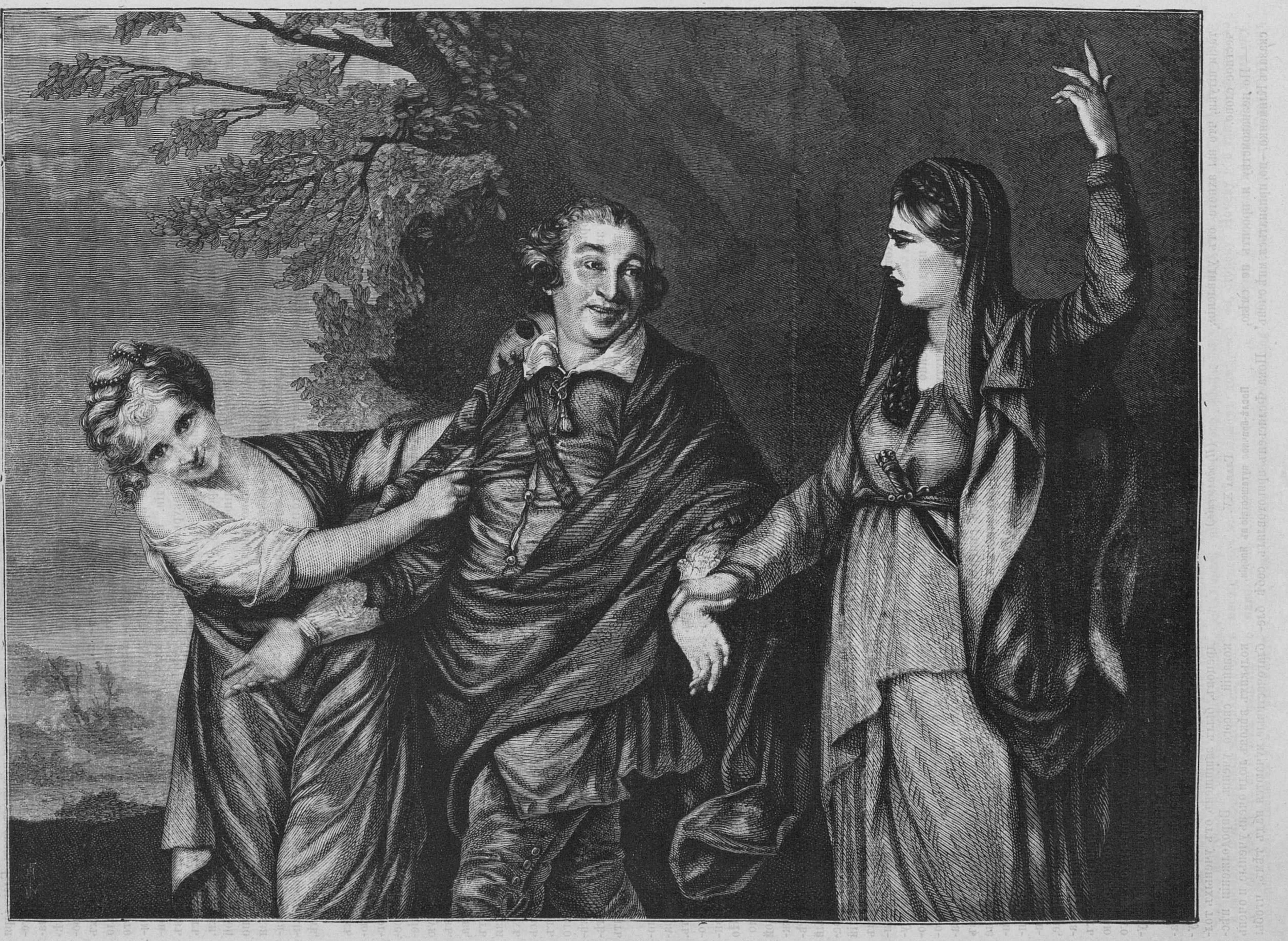
Послѣ-брачное путешествіе въ Японіи.

Пока Фелисьенъ приготовлялъ себѣ блестящее будущее, болѣе разумный и скромный Ландри счастливо жилъ съ своей молодой женой. Такъ-же, какъ и у насъ, въ Японіи богатые молодые на другой день свадьбы отправляются путешествовать. Благодаря щедрости красильщика, Ландри и Коо путешествовали съ большимъ комфортомъ. Сначала они сѣли на лодку въ Іеддо, и объѣхали, не торопясь, всѣ бухты большого острова. Днемъ плыли, вечеромъ причаливали къ какому-нибудь мѣстечку, гдѣ можно было найти даже въ самой послѣдней чайѣ (нѣчто вродѣ нашихъ сельскихъ гостинницъ) комнатку, отдѣльную отъ другихъ, которая приберегается для знатныхъ путешественниковъ и называется жазики. Комната эта бываетъ не роскошная, потому что кромѣ цыновки, въ ней обыкновенно нѣтъ никакой другой мебели. Но Ландри былъ слишкомъ хорошо знакомъ съ обычаями страны, и его нельзя уже было застигнуть врасплохъ. Изъ нанятой ими барки, каждый вечеръ вытаскивали постель, подушки которой, при случаѣ, служили вмѣсто стульевъ.

Въ этихъ гостинницахъ, посѣщаемыхъ преимущественно рыбаками и странствующими торговцами, было безпокойно, и иногда ссора, завязавшаяся по ту сторону перегородки, заставляла опасаться, что ссорящіеся, пьяные, подерутся и, прорвавъ бумажную перегородку, ворвутся въ комнату супруговъ. Но что же дѣлать! эти маленькія неудобства, встрѣчаемыя во время путешествія, имѣютъ свою долю прелести. Молодая чета, не желая стѣснять себя, взяла съ собой только двухъ коскаи (слугъ), одежда которыхъ обошлась молодымъ очень не дорого. У этихъ слугъ ничего не было кромѣ шарфа, обмотаннаго кругомъ бедеръ, соломенной шляпы, да вѣера, который однакожь нисколько не мѣшалъ имъ прекрасно грести и исполнять другія ихъ обязанности.

Объѣхавъ островъ, путешественники покинули море и направились во внутрь страны; здѣсь пришлось иначе путешествовать. Двѣ лошади и одна джюрикишія, родъ носилокъ, везли ихъ пожитки, постель, кухонныя принадлежности и даже провизію. Но все это было взято не отъ того, чтобы молодые опасались не встрѣтить ни одной чайи; въ каждой маленькой деревушкѣ можно ее найти, но потому, что Коо дала обѣщаніе съѣздить къ одному монаху, который жилъ на горѣ, среди лѣса, на вѣтвяхъ дерева. Этотъ монахъ, никогда не покидавшій своего насѣста, былъ какъ бы жрецомъ дровосѣковъ, единственныхъ промышленниковъ въ этихъ глухихъ мѣстахъ. Они рубятъ громадныя деревья, годныя для построекъ и бросаютъ ихъ въ сухое русло потока, ожидая, что послѣ дождей русло наполнится водой и потокъ перенесетъ ихъ въ низменныя мѣста. Эти дровосѣки никогда не забываютъ снести монаху необходимую пищу. Сидя на корточкахъ въ своей неприступной берлогѣ, онъ спускаетъ внизъ на веревкѣ корзинку. Въ нее кладутъ приношеніе, онъ поднимаетъ корзинку, осматриваетъ качество приносимой ему пищи и посылаетъ свое благословеніе сообразно со щедростью жертвователей. Благословеніе этого стараго отшельника, строгаго послѣдователя Конфуція, предохраняетъ отъ невоздержанности.

Но зачѣмъ же красивая и умная Коо ѣхала къ нему. Конфуцій, неболѣе другихъ мудрецовъ, былъ защищенъ отъ ученыхъ толкованій своего ученія. Впродолженіи нѣсколькихъ вѣковъ люди очень ученые и очень благочестивые мучаются надъ тѣмъ, чтобы



Гаррикъ между комедіей и трагедіей.

истолковать его ученіе, потому что въ Японіи, какъ и вездѣ, существуетъ манія читать между строкъ. Казалось бы несравненно логичнѣе думать, что если мудрецъ написалъ какое нибудь поученіе, то онъ хотѣлъ сказать именно то, что написалъ. Но это слишкомъ просто! Изъ поколѣнія въ поколѣніе являются ученые, которые посвящаютъ свою жизнь на то, чтобы объяснять самую ясную аксіому. Они лѣзутъ изъ кожи, желая доказать, что, говоря это, мудрецъ хотѣлъ сказать то-то, то есть очень часто совсѣмъ противуположное. Хорошо еще, если изъ-за такого объясненія не возникаетъ война, во время которой будетъ убито много бѣдныхъ людей, незнающихъ даже изъ-за чего идетъ рѣзня. Послѣ строгаго изслѣдованія ученія Конфуція, было рѣшено, что подъ воздержанностью нужно подразумѣвать не только умѣренность въ пищѣ и въ питьѣ, но также скромность всевозможныхъ желаній, и что благословеніе благочестиваго коментатора ученія Конфуція помогаетъ не только самообузданію, но даже имѣетъ силу уменьшать требованія другого. Такимъ образомъ, должники приходили молиться о томъ, чтобы кредиторы ихъ довольствовались самой малой уплатой. Хорошенькая Коо имѣла болѣе трогательную мысль; она желала, чтобы мужъ ея не требовалъ отъ нея счастья, большаго, чѣмъ она могла дать ему и довольствовался бы той дозой любви, на которую она была способна.

Ландри не считалъ себя вправѣ отказать ей въ этомъ и они поѣхали по почти непроходимымъ дорогамъ. Ландри ѣхалъ верхомъ на лошади вслѣдъ за проводникомъ. Сзади него ѣхала Коо. Она сидѣла въ легкомъ бамбуковомъ канго, походившемъ на клѣтку. Онъ висѣлъ на палкѣ, концы которой лежали на плечахъ двухъ носильщиковъ изъ братства минзогосовъ.

Нашимъ путешественникамъ оставалось неболѣе двухъ дней путешествія до того священнаго лѣса, въ которомъ жилъ отшельникъ. Обстоятельства болѣе благопріятствовали имъ, чѣмъ въ поѣздкѣ по морю, и они обѣдали уже не на постояломъ дворѣ, но въ настоящей гостинницѣ, первоклассной атоіа города. Городъ этотъ былъ главнымъ городомъ одной изъ императорскихъ провинцій, губернаторъ которой дайміосъ, принадлежавшій къ старой аристократіи, отчасти освободилъ себя отъ власти тайкуна. Заперлись въ своемъ феодальномъ сиро (родъ укрѣпленнаго замка), построенномъ на горѣ, крутые скаты которой могли легко выдержать самую правильную осаду, и благодаря единству убѣжденія его вассаловъ съ населеніемъ дровосѣковъ, искусно владѣющихъ топорами, губернаторъ могъ сохранить относительную независимость.

Въ первый разъ Ландри пришлось испытать обращеніе съ собой, какъ съ тупжу, то есть съ иностранцемъ, что равносильно врагу. Но когда узнали, что онъ женатъ на японкѣ, общее нерасположеніе къ нему тотчасъ же смягчилось; а когда стало извѣстнымъ, что онъ ожидаетъ прибытія большого багажа, ему сдѣлали очень радушный пріемъ.

Молодые, должны были оставить за городомъ обѣихъ лошадей, канго и джурикишію, случилось это потому, что они пріѣхали почти ночью, а чтобы проникнуть въ городъ, нужно было перейти по мостамъ безъ всякаго признака перилъ черезъ два источника, изъ которыхъ одинъ билъ громаднымъ каскадомъ. Они перешли съ помощью одного монго, оставивъ коскаи стеречь ихъ поклажу.

Отлично устроившись и роскошно поужинавъ, они провели вечеръ на галлереѣ гостинницы. Ландри смотрѣлъ на звѣздное небо, а его молодая жена пѣла ему національныя пѣсни, акомпанируя себѣ на готто, родъ арфы, которая кладется во время игры плашмя на полъ. Ландри замечтался, и, растянувшись на подушкахъ, полудремалъ, какъ вдругъ незнакомый голосъ заставилъ его вскочить.

— Ландри, говорилъ этотъ голосъ, мой добрый Ландри, твой другъ дѣлаетъ глупости, въ которыхъ послѣ горько раскается. Любишь-ли ты его еще на столько, чтобы попробовать выпутать его изъ бѣды?

Молодой человѣкъ сѣлъ на постель, протеръ себѣ глаза и оглядѣлся. Его молодая прелестная жена спала. Съ другой стороны никого не было видно. Кто же говорилъ? кто позволилъ себѣ назвать его «мой добрый Ландри»? Не бредила ли Коо? Онъ уже готовъ былъ остановиться на этомъ предположеніи, но когда глаза его привыкли къ темнотѣ, онъ замѣтилъ напротивъ себя пару золотыхъ очковъ Асмодея. Инстинктивно онъ взглянулъ на свою жену. Она спала, завернувшись въ одѣяло. Несмотря на это, онъ попросилъ чорта снять очки.

— Говорите тише! быстро сказалъ онъ ему.

Кромѣ того, что онъ боялся помѣшать Коо спать, онъ не желалъ, чтобы она увидѣла его бесѣдующимъ съ чортомъ.

— Покажитесь мнѣ, продолжалъ онъ, — я не люблю говорить съ пустымъ пространствомъ, и разскажите мнѣ, что произошло.

Чортъ разсказывалъ долго, такъ какъ у него много накопилось на сердцѣ. Разсказъ о каждомъ происшествіи сопровождался упреками Фелисьену.

— Онъ приближается къ кризису, и если дѣло приметъ дурной оборотъ, ему грозитъ гибель, говоритъ чортъ. — Конечно, меня нельзя упрекнуть, что я его не предостерегалъ. Но если катастрофа случится, пусть онъ выпутывается изъ бѣды, какъ знаетъ. Я чувствую себя безсильнымъ помѣшать послѣдствіямъ его ошибокъ.

— Но, сказалъ Ландри, — какая же опасность угрожаетъ ему?

— Опасность въ томъ, отвѣчалъ чортъ, — что этотъ сумасшедшій, спускаясь по роковому скату, можетъ дойти до преступленій. Не смотря на то, что я сдѣлалъ все отъ меня зависящее, чтобы остановить его, сатана обвинитъ меня, что я развратилъ одного лишняго человѣка и приготовилъ ему въ будущемъ дрянного подданнаго. Хотя я буду утверждать, что каждую минуту я старался возвратить его на путь добра и добродѣтели, принуждая его думать болѣе о небѣ, о спасеніи, но мнѣ не повѣрятъ. У меня много могущественныхъ враговъ при дворѣ сатаны. Зависть, блѣдная зависть, употребляетъ всѣ усилія, чтобы искажать мои поступки въ глазахъ моего повелителя и мой кредитъ тѣмъ болѣе падаетъ, что я нахожусь въ отсутствіи. Вотъ гдѣ опасность, мой добрый Ландри, вотъ для чего ты, видя мое безсиліе, долженъ пойти къ своему другу и уговорить его отказаться отъ всѣхъ его бредней.

Конечно, Ландри находилъ безумнымъ, что его товарищъ питалъ теперь надежду сдѣлаться Микадо и жениться на тринадцати женахъ, когда есть люди, которые не знаютъ, какъ отвязаться и отъ одной. Но онъ, не раздѣляя этого послѣдняго чувства, думалъ, что разстаться съ своей женой для того только, чтобы избавить чорта отъ гнѣва властителя ада, будетъ слишкомъ большой жертвой. Если бы дѣло шло о Фелисьенѣ! Но говоря объ опасности, которой подвергался его другъ, Асмодей не опредѣлилъ ее съ точностью. Этотъ кризисъ, о которомъ онъ говорилъ, могъ привести къ несчастью, но не можетъ-ли случиться и наоборотъ. Неотъемлемое свойство каждаго кризиса: два рода его разрѣшенія. Ландри откровенно высказалъ свои мысли бѣдному чорту.

— Такъ суди же самъ, отвѣчалъ Асмодей, — и рѣшай, полезно-ли будетъ твое вмѣшательство.

Сказавъ это, онъ сдѣлалъ какой-то знакъ: пространство мало по малу освѣтилось и глазамъ молодого человѣка представилась слѣдующая картина: Пароходъ съ флагомъ тайкуна гордо разрѣзалъ морскія волны. На палубѣ сидѣлъ тайкунъ; рядомъ съ нимъ принцъ Аки и члены верховнаго совѣта. Они говорили о чрезвычайной мѣрѣ, предложенной Фелисьеномъ. «Конечно, говорилъ Тайкунъ, — совѣтъ хорошъ, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что я слѣдую ему, но не находите-ли вы, что молодой Реформаторъ становится уже слишкомъ важнымъ лицомъ?» При этихъ словахъ, которыя Ландри хорошо разслышалъ, не смотря на разстояніе, онъ поморщился, серце его сжалось. Онъ зналъ характеръ японцевъ. Онъ зналъ на сколько опасно въ этой странѣ возбудить недовѣріе сильныхъ міра сего. То, что онъ услышалъ далѣе, еще болѣе подтвердило его опасенія. Онъ понялъ, что тайкунъ, приводя въ исполненіе планъ, результатомъ котораго, въ случаѣ успѣха, будетъ полное уничтоженіе духовной власти Микадо, все-таки нѣсколько опасался. А въ случаѣ успѣха, не возмутится-ли народъ, привыкшій издавна уважать Микадо, этимъ святотатствомъ? Можетъ быть, нужно будетъ дать ему удовлетвореніе. Вотъ это удовлетвореніе и было найдено. Самое лучшее средство извинить себя передъ взволновавшимся общественнымъ мнѣніемъ въ сдѣланномъ государственномъ переворотѣ, пожертвовать тѣмъ, кто посовѣтовалъ. Такимъ образомъ, тайкунъ уже думалъ о томъ, какъ избавиться отъ Фелисьена по окончаніи революціи.

Видя, что Ландри понялъ все это и начиналъ дрожать отъ страха за друга, Асмодей перемѣнилъ картину. Показалось шествіе арміи по большой дорогѣ. Полки были экипированы, вооружены и организованы по указаніямъ Реформатора. И тутъ также разговаривали о предстоящемъ переворотѣ. Нѣкоторые офицеры позволяли себѣ такія разсужденія, въ которыхъ проглядывало косвенное порицаніе. Солдаты были угрюмы, у всѣхъ виднѣлось тайное отвращеніе насиловать власть до сихъ поръ уаажаемаго первосвященника. Тутъ тоже имя Фелисьена было произносимо тономъ, подтверждавшимъ опасенія Ландри.

Онъ болѣе не колебался. Тучи собирались надъ головой его друга; онъ долженъ его уговорить. Но его жена! Что станется съ его прелестной, доброй Коо? Разстаться съ нею — страшная жертва. Имѣлъ-ли онъ право оставить ее одинокой въ горѣ?

— Не думай объ этомъ, сказалъ Асмодей, — если ты жертвуешь любовью, ради дружбы, я беру на себя избавить твою жену отъ горя и безпокойства. Она будетъ находиться въ безопасномъ мѣстѣ и до тѣхъ поръ, пока ты не возвратишься къ ней, она будетъ спать, какъ теперь.

— Хорошо, вскричалъ Ландри, вставая, — ты мнѣ отвѣчаешь за нее. Идемъ. Долгъ прежде всего.

— Идемъ, отвѣчалъ чортъ со слезами,— ты во многомъ утѣшаешь меня; не смотря на то, что я получилъ массу непріятностей, вслѣдствіе всѣхъ этихъ событій, я сожалѣлъ бы, если бы онѣ не случились, потому что иначе я ве познакомился бы съ тобой.

Говоря это, онъ вышелъ на улицу слѣдомъ за молодымъ человѣкомъ, который изъ опасенія измѣнить свое рѣшеніе, ушелъ не взглянувъ на свою красавицу-жену. Но Асмодей удержалъ его.

— Смотри, сказалъ онъ.

Ландри увидалъ, что строеніе медленно исчезало изъ его глазъ, какъ бы покрываясь туманомъ. Вскорѣ оно совершенно скрылось. Осталось пустое пространство.

— Все осталось на своемъ мѣстѣ, сказалъ Асмодей,—только я сдѣлалъ домъ невидимымъ. Что же касается красавицы Коо, она проснется только по моему приказанію, молодая, свѣжая, еще прекраснѣе и еще болѣе влюбленная.

До города Кіото было далеко. Такъ какъ уменьшать пространство было не во власти Асмодея, то онъ всячески старался облегчить дорогу — дѣлалъ ее болѣе гладкой и устранялъ различныя преграды, встрѣчавшіяся на пути. Ландри все шелъ и шелъ, превозмогая усталость и часто повторялъ:

— Приду ли я во время?

Онъ отдыхалъ очень мало въ самыхъ скромныхъ гостинницахъ, и продолжалъ свой путь даже ночью, не смотря на темноту. Правда, что Асмодей облегчилъ его предпріятіе. Благодаря дьявольскому могуществу, онъ сдѣлалъ свѣтящимися зрачки молодого человѣка. Все, на чтобы тотъ не смотрѣлъ, ими освѣщалось. Ночью глаза его сверкали, какъ у хищнаго звѣря. Однажды нѣсколько лониновъ, спрятавшихся у входа въ одно предмѣстье, чтобы обокрасть какого-нибудь проходящаго путешественника, убѣжали, какъ безумные, замѣтивъ глаза молодого человѣка. Но Ландри не обратилъ на это вниманія. Желаніе придти прежде, чѣмъ его другъ будетъ въ опасности, дѣлало его нечувствительнымъ ко всему окружающему.

(*Продолженіе будетъ.*)

Нечеловѣческая месть.

Романъ Анри Тесье.

(*Продолженіе.*)

Часть первая.

Глава X.

Наслѣдство.

Нѣкоторые старинные кварталы Парижа сохранили родъ своей автономіи среди общаго, все нивелирующаго прогресса, что придаетъ имъ совершенно оригинальный колоритъ, въ которомъ сливаются буржуазно-провинціальные и надменно-феодальные оттѣнки. Къ подобнымъ обломкамъ прошлаго, еще не развѣнчаннаго муниципальнымъ молоткомъ, принадлежитъ и островъ Сен-Люи, физіономія котораго сохранила всю неподвижность былыхъ дней и успѣла подернуться мирной плесенью, защищающею ее отъ нововведеній.

Сена, окружающая островъ, составила для него какъ бы оплотъ, черезъ который не могутъ перебраться новыя идеи. Ни одинъ парижскій уголокъ не носитъ на себѣ такъ рѣзко клейма старины. Нѣтъ здѣсь и слѣда той шумной и пылкой жизни, которая бьетъ лихорадочнымъ пульсомъ на правомъ берегу Сены. Нѣтъ здѣсь задорныхъ бульваровъ, нѣтъ сверкающихъ роскошью магазиновъ, нѣтъ блестящихъ кафе.

Тишина,—тишина во всемъ и вездѣ! Улицы узкія и мрачныя, съ выбоинами, напоминающими беззубую челюсть археолога; высокіе дома съ какою-то леденящею внѣшностью; сказочныя палаты, поросшія мхомъ и съ треснувшею обшивкой; и среди такой обстановки,—туземцы, какъ бы сами дивящіеся тому, что они не утратили еще способности передвиженія, и напоминающіе своею угловатостью маріонетокъ. приводимыхъ въ дѣйствіе чужою рукою. Ни звука, ни воздуха, ни свѣта,—царство старья! Нѣчто вродѣ жилища ископаемыхъ существъ, получившихъ даръ говорить и ходить, сопровождая свои движенія позвякиваніемъ костей...

Таковъ островъ Сен-Люи, на который мы приглашаемъ теперь читателя.

На набережной Анжу, выдѣляясь мрачнымъ силуэтомъ на сѣромъ фонѣ неба, стоитъ старинный отель. Передній фасадъ его отдѣленъ отъ улицы дворомъ, углы котораго поросли травою. Направо находятся службы; налѣво тянутся обширныя конюшни,—красивое зданіе съ стрѣльчатыми окнами и выстланное внутри прекрасными крейльскими плитами. Мѣста здѣсь довольно и на десятокъ лошадей, но въ стойлахъ стоятъ только два рысака, довольно хорошихъ статей. Они тщательно прикрыты попонами съ вензелемъ К подъ графской короною. За конюшнями видѣнъ сарай, въ которомъ находятся: маленькая карета, фаэтонъ и широкое ландо. Наконецъ, въ глубинѣ двора, возвышается самый отель, къ которому ведетъ великолѣпный подъѣздъ съ кованною чугунною рѣшеткой самой тонкой работы.

За этимъ подъѣздомъ открываются сѣни, стѣны которыхъ покрыты старинными ткаными обоями и украшены охотничьими трофеями изъ головъ убитыхъ животныхъ и оленьихъ роговъ. Посерединѣ сѣней начинается монументальная лѣстница, которая ведетъ въ первый этажъ. Поднявшись по ней, посѣтитель входитъ въ библіотеку съ мебелью изъ стараго дуба; обивка и портьеры изъ полинявшаго зеленаго бархата. Судя по стариннымъ и новымъ книгамъ, картамъ, гравюрамъ и нѣсколькимъ хорошимъ картинамъ, можно предположить, что хозяинъ отеля человѣкъ развитой. Небольшая дверь ведетъ отсюда въ спальню, служащую, въ то же время и рабочимъ кабинетомъ, какъ можно судить по ея обстановкѣ. Комната эта большихъ размѣровъ,—высокая, длинная, широкая. Паркетъ затянутъ толстымъ ковромъ. Въ глубинѣ, на возвышеніи изъ нѣсколькихъ ступенекъ, стоитъ кровать съ колоннами, изголовьемъ къ стѣнѣ. По каждой сторонѣ кровати—маленькій столикъ съ лампой. Черный мраморный каминъ украшенъ часами и канделябрами временъ Людовика XIII, художественными бронзовыми статуэтками, раковинами; между прочимъ, видны на немъ японскія издѣлія изъ слоновой кости и малайскій криссъ. У единственнаго окна, освѣщающаго комнату, стоитъ столъ съ шкапиками, заставленный банками, тиглями, ретортами, образцами минераловъ, высушенными растеніями и чучелами животныхъ. Наконецъ, въ серединѣ комнаты, находится овальный столъ, на которомъ, среди книгъ, брошюръ и газетъ, стоитъ глобусъ, къ которому прислонена чернильница съ пукомъ воткнутыхъ въ нее гусиныхъ перьевъ. Возлѣ нея развернутый «Кодексъ», «Токсикологія» Орфила, двѣ англійскія книги, еще одна на голландскомъ языкѣ, и китайскій лакированный подносъ съ чайникомъ, чашкою и сахарницей. И все это собраніе разнообразныхъ предметовъ въ одной комнатѣ, не производило въ ней безпорядка и не загромождало ее, благодаря обширнымъ размѣрамъ. Всюду господствовала величайшая чистота, а характеръ всей меблировки, принадлежавшей къ лучшей эпохѣ возрожденія, свидѣтельствовалъ о вкусѣ хозяина и его любви къ комфорту.

Самъ хозяинъ сидѣлъ въ большомъ креслѣ, прислонивъ голову къ подушкѣ и протянувъ ноги къ яркому огню, пылавшему въ каминѣ. На его плѣшивой головѣ была нахлобучена мѣховая ермолка; длинный халатъ окутывалъ все его тѣло, какъ монашеская ряса, оставляя напоказъ лишь костлявое лицо, покрытое почти мертвенной блѣдностью, и пожелтѣлыя, изможженныя руки.

На колѣняхъ у старика лежитъ книга, но онъ не читаетъ ее. Глаза у него закрыты, что придаетъ страшный оттѣнокъ окружающему ихъ темному пятну. Онъ не спитъ, онъ размышляетъ, и его губы, тонкія, какъ лезвее кинжала, сжимаются, передергиваются, содрогаются, какъ будто въ нихъ однихъ воплощается теперь вся жизнь этого человѣка. Прошло болѣе часа, съ тѣхъ поръ, какъ онъ сидитъ такъ съ закрытыми глазами, не поднимая вѣкъ, не дѣлая никакого движенія. Но, вотъ, послышался на дворѣ звонокъ, тяжелая дверь глухо хлопнула и наступила снова тишина... потомъ кто-то безшумно прошелъ по ковру, покрывавшему весь полъ комнаты, и произнесъ сдержаннымъ голосомъ:

— Графъ, вы требовали меня къ себѣ... Я здѣсь.

Старикъ вскинулъ голову и приподнялъ свои рѣсницы, изъ-подъ которыхъ блестнулъ какой-то тусклый, но сильный лучъ.

— А! Веберъ... Вамъ слѣдовало давно быть здѣсь! Я чувствую себя худо... очень худо, докторъ!

Веберъ придвинулъ стулъ, сѣлъ на него и сталъ щупать пульсъ у больного.

— Да, сказалъ онъ,—пульсъ неровный... кожа суха... Покажите языкъ!... Не хорошъ! Вы худо спали?

— Не засыпалъ ни на минуту!

— Все это должно васъ убѣдить въ необходимости строго исполнять мои предписанія...

Графъ откинулся на спинку своего кресла съ болѣзненною гримасой, сквозь которую проглядывала, однакожь, ироническая усмѣшка.

— Слушайте, Веберъ, сказалъ онъ,—право, не къ чему повторять передо мною ежедневно вашу комедію... Вы все забываете, мой любезный, что вы твореніе моихъ рукъ... Да, мое твореніе... къ сожалѣнію, недовершенное!

— Вы жестко выражаетесь, графъ.

— Я только возвращаю васъ къ дѣйствительности, отъ которой безпрестанно отрываетъ васъ ваша гордость!... Вспомните тотъ день, когда я пріѣхалъ къ вамъ въ первый разъ. Вы были въ такомъ положеніи, что,—сами вы признавались потомъ!—мое появленіе было для васъ манной небесной... Проще сказать, я подарилъ вамъ жизнь, отъ которой вы были готовы отказаться, глупѣйшимъ образомъ, черезъ какія нибудь сутки!

— Это правда, прошепталъ Веберъ.

— И болѣе, чѣмъ жизнь, далъ я вамъ, потому что прибавилъ къ ней богатство! Я угадалъ въ васъ бойца ловкаго и не платящаго дани предразсудкамъ, но, повторяю, я не ожидалъ, что вы въ медицинѣ ничего не смыслите!... Я, сдѣлавшійся врачемъ отъ бездѣлья, изучившій человѣчество и природу подъ всѣми видами и во всѣхъ странахъ, я далъ вамъ то знаніе, котораго вамъ недоставало! Я согласился быть оракуломъ, къ которому вы обращались во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ вашей практики; я создалъ репутацію вамъ, невѣждѣ,—даже болѣе, я сдѣлалъ васъ медицинскою знаменитостью, научивъ васъ средствамъ привлекать толпу... и удерживать ее у себя!

— Я признаю все это! проговорилъ Веберъ со вздохомъ, между тѣмъ какъ зубы его невольно оскалились, какъ у тигра, готоваго броситься на добычу.

Старикъ, сидѣвшій съ полузакрытыми глазами, притворился, что не замѣтилъ этого движенія, и продолжалъ тѣмъ же однообразнымъ голосомъ:

— Изъ этого слѣдуетъ, что вы моя собственность, моя вещь... я сообщилъ уже вамъ часть порученія, которое желалъ возложить на васъ...

— Незначительную часть, замѣтилъ американецъ съ живостью,—до такой степени незначительную, что я не могъ понять ни причины, ни цѣли...

— Орудіе не должно разсуждать! Оно только повинуется! грубо перебилъ старикъ.

Веберъ едва овладѣлъ собою. Кровь его кипѣла, глаза загорѣлись... Но графъ приподнялся, облокотился на ручку кресла и устремилъ на своего собесѣдника такой странный взглядъ, что тотъ подавилъ свою злобу и склонилъ голову.

— Мы поговоримъ теперь о томъ, какъ послужило мнѣ мое орудіе! началъ снова старикъ.—Потолкуемъ сначала о докторѣ. При моей болѣзни, мнѣ слѣдовало бы обратиться къ какому нибудь извѣстному врачу, но у меня на счетъ этого,—какъ и на счетъ многихъ другихъ вещей, — свой особенный взглядъ. Если я не вѣрю въ медицину, то вполнѣ довѣряю природѣ, которой достаточно только не препятствовать. Но я старъ и безсиленъ; о скультировать самаго себя,—слишкомъ тяжелый для меня трудъ; мнѣ требовался *преданный* человѣкъ,—за какую бы то ни было цѣну,—который согласился бы изучать для моего свѣдѣнія мои патологическіе симптомы, слѣдить за всѣми усложненіями гнетущаго меня недуга, и затѣмъ, прописывать мнѣ то, что я прикажу. Вы сдѣлались такимъ человѣкомъ и, съ этой стороны, мнѣ не въ чѣмъ васъ упрекнуть.

— Но къ чему припоминать все это? перебилъ его Веберъ, успѣвшій овладѣть собою.

— Къ чему? Не бойтесь, я ничего не дѣлаю безъ причины!... И такъ, вы мнѣ полезны для діагнозы; вы замѣтили сегодня, что мнѣ необходимо болѣе сильное лекарство, чѣмъ обыкновенно, и вы не ошиблись! Болѣзнь моя дѣлаетъ быстрые успѣхи!... Возрастъ ли мой мѣшаетъ дѣйствію лекарствъ, они ли стали безсильны, но, во всякомъ случаѣ, я не обманываюсь на счетъ своего положенія и чувствую, что мнѣ надо не терять времени, если я хочу насладиться еще послѣднею радостью въ жизни: исполненіемъ того замысла, въ который я посвятилъ и васъ!... Обратимся же къ героическимъ средствамъ, чтобы оживить старыя ножны, которыя отказываются носить въ себѣ мечъ... Пишите, докторъ.

Веберъ взялъ перо и написалъ рецептъ подъ диктовку графа, который перечиталъ его внимательно и потомъ позвонилъ. На этотъ зовъ вошелъ слуга и безмолвно приблизился къ старику. Что за странное существо былъ этотъ слуга. Длинный, худой, высохшій, нѣчто въ родѣ двигающейся щепки, съ рѣзкими, точно ломаными очертаніями лица, какъ бы застывшими въ совершенной неподвижности и рыжими волосами, остриженными въ видѣ щетки! По однимъ только сверкавшимъ глазамъ можно было догадаться, что, подъ этою наружностью куклы—деревяшки, способенъ таиться человѣческій мозгъ...

— Тоби, сказалъ графъ Кольмаръ,—ты сходишь съ этимъ рецептомъ въ аптеку.

Тоби поклонился какъ-то всѣмъ туловищемъ, не сгибаясь, не проронилъ ни одного слова, повернулся и исчезъ.

— А теперь, любезный докторъ, разскажите мнѣ о вашихъ дѣяніяхъ въ сочельникъ, спокойно произнесъ графъ, обращаясь къ своему собесѣднику.

Не смотря на все свое самообладаніе, американецъ измѣнился въ лицѣ.

— Что же? Вы исполнили все? продолжалъ графъ, глаза котораго заблестѣли, какъ у звѣря.—Что нашъ молодой художникъ?

— Умеръ.

— Вы увѣрены въ этомъ?

— Слишкомъ увѣренъ. Арми смертельно раненъ при этомъ... и я долженъ былъ принять мѣры, чтобы онъ не выдалъ насъ.

— Бѣдный Арми! произнесъ старикъ равнодушно.—Вы обезобразили его трупъ?

— Да, отвѣтилъ Веберъ, содрогаясь.

— Это благоразумно... Я подозрѣвалъ, что дѣло не совсѣмъ ладно, потому что Тоби воротился съ раненной лошадью... Рана, впрочемъ, незначительна... Кто же вздумалъ вамъ мѣшать?

— Извощикъ и какіе-то прохожіе; потомъ прибѣжали на шумъ полицейскіе...

— Вы были тутъ же?

— Въ двадцати шагахъ... я послѣдовалъ за экипажемъ и могъ узнать, куда положили Арми.

— Прекрасно!... А у Маньи?

— Все произошло какъ мы ожидали. Я отправился туда черезъ часъ: ресторанъ былъ закрытъ и трупы увезли.

Графъ потеръ себѣ руки, при чемъ онѣ зашуршали, точно листья пергамента.

— А съ старымъ дуракомъ въ улицѣ Дюпюитренъ тоже кончилось хорошо?

— Надо полагать; но я не пошелъ справляться, чтобы не навлечь подозрѣній.

— Я пошлю Тоби. И такъ, въ моемъ личномъ дѣлѣ, все окончилось хорошо... А Эрмина Рейнольдъ?

Веберъ стиснулъ себѣ губы до крови.

— Что до нея касается, проговорилъ онъ, —сорвалось!

Графъ привскочилъ и нагнулся къ нему.

— Это что значитъ? спросилъ онъ.

Веберъ расказалъ все, начиная съ записки и кончая появленіемъ двухъ незнакомцевъ въ самую рѣшительную минуту.

— Что же это были за люди? спросилъ старикъ рѣзкимъ и отрывистымъ голосомъ, совершенно противорѣчившимъ его недавней вялости, и выпрямляясь въ своемъ креслѣ съ энергіей, которой невозможно было предположить въ его дряхломъ тѣлѣ.

— Не знаю.

— Тѣмъ хуже! Не случай же приводитъ незнакомцевъ на помощь молодымъ дѣвушкамъ въ самую роковую минуту!

— Кого же вы подозрѣваете? Полицію?

— Во первыхъ, ее. Она отлично организована въ Парижѣ. Я боюсь, что вы, сами того не замѣчая, не съумѣли скрыть своихъ слѣдовъ.

— Это невозможно. Жаменъ явился ко мнѣ изъ ресторана съ извѣстіемъ объ удачѣ. Согласно вашему приказанію, онъ захватилъ съ собою бутылку, составлявшую единственное вещественное доказательство, и бросилъ ее въ Сену. Сегодня же утромъ онъ долженъ былъ уѣхать въ Марсель, а оттуда въ Геную, гдѣ будетъ ожидать моихъ распоряженій.

— Прекрасно, но помощники вашего Арми? Тоби, по ихъ просьбѣ, высадилъ ихъ въ улицѣ Провансъ, возлѣ стараго Опернаго театра... гдѣ, какъ кажется, они сговорились сойтись съ бѣднымъ малымъ...

— Непріятно, что Арми не могъ прійти къ нимъ.

— Необходимо ихъ розыскать и заткнуть имъ ротъ! Для этого довольно нѣсколькихъ золотыхъ монетъ.

— Что касается Эрмины, любезный графъ, она явилась на свиданіе добровольно и никому не было интереса слѣдить за нею и если наши планы разстроились съ этой стороны, то это произошло отъ роковой случайности!

— Можетъ быть, но я все таки поручу Тоби выслѣдить то, въ чемъ вы не могли удостовѣриться лично. Онъ съумѣетъ; не даромъ же я привезъ его изъ Батавіи!

— Онъ служилъ тамъ сыщикомъ?

— И весьма замѣчательнымъ, докторъ. Но вы сами имѣли случай не разъ убѣдиться въ его способностяхъ... Кстати! Вы позаботились о томъ, чтобы уничтожить всякіе слѣды вашего участія?

— Разумѣется. Выйдя изъ полицейскаго дома, въ которомъ находился трупъ Арми, я отправился на Карусельскую площадь, гдѣ меня ожидалъ Жаменъ. Оттуда я взялъ фіакръ и поѣхалъ къ Низеру, гдѣ подхватилъ одну ночную красавицу и повезъ ее къ Маньи. Какъ и слѣдовало предполагать, насъ не впустили, и мы отправились назадъ, въ кафе Ришъ, гдѣ я ловко успѣлъ сказать нѣсколькимъ пріятелямъ, которыхъ тамъ встрѣтилъ, что мы съ этой особой шатаемся уже три часа по разнымъ кафе; потомъ, я распростился съ нею, заплативъ ей очень щедро...

— Все это вы хорошо придумали, хотя было бы еще лучше не разсказывать ничего вашимъ знакомымъ. Довольно было только показаться имъ. Впрочемъ, я вообще доволенъ вами; надѣюсь, вы будете довольны и мной!

Онъ сдвинулъ свои густыя брови и продолжалъ, постепенно оживляясь:

— Да, все кончилось по нашему желанію, остается исполнить еще одно... О, это хотѣлось мнѣ совершить лично! Но дьяволъ лишаетъ меня этого высокаго наслажденія! Болѣзнь приковываетъ меня къ мѣсту, между тѣмъ, какъ я отдалъ бы съ радостью всѣ мои послѣдніе дни, за то, чтобы имѣть силу самому разыграть эпилогъ къ той драмѣ, надъ которой я работаю двадцать лѣтъ... Бросить этой женщинѣ въ лицо разсказъ о томъ, что я сдѣлалъ... Напомнить то, что она сдѣлала... *Она*... и наслаждаться ея отчаяніемъ. Но мнѣ приходится удовольствоваться только письмомъ,—которое вы отвезете,—и тѣми разъясненіями, которыя вы передадите ей отъ меня. Впрочемъ, это будетъ имѣть значеніе театральнаго эффекта... и вы обладаете тѣмъ, что необходимо для такого посольства... О, когда она узнаетъ. Но кончимъ сперва съ событіями сегодняшней ночи, а потомъ я уже займусь объясненіемъ вашей роли!

Раздался стукъ въ дверь и Тоби вернулся съ лекарствомъ.

— Тоби, сказалъ ему графъ,—выслушай все, что разскажетъ тебѣ г. Веберъ, и не забудь ни малѣйшей подробности.

Американецъ повторилъ свой разсказъ, поясняя и добавляя его разными частностями. Когда онъ умолкъ, старикъ посмотрѣлъ пристально на своего слугу.

— Ты слышалъ? сказалъ онъ.

— Да, лаконично отвѣтилъ Тоби.

— Какъ по твоему, есть причины къ опасенію?

— Можетъ быть.

— Обсуди же все хорошенько. А теперь, можешь идти!

Тоби поклонился снова, какъ автоматъ, и вышелъ изъ комнаты.

— Что же мнѣ дѣлать теперь для поправленія неудачи съ Эрминой? спросилъ Веберъ, оставшись снова наединѣ съ старикомъ.

Графъ положилъ обѣ свои руки на плечи доктора, пригнулъ его къ себѣ и сказалъ, смотря ему прямо въ глаза:

— Ничего не слѣдуетъ дѣлать. Въ этой семьѣ не умѣютъ прощать... я знаю это слишкомъ хорошо! а вамъ будетъ мудрено не выдать себя. Къ тому же, нечего торопиться. Эрмина, потерявъ своего героя, не захочетъ и слушать о замужествѣ, впродолженіе нѣкотораго времени. Ждите же, пока настанетъ и вашъ день, а я снабжу васъ тѣмъ единственнымъ оружіемъ, котораго вамъ еще не достаетъ. До этой минуты, я судорожно держался за жизнь, потому что рѣшился не разставаться съ нею, прежде чѣмъ довершу предположенную задачу. Благодаря вамъ, задача эта будетъ скоро выполнена и я заплачу вамъ по королевски за ваши услуги!... У меня нѣтъ наслѣдниковъ... Отчего не оставить мнѣ вамъ...

У Вебера помутилось въ глазахъ.

— Признаться, продолжалъ графъ, взглядывая на бюро, стоявшее возлѣ его кровати, —вы уже назначены моимъ наслѣдникомъ, но я не вполнѣ доволенъ своимъ завѣщаніемъ... Теперь, когда я узналъ васъ лучше... я нахожу нужнымъ его передѣлать... какъ только мнѣ силы позволятъ!

— Графъ... я не знаю... прошепталъ Веберъ, сердце котораго сжалось такъ отъ прихлынувшей крови, что онъ боялся задохнуться.

— Полноте! Стоитъ-ли благодарить! Къ тому же, вы еще не знаете тѣхъ условій, которыя я на васъ наложу... за мои милліоны.

«О, подумалъ Веберъ, стараясь потушить невольное пламя, вспыхнувшее у него въ глазахъ, онъ чувствовалъ это,—о, если ты потребуешь отъ меня новыхъ убійствъ, я убью... Если только это необходимо для того, чтобы...»

Быстрая, страшная, ошеломляющая мысль пронеслась у него внезапно въ мозгу и заставила кровь застыть въ его жилахъ...— «Графъ сказалъ, что завѣщаніе было тутъ...»

Веберъ рѣзко поднялся съ мѣста, какъ бы стараясь стряхнуть съ себя ужасное навожденіе, начинавшее овладѣвать имъ и прошелся по комнатѣ.

— Что, докторъ, воскликнулъ своимъ ѣдкимъ голосомъ графъ,—не правда-ли, мысль о богатомъ наслѣдствѣ открываетъ тотчасъ же новые горизонты?...

Американецъ почувствовалъ, какъ бы ударъ молотомъ. Онъ опустился снова въ кресло и схватился руками за голову. Ему казалось, что этотъ ужасный старикъ читаетъ его потаенныя мысли...

— Не мудрено, продолжалъ Кольмаръ почти весело, но съ тѣмъ же сатанинскимъ выраженіемъ,—послѣ такой ночки, какую вы провели... это способно разстроить нервы... Успокойтесь, милый мой, успокойтесь.

Прошло нѣсколько минутъ въ молчаніи. Наконецъ, графъ, видя, что Веберъ не перемѣняетъ своего положенія, обратился къ нему.

— О чемъ вы задумались, докторъ?

Веберъ не могъ удержаться отъ трепета при новомъ звукѣ этого голоса, но онъ успѣлъ овладѣть собою настолько, что отвѣтилъ, не запинаясь:

— Я думаю о томъ, графъ, что, благодаря всѣмъ этимъ происшествіямъ, я не успѣлъ еще и позавтракать.

Графъ усмѣхнулся.

— И вы будете очень довольны, если я васъ отпущу подкрѣпить свои силы?... Ступайте, дорогой Петрусъ, ступайте! Кстати, мнѣ остается передумать еще о многомъ, и ваше присутствіе здѣсь будетъ лишнимъ. И такъ, до завтра!... Тоби докончитъ то, что начато вами такъ удачно, и добудетъ намъ послѣднюю, необходимую разгадку... А лишь только мы узнаемъ ее, я объясню вамъ, что еще требую отъ васъ.. Поѣздка въ Мансъ, вотъ и все... и потомъ... вы вполнѣ заслужите то дополненіе къ моему завѣщанію, которое я сдѣлаю сегодня же въ ночь... Прощайте же; до завтра!

— До завтра! отвѣчалъ американецъ, пожимая ледяную руку, протянутую ему старикомъ.

Онъ вышелъ, можетъ быть, машинально бросивъ взглядъ на ту этажерку, въ которой, по словамъ старика, долженъ былъ еще сохраняться остатокъ яда упасъ...

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

* * *

Надъ могилой.

(Къ рисунку Е. Андріолли на стр. 281).

Кто эта женщина, безъ силы,
Въ слезахъ стоящая? Какъ знать!
Жена надъ мужнею могилой?
Передъ крестомъ сыновнимъ мать?...

Не все-ль равно? Въ нѣмой печали
Она поникла головой
И руки блѣдныя упали
На этотъ мраморъ гробовой.

Нѣтъ на призывъ ея отвѣта
И не осушитъ до конца
Никто съ улыбкою привѣта
Горячихъ слезъ съ ея лица.

Съ глубокой грустью въ умномъ взорѣ
Стоитъ съ ней рядомъ вѣрный песъ,
Какъ будто самъ онъ съ ней все горе
Утраты страшной перенесъ.

И то сказать, какъ стражъ безмолвный,
За всѣмъ слѣдилъ, все понялъ онъ —
И взглядъ больного грусти полный,
И ею заглушенный стонъ.

Хозяинъ умеръ,—нѣжно руки
Другъ безсловесный ей лизалъ,
Какъ бы страшась, что часъ разлуки
И съ нею для него насталъ.

Но не открылась ей могила
Ударомъ рока-палача
И знаетъ Богъ, когда уныло
Она дотаетъ, какъ свѣча....

И все же есть у ней отрада:
Извѣстно ей, что прахъ родной
Лежитъ за этою оградой,
Подъ этой самою плитой;

Что день придетъ и тутъ-же ляжетъ
Она подъ камнемъ гробовымъ,
Гдѣ милый прахъ зарытъ, и свяжетъ
Ее одна могила съ нимъ.

Но чѣмъ утѣшатся въ печали
Тѣ сотни женъ и матерей,
Которыхъ родственники пали
Въ бояхъ среди чужихъ полей?

Быть можетъ, ихъ воображенье
Рисуетъ сценъ кровавыхъ рядъ,
Какъ на поляхъ безъ погребенья
Въ крови ихъ близкіе лежатъ.

Какъ въ непроглядномъ мракѣ ночи
Къ нимъ прилетаютъ стаи птицъ
И, злясь, выклевываютъ очи
Изъ этихъ блѣдныхъ, мертвыхъ лицъ.

И только бѣлые туманы
Надъ ними плачутъ по ночамъ
Да вѣтеръ лижетъ эти раны,
Тревожно воя по полямъ.

Б. Левинъ

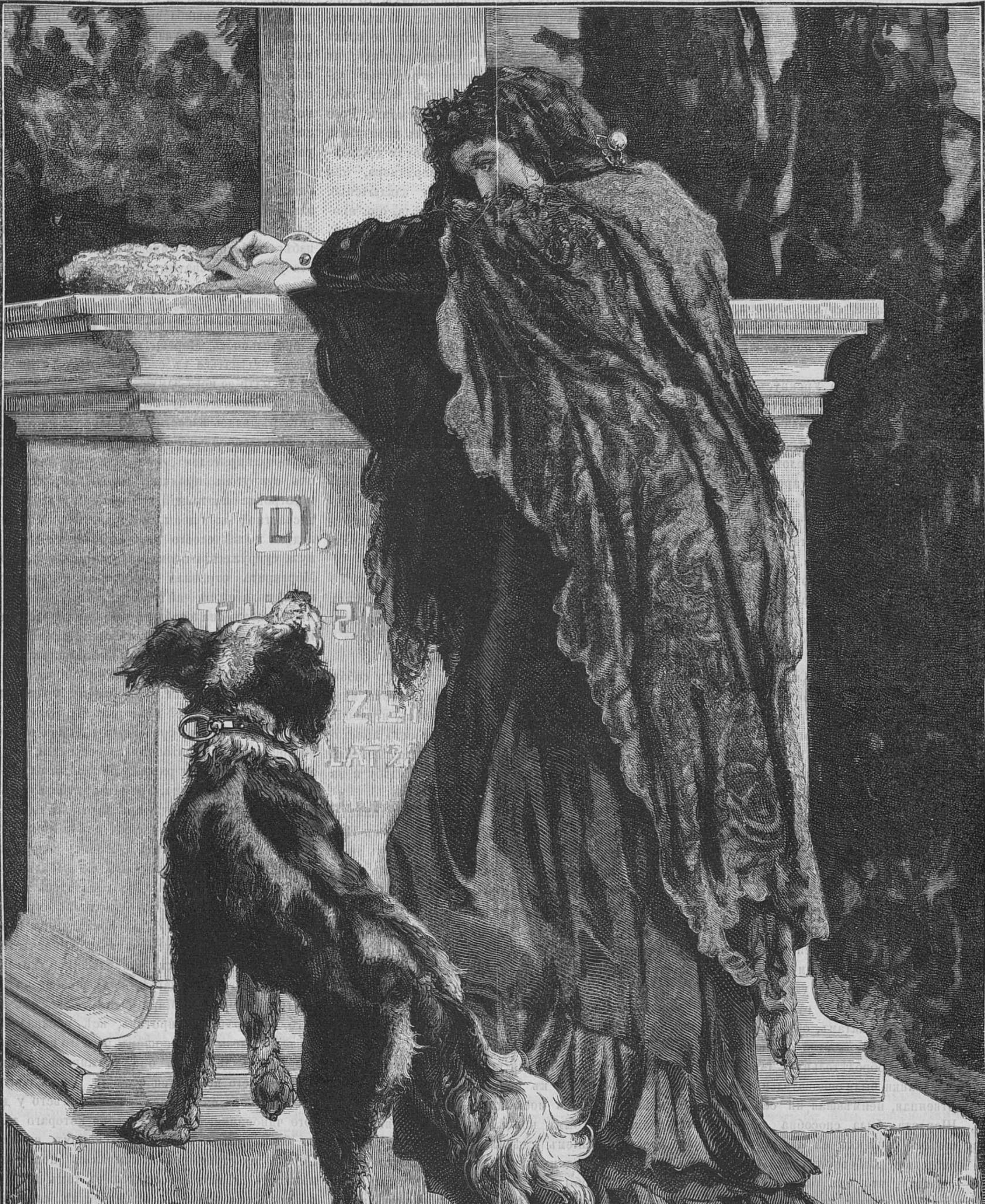
* * *

Знаменитыя отравительницы.

Ст. доктора Пфотенгауера.

II. Шарлота Урсинусъ.

Тайный совѣтникъ Урсинусъ женился въ преклонныхъ лѣтахъ на красивой 19-лѣтней дѣвушкѣ. Онъ былъ человѣкъ очень почтенный и добрый, но сознавалъ самъ, что составляетъ слишкомъ рѣзкую противоположность съ своею молодою женою; супруги жили, однакожъ, въ добромъ согласіи. Шарлота Урсинусъ, женщина развитая и образованная, статная и красивая собою, съумѣла сдѣлать свой домъ въ Берлинѣ центромъ тогдашняго лучшаго высшаго общества. Дѣтей она не имѣла и вступила скоро, съ согласія самого мужа, въ близкія отношенія съ молодымъ Роге, капитаномъ голландскаго флота, жившимъ въ ея домѣ. Этотъ молодой человѣкъ былъ слабаго здоровья; если ему случалось хворать, Шарлота ухаживала за нимъ съ материнскою заботливостью; несмотря, однакожъ, на такую, повидимому, тѣсную дружбу, онъ скоро прекратилъ всякія сношенія съ домомъ Урсинуса, не склоняясь ни на какія просьбы снисходительнаго старика, обидѣвшагося его внезапною перемѣной. Въ скоромъ времени послѣ этого, молодой Роге умеръ; врачи приписали его смерть легочной чахоткѣ. Черезъ три года, а именно въ 1800 г., умеръ и старикъ Урсинусъ загадочной смертью: онъ праздновалъ день своего рожденія, былъ очень веселъ, не жаловался ни на что, но ночью почувствовалъ сильнѣйшія спазмы въ желудкѣ, противъ которыхъ жена его употребила сначала только домашнія средства. На утро были приглашены врачи и объявили положеніе больного безнадежнымъ. По ихъ мнѣнію, старику предстоялъ нервный ударъ, дѣйствительно прекратившій его жизнь черезъ нѣсколько часовъ послѣ этого приговора. Огорченная вдова, скучая въ своемъ одиночествѣ, рѣшилась поѣхать на нѣсколько времени въ Шарлотенбургъ, къ своей теткѣ Она пріѣхала туда въ январѣ 1801 г., съ тѣмъ, чтобы остаться недолго, но нездоровье тетки усиливавшееся съ каждымъ днемъ, заставило племянницу прогостить долѣе, чѣмъ она предполагала. Она усердно ухаживала за больной, страдавшей сильными судорогами, и просиживала большую часть времени у ея постели. Въ ночь съ 23-е на 24-е января страдалица скончалась. Шарлота говорила, что эта смерть до того поразила ее, что внушала


D.
1875
Andreotti.

Надъ могилой.

ей даже мысль о самоубійствѣ... Но необходимыя хлопоты при погребеніи доброй родственницы и при дѣлежѣ ея значительнаго наслѣдства, разогнали черныя мысли, и даже въ такой степени, что Шарлота, возвратясь въ Берлинъ, предалась вполнѣ своему прежнему свѣтскому, разсѣянному образу жизни. 5-го марта 1803 г., ей случилось быть на одномъ вечерѣ. Она сидѣла за партіей виста; вдругъ, къ ней подошелъ слуга и доложилъ ей съ испуганнымъ видомъ, что въ передней находится полицейскій чиновникъ, который настоятельно требуетъ вызвать къ нему ея превосходительство. Нисколько не измѣнясь въ лицѣ, Шарлота положила карты на столъ, извиняясь передъ своими партнерами за невольный перерывъ удовольствія, и обѣщала тотчасъ-же воротиться; она увѣряла, что полиція явилась къ ней, вѣроятно, по недоразумѣнію. Но Шарлота не воротилась, и среди изумленнаго общества распространился слухъ, что она, составлявшая украшеніе высшаго круга, обвиняется, какъ отравительница и посажена въ тюрьму...

Можетъ быть, Шарлота Урсинусъ еще долго считалась бы украшеніемъ общества, продолжая свои преступленія, если бы безнаказанность не породила къ ней безпечности. Случилось, что заболѣлъ ея камердинеръ; Шарлота, какъ добрая госпожа, принесла ему сама тарелку бульона, а на слѣдующій день компотъ изъ изюма. Въ оба раза, больной почувствовалъ тошноту, за которою послѣдовала сильная рвота. На третій день, Шарлота принесла ему новое блюдо: молочную рисовую кашу, а когда онъ отказался отвѣдать этого кушанья, она выбросила кашу въ помои. Больному показалось это страннымъ. Онъ воспользовался первою возможностью, чтобы осмотрѣть всѣ шкапы въ комнатѣ своей госпожи, и нашелъ небольшой бумажный пакетикъ съ надписью: мышьякъ. На слѣдующее утро, сердобольная Шарлота принесла варенаго чернослива; больной принялъ съ благодарностью этотъ новый знакъ ея вниманія, но не дотронулся до ѣды, а отправилъ тайкомъ подозрительную тарелку къ аптекарю, который нашелъ въ черносливѣ мышьякъ. Такимъ образомъ, преступленіе было открыто, только по неосторожности Шарлоты, выбросившей кашу при свидѣтеляхъ. Весь Берлинъ былъ въ волненіи; всѣ толковали о томъ, что «знатная дама, тайная совѣтница, отравила своего лакея!... А если она сдѣлала это, то позволительно было предположить, что она виновна тоже въ смерти своей тетки... можетъ быть, и своего мужа... Почему знать? можетъ быть, и Роге, ея любовникъ, умершій за 6 лѣтъ передъ тѣмъ, убитъ тоже ея рукою...»

Судя по многимъ фактамъ, обнаружившимъ на судѣ истинный характеръ этой женщины, ловко умѣвшей носить добродѣтельную личину, предположенія публики были основательны. Тщеславная, чувственная, неимѣвшая ни сердца, ни совѣсти, Шарлота была способна принести въ жертву самыхъ близкихъ ей людей. Она убила Роге, вслѣдствіе любовной размолвки; своего мужа — потому, что онъ былъ ей противенъ, какъ дряхлый старикъ; тетку — въ надеждѣ получить послѣ нея наслѣдство. Покушеніе на жизнь камердинера остается нѣсколько загадочнымъ, но изъ показаній этого свидѣтеля выяснилось, что онъ, недовольный выговоромъ своей госпожи, хотѣлъ отойти отъ нея; между тѣмъ, находясь довольно долго у нея въ домѣ, онъ зналъ, частью даже отъ нея самой, о ея неоднократныхъ, но тщетныхъ попыткахъ выдти снова замужъ. Она боялась, по всей вѣроятности, что этотъ слуга выболтаетъ ея тайну въ чужомъ домѣ, а что могло значить, въ ея глазахъ, человѣческое существованіе, когда дѣло шло о спасеніи ея самолюбія, и она могла избавить себя отъ непріятности, просто вычеркнувъ человѣка изъ списка живыхъ?...

Если бы Шарлотѣ Урсинусъ пришлось стоять передъ нынѣшнимъ судомъ присяжныхъ, то они, руководствуясь внутреннимъ убѣжденіемъ, признали бы ее, безъ сомнѣнія, виновною во всѣхъ четырехъ подозрѣваемыхъ преступленіяхъ; но судьи того времени, связанные строгостью закона относительно доказательствъ вины, объявили подсудимую невиновною въ смерти Роге и ея мужа. Оставляя ее въ сильномъ подозрѣніи относительно отравленія тетки, и сочтя доказанными попытки ея отравить камердинера, они приговорили ее къ пожизненному заключенію. Шарлотѣ въ это время было 43 года, она прожила въ крѣпости Глатцѣ до 70-лѣтняго возраста, послѣ чего ей было дозволено переселиться изъ крѣпости въ самый городъ Глатцъ. Она сочла нужнымъ отпраздновать свое новоселье блистательнымъ образомъ; не смотря на то, что въ городѣ ее не называли иначе, какъ «отравительницей», большинство приглашенныхъ не замедлило явиться на ея зовъ. Но праздникъ ознаменовался траги-комическимъ происшествіемъ: какой-то шутникъ, желая наказать наглость старухи и отсутствіе всякаго достоинства въ ея гостяхъ, придумалъ подмѣшать въ сахаръ, которымъ былъ облитъ кофейный тортъ, одно медицинское снадобье, сильно дѣйствующее на желудокъ. Можно себѣ представить положеніе посѣтителей, которые, одинъ за другимъ, были вынуждены спѣшить домой, въ отчаянной увѣренности, что они всѣ отравлены...

Шарлота Урсинусъ умерла въ 1836 году, 76 лѣтъ, не сознавшись въ своихъ преступленіяхъ и продолжая утверждать, что она пострадала невинно.

III. Маргарита Цванцигеръ.

Маргарита Цванцигеръ представляетъ собою типъ отравительницы другого закала, чѣмъ маркиза Брэнвилье и Шарлота Урсинусъ, игравшія человѣческою жизнію съ высоты своего аристократическаго величія. Маргарита была плебейка и губила людей, ожесточенная на судьбу и на все человѣчество.

Маргарита родилась въ 1760 году (какъ и Шарлота Урсинусъ). Родители ея жили въ Нюренбергѣ, гдѣ содержали постоялый дворъ подъ вывѣскою «Чернаго Креста». Дѣвочка рано осталась сиротою, выросла безъ должнаго присмотра, получила весьма превратное направленіе, благодаря растлѣвающему чтенію нѣсколькихъ пошлыхъ романовъ, и въ 19 лѣтъ слыла пустой и тщеславной дѣвчонкой. Она понравилась пожилому холостяку и кутилѣ, нотаріусу Цванцигеру, и вмѣстѣ съ нимъ стала вести разсѣянную жизнь, растрачивая отцовское достояніе. Среди безконечныхъ празднествъ, въ которыхъ супруги Цванцигеръ проводили свою жизнь, каждый изъ нихъ воротился къ своимъ прежнимъ привычкамъ: нотаріусъ посвящалъ большинство своего времени грубымъ попойкамъ, а его жена, увлекаясь желаніемъ сдѣлаться героинею романа, бѣжала съ однимъ офицеромъ и развелась съ мужемъ, чтобы потомъ, тотчасъ же по полученіи формальнаго развода, снова обвѣнчаться съ нимъ. Этотъ сговорчивый супругъ скоро умеръ. Въ его смерти трудно подозрѣвать Маргариту; по всей вѣроятности, онъ погибъ, вслѣдствіе невоздержнаго образа жизни; Маргаритѣ не было разсчета ускорять его кончину, которая оставляла ее безъ всякихъ средствъ. Привыкнувъ къ извѣстной роскоши, неспособная честнымъ образомъ заработывать себѣ хлѣбъ, она обратилась сначала къ болѣе легкимъ, хотя и постыднымъ средствамъ существованія, но скоро и они измѣнили ей; она дошла до послѣдней степени нищеты и была вынуждена поступить въ услуженіе. Мечтая, что ея прежнее «благородное» положеніе въ обществѣ возвышаетъ ее надъ массой прочей прислуги, она старалась поступать только въ знатные дома, гдѣ надѣялась стать въ болѣе близкія отношенія съ хозяевами. Нечего и говорить, что она ошиблась въ своихъ предположеніяхъ, и тогда ея уязвленное самолюбіе возбудило въ ней ожесточенную ненависть ко всему обществу. Въ 1805 году она находилась въ Веймарѣ, служанкою въ семьѣ одного камергера, но, проживъ тамъ очень не долго, повздорила съ своими господами и тайно скрылась отъ нихъ, унеся съ собою драгоцѣнную вещь. Вслѣдъ за этимъ, имя Маргариты Цванцигеръ было опубликовано въ газетахъ, какъ имя воровки, что заставило ее принять свою прежнюю дѣвичью фамилію: Шенлебенъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она стала избѣгать большихъ городовъ и искала себѣ мѣста уже не въ знатныхъ семействахъ. Въ 1808 г. ей посчастливилось попасть къ Глазеру, чиновнику въ Байрейтименѣ, жившему врозь съ женой. Несмотря на 48 лѣтъ и крайнюю непривлекательность, Маргарита Шенлебенъ съумѣла такъ поддѣлаться къ своему хозяину, что надѣялась выдти за него замужъ. Единственнымъ препятствіемъ къ этому была его жена и Маргарита рѣшилась извести ее и обдумала свой планъ съ дьявольской хитростью. Выставляя себя ангеломъ-примирителемъ, она стала убѣждать обоихъ супруговъ примириться, успѣла въ этомъ и устроила настоящій тріумфальный пріемъ для несчастной женщины, которая, черезъ четыре недѣли послѣ своего возвращенія, снова покинула супружескій кровъ, но уже лежа въ гробу. Маргарита отравила ее мышьякомъ, который подмѣшала ей въ чай и кофе.

Однакожь она ошиблась въ своихъ разсчетахъ. Вдовецъ не выказывалъ желанія жениться во второй разъ. Тогда Шенлебенъ поступила къ Громану, человѣку еще молодому и здоровому вообще, но изрѣдка страдавшему припадками подагры. Это было ей какъ разъ на руку. Человѣкъ не старый, но требовавшій нѣжнаго ухода во время своего болѣзненнаго состоянія, не долженъ былъ остаться равнодушнымъ къ ея заботливости, думала она. Громанъ, дѣйствительно, выказывалъ ей большую признательность, но ей попались на глаза его письма, изъ которыхъ она убѣдилась, что обольщала себя опять совершенно напрасной надеждой: хозяинъ ея любилъ страстно одну молодую особу, что оставалось тайною для Маргариты. За такую предполагаемую «измѣну», онъ долженъ былъ поплатиться своею жизнью. Незадолго до своей свадьбы, несчастный умеръ въ страшныхъ конвульсіяхъ, которыя были приписаны подагрѣ, кинувшейся на его внутренніе органы. Маргарита осталась внѣ всякаго подозрѣнія; напротивъ, всѣ расхваливали ее за ея слезы по умершемъ и за то неустанное усердіе, съ которымъ она ухаживала за нимъ во время его послѣдней болѣзни. Такая репутація доставила ей тотчасъ же новое мѣсто у другого чиновника, Гебгардта, жена котораго должна была родить въ самомъ скоромъ времени. Передъ преступницей открывалась новая возможность сдѣлаться госпожею въ томъ домѣ, въ который она вступала въ качествѣ служанки. Въ этотъ разъ она рѣшилась дѣйствовать какъ можно поспѣшнѣе, и уже черезъ четыре дня, послѣ своего поступленія къ Гебгардту, она поднесла роженицѣ стаканъ отравленнаго пива. Но это питье вызвало у больной только жаръ, сухость во рту и сильнѣйшую жажду. Тогда Маргарита дала ей снова пива съ болѣе сильной дозой яда. Несчастная жертва умерла на слѣдующій же день, крича: «Меня отравили». Но и эта смерть не возбудила подозрѣній противъ Маргариты. Гебгардтъ оставилъ ее нянькою при своемъ ребенкѣ, и совершенныя ею убійства прошли бы безнаказанно, если-бы она, какъ бы играя опасностью, не принялась отравлять всѣхъ, кто малѣйшимъ образомъ досаждалъ ей. Она доходила, при этомъ, до какой-то безумной дерзости. Такъ, въ сентябрѣ 1809 года, она подала отравленное пиво гостямъ Гебгардта. Всѣ они почувствовали страшныя колики, сопровождаемыя сильною рвотой. По настоянію своихъ друзей, Гебгардтъ отказалъ тогда Маргаритѣ. Она ушла на другой же день, но не прежде, какъ исполнивъ разныя хлопоты по хозяйству: сама насыпала соли въ солонку, говоря, что это приноситъ счастье остающимся въ домѣ, сварила кофе для двухъ служанокъ, даже наложила имъ сахара въ чашку, и накормила молокомъ и сухарями своего маленькаго питомца, осыпая его при этомъ ласками и поцѣлуями.

Но не прошло и получаса послѣ ея ухода, какъ ребенокъ, а за нимъ и обѣ служанки подверглись болѣзненнымъ припадкамъ, совершенно подобнымъ тѣмъ, которые постигли, за день назадъ, бѣдныхъ гостей Гебгардта. Началось слѣдствіе, при которомъ оказалось, что не только солонка, но и весь боченокъ съ солью, находившійся въ домѣ, былъ отравленъ мышьякомъ. Маргарита была арестована въ октябрѣ того же года, въ Нюренбергѣ; въ платьѣ, бывшемъ на ней, нашли нѣсколько пачекъ мышьяку. Процессъ затянулся долго, потому что Маргарита сначала смѣло отрицала свою виновность; наконецъ, она вынуждена была сознаться и была казнена въ сентябрѣ 1811 года.

Для психолога и врача замѣчателенъ слѣдующій фактъ: наканунѣ своей казни, Маргарита выпросила себѣ позволеніе повидаться еще разъ съ слѣдственнымъ судьею, человѣкомъ чрезвычайно гуманнымъ и съумѣвшимъ снискать ея довѣріе; она сказала ему, между прочимъ, что ея конецъ долженъ считаться благодѣяніемъ для людей, потому что, оставаясь въ живыхъ, она не могла бы удержаться отъ новыхъ отравленій.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Атакама и Караколесъ *).

Въ мартѣ 1870 года я былъ выбранъ въ члены учено-промышленной экспедиціи, снаряженной для изслѣдованія залежей гуано и рудоносныхъ пластовъ на боливійскомъ прибрежьи.

Отправившись 8 марта изъ Сен-Назера, уже 23 марта я очутился на Мартиникѣ и, заглянувъ затѣмъ на Санта-Марію, прибылъ, наконецъ, въ Аспинваль, конечный пунктъ желѣзной дороги, перерѣзывающей Панамскій перешеекъ. Дорога эта пробѣгаетъ по живописной мѣстности: огонь и топоръ проложили ей мѣсто среди грандіозныхъ дѣвственныхъ лѣсовъ, поражающихъ непривычный глазъ европейца причудливыми формами тропической растительности. Проѣзжая по берегу рѣки, вы видите, какъ изъ прибрежнаго ила выглядываютъ неуклюжіе алигаторы, не выказывая, впрочемъ, ни безпокойства, ни удивленія при видѣ пыхтящаго паровоза и грохота вереницы мчащихся вагоновъ.

Три съ половиною часа мчались мы на крыльяхъ пара среди сказочныхъ садовъ Армиды, пока, наконецъ, сверкнувшая вдали зеркальная поверхность океана не обнаружила близости Панамы,—другой конечной станціи аспинвальско-панамской желѣзной дороги.

Панама не отличается никакими достопримѣчательностями; даже честь производства шляпъ того-же имени принадлежитъ ей не по праву, такъ-какъ эти шляпы выдѣлываются въ лежащемъ далѣе къ югу Гваяквилѣ, куда мы прибыли нѣсколько дней спустя.

Въ Лимѣ я пробылъ недолго, но не могъ не замѣтить страннаго контраста, представляемаго сочетаніемъ кровно-испанскаго типа жителей и стиля построекъ съ своеобразностью парижскихъ модъ. Здѣшнія щеголихи считаютъ своею священною обязанностью копировать—хотя и позже двумя мѣсяцами—фантастическія затѣи парижскихъ модистокъ, а щеголи съ такимъ же усердіемъ стараются не погрѣшить противъ предписаній портныхъ съ береговъ Сены. Къ счастью, мода не вытѣснила изъ употребленія классической мантильи, которая очень мило гармонируетъ съ смуглымъ лицомъ и черными жгучими глазами красавицъ перувіанокъ.

Не стану утомлять читателя скучнымъ перечисленіемъ портовъ, которые пришлось посѣтить крейсируя далѣе вдоль перувіанскаго прибрежья. Всѣ эти порты довольно однообразны и я былъ очень доволенъ, когда 17 апрѣля мое морское путешествіе кончилось и мы высадились въ боливійскомъ портѣ Кобиха. Городъ этотъ, часто называемый Пуэрто-Лямаръ, служитъ административнымъ центромъ и резиденціею властей прибрежнаго округа Боливіи. Онъ представительнѣе и чище, чѣмъ оставшіеся за нами порты перувіанскаго прибрежья. Жаль только, что его гавань не отличается безопасностью.

Сойдя на берегъ, я былъ пораженъ постройками страннаго вида, которыя оказались фабриками для дистиллированія морской воды и очищенія ея отъ соляныхъ примѣсей. Почти абсолютный недостатокъ прѣсной воды составляетъ истинное несчастіе всего прибрежья и, какъ я впослѣдствіи имѣлъ случай убѣдиться, препятствуетъ разростанію населенія и тормозитъ промышленный прогрессъ страны.

На другой день утромъ мы сочли долгомъ сдѣлать визитъ мѣстному начальнику области, который весьма обязательно предложилъ намъ свое содѣйствіе, и затѣмъ, въ сопровожденіи проводника-туземца, отправились на мулахъ въ Мехильонесъ, откуда мы предположили начать свои изысканія.

Эта первая поѣздка по прибрежью была очень непродолжительна и уже къ полудню слѣдующаго дня мы достигли цѣли нашей первой поѣздки. Этой небольшой экскурсіи было достаточно, чтобы въ совершенствѣ ознакомиться съ печальною природою боливійскаго прибрежья: песокъ, отсутствіе воды, никакихъ дорогъ; кой-гдѣ попадались жалкія, сколоченныя на скорую руку изъ досокъ лачуги поселенцевъ. И это въ сосѣдствѣ съ Потози! Быть можетъ, подъ жалкой лачугой въ нѣдрахъ земли, скрываются баснословныя минеральныя сокровища, до сихъ поръ не вызванныя на свѣтъ божій предпріимчивою рукою рудокопа. Впослѣдствіи, ознакомившись съ краемъ обстоятельнѣе, я уяснилъ себѣ причины, тормозящія развитіе благоденствія этого края, и вмѣстѣ съ тѣмъ нашелъ средства для устраненія существующаго зла, съ осуществленіемъ которыхъ начнется новая эра для матеріяльнаго процвѣтанія этого пустыннаго прибрежья.

Прибывъ на мѣсто, мы были радушно встрѣчены итальянскимъ консуломъ, а на другой день поутру отправились осмотрѣть гуанеросы или залежи гуано, расположенныя на полуостровѣ къ югу отъ бухты Мехильонесъ.

Поселеніе Мехильонесъ не можетъ похвастаться красотою мѣстности и богатствомъ природы. Вообразите себѣ заливъ между двумя безграничными пустынями: съ одной стороны, необъятная гладь океана, не оживленная ни однимъ парусомъ, съ другой—такая же безконечная гладь песчаной пустыни, на которой глазъ не встрѣтитъ ни хижины, ни дерева... По всей вѣроятности, этотъ пейзажъ не особенно прельстилъ моихъ спутниковъ, такъ какъ на слѣдующій день директоръ и члены комиссіи, воспользовавшись уходящимъ отсюда пакетботомъ, отправились въ Вальпарайзо, откладывая свой пріѣздъ еще на мѣсяцъ. Пришлось остаться здѣсь одному, съ тюками химическихъ препаратовъ и приборовъ, и заняться на досугѣ обстоятельнымъ изслѣдованіемъ гуано и мѣстныхъ минераловъ.

Признаюсь, я не ожидалъ такой случайности и съ мрачнымъ сѣтованіемъ встрѣтилъ случай, забросившій меня на это печальное прибрежье. А между тѣмъ, благодаря только этому случаю, здѣсь, въ этомъ уединеніи, въ головѣ моей зародились и созрѣли тѣ идеи и проекты важныхъ промышленныхъ предпріятій, съ осуществленіемъ которыхъ на мѣстѣ этой жалкой деревушки, съ двухсотеннымъ населеніемъ, можетъ появиться большой промышленный центръ боливійской республики, средоточіе цѣлой сѣти желѣзно-дорожныхъ сообщеній, связывающихъ прибрежье съ центральными городами страны, а также съ внутренностью южной Америки, изобилующей баснословными минеральными богатствами и другими, цѣнными въ Европѣ, естественными произведеніями.

Сознаю, однакожъ, что пора объяснить вамъ, на чемъ основываются эти радужныя надежды.

Уже одни природныя качества бухты Мехильонесъ оправдываютъ увѣренность въ возможность будущаго процвѣтанія этого неизвѣстнаго теперь порта. По всему западному прибрежью южной Америки, отъ Панамскаго перешейка до мыса Горнъ, трудно найти болѣе красивый и гостепріимный портъ. Громадная бухта, поверхностью въ 172,495 гектаровъ, не имѣетъ ни одной подводной скалы, ни одного рифа. Защищенная выдающимся полуостровомъ поверхность бухты недоступна морскому прибою, а весьма незначительные приливъ и отливъ измѣняютъ нормальный уровень ея водъ не болѣе, чѣмъ на одинъ метръ. Бури и вихри, громъ и молнія здѣсь совершенно неизвѣстны. Яркая лазурь неба не омрачается тучами и дождь бываетъ явленіемъ чрезвычайно рѣдкимъ. Здѣшніе старожилы помнятъ только одинъ ливень, бывшій въ маѣ 1848 года. Закатъ солнца смѣняется сейчасъ же чернымъ мракомъ ночи и на темномъ фонѣ дивнымъ свѣтомъ зажигаются созвѣздія южнаго неба. Звѣзды, мерцая, отражаются въ спокойной глади залива, теплыя волны его пылаютъ свѣтомъ фосфоресценціи, и наблюдателю кажется, что онъ стоитъ посреди океана живыхъ звѣздъ, при свѣтѣ которыхъ можно читать книгу.

Въ результатѣ двухлѣтняго наблюденія температуры получились слѣдующія среднія:

	Весна.	Лѣто.	Осень.	Зима.
День.	25,°7	27,°6	25,°8	25,°2
Ночь.	16 4	15 9	16 1	14 8

Изъ этихъ цифръ легко видѣть, что среднія температуры зимы и лѣта разнятся лишь на два градуса, но разница въ температурѣ дня и ночи въ однѣ сутки можетъ достигать 9—11 градусовъ. При такихъ климатическихъ условіяхъ уголокъ этотъ могъ бы быть совершеннымъ земнымъ раемъ, если бы не недостатокъ воды и, какъ слѣдствіе этого безводія, полное отсутствіе растительности.

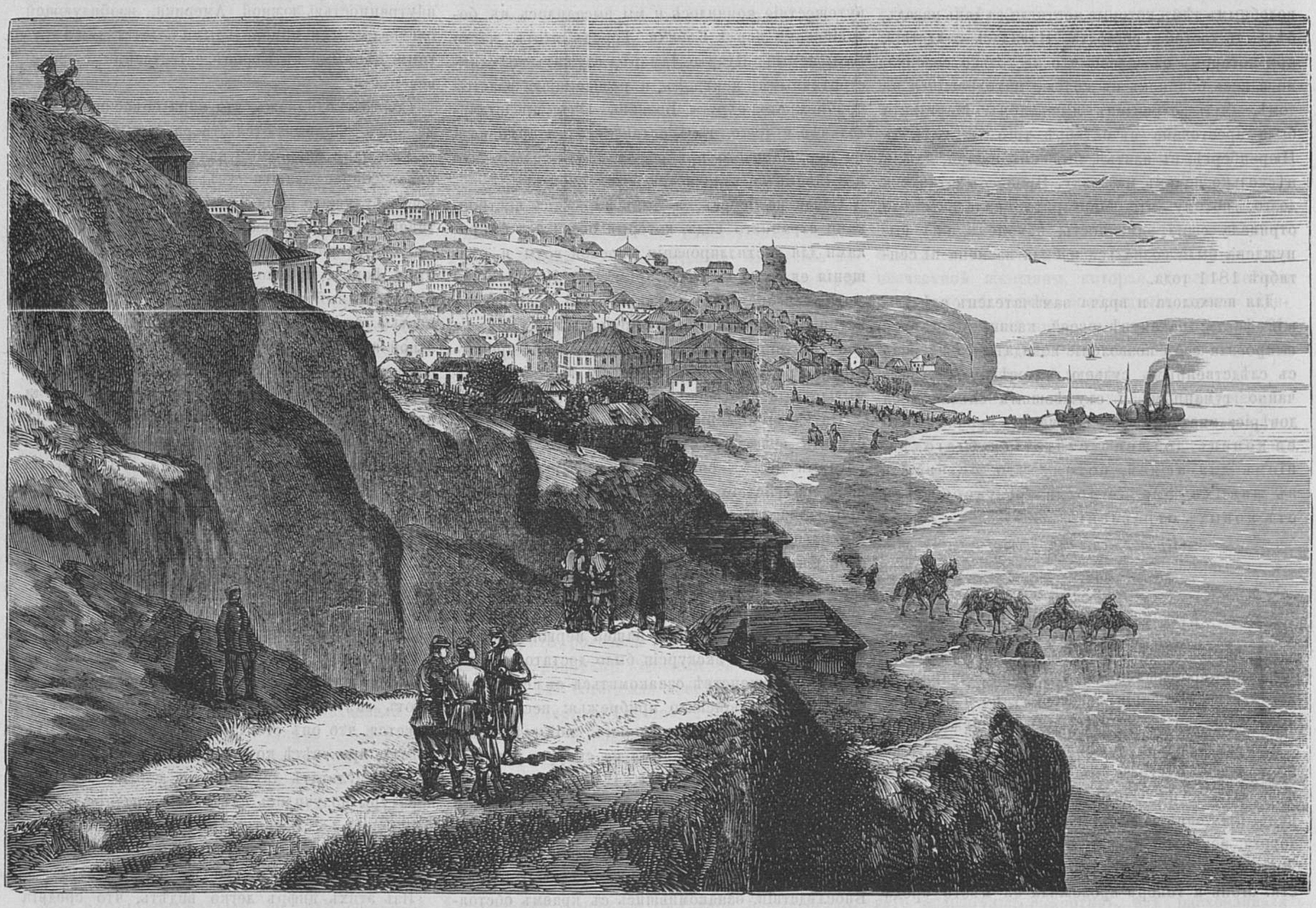
Скромный видъ поселенія плохо гармонируетъ съ грандіозною картиною залива. Дома, по большей части одно-этажные, выстроены изъ необтесанныхъ бревенъ и досокъ. Лучшіе изъ нихъ предварительно строятся въ Вальпарайзо или въ Соединенныхъ штатахъ и затѣмъ, въ разобранномъ видѣ, развозятся по городамъ и поселеніямъ западной Боливіи, сѣвернаго Чили и южнаго Перу. Лучшій изъ домовъ принадлежитъ французу барону де-Ривьеру, который считается истиннымъ основателемъ поселенія Мехильонесъ. Онъ первый сообразилъ выгоды, сопряженныя съ эсплоатаціей гуано, и для этой цѣли выстроилъ удобный деревянный помостъ, выдающійся въ море на 40 метровъ и облегчающій нагрузку и разгрузку кораблей, а также таможенную контору и относительно удобное помѣщеніе для мѣстныхъ властей. Всѣ строенія, какъ я уже сказалъ, деревянныя и одно-этажныя и только домъ, занимаемый консуломъ республики Чили, двухъ-этажный и выстроенъ изъ кирпича.

---

*) Эпизодъ изъ путешествія Французскаго инженера А. Брессона по Боливіи.

Въ Мехильонесѣ, какъ и во всѣхъ поселеніяхъ прибрежья, есть фабрика для дистиллированія морской воды, которая, въ годномъ для питья, видѣ, составляетъ первѣйшій и необходимѣйшій продуктъ мѣстной промышленности.

Изысканія свои я началъ подробнымъ изслѣдованіемъ залежей гуано, покрывающихъ южный полуостровъ. Двѣ трети длины этого полуострова заняты конусовидной горой Морро, имѣющей 2250 футовъ въ вышину. Склоны Морро покрыты громадными вѣковыми пластами помета птицъ.



Систово.

Но такъ-какъ занятія мои немогли ограничиться изслѣдованіемъ одного гуано, а должны были распространиться и на минеральныя богатства страны, то, съ этой послѣдней цѣлью, я принужденъ былъ углубиться въ песчаный океанъ Атакамы,—пустыни, которую по безплодію можно сравнить развѣ съ Сахарой. Эта песчаная пустыня тянется отъ прибрежья Великаго океана вплоть до Кордильеровъ и, благодаря ей, Боливія не соприкасается непосредственнаго съ океаномъ и не можетъ вполнѣ пользоваться его неоцѣненнымъ сосѣдствомъ.

Въ то время я не обратилъ вниманія на тѣ экономическія противорѣчія и неудобства, которыя обусловливаются неблагопріятнымъ устройствомъ территоріи боливійской республики; моя задача ограничивалась минералогическими изслѣдованіями. Не ограничиваясь наружными пластами, я, вооружившись бусолью, фонаремъ и огнивомъ, опускался вглубь полузасыпанныхъ шахтъ и галлерей, обнаруживающихъ слѣды давно заброшенныхъ работъ. Все собранное я отправлялъ на мулахъ въ Мехильонесъ, въ мою импровизированную лабораторію, гдѣ химическій анализъ собранныхъ минераловъ далъ относительно нѣкоторыхъ экземпляровъ весьма многообѣщающіе результаты.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

* * *

Наши ближніе.

IX.

Отецъ—добрый малый.

— Кто это?

Я указалъ Клименко на одну изъ дамъ полусвѣта, входившую въ ложу бель-этажа въ Маріинскомъ театрѣ.

— А, это дочь одного добраго малаго, отвѣтилъ Клименко.—Изъ русскихъ. Она недавно возвратилась въ Петербургъ.... Изъ Ташкента, кажется.... Да вы, вѣроятно, знали и ея отца, и ее. Онъ еще не очень давно былъ талантливымъ артистомъ въ труппѣ Александринскаго театра, играя роли письмоносцевъ, лакеевъ и безмолствующихъ маркизовъ и грандовъ, а она.... да вы ее, можетъ быть, и не замѣчали въ балетѣ, гдѣ она являлась два, три раза въ годъ для украшенія группъ и выдавалась среди кордебалета своими великолѣпными брилліантами... Теперь она нѣсколько увяла, ей уже подъ сорокъ, хотя, какъ видите, она все еще довольно стройна, плечи красивы... Ея фамилія Перова. У нея двѣ сестры числились въ кордебалетѣ, одна въ оперномъ хорѣ съ полгода участвовала и одна три раза въ годъ «гостей» играла въ драматической труппѣ. Онѣ, правда, всѣ не грѣшили талантливостью, но были хороши собой, веселы, бойки и ничего—процвѣтали. Это была цѣлая семья русскихъ .. бабочекъ...

Подняли занавѣсъ; Клименко замолчалъ. Въ слѣдующемъ антрактѣ я спросилъ его:

— Вы знаете исторію этой семьи?

— Знаю ли я ихъ исторію? Еще бы! воскликнулъ онъ, улыбаясь.—Катишь, Пашетъ, Софи, Маруська, Дашурка Перовы—это все были наши увеселительницы, наши милыя спутницы на холостыхъ кутежахъ... Ахъ, молодость, молодость, есть чѣмъ тебя помянуть!

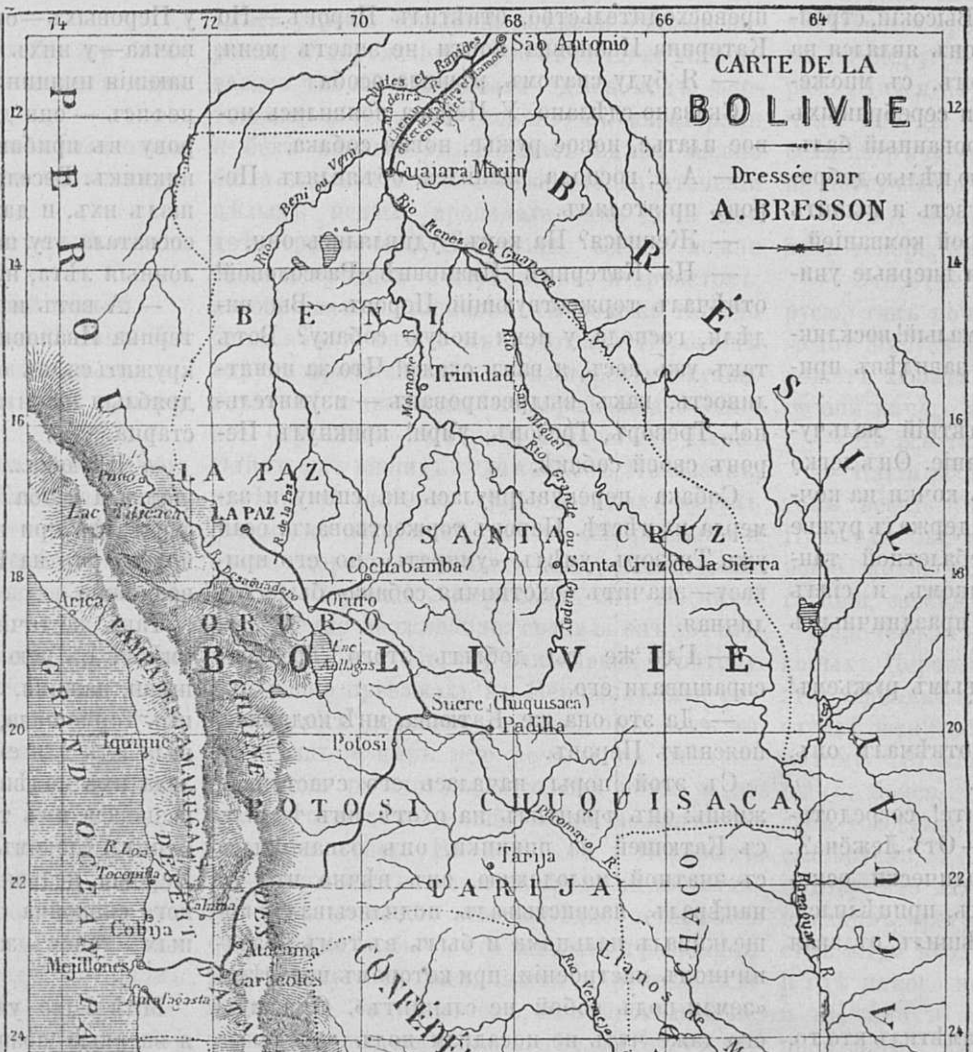
— А исторія ихъ все таки, вѣроятно, не весела, замѣтилъ я.

— Вы ошибаетесь, мой другъ! проговорилъ Клименко.—Это самая веселая изъ веселыхъ исторій. Въ ней нѣтъ ни бурь, ни трагическихъ столкновеній, ни гамлетовскихъ: to by or not to by! Это просто милый водевиль съ канканчикомъ и шансонетками. Все дѣло въ томъ, что у Перовыхъ былъ отецъ—добрый малый, простякъ, весельчакъ, однимъ словомъ, c'était un bon enfant....

Я улыбнулся.

— Но вы все таки раскажите эту исторію? спросилъ я.

— Пожалуй, пожалуй... Я люблю вспоминать молодость... Знаете что, продолжалъ Клименко, смотря въ бинокль на Перову,—мнѣ даже становится нѣсколько грустно, что я вижу теперь Дашурку отцвѣтающею... Я ее давно не видалъ и въ моей памяти такъ и сохранился ее образъ въ видѣ живой, вертлявой, дѣвчонки, умѣющей, приготовляясь къ канкану, шикарно подхватить спереди одною рукою всѣ фалбалы и воланы подола воздушнаго платья и граціозно засунуть большой палецъ другой руки подъ пазуху, гдѣ нѣту даже и признака рукава... А теперь... да, она видимо толстѣетъ, обрюзгла и, должно быть, копитъ деньги... А прежде... Прежде она ничего не берегла, ничего не прятала, ничего не копила... У нихъ откровенность была въ фамильномъ характерѣ... Да, да, уходятъ годы...


CARTE DE LA
BOLIVIE
Dressée par
A. BRESSON
PEROU
BRÉSIL
PARAGUAY
BENI
LA PAZ
SANTA CRUZ
ORURO
BOLIVIE
POTOSI
CHUQUISACA
TARIJA
CONFÉDÉRATION ARGENTINE
GRAND CHACO
CHILI
GRAND OCEAN PACIFIQUE
PAMPA DE TAMARUGAL
São Antonio
Guajará Mirim
Trinidad
Puno
Lac Titicaca
LA PAZ
Cochabamba
Santa Cruz de la Sierra
Oruro
Arica
Lac Aullagas
Sucre (Chuquisaca)
Padilla
Potosi
Iquique
R. Loa
Tocopilla
Calama
Cobija
Mejillones
Atacama
Caracoles
Antofagasta
Tarija
L'ASSOMPTION
Parana
Llanos de Manso
Rio Beni ou Veni
Chutes et Rapides
Trinidad
74
72
70
68
66
64
12
14
16
18
20
22
24
26
Gravé par Erhard

— Прежде чѣмъ я познакомлю васъ съ Перовымъ—отцемъ, я долженъ сдѣлать нѣкоторое «старческое» отступленіе, не безъ ироніи началъ Клименко свой разсказъ о Перовыхъ.—Дѣло въ томъ, что я сердитъ, очень сердитъ на Петербургъ. Въ Петербургѣ теперь кончилась жизнь: теперь это биржа, канцелярія, общее собраніе акціонеровъ, мѣсто наживы, но не мѣсто для жизни и для прожиганія жизни. Вы, мнѣ, пожалуй укажете на золотую молодежь, на кутящихъ адвокатовъ и биржевиковъ. Полноте! развѣ эти люди живутъ? Они заботятся о фальшивыхъ и настоящихъ векселяхъ, они спекулируютъ на биржѣ и въ судебныхъ процессахъ и, между прочимъ, когда удается загрести большой кушъ, просаживаютъ въ нѣсколько минутъ сотую долю изъ того, что успѣли загрести, да и то боятся, что ихъ «обличатъ» за слишкомъ крупный подарокъ какой нибудь заѣзжей коноткѣ или за слишкомъ буйное разбиваніе зеркалъ въ какомъ нибудь петербургскомъ Ташкентѣ... Въ былое время, въ тѣ дни, когда жили Саввы Яковлевы, не такъ жилось: дѣла велись управляющими, а тотъ, кто имѣлъ средства жить, предоставивъ денежные счеты управляющимъ, — жилъ, да вѣдь какъ жилъ — во всю ширь русской дикой натуры... Обличеній же вовсе и не было еще изобрѣтено... Но шутки въ сторону... Въ былое время въ Петербургѣ были и семейная жизнь и мирныя удовольствія развиты полнѣе, вѣроятно, вслѣдствіе того, что тогда еще не было изобрѣтено никакихъ вопросовъ и никто не думалъ не только что о точкѣ къ реформамъ, но даже и о самихъ реформахъ. Знаете, я иногда даже жалѣю, что я поздно родился и засталъ это блаженное время уже на кончикѣ. Теперь, правда, все у насъ въ обществѣ шлифованнѣе, цивилизованнѣе, умнѣе, но.. но... право же, скучно... Вотъ въ тѣ то блаженныя времена въ Петербургѣ процвѣтала, напримѣръ, страсть къ охотѣ да не такая страсть, какъ теперь, когда есть и общества охоты, и серебрянные знаки отличія у любителей охоты, и охотничьи дома, гдѣ есть и мягкія постели, и французская кухня, и вина по прейсъ-куранту, — а страсть настоящая, способная на труды и лишенія. Возьмите хоть театральный міръ: музыкантъ Вихманъ, сынъ извѣстнаго балетмейстера Карлъ Карловича Дидло, знаменитый Яковъ Григорьевичъ Брянскій, театральный арфистъ и учитель всѣхъ молоденькихъ аристократокъ Карлъ Федоровичъ Пауль, нѣмецкій актеръ Федоръ Карловичъ Гёрцъ, безсмертный создатель Репетилова—Сосницкій, все вѣдь это были охотники да еще какіе! И какія охоты устроивались на Кругломъ островѣ, на Трухтанскомъ островѣ, на Баттарейномъ островѣ, на Кирпичахъ, по всему прибрежью отъ Рѣзваго острова за Шереметевскую дачу и сумасшедшій домъ. Бывало снуютъ тамъ челны, бѣлѣются палатки, мерцаютъ костры, мелькаютъ фигуры мужчинъ и дѣтей, слышатся выстрѣлы, говоръ, остроты, смѣхъ. А нынче... на откупленныхъ мѣстахъ запустѣнье, такъ какъ богачи не охотятся, а только откупаютъ мѣста, чтобъ ни себѣ, ни другимъ, а все-таки было бы мѣсто на случай разговора объ охотѣ, а на неоткупленныхъ мѣстахъ только въ воскресные дни идетъ не охота, а пьяная оргія захудалаго гаваньскаго и коломенскаго чиновничества, выѣзжающаго въ праздники ins Gruene и стрѣляющаго по воробьямъ и пичужкамъ... Фи! развѣ это тѣ охоты, о которыхъ весело вспомнить и теперь нашему брату, проведшему лѣтніе дни свѣтлаго своего дѣтства въ этомъ веселомъ кругу истинныхъ охотниковъ? Я, какъ сейчасъ, помню всѣ фигуры тогдашнихъ охотниковъ: я помню непомѣрно толстаго, но ловкаго и легкаго на ходу Пауля съ серебристыми густыми кудрями, съ вѣчно розовымъ лицомъ, съ вѣчными шутками и прибаутками, громко выкрикивающаго: «гопъ-гопъ», окруженнаго приводившими другихъ въ зависть «польскими собаками», плодившимися у него въ большомъ числѣ. Я помню длиннаго, сухого, всегда сосредоточеннаго Гёрца, добродушнѣйшаго изъ добродушныхъ нѣмцевъ, вѣчно что то соображающаго и вѣчно возражающаго всѣмъ и каждому, восклицая: «А — а, батюшка мой, это не такъ!»

Я помню и дамъ, бывавшихъ здѣсь, хозяйничавшихъ въ палаткахъ, какъ дома, и имѣвшихъ видъ походныхъ барынь, которыя не боятся промочить ногъ или сѣсть въ весла въ челнѣ. Всѣ эти люди и селились поближе къ островамъ: кто жилъ въ Волынкиной деревнѣ, кто въ Екатерингофѣ, кто въ Емельяновкѣ. Эти люди составляли своего рода «веселый клубъ охотниковъ», для котораго не существовало никакихъ общественныхъ интересовъ, кромѣ охоты и охоты... Къ сожалѣнію, я, какъ я вамъ уже сказалъ, засталъ эту жизнь «на кончикѣ», когда между компаніей завзятыхъ охотниковъ стали появляться и люди, сдѣлавшіе изъ охоты промыселъ, и люди, которыхъ интересовали болѣе всего охотничьи доспѣхи, зеленые узоры на сѣрыхъ курткахъ и серебряные свистки на красивыхъ цѣпочкахъ... Къ числу послѣднихъ принадлежалъ Перовъ. Высокій, стройный, худенькій и моложавый онъ являлся на охоту всегда во всемъ новомъ, съ множествомъ зеленыхъ шнурочковъ и серебряныхъ цѣпочекъ, точно на костюмированный балъ. На охотѣ онъ считалъ главною цѣлью добродушно пощеголять, хорошо поѣсть и выпить бутылку-другую вина съ доброй компаніей... Какъ сейчасъ помню, когда я впервые увидалъ его.

— А вонъ и нашъ добрый малый! воскликнулъ одинъ изъ охотниковъ, завидѣвъ приближающагося Перова.

Я, тогда еще тринадцатилѣтній мальчуганъ, обратилъ на него вниманіе. Онъ легко и граціозно перескакивалъ съ кочки на кочку, пробираясь къ намъ. Онъ держалъ ружье на отвѣсъ съ граціей кордебалетной танцовщицы, переодѣтой стрѣлкомъ, и сіялъ новизною своего костюма и праздничнымъ видомъ своей физіономіи:

— Ба, ба, ба! опять съ новымъ ружьемъ! встрѣтилъ его Пауль.

— Жена, жена подарила! отвѣчалъ онъ, показывая щегольское ружье.

— А, батюшка мой, покажите! сосредоточенно вытянулъ губы Гёрцъ. — Отъ Лежёна?..

Гёрцъ взялъ ружье, методически осмотрѣлъ его, взвѣсилъ на рукахъ, прицѣлился, прищуривъ одинъ глазъ, и рѣшилъ, отдавая назадъ ружье:

— Хорошая вещь!

— А у васъ добрая жена! замѣтилъ кто то, смѣясь.

— Катя? Катя у меня ангелъ! восторженно отвѣтилъ Перовъ. — Нѣтъ, а вы знаете, господа, у меня опять дѣвочка родилась!

Всѣ почему то разсмѣялись.

— Хорошій стрѣлокъ! замѣтилъ Пауль.

— Это которая у васъ? спросилъ кто то.

— Которая?.. Позвольте... Пашетъ, Катишь, Софи, Маруська, Дашурка, Зина... нѣтъ... Зина, Лёля, Феничка умерли... говорилъ Перовъ, считая по пальцамъ. — Теперь это девятая, Зоя... да, точно девятая...

— Онъ, господа, самъ не знаетъ, сколько послало ему небо дочерей, засмѣялся одинъ изъ собесѣдниковъ.

— Ха, ха, ха, и вѣдь, право, не знаю... Нѣтъ, ей Богу, кажется, девять... то есть было девять, но три умерли, значитъ осталось шесть.

Перовъ говорилъ и хохоталъ, манерно поворачиваясь передъ обществомъ и играя ружьемъ...

Съ этого раза я и узналъ Перова. Это былъ франтикъ, весельчакъ, гуляка, воплощенная безпечность. Онъ получалъ въ театрѣ одинъ изъ низшихъ окладовъ, но жилъ хорошо, одѣвался отлично, покучивалъ съ пріятелями. Изъ какихъ средствъ? спросите вы.

— Моя Катюша такая добрая! говорилъ онъ про свою жену, числившуюся тоже въ штатѣ артистокъ русской драматической труппы.

Женился онъ на ней случайно: ему посовѣтовало одно изъ вліятельныхъ лицъ жениться.

— Вы, молодой человѣкъ, закутитесь, погибнете въ холостой компаніи, вамъ надо бы подумать о женитьбѣ, сказала ему особа отеческимъ тономъ.

— Я, ваше превосходительство, готовъ, отвѣтилъ Перовъ.—Но на комъ же?

— Вотъ на Катеринѣ Ивановнѣ Разсоловой женились бы, дѣвица прекрасная, не нищая, посовѣтовала особа.

— Я съ величайшимъ удовольствіемъ, ваше превосходительство, отвѣтилъ Перовъ.—Но Катерина Ивановна почти не знаетъ меня.

— Я буду сватомъ, рѣшила особа.

Сказано-сдѣлано. У Перова появились новое платье, новое ружье, новая собака.

— А я, господа, женился, объявлялъ Перовъ пріятелямъ.

— Женился? На комъ? удивлялись они.

— На Катеринѣ Ивановнѣ Разсоловой! отвѣчалъ торжествующій Перовъ.—Вы видѣли, господа, у меня новую собаку? Вотъ такъ ужь песъ, я вамъ скажу! Что за понятливость, какъ выдресированъ — изумительно!.. Трезоръ, Трезоръ, умри! крикнулъ Перовъ своей собакѣ.

Собака перекувырнулась на спину и замерла на мѣстѣ. Перовъ торжествовалъ: если ужь Трезоръ умѣлъ «умирать» по его приказу—значитъ «охотничья собака» была отличная.

— Гдѣ же ты добылъ этого Трезора? спрашивали его.

— Да это она же, Катюша, мнѣ подарила, пояснялъ Перовъ.

Съ этой поры началась его счастливая жизнь: онъ франтилъ на охотѣ, онъ ѣздилъ съ Катюшей на пикники, онъ ознакомился съ знатной молодежью, онъ вѣчно что то напѣвалъ, насвистывалъ, подплясывалъ, пощелкивалъ пальцами и былъ въ томъ праздничномъ настроеніи, при которомъ человѣкъ «земли подъ собой не слышитъ». Однажды его даже чуть не посадили подъ арестъ за это праздничное настроеніе, такъ какъ онъ, вспомнивъ какой то эпизодъ изъ своего развеселаго житья, расхохотался на сценѣ въ то время, когда ему нужно было изображать въ пьесѣ мрачнаго и молчаливаго спутника страшнаго злодѣя. Онъ обожалъ свою жену, и надо отдать ей полную справедливость, она тоже очень любила его. Когда кто-нибудь заговаривалъ съ нимъ о ней, онъ говорилъ:

— Катюша у меня добрая!

Когда кто-нибудь говорилъ съ нею о немъ, она всегда заключала на французскомъ языкѣ нижегородскаго жаргона:

— C'est un bon enfant!

Впрочемъ, стоило только взглянуть, какъ заботливо укутывалъ въ шубу свою Катюшу Перовъ, возвращаясь съ шумнаго пикника, и какъ нѣжно прижималась она къ своему мужу головкой, дремля отъ усталости въ троечныхъ саняхъ, чтобы понять всю силу любви этихъ двухъ супруговъ, не знавшихъ ни ссоръ, ни недоразумѣній и испытывавшихъ младенчески наивную радость, когда имъ удавалось сдѣлать другъ другу сюрпризъ изъ своихъ заработанныхъ денегъ....

И было же весело въ этой семьѣ: правда, Перовы были оба немного богемы, цыгане; они чуть не каждый мѣсяцъ мѣняли квартиру; у нихъ всегда можно было наткнуться на какое-нибудь валяющееся на полу дорогое бальное платье или сѣсть на лишенный одной ножки стулъ, вышедшій еще недавно изъ мастерской Гамбса; обѣдая у нихъ вы не были застрахованы отъ утонувшей въ супѣ мухи или зажареннаго заживо въ ростбифѣ таракана; вы даже могли попасть къ нимъ въ такую минуту, когда Катерина Ивановна, наскоро надѣвая бастовую шляпку съ страусовыми перьями и разрывая въ нетерпѣніи новыя лайковыя перчатки, не влѣзавшія на руку, кричала вамъ: «подождите, подождите меня, я сейчасъ пріѣду, у насъ сегодня ни гроша въ домѣ, а между тѣмъ нѣтъ ни чаю, ни сахару»,—но въ то же время вы нигдѣ не нашли бы такого безшабашнаго веселья, какъ здѣсь. Родилась новая дѣвочка у Перовыхъ—они задаютъ пиръ; умерла дѣвочка—у нихъ блестящія поминки, напоминающія имянинный обѣдъ; дали Катюшѣ бенефисъ — они дѣлаютъ балъ; отказали Перову въ прибавкѣ—они съ горя ѣдутъ на пикникъ. Веселились у нихъ всѣ, кто посѣщалъ ихъ, и даже та ветхая особа, которая сосватала эту пару, не смотря на свои преклонныя лѣта, не могла не веселиться у нихъ:

— А вотъ и мой старикашка! кричала Катерина Ивановна, встрѣчая особу и начинала кружиться съ особой, покрывая поцѣлуями дряблыя щеки и беззубый ротъ ошалѣвшаго старца.

— Катюша... Катюша... дурочка... уморила, шамкала особа задыхающимся голосомъ, но сердиться при всей своей важности не могла, потому что на Катюшу сердиться было невозможно.

Такъ же точно любили Катюшу и смѣялись вмѣстѣ съ нею юные гвардейскіе подпрапорщики, пажики, лицеисты, правовѣды. Она и ихъ тормошила, ерошила имъ волосы, одѣвала ихъ для смѣха въ свои платья, заставляла ихъ надѣвать на нее ихъ платье, приказывала имъ танцовать съ нею «русскую»,—однимъ словомъ, веселѣе жить, чѣмъ жили Перовы, нельзя... Да, хорошо жить тѣмъ, у кого спокойна совѣсть, невозмутимо серьезнымъ тономъ заключилъ Клименко.

Мнѣ было уже восемнацать лѣтъ, когда я впервые познакомился съ Пашетъ Перовой. Дѣло было на пикникѣ за городомъ. Я явился на пикникѣ не особенно смѣло, потому что это былъ первый пикникъ, на который я попалъ и на которомъ я ожидалъ встрѣчи съ «женщинами»,—не просто съ женщинами, а съ «женщинами на пикникѣ». Я вошелъ въ ярко освѣщенный залъ, уставленный цвѣтами, и сразу наступилъ кому-то на платье:

— Pardon, monsieur! пробормоталъ я и выронилъ изъ рукъ шляпу.

Я нагнулся ее поднять и услышалъ надъ собой хохотъ да вѣдь какой! звонкій, заразительный, неудержимый. Я поднялся, красный, какъ вареный ракъ, и остановился неподвижно лицомъ къ лицу съ молоденькою дѣвушкою въ бальномъ нарядѣ.

— Ахъ, ахъ, какой онъ уморительный! Взгляни, какъ онъ раскраснѣлся! Ха, ха, ха! заливалась она, указывая на меня своему кавалеру. — Pardon monsieur! Это я то «monsieur!» Ха, ха, ха!

Я чуть не заплакалъ отъ стыда.

— Ну, вы видите теперь, что я не monsieur? сказала она мнѣ, подходя еще ближе ко мнѣ.

Я видѣлъ только роскошныя бѣлыя руки, восхитительныя плечи и пышную грудь, высоко поднимавшуюся изъ-подъ открытаго лифа, передъ самыми моими глазами, точно именно по этой груди я долженъ былъ рѣшить, «monsieur» ли стоитъ передо мною или нѣтъ.

— Ты меня оставь, я его просвѣщать буду, сказала она своему спутнику, котораго я не разглядѣлъ въ эти минуты полнаго одуренія.

Она взяла меня подъ руку и пошла просвѣщать. Черезъ полчаса я хохоталъ такъ же громко, какъ она, танцуя, напѣвая, дурачась вмѣстѣ съ нею и не замѣчая, какъ летитъ время.

— Отведите меня теперь къ отцу, я его потеряла изъ виду, сказала она наконецъ.

— Къ отцу? Развѣ и вашъ отецъ здѣсь? удивился.

— Ну, да! Я же съ нимъ ходила, когда вы подошли, объяснила она.

— Вотъ то я не думалъ, чтобъ это былъ вашъ отецъ. Какъ же онъ позволилъ вамъ такъ вдругъ уйти со мною?

— Ah, c'est un bon enfant! засмѣялась она.

— Но когда же мы увидимся опять? спросилъ я.

— Хоть завтра! Пріѣзжайте ко мнѣ — вотъ и увидимся.

— Но я не знакомъ съ вашей семьей...

— Пустяки какіе! Къ намъ всѣ такъ ѣздятъ. Моя мать добрая женщина, а отецъ...

— C'est un bon enfant! засмѣялся я, перебивая ее.

— Ну да, ну да! Чего вы смѣетесь? Разумѣется, c'est un bon enfant! Его и мать такъ зоветъ, и мы и всѣ...

Я повелъ ее къ этому «bon enfant», лаская ея маленькую ручку, лежавшую на моей правой рукѣ.

— Папа, ты посмотри на него, какой онъ хорошенькій!.. вдругъ произнесла моя спутница, когда мы подошли къ ея отцу.

Она безцеремонно взяла меня за подбородокъ и повернула лицомъ къ своему отцу. Я опять покраснѣлъ.

— Шалунья, шалунья! весело проговорилъ онъ и только теперь я вспомнилъ и это лицо, и этотъ голосъ, и эту фамилью и даже самъ удивился, какъ я могъ забыть въ три, въ четыре года того Перова, надъ которымъ потѣшался кружокъ знакомыхъ мнѣ охотниковъ. Онъ выглядѣлъ и теперь по прежнему юношей, хотя, при тщательномъ изученіи его лица, можно было замѣтить и морщинки подъ глазами, и дряблость кожи, и легкую просѣдь въ волосахъ. Теперь онъ былъ не столько строенъ, сколько худощавъ...

— А я васъ немного знаю, сказалъ я.— Я, мальчикомъ, видалъ васъ въ кружкѣ артистовъ на охотѣ на Кругломъ островѣ.

— Можетъ быть... можетъ быть.. Меня половина Петербурга знаетъ, отвѣчалъ онъ съ небрежною гордостью.

— Ахъ, фатишка, фатишка! воскликнула дочь.—Онъ у насъ ужасно много мечтаетъ о себѣ. Когда на насъ смотрятъ на Невскомъ или въ театрѣ, онъ воображаетъ, что всѣ говорятъ: «вотъ дочери Перова»... замѣтьте: не просто «Перовы», а «дочери Перова»...

Она захохотала опять тѣмъ же звонкимъ, заразительнымъ, неудержимымъ смѣхомъ...

Да, батюшка, въ наше время «вопросовъ» выводится подобный смѣхъ, съ комичною грустью вздохнулъ Клименко..

Съ этой поры я сталъ «вхожъ въ домъ» Перовыхъ...

Я былъ всегда довольно подвижнымъ человѣкомъ, а въ тѣ годы и подавно. Но, признаюсь откровенно, иногда я ни ногъ, ни рукъ не чувствовалъ послѣ дня, проведеннаго въ этомъ домѣ. Да этого мало: къ вечеру я даже терялъ способность смѣяться, терялъ способность соображать, что я думаю. Я даже думаю, что я былъ способенъ въ подобныя минуты жениться... а вы вѣдь знаете, что худшей глупости для меня не существуетъ...

У Перовыхъ была въ то время большая, хорошо меблированная квартира. Но она казалась и мала и не прибрана, такъ какъ въ ней была вѣчная толкотня и ни одинъ предметъ изъ мебели не оставался на своемъ мѣстѣ. Хлопанье дверей здѣсь не прекращалось цѣлый день, никто никогда не сидѣлъ здѣсь и получаса на своемъ мѣстѣ, не проходило минуты, чтобы кто нибудь не требовалъ себѣ чаю, кофе, конфектъ, фруктъ. Иногда здѣсь утромъ барышни поѣдали сладкіе пирожки и мороженое, порой въ полдень устроивались танцы. Танцовали здѣсь подъ фортепьяно и безъ фортепьяно, съ кавалерами и безъ кавалеровъ. Подчасъ здѣсь можно было встрѣтить всю семью, иногда втеченіи цѣлыхъ недѣль пропадала одна дочь или двѣ, три дочери Перовыхъ. Здѣсь можно было встрѣтить и студентовъ, и артистовъ, и военныхъ, и стариковъ, и молодежь. Иногда одна изъ комнатъ въ квартирѣ Перовыхъ вдругъ превращалась въ мастерскую скульптора или живописца, «изображавшаго одну изъ барышень» въ образѣ Венеры или Діаны. Одинъ изъ нашихъ художниковъ, Николаевъ, извѣстный особенно среди богатыхъ кутилъ своими до послѣдней степени скабрезными и очень дорого цѣнимыми акварелями, даже жилъ у Перовыхъ. Переѣхалъ онъ къ нимъ совершенно неожиданно: сначала онъ хотѣлъ написать Софи Перову вакханякой и потому ежедневно пріѣзжалъ къ Перовымъ для рисовальныхъ сеансовъ, потомъ онъ какъ то прокутилъ у нихъ всю ночь и на слѣдующую ночь разсчиталъ, что ему вовсе и не для чего ходить домой, когда можно оставаться и здѣсь. Въ деньгахъ у Перовыхъ и у Николаева никогда не было недостатка, но тѣмъ не менѣе они нерѣдко оставались безъ обѣда, забывъ его заказать и разославъ всю прислугу съ различными порученіями и записками. Это, впрочемъ, ихъ нисколько не смущало, такъ какъ они менѣе всего заботились объ обѣдѣ, въ смыслѣ опредѣленныхъ завтраковъ и обѣдовъ, имѣя всегда подъ руками закуски и сласти. Гости у Перовыхъ были чѣмъ то въ родѣ ихъ покорныхъ рабовъ. Стоило вамъ придти къ нимъ, чтобъ вами тотчасъ же кто нибудь завладѣлъ. Васъ или уводила къ себѣ въ комнату которая нибудь изъ барышень, или вамъ давали порученіе купить поскорѣе вѣеръ къ вечернему балу, букетъ къ спектаклю, лентъ для пояса, или васъ заставляли разматывать шелкъ и шерсть для вышивокъ, которыя никогда не начинались никѣмъ, или просто васъ заставляли идти гулять, танцовать, кататься. За эту работу вы смѣло могли цѣловать ручки и губки барышень и, если угодно, могли такъ же смѣло предложить который нибудь изъ нихъ поѣздку на Иматру, въ Павловскъ, въ Петергофъ на день, на два, на неограниченное время.

— Папа, я уѣзжаю съ Иваномъ Ивановичемъ! говорила, хлопая въ ладони и подпрыгивая, приглашенная дѣвица.

— А — а, ѣдешь? Ну поѣзжай, поѣзжай, соглашался отецъ и самъ хлопоталъ обо всѣмъ необходимымъ для поѣздки.

Замѣчательнѣе всего было то, что никто не ревновалъ никого къ дѣвицамъ Перовымъ, и онѣ не ревновали одна другую ни къ кому, точно каждый зналъ, что дѣвицъ Перовыхъ достаточно для всѣхъ, а онѣ знали, что на всѣхъ ихъ также хватитъ мужчинъ. Была еще одна оригинальная черта у нихъ: я никогда не видалъ, чтобы у которой нибудь изъ дѣвицъ Перовыхъ омрачалось личико, когда имъ приходилось возвращаться одиноко въ родительскій домъ послѣ трехъ-четырехъ мѣсяцевъ отсутствія. Онѣ входили въ этотъ домъ такъ же весело въ этихъ случаяхъ, какъ послѣ прогулки по Невскому, по Морской: одно partie de plaisir кончалось и онѣ уже ожидали новаго. Кто любилъ ихъ или былъ любимъ ими, тотъ могъ смѣло сказать, что онъ никогда не былъ причиною ихъ слезъ и жалобъ.

— Какой онъ глупый, говорила мнѣ однажды Пашетъ про одного знакомаго.—Разошелся съ Марусей и пересталъ ѣздить, точно разсердился на что нибудь или виноватъ въ чемъ нибудь. Я непремѣнно надеру ему уши, если встрѣчу его гдѣ нибудь, друзья такъ не поступаютъ.

— Ему, можетъ быть, тяжело бывать у васъ теперь, замѣтилъ я.

— Это отчего? Если онъ разлюбилъ Марусю, такъ почему же можетъ быть ему тяжело? Маруся теперь любитъ другого, и онъ можетъ любить другую. Дурного другъ другу они ничего не сдѣлали.

— Но все таки... воспоминанія...

— Какія воспоминанія? О томъ, что имъ такъ весело было? Это должно радовать. Пришелъ бы, поговорили бы, какъ они хорошо жили, какъ веселились... Нѣтъ, онъ глупый, совсѣмъ глупый!...

Впрочемъ, такихъ глупцовъ въ числѣ знакомыхъ Перовыхъ было немного. Дѣлались эти знакомые такими глупцами только въ случаѣ женитьбы и то не по своей волѣ, а потому, что жены не пускали ихъ къ Перовымъ, боясь, что мужья снова вспомнятъ свои холостыя проказы и увлекутся старыми слабостями. Увлечься же было легко уже потому, что для этого увлеченія не ставилось никакихъ преградъ въ этомъ веселомъ семействѣ, куда входили почти безъ рекомендаціи и гдѣ никого не удерживали насильно даже и въ такихъ экстренныхъ случаяхъ какой произошелъ здѣсь однажды во время моего знакомства съ этой семьей.

Однажды я пришелъ въ домъ Перовыхъ, и засталъ семью въ большихъ хлопотахъ, чѣмъ когда нибудь. Всѣ бѣгали и суетились. Я спросилъ у Пашетъ, что произошло.

— У Маруси дѣвочка родилась, отвѣтила Пашетъ.—Какая хорошенькая, просто прелесть!

— Да развѣ Маруся уже вернулась? Я думалъ, что она навсегда уѣхала...

— Да, она съ Орловскимъ на югъ ѣздила... Пріѣхала къ намъ уже передъ самыми родами.

— Что же вашъ батюшка говоритъ?

— Что же ему говорить? Хлопочетъ на счетъ кормилицы. Маруся не можетъ, бѣдняжка, сама кормить.

— Онъ огорченъ?

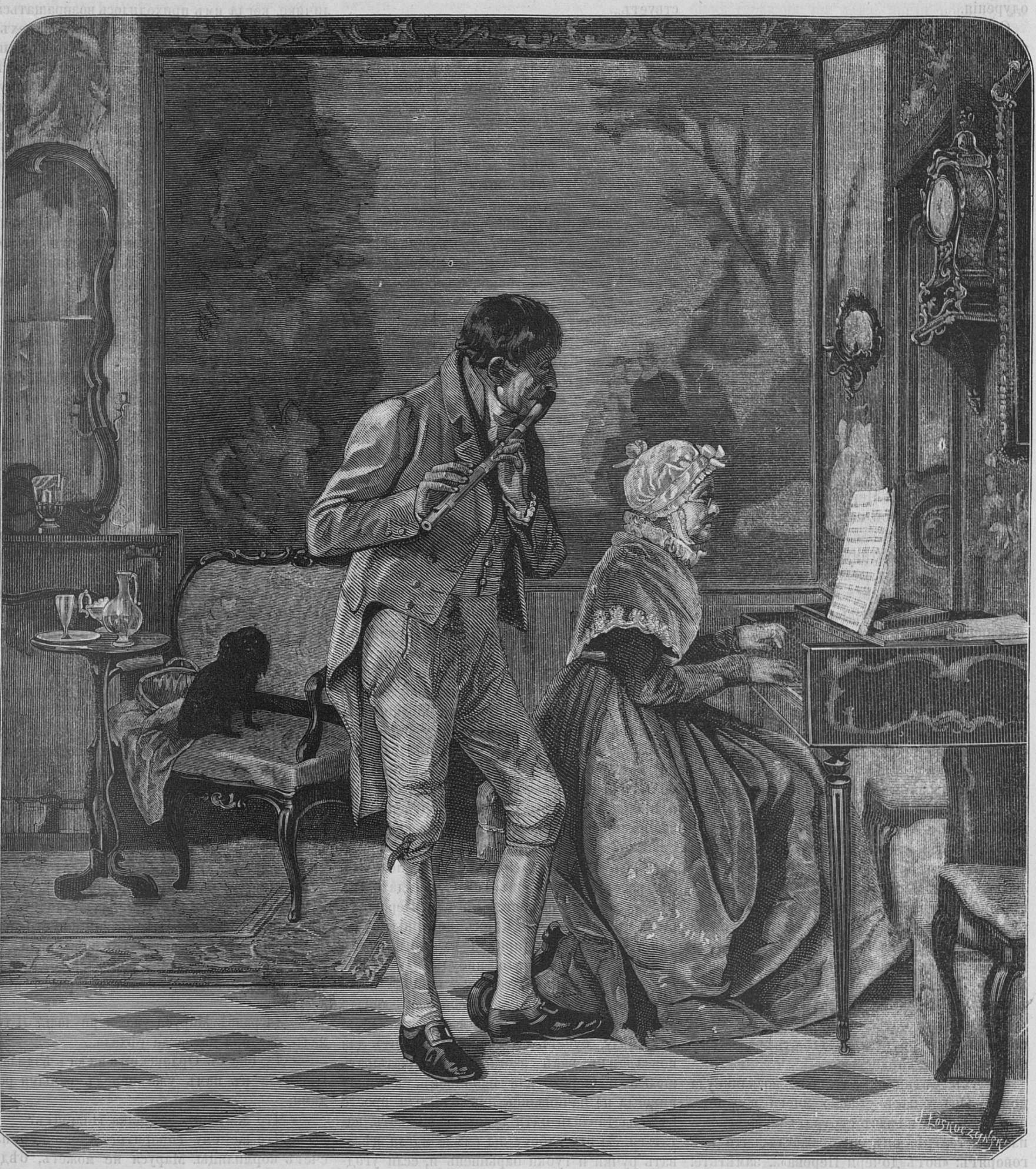
— Да, немного... Онъ думалъ, что хоть одинъ мальчикъ у него будетъ, отвѣтила Пашетъ.

— Только этимъ? воскликнулъ я.

— А то чѣмъ же? Вѣдь нельзя же, чтобы никогда не было дѣтей. Маруся не какая нибудь старая дѣва.

Черезъ минуту явился запыхавшійся Перовъ.

— Досталъ, досталъ... въ Воспитательномъ домѣ досталъ, заговорилъ онъ, обращаясь къ Пашетъ.—А и вы здѣсь, сказалъ онъ мнѣ, пожимая мнѣ руку. Слышали: опять дѣвочка! Это ужь, вѣрно, фамильное у насъ, что всѣ Перовы непремѣнно должны быть дѣвочками.



Обломки старины. (Съ картины Грютцнера.)

— Кромѣ васъ, улыбнулся я.

— Ха, ха, ха! вотъ что выдумалъ, шутникъ! Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь родился же я мужчиной, а вотъ теперь все дѣвочки... Это анекдотъ! Разсказывать всѣмъ буду... Перовы всѣ дѣвочки, кромѣ меня... Ха, ха, ха! А кормилица отличная, черноволосая, знаете, перемѣнилъ онъ разговоръ,—взглядъ такой задумчивый, точно у барыни. Я и кокошникъ вотъ купилъ малиновый съ золотомъ. Это ей будетъ къ лицу. Малиновый сарафанъ, бусы тамъ цвѣтныя, кисейная рубашка... Вотъ то какъ выйдетъ съ Оленькой на Невскій всѣ станутъ спрашивать: «чья?»... А, это внучка Перова. скажутъ... Вотъ помяните мое слово, всѣ будутъ знать, что это моя внучка.

«Да, подумалъ я, это, дѣйствительно, un bon enfant».

Но... все измѣняется на свѣтѣ, все проходитъ... Вотъ вы видѣли сегодня, что Дашурка Перова расплываться стала, и слышали мое предположеніе о томъ, что она копитъ теперь деньги, — и я долженъ вамъ сказать, что я имѣю основаніе для такого предположенія...

Какъ то разъ я встрѣтилъ Перова на улицѣ. Онъ посѣдѣлъ, сталъ солиднѣе, выглядѣлъ важнѣе и серьезнѣе.

— А вы слышали, я бенефисъ выхлопоталъ за двадцатипятилѣтнюю службу, объявилъ мнѣ тотчасъ же онъ, никогда прежде не говорившій о деньгахъ. Нужно будетъ закатить афишу въ простыню длиною, чтобы сборъ былъ получше, теперь времена тяжелыя, все дорожаетъ.

Онъ заботился уже о деньгахъ, у него уже былъ «вопросъ» о тяжелыхъ временахъ, онъ уже зналъ цѣну вещамъ!

— Кто это съ вами? спросилъ я, указывая на крошечную дѣвочку, шедшую съ нимъ.

— Внучка, внучка, отвѣтилъ онъ. Третья дочь Маруси—Катя... Мы еще совсѣмъ маленькій человѣчекъ, едва говорить начинаемъ... Ну, Катюша, скажи дядѣ про курочку, обратился онъ къ ребенку.

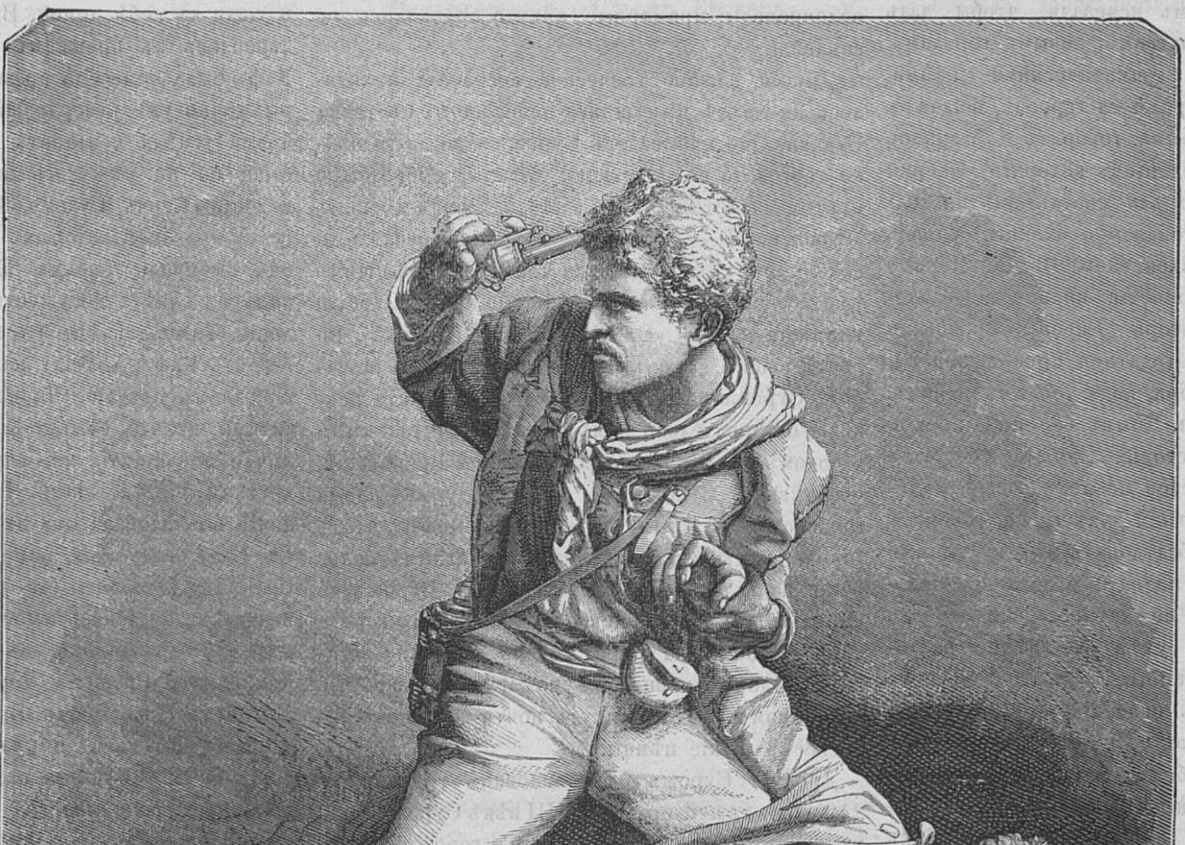
Дѣвочка медленно подняла на меня большіе черные глаза и серьезно, неторопливо и на распѣвъ проговорила:

— Ку-ло-чка по зел-ну-шку клю-етъ и сита би-ваетъ...

— Только еще и знаемъ, чѣмъ богаты, тѣмъ и рады, пояснилъ мнѣ Перовъ.

Да, это уже былъ не прежній «bon enfant», вздохнулъ Клименко... времена, времена, батенька, другія!...

Нѣкто.



Братья Кайроли.

Обломки старины.

(Къ рисунку на стр. 288).

Чуждаясь выдумокъ прогресса,
Не признавая новизны,
Они — баронъ и баронесса —
Во всемъ держались старины.
Они на биржѣ не играли,
Не лѣзли по уши въ долги
И никогда не выгоняли
За старость вѣрнаго слуги.

Они не знались съ знатью новой —
Съ толпой комерческихъ тузовъ
И въ замокъ старый и суровый
Ушли отъ шума городовъ

И здѣсь, гдѣ все напоминало
Былую жизнь минувшихъ дней,
Ихъ старость мирно догорала
Среди фамильныхъ галерей.

Они до гроба сохранили
Весь этикетъ былыхъ временъ
И неизмѣнно говорили:
«Вы, баронесса!»—«Вы, баронъ!»
Баронъ расшаркивался чинно
Предъ баронессою-женой
И реверансъ ея старинный
Переносилъ насъ въ вѣкъ иной.

Баронъ ходилъ всегда во фракѣ,
Въ штанахъ короткихъ и чулкахъ,
Не помышляя о пиджакѣ,
О сюртукѣ и сапогахъ,
И баронесса модамъ страннымъ
Не покорялась до конца,
Храня съ упорствомъ постояннымъ
Покрой стариннаго чепца.

Къ нимъ гости рѣдко заѣзжали
Но не скучали старики;
Вольтеръ Дидро ихъ развлекали
И утѣшали... цвѣтники.
Порой же флейтой клавикорды
Въ затишьѣ мертвенномъ палатъ
Сливались въ мѣрные аккорды
Давно заброшенныхъ сонатъ.

Подобно старымъ двумъ портретамъ,
Навремя вышедшихъ изъ рамъ,
Они не знали въ мірѣ этомъ
Банкротствъ, паденій, краховъ, драмъ,
И не подвергъ своимъ законамъ
Ихъ спекуляторскій намъ вѣкъ,

Когда живетъ хамелеономъ
У биржи въ рабствѣ человѣкъ.

К. Левинъ.

Спорное побережье.

(Виды въ окрестностяхъ театра военныхъ дѣйствій.)

Статья вторая *).

Такъ же, какъ и Арменія, Крымъ служилъ вѣчнымъ яблокомъ раздора. Сколько разъ здѣсь возникали сильныя государства, процвѣтали богатые города и затѣмъ исчезали, чтобы дать мѣсто новымъ государствамъ, новымъ городамъ. «Заря исторіи, съ ея драматическими мифами, съ живописными фигурами ея героевъ, осіяла въ свое время берега Крыма, говоритъ г. Марковъ (прекраснымъ произведеніемъ котораго «Очерки Крыма» мы пользуемся для составленія настоящей замѣтки). — Аргонавты и ахейцы, бравшіе Трою, не миновали эвксинскаго Понта... Первые торговцы, первые колонисты, первые завоеватели, первые цивилизаторы Европы пробовали свои силы на этой благодатной прибрежной полосѣ около теплаго моря, подъ теплымъ небомъ. Греція, Южная Италія, Крымъ — вотъ первые листы европейской исторіи. Первые христіане тоже принесли сюда свои молитвы и свои мученическіе вѣнцы». «Дерзкій духъ грека, говоритъ далѣе г. Марковъ,—обслѣдовалъ эти пустынные берега еще въ эпоху полнаго подавленія человѣка силами природы; не научась еще строить надежный корабль, не умѣя еще вѣрно различать направленій, лишенный всѣхъ тѣхъ средствъ къ побѣдѣ стихій, къ спасенію себя, которыя выработалъ человѣкъ въ сотни вѣковъ упорной борьбы съ природою, безстрашный геній грека, идеалъ и родоначальникъ современнаго европейскаго духа, прорѣзалъ во всѣхъ направленіяхъ водныя пучины, отыскивая довольства, свободы и власти... Онъ долго называлъ это Черное Море *моремъ негостепріимнымъ* (понтъ аксеносъ), и только послѣ продолжительной борьбы съ нимъ, узнавъ его силы и привычки, побѣдилъ его и принудилъ сдѣлаться *гостепріимнымъ моремъ* (Понтъ Евксиносъ»).

Первыя поселенія въ Крыму были основаны выходцами изъ городовъ Милета и Гераклеи. Основанныя ими колоніи впослѣдствіи достигли благосостоянія и нѣкоторыя существовали по 2,000 лѣтъ и пали, разрушенныя всеистребляющими османлисами, мало по-малу утверждавшими свое господство на развалинахъ византійской имперіи.

Сила и величіе первыми достались на долю трахейскаго или гераклейскаго полуострова, составляющаго теперь часть уѣздовъ ялтинскаго и симферопольскаго. Столицей этой сильной своей цивилизаціей и богатствомъ республики былъ городъ Херсонесъ, основанный въ VII вѣкѣ до рожд. Христ., т. е. слишкомъ за 2,500 лѣтъ тому назадъ. Теперь то мѣсто, гдѣ стоялъ этотъ городъ, и его окрестности представляютъ каменистую пустыню. Между тѣмъ здѣсь, почти втеченіи двухъ тысячъ лѣтъ къ ряду, процвѣталъ знаменитый городъ, окруженный селами и промышленными заведеніями; здѣсь были прекрасные сады, водопроводы; вся страна представляла цвѣтущій видъ. Въ Херсонесѣ было много статуй и храмовъ; онъ велъ торговлю съ Греціей, Малой Азіей и Египтомъ и служилъ предметомъ удивленія и зависти. Когда римскіе легіоны посѣтили крымскій полуостровъ,—а посѣщеніе ихъ въ тѣ времена всегда сопровождалось покореніемъ страны, — Херсонесъ умѣлъ сохранить свою независимость, подчинившись римлянамъ только номинально. Полагаютъ, что въ Херсонесѣ проповѣдовалъ христіанство апостолъ Андрей Первозванный. Во время нашествія на Европу варваровъ, гунны тщетно осаждали Херсонесъ, но были отбиты, однакожь они на столько разрушили городъ, что пришлось соорудить новый. Вотъ этотъ-то новый городъ сталъ извѣстенъ нашимъ предкамъ подъ именемъ Корсуня. Его осаждалъ Владиміръ, великій князь Кіевскій, и потерпѣлъ неудачу. Херсонесъ окончательно разрушенъ Ольгердомъ, княземъ Литовскимъ въ 1363 году. Что же остается теперь отъ Херсонеса? Ничего, кромѣ груды камней и безплодной пустыни: изсякли его замѣчательные водопроводы; мраморные храмы сравнялись съ землей...

Другое важное греческое поселеніе находилось на мѣстѣ нынѣшняго небольшого мѣстечка Судака. Оно называлось Сурожъ и когда-то шибко торговало съ Москвою; товары, привозимые оттуда, извѣстны были въ Москвѣ подъ именемъ «суровскихъ» — названіе, сохранившееся и до сихъ поръ, хотя придается товарамъ, имѣющимъ уже совсѣмъ иное происхожденіе. О Сурожѣ упоминается въ «Словѣ о полку Игоревѣ». Во время своего процвѣтанія и сношеній съ Москвою, Сурожъ заключалъ въ себѣ болѣе ста церквей, слѣдовательно, былъ весьма значительнымъ городомъ. Польскій посолъ Мартинъ Броневскій, посѣтившій Сурожъ въ 1578 году, во время господства въ Крыму татаръ, описываетъ этотъ городъ, какъ весьма значительный. Послѣ покоренія Крыма русскими и раззоренія Сурожа во время войны, большинство жителей этого города переселилось въ Турцію. Теперь почти не осталось слѣдовъ древняго Сурожа; въ новомъ же маленькомъ Судакѣ живутъ почти исключительно вестфальскіе нѣмцы.

Древній Сурожъ былъ основанъ греками въ 212 году нашей эры. Въ VIII вѣкѣ Сурожъ былъ уже настолько значительнымъ городомъ, что имѣлъ своего епископа, которымъ былъ св. Стефанъ. Вскорѣ по смерти этого святого на Сурожъ напали русскіе, подъ предводительствомъ князя Бравлина. Такимъ образомъ, русскіе побывали въ Крыму еще за два вѣка до похода Владиміра на Херсонесъ.

Разгромъ Херсонеса Владиміромъ много помогъ развитію торговли въ Сурожѣ, и онъ на два столѣтія сдѣлался главнымъ портомъ крымскаго побережья. Въ это время Сурожъ номинально принадлежалъ византійской имперіи, но управлялся самостоятельно. Въ 1239 году на него сдѣлали первый набѣгъ татары, но были отбиты. Въ 1299 году татары посылаютъ свое войско къ Сурожу (принявшему уже имя Судака), платившему имъ дань, вѣроятно, для понужденія къ уплатѣ этой дани. Въ 1332 году татары снова приступили къ Судаку и совершенно раззорили его. Хотя черезъ нѣсколько лѣтъ городъ построился, но далеко уже не въ тѣхъ размѣрахъ, какъ во время его процвѣтанія. Вскорѣ онъ былъ покоренъ генуэзцами изъ Кафы и, до новаго покоренія его татарами, былъ укрѣпленнымъ пунктомъ генуэзской колоніи и попутною стоянкою генуэзскихъ кораблей, но торговое значеніе его окончательно рушилось.

Третьимъ важнымъ пунктомъ въ древности на крымскомъ полуостровѣ была Кафа, нынѣшняя Феодосія. На этомъ мѣстѣ два раза возникалъ значительный городъ. Въ первый разъ за 500 лѣтъ до Рожд. Христ. греческіе выходцы изъ Милета основали здѣсь колонію, которая, какъ и всѣ греческія поселенія въ этой мѣстности, пользовалась благосостояніемъ, затѣмъ, стала клониться къ упадку и пала. Самое имя ея исчезло, какъ вдругъ во время 4-го крестоваго похода, какой-то рыцарь генуэзецъ основываетъ новую Кафу на мѣстѣ древней греческой колоніи. Созданная частной предпріимчивостію, Кафа быстро богатѣетъ и расширяется и въ концѣ XIII вѣка переходитъ во власть своей метрополіи, генуэзской республики. Благосостояніе колоніи постоянно увеличивалось, но въ 1307 году ей нанесенъ былъ неожиданный и страшный ударъ: Кафа была взята и разрушена монголами. Эти дикіе степняки не были завоевателями въ настоящемъ смыслѣ; они только производили разбойничьи набѣги на богатые города, раззоряли ихъ и снова уходили въ свою степь, точно грабежъ и убійство были ихъ потребностью, которой они періодически удовлетворяли. Такъ поступили они и съ Кафой: разрушили ее и ушли къ себѣ домой. Въ 1308 году Кафа отстроилась въ прежнемъ видѣ. Въ 1316 году Кафа была обнесена крѣпостной стѣной. Татары, давно уже утвердившіеся въ Крыму, въ это время успѣли составить значительное государство, но не рѣшались нападать на генуэзскія колоніи (Керчь, Судокъ, Ялта, Балаклава и Мангулъ), столицей которыхъ была Кафа; напротивъ, они выбирали своихъ властителей не иначе, какъ съ совѣта могущественной генуэзской колоніи. Тамерланъ въ 1395 году попытался было осадить Кафу, но былъ разбитъ генуэзскимъ полководцемъ Зоагліо. Черезъ три года кипчакскіе татары, правда, сожгли Кафу, но и это разбойничье предпріятіе не сопровождалось никакими другими послѣдствіями. Гибель генуэзскихъ колоній послѣдовала отъ ихъ союзниковъ—турокъ. Въ 1357 году они помогли турецкому султану Солиману (столицей его тогда была Никея) отнять у византійской имперіи европейскую Фракію, что̀ сдѣлали они изъ ненависти къ Венеціи, помогавшей Византіи. Черезъ 100 лѣтъ султанъ Магометъ II покорилъ Византію и подъ развалинами ея погибъ генуэзскій генералъ Юстиніанъ съ 2,000 генуэзцевъ, пришедшихъ на защиту столицы греческой имперіи. Магометъ хотѣлъ идти войной на генуэзскія колоніи за эту помощь, оказанную ими Византіи, но они успѣли откупиться постыдной данью: они обязались давать подать дѣтьми для султанскаго сераля. Но не долго Кафа пользовалась своей призрачной независимостью. Въ 1475 году султанъ Магометъ, посадивъ визиря Амлета пашу съ 20-тысячнымъ десантомъ, велѣлъ ему раззорить Кафу. И визирь, буквально исполнилъ приказъ своего повелителя. Взятый съ бою великолѣпный городъ былъ предапъ безчеловѣчному грабежу; часть 60-тысячнаго населенія его была избита безъ милосердія, часть разбѣжалась въ горы и татарскіе аулы, гдѣ смѣшалась съ татарскимъ населеніемъ и, для своего спасенія, омусульманилась. 1,500 мальчиковъ, взятыхъ въ Кафѣ, были отправлены въ султанскій сераль; дворцы и храмы разрушены.

Третій періодъ процвѣтанія Феодосіи относится ко времени владычества татаръ, когда крымскіе татарскіе ханы стали почти независимыми властителями, платя только дань турецкимъ султанамъ. При занятіи Феодосіи русскими въ ней было 80,000 жителей, 111 мечетей, 100 фонтановъ, обводный каналъ и укрѣпленія. Теперь Феодосія небольшой уѣздный городъ, извѣстный только, какъ удобное мѣсто для купанья.

Во время владычества татаръ Крымъ былъ густо населенъ; степная часть его обильно орошалась и не представляла той безотрадной пустыни, какую видимъ мы теперь послѣ послѣдняго переселенія изъ Крыма татаръ въ Турцію.

Въ новѣйшее время первый походъ русскихъ въ Крымъ былъ предпринятъ въ 1736 году. Фельдмаршалъ Минихъ разбилъ подъ Перекопомъ 100-тысячную татарскую армію, двинулся внутрь полуострова, все раззоряя на своемъ пути; онъ взялъ Бахчисарай и также мало пощадилъ татарскую столицу, какъ и другіе ихъ города. Походъ въ Крымъ въ 1737 г. фельдмаршала Ласси, сопровождался также опустошеніемъ страны. Въ 1771 году князь Василій Долгорукій взялъ приступомъ города Перекопъ, Арабатъ, Кафу, Керчь, Еникале, Балаклаву, Евпаторію, Баябекъ и Тамань. Въ 1783 году Крымъ окончательно присоединенъ къ Россіи. Съ 1785 года начинается переселеніе татаръ въ Турцію. По словамъ Сумарокова, до 1802 года ихъ переселилось туда до 300,000 человѣкъ. Второе, менѣе значительное переселеніе татаръ въ Турцію было въ 1812 году. Третье и послѣднее переселеніе было послѣ крымской компаніи; по офиціальнымъ свѣдѣніямъ переселилось 192,360 человѣкъ, при чемъ совершенно опустѣли 784 татарскіе аула и деревни.

---

*) Первая статья помѣщена въ № 39 «Жив. Обоз.»

При введеніи искуственнаго орошенія степной части Крыма, чему можно способствовать разведеніемъ тамъ лѣсовъ, на крымскомъ полуостровѣ смѣло можетъ прокормиться милліонное населеніе.

Перейдемъ теперь къ описанію пашихъ гравюръ.

1) *Алушта* (№ 42 Жив. Обозр.), въ древности Алустонъ, бывшая укрѣпленнымъ замкомъ (развалины древняго замка сохранились до сихъ поръ), а теперь небольшой городъ, расположенъ на берегу моря. Дорога къ ней по отлогости Чатырдага одно изъ самыхъ красивыхъ мѣстъ въ Крыму. «Одинъ ямщикъ, разсказываетъ г-жа Сосногорова, описывая эту мѣстность,—въ первый разъ ѣхавшій по этой дорогѣ, поднявшись на высоту, откуда открывается видъ на безпредѣльное море съ его живописными берегами, окаймленными роскошными садами, изъ которыхъ виднѣется, роскинувшаяся на морскомъ берегу *Алушта*,— такъ былъ пораженъ этой дивно-очаровательной картиной, что съ простодушнымъ возгласомъ: «ай, батюшки!» опустилъ возжи и чуть не погубилъ на крутомъ спускѣ и экипажъ. и сѣдоковъ». Особенность Алушты заключается еще въ томъ, что въ ней постоянно сквозной вѣтеръ, что зависитъ отъ ея положенія при выходѣ изъ ущелья, на концѣ котораго возвышается Чатырдагъ, самая большая гора въ Крыму.

2) *Чатырдагъ* отдѣльная плоская возвышенность, имѣющая высоты около $4^{1}/_{2}$ тысячъ футовъ. Она сплошь состоитъ изъ тяжелыхъ слоевъ нерскаго известняка, приподнятыхъ почти вертикально, такъ что ребра слоевъ выходятъ на верхнюю поверхность правильными слоями, точно разлинеянными грядами. Это придаетъ горной равнинѣ чрезвычайно странный и характерный видъ. Чатырдагъ извѣстенъ также своими пещерами; главная изъ нихъ: «бимбашъ-коба» (тысячи головъ) и «субу-кола» (холодная); первая имѣетъ затруднительный входъ — довольно большое пространство приходится ползти, вторая же вполнѣ доступна и удобна.

3) *Аюдагъ* (№ 43 «Жив. Обозр.») стоитъ на берегу моря, причемъ вдается въ него глубоко мысомъ. Смотря на эту гору снизу кажется, что темная, горбатая спина тяжкой грудью навалилась на медвѣжью морду, припавшую къ водѣ. «Аюдагъ» въ переводѣ на русскій языкъ значитъ «медвѣжья гора». Аюдагъ и окружающія его скалы чрезвычайно живописны. Подъемъ на Аюдагъ затруднителенъ; дороги почти ни слѣда; пропасти большія, заблудиться легко. Между узкими и высокими мысами Аюдага такія трущобы, такіе заливчики, замаскированные скалистыми островками и лѣсомъ, что нельзя найти лучшаго притона для контрабандиста и корсара.

4) *Развалины замка въ Балаклавѣ* стоятъ на скалѣ, живописно-нависшей надъ балаклавской бухтой. Это развалины древней генуэзской крѣпости Чембало, построенной въ XIV столѣтіи. Сама Балаклава грязный городишка, а бухта ея весьма удобна для стоянки судовъ.

5) *Бахчисарай*, древняя столица татарскаго ханства, стоитъ въ ямѣ. Издали онъ очень красивъ, но вблизи совершенно разочаровываетъ; онъ состоитъ почти изъ одной главной улицы, тянущейся слишкомъ на двѣ версты и боковыхъ коротких переулковъ. На нашей гравюрѣ, изображенъ ханскій дворецъ. Снаружи онъ обѣщаетъ немного; по восточному обычаю онъ идетъ оградою кругомъ двора. Но внутри въ немъ много оригинальной красоты. Особенно красива и оригинальна ханская мечеть, которая состоитъ изъ огромной, темной залы съ хорами, устланной персидскими коврами.

Новости наукъ и жизни.

— **Пожертвованіе.** «Новому Времени» сообщаютъ изъ Казани, что вдова дѣйств. ст. совѣтника Грумъ-Гржимайло завѣщала въ пользу тамошняго университета 5,000 р. на учрежденіе при немъ стипендіи ея имени при историко-филологическомъ институтѣ.

— **Новое произведеніе Виктора Гюго.** Въ Парижѣ ходитъ слухъ, что Викторъ Гюго написалъ большую поэму въ 2,000 стиховъ, подъ заглавіемъ: «Папа», которую думаетъ напечатать тотчасъ послѣ смерти Пія IX.

— **Новая картина г. Крамского.** «Русскому Міру» передаютъ, что извѣстный портретистъ И. Крамской пишетъ въ настоящее время большую картину «Христосъ предъ Пилатомъ». Картина эта будетъ имѣть болѣе ста фигуръ, изъ коихъ первопланные въ натуральную величину Не имѣя возможности, по размѣрамъ картины, работать ее въ своей мастерской, г. Крамской выстроилъ для этого особый баракъ во дворѣ Павловскаго училища (на Васильевскомъ островѣ). Въ настоящее время картина, будто бы, уже близка къ окончанію, но когда и гдѣ будетъ выставлена—неизвѣстно. Не можемъ, конечно, не пожелать художнику успѣха въ его работѣ.

— **Новый способъ бальзамированія.** Въ числѣ интересныхъ изобрѣтеній на предстоящей всемірной выставкѣ, въ Парижѣ, не послѣднее мѣсто будетъ занимать усовершенствованіе доктора Ривьера въ дѣлѣ бальзамированія труповъ. Почтенный докторъ представитъ нѣсколько экземпляровъ тѣлъ, бальзамированныхъ по новому способу, при которомъ внѣшняя оболочка остается совершенно нетронутою и неизуродаванною.

— **Какое вліяніе на организмъ имѣетъ чтеніе вслухъ?** Отвѣтъ на этотъ вопросъ, имѣющій большой интересъ для всѣхъ, кто по свойству своихъ занятій принужденъ болѣе или менѣе продолжительное время громко говорить или читать, становится въ настоящее время возможнымъ, благодаря весьма остроумному инструменту, который былъ недавно представленъ французской академіи. Инструментъ этотъ называется физіологическимъ рычагомъ и имѣетъ своимъ назначеніемъ отмѣчать графическимъ способомъ прибыль или убыль вѣса въ какомъ бы то ни было предметѣ—землѣ, растеніи, животномъ и т. д. Цѣль эта достигается одновременнымъ дѣйствіемъ трехъ рычаговъ и двухъ самопишущихъ термометровъ, которые даютъ весьма точное графическое изображеніе послѣдовательнаго хода феноменовъ, недостижимое частымъ повтореніемъ взвѣшиванія на обыкновенныхъ вѣсахъ. Чтобы опредѣлить, напримѣръ, какое количество воды испаряется изъ голой земли и изъ земли покрытой растительностью, на одинъ рыгагъ ставится кубическій ящикъ съ землею; на второй —такой же ящикъ съ посаженнымъ въ него растеніемъ; на третій—такой же ящикъ, но земля вокругъ растенія изолирована отъ соприкосновенія съ внѣшнимъ воздухомъ, посредствомъ покрышки. Результаты отмѣчаются самопишущимъ снарядомъ. Для разрѣшенія занимающаго насъ вопроса, на рычагъ садится взрослый человѣкъ и, въ теченіе 20 минутъ, остается на немъ совершенно спокойнымъ, не произнося ни одного слова. Въ продолженіе слѣдующихъ двадцати минутъ, тотъ же человѣкъ громко читаетъ, не прерывая своего чтенія; затѣмъ онъ опять молчитъ въ теченіи 20 минутъ. Кривая, обозначающая измѣненія въ вѣсѣ тѣла, показываетъ, въ продолженіе чтенія, весьма замѣтное уменьшеніе этого вѣса.

— **Опять гнилыя шпалы.** Нынче лѣтомъ произошло крушеніе на Балтійской желѣзной дорогѣ и виною тому была гнилая шпала. Недавно произошло крушеніе уже на другой дорогѣ и преступницей явилась шпала же. Послѣ крушенія поѣзда на Привислянской желѣзной дорогѣ въ Варшаву доставлены были шпалы съ полотна этой дороги, которыя такъ были гнилы, что скорѣе изображали изъ себя губку или, лучше сказать, гнилушку, нежели крѣпкое, могущее свободно выдерживать тяжести поѣздовъ дерево для шпалъ. И это послѣ перваго мѣсяца ея открытія!

— **Выступленіе моря изъ береговъ.** Въ Бирманской имперіи море внезапно выступило изъ береговъ, и затопило всѣ города и села въ двухъ приморскихъ провинціяхъ. По оффиціальнымъ извѣстіямъ, по случаю этого наводненія погибло 165,000 человѣкъ.

— **Новое производство изъ бумаги.** Въ Чикаго открылась фабрика для выдѣлыванія изъ бумаги особаго рода подносовъ, которые должны замѣнить всякаго другого рода укупорочный матеріалъ при пересылкѣ масла, сыра, сала и т. д. Подносы эти, представляющіе преимущество дешевизны и опрятности, приготовляются изъ соломенной папки, обтянутой бумагой въ трехъ различныхъ размѣрахъ величины. Они имѣютъ форму четырехъугольника съ округленными концами, не ломаются, не бьются и вполнѣ могутъ замѣнить горшки, судки, блюда и тому подобные сосуды.

— **Антрацитъ въ Олонецкой губерніи.** Профессоръ горнаго института, К. И. Лисенко, произвелъ изслѣдованіе антрацита изъ окрестностей села Шунги, на берегу Онежскаго озера, въ Олонецкой губерніи. Образцы, имъ изслѣдованные, были получены отъ г. Мещеринова, занимавшагося лѣтомъ изслѣдованіемъ этого мѣсторожденія. Г. Лисенко пришелъ къ убѣжденію, что, за исключеніемъ довольно значительнаго удѣльнаго вѣса и малаго содержанія водорода, уголь этотъ близко подходитъ къ антрациту. Существеннымъ недостаткомъ угля г. Лисенко признаетъ его способность растрескиваться въ жару; но онъ думаетъ, что тщательная развѣдка и разработка шунгинскаго мѣсторожденія дастъ антрацитъ лучшаго качества. Дальнѣйшія изслѣдованія этого новаго открытія во всякомъ случаѣ желательны и будутъ, вѣроятно, произведены самымъ тщательнымъ образомъ.

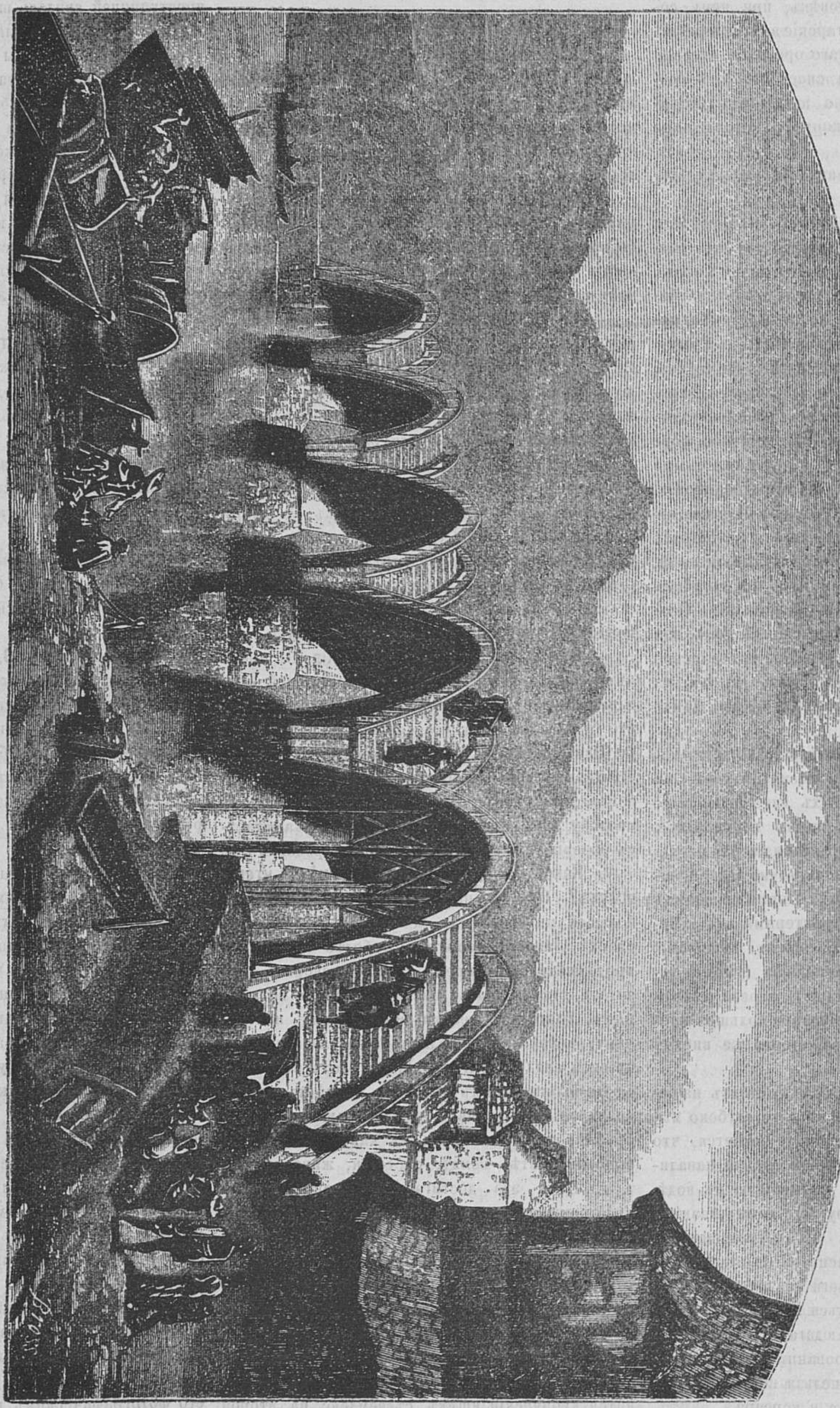
— **Значеніе моды.** Парижская промышленность зорко слѣдитъ за всѣми явленіями общественной жизни и можетъ до извѣстной степени служить мѣркою для опредѣленія общественнаго настроенія. Мода на маленькіе гуттаперчивые шары распространилась изъ Парижа по всему свѣту и вызвала дѣятельное производство ихъ и ежегодный вывозъ въ количествѣ нѣсколькихъ милліоновъ штукъ. Одинъ торговый домъ въ Парижѣ ежедневно отправляетъ за-границу 20,000 такихъ шаровъ съ различными надписями. Послѣ смерти Тьера продано уже 14,000 шаровъ съ его фотографическимъ портретомъ. Въ настоящее время готовятся къ продажѣ шары съ портретомъ каждаго изъ числа 363. Портреты и надписи сдѣланы чрезвычайно отчетливо.

— **Удобные конверты.** Въ Соединенныхъ штатахъ открытъ способъ соединить письмо и конвертъ въ одномъ и томъ же листѣ почтовой бумаги. Для этой цѣли три внутреннія стороны листа покрываются по краямъ узкою полоской клея, отдѣленною отъ остальной части бумаги рядомъ наколовъ, какіе употребляются для удобнаго отрыванія марокъ, чековъ, квитанцій и т. д. Письмо пишется на двухъ внутреннихъ страницахъ листа, которые потомъ склеиваются между собою по краямъ. Получатель отрываетъ края листа по линіямъ наколовъ и письмо—открыто.

— **Русскій асфальтъ.** «Бирж. Вѣд.» сообщаютъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что нѣкоторые наши производители асфальтовыхъ работъ изъ привознаго асфальта и гудрона, какъ видно, найдя невыгоднымъ выписывать означенные матеріалы изъ-за границы, сочли болѣе благоразумнымъ употреблять вмѣсто заграничнаго гудрона искуственный, приготовляемый, здѣсь, на мѣстѣ. Условія же съ заказчиками, которыхъ обыкновенно нельзя убѣдить, что и въ ихъ родинѣ можетъ быть что либо доброкачественное,—заключаютъ на поставку якобы заграничныхъ матеріаловъ. Конечно, подобная уловка не можетъ быть оправдываема, но что же дѣлать, когда мы не хотимъ заглянуть въ химію и посмотрѣть, что гудронъ не родится такимъ, какъ намъ его поставляютъ наши заграничные благопріятели, а такъ же, какъ и въ Россіи, составляется искуственно изъ однихъ и тѣхъ же элементовъ. Привезенный изъ-за границы гудронъ—это все-равно, что одесскій крахмалъ, погостившій у «волшебныхъ» береговъ Англіи и превратившійся оттого для нашихъ фабрикантовъ изъ «забракованнаго» ими «одесскаго» въ «первый сортъ англійскаго».

— **Часовой замокъ.** На берлинской строительной выставкѣ нынѣшняго года обращалъ на себя вниманіе такъ-называемый часовой замокъ, изобрѣтенный американцами. Особенность этого замка состоитъ въ томъ, что онъ можетъ быть отпертъ только въ опредѣленные часы, на которые остановленъ; въ другое время даже человѣкъ съ ключемъ отъ этого замка не можетъ отомкнуть его. Не входя въ мелкія подробности, скажемъ только, что къ секрету этого замка приспособлены два хронометра, идущіе безъ заводки около 56 часовъ сряду, такъ что замокъ, будучи установленъ въ субботу вечеромъ, не можетъ быть открытъ до утра понедѣльника. Компанія Yale loek Manufacturing Company изъ Статфорда въ Коннектикутѣ, изготовляющая новые замки, считаетъ уже, по своимъ книгамъ, въ числѣ покупателей, около 500 банковъ и подобныхъ имъ кредитныхъ учрежденій

— **Градъ болидовъ.** Французскія газеты сообщаютъ о слѣдующемъ любопытномъ феноменѣ, замѣченномъ въ южной части Франціи, а именно о градѣ болидовъ, выпавшемъ въ департаментахъ Гардскомъ, Геро и другихъ. Факты, которые



Японскій мостъ.

наблюдались при этомъ и техническія подробности этого метеорологическаго явленія безчисленны. Такъ, напримѣръ, надъ Безье появилось однажды, въ восемь часовъ утра, свѣтящееся тѣло, величиной съ бомбу большого калибра, летѣвшее по направленію съ сѣверо-запада къ юго-западу и со стремительною быстротой приближавшееся къ землѣ. По прошествіи нѣсколькихъ секундъ, раздался оглушительный трескъ, причемъ почва слегка заколебалась, и звукъ этого неожиданнаго взрыва привелъ въ сильное смущеніе жителей Піеръ-Рю, Берлона, Ферьера и окрестныхъ съ ними мѣстностей. Сообщающее эти свѣдѣнія лицо говоритъ, что аэролитъ упалъ не въ далекомъ разстояніи отъ него, на гору Сен-Мишель, одну изъ наиболѣе возвышенныхъ горъ въ Безье, находящуюся рядомъ съ пикомъ Монтаггокомъ и оставилъ послѣ себя слѣды на пройденномъ имъ пространствѣ; такъ, напримѣръ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ упалъ и гдѣ произошелъ взрывъ, загорѣлись зеленые дубы.

Смѣсь.

— **Жюдикъ.** Изъ Брюсселя сообщаютъ о курьезномъ случаѣ, ознаменовавшемъ пребываніе въ этомъ городѣ г-жи Жюдикъ, ангажированной на нѣсколько представленій брюссельскимъ театромъ Fantaisies parisiennes. Хотя въ Бельгіи политика примѣшивается ко всему, но до сихъ поръ она еще не касалась оперетки и музыкальной критики. Однако, дошло, наконецъ, дѣло и до этого. Между газетами «Etoile Belge» и «L'Ami de l'ordre» завязалась полемика, кончившаяся тѣмъ, что послѣдняя изъ названныхъ газетъ начала упрекать первую въ томъ, что она хвалитъ пьесу «Madame l'Archiduc»: «Это грязнѣйшее и гнуснѣйшее фиглярство», какъ выражается газета, прибавляя, что только «негодяи и погибшія женщины» способны рукоплескать «въ притонѣ разврата наглому, презрѣнному созданію». Лишь только появилось въ печати это грубое оскорбленіе, какъ г-жа Жюдикъ и директоръ театра Эмберъ предъявили въ намюрскій судъ (такъ какъ «L'Ami de l'ordre» издается въ Намюрѣ) искъ на газету въ 10,000 франковъ каждый, съ тѣмъ, чтобы деньги эти были розданы брюссельскимъ бѣднымъ.

— **Американская быстрота.** Изъ почтовой кареты, отправлявшейся въ городъ Сан-Жуанъ-Невада, пропала сумма въ 3,000 долларовъ. Это случилось въ 5 часовъ утра. Въ 7 часовъ была опредѣлена награда за отысканіе похитителей; въ 12 часовъ они были найдены; въ 2 часа вся сумма была возвращена ея законному владѣльцу; въ 5 часовъ воры были разстрѣляны, а въ 6 часовъ схоронены и земля надъ ихъ могилами заравнена.

— **Съѣздъ толстяковъ.** Нынѣшній съѣздъ «толстяковъ» въ Америкѣ произошелъ въ городѣ Грегори-Пойнтѣ, въ штатѣ Коннектикутѣ. Предсѣдательствовалъ членъ Патрикъ Морфи, вѣсомъ 309 фунтовъ. Наибольшій же вѣсъ (399 фунтовъ) представлялъ молодой Перкинсъ, двадцати пяти лѣтъ. За обѣдомъ подавался пирогъ, на приготовленіе котораго употреблено 115 четвериковъ устрицъ, 500 фунтовъ омаровъ, 15 боченковъ сладкаго картофеля, 15 обыкновеннаго, 300 фунт. рыбы, 10 боченковъ маиса и 50 дюжинъ курицъ. Составныя части пирога спечены были на раскаленныхъ камняхъ, прикрытыхъ толстымъ слоемъ морскихъ травъ. За обѣдомъ передъ предсѣдателемъ поставленъ былъ букетъ 9 фут. въ объемѣ. Слѣдующій съѣздъ назначенъ въ будущемъ году. Члены бюро съѣзда въ числѣ 17 человѣкъ вѣсятъ вмѣстѣ 3,450 фунтовъ.

— **Весна осенью.** Вслѣдствіе теплой дождливой погоды, въ садахъ Петербурга на ивѣ, вербѣ, акаціяхъ, черной смородинѣ, бузинѣ и проч. стали образовываться листовыя почки, зеленѣть и, повидимому, готовятся распуститься. Шпанская земляника, посаженная на прошлой недѣлѣ, пустила ростки. Репортеръ «С-Петерб. Вѣд.», сообщившій это извѣстіе, замѣчаетъ, что подобныя явленія растительности осенью очень рѣдки въ Петербургѣ.

— **Крушенія въ августѣ.** Газета «Яхта» со словъ французскаго бюро «Veritas», недавно опубликовавшаго слѣдующія свѣдѣнія о количествѣ судовъ, потерпѣвшихъ крушеніе въ теченіе августа мѣсяца, говоритъ, что парусныхъ судовъ погибло 87; въ томъ числѣ 30 англійскихъ, 10 американскихъ, по 9 французскихъ и норвежскихъ, 6 нѣмецкихъ, 4 голландскихъ, 3 шведскихъ, то же количество неизвѣстныхъ національностей и по одному испанскому, итальянскому и двухъ республикъ Экуадоръ и Накарагуа. Въ томъ же числѣ 87 судовъ одно пропало безъ вѣсти. Паровыхъ судовъ погибло 10; изъ нихъ 7 англійскихъ и по одному шведскому, итальянскому и неизвѣстной національности.

— **Новый архивъ.** На-дняхъ, по словамъ «С.-Петерб. Вѣд.», въ зданіи окружнаго суда, на Литейной, открыто новое учрежденіе, исключительно созданное въ интересахъ публики. Рѣчь идетъ объ архивѣ, въ которомъ хранятся дѣла упраздненныхъ судебныхъ установленій петербургской губерніи за періодъ времени съ 1800 года до введенія новыхъ судебныхъ учрежденій. Для устройства этого архива былъ спеціально командированъ министерствомъ юстиціи статскій совѣтникъ Н. В. Тихменевъ, устроившій образцовый во всѣхъ отношеніяхъ архивъ московскихъ судебныхъ мѣстъ. Но устроенный нынѣ въ Петербургѣ архивъ есть нѣчто совершенно новое и по системѣ, и по пріемамъ, установленнымъ для полученія требуемой справки. Во-первыхъ, шкафы совершенно новой системы, вмѣщающіе дѣлъ сравнительно съ старыми шкафами цѣлою третью болѣе, вслѣдствіе чего и выигрывается треть помѣщенія. Во-вторыхъ, замѣна папокъ особыми приспособленіями, не допускающими пыли и не препятствующими свободному теченію воздуха. Въ-третьихъ, совершенное уничтоженіе веревокъ, которыми до сихъ поръ неизбѣжно перевязывались дѣла въ связки. Въ-четвертыхъ, особый алфавитный приборъ. Это новинка. Первоначально были введены желѣзныя дуги по образцу существующихъ въ адресномъ столѣ. Алфавитный приборъ, изобрѣтенія г. Тихменева, даетъ возможность массу алфавитныхъ карточекъ, требующихъ при системѣ дугъ помѣщенія большой комнаты, сосредоточивать на пространствѣ письменнаго стола средней величины, добывать требуемую карточку въ одну секунду и, наконецъ, хранить ее подъ ключемъ. Самыя дѣла, въ случаѣ встрѣтившейся въ нихъ надобности, требуются по телеграфу и выдаются моментально. Каждый, посѣщающій архивъ, хотя бы въ первый разъ, имѣетъ полную возможность отыскивать дѣло лично. Всѣхъ дѣлъ во вновь устроенныхъ архивахъ упраздненныхъ судебныхъ мѣстъ, прокурора судебной палаты, прокурора окружныхъ судовъ и ипотечномъ — 371,000.

— **Громадное наслѣдство.** Послѣдовавшая на-дняхъ кончина Дюбоше, директора парижскаго газоваго завода, является событіемъ до извѣстной степени важнымъ въ томъ отношеніи, что Дюбоше, изъ оставшагося послѣ него капитала въ 80 милліоновъ франковъ, отказалъ, по слухамъ, 25 милл. франковъ Гамбеттѣ. Дюбоше родился въ 1792 году въ кантонѣ Ваадтъ, въ Швейцаріи. Во Францію онъ переселился въ 1813 году и поступилъ сначала въ банкирскую контору. При Людовикѣ-Филиппѣ Дюбоше былъ командиромъ батальона національной гвардіи и принадлежалъ къ оппозиціи. Впослѣдствіи онъ примкнулъ къ республиканской партіи и, въ особенности послѣ франко-прусской войны, сталъ пользоваться въ этой партіи значительнымъ вліяніемъ. Тьеръ относился къ Дюбоше съ большимъ уваженіемъ. Въ послѣднее время Дюбоше былъ казначеемъ республиканскаго избирательнаго комитета. Самымъ крупнымъ изъ финансовыхъ предпріятій Дюбоше было основаніе имъ парижскаго газоваго общества.

Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій.

По поводу пожалованія ордена св. Георгія великому князю Константину Константиновичу, отличившемуся подъ Силистріей, при спускѣ брандера, подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, «Кронштадтскій Вѣстникъ» сообщаетъ, что великій князь Константинъ Константиновичъ, проплававъ нѣсколько лѣтъ на судахъ отряда морского училища, послѣднее время въ званіи гардемарина поступилъ на винтовый фрегатъ «Свѣтлана», плававшій сначала въ Средиземномъ морѣ, а потомъ у береговъ Сѣверной Америки, подъ командою его императорскаго высочества великаго князя Алексія Александровича. По окончаніи двухлѣтняго срока службы въ званіи гардемарина и, совершивъ установленныя плаванія въ августѣ 1876 года, великій князь Константинъ Константиновичъ прибылъ въ Петербургъ, выдержалъ установленный экзаменъ и 10-го августа былъ произведенъ въ мичмана, послѣ чего снова отправился на винтовый фрегатъ «Свѣтлана», на которомъ и провелъ въ Америкѣ зиму съ 1876 по 1877 годъ. 19-го іюня, фрегатъ «Свѣтлана» возвратился въ Кронштадтъ, а 23-го, послѣ блестящаго смотра, произведеннаго генералъ-адмираломъ, фрегатъ втянулся въ гавань и разоружился, а команда его, гвардейскаго экипажа, въ полномъ составѣ была вслѣдъ затѣмъ отправлена на Дунай. Вмѣстѣ съ этой командой отправился и великій князь Константинъ Константиновичъ въ общемъ поѣздѣ, во фронтѣ со своимъ отдѣленіемъ. На Дунаѣ отрядъ гвардейскаго экипажа находился сначала у Журжева, а потомъ въ Систовѣ для охраны моста изъ Систова въ Зимницу.

— Втеченіи истекшей недѣли получены слѣдующія офиціальныя телеграммы о военныхъ дѣйствіяхъ:

А) Отъ его императорскаго высочества главнокомандующаго дѣйствующей арміей изъ Боготы. — 1) отъ 19-го октября — въ сраженіяхъ 12-го и 16-го октября, у Горнаго Дубняка и Телиша взяты всего въ плѣнъ 13 таборовъ пѣхоты, пять эскадроновъ кавалеріи и семь орудій, всего безъ малаго 7,000, въ томъ числѣ двое пашей, до 200 офицеровъ, три англичанина и одинъ константинопольскій французъ. Изъ англичанъ, одинъ полковникъ турецкой службы и два доктора; они оставлены пока при раненыхъ турецкихъ плѣнныхъ. Французъ былъ волонтеромъ. Турецкое знамя взято лейбъ-гвардіи измайловскаго полка рядовымъ 1-й роты Иваномъ Овчинниковымъ. Погромъ, нанесенный туркамъ 12-го и 16-го октября, отозвался въ Радомирцахъ: Шефкеть-паша съ 12-ю таборами бѣжалъ оттуда, при видѣ конногренадерскаго разъѣзда. Кавалерія его преслѣдуетъ. Мостъ въ Радомирцахъ цѣлъ и находится въ нашихъ рукахъ.

Лейбъ-гвардіи уланскій полкъ, въ сраженіи 16-го октября, при Телишѣ, сперва изрубилъ 150 конныхъ башибузуковъ и черкесовъ, а потомъ атаковалъ пѣхоту; приэтомъ ранены штабъ-ротмистры Сэфоновъ и Ефимовичъ, а корнету Ухину прострѣлена пулею верхняя губа; нижнихъ чиновъ убито и ранено до 50-ти, большею частью, штыками. Остальныхъ подробностей еще не знаю. Въ томъ же сраженіи легко раненъ командующій лейбъ-гвардіи гродненскимъ гусарскимъ полкомъ, принцъ Альбертъ Саксенъ-Альтенбургскій; пуля пробила серебряный портсигаръ и контузила ногу; онъ остался въ строю.

2) Отъ 21-го октября—Генералъ Карцовъ донесъ, что Тетебенъ взятъ съ боя; укрѣпленій было 7 большихъ, 30 малыхъ. Турки оставили на мѣстѣ болѣе 100 тѣлъ; наши потери ничтожны. Особенно отличились: Великолуцкаго полка маіоръ Беатеръ и Старо-ингерманландскаго полка штабсъ-капитанъ Яковлевъ, первымъ вскочившій въ редутъ во главѣ своей роты. Отбиты большіе запасы продовольствія, шанцеваго инструмента, патроновъ и много скота. Вчера, 20-го октября, Я осматривалъ занятыя нами укрѣпленія у Дольняго-Дубняка, изъ которыхъ турки ночью отступили въ Плевну, въ виду приближенія нашихъ войскъ 19-го октября вечеромъ. Такимъ образомъ этотъ важный пунктъ достался въ наши руки безъ выстрѣла; войска наши придвинулись вчера-же еще на двѣ версты впередъ отъ Дольнаго-Дубняка къ Плевнѣ и укрѣпляются, а также въ новыхъ позиціяхъ къ сторонѣ Орханіэ; наша пѣхота заняла Луковицу, выдвинувъ кавалерію еще болѣе впередъ. Шефкетъ-паша отступилъ безъ боя къ сторонѣ Орханіэ.

3) Отъ 22-го октября—21-го октября, турки, отъ четырехъ до пяти тысячъ пѣхоты, при горныхъ орудіяхъ, атаковали Сѣвскій пѣхотный полкъ, на позиціи Маріанъ, чрезъ Елену, но, послѣ трехчасового боя, всѣ приступы отбиты съ большимъ урономъ. У турокъ много раненыхъ и убитыхъ; до 100 тѣлъ оставлены на мѣстѣ; у насъ потеря ничтожна. 21-го числа, эскадронъ лейбъ-гвардіи драгунскаго полка достигъ, чрезъ Комарево, Джуралово, на верховьѣ рѣки Скитъ [1]), гдѣ имѣлъ стычку съ черкесами; отбито 100 повозокъ и много рогатаго и мелкаго скота. Потеря наша въ двухъ раненыхъ. Генералъ Черевинъ, съ кавказскою казачьею бригадою, занявъ, влѣво отъ софійскаго шоссе, деревню Пештерну, вошелъ въ связь съ пѣхотою генерала Карцова, занявшаго Турскій Изворъ [2]). Разъѣзды генерала Черевина, преслѣдуя отступающихъ турокъ, прошли Яблоницкое ущелье,

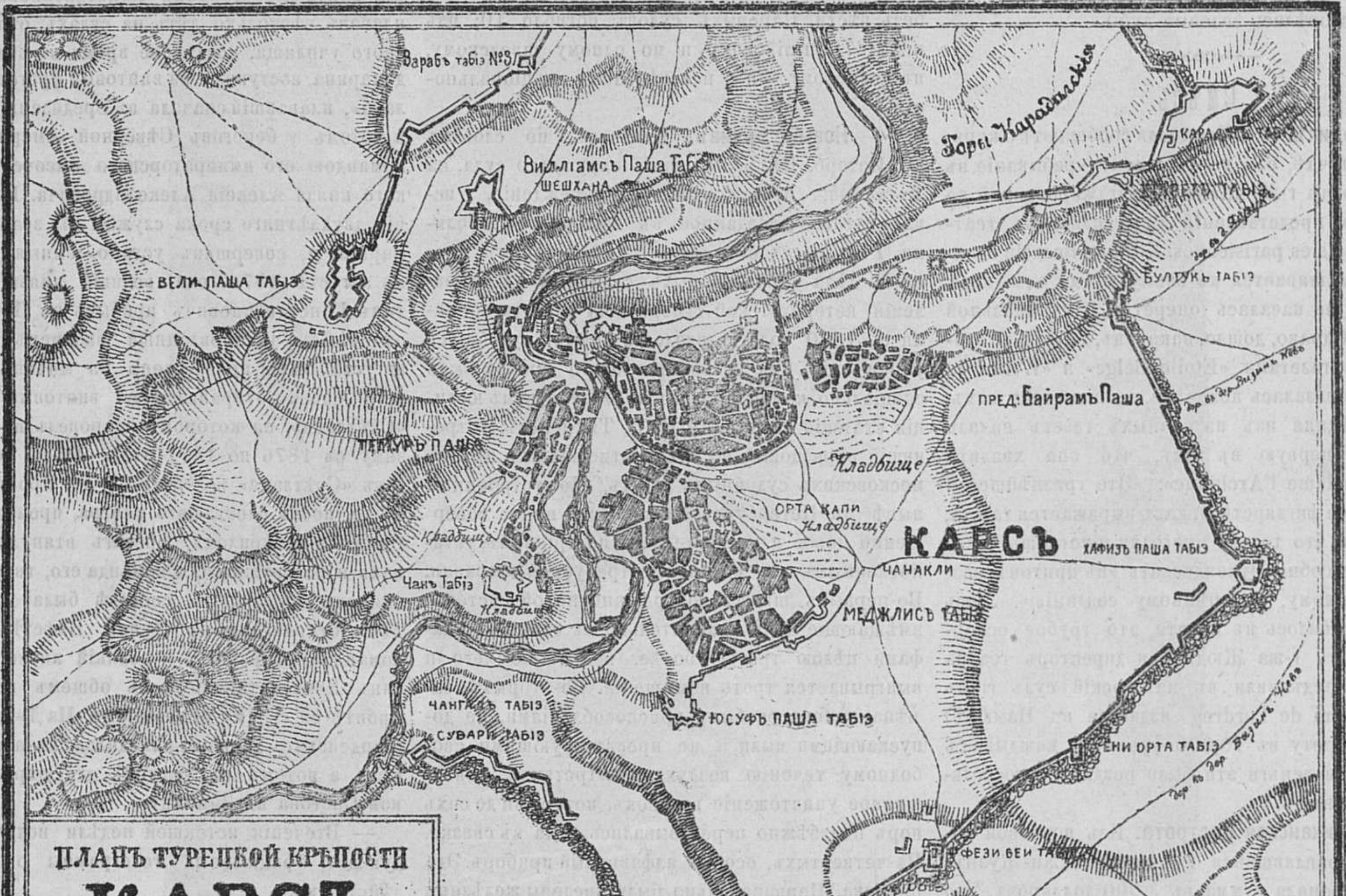
4) Отъ 24-го октября—вчера, 23-го октября, Государь Императоръ объѣзжалъ наши позиціи за р. Видомъ, гдѣ былъ восторженно встрѣченъ войсками.

Тетевенъ былъ взятъ 19-го октября отрядомъ флигель-адъютанта полковника Орлова. Благодаря 12-го пѣхотнаго Великолуцкаго полка маіору Беатеру, избравшему пунктъ атаки и руководившему ею, штурмъ стоилъ ничтожныхъ потерь: убитъ одинъ, ранены четыре и контужены 17 человѣкъ. Штурмовали только одинъ командующій редутъ, остальныя же укрѣпленія турки принуждены были бросить сами. Первымъ вскочилъ на брустверъ командиръ 2-й стрѣлковой роты 9-го пѣхотнаго Староингерманландскаго полка штабсъ-капитанъ Яковлевъ. Турки бѣжали по горнымъ тропинкамъ на Карлово и Орханіе. Турокъ было 600 человѣкъ регулярной пѣхоты и 150 человѣкъ регулярной конницы; убитыхъ они оставили около 100 человѣкъ, раненыхъ увезли на 100 подводахъ.

Б) Отъ начальника штаба кавказской арміи изъ Визинкева:

1) Отъ 18-го октября.—Вчера получено отъ генерала Геймана свѣдѣніе изъ Керпикёя, что 16-го октября кавалерія его, въ соединеніи съ кавалеріею генерала Тергукасова, преслѣдуетъ отступающія за Керпикёй войска Мухтара-паши. Пѣхота генерала Тергукасова слѣдуетъ на соединеніе съ отрядомъ генерала Геймана.

2) Отъ 21-го октября.—Послѣ занятія, 16-го числа, вечеромъ, авангардомъ отряда генерала Геймана почти безъ боя Кеприкея, откуда аріергарды Мухтара и Измаила пашей поспѣшно отступили къ Хассанъ-Кале, кавалерія наша продолжала преслѣдованіе и въ 2 часа ночи, атаковала непріятельскій бивуакъ; двѣ сотни казаковъ съ ракетною командою и два эскадрона нижегородцевъ со взводомъ конной баттареи, послѣ непродолжительной перестрѣлки, ворвались въ средину бивуака и, порубивъ болѣе ста человѣкъ, обратили остальныхъ въ полное бѣгство; преслѣдованіе продолжалось шесть верстъ и прекратилось только по крайнему утомленію людей и лошадей. Въ 5 часовъ утра, Хассанъ-Кале былъ уже занятъ нашею пѣхотою; въ это время кавалерія достигла Куруджука, въ 18-ти верстахъ отъ Эрзерума. Войска наши, прошедши въ одинъ переходъ безостановочно 55 верстъ, временно пріостановили наступленіе. Непріятель расположился на позиціи Девебойну, въ которой и сосредоточиваются отряды генераловъ Геймана и Тергукасова. Дѣло подъ Хассанъ-Кале и выполненіе войсками нашими движенія за Саганлугъ къ Эрзеруму выше всякой похвалы. Потери при этомъ совершенно ничтожны, но, къ сожалѣнію, смертельно раненъ 17-го драгунскаго Сѣверскаго его величества короля датскаго полка маіоръ Никифоровъ и 16-го драгунскаго нижегородскаго полка капитанъ Тетюцкій; легко раненъ адъютантъ его


ПЛАНЪ ТУРЕЦКОЙ КРѢПОСТИ
КАРСЪ

---

[1]) Рѣка Скитъ впадаетъ въ Дунай выше г. Рахова; селенія Комарево и Джуралово лежатъ при верховьяхъ рѣки, верстахъ въ 60—65 въ западу отъ Плевны.

[2]) С. Пештерна на р. Видѣ, между Плевной и Тетевенемъ, и на пути изъ Ловчи въ Тетевень, чрезъ Турскій Изворъ.

императорскаго высочества главнокомандующаго, полковникъ Толстой.

3) Отъ 23-го октября—Въ ночномъ дѣлѣ при Хасанъ-кале взятъ въ плѣнъ одинъ паша и до 120-ти нижнихъ чиновъ. На другой день, на мѣстѣ боя и на пути преслѣдованія, похоронено нами до пятисотъ непріятельскихъ труповъ и взято большое количество брошенныхъ ружей, патроновъ и снарядовъ. Карсъ содержится въ тѣсной блокадѣ, и сегодня приступлено въ возведенію осадныхъ батарей противъ юговосточныхъ фортовъ крѣпости.

— Въ «Русскомъ Инвалидѣ» напечатанъ слѣдующій приказъ по войскамъ дѣйствующаго корпуса. Октября 3-го дня, № 1-й. — Въ лагерѣ на Визинкевскихъ высотахъ.

Войска дѣйствующаго корпуса!

Сегодня вы одержали побѣду васъ достойную.—Разбитая армія, тысячи плѣнныхъ, десятки орудій.

Сегодня вы сослужили новую славную службу Царю и Россіи.

Благодарю всѣхъ начальниковъ и офицеровъ, свято исполнявшихъ долгъ свой.

Вамъ же, солдаты, гордость русскаго имени, вамъ Царское «ура!» прогремитъ отъ одного края родины до другого.

Подлинный подписалъ: главнокомандующій Генералъ-фельдцейхмейстеръ

МИХАИЛЪ.

* * *

Телеграммы.

Бѣлградъ, 20-го октября. Вслѣдствіе нарушенія турецкими войсками неприкосновенности сербской территоріи, бригады милиціи получили приказъ выступить на границу.

Вѣна, 20-го октября. Газетѣ «Tagblatt» сообщаютъ изъ Константинтинополя: «Начатые съ французскими агентами переговоры не удались. Турецкое правительство, крайне нуждаясь въ деньгахъ, старается въ настоящее время заключить займы на мелкія суммы у германскихъ и швейцарскихъ банкирскихъ фирмъ.

Пештъ, 19-го октября. Графъ Андраши далъ удовлетворительныя объясненія по поводу тѣхъ причинъ, которыя заставили Австрію не согласиться на заключеніе торговаго союза съ Германіей: при этомъ Андраши объявилъ, что считаетъ невозможною таможенную войну съ Германіей.

Берлинъ, 21-го октября. Вчера вечеромъ скончался фельдмаршалъ графъ Врангель, 93 лѣтъ; онъ былъ кавалеромъ орденовъ св. Андрея Первозваннаго и св. Владиміра.

Здѣшніе студенты устраиваютъ благотворительный спектакль въ пользу русскихъ раненыхъ.

Парижъ, 21-го октября. Въ свѣдущихъ кружкахъ считаютъ несомнѣннымъ, что министерство выйдетъ въ отставку. До сихъ поръ рѣчь идетъ только о сформированіи министерства изъ членовъ праваго центра. Окончательное образованіе кабинета и обнародованіе посланія послѣдуетъ, вѣроятно, послѣ отвѣта сената на посланіе маршала Макъ-Магона, появленія котораго можно ожидать.

— 22-го октября. Слухъ идетъ, что въ Парижѣ будутъ сосредоточены многочисленныя войска подъ предлогомъ затѣвающейся будто бы большей рабочей стачки.

«Moniteur» называетъ преемникомъ герцога Деказа,—который во всякомъ случаѣ выходитъ въ отставку,—маркиза де-Вогюе, посланника въ Вѣнѣ.

По самымъ новѣйшимъ извѣстіямъ, теперь идетъ рѣчь объ образованіи министерства Депейра-Вогюе (Депейръ—членъ легитимистской правой).

— 24-го октября. Маршалъ Макъ-Магонъ ведетъ переговоры съ большинствомъ сената относительно второго распущенія палаты депутатовъ; въ случаѣ отказа сената и если республиканское большинство палаты не признаетъ «дѣлового министерства» Пуйэ-Кертье, Макъ-Магонъ намѣренъ подать въ отставку.

Константинополь, 21-го октября. По оффиціальному сообщенію, численность наличнаго резерва и ландштурма простирается до 498,412 человѣкъ, изъ которыхъ 155,000 человѣкъ будутъ собраны немедленно. Наборъ доставилъ 61,795 человѣкъ; всего созвано было 226,795 человѣкъ.

* * *

Наши гравюры.

Систово.

Небольшой болгарскій городъ, при которомъ совершилась переправа главныхъ нашихъ силъ черезъ Дунай. Въ настоящее время Систово особенно облюбовано евреями, совершающими гешефтъ въ тылу арміи. Отъ Систово черезъ Дунай построенъ мостъ, служащій главнымъ средствомъ сообщенія нашей арміи съ Румыніей и Россіей.

Оригинальный мостъ въ Японіи.

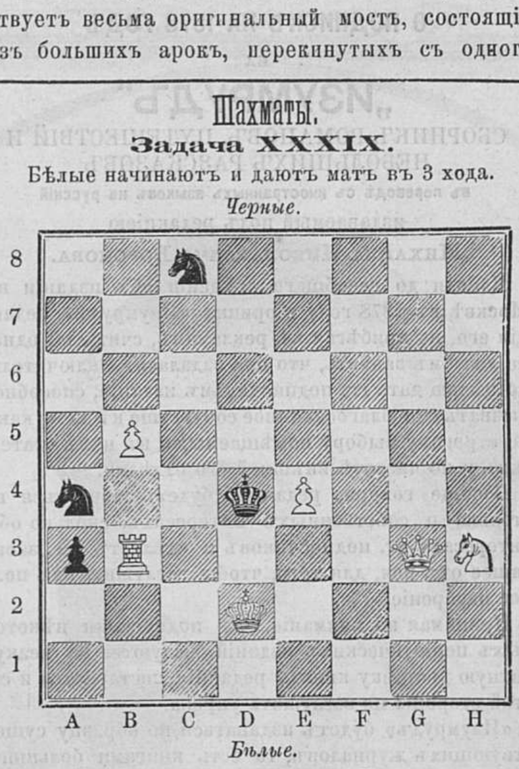
Близъ города Ивакуни, въ Японіи, существуетъ весьма оригинальный мостъ, состоящій изъ большихъ арокъ, перекинутыхъ съ одного быка на другой, но вмѣсто того, чтобы соединить верхи арокъ однимъ общимъ помостомъ, или задѣлать находящіеся между ними промежутки, японцы предпочли устроить на этихъ аркахъ ступени, по которымъ приходится подниматься и опускаться пѣшеходамъ и животнымъ. Этотъ мостъ существуетъ уже триста лѣтъ и составляетъ одну изъ достопримѣчательностей страны. Быки его выложены изъ камня; ступени деревянныя.

Шахматы.

Задача XXXIX.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Черные.



Бѣлые.

Рѣшеніе задачи № XXXVIII.

Бѣлые.	*Черные.*
1) H4—E1........	1) D2—D5 берутъ †.
2) E4—D6 † матъ и т. д.	

Почтовый ящикъ.

Фатежъ. С. А—овъ. Стихотвореніе не можетъ быть напечатано.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи. Капитанша Кваповская (продол.).—Чортовъ волосъ (продолж.). — Нечеловѣческая месть (продол.). — Стихотвор. «Надъ могилой». — Знаменитыя отравительницы (продолж.). — Атакама и Караколесъ. — Наши ближніе.—Стихотвореніе «Обломки старины».—Спорное побережье.— Новости наукъ и жизни. — Смѣсь. — Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій. — Телеграммы. — Наши гравюры. — Шахматы. — Почтов. ящикъ.— Объяв.

Гравюры: Еврейская школа.— Гаррикъ между комедіей и трагедіей.—Надъ могилой.—Систово.—Карта Боливіи.—Обломки старины.—Братья Кайроли.—Японскій мостъ.—Карта Карса.—Почталіонъ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій**.

Объявленія.

О ПОДПИСКѢ НА 1878 ГОДЪ.

„БУДИЛЬНИКЪ“,

САТИРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ СЪ ХРОМОЛИТОГРАФИРОВАННЫМИ РИСУНКАМИ И КАРРИКАТУРАМИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

НА ГОДЪ:

Безъ доставки......................	6 р. — коп.
Съ доставкою въ Москвѣ..........	7 » — »
Съ пересылкой въ города..........	7 » 50 »

НА ПОЛГОДА:

Безъ доставки......................	3 р. 50 коп.
Съ доставкою........................	4 » — »
Съ пересылкою......................	4 » 50 »

За перемѣну адреса редакція взимаетъ 20 к. с.

Подписка принимается: въ Москвѣ—въ редакціи (на большой Никитской), у Н. А. Мейера (Маросѣйка, домъ Леонова) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ*).

Кромѣ Москвы подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ всѣхъ губернскихъ городовъ Имперіи. Въ Парижѣ: въ главной конторѣ Общества Гавасъ, Лафиттъ и К⁰—Paris, Place de la Bourse, № 8.

Редакція покорнѣйше проситъ гг. иногородныхъ подписчиковъ присылать свои требованія заблаговременно, дабы предотвратить несвоевременную высылку журнала.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1878** ГОДЪ.

ОСНОВАНЪ ВЪ 1831 ГОДУ. ВАЗА **СУЩЕСТВУЕТЪ 46 ЛѢТЪ.**

ЖЕНСКІЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ РУКОДѢЛЬНО-МОДНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

Выходитъ 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца большими тетрадями.

24 номера журнала, **12** рукодѣльно-модныхъ и **12** литературныхъ (романы, повѣсти, стихотворенія, путешествія, анекдоты, домашнее хозяйство и т. п.).

1000 политипажей въ текстѣ.

24 раскрашенныя модныя гравюры.

12 листовъ литографирован. узоровъ и выкроекъ.

24 вырѣзныхъ выкроекъ во весь ростъ.

6 раскрашенныхъ узоровъ и до **30** узоровъ для различныхъ женскихъ работъ и рукодѣлій.

Карманный календарь на 1878 годъ.

Каждый подписчикъ **1878** года получитъ **ШЕСТЬ ПРЕМІЙ** а именно:

I. **Альбомъ русскихъ дѣятелей и героевъ настоящей войны** (20 большихъ гравир. портретовъ, на толстой атласной бумагѣ, съ біографіями).

II. **Экранъ для камина** съ тремя фигурами (шелкъ, шерсть, канва и узоръ).

III. **Плато подъ лампу,** большое (круглая съ тиснеными ажурными краями серебряная канва, гарусъ и узоръ).

---

*) У Н. А. Мейера—исключительный пріемъ объявленій и рекламъ.

IV. **Скамейка для ногъ** (канва, шерсть и узоръ въ персидскомъ вкусѣ).

V. **Салфетка для сухарницы** (канва Ява съ бахрамой, гарусъ и узоръ).

VI. **Пара манжетныхъ запонокъ** черепаховыхъ инкрустированныхъ золотомъ и перламутромъ.

Внесшимъ или приславшимъ подписныя деньги до 1-го января преміи будутъ отправлены въ январѣ;—до 1-го февраля—въ февралѣ и т. д.

Годовые подписчики **безъ премій** желающіе получить альбомъ, благоволятъ заявить свое желаніе не позже 1-го декабря съ приложеніемъ 1 р. на укупорку и пересылку альбома.

Всѣ шесть премій высылаются одновременно — посылкою.

46-ти лѣтняя извѣстность журнала можетъ служить гарантіей акуратнаго и точнаго выполненія настоящей программы.

Для служащихъ допускается разсрочка по третямъ; для неслужащихъ по соглашенію.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На годъ безъ премій...	**7** р.—к.	(безъ пер. **6** р.—к.)
На полгода безъ премій	**4** р.—к.	(безъ пер. **3** р. **40** »)
На 3 мѣсяца безъ премій	**1** р. **80** к.	(безъ пер. **1** р. **40** к.)

Съ ПРЕМІЯМИ 5 руб. дороже.

На укупорку премій Редакція проситъ выслать 40 к. (марками).

Адресъ: **С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „ВАЗА“.**

РУССКАЯ ГАЗЕТА

ПОДПИСКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ:

	Безъ доставки.	Съ дост. и пер.
На годъ.........	6 руб. 50 коп.	8 руб. — коп.
» полгода......	3 » 50 »	4 » 25 »
» три мѣсяца...	2 » — »	2 » 50 »
» одинъ мѣсяцъ	1 » — »	1 » 15 »

Отдѣльные нумера продаются въ Редакціи по 5 к.

Съ октября «Русская Газета» выходитъ въ форматѣ большого листа.

Подписка принимается: въ конторѣ Редакціи (Арбатъ, д. Лазарикъ, № 2), въ книжныхъ магазинахъ **въ Москвѣ:** Соловьева, Мамонтова, Вольфа, Анисимова, Кольчугина, Васильева, Юрьева.

Въ С.-Петербургѣ: Мамонтова, Вольфа, Анисимова, Печаткина.

Гг. иногородные подписчики благоволятъ обращаться непосредственно въ контору Редакціи.

ВЪ 1878 ГОДУ

„СЕМЬЯ И ШКОЛА“,

(годъ восьмой).

Иллюстрированный журналъ домашняго и общественнаго воспитанія, будетъ выходить ежемѣсячно, по 10 — 12 печати листовъ, въ двухъ книгахъ (за исключеніемъ мѣсяцевъ іюня и іюля, когда выходитъ только по одной книгѣ), въ $^1/_8$ долю листа.

Въ теченіи семилѣтняго существованія «Семья и Школа» постоянно имѣла цѣлію: во I-хъ) содѣйствовать правильной постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла и распространенію въ обществѣ здравыхъ педагогическихъ понятій: во 2-хъ) давать возможно лучшій матеріалъ для умственнаго и физическаго развитія нашего юношества.

Сообразно этой цѣли, «Семья и Школа» выходитъ въ двухъ книгахъ:

Книга I. (**Семейное чтеніе**). Сюда входятъ статьи религіозно-нравственнаго содержанія, разсказы, стихотворенія, путешествія, жизнеописанія и пр., а также игры, работы, рукодѣлія, мастерства и проч. матеріалъ для физическаго и умственнаго развитія. Всюду, по мѣрѣ надобности, прилагаются рисунки и картины.

Книга II. (**Воспитаніе и обученіе**). Содержитъ въ себѣ: общія статьи педагогическаго содержанія, статьи по воспитанію и обученію домашнему и общественному и физическому; критику и библіографію; біографическіе очерки педагоговъ и статьи по исторіи педагогіи; смѣсь; отдѣлъ математическій (самостоятельныя изслѣдованія въ области элементарной математики; разработка тѣхъ или другихъ частей курса средне-учебныхъ заведеній на научно-педагогическихъ основаніяхъ; историческія замѣтки; библіографія и т. п.).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На полный журналъ (22 кн.).

I. Въ С.-Петербургѣ 1) безъ доставки	11 руб.	— к.
Въ С.-Петербургѣ 2) съ доставкою...	11 »	50 »
II. Въ Имперіи..........................	12 »	— »
III. За границу..........................	16 »	— »

На „Семейное чтеніе“. (12 кн.).

I. Въ С.-Петербургѣ 1) безъ доставки	9 руб.	— к.
Въ С.-Петербургѣ 2) съ доставкою..	9 »	50 »
II Въ Имперіи..	10 »	— »
III. За границу..........................	13 »	— »

„На Воспитаніе и обученіе“ (10 кн.).

I. Въ С. Петербургѣ 1) безъ доставки	4 руб.	— к.
Въ С.-Петербургѣ 2) съ доставкою...	4 »	50 »
II. Въ Имперіи..........................	5 »	— »
III. За границу..........................	7 »	— »

Подписка принимается а) при городской конторѣ редакціи **Васильевскій островъ, по 9 линіи, между Большимъ и Средними проспектами, д. № 24, кв. № 6**; в) **иногородные и заграничные** высылаютъ по почтѣ **исключительно въ главную контору** (С.-ПБ. Васил. остр., 15 линія, д. № 8, кв. № 20), съ сообщеніемъ подробнаго адреса, имени, отчества, фамиліи и того почтоваго учрежденія, его губерніи и уѣзда, гдѣ есть выдача газетъ и журналовъ.

Мѣста и лица, желающія получить извѣщеніе о полученіи денегъ, благоволятъ высылать въ контору 8-копѣечную марку, а желающіе получить **билетъ конторы**, кромѣ того, присовокуплять 5-копѣечную марку.

Издатель **К. Нраевичъ**. Редакторъ **Юл. Симашко.**

О ПОДПИСКѢ НА 1878 ГОДЪ

НА

„ИЗУМРУДЪ“

СБОРНИКЪ РОМАНОВЪ, ПУТЕШЕСТВІЙ И НЕБОЛЬШИХЪ РАЗСКАЗОВЪ

въ переводѣ съ иностранныхъ языковъ на русскій

издаваемый подъ редакціею

Михаила Николаевича Воронова.

Доводя до всеобщаго свѣденія объ изданіи въ Москвѣ въ 1878 году сборника «Изумрудъ», редакція его, не прибѣгая къ рекламамъ, считаетъ однако долгомъ заявить, что она задалась исключительно цѣлью дать гг. подписчикамъ изданіе, способное вызвать ихъ благосклонное сочувствіе къ нему какъ по строгому выбору помѣщаемыхъ въ немъ статей, такъ и по чистотѣ внѣшней его отдѣлки.

Вообще говоря, редакція будетъ заботиться не столько о собственныхъ интересахъ, сколько объ интересахъ гг. подписчиковъ и сдѣлаетъ все, зависящее отъ нея, для того, чтобы заслужить ихъ полное одобреніе.

Принимая во вниманіе, что подписчики нѣкоторыхъ періодическихъ изданій жалуются на неакуратную доставку книгъ, редакція постарается и съ этой стороны не заслужить упрека.

«Изумрудъ» будетъ издаваться по образцу существующихъ журналовъ, то есть книгами большого формата и выходить въ опредѣленные сроки, а именно между 10 и 20 числами января, марта, мая, іюля, сентября и ноября мѣсяцевъ.

Въ сборникѣ будутъ помѣщаться романы, путешествія и небольшіе разсказы, принадлежащіе перу даровитѣйшихъ иностранныхъ писателей.

Подписная цѣна за годовое изданіе «Изумруда» состоящее изъ шести книгъ:

Въ Москвѣ безъ доставки на домъ 5 р.

» » съ доставкою на домъ 5 р. 50 коп.

Съ пересылкою иногороднымъ. . . . 6 р.

Кромѣ того, редакція проситъ гг. подписчиковъ прилагать 8-ми копѣечную марку для высылки имъ билета служащаго квитанціей въ полученіи отъ нихъ денегъ.

Въ первой книгѣ сборника редакція предполагаетъ помѣстить романъ подъ названіемъ **Роковое кольцо**, оставляя, впрочемъ, за собой право замѣнить его другимъ, если встрѣтится что-либо интереснѣе.

Желающіе получать «Изумрудъ» въ 1878 году и внесшіе слѣдуемыя за него деньги до 15 декабря 1877 года получатъ безплатно интересный историческій романъ подъ названіемъ «Мануилъ Комненъ, императоръ Византіи», который отдѣльно будетъ продаваться по 2 рубля за экземпляръ.

Библіотеки для чтенія общественныя, полковыя и частныя при подпискѣ пользуются 10% уступки.

Для чиновниковъ, служащихъ въ Петербургѣ и Москвѣ, дѣлается разсрочка по третямъ за поручительствомъ ихъ гг. казначеевъ въ акуратномъ разсчетѣ и съ обязательствомъ не прерывать подписки до истеченія годичнаго срока.

Подписка на «Изумрудъ» принимается въ Москвѣ: въ Конторѣ редакціи и въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева, (Страстной бульваръ); Центральномъ, (Никольская, д. Славянскаго Базара); Братьевъ Улитиныхъ, противъ Малаго Театра, (д. Грузинскихъ Царевичей); В. Д. Кашкина, (Газетный переулокъ, д. Хвощинскаго) и М. О. Вольфа, (на Кузнецкомъ мосту).

Гг. иногородные благоволятъ обращаться исключительно только къ редактору «Изумруда», адресуя свои требованія слѣдующимъ образомъ: Въ г. Москву, въ Контору редакціи сборника «Изумрудъ», на углу Тверской и Газетнаго переулка домъ № 280. Михаилу Николаевичу Воронову.

Примѣчаніе. Гг. иногородныхъ просятъ не смѣшивать редакціи «Изумруда» съ редакціею издающагося въ Москвѣ «журнала иностранныхъ переводныхъ романовъ», помѣщавшейся прежде на Тверской улицѣ и переведенной въ другое мѣсто, ибо какъ между упомянутыми редакціями, такъ и между изданіями ихъ ничего нѣтъ общаго.

Редакторъ-издатель **М. Н. Вороновъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА САМУЮ ДЕШЕВУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„НОВОСТИ“

на **1878** годъ.

Газета **„новости“** выходитъ **безъ предварительной цензуры** ежедневно, не исключая понедѣльниковъ, полными нумерами, а въ дни, слѣдующіе за табельными праздниками, въ видѣ прибавленій или телеграфныхъ бюллетеней.

Газета «Новости», по подписной цѣнѣ, **на половину дешевле всѣхъ большихъ ежедневныхъ газетъ**, а по разнообразію, полнотѣ и свѣжести содержанія, стоитъ на одномъ уровнѣ съ ними, въ чемъ можетъ убѣцитсся каждый читатель, сравнивъ содержаніе любого нумера «Новостей» съ нумерами другихъ газетъ, вышедшими въ одинъ и тотъ же день.

Условія подписки:

Съ доставкою въ С.-Петербургѣ:

на 1 г.,	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.
руб.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.
8	7 50	7 —	6 50	6 —	5 50	5 —

5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
р. к.	р. к.	р к.	р. к.	р. к.
4 50	3 80	3 —	2 —	1 —

Съ пересылкою:

на 1 г.,	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.
руб.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.
9	8 25	7 50	7 —	6 50	5 75	5

5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.
4 50	4 --	3 —	2 —	1 —

Подписывающіеся сразу на всѣ послѣдніе мѣсяцы 1877 г. и на весь 1878 г., безъ разсрочки, прибавляютъ къ годовой подписной цѣнѣ по 75 к. за каждый лишній мѣсяцъ. Такимъ обррзомъ, за время, напримѣръ, съ 1-го сентября 1877 г. по 1 января 1879 г., т. е. **за 16 мѣсяцевъ,** платятъ **всего 12 р.,** съ 1-го октября 1877 г. по 1 января 1879 г., т. е. **за 15 мѣсяцевъ — всего 11 р. 25 к.,** съ 1-го ноября — всего 10 р. 50 к., и съ 1-го декабря 9 р. 75 к.

Разсрочка платежа допускается чрезъ посредство казначеевъ или по соглашенію съ конторою редакціи.

Письма и деньги адресуются: **въ Петэрбургъ, въ редакцію газеты „Новости“.**

При слѣдующемъ нумерѣ Живописнаго Обозрѣнія разсылается всѣмъ подписчикамъ приложеніе за ноябрь „ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО“, и драма въ пяти дѣйствіяхъ „МАРКО ФОСКАРИНИ“.

ОТЪ КОНТОРЫ „ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ“. Такъ какъ заготовка переплетовъ для „Живописнаго Обозрѣнія“ требуетъ времени, а также конторою журнала будутъ заказаны по количеству требованій — то покорнѣйше просятъ гг. подписчиковъ, желающихъ имѣть готовые переплеты, заявить объ этомъ возможно скорѣе съ указаніемъ желаютъ-ли получить два полугодовыхъ, или одинъ годовой переплетъ.

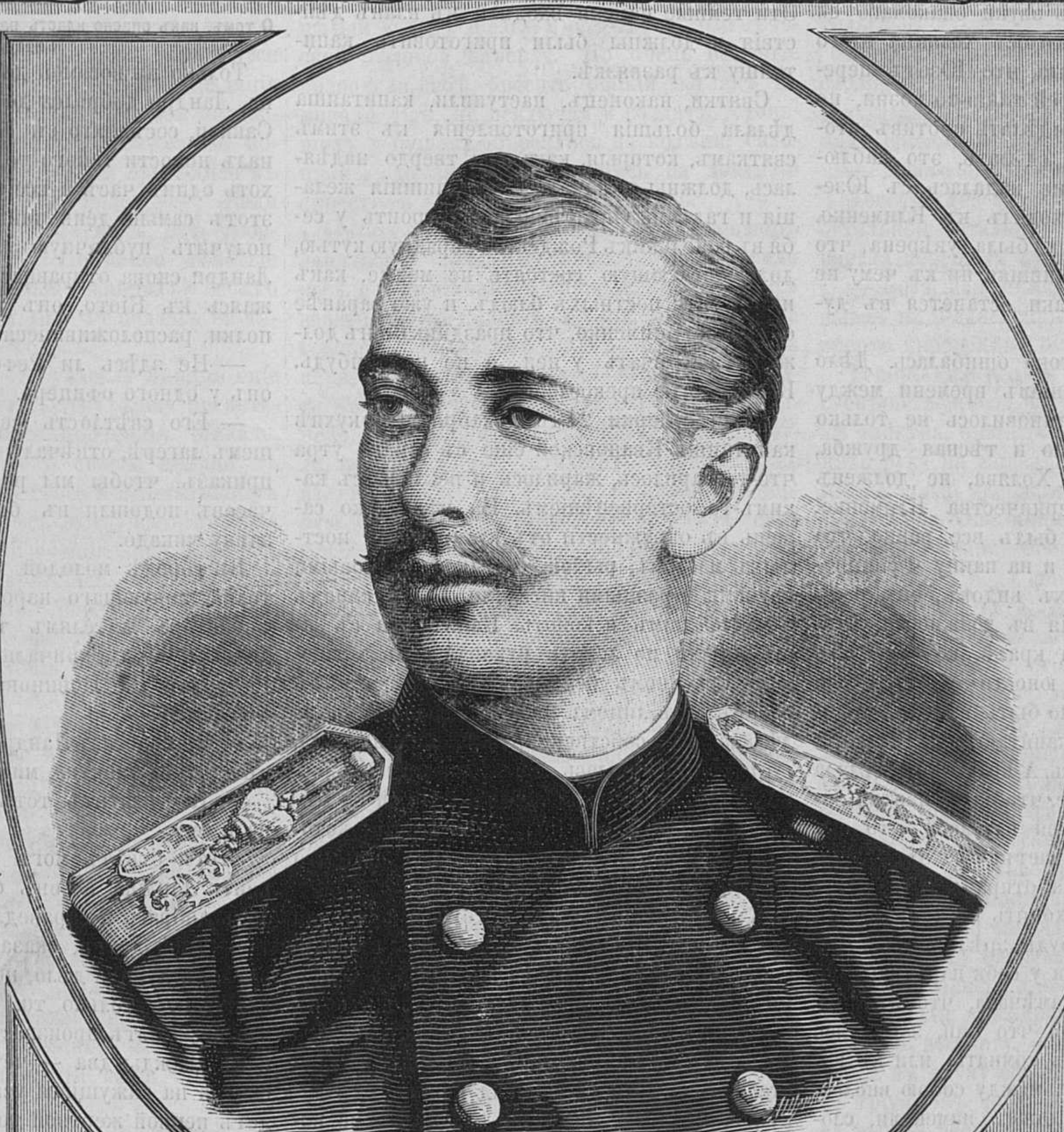
Цѣна каждому переплету: съ пересылкой 1 р. 75 коп. (до 1000 верстъ), — безъ пересылки 1 р. 25 коп.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29 Октября 1877 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

Живописное Обозрѣніе

№ 45. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода—4 р. 50 к. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 6 Ноября 1877 года. *Адресъ конторы редакціи:* С.-П.-бургъ, Троицкій переулокъ, домъ № $27/_1$. **Годъ V.**

Гос. Публичная



Е. И. В. Князь
Сергій Максиміліановичъ Романовскій,
Герцогъ Лейхтенбергскій.

Капитанша Кваповская.

Повѣсть **Л. Левавды.**

(*Продолженіе.*)

VIII.

Нисколько не сомнѣваясь, что Клименко непремѣнно станетъ ухаживать за панной Франциской, которая не могла же ему не понравиться, и кончитъ тѣмъ, что сдѣлаетъ ей предложеніе, прозорливая капитанша, въ видахъ устраненія препятствій, затрудненій и интригъ, сочла нужнымъ на слѣдующій же день отослать пану Холявѣ его гитару, изъ чего сей долженъ былъ заключить, что ходить въ домъ капитанши онъ теперь не долженъ.

Гитара дѣйствительно была въ тотъ-же день отправлена и не только она одна, а въ ней и четвертушка исписанной бумаги; но черезъ нѣсколько дней гитара опять очутилась подъ кровлей знакомаго ей дома, только не въ комнатѣ самой капитанши, а въ квартиркѣ ея жильца. Дѣло въ томъ, что Клименко, желая усовершенствоваться въ игрѣ на гитарѣ подъ руководствомъ такого отличнаго гитариста, попросилъ пана Холяву, чтобы онъ приходилъ къ нему по вечерамъ вмѣстѣ музыцировать, на что тотъ охотно согласился. Капитанша была внѣ себя, когда изъ комнаты Клименко къ ней въ первый разъ донеслись звуки знакомаго ей инструмента и даже голосъ хозяина этого инструмента. Она поняла, что Юзефъ перехитрилъ ее и строитъ ей какія-то козни, но она ничего не могла подѣлать противъ этого. Все, что она могла сдѣлать, это наблюдать, чтобы Франуся не видалась съ Юзефомъ, когда тотъ приходилъ къ Клименко. Она такъ и сдѣлала и была увѣрена, что козни хитраго мѣщанинишки ни къ чему не поведутъ, и онъ все-таки останется въ дуракахъ.

Но капитанша жестоко ошибалась. Дѣло въ томъ, что съ теченіемъ времени между молодыми людьми установилось не только близкое знакомство, но и тѣсная дружба, тѣмъ болѣе, что панъ Холява, не долженъ былъ опасаться соперничества Клименко, такъ-какъ послѣдній былъ все равно, что помолвленный женихъ и на панну Франциску не имѣлъ никакихъ видовъ; онъ ожидалъ только повышенія въ должности, чтобы жениться на своей кралѣ, которую онъ полюбилъ въ ранней юности своей. Стало быть, ничто не мѣшало быть имъ закадычными друзьями, чего капитанша не знала, да и не должна была знать. А потому она дѣлала все отъ нея зависящее, чтобы сблизить Клименко съ Франусей и ей казалось, что она отлично въ томъ успѣваетъ. Она часто оставляла ихъ однихъ дома, отправляла ихъ гулять, позволяла имъ сходить въ театръ или на другое какое нибудь зрѣлище, каждое воскресенье устраивала у себя парадный чай и съ удовольствіемъ замѣчала, что это имъ обоимъ весьма пріятно, что они, забираясь въ какой нибудь уголъ комнаты или въ каморку, разговариваютъ между собою вполголоса, но оживленно и даже... намеками, словомъ, все идетъ, какъ слѣдуетъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, и не понимать, куда все это клонится, можетъ развѣ какой-нибудь идіотъ.

Но капитанша при всей оборотливости своего ума, все таки не могла знать, что предметомъ ихъ разговоровъ вполголоса составляютъ изліяніе сердца съ одной стороны и утѣшеніе съ другой, что Клименко играетъ роль наперсника, повѣреннаго, совѣтника, но отнюдь не жениха. Судьба страдающихъ любовниковъ, созданныхъ другъ для друга, но встрѣчающихъ препятствіе къ своему счастію въ несбыточныхъ мечтаніяхъ и комбинаціяхъ какой-то взбалмашной старухи, такъ трогала его, что онъ рѣшился помочь имъ, чѣмъ только можетъ, и словомъ, и дѣломъ, лишь-бы выдуманъ былъ какой нибудь подходящій планъ дѣйствія. Онъ долго ломалъ себѣ голову, совѣтовался съ паномъ Фердинандомъ, который втайнѣ отъ капитанши уже давно состоялъ союзникомъ молодыхъ людей, совѣтовался съ своими товарищами по службѣ, и плодомъ долгихъ совѣщаній было то, что планъ былъ, наконецъ, найденъ и одобренъ всѣми, согласившимися участвовать въ заговорѣ противъ упорной капитанши. Исполненіе же этого плана было отложено до приближающихся святокъ, времени, когда можно будетъ дѣйствовать свободно, энергически и безостановочно. Такимъ образомъ, всѣ заинтересованныя въ заговорѣ лица ожидали наступленія святокъ съ большимъ нетерпѣніемъ.

Съ такимъ же, а можетъ быть, еще съ большимъ нетерпѣніемъ ожидала святокъ и сама капитанша Кваповская, по разсчету которой выходило, что на святкахъ судьба Франуси будетъ окончательно рѣшена, такъ какъ Клименко иногда прямо, а иногда косвенно намекалъ на что-то въ этомъ родѣ. Эти темные намеки входили въ планъ дѣйствія и должны были приготовить капитаншу къ развязкѣ.

Святки, наконецъ, наступили, капитанша дѣлала большія приготовленія къ этимъ святкамъ, которыя, какъ она твердо надѣялась, должны увѣнчать ея давнишнія желанія и гаданія. Она рѣшилась устроить у себя въ сочельникъ Рождества парадную кутью, долженствующую состоять не менѣе, какъ изъ десяти постныхъ блюдъ, и уже заранѣе объявила Клименко, что праздникъ онъ долженъ встрѣчать у нея, а не гдѣ нибудь. Клименко не прекословилъ.

Были сумерки 24-го декабря. На кухнѣ капитанши Кваповской еще съ самаго утра что-то варилось, жарилось и пеклось съ какимъ-то остервенѣніемъ. На нѣсколько саженъ въ окружности отъ кухни несло постнымъ масломъ, рыбой, селедкой, перловыми крупами и разными киселями. Былъ смрадъ и чадъ, дымъ и копоть. Капитанша съ засученными по локоть рукавами, въ холщевомъ кухонномъ передникѣ и съ краснымъ взопрѣлымъ лицомъ работала за шестерыхъ, дѣлала все собственноручно, командовала, суетилась, бранилась и отвѣдовала кушанья, не пересолено-ли или не досолено; ей по мѣрѣ силъ помогали Франуся и Марта, которая была вся перемарана сажей, такъ что на ней лица не было видно.

Къ вечеру все было готово и кухонная кутерьма угомонилась. Капитанша съ Мартой накрывали на столъ въ залѣ, а Франциска отпросилась въ городъ—сходить къ швеѣ за своимъ новымъ платьемъ, котораго та что-то не приносила. У Зарѣченскаго креста она сошлась съ поджидавшимъ ее Клименко, сѣла съ нимъ на извощика, на вопросъ котораго: «куда прикажите?» Клименко отвѣчалъ: «на Набережную».

На Набережной они остановились у воротъ очень скромнаго деревяннаго домика, вышли изъ саней и направились къ крыльцу ярко освѣщеннаго флигеля. Здѣсь жилъ товарищъ по службѣ Клименко, человѣкъ семейный, который былъ посвященъ въ интригу и охотно согласился дать пріютъ бѣдной дѣвушкѣ, пока все будетъ улажено.

Этотъ товарищъ по службѣ и его жена приняли панну Франциску весьма радушно, успокоили ее, что она у простыхъ и добрыхъ людей, у которыхъ она должна чувствовать себя, какъ дома, утѣшали ее, что все перемелется и мука будетъ, что безъ передрягъ не возможно и т. д. Клименко-же, посидѣвъ немного и еще разъ поручивъ свою протеже ихъ попеченію, укатилъ на томъ-же извощикѣ домой, такъ-какъ ему слѣдовало быть на кутьѣ капитанши Кваповской.

У капитанши между тѣмъ все было готово къ открытію праздника: лампы зажжены, столъ накрытъ на четыре прибора, она сама одѣта по праздничному, даже Марта умылась, причесалась и надѣла свое ситцевое платье и бѣлый передникъ. Она хотѣла было уже кстати надѣть и свою новую камлотовую кофту и пестрый платокъ, который подарилъ ей на праздникъ Клименко, но капитанша сказала, что не нужно, такъ какъ это будетъ только мѣшать ей прислуживать.

(*Продолженіе будетъ.*)

Чортовъ волосъ.

(Фантастическое путешествіе въ Японію.)

Эдуарда Кадоля.

(*Продолженіе.*)

Глава XVI.

О томъ, какъ опасно класть палецъ между тайкуномъ и микадо.

Только на восьмой день, на восходѣ солнца, Ландри добрался до маленькаго городка Саккаи, сосѣдняго съ Кіото. Тамъ онъ узналъ новости такого рода, что промедли онъ хоть одинъ часъ и все могло погибнуть. Въ этотъ самый день тайкунъ долженъ былъ получить публичную аудіенцію у микадо. Ландри снова отправился въ путь. Приближаясь къ Кіото, онъ увидѣлъ на равнинѣ полки, расположившіеся лагеремъ.

— Не здѣсь ли Реформаторъ? спросилъ онъ у одного офицера.

— Его свѣтлость сегодня былъ въ нашемъ лагерѣ, отвѣчалъ якунинъ,—и отдалъ приказъ, чтобы мы ровно въ двѣнадцать часовъ подошли въ боевомъ порядкѣ къ замку микадо.

Въ городѣ молодой человѣкъ встрѣтилъ толпы ликующаго народа. По приказу Реформатора жителямъ только что роздали деньги. Всюду кричали: «Да здравствуетъ Реформаторъ! Повиновеніе и уваженіе Реформатору!»

— Но, спросилъ Ландри,—отчего вы не привѣтствуете тайкуна, микадо или принца Аки?

— Кто платитъ, тотъ и повелитель, отвѣчали ему.

Этотъ отвѣтъ могъ бы нѣсколько успокоить Ландри, но онъ снова услышалъ голосъ добраго и справедливаго чорта.

— Твой другъ, сказалъ ему Асмодей, — затѣялъ дурное дѣло, но знай, что каждый пожинаетъ только то, что посѣялъ, и что зло не можетъ произвести добра. Это вѣрно, какъ дважды два — четыре. И потому, несмотря на кажущійся успѣхъ, Фелисьенъ будетъ первой жертвой того, что онъ подготовляетъ.

Ландри продолжалъ путь. Наконецъ, онъ пришелъ ко дворцу. Здѣсь стояла двадцати тысячная армія и удерживала на извѣстномъ разстояніи массу народа, собравшагося со всѣхъ концовъ имперіи. Солдаты были построены передъ священнымъ мія, т. е. передъ храмомъ, гдѣ происходятъ торжественныя аудіенціи и гдѣ неподвижный, безстрастный и безгласный микадо принимаетъ, едва видимый самимъ тайкуномъ, безмолвное поклоненіе простыхъ смертныхъ. Передъ лѣстницей была оставлена большая площадка. На ней и на ступеняхъ лѣстницы были постланы роскошные ковры, для того, чтобы тайкунъ, подойдя на приличное разстояніе къ микадо, могъ пасть передъ нимъ ницъ, что требовалось этикетомъ. Но какъ бы для почести микадо, стояли полукругомъ двѣнадцать пушекъ. Ихъ жерла были направлены на мѣсто, приготовленное для феодальной аристократіи. У каждой пушки стоялъ солдатъ съ зажженнымъ фитилемъ.

Только два человѣка стояли въ охраняемомъ кругѣ. Одинъ принцъ Аки, другой Фелисьенъ. Оба они, безмолвные и серьезные, какъ бы мѣрили другъ друга взглядами; инстинктъ говорилъ каждому изъ нихъ, что другой что-то замышляетъ, и хотя оба были сильно взволнованы, но старались скрыть свое безпокойство и только блѣдность, порою набѣгавшая на ихъ лица, выдавала ихъ.

Ландри не безъ труда пробрался настолько близко, чтобы увидать своего друга. Фелисьенъ выглядѣлъ величественно; но, по выраженію его лица, Ландри сейчасъ же замѣтилъ, что онъ былъ очень взволнованъ. Ландри хотѣлъ подойти къ нему. Солдаты загородили ему дорогу. Онъ сталъ настаивать, ему пригрозили арестомъ. Онъ принужденъ былъ остаться на своемъ мѣстѣ пассивнымъ зрителемъ происшествія, въ которомъ другъ его, можетъ быть, поплатится жизнью. О! кто можетъ описать страданія бѣднаго молодого человѣка? Придти издалека и не быть въ состояніи ничѣмъ не помочь дорогому другу! Ландри приходила въ голову мысль закричать Фелисьену: «Ради самого Бога, откажись, безумецъ, отъ твоего роковаго проекта!» Но какое дѣйствіе произвелъ бы подобный скандалъ? и кто знаетъ, услышалъ-ли бы Фелисьенъ на такомъ разстояніи его голосъ.

Вдругъ толпа народа увлекла Ландри еще дальше, на возвышеніе, откуда ему представился общій видъ всей церемоніи. Микадо, торжественно шелъ изъ своего дворца въ мія, гдѣ онъ, сидя на своемъ недосягаемомъ тронѣ, долженъ будетъ выслушать просьбу того, который, будучи офиціально только его намѣстникомъ, распоряжался, какъ неограниченный властитель. Торжественное шествіе вызвало въ толпѣ народа и солдатъ глухой ропотъ удивленія. Противъ обычая, ни одинъ изъ феодаловъ, не былъ вооруженъ. Всѣ они были одѣты въ придворныя платья, но безъ двухъ ихъ сабель, какъ подобало по обычаю. Неужели они не хотятъ сопротивляться? Съ чего же распространился слухъ о готовящемся возмущеніи? Для чего выставили эти грозныя пушки? Неужели феодалы рѣшились покорно нести иго тайкуна и готовы выдать ему микадо? За дайміосами слѣдовали монахи культа Ками и жрецы Будды, одѣтые каждый по своему вкусу. Потомъ ѣхали тяжелые экипажи, парадныя кареты, запряженныя черными буйволами, которыми правили пажи. Въ нихъ сидѣли тринадцать законныхъ женъ микадо, который одинъ въ японской имперіи имѣетъ право на роскошь многоженства. За ними слѣдовали въ роскошныхъ крытыхъ паланкинахъ пятьдесятъ незаконныхъ женъ микадо и фрейлины Кизаки. Потомъ цѣлая вереница монаховъ по двое въ рядъ съ четками въ рукахъ. За ними шла гвардія микадо, неся знаки его верховной власти: 1) зеркало Изананеи, богини, родившей на островѣ Адвадзи солнце—родоначальника микадо; 2) бумажныя знамена побѣдителя Зимму; 3) саблю Ямато, который отрубилъ восемь головъ гидры (для умилостивленія гидры ей приносили въ жертву дѣвушекъ изъ самыхъ аристократическихъ семействъ); 4) печать основателя имперіи; и, наконецъ, 5) скипетръ, принадлежавшій еще первому монарху. Сложенный, онъ имѣлъ видъ вѣера, что указываетъ на употребленіе вѣера японцами въ самыя древнія времена.

За гвардіей слѣдовалъ гигантскій паланкинъ закрытый со всѣхъ сторонъ, и украшенный священными изображеніями. Онъ былъ такъ великъ и тяжелъ, что тридцать носильщиковъ съ трудомъ несли его. На высокой крышѣ была сдѣлана священная птица Фоо, которая держала въ когтяхъ земной шаръ. Глаза ея были обращены къ солнцу. Въ этомъ паланкинѣ сидѣлъ микадо, невидимый, одинокій. Кругомъ царскаго паланкина, шли молчаливыя, скромныя и сосредоточенныя, какъ весталки, молодыя женщины, приставленныя для услугъ микадо. Процессія дошла до мія; свита встала на назначенное ей мѣсто, а императорскій паланкинъ исчезъ во внутренности храма.

Прошло около часу. Монахи молились. Наконецъ, тихая и монотонная музыка возвѣстила о томъ, что за ширмами монархъ сѣлъ на свой тронъ. Ширмы раздвинулись и въ полусвѣтѣ можно было неясно различить цѣлый ворохъ шелку и золота съ человѣческой головой наверху. Но очень немногіе позволили себѣ бросить робкій взглядъ на микадо. Всѣ, не исключая и солдатъ, стоявшихъ у пушекъ, бросились на колѣни, склонились до земли и, опершись на локти и скрестивъ руки, закрыли ими лицо.

Въ эту минуту изъ запертаго до сихъ поръ павильона, появился тайкунъ. Стоя, среди колѣнопреклоненнаго народа, онъ казался властелиномъ имперіи. Съ высоко поднятой головой, твердой поступью онъ подошелъ къ первой ступени лѣстницы. Онъ не сомнѣвался въ томъ, что его желаніе будетъ исполнено. Собранныя военныя силы, должны были, по его мнѣнію, устрашить микадо, даже въ его резиденціи. Но, поднявшись на первую ступень, онъ невольно опустилъ свои глаза предъ взглядомъ монарха, однакожь продолжалъ идти далѣе. Поднявшись на лѣстницу, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ трона, онъ вынулъ декретъ о реформѣ и, преклонивъ колѣна, положилъ его въ бронзовую урну, стоявшую на низкомъ столикѣ. Затѣмъ онъ преклонился до земли и остался въ этомъ положеніи нѣсколько секундъ. Необычайный шумъ заставилъ его поднять голову и онъ едва не упалъ навзничъ. Микадо сошелъ съ трона и величественно приближался къ нему. Впродолженіи нѣсколькихъ вѣковъ, ничего подобнаго не случалось въ Японіи. Благодаря суевѣрію, всѣмъ показалось, что день сталъ свѣтлѣе, и что вся природа затрепетала. Если бы само солнце спустилось на землю, оно не произвело бы большаго эфекта. Что касается тайкуна, кровь застыла въ его жилахъ. Онъ стоялъ блѣдный съ искаженнымъ лицомъ, страхъ и гнѣвъ боролись въ немъ. Микадо взялъ декретъ и, обратясь къ присутствующимъ, медленно проговорилъ:

— Любовь къ народу побудила внука солнца покинуть небесныя сферы, его постоянное мѣстопребываніе. Съ грустію видя постоянныя волненія въ имперіи, онъ заблагоразсудилъ уволить съ сегодняшняго дня тайкуна, своего намѣстника, отъ возложенной на него обязанности. Съ этой минуты, вашъ повелитель, возвращаетъ себѣ единодержавіе. Теперь микадо самъ возьметъ на себя управленіе Японіею и займется какъ гражданскими, такъ и военными дѣлами. Я кончилъ!

Лишь только эти слова были произнесены, тайкунъ бросился къ войскамъ. Всѣ встали съ колѣнъ. Водворилась торжественная тишина.

— Микадо помѣшался! вскричалъ тайкунъ. Оцѣпите храмъ! приказалъ онъ, обращаясь къ Фелисьену.

Сотня буніосовъ и главнѣйшихъ чиновниковъ тайкунской партіи сдѣлали нѣсколько шаговъ впередъ.

— Арестуйте этихъ богохульниковъ! приказалъ Реформаторъ.

Солдаты приблизились и загородили путь буніосамъ, въ то же время принцъ Аки, дайджоканъ и четыре министра окружили микадо, чтобы въ случаѣ надобности защитить его.

— Мнѣ измѣнили! прошепталъ тайкунъ. Онъ былъ человѣкъ энергичный. Въ одну минуту въ его головѣ созрѣлъ планъ дѣйствія. Ставъ во главѣ солдатъ, составлявшихъ его собственную гвардію, онъ сказалъ имъ:

— Я становлюсь подъ вашу защиту. Я увѣренъ, что никто изъ васъ не рѣшится обезчестить себя, выдавъ своего предводителя!

Начальникъ якуниновъ, обнажилъ свои обѣ сабли, давая этимъ примѣръ своимъ людямъ и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, вскричалъ громовымъ голосомъ:

— Мѣсто его величеству тайкуну!

Десятка два солдатъ послѣдовало за нимъ, остальные остались неподвижны. Гнѣвъ генерала перешелъ въ ярость.

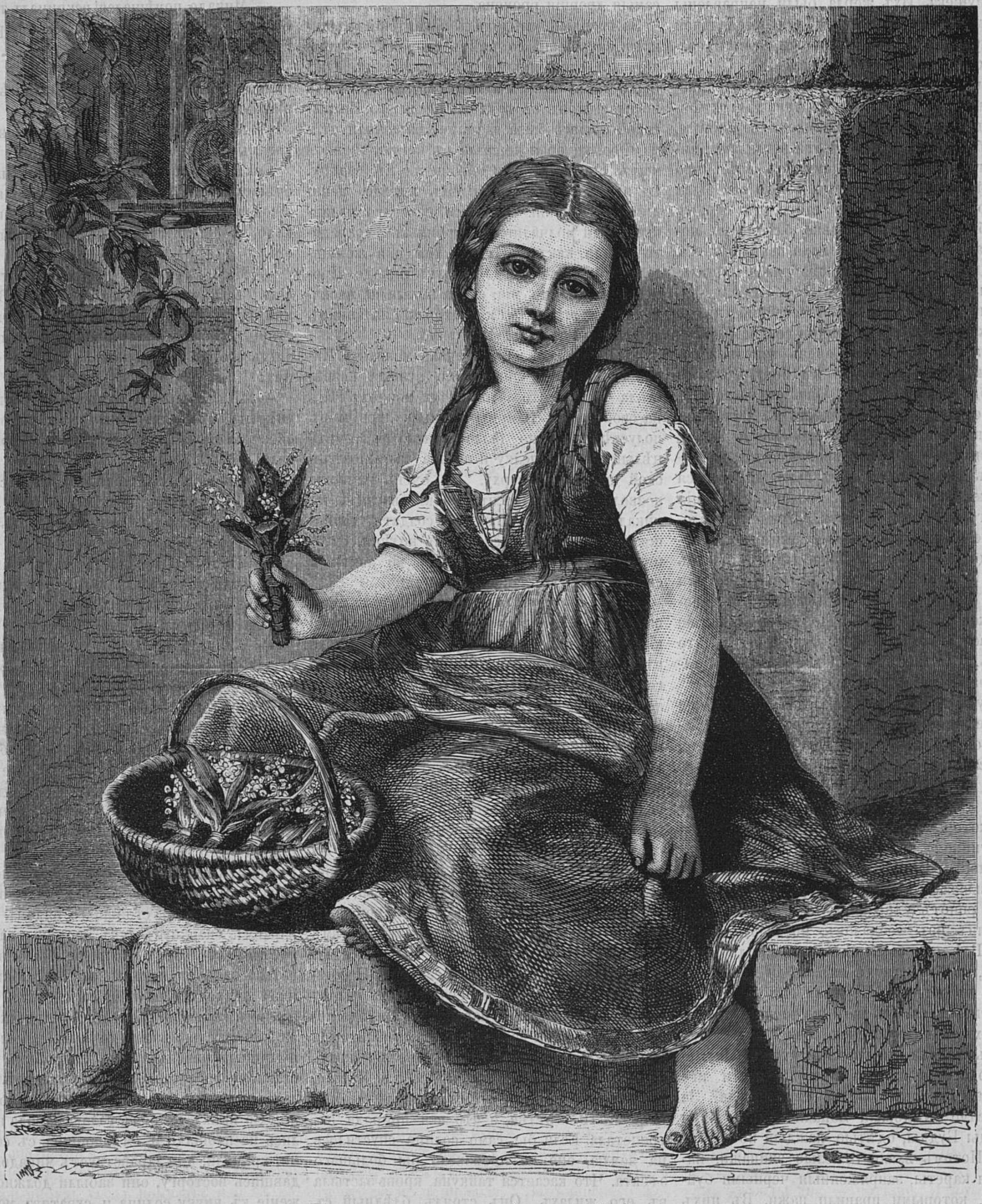
— Вотъ измѣнникъ! вскричалъ онъ, указывая на Фелисьена.—Смерть Реформатору, смерть иностранцу!

Теперь уже нельзя было разсчитывать на суевѣріе. Буніосы, заинтересованные въ успѣхѣ тайкуна, никогда не рѣшились бы поднять руку на микадо, но религіозное уваженіе не могло удержать ихъ отъ нападенія на Фелисьена. Онъ понялъ, что положеніе его сдѣлается крайне опаснымъ, если микадо не приметъ его подъ свое покровительство. Онъ взглянулъ на него. Микадо былъ невозмутимъ и Фелисьену показалось, что въ глазахъ принца Аки, стоявшаго рядомъ съ монархомъ, сверкнулъ лучъ насмѣшливаго торжества. Фелисьену некогда было задумываться надъ значеніемъ этой улыбки: якунинъ подходилъ къ нему съ поднятой саблей; за нимъ шли еще нѣсколько человѣкъ. Движимый чувствомъ самосохраненія, Фелисьенъ вытащилъ револьверъ и раздробилъ черепъ главному противнику. Этотъ выстрѣлъ сдѣлался какъ бы сигналомъ общаго пробужденія. Со всѣхъ сторонъ толпы народа прорвались на площадь и, смѣшавшись съ солдатами, кричали: «Да здравствуетъ микадо!» Поддавшись восторгу, они забыли должное уваженіе къ внуку солнца и, схвативъ монарха, съ тріумфомъ понесли его въ городъ. Свалка вышла неописанная. Весталки взяли подъ руку солдатъ. Феодалы пошли рядомъ съ чиновниками экс-тайкуна. Вездѣ раздавался крикъ, пѣніе.

По плану, условленному между нимъ и микадо, Реформаторъ долженъ былъ, при первой попыткѣ тайкунской партіи къ сопротивленію, арестовать тайкуна. Освободившись отъ нападавшихъ на него, которые обратились въ бѣгство, какъ только былъ убитъ ихъ начальникъ, Фелисьенъ самъ арестовалъ свѣтскаго монарха; съ трудомъ пробравшись чрезъ толпу, онъ отвелъ тайкуна въ павильонъ, снялъ съ него его оффиціальный нарядъ и посадилъ въ герметически-закрытый паланкинъ, въ которомъ слѣдовало отправить тайкуна въ сиро или укрѣпленный замокъ одного изъ могущественныхъ даймiосовъ. Для исполненія того Реформаторъ долженъ былъ удалиться изъ города. Онъ, впрочемъ, не горевалъ. Подготовленный имъ государственный переворотъ удался вполнѣ, и ему не о чемъ было безпокоиться. Въ слѣдующихъ тайныхъ бесѣдахъ съ своимъ царственнымъ сообщникомъ онъ разсчитывалъ изложить ему свои честолюбивыя желанія, а также сказать и о своемъ намѣреніи жениться на Ваказѣ. Теперь уже не было препятствій къ его свадьбѣ. По возвращеніи въ Кіото, ему оставалось только взять, отъ имени микадо, бразды правленія, и отдать нужныя приказанія, для отпразднованія своей свадьбы. Онъ уѣхалъ вполнѣ спокойный, хотя нѣсколько недовольный тѣмъ, что не будетъ имѣть возможность въ первое время послѣ переворота наблюдать за ходомъ событій.

Отвезя тайкуна въ крѣпость, Фелисьенъ на другой же день утромъ отправился въ обратный путь, полный надеждъ, заранѣе радуясь, что можетъ упасть къ ногамъ красавицы принцессы, какъ на половинѣ дороги, онъ замѣтилъ, что къ нему на встрѣчу бѣжитъ какой то человѣкъ и дѣлаетъ ему разные знаки. Это былъ бѣдный Ландри. Его трудно было узнать. Послѣ утомительнаго пути, пробывъ цѣлый день на ногахъ и безплодно пробиваясь черезъ толпу, чтобы добраться до своего друга, онъ былъ совершенно измученъ. Наконецъ, узнавъ вечеромъ объ оборотѣ, который приняли событія, онъ превозмогъ свою усталость и бросился искать Фелисьена. Только въ четыре часа утра, онъ узналъ какое порученіе было дано его другу; не смотря на страшную усталость, онъ снова отправился въ дорогу, надѣясь встрѣтиться съ Фелисьеномъ и во время предупредить его о томъ, что случилось въ его отсутствіе.

— Отойдемъ немного отъ твоей свиты, сказалъ онъ, задыхаясь, Фелисьену.—Мнѣ нужно сказать тебѣ кое-что по секрету.



Первые ландыши. Съ картины В. Сушона.

Фелисьенъ приказалъ своей свитѣ остановиться, и отошелъ съ Ландри къ опушкѣ бамбуковаго лѣса.

— Все погибло! сказалъ Ландри. — Въ послѣднихъ событіяхъ ты былъ только орудіемъ; всѣ тебя обманули, начиная съ микадо и кончая твоими слугами.

Фелисьенъ не хотѣлъ вѣрить, но Ландри развернулъ передъ нимъ прокламацію, въ которой микадо, объявляя о новыхъ порядкахъ и о своемъ намѣреніи продолжать реформы, но вводить ихъ иначе, чѣмъ тайкунъ, а также отрѣшалъ отъ должностей всѣхъ помощниковъ тайкуна.

— Все это, сказалъ Фелисьенъ,—было условлено. Я хорошо знаю эту прокламацію, потому что самъ составлялъ ее вмѣстѣ съ микадо. Она должна быть даже помѣчена моей печатью.

— Посмотри! отвѣчалъ Ландри.

Фелисьенъ перевернулъ страницу оффиціальной газеты и увидалъ свое имя, но не въ томъ мѣстѣ, гдѣ ему слѣдовало быть по его предположенію. Вотъ что онъ прочелъ:

«Иностранецъ Фелисьенъ Мерле, экс-Великій Реформаторъ, экс-начальникъ тайкунской арміи, экс-великій совѣтникъ верховнаго совѣта смѣщается съ этихъ должностей и изгоняется изъ предѣловъ японской территоріи: пять дней дается ему на отъѣздъ, по истеченіи которыхъ, каждый подданный его святѣйшества микадо, обязуется преслѣдовать его и арестовать. Его имущество конфисковано. Его слуги и стража распущены, актъ натурализаціи уничтоженъ».

Фелисьенъ стоялъ, какъ пораженный громомъ. И такъ, онъ былъ обманутъ, въ этомъ не могло быть сомнѣнія! Подпись принца Аки, назначеннаго первымъ министромъ, указывало на то, что онъ все время былъ въ заговорѣ съ микадо. Кромѣ того, вся аристократія, все духовенство, тайно предупрежденныя о томъ, что должно произойти, помогали этому ужасному обману, жертвами котораго были только тайкунъ и Фелисьенъ.

«Дважды два четыре, мысленно повторялъ Ландри.—Нельзя жать то, что не посѣяно. Не рой другому яму, самъ въ нее попадешь, говоритъ пословица».

Фелисьенъ не былъ расположенъ философствовать; на его лицѣ изобразилась ярость.

— Подожди, вскричалъ онъ,—еще не все кончено!

— Господи! что ты еще затѣваешь! вскричалъ съ ужасомъ Ландри.

— Я хочу удостовѣриться самъ въ томъ, что узналъ отъ тебя!

— И повидаться съ Ваказой? спросилъ его другъ, дрожащимъ голосомъ.

— Неужели и она мнѣ измѣнила?... Ты молчишь! А если такъ, горе ей! горе всѣмъ! Тайкунъ не далеко, и Іеддо наполнено его приверженцами.

— Берегись! сказалъ Ландри со слезами на глазахъ.—Нѣтъ большаго преступленія, какъ возбужденіе междоусобной войны! Правительство можетъ извинить за многія преступленія, но это такое гнусное дѣло, за которое не можетъ быть пощады!...

Взбѣшенный Фелисьенъ посмотрѣлъ на Ландри глазами, налитыми кровью.

— Если ты боишься, сказалъ онъ рѣзко, —бѣги, я же не отступлю ни на шагъ и, быстро повернувшись спиною къ другу, Фелисьенъ возвратился къ своей свитѣ. Горько плача, его товарищъ послѣдовалъ за нимъ.

— Нѣтъ, сказалъ Ландри,—нѣтъ, мой другъ, я не покину тебя въ минуту несчастья.

Фелисьенъ посадилъ его сзади себя на лошадь и, ударивъ ее хлыстомъ, стрѣлой помчался по направленію къ Кіото...

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Знаменитыя отравительницы.

Ст. доктора Пфотенгауера.

IV. Маргарита Готфридъ.

Маргарита Тиммъ, по второму своему замужеству Готфридъ, была дочерью бременскаго портного и родилась въ 1788 году. Въ мрачной уголовной статистикѣ, эта женщина стоитъ исполиномъ, передъ которымъ меркнетъ страшная слава другихъ преступницъ. Брэнвилье, Урсинусъ и Цванцигеръ имѣли на своей совѣсти по три—четыре убійства и занимались своею преступною дѣятельностью втеченіи короткаго времени. Маргарита Готфридъ совершала безнаказанно свои злодѣйства впродолженіе 15 лѣтъ (1813—28), при чемъ жертвою ея пали 15 человѣкъ, не считая тѣхъ лицъ, противъ которыхъ она ограничилась одною попыткою къ отравленію. Къ числу убитыхъ ею принадлежатъ: ея родители; ея братъ—близнецъ; по крайней мѣрѣ, трое изъ ея шести дѣтей (можетъ быть, и всѣ, такъ какъ не одинъ изъ нихъ не дожилъ до 12-лѣтняго возраста) оба ея мужа, два жениха. Замѣчательно, что на похоронахъ одного изъ нихъ, человѣка прекраснѣйшихъ качествъ, она безпечно замѣтила стоявшей возлѣ нея дамѣ: «Это я уже 21-го или 22-го мертвеца хороню... Похороны для меня точно свадебное празднество»... Однихъ этихъ словъ достаточно для того, чтобы дать понятіе о нравственной сторонѣ Маргариты. Въ высшей степени чувственная и себялюбивая, эта женщина, не задумываясь, приносила въ жертву своимъ страстямъ все, что казалось ей препятствіемъ къ достиженію ея цѣлей.

Съ психологической стороны въ высшей степени замѣчательно, что, при слѣдствіи, она всячески избѣгала самого слово ядъ или отравленіе, и замѣтно терялась, когда ее допрашивали о тѣхъ побужденіяхъ, которыя руководили ею при совершеніи преступленій. Она не отравляла людей; нѣтъ, она только давала имъ то или другое, способное, она не споритъ объ этомъ, прекратить ихъ жизнь, или причинить имъ, по крайней мѣрѣ, болѣзненные припадки. Но изъ чего состояло это то или другое, она не объясняетъ, хотя свойства ядовъ ей очень хорошо извѣстны и она ухищряется даже пронести баночку съ отравой съ собою въ тюрьму. Но слово: ядъ произнести она не можетъ; оно слишкомъ тѣсно связано съ словомъ убійство.

Далѣе, она поясняетъ, что она губила людей не по собственной охотѣ. Нѣтъ, она чувствовала, что ее что-то нудитъ къ тому, подстрекаетъ, если не прямо приказываетъ ей. Защитникъ подсудимой, основываясь на этихъ данныхъ, пытался оправдать свою кліентку, выставляя ее одержимой одностороннимъ разстройствомъ воли при нормальномъ состояніи прочихъ духовныхъ отправленій (такъ называемая mania sine delirio), причемъ, ссылался на авторитетъ Эскироля, который говоритъ, приблизительно, слѣдующее: «Обыкновенный преступникъ никогда не дѣйствуетъ разумно, т. е. соотвѣтственно истинному нравственному понятію, но онъ дѣйствуетъ, по крайней мѣрѣ, сообразно съ своею непосредственною цѣлью и направляетъ, согласно тому, всю свою преступную дѣятельность. Если же мы встрѣчаемъ человѣка, дѣйствующаго злодѣйски, безъ всякой опредѣленной цѣли, то мы въ правѣ предположить душевное разстройство, и если во всѣхъ остальныхъ поступкахъ этого человѣка не замѣчается никакого слѣда умственнаго безсилія или нелѣпости, то необходимо заключить объ изолированномъ пораженіи одной только его силы воли,—пораженіи, предающемъ несчастнаго на произволъ слѣпыхъ стремленій, увлекающихъ его тирански, иногда даже вопреки его собственнымъ, лучшимъ намѣреніямъ».

Но не говоря уже о томъ, что щекотливый вопросъ о несоотвѣтственности средствъ съ видимой цѣлью, и истекающая отсюда невмѣняемость преступленій, могутъ лишать всякой почвы обвиненіе при самыхъ страшныхъ злодѣйствахъ,—нельзя не замѣтить, что все слѣдствіе можетъ принимать ложное направленіе, если мы будемъ искать возможныхъ поводовъ къ преступленію въ однихъ только обыкновенныхъ, рѣзко очерченныхъ и ясныхъ для каждаго страстяхъ, каковы месть, корысть, ревность и т. п., забывая о болѣе сложныхъ, трудно уловимыхъ, но, тѣмъ не менѣе, весьма частыхъ источникахъ преступленій (въ особенности для женскаго пола). Къ подобнымъ источникамъ слѣдуетъ отнести: крайне развитое тщеславіе, чувственность, гордость, себялюбіе, зависть и пр. Эти мелкія чувства уничтожаютъ въ дурно развитомъ человѣкѣ всѣ болѣе благородныя ощущенія и позволяютъ ему не отступать ни передъ чѣмъ для удовлетворенія своихъ похотей. Оправдывать такое настроеніе существованіемъ какихъ-то непреодолимыхъ стремленій, по меньшей мѣрѣ, рискованно. Стремленіе къ совершенію злого дѣла испытываетъ каждый преступникъ, но какъ рѣшить: былъ ли человѣкъ непреодолимо увлеченъ этимъ стремленіемъ или же онъ самъ, по доброй волѣ, взлелѣялъ въ себѣ это стремленіе? Животное управляется слѣпыми побужденіями, но человѣкъ обладаетъ разумомъ для господства надъ своими инстинктами. Если же онъ заглушаетъ въ себѣ голосъ совѣсти и нравственнаго долга, то онъ произвольно идетъ къ преступленію.

Во всякомъ случаѣ, Маргарита Готфридъ не можетъ быть причислена къ жертвамъ непреодолимаго злого стремленія. Она созналась сама, что одно только первое ея убійство,— жертвою котораго палъ ея первый мужъ, весьма развратный человѣкъ,—стоило ей большой борьбы съ самой собой. Она колебалась нѣсколько дней, прежде чѣмъ рѣшилась на преступленіе, потому что опасалась за исходъ дѣла: слишкомъ скоропостижная смерть могла возбудить подозрѣнія. Слѣдовательно, причиною колебанія убійцы былъ не ужасъ передъ самимъ преступленіемъ, не ожиданіе будущихъ угрызеній совѣсти, а только одинъ страхъ, что все будетъ открыто. Но послѣ того какъ ея первое убійство осталось безнаказаннымъ, Маргарита ободрилась и привыкла «къ дѣлу» до такой степени, что послѣднія ея преступленія не стоили ей ровно никакой душевной борьбы и она заботилась только о томъ, чтобы скрыть концы въ воду. «Я испытывала даже удовольствіе, отравляя людей; я спала спокойно и не чувствовала никакой душевной тревоги. Обыкновенно боятся дѣлать худое; но со мною этого не было. Мнѣ было пріятно дѣлать зло!»

Убивъ всѣхъ членовъ своей собственной семьи (8 или 9 человѣкъ), Маргарита принялась за своихъ друзей и знакомыхъ, по временамъ испытывая желаніе давать мышьякъ нѣкоторымъ лицамъ въ слабыхъ пріемахъ, способныхъ произвести только болѣзненные припадки. Она дѣйствовала при этомъ съ такою наглою смѣлостью, что, наконецъ, попала въ руки правосудія. Арестованная въ мартѣ 1828 года, она была казнена въ 1831 году, въ своемъ родномъ городѣ, Бременѣ, въ музеѣ котораго хранится и до настоящаго времени, въ особомъ стеклянномъ шкафѣ, ея обезглавленный скелетъ, рядомъ съ отсѣченной головою, сохраненною въ спиртѣ.

Эта женщина, загубившая столько людей, была очень занята собою. Когда ее раздѣли въ тюрьмѣ, чтобы облачить въ арестантское платье, то оказалось, что она не только бѣлилась и румянилась, но съ нее пришлось снять тринадцат корсетовъ, которые она носила одинъ па другомъ, чтобы скрывать свою непривлекательную худобу...

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Нечеловѣческая месть.

Романъ Анри Тесье.

(Продолженіе.)

Часть первая.

Глава XI.

Морлакъ, вездѣ Морлакъ.

Въ то самое время, какъ Веберъ вышелъ отъ Кольмара, передъ домомъ герцога Рейнольда остановилась карета, изъ которой супруги Дени бережно высадили Эрмину. Старикъ Контуа, Бабета и Фанни встрѣтили со слезами радости свою госпожу. Эрмина отвѣчала съ сердечною признательностью на эти доказательства привязанности, но, повинуясь наставленіямъ Дени, повторяла только то, что онъ позволилъ ей разсказывать о приключеніи съ экипажемъ. Впрочемъ, Дени скоро прервалъ разспросы и восклицанія Бабеты.

— Здѣсь докторъ Сезеранъ? спросилъ онъ, обратясь къ своему отцу.

— Здѣсь, я посылалъ за нимъ.

— Пойдемъ же къ нему; м-ль Фанни переодѣнетъ герцогиню, такъ, чтобы она могла пойти къ своему дѣдушкѣ, который — вы слышите, Бабета, и вы, Фанни? — долженъ оставаться въ невѣденіи на счетъ несчастнаго случая съ экипажемъ, едва было не стоившаго жизни м-ль Эрминѣ!

— О, что меня касается, воскликнула Бабета съ горячностью, — я клянусь своимъ спасеніемъ въ будущей жизни, что не пороню ни словечка...

— Ладно, ладно! Ты, жена, оставайся тоже при больной, а мы скоро воротимся.

Сказавъ это, Дени вышелъ изъ комнаты вмѣстѣ съ Контуа. Они направились къ библіотекѣ, въ которой нашли доктора Сезерана, почтеннаго старика съ умнымъ и добрымъ лицомъ. Дени передалъ своимъ собесѣдникамъ все, что видѣлъ и что зналъ. Контуа съ трудомъ переводилъ духъ, слушая ужасныя подробности происшествія, но ни онъ, ни старикъ докторъ не могли остановить своихъ подозрѣній ни на комъ изъ знакомыхъ кто былъ бы способенъ совершить такое злодѣйство.

— Все равно; рано или поздно, я открою этого бездѣльника, сказалъ Дени, — а теперь, мнѣ надо предложить вамъ обоимъ еще одинъ вооросъ... Не извѣстенъ ли вамъ молодой человѣкъ, по имени Поль Ленди?

— Мнѣ онъ хорошо извѣстенъ, сказалъ докторъ. — Это весьма талантливый художникъ, жившій въ Мансѣ, въ прошломъ году. Онъ реставрировалъ нѣкоторыя картины у герцога...

— И бывалъ у него въ замкѣ?

— Очень часто.

— Какого вы мнѣнія о немъ?

— Самого лучшаго. Человѣкъ прямой, честный, энергичный; при этомъ, очень хорошо воспитанъ и имѣетъ талантъ.

— Дѣло въ томъ, что молодую герцогиню выманили изъ дома письмомъ отъ Ленди.

— О, это невозможно! воскликнулъ Контуа.

— И я тоже сомнѣваюсь... началъ докторъ.

— Позвольте... я имѣю доказательство... на бумагѣ. Но успокойтесь, Поль Ленди неповиненъ въ этой гнусной продѣлкѣ... до такой степени неповиненъ, что самъ былъ вовлеченъ въ западню, подъ ножъ убійцы... Ты помнишь, отецъ! что я былъ выпачканъ въ крови, когда пришелъ къ тебѣ ночью? Эта кровь изъ его раны! Вѣрьте, я не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока не отыщу того мастера, который состряпалъ всю эту адскую штуку!

— Я совершенно теряюсь, сказалъ старый Контуа.—Я не нахожу никакихъ поводовъ...

— И не будемъ искать ихъ... до времени. Въ настоящую минуту, необходимѣе всего успокоить герцога и въ особенности скрыть отъ молодой герцогини все, что я сообщилъ вамъ о Полѣ Ленди. Г. докторъ пойдетъ къ герцогу и скажетъ ему, что м-ль Эрмина оправилась отъ мигрени и желаетъ видѣть своего дѣда. Будетъ лучше, докторъ, если это свиданіе произойдетъ въ вашемъ присутствіи; иначе, молодая дѣвушка можетъ разчувствоваться и сказать лишнее...

— Мы соблюдемъ всѣ предосторожности, сказалъ докторъ, выходя изъ комнаты.

Черезъ нѣсколько минутъ, Эрмина была уже въ объятіяхъ своего дѣда.

Герцогу было восемьдесятъ лѣтъ, но на видъ никто не далъ бы ему и шестидесяти, до того бодро и горделиво держалъ онъ свою красивую голову, обрамленную вѣнкомъ совершенно бѣлыхъ, вьющихся волосъ. Широкій лобъ, блестящіе глаза и полныя, чувственныя губы довершали счастливую наружность, сохранившую еще все изящество и свѣжесть своихъ очертаній, благодаря умѣренной полнотѣ тѣла, не переходившей въ старческую тучность.

Герцогъ встрѣтилъ свою любимицу съ восторгомъ, заставившимъ его даже забыть на минуту о сильныхъ страданіяхъ, которыя причиняла ему неотвязчивая подагра.

— Бѣдняжка! сказалъ онъ, цѣлуя Эрмину. — Ты была очень больна?.. Поблѣднѣла, похудѣла, глаза впали... Охъ! ужь этотъ докторъ! Отъ него правды никогда не добьешься!... Еслибы я зналъ, что тебѣ такъ худо, я не посмотрѣлъ бы на свою болѣзнь и притащился бы взглянуть на тебя...

Онъ не слушалъ Эрмину, которая старалась увѣрить его, что чувствуетъ себя совершенно здоровой, и бранилъ въ глаза Сезерана, стоически выдерживавшаго его нападенія.

— Вы ничего не понимаете, докторъ! кричалъ онъ.—Сейчасъ видно, что у васъ нѣтъ дѣтей!

— Цѣлыхъ пятеро.

— Ну, такъ нѣтъ внучатъ. Иначе вы поняли бы, что значитъ не видаться съ такимъ сокровищемъ цѣлыхъ два дня... Вы безчеловѣчны!

— Напротивъ, именно изъ человѣколюбія предписываю вамъ отпустить вашу внучку. Ей надо лечь спать пораньше; завтра успѣете еще наговориться съ нею!

Герцогъ былъ принужденъ повиноваться. Сезеранъ проводилъ Эрмину въ ея комнату и простился съ Дени и Контуа, которые усѣлись у огня въ библіотекѣ.

— Теперь, на свободѣ, можешь ты разсказать мнѣ исторію герцога? спросилъ Дени.

— Разумѣется... Но развѣ ты надѣешься что-нибудь открыть при помощи этихъ свѣденій? спросилъ съ удивленіемъ Контуа.

— Не допытывайся о причинахъ моего любопытства. Прежде всего скажи о сынѣ старика.

— Звали его Жанъ-Мари Рейнольдъ д'Отфоръ; онъ былъ прекрасный молодой человѣкъ и женился на Мартѣ Керсэнъ; плодомъ этого брака была Эрмина, рожденіе которой стоило жизни ея матери...

— Это я помню... Не было-ли чего-нибудь въ родѣ похищенія передъ свадьбой?

— У тебя замѣчательная память. Дѣйствительно, у молодого герцога былъ соперникъ, изъ провинціяльныхъ дворянчиковъ... человѣкъ, впрочемъ, очень богатый, но пользовавшійся плохой репутаціей. Онъ сватался за дѣвицу Керсэнъ и, получивъ отказъ, не придумалъ ничего благороднѣе, какъ похитить дѣвушку, не захотѣвшую сдѣлаться его женою... Но молодой герцогъ успѣлъ его настигнуть въ ту самую минуту, когда бѣдная дѣвушка лишилась чувствъ и похититель уносилъ ее съ помощью своего слуги... Получивъ при этомъ пощечину отъ герцога Жана, похититель былъ вынужденъ драться съ нимъ. Дуэль кончилась для него опасною раной, послѣ чего онъ удалился въ свои помѣстья и годъ спустя женился на богатой дѣвушкѣ, которая была съ нимъ очень несчастлива...

— Это въ сторону... И такъ, молодая герцогиня умерла въ родахъ. Долго ли жилъ послѣ нея молодой герцогъ?

— Всего полтора года. Онъ зачахъ съ тоски. Вотъ и вся исторія... Не знаю, что ты изъ нея выведешь; развѣ откопаешь какую-нибудь связь съ именемъ Морлака...

— Что? произнесъ Дени, быстро приподнимая голову.—Что ты сказалъ?...

— Я назвалъ Морлака, соперника герцога Жана.

— Морлакъ! повторилъ Дени, потирая себѣ лобъ.—Герой драмы въ Батавіи... что за странное совпаденіе! Ты говоришь, онъ былъ изъ дворянскаго рода?

— Да, даже извѣстной фамиліи. У него былъ великолѣпный замокъ возлѣ Блуа и громадное богатство... Но человѣкъ онъ былъ дрянь... завистливый, высокомѣрный... Впрочемъ, по слухамъ, очень ученый: онъ занимался ботаникою и медициной.

— Что же сталось съ нимъ?

— Право, не знаю. Ходили позднѣе какіе-то драматическіе разсказы на его счетъ, но я забылъ подробности. Знаю только, что онъ уѣхалъ изъ нашихъ мѣстъ.

— Спасибо и за то, что ты сообщилъ.

— Ты подозрѣваешь что-нибудь?...

— Пока еще ничего, но не знаю почему, имя «Морлакъ» звучитъ для меня непріятно... Прощай, я ухожу. Да, кстати! Если молодая герцогиня узнаетъ какъ-нибудь о томъ, что случилось съ Полемъ Ленди, пришли за мною; я все улажу.

— Хорошо. Неужели ты предполагаешь...

— Не предполагаю, а увѣренъ. Но эту тайну, отецъ, ты долженъ тоже схоронить про себя... Позднѣе увидимъ, какъ намъ поступить.

— Ладно, ладно... Понятно мнѣ теперь, почему преступники такъ боятся твоей проницательности!

— Моя проницательность не болѣе какъ навыкъ. Преступленіе почти всегда само обнаруживаетъ себя какою-нибудь оплошностью, какимъ-нибудь промахомъ... Въ противномъ случаѣ, слишкомъ большое число злодѣйствъ оставалось бы безнаказаннымъ!

По счастію, ни одинъ, даже самый закоренѣлый преступникъ не наноситъ своего удара съ полнымъ хладнокровіемъ. Наша задача ограничивается только умѣніемъ возсоздать изъ какой-нибудь едва замѣтной улики подробности дѣла. Иначе, мы были бы чародѣями...

— Бываютъ минуты, въ которыя я готовъ признать въ тебѣ волшебную силу.

— Каковъ льстецъ! сказалъ Дени, пожимая руку отцу.—До свиданія!

Глава XII.

Новыя открытія.

Дени отправился въ улицу Дюпюитренъ, гдѣ его ждали хорошія вѣсти. Г-жа Шабуассо объявила ему съ торжествующимъ видомъ, что молодымъ людямъ было лучше.

— Они захотѣли даже поѣсть и я приготовила имъ великолѣпный супъ изъ бѣлаго хлѣба съ яйцомъ! сказала она. — Не хотите ли отвѣдать?

— Благодарю, сказалъ съ улыбкою Дени. — Разскажите лучше, каковъ Муленъ?

— Живъ курилка! Живъ тоже! Да, я вамъ скажу, этотъ докторъ просто чудотворъ. — Если не дадутъ ему ордена, то я не знаю, какъ и назвать тогда правительство!

— Да, человѣкъ талантливый... Онъ здѣсь?

— Здѣсь, и г. Кероэль, и г. Вильневъ.

— Слишкомъ много народа, замѣтилъ Дени. — Вы помните, г-жа Шабуассо, что если придетъ освѣдомиться о здоровьи вашихъ жильцовъ кто-нибудь посторонній, вы должны отвѣчать...

— Что и надежды нѣтъ! Знаю. Г. Ямловъ мнѣ это подтвердилъ и я такъ уже и сказала горничной Эсмеральды.

— Это кто: Эсмеральда?

— Пріятельница Вильнева... актриса.

— Хорошо. Сверхъ того, г-жа Шабуассо, вы такъ ловки (г-жа Шабуассо покраснѣла отъ удовольствія при этомъ комплиментѣ), — такъ ловки, что вамъ будетъ не трудно замѣтить примѣты подобныхъ посѣтителей и потомъ описать ихъ мнѣ.

— Будьте спокойны, голубчикъ мой! У меня глаза зоркіе!... Вы идете наверхъ? Скажите имъ, что я тотчасъ принесу такого супа, что они пальчики оближутъ!

Дени поднялся въ четвертый этажъ и позвонилъ у квартиры Линдена. Ему отворилъ дверь Кероэль.

— Это вы! воскликнулъ онъ. — Господа, продолжалъ онъ весело, вводя Дени въ комнату, — привѣтствуйте спасителя нашихъ друзей.

Разстроганный Дени остановился на порогѣ. Натти и Бланшъ лежали въ постели, оба блѣдные, съ измѣнившимися чертами лица, но съ выраженіемъ счастія въ глазахъ, — счастія возвращенія къ жизни! Анри Вильневъ, сидя верхомъ на стулѣ, смотрѣлъ на нихъ съ недоумѣвающей радостью. У камина стоялъ докторъ Ямловъ; глаза его покоились съ любовью на этихъ двухъ существахъ, спасенныхъ имъ изъ рукъ смерти. Увидя Дени, онъ подбѣжалъ къ нему, схватилъ его за руку и подвелъ къ постели больныхъ.

— Друзья мои, сказалъ онъ,—это г. Дени, тотъ человѣкъ, которому вы обязаны тѣмъ, что не простились съ нами на вѣки!

— О, г. Дени! воскликнулъ Натти, приподнимаясь и схватывая гостя за обѣ руки,— жизнь въ двадцать лѣтъ такъ дорога... Благодарю васъ за нее! Благодарю отъ имени насъ обоихъ!

— Нѣтъ! перебила Бланшъ своимъ нѣжнымъ и свѣжимъ голосомъ,—нѣтъ, я желаю принести свою благодарность лично!

И перегнувшись черезъ Натти, она взяла Дени за голову и поцѣловала его съ увлеченіемъ. Полицейскій инспекторъ чувствовалъ, что ему подступаетъ что-то къ горлу.

— Слушайте, дѣти, проговорилъ онъ, — такая признательность превышаетъ мои заслуги! Я исполнялъ только свою обязанность; докторъ же сотворилъ чудо. Ему и слѣдуетъ воздавать похвалы!

Ямловъ не соглашался съ такимъ заключеніемъ; возникъ споръ, который былъ порѣшенъ подражаніемъ суду царя Соломона; по приговору Кероэля и Вильнева, благодарность слѣдовало раздѣлить пополамъ между докторомъ и Дени.

Довольный рѣшеніемъ, г. Дени спустился, вмѣстѣ съ Ямловымъ, къ Мулену.

— Докторъ, сказалъ онъ ему, останавливаясь передъ дверью старика,—напомните молодымъ людямъ, что всѣ должны считать ихъ умершими. Это необходимо для успѣха моихъ поисковъ.

— Будьте спокойны, отвѣчалъ Ямловъ, входя въ комнату Мулена.

Старикъ лежалъ на своей постели. Онъ тоже начиналъ поправляться, но его организмъ, лишенный уже молодой жизненности, не могъ побѣдить такъ легко страшнаго упадка силъ, наступившаго вслѣдъ за отравленіемъ; глаза больного были тусклы, движенія медленны, произношеніе невнятное; однакожь при видѣ Ямлова, взглядъ старика замѣтно оживился. Докторъ представилъ ему Дени въ тѣхъ же словахъ, какъ и молодымъ людямъ, не смотря на отнѣкиванья со стороны полицейскаго инспектора. Муленъ хотѣлъ приподняться, но силы измѣнили ему и онъ могъ только проговорить съ слабой улыбкой:

— Вы спасли болѣе, чѣмъ жизнь мою, сами того не ожидая, г. инспекторъ... Вы спасли, можетъ быть, счастіе многихъ людей, и одинъ только Богъ способенъ вознаградить васъ за это!

— Отчасти можете и вы, г. Муленъ! возразилъ Дени. — Вамъ стоитъ только сказать мнѣ, кого именно подозрѣваете вы въ покушеніи противъ васъ и вашихъ молодыхъ друзей?

— Какъ! вы думаете...

— Что всѣмъ вамъ нанесенъ ударъ одною рукою, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Не можетъ быть то же, чтобы вы не имѣли хотя тѣни подозрѣнія на тѣхъ...

— Скажите: на того...

— Вотъ, видите! О, любезный г. Муленъ, если вы только чувствуете себя обязаннымъ мнѣ, то выплатите этотъ долгъ благодарности, назвавъ имя этого.

— Я не совсѣмъ увѣренъ...

— Положитесь на г. Дени, вставилъ свое слово Ямловъ. — Онъ поможетъ вамъ разъяснить ваши недоумѣнія.

— Вѣрю, но подумайте, я не слыхалъ двадцать четыре года объ этомъ человѣкѣ... Я боюсь обвинять! Съ другой стороны, одинъ только онъ можетъ ожидать себѣ пользы отъ моей смерти...

— Двадцать четыре года, пробормоталъ полицейскій. — Долгонько!... Однакожь, назовите этого человѣка, г. Муленъ.

Старикъ закрылъ глаза, какъ бы творя молитву.

— По совѣсти и чести, произнесъ онъ торжественно, — я могу подозрѣвать только графа де-Морлака!

Дени вздрогнулъ.

— Морлакъ! повторилъ онъ.—У него было помѣстье близъ Блуа?

— Вы его знаете? спросилъ больной, глаза котораго оживились.

— Пока еще нѣтъ, но вижу, что придется коротко познакомиться, отвѣтилъ Дени. — А пока, поправляйтесь, г. Муленъ; я полагаю, что вы мнѣ понадобитесь, да и я буду вамъ полезенъ.

Съ этими словами онъ вышелъ въ сопровожденіи Ямлова.

— Докторъ, сказалъ онъ, останавливаясь съ нимъ на площадкѣ лѣстницы,—вы писали мнѣ, что надѣетесь спасти и того раненаго, котораго я послалъ въ Гро-Калью?

— Безъ сомнѣнія. Дня черезъ три — четыре, онъ будетъ въ состояніи говорить, а черезъ мѣсяцъ будетъ совершенно здоровъ.

— Вы молодецъ, докторъ! Ну, а тотъ, другой?...

-- Нѣтъ никакой надежды.

— Даже нельзя ожидать, чтобы онъ могъ говорить?

— Невозможно.

— Жаль. Мнѣ было бы необходимо подвергнуть его допросу.

— А нельзя-ли вамъ переговорить съ нимъ знаками?

— Разумѣется, можно, но будетъ-ли онъ въ состояніи понимать и отвѣчать?

— Да, если заглушить его страданія. Ради васъ, я испытаю на немъ одно мало извѣстное анеститическое средство, и если оно подѣйствуетъ, больной отвѣтитъ на ваши вопросы. Но, приступить къ этому опыту можно будетъ никакъ не ранѣе послѣ завтра. Въ настоящую минуту, боль въ глазѣ и языкѣ еще слишкомъ сильна.

— Хорошо, отложимъ до послѣ завтра. До свиданія, докторъ!

Дени спустился съ лѣстницы, разсуждая про себя: «Да, старикъ не ошибается, думалъ онъ,—все совпадаетъ, какъ нельзя лучше, съ тѣмъ, что я открылъ въ бумагахъ молодого мулата... Этотъ Морлакъ, не довольствуясь зломъ, причиненнымъ въ Батавіи родственникамъ Натти, преслѣдуетъ его своею ненавистью и здѣсь... А кстати онъ отмщаетъ и старику Мулену, который сталъ ему поперегъ дороги... Все это подтверждается одновременностью отравленій и тожественностью употребленнаго яда.... Изъ чего слѣдуетъ, что Морлакъ ловкій мошенникъ, котораго необходимо накрыть возможно скорѣе».

Прійдя къ такому заключенію, Дени поднялъ глаза и увидѣлъ передъ дверью г-жи Шабуассо своего агента Лера, стоявшаго въ выжидательной позѣ. Дени приложилъ палецъ къ губамъ, глядя на него, и прошелъ быстро передъ стеклянною дверью, чтобы избѣгнуть прощанья съ болтливой старухой. Выйдя на улицу, онъ подозвалъ къ себѣ знакомъ Лера и спросилъ:

— Вы меня ждете?

— Само собой, г. инспекторъ.

— Что же новаго?

— Мнѣ кажется, что я напалъ на слѣдъ, г. инспекторъ.

— Неужели? Говорите скорѣе.

— На улицѣ неудобно.

— Значитъ, очень занимательно.—У меня заранѣе слюнки текутъ... Я знаю, что вы даромъ хвастать не будете!

— Увидите, замѣтилъ полицейскій съ скромной улыбкою.

— Однакожь, чортъ возьми, вы меня подзадариваете! Вотъ, что, Лера, вы обѣдаете со мной... только намъ надо поторопиться: теперь безъ десяти минутъ восемь, а жена ждетъ меня ровно къ восьми; если опоздаемъ, она будетъ браниться! Идемъ же скорѣе; ваши новости подождутъ до дессерта... Но откуда набрали вы ихъ?

— Отсюда! произнесъ Лера, прикасаясь пальцемъ ко лбу съ торжественною увѣренностью, — а также изъ моей записной книжки, въ которую я заношу все, что происходитъ вокругъ меня.

— Это хорошая привычка. Вы далеко пойдете, Лера!... И такъ...

— Прочтя ту депешу, которую вы мнѣ передали для отправленія, я невольно остановился на имени Баптиста Мулена... Мнѣ казалось, что это имя мнѣ знакомо... Цѣлое утро ломалъ я себѣ голову и вдругъ, точно меня освѣтило! Я вспомнилъ, что въ моихъ замѣткахъ говорится о Баптистѣ Муленѣ, кинулся къ себѣ и отыскалъ тетрадь. Вы ее прочтете.

— Когда же занесли вы въ нее замѣтки объ этомъ старикѣ?

— Шесть лѣтъ тому назадъ; но это ничего не значитъ. Я перечиталъ и освѣжилъ въ своей памяти все, такъ что могу разсказывать, какъ будто это вчера случилось.

— Упоминается въ вашихъ замѣткахъ о Морлакѣ?

— Еще бы! Стало быть Муленъ разсказалъ уже вамъ?...

— Ничего не разсказывалъ.

— Такъ я вамъ все сообщу; только говорю вамъ впередъ, г. Дени, у этого почтеннѣйшаго и добрѣшаго старикашки есть какая-то задушевная тайна.

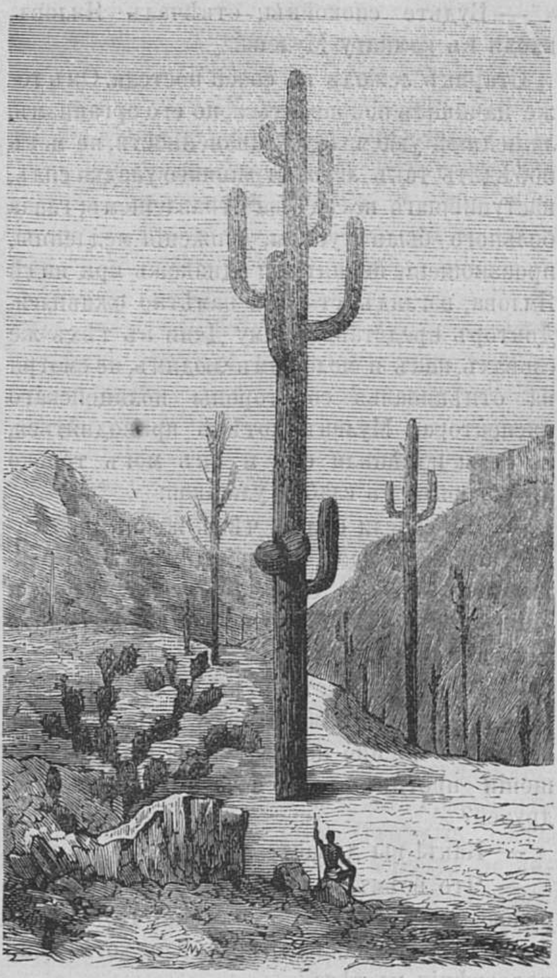
— Мы его исповѣдуемъ, Лера! воскликнулъ Дени, потирая себѣ руки съ восхищеніемъ.—Такъ, такъ! клубокъ начинаетъ распутываться! Дайте мнѣ только одинъ кончикъ нитки, Лера... Но вотъ мы и дома. Слушайте, Лера: передъ моею супругою ни гугу! Женщины въ такихъ дѣлахъ не годятся. Мы пообѣдаемъ смирнехонько, а потомъ вы мнѣ прочитаете вашу тетрадь... Обѣщаю не задремать!

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Рыболовныя артели на вытегорскомъ устьѣ Онежскаго озера.

Въ вытегорскомъ устьѣ Онежскаго озера лежитъ другое, довольно большое озеро. Тудозеро, величиною верстъ восемь длины и верстъ до трехъ съ половиной ширины. Изъ него, саженъ въ триста длины, въ давнія времена, прокопана крестьянами не широкая канавка въ озеро Онега. Теперь эта канавка служитъ какъ бы небольшимъ проливомъ между двумя озерами, и осталось уже очень немного примѣтъ, по которымъ можно догадываться, что это искуственное сооруженіе, а не случайный, естественный протокъ. Объ Онежскомъ озерѣ я не распространяюсь, имѣя въ виду, что оно болѣе или менѣе всѣмъ извѣстно, по крайней мѣрѣ, относительно своихъ размѣровъ.

Сдѣлана эта «копань», какъ называютъ эту канавку мѣстные крестьяне, для того, чтобы увеличить выгоды рыболовства. И дѣйствительно, чрезъ эту канавку изъ Онежскаго озера въ Тудозеро во время весенняго половодья, говорятъ, въ иные годы проходитъ сига, окуня, щуки и разной другой мелкой рыбы видимо-невидимо,— лишь поспѣвай ловушки ставить. Эта канавка закрыта «сообща» крестьянами деревень: Устья, Щекиной, Насоновой, можетъ быть, также—Острова, двухъ деревень Заозерья и еще другихъ болѣе мелкихъ селъ, расположенныхъ кругомъ всего озера, въ общемъ называющихся Тудозерскимъ приходомъ. Теперь уже никто не знаетъ, кому собственно принадлежитъ починъ этого довольно значительнаго предпріятія, и какимъ именно образомъ было оно осуществлено: на денежную ли складчину, или же натуральнымъ трудомъ всего общества? Сколько при этомъ употреблено было рабочаго времени? Сколько именно рабочихъ принимало участіе? и пр. Этой копанью, равно какъ и всѣми другими мѣстами, удобными для лова рыбы на Тудозерѣ и на Онегѣ, теперь пользуются всѣ крестьяне, имѣющіе поселенія около Тудозерскаго озера и вблизи отъ него, какъ общиннымъ угодьемъ нераздѣльно. Всякій прибрежный житель—Тудозеръ, имѣющій-ли свои собственныя ловушки, или состоящій въ «себрѣ» съ другими крестьянами, пользуется всѣми мѣстами лова на обоихъ озерахъ безразлично и безпрепятственно, какъ своею полною собственностью, лишь бы они были свободны отъ ловушекъ, или какихъ-нибудь приготовительныхъ работъ для немедленнаго лова, сдѣланныхъ кѣмъ-либо прежде изъ своихъ же сообщниковъ.



Кактусъ.

(Къ статьѣ: «Атакама и Караколесъ» см. № 46).

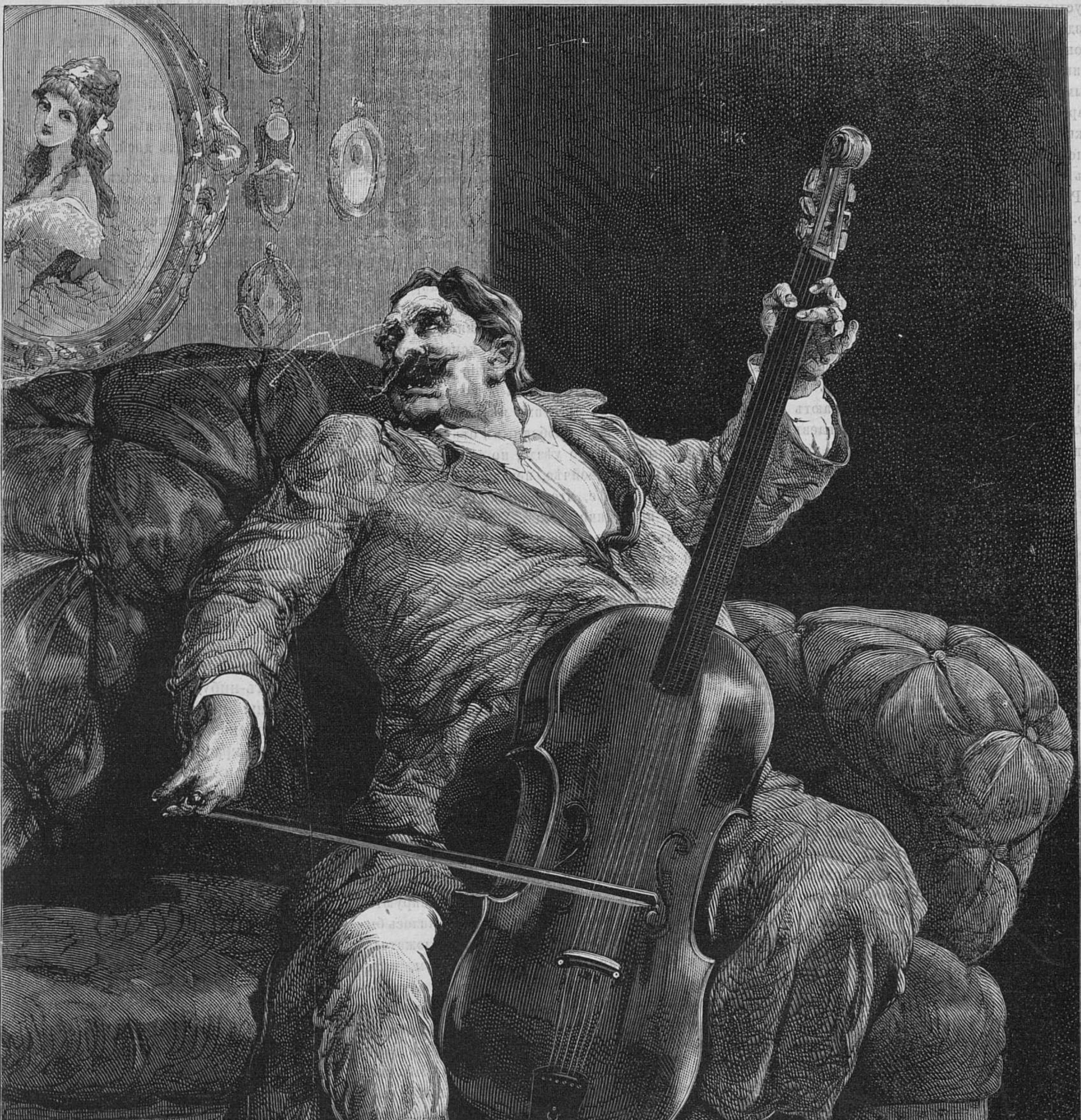
Себра есть особая форма артели. Мнѣ прежде извѣстна была себра, какъ особый видъ земледѣльческой артели, служащій весьма важнымъ поясненіемъ истинной природы нашего общиннаго землевладѣнія, но здѣсь и эти рыболовныя, въ сущности промысловыя артели, называются себрою, или себрянными. Нужно сказать, что себра, какъ и земледѣльческая ассоціація, здѣсь практикуется весьма обширно и часто, и притомъ со многими измѣненіями несущественныхъ подробностей, и, конечно, ничего нѣтъ страннаго въ томъ, что форма труда, употребляемая въ земледѣліи, перенесена почти цѣликомъ и въ промыселъ. Я опишу собственно особенности себряннаго лова рыбы, ни мало не касаясь пока себряннаго земледѣлія.

Въ себру обыкновенно входятъ нѣсколько семей на правахъ раздѣла добычи соотвѣтственно тому, сколько каждая изъ нихъ имѣетъ паевъ въ рыболовныхъ снастяхъ или ловушкахъ. Ловушки эти бываютъ различныя; такъ ловятъ: неводомъ, сѣтями, бродцемъ сакомъ и мережами. Сѣти, употребляемыя для ловушекъ, бываютъ также двухъ родовъ: крупноячейныя и мелкоячейныя, смотря потому, предназначаются-ли онѣ для ловли крупной рыбы, или мелкой—ершей, окуньковъ и пр., такъ называемаго «сущика». Величиной ловушекъ и ихъ числомъ опредѣляется и самая численность пайщиковъ въ себрѣ. На большіе невода, имѣющіе размѣры до 300 саженъ и болѣе и сѣти собирается въ себру семей по 10—15 и болѣе, а на небольшія сѣти и бродцы собирается пайщика по 3—4, рѣдко болѣе. Семьи бѣдныя, или малосемейныя могутъ имѣть половину и «четвертину» пая, а богатыя и съ большимъ количествомъ работниковъ имѣютъ по два пая и болѣе. Пай въ ловушкѣ состоитъ изъ извѣстнаго денежнаго взноса, на которые покупается извѣстныхъ качествъ и длины веревка и кромѣ того каждый пайщикъ обязывается сработать извѣстное количество квадратныхъ саженъ сѣти изъ своей собственной пряжи. Соотвѣтственно величинѣ паевъ или паевыхъ частей разсчитываются и расходы на ремонтъ ловушекъ, а также и то количество рабочихъ, которое каждый себрянникъ долженъ ставить для лова.

И неводъ, и сѣть—въ сущности огромный мѣшекъ; различіе между ними состоитъ въ томъ, что сѣти ставятся въ водѣ вертикально, закрѣпляются кольями и оставляются на нѣсколько дней, а потомъ, когда есть вѣроятіе, что въ нее попалась рыба, ее вытягиваютъ, сидя въ лодкахъ. Неводъ закидываютъ въ горизонтальномъ направленіи и немедленно тянутъ за крылья, которыхъ у простыхъ сѣтей нѣтъ, къ извѣстному пункту, обращая все вниманіе на то, чтобы устье невода волоклось по дну. Бродецъ есть въ сущности маленькій неводъ, которымъ ловятъ у самаго берега озера, бродя съ сѣтью въ рукахъ по поясъ и выше въ водѣ. Сакъ—небольшой сравнительно мѣшокъ изъ сѣтки, прикрѣпленный къ большему элиптическому, деревянному обручу, который ставятъ ребромъ поперекъ русла небольшихъ ручейковъ, рѣчекъ, впадающихъ въ озеро, а сверху по теченію ихъ загоняютъ рыбу въ сѣтку, ударяя шестами, чаще всего двумя, въ дно рѣчекъ.

Отсутствіе кого либо изъ себрянниковъ на ловлѣ никогда не лишаетъ его пая добытой рыбы, а засчитывается эта работа за нимъ на слѣдующій разъ. Въ томъ случаѣ, когда кто либо изъ себрянниковъ заболѣетъ или умретъ, или уйдетъ въ солдаты, семейство его пользуется своею паевою частью добычи, но должно въ такихъ случаяхъ ставить на ловлю либо работника, либо чаще всего, кого нибудь изъ «охотниковъ» сосѣдей, съ которыми они соглашаются на счетъ раздѣла пая независимо отъ артели. Женщины рѣдко ѣздятъ на ловлю,—это здѣсь не въ обыкновеніи; но когда случается, что мужчины вынуждены бываютъ брать ихъ на работу, то какъ женская работа, такъ и работа подростковъ, считается равною работѣ взрослаго мужчины. «На водѣ, разсуждаютъ они, у всѣхъ ноги жидки; да и рыба идетъ не на сильнаго, а на счастливаго, а счастье вѣдь кому Богъ дастъ... изъ-за одной счастливой и всѣмъ себрянамъ можетъ быть хорошо». И въ самомъ производствѣ лова всѣ работники—себряне совершенно равны между собою, и только на большой неводной ловлѣ, когда собирается довольно много работниковъ, избирается всѣми единогласно кто либо изъ взрослыхъ и опытныхъ членовъ артели себряннымъ старостою.

Обязанность себряннаго старосты состоитъ въ томъ, что онъ отдаетъ приказанія всѣмъ другимъ рыболовамъ, какъ закинуть сѣть, гдѣ кому стать, какъ и куда тянуть и пр. и за это онъ не пользуется никакими преимуществами предъ остальными себрянниками ни въ отношеніи количества добытой рыбы, ни въ отношеніи испол-


E. GORAZDOWSKI
1876
Andreotti

Старый кутила.

ненія самой работы. Во время лова себрянный староста является самымъ дѣятельнымъ, расторопнымъ хозяиномъ-распорядителемъ, и никакія возраженія на его распоряженія во время работы безусловно не принимаются, чѣмъ, конечно, и устраняются всякіе поводы къ несогласіямъ и раздорамъ между членами; но лишь только по окончаніи лова успѣли развѣсить для просушки принадлежности лова, какъ онъ становится простымъ товарищемъ. На ловлѣ простыми сѣтями староста не избирается, а работаютъ всѣ себрянники за одно сначала ставятъ сѣти, а потомъ «опохожаютъ ихъ» (осматриваютъ и вытягиваютъ ихъ изъ воды).

Раздѣлъ добычи происходитъ довольно просто. Мелкую рыбу большею частію развѣшиваютъ на безмѣнѣ, соотвѣтственно количеству паевъ, имѣющихся у каждой семьи въ ловушкахъ, и потомъ каждый домохозяинъ распоряжается ею по своему усмотрѣнію: везетъ на продажу въ городъ Вытегру или сушитъ ее (отсюда слова: «сушье», «сущикъ») и въ такомъ видѣ потребляетъ ее самъ, или же отправляетъ на продажу. Крупную же рыбу сначала сортуютъ по породамъ и величинѣ, потомъ раскладываютъ ее на столько кучекъ, сколько считается паевъ въ ловушкахъ, и затѣмъ, чтобъ никому не было обидно, бросаютъ жеребій: кому какая кучка достанется. Въ поясненіе этого я разскажу одинъ случай, когда трое крестьянъ дѣлили на моихъ глазахъ съ пудъ свѣжаго разнорыбья, въ числѣ котораго былъ одинъ живой налимъ. Дѣло въ томъ, что каждому изъ этихъ крестьянъ желательно было получить въ числѣ прочей рыбы и этого налима, но никто изъ нихъ, конечно, не говорилъ объ этомъ. Расклали они всю рыбу на три кучки, и въ одну изъ нихъ положили налима; затѣмъ, накололи изъ щепки три палочки различной величины, положили ихъ въ шапку, и попросили меня, чтобъ я снялъ по одной щепочкѣ изъ шапки для каждаго изъ нихъ по порядку. Я не зналъ ихъ условія. Взялъ первую щепочку для того крестьянина, у котораго я останавливался, и оказалось, что ему пришлось получить не ту кучку рыбы, въ который былъ налимъ.

— Эхъ ваше степенство, воскликнулъ мой мужичекъ,—штобъ вамъ выхватить налимчика-то; васъ бы хоть ушкой-то (ухой) хорошею накормить!...

— Богъ-то вѣдь знаетъ, кого надо накормить хорошей ухой... замѣтилъ тотъ, которому достался налимъ, и всѣ, смѣясь, пошли по домамъ.

— Такъ и всегда дѣлите свою добычу? спросилъ я своего спутника.

— Завсегда такъ! благодушно отвѣчалъ онъ.

Артели эти не имѣютъ опредѣленнаго состава и количества членовъ. Въ этомъ году, напримѣръ, въ извѣстной деревнѣ принадлежитъ, положимъ, неводъ семи или восьми дворамъ, а въ слѣдующемъ легко можетъ случиться, что въ этой деревнѣ артели вовсе не будетъ, а неводъ либо продадутъ въ другую деревню, либо раздѣлятъ и перешьютъ на простыя сѣти. Число членовъ въ артеляхъ также непостоянно; въ этомъ году неводъ, напримѣръ, имѣли десять себрянниковъ, а въ слѣдующемъ—ихъ, можетъ быть, будетъ только пять. Причинъ такого быстраго образованія и распаденія этихъ артелей очень много. Но главная изъ нихъ—это частые семейные несогласія и раздоры между себрянниками и вліяніе міроѣдства, которое съ каждымъ годомъ развивается и здѣсь все болѣе и болѣе и стремится эксплуатироввть этотъ промыслъ къ своей исключительной выгодѣ. Но, съ другой стороны, еще у всѣхъ крестьянъ на виду примѣры, что артели въ 6—7 человѣкъ добываютъ за одинъ разъ иногда пудовъ по 20 и болѣе сиговъ, и очень хорошо всѣ знаютъ, что каждый изъ нихъ въ отдѣльности не выловилъ бы и въ цѣлый годъ, пожалуй, одного пуда. Этотъ «вкусъ артельнаго горшка», какъ они говорятъ, потомъ привычка къ рыболовству, сравнительная легкость труда, представляемаго ловлею рыбы,—все это вмѣстѣ служитъ самымъ основательнымъ побужденіемъ для крестьянъ складываться въ себру.

Относительно общаго заработка, который приходится на средняго ловца, опредѣленнаго сказать ничего нельзя. Бываютъ годы, когда онъ довольно великъ,—можетъ быть, доходитъ до полуторасотъ рублей на семью; но бываютъ годы, когда онъ и не великъ. Соображая, однако, всѣ подробности экономическихъ обстоятельствъ, я думаю, что рыболовство, и именно артельное, является въ этихъ мѣстахъ весьма значительнымъ подспорьемъ въ общемъ хозяйствѣ. Крестьяне и здѣсь главнымъ образомъ занимаются хлѣбопашествомъ; но здѣшніе крестьяне весьма рѣдко нанимаются на отхожіе промыслы, наприм., въ путину тянуть бичевою суда на Маріинскую систему, или куда либо на вывозки бревенъ или дровъ, и потомъ, что особенно характерно для этихъ мѣстъ, такъ это присутствіе весьма малаго, сравнительно, количества нищихъ. Постройки домовъ и дворовъ въ этихъ мѣстахъ хотя и не отличаются ничѣмъ особеннымъ отъ другихъ деревень вытегорскаго уѣзда, но самый народъ выглядитъ какъ-то бойчѣе, независимѣе, а женщины одѣты пестрѣе, что особенно бросается въ глаза въ праздничные дни. Убійства и грабежи въ этомъ уголкѣ почти неизвѣстны; и всякій заѣзжій можетъ вполнѣ надѣяться, что встрѣтитъ здѣсь не только гостепріимный кровъ, но еще и порядочную пищу, или, по крайней мѣрѣ, свѣжую провизію, изъ которой можно приготовить пищу и чай съ хорошими сливками. Для успѣховъ прочнаго благосостоянія и высшаго духовнаго развитія не хватаетъ въ этихъ мѣстахъ одного—хорошей, народной школы. Грамотныхъ въ этомъ краѣ совсѣмъ мало!...

И такъ вотъ каковы въ общихъ чертахъ особенности себряннаго рыболовства на вытегорскомъ устьѣ Онежскаго озера. Я думаю, что этотъ родъ промысловой артели болѣе или менѣе не чуждъ и всѣмъ вообще прибрежнымъ жителямъ Онежскаго озера. По крайней мѣрѣ, мнѣ указывали на Щемки, Рыбью рѣку, Шокшу, гдѣ подобнымъ же образомъ крестьяне группируются въ артели для лова рыбы. Мнѣ не случилось бывать въ этихъ мѣстахъ, но я знаю, положительно, что крестьяне деревни Сулашь-Горы, находящейся отъ Петрозаводска въ 6 вер., одно время ловили рыбу артелью, по характеру совершенно подобною тѣмъ, какія встрѣчаются на вытегорскомъ устьѣ. Надобно при этомъ замѣтить, что себра и артель здѣсь различаются какъ понятіе о видѣ и родѣ. Въ описываемыхъ мною мѣстахъ извѣстны артели плотниковъ, горшечниковъ, бурлаковъ и др., но ихъ не называютъ себрянными. И для такого различія есть свои экономическія основанія, которыя я въ другое время и разовью.

В. Г—ій.

Старый кутила.

(Къ рисунку **Андріолли** на стр 305.)

Членъ непремѣнный всѣхъ попоекъ,
Гусаръ, гуляка и игрокъ,
Онъ пять наслѣдствъ проѣлъ, какъ стоикъ,
Безъ сожалѣній, безъ тревогъ,
И дань отдавши бурнымъ лѣтамъ
Растративъ юношескій пылъ,
Простился съ службою корнетомъ
И въ сладкой лѣни опочилъ.

Всегда въ туфляхъ, всегда въ халатѣ,
Всегда поддержанный ромцомъ,
Онъ жилъ царькомъ въ «убогой хатѣ»
Въ воспоминаньяхъ о быломъ.
Врагъ всякихъ книгъ, живя безъ дѣла,
Онъ могъ бы впасть, пожалуй, въ сплинъ,
Но на стѣнахъ его висѣло
Скабрёзныхъ нѣсколько картинъ.

Рядъ ловеласовскихъ замашекъ,
Рядъ милыхъ сердцу сценъ и лицъ,
Феклушекъ, Дашекъ, Ганекъ, Машекъ.
Крестьянокъ, барынь и дѣвицъ
Онъ вспоминалъ въ уединеньи
И, сидя въ комнатѣ своей,
Переживалъ въ воображеньи
Восторги невозвратныхъ дней.

Взоръ обративъ къ картинкамъ нѣжно,
На свой диванъ иль на постель
Садился онъ и безмятежно,
Держа въ рукахъ віолончель,
Охрипшимъ голосомъ уныло
Прощальный посылалъ привѣтъ
Давно состарѣвшейся «милой»
Давно отцвѣтшій сердцеѣдъ.

А. М—въ.

Обо всемъ.

(Фельетонныя замѣтки.)

(Евреи—лучшіе адвокаты въ мірѣ.—Записка въ защиту товарищества Грегеръ, Горвицъ и Коганъ.—Наглость, доведенная до абсурда. — Наша непредпріимчивость.—Баснословное богатство, которымъ мы не умѣемъ воспользоваться. — Новая звѣзда въ театрѣ-буффъ.)

Нѣсколько лѣтъ къ ряду мнѣ привелось жить въ Новороссіи и юго-западныхъ губерніяхъ и по дѣламъ нерѣдко входить въ сношенія съ евреями. Смиренный, низкопоклонный, готовый на всякую услугу, если имѣется въ виду хотя самое ничтожное вознагражденіе, еврей внезапно преображается, если какимъ-нибудь образомъ затронутъ его со стороны наживы. Онъ выпрямляется, голосъ его возвышается на нѣсколько тоновъ и онъ краснорѣчиво, съ пафосомъ, защищаетъ свои интересы. Слушая его, невольно приходитъ въ голову, что евреи лучшіе адвокаты въ мірѣ... конечно, когда имъ предстоитъ защищать свои собственные барыши. Трусливый по природѣ еврей, защищая свое право на «гешефтъ», становится дерзкимъ храбрецомъ, готовымъ кинуться въ самый пылъ сѣчи, лишь бы захватить въ свои руки «барышъ». И въ такихъ случаяхъ наглость его до такой степени наивна, что невольно васъ озадачитъ и вы впадаете въ сомнѣніе, сердиться-ли вамъ или смѣяться. Но если каждый и не особенно бойкій еврей способенъ проявлять адвокатскія способности, то каковы же должны быть защитительныя рѣчи евреевъ, которымъ нажитыя уже тысячи придаютъ храбрости и обезпечиваютъ завидное положеніе не только среди единовѣрцевъ, но даже и въ обществѣ, на которое и до сихъ поръ еще со страхомъ взираетъ какой-нибудь провинціальный еврейчикъ, считающій свой барышъ сотнями, а не тысячами рублей. О! краснорѣчіе у такого туза переливается черезъ край и наглость его доходитъ до тѣхъ предѣловъ, далѣе которыхъ идти уже невозможно.

Г. Суворинъ, едва-ли не первымъ познакомившій русскую читающую публику съ извѣстнымъ товариществомъ Грегера, Горвица и Когана, посвящаетъ часть своего послѣдняго фельетона разбору курьезной записки, озаглавленной «Краткій историческій очеркъ дѣятельности товарищества гг. Грегеръ, Горвицъ и Коганъ по продовольствію южной дѣйствующей арміи». Я не имѣю подъ рукою этой записки и буду руководствоваться выписками изъ нея, приведенными въ фельетонѣ «Незнакомца».

Я не стану ломать себѣ голову надъ разрѣшеніемъ вопроса, кто именно взялъ на себя защиту пресловутаго товарищества. Разъ я допускаю, что евреи превосходные адвокаты, когда дѣло идетъ о защитѣ собственныхъ интересовъ, для меня безразлично, говоритъ-ли защитительную рѣчь Мовша или Ицекъ; и тотъ, и другой заинтересованы въ процвѣтаніи товарищества и оба будутъ защищать его одинаково краснорѣчиво, одинаково нагло до наивности. Мнѣ извѣстно также, что въ арміи масса недовольныхъ дѣйствіями товарищества, о чемъ безпрестанно заявляется и печатно, и въ частныхъ письмахъ. Товарищество, какъ истое еврейское учрежденіе, не обратило-бы никакого вниманія на общественное мнѣніе, высказавшееся противъ него («вздоръ», «глупство» говорятъ въ такихъ случаяхъ евреи), но, къ несчастію товарищества, противъ него представилъ массу фактовъ полевой контроль и товарищество сочло необходимымъ защитить себя. Вышеупомянутая записка и составляетъ защитительный документъ, пущенный, какъ пробный шаръ, товариществомъ.

Изъ разсмотрѣнія этого документа оказывается, однакожь, что товарищество не привело ни одного факта въ опроверженіе обвиненій полевого контроля, но за то потратило массу краснорѣчія на самовосхваленіе: «мы самые лучшіе люди въ свѣтѣ; мы объ одномъ только заботимся, чтобы доблестному русскому солдату было хорошо, а о себѣ не думаемъ, мы не только не получаемъ барышей, но, въ порывѣ великодушія, затрачиваемъ собственныя деньги», — вотъ смыслъ защитительной записки. И въ самомъ дѣлѣ, какое же другое заключеніе можно вывести изъ слѣдующихъ фразъ, составляющихъ содержаніе записки:

«Товарищество исполнило многосложную и трудную продовольственную задачу такъ, какъ никогда въ военное время такая операція никѣмъ не исполнялась».

«Войско ни при какихъ обстоятельствахъ не терпѣло дѣйствительной нужды и сохранило свое цвѣтущее здоровье».

«Товарищество продолжало довольствіе войскъ съ полною исправностью».

«Товарищество всегда и вездѣ было примѣрно исправно».

«Члены товарищества за труды и работу въ теченіе пяти мѣсяцевъ не получаютъ почти ни единой копѣйки».

«Всѣ, безъ исключенія, матеріальныя выгоды, отъ учрежденія системы продовольствія войскъ на коммисіонномъ началѣ, достались въ пользу казны; члены же товарищества за всѣ труды свои въ теченіе пяти мѣсяцевъ, перенося лишь нравственныя муки за несправедливыя нареканія, не получили почти никакого вознагражденія».

«Товарищество довольствуетъ всѣ госпитали такъ исправно и добросовѣстно, что лучшаго довольствія госпиталей не можетъ существовать въ самыхъ образцовыхъ столичныхъ больницахъ даже мирнаго времени».

Благодаря товариществу «никакія войны прошлаго времени не представляютъ примѣровъ такого блестящаго устройства госпитальнаго дѣла, какъ нынѣшняя восточная война».

«Продовольствіе госпиталей до перехода арміи за Дунай доставляло товариществу только убытки, а нынѣ едва покрываетъ расходы администраціи».

«Ни одинъ изъ членовъ товарищества, ни единой минуты, никогда не руководствовался какою либо корыстною цѣлью: всѣ мысли, всѣ желанія товарищества только и устремлялись на то, чтобы не щадить ни трудовъ, ни средствъ, ни даже здоровья».

«Всѣ члены товарищества, въ вопросѣ довольствія войскъ и госпиталей, не знали покоя ни днемъ, ни ночью и заботились о доставленіи войскамъ потребныхъ продуктовъ не только, какъ контрагенты интендантства по продовольствію войскъ, но и какъ русскіе граждане, сердцу которыхъ слишкомъ близко здоровье, нужды и успѣхи русской арміи».

Что касается безкорыстія товарищества, то оно само же проговаривается о цифрѣ громаднаго барыша, выпавшаго на его долю. Желая указать на заслуги товарищества, записка говоритъ, что оно, кромѣ крупы, мяса, водки, ячменя, сѣна, дровъ и пр., поставило для арміи втеченіи первыхъ пяти мѣсяцевъ довольствія 27,942,064 хлѣбныхъ порцій. Вся ея поставка была на 25 милліоновъ рублей, а согласно контракта, товарищество получаетъ 10% съ цѣны поставки; слѣдовательно, оно получило въ пять мѣсяцевъ 2½ милліона рублей, если принять, что оно ни одной копейки не «заработало» на цѣнахъ, выставленныхъ имъ за поставленные продукты. Какъ хотите, но только евреи, защищающіе свое право не «гешефтъ», могутъ утверждать, что «полмилліона рублей въ мѣсяцъ равны «почти никакому вознагражденію»!

Какъ пламенный адвокатъ, защитникъ товарищества не удовольствовался оправданіемъ своихъ кліентовъ, онъ пустился въ обвиненіе ихъ противниковъ и въ своемъ усердіи договорился до такой инсинуаціи: «завистники, клеветники и сплетники дерзали утруждать высшее начальство всякими пасквилями и доносами, чтобъ не только возбудить недовѣріе высшей военной администраціи къ членамъ товарищества, но и поколебать основанія цѣлесообразности избранной системы, продовольствія войскъ».

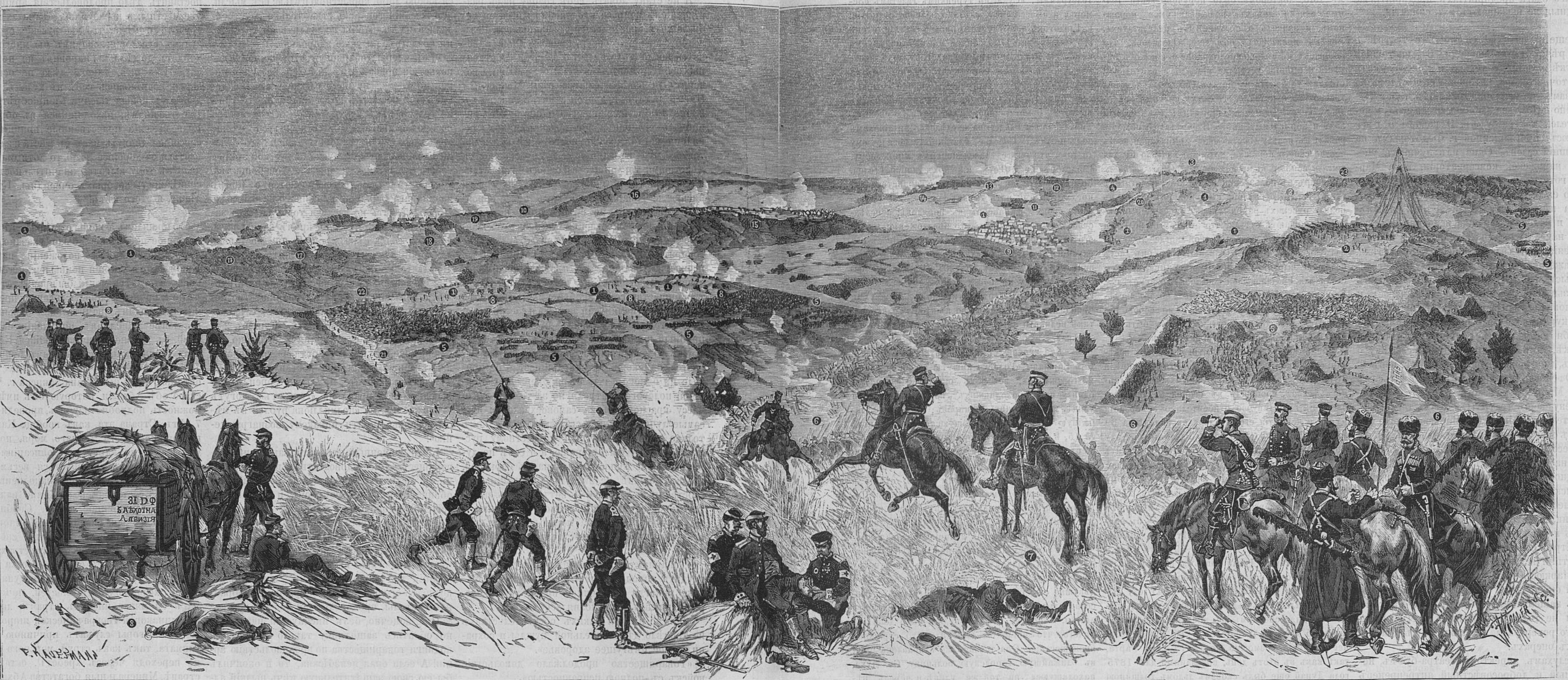
Оно, конечно, безъ инсинуацій невозможно обойтись защитнику такого дѣла, какъ подвиги товарищества по продовольствію арміи! А если оная неизбѣжна, то и окончилъ бы ею свою защитительную рѣчь пылкій адвокатъ. Такъ нѣтъ, онъ не удовольствовался расточенными имъ перлами краснорѣчія и захотѣлъ пріумножить свою славу кунштюкомъ такого сорта, передъ которымъ, каждый разведетъ руками и скажетъ: «экъ куда хватилъ!» Судите сами, адвокатъ товарищества съ высшимъ пафосомъ, до коего можетъ дойти человѣкъ, восклицаетъ: «Не единый честный русскій патріотъ не можетъ не признать той громадной услуги, какую товарищество оказало дѣлу русскихъ финансовъ!» Адвокатъ увѣряетъ, что товарищество, тратя ежемѣсячно 80,000 руб. для поддержки курса, сохранило этимъ казнѣ нѣсколько милліоновъ.

Эта наглость, доведенная до абсурда, въ крайней степени наивна!

Здѣсь будетъ кстати повторить мнѣніе уже разъ мною высказанное. Товарищество, конечно, дѣлаетъ много злоупотребленій, присущихъ монополистамъ. Но оно невиновато въ томъ, что русское общество до такой степени холодно отнеслось къ дѣлу продовольствія арміи, что допустило установиться монополіи въ такомъ важномъ дѣлѣ. Почему въ очагѣ русскаго патріотизма, Москвѣ (московскіе публицисты только одних москвичей считаютъ патріотами), не составилось товарищества, подобнаго еврейскому, которое могло бы съ нимъ конкурировать и потому поставить дѣло продовольствія арміи на болѣе честныхъ и разумныхъ началахъ? Но въ томъ-то и бѣда, что мы, русскіе, страдаемъ зудомъ суесловія: говоримъ мы много, а какъ дойдетъ до дѣла, мы наровимъ на попятный: «куда ужь мнѣ, такого дѣла не осилю!» А евреи, посмѣиваясь себѣ въ кулакъ, прикладываютъ новыя тысячи къ пріобрѣтеннымъ уже тысячамъ, находящимся въ обращеніи. Если высокіе нравственные принципы неспособны двинуть насъ съ мѣста и заставить взяться за хорошее дѣло, то хотя бы побуждали къ тому выгоды, значительность и несомнѣнность которыхъ очевидны. Къ сожалѣнію, и этого нѣтъ!

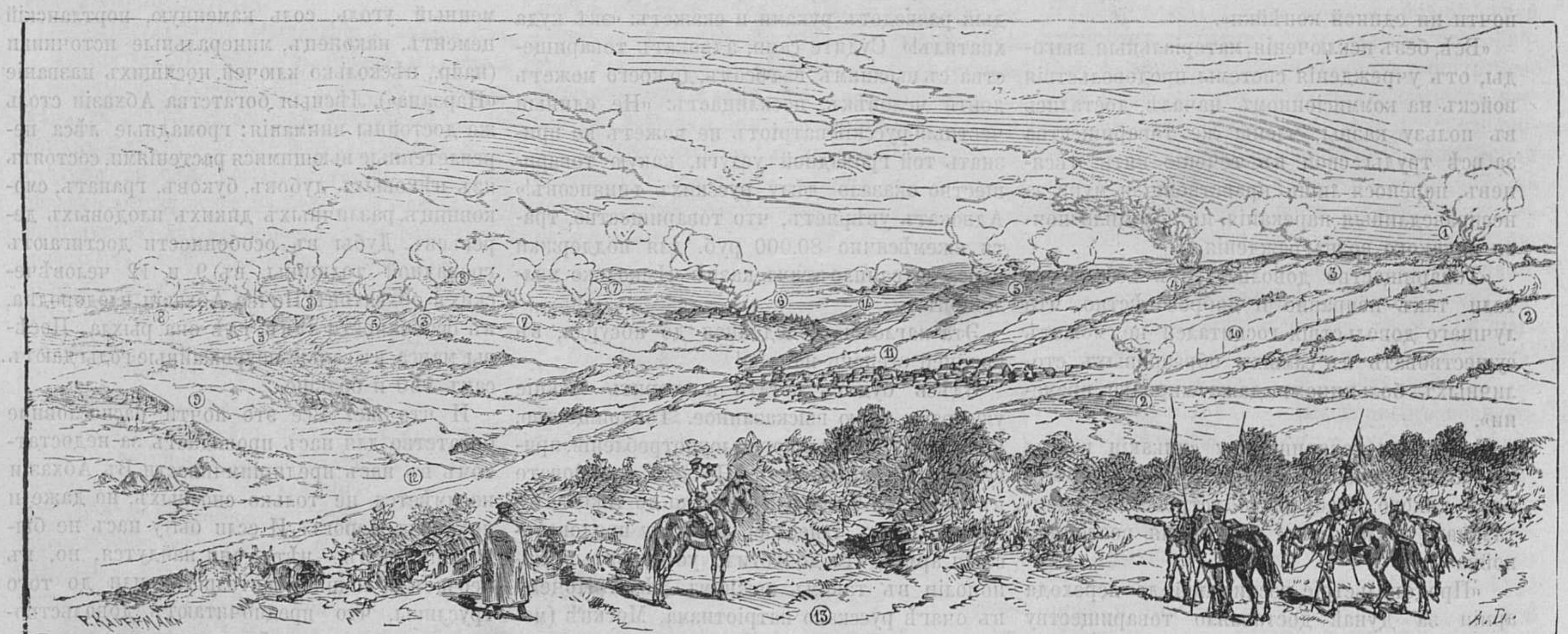
Въ прошломъ № нашего журнала въ статьѣ «Спорное побережье» было указано, въ какомъ незавидномъ положеніи находится Крымъ, хотя условія почвы и климата его таковы, что здѣсь могли бы процвѣтать земледѣліе и промышленность и давать предпріимчивымъ людямъ значительные барыши. Еще въ менѣе завидномъ положеніи находится край, въ древности называвшійся Колхидой, куда греки ходили за золотымъ руномъ. Въ засѣданіи «Географическаго общества, 25 октября, была прочитана записка г. Чернявскаго объ Абхазіи, которую онъ имѣлъ возможность подробно изучить, проведя въ ней 7 лѣтъ. Страна эта, какъ вообще Кавказъ и восточные берега Чернаго моря, пока еще мало извѣстна; картами и описаніями мѣстностей слѣдуетъ пользоваться весьма осторожно, такъ какъ всѣ онѣ наполнены ошибками, что составляетъ особенно важное неудобство въ военное время. Сообщеніе г. Чернявскаго заключало въ себѣ много интересныхъ данныхъ о климатѣ, свойствахъ почвы и естественныхъ богатствахъ Абхазіи. Защищенная съ сѣверо-востока высокими горами, она лежитъ внѣ доступа вліянію болѣе холодныхъ мѣстностей, почему климатъ ея мягче многихъ странъ, лежащихъ на одинаковой географической широтѣ. Эти же самыя горы служатъ причиною сырости климата, такъ какъ струи морского воздуха, не переходя черезъ хребетъ, остаются въ странѣ. Минеральныя богатства Абхазіи дѣйствительно замѣчательны, но пока еще напрасно ждутъ разработки. Такъ, въ рѣкѣ Ингурѣ находятъ золото, въ нѣдрахъ земли свинецъ, серебряныя и желѣзныя руды, каменный уголь, соль каменную, портланскій цементъ, наконецъ, минеральные источники (напр., нѣсколько ключей, носящихъ названіе «Нарзана»). Лѣсныя богатства Абхазіи столь же достойны вниманія: громадные лѣса переплетенные вьющимися растеніями, состоятъ изъ вѣковыхъ дубовъ, буковъ, гранатъ, смоковницъ, различныхъ дикихъ плодовыхъ деревьевъ. Дубы въ особенности достигаютъ громадной толщины, въ 9 и 12 человѣческихъ обхватовъ. Почва Абхазіи плодородна, въ особенности тамъ, гдѣ она рыхла. Посѣвы маиса въ самые неурожайные годы даютъ самъ 150 и больше.

И что же? Все это почти баснословное богатство для насъ пропадаетъ за недостаткомъ въ насъ предпріимчивости. Въ Абхазіи не имѣется не только сносныхъ, но даже и никакихъ дорогъ. И если бы у насъ не было капиталовъ, — нѣтъ, они найдутся, но, къ несчастію, наши капиталисты или до того трусливы, что предпочитаютъ довольствоваться небольшимъ банковымъ процентомъ или же легко поддаются на удочку спекулянтовъ, обѣщающихъ имъ непомѣрные барыши въ рискованныхъ, безполезныхъ для на



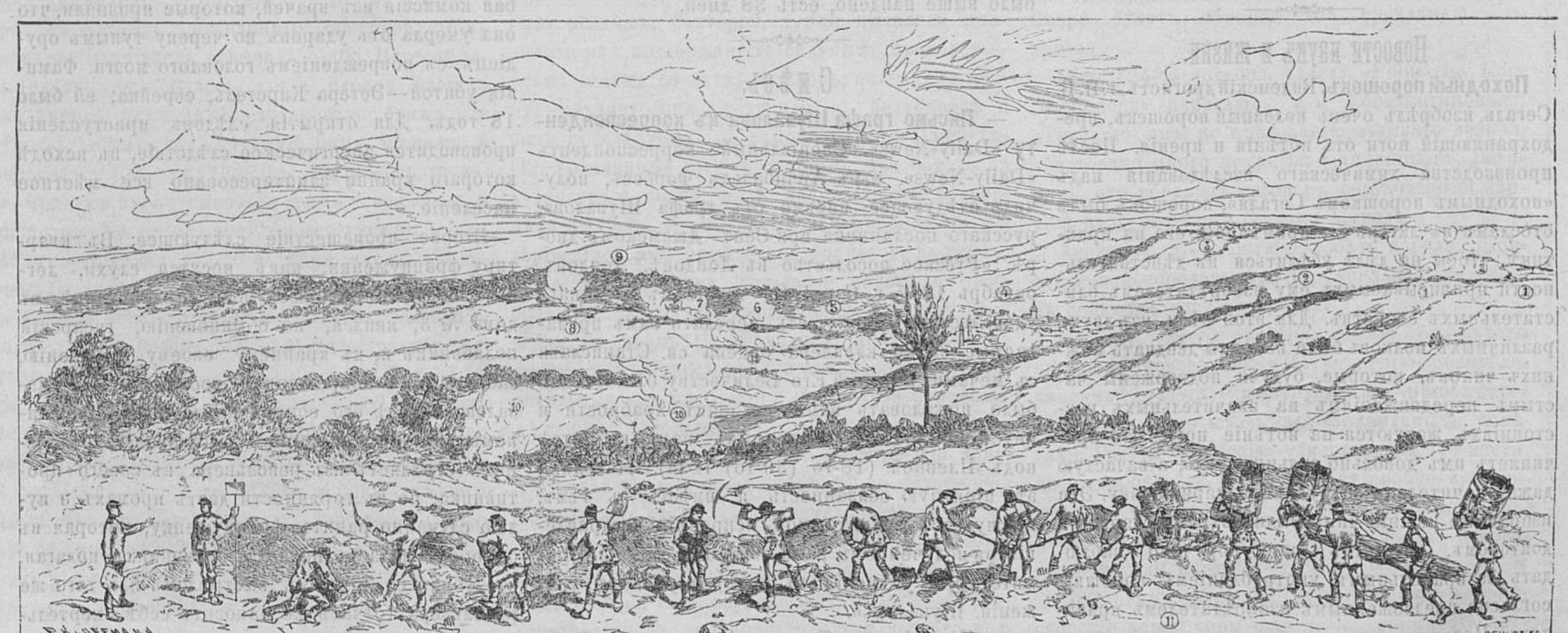
1. Русскія баттареи. 2. Осадная баттарея подъ именемъ «Мать». 3. Румынскія баттареи. 4. Редутъ, взятый румынами 27 августа. 5. Резервъ русской пѣхоты. 6. Штурмовыя колонны. 7 Ген. Зотовъ и его штабъ. 8. Зарядные ящики. 9. Дер. Гривица. 10. Мѣсто Плевны, скрытой за высотами. 11. Атака 1-й бриг. 5-й дивиз. русск. 12. Атака румынъ. 13. Гривицкій редутъ, взятый 30-го вечеромъ. 14. Турецкій редутъ. 15. Турецкій укрѣпленный лагерь. 16. Тоже. 17. Центральные турецкіе редуты. 18. Турецкій редутъ, атакованный 31-ю дивиз. русск. 19. Лѣвый турецкій редутъ. 20. Дорога изъ Плевны въ Бѣлу. 21. Дорога изъ Плевны въ Пелишатъ. 22. Перевязочный пунктъ, а впереди мѣсто, гдѣ находились во время боя Государь Императоръ и великій князь Главнокомандующій.

БОЙ ПОДЪ ПЛЕВНОЙ 30-го АВГУСТА.



1. Румынскія баттареи. 2. Русск. баттареи. 3. Редутъ, взятый румынами 27 августа. 4 и 5. Пожаръ, произведенный въ Гривицкихъ редутахъ. 6. Укрѣпленный лагерь. 7. Центральныя баттареи и редуты тур. 8. Лѣвые турецкіе редуты. 9. Русскія траншеи. 10. Дорога изъ Бѣлы въ Плевну. 11. Дер Гривица. 12. Дорога изъ Плевны въ Згалевицѣ. 13. Мѣсто бывшей русской баттареи. 14. Дѣло кавалеріи ген. Лошкарева съ турками на софійской дорогѣ.

ДѢЛО ПОДЪ ПЛЕВНОЙ 22-го АВГУСТА.



1. Русскія баттареи у Радишева. 2 Центральные турецкіе редуты. 3 Укрѣпленный лагерь. 4. Плевна. 5. Укрѣпленный лагерь. 6 и 7. Редуты, взятые ген. Скобелевымъ 30-го августа и взятые обратно турками 31-го августа. 8. Редутъ, изъ котораго турки атаковали ген. Скобелева. 9. Лѣсъ, гдѣ турки сосредоточили атакующія колонны противъ отнятыхъ у нихъ редутовъ. 10. Русскія баттареи на полугорѣ. 11. Саперы, строющіе баттареи. 12. Турецкія траншеи.

БОЙ ПОДЪ ПЛЕВНОЙ 30-го АВГУСТА.

роднаго блага предпріятіяхъ; предпріятія же солидныя не вызываютъ ихъ симпатій.

Я еще ни разу не говорилъ о театрѣ; о немъ рѣчь будетъ впереди. Въ настоящей замѣткѣ я упомяну только о новой звѣздѣ опереточнаго міра, которой,—если судить по отзывамъ о ней иностранныхъ газетъ,—суждено сдѣлаться любимицей завзятыхъ посѣтителей театра-буффъ. Я говорю о г-жѣ Маркюсъ, приглашенной г. Федотовымъ на нынѣшній сезонъ. Одна изъ лучшихъ учепицъ парижской консерваторіи, г-жа Маркюсъ готовилась поступить на оперную сцену. Но ея родители, опасаясь скользкаго поприща пѣвицы, отклонили ее отъ ея намѣренія, и молодая дѣвушка, исполняя ихъ желанія, начала учиться живописи. Въ три года ученія она сдѣлала такіе большіе успѣхи, что даже получила награду на художественной выставкѣ въ Парижѣ. Однакожь, страсть къ музыкѣ не остывала у г-жи Маркюсъ и она снова поступила въ консерваторію. Окончивъ курсъ, молодая пѣвица сразу обратила на себя вниманіе въ концертахъ какъ въ Парижѣ, такъ и въ провинціи. Услыхавъ о новомъ, многообѣщающемъ талантѣ, извѣстный Офенбахъ поспѣшилъ познакомиться съ г-жею Маркюсъ и вскорѣ ангажировалъ ее на сцену своего театра (Офенбахъ тогда держалъ театръ Gaité). Г-жа Маркюсъ около 200 разъ съ огромнымъ успѣхомъ исполнила роль принцессы Фантазіи въ оперетѣ «Путешествіе на луну». Этотъ успѣхъ опредѣлилъ будущность г-жи Маркюсъ: она посвятила себя исключительно оперетѣ и за свой свѣжій, блестящій голосъ и за игру, полную ума и жизни, ставится рецензентами парижскихъ газетъ наравнѣ съ Жюдикъ и Гранье. Когда театръ Gaité перешелъ отъ Офенбаха къ Вицентини и сдѣлался лирическимъ театромъ, г-жа Маркюсъ поступила въ театръ «Комической оперы», гдѣ стала играть первыя роли. Въ нашемъ театрѣ-буффъ г-жа Маркюсъ явится не только въ роляхъ своего опереточнаго репертуара, но также и въ комическихъ операхъ.

По слухамъ, директоръ театра-буффъ, неутомимый и добросовѣстный антрепренеръ единственнаго частнаго театра въ Петербургѣ, г. Федотовъ пріобрѣлъ въ Парижѣ всѣ костюмы и декораціи оперетты «Путешествіе на луну».

Н. И.

Новости наукъ и жизни.

Походный порошокъ. Виленскій дрогистъ, г. И. Б. Сегаль, изобрѣлъ очень полезный порошекъ, предохраняющій ноги отъ потѣнія и пренія. Послѣ производства химическаго изслѣдованія надъ «походнымъ порошкомъ Сегаля», порошокъ былъ отосланъ въ лагерь для примѣненія его на практикѣ, чтобы на дѣлѣ убѣдиться въ дѣйствительности приписываемыхъ ему изобрѣтателемъ блистательныхъ свойствъ. Для этой цѣли, изъ двухъ различныхъ полковъ были избраны двадцать нижнихъ чиновъ, которые, будучи подвержены частымъ передвиженіямъ на значительныхъ разстояніяхъ, жалуются на потѣніе ногъ, что причиняетъ имъ довольно сильную боль, а зачастую даже значительно затрудняетъ маршировку. Эти избранные нижніе чины были ввѣрены старшимъ докторомъ, которымъ было поручено наблюдать за правильнымъ употребленіемъ порошка, согласно предложеннымъ изобрѣтателемъ правиламъ. Правила эти заключаются въ томъ, что нога, прежде чѣмъ обсыпать ее порошкомъ, должна быть тщательно омыта водою, и портянки, замѣняющія носки, должны быть чисты. Кромѣ того, докторомъ было поручено вести точные списки лицамъ, пользовавшимся порошкомъ, и заявить о полученныхъ результатахъ. Успѣхъ превзошелъ ожиданія. Оказалось, что порошокъ не только предохраняетъ ноги отъ потѣнія и прѣнія, устраняя тѣмъ въ значительной степени усталость въ ногахъ, но даже замѣчательно скоро излечиваетъ самыя сильныя опухоли въ ногахъ, придавая при этомъ кожѣ свѣжій видъ и нормальный цвѣтъ. Изобрѣтатель пожертвовалъ въ пользу дѣйствующей арміи такое количество своего порошка, котораго хватило бы для *тысячи* воиновъ въ продолженіе *четырехъ мѣсяцевъ*.

Базаръ въ пользу раненыхъ. Въ Копенгагенѣ открылся 23-го октября (4-го ноября) базаръ въ пользу русскихъ раненыхъ. Въ иностранныя газеты сообщаютъ оттуда, что это самый большой и самый богатый базаръ, какой когда либо бывалъ въ этомъ городѣ. Ожидаютъ, что онъ дастъ большую выручку. Королева и принцессы прислали для продажи свои собственныя рукодѣлья. Королевская фамилія уже посѣтила базаръ и сдѣлала на немъ большія закупки. Само собою разумѣется, что продавщицами взялись быть самыя изящныя изъ копенгагенскихъ дамъ.

Время замерзанія и вскрытія Дуная. Въ засѣданіи парижской академіи наукъ 7-го (19) апрѣля 1875 года, министръ иностранныхъ дѣлъ, герцогъ Деказъ, сообщилъ въ особой таблицѣ наблюденія г. Шампуазо относительно замерзанія Дуная и вскрытія его отъ льда въ Галацѣ за 39 лѣтъ, съ 1836 по 1875 годъ. Разсматривая эту таблицу, «Кронштадтскій Вѣстникъ» приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1. Замерзанія Дуная случаются въ слѣдующіе мѣсяцы по старому стилю: ноябрь, декабрь, январь и февраль. 2) Самое раннее замерзаніе случилось 25 ноября (7 декабря). 3) Рѣка замерзала: 1 годъ — въ ноябрѣ, 22 года — въ декабрѣ, 7 лѣтъ—въ январѣ, 5 лѣтъ — въ февралѣ. 4) Изъ 39 лѣтъ было 8 лѣтъ, въ которыя Дунай совсѣмъ не замерзалъ, и были 4 года, когда онъ замерзалъ и вскрывался по два раза въ годъ. 5) Въ 1841 году Дунай оставался подъ льдомъ наиболѣе долгое время—94 дня; среднимъ же числомъ онъ замерзаетъ 35 дней въ теченіе года. 6) Самое позднее вскрытіе возможно послѣ 13 (25) марта, такъ какъ въ этотъ день, показанный для 1875 года Дунай еще былъ скованъ льдомъ толщиною 50 сантиметровъ (1 футъ $7^{1}/_{2}$ дюймовъ). 7) Въ среднемъ выводѣ, за всѣ 39 лѣтъ рѣка замерзаетъ 1 (13) января и вскрывается 8 (20) февраля; средняя продолжительность зимы, какъ было выше найдено, есть 38 дней.

Смѣсь.

— **Письмо графа Шувалова къ корреспонденту** «Daily-News». Спеціальный корреспондентъ «Daily-News», м-ръ Арчибальдъ Форбесъ, получилъ слѣдующее письмо отъ графа Шувалова, русскаго посланника при Сент-Джемскомъ дворѣ. «Русское посольство въ Лондонѣ. Лондонъ, октябрь 1877 г. Сэръ! Съ чувствомъ истиннаго удовольствія имѣю честь передать вамъ прилагаемые знаки кавалера ордена св. Станислава съ мечами, который Его Величеству благоугодно было пожаловать вамъ въ знакъ храбрости и неустрашимости, выказанныхъ вами въ битвѣ подъ Плевной (18-го (30-го) іюля). Исполняя эту пріятную обязанность, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, прошу васъ принять мои искреннія поздравленія въ полученномъ вами лестномъ отличіи. Примите, сэръ, увѣренія въ моемъ глубокомъ уваженіи. Шуваловъ».

— **Туркофилы о Гладстонѣ.** Въ газетѣ «Daily News» помѣщена слѣдующая телеграмма изъ Константинополя, отъ 29-го октября, озаглавленная «Гладстонъ болгаринъ». Вотъ содержаніе этой телеграммы: «Судя по турецкимъ газетамъ «Земоръ» и «Бассиретъ», сдѣлано великое открытіе: г. Гладстонъ—болгарскаго происхожденія; отецъ его былъ торговцомъ свиней въ кюстенджскомъ вилайетѣ. Когда молодому Гладстону было шестнадцать лѣтъ, онъ бѣжалъ въ Сербію, откуда вмѣстѣ съ другимъ торговцомъ свиней, отправленъ былъ въ Лондонъ для продажи свиней. Онъ похитилъ бумаги, перемѣнилъ фамилію свою съ Трозадина на Гладстона и сдѣлался англійскимъ подданнымъ... Счастье благопріятствовало ему до того, что онъ сдѣлался первымъ министромъ. Гладстонъ не имѣетъ никакихъ добродѣтелей. Золото — его богъ. Отоманское правительство предлагало ему пять тысячъ фунтовъ для приведенія своихъ финансовъ въ порядокъ; впослѣдствіи оно взяло назадъ это предложеніе; досада его на это обстоятельство, въ соединеніи съ его гнусною болгарскою натурою, породила его оппозицію противъ турокъ. Кличка «Гладстонъ» означаетъ жажду къ золоту и дана ему вслѣдствіе грѣшковъ его въ этомъ отношеніи». Нужно ли прибавлять хоть одно слово къ этой характеристикѣ великаго англійскаго государственнаго человѣка?

— **Два кровавыхъ происшествія въ Варшавѣ.** Изъ Варшавы «Голосу» пишутъ: въ воскресенье, 23-го октября, вечеромъ около 10-ти часовъ, одинъ изъ проходившихъ по Электоральной улицѣ, желая купить папиросъ, зашелъ въ табачную лавку, помѣщающуюся въ домѣ подъ № 15, и, переступивъ порогъ лавки, былъ пораженъ ужаснымъ зрѣлищемъ: за конторкою лежала страшно окровавленная молодая еще дѣвушка, дочь содержательницы лавки; стѣны и конторка были обрызганы кровью и мозгами. Пораженный этимъ кровавымъ зрѣлищемъ прохожій, какъ съумасшедшій, выскочилъ на улицу и началъ звать на помощь полицію, которая тотчасъ же явилась на мѣсто происшествія, со свидѣтелями и врачемъ, и приступила къ осмотру жертвы гнуснаго преступленія. Оказалось, что дѣвушка еще была жива, но находилась въ безсознательномъ состояніи, въ предсмертной почти агоніи, и потому отъ нея нельзя было добиться ничего, что могло бы выяснить это страшное происшествіе. Она тотчасъ же отправлена была въ ближайшую городскую больницу Св. Духа, находящуюся на той же улицѣ и черезъ нѣсколько часовъ умерла, не сказавъ ни слова и не придя ни на минуту въ сознательное состояніе... Для изслѣдованія трупа умершей и опредѣленія причины ея смерти была назначена особая комиссія изъ врачей, которые признали, что она умерла отъ ударовъ по черепу тупымъ орудіемъ, съ поврежденіемъ головного мозга. Фамилія убитой—Эстера Кирстель, еврейка; ей было 18 годъ. Для открытія слѣдовъ преступленія производится энергическое слѣдствіе, въ исходѣ котораго крайне заинтересовано все мѣстное населеніе.

Второе происшествіе слѣдующее: Въ квартиру француженки, какъ носятся слухи, легкаго поведенія, жившей на Нецѣлой улицѣ, въ домѣ № 3, явился, по обыкновенію, гусарскій полковникъ и, къ крайнему своему удивленію, засталъ тамъ непрошеннаго гостя, который оказался на дѣлѣ его соперникомъ. Въ раздраженномъ состояніи и порывѣ негодованія, полковникъ стрѣляетъ изъ револьвера въ своего противника, но въ горячности даетъ промахъ и пулею случайно ранитъ француженку, которая въ обморокѣ падаетъ на полъ; полковникъ, полагая, что убилъ ее, вторымъ выстрѣломъ изъ того же револьвера тотчасъ же наноситъ себѣ смертельную рану въ грудь и, обливаясь кровью, падаетъ на землю. Соперникъ же его, пользуясь счастливою для него случайностью, выходитъ изъ этого ужаснаго дѣла цѣлымъ и невредимымъ.

— **Оригинальное предложеніе.** Одинъ парижскій фотографъ обращался посредствомъ циркулярнаго письма ко всѣмъ кандидатамъ въ депутаты, на бывшіе 2 (14) октября выборы во Франціи, съ очень оригинальнымъ предложеніемъ: онъ просилъ каждаго изъ нихъ прислать ему свою фотографическую карточку, которая затѣмъ будетъ воспроизведена въ какомъ угодно количествѣ экземпляровъ и каждый экземпляръ вставленъ въ рамку, снабженную термометромъ и барометромъ; цѣну за дюжину такихъ карточекъ фотографъ опредѣляетъ всего въ 10 франковъ, и при этомъ убѣждаетъ кандидатовъ, къ которымъ обращено его предложеніе, что если они разошлютъ ихъ своимъ избирателямъ, то эти послѣдніе, особенно тѣ, которые живутъ въ деревняхъ, отнесутся къ термометру и барометру очень сочувственно, и повѣсятъ присланные портреты на самыхъ видныхъ мѣстахъ. «Каждый разъ, какъ избиратель — сказано въ циркулярѣ фотографа—захочетъ узнать, сколько градусовъ тепла или какая предстоитъ перемѣна погоды, глаза его неизбѣжно упадутъ на черты лица того, чьему великодушію онъ обязанъ такимъ подаркомъ, и если происходило до сихъ поръ въ его умѣ колебаніе, на комъ остановить свой выборъ 14-го числа будущаго мѣсяца, то постоянное созерцаніе физіономіи дарителя непремѣнно склонитъ его, наконецъ, въ пользу этого послѣдняго».

— **Американское дополненіе къ оперѣ Фаустъ.** Въ Бостонѣ давали въ одномъ изъ театровъ Фауста, Гуно. Во время извѣстной сцены, когда Мефистофель показываетъ Фаусту Гретхенъ въ образѣ видѣнія, Гретхенъ явилась, сидя не за прялкой, а за роскошною швейною машиной новѣйшей конструкціи. Въ ту же минуту изъ райка посыпался на публику дождь разноцвѣтныхъ афишъ, въ которыхъ расхваливались достоинства и преимущества новой швейной машины. Подобныя вещи могутъ происходить только въ Новомъ Свѣтѣ.

* * *

Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій.

Втеченіи прошлой недѣли получены слѣдующія оффиціальныя телеграммы.

А. Отъ его императорскаго высочества Главнокомандующаго дѣйствующей арміею:

Изъ Богота — 1) отъ 26 октября. — Въ ночь съ 23-го на 24-е октября генералъ Скобелевъ выдвинулъ часть своихъ войскъ на авангардную позицію влѣво отъ д. Брестовицы и устроилъ тамъ укрѣпленіе и баттареи, которыя съ разсвѣтомъ открыли неожиданный для турокъ огонь залпами; непріятель отвѣчалъ слабо. Перестрѣлка однако разгоралась, когда отрядъ нашихъ охотниковъ неожиданно аттаковалъ ближайшіе турецкіе ложементы, которые намъ мѣшали, и переколол ихъ защитниковъ. Поднялась тревога, причемъ турки выказали намъ свои силы и расположеніе. Около полудня все утихло. Лейбъ-драгуны проникли 21-го октября черезъ Комарево до Джурилова, по дорогѣ на Врацу разбили партію черкесовъ, отняли 100 повозокъ, 370 головъ скота и 400 овецъ. Одинъ драгунъ раненъ. Мои уланы заняли дорогу изъ Рахова въ Виддинъ, испортили телеграфъ между Раховымъ и Ломъ-Паланкою, 24-го осмотрѣли Рахово; нашли, что укрѣплено и занято 1,500 пѣхоты съ 3 орудіями. Часть турецкихъ войскъ отступили изъ Рахова къ Ломъ-Паланкѣ. Турецкое населеніе бѣжитъ на софійское шоссе. Отрядъ генералъ-маіора Черевина занялъ Петревенъ и Яблоницкое укрѣпленіе.

2) Отъ 29 октября.—Генералъ Гурко телеграфируетъ мнѣ: спѣшу поздравить ваше высочество —городъ Враца, защищаемый 800 пѣхоты и 300 черкесовъ, 28-го октября взятъ отрядомъ генерала Леонова, состоявшихъ изъ полковъ лейбъ-гвардіи: конно-гренадерскаго, драгунскаго и уланскаго, при четырехъ конныхъ орудіяхъ: захваченъ запряженный транспортъ болѣе 1,000 подводъ и большіе склады муки, галетовъ и ячменя. Потеря наша, благодаря внезапности нападенія, незначительна.

3) Отъ 29-же октября. — 27-го октября на Шипкѣ была сильная канонада съ обѣихъ сторонъ; у насъ ранено 14, убито 4, въ томъ числѣ два офицера: 24-й артиллерійской бригады капитанъ князь Вачнадзе и 9-й бригады штабсъ-капитанъ Тишинскій. 28-го, отрядъ генерала Скобелева, выстроившись согласно заранѣе отданной диспозиціи, двинулся по сигнальному залпу впередъ и, пользуясь туманомъ, быстро взялъ первый гребень Зеленыхъ высотъ и переколол занимавшихъ ложементы турокъ; тотчасъ были приступлено къ укрѣпленію взятыхъ позицій, что къ утру и исполнено. Турки два раза пытались выбить отрядъ: вчера въ 11-ть часовъ вечера и сегодня въ 7 часовъ утра, но оба раза отброшены съ большимъ урономъ.

4) Отъ 30 октября. — Сегодня ночью, около часу, турки, разсчитывая на темноту и утомленіе нашихъ войскъ, потихоньку собрали отъ пяти до семи таборовъ для нечаяннаго нападенія на новую позицію генерала Скобелева. Нашъ секретъ, замѣтивъ и предупредивъ генерала Скобелева, ночевавшаго въ траншеѣ, который приказалъ войскамъ приготовиться, и, подпустивъ турокъ менѣе, чѣмъ на сто шаговъ, встрѣтилъ ихъ залпомъ; турки отбѣжали назадъ, залегли и открыли сильный огонь, продолжавшійся до двухъ часовъ ночи, затѣмъ отступили. Когда все стихло, начальникъ секрета, унтеръ-офицеръ 9-го стрѣлковаго батальона, явился къ генералу Скобелеву и доложилъ, что все благополучно и раненыхъ нѣтъ. Секретъ во все время дѣла оставался на прежнемъ мѣстѣ незамѣченный турками. Вся наша потеря ранеными въ эту ночь до 120 человѣкъ.

Б. Отъ начальника штаба кавказскаго военнаго округа.

Изъ Кюрюкъ-Дара — 1) отъ 25-го октября. - 23-го октября, соединенные отряды генераловъ Геймана и Тергукасова, послѣ девятичасоваго боя, разбили войска Мухтара и Измаила пашей на укрѣпленной позиціи Деве-Бойну. Турки бѣжали въ полномъ разстройствѣ, бросивъ лагерь, орудія и запасы. Потери еще неизвѣстны.

2) Отъ 25-же октября. — Вчера, при занятіи войсками генерала Лазарева позиціи предъ юго-восточными фортами Карса для возведенія новыхъ осадныхъ баттарей, турки пытались аттаковать ихъ поддержанные сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ со всѣхъ фортовъ; потерпѣвъ полную неудачу, они отступили въ безпорядкѣ и были преслѣдуемы до самого Хафисъ-Паши-Табія. Увлеченные преслѣдованіемъ, два батальона кутансскаго полка, подъ начальствомъ полковника Фадѣева, несмотря на перекресный артиллерійскій и ружейный огонь, ворвались въ укрѣпленіе Хафисъ-Паша, штыками положили тамъ большую часть гарнизона, испортили орудія и взяли въ плѣнъ 10 офицеровъ, до 40 нижнихъ чиновъ и вернулись, понеся относительно незначительныя потери. Потери непріятеля огромныя. Дѣло было блестящее.

Изъ Тыкмы—3) Отъ 27-го октября. По донесенію генерала Геймана, бой 23-го октября на Деве-Бойну длился съ половины девятаго утра до половины седьмаго вечера и рѣшёнъ обходомъ непріятельскаго лѣваго фланга и прорывомъ центра; главная роль выпала на долю елисаветпольскаго, эриванскаго и тифлисскаго полковъ. Непріятель бѣжалъ къ Эрзеруму и въ окрестности его. Дождь и снѣгъ не дозволяли быстраго преслѣдованія. Войска наши ночевали на непріятельской позиціи. Трофеями дня были: 40 орудій, 8 офицеровъ и болѣе 300 нижнихъ чиновъ, лагерь и огромные запасы снарядовъ и патроновъ. Потери наши не превышаютъ 30 штабъ и оберъ-офицеровъ и 800 нижнихъ чиновъ, выбывшихъ изъ строя. Убитъ командиръ 3-й баттареи кавказской гренадерской бригады подполковникъ Подберезскій и тяжело раненъ командиръ 2-й баттареи 38-й бригады подполковникъ Колодѣевъ.

4) Отъ 30-го октября. — По свѣдѣніямъ изъ Кобулетскаго отряда, 19-го октября враждебные намъ кобулетцы завязали перестрѣлку съ гурійской дружиной, стоявшей у Какутскаго поста, но вскорѣ были обойдены и штыками выбиты изъ своихъ позицій.

26-го и 27-го чиселъ съ нашей позиціи на Мухаэстате былъ открытъ артиллерійскій огонь по турецкой позиціи на Хацубани, дабы раскрыть силы и расположеніе непріятеля; оказалось, что турецкія войска не ослабили обороны своихъ позицій и держатъ на нихъ значительную артиллерію и пѣхоту. Наша потеря за эти дни состоитъ изъ одного раненаго офицера; восьми убитыхъ, 33 раненыхъ и пяти контуженныхъ нижныхъ чиновъ. Контуженъ начальникъ штаба кобулетскаго отряда, генеральнаго штаба полковникъ Казбекъ.

5) Отъ 31-го октября.—Въ ночь на 28-е октября генералъ Гейманъ предпринялъ движеніе отъ Деве-Бойну къ Эрзеруму. По темнотѣ ночи, колонны сбились съ пути и не достигли назначенныхъ пунктовъ, но авангардъ одной колонны, состоявшій изъ трехъ баталіоновъ бакинцевъ, ворвался въ укрѣпленіе Азизіэ, овладѣлъ имъ и, переколовъ гарнизонъ, захватилъ въ плѣнъ 19 офицеровъ и 540 нижнихъ чиновъ. Съ разсвѣтомъ, въ виду наступленія значительныхъ силъ турокъ, бакинцы оставили это укрѣпленіе, уведя плѣнныхъ. Потеря наша состоитъ изъ 32 убитыхъ, раненыхъ и контуженныхъ офицеровъ и 608 нижнихъ чиновъ. По точнымъ свѣдѣніямъ, въ сраженіи 23-го октября, на Деве-Бойну нами взято 36 орудій.

* * *

Телеграммы.

Одесса, 28-го октября. Состоялось распоряженіе о пріостановкѣ выпуска изъ порта судовъ, нагруженныхъ пшеницею и назначенныхъ въ турецкіе порты.

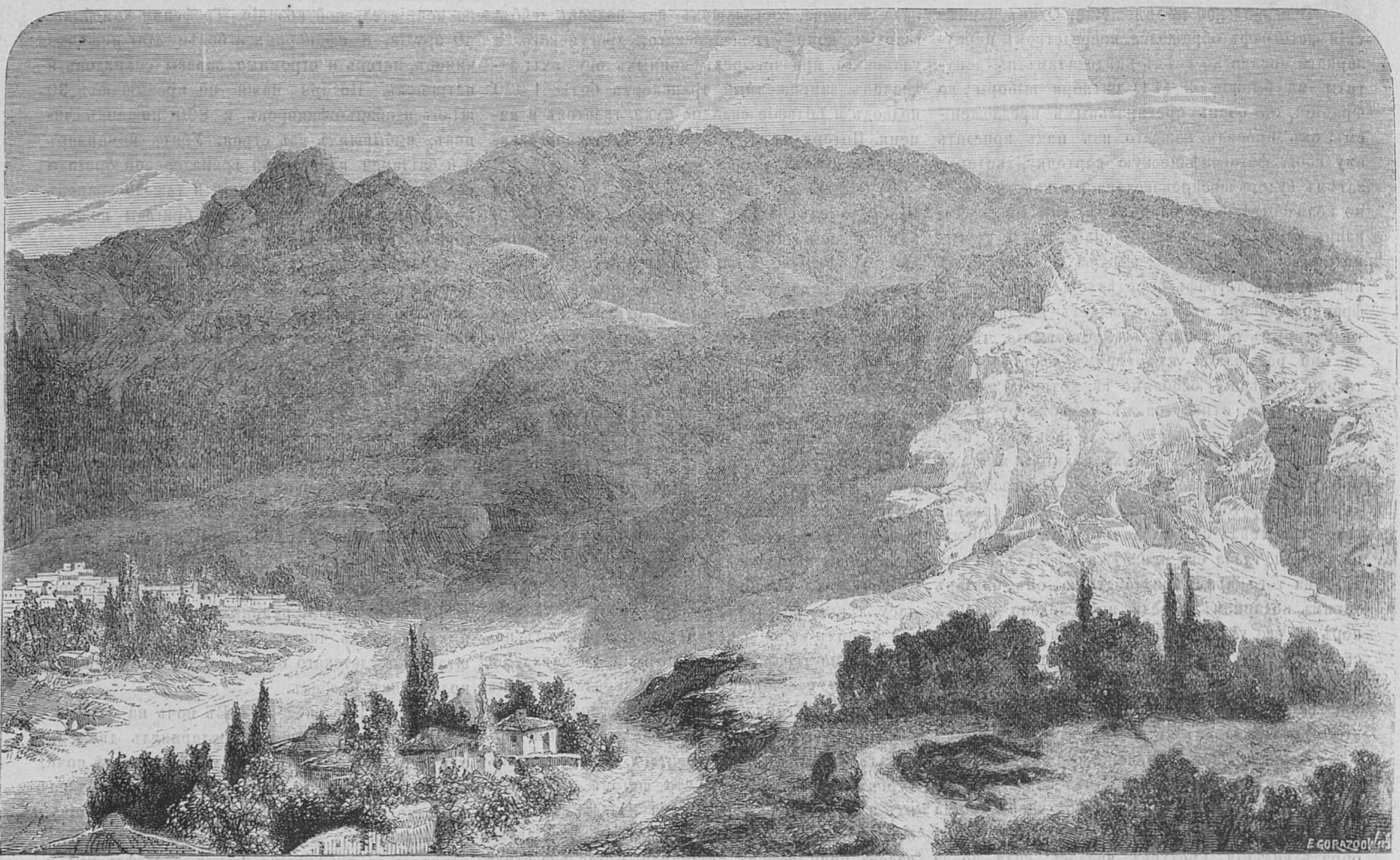
Бѣлградъ, 29-го октября. Приказъ сербскаго военнаго министра предлагаетъ милиціи второго класса приготовиться къ выступленію въ походъ. Скоро будетъ обнародована прокламація къ арміи.

Вѣна, 25-го октября. Газетѣ «Politische Correspondenz» передаютъ изъ Константинополя: «Третьяго дня, по приказанію великаго визиря, арестовано много крупныхъ сановниковъ. Говорятъ, что раскрытъ заговоръ, составленный партіей низверженнаго султана Мурада.

Дрезденъ, 27-го октября. Мать короля, вдовствующая королева Амалія, скончалась сегодня, въ седьмомъ часу вечера.

Парижъ, 24-го октября. Общіе результаты выборовъ неизвѣстны. По увѣренію республиканскихъ газетъ, республиканцы пріобрѣтутъ извѣстное число мѣстъ въ генеральныхъ совѣтахъ. Газета «Français» утверждаетъ, что настоящіе выборы не повлекутъ за собою чувствительнаго измѣненія въ нынѣшнемъ составѣ генеральныхъ совѣтовъ и не измѣнятъ относительной силы партій.

По словамъ газеты «Moniteur Universel», министерскіе переговоры еще не окончены. Вѣроятный составъ министерства будетъ слѣдующій: Пуйэ-Кертье—министръ финансовъ и президентъ совѣта; баронъ Легюэ — министръ внут-



Чатырдагъ со стороны Салгира.

реннихъ дѣлъ, Дельсоль — министръ юстиціи, Вогюэ — министръ иностранныхъ дѣлъ, Монгольфье — министръ общественныхъ работъ, Дюма — министръ народнаго просвѣщенія, Клеманъ — министръ торговли, Берто — военный, Жикель — морской.

— 26-го октября. Сегодняшнее засѣданіе палаты депутатовъ прошло спокойно. Греви былъ избранъ временнымъ президентомъ палаты. Утвержденіе депутатовъ, на выборахъ которыхъ не было злоупотребленій со стороны администраціи, большею частью республиканцевъ, быстро подвигается впередъ. Большинство потребовало продолженія засѣданія вечеромъ. Республиканцы держатся съ большимъ достоинствомъ; Гамбетта присутствовалъ все время. Завтра состоится окончательное устройство палаты, будетъ произведено окончательное избраніе президента и бюро. Республиканцы стараются ускорить устройство палаты, чтобы можно было, не теряя времени, приступить къ преніямъ.

— 26-го октября. Извѣстны результаты 1357 выборовъ въ генеральные совѣты. Въ числѣ выбранныхъ находятся 764 республиканца и 511 консерваторовъ; перебаллотировку необходимо произвести въ 84 случаяхъ. По свѣдѣніямъ о результахъ выборовъ, полученнымъ изъ 80-ти департаментовъ, въ 40 департаментахъ большинствомъ будутъ, вѣроятно, располагать республиканцы, въ 39-ти — консерваторы. Республиканцы пріобрѣли 107 мѣстъ.

Вчера вечеромъ происходило продолжительное засѣданіе совѣта министровъ. Говорятъ, что группы правой стороны сената внесутъ завтра предложеніе, въ которомъ, рядомъ съ выраженіемъ довѣрія министерству и одобренія политикѣ маршала Макъ-Магона, предлагается перейти къ очереднымъ дѣламъ. Группы сенатской лѣвой стороны намѣрены, будто бы, немедленно приступить къ обсужденію означеннаго предложенія.

— 13-го октября. Въ состояніи здоровья папы внезапно наступило значительное ухудшеніе. Ожидаютъ его кончины. Иностранные кардиналы по телеграфу вызваны въ Римъ. Папская курія возобновила переговоры съ Германіей о соглашеніи; германское правительство потребовало, въ видѣ предварительнаго условія дальнѣйшихъ переговоровъ, чтобы кардиналъ Ледоховскій покинулъ Ватиканъ.

— 29-го октября Палата депутатовъ избрала, большинствомъ 299 голосовъ противъ 159 бѣлыхъ бюллетеней, Греви президентомъ, избрала вновь прежнихъ вице-президентовъ, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ къ правой сторонѣ, а также прежнихъ квесторовъ и секретарей.

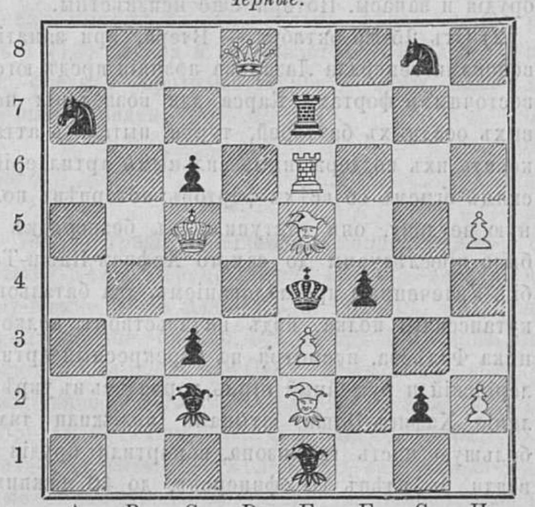
Вашингтонъ, 25-го октября. Палата приняла законопроектъ Бленда относительно свободы чеканки серебряныхъ долларовъ, которые должны служить установленнымъ законами средствомъ уплаты.

Шахматы.

Задача XL.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Черные.



Бѣлые.

Рѣшеніе задачи № XXXIX.

Бѣлые.	*Черные.*
1) H3—F2....	1) D4—C4 (a)
2) F2—D3....	2) C4—B3 берутъ
3) G3—G8 † и матъ.	
	(a) 1) A3—A2
2) B3—C3 ...	2) A4—C3 берутъ
3) G3—C3 † и матъ.	

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи. Капитанша Кваповская (продол.). — Чортовъ волосъ (продолж.). — Знаменитыя отравительницы (продолж.). — Нечеловѣческая месть (продол.). — Рыболовные артели на вытегорскомъ устьѣ Онежскаго озера. — Стихотвор. — «Старый кутила». — Обо всемъ. — Новости наукъ и жизни. — Смѣсь. — Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій. — Телеграммы. — Шахматы. — Объявленія.

Гравюры: Е. И. В. Князь Сергій Максиміліановичъ Романовскій, Герцогъ Лейхтенбергскій. — Первые ландыши. — Кактусъ. — Старый кутила. — Бой подъ Плевной 30-го августа. — Дѣло подъ Плевной 22-го августа. — Бой подъ Плевной 30-го августа. — Чатырдагъ со стороны Салгира.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Объявленія.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ,
занимавшійся продолжительное время въ первоклассныхъ коммерческихъ конторахъ, служа въ настоящее время, въ одномъ изъ частныхъ банковъ, желаетъ получить вечернее занятіе по бухгалтеріи, составленію балансовъ, и нѣмецкой кореспонденціи. Преподаетъ тоже уроки двойной итальянской бухгалтеріи. Адресъ въ редакцію.

При этомъ нумерѣ Живописнаго Обозрѣнія разсылается всѣмъ подписчикамъ приложеніе за ноябрь „ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО“, иллюстрированная драма въ пяти дѣйствіяхъ „МАРКО ФОСКАРИНИ“ и объявленіе отъ редакціи „Нувеллиста“.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5 Ноября 1877 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

Живописное Обозрѣніе

№ 46. Томъ II.

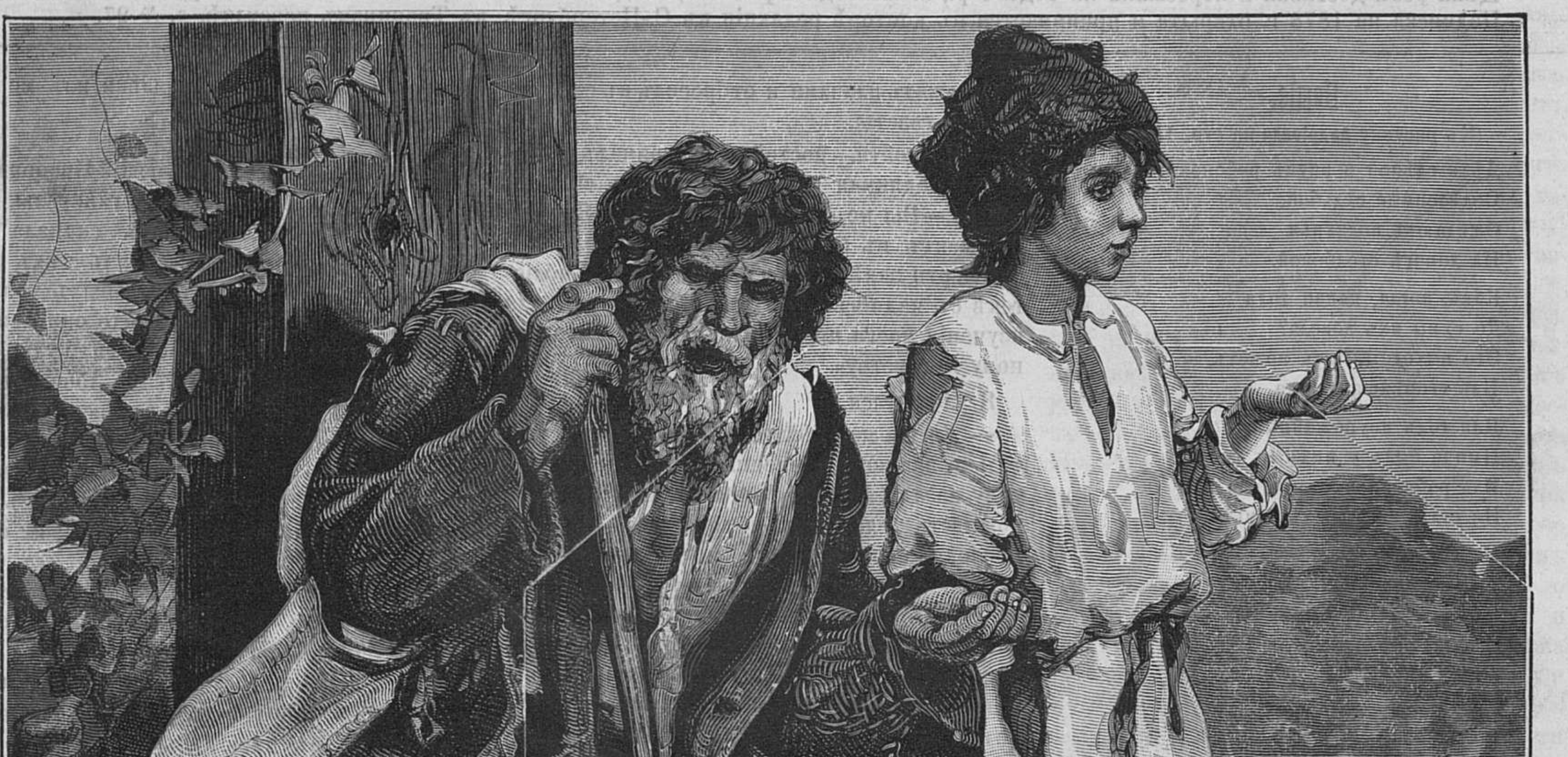
На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.;
на полгода—4 р. Отдѣльн. №№ по 15 к.

С.-Петербургъ, 13 Ноября 1877 года.

Адрессъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ,
Троицкій переулокъ, домъ № 27/1.

Годъ V.

Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде.



Дѣдъ и внукъ.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1878 ГОДУ
ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

Иллюстрированный журналъ **„ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“** издается еженедѣльно въ форматѣ **большихъ иностранныхъ иллюстрацій** не менѣе двухъ листовъ въ каждомъ нумерѣ по слѣдующей программѣ:

1) Романы, повѣсти, разсказы, очерки и біографіи. 2) Драмы и драматическія сцены. 3) Поэмы, сказки и мелкія стихотворенія. 4) Иллюстрированныя путешествія. 5) Этнографическіе очерки. 6) Статьи научнаго содержанія. 7) Новости изъ области наукъ и искусствъ. 8) Телеграммы. 9) Смѣсь. 10) Шахматный листокъ.

Гг. подписчики, кромѣ **52** нумеровъ **„ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ“**, получаютъ ежемѣсячное, безплатное иллюстрированное приложеніе **„ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО“**, составляющее большой отдѣльный томъ, заключающій въ себѣ статьи по отдѣламъ: 1) **Гигіены человѣка и животныхъ,** 2) **Сельскаго хозяйства,** 3) **Домоводства,** 4) **Садоводства,** 5) **Огородничества,** 6) **Лѣсоводства,** 7) **Пчеловодства,** 8) **Рыбоводства,** 9) **Овцеводства,** 10) **Птицеводства** и 11) **Разнообразныя практическія свѣдѣнія, кухонные рецепты и наставленія о первоначальной помощи заболѣвающимъ.**

Кромѣ того гг. подписчики 1878 г. получатъ **безплатныя преміи,** состоящія изъ **лучшихъ,** вполнѣ законченныхъ, **беллетристическихъ** произведеній русскихъ и иностранныхъ авторовъ съ **отдѣльными иллюстраціями на веленевой бумагѣ.**

Кромѣ означенныхъ премій, Редакція имѣетъ въ виду разослать въ видѣ преміи картину »Взятіе Константинополя».

Въ журналѣ **„ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“** на 1878 годъ примутъ дѣятельное участіе своими трудами слѣдующія лица: П. В. Быковъ, С. И. Воскресенская, А. Егоровъ, И. Н. Захарьинъ (Якунинъ), С. М. Крапивина, Н. Н. Каразинъ, Н. Б. Куроѣдовъ, Л. Леванда, А. Майковъ, Д. Л. Мордовцевъ. В. И. Немировичъ-Данченко, И. В. Омулевскій, П. И. Пашино, В. Славянскій, К. М. Станюковичъ, Н. П. Стремоуховъ, Н. А. Чмыревъ, В. В. Чуйко, С. С. Шашковъ А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ), Н. В. Шелгуновъ, Н. И. Шульгинъ, г-жа Юрьева и другіе.

Редакція **„ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ“** имѣетъ въ своемъ распоряженіи для печатанія въ теченіи будущаго года романъ Э. Гонкура, разсказы А. Додэ и Э. Золя и статьи Вирхова, Геккеля, Гольцендорфа, Карла Фогта и др.

Сверхъ того предполагается печатать въ теченіи года **иллюстрированныя сказки** Боккачіо (Декамеронъ), въ перев. Н. И. Шульгина, **„Похвальное слово глупости“** Эразма, въ переводѣ А. К. Шеллера (А. Михайлова) и, если позволитъ мѣсто, **„Комическій романъ“** Скарона.

Въ художественномъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться гравюры различныхъ извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, отъ 4 до 8 гравюръ въ каждомъ нумерѣ.

Цѣна безъ доставки и пересылки на годъ **6** р., на полгода **3** р. **50** к., съ доставкою и пересылкою на годъ **7** р., на полгода **4** р.

Подписка на 1878 г. открыта и принимается въ конторѣ редакціи въ С.-Петербургѣ, въ Троицкомъ переулкѣ, д. № 27.

Нищіе.

(Къ рисунку **Андріолли** на стр. 113).

Дѣдъ слѣпой и внукъ ребенокъ,
Обдѣленные судьбой,
Ожидаютъ подаянья
На дорогѣ столбовой.

Какъ, когда, какая доля
До сумы ихъ довела?
Это выходцы, быть можетъ,
Изъ сгорѣвшаго села.

Или годъ неурожайный
Нынче былъ у нихъ въ селѣ?
Иль работника-кормильца
Не осталось въ ихъ семьѣ?

На вопросы нѣтъ отвѣта,
Только можно угадать,
Что уже не долго дѣду
Остается голодать.

Близокъ день, когда не станетъ
Онъ бродить по деревнямъ,
Скоро смерть въ сырой могилѣ
Отдыхъ дастъ его костямъ.

Гдѣ-нибудь въ степи широкой
Будетъ трупъ его зарытъ
И старикъ, ненужный міру,
Будетъ всѣми позабытъ...

А тебя-то, бѣдный мальчикъ,
Что за будущее ждетъ?
Можетъ быть, ты... Нѣтъ, ужь лучше
Не заглядывать впередъ!..

А. М—въ.

* * *

Наши ближніе.

(Фельетонные наброски.)

IX.

«Молодой, полной силъ юноша».

— Прочтите! сказалъ, расхаживая по комнатѣ, Клименко и подалъ мнѣ старый нумеръ Полицейскихъ Вѣдомостей, указавъ на одно изъ объявленій.

Я прочелъ:

Примите участіе

въ молодомъ, полномъ силъ юношѣ лишившимся средствъ къ существованію и потому ищущемъ изъ за куска хлѣба мѣста секретаря, чтеца или компаніона какой-нибудь почтенной особы. Адресъ: Большая Садовая, д. Яковлева, меблированныя комнаты, № 13. И. В. Салмановъ.

Я пожалъ плечами и отбросилъ въ сторону нумеръ газеты.

— Постойте, постойте! закричалъ Клименко, поднимая газету и акуратно складывая ее.—Вы не бросайте газеты-то! Я этотъ документъ въ бархатный футляръ вложу и по смерти завѣщаю его Публичной Библіотекѣ съ надписью: «Важный матеріалъ для изученія моего времени на память благодарному потомству».

Я улыбнулся.

— Да вы не смѣйтесь! Вѣдь это дѣйствительно знаменіе времени... Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ никому и не снилась у насъ возможность подобныхъ объявленій, а теперь... Господи, сколько, какъ подумаешь, нужно было пережить обществу, чтобы доработаться до подобныхъ изобрѣтеній, чтобы выработать смѣлость къ подобнымъ изобрѣтеніямъ! Вѣдь, право, Галилеи, явившіеся передъ обществомъ со своими «e pur si muove», не нуждались въ такой смѣлости, какою долженъ обладать этотъ «молодой, полный силъ юноша»...

Клименко махнулъ рукою.

— Да, впрочемъ, что я говорю! Мы пошли даже дальше изобрѣтенія подобныхъ объявленій: мы перестали видѣть что-нибудь странное, что-нибудь необычайное въ этихъ объявленіяхъ. «Ищу мѣсто чтеца къ одинокой особѣ», пишетъ одинъ; «обратите вниманіе на молодого человѣка», пропечатываетъ другой; «желаю пристроиться къ одинокому служить за экономку», поясняетъ третья, и все это сопровождается подписями, адресами мѣстожительства, безъ всякаго сознанія со стороны объявляющихъ о томъ, что они выжигаютъ на своихъ лбахъ клейма, которыя въ былыя времена если и выжигались на человѣческихъ рожахъ, то только въ видѣ наказанія черезъ палачей...

Клименко, находившись по комнатѣ, сѣлъ въ кресло.

— Но не станемъ гаворить о матеріяхъ важныхъ вообще и о смѣлости этого юноши въ особенности, а поговоримъ о его семьѣ, проговорилъ онъ, вынимая и закуривая сигару. — Это тоже подходящій сюжетъ для одного изъ моихъ разсказовъ. Я знаю этого мальчугана, я знаю его семейную исторію и сейчасъ передамъ вамъ отрывки изъ моихъ воспоминаній о Салмановыхъ.

— «Статскій генералъ» Василій Ивановичъ Салмановъ, какъ и всѣ другіе генералы, родился не генераломъ и былъ сначала не статскимъ. Онъ происходилъ изъ тѣхъ обнародившихся дворянъ, у которыхъ только то и осталось дворянскаго, что они непремѣнно стремились пристроиться куда нибудь къ казенному мѣсту, не довольствуясь однимъ пристройствомъ къ землѣ. Василій Ивановичъ ничѣмъ не отличался въ юности отъ любого мужика и, пристроившись въ полкъ вольноопредѣляющимся, ничѣмъ не отличался отъ любого солдата, если не считать отличіемъ то обстоятельство, что солдатъ изъ мужиковъ, по большей части, такъ и долженъ былъ умереть солдатомъ, а онъ, солдатъ изъ дворянъ, очень скоро могъ перемѣнить внѣшнюю форму и нарядиться въ офицерскій мундиръ, оставшись и солдатомъ, и мужикомъ въ душѣ. Вы знаете, что ни изъ кого не выработывается такого чистокровнаго кулака, міроѣда, самодура, Титъ Титыча, какъ изъ мужика, если ему удастся пойдти въ гору. Этотъ же типъ долженъ былъ неизбѣжно выработаться изъ Василія Ивановича, когда ему удалось быстро дойдти до чиновъ. Бичъ въ отношеніяхъ къ подчиненнымъ и хищникъ въ отношеніяхъ къ общественнымъ и казеннымъ деньгамъ, онъ проходилъ свой служебный путь, какъ человѣкъ, который думаетъ, что все и всѣ существуютъ на свѣтѣ только для того, чтобы служить ступенями и фундаментомъ для его счастья. Онъ былъ расторопенъ и распорядителенъ, занимая должности квартирмистра, ротнаго и полкового командира, потомъ прикомандированнаго къ комиссаріату лица; онъ былъ отваженъ до безумія и безпощаденъ до звѣрства, когда ему приходилось участвовать въ сраженіяхъ; но вездѣ и всегда, и распорядительность и геройство являлись у него слѣдствіемъ желанія лично отличиться, скорѣе сжать обильную жатву, перешагнуть черезъ ближняго. Подчиненные звали его звѣремъ; товарищи—кулакомъ; начальники—хорошимъ служакой. И тѣ, и другіе, и третьи если не всегда уважали его, то всегда побаивались. Ненавидѣли его многіе тайно; не любилъ его никто ни явно, ни тайно. Въ сущности это былъ ходячій холодный, животный, дикій эгоизмъ. Высокій ростомъ, прямой, сухой, съ коротко подстриженными щетинистыми усами, съ гладко выбритымъ лицомъ, съ волосами, гладко зачесанными впередъ на вискахъ, съ высокимъ воротникомъ, подпиравшимъ шею, съ формально суровымъ выраженіемъ загорѣлаго лица, онъ оставался солдатомъ и тогда, когда уже былъ маіоромъ. Однимъ словомъ, это былъ чистокровный типъ вырождающагося или, вѣрнѣе сказать, выродившагося теперь бурбонства. Дослужившись до чина маіора, скопивъ не одну тысченку рублей, онъ нашелъ необходимымъ перейти изъ военной службы въ гражданскую и пожелалъ тоже, какъ и всѣ смертные, жениться, сдѣлаться отцомъ семейства.

Клименко разсмѣялся.

— Не удивляйтесь моему смѣху, произнесъ онъ.— Мнѣ вспомнилась одна изъ моихъ дѣтскихъ наивностей. Разъ, во времена моей давнопрошедшей невинности, я прочелъ въ одномъ французскомъ романѣ про дочь палача. Я оставилъ книгу и пошелъ къ матери.— «Мама, развѣ у палачей бываютъ дѣти?» спросилъ я ее.— «Бываютъ», отвѣтила мать.— «Откуда же у нихъ дѣти?» спросилъ я.— «Отъ ихъ женъ», отвѣтила мать.— «А развѣ палачихи бываютъ?» удивился я и никакъ не могъ себѣ представить, что у палачей могутъ быть обыкновенныя жены, вовсе не палачихи, а такія же простыя и, можетъ быть, добрыя женщины, какъ и жены всѣхъ остальныхъ смертныхъ. Давно прошли годы моей юности, но я долженъ признаться, что и до сихъ поръ во мнѣ осталась эта странность: при встрѣчѣ съ нѣкоторыми лицами я никакъ не могу себѣ представить сразу, что и они могутъ быть женаты, могутъ быть отцами. Дѣйствительно, есть такія положенія людей, есть такія лица людей, что трудно себѣ представить этихъ господъ шепчущими нѣжныя слова любви, сжимающими въ объятіяхъ любимую, смущенную женщину, переживающими страстные восторги медоваго мѣсяца и, наконецъ, склоняющимися съ робкою и умиленной радостью надъ колыбелью своего первенца... Василій Ивановичъ Салмановъ принадлежалъ къ разряду именно такихъ людей. Однако, онъ женился, сдѣлался отцомъ. Перемѣнивъ родъ службы, онъ сдѣлался той «правою рукой» одного изъ своихъ высшихъ начальниковъ, которая должна была совершать все то, чего не должна была знать или, лучше сказать, желала не знать «лѣвая рука». Такими руками обыкновенно дорожатъ, такъ какъ онѣ избавляютъ другія руки отъ необходимости пачкаться разною грязью; такихъ рукъ даже побаиваются, потому что онѣ могутъ, при случаѣ, замарать другихъ прилипшей къ нимъ грязью; но такія руки третируются все-таки свысока даже тѣми, кто ради своихъ выгодъ заставляетъ ихъ, избавляя себя отъ грязныхъ дѣлъ, пачкаться въ грязи. Салмановъ игралъ именно эту роль въ домѣ своего начальника и очень хорошо понималъ и выгоды, и невыгоды своего положенія. Онъ зналъ, что его «терпятъ въ домѣ», покуда онъ нуженъ. Ему захотѣлось сдѣлать такъ, чтобы его терпѣли въ домѣ и тогда, когда онъ будетъ не нуженъ. Сдѣлать это онъ рѣшился при помощи рискованнаго шага—женитьбы на двоюродной или троюродной племянницѣ начальника, жившей въ домѣ этого начальника. Онъ разсчиталъ довольно вѣрно: покуда онъ «очень нуженъ» начальнику,— начальникъ не рѣшится ему отказать въ рукѣ молодой дѣвушки; двадцатипятилѣтняя дѣвушка, не имѣвшая за душой ничего, кромѣ княжеской фамиліи захудалаго рода и привычки къ блеску, едва ли не пойметъ выгодности брака съ человѣкомъ, обладающимъ капитальцемъ и смотрящимъ если не въ дѣйствительные статскіе, то хоть просто въ статскіе совѣтники; онъ самъ, Салмановъ, скрѣпитъ прочно при помощи этого союза свою связь съ высшимъ начальникомъ, пріобрѣтетъ вліятельныхъ защитниковъ и покровителей въ лицѣ родныхъ жены и сразу станетъ въ обществѣ въ тотъ кругъ, куда не пройдешь въ качествѣ «своего человѣка» даже и съ генеральскимъ чиномъ. Онъ сдѣлалъ свое предложеніе по военному, по солдатски, рѣшительно, быстро, круто и ударъ былъ сдѣланъ на столько вѣрно, что ему сразу дали согласіе и растерявшійся высшій начальникъ, услышавшій въ этомъ предложеніи чуть не угрозу со стороны своей несовсѣмъ чистой «правой руки», и молодая княжна угадавшая въ любовномъ объясненіи не столько страстное признаніе, сколько намекъ на выгодность для нея этого дѣла, безъ котораго она, въ концѣ концовъ, можетъ остаться нищею старою дѣвою.

— Ты, Ада, обдумала все? растерянно говорилъ смущенный дядя, оставшись наединѣ съ княжною.

— Чего же думать, дядя? Мнѣ двадцать пять лѣтъ! не то съ горечью, не то съ насмѣшливостью отвѣтила бойкая княжна.

— Да, да... какъ время то идетъ! говорилъ онъ, потирая рукою лобъ.—Суровъ онъ, неотесанъ... солдафонъ...

Княжна засмѣялась презрительнымъ смѣхомъ.

— Я буду всѣмъ говорить, что всѣ сказочные герои были такими...

— Ты все шутишь... вѣтреница! вздохнулъ дядя и нѣжно ущипнулъ княжну за подбородокъ. — А какъ же я то безъ тебя...

Дядя смутился и замялся.

— Я думаю, мой бракъ ничего не измѣнитъ, отвѣтила холодно и разсѣянно княжна, что то соображая. — Я вотъ только что думаю: нельзя ли намъ помѣститься на первое время въ твоемъ домѣ... Здѣсь онъ все-таки будетъ... стѣсняться... связанъ будетъ...

— Да, да! Прекрасно! постарчески засуетился дядя.—Здѣсь онъ не посмѣетъ... Онъ грубъ, но вѣдь все же я начальникъ... я, наконецъ, могу ему объяснить предварительно...

— Ахъ, ты меня не понимаешь! нетерпѣливо перебила княжна.— Ничего ему не надо объяснять, потому что онъ все самъ понимаетъ очень хорошо и со всѣмъ мирится заранѣе... Я просто хочу прожить хоть первое время у тебя въ домѣ потому, что здѣсь легче дрессировать его... C'est un ours mal léché и его все-таки нужно пріучить хоть по человѣчески жить, если онъ уже не можетъ по человѣчески выглядѣть.

За семейнымъ обѣдомъ, когда всѣ домашніе Синицына, какъ звали начальника Салманова, были въ полномъ сборѣ, неожиданная новость произвела изумительное впечатлѣніе на всѣхъ: хозяйка дома, заявлявшая о своемъ существованіи только слабостью нервъ, чуть не упала въ обморокъ, молоденькія ея дочери пришли въ ужасъ, а разбитные фатоватые сыновья и племянники хозяина дома въ гвардейскихъ мундирахъ засыпали кузину предостереженіями въ родѣ того, что «Салмановъ отъ жадности запираетъ муху въ сахарницу, чтобъ никто не воровалъ сахара». Княжна съ улыбкой выслушала всѣ вздохи женщинъ и всѣ предостереженія мужчинъ и, смѣясь, заговорила наконецъ:

— Изъ вашихъ словъ я только вижу, что вы его считаете неотесаннымъ мужикомъ и грубымъ солдатомъ. Но вѣдь справляется же съ сотнями неотесанныхъ мужиковъ одинъ образованный управляющій и обуздываетъ же тысячи грубыхъ солдатъ одинъ развитой полковой командиръ... Вотъ и я буду такимъ управляющимъ и такимъ полковымъ командиромъ...

— Но вѣдь онъ уродъ, его нельзя любить, горячо вскричалъ одинъ изъ двоюродныхъ братьевъ княжны, зорко взглянувъ на нее.

Она вся вспыхнула и горячо произнесла:

— Клянусь тебѣ, я его вовсе и не думаю любить!.. Неужели ты могъ думать!..

По окончаніи обѣда, двоюродный братъ княжны, замѣтившій объ уродствѣ ея жениха, подошелъ къ ней и тихо началъ, сильно жестикулируя, говорить съ ней.

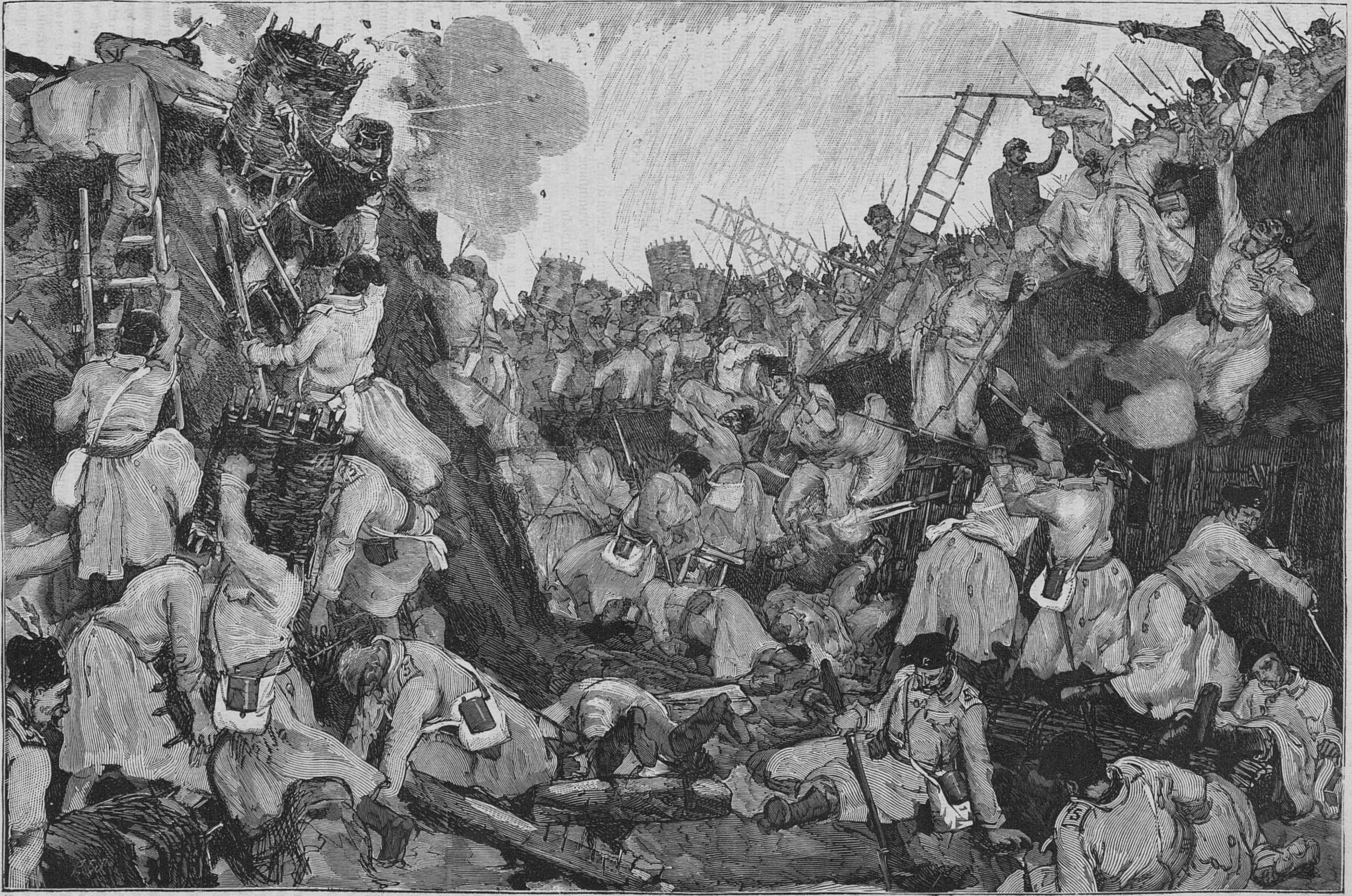
— Клянусь тебѣ, что это дѣлается просто по необходимости... Ничего не измѣнится... Ты долженъ же понять, что иначе нельзя... Дядя старъ и, въ сущности, если не бѣденъ, то и не богатъ, и мы не сегодня, такъ завтра можемъ его лишиться — что же будетъ тогда?.. Еслибъ ты или я были богаты, тогда другое дѣло... Ревность?.. Богъ мой, что за глупости!.. Не ревнуешь же ты меня теперь... И къ кому ревность... къ монстру! слышались отрывочныя фразы раскраснѣвшейся отъ волненія княжны.

Такъ совершилась женитьба Салманова. Онъ не противился переѣзду въ домъ Синицына, соображая, что это сбережетъ расходы на квартиру и сблизитъ его тѣснѣе съ кружкомъ Синицына. Онъ не поднималъ никакой бури, не дѣлалъ никакихъ сценъ женѣ въ первые дни супружеской жизни за нѣсколько черезчуръ свободную жизнь княжны въ дѣвическіе годы. Онъ даже пробовалъ разыгрывать роль супруга до конца и сталъ говорить ей: «душечка» и «мамочка». Но строгая и твердая княжна сразу поставила его въ границы приличія и дала ему понять, что къ *его* лицу не идутъ нѣжности и что въ *ея* кругу эти нѣжности между супругами не приняты. Это обстоятельство не внесло, впрочемъ, въ ихъ супружескую жизнь никакой тѣни: они были довольны другъ другомъ, они были довольны сдѣланной аферой. Онъ стоялъ теперь твердо въ домѣ Синицына, не въ качествѣ простой «правой руки», обдѣлывающей то или другое грязное дѣльце, а въ качествѣ «своего человѣка», родственника, надѣющагося въ случаѣ невзгоды на защиту и протекцію. Она перестала быть княжною изъ захудалаго рода, боящеюся остаться въ нищетѣ старою дѣвою, и сдѣлалась самостоятельною женщиною, не пугающеюся печальной возможности сдѣлаться матерью и надѣющеюся въ будущемъ остаться вдовою генерала, съ сотнею тысячъ капитала. Правда, бывали дни, когда взбѣшенный чѣмъ-нибудь Салмановъ пробовалъ наброситься на жену, какъ звѣрь, но въ этихъ случаяхъ жена хладнокровно замѣчала:

— Я позвоню и велю призвать дядю, чтобы онъ выгналъ васъ изъ дома!

Эта угроза усмиряла Салманова, жаждавшаго сдѣлаться хоть статскимъ генераломъ, если уже судьба не позволила быть военнымъ.

— И неужели вы не можете накричаться



Гривицкій редутъ.

на столько на прислугу, чтобы приходить ко мнѣ въ болѣе спокойномъ видѣ, колко усмѣхалась жена. — Кажется, вамъ есть на кого кричать, кромѣ меня.

Мужъ такъ и дѣлалъ: онъ изливалъ гнѣвъ на другихъ, сердясь на жену. Сердиться же онъ имѣлъ бы причины, еслибы можно было предположить, что у него была хоть капелька любви къ женѣ или хоть частичка чувства чести. Но, къ его счастью, онъ не зналъ, что значитъ любовь, и не понималъ, что значитъ честь: онъ видѣлъ во всемъ только выгоду, а жена безспорно доставляла ему выгоды и потому онъ вовсе даже и не замѣчалъ, какую роль играетъ при его женѣ старикъ Синицынъ и тотъ молодой гвардеецъ, котораго княжна увѣряла передъ свадьбой въ своей нелюбви къ своему жениху. Салмановъ даже восхищался, когда его жена царила въ обществѣ, изумляя свѣтъ своею бойкою находчивостью, своею салонною развязностью, своимъ свѣтскимъ остроуміемъ, блестя какъ крупный призъ, предназначенный тому, кто поставитъ самую крупную ставку въ игрѣ съ нею въ блестящія фразы и пустозвонную болтовню. Мужъ даже, можетъ быть, призналъ бы ея превосходство надъ собою, если бы его не грызъ червь самолюбія, постоянно подсказывавшій ему, что онъ, Салмановъ, самый ловкій, самый опытный, самый умный изъ всѣхъ мошенниковъ,—а мошенниками Салмановъ считалъ всѣхъ людей. Только вслѣдствіе этого убѣжденія въ своемъ превосходствѣ надъ всѣми Салмановъ иногда прикрикивалъ на жену и говорилъ:

— Если я сказалъ, что такъ хочу, такъ такъ и должно быть!

Жена въ этихъ случаяхъ обыкновенно хладнокровно замѣчала:

— Ахъ, не кричите, пожалуйста, у меня голова разболится и мнѣ нельзя будетъ ѣхать на балъ къ графу NN.

Мужъ утихалъ, зная, что на балу графа NN жена должна обдѣлать выгодное для него, Салманова, дѣло. Но, несмотря на это, онъ все-таки былъ убѣжденъ, что его жена только слѣпое орудіе въ его рукахъ.

Черезъ полтора года послѣ женитьбы Салмановъ сдѣлался отцомъ. Прошло еще полтора года и у Салманова родился еще ребенокъ. Прошло еще два года — и въ міръ явился еще одинъ носитель фамиліи Салманова. Бѣлокурые, рыжіе и черноволосые ребятишки одинаково называли его «папой» и онъ одинаково игралъ роль «отца» въ отношеніи ихъ. Роль отца онъ понималъ своеобразно: не позволять дѣтямъ шумѣть, распекать ихъ при каждомъ удобномъ случаѣ, самолично сѣчь ихъ за проступки, кричать при нихъ на нянекъ и гувернантокъ, производить при нихъ всѣ домашнія бури, не стѣсняться при нихъ въ дѣлѣ самыхъ грязныхъ откровеній, однимъ словомъ, смотрѣть на нихъ какъ на «щенковъ»—вотъ въ чемъ заключалась вся его педагогическая система. Онъ былъ вполнѣ «откровеннымъ отцомъ». Въ то же время онъ былъ вполнѣ самостоятельнымъ распорядителемъ судьбы дѣтей, такъ какъ его жена вовсе не вмѣшивалась въ ихъ воспитаніе: она, гордая, самолюбивая, вѣчно искавшая только поклоненія, только заботилась, какъ бы поскорѣе родить ихъ, такъ какъ беременность мѣшала выѣздамъ и лишала граціи ея фигуру. При такихъ условіяхъ дѣти Салмановыхъ росли странно: въ отсутствіе отца они пользовались полною разнузданностью и свободою; въ присутствіи отца они ждали ежеминутно окриковъ и иногда порки; безъ отца и безъ матери они подпадали самымъ грязнымъ вліяніямъ лакеевъ, горничныхъ, нянекъ, гувернантокъ; при отцѣ и при матери они слышали всевозможныя некрасивыя соображенія о наживѣ, о выгодахъ, о продѣлкахъ. Было еще третье вліяніе въ дѣлѣ развитія этихъ дѣтей: они стояли очень близко къ младшимъ членамъ семьи Синицына и эти младшіе отростки этой семьи первые открыли этимъ дѣтямъ всѣ тайны «золотой молодежи»....

Однажды Салмановъ, проходя по Невскому проспекту, встрѣтилъ своего одинадцатилѣтняго сына, несущемся на рысакѣ.

— Стой, мерзавецъ! крикнулъ Салмановъ, бросаясь къ рысачнику, какъ бѣшеный звѣрь.

Кучеръ остановилъ лошадь. Отецъ стащилъ за шиворотъ сына съ дрожекъ и тутъ же публично надавалъ ему пощечинъ.

— Иди домой, каналья! крикнулъ онъ, таща сына за руку.

— За проѣздъ заплатите, остановилъ его кучеръ.

— Я тебя, бестію, въ полицію отправлю за проѣздъ! съ пѣной у рта отвѣтилъ Салмановъ. — Несовершеннолѣтнихъ возить на рысакахъ вздумалъ, ракалія! Запорю тебя на съѣзжей, тогда и узнаешь, что за проѣздъ тебѣ нужно получить, распротоканалья!

Съ этой минуты начинаются похожденія дѣтей Салманова и первыя терніи на семейномъ пути Салманова. Кромѣ заботъ о карьерѣ и наживѣ, у Салманова является забота «глядѣть въ оба» за дѣтьми и «ошпаривать» распротоканалій. Но, на несчастіе Салманова, онъ уже былъ въ чинахъ, онъ уже былъ членомъ высшаго, то есть богатаго круга, онъ уже слылъ чуть не милліонеромъ и никакъ не могъ сдѣлать такъ, чтобы его дѣти и ихъ товарищи, считали этихъ «шалопаевъ» и солдатскими дѣтьми, и нищими, и голяками. Нельзя же было водить ихъ въ рубищѣ, нельзя же было воспитывать ихъ въ пріютахъ, нельзя же было дать имъ въ товарищи какихъ нибудь дворовыхъ или уличныхъ мальчишекъ, а въ «благородныхъ пансіонахъ» и среди «дѣтей высшаго круга» его «оболтусы» только тому и могли научиться, какъ «мотать деньги». Положеніе Салманова было поистинѣ трагическое. Сегодня ему приходилось заплатить пятьсотъ-шестьсотъ рублей долга за сына, предварительно выпоровъ этого сына; завтра этотъ сынъ заявлялъ, что безъ взятки учителю «благороднаго пансіона» онъ, сынъ Салманова, не выдержитъ экзамена и Салмановъ давалъ взятку учителю «благороднаго пансіона», опять таки предварительно выпоровъ свое дѣтище. Такъ среди кутежей и порокъ и росло молодое поколѣніе Салмановыхъ, переходя изъ класса въ классъ при помощи взятокъ, срывая цвѣты любви при помощи векселей и философски относясь къ тѣмъ процентамъ, которые щедро отмѣчалъ на ихъ тѣлѣ отецъ за ихъ посягательства на его капиталъ.

Только теперь Салмановъ иногда сталъ мрачно вглядываться въ своихъ дѣтей и находить, что они не похожи на него. Прежде онъ не придавалъ никакого значенія этому отсутствію въ нихъ сходства съ нимъ, но теперь, когда онъ сталъ платить за нихъ *свои* деньги, онъ часто бормоталъ въ бѣшенствѣ своей женѣ:

— Полюбуйтесь на *вашихъ* дѣтокъ! Опять-съ векселей надавали! Что я батракъ имъ достался, что-ли?

— *Мои* дѣти! презрительно пожимала плечами Салманова.—А развѣ они не *ваши*?

— Чортъ ихъ знаетъ, чьи они! восклицалъ Салмановъ.—Вы кутили, вы развратничали, а я наживалъ-съ... но не для этихъ... Салмановъ произносилъ одно изъ тѣхъ словъ, отъ которыхъ всегда коробило его жену.

— Что жъ, не платите за нихъ, небрежно замѣчала она.—Ихъ посадятъ тамъ въ долговое, что ли, или судить будутъ и всѣ узнаютъ, что имъ не изъ чего платить долговъ и что вы тоже не имѣете средствъ платить за нихъ—и больше ничего... выйдетъ скандалъ—вотъ и все...

Салмановъ скрежеталъ зубами, потому что теперь его чинъ, его связи, его богатство лишаютъ его возможности производить скандалы.

— Вы и за Ваню кстати не платите долговъ, язвительно усмѣхалась генеральша.

— Ваня не дѣлаетъ-съ долговъ! Ваня не похожъ-съ на вашихъ негодяевъ! кричалъ въ бѣшенствѣ мужъ. — Не смѣйте никогда сравнивать Ваню съ вашими...

Салмановъ доходилъ до того, что опять разражался нецензурнымъ эпитетомъ и стучалъ по столу кулакомъ на свою супругу.

Ваня былъ послѣдній сынъ Салманова. Онъ родился мѣсяцевъ черезъ девять послѣ того памятнаго дня, когда Салмановъ дошелъ до желанной цѣли всей своей жизни—получилъ при помощи жены чинъ «статскаго генерала». Это обстоятельство до того растрогало Салманова, что онъ впервые почувствовалъ что то въ родѣ любви къ женѣ и «мучилъ» ее этою неожиданною, странною и грубою любовью въ теченіи нѣсколькихъ недѣль, «раззоряясь» на подарки, какъ страстно любящій женихъ, и являясь передъ нею каждый день въ форменной одеждѣ съ стереотипною, звучавшею жирнымъ смѣхомъ и полнымъ довольствомъ фразою:

— Что прикажете, ваше превосходительство, своему генералу?

Когда мѣсяцевъ черезъ девять послѣ этого замѣчательнаго событія у Салманова родился сынъ и ему доложили объ этомъ, онъ весь просіялъ и быстро спросилъ у акушерки:

— Но вы думаете, что его превосходительство совершенно здоровъ?

«Его превосходительство», то есть маленькій Ваня, сдѣлался любимцемъ отца, съ которымъ онъ былъ схожъ, какъ двѣ капли воды. Мальчика звали въ домѣ не иначе какъ «генеральскимъ сыномъ», докторъ прописывалъ ему рецепты не иначе какъ «его превосходительству», отецъ называлъ его не иначе какъ «мой Ванька». Смотря на отношенія Салманова къ Ванѣ, можно было понять, что и звѣри могутъ любить своихъ дѣтенышей, да еще какъ любить!.. Какъ то разъ я былъ на вечерѣ у Салмановыхъ. Народу было много, ужинъ подали поздно, всѣ подкутили, хозяинъ былъ навеселѣ, что случалось съ нимъ нерѣдко послѣ полученія желаннаго чина. Послѣ ужина онъ подошелъ ко мнѣ и сталъ мнѣ говорить, отчего я не женюсь.

— Право хорошо, говорилъ онъ, дружески хлопая меня по плечу.—Женка хорошенькая, дѣтки будутъ... Вы видѣли моего Ваньку?... А?... Пойдемте, я вамъ его покажу...

Онъ повелъ меня въ свою спальню, гдѣ уже спалъ его десятилѣтній Ваня. Мы вошли въ просторную комнату, гдѣ стояла простая походная кровать хозяина и неподалеку отъ нея находилась рѣзная съ дорогими кисейными занавѣсками кровать его Вани. Кисейныя занавѣси, голубое атласное одѣяло, подушки съ прошивками, все это сразу никакъ не дозволяло предполагать, что это ложе мальчика. Скорѣе можно было подумать, что здѣсь находится мѣсто отдыховъ какой нибудь избалованной красавицы. Комната освѣщалась лампой съ синимъ шелковымъ абажуромъ. Хозяинъ погрозилъ мнѣ пальцемъ, сказавъ: «тише» и на цыпочкахъ, пошатываясь, подвелъ меня къ постели сына.

— Каковъ красавецъ? прошепталъ онъ, улыбаясь и съ умиленіемъ указывая на мальчика.

Онъ простоялъ съ минуту, любуясь мальчикомъ, потомъ наклонился, поцаловалъ его въ голову, постоялъ опять съ минуту, перешелъ къ другому концу постели и, приподнявъ одѣяло, прильнулъ губами къ ногамъ мальчугана, гладя и лаская ихъ рукою. Когда онъ поднялся, я увидалъ на его раскраснѣвшемся отъ вина лицѣ крупныя слезы.

— Вотъ такъ каждый день, каждый день я цалую эти ноги, прошепталъ онъ, уже плача.—Мой сынъ... мои эти ножки... Что мои другіе сыновья. Тѣ прохвосты, а этотъ—это сынъ генерала!... Да-съ!... И взгляните вы на него... Нѣтъ! да вы не знаете, что это за красота, что это за существо...

Малютка вздохнулъ и совсѣмъ захмѣлѣвшій старикъ сразу пришелъ въ себя и замахалъ мнѣ рукою:

— Ради Бога, ради Бога, тише!.. Испугать можемъ!...

Когда я читаю, что Омфала заставила прясть Геркулеса, а Самсона покорила Далила, я нисколько не удивляюсь, если даже самъ Салмановъ могъ покориться и не женщинѣ, а мальчику — своему сыну. Чего не бываетъ на свѣтѣ: вспоминая объ отношеніяхъ Салманова къ Ванѣ, я даже иногда думаю, что при другихъ условіяхъ изъ генерала могъ бы выйти и любящій мужъ и мягкосердечный отецъ съ придурью. Къ сожалѣнію, онъ не былъ ни любящимъ мужемъ, ни мягкосердечнымъ отцемъ своихъ дѣтей, за исключеніемъ Вани, и это то различіе его отношеній къ остальнымъ членамъ семьи и къ Ванѣ сдѣлало изъ Вани чортъ знаетъ что. Онъ росъ изнѣженнымъ барчукомъ, привередливой кокеткой и вѣчно жалующимся шпіономъ отца и отецъ видѣлъ въ этомъ только хорошія стороны.

— Нѣженъ мальчикъ потому, что онъ, слава Богу не какой нибудь прохвостъ, а сынъ генерала, разсуждаетъ отецъ. — Кокетничаетъ мальчугашка, потому что знаетъ шельмецъ свою красоту. Ничего онъ отъ меня не скроетъ, потому что онъ *мой*...

Вани не отказывалось ни въ чемъ и уже шестнадцати лѣтъ онъ блестѣлъ среди золотой молодежи, воспитуясь въ одномъ изъ самыхъ модныхъ пансіоновъ, куда онъ ѣздилъ ежедневно на собственныхъ лошадяхъ, въ блестящихъ экипажахъ, возбуждая завист товарищей и этими экипажами, и этими рысаками. Его учили рисованію, музыкѣ, пѣнію, всѣму, что нужно было знать свѣтскому молодому человѣку, желающему играть видную роль въ обществѣ. За нимъ уже увивалась золотая молодежь, какъ увиваются за какой нибудь красавицей или за какимъ нибудь матушкинымъ сынкомъ. Отецъ только торжествовалъ, когда слышалъ, что къ сыну его льнутъ такіе то князьки, такіе то графчики. Онъ даже не сердился на сына, когда тотъ иногда раздражался и капризничалъ, строптиво восклицая:

— Да развѣ ты не понимаешь, отецъ, что я долженъ не ронять себя въ глазахъ этихъ людей, съ которыми мнѣ придется жить всю жизнь! Я думаю, ты не желаешь, чтобы я знакомился съ какой нибудь голоштанной сволочью, которая ничего не дастъ мнѣ въ будущемъ.

«Да, да, мальчишка въ меня, понимаетъ, что его ждетъ въ будущемъ! говорилъ отецъ. —Министромъ будетъ!»

И кошелекъ отца открывался передъ безпощадными руками будущаго министра. Надо отдать справедливость сыну: онъ никогда не дѣлалъ долговъ, какъ его братья, которымъ отецъ давалъ очень мало денегъ. Когда у него не было денегъ, онъ хмуро запирался въ свою комнату и грызъ ногти, сидя надъ книгой.

— Ваня, ты дома? спрашивалъ отецъ за дверями.

— Гдѣ же мнѣ быть, какъ не дома, отвѣчалъ сынъ, не прекращая своихъ занятій.

— Занятъ чѣмъ нибудь? спрашивалъ отецъ, входя въ комнату.

— Читаю отъ скуки, не оборачиваясь, отвѣчалъ сынъ.

— Дѣловое что нибудь?

— Нѣтъ, работы никакой нѣтъ.

— Такъ что же ты сидишь одинъ?

— Съ кѣмъ же мнѣ сидѣть?

— Ну, пригласилъ бы кого нибудь, или поѣхалъ бы куда... въ балетъ тамъ, что ли...

— Странный ты человѣкъ, отецъ! Всѣ эти приглашенія и выѣзды стоятъ много денегъ! Я и такъ обираю тебя...

— Дуракъ, дуракъ! смѣялся грубымъ смѣхомъ отецъ. — Онъ обираетъ меня! А! скажите, пожалуйста! Онъ обираетъ! Не знаешь ты, что ли, что все мое—твое.

Затѣмъ слѣдовали отцовскія щедроты. Когда же сынъ почтительно цѣловалъ отцовскую руку, — отецъ не выдерживалъ, сажалъ сына къ себѣ на колѣни, бралъ въ руки его голову, любовался имъ, цѣловалъ его щеки, глаза, руки. Казалось, онъ переживалъ въ сынѣ снова свою молодость, только эта молодость была полна красоты, блеска и радужныхъ надеждъ на завидное будущее. И точно, на это будущее можно было надѣяться: если онъ, старикъ Салмановъ, начиная съ ничтожества и нищеты, дошелъ до чина статскаго генерала и до большого состоянія, то до чего же можетъ дойдти этотъ юноша Салмановъ, вступая въ жизнь съ деньгами, съ связями, съ образованіемъ? Но, можетъ быть, у этого юноши Салманова мало энергіи, мало настойчивости? Нѣтъ онъ походитъ характеромъ на отца: тоже непомѣрное самолюбіе, тоже признаніе себя выше всѣхъ, тоже самодурство, только все это выражалось въ сынѣ менѣе угловато, менѣе грубо, чѣмъ у отца, и напоминало соотвѣтствующія черты въ характерѣ послѣдняго въ той же степени, въ какой прекрасное лице этого юноши напоминало некрасивое лице этого старика....

Салмановъ былъ совершенно счастливъ, онъ достигъ своихъ цѣлей, онъ даже сталъ кормить на убой своихъ гостей на роскошныхъ обѣдахъ, онъ разжирѣлъ, на воротникѣ его сюртука висѣлъ уже двойной подбородокъ и лоснящійся, облысѣвшій затылокъ, когда случился одинъ казусъ. Ему вдругъ пришлось «удалиться отъ дѣлъ», когда онъ ожидалъ новой награды, новой ленты, и пришлось даже въ попыхахъ переписать всѣ свои дома на имя жены ради предосторожности. Если бы непріятная исторія не произошла слишкомъ неожиданно для самолюбія самодура, то онъ могъ бы сообразить, что переписываніе домовъ на имя жены вовсе не поправитъ дѣла, что его связи помогутъ ему замять скандалъ, что его положеніе въ свѣтѣ вовсе не измѣнится въ будущемъ, такъ какъ свѣтъ прощаетъ все тѣмъ, у кого есть деньги. Но старикъ, недалекій по уму, самолюбивый до сумасшествія, потерялъ голову, растерялся отъ неожиданной катастрофы и дѣлалъ глупость за глупостью, стараясь спасти свое благосостояніе. Но этого мало: его терзала мысль, что его могутъ притянуть къ суду и опозорить не только его, но и его Ваню, на котораго будутъ смотрѣть, какъ на сына подсудимаго. Въ два, въ три дня онъ состарѣлся на десятокъ лѣтъ, побагровѣлъ, сталъ задыхаться и въ одинъ прекрасный день его нашли мертвымъ въ его кабинетѣ...

Ударъ, поразившій старика, сразу перемѣнилъ отношенія членовъ семьи. Нелюбимыя Салмановымъ дѣти торжествовали, любимый генераломъ Ваня упалъ духомъ: первыхъ любила мать, послѣдній былъ ей не только чуждъ, но и ненавистенъ, а между тѣмъ имѣніе было теперь въ ея рукахъ. Съ этой минуты начался цѣлый рядъ возмутительныхъ сценъ между братьями и между матерью и Ваней. Братья продолжали кутить, мать продолжала играть блестящую роль въ свѣтѣ, а Ванѣ, котораго третировали теперь en canaille, котораго называли теперь домашнимъ шпіономъ, — Ванѣ отказывали даже въ необходимыхъ учителяхъ, въ карманныхъ деньгахъ, въ тѣхъ мелочахъ, которыя ему были нужны въ качествѣ товарища золотой молодежи. Онъ, восемнадцатилѣтній юноша, уже привыкшій къ кутежамъ, уже тратившій деньги на любовницъ, уже мечтавшій о карьерѣ, долженъ былъ теперь пѣшкомъ отправляться въ пансіонъ, гдѣ онъ кончалъ курсъ. Его не только лишили карманныхъ денегъ, ему не только отказали платить по десяти рублей за уроки пѣнія и музики, но ему даже не позволяли брать съ конюшни экипажъ и лошадь, чтобы доѣхать до пансіона. Онъ понималъ, что его хотятъ ограбить, что ему могутъ испортить карьеру, что его товарищи отвернутся отъ него, узнавъ его положеніе, что онъ даже не можетъ удержать при себѣ бѣлокурой Армансъ, которая была уже въ его жизни необходимостью.

— Что же вы намѣрены меня ограбить? высокомѣрнымъ тономъ говорилъ онъ матери.

— А ты хочешь пожаловаться отцу? насмѣшливо спрашивала она, смотря на него съ холоднымъ презрѣніемъ.—Ты вѣдь такъ часто прибѣгалъ къ этому средству при его жизни.

— Мнѣ очень жаль, что я не прибѣгнулъ къ другому средству, съ сдержанной злобой говорилъ онъ.

— Къ какому это?

— Къ лишенію васъ всего въ свою пользу, отвѣчалъ онъ. — Вы очень хорошо знаете, что все, что у насъ есть, принадлежало отцу и мнѣ.

— Тебѣ?

— Да мнѣ, а уже, конечно, не *вашимъ* дѣтямъ.

— Иди вонъ! приказывала мать, блѣднѣя отъ негодованія.—Негодяй!

— Я уйду, но смотрите, чтобы вамъ не пришлось самимъ придти ко мнѣ! угрожалъ сынъ, закусывая губы и сдвигая брови.

— Я тебя велю вывести! сурово говорила мать, протягивая руку къ электрическому звонку.

Сынъ уходилъ съ сознаніемъ, что почва ускользаетъ у него изъ подъ ногъ, что ему грозитъ не веселая будущность. Иногда онъ до крови искусывалъ губы, разрывалъ въ клочки свои батистовые платки, въ страшномъ волненіи ходя у себя по комнатѣ и придумывая тысячу средствъ спасти себя. Приближалось между тѣмъ время экзаменовъ: онъ всегда отличался талантливостью въ дѣлѣ искуствъ, хорошо пѣлъ, былъ недурнымъ музыкантомъ, понималъ кое-что въ живописи, но науки давались ему далеко не такъ легко и экзамены изъ математики, изъ древнихъ языковъ сдавались при помощи «прибавочныхъ уроковъ». Теперь при выпускномъ экзаменѣ, когда нуженъ былъ аттестатъ, «прибавочные уроки» были необходимѣе, чѣмъ когда нибудь. Онъ заявилъ объ этомъ матери.

— А! изволите лѣниться и думаете, что за васъ будутъ платить сотни и тысячи рублей! съ презрѣніемъ проговорила она.—Ты бы поменьше кутилъ, тогда ученіе и шло бы успѣшнѣе.

— Вы можете, сколько угодно упрекать меня, но я попрошу васъ не портить моей карьеры, сдержанно отвѣтилъ сынъ, которому эта сдержанность стоила не малыхъ усилій.—Аттестатъ мнѣ необходимъ. Иначе мнѣ придется просидѣть въ пансіонѣ еще годъ, или выйдти изъ него, не кончивъ курса.

— Призаймись хорошенько и выдержишь экзаменъ.

— Я не могу выдержать экзамена.

— Я и не знала, что ты такъ тупъ!

Сынъ чуть не въ кровь закусилъ губы: его смѣла оскорблять эта женщина, которую онъ давно научился презирать и которую онъ теперь начиналъ ненавидѣть такъ же, какъ она ненавидѣла его.

— Вы доведете меня только до того, что я достану деньги на сторонѣ, сухо сказалъ онъ.

— На сторонѣ? У кого это? съ усмѣшкой спросила она.

— Мало ли у кого можно добыть деньги въ Петербургѣ!

— Но кто же дастъ *тебѣ?* Ты несовершеннолѣтній и у тебя нѣтъ ничего. Я думаю, что такихъ дураковъ мало, которые бросили бы деньги безъ надежды получить ихъ обратно.

— Ну, это еще вопросъ. Вы тоже не пожелаете скандала. Вѣдь когда вамъ представятъ мои векселя, такъ поневолѣ заплатите, какъ платилъ отецъ за *вашихъ* дѣтей.

— А! такъ ты вотъ на что надѣешься! воскликнула мать.—Только ты глубоко ошибаешься! Я не заплачу за тебя ни гроша, хоть бы тебѣ пришлось сидѣть въ долговомъ отдѣленіи или быть высланнымъ. Ты знаешь, *какъ* платилъ отецъ за *моихъ* дѣтей. *Такъ* я не могу платить за тебя и потому не буду платить вовсе.

— Ну, это мы увидимъ, пробормоталъ сынъ, намѣреваясь уйдти изъ комнаты.

— Постой! остановила его мать.—Я очень рада, что ты мнѣ сказалъ, на что ты надѣешься. Я понимаю, что ты въ состояніи, чтобы только принести мнѣ непріятность, надѣлать десятки тысячъ долговъ. Но я предупрежу тебя. Мнѣ стоитъ только напечатать въ газетахъ, что я не плачу за тебя долговъ...

— Вы не сдѣлаете этого! воскликнулъ сынъ, блѣднѣя отъ злобы при этихъ словахъ.

— Сдѣлаю, потому что считаю тебя способнымъ на все, холодно отвѣтила мать.

— Такъ вы хотите открытаго скандала? Да? пробормоталъ онъ. — Что-жь, идите на него!.. Посмотримъ, кто выиграетъ!..

Онъ быстро повернулся и вышелъ. Втеченіи какихъ-нибудь шести-семи мѣсяцевъ подобныхъ сценъ произошло множество. Ненависть между сыномъ и матерью, существовавшая всегда, разрослась теперь до послѣднихъ предѣловъ. Оскорбленный, униженный, боявшійся за свое будущее, избалованный юноша готовъ былъ теперь на все, чтобы только побѣдить мать. Ея угроза напечатать въ газетахъ о неплатежѣ за него долговъ была послѣдней каплей, переполнившей чашу терпѣнія въ душѣ, незнавшаго до сихъ поръ никакихъ преградъ своимъ капризамъ, самолюбиваго баловня. Онъ ушелъ, но ушелъ не изъ комнаты матери, а изъ ея дома.

— Гдѣ Иванъ Васильевичъ? спросила Салмановаа у лакея, не видя сына втеченіи двухъ-трехъ дней.

— Они уѣхали, отвѣтилъ лакей.

— Куда?

— Не могу знать-съ.

Барыня пожала плечами и задумалась: ее начинало тревожить отсутствіе сына. «Не утопился-ли? Не застрѣлился-ли?.. Пожалуй, оставилъ какую-нибудь компрометирующую ее записку? Отъ него всего можно ждать! Онъ весь въ отца... Что скажутъ въ свѣтѣ?.. Ну да, кто еще прочтетъ его записку! А и прочтутъ, такъ забудутъ, припишутъ помѣшательству. Да онъ «въ самомъ дѣлѣ помѣшанный... Это нужно говорить всѣмъ»... Прошло еще дня три. Ея безпокойство росло и росло: это не было безпокойство матери за сына, это было безпокойство свѣтской непомѣрно самолюбивой женщины за свое имя. Нужно было подготовить свѣтъ на всякій случай ко всему, что можетъ произойти. Она стала говорить всѣмъ и каждому, что ея сынъ скрылся, что это волнуетъ ее, что она не спитъ ночей, что она дала знать, чтобы его искали, и вдругъ среди разгара сѣтованій и соболѣзнованій ей приносятъ газету, гдѣ крупными буквами напечатано объявленіе, которое я вамъ давалъ сейчасъ прочесть. Это былъ ударъ неожиданный, мѣткій, безжалостный. Ея сынъ, юноша, нигдѣ еще не кончившій курса, ищетъ какихъ-нибудь занятій изъ-за куска хлѣба, тогда какъ другіе ея сыновья кутятъ, тогда какъ она принимаетъ сотни людей въ своемъ великолѣпномъ домѣ.

— Что же это такое? спрашивали ее.

— Онъ сошелъ съума, несчастный! поторопилась объяснить она.

— Но вы уже приняли мѣры, чтобы спасти его? спрашивали ее знакомые, недоумѣвая, какъ можетъ она сидѣть спокойно дома, если ея сынъ сошелъ съума.

— Да, да... Это меня такъ поразило. Я такъ и думала, что смерть отца страшно отразится на немъ... Я уже послала къ нему и сейчасъ ѣду сама...

Она, всегда владѣвшая собою, всегда холодно надмѣнная, теперь потерялась, не зная, что дѣлать, что говорить. Еще сильнѣе смутилась она, когда къ ней въ волненіи заѣхалъ одинъ изъ близкихъ ей родственниковъ.

— Ты знаешь ли, что онъ разсказываетъ *все*, объяснилъ онъ ей.—Онъ загрязнитъ наши имена, онъ выдаетъ такія вещи, которыя не слѣдовало бы никому знать...

Вечеромъ въ тотъ-же день она послала за сыномъ. Лакей нашелъ его въ жалкой комнатѣ и воротился съ словеснымъ отвѣтомъ, что «Ивану Васильевичу не въ чемъ придти». Салманова поняла, что скандалъ будетъ только разростаться, если она станетъ впутывать въ дѣло прислугу и постороннихъ. Она поѣхала къ сыну сама и встрѣтила на слабоосвѣщенной лѣстницѣ одного изъ своихъ свѣтскихъ знакомыхъ, который не узналъ ее, благодаря густому вуалю. Она поняла, что ея знакомый шелъ отъ ея сына.

— Скажи, пожалуйста, что ты съ нами дѣлаешь? воскликнула она, являясь въ комнатѣ сына, сидѣвшаго за книгой.

— А! пришли! усмѣхнулся онъ, откидываясь на стулѣ и смѣрявъ глазами мать.—Вы спрашиваете, что я съ вами дѣлаю? Ничего. Я ищу мѣста ради куска хлѣба—вотъ и все.

— Но ты...

— Позвольте! Сядьте и не горячитесь, холодно проговорилъ сынъ. — Вы обобрали все мое имѣніе въ свою пользу и въ пользу *своихъ* дѣтей...

— Не смѣй...

— Если вы будете меня перебивать, я не стану вовсе говорить, и вамъ останется только уѣхать, сухо остановилъ онъ ее.—Я говорю, что вы обобрали мое имѣніе въ свою пользу и въ пользу *своихъ* дѣтей. Вы лишили меня даже необходимаго, даже возможности кончить мое образованіе такъ, какъ я его началъ...

— У Борелей и Дюссо!..

— И мнѣ осталось только одно средство: искать работы, чтобы существовать, продолжалъ онъ, не обращая вниманія на ея вставку.—Я счелъ, что удобнѣе было искать работу черезъ газеты: наша фамилія извѣстна половинѣ Петербурга и я надѣялся, что ко мнѣ явятся сотни знакомыхъ намъ людей, которые и добудутъ мнѣ какое-нибудь мѣсто...

— Ахъ, ты разсчитывалъ на любителей скандаловъ, на свѣтскихъ вѣстовщиковъ!

— Да, на нихъ... Ко мнѣ уже являлись многіе за разъясненіями...

— Разъясненія отъ сумасшедшаго! перебила мать, пожимая плечами.

— Да, это вы остроумно придумали, усмѣхнулся сынъ... Мнѣ уже передали, что вы называете меня сумасшедшимъ. Но я, мнѣ кажется, отпарировалъ ударъ, подробно разсказавъ всѣ обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ я сижу безъ хлѣба.

— А такъ ты желаешь посвящать весь Петербургъ въ наши семейныя дѣла! Это отлично, это вполнѣ честно! Негодяй!

Сынъ, блѣдный и озлобленный, поднялся съ мѣста. Въ эту минуту онъ походилъ болѣе чѣмъ когда-нибудь на своего отца.

— Я не знаю; зачѣмъ вы пришли сюда, сдержанно, но злобно проговорилъ онъ.—Я васъ предупреждаю только, что я не вынесу брани и оскорбленій. Вы знаете, кто изъ насъ первый поступилъ подло... слышите вы: подло!.. Я оставляю за собой право разсказывать все, какъ было... Вы можете выдумывать обо мнѣ со своей стороны, что угодно... Я буду указывать на факты, а вы... указывайте, на что вамъ угодно... Я могу указать и доказать, что имѣніе все принадлежало отцу, я могу сказать, когда и почему оно было переведено на васъ, я могу даже показать письма отца, гдѣ онъ пишетъ и подчеркиваетъ, что я единственный *его* сынъ, тогда какъ другіе... Впрочемъ, что я распространяюсь: идите домой, а завтра, послѣ завтра, черезъ недѣлю до васъ дойдутъ подробные отчеты обо всемъ, что я буду говорить всѣмъ и каждому.

— Прежде чѣмъ ты разскажешь что-нибудь, тебя засадятъ въ домъ умалишенныхъ! Слышишь ты! произнесла задыхающимся голосомъ мать.

— Что же вы медлите, дѣлайте это скорѣе! Авось меня и тамъ навѣстятъ ваши добрые знакомые...

Безпредѣльная наглость, безсердечная сдержанность, свѣтская приличность, все то, что прививалось съ дѣтства къ этому барчуку-баловню новаго покроя, къ этому представителю золотой молодежи, къ этому выдрессированному въ салонахъ приличному юношѣ, къ этому рысачнику, привыкшему обдавать грязью всѣхъ и все, не возмущаясь ничѣмъ, не удивляясь ничему, сказалось теперь ярко, отчетливо, цинично. Онъ былъ невозмутимъ и приличенъ, хотя иногда онъ стискивалъ зубы, точно отъ подавленной боли, и сверкалъ глазами, точно внутри его все горѣло отъ злобы и если черты его лица и злобное выраженіе его глазъ напоминали его мужиковатаго отца, то его обращеніе и обороты его рѣчи напоминали его свѣтскую мать.

— Чего же ты добиваешься? воскликнула мать, приходя въ отчаяніе.

— Занятій, сухо отвѣтилъ сынъ.

— Пожалуйста, не считай меня за дурочку! воскликнула она.

— А вы думаете, чего я добиваюсь? спросилъ онъ.

Она нетерпѣливо пожала плечами.

— Ты, конечно, хочешь, чтобъ я тебя выдѣлила, сказала она.

— Да? Вы такъ думаете? сказалъ онъ въ формѣ вопроса.—Чтожъ, это будетъ очень хорошо и для меня, и для васъ.

Начался торгъ, возмутительный, циничный торгъ двухъ мошенниковъ. Мать говорила съ брезгливостью, съ омерзеніемъ. Сынъ говорилъ сдержанно, холодно, давая понять, что въ случаѣ надобности онъ не отступитъ ни передъ чѣмъ, скомпрометируетъ и мать, и ея дядю, и ея разныхъ кузеновъ и даже имя своего отца, разгласивъ все, что дѣлалось тайно, что можно еще поднять изъ архивовъ, что можно еще довести до суда.

— Но ты долженъ будешь уѣхать на время за границу, сказала, наконецъ, мать.

— За границу? За чѣмъ? удивился сынъ.

— Ты понимаешь, что эта исторія... Ты долженъ ѣхать лечиться...

— Лечиться? Но я здоровъ...

— Да, но все-таки... этотъ скандалъ нужно чѣмъ-нибудь объяснить...

— Ахъ да, я и забылъ!.. Вы хотите, чтобы общество думало, что я сошелъ съума? Что жъ, я, пожалуй, поѣду на время...

Мать поднялась съ мѣста.

— Ты поѣдешь домой со мной? спросила она.

— Хорошо, отвѣтилъ онъ.

На другой день всѣ близкіе, всѣ знакомые Салмановыхъ уже знали, что несчастный Иванъ Васильевичъ, потрясенный потерей отца, сошелъ съума, что онъ ѣдетъ лечиться за границу, что несчастная мать страдаетъ за участь любимаго сына... **Нѣкто.**

Капитанша Кваповская.

Повѣсть **Л. Леванды.**

(*Продолженіе.*)

IX.

Въ половинѣ седьмого вошелъ Клименко, а вслѣдъ за нимъ и панъ Фердинандъ. Гости сѣли и обмѣнялись между собою многозначительнымъ взглядомъ; Клименко даже кивнулъ головою, а панъ Фердинандъ крякнулъ, но капитанша ничего этого не замѣтила, будучи занята своими мыслями.

Прошло четверть часа.

— А гдѣ Франциска? спросилъ панъ Фердинандъ, вынувъ свою табакерку и щелкнувъ два раза по ея крышкѣ.

— Она пошла къ швеѣ за своимъ платьемъ и что-то замѣшкалась, отвѣтила капитанша весьма спокойно, но въ душѣ начинала уже сердиться на неакуратность дочери.

Гости опять переглянулись между собою и капитанша опять этого не замѣтила, будучи занята у стола перекладкою салфетокъ на другой манеръ.

Прошла еще одна четверть часа.

— Уже семь часовъ, у добрыхъ католиковъ теперь уже сидятъ за кутьею, потому-что въ девять надо въ костелъ, сказалъ панъ Фердинандъ не то съ укоризной, не то для выраженія нетерпѣнія.

— А вотъ скоро придетъ Франуся, такъ и мы сядемъ, и въ костелъ поспѣемъ, сказала капитанша уже нѣсколько измѣненнымъ голосомъ.

Прошла еще одна четверть часа.

— Это, однако, странно, что она такъ долго не приходитъ, начала капитанша, на лицѣ которой стало изображаться нѣкоторое безпокойство.

— Да, странно, согласился панъ Фердинандъ.

— Что бы это значило? спросила капитанша, обращаясь къ гостямъ, какъ-бы за совѣтомъ или утѣшеніемъ.

Панъ Фердинандъ пожалъ плечами.

— Не несчастіе-ли какое нибудь, сохрани Господи! Пошлю Марту къ швеѣ, — и капитанша встала, чтобы отправиться на кухню.

— Позвольте, Бронислава Антоновна, началъ Клименко, который до сихъ поръ соблюдалъ молчаніе.—Я думаю, что не зачѣмъ торопиться посылать Марту къ швеѣ.

— Помилуйте, какъ же не торопиться? Уже два часа, какъ она ушла и до сихъ поръ не возвращается!

— Но, Бронислава Антоновна, возразилъ Клименко,—увѣрены-ли вы, что Франциска Михайловна пошла къ швеѣ?

Капитанша бросила на Клименко недоумѣвающій взглядъ.

— Какъ-же не увѣрена? сказала она, — а то куда-же ей ходить? Я сама отпустила ее.

— Гдѣ живетъ швея?

— Насупротивъ Кафедральной площади.

— А я, идучи изъ города, встрѣтилъ ее у Острыхъ воротъ.

— У Острыхъ воротъ? Этого не можетъ быть. Острыя ворота совсѣмъ на другомъ концѣ города.

— Знаю, потому и говорю, что можетъ быть и не къ швеѣ пошла.

— И, полноте, Данило Прокофьевичъ, вы Богъ знаетъ, кого встрѣтили и вамъ показалось, что это Франуся. Отчего вы къ ней не подошли и не остановили?

— Невозможно было.

— Какъ невозможно? Спросили въ одинъ голосъ капитанша и панъ Фердинандъ, который прикинулся тоже удивленнымъ.

— А невозможно, потому что она была на извощикѣ.

— На извощикѣ? это съ какой стати? Я васъ рѣшительно не понимаю. Какъ-же это на извощикѣ? Она и мелочи при себѣ не имѣла.

— Можетъ быть, и не имѣла, но я видѣлъ ее на извощикѣ и...

— И что?

— Позвольте мнѣ умолчать, Бронислава Антоновна, сказалъ Клименко, опустивъ голову и какъ бы покраснѣвъ.—Въ такія дѣла не люблю, да и не удобно вмѣшиваться.

Капитанша поблѣднѣла, какъ полотно. Она подскочила къ Клименко и, положивъ свою руку на его плечо, проговорила дрожащимъ отъ страха голосомъ:

— Въ такія дѣла? что это за дѣла? Вы меня пугаете, Данило Прокофьевичъ. Говорите, пожалуйста, яснѣе.

— Не могу, Бронислава Антоновна, хоть убейте, не могу.

— Но я васъ заклинаю Христомъ, вы должны говорить! произнесла капитанша строго и съ гнѣвомъ,—а то я умру отъ страха.

— Вѣдь въ самомъ дѣлѣ такъ, вмѣшался панъ Фердинандъ,—когда вы уже начали, такъ кончайте. Безвѣстность хуже самой горькой правды. Говорите-же, что вы видѣли?

— Ну, такъ и быть, согласился, наконецъ, Клименко, какъ-бы уступая тревожно вопросительнымъ взглядамъ капитанши и резону пана Фердинанда.—Скажу, что я видѣлъ. Я видѣлъ панну Франциску у Острыхъ воротъ на извощикѣ и...

— И что?

— И съ офицеромъ.

— Съ офицеромъ! воскликнула капитанша, всплеснувъ руками и опустившись на близь стоявшее кресло, какъ убитая.—Бѣжала съ офицеромъ!

— По направленію къ станціи желѣзной дороги, пояснилъ Клименко.

— О, Господи! прогуляла я свою доченьку, свою Франусеньку! возопила капитанша дико и стала рвать на себѣ волосы и платье.

Большая суматоха. Обморокъ. Клименко и панъ Фердинандъ переглядываются между собою, какъ бы говоря: не зашли-ли мы слишкомъ далеко? Обморокъ разрѣшился истерическимъ всхлипываніемъ, потомъ рыданьемъ и, наконецъ, слезами. Слезы благотворно подѣйствовали на капитаншу: она пришла въ себя, открыла глаза и даже встала.

— Пустите меня, я пойду, сказала она, порываясь къ двери.

— Куда ты пойдешь, спросилъ панъ Фердинандъ, крѣпко держа ее за руку и насильно усадивъ ее на диванъ.

— Пойду къ губернатору, къ генералъ-губернатору, къ Государю, чтобы мнѣ возвратили мою дочь, мою Франусю. Вѣдь это грабежъ, насиліе!... пусти, Фердинандъ, ты меня не удержишь!

И она, сдѣлавъ усиліе, вырвалась изъ рукъ пана Фердинанда и бросилась къ двери, но Клименко загородилъ ей дорогу.

— Образумьтесь, Бронислава Антоновна, сказалъ онъ, заперевъ дверь на ключъ,—подумайте, что вы хотите дѣлать. Вы же осрамите свою дочь на весь городъ.

— Осрамлю? такъ-что жь, что осрамлю? Она срамница, такъ и осрамлю! Но она должна быть здѣсь, у меня. Я ее на цѣпь посажу, я ее повѣшу, задушу собственными руками, но она должна быть здѣсь, потому что она мое дитя, моя собственность!

— Она будетъ здѣсь, сказалъ Клименко твердо и съ увѣренностью, не допускающею никакого сомнѣнія,—я вамъ самъ ее доставлю.

— Доставите?

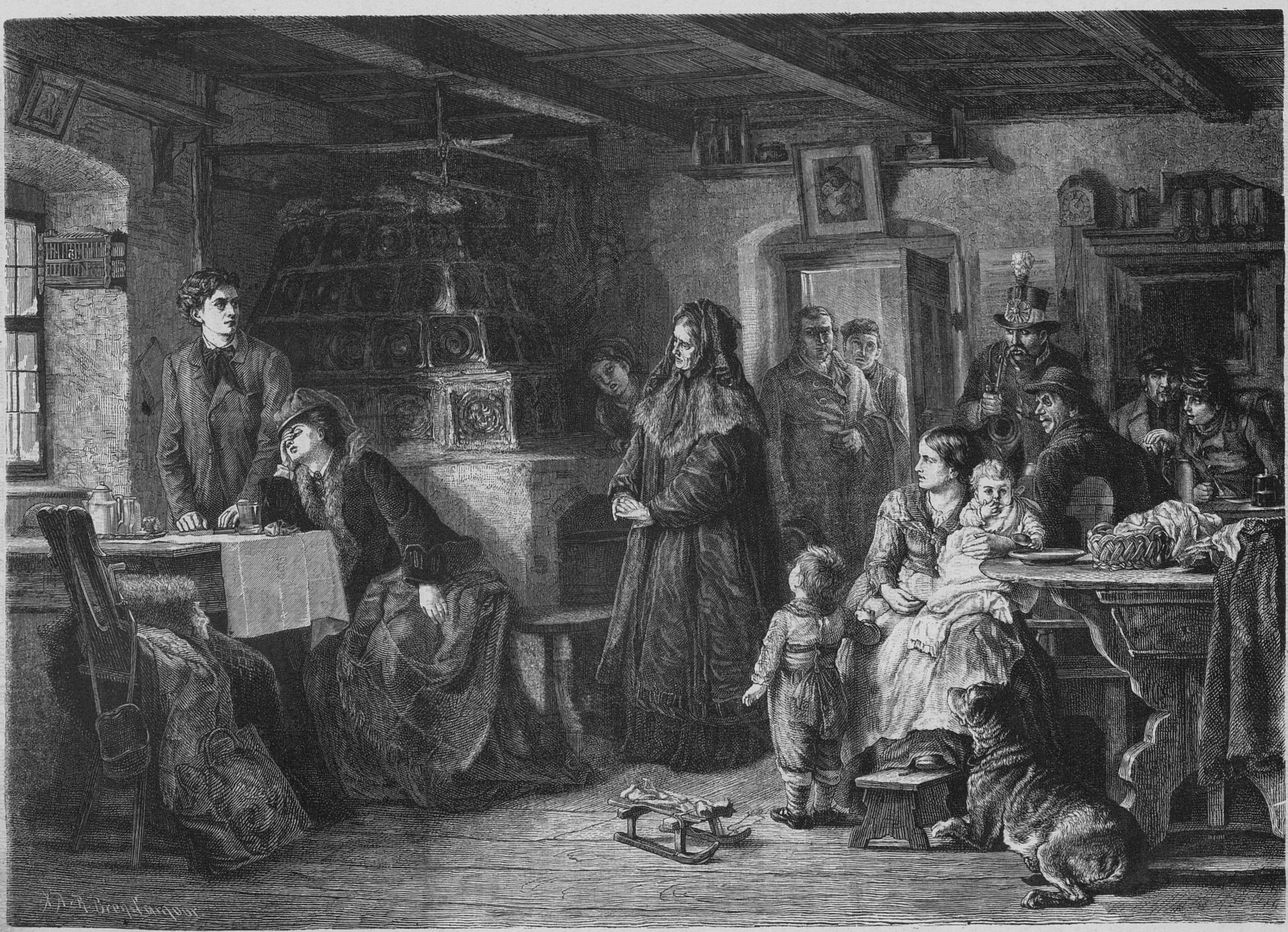
— Клянусь вамъ Богомъ, что доставлю.

— Какъ вы это доставите?

— Ужь я знаю, какъ. Не пожалѣю ни трудовъ, ни денегъ, а добуду ее. На край свѣта она съ своимъ офицеромъ не улетитъ. Вы назовете меня подлецомъ, если я черезъ нѣсколько дней не доставлю ее вамъ живою или мертвою.

— Фердинандъ! произнесла капитанша, обращая на своего друга вопросительный и умоляющій взглядъ, какъ бы спрашивая, можетъ-ли она повѣрить увѣреніямъ Клименко.

— Разумѣется, отвѣтилъ панъ Ферди-



Настигнутые бѣглецы.

нандъ, понявъ взглядъ капитанши.—Если Клименко далъ слово, то онъ его исполнитъ. Ты можешь смѣло на него положиться. Сказалъ, что доставитъ, такъ и доставитъ.

— Опять говорю: вы назовете меня подлецомъ, если я вамъ ее не доставлю.

— О, благодарю васъ, Данило Прокофьевичъ, сказала нѣсколько успокоившаяся капитанша, заключивъ Клименко въ свои объятія и поцѣловавъ его въ лобъ.—Я буду вѣчно Богу молиться за васъ, если вы возвратите мнѣ эту негодницу... Но идите къ столу; праздникъ праздникомъ. Фердинандъ будь хозяиномъ, распорядись.

— А вы? спросилъ Клименко.

— Мнѣ теперь не до ѣды, вы сами понимаете.

— Вздоръ! почему не до ѣды? Не ѣсть—дѣлу не поможетъ. Да я безъ васъ и за столъ не сяду.

— Ну, сяду, ну сяду, сказала капитанша и сѣла за столъ.—Фердинандъ, распорядись-же, я слаба, нездорова.

И панъ Фердинандъ сталъ распоряжаться и ужинъ начался.

— Вотъ тебѣ и кутья, вотъ тебѣ и подарокъ на Рождество, сказала капитанша, тяжко вздыхая.—Кто-бы этого ожидалъ?

— Подарки всегда приходятъ неожиданно, сюрпризомъ, замѣтилъ панъ Фердинандъ, прилежно хлебая перловый супъ съ грибами

— Хорошій сюрпризъ! О, Господи! За что мнѣ такое наказаніе?

— А за то, отвѣтилъ панъ Фердинандъ—что ты привередничала. Дѣвушка на возрастѣ, такъ скорѣй ее замужъ, не то, она сама себѣ найдетъ милаго дружка. Нынче уже вѣкъ такой, за дѣвушкой не услѣдишь. А потому объявился женихъ, хоть сколько нибудь на людей похожій, такъ ты ужь фонаберій не строй, а благослови и аминь, по крайней мѣрѣ, въ законѣ будетъ жить.

— Но кто могъ ожидать этого отъ Франуси, отъ такой тихой и скромной дѣвушки?

— А видишь, что можно было ожидать. Вѣдь дѣвка все равно, что кошка: хитра, не убережешь.

— А всему этому, по правдѣ говоря, виноваты вы, Данило Прокофьевичъ, сказала капитанша, опустивъ глаза въ тарелку.

— Я? спросилъ Клименко, недоумѣвая.

— Да, вы.

— Чѣмъ же я виноватъ, позвольте спросить?

— Да тѣмъ, что вы... медлили.

— Въ чемъ я медлилъ? спросилъ Клименко, еще больше недоумѣвая.

— Медлили сдѣлать ей предложеніе, бухнула капитанша съ свойственною ей безцеремонностью.—Признайтесь, Данило Прокофьевичъ, стѣсняться теперь нечего, дѣло уже прошлое, непоправимое, вы вѣдь собирались же сдѣлать ей предложеніе? а?

Клименко покраснѣлъ, какъ ракъ, и не зналъ, что отвѣчать. Но онъ скоро оправился и сказалъ:

— Помилуйте, Бронислава Антоновна, какъ же мнѣ было дѣлать предложеніе паннѣ Францискѣ, когда я уже женихъ, обрученъ съ другою?

Капитанша пошатнулась на стулѣ отъ этого неожиданнаго извѣстія.

— Обручены? Давно? спросила она, повидимому, весьма хладнокровно, но съ худо скрываемою досадою.

— А ужь будетъ года три.

— Вотъ какъ! воскликнула капитанша и въ эту минуту она почти возненавидѣла своего жильца, убѣдившись, что она горько ошиблась на его счетъ и что она напрасно ухаживала за нимъ, лелѣяла его, какъ своего будущаго зятя, и предоставляла ему пользоваться разными правами и преимуществами, вовсе неположенными для обыкновенныхъ жильцовъ. Она готова была заплакать съ досады, но воздержалась, чтобы не уронить себя окончательно въ глазахъ Клименко.

Кутья прошла печально, точно поминки по усопшемъ. Рѣшено было держать казусъ съ Франусей въ глубочайшей тайнѣ и дѣйствовать энергически, но тихо, дабы репутація дѣвушки не была погублена окончательно.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Генералъ-адъютантъ Гурко.

Афоризмъ «война родитъ героевъ» какъ нельзя лучше оправдывается на ген. Гурко. Нѣкоторымъ генераламъ удается и въ мирное время стать извѣстными, пріобрѣсти значительную популярность; на нихъ обыкновенно указываютъ, какъ на военноначальниковъ, которымъ суждено играть роль въ предстоящей войнѣ и—увы!—какъ часто не сбываются ожиданія. Ген. Гурко не изъ числа такихъ генераловъ. Въ мирное время о немъ говорили очень мало, на него не возлагали особенныхъ надеждъ. Когда по всей Россіи распространилось извѣстіе о переходѣ черезъ Балканы передоваго отряда ген. Гурко, можно было услышать на каждомъ шагу вопросы: «Кто такой ген. Гурко? Чѣмъ онъ прежде командовалъ? Отчего о немъ ничего не было слышно?» Напечатанныя вслѣдъ за переходомъ черезъ Дунай краткія извѣстія о жизни ген. Гурко, конечно, очень мало отвѣчали на заданные вопросы. Нѣсколько больше, но также далеко не полно отвѣтили и послѣдующія свѣдѣнія о талантливомъ генералѣ, потому что для критическаго анализа совершившихся событій еще не наступило время. Бои подъ Горнымъ Дубнякомъ и Телишемъ, гдѣ войсками командовалъ ген. Гурко доказали только, что онъ, несомнѣнно, выдающійся боевой генералъ. И эпитетъ «боевой» вполнѣ приложимъ къ нему, если судить о немъ по тому образу жизни, какой ведетъ онъ на войнѣ. «Едва начинаетъ свѣтать по утру, пишетъ кн. Шаховской въ «Моск. Вѣд.»,—изъ турецкой хаты, гдѣ проводитъ генералъ свою ночь, раздается его глухой, но далеко слышный голосъ: «Соболевъ! сѣдлать коня!» Въ седьмомъ часу утра, съ восходомъ солнца, Гурко уже сидитъ верхомъ и выѣзжаетъ въ сопровожденіи дежурнаго ординарца, переводчика Хранова, деньщика Соболева и конвоя изъ десяти казаковъ; онъ ѣдетъ на аванпосты, выѣзжаетъ далеко за цѣпь, взбирается на холмы и возвышенности, съ которыхъ съ биноклемъ въ рукахъ высматриваетъ турецкія позиціи, изучаетъ мѣстность; у мѣстныхъ болгаръ по деревнямъ, по которымъ проѣзжаетъ, постоянно разспрашиваетъ о разстояніяхъ, о расположеніи селенія занятаго непріятелемъ; затѣмъ генералъ ѣдетъ осматривать войска, появляется неожиданно на самыхъ отдаленныхъ аванпостахъ и глядитъ, все ли въ порядкѣ. Онъ не пропуститъ мимо себя ни одного солдата, попавшагося ему на встрѣчу, чтобы не поздороваться съ нимъ; то и дѣло слышишь, когда ѣдешь съ генераломъ Гурко, его суровыя восклицанія: «здорово, уланъ!» «здорово, гусаръ!» «здорово, стрѣлки!» Солдатамъ это, очевидно, нравится. Но за то Гурко очень строгъ ко всему, что касается нарушенія дисциплины. Въ особенности преслѣдуетъ онъ въ своихъ прогулкахъ фуражировки солдатъ въ болгарскихъ домахъ, если онѣ дѣлаются безъ разрѣшенія. Объѣхавъ всѣ войска, генералъ Гурко въ концѣ дня возвращается въ Іени-Беркачъ. Луна покажется на небѣ, зажгутъ уже костры на нашемъ бивуакѣ, когда раздадутся въ темнотѣ звуки копытъ и снова глухой голосъ генерала: «Соболевъ! принять коня!» Прикомандированные къ генералу Гурко адъютанты князя Карла, румыны, не могутъ скрыть своего удивленія, постоянно спрашивая: «когда же генералъ спитъ?» такъ какъ пріѣхавъ вечеромъ, Гурко садится за работу со своимъ начальникомъ штаба, «когда генералъ обѣдаетъ»? ибо съ собой въ прогулки онъ не беретъ никакой ѣды; и, наконецъ, «что за странность, что генералъ, начальникъ гвардіи, не дозволяетъ себѣ имѣть никакого экипажа, за исключеніемъ верховыхъ лошадей?» Вообще, на румынъ спартанская суровость жизни генерала Гурко производитъ сильное впечатлѣніе».

Простота жизни генерала на боевыхъ позиціяхъ, гдѣ солдату приходится выносить много неудобствъ и страданій, дѣйствуетъ на подчиненныхъ ему солдатъ самымъ благотворнымъ образомъ. Если притомъ генералъ обращается съ солдатами гуманно, заботится о нихъ, требуя, чтобы вся казенная дача непремѣнно доставалась солдату и была хорошаго качества; если, наконецъ, онъ умѣетъ говорить съ ними убѣдительно, то онъ смѣло можетъ разсчитывать, что солдаты мужественно пойдутъ за нимъ всюду, куда онъ ихъ ни поведетъ.

Ген. Гурко говоритъ очень убѣдительно, умѣетъ затронуть и офицеровъ, и солдатъ. Назначенный начальникомъ отряда для дѣйствія въ тылу Плевны, ген. Гурко, обращаясь къ гвардейскимъ офицерамъ, сказалъ: «Господа! я обращаюсь къ вамъ и долженъ вамъ сказать, что люблю страстно военное дѣло, на мою долю выпала такая честь и такое счастіе, о которомъ я никогда и не смѣлъ мечтать—вести гвардію, это отборное войско, въ бой. Для военнаго человѣка не можетъ быть большаго счастія, какъ вести въ бой войско съ увѣренностью въ побѣдѣ, а гвардія, по своему составу, по обученію, можно сказать, лучшее войско въ мірѣ. Помните, господа, вамъ придется вступить въ бой и что на васъ будетъ смотрѣть не только вся Россія, но весь свѣтъ, и отъ успѣховъ вашихъ будетъ зависѣть исходъ дѣла.

«Бой при правильномъ обученіи не представляетъ ничего особеннаго, это то же, что ученіе съ боевыми патронами, только требуетъ еще большаго спокойствія, еще большаго порядка. Влейте, если такъ можно сказать, въ солдата, что его священная обязанность беречь въ бою патронъ, а сухарь на бивакѣ,—и помните, что вы ведете въ бой русскаго солдата, который никогда отъ своего офицера не отставалъ».

А обратясь къ солдатамъ, генералъ прибавилъ:

«Помните, ребята, что вы гвардія русскаго Царя, и что на васъ смотритъ весь крещеный міръ. Турки, братцы, стрѣляютъ издалека и стрѣляютъ много, это ихъ дѣло, а вы, братцы, стрѣляйте, какъ васъ учили, умною пулей, рѣдко, но мѣтко, а когда придется до дѣла въ штыки, то продырявъ его. «Нашего ура! врагъ не выноситъ». О васъ, гвардейцы, заботятся больше, чѣмъ объ остальной арміи, у васъ лучшія казармы, вы лучше одѣты, накормлены, обучены, вотъ вамъ минута доказать, что вы достойны этихъ заботъ».

На этотъ задушевный призывъ гвардія отвѣчала блистательнымъ подвигомъ, совершеннымъ ею въ бояхъ при Горномъ Дубнякѣ и Телишѣ.

Іосифъ Владиміровичъ Гурко воспитывался въ пажескомъ корпусѣ, откуда выпущенъ въ 1846 году корнетомъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ. Въ 1860 году онъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ Государю Императору. Въ 1861 году онъ произведенъ въ полковники; въ 1866 году получилъ въ свое командованіе Маріупольскій гусарскій полкъ. Въ 1867 году произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ въ свиту его величества. Вслѣдъ за этимъ назначенъ командиромъ лейбъ-гвардіи конно-гренадерскаго полка, а въ 1873 году 1-й бригады 2-й гвард. кав. дивизіи. Когда подвигались къ концу приготовленія къ переходу черезъ Дунай, ген. Гурко былъ вызванъ въ дѣйствующую армію телеграммой его высочества главнокомандующаго. Ему порученъ былъ передовой отрядъ, имѣвшій назначеніемъ быстро выдвинуться къ гор. Тырнову, занять этотъ городъ, затѣмъ Сельви и постараться овладѣть Балканами. Ген. Гурко блистательно выполнилъ возложенную на него обязанность. 21 іюня отрядъ его переправился черезъ Дунай, а 25 занялъ уже Тырново, защищаемый 3,000 турокъ. Собравъ свѣдѣнія о горныхъ проходахъ, ген. Гурко 30 іюня выступилъ изъ Тырново, а 2 іюля подошелъ къ первому балканскому проходу у д. Ханкіой, защищаемой всего 300 чел. турецкой пѣхоты. 6 іюля ген. Гурко атаковалъ Казанлыкъ и взялъ его; 7 іюля подошелъ съ южной стороны къ Шипкинскому перевалу, атакованному съ сѣверной орловскимъ полкомъ. Дѣйствій въ эти дни на Шипкинскомъ перевалѣ описывать нечего, такъ какъ они извѣстны нашимъ читателямъ. 18 іюля ген. Гурко двинулся къ Іени-Загрѣ и разбилъ передовыя войска арміи Сулейманa-паши. 19 іюля ген. Гурко появился въ окрестностяхъ Эски-Загры. Но дальнѣйшее наступленіе ген. Гурко было остановлено неудачной атакой Плевны 18 іюля, побудившей измѣнить планъ кампаніи. За эти подвиги ген. Гурко былъ произвенъ въ ген.-лейтенанты, назначенъ ген.-адъютантомъ къ его императорскому величеству и начальникомъ 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи.

Нѣкоторое время о ген. Гурко ничего не было слышно; онъ даже уѣхалъ изъ дѣйствующей арміи на встрѣчу своей дивизіи, подвигавшейся изъ Петербурга на театръ военныхъ дѣйствій. Но какъ только гвардейскій корпусъ прибылъ къ Плевнѣ, ген. Гурко получилъ чрезвычайно-важное назначеніе. Ему порученъ былъ отрядъ, имѣвшій назначеніемъ дѣйствовать въ тылу Плевны съ цѣлію прервать Осману-пашѣ возможность сообщенія съ другими турецкими арміями. Наши читатели уже знаютъ, какъ выполнилъ это порученіе ген. Гурко. Бой у Горнаго Дубняка и атака телишской позиціи, увѣнчавшіеся полнымъ успѣхомъ, поставили Османа-пашу въ почти безвыходное положеніе.

Іосифъ Владиміровичъ отличается самообладаніемъ и хладнокровіемъ—качествами, необходимыми для боеваго генерала. При этомъ онъ отваженъ и рѣшителенъ.

Знаменитыя отравительницы.

Ст. доктора Пфотенгауера.

V. Марія Жаннере.

Марія Жаннере, представшая въ 1868 г. передъ судомъ присяжныхъ въ Женевѣ, по обвиненію въ шести убійствахъ, родилась въ 1836 году, рано лишилась отца и матери, и провела свое дѣтство и первую молодость въ домѣ своего дяди. Вслѣдствіе-ли отсутствія материнскаго попеченія, или же прирожденнаго нравственнаго уродства,—какъ выражался о ней ея дядя,— но только дѣвочка стала обнаруживать съ самыхъ раннихъ лѣтъ, поразительную наклонность къ непостоянству, своеволію, затаенному упорству, лживости и пронырству. Съ годами, всѣ эти недостатки еще болѣе усилились, и Марія превратилась въ крайне непріятное, злобное существо, внушавшее къ себѣ общую антипатію. Безобразіе дѣвушки еще болѣе усиливало это общее нерасположеніе. Она была очень мала ростомъ, тщедушна, съ лицомъ совинымъ, и съ хищнымъ выраженіемъ, которое рѣшительно не соотвѣтствовали далеко вдающемуся назадъ подбородку. Не смотря на такую наружность, Марія нашла себѣ жениха; бракъ этотъ, однакожь, разстроился, потому что родственники дѣвушки справедливо заподозрили молодого человѣка въ корыстолюбивыхъ разсчетахъ на приданое невѣсты, получившей кое-что отъ родителей. Это неудавшееся замужество, въ связи съ безпокойнымъ, непостояннымъ и возбужденнымъ состояніемъ духа Маріи, побудили ее покинуть свой родной городъ Локль (въ Швейцаріи) и поискать себѣ счастія въ другомъ мѣстѣ. Избрала она только для этого плохую дорогу, потому что, на тридцать второмъ году своей жизни, попала на скамью подсудимыхъ.

Какимъ образомъ сдѣлалась она отравительницей? Во всякомъ случаѣ, довольно оригинальнымъ путемъ, рѣзко отличающимъ ее отъ другихъ преступницъ этого разряда. Съ самой своей молодости, Марія любила жаловаться на всевозможные дѣйствительные, воображаемые или даже просто вымышленные недуги, и успокоивалась только поступивъ въ руки врача, или, лучше сказать, врачей, потому что она совѣтовалась со всевозможными медиками, и до того любила врачебныя консультаціи, изслѣдованія и леченія, что находила даже какое-то странное удовольствіе въ самыхъ мучительныхъ операціяхъ, (напримѣръ, прижиганіи каленымъ желѣзомъ) и въ пріемѣ разныхъ ядовитыхъ веществъ. Ея любознательность или, вѣрнѣе, нечистое желаніе заглянуть во все сокровенное въ человѣческомъ организмѣ, побуждало ее не только къ чтенію медицинскихъ сочиненій, но и къ составленію своей собственной аптеки изъ болѣе или менѣе ядовитыхъ веществъ, дѣйствіе которыхъ она испытывала, по временамъ, на себѣ, разумѣется, принимая должныя предосторожности и производя, такимъ образомъ, въ своемъ организмѣ перемѣнное напряженіе и реакціи.

Сколько времени ограничивалась Марія Жаннере подобными односторонними опытами и когда именно перенесла она свою пагубную дѣятельность на другихъ людей, этого нельзя было опредѣлить въ точности. Извѣстно только, что когда ей было уже за двадцать лѣтъ, она переселилась изъ Швейцаріи въ Баденъ и нашла тамъ себѣ пріютъ въ одной гернгутерской колоніи, гдѣ оставалась нѣсколько лѣтъ. Къ сожалѣнію, женевскій судъ не счелъ нужнымъ навести какія-либо справки о жизни и дѣйствіяхъ Маріи Жаннере въ этомъ мѣстѣ. Очень можетъ быть, что она приготовляла себя и тамъ къ своему преступному ремеслу. Возвратясь снова въ Локль, Марія хвасталась своими медицинскими познаніями и объявила, что намѣревается поступить въ сидѣлки. Съ этою цѣлью, она отправилась въ Лозанну, гдѣ прослушала курсъ въ заведеніи для подготовленія фельдшерицъ, возвратилась оттуда съ дипломомъ, но сопровождаемая тоже репутаціею сплетницы и хвастуньи, производящей, сверхъ того, «какое-то особенное, крайне отталкивающее впечатлѣніе».

Такое чувство испытывалось всѣми окружающими ее частью вслѣдствіе крайняго безобразія Маріи Жаннере,—частью же вслѣдствіе какой-то смутной увѣренности ихъ въ томъ, что она лицемѣритъ, выставляя себя за усердную, преданную дѣлу личность. Въ сущности, у Маріи Жаннере не было ничего святого, она олицетворяла собою самый жестокій, безжалостный эгоизмъ. Это проглядывало въ ея поведеніи у одра больныхъ, не смотря на всю ея навязчивую услужливость. По временамъ, ея грубый нравъ прорывался; она становилась дерзка, нахально обзывала всѣхъ докторовъ глупцами и придавала имъ разныя другія позорныя прозвища, а себя величала дѣйствительно ученою и опытною питомицей эскулапа. Въ то же время, съ дьявольской хитростью, она портила лекарства, прописанныя врачами, и даже подмѣшивала къ нимъ яды изъ своей домашней аптеки. Какъ уже сказано выше, она испытывала издавна на себѣ дѣйствіе различныхъ ядовитыхъ средствъ, но принимая ихъ въ самыхъ малыхъ дозахъ; теперь же, усиливъ пріемы, она стала наблюдать дѣйствіе атропина, морфія, хлороформа и т. под. веществъ надъ другими людьми. Жадными глазами слѣдила она за всѣмъ теченіемъ наступавшихъ явленій, съ самого ихъ начала и до конца, то есть, большею частью, до смерти ея случайныхъ жертвъ. Она простирала свои наблюденія и на трупы, заглядывала имъ въ глаза, чтобы убѣдиться въ потухшемъ взглядѣ мертвецовъ, или же, если покойникъ былъ отравленъ атропиномъ, въ большемъ или меньшемъ расширеніи его зрачковъ... Въ другихъ случаяхъ, Марія Жаннере, подобно нѣкоторымъ изъ своихъ предшественницъ, не убивала своихъ жертвъ, а только слегка отравляла ихъ съ помощью конфектъ, стакана сахарной воды, чашки чая, при чемъ дѣло ограничивалось одною тошнотою и рвотой. Но если ея цѣлью была смерть какого-нибудь несчастнаго, она поступала съ дерзкою смѣлостью, предсказывая, за нѣсколько дней, неизбѣжную кончину своей жертвы,—частью съ той цѣлью, чтобы прослыть за пророчицу или за медицинское свѣтило, частью же для того, чтобы отклонить отъ себя всякое подозрѣніе и заставить всѣхъ видѣть въ смерти больного одно вполнѣ естественное и предусмотрѣнное явленіе...

Наконецъ, послѣ того какъ она отравила, по крайней мѣрѣ, 8 человѣкъ (въ Женевѣ говорили 16), противъ нея выступилъ съ обвиненіемъ не кто либо изъ врачей или родственниковъ погибшихъ, а одинъ художникъ, тещѣ котораго Марія Жаннере дала небольшой пріемъ атропина.

На судѣ, возникъ вопросъ о невмѣняемости подсудимой. Но три врача, приглашенные въ качествѣ экспертовъ, объявили ее въ полномъ обладаніи умственными способностями, и только четвертый, извѣстный врачъ, уже имѣвшій прежде случай блистательно уличить ту же Марію Жаннере въ измышленной болѣзни, призналъ ее за истеричную, склонную къ лжи, злостную женщину, рѣшительно не годную для исправляемой ею должности сидѣлки, но возбуждающую нѣкоторое сомнѣніе на счетъ вмѣняемости своихъ поступковъ, вслѣдствіе частаго употребленія атропина, повергавшаго ее въ состояніе сильнаго, отуманивающаго способности, возбужденія. Но, сколько можно предположить изъ всѣхъ данныхъ, обнаруженныхъ на судѣ, такой взглядъ былъ слишкомъ снисходителенъ; можно было только допустить, что безнаказанность, которою такъ долго пользовалась преступница, и то обаяніе тайнаго могущества, которымъ она облекалась въ своихъ собственныхъ глазахъ, поощряли ее на новыя злодѣянія, превратившіяся для нея, наконецъ, въ простую забаву...

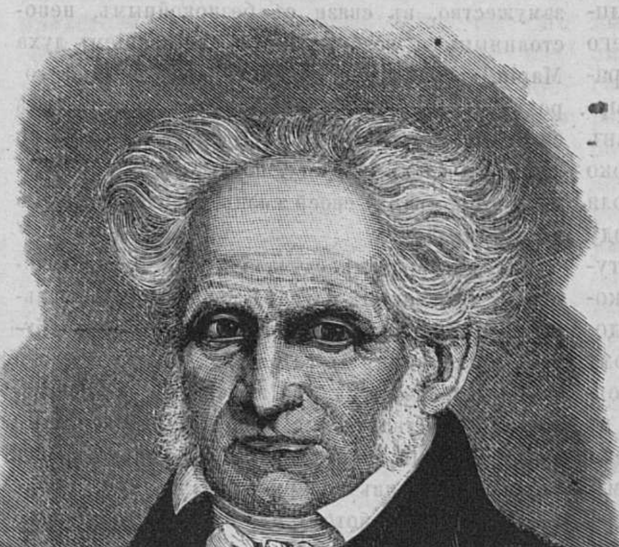
Какъ бы то ни было, женевскій судъ призналъ Марію виновною, но съ смягчающими обстоятельствами и она была приговорена къ 20-лѣтнему заключенію въ смирительномъ домѣ, не смотря на швейцарскій законъ, присуждающій убійцъ къ смертной казни.

(*Продолженіе будетъ.*)

Артуръ Шопенгауеръ.

Въ сентябрѣ 1787 г. пріѣхалъ въ Лондонъ изъ Данцига одинъ солидный банкиръ съ молодой беременной женою, отъ которой онъ упорно надѣялся имѣть сына и желалъ, чтобы, родившись въ Англіи, послѣдній пріобрѣлъ права свободнаго британца. Пріѣзжіе супруги зажили весело, но когда насталъ ноябрь съ его ужасными туманами, банкиръ вдругъ началъ сильно тревожиться относительно положенія своей жены и увезъ ее обратно въ Данцигъ, гдѣ въ февралѣ 1788 г. она и родила сына. Эта банкирша была знаменитая впослѣдствіи романистка Іоганна Шопенгауеръ, а рожденный ею сынъ — знаменитый философъ. Когда отецъ, войдя въ свою контору, сказалъ служащимъ: «что у меня родился сынъ», то одинъ бухгалтеръ, надѣясь на глуховатость принципала, воскликнулъ: «ну, если онъ въ папашу, то настоящая обезьяна!» Но Шопенгауеръ наслѣдовалъ отъ отца не одну обезьяню физіономію, а непреклонность характера и ту любовь къ свободѣ, благодаря которой банкиръ, когда ганзеатическая республика была присоединена къ Пруссіи, пожертвовалъ родиной и имуществомъ и переѣхалъ въ Гамбургъ, а потомъ отвергъ всѣ лестныя предложенія Фридриха Великаго, приглашавшаго его въ Пруссію и остался вѣрнымъ своему девизу: *нѣтъ счастья безъ свободы.*

Банкиръ упорно хотѣлъ сдѣлать изъ сына банкира же, но мальчикъ страсно любилъ литературу и мечталъ о писательствѣ. Однажды отецъ предложилъ ему: «выбирай любое, или я оставлю тебя съ твоими книгами и изъ тебя выйдетъ жирный попъ, или же ты будешь купцомъ и мы отправимся съ тобой путешествовать». Путешествіе соблазнило мальчика и объѣхавъ съ своими родителями Бельгію, Англію, Францію, Германію и Швейцарію, онъ поступилъ въ коммерческое училище въ Гамбургѣ. Но послѣ смерти отца, утонувшаго въ 1807 г., Шопенгауеръ поступилъ въ готскую гимназію и ревностно занялся своимъ образованіемъ. Уже въ то время у него былъ такой характеръ, что мать не хотѣла жить съ нимъ и писала ему: «для моего счастья необходимо знать о твоемъ счастіи, но не быть свидѣтельницею его. Я всегда говорила тебѣ, что мнѣ было бы очень тяжело жить съ тобой и пока ты будешь такимъ, каковъ есть, я готова пожертвовать всѣмъ, чтобы только избавиться отъ этого сожительства. Я знаю твои хорошія стороны, но твое постоянное недовольство, твои жалобы на вещи неизбѣжныя, твои мрачные взгляды, твои милыя сужденія, которыя ты изрѣкаешь, какъ оракулъ, недозволяя ни кому опровергать ихъ, не выносимы для меня. Твои споры, твои сѣтованія о глупомъ мірѣ и ничтожествѣ людей тревожатъ мой покой и причиняютъ мнѣ тяжелые сны». Въ 1809 г. Шопенгауеръ поступилъ въ Геттингенскій университетъ, гдѣ онъ особенно занялся философіей и естественными науками. Переѣхавъ за тѣмъ въ Берлинъ, чтобы слушать Фихте, онъ послѣ первой же лекціи такъ разочаровался въ этомъ философѣ, что послѣдній сдѣлался предметомъ его жестокихъ насмѣшекъ. Хотя въ 1813 г. Шопенгауеръ получилъ степень доктора за свою диссертацію о законѣ достаточнаго основанія и чувствовалъ въ себѣ силы создать что нибудь великое, но все таки долго оставался не признаннымъ талантомъ, и только Гёте, съ которымъ его сблизили любовь къ естествознанію и занятіе оптикой, видѣлъ въ немъ первостепенное дарованіе. Кромѣ Гёте сильное вліяніе на развитіе Шопенгауера имѣлъ оріенталистъ Майеръ, благодаря которому Шопенгауеръ сильно увлекся религіей и философіей индусовъ и его міросозерцаніе получило восточный колоритъ. 1814—1818 гг. Шопенгауеръ провелъ въ Дрезденѣ, пользуясь тамошней библіотекой и картинною галлереей, затѣмъ путешествовалъ по Италіи и напечаталъ свое главное сочиненіе. «Міръ, какъ воля и представленіе». Когда Шопенгауеръ принесъ къ матери свою первую книгу о законѣ достаточнаго основанія, то она ядовито спросила его: «вѣроятно, что нибудь по аптечной части?» — «Эту вещь, возразилъ сынъ, будутъ читать, когда изъ твоихъ бумагомараній не останется и листка ни у одного букиниста». — «Конечно, отпарировала мать, весь заводъ твоей диссертаціи будетъ еще цѣлъ». Равнымъ образомъ и упомянутое сочиненіе Шопенгауера не обратило на него никакого вниманія, и въ то время. какъ онъ считалъ себя великимъ мыслителемъ, онъ ни какъ не могъ получить кафедры въ Берлинѣ, а потомъ когда получилъ, никто не хотѣлъ слушать его. Его имя было почти вовсе неизвѣстно и не разъ случалось, что когда его кому нибудь рекомендовали, то онъ слышалъ вопросъ: «вы не сынъ ли знаменитой романистки?». Въ такихъ случаяхъ философъ съ негодованіемъ отварачивался отъ спрашивающаго и уходилъ.



Артуръ Шопенгауеръ.

Громадное самолюбіе Шопенгауера, постоянно раздражаемое и оскорбляемое, сдѣлало его страстнымъ ненавистникомъ людей и міра и сильно отразилось на всей его философіи. «Весь міръ явленій, говоритъ Шопенгауеръ, есть представленіе, результатъ представляющаго сознанія, дѣйствительность же, лежащая въ его основѣ, есть воля, не какая нибудь личная воля, божественная или человѣческая, но то, что обыкновенно называютъ силою природы. Объективное бытіе этой воли есть матерія, природа, формы и ступени развитія которой суть неизмѣняемые виды вещей, идеи. Совершеннѣйшее бытіе матеріи есть человѣческій организмъ, а высшій органъ его мозгъ, съ которымъ только и возникаетъ міръ, какъ представленіе. Личность есть только одна волна въ потокѣ общей жизни природы, только мимолетное проявленіе всеобщаго бытія вещей. Вполнѣ дѣйствительна только идея, родъ, и высшая мудрость заключается въ томъ, чтобы считать всякую личную жизнь обманомъ, несчастіемъ, искоренять всякую любовь къ жизни и съ древнѣйшею и правдивѣйшею изъ всѣхъ религіей буддизмомъ, стремиться къ первобытному состоянію, которое заключается въ погибели всякой индивидуальности». Исторія, по Шопенгауеру, есть только тяжелый продолжительный бредъ человѣчества, въ жизни котораго онъ не видитъ ни потерь, ни успѣховъ, въ итогѣ — нуль. Такимъ образомъ, въ лицѣ одного изъ талантливѣйшихъ своихъ представителей интелегентная буржуазія Европы дошла до чисто буддійскаго нигилизма, и замѣчательно, что при всей своей даровитости и учености Шопенгауеръ оказался не въ состояніи создать цѣлостную философскую систему. Буддистъ и метафизикъ, съ ожесточеніемъ отзывавшійся о матеріализмѣ, онъ въ то же время былъ крайнимъ матеріялистомъ и когда въ 1857 г. въ Франкфуртъ привезли молодого орангутангэ, то Шопенгауеръ сдѣлалъ ему торжественный визитъ, какъ законному потомку своихъ праотцевъ. Будучи свободнымъ мыслителемъ, онъ въ то же время былъ сильно суевѣренъ и даже доходилъ до того, что доказывалъ справедливость своей философіи столоверченіемъ и сновидѣніями!...

Начиная съ 40-хъ годовъ слава Шопенгауера стала болѣе и болѣе распространяться, но онъ уже окончательно превратился въ нелюдима и человѣконенавистника. Многіе обстоятельства болѣе и болѣе ожесточали его. Въ Берлинѣ однажды онъ вытолкалъ въ шею одну знакомую своей квартирной хозяйки, та переломила руку и сдѣлалась неспособною къ работѣ; дѣло дошло до процесса, и судъ обязалъ Шопенгауера пропитывать искалѣченную до смерти; цѣлыхъ 20 лѣтъ пришлось философу содержать ее, и хотя онъ обладалъ независимыми средствами, но это обстоятельство всетаки сильно раздражало его. Шопенгауеръ былъ врагъ всякаго шума: стукъ экипажа, скрипъ двери, мяуканье кошки выводили его изъ себя. Гулялъ онъ постоянно одинъ съ своимъ единственнымъ другомъ, пуделемъ, котораго онъ очень любилъ, и когда послѣдній велъ себя неприлично, то философъ ругалъ его *человѣкомъ*. Онъ презиралъ людей и считалъ недостойнымъ себя вступать въ короткія сношенія съ ними. «Куда не сунешься въ жизни, говаривалъ онъ, всюду натыкаешься на неисправимую людскую сволочь, которая всюду лезетъ и все загаживаетъ, какъ мухи лѣтомъ». Впрочемъ, Шопенгауеръ не любилъ одинъ ѣсть, обѣдалъ обыкновенно въ трактирѣ и ѣлъ такъ много, что однажды одинъ изъ посѣтителей, обѣдавшій вмѣстѣ съ нимъ, громко высказалъ свое изумленіе его аппетиту. «Вы удивляетесь моему аппетиту? сказалъ Шопенгауеръ. Дѣйствительно, я ѣмъ втрое болѣе, чѣмъ вы, но за то и ума у меня втрое болѣе, чѣмъ у васъ?» «Съ тѣхъ поръ какъ только началъ мыслить Шопенгауеръ, говоритъ его біографъ, онъ уже разошелся съ людьми. Всю свою жизнь онъ чувствовалъ свое страшное одиночество и страстно восклицая: «дайте мнѣ только одного человѣка», все таки оставался одинъ». Онъ наслѣдовалъ отъ отца наклонность видѣть во всемъ угрожающія ему бѣдствія. Когда ему было только еще шесть лѣтъ, то возвратившіеся съ прогулки родители нашли его въ страшномъ отчаяніи, такъ какъ онъ вообразилъ, что они бросили его навсегда. Въ юности его мучали воображаемыя болѣзни, и когда онъ учился въ Берлинѣ, то долго считалъ себя наканунѣ смерти. Въ войну 1813 г. его преслѣдовалъ страхъ быть взятымъ въ солдаты; изъ Неаполя его выгнала боязнь оспы, изъ Берлина боязнь холеры, въ Веронѣ онъ мучился мыслью объ отравленномъ нюхательномъ табакѣ; цѣлые годы преслѣдовалъ его страхъ уголовнаго процесса и боязнь матери, будто бы посягающей на его наслѣдство. При малѣйшемъ шумѣ ночью онъ вскакивалъ съ постели, схватывая саблю и пистолеты, которые были постоянно заряжены. Свои цѣнныя вещи онъ держалъ спрятанными такъ, что безъ латинскаго указателя, находившагося въ духовномъ завѣщаніи невозможно было отыскать ихъ. Ни одной строчки, относившейся къ его имуществу и хозяйству, онъ не довѣрялъ родному языку и велъ свои счеты по-англійски, а въ важныхъ случаяхъ по-латинѣ и по-гречески. Для безопасности отъ воровъ онъ наклеивалъ на свои ящики ложныя надписи, гдѣ лежали цѣнныя бумаги, тамъ значилось *лекарства*; купоны засовывалъ въ старыя письма, а золото держалъ подъ чернильницей. Никогда не довѣрялъ онъ своего горла бритвѣ цирюльника, а чтобы не быть отравленнымъ, никогда не пилъ иначе въ общественныхъ мѣстахъ, какъ изъ своего стакана. Шопенгауеръ умеръ скоропостижно въ сентябрѣ 1860 г., и когда открыли его духовное завѣщаніе, то оказалось, что одну часть своего капитала онъ отказалъ своему кобелю, а другую солдатамъ, сдѣлавшимся инвалидами, «при подавленіи мятежей и возстановленіи законнаго порядка въ Германіи въ 1848—49 гг...»

Таковъ былъ одинъ изъ даровитѣйшихъ представителей вырождающейся европейской буржуазіи, ниспустившейся до первобытныхъ бредней спиритизма и до буддійскаго нигилизма Шопенгауера и его преемника Гартмана.

С. Шашковъ.

Атакама и Караколесъ.

(*Продолженіе.*)

Возвращаясь изъ одной подобной экскурсіи, нагруженный собранными минералами, я случайно наткнулся на входъ въ галлерею давно заброшенныхъ рудныхъ работъ. Несмотря на позднее время, я слѣзъ съ коня и, вооружившись фонаремъ, углубился внутрь галлереи; но не успѣлъ я сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ отъ ужаса застылъ на мѣстѣ: передо мною лежали три человѣческіе трупа! хотя катастрофа случилась, повидимому, давно, однакожь на тѣлахъ несчастныхъ жертвъ не замѣчалось и признаковъ разложенія, такъ-какъ сухой воздухъ пустыни обратилъ ихъ въ совершенныя муміи; только кожа пожелтѣла и сморщилась; даже платье не подверглось тлѣнію. Повидимому, это была семья рудокоповъ, погибшая отъ жажды. Дитя лежало въ объятіяхъ матери, голова которой покоилась на колѣняхъ мужа. Послѣдній лежалъ у стѣны. Это ужасное зрѣлище лишило меня охоты идти дальше вглубь галлереи и я безъ оглядки пустился въ Мехильонесъ, проникнутый ненавистью къ проклятой пустынѣ, заманивающей несчастныя жертвы своими сокровищами, чтобы потомъ предать ихъ всѣмъ пыткамъ смерти отъ голода, жажды и лишеній.

Покончивъ по возможности скорѣе анализъ собранныхъ мною минераловъ и исполнивъ, такимъ образомъ, возложенное на меня порученіе, я поспѣшилъ въ Вальпарайзо, чтобы присоединиться къ моимъ товарищамъ.

Пароходъ нашъ по пути изъ Мехильонеса въ Вальпарайзо заходилъ въ нѣсколько портовъ чилійскаго прибрежья и я успѣлъ замѣтить, что всѣ они были до скуки однообразны: горнъ для плавленія мѣдной руды, лачуги рудокоповъ, фабрики для дистиллированія морской воды — вотъ характерныя особенности всѣхъ портовъ чилійскаго прибрежья.

Въ Папозо мы видѣли индѣйцевъ племени чанго—интересные остатки вымирающей первобытной расы. Всѣ они рыбаки и въ океанѣ ищутъ тѣхъ средствъ для жизни, въ которымъ имъ отказываетъ жалкая природа сосѣдней необъятной и негостепріимной пустыни.

Жилища этихъ индѣйцевъ попадаются вездѣ, гдѣ можно найти лужу воды, болѣе или менѣе годной для употребленія. Архитектура хижинъ до крайности жалка и примитивна: въ песокъ вбиваются четыре китовыхъ ребра, которыхъ пропасть валяется по прибрежью, а промежутки между этими импровизированными столбами затягиваются тюленьими кожами или старымъ тряпьемъ. Вся мебель и утварь такой лачуги ограничивается мѣшкомъ изъ желудка морского волка, служащемъ для сохраненія воды, приносимой изъ сосѣдней лужи.

На рыбную ловлю эти индѣйцы отправляются на особаго рода лодкахъ, называемыхъ «бальса». Бальса состоитъ изъ двухъ продолговатыхъ надутыхъ воздухомъ и расположенныхъ параллельно мѣшковъ изъ тюленьей кожи. Концы этихъ мѣшковъ заострены и загнуты вверхъ, а въ серединѣ мѣшки связаны между собою деревянными поперечными досками, на которыя натягивается горизонтально тоже тюленья кожа. На такомъ плоту, вооруженные деревяннымъ весломъ, индѣйцы безстрашно предпринимаютъ частыя и довольно отдаленныя плаванія.

Индѣйцы племени чанго принадлежатъ къ страстнымъ любителямъ листьевъ кока и жуютъ ихъ безпрестанно. Они ходятъ далеко вглубь страны и вымѣниваютъ тамъ сушеную рыбу на этотъ цѣнный и необходимый для нихъ продуктъ, возбуждающій нервную дѣятельность и поддерживающій мускульную энергію. Индѣйцы солдаты, погонщики муловъ совершаютъ далекіе походы, безъ провіанта, по раскаленнымъ пескамъ, не теряя бодрости, если только имѣютъ съ собою достаточный запасъ любимаго продукта (кока).

Употребленіе кока перешло въ наслѣдство еще отъ инковъ. Эти листья собираются съ растенія «Erythroxylon Coca» и боливійцы носятъ ихъ постоянно съ собою въ особенномъ мѣшечкѣ «чуспа». Когда является охота пожевать кока,—а такое желаніе повторяется почти безъ перерыва,—достаютъ изъ мѣшечка одинъ листокъ, расправляютъ его на лѣвой ладони и слегка смачиваютъ языкомъ; затѣмъ, помощью особеннаго прутика, накладываютъ на листокъ кока кусочекъ извести или же особеннаго щелочнаго тѣста «липта», получаемаго изъ золы растенія Quinoa или свѣчевиднаго кактуса (см. рис.). Все это свертывается въ шарикъ и запихивается въ ротъ. Примѣсь щелочей нейтрализируетъ кислоты, заключающіяся въ самой кока, и, кромѣ того, увеличиваетъ отдѣленіе слюны.

Листья «Erythroxylon» и формою и запахомъ напоминаютъ чайные листья, только не имѣютъ на себѣ зубчиковъ. Для европейца, непривыкшаго съ дѣтства къ дѣйствію кока, употребленіе его представляется опаснымъ и вызываетъ дурныя послѣдствія.

Мнѣ удалось записать нѣкоторыя слова языка «чанго», называемаго также «чилено» и арауканскимъ. Племя чанго все болѣе и болѣе вымираетъ, такъ-что въ настоящее время въ немъ наберется неболѣе 300 человѣкъ. Всѣ они говорятъ по-испански.

Въ нижеслѣдующей табличкѣ вы найдете нѣкоторыя слова языка арауканскаго и рядомъ соотвѣтственныя, хотя совсѣмъ непохожія слова языка «атакамено», племени, живущаго еще болѣе къ сѣверу и тоже вымирающаго:

	арауканскій	атакамено
голова	лёнко	хляксъ
волосы	топель	муза
носъ	йю	сэпэ
глаза	ге	ихепэ
губы	унъ	хайпэ
уши	пилюнъ	айке
рука	ріунъ	соке
ноги	намунъ	хоше
мужчина	ше	сима
женщина	домо	ликанъ
мальчикъ	хуэше	сима пауна
дѣвочка	мальгенъ	ликанъ пауна
одинъ	кинэ	сэма
два	эпіу	пойя
три	кюля	палямa
четыре	мэли	шальпа
пять	кешу	мюцма
шесть	каю	мишелё
семь	рельге	шхоя
восемь	пюра	шолё
девять	алья	текеръ
десять	мари	сіушъ
сто	патака	хара

Изъ этой таблички легко видѣть какъ значичельно разнятся между собою нарѣчія двухъ сосѣднихъ племенъ; языкъ аракуанскій значительно мягче и благозвучнѣе атакамено.

Рядомъ съ этими племенами въ Боливіи живетъ еще племя «эймара», аборигены этой мѣстности, сохранившіе въ значительной степени свои національныя особенности. По правдѣ сказать, племя это не отличается красотою и я не встрѣтилъ между ними даже сносной физіономіи. Въ довершеніе уродства костюмъ женщинъ этого племени невыразимо неуклюжъ и безобразенъ.

Миновавъ индѣйское поселеніе Чанго и нѣсколько большихъ и меньшихъ пристаней, мы остановились въ Кальдерѣ довольно значительномъ портѣ, съ большимъ каменнымъ валомъ. Кальдера замѣчательна также желѣзной дорогой, построенной въ 1851 году, самой старой по времени не только въ Чили, но и вообще во всей южной Америкѣ. Дорога эта соединяетъ море съ рудниками Капіапо въ чилійской пустынѣ.

Нѣсколько ниже Кальдеры я осматривалъ металлургическіе заводы Урменета и Эрразуриса (послѣдній состоитъ теперь президентомъ чилійской республики). Эти заводы считаются обширнѣйшими въ мірѣ; здѣшнія плавильныя печи даютъ слишкомъ тысячу тоннъ продажной мѣди въ мѣсяцъ.

Наконецъ, мы прибыли въ Вальпарайзо—большой и вполнѣ космополитичный городъ, стоящій, очевидно, au courant современной цивилизаціи, такъ-какъ здѣсь извѣстна даже «Герольштейнская Принцесса», въ ея, такъ сказать, классическомъ, непародированномъ видѣ. Признаюсь, мнѣ совсѣмъ было тогда не до Оффенбаха, такъ-какъ именно во время моего пребыванія въ Вальпарайзо пронеслась весть о франко-прусскомъ разрывѣ. Я настоятельно просилъ директора нашей комиссіи позволенія возвратиться во Францію для отбытія воинской повинности. Возмущенный отказомъ, а также и другими фактами, о которыхъ предпочитаю умолчать, я подалъ въ отставку. Такимъ образомъ, я очутился въ Вальпарайзо одинъ, почти безъ всякихъ средствъ къ жизни; усиленнымъ трудамъ я добылъ эти средства и, кромѣ того, былъ на-столько счастливъ, что стараніями моими, какъ члена французскаго комитета, было собрано около ста тысячъ франковъ, которые я отослалъ предсѣдателю общества попеченія о раненыхъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, мнѣ поручено было начать изысканія для первой линіи желѣзной дороги въ Боливіи, долженствующей соединить прибрежье океана съ рудоносными округами внутри Атакамы, съ которой я познакомился еще въ Мехильонесѣ. Открытіе этихъ минеральныхъ сокровищъ относится къ 1870 году.

Въ мартѣ этого года семеро катеадоровъ, или искателей рудъ, измученные, съ трудомъ прорѣзывали Атакаму. Грустные и разочарованные возвращались они послѣ года тщетныхъ поисковъ, торопливо направляясь къ прибрежью, такъ-какъ запасъ воды и провіанта близился къ концу.

Донъ Хозе Діяцъ Гана, начальникъ этой экспедиціи, руководившій поисками на средства француза барона де-Ривьера, былъ въ совершенномъ отчаяніи. Утромъ 25 марта одинъ изъ участниковъ экспедиціи обратилъ вниманіе на рядъ холмовъ, особенный видъ которыхъ и нѣкоторые признаки, доступные лишь вниманію записного катеадора, обнаруживали присутствіе рудоносныхъ жилъ. Донъ Хозе изслѣдовалъ эти холмы съ проницательностью людей его професіи и, послѣ тщательныхъ поисковъ, обнаружилъ шесть серебрянныхъ жилъ на-столько богатыхъ, что и въ настоящее время онѣ считаются богатѣйшими между сорока тысячами «концессій», розданныхъ здѣсь правительствомъ Боливіи со времени счастливаго утра 25 марта 1870 года.

Донъ Хозе Діяцъ Гана считается королемъ между катеадорами южной Америки и этотъ титулъ принадлежитъ ему по праву; никто не обладаетъ такою массою тѣхъ рѣдкихъ качествъ, которыя отличаютъ настоящаго катеадора, придавая ему въ высшей степени любопытную типичность. Катеадоръ въ равной мѣрѣ долженъ быть неустрашимымъ путешественникомъ и опытнымъ знатокомъ руднаго дѣла. Верхомъ на мулѣ, безъ проводника и съ самымъ незначительнымъ запасомъ продовольствія и воды неустрашимо углубляется онъ въ дикую пустыню. У сѣдла прикрѣплена кирка и стальные клещи; съ нимъ всегда кусокъ свѣчки и паяльная трубка. Съ этими приспособленіями онъ не боится безлюдія пустыни и дѣлаетъ иногда замѣчательныя открытія. Можно сказать, что въ своихъ передвиженіяхъ катеадоръ руководствуется какимъ-то чутьемъ, какимъ-то инстинктомъ, хотя онъ и не пренебрегаетъ случаемъ извлечь себѣ пользу изъ той массы наружныхъ примѣтъ и наблюденій, которые встрѣчаются ему на каждомъ шагу. Все служитъ ему указаніемъ: общая наружность грунта, цвѣтъ почвы, постоянный или случайный, расположеніе обрывистыхъ лощинъ, прорѣзывающихъ пустыню и извѣстныхъ подъ именемъ Квебрадъ, составъ и качества камней, разсѣянныхъ по поверхности. Особенно вѣскимъ и обнадеживающимъ указаніемъ считается присутствіе сѣрнокислаго барія или барита, который открывается катеадоромъ съ такимъ искусствомъ, какого необнаружитъ любой ученѣйшій геологъ и минералогъ. Но, несмотря на эти неоцѣненныя качества, несмотря на выносливость и проницательность, все-таки безуспѣшность долгихъ поисковъ приводитъ катеадора въ отчаяніе и за-частую онъ обязанъ своими открытіями столько-же простой случайности, сколько и своей испытанной опытности.

Вѣсть о счастливомъ открытіи донъ Хозе съ быстротою молніи разнеслась между рудоискателями и спекулянтами и вызвала лихорадочную дѣятельность. И въ Чили, и въ Боливіи организовались сотни экспедицій, посылались концессіи, сформировались финансовыя компаніи для эксплоатаціи новооткрытыхъ сокровищъ.

Но здѣсь предприниматели встрѣтились лицомъ къ лицу съ могущественнымъ препятствіемъ, гораздо болѣе важнымъ, чѣмъ доселѣ предполагалось: чтобы достигнуть новооткрытыхъ рудниковъ, расположенныхъ въ безплодной и безлюдной мѣстности, нужно было проѣхать Атакама, на разстояніи пяти дней пути, по мѣстности абсолютно безводной, безъ признаковъ растительности, прорѣзанной обрывистыми холмами и глубокими лощинами, затрудняющими всякій способъ сообщенія. Баронъ де Ривьеръ, инициаторъ открытія этого новаго Эльдорадо, предложилъ боливійскому правительству провести желѣзную дорогу чрезъ пустыню. Это предложеніе вызвало массу другихъ проектовъ, такъ-что правительство учредило спеціальную комиссію для оцѣнки этихъ проектовъ. Дѣятельность комиссіи дожна была окончиться къ марту 1872 года.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Чортовъ волосъ.

(Фантастическое путешествіе въ Японію.)

Эдуарда Кадоля.

(*Продолженіе.*)

Глава XVII.

Дуэль и послѣднее „прости“.

Наступила темная ночь. Населеніе Кіото покоилось крѣпкимъ сномъ, за исключеніемъ квартала чайныхъ домовъ, гдѣ молодые аристократы праздновали побѣду микадо и вели себя очень бурно. Не смотря на увѣщанія своего друга, Фелисьенъ одинъ отправился ко дворцу микадо. Благодаря своему мундиру и тому, что надвинулъ шляпу совсѣмъ на лицо, Фелисьенъ безпрепятственно прошелъ въ ворота. Сады дворца были пусты и безмолвны. Какъ угрюмо показалось ему теперь строеніе, которое прежде было для него такъ мило! Всѣ двери и окна были заперты. Однакожь ему во чтобы то ни стало необходимо было проникнуть туда. Внезапно уѣхавъ, чтобы проводить тайкуна въ крѣпость, онъ не запасся деньгами, а для того, чтобы вернуться въ Іеддо и возмутить буніосовъ и остатокъ арміи, нужно было имѣть большую сумму въ своемъ распоряженіи. «Главное, думалъ онъ, нужно увидаться съ принцессой, а потомъ мы подумаемъ о томъ, какъ попасть ко мнѣ въ квартиру». Онъ нѣсколько ободрился. Онъ не сомнѣвался въ томъ, что многіе остались очень недовольны исходомъ переворота, особенно городскіе жители. Вѣроятно, микадо явится рѣшительнымъ противникомъ нововведеній; можетъ быть, феодальная партія издастъ декретъ объ изгнаніи изъ Японіи всѣхъ иностранцевъ и о закрытіи портовъ для иностранныхъ судовъ. Тогда можно будетъ разсчитывать на поддержку западныхъ державъ и на возможность войны. Во всякомъ случаѣ будутъ смуты и борьба. Фелисьенъ уже представлялъ въ своемъ воображеніи, какъ онъ освободитъ тайкуна, торжественно привезетъ его въ Іеддо, и, давъ сраженіе войскамъ микадо, побѣдитъ ихъ. Тогда ничто не помѣшаетъ ему, побѣдителю, расправиться съ лукавымъ и неблагодарнымъ микадо, который такъ жестоко насмѣялся надъ нимъ. А принцъ Аки! онъ съ наслажденіемъ думалъ объ его уничтоженіи, въ особенности, если тотъ будетъ настолько наглъ, что женится на Вlказѣ противъ ея воли. Принцесса говорила Фелисьену сто разъ, что ея помолвка съ принцемъ Аки была устроена ихъ семействами изъ личныхъ разсчетовъ, слѣдовательно, она не любила его. И развѣ могъ Фелисьенъ въ этомъ сомнѣваться, если она уже говорила съ нимъ о свадьбѣ, ради которой только онъ и согласился перейти на сторону микадо. Нѣтъ, на этотъ счетъ онъ былъ совершенно спокоенъ. Если же принцъ Аки, пользуясь своимъ положеніемъ, продолжаетъ настаивать на своемъ правѣ на нее, онъ не заслуживаетъ пощады. Хотя разводъ и признается японскими законами, но ему было этого мало и онъ давалъ себѣ слово собственноручно задушить Аки. А какъ посмотрятъ на этотъ поступокъ дайміосы, Фелисьенъ не заботился. Одержавъ съ тайкуномъ побѣду, сдѣлавшись его правой рукой, даже равнымъ ему, потому что на этотъ разъ онъ непремѣнно заключитъ съ нимъ условіе, ему некого было бояться, тѣмъ болѣе, что онъ рѣшилъ не церемониться съ феодальной партіей. Ему припомнилось, какъ служащіе на желѣзной дорогѣ обходились съ нимъ, когда онъ уѣзжалъ, самъ не зная куда. Вотъ это администрація! теперь онъ былъ съ ней совершенно согласенъ: «впередъ, впередъ, не возражайте» эти слова были бы девизомъ его и всѣхъ правителей его династіи, онъ не сомнѣвался уже, что утвердитъ въ Японіи свою династію.

Съ этими мыслями онъ быстро шелъ по направленію къ зданію, въ которомъ помѣщались фрейлины Кизаки. Наконецъ, показалась его крыша. Къ несчастью, домъ былъ освѣщенъ, Фелисьенъ осторожно подползъ подъ галлерею, выжидая удобнаго случая, чтобы заглянуть во внутренность павильона. Едва онъ спрятался, какъ услыхалъ знакомый голосъ. Это былъ голосъ принца Аки! Какъ! онъ былъ тамъ! Фелисьенъ ясно видѣлъ, по силуетамъ тѣней, что въ комнатѣ кругомъ готаиро были женщины. Тѣнь отъ длинныхъ булавокъ, воткнутыхъ въ ихъ волосы, выдавала ихъ полъ.

— Нѣтъ! говорилъ принцъ,—намъ нечего бояться западныхъ державъ. Его величество микадо не принадлежитъ къ числу ретроградовъ! Осторожный прогрессъ и постепенная цивилизація входятъ въ его программу управленія. Уже давно получая, при вашемъ содѣйствіи, милая Ваказа, инструкціи микадо, я имѣлъ возможность увѣдомлять иностранныхъ посланниковъ о томъ, что у насъ происходитъ и такъ увѣрилъ ихъ въ правотѣ микадо, что они обѣщали содѣйствовать ему. Внутри страны нечего бояться возмущеній, потому что нашей первой заботой было опубликовать въ сегодняшней газетѣ фамиліи лицъ, назначенныхъ на разныя должности. Мѣста распредѣлены между аристократами обѣихъ партій, совершенно поровну. Съ этихъ поръ не будетъ болѣе антагонизма между ними и, вы сами видѣли, какъ братски бесѣдовали буніосы съ дайміосами, на ужинѣ у императрицы. Что касается народа, онъ въ восторгѣ отъ революціи. Крестьяне довольны тѣмъ, что верховная власть снова вернулась къ законному и священному монарху и тѣмъ, что барщина отмѣнена. Городскіе жители не менѣе довольны, потому что утверждены прежнія реформы, благодаря которымъ они расширили свои дѣла и завели торговлю съ Европой и Соединенными Штатами. Остается армія. Но и она въ восторгѣ. Генералы уже распространили новость, что выведенные изъ терпѣнія поведеніемъ Китая, мы начнемъ немедленно снаряжать нашъ флотъ, чтобы объявить войну этой придирчивой имперіи. Это, я думаю, должно васъ вполнѣ успокоить, милостивыя государыни, и, если желаете, я могу показать вамъ адресы съ поздравленіями и съ изъявленіями покорности, которые доставили намъ сегодня наши почтовые голуби. Мы получили ихъ со всѣхъ концевъ Японіи, изъ всѣхъ городовъ и селъ. Одинъ изъ нихъ подписанъ всѣми посланниками. Но самый горячій, отъ жителей Іеддо. Его нельзя читать безъ слезъ. Слушайте какъ онъ начинается. «О сынъ солнца! О освободитель отечества!»

— Отечество! повторили взволнованныя молодыя дѣвушки.

— А знаете ли, сказалъ принцъ,—кому мы болѣе всѣхъ обязаны нашимъ успѣхомъ?

— Кому, принцъ?

— Моей невѣстѣ, великой и славной Вstation Вакаѕѣ!

— Фи! послышался голосъ Ваказы.

— Она продолжалъ Аки, — разставила сѣти, въ которыхъ долженъ былъ запутаться смѣшной и честолюбивый Реформаторъ. Она не остановилась ни передъ чѣмъ. Онъ влюбился въ нее и она изъ любви къ отечеству выносила его ухаживанье. Она даже сдѣлала болѣе, она, гордая феодалка, позволила поцѣловать свои пальчики этому дикарю, этому выскочкѣ, который въ своемъ отечествѣ былъ ничтожнымъ прикащикомъ.

— Я выжгла адскимъ камнемъ, сказала принцесса,—то мѣсто, гдѣ прикасались губы этого шута. Боль, которую я ощущала, надѣюсь, смыла это позорное клеймо. О, отчего я не могла также очищать мой слухъ, послѣ того какъ выслушивала его заносчивыя рѣчи! Между тѣмъ, я должна признаться, что иногда, слушая его должна была употреблять невѣроятныя усилія, чтобы не расхохотаться. О какъ онъ былъ смѣшонъ, когда высказывалъ свои честолюбивые замыслы!

Услыхавъ эти слова, Фелисьенъ не вытерпѣлъ и, вскочивъ на ноги, однимъ прыжкомъ взлетѣлъ на галлерею. Страшный крикъ испуганныхъ дѣвушекъ потрясъ стѣны павильона.

— Это онъ, это онъ, кричали онѣ, разбѣгаясь во всѣ стороны.

— Да я, отвѣчалъ молодой человѣкъ.—Я пришелъ отмстить за оскорбленіе.

Ваказа, принявъ эту угрозу на свой счетъ, упала на колѣни. Онъ съ презрѣніемъ взглянулъ на нее, бросился на готаиро и въ одну минуту онъ повалилъ его на полъ. Но принцъ, будучи силенъ и искусенъ въ гимнастикѣ, которой японскіе аристократы придаютъ даже слишкомъ важное значеніе, быстро освободился. Вскочивъ на ноги, онъ схватилъ одну изъ своихъ сабель и нанесъ сильный ударъ Фелисьену, но, къ его удивленію, ударъ его былъ отраженъ. Фелисеьнъ схватилъ вторую саблю принца и сталъ въ оборонительное положеніе. Тогда началась странная дуэль, невиданная въ Европѣ. Вмѣсто того, чтобы стоять лицомъ къ лицу, тактика каждаго состояла въ томъ, чтобы напасть на противника со стороны и ударить его въ спину. Чтобы достичь этого, они бѣгали, кружились, какъ въ вальсѣ, вскакивали на края акваріумовъ, бросались на полъ и снова вскакивали удивительными прыжками, совершенно, какъ клоуны. Нѣкоторыя фрейлины, не успѣвшія убѣжать, въ томъ числѣ и Ваказа, лежали на полу, одна лежала растянувшись во всю длину лицомъ къ ковру, другая свернулась въ клубокъ и склонила голову къ колѣнямъ; нѣкоторыя, съежившись, прижимались къ стѣнамъ, между тѣмъ, какъ остальныя, упавъ другъ на друга среди комнаты, совсѣмъ изчезали въ волнахъ шелка, газа и парчи. А два противника, задыхающіеся, опьянѣвшіе отъ ярости, прыгали черезъ эти живыя преграды, ни однимъ словомъ не нарушая тишины, прерываемой лишь свистомъ воздуха, разсѣкаемаго ударами сабель. Одна Ваказа осмѣливалась бросать на бойцовъ робкіе взгляды. Вдругъ Фелисьенъ подползъ къ ней, вскочилъ на ноги, и, слегка поставивъ ногу на плечо молодой дѣвушки, съ насмѣшливой улыбкой взглянулъ на своего противника, который подходилъ къ нему, скорчившись, какъ тигръ, готовый броситься на добычу. Фелисьенъ не шевелися. Поднявъ саблю, онъ казалось готовился отразить ударъ. Но въ ту минуту, когда принцъ прыгнулъ, онъ не встрѣтилъ препятствія. Реформаторъ бросился на полъ около принцессы и прижался къ ней. Схвативъ ее за волосы, онъ заставилъ ее поднять голову и, быстро поцѣловавъ ее въ лобъ, сказалъ, смѣясь:

— Вотъ мое мщеніе!

Четверти секунды было ему достаточно, чтобы все это исполнить, и когда принцъ обернулся, Реформаторъ уже былъ на другомъ концѣ комнаты. Между тѣмъ Ваказа почувствовала на своей рукѣ прикосновеніе чего-то теплаго. Посмотрѣвъ она увидала, что это кровь, — кровь ея жениха, которая капнула съ него въ ту минуту, какъ онъ перескакивалъ черезъ нее. Она омочила пальцы въ этой крови и вытерла ими то мѣсто, куда поцѣловалъ ее Фелисьенъ. Реформаторъ замѣтилъ движеніе молодой дѣвушки и понялъ ея намѣреніе. Тутъ гнѣвъ его уже не зналъ границъ. Отказавшись отъ японскаго способа фехтованія, онъ пересталъ прыгать кругомъ своего противника. Вытянувъ саблю, онъ обратился къ нему лицомъ по-европейски и заставилъ его обернуться къ себѣ. Сабли звенѣли, принцъ началъ отступать; наконецъ, онъ прислонился къ перегородкѣ. «Надо пригвоздить его» подумалъ Фелисьенъ. И, бросившись на принца, навѣрно, проткнулъ бы несчастнаго, еслибы перегородка устояла. Но какъ уже было говорено, эти перегородки сдѣланы изъ бумаги. Вдругъ, къ довершенію досады, Реформаторъ услыхалъ шаги на галлереѣ. Толпа вооруженныхъ людей спѣшила на помощь къ готаиро. Фелисьенъ увидалъ, что онъ погибъ.

— Такъ нѣтъ же! вскричалъ онъ,— еще есть спасеніе!

Отступивъ на нѣсколько шаговъ, онъ швырнулъ свою саблю въ проволоку поддерживавшую люстру и перерубулъ ее. Мгновенно все погрузилось въ мракъ.

Опасность заставляетъ очень быстро соображать и Фелисьенъ разсудилъ, что солдаты, навѣрно, подумаютъ, что онъ убѣжалъ черезъ окно. Предполагая, что изъ опасенія поранить женщинъ, солдаты будутъ подвигаться очень осторожно, онъ далъ себѣ нѣсколько секундъ отдыха, употребивъ ихъ на то, чтобы проститься съ коварной принцессой, такъ гнусно обманувшей его.

— Вы такая красавица, такая умная, прошепталъ онъ ей, — согласились играть подобную роль? Я сожалѣю васъ, принцесса, и прощаю вамъ.

Онъ услыхалъ сдержанное рыданіе, которое было отвѣтомъ Вакаѕы. Но если онъ хотѣлъ остаться въ живыхъ, ему нельзя было терять времени. Бросившись на полъ, онъ поползъ около перегородокъ на встрѣчу своимъ преслѣдователямъ. Миновавъ ихъ, онъ всталъ и, бросившись бѣжать, выскочилъ въ садъ. Ночь, высокія деревья, высокая трава, все благопріятствовало его бѣгству. Надо было бѣжать немедленно, а онъ былъ безъ денегъ и безоруженъ, но инстинктъ самохраненія, придавалъ ему силу. Онъ слышалъ какъ били въ набатъ, въ гонгъ, къ заунывному звуку котораго примѣшивался отдаленный крикъ, доносимый до него вѣтромъ. Ясно было, что весь дворецъ въ тревогѣ. Всѣ выходы, вѣроятно, были охраняемы и черезъ нѣсколько минутъ за нимъ будутъ гоняться, какъ за дикимъ звѣремъ. Между деревьями онъ видѣлъ солдатъ, освѣщенныхъ факелами, ищущихъ его по всѣмъ направленіямъ. На этотъ разъ онъ испугался. Чувствуя себя страшно взволнованнымъ, не зная, на что рѣшиться, онъ сѣлъ и сжалъ голову руками стараясь успокоиться и собраться съ мыслями. Передъ нимъ пронеслась вся его фантастическая жизнь, къ которой онъ прежде такъ жадно стремился. Увы! какъ показалась она ему жалка! Какія чистыя радости были у него? никакихъ! Будучи могущественнымъ, онъ постоянно встрѣчалъ болѣе могущественныхъ. Влюбившись въ принцессу, онъ позволилъ провести себя, какъ школьника. Обманутый, осмѣянный, ненавидимый и, наконецъ, преслѣдуемый, какъ хищный звѣрь, онъ почувствовалъ полное отвращеніе къ жизни. Зачѣмъ бѣжать, зачѣмъ жить? Онъ сознавалъ теперь, что чортовъ волосъ не пустое слово, не воображаемое только пугало. Этотъ волосъ встрѣчался ему вездѣ, отравляя самыя пріятныя минуты его жизни, уничтожая всю ихъ прелесть, всю ихъ поэзію. Послѣ того, какъ онъ разсчитывалъ сдѣлаться микадо, послѣ того, какъ онъ вѣрилъ въ любовь почти царской дочери, что могло бы удовлетворить его? Чѣмъ мириться съ обыденной жизнью, съ скромной будущностью, для него будетъ лучше, если его избавятъ отъ его ненасытныхъ желаній, убивъ его. Къ тому же онъ гордился тѣмъ, что его одинокагс, безоружнаго преслѣдуютъ роты, и что его оцѣпляютъ, какъ страшнаго льва, цѣлой толпой убійцъ. Навѣрно, о немъ будутъ говорить въ исторіи. И хотя онъ нѣсколько дорого за это заплотитъ, но за то какая слава предстоитъ ему! Онъ припоминалъ выраженія, которыми историки будутъ его описывать и сердце его радостно забилось: «Знаменитая жертва! Великій изгнанникъ! Славный побѣжденный!»

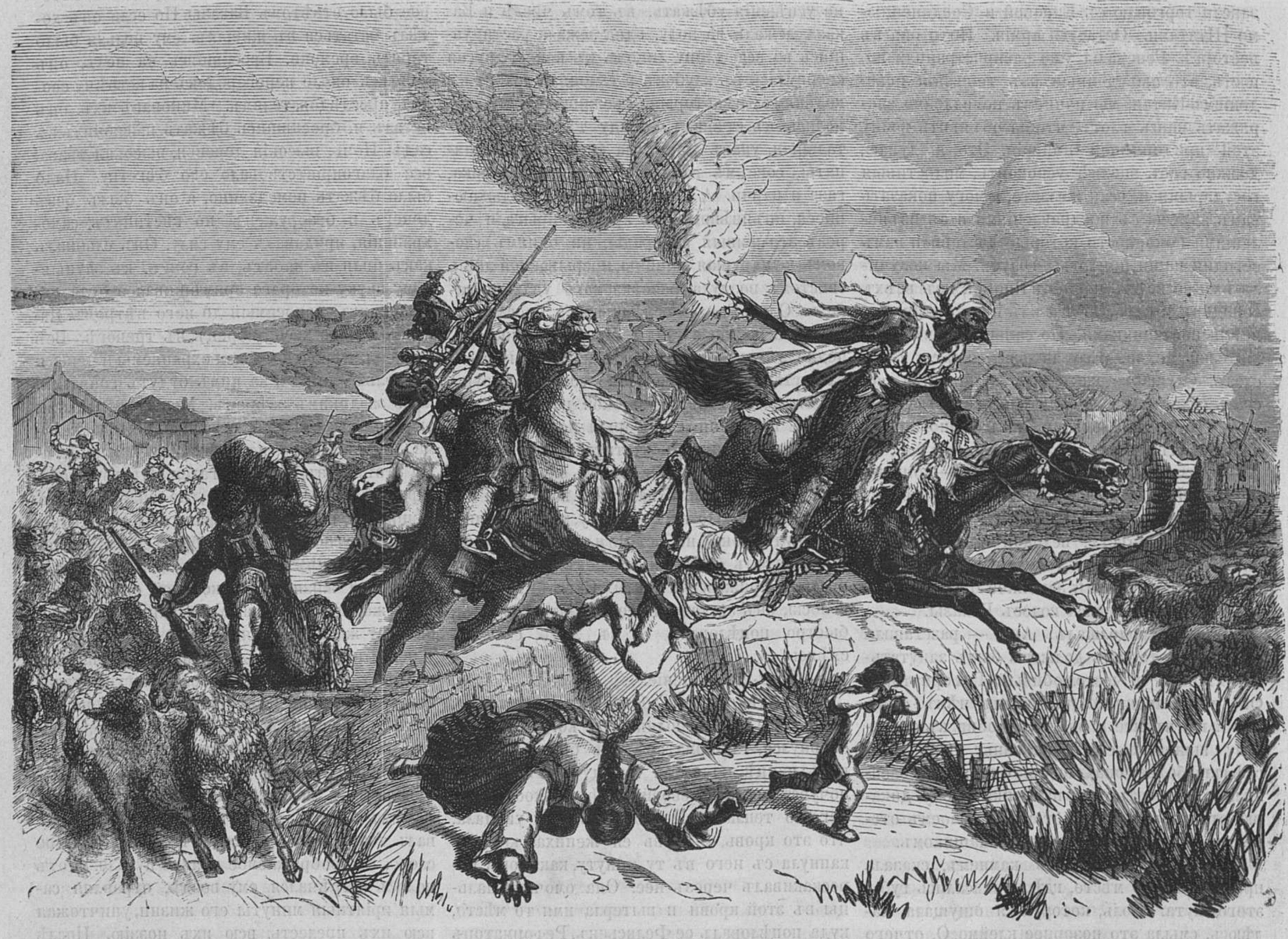
Онъ рѣшился остаться и умереть на этомъ мѣстѣ, проклиная своихъ гонителей. Все это кажется очень легко, когда есть еще время спастись, но чѣмъ ближе подвигается роковая минуту, тѣмъ положеніе дѣлается все непріятнѣе и непріятнѣе. Шумъ приближался, опасность увеличивалась, и вмѣстѣ съ этимъ исчезали и поэтическіе миражи. Инстинктъ самохраненія, существующій въ каждомъ изъ насъ, неотступно подстрекалъ его спасаться, во чтобы то ни стало! И не смотря на твердую рѣшимость молодого человѣка, онъ чувствовалъ, какъ его мускулы болѣзненно дрожали. Его ноги какъ будто сами хотѣли бѣжать.

Вдругъ, въ кустахъ, аршинахъ въ пяти отъ него, раздался страшный лай. Онъ повернулъ голову и увидалъ два сверкающие зеленые глаза. Громадная собака попала на его слѣдъ. Съ другой стороны кустарника послышался дикій торжествующій крикъ:

— Сюда! онъ здѣсь!

Фелисьенъ не думалъ болѣе. Инстинктъ взялъ свое. Молодой человѣкъ вскочилъ однимъ прыжкомъ и въ тотъ моментъ, когда собака собиралась броситься на него, онъ схватилъ ее за шею и всунулъ ей въ глотку свой вѣеръ, потомъ, схвативъ ее за заднія лапы, онъ размахнулся и раздробилъ ей черепъ о стволъ дерева. Послѣ этого, движимый только однимъ чувствомъ страха, онъ бросился бѣжать, куда глаза глядятъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)



Черкесы въ Добруджѣ.

Нечеловѣческая месть.

Романъ Анри Тесье.

(*Продолженіе.*)

Часть первая.

Глава XIII.

Сестра Марія-Жозефа появляется на сцену въ психологическій моментъ.

Обѣдъ прошелъ на славу. Ничего не выкипѣло и не пригорѣло, потому что Дени, по необыкновенному случаю, вернулся домой именно въ назначенный срокъ. Г-жа Дени была очень довольна; мужъ ея поѣлъ съ рѣдкимъ апетитомъ и находился въ томъ пріятномъ и веселомъ расположеніи духа, которое испытывается только въ мѣру и вкусно пообѣдавшимъ человѣкомъ. Послѣ кофе, Дени приказалъ Маріаннѣ подать бутылку коньяку и графинчикъ кирша.

— А теперь, Лера, сказалъ онъ, комфортабельно вытягиваясь въ своемъ креслѣ у камина, послѣ того какъ г-жа Дени скромно удалилась, уведя тоже и дѣтей,—теперь, другъ Лера, я готовъ слушать. Вынимайте на свѣтъ Божій вашу тетрадь.

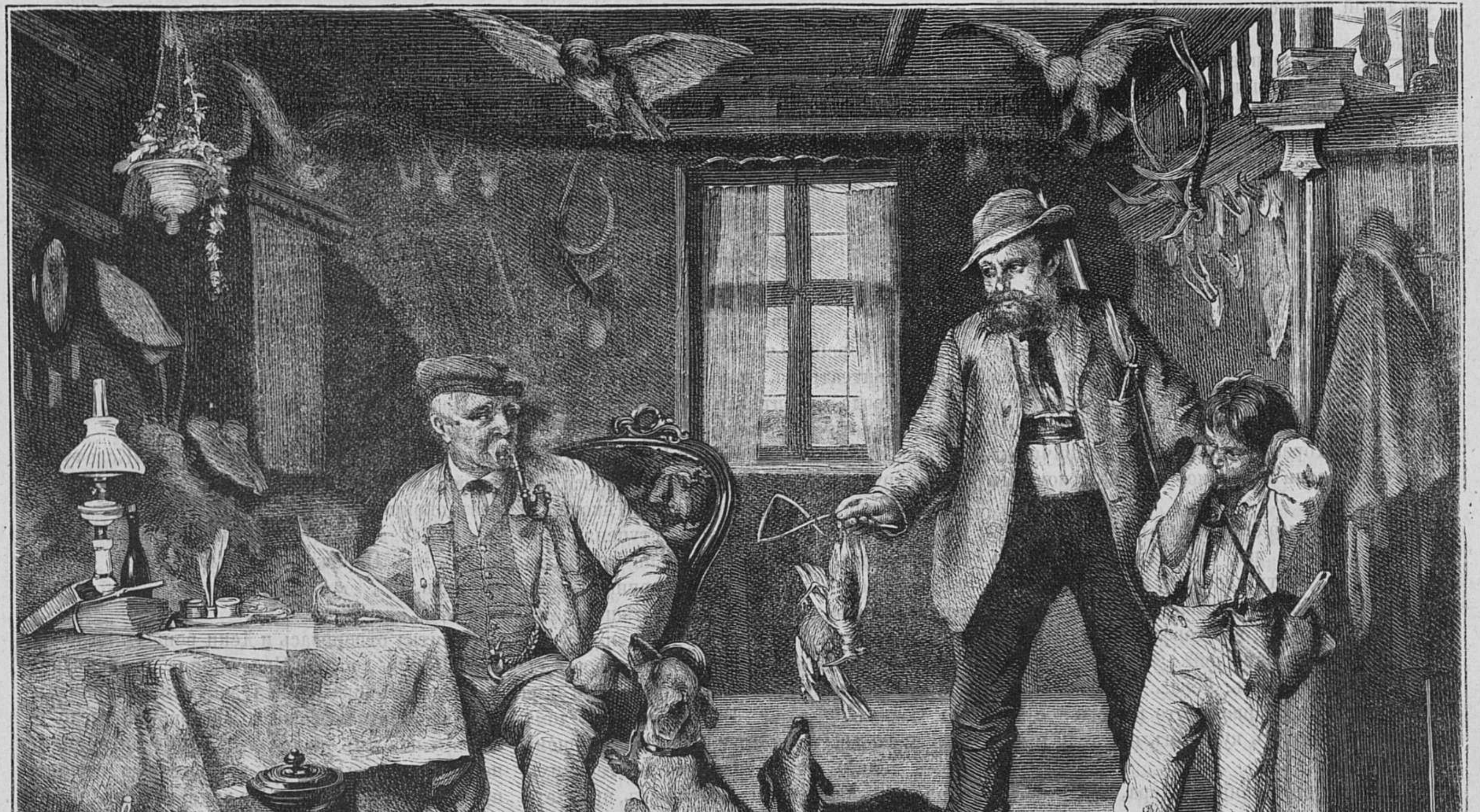
— Прикажете все читать? спросилъ Лера; проглотивъ свою чашку кофе и вытирая губы.

— Нѣтъ; разскажите мнѣ сначала одни факты, а потомъ, если понадобится, мы займемся подробностями.

— Назадъ тому шесть лѣтъ, то есть, въ 1869 году, началъ Лера,—я занималъ, какъ вамъ извѣстно, должность секретаря при полицейскомъ комиссарѣ въ улицѣ Бонапарте. Какъ человѣкъ холостой и свободный отъ службы послѣ шести часовъ, я проводилъ почти всѣ свои вечера въ одномъ небольшомъ кафе въ улицѣ Таренъ, гдѣ составлялъ иногда партію виста съ пріятелями...

— Вы играете въ вистъ, Лера! мнѣ слѣдовало бы объ этомъ догадаться. Шахматы и вистъ,—два глубокомысленныя и умственныя развлеченія! Продолжайте.

— Приходя такимъ образомъ ежедневно въ кафе, я не могъ не замѣтить одного постояннаго посѣтителя,—лысаго, сутуловатаго старичка, повидимому, весьма добродушнаго, приличнаго и вѣжливаго со всѣми. Онъ являлся постоянно въ семь часовъ, требовалъ себѣ чашку кофе съ ромомъ и принимался, прихлебывая изъ нея, за чтеніе всякихъ газетъ, но какъ-то болѣзненно сосредоточивая свое вниманіе только на отдѣлѣ объявленій и новостей. Встрѣчаясь съ человѣкомъ ежедневно, втеченіи не только недѣль, но и мѣсяцевъ, нельзя не вступить съ нимъ въ бесѣду. Такъ и случилось. Однажды вечеромъ, когда мои обычные партнеры почему-то не пришли, я подсѣлъ къ старику и мы разговорились. Онъ, однакожь, сначала не пускался ни въ какія изліянія, но когда хозяинъ кафе какъ-то случайно намекнулъ на занимаемую мною должность, мой старикъ оживился и, послѣ разныхъ извиненій, оговорокъ и предисловій, спросилъ меня, не могу-ли я, какъ служащій въ полицейскомъ вѣдомствѣ, помочь ему въ розыскѣ двухъ лицъ, кото-



Юный браконьеръ.

рыхъ онъ тщетно старается найти втеченіи долгаго времени.

— Разумѣется, отвѣтилъ я.

— О, сказалъ онъ съ восторгомъ,—если бы только это случилось, мнѣ кажется, что я съ ума сошелъ бы отъ радости... которую доставляю... кому-то.

— Что же, попытаться не грѣхъ, сказалъ я.—Кого именно вы отыскиваете?

— Двухъ дѣтей, говоритъ,—то есть, теперь они уже не дѣти... Одному должно быть воосьмнадцать, другому девятнадцать лѣтъ.

— Вотъ что! Когда же вы ихъ потеряли изъ вида?...

— Семнадцать лѣтъ тому назадъ.

Я такъ и прыснулъ со смѣха передъ подобной наивностью, а онъ смотритъ на меня, какъ громомъ пораженный.

— Стало быть, вы находите мою просьбу нелѣпою? говоритъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Не то, чтобы нелѣпою, но странною, отвѣчаю ему.—Какія можете вы сообщить мнѣ примѣты? Какимъ образомъ могу я прослѣдить за людьми, которые, можетъ быть, давнымъ давно уже выбыли изъ Франціи?

— На то вы полиція, возражаетъ онъ.—Говорятъ, что полиція можетъ все разузнать.

— Ну, хорошо; посмотримъ теперь, какія средства доставите вы мнѣ въ основаніе моихъ дѣйствій?

Въ отвѣтъ на это, бѣдняга, со слезами на глазахъ, разсказалъ мнѣ трогательную и драматичную повѣсть одной знатной дамы. Было у этой женщины два сына; когда одному изъ нихъ исполнилось два года, а другому одиннадцать мѣсяцевъ, ея мужъ, руководясь какими-то смутными и совершенно несправедливыми подозрѣніями, обвинилъ ее въ измѣнѣ ему и, послѣ ужасной сцены, выгналъ ее изъ своего дома, а малютокъ куда-то скрылъ. Несчастная мать тщетно тратила время на ихъ поиски. Она была богата и съ радостью отдала бы все, что имѣла, за возвращеніе дѣтей, но отецъ умѣлъ скрыть всѣ концы въ воду съ истинно дьявольской хитростью.

— Что же далѣе?

— Далѣе то, что Муленъ, извѣрившись во всѣхъ агентовъ, которыхъ онъ употреблялъ на поиски, и не зная, наконецъ, чѣмъ утѣшить несчастную мать, покинулъ тотъ городъ, въ которомъ произошла эта страшная драма и переѣхалъ въ Парижъ. Онъ руководился при этомъ слѣдующимъ простымъ соображеніемъ: мой господинъ, думалъ онъ, (я забылъ вамъ сказать, г. Дени, что этотъ Муленъ былъ чѣмъ-то въ родѣ камердинера въ домѣ, о которомъ идетъ рѣчь),—мой господинъ скрылся изъ нашихъ мѣстъ, увезя съ собою дѣтей; не могъ же онъ проѣхать съ ними слишкомъ далеко; притомъ же, такъ какъ онъ обратилъ все свое имущество въ деньги, при посредствѣ своего нотаріуса, которому заявилъ о своемъ намѣреніи переселиться за границу, то весьма вѣроятно, что онъ пристроилъ этихъ малютокъ куда-нибудь прежде, чѣмъ выѣхалъ изъ Франціи... А такъ какъ, далѣе, письма его къ нотаріусу были адресованы изъ Парижа, то слѣдовало предполагать, что и дѣтей, скорѣе всего, можно найти въ Парижѣ...

— Не дурное построеніе, Лера!

— Такъ, г. Дени, но слѣдовало уже провести его до крайнихъ предѣловъ и обратиться къ помощи полиціи.

— Это очевидно!

— Между тѣмъ, Муленъ, не знавшій въ столицѣ рѣшительно никого, совершенно спутался, растерялся, придумалъ самъ вести поиски... Однимъ словомъ, принялся искать иглу въ стогѣ сѣна!

— Это уже смѣшно.

— Онъ тратилъ время на самыя ребяческія мѣры: бѣгалъ по общественнымъ гуляньямъ, слѣдилъ за пансіонерами всякихъ воспитательныхъ заведеній, заглядывалъ въ лицо ребятишкамъ, помѣщалъ въ газетахъ объявленія, обращался къ справочнымъ конторамъ, а все не рѣшался пойти въ полицейскую префектуру, изъ страха скомпрометировать имя своей госпожи, которую онъ чтилъ, какъ святую!... И каждый вечеръ, съ большею и большею тяжестью на сердцѣ, выбившись изъ силъ, утрачивая вѣру въ успѣхъ, онъ присуждалъ себя еще къ чтенію отчетовъ о городскихъ происшествіяхъ, въ смутной надеждѣ наткнуться какъ нибудь на предметъ своихъ поисковъ...

— Рѣдкая душа! И много времени провелъ онъ въ такой каторгѣ?

— Семнадцать лѣтъ, г. Дени! И когда я улыбнулся надъ его наивностью, онъ отвѣтилъ мнѣ съ какимъ-то спокойнымъ, чисто пророческимъ упованіемъ:

— Я все же увижу ихъ еще, г. Лера; вполнѣ увѣренъ, что увижу!

— Что же еще?

— А еще, онъ описалъ мнѣ въ подробности всѣ примѣты этихъ дѣтей, ихъ одежду... Все это я записалъ. У обоихъ мальчиковъ замѣтная кровавая родинка на лѣвой рукѣ... Еще онъ говорилъ, что въ минуту ихъ похищенія, на обоихъ дѣтяхъ были ожерелья изъ мелкаго розоваго коралла.

— Что за несчастіе, что этотъ глупый человѣкъ не доставилъ намъ всѣхъ этихъ свѣдѣній тотчасъ же послѣ похищенія дѣтей!

— И не говорите, г. Дени!

— Но откуда прибылъ онъ сюда?

— Изъ Блуа или его окрестностей.

— Такъ и есть, замѣтилъ Дени,—а его господина звали Морлакъ?

— Именно такъ.

— Вотъ что, Лера, Муленъ разсказалъ вамъ далеко еще не все то, что зналъ.

— Понятное дѣло! Тѣмъ не менѣе, я обѣщалъ ему навести справки, что и желалъ исполнить, но меня перевели подъ вашу команду и я былъ оторванъ отъ моего прежняго квартала... Потомъ наступила война, осада столицы; я потерялъ изъ вида моего старика, и не случись съ нимъ теперь этой исторіи, которая едва было не закончилась для него очень плачевно, я и не вспомнилъ бы о немъ.

— Было бы очень жаль, потому что свѣдѣнія, которыя вы мнѣ теперь сообщили, могутъ послужить для насъ ключомъ ко многимъ загадочнымъ обстоятельствамъ...

— Очень радъ; вы довольны, стало быть, моею записной книжкой?

— Вами доволенъ, Лера!... произнесъ Дени, но вдругъ оборвалъ это похвальное восклицаніе, ударилъ кулакомъ по столу и воскликнулъ:

— Ахъ, чортъ побери, Лера, какіе же мы дураки!

— Г. Дени...

— Дураки, другъ мой, дураки, и вотъ доказательство...

Онъ выхватилъ свой портфель изъ кармана, принялся въ немъ рыться и отыскалъ то письмо, которое писалъ, передъ своимъ отравленіемъ, Муленъ сестрѣ Маріи-Жозефѣ.

— Вотъ... вотъ... началъ онъ, пробѣгая его глазами,—чего еще надо! *Дорогая госпожа... впродолженіи двадцати четырехъ лѣтъ...* Ясно?... *злыя козни, награможденныя вашимъ демономъ...* Въ глаза бросается... *то, что, по несчастію, принадлежитъ и вамъ, и ему...* Какой идіотъ не пойметъ?

— Я не понимаю, съ прискорбіемъ произнесъ Лера.

— Такъ извольте выслушать. Баптистъ Муленъ былъ слугою, и онъ пишетъ сестрѣ Маріи-Жозефѣ: *дорогой госпожѣ*; онъ заявляетъ ей, что ему мелькнулъ лучъ надежды, который позволитъ ему сказать ей: *я нашелъ*!... Это что значитъ? То, что старикъ, обойдясь безъ вашей помощи, Лера, перерылъ самъ, одинъ, названный вами стогъ сѣна, и напалъ на слѣдъ потерянныхъ дѣтей... Она ждетъ, подобно ему, *двадцать четыре года...* Замѣчаете тожественность чиселъ?... А этотъ *демонъ*, которому они, потерянные, *принадлежатъ также, какъ ей*, кто же это иначе, какъ не мужъ? Ясно, какъ день!

— Дѣйствительно, пробормоталъ Лера, разводя руками.—И вы думаете...

— Я думаю, что сестра Марія-Жозефа и графиня де-Морлакъ—одно лицо.

— Вотъ оно что!

— Да. Я просилъ только одной нити, Лера, а намъ дается въ руки цѣлая веревка, съ помощью которой мы скрутимъ негодяя, заслуживающаго, чтобы его повѣсили.

— Такъ оно и будетъ, г. Дени.

— Я поѣду завтра въ Мансъ съ первымъ же утреннимъ поѣздомъ, продолжалъ Дени, расхаживая въ волненіи по комнатѣ. Мансъ!... Позвольте... Поль Ленди изъ Манса... Что это такое.—Нѣтъ-ли какой нибудь связи и съ покушеніемъ на жизнь этого бѣднаго молодого человѣка?... Это была бы невѣроятная удача для насъ!... Ну, Лера, еще рюмочку кирша! Это прочищаетъ мысли... За ваше здоровье, пріятель!

Онъ подошелъ къ камину и прибавилъ:

— И за твое здоровье тоже, «Левъ», моя добрая собака!... Ну, Морлакъ, берегись теперь!

Часть вторая.

Глава I.

Дени въ Мансѣ.

Мансъ хорошенькій городокъ, расположенный амфитеатромъ на Сартѣ. Старинная часть города, закоптѣлая и унылая, пропитана ароматами кожевенныхъ заводовъ и пеньки, вымачиваемой въ рѣкѣ. Улицы здѣсь узкія, крутыя, нисколько не стыдящіяся своего средневѣковаго характера. Нѣкоторыя изъ нихъ вымощены сплошь ступенями, то есть, имѣютъ видъ лѣстницъ, по которымъ могли нѣкогда подниматься старинныя *шэзы*, но теперь онѣ доступны однимъ пѣшеходамъ. Новый городъ, созданный увеличеніемъ населенія, раскинулся по равнинѣ и занялъ такое пространство, котораго хватило бы и на сто тысячъ жителей. Почти каждый домъ окруженъ здѣсь садомъ и служитъ жилищемъ одной семьѣ. Это множество чистенькихъ, нарядныхъ, небольшихъ домиковъ, придаетъ Мансу веселый и привѣтливый видъ.

Въ этотъ-то городъ, 27 декабря 1875 года пріѣхалъ Дени съ однимъ небольшимъ саквояжемъ и теплымъ пледомъ въ рукахъ, и направился прямо въ улицу Гримасъ, гдѣ остановился передъ домомъ Менара.

Менаръ, нѣкогда служившій въ парижской полицейской префектурѣ, удалился, послѣ тридцатилѣтней службы, въ свой родной Мансъ. У него были нѣкоторыя средства, такъ что онъ могъ обзавестись уютнымъ домикомъ въ новой части города и жить безбѣдно съ своею женою и тремя дѣтьми, но привычка къ дѣятельности и своего рода тоска по полицейскимъ волненіямъ, заставили его пренебречь спокойнымъ отдыхомъ. Не прошло одного года послѣ возвращенія Менара въ Мансъ, какъ онъ открылъ въ улицѣ Гримасъ дѣловую и справочную контору, которая скоро пріобрѣла себѣ самую лестную извѣстность. Ловкій, хитрый, умѣющій держать языкъ за зубами, Менаръ имѣлъ много кліентовъ и зарабатывалъ въ годъ отъ пяти до семи тысячъ франковъ. Онъ былъ высокъ ростомъ, румянъ и очень моложавъ, не смотря на свои семьдесятъ лѣтъ.

— Вы, г. Дени! У меня! воскликнулъ онъ съ радостью при встрѣчѣ гостя, который самъ отрекомендовался ему.

Дени пожалъ ему руку, усѣлся въ кресло и сказалъ:

— Я получилъ ваши двѣ депеши и пріѣхалъ по извѣстному вамъ дѣлу.

— Прекрасно. О, я былъ очень радъ случаю хотя немножко поработать по прежнему! Я здѣсь совсѣмъ заржавѣлъ. Но вы сдѣлаете мнѣ честь позавтракать со мною, прежде, чѣмъ мы приступимъ къ дѣловой бесѣдѣ, г. Дени?

— Съ удовольствіемъ!

Черезъ часъ, послѣ сытнаго и вкуснаго завтрака, Менаръ и Дени шли уже по улицѣ Гримасъ, взявшись подъ руку и бесѣдуя, какъ старые знакомые.

— Теперь почти часъ, говорилъ Менаръ, — и вы можете явиться въ монастырь, до котораго я васъ доведу. А пока вы будете распрашивать сестру Марію-Жозефу.... я говорю «сестру», потому что всѣ такъ называютъ ее, хотя она не пострижена, а только живетъ въ монастырѣ и занимается обученіемъ дѣтей .. пока вы будете у нее, говорю я, я схожу въ разныя мѣста по своимъ дѣламъ, а потомъ встрѣчусь съ вами у молодого человѣка...

— Хорошо, сказалъ Дени:

Они дошли до высокой монастырской ограды, изъ за которой виднѣлись крыши различныхъ строеній и крестъ, стоявшій надъ церковью. Орденъ визитандинокъ подчиняется строгому уставу, но монахини занимаются воспитаніемъ молодыхъ дѣвицъ.

Позвонивъ у воротъ, Менаръ покинулъ своего спутника.

— Можно видѣть сестру Марію-Жозефу? спросилъ Дени у монахини, выглянувшей черезъ оконцо калитки.

— Вы тотъ господинъ, котораго она ждетъ изъ Парижа? спросила она, въ свою очередь.

— Да.

Калитка отворилась и Дени вошелъ на монастырскій дворъ. Послушница позвонила въ колокольчикъ, давая знать монахинямъ, что въ обитель вошелъ посторонній человѣкъ и что имъ надо опустить свои вуали; потомъ она ввела Дени въ пріемную и попросила его обождать. Эта комната, холодная, какъ склепъ, была выштукатурена бѣлою краской. Все украшеніе стѣнъ состояло изъ четырехъ плохихъ-метографій съ сюжетами заимствованными изъ Ветхаго Завѣта. По серединѣ комнаты тянулась двойная рѣшетка, завѣшанная толстою шерстяною занавѣсью со стороны, противоположной той, на которой находился Дени.

Минутъ черезъ пять, онъ услышалъ стукъ отворявшагося замка, потомъ занавѣсъ отдернулась, гремя своими кольцами, и Дени увидѣлъ за рѣшеткой какую-то бѣлую фигуру. Онъ подошелъ ближе. Женщина, находившаяся передъ нимъ, была худощава и высока. Флеровая наметка съ длинными лопастями обрамливала лицо, блѣдное, какъ воскъ, но съ тонкими и прекрасными чертами, только изможденными горемъ и монастырскимъ образомъ жизни. У нея были почти совершенно прямыя брови, обличавшія рѣдкую энергію, изящно выгнутый носъ, слегка надменныя губы, большіе глаза и тонкія, исхудалыя руки, прятавшіяся въ длинныхъ рукавахъ рясы. На видъ, сестрѣ Маріи-Жозефѣ было не болѣе сорока лѣтъ.

— Вы г. Дени? спросила она.—Вы присылали ко мнѣ?

— Вы угадали.

— Садитесь, и скажите мнѣ поскорѣе, что съ бѣднымъ Муленомъ...

— Онъ внѣ всякой опасности.

— Благодареніе Богу! прошептала она съ глубокимъ волненіемъ. Потомъ, какъ бы колеблясь немного, она прибавила: — А убійца?.. Поймали его?

— Нѣтъ еще, хотя г. Муленъ заявилъ подозрѣніе...

— О!... зачѣмъ это?... Никогда не слѣдуетъ обвинять ближняго...

— Неужели вы предпочли бы, сударыня, оставить правосудіе въ полномъ невѣдѣніи, и тѣмъ заставить его ошибиться, быть можетъ, и осудить совершенно невиннаго человѣка?

— Нѣтъ... нѣтъ. — Но... на кого же указываетъ г. Муленъ?...

— На графа де-Морлака... вашего мужа, сказалъ Дени и испугался, подумавъ, что поступилъ слишкомъ рискованно.

Сестра Марія-Жозефа поднялась съ мѣста такъ порывисто, что ея стулъ опрокинулся. Въ то же время, вся кровь прилила ей къ лицу и изъ груди ея вырвался стонъ...

— О! вы знаете это! прошептала она.

Дени, взволнованный до глубины души, нагнулся къ рѣшеткѣ.

— Да, я знаю зто, знаю и многое другое, сказалъ онъ. — Вотъ почему я пріѣхалъ сюда. Я спасъ г. Мулена и твердо желаю спасти и васъ отъ той скорби и отчаянія, которыя гнетутъ васъ много лѣтъ, какъ женщину и какъ мать!

При звукѣ этого сдержаннаго и дружескаго голоса, графиня де-Морлакъ перестала рыдать.

— Кто бы вы ни были, благодарю васъ за эти добрыя слова, проговорила она.

— Не торопитесь меня благодарить: прочтите сначала это письмо отъ г. Мулена.

Онъ передалъ ей конвертъ. Она распечатала его дрожащими руками и стала читать. По мѣрѣ того, какъ ея глаза пробѣгали по строкамъ, на ея лицѣ выражалось болѣе тяжкое волненіе и ея грудь колыхалась порывисто подъ широкими складками рясы. Наконецъ, дойдя до послѣдняго слова, она взглянула на Дени съ такою тоскою, что у него морозъ пробѣжалъ по кожѣ, и спросила задыхающимся голосомъ:

— Онъ не говорилъ вамъ ничего болѣе?

— Онъ не знаетъ даже о моей поѣздкѣ сюда, и письмо это должно было дойти къ вамъ не черезъ мои руки.

— Объяснитесь, умоляю васъ.

Дени разсказалъ ей по порядку все, начиная съ того, какъ его призвали засвидѣтельствовать отравленіе Бланшъ и Натти, какъ онъ попалъ потомъ къ Мулену, нашелъ у него письмо и вывелъ изъ него свои заключенія.

— Но это варенье и пирогъ были куплены нашимъ садовникомъ здѣсь, въ Мансѣ! сказала графиня.

— Ядъ находился не въ нихъ, а въ винѣ, отвѣчалъ Дени.

— Какой ядъ?

— *Упасъ*, причиняющій мгновенную смерть.

— Я готова признать... простите мою настойчивость!... что г. Муленъ имѣлъ нѣкоторое основаніе, вспоминая былое, заподозрѣть графа де-Морлакъ... Но вы говорите, что еще два лица были отравлены такимъ же образомъ и въ то же время... Я не вижу связи....

— Не видите?... переспросилъ Дени, устремляя на нее проницательный взглядъ. — А я думалъ, что именно вы, сообщивъ мнѣ нѣкоторыя подробности объ этихъ двухъ постороннихъ жертвахъ, поможете правосудію отыскать истину...

Г-жа де-Морлакъ схватилась рукою за досчечку, прибитую къ рѣшеткѣ.

— Говорите, прошептала она.

— Извѣстно вамъ, что вашъ мужъ ѣздилъ въ Батавію?

— Нѣтъ, отвѣчала она, дѣлая отчаянное усиліе, чтобы скрыть отъ своего собесѣдника ужасъ, внушенный ей этимъ простымъ вопросомъ.

— Вы не знаете, стало быть, были ли у него знакомые на островѣ Явѣ?...

— Нѣтъ... можетъ быть... я припоминаю... проговорила она, заикаясь и поблѣднѣвъ, какъ мертвая.

— Однимъ словомъ, продолжалъ Дени совершенно спокойно, — извѣстно вамъ имя Ванъ-Линдена?

Графиня едва удержалась отъ крика и, чтобы заглушить его, закусила себѣ губы съ такою силою, что на нихъ показалась кровь.

— О комъ говорите вы?... О комъ? воскликнула она.

— О г. Ванъ-Линденѣ, изъ Батавіи.

— И этотъ... Ванъ-Линденъ?...

— Онъ былъ тоже отравленъ, какъ г. Муленъ.

— О, Господи! простонала графиня.

Дени поспѣшилъ утѣшить эту великую скорбь.

— По счастію, сказалъ онъ, — этотъ молодой человѣкъ спасенъ также, какъ и г. Муленъ.

— Молодой человѣкъ, говорите вы?...

— Да, ему лѣтъ двадцать...

— Двадцать лѣтъ! воскликнула несчастная женщина, заливаясь слезами.

— Успокойтесь, сударыня, сказалъ Дени послѣ нѣкотораго молчанія, — и забудьте на время мою профессію! Прошу васъ видѣть во мнѣ только человѣка, который далъ себѣ слово открыть цѣлый рядъ преступленій, совершенныхъ негодяемъ, имя котораго вамъ пришлось носить. Я явился затѣмъ, чтобы выслушать вашу исповѣдь и, для внушенія вамъ довѣрія, начну съ покаянія самъ. Я измѣняю своимъ прямымъ обязанностямъ, рѣшаясь преслѣдовать виновника этого тройного преступленія, съ которымъ находится, быть можетъ, въ связи и еще одно... Чтобы достигнуть своей цѣли, я не сообщилъ своему начальству ни одного изъ собранныхъ мною свѣдѣній... Это проступокъ съ моей стороны, я сознаю это, но не раскаяваюсь, потому что это дозволитъ вамъ безбоязненно открыть мнѣ ваше сердце... Я честный человѣкъ, сударыня, у меня дѣти, которыхъ я обожаю... какъ вы обожали бы своихъ. Слушайте же! именемъ дѣтей моихъ, клянусь вамъ, что если вы поможете мнѣ открыть виновника злодѣяній, уже извѣстныхъ мнѣ и тѣхъ, о которыхъ я догадываюсь, я накажу его самъ... безъ всякой позорной огласки, которая могла бы запятнать имя, носимое вами!...

Она хотѣла перебить его, но онъ продолжалъ, оживляясь еще болѣе:

— Сверхъ того, я готовъ сдѣлать все возможное, чтобы возвратить вамъ потерянныхъ вами дѣтей!

— О, Боже мой! проговорила она, едва не лишаясь чувствъ, — скажите, чего же хотите вы отъ меня?

— Ничего способнаго вызвать у васъ угрызенія совѣсти! Моя обязанность состоитъ въ открытіи преступленія; я не буду допытываться у васъ разсказа о настоящемъ; умоляю васъ только разсказать мнѣ прошедшее!

Она посмотрѣла на него съ лихорадочною тревогою.

— Вы хотите, чтобы я довѣрила вамъ свою честь... Хорошо! пусть будетъ по вашему!... Я сочту себя еще счастливой, если эта слабая жертва дозволитъ мнѣ увидать, прежде чѣмъ я умру, дорогихъ мнѣ существъ, которыя я такъ давно оплакиваю!...

Дени, растроганный, склонился передъ рѣшеткою.

— На даромъ такъ уважаетъ васъ г. Муленъ, сударыня, сказалъ онъ, — и я повторю вамъ свое обѣщаніе сохранить вашимъ дѣтямъ уважаемое имя.

— Благодарю васъ. Выслушайте же мой разсказъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Призывъ къ подпискѣ.

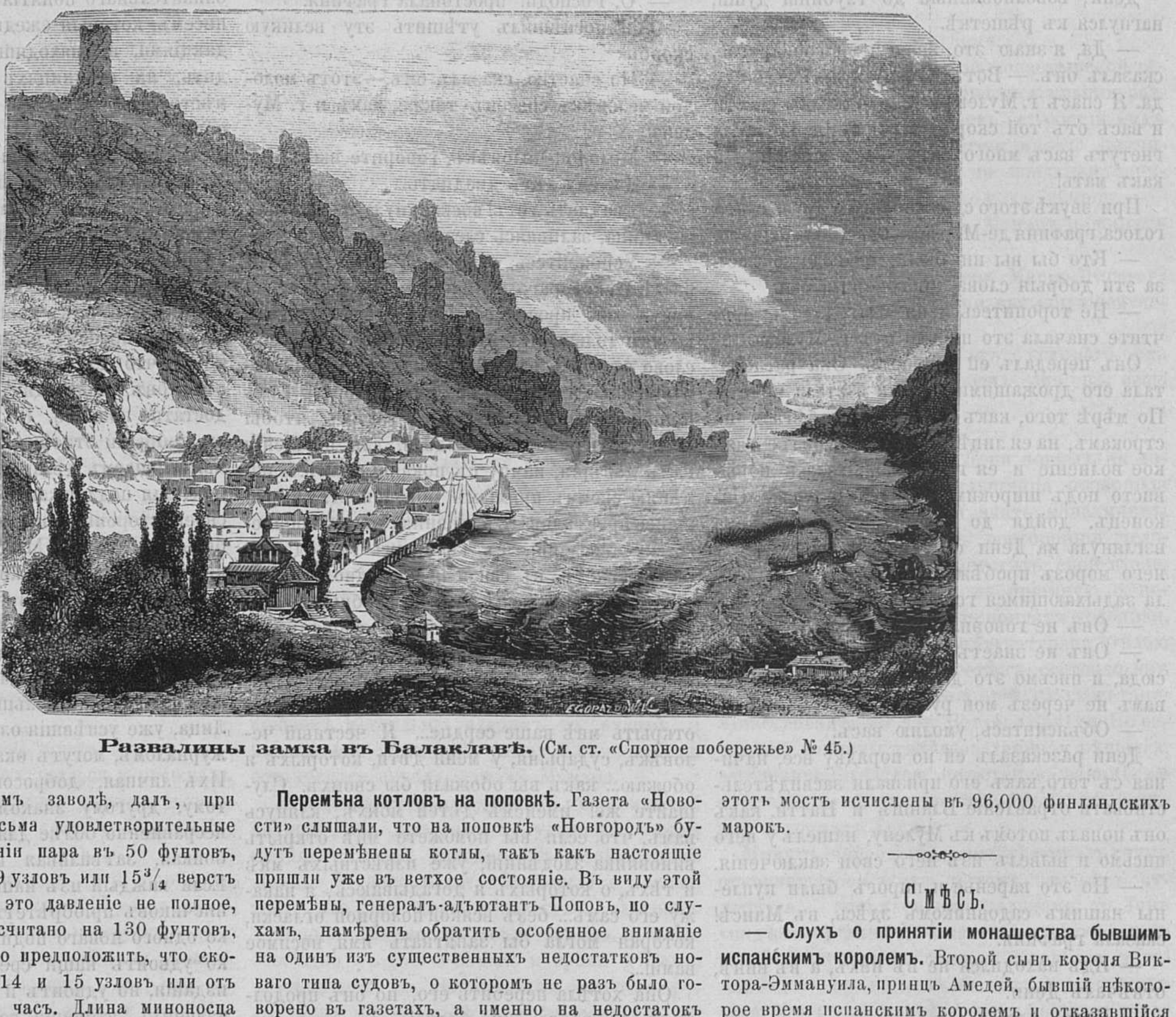
Приводимъ интересное обращеніе къ подписчикамъ, одного изъ издателей американскаго журнала: «Весьма многіе изъ нашихъ подписчиковъ по личному опыту знаютъ, что наша редакція всегда охотно отвѣчаетъ на всѣ обращаемыя къ ней требованія. Но публика не можетъ составить себѣ даже приблизительнаго понятія о той массѣ частныхъ писемъ, которыя ежедневно разсылаются редакціями, не находящими удобнымъ отводить, на страницахъ своихъ журналовъ, мѣсто для отвѣтовъ, не представляющихъ общаго интереса для читателей. Не проходитъ дня, въ который Редакція была бы избавлена отъ подобной обширной корреспонденціи и отъ необходимости отвѣчать обстоятельно на предлагаемые ей вопросы. Мы, конечно, не жалуемся на эти хлопоты, какъ бы сближающія журналъ съ подписчиками. Но сутки имѣютъ, къ сожалѣнію, только 24 часа, и мы просимъ нашихъ читателей вѣрить тому, что случайныя промедленія нашихъ отвѣтовъ происходятъ единственно отъ недостатка времени. Во всякомъ случаѣ, дорожа добрыми отношеніями къ подписчикамъ, мы обѣщаемъ дѣлать все, отъ насъ зависящее, для поддержанія ихъ расположенія. Съ своей стороны, они могутъ оказать намъ большую услугу. Мы стараемся расширить кругъ нашей подписки, не только съ цѣлью пріобрѣсти большія средства для усовершенствованія нашего изданія, но и потому, что, признавая его за изданіе *дѣйствительно полезное*, мы желаемъ распространить его среди возможно большаго круга читателей. Лица, уже успѣвшія ознакомиться съ нашимъ журналомъ, могутъ ѳказать намъ содѣйствіе. Ихъ личная, добросовѣстная рекомендація тому, другому знакомому, можетъ сдѣлать несравненно болѣе для журнала, чѣмъ самая бойкая, затѣйливая издательская реклама. Если каждый изъ нашихъ настоящихъ подписчиковъ пріобрѣтетъ намъ еще хотя только одного новаго подписчика, то это не только удвоитъ наши средства къ улучшенію изданія, но удвоитъ и число лицъ, пріобрѣтающихъ, втеченіе года, много полезныхъ свѣдѣній и обогащающихъ, въ свою очередь, своихъ окружающихъ. Мы позволяемъ себѣ, поэтому, прибѣгнуть къ такого рода ходатайству, обращаясь къ нашимъ постояннымъ подписчикамъ именно теперь, когда редакція принимаетъ мѣры къ усовершенствованію всѣхъ отдѣловъ журнала». Мы увѣрены, что эта американская реклама достигнетъ своей цѣли, потому что американцы страстно любятъ рекламы. А у насъ?

Новости наукъ и жизни.

— **Женскіе педагогическіе курсы.** Около года тому назадъ возникли слухи о томъ, что женскіе педагогическіе курсы, помѣщающіеся въ Гороховой, будутъ расширены, какъ въ отношеніи своего помѣщенія, такъ и въ отношеніи преподаванія И то, и другое теперь, какъ передаетъ «Сѣверный Вѣстн.», осуществляется. Недавно окончена надстройка одного этажа, которая дастъ курсамъ нѣсколько лишнихъ аудиторій. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ половины ноября, будетъ открытъ при курсахъ новый классъ, такъ что курсы, бывшіе до сихъ поръ двухгодичными, преобразуются въ трехгодичные.

— **Пріютъ воспитанія нянекъ.** Намъ сообщаютъ, что на дняхъ послѣдовало открытіе пріюта «во имя казанской Божіей Матери, для воспитанія русскихъ нянекъ». Пріютъ этотъ открытъ на Аптекарскомъ острову, въ Карповскомъ переулкѣ, въ домѣ княгини Вяземской.

— **Испытаніе миноносца, спущеннаго на балтійскомъ заводѣ.** 3 ноября, какъ намъ сообщаютъ, управляющимъ балтійскимъ заводомъ произведена проба только что спущеннаго миноносца, заказаннаго въ числѣ пяти миноносцевъ для морского министерства. Не смотря на то, что этотъ миноносецъ, чуть-ли не первый построенный на этомъ заводѣ, далъ, при первой же пробѣ, весьма удовлетворительные результаты. При давленіи пара въ 50 фунтовъ, скорость его достигла 9 узловъ или $15^{3}/_{4}$ верстъ въ часъ. Между тѣмъ это давленіе не полное, такъ какъ полное разсчитано на 130 фунтовъ, и, слѣдовательно, можно предположить, что скорость хода достигаетъ 14 и 15 узловъ или отъ $24^{1}/_{2}$ до 26 верстъ въ часъ. Длина миноносца 75 футъ, а ширина 9 футъ 10 дюймовъ. На немъ устроена сферическая покрышка, прикрывающая все судно и имѣющая толщину, вполнѣ гарантирующую команду отъ непріятельскихъ ружейныхъ выстрѣловъ.



Развалины замка въ Балаклавѣ. (См. ст. «Спорное побережье» № 45.)

— **Новый способъ править лошадьми.** Во французскихъ газетахъ сообщаютъ о новомъ примѣненіи электричества, употребляемаго при ѣздѣ на лошадяхъ. Подъ сидѣніемъ кучера предполагается устроить электро-магнитный снарядъ, приводимый кучеромъ въ движеніе посредствомъ рукоятки. Одна проволока проведена по возжѣ къ удиламъ и потомъ къ крестцу, такъ что когда электрическій токъ пущенъ, онъ проходитъ по позвоночному столбу черезъ все тѣло животнаго. Дѣйствіемъ электричества легко остановить самую бѣшенную лошадь. Какъ бы сильна и зла ни была лошадь, она превращается въ деревянную, у которой ноги прикрѣплены къ землѣ, совершенно противоположнаго дѣйствія можно достигнуть постепенными сотрясеніями. Такимъ образомъ можно придать самой лѣнивой клячѣ силу и огня.

— **Изобрѣтательность въ Америкѣ.** Когда были изобрѣтены швейныя машины, то въ теченіе этого года было выдано 116 патентовъ за усовершенствованіе ихъ; въ 1857 г. было выдано 2,910 патентовъ, изъ которыхъ 152 даны за усовершенствованіе трепальныхъ машинъ и печатныхъ станковъ, 164 за усовершенствованіе паровыхъ машинъ и 198 за новые примѣненія въ устройствѣ и эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ. Въ 1848 году было выдано всего 660 патентовъ, черезъ десять лѣтъ, въ 1858 году, число выданныхъ патентовъ увеличилось въ шесть разъ и доходило до 3,710, до 1 января 1850 года было выдано всего 17,467 патентовъ; съ этого же года до настоящаго времени чкcло патентовъ доходитъ до 181,015.

Перемѣна котловъ на поповкѣ. Газета «Новости» слышали, что на поповкѣ «Новгородъ» будутъ перемѣнены котлы, такъ какъ настоящіе пришли уже въ ветхое состояніе. Въ виду этой перемѣны, генералъ-адъютантъ Поповъ, по слухамъ, намѣренъ обратить особенное вниманіе на одинъ изъ существенныхъ недостатковъ новаго типа судовъ, о которомъ не разъ было говорено въ газетахъ, а именно на недостатокъ хорошей вентиляціи, обусловливаемый настоящимъ расположеніемъ котловъ. Кочегарное отдѣленіе для всѣхъ котловъ на поповкѣ «Новгородъ» сосредоточивается въ одномъ мѣстѣ, между котлами; другими словами: топки однихъ котловъ приходятся противу топокъ другихъ, а такъ какъ разстоянія между котлами незначительны, то перекрестный жаръ бываетъ иногда на столько великъ, что температура становится невыносима для кочегаровъ. При томъ-же, какъ извѣстно, слишкомъ высокая температура отзывается вредно на тягѣ въ котлахъ. На этомъ основаніи, генералъ-адъютантъ Поповъ предполагаетъ, съ постановкою новыхъ котловъ, раздѣлить кочегарное отдѣленіе, т.-е. перевести его по другую сторону котловъ, а спинки котловъ соединить вмѣстѣ; для сообщенія-же между кочегарными отдѣленіями онъ предполагаетъ устроить между переборками угольныхъ ямъ и котлами проходы, въ родѣ тѣхъ, которые уже устроены на многихъ судахъ нашего флота. Наружные размѣры котловъ останутся тѣже, но во внутренности ихъ сдѣланы будутъ нѣкоторыя измѣненія.

Осушеніе болотъ. Въ послѣдніе годы въ Петербургскомъ уѣздѣ было произведено осушеніе значительнаго числа болотъ, принадлежащихъ частнымъ землевладѣльцамъ. Истекшимъ лѣтомъ часть этихъ болотъ послѣ предварительнаго пережиганія была обращена подъ посѣвы, которые дали превосходные результаты. Примѣръ этотъ, по словамъ «Русскаго Міра», вызвалъ приговоры нѣкоторыхъ изъ сельскихъ обществъ уѣзда объ осушеніи принадлежащихъ имъ болотъ.

Мостъ черезъ водопадъ. По словамъ газеты «Ostra Finland», черезъ водопадъ Иматру имѣется въ виду построить желѣзный мостъ, чертежъ котораго вмѣстѣ со смѣтою представлены уже инженеромъ Энебергомъ на разсмотрѣніе выборгскаго губернскаго правленія. Издержки на этотъ мостъ исчислены въ 96,000 финляндскихъ марокъ.

СМѢСЬ.

— **Слухъ о принятіи монашества бывшимъ испанскимъ королемъ.** Второй сынъ короля Виктора-Эммануила, принцъ Амедей, бывшій нѣкоторое время испанскимъ королемъ и отказавшійся отъ престола въ началѣ 1873 года, поступаетъ, по словамъ «Neue Freie Presse», въ монахи. По возвращеніи на родину, принцъ велъ чрезвычайно-скромный образъ жизни. Онъ отказался отъ содержанія, присвоеннаго его званію, жилъ частнымъ человѣкомъ, довольствуясь жалованьемъ дивизіоннаго генерала итальянской арміи, во главѣ которой онъ былъ раненъ въ кампанію 1866 года, въ битвѣ при Кустоццѣ. Смерть любимой жены, герцогини Маріи Викторіи, умершей въ ноябрѣ прошлаго года, страшно подѣйствовала на молодого принца, такъ что многіе изъ его приближенныхъ опасались за его умственныя способности. Другого развлеченія у него не было, кромѣ поѣздокъ на могилу жены, гдѣ онъ просиживалъ цѣлые часы. Недавно распространившійся слухъ объ его желаніи постричься въ монашество повергъ короля Виктора Эммануила и его семейство въ несказанное горе. Всѣ увѣщанія и мольбы родныхъ и друзей принца отказаться отъ этого намѣренія пока не привели ни къ чему. Удастся ли имъ удержать симпатичнаго, но глубоко-несчастнаго молодого человѣка отъ этого шага—неизвѣстно. Клерикалы ликуютъ—сынъ безбожнаго виновника итальянскаго единства поступаетъ къ нимъ подъ начало для искупленія грѣховъ своего родителя, олицетворяющаго собою новую Италію, союзницу Бисмарка и Россіи. Надняхъ, когда объ этомъ зашла рѣчь у папы, въ присутствіи его приближенныхъ, Пій IX съ свойственною ему живостью воскликнулъ: «Si, pare, che il principe Amedio senta la vocazione di farsi religioso». (Да, принцъ Амедей, кажется, чувствуетъ призваніе къ монашеству). Изъ слова папы «pare» (кажется) газеты выводятъ, что рѣшеніе принца Амедея еще не безповоротное, что и оправдалось.

— **Дорогое платье.** «Современныя Извѣстія» передаютъ, что въ настоящее время магазинъ золотошвейной фабрики Шадрина, что на Тверской, въ Москвѣ, посѣщается любопытными, чтобъ взглянуть на цѣнное платье статсъ-дамы императорскаго двора княгини Ч—ой, которое стоитъ въ отдѣлкѣ болѣе 9,000 руб. Платье сдѣлано въ русскомъ стилѣ, бархатное, вышитое золотомъ. Каждый корешокъ золотыхъ вѣтокъ на передникѣ и каждая золотая вѣточка въ узорахъ этого платья вышиты, а не наложены изъ снурка или изъ крученыхъ золотыхъ нитей, какъ это обыкновенно дѣлается. Въ техническомъ отношеніи довольно сказать, что даже пуговицы передника придворнаго костюма не нашиты, а вышиты.

— **Барьеръ.** 16-го октября скончался въ Парижѣ одинъ изъ лучшихъ французскихъ драматическихъ писателей—Барьеръ. Ему было только 54 года, и за нѣсколько дней до своей смерти онъ имѣлъ большой успѣхъ на театрѣ Палэ-Рояля. Отецъ Барьера былъ граверомъ и самъ Барьеръ избралъ сначала эту дорогу, но впослѣдствіи драматическій талантъ взялъ свое, и онъ написалъ множество пьесъ, обошедшихъ всю Европу, частью одинъ, частью сообща съ Анри Мюржеромъ, Ламберомъ Тибу, Декурселлемъ и другими. При второй имперіи онъ получилъ крестъ Почетнаго Легіона.

— **Оригинальная ассоціація.** Въ Лейпцигѣ образовалось дамское общество, подъ названіемъ «Общество Простоты», члены котораго обязуются носить только простыя платья и совершенно отказываются отъ платьевъ со шлейфами, отъ тюниковъ, отъ шиньоновъ и т. д.

— **Плѣнные турки.** «Голосъ» передаетъ, что къ 15-му сентября всѣхъ плѣнныхъ, водворенныхъ внутри государства, было уже 9,000 человѣкъ. Они распредѣлены слѣдующимъ образомъ: въ Курскѣ поселены 871, въ Полтавѣ 759, въ Харьковѣ 737, въ Смоленскѣ 580, въ Калугѣ 530, въ Пензѣ 529, въ Витебскѣ 526, въ Твери 522, въ Могилевѣ 520, въ Саратовѣ 520, въ Орлѣ 514, въ Тулѣ 513, въ Тамбовѣ 513, въ Ярославлѣ 510, въ Костромѣ 316, въ Гжатскѣ 230, въ Рославлѣ 220, во Владимірѣ 220, въ Дорогобужѣ 100 и въ Духовщинѣ 50. Сверхъ того, для плѣнныхъ выбраны: Воронежъ на 700 человѣкъ, Новгородъ, Псковъ и Минскъ для 500 каждый и Вологда для 400 человѣкъ.

* * *

Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій.

На прошлой недѣлѣ нашими войсками одержана блистательная побѣда: взята штурмомъ первоклассная крѣпость Карсъ. Не надо быть военнымъ спеціалистомъ, чтобы понять громадную важность для исхода этого военнаго успѣха. Объ этомъ радостномъ для Россіи событіи получены слѣдующія оффиціальныя телеграммы отъ начальника штаба кавказскаго округа.

1) Отъ 6-го ноября.— Сегодня Карсъ взятъ штурмомъ. Бой начался вчера съ 8-ми часовъ вечера и кончился въ 8 часовъ утра. Трофеи и потери наши еще не приведены въ извѣстность.

2) Отъ 7-го ноября.—Штурмъ Карса веденъ былъ на юго-восточные форты съ демонстраціями противъ остальныхъ фортовъ. Хафисъ, Канлы и Сувари были взяты штурмовыми колоннами, проникшими затѣмъ въ форты Карадагъ и Арабъ, захваченные внезапно командами охотниковъ, первый съ тыла, второй съ фронта. Утромъ гарнизонъ оставленныхъ фортовъ пытался бѣжать въ горы, но окруженъ и взятъ въ плѣнъ. Трофеи наши: болѣе десяти тысячъ плѣнныхъ, до трехсотъ орудій и огромные запасы. Въ госпиталяхъ найдено около 4,500 раненыхъ и больныхъ. Потери наши до 2,500 убитыми и ранеными.

На штурмѣ Карса пали геройски: генералъ-маіоръ графъ Граббе, командиръ 3-го гренадерскаго Перновскаго полка полковникъ Бѣлинскій, 131-го пѣхотнаго Пятигорскаго полка полковникъ Бучкіевъ, командовавшій 1-мъ Кавказскимъ стрѣлковымъ баталіономъ маіоръ Геричъ; умеръ отъ ранъ командиръ 4-го Кавказскаго стрѣлковаго баталіона подполковникъ князь Меликовъ.

Изъ арміи, дѣйствующей на Дунаѣ, получены слѣдующія телеграммы отъ его высочества Главнокомандующаго изъ Богота:

1) Отъ 1-го ноября. — Въ отрядѣ Государя Наслѣдника Цесаревича происходятъ только аванпостныя перестрѣлки, 28-го октября три табора начали было наступать на Паламирцу, а семь эскадроновъ на Омуркёй, но послѣ нѣсколькихъ съ нашей стороны пушечныхъ выстрѣловъ отступили. Всѣ позиціи турки старательно укрѣпляютъ; укрѣпляются и противъ Калараша. Въ ночь съ 30-го на 31-е октября румыны заняли безъ потерь высоту впереди Биволаръ (Сузурлукъ тоже) на линіи Дольняго Петрополя, противъ Огонецкой Горы, и устроиваютъ новыя батареи.

2) Отъ 2-го ноября. — Въ послѣднее время турки часто производятъ сильныя рекогносцировки по нашей маріинской позиціи, у Елены, а также безпокоятъ наши передовые посты на османбазарской и шумлинской дорогахъ. Противъ св. Николая, на Шипкѣ, турки продолжаютъ увеличивать свои батареи. Отъ Рущука турки, въ ночь на 1-е ноября, подплыли на восьми лодкахъ къ устью рѣки Капаско, ниже Журжева, но, встрѣченные нашимъ огнемъ, удалились. 1-го ноября открыла огонь новая батарея въ Журжевѣ, нарочно построенная для стрѣльбы по турецкимъ батареямъ, обстрѣливающимъ вокзалъ, вмѣстѣ съ другими батареями. Наша новая батарея производитъ стрѣльбу до наступленія темноты.

3) Отъ 3-го ноября. — Сегодня, 3-го ноября, ночью, между 12-ю и 5-ю часами, турки, въ числѣ отъ 10-ти до 11-ти таборовъ, три раза аттаковали укрѣпленную позицію генерала Скобелева, но каждый разъ были отражаемы дружными, выдержанными залпами, съ значительною потерею. Наши потери — около 100 человѣкъ убитыми и ранеными.

4) Отъ 5-го ноября.—2-го ноября наши передовыя посты на шумлинской и османъ-базарской дорогахъ имѣли упорныя стычки съ баши-бузуками и черкесами. Раненъ Чугуевскаго гусарскаго полка корнетъ Терентьевъ и убиты 2 лошади. 3-го утромъ, два турецкихъ эскадрона атаковали посты 39-го казачьяго полка у д. Соленикъ. Будучи отражены, атаковали вновь при поддержкѣ пѣхоты и оттѣснили казаковъ къ Острицѣ, но были остановлены сосѣднимъ 36-мъ казачьимъ полкомъ; тогда турки бросились на гусарскіе посты впереди дер. Кацелева оттѣснили ихъ за Ломъ и выдвинули на его правый берегъ восемь ротъ пѣхоты. Командиръ Лубенскаго гусарскаго полка прибылъ на мѣсто, принялъ начальство надъ собравшимися тремя эскадронами гусаръ, полу-эскадрономъ уланъ и дивизіономъ ингушей и стремительно атаковалъ турецкую пѣхоту: ошеломленные лихою атакою, турки отступили сперва на Кацелево, а потомъ, угрожаемые обходомъ кавалеріи съ фланговъ, отошли въ свою укрѣпленную позицію къ Соленику, а наши возстановили прежнюю линію аванпостовъ впереди Кацелева. У насъ одинъ убитъ и 12 ранено; лошадей ранено и убито 25. Сейчасъ получилъ увѣдомленіе, что войсковой старшина Афанасьевъ, съ 4-ю ротою 9-го пѣхотнаго полка, и съ 6-ю сотнею 30-го донскаго полка, прогналъ турокъ съ Розалитскаго перевала, обойдя ихъ укрѣпленіе на Морагандукѣ, захвативъ складъ сухарей, а лагерь сжегъ. Ночью на 4-е ноября, во время обыкновенной перестрѣлки, сильно контуженъ осколкомъ гранаты генералъ Скобелевъ 2-й, который былъ уже слегка контуженъ прошлую ночь. Опаснаго, впрочемъ, ничего нѣтъ; онъ продолжаетъ распоряжаться на позиціяхъ.

5) Отъ 6-го ноября. — Въ нижнедунайскомъ отрядѣ, 2-го ноября, полковникъ Лауницъ, съ двумя эскадронами Бѣлорусскихъ гусаръ, двигаясь по дорогѣ на Базарджикъ, атаковалъ партію конныхъ турокъ и черкесовъ у Османъ-Куюсу, отбилъ 400 головъ скота и 200 лошадей.

4-го ноября, около 400 человѣкъ баши-бузуковъ и черкесовъ, съ частью регулярной пѣхоты, напали на Новосело, зажгли нѣсколько домовъ, убили трехъ болгаръ, ранили одну женщину и отрубили голову десятилѣтней дѣвочкѣ. Рота Якутскаго полка, поддерживаемая еще двумя ротами изъ Джулана и Златарицы, выбила ихъ и отбросила къ Казлубеку.

При отраженіи атаки турокъ 30-го октября на Шипку отличились Енисейцы и Иркутцы, еще первый разъ бывшіе въ огнѣ. Особенно отличился командиръ Енисейскаго полка, полковникъ Ренвальдъ. Генералъ Мольскій былъ вторично контуженъ, но остался во фронтѣ.

— Заимствуемъ изъ «Сѣвернаго Вѣстника» слѣдующій интересный разсказъ гвардейскаго солдата о штурмѣ Горнаго Дубняка:

Начало ужь вечерѣть, разсказывалъ солдатъ. Приказано было ползкомъ подходить. Ну, оно ползкомъ все легче—гдѣ за кустикомъ укроешься, гдѣ за холмикомъ. Такъ проползли сажень пятьдесятъ, а потомъ, какъ бросились подъ самый-то редутъ, ему по насъ стрѣлять-то и нельзя стало. Тутъ подъ валомъ насъ уже собралось достаточно, да все стояли-ждали, пока силы больше прибудетъ, чтобы разомъ на него ударить. А онъ сверху-то черезъ валъ иногда высунется. да кулакомъ и грозитъ намъ, а мы ему камнемъ или комомъ земли глаза-то и обсыплемъ. Бывало, такъ и ждешь, какъ высунется кто сверху, такъ камнемъ ему красную чуприну-то и расшибешь. А потомъ, какъ силы нашей прибыло, разомъ влезли на редутъ, да ударили въ штыки, такъ ужь удоволили же мы ихъ! Иной взмолится и руки кверху подымаетъ, а ему штыкъ въ животъ всадишь. Такъ кололи, покамѣсть самъ генералъ Гурко къ ночи не пріѣхалъ на редутъ.

— Какъ! Неужели вы всѣхъ колете? вмѣшались было мы.

— Колемъ, ваше б-діе.

— Да вѣдь самъ же ты говоришь, что иной безъ бою сдается; такъ зачѣмъ же его колоть?

— Да потому, ваше б-діе, что они нашихъ раненыхъ хуже мучаютъ. А на редутѣ-то, ваше б-діе, сколько быковъ, барановъ захватили! Много галетъ (жаль, не вкусны—безсолыя) и чухонскаго масла нашли. Ну, и наѣлись вволю! Деньто весь, неѣвши, поработали, такъ провіантъ кстати пришелся; всего наварили въ турецкихъ ковшахъ...

— Такъ когда же ты былъ раненъ-то?

– А я и самъ не знаю, когда былъ раненъ; знать, когда бѣжали, тогда и раненъ былъ; только я сначала совсѣмъ и не замѣтилъ, а вотъ когда на редутѣ ужь немного отдохнули да сѣли ужинать, какъ за первую ложку взялся, тутъ и почувствовалъ, что у меня въ лѣвомъ сапогѣ что-то мокро, а затѣмъ и въ рукавѣ тоже. Посмотрѣлъ себѣ на руку: кровь! потомъ и въ плечѣ боль показалась...

* * *

Телеграммы.

Цетинье, 31-го октября. Вчера начаты наступательныя дѣйствія на югѣ отъ Черногоріи. Наши войска, подъ личнымъ предводительствомъ князя Николая, взяли фортъ Суторманъ, господствующій надъ Баромъ, причемъ захватили двѣ пушки и много оружія.

Сегодня черногорцы взяли еще четыре кулы и два городка.

Бухарестъ, 31-го октября. Изъ Берлина сообщаютъ, что Порта сдѣлала предложеніе (insinuation) принцу Рейсу съ цѣлью вызвать посредничество Германіи для мирныхъ переговоровъ. Принцъ Рейсъ отвѣтилъ приглашеніемъ Порты обратиться непосредственно въ русскую главную квартиру.

Бѣлградъ, 3-го ноября. Слухъ идетъ, что русскій авангардъ соединится въ Пандиралѣ, на сербской границѣ, съ войсками генерала Хорватовича. Бѣлградская бригада милиціи призвана къ оружію на 6-е (18-е) число этого мѣсяца. Является масса волонтеровъ.

Берлинъ, 2-го ноября. Благопріятно отзываются объ успѣхѣ русскаго займа. Здѣсь уже получены ордеры на подписку на значительныя суммы. Равнымъ образомъ весьма оживленное участіе къ займу замѣчается и въ другихъ мѣстахъ Германіи.

— 7-го ноября. Въ прошлую субботу полиція арестовала поляка, назвавшаго себя Лысковскимъ, по подозрѣнію въ намѣреніи произвести покушеніе на жизнь императора Вильгельма и князя Бисмарка. На допросѣ онъ сознался, что, дѣйствительно, имѣлъ такое намѣреніе. Онъ производитъ впечатлѣніе фанатика, дѣйствующаго подъ вліяніемъ польскаго духовенства. У него еще шесть сподвижниковъ, которыхъ полиція разыскиваетъ; секретный надзоръ поджидаетъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ прибытія заговорщиковъ въ Берлинъ. Есть поводъ думать, что всѣ шестеро будутъ схвачены во время.

Парижъ, 1-го ноября. Маршалъ Макъ-Магонъ заявилъ нынѣшнимъ министрамъ, что въ виду сильныхъ обвиненій, которымъ они подверглись въ палатѣ и которыя относятся ко всему правительству, онъ не можетъ принять ихъ прошенія объ отставкѣ и проситъ ихъ остаться при должностяхъ.

— 2-го ноября. Макъ-Магонъ освоился съ проектомъ вторичнаго распущенія палаты депутатовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ во всей Франціи будетъ объявлено осадное положеніе.

Во всѣхъ парижскихъ кружкахъ политическихъ, финансовыхъ и промышленныхъ, распространились серьезныя опасенія.

— 4-го ноября. По словамъ газеты «Moniteur», совѣтъ французскихъ министровъ подалъ, сегодня утромъ, маршалу Макъ-Магону коллективное прошеніе объ отставкѣ. Маршалъ принялъ прошеніе, но просилъ министровъ сохранить портфели впредь до замѣщенія ихъ новыми лицами.

— 6-го ноября. Во вторникъ бюджетная коммисія изберетъ Гамбетту своимъ предсѣдателемъ.

Лондонъ, 7-го ноября. По поводу взятія Карса «Morning Post» говоритъ, что подобное событіе угрожаетъ англійскимъ интересамъ и должно вызвать открытое заявленіе политики британскаго правительства.

* * *

Наши гравюры.

Черкесы въ Добруджѣ (рис. на 328 стр.).

Къ числу жертвъ мусульманской ярости въ настоящую войну принадлежатъ и нѣмецко-евангелическія колоніи въ Добруджѣ. Пасторъ Дершлагъ описываетъ въ слѣдующихъ словахъ набѣги черкесовъ на эти мирныя поселенія: Рано утромъ, около 7 часовъ, жители колоніи *Атмача* увидѣли приближавшуюся разбойничью шайку, состоявшую изъ сотни черкесовъ. Подобно кровожаднымъ волкамъ, набросилась эта стая на жилища колонистовъ, выгоняя со дворовъ скотъ и таща изъ домовъ платье, бѣлье, постели, домашнюю утварь, словомъ, все, что только можно было захватить. Не прошло и получаса, какъ все селеніе было ограблено и разбойники удалились съ своею добычею, состоявшею изъ 110 лошадей, 94 конскихъ сбруй и 37 нагруженныхъ повозокъ. Все, заработанное долгимъ, утомительнымъ трудомъ, было расхищено; плачъ и стонъ наполняли окрестность, но противиться злодѣямъ было нельзя; при малѣйшей попыткѣ къ сопротивленію, они расправлялись оружіемъ... Для полной характеристики способа войны, принятаго этими турецкими партизанами, слѣдуетъ прибавить, что, за день до набѣга, въ колонію прибыли 8 черкесовъ, изъ которыхъ одинъ былъ переодѣтъ болгариномъ, другой туркомъ. Они требовали себѣ ночлега, говоря, что присланы турецкими властями въ качествѣ охранной стражи для колонистовъ... Оказалось, что эти блюстители порядка были только авангардомъ разбойничьей шайки. Этотъ грабежъ случился ранѣе перехода русскихъ войскъ черезъ Дунай.

Въ тотъ же день, несчастные колонисты дали знать о случившемся въ Тульчу. Благодаря настойчивымъ требованіямъ консуловъ: австрійскаго, французскаго и греческаго, тульчинскій муташерифъ былъ вынужденъ обыскать черкесскія поселенія и часть награбленнаго была возвращена пострадавшимъ, но въ самомъ не продолжительномъ времени послѣ этого, озлобленные черкесы сдѣлали новый набѣгъ на сосѣднюю деревню Чукурово. Они произвели здѣсь еще большія неистовства, насилуя женщинъ и разрушая все, что не могли унести съ собою. Объятые ужасомъ жители бѣжали въ сосѣдніе лѣса, гдѣ скитались двое сутокъ, терпя голодъ и жажду... Въ Битчинаки, близъ Исакчи, гдѣ поселились выбывшіе недавно изъ Россіи нѣмецкіе колонисты, произошло подобное же опустошеніе...

Юный браконьеръ (рис. на 329 стр.).

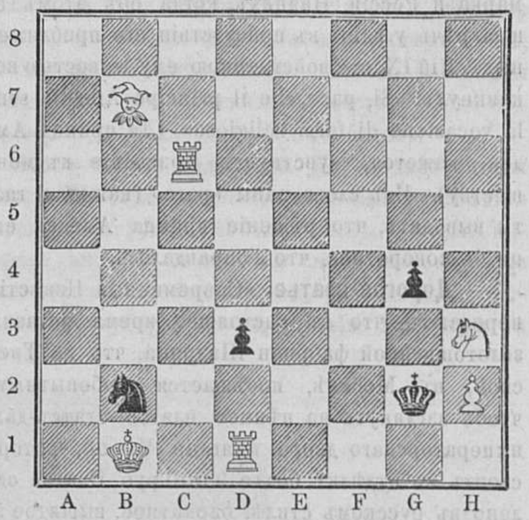
Многіе охотники даютъ лягавыхъ щенятъ на подержаніе мальчикамъ-пастухамъ, для того, чтобы молодыя животныя пріохочивались на свободѣ къ своему будущему ремеслу, прежде настоящаго поступленія въ обученіе. Изъ самихъ пастуховъ нерѣдко выходятъ отличные охотники. Случается, однакожь, что мальчики ловятъ дичь безъ позволенія силками. На нашей картинкѣ изображенъ эпилогъ такой ловли. Маленькій браконьеръ поймалъ пару бекасовъ, а лѣсной сторожъ поймалъ его самого на этомъ занятіи и привелъ вмѣстѣ съ поличнымъ на судъ къ лѣсничему. У этого лѣсничаго добродушное лицо, но онъ страстный охотникъ и потому искренно презираетъ ловлю дичи силками. Озадаченныя физіономіи ребятишекъ, выглядывающихъ изъ-за окна и пугливо ожидающихъ окончанія разбора, показываютъ, что слѣдуетъ ожидать плохой развязки: мальчику надерутъ вихоръ, если еще не хуже. Но, можетъ быть, лѣсничій, если онъ, дѣйствительно человѣкъ добрый, приметъ въ соображеніе, что мальчикъ принадлежитъ къ семьѣ бѣдной, и только голодъ заставилъ его преступить строгія правила охоты. Въ такомъ случаѣ наказаніе будетъ сдѣлано только для проформы.

Шахматы.

Задача XLI.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Черные.



Бѣлые.

Рѣшеніе задачи № XL.

Бѣлые.

1) D8—D7

2) E5—H8†

3) E6—E5 † и матъ.

(a) 1) E4—F5

2) E6—F6 ††...

2) F5—E5 берутъ

3) D7—D4 † и матъ.

(b) 1) E4--E3 берутъ

2) D7—D2

2) E3—D2 берутъ

3) E5—F4 берутъ и матъ.

Почтовый ящикъ.

Гродно. Наташѣ Г. Нужно прочитать сначала; только тогда можно говорить объ условіяхъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи. Стихотвор. «Нищіе».—Наши ближніе. — Капитанша Кваповская (продол.). — Генералъ-адъютантъ Гурко. — Знаменитыя отравительницы (продолж.). — Артуръ Шопенгауеръ.—Атакама и Караколесъ (продолж.). — Чортовъ волосъ (продолж.).—Нечеловѣческая месть (продол.). — Призывъ къ подпискѣ. — Новости наукъ и жизни. — Смѣсь.—Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій. — Телеграммы. — Наши гравюры.—Шахматы.— Почтовый ящикъ. — Объявленія.

Гравюры: Дѣдъ и внукъ.—Румыны на Гривицкомъ редутѣ.—Настигнутые бѣглецы.—Артуръ Шопенгауеръ. — Черкесы въ Добруджѣ. — Юный браконьеръ.—Развалины замка въ Балаклавѣ.—Почталіонъ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій**.

Объявленія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1878 ГОДЪ.

ОСНОВАНЪ ВЪ 1831 ГОДУ. ВАЗА СУЩЕСТВУЕТЪ 46 ЛѢТЪ.

ЖЕНСКІЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ РУКОДѢЛЬНО-МОДНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

Выходитъ 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца большими тетрадями.

24 номера журнала, **12** рукодѣльно-модныхъ и **12** литературныхъ (романы, повѣсти, стихотворенія, путешествія, анекдоты, домашнее хозяйство и т. п.).

1000 политипажей въ текстѣ.

24 раскрашенныя модныя гравюры.

12 листовъ литографированн. узоровъ и выкроекъ.

24 вырѣзныхъ выкроекъ во весь ростъ.

6 раскрашенныхъ узоровъ и до **30** узоровъ для различныхъ женскихъ работъ и рукодѣлій.

Карманный календарь на 1878 годъ.

Каждый подписчикъ **1878** года получитъ **ШЕСТЬ ПРЕМІЙ** а именно:

I. **Альбомъ русскихъ дѣятелей и героевъ настоящей войны** (20 большихъ гравир. портретовъ, на толстой атласной бумагѣ, съ біографіями).

II. **Экранъ для камина** съ тремя фигурами (шелкъ, шерсть, канва и узоръ).

III. **Плато подъ лампу**, большое (круглая съ тиснеными ажурными краями серебряная канва, гарусъ и узоръ).

IV. **Скамейка для ногъ** (канва, шерсть и узоръ въ персидскомъ вкусѣ).

V. **Салфетка для сухарницы** (канва Ява съ бахрамой, гарусъ и узоръ).

VI. **Пара манжетныхъ запонокъ** черепаховыхъ инкрустированныхъ золотомъ и перламутромъ.

Внесшимъ или приславшимъ подписныя деньги до 1-го января преміи будутъ отправлены въ январѣ;—до 1-го февраля—въ февралѣ и т. д.

Годовые подписчики **безъ премій** желающіе получить альбомъ, благоволятъ заявить свое желаніе не позже 1-го декабря съ приложеніемъ 1 р. на укупорку и пересылку альбома.

Всѣ шесть премій высылаются одновременно — посылкою.

46-ти лѣтняя извѣстность журнала можетъ служить гарантіей акуратнаго и точнаго выполненія настоящей программы.

Для служащихъ допускается разсрочка по третямъ; для неслужащихъ по соглашенію.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На годъ безъ премій . . .	**7** р.—к.	(безъ пер. **6** р.—к.)
На полгода безъ премій	**4** р.—к.	(безъ пер. **3** р. **40** »)
На 3 мѣсяца безъ премій	**1** р. **80** к.	(безъ пер. **1** р. **40** к.)

Съ ПРЕМІЯМИ 5 руб. дороже.

На укупорку премій Редакція проситъ выслать 40 к. (марками).

Адресъ: **С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „ВАЗА“.**

Подписка на «РУССКІЙ АРХИВЪ» 1877 года продолжается. Цѣна за 12 книжекъ или тетрадей 8 рублей съ пересылкою. Подписавшіеся получаютъ всѣ вышедшія книжки начиная съ первой.

Открыта подписка на историческое изданіе

РУССКІЙ АРХИВЪ

1878 года.

(ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

«Русскій Архивъ» въ 1878 году останется вѣренъ тѣмъ основаніямъ, на которыхъ онъ издавался въ теченіи первыхъ пятнадцати лѣтъ своего существованія. Онъ посвященъ всестороннему изученію протекшихъ судебъ нашего Отечества, во всѣхъ отношеніяхъ и подробностяхъ, но преимущественно въ XVIII и XIX столѣтіяхъ.

Государственные документы, бумаги главныхъ дѣятелей русской общественной и умственной жизни, доселѣ неизвѣстныя произведенія нашей словесности, памятныя записки, біографіи, путешествія, частныя письма, содержащія въ себѣ общелюбопытныя черты времени, біографическія и библіографическія замѣтки—вотъ главное содержаніе «Русскаго Архива». Издатель ласкаетъ себя мыслію, что какъ ни скроменъ трудъ его, но подобнаго рода изученіе содѣйствуетъ разрѣшенію главной задачи нынѣшняго великаго царствованія,—народному самосознанію. «Познай самого себя», это основное правило вѣковѣчной мудрости, завѣщанное человѣчеству еще людьми классической древности—было и остается знаменемъ «Русскаго Архива», и издатель не пощадитъ себя, чтобы оставаться вѣрнымъ этому знамени.

«Русскій Архивъ» начался въ 1863 году, во время Польскаго мятежа, когда съ особенною силою пробудилось въ Россіи народное чувство. Какъ въ отдѣльномъ лицѣ, такъ и въ цѣломъ государствѣ, стремленіе познать самого себя (и не только въ настоящемъ, но и въ прошедшемъ быту своемъ) обыкновенно наступаетъ послѣ внѣшнихъ потрясеній: такъ Исторія Карамзина появилась вслѣдъ за громами великихъ войнъ 1805—1815 годовъ. Мы убѣждены, что подобно тому и великія событія настоящихъ дней еще болѣе обратятъ Русское общество къ всестороннему самоизученію и послужатъ къ новому преуспѣянію нашего Отечества.

Въ теченіи пятнадцати лѣтъ, въ «Русскомъ Архивѣ» напечатано столько историческихъ бумагъ, что наступила пора разобраться въ нихъ, доставивъ читателю возможность обозрѣть все содержаніе нашего сборника за этотъ періодъ времени и безъ труда находить въ немъ что понадобиться. Съ этою цѣлью печатается подробная предметная роспись «Русскаго Архива» за первыя пятнадцать лѣтъ его изданія, которая и будетъ разослана вмѣстѣ съ 12-ю тетрадью нынѣшняго года.

Годовое изданіе «Русскаго Архива» въ 1878 году будетъ состоять изъ двѣнадцати книжекъ или тетрадей, которыя появятся въ свѣтъ по мѣрѣ отпечатанія.

Цѣна «Русскаго Архива» въ 1878 году останется прежняя, т. е. **ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ**, включая въ то число доставку на домъ и пересылку въ города.

Подписка принимается:

Въ Москвѣ: на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ Дюгамеля, въ Главной Конторѣ «Русскаго Архива».

Въ С.-Петербургѣ: на Большой Морской, въ домѣ № 11, при Главной Конторѣ «Русскаго Міра».

Отвѣтственность за исправную доставку принимается лишь въ томъ случаѣ, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ.

Заграничные подписчики платятъ въ Германію 10 рублей, въ Бельгію, Францію, Швейцарію и Италію 12 рублей.

ПОДПИСКА НА

СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ

1878 года.

Ежедневную газету политическую, литературную и юридическую.

„Сѣверный Вѣстникъ“ будетъ издаваться въ 1878-мъ году на прежнихъ основаніяхъ и по прежней программѣ, при ближайшемъ сотрудничествѣ **В. Ѳ. Корша.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ВЪ РОССІИ:

	Безъ дост.	Съ доставк.	Съ перес.
На годъ . . .	14 р. 50 к.	16 р. — к.	17 р.
» 11 мѣс. .	13 » 75 »	15 » — »	16 »
» 10 »	13 » — »	14 » — »	15 »
» 9 »	12 » — »	13 » — »	14 »
» 8 »	10 » 50 »	11 » 75 »	13 »
» 7 »	9 » 25 »	10 » 50 »	12 »

	Безъ дост.	Съ доставк.	Съ пересылк.
На 6 мѣс. .	8 р. — к.	9 р. — к.	10 р. — к.
» 5 »	6 » 75 »	7 » 75 »	9 » — »
» 4 »	5 » 50 »	6 » 25 »	7 » 50 »
» 3 »	4 » 25 »	5 » — »	6 » — »
» 2 »	2 » 80 »	3 » 50 »	4 » — »
» 1 »	1 » 50 »	1 » 75 »	2 » — »

ЗА ГРАНИЦЕЙ:

	Въ Европѣ, Сѣв. Амер. и Египтѣ.	Въ Кит., Индіи и Японіи.
На годъ	25 руб.	42 руб.
» 11 мѣс. . .	23 »	39 »
» 10 »	21 »	36 »
» 9 »	19 »	33 »
» 8 »	17 »	30 »
» 7 »	15 »	27 »

	Въ Европѣ, Сѣв.-Амер. и Египтѣ.	Въ Кит., Индіи. и Японіи.
На 6 мѣс. . . .	13 руб.	24 руб.
» 5 »	11 »	21 »
» 4 »	9 »	18 »
» 3 »	7 »	15 »
» 2 »	5 »	10 »
» 1 »	3 »	5 »

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Въ С.-Петербургѣ: въ главной конторѣ „Сѣвернаго Вѣстника“ (Малая Садовая, 2) **и въ книжномъ складѣ типографіи М. Стасюлевича** (Вас. Остр , 2-я линія, 7); **въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева** (Страстной бульваръ, д. Алексѣева).

Подписка считается не иначе, какъ **съ 1-го числа** каждаго мѣсяца.

Разсрочка платежа подписныхъ денегъ допускается: для служащихъ—по третямъ, черезъ ихъ казначеевъ, или по соглашенію съ главной конторой; для неслужащихъ—по личному или письменному соглашенію съ главной конторой (Малая Садовая, 2).

Главная контора проситъ гг. иногородныхъ обозначать тѣ ближайшія станціи, гдѣ есть почтовыя учрежденія; въ противномъ случаѣ с.-петербургскій почтамтъ за правильную доставку газеты не отвѣчаетъ.

Гг. подписчиковъ просятъ доставлять, при перемѣнѣ адреса и возобновленіи подписки: городскихъ — выданную имъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ они подписались, квитанцію, иногородныхъ—печатный, съ бандероли, адресъ. При перемѣнѣ адреса, иногородные подписчики высылаютъ 30 коп. (монетой, почтовыми или гербовыми марками).

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

„МОСКОВСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

въ **1878** году.

(ГОДЪ ТРЕТІЙ).

„Московское Обозрѣніе“, еженедѣльный журналъ политики, литературы и художествъ, въ 1878 году издается въ томъ-же объемѣ, т. е. въ количествѣ 52, сброшюрованныхъ и снабженныхъ изящными обертками, книгъ, отъ 3-хъ до 4-хъ листовъ большого формата въ каждой и кромѣ того, въ виду важности настоящихъ политическихъ событій, редакціей съ 6-го апрѣля настоящаго года издаются еще особыя ежедневныя прибавленія къ журналу, заключающія въ себѣ какъ телеграммы съ театра военныхъ дѣйствій, такъ и всѣ болѣе или менѣе интересныя свѣдѣнія иностранной и русской печати, имѣющія непосредственное отношеніе къ настоящимъ событіямъ.

Подписная цѣна:

На годъ съ доставкою и пересылкою . .	7 руб.	— коп.
На полгода съ „ „ „ . .	4 „	— „
На годъ безъ доставки и пересылки . .	6 „	— „
На полгода безъ „ „ „ . .	3 „	50 „

Въ отдѣльной продажѣ, цѣна каждаго нумера 20 к.

Съ января мѣсяца 1878 года, редакція журнала „Московское Обозрѣніе“, предполагаетъ издавать, въ видѣ особыхъ прибавленій, ежемѣсячные художественные альбомы, по поводу чего и вошла уже съ ходатайствомъ въ Главное Управленіе по дѣламъ печати.

Обѣщанная премія разошлется гг. подписчикамъ въ декабрѣ мѣсяцѣ.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ главной конторѣ журнала (Срѣтенка, Даевъ переулокъ д. Шагаева).

Объ изданіи еженедѣльнаго народнаго журнала „СЕЛЬСКОЕ ЧТЕНІЕ“.

Названіе журнала указываетъ уже цѣль его—служить сельскому населенію. Мы думаемъ, что это населеніе, пройдя школу, хотя первоначальную, нуждается въ чтеніи изъ котораго оно могло бы извлекать свѣдѣнія полезныя въ его быту, непосредственно приложимыя въ жизни, пріобрѣтать по разнымъ отраслямъ наукъ познанія необходимыя для болѣе полнаго уразумѣнія явленій природы, среди которой живетъ и работаетъ селянинъ и, наконецъ, узнавать своевременно хотя о главнѣйшихъ событіяхъ внутренней и внѣшней жизни нашего отечества и сосѣднихъ государствъ. Затѣмъ сельское населеніе, наравнѣ съ городскимъ, нуждается въ чтеніи, которое удовлетворяло бы его духовнымъ потребностямъ, то есть, потребностямъ ума, воображенія и сердца.

Для удовлетворенія этихъ духовныхъ стремленій, свойственныхъ человѣку, народный журналъ долженъ представлять, по временамъ, статьи нравственнаго, религіознаго, бытового и историческаго содержанія.

Сообразно такому взгляду на потребности сельскаго населенія, въ содержаніе журнала „Сельское Чтеніе“ входятъ: правительственныя распоряженія; статьи духовнаго и нравственнаго содержанія; извѣстія о внутренней жизни Россіи; сельская и, вообще, земская лѣтопись: статьи научныя по сельскому хозяйству, народному врачеванію и промысламъ, имѣющимъ отношеніе къ сельскому хозяйству; разсказы изъ исторіи Россіи и другихъ государствъ и краткіе обзоры главнѣйшихъ текущихъ событій какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ; извѣстія о новыхъ полезныхъ книгахъ, различнаго содержанія, о новыхъ изобрѣтеніяхъ и открытіяхъ, преимущественно имѣющихъ значеніе для сельскаго хозяйства и промышленности. Понятно, что въ каждомъ нумерѣ не можетъ быть статей по всѣмъ указаннымъ предметамъ,—перечень этотъ выражаетъ лишь общее содержаніе журнала, но мы должны заявить, что особенное значеніе придаемъ только тому, что можетъ доставить нашимъ сельскимъ читателямъ прямую и несомнѣнную пользу въ матеріальномъ или духовномъ отношеніи.

Въ видахъ украшенія журнала, кромѣ рисунковъ къ научнымъ статьямъ, мы помѣщаемъ, по временамъ, портреты главнѣйшихъ дѣятелей современной войны и рисунки нѣкоторыхъ событій изъ нея. Мы приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы внѣшность „Сельскаго Чтенія“ была вполнѣ изящная въ отношеніи бумаги, печати и рисунковъ.

„Сельское Чтеніе“ выходитъ каждую недѣлю. Въ теченіе года выйдетъ 48 нумеровъ, каждый нумеръ состоитъ изъ двухъ листовъ, составляющихъ 16 страницъ въ два столбца.

Подписная цѣна на „Сельское Чтеніе“.

	На годъ:	На полгода:	На 3 мѣсяца:
Безъ пересылки:	3 руб.	2 р. — к.	1 р. 25 к.
Съ пересылкою:	4 „	2 „ 50 „	1 „ 50 „

Отдѣльные нумера „Сельскаго Чтенія“ продаются по 10 коп. и высылаются по почтѣ, если при требованіи приложены почтовыя марки на 10 коп.

Подписка на „Сельское Чтеніе“ принимается:

Въ Петербургѣ: Въ книжномъ магазинѣ подъ фирмою „Русская книжная торговля“ на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостиннаго двора, а также въ С.-Петербургской мастерской учебныхъ пособій, на углу Троицкаго и Графскаго пер. д. № 11—3.

Въ Москвѣ: Въ книжномъ магазинѣ И. И. Смирнова, на Моховой, въ зданіи университета, а также въ книжномъ магазинѣ „Русская грамота“ на Никольской ул. въ Славянскомъ Базарѣ.

Въ Вильнѣ: въ конторѣ „Сельскаго Чтенія“.

Гг. иногородные подписчики благоволятъ обращаться **исключительно** въ Вильну, надписывая свои письма: въ Вильну, **Сергѣю Андреевичу Полю.**

Въ нумерахъ „Сельскаго Чтенія“ вышедшихъ въ теченіи перваго полугодія его существованія, съ 1 апрѣля сего года по 1-е октября, кромѣ обычныхъ срочныхъ извѣстій и очерковъ текущихъ событій, помѣщены, между прочимъ, слѣдующія болѣе замѣтныя статьи:

Священные дни, предшествующіе Святой Пасхѣ, свящ. Бермана. Необходимость и возможность улучшенія молочнаго хозяйства. Печеніе хлѣба прямо изъ зерна. Поклоненіе Богу духомъ и истиною, епископа Евгенія. Св. Виленскіе мученики Антоній, Іоаннъ и Евстафій, свящ. Бермана. Значеніе льна для Россіи и положеніе нашего льноводства. Дешевая постройка домовъ, А. Лапинскаго, (съ политипажами). Воздѣлываніе льна. Молочное хозяйство (съ политипажами). Бесѣда съ крестьянами о сельскомъ кредитѣ А. Вруцевича. Славянскіе первоучители, святые Кириллъ и Меѳодій, свящ. Бермана. О славянахъ задунайскихъ, Я. Ѳ. Головацкаго. Разведеніе индѣекъ, А. Воронова. Начало Славянской письменности, М. Дурова. Фабрикація искуственнаго масла и сыра, А. Л. Разведеніе куръ (съ политипажами). Высадка черкесовъ на восточномъ берегу Чернаго моря. Молочное хозяйство (съ политипажами). Опыты разведенія картофеля по способу Гюлиха. О картофельномъ жукѣ, А. Л. Маріино-Горкское сельско-хозяйственное и ремесленное училище. О сельско-хозяйственныхъ или хлѣбныхъ питомникахъ. Приборы для сбиванія и выжиманія масла (съ политипажами). Темное царство лубочныхъ книгъ, А. В. Арсеньева. Усовершенствованная сушильня (съ политипажами). Бесѣды о здоровьѣ и болѣзняхъ человѣка, В. Жука. Курныя избы. С. Крапивиной. Копченіе мяса. Въ чемъ сила народнаго образованія и народной школы. А. Давидовича. Нѣсколько словъ объ уходѣ за тифозными больными. С. Крапивиной. Изготовленіе глиняныхъ трубъ (съ политипажами). Какая система хозяйства должна быть введена въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ вмѣсто трехъ—польной, агронома Ф. Бара. Оспопрививаніе, В. Жука. Нельстивое слово о русскомъ солдатѣ, А. Арсеньева. Какого преобразованія ждутъ волостные суды, С. Кузнецова. Что такое огонь? профессора Рейхмана (съ политипажами). Какъ мы мало дорожимъ временемъ, А. Давидовича. Волость и волостной старшина. С. П.

Въ послѣднихъ нумерахъ помѣщены портреты Его Величества Государя Императора, Его Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, рисунки: грабежъ баши-бузуковъ, переправа черезъ Дунай у Систова, взятіе Габринскихъ высотъ.

Изъ этого перечня главнѣйшихъ статей читатель можетъ составить себѣ ясное представленіе о характерѣ и направленіи „Сельскаго Чтенія“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЛИТЕРАТУРНУЮ И ПОЛИТИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

„РУССКІЙ МІРЪ“

въ 1878 году.

(восьмой годъ)

Выходитъ безъ предварительной цензуры, ежедневно, въ форматѣ большаго газетнаго листа.

Для большаго развитія и расширенія литературнаго отдѣла, мы предполагаемъ съ будущаго года выпускать, **отдѣльныя литературныя приложенія.** Сюда войдутъ: повѣсти, разсказы, очерки русскихъ и иностранныхъ писателей, статьи о театрѣ и музыкѣ, библіографическія статьи, историческія, литературныя и общественныя замѣтки, и, наконецъ, подробное критическое обозрѣніе текущей литературы.

Приложеніе будетъ выдаваться по воскресеньямъ особыми листами въ форматѣ газеты.

Въ виду этого, цѣна на „Русскій Міръ“ опредѣляется слѣдующимъ образомъ: (причемъ „Русскій Міръ“ остается самою недорогою изъ большихъ столичныхъ газетъ).

съ пересылкою и доставкою въ Россіи:

На годъ.	На 11 мѣс.	На 10 мѣс.	На 9 мѣс.	На 8 мѣс.	На 7 мѣс.
14 р.	13 р.	12 р.	11 р.	10 р.	9 р.
На 6 мѣс.	На 5 мѣс.	На 4 мѣс.	На 3 мѣс.	На 2 мѣс.	На 1 мѣс.
8 р.	7	5 р. 50 к.	4 р. 50 к.	3 р. 25 к.	1 р. 75 к.

Подписная цѣна за границу:

На годъ. . . .	25 р. — к.	На 3 мѣсяца. . . .	7 р. — к.
„ полгода . .	14 „ — „	„ 1 мѣсяцъ. . . .	3 „ — „

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ: Въ конторѣ газеты, Большая Морская, д. № 11-й.

Въ Москвѣ: 1) въ московскомъ отдѣленіи газеты „Русскаго Міра“, на углу Дмитровки и Охотнаго ряда, домъ Благороднаго собранія, книжный магазинъ А. Ѳ. Живарева; 2) въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, и у другихъ книгопродавцевъ; 3) у А. Н. Мейера (Моросейка, д. Леонова); 4) у И. Н. Барсукова, 3 Мѣщанская, д. Бѣлова; 5) на Петровкѣ, № 6, въ музыкальномъ магазинѣ П. И. Юргенсона.

Въ Парижѣ: Havas Lafitte C⁰, Place de la Bourse.

Подписываться можно на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца. При перемѣнѣ адреса просимъ сообщать непремѣнно прежній адресъ и № билета или бандероли, подъ которою высылается газета.

Подписка на 1878 г. на журналъ

„ГРАЖДАНИНЪ“

(52 №№ въ годъ) и

„РУССКІЙ СБОРНИКЪ“

(2 тома въ годъ).

1. 1878 году газета-журналъ „Гражданинъ“ будетъ издаваться въ томъ же объемѣ и выходить каждую недѣлю по воскресеньямъ, какъ и въ 1877 году. Журналъ будетъ издаваться по извѣстной уже программѣ.

2. „Русскій Сборникъ“ же составляетъ безплатное приложеніе къ „Гражданину“, выходитъ два раза въ годъ (книгами отъ 20 печатныхъ листовъ съ иллюстраціями): I т. въ февралѣ, а II томъ въ октябрѣ (разсылается всѣмъ годовымъ подписчикамъ на „Гражданинъ“ немедленно по выходѣ въ свѣтъ) и заключаетъ въ себѣ собраніе тѣхъ статей (оригинальныхъ и переводныхъ — изъ лучшихъ англійскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ, славянскихъ и т. п. журналовъ и книгъ), которыя по объему и характеру своему не могли войти въ еженедѣльный журналъ. Въ „Сборникѣ“ будутъ (независимо отъ статей чисто литературнаго содержанія: романовъ, повѣстей, разсказовъ, очерковъ, драматическихъ сочиненій и стихотвореній) помѣщаться статьи: по вопросамъ религіи и церкви, по философіи, исторіи, политики, географіи, этнографіи, юридическимъ наукамъ, политической экономіи, статистикѣ, естественнымъ наукамъ, а также жизнеописанія замѣчательныхъ людей, и т. п.

При выборѣ статей особенное вниманіе редакціи будетъ обращено на статьи, знакомящія русскихъ читателей со славянскимъ міромъ.

3. При „Гражданинѣ“ ежемѣсячно будетъ безплатно разсылаться всѣмъ подписчикамъ на „Гражданинъ“ „Книжный Листокъ“ (12 выпусковъ въ годъ), въ коемъ будутъ помѣщаться: а) ежемѣсячные отчеты обо всѣхъ заслуживающихъ вниманія новыхъ книгахъ и б) справочные каталоги о книгахъ, поступающихъ въ продажу при книжномъ складѣ редакціи.

4. Всѣ подписчики на 1878 г., независимо отъ этихъ приложеній къ журналу, безплатно получатъ непремѣнно съ 1 № на 1878 г. два тома романа князя В. П. Мещерскаго: „Тайны Современнаго Петербурга“. Въ царствѣ Венеры и Развязка.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Редакціи (Надеждинская, 24, кв. 1) или при книжномъ магазинѣ Я. А. Исакова (Гостиный дворъ. № 24). а въ Москвѣ—въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева, Васильева и Живарева. Иногородные адресуются исключительно въ С.-Петербургъ: въ редакцію журнала „Гражданинъ“.

Подписчики благоволятъ обозначать при подпискѣ тѣ ближайшія станціи, гдѣ есть почтовыя учрежденія, такъ какъ С.-Петербургскій почтамтъ за неисправную пересылку не отвѣчаетъ, если журналъ посылается другими путями. При возобновленіи подписки слѣдуетъ присылать прежній печатный адресъ (бандероль) съ исправленіями, если они окажутся нужными или указывать хоть № бандероли.

Подписная цѣна за три изданія прежняя:

На годъ безъ доставки.	7 руб.
„ „ съ доставкою и пересылкой. .	8 „
„ „ съ перес. заграницу.	10 „

Отдѣльно на „Русскій Сборникъ“—подписная цѣна съ доставкою и пересылкою на годъ 3 р. Адресоваться при подпискѣ на „Сборникъ“ нужно въ редакцію „Гражданина“.

Для народныхъ учителей и народныхъ училищъ, безъ различія вѣдомствъ, и волостныхъ правленій, редакція понижаетъ подписную цѣну съ 8 на 6 р. за всѣ изданія, но только при подпискѣ на годъ. Этимъ же правомъ могутъ пользоваться и священнослужители, безплатно обучающіе въ народныхъ школахъ. Для народныхъ учителей и училищъ, волостныхъ правленій, священно-церковно-служителей, а также для служащихъ допускается (тоже лишь при подпискѣ на годъ) разсрочка въ платежѣ подписной суммы—съ платой за каждую четверть года или каждые три мѣсяца впередъ по 2 р., причемъ желающіе пользоваться разсрочкой благоволятъ съ точностью заявлять объ этомъ въ своихъ письмахъ.

При редакціи „Гражданина“ открытъ книжный складъ, изъ котораго можно выписывать всякаго рода книги какъ изданія редакціи и ея сотрудниковъ, такъ и всякихъ авторовъ и книгопродавцевъ.

ПОДПИСКА НА 1878 ГОДЪ.

„ВРАЧЕБНЫЯ ВѢДОМОСТИ“

будутъ выходить въ 1878 году по той-же программѣ и также два раза въ недѣлю, какъ и въ прежніе годы. Для приданія большей полноты отдѣлу практической медицины и гигіены, Редакція, кромѣ рефератовъ, будетъ помѣщать общія обозрѣнія современнаго состоянія наиболѣе важныхъ вопросовъ практической медицины и гигіены.

Всего выйдетъ въ годъ 100 №№ газеты.

Подписная цѣна:

	Безъ доставки.	Съ достав. и пересыл.
На годъ.	6 р. — к.	8 р.
„ полгода	4 „ — „	5 „
„ три мѣсяца. . . .	2 „ 50 „	3 „
„ одинъ мѣсяцъ . .	— 75 к.	1 р.

Подписка принимается въ конторѣ Редакціи въ С.-Петербургѣ, на углу Б. Садовой ул. и Кокушкина пер., д. № 45.

Въ Петербургѣ—въ книжныхъ магазинахъ Риккера, Исакова, Черкесова, Попова и въ магазинѣ для иногородныхъ и др.

Въ Москвѣ—въ магазинахъ Соловьева и Центральномъ.

Въ Казани—въ магазинѣ „Восточная Лира“.

Гг. иногородные благоволятъ адресовать письма и требованія исключительно въ контору Редакціи газеты.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Съ 1-го іюля будетъ издаваться въ Черниговѣ, независимо отъ Губернскихъ Вѣдомостей, подъ редакціею **М. И. Лилеева,**

„ЧЕРНИГОВСКАЯ ГАЗЕТА“,

РАЗЪ ВЪ НЕДѢЛЮ,

ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ:

I. Правительственныя распоряженія и узаконенія по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія: Высочайшіе приказы, повелѣнія, административныя распоряженія, отчеты правительственныхъ мѣстъ и лицъ.

II. Столичныя и провинціальныя извѣстія. Важнѣйшія политическія извѣстія, болѣе важные и интересные факты изъ церковной и общественной жизни, новости научныя, литературныя, художественныя, и т. п.

III. Мѣстная жизнь. Статьи по всѣмъ вопросамъ мѣстной жизни: дѣятельность Черниговскаго земства; подробное изложеніе различныхъ мѣръ и распоряженій управъ, донесенія о послѣдствіяхъ обзоровъ и ревизій, возлагаемыхъ на членовъ управъ, дѣятельность особо назначенныхъ по разнымъ предметамъ коммисій; свѣдѣнія о народной медицинѣ, земскомъ страхованіи, о ссудосберегательныхъ товариществахъ, о пожарахъ, эпидеміяхъ и прочихъ случайностяхъ, съ изложеніемъ мѣръ, предпринимаемыхъ управами. Свѣдѣнія о дѣятельности городскихъ думъ и управъ Черниговской губерніи. Свѣдѣнія о народныхъ школахъ и другихъ народныхъ заведеніяхъ губерніи. Различныя свѣдѣнія и монографіи историческія, статистическія, этнографическія, экономическія, сельско-хозяйственныя и фабрично-торговыя. Въ этомъ же отдѣлѣ по временамъ будутъ даваться краткіе отчеты о важныхъ и интересныхъ дѣлахъ въ окружныхъ и мировыхъ судахъ, отчеты о дѣятельности училищныхъ совѣтовъ, разнаго рода обществъ, съѣздовъ, имѣющихъ право на вниманіе къ себѣ со стороны общества, а также театральныя замѣтки, небольшіе литературные разсказы и очерки изъ мѣстной бытовой жизни, народные обычаи, суевѣрія, пословицы и т. п.

IV. Разныя извѣстія. Біографіи и некрологи замѣчательныхъ лицъ. Техническія, экономическія и сельско-хозяйственныя свѣдѣнія. Путешествія.

V. Телеграммы политическія и торговыя.

VI. Казенныя и частныя объявленія.

Программу эту мы постараемся выполнить возможно добросовѣстно. Главная задача нашего изданія будетъ состоять въ уясненіи различныхъ формъ нашей мѣстной жизни чрезъ фактическое и безпристрастное ознакомленіе съ нею. Насколько осуществима у насъ подобная задача, это докажетъ близкое будущее. Во всякомъ случаѣ, вниманіе редакціи главнымъ образомъ будетъ обращено на интересы мѣстной жизни. Что же касается другихъ отдѣловъ, указанныхъ нами въ программѣ, то при введеніи ихъ исключительно имѣлось въ виду то, чтобы при возможно доступной цѣнѣ удовлетворять любознательности читателей, не имѣющихъ или средствъ выписывать, или времени читать ежедневныя и дорого стоющія газеты, а между тѣмъ желающихъ своевременно получать свѣдѣнія о разныхъ событіяхъ современной жизни и произведеніяхъ современной литературы.

Мы надѣемся, что всѣ, искренно преданные интересамъ мѣстной жизни, окажутъ нашему изданію посильную помощь своими трудами.

Подписная цѣна годовому еженедѣльному изданію „Черниговской Газеты“ безъ пересылки и доставки 5 руб., съ пересылкою и доставкою 6 руб.; за полугодовое изданіе 3 руб. съ пересылкою и доставкою.

Для волостныхъ правленій, чиновъ полиціи, законо учителей и сельскихъ народныхъ школъ и приходскихъ священниковъ подписная цѣна за годовое изданіе съ пересылкою и доставкою 4 руб., за полугодовое 2 руб.

Подписка принимается: въ Черниговѣ, въ редакціи „Черниговской Газеты“, на Театральной площади, въ домѣ Щелкановцева; также при Черниговской Губернской Типографіи в въ книжномъ магазинѣ М. Н. Кранца. Редакторъ **М. Лилеевъ.**

Объ изданіи въ 1878 году иллюстрированнаго журнала для дѣтей и семейнаго чтенія и юношества

„СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА“

Годъ пятнадцатый.

Удостоеннаго Высочайшаго покровительства Государыни Императрицы Маріи Александровны; рекомендованнаго Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для гимназій, уѣздныхъ училищъ и начальныхъ школъ; состоящимъ при IV Отдѣленіи Собственной Его Величества Канцеляріи, учебнымъ Комитетомъ для чтенія воспитанницамъ женскихъ учебныхъ заведеній Императрицы Маріи. Духовно-Учебнымъ Управленіемъ рекомендованнаго начальствомъ духовныхъ семинарій и училищъ, и Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебныхъ заведеній рекомендованнаго для библіотекъ Военныхъ Гимназій и Прогимназій, какъ изданіе, представляющее обильный матеріалъ для выбора статей, пригодныхъ для чтеніи воспитанниковъ.

„Семейные Вечера“ въ 1878 году будутъ издаваться въ томъ же направленіи, подъ тою же редакціею, съ тѣми же сотрудниками, и будутъ выходить по прежнему, ежемѣсячно, книжками отъ 7 до 12 листовъ для каждаго отдѣла.

Отдѣлъ для дѣтей, какъ и въ прошлые года, будетъ распадаться, какъ бы на двѣ половины: одна будетъ заключать въ себѣ матеріалъ для чтенія дѣтямъ отъ 8 до 14 лѣтъ,—а другая (въ видѣ приложенія къ каждой книжкѣ, подъ заглавіемъ: для самыхъ маленькихъ дѣтей)—отъ 5 до 8 лѣтъ.

Что же касается отдѣла для семейнаго чтенія и юношества, то онъ будетъ наполняться, какъ и въ прошломъ году, такими статьями, которыя составили бы пріятный и полезный матеріалъ для чтенія всему семейству.

Въ иллюстрированіи журнала примутъ участіе лучшіе художники Петербурга и Москвы, также будутъ помѣщаться копіи съ лучшихъ гравюръ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ.

Подписная цѣна:

	Безъ дост.	съ доставк.
Полный журналъ (въ 24 кн.). . .	10 руб.	11 руб. — коп.
Отдѣлъ для дѣтей (12 кн.). . .	5 „	5 „ 50 „
„ „ сем. чтен. (12 кн.). . .	5 „	5 „ 50 „

Для всѣхъ учебныхъ заведеній, подписывающихся прямо въ редакціи на полный журналъ, уступается 1 р.

Для земскихъ школъ, подписывающихся не менѣе, какъ на 25 полныхъ экземпляровъ, уступается 2 р.

Кромѣ того, плата можетъ быть разсрочена: для лицъ, служащихъ въ казенныхъ заведеніяхъ, за ручательствомъ гг. казначеевъ; для воспитательныхъ и учебныхъ заведеній — за ручательствомъ ихъ начальствъ; для частныхъ лицъ, — не иначе, какъ по соглашенію съ редакціей.

Разсрочка допускается по третямъ слѣдующимъ образомъ:

На одинъ изъ отд. съ достав.		На полн. журн. съ дост.	
За 1-ю тр. впер.	2 руб. 50 коп.	За 1-ю тр. впер.	4 руб.
„ 2-ю „	2 „ — „	„ 2-ю „	4 „
„ 3-ю „	1 „ — „	„ 3-ю „	3 „

Подписка принимается: Въ редакціи журнала „Семейные Вечера“, у Семіоновскаго моста, на углу Караванной и Фонтанки, въ д. Раля, № 1—2, кв. № 3.

Редакторъ-Издательница **Софія Кашпирева.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на самый дешевый иллюстрированный народный журналъ

НАРОДНЫЙ ЛИСТОКЪ.

Вступая въ 3-й годъ своего существованія, «Народный Листокъ» и въ 1878 году будетъ выходить по прежнему, 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца, въ размѣрѣ, не меньше 8 страницъ, въ 4-ю долю листа, съ политипажами (печатными картинами). Въ немъ будутъ сообщаться свѣдѣнія о военныхъ дѣйствіяхъ и обо всемъ, что любопытно и полезно знать народу. Кромѣ того, всѣ подписчики получатъ въ началѣ года въ премію на особыхъ листахъ. **всѣ портреты** лицъ, царствовавшихъ въ Россіи, отъ Рюрика до воцаренія дома Романовыхъ, счетомъ **51 портретъ,** а ежели Русская исторія, продолжающаяся въ Народномъ Листкѣ будетъ окончена въ 1878 году, то подписчики получатъ портреты и всѣхъ прочихъ лицъ, царствовавшихъ въ Россіи до Александра II-го включительно.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ конторѣ редакціи: Малая Бронная, домъ Яковлева и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Цѣна за годовое изданіе съ пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи и съ доставкою въ Москвѣ 2 руб. сер., полугодовая подписка не принимается. Редакторъ-Издатель **М. Дмитріевъ.**

ОПЫТНЫЙ ВИНОКУРЪ, практическій сельскій хозяинъ, технологъ 1-го разряда желаетъ имѣть мѣсто на большемъ винокуренномъ заводѣ или въ имѣніи, согласенъ заняться постройкою завода, а также составленіемъ проэкта и смѣты всякихъ построекъ, какъ заводскихъ, такъ равно и сельскохозяйственныхъ, могъ бы поѣхать для обревизованія имѣнія. Имѣю рекомендаціи и залогъ. Адресоваться, Фонтанка, д. № 54 Франка, кв. № 34. **В. Г.**

При этомъ нумерѣ разсылается иллюстрированное объявленіе „Живописнаго Обозрѣнія“, конторы Аплаксина въ Москвѣ и объявленіе Девріена въ С.-Петербургѣ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 12 Ноября 1877 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

№ 47. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода—4 р. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 20 Ноября 1877 года. Адресс конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Троицкій переулокъ, домъ № 27/1. Годъ V.

Гос. Публичн. Б-ка в Ленинграде

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1878 ГОДУ
ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ".

Иллюстрированный журналъ **„ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ"** издается еженедѣльно въ форматѣ **большихъ иностранныхъ иллюстрацій** не менѣе двухъ листовъ въ каждомъ нумерѣ по слѣдующей программѣ:

1) Романы, повѣсти, разсказы, очерки и біографіи. 2) Драмы и драматическія сцены. 3) Поэмы, сказки и мелкія стихотворенія. 4) Иллюстрированныя путешествія. 5) Этнографическіе очерки. 6) Статьи научнаго содержанія. 7) Новости изъ области наукъ и искусствъ. 8) Телеграммы. 9) Смѣсь. 10) Шахматный листокъ.

Гг. подписчики, кромѣ **52** нумеровъ **„ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ"**, получаютъ ежемѣсячное, безплатное иллюстрированное приложеніе **„ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО"**, составляющее большой отдѣльный томъ, заключающій въ себѣ статьи по отдѣламъ: 1) **Гигіены человѣка и животныхъ**, 2) **Сельскаго хозяйства**, 3) **Домоводства**, 4) **Садоводства**, 5) **Огородничества**, 6) **Лѣсоводства**, 7) **Пчеловодства**, 8) **Рыбоводства**, 9) **Овцеводства**, 10) **Птицеводства** и 11) **Разнообразныя практическія свѣдѣнія, кухонные рецепты и наставленія о первоначальной помощи заболѣвающимъ.**

Кромѣ того гг. подписчики 1878 г. получатъ **безплатныя преміи**, состоящія изъ **лучшихъ**, вполнѣ законченныхъ, **беллетристическихъ** произведеній русскихъ и иностранныхъ авторовъ съ **отдѣльными иллюстраціями на веленевой бумагѣ.**

Кромѣ означенныхъ премій, Редакція имѣетъ въ виду разослать въ видѣ преміи картину »Взятіе Константинополя».

Въ журналѣ **„ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ"** на 1878 г. примутъ дѣятельное участіе своими трудами слѣдующія лица: П. В. Быковъ, С. И. Воскресенская, А. Егоровъ, И. Н. Захарьинъ (Якунинъ), С. М. Крапивина, Н. Н. Каразинъ, Н. Б. Куроѣдовъ, Л. Леванда, А. Майковъ, Д. Л. Мордовцевъ, В. И. Немировичъ-Данченко, И. В. Омулевскій, П. И. Пашино, В. Славянскій, К. М. Станюковичъ, Н. П. Стремоуховъ, Н. А. Чмыревъ, В. В. Чуйко, С. С. Шашковъ А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ), Н. В. Шелгуновъ, Н. И. Шульгинъ, г-жа Юрьева и другіе.

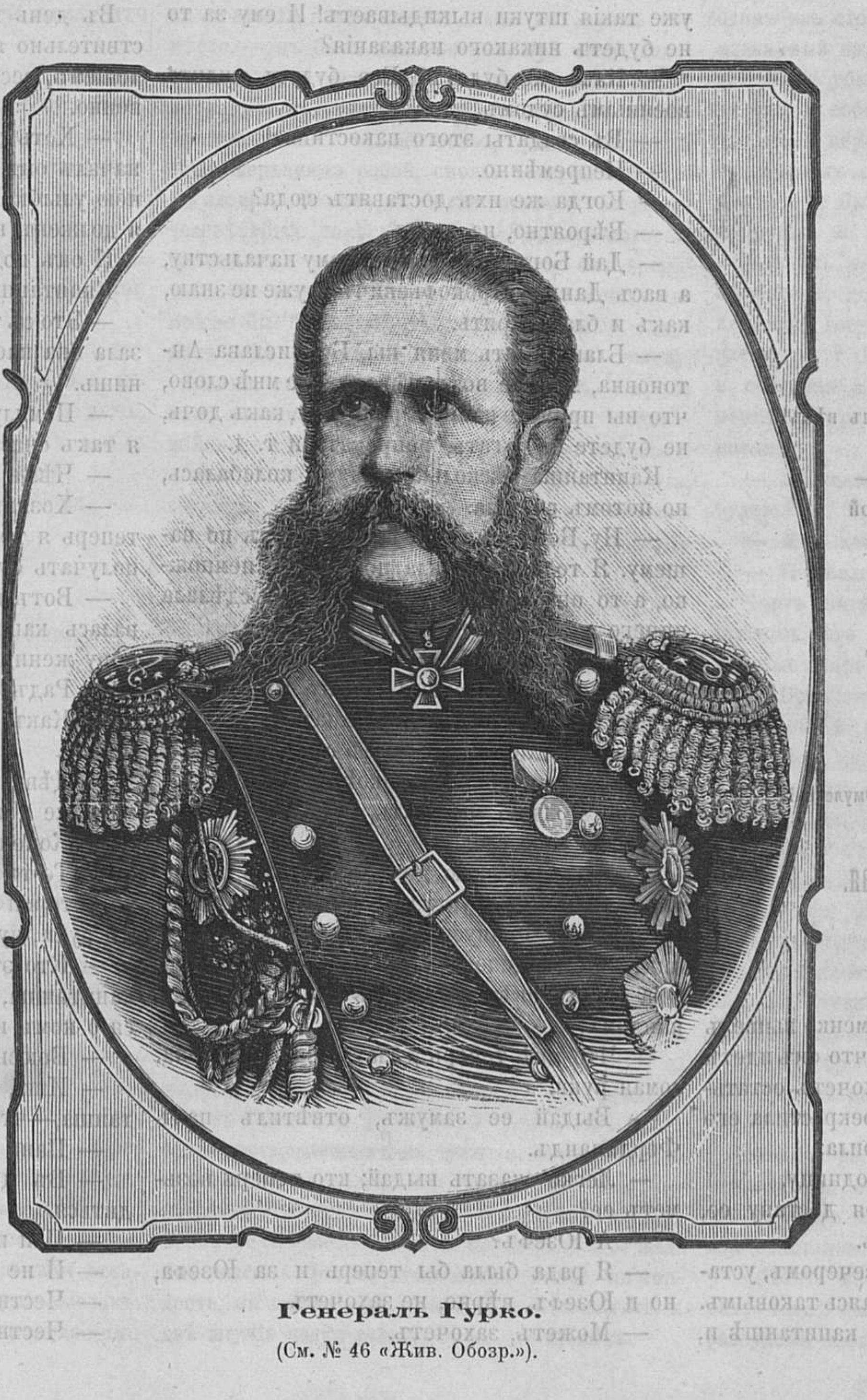
Редакція **„ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ"** имѣетъ въ своемъ распоряженіи для печатанія въ теченіи будущаго года романъ Э. Гонкура, разсказы А. Додэ и Э. Золя и статьи Вирхова, Геккеля, Гольцендорфа, Карла Фогта и др.

Сверхъ того предполагается печатать въ теченіи года **иллюстрированныя сказки** Боккачіо (Декамеронъ), въ переводѣ Н. И. Шульгина, **„Похвальное слово глупости"** Эразма, въ переводѣ А. К. Шеллера (А. Михайлова) и, если позволитъ мѣсто, **„Комическій романъ"** Скарона.

Въ художествен. отдѣлѣ будутъ помѣщаться гравюры различныхъ извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, отъ 4 до 8 гравюръ въ каждомъ нумерѣ.

Цѣна безъ доставки и пересылки на годъ **6** р., на полгода **3** р. **50** к., съ доставкою и пересылкою на годъ **7** р., на полгода **4** р.

Подписка на 1878 г. открыта и принимается въ конторѣ редакціи въ С.-Петербургѣ, въ Троицкомъ переулкѣ, д. № 27.



Генералъ Гурко.

(См. № 46 «Жив. Обозр.»).

Невинной душѣ.

(Изъ Владислава Сырокомли.)

Что вести борьбу съ судьбой?
Какъ поспалъ часокъ — другой,
Вотъ и ладно. Сна желаю!
Не къ добру ведетъ война...
Да тебѣ-то что̀ она?
Баю, мой малютка, баю!

Міръ, Богъ вѣсть, куда спѣшитъ!
Кто, братъ, спитъ—тотъ не грѣшитъ,
Какъ дитя, причастный раю.
Чтобъ лучь солнца не слѣпилъ,
Взялъ глаза рукой закрылъ...
Баю, мой малютка, баю!

Что̀ тебѣ, что гдѣ-то тамъ
Жмется бѣдность? что слезамъ
Нѣтъ людскимъ конца и краю?
Изъ чужой бѣды лихой
Намъ не шубу шить съ тобой...
Баю, мой малютка, баю!

Вѣдь обѣдъ, какъ часъ придетъ,
Насъ не минетъ, а впередъ
Хватитъ водки, полагаю, —
И потомъ тебя опять
Уложу я на кровать...
Баю, мой малютка, баю!

Грезишь, баловень ты мой!
Видно, милая съ тобой
Обнимается... смѣкаю:
Тише... Боже сохрани,
Нарушать такіе сны!
Баю, мой малютка, баю!

Вонъ онъ грезитъ и опять,
По лицу сейчасъ видать!
Тянетъ водку... понимаю:
Щеки, носъ, уста, чело —
Все мгновенно разцвѣло...
Баю, мой малютка, баю!

Посмотрите, онъ жуетъ,
О, безчувственный народъ!
Ужинъ снится? Знаю, знаю:
На яву, мой херувимъ,
Угощу тебя я имъ...
Баю, мой малютка, баю!

О, примѣръ другимъ въ нашъ вѣкъ!
О, святой ты человѣкъ!
Лишь глупцы—я утверждаю —
Спать не могутъ и съ толпой
Всею дѣлятся душой:
Мудрость истинная — баю!

И не диво, что они
Стонутъ ночи, плачутъ дни,
На плаксивый міръ взирая;
Ими избранъ ложный путь,
Не дающій имъ уснуть:
Счастье истинное — баю!

Омулевскій.

* * *

Капитанша Кваповская.

Повѣсть **Л. Леванды.**

(*Окончаніе.*)

X.

На завтра, чуть свѣтъ, Клименко вышелъ со двора, сказавъ капитаншѣ, что онъ идетъ хлопотать, такъ-какъ онъ не хочетъ остаться подлецомъ. Капитанша перекрестила его и, обливаясь слезами, проговорила:

— Возвратите мнѣ мою негодницу.

— Возвращу, я со дна моря достану ее, сказалъ онъ и быстро вышелъ.

Возвратился онъ позднимъ вечеромъ, усталый до смерти, т. е. прикидываясь таковымъ. Онъ, какъ бомба, влетѣлъ къ капитаншѣ и, прокричавъ: побѣда! повалился на диванъ и началъ сопѣть и отдуваться.

Капитанша ожила, глаза ея загорѣлись отъ затеплившейся въ нихъ надежды. Хотя она ничего еще не знала, въ какомъ положеніи находится дѣло, но изъ восклицанія Клименко она основательно заключила, что дѣло идетъ на ладъ. А потому, какъ ни велико было ея нетерпѣніе, она однакоже повременила своими разспросами, видя, что человѣкъ просто задыхается отъ усталости. Хитрый малороссъ разъигрывалъ свою роль превосходно.

— Уфъ, какъ я усталъ! проговорилъ онъ, наконецъ, прійдя нѣсколько въ себя.

— Бѣдненькій, пожалѣла его капитанша, все еще не осмѣливаясь разспрашивать его.

— Я поднялъ на ноги все начальство, весь штабъ, продолжалъ онъ, держась за грудь, замучилъ всѣхъ извощиковъ, катаясь то туда, то сюда, а своего добился.

— Голубчикъ мой! воскликнула капитанша, чмокнувъ молодого человѣка въ лобъ и глядя на него любовно, съ невыразимымъ чувствомъ признательности.

— Да, добился, полетѣли телеграммы туда, сюда, пока не напали на слѣдъ.

— Значитъ, уже напали на слѣдъ?

— Да, и ихъ арестовали.

— Гдѣ?

— Въ Ковнѣ.

— Уже извѣстно, кто онъ такой? полюбопытствовала капитанша.

— Прапорщикъ какой-то.

— Ишь, злодѣй! только прапорщикъ и уже такія штуки выкидываетъ! И ему за то не будетъ никакого наказанія?

— Какъ не будетъ? Его будутъ судить военнымъ судомъ.

— Въ солдаты этого пакостника!

— Непремѣнно.

— Когда же ихъ доставятъ сюда?

— Вѣроятно, на дняхъ.

— Дай Богъ здоровья доброму начальству, а васъ Данило Прокофьевичъ, я уже не знаю, какъ и благодарить.

— Благодарить меня вы, Бронислава Антоновна, можете вотъ чѣмъ: дайте мнѣ слово, что вы примете панну Франциску, какъ дочь, не будете ее ругать, попрекать и т. д.

Капитанша нѣсколько минутъ колебалась, но потомъ сказала.

— Ну, Богъ съ вами, пусть будетъ по вашему. Я только сначала пожурю ее немножко, а то она подумаетъ, что она не сдѣлала ничего дурного, но потомъ ни слова.

Такъ и было. На слѣдующій день вечеромъ, Клименко привезъ панну Франциску домой и, впустивъ ее въ комнату, удалился.

Что происходило на этомъ свиданіи между матерью и дочерью, — никому не было извѣстно. Должно полагать, что капитанша сдержала свое слово.

Но, оставляя свою дочь въ покоѣ, капитанша сильно загрустила, разсчитавъ, что репутація ея Франуси испорчена навсегда и никто на нее теперь и смотрѣть не захочетъ. Она стала совѣтоваться съ паномъ Фердинандомъ.

— Что мнѣ теперь дѣлать? спросила она, ломая руки.

— Выдай ее замужъ, отвѣтилъ панъ Фердинандъ.

— Легко сказать выдай; кто теперь возьметъ ее?

— А Юзефъ?

— Я рада была бы теперь и за Юзефа, но и Юзефъ, вѣрно, не захочетъ.

— Можетъ, захочетъ.

— Ты думаешь, онъ ничего не знаетъ? Онъ, вѣроятно, уже знаетъ обо всемъ. Притомъ, я сдура отказала ему отъ дома, и онъ у насъ уже не бываетъ.

— Ты точно сглупила, прогнавъ ни за что ни про что добраго малаго, который на Франусю чуть не молился.

— А Франуся, какъ видишь, и въ его сторону смотрѣть не хотѣла.

— Толкуй! Она его тоже любитъ.

— И убѣжала съ офицеромъ.

— А потому, что ты заартачилась, такъ она сама выдала себя замужъ, потому уже не дѣвочка. Такіе случаи бываютъ.

— Что же теперь-то дѣлать? спросила капитанша, чуть не плача.

— А вотъ что: на новый годъ Юзефъ, вѣроятно, пріѣдетъ съ поздравленіемъ.

— Сейчасъ тебѣ и пріѣдетъ, перебила капитанша, горько улыбнувшись,—онъ развѣ съ ума сойдетъ?

— А я говорю, что пріѣдетъ, настаивалъ панъ Фердинандъ,—ужь мы постараемся, чтобы пріѣхалъ. Такъ ты сначала то и се, а потомъ прямо и скажи ему, что если Франуся ему нравится, такъ ты противъ этого ничего не имѣешь.

— Не получу-ли я арбуза?

— Должно полагать, что не получишь, а если и получишь, такъ чтожъ? Вѣроятно, уже судьба такая, а противъ судьбы не пойдешь. Попытать счастья однако не мѣшаетъ.

— Попытаемъ, согласилась капитанша,— дѣлать нечего, попытаемъ и да будетъ Его святая воля.

Въ день новаго года панъ Холява дѣйствительно явился къ капитаншѣ съ поздравленіемъ, веселый, развязный, какъ обыкновенно.

— Хоть пани капитанова и выгнала меня, началъ онъ съ свойственною ему добродушною улыбкою,—однакожь съ новымъ годомъ я долженъ васъ поздравить.

И онъ подошелъ къ ея рукѣ.

Капитанша поцѣловала его въ лобъ.

— Это съ твоей стороны очень хорошо, сказала она наставительно,—что ты зла не помнишь.

— Помилуйте, гдѣ мнѣ помнить зло, когда я такъ счастливъ?

— Чѣмъ ты это такъ счастливъ?

— Хозяинъ жалованья мнѣ прибавилъ, теперь я тридцать пять рублей въ мѣсяцъ получать буду, кромѣ маленькихъ доходовъ.

— Вотъ какъ! удивилась и даже обрадовалась капитанша.—Теперь тебѣ въ самую пору жениться.

— Радъ бы, да не на комъ.

— Какъ это не на комъ? Развѣ дѣвушекъ мало?

— Дѣвушекъ много, но, согласитесь, не могу же я жениться на многихъ.

— Конечно, ты развѣ турокъ?

— То-то и есть, что не турокъ, а та одна, на которой я хотѣлъ бы жениться, не дается въ руки, ну все равно, что кладъ.

— Кто этотъ кладъ? полюбопытствовала капитанша, прикидываясь недогадывающейся о комъ идетъ рѣчь.

— Боюсь сказать.

— Ишь, трусъ какой! поощряла его капитанша,—что ты боишься?

— Пани капитанова разсердится.

— Въ день новаго года не люблю сердиться.

— Или прогоните меня.

— И не прогоню.

— Честное слово?

— Честное слово.

— Такъ и быть: кладъ этотъ панна Франциска.

Капитанша прикинулась удивленной.

— И ты этой дури еще не выкинулъ изъ головы? спросила она строго.

— Нѣтъ, что-то не выкидывается, потому крѣпко засѣла.

— Очень крѣпко?

— Какъ нельзя крѣпче.

— И долго она въ твоей башкѣ сидѣть будетъ?

— Всю жизнь.

— Стало быть, это отъ Бога, проговорила капитанша съ набожною миною,—а потому препятствовать не смѣю, боюсь.

— Неужели? воскликнулъ осчастливленный юноша, бросившись на колѣни передъ капитаншею.—Стало быть, могу надѣяться?

— Можешь, если только получишь согласіе Франуси.

— О, получу, получу! воскликнулъ молодой человѣкъ, вскочивъ на ноги.—Гдѣ панна Франциска?

— Должно быть, у пана Фердинанда.

Онъ полетѣлъ туда и менѣе, чѣмъ въ пять минутъ, панъ Холява и панна Франциска уже стояли на колѣняхъ передъ капитаншею, которая благословляла ихъ, плача, неизвѣстно, отъ радости-ли, что ея дочь будетъ пристроена за честнымъ и любящимъ ее человѣкомъ, или съ досады, что ей неудалось пристроить ее за чиновною особою, о чемъ она всегда мечтала и столько хлопотала.

Вечеромъ молодые люди были помолвлены, а на масляницѣ состоялась и свадьба, такъ какъ капитанша торопилась, полагая, что слѣдуетъ торопиться...

Когда пріѣхали съ костела, Клименко, уведя капитаншу въ каморку, сообщилъ ей, что бѣгство панны Франциски съ офицеромъ было только хорошо разъигранною комедіею съ извѣстною цѣлью.

— Неужели? воскликнула капитанша, не вѣря своимъ ушамъ и въ глазахъ ея показались радостныя слезы.—Стало быть, моя Франусенька... чиста, какъ ангелъ?

Капитанша дернула Клименко за ухо, назвала его бѣдовымъ и, возвратившись въ залъ, бросилась обнимать, цѣловать свою дочь, плакать и просить прощенія, что она могла усомниться въ ней хоть одну минуту.

Панна Франциска, конечно, простила.

Чортовъ волосъ

(Фантастическое путешествіе въ Японію.)

Эдуарда Кадоля.

(Окончаніе.)

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Глава XVIII.

Фелисьенъ постарѣлъ.

На другой день, солдаты микадо все еще продолжали свои поиски. Но Фелисьенъ успѣлъ скрыться. Онъ вылѣзъ изъ дворцоваго сада и добрался до деревни. Опасаясь быть узнаннымъ и, не имѣя возможности перемѣнить платье, онъ снялъ свой пышный нарядъ и остался на половину голый, какъ ходитъ большая часть японцевъ низшихъ классовъ: кушакъ, спускающійся до колѣнъ, соломенные башмаки, громадная шляпа и неизбѣжный вѣеръ составляли весь его костюмъ. Проходя черезъ небольшую деревушку, онъ узналъ, что оскорбленный тайкунъ храбро вскрылъ себѣ животъ. Такимъ образомъ, изчезла послѣдняя надежда нашего авантюриста. Но голый и преслѣдуемый, онъ все-таки оставался великимъ въ своихъ собственныхъ глазахъ. «Если бы эти крестьяне, думалъ онъ, проходя мимо ихъ домиковъ, знали кто я такой». На углу одной улицы онъ замѣтилъ нѣсколько стариковъ, столпившихся передъ какимъ-то оффиціальнымъ объявленіемъ. Прочитавъ это объявленіе, Фелисьенъ увидалъ, что дѣло шло о немъ. Его голова была оцѣнена, цѣлое состояніе обѣщано тому, кто доставитъ его живымъ или мертвымъ. Вмѣсто того, чтобы осторожно удалиться, Фелисьенъ гордо поднялъ голову, которую такъ дорого цѣнили: онъ былъ безъ одежды, безоруженъ, скоро, можетъ быть, ему придется голодать, а противникомъ его являлся микадо, потомокъ солнца; армія, народъ были противъ него. Было чѣмъ гордиться.

— Понимаете ли вы тутъ что нибудь? спросилъ его одинъ изъ любопытствующихъ стариковъ.

— Для того, кто умѣетъ читать, это вполнѣ ясно, отвѣчалъ Фелисьенъ,—развѣ вы не умѣете читать?

— Какъ не умѣть, умѣю, и вижу, что дѣло идетъ о поимкѣ какого-то человѣка, но...

— Какого-то? проговорилъ бѣглецъ съ оттѣнкомъ обиды въ голосѣ, — скажите, по крайней мѣрѣ, Реформатора!

— Ну, Реформатора!

— Знаменитаго Фелисьена Мерле, его имя четко написано.

— Ну, да, да, перебилъ старикъ,—но все таки спрошу васъ, Фелисьенъ Мерле, знаменитый Реформаторъ, что это такое?

Ведро холодной воды, не произвело бы большаго дѣйствія на молодого человѣка какъ это: «что это такое?» Онъ, съ которымъ говорили, преклонивъ колѣно, который едва не свергнулъ съ престола внука солнца, едва не занялъ его мѣсто,—онъ былъ неизвѣстенъ, про него говорили: «что это такое?» Что же, послѣ этого слава, популярность? Что значатъ эти великія слова, электризующія человѣчество, ради которыхъ люди жертвуютъ собой, иногда совершаютъ преступленія. Обманъ, и болѣе ничего! Неужели человѣчество такъ безумно? «Чортовъ волосъ!» вспомнилъ Фелисьенъ. Но не одинъ; онъ встрѣчалъ ихъ каждую минуту. «Ихъ такъ много, что можно бы было сдѣлать цѣлый парикъ!» подумалъ онъ съ уныніемъ и, опустивъ голову, скромно отошелъ и сѣлъ подъ утесъ. Передъ нимъ разстилался необозримый океанъ, сливавшійся съ горизонтомъ. Какой миръ на небесахъ! А внизу? Вода, потомъ берегъ, земля, дорога, ведущая къ громадному городу, къ столицѣ Франціи, которую онъ покинулъ, чтобы пріѣхать сюда... Зачѣмъ?

Припомнилось ему мирное прошлое. Ему казалось, что онъ снова видитъ улицу Сен-Дени, съ ея маленькими домами и гадкой мостовой. Вотъ и почернѣвшія балки годеновскаго дома. А что сталось съ Клемансъ? Она, дочь суконщика, была такъ же хороша, какъ и принцесса; она даже была лучше, потому что была естественна. Она не выщипывала себѣ бровей и не подкрашивала губы. Она была добра, весела, искренна. Она не представилась бы влюбленной, чтобы послѣ надсмѣяться. Клемансъ не поступила бы такъ. О, какъ это имя ласкало теперь его слухъ. И онъ громко повторялъ, какъ бы сравнивая: «Клемансъ... Ваказа... Клемансъ... Ваказа. Конечно, Клемансъ». Чѣмъ болѣе онъ думалъ о ней, тѣмъ сильнѣе упрекалъ себя за то, что пренебрегъ ея любовью. Что думаютъ о немъ Годенъ и Бускарель? Долго онъ оставался погруженнымъ въ думы о прошломъ, которое было настолько ему дорого, что одно воспоминаніе о немъ утѣшало его въ настоящемъ и онъ почти забывалъ свои неудачи и свое жалкое паденіе. Онъ не испытывалъ болѣе ни гордости, ни гнѣва; онъ только горько сожалѣлъ, и двѣ жгучія слезы скатились по его щекамъ.

Два невидимые имъ свидѣтеля, Ландри и Асмодей, видѣли его горе. Чортъ не допустилъ мужа Коо вмѣшаться въ послѣднія происшествія, боясь, чтобы онъ не подвергся опасности. Однако, сдѣлавъ его невидимкой, согласился, чтобы тотъ помогалъ своему другу выпутаться изъ бѣды. Безъ этой помощи, Фелисьенъ не выбрался бы живымъ изъ замка микадо. Ландри шепнулъ ему какъ спастись, а Асмодей заставилъ землю разступиться подъ ногами солдатъ и они попадали въ внезапно образовавшійся ровъ. Асмодей поддержалъ Фелисьена, когда тотъ спрыгнулъ со стѣны сада, безъ чего онъ неминуемо сломалъ бы себѣ ноги. Но за исключеніемъ этихъ маленькихъ услугъ, чортъ не хотѣлъ болѣе ни о чемъ слышать; онъ сдѣлалъ все, что требовалъ отъ него внукъ колдуна Мерлена и считалъ свою службу оконченной.

— Какъ, говорилъ Ландри, — вы бросите его въ такомъ положеніи, безъ платья, безъ денегъ, на дорогѣ, гдѣ онъ неминуемо будетъ узнанъ, выданъ и преданъ смерти, послѣ страшныхъ пытокъ, которыя сохранились еще въ японскомъ судопроизводствѣ?

Чортъ покраснѣлъ отъ стыда.

— Но что же дѣлать? сказалъ онъ,—Фелисьенъ ненасытенъ! Теперь онъ рисуется своимъ мученичествомъ. Онъ жаждалъ могущества. Удовольствовался-ли онъ тѣмъ, которое я ему предоставилъ? Онъ хотѣлъ славы: я сдѣлалъ его знаменитымъ. Удовлетворился-ли онъ? Нѣтъ! онъ хотѣлъ испытать любовь знатной дамы. Принцесса Ваказа—древней дворянской фамиліи, почти такой же древней, какъ фамилія микадо. Кстати родъ микадо монгольскаго происхожденія; одинъ изъ его предковъ, знаменитый разбойникъ, изгнанный изъ отечества, поселился въ Японіи; здѣсь онъ убивалъ всякаго, желая воспользоваться чужою собственностью и прославился до того, что сталъ первымъ изъ первыхъ... Ты видишь, я исполнялъ всѣ прихоти твоего друга, и онъ ничѣмъ не былъ доволенъ. Онъ уже сталъ пренебрегать и принцессой Ваказой, предполагая отодвинуть ее на задній планъ и жениться на принцессѣ, дочери котораго нибудь изъ европейскихъ государей. Что же, наконецъ, его удовлетворитъ? Довольно! я сдѣлалъ все, что могъ и, сознавая невозможность дальнѣйшаго исполненія его прихотей, возвращаюсь къ своимъ пенатамъ.

— Но, сказалъ Ландри, — что же съ нимъ будетъ?

— Мнѣ какая нужда!

— Неужели же вы такъ жестоки?!

Чортъ потупилъ глаза. Нѣтъ, онъ не былъ жестокъ, его лицо скривилось, какъ у людей, которые стараются удержаться отъ слезъ.

— Вотъ видите, сказалъ молодой человѣкъ, — вы добры, и не оставите несчастнаго въ его ужасномъ положеніи, взгляните на его слезы. Онъ плачетъ не отъ гнѣва, не отъ уязвленной гордости, но, навѣрное, отъ раскаянія. Онъ несчастливъ. Сдѣлайте меня снова видимымъ, я постараюсь его утѣшить.

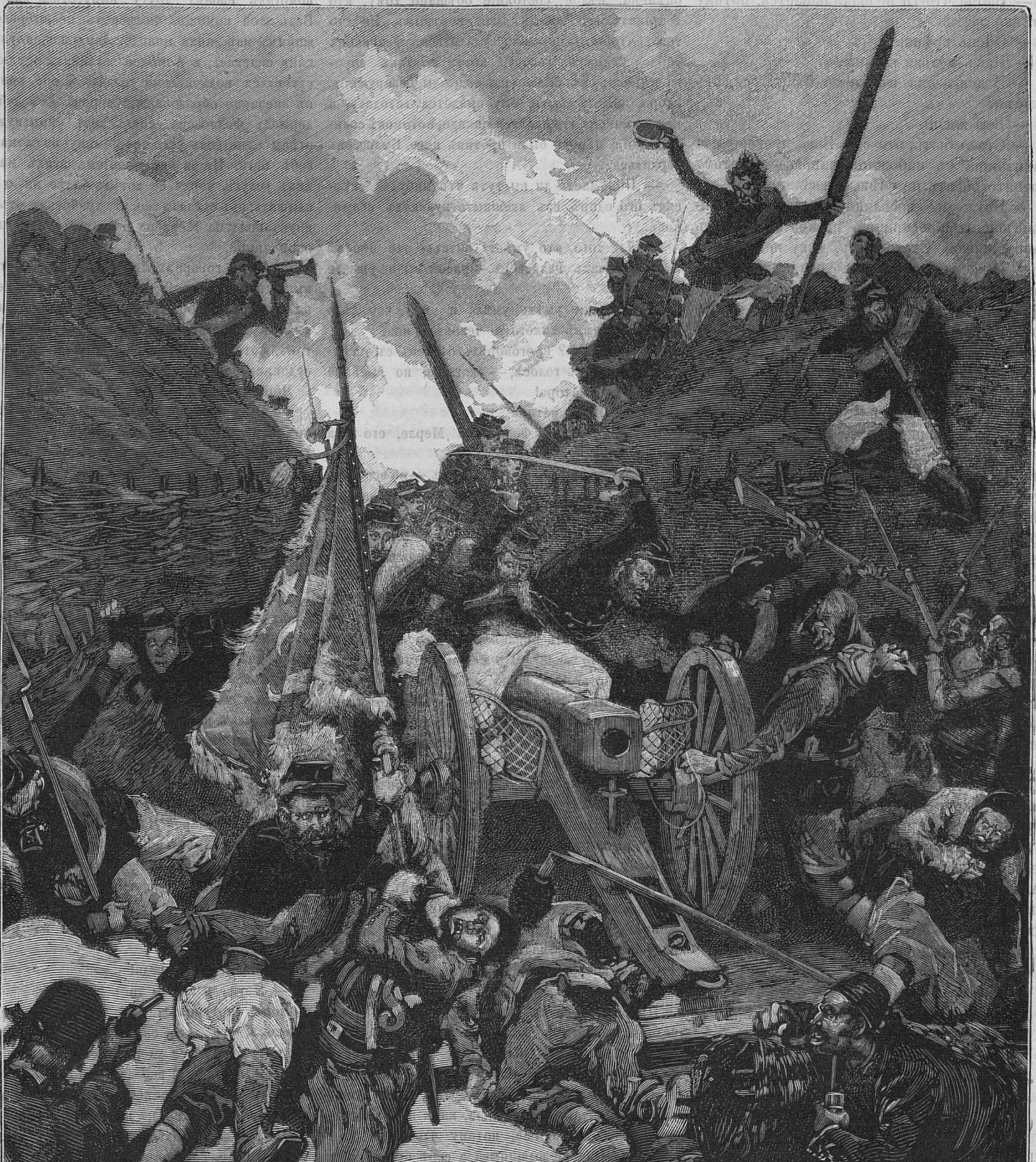
— Я ни въ чемъ не могу отказать этому мальчику! вскричалъ Асмодей съ нѣжностью, — посмотримъ, чего еще пожелаетъ этотъ безумецъ Мерле. Ступай, прибавилъ онъ, обращаясь къ Ландри,—теперь онъ увидитъ и услышитъ тебя.

Ландри бросился къ Фелисьену.

— Другъ мой, я здѣсь! вскричалъ онъ, обнимая его.

На этотъ разъ чортъ не могъ удержаться и зарыдалъ. Но если Ландри былъ радъ прижать своего друга къ сердцу, Фелисьенъ былъ не менѣе счастливъ.

— Мнѣ кажется, что я спасенъ, говорилъ онъ, — мнѣ кажется, что мое мужество и мой разсудокъ снова возвращаются ко мнѣ!



Атака русскими главнаго Гривицкаго редута.

— Ну полно, полно! сказалъ Асмодей.— Всѣмъ намъ троимъ время дорого. Тебѣ нужно спасаться, Ландри ждетъ молодая жена, а я тороплюсь вернуться во свояси. Я готовъ повиноваться тебѣ въ послѣдній разъ. Говори скорѣй.

— Дорогой другъ мой, сказалъ Фелисьенъ Асмодею,—я, наконецъ, вижу, что ты былъ правъ.

— Браво! вскричалъ чортъ съ жаромъ. Слова «дорогой другъ мой», вполнѣ примирили его съ молодымъ человѣкомъ.

— Весь этотъ блескъ, продолжалъ Фелисьенъ, —кажется мнѣ теперь ничтожнымъ, и я мечтаю вернуться къ своему мирному прошлому; увези меня во Францію. Я хочу снова увидать старый домъ въ улицѣ Сен-Дени и снова услышать добродушный смѣхъ старика Годена. Возврати мнѣ мою молодость! мои чистыя юношескія радости, мой крѣпкій сонъ и хорошій апетитъ.

Лицо Асмодея вытянулось.

— Чортъ возьми! сказалъ онъ наконецъ, почесывая себѣ голову между рогами.

— Я желаю образумиться! сказалъ Фелисьенъ, —и употреблю всѣ усилія, чтобы исправить мои ошибки.

— Я понимаю! вскричалъ чортъ нѣсколько рѣзко.—Но исполнить не такъ легко, какъ пожелать. Чтобы удовлетворить тебя, мнѣ надо заставить землю вертѣться въ обратную сторону и вернуть потерянное время. Ты думаешь, это легко! Ты хочешь, чтобы протекшіе годы не считались, будто ихъ совсѣмъ не было. Подумалъ-ли ты о томъ, какая это работа!

— Конечно, отвѣчалъ Фелисьенъ,— это трудно, но ты такъ добръ и ловокъ!

Асмодей качалъ головой, незная на что рѣшиться и если бы не печальное лицо Ландри онъ, навѣрно, придумалъ бы какую-нибудь отговорку. Но молодой человѣкъ внушалъ ему сожалѣніе.

— Трудъ этотъ, наконецъ сказалъ Асмодей, —нельзя назвать вполнѣ невозможнымъ, но есть нѣкоторыя обстоятельства, которыхъ я не въ состояніи измѣнить. И я совѣтую тебѣ подумать, прежде чѣмъ рѣшиться. Помнишь-ли ты, я предупреждалъ тебя, что кто ведетъ фантастическую жизнь, тому годы считаются втрое. Когда мы вспоминаемъ о предметѣ или о человѣкѣ, онъ рисуется въ нашемъ воображеніи такимъ, какимъ мы его видѣли въ послѣдній разъ. Думаешь ли ты, что ты не измѣнился съ того вечера, когда Годенъ за ужиномъ провозгласилъ тебя своимъ зятемъ и преемникомъ? Какъ ты думаешь, удивится-ли Клемансъ при взглядѣ на тебя? Можетъ быть, и она измѣнилась какъ нравственно, такъ и физически. Подумай объ этомъ. Когда супруги живутъ неразлучно, то измѣненія въ каждомъ изъ нихъ проходятъ для нихъ незамѣтно; морщины складываются такъ постепенно, что кажется, что они были всегда. Первый сѣдой волосъ замѣчается долго спустя послѣ его появленія, и привѣтствуется нѣжной шуткой. Другое дѣло, когда много сѣдыхъ волосъ замѣтятъ на головѣ, которую видѣли въ послѣдній разъ украшенной густыми бѣлокурыми кудрями.

— Но, вскричалъ Фелисьенъ, — если ты не лжешь, что года безпорядочной жизни считаются втрое, я сильно, постарѣлъ!

Асмодей не отвѣчалъ.

— Ландри, Ландри, вскричалъ Фелисьенъ, — отвѣчай хоть ты. Посмотри на меня, развѣ я уже старикъ?

— Я не нахожу тебя измѣнившимся! отвѣчалъ Ландри.

— Не вѣрь ему, сказалъ Асмодей.

— Значитъ онъ обманываетъ меня?

— Нѣтъ, но...

— Онъ значитъ говоритъ изъ состраданія?

— Нѣтъ, нѣтъ, но Ландри олицетвореніе дружбы. Онъ слишкомъ привязанъ къ тебѣ. Онъ любуется тобою, вмѣсто того, чтобы разсматривать тебя. Онъ любитъ тебя...

— О! вскричалъ Фелисьенъ,— дайте мнѣ зеркало, здѣсь есть ручей.

— Напрасно! отвѣчалъ чортъ,—ты не можешь судить самъ о себѣ.

— Но тогда?...

— Если ты чувствуешь, что въ состояніи вынести тяжелое разочарованіе, ты въ глазахъ Клемансъ прочтешь правду.

— Я рѣшился! сказалъ Фелисьенъ, вставая,— я хочу самъ убѣдиться въ томъ, насколько все на землѣ обманчиво и непостоянно!

Глава XIX.

Добродѣтель всегда торжествуетъ.

Когда Фелисьенъ рѣшилъ, что вернется на родину, Асмодей украдкой взглянулъ на Ландри, который быстро отвернулся, желая скрыть рыданіе. Его не тянуло къ прошедшему; напротивъ, его бракъ съ хорошенькой красильщицей, обѣщалъ ему много счастья впереди. Въ эту минуту онъ думалъ о своей Коо, съ которой онъ разстался для друга, и снова нужно было удалиться отъ нея. На долго ли? Онъ вынужденъ былъ выбирать между женою и другомъ, не зная будетъ-ли онъ имѣть возможность вернуться къ первой, и принесетъ-ли его самоотреченіе пользу второму. Онъ однакожь не колебался. «Благодаря чорту, подумалъ онъ, моя дорогая жена, находится внѣ всякой опасности, она спитъ сномъ невинности, не страдая отъ моего отсутствія, потому что не подозрѣваетъ о немъ. Я одинъ приношу жертву и чувствую это. Мой бѣдный другъ очень несчастливъ. Я не могу колебаться».

— Но, шепнулъ ему чортъ,—если твой другъ несчастливъ, то по своей собственной винѣ.

— Конечно, отвѣчалъ Ландри;—но какое мнѣ дѣло, кто причина его несчастія?... Если бы я былъ увѣренъ въ томъ, что при видѣ Клемансъ онъ забудетъ о своихъ неудачахъ, я бы оставилъ его; но я опасаюсь результата этого испытанія.

Говоря это, онъ внимательно посмотрѣлъ на Асмодея. По выраженію его лица, онъ увидалъ, что и на этотъ разъ Фелисьенъ шелъ навстрѣчу разочарованію.

— Дружба должна преобладать надъ любовью, рѣшилъ Ландри;—потомъ я вернусь къ моей дорогой Коо.

Жертва была очень тяжела для бѣднаго юноши, и онъ не могъ подавить рыданія.

Въ холодное, пасмурное утро, по улицѣ Сен-Дени, торопливо шли три путника. Въ садахъ деревья были покрыты инеемъ. Въ телѣжкахъ, остановившихся около тротуара огородники крѣпко спали, закутавшись въ одѣяла. На мостовой было такъ вязко, что не было слышно стука колесъ. Общій колоритъ былъ мрачный, грустный.

— Я ничего не узнаю! сказалъ одинъ изъ путниковъ.

— Иди, мы скоро придемъ, отвѣчалъ другой.

Третій молчалъ. Первый былъ Фелисьенъ, второй чортъ, третій Ландри. Пройдя еще нѣсколько шаговъ, Асмодей положилъ руку на плечо бывшаго реформатора и, поднявъ палецъ, указалъ ему на домъ, въ которомъ протекла его молодость. Фелисьенъ былъ пораженъ. Вмѣсто почернѣвшаго зданія, онъ увидалъ чистенькій домикъ, выкрашенный бѣлой краской; вмѣсто узкихъ оконъ,— широкіе чугунные ставни; въ верхнемъ этажѣ, гдѣ была комната Клемансъ, помѣщалась фотографія. Долго смотрѣлъ Фелисьенъ на эти измѣненія; потомъ, обернувшись, взглянулъ на расширенную и неузнаваемую улицу. Онъ глулоко вздохнулъ и прошепталъ: «Нѣтъ, это не то»?

— Довольно съ тебя? спросилъ чортъ.

— Нѣтъ! отвѣчалъ онъ.— Подождемъ пока отопрутъ лавку.

Въ ту же минуту, отворилась маленькая дверь. Изъ нея вышелъ прикащикъ, съ большимъ ключомъ въ рукахъ и началъ отпирать ставни. Фелисьенъ взглянулъ во внутренность магазина. Сколько перемѣнъ! Кругомъ стѣнъ шли рѣзныя, дубовыя полки, прилавки блестѣли, среди громадныхъ зеркалъ были ввинчены золоченые канделябры. Съ лѣвой стороны на возвышеніи была устроена великолѣпная конторка, окруженная рѣшеткой съ зелеными шелковыми занавѣсями. Какое великолѣпіе, какой порядокъ и чистота!

— Нѣтъ, прошепталъ Фелисьенъ,—это не то!

И съ какимъ-то отчаяніемъ, перейдя улицу, онъ спросилъ прикащика дрожащимъ отъ волненія голосомъ:

— М-ль Клемансъ здѣсь?

Прикащикъ взглянулъ на него съ удивленіемъ. Сердце Фелисьена сжалось. Онъ зналъ этого прикащика еще молодымъ, а теперь болѣе половины волосъ его вылѣзло, а оставшіеся посѣдѣли.

— М-ль Клемансъ? переспросилъ прикащикъ.

— Да, дома она?

— Дома.

— А ея отецъ?

— Кто? старикъ Годенъ? Нѣтъ, его нѣтъ дома, онъ уже давно умеръ.

— Умеръ!!

Въ это время Фелисьенъ увидалъ, что по лѣстницѣ, покрытой ковромъ, въ магазинъ сходила красивая, полная женщина.

— Вы спрашивали м-ль Клемансъ, сказалъ прикащикъ,— вотъ она.

Фелисьенъ былъ пораженъ. Эта дама—его Клемансъ!

— Хозяйка, крикнулъ прикащикъ,—какой-то господинъ желаетъ васъ видѣть.

— Войдите, милостивый государь, отвѣчала Клемансъ,—чѣмъ могу я вамъ служить?

Фелисьенъ не смѣлъ убѣжать и не смѣлъ поднять глазъ. Онъ заговорилъ съ ней о сукнахъ, объ ихъ производствѣ. Она отвѣчала любезно, и изумленіе Фелисьена росло каждую минуту, потому что съ той самой лѣстницы, съ которой сошла Клемансъ, сбѣгали одинъ за другимъ маленькія и большія дѣти и толпились около молодой женщины. Когда онъ сосчиталъ до восьми, у него закружилась голова: въ глубинѣ комнаты онъ замѣтилъ толстяка съ взъерошенными волосами, который держалъ на рукахъ самаго маленькаго и, играя съ нимъ, смѣялся такъ, что домъ дрожалъ. Фелисьенъ пробормоталъ извиненіе и посиѣшно ушелъ, забывъ поклониться.

Уходя, онъ поднялъ голову и прочелъ вывѣску: «Бускарель, зять и преемникъ Антуана Годена». Онъ подошелъ къ своимъ спутникамъ и позвалъ ихъ въ ближайшій ресторанъ.

— Позавтракаемъ и простимся, сказалъ онъ имъ.—Теперь я увѣрился, что я постарѣлъ душой и тѣломъ; взглядъ этой честной жены и матери просвѣтилъ мой разумъ. Но довольно утомлять другихъ моей ничтожной личностью. Ты, Асмодей, вернись въ адъ. Я и то слишкомъ много отнялъ у тебя дорогого времени. Ты, мой бѣдный Ландри, такъ горячо любившій меня, вернись къ своей хорошенькой Коо, и разбуди ее нѣжнымъ поцѣлуемъ.

— Но ты? спросилъ Ландри съ безпокойствомъ.

— Я? прошу васъ не безпокойтесь обо мнѣ. Я никогда не думалъ о другихъ, вотъ мое непростительное преступленіе. Чтобы наказать себя, я приговариваю себя къ одинокой жизни. Оставаясь одинъ, я часъ за часомъ, день за днемъ припомню мою растраченную молодость и самъ надъ собой произнесу приговоръ.

«Только мы уйдемъ, подумалъ Ландри, несчастный застрѣлится!»

— Пусть будетъ, какъ ты желаешь, сказалъ чортъ,—прощай, счастливаго успѣха;—потомъ обернувшись къ Ландри, онъ сказалъ:—я не безпокоюсь о тебѣ и знаю, что ты сейчасъ же возвратишь мнѣ мой талисманъ, заявивъ желаніе немедленно соединиться съ твоей красавицей женой.

— Я думалъ объ этомъ, сказалъ Ландри и, опустивъ голову на руки, задумался. Въ его воображеніи появилась спящая Коо. Неужели ему отказаться отъ нея? Онъ въ послѣдній разъ хотѣлъ пожертвовать собой ради друга. Онъ не могъ примириться съ мыслью покинуть его одного, побѣжденнаго, безъ надежды... Нѣтъ! никогда! Онъ, при помощи талисмана, потребуетъ, чтобы къ Фелисьену вернулись счастье и покой... Но какъ это сдѣлать? Вдругъ онъ поднялъ голову и лицо его прояснилось. Онъ нашелъ желаемую формулу. Благодаря ей, Фелисьенъ потеряетъ воспоминаніе о своихъ неудачахъ; Асмодей вернется въ адъ безъ сожалѣнія о томъ, что былъ сообщникомъ въ дурныхъ поступкахъ внука колдуна Мерлена; наконецъ, красавица Коо снова сдѣлается молодой дѣвушкой, веселой и свободной и не подозрѣвающей, что на другомъ концѣ свѣта, живетъ какой-то Ландри. Хотя послѣднее было тяжело для Ландри, но онъ пересилилъ себя и, дунувъ на волосъ, твердымъ голосомъ сказалъ:

— Я хочу, чтобы все возвратилось въ прежнее положеніе, точно ничего съ нами не происходило.

Какъ бы по мановенію волшебнаго жезла все перемѣнилось. Деревья, покрытыя инеемъ, позеленѣли. Зима превратилась въ весну. Улица Сен-Дени снова съузилась; домъ красильщика почернѣлъ и на дверяхъ красовалась прежняя вывѣска: «Золотое руно, Антуанъ Годенъ суконщикъ». На площади толпа музыкантовъ съ букетами бѣлыхъ цвѣтовъ и съ развѣвающимися лентами въ петлицахъ, предшествовала цѣлой вереницѣ разряженныхъ гостей. На порогѣ стоялъ веселый нарядный Годенъ; Фелисьенъ, молодой и сіяющій, кричалъ, стоя внизу лѣстницы:

— Клемансъ, иди же скорѣй, дорогая, насъ ждутъ!

И Клемансъ, въ великолѣпномъ, подвѣнечномъ платьѣ, торопливо сбѣжала съ лѣстницы на встрѣчу своему жениху.

Чтобы убѣдиться въ томъ, что Фелисьенъ ничего не помнитъ, чортъ, принявъ на себя видъ одного изъ гостей, прочелъ депешу агентства Гавасъ, въ которой возвѣщалось, что принцесса Ваказа выходитъ замужъ за принца Аки.

— Что это такое? спросилъ Фелисьенъ.

— Это новѣйшія извѣстія изъ Іеддо. Аки—готаиро тайкуна.

— Какіе смѣшныя имена! сказалъ Фелисьенъ.

Очевидно, онъ ничего не помнилъ. Увы! Ландри не былъ такъ счастливъ. Онъ помнилъ все, и при появленіи Клемансъ, такъ былъ пораженъ ея сходствомъ съ Ваказой, что едва не назвалъ ее принцессой. Но его удивленіе еще болѣе возросло, когда, случайно взглянувъ въ зеркало, онъ замѣтилъ, что и самъ былъ въ костюмѣ новобрачнаго. Въ эту минуту, молодая дѣвушка, веселая и ласковая, подошла къ нему и взяла его подъ руку.

— Коо! вскричалъ онъ восхищенный.

— Нѣтъ, отвѣчала красавица,—не Коо, а Кетъ, спасенная вами на Энгіенскомъ озерѣ.

— Не удивляйся, шепнулъ чортъ на ухо Ландри.—Ты заслуживалъ, чтобы тебѣ возвратили твою добрую жену, которая, не смотря на могущество чортова волоса, все таки не могла бы тебя забыть. Я перенесъ ее сюда и далъ ей семью; ты обвѣнчаешься съ нею еще разъ.

— Во второй разъ!

— Да, во второй разъ! это будетъ твоей наградой.

— Жениться два раза на хорошихъ, очень пріятно, ну а на дурныхъ? спросилъ Ландри. Асмодей промолчалъ...

— Какой странный сонъ я видѣлъ! вскричалъ Фелисьенъ, просыпаясь на другой день послѣ своей помолвки. Увидясь съ невѣстой, онъ былъ особенно нѣженъ съ нею, точно просилъ прощенія у нея за измѣну во снѣ.

Чѣмъ же все окончилось? Конечно, женитьбой Фелисьена на Клемансъ, а Ландри на Кетъ. Они живутъ счастливо и имѣютъ по нѣскольку дѣтей, о существованіи которыхъ микадо, разумѣется, и не подозрѣваетъ.

Атакама и Караколесъ.

(*Продолженіе.*)

Будучи инженеромъ, я поспѣшилъ изъ Вальпарайзо въ Атакаму, съ цѣлью выработать свой самостоятельный проектъ желѣзной дороги, поставивъ себѣ главною задачею сравнительно небольшую стоимость предпріятія, что по мнѣнію людей компетентныхъ, считалось неисполнимымъ.

Конечный пунктъ проектируемаго сообщенія —рудоносное плато—былъ извѣстенъ. Требовалось отыскать подходящую исходную точку на берегу моря. Съ этою цѣлью я направился опять вдоль боливійскаго прибрежья, чтобы изслѣдовать его характеръ и остановиться на пунктѣ, наиболѣе соотвѣтствующемъ выгодѣ предпріятія.

Прибрежья Атакамы по всему своему протяженію имѣютъ одинаковый характеръ. Берегъ сплошною обрывистою стѣною упирается плотно въ море, не оставляя достаточнаго пространства, на которомъ бы можно было положить основанія новому поселенію. Вездѣ дикія, отвѣсныя каменныя массы, покрытыя слоемъ гуано и кишащія несмѣтными стаями морскихъ птицъ. Въ сплошной прибрежной каменной стѣнѣ есть только двѣ значительнѣйшія бреши: одна на чилійскомъ прибрежьи, гдѣ лежитъ Кальдера, другая въ Мехильонесѣ. Здѣсь, вмѣсто отвѣсныхъ крутизнъ, разстилается пологій и безопасный берегъ, покрытый морскимъ пескомъ и раковинами, и благопріятствующій постройкѣ и развитію болѣе обширныхъ поселеній.

Не слѣдуетъ, однакожъ, упускать изъ вида одного, очень важнаго, впрочемъ, неудобства этого прибрежья—частыхъ землетрясеній. Во время моего пребыванія замѣчалось иногда по нѣсколько колебаній въ недѣлю, иногда даже по два раза въ сутки. Разумѣется, колебанія были незначительны. Но случается, хотя довольно рѣдко, что землетрясеніе обнаруживается съ ужасною энергіею. Подземный толчекъ вытѣсняетъ волны океана, которыя устремляются на прибрежье и затѣмъ съ невѣротною стремительностью отливаютъ на свое мѣсто, унося въ океанъ все, что имъ попалось на пути. Такая катастрофа случилась 13 августа 1868 года, и прибрежные города Арика, Мегіа, Каталь, Пакоча и Бомбонъ были стерты разъяренною стихіею съ лица земли.

На боливійскомъ прибрежьи находится пять портовъ: Кобиха, Мехильонесъ, Антофагоста, Токопилля и ля-Калета-де-Гуанилло. Изслѣдовавъ обстоятельно эти порты, я пришелъ къ заключенію, что, обладая отличнѣйшею гаванью и свойствами берега, не препятствующаго разростанію поселенія, портъ Мехильонесъ занимаетъ первое мѣсто среди портовъ боливійскаго прибрежья и потому, естественно, изысканія мои остановились на этомъ пунктѣ, какъ на исходной точкѣ проектируемой желѣзной дороги. Къ тому же видъ поселенія измѣнился значительно къ лучшему. Городокъ расширился и украсился, а открытіе минеральныхъ сокровищъ въ пустынѣ вызвало внезапный приливъ новыхъ поселенцевъ, такъ что населеніе города достигло двухъ тысячъ.

Я учредилъ здѣсь свою главную квартиру и отсюда дѣлалъ свои экскурсіи и изысканія въ безбрежной и непривѣтной Атакамѣ. Я, конечно, зналъ всѣ трудности, сопряженныя съ путешествіемъ въ этой американской Сахарѣ и прежде всего постарался запастись свѣдущимъ проводникомъ, или, по мѣстному «вакеано». Нуженъ большой навыкъ, чтобы оріентироваться въ этомъ морѣ раскаленнаго песку. Общій видъ пустыни измѣнчивъ до крайности. Чуть подуетъ порывистый южный вѣтеръ, какъ цѣлые столбы раскаленнаго песку поднимаются на воздухъ и горизонтъ принимаетъ багровый цвѣтъ. Солнце скрывается за этою песчаною занавѣсью. Верхушки песчаныхъ холмовъ, раздутыя вѣтромъ, желтою тучей клубятся въ воздухѣ, какъ дымъ надъ кратеромъ вулкана. Песчаныя волны мчатся съ южныхъ склоновъ холмовъ и падаютъ въ ложбинахъ на сѣверной ихъ сторонѣ съ шипѣніемъ, похожимъ на свистъ пара, вырывающагося сквозь отверстіе предохранительнаго клапана паровика. Мѣстность дѣлается неузнаваемой: тамъ, гдѣ до этого было едва замѣтное возвышеніе, является вдругъ коническая вершина значительныхъ размѣровъ; здѣсь холмъ смѣнился небывалою прежде лощиною. Всѣ руководящія примѣты пути пропадаютъ безслѣдно и только одинъ вакеано, проводникъ по пустынѣ, достойный соперникъ своего сахарскаго коллеги «кебиры», съумѣетъ оріентироваться въ этомъ хаосѣ новыхъ холмовъ и новыхъ долинъ. Отъ него зависитъ весь успѣхъ экспедиціи, въ его рукахъ даже жизнь тѣхъ, кому онъ служитъ провожатымъ. Стоитъ ему ошибиться, свернуть съ пути и миновать какое-нибудь уединенное поселеніе или лужу воды — и всему каравану угрожаютъ страшныя пытки смерти отъ жажды, истощенія силъ и лишеній...

Вакеано, этотъ рулевой на песчаномъ океанѣ, долженъ не только обстоятельно помнить всякую незначительнѣйшую особенность мѣстности, но и умѣть подмѣтить тѣ малѣйшія, неуловимыя примѣты, которыя незамѣтно ускользаютъ отъ непривычнаго глаза. Такъ мнѣ самому приходилось видѣть нѣсколько разъ, какъ вакеано опредѣлялъ мѣстность по вкусу частицъ почвы. Большую услугу оказываетъ ему днемъ солнце, а ночью яркій свѣтъ южныхъ созвѣздій. Созвѣздія Центавра, Магеллана, Оріонъ, въ которомъ индѣйцы различаютъ лассо бога охоты, пробѣгающаго небесныя саванны, а также Южный Крестъ, четыре звѣзды котораго самымъ точнымъ образомъ опредѣляютъ четыре главныя страны неба, —вотъ указатели, руководящіе движеніями вакеано. Будучи авантюристомъ по природѣ, по привычкѣ и по необходимости, онъ необыкновенно честенъ, отваженъ, ловокъ и находчивъ въ опасности. Нельзя неудивляться хладнокровію и выносливости вакеано: послѣ длиннаго и утомительнаго перехода, утоливъ кое-какъ голодъ и жажду, онъ не ляжетъ спать, не осмотрѣвъ тщательно всѣхъ вьючныхъ животныхъ каравана, чтобы на завтра не встрѣтилось препятствія дальнѣйшему слѣдованію. Кромѣ того вакеано играетъ роль врача: онъ умѣетъ залечивать раны и обладаетъ секретами разныхъ лекарствъ. Всѣ эти качества дѣлаютъ личность вакеано крайне симпатичною и онъ пользуется всеобщею любовью всѣхъ окрестныхъ жителей.

Въ обществѣ вакеано пустыня въ глазахъ вашихъ начинаетъ пріобрѣтать даже нѣкоторыя прелести, особенно если ваше путешествіе не обусловливается необходимостью и вы углубляетесь въ пустыню добровольно, движимый мыслію піонера цивилизаціи оживить эти мертвыя равнины. О, тогда вы въ состояніи полюбить ея непривѣтныя картины такъ же страстно, какъ страстно любитъ морякъ грозныя картины безбрежнаго океана.

Сборы и приготовленія къ предстоящему моему путешествію были особенно тщательны, такъ-какъ я старался предусмотрѣть все, что только могло способствовать успѣху моихъ изысканій. Первою заботою моею было запастись достаточнымъ количествомъ воды, опредѣляя, какъ потомъ оказалось, вполнѣ разумно ежедневную порцію отъ 3—4 бутылокъ на человѣка. Что касается продовольствія, то караваны запасаются обыкновенно консервами и сухарями. Туземцы берутъ съ собою еще такъ-называемое «шарки» (бычачье мясо, разрѣзанное на тонкія и длинныя полосы и завяленное на солнцѣ) и кукурузную муку, изъ которой стряпаютъ свою любимую похлебку мазамору, по правдѣ сказать, ужасную мерзость, которую, однакожь, по необходимости, я уписывалъ апетитнѣйшимъ образомъ. Вы не можете себѣ представить, какъ можетъ опротивѣть безпрерывное употребленіе консервовъ, даже самыхъ лучшихъ. Вы начинаете съ отвращеніемъ содрогаться при одномъ видѣ консервной жестянки. Но за то съ какою жадностью вы набрасываетесь въ первомъ попавшемся поселеніи на бифштексъ, овощи и въ особенности на свѣжій, настоящій хлѣбъ! Только моряки знаютъ цѣну этому наслажденію. Къ счастью, не смотря на крайнее утомленіе отъ продолжительной верховой ѣзды и трудовъ, обусловленныхъ цѣлью моего путешествія, я, противъ ожиданія, не испытывалъ упорныхъ домогательствъ апетита и вообще ѣлъ очень умѣренно. Теперь я понялъ воздержность араба, который, въ своихъ продолжительныхъ переходахъ по пустынѣ, довольствуется горстью финиковъ. Но если апетитъ дѣйствуетъ не особенно энергично, за то томитъ страшная жажда, которую приходится утолять съ постоянною предусмотрительностью о будущемъ, такъ-какъ, въ случаѣ недостатка воды, физическая и нравственная энергія пустынниковъ ослабѣваетъ, слѣдуетъ общее разстройство организма и вскорѣ затѣмъ мучительная смерть. Вьючныя животныя, быки и мулы, хотя и могутъ переносить жажду дольше другихъ животныхъ, но при продолжительномъ безводіи начинаютъ слѣпнуть.

На муловъ нагружается весь запасъ воды, припасовъ и все хозяйство каравана. Вода хранится въ эллиптическихъ боченкахъ, вмѣстимостью отъ 16—20 гарнцевъ. Если дорога не особенно крута, то каждый мулъ навьючивается двумя, или тремя такими боченками. Провизія укладывается въ кожаные мѣшки, перевязанные ремнями. Мулы идутъ сами, вслѣдъ за своимъ проводникомъ, «арьеро», личностью столь-же важною для каравана, какъ и самъ вакеано. Обязанность арьеро — сѣдлать и навьючивать муловъ. Сѣдло муловъ сдѣлано изъ нѣсколькихъ бараньихъ кожъ, прикрѣпленныхъ къ спинѣ животнаго кожаною подпругою. Какъ ни удобны, повидимому, эти сѣдла, но европейцы предпочитаютъ имъ англійскія или американскія. Я выбралъ себѣ американское сѣдло, сверхъ котораго прикрѣпилъ нѣсколько шкуръ. Что касается лассо, то нуженъ большой навыкъ и умѣнье пользоваться имъ. Гораздо важнѣе запастись револьверомъ, нѣкоторыми необходимыми мелочами и приборами, а также бутылкою кофе съ коньякомъ, но безъ сахара. Сзади сѣдла прикрѣпляется запасная понча, родъ плаща, существенная часть одежды туземца. Это четыреугольный кусокъ полосатой шерстяной матеріи, съ продѣланнымъ посрединѣ отверстіемъ, въ которое просовывается голова. Дорогія пончи, цѣною отъ 150—500 франковъ, выдѣлываются изъ мягкой шерсти вигони и имѣютъ природный темно-бурый цвѣтъ; но женщины, занимающіяся ихъ производствомъ, знаютъ секретъ окрашивать ихъ въ яркія полосы. Необходимо имѣть двѣ различныя пончи: одну легкую, другую болѣе плотную. Въ этихъ широтахъ въ пустынѣ днемъ бываетъ нестерпимый зной, а ночью почва испускаетъ въ атмосферу весь запасъ, пріобрѣтенный ею за день теплоты, и температура можетъ понизиться до точки замерзанія. Слѣдуя примѣру арабовъ, запасающихся нѣсколькими плащами, для путешествія по Атакамѣ нужно имѣть нѣсколько пончъ, чтобы охранить себя отъ постоянныхъ и чрезвычайно рѣзкихъ колебаній температуры.

Къ пончѣ прибавьте брюки, засученные въ высокіе сапоги желтой кожи и вы будете имѣть понятіе о костюмѣ туземца. Костюмъ европейца дополняется еще короткимъ кафтаномъ и полотнянымъ жилетомъ, вмѣсто чего можно отказаться отъ употребленія туземныхъ гигантскихъ шпоръ, желѣзныхъ или серебряныхъ, съ кольцами отъ 6—10 сантиметровъ въ діаметрѣ. По крайней мѣрѣ, я остался вѣренъ обыкновенной стальной французской шпорѣ. Точно также, несмотря на всѣ увѣщанія, я не рѣшился измѣнить лошади для мула и, кажется, не безъ основанія. Чилійская лошадь обладаетъ вѣрностью шага и выносливостью мула и хотя уступаетъ ему въ умѣніи карабкаться на очень крутыя возвышенія, но за то имѣетъ передъ муломъ другое неоцѣненное преимущество — быстроту бѣга. На одной и той же лошади я въ 47 часовъ проѣхалъ 200 верстъ по пустынѣ, останавливаясь два раза во время самаго сильнаго жара на отдыхъ и не забывая натирать ноги лошади коньякомъ и мазать на восходѣ солнца копыта жиромъ. Можно ли думать о такой прогулкѣ на мулѣ?

Обезпечивъ себя достаточнымъ количествомъ воды и провіанта, хорошимъ скакуномъ и преданными, энергическими спутниками, смѣло можно углубиться въ сердце пустыни. По моему, важнѣйшее условіе успѣха въ этомъ случаѣ — сокращенный до минимума персоналъ экспедиціи. Рѣдко мнѣ приходилось брать съ собою болѣе двухъ постоянныхъ моихъ спутниковъ: слуги Степана Бельте, помогавшаго мнѣ въ топографической съемкѣ мѣстности, и опытнаго вакеано Альмендара. Случалось, что по три и по четыре мѣсяца мы не разставались съ пустыней, все это время не встрѣчая живой души, и я убѣжденъ, что именно нашей малочисленности мы обязаны тѣмъ, что преодолѣли всѣ трудности и препятствія странствованія въ пустынѣ. Подобная немноголюдная экспедиція обезпечивается сравнительно небольшимъ запасомъ воды и провіанта, что, въ свою очередь, требуетъ незначительнаго числа вьючныхъ животныхъ. Что-же касается могущихъ встрѣтиться опасностей, то, мнѣ кажется, что трое сильныхъ, рѣшительныхъ и преданныхъ своему начальнику людей въ состояніи дать отпоръ въ случаѣ нападенія.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

* * *

Нечеловѣческая месть.

Романъ Анри Тесье.

(*Продолженіе.*)

Часть вторая.

Глава II.

Счастливая дѣвушка, превратившаяся въ несчастную женщину.

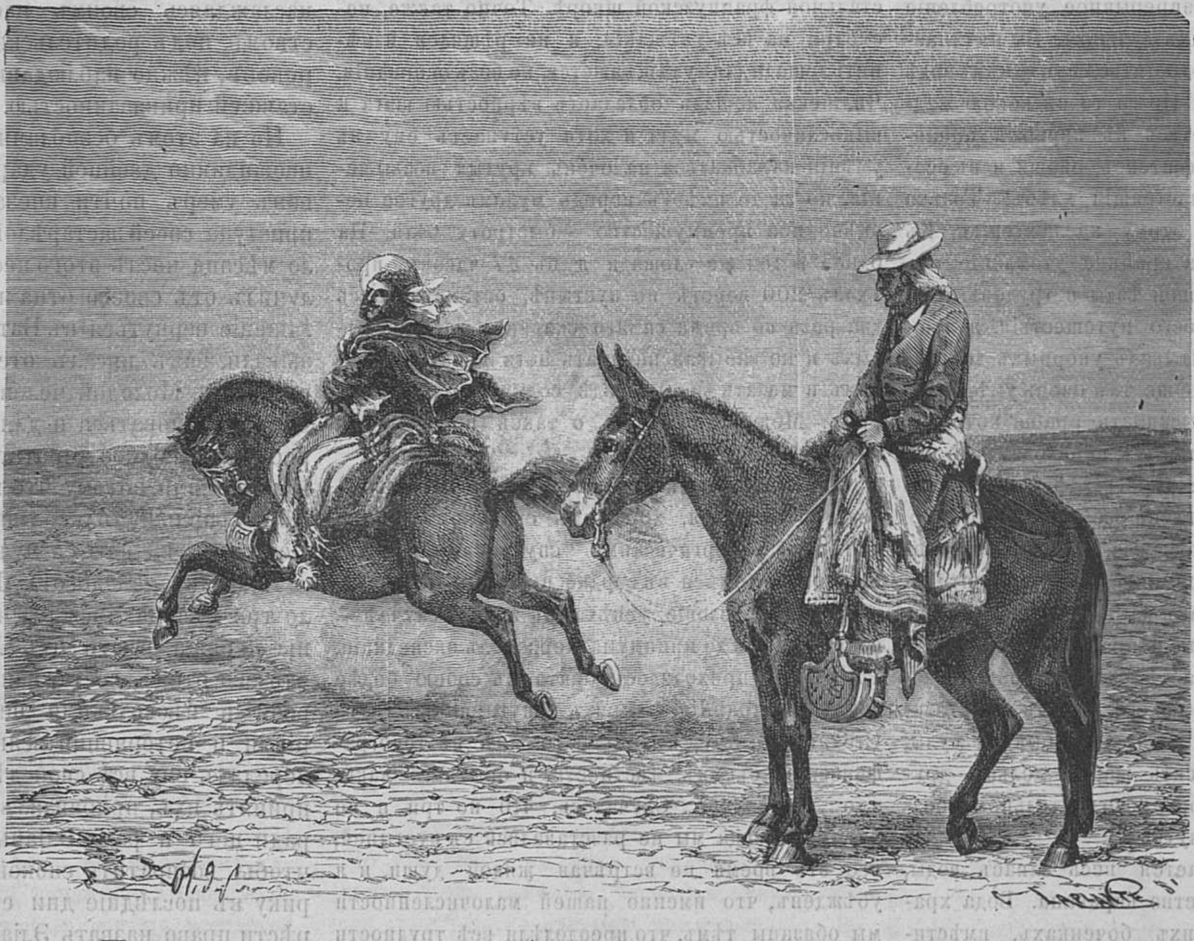
Де-Круа-Нивонъ служилъ прежде во флотѣ. Выйдя въ отставку, вслѣдстіе упорной лихорадки, пріобрѣтенной имъ въ его продолжительную бытность въ Мадагаскарѣ и разрушившей его здоровье, онъ поселился съ своею женою и дочерью, Эліаною, въ маленькомъ помѣстьѣ, которое имѣлъ возлѣ Блуа. Кромѣ этихъ трехъ лицъ, въ домѣ былъ еще одинъ членъ семьи: Анри Ван-Линденъ, красивый двадцатилѣтній юноша, пріѣхавшій изъ Батавіи, чтобы докончить свое образованіе и выучиться французскому языку. Онъ былъ сынъ богатаго явскаго колониста, связаннаго съ отставнымъ морякомъ давнишнею, почти братскою дружбою, и, потому не могъ отказаться отъ гостепріимства въ домѣ Круа-Нивона. Онъ жилъ, такимъ образомъ, уже два года въ этой радушной семьѣ. Эліанѣ едва исполнилось шестнадцать лѣтъ и она обладала тою ясною и поэтичною красотою, которая вызываетъ всеобщее обожаніе. Молодые люди вызывались роковымъ образомъ на любовь, — и они полюбили другъ друга. Маленькое помѣстье Круа-Нивона превратилось для нихъ въ эдемъ, полный самыхъ сладкихъ грезъ и надеждъ на будущее. Эліана и Анри были оба еще слишкомъ юны для того, чтобы желать скорѣйшаго воплощенія подобныхъ мечтаній; они, просто, проводили день за днемъ, наслаждаясь своимъ настоящимъ блаженствомъ, подъ родительскимъ взглядомъ стариковъ, нѣжно наблюдавшихъ за ихъ возроставшей привязанностью.

Но на этомъ безоблачномъ небѣ грянулъ неожиданно двойной ударъ грома. Круа-Нивонъ умеръ почти внезапно, послѣ новаго приступа своей застарѣлой болѣзни. Не прошло мѣсяца послѣ этого несчастія, и Анри получилъ отъ своего отца настоятельное приглашеніе вернуться въ Батавію, куда его призывали, какъ писалъ отецъ, самые важные интересы. Молодой человѣкъ былъ вынужденъ повиноваться и для бѣдныхъ женщинъ наступило полное сиротство, сопровождаемое и лишеніями, потому что вдова получила пенсіонъ равный только четвертой долѣ пенсіона, получаемаго ея мужемъ.

Ява такъ далеко отъ Франціи, что прошло три мѣсяца, прежде, чѣмъ были получены первыя вѣсти отъ Анри. Онъ писалъ, что его отецъ, состарѣвшійся, почти раззоренный нѣсколькими неудачными спекуляціями и потерявшій всякую бодрость духа, передалъ ему всѣ свои дѣла. «Я согласился принять ихъ, прибавлялъ Анри,—согласился ради него и ради Эліаны. Я буду работать, чтобы возвратить спокойствіе бѣдному старику въ послѣдніе дни его жизни и пріобрѣсти право назвать Эліану моею женой. Положитесь на меня, дорогая, и вы, милая Эліана! Я не пощажу усилій, чтобы скорѣе свидѣться съ вами, и потомъ уже не разставаться болѣе никогда! Ждите меня!»

Обѣ женщины рѣшились ждать терпѣливо. Прошло два года... Въ это время вкрался въ осиротѣлый домъ, подъ видомъ участія, графъ де-Морлакъ. Онъ явился, какъ сосѣдъ, хотя, въ сущности, его замокъ находился верстахъ въ пятнадцати отъ дома г-жи Круа-Нивонъ, и сталъ открыто ухаживать за Эліаной. Г-жа де-Круа-Нивонъ, какъ предусмотрительная мать, собрала, на всякій случай, справки о новомъ знакомомъ. Она узнала, что де-Морлакъ происходитъ изъ стариннаго дворянскаго рода, очень богатъ и любитъ заниматься точными науками; но, въ то же время, ей сообщили, что онъ пользуется нехорошей репутаціей. Онъ слылъ за человѣка крайне раздражительнаго и необузданнаго; о немъ ходили скандальные разсказы, преувеличенные, быть можетъ, по провинціальному обыкновенію, но, тѣмъ не менѣе, заставлявшія приходить къ тому заключенію, что поддерживать тѣсное знакомство съ графомъ было опасно. Но онъ такъ умѣлъ очаровать мать Эліаны своимъ обращеніемъ, своимъ остроуміемъ, начитанностью, интересными разсказами о далекихъ странахъ, что она пренебрегла всѣми предостереженіями и допустила графа сдѣлаться частымъ посѣтителемъ ея дома.

Письма, приходившія отъ Анри, были рѣдки и коротки; онъ ограничивался въ нихъ нѣсколькими словами о своихъ хлопотахъ и занятіяхъ, утѣшая бѣдныхъ женщинъ только отдаленной надеждой. Г-жа де-Круа-Нивонъ думала съ ужасомъ о будущности своей дочери. Графъ не высказывалъ своихъ чувствъ, терпѣливо выжидая благопріятной минуты. Но когда прошелъ и третій годъ, не принеся никакой перемѣны въ положеніи Ван-Линдена, а г-жа де-Круа-Нивонъ пришла въ крайне стѣсненныя обстоятельства и кредиторы стали приставать къ ней съ особенною назойливостью, графъ де-Морлакъ воспользовался, однажды, отсутствіемъ Эліаны и заявилъ ея матери о своей любви къ молодой дѣвушкѣ. Г-жа де-Круа-Нивонъ притворилась очень удивленной, хотя давно предвидѣла и почти вызвала изліяніе чувствъ со стороны графа; но она сочла нужнымъ объявить ему о томъ, что Эліана связана словомъ съ другимъ человѣкомъ, и что, по этому, рѣшеніе дѣла зависитъ отъ нея одной.



Провожатые въ пустынѣ (вакеано). (Къ стат. «Атакама и Караколлесъ».)

Какія средства употребила эта мать, чтобы вырвать память объ отсутствующемъ изъ сердца, которое только и жило воспоминаніемъ о немъ? Какими доводами склонила она несчастную? Къ какой семейной дипломатіи прибѣгла она? Это тайна ловкихъ матерей... Но, въ одно прекрасное утро, городъ Блуа огласился свадебнымъ колокольнымъ звономъ. Графъ де-Морлакъ торжественно вступалъ въ супружество съ дѣвицею Эліаною де-Круа-Нивонъ!

Черезъ полтора года послѣ этого, однажды вечеромъ, Анри Ван-Линденъ явился въ знакомый домикъ, въ которомъ нашелъ только одну мать Эліаны, встрѣтившую его крикомъ ужаса. Багодаря своей энергіи и настойчивости, молодой человѣкъ вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы съ раззореніемъ; онъ былъ богатъ въ эту минуту и пріѣхалъ за Эліаной. Г-жа де-Круа-Нивонъ не могла скрыть отъ него истины. Она сказала ему, что Эліана принесла себя въ жертву ради нея..

Послѣ перваго взрыва отчаянія, молодой человѣкъ почувствовалъ одно только желаніе: увидать еще разъ Эліану и сказать ей, что онъ любитъ ее по прежнему. Г-жа де-Круа-Нивонъ старалась его удержать, но онъ оттолкнулъ ее и бросился къ замку Морлака. Сама судьба благопріятствовала роковой встрѣчѣ. Графъ былъ въ отсутствіи и Ван-Линдена встрѣтилъ въ саду передъ замкомъ Баптистъ Муленъ, бывшій слуга де-Круа-Нивона, а теперь управитель въ графскомъ имѣніи. Онъ посмотрѣлъ съ удивленіемъ, почти съ ужасомъ на молодого человѣка.

— Доложите обо мнѣ графинѣ, настойчиво повторилъ ему Ван-Линденъ.

— Позвольте мнѣ высказать вамъ совѣтъ, робко сказалъ Муленъ.

— Что такое?

— Простите мою смѣлость, но... вы, если память мнѣ не измѣняетъ, тотъ молодой человѣкъ, который былъ помолвленъ съ м-ль Эліаной?

— Онъ самый.

— Я хочу сказать, что если у васъ осталось еще сколько-нибудь привязанности къ г-жѣ де-Морлакъ, уйдите отсюда и не старайтесь никогда ее встрѣтить...

— Почему?

— Потому что ваше возвращеніе принесетъ ей несчастіе... Повторяю вамъ, какъ честный и преданный графинѣ человѣкъ, уходите скорѣе отъ этого дома, если вы не хотите быть причиною большихъ бѣдствій!

Можетъ быть, Анри не пренебрегъ бы предостереженіемъ, но случай, порождающій большую часть житейскихъ драмъ, заставилъ Эліану показаться въ эту самую минуту. Увидя Ванъ-Линдена, она поблѣднѣла, какъ смерть, хотѣла вскрикнуть, но голосъ замеръ у нея въ груди и она упала, какъ пораженная громомъ, на землю. Муленъ и Ван-Линденъ бросились къ ней и перенесли ее въ небольшую садовую бесѣдку, гдѣ положили ее на скамью.

— Вы видите, произнесъ убитымъ голосомъ старый слуга, — справедливость моихъ предсказаній!

Эліана пришла въ себя.

— Анри! сказала она и въ этомъ словѣ отразилась вся ея душа, вся ея подавленная страсть, всѣ ея скорби.

Молодой человѣкъ опустился передъ ней на колѣни. Управитель хотѣлъ отойти въ сторону, но г-жа де-Морлакъ удержала его.

— Останьтесь, Баптистъ, сказала она.— Г-ну Ван-Линдену нечего сказать мнѣ такого, что и вы не могли бы услышать.

Дѣйствительно, эти несчастные, заглушивъ свою сердечную боль, принялись разговаривать между собой, какъ совершенно посторонніе лица. Она разсказала ему о своемъ замужествѣ, о недавнемъ рожденіи сына, о спокойствіи, которымъ была окружена ея жизнь. А онъ, слушая ее, замѣчалъ съ тоскою, какъ она похудѣла и поблѣднѣла, какъ впали ея глаза, и понималъ, что она страдаетъ, что ея жизнь тяжка.

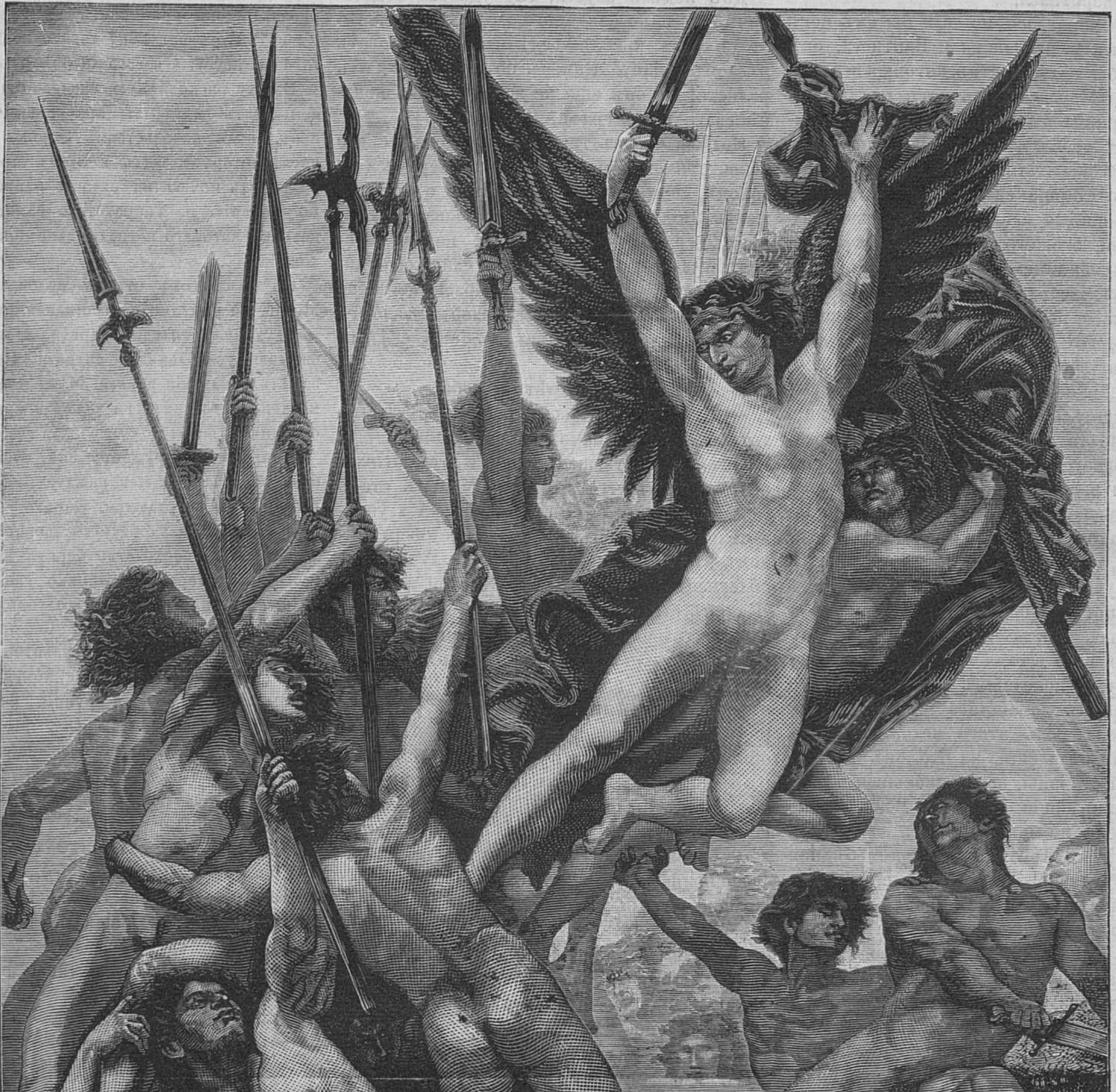
Когда Анри уходилъ, Эліана не пригласила его придти снова, а онъ забылъ спросить у нея на то позволеніе... Но они дали нѣмое обѣщаніе другъ другу еще разъ увидѣться.

Послѣ ухода молодого человѣка, Баптистъ, который стоялъ все время въ сторонѣ, какъ окаменѣлый, подошелъ къ молодой женщинѣ.

— О, графиня, сказалъ онъ умоляющимъ голосомъ, — ради ребенка, котораго далъ вамъ Господь, и того, котораго онъ готовится вамъ скоро послать, забудьте все прошлое! Оно не можетъ воскреснуть... на вашу же долю выпадутъ только слезы и раскаяніе!..

Эліана протянула руку старику и отвѣчала ему разбитымъ голосомъ:

— Если бы вы знали, Баптистъ!..



Падшіе ангелы.

Падшихъ ангеловъ гнѣвная рать,
Словно грозный и шумный потокъ,
Поднимался къ небу опять
Какъ вметаемый вихремъ песокъ.

Точно звѣздъ миріады въ ночи,
Выступали изъ тьмы ихъ войска,
Поднимая съ угрозой мечи,
Съ дикимъ крикомъ стремясь въ облака.

Каждый приступъ ихъ былъ отраженъ,
Какъ могучей скалою волна,
Но, гордыней своей ослѣпленъ,
Къ новымъ битвамъ ихъ звалъ Сатана.

— Я знаю, сказалъ онъ уныло.—Я видѣлъ и понялъ... Но вы жена другого... котораго вы изучили достаточно, и потому не можете считать моихъ опасеній преувеличенными...

— Я не дорожу жизнью! прошептала она такъ тихо, что Баптистъ едва разслышалъ ее.—Анри воротился!

Да, Анри воротился, но если бы онъ могъ заглянуть въ душу Эліаны и Баптиста, онъ ужаснулся бы тѣхъ чувствъ, которыя вселялъ въ нихъ де-Морлакъ. Баптистъ питалъ къ графу ненависть и презрѣніе, а молодая женщина, такъ необдуманно брошенная своею матерью въ объятія этого человѣка, который былъ старше ея на цѣлыя двадцать пять лѣтъ, поняла слишкомъ скоро весь его чудовищный эгоизмъ, скрывавшійся подъ ловко надѣтой, лицемѣрной личиной. Послѣ перваго разочарованія, Эліана перешла къ чувству ужаса, наконецъ, отвращенія, когда она поняла, что ея мужъ развратникъ, способный на все для удовлетворенія своихъ похотей; онъ не счелъ даже нужнымъ дождаться конца медоваго мѣсяца, чтобы возвратиться къ своему прежнему распутному образу жизни, что не мѣшало ему въ тоже время выказывать, въ отношеніи своей молодой жены, самую оскорбительную и ни чѣмъ не оправдываемую ревность. Доводя свою злобу до свирѣпости, мстительный, онъ обратилъ существованіе своей жены въ рядъ ужасныхъ потрясеній.

При своихъ частыхъ отлучкахъ, въ цѣли которыхъ онъ не всегда могъ сознаться, де-Морлакъ счелъ полезнымъ обратить своего камердинера въ домашняго шпіона. Эліана скоро угадала роль этого человѣка и держала его въ отдаленіи, за что онъ мстилъ ей съ своей стороны, перетолковывая всѣ ея самые невиннѣйшіе поступки. Возвращеніе Ванъ-Линдена не могло не дать страшнаго оружія въ руки этого тайнаго врага бѣдной женщины. Однакожь, этотъ человѣкъ, по имени Жаменъ, не тотчасъ узналъ о возвращеніи креола. Прошло два мѣсяца прежде, чѣмъ ему сдѣлалась извѣстною взаимная любовь Эліаны и Анри.

Ван-Линденъ, понимая все, что могло угрожать Эліанѣ въ случаѣ малѣйшей неосторожности съ его стороны, сдерживалъ порывы своей страсти. Молодая женщина, въ своемъ прямодушіи и невинности, обращалась съ нимъ тоже такъ сдержанно, что Баптистъ, сторожившій ихъ обоихъ какъ преданная собака, называлъ, по справедливости, ихъ привязанность какою-то неземной. И онъ ласкалъ себя надеждою, что какая-нибудь случайность устранитъ живое препятствіе съ пути счастія Эліаны и даруетъ ей еще блаженные дни...

Такъ прошло лѣто. Анри и Эліана часто видѣлись въ паркѣ, гдѣ молодая женщина стала гулять ежедневно по вечерамъ, подъ охраною своего управителя. Если Морлакъ возвращался домой на нѣкоторое время, то Анри не показывался, ограничиваясь страстными письмами, которыя передавалъ черезъ Баптиста. Съ отъѣздомъ графа, свиданія возобновлялись. Но наступила осень, началась непогода, листва съ деревьевъ опала и встрѣчи молодыхъ людей сдѣлались менѣе безопасными. Посчастливилось, наконецъ, и Жамену, тщетно подстерегавшему несчастныхъ! Онъ увидалъ, однажды, Эліану, которая шла, въ сопровожденіи Баптиста, къ рѣкѣ. Прячась, затаивая дыханіе, шпіонъ ползъ за ними, какъ змѣя, и увидалъ, что ихъ встрѣтилъ красивый молодой человѣкъ, одѣтый щеголевато. Этотъ незнакомецъ разстался съ графиней послѣ продолжительной бесѣды и обмѣниваясь съ нею нѣсколькими пожатіями руки. Восхищенный добытою уликою, Жаменъ возвратился незамѣтно въ замокъ, но, по особому разсчету, на этотъ разъ не сказалъ ничего Морлаку.

Двѣ недѣли спустя, ему удалось подстеречь еще одно свиданіе молодыхъ людей. Въ этотъ разъ, креолъ осмѣлился поцѣловать въ лобъ Эліану. Жаменъ потиралъ руки отъ радости! Но онъ еще не зналъ имени неизвѣстнаго друга графини.

Недѣли черезъ три, Эліана родила второго сына, причемъ графъ поспѣшно вернулся въ замокъ, при первомъ извѣстіи о болѣзни жены. Во все время его пребыванія, Жаменъ держался въ сторонѣ, находя, вѣроятно, добытыя улики еще слишкомъ ничтожными. Наконецъ, Морлакъ снова уѣхалъ. Положеніе Эліаны обезоруживало его ревность на время; однакожь, онъ сказалъ своему шпіону:

— Продолжай смотрѣть въ оба!

— Будьте покойны, г. графъ! отвѣчалъ тотъ съ весьма значительною улыбкою.

Онъ подвинулся въ своихъ открытіяхъ; онъ замѣтилъ, что Баптистъ Муленъ сталъ слишкомъ часто получать письма. «А, г. управитель! думалъ онъ,—вы служите посредникомъ въ тайной перепискѣ! Тѣмъ лучше! Это облегчаетъ мою работу». Съ этой минуты, Жаменъ сталъ принимать самъ всѣ письма отъ почтальона, причемъ, удерживалъ одно изъ трехъ или четырехъ, приходившихъ на имя Баптиста изъ Парижа, гдѣ находился въ то время Анри. Въ первомъ украденномъ письмѣ, за подписью «Анри», шли общія увѣренія въ преданности, сожалѣніе о прошедшемъ, но ничего компрометирующаго не было. Въ концѣ письма Анри говорилъ, что напалъ на слѣдъ дурного дѣла,—можетъ быть, даже преступленія,—совершеннаго единственнымъ существомъ, которое онъ былъ способенъ ненавидѣть...

— Онъ подразумѣваетъ графа, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія! рѣшилъ Жаменъ.—Что касается любовныхъ отношеній между молодымъ человѣкомъ и нашей графинею, пока еще нѣтъ ничего... посмотримъ, что будетъ далѣе. Ясно, что молодчикъ былъ влюбленъ въ красавицу еще до ея свадьбы... Слѣдовательно не мудрено узнать его имя въ Блуа.

Онъ спряталъ письмо и отправился въ городъ. Воротясь назадъ, онъ уже зналъ, что Эліана де-Круа-Нивонъ была прежде помолвлена за Анри Ван-Линдена...

Продолжая перехватывать нѣкоторыя письма на имя Баптиста, Жаменъ убѣждался въ томъ, что страсть Анри разгорается. Молодой человѣкъ, раздраженный разлукой, изливалъ свою любовь въ страстныхъ словахъ, проклиная препятствіе, разлучившее его съ любимою женщиною. Онъ прибавлялъ: «Этотъ человѣкъ способенъ на все, я убѣжденъ въ этомъ и ищу теперь только возможность его уличить... Когда я получу это доказательство, я вернусь въ Блуа и тогда...»

«Какую улику онъ ищетъ?» подумалъ Муленъ, ломая себѣ голову надъ этой загадкой.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Братья Кайроли.

(Рис. въ № 44 «Жив. Об.»).

Однимъ изъ печальныхъ эпизодовъ гарибальдійской экспедиціи противъ Рима была стычка, въ которой погибли братья Кайроли, отличившіеся своимъ мужествомъ и выдающимися военными способностями.

Въ то время, когда Гарибальди сражался подъ Монтеротондой, управляющій движеніемъ въ пользу присоединенія Рима къ итальянскому королевству, комитетъ, вошелъ въ соглашеніе съ гарибальдійцами. Было рѣшено, что отрядъ гарибальдійцевъ проникнетъ въ Римъ ночью съ 22 на 23 октября 1867 года и поддержитъ подготовленное уже возстаніе римлянъ.

Въ эту рискованную экспедицію отправились семьдесятъ молодыхъ храбрецовъ гарибальдійцевъ, подъ начальствомъ Энрико Кайроли, въ числѣ которыхъ былъ и братъ его Іоанно. Отрядъ сѣлъ ночью на суда и направился внизъ по теченію р. Тибра, того самого Тибра, въ волнахъ котораго погибли двое братьевъ Гракховъ.

Съ разсвѣтомъ отрядъ подошелъ къ мосту Молле, но римляне не трогались; они не сдержали даннаго слова. Гарибальдійцы напрасно ожидали условленнаго сигнала. Наконецъ, ихъ замѣтили папскія войска. Мужественный отрядъ медленно отступилъ на холмъ и приготовился къ отчаянной защитѣ.

Непріятель окружаетъ ихъ, атакуетъ... гарибальдійцы защищаютъ каждую пядь земли, погибаютъ, но не сдаются. Энрико и Іоанно Кайроли сражаются впереди съ львиной отвагой, но численное превосходство беретъ перевѣсъ надъ мужествомъ героевъ... Энрико упалъ мертвымъ, рядомъ съ нимъ Іоанно, получившій тяжелую рану.

Молодой итальянскій скульпторъ, Геркулесъ Роза взялъ этотъ послѣдній моментъ печальной драмы темой для своей группы. Фигуры обоихъ Кайроли сдѣланы мастерски. Можно указать только на одну ошибку: положеніе руки Іоанно Кайроли показываетъ, что будто бы онъ направилъ дуло револьвера съ цѣлью самоубійства, но этого не было.

Геркулесъ Роза получилъ за свою группу премію въ 5,000 лиръ. Эксперты, присуждая ему эту награду, ходатайствуютъ вмѣстѣ съ тѣмъ предъ римскимъ муниципалитетомъ объ ассигнованіи ему средствъ для изготовленія этой группы изъ мрамора и постановки ея на одной изъ площадей города Рима.

Давидъ Гаррикъ.

Снимокъ съ картины Рейнольдса.

(Рис. въ № 45 «Жив. Об.»)

Въ 1741 году въ одномъ изъ городовъ Англіи, въ Ипсвичѣ, выступилъ въ роли Ричарда III новый актеръ. Успѣхъ его былъ громадный и скоро онъ появился на одной изъ лондонскихъ сценъ въ той же роли и съ тѣмъ же успѣхомъ. Пробывъ въ слѣдующемъ году короткое время въ Дублинѣ, молодой артистъ снова вернулся въ Лондонъ и сдѣлался любимцемъ публики, играя до 1745 года на Друрилэнскомъ театрѣ. Въ этомъ году онъ опять отправился въ Дублинъ, чтобы взять на себя дирекцію одного изъ театровъ вмѣстѣ съ Томасомъ Шериданомъ, но ему не долго пришлось пробыть здѣсь: его пригласили въ Лондонъ на ковенгарденскій театръ, а въ 1747 году ему удалось купить вмѣстѣ съ Ласи Друрилэнскій театръ, гдѣ молодой артистъ и попробовалъ снова пробудить въ публикѣ вкусъ къ шекспировскимъ пьесамъ. Этотъ геніальный артистъ и энергичный пропагандистъ шекспировскихъ произведеній былъ Давидъ Гаррикъ. Его судьба была довольно странная. Онъ родился 20 февраля 1716 лода въ Гересфордѣ; до 1737 года онъ работалъ въ конторѣ своего дяди, богатаго лиссабонскаго виноторговца; потомъ онъ занялся изученіемъ правъ; затѣмъ опять занялся торговымъ дѣломъ и открылъ со своимъ братомъ виноторговлю. Но среди всѣхъ этихъ очень прозаическихъ занятій его не покидала страсть къ театру, къ Шекспиру, къ писательству и уже на двадцать пятомъ году жизни онъ отдался всецѣло своимъ завѣтнымъ мечтамъ со всею страстностью своей натуры, напоминавшей о его французскомъ происхожденіи. (Фамилія Гаррика принадлежала семьѣ французскихъ протестантовъ Гарриковъ, бѣжавшихъ въ Англію.) Сдѣлавшись артистомъ, онъ создалъ сотни ролей, сотни типовъ, изъ которыхъ Ричаръ III, Ромео, Макбетъ были его коронными ролями. Гаррикъ былъ человѣкъ средняго роста, съ правильными чертами лица, съ пламеннымъ взглядомъ, съ звучнымъ и мелодичнымъ голосомъ; его физіономія могла выражать самые малѣйшіе оттѣнки самыхъ различныхъ и часто противоположныхъ чувствъ; комедія и высокая трагедія были одинаково доступны ему. Послѣднее обстоятельство подало мысль знаменитому художнику Рейнольдсу написать картину, снимокъ съ которой мы помѣстили въ № 45 своего журнала. Рейнольдсъ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ англійскихъ портретистовъ XVIII вѣка, изобразилъ Гаррика стоящимъ какъ бы на распутьи. Съ одной стороны его влечетъ къ себѣ мрачная муза трагедіи, списанная Рейнольдсомъ съ мистрисъ Сидонсъ; съ другой — артисту улыбается веселая муза комедіи, списанная художникомъ съ Теофиліи Пальмерсъ, племянницы Гаррика. Дѣйствительно, Гаррику было трудно рѣшить какому амплуа посвятить себя исключительно и онъ, какъ всѣ геніальные артисты, умѣлъ создавать одинаково цѣльно самые разнородные типы. Какъ драматическій писатель, Гаррикъ написалъ не мало очень сценичныхъ пьесъ. «Слуга-лгунъ», «Пятнадцатилѣтняя дѣвушка», «Лиллипутъ», «Опекунъ», «Тайный бракъ», «Свѣтскость въ передней», «Свѣтскость въ салонѣ», «Отчего это зависитъ». «Внѣшняя сторона брака», «Дульенская дѣвушка», «Ирландская вдова», всѣ эти пьесы Гаррика имѣли успѣхъ и цѣнились публикой. «Тайный бракъ» и теперь считается репертуарной пьесой. Первое изданіе пьесъ Гаррика было сдѣлано къ Лондонѣ въ двухъ томахъ въ 1785 году, а второе въ 1798 году въ трехъ томахъ. Французское изданіе было сдѣлано въ 1784 и въ 1807 годахъ. Кромѣ пьесъ, стиховъ, мелкихъ замѣтокъ Гаррикъ оставилъ крайне интересные мемуары, изданные въ Англіи сначала въ 1780 году, а потомъ въ 1831 — 32 г. Гаррикъ является не просто геніальнымъ артистомъ, но типомъ европейскаго артиста, т. е. артиста, образованнаго не на мѣдные гроши, изучавшаго искуство, видѣвшаго не одно свое родное захолустье, много путешествовавшаго и сталкивавшагося съ самыми разнообразными слоями общества. Только такой артистъ можетъ сознательно вести впередъ то искуство, которому онъ служитъ. Въ 1752 году Гаррикъ предпринялъ путешествіе во Францію, потомъ въ Италію. Послѣ смерти Ласи онъ остался единственнымъ директоромъ своего театра, гдѣ игралъ до 1776 года. Послѣ тридцати пяти лѣтъ артистической дѣятельности Гаррикъ сошелъ со сцены и умеръ 20 января 1779 году, оставивъ громадное состояніе, доходившее до 140,000 фунтовъ стерлинговъ. Гаррикъ удостоился чести быть погребеннымъ въ Вестминстерскомъ аббатствѣ у подножія памятника, посвященнаго Шекспиру.

Портреты Гаррика оставили намъ: Гейнсбургъ —обыкновенный портретъ; Гогартъ — портретъ Гаррика съ женой въ роли Ричарда III и наконецъ Рейнольдсъ—портретъ артиста въ аллегорической сценѣ, переданной въ нашемъ журналѣ. Біографій Гаррика много: Фицжеральдъ, Дэвисъ, Мюрфи, Стикотти, Ремондъ, Блазисъ оставили его жизнеописанія на англійскомъ, французскомъ и итальянскомъ языкахъ; кромѣ того извѣстны пьесы: Арс. Гуссе «Двойной Гаррикъ» и Ж. Дюваля и Дейнгардштейна «Гаррикъ въ Бристолѣ».

Настигнутые бѣглецы.

(Рис. № 46 «Жив. Об.» стр. 321.)

Картина говоритъ сама за себя. Всякій, взглянувъ на нее, увидитъ, что темой ея служитъ семейная драма. Красивая, молодая дѣвушка, принадлежащая, быть можетъ, къ богатому, даже знатному семейству, настигнута, вмѣстѣ съ товарищемъ своего бѣгства, молодымъ, тоже красивымъ юношей,— какимъ-нибудь бѣднымъ родственникомъ или учителемъ въ домѣ, — своею матерью на постояломъ дворѣ. Всѣ лица картины дышатъ правдой. На физіономіи матери, успѣвшей догнать бѣглецовъ, написано горе и укоръ. Старый слуга сзади ея сочувствуетъ ей, хотя ему и очень жаль бѣдную молодую дѣвушку, которая выросла на его глазахъ. Прочіе случайные зрители сцены выражаютъ разнымъ образомъ свое участіе въ бѣглецамъ. На лицѣ нѣкоторыхъ—простое любопытство; другіе сердечно соболѣзнуютъ о происшедшемъ. Группа двухъ главныхъ героевъ превосходна: молодая дѣвушка закрыла себѣ глаза рукою; ея лицо и вся поза проникнуты чувствомъ стыда, можетъ быть, даже и раскаянія... Въ чертахъ молодого человѣка видно тоже смущеніе, но, въ то же время, онѣ дышатъ и вызовомъ...

Чѣмъ кончится эта драма? Благословятъ-ли родители свободный выборъ сердца знатной дѣвицы и она вступитъ въ счастливый союзъ съ своимъ избраннымъ, или она склонится на увѣщанія родственниковъ, перенесетъ свою привязанность на другого, одобреннаго семейнымъ авторитетомъ человѣка, и будетъ, впослѣдствіи, вспоминать съ досадой о своемъ легкомысленномъ поступкѣ?... Можетъ быть, здѣсь и въ самомъ дѣлѣ ошибка со стороны молодыхъ людей, можетъ быть, они приняли за дѣйствительную, глубокую склонность одно романическое увлеченіе, порожденное ихъ совмѣстною тоскою въ провинціальной глуши... Во всякомъ случаѣ, сцена выхвачена изъ живого быта и художникъ создалъ одну изъ прелестнѣйшихъ жанровыхъ картинъ.

Подлинная картина, съ которой снята эта гравюра, принадлежитъ кисти художника Эдуарда Курцбауэра.

Обо всемъ.

(Фельетонныя замѣтки.)

(Недостатокъ у насъ хорошихъ дѣтскихъ книгъ. — Качества, необходимыя для дѣтскаго писателя. — Мало-извѣстный, но лучшій дѣтскій журналъ въ Россіи. —«Рождественскій сонъ», стихотворная сказка, г. А. Михайлова.—Болгарскіе дѣли, М. Артемьевой. — Главная тенденція журнала «Воспитаніе и обученіе.» — Путешествіе по Австраліи.— Статьи по естествознанію. — Выдающіяся достоинства педагогическаго отдѣла журнала.)

Каждому изъ петербургскихъ жителей извѣстно, какая масса дѣтскихъ книгъ выставляется въ витринахъ петербургскихъ книжныхъ лавокъ передъ рождественскими праздниками, какъ заманчивы эти книжки на видъ, кидаясь въ глаза своими красивыми переплетами и картинками. Между тѣмъ со всѣхъ сторонъ слышится, что дѣтскихъ книгъ у насъ нѣтъ, что дѣтямъ читать нечего. И эта жалоба какъ нельзя болѣе справедлива: хорошихъ дѣтскихъ книгъ у насъ дѣйствительно очень мало. Причину этого печальнаго факта слѣдуетъ искать въ томъ, что очень немногіе изъ посвятившихъ себя дѣтской литературѣ ясно сознаютъ, что писать для дѣтей вовсе не такъ легко, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Очень рѣдкіе изъ лучшихъ нашихъ писателей соглашаются написать одно два произведенія для дѣтей. Между тѣмъ мы видимъ, что въ западной Европѣ такіе писатели, какъ Викторъ Гюго, Жоржъ Зандъ, Диккенсъ писали для дѣтей и, конечно, ихъ произведенія составляютъ перлы дѣтской литературы. Впрочемъ, не всякій писатель, производящій талантливыя вещи для взрослыхъ, въ состояніи также талантливо писать и для дѣтей. Дѣтскій писатель долженъ имѣть спеціальный талантъ для этого дѣла. Онъ долженъ умѣть войти въ міръ дѣтей, долженъ умѣть чувствовать ихъ чувствомъ, долженъ понимать полетъ фантазіи ребенка, слиться съ ребенкомъ въ его мысляхъ и представленіяхъ. Кромѣ свѣжаго чувства и богатаго воображенія отъ дѣтскаго писателя требуется объективность въ полной мѣрѣ. Таковъ, напримѣръ, Ушинскій въ большинствѣ его разсказовъ въ «Родномъ словѣ». Дѣти до страсти любятъ читать эту книгу и вотъ гдѣ причина ея небывалаго у насъ успѣха. Произведеніе, написанное для дѣтей, должно отличаться безукоризненнымъ изложеніемъ, должно быть написано сильнымъ образнымъ языкомъ; поучительность его должна вытекать сама собою изъ произведенія однимъ возбужденіемъ хорошихъ представленій, безъ всякаго авторскаго резонерства. Къ сожалѣнію, дѣтскихъ книгъ, удовлетворяющихъ этимъ качествамъ, у насъ очень немного.

Къ этимъ немногимъ исключеніямъ принадлежатъ нѣкоторые изъ нашихъ періодическихъ дѣтскихъ изданій. Одному изъ такихъ журналовъ «Воспитаніе и обученіе» мы намѣрены посвятить нашу сегодняшнюю замѣтку.

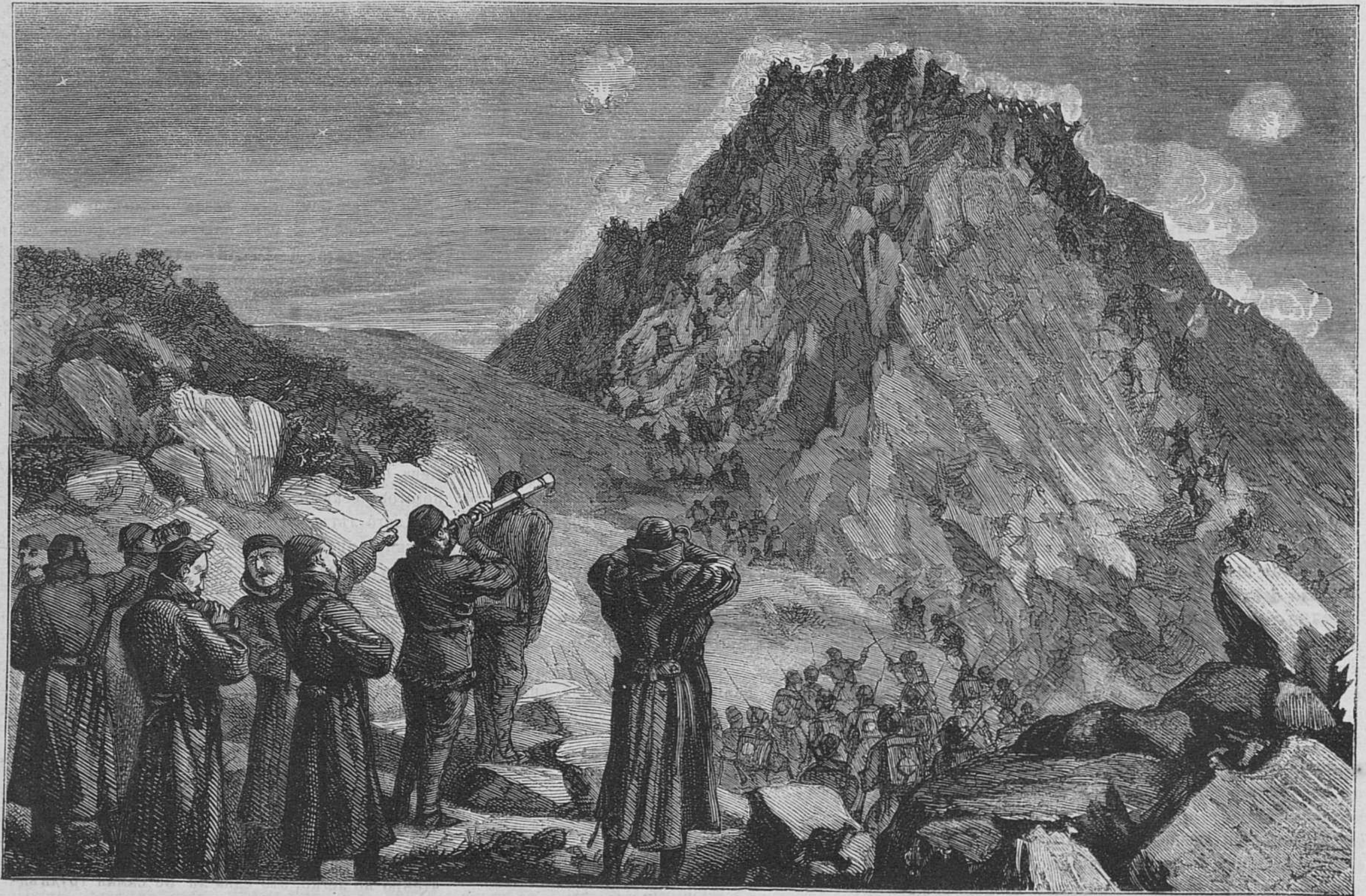
Что это за журналъ? спросятъ, можетъ быть, многіе изъ нашихъ читателей, мы даже имени его не слыхали? И дѣйствительно критика о немъ почти ничего не говорила, въ обществѣ онъ мало распространенъ, между тѣмъ «Воспитаніе и обученіе», по всей справедливости, долженъ быть названъ лучшимъ изъ всѣхъ русскихъ педагогическихъ и дѣтскихъ журналовъ.

Много лѣтъ тому назадъ одинъ изъ лучшихъ русскихъ писателей сказалъ: «Давай Богъ побольше журналовъ, плодятъ читателей они». Онъ разумѣлъ журналы для взрослыхъ, имѣвшіе несомнѣнное воспитательное значеніе для нашего общества. Но если журналы воспитываютъ взрослыхъ людей, то, разумѣется, дѣти еще болѣе должны подчиняться воспитательному вліянію журналовъ, издаваемыхъ спеціально для дѣтей. Хорошій дѣтскій журналъ для развитія страны не менѣе важенъ, какъ и хорошій политическій журналъ. Онъ уже одной своей періодичностью создаетъ въ ребенкѣ привычку къ чтенію, которая мало-по-малу переходитъ въ потребность къ постоянному чтенію. Пріучить ребенка къ чтенію не легко, это едва-ли не самая труднѣйшая задача въ воспитаніи, но не потому, чтобы у дѣтей было мало охоты читать, напротивъ, они очень любятъ и сами читать и слушать чтеніе, но потому, что дѣтямъ даютъ для чтенія очень мало такихъ произведеній, которыя могутъ интересовать и увлекать ихъ. Но если вы, родители или воспитатели, съумѣете дѣлать хорошій выборъ и давать ребенку для чтенія произведенія, возбуждающія его любознательность, или дѣйствующія въ хорошемъ смыслѣ на его чувства и воображеніе, онъ не отстанетъ отъ васъ, онъ будетъ требовать больше и больше книгъ.

Мнѣ приходится читать «Воспитаніе и обученіе» съ тремя дѣтьми (двое сами могутъ читать, а третій только слушаетъ, самъ же читать еще не можетъ) и я убѣдился, въ какой степени этотъ журналъ удовлетворяетъ своему назначенію: дать дѣтямъ хорошее чтеніе и оказывать на нихъ благотворное воспитательное вліяніе. Онъ настолько хорошо удовлетворяетъ этой двойной цѣли, что остается желать отъ него очень немногаго.

Журналъ «Воспитаніе и обученіе» только въ настоящемъ году принялъ это названіе, прежде онъ именовался «Дѣтскій Садъ». Въ прошломъ году въ составѣ его редакціи были произведены существенныя перемѣны, отразившіяся въ лучшемъ выборѣ статей и въ приданіи журналу того направленія, которое поставило его положительно во главѣ всѣхъ нашихъ дѣтскихъ журналовъ.

«Воспитаніе и обученіе» раздѣляется на 3 главные отдѣла: одинъ спеціально-педагогическій и два—для чтенія дѣтей (одинъ для старшаго возраста, другой для младшаго); каждый изъ отдѣловъ брошюруется отдѣльно и имѣетъ отдѣльную нумерацію страницъ, что очень удобно: родители и воспитатели получаютъ свой журналъ, дѣти каждаго возраста – свой.



Атака турками горы Св. Николая.

Отдѣлъ для младшаго возраста, конечно, самый труднѣйшій, въ «Воспитаніи и обученіи» составляется особенно тщательно. Дѣти, съ которыми мнѣ приходилось читать его, заинтересовывались нѣкоторыми статьями до такой степени, что заставляли читать ихъ по два и по три раза. На первомъ мѣстѣ въ этомъ отдѣлѣ, безспорно, слѣдуетъ поставить превосходную сказку въ стихахъ «Рождественскій сонъ», А. Михайлова. Дѣти зачитываются ею. Къ сожалѣнію, мѣсто не позволяетъ мнѣ выписать цѣликомъ это свѣжее, написанное сильнымъ образнымъ языкомъ произведеніе и мнѣ приходится ограничиться краткимъ его изложеніемъ. Человѣкъ небогатый, но трудящійся, вспоминаетъ въ рождественскій вечеръ о быломъ, когда онъ былъ ребенкомъ, терпѣлъ гнетущую нужду, жилъ въ сыромъ подвалѣ; въ сочельникъ онъ уснулъ и видитъ во снѣ, что какой-то голосъ зоветъ его на елку. Онъ пошелъ и увидѣлъ громадную елку, на которой было все, что тѣшитъ человѣка: золото, наряды, брилліанты, ордена, картины, статуи и множество предметовъ роскоши и рядомъ съ ними орудія труда. Какой-то незримый духъ запѣлъ ему пѣсню, въ которой предлагалъ брать на этой елкѣ все, что хочется ему, ребенку.

Едва дыша, я слушалъ эти звуки
И, только пѣснь замолкла въ тишинѣ,
Я протянулъ трепещущія руки
Къ орудіямъ труда, знакомымъ мнѣ.

Я забирать ихъ началъ торопливо,
Отъ радости волнуясь и смѣясь,
И жизнь свою такою же счастливой,
Какъ жизнь другихъ считалъ я въ этотъ разъ.

Я позабылъ невзгоды прожитыя
И новыхъ мукъ я болѣе не ждалъ,
Какъ будто всѣ сокровища земныя
Я въ этотъ мигъ въ рукахъ своихъ держалъ.

Проснулся я, но уголъ мой убогой,
Казалось мнѣ, сталъ лучше и милѣй:
Я хоть во снѣ на елкѣ былъ у Бога
Съ толпой другихъ счастливѣйшихъ людей.

Пошли опять лишенья и заботы,
Но этотъ сонъ безслѣдно не исчезъ,—
Онъ мнѣ открылъ, что честная работа
Такой же даръ, какъ всѣ дары небесъ.

И сталъ сносить я горе и тревогу
Спокойнѣе, гоня сомнѣнье прочь:
Я самъ опредѣлилъ себѣ дорогу
Въ ту вѣщую рождественскую ночь.

Очень хорошъ по простотѣ изложенія и поэтичности содержанія разсказъ г-жи М. Артемьевой «Болгарскія дѣти». Г-жа Артемьева въ понятной, увлекательной для дѣтей формѣ передала трогательный разсказъ о томъ, какъ болгарскія дѣти, во время страшнаго семидневнаго боя на Шипкѣ, носили нашимъ солдатамъ воду, подвергаясь сами опасности быть убитыми, потому что совершали свое прекрасное дѣло подъ ружейнымъ огнемъ непріятеля. Поэтически воспроизведенные образы тринадцати-лѣтней дѣвочки, Марицы, и мальчика-героя, Георгія, раненаго, но пересилившаго боль и ободряющаго другихъ дѣтей, запечатлѣваются въ памяти маленькихъ читателей. Чрезвычайно трогательно окончаніе разсказа. Сильно пораженная всѣмъ, что видѣла на позиціяхъ, Марица, по возвращеніи домой, находитъ, что весь домъ ихъ занятъ ранеными. Неразвлеченная работой, дѣвочка увидѣла здѣсь во всемъ ужасѣ человѣческія страданія. Не выдержала бѣдняжка; ея нервы, уже достаточно разслабленные, возбудились до такой степени, что она выбѣжала изъ дому, сѣла въ уголку двора и зарыдала. Ей было такъ жаль всѣхъ, кого она видѣла, что она этого не съумѣла-бы сказать словами. Увидѣла ее сестра милосердія и подошла къ ней.

— «И ты плачешь, дѣвочка, сказала сестра, положивъ ласково руку на плечо рыдавшей дѣвочкѣ.

— «Страшно, страшно, повторяла Марица. И зачѣмъ, зачѣмъ люди воюютъ? Страшно! не снести!

— «Зачѣмъ? Оттого, что много зла въ жизни, дѣвочка, и снести это зло можно только помогая страждущимъ, тихо проговорила сестра.

«Обѣ замолчали и стояли нѣсколько минутъ смотря на темное небо, на уснувшую природу.

— «Марица, мать зоветъ спать. Ты устала.

— «Ступай дѣвочка, и я пойду. Намъ надо набраться силъ на работу завтра, сказала сестра.

— «Да, я опять завтра понесу воду на Шипку, сказала Марица. — Легче работать и помогать, чѣмъ думать обо всемъ... обо всемъ, что я видѣла».

Истинное чувство, которымъ проникнутъ этотъ разсказъ, отдается отзывчиво въ простыхъ дѣтскихъ сердцахъ и, если прочитывать его дѣтямъ толково, они слушаютъ внимательно, притаивъ дыханіе, чтобы не проронить ни одного слова. Да, нелегкое это дѣло писать для дѣтей; эту истину сознаешь только на опытѣ, когда провѣряешь достоинство произведенія непосредственнымъ впечатлѣніемъ, производимыхъ имъ на дѣтей.

Кромѣ двухъ цитированныхъ мною произведеній, упомяну еще о «Кладѣ» (бабушкина сказка), стихотвореніи И. Сурикова. Мысль его та, что кладъ, котораго страстно ищетъ человѣкъ, это — производительный трудъ. Хорошъ также небольшой разсказъ «Бабушка». Картинки, прилагаемыя къ этому отдѣлу, очень хороши.

Господствующая тенденція журнала «Воспитаніе и обученіе», заключается въ томъ, что трудъ есть цѣль жизни человѣческой, что только въ трудѣ человѣкъ находитъ истинное наслажденіе. Конечно, трудъ долженъ быть производительный, приносящій пользу и трудящемуся и всему обществу.

Переходя затѣмъ къ отдѣлу для старшаго возраста, прежде всего укажу на статью «Путешествія по Австраліи», матеріаломъ для которой послужили записки извѣстнаго путешественника графа де-Бовуара и французскій журналъ «Tour du monde». Въ этой статьѣ излагается путешествіе знаменитаго австралійскаго піонера Бурке въ 1861 году и дневникъ другого знаменитаго путешественника Уарбертона въ 1872 году. Не смотря на кажущуюся съ перваго взгляда сухость изложенія, статья эта увлекаетъ читателя, котораго увлекаетъ какъ описаніе новой незнакомой страны, столь мало похожей на всѣ другія мало извѣстныя страны, о которыхъ приходилось ему читать; такъ и еще болѣе описаніе изумительныхъ подвиговъ самоотверженія, совершаемыхъ во имя науки, во имя желанія принести пользу своимъ согражданамъ. Тенденція этой прекрасной статьи развита въ слѣдующихъ словахъ: «Зараждающій народъ представляетъ явленіе, заслуживающее серьезнаго вниманія. Народы Стараго Свѣта, привыкшіе къ войнѣ, смотрятъ спокойно, какъ десятки тысячъ солдатъ падаютъ жертвами смерти; зараждающійся народъ Новаго Свѣта, уже сильный числомъ, — въ немъ не менѣе милліона гражданъ, — приходитъ въ волненіе, когда человѣкъ двадцать изъ апостоловъ цивилизаціи гибнутъ безъ вѣсти въ пустынѣ. Это поле сраженія Новаго Свѣта. На немъ со всѣхъ концевъ подвигаются новыя колонны солдатъ, готовыхъ жертвовать собой для открытія новыхъ путей цивилизованной жизни. Общество рукоплещетъ имъ, даетъ имъ всѣ необходимыя средства, и если они падутъ, чтитъ память ихъ, какъ героевъ. И благодаря такому сочувстію общества, благодаря такимъ героямъ, близокъ день, когда Австралія будетъ страной, такъ же хорошо извѣстной, какъ Европа».

Нельзя умолчать о цѣлесообразной полезной статьѣ г-жи Поповой. «Изъ жизни природы и человѣка.» Просто и вполнѣ понятно для дѣтей г-жа Попова объясняетъ такія явленія природы, какъ вулканическія, описываетъ землетрясенія, говоритъ о повышеніяхъ и пониженіяхъ земной коры. Дѣти съ особенною любовью читаютъ статьи, въ которыхъ описываются явленія природы, конечно, если эти статьи изложены такъ понятно, какъ статья г-жи Поповой.

Безукоризнено хорошъ разсказъ А. Михайлова «На рѣкѣ». Онъ увлекаетъ своей правдивостью и трогателенъ именно потому, что трактуетъ о простомъ обыденномъ явленіи. Вѣроятно, многіе изъ петербургскихъ жителей знаютъ о существованіи особаго промысла: ловли дровъ и щепокъ на Невѣ, которому предаются бѣдняки, живущіе на окраинѣ столицы, прилегающей къ взморью. Чуть забрезжетъ свѣтъ поздней осенью выѣзжаютъ на ветхихъ лодчонкахъ эти промышленники и перехватываютъ плывущія въ заливъ полѣнья дровъ и щепки, которыми снабжаютъ ихъ преимущественно доки. Дѣйствующія лица разсказа г. Михайлова, дядя, отставной солдатъ, старикъ, и племянникъ, мальчикъ, занимаются этимъ промысломъ ловли дровъ. Содержаніе такого разсказа, какъ «На рѣкѣ» передать невозможно, его надо непремѣнно прочитать.

Статья «Вода» отличается тѣми же достоинствами, какъ и статья г-жи Поповой. Можно бы упомянуть еще о нѣсколькихъ статьяхъ этого отдѣла, но рамки моей замѣтки не позволяютъ мнѣ болѣе распространяться и я позволю себѣ прибавить только, что этотъ отдѣлъ, такъ же, какъ и отдѣлъ для младшаго возраста представляютъ собою прекрасные сборники статей для дѣтскаго чтенія и можно безбоязненно рекомендовать ихъ родителямъ и воспитателямъ, потому что дѣти, ознакомившись съ ихъ содержаніемъ, будутъ очень довольны.

Педагогическій отдѣлъ журнала «Воспитаніе и обученіе» ведется съ полнымъ знаніемъ дѣла и талантливо. Одно простое перечисленіе выдающихся статей покажетъ въ какой степени онъ разнообразенъ. Въ немъ помѣщенъ рядъ статей «О чувствахъ и умѣ», составленный по Бену, авторитету въ педагогикѣ. Здѣсь напечатаны статьи: «Замѣтка о женскомъ воспитаніи», «Отношеніе родителей и учителей», «Чтеніе дѣтей», «Гигіена и педагогика», «Замѣтки объ изученіи иностранныхъ языковъ», «Воображеніе» и пр. Чтобы показать, какъ и въ этомъ отдѣлѣ изложеніе просто и удобопонятно, приведу выписку, взятую наудачу изъ статьи «Воображеніе»: «Хорошій воспитатель всегда съумѣетъ направлять дѣтское воображеніе къ развитію человѣчныхъ сторонъ. Если ребенокъ не взлюбитъ кого нибудь по какому нибудь вздорному поводу, воспитатель укажетъ на хорошія стороны этого человѣка. Разобидится-ли чѣмъ ребенокъ, потому что онъ въ нервномъ тоскливомъ настроеніи, воспитатель не дастъ ему останавливаться на раздражающихъ представленіяхъ и вызоветъ другія, когда порывъ пройдетъ. Нужно умѣть понимать то, что называютъ «глупыми фантазіями ребенка» и въ нихъ отыскивать здоровое. Ребенокъ мечтаетъ быть кучеромъ, когда онъ выростетъ. Педагоги, ставящіе цѣлью развитіе трезвой мысли, поспѣшатъ доказать ему нелѣпость такого идеала жизни, наговорятъ много прекраснаго объ иныхъ и высшихъ цѣляхъ — и добьются того, что ребенокъ не станетъ говорить имъ о своихъ фантазіяхъ. Но примите участіе въ глупыхъ фантазіяхъ ребенка, распрашивайте, какъ онъ станетъ держать лошадей, какихъ заведетъ, какую будетъ больше любить, за что, куда онъ будетъ ѣздить, кого больше возить, что увидитъ и пр. и пр. Да мало-ли сколько узоровъ можно выткать изъ этой фантазіи, — узоровъ, которые внесутъ въ мысль и сердце ребенка благотворныя представленія. Въ томъ, что пятилѣтній ребенокъ идеаломъ жизни ставитъ быть кучеромъ, нѣтъ ничего грозящаго убить «трезвую мысль», жизнь сама собой дастъ ему другія представленія; но убивая фантазіи его о томъ, что въ данную минуту для него идеалъ жизни, вы насильственно врываетесь въ его душу и тѣмъ отталкиваете ребенка отъ себя и отнимаете у него средство вліять на него».

Можно бы замѣтить почтенному журналу, что корректура у него иногда хромаетъ, но это рѣшительно общая болѣзнь всѣхъ русскихъ журналовъ и потому ставить ему въ особенный упрекъ этой погрѣшности не станемъ.

Н. И.

Новости наукъ и жизни.

— Финляндскіе поэты о войнѣ. Сѣверная поэзія далеко небезучастно относится къ событіямъ нынѣшней войны. «Абоскія Вѣдомости» сообщаютъ, что въ Або и его окрестностяхъ быстро разошлось до 4,000 экземпляровъ военной шведско-финской пѣсни Б. В. Весмана «О турецкой злобѣ на христіанскую и русскую побѣдоносную месть туркамъ». Размѣръ заимствованъ изъ древнѣйшихъ шведскихъ церковныхъ пѣснопѣній, а въ текстѣ, кромѣ Россіи, «величественно возставшей за вѣру христову», говорится о туркахъ, грекахъ, сербахъ, финскихъ гвардейцахъ и пр.

Шведская торговопромышленная газета «Göteborgs Handels-och Sjöfartstidning» недавно напечатала переводъ небольшого стихотворенія нѣмецкаго поэта Клауса Грота «Тринадцать убитыхъ». Указывая на незначительную стычку нынѣшней войны, гдѣ пало не болѣе 13-ти человѣкъ, поэтъ сперва даже затрудняется выразить эту потерю: такъ ничтожна она сравнительно съ общимъ числомъ бойцовъ враждебныхъ армій. «Двѣнадцать человѣкъ съ человѣкомъ! Да это — мой отецъ, жена, восемь дѣтей, братъ и я съ тобою, читатель. Но подумай, что это — мои дѣти и люди, мнѣ милые! О кто бы тогда измѣрилъ глубину моего отчаянія. Одинъ и дюжина! Но еслибъ этимъ однимъ былъ мой сынъ, какъ бы надорвалась моя грудь въ укорахъ смерти, которая его похитила. Когда же гибнутъ тысячи — гдѣ найдется могила, достаточная для вмѣщенія горести осиротѣлыхъ сердецъ и цѣлаго моря слезъ. Между тѣмъ, земля покойна, какъ и прежде. Она продолжаетъ свое обычное движеніе и люди, при радостныхъ пѣсняхъ птицъ, воздѣлываютъ поля, удобренныя кровью».

— Турфанскій хлопокъ и виноградъ. Биржевымъ Вѣдомостямъ пишутъ изъ Ташкента отъ 26-го сентября: «Вниманіе нашихъ коммерсантовъ сосредоточено почти исключительно на вопросѣ о хлопковой торговлѣ, въ виду усиленнаго требованія хлопка на всѣ наши внутренніе рынки и значительную его отсылку черезъ Оренбургъ по желѣзной дорогѣ въ Москву. Россія по самымъ умѣреннымъ исчисленіямъ обрабатываетъ ежегодно свыше $3^1/_2$ милліоновъ пудовъ хлопка, получая его преимущественно изъ-за границы и только частью съ Кавказа и изъ средне-азіятскихъ ханствъ. При этомъ средне-азіятскій хлопокъ употребляется на нашихъ фабрикахъ какъ подспорье американскому. Наши мануфактуры, получая хлопокъ изъ европейскихъ портовъ, находятся въ зависимости отъ положенія торговыхъ дѣлъ въ Европѣ и Америкѣ. Вслѣдствіе этого наши фабрики ограничиваютъ свою дѣятельность удовлетвореніемъ потребностей страны да сбытомъ части произведеній въ Среднюю Азію, куда вывозъ краснаго товара врядъ ли доходитъ до трехъ милліоновъ рублей. При такомъ положеніи дѣлъ турханскій хлопокъ, равный по достоинству американскому, можетъ произвести положительный переворотъ въ хлопковой торговлѣ, поставивъ наши фабрики въ совершенно независимое положеніе и давъ имъ возможность конкурировать въ бумажныхъ издѣліяхъ съ европейскими издѣліями. Въ Турфанѣ климатъ очень жаркій. Къ 1-му августа оканчивается сборъ хлопка. Хлопокъ собирается въ количествѣ далеко большемъ, чѣмъ собираетъ его вся Средняя Азія. Ростъ турфанскаго хлопчатника достигаетъ 4 аршинъ въ разрѣзѣ, по діаметру доходитъ до $1^1/_2$ вершковъ и имѣетъ весьма развитыя по объему головки. Сборъ хлопчатника производится до семи разъ. Хлопокъ этотъ бухарцами признается несравненно лучше бухарскаго, такъ какъ онъ имѣетъ болѣе длинныя и нѣжныя волокна, и сверхъ того первоначальная его обработка гораздо чище. Ткацкія произведенія, приготовляемыя изъ турфанскаго хлопка перваго разбора, совершенно замѣняютъ китайскія шелковыя ткани. Турфанская вата считается самою нѣжною и высокаго сорта, отличаясь бѣлизною и замѣчательною спиральною силою. Турфанскій хлопокъ въ большой славѣ на всѣхъ китайскихъ рынкахъ. Цѣна за самый высокій сортъ хлопка не превышаетъ 2 р. 50 к. за пудъ; обыкновенно средніе сорта продаются по 1 р. и по 1 р. 50 к. Ежегодный его сборъ считается милліонами пудовъ, и можно утвердительно сказать, что если такой громадный сборъ хлопка производится въ настоящее тревожное время, то съ водвореніемъ мира и при большомъ спросѣ на хлопокъ самое производство его значительно усилится. Въ случаѣ эксплоатаціи Турфана, провозъ хлопка до Москвы обойдется не дороже 3 р. 50 к. съ пуда, слѣдовательно онъ будетъ стоить въ Москвѣ 6 р. за пудъ, тогда какъ бухарскій хлопокъ продается нынѣ въ Оренбургѣ до 5 р. за пудъ, а въ Нижнемъ и Москвѣ отъ 8 до 9 руб., будучи гораздо нисшаго достоинства противъ турфанскаго. Въ настоящее время турфанскій хлопокъ имѣетъ такое же значеніе для Россіи, какое имѣлъ для Англіи американскій въ прошломъ столѣтіи. Сверхъ того вывозъ этого продукта изъ Турфана значительно оживилъ бы иртышскій водный путь. Съ вопросомъ о развитіи пароходства по Иртышу связанъ также вопросъ о поднятіи экономическаго положенія Западной Сибири. Сверхъ того Турфанъ по обилію виноградниковъ можетъ считаться первенствующимъ. Въ началѣ мая поспѣваютъ въ Турфанѣ абрикосы, во второй половинѣ созрѣваютъ яблоки, а въ половинѣ іюня виноградъ. Винограда собираютъ очень много. Пудъ винограда на мѣстѣ не бываетъ дороже 20 коп., обыкновенно продается по 12 коп. и въ большемъ количествѣ идетъ на кормъ лошадямъ. Въ Турфанѣ растетъ также сахарный тростникъ.»

— **Число кроватей для больныхъ и раненыхъ.** Въ настоящее время въ главномъ управленіи общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ получены, отъ лазаретовъ общества, свѣдѣнія, изъ которыхъ видно, что во всѣхъ лазаретахъ общества «Краснаго Креста» существующихъ въ разныхъ городахъ имперіи, имѣется болѣе 13 тысячъ кроватей для раненыхъ и больныхъ воиновъ. Въ госпиталяхъ-же подвижныхъ, которые находятся на театрѣ войны, а также и въ тылу арміи, состоитъ болѣе 2,000 кроватей.

— **Пріюты для незаконнорожденныхъ.** «Новое Время» слышало, что, въ виду часто повторяющихся случаевъ убійства и скрытія незаконнорожденныхъ дѣтей, въ административныхъ сферахъ возбужденъ вопросъ о необходимости устройства въ провинціяхъ пріютовъ для воспитанія незаконнорожденныхъ дѣтей, на тѣхъ-же основаніяхъ, на коихъ существуетъ императорскій воспитательный домъ, съ тѣмъ, чтобы пріюты эти составляли какъ бы отдѣленія этого дома. Въ расходахъ по устройству и содержанію этихъ пріютовъ предполагается привлечь земскія и городскія общества.

— **Женщины-врачи на войнѣ.** Нѣмецкая «Рижская газета» заимствуетъ изъ письма одного остзейскаго врача, находящагося въ настоящее время при военномъ госпиталѣ въ Зимницѣ, слѣдующія подробности о дѣятельности женщинъ-врачей на театрѣ войны: «При нашемъ госпиталѣ, пишетъ онъ, состоятъ двѣ женщины въ качествѣ врачей. Это весьма симпатичныя дамы, которыя работаютъ прилежно и, какъ кажется, очень свѣдущи въ медицинѣ. Одна изъ нихъ уже сдѣлала ампутацію плеча. Любопытное зрѣлище представляла эта нѣжная рука, дѣйствовавшая большимъ ампутаціоннымъ ножемъ. На постели лежалъ раненый, здоровенный мужчина. Около него хлопотала красивая молодая женщина, небольшого роста и тонкаго сложенія; не обращая вниманія на его стоны и крики, она спокойно, твердою рукою вынимала у него изъ раны осколки костей, кусочки пули, лоскуты и т. п. Мы уже совсѣмъ освоились съ этими товарищами женскаго пола; внѣ больничной палатки мы обходимся съ ними, какъ съ женщинами, но въ госпиталѣ смотримъ на нихъ, какъ на врачей и совершено забываемъ про ихъ полъ.

— **Чудовищная пушка.** Въ среду, 5-го октября, по распоряженію артиллерійскаго начальства, произведены были испытанія въ Кронштадтѣ вновь пріобрѣтенной для нашей береговой артиллеріи 14-дюймовой стальной пушки. Пушка эта, приготовленная на заводѣ Круппа, въ Вестфаліи, замѣчательна какъ наибольшій калибръ, принятый у насъ для вооруженія приморскихъ крѣпостей. Она вѣситъ 3,500 пудовъ и заряжается $8\frac{1}{4}$ пудами пороха; вѣсъ ея снаряда 31 пудъ. Противъ выстрѣловъ изъ такой пушки не могутъ устоять наиболѣе прочныя обшивки броненосныхъ судовъ. Желѣзныя брони толщиною въ 15 и 20 дюймовъ пробиваются снарядами, выброшенными изъ такихъ пушекъ, на разстояніи 500 саженъ. Наибольшая дальность прицѣльнаго выстрѣла такой пушки болѣе семи верстъ. Вновь пріобрѣтенная нашею артиллеріей 14-дюймовая стальная нарѣзная пушка по своему дѣйствію должна быть причислена къ замѣчательнѣйшимъ орудіямъ, отливаемымъ въ настоящее времи на сталелитейныхъ заводахъ Европы. Пушка эта смѣло можетъ быть поставлена въ одинъ рядъ съ итальянскою 100-тонною пушкою, недавно испытанною въ Специіи, и съ 81-тонною англійскою пушкою, испытанною въ Вульвичѣ. Англійская 81-тонная пушка ($14\frac{1}{2}$-дюймовая), испытанная въ прошломъ году въ Вульвичѣ, вѣситъ 5,040 пудовъ. Вѣсъ снаряда 35 пудовъ. Пороховой же зарядъ вѣситъ около шести пудовъ. Выстрѣлъ изъ нея обходится 137 рублей. При начальной скорости въ 1,550 футовъ, ея снарядъ можетъ пробить 20-дюймовую броню съ разстоянія 1,550 саженъ. Итальянская же 100-тонная стальная пушка, испытанная въ Специіи, имѣетъ калибръ $17,_2$, вѣситъ 6,114 пудовъ, стрѣляетъ снарядомъ въ 55 пудовъ. Вѣсъ порохового заряда равняется 10 пудамъ. Газета «Голосъ» слышала, что пріобрѣтенная для нашей береговой артиллеріи стальная 14-дюймовая пушка обошлась артиллерійскому вѣдомству въ 125,000 нѣмецкихъ марокъ.

Смѣсь.

— **Убійство.** 13-го ноября, двое товарищей, крестьяне Басилій Кирсановъ и Иванъ Дубаровъ, повстрѣчавшись въ селѣ Смоленскомъ (сейчасъ за Нарвской заставой Петербурга) зашли въ портерную лавку, гдѣ выпили много пива: въ 11 ч. вечера, выйдя изъ портерной и направляясь къ своей квартирѣ, Дубаровъ напомнилъ Кирсанову, что тотъ ему долженъ 75 коп., и просилъ возвратить. «А ты съ товарища сталъ требовать долгъ», обидѣлся Кирсановъ и ударилъ Дубарова;—«не дерись, а то я тебя ножемъ хвачу», предупредилъ Дубаровъ и сжалъ въ карманѣ перочинный ножикъ. Кирсановъ же, не обращая вниманія на эту угрозу, вновь ударилъ Дубарова кулакомъ въ лицо, тогда Дубаровъ въ пылу гнѣва ударилъ, въ свою очередь, ножемъ въ грудь Кирсанова, который, вскрикнувъ, упалъ на мостовую и тотчасъ же умеръ. Дубаровъ самъ заявилъ о своемъ преступленіи полиціи и все чистосердечно разсказалъ. При вскрытіи трупа Кирсанова оказалось, что ударъ пришелся въ лѣвую часть груди и лезвіе ножа, пройдя между ребръ, разрѣзало сердце, такъ что смерть послѣдовала мгновенная.—Дубаровъ арестованъ.

— **Контора невѣстъ.** Въ Вѣнѣ открыта контора для помѣщенія невѣстъ, которая организована на подобіе учрежденій рекомендующихъ кормилицъ. Дѣвицы, ищущія мужей, записываются въ книгѣ; разъ записавшись, невѣста должна каждый день въ теченіи двухъ часовъ находиться въ конторѣ. Женихи являются въ назначенное время, обозрѣваютъ невѣстъ, просятъ ихъ сыграть на фортепіано, спѣть, показать, однимъ словомъ, свое образованіе и искуство. Если невѣста нравится ей дѣлаютъ предложеніе, отъ котораго она имѣетъ право отказаться. Брюнетки помѣщаются въ одной залѣ, блондинки—въ другой и директоръ учрежденія предупредительно освѣдомляется у жениховъ, на какую масть они желаютъ поставить карту въ этой супружеской лотереѣ. Далѣе этого цивилизація, кажется, не можетъ уже идти.

— **Дорогое зданіе.** Нѣсколько недѣль назадъ, въ Манчестерѣ происходило освященіе великолѣпнаго зданія городской ратуши, выстроенной въ готическомъ стилѣ, по проекту архитектора Альфреда Ватергуза. Постройка этого зданія обошлась въ 800,000 фунтовъ стерлинговъ, что составляетъ по нынѣшнему курсу около десяти мильйоновъ рублей.

— **Щедрость султана Абдулъ-Гамида въ отношеніи Османа и Мухтара-пашей.** Въ газетѣ «Bohemia» пишутъ, что въ Константинополѣ непріятно поражены чрезмѣрною расточительностью, обнаруженною султаномъ при раздачѣ наградъ турецкимъ генераламъ Мухтару и Осману-пашамъ. Абдулъ-Гамидъ пожаловалъ имъ, кромѣ ничѣмъ незаслуженныхъ ими титуловъ «гази» (побѣдоносныхъ), осыпанные крупными бриліантами ордена Османіе первой степени. Затѣмъ обоимъ генераламъ, «въ ознаменованіе ихъ великихъ заслугъ», препроводилъ почетныя сабли, украшенныя жемчугомъ и изумрудами и, кромѣ того, каждому изъ нихъ подарилъ по чистокровному арабскому жеребцу. Константинопольскій корреспондентъ «Bohemia», поставленный, повидимому, въ возможность заимствовать свои свѣдѣнія изъ достовѣрныхъ источниковъ, оцѣниваетъ оба ордена Османіе, по меньшей мѣрѣ, въ 220,000 франковъ, обѣ почетныя сабли въ 60,000 франковъ, а двухъ арабскихъ жеребцовъ въ 80,000 франковъ. Слѣдовательно, щедроты султана въ отношеніи къ обоимъ полководцамъ обошлись государству въ 360,000 франковъ. Эта размашистость падишаха вызвала сильное неудовольствіе въ Стамбулѣ. Общественное мнѣніе даже въ сильной степени возмущено такою безграничною щедростью, проявляющеюся такъ некстати и въ такое время, когда турецкая армія въ Болгаріи терпитъ всевозможныя лишенія и въ будущемъ не предвидится возможности удовлетворить самымъ насущнымъ потребностямъ солдатъ. Народъ имѣетъ тѣмъ болѣе основанія негодовать на расточительность султана, что въ отоманской столицѣ безпрестанно затѣваются подписки въ пользу турецкой арміи и люди, жертвующіе своими трудовыми грошами на нужды солдатъ, весьма основательно замѣчаютъ, что султанъ могъ бы смѣло употребить вышепомянутые 360,000 франковъ на пользу своей арміи, терпящей всевозможныя невзгоды, благодаря отсутствію денегъ въ казнѣ.

— **Остроумная карикатура.** Англійскій сатирическій журналъ «Punch» изображаетъ Французскую республику, въ обычной римской тюникѣ и фригійскомъ колпакѣ. Передъ нею, вытянувшись въ струнку, стоитъ маршалъ со знаменемъ манифеста въ рукахъ. Сзади за нимъ, въ тѣни, прячется толпа претендентовъ на французскій престолъ, начиная молодымъ Loulou и кончая графомъ Шамборомъ.

Франція, иронически улыбаясь, говоритъ своему претенденту: «Я знаю, что вы честный человѣкъ, маршалъ; но кто это тамъ прячется за вами?»

— **Вечернія занятія въ сельскихъ школахъ.** Варшавскія газеты передаютъ, что, на основаніи особаго разрѣшенія министерства народнаго просвѣщенія, послѣдовало распоряженіе относительно устройства при начальныхъ сельскихъ школахъ вечернихъ занятій для обученія грамотѣ людей взрослыхъ, если между ними найдутся желающіе учиться.

Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій.

Втеченіи текущей недѣли получены слѣдующія офиціальныя телеграмы.

А) Отъ его императорскаго высочества Главнокомандующаго дѣйствующей арміею:

Изъ Богота. — 1) Отъ 6 ноября.—Въ рущукскомъ отрядѣ былъ посланъ 5 ноября, на фуражировку къ Церовцѣ отрядъ, состоящій изъ одного батальона, двухъ сотень съ шестью орудіями. Появленіе восьми таборовъ помѣшало и заставило отступить на позицію между Церовце и Кацелево. Одинъ таборъ двинулся отъ Соленика на Кацелево, но встрѣченный ротою и сотнею ингушей остановился, а когда подошли еще четыре роты съ ракетными станками и пущены были 2 пироксилиновыя ракеты, то турки поспѣшно отступили. 5 же ноября турки одновременно двинули три табора отъ Басарбова на Пиргосъ, три табора съ двумя орудіями отъ Іованъ-Чифтлика на шоссе и часть пѣхоты съ двумя эскадронами на Кошаву противъ нашихъ фуражировъ, но быстрое движеніе четырехъ эскадроновъ съ батареею противъ центра турокъ, залпы двухъ ротъ съ Кошавскаго кургана и внезапная атака полусотни казаковъ 36-го полка изъ засады во флангъ, принудили турокъ отступить до Іованъ-Чифтлика, гдѣ у нихъ укрѣплены позиціи. Наша потеря: контуженъ 1 офицеръ; нижнихъ чиновъ: убито 3, ранено 11 и контужено 2.

5-го же ноября около 400 турокъ снова атаковали Новосело и снова отбиты четырьмя ротами охотскаго полка. У насъ 1 рядовой раненъ.

2) Отъ 8 ноября. — 5-го ноября, одновременно съ атакою Новосела, 150 черкесовъ и башибузуковъ атаковали Златарицу; подъ прикрытіемъ ихъ, турецкая пѣхота заняла командующую Златарицей высоту, начала строить батареи, но, послѣ нѣсколькихъ гранатъ, бѣжала, а черкесы и баши-бузуки отбиты и разсѣяны стрѣлками якутскаго полка. У насъ ранено двое. Турки оставили 8 тѣлъ, въ томъ числѣ 1 офицеръ.

Вчера, 7-го ноября, у насъ, подъ Плевною былъ, въ 1 часъ дня, на Тученицкомъ редутѣ, въ Высочайшемъ присутствіи, торжественный молебенъ, по случаю взятія Карса и, вслѣдъ затѣмъ, залпы со всѣхъ батарей по Плевнѣ. Вечеромъ, на позиціяхъ былъ фейерверкъ, иллюминація и музыка.

Въ 11 часовъ вечера, турки открыли сильный ружейный огонь по позиціи генерала Скобелева; въ отвѣтъ на это, всѣ наши батареи осыпали ихъ гранатами. Черезъ 20 минутъ все утихло.

У насъ ранены 1 офицеръ и 2 рядовыхъ.

7-го ноября, въ 9 часовъ утра, 16 турецкихъ таборовъ отъ Рущука, Басарбова и Чифтлика атаковали наши авангардныя позиціи: Пиргосъ, Хангюль-Чесме и между Чифтликомъ и Тростеникомъ; послѣ упорнаго боя окончательно отражены на всѣхъ пунктахъ, къ 6-ти часамъ вечера. Наша потеря точно еще неизвѣстна; пока знаю, что убитъ 1, ранено 7 офицеровъ, въ томъ числѣ генеральнаго штаба полковникъ Штрикъ, тяжело въ шею; нижнихъ чиновъ раненыхъ, вчера вечеромъ, привезено пока 78. Особенно упорнымъ бой былъ у Пиргоса, гдѣ двѣ роты азовскаго и днѣпровскаго полковъ геройски защищались противъ огромнаго превосходства турецкихъ силъ; значительныя потери заставили ихъ, наконецъ, отойти къ Мечкѣ; тогда вся 1-я бригада 12-й дивизіи перешла оттуда въ наступленіе, выбила турокъ изъ Пиргоса, въ $4\frac{1}{2}$ часа по-полудни, отбросивъ ихъ за Ломъ; турки успѣли, однако, сжечь Пиргосъ. Въ тотъ-же день, около 3-хъ часовъ по-полудни, турки атаковали передовые посты 36-го казачьяго и лубенскаго гусарскаго полковъ и также были отбиты, къ 6-ти часамъ вечера. Наши передовые посты заняли свои прежнія мѣста по всей линіи.

3) Отъ 9-го ноября. Въ бою, 7-го ноября, мы потеряли около 180-ти человѣкъ, въ томъ числѣ до 50-ти убитыхъ. Многіе трупы обезображены турками, о чомъ составленъ актъ. Турки, наступая, имѣли отъ 16-ти до 20-ти таборовъ; они потеряли противъ одного Пиргоса до 400 человѣкъ и оставили много труповъ на мѣстѣ.

Перебѣжчики показываютъ силы турокъ: у Рущука 30,000, въ Разградѣ 20,000, а остальныя съ Сулейманомъ-пашою въ Эски-Джумѣ; часть сихъ послѣднихъ войскъ стоитъ въ Османъ-Базарѣ

7-го ноября всѣ наши раненые были ранены пулями Пибоди, тогда какъ до этого времени все были пули Снайдера.

7-го же ноября наши журжевскія батареи сдѣлали салютъ Рущуку по случаю взятія Карса: турки отвѣчали; перестрѣлка продолжалась до 2 часовъ послѣ полудня. У насъ на городской батареѣ разбита платформа и контужено пять человѣкъ; въ Рущукѣ сбиты батареи у казармъ и удачно попавшимъ снарядомъ разсѣяна пѣхотная колонна, шедшая въ Пиргосъ.

8-го ноября турки безвредно стрѣляли по нашимъ постамъ на островѣ Рамаданѣ и по развѣдкамъ близъ Соленика.

4) Отъ 10-го ноября. 9-го ноября, въ 8 часовъ вечера, въ темнотѣ и туманѣ, при сильномъ дождѣ и вѣтрѣ, турки атаковали батарею № 3-й на горѣ св. Николая, но встрѣченные залпами иркутскаго полка, быстро отступили и открыли, затѣмъ, живой ружейный и артиллерійскій огонь. Въ $9\frac{1}{2}$ часовъ вечера стихла ружейная, а въ 11 часовъ артиллерійская пальба.

У насъ убито 14, ранено 40 нижнихъ чиновъ.

7-го ноября, послѣ упорнаго боя, румыны взяли Рахово. Наша кавалерія и одинъ румынскій батальонъ преслѣдуютъ отступившихъ турокъ. Потери румынъ значительны: убиты четыре офицера и 77 нижнихъ чиновъ; ранены 14 офицеровъ и 139 нижнихъ чиновъ. Рахово занято теперь сильнымъ отрядомъ.

8-го ноября, румынскія батареи въ Калафатѣ пустили ко дну турецкій мониторъ.

5) Отъ 11-го ноября. 31-го октября отрядъ изъ двухъ батальоновъ 11-го пѣхотнаго псковскаго полка, дивизіона казанскихъ драгунъ, двухъ сотенъ казаковъ и четырехъ орудій, подъ начальствомъ командира 1-го батальона 11-го пѣхотнаго псковскаго полка, производилъ развѣдку турецкаго расположенія у города Этрополя, завязалъ перестрѣлку и произвелъ у непріятеля большую суматоху. Турки уже сняли почти весь свой лагерь и начали уводить артиллерію, посылая при этомъ одного гонца за другимъ въ Орханіе. Начальникъ отряда, однако, атаковать не рѣшился, въ виду превосходства непріятеля, могущаго подойдти къ нему подкрѣпленія и наступившихъ сумерокъ; исполнивъ свою задачу, т. е. разсмотрѣвъ силы и расположеніе непріятеля, онъ приказалъ отступить къ Луковицѣ. Турки, замѣтивъ это, ободрились и пустили за нимъ всю свою кавалерію, около 200 человѣкъ. Начальникъ отряда устроилъ ей засаду изъ 2-й и 3-й ротъ 11-го пѣхотнаго псковскаго полка; пропустивъ свою отступающую цѣпь, роты дали туркамъ подскакать на 200 шаговъ и встрѣтили залпомъ. Потерявъ множество людей, турки въ смятеніи бросились назадъ, роты же дали имъ доскакать до ущелья, и когда турецкая кавалерія скучилась у входа, онѣ почти уничтожили ее вторичнымъ залпомъ; затѣмъ отрядъ нашъ спокойно отошелъ къ Луковицѣ. У насъ ранены: псковскаго полка капитанъ Тарновскій, штабсъ-капитанъ Люткевичъ и подпоручикъ Жуковъ; нижнихъ чиновъ убито 9 и ранено 27.

На нашемъ восточномъ фронтѣ послѣ 7-го ноября ничего особеннаго не было.

Противъ маренской позиціи 7-го ноября развернулось 1,000 человѣкъ пѣхоты и 100 черкесовъ, но отступили безъ боя, какъ только двинулся впередъ сѣвскій полкъ.

7-го же ноября три турецкихъ эскадрона сбили наши аванпосты впереди Косабина, захвативъ одного драгуна въ плѣнъ, но встрѣченные огнемъ пѣхотнаго резерва отступили, точно также 8-го ноября турецкій отрядъ изъ 1 батальона, 1 эскадрона и 2-хъ орудій оттѣснилъ наши аванпосты впереди Омуркіоя, но тотчасъ отступилъ за Ломъ, когда показался нашъ резервъ.

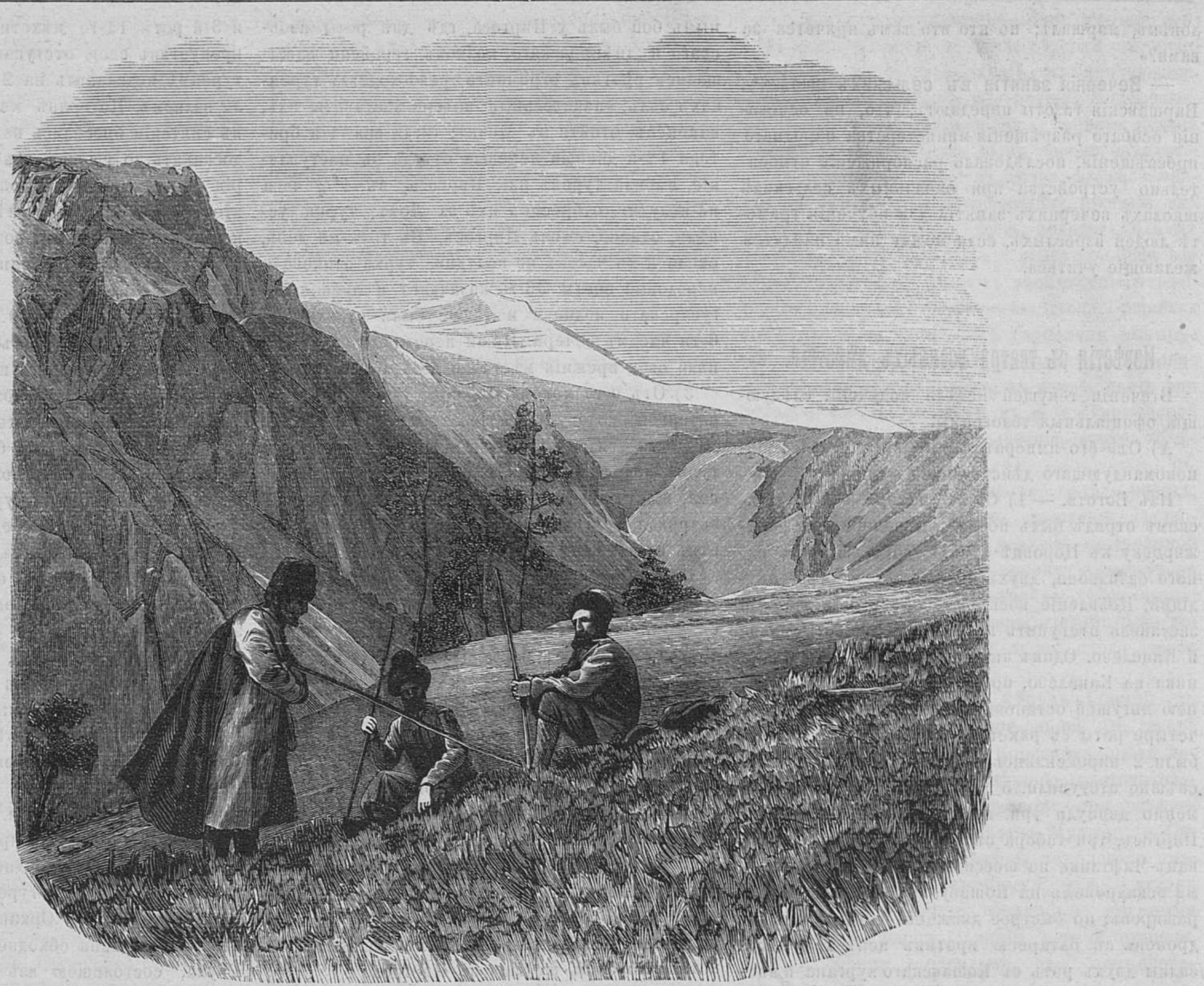
9-го ноября непріятельскія конныя партіи три раза пытались перейти рѣчку Соленикъ, но каждый разъ были отбиты огнемъ спѣшеннаго казачьяго полка.

6) Отъ 12-го ноября. 11-го ноября, послѣ двухдневной борьбы съ природою и непріятелемъ, войска наши взяли трудно доступную и весьма сильно укрѣпленную турецкую позицію у деревни Правецъ, между Орханіе и Этрополемъ; участь боя была рѣшена обходною колонною генерала Рауха, состоявшею изъ семеновскаго полка и стрѣлковыхъ батальоновъ его величества и императорской фамиліи. Непріятель, около 10 батальоновъ, бѣжалъ въ полномъ безпорядкѣ; чрезвычайно пересѣченная мѣстность, наступившая темнота и сильное утомленіе войскъ помѣшали преслѣдованію. Потери наши точно неизвѣстны, но весьма невелики.

Вчера, 11-го ноября, въ 10 часовъ утра, два турецкіе табора, съ кавалеріей, атаковали Тетевенъ, но къ четыремъ часамъ окончательно отбиты съ большимъ урономъ. У насъ убито двое, раненъ одинъ человѣкъ.

7) Отъ 13-го ноября. Вчера, 12 ноября, въ 6 часовъ вечера, городъ Этрополь взятъ съ боя колоннами принца Ольденбургскаго и флигель-адъютанта Любовицкаго, подъ общимъ начальствомъ генерала Дандевиля. Войскамъ пришлось преодолѣвать невообразимыя препятствія, представляемыя горною природою. Поведеніе войскъ выше всякой похвалы. Потери весьма незначительны. Турки бѣжали въ большомъ безпорядкѣ и для преслѣдованія ихъ двинуты драгуны.

Подробности взятія Правецкой позиціи 11-го ноября: главныя силы, подъ начальствомъ графа Шувалова, 10-го ноября сбили передовыя турецкія войска, и занявъ позицію въ виду Правецкой, стали укрѣпляться и втаскивать артиллерію на недосягаемыя кручи, чтобы заставить турокъ ожидать фронтальной аттаки. Весь день 10-го, ночь и утро 11-го ноября войска эти не смыкали глазъ, питались одними сухарями и вели перестрѣлку; между тѣмъ, вниманіе со стороны Орханіе и Этрополя отвлекалось демонстративнымъ наступленіемъ отрядовъ отъ Врацы на Орханіэ и по обоимъ берегамъ Искера двумя колоннами на Этрополь. Главный ударъ приготовленъ былъ на лѣвый флангъ и тылъ турокъ. Обходная колонна генерала Рауха выступила 9-го ноября, утромъ прошла ужасающими горными трущобами, пролагая путь динамитомъ и перетаскивая на рукахъ артиллерію, и послѣ 49-часового безпрерывнаго боя и неимовѣрно труд-



Гора Дахъ-Дай (на Кавказѣ).

наго похода, вышла на лѣвый флангъ неприступной турецкой позиціи, 11-го ноября въ 12 часовъ пополудни; затѣмъ, ударивъ на непріятеля, погнала его вдоль позиціи. Турки бѣжали подъ градомъ гранатъ артиллеріи войскъ графа Шувалова; колонна Рауха, не смотря на утомленіе, преслѣдовала турокъ до 5 часовъ пополудни, когда спустившіяся густыя облака, скрыли бѣгущаго непріятеля. Войска наши заняли взятую такими неимовѣрными трудами позицію, и 12-го придвинулись по орханіевской дорогѣ почти до Лаженя. Въ колоннѣ Рауха, рѣшившей участь боя, находились семеновцы, стрѣлки его величества и императорской фамиліи, три сотни кавказской казачьей бригады, казачья баттарея и взводъ конногорной баттареи. Потери наши не велики; пока насчитано раненыхъ всего 70 нижнихъ чиновъ и 2 офицера: финскаго стрѣлковаго батальона прапорщикъ Брунно и одинъ казачій офицеръ. У Брунно прострѣлены ноги ниже колѣна. Плѣнныхъ турокъ пока взято одинъ офицеръ и 70 нижнихъ чиновъ.

8) Отъ 14-го ноября. — На восточномъ фронтѣ продолжаютъ безпокоить наши передовые посты. Утромъ, 13-го ноября, два табора, съ артиллеріею и кавалерійскимъ полкомъ оттѣснили наши передовые посты отъ Опаки и Паломорцы, но подоспѣвшими на выстрѣлы подкрѣпленіями отбиты и отброшены, съ большимъ урономъ, за Кавалицъ. У насъ двое убито, трое ранено.

Въ тотъ-же день, утромъ, двѣ роты турецкой пѣхоты, съ эскадрономъ кавалеріи, оттѣснили нашъ гусарскій постъ у Кропче и затѣмъ отступили.

Въ тотъ-же день, въ 11 часовъ утра, былъ окруженъ у Кропче нашъ гусарскій разъѣздъ, но пробился. Потери въ одномъ убитомъ и одномъ раненомъ.

На Шибкѣ третій день буря.

Б. Отъ начальника штаба кавказскаго военнаго округа отъ 11-го ноября:

Гарнизонъ Карса состоялъ изъ 32 батальоновъ пѣхоты, 2,400 артиллеристовъ и бригады регулярной кавалеріи. Взято въ плѣнъ, кромѣ раненыхъ, найденныхъ въ госпиталяхъ, 17,000 человѣкъ, въ томъ числѣ 5 пашей и 800 офицеровъ.

Нашихъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ Карса, было 39 батальоновъ.

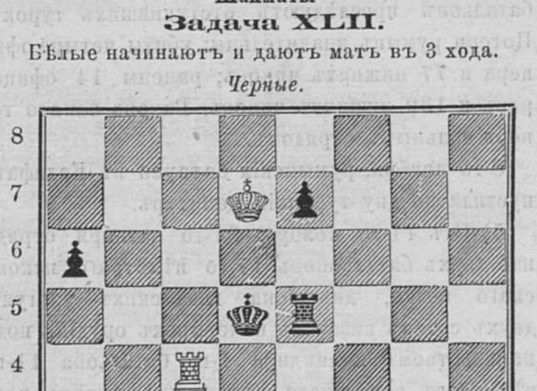
Потери наши: убито — 1 генералъ, 30 штабъ и оберъ-офицеровъ и 469 нижнихъ чиновъ; ранено и контужено: 43 штабъ- и оберъ-офицера и 1,790 нижнихъ чиновъ.

Шахматы

Задача XLII.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Черные.



Бѣлые.

Рѣшеніе задачи № XLI.

Бѣлые.	*Черные.*
1) D1—H1	1) G2—H1 берутъ (a)
2) C6—C2	
	или
	(a) 1) G2—H3
2) C6—H6	

* * *

Наши гравюры.

Падшіе ангелы, съ картины **Анри-Эженя Делакруа.**

Среди новыхъ талантовъ, въ Парижѣ на выставкѣ 1876 года, особенное вниманіе обратилъ на себя А. Э. Делакруа. Онъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ, выступившій впервые на общественный судъ въ 1870 году со своими двумя картинами: «Смерть Джакопэ» и «Два Фоскари». Уже эти картины обличали въ немъ недюжинный талантъ, но извѣстность его начинается только съ 1875 года, когда онъ выставилъ въ Салонѣ свою картину: «Данте и Виргилій». О немъ начали говорить, какъ о смѣломъ и оригинальномъ художникѣ, хорошо изучившемъ человѣческое тѣло. «Данте и Виргилій» попали въ музей въ Камбрэ, а «Возставшіе ангелы» куплены государствомъ.

Атака Гривицкаго рѣдута (см. № 46 и 47.)

День боя 30 августа окончился взятіемъ Гривицкаго редута совмѣстно русскими и румынскими войсками. Въ № 46 изображена атака, произведенная нашими союзниками, а въ настоящемъ нумерѣ, — русскими войсками.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи. Стихотвор. «Невинной душѣ». — Капитанша Кваповская (оконч.). — Чортовъ волосъ (оконч.). — Атакама и Караколесъ (продолж.). — Нечеловѣческая месть (продол.). — Братья Кайроли. — Давидъ Гаррикъ. — Настигнутые бѣглецы. — Обо всемъ. — Новости наукъ и жизни. — Смѣсь. — Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій. — Шахматы. — Наши гравюры.

Гравюры: Генералъ Гурко. — Атака русск. главн. Гривицк. редута. — Провожат. въ пустынѣ (вакеано). — Падшіе ангелы. — Атака турками горы св. Николая. — Гора Дахъ-Дай (на Кавказѣ).

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 19 Ноября 1877 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

№ 48 Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода—4 р. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ. 27 Ноября 1877 года. Адрессъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Троицкій переулокъ, домъ № 27/1. Годъ V.

Гос. Публичная Б-ка

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1878 ГОДУ

ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

Иллюстрированный журналъ „**ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ**“ издается еженедѣльно въ форматѣ **большихъ иностранныхъ иллюстрацій** не менѣе двухъ листовъ въ каждомъ нумерѣ по слѣдующей программѣ:

1) Романы, повѣсти, разсказы, очерки и біографіи. 2) Драмы и драматическія сцены. 3) Поэмы, сказки и мелкія стихотворенія. 4) Иллюстрированныя путешествія. 5) Этнографическіе очерки. 6) Статьи научнаго содержанія. 7) Новости изъ области наукъ и искусствъ. 8) Телеграммы. 9) Смѣсь. 10) Шахматный листокъ.

Гг. подписчики, кромѣ **52** нумеровъ „**ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ**“, получаютъ ежемѣсячное, безплатное иллюстрированное приложеніе „**ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО**“, составляющее большой отдѣльный томъ, заключающій въ себѣ статьи по отдѣламъ: 1) **Гигіены человѣка и животныхъ**, 2) **Сельскаго хозяйства**, 3) **Домоводства**, 4) **Садоводства**, 5) **Огородничества**, 6) **Лѣсоводства**, 7) **Пчеловодства**, 8) **Рыбоводства**, 9) **Овцеводства**, 10) **Птицеводства** и 11) **Разнообразныя практическія свѣдѣнія, кухонные рецепты и наставленія о первоначальной помощи заболѣвающимъ.**

Кромѣ того гг. подписчики 1878 г. получатъ **безплатныя преміи**, состоящія изъ **лучшихъ**, вполнѣ законченныхъ, **беллетристическихъ** произведеній русскихъ и иностранныхъ авторовъ съ **отдѣльными иллюстраціями на веленевой бумагѣ.**

Кромѣ означенныхъ премій, Редакція имѣетъ въ виду разослать въ видѣ преміи картину »Взятіе Константинополя».

Въ журналѣ „**ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ**“ на 1878 г. примутъ дѣятельное участіе своими трудами слѣдующія лица: П. В. Быковъ, С. И. Воскресенская, А. Егоровъ, И. Н. Захарьинъ (Якунинъ), С. М. Крапивина, Н. Н. Каразинъ, Н. Б. Куроѣдовъ, Л. Леванда, А. Майковъ, Д. Л. Мордовцевъ. В. И. Немировичъ-Данченко, И. В. Омулевскій, П. И. Пашино, В. Славянскій, К. М. Станюковичъ, Н. П. Стремоуховъ, Н. А. Чмыревъ, В. В. Чуйко, С. С. Шашковъ А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ), Н. В. Шелгуновъ, Н. И. Шульгинъ, г-жа Юрьева и другіе.

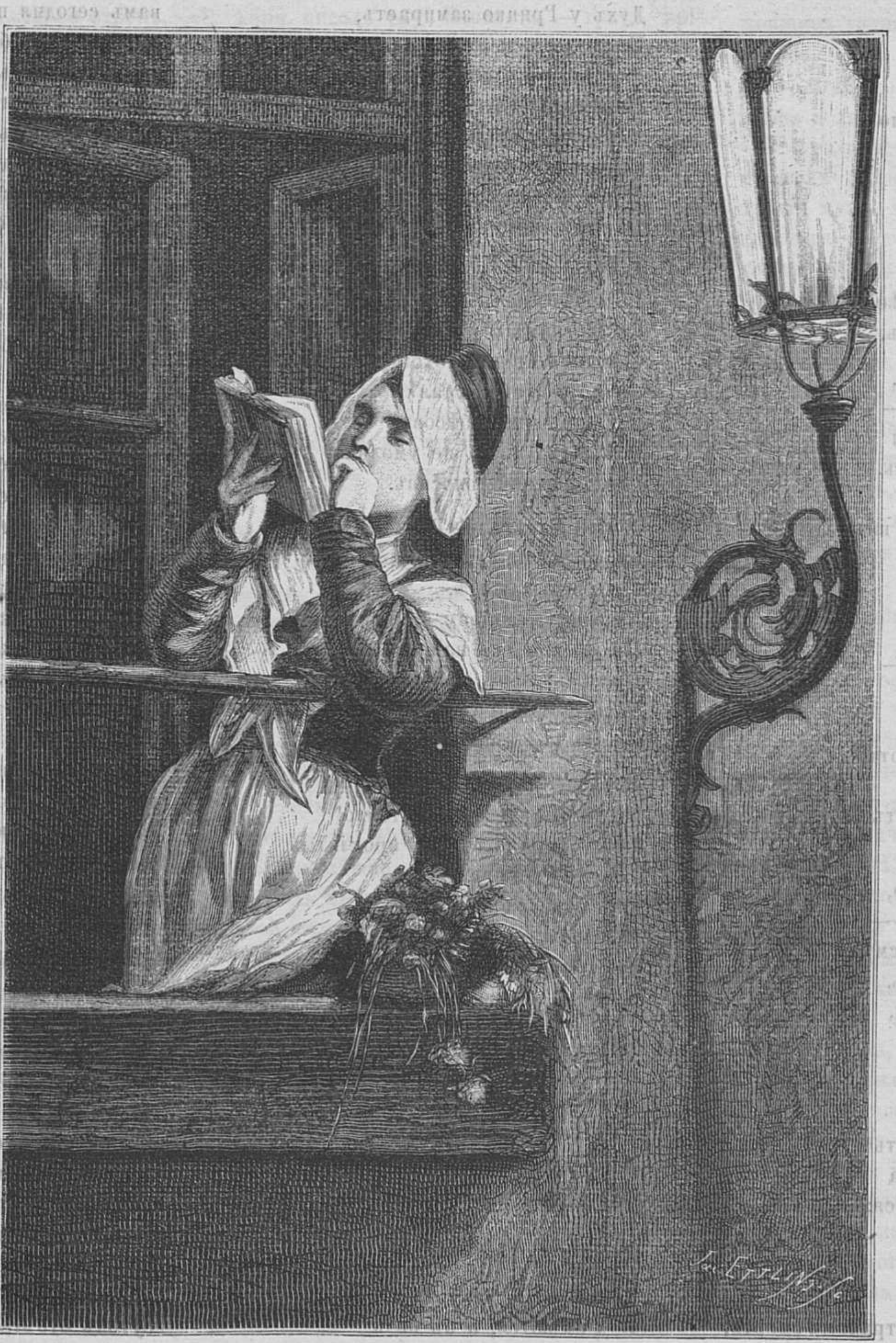
Редакція „**ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ**“ имѣетъ въ своемъ распоряженіи для печатанія въ теченіи будущаго года романъ Э. Гонкура, разсказы А. Додэ и Э. Золя и статьи Вирхова, Геккеля, Гольцендорфа, Карла Фогта и др.

Сверхъ того предполагается печатать въ теченіи года **иллюстрированныя сказки** Боккачіо (Декамеронъ), въ переводѣ Н. И. Шульгина, „**Похвальное слово глупости**“ Эразма, въ переводѣ А. К. Шеллера (А. Михайлова) и, если позволитъ мѣсто, „**Комическій романъ**“ Скарона.

Въ художественномъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться гравюры различныхъ извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, отъ 4 до 8 гравюръ въ каждомъ нумерѣ.

Цѣна безъ доставки и пересылки на годъ **6** р., на полгода **3** р. **50** к., съ доставкою и пересылкою на годъ **7** р., на полгода **4** р.

Подписка на 1878 г. открыта и принимается въ конторѣ редакціи въ С.-Петербургѣ, въ Троицкомъ переулкѣ, д. № 27.



При свѣтѣ фонаря. (Съ картины Гертериха.)

Мятель.

(Къ рисунку на стр. 361.)

Стужа, вѣтеръ, вой мятели,
Снѣгъ, наваленный зимой...
Тутъ и трезвый еле-еле
Можетъ выбраться домой,
А хмѣльной... Шагнешь—сугробы,
Кочки мерзлыя да пни
И, какъ на смѣхъ, вѣтеръ съ злобой
Дуетъ подъ ноги твои.

Упадешь—нѣтъ силъ подняться,
Масса снѣгу глубока,
Здѣсь за что-нибудь бы взяться, —
Такъ не дѣйствуетъ рука.
Выбиваешься изъ мочи
И боишься, что опять,
Если дѣло близко къ ночи,
Можешь здѣсь заночевать.

Вотъ ужь было бы не кстати!
Вѣдь у пьяныхъ—вспомнить страхъ!—
И не здѣсь, а дома, въ хатѣ
Скачутъ чортики въ глазахъ,
Тутъ же столько всякой страсти:
Лѣшихъ, вѣдьмъ, бѣсовъ, чертей,
Что отъ этакой напасти
Умереть легко, ей-ей!

Взять хоть Грицку для примѣра:
На базарѣ старый хрычъ
Нализался черезъ мѣру,
Пропивая магарычъ.
Внучка въ домъ его тащила,
Такъ свалился на пути —
А, извѣстно, что за сила
У дѣвчонки лѣтъ восьми!

Билась съ нимъ она не мало
И, измучившись, пошла
Поискать кого попало
Изъ сосѣдняго села,
Кто помогъ бы ей скорѣе
Дѣда къ дому приволочь,
Такъ какъ дѣлалось мрачнѣе
Все кругомъ, встрѣчая ночь.

На снѣгу, какъ на постели,
Завалился спать старикъ, —
Только чу! подъ вой мятели
Онъ услышалъ чей-то крикъ.
Птичій, вѣрно! Точно стая
Черныхъ птицъ надъ нимъ вилась,
Очень смѣло задѣвая
За лице его не разъ.

Колятъ иглами ихъ крылья
Уши, щеки, носъ и ротъ, —
Сдѣлалъ пьяница усилье,
Замахалъ рукой—и вотъ,
Точно грома грозный грохотъ,
Между сосенъ и кустовъ
Раскатился страшный хохотъ
Сотни зычныхъ голосовъ.

Видитъ Грицко: плохо дѣло,
Подниматься, было, сталъ, —
Вдругъ къ нему довольно смѣло
Черный воронъ подскакалъ.
И какой! Высокій, статный,
Здоровенный и притомъ
Говорящій очень внятно
Человѣчьимъ языкомъ.

«Полно, старый, здѣсь валяться!
Говоритъ онъ.—Намъ пора
Въ путь-дорогу отправляться:
Ждетъ насъ Лысая гора.
Вѣдьмы, лѣшіе и черти
Приказали, чтобы я
Въ шабашъ къ нимъ, подъ страхомъ смерти,
Не являлся безъ тебя.

«Путь далекъ, но по дорогѣ
Заверну съ тобою я
Отдохнуть въ шинокъ убогій,
Гдѣ убили шинкаря.
Ни одна душа живая
Помѣшать намъ не придетъ
И одна мятель сѣдая
Будетъ плакать у воротъ.

«Или можетъ быть направленъ
Къ старой мельницѣ полетъ;
Тамъ старикъ-колдунъ удавленъ
Кѣмъ-то былъ въ запрошлый годъ
И въ часы отдохновенья
Насъ никто не посѣтитъ:
Это ветхое строенье
Только филинъ сторожитъ.

«Дальше мы потомъ помчимся
И у всѣхъ чертей въ гостяхъ
Мы не такъ повеселимся,
Какъ въ какихъ нибудь шинкахъ.
Всѣ первѣйшіе гуляки,
Кто потонетъ съ пьяныхъ глазъ,
Кто погибнетъ въ буйной дракѣ,
Тамъ кутятъ въ полночный часъ.

«Эти бражники когда-то
Проводили въ пьянствѣ дни
И гулящаго собрата
Встрѣтятъ радостно они.
Въ пляскѣ съ топаньемъ и свистомъ
Отогрѣешься ты тамъ...
Ну, вставай же! Въ полѣ чистомъ
Нужно вихремъ мчаться намъ».

Духъ у Грицко замираетъ,
Но противиться нельзя.
Радъ-не-радъ онъ, а взлѣзаетъ
На крылатаго коня, —
И быстрѣе вихря въ полѣ
Воронъ всадника понесъ
И несчастнаго до боли
Рѣжутъ вѣтеръ и морозъ.

Быстро мчится эта пара
И, дрожа, какъ въ бурю листъ,
Съ жуткимъ страхомъ Грицко старый
Слышитъ крики, хохотъ, свистъ,
Точно бѣшеная стая
Разгулявшихся бѣсовъ
Вслѣдъ за нимъ, не умолкая,
Воетъ сотней голосовъ.

«Стой! Пріѣхали! Тащите!»
Кто-то крикнулъ и старикъ,
Умоляя о защитѣ,
Крѣпче къ ворону приникъ.
Но мольбы его напрасны,
Пара чьихъ-то сильныхъ рукъ
Тащитъ Грицко и несчастный
Ждетъ начала адскихъ мукъ.

Вотъ несутъ его куда-то...
Ой-ой-ой, какъ здѣсь тепло!
Видно, прямо въ адъ проклятый
Горемыку занесло.
Онъ отъ ужаса трепещетъ
И, одинъ открывши глазъ,
Смотритъ: пламя въ пеклѣ блещетъ...
Близокъ, близокъ страшный часъ!...

«Ну, оттаялъ!» кто-то глухо
Проворчалъ. Старикъ глядитъ —
Передъ нимъ его старуха
Въ бѣлой хатѣ ихъ стоитъ,
А въ углу не воронъ черный —
Кумъ сидитъ у поставца,
Согрѣваяся проворно
Доброй чаркою винца.

Дочка, зять, внучата-дѣти,
Всѣ смѣются, а въ печи
При вечернемъ полусвѣтѣ
Ярко блещутъ огоньки.
Дѣдъ вздохнулъ вольнѣй и кстати
Далъ зарокъ онъ не ходить
По шинкамъ—и дома, въ хатѣ
Началъ вдвое больше пить.

А. Комаровъ.

Нечеловѣческая месть.

Романъ Анри Тесье.

(*Продолженіе.*)

Часть вторая.

Глава III.

Неосторожная переписка.

Прошло десять мѣсяцевъ со дня рожденія второго сына Эліаны. Анри жилъ постоянно въ Парижѣ и во все это время пріѣзжалъ въ Блуа на короткое время не болѣе трехъ или четырехъ разъ. Жаменъ, успѣвшій накопить порядочное количество вещественныхъ доказательствъ, предчувствовалъ, что скоро наступитъ минута для рѣшительныхъ дѣйствій. Между тѣмъ, ни Эліана, ни Баптистъ не подозрѣвали грозы, собиравшейся надъ ихъ головою.

Однажды утромъ, Жаменъ получилъ отъ почтальона разомъ два письма на имя Мулена. Не смѣя вскрыть оба письма, онъ тщательно осмотрѣлъ конверты, и замѣтилъ, что одинъ изъ нихъ было помѣченъ болѣе раннимъ, другой болѣе позднимъ часомъ того же дня. Онъ тотчасъ сообразилъ, что второе письмо было важнѣе, — и не ошибся. Анри писалъ Эліанѣ:

«Милая моя, возлюбленная. Я уже писалъ вамъ сегодня по утру, но то, что мнѣ приходится теперь сообщить, такъ важно, что я не могу отложить письма до завтра. Я добылъ *доказательство*, о которомъ я такъ молилъ Бога втеченіе года! Вашъ мужъ — злодѣй! Отвергнутый съ презрѣніемъ дѣвицею Керсэнъ, потомъ раненный на дуэли своимъ соперникомъ, герцогомъ Рейнольдомъ, онъ рѣшился отомстить. Но молодая герцогиня умерла въ родахъ; тогда онъ обратилъ всю свою злобу на ея мужа и извелъ его отравой!... Я отыскалъ и подкупилъ человѣка, который подносилъ ядъ герцогу Жану. Этого человѣка зовутъ Ламбленъ и онъ находится у меня. Я держу его подъ замкомъ и выпущу только на допросъ къ слѣдователю. Но я не хочу начинать ничего безъ вашего согласія. Отвѣчайте какъ можно скорѣе. Незабывайте, что доказательство преступленія вашего мужа,— это ваша свобода, это нашъ союзъ; это счастіе, которое вы такъ заслуживаете!... Вы моя духовная нареченная, моя жизнь!... Даже дѣти ваши принадлежатъ мнѣ, какъ и все, принадлежащее вамъ или исходящее отъ васъ! Дозвольте же мнѣ положить конецъ вашимъ страданіямъ... Мы удалимся въ Батавію; тамъ найдемъ забвеніе всѣмъ нашимъ горестямъ и обрѣтемъ вѣчное счастье!... Одно только слово отъ васъ,—и я начну дѣйствовать. Ради нашей любви, не заставляете меня долго ждать этого отвѣта.

«Вашъ,—всегда вашъ
Анри.»

— Чортъ побери, г. графъ! если вы не заплатите мнѣ какъ слѣдуетъ за эту цидулку, то будете неблагодарное созданье! воскликнулъ Жаменъ, пробѣжавъ письмо.—Но такъ какъ нельзя полагаться на человѣческую благодарность, то мы примемъ свои предосторожности!

Онъ старательно снялъ копію съ письма, присоединилъ оригиналъ къ имѣвшимся у него документамъ, прибавилъ отъ себя коротенькую записку и отнесъ на почту весь пакетъ, поставивъ на немъ адресъ графа Морлака.

Анри, съ понятнымъ трепетомъ, ждалъ двое сутокъ отвѣта Эліаны. Наконецъ, не имѣя силъ терпѣть долѣе, рѣшился поѣхать самъ за нимъ.

Уѣзжая, онъ приказалъ своему лакею, Рене старательно присматривать за Ламбленомъ и не выпускать его изъ вида ни на минуту.

Анри занималъ второй этажъ въ улицѣ Гельдеръ и устроилъ временную тюрьму для бывшаго камердинера герцога Жана въ своей уборной. Рене обѣщалъ строго исполнить приказаніе своего господина, но не прошло часа послѣ отъѣзда Анри на желѣзную дорогу, какъ у квартиры его послышался сильный звонокъ. Рене отворилъ дверь и увидѣлъ передъ собою пожилого господина, одѣтаго очень богато, съ надменною и непріятною физіономіей.

— Дома г. Ван-Линденъ? спросилъ его.

— Нѣтъ, отвѣчалъ слуга, — онъ уѣхалъ дня на два или на три.

— Уѣхалъ! Какже это?... Я видѣлся съ нимъ не далѣе какъ сегодня утромъ и онъ не сказалъ мнѣ ни слова...

— Съ часъ какъ онъ отправился.

Незнакомецъ былъ видимо раздосадованъ.

— Дайте мнѣ, по крайней мѣрѣ, на чемъ ему написать нѣсколько словъ, сказалъ онъ.

Рене ввелъ посѣтителя въ спальню, считая его за какого-нибудь близкаго знакомаго Анри, зажегъ свѣчу и подалъ ему бумагу и перо.

Въ это время, посѣтитель зорко оглядывалъ комнату, какъ какой-нибудь ловкій сыщикъ. Онъ сразу понялъ расположеніе квартиры.

— Здѣсь! произнесъ онъ про себя, останавливая свой взглядъ на двери, которая вела изъ спальни въ уборную.— Ламбленъ запертъ тутъ и, надо полагать, его сторожъ не знаетъ цѣнности своего узника...

Онъ написалъ, не торопясь, нѣсколько строкъ, вложилъ записку въ конвертъ, который запечаталъ сургучемъ, положилъ ее на видное мѣсто и сказалъ громкимъ голосомъ:

— Когда г. Ван-Линденъ воротится, вы скажете ему, что приходилъ графъ де-Морлакъ... Не забудьте передать ему мою записку... Дѣло важное для него... и для его пріятеля Ламблена. Очень важное!

— Будьте покойны, г. графъ, я исполню въ точности порученіе, отвѣчалъ Рене, провожая его изъ комнаты.

Въ то самое мгновеніе, какъ они переступили за порогъ, дверъ уборной отворилась и изъ-за нея вышмыгнулъ Ламбленъ. Однимъ прыжкомъ, онъ очутился у стола, схватилъ письмо и снова скрылся въ свою темницу. Черезъ минуту воротился Рене; Ламбленъ высунулся изъ-за двери.

— Любезнѣйшій, проворчалъ онъ, — вы знаете, что можно задохнуться въ этой каморкѣ?

— А зачѣмъ вы окно не отворите? добродушно возразилъ Рене.

— Это у васъ окномъ называется? презрительно замѣтилъ заключенный.—Форточка, величиною съ крысью дыру, да и та не открывается, какъ ее ни тяни!

— Ну, вотъ еще! воскликнулъ Рене.—Отворяю же ее каждый день.

И онъ влѣзъ на стулъ, чтобы доказать исправное состояніе форточки. Ламбленъ, подготовившій такую ловушку своему довѣрчивому сторожу, воспользовался моментально положеніемъ дѣлъ. Онъ выскочилъ изъ уборной и заперъ ее на ключъ, не обращая вниманія на крикъ и ругательства, которыми осыпалъ его Рене, потомъ выбѣжалъ на лѣстницу, спустился съ нея и скрылся въ толпѣ, тѣснившейся на бульварѣ. Дойдя до пассажа «Прэнсъ», онъ остановился подъ газовымъ фонаремъ и во второй разъ прочиталъ записку де-Морлака слѣдующаго содержанія:

«Мнѣ извѣстно *все* и я дамъ вамъ вдвое противъ того, что вамъ обѣщалъ *тотъ*, если вы будете у меня завтра же, до полудня.»

— До полудня! повторилъ Ламбленъ, улыбаясь, —да я буду тотчасъ же! А что касается денегъ, то молодой человѣкъ суммы не назначалъ, но я скажу, что было условлено десять тысячъ франковъ... слѣдовательно, графъ долженъ выложить мнѣ двадцать!

Порѣшивъ такимъ образомъ, онъ направился скорымъ шагомъ къ дому Морлака.

Между тѣмъ Анри прибылъ въ Блуа и узналъ съ изумленіемъ отъ Мулена, что отъ него было получено только одно письмо.

— Не можетъ быть! повторилъ онъ.—Говорила вамъ графиня, что я сообщалъ ей о весьма важномъ событіи?

— Напротивъ. Я позволилъ себѣ спросить ее: нѣтъ ли чего новаго? и она отвѣтила мнѣ, что рѣшительно ничего...

— Но почта у насъ хороша?.. Письма не теряются?... Или... неужели кто-нибудь могъ перехватить письмо?

Баптистъ поблѣднѣлъ. Ему пришла на мысль предательская физіономія Жамена... Онъ уговорилъ Ван-Линдена, не показывагься графинѣ, пока дѣло не выяснится, и подождать извѣщенія отъ нея.

— Дайте мнѣ слово, что не сдѣлаете ни одного шага, пока я не увѣдомлю васъ, сказалъ онъ.—Жизнь графини и ваша могутъ зависѣть отъ малѣйшей неосторожности, помните это!

Молодой человѣкъ обѣщалъ ждать терпѣливо; но когда прошло нѣсколько часовъ безъ всякой вѣсти изъ замка, онъ не могъ выдержать болѣе и уже рѣшился идти къ Эліанѣ, но въ эту минуту, какой-то деревенскій мальчикъ подалъ ему записку, наскоро написанную крандашемъ. «Г. Анри, писалъ ему Баптистъ, — графъ пріѣхалъ. Онъ знаетъ все и вашъ свидѣтель, кажется похищенъ имъ. Бѣгите, не стараясь увидѣться, съ графиней! Возвратитесь въ Парижъ, убѣдитесь въ истинѣ моихъ словъ и, не теряя времени, скройтесь куда-нибудь отъ злобы этого чудовища. Я буду вамъ писагь каждый день, подъ адресомъ: *А. В. До востребованія.*» Если вы любите графиню, скройтесь, ради нея и ради себя!»

Повинуясь первому движенію, молодой человѣкъ хотѣлъ броситься къ своему врагу, но, перечитавъ письмо Баптиста, убѣдился, что только погубилъ бы Эліану... Скрѣпя сердце, рыдая отъ бѣшенства, онъ покорился совѣтамъ Мулена.

Вѣрный слуга не преувеличивалъ опасности. Между мужемъ и женой произошла страшная сцена. Пріѣхавъ въ замокъ, графъ прошелъ прямо въ комнату Эліаны. Молодая женщина, завидѣвъ его, хотѣла встать ему навстрѣчу, но онъ остановилъ ее движеніемъ руки.

— Не тревожьте себя, сударыня, сказалъ онъ ей съ своимъ обычнымъ, ироническимъ спокойствіемъ,—и простите мнѣ, если я нарушаю ваше уединеніе. Повѣрьте, что меня вынуждаетъ къ этому непріятное событіе... до того неожиданное, что я не захотѣлъ говорить съ вами о немъ черезъ третье лицо...

— Въ чемъ дѣло? спросила она, указывая ему на ближайшее кресло.

Онъ сѣлъ небрежно и сказалъ, устремляя на нее свой холодный и острый взглядъ:

— Оказывается, что вы обзавелись любовникомъ, моя милая?

Молодая женщина поднялась съ мѣста съ краскою негодованія на лицѣ, съ сверкающими глазами.

— Я не позволю вамъ оскорблять меня! произнесла она съ такою величавою гордостью, что де-Морлакъ не могъ скрыть своего изумленія.

— Вотъ какъ! сказалъ онъ.— Превращеніе полное! Я женился на честной и робкой дѣвушкѣ, а теперь передо мною женщина, виноватая, но желающая противодѣйствовать!

Эліана сдѣлала шагъ, чтобы уйти, но онъ грубо схватилъ ее за руку и заставилъ сѣсть.

— Останьтесь, я вамъ приказываю! закричалъ онъ.

— Такъ лучше! сказала она, смотря ему въ лицо.—Выказывайте всю свою низость открыто! Сбросьте личину, которая уже давно не обманываетъ меня!

— Конечно, съ тѣхъ поръ, какъ возвратился г. Ван-Линденъ? сказалъ онъ съ злобою.

Она отважно вынесла взглядъ, которымъ сопровождались эти слова и произнесла твердо:

— И прежде!

— А! такъ вы сознаетесь? заревѣлъ онъ.

— Мнѣ не въ чемъ сознаваться.

— Даже если я вамъ скажу, что имѣю доказательства вашей измѣны?

— Клевета не доказательство. Я не буду даже отвѣчать болѣе на ваши слова.

— Нѣтъ, вы отвѣтите!... Впрочемъ, какъ вамъ угодно; вы можете молчать, это тоже не дурной способъ защиты при неимѣніи лучшаго. Но вы выслушаете, по крайней мѣрѣ, то, что я хочу сказать вамъ... А затѣмъ, я выражу вамъ свою непремѣнную волю.

Въ полузакрытыхъ глазахъ Эліаны вспыхнулъ огонь, но она промолчала. Графъ продолжалъ:

— Не смотря на ваше запирательство, я знаю, что вы состоите въ связи съ Ван-Линденомъ!... Съ которыхъ поръ?... Это легко высчитать, если потребуется... Пока, я констатирую только фактъ. Не довольствуясь тайными свиданіями съ нимъ, во время моего отсутствія, вы вели съ нимъ постоянную переписку, доказательства на лицо...

Онъ вынулъ изъ своего портфеля три или четыре письма, и показалъ ихъ Эліанѣ. Молодая женщина узнала почеркъ Анри, но не шевельнулась.

— Я долженъ вамъ сказать, заговорилъ снова графъ и лицо его приняло жестокое выраженіе, —что если мое благодушіе и могло бы склонять меня къ безропотному перенесенію роли обманутаго мужа, то вамъ нельзя требовать, чтобы я простеръ свою снисходительность даже до прикрытія своимъ именемъ плодовъ вашихъ любовныхъ сношеній...

Эліана сдержала вопль негодованія, готовый вырваться изъ ея груди при этой обидѣ.

— Вы намѣрены отрицать, что вашъ соблазнитель—отецъ вашихъ дѣтей? спросилъ графъ.

Эліана не выдержала. Она поднялась, бросилась впередъ, протянула руку къ распятію и произнесла задыхающимся голосомъ:

— Клянусь Богомъ!... именемъ моего покойнаго отца!...

Графъ улыбнулся, отвѣшивая ей насмѣшливый полупоклонъ.

— Очень эфектно! сказалъ онъ,—но... не доказательно. У меня есть кое-что убѣдительнѣе. Не угодно-ли вамъ прослушать, до чего откровененъ г. Вап-Линденъ...

И онъ прочелъ слѣдующій отрывокъ изъ письма: «Что значитъ для меня свѣтъ и его требованія... Мы уѣдемъ въ Батавію... Развѣ ты не мое сокровище, моя жизнь... Даже дѣти твои принадлежатъ мнѣ...

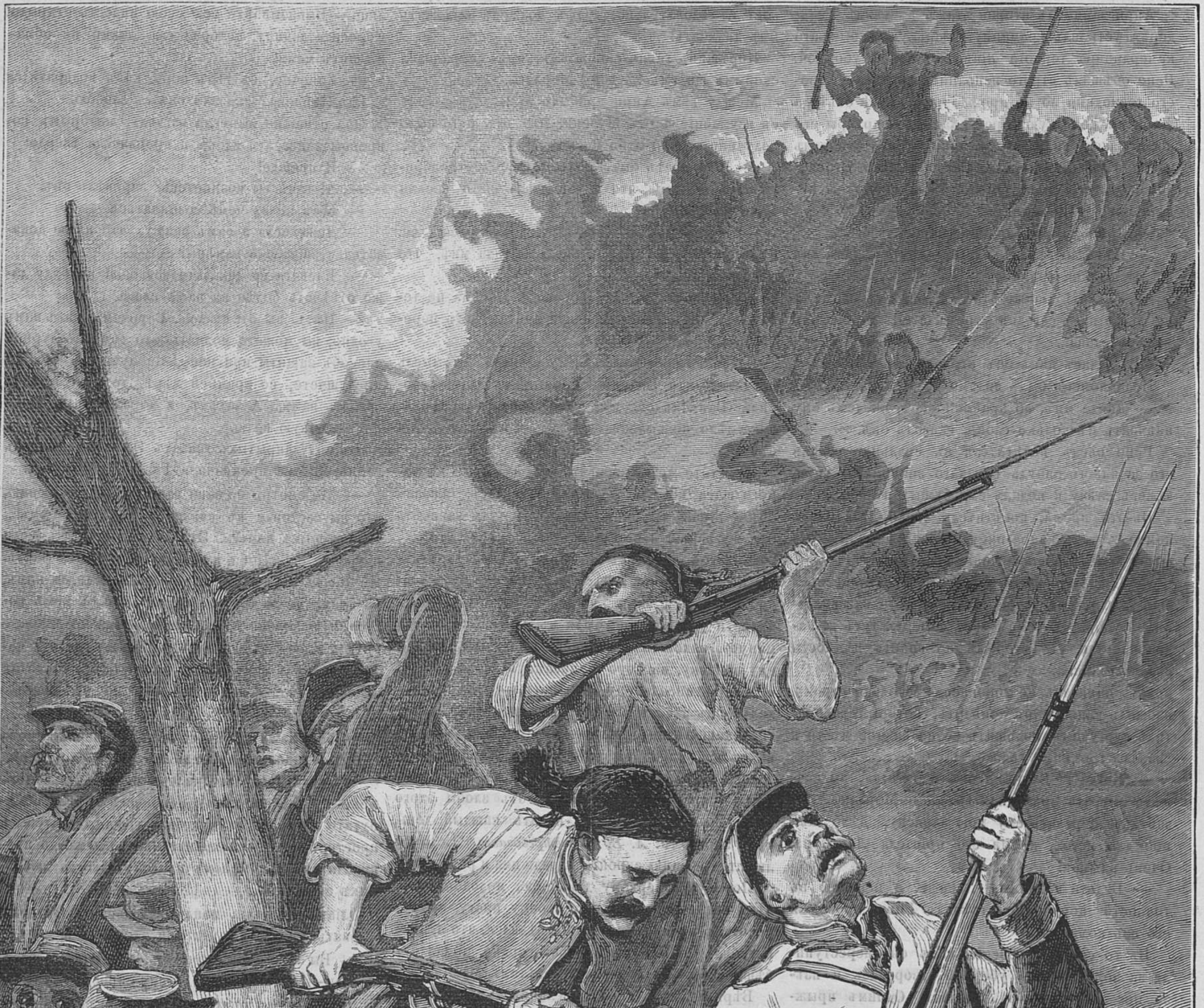
— Это ложь!... Ложь! воскликнула графиня, поблѣднѣвъ, какъ мертвая, и смотря помутившимися глазами на письмо, находившееся въ рукахъ ея мужа.

Графъ сложилъ письмо вдвое и указалъ несчастной женщинѣ пальцемъ на тѣ строки, которыя онъ прочиталъ.

— Но онъ говоритъ неправду.. вы сами знаете, что неправду,—простонала она, падая въ изнеможеніи на полъ.

Графъ помогъ ей встать и усадилъ ее снова въ кресло. Она машинально повиновалась ему, повторяя:

— О, Боже мой!... Боже мой!



Атака турками горы св. Николая.

(Моментъ шипкинскаго боя.)

Помолчавъ нѣсколько времени, мужъ ея произнесъ тѣмъ же сухимъ, мрачнымъ голосомъ:

— Довольно. Вы теперь убѣдились, что я обладаю неопровержимыми доказательствами вашего позора. Вамъ остается выслушать мою волю. Я могъ бы обратиться къ суду и открыто отвергнуть дѣтей, незаконно носящихъ мое имя. Для этого достаточно одного сознанія вашего сообщника... Но я не желаю марать своего имени во всей этой грязи и рѣшилъ кончить дѣло иначе. Вы можете поступить въ какой нибудь монастырь... я вамъ позволяю и даже приглашаю васъ къ тому... Даю вамъ срокъ до завтра...

Эліана приподнялась и обратила къ нему свое лицо, искаженное отчаяніемъ.

— Но... дѣти мои?... прошептала она.

— Я распоряжусь на ихъ счетъ, отвѣтилъ онъ глухимъ голосомъ.

Онъ вышелъ изъ комнаты. Молодая женщина упала безъ чувствъ на коверъ.

Графъ направился къ дѣтской и отворилъ дверь.

Кормилица держала меньшого малютку на рукахъ, сидя возлѣ кроватки, въ которой спалъ старшій мальчикъ.

— Разбудите Жоржа, одѣньте его и идите за мной, приказалъ графъ.

Бѣдная женщина, замѣтя суровый взглядъ и рѣзкій голосъ графа, не позволила себѣ сдѣлать никакого замѣчанія. Она заставила мальчика встать и одѣла его, не смотря на его плачъ. Графъ взялъ его на руки, велѣлъ кормилицѣ слѣдовать за нимъ съ другимъ ребенкомъ, сошелъ по черной лѣстницѣ внизъ, къ конюшнямъ, гдѣ отдалъ приказаніе запречь маленькій шарабанъ. Черезъ пять минутъ, экипажъ былъ готовъ. Морлакъ сѣлъ въ него, взявъ съ собою обоихъ дѣтей.

— Вы останетесь здѣсь, сказалъ онъ кормилицѣ, которая невольно залилась слезами.

Графъ правилъ самъ; онъ тронулъ лошадь и поѣхалъ по дорогѣ въ Блуа. Прибывъ въ городъ, онъ остановился у дебаркадера желѣзной дороги. Жаменъ, поджидавшій его, подбѣжалъ къ нему.

— Все произошло, какъ я предвидѣлъ, сказалъ графъ.

— Графиня не прочла всего письма?

— Я не былъ такъ простъ, чтобы дозволить ей это!

— Славно! Мастерски распорядились, г. графъ!.. Да! а ребята?

— Они здѣсь, въ шарабанѣ. Ты исполнишь буквально мои инструкціи, Жаменъ. Въ случаѣ надобности, Ламбленъ тебѣ поможетъ. Когда отходитъ первый поѣздъ?

— Черезъ двадцать минутъ. Я возьму особое отдѣленіе.

— Жди меня послѣ завтра. . Я останусь здѣсь на самое короткое время... только для того, чтобы отыскать и наказать Ван-Линдена!

Когда графъ воротился въ замокъ, Жаменъ былъ уже давно въ дорогѣ вмѣстѣ съ обоими дѣтьми...

Глава IV.

Читатель возвращается ко второму дню Рождества.

Придя въ себя, Эліана увидала у своего изголовья Баптиста Мулена. Онъ отослалъ горничную и дежурилъ самъ у постели своей дорогой госпожи, боясь, чтобы она не произнесла въ бреду лишняго слова при постороннихъ. Оправясь немного, графиня сообщила ему все, происшедшее между нею и мужемъ.

— Вы мученица! сказалъ Баптистъ, утирая слезы,—но этотъ злодѣй, властелинъ вашей судьбы! Г. Анри написалъ вамъ письмо, содержаніе котораго мнѣ извѣстно, а вашъ мужъ прочелъ вамъ изъ него только то, что могло васъ запугать и предать его власти...

— Но что сталось съ Анри? робко спросила графиня.

— Я уговорилъ его ѣхать въ Парижъ, для избѣжанія встрѣчи съ графомъ.

— Благодарю васъ, Баптистъ Вы наше провидѣніе.

— О, слишкомъ безсильное провидѣніе, къ несчастію! сказалъ уныло вѣрный слуга.

Въ эту минуту, въ комнату вбѣжала кормилица, вся въ слезахъ.

— Сударыня, воскликнула она,—онъ увезъ малютокъ!

— Увезъ?.. Когда?... Что ты?... вскрикнула Эліана, съ порывомъ львицы, у которой отняли дѣтей.

Кормилица разсказала все.—Эліана слушала ее, не прерывая, какъ окаменѣлая; потомъ страшный стонъ вырвался изъ ея груди и она упала на землю въ конвульсивномъ припадкѣ.

Когда графъ воротился домой, онъ узналъ, что его жена больна и призванный докторъ опасается воспаленія мозга...

На слѣдующее утро, Баптистъ получилъ письмо, въ которомъ Анри увѣдомлялъ его о бѣгствѣ Ламблена. Управитель отвѣтилъ молодому человѣку, описывая ему все, что произошло въ замкѣ. «Намъ нечего дѣлать, говорилъ онъ взаключеніе. Чтобы мы не предприняли, графини намъ не спасти. Передъ нею два выбора: монастырь или позорный процессъ. Что можете вы сдѣлать при такихъ обстоятельствахъ? На что вамъ надѣяться?—Оставаясь здѣсь, вы только усилите страданія бѣдной жертвы, заставя ее ежеминутно опасаться за васъ, она безоружна передъ ненавистью графа, между тѣмъ онъ можетъ васъ погубить! Уѣзжайте, г. Анри, уѣзжайте скорѣе! Графиня проситъ васъ объ этомъ! Дайте ей это послѣднее доказательство вашей преданности, а я, съ своей стороны, клянусь сообщать вамъ, о всемъ, что будетъ съ нею... Обо мнѣ лично заботиться нечего... и я остаюсь потому, что могу быть нуженъ ей...»

Не безъ борьбы покорился Ван-Линденъ этому совѣту и уѣхалъ въ Батавію.

Впродолженіе всего этого времени, Баптистъ Муленъ старался открыть слѣдъ пропавшихъ дѣтей, но получилъ только слѣдующее скудное свѣдѣніе: графъ передалъ ихъ *кому-то* на станціи желѣзной дороги. Этотъ «кто-то» сѣлъ на поѣздъ, отправлявшійся въ Туръ, но было неизвѣстно, остался ли онъ въ этомъ городѣ или поѣхалъ далѣе...

Черезъ два мѣсяца послѣ этихъ происшествій, графиня де-Морлакъ поступила послушницей въ монастырь визитандинокъ въ Мансѣ. Въ минуту разставанья своего съ Баптистомъ, она горячо обняла его и сказала:

— Вся моя надежда на васъ. Не забудьте вашей клятвы!

— Я повторяю вамъ ее! отвѣчалъ онъ.—Пока останется во мнѣ искра жизни, я буду употреблять всѣ силы на то, чтобы отыскать вашихъ бѣдныхъ дѣтей! Ихъ похитили у васъ 28 іюня; каждый годъ, въ этотъ день, я буду видѣться съ вами, до той счастливой поры, пока вы ихъ снова обнимите...

Дойдя до этого мѣста въ своемъ разсказѣ, сестра Марія-Жозефа обратила свое прекрасное, покрытое слезами лицо къ Дени, который тоже утиралъ себѣ украдкой глаза.

— И вотъ, сказала она,—двадцать три года какъ я жду... и отчаяваюсь!

— Я только полицейскій чиновникъ, графиня, отвѣчалъ онъ;—но вѣрьте мнѣ, если только мои ничтожныя силы могутъ послужить на возвращеніе вамъ счастія, я буду думать, что совершилъ высшій подвигъ, на который только можетъ имѣть притязаніе человѣкъ!

— О, не говорите мнѣ такъ! воскликнула Эліана.—Вы дадите новую пищу моимъ несбыточнымъ надеждамъ...

— Надеждамъ, которыя осуществятся! перебилъ ее Дени съ увѣренностью.—Не знавъ еще вашей исторіи, я уже разсчитывалъ на нѣкоторыя случайности; теперь же, я прямо убѣжденъ...

— О, да услышитъ васъ Богъ! воскликнула восторженно сестра Марія-Жозефа.

— Онъ услышитъ меня, графиня! Не теряйте вѣры въ счастіе... Можетъ быть, мы увидимся съ вами дня черезъ три.

— Да, черезъ три дня! повторила Эліана.

Глава V.

Еще результатъ поѣздки въ Мансъ.

Менаръ поджидалъ своего гостя подлѣ монастыря.

— Ну, что? спросилъ онъ торопливо. — Довольны вы?...

— Болѣе, чѣмъ ожидалъ, отвѣчалъ Дени.

Они пошли рядомъ къ улицѣ Флоры и дорогою Дени разсказалъ своему спутнику то, что было необходимо ему сообщить. Минутъ черезъ десять, они были уже у квартиры Поля Ленди. Имъ отворилъ дверь полицейскій, по поводу чего Менаръ поспѣшилъ объяснить:

— Я забылъ вамъ сказать, что слуга этого юноши исчезъ одновременно съ нимъ.

— Какъ! И вы оставили безъ вниманія...

— О, нѣтъ! За кого вы насъ считаете! Я наводилъ справки, по соглашенію съ полицейскимъ комиссаромъ, который сдѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія, чтобы отыскать ихъ обоихъ.

— Это хорошо. А что можно сказать о лакеѣ?

— Мальчишка лѣтъ семнадцати; онъ работалъ и въ мастерской Ленди. Всѣ отзывы о немъ благопріятны.

— Все же надо его найти, повторилъ Дени, входя въ домъ.

Почти всѣ зданія въ улицѣ Флоры построены на одинъ образецъ: на улицу выходитъ двухъэтажный домъ съ мезониномъ; позади его тянется болѣе или менѣе обширный садъ. Жилище Поля Ленди ни чѣмъ не отличалось отъ прочихъ. Внизу, по сторонамъ длиннаго коридора, находились гостиная и столовая. Въ первой изъ этихъ комнатъ, меблированной изящно, стоялъ рояль Плейеля; на стѣнахъ висѣло нѣсколько хорошихъ картинъ; двѣ изъ нихъ были написаны самимъ хозяиномъ квартиры. Столовая была убрана просто. Вслѣдъ за нею шла кухня, выходившая окнами на дворъ. Далѣе тянулся узенькій садъ, содержавшійся въ большомъ порядкѣ.

Дени и Менаръ поднялись во второй этажъ. Мастерская живописца примыкала къ его спальнѣ и выходила во дворъ. Убранство ея состояло изъ широкихъ дивановъ, обтянутыхъ тисненною кожею, старинныхъ шкафовъ, бронзовыхъ вещей, статуетокъ и разныхъ мелкихъ вещей. Стѣны были увѣшаны эскизами, акварелями и многочисленными набросками, между которыми выдавались своимъ достоинствомъ пять или шесть доконченныхъ картинъ.

— У него талантъ, сказалъ Дени.

— И не дюжинный! подтвердилъ Менаръ.

Въ простѣнкѣ между оконъ висѣло группою разное оружіе изъ далекихъ океаническихъ странъ; тутъ были сѣкиры, луки, стрѣлы, сагаи, криссы, кожаные и деревянные щиты, и пр., а на каминной доскѣ, у столовыхъ часовъ изъ оникса, лежалъ, рядомъ съ револьверомъ, малайскій кинжалъ. Наконецъ, на мольбертѣ стоялъ портретъ самого художника, его собственной работы, похожій, по увѣренію Менара.

— Очень красивъ собою, замѣтилъ Менаръ.

— Да, очень красивъ, подтвердилъ Дени сквозь зубы,—очень изященъ... И я понимаю, что молодая герцогиня...

Онъ не договорилъ и ударилъ себя по лбу.

— Чортъ побери! вскричалъ онъ.—Я уже видѣлъ это лицо... гдѣ только?..

— Вѣроятно, когда вы его спасали отъ убійцъ!

— Нѣтъ, г. Менаръ, тогда была ночь, и туманъ. Но... эти прямыя брови, эти голубые глаза, этотъ носъ... почти женскій овалъ лица... Не сходство-ли съ кѣмъ-нибудь изъ людей, мнѣ знакомыхъ?... Надо припомнить... рано или поздно, я припомню.

— А пока, не хотите ли приступить къ обыску? сказалъ Менаръ.

— Что же, начнемъ.

Дени открылъ оба шкафа и небольшой наугольный бюро. Въ одномъ изъ его ящиковъ находился портретъ Эрмины, набросанный карандашемъ, и альбомъ. На первой страницѣ альбома былъ нарисованъ видъ какого-то замка.

— Вы знаете замокъ герцога Рейнольда? спросилъ Дени, показывая альбомъ своему товарищу.

— Какже, знаю! Онъ, онъ самый! точно фотографическій снимокъ.

Дени сталъ перелистывать альбомъ и удостовѣрился, что Поль велъ въ немъ родъ дневника, украшая поля страницъ разными иллюстраціями. Такъ, на одной страницѣ виднѣлся силуэтъ стараго герцога; далѣе шелъ докторъ Сезеранъ, потомъ миловидная Фанни, Бабета Леліеврь и, наконецъ, Контуа, подъ профилемъ котораго была лаконическая помѣтка: «Отличный, достойный человѣкъ!» Тронутый Дени принялся читать и увидѣлъ, что молодой человѣкъ написалъ почти всю свою исторію, съ самыхъ отдаленныхъ временъ своего дѣтства.

«Чей я сынъ? писалъ онъ.—Это мнѣ неизвѣстно. Я выросъ въ манскомъ пріютѣ для покинутыхъ дѣтей, въ которомъ оставался до четырнадцати лѣтъ. Меня хотѣли сдѣлать токаремъ, но у меня было призваніе къ живописи, директоръ музея, случайно посѣтившій нашу школу, замѣтилъ у меня на верстакѣ сдѣланный мною рисунокъ, нашелъ его необыкновеннымъ для ребенка, никогда необучавшагося рисованью, и объявилъ, что готовъ взять меня на свое попеченіе. Я согласился съ восторгомъ...

— «Какъ тебя зовутъ? спросилъ онъ.

— «Поль, отвѣчалъ я.—Меня назвали такъ по имени святого, память котораго праздновалась въ тотъ день, въ который меня подкинули въ пріютъ.

— «Одного имени мало, замѣтилъ онъ мнѣ привѣтливо.—Прибавимъ къ нему фамилію, которую, я надѣюсь, ты прославишь собою когда-нибудь! Сегодня понедѣльникъ... зовись же съ этихъ поръ Полемъ Ленди! *)

«Я прожилъ пять лѣтъ у этого достойнаго человѣка, который былъ мнѣ и учителемъ, и отцомъ. Его нѣтъ болѣе, но память о немъ будетъ вѣчно жить въ моемъ сердцѣ...»

Поль разсказывалъ далѣе о своемъ переселеніи въ Парижъ, своихъ запятіяхъ, неудачахъ, борьбѣ съ нуждою, знакомствѣ съ Натти, Вильвевомъ и Ямловымъ. Наконецъ, онъ описывалъ одну свою встрѣчу въ маѣ 1873 года,—встрѣчу съ молодой дѣвушкою, которая произвела на него глубокое, неотразимое впечатлѣніе. Одна изъ картинъ Поля была принята на выставку и онъ—что поймутъ всѣ художники!—неперестававалъ ходить передъ нею, трепетно прислушиваясь къ говору публики. Въ одно утро, какой-то старикъ, ведя подъ руку молоденькую дѣвушку, простоялъ нѣсколько времени передъ его картиной и потомъ снова воротился къ ней, обойдя всѣ залы.

— Посмотри въ указателѣ, чья эта работа, Эрмина, сказалъ онъ, занимая такое мѣсто, съ котораго можно было лучше смотрѣть на картину.

Эрмина исполнила его желаніе.

— Вотъ дѣдушка, сказала она.—*Пейзажъ на берегахъ Эно... г. Поля Ленди...* Здѣсь и его адресъ.

— Я пошлю къ нему завтра же Контуа, отвѣчалъ старикъ.—Картина мнѣ очень нравится... Правдиво и поэтично!.. Смотри, моя милочка... Эта прогалина, около нашего замка...

— Я узнала ее сразу, дѣдушка!

Поль воротился къ себѣ домой внѣ себя отъ радости и влюбленный. Черезъ два дня его картина была продана... и ему удалось увидать снова Эрмину! Далѣе, герцогъ Рейнольдъ, полюбившій молодого человѣка, котораго онъ называлъ, шутя, своимъ «придворнымъ живописцемъ», поручилъ ему реставрировать нѣкоторыя изъ картинъ, украшавшихъ его замокъ. По окончаніи этой работы, — которую онъ затягивалъ по возможности, — Поль перенесъ своихъ пенатовъ въ Мансъ, гдѣ, по его увѣренію, дневной свѣтъ былъ несравненно благопріятнѣе, чѣмъ въ Парижѣ,—и проживалъ здѣсь все то время, пока Эрмина находилась въ замкѣ Рейнольдъ. На зиму онъ перебирался въ Парижъ. Альбомъ былъ повѣреннымъ всѣхъ его маленькихъ радостей и глубокихъ скорбей. Каждый вечеръ онъ заносилъ въ него всѣ тѣ бездѣлицы, которыя заставляютъ блаженствовать или томиться влюбленныхъ, всѣ малѣйшія движенія двухъ сердецъ, которыя то притягиваютъ, то отталкиваютъ другъ друга, до той минуты, пока самая ничтожная случайность заронитъ искру пожара въ ихъ тайники и обнаруживаетъ имъ самимъ ту взаимную страсть, въ которой они не признавались и самимъ себѣ...

Поль и Эрмина, — какъ и всѣ ихъ предшественники со времени сотворенія міра, — прошли черезъ весь обаятельный путь первой любви, — путь, начинающійся при встрѣчѣ двухъ взглядовъ и измѣняющій свой характеръ при встрѣчѣ двухъ устъ! Дѣвственная любовь зародилась въ сердцѣ Эрмины въ залахъ и паркѣ герцогскаго помѣстья, но молодая дѣвушка сознала ее только въ мастерской Поля Ленди. Однажды Эрмина пріѣхала съ Бабетой Леліеврь въ Мансъ за нѣкоторыми покупками. Герцогъ поручилъ ей передать Полю письмо съ приглашеніемъ его на обѣдъ, и она придумала воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы застать его врасплохъ, среди его работъ въ мастерской. Она уговорила Бабету проводить ее въ улицу Флоры. Когда онѣ пришли, Поля не было дома, но Эрмина захотѣла вознаградить себя за его отсутствіе осмотромъ его мастерской. Тонтонъ, ученикъ Поля, предложилъ ей показать все, достойное ея вниманія, но она отклонила его услуги, предпочитая порыться во всемъ самой. Она попробовала сѣсть за рояль и изумилась, почувствовавъ какое-то странное ощущеніе при прикосновеніи къ клавишамъ; потомъ, еще не оправясь отъ этого потрясенія, она принялась разсматривать картины, бронзы, сломала одинъ чубукъ и захотѣла непремѣнно мазнуть кистью по одной начатой картинѣ, не смотря на грозные взгляды, которые кидала на нее Бабета. Однимъ словомъ, она совершила съ десятокъ тѣхъ милыхъ дурачествъ, которыя такъ и просятся на руку, когда сердце поетъ. Наконецъ, уже готовясь уйти, она замѣтила въ уголку, за каминомъ, какую-то рамку, обращенную къ стѣнѣ.

— Зачѣмъ эта картина виситъ наизнанку? сказала она, подходя къ картинѣ и переворачивая ее.

Она вспыхнула и невольно вскрикнула. Бабета, занятая разсматриваніемъ разныхъ мелкихъ рисунковъ, не разслышала этого восклицанія. Между тѣмъ, молодая дѣвушка смотрѣла съ волненіемъ на картину; она узнала свой портретъ, писанный акварелью, но такъ нѣжно, такъ тонко, съ такимъ поэтичнымъ оттѣнкомъ, что подобное произведеніе могло выдти только изъ рукъ художника, влюбленнаго въ свой оригиналъ... Такъ подумала Эрмина и въ то же время призналась себѣ, что обманывала себя, называя свое чувство къ Полю одною только дружбой...

Дени закрылъ альбомъ и уложилъ его обратно въ ящикъ. Онъ зналъ теперь то, что ему нужно было знать. Повторивъ Менару, что необходимо употребить всѣ средства для розысканія Тонтона, ученика Поля, Дени простился съ своимъ новымъ пріятелемъ и направился къ вокзалу желѣзной дороги, такъ такъ время отхода поѣзда уже приближалось.

Усѣвшись въ уголокъ вагона, онъ закрылъ глаза и принялся подводить итоги всему, что было имъ сдѣлано въ этотъ день.

— Во-первыхъ, рѣшилъ онъ,—Муленъ правъ. Его пытался отравить графъ де-Морлакъ. Далѣе, такъ какъ этому злодѣю показалось мало совершить преступленіе въ Батавіи (надо, чтобы объ этомъ дѣлѣ мнѣ разсказали по подробнѣе!).. показалось ему мало, говорю я, то онъ довершилъ на сынѣ свою месть противъ отца... Однимъ словомъ, ясно, почему былъ отравленъ Натти... а бѣдной Бланшъ досталось рикошетомъ!.. Очевидно, этотъ Морлакъ существуетъ, его слѣдуетъ изловить, и не медля, потому что это такой ловкій мошенникъ, что ускользнетъ... Что касается нападенія на Поля Ленди, то я пойму эту штуку только узнавъ, кто похитилъ Эрмину!.. Если Лера не сидѣлъ сегодня сложа руки, то, вѣрно, напалъ на какой-нибудь слѣдъ... Но жаль, что эти молодые люди вздумали влюбиться другъ въ друга... ничего хорошаго не выйдетъ изъ этой любви?.. Да, жаль.. Но, чортъ побери, гдѣ же я видѣлъ того, на кого похожъ этотъ молодой художникъ?..

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

* * *

Степныя птицы въ Германіи.

(Рис. на стр. 360.)

Драхвы (Otix tetrax), какъ и другія степныя птицы, мало извѣстны въ Германіи. Только изрѣдка вначалѣ осени залеталъ случайно какой-нибудь подобный уроженецъ юга и юго-востока Европы въ тюрингенскіе лѣса, но погибалъ здѣсь отъ руки охотника, показывавшаго его потомъ за диковинку, или же съ наступленіемъ холодовъ возвращался благополучно во свояси.

Въ сентябрѣ 1870 г., разсказываетъ Тинеманъ (извѣстный тюрингенскій охотникъ), одинъ егерь убилъ такую «странную птицу», а именно молодую драхву мелкой породы, какъ объяснилъ ему Тинеманъ. Этотъ экземпляръ возбуждалъ общее удивленіе, даже между самыми старыми мѣстными охотниками, но въ слѣдующую весну показалась еще пара такихъ же птицъ въ окрестностяхъ Шильзы. Въ 1873 г. можно уже было наблюдать выводокъ, весною этого года замѣчалась только пара новыхъ птицъ, а осенью, послѣ уборки хлѣба, въ поляхъ показывалась уже стая изъ двухъ старыхъ и трехъ молодыхъ птицъ. Въ 1874 г. тѣ же драхвы показались снова, изъ чего можно было заключить съ достовѣрностью, что онѣ завели осѣдлость въ самомъ сердцѣ Германіи, въ Тюрингенѣ, что и было вполнѣ подтверждено на съѣздѣ орнитологовъ, происходившемъ въ Брауншвейгѣ, въ маѣ 1875 года. Такимъ образомъ, птицы совершили перелетъ въ 150—200 миль и избрали себѣ новое мѣстожительство.

Было необходимо, говоритъ Тинеманъ, принять тотчасъ же всѣ мѣры, чтобы охранить новыхъ пернатыхъ переселенцевъ отъ охотничьяго ружья и затѣмъ наблюдать за ихъ образомъ жизни и всѣми привычками, относительно пищи, вывода дѣтенышей и пр.

По первому же приглашенію Тинемана, всѣ

---

*) *Lundi* — понедѣльникъ.

окрестные егеря и охотники — любители въ Шильзѣ, Ганглофъ-Земернѣ, Оттенгаузенѣ и др. сосѣднихъ мѣстностяхъ, дали слово щадить новыхъ птицъ. Впослѣдствіи, по почину того же Тинемана, приглашеніе не бить драхвъ было распространено, путемъ частныхъ и оффиціальныхъ извѣщеній, въ самыя отдаленныя мѣстности Германіи, страдающей вообще недостаткомъ дичи.

Германское правительство тоже не оставило безъ вниманія интересный вопросъ о водвореніи драхвъ въ нѣмецкихъ областяхъ. По распоряженію кронпринца, прусское лѣсное вѣдомство получило приказъ озаботиться о повсемѣстномъ охраненіи драхвъ; примѣру этому послѣдовали въ своихъ владѣніяхъ принцъ Генрихъ Рейсскій, герцогъ Готскій и др.

Благодаря подобнымъ охранительнымъ мѣрамъ, драхвы не замедлятъ, конечно, распространиться въ Германіи; уже въ настоящемъ году, въ одномъ полѣ, близь Лютцензошерна, было насчитано 34 старыхъ и молодыхъ драхвы, по сообщенію Тинемана. Вообще замѣчено, что южныя птицы начинаютъ понемногу переселяться въ болѣе сѣверныя мѣстности, если только на первыхъ порахъ имъ не грозитъ истребленіе. Такъ, напримѣръ, желто-зеленые чижи показываются теперь близь Дрездена и Франкфурта-на-Майнѣ. По наблюденіямъ Тинемана, благодаря только трехлѣтнему охраненію драхвъ, онѣ начинаютъ уже заселять площадь въ 20 кв. миль въ тюрингенской области, судя по выводкамъ, видѣннымъ въ разныхъ мѣстахъ между Лангензальцемъ, Грефентонной и пр. Такой удовлетворительный результатъ позволяетъ ожидать размноженія птицъ въ постоянно возростающей прогрессіи.

Описываемая Тинеманомъ порода принадлежитъ къ малорослымъ. Онъ называетъ ее *карликовою* въ отличіе отъ обыкновенной драхвы. Самецъ этой карликовой породы не болѣе простого пѣтуха, но у него такая же гордая осанка, какъ и у драхвы-великана. Особенно забавны тѣ презрительные взгляды, которые онъ кидаетъ на своихъ соперниковъ, выступая весною, на утренней зарѣ, по клеверному полю, еще покрытому росой. Лѣтомъ и осенью, онъ болѣе нагибаетъ шею и голову, а когда крадется между картофелемъ или рѣпою, стараясь быть незамѣченнымъ, то вытягивается почти весь въ горизонтальную линію. Грудь самца покрыта черными и бѣлыми блестящими перьями; на животѣ перья бѣловатыя, на спинѣ рыжеватыя; надкрылья темнаго цвѣта; на самомъ крылѣ мелкія бѣлыя перья съ ярко-бѣлыми верхними, широкими перьями. Голова у птицы сравнительно маленькая и покрыта свѣтлыми перышками. Глаза большіе, съ желтою радужной оболочкой, смотрятъ умно и лукаво. Ноги высокія, сильныя, способныя къ скорому бѣгу, къ которому часто обращается драхва, при видѣ грозящей опасности. У самки, равно какъ у однолѣтнихъ дѣтенышей, грудь и передняя часть шеи бѣлыя; самцовъ—птенчиковъ можно распознавать по болѣе черноватому затылку.

По замѣчанію того же Тинемана, малорослыя драхвы охотно устроиваютъ свои гнѣзда близь полей, засѣянныхъ клеверомъ или эспарсетомъ, но питаются и другою зеленью (между прочимъ, онѣ любятъ «волчій зубъ»), различными насѣкомыми и пр. Гнѣздо, которое удалось видѣть наблюдателю, состояло изъ ямки, вырытой въ землѣ и уложенной сухими прутиками и травою. Яйца были оливковаго цвѣта съ блѣдными коричневатыми пятнами. Въ другой разъ Тинеману пришлось видѣть еще два подобныя гнѣзда съ яицами, раззоренныя при уборкѣ клевера съ поля.

Малорослая драхва принадлежитъ къ перелетнымъ птицамъ. Въ концѣ октября или началѣ ноября, то есть, съ наступленіемъ холодной и ненастной погоды, она улетаетъ на югъ. Тинеманъ замѣчаетъ по этому поводу, что еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ, при ясной погодѣ, драхвы начинаютъ уже какъ бы приготовляться къ походу, собираясь большими стаями на поляхъ и кружась около деревьевъ и колоколенъ... Такъ продолжается нѣсколько дней, потомъ, въ одно прекрасное утро, всѣ драхвы вдругъ исчезаютъ и появляются вновь въ Тюрингенѣ когда зацвѣтутъ весною фіялки, или даже позднѣе, когда зазеленѣютъ поля и лѣса одѣнутся листвою, представляющею птицамъ защиту отъ зоркихъ глазъ ястребовъ. Малорослая драхва вообще птица робкая, спасающаяся отъ человѣка, какъ только завидитъ его. Иногда она прибѣгаетъ, какъ и исполинская драхва, къ слѣдующей уловкѣ: прижимается всѣмъ тѣломъ къ землѣ и пропускаетъ мимо себя непріятеля. Это часто удается ей, благодаря темно-рыжему цвѣту ея спинки. На нашемъ рисункѣ изображенъ выводокъ этихъ красивыхъ птицъ, дающихъ отличное нѣжное мясо и о размноженіи которыхъ заботится теперь и германское правительство и германское общество.

Завидно, право, читать о такой предусмотрительности, когда знаешь, что у насъ, въ Россіи, съ каждымъ годомъ постепенно исчезаютъ подобныя же породы степныхъ птицъ, какъ напримѣръ, исполинская драхва, стрепетъ и др.; какъ безумно истребляется рыба и лѣса. Многое мы заимствуемъ у иностранцевъ, почему бы намъ не воспользоваться ихъ примѣромъ и не принять мѣръ къ охраненію дичи, рыбы и лѣсовъ.

При свѣтѣ уличнаго фонаря.

(Рис. стр. 353.)

Непріятна пансіонская жизнь своей монотонностью! Дни за днями проходятъ, какъ заведенный механизмъ, не принося съ собою никакого разнообразія. Все разсчитано, пригнано, такъ что ни одна минута не пропадаетъ задаромъ... Это очень полезно, очень цѣлительно для души и тѣла, но... немножко невкусно, какъ всякія цѣлительныя средства. Человѣческое существо,— въ особенности же пятнадцатилѣтнее и, притомъ, женскаго пола,—чувствуетъ живую потребность въ перемѣнѣ, въ возбужденіи, въ испытываніи новыхъ впечатлѣній... Вмѣсто того, приходится вѣчно «долбить», кто вступилъ на престолъ вслѣдъ за Карломъ Великимъ, или сколько жителей считается въ Африкѣ... Это скучно, *ужасно* скучно! хронологія сама по себѣ внушаетъ прирожденное отвращеніе всякому школьнику (тѣмъ паче, школьницѣ), Карлъ Великій давно скончался, а до обитателей Африки какое намъ дѣло?... Удивительно-ли, что такія «противныя» вещи вопіютъ о чемъ нибудь, способномъ заглушить ихъ горькій вкусъ,—а гдѣ лучше найти такое противоядіе, какъ не въ романахъ? Воспитатели и воспитательницы говорятъ, что подобное чтеніе дѣйствуетъ нездоровымъ образомъ на воображеніе, отвлекаетъ вниманіе отъ уроковъ... Это неправда! Это ложь! Выдумка ворчливыхъ педагоговъ! Для того, чтобы внимательно слушать учителя, надо быть въ хорошемъ расположеніи духа, а можно-ли быть лучше настроенной, какъ послѣ чтенія романа? Душа открывается ко всѣмъ мягкимъ чувствамъ... Такъ и хочется разорвать на клочки этого жестокаго графа, который не дозволяетъ своему сыну, юному и красивому Отомару, жениться на прелестной Жизели, поддерживающей своими трудами престарѣлую мать и малолѣтняго брата! Злодѣй! Онъ самъ не стоитъ и подошвы всѣхъ этихъ прекрасныхъ и великодушныхъ существъ! Но бѣдные возлюбленные соединятся, не смотря на всѣ его козни! И не лягу я спать, пока не доберусь до ихъ свадьбы... хотя пришлось бы мнѣ сидѣть до тѣхъ поръ, когда на разсвѣтѣ, придетъ фонарщикъ тушить фонари!... Но нѣтъ! Не придется сидѣть такъ долго: мнѣ осталось всего 180 страницъ, а это можно отхватать въ полчаса... И бояться нечего... надзирательница спитъ такъ крѣпко!... И такъ, будемъ читать: «Жизела, встрѣтя Оттомара, произнесла съ глубокимъ вздохомъ... и т. д.».

Атакама и Караколесъ.

(*Продолженіе.*)

Читатель, по всей вѣроятности, достаточно успѣлъ ознакомиться съ условіями путешествія въ пустынѣ и съ караваномъ, который лѣтомъ 1871 года выступилъ подъ моимъ начальствомъ изъ Мехильонеса. Скажу теперь нѣсколько словъ о самой мѣстности.

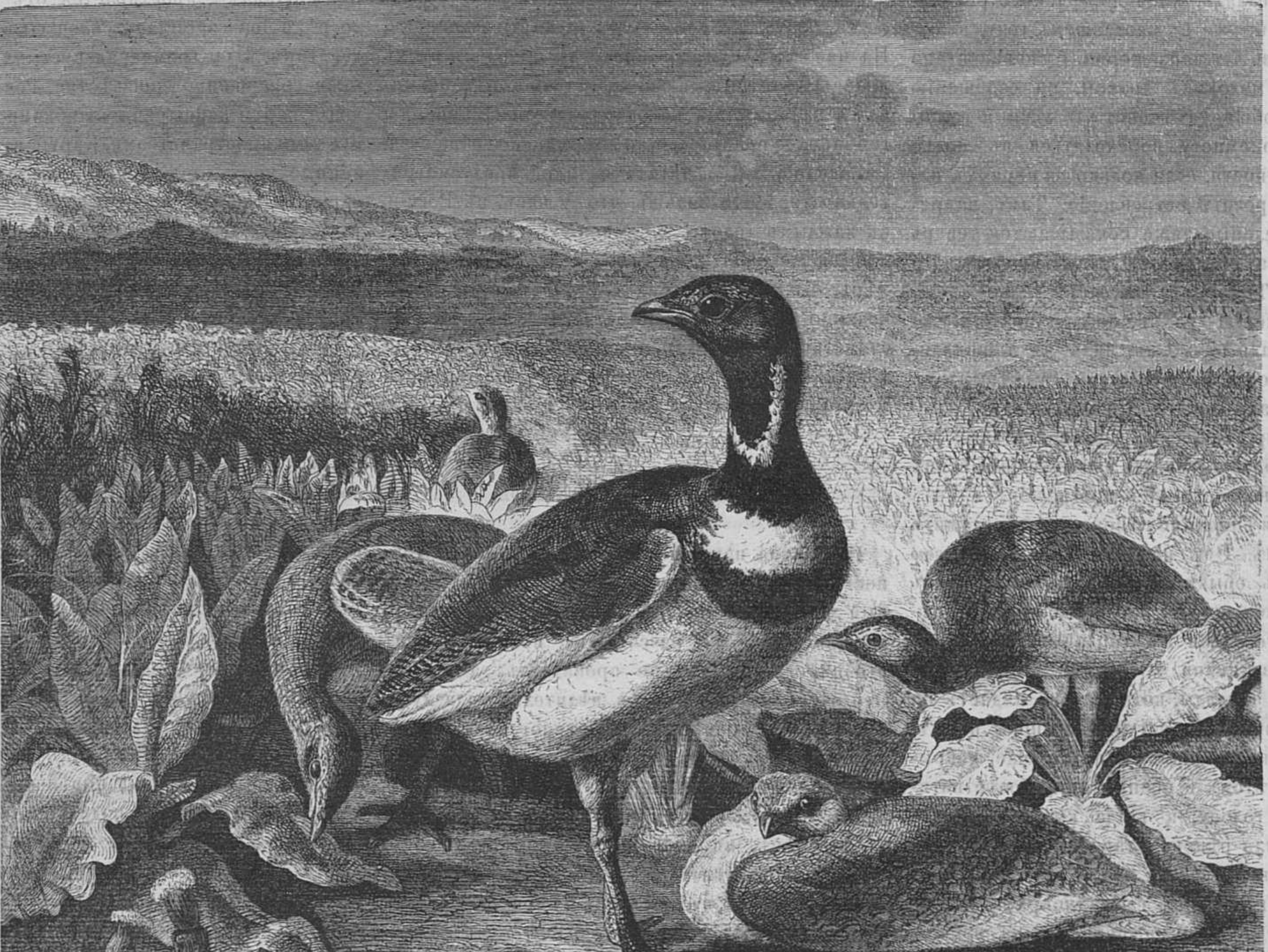
Часть южной Америки, извѣстная подъ именемъ Атакамы, простирается отъ рѣки Копіапо до рѣки Лоа и занимаетъ площадь въ 121,442,000 десятинъ. Эта громадная пустыня до сихъ поръ была совершенно неизвѣстна, почему существующія карты испещрены ошибками или бѣлѣютъ пустыми пространствами. Карты и планы, составленные мною, даютъ полное понятіе какъ объ общемъ топографическомъ характерѣ страны, такъ равно объ ея геологическомъ строеніи.

Въ этихъ пустынныхъ пространствахъ соприкасаются границы Чили и Перу, Аргентинской республики и Боливіи. Послѣдней принадлежитъ и большая часть пустыни.

Двѣ трети ея имѣютъ грунтъ, смѣшанный изъ песку и мелкихъ, острыхъ камешковъ, получившихся, по всей вѣроятности, отъ вывѣтриванія скалъ. Остальная треть Атакамы покрыта пескомъ, въ которомъ разсыпаны миліарды мелкихъ морскихъ раковинъ. Этотъ фактъ, въ связи съ открытыми въ болѣе глубокихъ слояхъ пластами соли и соды, неопровержимо свидѣтельствуетъ въ пользу того мнѣнія, что эта часть Атакамы, составляла когда-то дно моря, волны котораго разбивались у подножія Андовъ.

Болѣе подробныя изслѣдованія обнаруживаютъ пять почвенныхъ поднятій, сформировавшихся въ разное время, подъ напоромъ неодинаковой силы. Да и въ новѣйшее время наблюдается значительное поднятіе чилійскаго прибрежья. Благодаря такому порядку геологическихъ формацій, вся площадь пустыни, по направленію отъ океана вглубь материка, представляетъ рядъ плоскогорій или, вѣрнѣе, террасъ, раздѣленныхъ постепенно возвышающимися гребнями. Эти части пустыни извѣстны подъ разными названіями: Куэста, соприкасающаяся съ берегомъ океана и поднимающаяся на 1000—1200 футовъ; Кордильеры Коста, порфировый хребетъ, вышиною отъ 3500 — 3700 футовъ, служащій основаніемъ второму плоскогорію; центральные Кордильеры, скалистая гряда, возвышающаяся отъ 5000—5500 футовъ. Къ востоку отъ нея тянется третье плоскогорье, при средней вышинѣ въ 9000 футовъ; Кордильеры Реаль достигаютъ средней высоты отъ 1500—6000 футовъ. На рубежѣ пустыни, наконецъ, грандіозно возвышается мощная каменная громада Андовъ. Въ этой необъятной цѣпи вершинъ, покрытыхъ снѣгомъ, здѣсь и тамъ чернѣетъ и дымитъ жерло вулкана, рѣзко выдѣляясь своими мрачными контурами на общемъ ослѣпительно бѣломъ фонѣ снѣговыхъ вершинъ. Всѣ вершины Андовъ имѣютъ округленную и правильную поверхность, что въ общемъ придаетъ имъ чрезвычайно типичную физіономію, нисколько не напоминающую нашего европейскаго горнаго пейзажа Альповъ и Пиринеевъ, съ ихъ острыми вершинами, изолированными пиками и дикими разорванными цѣпями. Не можетъ неброситься въ глаза и та особенность Андовъ, что по направленію къ пустынѣ Кордильеры обрываются очень круто и покатымъ склономъ постепенно опускаются къ сторонѣ Боливіи. Вслѣдствіе этого мѣстность къ востоку отъ Андовъ орошается такими гигантскими рѣками, какъ Мадейра и Амазонка, а на западъ отъ нихъ лежитъ безводная полоса Атакамы. Единственная рѣка, орошающая боливійскую часть пустыни это Лоа, отдѣляющая Перу отъ Боливіи. По ея теченію лежитъ наибольшій оазисъ Калама, извѣстный подъ именемъ «царицы пустыни». Въ этомъ мѣстѣ вода рѣки годна для питья, тогда какъ ниже она такъ насыщена сѣрою и солью, что ее могутъ пить лишь мулы, да и то въ небольшомъ количествѣ.

Направляясь вверхъ по рѣкѣ Лоа къ ея истокамъ, дорога идетъ черезъ обширныя песчаныя пространства, за которыми лежитъ Кіучіа, «садъ пустыни», единственная мѣстность съ сравнительно богатой растительностью. Въ расположенномъ здѣсь поселеніи можно жить съ грѣхомъ по-поламъ. Нарисовавъ выше картину Мехильонеса, я не хочу вдаваться въ повторенія при описаніи этой деревушки, какъ-какъ она ничѣмъ не отличается отъ прочихъ поселеній въ пустынѣ.



Карликовыя драхвы.

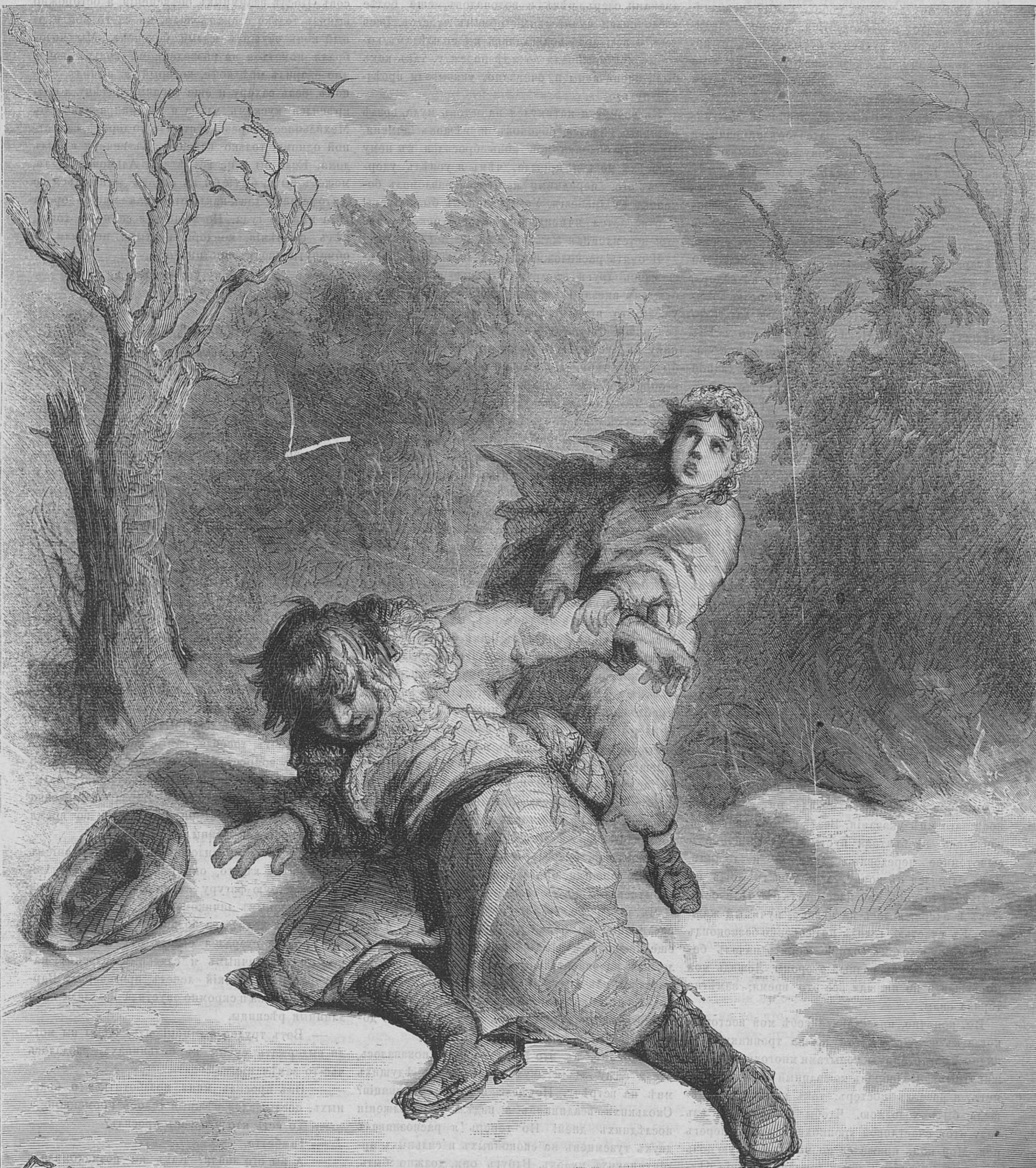
На другихъ меньшихъ оазисахъ, ютящихся у жалкихъ, мутныхъ источниковъ, растительность еще бѣднѣе; тутъ встрѣчаются только низкорослыя растеньица, которыя не могутъ служить ни топливомъ, ни кормомъ для скота. На одномъ изъ такихъ оазисовъ расположена столица американской сахары, Сан-Педро-де-Атакама, на высочайшей точкѣ пустыни, лежащей на высотѣ 9,000 футовъ надъ уровнемъ океана. Дома здѣсь, не исключая дома самого губернатора провинціи, выстроены изъ сплоченной земли, на что, впрочемъ, нужно смотрѣть снисходительно, такъ-какъ между городомъ и океаномъ лежитъ песчаная полоса слишкомъ въ 200 географическихъ миль шириною. На горизонтѣ, окруженный вершинами королевскихъ Кордильеровъ, этой родины кондоровъ, вырѣзывается отчетливымъ силуэтомъ вулканъ Атакама. Источникъ, орошающій городъ, беретъ начало у самой подошвы Кордильеровъ, за 20 миль отсюда; онъ снабжаетъ жителей водой, благопріятствуетъ развитію небогатой, впрочемъ, растительности и разведенію небольшихъ стадъ муловъ, ламъ и вигоней и, сослуживъ эту скромную службу, теряется далѣе въ пескахъ. На югъ лежитъ обширное, давно высохшее дно морское, изобилующее громадными залежами. Происхожденіе Атакамы относится къ отдаленной эпохѣ, такъ-какъ и до сихъ поръ существуютъ еще слѣды дороги временъ инковъ отъ Сан-Петро до Копіапо въ Чили. При проведеніи этихъ дорогъ ограничивались лишь разсчищеніемъ полосы почвы шириною въ 4 фута, то есть по-просту отбрасываніемъ камней и расчисткой песку. Какъ способъ постройки этихъ дорогъ, такъ и выборъ ихъ направленія крайне жалки и примитивны. Главною задачею строителей была возможная прямизна и краткость пути и нигдѣ не видно старанія направить дорогу по мѣстности болѣе удобной для передвиженій людей и животныхъ или своротить ее къ пунктамъ, гдѣ караванъ могъ-бы запастись водою. По этой дорогѣ инковъ, со стороны Кордильеровъ попадаются каменныя пирамиды, воздвигнутыя въ честь бога Пачакамака, причемъ каждый прохожій бросалъ здѣсь камень. Нѣкоторыя изъ этихъ пирамидъ теперь увѣнчаны крестомъ.

Но ни слѣды дорогъ инковъ, ни позднѣйшіе пути, ни каменныя пирамиды не облегчаютъ возможности оріентироваться въ этихъ необозримыхъ песчаныхъ пространствахъ. Въ большинствѣ случаевъ нужно совершенно довѣриться опытности вакеано, хотя эта опытность не всегда преодолѣваетъ трудности странствованія въ пустынѣ.

Въ концѣ 1871 года, когда я былъ занятъ топографическою съемкой части пустыни, извѣстной подъ именемъ «сухая лагуна», меня посѣтилъ одинъ мехиканскій катеадоръ, съ которымъ я былъ знакомъ еще ранѣе. Онъ дѣлалъ изысканія группы горъ, гдѣ былъ расположенъ нашъ бивуакъ, и, замѣтивъ палатки, повозки и вьючныхъ животныхъ, пришелъ побесѣдовать со мной —удовольствіе чрезвычайно исключительное въ этомъ безлюдіи.

Разговоръ, конечно, вертѣлся на интересующемъ насъ предметѣ: катеадоръ излагалъ мнѣ свои надежды, связанныя съ успѣхомъ предпринятыхъ имъ изысканій; я, съ своей стороны, объяснялъ ему, въ общихъ чертахъ, основанія моего проекта желѣзной дороги чрезъ Атакаму. Бесѣдуя дальше на эту тему, катеадоръ увѣрялъ меня, что я могъ-бы значительно сократить стоимость предпріятія, если бы направилъ линію желѣзной дороги на открытую имъ недавно кевброду, которую онъ настоятельно совѣтовалъ посѣтить. Я охотно согласился и, поручивъ обозъ надзору своего помощника, на слѣдующій день,

РИСУНОКЪ Ф. КОСТШЕВСКАГО.


F. KOSTRZEWSKI
K. PRZYKORSKI

Мятель.

часовъ въ 5 утра, мы были на сѣдлѣ и пустились въ путь.

Я былъ вполнѣ увѣренъ, что возвращусь вечеромъ того же дня или утромъ на слѣдующій день и потому взялъ съ собою самый незначительный запасъ продовольствія: коробку сардинокъ, два морскіе сухаря и бутылку воды съ кофе и коньякомъ. Въ свою походную сумку я не забылъ положить бусоль, пружинный барометръ и карманный секстансъ.

Къ 11 часамъ мы были въ квебродѣ Магуайэнъ, гдѣ мы раздѣлились: катеадоръ направился къ прибрежью, я—къ пресловутому ущелью или квебродѣ. Весь день я ѣхалъ въ указанномъ мнѣ направленіи и къ вечеру очутился среди необозримаго песчанаго поля, замкнутаго на горизонтѣ цѣпью холмовъ, за которыми вырѣзывались снѣжныя вершины королевскихъ Кордильеровъ. Я старался оріентироваться въ этой незнакомой мнѣ мѣстности, вспоминая указанія катеадора, и рѣшилъ, что интересующее меня ущелье должно непремѣнно находиться въ одномъ изъ ближайшихъ хребтовъ. Пока я скакалъ по всѣмъ направленіямъ, розыскивая квеброду, солнце близилось къ закату, уступая мѣсто непроглядной темной ночи; къ тому же голодъ ощутительнымъ образомъ вступилъ въ свои права. Я слѣзъ съ коня, разсѣдлалъ его, съѣлъ пару сардинокъ и одинъ сухарь и опорожнилъ бутылку, къ которой я уже прибѣгалъ неоднократно. Затѣмъ, положивъ подъ голову одѣяло и завернувшись въ пончо, легъ на песокъ и вскорѣ заснулъ.

Ночью дулъ порывистый южный вѣтеръ, такъ что, несмотря на теплый пончо изъ вигоньей шерсти, я дрожалъ отъ холода. Какъ только взошло солнце я опять былъ на конѣ, съ цѣлью розыскать вчерашній свой слѣдъ, но сейчасъ же долженъ былъ оставить эту безуспѣшную попытку, такъ какъ слѣды были окончательно занесены пескомъ Бѣда не велика! думаю себѣ,—у меня вѣдь есть бусоль. Хвать!—бусоль исчезла изъ сумки! Что дѣлать? Куда направиться? Гдѣ искать пресловутую квеброду? Я сознавалъ одно, что раздумывать теперь не время и что каждая минута проволочки еще болѣе ухудшаетъ мое положеніе и потому, не мѣшкая долѣе, я пустилъ мою лошадь вскачь.

Цѣлый день путался я въ лабиринтѣ холмовъ и ущелій и нигдѣ не отыскалъ ни малѣйшаго полезнаго мнѣ указанія. Вездѣ передо мною разстилалась необъятная пустыня, безконечное и монотонное чередованіе холмовъ и лощинъ. День близился къ концу, а я успѣлъ лишь на столько, что конь мой изнемогалъ отъ усталости. Какъ и вчера, я легъ на песокъ, мучимый жаждою. Къ счастью, голодъ не особенно безпокоилъ меня. Съ восходомъ солнца я опять началъ безумную скачку въ разныя стороны. Лошадь моя не ѣвшая и не пившая все это время, замѣтно теряла силы.

Вы, конечно, представите себѣ мой восторгъ, когда къ вечеру я наткнулся на тропинку, очевидно протоптанную копытами многочисленныхъ животныхъ. Подобравъ лошадиный и мулій пометъ, я развелъ костеръ, такъ какъ ночь обѣщала быть холодною. Чтобы не потерять изъ виду этой счастливой тропинки, я легъ поперегъ нея. Мой конь прижался ко мнѣ и я цѣлую ночь ощущалъ на лицѣ и груди горячее дыханіе бѣднаго животнаго, которое, казалось, съ мольбою смотрѣло на меня, какъ будто чувствуя, что безъ меня должно погибнуть.

Съ разсвѣтомъ я взялъ мою лошадь подъ уздцы и медленно направился пѣшкомъ по слѣдамъ которые, какъ мнѣ казалось, шли къ прибрежью по направленію къ Антофагастѣ. Около полудня, подъ вліяніемъ невыносимаго зноя, я такъ изнемогъ, что сдѣлался жертвою галлюцинацій, которыя служили началомъ дальнѣйшихъ болѣзненныхъ осложненій. Кругомъ себя я видѣлъ статныхъ всадниковъ, красивыхъ амазонокъ, потонувшія въ зелени виллы; весьма обыкновенные въ этихъ мѣстахъ миражи, обольщая меня призраками озеръ, рѣкъ и водопадовъ, еще болѣе увеличивали мучительный обманъ чувствъ. Весь день и всю ночь подвигались мы по слѣдамъ, которые поддерживали во мнѣ надежду, такъ какъ были очень ясны и, очевидно, указывали проѣзжій путь.

Къ вечеру я наткнулся на остовъ мула, возлѣ котораго валялся боченокъ и мѣшокъ ячменя. При видѣ бочонка мой конь бросился къ нему со всѣхъ ногъ и, прежде, чѣмъ я успѣлъ удержать его, передними копытами разломалъ боченокъ въ дребезги. Увы! боченокъ былъ пустъ! Что касается ячменя, то лошадь и некоснулась его: истомленная жаждою, она не могла ѣсть.

И опять расположились мы на ночлегъ, прижавшись другъ къ другу... Ночью я былъ пробужденъ внезапнымъ ржаніемъ моей лошади. Неужели это предсмертный стонъ моего вѣрнаго товарища? Неужели мнѣ прійдется остаться одному въ пустынѣ? Безъ коня погибель моя была-бы неминуемой. Но это не была предсмертная агонія, это былъ отчаянный вопль ужаса. Кругомъ насъ, не дальше двадцати шаговъ, носилась въ воздухѣ стая кондоровъ, глаза которыхъ сверкали, какъ раскаленные угли. Эти птицы обладаютъ удивительнымъ инстинктомъ предвидѣть скорую смерть своихъ жертвъ и терпѣливо ожидаютъ минуты, когда имъ можно будетъ начать свою могильную трапезу. Какъ только какое-нибудь животное должно пасть въ пустынѣ, онѣ слетаются со всѣхъ сторонъ. Я зналъ объ этомъ и поневолѣ задрожалъ при видѣ зловѣщихъ вѣстниковъ смерти. Однакожъ взявъ въ одну руку револьверъ, а въ другую длинный ножъ, я двинулся впередъ по тропинкѣ, на которой усѣлись нѣсколько кондоровъ, какъ бы съ намѣреніемъ загородить мнѣ дорогу. Птицы сидѣли неподвижно, не выказывая безпокойства, и по размѣрамъ достигали роста 12-ти лѣтняго ребенка. Приблизившись къ нимъ, я выстрѣлилъ два раза. Кондоры тяжело поднялись на воздухъ и вскорѣ опять опустились на землю, правда, немного подальше, на окружности большого круга, въ центрѣ котораго я и мой конь представлялись для нихъ вѣрною добычею Всю ночь, съ револьверомъ въ рукѣ, я простоялъ подлѣ моей лошади, ободряя бѣдное животное. Дождавшись разсвѣта, мы двинулись впередъ, а зловѣщія птицы, испуганныя нашими приготовленіями, поднялись и скрылись изъ моихъ глазъ.

Читателю не трудно представить себѣ мое настроеніе; но, несмотря на всѣ неудачи, я все еще не терялъ надежды: все свое упованіе я возложилъ на спасительные слѣды, которыхъ я не упускалъ изъ виду. Я былъ увѣренъ, что они ведутъ къ какому-нибудь заселенному мѣсту, но не могъ предвидѣть хватитъ ли у меня силъ достигнуть этой цѣли.

Наконецъ, въ это же утро мнѣ показалось, что я вижу вдали двухъ всадниковъ, ѣдущихъ мнѣ на встрѣчу. Неужели и это галлюцинаціи? Сколькихъ всадниковъ я видѣлъ впродолженіи послѣднихъ дней! Но теперь я распознавалъ двухъ туземцевъ на спокойныхъ и сильныхъ аргентинскихъ мулахъ. Вдругъ они, должно быть, замѣтили меня, такъ-какъ прибавили ходу. Нельзя было уже сомнѣваться! Какою радостью, какой благодарностью наполнилось мое сердце! Одинъ изъ всадниковъ махалъ мнѣ своимъ сомбреро, другой-своимъ пончо. Мой конь, не дожидаясь шпоры, бросился галопомъ на встрѣчу и вскорѣ я пожалъ руку моего вакеано Альмендара. Не дождавшись моего возвращенія, онъ рѣшился искать меня вмѣстѣ съ другимъ своимъ товарищемъ, который тоже хотѣлъ отыскать пропавшаго «человѣка желѣзной дороги», какъ звали меня всѣ обитатели боливійской пустыни.

Мои спасители, предвидя мое положеніе, запаслись большимъ количествомъ воды и припасовъ. Послѣ взаимныхъ объясненій, я осторожно выпилъ только стаканъ воды, но за то мой вѣрный конь осушилъ цѣлый боченокъ. Мы подобрали пометъ и на разведенномъ кострѣ вакеано сварилъ мнѣ кофе, который я выпилъ залпомъ, безъ сахару и еще горячій. Затѣмъ я подкрѣпился кускомъ хлѣба и мы направились въ Мехильонесъ черезъ пустыню, по дорогѣ, извѣстной одному только вакеано. Къ вечеру я былъ дома. Если бы я не встрѣтилъ Альмендара, то, можетъ быть, былъ бы въ силахъ дотащиться до Антофагасты такъ-какъ открытая мною дорога вела именно туда. Но лишись я силъ—и тогда, нѣтъ сомнѣнія, кондоры пустыни не были бы обмануты своимъ инстинктомъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Наши ближніе.

(Фельетонные наброски.)

X.

«Кукушка новой формаціи.»

Мы говорили о войнѣ...

Сербско-турецкая война была въ самомъ разгарѣ и потому военные слухи, толки о перевязочныхъ и санитарныхъ средствахъ, разсказы о дѣятельности славянскаго комитета были самою подходящею темою для салонной болтовни. Кружокъ гостей шумѣлъ и спорилъ, когда въ залу вошла стройная и высокая красавица, съ вьющимися волосами, съ нѣжнымъ розовымъ личикомъ, одѣтая въ черное шелковое платье. Это было лицо ребенка, дѣвушки, ангела съ рафаелевской картины и трудно было сказать, сколько лѣтъ этой женщинѣ. Годы не оставляли, повидимому, никакихъ слѣдовъ на этомъ лицѣ, и я счелъ бы ее за очень молоденькую женщину, если бы злодѣй Клименко не успѣлъ мнѣ шепнуть:

— Какова бабенка! Тридцать семь лѣтъ, а все еще ребенкомъ смотритъ.

— Да вотъ, господа, самый компетентный человѣкъ въ вопросѣ о врачебномъ устройствѣ во время войны, промолвила хозяйка дома, указывая на молодую женщину. — Варвара Павловна Громецкая была сестрой милосердія во время франко-прусской войны...

— Вы сестра милосердія? съ изумленіемъ воскликнулъ кто-то, окинувъ глазами эту нѣжную, изящную фигуру съ крошечными ручками, съ выхоленнымъ личикомъ.

— Да, я ходила за больными во Франціи, когда Гамбетта старался спасти отъ позора свою родину, мелодичнымъ и сладкимъ голосомъ, напоминавшимъ дѣтскій лепетъ, проговорила Варвара Павловна и скромно опустила на глаза свои длинныя рѣсницы.

— Вотъ трудно бы повѣрить, чтобы вы могли выдержать сцены въ больницахъ, раздалось чье-то замѣчаніе.

— Онъ просилъ меня позаботиться о больныхъ, послышался нѣжный голосъ Громецкой.

— То есть кто это васъ просилъ?

— Гамбетта.

— А вы его знали? Какъ вы познакомились съ нимъ? послышались вопросы.

Варвара Павловна вздохнула.

— Я долго жила въ Парижѣ... Моему сыну нужно было пользоваться тамъ совѣтами докторовъ... Это было въ шестидесятыхъ годахъ, а въ то время Гамбетта впервые бросилъ смѣло перчатку правительству Наполеона III. Я тогда же и увидала великаго оратора и великаго патріота, передъ которымъ нельзя было не преклониться.

Клименко прищурилъ глаза и спросилъ у Варвары Павловны:

— Я, кажется, видѣлъ у васъ локонъ его волосъ?

— Да, я храню эту святыню, отвѣтила она также дѣтски просто и ласково. — Онъ срѣзалъ этотъ локонъ въ тотъ самый день, когда онъ произнесъ свое знаменитое: «Вы не осмѣлитесь праздновать второе декабря, какъ годовщину національнаго торжества, потому что это годовщина убійства.»

— Каждый разъ переврется! шепнулъ мнѣ Клименко.

— Да, это были великія слова, сказалъ онъ вслухъ. — Вы были тогда въ засѣданіи?...

— Да, да, я не помнила себя, я бросилась при выходѣ Гамбетты къ нему и припала къ его рукѣ... Это, можетъ быть, было ребячество, дѣтское увлеченіе, безуміе, но я не стыжусь великихъ порывовъ юности!... «Кто не былъ безумнымъ, тотъ никогда не будетъ честнымъ человѣкомъ», сказалъ Берне...

— И опять таки вретъ! цинично шепталъ мнѣ Клименко.

— И кто могъ ожидать отъ него такой рѣчи еще наканунѣ, когда мы всѣ упрекали его, что онъ губитъ себя среди богемы, въ пустыхъ разговорахъ, въ мелкихъ кафе, въ лѣнивомъ прожиганіи жизни. Мы всѣ, конечно, чувствовали, что это геній, что это великая душа, но чего то недоставало еще ему, чтобы сказаться, чтобъ выступить въ полномъ блескѣ передъ обществомъ...

— Я думаю, нужно было женское вліяніе, замѣтилъ съ лукавой усмѣшкой Клименко.

— Да... можетъ быть, скромно проговорила Варвара Павловна, снова опустивъ свои прекрасныя рѣсницы.—Его до этого времени окружали слишкомъ мелкія женщины, бѣдныя гризетки, умѣющія только отдаваться любимому человѣку, онѣ не умѣли его вдохновить, не умѣли его понять... Ему нужна была подруга-энтузіастка, беззавѣтная натура, развитая личность.

— И пойдетъ, и пойдетъ писать на цѣлый вечеръ, прошепталъ мнѣ Клименко,—потому что женщиной, сдѣлавшей Гамбетту, она считаетъ себя...

— Да что она съ нимъ точно была близка? спросилъ я.

— Можетъ быть, мимоходомъ и онъ ее обласкалъ, цинично проговорилъ Клименко.

Чрезъ нѣсколько минутъ я слышалъ, какъ Громецкая говорила со слезами въ голосѣ.

— Нѣтъ, вы представьте себѣ, что я нашла ее, почти еще дѣвочку, на чердакѣ, обольщенную, брошенную, голодную, съ ребенкомъ...

Начала разсказа я не слыхалъ.

— Она готова была уже къ самоубійству, потому что другого исхода не было, продолжала въ волненіи Громецкая. — Мнѣ удалось немного ее успокоить, кое чѣмъ помочь ей. Но много-ли я могу дать? Теперь нужно будетъ собрать ей хоть что нибудь, чтобъ пріодѣть ее, отправить изъ Петербурга съ ребенкомъ... Вѣдь нельзя же такъ оставлять людей на гибель!...

— А вы бы концертъ устроили въ ея пользу, вмѣшался въ разговоръ Клименко.

— Теперь плохое время для концертовъ, вздохнула Громецкая.

— Ужь все равно обирать то народъ, такъ ужь лучше съ музыкой, тихо пробормоталъ мнѣ онъ и, взявъ меня подъ руку, сказалъ:—Пойдемте, а то еще стянетъ что нибудь и съ насъ въ пользу этой дѣвушки съ ребенкомъ...

— Но отчего же и не дать, если... началъ я.

Клименко остановился и вытаращилъ на меня изумленные глаза.

— Да вы съ луны, что ли, свалились, что не знаете на кого собираетъ Варвара Павловна Громецкая?

— На кого же? спросилъ я.

— Да все на ту же Варвару Павловну Громецкую.

— Полноте!

— Да могу же васъ увѣрить. Она и благотворительные концерты устраиваетъ въ свою пользу, и филантропическія лотереи разыгрываетъ для себя, и добровольныя пожертвованія собираетъ для своей особы... Ахъ, только все не въ прокъ, потому что кукушка не вьетъ себѣ гнѣзда... Это вѣдь кукушка новой формаціи. Пойдемте подальше, я вамъ до чаю разскажу ея исторію или, лучше сказать, эпизоды изъ ея исторіи.

Мы удалились въ угловой кабинетъ хозяина.

Въ 1868 году, въ то самое время, когда Гамбетта такъ очаровалъ Варвару Павловну своей любовью къ отчизнѣ, я проѣзжалъ однажды черезъ одну изъ деревушекъ около Парижа и случайно разговорился съ хозяиномъ кузницы, гдѣ мнѣ пришлось остановиться, чтобъ подковать лошадь, потерявшую подкову.

— Вы иностранецъ? спросилъ меня кузнецъ.

— Да, русскій, отвѣтилъ я.

— А! У васъ здѣсь есть соотечественникъ, проговорилъ онъ.—Вонъ этотъ мальчуганъ тоже русскій.

Кузнецъ указалъ мнѣ на грязнаго, оборваннаго, черноволосаго мальчугана, лѣтъ девяти, игравшаго съ дѣтьми на пыльной деревенской улицѣ.

— У тетушки Жиго воспитуется, пояснилъ кузнецъ.—Привезла его сюда груднымъ какая-то барыня и бросила. Сначала хорошо платили, а теперь что то тетушка Жиго все жалуется. Затягиваютъ деньги.

Я подошелъ къ мальчугану. Не смотря на неуклюжій костюмъ, на грязное тѣло, онъ былъ строенъ, хорошъ собою и носилъ на себѣ слѣды южнаго типа. Я заговорилъ съ нимъ, онъ дико посмотрѣлъ на меня и отвѣчалъ односложно, на плохомъ французскомъ народномъ языкѣ. Кто онъ, кто его отецъ, кто его мать — онъ не могъ сказать мнѣ этого. Онъ зналъ только, что онъ «козакъ»,—такъ называли его въ деревнѣ. Минутъ черезъ пять лошадь моя была подкована и я снова ѣхалъ въ Парижъ.

Черезъ нѣсколько дней, сидя въ кафе на Итальянскомъ бульварѣ, я встрѣтилъ знакомаго мнѣ русскаго профессора изъ Кіева. Это былъ сынъ одного изъ богатыхъ одесскихъ торговцевъ грековъ. Онъ не пошелъ по стопамъ отца и сдѣлался ученымъ. Влеченіе къ наукѣ обошлось ему не дешево. Отецъ разсердился на сына и лишилъ его помощи. Юношѣ пришлось порядочно побѣдствовать, прежде чѣмъ онъ получилъ кафедру въ университетѣ. Мы обрадовались случайной встрѣчѣ.

— Какъ это вы попали въ такое время въ Парижъ? спросилъ я его.

– Обстоятельства такія вышли, вздохнулъ онъ, наморщивъ брови.—Грѣшки молодости отозвались...

— Исторія не для постороннихъ слушателей, замѣтилъ я.

— Нѣтъ, я даже очень радъ подѣлиться ею съ вами. Она у меня лежитъ камнемъ на сердцѣ. Совѣсть не могу успокоить. Мнѣ нужно, чтобы кто-нибудь сказалъ мнѣ, что я въ этой исторіи былъ... не совсѣмъ подлецомъ.

Его лицо приняло грустное выраженіе.

— Вы помните, когда я поступилъ въ университетъ? спросилъ онъ.

— Конечно. На васъ всѣ указывали тогда, какъ на Креза II, сказалъ я.

— Да, вздохнулъ онъ.—Къ сожалѣнію, люди не знали, что Крезъ I лишилъ уже престола своего сына. Въ качествѣ будущаго Креза II я былъ очень счастливъ въ друзьяхъ и подругахъ...

— Ну, вторыя могли увлекаться вами и помимо вашего богатства! Вы были тогда красавцемъ...

— Къ несчастію, та, которая болѣе всего увлекалась мною, едва ли любила меня за мою красоту и за мои нравственныя или умственныя достоинства. Она видѣла во мнѣ будущаго милліонера и только. Разумѣется, я этого и не подозрѣвалъ и отдался ей всей душою... Она была хороша собой, нѣжна, добродушна, а я былъ такъ молодъ...

— Варвара Павловна Громецкая?

— Тогда она называла себя Варварой Павловной Жихаревой...

— Развѣ она была два раза замужемъ?

— Она разъ только была замужемъ, но не за Жихаревымъ и не за Громецкимъ, а за Розановымъ, который живъ и теперь. Она носила фантастическія фамиліи, какъ носятъ фантастическіе наряды во время маскарада, съ презрѣніемъ проговорилъ онъ. — Вотъ эта то женщина свела меня съ собою... Иначе я не умѣю выразить того положенія, въ которое она поставила меня. Я не ухаживалъ за нею, я не признавался ей въ любви, я не давалъ ей клятвъ, — я, просто, увидалъ въ одинъ прекрасный день у своихъ ногъ рыдающую прекрасную и молодую женщину, шептавшую мнѣ: «О если бы ты зналъ, какъ я несчастна!» — и отдался этой женщинѣ, надѣясь, если не сдѣлать ее счастливой, то заставить ее забыть несчастія. Я не сходилъ съ ума отъ любви къ ней, но и не былъ холоденъ къ ней и моя спокойная, ровная привязанность къ ней могла бы продлиться долго. Эта привязанность была слѣдствіемъ сожалѣнія къ безпомощной молодой женщинѣ, которую выдали насильно замужъ на семнадцатомъ году за старика подагрика и пьяницу, жившаго среди гарема въ своемъ помѣстьи, и которую потомъ соблазнилъ молодой красавчикъ гусаръ, увезшій ее отъ ненавистнаго мужа и бросившій безъ куска хлѣба въ Петербургѣ. Эта привязанность къ страдающей женщинѣ должна была окрѣпнуть во мнѣ еще сильнѣе, когда я увидѣлъ, что эта женщина скоро будетъ матерью моего ребенка. Но случилось не такъ. Въ семь-восемь мѣсяцевъ нашей любви Варвара Павловна узнала, что я лишенъ отцомъ всякой поддержки, что я въ сущности нищій. Она попробовала уговорить меня отказаться отъ карьеры ученаго и сойтись съ отцомъ. Я отказался наотрѣзъ исполнить это. Тогда она попыталась тайкомъ отъ меня написать трогательное письмо моему отцу и получила отвѣтъ, что онъ не имѣетъ привычки содержать любовницъ своихъ дѣтей, имѣя обыкновеніе содержать только своихъ собственныхъ любовницъ. Тогда Варвара Павловна начала прибѣгать къ другимъ средствамъ: она начала собирать деньги на мнимыхъ бѣдняковъ, пряча эти подаянія въ свой карманъ, она стала жаловаться на то, что я обольстилъ ее и хочу ее бросить, она стала говорить, что ей грозитъ нищета.

У насъ родился въ это время сынъ, а черезъ нѣсколько недѣль я нашелъ у себя письмо Варвары Павловны, гдѣ она говорила, что она не обвиняетъ меня за то, что я, полюбивъ, обманулъ ее на счетъ своихъ денежныхъ средствъ, что она пойдетъ хоть въ каторжную работу для прокормленія нашего ребенка, что она нанялась въ компаньонки, чтобы воспитать его, что она уѣзжаетъ за границу, гдѣ онъ будетъ воспитываться около нее, что, наконецъ, жить со мною она не можетъ долѣе потому, что плодить нищихъ безнравственно и преступно. Письмо заключалось воплями, слезами и десяткомъ восклицаній: «прости, мой дорогой, прости, мой любимый!» Я растерялся при полученіи этого письма, гдѣ было столько любви ко мнѣ и къ моему ребенку, гдѣ было столько возвышенныхъ фразъ объ обязанности пожертвовать личнымъ счастьемъ для счастья ребенка и о преступности наслаждаться любовью, плодя нищихъ. Я повѣрилъ всему и былъ радъ, когда отъ времени до времени Варвара Павловна присылала мнѣ письма, жалуясь на недостаточность получаемаго ею жалованія: я отрывалъ отъ себя послѣднія заработанныя деньги и высылалъ ихъ ей. Потомъ я узналъ, что она жила въ это время въ Швейцаріи на содержаніи у стараго генерала Дмитріева, а мой сынъ былъ гдѣ-то брошенъ. Такъ прошло три года. Я выбился на дорогу, отецъ примирился со мною, когда я получилъ золотую медаль, и я сдѣлался не бѣднымъ человѣкомъ.

Теперь я могъ бы снова сойтись съ Варварой Павловной, не боясь наплодить нищихъ, но Варвара Павловна давно уже представилась мнѣ въ настоящемъ свѣтѣ: я узналъ, что старый мужъ подагрикъ и пьяница былъ плодомъ ея пылкой фантазіи и что въ дѣйствительности господинъ Розановъ былъ оченъ скромнымъ и далеко не старымъ провинціяльнымъ чиновникомъ; я узналъ, что гусаръ, увезшій ее отъ мужа бросилъ ее точно также, какъ и я, то есть, она сама ушла отъ него, когда увидала, что онъ не можетъ ее содержать прилично, одѣвать въ шелкъ, охранять отъ труда и позволять ей сорить деньгами безъ разбору на право и налѣво. Но главное, что меня поразило, такъ это то, что у господина Розанова Варвара Павловна бросила своего первенца и что отъ гусарскаго корнета у нее было двѣ дочери, неизвѣстно куда заброшенныя ею. Мнѣ стало страшно за участь моего ребенка и я вступилъ въ серьезную переписку съ Варварой Павловной по этому поводу. Она на всѣ мои обвиненія отвѣчала, что я клевещу на нее, что я хочу отдѣлаться отъ нее, сдѣлавшись богатымъ, что я пользуюсь тѣмъ, что она не имѣетъ права требовать моей женитьбы на ней, что она не отдастъ мнѣ сына, единственнаго ея утѣшенія, что она скорѣе пойдетъ съ нимъ просить милостыню, говоря всѣмъ, что она проситъ подаянія для сына русскаго богача. Я не имѣлъ никакихъ законныхъ правъ отнять у нея своего ребенка. Я попробовалъ съѣздить за границу, чтобы выкупить свое дитя, но я засталъ Варвару Павловну одну. Она встрѣтила меня словами: «Я васъ ждала! Я угадала чутьемъ изъ вашего письма, что вы пріѣдете отнять мое дитя! Но вы его не найдете!» Я предлагалъ выкупъ — она возмущалась, она рыдала, она назвала меня варваромъ, готовымъ втоптать въ грязь беззащитную женщину... Ей было выгоднѣе получать по двѣ, по три тысячи въ годъ чѣмъ получить единовременно десять-пятнадцать тысячъ... Такъ прошло девять лѣтъ... Теперь я снова пріѣхалъ сюда, чтобы попытаться спасти нашего ребенка... Случайно я узналъ, что онъ совершенно брошенъ матерью гдѣ то около Парижа...

— Я, должно быть, видѣлъ вашего сына, я могу вамъ указать, гдѣ онъ, сказалъ я, вспомнивъ о маленькомъ «козакѣ».

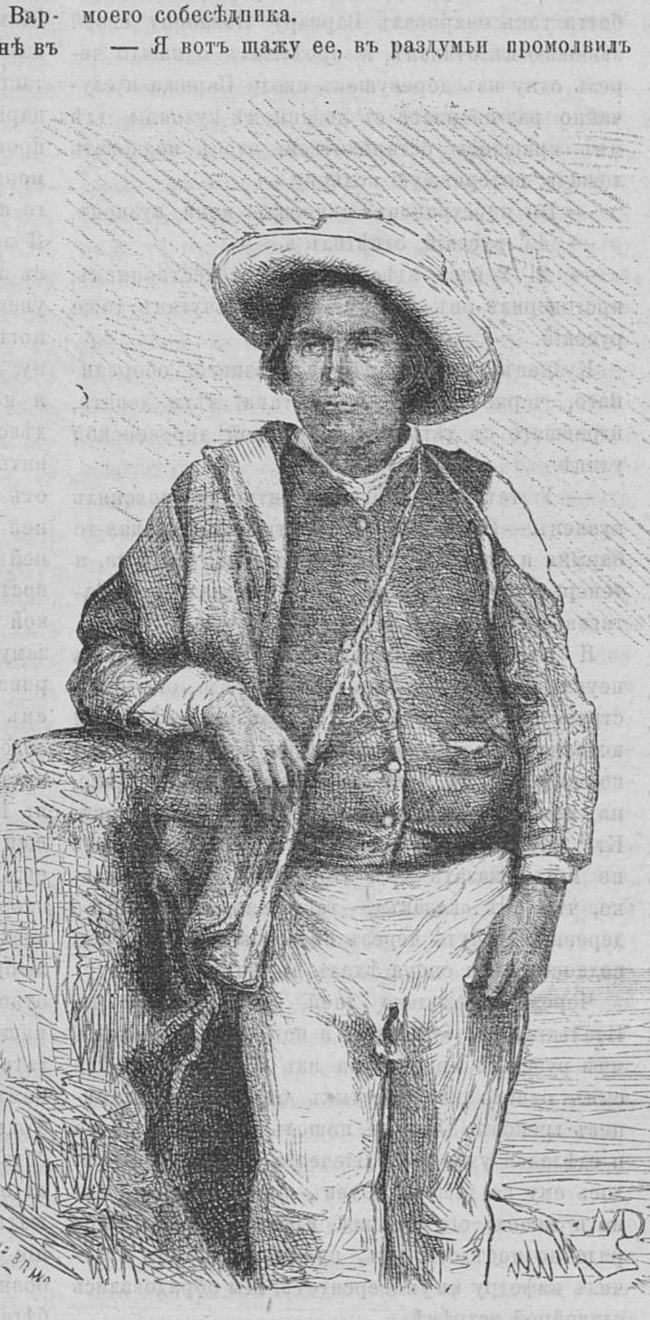
— Теперь и я знаю, гдѣ онъ, сказалъ мой собесѣдникъ.—Онъ живетъ теперь уже у Варвары Павловны, которая хочетъ его везти въ Петербургъ, чтобы начать его образованіе... Я сдѣлалъ условіе: она привезетъ его въ Петербургъ и отдастъ въ пансіонъ, за это я буду платить ей двѣ съ половиною тысячи въ годъ. Если она не согласится на это, я прекращу всякія помощи ей. Я говорилъ такъ серьезно, что она согласилась на мои условія... Теперь, можетъ быть, онъ будетъ счастливѣе... Но спокойнымъ я все-таки не могу быть и что то внутри меня говоритъ, что нужно бы поступить иначе...

— Но какъ же поступить иначе? замѣтилъ я.—Она имѣетъ право не отдавать вамъ ребенка, она, какъ вы сказали, не хочетъ продать вамъ его, чтожъ тутъ подѣлать?

— Почему я знаю? хмуро проговорилъ онъ.—Убить ее, что ли... мало ли что можно сдѣлать..

Я не на шутку испугался мрачнаго тона моего собесѣдника.

— Я вотъ щажу ее, въ раздумьи промолвилъ онъ,—а развѣ она щадила, развѣ она будетъ щадить его?.. Вотъ и теперь она отложила свой отъѣздъ въ Россію... Почему?.. Развѣ я знаю...



Чолосъ.

(Къ ст. Атакама и Караколесъ.)

Варвара Павловна въ это время вертѣлась въ кружкѣ, гдѣ вращался иногда и Гамбетта и говорила всѣмъ и каждому, что она благотворно вліяетъ на будущаго великаго человѣка. Можетъ быть, Гамбетта даже и не видалъ ее, даже и не зналъ о ея существованіи, но она уже носилась съ новою исторіею своего сердечнаго романа, разыгрывая роль какой то вдохновительницы генія. Воображеніе Варвары Павловны не имѣло предѣловъ и, мнѣ кажется, что эта женщина никогда не лгала: она почти постоянно разсказывала то, чего никогда не было, но лгать—нѣтъ, она не умѣла лгать. Въ сущности, это была очень ограниченная женщина по уму. Плохое пансіонское образованіе, крайне развитое при помощи романовъ воображеніе, крайняя избалованность, вслѣдствіе красоты, удивительная способность увлекаться на время всѣмъ и красотой мужчины, и краснорѣчіемъ оратора, и нищетою горемыки, и собственными фантазіями, вотъ тѣ элементы, изъ которыхъ сложился характеръ Варвары Павловны. Она сама вѣрила тому, что ея мужъ и ея любовники притѣсняли, обманывали и бросали ее. Она никогда не сознавала, что она обираетъ ихъ, потому что деньги уплывали изъ ея рукъ, какъ вода, на наряды, на извощиковъ, на бѣдняковъ, безъ цѣли и смысла, и она всегда нуждалась. Она часто плакала и жаловалась, но чисто по дѣтски, утѣшаясь первою побрякушкою, первою ласкою, а ее ласкали очень охотно тѣ, кого поражала ея замѣчательная красота. Обыкновенно ея связь съ мужчиною съ того и начиналась, что онъ выслушивалъ ея жалобы, утѣшалъ ее, бранилъ своего безсердечнаго предшественника и этимъ подливалъ масло въ огонь, такъ что Варвара Павловна, въ концѣ концовъ, считала себя мученицей, перенесшей страшныя страданія. Она отдыхала отъ этихъ страданій въ новыхъ объятіяхъ до тѣхъ поръ, покуда и новый любовникъ не оказывался почему-нибудь извергомъ. Въ это время ея парижской жизни около нее собирался кружокъ молодежи, она являлась на публичныя засѣданія разныхъ собраній, она присутствовала на сходкахъ рабочихъ, она являлася въ Елисейскихъ поляхъ, и всюду, и вездѣ за нею тянулся цѣлый хвостъ поклонниковъ. «La belle russe» была модною игрушкою парижанъ. Но еще болѣе вошла она въ моду тогда, когда съ нею появился впервые на гуляньи красавецъ мальчикъ съ черными кудрями, съ загорѣлыми щеками, съ блестящими черными глазами, смотрѣвшій волченкомъ и одѣтый въ черный бархатъ. «Дитя любви!» «Несчастный сынъ злодѣя отца!» «Ребенокъ украденный и, наконецъ, найденный несчастной матерью!» все это было такъ интересно, романично, трогательно для пылкихъ парижанъ и ребенку тащили конфекты, бонбоньерки, а матери-красавицѣ жали многозначительно руку, моля ее взглядами дать хоть одинъ часъ таинственнаго свиданія. Ребенокъ дичился, а мать, со слезами на глазахъ благодарила друзей за участье и подавала имъ надежду на успѣхъ...

— Жаль, что вы никогда не видали, какъ плачетъ Варвара Павловна, замѣтилъ Клименко.

— А что? спросилъ я.

— Пожалуй, тоже отцемъ бы сдѣлались, усмѣхнулся онъ.

— Какъ твоя фамилія?

— Николинъ.

— А твоей матери какъ фамилія?

— Громецкая.

— А какъ по фамиліи твой отецъ?

Мальчикъ широко открывалъ глаза, глядя на своихъ пансіонскихъ товарищей, окружавшихъ его, и не зналъ, что имъ отвѣчать; онъ не зналъ фамиліи своего отца.

— Господа, вы знаете, кто мать Николина?

— Нѣтъ.

— Она кокотка! Это вчера моя maman говорила. Она думала, что я не слышу, а я все слышалъ. «У нее было десять мужей», говорила она.

— Николинъ, Николинъ, правда, что у твоей матери было десять мужей?

Мальчикъ опять широко открывалъ глаза, смотря на своихъ пансіонскихъ товарищей: онъ не зналъ, сколько мужей было у его матери и вообще не зналъ, были ли у нея мужья.

Ему было уже пятнадцать лѣтъ: онъ уже былъ въ одномъ изъ старшихъ классовъ моднаго петербургскаго пансіона, онъ уже читалъ не дѣтскія книги, онъ уже задумывался о многомъ.

— Мама, я что то хочу тебя спросить, сказалъ онъ однажды, возвратившись домой изъ пансіона.

— Что, Жоржъ? спросила мать.

— Что значитъ кокотка?

— Вотъ вопросъ!.. Тебѣ это зачѣмъ знать? Тебѣ ушонки надо надрать за это! смѣялась мать.

— Мнѣ мама нужно знать! настаивалъ нетерпѣливо сынъ и его нервныя ноздри начинали уже раздуваться.

— Нужно?... Ну хорошо, я скажу... Это падшая женщина, погибшая, дурная..

Мальчикъ блѣднѣлъ и гнѣвно стискивалъ зубы.

— Что съ тобою? спрашивала мать.

— Ничего! Я такъ и думалъ!...

Черезъ нѣсколько времени онъ опять спрашивалъ у матери:

— Мама, можетъ быть у кого-нибудь десять мужей?

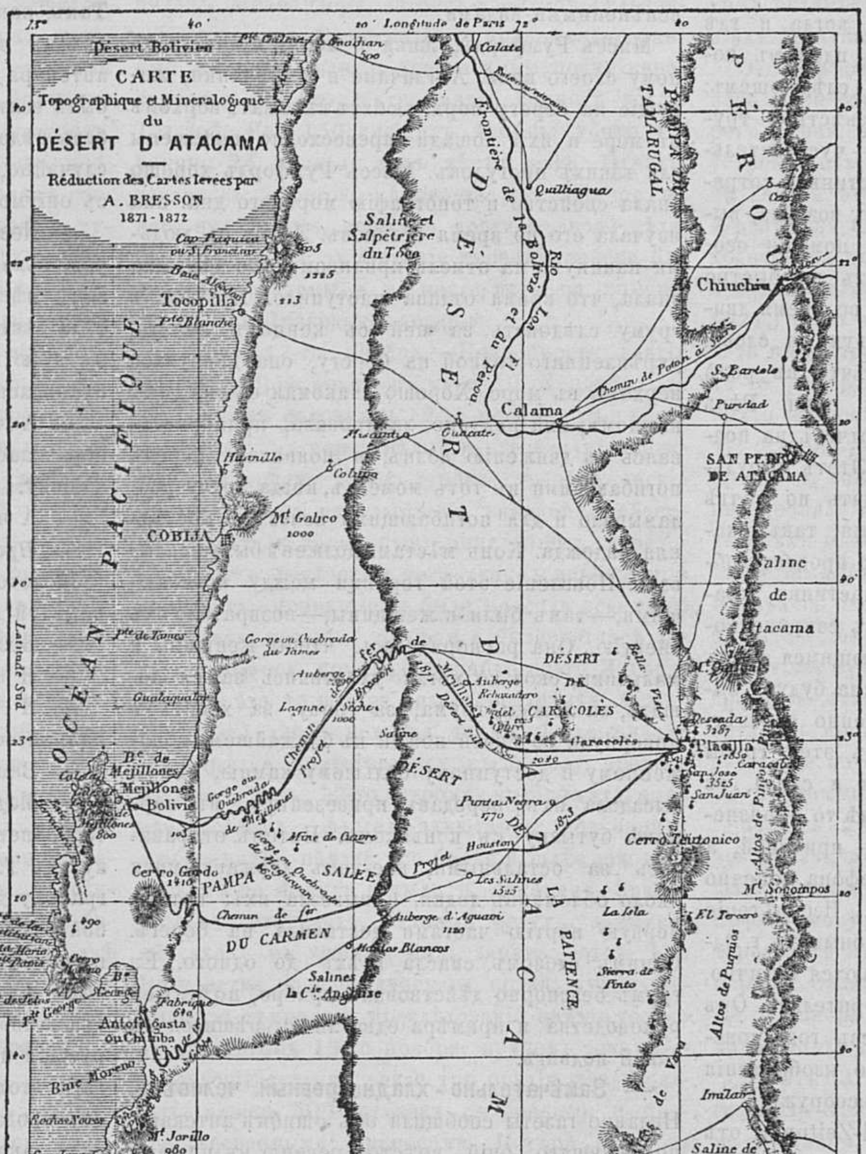
— Что за глупости ты спрашиваешь? пожимала плечами мать.

— Нѣтъ, ты скажи: можетъ ли быть у когонибудь десять мужей? Я тебя серьезно спрашиваю.

И мальчикъ нетерпѣливо барабанилъ пальцами по столу.

— Конечно, нѣтъ! отвѣчала мать.

Ее поражали эти странные вопросы, какъ поражалъ иногда и характеръ сына. Мальчикъ былъ горячъ, строптивъ, вспыльчивъ и въ то же время иногда онъ вдругъ становился мрачнымъ, скучалъ, плакалъ. Онъ то ласкалъ мать съ страстною порывистостью, то вдругъ становился холоднымъ съ нею и вспоминалъ съ тоскою о «mère Gigot.» Иногда онъ рѣзвился, какъ ребенокъ, какъ уличный мальчишка, порою же онъ становился сдержаннымъ и серьезнымъ не полѣтамъ и сидѣлъ около взрослыхъ или углублялся въ чтеніе. Его вспыльчивость, его нетерпѣливая рѣзвость и настойчивость часто доходили до крайнихъ предѣловъ, но за то бывали и такія минуты, когда онъ вдругъ падалъ духомъ, ослабѣвалъ, казался хилымъ и слабымъ. Вообще онъ напоминалъ дикаго львенка, попавшаго въ клѣтку, которую онъ то хотѣлъ изломать однимъ взмахомъ своей лапы, то считалъ на столько крѣпкою, что забивался тоскливо въ ея уголъ, безъ надежды вырваться изъ-нее. Сглаживать эти рѣзкости, подмѣчать эти странности было некому: Варвара Павловна порхала по гостинымъ, хлопотала о какихъ то бѣднякахъ, засѣдала въ благотворительныхъ обществахъ и при встрѣчахъ съ сыномъ только осыпала его безчисленными поцѣлуями, гостинцами и подарками; его отецъ видѣлся съ нимъ рѣдко, живя въ Кіевѣ, и, не рѣшаясь назваться его отцомъ, велъ себя съ нимъ сдержано, какъ добрый знакомый, какъ опекунъ; въ модномъ пансіонѣ воспитательная часть была въ полномъ пренебреженіи и такъ какъ мальчикъ учился хорошо, то никто и не обращалъ вниманія на его странности. Только товарищи знали, что за характеръ былъ у Юрія Николина и стали сторониться отъ него и за этотъ характеръ и за то, что онъ сынъ «кокотки». Но чѣмъ болѣе сторонились отъ него его товарищи, тѣмъ задумчивѣе и сосредоточеннѣе становился онъ, просиживая иногда по цѣлымъ часамъ въ одномъ положеніи, облокотясь на столъ и стиснувъ свою курчавую голову обѣими руками, какъ будто эта голова готова была треснуть отъ думъ. Однажды послѣ такого прилива тяжелыхъ впечатлѣній онъ блѣдный и мрачный отправился къ своей матери.



Карта пустыни Атакама.

— Мама, обратился онъ къ ней дрожащимъ голосомъ,—разскажи мнѣ свою жизнь.

Варвара Павловна съ испугомъ взглянула на него. На немъ лица не было.

— Что за фантазія! прошептала она въ смущеніи.

— Разскажи или я не могу жить, прошепталъ онъ глухо, но твердо на своемъ своеобразномъ языкѣ.

Она заплакала: она поняла все.

— Жоржъ, Жоржъ, ты видишь меня всегда доброй, дѣятельной, заботящеюся о другихъ— это потому, что мнѣ нужно забыть о себѣ, о своихъ несчастіяхъ, о своемъ прошломъ, заговорила она въ волненіи.

И передъ мальчикомъ полилась горячая, страстная исповѣдь, полная безсознательной лжи и невольнаго обмана. Это былъ цѣлый потрясающій романъ, созданный въ минуту вдохновенія пылкимъ воображеніемъ самой героини этого романа. Ужасы смѣнялись ужасами, подвиги слѣдовали за подвигами и горячія слезы и горькія рыданія дѣлали еще болѣе потрясающими всѣ эти мрачные эпизоды изъ исторіи мученичества женщины. Передъ юношей предсталъ образъ женщины-мученицы, поруганной, униженной, втоптанной въ грязь мужчинами. Передъ нимъ предсталъ образъ любящей женщины-матери, которая перенесла все, выбилась на дорогу, не потеряла бодрости, чтобы только жить для сына, чтобъ только воспитать его, чтобы только сдѣлать изъ него честнаго человѣка... Когда она кончила, онъ безмолвно упалъ къ ея ногамъ и безъ чувствъ прильнулъ головой къ ея колѣнямъ...

Онъ былъ довольно долго боленъ.

Когда онъ поднялся послѣ болѣзни и явился въ пансіонъ —его трудно было узнать. Онъ вытянулся, его физіономія, его взглядъ, его рѣчи приняли оттѣнокъ надменности и гордости, онъ гордился своей матерью, гордился любовью этой матери.

Мѣсяца два три тому назадъ я встрѣтился снова съ Клименко.

— А вы слышали новость? Великая городская новость! спросилъ онъ меня.

— Плевну взяли, что ли? спросилъ я.

— Нѣтъ, это по гражданской части новость, засмѣялся онъ. — Варвара Павловна Громецкая вышла замужъ.

— Развѣ Розановъ умеръ?

— Нѣтъ, онъ живъ! Но у него купили ее, заплатили за разводъ, за все.. Говорятъ, тысячъ двадцать за товаръ заплатили... Старикъ Эсперовъ, эта оправославившаяся іерусалимская знаменитость биржи и промышленности, окончательно влюбился въ нее и сдѣлалъ ее своею законною супругою, открывъ передъ нею настежъ двери въ аристократическіе салоны и великосвѣтскіе филантропическіе комитеты.

— Значитъ и кукушка рѣшилась свить гнѣздышко, улыбнулся я.

— Да, только уже не для высиживанія и призрѣванія своихъ птенцовъ, а для того, чтобы застраховать лично себя отъ холодовъ и непогодъ приближающейся старости... **Нѣкто.**

* * *

Отъ редакціи.

Исполняя желаніе многихъ изъ нашихъ подписчиковъ, Редакція «Живописнаго Обозрѣнія» испросила разрѣшеніе на помѣщеніе въ своемъ журналѣ картинокъ «Модъ» съ пояснительнымъ текстомъ. Редакція постарается придать этому новому отдѣлу чисто-практическій характеръ, сообщая своимъ читательницамъ не только фасоны нарядовъ, но и стоимость необходимаго для этихъ нарядовъ матеріяла и работы.

Такимъ образомъ, гг. подписчики за ту же самую цѣну получатъ въ будущемъ 1878 г. новый отдѣлъ, требующій со стороны Редакціи значительныхъ матеріальныхъ жертвъ.

Новости наукъ и жизни.

— **Фонографъ,** Въ «Бирж. Вѣд.» сообщаютъ, что нью-джерсейскій физикъ Т. А. Эддисонъ, ранѣе профессора Бэлля работавшій надъ идеей о телефонѣ, сдѣлалъ новое открытіе, фонографъ, и уже испыталъ примѣнимость его на опытѣ. Сущность изобрѣтенія заключается въ томъ, что звуки и слова могутъ быть воспринимаемы извѣстною пластинкой или бумагой. Однажды воспринятые, эти звуки и слова могутъ быть сохраняемы въ этихъ пластинкахъ годы, сотни лѣтъ, пересылаемы на какія угодно разстоянія и затѣмъ вызываемы изъ этихъ пластинокъ когда и гдѣ желательно. Техническая сторона идеи въ короткихъ словахъ заключается въ слѣдующемъ: звуки и слова воспринимаются извѣстной трубой или ящикомъ, дно котораго — чувствительная звуковая пластинка; эта пластинка, сотрясаясь соотвѣтственно сотрясеніямъ воздуха, вызываемымъ данными звуками, при помощи особаго приспособленія, отпечатываетъ на быстро движущейся и соприкасающейся во время движенія въ ней другой пластинкѣ звуки и слова. Такимъ образомъ вы получаете нѣчто въ родѣ стенографическаго отчета данной рѣчи. Рѣчь была причиной; стенографическій отчетъ на подвижной пластинкѣ — результатъ. Этотъ результатъ вы можете хранить, пересылать по почтѣ и пр. Чтобы вызвать замороженныя, такъ сказать, звуки, должно прибѣгнуть къ процессу обратному, а именно подвижную пластинку, хранящую данные звуки, привести въ соприкосновеніе съ чувствительнымъ, сотрясающимся дномъ звуковой трубы; колебаніе этого дна будутъ вызывать звуковыя волны, тождественно соотвѣтствующія первоначальнымъ, и изъ этой трубы или ящика будутъ вылетать звуки и слова, тѣ самые, которые были когда-то и гдѣ то произнесены. Здѣсь пластинка является причиной, а рѣчь—результатомъ. Система телефона конечно примѣняется къ этому процессу. Изобрѣтеніе очень молодо. На произведенныхъ опытахъ г. Эддисонъ убѣдился, что слова передаются отлично, но интонація голоса—неудовлетворительно. Онъ надѣется, что не далѣе какъ черезъ годъ доведетъ практическую сторону своего изобрѣтенія до совершенства и выступитъ во всеоружіи.

Телефоны. Берлинская «Nationl-Zeitung», отъ 7-го ноября, сообщаетъ: «6-го ноября, въ Берлинѣ началъ дѣйствовать первый телефонъ между кабинетомъ генерала-почтмейстера въ Лейпцигской улицѣ и кабинетомъ деректора главнаго телеграфнаго управленія во французской улицѣ. На разстояніи двухъ верстъ проведена проволока, помощью которой можно вести разговоръ. Генералъ-почтмейстеръ говоритъ въ апаратъ, стоящій на его рабочемъ столѣ, дѣлаетъ на словахъ распоряженія и отдаетъ приказанія, предлагаетъ вопросы и получаетъ также изустно и немедленно отвѣты отъ директора главнаго телеграфнаго управленія, на рабочемъ столѣ котораго находится другой апаратъ, какъ будто они находятся въ одной комнатѣ, и съ совершенною ясностью. Этимъ достигается идеалъ сокращенія дѣлопроизводства и уменьшенія переписки».

Смѣсь.

— **Дѣвушка-герой.** Заимствуемъ изъ «Бирж. Вѣд.» описаніе геройскаго подвига, совершеннаго молодой дѣвушкой, англичанкой. Миссъ Румфордъ живетъ съ своимъ отцомъ, въ его имѣніи, на берегу моря. Какъ большинство англійскихъ дѣвушекъ зажиточныхъ семействъ, миссъ Румфордъ превосходно ѣздитъ верхомъ и имѣетъ любимаго коня. Недавно, въ страшную бурю, поздно вечеромъ, молодая дѣвушка сидѣла у камина и читала. Ей докладываютъ, что вблизи отъ берега на мель стала барка, наполненная людьми; несчастные молятъ о помощи, но оказать ее нѣтъ никакой возможности; теперь приливъ и никакая лодка не устоитъ противъ бури и непремѣнно разобьется о камни; спасительной станціи вблизи нѣтъ. Ни слова не возражая, миссъ Румфордъ приказываетъ осѣдлать лошадей себѣ и груму, одѣвается тепло и удобно и мчится въ сопровожденіи грума на берегъ къ тому мѣсту, гдѣ слышны крики несчастныхъ. Толпа прибрежныхъ жителей бѣжитъ за ней и въ безсильномъ ужасѣ останавливается передъ вспѣненными валами.

Миссъ Румфордъ, живя у моря, пріучила къ нему своего коня. Англичане и англичанки, живущіе на берегу моря, любятъ въѣзжать верхомъ въ море и ихъ лошади превосходно выѣзжены для такихъ прогулокъ. Миссъ Румфордъ хорошо знала свойство и топографію морского дна: она изучала его во время отливовъ. Лодку съ людьми накинуло на отмель приливомъ, но дѣвушка знала, что время отлива наступило. Приказавъ груму слѣдовать за ней съ концомъ каната, укрѣпленнаго толпой на берегу, она двинулась верхомъ въ море. Хорошо знакомая съ каждымъ камнемъ, она искусно лавировала, приноравливаясь къ движенію волнъ, и появилась передъ погибающими въ тотъ моментъ, когда лодку разламывало и для погибающихъ исчезала послѣдняя надежда. Конь мѣстами долженъ былъ всплывать. Появленіе этой героини между погибающими,—тамъ были и женщины,—возвратило ихъ энергію. Она распорядилась, чтобы женщины и мальчики, сколько могли ухватились за ея лошадь, за лошадь грума, за гриву, за хвостъ и повернула со своей ношей къ ближайшему обнаженному и доступному большому камню, гдѣ и высадила ихъ, передавъ привезенную въ карманѣ бутылку съ коньякомъ. Потомъ отправилась за остальными, кое-какъ державшимися около обломковъ лодки, и вывезла ихъ; потомъ первую партію частями доставила на берегъ. Однимъ словомъ, спасла всѣхъ до одного. Ея грумъ безспорно дѣйствовалъ храбро, но безъ ея руководства и примѣра едва ли бы рѣшился на такой подвигъ.

— **Замѣчательно-хладнокровный человѣкъ.** Недавно газеты сообщили объ ошибкѣ аптекаря, положившаго опій вмѣсто ревеню въ пилюли, прописанныя г-жѣ Немировичъ-Данченко. По словамъ очевидца, дѣло произошло такимъ образомъ: г-жѣ Немировичъ, только-что начинавшей поправляться послѣ воспаленія, пользовавшимъ ее докторомъ Порембскимъ, 16-го ноября, вечеромъ, прописаны были пилюли, въ которыхъ долженъ бы былъ заключаться въ значительной дозѣ ревень. Сергіевская аптека г. Вульфа, куда былъ отправленъ рецептъ, вмѣсто ревеня положила въ той же дозѣ опіумъ. По счастью, пилюли принесены были въ 11 часовъ ночи, когда больная спала уже, вслѣдствіе чего, пилюли остались до утра безъ употребленія. Поутру, 17-го ноября, около 9-ти часовъ аптекарь явился къ доктору Порембскому съ коробкою пилюль съ ревенемъ и съ просьбою замѣнить этими пилюлями отпущенныя изъ аптеки наканунѣ. При этомъ аптекарь съ замѣчательною наивностью объяснилъ, что ошибка въ исполненіи рецепта была замѣчена имъ вскорѣ послѣ отпуска пилюль изъ аптеки, т. е. ещё въ ночь съ 16-го на 17-е ноября и замѣчена была потому, что аптекарь, увидя на столѣ банку съ опіумомъ, спросилъ служащихъ въ аптекѣ, кѣмъ и для кого былъ взятъ опіумъ, и, получивъ отвѣтъ, справился съ рецептомъ и открылъ ошибку. Несмотря на это, аптекарь только на другой день въ девять часовъ утра надумался увѣдомить доктора объ ошибкѣ аптеки. Такимъ образомъ, г-жа Немировичъ, только благодаря счастливой случайности, т. е. тому, что пилюли застали ее спящею и она не приняла ихъ ночью, обязана, что не была отравлена. Узнавъ отъ аптекаря о случившемся, г. Порембскій тотчасъ бросился къ больной, засталъ ее черезъ часъ послѣ пріема пилюль, почти безъ признаковъ жизни, и только самою энергическою помощью въ теченіи семи часовъ спасъ жизнь г-жи Немировичъ-Данченко. Изъ объясненій аптекаря, доктору Порембскому, оказывается, что въ Сергіевской аптекѣ не соблюдаются правила относительно храненія и употребленія ядовитыхъ и сильнодѣйствующихъ веществъ. Такъ, напримѣръ, опіумъ, который по этимъ правиламъ долженъ бы храниться подъ ключомъ аптекаря и отпускаться по рецепту имъ самимъ, былъ взятъ и употребленъ служащими въ аптекѣ, безъ вѣдома аптекаря, который, потомъ, только случайно, замѣтилъ оставленную на столѣ банку съ опіумомъ.

— **Невольная ошибка.** Въ Лондонѣ одна хорошенькая барышня купила въ нотномъ магазинѣ нѣсколько музыкальныхъ пьесъ и уже хотѣла сѣсть въ экипажъ, какъ вспомнила про одну арію изъ новой оперетки, которая ей очень нравилась.

— Ахъ извините, я еще кое-что позабыла, обратилась она къ молодому и любезному прикащику.

— А что именно?

— *Прощальный поцѣлуй предъ разставаньемъ.*

Молодой человѣкъ тотчасъ-же запечатлѣлъ поцѣлуй на губахъ прелестной леди.

— Безсовѣстный, вы забываетесь!

— Я исполнилъ ваше приказанье.

— Я просила у васъ арію, текстъ которой начинается этими словами.

— Виноватъ, сударыня, я не догадался!

— **Мода въ Парижѣ на русскіе товары.** «Петерб. Листку» передавали, что нѣкто петербургскій купецъ Т., полотнянщикъ, отправясь недавно заграницу для покупки товаровъ, захватилъ съ собой нѣсколько дюжинъ полотенецъ и русскихъ ночныхъ рубашекъ, вышитыхъ цвѣтными шелками и бумагой въ русскомъ вкусѣ, то есть «пѣтушками» и «травками». Также были съ нимъ русскія полотняныя скатерти съ вышивкой. Товаръ этотъ, показавъ французскимъ торговцамъ, онъ продалъ въ одинъ день и, кромѣ того получилъ заказъ на рубашки, полотенца и скатерти на сумму 20,000 франковъ отъ извѣстнаго торговаго дома въ Парижѣ «Magazin de Louvre.» Теперь въ Парижѣ товаръ этотъ считается самымъ моднымъ, и его продаютъ по страшно высокимъ цѣнамъ. Кромѣ Парижа, г. Т. получилъ большіе заказы изъ Лондона. Прибавимъ, что полотно на скатертяхъ, рубашкахъ и полотенцахъ было русское, извѣстной фабрики Грибановыхъ.

— **Почтовые голуби.** Приказомъ варшавскаго оберъ-полиціймейстера объявлено лицамъ, охотящимся за птицею, чтобъ они не стрѣляли и не ловили одиноко летающихъ голубей, такъ какъ эти голуби могутъ оказаться казенными, почтовыми, имѣющими, при себѣ депеши. Отличительными признаками породы почтовыхъ голубей служатъ: довольно большіе, блѣдные, мясистые при основаніи клюва наросты и такіе-же ободки вокругъ глазъ; кромѣ того всѣ казенные почтовые голуби имѣютъ на нѣсколькихъ крыловыхъ перьяхъ клейма изъ красныхъ чернилъ, обозначающія нумеръ голубя по порядку, годъ рожденія и станцію, къ которой онъ принадлежитъ.

* * *

Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій.

На прошлой недѣли получены слѣдующія офиціальныя телеграммы:

А. Отъ его императорскаго высочества Главнокомандующаго дѣйствующей арміей изъ Богота:

1) Отъ 15-го ноября — Генералъ Циммерманъ, для повѣрки силъ расположенія непріятеля, послалъ нѣсколько летучихъ отрядовъ, которые 11-го ноября всѣ имѣли небольшія, но удачныя стычки. Казаки, посланные на Умуръ-Факи, разсѣяли у Каласу-Лора небольшую партію и отбили у нее оружіе, 65 лошадей и 10 головъ скота. Бѣлорусскіе гусары, посланные на Балджикъ, встрѣтили у Ирыджи 500 человѣкъ регулярной кавалеріи и, вмѣстѣ съ подошедшими на выстрѣлы кинбурнскими драгунами, опрокинули турокъ и, нанеся имъ значительный уронъ, преслѣдовали почти до Балджика, захватили 145 лошадей, 376 головъ скота и осмотрѣли Балджикъ, который укрѣпленъ и занятъ нѣсколькими таборами съ регулярною кавалеріею, въ портѣ Балджика стояли два броненосца. Третій летучій отрядъ, четыре сотни казаковъ 18-го полка, былъ посланъ на Хаджи-Оглу-Базарджикъ; головная сотня была атакована у Гузаны 500 человѣкъ турецкой кавалеріи и двумя ротами пѣхоты, но остальныя три сотни казаковъ съ двумя конными орудіями подошли на помощь и дружнымъ натискомъ опрокинули непріятеля; положили много турокъ на мѣстѣ и отбили много оружія, 40 лошадей, 20 головъ скота и, осмотрѣвъ Базарджикъ, нашли его сильно укрѣпленнымъ. У насъ убиты: пять казаковъ и девять лошадей; ранены: шесть казаковъ и семь лошадей, и одинъ казакъ пропалъ безъ вѣсти. Въ другихъ частяхъ потери въ людяхъ не было. Теперь все пространство на 70 верстъ впереди линіи Черноводы-Кюстенджи совершенно очищено отъ непріятеля.

2) Отъ 16-го ноября.—Въ отрядѣ демонстрировавшемъ отъ Врацы на Орханіе, для отвлеченія вниманія турокъ отъ производившейся атаки на Правецкую позицію, произошло весьма жаркое кавалерійское дѣло. Отъ Врацы посланъ былъ въ направленіи къ Орханіе отрядъ, состоявшій изъ трехъ эскадроновъ л.-гв. конно-гренадерскаго и трехъ эскадроновъ л.-гв. драгунскаго полковъ со 2-ю гвардейскою конною батареею. 10-го ноября отрядъ раздѣлился на двѣ колонны: лѣвая, силою въ полтора эскадрона при двухъ орудіяхъ, подъ начальствомъ полковника Лихтанскаго, направилась на Новачени, и правая, изъ всѣхъ остальныхъ войскъ отряда, прошла черезъ Рашково и Радотино до Лютакова, гдѣ и завязали перестрѣлку. Авангардъ лѣвой колонны, состоявшій изъ полуэскадрона капитана барона Стемпеля, вслѣдствіе густого тумана, пройдя мимо турецкаго укрѣпленія у Новачени, дошелъ до деревни Скривена, гдѣ, настигнувъ 60 турецкихъ кавалеристовъ, изрубилъ 30 человѣкъ и промчался далѣе за Скривенъ; но въ это самое время въ тылу у него завязался бой между турецкою пѣхотою и артилеріею и находившимся сзади эскадрономъ лейбъ-драгунъ съ двумя орудіями; съ фронта же и фланга напирали до 400 черкесовъ. Соединившіеся полтора эскадрона съ двумя орудіями отступали шагомъ и въ теченіи трехъ часовъ, на протяженіи восьми верстъ, задерживали напоръ двухъ турецкихъ баталіоновъ съ двумя орудіями и 400 черкесовъ. Подъ постояннымъ напоромъ послѣднихъ, драгуны успѣли пройти между Новачени и Кара-Дербентомъ, но тутъ, вслѣдствіе того, что горное ущелье было совершенно загромождено бѣгущими болгарами съ ихъ повозками и скотомъ, дальнѣйшее движеніе лейбъ-драгунъ было крайне затруднено; не могшія слѣдовать орудія приходилось сбросить въ пропасть; причемъ одно орудіе было сброшено, другое же отхвачено черкесами послѣ того, какъ всѣ оставшіеся въ живыхъ защитники его были изрублены. Въ это время погибли л.-гв. драгунскаго полка прапорщики: Даниленскій, Дмитрій Назимовъ и Велинскій, геройски погибшій на самомъ лафетѣ этого орудія. Остатки геройскаго отряда заняли дер. Кара-Дербентъ и мѣткимъ огнемъ удерживали напоръ черкесовъ до прибытія къ нимъ правой колонны, прикрывавшей отступленіе ихъ. Въ этомъ, хотя и несчастномъ, дѣлѣ лейбъ-драгуны явили себя истинными героями. Изъ 12 офицеровъ уцѣлѣли только двое; изъ остальныхъ же, три вышеназванныхъ офицера пали геройскою смертью; трое тяжело ранены, а именно: 2-й гвардейской конной батареи капитанъ Усовъ, л.-гв. драгунскаго полка капитанъ баронъ Стемпель и прапорщикъ Зинкевичъ и четверо контужены: л.-гв. драгунскаго полка капитанъ Мейнандеръ, штабсъ-капитанъ Гульковскій, поручикъ Свищевскій и прикомандированный къ лейбъ-гвардіи драгунскому полку кирасирскаго Ея Величества полка корнетъ графъ Толстой. Изъ 150 нижнихъ чиновъ: убиты 43, ранены 24, пропали безъ вѣсти двое. Отрядъ, заплативъ дорогою цѣною за возложенное на него предпріятіе, все-таки достигъ своей цѣли; расположенныя въ Орханіе турецкія войска были имъ отвлечены и не могли идти на помощь своимъ на Правецкую позицію.

3) Отъ 17-го ноября.—Подробности взятія Этрополя. Бой длился съ утра 10-го ноября до 3-хъ часовъ пополудни 12-го ноября. 10-е ноября прошло въ перестрѣлкѣ и втаскиваніи артилеріи на кручи. 11-го, утромъ, преображенскіе охотники, подъ начальствомъ капитана Рейтерна, захватили нечаяннымъ нападеніемъ передовой редутъ, вслѣдствіе чего турки, поражаемые во флангъ, принуждены были бросить всю свою передовую позицію, которая и была тотчасъ занята колонною принца Ольденбургскаго. Затѣмъ, колонна эта до вечера вела перестрѣлку; между тѣмъ какъ лѣвая колонна также поддерживала ерестрѣлку, приготовляясь къ обходу праваго фланга турокъ. 12-го, утромъ, колонна эта, подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника Любовицкаго, начала все болѣе и болѣе заходить туркамъ во флангъ и тылъ и, наконецъ, принудила ихъ отступить. Главный редутъ, замыкавшій входъ въ ущелье, былъ занятъ ротою Его Величества преображенскаго полка; турки бѣжали; за темнотою, преслѣдованіе начато только съ разсвѣтомъ 13-го ноября, причемъ екатеринославскіе драгуны взяли три орудія, два зарядныхъ ящика, 300 повозокъ съ боевыми и продовольственными припасами. Потеря наша за всѣ три дня: 48 убитыхъ и раненыхъ; раненъ одинъ офицеръ, лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка подпоручикъ Неовіусъ.

Въ Рущукскомъ отрядѣ 15-го и 16-го ноября были только ничтожныя аванпостныя перестрѣлки. На Журжевской батареѣ № 13 го, 15 ноября, взорванъ турецкимъ выстрѣломъ съ форта Эгонъ пороховой погребъ съ 60 зарядами и 50 картечными гранатами, причемъ разрушенъ одинъ траверзъ и двѣ платформы, и одного канонира зарыло въ землю; его тотчасъ же отрыли, такъ что онъ отдѣлался однимъ ушибомъ. На Шипкѣ вчера, по случаю ясной погоды, была живая ружейная перестрѣлка; сегодня тамъ сильный вѣтеръ и гололедица. Сегодня прибылъ сюда англійскій докторъ Лазеренъ съ семью сестрами милосердія англичанками, пожелавшими ухаживать преимущественно за нашими ранеными.

4) Отъ 18-го ноября. Послѣ шестидневной канонады, румыны заняли Ломъ-Паланку; турецкій гарнизонъ отошелъ къ Виддину. Послѣ боя 14-го ноября у Мечки и Тростеника, мы убрали передъ нашими позиціями до 2,500 турецкихъ тѣлъ.

5) Отъ 19-го ноября. Послѣ взятія Правецкой позиціи турки очистили Новачинъ, Скривену и Орханіе и отступили на перевалъ, на позицію къ м. Врачешъ. Изъ Этрополя турки отступили на Шандорникскій перевалъ, въ Арабконакъ. Все пространство между рѣками Искеромъ и Огостомъ очищено отъ турокъ. Отряды наши 16-го ноября заняли Бѣлобродъ и Левчево на р. Огостѣ. Летучіе отряды посланы къ Берковецу и Бѣлградчику.

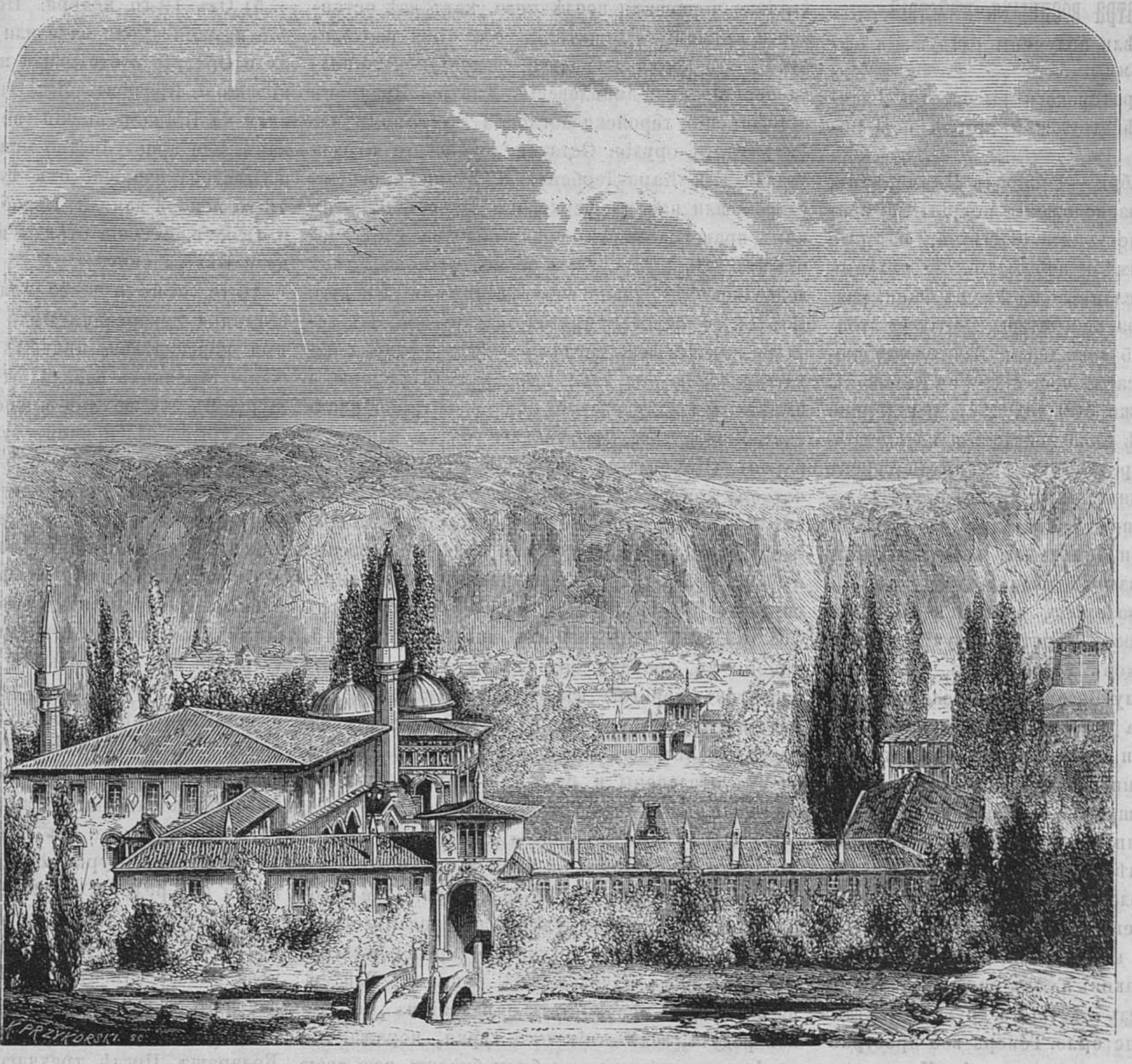
16-го, 17-го и 18-го ноября въ отрядѣ Наслѣдника Цесаревича были только незначительныя перестрѣлки, причемъ замѣчено передвиженіе турецкихъ войскъ отъ Соленика къ Рущуку. Въ эти же дни происходила перестрѣлка съ Журжевомъ, причемъ турецкая бомба разрушила траверзъ и разбила одну платформу, а нашими снарядами нанесено поврежденіе турецкимъ судамъ и разогнаны рабочіе на укрѣпленіяхъ Рущука. Потери у насъ не было.

Около мѣсяца тому назадъ турки переправили небольшой отрядъ изъ Силистріи на лѣвый берегъ Дуная, заняли старинную нашу батарею и устроили изъ нея сильный редутъ. Мы не могли ни занять эту батарею раньше, ни помѣшать туркамъ въ ней устроиться, такъ какъ она находится на низменности Дуная, подъ близкимъ и сильнымъ огнемъ крѣпости. Поэтому, рѣшено было только наблюдать за турками и не позволять имъ выходить изъ Дунайской низменности. 17-го ноября, турки сдѣлали первую попытку выдти изъ редута, но потерпѣли полную неудачу; открывъ съ утра усиленный огонь какъ съ крѣпости, такъ и съ монитора и пароходовъ, они переправили изъ Силистріи въ редутъ еще 500 человѣкъ пѣхоты, и въ 2 часа дня двинулись въ атаку на лѣсъ близъ дер. Мануку, съ запада отъ Калараша. Послѣ трехчасоваго боя, двѣ роты, 5-я и 8-я, омскаго полка отбили атаку пѣхоты и въ тоже время сумскіе гусары отбили троекратную атаку черкесовъ; турки и черкесы, оставивъ много убитыхъ, отступили въ свой редутъ. Мы потеряли: 2 нижнихъ чина убитыми и 12 ранеными.

4) Отъ 20-го ноября. Турки оставили безъ боя чрезвычайно сильное укрѣпленіе у Врачеша и Лютакова и отступили двумя дорогами къ Софіи: по орханійскому шоссе и по прямой дорогѣ отъ Лютакова. 17-го ноября колонна генерала Эллиса заняла оставленныя позиціи, а 18-го ноября преслѣдовала турокъ до Арабконака, по ту сторону перевала.

5) Отъ 21-го ноября — 18-го ноября отрядъ генерала Арнольди занялъ Черкескую Кривину, на р. Цибрѣ, и Кутловицу, на шоссе изъ Ломъ-Паланки въ Берковацъ, войдя въ постоянную связь съ румынскимъ отрядомъ, занимающимъ Ломъ-Паланку, и нашимъ отрядомъ, занимающимъ Врацу.

Вотъ подробности дѣйствій нашихъ войскъ послѣ взятія Правецкой позиціи и г. Этрополя. Турки отступили отъ с. Правецъ, за г. Орханіе, на Врачешскую укрѣпленную позицію, а отъ г. Этрополя, на высоту Греота, на перевалѣ. Колонна генерала Эллиса, укрѣпившись на Правецкой позиціи, наблюдала за Врачешомъ; въ тоже время, другая коллонна генерала Дандевиля (отъ Этрополя) была направлена для атаки находящейся въ тылу Врачешской позиціи высоты Греота, которая и была занята съ боя 16-го ноября, что заставило турокъ очистить Врачешскую позицію 17-го ноября. Въ тотъ же день, ген. Дандевиль овладѣлъ сосѣднею съ Греотомъ высотою и въ теченіе 18-го и 19-го ноября, войска его втаскивали на горы артиллерію. По оставленіи турками Врачешской позиціи, генералъ Эллисъ немедленно двинулся вслѣдъ за ними по шоссе и, пройдя Орханіе и Врачешъ, занялъ 19-го ноября позицію въ горахъ, въ виду расположенія турокъ


K. PRZYKORSKI. sc.

Бакчисарай (дворецъ хановъ). (Къ ст. «Спорное побережье» № 44.)

у Арабъ-Конака, примкнувъ своимъ лѣвымъ флангомъ къ отряду генерала Дандевиля. 20-е ноября прошло въ подъемѣ на горы артиллеріи, а 21-го предполагалось начать обстрѣливаніе турокъ на Арабъ-Конакской позиціи. На г. Златицу также двинута колонна генерала Курнакова; эта колонна уже заняла перевалъ. Невозможно описать тѣ трудности, которыя войска наши преодолѣваютъ въ борьбѣ съ природою. Подъемъ орудій, безъ дорогъ, на высокія и крутыя горы представляетъ такую исполинскую работу, которую трудно вообразить; при этомъ погода ужасная: постоянные переходы отъ мороза съ снѣгомъ къ проливнымъ дождямъ. Отрядъ генерала Дандевиля занимаетъ позицію на высотѣ 3,400 футовъ.

Въ теченіе 16-го, 17-го, 18-го и 19-го ноября потеря наша простиралась до 350 человѣкъ.

6) Отъ 22-го ноября.—Наши войска взяли въ Орханіе и Врачешѣ огромные склады оружія, патроновъ, теплой одежды и продовольствія; одного овса и ячменя болѣе 10,000 четвертей. Сверхъ того, взятъ цѣлый понтонный паркъ, изъ 25-ти желѣзныхъ понтоновъ со всѣми принадлежностями—якорями, канатами и настилкой.

Б. Начальникъ штаба Кавказскаго военнаго округа телеграфируетъ, отъ 19 го ноября изъ Карса, что, въ ночь на 15-е ноября, Дервишъ-паша внезапно отступилъ съ Хацубанской позиціи, оставивъ тамъ незначительныя силы. На разсвѣтѣ, колонна наша изъ трехъ баталіоновъ, восьми орудій и двухъ сотенъ казаковъ, подъ начальствомъ полковника Казбека, атаковала Хацубани и заставила непріятеля совершенно очистить эту позицію; турки бѣжали въ безпорядкѣ за рѣку Кинтриши, были преслѣдуемы огнемъ до высотъ Самеба и Цихисдзири. Захваченъ барачный лагерь на 10,000 человѣкъ, а также продовольственные и боевые запасы. Въ перестрѣлкѣ принимали участіе пять турецкихъ броненосцевъ. Потеря наша: убиты двое нижнихъ чиновъ и ранены: одинъ офицеръ и семь нижнихъ чиновъ.

* * *

Телеграммы.

Бѣлградъ, 15-го ноября. При Вратарницѣ произошло кровавое столкновеніе между турецкими и сербскими солдатами. Поводомъ къ нему послужило нападеніе на болгарскихъ бѣглецовъ турецкихъ мустегафизовъ, вслѣдствіе чего одинъ сербскій батальонъ перешелъ границу, освободилъ бѣглецовъ и затѣмъ вернулся назадъ. Турки преслѣдовали сербовъ до сербской границы. Съ той и другой стороны есть убитые и раненные.

19 го ноября. Отъѣздъ князя Милана къ арміи назначенъ на 7-е декабря. Сегодня отправились на границу интендантство и рабочая рота. Князь Миланъ отправляется пока, чрезъ Семедрію, въ Парачинъ.

20-го ноября. Дипломатическіе представители европейскихъ державъ заявили, что они будутъ игнорировать объявленіе Сербіей независимости.

Буда-Пештъ, 20-го ноября. Провозглашеніе Сербіей своей независимости отложено до 13-го декабря.

Лондонъ, 19-го ноября. Газетѣ «Standard» сообщаютъ изъ Константинополя, отъ 28-го ноября: «Между Портою и Италіей возникли серьезныя несогласія по поводу заарестованія двухъ итальянскихъ судовъ на Босфорѣ, послѣ того какъ они миновали линію блокады. Итальянскій посланникъ въ Константинополѣ, графъ Корти, пригрозилъ немедленно признать блокаду недѣйствительною, въ случаѣ, если означенныя суда не будутъ отпущены на свободу. Графъ Корти заявилъ также, что Италія приметъ самыя крайнія мѣры, чтобъ принудить Порту къ уступкѣ.»

Римъ, 18-го ноября, У папы водянка сердца.

* * *

Наши гравюры.

Атаки турками горы св Николая.

На нашей гравюрѣ изображенъ тотъ моментъ перваго дня шипкинскаго боя, когда турки, пользуясь своимъ громаднымъ превосходствомъ надъ доблестными защитниками шипкинскаго перевала, на короткое время овладѣли горою св. Николая, но вскорѣ, по прибытіи первыхъ подкрѣпленій къ нашимъ войскамъ, были выбиты съ большимъ урономъ. Въ № 47 изображенъ моментъ той же атаки, предшествующій успѣху турокъ. Сулейманъ со всѣмъ штабомъ расположился у подножія горы и самъ руководитъ атакой.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи. Стихотв. «Мятель».—Нечеловѣческая местъ (продол.).—Степныя птицы въ Германіи. — При свѣтѣ уличнаго фонаря.—Атакама и Караколесъ (продолж.). — Наши ближніе. — Отъ редакціи. — Новости наукъ и жизни. — Смѣсь. — Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій. — Телеграммы.—Наши гравюры.

Гравюры: При свѣтѣ фонаря.—Атака турками горы св. Николая.—Карликовыя драхвы.—Мятель. — Чолосъ.—Карта пустыни Атакама.—Бакчисарай (дворецъ хановъ). (Къ статьѣ «Спорное побережье» № 44.)

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій**.

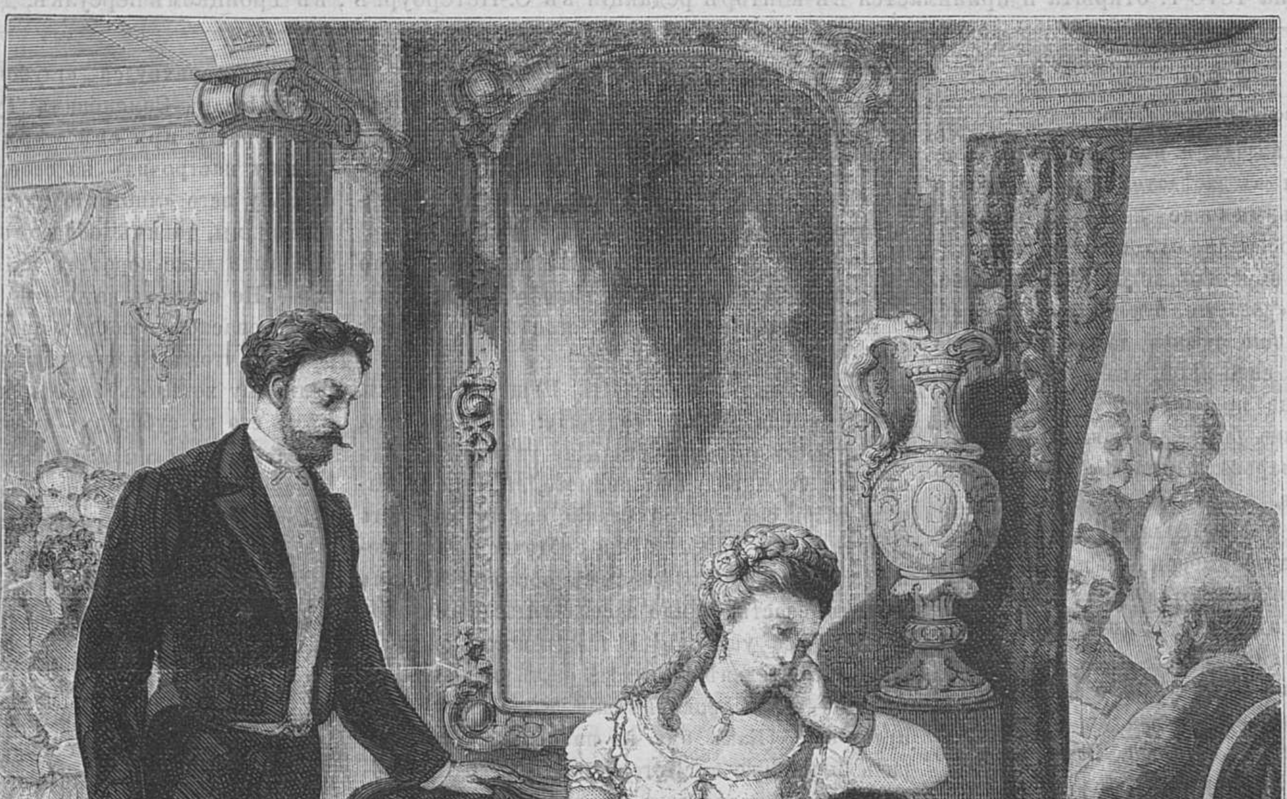
При слѣдующемъ нумерѣ журнала «Живописнаго Обозрѣнія» разошлется декабрьское приложеніе „ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО“.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 26 Ноября 1877 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде.

№ 49. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода—4 р. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 4 Декабря 1877 года. Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Троицкій переулокъ, домъ № 27/1. Годъ V.



На балу.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1878 ГОДУ
ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

Иллюстрированный журналъ **„ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“** издается еженедѣльно въ форматѣ **большихъ иностранныхъ иллюстрацій** не менѣе двухъ листовъ въ каждомъ нумерѣ по слѣдующей программѣ:

1) Романы, повѣсти, разсказы, очерки и біографіи. 2) Драмы и драматическія сцены. 3) Поэмы, сказки и мелкія стихотворенія. 4) Иллюстрированныя путешествія. 5) Этнографическіе очерки. 6) Статьи научнаго содержанія. 7) Новости изъ области наукъ и искусствъ. 8) Телеграммы. 9) Смѣсь. 10) Шахматный листокъ. 11) **Моды съ пояснительнымъ текстомъ.**

Гг. подписчики, кромѣ **52** нумеровъ **„ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ“**, получаютъ ежемѣсячное, безплатное иллюстрированное приложеніе **„ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО“**, составляющее большой отдѣльный томъ, заключающій въ себѣ статьи по отдѣламъ: 1) **Гигіены человѣка и животныхъ,** 2) **Сельскаго хозяйства,** 3) **Домоводства,** 4) **Садоводства,** 5) **Огородничества,** 6) **Лѣсоводства,** 7) **Пчеловодства,** 8) **Рыбоводства,** 9) **Овцеводства,** 10) **Птицеводства** и 11) **Разнообразныя практическія свѣдѣнія, кухонные рецепты и наставленія о первоначальной помощи заболѣвающимъ.**

Кромѣ того гг. подписчики 1878 г. получатъ **безплатныя преміи**, состоящія изъ **лучшихъ**, вполнѣ законченныхъ, **беллетристическихъ** произведеній русскихъ и иностранныхъ авторовъ съ **отдѣльными иллюстраціями на веленевой бумагѣ.**

Кромѣ означенныхъ премій, Редакція имѣетъ въ виду разослать въ видѣ преміи картину «Взятіе Константинополя».

Въ журналѣ **„ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“** на 1878 г. примутъ дѣятельное участіе своими трудами слѣдующія лица: П. В. Быковъ, С. И. Воскресенская, А. Егоровъ, И. Н. Захарьинъ (Якунинъ), С. М. Крапивина, Н. Н. Каразинъ, Н. Б. Куроѣдовъ, Л. Леванда, А. Майковъ, Д. Л. Мордовцевъ. В. И. Немировичъ-Данченко, И. В. Омулевскій, П. И. Пашино, В. Славянскій, К. М. Станюковичъ, Н. П. Стремоуховъ, Н. А. Чмыревъ, В. В. Чуйко, С. С. Шашковъ, А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ), Н. В. Шелгуновъ, Н. И. Шульгинъ, г-жа Юрьева и другіе.

Редакція **„ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ“** имѣетъ въ своемъ распоряженіи для печатанія въ теченіи будущаго года романъ Э. Гонкура, разсказы А. Додэ и Э. Золя и статьи Вирхова, Геккеля, Гольцендорфа, Карла Фогта и др.

Сверхъ того предполагается печатать въ теченіи года **иллюстрированныя сказки** Боккачіо (Декамеронъ), въ перев. Н. И. Шульгина, **„Похвальное слово глупости“** Эразма, въ переводѣ А. К. Шеллера (А. Михайлова) и, если позволитъ мѣсто, **„Комическій романъ“** Скарона.

Въ художественномъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться гравюры различныхъ извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, отъ 4 до 8 гравюръ въ каждомъ нумерѣ.

Цѣна безъ доставки и пересылки на годъ **6** р., на полгода **3** р. **50** к., съ доставкою и пересылкою на годъ **7** р., на полгода **4** р.

Подписка на 1878 г. открыта и принимается въ конторѣ редакціи въ С.-Петербургѣ, въ Троицкомъ переулкѣ, д. № 27.

Усы.

Разсказъ **Стороженко.**

Лѣтъ сорокъ назадъ, а можетъ быть и больше, выбрали меня въ засѣдатели. Въ молодости я былъ военнымъ, да еще кавалеристомъ, ну, такъ знаете, не особенно-то въ крючки хотѣлось попасть, да пристало ко мнѣ дворянство, стало просить: «послужи, говорятъ, обществу, довольно тебѣ сливы сушить, да солить». Смѣются, видите ли, надо-мной, что я изъ Опочни; а тутъ еще и жена привязалась: «лучше, говоритъ, служить, чѣмъ бить баклуши, да съ Марьей Власьевной въ марьяжъ играть!» Нечего было дѣлать, согласился.

Недѣли черезъ двѣ присылаютъ повѣстку. Губернаторъ утвердилъ выборы и я долженъ былъ «неукоснительно съ полученія сего прибыть въ г. Полтаву, для принесенія достодолжной присяги».

Вытащила жена изъ сундука мой военный мундиръ, гдѣ порвалось—позашила, да скоренько и выпроводила, даже съ Марьей Власьевной не дала проститься. И не думала она о томъ, какое горе меня ждало.

Въ воскресенье послѣ обѣдни присягнули мы и изъ собора прямехонько отправились къ нашему предсѣдателю учинить явку. А предсѣдателемъ былъ тогда тотъ... прозвали его еще: «великое дѣло—опенки», не хочу вспоминать, умеръ онъ, ну его совсѣмъ, а то еще встанетъ, да облаетъ.

Пріѣхали: вошли въ переднюю, въ дверяхъ стоитъ лакей въ нѣмецкомъ кафтанѣ, весь въ позументахъ,—его предсѣдатель съ собой изъ Москвы привезъ.

— А что, спрашиваемъ, принимаетъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, говоритъ, его п—во не изволятъ принимать, а вотъ неугодно ли вамъ росписаться.

И тычетъ пальцемъ на книгу въ зеленомъ переплетѣ, что на столѣ лежитъ.

Взглянули мы другъ на друга, пожали плечами, да и стоимъ, какъ вкопанные, не знаемъ, что и дѣлать. Тогда не было еще у насъ обычая въ книгахъ росписываться, когда къ начальству съ визитомъ являешься.

— Чтожъ вы, господа, рты пораскрывали, говоритъ лакей, — извольте росписываться.

— За какимъ чортомъ? спрашиваемъ.

— Такъ угодно его п--ву! говоритъ онъ.

Стали мы совѣтываться, да раздумывать, что это за дьявольская книга.

— Это, должно быть, альбомъ, куда на память стихи пишутъ, да сердца, пробитыя стрѣлами, рисуютъ, говоритъ одинъ.

— Вовсе не альбомъ, вмѣшался другой,—это предсѣдатель хочетъ знать какой у кого почеркъ.

А лакей покою не даетъ, стоитъ надъ душой: «пишите, да пишите».

Вотъ Кирило Онуфріевичъ Пищи-Муха (ухъ, какой умница былъ) и говоритъ: «можетъ быть, онъ думаетъ, что мы писать не умѣемъ?..» взялъ въ руки перо, подумалъ немного, да и давай катать. «При сей вѣрной оказіи, спѣшу выразить душевное мое прискорбіе и сердечное сокрушеніе, что по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ лишенъ счастья лично засвидѣтельствовать мое глубочайшее уваженіе и преданность, съ которыми почтительнѣйше имѣю честь пребыть вашего п—ва всепокорнѣйшій...» да и расчеркнулся еще. (Какъ ему не написать, когда онъ разъ былъ даже въ Петербургѣ.)

Подаетъ онъ перо, а отъ него всѣ, какъ отъ чорта, въ разныя стороны. Толкаютъ одинъ другого: «бери ты», «нѣтъ, ты бери». Пристали ко мнѣ: «начинай ты, говорятъ, какъ тебѣ не выдумать, ты враль на всю Опочню!»

Взялъ я это проклятое перо, да и думаю, чтобы это мнѣ написать ему на память? Омочу въ чернило, прилажусь писать, да снова въ чернилицу, нейдетъ ничего въ голову, хоть тресни! а тутъ еще обступили кругомъ, смотрятъ всѣ, лакей чуть въ шею не толкаетъ. Сидѣлъ я, сидѣлъ, да и вспомнилъ, что предсѣдатель до бабъ падокъ, пусть, думаю, посмѣется, взялъ, да и настрочилъ:

И учòра галушкѝ и сегодня галушкѝ:
Прійди, прійди, сèрденько, на біліі подушки;
И учòра кулішъ и сегодня кулішъ:
Прійди, прійди, серденько, мою душу потішъ.

Подписался и расчеркнулся, да такой крючекъ сдѣлалъ, словно хвостъ у собаки.

За мной ужь и другіе пошли писать, кто написалъ:

Спробовать перо й чернила,
Що въ ёму за сила:
Такъ перо пѝше,
Якъ муха дѝше.

Кто размахнулся «глубочайшимъ», а покойникъ Назаръ Семеновичъ Тупу-тупу-Табунецъ-Буланенькій, при сей вѣрной оказіи еще и жалобу настрочилъ на своего сосѣда, который съѣлъ у него «многоплоднаго» индюка. Записываемся мы, такимъ образомъ, а лакей проклятый рыло даже воротитъ на сторону отъ смѣха.

— Не скажетъ вамъ его п—во за ваше писанье спасибо, говоритъ онъ.

— А чтожъ, говорю, какъ умѣли, такъ и написали, ему хотѣлось видѣть наше писанье, ну и пусть его по субботамъ читаетъ.

Разъѣхались мы послѣ этого по домамъ и не думаемъ себѣ ни о чемъ только вечеромъ приноситъ мнѣ сторожъ изъ палаты бумагу.

— Прочитайте, говоритъ, да роспишитесь.

«Что за чортъ, думаю, моду завели какую, только и знай, что росписывайся, будто это легко».

«Его п—во, читаю я въ бумагѣ, г. статскій совѣтникъ и разныхъ орденовъ кавалеръ предлагаетъ гг. членамъ всенепремѣнно явиться къ нему завтрашняго числа въ 10 часовъ по-полуночи».

«Это, должно быть, на завтракъ приглашаетъ», подумалъ я, взялъ да и росписался: «буду, отъ хлѣба и соли не отказываюсь». Чортъ же его зналъ, какую онъ хлѣбъ-соль поднесетъ.

На другой день ровно въ 10 часовъ пріѣхали мы къ предсѣдателю. Ходимъ по залу, одиннадцать пробило, ни самъ не выходитъ, ни закуски не подаютъ, а пора бы червяка заморить. Такъ продержалъ онъ насъ до двѣнадцати часовъ, смотримъ вылазитъ, наконецъ, изъ кабинета, въ мундирѣ, въ бѣлыхъ штанахъ, на шеѣ что-то болтается, на пальцы перстней понадѣвалъ. Какъ отворилъ дверь, такъ прямо на меня глазища и вытаращилъ, побѣлѣлъ даже весь. Всѣ ему кланяются, кто бормочетъ «честь имѣю явиться», а онъ, ни на кого не глядя, прямехонько ко мнѣ, да какъ крикнетъ.

— Къ кому вы явились?!

Смотрю я на него, не ополоумѣлъ ли, думаю, чего онъ такъ оретъ, а онъ еще громче.

— Я васъ спрашиваю, къ кому вы явились?

— Къ вамъ, говорю.

— А я кто такой? спрашиваетъ онъ, а самъ чортомъ на меня смотритъ.

— Федоръ Ивановичъ, говорю.

— Не Федоръ Ивановичъ, а ваше п—во, снова затрещалъ онъ,—г. предсѣдатель, вашъ непосредственный начальникъ, милостивый государь мой!

А у самого даже пѣна изо рта бьетъ.

«Провались ты совсѣмъ, думаю я себѣ, что ты взбѣсился, или кукельвану обожрался, что ли?» А онъ, во все горло, опять за свое.

— Къ кому вы явились?

— Къ вашему п—ву, г. предсѣдателю, моему непосредственному начальнику, говорю. «Пусть будетъ, думаю, по твоему, дурень!»

— А какъ вы явились, милостивый государь мой, отвѣчайте, какъ вы явились?

— Съ достодолжнымъ уваженіемъ, говорю.

— Развѣ въ такомъ видѣ, кричитъ,—являются къ начальству съ достодолжнымъ уваженіемъ. Посмотрите вы на себя!

Оглядѣлъ я себя со всѣхъ сторонъ, все обстоитъ благополучно, медали висятъ, красный поясъ на мѣстѣ, сабля съ боку. Обернулся я къ товарищамъ, да и спрашиваю:

— Не знаете ли хоть вы, чего отъ меня нужно его п—ву, г. предсѣдателю, нашему непосредственному начальнику?

Какъ взбѣсится онъ, какъ подскочитъ! Боже ты мой праведный!..

— Вы, милостивый государь мой, кричитъ онъ,—не имѣете должной атенціи къ начальству, не исполняете установленныхъ формъ, нарушаете государственныя узаконенія, я васъ въ 24 часа предамъ суду!

— Было бы за что, говорю,—а то можно предать и сейчасъ суду. Позвольте мнѣ и васъ спросить, говорю я, а самъ усъ кручу,—позвольте васъ спросить, что вамъ отъ меня нужно? развѣ меня дворянство выбрало для того, чтобы на меня кричали, какъ на лакея?

Говорю это, а самъ саблей, какъ стукну. Досадно же, ей богу, стало, привязался ко мнѣ, какъ смола. Такъ куда тебѣ попъ свое, а чортъ свое.

— Молчать: оретъ онъ,—вы еще осмѣливаетесь разсуждать! посмотрите въ какомъ видѣ вы явились къ начальнику?!

Подвелъ меня къ зеркалу. Поглядѣлъ я, что за чортъ, все какъ слѣдуетъ: мундиръ застегнутъ на всѣ пуговицы, медали висятъ и прочее... гдѣ было порвано, вездѣ зашито, значитъ все обстоитъ благополучно.

— Что, говоритъ, видите?

— Ничего не вижу, что вамъ отъ меня нужно, скажите вы мнѣ, пожалуйста?!

— Какъ что? оретъ онъ, какъ сумашедшій.— На какомъ основаніи, вы осмѣлились явиться ко мнѣ съ усами? Вы состоите теперь въ гражданской службѣ и потому право ношенія усовъ на васъ не распространяется!

— Съ этого бы вамъ и начать, говорю,—если не распространяется, такъ я ихъ и сбрѣю, нечего было и кричать, словно васъ рѣжутъ, это бы и губернаторъ и министръ такъ глотки не драли бы!

— Прошу неразсуждать, а дѣлать, то что вамъ приказываютъ! Чтобъ сегодня же сбрили усы, а не то я васъ посажу подъ арестъ!

Потомъ и на другихъ взъѣлся.

— Я пригласилъ васъ, милостивые государи мои, говоритъ онъ,—чтобы выразить вамъ крайнее мое неудовольствіе за то неуваженіе и непростительную дерзость, которую вы учинили вчерашняго числа вашимъ неумѣстнымъ поступкомъ!

— Позвольте узнать, ваше п—во, началъ Пищи-Муха, — въ чемъ заключается нашъ неумѣстный поступокъ, учиненный вчерашняго числа, изъ котораго можно бы было усмотрѣть неуваженіе къ вашему п—ву и непростительную съ нашей стороны дерзость?

— Какъ изъ котораго? опять заоралъ предсѣдатель,—а какъ вы смѣли позволить себѣ писать въ визитной книгѣ такую дичь? и галушки и кулиши и жалобы записывать, точно на почтовой станціи, когда вамъ слѣдовало записать только свои фамиліи. Это, просто, бунтъ!

— Наши именные списки, началъ снова Пищи-Муха (а онъ ужь такой былъ, что хоть кому носъ бывало утретъ, не даромъ въ Петербургѣ былъ), наши именные списки доставлены уже вашему п—ву, слѣдовательно, мы никакъ не могли предполагать, чтобы вамъ предстояла надобность въ нашихъ фамиліяхъ, а полагали, что ваше п—во интересовались болѣе на счетъ нашихъ почерковъ и словосочиненія, а потому каждый изъ среды насъ, по мѣрѣ силъ своихъ, потщился выразить свои чувства и мысли, никакъ не предполагая, чтобы ваше п—во...

— Ну довольно, довольно! (пробралъ таки его Пищи-Муха) вы говорите, какъ маятникъ, тронь васъ, вы и начнете болтать. Теперь, господа, извольте отправляться, продолжалъ онъ, подскакивая,— а первый разъ я васъ прощаю, но въ другой—смотрите, будьте осторожны, я не люблю шутить. А вы, милостивый государь мой (это онъ мнѣ говоритъ), чтобы сію минуту обрились, понимаете?

— Какъ не понять, говорю, васъ и дурень, что у меня сливы стережетъ, такъ и тотъ пойметъ.

Хотѣлъ онъ закричать, да не закричалъ, а повернулся и убѣжалъ въ кабинетъ. Начали и мы расходиться, откуда ни возьмись вынырнулъ секретарь нашъ Фома Петровичъ.

— Какъ можно, говоритъ онъ мнѣ,—въ гражданской, да усы носить.

-- Убирайтесь вы къ чорту! закричалъ я.

— А какъ вы въ книгѣ, да на повѣсткѣ росписались? спрашиваетъ.

— Поцѣлуйте меня сегодня, говорю я, а я васъ завтра.

Не сталъ я и разговаривать съ нимъ, и безъ него горько на душѣ. Такая злость взяла меня, что вотъ взялъ бы, воротился назадъ, да и разругалъ бы его на чемъ свѣтъ стоитъ. Сколько лѣтъ живу на свѣтѣ, никто не кричалъ на меня, ни съ кѣмъ я не ссорился,—только развѣ съ женой иногда,—а тутъ стряслось ни съ того ни съ сего, чтобъ ему до самой смерти такъ прыгать, да подскакивать!

Пришелъ я на квартиру, вынулъ бритву, намылился... разъ... два... и повалились мои усы на полотенце, какъ трава скошенная. Взглянулъ на себя въ зеркало... отцы родные... въ ужасъ пришелъ, чортъ знаетъ, что такое со мной сдѣлалось, не узнаю себя, да и только: ротъ сталъ кривой, щеки повпадали, носъ черезъ губы повисъ, совсѣмъ не я, а нѣмецъ Адамъ Ивановичъ Фрикъ, что въ Кременчугѣ шленкой торгуетъ... чтобъ мнѣ до завтраго не дожить, если вру.

Первый разъ въ жизни пришлось мнѣ усы сбрить, еслибъ я зналъ, что стану такимъ плюгавымъ, такъ не то, что подъ судъ, а пусть бы изъ меня жилы тянули, а ужь не сбрилъ бы ни за что! Кому стало легче,—что я безъ усовъ? Какъ я теперь къ женѣ на глаза покажусь, какими глазами буду смотрѣть на Марью Власьевну?

Вспомнилась мнѣ молодость: не одна бывало глаза опуститъ передъ моими усами, не одна ихъ и цѣловала, и приглаживала... Сижу я такъ-то, думаю, а слезы такъ и льются, кажется, по сынѣ, который умеръ, я не плакалъ такъ, какъ по усамъ... Боже мой праведный, думалъ я, колотя себя въ грудь, за что ты меня такъ тяжко покаралъ?

Нечего было больше дѣлать въ Полтавѣ, на службу сказано являться черезъ недѣлю, поѣхалъ я домой. Прежде бывало, какъ ѣдешь, такъ только и дѣлаешь, что кричишь кучеру: «погоняй, погоняй!», а теперь не то, сижу, повѣсивъ голову, слова отъ меня не слышно, только и промолвишь мальчишкѣ, если лошади рысцой пустятся: «не гони, успѣемъ!» Такъ и наровлю, чтобъ домой къ ночи пріѣхать. Жена на сносяхъ ходила, увидитъ, думаю, меня, испугается, да еще и родитъ мнѣ Адама Ивановича Фрика (чтобъ онъ издохъ!).

Подъѣзжаю ко двору, совсѣмъ темно, въ домѣ и огонь потушили, вышелъ я изъ брички, собаки такъ и бросились на меня со всѣхъ сторонъ.

— Вишь проклятые, говорю, хозяина не узнали.

Они подбѣжали ко мнѣ, я хотѣлъ ихъ погладить, а они посмотрѣли на меня, да въ разсыпную, въ разныя стороны отъ меня. Вошелъ я тихонечко въ сѣни, чудно какъ-то, чортъ его возьми, словно это не я и домъ не мой, ей Богу, правда! Какъ залаяли собаки, жена и проснулась, слышитъ вошелъ кто-то.

— Кто тамъ? спрашиваетъ.

— Это я, говорю.

— На кого же это собаки лаяли?

— А чортъ ихъ знаетъ.

— Да иди же, чего ты крадешься?

А прежде я, бывало, какъ пріѣду домой, днемъ ли, ночью ли, все равно, всѣхъ на ноги подниму, съ дѣтьми вожусь, жену цѣлую, съ Оришкой, что за дѣтьми ходила, заигрываю, а теперь, словно воръ подкрадываюсь, не знаю какой ногой ступить Подошелъ я къ кровати, жена обняла, и только поцѣловала, какъ закричитъ не своимъ голосомъ.

— Кто это? да хвать меня рукой за губу, какъ подниметъ она крикъ, хоть всѣхъ святыхъ выноси.

— Караулъ, воры, кричитъ, давай, Оришка, огня!

Я ее уговаривать, такъ куда и слушать не хочетъ, руками и ногами отбивается.

— Не подходи, кричитъ, не подходи!

Прибѣжала Оришка со свѣчей, дѣти вскочили, уставили на меня всѣ глаза и смотрятъ: и я, и не я!

— Что это съ тобой, спрашиваетъ жена,—живой ты или мертвый? а сама побѣжала, трясетъ ее всю, словно въ лихорадкѣ.

— Что ты съ собой сдѣлалъ, оглашенный?

— За это ужь тебя нужно благодарить, теперь, говорю, не буду больше баклуши бить, да въ марьяжъ съ Марьей Власьевной играть.

— Зачѣмъ же ты усы-то сбрилъ?

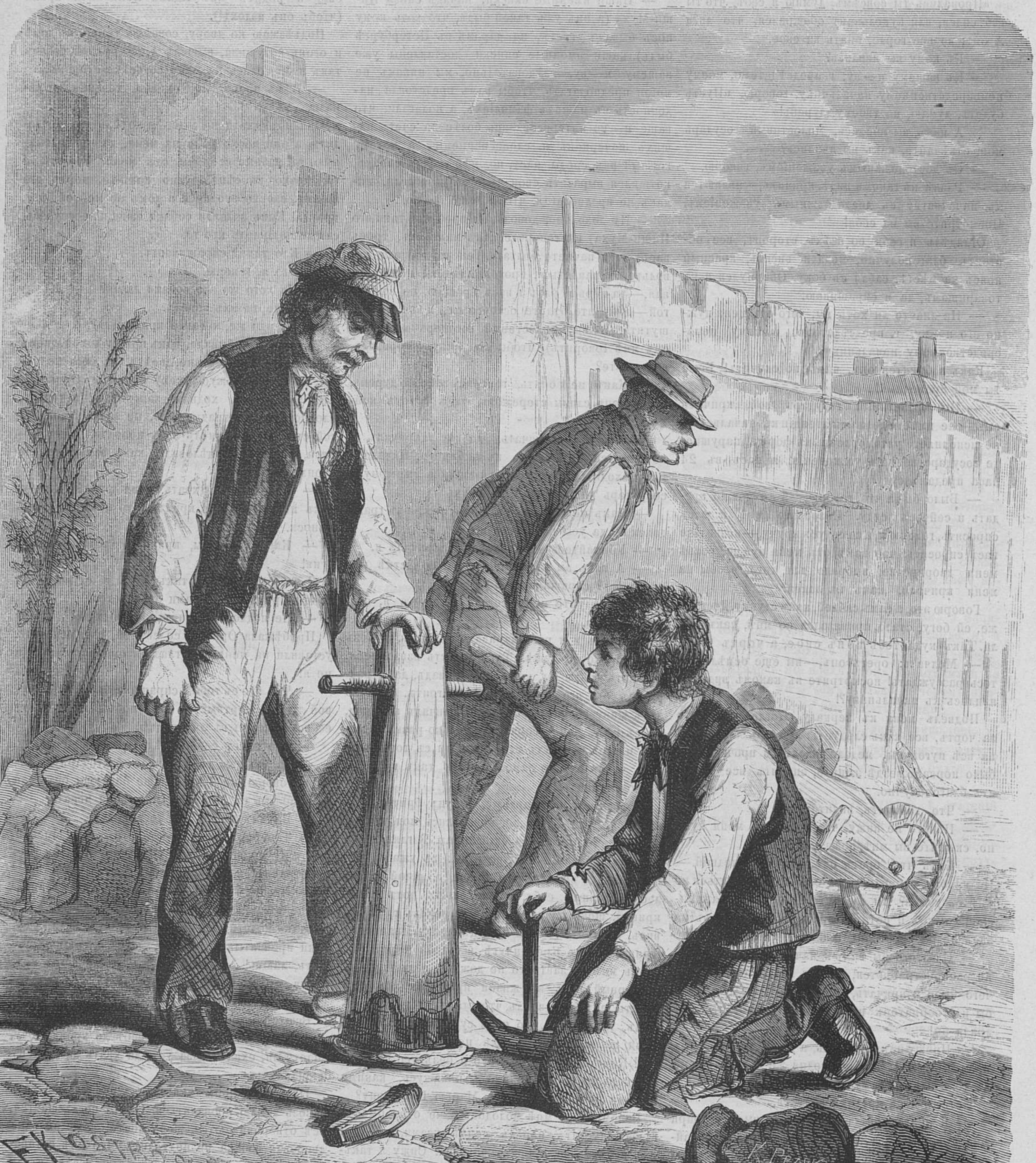
— Теперь, говорю, состою въ гражданской, а потому право ношенія усовъ на меня не распространяется.

— Что онъ пьянъ или съума сошелъ? спрашиваетъ жена Оришку, да какъ завоетъ, какъ начнетъ колотить себя въ грудь кулаками, а собаки проклятыя услышали, да себѣ воютъ, визжатъ, лаютъ!... Господи, Боже, такой шумъ поднялся, что хоть изъ дому, да не то, что изъ дому, изъ села бѣги вонъ.

Всю ночь проревѣли такъ, сижу и я съ ними, да плачу. Исцарапалъ губу себѣ до крови, хочу, знаете ли, схватить за усъ, да хвать за губу, ну и оцарапаю.

На другой день такая тоска напала, что хоть сквозь землю провалиться. Никто не слушается, всѣ отворачиваются, жена воетъ, даже ни одна дворовая собака не подходитъ. Что мнѣ оставалось дѣлать? А тутъ какъ на зло, сосѣди стали заѣзжать, Марья Власьевна пришла, а я прячусь только отъ нихъ, да лицо себѣ закрываю, словно Богъ знаетъ что... ей Богу, правда! На третій день совсѣмъ ослабѣлъ, едва дышу, грудь завалило, животъ подвело (за три дня крохи во рту у меня не было) не знаю, что у меня на плечахъ, голова или арбузъ. Жена убивается, дѣти пищатъ, просто умирать пришлось, хоть за попомъ посылай!...

РИСУНОКЪ Ф. КОСТШЕВСКАГО.


F.Kostrzewski
K. Przykorski

Каменьщики.

Какъ вдругъ, на мое счастье, знать ужь Богъ милосердный не хотѣлъ осиротить моихъ дѣточекъ, пріѣзжаетъ Григорій Григорьевичъ Захарченко, можетъ, вы слышали о немъ, тотъ самый, что у самаго чорта выигралъ бы тяжбу. Взглянулъ онъ на меня и отскочилъ назадъ.

— Что это, братецъ, съ тобой? спрашиваетъ онъ меня.

— Погибаю, смерть моя пришла за мной, говорю.

— Полно врать, говоритъ онъ,—тебя и полѣномъ не убьешь, ты только плюгавый какой-то сталъ, отчего это?

— Съ чего ты это берешь?

— Усы сбрилъ?

— Ну да!

— За коимъ чортомъ?

— Въ гражданскую чортъ понесъ, такъ теперь право ношенія усовъ на меня не распроняется.

— Кто это тебѣ навралъ?

— Его пре... тотъ, говорю, чтобъ ему добра не было.

— Да вѣдь ты съ мундиромъ въ отставкѣ?

— Ну такъ чтожъ?

— А то, говоритъ, спасибо ему,—если мундиръ на тебѣ, такъ и усы при тебѣ.

— Ей Богу?

— Увидишь, говоритъ, я тебѣ и указъ покажу.

— Отецъ родной, на свѣтъ ты меня народилъ, кричу я, да какъ вскочу съ постели, давай его обнимать, да цѣловать, а онъ только отбивается.

— Убирайся къ чорту, кричитъ онъ,—колешься, словно иголками.

Усы то, видите ли отросли, ну щетина и колется.

Поставила намъ жена закуску, выпили по рюмкѣ, по другой старой водки, бутылки двѣ сливянки, а тамъ и бричка готова, поскакали мы съ Захарченкой. Дорогой, чтобъ не видѣли меня, такъ платкомъ весь обвязался, только глаза и блестятъ. Знакомыя по лошадямъ ужь узнавали. «Зачѣмъ, спрашиваютъ, обвязался?» «Чирей, говорю, вскочилъ!»

Пріѣхали къ Захарченкѣ, какъ далъ онъ мнѣ указъ, словно отца родного увидѣлъ. «Ну, теперь, думаю, ваше пре... того... чей чортъ старше будетъ?»

Вернулся домой и два мѣсяца высидѣлъ, какъ въ карантинѣ, пока усы не подросли такъ, что и жена стала цѣловать и люди слушаются и собаки на меня больше не лаютъ и съ Марьей Власьевной сталъ въ марьяжъ играть.

А изъ Полтавы повѣстка за повѣсткой, «неукоснительно съ полученія сего имѣете явиться». А я имъ въ отвѣтъ: «по случаю приключившейся внезапно болѣзни!» Подождалъ еще съ мѣсяцъ, а тамъ какъ стали усы закручиваться и покатилъ себѣ въ Полтаву. Какъ пріѣхалъ, напялилъ сейчасъ на себя мундиръ, привѣсилъ саблю и отправился въ палату вчинить явку. Вхожу въ присутствіе... какъ увидѣлъ меня предсѣдатель, такъ его и скорчило...

— Что это, милостивый государь мой, закричалъ онъ,—вы уклоняетесь отъ службы и осмѣливаетесь вторично являться ко мнѣ съ усами?

— Это, говорю, не усы еще, а усишки, а вотъ какъ подростутъ, такъ будутъ усища, а самъ держусь за указъ, какъ котъ за сало.

Боже ты мой, какъ подскочитъ онъ, да какъ заоретъ.

— Я васъ, милостивый государь мой, въ двадцать четыре часа!...

— Не горячитесь, говорю, кровь испортите, а вотъ посмотрите лучше, да и ткнулъ ему въ руки указъ: смотри, думаю, пусть тебя покоробитъ. Прочиталъ и стоитъ да глазами только хлопаетъ, а губы у него такъ и дрожатъ.

— Фо... Фома... Пе... Петровичъ, что это такое? спрашиваетъ у секретаря.

Фома покосился.

— Высочайшій! говоритъ.

— Безъ васъ знаю, кричитъ предсѣдатель,—а право ношенія усовъ распространяется ли?

Фома завертѣлся, да ничего не подѣлаешь.

— Распространяется, говоритъ.

Товарищи перепугались, смотрятъ всѣ на меня... «не миновать ему бѣды» думаютъ. А я стою да усы только покручиваю. Посмотрѣлъ предсѣдатель на секретаря, повертѣлись оба и усѣлись. Что, думаю, взяли!

Такъ вотъ какая была комедія съ моими усами. Еслибъ не указъ, пришлось бы въ дуракахъ остаться. Правду люди говорятъ, что за Богомъ молитва, а за царемъ служба никогда не пропадаютъ. За пятнадцатилѣтнюю безпорочную и выслужилъ себѣ то, что никакое теперь на свѣтѣ превосходительство усовъ мнѣ не сбрѣетъ Вотъ что!

Нечеловѣческая месть.

Романъ Анри Тесье.

(*Продолженіе.*)

Часть вторая.

Глава VI.

Юный Атаназъ принимаетъ участіе въ дѣлѣ.

Не смотря на то, что Лера занималъ небольшую должность при полицейской префектурѣ, онъ былъ малый тонкій, смѣтливый. Сверхъ того, онъ былъ честолюбивъ и горѣлъ желаніемъ доказать начальству, что онъ обладаетъ чутьемъ. Неудивительно, что онъ былъ готовъ положить всю свою душу за успѣхъ кампаніи, предпринятой имъ въ качествѣ союзника Дени. Проводивъ инспектора въ Мансъ, Лера отправился самъ въ улицу Дипюитренъ. Онъ считалъ необходимымъ допросить хорошенько Мулена, который, судя по выраженному имъ подозрѣнію на Морлака, могъ имѣть какія-нибудь свѣденія о томъ, гдѣ находился графъ. «Если Поля Ленди, размышлялъ Лера, хотѣлъ убить кто-нибудь, то, разумѣется, только тотъ, который похитилъ герцогиню... Не скажетъ-ли эта молодая особа, что она видѣла на комъ-нибудь запонки, одну изъ которыхъ мы нашли въ улицѣ Николе?... Молодыя дѣвицы очень внимательны къ туалету своихъ кавалеровъ... а если этотъ господинъ принадлежитъ къ кругу Эрмины, то она могла примѣтить и его запонки... Наконецъ, раненая лошадь тоже не дурной матерьялъ для наведенія справокъ... и если Жанъ Брюне не успѣетъ ничего открыть, то намъ придется осмотрѣть всѣ парижскія конюшни... Копотно, но вѣрно... Въ концѣ концовъ, остается еще допросить самого убійцу.»

Дойдя до этого утѣшительнаго заключенія, Лера постучался къ г-жѣ Шабуассо.

— Можно видѣть г. Мулена, сударыня? сказалъ онъ, утчиво снимая шляпу.

— Г. Мулена? повторила привратница, мгновенно превращая ту воинственно-непріязненную физіономію, съ которою она встрѣтила незнакомаго человѣка, въ самое слезливое выраженіе. —Боже мой! Опоздали вы! Онъ скончался!

— Браво! сказалъ Лера съ улыбкою.—И мимика, и интонація превосходны!

— Вы что же это? заревѣла «управляющая домомъ», опять мгновенно перемѣняя свой голосъ.—Мнѣ кажется, Господи прости, что вы вздумали насмѣхаться надо мной.

— Тише, тише, тетушка Шабуассо! сказалъ Лера, фамильярно похлопывая ее по плечу.— Вы не узнаете посланцевъ г. Дени?

— Г. Дени!... О! онъ золото между полицейскими!... Такъ вы отъ него, вы не врете?

— Нисколько; я исполняю его приказанія также, какъ и вы!... Слѣдовательно, можно войти къ г. Мулену?...

— Пожалуйте!

Въ ту минуту, когда Лера сталъ подниматься по лѣстницѣ, чей-то пискливый и лѣнивый голосъ окликнулъ снова г-жу Шабуассо.

— Здравствуйте, крестная!

Голосъ оказался принадлежащимъ Атаназу, крестнику привратницы, который показался въ дверяхъ ея жилья въ своемъ бѣломъ костюмѣ кандитерскаго поваренка, съ корзинкою пирожковъ на головѣ и съ пакетомъ въ рукахъ.

— А, лѣнтяй изволилъ пожаловать! сказала г-жа Шабуассо, стараясь придать суровость своему тону. — Чего таскаешься?... Твое дѣло разносить пирожки по заказчикамъ...

— Позвольте; вы моя родственница, да притомъ и единственная! возразилъ юноша съ упрекомъ.—Я объ васъ думаю. Доказательство тому здѣсь...

Онъ указалъ на пакетъ, который держалъ въ рукахъ за веревочку, раскачивая его какъ маятникъ изъ стороны въ сторону.

— Это нашъ старый песъ далъ мнѣ двѣ дюжины черственькихъ и я поторопился вамъ занести...

— Ну вотъ за это спасибо! Давай, я тебя поцѣлую, негодный! произнесла г-жа Шабуассо, переходя въ нѣжный тонъ, но, въ ту же минуту, она прибавила: Тише!... кто-то идетъ!

И она бросилась въ проходъ передъ своею дверью. Дѣйствительно, въ ворота вошелъ какой-то человѣкъ, крайне сухощавый и исполинскаго роста. Лицо у него было очень смуглое; волоса на головѣ и на бакенбардахъ совершенно сѣдые; одежда весьма приличная.

Онъ подошелъ ближе и сказалъ съ иностраннымъ акцентомъ:

— Г. Ван-Линденъ?...

Г-жа Шабуассо окинула взглядомъ загадочнаго посѣтителя, пробормотала про себя: «Это что за птица?... Надо держать ухо востро.» И потомъ прибавила холодно.

— Вамъ что угодно?

— Я хотѣлъ бы его повидать... у меня къ нему порученіе. Я прибылъ изъ Батавіи...

— А! съ родины молодого человѣка...

— Именно. Можно его теперь застать у себя?

— На этомъ свѣтѣ уже нельзя, сударь мой! Онъ скончался!

— Скончался! повторилъ незнаконецъ, повидимому, пораженный этимъ извѣстіемъ.

— Да, въ эту самую ночь.

— Отъ болѣзни?...

— Надо полагать. Отъ отравы люди всегда хвораютъ, а отъ здоровья никто еще не умиралъ.

— Бѣдный юноша! проговорилъ посѣтитель печальнымъ голосомъ.—Въ такихъ молодыхъ лѣтахъ... и въ то время, когда я долженъ былъ сообщить ему хорошее извѣстіе...

— Да! Вотъ она, жизнь-то наша! Одинъ тлѣнъ! съ горестнымъ видомъ замѣтила г-жа Шабуассо.

— Но, продолжалъ незнакомецъ,—не было-ли у этого несчастнаго одного друга... старика... въ родѣ покровителя?... Если не ошибаюсь, его звали Муленъ...

— Какже, какже, подтвердила старуха.

— Могу я видѣть хотя его?

— О, сударь мой, лучше уже мнѣ высказать вамъ все заразъ, а то отъ вашихъ разспросовъ у меня сердце ворочается!... И г. Ван-Линденъ, и его подруженька, и г. Муленъ, всѣ они отравлены вчера и отдали сегодня по утру Богу душу... Даже до сихъ поръ опомниться не могу! Вѣрите-ли: кофе не могла пить... въ горло не лѣзетъ!

— Отравлены, говорите вы? воскликнулъ незнакомецъ съ ужасомъ.—Что же это... случайность или злой умыселъ?

— Вотъ и разберите! отвѣчала г-жа Шабуассо съ взрывомъ негодованія.— Полиція нагрянула, какъ водится; разные тутъ свои протоколы составляла безъ толку, а потомъ и ушла, точно дѣло сдѣлала; все это не помѣшало моимъ бѣднымъ жильцамъ ножки протянуть!

— О, какое несчастіе, какое несчастіе! проговорилъ незнакомецъ, отирая себѣ поспѣшно лицо, чтобы скрыть свои слезы.— Вотъ не думалъ я, не гадалъ... Ужасно!... Прощайте, сударыня, я зайду какъ-нибудь опять!.. въ болѣе приличную минуту... Вы мнѣ тогда разскажете подробнѣе...

Онъ сунулъ ей въ руку пятифранковую монету, повернулся и быстро вышелъ изъ подѣзда на улицу.

Г-жа Шабуассо кинулась въ свою комнату съ проворствомъ пятнадцатилѣтней дѣвушки.

— Атаназъ! закричала она.—Брось все и бѣги сюда скорѣе!

— Иду, крестная!

Старуха ухватила его за руку и выволокла за собою на улицу, которую окинула однимъ взглядомъ.

Незнакомецъ шелъ медленно по направленію къ переулку.

— Видишь ты этого сухопараго старика? спросила она.

— Что на пряникъ-то похожъ? Вижу!

— Слушай же! Иди за нимъ слѣдомъ и пронюхай, гдѣ онъ живетъ!... Ты хитеръ, какъ крыса... сумѣешь все разузнать, если захочешь. Иди же, а за наградой тебѣ не постоятъ.

— Отлично! Я радъ пошататься.

— Ты не обознаешься?

— Мудрено обознаться! Такіе верзилы рѣдко попадаются!... Но какже съ корзинкой-то, крестная?

— Я сама отнесу ее, если ты очень запоздаешь. Ты уже не безпокойся.. выгородимъ тебя передъ хозяиномъ, только адресъ мнѣ промысли!

— Иду! визгнулъ самымъ пронзительнымъ фальцетомъ Атаназъ.

Онъ подобралъ свой передникъ и пустился по улицѣ, крутя, по прежнему, свой пакетъ съ пирожками, который онъ не выпустилъ изъ рукъ.

— Ну, проворчала г-жа Шабуассо, оставшись одна,—мнѣ кажется, что г. Дени похвалитъ меня за распоряженіе... Не понравилась мнѣ рожа у этого верзилы.. и сдается мнѣ, что пріѣхалъ онъ вовсе не издалека... какъ онъ сказалъ?... *Ба... Ба... Балаклава*! Такъ, такъ! Мой покойный мужъ тамъ сражался...

Глава VII.

Лера начинаетъ вѣрить въ месмеризмъ.

Лера поднялся къ Мулену, котораго засталъ въ большомъ креслѣ передъ каминомъ.

— Я присланъ къ вамъ отъ г. Дени, сказалъ полицейскій, предупреждая вопросъ старика.

— Милости просимъ, отвѣчалъ Муленъ.—Прошу васъ садиться.

Лера пододвинулъ стулъ, сѣлъ и спросилъ:

— Вы меня не узнаете, г. Муленъ?

— Нѣтъ... Хотя, позвольте... Мнѣ начинаетъ казаться...

— Что мы уже встрѣчались?... Вы не ошибаетесь. Помните кафе въ улицѣ Таранъ?

— А! Помню, помню! отвѣчалъ старикъ съ улыбкою.—Правду вамъ сказать, не надѣялся я свидѣться съ вами...

— Я, напротивъ, всегда ожидалъ этого. Только гора съ горою не сходятся, какъ говорятъ, да и то землетрясенія доказываютъ несправедливость этой пословицы. Если я потерялъ васъ изъ виду г. Муленъ, то виною тому разныя случайныя обстоятельства; но я не забылъ ничего изъ вашего разсказа, такъ что могъ передать его г. Дени...

— Въ самомъ дѣлѣ? Что же онъ?

— Нашелъ эти свѣденія настолько важными, что отправился сегодня же въ Мансъ.

— Съ какой цѣлью?..

— Чтобы повидать сестру Марію-Жозефу... иначе говоря, графиню де-Морлакъ.

— Слѣдовательно, проговорилъ старикъ едва слышнымъ голосомъ,—тайна убѣжища моей бѣдной госпожи открыта!

— Она извѣстна только мнѣ и г. Дени, то есть, никому, г. Муленъ. Наше ремесло велитъ намъ угадывать все, не выдавая ничего. Будьте спокойны: если графинѣ что нибудь угрожаетъ, то не съ нашей стороны!

— Вы какъ будто намекаете о другой опасности? спросилъ съ испугомъ старикъ.

— Да какже вы хотите! отвѣчалъ Лера съ притворнымъ добродушіемъ.— Если ея мужъ не усталъ преслѣдовать васъ втеченіе двадцати лѣтъ, легко возможно, что онъ не оставитъ въ покоѣ и сестру Марію-Жозефу?... Впрочемъ, не зная, въ чемъ можетъ упрекать графъ свою жену, я не могу судить...

Старикъ угадалъ намѣреніе Лера.

— Не допытывайтесь отъ меня ничего, г. Лера, прервалъ онъ его.—Я могу отвѣчать только на то, что касается меня лично.

Понявъ, что его хитрость не удалась, Лера перемѣнилъ свою тактику.

— Вы правы и я напрасно выбираю окольныя дороги, сказалъ онъ чистосердечно. — Это все проклятая сыскная привычка одолѣваетъ. Собственно, я и не желалъ касаться этого предмета, а хотѣлъ получить отъ васъ только двѣ справки, которыя могутъ намъ пригодиться. Извѣстно вамъ, куда дѣвался Морлакъ?

— Къ сожалѣнію, нѣтъ.

— Какже вы его обвиняете?...

— Я только предполагаю, что ему выгодно избавиться отъ такого непріятнаго свидѣтеля, какъ я.

— Въ такомъ случаѣ, вы подозрѣваете, что онъ въ Парижѣ?

— Да, судя по этому покушенію на жизнь Натти и на мою.

— А! слѣдовательно, вы видите связь между этими обоими покушеніями?...

— Мы затрогиваемъ почву, выходящую изъ предѣловъ нашего договора, г. Лера, тихо замѣтилъ Муленъ.

— Вы правы. Выведемъ заключеніе только изъ того, что вы сочли возможнымъ довѣрить мнѣ: у васъ нѣтъ другихъ враговъ; слѣдовательно, покушеніе, сдѣланное противъ васъ, позволяетъ думать, что графъ воротился.

— Совершенно вѣрно.

— Остается теперь открыть, гдѣ онъ притаился. Я переговорю объ этомъ съ г. Дени и когда вы опишете намъ его примѣты...

— Когда г. Дени воротится и результатъ его поѣздки сдѣлается мнѣ извѣстнымъ, я предоставлю себя въ полное распоряженіе г. инспектора.

Видя, что старикъ рѣшился на высказываться до полученія свѣдѣній о томъ, на сколько сочла нужнымъ быть откровенной графиня, Лера не счелъ удобнымъ настаивать и продолжалъ небрежно:

— И такъ, покончивъ съ этимъ вопросомъ, перейдемъ ко второму. Судя потому, что вы писали графинѣ (я долженъ прибавить вамъ кстати, что г. Дени повезъ ей ваше письмо), мы можемъ догадываться, что вы напали на потерянный слѣдъ...

— Не смѣю отвѣчать утвердительно, г. Лера.

— Будьте откровеннѣе, г. Муленъ, и не предполагайте пустого любопытства съ моей стороны! Въ дѣлѣ преступномъ переплетаются всѣ нити и то, что кажется вамъ бездѣлицей, можетъ быть важнымъ относительно цѣли нашихъ поисковъ. Не бойтесь же мнѣ довѣриться и будьте убѣждены, что я вамъ преданъ не менѣе, чѣмъ и г. Дени!

— Я бы сказалъ вамъ, да боюсь, что вамъ покажется смѣшно...

— Почему же?

— Потому, что я прибѣгнулъ къ средству, составляющему предметъ насмѣшекъ для многихъ людей.

— Что же это такое?

— Магнетизмъ!

— Гмъ... гмъ! промычалъ Лера, презрительно сжимая свои губы.

— Вотъ видите, и вы тоже!

— Ничего, вы все-таки разскажите мнѣ свои похожденія... Конечно, вы не можете требовать, чтобы я питалъ большое довѣріе къ этимъ чернокнижницамъ, которыя показывали, по ихъ словамъ, свое искуство передъ царствующими особами... причемъ, по счету этихъ дамъ, въ Европѣ оказывается даже болѣе государей, чѣмъ въ дѣйствительности... Но, все равно, разсказывайте.

— Г. Лера, дѣло идетъ вовсе не о подобныхъ шарлатанкахъ! возразилъ Муленъ нѣсколько обиженнымъ тономъ.— Я такъ же мало вѣрю имъ, какъ и вы!

— Вы возбуждаете во мнѣ любопытство. Кто же былъ вашей пифіей?

— О, это цѣлая исторія! Но я разскажу ее вамъ въ двухъ словахъ. Случай... простой, но благопріятный случай, сблизилъ меня съ г. Ван-Линденомъ... Вы позволите мнѣ умолчать о тѣхъ причинахъ, которыя заставляли меня искать этого сближенія... И такъ, я сошелся съ нимъ и съ Бланшъ, дѣвушкой, заслуживающей полной симпатіи... Я не считалъ нужнымъ объяснять молодому человѣку, почему я искалъ съ нимъ знакомства, но сообщилъ ему о той цѣли, которой посвятилъ всю свою жизнь. Онъ смѣялся надъ моими надеждами, но Бланшъ лучше понимала мою непоколебимую вѣру въ успѣхъ моихъ поисковъ и ободряла меня. Недѣли три тому назадъ Бланшъ нездоровилось... Она была въ нервномъ, возбужденномъ состояніи. Ея синіе глаза по временамъ измѣнялись даже въ цвѣтѣ, точно призматическое стекло, на которомъ играетъ солнце. Это меня потревожило, но Натти успокоилъ меня, говоря, что Бланшъ подвержена нервнымъ припадкамъ, что у нея наклонность къ сомнамбулизму, что Ямловъ лечитъ ее, и говоритъ, что въ этихъ періодически возобновляющихся симптомахъ нѣтъ ничего опаснаго. «Онъ говоритъ даже, что я могла бы быть отличною ясновидящей!» шутливо подтвердила Бланшъ. Когда вамъ понадобится узнать будущее, папа Муленъ, вы приходите ко мнѣ! Вы понимаете, какая мысль блеснула у меня въ головѣ! Но мнѣ трудно передать вамъ, съ какою настойчивостью она меня стала преслѣдовать. Я думалъ днемъ, грезилъ ночью — все объ одномъ и томъ же предметѣ! Даже ѣсть пересталъ... Наконецъ, я не вытерпѣлъ и открылся Бланшъ. Она вспрыгнула отъ радости при мысли, что можетъ послужить мнѣ въ моемъ святомъ дѣлѣ. Мы порѣшили, что возьмемъ въ сообщники Кероэля, нашего общаго друга, который усыпитъ Бланшъ. Отъ Натти мы скрыли о нашемъ намѣреніи.

— И ваша попытка удалась? спросилъ Лера, вниманіе котораго возрастало.

— Лучше, чѣмъ я смѣлъ надѣяться!... У меня сохранились нѣкоторыя вещицы, принадлежавшія малюткамъ... Я вложилъ ихъ въ руку Бланшъ и, послѣ колебаній, ошибокъ и сильныхъ страданій, молодая дѣвушка отыскала одного изъ дѣтей, слѣды котораго она потеряла, говорила она, потому что онъ отправился за море...

— Далѣе?

— Она описала его наружность, до того точно, что я вскрикнулъ отъ изумленія! Черта за чертою выводила она передо мною, портретъ графа Морлака-отца, какимъ я его зналъ въ прежніе годы! Между тѣмъ, она даже имени его не знала!

— Удивительно! прошепталъ Лера.

— Далѣе, она опять попала на слѣдъ и сказала, что молодой человѣкъ живетъ въ большой улицѣ, въ концѣ которой виднѣется церковь... не подалеку отъ Оперы... Онъ медикъ и его имя написано, на двухъ мраморныхъ доскахъ, у входа въ домъ... Накопецъ, допрашивая ее подробнѣе, мы съ Кероэлемъ поняли, что дѣло идетъ объ улицѣ Шоссе-д'Антенъ.

— Вы справлялись тамъ?

— Да, и на указанномъ мѣстѣ нашелъ двѣ доски съ именемъ доктора...

— Кто же онъ?

— Американецъ.

— Изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы ваша ясновидящая ошиблась.

— Не такъ ли?... Но, прежде, чѣмъ рѣшиться войти къ этому доктору, я подстерегъ его при выходѣ. Послѣ двухчасового ожиданія, я увидѣлъ его, и у меня закружилась голова. Передо мною былъ графъ де-Морлакъ. Тѣ же черты, та же поступь... Одно меня озадачиваетъ: этому человѣку на видъ лѣтъ тридцать пять, а моему бѣдному Жоржу должно быть не болѣе двадцати шести. Потомъ я вошелъ въ квартиру доктора и увидѣлъ его дипломъ: «Членъ медицинскаго факультета въ Цинцинати, Петрусъ Веберъ!»

— Имя ничего не значитъ; надо же назвать себя какъ нибудь, если нѣтъ настоящаго имени, замѣтилъ Лера.

— Не правда ли? воскликнулъ старикъ въ живостью.— Я разсуждалъ также, какъ вы, и убѣжденъ, что не ошибаюсь!

— Когда происходило это ясновидѣніе?

— За два дня до Рождества, г. Лера.

— Такъ вотъ почему вы писали графинѣ.

— Да, я сѣлъ писать на другой день послѣ моего визита къ Веберу.

— Хорошо, г. Муленъ, мы вамъ поможемъ съ начатомъ вами дѣлѣ. Обѣщаю вамъ разузнать, не болѣе какъ въ недѣлю, дѣйствительно ли этотъ докторъ и потерянный мальчикъ—одно и тоже лицо,—чего я желаю отъ всего сердца! Но, скажите, что разсказала ваша ясновидящая о другомъ ребенкѣ?

— Къ сожалѣнію, ничего... Никакія усилія не могли вызвать передъ нею образъ маленькаго Анри.

— Все же отчаяваться нечего; можно повторить сеансъ... Вообще ваша Бланшъ можетъ послужить прекраснымъ орудіемъ для нашихъ розысковъ.

— О, нѣтъ, нѣтъ! возразилъ Муленъ съ испугомъ.—Это слишкомь для нея тяжело; вторая попытка убьетъ ее.

— Хорошо, оставимъ это, снисходительно замѣтилъ Лера.—Я передамъ все г. Дени... Но вы видите, г. Муленъ, что мои разспросы не повели къ худому. Сообщенное вами пойдетъ впрокъ.

— Дай Богъ, г. Лера! Когда увидите г. Дени, скажите ему, что я жду его съ нетерпѣніемъ.

— Непремѣнно. Поправляйтесь же скорѣе. До свиданія!

Въ эту минуту, прежде, чѣмъ Лера успѣлъ выйти, дверь въ компату отворилась и на порогѣ показалась молодая женщина.

— Можно войти, г. Муленъ? закричала она.

— Разумѣется, разумѣется! привѣтливо отвѣчалъ старикъ. — Милости просимъ, дорогая мадмуазель Эсмеральда! Какъ вы любезны, что пришли навѣстить больного!

Эсмеральда, колеблясь, посмотрѣла на Лера.

— О, это пріятель, при немъ можно говорить, успокоилъ ее Муленъ.

— Прежде всего, воскликнула актриса, кидаясь на шею старику,—позвольте васъ обнять! Ахъ, какъ все это ужасно! Подумайте, кромѣ покушенія на васъ, Бланшъ и Натти, едва не убили и Поля Ленди! Онъ теперь въ больницѣ Гро-Калью. Ямловъ обѣщаетъ спасти его, но Богъ знаетъ еще...

— Покушеніе на жизнь Поля Ленди! повторилъ Муленъ дрожащимъ голосомъ.—Просто невѣроятно...

— Ирма Шапюи, которая пришла вмѣстѣ со мною, навѣстить Бланшъ, такъ и заливается, продолжала разсказывать Эсмеральда.—Она ничего не знала, представьте себѣ... съ нею сдѣлался нервный припадокъ...

Лера, считавшій свое присутствіе лишнимъ, такъ какъ изъ словъ гостьи нельзя было извлечь ничего новаго, раскланялся съ Эсмеральдой и спросилъ Мулена, готовясь уйти:

— Какъ вы назвали мнѣ фамилію этого американца?

— Докторъ Веберъ, отвѣтилъ старикъ.

— Веберъ?... О какомъ Веберѣ вы говорите? быстро спросила актриса. — Не о томъ ли, что живетъ въ улицѣ Шоссе-д'Антенъ?

— О немъ... Вы его знаете?

— Еще бы. Это мой... докторъ, отвѣчала красавица, во время успѣвъ замѣнить этимъ именемъ другое, готовое уже сорваться у нея съ языка.

— Какое совпаденіе обстоятельствъ! замѣтилъ Лера, дѣлая Мулену выразительный знакъ, которымъ говорилъ: «Допросите ее.»

— Хорошо... посмотримъ, заслуживаетъ ли онъ свою репутацію, сказалъ Лера.

— О, еще какъ! воскликнула Эсмеральда.—Онъ заработываетъ страшныя деньги!

— Отлично! произнесъ Лера, раскланиваясь снова.—Кстати, дорогой г. Муленъ, не забудьте просить всѣхъ вашихъ посѣтителей не разглашать вашего воскресенія изъ мертвыхъ...

— Это что за птица, папа Муленъ? спросила актриса безцеремонно, какъ только Лера ушелъ.

— Агентъ полицейской префектуры, моя милая, отвѣтилъ старикъ съ озабоченнымъ видомъ.

— Не особенно красивы у нихъ агенты! А какое ему дѣло до Вебера? Зачѣмъ онъ о немъ разспрашиваетъ?

— А вы сами отчего такъ интересуетесь его разспросами?

— Я? Какже не интересоваться? сказала молодая женщина съ какою-то небрежною откровенностью.— Вы поймите, мой почтенный дѣдушка, что Петрусъ другъ очень значительный...

— Значительный?...

— Еще бы!... Только вы не передайте Вильневу... Слышите? Не сглупите!... Этотъ музыкантъ мнѣ очень дорогъ. Я не хочу чтобы онъ зналъ даже настоящее имя...

— Своего соперника? Будьте покойны, моя красотка!... Но что же, развѣ этотъ докторъ молодъ?

— Молодъ и очень хорошъ собой! При этомъ еще щедръ и не взыскателенъ!... Въ своемъ родѣ, жаръ-птица, не правда ли?

— Не знаю, право. — Я такъ незнакомъ съ вашими взглядами и обычаями...

— Ну, вѣрьте мнѣ на слово, что это сокровище для женщины! Понятно, что я дорожу имъ. И если этотъ вашъ гость только осмѣлится задѣть моего Петруса...

— Не задѣнетъ, не бойтесь! Дѣло въ томъ, что я самъ просилъ его собрать нѣкоторыя свѣдѣнія о прошломъ вашего... покровителя.

— Покровителя! слово очень приличное и я стану употреблять его. Но кто же лучше меня можетъ доставить вамъ всѣ желаемыя свѣдѣнія, дѣдушка. Что прикажете вамъ разсказать?

— Во-первыхъ, онъ американецъ?

— Повидимому! Его документы, дипломъ все совершенно какъ слѣдуетъ, только говоритъ онъ по-англійски съ маленькимъ иностраннымъ акцентомъ...

— Кто же это подмѣтилъ?

— Одинъ изъ моихъ прежнихъ друзей... чистокровный Джонъ-Буль.

— Благодарю васъ.

— Какъ? Вамъ только и нужно знать?

— Нѣтъ... нужно еще. Но я не смѣю.

— Чего вы застыдились, дѣдушка?... Я изъ себя добродѣтели не разыгрываю. Передъ вами, какъ передъ живописцемъ, все на показъ, безъ утайки! Ну, выворачивайте свою душу... и, если только въ моей власти васъ удовлетворить, вы останетесь мной довольны!

Муленъ почесалъ себѣ подбородокъ съ наивной застѣнчивостью и проговорилъ почти шепотомъ:

— Такъ вы не обидитесь, моя милочка. Вы... сознались мнѣ, что находитесь въ... близкихъ отношеніяхъ съ этимъ докторомъ?

— Чего ближе!

— Стало быть... вы могли... имѣть случай замѣтить... замѣтить у него... явственную родинку на лѣвой рукѣ?

— Родинку?... нѣтъ, не замѣтила, хотя могла бы...

Она докончила свою мысль про себя, лукаво улыбнувшись прямо въ лицо своему собесѣднику, который смущенно потупилъ глаза.

— Слѣдовательно, вамъ неизвѣстно?

— Неизвѣстно, но если это занимаетъ васъ, я наведу точную справку!.. Родинка на лѣвой рукѣ, говорите вы?

— Кровавая родинка.

— Хорошо!... Если только это требуется для вашего счастья, папа Муленъ, я отправляюсь сегодня же вечеромъ къ Петрусу... и завтра вы получите отвѣтъ!

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Знаменитыя отравительницы.

Ст. доктора Пфотенгауера.

Елена Жегадо, француженка, родомъ изъ Бретани, по ремеслу кухарка, казненная въ 1852 г., отравила болѣе сорока человѣкъ,—но число это, выясненное на судѣ, далеко ниже дѣйствительнаго, потому что многія изъ совершенныхъ этой женщиною убійствъ не вошли въ предѣлы слѣдствія; по французскимъ законамъ, все, совершенное Еленою Жегадо за десять и болѣе лѣтъ до ея арестованія въ іюнѣ 1851 года, не подлежало разсмотрѣнію суда.

Жегадо была женщина вполнѣ необразованная (она не умѣла читать) и преданная самымъ грубымъ привычкамъ: она пьянствовала, распутничала, воровала. Слѣдствіе умалчиваетъ о ея семействѣ; неизвѣстно, кто были ея родители; равнымъ образомъ, не означенъ ея возрастъ, и она сама только отчасти опредѣляетъ его, говоря, что она была удалена изъ дома викарія Лорго (въ Бюбри), по распоряженію епископа, въ 1833 году, на основаніи каноническаго устава, не дозволяющаго католическимъ священнослужителямъ держать у себя въ домѣ женщинъ, которымъ не исполнилось 40 лѣтъ. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что дѣйствительною причиною ея удаленія было не это каноническое правило, а сильное подозрѣніе, возникшее противъ Жегадо, послѣ того, какъ въ церковномъ домѣ умерли отъ отравы три человѣка, въ томъ числѣ, ея родная тетка. Вообще, о молодыхъ годахъ Елены Жегадо извѣстно только, что съ седьмого и до двадцать пятаго года, она жила съ своими двумя тетками (одна изъ нихъ была, можетъ быть, ея матерью), у пастора Ріаллана въ Бюбри, а потомъ, втеченіе 11 лѣтъ, еще у двухъ другихъ духовныхъ лицъ. Такимъ образомъ, изъ этихъ числовыхъ данныхъ, оказывается, что въ 1833 г., ей могло быть не болѣе 36 лѣтъ и что, слѣдовательно, она родилась въ 1797 году. Старикъ Ріалланъ, принимавшій въ ней участіе въ ея дѣтствѣ и юности, позаботился о ней и въ 1834 году, послѣ ея удаленія отъ викарія Лорго. Онъ пристроилъ ее въ обученіе къ одной швеѣ; но Жегадо отравила свою хозяйку и ея дочь. Послѣ этого, она поступила въ Орейскій монастырь, но была выгнана оттуда за распутство и различныя злобныя продѣлки (она разрѣзала потихоньку рясы монахинь и пр.).

Трудно указать на первую жертву такой преступницы, которая почти забавлялась, отравляя людей. Можно только предполагать, что Жегадо произвела свой первый опытъ надъ одною дѣвушкою, пасшею овецъ. Жегадо жила въ это время у сельентскаго пастора, который купилъ значительный запасъ мышьяка, съ цѣлью вывести крысъ въ своемъ домѣ. Заболѣла пастушка; признаки отравленія были до того очевидны, что возбудили большое подозрѣніе, и Жегадо сочла за лучшее перейти на другое мѣсто, именно къ священнику Ладрого въ Гуэрнѣ. Но вскорѣ послѣ ея поступленія, въ домѣ Ладрого умерли, втеченіе какихъ-нибудь трехъ мѣсяцевъ (съ 28 іюня по 3 октября 1833 г.) семь человѣкъ, одинъ за другимъ и съ одинаковыми признаками отравленія. Между погибшими были: сестра Жегадо и самъ священникъ. Какъ кажется, только трупъ этого послѣдняго былъ подвергнутъ вскрытію, причемъ желудокъ покойнаго оказался въ крайне воспаленномъ состояніи. По непонятной нерѣшительности медика, производившаго вскрытіе, внутренности не были подвергнуты дальнѣйшему химическому анализу, такъ что все дѣло кончилось одними предположеніями, и отравительница, оставшаяся одна въ живыхъ въ цѣломъ домѣ, умѣла отвести глаза всѣмъ постороннимъ своими набожными причитаньями и заботливостью, съ которою ухаживала за покойными, во время ихъ болѣзни. Въ особенности хвалили ее многіе за ея опрятность, видя съ какою поспѣшностью и тщательностью она выполаскивала сосуды съ изверженіями больныхъ,—весьма понятно, желая скрыть слѣды отравы и подражая, въ этомъ случаѣ, большинству привычныхъ отравительницъ, всегда старающихся принимать на себя обязанности сидѣлокъ при своихъ жертвахъ.

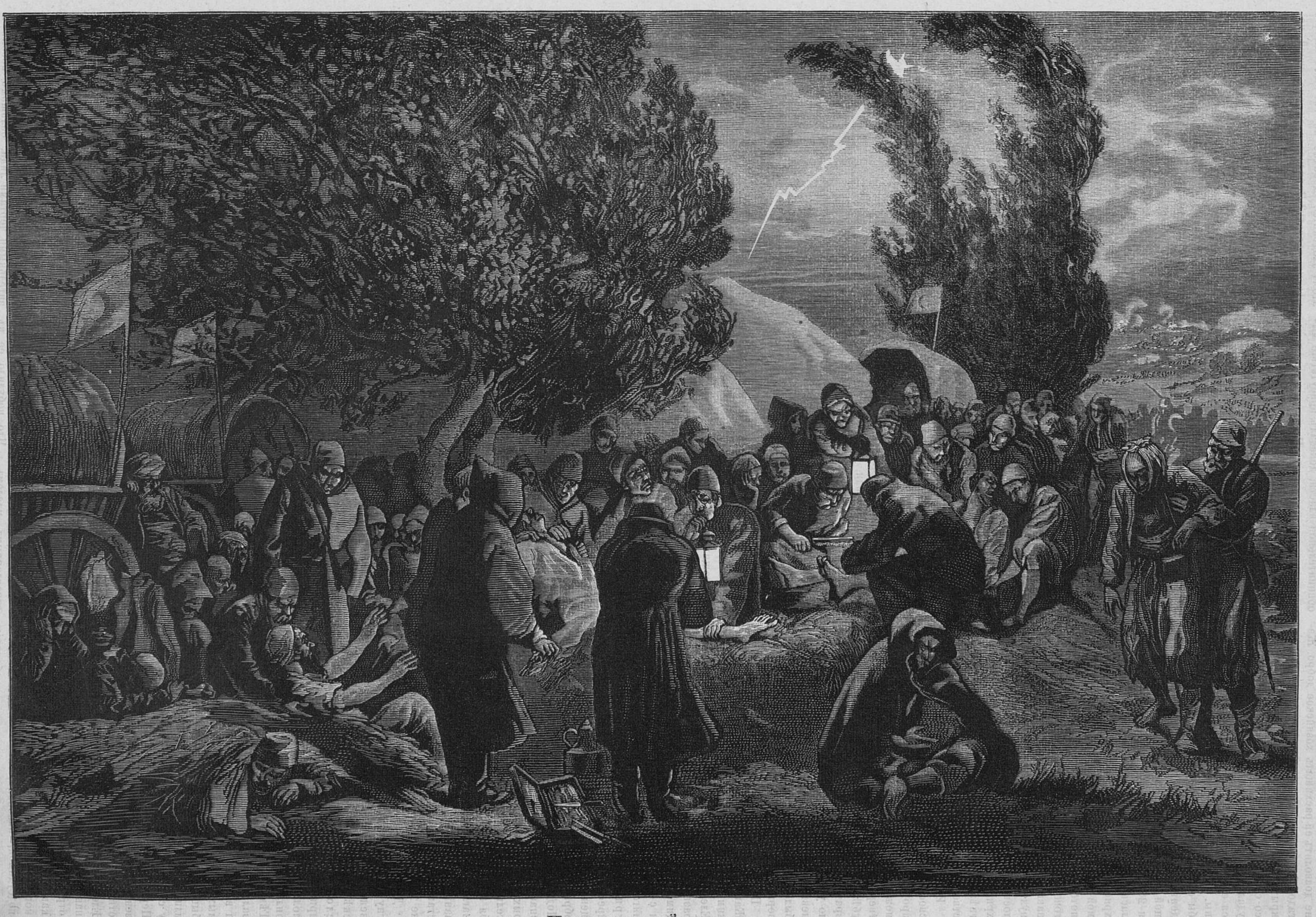
Истребивъ, такимъ образомъ, все неселеніе пасторскаго дома, Жегадо перешла въ услуженіе къ викарію Лорго, у котораго заранѣе приготовила себѣ мѣсто, отравивъ, какъ сказано выше, свою родную сестру, служившую здѣсь кухаркой. Въ домѣ Лорго она отравила трехъ человѣкъ, но такъ какъ подобная смертность начинала становиться уже слишкомъ подозрительною, то Жегадо перестала служить въ церковныхъ домахъ и перешла къ свѣтскимъ лицамъ.

Нельзя не удивляться, что ни прокурорскій надзоръ, ни врачи, ни родственники пострадавшихъ не возбуждали никакого дѣла по поводу трехъ лицъ въ одномъ домѣ, и семи въ другомъ умершихъ скоропостижно и при одинаковыхъ болѣзненныхъ симптомахъ... Что касается медиковъ, рѣдкіе изъ нихъ, какъ извѣстно, хотятъ «возиться» съ дѣломъ, лично ихъ не затрогивающимъ, то есть, иначе говоря, рѣдкіе изъ нихъ обладаютъ тѣмъ мужествомъ, твердостью и преданностью наукѣ и человѣчеству, съ которыми выступалъ, напримѣръ, нѣсколько разъ, парижскій профессоръ Тардье, обличая подобные случаи тайнаго отравленія. Сами же жертвы, не говоря уже о ихъ ближнихъ, бываютъ, большею частью, какъ-то странно ослѣплены или боятся выразить свои подозрѣнія. Замѣчательный примѣръ этому, мы видимъ на Джонѣ Кукѣ, жертвѣ слишкомъ извѣстнаго д-ра Пальмера. Несчастный сознавалъ себя отравленнымъ именно его рукою, и не могъ найти въ себѣ достаточно твердости, чтобы объявить злодѣю это въ лицо или, по крайней мѣрѣ, отказаться отъ его дальнѣйшихъ дружескихъ и врачебныхъ услугъ. Подобнымъ же образомъ умерла Розалія Сарразенъ, послѣдняя жертва Жегадо. Что касается врачей, не всегда подозрѣвающихъ отраву при сомнительныхъ симптомахъ болѣзни, случается весьма часто и то, что они увлекаются ложнымъ состраданіемъ къ подозрѣваемому лицу, боясь предоставить, можетъ быть, только неосторожныхъ, а не виновныхъ людей строгой карѣ закона, и между тѣмъ неразумно жертвуютъ жизнью другихъ людей, остающихся во власти отравителей. Примѣръ тому мы видимъ на пасторѣ Ладрого, который спасъ бы не только свою собственною жизнь, но и всѣхъ послѣдующихъ жертвъ чудовищной Жегадо, настоявъ на строгомъ слѣдствіи послѣ смерти всѣхъ своихъ домашнихъ. Тотъ же упрекъ, и едва ли не въ большей степени, относится къ врачу, производившему вскрытіе трупа Ладрого, равно какъ и къ викарію Лорго, который ограничился тѣмъ, что прогналъ отъ себя заподозрѣнную кухарку, вмѣсто того, чтобы донести о трехъ загадочныхъ смертяхъ въ его домѣ.

Совершивъ десять отравленій, Жегадо пробыла недолго у швеи, которой рекомендовалъ ее Ріалланъ (1834 г.), потомъ въ монастырѣ (1845 г.) и, затѣмъ перемѣнила нѣсколько мѣстъ, нигдѣ не оставаясь подолгу. Вездѣ, куда она ни поступала, ей скоро отказывали, частію вслѣдствіе ея грубости и злости въ сношеніяхъ съ прочею прислугою и дѣтьми, частью же вслѣдствіе внезапныхъ случаевъ заболѣванія въ домѣ, сопровождавшихся крайне болѣзненными припадками и даже смертью. Но хозяева и здѣсь ограничивались только тѣмъ, что прогоняли отъ себя подозрительную личность, не принимая никакихъ болѣе дѣйствительныхъ мѣръ противъ этого чудовища въ человѣческомъ образѣ. Подобная безнаказанность ободряла преступницу, которая успѣла, такимъ обрасомъ, отравить до смерти мышьякомъ, впродолженіе 8 лѣтъ, 23 человѣка, не считая еще многихъ неудавшихся ей попытокъ отравленія. О ея различныхъ мошенническихъ продѣлкахъ мы уже не говоримъ; если ей трудно было скрыть свою вину, она нагло запугивала потерпѣвшихъ. Тамъ же, гдѣ она отравляла людей, она напускала на себя личину набожности и преданности, лицемѣрила передъ своими жертвами и даже доходила до того, что громко оплакивала свою горькую судьбу, какъ бы обрекшую ее на то, чтобы вносить болѣзнь и смерть во всѣ тѣ дома, куда она нанимается. «Такъ и бѣдная моя мать умерла», говорила она надъ страдальческимъ одромъ одной изъ своихъ жертвъ, желая отклонить отъ себя всякое подозрѣніе и вмѣстѣ съ тѣмъ высказать свои познанія по части болѣзненныхъ симптомовъ и приготовить окружающихъ къ вѣроятному печальному исходу болѣзни. Здѣсь только однажды упоминаетъ она о своей матери (она постоянно говорила только о теткахъ), но изъ этой короткой фразы можно сдѣлать тотъ страшный выводъ, что она убила и свою мать... Въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, рѣдкихъ случаяхъ, она позволяла себѣ предсказывать кончину даже совершенно здоровыхъ людей, — конечно, заранѣе намѣченныхъ ею, какъ ея жертвъ. Такъ было съ профессоромъ Бидаромъ. Но большею частью, тайно уничтоживъ новою дозою мышьяка дѣйствіе прописаннаго врачомъ лекарства, она громко ругала докторовъ, обзывая ихъ «бараньими головами, не умѣющими никогда отыскать истинную причину болѣзни»... Однако, если всѣ преступленія сходили съ рукъ этой женщинѣ, дурная слава ея, разросталась и начинала даже вселять суевѣрный страхъ въ умы простыхъ людей. Народъ говорилъ, что у этой колдуньи «бѣлая печень» и «ядовитое дыханіе». Такіе толки, замѣтно усиливаясь, заставляли Жегадо безпрестанно перемѣнять свое мѣстожительство. Наконецъ, въ 1848 году, она поселилась въ Реннѣ, но и здѣсь, впродолженіе двухъ лѣтъ, перемѣнила семь мѣстъ служенія, при чемъ изъ каждаго дома ее удаляли по причинѣ воровства, распутства или подозрѣнія въ отравленіи. Не смотря на это, ей удалось добыть себѣ какимъ-то способомъ разные хорошіе атестаты, (по всей вѣроятности, фальшивые), на основаніи которыхъ ее принялъ къ себѣ, какъ кухарку, профессоръ юридическато факультета Бидаръ. Въ его домѣ Жегадо отравила трехъ горничныхъ и самъ профессоръ избѣгнулъ смерти, только благодаря счастливой случайности: не чувствуя апетита, онъ не притронулся именно къ тому кушанью, въ которое былъ всыпанъ мышьякъ.

Но еще до своего поступленія къ Бидару, именно въ 1850 г., Жегадо отравила одну женщину, Перроту Масе, служившую вмѣстѣ съ нею на одномъ постояломъ дворѣ и позволившую себѣ упрекнуть Жегадо въ нечистоплотности. Этого было достаточно, чтобы Жегадо извела несчастную, давая ей повторительныя дозы мышьяка, при чемъ врачи, пользовавшіе Перотту, пришли въ нѣкоторое недоумѣніе при видѣ странныхъ и какъ бы періодически возвращавшихся симптомахъ ея болѣзни. Они хотѣли вскрыть тѣло, но этому воспрепятствовали родственники покойной и отравительница прожила еще цѣлый мѣсяцъ на томъ же мѣстѣ, пока, наконецъ, не была выгнана хозяиномъ за пьянство и дурное поведеніе. Тогда она поступила на свое послѣднее мѣсто, къ профос. Бидару. Здѣсь она встрѣтилась съ Розой Тесье, горничной дочери Бидара; Роза исполняла также должность ключницы въ домѣ. Надзоръ этой честной, весьма преданной своимъ хозяевамъ, дѣвушки и необходимость подчиняться ея распоряженіямъ, не могли понравиться новой кухаркѣ и черезъ мѣсяцъ Розы не стало. Жегадо отравила ее съ помощью своего обыкновеннаго средства: мышьяка, который подсыпала ей въ супъ и другія кушанья. Но настоящая причина смерти Розы такъ и осталась нераскрытою. Одинъ изъ пользовавшихъ ее врачей, склонялся къ тому мнѣнію, что несчастная была отравлена, и хотѣлъ анатомировать трупъ; но другой врачъ удержалъ его отъ этого, говоря: «Къ чему? Возбудимъ только толки... И какой скандалъ выйдетъ, если ничего не найдемъ!»

Впродолженіи нѣсколькихъ дней, Жегадо господствовала одна въ домѣ, чего и добивалась давно. Она увѣряла своего хозяина что можетъ отлично управиться безъ помощи другой прислуги, но онъ нашелъ нужнымъ нанять новую горничную для своей дочери, очень тихую, робкую дѣвушку, по имени Илурьо. Жегадо преслѣдовала ее всячески и, наконецъ, видя неистощимое терпѣніе бѣдняжки, рѣшилась прибѣгнуть къ своему обычному способу избавляться отъ тѣхъ людей, которые ей не нравились. Но въ этотъ разъ, — единственный, можетъ быть, втеченіи всей ея преступной дѣятельности,—она ограничилась такою дозою мышьяка, которая произвела только легкіе болѣзненные припадки у дѣвушки. Этого было, впрочемъ, достаточно, для того, чтобы Илурьо сама попросила хозяевъ отпустить ее. Благодаря этому, она спасла себѣ жизнь и могла впослѣдствіи выступить свидѣтельницею противъ обвиняемой. Въ маѣ 1851 г. въ домъ Бидара нанялась Розалія Сарразенъ, дѣвушка въ высшей степени честная, ревностная, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень самостоятельная и давшая сразу понять Еленѣ Жегадо, что она



Перевязочный пунктъ.

не дозволитъ ей расхищать хозяйское добро. Жегадо возненавидѣла ее и стала съ нею въ открытую вражду, усилившуюся до такой степени со стороны кухарки, что хозяева предложили ей удалиться изъ дома, если она не можетъ ужиться съ Розаліей, которою они были очень довольны. 10 іюня, они объявили ей рѣшительно, чтобы она искала себѣ другого мѣста... Въ тотъ же день Жегадо дала первый пріемъ яда несчастной Розаліи, потомъ повторила дозу 15, 22, 27 и 29 числа... 1-го іюля, бѣдная жертва скончалась, послѣ ужасныхъ мученій и простивъ по-христіански своей отравительницѣ. Передъ самой своей кончиной, она пожелала собороваться, потомъ попросила привести Жегадо и обняла ее, говоря, что прощаетъ... Священникъ, присутствовавшій при этой трогательной сценѣ, воскликнулъ, обращаясь къ проф. Бидару: «Мнѣ пришлось увидѣть въ вашемъ домѣ высокій примѣръ христіанской добродѣтели.... но рядомъ съ тѣмъ гнѣздится здѣсь и отвратительнѣйшее злодѣйство»...

Изъ словъ Розаліи, простившей Жегадо на своемъ смертномъ одрѣ и повторявшей, во все продолженіе своей болѣзни: «Мнѣ дали чего-то!» можно было заключить, что покойница была твердо увѣрена, что ее отравили. Къ этому убѣжденію пришли, наконецъ, самъ Бидаръ и врачи, пользовавшіе больную; къ сожалѣнію, было уже слишкомъ поздно для того, чтобы спасти невинную жертву; но, по крайней мѣрѣ, Жегадо была арестована и лишилась возможности совершать еще новыя убійства.

Подобно тому, какъ и въ процессѣ Маріи Жаннере, обвиненіе ограничилось лишь нѣсколькими фактами изъ всей преступной дѣятельности Елены Жегадо, а именно, извѣстнымъ числомъ разныхъ мошенничествъ, совершенныхъ подсудимою въ періодъ времени съ 1843 по 1850 г., и семью случаями отравленія втеченіе послѣдняго полутора года (1850—51), изъ которыхъ три имѣли смертельный исходъ. Всѣ ея прочія преступленія въ этомъ родѣ были только сообщены въ массѣ, къ свѣденію присяжныхъ, для обрисовки чудовищнаго образа Елены Жегадо. Подсудимая нагло отвергала всѣ обвиненія, сознаваясь только въ тѣхъ воровствахъ, при которыхъ она была поймана съ поличнымъ. Относительно же отравленій, она упорно объявляла себя невинной. — «Можно толковать, что угодно! нагло замѣтила она, послѣ свидѣтельскаго показанія проф. Бидара. Но покраснѣть меня не заставите, прежде, чѣмъ кто-нибудь мнѣ въ-очью не докажетъ, что я давала людямъ мышьякъ».

Дѣйствительно, она ни разу не была застигнута при самомъ совершеніи преступленія; у нея не было никогда сообщниковъ, и при обыскѣ у нея были найдены только сѣрная кислота и іодъ. Мышьякъ она успѣла, конечно, припрятать такъ, что и слѣдовъ его не осталось, пользуясь тѣмъ, что обыскъ по непростительной оплошности былъ произведенъ слишкомъ поздно. Тѣмъ не менѣе, слава «отравительницы» слѣдовала за нею всюду, гдѣ она только поселялась, и во время производимаго слѣдствія изъ разныхъ мѣстъ приходили въ Ренъ заявленія о бывшихъ «загадочныхъ» случаяхъ заболѣванія или смерти въ тѣхъ семьяхъ, которыя держали у себя Елену Жегадо. Послѣднія же ея жертвы: Перотта Масе, Роза Тессье и Розалія Сарразенъ, заболѣли непосредственно послѣ того, какъ отвѣдали кушанья, приготовленнаго для нихъ Еленою Жегадо,—и заболѣли всѣ три при одинаковыхъ симптомахъ, ясно указывавшихъ на отравленіе мышьякомъ. Далѣе,—съ той минуты, какъ эти несчастныя заболѣли и до самой ихъ кончины, никто не ухаживалъ за ними, кромѣ подсудимой; наконецъ, анализъ всѣхъ трехъ труповъ, вырытыхъ и вскрытыхъ по требованію обвинительной власти, доказалъ присутствіе мышьяка во внутренностяхъ. Не смотря, однакожь, на всѣ эти улики, подсудимая продолжала говорить: «По чистой совѣсти, мнѣ не въ чемъ себя упрекнутъ! Все, что я давала больнымъ, было изъ аптеки и прописано докторами...»

Трудно было защитѣ отстоять подобную подсудимую, противъ которой даже народъ былъ такъ возбужденъ, что ее приходилось защищать оружіемъ отъ разъяренной толпы, ожидавшей ее при выходѣ изъ залы суда. Но хотя два врача-эксперта, желая сказать что нибудь въ пользу подсудимой, прибѣгали даже къ объясненіямъ, почерпнутымъ въ френологіи Галля, однакожь ни одинъ изъ нихъ не рѣшился объявить Елену Жегадо одержимой миноманіей убійства. Для всѣхъ было очевидно, что ея преступленія совершались съ злобною и мстительной цѣлью, и она умѣла, втеченіи цѣлыхъ 20 лѣтъ, прикрывать ихъ личиною любви, состраданія и набожности. Д-ръ Гененъ, вызванный защитою изъ Нанта, заключилъ свой отзывъ приблизительно слѣдующими словами: «Личности, въ родѣ Елены Жегадо, идутъ непосредственно къ своей цѣли; онѣ не знаютъ препятствій, потому что религія и нравственность составляютъ для нихъ одно пустое слово, не способное пробуждать въ нихъ чувство раскаянія или угрызенія совѣсти. Съ тѣмъ же равнодушіемъ, съ которымъ онѣ раздавливаютъ червя, губятъ онѣ и человѣческую жизнь, и если жалѣютъ о чемъ-нибудь, то развѣ только о томъ, что имъ неудалось извести во время тѣхъ людей, при покушеніи на которыхъ ихъ преступленіе было открыто...»

Присяжные признали Марію Жаннере виновною съ смягчающими обстоятельствами, потому что защитникъ умѣлъ ловко воспользоваться вопросомъ объ отмѣнѣ смертной казни, волновавшимъ въ то время все женевское общество. Этотъ жгучій вопросъ далъ ему поводъ произнести нѣсколько прочувствованныхъ словъ нашедшихъ себѣ отголосокъ въ сердцахъ всѣхъ противниковъ смертной казни (безъ «смягчающихъ обстоятельствъ», Жаннере была бы приговорена къ смерти), и это, вмѣстѣ съ дальнѣйшими доказательствами защиты насчетъ отсутствія предумышленности, вслѣдствіе отсутствія всякаго повода къ преступленію, склонило присяжныхъ къ ихъ снисходительному рѣшенію. Реннскіе присяжные оказались строже, не смотря на заявленіе одного эксперта, находившаго, что Жегадо могла отравлять людей, находя къ тому свои поводы, при чемъ эти побудительныя причины, руководившія ею, могли быть вовсе не въ соотношеніи съ тяжестью совершаемаго ею преступленія. Но многіе криминалисты не соглашаются съ подобными доводами, клонящимися къ признанію невмѣняемости преступнаго дѣйствія каждый разъ, когда поводъ къ преступленію кажется не достаточно вѣскимъ для самаго эксперта, то есть человѣка, старающагося судить о дѣлѣ вполнѣ объективно, но невольно вносящаго въ него свой личный взглядъ на послѣдовательность, съ которою должны совершиться тѣ или другія людскія дѣянія? То, что кажется ему не логичнымъ, недомысліемъ, можетъ имѣть вполнѣ логичное основаніе, если стать на точку зрѣнія преступника. Вопросъ же о ненормальномъ состояніи умственныхъ способностей у каждаго преступника нуждается въ большой разработкѣ... Какъ можно объяснить себѣ, на основаніи науки, тѣ мотивы, напримѣръ, которыми руководилась хладнокровная преступница Готфридъ, при своемъ покушеніи на жизнь 11-лѣтняго красавца-мальчика, пріемнаго сына ея пріятельницы? Спросивъ свою подругу: «А что сталось бы съ тобою, Марія, если бы ты лишилась этого ребенка?» она тутъ же подала мальчику тартинку съ отравленнымъ масломъ... Что побудило ее къ этому злодѣянію? Досадно ли ей было на его рѣдкую красоту? Завидовала ли она своей подругѣ, обладавшей такимъ прелестнымъ ребенкомъ? Или же она, просто, хотѣла позабавиться? она признавалась сама, что ей «весело дѣлать зло...» Во всякомъ случаѣ, уловить мотивы подобныхъ преступленій, тѣмъ болѣе взвѣшивать ихъ, мудрено, въ особенности у женщинъ. Если мужчина вооружается ядомъ, онъ дѣйствуетъ всегда съ какою нибудь опредѣленною цѣлью. Такъ, капитанъ ла-Круа, д-ръ Пальмеръ и ла-Поммере губили людей, стремясь захватить денежныя средства, въ которыхъ они нуждались для своего расточительнаго образа жизни; однимъ словомъ, смерть извѣстнаго лица или лицъ была для нихъ только ступенью къ достиженію предположенной цѣли. Таковы, болѣе или менѣе, всѣ отравители—мужчины, упоминаемые уголовной статистикой, между тѣмъ какъ женщины—отравительницы (число ихъ значительно превосходитъ число мужчинъ) подносятъ ядъ своимъ жертвамъ именно какъ бы увлекаемые удовольствіемъ приготовить тайкомъ губительное средство, произвести болѣзненные припадки, пожалуй, и уморить человѣка, но, главное, насладиться зрѣлищемъ его страданій и своимъ тайнымъ могуществомъ надъ окружающими...

Атакама и Караколесъ.

(*Продолженіе.*)

Многочисленныя препятствія, встрѣченныя мною въ Атакамѣ, не поколебали моего убѣжденія, что проведеніе желѣзной дороги, дѣло возможное. Мало того, я убѣдился, что предполагаемая дорога только тогда окажетъ истинную услугу для края, когда она будетъ продолжена до большихъ внутреннихъ городовъ Сюкра и Ля-Пацъ. Но для выполненія этой второй части моего проекта мнѣ представлялась новая задача: отыскать удобный для желѣзной дороги проходъ въ Кордильерахъ, вблизи рудоноснаго округа, который долженъ былъ соединиться желѣзной дорогой съ Мехильонесомъ.

Передъ выѣздомъ изъ города Атакамы въ снѣжныя вершины, громоздившіяся предо мною, мнѣ пришлось быть зрителемъ народнаго празднества, благодаря которому я могъ познакомиться съ мѣстнымъ населеніемъ. Нѣсколько дней сряду шли большія приготовленія къ предстоявшему торжеству: мѣстный падре суетился надъ украшеніемъ церкви; жители укрѣпляли надъ своими хижинами шесты для національныхъ красно-желто-зеленыхъ флаговъ; купцы чистили и подмалевывали вывѣски. Трактиры запаслись вдоволь отвратительнѣйшимъ національнымъ напиткомъ «чича» и не менѣе отвратительной водкой «агвардіенте». Эти кабаки кишѣли пьянымъ людомъ и изъ нихъ слышались громкіе возгласы:

«Viva Bolivia! Viva la Patria! Viva independenzia!»

На шестой день въ мѣстной церкви была торжественная служба въ присутствіи властей военныхъ и гражданскихъ. Здѣсь я имѣлъ возможность хорошо присмотрѣться къ боливійскимъ женщинамъ изъ Атакамы. Въ церковь каждая изъ нихъ приноситъ съ собою коврикъ, который подстилается затѣмъ подъ колѣна, такъ какъ въ католическихъ церквахъ испанской Америки нѣтъ ни креселъ, ни скамеекъ. Вообще и мужчины и женщины вполнѣ напоминаютъ перуvіанскій типъ; сходство это замѣтно даже въ одеждѣ.

По наружности отличаются только чолосы (см. рис. въ № 48 Жив. Об.) племя, происшедшее отъ смѣси туземцевъ съ боливійцами испанскаго происхожденія. Они смуглы, съ выразительными чертами лица, большимъ носомъ и черными глазами и волосами. Замѣчательно, что у мужчинъ этого племени почти совершенно не растетъ борода. Они считаются лучшими работниками въ странѣ. Одѣваются они бѣдно, подражая, впрочемъ, покроемъ одежды болѣе зажиточнымъ классамъ; верхнею одеждою служитъ національное пончо; на головѣ мужчины и женщины носятъ соломенное или пуховое сомбреро. Женщины, между которыми часто встрѣчаются прехорошенькія, носятъ вырѣзной и очень откровенный корсетъ и короткую юбку, все изъ весьма простой шерстяной матеріи. Волосы сплетаютъ въ двѣ косы, падающія на плечи; ночью или же въ холодное время года болѣе зажиточныя женщины дополняютъ этотъ костюмъ мантильей.

Выйдя изъ церкви, вся эта нарядная и веселая толпа разсыпалась по улицамъ города, а дѣти начали неистовую пальбу изъ маленькихъ китайскихъ ракетъ. Затѣмъ начались офиціальные визиты, но такъ какъ эта часть интересовала меня очень мало, то, ограничившись нѣсколькими неизбѣжными визитами, я отправился въ одинъ изъ люднѣйшихъ трактировъ, гдѣ свободно и непринужденно веселились туземцы.

Между прочимъ, я видѣлъ одинъ изъ тѣхъ импровизированныхъ балетовъ, въ которомъ двое танцоровъ съ экспрессіей и увлеченіемъ исполняютъ пантомиму подъ темпъ мелодіи, распѣваемой при акомпаниментѣ гитары и арфы. Зрители поощряли танцующихъ, отбивая тактъ ладонями, или ударяя въ какой-нибудь звенящій предметъ, или же, наконецъ, съ силою вытаскивая палецъ изо рта, надутаго воздухомъ. Другіе подчивали зрителей и танцоровъ громадными стаканами густой и мутной чичи, которую ветхая и непрезентабельная старуха отвратительнѣйшимъ манеромъ черпала изъ громадной бадьи.

Этотъ страстный и бѣшеный танецъ называется замакуека или чиленья, очень любимъ чилійцами и боливійцами, хотя въ салонахъ онъ долженъ былъ уступить мѣсто европейской кадрили и вальсу.

Такъ какъ ни одно празднество не можетъ не захватить слѣдующаго за праздникомъ дня, часто даже нѣсколькихъ слѣдующихъ дней, то и въ данномъ случаѣ городъ Атакама пріобрѣлъ свою будничную физіономію едва на восьмой день. Между тѣмъ я сталъ дѣятельно готовиться въ путь: запасся хорошими мулами и достаточнымъ количествомъ провіанта, нанялъ надежнаго арріеро и вскорѣ затѣмъ мы выѣхали по направленію къ подножіямъ королевскихъ Кордильеровъ.

Безъ большихъ препятствій мы достигли высоты 12,500 футовъ, подвигаясь по тропинкѣ, извивающейся змѣей между ущельями, въ которыхъ замѣчались признаки растительности. Время отъ времени попадался намъ жалкій ручеекъ, отважно пробивающійся къ пустынѣ, не подозрѣвая, что тамъ ему придется погибнуть среди песковъ. Здѣсь, на этой высотѣ, между громадами гранита и порфира я отыскалъ удобный проходъ, составлявшій цѣль моей экспедиціи. Горы кругомъ были покрыты снѣгомъ, такъ какъ я нарочно предпринялъ свои изысканія зимою, разсчитывая, что если проходъ удобенъ въ это время года, то уже не представитъ препятствій и въ прочія времена года. Былъ конецъ августа, но извѣстно, что въ южномъ полушаріи времена года прямо противуположны нашимъ сѣвернымъ. Въ Атакамѣ весна продолжается отъ 23 августа до декабря; лѣто—отъ декабря до марта; осень отъ марта до іюня, и зима отъ іюня до августа.

Въ этомъ ущельи или тамбо я нашелъ постройку временъ инковъ, предназначенную для удобства путешественниковъ. Я расположился здѣсь бивуакомъ, задалъ корму лошадямъ и муламъ и съ карабиномъ на плечахъ углубился въ горы, чтобы помощью барометрическихъ измѣреній тщательно опредѣлить ихъ высоту.

Возвращаясь въ тамбо, я испыталъ на себѣ вліяніе сухого воздуха: ногти, а также волосы на головѣ и бородѣ ломались при малѣйшемъ прикосновеніи къ нимъ; губы потрескались, деревянные приборы лопнули и покоробились.

Утромъ, на слѣдующій день, мы двинулись опять въ путь, но вскорѣ я долженъ былъ охладить ретивость моего арріеро, такъ какъ, вслѣдствіе быстрой ѣзды, у нашихъ муловъ появились симптомы мѣстной болѣзни «пуна». Въ началѣ развитія эксплоатаціи рудниковъ Атакамы эта болѣзнь распространилась въ ужасныхъ размѣрахъ, такъ что квеброды были буквально усѣяны скелетами и тѣлами павшихъ лошадей и муловъ.

Обыкновенно болѣзнь эту приписываютъ вліянію разрѣженнаго воздуха, уменьшенному давленію атмосферы, а также отравленію угольной кислотой. Но изслѣдованія извѣстнаго парижскаго физіолога Берта показали, что главную роль здѣсь играетъ окисленіе крови. Симптомы болѣзни у людей и у животныхъ почти одинаковы: пульсъ и біеніе сердца учащается, кровь бросается носомъ и ртомъ, языкъ сохнетъ, жажда мучительно усиливается, мозговая и нервная дѣятельность парализируется. Движенія дѣлаются затруднительными и сопровождаются болью въ колѣнахъ и вообще въ сочлененіяхъ.

Осмотрѣвъ проходъ, мы начали спускаться внизъ и вскорѣ очутились въ долинѣ, покрытой деревьями, гдѣ охотники-индѣйцы радушно приняли насъ въ своемъ «ранчо». Эти бѣдняки живутъ въ жалкихъ шалашахъ изъ глины и древесныхъ вѣтвей, предпочитая, однако, эту нищету независимости сравнительно удобной, но подчиненной городской жизни. Съ трудомъ мнѣ удалось раздобыться кускомъ мяса гуанако и молокомъ вигони; но за то мои мулы съ жадностію набросились на свѣжую, сочную траву.

Съ проводникомъ-индѣйцемъ направились мы къ Оруро и на другой день были въ гаціендѣ дона-Мануэля С., принявшаго насъ съ необыкновеннымъ радушіемъ. Гаціенда—это громадное земельное владѣніе, въ которомъ гаціендадо или владѣлецъ гаціенды совершенный феодалъ. Гаціендадо—обыкновенно потомокъ знатнаго рода и живетъ постоянно въ столицѣ, посѣщая свои имѣнія только во время жатвы и мѣняя на этотъ случай городской европейскій костюмъ на національный: шляпа панама или же изъ вигоньей шерсти, короткій кафтанъ, пончо, высокіе сапоги съ колосальными серебряными шпорами. Его конь сѣдлается нѣсколькими кожами, къ которымъ прикрѣплены тяжелыя деревянныя стремена. Богатство сбруи, украшенной серебромъ, совершенно гармонируетъ съ статностью и красотою самого коня, на которомъ гаціендадо объѣзжаетъ обыкновенно свои поля, въ сопровожденіи маіордома, завѣдывающаго работами. Одѣтъ маіордомъ почти также, какъ и гаціендадо, хотя и не такъ богато. Смуглое и загорѣлое лицо, полное энергіи и непринужденность, съ которою онъ управлетъ лошадью, придаютъ маіордому видъ заправскаго кабальеро.

Прогостивъ у донъ-Мануэля нѣсколько дней, въ продолженіи которыхъ я осмотрѣлъ гаціенду и великолѣпныя стада ламъ, а мои люди и животныя достаточно отдохнули,—я направился къ озеру Аулягасъ, которое посредствомъ канала Дезагвадеро соединяется съ озеромъ Титикака и принимаетъ избытокъ водъ послѣдняго. Озеро Аулягасъ, лежащее на высотѣ 12,000 футовъ, орошаетъ своими водами ближайшія окрестности и обусловливаетъ ихъ сравнительное плодородіе. Здѣсь былъ предѣлъ моей экспедиціи.

(*Продолженіе будетъ.*)

Обо всемъ.

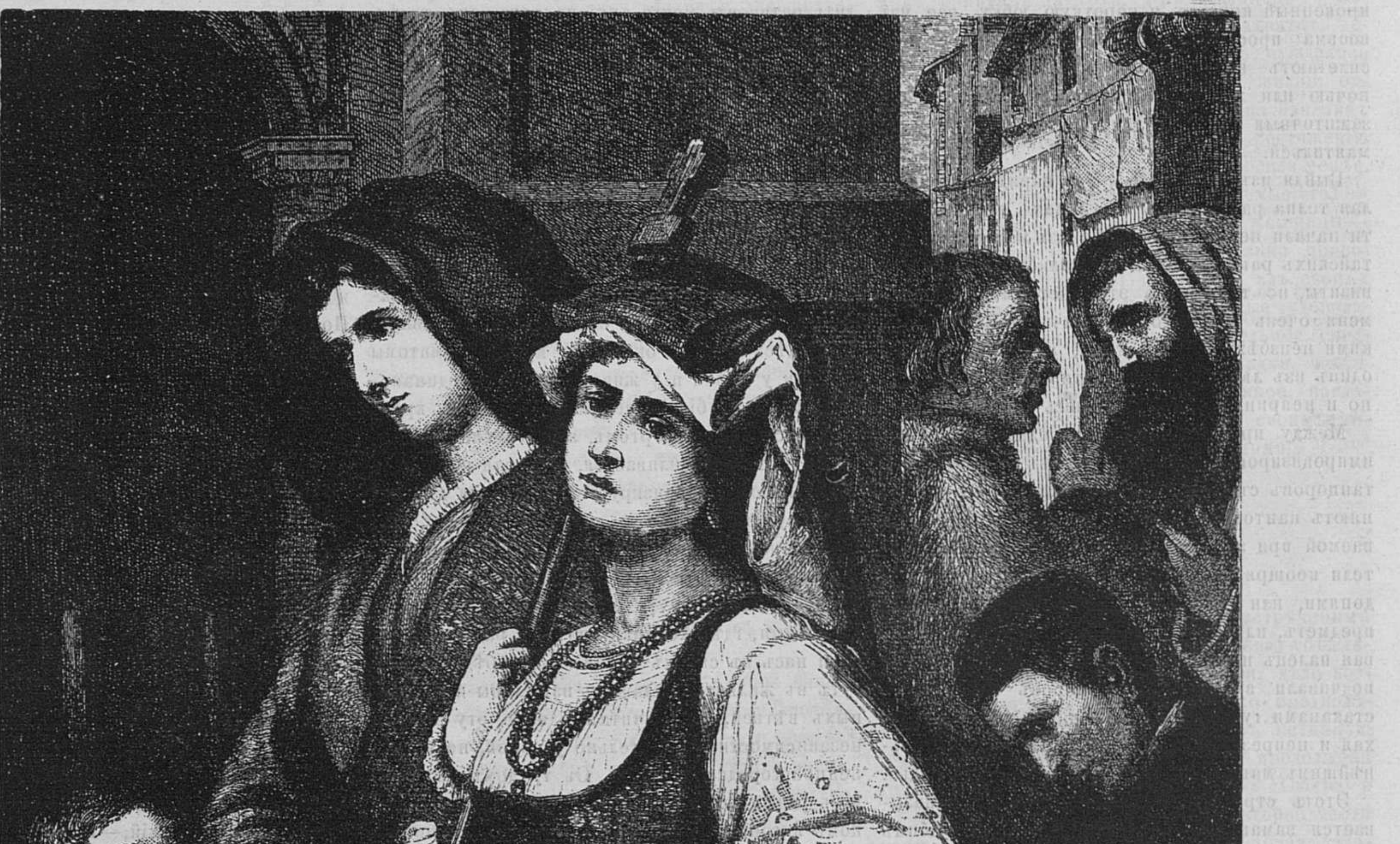
(Фельетонныя замѣтки.)

(«Свадьба Фигаро» на сценѣ Александринскаго театра.—Ея успѣхъ.—Хорошій ансабль.—Игра актеровъ.—Похороны И. И. Монахова.—Краткій некрологъ его.—Геройскій подвигъ шкуны «Заря».—Россія иногда не уступаетъ евреямъ по части набиванія своихъ кармановъ.)

Каждый разъ какъ появляется слухъ, что который-нибудь изъ артистовъ александринскаго театра намѣревается поставить въ свой бенефисъ классическую пьесу, всѣ газетные театральные хроникеры выражаютъ восторгъ по этому случаю, не упустивъ притомъ замѣтить, что актеры не справятся съ своими ролями. Совершенно также отнеслись хроникеры и въ то время, когда г. Сазоновъ заявилъ въ свой бенефисъ «Свадьбу Фигаро», Бомарше. Хроникеры распространились о достоинствахъ пьесы и категорически выразили свое сомнѣніе, что комедія Бомарше едва-ли будетъ розыграна даже сносно и потому не продержится долго въ репертуарѣ. Подобныя предсказанія сбывались нерѣдко, но на этотъ разъ, къ счастію, оказались неосновательными. «Свадьба Фигаро» продолжаетъ и до сихъ поръ держаться въ репертуарѣ и каждый разъ, когда она появляется на афишѣ всѣ билеты разбираются наканунѣ. И артисты, играющіе въ пьесѣ, исполняютъ свои роли добросовѣстно. Правда, исполненіе это заурядное, но инымъ оно и не можетъ быть въ труппѣ, неимѣющей сильно выдающихся талантовъ. И за то спасибо, что ансабль недуренъ; отъ каждаго, изъ участвующихъ въ пьесѣ артистовъ, можно бы пожелать лучшаго исполненія, но въ общемъ исполненіе дружное, удовлетворительное. Кого благодарить за это? Говорятъ (мы передаемъ, что слышали, но за вѣрность слуха не беремъ на себя отвѣтственности), что режиссерскія обязанности при постановкѣ «Свадьбы Фигаро» исполнялъ г. Нильскій,—тотъ самый г. Нильскій, порицаніе которому стало общимъ мѣстомъ въ статьяхъ нашихъ газетныхъ театральныхъ хроникеровъ. Раскрывая газету и видя въ ней отчетъ о бывшемъ бенефисѣ, впередъ знаешь, что г. Нильскаго не погладили по головкѣ. Досталось ему и за «Свадьбу Фигаро» отъ нѣкоторыхъ, но не отъ всѣхъ хроникеровъ. Между тѣмъ, если слухъ о режиссированіи г. Нильскимъ комедіи Бомарше справедливъ, то будетъ крайне несправедливо не отдать ему должнаго. Обстановка «Свадьбы Фигаро» хороша, рѣдкая на сценѣ Александринскаго театра; костюмы новые и исторически вѣрные; декораціи тоже недурны, ансабль въ исполненіи, какъ мы уже замѣтили, вполнѣ удовлетворительный. Какъ же не благодарить г. Нильскаго если онъ виновникъ этой хорошей постановки! Нельзя также не сказать, что роль графа Альмавивы онъ играетъ вполнѣ прилично и никто, при настоящемъ составѣ труппы Александринскаго театра, не можетъ замѣстить его въ этой роли, потому что сыграетъ непремѣнно хуже его. Конечно, игра г. Нильскаго мѣстами шероховата; онъ не достаточно вѣрно олицетворяетъ собою тотъ типъ графа Альмавивы, который составляется въ умѣ читателя послѣ прочтенія «Свадьбы Фигаро». Но тѣмъ же грѣшатъ и прочіе исполнители, за что же обвинять одного г. Нильскаго. Развѣ г. Сазоновъ истинный Фигаро (въ этой роли, навѣрное, былъ бы безподобенъ В. В. Самойловъ, несмотря на его лѣта, утрата этого талантливаго артиста безпрестанно чувствуется!)? Онъ увлекаетъ своей игрой, вы готовы ему аплодировать и аплодируете, но чувствуете, что въ игрѣ талантливаго артиста многаго не достаетъ, что передъ вами не типъ, геніально очерченный Бомарше,—типъ представителя средняго сословія сознательно протестующаго противъ язвъ, педтачивавшихъ современное ему общество, а заурядный весельчакъ и пройдоха заурядныхъ комедій. Также и симпатичная любимица петербургской публики, г-жа Савина своей игрой далеко не олицетворяетъ типа Сузанны Бомарше. Игра ея, разумѣется, производитъ хорошее впечатлѣніе,—сыграть совсѣмъ дурно г-жа Савина не можетъ,—но вы опять-таки сознаете, что это то же не то, что вы желали и надѣялись увидѣть. Удачнѣе всѣхъ играетъ г-жа Левкѣева 1-я, исполняющая роль Марселины. Роль пажа Керубино въ исполненіи г-жи Тютрюмовой обезцвѣчивается; передъ зрителемъ все время прелестная рѣзвая дѣвушка, но не мальчикъ. И зачѣмъ г-жа Тютрюмова поетъ романсъ, когда ея голосокъ, можетъ быть, и очаровательный въ небольшой комнатѣ, совсѣмъ не слышенъ въ театрѣ? Она, вѣроятно, доставила бы гораздо болѣе удовольствія публикѣ, если бы хорошо прочитала стихи.

«Свадьба Фигаро» на сценѣ Александринскаго театра исполняется по старинному переводу, хотя и существуетъ переводъ комедіи Бомарше, сдѣланный недавно (напечатанъ въ журналѣ «Дѣло» въ 1866 году). О достоинствахъ старинного перевода говорить не будемъ, замѣтимъ только, что неприлично рыночнымъ образомъ коверкать фамиліи дѣйствующихъ лицъ. Для какой это публики измѣнили фамилію Бридуазона на Теста-*дуру*? Это неприлично и въ отношеніи автора и въ отношеніи публики. И почему не нравится имя «Фаншета», которое почему-то нашли нужнымъ замѣнить именемъ «Эргозина»? Уродовать, хотя бы только измѣненіемъ именъ, произведенія такихъ выдающихся писателей, какъ Бомарше,—непозволительно.

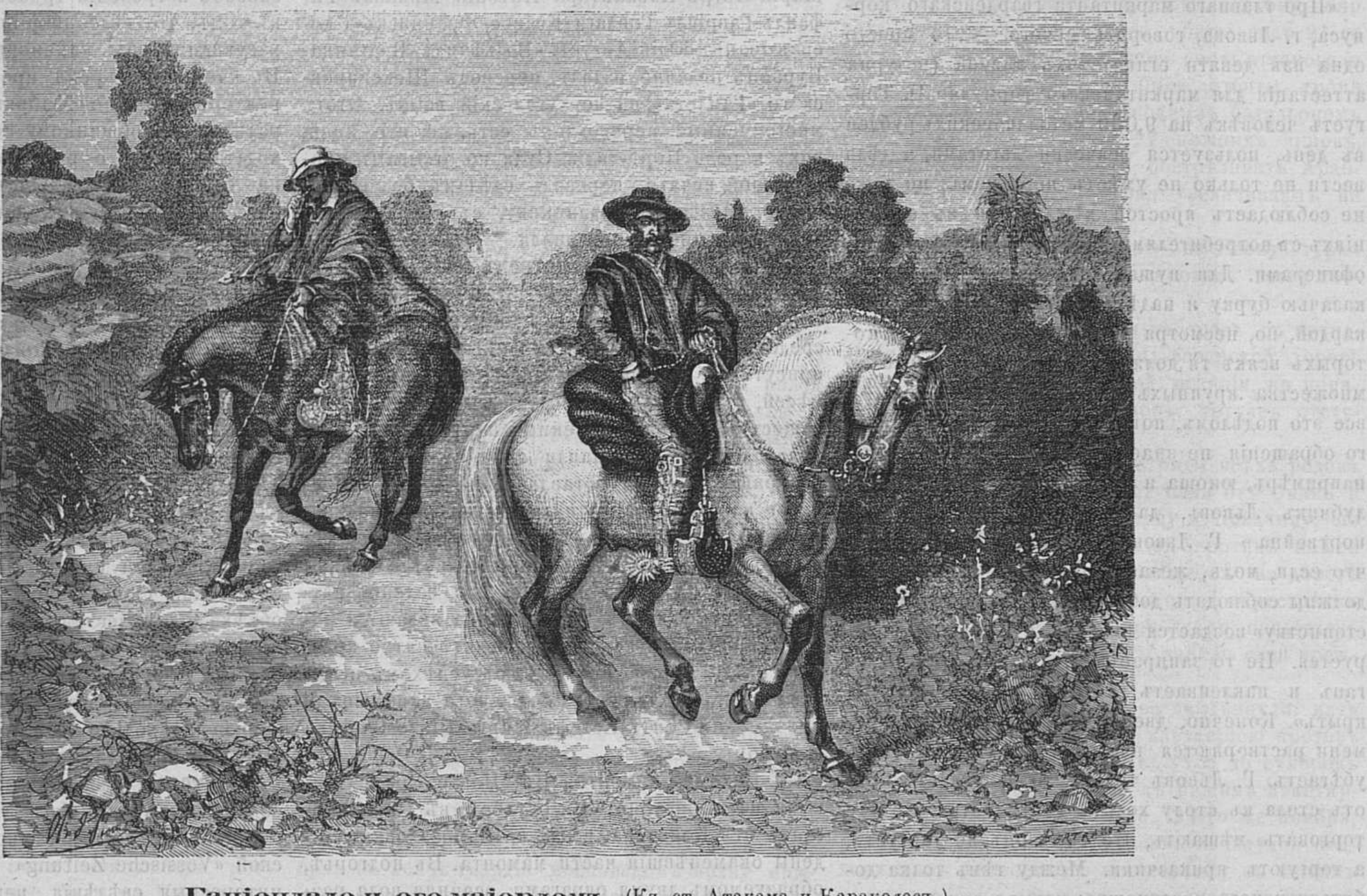
Кстати о Бомарше. Нѣкоторымъ изъ нашихъ рецензентовъ поучительно будетъ припомнить отношеніе къ этому талантливому писателю современныхъ ему рецензентовъ. Приведемъ два современные отзыва о комедіи Бомарше. «Содержаніе «Свадьбы Фигаро», пишетъ одинъ рецензентъ,—до такой степени нелѣпо и перепутано, что ни одна изъ нашихъ газетъ не захотѣла передавать его. Въ этой комедіи дѣйствуютъ только ничтожныя и мерзкія личности, и потому она не можетъ возбудить никакого интереса. Вотъ ея содержаніе: графъ Альмавива старается соблазнить невѣсту Фигаро, горничную своей жены. Графиня желаетъ увлечь юнаго пажа, увлекающагося всякой встрѣчной женщиной. Какъ вѣнецъ всѣхъ мерзостей, Фигаро имѣлъ связь съ старой вѣдьмой Марселиной, впослѣдствіи оказавшейся его матерью... Вся эта мерзость донельзя растянута. Есть, однакожь, люди, находящіе эту комедію умной, но всякій разумный



Пилигримы.

человѣкъ не можетъ не бранить ее. Слогъ въ произведеніи Бомарше отвратительный, мѣстами неправильный... Если авторъ имѣлъ цѣлію оскорбить приличіе, онъ вполнѣ достигъ ея, возвышая порокъ и осмѣивая все, что внушаетъ уваженіе».

«Вчера я былъ въ театрѣ, пишетъ другой рецензентъ,—и присутствовалъ при представленіи, кромѣ полиціи, оскорбляющемъ всѣхъ французовъ. Каждая личность въ пьесѣ («Свадьба Фигаро») олицетворяетъ собою какой-нибудь порокъ Бартоло—скупость, Альмавива—развратъ, жена его—воплощенную невѣрность, Дубльменъ—взяточничество, Базиліо—клевету. Марселина ничто иное, какъ злая фурія; наивная Фаншета—грязное нахальство, а пажъ—олицетворенная безнравственность; онъ совершаетъ грѣхъ и противъ мужа и противъ жены; онъ не брезгаетъ ни одной женщиной. Какіе правы въ этой пьесѣ! Притомъ она длинна. Публика, вѣроятно, за то, что сразу, гуртомъ видѣла всѣ грѣхи, неистово вызывала автора».



Гаціендадо и его маіордомъ. (Къ ст. Атакама и Караколесъ.)

Чего тутъ нѣтъ: и клевета, и инсинуаціи! Если мы припомнимъ, что и у насъ Грибоѣдовъ и Гоголь имѣли подобныхъ же цѣнителей, мы должны сказать: ничто не ново подъ луною, или еще болѣе: худое вѣчно повторяется и, вѣроятно, будетъ повторяться. Нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ!

Въ тотъ день, когда я въ первый разъ смотрѣлъ «Свадьбу Фигаро», утромъ мнѣ пришлось присутствовать на похоронахъ И. И. Монахова. Покойнаго артиста провожала многочисленная толпа народа; были тутъ почти всѣ товарищи умершаго; было нѣсколько литераторовъ; были и почитатели таланта Ипполита Ивановича. Молодой композиторъ г. Лишинъ прочелъ на могилѣ стихи въ память усопшаго; не мало было пролито искреннихъ слезъ....

Со смертію И. И. Монахова труппа Александринскаго театра, бѣдная талантами, потеряла одного изъ лучшихъ своихъ представителей, притомъ человѣка вполнѣ образованнаго, а это качество, къ сожалѣнію, еще рѣдкое явленіе въ средѣ нашихъ актеровъ. И. И. Монаховъ окончилъ курсъ въ университетѣ, любилъ литературу, много читалъ и не безъ таланта самъ писалъ стихи, преимущественно сатирическаго направленія. Манаховъ не былъ первостепеннымъ актеромъ, онъ не выдѣлялся слишкомъ рѣзко, подобно, напримѣръ, г. Шумскому или г-жѣ Федотовой, но у него были роли, исполненныя имъ вполнѣ художественно; къ нимъ принадлежатъ: Молчалина въ «Горе отъ ума», Лыпчикова въ «Мутной водѣ», Кутузкина въ «Виноватая», Губернатора въ «Периколлѣ» и нѣкоторыя другія. Еще ребенкомъ Манаховъ чувствовалъ страсть къ театру; онъ игралъ на домашнихъ спектакляхъ, будучи гимназистомъ, а потомъ студентомъ. Говорятъ, отецъ И. И. противился тому, чтобы его сынъ избралъ артистическую карьеру. Однакожь, какъ всегда бываетъ, противодѣйствіе еще болѣе развило страсть и юный Монаховъ отправился въ Петербургъ съ цѣлію поступить на сцену. Нѣсколько лѣтъ привелось ему мыкать горе. Первый дебютъ его былъ неудаченъ. Его приняли въ труппу, но безъ жалованья. Ему почти не давали ролей и въ первый разъ онъ выдвинулся замѣчательно-талантливымъ исполненіемъ Ахилла въ опереттѣ «Прекрасная Елена.» Затѣмъ онъ сталъ производить фуроръ исполненіемъ комическихъ куплетовъ въ концертахъ. Въ этомъ родѣ Монаховъ не имѣлъ и не имѣетъ еще до сихъ поръ соперника. Ипполитъ Ивановичъ умеръ совсѣмъ еще молодымъ человѣкомъ. Ему не исполнилось и 36 лѣтъ.

19-го ноября въ 8 часовъ утра въ Кронштадтъ прибыла шкуна «Заря» и оттуда прослѣдовала прямо въ Петербургъ на буксирѣ парохода «Константинъ». Она приплыла изъ Енисейска и первой изъ русскихъ судовъ прошла по пути, открытому Норденскіольдомъ, экспедиція котораго описана въ нашемъ журналѣ. По словамъ «Кронш. Вѣстника», на шкунѣ «Заря» доставлены въ Петербургъ образцы корабельнаго сибирскаго лѣса: лиственицы, кедра, пихты, и сосны, отдѣльные экземпляры которыхъ имѣютъ въ діаметрѣ около 6-ти футовъ. Сверхъ того, на ней привезено до 400 пудовъ графита, годнаго для тиглей, употребляемыхъ при сплавливаніи стали на сталепушечныхъ заводахъ, а также 400 пудовъ разнаго рода рыбъ и такелажъ съ погибшаго судна «Сѣверное Сіяніе.» Особенно обращаютъ на себя вниманіе привезенныя на яхтѣ туруханскія собаки, которыя въ Туруханскомъ Краѣ часто замѣняютъ лошадей. Плаваніе «Зари» изъ Енисейска въ Петербургъ продолжалось 100 дней. Экспедиція капитана Шваненберга по первоначально начертанному плану, должна была совершиться на шхунѣ «Сѣверное Сіяніе» построенной въ Енисейскѣ, но въ началѣ іюня «Сѣв. Сіяніе» погибло при вскрытіи рѣки Енисея и Шваненбергъ, встрѣтившись съ парусной шхуной «Ибисъ», построенной для Виггинса и Зеебома, вмѣсто погибшаго парохода на Курейкѣ, рѣшился купить «Ибисъ» и перегрузилъ на него грузъ графита съ «Сѣв. Сіянія.» Переименовавъ «Ибисъ» въ «Утреннюю Зарю», кап. Шваненбергъ 9 августа вышелъ изъ устья рѣки Енисея въ Карское море, гдѣ вскорѣ встрѣтилъ пароходъ «Фразеръ», шедшій въ Енисей. 12 августа смѣлые путешественники находились въ виду Бѣлаго острова близъ устьевъ Оби; 18 достигли Карскихъ воротъ, а 30 прибыли въ Варде. Изъ Варде шхуна «Заря» была безвозмездно отведена на буксирѣ шведскаго военнаго парохода въ Христіанію, куда и прибыла 19-го октября. Дальнѣйшее плаваніе шхуны было совершено на буксирѣ пароходовъ. Она заходила на пути въ Гетеборгъ, Стокгольмъ и Гельсингфорсъ куда пришла 16 ноября. Въ Петербургѣ, какъ и вездѣ на пути, шхуна «Заря» встрѣтила самый радушный пріемъ. 22 ноября, въ залѣ морского музея происходило экстренное засѣданіе петербургскаго отдѣленія общества содѣйствія русскому торговому мореходству, на которомъ присутствовали кап. Шваненбергъ и его бравые спутники, за исключеніемъ поселенца Цибульки, въѣздъ которому въ предѣлы Имперіи воспрещенъ. Этотъ Цибулька былъ первымъ, рѣшившимся поступить матросомъ на утлое судно «Заря.» Въ этомъ засѣданіи моряки «Зари» выслушали самую горячую признательность Общества за свое геройское плаваніе по мало извѣстнымъ водамъ, на крошечномъ суденушкѣ. Въ заключеніе Общество постановило ходатайствовать предъ Августѣйшимъ почетнымъ предсѣдателемъ великимъ княземъ генералъ-адмираломъ о награжденіи экипажа «Заря» и о Всемилостивѣйшемъ прощеніи Цибульки.

Плаваніе шхуны Заря и парохода Фразеръ въ нынѣшнемъ году окнчательно разрѣшили важный вопросъ о возможности торговаго пути къ устьямъ нашихъ сибирскихъ рѣкъ. Путь въ Енисей съ нынѣшняго года можно считать дѣйствительно открытымъ для торговли и остается только пожелать, чтобы были устранены тѣ затрудненія, какія встрѣчались до сихъ поръ въ такомъ множествѣ.

И развѣ подвигъ «Зари» не истинно геройскій!

Въ заключеніе приведу выписку изъ корреспонденціи съ театра военныхъ дѣйствій, свидѣтельствующую, что русскіе иногда почище евреевъ обдѣлываютъ свои дѣла, пристроившись къ продовольствію офицеровъ и солдатъ. Н. С. Львовъ, издатель журнала «Иностранныхъ романовъ и повѣстей» промѣнялъ издательскую дѣятельность на маркитанскую и вотъ какъ описываетъ его мѣстный корреспондентъ:

«Про главнаго маркитанта гвардейскаго корпуса, г. Львова, говорить нечего, — это просто одна изъ девяти египетскихъ казней (недурна аттестація для маркитанскаго формуляра!). Торгуетъ человѣкъ на 9,000 металлическихъ рублей въ день, пользуется всячески льготами, а дѣло вести не только не умѣетъ порядкомъ, но даже не соблюдаетъ простой вѣжливости въ сношеніяхъ съ потребителями, конечно, большею частью офицерами. Для пущей важности вырядился въ казачью бурку и надѣлъ бѣлую фуражку съ кокардой, но, несмотря на всѣ эти знаки, «въ которыхъ всякъ тя долженъ познати», не избѣгъ множества крупныхъ и мелкихъ скандаловъ, и все это подѣломъ, потому что грубъ и «никакого обращенія не знаетъ». Подходитъ къ нему, напримѣръ, юноша и проситъ: «Послушайте, голубчикъ Львовъ, дайте бутылочку хорошаго портвейна» Г. Львовъ щетинится и отвѣчаетъ, что если, молъ, желаете говорить со мною, то должны соблюдать достоинство. Разумѣется «достоинству» воздается должное, и г. Львовъ ретируется. Не то запираетъ г. Львовъ свой балаганъ и наклеиваетъ ярлыкъ: «ресторанъ закрытъ». Конечно, двери черезъ нѣсколько времени растворяются настежъ, и г. Львовъ опять убѣгаетъ. Г. Львовъ только то и дѣлаетъ, что отъ стола къ столу ходитъ да жалуется, что ему торговать мѣшаютъ, что самъ онъ не торгуетъ, а торгуютъ приказчики. Между тѣмъ толка добиться у него невозможно; четыре дня онъ разбирался и приводилъ въ порядокъ, а на пятый, въ порядкѣ, заломилъ такія цѣны, что Боже упаси. Сотня радужныхъ папиросъ Лаферма (по грошу) два рубля металлическихъ. Сыру мещерскаго фунтъ 2 р. 50 к., а стаканъ чая 25 к. Онъ ввелъ счетъ на франки и сантимы, хотя въ прейсъ-курантѣ, печатномъ, все на рубли и копѣйки».

Все сіе такъ краснорѣчиво, что, надѣюсь, въ коментаріяхъ не нуждается. **Н. И.**

Новости наукъ и жизни.

— **Африканская желѣзная дорога.** Нѣкоторая часть германской печати, пишутъ въ «Сѣв. Вѣст.»,—живо заинтересована проектомъ проведенія внутренней африканской желѣзной дороги. Проектъ принадлежитъ нѣмецкому географу Рольфсу. Рольфсъ полагаетъ, что дорога должна начинаться отъ Триполи и идти оттуда прямо на югъ. Въ непріязненныхъ областяхъ она должна быть охраняема фортами, отстоящими другъ отъ друга на довольно короткія разстоянія, съ европейскими гарнизонами. Дорога также нуждается въ особенныхъ предохранительныхъ изгородьяхъ, которыя защищали бы ее отъ песчаныхъ заносовъ. Топливо должно быть доставляемо изъ Европы, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ, такъ какъ впослѣдствіи можно будетъ, по мнѣнію Рольфса, устроить солнечное отопленіе. Но даже и въ настоящее время эта предполагаемая дорога потребуетъ каменнаго угля или другого топлива сравнительно очень мало, такъ какъ при самыхъ несложныхъ приспособленіяхъ, помощью солнечныхъ лучей можно доводить температуру воды въ паровикѣ до 50° по Цельсію. Рольфсъ доказываетъ, что въ торговомъ отношеніи дорога эта не будетъ имѣть себѣ равной во всемъ мірѣ, и что лица, которыя пожелали бы рискнуть своимъ капиталомъ на это предпріятіе, получили бы баснословные доходы. Проектъ Рольфса также грандіозенъ, какъ и проекты соединить Англію съ Франціей тунелемъ, построить мостъ черезъ Босфоръ, прорыть Панамскій перешеекъ, образовать Алжирское море. Какъ самъ Рольфсъ, такъ и нѣкоторые органы германской печати не сомнѣваются въ томъ, что плану внутренней африканской желѣзной дороги предстоитъ блистательная будущность.

— **Король-литераторъ.** Людовикъ-Филиппъ-Марія-Петръ-Алькантара-Антоній-Михаилъ-Рафаилъ-Гавріилъ-Гонзага-Ксавье-Францискъ-д'Ассизъ-Іоаннъ-Юлій-Августъ-Вольфандъ-Браганца-Бурбонъ недавно издалъ переводъ Шекспировскаго «Гамлета» на португальскій языкъ. Этотъ многоименный переводчикъ есть не кто иной, какъ король Португаліи. Судя по отзывамъ иностранной печати, переводъ сдѣланъ безукоризненно, близко къ подлиннику, съ сохраненіемъ художественности оригинала.

— **Проба вина посредствомъ мѣла.** Нѣмецкій фармацевтическій журналъ «Archiv für Pharmacevtie» сообщаетъ весьма простой способъ, посредствомъ котораго каждый можетъ опредѣлить присутствіе въ красномъ винѣ нѣкоторыхъ примѣсей, въ особенности постороннихъ красящихъ веществъ. На обыкновенный карточный мѣлокъ наливаютъ двѣ, три капли вина. Если вино не подкрашено — оно оставляетъ на мѣлкѣ коричневое или темносѣрое пятно; если оно подкрашено сокомъ черники, мѣлъ окрашивается въ синевато-фіолетовый цвѣтъ; примѣсь цвѣта мальвы оставляетъ на мѣлкѣ голубое или зеленое пятно, причемъ оба эти цвѣта иногда являются рядомъ; примѣсь фуксина производитъ пятно краснаго цвѣта. Проба эта была съ успѣхомъ испытана на многихъ сортахъ краснаго вина, между прочимъ на Сентъ-Естефъ, Марго, Шато-Барзака и Медокъ.

— **Находка мамонта.** Въ «Новое Время» пишутъ изъ Конотопа: «Въ октябрѣ, въ 10-ти верстахъ отъ Конотопа, подлѣ с. Шаповаловки, найдены окаменѣвшія части мамонта. Въ подгорьѣ, образуемомъ двумя оврагами, осенняя вода размыла нижній склонъ его и обнаружила большой кусокъ бедра. Его увидали дѣти, пасущія скотъ. Къ счастію, поселяне во время сказали объ этомъ становому приставу, г. Меньшикову; тотъ понялъ научный интересъ открытія произвелъ осторожно раскопку и нашелъ около 15 разныхъ кусковъ. Кости лежали безпорядочно, видимо въ наплывномъ слоѣ земли, нѣсколько выше дна оврага, по которому струится вода; составивъ описаніе и чертежъ этой мѣстности, г. Меньшиковъ доставилъ всю находку въ Конотопъ, въ полицейское управленіе, гдѣ она и теперь пока хранится. Въ этой находкѣ содержатся: передняя часть нижней челюсти, наполненная зубами (сохранившаяся лучше всего, вѣсомъ около пуда), двѣ боковыя стороны той же челюсти, большія части бедра, большая берцовая кость, ребро въ кускахъ, колѣнная кость, хрящъ и разныя мелкія части. Во всей находкѣ вѣсу 2 пуда 18 фунтовъ. Раскопка, однако, не доведена до конца: становой приставъ прекратилъ ее, не довѣряя своему умѣнію копаться въ подобныхъ случаяхъ, и слегка прикрылъ землею торчащую ногу мамонта.

Смѣсь.

— **Русская библіотека въ Болгаріи.** Въ г. Тырновѣ, благодаря содѣйствію мѣстнаго полиціймейстера, полковника Дометти, г. Рождественскій устроилъ зало для чтенія газетъ и журналовъ. Огкрытіе этого зала послѣдовало 12-го ноября. На первое время для чтенія имѣются слѣдующіе журналы и газеты: «Новое Время», «Голосъ», «Петербургскія Вѣдомости», «Русскій Міръ», «Московскія Вѣдомости», «Русскій Инвалидъ», «Летучій Военный Листокъ», «Сынъ Отечества», одна французская и одна нѣмецкая газеты, «Болгаринъ», «Новъ-Дану», «Гласъ Црногорца», «Вѣстникъ Европы», «Отечественныя Записки», «Недѣля», «Нива», «Русская Старина», «Дѣло» и «Русскій Рабочій». Завѣдываніе кассою, газетами и журналами поручено четырнадцати-лѣтнему мальчику, болгарину изъ г. Тырнова, Христо Каракулову; для принятія этихъ обязанностей этотъ молодой болгаринъ былъ рекомендованъ «градскимъ совѣтомъ» г. Ловца. Отецъ Каракулова принадлежалъ къ интеллигентной болгарской фамиліи и зарѣзанъ турками во время послѣднихъ истязаній надъ ловецкими болгарами.

— **Новый способъ погребенія.** На послѣднемъ конгрессѣ итальянскихъ врачей, происходившемъ въ Миланѣ, весьма горячо обсуждался новый способъ погребенія труповъ, который состоитъ въ томъ, что тѣло покрывается цементомъ, образующимъ родъ каменнаго савана или футляра. Въ настоящее время профессоръ Клебсъ и директоръ цементной фабрики Іезекъ (Jezek) обратились къ общинному совѣту города Праги съ ходатайствомъ о разрѣшеніи имъ произвести на одномъ изъ кладбищъ практическіе опыты надъ этимъ способомъ погребенія. Совѣтъ разрѣшилъ ходатайство въ утвердительномъ смыслѣ. Покрытіе труповъ цементомъ можетъ повидимому представить серьозную конкуренцію методу сожиганія тѣла.

— **Титьенсъ.** Въ Лондонѣ умерла 3 октября дѣвица Титьенсъ, одна изъ лучшихъ пѣвицъ нынѣшняго времени. Она по происхожденію венгерка, родилась въ Гамбургѣ (въ 1834 г.) и дебютировала тамъ же съ большимъ успѣхомъ, въ 1849 г., въ роли Лукреціи Борджіа. Затѣмъ она пѣла во Франкфуртѣ и Вѣнѣ, и наконецъ, въ 1858 г., поселилась въ Лондонѣ, гдѣ и оставалась до самой смерти любимою примадонною англійской сцены. Года два тому назадъ она объѣхала съ блестящимъ успѣхомъ Соединенные штаты. Во все время ея болѣзни, длившейся нѣсколько мѣсяцевъ, всѣ классы англійскаго общества, начиная съ королевы, отъ которой она получила нѣсколько собственноручныхъ писемъ, выказывали ей самое горячее участіе.

— **Русскія дѣвушки въ турецкомъ плѣну.** О содержимыхъ въ плѣну въ Арменіи греческихъ и русскихъ дѣвушкахъ, корреспондентъ берлинской «Vossische Zeitung» сообщаетъ слѣдующія интересныя свѣдѣнія, переданныя ему однимъ англійскимъ врачомъ: «Я познакомился въ Гиттѣ съ сыномъ одного хаджи и онъ разсказалъ мнѣ, что недавно лазы напали на русскую пограничную деревню и, по умерщвленіи стариковъ, женщинъ и дѣтей, продали дѣвушекъ и мальчиковъ въ рабство; ему, сыну хаджи, досталась, какъ часть добычи, русская дѣвушка, которую онъ продалъ въ Діарбекиръ за огромную цѣну въ 3,000 франковъ. Во время поѣздки въ Батумъ дѣвушку облекли въ турецкую одежду. Я, разумѣется, попросилъ позволенія взглянуть на нее, и сынъ хаджи, не питая ко мнѣ ни малѣйшаго недовѣрія, повелъ меня въ особый покой «гаремика», такъ-называемый «дулабъ». Что же представилось глазамъ моимъ? Блѣдная бѣлокурая дѣвушка съ красными отъ слезъ глазами, сидѣла въ углу въ европейской одеждѣ. Сначала она совсѣмъ не обратила на насъ вниманія, но вдругъ заговорила съ нами на русскомъ или черкескомъ языкѣ; я не понялъ ея словъ и обратился къ ней съ нѣсколькими словами по-французски. Тогда она громко воскликнула: «Sauvez moi!» (спасите меня!) Едва успѣла она произнести это французское слово, какъ сынъ хаджи бросился на нее, зажалъ ей ротъ и началъ угрожать ей кинжаломъ, а потомъ увелъ меня изъ дулаба и заперъ за собою дверь. «Земля горѣла у меня подъ ногами», прибавилъ мой пріятель, и я въ ту же ночь ускакалъ въ Батумъ, а оттуда отправился моремъ въ Требизондъ. Я передалъ то, что видѣлъ, кому слѣдуетъ, но это ни къ чему не послужитъ. Одичаніе нравовъ составляетъ самое грустное послѣдствіе войны.

* * *

Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій.

Новая блистательная побѣда одержана доблестными русскими войсками. Плевна пала! Эта твердыня, на нѣсколько мѣсяцевъ задержавшая наступленіе нашей арміи, находится, наконецъ, въ нашихъ рукахъ! Какое значеніе въ военномъ отношеніи будетъ имѣть эта побѣда и каковы могутъ быть ея послѣдствія, мы говорить не станемъ. Нравственное же вліяніе ея велико. Извѣстіе о взятіи Плевны вызвало неудержимый восторгъ въ обѣихъ столицахъ; изъ разныхъ городовъ Россіи получены телеграммы, свидѣтельствующія, что и въ провинціи народъ не менѣе восторженно встрѣтилъ радостную вѣсть. При извѣстіи о взятіи Карса и побѣдахъ въ Малой Азіи народная радость выражалась сдержаннѣе, а это прямо доказываетъ, что въ народномъ сознаніи плевненской побѣдѣ придается несравненно большее значеніе, чѣмъ всѣмъ прочимъ успѣхамъ русскаго оружія. Честь и слава русской арміи! Не дешево досталась намъ Плевна, но за то сколько геройскаго самоотверженія проявили здѣсь русскіе солдаты, офицеры и генералы! Будетъ о чемъ вспомянуть русскому солдатику, когда онъ вернется на родину: долго еще будутъ вспоминать о Плевнѣ въ глуши русскихъ деревень. Никого не останется изъ дѣятелей великой драмы, а имя Плевны все еще будетъ жить въ памяти русскаго народа!

Первое краткое извѣстіе: «Плевна въ нашихъ рукахъ со всей арміей и съ Османомъ во главѣ», послано было его высочествомъ въ 9 час. 30 мин. вечера 28-го декабря. Въ 11 час. 50 м. ночи того-же числа отправлена слѣдующая болѣе подробная телеграмма:

Сегодня 28-го ноября, въ 7½ час. утра, вся армія Османа-паши атаковала нашъ гренадерскій корпусъ, занимавшій линію обложенія на лѣвомъ берегу Вида, съ цѣлію пробиться; атака была ведена съ отчаянною храбростью; часть турецкихъ войскъ врывалась даже въ наши траншеи и батареи, но всѣ усилія непріятеля сломить нашихъ гренадеръ были напрасны. Послѣ пяти-часового жаркаго боя, турки были отброшены, окруженные надвинувшимися на нихъ со всѣхъ сторонъ нашими войсками. Храбрый защитникъ Плевны, Османъ-паша, во время боя раненый въ ногу, сдался въ плѣнъ со всею своею арміею. Привести въ извѣстность число плѣнныхъ и трофей пока нѣтъ возможности, могу лишь сказать, что все, что было въ Плевнѣ попало въ наши руки. У насъ потери пока не приведены въ извѣстность, но для достигнутаго результата не велики. Больше всѣхъ отличились и пострадали: астраханскіе, Мои сибирскіе и самогитскіе гренадерскіе полки.

О другихъ дѣйствіяхъ нашей арміи получены слѣдующія телеграммы его императорскаго высочества Главнокомандующаго изъ Боготы:

1) Отъ 23-го ноября.—21-го ноября въ отрядѣ генерала Гурко было два блестящихъ дѣла: 1) Колонна генералъ-маіора Курнакова спустилась съ Златицкаго перевала, овладѣла деревнями Клисеіой и Челопечь, заставивъ турокъ отступить въ Златицкій укрѣпленный лагерь въ то же время, полковникъ графъ Камаровскій спустился къ Златицѣ съ восточной стороны, отъ Тетевена; оба отряда теперь уже, вѣроятно, вступили въ связь 2) Колонна генерала Эллиса заняла съ боя высоты, командующія надъ турецкою позиціею при Арабконакѣ, къ западу отъ софійскаго шоссе. Дѣло было такъ: когда наши передовыя войска поднялись на эти высоты, то 12 турецкихъ таборовъ атаковали ихъ съ 10½ часовъ утра до 3 часовъ по полудни. Ожесточенныя атаки 12 турецкихъ таборовъ отбиты только четырьмя нашими баталіонами, а именно: два баталіона л.-гв. московскаго полка, 2-й стрѣлковый баталіонъ, двѣ роты стрѣлковаго Его Величества баталіона и двѣ роты баталіона Императорской Фамиліи, была минута, когда положеніе этихъ войскъ было критическое, но храбрость и распорядительность новаго командира л.-гв. московскаго полка, полковника Гриппенберга, храбрость и мужество войскъ восторжествовали. Послѣ третьей атаки, турки были окончательно отброшены съ громаднѣйшимъ урономъ, и командующія высоты были прочно заняты; вслѣдъ за тѣмъ, къ нимъ приведены графомъ Шуваловымъ значительныя подкрѣпленія и вновь занятая позиція сильно укрѣплена. Въ тотъ же день начато бомбардированіе турецкихъ позицій Арабконакъ и Шандорника. Наша потеря около 150 человѣкъ. Убиты: л.-гв. 2-й артиллерійской бригады поручикъ Типольтъ и л.-гв. московскаго полка портупей-юнкеръ Метмежанъ; ранены: л.-гв. московскаго полка капитанъ Деля Валь-Велькъ, поручикъ Дмитріевъ и подпоручикъ Войницкій.

По показаніямъ плѣнныхъ, въ Арабконакѣ находится самъ Мехмедъ-Али-паша.

22 го ноября, въ 7 часовъ утра, турки, числомъ отъ 20 до 30 тысячъ, атаковали позицію нашу у Марени. Генералъ-адъютантъ князь Святополкъ-Мирскій, съ сѣвскимъ и орловскимъ пѣхотными полками, принужденъ былъ отойти къ Еленѣ и тамъ, атакованный съ трехъ сторонъ, отбивался до 3 часовъ дня; но, понеся значительныя потери, принужденъ былъ отойти отъ Елены, съ боемъ, на заранѣе укрѣпленную позицію у деревни Яковицы, впереди ущелья; подкрѣпленія посланы ему отовсюду. 23-го числа, въ 8½ часовъ утра, непріятель снова началъ сильно наступать. Князь Святополкъ-Мирскій, однако, удержалъ наступленіе. По донесенію отъ 5½ часовъ дня, непріятель пріостановился, между тѣмъ, посланныя князю Мирскому подкрѣпленія начинаютъ подходить.

2) Отъ 24-го ноября: 23-го ноября князь Мирскій удержалъ позицію у дер. Яковицы и остался на ней ночевать въ виду большихъ массъ непріятеля, сосредоточенныхъ на югъ отъ Елены. Сегодня утромъ къ нему должны были подойдти всѣ посланныя подкрѣпленія. Противъ непріятельской колонны, появившейся у Златарицы и имѣвшей 22-го и 23-го ноября дѣло съ якутскимъ полкомъ, также направлены войска отъ Черемета. Противъ отряда генерала Гурко, по показаніямъ плѣнныхъ, стоятъ въ Златицѣ 5 таборовъ; въ Арабконакѣ самъ Мегеметъ-Али-паша съ 20 или 25 таборами; въ Мирковѣ отъ 5 до 10 таборовъ; всего отъ 30 до 40 таборовъ. Тѣ же плѣнные показали, что въ сраженіи 21-го ноября турки потеряли 1,300 человѣкъ. Убитые турки лежатъ въ огромномъ числѣ на полѣ сраженія. Точная цифра нашихъ потерь 11-го ноября: въ лейбъ-гвардіи московскомъ полку нижнихъ чиновъ убито 30, ранено 81; въ лейбъ-гвардіи стрѣлковомъ Его Величества батальонѣ ранено 4; въ лейбъ-гвардіи 2-мъ стрѣлковомъ батальонѣ убито 15, ранено 38; въ лейбъ-гвардіи стрѣлковомъ Императорской фамиліи батальонѣ ранено 2 и въ лейбъ-гвардіи 2-й артиллерійской бригадѣ убитъ 1, ранено 4; всего нижнихъ чиновъ убито 46, ранено 129 человѣкъ. Изъ числа раненыхъ офицеровъ лейбъ-гвардіи московскаго полка подпоручикъ Войницкій умеръ. Сейчасъ получилъ увѣдомленіе, что въ отрядѣ князя Мирскаго ранено 22-го и 23-го ноября 800 человѣкъ. Всѣ они уже перевязаны и вывезены въ Тырново.

24-го ноября прибылъ на позицію у Яковицъ самъ командующій 11-мъ корпусомъ генералъ-лейтенантъ Делингсгаузенъ со всѣми подкрѣпленіями, направивъ въ то же время особый отрядъ изъ Черемета на Златарицу. До двухъ часовъ дня противъ яковицкой позиціи было все тихо. Послѣ полудня турки повели атаку, но въ 3 часа вдругъ пріостановились и прекратили огонь. Оказалось, что отрядъ, двинутый отъ Черемета на Златарицу, выбилъ оттуда турокъ и двинулся вслѣдъ за ними на Беброво, угрожая, такимъ образомъ, правому флангу и тылу турецкихъ главныхъ силъ, наступавшихъ на Яковицы отъ Елены. Движеніе этого отряда, очевидно, и заставило турокъ прекратить атаку.

3) Отъ 25-го ноября: Бой 22-го ноября у Марени и Елены былъ гораздо печальнѣе для насъ, чѣмъ по первоначальнымъ свѣдѣніямъ можно было думать; выбыло изъ строя около 50 офицеровъ и 1,800 нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными. Потеряно 11 орудій, изъ коихъ четыре подбиты, а остальныя семь достались въ руки непріятеля, потому что за убылью лошадей нельзя было ихъ везти. Другихъ подробностей этого несчастнаго дѣла еще нѣтъ.

Вчера, 24-го ноября, дѣйствія ограничились тѣмъ, что правая турецкая колонна была выбита изъ Златарицы и отброшена къ Беброву, а лѣвая турецкая колонна сдѣлала лишь попытку наступленія, но въ три часа пополудни пріостановилась. Силы турокъ оцѣниваются противъ Златарицы до 10, а противъ Яковицы до 30 тысячъ. Сегодня, 25, около двухъ часовъ дня, бой у Яковицы завязался снова, но около четырехъ часовъ пальба прекратилась.

4) Отъ 26-го ноября: Позиція, съ боя занятая нашими войсками 21-го ноября, охватываетъ своимъ правымъ флангомъ лѣвый флангъ турецкой позиціи у Арабконака, и, находясь въ очень близкомъ разстояніи отъ софійскаго шоссе, угрожаетъ пути отступленія турокъ; поэтому они такъ настойчиво старались сбить насъ 21-го ноября, и затѣмъ 23-го ноября вновь аттаковали нашъ правый флангъ, но были отбиты тремя батальонами финляндцевъ и однимъ батальономъ павловцевъ. Наша потеря 27 нижнихъ чиновъ. Войска наши продолжаютъ обстрѣливать Арабконакскую позицію, а турки увеличиваютъ на ней свои силы.

Одновременно съ аттакою на Елену турки производили демонстраціи противъ всего восточнаго нашего фронта.

22-го ноября около 6-ти таборовъ съ артиллеріею наступали по османъ-базарской дорогѣ противъ нашей кессаревской позиціи, но ненастойчиво, и, получивъ отпоръ, тотчасъ отступили.

23 го ноября небольшіе отряды всѣхъ родовъ оружія концентрически наступали отъ Опаки и Карахассанкіой на Поламирцу и Ковачицу, но ограничились одною канонадой противъ нашей авангардной позиціи, находящейся на дорогѣ изъ Поламирцы въ Енидже; послѣ перестрѣлки отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ пополудни непріятель отступилъ и наши аванпосты заняли свои прежнія мѣста.

24-го ноября турки снова выдвинули пять таборовъ съ артиллеріею и кавалеріею противъ Поламирцы и Ковачицы, и съ утра до сумерокъ поддерживали перестрѣлку съ нашимъ авангардомъ, а затѣмъ, отступили. 24-го же ноября, непріятель съ утра до 3 часовъ пополудни поддерживалъ оживленную перестрѣлку съ нашимъ кессаревскимъ отрядомъ на османъ-базарской дорогѣ. Кромѣ того, 23-го ноября, отрядъ нашъ, посланный на развѣдку къ Иванъ-Чифтлику, встрѣтился съ турецкимъ развѣдочнымъ отрядомъ; послѣ непродолжительной перестрѣлки, въ которой легко раненъ въ руку ахтырскаго гусарскаго полка ротмистръ Деламоттъ и 4 нижнихъ чина, оба отряда возвратились: нашъ къ Пиргосу, турецкій въ Басарбову.

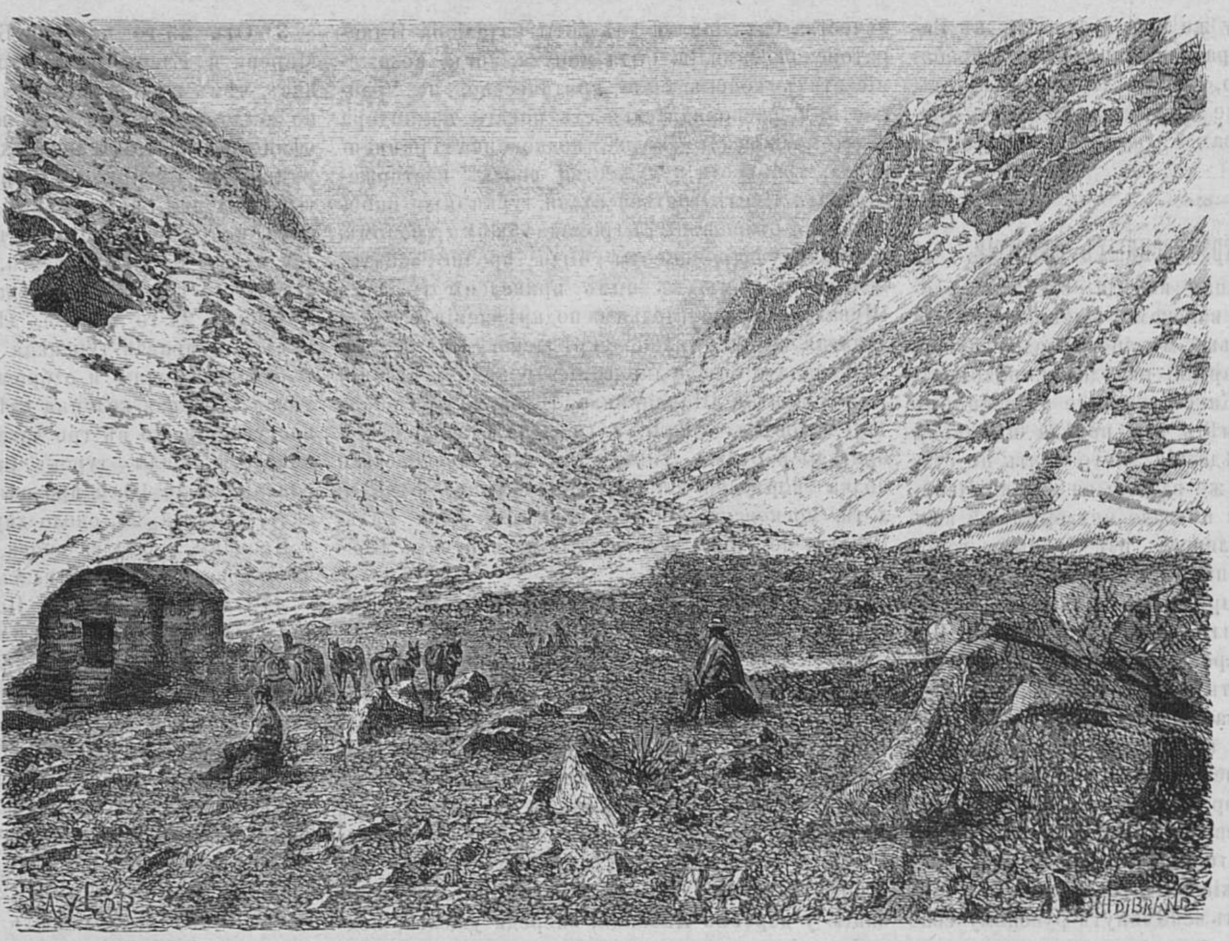
5) Отъ 27-го ноября: 25-го и 26-го ноября, у Златарицы и Яковицы была лишь непродолжительная ружейная и артиллерійская перестрѣлка. 27-го ноября до трехъ часовъ пополудни, было спокойно. Наши войска, по прежнему, занимаютъ позицію у Златарицы и Яковицы; турецкія войска противъ нихъ.

* * *

Телеграммы.

Бѣлградъ, 22-го ноября. Вслѣдствіе угрожающихъ нотъ Турціи и Англіи выступленіе войскъ на границу временно отмѣнено; идутъ слухи о министерскомъ кризисѣ.

Буда-Пештъ, 25-го ноября. Здѣсь произвело тяжелое впечатлѣніе заявленіе графа Андраши, что Австрія имѣетъ вѣскій голосъ въ восточномъ вопросѣ, но не препятствуетъ участію Сербіи въ войнѣ.



Тамбо въ Кордильерахъ. (Къ ст. Атакама и Караколесъ.)

Вѣна, 24-го ноября. По извѣстіямъ изъ Константинополя, Порта намѣрена прибѣгнуть къ послѣднему средству, къ провзглашенію священной войны. Предполагается обнародовать воззваніе падишаха ко всѣмъ мусульманамъ Азіи и Африки. Это рѣшеніе принято на чрезвычайномъ совѣтѣ сановниковъ Порты подъ предсѣдательствомъ султана. Такъ какъ рекрутскіе наборы даютъ лишь небольшіе контингенты, то будетъ мобилизована гражданская гвардія во всей Оттоманской имперіи. Порта надѣется образовать резервную армію въ 150,000 человѣкъ для защиты Константинополя, и включить въ ея составъ христіанъ, грековъ и армянъ.

Берлинъ, 26-го ноября. Въ здѣшнихъ дипломатическихъ кружкахъ увѣряютъ, что въ случаѣ, если Англія займетъ угрожающее положеніе по отношенію къ Россіи, то правительство Соединенныхъ Штатовъ предъявитъ къ Англіи требованія для обезпеченія свободнаго плаванія коммерческихъ судовъ по Суэзскому каналу и турецкимъ проливамъ.

Парижъ, 24-го ноября. Послѣ происходившаго сегодня новаго свиданія съ маршаломъ Макъ-Магономъ, Дюфоръ принялъ на себя составленіе новаго кабинета.

— 24-го ноября. Дюфоръ представилъ маршалу Макъ-Магону слѣдующій списокъ министровъ: Дюфоръ — президентъ совѣта министровъ; Батби — министръ народнаго просвѣщенія; Барду — юстиціи; Леонъ Сэ — финансовъ; де-Марсеръ — внутреннихъ дѣлъ; Тессейранъ — де-Беръ — торговли; Ваддингтонъ — иностранныхъ дѣлъ, генералъ Берто — военный; адмиралъ Фурльтонъ — морской; Кристофль — публичныхъ работъ.

— 28-го ноября. Всѣ политическіе кружки согласны въ томъ, что теперь создана неотвратимая дилемма между революціей и выходомъ Макъ-Магона въ отставку; обнаруживается революціонное настроеніе. Въ Парижѣ, Версалѣ и Венсеннѣ войска спятъ въ казармахъ въ платьяхъ; по слухамъ, имъ розданы боевые патроны.

Наши гравюры.

Каменьщики, рисунокъ **Ф. Костшевскаго.**

Ф. Костшевскій одинъ изъ талантливыхъ польскихъ художниковъ. Онъ рисуетъ по преимуществу бытовыя сцены изъ народной жизни и передаетъ народные типы. Отличительная черта его иллюстрацій — крайняя простота и полнѣйшій реализмъ. Въ прошломъ нумерѣ нашего журнала мы помѣстили его сценку «Мятель», въ настоящемъ нумерѣ мы помѣщаемъ его типы «Каменьщиковъ» во время работы. Эти типы переданы художникомъ просто и вѣрно, безъ прикрасъ и идеализаціи.

На балу. Рис. на стр. 369.

Зимній сезонъ начался: собранія, спектакли, балы, все пошло своимъ чередомъ, какъ шло и въ прошлыя зимы. Но присмотритесь попристальнѣе къ этимъ многолюднымъ собраніямъ: отчего въ нихъ меньше блеска, меньше жизни? Почему нѣтъ тутъ блестящихъ эполетъ? почему не звенятъ военныя шпоры? гдѣ же ловкіе гвардейцы? Они тамъ подъ Плевной, на Шибкѣ... И, можетъ быть, не одно женское сердце тревожно бьется, при воспоминаніи о нихъ. Вотъ молодая дѣвушка, которую ангажируетъ статскій господинъ на вальсъ, не слышитъ его приглашенія. Она сидитъ одна, она задумалась...

И въ грустный сонъ душа ея младая
Богъ знаетъ чѣмъ была погружена,
И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый трупъ лежитъ въ долинѣ той,
Въ его груди, дымясь, чернѣла рана
И кровь лилась хладѣющей струей...

Нѣтъ, когда могутъ снится такіе сны, — человѣку не до веселья, не до танцевъ и не лучше ли наврема воздержаться отъ нихъ? Пусть пройдетъ кровавая эпоха — и тогда будетъ еще время для веселья...

Пилигримы. Рис. на стр. 380.

Многіе раздѣляютъ мнѣніе, что многочисленные, красивые лики мадоннъ, украшающихъ итальянскія церкви, не остаются безъ вліянія на юношескія, въ особенности женскія, физіономіи, при частой встрѣчѣ съ которыми въ Италіи, у прохожаго невольно вырывается замѣчаніе: «Точно мадонна!» Медицина и физіологія не считаютъ еще доказаннымъ такое дѣйствіе внѣшнихъ предметовъ на человѣческую наружность, но развѣ мы не видимъ тому ежедневныхъ свидѣтельствъ въ выраженіи, пріобрѣтаемомъ людьми, вслѣдствіе ихъ обычныхъ занятій? Развѣ лицо сельскаго работника, проводящаго большую часть своего времени среди своихъ животныхъ, не пріобрѣтаетъ совсѣмъ другихъ очертаній, чѣмъ лицо художника или поэта, умъ котораго витаетъ почти постоянно въ области идеала? Развѣ характеръ человѣка не отпечатывается на его физіономіи? На основаніи этого, нельзя безусловно отвергать таинственнаго вліянія живописныхъ изображеній на человѣческую наружность; во всякомъ случаѣ, остается неоспоримымъ, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ особенно часто встрѣчаются картины, изображающія прекрасныхъ мадоннъ, мы встрѣчаемъ также не мало мадонно-образныхъ женщинъ — красавицъ. Шиллеръ говоритъ, что «прекрасная душа удобнѣе отражается въ прекрасной внѣшней оболочкѣ.» Живописцы съ особенной любовью изображаютъ красоту въ видѣ самоотверженнаго, умиленнаго упованія...

На нашемъ рисункѣ изображена группа передъ церковнымъ порталомъ въ вѣчномъ городѣ Римѣ. Возлѣ молодой горожанки, стоятъ поселяне: красивый мальчикъ и дѣвушка съ пилигримскимъ посохомъ въ рукѣ. Эти три лица прелестны. Гораздо менѣе привлекателенъ поглядывающій на нихъ молящійся, въ искреннемъ благочестіи котораго позволительно усомниться. Пастухъ и монахъ въ глубинѣ картины служатъ удачнымъ дополненіемъ группы.

Почтовый ящикъ.

Станица Каменская. **В. М—ву.** При преміи *«Марко Фоскарини»* приложено только *пять* иллюстрацій, а не *десять*.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи. Усы. — Нечеловѣческая месть (продол.). — Знаменитыя отравительницы. — Атакама и Караколесъ (продолж.). — Обо всемъ. — Новости наукъ и жизни. — Смѣсь. — Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій. — Телеграммы. — Наши гравюры. — Почтовый ящикъ.

Гравюры: На балу. — Каменьщики. — Перевязочный пукнтъ. — Пилигримы. — Гаціендадо и его маіордомъ и Тамбо въ Кордильерахъ (къ статьѣ Атакама и Караколесъ).

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій**.

При этомъ нумерѣ Живописнаго Обозрѣнія разсылается всѣмъ подписчикамъ приложеніе за декабрь „ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО“,

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3 Декабря 1877 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

№ 50. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода—4 р. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 11 Декабря 1877 года. Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Троицкій переулокъ, домъ № 27/1. Годъ V.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1878 ГОДУ
ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде

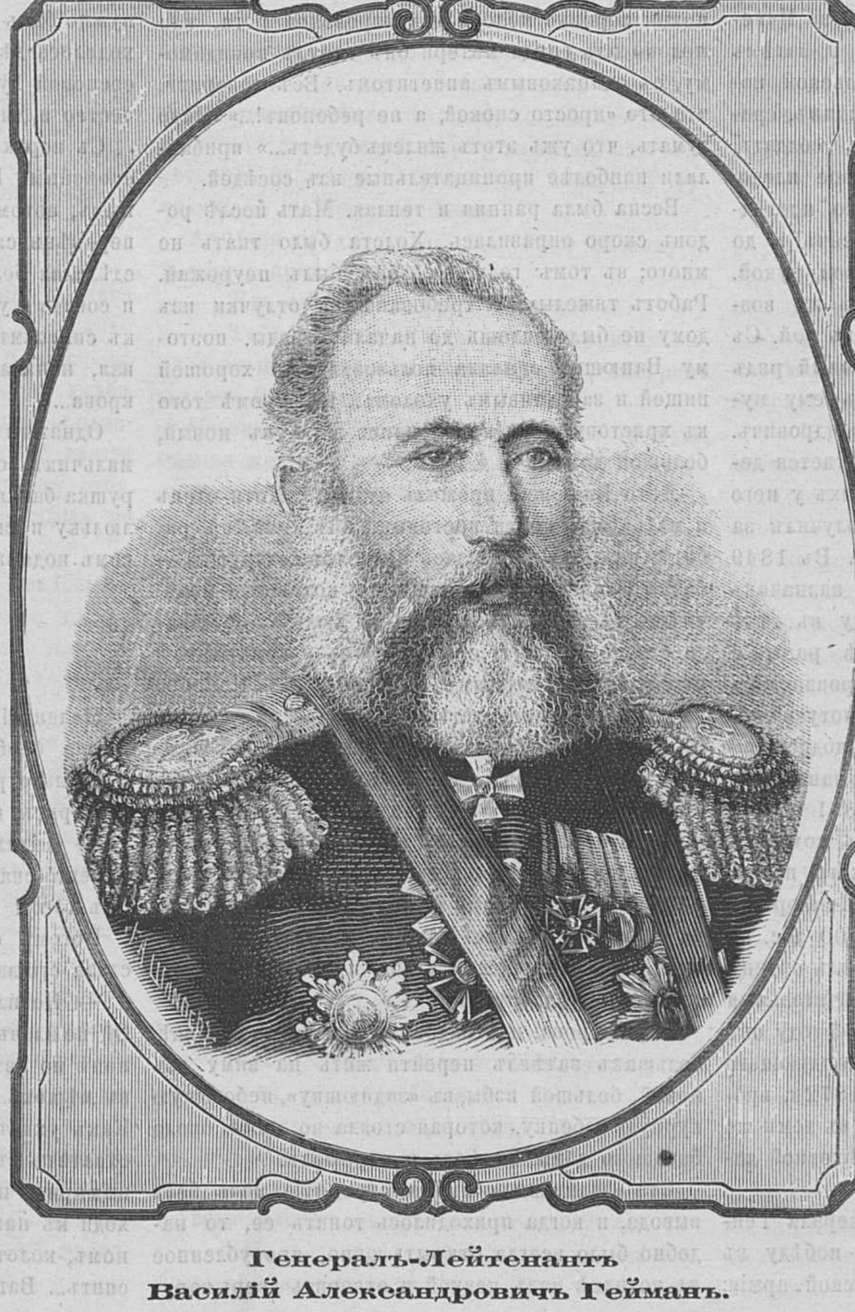
Иллюстрированный журналъ **„ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“** издается еженедѣльно въ форматѣ **большихъ иностранныхъ иллюстрацій** не менѣе двухъ листовъ въ каждомъ нумерѣ по слѣдующей программѣ:

1) Романы, повѣсти, разсказы, очерки и біографіи. 2) Драмы и драматическія сцены. 3) Поэмы, сказки и мелкія стихотворенія. 4) Иллюстрированныя путешествія. 5) Этнографическіе очерки. 6) Статьи научнаго содержанія. 7) Новости изъ области наукъ и искусствъ. 8) Телеграммы. 9) Смѣсь. 10) Шахматный листокъ. 11) **Моды съ пояснительнымъ текстомъ.**

Гг. подписчики, кромѣ **52** нумеровъ **„ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ“**, получаютъ ежемѣсячное, безплатное иллюстрированное приложеніе **„ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО“**, составляющее большой отдѣльный томъ, заключающій въ себѣ статьи по отдѣламъ: 1) **Гигіены человѣка и животныхъ,** 2) **Сельскаго хозяйства,** 3) **Домоводства,** 4) **Садоводства,** 5) **Огородничества,** 6) **Лѣсоводства,** 7) **Пчеловодства,** 8) **Рыбоводства,** 9) **Овцеводства,** 10) **Птицеводства** и 11) **Разнообразныя практическія свѣдѣнія, кухонные рецепты и наставленія о первоначальной помощи заболѣвающимъ.**

Кромѣ того гг. подписчики 1878 г. получатъ **безплатныя преміи**, состоящія изъ **лучшихъ**, вполнѣ законченныхъ, **беллетристическихъ** произведеній русскихъ и иностранныхъ авторовъ съ **отдѣльными иллюстраціями на веленевой бумагѣ.**

Кромѣ означенныхъ премій, Редакція имѣетъ въ виду разослать въ видѣ преміи картину «Взятіе Константинополя».



Генералъ-Лейтенантъ
Василій Александровичъ Гейманъ.

Въ журналѣ **„ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“** на 1878 г. примутъ дѣятельное участіе своими трудами слѣдующія лица: П. В. Быковъ, С. И. Воскресенская, А. Егоровъ, И. Н. Захарьинъ (Якунинъ), С. М. Крапивина, Н. Н. Каразинъ, Н. Б. Куроѣдовъ Л. Леванда, А. Майковъ, Д. Л. Мордовцевъ. В. И. Немировичъ-Данченко, И. В. Омулевскій, П. И. Пашино, В. Славянскій, К. М. Станюковичъ, Н. П. Стремоуховъ, Н. А. Чмыревъ, В. В. Чуйко, С. С. Шашковъ, А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ), Н. В. Шелгуновъ, Н. И. Шульгинъ, г-жа Юрьева и др.

Редакція **„ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ“** имѣетъ въ своемъ распоряженіи для печатанія въ теченіи будущаго года романъ Э. Гонкура, разсказы А. Додэ и Э. Золя и статьи Вирхова, Геккеля, Гольцендорфа, Карла Фогта и др.

Сверхъ того предполагается печатать въ теченіи года **иллюстрированныя сказки** Боккачіо (Декамеронъ), въ перев. Н. И. Шульгина, **„Похвальное слово глупости“** Эразма, въ переводѣ А. К. Шеллера (А. Михайлова) и, если позволитъ мѣсто, **„Комическій романъ“** Скарона.

Въ художествен. отдѣлѣ будутъ помѣщаться гравюры различныхъ извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, отъ 4 до 8 гравюръ въ каждомъ нумерѣ.

Цѣна безъ доставки и пересылки на годъ **6** р., на полгода **3** р. **50** к., съ доставкою и пересылкою на годъ **7** р., на полгода **4** р.

Подписка на 1878 г. открыта и принимается въ конторѣ редакціи въ С.-Петербургѣ, въ Троицкомъ переулкѣ, д. № 27.

Генералъ-лейтенантъ

Василій Александровичъ Гейманъ.

Съ давнихъ поръ Кавказъ служилъ боевой школой для русской арміи. Много героевъ, много талантливыхъ людей вышло изъ этой суровой школы, въ которой людямъ приходилось сживаться съ многочисленными опасностями и нерѣдко переносить страшнѣйшія лишенія. Не забудемъ также, что два наши великіе поэта, Пушкинъ и Лермонтовъ, вынуждены были провести по нѣсколько лѣтъ на Кавказѣ, и Лермонтовъ нашелъ тамъ смерть; Кавказъ, какъ извѣстно, оказалъ несомнѣнное вліяніе на развитіе ихъ таланта.

Въ этой-то суровой кавказской школѣ воспиталъ свои военныя способности и генералъ Гейманъ, герой Ардагана, Авліара и Деве-Бойну. Онъ на Кавказѣ съ 1842 года и участвовалъ тамъ въ многочисленныхъ сраженіяхъ. Василій Александровичъ родился въ 1823 году, воспитывался въ гродненской гимназіи. На службу онъ поступилъ въ 1839 г. унтеръ-офицеромъ въ нижегородскій полкъ, откуда въ 1842 году переведенъ въ кавказскій линейный батальонъ. Первый офицерскій чинъ онъ получилъ въ 1844 году. Переведенный въ 1845 году въ кабардинскій полкъ, онъ въ мартѣ этого года въ первый разъ участвовалъ въ сраженіи, при занятіи нашими войсками укрѣпленной теренгульской позиціи. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого онъ уже успѣлъ выказать изумительную неустрашимость во время штурма позиціи горцевъ на горѣ Анчишарѣ, такъ что самъ главнокомандующій назвалъ его храбрѣйшимъ изъ офицеровъ кавказской арміи. 1845 годъ былъ однимъ изъ самыхъ тревожныхъ годовъ на Кавказѣ, наши войска безпрестанно сражались съ горцами и В. А. Гейманъ участвовалъ во всѣхъ этихъ сраженіяхъ, изъ которыхъ значительнѣйшими были: бой въ Ичкеринскомъ лѣсу и взятіе 22 заваловъ и затѣмъ взятіе сильно-укрѣпленной непріятельской позиціи при с. Дарго. Подпоручикъ Гейманъ, сражавшійся постоянно впереди своихъ солдатъ, былъ серьезно раненъ пулею въ лѣвое плечо. Удачная операція спасла раненаго, но послѣдствія остались: Василій Александровичъ и до сихъ поръ не владѣетъ свободно лѣвой рукой. Какъ только поправился, онъ тотчасъ же возвратился во фронтъ и снова пошелъ въ бой. Съ 1846 по 1865 годы слѣдуетъ непрерывный рядъ сраженій, въ которыхъ, съ обычнымъ ему мужествомъ, участвовалъ Василій Александровичъ. Число этихъ отдѣльныхъ сраженій считается десятками. Всѣ чины и ордена, которыхъ у него не мало, Василій Александровичъ получилъ за отличіе въ дѣлахъ съ непріятелемъ. Въ 1849 году въ чинѣ поручика онъ былъ назначенъ ротнымъ командиромъ. Въ 1855 году въ дѣлѣ при Хасавъ-Юртѣ онъ получилъ двѣ раны и довольно опасныя. Въ 1856 году онъ произведенъ въ маіоры. Въ 1857 году получилъ золотую саблю; въ 1859 году произведенъ въ подполковники; въ 1860 году назначенъ командиромъ сводно-стрѣлковаго батальона. Въ 1861 г. произведенъ въ полковники и назначенъ командиромъ 75-го пѣхотнаго севастопольскаго полка. Въ 1863 г. произведенъ въ генералъ-маіоры и награжденъ участкомъ земли въ 3,500 дес. въ кубанской области. Въ 1864 г. получилъ орденъ Георгія 3-й степени, выказавъ замѣчательныя способности военначальника. Въ 1865 году онъ былъ назначенъ помощникомъ командующаго войсками въ кубанской области; въ 1872 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты и въ томъ же году назначенъ начальникомъ 20-й пѣхотной дивизіи.

Въ настоящую войну на долю генерала Геймана выпали дѣйствія, рѣшившія побѣду въ трехъ блистательныхъ бояхъ кавказской арміи: главная атака непріятельскихъ позицій при взятіи крѣпости Ардагана и въ сраженіи при Авліарѣ поручалась войскамъ, предводимымъ генераломъ Гейманомъ; въ сраженіи при Деве-Бойну, когда Мухтаръ-паша былъ окончательно разбитъ, нашими войсками командовалъ генералъ Гейманъ.

Кромѣ перечисленныхъ уже орденовъ, генералъ Гейманъ имѣетъ Владиміра, Анны и Станислава 2-й степени, а также золотую саблю, украшенную брилліантами; кромѣ того ему пожалованы прусскіе ордена: краснаго орла и короны.

Генералъ Гейманъ представляетъ собою вполнѣ типъ кавказскаго генерала въ лучшемъ его проявленіи.

Здѣсь и тамъ.

Балы, спектакли, маскарады,
Здѣсь все по прежнему идетъ,
А тамъ... тамъ зорко изъ засады
Врагъ нашихъ братьевъ стережетъ.

Въ дожди, и въ вьюги и въ морозы
Тамъ полушубковъ ждутъ войска,
А здѣсь спѣшатъ живыя розы
Добыть для бальнаго вѣнка.

А. Михайловъ.

Крестьянскій младенецъ Ванюшка.

Разсказъ **В. Гивартовскаго.**

Ванюшка родился въ началѣ великаго поста, мать собиралась ткать холстъ. Первое время ребенокъ былъ совершенно здоровъ; по крайней мѣрѣ, онъ много спалъ, мало кричалъ, не обнаруживалъ никакихъ капризовъ относительно пищи: коровье молоко изъ коровьяго рога, или молоко изъ груди матери онъ тянулъ повидимому, съ одинаковымъ аппетитомъ. Всѣ говорили, что это «просто спокой, а не ребенокъ!...» «Надо думать, что ужь этотъ жилецъ будетъ...» прибавляли наиболѣе проницательные изъ сосѣдей.

Весна была ранняя и теплая. Мать послѣ родовъ скоро оправилась. Холста было ткать не много; въ томъ году на ленъ былъ неурожай. Работъ тяжелыхъ и требовавшихъ отлучки изъ дому не было сплошь до начала страды, поэтому Ванюшка сначала пользовался и хорошей пищей и заботливымъ уходомъ. Но кромѣ того къ христову дню перебрались жить въ новый, большой домъ.

Лѣто Ванюшка прожилъ отлично. Хотя отецъ и мать были почти постоянно внѣ дома на работѣ; но дома оставалась постоянно старушка—бабка Ванюшки, мать его отца, которая и нянчилась съ внукомъ, качала его люльку, не давала его въ большую обиду мухамъ и комарамъ, и кормила его свѣжимъ молокомъ. Къ Покрову уже малютка могъ отдѣльно стоять самъ по себѣ и чисто говорилъ односложныя и двусложныя слова. Отецъ, по воскресеньямъ, иногда бралъ Ванюшку къ себѣ на руки и, ласково называя его «пострѣломъ», видимо былъ доволенъ своимъ наслѣдникомъ; мать была рада, что могла не заниматься своимъ сыномъ, бабушка отъ внука «души не чуяла». Вся семья была довольна. Къ тому же и урожай хлѣба и травы былъ въ тотъ годъ рѣдкостный.

Съ Покрова, изъ видовъ экономіи въ топливѣ, большакъ затѣялъ перейти жить на зиму изъ новой, большой избы, въ «заднюшку», небольшую курную избенку, которая стояла во дворѣ около большого дома. Затѣялъ и перешелъ.

Эта «заднюшка» имѣла огромную печь безъ вывода, и когда приходилось топить ее, то надобно было всегда открыть окно, прорубленное въ потолкѣ надъ печкой и отворить дверь наружу, чтобы образовать тягу дыма. Но дыму въ избѣ, когда топилась печь, было всегда такъ много, что непривычному человѣку сидѣть прямо на лавкѣ было совершенно невозможно,—нужно было сидѣть непремѣнно болѣе или менѣе сильно согнувшись; объ этомъ ясно свидѣтельствовали впрочемъ и цвѣтъ потолка, а также и стѣнъ вплоть до подоконниковъ, цвѣтъ совершенно черный, какъ смола. Рядомъ съ печкой стояла большая лохань съ водой, которую каждое утро нагрѣвали, накаленными въ печкѣ камнями, для того, чтобы приготовить питье для скота; во все время варки поднимались, разумѣется, пары, изъ которыхъ немедленно и образовывался болѣе или менѣе сильный туманъ въ этой «заднюшкѣ». Этотъ туманъ, конечно, тотчасъ же превращался въ болѣе или менѣе обильную росу, когда пригоняли въ эту заднюшку овецъ, телятъ, свиней, чтобы напоить ихъ, а двери были открытыми. Подъ печкой былъ устроенъ курятникъ, откуда ежедневно послѣ обѣда выпускалось около десятка куръ въ избу покормиться, для чего предварительно разбрасывалось по полу нѣсколько гороха, овса или ячменя. Въ ближайшемъ къ двери углу стояла бочка съ водой для употребленія въ пищу, а около нея по стѣнамъ висѣли хомуты, и т. п. принадлежности упряжи лошадей. Въ переднемъ—большомъ углу была прибита божница съ иконами, а передъ нею стояли большой столъ, за которымъ обѣдали хозяева, на немъ же вмѣстѣ съ тѣмъ готовили и хлѣбы. Въ углу за печкой висѣла люлька, въ которой лежалъ нашъ Ванюшка, а на печкѣ, вмѣстѣ съ ворохомъ сырой лучины, валялась старушка-бабка Ванюшки, откуда она веревочкой покачивала люльку съ внукомъ. Окна въ «заднюшкѣ» были маленькія, покрытыя значительнымъ слоемъ льда; такъ что въ ней и днемъ нужно быть «съ огнемъ», если что нибудь приходилось дѣлать; а освѣщалась она смолистой, сосновой лучиной, дававшей порядочное количество и дыму, и копоти.

Съ переходомъ на жительство въ «заднюшку», спокойный Ванюшка сдѣлался сначала безпокойнымъ, потомъ, не много спустя, ребенокъ совсѣмъ перемѣнился: не сталъ брать изъ рога молока, сдѣлался безсоннымъ и крикливымъ, а наконецъ, и совсѣмъ уже хворалъ. Время уже приходило къ святкамъ. Зима стояла необыкновенно суровая, началась она чуть-ли не съ самаго Покрова...

Однажды вечеромъ, лишь только смерклось, мальчикъ ворочался въ люлькѣ и кричалъ; старушка-бабка, лежа на печкѣ, веревочкой качала люльку и своимъ обычнымъ, монотоннымъ голосомъ подпѣвала:

Спи-ко по болѣ,
Да рости-ко подолѣ.
А спи-ко по ночамъ,
Да рости-ко по часамъ...

Маленькій внукъ, однако, не унимался. Старушка бережно поднялась съ печки, зѣвнула нѣсколько разъ громко, перекрестивъ при этомъ свой ротъ, и благоговѣйно произнесла:

— Анделы Господни... Иванъ Предытеча, кормилецъ! спаси и сохрани рабу божiю Лукерью... Охъ-хо-хо! меня окаянную!...

Потомъ она вытащила изъ люльки внука и стала его ласкать, чтобы онъ не плакалъ:

— Не плачь, батюшка! Не плачь, кормилецъ!.. Ой не плачь, любушка! Большущая-пребольшущая нонѣ по свѣту ходитъ бука, ребятъ все сбираетъ въ мѣшокъ... мѣшокъ у ней большой-пребольшой! Какъ ухватитъ, который заплачетъ, такъ того схватитъ въ мѣшокъ и унесетъ за поле,—а тамъ выжаритъ на огнѣ, да и съѣстъ... Бука, ты не ходи къ намъ, заговорила она повышеннымъ тономъ, колотя рукой въ стѣну:—Ванюшка у насъ спитъ... Ванюшка у насъ во вѣки вѣковъ не плачетъ... Ой не плачь, батюшка! Ой-ой унесетъ бука! Не будетъ у меня сокровища драгоцѣннаго, зорюшки моей ясной... слезливо заканчивала она и сама, видимо, вздрогнула.

Мальчикъ на нѣсколько минутъ притихъ, но потомъ снова забылся и закричалъ:

— Мамъ—мамъ!...

— Ой Господи! Ой анделы хранители! Ой-ой! Ну ды ладно... больше ничево!... Ну ды ладно! Ой Господи, Исусе Христосъ, Сынъ Божей! Самъ батюшка благослови младеня Ивана, говорила бабка и, благословляя его тихонько, прибавила:—Какъ съ гоголя вода, со младеня Ивана вся худоба... А што какъ его покормить соловецкой просфоркой? Може и полегчаетъ... Покормить, да!... Охъ-хо-хо!... Грѣхи! Грѣхи наши тяжкіе!...

— А-то разорви-тя, погана сила! привѣтствовала сына, откуда-то вернувшаяся мать Ванюшки съ коробкой муки и съ рѣшетомъ.—Въ людяхъ есть ребята-то—спятъ себѣ день и ночь кругомъ; а тутъ навязалась петля на шею: буде заснулъ на часокъ, то опять и кричитъ во всю глотку... У! чтобъ-те пусто было!... добавила она, ставя муку и рѣшето на столъ.

Въ избѣ было темно. Малютка кричалъ. Мать Ванюшки, сбросивъ съ себя полушубокъ, проворно достала съ печи лучинку и вздула губами огонь изъ углей, взятыхъ въ горячемъ жорникѣ. Это была еще бодрая женщина, но худощавая, небольшого роста и вся изорванная; исключая краснаго платка, которымъ была повязана ея голова, вся ея остальная одежда Богъ вѣсть изъ чего именно была сдѣлана. Засунувъ зажженную лучинку въ щель печки, она круто повернулась къ старушкѣ:

— Дай-ко сюды робенка-то.... ѣсть видно хочетъ, сказала она и, давая ему грудь, прибавила:—задавился бы ты окаянный!...

Ребенокъ, внимательно посмотрѣлъ на грудь матери, сосать, однако, не сталъ, а продолжалъ плакать; мать въ молчаньи потряхивала его въ рукахъ, видимо, не зная, что съ нимъ дѣлать.

— О-охъ! громко зѣвнула старуха.—А ты бы покормила его соловецкой просфоркой.. Можетъ, Господь дастъ и полегче...

— Натко же поддержи ребенка-то...

Бросивъ сына въ объятія старушки, хозяйка отправилась, съ зажженной лучиной, въ клѣть, гдѣ въ большомъ, зеленомъ сундукѣ и нашла завернутую въ бумажкѣ корочку бѣлаго хлѣба, лѣтъ пять тому назадъ купленную, у проходившаго богомольца, за холщевую рубаху и за два набивныхъ полотенца. Возвратившись въ избу, она бросила сверточекъ на столъ и полѣзла на полку за чайной чашкой.

— Даръ-то Божій этакъ! Даръ-то Божій! Охъ! Охъ! Ну ды ладно!... Буде ты не сошла съума, такъ я и не знаю... Вѣдьма ты этакая! Даръ-то Божій кидаешь... Вотъ оттого Господь и счастія не даетъ... вопила старушка.

Смущенная женщина ничего не отвѣчала старушкѣ, видно было, что она сознавала себя неправой. Передавъ мальчика на руки матери, старушка занялась сама приготовленіемъ лекарственнаго кушанья для своего внука. Чрезвычайно осторожно и съ чтеніемъ молитвы «да воскреснетъ Богъ», накрошила она немного сухаря, всыпала крошки въ чашечку съ теплой водой, разболтала ихъ ложечкой и попробовала было силою влить нѣсколько ложечекъ такого кушанья въ горло своего внука; но тотъ все-таки не проглотилъ его.

— Ну такъ чего же тебѣ? произнесла въ раздумьи старушка.—Нѣтъ! ужь видно время такое Господь даетъ, глубокомысленно рѣшила она.—А Господи твоя воля! О Господи! Поноси его, Акулина (такъ звали мать Ванюшки) на рукахъ по избѣ, можетъ, хоть замолчитъ.

— Ломается стервенокъ! соображала Акулина.—Не плачь поганая твоя душа! Ну!

Отвѣсивъ два шлепка по спинѣ своего ребенка, она стала жаловаться:

— Жизнь ты каторожная навязалась на меня! день—на работѣ, и въ ночь тебѣ спокою нѣтъ. Хоть совсѣмъ околѣвай!

А сынъ въ отвѣтъ на ласки матери уже не кричалъ, а судорожно храпѣлъ и только изрѣдка вскрикивалъ. Старушка забралась на свою печку и протяжно вздыхала. Акулина плакала навзрыдъ:

Ой ли ты горе мое, горюшко!
Со счего ты спородилося?
На меня ты навалилося—
На мою ль бѣдну головушку...

Мальчикъ, видимо, обезсилѣлъ отъ продолжительнаго крика и лежалъ въ безсознательномъ состояніи. Погода легонько шумѣла на дворѣ, снѣгъ набивался на подоконники, печная труба изрѣдка хрипѣла, лунный свѣтъ слабо освѣщалъ передній уголъ избушки. Вотъ заскрипѣли подъ окномъ сани и раздался звучный, сиплый голосъ:

— Отворяй!

— Охти мнѣ!... Бабка натко робенка-то; самъ пріѣхалъ, да никакъ пьяной...

И, не дожидаясь отвѣта старушки, мать бросила малютку въ люльку и побѣжала отпирать двери своему благовѣрному.

— Што ты копаешься-то?! Што ты копаешься-то?! А! восклицалъ ввалившійся, полупьяный супругъ.—Нѣтъ! Ты давно у меня не учена!... Забыла! Я тебѣ вытвержу ужо зады-то... Этакъ развѣ въ людяхъ встрѣчаютъ мужей? Этакъ?...

Акулина нерѣшительно подвинулась къ мужу, не зная, что бы ему такое сказать.

— Ну поцѣлуй! неожиданно скомандовалъ тотъ и самъ выпрямился во весь ростъ. Это былъ видный, здоровый мужчина лѣтъ 45, рыжіе волосы были всклокочены, рыжая борода и усы облеплены были ледяными сосульками, одѣтъ онъ былъ въ большой, сѣрый кафтанъ, изъ-подъ котораго на животѣ торчали двѣ кожанныя рукавицы, а съ боку погонявка.

Акулина придвинулась еще ближе къ нему и боязливо промолвила:

— Что это ты, Андрей Кузьмичъ!...

— Тебѣ сказано!... Али еще повторить? выразительно показывая на погонявку, говорилъ Андрей Кузьмичь.

Не зная, какъ достать лицо своего супруга, бѣдная женщина робко взялась обѣими руками за концы воротника его армяка, но тотъ, взявъ ее обѣими руками за голову, приподнялъ отъ полу почти на цѣлый аршинъ и, чмокнувъ ее три раза полуразинутымъ ртомъ въ лицо, небрежно бросилъ на полъ, прибавивъ при этомъ:

— Ставь столъ... ужинать.

Сбросивъ съ себя кафтанъ и рукавицы на лавку, онъ пошелъ убирать свою лошадь.

— Ну! слава Богу!... Сегодня еще не гораздо пьяной, оправляясь отъ ласки мужа, замѣтила Акулина и проворно засуетилась около стола.

Ужинъ прошелъ безъ разговоровъ; ѣли овсяные блины съ толченой брусникой, ѣли рѣдьку съ толокномъ, ѣли и еще какую то дрянь не то печеную рыбу, не то брюкву... Слышно было однообразное чавканье, кряхтѣнье, протяжные вздохи старушки и рѣдкіе стоны малютки. Ужинъ кончился.

— Што у тебя робенокъ-то? спросилъ у жены Андрей, крестясь большимъ крестомъ.

— Да нездоровъ... поди вѣдай што: витренница, али што буде пристало... весь день такъ вотъ и горитъ! такъ вотъ и горитъ! инда перемѣнился весь совсѣмъ... вкрадчиво отвѣчала она.

— Ишь вѣдь какъ стонетъ, словно бы какъ большой, задумчиво замѣтилъ онъ, стоя, крестясь и кланяясь предъ божницей.—Пора и спать... Давай—стели постелю, громко прибавилъ онъ.

Скоро затѣмъ, на раскинутой на полу соломенной постели, храпѣлъ Андрей, храпѣла и рядомъ съ нимъ лежавшая жена. Скрипѣла люлька, покачиваемая старушкой, лежавшей на печкѣ, покрикивалъ малютка и по временамъ раздавался не громкій, сонливый припѣвъ съ печки:

Выростешь большой—будешь въ золотѣ ходить,
А выростешь большой—чисто сѣребро носить.
Баюшки баю! баю любушку мою!...

(*Окончаніе будетъ.*)

Нечеловѣческая месть.

Романъ Анри Тесье.

(*Продолженіе.*)

Часть вторая.

Глава VIII.

Атаназъ и Жанъ Брюне сталкиваются у одной цѣли.

Въ восемь часовъ утра 27 декабря, то есть, на другой день послѣ своего обѣщанія отыскать раненую лошадь, Жанъ Брюне остановился съ своею Лагуга, у того кабачка, въ который онъ заходилъ наканунѣ, послѣ того какъ высадилъ у крыльца кафе Ришъ, Комету и ея ступника. Простодушный солдатъ руководствовался при этомъ слѣдующимъ безхитростнымъ соображеніемъ, не лишеннымъ своего рода логики. Онъ хотѣлъ встрѣтить Ламблена и Давіоля, и разсуждалъ такъ:

— Эти молодцы поджидали тогда какого-то итальянца, который—если я хорошо понялъ ихъ мошенническій языкъ —долженъ былъ принести имъ деньги. Между тѣмъ, итальянецъ не явился... по «независящимъ отъ него обстоятельствамъ», то есть, благодаря тумаку, полученному отъ г. Дени. Не видя деньжатъ, эти негодяи бѣгаютъ сюда, поджидая его, потому что своего адреса онъ, конечно, имъ не далъ... Такимъ образомъ, есть надежда захватить ихъ здѣсь... а если я ихъ захвачу, то уже не выпущу.

Докачивая этотъ монологъ, Жанъ остановился противъ театра Старой Оперы, слѣзъ съ козелъ привязалъ свою лошадь, вошелъ въ питейное заведеніе и подозвалъ гарсона энергичнымъ ударомъ кулака по столу. На этотъ призывъ подбѣжалъ тотъ же самый мальчикъ, который прислуживалъ ему въ сочельникъ.

— Полбутылку бѣлаго и двѣ рюмки! скомандовалъ ему Жанъ Брюне. — Онъ знаетъ моихъ негодяевъ, проворчалъ онъ, когда мальчикъ отошелъ отъ стола, — знаетъ, потому что называлъ ихъ по имени... Этимъ надо воспользоваться.

Гарсонъ воротился съ виномъ. Жанъ налилъ обѣ рюмки.

— Я не люблю пить одинъ, словно зачумленный, сказалъ онъ.—За твое здоровье, молодецъ!

Юноша не заставилъ себя просить.

— За ваше! отвѣтилъ онъ, чокаясь съ посѣтителемъ.

— Погода сквернѣйшая, продолжалъ Жанъ Брюне.—Это плохо и на васъ отзывается?

— Да, мало гостей заходитъ... Развѣ поправимся въ день Новаго года.

— Славный это день, дружище, не такъ ли? Было бы не худо, если бы его на каждый мѣсяцъ учредили?

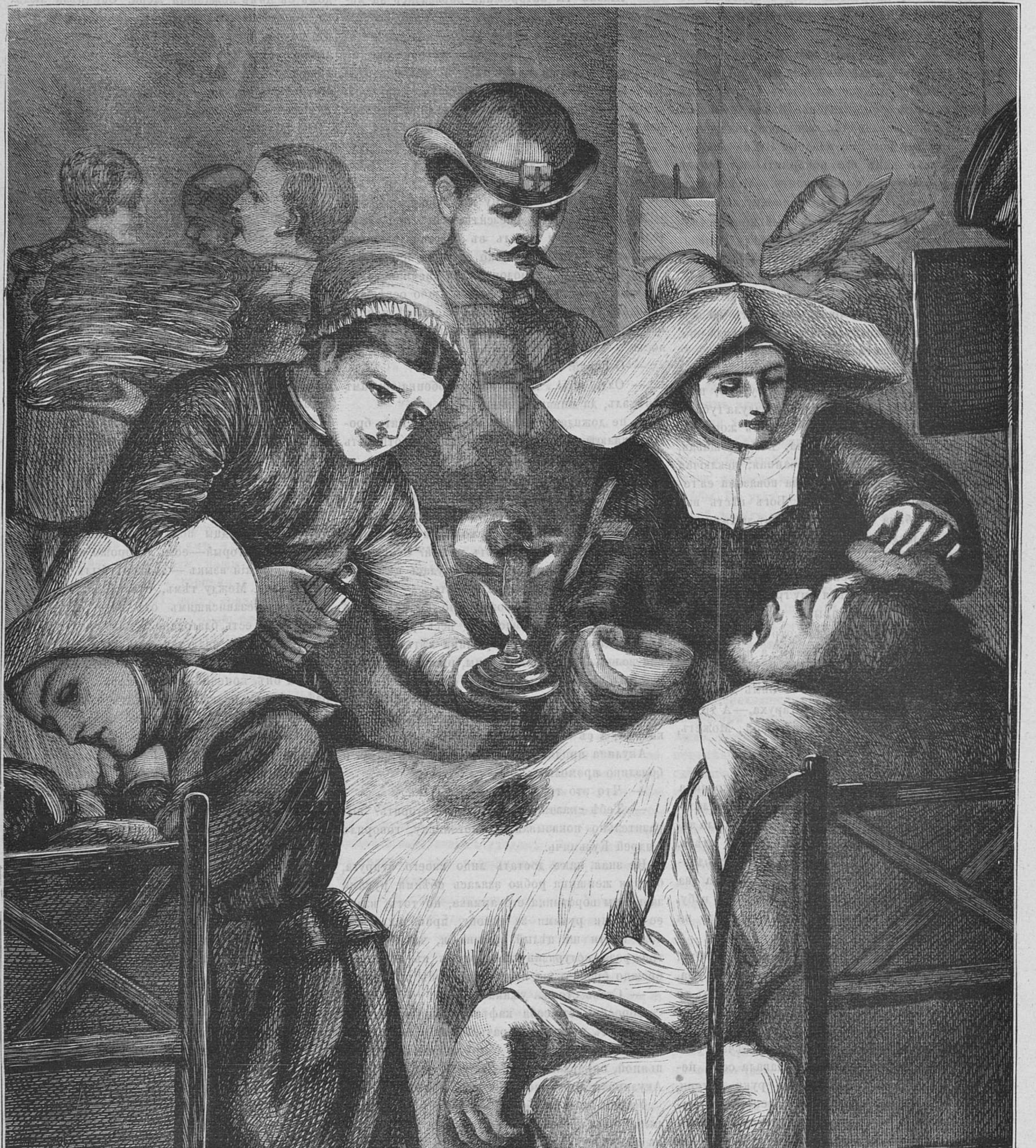
— Куда какъ не худо!

— А что слѣдуетъ за вино?

— Восемь су.

Жанъ Брюне выложилъ пятьдесятъ сантимовъ на столъ.

— Тутъ и тебѣ! сказалъ онъ, затянулся своей трубкой и проговорилъ между двухъ клубовъ дыма:—кстати... Ламбленъ и Давіоль бываютъ у васъ?



Сестры милосердія.

— Каждый вечеръ заходили, въ три послѣдніе дня!

— А каковъ у васъ столъ?

— Отличный! Хозяинъ служилъ прежде въ поварахъ.

— Вотъ какъ! Что же, я зайду какъ-нибудь попробовать его искуства, а если столкнусь здѣсь съ пріятелями, то и бутылочку - другую разопьемъ... До свиданія, мальчуганъ!

— До свиданія, г. кучеръ!

Жанъ Брюне, очень довольный своимъ первымъ успѣхомъ, вскарабкался снова на козлы, весело насвистывая припѣвъ къ извѣстной солдатской пѣсенкѣ о «Фуражкѣ». Онъ хотѣлъ уже занять мѣсто въ линіи экипажей, вытянувшихся передъ пассажемъ Прэнсъ, но какой-то прохожій остановилъ его и вскочилъ въ карету, говоря:

— Въ госпиталь Гро-Калью, живѣе!

Лагуга пустилась полною рысью и остановилась, менѣе чѣмъ черезъ двадцать минутъ, у рѣшетки больницы. Пассажиръ, — молодой человѣкъ съ вьющимися волосами, пріятною физіономіей, — далъ два франка Жану и вошелъ на больничный дворъ. Жанъ Брюне, заворачивая свою лошадь, чтобы отъѣхать, примѣтилъ, на противоположномъ тротуарѣ, очень высокаго старика, который расхаживалъ взадъ и впередъ небольшими шажками.

— Вотъ карабинеръ-то! подумалъ старый солдатъ.

Шагахъ въ пятидесяти далѣе, сидѣлъ на тротуарной тумбѣ какой-то подростокъ, — кандитерскій ученикъ, судя по его костюму; онъ грызъ пирожки, которые вынималъ изъ пакета, висѣвшаго у него на пальцѣ.

— Ахъ, ты, обжора! крикнулъ ему Жанъ Брюне, проѣзжая мимо него. — Постой, разскажу твоему хозяину!

— И своей сестрицѣ за-разъ! отпарировалъ ему юноша, не прерывая своего занятія.

Въ это самое время, молодой человѣкъ, котораго привезъ Жанъ Брюне, вышелъ обратно изъ больницы. Старикъ, какъ будто поджидавшій его, прекратилъ свое расхаживаніе по тротуару, перешелъ черезъ улицу и обратился къ нему съ вѣжливымъ поклономъ.

— Извините меня, сказалъ онъ, — но я желалъ бы узнать, не принадлежите ли вы къ числу врачей при этой больницѣ?

Ямловъ — это былъ онъ — окинулъ незнакомца проницательнымъ и холоднымъ взглядомъ.

— Принадлежу, отвѣтилъ онъ.

— Стало быть, вы можете сказать мнѣ, дѣйствительно ли необходимо получать особое разрѣшеніе для навѣщанія здѣшнихъ больныхъ?

— Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, да.

— Видите ли, дѣло идетъ о прекраснѣйшемъ молодомъ человѣкѣ... который дорогъ мнѣ, почти какъ родной сынъ!.. Его зарѣзали чуть не до смерти, какъ меня о томъ извѣстили. Я пріѣхалъ на скоро изъ Манса, узналъ, что его доставили въ этотъ госпиталь, и желаю его видѣть.

— Вы опоздали, къ сожалѣнію. — Этотъ несчастный скончался.

Старикъ отступилъ, содрогаясь.

— Скончался! повторилъ онъ. — О, бѣдный мой Поль!.. Но, г. докторъ, я хочу, по крайней мѣрѣ, вытребовать его тѣло. Я не потерплю, чтобы его зарыли въ общую яму.

— Обратитесь въ такомъ случаѣ съ вашимъ требованіемъ въ контору, сухо отвѣтилъ ему докторъ, приподнимая свою шляпу и отходя отъ него.

Старикъ отвѣтилъ на его поклонъ и вошелъ въ ворота больницы. Ямловъ, пройдя нѣсколько шаговъ, подозвалъ стоявшій неподалеку фіакръ.

— Не трогайтесь съ мѣста, сказалъ онъ кучеру, садясь въ экипажъ и быстро опуская обѣ стороны. Но, въ ту же минуту, чья-то маленькая и очень грязная рука приподняла одну изъ занавѣсокъ и изъ-за нея показалась голова кандитерскаго ученика.

— Ты какъ здѣсь, Атаназъ? воскликнулъ Ямловъ.

— Такъ пришлось, г. докторъ... Теперь, вотъ что: вы разговаривали сейчасъ съ этимъ верзилой...

— Ты его знаешь?

— Нѣтъ, но я догадываюсь, что вамъ хочется за нимъ услѣдить, а такъ какъ я именно затѣмъ здѣсь...

— Вотъ что!

— Да; крестная приказала неупускать его изъ вида, и я не упускаю!.. Стало быть, вамъ незачѣмъ терять свое время; я его изучилъ, этого длиннаго полишинеля, и буду бѣгать за нимъ по пятамъ, разгуливай онъ хотя до завтра!.. Провизія со мной есть.

Онъ ударилъ съ комическаго серьезностью по своему пакету. Ямловъ засмѣялся.

— Прекрасно, сказалъ онъ, — передаю тебѣ это дѣло. Смотри же, держи ухо востро; мнѣ кажется, ты напалъ на хорошій слѣдъ... Кучеръ! въ улицу Дюпюитренъ!

— Прощайте, г. докторъ! скажите крестной, что я здоровъ! закричалъ Атаназъ, усаживаясь снова на свою тумбу у воротъ сосѣдняго дома.

Но ему не пришлось долго отдыхать, потому что старикъ вышелъ почти тотчасъ же изъ воротъ. Находясь на больничномъ дворѣ, онъ ограничился тѣмъ, что постоялъ съ минуту, поднявъ къ верху голову и осматривая зданіе; потомъ повернулся и пошелъ медленно на улицу, не сказавъ ни одного слова привратнику, который насмѣшливо пожалъ плечами ему вслѣдъ и проговорилъ:

— Видно, что англичанинъ!

Воротясь на улицу, незнакомецъ удостовѣрился, что Ямлова уже не было, и зашагалъ по направленію къ эспланадѣ Дома Инвалидовъ. За нимъ, на разстояніи пятидесяти шаговъ, подпрыгивалъ гимнастическимъ шагомъ Атаназъ. Странный господинъ, пріѣхавшій одновременно изъ Батавіи и изъ Манса, зналъ, какъ было видно, весь Парижъ, какъ свои пять пальцевъ. Онъ взялъ на прямикъ къ улицѣ Контръ-Эскарпъ и вошелъ въ ресторанъ Маньи. Атаназъ, запыхавшійся отъ своего бѣга, вздохнулъ свободнѣе, но тотчасъ же спросилъ себя съ ужасомъ: «А что, если этотъ старикъ заставитъ гоняться за нимъ, съ одного конца города до другого?.. Впрочемъ, утѣшилъ онъ себя, Маньи-ресторанъ шикозный! Сюда не заходятъ, чтобы перекусить на двадцать два су! Мой «сушеный пряникъ» просидитъ, конечно, за своимъ завтракомъ не малое время, въ особенности если онъ желаетъ потолстѣть... Я успѣю передохнуть, по крайней мѣрѣ!.. Если бы этотъ скотъ былъ на столько любезенъ, что выслалъ бы мнѣ сюда свои объѣдки!.. Какже не такъ! И не подумаетъ! А между тѣмъ, отъ пирожковъ только голоднѣе становишься».

Онъ вдругъ принялся судорожно рыться у себя въ карманѣ и вытащилъ оттуда семь су! На лицѣ его изобразилось торжество, но онъ не увлекся и принялся разсуждать, какъ лучше распорядиться такимъ капиталомъ. Рѣшеніе этого вопроса доказало всю практичность крестника г-жи Шабуассо. Во-первыхъ, онъ намѣтилъ колбасника и купилъ у него печеночнаго пирога на десять сантимовъ. Потомъ, онъ завернулъ къ булочнику и пріобрѣлъ хлѣба на такую же сумму, а остальные три су опустилъ благоразумно снова въ карманъ, какъ средство для дальнѣйшаго своего продовольствія во время кампаніи. Захвативъ подъ мышку свой скромный завтракъ, онъ подсѣлъ къ отдыхавшему носильщику-овернцу и завелъ съ нимъ бесѣду. Минутъ черезъ пять, онъ уже настолько очаровалъ своего товарища, что тотъ вступилъ съ нимъ въ самый оживленный разговоръ, къ великой радости Атаназа, смекавшаго очень вѣрно, что, въ такомъ обществѣ, никто не заподозритъ его въ какомъ-нибудь предательскомъ замыслѣ. Ему пришлось отдыхать долго Незнакомецъ, какъ видно, любилъ завтракать съ толкомъ. Прошло не менѣе двухъ часовъ, прежде, чѣмъ онъ показался снова на крыльцѣ, съ зубочисткой въ зубахъ. Атаназъ далъ ему пройти, потомъ простился съ своимъ случайнымъ пріятелемъ и отправился, подпрыгивая, вслѣдъ за «верзилой». Черезъ три четверти часа, незнакомецъ, онъ же «сушеный пряникъ», позвонилъ развязно у подъѣзда большого и мрачнаго отеля на набережной Анжу.

— Ого! неужели гнѣздится здѣсь этотъ филинъ? проговорилъ Атаназъ съ изумленіемъ. — Не можетъ быть, совсѣмъ не къ лицу!

Онъ присѣлъ на парапетъ набережной, рѣшивъ не двигаться съ мѣста, пока незнакомецъ не выйдетъ снова изъ отеля...

Глава IX.

Логическія послѣдствія предъидущаго.

На церкви Парижской Богоматери пробило ровно половина двѣнадцатаго, когда Атаназъ занялъ свой обсерваціонный постъ на набережной Анжу. Чтобы занять себя во время ожиданія, не выпуская, съ тѣмъ вмѣстѣ, изъ вида той двери, въ которую исчезъ «верзила», онъ принялся считать лодки, плывшія внизъ по рѣкѣ, потомъ началъ швырять камешки въ воду. Наконецъ, истощивъ весь запасъ камешковъ и видя, что подъѣздъ остается запертымъ, Атаназъ пришелъ въ нѣкоторое безпокойство относительно своихъ дальнѣйшихъ способовъ убивать время. Сидѣть на одномъ мѣстѣ, сторожа одну и ту же дверь! это становилось невыносимо... а между тѣмъ, онъ поклялся не упускать изъ вида загадочнаго незнакомца. Съ горя, онъ принялся вертѣть палецъ о палецъ. На колокольнѣ древняго собора пробило два часа. Потомъ три; четыре... Бѣдный Атаназъ промерзъ до того, что дрожалъ, но даже не думалъ о томъ, чтобы сойти съ мѣста. Наконецъ, въ пять часовъ, чувствуя, что у него колѣни сводитъ отъ неподвижности и холода, онъ рѣшился побѣгать немного по набережной, чтобы хотя сколько нибудь расправить себѣ члены и согрѣться. Между тѣмъ наступала ночь и онъ сообразилъ, что его бѣлая шапка и передникъ слишкомъ выдаются при яркомъ свѣтѣ газовыхъ фонарей, перешелъ къ домамъ, выбралъ себѣ мѣстечко между двумя изъ нихъ и усѣлся въ эту норку. Мало по малу, на набережной, пустынной и днемъ, исчезли прохожіе. Атаназу стало страшно, тѣмъ болѣе, что онъ различалъ вдали шапки городскихъ сержантовъ и боялся, что который нибудь изъ нихъ подойдетъ къ нему и станетъ его распрашивать. Онъ начиналъ приходить въ совершенное отчаяніе, но въ семь часовъ, ему показалось, что дверь таинственнаго отеля дрогнула на своихъ петляхъ...

Дѣйствительно, дверь отворилась и Атаназъ узналъ своего «верзилу» по его росту и страшной худобѣ. Въ нѣсколько прыжковъ, онъ былъ уже позади незнакомца, но тутъ, къ своему крайнему изумленію, замѣтилъ, что предметъ его наблюденій совершенно преобразился, хотя сомнѣваться въ его тожественности было нельзя. Вмѣсто приличнаго пальто изъ хорошаго драпа, на «сушеномъ пряникѣ» была потертая плисовая куртка, запыленная и съ заплатами на локтяхъ, панталоны въ томъ же родѣ и шапка изъ сукна, нѣкогда чернаго, но съ теченіемъ времени принявшаго какой-то ржавый оттѣнокъ. На отворотѣ куртки блестѣла, вдобавокъ, комиссіонерская бляха! И въ довершеніе всего, Атаназъ увидалъ, что физіономія «верзилы» подверглась такому же превращенію, какъ и его одежда. Цвѣтъ лица у него былъ загорѣлый, усы подстриженные, бакенбарды короткія, рыжія, волоса растрепанные, носъ багровый, какъ у слишкомъ пламеннаго поклонника Бахуса. Онъ шелъ, переваливаясь съ ноги на ногу и такой особенной поступью, которая замѣчается у людей, привыкшихъ таскать большія ноши и какъ бы съ трудомъ сохраняющихъ свой центръ тяжести, лишь только плечи ихъ не придавлены грузомъ...

— Переобразился, любезный! разсуждалъ Атанасъ,—но меня не проведешь! Ты занимался своимъ туалетомъ въ этомъ домѣ; ясно, твоя берлога здѣсь, какъ это ни странно покажется. Теперь я знаю, что мнѣ нужно было знать. Правда, я нумера не замѣтилъ, но это все равно, домъ я найду...

Таинственный комиссіонеръ, завидя омнибусъ, ѣхавшій по направленію къ Батиньолю, вскочилъ въ него и усѣлся на имперіалѣ.

— Какое счастіе, что я не проѣлъ моихъ послѣднихъ трехъ су! сказалъ про себя Атаназъ, влѣзая вслѣдъ за «верзилой» и усаживаясь спиною къ нему.

Незнакомецъ сошелъ въ улицѣ Четвертаго Сентября. Атаназъ послѣдовалъ его примѣру.

Оба они направились въ улицу Грамонъ, перешли поперегъ бульвара и повернули въ улицу Лепелетье. Здѣсь комиссіонеръ остановился передъ питейнымъ заведеніемъ и заглянулъ въ его окна, но они такъ запотѣли, что онъ не могъ ничего разсмотрѣть. Тогда онъ рѣшился отворить дверь и вошелъ въ помѣщеніе, правая сторона котораго была занята опрятнымъ прилавкомъ, на одномъ концѣ котораго кипѣлъ чайникъ. У лѣвой стѣны тянулись въ рядъ четыре столика. Три изъ нихъ были заняты посѣтителями. Наконецъ, въ глубинѣ комнаты были отгорожены два уголка, носившіе громкое названіе особыхъ нумеровъ. Они отдѣлялись отъ «залы» деревянными перегородками съ сквознымъ верхомъ. Дверь перваго «нумера» была пріотворена и изъ-за нея былъ видѣнъ столъ, за которымъ доканчивали свой обѣдъ хозяинъ и хозяйка заведенія. Въ другомъ «нумерѣ», запертомъ, слышались разговоры, хохотъ и пѣніе! Все это перемѣшивалось съ восклицаніями на особомъ уличномъ жаргонѣ. Незнаконецъ сѣлъ за порожній столъ и спросилъ себѣ бутылку вина. Ему приходилось сидѣть спиною къ занятому «нумеру», вплоть къ его двери. Вдругъ, одинъ изъ пьяныхъ голосовъ въ «нумерѣ» прокричалъ немного внятнѣе прежняго:

— Биби не дуракъ...

Комиссіонеръ вздрогнулъ.

— Вотъ и глупъ, Давіоль! возразилъ другой голосъ. — Ну, похожъ ли другъ Брюне на полицейскаго сыщика...

Незнакомецъ поблѣднѣлъ и судорожно сжалъ стаканъ, который хотѣлъ поднести къ своимъ губамъ.

— Ламбленъ говоритъ правду, пріятель! весело подтвердилъ третій голосъ, принадлежавшій Жану Брюне.—Мы обѣдаемъ вмѣстѣ и плачу я... Чего тебѣ больше?

Старый солдатъ достигъ своей цѣли очень искусно. Онъ явился, въ половинѣ седьмого, въ питейное заведеніе и спросилъ себѣ рюмку абсента; принявшись за нее, онъ сталъ исподтишка оглядывать всѣхъ присутствующихъ. Вскорѣ вошелъ въ заведеніе рослый дѣтина, лѣтъ подъ пятьдесятъ, крѣпкій на видъ и одѣтый съ тою подозрительною щеголеватостью, на которую падки нѣкоторыя презрѣнныя личности, заклейменныя обществомъ такимъ прозвищемъ, которое равносильно обидѣ. Волоса у него были съ просѣдью, но припомажены, и зачесаны впередъ на вискахъ; усы нафабрены, бакенбарды подстрижены подковками. Краснорожій, очевидно, любящій пошумѣть, этотъ молодецъ расхаживалъ въ нелѣпо франтоватой одеждѣ, выставляя на-показъ огромный перстень, украшенный стразами, и толстую позолоченную, серебряную цѣпочку. Подъ этою тщеславною внѣшностью не трудно было угадать бывшаго лакея, превратившагося въ «друга» женщинъ, вслѣдствіе лѣни, пьянства и невозможности найти порядочное мѣсто, за недостаткомъ хорошаго атестата.

Въ ту минуту, когда онъ проходилъ мимо, Жану Брюне показалось, что этотъ гость уже «на первомъ взводѣ.» Жанъ далъ ему спокойно усѣсться, а потомъ, какъ бы нечаянно взглянувъ на него, всталъ съ мѣста и подошелъ къ нему.

— Если не ошибаюсь, Ламбленъ! сказалъ онъ.

Бывшій слуга графа Морлака посмотрѣлъ на стараго солдата, щуря глаза, и проговорилъ:

— Положимъ, что и Ламбленъ... Что же изъ этого?

— Не узнаешь меня, товарищъ?... Не хорошо.. въ особенности, когда вмѣстѣ служили.

— Служили!.... протянулъ Ламбленъ. — У кого же это?

Жанъ понялъ, что былъ готовъ «спутаться» и потому сдѣлалъ крутой поворотъ.

— О, если ты не намѣренъ признать... произнесъ онъ обиженно.

— Нѣтъ, постой, сказалъ Ламбленъ. — Какъ звать-то тебя?

— Жанъ Брюне, отвѣтилъ старый солдатъ, не рѣшившійся скрыть свое имя по своей честной природѣ.

— Жанъ Брюне... Жанъ Брюне... дѣйствительно... начинаю припоминать... Ты служилъ въ кучерахъ?... Такъ и есть!... у того нотаріуса, въ улицѣ Мира?

— Славу Богу!... Наконецъ-то!

— Послушай... развѣ можно сердиться?... Вѣдь, съ тѣхъ поръ прошло цѣлыхъ двадцать шесть лѣтъ!

— Да, много воды утекло... Состарились мы...

— Тсъ!... Я все еще остаюсь молодымъ въ отношеніи женщинъ!... Ну, что же ты теперь подѣлываешь?

— Да все съ лошадьми.

— У кого служишь?

— Самъ хозяиномъ. У меня два экипажа и два коня.. Вотъ мы какъ!

— Скажи на милость! Повезло же тебѣ!... Но въ такомъ случаѣ угощеніе на твой счетъ.

— Согласенъ.

— Даже цѣлый обѣдъ?

— И непремѣнно обѣдъ!... При свиданіи послѣ столькихъ годовъ...

— Да молчи ты на счетъ лѣтъ, скотина!... Приглашеніе твое я принимаю, только дѣло въ томъ, что у меня здѣсь пріятель...

— Зови и пріятеля. Веселѣе будетъ.

— Вотъ теперь, какъ мнѣ тебя не признать! Все тотъ же... душа на-распашку!... Славный ты, Жанъ!... Эй! Давіоль! Сюда! Я познакомлю тебя съ самымъ лучшимъ изъ кучеровъ... Это мой старинный пріятель, Жанъ Брюне, который хочетъ задать намъ пиръ на славу!... Брюне, это мой закадычный... Давіоль. Ну, теперь, кто станетъ заказывать?

— Возьми трудъ на себя... да чтобы было хорошо! сказанъ Жанъ. — А я пойду и попрошу кого нибудь присмотрѣть за моимъ экипажемъ...

Черезъ десять минутъ, всѣ три пріятеля сидѣли за столомъ въ отдѣльномъ нумерѣ заведенія. Жанъ согласился безпрекословно на программу обѣда, предложенную Ламбленомъ, но освѣдомился самъ у хозяина, хорошъ ли его погребъ, и выбралъ цѣлую батарею бутылокъ, начиная съ мадеры и кончая шампанскимъ, не поскупясь тоже на красныя и бѣлыя вина.

«Если васъ не проберетъ отъ всей этой смѣси, канальи, думалъ онъ, то здѣшній содержатель плутъ.»

Первая половина обѣда прошла молчаливо гости Жана только ѣли, каждый за двоихъ, и пили, какъ бочки. Бутылки смѣнялись безъ перерыва и когда Жанъ откупорилъ, за дессертомъ, шампанское, воспаленные глаза Ламблена и Давіоля искрились уже фосфорическимъ блескомъ. Пили въ честь прошлаго, настоящаго, будущаго; въ честь женщинъ, въ честь Лагуга и Султана... словомъ, въ честь всего! пили до того, что головы стали покачиваться на плечахъ, въ особенности послѣ кофе, за которымъ послѣдовали разные ликеры. Это не помѣшало Жану предложить еще колоссальную жжонку.

— Браво! нѣтъ ничего лучше для пищеваренія! закричалъ Давіоль.

— Въ особенности, если она съ киршемъ! замѣтилъ Ламбленъ.

— Слѣдовательно: жжонка съ киршемъ! Мальчикъ, подавай! рѣшилъ Жанъ.

Когда пылающая чаша появилась на столѣ, Жанъ проговорилъ, улыбаясь:

— А я знаю, кто на меня зубы точить будетъ исправно...

— Это кто? проворчалъ Давіоль.

— Пріятель мой одинъ... итальянецъ.

— Итальянецъ! повторили оба гостя, стараясь выпрямиться.—Какой такой итальянецъ?

— Премилый человѣкъ, которому я обѣщалъ покатать его душеньку... Онъ мнѣ свиданіе назначилъ, а у меня совсѣмъ изъ головы вонъ!

— Что же онъ дѣлаетъ самъ-то, этотъ итальянецъ?

— Служитъ у другихъ...

— Какъ и мы въ свое время.

— А когда его господинъ въ отсутствіи, то онъ катаетъ свою красавицу въ хозяйскомъ экипажѣ...

— Вотъ оно...

— А теперь случись такъ: хозяйская лошадь поранилась... запречь ее невозможно... Ну, и просилъ онъ меня одолжить ему мой фіакръ... а я, изъ-за васъ, други любезные, и приказъ позабылъ!

— Бываютъ... бываютъ итальянцы съ лошадьми, которые ранены... Знаю и я такого... Мой пріятель... И денегъ еще онъ мнѣ долженъ...

— Что же ты съ него не потребуешь?

— Да не знаю, гдѣ его и искать!

— Хорошъ пріятель... денегъ не платитъ, да еще и адресъ свой таитъ!

— Да... не по дружески... это ты вѣрно говоришь, Жанъ Брюне... и если онъ мнѣ только въ лапы попадется...

— Ты его тогда хорошенько... А вотъ что: опиши ты мнѣ его примѣты... и всю исторію разскажи... Я помогу тебѣ его розыскать...

— Ну, на этотъ счетъ, не хочешь ли вотъ... Мы друзей не выдаемъ... промычалъ Давіоль.— Биби не дуракъ...

Это была первая фраза, которую успѣлъ разслушать «верзила».

— Кого выдавать?.. Что онъ толкуетъ? спросилъ Жанъ съ невиннымъ видомъ.

— Ты глупъ, Давіоль, перебилъ Ламбленъ.— Похожъ ли нашъ Брюне на полицейскаго сыщика?

— Надѣюсь! воскликнулъ Жанъ. — Говори лучше, какого хочешь вина?

— Просто... вина, пробормоталъ Давіоль, голова котораго стукнулась о столъ.

Жанъ налилъ ему стаканъ жжонки.

— И тебѣ, Ламбленъ?

— Не откажусь.

— За ваше здоровье, пріятели!

Съ этой минуты, комиссіонеръ, приложившій ухо къ перегородкѣ, не могъ болѣе разслышать ничего, кромѣ несвязнаго бормотанья, прерываемаго храпомъ. Давіоль, отуманенный винными парами, не двигался болѣе. Но Ламбленъ, опершись на оба локтя и съ блуждающимъ взглядомъ, продолжалъ слушать, розиня ротъ, Жана, который дѣйствовалъ, не уклоняясь ни на шагъ отъ своего плана.

— Готовъ! произнесъ онъ съ презрѣніемъ, указывая на Давіоля.

— Да... не крѣпка у него башка... Не то, что мы... Не такъ-ли, старина?

— Вѣрно!.. Слушай-ка, что я еще придумалъ.

— Валяй!

— Мой фіакръ все еще здѣсь... Не хочешь ли покататься?.. Провѣтриться не мѣшаетъ.

— Отлично! Я согласенъ.

— И итальянца поищемъ... заставимъ и его намъ поднести.

— И это ладно.

— И вдругъ окажется, что и мой итальянецъ, и твой... одинъ человѣкъ! Вотъ смѣху-то!

— Правда!

— Каковъ онъ изъ себя будетъ-то, твой?..

— Онъ?.. Постой, дай вспомнить... отвѣчалъ Ламбленъ.

У него уже очевидно заплетался языкъ, но онъ налилъ себѣ еще рюмку и продолжалъ:

— Ростомъ маленькій, то есть, не то, чтобы очень маленькій... смуглый... не совсѣмъ, конечно... такъ, загорѣлъ... Потомъ, усы... Есть у него усы?... Да, да! И бакенбарды тоже...

— Удивительно! Совершенно мой! воскликнулъ Жанъ съ прекрасно розыграннымъ изумленіемъ.—Точно его фотографію показалъ!

— Въ самомъ дѣлѣ?.. Такъ говори его адресъ и поѣдемъ къ нему.

— Ѣдемъ!.. Да ты самъ знаешь его квартиру, плутъ! Въ томъ домѣ, гдѣ раненая лошадь находится...

— Неужто? На набережной Анжу?

— Оно и есть!

— Ну, Жанъ Брюне... другъ... я поцѣлую тебя за труды... Знаешь ли ты, что онъ намъ съ Давіолемъ долженъ по триста франковъ за одно дѣльцо... но это... молчокъ!.. Однако, счастье-то какое!.. Обнимемся же, говорю... Идемъ, идемъ... вези меня... и вырву же я ему клокъ перьевъ!..

— А какже съ этимъ? спросилъ Жанъ, указывая на Давіоля.,.

— Ну, его! бросимъ здѣсь... послѣ отыщется!..

Жанъ спросилъ счетъ, заплатилъ 80 франковъ и взялъ Ламблена подъ руку.

— Въ путь! сказалъ онъ,

Ламбленъ всталъ, поскользнувшись въ огромной лужѣ вина, объяснявшей почему Жанъ остался трезвымъ среди такой попойки, потомъ, опираясь на руку своего товарища, вышелъ изъ нумера и прошелъ довольно твердо черезъ «залу», бормоча:

— Ворочусь домой въ каретѣ!.. Только этого не хватало!

При видѣ его и Жана, комиссіонеръ сдѣлалъ гнѣвное движеніе, какъ бы желая ихъ задержать, но потомъ, замѣтя Давіоля, растянувшагося на столѣ, снова сѣлъ на свое мѣсто, прошептавъ:

— Довольно будетъ и этого.

Выйдя на улицу, Ламбленъ испыталъ на себѣ обыкновенное дѣйствіе свѣжаго воздуха на пьяницъ.

— Мостовая шевелится, промычалъ онъ.

Жанъ приподнялъ его и усадилъ въ карету.

— А нумеръ дома-то въ улицѣ Анжу? спросилъ онъ.

— Шутъ!.. точно не знаешь... третій отель... перейдя улицу Двухъ-Мостовъ.

Жанъ не сталъ разспрашивать болѣе, вскочилъ на козлы и присвистнулъ своей лошадкѣ, которая пустилась стрѣлой.

— А! проговорилъ онъ со вздохомъ удовольствія,—надѣюсь, что г. Дени останется мною доволенъ!.. Можно сказать, что я не опростоволосился на этотъ разъ...

Лишь только оба посѣтителя скрылись, комиссіонеръ вошелъ въ покинутый ими нумеръ и безцеремонно тряхнулъ Давіоля, который проворчалъ въ просонкахъ:

— Чего тамъ?.. Оставьте меня въ покоѣ!

— Проснись! крикнулъ ему «верзила» повелительнымъ голосомъ.

— Оставь... оставь.. не то хвачу... продолжалъ бормотать пьяный.

— Дуракъ! шепнулъ ему комиссіонеръ на ухо.—Здѣсь полиція!

— Что?.. проговорилъ Давіоль, привскакивая.

— Опирайся на мою руку... и ни слова! Скорѣе!

Пьяный повиновался, какъ послушная собака, и вышелъ изъ кабака вмѣстѣ съ «верзилой», который довелъ его до фіакра, поджидавшаго на углу бульвара, усадилъ своего товарища, сѣлъ самъ и сказалъ кучеру:

— Сто су, если повезешь насъ вскачь на набережную Анжу!

Кучеръ хлестнулъ свою лошадь, но въ то самое мгновеніе, какъ карета тронулась, изъ-за ближняго кіоска выскочилъ Атаназъ и ловко прыгнулъ на заднія рессоры, уцѣпясь за нихъ изъ всей силы руками...

……

Жанъ Брюне, привезя своего сѣдока на набережную Анжу, оглядѣлъ мѣстность и остановилъ свою лошадь шагахъ въ десяти отъ отеля, передъ которымъ такъ героически выстоялъ на часахъ кондитерскій ученикъ.

— Узнаешь ворота? спросилъ онъ, слѣзая съ козелъ и расталкивая Ламблена.

Тотъ протеръ себѣ глаза и проговорилъ:

— Еще бы!.. Вотъ... началъ онъ, указывая на зданіе, топографію котораго Жанъ постарался изучить въ мельчайшихъ подробностяхъ.

— Не запамятую! произнесъ онъ про себя.

И взявъ Лагуга подъ уздцы, онъ довелъ свой фіакръ до моста Люи-Филиппа, у котораго стояли два дежурные сержанта.

— Господа, сказалъ Жанъ, дѣлая имъ салютъ по военному, — вы знаете, конечно, г. Дени, одного изъ вашихъ инспекторовъ?

— Конечно, знаемъ, отвѣчалъ одинъ сержантъ.

— Стало быть, вы можете, оказать ему большую услугу. У меня въ фіакрѣ, находится плутъ, котораго г. Дени давно ищетъ... Я обѣщалъ ему отыскать этого молодца... который пьянъ какъ стелька... и вы можете получить его въ лучшемъ видѣ... говорю вамъ, какъ честный солдатъ!

Сержанты посовѣтывались между собою, разспросили Жана Брюне и кончили тѣмъ, что потащили пьянаго въ караульный постъ при Ратушѣ, записавъ, въ то же время, адресъ и имя стараго солдата.

Жанъ Брюне собирался снова влѣзть на свои козлы, когда изъ-за угла показался фіакръ, мчавшійся вскачь и такъ сильно задѣвшій за тумбу при своемъ поворотѣ, что сзади, отъ кузова, отдѣлилось что-то бѣлое, шлепнувшееся о мостовую... При этомъ раздался крикъ, но фіакръ продолжалъ мчаться далѣе.

Упавшій оказался кондитерскимъ ученикомъ, который поднялся на ноги, кряхтя и потирая себѣ спину.

— Чортовъ кучеръ! ворчалъ онъ со злобой.

— Что ты дѣлалъ за каретою, жаба? спросилъ его Жанъ, подходя.

— Я слѣдилъ за тѣмъ, кто былъ въ этомъ фіакрѣ... Крестная велѣла... И теперь, такая напасть!

— Крестная?.. Кто такая?

— Г-жа Шабуассо!.. Изъ улицы Дюпюитренъ!.. Это она не для себя велѣла постараться. Для г. Дени.

— Г. Дени?.. Что въ полиціи?..

— Онъ самый.

— Ахъ, ты, малый, самъ не знаешь, какое тебѣ счастье! Ты куда хотѣлъ ѣхать?

— Теперь, я домой, къ крестной... благо знаю уже хорошо, гдѣ гнѣздится этотъ «верзила».

— Садись, я тебя довезу.

Атаназъ вытаращилъ глаза отъ радости.

— Неужто? сказалъ онъ съ восторгомъ.—Я буду вамъ очень благодаренъ, г. кучеръ, потому что я совсѣмъ промерзъ!

— Ну, чего разговаривать, садись!

И Жанъ Брюне подсадилъ его къ себѣ на козлы, говоря про-себя:

— Могу я сдѣлать еще и это маленькое одолженіе для г. Дени!

……

Въ то время, какъ это происходило, комиссіонеръ, такъ заинтриговавшій Атаназа, входилъ на цыпочкахъ въ спальню графа Кольмара. Старикъ лежалъ, и мертвенная блѣдность, покрывавшая его исхудалое лицо, придавала ему видъ трупа. Въ ногахъ у него, опустя голову на грудь и погрузясь въ задумчивость, сидѣлъ докторъ Веберъ.

При звукѣ отворявшейся двери, старикъ приподнялъ свои морщинистыя вѣки и спросилъ:

— Это ты, Тоби?

— Я, г. графъ. Только что воротился.

— Что-же? Какія извѣстія? спросилъ съ оживленіемъ Веберъ.

— Муленъ, Натти Линденъ, Бланшъ и живописецъ Ленди... умерли всѣ.

— Всѣ четверо?.. Это вѣрно? переспросилъ американецъ.

— Я былъ въ улицѣ Дюпюитренъ, въ Гро-Калью, у Маньи...

— Тоби не довольствуется полу-увѣренностями! произнесъ графъ съ звѣрскою улыбкою.

— А что касается участниковъ дѣла въ улицѣ Франсуа-Ксавье, я ихъ отыскалъ. Одинъ изъ нихъ здѣсь... пьянъ мертвецки.

— Хорошо. Спрячь его гдѣ-нибудь, Тоби, сказалъ графъ съ прежней усмѣшкой.—Мы допросимъ его завтра... и увидимъ, что слѣдуетъ дѣлать.

— Г. графъ доволенъ мною?

— Очень доволенъ! Можешь идти. Мнѣ надо переговорить кое о чемъ съ докторомъ...

Глава X.

Два неожиданные визита для Дени.

Лера встрѣтилъ своего патрона въ назначенный часъ на парижскомъ дебаркадерѣ манской желѣзной дороги.

— Есть что-нибудь новое? спросилъ Дени.

— Есть.

— Вы вѣрно не обѣдали? Пойдемъ ко мнѣ, Лера. Жена, полагаю, приготовила мнѣ закусить. Во время ѣды, мы и потолкуемъ.

Дѣйствительно, г-жа Дени позаботилась о томъ, чтобы столъ былъ накрытъ. Поздоровавшись съ семьей, Дени распорядился, чтобы не тревожили его ни подъ какимъ предлогомъ. Лера разсказалъ ему о своемъ посѣщеніи Мулена, о магнетизированіи Бланшъ, наконецъ, и о томъ вѣроятномъ предположеніи, что докторъ Веберъ былъ однимъ изъ сыновей графини Морлакъ.

— О, какая радость будетъ ей, если это предположеніе окажется вѣрнымъ! воскликнулъ Дени.—Я надѣюсь, вы не замедлили собрать справки?..

— Само собой, но не нашелъ никого, кромѣ старой служанки. Доктора нѣтъ дома уже цѣлые сутки; одинъ изъ его паціентовъ, богатый старикъ, находится при смерти и онъ не отходитъ отъ его постели. А на счетъ Морлака, я ничего не могъ разузнать, ни черезъ обыкновенную полицію, ни въ улицѣ Раме... Слѣдуетъ предположить, что онъ перемѣнилъ свое имя. Можетъ быть, вамъ болѣе посчастливилось?..

— То есть, я привезъ много надеждъ; осязаемаго же пока ничего.

— Не ладно... Не прибѣгнуть ли намъ къ магнетизму?

— Вы думаете?

— Почему знать!

— Испытаемъ сперва средства обыкновенныя; будетъ еще время, если они окажутся тщетными, прибѣгнуть и къ сверхъ-естественнымъ. Не было писемъ ко мнѣ?

— Два, г. Дени. Я захватилъ ихъ въ вашей канцеляріи.

Дени вскрылъ первый конвертъ.

— А! сказалъ онъ,—Ямловъ пишетъ, что Поль Ленди можетъ говорить и что его выздоровленіе пойдетъ быстрѣе, чѣмъ можно было ожидать... Прекрасно! я отправлюсь къ нему завтра же... Что касается убійцы, то докторъ опасается мозговыхъ осложненій и потому совѣтуетъ мнѣ поспѣшить его допросомъ... Тѣмъ лучше! Я могу однимъ выстрѣломъ убить двухъ зайцевъ. Вы зайдете къ Ямлову, Лера, и попросите его быть въ полдень въ улицѣ Доминикъ...

Онъ развернулъ второе письмо.

— Отъ отца!... Эти несносныя дѣвчонки всѣ на одинъ покрой! Представьте себѣ, одна моленькая швея вздумала сообщать Эрминѣ о покушеніи на жизнь Поля Ленди... И гдѣ только эта Ирма Шапюи ухитрилась узнать?...

— Шапюи! повторилъ живо Лера. — Позвольте... она была у своей подруги, Бланшъ... Виноватъ въ этомъ Ямловъ.

— Богъ съ нимъ! Но бѣда въ томъ, что молодая герцогиня предается отчаянію и требуетъ, чтобы ее повели къ Полю..

— Вотъ какъ!

— Тише, Лера... это прекрасная, честная дѣвушка... но головка у нея бѣдовая!... Чтобы она ни вздумала сама броситься въ больницу Гро-Калью, я отвезу ее самъ..! Да чего лучше; отправимся всѣ за одно... Я напишу словечко моему отцу и вы препроводите ему мою записку сегодня же вечеромъ...

Въ эту минуту кто-то постучалъ въ дверь.

— Кто тамъ? крикнулъ Дени, нахмуря брови.

Изъ-за двери выглянула толстая физіономія Маріанны.

— Пришла горничная Фанни отъ герцогини Рейнольдъ, доложила она.

— Зови ее, Маріанна! воскликнулъ Дени.— Теперь мнѣ и писать не придется, прибавилъ онъ, улыбаясь.

Фанни вошла съ граціознымъ поклономъ.

— Извините, что я безпокою васъ въ такой часъ, г. Дени, сказала она,—но вы приказали мнѣ приглядывать за герцогиней и я считаю своею обязанностью..

— Говорите, моя милая. Этотъ господинъ— нашъ агентъ. Я васъ слушаю со вниманіемъ.

Фанни поклонилась Лера и начала:

— Все у насъ было спокойно, только прибѣжала вчера Ирма Шапюи и разсказала...

— Я это уже знаю. Глупая дѣвушка!

— Извините ее, сударь... Но она, какъ и мы всѣ, полюбила г. Поля въ то время, какъ онъ жилъ у насъ въ замкѣ. Она не подозрѣвала, что наша герцогиня...

— Что ваша герцогиня?... строго повторилъ Дени.

Фанни сконфузилась.

— Я не такъ выразилась... я хотѣла сказать, что Ирма... Однимъ словомъ, она не могла думать, что такое внезапное извѣстіе можетъ... произвести впечатлѣніе...

— Что же далѣе?

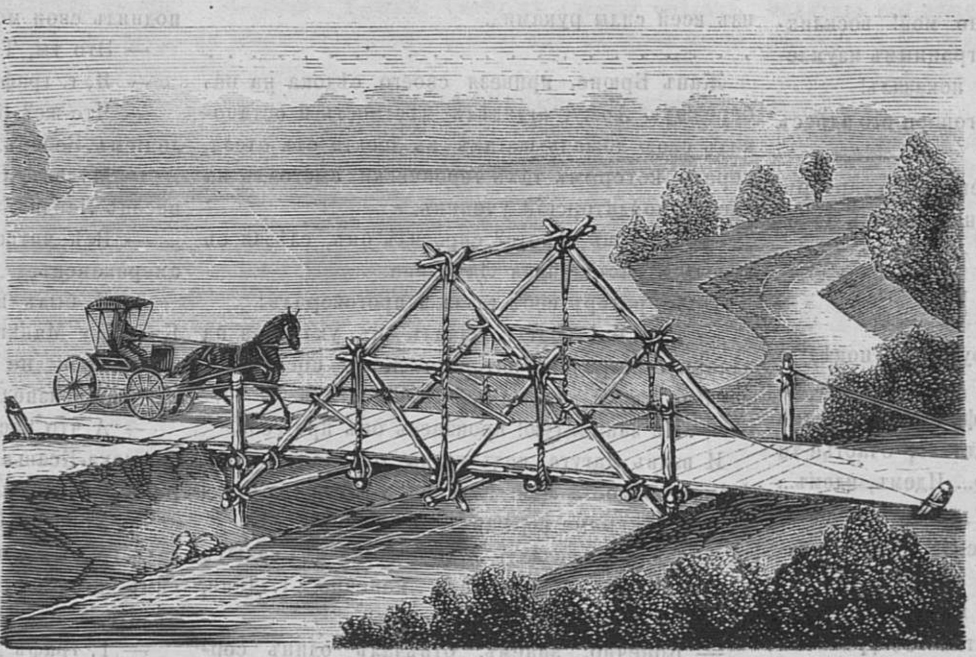
— Съ мадмуазель Эрминой сдѣлался нервный припадокъ!... Я призвала г. Контуа... Но мы не могли утѣшить ее ничѣмъ... кромѣ обѣщанія, которое ей далъ вашъ отецъ... Онъ сказалъ, что уговоритъ васъ исполнить ея желаніе...

— Вы знаете въ чемъ дѣло?

— Герцогиня вполнѣ довѣряетъ мнѣ, сударь. Вотъ почему, не получая отъ васъ отвѣта, она прислала меня...

— Хорошо, моя милая. Поѣзжайте обратно и скажите герцогинѣ, что Поль Ленди внѣ всякой опасности, и что она увидитъ его завтра. Пусть она будетъ готова въ двѣнадцатомъ часу; я заѣду за нею. До свиданія!

Фанни сдѣлала граціозный реверансъ. Въ ту минуту, какъ она выходила, раздался громкій звонокъ.



Мостъ на скорую руку.

— Еще! сказалъ Дени.—Не даютъ намъ поговорить сегодня, Лера.. Но подождите, вы увидите, какъ я умѣю спроваживать непрошенныхъ гостей...

Онъ направился къ двери, но въ это время до него долетѣлъ изъ прихожей громкій и отрывистый голосъ, говорившій Маріаннѣ:

— Сказано вамъ, толстуха, что мнѣ необходимо видѣть вашего хозяина... и безотлагательно!... Шепните ему только, что его спрашиваетъ Жанъ Брюне.

— Жанъ Брюне! закричалъ Дени.—Запрещеніе его не касается!

— Я не одинъ, г. инспекторъ, отвѣтилъ Жанъ, сторонясь, чтобы пропустить впередъ Атаназа, робко переминавшаго въ грязныхъ рукахъ свою бѣлую шапку.

— Ничего, входите вдвоемъ, сказалъ, Дени, всматриваясь въ мальчика. — Ты кто, мой милый?

— Атаназъ, ваша милость... крестникъ г-жи Шабуассо...

— Она посылаетъ сказать мнѣ что нибудь?

— Нѣтъ, ваша милость... я отъ себя!

— Вотъ въ чемъ дѣло, г. инспекторъ, вмѣшался Брюне.—Это дрянцо—хитрый малый, который оказалъ вамъ, сдается мнѣ, большую услугу.

— Вотъ какъ!

— Совершенно вѣрно. Извольте прослушать. Я собирался къ вамъ, когда онъ мнѣ случайно подкатился подъ ноги... и, вмѣсто того, чтобы отвезти его къ крестной, я счелъ лучшимъ притащить его къ вамъ.

— Говорите, что-же далѣе, сказалъ Дени, приглашая обоихъ гостей садиться.

— Извините, ваша милость... Но вы человѣкъ добрый и изволили уже кушать, какъ я замѣчаю... А этотъ малый промерзъ и не ѣлъ съ утра... Не дадите ли вы ему полрюмочки вина? Право, не даромъ получитъ!

— Дѣйствительно... вы правы, Брюне! Лера, давайте сюда рюмку.

Говоря это, Дени отрѣзалъ большой ломоть пирога и налилъ до верха рюмку вина.

— Ѣшь и пей, мальчуганъ, сказалъ онъ Атаназу.—А вы, Жанъ, если желаете?

— Нѣтъ, благодарю, я сегодня пропустилъ двойной раціонъ. Позвольте вамъ все разсказать...

И Жанъ передалъ своимъ слушателямъ все, что онъ совершилъ въ этотъ вечеръ, начиная съ своей встрѣчи съ Ламбленомъ и кончая свѣдѣніемъ о домѣ, въ которомъ находилась раненая лошадь.

— Браво! Вы молодецъ, Жанъ Брюне! сказалъ Дени. — Благодаря вамъ, мы держимъ одну изъ тѣхъ нитей, которыя ищемъ...

— Не одну только, г. Дени! возразилъ Брюне съ лукавой усмѣшкой.

— Какъ? Есть еще что нибудь?

— Да, ваша милость, рѣшился вмѣшаться Атаназъ съ набитымъ ртомъ. —Моя исторія еще!

— Послушаемъ и тебя, милый мой!

— Да ты ѣшь, мальчуганъ, весело перебилъ старый солдатъ. — Надо вамъ сказать, г. инспекторъ, что этотъ сорванецъ отрекомендовался мнѣ, свалясь съ кузова кареты, къ которой онъ прицѣпился! Когда онъ сказалъ мнѣ, кто онъ такой, я взялъ его съ собой, чтобы отвезти къ крестной; дорогою мы разговорились...

— Что же?

— То, что онъ мнѣ разсказалъ, вышло до того любопытнымъ, что я рѣшился не везти его туда, а доставить къ вамъ...

— Къ дѣлу, Жанъ, къ дѣлу!

— Вы только посудите, до чего удивительно! Онъ мчался на право, я скакалъ влѣво, а встрѣтились мы на одной и той же станціи.

— Мнѣ кажется, почтеннѣйшій кучеръ, что вы не скачете, а ѣдете шагомъ! вмѣшался Лера.—Такимъ аллюромъ мы никогда не доберемся до мѣста.

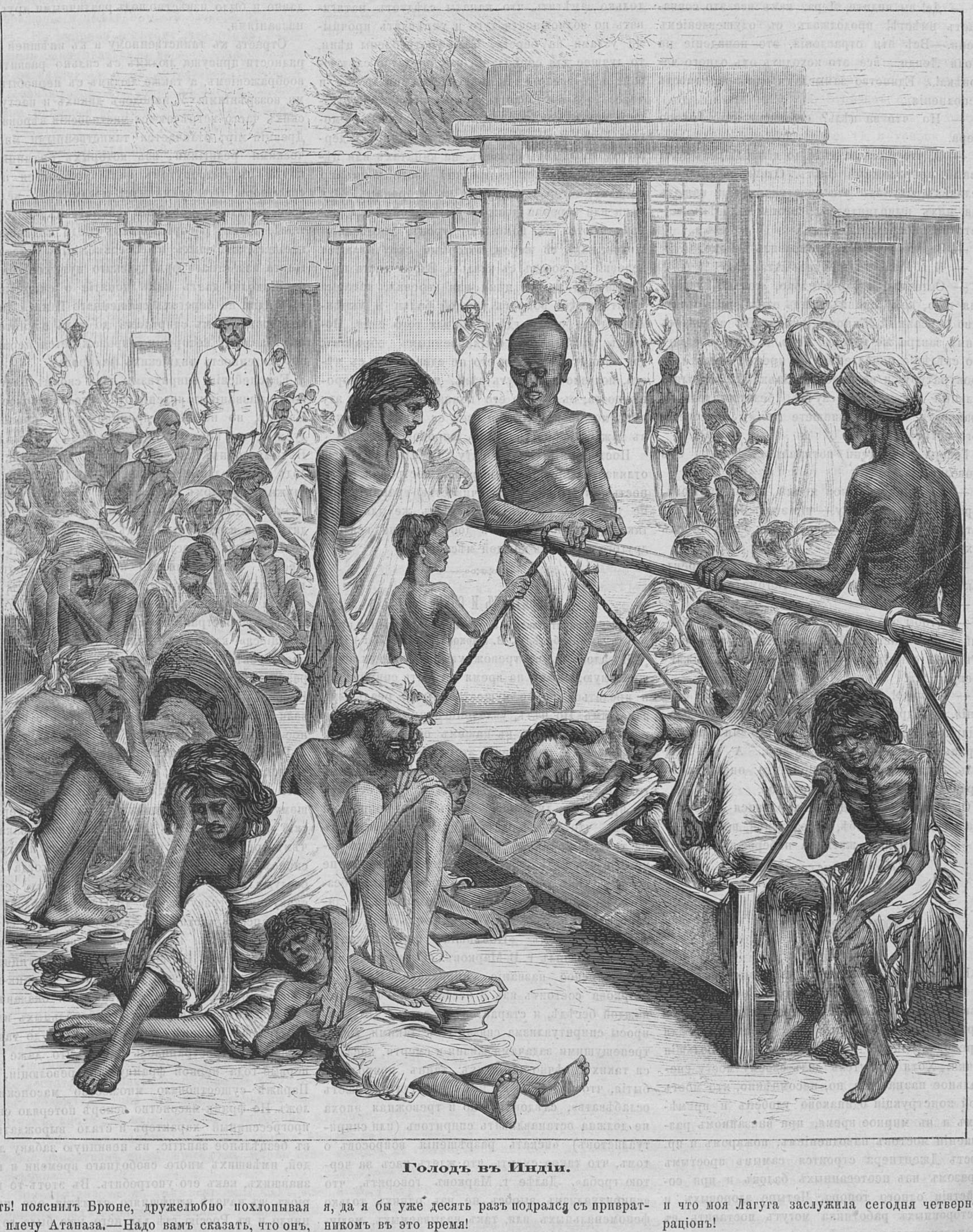
— Прошу прощенія... дѣйствительно, я принялся что-то колесить... Такъ вотъ въ чемъ дѣло: крестная этого младенца послала его слѣдомъ за высокимъ, худощавымъ господиномъ, приходившимъ освѣдомиться о здоровьи старика и молодыхъ людей, которымъ поднесли отраву... этой исторіи я еще не зналъ!... И вдругъ этотъ самый благопріятель отправляется тоже навѣстить моего бѣднаго сѣдока въ Гро-Калью...

— Не можетъ быть! воскликнулъ Дени, глаза котораго засверкали.

— Вѣрьте слову, г. Дени.

— Довольно того, что «верзила» сталъ распрашивать г. Ямлова, который повстрѣчался съ нимъ, подтвердилъ Атаназъ съ торжествующимъ видомъ.

— «Верзила»—это тотъ самый, сухопарый, и есть! пояснилъ Брюне, дружелюбно похлопывая по плечу Атаназа.—Надо вамъ сказать, что онъ, этотъ песъ, былъ одѣтъ какъ зажиточный буржуа... Изъ Гро-Калью онъ отправился къ Маньи, гдѣ ѣлъ безъ конца... и потомъ... какъ вы думаете?... Переодѣлся въ томъ же домѣ, на набережной Анжу, гдѣ раненая лошадь.



Голодъ въ Индіи.

— Что вы! воскликнулъ Лера.

— Подождите еще не все. Этотъ мальчуганъ прячется и ждетъ... чтобы увѣриться хорошенько, къ себѣ ли домой воротился «верзила». И выказалъ нашъ мальчикъ такое терпѣнье, что даже я передъ нимъ... пасъ! Простоялъ онъ на часахъ цѣлыхъ шесть часовъ, бѣдняжка!... Будь я, да я бы уже десять разъ подрался съ привратникомъ въ это время!

— Потомъ-то что? спросилъ Дени, жадно прислушиваясь къ разсказу.

— Потомъ, «верзила» выходитъ, уже переряженный въ коммиссіонера, и отправляется къ Лепелетье... въ тотъ самый кабачекъ, гдѣ я старался напоить до-пьяна убійцъ моего сѣдока... Вы понимаете теперь всю штуку?... И пока я увозилъ Ламблена, «верзила» препровождалъ Давіоля все на ту же набережную Анжу!... Тутъ-то этотъ малютка и свалился мнѣ подъ ноги... Что скажете, г. Дени? не правъ ли я былъ, говоря, что его исторія стоитъ мѣшка съ овсомъ и что моя Лагуга заслужила сегодня четверной раціонъ!

Дени и Лера смотрѣли другъ на друга съ изумленіемъ.

— Благодарю васъ, друзья мои, проговорилъ наконецъ, Дени, пожимая съ чувствомъ руку Жану и обнимая Атаназа, ошеломленнаго такой почестью.—Благодарю васъ! Вы оба дѣйствовали съ такой ловкостью, до которой, можетъ быть, далеко и намъ съ Лера... То, что вы открыли, поможетъ намъ, я надѣюсь, предать въ руки правосудія страшнаго злодѣя...

— Неужто? воскликнулъ Атаназъ.

— Вотъ удача-то! говорилъ въ то же время про себя растроганный Жанъ Брюне.

— Да! вы видите, Лера, какъ все это совпадаетъ вмѣстѣ! продолжалъ съ одушевленіемъ Дени.—Всѣ эти отравленія, это нападеніе на Поля Ленди... все это исходитъ отъ одного человѣка!... Единство замысла и одновременность исполненія...

— Но что за цѣль? спросилъ недовѣрчиво Лера.

— О, что намъ за дѣло до цѣли! Передъ нами явный, непреложный фактъ. Одинъ и тотъ же человѣкъ задумалъ эти преступленія и нашелъ для нихъ выполнителей... Этотъ человѣкъ живетъ на набережной Анжу...

— За это ручаюсь, промолвилъ Брюне.

— И я тоже, подтвердилъ Атаназъ.

— Остается, слѣдовательно, только узнать имя того, кому принадлежитъ отель, такъ отчетливо описанный Жаномъ Брюне. Вы займитесь этимъ завтра же утромъ, Лера, и доставите мнѣ это свѣдѣніе немедленно, но прежде зайдите въ прокуратуру и поспросите бланковый исполнительный листъ. Въ случаѣ безотлагательной крайности, вы сами впишете имя и арестуете, кого потребуется...

Говоря это, Дени потиралъ себѣ руки отъ удовольствія.

— Ты говоришь, мой милый, продолжалъ онъ, обращаясь къ Атаназу,—что этотъ незнакомецъ, котораго ты прозвалъ «верзилой», очень высокъ и худъ?

— О! длиненъ, какъ постный день, а жиренъ, какъ громоотводъ на соборѣ Богоматери!

— Молодъ?

— Чтобы это сказать, надо бы знать, который у него настоящій парикъ! А то, у крестной, онъ былъ совсѣмъ сѣдой, а къ вечеру въ рыжаг превратился!

— Хорошо! Лера выяснитъ все это... До свиданія, мои друзья, и примите еще разъ мою благодарность!.. Жанъ, заверните ко мнѣ завтра пораньше; вы мнѣ будете нужны... А ты, Атаназъ, скажи своей крестной, что она можетъ гордиться твоею смышленностью...

Оставшись одинъ, Дени направился къ своей спальнѣ, задавая себѣ, въ раздумьи, вопросъ:

— Кто бы могъ жить на набережной Анжу?

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Мостъ на скорую руку.

(Рис. стр. 392).

На послѣдней филадельфійской выставкѣ была представлена правительствомъ Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ штатовъ модель моста (проектъ военнаго инженера Джентнера), для перехода войскъ черезъ потоки и небольшія рѣчки. Хотя строитель далъ своему мосту спеціальное назначеніе, но, несомнѣнно, что мостъ этой конструкціи одинаково удобенъ и примѣнимъ и въ мирное время, при внезапномъ разрушеніи мостовъ наводненіемъ, пожаромъ и пр. Мостъ Джентнера строится самымъ простымъ образомъ изъ неотесанныхъ балокъ и при содѣйствіи одного топора. Четыре здоровыхъ и расторопныхъ работника могутъ поставить въ нѣсколько часовъ такой мостъ, достаточно прочный, чтобы выдерживать нагруженныя повозки съ запряжкою. Весь матеріалъ для моста состоитъ изъ подходящаго строевого лѣса и нѣсколькихъ канатовъ или цѣпей. Во всякомъ случаѣ, если даже мостъ строится не съ временной цѣлью, всѣ скрѣпы его должны состоять изъ цѣпей или проволочныхъ канатовъ, но никакъ не изъ гвоздей, скобъ и т. п. твердыхъ связей, вслѣдствіе эластичности моста и постояннаго, хотя и легкаго сотрясенія его при проѣздѣ повозокъ. Система постройки видна на нашемъ рисункѣ и не требуетъ дальнѣйшихъ поясненій. Остается только замѣтить, что канаты слѣдуетъ натягивать по возможности туго и укрѣплять прочными узлами на берегу. Если употреблены цѣпи, то лучшее для скрѣпленія ихъ средство слѣдующее: одно звено цѣпи запускается въ другое и черезъ оба продѣвается кусокъ крѣпкаго желѣзнаго прута, концы котораго загибаются и не могутъ болѣе сдвинуться съ мѣста. Помостъ держится, главнымъ образомъ, на канатахъ или цѣпяхъ, находящихся посерединѣ моста и именно на тѣхъ, которыя оттянуты къ сторонамъ. Эти цѣпи или веревки должны быть двойныя и закручиваются съ помощью чурокъ, закрѣпляющихся, какъ тѣ жерди, которыми скручиваются веревки на возахъ съ кладью. Вдоль моста протягиваются то же цѣпи или веревки, которыя заматываются вокругъ каждой балки и укрѣпляются на берегу, гдѣ вбита для того свая. Помостъ настилается обыкновеннымъ образомъ; для того, чтобы части его не сдвигались съ мѣста, полезно протянуть цѣпь, по каждой сторонѣ моста, съ одного его конца на другой; эту цѣпь можно прибить по всей ея длинѣ, запуская въ каждое звено гвоздь съ широкою шляпкою.

Построенный по проекту Джентнера мостъ, отличается крайнею быстротою постройки, прочностью и большою устойчивостью сравнительно не толстыхъ бревенъ; матеріалъ же для него таковъ, что можетъ быть добытъ легче всякаго другого почти въ каждой мѣстности.

Спиритизмъ и спириты.

(**Новѣйшій спиритуализмъ**, его феномены и ученіе, пріятельскія бесѣды. **В. Маркова.** Спб. 1877 г.)

Казалось бы въ тревожную эпоху, нами переживаемую, можно на время оставить спиритизмъ и предаться болѣе существеннымъ, реальнымъ занятіямъ. Но нѣтъ, увлеченіе спиритизмомъ все еще продолжается въ нашемъ обществѣ, хотя, можетъ быть, проявленіе этого увлеченія выказывается и не въ такихъ рѣзкихъ формахъ, какъ года два тому назадъ. Однакожь, столы стучатъ по прежнему; духамъ не даютъ покоя вопросами о томъ, что происходитъ и будетъ происходить на театрѣ военныхъ дѣйствій. Это бы еще ничего, пусть себѣ забавляются люди, которые не знаютъ, чѣмъ убить праздное время. Такое безтолковое занятіе, конечно, непохвально, но далеко не такъ, какъ писаніе книжекъ подъ громкимъ заглавіемъ «Новѣйшій спиритуализмъ», чѣмъ согрѣшилъ г. В. Марковъ. «Спиритуализмъ» американское названіе спиритизма. Книга г. Маркова состоитъ изъ 3 бесѣдъ по 3 главы въ каждой бесѣдѣ, и старается доказать, что «вопросы спиритуализма связаны съ такими животрепещущими задачами жизни и смерти, касаются такихъ вѣчно-манящихъ тайнъ природы и бытія, что интересъ къ нимъ никогда не можетъ ослабѣвать», слѣдовательно и тревожная эпоха не должна останавливать спиритовъ (или спиритуалистовъ) «искать разрѣшенія вопросовъ о томъ, что такое смерть, что ждетъ насъ за чертою гроба». Далѣе г. Марковъ говоритъ, что «спиритуализмъ выросъ не изъ однихъ только феноменальныхъ или, такъ называемыхъ, медіумическихъ явленій, характеръ которыхъ хорошо всѣмъ извѣстенъ; онъ выросъ преимущественно изъ тѣхъ «откровеній», которыя исходили отъ ясновидящихъ въ магнитическомъ снѣ и въ самобытномъ магнитическомъ состояніи». Мы не будемъ останавливаться на положеніяхъ г. Маркова, въ родѣ, напримѣръ, такого, что «духовное тѣло есть субстанція, незримая матеріальному взору, серебристая, вполнѣ реальная подкладка нашего физическаго организма», — мы займемся разрѣшеніемъ вопроса точно ли спиритуализмъ ученіе новое, какъ стараются доказать его послѣдователи, или же оно существуетъ очень давно и было извѣстно подъ различными другими названіями.

Страсть къ таинственному и къ внѣшней обрядности присуща людямъ съ сильно развитымъ воображеніемъ, а также людямъ съ первобытными воззрѣніями. У народовъ дикихъ и пастушескихъ часто встрѣчаются мистическія вѣрованія. Древній міръ отличается таинственными мистическими религіями, изъ которыхъ браминизмъ почти въ нетронутомъ видѣ сохранился и до сихъ поръ. Отъ браминизма несомнѣнно ведетъ свое начало и новѣйшій спиритизмъ, который также сильно распространенъ среди индѣйскихъ племенъ, живущихъ въ Соединенныхъ штатахъ. Книга извѣстнаго французскаго путешественника Жаколіо даетъ намъ понятіе о спиритизмѣ въ Индіи, на берегахъ священнаго Ганга. Далеко европейскимъ спиритамъ до тѣхъ изумительныхъ явленій, которыми сопровождается нервная возбужденность индійскихъ факировъ.

Европейскій спиритизмъ подъ своимъ настоящимъ названіемъ явленіе относительно новое въ Европѣ, но не новы принципы, имъ проповѣдуемые, не нова его мистическая подкладка. Вѣчныя войны, необезпеченность положенія, голодъ и повальныя болѣзни въ средніе вѣка послужили поводомъ къ сильному развитію мистицизма. Католическіе клерикалы, желавшіе утвердить свое владычество надъ міромъ, ловко воспользовались существовавшимъ настроеніемъ общества. Они не только не ратовали противъ крайнихъ проявленій мистицизма, напротивъ, помогали его развитію. Они способствовали, напримѣръ, распространенію такой секты, какъ «Бичующіеся», къ которой дикое изувѣрство и наивное суевѣріе перемѣшивались съ полнѣйшею разнузданностію въ нравственномъ отношеніи. Клерикалы почти сто лѣтъ къ ряду экслуатировали съ большою для себя выгодою это повальное человѣческое безуміе.

Реформація, бывшая реакціей противъ католическаго фанатизма, не съумѣла, однакожь, вырвать его съ корнемъ, и способствовала еще большему развитію мистицизма. Правда, лютеранскій мистицизмъ былъ нѣсколько иного закала, чѣмъ средневѣковый; онъ менѣе мѣшалъ прогрессивному развитію, было даже время, когда онъ сослужилъ ему добрую службу. Создавъ секты скакуновъ, трясучекъ и другія имъ подобныя, лютеранскій мистицизмъ вмѣстѣ съ тѣмъ породилъ пуританъ и квакеровъ, въ свое время людей передовыхъ. На почвѣ этого же мистицизма создалось политическое учрежденіе — франк-масонство, вначалѣ своей дѣятельности оказавшее большое содѣйствіе развитію либеральныхъ идей въ западной Европѣ. Франк-масонство до такой степени растространилось здѣсь, что даже въ первые года первой французской революціи, въ Парижѣ существовало множество масонскихъ ложъ. Но франк-масонство вскорѣ потеряло свой прогрессивный характеръ и стало вырождаться въ безцѣльное занятіе, въ невинную забаву людей, имѣвшихъ много свободнаго времени и незнавшихъ, какъ его употребить. Въ этотъ-то періодъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, оно проникло и въ Россію, гдѣ для него уже была готовая почва въ мартинизмѣ.

Мартинизмъ въ началѣ своего существованія въ Россіи оказалъ значительную услугу нашему развитію; достаточно вспомнить всѣмъ извѣстную благотворную дѣятельность Новикова и его друзей. Послѣ Новикова мартинизмъ сталъ отличаться чисто-обрядовой кабалистикой. Преимущественно на этой почвѣ развилось и наше масонство, благодаря модѣ на него, одно время принявшее у насъ значительные размѣры. Масонскія ложи открылись не только въ столицахъ, но и во многихъ провинціальныхъ городахъ. Таинственность, соблюдаемая при пріемѣ членовъ, театральные внѣшніе обряды много вліяли на воображеніе и имѣли въ себѣ своеобразную прелесть. Не мудрено по этому, что очень многіе спѣшили записываться въ масоны, хотя большинство не знало, да и не добивалось узнать, въ чемъ заключалась сущность масонства. Едва-ли нужно прибавлять, что и у насъ были исключенія. Нѣкоторыя масонскія ложи оказали большую услугу благотворительности и развитію просвѣщенія. Но это были исключенія, мы же говоримъ о большинствѣ, вступавшемъ въ масоны ради развлеченія, ради забавы.

Нисколько неудивительно, что при пассивномъ отношеніи къ масонству большинства его послѣдователей, оно послужило косвенной причиной созданія у насъ дикаго ученія, извѣстнаго подъ именемъ татариновскаго. Оно появилось въ Петербургѣ и вскорѣ сдѣлалось моднымъ, такъ что къ татариновцамъ примкнули даже представители высшаго круга общества. Здѣсь участвовали и графини, и сановники. По весьма малому числу данныхъ, касающихся этой секты, трудно составить о ней точное понятіе, однакожь можно заключить, что въ основаніе ея, съ одной стороны, легли извращенныя до абсурда идеи франк-масонства, а съ другой — вѣрованія хлыстовщины. Какъ забрели хлыстовскія убѣжденія, составляющія исключительную принадлежность мистиковъ изъ низшихъ классовъ, въ великосвѣтскія петербургскія гостиныя—сказать мудрено. Но, во всякомъ случаѣ, они пользовались большимъ уваженіемъ между послѣдователямя татариновской секты, принявшей даже внѣшніе обряды хлыстовщины, напримѣръ, чанъ съ водой, вокругъ котораго совершалось радѣніе, длинныя бѣлыя рубахи, составлявшія единственный костюмъ радѣльщицъ и радѣльщиковъ, скаканіе вокругъ чана, а также нѣкоторыя молитвенныя пѣсни хлыстовъ. Радѣнія сопровождались бесѣдой съ духами и прорицаніями. Въ 1817 году татариновцы подверглись преслѣдованію. Слѣдственное дѣло о членахъ секты составляетъ почти единственный матеріалъ, удобный для изслѣдованія ея.

Послѣ перваго разгрома, члены татариновской секты разбрелись по всей Россіи и долго о нихъ не было никакого слуха, когда въ 1838 году собраніе какихъ-то сектантовъ принято было за собраніе татариновцевъ и правительственными мѣрами снова разсѣяно. Были ли это татариновцы или какая-нибудь другая секта—слѣдствіемъ не обнаружено. Во всякомъ случаѣ, эта секта, по относительной малочисленности и безпритязательности ея членовъ, не выказавшихъ ни искуства, ни желанія вести пропаганду, не могла оказать значительнаго вліянія, но сѣмяна, ею посѣянныя, принесли свой плодъ. Наклонность къ мистическимъ таинственнымъ ученіямъ была уже достаточно развита въ нѣкоторой части нашего общества, такъ что когда появился спиритизмъ, почва для него была уже взрыхлена и обработана. При самомъ появленіи своемъ въ Россіи спиритизмъ сразу пріобрѣлъ много сторонниковъ.

Спириты далеко не такъ скромны, какъ, напримѣръ, ихъ предшественники татариновцы. Они заявляютъ самыя грандіозныя претензіи. Мало того, что они, по обычаю всѣхъ сектъ, считаютъ исключительно себя солью земли, они, устами одного изъ своихъ извѣстныхъ ораторовъ и писателей, скрывающагося подъ псевдонимомъ Б., увѣряютъ, что «они втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ своего существованія обратили къ своему ученію нѣсколько десятковъ и даже сотенъ тысячъ матеріалистовъ!» Однакожь, наши спириты, чувствуя, что такому голословному ихъ увѣренію не повѣрятъ, въ скобкахъ прибавляютъ, что здѣсь дѣло идетъ не объ одной Россіи, а вообще о цѣлой Европѣ. Но даже самъ Аланъ Кардэкъ, спиритическій оракулъ, ни словомъ не промолвился о такой побѣдѣ. Слѣдовательно, наши спириты, въ своемъ усердіи, хватили черезъ край.

Люди часто заблуждались; они часто доходили и доходятъ до абсурда въ своихъ убѣжденіяхъ, но все это были и есть люди неразвитые, незнакомые съ наукой. Спириты же не то. Они гордятся своими научными знаніями, они силятся подвести свои выводы подъ научные законы, наконецъ, свои галлюцинаціи они называютъ наукой, которая, будто бы, основывается не на какихъ либо произвольныхъ гипотезахъ, а на точныхъ, положительныхъ опытахъ.

Изъ приведенныхъ выписокъ видно, что г. Марковъ держится того же убѣжденія. Но его объявленія до такой степени туманны, что едва-ли нужно на нихъ останавливаться. Лучше обратимся къ цитированному уже г. Б., тѣмъ болѣе, что онъ слыветъ авторитетомъ между нашими спиритами.

По ученію спиритовъ, основанному, по ихъ словамъ, на строгихъ научныхъ опытахъ, «духовное начало, пока оно еще не дошло до степени духа, для своего усовершенствованія, переходитъ всѣ породы ископаемыхъ отъ низшихъ къ высшимъ, потомъ черезъ растенія и черезъ всѣхъ животныхъ. Когда же дойдетъ до степени духа, тогда продолжаетъ свое совершенствованіе уже исключительно въ тѣлѣ человѣка до тѣхъ поръ, пока достигнетъ до состоянія чистыхъ духовъ.» Далѣе: «духи воплощаются въ одномъ и томъ же мірѣ (т. е. на извѣстной планетѣ) до тѣхъ поръ, пока не усвоятъ себѣ всѣхъ совершенствъ, доступныхъ для духа въ этомъ мірѣ; достигнувъ же ихъ, духъ переходитъ въ высшій міръ (т. е. на слѣдующую по рангу планету), и въ немъ, переходя различныя тѣлесныя существованія, продолжаетъ свое совершенствованіе. Такимъ образомъ, перейдя постепенно многіе міры, онъ достигаетъ, наконецъ, высшаго міра, въ которомъ продолжаетъ уже свое дальнѣйшее совершенствованіе въ состояніи духа.» Отсюда выводится заключеніе, что духи, окончившіе на землѣ свои мытарства, переходятъ на слѣдующую по рангу планету, имя которой, къ сожалѣнію, еще не дознано спиритическими опытами, а на землю взамѣнъ ихъ являются новые духи съ планеты низшей.

Но въ природѣ все совершенствуется, говорятъ спириты, и земля должна будетъ въ свое время повыситься чиномъ и перейдти въ разрядъ высшихъ міровъ. Теперь же она «страна испытаній и скорбей, на ней царствуетъ эгоизмъ, гордость, зависть, тщеславіе и другіе пороки», а потому и духи, живущіе на землѣ, отличаются этими же непохвальными качествами, чего, разумѣется, не будетъ, когда земля закончитъ трудную стезю совершенствованія.

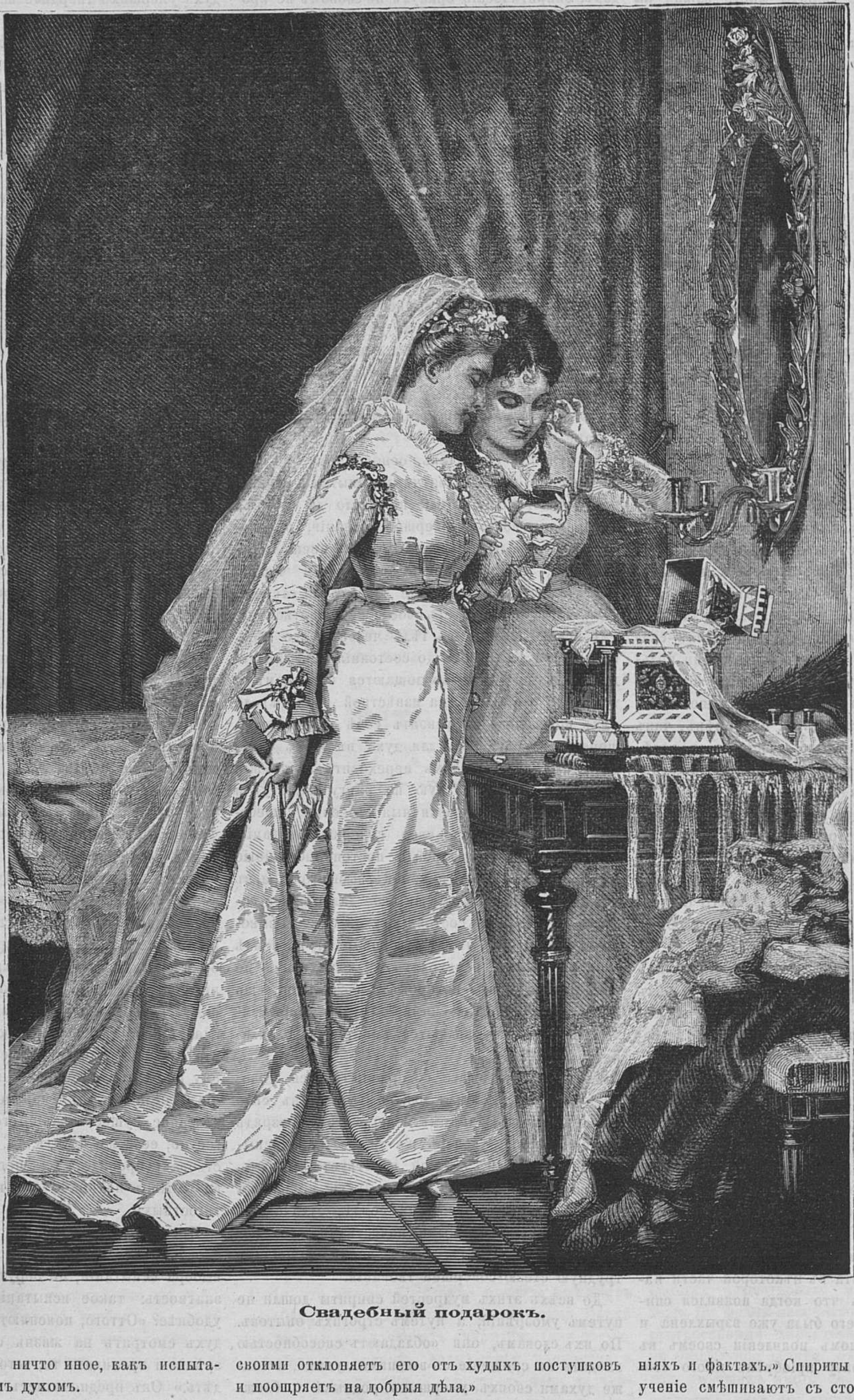
До всѣхъ этихъ мудростей спириты дошли не путемъ умозрѣній; а путемъ строгихъ опытовъ. По ихъ словамъ, они «обладаютъ способностью входить въ сношеніе съ высшими духами, а также духами своихъ умершихъ родныхъ и ближнихъ, которые дѣлятся съ ними своими познаніями, открываютъ имъ загробную жизнь, возвѣщаютъ будущее и научаютъ на всякую истину.» Разумѣется, такія очевидныя доказательства заставляютъ умолкнуть всякаго неисправимаго скептика, и онъ спѣшитъ покаяться и присоединиться къ стаду создателей новой науки! Такимъ легкимъ способомъ спириты пріобрѣтаютъ себѣ прозелитовъ. О, бѣдные скептики, какъ плохи и слабы вы, по словамъ спиритовъ, уловляющихъ васъ въ свои сѣти десятками тысячъ!

Спиритовъ чрезвычайно занималъ вопросъ: какое количество тѣлесныхъ существованій необходимо духу для полнаго его совершенствованія? Обращались они къ опытамъ, но высшіе духи и духи умершихъ твердили все одно и тоже: много нужно, а сколько именно, не скажемъ, ибо духъ, въ васъ сидящій, еще не настолько совершенъ, чтобы его мозги могли воспринять наше объясненіе. Почему же много? спрашивали опять неугомонные изслѣдователи. А потому, что духи имѣютъ неравныя способности, отвѣчалъ опытъ; «и тѣ изъ нихъ, которые чаще воплощались, а слѣдовательно и прожили болѣе, тѣ и успѣли болѣе, знанія ихъ обширнѣе и нравственное чувство у нихъ развито больше.» «Этимъ закономъ, продолжаетъ опытъ, совершенно логично объясняется, почему у нѣкоторыхъ дѣтей замѣчаются необыкновенныя способности: духъ ихъ уже и прежде отличался способностями и схватывалъ знанія на лету и теперь ихъ припоминаетъ.»

Но не всѣмъ людямъ выпадаетъ на долю удача служитъ оболочкой для передового духа, которому не нужно особенно утруждать свой умъ для пріобрѣтенія знаній, такъ какъ ему приходится только припоминать прежде пройденное. Есть и такіе обиженные природой, которые должны таскать въ себѣ отсталаго духа. Это народы дикіе, въ нихъ садится плохенькій душокъ, растягиваетъ имъ заднюю часть черепа, вслѣдствіе чего у нихъ преобладаетъ инстинктъ надъ органами умственныхъ способностей. Оно, правда, не совсѣмъ логично, причина дѣлается слѣдствіемъ, а не на оборотъ, но за то ужь слишкомъ замысловато!

А кто же сидитъ въ тѣлахъ кретиновъ и идіотовъ? Разъясняя этотъ затруднительный вопросъ высшіе духи выказываютъ высочайшую степень сообразительности и остроумія. Они, не обинуясь, провозглашаютъ, что въ этихъ бѣднякахъ воплощаются наказанные духи, сидѣвшіе прежде въ геніальныхъ людяхъ, которые во зло употребили свой геній... Позвольте, вы же сами говорили, что духъ съ каждымъ воплощеніемъ все болѣе и болѣе совершенствуется... Высшіе духи не затрудняются отвѣтомъ. «Духъ, вступая послѣ смерти тѣла, говорятъ они,—въ міръ духовъ, возвращаетъ себѣ свободу всѣхъ своихъ способностей духа, которыя во время тѣлесной жизни были связаны матеріальными органами, память къ нему возвращается, онъ припоминаетъ всѣ предшествовавшія свои тѣлесныя существованія, сознаетъ свои ошибки и проступки и понимаетъ, что ему еще надо усовершенствоваться.» Затѣмъ ему предоставляется право избрать себѣ испытаніе, и если онъ его перенесетъ, то слѣдующее тѣлесное существованіе его будетъ менѣе тягостно; если же падетъ, то это тѣлесное существованіе пропадетъ для него даромъ и онъ снова долженъ начинать его при условіяхъ болѣе тягостныхъ.

Простые смертные, по своему легкомыслію, способны спросить: отчего же духи, имѣя право выбора испытаній, не берутъ всегда богатство и знатность: такое испытаніе будетъ и легче и удобнѣе? «Оттого, поясняютъ высшіе духи,—что духъ смотритъ на жизнь съ настоящей точки зрѣнія и провидитъ то, чего люди не могутъ видѣть.» Онъ предпочитаетъ бѣдность, такъ какъ при ней легче совершенствоваться. Вотъ и причина, почему на землѣ такъ много бѣдняковъ и такъ мало богатыхъ. Испытаніе богатствомъ берутъ на себя только духи шальные, легковѣрные, которые туго подвигаются къ совершенствованію. Отсюда выводъ, что быть бѣднымъ выгоднѣе, чѣмъ богатымъ, потому что духъ бѣдняка скорѣе, чѣмъ духъ богача, переправится на другую, болѣе совершенную планету. Это обстоятельство служитъ также причиной неравенства положеній въ человѣческихъ обществахъ. Имъ же объясняется, почему одинъ человѣкъ получаетъ здоровое тѣло, а другой болѣзненное, а также всѣ несчастія, которыя преслѣдуютъ человѣка; эти бѣдствія ничто иное, какъ испытанія, избранныя самимъ духомъ.



Свадебный подарокъ.

Вотъ образчики экономическихъ, физіологическихъ и психологическихъ воззрѣній спиритовъ, выведенные изъ точныхъ опытовъ ихъ науки. И какъ легко достается эта наука! Зачѣмъ утруждать себя изученіемъ школьной премудрости, когда спиритическая наука заключаетъ въ себѣ всѣ науки въ очищенномъ, истинномъ видѣ. Зачѣмъ ломать свою голову надъ разрѣшеніемъ какой бы то ни было теоріи, когда можно обратиться съ вопросомъ къ высшему духу, и онъ все изложитъ по пунктамъ. По ученію спиритовъ, «такой духъ данъ каждому человѣку въ путеводители, и онъ, нисколько не стѣсняя свободной воли своего воспитанника, внушеніями своими отклоняетъ его отъ худыхъ поступковъ и поощряетъ на добрыя дѣла.»

Изложивъ главнѣйшія основанія спиритическаго ученія, мы не будемъ входить въ изложеніе частностей. Вся эта спиритическая наука страдаетъ отсутствіемъ здраваго смысла, самоувѣренностью и притязательностью, тѣмъ болѣе курьезными, что въ этой наукѣ на каждомъ шагу встрѣчаются противорѣчія. Кабалистика — и только, но сами спириты убѣждены, что спиритизмъ открылъ новый законъ, новую силу природы, законъ дѣйствія духа на матерію, духовнаго міра на тѣлесный и тѣлеснаго на духовный; что «спиритизмъ не есть какая-либо чисто умозрительная или мистическая наука, но наука положительная, основанная на наблюденіяхъ и фактахъ.» Спириты обижаются, если ихъ ученіе смѣшиваютъ съ столоверченіемъ, съ давенпортовскими шкапами; они съ негодованіемъ отвергаютъ свою связь съ этимъ шарлатанствомъ и фокусничествомъ; но разница между этими чистыми спиритами, какъ называютъ себя послѣдователи научнаго спиритизма, и фокусниками, заключается въ томъ, что если шарлатаны пишутъ въ своихъ рекламахъ о новомъ законѣ, будто бы открытомъ ими, то они ни на минуту сами не вѣрятъ своей рекламѣ и знаютъ хорошо, что публика смотритъ на нихъ только, какъ на шарлатановъ и фокусниковъ. Спириты же вѣрятъ въ свои бредни, хотятъ въ томъ увѣрить и другихъ; они заявляютъ огромныя претензіи; спириты — противники всякихъ точныхъ знаній.

Наши спириты, конечно, съ презрѣніемъ относятся къ хлыстамъ и горько сѣтуютъ, что ихъ иногда смѣшиваютъ съ этою сектою, распространенною среди невѣжественной массы. Но точно-ли они правы? Есть-ли большое различіе между ними и хлыстами?

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Болгаринъ въ турецкой тюрьмѣ.

(Съ болгарскаго. Посвящается Н. А. Л.)

Кончено!... Заперлись двери желѣзныя...
Келья темна и тѣсна;
Сводами стѣны, какъ въ склепѣ, смыкаются,
Словно въ гробу тишина...

Тучами небо осеннее кроется,
Вѣтеръ гудитъ и реветъ,
Бѣдный мой мозгъ, какъ свинцовою тяжестью,
Мрачная дума гнететъ.

Давитъ тисками тоска безъисходная,
Грудь наболѣла моя;
Радости, свѣта, да жизни такъ хочется...
Эхъ! Человѣкъ вѣдь и я!...

Разъ мой сосѣдъ по тюрьмѣ мнѣ разсказывалъ:
Гдѣ-то цвѣтокъ онъ досталъ,
Холилъ, лелѣялъ,—тотъ мрака тюремнаго
Году не вынесъ,—завялъ...

Также погибнешь и ты смертью медленной,
Также завянутъ мечты;
Тихо замретъ огонёкъ догорающій...
Или живучѣе ты?...

С. Г—ъ.

Кадуръ и Катель.

Разсказъ **Альфонса Додэ.**

Кадуръ Бенъ-Шерифа, фельдфебель полка алжирскихъ стрѣлковъ, былъ при смерти въ тотъ вечеръ, когда его принесли на пильный заводъ Рипперта на Зацербахѣ. Страдая сильной лихорадкой, раненый прожилъ эти пять долгихъ недѣль, какъ во снѣ. Иногда ему казалось, что онъ въ самомъ разгарѣ битвы и бѣжитъ съ дикимъ взвизгиваньемъ по засѣяннымъ льномъ полямъ и хмѣльникамъ Виссамбурга, или что онъ тамъ, въ Алжирѣ, въ домѣ своего отца, каида матматаскаго. Потомъ онъ открывалъ глаза и видѣлъ какъ бы въ туманѣ свѣтлую и спокойную комнату съ большими бѣлыми занавѣсками, зеленыя вѣтви, заглядывающія въ окна, солнце, пересѣченное облаками и, подлѣ своей кровати, маленькую сестру милосердія, внимательную, молчаливую, у которой не было ни серебрянаго креста, ни четокъ, ни голубого вуаля, у которой были только двѣ тижелыя косы, падающія на бархатный корсажъ. Отъ времени до времени ее звали: Катель... Катель... Тогда дѣвочка уходила на цыпочкахъ и раненый слышалъ издалека звучный, молодой голосъ, который освѣжалъ его, какъ звукъ ручья, протекавшаго подъ окнами пильнаго завода.

Кадуръ Бенъ-Шерифа былъ долго боленъ, но Рипперты такъ старательно ухаживали за нимъ, что его раны закрылись, они такъ хорошо припрятали его, что прусаки не могли послать его умереть отъ холода въ майнцскихъ казематахъ. Теперь онъ начинаетъ говорить, показывать свои бѣлые зубы и дѣлаетъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ и одинъ изъ его рукавовъ — тотъ, въ которомъ зіяетъ большая дыра среди вышивокъ — падаетъ на руку, перевязанную и еще изувѣченную Каждый день, Катель ставитъ, въ маленькій садикъ пильнаго завода, соломенный стулъ для раненаго, она отыскиваетъ ему у стѣнъ самый теплый уголокъ, гдѣ виноградъ зрѣетъ всего быстрѣе. И Кадуръ, который въ качествѣ сына каида, воспитывался въ арабской коллегіи Алжира, благодаритъ ее на французскомъ языкѣ немного варварскомъ и испещренномъ арабскими словами. Добрый тюркосъ очарованъ, самъ не подозрѣвая этого. Эта веселость молодой европеянки, которая живетъ свободно, какъ птичка безъ покрывала на воздухѣ, безъ рѣшетокъ у ея оконъ, удивляетъ и восхищаетъ его. Эта жизнь такъ далека отъ затворнической жизни женщинъ его страны, маленькихъ мавританокъ, укутанныхъ бѣлыми покрывалами и раздушенныхъ вербеной. Катель, съ своей стороны, находитъ Кадура немного смуглымъ; но у него такой добрый, такой храбрый видъ, онъ такъ ненавидитъ пруссаковъ!... Одно только сердитъ ее, что тамъ въ Алжирѣ, въ Африкѣ, мужчины пользуются правомъ имѣть нѣсколько женъ. Катель этого не понимаетъ. И вотъ когда алжирецъ, чтобы подразнить ее, говоритъ ей на своемъ нарѣчіи: — Кадуръ скоро женатъ... Онъ беретъ четыре жены... Четыре. Катель начинаетъ сердиться. — У! злой Кадуръ!... Язычникъ!... Тогда тюркосъ смѣется добрымъ ребяческимъ смѣхомъ; потомъ онъ снова становится серьезнымъ и останавливается передъ молодой дѣвушкой, открывая глаза такъ широко, такъ широко, какъ будто онъ хочетъ унести ее въ своемъ взглядѣ.

Такъ-то началась любовь Кадура и Катель.

Выздоровѣвъ, Кадуръ вернулся къ отцу и вы можете себѣ представить, какіе праздники устраивали въ честь его въ Магматасѣ. Тростниковыя дудочки и маленькіе арабскіе барабаны проиграли свои лучшія аріи для его встрѣчи; старый каидъ, сидящій передъ своей дверью, при видѣ любимаго сына, котораго онъ считалъ умершимъ, идущаго по аллеѣ изъ кактусовъ, затрясся подъ своимъ шерстянымъ бурнусомъ, какъ бы въ припадкѣ лихорадки. Впродолженіи цѣлаго мѣсяца одинъ праздникъ смѣнялся другимъ.

Каиды и сосѣдніе аги оспаривали другъ у друга честь угощать Кадура Бенъ-Шерифа и въ мавританскомъ кафе его заставляли каждый вечеръ разсказывать о тѣхъ великихъ сраженіяхъ, въ которыхъ онъ участвовалъ...

Все напрасно! Всѣ эти почести, всѣ эти праздники не могутъ осчастливить Кадура. Въ отцовскомъ домѣ, среди всѣхъ воспоминаній дѣтства, лошадей, гончихъ, оружія, онъ постоянно чувствуетъ отсутствіе чего то: ему недостаетъ откровенной рѣчи и искренняго смѣха Катель. Постоянное перешептыванье арабскихъ женщинъ, которое заставляло нѣкогда биться его сердце, надоѣдаетъ ему теперь и утомляетъ его. Ему уже не нравятся уборы изъ цехиновъ, ни четки изъ цвѣтовъ померанцеваго дерева, ни широкіе шальвары изъ розоваго атласа. Онъ предпочитаетъ слышать о длинныхъ косахъ безъ жемчуга, безъ газа, безъ цвѣтовъ, озаренныхъ только лучами солнца, заходящаго надъ маленькимъ эльзаскимъ садикомъ.

А между тѣмъ если бы Кадуръ пожелалъ!... Въ сосѣднемъ племени есть прелестные черные глаза, которые подстерегаютъ его изъ-за рѣшетчатыхъ оконъ дома аги,—прелестные глаза, до такой степени удлиненные подкрашиваньемъ, что самый взглядъ ихъ кажется лѣнивымъ. Но Кадуръ уже не хочетъ этихъ глазъ. Онъ грезитъ, онъ сожалѣетъ о добромъ взглядѣ Катель, который такъ быстро оглядывалъ комнату, чтобы узнать все ли есть у больного, и въ которомъ волновалась жизнь, какъ свѣтъ волнуется въ голубыхъ водяныхъ капляхъ.

Однако, мало по малу, очарованье голубыхъ глазъ, это нѣжное очарованье, соединенное съ первымъ выходомъ, съ первымъ пробужденіемъ здоровья, съ этимъ мягкимъ, умѣреннымъ климатомъ Франціи, изгладилось. Кадуръ, наконецъ, забылъ Катель. Во всей шелифской долинѣ только и толкуютъ о предстоящей женитьбѣ его на Яминѣ, дочери джендельскаго аги. Въ одно прекрасное утро длинный рядъ муловъ потянулся по дорогѣ къ городу; Кадуръ Бенъ-Шерифа отправился съ своимъ отцомъ покупать свадебные подарки. Они цѣлый день бѣгали по базарамъ, выбирали бурнусы съ серебряными полосами, смирнскіе ковры, янтарныя ожерелья, серьги и, перебирая всѣ эти драгоцѣнныя бездѣлушки, всѣ эти шелковые лоскутки и ткани, Кадуръ думаетъ объ Яминѣ. Востокъ снова завладѣлъ имъ, но скорѣе силой привычки, вліяніемъ атмосферы и обстоятельства, чѣмъ силой сердечной связи.

На закатѣ солнца, рядъ муловъ, нагруженныхъ рогожными подушками, въ которыхъ были зашиты подарки, спускался по дорогѣ къ предмѣстью, но у двора арабскаго бюро, мулы принуждены были остановиться, вслѣдствіе громаднаго стеченія народа. Сюда только что прибыли эмигранты. Такъ какъ ничего не было приготовлено для ихъ пріема, то эти несчастные стояли тутъ, жаловались, требовали, наводили справки. Тѣ изъ нихъ, которые совершенно упали духомъ, сидѣли на своемъ багажѣ, утомленные переправой, стѣсненные любопытствомъ толпы. Надъ всѣми этими изгнанниками, еще усиливая грустное впечатлѣніе, заходило солнце, наступала ночь и новая неизвѣстная страна казалась имъ еще болѣе мрачной и ихъ недоумѣніе все еще возрастало. Кадуръ смотрѣлъ на нихъ машинально. Но вдругъ онъ почувствовалъ сильное волненіе. Костюмы старыхъ крестьянъ, бархатные корсажи женщинъ, волосы цвѣта спѣлыхъ колосьевъ.... И вотъ, наконецъ, его мечта осуществляется. Онъ узналъ кроткія черты, густыя косы и улыбку Катель. Она стоитъ передъ нимъ съ старымъ Риппертомъ, съ матерью и со всей мелюзгой, далеко отъ ихъ пильнаго завода и отъ Зацербаха, который протекаетъ тамъ предъ опустѣвшимъ домикомъ.

— Кадуръ!

- Катель!...

Онъ весь поблѣднѣлъ, а она, она немного покраснѣла!

Ну вотъ все и уладилось. У каида большой домъ и въ ожиданіи того, что имъ дадутъ клочекъ земли, эмигранты поселятся въ немъ. Мать быстро собираетъ разбросанные вокругъ нея узлы. Она зоветъ малютокъ, которыя уже играютъ съ чужими дѣтьми. Ихъ сажаютъ въ подушки въ перемежку съ тканями; и Катель смѣется отъ души, видя себя такой высокой на арабскомъ сѣдлѣ. Кадуръ тоже смѣется, но не такъ громко, смѣхомъ сдержаннаго счастья. Такъ какъ наступаетъ ночь и холодно, онъ укутываетъ свою подругу прекраснымъ полосатымъ бурнусомъ, выбраннымъ изъ свадебныхъ подарковъ, унизаннымъ жемчугомъ головнымъ уборомъ. Въ этомъ костюмѣ, который ложится складками вокругъ нея, бахрома котораго колышется, сидя прямо и неподвижно на своемъ высокомъ сѣдлѣ, она похожа на бѣлокурую мусульманку, сбросившую свое покрывало. Эта мысль приходитъ въ голову Кадуру, когда онъ смотритъ на нее. Тогда въ немъ зарождаются безумныя мысли, тысячи намѣреній. Онъ уже помышляетъ о томъ, какъ бы возвратить дочери аги ея слово, жениться на Катель, на одной Катель... Кто знаетъ? Можетъ быть, они оба будутъ когда нибудь возвращаться также изъ города, одни на дорогѣ, поросшей олеандрами, она, смѣющаяся на своемъ мулѣ, онъ, держащій ея мула за уздечку, какъ теперь...

И лихорадочно возбужденный своей мечтой, онъ готовъ уже дать знакъ къ отъѣзду; но Катель останавливаетъ его кроткимъ голосомъ.

—Нѣтъ еще.. Мой мужъ прійдетъ. Надо подождать его.

Катель была замужемъ. Бѣдный Кадуръ!

Обо всемъ.

(Фельетонныя замѣтки.)

(Скоротечность нашихъ увлеченій.—Увлеченіе идеей расширенія женскаго образованія.—Незавидное положеніе средствъ женскаго медицинскаго курса.—Высшій женскій курсъ общаго образованія.—Германскія школы.—Открытіе с.-петербургскаго собранія художниковъ.—Г-жа Жофруа.—«Прекрасная Елена» на сценѣ театра-буффъ.)

Французы, и въ особенности парижане, съ давнихъ поръ слывутъ за людей, безпрестанно мѣняющихъ свои впечатлѣнія, способныхъ внезапно увлекаться и столь же быстро забывать о своихъ привязанностяхъ. За такія склонности французовъ прославили людьми вѣтренными, легкомысленными, рабами модныхъ повѣтрій. Въ этомъ мнѣніи есть доля истины, хотя скорѣе заднимъ числомъ: французы нашего времени далеко не похожи на своихъ предковъ XVIII вѣка, давшихъ основательный поводъ къ утвержденію мнѣнія о вѣтренности французской націи. Это не совсѣмъ похвальное свойство характера французовъ объясняли и объясняютъ какъ исторіей Франціи, такъ и климатомъ, преимущественно южной половины страны; при чемъ изслѣдователи, при разборѣ фактовъ исторической жизни французскаго народа, часто наивно смѣшиваютъ слѣдствіе съ причиной.

Если признать истиной, что жаркій климатъ Прованса и Лангедока, происходящій отъ періодическихъ африканскихъ вѣтровъ, могъ оказать рѣшительное дѣйствіе на сформированіе характера жителей южной Франціи, то чѣмъ же объяснить тотъ неоспоримый фактъ, что жители гиперборейскаго Петербурга не менѣе вѣтрены и легкомысленны, не менѣе рабы модныхъ повѣтрій, чѣмъ гасконцы и парижане. Петербуржцевъ обозвали людьми холодными, но такое мнѣніе крайне несправедливо. Совсѣмъ напротивъ; петербуржецъ принадлежитъ къ числу существъ, способныхъ быстро увлекаться; онъ увлекается и хорошей идеей, и хорошимъ дѣломъ и какимъ-нибудь пустякомъ, въ родѣ, напримѣръ, извѣстной игрушки «кри-кри». При этомъ, увлеченія его очень мимолетны, что служитъ вѣрнымъ признакомъ его вѣтренности и легкомыслія. Петербуржцу необходимо постоянно новое и новое; безпрестанно, безъ зазрѣнія совѣсти, онъ бросаетъ своихъ вчерашнихъ кумировъ; одно и тоже скоро прискучаетъ ему; онъ очень капризенъ въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ.

Было для петербуржца хорошее время, когда онъ всецѣло увлекался идеей, когда было положено начало многимъ хорошимъ предначертаніямъ, когда были намѣчены многіе полезные проекты. Но, увы! это время скоро миновало. Какъ быстро увлекся петербуржецъ, также быстро и остылъ. Создавъ себѣ новыхъ кумировъ, онъ забылъ о томъ, что еще недавно интересовало его, чему, повидимому, онъ готовъ былъ служить искренно, безкорыстно...

Къ числу увлеченій, которымъ всецѣло предавались петербуржцы, принадлежитъ увлеченіе идеей улучшенія образованія женщинъ. Сколько хорошихъ словъ было наговорено при обсужденіи мѣръ для осуществленія этой необходимой реформы. Говоря это, я имѣю въ виду, конечно, не правительственныя мѣропріятія, а иниціативу общества. Отъ нея можно было ожидать многаго, если судить по тому увлеченію, съ какимъ обсуждался и въ прессѣ, и въ общественныхъ собраніяхъ и въ частныхъ бесѣдахъ вопросъ о недостаткахъ женскаго образованія и о необходимости измѣнить систему преподаванія и расширить программу его. Нельзя сказать, чтобы обществомъ ничего не было сдѣлано: рядомъ съ правительственными женскими гимназіями открывались на общественныя и частныя средства женскія гимназіи и училища. Но потребность далеко еще не была удовлетворена, какъ прошла полоса увлеченія и смѣнилась холодностью; о женскомъ образованіи забыли и думать: будетъ съ нихъ, надо и о другомъ позаботиться. Правда, настала такая полоса, что ничего другого, достойнаго заботы, на умъ не приходило, но все равно, въ своихъ увлеченіяхъ мы не любимъ долго останавливаться на одномъ и томъ же предметѣ.

Охлажденіе общества къ женскому образованію невыгодно отозвалось на средствахъ «Женскаго врачебнаго курса». Увлеченіе высшимъ женскимъ образованіемъ явилось естественнымъ выводомъ изъ увлеченія женскимъ образованіемъ вообще, но оно обнаружилось уже въ періодъ общественнаго охлажденія и потому, конечно, на этомъ важномъ дѣлѣ только въ слабой степени отразилась общественная иниціатива. Въ какомъ положеніи находятся теперь средства «Женскаго врачебнаго курса» видно изъ записки, представленной гласнымъ петербургской думы М. И. Семевскимъ въ коммиссію, учрежденную думой для составленія соображеній объ ознаменованіи со стороны города событія взятія Плевны учрежденіемъ стипендій.

Изъ этой записки оказывается, что женскій врачебный курсъ, открытый съ Высочайшаго разрѣшенія въ 1872 г., въ нынѣшнемъ году сдѣлаетъ первый выпускъ своихъ воспитанницъ, окончившихъ пятилѣтній курсъ ученія. Экзамены уже происходятъ. Всѣхъ учащихся въ «женскомъ курсѣ» 441; изъ нихъ на первомъ курсѣ 134, на 2-мъ—125, на 3-мъ—80, на 4-мъ—60 и на 5-мъ—42. По словамъ г. Семевскаго, «22 слушательницы, окончившія пятилѣтній курсъ въ этомъ учрежденіи, приглашены своими достойными профессорами на театръ военныхъ дѣйствій въ самомъ началѣ нынѣшней войны; самоотверженная дѣятельность ихъ и весьма обширная научно-практическая подготовка оказались столь велики, что этимъ женщинамъ и дѣвицамъ предоставлены въ военныхъ госпиталяхъ, какъ видно изъ оффиціальной справки, «самостоятельныя отдѣленія больныхъ и раненыхъ, на правахъ врачей».

При всей громадной пользѣ, какую несомнѣнно долженъ принести «Женскій врачебный курсъ», средства этого учрежденія очень ограничены. «Кромѣ 7,000 р., пишетъ г. Семевскій, ассигнованныхъ изъ государственнаго казначейства въ вспособленіе курсу лишь съ осени 1876 г., учрежденіе это содержится исключительно на сумму, сбираемую съ слушательницъ за право ученія и на проценты 2,850 р., съ капитала г-жи Лидіи Родственной, пожертвованнаго для женскаго курса (50,000 р.). Сумма же годового расхода на однѣ учебныя потребности и на плату гг. профессорамъ и ихъ помощникамъ доходитъ до 30,000 р. Существованіе курса на собственныя средства обусловливается лишь исправнымъ платежемъ, который сдѣланъ равно обязательнымъ для всѣхъ учащихся, именно по 50 р. въ годъ съ каждой. Такимъ образомъ одно изъ полезнѣйшихъ по самой цѣли своей учрежденій оказывается совершенно не обезпеченнымъ въ дальнѣйшемъ своемъ существованіи: болѣе двухъ третей той суммы, которая настоятельно необходима для покрытія ежегодныхъ расходовъ, возмѣщается сборами съ учащихся въ немъ, въ то время когда 25 процентовъ этихъ учащихся находятся въ совершенной бѣдности. Трудно повѣрить,—а это истина,—что нѣкоторыя изъ нихъ не каждый день обѣдаютъ, живутъ по три, по четыре въ одной лачугѣ на окраинахъ города, не имѣютъ теплой одежды, существуютъ лишь случайными пособіями частныхъ лицъ и продолжаютъ курсъ благодаря только своей неослабной энергіи. До нѣкоторой степени источникомъ поддержки этихъ труженицъ было «общество для пособія неимущимъ слушательницамъ женскаго врачебнаго и педагогическаго курсовъ», которому съ его достоуважаемымъ предсѣдателемъ сенаторомъ г. Арцимовичемъ въ теченіе одного прошлаго года удалось добыть сборами до 4,000 р. и 2,500 руб. съ устроеннаго бала; вся эта сумма 6,500 руб. полностью внесена за слушаніе курсовъ лицами неимущими. Но средства этого «общества» совершенно истощились въ виду направленія благотворительности въ пользу «краснаго креста». Число стипендіатокъ земскихъ ограничивается весьма скромною цифрою 35 (каждая изъ этихъ стипендій отъ 300 до 350 р.). Гор. С.-Петербургъ не имѣлъ еще до сихъ поръ случая учредить во врачебныхъ женскихъ курсахъ ни одной стипендіи и въ теченіе пяти лѣтъ не оказалъ имъ никакой поддержки. Болѣе трети учащихся—уроженки города С.-Петербурга или окончившія высшій курсъ образованія въ гимназіяхъ и институтахъ столицы; таковыхъ, напримѣръ, 25 изъ 60, нынѣ завершившихъ свое спеціальное пятилѣтнее образованіе на врачебныхъ женскихъ курсахъ».

Если петербургская дума приметъ предположеніе коммиссіи назначить женскому врачебному курсу 20 стипендій и установить ежегодный отпускъ изъ средствъ города 3,000 руб. на уплату за слушаніе лекцій въ этомъ курсѣ 60 слушательницамъ, средства этого учрежденія значительно поправятся, однакожь, не на столько, чтобы можно было считать ихъ вполнѣ обезпечивающими дальнѣйшее существованіе учрежденія. И частныя лица съ своей стороны должны оказать помощь. Въ Англіи многія общественныя учебныя заведенія существуютъ процентами съ капиталовъ, пожертвованныхъ частными людьми: нѣкоторые изъ нихъ обладаютъ милліонными капиталами и такое громадное богатство составилось не изъ единичнаго пожертвованія, а изъ взносовъ многихъ лицъ, нерѣдко небольшими суммами.

Рядомъ съ высшимъ медицинскимъ образованіемъ женщинъ, въ послѣднее время у насъ снова начинаетъ проявляться забота объ образованіи хорошихъ учительницъ не только для первоначальныхъ школъ, но и для среднихъ учебныхъ заведеній. Уже давно составленъ проектъ высшаго учебнаго заведенія для женщинъ, цѣлью котораго кромѣ приготовленія учительницъ, будетъ также вообще высшее женское образованіе. Проектъ этотъ, составленный коммиссіей изъ профессоровъ петербургскаго университета, представленъ на утвержденіе правительства. Мы съ удовольствіемъ можемъ сообщить, что одна дама, аристократка, пожертвовала на это учрежденіе 2,000 руб. и заявила, что будетъ дѣлать ежегодный взносъ этой суммы съ того дня, какъ откроется женскій университетъ. Въ пользу этихъ же курсовъ г-жа Цебрикова отдаетъ всю сумму, выручаемую ею отъ продажи пяти изданныхъ ею книгъ. Желательно, чтобы примѣръ, поданный жертвовательницами, встрѣтилъ должное сочувствіе и увлекъ бы къ подражанію.

Не мѣшало бы также намъ взять примѣръ съ дѣятельности германскихъ обществъ «расширенія женскаго образованія.» По словамъ журнала «Женское образованіе», эти общества въ послѣднее время особенно хлопотали объ основаніи школъ для дѣвушекъ лѣтъ 16, получившихъ элементарное образованіе и желающихъ расширить кругъ своихъ познаній. Такія школы открыты мѣстными обществами во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, Лейпцигѣ, Готѣ, Вѣнѣ, Касселѣ, Гамбургѣ, Бреславѣ и въ другихъ городахъ. Число учащихся въ этихъ училищахъ значительно: въ вѣнской школѣ ихъ 677, въ кассельской 365. Лейпцигское училище, открытое въ 1865 году, дало болѣе, чѣмъ 1,000 дѣвушкамъ возможность самостоятельнымъ трудомъ находить себѣ пропитаніе Кромѣ научнаго образованія дѣвушки въ этихъ школахъ получаютъ также и ремесленное, смотря по желанію воспитанницъ. Бреславская школа, кромѣ отдѣловъ общеобразовательнаго и техническаго, обязательныхъ во всѣхъ этихъ школахъ, имѣетъ отдѣлъ для образованія наборщицъ, нянекъ и для изучающихъ парикмахерскве дѣло.

Въ заключеніе сообщу двѣ петербургскія новости. С.-петербургское собраніе художниковъ, закрытое втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, снова открыто вслѣдствіе воспослѣдовавшаго 28 ноября 1877 года высочайшаго соизволенія. Первый художественный вечеръ въ собраніи назначенъ въ воскресенье 11 декабря. Едва-ли можно сомнѣваться, что на этотъ вэчеръ соберется многочисленная публика, Въ прошлый сезонъ вечера собранія художниковъ отличались очень хорошимъ составомъ артистовъ и дѣйствительно художественнымъ исполненіемъ. Будемъ надѣяться, что и въ нынѣшній сезонъ собраніе не ударитъ лицомъ въ грязь.

Петербургскій театръ-буффъ, дающій представленія на французскомъ языкѣ, имѣетъ свою, но незначительную, публику. Поэтому онъ не можетъ разсчитывать на правильные сборы, которые вообще бываютъ мизерны въ тѣ дни, когда на афишѣ не красуется имени какой-нибудь парижской «звѣзды.» Въ прошлые сезоны неутомимый директоръ этого театра г. Федотовъ показалъ петербургской публикѣ всѣхъ знаменитыхъ опереточныхъ актрисъ Парижа (актеровъ показывать нечего, сборовъ они не дадутъ: въ опереткѣ царствуетъ женщина), такъ что въ нынѣшній сезонъ ему по необходимости придется довольствоваться «звѣздами» второй величины, если ему не удастся залучить хотя на нѣсколько представленій одну изъ «первостепенныхъ», уже извѣстныхъ Петербургу. Первой новинкой, представленной г. Федотовымъ въ нынѣшнемъ сезонѣ, была г-жа Маркюсъ, краткая біографія которой сообщена въ нашемъ журналѣ. Несмотря на несомнѣнныя достоинства ея, какъ пѣвицы, ей не суждено сдѣлаться любимицей публики театра-буффъ. Также трудно сдѣлаться ею и г-жѣ Жофруа, дебютировавшей 7 декабря ролью Елены въ извѣстной оперетѣ Офенбаха «Прекрасная Елены.»

Судя по тѣмъ сборамъ, которые всегда давали и даетъ эта оперета на русской и французской сценахъ Петербурга, надо заключить, что «Прекрасная Елена» любимѣйшая изъ оперетъ въ нашей столицѣ. 7 декабря театръ-буффъ былъ полонъ. Дебютантку встрѣтили сдержанно. Первая пропѣтая ею арія не произвела впечатлѣнія; г-жа Жофруа видимо робѣла пѣть передъ незнакомой публикой. Но чѣмъ дальше, артистка пѣла все лучше и лучше, при чемъ выказала свои вокальныя средства. Голосъ у г-жи Жофруа очень хорошъ, хотя уже не первой свѣжести; поетъ и вокализируетъ она прекрасно, видно, что она прошла хорошую школу. По силѣ своего голоса и умѣнью пѣть г-жа Жофруа могла бы занимать видное мѣсто и въ оперномъ лирическомъ театрѣ. Что же касается игры, то въ этомъ отношеніи остается желать очень многаго. Г-жу Жофруа нельзя назвать хорошей опереточной актрисой. Въ ней нѣтъ того парижскаго шика, который поражаетъ въ такихъ первостепенныхъ опереточныхъ исполнительницахъ, какъ г-жи Шнейдеръ, Эме и Вангель; нѣтъ той юной прелести, подкупающей зрителя, какъ у г-жъ Тео, Жюдикъ и Гранье. Къ тому же и костюмъ г-жи Жофруа какъ-то нейдетъ къ ея роли; платье сшито слишкомъ по современному намъ образцу. Наружность г-жи Жофруа много выиграла бы, еслибъ на ней былъ надѣтъ строго-греческій костюмъ. Впрочемъ, сужденіе по первому дебюту бываетъ иногда рановременнымъ и мы желали бы ошибиться и заявить впослѣдствіи, что въ противорѣчіе съ нашими ожиданіями, г-жа Жофруа сдѣлалась любимицей петербургской публики.

Исполненіе «Прекрасной Елены» было очень хорошее. Анахронизмомъ въ немъ было только исполненіе ролей двухъ Аяксовъ; въ особенности неудобенъ былъ одинъ изъ Аяксовъ, почему-то изображавшій балаганнаго «петрушку». Режиссеръ театра-буффъ пріучилъ публику къ такому образцовому исполненію, что внесеніе въ игру артиста «петрушечьяго» элемента поразило публику и она выразила свое неодобреніе.

Пальма первенства въ исполненіи безспорно принадлежитъ г. Жюто; лучше и умнѣе исполнить роль Париса едва-ли возможно. Своей веселостью г. Жюто заражалъ публику, которая смѣялась искреннимъ смѣхомъ и съ напряженнымъ вниманіемъ слушала каждое слово, произносимое талантливымъ артистомъ. Пѣлъ г. Жюто также безукоризненно хорошо. Славу исполненія вмѣстѣ съ нимъ раздѣляетъ г-жа Гандонъ, лучшій «Орестъ», котораго приходилось видѣть Петербургу. По обыкновенію очень хорошъ былъ и г. Ру, исполнявшій роль Калхаса, въ особенности въ 3-мъ дѣйствіи въ тріо, состоящемъ изъ него, Агамемнона и Менелая. Г. Деберъ тоже хорошъ въ роли Менелая. Хоры срепетованы отлично.

Н. И.

Атакама и Караколесъ.

(*Продолженіе.*)

Проводивъ читателя послѣдовательно по пустынѣ и по горамъ, я поведу его теперь въ область серебряныхъ рудниковъ, — въ это новое Эльдорадо боливійскихъ рудопромышленниковъ.

Названіе округа Караколесъ (улитки) произошло отъ множества окаменѣлостей, аммонитовъ и белемнитовъ, находимыхъ здѣсь въ тѣхъ же слояхъ, которые прорѣзываются жилами драгоцѣннаго металла. Въ центральномъ пунктѣ округа возникло поселеніе Плячилья, разростееся въ порядочный городокъ.

Округъ Караколесъ расположенъ въ срединѣ песчанаго плоскогорія, возвышающагося надъ окрестною страною на 1,200 ф. На этой возвышенности встрѣчаются изолированныя вершины или церосы и продольныя цѣпи холмовъ — саранхосы. Порфировыя скалы, непокрытыя никакою растительностью, имѣютъ желто-красный цвѣтъ. По всѣмъ направленіямъ идутъ безчисленныя квебрады, образуя совершенный лабиринтъ ущелій и балокъ. Квебрада Плячильи ведетъ къ руднику Дезеада, открытому донъ-Хозе и производящему четверть доставляемаго округомъ серебра.

Климатъ здѣсь такъ-же сухъ и здоровъ, какъ и въ пустынѣ, хотя, конечно, вслѣдствіе большой высоты мѣстности, не такъ зноенъ. Холодный вѣтеръ, дующій съ Кордильеровъ постоянно въ одномъ направленіи, утилизируется въ рудникахъ, гдѣ работаютъ паровыя машины; для приведенія улетучивающагося пара опять въ жидкое состояніе его улавливаютъ въ длинный рядъ трубъ, вродѣ трубъ органа, расположенныхъ перпендикулярно къ направленію вѣтра.

Атмосферное давленіе выражается здѣсь 600 — 620-тью миллиметрами ртути, гигрометръ очень близокъ къ нулю и воздухъ разрѣженъ такъ сильно, что количество содержимаго имъ кислорода бываетъ недостаточнымъ для физіологическихъ процессовъ дыханія и кровеобращенія; и дѣйствительно, описанная выше болѣзнь пуна свирѣпствуетъ здѣсь зачастую.

На моихъ глазахъ произошло и зарожденіе, и развитіе Плячильи. Когда я впервые посѣтилъ эту мѣстность въ іюлѣ 1870 года, то кромѣ нашей палатки, здѣсь былъ лишь одинъ домъ изъ кирпича да жалкій шалашъ, принадлежавшій прежде Донъ-Хозе. Въ 1871 году я нашелъ уже подобіе деревушки; кромѣ нѣсколькихъ домовъ изъ кирпича, крытыхъ парусньмъ холстомъ, населеніе ютилось въ палаткахъ и шалашахъ, разныхъ формъ и размѣровъ, начиная съ большого, въ которомъ помѣщалась кофейня, да жалкой лачуги рудокопа. Всѣ эти незатѣйливыя постройки были разбросаны безъ всякаго плана и общій видъ поселенія былъ до крайности мизеренъ. Въ началѣ 1872 года Плячилья имѣла уже около 1,500 жителей и наружность городка значительно прогрессировала къ лучшему; явились деревянные дома, такіе же какъ и въ Мехильонесѣ, были намѣчены улицы, а правительство Боливіи построило домъ для префекта, который поселился здѣсь съ нѣсколькими чиновниками и горстью солдатъ. Въ 1873 году торговыя фирмы прибрежныхъ городовъ, въ особенности Вальпарайзо, учредили въ Плячильѣ свои конторы. Сейчасъ-же выросли большія зданія изъ досокъ или-же изъ желѣза, явились даже два отеля, въ одномъ изъ которыхъ для баловъ и зрѣлищъ имѣется зала на 150 — 200 человѣкъ. По улицамъ проложены троттуары, а каждый домовладѣлецъ обязанъ зажигать ночью передъ своимъ домомъ фонарь.

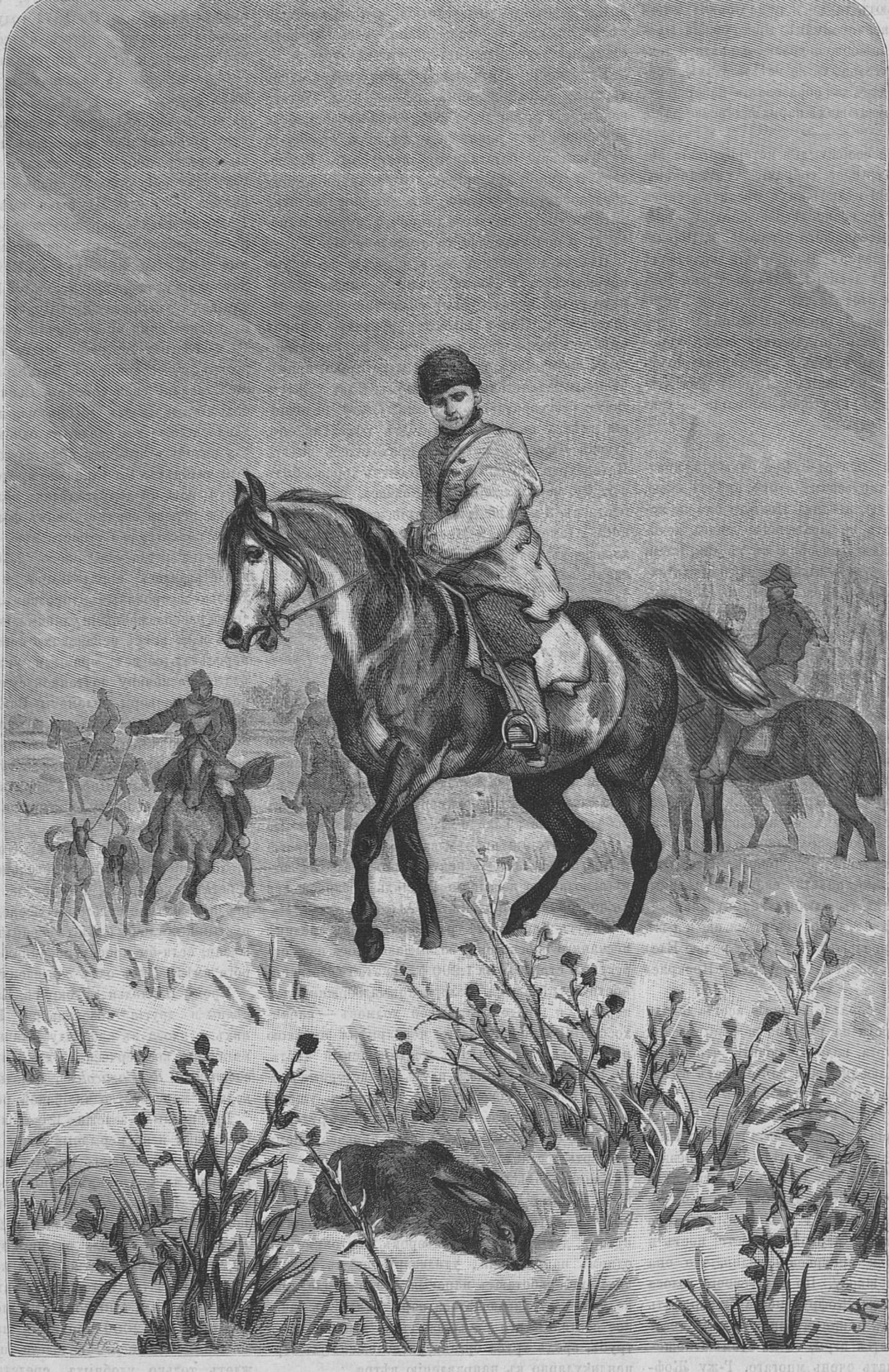
Въ послѣднюю бытность мою, въ 1874 году, Плячилья имѣла уже около 2,300 жителей и представлялась порядочнымъ и сравнительно хорошо-застроеннымъ городкомъ, съ симметрически расположенными улицами, потому что здѣсь, какъ и во всѣхъ испанскихъ поселеніяхъ, улицы пересѣкаются подъ прямыми углами. Наконецъ, благодаря почину почтенной супруги чилійскаго консула, сеньоры Филомены Виллегасъ, собравшей необходимыя средства, Плячилья украсилась очень приличною деревянною церковью, возвышающейся рядомъ съ префектурой на центральной площади. Передъ церковью, на верху портика изъ колоннъ, построена четырехугольняя колокольня.

Словомъ, втеченіи 4 лѣтъ этотъ пустынный уголокъ преобразился въ довольно многолюдное и богатое поселеніе, которое, не смотря на свое неблагопріятное положеніе посреди необозримой пустыни, могло бы сдѣлаться вполнѣ удобнымъ для жизни, если-бы проектированная желѣзная дорога имѣла здѣсь одну изъ своихъ станцій.

Кромѣ Плячильи въ округѣ Караколесъ разсѣяны и другія поселеньица. Въ одномъ изъ нихъ, у входа въ квебраду Плячильи, выстроены магазины коммерческой компаніи «*Compañá commercial de Caracoles*», склады провіанта и воды, и консульство чилійской республики.

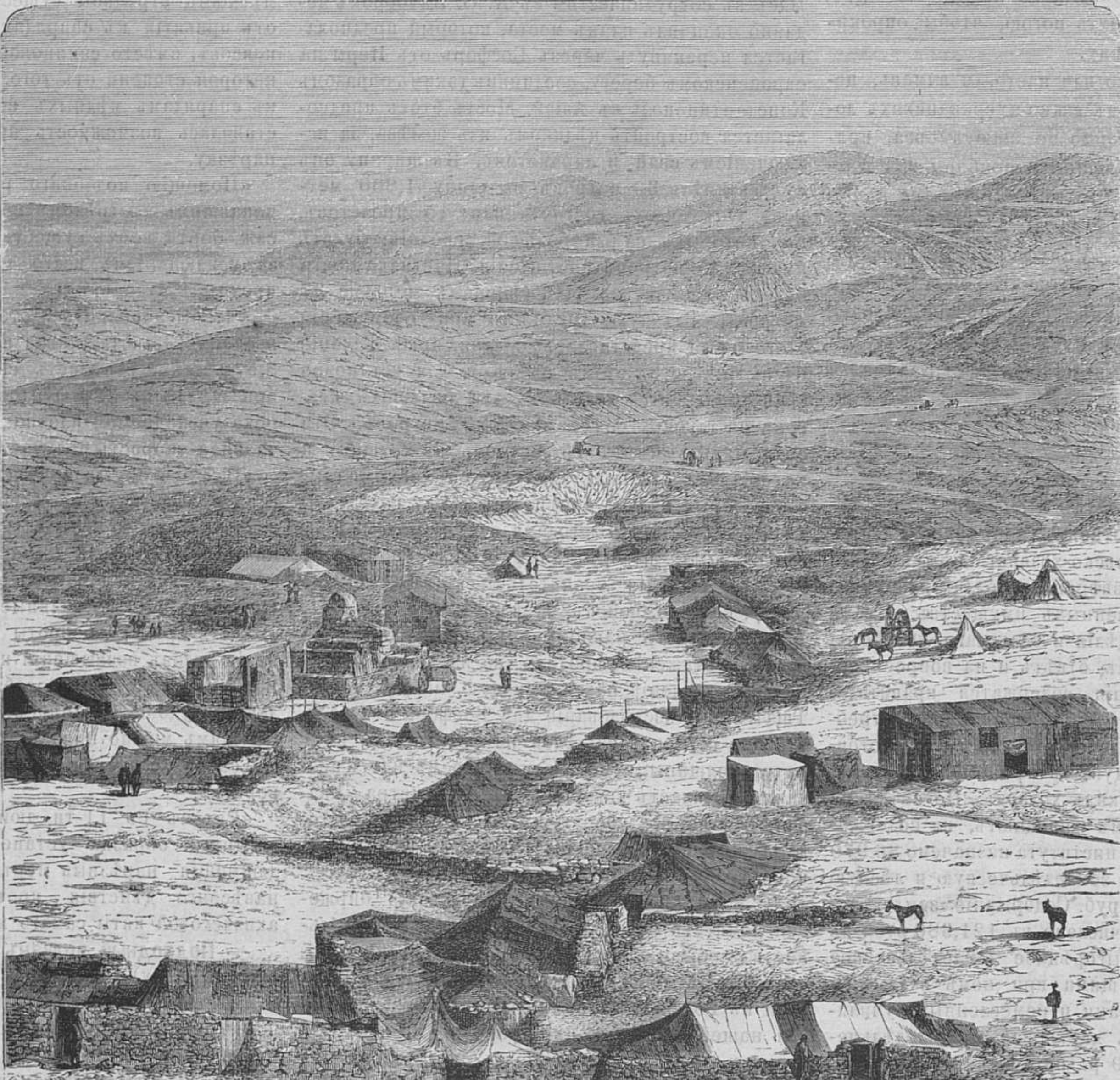
Рудоносныя залежи Караколеса образуютъ громадныя и непрерывныя жилы металла, значительно превышающаго количество всѣхъ постороннихъ минераловъ, которые кромѣ того весьма легко отдѣлимы. Во всемъ этомъ горномъ округѣ, занимающемъ пространство въ 20 геогр. миль въ длину и до 8 миль въ ширину, существуетъ 40,200 рудныхъ участковъ или концессій, хотя, вслѣдствіе затруднительности въ сообщеніяхъ, только 400 или 500 концессій подлежатъ эксплоатаціи. На 2000 концессій находятся обусловленные закономъ колодези и весь округъ ждетъ только удобныхъ средствъ сообщенія, чтобы раскрыть для промышленности свои неисчерпаемыя кладовыя минеральныхъ сокровищъ.

Въ настоящее время разрабатываются лишь тѣ рудники, которые не представляютъ особенныхъ затрудненій для эксплоатаціи или же лежатъ по сосѣдству съ Плячильей. Кромѣ того



Охота съ борзыми.

расчитано, что, при существующихъ средствахъ эксплоатаціи, выгодно разрабатывать только тѣ руды, въ которыхъ содержаніе серебра не менѣе 50—60 марокъ (0,0047). Руды съ бѣднѣйшимъ содержаніемъ драгоцѣннаго металла не покрываютъ расходовъ по перевозкѣ ихъ къ ближайшему порту. И все-таки, даже при настоящемъ невыгодномъ положеніи руднаго дѣла, ежемѣсячное количество чистаго серебра, доставляемаго округомъ Караколеса, превышаетъ 100,000 марокъ или 23,000 килограмовъ. (Марка равняется 230 грамамъ и представляетъ цѣнность въ 50½ франковъ). Таможенный налогъ равняется 2 фр. 50 сантимамъ на каждую марку вывозимаго серебра. Въ настоящее время, ежемѣсячный вывозъ металла достигаетъ цѣнности 5.050,000 франковъ.



Плячилья.

(Къ ст. Атакама и Караколесъ.)

Въ первое время эксплоатаціи рудниковъ Караколеса работы производились первобытнымъ способомъ. По направленію жилы металла пробивали покатую галлерею съ грубыми ступенями. Затѣмъ, параллельно рудоносному слою, пробивалась другая галлерея, отъ которой шли небольшія перпендикулярныя ей развѣтвленія. Такимъ образомъ, вся масса минерала разбивалась на кубы, которые затѣмъ взрывались порохомъ. Руда выносилась рабочими на плечахъ по доскамъ съ нарѣзами, которыми замѣнялись лѣстницы. Всѣ работы производились безъ помощи механическихъ приборовъ и только въ концѣ 1872 года въ четырехъ рудникахъ появились отвѣсные колодези, а въ двухъ рудникахъ были вороты, приводимые въ движеніе мулами.

Когда руда вынесена изъ шахты, ее разсыпаютъ на особенной площадкѣ, канха, гдѣ рабочіе, подъ бдительнымъ надзоромъ маіордомовъ, разбиваютъ руду и отдѣляютъ металлъ отъ его примѣсей. Инструментами служатъ тяжелые стальные молоты и большіе камни, замѣняющіе наковальни.

Въ 1872 году, въ рудникахъ Дезеада и Мерседитасъ явились механическія толчеи, приводимыя въ движеніе животною силою, а въ настоящее время въ лучшихъ рудникахъ имѣются уже паровыя машины англійской или же американской конструкціи. Прямымъ слѣдствіемъ этого нововведенія было увеличеніе производства и значительное пониженіе заработной платы. Въ 1870—71 годахъ барретеро, или работающій въ шахтахъ, получалъ 300 франковъ въ мѣсяцъ; канхеро—рабочій, занимающійся раздробленіемъ добытой руды,—получалъ 200 фр., а карретонеро—извощикъ—325 фр. Теперь цифры эти упали соотвѣтственно до 200, 150 и 300 франковъ. Къ этому заработку нужно прибавить еще прокормъ рабочаго и около 8 литровъ воды ежедневно, что въ сложности еще значительно увеличитъ заработокъ каждаго рабочаго.

Округъ Караколесъ, кромѣ серебряной, производитъ и мѣдную руду, впрочемъ, въ незначительномъ количествѣ. Въ округѣ имѣется также небольшая плавильная печь, въ которой проплавляется ежедневно около 3 тоннъ руды. Такія же печи устроены на оазисѣ Калама и другихъ, и металлъ обрабатывается по такъ-называемому фрейбергскому способу, чрезъ амальгамацію.

Нельзя, однакожь, не видѣть, что эти заводы не могутъ пока выйти изъ узкихъ рамокъ своей настоящей дѣятельности: трудность доставки руды и угля, высокая стоимость воды и заработной платы—все это неблагопріятно отзывается на металлургическомъ дѣлѣ и плавильные заводы слѣдовало бы учреждать только на морскомъ прибрежьи, гдѣ уголь и рабочая сила значительно дешевле.

Караколесъ сдѣлался въ послѣднее время значительнымъ торговымъ центромъ: сюда привозятся машины и приборы, служащіе для разработки руды, каменный уголь, вода для питья, ячмень, прессованное сѣно, домашнія и обозныя принадлежности. Все это, за исключеніемъ воды, привозится съ прибрежья на возахъ, которые въ обратный путь нагружаются рудой. Воду берутъ миль за 10 отъ Караколеса и перевозятъ ее въ маленькихъ боченкахъ на спинахъ муловъ, или же въ особыхъ цистернахъ на возахъ, запряженныхъ тремя или четырьмя мулами. Различаютъ два сорта воды: лучшая, которая два года тому стоила 30 франковъ за боченокъ въ 72 литра;

вода другого сорта грязновата и содержитъ даже нѣкоторое количество сѣрнистой магнезіи, за то она значительно дешевле первой. Продажей воды занимаются три конкурирующія между собою компаніи.

Тѣ рудники, въ которыхъ работаютъ паровыя машины, должны выписывать каменный уголь или изъ чилійскихъ копей, или же изъ Англіи. Обыкновеннымъ же топливомъ служитъ ленья—смѣсь дерева съ сухимъ кактусомъ квиско. Но и этотъ горючій матеріалъ нужно искать за 15—20 испан. миль, на скалистыхъ вершинахъ Атакамы и Пинго-Пинго и то на высотѣ 700—800 метровъ. Здѣсь эти кактусы растутъ въ большомъ количествѣ, уединенными группами часто до 9 аршинъ въ вышину и бываютъ такъ сухи, что достаточно толкнуть ногою, чтобы опрокинуть всю такую группу.

Прессованное сѣно или пасто, и ячмень, цебада,—любимый кормъ южно-американскихъ лошадей и муловъ, которые не знаютъ овса, привозятся изъ Чили. Машины и приборы изъ Англіи и Соединенныхъ Штатовъ привозятся въ боливійскіе порты на судахъ, а къ рудникамъ идутъ на колесахъ. Мануфактурные товары, консервы, вина доставляются Европой. Чили и Перу поставляютъ свѣжую провизію, овощи, фрукты, птицъ, яйца и муку. Эти же продукты приходятъ караванами изъ оазиса Каляма и другихъ мѣстъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

* * *

Новости наукъ и жизни.

— **Сельско-хозяйственныя заведенія.** Распространіе научныхъ сельско-хозяйственныхъ знаній въ средѣ населенія ввѣрено заботливости министерства государственныхъ имуществъ. Смѣта департамента земледѣлія и сельскаго хозяйства даетъ, между прочимъ, отвѣтъ и на вопросъ, какія именно заведенія содержатся правительствомъ для удовлетворенія означенной потребности и во что обходится государству приготовленіе контингента будущихъ агрономовъ и научнообразованныхъ сельскихъ хозяевъ. По смѣтѣ на 1878 годъ, какъ намъ сообщаютъ, на содержаніе земледѣльческаго института назначено 86,970 руб., на петровскую земледѣльческую и лѣсную академію—157,885 руб. Содержаніе «земледѣльческихъ училищъ» исчислено въ 121,386 руб., въ томъ числѣ на горыгорѣцкое земледѣльческое училище, съ состоящими при немъ зелемѣро-таксаторскими классами и ремесленнымъ училищемъ 42,335 р.; на харьковское земледѣльческое училище 22,579 р., на казанское 26,142 р., на маріинское 25,080 р., на маріиногорскую сельско-хозяйственную ремесленную школу 5,250 руб. Независимо отъ этого, казна отпускаетъ на содержаніе такъ-называемыхъ сельско-хозяйственныхъ фермъ 41,671 руб. (сюда относятся: горыгорѣцкая ферма съ состоящимъ при ней конскимъ заводомъ, харьковская ферма, казанская, маріинская и успенская съ состоящей при ней практическою школой). Садоводство и распространеніе научныхъ о немъ свѣдѣній также находится на попеченіи департамента земледѣлія и сельской промышленности. На содержаніе училищъ садоводства и садовыхъ заведеній казна предполагаетъ истратить въ будущемъ году 150,920 р., въ томъ числѣ: на батаническій садъ 68.631 р., на никитскій садъ съ состоящимъ при немъ училищемъ садоводства и винодѣлія 29,332 руб., на уманьское училище земледѣлія и садоводства съ состоящимъ при немъ царицинымъ садомъ 38,858 р.; остальной, затѣмъ, кредитъ предполагается употребить на второразрядныя училища садоводства пензенское и бессарабское и на садовыя учрежденія воронежскаго помологическаго разсадника, орловскаго древеснаго питомника и горыгорѣцкаго фруктоваго питомника, а также на содержаніе пансіонеровъ, на школу шелководства и на лабораторію въ Туркестанскомъ краѣ. На подготовленіе молодыхъ людей для занятія преподавательскихъ и сельско-хозяйственныхъ должностей (собственно для командировокъ молодыхъ людей заграницу, на время отъ двухъ до трехъ лѣтъ, для спеціальнаго изученія извѣстныхъ отраслей сельскаго хозяйства) предположено израсходовать въ 1878 году 3,920 р., на выдачу путевыхъ пособій при командировкахъ спеціально по дѣламъ сельскаго хозяйства и на выдачу наградъ и пособій лицамъ по сельско-хозяйственной части асигновывается 20,000 руб. Сверхъ того, министерство распространяетъ научныя сельско-хозяйственныя знанія путемъ наглядной пропаганды этого дѣла; съ этою цѣлью, въ смѣту на 1878 годъ включены кредиты: на издержки по осушенію болотъ и разработку торфа 6,140 р., на расходы по осушенію земель 10,000 руб. и т. п.

— **Мостъ черезъ Босфоръ.** Капитанъ Джемсъ Идсъ въ сотрудничествѣ съ А. О. Ламберомъ недавно окончилъ планъ моста, который предполагается перекинуть черезъ Босфоръ отъ Перы на европейскомъ берегу, соединивъ такимъ образомъ Константинополь съ Азіей. Мостъ этотъ предполагается построить цѣликомъ изъ желѣза, за исключеніемъ свай и парапетовъ. Въ ширину онъ будетъ имѣть 30 метровъ, въ длину 1,800 метровъ. Онъ будетъ состоять изъ 15 пролетовъ, изъ которыхъ самый большой, средній, будетъ имѣть 225 метровъ протяженія. Настилка моста будетъ возвышаться надъ уровнемъ моря на 37 метровъ. Главную трудность при сооруженіи этого моста представляетъ средняя арка. Теченіе очень быстро въ этомъ мѣстѣ и для установки свай понадобится погрузить два большихъ кессона на глубину болѣе чѣмъ 30 метровъ. Эти сваи будутъ имѣть 15 метровъ въ толщину и матеріаломъ для нихъ послужатъ гранитныя глыбы, которыя будутъ скрѣплены между собою желѣзными болтами. Благодаря одному новому приспособленію, изобрѣтенному инженеромъ, въ случаѣ движенія значительныхъ тяжестей по мосту, какъ-то: войскъ, экипажей, или вагоновъ, тяжесть будетъ равномѣрно распредѣляться по всему протяженію пролета, во избѣжаніе чрезмѣрнаго давленія на одну какую нибудь точку. Тщательное изслѣдованіе дна Босфора показало, что оно состоитъ изъ слоя наноснаго ила въ 1 метръ толщины, а надъ этимъ слоемъ идетъ песчанистый пластъ толщиною въ $4\frac{1}{2}$ метра. Разсчитываютъ, что сооруженіе этого моста, благодаря дешевизнѣ рабочихъ рукъ въ Константинополѣ, будетъ стоить не болѣе 125 мил. фр.

— **Вздорожаніе овчины.** Московскій биржевой комитетъ обратилъ вниманіе на значительное вздорожаніе овчины. По этому поводу, «Московскія Вѣдомости» замѣчаютъ, что овчину скупали въ Россіи уже съ августа мѣсяца, но не для нашей арміи, а иностранные агенты для отсылки за границу. Говорятъ, въ Москвѣ для этой цѣли проживали какіе-то два англичанина, и очень возможно, что скупленная ими овчина пойдетъ въ дѣло для турецкой арміи.

— **Новыя орудія.** Въ Кронштадтѣ поставлены новыя орудія, объ осмотрѣ которыхъ «Русскій Инвалидъ» сообщаетъ сегодня слѣдующія свѣдѣнія: «Все вооруженіе нашихъ приморскихъ крѣпостей состоитъ, главнымъ образомъ, изъ стальныхъ, скрѣпленныхъ кольцами длинныхъ нарѣзныхъ, сзади заряжаемыхъ пушекъ, которыя назначаются для прицѣльнаго дѣйствія по бортамъ и башнямъ броненосцевъ, и изъ остальныхъ же, скрѣпленныхъ кольцами нарѣзныхъ, сзади заряжаемыхъ мортиръ, которыя назначаются для навѣсной стрѣльбы по палубамъ судовъ.

«За наименьшій калибръ, при которомъ еще можно ожидать удовлетворительнаго дѣйствія изъ береговыхъ пушекъ противъ бортовъ и башенъ морскихъ броненосцевъ, считается у насъ 8-ми дюймовый (пяти-пудовый, если называть по приблизительному вѣсу продолговатаго снаряда). Само орудіе вѣситъ около 550 пудовъ.

«Когда появились суда, одѣтыя шести дюймовою бронею, у насъ была введена пушка 9-ти дюймоваго калибра ($7\frac{1}{2}$ пудовая, если называть по вѣсу снаряда). Пушка вѣситъ 910 пудовъ.

«Потомъ, чтобы имѣть орудія, способныя пробивать съ дальнихъ разстояній 8-ми дюймовыя брони и съ болѣе близкихъ дистанцій брони большей толщины, были введены 11-ти дюймовыя пушки, вѣсомъ 1,590 пуд. Онѣ стрѣляютъ снарядомъ въ 14 пудовъ.

«Но на этомъ не останавливалось развитіе берегового вооруженія нашихъ приморскихъ крѣпостей. По мѣрѣ усиленія броненоснаго судостроенія развивались и средства артиллерійской обороны.

«Такимъ образомъ, у насъ появились 11-ти дюймовыя пушки новаго образца, которыя вѣсятъ 1,680 пуд. и стрѣляютъ снарядами въ 16 пуд., при зарядѣ въ $146\frac{1}{2}$ фунт. призматическаго пороха увеличенной плотности. Начальная скорость получается свыше 1,500 футовъ. При стрѣльбѣ изъ этихъ орудій, пробиваемость снарядами брони выигрываетъ отъ столь значительной начальной скорости, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и мѣткость стрѣльбы существенно увеличивается отъ привитія къ снарядамъ мѣдныхъ ведущихъ поясовъ, вмѣсто свинцовой оболочки, и въ нѣкоторой степени отъ того, что съ примѣненіемъ къ снарядамъ мѣдныхъ ведущихъ частей представилась возможность принять болѣе крутую нарѣзку.

«Помощію подобнаго рода орудій, каждымъ попавшимъ выстрѣломъ можно пробивать съ 500 саж. борты всѣхъ существующихъ броненосцевъ, за исключеніемъ всего только пяти наиболѣе прочныхъ судовъ.

«Чтобы пополнить и этотъ послѣдній пробѣлъ, введена 14-ти дюймовая пушка, которая вѣситъ 3,570 пуд. и стрѣляетъ снарядомъ въ 32 пуда, при зарядѣ въ 320 фунтовъ призматическаго пороха увеличенной плотности и размѣровъ. Начальная скорость получается около 1,560 футовъ.

«Всѣ эти орудія помѣщены на высокихъ береговыхъ лафетахъ, примѣненныхъ къ обширному горизонтальному обстрѣлу. Сравнительно съ прежними, новые лафеты доставляютъ гораздо большее закрытіе для поворотной рамы и для прислуги. Несмотря на колоссальные размѣры и громадную тяжесть орудій, повороты въ стороны и придаваніе угловъ возвышенія или склоненія, помощію механическихъ приспособленій, производились легко и удобно ограниченнымъ числомъ прислуги. Орудіямъ можно придавать возвышенія до 20°, что соотвѣтствуетъ дальности полета около восьми верстъ.

«Рядомъ съ 11-ти дюймовыми пушками послѣдняго образца установлены стальныя 9-ти дюймовыя нарѣзныя мортиры, назначенныя для навѣснаго дѣйствія противъ палубы — этой ахиллесовой пяты самаго могучаго броненосца».

— **Подводный волканъ въ Перу.** Изъ Пизагуа (въ Перу) сообщаютъ объ одномъ странномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ страшномъ явленіи природы. 15-го іюня, метровъ за 50 отъ берега, изъ моря сталъ подниматься столбъ дыма, который потомъ исчезъ. Такое явленіе можно объяснить только предположеніемъ, что на днѣ морскомъ существуетъ волканъ. Кромѣ того, моряки сдѣлали наблюденія, что дно постоянно то повышается, то поднимается такимъ образомъ, что наканунѣ для якоря достаточно было 10 саженъ цѣпи, а на слѣдующій въ томъ же мѣстѣ недостаетъ и 25. Всего же страшнѣе извѣстіе, что съ того времени земля начинаетъ опускаться и опускается и до сихъ поръ. Волны омываютъ теперь утесы и мѣста, до которыхъ никогда, сколько помнятъ жители, море не достигало.

* * *

Смѣсь.

— **Окаменѣлый человѣкъ.** М-ръ Конантъ, негоціантъ, живущій уже нѣсколько лѣтъ въ Нью-Іоркѣ и бывшій представителемъ графства Суффокъ въ законодательномъ собраніи, отправился вмѣстѣ съ своимъ сыномъ 16 сентября провести день въ загородной мѣстности, находящейся миляхъ въ 20 отъ деревни Пуэбло. Помѣстившись на траву подъ тѣнью деревъ, они принялись завтракать, когда вниманіе ихъ было привлечено камнемъ, выглядывавшимъ изъ-подъ земли и имѣвшимъ сходство съ ногою человѣка. Мистеръ Конантъ не одинъ разъ находилъ во время прогулокъ въ этой мѣстности окаменѣлые плоды, окаменѣлыхъ рыбъ, черепахъ и змѣй: воспоминаніе объ этихъ находкахъ побудило его разрыть землю около камня и можно представить себѣ его изумленіе, когда послѣ продолжительной работы ему удалось открыть окаменѣлое тѣло человѣка исполинскаго роста. Великанъ лежалъ на спинѣ; лѣвое колѣно было нѣсколько приподнято; на немъ покоилась лѣвая рука, между тѣмъ какъ правая была сложена на груди. Длина тѣла была въ семь футовъ $5^{1}/_{2}$ дюймовъ; длина рукъ—4 фута. У одной ноги пальцы оказались отломленными; другая нога сохранилась въ цѣлости, и это обстоятельство даетъ возможность замѣтить, что пальцы довольно плоскіе. Черты лица напоминаютъ Индіанскій типъ; лобъ покатый, голова большая. Тѣло было перевезено сначала въ Пуэбло, а потомъ въ Денверъ, гдѣ сотни жителей сбирались смотрѣть рѣдкую находку. Извѣстный показыватель рѣдкостей—Барнумъ—предложилъ за окаменѣлаго великана сначала 100,000, а затѣмъ 125,000 франковъ подъ условіемъ заплатить эту сумму, когда компетентные ученые рѣшатъ, что это дѣйствительно окаменѣлый человѣкъ. М-ръ Конантъ рѣшительно отказался отъ продажи. Имя Барнума заставило предполагать во всей этой находкѣ искусную мистификацію, но Барнумъ съ негодованіемъ отвергаетъ такое предположеніе въ письмѣ, адресованномъ редактору газеты New-York Tribune.

— **Шерстяныя рубашки.** О производствѣ шерстяныхъ рубашекъ въ Усачевской волости, Каргопольскаго уѣзда, «Олон. губ. вѣд.» сообщаютъ слѣдующее: Приготовленіемъ шерстяныхъ рубашекъ занимается преимущественно женское населеніе волости, до 1,700 душъ. На изготовленіе одной рубашки, изъ купленной шерсти, при постоянномъ занятіи этою работою, потребно времени четверо сутокъ; но какъ этою работою занимаются только женщины, на которыхъ въ крестьянскомъ быту лежатъ всѣ домашнія работы, то изготовленіе одной рубашки потребуетъ времени недѣлю. Матеріалъ на рубашки получается или съ своихъ овецъ или же покупается въ ближайшихъ волостяхъ, и только въ зимнее время на рынкѣ въ Каргополѣ по цѣнѣ отъ 25 до 38 к., а при большомъ спросѣ и до 40 к. за фунтъ. Рубашки сбываются въ городахъ: Архангельскѣ и С.-Петербургѣ, гдѣ онѣ покупаются скупщиками-торговцами отъ самихъ производителей по цѣнамъ отъ 65 к. до 1 р. за штуку, а продаются отъ 80 к. до 1 р. 20 к. за штуку. Въ мѣсячный срокъ въ зимнее время, начиная съ 15-го ноября до 15-го апрѣля, можетъ быть изготовляемо въ Усачевской волости ежемѣсячно до 7,000 штукъ рубашекъ, а въ остальное время года менѣе на третью часть, такъ какъ женское населеніе волости весною, лѣтомъ и осенью бываетъ занято полевыми работами и усиленными хлопотами по хозяйству. Рубашки въ Усачевской волости вяжутся изъ толстой шерсти, безъ примѣси бумажныхъ нитокъ, и отличаются прочностью и плотностью. Онѣ обыкновенно носятся крестьянами сверхъ холстинной рубахи, и плотно охватываютъ руки, грудь, спину и большую часть живота. Онѣ весьма легки и, въ то же время, очень теплы, а поэтому и употребляются крестьянами преимущественно во время работъ въ сырости и на холодѣ, какъ-то при рубкѣ и сплавѣ лѣса.

— **Водевиль въ судѣ.** Одного стараго и глухого обывателя Вѣны, большого охотника нюхать табакъ, лукавый попуталъ стащить у своего знакомаго серебряную табакерку, лежавшую на столѣ. Разсчетъ оказался невѣренъ. Въ табакеркѣ вмѣсто табаку находилась музыкальная машинка, которая по роковой случайности была въ это время заведена и заиграла въ то время, какъ похититель спускался съ лѣстницы. Услыхавъ знакомую мелодію, весело раздававшуюся изъ кармана глухого вора, двое пріятелей хозяина, подымавшіеся по лѣстницѣ, сейчасъ-же догадались въ чемъ дѣло, арестовали похитителя и передали его въ руки правосудія. На судѣ разыгралось нѣчто напоминающее «Соломенную шляпу», причемъ на долю подсудимаго досталась роль глухого дѣда изъ этого фарса. Подобно многимъ глухимъ, обвиняемый старался показать видъ, что онъ все слышитъ, и вотъ приблизительно разговоръ, происходившій на судѣ. Предсѣд. Какъ васъ зовутъ? Обвин. Ужь я ему: дамъ знать!—П. Гдѣ вы родились?—О. На столѣ возлѣ чернильницы.—П. Сколько вамъ лѣтъ?—О. Да, пріятно понюхать.—П. Есть у васъ жена?—О. Взялъ ее совсѣмъ печаянно.—П. У васъ нѣтъ съ собою слуховой трубы?—О. Я не зналъ что она играетъ у меня въ карманѣ.—Предсѣд. (громко). Поняли вы приговоръ?—Обвин. У меня нѣтъ никакихъ особыхъ примѣтъ; только вотъ на ухо я нѣсколько крѣпокъ.

— **Потеря всего состоянія.** Въ Эльбингѣ воры забрались ночью въ одну гостинницу, обокрали ее до чиста и, между прочимъ, утащили всѣ вещи одного пріѣзжаго музыканта. Обокраденный виртуозъ поднялъ страшный шумъ, ссылаясь на свои громадныя потери. Когда на судѣ, при составленіи протокола его спросили, что именно у него украли, онъ отвѣчалъ: «Я все потерялъ, все, что накопилъ втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Все мое состояніе заключалось въ сундукѣ, въ которомъ находились: мои сочиненія для флейты, старый футляръ изъ-подъ флейты, винтъ отъ пюпитра, двѣ берлинскія газеты, гдѣ были написаны обо мнѣ рецензіи, черный галстухъ, который можно узнать по оторванной пряжкѣ, черный шелковый чулокъ, другой у меня украли въ городѣ В.; 103 концертныхъ билета на папкѣ, контрмарка изъ Данцигскаго театра, ночной колпакъ, маленькая спичечница и 13 зильбергрошей. Я бы сдѣлался совершенно нищимъ, если бы воры унесли мою флейту, но, къ счастью, я ее отдалъ столяру для склейки. Прошу помочь мнѣ, потому что я хочу дать концертъ въ вашемъ городѣ и нахожусь теперь въ весьма плачевномъ положеніи». Судьи засмѣялись, сдѣлали складчину въ три талера и тѣмъ успокоили встревоженнаго виртуоза.

— **Фальшивый монетчикъ.** 22 октября къ живущему въ Вѣнѣ ксилографу Игнатію Кону явился одинъ иностранецъ, и сталъ разспрашивать его о ксилографіи, литографіи и печатаніи красками. У ксилографа явилось подозрѣніе, что незнакомецъ имѣетъ преступныя намѣренія, тѣмъ болѣе, что онъ разспрашивалъ весьма настойчиво, говоря, что можно заработать по крайней мѣрѣ 20,000 гульденовъ. Ксилографъ сообщилъ о своемъ подозрѣніи полиціи, и за иностранцемъ, обѣщавшимъ придти къ нему еще разъ, стали наблюдать. Явившись къ Кону въ другой разъ, незнакомецъ заказалъ ему доски для печатанія фольшивыхъ русскихъ кредитныхъ билетовъ. Онъ говорилъ о хорошемъ заработкѣ, о количествѣ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, которые нужно сдѣлать, и въ разговорѣ сказалъ, что печатать будетъ онъ самъ, вмѣстѣ съ двоими людьми, подъ наблюденіемъ Кона. Явившись еще разъ, въ отсутствіи Кона, незнакомецъ передалъ его женѣ настоящую 25-рублевую бумажку, которая должна была служить образчикомъ, 50 гульденовъ и лупу. За день до этого онъ самъ далъ Кону 50 гульденовъ съ просьбой изготовить доски. Результаты надзора, учрежденнаго полицейскимъ коммиссаромъ Аппелемъ, показали, что этотъ иностранецъ, вмѣстѣ съ двумя другими молодыми людьми, квартируетъ въ одной изъ городскихъ гостинницъ подъ именемъ Іоганна Громана. Іоганнъ Громанъ, родомъ изъ Ревеля, 41 года отъ роду, фотографъ, жилъ прежде въ Дрезденѣ и съ прошлаго года живетъ въ Бѣлградѣ. Товарищи его — Николай Апухтинъ изъ Орла, 19 лѣтъ, студентъ, бывшій въ прошломъ году добровольцемъ въ сербской арміи, и Ефремъ Ристичъ-Илличъ, изъ Сѣницы въ Босніи, 21 года, портной — были арестованы вмѣстѣ съ Громаномъ 27 октября и теперь преданы суду. Громанъ утверждаетъ, что онъ заказалъ только выгравировать пять досокъ для изданія снятыхъ имъ видовъ Сербіи. Эти виды должны были быть украшены портретами, и потому Громанъ далъ Кону, въ видѣ образчика, 25-рублевую бумажку, на которой изображенъ портретъ знаменитаго человѣка. Апухтинъ и Ристичъ-Илличъ, говорящіе только по-русски и по-сербски, увѣряютъ, что ничего и не знали о намѣреніяхъ Громана.

— **Разбойничество въ южной Италіи.** До какой степени оказываются недостаточными всѣ мѣры итальянскаго правительства для искорененія страшной язвы разбойничества, опустошающаго Сицилію, видно изъ слѣдующихъ фактовъ, сообщаемыхъ итальянскими газетами. Страшное сообщество душегубцевъ, извѣстное подъ именемъ «Маффіи», наводящее трепетъ на беззащитное населеніе, какъ видно, поставило себѣ цѣлью насмѣхаться надъ итальянскимъ правительствомъ, органовъ котораго члены «Маффіи» положительно не ставятъ ни во что. Министръ внутреннихъ дѣлъ разослалъ недавно громовый циркуляръ подвѣдомственнымъ ему учрежденіямъ о томъ, какъ поскорѣе покончить съ этимъ общественнымъ зломъ. Подчиненные министра, въ свою очередь, принялись писать болѣе или менѣе внушительные приказы, циркуляры, конфиденціальныя сообщенія. Въ то время, когда «пошла писать» неаполитанская бюрократія—шайки разбойниковъ не дремали. Атаманы посылали намѣченнымъ жертвамъ краткія, но выразительныя записки угрожающаго характера: къ такому-то часу внести столько-то контрибуціи, не то плохо будетъ. По словамъ члена итальянскаго парламента, Фамбри,—посвятившаго большую часть своей рѣчи, произнесенной недавно передъ избирателями, описанію подвиговъ «Маффіи»—нигдѣ нѣтъ такого отсутствія гарантій для личной и имущественной безопасности, какъ въ Сициліи. Въ округѣ Палермо 180 жителей получили угрожающія предостереженія. Въ числѣ этихъ жертвъ насчитываютъ до 37 милліонеровъ и около 20 богатыхъ помѣщиковъ. Въ Джирдженти число «предостереженій» доходитъ до 40 — пять предостереженій выпали на долю милліонерамъ, а 35 — обыкновеннымъ зажиточнымъ гражданамъ. Тутъ министерскими циркулярами ничего не сдѣлаешь, и нужно пустить въ ходъ болѣе существенныя средства.

— **Выгодное дѣло.** «Сѣв. Вѣстн.» пишутъ изъ Иркутска, что въ нынѣшнемъ году золотопромышленная компанія Базанова, Сибирякова и Нѣмчинова добыла на своихъ золотыхъ пріискахъ 395 пудовъ золота, что составляетъ по нынѣшнему курсу около 6.900,000 руб. валового дохода Соображая годовыя затраты этой компаніи по количеству рабочихъ, ихъ слѣдуетъ принять въ суммѣ не болѣе $2^{1}/_{2}$ милліоновъ рублей. Слѣдовательно, чистаго дохода компанія имѣетъ около 4.400,000 руб. Разлагая этотъ доходъ на число рабочихъ дней сначала и до конца лѣтнихъ работъ по добычѣ золота, т. е. примѣрно на 110 дней, на каждый день придется чистаго дохода около 40,000 руб. Чистая прибыль компаніи собственно отъ освобожденія съ нынѣшняго года золотопромышленниковъ отъ казенной подати съ золота (15%) простирается до 1.035,000 руб.; прибыль же отъ повышенія курса на золото вслѣдствіе нынѣшней войны нужно опредѣлить примѣрно въ 1.250,000 руб.

— **Глэ-Бизуэнъ.** Бывшій членъ французскаго временного правительства въ 1870 году, г. Глэ-Бизуэнъ, скончался 6-го ноября, у себя на родинѣ, Бретаніи, на 77 году жизни. Онъ былъ старымъ парламентаристомъ, начиная съ реставраціи до 1848 года. Въ 1849 году онъ не былъ выбранъ. Во времена имперіи, въ 1863 году, онъ былъ избранъ депутатомъ, причемъ отличался своими ѣдкими перерывами, вызывавшими вообще смѣхъ. Будучи человѣкомъ эксцентричнымъ, онъ, все-таки, отличался здравымъ смысломъ, нерѣдко оказывалъ значительное содѣйствіе преніямъ и неизмѣнно подавалъ открыто свой голосъ. Въ началѣ обложенія Парижа, въ сентябрѣ 1870 года, онъ отправленъ былъ въ Туръ, вмѣстѣ съ г. Кремье и адмираломъ Фуришономъ, для образованія правительства національной обороны. Когда Гамбетта явился на своемъ аэростатѣ съ полномочіями для принятія главенства надъ своими почтенными товарищами, г. Глэ-Бизуэнъ примирился съ этимъ фактомъ. Ежедневно являлся онъ въ главное кафе Тура выпить шоколаду и, хотя былъ изъ числа четырехъ лицъ, управлявшихъ самодержавно всею Франціей внѣ Парижа, тѣмъ не менѣе любезно бесѣдовалъ со всѣми посѣтителями. Позднимъ лѣтомъ онъ все еще носилъ бѣлую шляпу, которая имѣла уже совершенно измятый видъ. Однажды онъ предложилъ г. Гамбеттѣ отправить его съ предложеніями о мирѣ въ Берлинъ; молодой диктаторъ, стоявшій за веденіе войны до «благопріятнаго конца», отвѣчалъ ему: «Не полагаю, чтобъ вамъ удобно было отправиться къ иностранному двору въ подобной шляпѣ». Онъ былъ драматическимъ писателемъ-любителемъ не лишеннымъ достоинствъ, и однажды доставилъ случай французской печати высказаться свободно объ одной изъ его пьесъ, съигранной въ Женевѣ. Г. Глэ-Бизуэнъ былъ человѣкъ честный и заслуживающій уваженія.

* * *

Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій.

Подробности о взятіи Плевны и сдачи арміи Османъ-паши сообщены въ слѣдующей телеграммѣ его высочества главнокомандующаго отъ 30 ноября изъ Боготы:

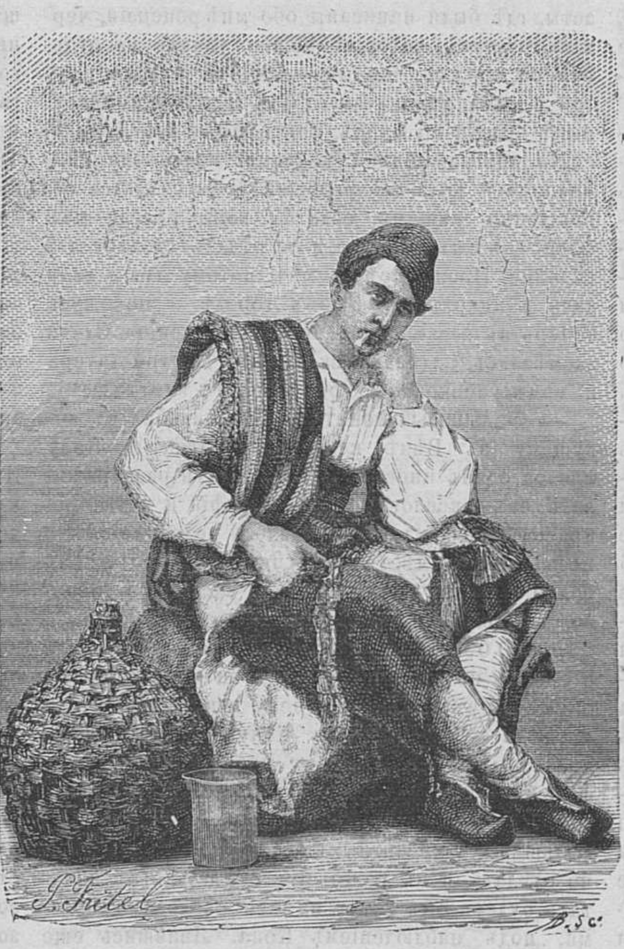
По показанію плѣннаго начальника штаба плевненской арміи Теверна-паши, армія состоитъ изъ 60-ти таборовъ при 60 ти орудіяхъ; кавалеріи немного. Плѣнныхъ пашей семь; провѣрка числа плѣнныхъ и трофей еще не окончена. Попытка арміи Османа-паши прорваться была геройская и достойная всей предъидущей обороны Плевны. Турки дрались, какъ львы, но получили столь же блистательный отпоръ; обрушившись всѣми силами на лѣвый флангъ гренадерскаго корпуса, занятый сибирскимъ имени моего полкомъ, турки, не взирая на убійственный ружейный и картечный огонь, ворвались въ траншею; мои гренадеры отчаянно защищались и, когда подошли астраханскій и самогитскій гренадерскіе полки, дружнымъ напоромъ, выбросили турокъ изъ траншей, взявъ при этомъ, одно знамя и шесть орудій. Вслѣдъ затѣмъ, весь гренадерскій корпусъ перешолъ въ наступленіе и отбросилъ турокъ за рѣку Видъ на прочія войска наши и румунскія, подходившія съ тыла и фланговъ. Доблестный защитникъ Плевны принужденъ былъ положить оружіе и сдаться въ плѣнъ со всею арміею. 29-го ноября, на турецкомъ редутѣ № 5-й, на шоссе изъ Плевны въ Гривицу, на томъ мѣстѣ, гдѣ ставка Османа-паши, отслуженъ, въ высочайшемъ присутствіи, торжественный благодарственный молебенъ, послѣ котораго Его Величество изволилъ завтракать въ Плевнѣ, потомъ милостиво принялъ Османа-пашу, бесѣдовалъ съ нимъ и, въ знакъ уваженія къ его храбрости, возвратилъ ему его саблю.

Наша потеря въ гренадерскомъ корпусѣ въ день взятія Плевны, 28-го ноября: убито: штабъ-офицеровъ 2, оберъ-офицеровъ 8, нижнихъ чиновъ 582; ранено: штабъ-офицеровъ 5, оберъ-офицеровъ 40, нижнихъ чиновъ 1,207; контужено: оберофицеровъ 2, нижнихъ чиновъ 3; всего офицеровъ 57 и нижнихъ чиновъ 1,792. Потеря турокъ 28-го ноября, по показанію Теверна-паши болѣе 4,000. Наши трофеи: плѣнныхъ пашей 10, штабъ-офицеровъ 128, оберъ-офицеровъ 2,000, нижнихъ чиновъ пѣхоты, за вычетомъ 4,000 потери, 36,000; кавалеріи 1,200, орудій 77. Число больныхъ и раненыхъ, неучаствовавшихъ въ бою 28-го ноября, еще неизвѣстно, число знаменъ тоже. Знамя, отбитое съ боя, взялъ рядовой астраханскаго гренадерскаго Наслѣдника Цесаревича полка Егоръ Ждановъ. Плѣнные паши привезены сегодня въ Боготу. Къ юртѣ Османа-паши я приказалъ поставить офицерскій караулъ, который при встрѣчѣ отдалъ ему честь съ барабаннымъ боемъ.

О другихъ событіяхъ на театрѣ военныхъ дѣйствій имѣются слѣдующія телеграммы его высочества Главнокомандующаго изъ Боготы:

1) Отъ 30-го ноября: 29-го ноября, съ 4-хъ часовъ пополудни, турки начали переправляться большими силами черезъ Ломъ у деревни Красной; къ вечеру переправилось уже болѣе 30-ти таборовъ. Сегодня, 30-го ноября, утромъ, турки атаковали всѣми силами корпусъ великаго князя Владиміра Александровича, направивъ главный ударъ на Мечку. Послѣ упорнѣйшаго боя корпусъ великаго князя Владиміра Александровича блистательно отбилъ турокъ съ фронта и перешелъ въ наступленіе, а между тѣмъ подоспѣвшая, по приказанію наслѣдника цесаревича, лично присутствовавшаго во время сраженія, бригада 35-й дивизіи ударила на лѣвый флангъ непріятеля. Дѣло по истинѣ блестящее; подробности дополнительно. На прочихъ мѣстахъ театра войны новаго нѣтъ. У Яковицъ и Златарицы войска наши по прежнему стоятъ на позиціи въ виду непріятеля. Противъ Лютикова, Арабконака и Златницы войска наши также занимаютъ прежнія позиціи.

2) Отъ 1-го декабря: Вчерашняя атака турокъ на корпусъ великаго князя Владиміра Александровича была ведена, по крайней мѣрѣ, 60-ю батальонами и преимущественно на лѣвый флангъ и на центръ; противъ праваго фланга были только слабыя демонстраціи. Мечку непріятель атаковалъ шесть разъ, но каждый разъ былъ отброшенъ съ огромными уронами. Къ часу дня подошла къ правому флангу 12-го корпуса 1-я бригада 35-й дивизіи; ей было послано приказаніе немедленно взять во флангъ боевой линіи турокъ; когда бригада эта вступила въ бой и открыла огонь, то весь 12-й корпусъ перешелъ въ наступленіе и гналъ непріятеля по направленію на Красное, до наступленія темноты. Турки отступили на Красное только потому, что путь на Чифтликъ былъ имъ отрѣзанъ нашими войсками. Потеря турокъ должна быть очень велика: поле сраженія усѣяно тѣлами убитыхъ и брошенными ранеными. Наши потери не приведены еще въ извѣстность, но нѣсколько менѣе понесенныхъ 14-го ноября, хотя въ бою участвовало больше войскъ, чѣмъ тогда. Въ свитѣ великаго князя Владиміра Александровича двое ранены. Одна пуля упала около него самого. Поведеніе войскъ выше всякой похвалы.



Рудокопъ изъ Караколеса.

(Къ ст. Атакама и Караколесъ.)

3) Отъ 2-го декабря: 29-го ноября, наканунѣ аттаки турокъ на позиціи 12-го корпуса, по всему восточному фронту нашему было произведено нѣсколько рекогносцировокъ; одна изъ нихъ, какъ уже было сообщено, выяснила, что турки начали переправляться черезъ Ломъ у Красной, что и дало 12-му корпусу время приготовиться; другая—посланная къ деревни Омуркіой и Карагачъ превратилась въ бой, кончившійся весьма удачно для насъ. Развѣдочный отрядъ, состоявшій изъ 13-ти ротъ курскаго полка и двухъ батарей—пѣшей и донской № 19, подъ начальствомъ генерала Горшкова, встрѣтилъ около 9-ти часовъ утра 14 таборовъ съ четырьмя орудіями. Отрядъ завязалъ дѣло. Генералъ Горшковъ, приказавъ приготовитъ у Кассабины засаду, началъ съ боемъ отступать, наводя на нее турокъ; непріятель запальчиво бросился преслѣдовать; Горшковъ все отступалъ пока не навелъ на засаду, и тогда, по условленному сигналу, наши вдругъ перешли въ наступленіе, опрокинули турокъ и гнали ихъ до Омуркіойя. Непріятель оставилъ на мѣстѣ болѣе 200 тѣлъ. У насъ ранены три офицера въ курскомъ полку и одинъ въ любенскомъ гусарскомъ. Нижнихъ чиновъ убито: курскаго полка 26, лубенскаго восемь; ранено: курскаго полка 120, лубенскаго 110. Потери наши въ бою 30-го ноября у Трстеника и Мечки еще не приведены въ окончательную извѣстность, но весьма приблизительная убыль слѣдующая: убитыхъ и раненыхъ офицеровъ 25; нижнихъ чиновъ убито около 90, ранено 600. Потери турокъ были очень велики; особенно много потеряли они во время преслѣдованія при обратной переправѣ черезъ Ломъ. Пока убрано только передъ нашими позиціями болѣе 600 турецкихъ тѣлъ, и уборка далеко еще не кончена. Въ числѣ взятыхъ нами плѣнныхъ до 150 раненыхъ и одинъ штабъ-офицеръ.

1-го декабря, на восточномъ фронтѣ были лишь незначительныя аванпостныя перестрѣлки журжевская батарея перестрѣливалась съ Рущукомъ, причемъ нашими выстрѣлами подбито одно орудіе на казарменной батареѣ и повреждена батарея зашоссейная.

30-го ноября, отрядъ нашъ, стоящій на дорогахъ въ Златицу изъ Софіи и Этрополя, былъ атакованъ турецкимъ златицкимъ отрядомъ, получившимъ около трехъ тысячъ подкрѣпленія. Бой продолжался съ утра до сумерекъ, и всѣ турецкія атаки были отбиты; но, такъ какъ турки остались на ночь на высотахъ, командующихъ надъ флангами нашихъ передовыхъ позицій — Челопечени и Клисса, то позиціи эти были нами очищены. Потери наши еще неизвѣстны, но невелики. Прочія войска наши занимаютъ прежнія свои позиціи въ виду Арабконака и наблюдаютъ за Лютиковымъ. Турки продолжаютъ укрѣплять свои позиціи и подводить, мало-по-малу, подкрѣпленія изъ Софіи.

2-го декабря, турки отступили изъ Елены, но сперва зажгли несчастный городъ. Авангардъ нашъ, двинутый для преслѣдованія, вступилъ туда.

4) Отъ 4-го декабря.—3-го декабря, наши отряды еленинскій и златарицкій заняли позиціи впереди этихъ пунктовъ и выдвинули авангарды къ Беброву. 3-го и 4-го декабря, на Шипкѣ была ружейная и артиллерійская перестрѣлка. Сегодня она продолжалась отъ трехъ до $5^{1}/_{2}$ часовъ по полудни, несмотря на сильный туманъ. Вчера у насъ оказались тамъ выдающіяся отличія: 24-й артиллерійской бригады штабсъ-капитанъ Григорьевъ, командуя батареею на св. Николаѣ, былъ раненъ осколками гранаты въ лицо и голову въ самомъ началѣ бомбардировки, но продолжалъ лично управлять огнемъ до конца; наводчикъ 2-й батареи 24-й бригады бомбардиръ Михаилъ Васильевъ наводилъ орудіе столь удачно, что три гранаты разорвались въ самой амбразурѣ непріятельской девятигласисной батареи, вслѣдствіе чего батарея замолчала; рядовой орловскаго пѣхотнаго полка Лейбусъ Файгенбаумъ, состоявшій за наводчика въ числѣ прислуги у горнаго орудія, видя гранату, упавшую возлѣ самого орудія, готовую разорваться, быстро

схватилъ ее и, несмотря на то, что трубка горѣла, съ явной опасностью для жизни бросилъ ее черезъ брустверъ въ оврагъ.

5) Отъ 5-го декабря. — Наши передовыя войска, преслѣдуя турокъ, захватили телеграфную линію отъ Елены до Беброва, взяли запасы галетъ, нѣсколько плѣнныхъ, заняли Беброво и достигли разъѣздами Ахмедли. Турки потеряли много убитыхъ и раненыхъ. Наша потеря 12 человѣкъ, въ томъ числѣ тяжело раненъ нарвскаго гусарскаго полка поручикъ Апушкинъ. Пожаръ въ Еленѣ прекращенъ нашими войсками; сгорѣло только сорокъ домовъ.

Изъ малой Азіи втеченіи этой недѣли не получено ни одного извѣстія. Не служитъ-ли это молчаніе признакомъ предстоящихъ серьезныхъ дѣйствій подъ Эрзерумомъ. Въ послѣднее время послѣ продолжительнаго молчанія съ Кавказа всегда получались извѣстія о значительной побѣдѣ.

Телеграммы.

Бѣлградъ, 2-го декабря. Въ только что появившейся правительственной прокламаціи объявлено, что сербская армія получила предписаніе перейдти границу.

— 3-го, въ манифестѣ сербскаго князя по поводу объявленія войны упомянуто, прежде всего, о печальномъ днѣ 28-го іюля 1389 года, когда состоялась битва на Коссовомъ полѣ, за которую Сербія должна отмстить. Далѣе, въ манифестѣ сказано, что война прошлаго года не принесла успѣха; теперь же, когда взялся за мечъ покровитель славянъ, Сербія не можетъ остаться безучастной и должна принять участіе въ священной войнѣ.

— 4-го декабря. Князь Миланъ выѣхалъ въ главную квартиру, въ Алексинацъ.

По оффиціальнымъ извѣстіямъ изъ Алексинца, отъ 16-го декабря, моравскій корпусъ перешелъ турецкую границу и занялъ господетвующіе надъ Мраморскими высотами пункты Секаницу, гдѣ и устроилъ батарею.

Аѳины, 2-го декабря. Въ Апокоронѣ, на островѣ Критѣ, провозглашена независимость.

Рагуза, 30-го ноября. Вчера произведено, посредствомъ динамита, покушеніе на жизнь князя черногорскаго. Къ счастью, князя не было дома; нѣсколько человѣкъ изъ его тѣлохранителей получили тяжкія увѣчья. Виновники покушенія не открыты.

Лондонъ, 4-го декабря. Послѣ совѣщанія, продолжавшагося нѣсколько часовъ, сентъ-джемскій кабинетъ рѣшилъ не предлагать Россіи своего отдѣльнаго посредничества, а дѣйствовать по соглашенію съ прочими европейскими державами. Съ этою цѣлью Англія предлагаетъ созвать конгресъ европейскихъ державъ.

Парижъ, 28-го ноября. Судя по заслуживающимъ довѣрія указаніямъ, конституціонные члены сената твердо рѣшились скорѣе принять отставку маршала Макъ-Магона, чѣмъ согласиться на новое распущеніе палаты депутатовъ. Маршалъ крайне разстроенъ. Полагаютъ, что онъ серьезно подумываетъ о выходѣ въ отставку.

— 1-го дкабря. Кабинетъ Дюфора сформировался; списокъ его появится завтра въ «Journal Officiel». Дюфоръ назначенъ президентомъ совѣта и министромъ юстиціи, Марсеръ—министромъ внутреннихъ дѣлъ, Владингтонъ—министромъ иностранныхъ дѣлъ, Барду—министромъ народнаго просвѣщенія, Борель—военнымъ, Петюо—морскимъ, Леонъ Сэ—министромъ финансовъ, Тэсеракъ — министромъ торговли, Фрэсине—министромъ общественныхъ работъ.

— 4-го декабря. Республиканецъ Эмиль Жирарденъ выбранъ въ депутаты отъ Парижа.

Наши гравюры.

Голодъ въ Индіи.

Голодъ произвелъ страшныя опустошенія въ Индіи, и только дожди, выпавшіе въ концѣ октября, спасли нѣкоторыя провинціи отъ конечной погибели, ожививъ поля, выжженыя продолжительною засухой. Если сѣверовосточный муссонъ продержится, то, по всѣмъ соображеніямъ, голодъ совершенно перестанетъ свирѣпствовать въ Индіи къ февралю 1878 года. Уже и въ настоящее время, цѣны на рисъ значительно спали въ Мадрасѣ и въ другихъ мѣстахъ и, въ надеждѣ на туземные урожаи, многіе торговые дома прекратили ввозъ хлѣба въ Индію изъ-за границы. Однако, до настоящаго времени, вся мадрасская пристань еще заграмождена судами, выгружающими хлѣбъ, привезенный по заказамъ правительства или частныхъ лицъ. Мѣстные корреспонденты, описывая подробности этого громаднаго привоза, говорять, что не только вся городская набережная, но и берегъ на протяженіи двухъ миль отъ города, по крайней мѣрѣ, превратился въ одинъ исполинскій амбарь, въ которомъ свалены мѣшки съ хлѣбомъ, образуя собою гору, футовъ въ пятнадцать вышиною. При этомъ нѣтъ возможности усмотрѣть за неприкосновенностью всего этого гигантскаго запаса, и голодные жители открыто прорѣзываютъ мѣшки и таскаютъ изъ нихъ рисъ. Англійская публика отозвалась человѣколюбиво на воззванія въ помощь голодающимъ, и суммы, пересланныя въ Индію съ этою цѣлью, раздаются нуждающимся, по отзыву мѣстныхъ корреспондентовъ, безотлагательно и толково; но пужда крайне велика, не смотря на всѣ усилія частной и правительственной филантропіи. Одинъ изъ корреспондентовъ Times'а набрасываетъ потрясающую картину ея въ прилагаемой иллюстраціи, снятой имъ на мѣстѣ, при одной изъ продовольственыхъ станцій, учрежденныхъ правительствомъ для раздачи пищи несчастнымъ.

Почтовый ящикъ.

Ст. **Родіоновская.** Рыб. Болог. ж. д., г. **Мальцеву.** Требуемые нумера Вамъ посланы. Пересылка же нумеровъ журнала въ глухихъ конвертахъ не допускается почтовыми правилами.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи. Генералъ-лейтенантъ Василій Александровичъ Гейманъ.—Стихотв. «Здѣсь и тамъ».—Крестьянскій младенецъ Ванюшка.—Нечеловѣческая месть (продол.). — Мостъ на скорую руку.—Спиритизмъ и спириты.—Стихотв. «Болгаринъ въ турецкой тюрьмѣ».—Кадуръ и Катель.—Обо всемъ. — Атакама и Караколесъ (продолж.). — Новости наукъ и жизни. — Смѣсь. — Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій. — Телеграммы.—Наши гравюры. — Почтовый ящикъ. — Объявленія.

Гравюры: Генералъ-лейтенантъ Василій Александровичъ Гейманъ.—Сестры милосердія. — Мостъ на скорую руку. — Голодъ въ Индіи. — Свадебный подарокъ. — Охота съ борзыми. — Плячилья и рудокопъ изъ Караколеса (къ статьѣ Атакама и Караколесъ).

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій**

Объявленія

НОВЫЙ СПОСОБЪ РИСОВАНІЯ, посредствомъ котораго всякій безъ малѣйшей подготовки можетъ копировать всевозможные рисунки, фотогр. карточки и пр. Особенно полезенъ для подарка дѣтямъ.

Цѣна изящнаго прибора съ прибавленіемъ **новаго способа умноженія** посредств. сложенія — 1 руб., съ пересылкою — 2 руб. Адр. въ контору объявленій, Невскій просп., № 4, въ С.-Петербургѣ.

НОВАЯ КНИГА.

Вышло изъ печати сочиненіе **Современная Филантропія Европы и Америки**, составленное І. Е. Зегимелемъ, съ цѣлью ознакомленія русскаго общества съ разнородными формами филантропической дѣятельности всѣхъ странъ и народовъ.

Сочиненіе это посвящено Ея Величеству *Государынѣ Императрицѣ*.

Изъ лестныхъ отзывовъ появившихся въ 15 періодич. изданіяхъ, объ этой книгѣ укажемъ на слѣдующія выдержки:

„Вообще трудъ предпринятый г. І. Е. Зегимелемъ имѣетъ большое значеніе и заслуживаетъ серьезнаго вниманія русскаго общества. (Голосъ № 36).

„Книга г. Зегимеля представляетъ богатый матеріалъ для исторіи филантропіи и для установленія правильнаго взгляда на самое дѣло благотворенія. Мы увѣрены, что каждый прочтетъ съ большимъ интересомъ это изданіе. (Указатель по дѣламъ печати № 3)."

Цѣна въ оберткѣ 1 р. 50 к., въ изящн. переплетѣ 2 р. съ перес.

Складъ въ Центральномъ Бюро объявленій и переводовъ. СПБ. Невскій просп. № 4.

МОДНЫЙ СВѢТЪ,

лучшій и полнѣйшій изъ всѣхъ выходящихъ въ Россіи семейныхъ журналовъ, съ приложеніями. Подписка на 1878 г. открыта.

ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ.

Большой иллюстрированный журналъ, съ безплатнымъ приложеніемъ „Иллюстрированной Хроники Войны". Подписка на 1878 годъ открыта.

ОБЪ ИЗДАНІИ
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА
„ДѢЛО"
въ **1878** году.

Журналъ „ДѢЛО" будетъ издаваться въ 1878 году при постоянномъ участіи прежнихъ его сотрудниковъ, въ томъ же направленіи и по той же программѣ, какъ и въ прошлыя **одиннадцать** лѣтъ своей дѣятельности.

Годовое изданіе журнала „ДѢЛО" состоитъ изъ двѣнадцати книгъ, отъ 30—32 листовъ каждая большого формата, что составляетъ въ годъ около 400 листовъ компактной печати.

Подписная цѣна журналу на годъ:

безъ пересылки и доставки	14 руб. 50 коп.
съ доставкой въ С.-Петербургѣ	15 „ 50 „
съ пересылкой иногороднымъ	16 „ — „
„ за-границу	19 „ — „

Подписка адресуется: въ С.-Петербургъ, въ контору редакціи „ДѢЛО"—(Надеждинская ул., домъ № 39—5).

При главной конторѣ редакцій „ДѢЛО" продаются слѣдующія изданія:

Происхожденіе человѣка и половой подборъ. Чарльса Дарвина. Перев. съ англ., подъ редакціею Г. Е. Благосвѣтлова. Въ трехъ выпускахъ, составляющихъ около 80-ти печ. листовъ, съ 150-ю рисунками, рѣзанными на деревѣ. Цѣна тремъ выпускамъ 5 р. сер.; съ перес. 5 р. 60 к.

Теорія естественнаго подбора. Очерки Альфреда Росселя Валласа. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Популярная Гигіена. Настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. Карла Реклама. Перев. съ нѣмецкаго. Изданіе третье. Съ приложеніемъ „Дѣтской Гигіены" д-ра М. С. Зеленскаго и вступительной ст. В. О. Португалова: „Безпредѣльность Гигіены". Съ рисунками. Цѣна 2 р.; съ пер. 2 р. 30 к.

Вопросы общественной гигіены. В. О. Португалова. Около 40 печатныхъ листовъ. Цѣна 3 р.; съ перес. 3 р. 50 к.

Усовершенствованіе и вырожденіе человѣческаго рода. В. М. Флоринскаго. Цѣна 50 к. съ перес. 70 к.

О питаніи въ физіологическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ. Д-рм Жюля Сира. Перев. съ французскаго, подъ редакціей А. Н. Моригеровскаго. Цѣна 2 р.; съ пер. 2 р. 30 к.

Уроки элементарной физіологіи. Т. Гексли. Пер. съ англ., съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Изданіе третье. Ц. 1 р. 25 к.; съ перес. 1 р. 40 к.

Комедія всемірной исторіи. Іог. Шерра. Историческій обзоръ событій съ 1848 по 1851 годъ. Перев. съ нѣмец. Два выпуска. Цѣна обоимъ выпускамъ 3 р.; съ перес. 3 р. 50 к.

Исторія крестьянской войны въ Германіи. Д-ра В. Циммермана, составл. по лѣтописямъ и разсказамъ очевидцевъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Три выпуска, составл. болѣе 70-ти печ. листовъ. Изданіе второе. Цѣна тремъ выпускамъ 2 р.; съ перес. 2 р. 50 к.

Избранныя рѣчи. Джона Брайта. Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Одинъ въ полѣ—не воинъ. Романъ Фр. Шпильгагена. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе четвертое, съ портретомъ автора и предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Два тома, около 60-ти печатн. листовъ. Цѣна 3 р.; съ пер. 3 р. 50 к.

Девяносто третій годъ. Романъ В. Гюго, въ двухъ томахъ. Переводъ съ французскаго. Цѣна 2 р.; съ пер. 2 р. 40 к.

Современные политическіе дѣятели. (Біографіи и характеристики) Э. Реклю (М. Триго). Цѣна 2 р.; съ пер. 2 р. 30 к.

Исповѣдь старика. Политическій романъ Иполита Ньево, перев. съ итальянскаго В. А. Зайцева. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

О подчиненіи женщины. Дж. Ст. Миля. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціею и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Въ концѣ книги приложена ст. Іог. Шерра: „Историческіе женскіе типы". Изд. второе. Цѣна 1 р.; съ пер. 1 р. 25 к.

Автобіографія Джона Стюарта Миля. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Русскія историческія женщины. (Женщины до-петровской Руси). Д. Л. Мордовцева. Ц. 2 р. 75 к.; съ перес. 3 р. 25 коп.

Внѣ общественныхъ интересовъ. Романъ П. Лѣтнева, изданный безъ предварительной цензуры. Ц. 1 р. 50 к.; съ перес. 2 р.

Американка. Романъ Луизы Алькотъ. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к.; съ пересылкой 1 р. 50 к.

Сочиненія Ѳ. М. Толстаго (Повѣсти и разсказы). Съ предисловіемъ Д. П. Писарева. Два тома. Ц. 1 р. 50 к.; съ пер. 1 р. 80 к.

Мертвая петля. Драма въ пяти дѣйствіяхъ Н. Потѣхина. Ц. 1 р. 80 коп.

Отъ земли до луны 97 часовъ прямого пути. Ж. Верна. Перев. съ французскаго. Ц. 50 к.; съ перес. 70 к.

Брилліантовое ожерелье. Романъ Антони Троллопа. Переводъ съ англ. Ц. 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

На всѣ вышеозначенныя изданія подписчикамъ журнала „Дѣло" уступается 20% съ номинальныхъ цѣнъ (стоимость книги безъ пересылки).

ПОДПИСКА НА 1878 ГОДЪ.

„ВРАЧЕБНЫЯ ВѢДОМОСТИ"

будутъ выходить въ 1878 году по той-же программѣ и также два раза въ недѣлю, какъ и въ прежніе годы. Для приданія большей полноты отдѣлу практической медицины и гигіены, Редакція, кромѣ рефератовъ, будетъ помѣщать общія обозрѣнія современнаго состоянія наиболѣе важныхъ вопросовъ практической медицины и гигіены.

Всего выйдетъ въ годъ 100 №№ газеты.

Подписная цѣна:

	Безъ доставки.	Съ достав. и пересыл.
На годъ.	6 р. — к.	8 р.
„ полгода	4 „ — „	5 „
„ три мѣсяца. . . .	2 „ 50 „	3 „
„ одинъ мѣсяцъ . .	— 75 к.	1 р.

Подписка принимается въ конторѣ Редакціи въ С.-Петербургѣ, на углу Б. Садовой ул. и Кокушкина пер., д. № 45.

Въ Петербургѣ—въ книжныхъ магазинахъ Риккера, Исакова, Черкесова, Попова и въ магазинѣ для иногородныхъ и др.

Въ Москвѣ—въ магазинахъ Соловьева и Центральномъ.

Въ Казани—въ магазинѣ „Восточная Лира".

Гг. иногородные благоволятъ адресовать письма и требованія исключительно въ контору Редакціи газеты.

Съ 1-го октября 1877 года издается въ гор. Одессѣ, по слѣдующей утвержденной правительствомъ программѣ, ежедневная **политическая, литературная, коммерческая и справочная газета** подъ названіемъ

ПРАВДА

I. Современная лѣтопись Россіи. — Внутреннія извѣстія, оффиціальныя и неоффиціальныя. Высочайшіе указы, повелѣнія, приказы и административныя распоряженія по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія; отчеты правительственныхъ мѣстъ и лицъ. Руководящія статьи по разнымъ государственнымъ вопросамъ, какъ возникающимъ со стороны администраціи, такъ и порождаемымъ современною жизнью общества. Народное и сельское дѣло во всѣхъ его проявленіяхъ. Земскія извѣстія. Городское хозяйство, вопросы по городской администраціи и по городскому благоустройству. Желѣзныя дороги въ политическомъ, экономическомъ и хозяйственномъ значеніи ихъ. Пароходство и другія сообщенія. Военное дѣло, военная экономія и вопросы, относящіеся къ военному хозяйству. Судебная практика и судебныя рѣшенія. Воспитаніе и обученіе. Народное здравіе. Финансовая, торговая, акціонерная и биржевая хроника. Требованія на рабочія руки, товары, работы, предложенія и условія нанимателей. Показаніе цѣнъ. Внутренняя корреспонденція. Письма въ редакцію газеты и ея отвѣты. Всевозможныя справки по изложеннымъ отдѣламъ.

II. Политическія заграничныя новости, почерпаемыя изъ иностранныхъ и русскихъ газетъ и журналовъ. Отдѣльныя статьи по разнымъ современнымъ вопросамъ иностранной политики. Извѣстія изъ славянскихъ земель. Корреспонденція. Телеграфическія депеши.

III. Учено-литературный отдѣлъ. — Статьи по части исторіи, статистики, педагогіи, этнографіи и другимъ отраслямъ человѣческаго знанія; беллетристическія статьи въ разныхъ родахъ; критика и библіографія; науки и художества.

IV. Фельетонъ. Новости общественной жизни, искуствъ, ремеслъ, театра съ замѣчаніями на игру актеровъ и проч.; путевыя и юмористическія замѣтки, слухи и вѣсти, смѣсь, разсказы, мелочи, переводы, подходящія выписки изъ журналовъ и другія статьи, которыя по содержанію своему не могутъ войти въ составъ прочихъ отдѣловъ газеты.

Срокъ выхода газеты **ежедневный,** за исключеніемъ понедѣльниковъ и дней послѣ большихъ праздниковъ.

По воскреснымъ днямъ гг. подписчики газеты **„Правда“ безплатно** получаютъ особыя прибавленія къ воскресному номеру, заключающія въ себѣ повѣсти, разсказы, мелочи, анекдоты и проч. Въ розничной продажѣ воскресныя прибавленія выдаются въ конторѣ по **5** коп.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

Безъ доставки и пересылки:

на годъ	на полгода	на 3 мѣс.	на 1 мѣс.
6 руб.	3 руб. 50 коп.	2 руб.	75 коп.

Съ доставкою и пересылкою:

на годъ	на полгода	на 3 мѣс.	на 1 мѣс.
7 руб. 50 коп.	4 руб. 50 коп.	2 руб. 50 к.	1 руб.

Отдѣльные номера по **ТРИ** коп. въ главной конторѣ редакціи.

Для казенныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденій допускается выписка газеты въ кредитъ по письменнымъ оффиціальнымъ предложеніямъ, а равно принимается и разсрочка по сношенію съ редакціею.

Подписчики, пользующіеся разсрочкой подписной платы за годовой экземпляръ съ доставкой или пересылкой, доставляютъ: при подпискѣ—2 руб., 1-го марта—2 руб., 1-го іюня — 2 руб. и 1-го сентября — 1 руб. 50 коп., а безъ доставки—по 1 руб. 50 коп. въ означенные сроки.

ПРИБАВЛЕНІЯ къ газетѣ „Правда“, состоящія изъ отдѣльно отпечатанныхъ телеграммъ, выдаются **безплатно** въ главной конторѣ редакціи **всѣмъ** подписчикамъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ на полученіе газеты и напечатаніе объявленій, какъ казенныхъ, такъ и частныхъ, **въ Одессѣ:** 1) Въ главной конторѣ редакціи газеты „Правда“, Полицейск. ул., д. Л. Нитче, № 30; 2) въ конторѣ Ѳ. Штерна, на Дерибасовск. ул., противъ Коммерч. Банка, № 9, и 3) въ магазинѣ Е. Петрококино (кромѣ объявленій), противъ почтовой конторы.

Съ цѣлью выясненія характера и направленія настоящаго изданія, редакція считаетъ нужнымъ познакомить общество со своимъ взглядомъ на предстоящую ей задачу. Задача эта, по ея мнѣнію, заключается въ томъ, чтобы быть выразителемъ общественныхъ интересовъ въ широкомъ смыслѣ, не служа личнымъ цѣлямъ, стремиться къ истинѣ и доставлять пользу, соединенную съ удовольствіемъ, возможно большему кругу читателей, будучи притомъ и доступной по цѣнѣ своей для каждаго. Въ виду этого, редакція, избѣгая безполезной полемики и обличеній, интересующихъ отдѣльныя личности, а не общество, позаботится предлагать читателямъ руководящія статьи по разнымъ общественнымъ вопросамъ, сообщать сжатые очерки текущихъ событій изъ русской и нерусской жизни, справки и объявленія, въ большинствѣ своемъ одинаково интересныя для жителей всей южной Россіи. Остерегаясь вводить публику въ заблужденіе передачею не провѣренныхъ строго свѣдѣній, редакція будетъ зорко слѣдить затѣмъ, чтобы на столбцахъ газеты никогда не появлялось что-либо не гармонирующее съ ея девизомъ.

Короче—„Правда“ будетъ стремиться къ тому, чтобы за незначительную плату дать возможность, въ особенности жителямъ провинцій, обитателямъ небольшихъ городовъ и деревень, не имѣющимъ случая читать большія и дорогія газеты, постояннно знать важнѣйшее изъ того, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, о чемъ пишутъ въ русскихъ и иностранныхъ газетахъ и журналахъ, слѣдить за новостями дня, читать телеграммы и имѣть всегда подъ рукою общеполезныя справки,—и все это за такую доступную для всѣхъ плату, ниже которой невозможно никакое ежедневное политическое и литературное изданіе.

Въ виду болѣе и болѣе развивающей потребности въ дешевомъ, интересномъ и правдивомъ органѣ, редакція надѣется, что появленіе ея изданія вполнѣ своевременно.

Стараясь избѣжать всякой рекламы, редакція находитъ лишнимъ печатать списокъ всѣмъ лицамъ, обѣщавшимъ ей сотрудничество, ограничиваясь поименованіемъ непосредственныхъ и дѣйствительныхъ сотрудниковъ: Г. Е. Афанасьевъ, Л. Л. Афанасьева, Я. Я. Вальцъ, С. Ю. Витте, К. Ѳ. Ганъ, Геллеръ, (главный сотрудникъ пражской газеты „Národní Listy“), Н. Н. Дерягинъ, А. М. Евреинова (докторъ правъ), бар. Н. В. Каульбарсъ, Д. А. Коропчевскій, Всеволодъ Крестовскій, В. Н. Лигинъ. В. И. Мазаракій, Н. П. Пересвѣтовъ, А. И. Поливановъ, К. Е. Розенъ, И. А. Сунди и Ѳ. М. Штернъ.

Кромѣ того, Иванъ Сергѣевичъ **Тургеневъ** и Евгеній Львовичъ **Марковъ** обѣщали обогащать газету своими статьями.

Сверхъ того, редакція считаетъ нужнымъ прибавить, что она пріобрѣла **постоянныхъ корреспондентовъ** на театрѣ военныхъ дѣйствій въ Европейской и Азіятской Турціи, а также въ Парижѣ, Берлинѣ, Вѣна, Прагѣ и другихъ городахъ.

Редакторъ-издатель **Іос. Флор. Доливо-Добровольскій.**

О ПОДПИСКѢ НА 1878 ГОДЪ НА

МОДНЫЙ СВѢТЪ,

№№ 1 и 2 за 1878 годъ выйдутъ еще въ декабрѣ 1877 года. Самый полный и дешевый модный и семейный журналъ въ Россіи.

Съ 1-го января 1878 года „Модный Свѣтъ“ начнетъ XI годъ своего существованія и будетъ издаваться съ прежнею со стороны издателя заботливостью о наружныхъ и внутреннихъ его достоинствахъ.

Журналъ „МОДНЫЙ СВѢТЪ“ въ 1878 году будетъ выходить также **ВЪ ДВУХЪ ИЗДАНІЯХЪ** въ количествѣ **48** нумеровъ въ годъ, т. е. четыре нумера въ мѣсяцъ (два модныхъ и два литературныхъ), и будетъ заключать въ себѣ втеченіи года:

- Болѣе **2,000** политипажныхъ рисунковъ модъ и рукодѣлій въ текстѣ.
- Рисунки канвовыхъ и тамбурныхъ работъ. Рисунки и выкройки бѣлья мужского, дамскаго и дѣтскаго.
- Раскрашенные рисунки канвовыхъ, тамбурныхъ и друг. работъ. Рисунки въ русскомъ вкусѣ.
- Болѣе **300** выкроекъ на **12** большихъ листахъ.
- **24** вырѣзныхъ выкройки въ натуральную величину.*
- **24** (или **12** для **I** изданія) модныхъ раскрашенныхъ парижскихъ картины, исполненныхъ лучшими иностранными художниками.
- Новѣйшія музыкальныя пьесы (ноты) любимыхъ композиторовъ.
- Коллекцію рисунковъ: изъ семейной жизни, модъ стараго времени, характерныхъ костюмовъ для маскарадовъ, портреты, типы и проч.
- Новѣйшія и лучшія повѣсти, романы, фельетонъ, стихотворенія, анекдоты, хозяйственный отдѣлъ и разныя мелкія статьи.
- Разныя отдѣльныя безплатныя приложенія.

Журналъ **„Модный Свѣтъ“** имѣетъ гораздо болѣе подписчиковъ, чѣмъ всѣ модные журналы, издающіеся въ Россіи, въ совокупности.

Цѣна годовому изданію „МОДНАГО СВѢТА“ на 1878 годъ:

I изданію, съ 12 раскрашенн. парижск. картинами и всѣми приложеніями:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки	**4** руб.	— коп.
„ съ доставкою	**5** „	**50** „
для иногородныхъ	**6** „	— „

II изданію, съ 24 раскрашенн. парижск. картинами и всѣми приложеніями:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки	**5** руб.	— коп.
„ съ доставкою	**6** „	**50** „
для иногородныхъ	**7** „	— „

- Въ Москвѣ цѣна безъ доставки: I-му изданію 5 руб. II-му изданію 6 р. 50 коп.; съ перес. I-му издан. 6 р., II-му изд.—7 р.

Издатель „Моднаго Свѣта“ **Германъ Гоппе.**

Главная Контора Редакціи „Моднаго Свѣта“ находится въ С.-Петербургѣ, по Большой Садовой улицѣ, домъ Коровина, № 16.

Въ Москвѣ подписка принимается у книгопродавцевъ; **И. Г. Соловьева,** на Страстномъ бульварѣ, въ д. Алексѣева; **А. Ланга,** на Кузнецкомъ мосту, и друг.

ПОДПИСКА НА 1878 ГОДЪ

„МУЗЫКАЛЬНЫЙ СВѢТЪ“

годъ 32-й.

ЛУЧШІЙ, САМЫЙ ПОЛНЫЙ И НЕДОРОГОЙ СЕМЕЙНЫЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Выходитъ ежемѣсячно большими тетрадями обыкновеннаго нотнаго формата отъ 50—60 страницъ музыки классической и новѣйшей, изящно и корректно напечатанной.

Въ каждой тетради подписчики получатъ пьесу серьозную или классическую, нѣсколько пьесъ легкихъ и дѣтскихъ, съ обозначеніемъ аппликатуры, нѣсколько танцевъ, одинъ или два романса, что составитъ въ годъ коллекцію нотъ болѣе чѣмъ на сто рублей по магазиннымъ цѣнамъ.

Выборъ пьесъ дѣлается самый тщательный, всякая тетрадь журнала имѣетъ интересъ для музыканта-спеціалиста и можетъ служить лучшимъ, дешевымъ и самымъ пріятнымъ подаркомъ для дамъ и дѣтей, любящихъ и изучающихъ музыкальное искусство, такъ какъ во всѣхъ тетрадяхъ **„Музыкальнаго Свѣта“** найдется достаточно пьесъ интересныхъ и доступныхъ для всѣхъ возрастовъ и для всѣхъ ступеней музыкальнаго развитія.

Годовые подписчики на журналъ получатъ слѣдующія, безплатныя преміи:

I. **Двѣ** полныя оперы, аранжированныя для фортепіано въ **двѣ** руки, на выборъ изъ **50** оперъ, объявленныхъ редакціею.

Полугодовые подписчики получаютъ одну оперу изъ этой рубрики. Слѣдующія за симъ преміи они могутъ получить только съ соотвѣтственной приплатой, или **одну** оперу, аранжированную въ **4 руки.**

Желающіе могутъ замѣнить эту премію безсмертною оперою **М. И. Глинки „ЖИЗНЬ ЗА ЦАРЯ“.**

Но въ этомъ случаѣ, контора журнала покорнѣйше проситъ прислать въ оную письменныя заявленія **не позже 1 марта 1878 г.**

Пропустившіе этотъ срокъ приплачиваютъ за полученіе этой послѣдней преміи **одинъ рубль серебромъ** къ подписной цѣнѣ.

II. Газету театра, музыки и изящныхъ искуствъ, выходящую еженедѣльно по воскресеньямъ (50 нумеровъ въ годъ), при чемъ каждый нумеръ заключаетъ въ себѣ **полтора листа** убористой печати, съ красиво и роскошно отдѣланной виньеткой и весьма интересенъ по содержанію, состоящему изъ: біографій, монографій, библіографій, критики, беллетристики, поэзіи, корреспонденцій изъ всѣхъ частей свѣта, новостей, анекдотовъ и т. д.

Такъ какъ газета высылается всѣмъ подписчикамъ на ноты (годовымъ и полугодовымъ) въ видѣ **безплатной преміи,** то подписка на однѣ ноты безъ газеты не принимается.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На годъ:

Безъ доставки	10 руб.	— коп.
Съ доставкою и пересылкою	11 „	50 „

На полгода съ 1-го января или съ 1-го іюля:

Безъ доставки	6 руб.	— коп.
Съ доставкою и пересылкою	7 „	— „

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ журнала, на Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго моста, д. **Лѣсникова, № 27,** надъ Милютинымъ Рядомъ и во всѣхъ музыкальныхъ и книжныхъ магазинахъ.

Въ Москвѣ, въ провинціи и за границей: во всѣхъ извѣстныхъ музыкальныхъ и книжныхъ магазинахъ.

Подписавшимся въ конторѣ журнала онъ будетъ высланъ съ первою отходящею почтою; контора не можетъ принять на себя отвѣтственность за могущую произойдти задержку или медленность въ высылкѣ журнала при подпискѣ въ другихъ мѣстахъ.

Подписка съ разсрочкою платежа подписныхъ денегъ по **третямъ,** или по **рублю** въ мѣсяцъ, принимается исключительно въ конторѣ журнала.

Желающіе ближе ознакомиться съ содержаніемъ журнала и получить **пробный нумеръ,** благоволятъ прислать въ контору заявленіе и **полтора рубля** почтовыми марками.

Отдѣльные нумера журнала продаются въ конторѣ по **1 р. 50 к.**

Въ январьской тетради **„Музыкальнаго Свѣта“** 1878 года будутъ помѣщены между прочимъ:

А. Н. СѢРОВА—Полька-фантазія, нигдѣ еще не напечатанная, аранжированная для фортепіано въ **четыре** руки **Н. П. Карцовымъ.**

АДЕЛИНЫ ПАТТИ—романсъ Il baccio d'addio (Прощальный поцѣлуй), пѣтый г. **Николини.**

Кромѣ того, въ составъ журнала 1878 года войдетъ первая часть школы для пѣнія **П. Віардо-Гарсіа,** принятой какъ руководство въ нашей Консерваторіи, въ русскомъ переводѣ.

Не дѣлая заманчивыхъ обѣщаній и не выписывая сотни именъ, редакція ставитъ себѣ задачею—знакомить подписчиковъ со всѣми выдающимися произведеніями отечественной и иностранной музыкальной литературы, классической и новѣйшей, вслѣдствіе чего **„Музыкальный Свѣтъ“** является положительною необходимостью во всякомъ семействѣ, гдѣ есть фортепіано, и особенно важенъ для провинціи, гдѣ иногда такъ трудно или почти невозможно достать какія-либо, а тѣмъ болѣе хорошія и новыя ноты.

На газету театра, музыки и изящныхъ искуствъ принимается **отдѣльная подписка** на слѣдующихъ условіяхъ:

На годъ:		**На полгода:**	
Безъ доставки	4 р. 50 к.	Безъ доставки	2 р. 50 к.
Съ дост. и перес.	5 „ 50 „	Съ дост. и перес.	3 „ — „

Въ видѣ безплатной преміи подписчики на одну газету получаютъ:

Годовые — **двѣнадцать,** а полугодовые—**шесть** музыкальныхъ пьесъ по выбору редакціи, стоимость которыхъ превыситъ цѣну подписки на газету.

Газета **„Музыкальный Свѣтъ“,** единственный въ Россіи спеціальный органъ, является положительною необходимостью для музыкантовъ, антрепренеровъ, актеровъ и всѣхъ лицъ, причастныхъ музыкальному и театральному дѣлу, по разнообразію же содержанія представляетъ интересное чтеніе и для посторонней публики.

Отдѣльные нумера газеты, по **десяти** коп. за нумеръ, продаются въ конторѣ журнала, у разносчиковъ и во всѣхъ театрахъ.

Примѣчаніе. Всѣмъ безъ исключенія магазинамъ принимающимъ подписку на журналъ и газету **„Музыкальный Свѣтъ“,** дѣлается уступка въ слѣдующемъ размѣрѣ:

Съ годоваго подписчика:		**Съ полугодоваго подписчика:**	
На журналъ	50 коп.	На журналъ	30 коп.
На газету	30 „	На газету	20 „

Доставляющимъ въ контору сразу не менѣе **десяти** подписчиковъ дѣлается уступка съ каждаго подписчика въ двойномъ противъ показаннаго выше размѣрѣ.

Во избѣжаніе недоразумѣній покорнѣйше просимъ внимательно читать это объявленіе.

Отвѣтственный Редакторъ-Издатель **Н. П. Карцовъ.**

Открыта подписка на 1878-й годъ.

„ПРИРОДА“

(ГОДЪ ШЕСТОЙ).

ПОПУЛЯРНЫЙ ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ,

(одобренъ для библіотекъ учебныхъ заведеній).

РОСКОШНОЕ ИЗДАНІЕ НА ВЕЛЕНЕВОЙ БУМАГѢ.

Подписная цѣна 12 р., съ перес. 13 р. 50 к. (безъ хромолит. и литогр. прилож. 8 р. съ перес. 9 р.)

Сборникъ „Природа“ выходитъ 4 раза въ годъ, книгами около 27 печ. листовъ, съ 6—8 хромо и лито-графіями, исполненными въ лучшихъ русскихъ и заграничныхъ литограф. завед., и 100 рисунками въ каждой книгѣ. Въ Сборникѣ принимаютъ участіе многіе извѣстные ученые популяризаторы и будутъ помѣщаться общедоступныя и общеинтересныя статьи по естествознанію, этнографіи, путешествія, статьи по медицинѣ, гигіенѣ, технологіи, сельскому хозяйству, охотѣ, военному и морскому дѣлу и т. п.

Оставшіеся экземпляры Сборника за 1873 г. (2 кн.), 1874, 1875 и 1876 гг. можно пріобрѣтать въ редакціи по 6 р. за годъ безъ прилож. и по 10 р. за годъ съ прилож., (1877 г. за 12 р.), а всѣ 18 томовъ до 120 хромолитографій и литографій, исполненныхъ частію въ литографіяхъ Лемерсье и Баха и изображающихъ сцены изъ жизни животныхъ, растенія, пейзажи, портреты, типы — и болѣе 1200 рисунковъ въ текстѣ, безъ приложеній за 20 р., съ подпиской на 1878 г. за 25 р.; съ приложеніями за 40 р., а съ 1878 г. за 50 р. съ пересылкой.

„ЖУРНАЛЪ ОХОТЫ“

органъ ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Охоты,

(ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

ежемѣсячное иллюстрированное изданіе

съ хромолитограф. и литограф. приложеніями.

Подписная цѣна 8 р., съ перес. 9 р. (На полгода 4 р. 50 к., съ перес. 5 р.).

Въ 1878 г. выходитъ книгами въ 5 печ. листовъ убористой печати, на веленевой бумагѣ (не считая особо печатаемыхъ приложеній), съ хромолитографіей или литографіей въ каждой и многими рисунками въ текстѣ,—изображающими охоту на звѣрей и птицъ, — охотничьихъ животныхъ, собакъ и т. п.—Независимо отъ сего въ теченіи года будутъ выданы въ видѣ преміи 2 раскраш. рисунка собакъ. Въ журналѣ принимаютъ участіе многіе извѣстные охотники — и помѣщаются охотничьи разсказы и очерки, спеціальныя статьи по ружейной и псовой охотѣ, о породахъ, содержаніи, дрессировкѣ и леченіи собакъ, ружьяхъ, монографіи охотничьихъ животныхъ, корреспонденціи, мелкія замѣтки, новости охотничьяго дѣла и т. п.

Оставшіеся экземпляры жур. Охоты за 1874 г. (6 кн.), 75, 76 и 77 гг., а всего 7 томовъ можно выписывать изъ редакціи по 3 р. 50 к., а всѣ 7 томовъ, заключающіе 42 хромолит. и литографій, 7 премій и особыя приложенія: „Записки псоваго охотника“ П. М. Мачеваріанова (160 стран.) и Тетеревъ - косачъ Л. И. Сабанѣева (100 стр.)—за 22 р., съ подпиской на 1878 г. за 30 р. съ перес.

Подписка принимается исключительно въ редакціи Сборника „Природа“ и „Ж. Охоты“ (Москва, Петровка, д. Самариной).

Лица, подписавшіяся на оба изданія въ редакціи, платятъ 16 р. с. безъ и 20 р. съ приложеніями Сборника.

Редакторъ **Л. И. Сабанѣевъ.**

„ЯХТА“

Еженедѣльная морская газета съ приложеніемъ **сборника морскихъ статей и разсказовъ.** Годовая цѣна **6** рублей. Полугодовая **4** руб.

Подписка на 1878-й (пятый) годъ принимается: Въ **С.-Петербургѣ:** 1) въ редакціи „Яхты“, на Могилевской улицѣ, д. № 13, кв. № 4-й, и 2) въ книжномъ магазинѣ Я. А. Исакова, въ Гостинномъ дворѣ, № 24-й. Въ **Кронштадтѣ:** въ морской библіотекѣ.

Иногородные подписчики обращаются **исключительно** въ редакцію „Яхты“, въ Спб., на Могилевской улицѣ, д. № 13-й, кв. № 4.

Расширивъ съ 1877-го года программу и увеличивъ объемъ своего изданія, редакція „Яхты“ слѣдила за развитіемъ морского дѣла въ Россіи, въ обширномъ значеніи этого слова. Ни одинъ маломальски серьезный вопросъ, касавшійся военнаго, коммерческаго или рѣчного судоходства, не остался забытымъ. Правильно организованныя корреспонденціи: съ театра войны, изъ портовъ и съ пристаней давали возможность читателямъ „Яхты“ своевременно слѣдить за различными проявленіями морского дѣла какъ въ Россіи, такъ и за границей. Большой морской романъ и нѣсколько разсказовъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ, равно какъ и газетные фельетоны, представляли различные очерки морской жизни, написанные въ легкой, общедоступной формѣ. Статьи техническаго содержанія сопровождались пояснительными чертежами и рисунками.

Все годовое изданіе „Яхты“ въ 1877 году составляетъ около ста печатныхъ листовъ большого формата.

Въ 1878-мъ году редакція „Яхты“ намѣрена еще увеличить форматъ газеты, что дастъ возможность расширить всѣ отдѣлы.

Въ „Яхтѣ“ постоянно помѣщаются: 1) руководящія статьи по различнымъ вопросамъ морского дѣла, 2) извѣстія съ театра войны, 3) главнѣйшія распоряженія правительства, относящіяся до морского дѣла, 4) мелкія морскія извѣстія и свѣдѣнія по морской торговлѣ, 5) яхтъ-клубное дѣло, 6) извѣстія изъ портовъ, съ пристаней и съ судовъ какъ изъ Роосіи, такъ и изъ-за границы, 7) морскіе судебные процессы, 8) морская библіографія, 9) фельетонъ и 10) частныя и казенныя объявленія.

Печатающіяся въ сборникѣ „Яхты“ статьи, которыя не будутъ окончены въ 1877 году, — будутъ разосланы безплатно тѣмъ изъ подписчиковъ на 1878-й годъ, которые подпишутся до 1-го декабря 1877 года.

Лица, желающія помѣщать свои статьи въ „Яхтѣ“, должны доставлять ихъ въ редакцію, непремѣнно за подписью и съ обозначеніемъ мѣстожительства автора. Вознагражденіе за статьи опредѣляется по соглашенію съ редакціею. Статьи, доставленныя безъ обозначенія условій, считаются безплатными и поступаютъ въ полное распоряженіе редакціи. Всѣ статьи подлежатъ измѣненію и сокращенію по усмотрѣнію редакціи. Статьи, признанныя неудобными для напечатанія, хранятся въ редакціи два мѣсяца и возвращаются только по личному востребованію авторовъ.

Редакторъ-Издатель **Л. Илляшевичъ.**

О ПОДПИСКѢ НА 1878 ГОДЪ НА

„ВСЕМІРНУЮ ИЛЛЮСТРАЦІЮ“

Большой иллюстрированный журналъ

съ безплатнымъ приложеніемъ „Иллюстрированной Хроники Войны“.

Съ 1-го января 1878 г. журналъ „Всемірная Иллюстрація“ начнетъ X годъ (т. е. Томы XIX и XX) своего существованія и будетъ выходить также аккуратно, какъ и въ прошлые года, еженедѣльно (т. е. 52 нумера въ годъ), въ увеличенномъ форматѣ большого двойного листа самой лучшей бумаги, и каждый нумеръ будетъ заключать въ себѣ 16—24 страницъ, изъ которыхъ половина будетъ наполнена роскошными рисунками изъ прошлой и современной жизни, исполненными лучшими художниками и граверами.

„Всемірная Иллюстрація“, благодаря своей аккуратности и строгому выполненію программы, пріобрѣла въ теченіи десятилѣтняго своего существованія заслуженную репутацію и, служа вѣрнымъ отраженіемъ жизни, какъ русской, такъ и иностранной, соперничаетъ съ лучшими иллюстрированными и литатурными журналами въ свѣтѣ.

Не ограничиваясь достигнутыми результатами, „Всемірная Иллюстрація“ стремится къ улучшенію и принимаетъ въ соображеніе желанія подписчиковъ, не останавливаясь передъ расходами и всегда давая больше, чѣмъ обѣщала.

Убѣжденная, что въ теченіи своей дѣятельности она достаточно заявила себя, Редакція считаетъ излишними всѣ пышныя рекламы и ограничивается только обѣщаніемъ, что употребитъ всѣ усилія, чтобъ оправдать возрастающее къ ней ежегодно довѣріе публики.

Программа „Всемірной Иллюстраціи“:

I. Политическій отдѣлъ. Современная исторія. Портреты и жизнеописанія современныхъ историческихъ дѣятелей. Славянскій обзоръ.—**II. Внутреннія извѣстія.** Портреты и жизнеописанія русскихъ современныхъ дѣятелей. Геральдика. Судебная лѣтопись.—**III. Изящная словесность.** Повѣсти, разсказы, очерки, сочиненія въ драматической формѣ, какъ оригинальныя, такъ и переводныя.—**IV. Науки и художества.** Историческіе очерки съ изображеніемъ лицъ и мѣстъ, которыя въ нихъ описываются. Очерки изъ естественныхъ наукъ, съ изображеніемъ предметовъ и явленій природы. Очерки современнаго и историческаго развитія художествъ, съ изображеніемъ зданій, картинъ, статуй и пр., съ портретами и жизнеописаніями художниковъ. Географическіе и этнографическіе очерки съ необходимыми рисунками и чертежами и т. п. — **V. Прикладныя науки и промышленность.** Новыя и старыя открытія и изобрѣтенія, съ изображеніемъ машинъ, мостовъ и пр. — **VI. Критика и библіографія.** Обзоръ замѣчательнѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ, литературныхъ и ученыхъ произведеній. Литературная лѣтопись. Обзоръ журналовъ.—**VII. Театральный и музыкальный** обзоръ. Обзоръ художественныхъ выставокъ. Рисунки, изображающіе сцены изъ новыхъ оперъ, драмъ и т. п., русскихъ и иностранныхъ. Музыкальныя пьесы (ноты).—**VIII. Смѣсь и новости.** Мелкія литературныя, художественныя и ученыя извѣстія. Новыя книги. Разныя мелкія происшествія и т. п.—**IX. Фельетонъ.** Очерки общественной жизни, нравовъ, увеселеній и пр. — **X. Юмористическій листокъ.** Каррикатуры.—**XI. Шахматныя задачи,** ребусы и т. п.—**XII. Частныя объявленія.**

☞ Въ случаѣ продолженія россійско-турецкой войны въ 1878 г., Редакція „Всемірной Иллюстраціи“ будетъ продолжать давать своимъ подписчикамъ безплатно, при каждомъ нумерѣ своего изданія, отдѣльное приложеніе, подъ названіемъ: **„Иллюстрированная Хроника Войны“.** Гг. новые подписчики, не выписывавшіе „Всемірной Иллюстраціи“ за 1877 г. и, стало быть, не имѣющіе нумеровъ „Иллюстрированной Хроники Войны“, вышедшихъ въ 1877 г., могутъ получить таковые по уменьшенной цѣнѣ, именно: въ бумажкѣ за 6 р., съ перес.. 8 р.; въ каленкоровомъ переплетѣ за 8 р., съ перес. 10 р. с.

Цѣна годовому изданію „Всемірной Иляюстраціи“ на 1878 г.:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ.	13 руб. — коп.
Безъ доставки въ Москвѣ.	14 „ — „
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	14 „ — „
Съ пересылкою въ другіе города.	16 „ — „

„ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“ представляетъ политическія событія, войну, изящныя нкуства, исторію, изящную словесность, географію, путешествія, естественную исторію, технологію, промышленность, морское и военное искуства, и пр., однимъ словомъ: цивилизацію, нравы и обычаи народовъ ВЪ КАРТИНАХЪ.

Каждый томъ „Всемірной Иллюстраціи“ представляетъ собою **РОСКОШНЫЙ АЛЬБОМЪ** до **500** печатн. страницъ, съ **350 — 400** рисунками, и есть необходимое дополненіе каждой хорошей библіотеки, а также одно изъ лучшихъ настольныхъ украшеній каждой гостинной.

ПОКРЫШКИ ДЛЯ ПЕРЕПЛЕТА „Всемірной Иллюстраціи“, изъ англ. каленкора, съ золотыми тисненіями по рисунку художника К, Брожа. Цѣна покрышки для переплета на каждый томъ: безъ пересылки **1** р. **75** к., съ пересылкою **2** р. **50** к. Цѣна первыхъ **18** томовъ „Всемірной Иллюстраціи“: 1869 г. (томы I и II) **10** р. безъ перес., въ англ. каленкор. перепл. **14** р.; 1870 г. (т. III и IV), 1871 г. (т. V и VI), 1872 г. (т. VII и VIII) и 1873 г. (т. IX и X) — по **8** руб. безъ пересылки, каждый годъ.

Въ англ., тисненн. золотомъ переплетахъ, каждый годъ стоитъ по **12** р. безъ пересылки.

1874 (томы XI и XII), 1875 (т. XIII и XIV), 1876 (XV и XVI), 1877 (т. XVII и XIII)—по **9** р. безъ перес., каждый годъ.

Въ переплетахъ безъ перес. по **13** р.

На пересылку каждаго года слѣдуетъ прилагать 3 руб. сер.

Главная контора Редакціи „Всемірной Иллюстраціи“ находится въ С.-Петербургѣ, по Бол. Садовой ул., д. Коровина, № 16.

Редакторъ-Издатель „Всемірной Иллюстраціи“, **Германъ Гоппе.**

Въ Москвѣ подписка принимается у книгопродавцевъ: И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Алексѣева; А. Ланга, на Кузнецкомъ мосту, и друг.

НАРОДЫ РОССІИ.

ЖИВОПИСНЫЙ АЛЬБОМЪ,

состоящій изъ хромолитографированныхъ рисунковъ съ текстомъ.

Народы, населяющіе Россію, столь разнообразны по своимъ типамъ, костюмамъ, нравамъ и обычаямъ, что описаніе ихъ и наглядное изображеніе всегда возбуждало интересъ, и въ началѣ настоящаго вѣка было нѣсколько заграничныхъ изданій, которыя, по тогдашнему состоянію художественной техники, были весьма несовершенны и кромѣ того во многихъ случаяхъ и фантастичны. Къ тысячелѣтію Россіи было въ первый разъ сдѣлано великолѣпнѣйшее изданіе „Les Peuples de la Russie“ Паули съ роскошными хромолитографіями, и при томъ сдѣланными на основаніи вѣрныхъ этнографическихъ данныхъ. Но изданіе это даже и въ первое время его появленія, по цѣнѣ своей и роскоши, было недоступно для публики; нынѣ же, когда цѣна нѣсколькихъ экземпляровъ, оставшихся въ продажѣ, дошла едва не до 200 рублей за экземпляръ, можно сказать, что оно совершенно недоступно. Дѣлать вновь подобное изданіе въ Россіи невозможно; но составить альбомъ въ меньшихъ размѣрахъ, исполненный однако хорошо, и издать его не такъ роскошно съ тѣмъ, чтобы пріобрѣтеніе его сдѣлать вполнѣ доступнымъ для публики, приняло на себя Картографическое Заведеніе Ильина, которое съ будущаго года начнетъ выпускать живописный альбомъ отдѣльными выпусками.

Въ альбомѣ **„Народы Россіи“** будутъ хромолитографированы слѣдующіе типы русскихъ народовъ:

1) Великоруссы. 2) Малороссы. 3) Бѣлоруссы. 4) Поляки. 5) Латыши. 6) Литовцы. 7) Вотяки. 8) Зыряне. 9) Финны. 10) Мордва. 11) Черемиссы. 12) Евреи. 13) Цыгане. 14) Молдаване (Румыны). 15) Крымскіе татары. 16) Казанскіе, симбирскіе и сибирскіе татары. 17) Башкиры. 18) Киргизы. 19) Осетины. 20) Армяне. 21) Грузины. 22) Имеретинцы. 23) Мингрельцы. 24) Гурійцы. 25) Чеченцы. 26) Лезгины. 27) Кабардинцы. 28) Курды. 29) Якуты. 30) Тунгузы. 31) Гиляки. 32) Айно. 33) Бурята. 34) Калмыки. 35) Самоѣды. 36) Юраки. 37) Остяки. 38) Чукчи. 39) Каряки. 40) Комчадалы. 41) Бухарцы. 42) Хивинцы. 43) Туркмены. 44) Сарты и 45) Узбеки.

Къ этимъ хромолитографіямъ будетъ приложенъ и текстъ съ описаніемъ нравовъ, образа жизни и обычаевъ поименованныхъ народностей. Въ текстѣ, кромѣ того, будутъ гравюры, изображающія типы, сцены, замѣчательные города Россіи и другія, заслуживающія вниманія, мѣста.

Весь альбомъ будетъ состоять изъ 8 выпусковъ, а въ каждомъ выпускѣ будетъ 4 хромолитографическихъ рисунка, кромѣ гравюръ въ текстѣ, который составитъ по 2 листа на каждый хромолитографированный рисунокъ.

Готовыя уже хромолитографіи для первыхъ двухъ выпусковъ можно видѣть съ ноября мѣсяца во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

УСЛОВІЕ ПОДПИСКИ:

1) Подписка открывается на **первые четыре** выпуска, въ которые войдутъ **шестнадцать** хромолитографій и до 10 печатныхъ листовъ съ гравюрами.

2) Подписная цѣна по **1 рублю** за выпускъ, то есть 4 р., безъ пересылки; за пересылку иногороднымъ за каждый выпускъ по 50 к.

3) Все изданіе будетъ окончено въ теченіе 1878 года и начнетъ выходить съ 1 января.

4) За точность удовлетворенія подписчиковъ ручается Картографическое Заведеніе, но только въ томъ случаѣ, если подписка будетъ сдѣлана въ самомъ Заведеніи (Большая Мастэрская, на углу Екатерингофскаго проспекта, домъ № 11—43).

5) Разсрочка при подпискѣ допускается по желанію подписчиковъ, но съ такимъ разсчетомъ, чтобы къ 1 января внесена была полная сумма за первые четыре выпуска: безъ этого альбомъ высланъ не будетъ.

6) По выходѣ перваго и второго выпусковъ будетъ открыта подписка на томъ же основаніи на остальные четыре выпуска.

Подписчики на журналъ **„Природа и Люди“** (12 книжекъ въ годъ 5 р. 50 к. безъ пересылки, а 6 р. съ пересылкою) получатъ всѣ эти рисунки и текстъ въ самомъ журналѣ **безплатно.**

Во избѣжаніе дефекта въ выпускахъ, въ отдѣльную продажу будетъ выпущено небольшое число экземпляровъ по увеличенной цѣнѣ.

СЪ 1-ГО ЯНВАРЯ 1878 ГОДА.

ПРИРОДА И ЛЮДИ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ.

Предпринимая изданіе съ цѣлью служить однимъ изъ ограновъ для самообразованія и развитія, редакція считаетъ долгомъ высказать только то, что она употребитъ усилія, чтобы удовлетворить любознательности своихъ читателей посредствомъ разнообразія содержанія и добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу. Выборомъ статей и способомъ ихъ изложенія, она постарается дать такого рода матеріялъ, который одинаково бы удовлетворилъ какъ потребностямъ лицъ вполнѣ взрослыхъ, ищущихъ самообразованія и развитія, такъ и тѣмъ молодымъ людямъ, для которыхъ дѣтскія книги не пригодны, а серьозная и научная литература не всегда доступны для пониманія. На первомъ планѣ будутъ поставлены реальныя свѣдѣнія, касающіяся жизни человѣка, природы и ея явленій.

ПГОГРАММА ИЗДАНІЯ.

1) Русская жизнь и этнографическіе очерки Россіи, съ хромолитографированными рисунками всѣхъ народовъ, обитающихъ въ Россіи. Это составитъ изящный альбомъ, въ который войдетъ отъ 20 до 30 хромолитографій.

2) Историческіе очерки Россіи, къ которымъ будетъ приложено до 100 большихъ рисунковъ.

3) Этнографическіе очерки различныхъ народовъ земного шара.

4) Повѣсти, разсказы и біографіи замѣчательныхъ людей.

5) Путешествія.

6) Очерки и картины природы.

7) Естествознаніе въ монографіяхъ и разсказахъ.

8) Техника и разнаго рода производства, а также промыслы и занятія человѣка.

9) Свѣдѣнія по части изобрѣтеній и усовершенствованій, двигающихъ науку и улучшающихъ бытъ человѣка.

10) Смѣсь, состоящая изъ статей разнообразнаго содержанія, мелкихъ разсказовъ, анекдотовъ и проч.

Кромѣ того, нѣсколько разъ въ годъ будетъ выходить приложеніе: **„Листокъ для родителей и наставниковъ“.** Этотъ листокъ будетъ состоять изъ двухъ отдѣловъ: 1) Дѣтская гигіена и вообще статьи, касающіяся физическаго, нравственнаго и умственнаго развитія дѣтей и юношей; 2) Библіографическій листокъ съ разборомъ выходящихъ дѣтскихъ книгъ.

!! Каждая книжка, выходящая ежемѣсячно 1-го числа, будетъ состоять изъ 10 печатныхъ листовъ, хромолитографированныхъ рисунковъ и гравюръ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За 12 книжекъ въ годъ.	5 руб. 50 коп.	съ перес.	6 р.
„ 6 „ въ полг.	4 „ — „	„ „	4 „ 50 к.
„ 1 книжку въ мѣсяцъ.	1 „ — „	„ „	1 „ 20 „

Всякій, подписавшійся на первый мѣсяцъ, въ случаѣ желанія продолжать подписку на цѣлый годъ, доплачиваетъ только до подписной цѣны, т. е. 4 р. 50 к.; безъ пересылки или 5 р. съ пересылкою.

Подписка принимается исключительно въ Картографическомъ заведеніи Ильина, на углу Б. Мастерской и Екатерингофскаго проспекта, домъ № 11—43.

ПЕРВАЯ КНИЖКА ВЫЙДЕТЪ 1-го ДЕКАБРЯ 1877 ГОДА.

Редакторъ-издатель **А. Ильинъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ИЗДАНІЕ ВЪ 1878 Г.

„ТЕХНИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ“.

ЖУРНАЛЪ

Открытій, изобрѣтеній и усовершенствованій по всѣмъ отраслямъ промышленности; четырнадцатый годъ изданія.

Журналъ удостоенъ большой золотой медали на Московской Политехнической выставкѣ 1872 г., и

Рекомендованъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Съ 1878 г. журналъ „Техническій Сборникъ“ будетъ выходить ежемѣсячно, по совершенно новой программѣ и въ двойномъ объемѣ противъ прежняго, т. е. 8—9 печатныхъ листовъ:

1) Правительственныя распоряженія и узаконенія, касающіяся фабричной и заводской промышленности и желѣзныхъ дорогъ.

2) Механическая технологія.

3) Химическая технологія.

Оба эти отдѣла заключаютъ въ себѣ описаніе машинъ, аппаратовъ, инструментовъ и матеріаловъ для техническихъ производствъ; открытія изобрѣтенія и усовершенствованія по всѣмъ отраслямъ технологіи.

4) Желѣзно-дорожное дѣло: локомотивы, вагоны, стрѣлки, сигналы, устройство понтажныхъ, различныя приспособленія для эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ и проч.

5) Смѣсь: техническія замѣтки о новостяхъ въ техникѣ, описанія составовъ и средствъ, патентованныя секретныя средства и пр.

6) Библіографія.

7) Списокъ выданныхъ привиллегій съ краткимъ поясненіемъ.

8) Почтовый ящикъ редакціи.

9) Объявленіе.

10) Приложенія: Въ составъ приложеній войдутъ производства:

Стеариновыхъ свѣчей, мыловаренное, химическихъ продуктовъ, свеклосахарное, войлочное, крахмальное, винокуренное, желѣзо-прокатное дѣло, сухая перегонка дерева въ закрытыхъ сосудахъ. Кожевенное производство; производства: гвоздей, пуговицъ, ножей, слесарное дѣло, котельное производство. Желѣзно-дорожное дѣло, приготовленіе дрожжей, каучука, гутта-перчи, производство туалетныхъ мылъ, духовъ и пр. Суконное дѣло. Детали машинъ, канатное и веревочное производство. Коленкоровое производство. Уксусное производство. Писчебумажное преизводство. Лаковое, стеклянное, фарфоровое. Приготовленіе швейныхъ иголокъ. Перчаточное, шляпное, чулочное, плисовое, пивоваренное, шеколадное. Производства: искуственныхъ минеральныхъ водъ, литографія, хромо-литографія, фотографія. Переплетное дѣло. Приготовленіе чернилъ, стальныхъ перьевъ, карандашей, ваксы, вѣеровъ, гребенокъ, газовое, каменно-угольное, мельничное дѣло, шелкоткацкое дѣло, лепточное производство. Утилизація нефтяныхъ остатковъ. Приготовленіе брикетовъ, чугунно-литейное дѣло. Щеточное производство. Приготовленіе консервовъ, бронзовое дѣло. Гальваническое золоченіе и серебреніе. Паровыя машины. Насосы. Сухая перегонка дерева, каменнаго угля и пр. Производство эмали. Телеграфное дѣло. Машино-строеніе, вагоно-строеніе и пр. пр.

Въ журналѣ будутъ помѣщаться политипажи, образцы, чертежи, проэкты и планы заводовъ и т. п.

Примѣчаніе. Отдѣлы кромѣ десятаго не должны быть обязательны для каждаго № Сборника и отдѣлы не слѣдуютъ въ показанномъ выше порядкѣ, кромѣ перваго и десятаго. Отдѣлъ десятый, для каждаго отдѣльнаго производства, имѣетъ свою отдѣльную нумерацію страницъ.

Подписная цѣна на годъ съ доставкою и пересылкою 16 руб: на пол-года 9 руб.

При перемѣнѣ адреса прилагается 60 коп.

Гг. иногородныхъ просятъ обращаться исключительно въ редакцію „Техническаго Сборника“ въ С.-Петербургѣ.

Въ 1878 году въ журналѣ „Техническій Сборникъ“ примутъ участіе гг. технологи: П. П. Волковъ, П. А. Дидковскій, В. П. Ипполитовъ, В. С. Кнаббе, И. И. Мурашко, Н. П. Мельниковъ, С. И. Фурманъ, А. И. Яковлевъ, М. А. Рыловъ, С. Шапиро и многіе др.

Въ 1878 году были приложены слѣдующія производства:

Производство искуственнаго коровьяго масла. Масло-экстраціонное производство (съ планомъ завода). Ультрамариновое производство. Прессовка сѣна и система прессовъ. Производство цикорія (съ планомъ завода). Производство искуственныхъ пахучихъ веществъ. Производство сахарнаго кулера. Производство съѣдобной желатины (съ планомъ завода). Джутъ и его обработка. Проволочное производство. Производство хромовыхъ солей. Листопрокатное дѣло. Кожевенное производство. Машинное производство черепицы (съ планомъ завода). Пооизводство анилиновыхъ красокъ и ихъ примѣненія (съ образцами). Лаковое производство. Производство суррогатовъ кофе.

ПРІЕМЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ.

Редакторъ-Издатель **В. Ашикъ.**

Подписка на журналъ

„СТРЕКОЗА“

на 1878 годъ.

Программа журнала, слѣдуя поговоркѣ: «nec multum, sed multus»,—не много, но многое, — состоитъ изъ слѣдующихъ рубрикъ: текущая общественная хроника столицы, обозрѣніе чудесъ и волшебствъ провинціальной жизни, беллетристика, критика, театръ, искуства и проч. Нынѣшняя война, съ самаго начала ея, стояла у «Стрекозы» на первомъ планѣ. Въ каждомъ номерѣ журнала помѣщаются легкіе фельетоны въ разныхъ формахъ, очерки, сцены, пародіи, афоризмы, мелочи, шарады, стихи, посвященія, пѣсни и проч., вращаясь или около современныхъ общественныхъ тэмъ, или событій и дѣятелей минуты.

Въ будущемъ, 1878 году, исключительно годовые подписчики «Стрекозы» получатъ безплатно въ художественной обложкѣ вторую серію **„Альбома Современныхъ Дѣятелей“,** состоящую изъ 12-ти портретовъ, литографированныхъ на камнѣ и напечатанныхъ тоже съ тономъ на отдѣльныхъ листахъ толстой бумаги. Цѣна этого альбома въ отдѣльной продажѣ назначена съ пересылкою 5 руб. сер.

Персоналъ работающихъ въ «Стрекозѣ» остается и въ будущемъ году тотъ-же.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛЪ:

Въ С.-Петербургѣ.

Безъ доставки на годъ съ преміею.	8 р. — к.
» » на полгода безъ преміи. .	4 » 50 »
Съ доставкою на годъ съ преміею.	9 » — »
» » на полгода безъ преміи . .	5 » — »

Въ Москвѣ.

Черезъ книжный магазинъ И. Г. Соловьева;

безъ доставки на годъ съ преміею.	8 р. 75 к.
» » на полгода безъ преміи. .	5 » — »

Съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи:

на годъ съ преміею.	9 р. 50 к.
на полгода безъ преміи.	5 » 50 »

(50 коп. должны быть приложены монетою, а не почтовыми марками.)

Подписку слѣдуетъ адресовать только и исключительно **«въ редакцію журнала «Стрекоза», въ С.-Петербургѣ, по Лиговкѣ, № 32».**

При конторѣ редакціи ежемѣсячнаго спеціальнаго журнала

„МОДЫ И РУКОДѢЛІЯ“

1878-й годъ IV.

(Стоющій 4 р., доставка 1 р. и перес. 2 р.;—а на оставшееся небольшое количество экз. за 1877 г.—1 р. дешевле).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА И НА НОВЫЙ ОБЩЕДОСТУПНЫЙ ЖУРН.

„ДЛЯ БѢЛЬЯ“

(изъ 6 выпуск. въ годъ 3 р., за дост. и перес. 1 р.).

А ТАКЖЕ НА КАРТИНКИ ПАРИЖСКИХЪ

„МУЖСКИХЪ МОДЪ“

(Ц. въ г. 8, 10 и 12 р., дост. и пер. 2 р.,—впредь до измѣненія).

Они содержатъ въ себѣ: черныя и раскрашенныя гравюры, литографированныя выкройки и вырѣзные патроны.

Кромѣ музыкальной пьесы и узоровъ для женской работы — полагается по 1 преміи *) на выборъ: олеографія—различныхъ сюжетовъ (пандантъ)—или въ др. родѣ (продающ. отдѣльно по 2 р.), — а за рамки къ нимъ—съ перес. и укупоркою—2 р. и дороже.

На тѣхъ же услов. можно пріобрѣсти и альбомы для вышиванія и вязанія: въ русск. и малоросс. стилѣ, отъ 3 р. 50 к. до 12 р. за каждый; отправка и укладка по 50 к. и 3 р.

Адресов. въ Контору ред. „МОДЫ и РУКОДѢЛІЯ“: на Невск. просп., уголъ Б. Морской, д. № 18 (надъ аптекой). въ СПБ.

P. S. Тутъ-же.

БЮРО ОБЪЯВЛЕНІЙ и пріемъ подписки на разныя изданія, переводы и переписка бумагъ, а равно исполненіе всевозможныхъ порученій и справокъ.

Гг. Иногородные прилагаютъ на отвѣтъ почтовыя марки.

---

*) Взамѣнъ этихъ сюрпризовъ—желающимъ дѣлается скидка; съ первыхъ 2-хъ изданій—1 р.,—а на всѣ 3 журнала—2 р.

Подписывающіеся съ разсрочкою платежа, такихъ преимуществъ не имѣютъ.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1878 ГОДУ ЖУРНАЛА

БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ

годъ четвертый

ПРОГРАММА

Въ журналѣ помѣщаются исключительно романы, повѣсти и разсказы въ переводѣ съ иностранныхъ языковъ на русскій.

Каждый номеръ журнала будетъ содержать въ себѣ, по возможности, одинъ законченный романъ, или часть его и небольшую повѣсть или разсказъ.

Годовое изданіе состоитъ изъ **12-ти** книгъ отъ 20-ти до 30-ти печатныхъ листовъ каждая. Срокъ выхода ежемѣсячный.

Въ концѣ года, подписчикамъ на „Библіотеку для чтенія“ будетъ выдана въ видѣ **преміи** 13-я книжка, отъ 30 до 40 печатныхъ листовъ, которая будетъ заключать въ себѣ одинъ, вполнѣ законченный романъ.

Условія подписки на годъ.

Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки	8 руб.	— коп.
Съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ	8 „	50 „
Съ пересылкою иногороднымъ	9 „	— „

Редакція допускаетъ слѣдующую разсрочку подписныхъ денегъ: при подпискѣ 5 руб. и къ 1-му мая остальныя. Кромѣ того, для гг. служащихъ допускается разсрочка помѣсячно съ ручательствомъ гг, казначеевъ.

Подписка принимается:

Для городскихъ подписчиковъ: — **Въ С.-Петербургѣ,** въ главной конторѣ редакціи въ книжномъ магазинѣ Исакова и въ другихъ книжныхъ магазинахъ: **Въ Москвѣ,** въ главной конторѣ редакціи прк книжномъ магазинѣ Кашкина и въ другихъ книжныхъ магазинахъ.

Гг. иногородные—адресуютъ свои требованія непосредственно въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала „Библіотека для чтенія“ **Фурштадтская ул., д. № 34.**

Подписывающихся съ разсрочкой просятъ обращаться: **иногородныхъ** исключительно въ редакцію, а **городскихъ**—въ книжный магазинъ Бортневскаго, **уголъ Троицкаго и Графскаго пер.**

На 1877 годъ подписка еще продолжается.

О подпискѣ въ 1878 году на общественную и литературную газету

„ОРЕНБУРГСКІЙ ЛИСТОКЪ“,

въ программу которой войдутъ:

I. Отдѣлъ статей и изслѣдованій по исторіи, этнографіи, статистикѣ, торговлѣ и промышленности оренбургскаго края.

II. Отдѣлъ общихъ политическихъ извѣстій и политическія телеграммы.

III. Хроника, или лѣтопись событій и явленій мѣстной жизни, а также опубликованныя правительствомъ распоряженія, прямо или косвенно касающіяся жизни города Оренбурга и оренбургскаго края.

IV. Отдѣлъ хроники о театральныхъ и другихъ публичныхъ зрѣлищахъ и увеселеніяхъ съ рецензіями о нихъ.

V. Фельетонъ. Въ немъ будутъ помѣщены очерки мѣстныхъ нравовъ и другія мелкія беллетристическія статьи.

VI. Справочныя свѣдѣнія по части торговой, промышленной, желѣзно-дорожной, театральный репертуаръ, почтовыя и календарныя свѣдѣнія, мѣстный метеорологическій бюллетень и т. п. свѣдѣнія, а также разнаго рода частныя объявленія.

VII. Прибавленіе къ „Оренбургскому Листку“

„ЛИСТОКЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ“.

Этотъ новый отдѣлъ будетъ выходить по четвергамъ безплатно и имѣетъ заключать въ себѣ: политическія телеграммы, дневникъ мѣстныхъ происшествій, календарныя свѣдѣнія и разнаго рода частныя объявленія.

ПРИМѢЧАНІЕ. „Листокъ Объявленій“ имѣетъ выходить до начала будущаго года въ форматѣ половины обыкновеннаго листа.

Газета „Оренбургскій Листокъ“ будетъ выходить по воскресеньямъ, а „Листокъ Объявленій“ по четвергамъ.

Подписная цѣна годовому изданію съ „Прибавленіемъ“ (52 №№ газеты и 52 №№ приложеній) **ПЯТЬ РУБЛЕЙ** съ доставкой и пересылкой.

Редакція покорнѣйше проситъ лицъ, знающихъ мѣстный край, присылать ей какъ отдѣльныя статьи и изслѣдованія, такъ и сообщенія свои, касающіяся мѣстной жизни съ какой бы то не было ея стороны.

Статьи, корреспонденціи и требованія на высылку изданія редакція проситъ адресовать: въ Оренбургъ, въ редакцію газеты „Оренбургскій Листокъ“, Неплюевская улица, домъ № 10, при типографіи Ив. Ив. Евфимовскаго-Мировицкаго.

Редакторъ-Издатель **Ив. Евфимовскій-Мировицкій.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

„МАЛЯРЪ“

журналъ юмористическій съ каррикатурами

на 1878 г.

(ГОДЪ ОСЬМОЙ).

„Маляръ“ выходитъ по воскресеньямъ (50 №№ въ годъ.) Помѣщаетъ на своихъ страницахъ каррикатуры, повѣсти, разсказы, очерки, легенды, монологи, сцены, стихотворенія. Въ литературномъ отдѣлѣ „Маляра“ принимаютъ участіе: Н. Ф. Бажинъ, П В. Быковъ, А. В. Кругловъ, С. Никитина, Ольга Охтенская, Романычъ, Г. И. Успенскій и другіе. По отдѣлу каррикатуръ и рисунковъ постоянные сотрудники „Маляра“: Аполлонъ Б., М. Знаменскій, И. П. Карамышевъ, А. А. Наумовъ, В. С. Шпакъ и др. Изъ большихъ произведеній на будущій годъ въ распоряженіи редакціи уже имѣются: **Особнякомъ,** повѣсть Н. Ф. Бажина и **Изъ любви,** повѣсть С. Никитиной.

Въ 1878 году форматъ „МАЛЯРА“ будетъ увеличенъ, техническое исполненіе рисунковъ улучшено.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Съ пересылкою на годъ	7 р. — к.	Безъ перес. на годъ	6 р. — к.
„ на полг.	4 „ — „	„ на полг.	3 „ 50 „
„ на 3 м.	2 „ 50 „	„ на 3 м.	2 „ — „

Для служащихъ—разсрочка при посредствѣ гг. казначеевъ. Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ редакція журнала „Маляръ“, Владимірскій проспектъ, д. № 15; въ Казани—въ магазинѣ „Восточная Лира“; въ Кіевѣ—у Корейво.

ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНІЕ,

Педагогическій листокъ для родителей, наставницъ и наставниковъ, издаваемый при С.-Петербургскихъ женскихъ гимназіяхъ.

Въ 1878 г. журналъ будетъ преслѣдовать тѣ же цѣли, какъ и въ первые два года своего существованія: содѣйствовать 1) выработкѣ правильныхъ взглядовъ на вопросы женскаго образованія, 2) улучшенію методовъ и пріемовъ обученія и воспитанія въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ и 3) выясненію способовъ правильнаго домашняго воспитанія и обученія дѣтей.

Сообразно этой цѣли въ журналѣ будутъ помѣщаться статьи, касающіяся исторіи женскаго образованія за границей и у насъ, состоянія его въ настоящее время, оцѣнки различныхъ взглядовъ на него и т. п., психологическіе очерки, замѣтки и наблюденія, могущіе послужить основою для выработки вѣрныхъ взглядовъ на дѣтскую натуру и пріемовъ воспитанія и обученія: спеціально педагогическія статьи (методы и пріемы преподаванія, „образцовые уроки“ и пр.). Кромѣ того, будутъ рубрики: а) обзоръ иностранной педагогической литературы, b) хроника и c) библіографія (разборъ педагогическихъ сочиненій, учебниковъ и дѣтскихъ книгъ). Всѣ книги для дѣтей, выходящія у насъ, будутъ своевременно разобраны.

Журналъ будетъ выходить въ концѣ каждаго мѣсяца (за исключеніемъ іюня и іюля), книжками около четырехъ печатныхъ листовъ. Кромѣ того, будетъ дано приложеніе для дѣтей (разсказы изъ русской исторіи съ гравюрами). Всего съ приложеніемъ журналъ будетъ заключать до 50 печатныхъ листовъ.

Цѣна за годъ, т. е. за 10 №№ и приложеніе:

безъ доставки	2 руб.	50 коп.
съ доставкою	3 „	— „
съ пересылкой (иногороднымъ)	3 „	50 „

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи (Васильевскій островъ, 9-я линія, д. № 6, въ помѣщеніи женской гимназіи). Въ книжномъ магазинѣ Колесова и Михина (Гостиный дворъ, № 22) и въ другихъ магазинахъ. Иногороднихъ подписчиковъ редакція проситъ адресоваться непосредственно въ главную контору редакціи.

Редакторъ-издатель **В. Сиповскій.**

На 1878 г. открыта подписка на научно-популярный гигіеническій журналъ

„ЗДОРОВЬЕ“,

Издаваемый подъ редакціей профессора Гигіены въ Императорской Медико-хирургической Академіи А. П. Доброславина, при ближайщемъ участіи профессоровъ Гигіены въ университетахъ Казанскомъ, Кіевскомъ и Харьковскомъ—И. П. Скворцова, В. А. Субботина и А. И. Якобія, профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета И. Е. Андреевскаго, докторовъ Архангельскаго, Гюбнера, Эрисмана и др.

Въ наступающемъ 5-мъ году изданія, Редакція журнала „Здоровье“ имѣетъ въ виду слѣдовать прежней программѣ—распространять въ популярной формѣ изложенія гигіеническія истины и предлагать обществу наиболѣе цѣлесообразныя мѣры для охраненія здоровья. Какъ и прежде, всѣ стороны быта — гигіена дѣтей, воспитанія, школьной жизни, гигіена взрослыхъ въ различныхъ отрасляхъ профессій, гигіена казармъ, больницъ и др. общественныхъ учрежденій, городовъ, ихъ ассенизація, вопросы дезинфекціи, медикополицейскія мѣры для охраны доброкачественности пищи, воды, напитковъ и пр. не менѣе важные отдѣлы здравохраненія будутъ изложены въ общедоступной формѣ. Кромѣ того, журналъ постоянно заботится о сообщеніи свѣдѣній, касающихся санитарной дѣятельности земствъ и городскихъ управленій, равно какъ и о санитарныхъ новостяхъ заграничной литературы. Библіографическія указанія о всѣхъ книгахъ по гигіенѣ тоже найдутъ въ журналѣ свое мѣсто, какъ и въ прошедшіе годы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

За годъ съ пересылкой	5 руб.
За полгода съ пересылкой	3 „

Гг. служащіе подписываются чрезъ своихъ казначеевъ.

Иногородные адресуютъ деньги и требованія въ редакцію, помѣщающуюся на Выборгской сторонѣ, по Нижегородской улицѣ, № 4 въ зданіи Императорской Медико-хирургической Академіи, а городскихъ подписчиковъ просятъ обращаться въ контору журнала въ типографіи Н. А. Лебедева, Невскій пр., д. № 8.

23-го октября, по истеченіи шестимѣсячной, основанной на распоряженіи г. министра внутреннихъ дѣлъ, пріостановки, возобновляется изданіе политической и литературной газеты:

„РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

Подписчикамъ, во время пріостановки изданія, высылалась другая газета, сначала еженедѣльная, а потомъ ежедневная. Сверхъ того, разосланы были двѣ географическія карты театра войны — на Дунаѣ и въ Малой Азіи.

Печатается и скоро выйдетъ въ свѣтъ книга: **„Очерки войны въ Малой Азіи, въ 1877 году“, Г. К. Градовскаго,** бывшаго очевидцемъ военныхъ событій на мало-азіятскомъ театрѣ войны. Цѣна 2 р. Подписчики **„Русскаго Обозрѣнія“** вправѣ получать эту книгу: иногородные—ничего не платя за пересылку, городскіе — съ уступкою 15% съ продажной цѣны.

Въ 1878 г., въ **„Русскомъ Обозрѣніи“**, какъ и прежде, будутъ помѣщаться фельетоны Гаммы (Г. К. Градовскаго) и статьи прежнихъ сотрудниковъ, а также корреспонденціи съ театра войны.

Редакторъ Г. К. Градовскій нынѣ же отправляется на дунайскій театръ войны, откуда будетъ присылать въ „Русское Обозрѣніе“ свои фельетоны.

Подписка на 1878 годъ:

Съ доставкою или пересылкою въ Россіи и заграницею
на годъ — 8 р., на полгода 5 руб.
Безъ доставки: на годъ — 7 р., на полгода — 4 руб.

Желающіе получать газету съ 21-го октября нынѣшняго года приплачиваютъ къ указаннымъ цѣнамъ 2 рубля.

Иногородные адресуются: С.-Петербургъ, въ редакцію „Русскаго Обозрѣнія“ (Надеждинская, № 16.)

Сверхъ того, можно подписываться: въ главной конторѣ, при книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова (С.-Петербургъ, Невскій пр., № 46). **Въ Москвѣ:** въ книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова. **Въ Кіевѣ**—въ книжномъ магазинѣ Гинтера и Малецкаго, ня Крещатикѣ. **Въ Одессѣ**—въ конторѣ Мосягина и комп., на Соборной площ., д Попудова. **Въ Ярославлѣ**—въ книжномъ магазинѣ и библіотекѣ Кокуева,

Редакторъ-издатель **Г. К. Градовскій.**

ОБЪЯВЛЕНІЕ ОБЪ ИЗДАНІИ

„ДОНСКОЙ ГАЗЕТЫ“

въ 1878 году.

„Донская Газета“, состоящая подъ редакціею А. А. Карасева, будетъ выходить въ будущемъ 1878 году два раза въ недѣлю — по воскресеньямъ и четвергамъ.

Подписная цѣна съ доставкой на домъ и пересылкой:

За годъ, съ 1 января 1878 по 1 января 1879 года	6 р.	—	к.
„ полгода	3 „	50	„
„ мѣсяцъ	—	75	„

Иногородные подписчики обращаются съ требованіями о подпискѣ по слѣдующему адресу: **въ Редакцію „Донской Газеты“, въ Новочеркаскъ.**

О ПРОДОЛЖЕНІИ ЕЖЕНЕДѢЛЬНАГО ИЗДАНІЯ „МИССІОНЕРЪ“ ВЪ 1878 ГОДУ.

Съ января 1878 года „Миссіонеръ“ вступаетъ въ **пятый** годъ своего изданія и будетъ выходить по той же программѣ и на тѣхъ же условіяхъ, какъ и въ предыдущіе четыре года.

Согласно съ утвержденною Святѣйшимъ Синодомъ программою, въ „Миссіонерѣ“ по прежнему будутъ помѣщаемы статьи, содержащія въ себѣ: 1) **историческія свѣдѣнія о насажденіи и распространеніи христіанской вѣры** въ различныхъ странахъ міра и біографіи замѣчательнѣйшихъ дѣятелей миссіонерства; 2) **разсказы изъ современной дѣятельности православныхъ миссіонеровъ** какъ въ предѣлахъ Русской Имперіи, такъ и внѣ ея — въ средней Азіи и преимущественно въ Японіи; 3) **историческія свѣдѣнія о миссіонерской дѣятельности западныхъ христіанъ и разсказы изъ современной ихъ миссіонерской практики;** 4) **этнографическія свѣдѣнія изъ мѣстъ дѣятельности миссіонеровъ:** описаніе вѣрованій, нравовъ, обычаевъ, условій жизни и быта инородцевъ, вмѣстѣ съ описаніемъ природы въ мѣстахъ миссіонерской дѣятельности; 5) обсужденіе **способовъ и пріемовъ распространенія христіанства; 6) статьи общеназидательныя,** имѣющія цѣлію, между прочимъ, раскрытіе и утвержденіе христіанскихъ истинъ и нравственныхъ понятій въ самихъ православныхъ христіанахъ, нерѣдко измѣняющихъ своему высокому призванію — **быть свѣтомъ міра;** 7) разныя извѣстія, замѣтки, миссіонерскіе отчеты, объявленія и т. под.

Въ 1878 году „Миссіонеръ“ будетъ выходить **еженедѣльно** въ объемѣ отъ одного печатнаго листа и болѣе. **Цѣна** годовому изданію **три руб.,** съ пересылкою и доставкою **три рубля пятьдесятъ копѣекъ.**

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ редакціи еженедѣльнаго изданія „Миссіонеръ“ въ квартирѣ священника Троицкой церкви, на Арбатѣ, Владиміра Семеновича Маркова; въ канцеляріи Совѣта Православнаго Миссіонерскаго Общества, въ домѣ Казанской церкви у Калужскихъ воротъ, и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. Въ Петербургѣ, въ магазинѣ Кораблева и Сирякова. **Иногородные** благоволятъ адресоваться съ своими требованіями **исключительно** въ редакцію „Миссіонера“ въ Москвѣ.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

„МОСКОВСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

въ 1878 году.

(ГОДЪ ТРЕТІЙ).

„Московское Обозрѣніе“, еженедѣльный журналъ политики, литературы и художествъ, въ 1878 году издается въ томъ-же объемѣ, т. е. въ количествѣ 52, сброшюрованныхъ и снабженныхъ изящными обертками, книгъ, отъ 3-хъ до 4-хъ листовъ большого формата въ каждой и кромѣ того, въ виду важности настоящихъ политическихъ событій, редакціей съ 6-го апрѣля настоящаго года издаются еще особыя ежедневныя прибавленія къ журналу, заключающія въ себѣ какъ телеграммы съ театра военныхъ дѣйствій, такъ и всѣ болѣе или менѣе интересныя свѣдѣнія иностранной и русской печати, имѣющія непосредственное отношеніе къ настоящимъ событіямъ.

Подписная цѣна:

На годъ съ доставкою и пересылкою	7 руб.	—	коп.
На полгода съ „ „ „	4 „	—	„
На годъ безъ доставки и пересылки	6 „	—	„
На полгода безъ „ „ „	3 „	50	„

Въ отдѣльной продажѣ, цѣна каждаго нумера 20 к.

Съ января мѣсяца 1878 года, редакція журнала „Московское Обозрѣніе“, предполагаетъ издавать, въ видѣ особыхъ прибавленій, ежемѣсячные художественные альбомы, по поводу чего и вошла уже съ ходатайствомъ въ Главное Управленіе по дѣламъ печати.

Обѣщанная премія разошлется гг. подписчикамъ въ декабрѣ мѣсяцѣ.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ главной конторѣ журнала (Срѣтенка, Даевъ переулокъ д. Шагаева).

Подписка на 1878 г. на журналъ

„ГРАЖДАНИНЪ“

(52 №№ въ годъ) и

„РУССКІЙ СБОРНИКЪ“

(2 тома въ годъ).

1. 1878 году газета-журналъ „Гражданинъ“ будетъ издаваться въ томъ же объемѣ и выходить каждую недѣлю по воскресеньямъ, какъ и въ 1877 году. Журналъ будетъ издаваться по извѣстной уже программѣ.

2. „Русскій Сборникъ“ же составляетъ безплатное приложеніе къ „Гражданину“, выходитъ два раза въ годъ (книгами отъ 20 печатныхъ листовъ съ иллюстраціями): I т. въ февралѣ, а II томъ въ октябрѣ (разсылается всѣмъ годовымъ подписчикамъ на „Гражданинъ“ немедленно по выходѣ въ свѣтъ) и заключаетъ въ себѣ собраніе тѣхъ статей (оригинальныхъ и переводныхъ — изъ лучшихъ англійскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ, славянскихъ и т. п. журналовъ и книгъ), которыя по объему и характеру своему не могли войти въ еженедѣльный журналъ. Въ „Сборникѣ“ будутъ (независимо отъ статей чисто литературнаго содержанія: романовъ, повѣстей, разсказовъ, очерковъ, драматическихъ сочиненій и стихотвореній) помѣщаться статьи: по вопросамъ религіи и церкви, по философіи, исторіи, политики, географіи, этнографіи, юридическимъ наукамъ, политической экономіи, статистикѣ, естественнымъ наукамъ, а также жизнеописанія замѣчательныхъ людей, и т. п.

При выборѣ статей особенное вниманіе редакціи будетъ обращено на статьи, знакомящія русскихъ читателей со славянскимъ міромъ.

3. При „Гражданинѣ“ ежемѣсячно будетъ безплатно разсылаться всѣмъ подписчикамъ на „Гражданинъ“ „Книжный Листокъ“ (12 выпусковъ въ годъ), въ коемъ будутъ помѣщаться: а) ежемѣсячные отчеты обо всѣхъ заслуживающихъ вниманія новыхъ книгахъ и б) справочные каталоги о книгахъ, поступающихъ въ продажу при книжномъ складѣ редакціи.

4. Всѣ подписчики на 1878 г., независимо отъ этихъ приложеній къ журналу, безплатно получатъ непремѣнно съ 1 № на 1878 г. два тома романа князя В. П. Мещерскаго: „Тайны Современнаго Петербурга“. Въ царствѣ Венеры и Развязка.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Редакціи (Надеждинская, 24, кв. 1) или при книжномъ магазинѣ Я. А. Исакова (Гостиный дворъ. № 24). а въ Москвѣ—въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева, Васильева и Живарева. Иногородные адресуются исключительно въ С.-Петербургъ: въ редакцію журнала „Гражданинъ“.

Подписчики благоволятъ обозначать при подпискѣ тѣ ближайшія станціи, гдѣ есть почтовыя учрежденія, такъ какъ С.-Петербургскій почтамтъ за неисправную пересылку не отвѣчаетъ, если журналъ посылается другими путями. При возобновленіи подписки слѣдуетъ присылать прежній печатный адресъ (бандероль) съ исправленіями, если они окажутся нужными или указывать хоть № бандероли.

Подписная цѣна за три изданія прежняя:

На годъ безъ доставки	7 руб.
„ „ съ доставкою и пересылкой	8 „
„ „ съ перес. заграницу	10 „

Отдѣльно на „Русскій Сборникъ“—подписная цѣна съ доставкою и пересылкою на годъ 3 р. Адресоваться при подпискѣ на „Сборникъ“ нужно въ редакцію „Гражданина“.

Для народныхъ учителей и народныхъ училищъ, безъ различія вѣдомствъ, и волостныхъ правленій, редакція понижаетъ подписную цѣну съ 8 на 6 р. за всѣ изданія, но только при подпискѣ на годъ. Этимъ же правомъ могутъ пользоваться и священнослужители, безплатно обучающіе въ народныхъ школахъ. Для народныхъ учителей и училищъ, волостныхъ правленій, священно-церковно-служителей, а также для служащихъ допускается (тоже лишь при подпискѣ на годъ) разсрочка въ платежѣ подписной суммы—съ платой за каждую четверть года или каждые три мѣсяца впередъ по 2 р., причемъ желающіе пользоваться разсрочкой благоволятъ съ точностью заявлять объ этомъ въ своихъ письмахъ.

При редакціи „Гражданина“ открытъ книжный складъ, изъ котораго можно выписывать всякаго рода книги какъ изданія редакціи и ея сотрудниковъ, такъ и всякихъ авторовъ и книгопродавцевъ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 Декабря 1877 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

Живописное Обозрѣніе

№ 51. Томъ II.

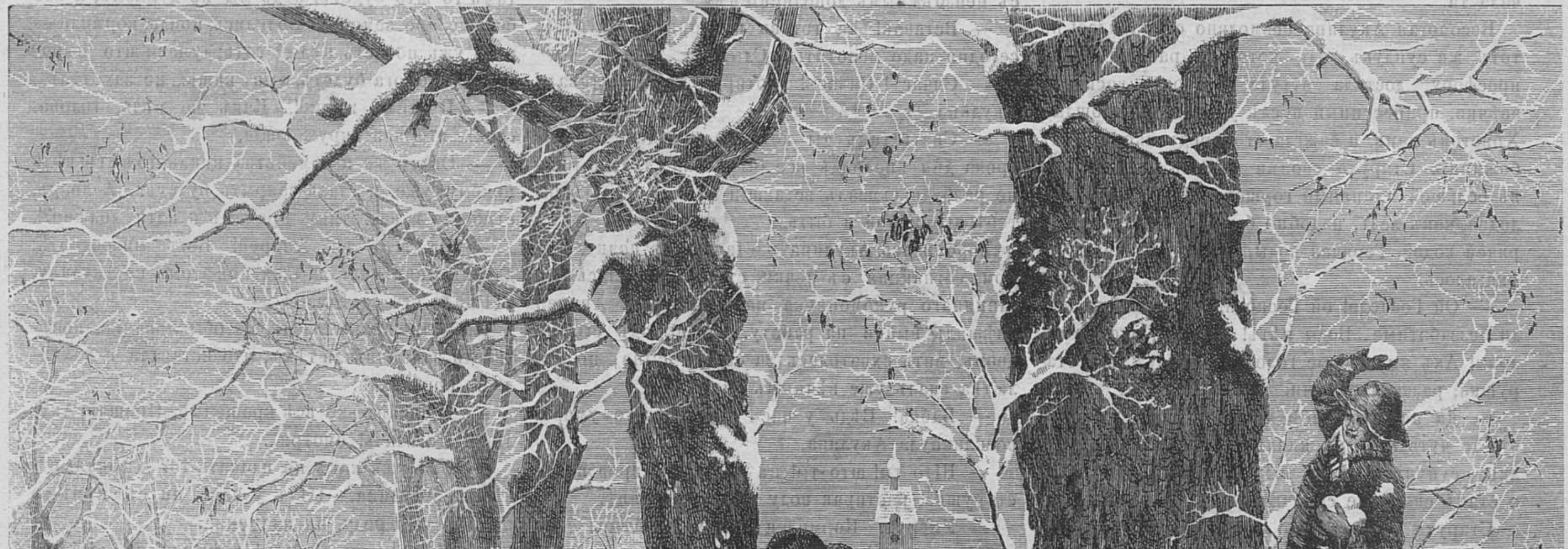
На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода—4 р. Отдѣльн. №№ по 15 к.

С.-Петербургъ, 18 Декабря 1877 года.

Адрессъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Троицкій переулокъ, домъ № 27/1.

Годъ V.

КАРТИНА КРОНБЕРГЕРА.



Снѣжки.

Крестьянскій младенецъ Ванюшка.

Разсказъ **В. Гивартовскаго.**

(*Окончаніе.*)

Въ избѣ было душно. Болѣзненныя-ли ощущенія, или просто блохи, черви и другіе паразиты не давали мальчику покоя, только съ полуночи Ванюшка снова сталъ метаться и кричать.

— Охти мнѣ тошнехонько!... Ой-ой! Ну ды ладно! Ну ды ладно! Хоть ты какъ хошь, хоть куды хошь и съ робенкомъ теперя... Развѣ попробовать его окупать на порогѣ съ крещенской водушкой; може, Господи и дастъ легче... разсуждала старушка поднимаясь съ печки. Это у его либо витренница, либо съ жару... Ой-ой! Гдѣ тутъ и жарникъ-то? Какъ и огня-то достать?... Окулина! А Окулина! Выстанько! Выстань—робенокъ плаче... Ой-ой! Ну ды ладно крещеные!... Окулина!

— Ну!

— Выстань-ко, говорю, Ванюшка плачетъ...

— А-то, штобъ-те сдохнуть... Дьяволъ! вѣкъ прожила, а робенка наладить не можетъ, вставая, ворчала Акулина.

Скоро, однако, вздула она губами огонь изъ углей и, съ зажженной лучиной, подошла къ люлькѣ сына.

— Чего ёнъ? робко спрашивала она старушку.

— Затепли христовскую свѣчку, твердо отвѣчала та.

Босоногая Акулина безмолвно отправилась въ тотъ же сундукъ, изъ котораго раньше брала просфору, достала оттуда огарокъ восковой свѣчки, принесенный послѣ утрени въ прошлый Христовъ день, и зажгла его предъ иконами въ божницѣ. Старуха своими руками налила воды въ большой глиняный горшокъ. Вода была холодна, какъ ледъ, надобно было разбавить ее горячей водой. Горячей воды, однако, въ печкѣ не оказалось.

— Ой Господи! ой Господи!... И каки эти люди беззаботные... Воды нѣтъ! Ахъ вы, пустые головы! Ахъ вы, пустые головы!... разсуждала старушка, разводя руками.

— Да на што тибѣ тепла-то вода, когда и эта-то чуть што не кипятокъ? возражала Акулина, сунувъ руку въ воду и потомъ отирая ее о станъ своей же сорочки.

Старуха сомнительно покачала головой, но потомъ разсудила, что «Господь и такъ можетъ проститъ», и поэтому немедленно приступила къ дѣлу. Прибавила въ эту холодную воду съ полстакана воды, взятой изъ церкви въ крещенскую вечерню; поставила Акулину съ плачущимъ ребенкомъ предъ образами, а сама взяла мѣдное распятіе въ руки и, болтая имъ въ водѣ, шептала:

— Встану я, перекрестясь, умоюсь благословясь; изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, въ чистое поле, въ зеленые луга; землей подмощусь, небомъ окроюсь, опрокину я себѣ красное солнышко на голову, кладу я младъ свѣтелъ мѣсяцъ противъ сердца ретиваго, звѣздами опожнусь, лунами обтычусь и предстану я предъ самого Господа Саваофа. Повели своимъ праведнымъ мужамъ подать изцѣленіе младому рабу своемуИвану: отъ пролазу-ли то людского, или отъ витринницы, лихоманки, а также отъ всякой иной болѣсти и недуга, а паче всего всякаго вражескаго навожденія; иждени его супостата въ дремучіи лѣса, въ море окіанъ, за тридевять земель, скрозь мать сырую землю. Все сіе да будетъ въ ключъ и въ замокъ—и во вѣки вѣковъ. Аминь! Аминь! Аминь!

Послѣ этого бабушка нашла нужнымъ для чего-то посолить воду — неизвѣстно: для приданія ли ей большей цѣлебности, или же для того, чтобы сдѣлать ее еще холоднѣе. Но посоливъ эту воду, она велѣла матери раздѣть своего сына до гола и держать въ рукахъ на порогѣ отворенной двери. Сѣни у заднюшка были досчатыя, дырявыя. Вѣтеръ шумѣлъ причудливо и сильно, подкуривая въ самыя сѣни мелкою, сухою, снѣжною пылью. Бабушка еще чего-то шептала въ воду, вспоминая родителей. Малютка, сколько могъ, отбивался и кричалъ, но ничего не могъ сдѣлать; наконецъ, его облила бабушка холодной водой, съ необходимымъ прибавленіемъ: «Самъ Господи благослови младеня Ивана». Послѣ такого сюрприза, малютка сначала судорожно бился, потомъ не много кричалъ, но не прошло и пяти минутъ, какъ онъ весь потемнѣлъ и замолчалъ. Взаключеніе всего мальчика положили въ туже скверную люльку, на ту же мокрую солому, завернувъ въ тѣже сырыя и грязныя тряпки; онъ теперь только протяжно и съ хрипѣніемъ вздыхалъ.

Пѣли ужъ вторые пѣтухи. Акулина проворно улеглась снова спать къ мужу, старуха по прежнему забралась на печку, ахая и вздыхая. Заснули всѣ; слышенъ былъ лишь сонный храпъ, да свистъ вѣтра въ трубѣ; доносился порою лай собакъ, да изрѣдка насмѣшливо посматривала луна, вывернувшись изъ-подъ покрывала прозрачныхъ облаковъ.

Первый проснулся Андрей, услыхавъ ржаніе своего «воронка» въ конюшнѣ, просившаго пить, и немедленно толкнулъ въ бокъ свою Акулину, съ неизбѣжнымъ дополненіемъ:

— Вставай! Да готовь проворнѣе завтракъ; сегодня надо молотить... Слышь!

— Сичасъ! Сичасъ! протирая глаза, вставала Акулина.

— Спать такъ ты хоть бы, кажись, до Петрова дни вподрядъ все бы спала, только лишь не разбуди; сказалъ вставшій мужъ.—Только бы тебѣ дворянкой и быть...

Торопилась Акулина растапливать печку. Дымомъ согнанная съ печки, старушка мылась изъ глинянаго рукомойника надъ лаханью. Андрей спѣшилъ выйти на работу. По выходѣ его на дворъ, мать схватилась за своего сына, но малютка спалъ уже вѣчнымъ сномъ.

— Бабка! Вѣдь у насъ Ванюшка-то умеръ! воскликнула Акулина.

— Што ты! што ты! въ изумленіи произнесла старушка, растирая воду на своемъ лицѣ.

— Умеръ!.. Кормилецъ ты мой! Андельская твоя душенька!.. Сирота я горегорькая...

Была на сердцѣ думушка
Веселая, да надежная;
Видно, Господу не понравилась;
Видно, чѣмъ-нибудь да провинилась я..

выводила слезливымъ голосомъ Акулина.

А старушка, внимательно осматривавшая вытянутаго изъ люльки ребенка, шептала вслухъ:

— Успокой Господи младеня Ивана... Успокой Господи!.. Жалачный ты нашъ!.. Вишь какъ его родимчикомъ-то тропуло!.. Ой-ой!.. О Господи, владыка живота моего! Спаси душу новопредставленнаго младеня...

Принялись омывать мертвое тѣло.

Скоро вернулся и Андрей въ избу. И по вою жены, и по положенію ребенка, сейчасъ же сообразилъ въ чемъ дѣло, но молчалъ, стоя по срединѣ избы, почесывая въ затылкѣ; видно было, что онъ этого никакъ не ожидалъ.

— Чево ёнъ? тихо спросилъ онъ наконецъ у старушки.

— Родимчикомъ, со слезами, односложно отвѣчала та.

— Ишь-ты вѣдь притча какая! разсуждалъ онъ.—Всѣ вѣдь говорили, что ужь этотъ у тебя жилецъ будетъ, а межь тѣмъ вотъ онъ... Видно, Бога на умѣ ни у кого не было!.. Эка ты парень! Понадобится поѣхать на погостъ... гробъ еще вѣдь надо дѣлать... Ну! Седни ужь не молоченье... Што ты подѣлаешь? Што ты подѣлаешь? Всѣ вѣдь подъ Богомъ ходимъ!.. Да! горестно заключилъ онъ, и снова пошелъ на дворъ, чтобы запрячь «воронка»—ѣхать на погостъ.

Съ разсвѣтомъ узнала вся деревня, что у Андрея Рузина умеръ сынишка. Мальчикъ лежалъ уже на чистой подушкѣ, въ большомъ углу, на скамейкѣ, покрытый чистой скатертью. Акулина шила саванъ и другія принадлежности похоронъ. Старуха лежала на печкѣ въ лихорадочномъ состояніи и тяжело вздыхала. Андрей расположился у порога съ досками дѣлать «домовище». Сосѣди и сосѣдки съ ребятишками приходили то въ одиночку, то группами проститься съ покойникомъ.

Каждый приходящій помолится, по обыкновенію, на икону, поклонится разъ въ землю, потомъ поцѣлуетъ покойника, затѣмъ снова помолится и скажетъ: Дай Богъ царство ему небесное! Нѣкоторые же прибавляли при этомъ: «Ангельская душенька». Затѣмъ начинали разговоръ, что у младенца душа чистая, все равно, что у ангела; «потому-чавоонъ могъ нагрѣшить?.. Надо полагать, что на томъ свѣтѣ мѣсто ему уготовали не худое»...

— Што говорить про это!.. Обыкновенное дѣло... младенецъ! вторили хоромъ остальные присутствующіе.

— Такъ-то такъ, возражалъ, обыкновенно, Андрей,—а все-таки жалко; потому свое дите... тамъ-то што будетъ, вѣдь мы не думаемъ, а все больше про земное... Водились, поили, кормили — вотъ ужь почесть цѣлый годъ; думали што выростетъ — помога будетъ, а онъ вишь... не захотѣлъ...

— Вѣстимо жалко!.. Какъ же вѣдь, голова, свой!.. вторили окружающіе.

— Опять же и семейства никакого нѣтъ; вѣдь некому уже и глазъ закрыть будетъ... А дворъ, строеніе и все! такъ прахомъ и идти должно?!.

— Ну што ты, Андрей! Богъ милостивъ!.. двусмысленно поглядывая при этомъ на Акулину, утѣшали его сосѣди.

Наболтавшись вдоволь, по обыкновенію, посѣтители заканчивали тѣмъ, что вставали и кланялись, прибавляя:

— Прощайте-ко всѣ крещеные. Прощай, Акулина! Не плачь! смотри...

— Охъ ужь какъ не плакать-то? хныкая, отвѣчала Акулина.—Нѣтъ у насъ ни съ кѣмъ-то никого... Ни роду, ни племени!..

— Ну еще вы молоды! утѣшала ее сосѣдка. Еще Богъ милостивъ!..

И обѣ непремѣнно расходились съ плачемъ.

Къ вечеру гробъ, саванъ и всѣ другія принадлежности могилы были совершенно готовы. Андрей былъ молчаливъ, старуха лежала безъ памяти. Легли спать довольно рано. Утромъ, когда еще Андрей спалъ, Акулина настряпала пшеничныхъ блиновъ съ постнымъ масломъ и толокномъ, приготовила кутью и ковригу хлѣба. Андрею оставалось только запрячь лошадь, что онъ и сдѣлалъ. Вмѣстѣ съ женой помолились они предъ старинными иконами, поцѣловали еще разъ своего малютку; со слезами на глазахъ вынесли гробикъ съ сыномъ и бережно его поставили въ сани, на края которыхъ усѣлись сами и двинулись въ путь—на погостъ. Старушка также съ плачемъ проводила своего внука за двери.

До погоста было не далеко. Могилка была вырыта церковнымъ сторожемъ еще вчера, по уговору: за 50 коп. Оставивъ жену въ сторожкѣ, Андрей отправился къ батюшкѣ.

— Ну што!.. пріѣхалъ? равнодушно спрашивалъ его священникъ.

— Пріѣхалъ бачко...

— Такъ!.. Котораго ужь ты хоронишь-то? наливая горячій чай въ стаканъ, говорилъ батюшко.

— Я-то?.. Да ужь пятаго, бачко, отвѣчалъ тотъ.

— Вишь у тебя ребята-то не живутъ...

— Да вѣдь што станешь дѣлать... Не живутъ, бачко, говорилъ Андрей.

— А ты вотъ, братъ, сталъ худо ружить, продолжалъ батюшко.—И осенщины ты недавалъ, и о христовадни одно рѣшотце... Служителей церкви наблюдать должно, такъ и самаго Богъ наблюдать будетъ...

— Вѣстимо наблюдать надо, говорилъ Андрей. — Да вѣдь вотъ нужда-то наша, бачко... годы стали худые, самъ знашь; опять же и подати...

— Ну да вѣдь нужда нуждѣ розь...

Но тутъ вошелъ псаломщикъ; обмолвившись обычными привѣтствіями, онъ донесъ батюшкѣ, что все готово для похоронъ, послѣ чего взяли церковные ключи и, молча, всѣ трое пошли въ церковь.

— Котораго ужь ты хоронишь-то? спрашивалъ дорогой Андрея псаломщикъ.

— Да ужь пятаго, отецъ дьячекъ!..

— Вишь ты, братецъ, не можешь хорошенько закрѣпить души, острилъ псаломщикъ.

— Да вѣдь што станешь дѣлать? смиренно отвѣчалъ тотъ.

— А ты на крестины бы больше водки покупалъ. Вотъ она душа-то-бы у его и сидѣла, совѣтовалъ дьякъ.

Церковь была близко. Отпѣваніе тѣла продолжалось не долго. Быстро и апатично читалъ священникъ, торопливо и безтолково тянулъ псаломщикъ, безучастно слушали Андрей и сторожъ, равнодушно стоялъ не подалеку «воронко», разжевывая жесткое сѣно, одна только Акулина всхлипывала, а подъ конецъ, когда кончился обрядъ и стали кидать землю на опущенный въ могилу гробъ, громко завыла, причитая:

Ужь я горюша бѣдная!
Голова моя безталанная!..
На кого теперь мнѣ надѣяться?
На кого мнѣ пріукинуться?

— Ну да люди они еще молодые, — еще будутъ дѣти!..

* * *

Поэзія.

Изъ Виктора Гюго.

Поэзія — слава и счастье,
Ты, свѣточъ во мракѣ ненастья,
Сіяніе яснаго дня!
Поэзія — роскошь вселенной,
Тобою народъ озаренный
Небеснаго полонъ огня.

Поэзія — пѣсня души!
Для мирной души хороши
Напѣвы твои! Въ нихъ звучитъ
Изъ градовъ до дебрей лѣсныхъ
Великое слово! Женихъ
Невѣстѣ его говоритъ...

Поэзія — дума мірская,
Насилія цѣпь сокрушая,
Побѣдный, но мирный боецъ
Идёшь ты, взывая къ народу,
Рабамъ ты даруешь свободу,
Свободнымъ — величья вѣнецъ...

Юрьева.

* * *

Нечеловѣческая месть.

Романъ Анри Тесье.

(*Продолженіе.*)

Часть вторая.

Глава XI.

Въ госпиталѣ Гро-Калью.

Поль Ленди начиналъ поправляться: ножъ убійцы не затронулъ становой жилы, какъ того можно было опасаться сначала, но, по счастью, разорвалъ одни только верхніе покровы. Такимъ образомъ, уже на третій день послѣ того, какъ паціентъ поступилъ въ Гро-Калью, онъ былъ въ состояніи говорить, и доктора дозволили ему даже принять посѣтителей.

Въ одинадцать часовъ Дени заѣхалъ за Эрминой, уже одѣтой и ожидавшей его.

— Лучше ему?... Вы его видѣли? спросила она торопливо. — О, скажите мнѣ всю правду, не скрывайте ничего!

— Успокойтесь, отвѣчалъ Дени. — Г. Ленди внѣ опасности.

— Знаетъ онъ, что увидитъ меня?

— Нѣтъ, я не говорилъ ему ничего.

— Милый Поль! какъ онъ будетъ счастливъ.

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь... но это счастье пугаетъ меня.

— Пугаетъ?.. отчего?...

— Оттого, милое дитя мое, что если два существа взаимно любятъ другъ друга... вы меня извините за мою рѣзкую откровенность!... если они любятъ другъ друга, говорю я, то и надѣются на счастливую будущность, между тѣмъ, къ сожалѣнію, именно для васъ обоихъ такая надежда несбыточна...

— Почему?... спросила робко Эрмина.

— Вы сами, вѣроятно, не разъ уже размышляли объ этомъ... Я долженъ вамъ сказать, что я былъ въ Мансѣ и на квартирѣ г. Поля Ленди. Тамъ я имѣлъ случай вполнѣ убѣдиться, что этотъ молодой человѣкъ любитъ васъ .. и что...

— Я люблю его тоже? воскликнула молодая дѣвушка, поднимая голову. — Да, я люблю его... горячею, святою любовью, какъ онъ заслуживаетъ быть любимымъ!

Дени взялъ ее за руку и проговорилъ отеческимъ тономъ:

— Вы прекрасная, великодушная дѣвушка; но думали-ли вы когда-нибудь о томъ, куда васъ поведетъ эта привязанность.

— Нѣтъ, сказала она, содрогаясь.

— Вы слишкомъ хорошо знаете герцога Рейнольда для того, чтобы надѣяться на его согласіе на вашъ бракъ съ Полемъ Ленди, хотя бы дѣдъ вашъ и вполнѣ цѣнилъ достоинство этого молодого человѣка... къ сожалѣнію, не имѣющаго ни рода, ни племени! Это не его вина, разумѣется, но герцогъ будетъ судить о дѣлѣ безъ увлеченія и вы сами не будете вправѣ порицать его за то, что онъ не допуститъ послѣднюю представительницу своего рода вступить въ союзъ съ разночинцемъ... посящимъ случайное имя... Не сердитесь на меня!... Богъ видитъ, что я не желалъ бы огорчать васъ, а былъ бы радъ отвратить отъ васъ всякое несчастіе...

— А вы думаете, что я безумно иду на встрѣчу бѣдѣ? возразила Эрмина, выпрямляясь энергично передъ нимъ.—Не вѣрьте этому! Правда, я не разсуждала о будущности, какъ вы; я усыпила свое сознаніе обаятельной грезой, составлявшей мое счастіе, мою гордость, мою жизнь... Можетъ быть, пробужденіе мое отъ сладкаго сновидѣнія разобьетъ мое сердце... но не измѣнитъ его.

Дени и его отецъ смотрѣли на нее почти съ благоговѣйнымъ изумленіемъ. Молодая дѣвушка встала, взглянула на часы и сказала:

— Половина двѣнадцатаго. Пора ѣхать!

— Я отправлюсь впередъ, чтобы приготовить нашего больного, сказалъ Дени.—Вы, герцогиня, поѣдете, немного погодя, съ моимъ отцомъ... И такъ, до свиданія!.. Вы не гнѣваетесь на меня?

Вмѣсто отвѣта, Эрмина наклонила къ нему свой лобъ для поцѣлуя, говоря:

— Я слишкомъ обязана вамъ и буду вѣчно благодарить васъ!

Дени, сойдя внизъ, велѣлъ Жану Брюне гнать во всю прыть и черезъ десять минутъ былъ уже въ госпиталѣ Гро-Калью.

У постели больного онъ засталъ доктора Ямлова, который уже успѣлъ передать Полю все, что сдѣлалъ для него Дени. Молодой человѣкъ хотѣлъ выразить свою признательность, но Дени перебилъ его.

— Подождите, сказалъ онъ шутливо, — пока еще не за что благодарить меня. Черезъ нѣсколько минутъ будетъ другое дѣло. Вы смотрите на меня съ изумленіемъ, г. Поль?... Видите ли, какъ ни пріятно вамъ общество такого друга, какъ г. Ямловъ, подумалъ я, но въ ваши годы... хочется иногда видѣть еще кое-кого другого!

Поль покраснѣлъ и ничего не отвѣтилъ.

— Я не ошибся, не такъ-ли?... хотя вы и не просили меня ни о чемъ... Мы, полицейскіе, занимаемся и колдовствомъ... и я могу сообщить вамъ объ одномъ посѣщеніи.

Поль быстро приподнялся на локтѣ и румянецъ мгновенно исчезъ съ его лица.

— Посѣщеніе... ко мнѣ? сказалъ онъ невѣрнымъ голосомъ.

— Отчего же и нѣтъ? возразилъ Дени.—Развѣ вы не стоите того, чтобы въ васъ принимали участіе?... Впрочемъ, я долженъ прибавить, что устроить это мнѣ не стоило никакого труда... Не пришлось долго уговаривать... напротивъ...

— Но... но вы знаете, поэтому?...

— Я сынъ г. Контуа, мой молодой другъ.

— Поль вскрикнулъ отъ восторга.

— Стало быть... Неужели это правда?... Вы отъ нея?... Она придетъ!... О, какимъ счастьемъ вы дарите меня.

И онъ протянулъ обѣ руки къ Дени, который, въ свою очередь, не могъ удержаться отъ восклицанія, взглянувъ на обнаженную руку молодого человѣка...

— Ахъ, прахъ побери!... сорвалось у него съ языка, но, въ эту минуту, дверь комнаты отворилась и изъ нея показалась Эрмина въ сопровожденіи Контуа.

Молодая дѣвушка бросилась прямо къ постели больного.

Поль! воскликнула она.

— Эрмина!

И, забывъ о присутствовавшихъ, молодые люди обмѣнялись тѣмъ чистымъ, цѣломудреннымъ поцѣлуемъ, которой освящаетъ непорочный союзъ двухъ связанныхъ сердецъ. Контуа грустно покачалъ своею сѣдой головой. Дени, напротивъ, улыбнулся съ очевиднымъ удовольствіемъ. Потомъ, полюбовавшись нѣсколько минутъ на влюбленныхъ, онъ подошелъ къ Эрминѣ и сказалъ ей вполголоса:

— Я васъ просилъ остерегаться на счетъ будущаго, герцогиня?

— Да, сказала она, поднимая на него свои удивленные и испуганные глаза.

— Ну, я покажусь вамъ флюгеромъ.... но, все равно! Теперь я вамъ говорю: любите этого красавца безъ боязни и оглядки... потому что, божусь, онъ будетъ вашимъ мужемъ!

Эрмина подавила крикъ радости и со слезами бросилась на грудь Дени.

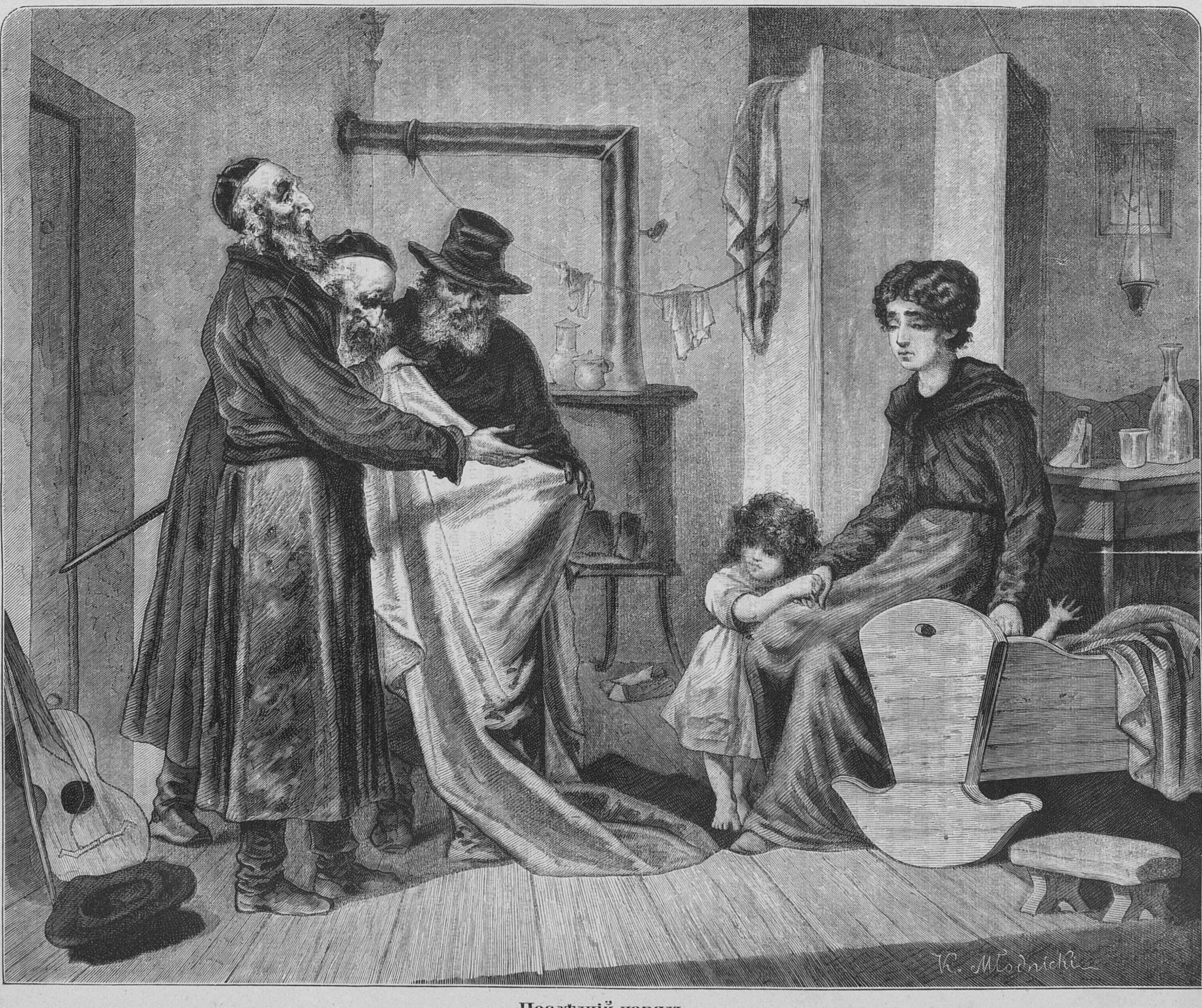
Онъ продержалъ ее съ секунду въ своихъ объятіяхъ, потомъ, весь растроганный, обратился къ своему отцу и Ямлову.

— Этимъ дѣтямъ найдется, что поговорить между собою, сказалъ онъ.—Я оставляю ихъ съ тобою, отецъ... А васъ, докторъ, прошу присоединиться ко мнѣ... Вы знаете, насъ ждутъ.

Они вышли вдвоемъ въкоридоръ, но здѣсь Дени остановился, схватилъ Ямлова обѣими руками за плечи и прямо уставился на него.

— Хотите видѣть ошеломленнаго и, въ то же время восхищеннаго человѣка, докторъ? воскликнулъ онъ.—Смотрите на меня.

— Дѣйствительно, любезный г. Дени, я замѣтилъ на вашей физіономіи такую внезапную перемѣну...


K. Młodnicki

Послѣдній нарядъ.

— А вы знаете причину ея?

— Нѣтъ.

— Она заключается въ родинкѣ, подмѣченной мною на рукѣ вашего друга!... Нечего сказать! Чудеса бываютъ иногда на свѣтѣ. Вы знаете, Муленъ цѣлые двадцать лѣтъ, съ терпѣніемъ ньюфаундлэнской собаки, ищетъ двухъ украденныхъ дѣтей?...

— Знаю.

— Поль Ленди—одинъ изъ нихъ! Старикъ полюбилъ его инстинктивно, но не пришло же ему ни разу въ голову сказать: засучите-ка рукавъ, чтобы я могъ убѣдиться въ томъ, не тотъ ли вы, кого я ищу!

— И вы увѣрены?...

— Совершенно увѣренъ!... Но этого мало, я знаю и мать Поля! Уже нѣсколько лѣтъ она живетъ не далѣе, какъ на ружейный выстрѣлъ отъ своего сына, и сердце не подсказало ей никогда: онъ долженъ быть здѣсь!... Нѣтъ, докторъ, съ этой минуты, не вѣрю я болѣе въ голосъ крови!..

— Вы поражаете меня! воскликнулъ Ямловъ съ восхищеніемъ.—Какъ! Поль, нашъ дорогой Поль, найдетъ, наконецъ, свою мать... И этотъ достойный старикъ, Муленъ...

— Тише! все эго должно пока оставаться тайною между нами! сказалъ Дени шепотомъ.— Но я не могу удержаться, чтобы не сообщить вамъ, что настоящее имя Поля графъ Анри де-Морлакъ!

— Слѣдовательно, и герцогиня Рейнольдъ...

— Разумѣется! Ей теперь позволяется любить его!... Но до времени намъ слѣдуетъ не разглашать ничего; я имѣю на то свои важныя причины. А теперь, пойдемъ допрашивать убійцу.

Они прошли въ палату, въ которой лежалъ Арми. Несчастный былъ въ томъ же изуродованномъ видѣ, въ которомъ нашелъ его Дени въ полицейскомъ домѣ улицы Варенъ. Страшныя раны его скрывались частью подъ пластыремъ, но пустыя впадины глазъ, безобразно вздутыя губы и такой же языкъ, вызывали невольное движеніе ужаса и отвращенія у каждаго зрителя. Самъ Дени не могъ не поддаться этому впечатлѣнію; однакожь, онъ сѣлъ у изголовья паціента. Ямловъ помѣстился возлѣ него. Дежурный медикъ и фельдшеръ стояли тутъ же, въ качествѣ свидѣтелей.

— Вы можете слышать, любезный? спросилъ Дени, успѣвъ овладѣть собою и своимъ обыкновеннымъ, мягкимъ голосомъ.

Больной сдѣлалъ утвердительный знакъ головою. Дени обратился къ окружающимъ.

— Вы видите, господа, сказалъ онъ,—что паціентъ понимаетъ, что говорятъ ему и можетъ выдержать допросъ. Прошу васъ теперь слѣдить внимательно за моими вопросами и его отвѣтами, которые будутъ, по необходимости, ограничиваться однимъ знакомъ: «да» или «нѣтъ.»

— Онъ началъ:—Васъ зовутъ Армигелли?

— Да.

— Слесарный подмастерье, родомъ итальянецъ, изъ Бензы?

— Да.

— Сознаетесь-ли вы въ томъ, что въ ночь на Рождество убили одного путешественника, прибывшаго въ тотъ же вечеръ по желѣзной дорогѣ?

— Да.

— Вы его знаете?

— Нѣтъ.

— Слѣдовательно, вы дѣйствовали по постороннему указанію?

— Да, да!... отвѣтилъ паціентъ двукратнымъ, энергичнымъ движеніемъ головы.

— И вы полагаете, что именно тотъ самый, кто подкупилъ васъ на убійство, поступилъ съ вами такъ звѣрски съ цѣлью не допустить васъ выдать его?

То, что оставалось еще отъ лица убійцы, судорожно передернулось подъ вліяніемъ безсильной злобы, и онъ кивнулъ нѣсколько разъ головой съ угрожающимъ видомъ.

— Вы не откажете себѣ въ удовольствіи отмстить ему, выдавъ его правосудію?

— Да, да!

— Слушайте же меня хорошенько.—Давно вы въ Парижѣ?

— Нѣтъ.

— Сколько лѣтъ?

Больной вытащилъ руку изъ-подъ одѣяла и поднялъ три пальца.

— Три года?

— Да.

— Работали вы здѣсь по своему ремеслу?

— Нѣтъ.

— Перемѣнили родъ занятій?

— Да.

— Что же, находились вы въ услуженіи?

— Да.

— Лакеемъ?

— Да.

— Въ семейномъ домѣ?

— Нѣтъ.

— У одинокаго?

— Да.

— Богатый былъ человѣкъ?... Жилъ онъ своими доходами?

— Нѣтъ.

— Онъ заработывалъ себѣ средства къ жизни?

— Да.

— Свободнымъ ремесломъ?

— Да.

Дени перебралъ нѣсколько либеральныхъ профессій и спросилъ, наконецъ:

— Не докторъ-ли?

Арми отвѣтилъ со злобою:

— Да, да, да!

— Хорошо! замѣтилъ Дени и прибавилъ, обратясь къ окружавшимъ:

— Нельзя ли добыть медицинскій альманахъ?

— Сейчасъ, сударь, поспѣшилъ сказать фельдшеръ. Дени продолжалъ свой допросъ:

— Фамилія этого доктора начинается съ буквы А?... Б?... В?...

— Да, да! отвѣтилъ Арми.

— Отлично! Мы тотчасъ узнаемъ и все имя. Онъ молодъ?

— Да!

Дени остановился въ своемъ допросѣ.

— Молодъ! проворчалъ онъ.—Въ такомъ случаѣ... это не Морлакъ! Что же это за путаница?

Въ это мгновеніе, дверь отворилась съ размаха и въ комнату влетѣлъ Лера, натолкнувшійся прямо на Дени въ своемъ разбѣгѣ.

— Узналъ! закричалъ онъ, едва переводя духъ.

— Что?

— Набережная Анжу... тамъ живетъ... Кольмаръ!

— Кольмаръ!... повторилъ Дени,—Кольмаръ!... новая путаница. Впрочемъ, это перевернутая фамилія Морлака.

— Вотъ и альманахъ, который вы изволили спрашивать, произнесъ сзади него голосъ фельдшера.

— Спасибо, отвѣчалъ Дени.—Слушайте Лера!

Онъ сталъ читать фамиліи докторовъ, начинавшіяся на В. При имени Вебера, несчастный Арми приподнялся вдругъ, какъ бы потрясенный электрическимъ ударомъ, грозный, вселяющій собой ужасъ... Онъ замахалъ въ воздухѣ своими судорожно сжатыми кулаками и, среди его предсмертной хрипоты, послышалось явственно:

— Да!

Потомъ онъ рухнулся навзничь, какъ тяжелая масса...

— Умеръ! произнесъ Ямловъ

Глава XII.

Тоби оказалъ дурную услугу своему господину.

Когда Тоби вышелъ изъ спальни графа по его приказанію, старикъ улегся покойнѣе на своихъ подушкахъ и сказалъ, обратясь къ Веберу, тѣмъ металлическимъ голосомъ, который столько разъ уже гнулъ волю американца:

— Неправда-ли, докторъ, пора намъ поговорить... въ особенности, если мой разсказъ не можетъ быть коротокъ...

Веберъ счелъ нужнымъ, успокоить его.

— Неужели вы полагаете... началъ онъ.

— Я не полагаю, а утверждаю навѣрное! рѣзко перебилъ графъ.—Если не въ эту ночь, то въ слѣдующую... со мною будетъ покончено! Поэтому, мнѣ необходимо поторопиться, чтобы успѣть довершить мое дѣло и сообщить вамъ то, что, наконецъ, должны же вы знать!

— Говорите, дорогой графъ... На мою скромность вы можете положиться и я—весь вашъ. Если,—какъ я надѣюсь,—ваши опасенія окажутся напрасными, все же не выйдетъ бѣды! Я буду хранить въ себѣ одною тайною болѣе, вотъ и все.

— О, эта тайна стоитъ всѣхъ прочихъ, произнесъ съ странною усмѣшкою больной, въ полузакрытыхъ глазахъ котораго сверкнулъ зловѣщій огонь.

Наступило продолжительное молчаніе. Графъ прервалъ его первый.

— Вы спрашивали себя когда нибудь, что за цѣль у меня? спросилъ онъ.

— Признаюсь, не разъ.

— Слушайте же. Я былъ головою, а вы рукою... Если головы завтра не станетъ, рука должна довести дѣло до конца. Вотъ почему я открываю передъ вами всѣ мои помыслы. Слушайте, вникайте и, главное, удержите въ памяти все!

Веберъ наклонился въ знакъ согласія.

— Въ давно прошедшее время, мнѣ нанесла обиду одна дѣвушка, отвергнувъ мое сватовство. Ея возлюбленный ранилъ меня на дуэли... и я поклялся отмстить имъ обоимъ!... Смерть... приняла на себя... эту обязанность... но мнѣ было этого мало! Вотъ почему, упустивъ Эрмину, вы разрушили тотъ планъ, по которому дочь должна была заплатить мнѣ за мать!

— Дѣло шло о покойной герцогинѣ д'Отфоръ?

— Да! и я увѣрилъ васъ въ томъ, что просилъ для васъ руки Эрмины у ея дѣда, и что онъ отвергъ это предложеніе.

— Этого не было вовсе?... проговорилъ глухо американецъ.

— Никогда не было, но ваше оскорбленное самолюбіе было необходимо для хода пьесы, и я надѣялся, что оно заставитъ васъ разыграть свою роль лучше, чѣмъ вы разыграли ее. Впрочемъ, это единственный разъ, въ который случай сталъ мнѣ поперегъ дороги... Слушайте далѣе.

Веберъ сжималъ кулаки и закусывалъ себѣ губы, чтобы подавить ярость, возбужденную въ немъ циническимъ признаніемъ графа. Старикъ не переставалъ наблюдать за нимъ изъ-подъ своихъ полуопущенныхъ вѣкъ, но не показалъ вида, что замѣчаетъ возмущеніе своего собесѣдника.

— Позже, я женился... и моя жена обманула меня, продолжалъ онъ съ язвительной ироніей.— Исторія самая обыденная и смѣшная, не такъ-ли? Но примиреніе съ подобнымъ положеніемъ зависитъ отъ темперамента... а мой былъ не изъ тѣхъ, которые легко переносятъ измѣну... въ какомъ бы то ни было видѣ. Я уже родился мстительнымъ, неумолимымъ... Дѣйствительно, кто знаетъ, не природа-ли виновата въ тѣхъ свойствахъ, которыми она меня наградила?... Замѣтьте, впрочемъ, что я вовсе не стараюсь извиняться: то, что я сдѣлалъ,—я сдѣлалъ съ полнымъ разумѣніемъ; я все взвѣсилъ, обдумалъ и исполнилъ безъ колебанія и безъ жалости...

Веберъ усмѣхнулся, а старикъ продолжалъ:

— И такъ, я былъ обманутъ... обманутъ тѣмъ подлѣе, что я взялъ въ жены дѣвушку безъ всякаго состоянія и, слѣдовательно, могъ ожидать, если не любви, то, по крайней мѣрѣ, признательности! Вмѣсто того, она взяла себѣ любовника... иностранца... какого-то креола. Далѣе, мнѣ было доставлено письменное доказательство, что оба ребенка, носившіе мое имя, не принадлежали мнѣ. Мнѣ нечего описывать вамъ мою ярость при такомъ открытіи... Если я не убилъ виновную, то лишь потому, что ее оберегалъ дьяволъ въ образѣ одного изъ нашихъ слугъ, ставшаго между нею и мною... Что касается любовника, онъ исчезъ, и я узналъ скоро, что онъ бѣжалъ, какъ трусъ! Оставались передо мною только моя жена, которую я принудилъ поступить въ монастырь, да эти подкидыши, которыхъ я сунулъ въ воспитательный домъ.

— Въ воспитательный домъ!... Обоихъ? переспросилъ Веберъ, нагибаясь къ нему.

— Обоихъ.

— Въ какомъ городѣ?...

Старикъ бросилъ на него холодный, пронзительный взлядъ и проговорилъ медленно:

— Въ Мансѣ... Распорядившись, такимъ образомъ, во Франціи, я отправился въ колоніи, гдѣ прожилъ нѣсколько лѣтъ... Вы знаете Яву, Веберъ?

— Нѣтъ.

— Жаль! Чудный островъ... Растительность на диво! Словомъ, волшебная страна!... Тотъ креолъ, о которомъ идетъ рѣчь, бѣжалъ на свою родину въ Батавію... И я поселился въ Батавіи, подъ именемъ Кольмара, которое не принадлежитъ мнѣ, могу теперь вамъ сознаться...

— А ваше настоящее имя? торопливо спросилъ Веберъ.

— Морлакъ... какъ видите, простая анаграмма!... Я скоро отыскалъ своего врага. На мое счастіе, онъ только что женился на прелестнѣйшей женщинѣ. Я принялся устраивать свои ковы... съ какимъ рвеніемъ, мнѣ нечего вамъ и говорить! Помогалъ мнѣ Тоби, служившій въ то время въ голландской сыскной полиціи.. Дорого дралъ онъ съ меня... но я не торговался!... Среди дѣла я изучалъ малайскіе яды, изъ которыхъ мнѣ особенно понравились *упасъ* и *кураре*. Упасъ въ особенности... употребленіе его такъ легко, а его противоядіе почти неизвѣстно!... Вы сами могли судить о его дѣйствіи, хотя Жаменъ невѣжда, и вѣрно отмѣрялъ его наудачу... Рекомендую вамъ упасъ, докторъ... и дарю вамъ весь остатокъ его. Употребляйте его бережливо, потому что его здѣсь очень трудно добыть...

Все это говорилось медленно, степенно, какъ о самомъ обыкновенномъ предметѣ, и ледяной голосъ старика усиливалъ еще болѣе страшное впечатлѣніе, производимое каждымъ его словомъ на Вебера.

— Что же далѣе? спросилъ онъ, чтобы скрыть испытываемый имъ ужасъ.

— Далѣе... я пропускаю подробности всего того, что произошло въ Батавіи, во первыхъ, потому, что исторія вышла бы уже слишкомъ длинная; довольно будетъ сказать, что я отмстилъ врагу тѣмъ же, чѣмъ онъ передо мною былъ виноватъ! И отмстилъ страшно, съ полнымъ эфектомъ... Вы мнѣ вѣрите, не такъ-ли? Вы знаете, какъ я мщу!

— Да, прошепталъ американецъ.

— Послѣ этого я воротился во Францію, надѣясь, что моя ненависть достаточно насытилась и дастъ мнѣ пожить спокойно. Но я не подумалъ объ ужасной болѣзни, вывезенной мною изъ Явы... Она грызла меня и эти муки расточали новую желчь по моимъ жиламъ?... Все прошлое возстало снова въ моей памяти, убѣждая меня въ томъ, что все совершенное мною, было ничтожною игрою передъ тѣмъ, что мнѣ оставалось еще совершить! Дѣйствительно, кого я покаралъ? Любовника, то есть, менѣе виноватаго, потому что онъ ничѣмъ не былъ обязанъ мнѣ; но она, клятвопреступница!... Развѣ монашеская келья могла считаться достаточнымъ наказаніемъ для нея?... Нѣтъ, тысячу разъ, нѣтъ!... Но ее защищали отъ меня монастырскія стѣны... Тогда я принялся за ея выродковъ... Я отправился въ Мансъ... и отыскалъ, безъ труда, одного изъ нихъ... Онъ жилъ въ этомъ городѣ..

— Поль Ленди! воскликнулъ Веберъ.

— Онъ самый. Я нашелъ доступъ къ нему подъ предлогомъ покупки картины.., Вотъ она и виситъ здѣсь, на стѣнѣ... О, этотъ красавецъ былъ вылитый портретъ своей матери... и онъ былъ осужденъ, когда я вышелъ отъ него. На всякій случай, я взялъ отъ него росписку, написанную имъ собственноручно, а также письмецо, адресованное къ нему Эрминою Рейнольдъ и оброненное имъ при мнѣ изъ стола. Благодаря этому, вы могли подражать почерку этихъ интересныхъ влюбленныхъ и завлечь ихъ въ подготовленную нами западню...

— Мнѣ это извѣстно.

— Съ того дня, я не переставалъ слѣдить за своею добычей, еще самъ не подозрѣвая, что она же наведетъ меня и на другихъ жертвъ, давно намѣченныхъ моей ненавистью: я разумѣю Баптиста Мулена, того слугу, который вздумалъ нѣкогда стать между мною и моею женой, и потомка... тоже незаконнорожденнаго, впрочемъ... моего врага, уничтоженнаго мною въ Батавіи.

— Вы говорите о Ванъ-Линденѣ?

— О немъ! волченка надо отправить вслѣдъ за волкомъ! Такимъ образомъ, я держалъ въ рукахъ Поля, Натти и Мулена... то есть, всѣхъ тѣхъ, которые свидѣтельствовали собою о моемъ позорѣ... и которыхъ я хотѣлъ обратить въ прахъ, прежде, чѣмъ я уничтожусь самъ!... Тогда-то, продолжалъ старикъ съ загадочною усмѣшкой,—мнѣ удалось повстрѣчать васъ... и мой выборъ былъ сдѣланъ. Въ мое первое же посѣщеніе къ вамъ, я выяснилъ вамъ, почему именно я васъ выбираю; чтобы дополнить это поясненіе сегодня, мнѣ остается только прибавить, что при тѣхъ... качествахъ, которыя я признавалъ въ васъ, вы обладаете пороками и поползновеніями, которыя требовались мнѣ...

— Г. графъ...

— Ну, неужели вы станете отрицать то, что вы доказали уже такъ блистательно? Будемъ играть на чистоту, милый мой! Вы жаждали богатства?... Завтра оно будетъ ваше!... Чтобы его получить, вы не торговались на счетъ дорогъ, по которымъ вамъ придется идти?... и указанные мною пути не смутили васъ, по всей вѣроятности, потому что прошли-же вы ими!... Я вамъ заплачу за это и мы будемъ квиты.

Онъ остановился и указалъ повелительно на стклянку, стоявшую на его ночномъ столикѣ.

— Я задыхаюсь... прошепталъ онъ.

(*Окончаніе въ слѣдующемъ нумерѣ.*)

Атакама и Караколесъ.

(*Окончаніе.*)

Лица и общества, занимающіяся транспортированіемъ кладей, должны съ большими издержками содержать въ пустынѣ такъ-называемые посадасъ или складъ корма и воды для каравановъ. Возы двигаются цѣлыми обозами штукъ по 60; за возами съ тяжестью слѣдуютъ обыкновенно возы съ прессованнымъ сѣномъ. Весь такой обозъ подчиняется распоряженіямъ конвойнаго начальника или катапаза. Дороги здѣсь идутъ сыпучими песками, что, въ связи съ волнистою поверхностью мѣстности, крайне затрудняетъ сообщеніе. Хотя въ каждый возъ впрягается по 4 мула, тѣмъ не менѣе по дорогѣ въ Караколесъ грузъ каждаго воза не превышаетъ 16 и 18 испанскихъ центнеровъ (44—49 пудовъ) и только въ обратный конецъ, съ горъ, этотъ грузъ увеличивается отъ 20 до 25 центнеровъ (55—68 пудовъ.) Нѣмыми, но тѣмъ не менѣе краснорѣчивыми, свидѣтелями трудностей этого пути могутъ служить безчисленные остовы павшихъ вьючныхъ животныхъ, валяющіеся по караваннымъ путямъ.

Путь съ прибрежья въ Караколесъ длится отъ 4 до 6 дней; обратный же путь — отъ 3 до 5 дней. Въ 1872 г. стоимость перевозки клади изъ Мехильонеса въ Караколесъ достигала 40 фр. за центнеръ ($2^3/_4$ пуда), а въ обратномъ направленіи на половину менѣе. Изъ Антофагасты въ Караколесъ — 25 франковъ; обратно — $12^1/_2$ фр. Теперь эти цѣны значительно упали, но все таки еще не соразмѣрны. Перевозка клади съ прибрежья до Караколеса приблизительно равняется трети стоимости транспорта отъ боливійскаго порта до любой европейской гавани. Перевозкой занято 650 возовъ и 4,000 муловъ.

Вотъ эти-то 4 тысячи муловъ требовалось замѣнить нѣсколькими локомотивами, что, какъ мнѣ казалось, не должно бы вызывать особенныхъ препятствій. Но затрудненія, которыя я испыталъ еще при моихъ изысканіяхъ, усилились, когда пришло время осуществить мои проекты. Къ назначенному заранѣе сроку, ожидаемому съ нетерпѣніемъ рудопромышленниками и купцами, правительство, отклонивъ предложеніе барона де-Ривьера, приняло безъ надлежащей осмотрительности другой проектъ, который впослѣдствіи нужно было оставить. Другой договоръ, правда, лучше уже взвѣшенный, постигла та-же судьба. Втеченіе $2^1/_2$ лѣтъ компанія концессіонеровъ, избравшая исходнымъ пунктомъ дороги Антофагасту, могла выстроить только 10 километровъ ($9^1/_3$ версты) дороги, а въ 1875 г., исчерпавъ всѣ свои средства, окончательно упразднила работы и распустила всѣхъ своихъ инженеровъ.

Несмотря на неудачу, я не менѣе сильно убѣжденъ въ возможности близкаго осуществленія проекта желѣзной дороги, которая оживитъ боливійское прибрежье и сильно подвинетъ впередъ дѣло эксплоатаціи богатыхъ рудниковъ Караколеса. Я не знаю до сихъ поръ ни одного вѣскаго довода противъ возможности этого предпріятія. Недавно одинъ изъ профессоровъ университета въ Сантъ-Яго писалъ слѣдующее: «Многочисленныя квебрады, достигающія отъ 500 до 1000 футовъ ширины и перерѣзывающія дорогу поперегъ, потребовали-бы значительнэто количества цѣпныхъ мостовъ. Обойти-же квебрады, поворотивъ на западъ, невозможно, такъ какъ въ такомъ случаѣ нельзя было-бы добывать воды для локомотивовъ. Что касается проведенія электрическаго телеграфа, то рудокопы и охотники растаскивали бы постоянно телеграфные столбы, такъ какъ дерево въ этихъ краяхъ считается диковиной.»

Профессоръ изъ Сантъ-Яго, очевидно, весьма мало смыслитъ въ инженерномъ дѣлѣ и ничего не слышалъ объ его развитіи въ послѣднее время; квебрады вовсе не представляютъ такихъ важныхъ препятствій, если путь прокладывается покато, съ кривыми незначительнаго радіуса; необходимо только примѣнить въ этомъ случаѣ локомотивы англичанина Ферли, который тащитъ грузъ по покатости 3 до 4 на 100. Относительно-же телеграфа почтенный профессоръ разсуждаетъ такъ-же неосновательно, полагая, что столбы должны быть непремѣнно деревянные. Наконецъ, вездѣ, гдѣ въ первый разъ прошла желѣзная дорога или телеграфъ, населеніе относилось къ нововведенію съ инстинктивнымъ уваженіемъ, обусловливаемымъ громадными услугами, которыя оказываютъ человѣчеству эти изобрѣтенія.

Услуги эти были бы особенно ощутительны для Атакамы. Желѣзная дорога замѣнитъ здѣсь необходимость тяжелаго, часто даже гибельнаго пятидневнаго путешествія. Съ помощью вагоновъ-колодезей все окрестное населеніе будетъ снабжаться водой для питья; каменный уголь сдѣлается распространеннымъ топливомъ и расширитъ дѣятельность пара. Въ настоящее время разработываются лишь богатыя руды, а тогда, изысканія распространятся и на болѣе бѣдныя. Современемъ линія Мехильонесъ-Атакама продолжится и за Кордильеры, оживляя и обогащая всѣ провинціи боливійской республики.

Край этотъ до сихъ поръ очень мало изслѣдованъ, но его естественныя богатства, его минеральныя сокровища и неизмѣримыя пространства плодородной почвы вправѣ ожидать болѣе близкаго ознакомленія съ нимъ. До сихъ поръ эта юная республика, существующая лишь съ 1825 г. и добывшая себѣ независимость путемъ геройской борьбы, далеко отстала въ развитіи отъ другихъ цивилизованныхъ государствъ. Главною и почти единственною причиною отсталости слѣдуетъ считать Атакаму — этотъ могучій барьеръ, загораживающій Боливіи путь къ сношеніямъ съ цивилизованнымъ міромъ. Пока желѣзная дорога не соединитъ прибрежья съ внутренностью края, пока она неперерѣжетъ Атакамы, до тѣхъ поръ Боливія останется одною изъ самыхъ недоступныхъ странъ на землѣ. Изъ Англіи ближе въ Австралію, чѣмъ изъ Египта въ Сенегалъ, такъ-какъ самая малая пустыня представляетъ болѣе препятствій международнымъ сношеніямъ, чѣмъ самый большой океанъ. Необходимо побѣдить пустыню и локомотивъ можетъ служить единственнымъ средствомъ въ этой побѣдѣ. Разъ пройдетъ поѣздъ чрезъ Атакаму, Боливія перестанетъ быть невѣдомой для міра страной и будетъ въ состояніи выйти изъ зависимости отъ Перу, чрезъ которую въ настоящее время идетъ вся торговля Боливіи.

Мехильонесъ имѣетъ за собою всѣ права и преимущества, чтобы сдѣлаться богатѣйшимъ городомъ на прибрежьи Тихаго океана. Хотя южная Америка обладаетъ изумительными сокровищами, но, благодаря недостатку рабочихъ рукъ, производитъ едва сотую часть всѣхъ своихъ богатствъ. Къ намъ, европейцамъ, обращается она съ мольбой о помощи. Французъ Е. де-Рюранжъ состоитъ въ Перу президентомъ «общества европейской эмиграціи,» которая оказываетъ уже значительныя услуги, хотя все еще недостаточно развита.

Необозримые дѣвственные лѣса и необъятныя саванны, неисчерпаемыя минеральныя сокровища и цѣлыя незанятыя территоріи плодородной земли — вотъ неизсякаемые источники доходовъ, которыми часто никто не пользуется. Первый свистъ локомотива, который огласитъ пустынныя пространства Атакамы, будетъ провозвѣстникомъ новой, счастливой эры для боливійской республики.

Насѣдка особаго рода.

(рис. на стр. 424.)

На мельницѣ Эбенретъ, близъ Гильдбургаузена, проживаетъ мельникъ съ мельничихой; кромѣ ихъ дѣтей, у нихъ есть пара куръ съ пѣтухомъ, лягавая собака и три кошки; двѣ изъ нихъ еще очень молоды, почти котята; третья въ совершенномъ возрастѣ и зовется Машка, героиня нашего разсказа.

Одна изъ куръ сидѣла на утиныхъ яйцахъ. По мѣрѣ того, какъ утята вылуплялись, мельничиха отбирала ихъ въ сторону, сътой цѣлью, чтобы насѣдка лучше досидѣла остальныя; затѣмъ помѣстила ихъ въ корзину, накрыла теплымъ платкомъ и поставила въ кухнѣ подъ печь, то есть, именно въ то мѣсто, которое избрали себѣ любимымъ мѣстопребываніемъ лягавая собака и кошки, жившія вообще въ большой дружбѣ (котята позволяли себѣ даже сосать добрую суку, которая перестала допускать ихъ къ себѣ только послѣ того, какъ они стали царапать и кусать ее уже слишкомъ безцеремонно).

Чтобы обезпечить утятъ, кошекъ изгнали изъ кухни. Но Машка воспользовалась не плотно притворенной дверью и успѣла проскользнуть подъ печь. Увидавъ корзинку и заслыша въ ней какое-то шуршанье, она насторожила уши и приняла такой видъ, какъ будто хотѣла изловить мышь. Мельничиха пригрозила ей и стала выпускать утятъ, одного за другимъ, изъ корзинки. Машка обнюхала каждаго, полизала и потомъ, замѣтивъ, что утята какъ бы стараются подлѣзть подъ нее, улеглась, въ крайнему изумленію хозяйки и прочихъ зрителей, на бокъ, оттопырила свою заднюю лапку, а переднею пригребла беззащитныхъ птенчиковъ такъ, что всѣ они пріютились у нея въ мягкой шерсткѣ, уткнулись въ нее носами и притихли, повидимому, совершенно довольные своимъ положеніемъ.

Такъ прошло нѣсколько времени; Машка лежала неподвижно, прикрывъ свободными лапками утятъ. Наконецъ, тѣ проснулись и мельничиха приготовилась ихъ кормить. Въ эту минуту вошла въ кухню собака и остановилась въ недоумѣніи при видѣ утятъ. Машка слѣдила сверкающими глазами за каждымъ ея движеніемъ, и лишь только та вздумала обнюхать одного утенка, она бросилась на собаку, и надавала ей такихъ оплеухъ, что бѣдная сука выбѣжала вонъ изъ кухни съ жалобнымъ воемъ.

Вечеромъ въ тотъ же день, утятъ снова усадили въ корзинку, а Машку выгнали изъ кухни; но она просидѣла всю ночь на сторожѣ у порога, а утромъ, какъ только отворилась дверь, ловко проюркнула къ птенцамъ, усѣлась возлѣ нихъ и нѣжно перелизала каждаго. Замѣтно было, однакожь, что многое въ этихъ птичкахъ ей не нравится; особенно смущали ее длинные носы и широкія перепончатыя лапы... Она даже покусывала ихъ, какъ бы желая отщипнуть прочь, но лишь только утята начали выражать свое неудовольствіе на такую неделикатность жалобнымъ пискомъ, Машка отпускала ихъ на свободу, мяукая при томъ успокоительнымъ тономъ. Вскорѣ она оставила попытки перемѣнить наружность своихъ пріемышей, очевидно, убѣдясь въ невозможности придать имъ болѣе красивую физіономію.

Но нѣжность ея къ нимъ увеличивалась съ каждымъ днемъ. Если который нибудь утенокъ падалъ на спину, она ловко ставила его опять на ноги, брала зубами за «загривокъ» и переносила осторжно въ корзинку подъ печь. Она заслужила, наконецъ, такое довѣріе со стороны мельничихи, что та позволила ей спать въ корзинѣ вмѣстѣ съ утятами.

Послѣ пятидневнаго ухода, Машку разлучили съ ея питомцами, потому что насѣдка, высидѣвъ всѣхъ птенцовъ, должна была вступить въ исполненіе своихъ материнскихъ обязанностей. Всѣхъ утятъ перевели въ курятникъ, устроенный въ саду. Насѣдка нѣжно клохтала, призывая къ себѣ малютокъ, но они долго дичились сначала и лишь мало по малу стали къ ней подходить. Но и это сближеніе было непрочно; когда мельничиха заглянула къ вечеру въ садъ, то увидала слѣдующую картину: подъ деревомъ лежала Машка, перебравшаяся черезъ заборъ; утята тѣснились вокругъ нея, а одинокая насѣдка уныло сидѣла на другомъ концѣ сада.

Хозяйка сочла, однакожь, необходимымъ измѣнить такое ненормальное положеніе вещей. Чтобы пріучить утятъ къ насѣдкѣ, она перенесла ихъ въ другую, отдѣльную часть мельницы. Машка протестовала жалобнымъ мяуканьемъ; ее прогнали, но она не унималась. Этотъ раздирающій душу крикъ вынудилъ хозяйку къ слѣдующему компромису: оставя насѣдку при утятахъ, она впустила къ нимъ и кошку. Эта полумѣра, — какъ и всѣ полумѣры, — оказалась весьма неудачною: на слѣдующее же утро, полъ того чулана, въ которомъ находились соперницы, оказался усѣяннымъ перьями. Было очевидно, что кошка и насѣдка ночью дрались; утята забились въ страхѣ по разнымъ угламъ, и одного по счету недоставало. Естественнымъ образомъ Машка навлекла на себя жестокое подозрѣніе и ее выгнали съ побоями изъ чулана. Но, не болѣе какъ черезъ четверть часа, она блистательно доказала свою невинность, явясь въ кухню съ пропавшимъ утенкомъ въ зубахъ. Гдѣ она его отыскала, это осталось неизвѣстнымъ.

Прошло девять дней, а насѣдка все еще не успѣла пріобрѣсти расположенія своихъ питомцевъ. Если Машку выгоняли изъ кухни, то всѣ утята толпились кучею у порога, между тѣмъ кошка жалобно мяукала по ту сторону двери. Наконецъ, замѣтя, что дверь чулана притворяется неплотно, оставляя внизу щель, дюйма въ два шириною, хитрая Машка успѣла выманить черезъ нее всѣхъ утятъ и торжественно повела стадо внизъ по сходнѣ, къ дому. Но при этомъ случилось несчастіе. Три утенка, не справясь съ крутизною сходни, кувырнулись въ воду. Машка при этомъ оказала чисто человѣческую сообразительность. Она не кинулась тотчасъ къ пострадавшимъ, оставя прочихъ на произволъ судьбы, но довела сначала остававшихся восемь утятъ до дома, и затѣмъ уже бросилась къ тремъ, нуждавшимся въ ея помощи. Она принялась бѣгать съ крикомъ, взадъ и впередъ, по берегу, пока утята не подплыли къ ней; тогда она перенесла ихъ всѣхъ трехъ, по очереди, въ зубахъ, до самой кухни.

То, что мы разсказываемъ, подтверждается свидѣтельствомъ многихъ лицъ, случайно или изъ любопытства заѣзжавшихъ на эбенретскую мельницу Заботливость Машки и ея разумный уходъ возбуждали общее удивленіе. Даже когда утята подросли, кошка отгоняла куръ и пѣтуха отъ корма, чтобы дать больше наѣсться своимъ любимцамъ. Особенно забавна была она въ тѣ минуты, когда проходила съ ними между лужами, въ которыхъ утята тотчасъ же принимались плескаться. Такая неряшливость выводила изъ себя опрятную Машку. Съ какимъ усердіемъ вычищала она ихъ потомъ отъ грязи! Но еще въ большее отчаяніе повергали они ее, когда бросались въ мельничный ручей, слѣдуя своему утиному инстинкту. Машка бѣгала по берегу и мяукала до тѣхъ поръ, пока они не собирались снова вокругъ нея.

Справедливость требуетъ сказать, что, при своей сообразительности и нѣжности, Машка играла иногда съ своими питомцами чисто «по кошачьи:» свернетъ утенка комочкомъ въ своихъ лапкахъ и начнетъ его подбрасывать и подкатывать. Пока утята были очень малы, они дозволяли съ собою подобныя игры; позже они начинали шипѣть и защищались клювомъ отъ такого безцеремоннаго обращенія.

Въ настоящее время, Машка не водитъ своихъ утятъ: они не нуждаются въ ея помощи, обратясь въ рослыхъ, здоровыхъ птицъ. Но она осталась въ дружественныхъ отношеніяхъ съ ними до сихъ поръ; не исполняя болѣе роли насѣдки, она забирается на ночлегъ не иначе, какъ въ сосѣдство утиныхъ нашестовъ.

* * *

Наши ближніе.

(Фельетонные наброски.)

XII.

«Отецъ по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ».

На-дняхъ я зашелъ къ Клименко. Мнѣ хотѣлось услышать отъ него еще одинъ разсказъ. Я засталъ его дома. Онъ былъ, противъ обыкновенія, хмуръ, разстроенъ и взволнованъ.

— Я пришелъ поэксплоатировать васъ, замѣтилъ я, здороваясь съ нимъ.—Не разскажете-ли еще чего нибудь изъ своихъ воспоминаній объ «отцахъ».

— Вотъ далась вамъ интересная тема терзать отцовъ! сердито сказалъ Клименко, пожимая мнѣ руку.—Отцы во всемъ виноваты! Ихъ обличать нужно!... Да, позвольте васъ спросить родной мой: что такое «отцы»? «Отцы»—это тоже «дѣти», только успѣвшіе отпустить бороду и усы. Вѣдь и ихъ, въ свою очередь, кто нибудь да произвелъ же на свѣтъ и калѣчилъ въ дѣтствѣ, не спросивъ ихъ мнѣнія на этотъ счетъ... Или вы думаете, что отцы такъ съ неба и свалились во всей красотѣ своего непристойнаго вида?... Нѣтъ-съ. Каждый изъ нихъ могъ бы отвѣтить тоже на вопросъ о его характерѣ, привычкахъ и убѣжденіяхъ, что недавно вонъ отвѣтилъ на допросѣ въ судѣ одинъ обвиненный при вопросѣ о вѣроисповѣданіи: «крестили, молъ, безъ моего вѣдома, православнымъ». Да-съ, каждаго отца и создалъ, и сформировалъ и крестилъ въ ту или другую профессію, въ то или другое ремесло, какой нибудь другой отецъ, не спрашивая совѣта крещаемаго... Хочу дескать, чтобы ты, шельмецъ, былъ воромъ,—ну и будешь!...

Клименко говорилъ сердито, сдвинувъ брови и глядя въ сторону.

— Но вѣдь вы сами взяли на себя въ этомъ дѣлѣ роль прокурора, замѣтилъ я, удивляясь внезапной перемѣнѣ взглядовъ Клименко на отцовъ.—Вы сами винили во всемъ однихъ отцовъ...

— Мало-ли что говорится!... Ну да, отцы часто очень скверны, очень нелѣпы, да вѣдь нельзя же ихъ винить за это, принявъ во вниманіе то, что и они когда-то были, въ свою очередь, дѣтьми... А то на! взялъ человѣкъ да и свалилъ всѣ грѣхи на спину одного поколѣнія...

— Я начинаю сильно бояться, что вы теперь обрушитесь всей силой своего гнѣва на дѣтей, засмѣялся я. — Вы вѣдь любите парадоксы и, пожалуй, станете краснорѣчиво доказывать совсѣмъ противное тому, что доказывали недавно... Это будетъ, въ нѣкоторомъ родѣ, забавно...

— Ну, ну, выдумали что! нетерпѣливо махнулъ рукою Клименко.—Никого я теперь не стану ни оправдывать, ни обвинять, потому что я не прокуроръ и потому что всѣ мы человѣки и всѣ хороши... ой, ой, ой, какъ хороши!...

— Вотъ то-то и скверно, что мы даже тогда, когда мы положительно никуда не годны и по нравственнымъ и по физическимъ качествамъ, нерѣдко дѣлаемся отцами на гибель грядущихъ поколѣній, резонировалъ я.

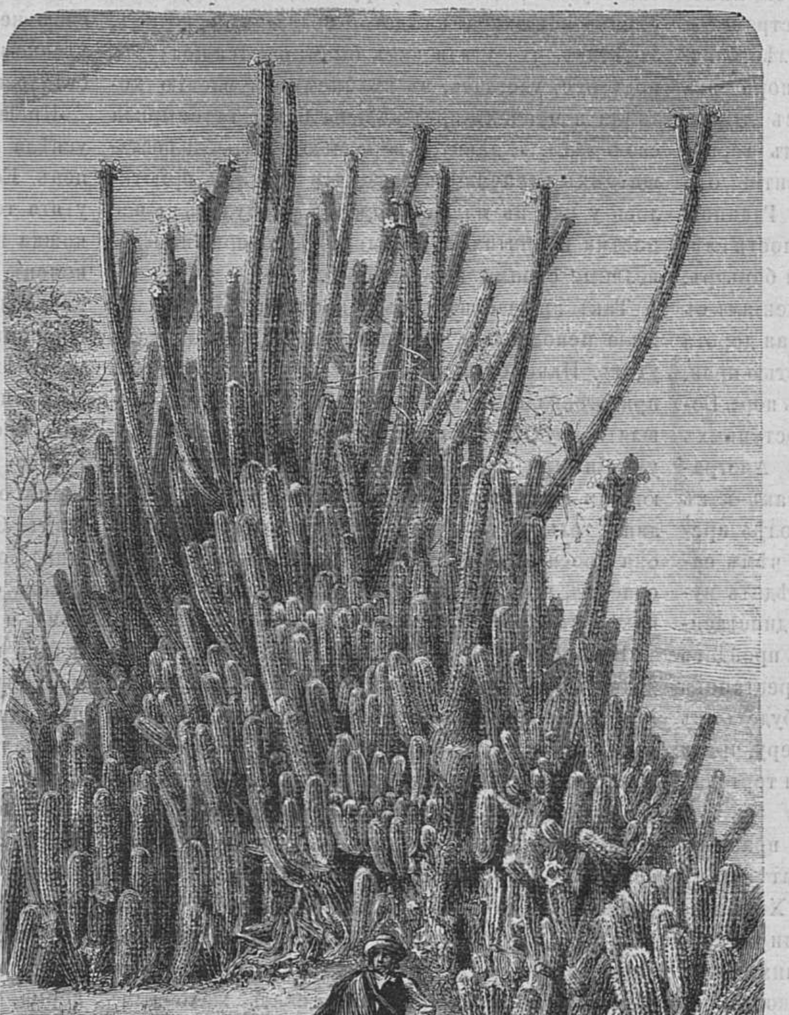
Клименко сердито посмотрѣлъ на меня.

— Да-съ, а если человѣкъ-то по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ вдругъ отцомъ сдѣлается? проговорилъ онъ.—Что-же и тогда онъ, по вашему, виноватъ?

Я невольно улыбнулся.

— По непридвидѣннымъ обстоятельствамъ сдѣлается отцомъ? переспросилъ я.—Я этого не понимаю...

— Мало ли чего вы не понимаете, проворчалъ Клименко.—Вонъ у меня былъ въ Кронштадтѣ одинъ знакомый морякъ-запивоха, такъ онъ какъ отцомъ сдѣлался: подпоили его на пирушкѣ, повела его гулять хозяйская дочь въ садъ, посадила его на скамеечку, припала этакъ нѣжно къ нему головкой, а ея папаша съ мамашей тутъ какъ тутъ съ образомъ—и благословили! Проснулся мой пріятель по утру, ничего не помнитъ, а его сожитель-товарищъ поздравляетъ его съ невѣстой.—«Какъ? Съ какой невѣстой?»—«Да какъ же, говоритъ пріятель, ты опозорилъ дѣвушку и тебя благословили на бракъ съ нею. Мы и шампанское пили на радостяхъ!» Заметался бѣдняга, туда и сюда, выхода нѣтъ: опозорилъ и конецъ весь. Ну, и женился... И вѣдь знаете, такъ до гробовой доски онъ и пилъ мертвую, додумываясь до разрѣшенія вопроса: опозорилъ-ли онъ свою жену, когда она была дѣвушкой, или не опозорилъ...



Группа кактусовъ въ пустынѣ.

(Къ ст. Атакама и Караколесъ.)

Клименко комически вздохнулъ.

— Тоже отцомъ многочисленнаго семейства былъ! жалобнымъ тономъ закончилъ онъ.

Я уже начиналъ узнавать въ немъ того Клименко, какимъ я привыкъ его видѣть: юмориста, шутника, немного циника.

— Ну, слава Богу, вы опять шутите, а я ужь испугался, что съ вами случилось что-то недоброе, сказалъ я.

— Шучу? проговорилъ онъ, опять сдвигая брови.

— Нѣтъ-съ, я вовсе не шучу! Не до шутокъ мнѣ теперь!

Онъ всталъ и заходилъ по комнатѣ.

— Да что съ вами? серьезно спросилъ я.

Онъ вдругъ остановился передо мною.

— А то-съ, что я самъ въ скоромъ времени сдѣлаюсь отцомъ!.. Вотъ что-съ со мною!..

— Вы? воскликнулъ я и посмотрѣлъ пристально на Клименко.

Мнѣ показалось, что онъ бредитъ, что онъ помѣшался.

— Ну да, я! мрачно проворчалъ онъ, — Чего на меня смотрите такими большими глазами? Не видали меня, что ли?.. Или узоры на мнѣ написаны?.. И кто бы могъ подумать! бормоталъ онъ, волнуясь. — Ну подурачились, пошутили и конецъ. Мало ли кто изъ насъ, холостежи, оставляетъ у этихъ модисточекъ, швеекъ, горничныхъ знаки своего расположенія. Все это въ порядкѣ вещей... Все это такъ и остается безъ послѣдствій. А она, изволите ли видѣть, полюбила меня! Она, изволите ли видѣть, была мнѣ вѣрна! Нечего сказать удружила, обрадовала!.. А я то, я то слушалъ, какъ она разсказывала, что то поваръ за ней ухаживаетъ, то швейцаръ за нее сватается, и фолишонничалъ, даже и не подозрѣвая, что это она такъ выдумываетъ, чтобъ я, изволите видѣть, ревновать, ее сталъ... Ревновать! Ее-то!..

Я ничего не понималъ.

— Да о комъ вы говорите? спросилъ я.

— Да все о ней же, о моей камерюнгферѣ, о моей домоправительницѣ, о моей Дульцинсѣ! вздохнулъ Клименко.—Вы, я думаю, давно замѣтили, что мы амурничаемъ? Ну да, это такъ и было. Не могъ же я предположить, что она будетъ смотрѣть серьезно на эти отошенія, тѣмъ болѣе что подобныя отношенія повторялись въ ея жизни не разъ и не два и серьезно на нихъ не смотрѣли ни ея прежніе друзья, ни она сама...

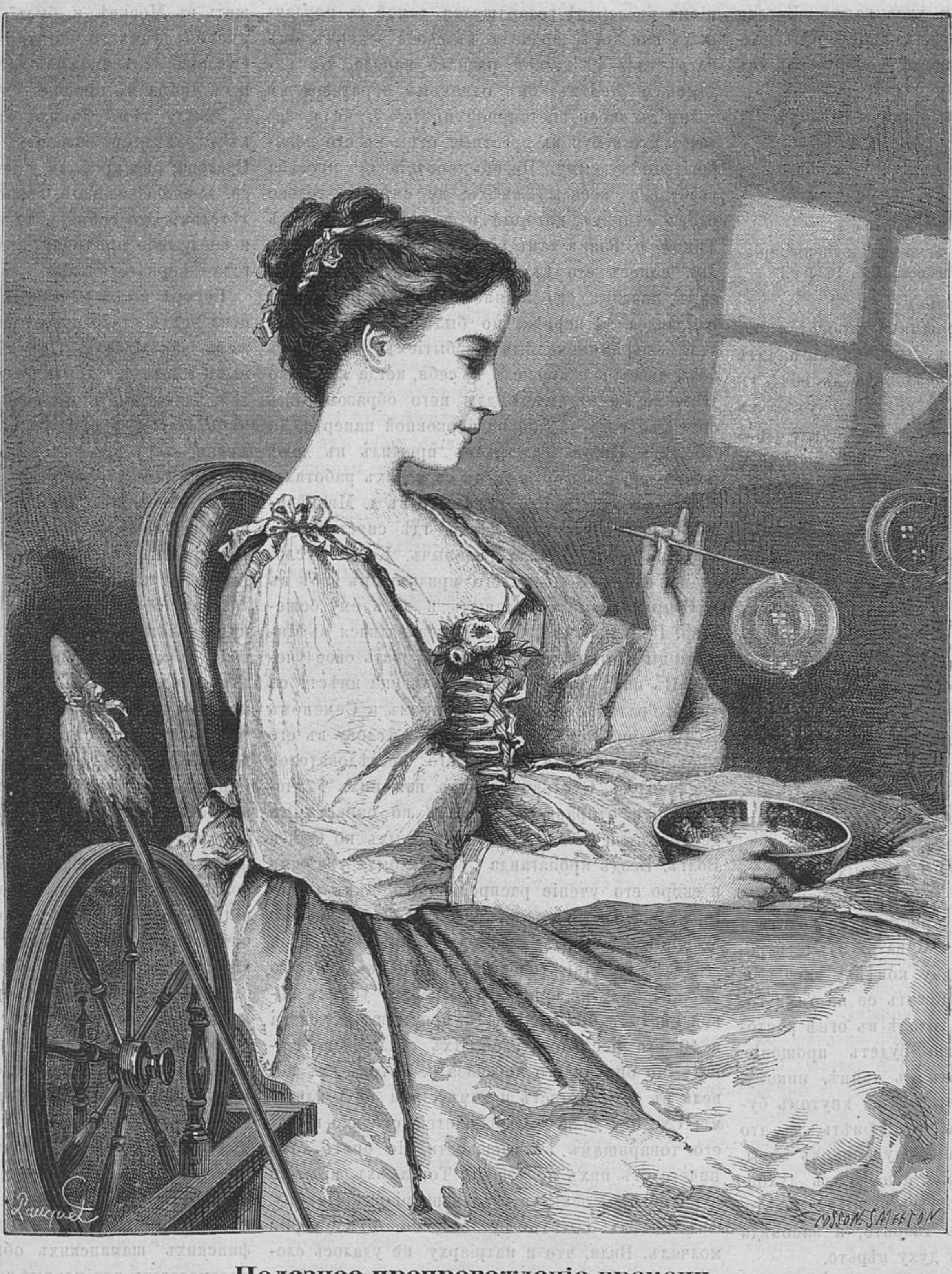
Клименко походилъ еще по комнатѣ и вдругъ остановился передо мной.

— Нѣтъ, что вы станете дѣлать, заговорилъ онъ:—у васъ, у холостяка, живетъ молоденькая горничная, швея, экономка или кухарка, она дѣлаетъ вамъ умильные глазки, она заигрываетъ съ вами локоткомъ, она оказывается опытнымъ человѣкомъ въ дѣлѣ легкихъ амуровъ, вы мимоходомъ щиплете ее за подбородокъ, треплете по щекѣ, даете этакъ ей слегка кулакомъ въ бокъ, однимъ словомъ, пошаливаете. Все идетъ заведеннымъ порядкомъ, чинъ чиномъ,—и вдругъ въ одинъ прекрасный день—трахъ!—вы узнаете, что эта горничная приняла ваши тычки и щипки въ серьёзъ, рѣшилась принадлежать вамъ безраздѣльно «па гропъ» и приноситъ вамъ скороспѣлый плодъ свой любви и вѣрности?.. Войдите же теперь въ мое положеніе, поймите, что жениться на своей горничной я вовсе не намѣренъ; отдать ребенка въ воспитательный домъ было бы подло, да она и не согласилась бы на это, не согласилась бы на отдачу его въ чужія руки вообще, такъ какъ она уже теперь обожаетъ своего будущаго «барчоночка»; воспитать его на рукахъ его глупой матери очень непріятно, такъ какъ это милое дитя въ будущемъ сдѣлается непремѣнно тираномъ своего отца, будетъ его bête noire, его enfant terrible; взять ребенка въ свои руки мнѣ, старому холостяку, жуиру, фланёру — нѣтъ-съ, ужь за это покорно благодарю!

Клименко опять молча заходилъ по комнатѣ.

— Ну, скажите мнѣ на милость, чѣмъ я тутъ виноватъ? спросилъ онъ, снова останавливаясь передо мною.—Вѣдь и я человѣкъ, какъ всѣ человѣки! Вѣдь не я первый, не я послѣдній пошаливаю! Да и она не первая и не послѣдняя изъ тѣхъ, которыя дѣлаютъ глазки и мнѣ, и вамъ, и дворнику, и городовому—и вдругъ!...

Онъ даже ногой топнулъ съ досады и зашагалъ по комнатѣ.



Полезное препровожденіе времени.

— Нѣтъ, вы представьте себѣ; она еще радуется и съ такой блаженной улыбкой говоритъ мнѣ: «вотъ и папашей будете!...» Нечего сказать, осчастливила!

Клименко помолчалъ.

— Я ужь и теперь вижу картину, заговорилъ онъ,—какъ она станетъ пріучать этого пострѣла: «Скажи: папаса!» «Сдѣлай папасѣ лучку!» «Плоздлавь папасеньку съ плаздникомъ!...» Это все меня то утѣшать будутъ!... И вѣдь избалуетъ она его, шельмеца, не на животъ, а на смерть!.. Она вонъ и теперь каждый день пастилу да конфекты ѣстъ.—«Зачѣмъ?» спрашиваю.—«Это онъ, говоритъ, требуетъ. Извѣстно, не какой нибудь простой ребенокъ, а барскій!...» А? Какъ вамъ это нравится? Какъ вамъ это нравится?... Не простой ребенокъ, а барскій, такъ онъ уже въ утробѣ матери пастилы требуетъ!... А что послѣ то съ нимъ будетъ? Вѣдь она себя будетъ готова продать, только бы ему угодить да испортить его въ конецъ этими сластями, да поблажками... Ну, и выростетъ мерзавцемъ, а я радуйся, любуясь на это дѣтище... Онъ гдѣ нибудь, по своей дѣтской невинности, стекла каменьями вышибетъ,—а папаша заступайся за него и плати... Онъ, по своей благородной натурѣ, гдѣ нибудь у Марцинкевича дебошъ учинитъ, — а папаша выручай его въ мировомъ судѣ... Онъ, по своему нѣжному сердцу дворянскаго происхожденія, какой-нибудь горничной руку предложитъ,—а папаша благословляй свое нѣжное дѣтище съ его краснощекой Дульцинеей... Вы только представьте себѣ эту пару: онъ въ короткихъ, клѣтчатыхъ штанахъ гороховаго цвѣта, въ зеленомъ галстукѣ и каленкоровой манишкѣ и она въ шумящихъ накрахмаленныхъ каленкоровыхъ юбкахъ и въ голубой шляпѣ съ цвѣтами съ вербъ попадаются мнѣ на Невскомъ и бросаются къ ручкѣ къ папашѣ... Тьфу!

Я расхохотался надъ комическимъ пафосомъ Клименко. Онъ посмотрѣлъ на меня и не выдержалъ, расхохотался тоже.

— Нечего сказать попалъ въ кашу! проговорилъ онъ.—Вотъ и ораторствуй тутъ противъ «отцовъ», когда у самаго этакое дѣтище выростетъ. И вѣдь еслибы я могъ что нибудь тутъ подѣлать, такъ нѣтъ, ее ужь теперь ни на что не уговоришь. Отдать на воспитаніе—не отдастъ, воспитать его порядочно — не съумѣетъ, забыть, что онъ барченокъ—помилуйте, она его и теперь именно за то любитъ, что онъ не какого-нибудь приходимца сынъ, а сынъ барина! .. Нѣтъ, я, кажется, въ Америку эмигрирую, чтобы никогда не встрѣчать эту лакейскую, холуйскую рожу, улыбающуюся мнѣ сыновнею улыбкою, — дамъ имъ денегъ, обезпечу ихъ и экспатрируюсь!...

Я смѣялся отъ всей души. Но Клименко вдругъ измѣнилъ тонъ и уже совсѣмъ серьезно замѣтилъ мнѣ.

— Да, да, веселый сюжетецъ, а у меня, знаете ли, иногда сжимается теперь сердце: не особенно пріятно будетъ мнѣ слышать, какъ этотъ холуй будетъ называть меня «папасей» и писать потомъ ко мнѣ безграмотныя, но умилительныя письма, но каково то будетъ ему?... Сдѣлаться отцомъ по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ плохо, но едва ли лучше сдѣлаться сыномъ по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ...

Онъ задумался и потеръ рукою лобъ.

—Значитъ, ваши разсказы объ отцахъ и дѣтяхъ кончены, замѣтилъ я, спустя нѣсколько минутъ.

— Да, да, кончены, отвѣтилъ въ раздумьи онъ, тревожно качая головой и вздыхая.

— А мнѣ былъ такъ нуженъ еще одинъ разсказъ, промолвилъ я.

— Кто жь вамъ мѣшаетъ опубликовать мою исторію, невесело усмѣхнулся онъ.—Ужь мнѣ теперь все равно придется быть комическимъ отцомъ, такъ и оповѣщайте впередъ объ этомъ общество. Пусть пальцами указываютъ. Кстати моя исторія можетъ послужить, какъ разъ подходящимъ эпилогомъ къ моимъ повѣствованіямъ объ отцахъ и дѣтяхъ.

Я, какъ видитъ читатель, такъ и сдѣлалъ...*)

Нѣкто.

Спиритизмъ и спириты.

(**Новѣйшій спиритуализмъ**, его феномены и ученіе; пріятельскія бесѣды. **В. Маркова**. Спб. 1877 г.)

(*Окончаніе.*)

Происхожденіе хлыстовщины относится къ XVII вѣку. По преданіямъ хлыстовъ въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича (въ 1645 г.) во владимірской губерніи, муромскаго уѣзда въ стародубской волости на гору Городину, близь деревни Михайлицъ и Бабынина, сошелъ съ неба на огненныхъ облакахъ въ пламенной колесницѣ богъ. Онъ принялъ на себя плоть человѣка Данила Филипьевича, сталъ видимъ, поселился въ дер. Старой, костромской губерніи и далъ своимъ послѣдователямъ ученіе, изложенное въ 12 слѣдующихъ правилахъ: 1) Я есмь Богъ, пророками предсказанный, сошелъ на землю вторично для спасенія душъ рода человѣческаго. 2) Нѣтъ и не искать другого ученія. 3) На чемъ поставлены, на томъ и стойте. 4) Храните эту заповѣдь и будьте вселенные ловцы. 5) Хмѣльного не пейте и плотскаго грѣха не творите. 6) Не женитесь, а кто женатъ, тотъ живи съ женою, какъ съ сестрою, что значится и въ древнемъ священномъ писаніи: не женимые не женитесь, а женимые разженитесь. 7) Скверныхъ словъ и чернословія (т. е. имени дьявола) не произносить. 8) На свадьбы и на крестины не ходить и на хмѣльныхъ бесѣдахъ не бывать. 9) Не воровать, а ежели кто хотя одну копѣйку украдетъ, то на страшномъ судѣ положатъ ее на темя головы, и когда монета на головѣ въ огнѣ растопится, тогда только дано будетъ прощеніе. 10) Правила сіи содержать въ тайнѣ, никому, отцу и матери не объявлять. Если кнутомъ будутъ бить и огнемъ жечь, то терпѣть, за что вѣрные, по примѣру древнихъ мучениковъ вѣры, получатъ царствіе небесное, а на землѣ духовное благополучіе. 11) Другъ къ другу ходите, хлѣбъ-соль водите, любовь творите, а заповѣди моя храните. 12) Святому духу вѣрьте.

Это ученіе чрезвычайно уважается хлыстами, и передается другъ другу изустно. Списковъ же его, кажется, нѣтъ ни одного, поэтому трудно сказать дѣйствительно ли ученіе это въ томъ видѣ, какъ мы его выписали, принадлежитъ Данилѣ Филипычу. Можетъ быть, это варіантъ, во многомъ отличающійся отъ подлинника; можетъ быть, это конспектъ обширнаго ученія, изложеннаго хлыстовскимъ родоначальникомъ во многихъ бесѣдахъ—кто знаетъ?

Но дѣйствительнымъ создателемъ хлыстовской секты въ Россіи, былъ Сусловъ. О немъ у хлыстовъ существуетъ легенда не менѣе чудесная, какъ и о Данилѣ Филипычѣ. Въ имѣніи Нарышкина, въ дер. Максаковой, стародубской волости, муромскаго уѣзда, владимірской губерніи, жили столѣтніе старики Тимофей и жена его Ирина Пестеровы по прозванію Сусловы. У нихъ не было дѣтей, какъ вдругъ въ 1616 году Ирина забеременѣла и въ томъ же году родила сына. Озадаченный такимъ казусомъ священникъ не захотѣлъ крестить младенца, и тотъ 6 недѣль оставался безъ крещенія; никто также не соглашался быть крестнымъ отцомъ страннаго новорожденнаго. Старый Тимофей бродилъ по всему округу, отыскивая воспріемника, но все безуспѣшно. Махнувъ рукой съ горя, онъ съ отчаяніемъ въ сердцѣ возвращался домой съ неудачныхъ поисковъ, подходя къ своей деревнѣ, онъ встрѣтился съ толпой разнаго народа. Не надѣясь на успѣхъ, онъ однакожь обратился къ толпѣ съ своей постоянной просьбой, не пожелаетъ кто пойти въ крестные отцы къ его новорожденному сыну. По обыкновенію его просьба возбудила веселый смѣхъ; не смѣялся только одинъ старикъ, который и пошелъ въ домъ къ Тимофею. Взявъ тамъ ребенка къ себѣ на руки, онъ понесъ его въ церковь, гдѣ и окрестилъ самъ, назвавъ его Іоанномъ. Священникъ тоже находился въ церкви, но былъ такъ пораженъ этимъ необыкновеннымъ событіемъ, что упалъ безъ чувствъ и пришелъ въ себя, когда все было кончено; невѣдомымъ для него образомъ онъ очутился подъ лавкой на церковной паперти. До 30 лѣтъ Иванъ Тимофѣевъ прожилъ въ домѣ родителей, помогая имъ въ сельскихъ работахъ. Послѣ же ихъ смерти перешелъ въ д. Михайлицы, недалеко отъ того мѣста, гдѣ спустился съ неба на землю Данила Филипычъ. Когда Суслову кончилось 33 года, его призвалъ къ себѣ въ д. Старую Данила Филипычъ и далъ ему божество. Получивъ его, Сусловъ возвратился въ Михайлицы и сталъ тайно проповѣдывать свое ученіе. Съ нимъ поселилась одна дѣвица вмѣстѣ съ тремя братьями Иваномъ, Федоромъ и Семеномъ Ивановыми. Всѣ они пособляли Суслову въ его пропагандѣ. Когда число его послѣдователей увеличилось, Сусловъ избралъ изъ нихъ 12 человѣкъ, и отправился съ ними по окрестнымъ деревнямъ и селамъ, расположенныхъ по Окѣ и Волгѣ. Вездѣ пропаганда Суслова была успѣшна и скоро его ученіе распространилось въ нижегородской, владимірской, костромской, московской губерніяхъ и даже въ самой Москвѣ.

Далѣе преданіе говоритъ, что царю Алексѣю Михайловичу не пришелся по сердцу успѣхъ новой секты и онъ приказалъ арестовать Суслова и 40 его послѣдователей. Ихъ стали допрашивать, но они ничего не сказали. Потомъ ихъ повели въ село Погостъ и тамъ стали бить плетьми; Суслову дали столько плетей, сколько всѣмъ его товарищамъ въ сложности. Но опять таки ничего отъ нихъ не узнали. Тогда ихъ привели обратно въ Москву и отдали патріарху Никону. Онъ велѣлъ пытать Суслова, но тотъ упорно молчалъ. Видя, что и патріарху не удалось сломить упрямство еретика, царь поручилъ его боярину Морозову, но Морозовъ отказался отъ допросовъ, понявъ божество Суслова. Повели его къ князю Одоевскому. Князь поступилъ съ нимъ очень круто: мучалъ разными пытками, жегъ на маломъ и большомъ кострахъ, однакожь ничего не узналъ и сжечь не могъ. Потомъ Суслова снова пытали на лобномъ мѣстѣ, но опять безуспѣшно, наконецъ, распяли на стѣнѣ у Спасскихъ воротъ въ 1671 году. Распятый Сусловъ былъ снятъ со стѣны сторожами и похороненъ на лобномъ мѣстѣ, въ могилѣ со сводами; это случилось въ пятницу, а съ субботы на воскресенье онъ воскресъ и явился своимъ ученикамъ. Но правительство скоро узнало объ этомъ; Сусловъ снова былъ взятъ и опять распятъ на томъ же мѣстѣ; съ него была снята кожа, но одна изъ его учениць покрыла его простыней, которая образовала ему новую кожу. Онъ второй разъ воскресъ, и сталъ еще больше пріобрѣтать учениковъ. Въ 1672 году Сусловъ въ третій разъ попался правительству и его предназначено было предать жестокому наказанію и смерти; но въ это время у царя Алексѣя родился сынъ Петръ, и всѣ арестанты, въ томъ числѣ и Сусловъ, были выпущены на свободу, потому что какая-то старица предсказала благополучное рожденіе царевича въ такомъ только случаѣ, когда заключенные будутъ выпущены изъ темницъ. Послѣ своего освобожденія Сусловъ сталъ явно жить въ Москвѣ и былъ извѣстенъ тамъ подъ именемъ темнаго богатины Ивана Тимофеевича Суслова. Онъ прожилъ здѣсь 30 лѣтъ, спокойно и съ успѣхомъ проповѣдуя свое ученіе.

Между тѣмъ Данило Филипычъ приближался къ столѣтнему возрасту, и рѣшился посѣтить Суслова; онъ пробылъ у него недолго, и въ день св. Василія великаго, вознесся на небо при свидѣтеляхъ. Это событіе, по вѣрованіямъ хлыстовъ, и послужило причиной празднованія дня новаго года—перваго января.

Вскорѣ послѣ исчезновенія Данилы, правительство опять стало преслѣдовать Суслова. Онъ бѣжалъ изъ Москвы и 16 лѣтъ скитался въ разныхъ мѣстахъ, скрываясь у своихъ послѣдователей; наконецъ, снова возвратился въ Москву и въ 1716 году скончался на сотомъ же году своей жизни.

Вотъ легенда, служащая основаніемъ хлыстовскихъ вѣрованій. Конечно, эта легенда нелѣпа, но развѣ не также нелѣпы легенды, въ которыхъ трактуется объ обожествленіи Джени Вордло или Анны Ли, хотя онѣ созданы средой, болѣе цивилизованной, чѣмъ наши хлысты. Развѣ, наконецъ, мало нелѣпостей въ спиритическомъ ученіи? Притомъ въ хлыстовской легендѣ, несмотря на нелѣпое содержаніе, можно все-таки отыскать руководящую мысль. Она появилась вскорѣ послѣ того, какъ крѣпостное право установилось твердо въ Россіи, когда оно успѣло уже дать свои первые результаты. Закрѣпощенный народъ, невѣжественный, протестовалъ какъ умѣлъ на болѣе доступной ему почвѣ — религіозный. Большинство протестующихъ бѣжало въ скиты раскольничьихъ толковъ, основавшихъ свои вѣрованія на неправильно-истолкованныхъ обрядахъ и отчасти догматахъ господствующей церкви. Меньшинство создало свои новыя религіи, имѣющія отчасти языческій характеръ. Эти новыя секты явились преимущественно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ былъ силенъ финскій элементъ. Хлыстовщина началась во владимірской губерніи, здѣсь въ то время финскій элементъ преобладалъ надъ славянскимъ, русскимъ. Финны, исповѣдуя наружно христіанство, продолжали держаться своихъ древнихъ мистико-шаманскихъ религіозныхъ представленій и обрядовъ. Эти обряды были приняты и хлыстовщиной. Заимствованіе хлыстами финскихъ шаманскихъ обычаевъ даетъ право предполагать, что первые послѣдователи хлыстовщины были преимущественно финны. Къ какой расѣ принадлежалъ основатель секты Данило Филипычъ — неизвѣстно. Можетъ быть, онъ былъ русскій, но, можетъ быть, и финнъ; его фамилія, которая, безъ сомнѣнія, выдала бы его происхожденіе, осталась неизвѣстною. Также нѣтъ никакихъ указаній, былъ ли Данило крѣпостной или вольный; Сусловъ же прямо называется крестьяниномъ Нарышкина. Какія же причины вызвали спиритическое ученіе? По словамъ спиритовъ, ихъ ученіе есть протестъ. Пусть будетъ такъ. Въ такомъ случаѣ это протестъ противъ всего свѣтлаго, противъ прогресса, противъ великихъ пріобрѣтеній науки.

Главнѣйшее доказательство отсутствія соли-

---

*) Въ будущемъ 1878 году фельетонные наброски «Наши ближніе» будутъ помѣщаться въ «Жив. Обозр.» черезъ номеръ, два раза въ мѣсяцъ. *Ред.*

дарности между ними и хлыстами, спириты видятъ въ обрядахъ хлыстовскаго богослуженія. Они называютъ эти обряды языческими. И дѣйствительно, если сравнить обряды древнихъ финновъ, имѣвшіе мѣсто при языческомъ шаманскомъ богослуженіи съ обрядами, принятыми хлыстами, при ихъ моленіяхъ, окажется, что между тѣми и другими замѣтно большое сходство. Хлысты обыкновенно ставятъ посреди молельни большой чанъ съ водой; всѣ присутствующіе при моленіи какъ мужчины, такъ и женщины, становятся вокругъ него; затѣмъ начинается пляска и скаканіе; ревностные молельщики скачутъ до изнеможенія, почти до обморока; нѣкоторые во время этихъ упражненій колотятъ себя палками и цѣпями, и производятъ всѣ эти манипуляціи въ надеждѣ войти въ общеніе съ духомъ и отъ него получить даръ пророчества. Нѣкоторыя раздражаютъ свои нервы до того, что съ ними дѣлаются галлюцинаціи, и они, принимая болѣзненныя видѣнія за реальныя представленія, передаютъ ихъ своимъ слушателямъ, какъ пророчества, указанныя имъ свыше. Во всемъ этомъ очень много сходства съ средствами, какія употребляютъ шаманы для полученія того же дара прорицанія. Но чѣмъ же разумнѣе и реальнѣе обряды, употребляемые спиритами для вызыванія духовъ, съ которыми имъ надо имѣть общеніе. Продолжительнымъ истощеніемъ своего тѣла они также доводятъ свои нервы до крайняго раздраженія; вмѣсто чана они ставятъ жаровню, на которую посыпаютъ сильно наркотическія, пахучія вещества; ихъ обращенія къ высшимъ духамъ и къ духамъ родныхъ и ближнихъ, отъ которыхъ они желаютъ получить какія либо интересующія ихъ свѣдѣнія,—безмысленнѣе словъ, составляющихъ хлыстовскія молитвенныя пѣсни, имѣющія своеобразный, наивный, хотя нѣсколько дикій, но поэтическій колоритъ. Также точно, какъ и хлысты, спириты утомляютъ себя до полнѣйшаго разслабленія нервовъ; во время такого ненормальнаго состоянія ихъ посѣщаютъ галлюцинаціи, и они эти болѣзненные припадки принимаютъ за реальныя представленія. Спрашивается теперь, какая же разница въ этомъ отношеніи мешду ними и хлыстами?

Но пойдемъ далѣе. Хлысты также отвергаютъ въ человѣкѣ всякую иниціативу и всякое человѣческое дѣйствіе приписываютъ духу. «Мы знаемъ, говоритъ одинъ изъ учителей хлыстовщины, —что многіе наши проступки противны писаннымъ законамъ, и намъ тяжело и скорбно поступать такимъ образомъ. Но что же намъ дѣлать? Сила, во мнѣ дѣйствующая, не даетъ покоя днемъ и ночью, водитъ меня туда и сюда; никогда мнѣ не даетъ эта сила ни ѣсть, ни пить, ни идти куда мнѣ хочется; иногда поведетъ куда и поставитъ на мѣсто, то не могу сойдти съ мѣста». Не выхвачено ли это признаніе прямо изъ спиритическаго ученія о вѣчной опекѣ духа, сидящаго въ человѣкѣ. Развѣ не тоже самое утверждаютъ спириты говоря, что духъ научаетъ ихъ на всякую истину.

Мы имѣемъ очень мало письменныхъ документовъ, разъясняющихъ вѣрованія и обычаи хлыстовъ. Только сочиненія и письма одного изъ замѣчательныхъ въ своемъ родѣ наставниковъ хлыстовщины, Радаева, проливаютъ яркій свѣтъ на міросозерцаніе хлыстовъ, совершенно аналогичное съ міросозерцаніемъ спиритовъ. «Иногда случалось, пишетъ Радаевъ, что я противился духу, то за это страдалъ недѣль по пяти... Одинъ разъ сталъ я жить въ кельѣ въ лѣсу на пчельникѣ, куда перетаскалъ и книги свои; вдругъ меня сильно двинуло и стало захватывать дыханіе... послѣ чего я ходилъ исповѣдываться къ священнику, но къ причастію духъ меня не допустилъ; я сдѣлался болѣнъ на недѣлю, потомъ черезъ недѣлю почувствовалъ въ себѣ духа, который, говорилъ мнѣ: вставай и иди причащаться. Послѣ чего всталъ и былъ здоровъ, но воли своей уже во мнѣ не было. Наконецъ, причастился и ободрился, и началъ опять гонять и водить меня духомъ, такъ что иногда, когда ѣмъ, вдругъ руку у меня остановитъ, «во всякихъ вещахъ своей воли больше уже не имѣю».

Такимъ образомъ, всѣ свои поступки, и хорошіе и дурные, хлысты объясняютъ дѣйствіемъ на нихъ духа. Тотъ же Радаевъ, на обвиненіе его въ любострастіи и половомъ развратѣ, отвѣчалъ, что онъ дѣлаетъ все это не по своей волѣ, а исполняетъ только велѣнія духа. «Связь съ ними (т. е. съ женщинами) имѣлъ я, говоритъ этотъ фанатикъ,—не по своей волѣ, а по волѣ духа, во мнѣ во всемъ дѣйствующаго, и въ доказательство того, что дѣлалъ это по внушенію духа, привести могу то, что прежде и послѣ связи я чувствовалъ себя изнуреннымъ и нечистымъ, когда же я получалъ позволеніе отъ духа, въ этомъ дѣйствіи я нечистоты не видалъ, а чувствовалъ отъ себя особенное благоуханіе»... «Духъ побуждаетъ меня, пишетъ въ другомъ мѣстѣ Радаевъ, идти къ тому, кто желаетъ говорить со мной, и показываетъ, чѣмъ именно нужно начать разговоръ, чтобы предупредить вопросъ его... Духъ даетъ мнѣ чувствовать состояніе душъ, перешедшихъ въ загробную жизнь», и т. д.

Подобныхъ выписокъ можно бы привести много, но полагаемъ, что и приведенныя достаточно ясно указываютъ на аналогію, существующую между міросозерцаніемъ спиритовъ, открывшихъ по ихъ убѣжденію, новый законъ, новую силу природы, и міросозерцаніемъ хлыстовъ, которыхъ спириты презрительно называютъ невѣжественными изувѣрами. И тѣ и другіе страдаютъ одинаковою болѣзнію. Чья болѣзнь серьезнѣе—покажетъ время.

При его полнѣйшей несостоятельности, спиритизмъ не стоилъ бы никакого вниманія и мы не стали бы говорить о немъ, еслибъ эта болѣзнь, для которой пока еще не пріискано подходящаго медицинскаго термина, не распространялась довольно замѣтно. Можно утѣшиться только тѣмъ, что увлеченія новизною проходятъ у насъ очень скоро. Вѣроятно, таже участь постигнетъ и спиритизмъ; онъ пока еще въ модѣ, на него существуетъ запросъ. Но придетъ чередъ чего нибудь другого болѣе новаго, болѣе эксцентричнаго и спиритизмъ исчезнетъ, какъ исчезнетъ всякая мимолетная прихоть...

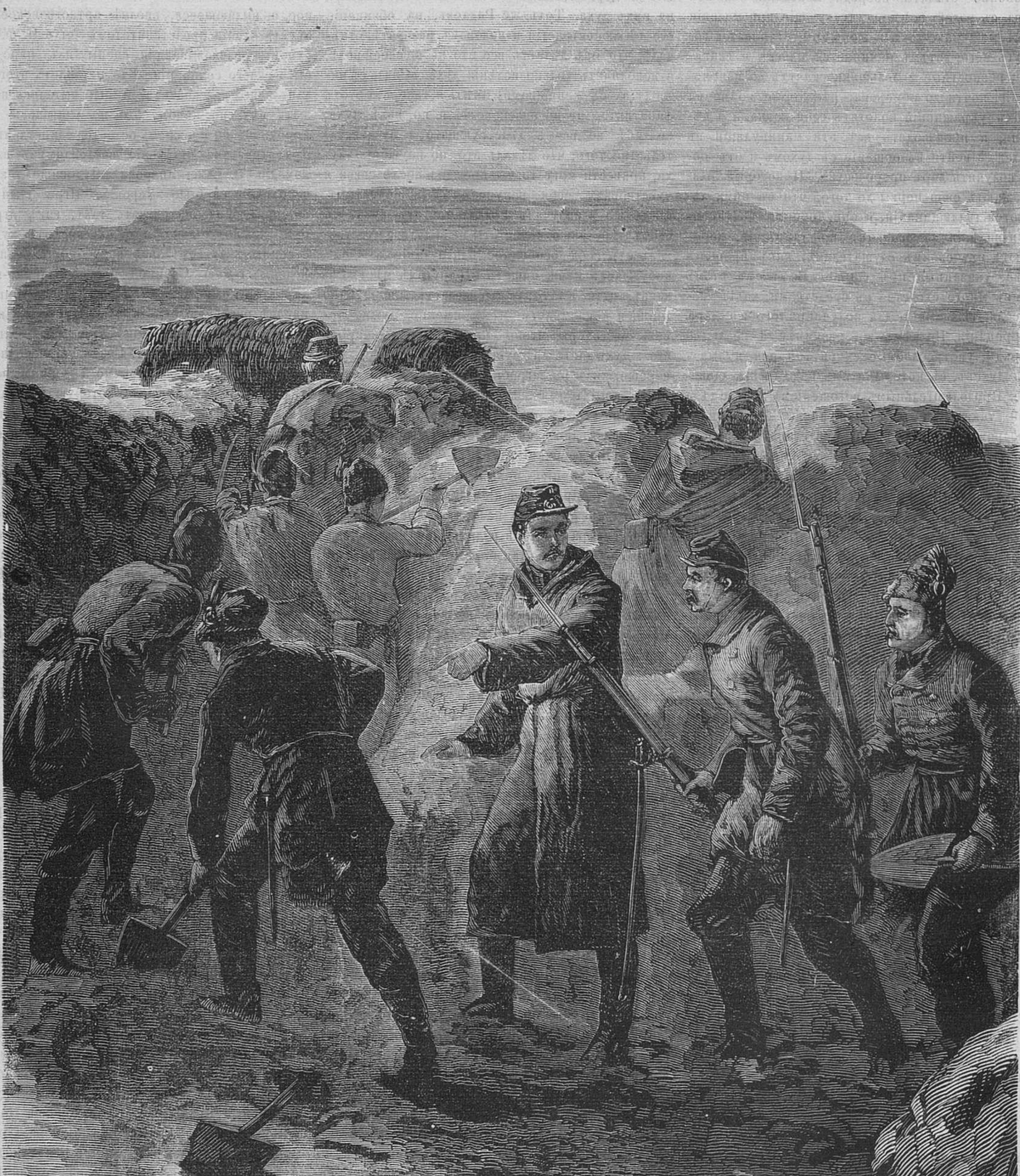
Можно провести такую же параллель между спиритами и скопцами, какую мы провели между ними и хлыстами, и показать, что въ міросозерцаніи этихъ обѣихъ сектъ также нѣтъ особенной разницы. Скопцы также, какъ хлысты и спириты, отвергаютъ всякую самодѣятельность въ человѣкѣ и приписываютъ всѣ его поступки дѣйствію духа, въ немъ заключеннаго. Они одухотворяютъ всю природу и вѣрятъ, что въ каждомъ минералѣ, въ каждомъ растеніи, въ каждомъ животномъ заключенъ особый духъ. Отсюда одинъ только шагъ до вѣры въ метемпсихозисъ спиритовъ, убѣжденныхъ, что духи начинаютъ свое существованіе въ разныхъ породахъ ископаемыхъ и потомъ черезъ растенія и низшія и высшія животныя переходятъ въ человѣка и тутъ начинаютъ мытарствовать переходя изъ женщины въ мужчину и обратно.

Н. Ш.

* * *

Открытіе с.-петербургскаго собранія художниковъ.

Говоря въ № 50 «Жив. Об.» о предстоявшемъ открытіи с.-петербургскаго собранія художниковъ, мы выразили надежду, что вечера въ этомъ собраніи будутъ отличаться тѣмъ же истинно-художественнымъ характеромъ, какой они имѣли въ прошлый сезонъ. Вечеръ, данный въ день открытія собранія 11-го декабря, показалъ, что мы не ошиблись и нашимъ надеждамъ, кажется, суждено сбыться. Этотъ вечеръ былъ устроенъ съ такимъ смысломъ, съ такимъ художественнымъ ансамблемъ, что остается только пожелать, чтобы и послѣдующіе вечера походили на него. По программѣ этотъ вечеръ былъ смѣшанный: чтеніе, драма, пѣніе, музыка, живыя картины. Исполненіе во всѣхъ отдѣлахъ было не заурядное, а выдающееся, вполнѣ артистическое. Въ отдѣлѣ чтенія представителемъ былъ И. Ф. Горбуновъ, разсказывавшій сцены изъ народнаго быта своего сочиненія. Кто не знаетъ этого талантливаго разсказчика? Многіе пытались подражать ему, но никому это не удавалось; И. Ф. Горбуновъ по прежнему остается единственнымъ. Драматическое отдѣленіе состояло изъ плохой комедіи В. Александрова «Чудовище», за то исполненіе ея было хорошее. Игра г-жи Савиной безподобна; играть такъ, какъ играетъ она, можно только обладая вполнѣ художественнымъ чутьемъ; всѣ подробности роли проведены г-жею Савиной безукоризненно-вѣрно характеру изображаемаго лица; такую тонкую и вполнѣ реальную игру приходится видѣть не часто, даже въ исполненіи самой г-жи Савиной. Очень хорошъ былъ и г. Сазоновъ, исполнявшій небольшую роль. Собственно говоря въ «Чудовищѣ» только одна роль, которую изображаетъ г-жа Савина; остальныя роли неболѣе, какъ иллюстраціи главной роли. Всѣ онѣ были исполнены хорошо г-жами Громовой и Тютрюмовой и гг. Варламовымъ и Петровскимъ. Режисерскія обязанности при постановкѣ и веденіи пьесы исполнялъ г. Шталь, хорошо знакомый посѣтителямъ с.-петербургскаго собранія художниковъ въ прошлый сезонъ, когда онъ тоже былъ режиссеромъ спектаклей въ собраніи. Пѣніе... пѣла г-жа Меньшикова и этимъ сказано достаточно. Ея прекрасный голосъ по прежнему свѣжъ и силенъ: исполненіе задушевное. Пѣлъ и г. Корсовъ и пѣніе его, какъ всегда, понравилось публикѣ; жаль только, что г. Корсовъ и на этотъ разъ не могъ обойтись безъ баллады г. Лишина «Хохотала». Положимъ, баллада не дурна, но зачѣмъ же г. Корсовъ поетъ ее всякій разъ, какъ появляется на эстрадѣ собранія художниковъ? Публика, правда, потребовала повторенія баллады, но сдѣлала это, очевидно, не для г. Корсова, а для автора, акомпанировавшаго пѣвцу. Конечно, г. Корсовъ, желалъ выборомъ пьесы выразить свое расположеніе къ автору; такой поступокъ вполнѣ деликатенъ и достоинъ похвалы, но лучше было выбрать какое-нибудь другое произведеніе г. Лишина, композиторская дѣятельность котораго не ограничивается одной этой балладой. Отчего г. Корсовъ не спѣлъ отрывка изъ оперы г. Лишина «Графъ Нулинъ»; за это публика была бы ему чрезвычайно благодарна. Музыкальное исполненіе на этомъ вечерѣ вполнѣ соотвѣтствовало вокальному и драматическому. Дирижеръ оркестра г. Главачъ хорошо извѣстенъ Петербургу не только какъ хорошій капельмейстеръ, но и какъ композиторъ; оркестръ у него большой и подобранъ очень хорошо. На этомъ вечерѣ, кажется, въ первый разъ передъ русской публикой появился г. Шевчикъ, исполнившій два нумера на скрипкѣ (одинъ свой, другой Паганини). Чтобы вѣрно судить о его игрѣ, надо быть музыкантомъ; по ихъ отзывамъ, г. Шевчикъ — выдающійся талантъ, которому суждено со временемъ сдѣлаться знаменитостью. На этомъ вечерѣ онъ имѣлъ огромный успѣхъ; публика дружно и много разъ вызывала его послѣ исполненія каждаго нумера. Рукоплесканія достались также на долю всѣхъ исполнителей на этомъ вечерѣ, но, конечно, громъ ихъ сопровождалъ пѣніе и игру г-жъ Меньшиковой и Савиной и г. Сазонова. Живыя картины, превосходно поставленныя г. Каразинымъ, своей темой имѣли современныя событія и уже потому возбудили особенный интересъ.



Въ траншеяхъ подъ Плевной.

* * *

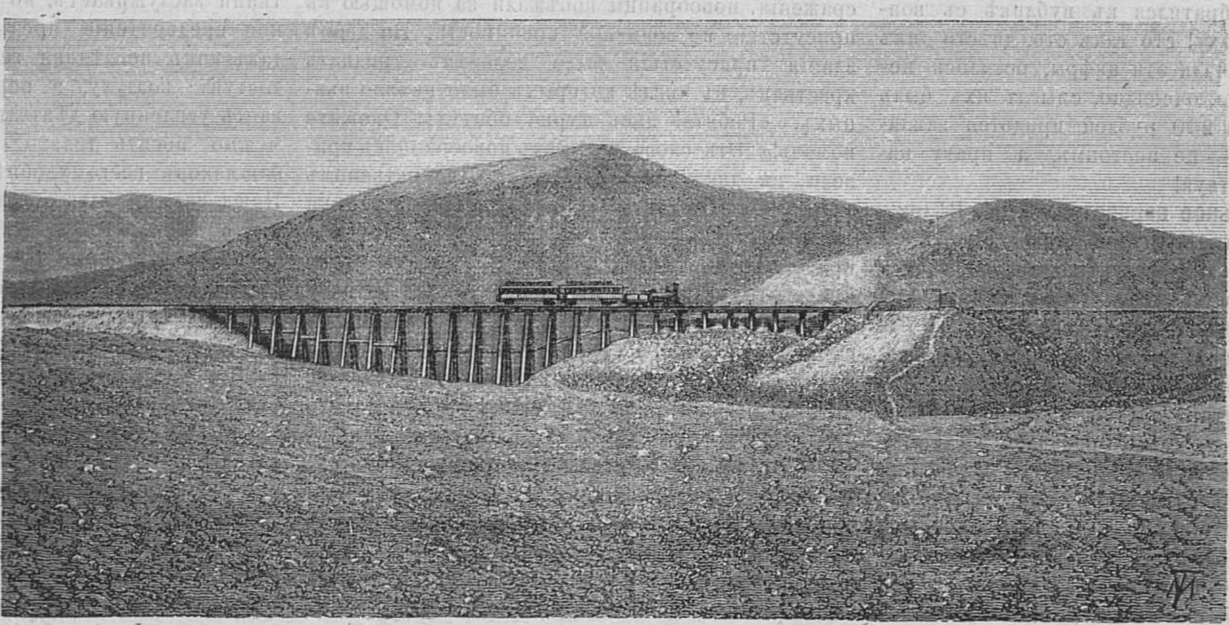
Новости наукъ и жизни.

Средство отъ чумы рогатаго скота. Свирѣпствовавшая съ августа мѣсяца, чума уничтожила столько рогатаго скота, что во многихъ деревняхъ не осталось ни одной коровы. Между прочимъ, чума проникла въ имѣніе одного богатаго помѣщика и, въ теченіи нѣсколькихъ недѣль, истребила до 75-ти головъ. Управляющій сообщилъ объ этомъ несчастіи владѣльцу имѣнія, который находится на войнѣ за Дунаемъ, и отъ него былъ присланъ врачъ, вольнопрактикующій и даже не имѣющій патента, который и оказалъ всему населенію уѣзда существенную пользу, при помощи весьма несложныхъ средствъ. Захвативъ остатокъ скота уже заболѣвшимъ, онъ приказалъ какъ можно больше нарубить вересовой хвои, вскипятить ее на сильномъ огнѣ и давать скоту пить. Затѣмъ, по утрамъ онъ давалъ каждой заболѣвшей коровѣ по самой ничтожной дозѣ мышьяку, въ полдень поилъ ихъ карболовой кислотой, а вечеромъ соляной. Эти средства спасли весь остатокъ помѣщичьяго и крестьянскаго скота. Описанное средство еще не изслѣдовано ветеринарной медициной.

Новое средство для очищенія воздуха. Бушо предлагаетъ способъ, основанный на продолжительномъ и недорогомъ добываніи озона, посредствомъ двуокиси марганца. Это открытіе особенно важно для лѣтняго времени, когда жары сильно даютъ себя чувствовать. Обыкновенно берутъ листъ сѣрой бумаги и покрываютъ ее хорошо измельченной двуокисью марганца, такъ, чтобы она тонкимъ слоемъ покрывала бумагу. Достаточно помѣстить нѣсколько такихъ листьевъ въ комнатѣ, чтобы очистить въ ней воздухъ. Бушо разсказываетъ, что онъ клалъ въ ящикъ, содержавшій нѣсколько такимъ образомъ приготовленныхъ листовъ, старый сыръ и куски хрѣна и все это запиралъ на 15 дней. Когда, по истеченіи этого времени, онъ открылъ ящикъ, то никакого запаха не было замѣтно. Озонъ, выдѣляемый двуокисью марганца, совершенно дезинфекцировалъ продукты разложенія названныхъ веществъ, которые образовались въ ящикѣ. Изобрѣтатель рекомендуетъ приготовлять такую бумагу фабричнымъ способомъ въ большихъ количествахъ, для употребленія въ школахъ и госпиталяхъ.

Голодъ въ Китаѣ. Китайскія газеты сообщаютъ печальныя извѣстія о голодѣ. Въ китайской провинціи Шанзи ежедневно умирать отъ голода по 1,000 человѣкъ. Мало того, что люди ѣдятъ трупы, но сильные бросаются на слабыхъ и умерщвляютъ ихъ, чтобы потомъ съѣсть. Правительство предписало роздать голодающимъ въ провинціяхъ Шанзи и Хонанѣ сумму въ 400,000 таеловъ.

Международный тюремный конгрессъ. Въ августѣ будущаго 1878 года предположено собрать въ Стокгольмѣ второй (первый былъ въ Лондонѣ въ 1872 году) международный тюремный конгрессъ. Главная задача, подлежащая его изученію, будетъ заключаться въ слѣдующемъ: какъ довести преступность до минимума, посредствомъ охраненія малолѣтнихъ отъ паденія и посредствомъ обращенія подвергшихся паденію къ лучшей жизни и къ лучшему нравственному стремленію. Но независимо отъ этой задачи первостепенной важности, стокгольмскій конгрессъ будетъ заниматься и другими пенитенціарными вопросами. Работы его будетъ раздѣлены на отдѣленія, которыхъ всего будетъ три: одно по уголовному законодательству, другое по пенитенціарнымъ учрежденіямъ, а третье по учрежденіямъ, предупреждающимъ преступленія. Къ участію въ стокгольмскомъ тюремномъ конгрессѣ кромѣ оффиціальныхъ делегатовъ приглашаются также лица, имѣющія по своимъ занятіямъ и званію близкую связь съ тюремнымъ дѣломъ. Въ этомъ-то послѣднемъ качествѣ предполагаетъ присутствовать на означенномъ конгрессѣ между прочимъ статсъ секретарь К. К. Гротъ, который желалъ бы въ этихъ видахъ, чтобы тѣ лица, которыя, не располагая ѣхать на конгрессъ, по своей спеціальности захотятъ принять участіе въ разработкѣ вышепоименованныхъ, для Россіи равномѣрно нечуждыхъ, вопросовъ, сообщили ему (С.-Петербургъ, Большая Конюшенная, № 1) по возможности въ непродолжительномъ времени свои соображенія, взгляды, мнѣнія и сужденія о предположенныхъ къ обсужденію въ конгрессѣ вопросахъ какъ съ общей точки зрѣнія, болѣе теоретической, такъ и въ особенности о томъ, въ какомъ видѣ, въ какихъ размѣрахъ и въ какой формѣ та или другая изъ помянутыхъ задачъ могла бы быть съ успѣхомъ разрѣшена въ примѣненіи къ Россіи при настоящемъ положеніи нашего уголовнаго законодательства и полицейскаго устройства, состояніи тюремъ, исправительныхъ учрежденій для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ и тюремной администраціи, а также при существующихъ бытовыхъ и экономическихъ условіяхъ страны и ея населенія.



Поѣздъ въ пустынѣ. (Къ ст. Атакама и Караколесъ.)

Наши потери. По свѣдѣніямъ «Вѣстника Нар. Помощи», число выбывшихъ изъ арміи воинскихъ чиновъ въ однихъ дѣйствующихъ арміяхъ къ 8-му декабря достигло 80,412 человѣкъ.

Еще о «Зарѣ». По словамъ газеты «Яхта», М. К. Сидоровъ принесъ петербургскому рѣчному яхтъ-клубу въ даръ шкуну «Заря», совершившую плаваніе изъ устья Енисея въ Петербургъ.

Бюджетъ безъ дефицитовъ. Секретарь казначейства Соединенныхъ Штатовъ, г. Шерманъ, представилъ конгрессу финансовый отчетъ за 1876 — 1877 г., изъ котораго видно, что государственные доходы простирались до 269 милл. долларовъ, а расходы до 238 милл. долл., такъ что остатокъ составляетъ 30 милл. долл. Остатокъ этотъ распредѣленъ слѣдующимъ образомъ: на погашеніе бумажнаго долга 10 милл. долл., на погашеніе бумажныхъ мелкихъ денегъ 14 милл. долл., на погашеніе 6% облигацій 447,000 долл. Остальная сумма оставлена въ государственной кассѣ.

Исчезновеніе мѣдной монеты въ Германіи. Поразительнымъ явленіемъ, сопровождающимъ введеніе золотой валюты въ Германіи, служитъ почти совершенное исчезновеніе мѣдной монеты изъ обращенія. Въ прежнее время самою ходячею мелкою монетою были мѣдные трехпфенниги, нынѣ же они вовсе не попадаются въ публикѣ, и мѣсто ихъ заступили отчасти монеты въ 1 и 2 пфеннига, преимущественно же монеты въ пять пфенниговъ, выдѣлываемыя изъ никкеля. Это исчезновеніе мѣдной монеты объясняется, по слухамъ, тѣмъ, что чеканка ея въ Германіи пріостановлена, такъ какъ на нее не оказывается никакого спроса.

Новое сочиненіе генерала Тотлебена. По словамъ «Спб. Вѣд.», генералъ-адъютантъ Тотлебенъ готовитъ къ изданію сочиненіе объ осадѣ Плевны, которое выйдетъ одновременно на русскомъ и французскомъ языкахъ.

* * *

Смѣсь.

— **Необыкновенная женитьба.** Въ «Jour. de S.-Petersb.» пишутъ: Умы вѣнскихъ кумушекъ заняты въ настоящее время необыкновенной свадьбой. Дѣло идетъ о женитьбѣ принца Лихтенштейнъ на г-жѣ Штейнъ, бывшей посредственной актрисѣ. Этотъ принцъ, извѣстный своимъ энтузіазмомъ къ вагнеровской музыкѣ, жилъ въ розни съ своей женой и не могъ по каноническимъ законамъ католической церкви, вновь жениться. Чтобы обойти это неудобство — часто стѣснительное, въ Австріи придумали очень умную штуку, которая правильно практикуется, гдѣ нибудь въ отдаленномъ углу страны. Уголъ этотъ въ Трансильваніи. Маленькая деревушка возлѣ Клаузенбурга. Въ ней происходитъ странная фабрикація свадьбъ и вотъ какимъ образомъ. Въ началѣ нанимаютъ комнату въ гостинницѣ Клаузенбурга, комнату, въ которой вы не обязаны жить, но которую надо сохранять подъ своимъ именемъ въ продолженіи шести недѣль, такъ какъ для того, чтобы получить право на званіе гражданина Клаузенбурга, необходимое для женитьбы, надо засвидѣтельствовать свое шестинедѣльное пребываніе въ этомъ городѣ. Когда срокъ этотъ прошелъ, вы идете къ бургомистру и просите о внесеніи васъ въ списокъ гражданъ города; внесеніе дѣлается за весьма умѣренную плату. А если вы уже клаузенбургскій гражданинъ, то ищите пастора, которому объявляете, что умираете отъ желанія стать протестантомъ. Пасторъ ужь знаетъ, въ чемъ дѣло, и, не говоря дурнаго слова, снимаетъ съ васъ въ полъ часа религію вашихъ отцовъ, чтобы дать свою собственную. Это сдѣлано, онъ васъ женитъ, какъ и всякаго честнаго буржуа. Вся эта процедура не требуетъ и двадцати четырехъ часовъ. Обыкновенно бываетъ, что молодые продолжаютъ потомъ жить въ той вѣрѣ, которой они обязаны своимъ счастіемъ, но принцъ Лихтенштейнъ, желая сдѣлать исключеніе, прибавилъ къ пасторскому благословенію довольно игривый эпилогъ. По возвращеніи своемъ въ свои помѣстья, онъ посылаетъ за католическимъ священникомъ признается ему, что въ одной изъ своихъ экскурсій въ Гретна-Гринъ, потерялъ вѣру своихъ отцовъ и заявляетъ, что будетъ весьма ему благодаренъ, если тотъ поможетъ ему найти ее. Ничего не можетъ быть, конечно, легче этого для ксендза, знающаго свое дѣло: въ одинъ мигъ новый протестантъ превращенъ опять въ католика. Такимъ то образомъ, нашъ принцъ, поклонникъ превращеній, перемѣнилъ своего Бога два раза въ три дня и нашелъ сверхъ того жену болѣе или менѣе законную.

Какъ иногда празднуютъ свадьбу въ нашей провинціи. Въ газетѣ «Новости» пишутъ: Великолѣпно празднуются свадьбы въ славномъ городѣ Шадринскѣ! Женился тамъ недавно купецъ Гороховъ. Какъ водится въ маленькихъ городкахъ, на свадьбу собралась толпа ротозѣевъ. Поѣзжанамъ это не понравилось, и они принялись расправляться съ ними кулаками. Сперва побили въ домѣ какого-то Свіязева. Потомъ, одинъ изъ гостей, Большаковъ, вышелъ на улицу и сталъ придираться къ зрителямъ: «Что вы? зачѣмъ вы пришли? драться, что-ли? Давайте, я одинъ десятерыхъ уберу!» Но такъ какъ желающихъ драться не выискивалось, то онъ подскочилъ къ одному рабочему, сидѣвшему на подъѣздѣ, выхватилъ бывшую у того въ рукахъ палку и перебросилъ ее черезъ заборъ, во дворъ, а самаго рабочаго схватилъ за горло. Тому, однако, удалось вывернуться и онъ бросился бѣжать по улицѣ. Большаковъ съ ругательствами кинулся за нимъ и успѣлъ наградить бѣглеца нѣсколькими увѣсистыми тумаками. Но тутъ ему попались на дорогѣ трое мѣщанъ съ палками въ рукахъ, отряженные на эту ночь въ обходъ. По дорогѣ къ полицейскому надзирателю, они остановились взглянуть на свадебный пиръ. Большаковъ подскочилъ къ нимъ: «Вы что съ палками пришли? драться хотите?» — Нѣтъ, мы просто смотримъ, какъ тутъ Большаковъ разбойничаетъ, отвѣтили тѣ. Этого было достаточно, чтобы Большаковъ бросился на нихъ съ кулаками, а тѣ кинулись въ разсыпную. Большаковъ погнался за ними и вскорѣ къ нему присоединился новобрачный, Павелъ Гороховъ, который, однако, — вѣроятно, благодаря своей тучности — не могъ преслѣдовать бѣгущаго непріятеля съ такимъ успѣхомъ, какъ его товарищъ, Большаковъ, и, пробѣжавъ съ пол-квартала, остановился. Въ это время, побитый уже, Свіязевъ выходилъ со двора на улицу. Вдругъ, за нимъ выскакиваетъ Щолоковъ, схватываетъ его за руку и тащитъ обратно: «пожалуйте, говоритъ, поздравить молодыхъ». Тотъ, конечно, упирается, но подоспѣвшіе Гороховъ и Большаковъ помогаютъ затащить Свіязева во дворъ, причемъ Большаковъ заперъ ворота на запоръ, и всѣ трое, съ присоединившимся къ нимъ еще четвертымъ лицомъ изъ гостей, принимаются бить Свіязева самымъ безчеловѣчнымъ образомъ. Били кулаками, таскали за волосы, топтали ногами и продолжали эту забаву до тѣхъ поръ, пока оставшіеся за воротами зрители не растворили ворота и не явились на выручку. Тогда разсвирѣпѣвшіе рыцари кулака вытащили уже безчувственнаго Свіязева за волосы за ворота и бросили его къ ногамъ кричавшей все время «караулъ!» жены. Затѣмъ, новобрачный Гороховъ всталъ на подъѣздѣ, подперся руками и обратился къ публикѣ съ вопросомъ: «Лупи всѣхъ! сто такъ сто, двѣсти такъ двѣсти!» Что означали эти цифры, осталось неразъясненнымъ, но, очевидно, смыслъ ихъ былъ тотъ, что 100 или 200 рублей придется заплатить на мировую — не постоимъ, а нраву нашему не препятствуй!

— **Исключительное воровство.** «Спб. Вѣдом.» сообщаютъ слѣдующій случай воровства, совершеннаго молодою дѣвушкою, выдававшею себя за сестру милосердія: «Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, въ семейство г-на N, живущаго на Васильевскомъ островѣ, явилась молодая дѣвушка, въ костюмѣ сестры милосердія, и заявила, что такъ какъ она отправляется въ дѣйствующую армію, то пришла къ N съ просьбою: не дастъ-ли онъ ей чего-нибудь на дорогу. Сама она окончила, будто-бы, слушаніе лекцій въ покровской общинѣ, гдѣ остались ею очень довольны и записали ее въ отрядъ отправляющихся на войну. Кромѣ того, она показала списокъ лицъ, у которыхъ она была. Въ числѣ этихъ лицъ находилась г-жа Л., извѣстная семейству N. N приняли очень ласково эту будущую героиню, дали ей денегъ, платья, словомъ, все, что могли. Сестра милосердія обѣщалась придти проститься передъ отъѣздомъ. Послѣ этого она не являлась, вѣроятно, за недостаткомъ времени. Проходитъ два мѣсяца. Вдругъ, во вторникъ, 22-го ноября, къ N является та-же самая сестра милосердія, съ перевязанными двумя пальцами на рукѣ. N приняли ее съ полнымъ радушіемъ. Она разсказала, что только что возвратилась изъ дѣйствующей арміи, находилась въ отрядѣ наслѣдника цесаревича, что ранена осколкомъ гранаты въ руку, что на мѣстѣ убито ихъ около 20 человѣкъ въ этомъ дѣлѣ и проч. Сама же она пріѣхала съ другими ранеными сестрами и помѣстилась въ покровской общинѣ. Растроганные этимъ разсказомъ, N снова накормили ее, напоили и дали опять, что могли. Юная героиня какъ-то была неспокойна и видимо торопилась, а потомъ, когда ей предложили остаться еще, она наотрѣзъ отказалась и поспѣшно ушла. По уходѣ ея, N хватились серегъ съ дорогими каменьями. Серьги лежали предъ ея уходомъ на комодѣ, въ комнатѣ никого не было, кромѣ сестры, а потому подозрѣніе и пало на нее. Въ семействѣ N даже не позаботились спросить ея имя. Г. N отправляется въ покровскую общину, спрашиваетъ у начальницы, гдѣ помѣщаются раненыя сестры милосердія, и, къ своему изумленію, узнаетъ, что никакихъ раненыхъ сестеръ милосердія не пріѣзжало, а дѣйствительно, возвратились три сестры милосердія, которыхъ ему и показали. Такой-же сестры милосердія, какую онъ описываетъ, никогда и не бывало. Г-нъ N отправился къ г-жѣ Л. Г-жа Л. объяснила, что къ ней приходила дѣвушка, выдававшая себя за сестру милосердія, что эта дѣвушка, на сколько она, Л., помнитъ, называла себя Анною Блогойдинъ, но что послѣ того, какъ у ней, Л., пропало нѣсколько вещей, она этой дѣвушки болѣе не видала. Г-нъ N заявилъ, куда слѣдуетъ, и началъ самъ отыскивать эту мнимую сестру милосердія.

— **Еще о турецкихъ плѣнныхъ.** Въ «Воронежскомъ Телеграфѣ» напечатано: 9-го ноября, на базарѣ, въ «обжорномъ ряду», произошло столкновеніе плѣнныхъ турокъ съ новобранцами нынѣшняго набора. Четверо односельчанъ, признанныхъ 9-го ноября въ воронежскомъ присутствіи по воинской повинности «годными» къ службѣ, пошли изъ присутствія «погулять». Съ сознаніемъ своей непобѣдимой мощности, шли по базару возбужденные винными парами парни; имъ встрѣчаются турки: «А! хала мала... Наше вамъ... Карсу-то профиршпилили!.. Былъ вашъ командиръ Мухтаръ Иванычемъ, а теперича онъ будетъ, значитъ, Мухтарка—лоскутъ». Хала—мала обидѣлась, залопотала что то, изругала кого то изъ нашихъ генераловъ и—возбудила воинственный азартъ въ русскихъ широкихъ натурахъ. Началась взаимная площадная ругань, а потомъ драка, въ которой пьяные новобранцы превосходными силами турокъ (восемь человѣкъ на четырехъ) разбиты были на голову. Воспаленные, съ знаками на физіономіяхъ проиграннаго сраженія, новобранцы побѣжали за помощью въ присутствіе по воинской повинности. На дворѣ зданія присутствія было человѣкъ тридцать крестьянъ, въ числѣ которыхъ было немало пьяныхъ. «Ребята! насъ турка обидѣлъ. Окажите помочь!» Эти слова четырехъ новобранцовъ привели въ движеніе толпу, и въ воинственомъ азартѣ она хлынула къ «обжорному ряду». Турки скоро были найдены, и началась съ ними расправа. Трудно сказать, что изъ этого могло бы произойти, еслибъ не явилась полиція, которой и удалось прекратить это примѣрное сраженіе въ самомъ его разгарѣ. Турки были отняты у разъяренной толпы съ подбитыми носами и глазами; но здоровью ихъ, кажется, не насено серьезнаго вреда.

— **Одинъ изъ фактовъ турецкой жестокости.** Въ газ. «Новости» пишутъ: съ послѣднимъ транспортомъ раненыхъ и больныхъ воиновъ, въ ярославскій лазаретъ доставленъ 17-ти-лѣтній юноша, болгаринъ Грозифъ Райко. Онъ родомъ изъ деревни Кисялимаса, находящейся въ четырехъ часахъ разстоянія отъ города Эни-Загре. По разсказу его, онъ былъ съ отцомъ своимъ на полевыхъ работахъ, въ концѣ іюля мѣсяца, когда на нихъ напала шайка баши-бузуковъ. На его глазахъ, они зарѣзали его отца, а бѣдный юноша, замертво лежавшій въ полѣ, облитый кровью, былъ спасенъ болгарами. Какъ все это случилось—онъ почти не помнитъ; не помнитъ и того, когда и кто его впослѣдствіи перевезъ въ русскій лазаретъ, въ Тырново. Оттуда онъ препровожденъ съ другими ранеными въ Кременчугъ, гдѣ и оставленъ до времени отправленія въ Ярославль. По осмотрѣ его здѣсь, оказалось, что у него 12 ранъ. Голова вся покрыта глубокими рубцами уже заживающихъ ранъ; шея и грудь также испещрены большими порѣзными ранами; лѣвая рука изрублена и представляется теперь совершенно изуродованною; въ обѣ ноги онъ раненъ на вылетъ пулями. Замѣчательно, что юноша этотъ, несмотря на такое громадное число весьма большихъ и опасныхъ ранъ, въ настоящее время имѣетъ вполнѣ бодрый и свѣжій видъ: глаза его блестятъ, въ щекахъ яркій румянецъ, губы алыя и признаковъ малокровія и общаго безсилія вовсе не замѣтно. Находясь въ Кременчугѣ, онъ выучился довольно порядочно объясняться по русски. О судьбѣ своей матери онъ ничего не знаетъ со дня своего несчастія, и единственное желаніе его теперь—чтобы довели до свѣдѣнія ея, если она жива, чрезъ посредство мѣстныхъ русскихъ властей въ Болгаріи, о судьбѣ ея сына и учредили бы между ними переписку. Ее зовутъ Тона Ивановна Райко.

Печальный случай. Г. Эпштейнъ, извѣстный фокусникъ, сдѣлался, какъ сообщаетъ «Norddeut. Allg. Zeit.», жертвою одного изъ своихъ фокусовъ. Въ послѣднее время онъ давалъ свои представленія въ Кульмѣ и особенно потѣшалъ публику однимъ фокусомъ, который состоитъ въ томъ что ему стрѣляетъ въ грудь почти въ упоръ изъ ружья, заряженнаго коническою пулею, не слуга его, но кто бы то ни былъ изъ зрителей. 19-го ноября, како-то кульмскій гимназистъ зарядилъ ружье; Эпштейнъ крикнулъ ему: «пли!»; раздается выстрѣлъ и фокусникъ упалъ, обливаясь кровью: пуля прошла ему черезъ грудь и засѣла у позвоночнаго столба, откуда была вынута на другой день. Состояніе раненаго внушаетъ серьезныя опасенія. Вотъ причина несчастья: фокусъ состоитъ въ томъ, что ружье заряжается съ помощью шомпола, нижняя оконечность котораго снабжена невидимымъ клапаномъ. Когда забиваютъ зарядъ, клапанъ открывается, и коническая пуля входитъ въ шомполъ, такъ что ее вынимаютъ изъ ружья вмѣстѣ съ шомполомъ. Но въ этотъ день механизмъ не дѣйствовалъ и г. Эпштейну пуля на самомъ дѣлѣ попала въ грудь.

— **Какъ должны жить европейцы въ тропическомъ климатѣ.** Въ послѣднемъ засѣданіи берлинскаго географическаго общества, извѣстный путешественникъ докторъ Фалькенштейнъ сообщилъ по этому предмету весьма интересныя наблюденія и выводы, добытые имъ на собственномъ опытѣ. Одежда изъ хлопчато-бумажной ткани заслуживаетъ, по его словамъ, рѣшительное предпочтеніе предъ одеждой изъ шерсти, такъ какъ послѣдняя герметически закрываетъ доступъ воздуху, а первая, напротивъ, вызываетъ усиленную дѣятельность кожи. На головѣ можно носить только соломенную шляпу; для башмаковъ всего удобнѣе невыдѣланная кожа. Пища должна быть обильная и питательная; мнѣніе о томъ, что въ жаркихъ странахъ мало ѣдятъ—совершенно ошибочно. Для питья всего лучше употреблять простую воду; ее можно безъ опасенія пить изъ рѣкъ и источниковъ, подвергнувъ ее только предварительно фильтрованію. Употребленіе спиртныхъ напитковъ въ большомъ количествѣ положительно вредно. Весьма важно правильное и равномѣрное распредѣленіе физическаго и умственнаго труда; въ этомъ отношеніи европейцы погрѣшаютъ всего болѣе. По отношенію къ вреднымъ условіямъ климата, къ міазмамъ и т. д., не можетъ существовать акклиматизаціи; въ этомъ вопросѣ главную роль играетъ большая или меньшая степень личнаго предрасположенія къ лихорадкѣ. Въ заключеніе референтъ энергически предупреждалъ отъ излишняго употребленія хинина, который, по его мнѣнію, имѣетъ значеніе только профилактическое.

— **Гдѣ и когда написана студенческая пѣсня** «Gaudeamus igitur?» Отвѣтъ на это даетъ небольшая книжка, вышедшая въ настоящемъ году (Gustav Schwetschke: Zur Geschichte des Gaudeamus igitur, Halle, 1877). По изслѣдованіямъ автора, знаменитая студенческая пѣснь составляетъ довольно точную передачу стариннаго гимна 1267 года, какъ относительно хода мыслей, такъ и относительно самыхъ выраженій и оборотовъ. Авторъ пѣсни и время ея появленія не могутъ быть указаны съ точностію. Gaudeamus igitur печатно появилась въ первый разъ въ 1776 году въ довольно цинической формѣ, только недавно открытой; латинскіе стихи перемѣшаны въ этой первой редакціи съ нѣмецкими стихами. Та редакція, въ которой эта пѣсня поется въ настоящее время, принадлежитъ къ 1781 году, и сдѣлана странствующимъ нѣмецкимъ литераторомъ Киндлебеномъ, который, за предосудительный образъ жизни, былъ изгнанъ изъ Дрездена и, послѣ бродячей жизни, умеръ въ крайней нищетѣ.

— **Еще одинъ изъ тысячи случаевъ неосторожности.** Изъ Борисоглѣбска въ «Русск. Вѣд.» пишутъ: «8-го октября, вечеромъ, въ одномъ изъ трактировъ гор. Тамбова нѣсколько человѣкъ играли въ карты, причемъ одинъ изъ игроковъ, мѣщанинъ лѣтъ 18, проигралъ другому, дворянину лѣтъ 20, какую-то сумму, не имѣя ни копѣйки денегъ. Выигравшій, зная это, сказалъ ему, беря близь лежащій револьверъ: «Когда съ тебя нечего взять, то убить тебя,—и только!» Затѣмъ, спросивъ хозяина трактира, заряженъ револьверъ или нѣтъ, и получивъ въ отвѣтъ, что нѣтъ, не заряженъ, онъ спустилъ курокъ; раздался выстрѣлъ, и проигравшій былъ убитъ наповалъ. Въ отчаяніи виновникъ хотѣлъ и себя лишить жизни, но его удержали; онъ тотчасъ же съ нѣкоторыми другими былъ арестованъ и переданъ въ распоряженіе судебной власти».

Отравленіе. Въ Соединенныхъ Штатахъ надѣлало много шуму одно дѣло, въ которомъ замѣшаны люди, по своему общественному положенію свободные отъ всякихъ подозрѣній въ подобныхъ преступленіяхъ. Въ концѣ августа умерла въ одномъ изъ городовъ штата Вермонтъ, послѣ кратковременной болѣзни, жена священника Эзра Смитъ. Причину ея скорой смерти приписывали холерѣ. Вскорѣ, однако, появились въ народѣ смутные слухи, что въ смерти г-жи Смитъ играла не послѣднюю роль ея пріятельница, Марія Чэмплинъ, ухаживавшая за больною съ замѣчательнымъ самоотверженіемъ. Этимъ слухамъ, можетъ быть, не придавали бы большого значенія, еслибы на бѣду въ это самое время не исчезъ безутѣшный вдовецъ Смитъ и г-жа Чэмплинъ. Исчезновеніе этихъ двухъ лицъ не осталось незамѣченнымъ. Въ дѣло вмѣшалась судебная власть, нарядили слѣдствіе, и граждане Вермонта были немало изумлены, узнавъ, что «достопочтенный» пасторъ Смитъ находился въ интимныхъ отношеніяхъ съ пріятельницей его покойной жены, Маріею Чэмплинъ, съ которой и бѣжалъ. Подозрѣніе въ лишеніи жизни Эзры Смитъ пало не на одну ея пріятельницу, но и на «достопочтенную» духовную особу, такъ не кстати овдовѣвшую. Вырыли трупъ изъ могилы, и судебно-медицинское вскрытіе дало несомнѣнное убѣжденіе въ томъ, что умершая была отправлена. Сыскная полиція между тѣмъ не дремала: ея агенты дѣятельно розыскивали влюбленныхъ, будущихъ героевъ скамьи подсудимыхъ, которыхъ вскорѣ накрыли въ полночь въ одной гостинницѣ города Берлингтона. Пасторъ былъ чрезвычайно смущенъ при этимъ неожиданномъ появленія посѣтителей. Присутствіе свое въ гостинницѣ, въ такое неурочное время, въ костюмѣ нѣсколько откровенномъ, и въ одной комнатѣ съ г-жей Чэмплинъ, туалетъ который отличался патріархальной простотой и несложностью, пасторъ объяснилъ тѣмъ, что ему нужно было отлучиться изъ города по своимъ дѣламъ, и въ Берлингтонѣ онъ случайно столкнулся съ г-жей Чэмплинъ, остановившейся въ той же гостинницѣ. Власти, мало удовлетворенныя объясненіями вдовца, приступили къ обыску, давшему самые неожиданные результаты. Кромѣ интимныхъ писемъ любовнаго содержанія, былъ найденъ формальный договоръ, въ силу котораго договарившіяся стороны обязались сочетаться законнымъ бракамъ, лишь только избавятся отъ своихъ дражайшихъ половинъ, ставшихъ имъ поперегъ дороги, т. е. когда пасторъ лишится своей жены, а пріятельница послѣдней — своего мужа. Во время предварительнаго слѣдствія открылось еще обстоятельство, могущее имѣть весьма печальныя послѣдствія для обвиняемаго пастора; оказалось, что онъ предлагалъ взятки медикамъ, производившимъ судебно-медицинское вскрытіе, съ цѣлью измѣнить значеніе этой экспертизы въ свою пользу. Предстоитъ процессъ весьма любопытный въ психологическомъ отношеніи.

— **Рѣдкая разсѣянность.** Въ газетѣ «Музык. Свѣтъ» приводятъ слѣдующій разсказъ. Капельмейстеръ Веймарскаго герцога, Георгъ Бенда, жилъ очень долго въ одной квартирѣ, но, наконецъ, она показалась ему тѣсною и онъ нанялъ другую. Однажды, возращаясь вечеромъ домой, онъ, по разсѣянности, пришелъ въ свою прежнюю квартиру, дверь которой была случайно отворена, и преспокойно улегся спать. Нѣсколько минутъ спустя явился хозяинъ квартиры и не мало былъ удивленъ, найдя въ ней чужого человѣка, расположившагося на его диванѣ. Разбуженный имъ Бенда обидѣлся, что помѣшали его сну, и изъ-за этого произошелъ довольно крупный споръ, окончившійся очень мирно, когда все дѣло объяснилось разсѣянностью, которой Бенда былъ одержимъ въ высшей степени. Жена его заправляла всѣмъ хозяйствомъ; но иногда ему приходило въ голову напомнить ей кое о чемъ. Она умерла и Бенда въ продолженіе всего времени до ея похоронъ былъ совершенно убитъ горемъ; вскорѣ, однако, музыка утѣшила его. Однажды онъ сидѣлъ въ своей комнатѣ за сочиненіемъ новой музыкальной пьесы, какъ вдругъ ему показалось, что, можетъ быть, чего-нибудь не достаетъ по распоряженіямъ касательно похоронъ. Онъ вскочилъ со стула и крикнулъ въ комнату, гдѣ еще лежала въ гробу покойница: «Милая Лотхенъ, все ли заказано и сдѣлано на счетъ похоронъ?» Когда тѣло умершей его жены уже положено было въ гробъ, то дочери его понадобились деньги для покупки нѣкоторыхъ погребальныхъ принадлежностей, и она обратилась съ просьбою къ отцу. Бенда нетерпѣливо возразилъ: «Ты очень хорошо знаешь, что я не вмѣшиваюсь въ хозяйство — обратись, пожалуйста, къ твоей мамашѣ!» Веймарская герцогиня пригласила его къ себѣ, чтобы попробовать фортепіано, которое она только что купила. Поигравъ немного, онъ отправился въ смежную комнату и, затворивъ за собой дверь, приложилъ къ ней ухо. Герцогиня застала его въ этомъ положеніи и спросила его: что онъ это дѣлаетъ? «Ахъ, возразилъ онъ, я хотѣлъ послушать, каково звучитъ рояль въ отдаленіи!»

Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій.

Втеченіи прошлой недѣли получены слѣдующія оффиціальныя телеграммы:

А. Отъ его императорскаго высочества Главнокомандующаго дѣйствующею арміею изъ Богота:

1) Отъ 6-го декабря. — Наши передовыя войска генерала Деллинсгаузена занимаютъ Джулинъ, Златарицу и Елену, имѣя авангарды въ Кесаревѣ, Бебровѣ и Буйбцы. Ахмедли занято непріятельскимъ отрядомъ всѣхъ родовъ оружія. 30-го ноября, 1-го и 2-го декабря, турки дѣлали попытки наступать изъ Берковца по направленію на Кутловицу, но были отражены харьковскими уланами. По донесенію изъ Врацы, отъ 4-го декабря, турки послѣ этого очистили Берковацъ и отступили къ Софіи, оставивъ въ Берковацѣ одно орудіе. Вслѣдъ за непріятелемъ вступилъ въ городъ нашъ разъѣздъ гвардейскаго уланскаго его величества полка, подъ командою флигель-адъютанта ротмистра графа Берга.

Подъ Плевной дѣло отправки плѣнной арміи въ Россію приходитъ къ концу. Османъ-паша отправленъ отсюда вчера; двое пашей и двѣ тысячи плѣнныхъ переданы румынамъ. Въ отрядѣ цесаревича, послѣ 30-го ноября, полное спокойствіе.

2) Отъ 10-го декабря. — 7-го декабря сербы овладѣли съ боя проходомъ св. Николая и его укрѣпленіями; потери еще неизвѣстны. 8-го декабря сербы обошли турецкую позицію у Бабиной-Главы и, принудивъ этимъ турокъ отступить, заняли эту позицію. Того же числа, послѣ упорнаго боя, сербы взяли укрѣпленія у Четины, у моста на Моравѣ, южнѣе Ниша. Турецкія сообщенія между Нишемъ и Лесковацемъ, который еще южнѣе, прерваны.

3) Отъ 11-го декабря. — Съ 5-го декабря все тихо и столкновеній съ непріятелемъ нигдѣ не было. Вездѣ глубокій снѣгъ, морозъ; на Дунаѣ, у Зимницы, показался ледъ, дороги трудно проходимы, особенно въ горахъ. На восточномъ фронтѣ замѣчено, что турки вездѣ отступили на правый берегъ Лома; въ оставшихся лагеряхъ замѣтно лишь весьма небольшое движеніе.

4) Отъ 12-го декабря.—Въ отрядѣ наслѣдника Цесаревича 11-го декабря были перестрѣлки съ турками нашихъ разъѣздовъ, ходившихъ къ Нисовой и Соленику, которые оказались заняты ми непріятелемъ, хотя и гораздо слабѣе прежняго. У Батинскаго моста мелкій ледъ; у Браилова ледоходъ начался такъ неожиданно и сильно, что мостъ былъ сорванъ и 21 плотъ снесло на три версты; пароходъ нашъ засѣлъ во льду и не могъ подойти къ мосту до прекращенія ледохода. Великій князь Алексѣй Александровичъ доноситъ при этомъ, что сообщеніе у Браилова не можетъ быть возстановлено въ настоящую минуту. 11-го декабря, при ясной погодѣ, турки сильно бомбардировали позицію нашу на горѣ св. Николая; наши потерпѣли лишь ничтожныя потери; сегодня на Шипкѣ мятель, при сильномъ морозѣ. Сербы окружили Нишъ и, будучи атакованы къ сѣверу отъ него турками, отбили атаку. Турки оставили на мѣстѣ 70 тѣлъ.

Б. Отъ начальника штаба кавказской арміи изъ Тифлиса:

1) Отъ 8-го декабря. — 5-го декабря отрядъ нашъ, подъ начальствомъ генерала Комарова, занялъ съ боя Ардануч. Потери наши въ этомъ дѣлѣ совершенно ничтожны.

2) Отъ 12-го декабря. — 9-го декабря, стрѣлки 154-го пѣхотнаго дербентскаго полка и саперы съ казачьими сотнями заняли селенія: Кечкъ, Тафта, Гинсъ, Туванчъ и Цытаковъ. При занятіи Туванча казаки и быстро подоспѣвшая пѣхота имѣли перестрѣлку съ турецкую кавалеріею состоявшею изъ 500 человѣкъ, засѣвшихъ въ скалахъ. Потери наши: одинъ убитый и 11 раненыхъ нижнихъ чиновъ.

По поводу этой послѣдней телеграммы «Рус. Инв.» замѣчаетъ:

Извѣстно, что сильную сторону Эрзерумской крѣпости составляютъ отдѣльныя укрѣпленія долговременной постройки, возведенныя на высотахъ Топъ-дага и прикрывающія крѣпость со стороны Деве-бойну. Укрѣпленія эти, мало доступныя обходу съ праваго фланга, со стороны Палантекена, вслѣдствіе высоты и крутости этого хребта, могутъ быть обойдены съ лѣваго фланга, со стороны Гинскаго ущелья, гдѣ, впрочемъ, турки могли успѣшно обороняться на весьма сильной позиціи у сел. Тафта. Занятіе нѣсколькихъ пунктовъ къ сѣверо-востоку отъ Эрзерума (Кечкъ, Тафта, Гинсъ, Туванчъ и Цытаковъ), о которомъ упомянуто въ сегодняшней телеграммѣ, указываетъ, повидимому, на успѣшное дѣйствіе нашихъ войскъ со стороны лѣваго, наиболѣе доступнаго фланга турецкой позиціи.

Телеграммы.

Бѣлградъ, 7-го декабря. Лѣшанинъ наступаетъ на Бабину-Главу. (Первое движеніе генерала Черняева въ прошломъ году было также на Бабину-Главу). Предводитель боснійскихъ инсургентовъ командуетъ волонтерами, собранными на Дринѣ.

7-го декабря. По оффиціальнымъ извѣстіямъ, сербскія войска заняли вчера, утромъ, сильную позицію Мраморъ. Князь Миланъ произвелъ войскамъ смотръ на этой позиціи.

11-го декабря. Турки взяли позиціи на островѣ Буюкли, образуемомъ рѣкою Дриной, въ Шабацкомъ округѣ.

Берлинъ, 9-го декабря. Изъ достовѣрнаго источника сообщаютъ, что послѣднія совѣщанія англійскаго кабинета, его дипломатическія заявленія и запросы державамъ, а также всѣ другія мѣры англійскаго правительства имѣютъ цѣлью подготовить занятіе Египта.

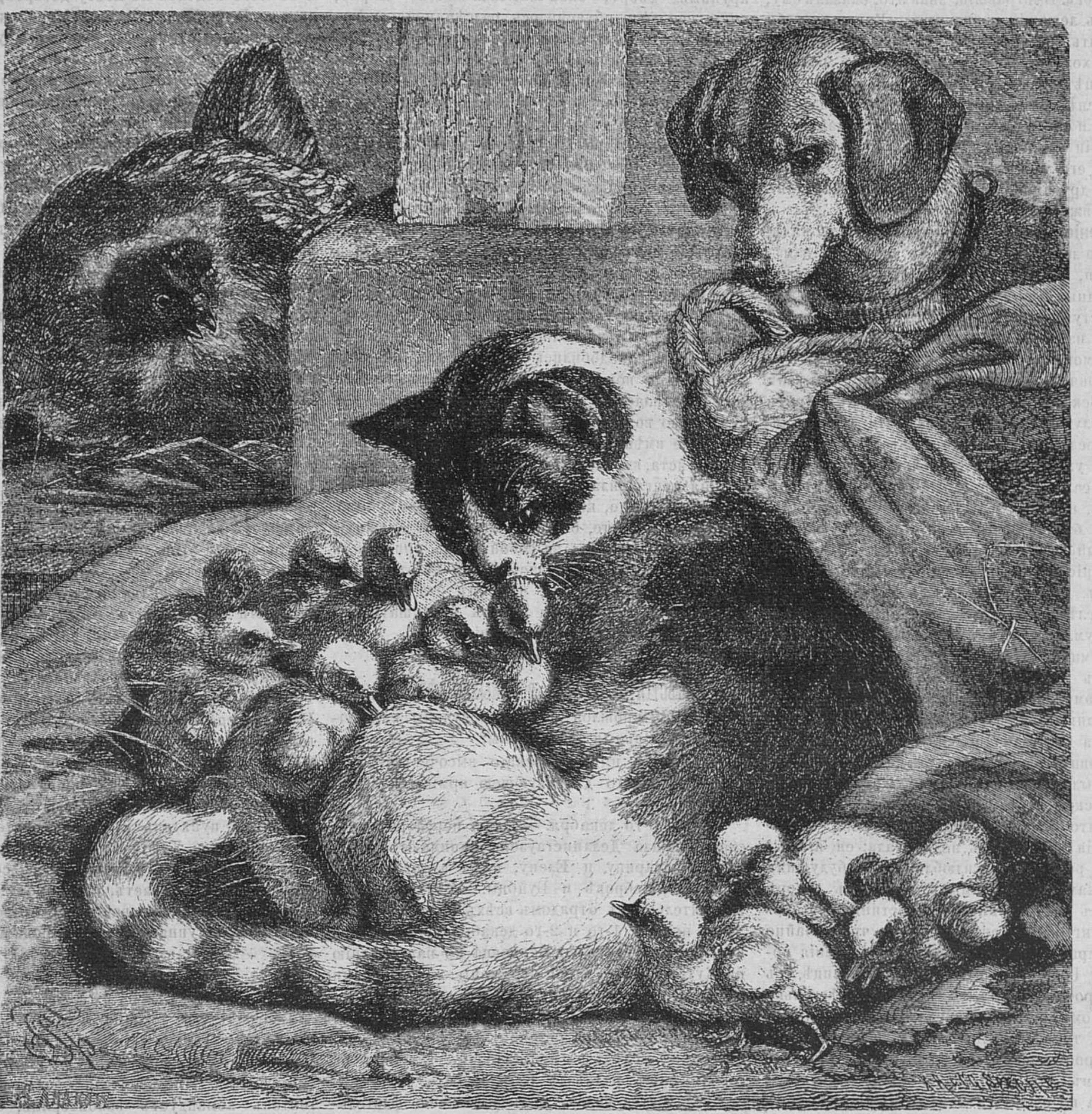
Вѣна, 8-го декабря. Изъ Лондона сообщаютъ, что лордъ Биконсфильдъ намѣревается отправить ноту вѣнскому кабинету съ предложеніемъ разрѣшить восточный вопросъ путемъ конгресса.

Парижъ, 11-го декабря. Здѣсь получено извѣстіе, что лордъ Дерби надѣется склонить воюющія стороны къ миру энергическими военными приготовленіями и дипломатическимъ давленіемъ.

Лондонъ, 7-го декабря. По сообщенію «Агентства Рейтера», открытіе парламента оффиціально возвѣщено на 17-е января будущаго года.

8-го декабря. Газета «Times» не думаетъ, чтобъ парламентъ былъ созываемъ съ тѣмъ, чтобъ испросить кредитъ на военныя приготовленія, и говоритъ, что хотя ходатайство объ открытіи кредита чрезвычайно вѣроятно, но притомъ имѣется въ виду посредствомъ испрашиваемыхъ денегъ охранить какой-нибудь изъ англійскихъ интересовъ.

* * *



Насѣдка особаго рода.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи. Крестьянскій младенецъ Ванюшка (оконч.). — Стихотв. Поэзія.—Нечеловѣческая месть (продол.).—Атакама и Караколесъ (окон.). — Насѣдка особаго рода. — Наши ближніе. — Спиритизмъ и спириты (оконч.).—Открытіе с.-петербург. собранія худож.—Новости наукъ и жизни. — Смѣсь.—Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій. — Телеграммы.—Объявленія.

Гравюры: Снѣжки. — Послѣдній нарядъ. — Группа кактусовъ въ пустынѣ.—Полезное препровожденіе времени. — Въ траншеяхъ подъ Плевной. — Поѣздъ въ пустынѣ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій**.

Объявленія

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1878 ГОДЪ.

ОСНОВАНЪ ВЪ 1831 ГОДУ. ВАЗА СУЩЕСТВУЕТЪ 46 ЛѢТЪ.

ЖЕНСКІЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ РУКОДѢЛЬНО-МОДНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

Выходитъ 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца большими тетрадями.

24 номера журнала, 12 рукодѣльно-модныхъ и 12 литературныхъ (романы, повѣсти, стихотворенія, путешествія, анекдоты, домашнее хозяйство и т. п.)
1000 политипажей въ текстѣ.
24 раскрашенныя модныя гравюры.
12 листовъ литографирован. узоровъ и выкроекъ.
24 вырѣзныхъ выкроекъ во весь ростъ.
6 раскрашенныхъ узоровъ и до 30 узоровъ для различныхъ женскихъ работъ и рукодѣлій.
Карманный календарь на 1878 годъ.

Каждый подписчикъ 1878 года получитъ **ШЕСТЬ ПРЕМІЙ** а именно:

I. **Альбомъ русскихъ дѣятелей и героевъ настоящей войны** (20 большихъ гравир. портретовъ, на толстой атласной бумагѣ, съ біографіями).
II. **Экранъ для камина** съ тремя фигурами (шелкъ, шерсть, канва и узоръ).
III. **Плато подъ лампу**, большое (круглая съ тиснеными ажурными краями серебряная канва, гарусъ и узоръ).
IV. **Скамейка для ногъ** (канва, шерсть и узоръ въ персидскомъ вкусѣ).
V. **Салфетка для сухарницы** (канва Ява съ бахрамой, гарусъ и узоръ).
VI. **Пара манжетныхъ запонокъ** черепаховыхъ инкрустированныхъ золотомъ и перламутромъ.

Внесшимъ или приславшимъ подписныя деньги до 1-го января преміи будутъ отправлены въ январѣ;—до 1-го февраля—въ февралѣ и т. д.

Годовые подписчики **безъ премій** желающіе получить альбомъ, благоволятъ заявить свое желаніе не позже 1-го декабря съ приложеніемъ 1 р. на укупорку и пересылку альбома.

Всѣ шесть премій высылаются одновременно — посылкою.

46-ти лѣтняя извѣстность журнала можетъ служить гарантіей акуратнаго и точнаго выполненія настоящей программы.

Для служащихъ допускается разсрочка по третямъ; для неслужащихъ по соглашенію.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На годъ безъ премій . . .	7 р.—к.	(безъ пер. 6 р.—к.)
На полгода безъ премій	4 р.—к.	(безъ пер. 3 р. 40 »)
На 3 мѣсяца безъ премій	1 р. 80 к.	(безъ пер. 1 р. 40 к.)

Съ ПРЕМІЯМИ 5 руб. дороже.

На укупорку премій Редакція проситъ выслать 40 к. (марками).

Адресъ: **С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „ВАЗА“.**

МОДНЫЙ СВѢТЪ,

лучшій и полнѣйшій изъ всѣхъ выходящихъ въ Россіи семейныхъ журналовъ, съ приложеніями. Подписка на 1878 г. открыта.

ОТЪ КОНТОРЫ „ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ“. Такъ какъ заготовка переплетовъ для „Живоп. Обозрѣнія“ требуетъ времени и переплеты конторою журнала будутъ заказаны по количеству требованій — то покорнѣйше просятъ гг. подписчиковъ, желающихъ имѣть готовые переплеты, заявить объ этомъ возможно скорѣе съ указаніемъ, желаютъ-ли получить два полугодовыхъ, или одинъ годовой переплетъ.

Цѣна каждому переплету: безъ пересылки 1 р. 75 коп.; на пересылку прилагается за 2 фунта по разстоянію.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 17 Декабря 1877 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

№ 52. Томъ II. | На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода—4 р. Отдѣльн. №№ по 15 к. | С.-Петербургъ, 25 Декабря 1877 года. | Адрессъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Троицкій переулокъ, домъ № 27/1. | Годъ V.

Гос. Публичная Б-ка в Ленинградс

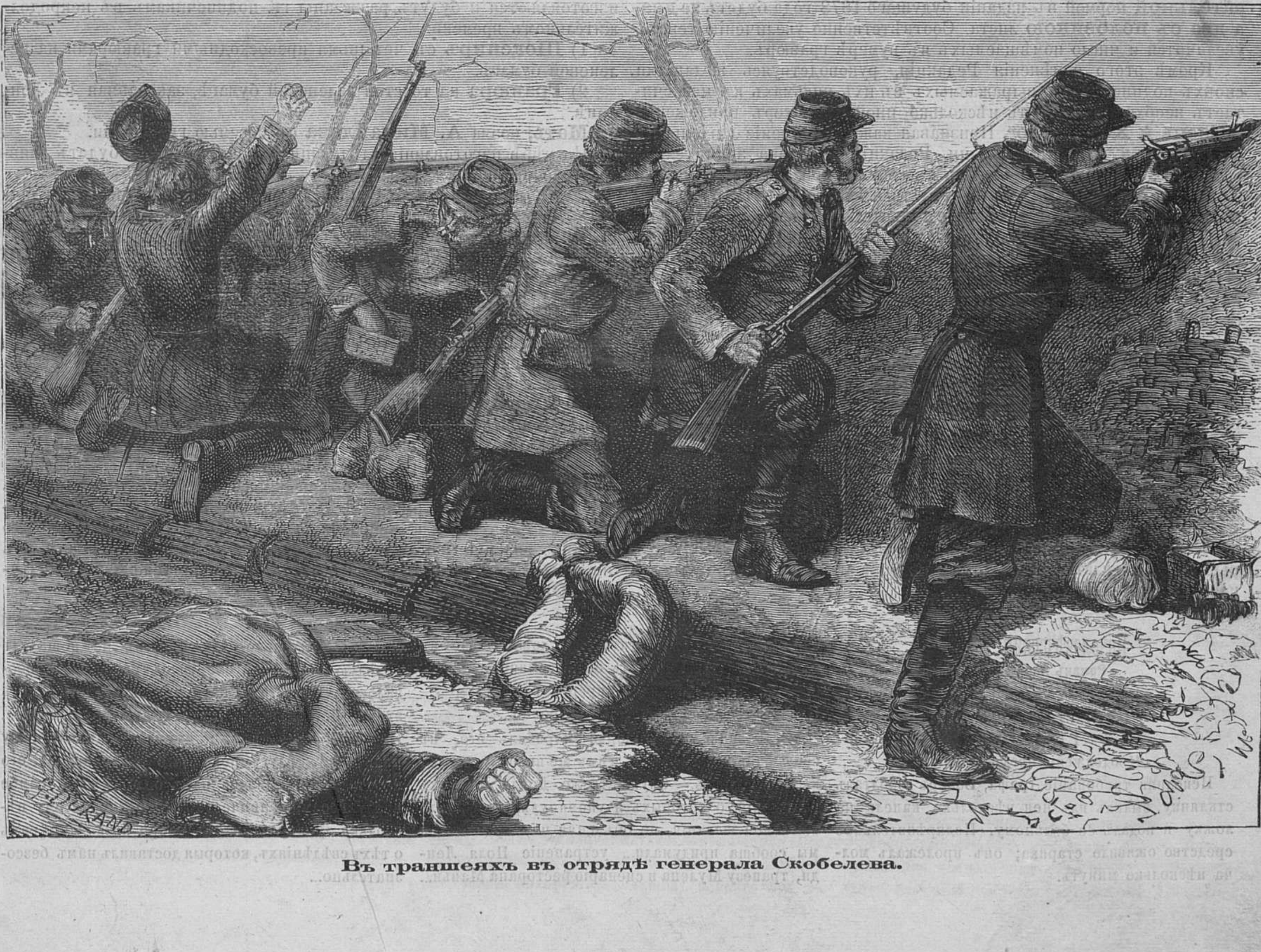
ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1878 ГОДУ ЕЖЕНЕДѢЛЬНАГО ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА:

„ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

Журналъ выходитъ еженедѣльными нумерами не менѣе **двухъ съ половиной печатныхъ листовъ**, въ форматѣ лучшихъ иностранныхъ иллюстрацій (въ 52 №№ или болѣе 1,000 страницъ); въ каждомъ нумерѣ помѣщается отъ четырехъ до восьми художественныхъ рисунковъ (въ годъ до 300), исполненныхъ по заказу Редакціи въ Россіи и заграницей. Въ теченіи года всѣ подписчики получаютъ, **въ видѣ безплатной преміи**, два иллюстрированныя приложенія **„ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО“** и **„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“**. Кромѣ того, въ теченіи года будутъ разосланы всѣмъ гг. подписчикамъ

БЕЗПЛАТНЫЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ ЛУЧШИХЪ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ АВТОРОВЪ

(Поэмы, романы, повѣсти, драмы); гравюры на веленевой бумагѣ. Образчикъ подобной преміи, «МАРКО ФОСКАРИНИ» драма ЗАЛЕВСКАГО, въ переводѣ И. В. ОМУЛЕВСКАГО, разосланъ въ началѣ ноября нынѣшняго года всѣмъ гг. подписчикамъ на 1877 годъ. По



Въ траншеяхъ въ отрядѣ генерала Скобелева.

окончаніи года премія Иллюстрированныхъ произведеній составитъ цѣльный отдѣльный томъ. Этой преміей Редакція желаетъ положить начало иллюстрированнымъ изданіямъ, получившимъ большую распространенность въ Западной Европѣ. Кромѣ означенныхъ премій, Редакція имѣетъ въ виду разослать также въ видѣ безплатной преміи картину **„ВЗЯТІЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ“.**

Въ 1878 году журналъ **„ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“** будетъ издаваться при широкомъ выполненіи программы журнала, обнимающей всѣ отрасли литературы, наукъ и искуствъ, въ которую входятъ слѣдующіе отдѣлы: 1) Романы, повѣсти, разсказы, очерки и біографіи. 2) Драмы, драматическія сцены. 3) Поэмы, сказки въ стихахъ и мелкія стихотворенія. 4) Этнографическіе очерки. 5) Иллюстрированныя путешествія. 6) Статьи научнаго содержанія, преимущественно по естествознанію, съ пояснительными рисунками и чертежами. 7) Новости изъ области жизни, литературы, наукъ и искуствъ. 8) Смѣсь. 9) Телеграммы. 10) Шахматный листокъ, который будетъ значительно расширенъ въ нашемъ изданіи 1878 года.

Въ журналѣ будутъ принимать участіе своими трудами слѣдующія лица: **П. В. Быковъ, С. И. Воскресенская, В. Гиляранскій, Егоровъ, И. Н. Захарьинъ (Якунинъ), Н. Н. Каразинъ, С. М. Крапивина, Н. Б. Куроѣдовъ, Л. Леванда, П. Лѣтневъ, А. Майковъ, Е. Л. Марковъ, Д. Л. Мордовцевъ, В. И. Немировичъ-Данченко, Л. Е. Оболенскій, И. В. Омулевскій, П. И. Пашино, А. Г. Сахарова, В. И. Славянскій, К. М. Станюковичъ, Н. П. Стремоуховъ, В. В. Чуйко, С. С. Шашковъ, Н. В. Шелгуновъ, А. К. Шеллеръ** (**А. Михайловъ**) **Н. И. Шульгинъ, г-жа Юрьева** и др. Между прочимъ въ 1878 году будутъ помѣщены 26 разсказовъ подъ общимъ заглавіемъ «**Наши ближніе**».

Редакція «**ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ**» имѣетъ въ своемъ распоряженіи для помѣщенія въ 1878 году: романъ **Э. Гонкура**, разсказы **А. Додэ** и **Э. Золя** и статьи **Вирхова, Геккеля, Гольцендорфа, Карла Фохта** и др. Сверхъ того предполагается печатать **Иллюстрированныя сказки, Боккачіо** (Декамеронъ), въ переводѣ **Н. И. Шульгина**, «**Похвальное слово безумію**», **Эразма**, въ переводѣ **А. К. Шеллера** (**А. Михайлова**) и, если позволитъ мѣсто, «**Комическій романъ**» **Скарона**. Въ художественномъ отдѣлѣ будутъ участвовать извѣстные наши художники **Н. А. Богдановъ** и профессоръ **А. И. Мещерскій**.

ПЕРВАЯ БЕЗПЛАТНАЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ПРЕМІЯ:

„ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО“.

(Подписная цѣна безъ Живописнаго Обозрѣнія 3 руб.).

Состоящая изъ двухъ главныхъ отдѣловъ: 1) **Гигіены;** 2) **Техническій и хозяйственный.**

Второе безплатное иллюстрированное приложеніе съ пояснительнымъ текстомъ:

„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА. За годовое изданіе «**ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ**» изъ 52 №№, съ даровыми приложеніями **„Жизнь и Хозяйство“** и **„Парижскія моды“** и правомъ на полученіе всѣхъ премій въ теченіе 1878 года: Безъ доставки въ С.-Петербургѣ **6 р.** Съ доставкою въ С.-Петербургѣ, а также для иногородныхъ съ пересылкою и упаковкою **7 р.** За границею **8 р. 50 к.** На полгода **3 р. 50 к.** съ пересылкою **4 руб.;** на три мѣсяца безъ пересылки **1 р. 75 к.** съ пересылкою **2 р.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: 1) Въ **С.-Петербургѣ,** въ главной конторѣ редакціи журнала, Троицкій переулокъ д. № 27. 2) Въ **Москвѣ,** въ отдѣленіи конторы «Живописнаго Обозрѣнія» въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева на Страстномъ бульварѣ въ д. Алксѣева.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Увеличеніе числа подписчиковъ за это время по сравненію съ прошлымъ годомъ позволяетъ Редакціи нѣсколько увеличить размѣръ издаваемыхъ ею нумеровъ «Живописнаго Обозрѣнія». **Обязательной** нормой въ изданіи будущаго 1878 года будетъ не **два,** а **два съ половиною** листа. Соотвѣтственно увеличенію текста, увеличится и число помѣщаемыхъ въ нумерѣ гравюръ.

Кромѣ этого измѣненія Редакція, руководствуясь желаніями своихъ подписчиковъ, выражаемыхъ въ ихъ письмахъ къ ней, считаетъ необходимымъ дать нѣсколько иной характеръ приложенію **„Жизнь и Хозяйство“.** Признавая важное значеніе гигіены въ общественной и частной жизни, Редакція намѣрена значительно расширить гигіеническій отдѣлъ въ своемъ приложеніи «Жизнь и Хозяйство», которое будетъ раздѣляться на два отдѣла: 1) **гигіены;** 2) **техническій** и **хозяйственный.** Въ первомъ отдѣлѣ, между прочимъ, будетъ печататься сочиненіе двухъ извѣстныхъ профессоровъ гигіены. Второй же отдѣлъ будетъ состоять изъ статей преимущественно практическаго направленія. Редакція постарается своевременно сообщать о всѣхъ техническихъ и хозяйственныхъ открытіяхъ и усовершенствованіяхъ, опять-таки выбирая преимущественно такія, которыя безъ затрудненія и большихъ затратъ, могутъ быть примѣнены у насъ, въ Россіи. Каждый изъ двухъ отдѣловъ приложенія «Жизнь и Хозяйство» будетъ имѣть особую нумерацію страницъ, что представляетъ большее удобство для брошюрованія въ концѣ года. Форматъ этого отдѣла будетъ также измѣненъ. Онъ будетъ подходить къ большому книжному формату.

Безъ всякой приплаты гг. подписчики получатъ и второе приложеніе: **„Парижскія моды“** съ пояснительнымъ текстомъ. Всѣхъ нумеровъ этого приложенія въ годъ будетъ 24. Форматъ этого приложенія, одинаковый съ форматомъ приложеніи «Жизнь и Хозяйство», избранъ по соображенію съ размѣрами рисунковъ, которые будутъ дѣлаться въ Парижѣ по образцу одного изъ лучшихъ парижскихъ модныхъ журналовъ.

Что касается обѣщанныхъ **Премій,** гг. подписчики получатъ ихъ нѣсколько въ годъ. Точнаго числа ихъ мы пока еще не опредѣляемъ, вслѣдствіе неполученія положительнаго отвѣта на сдѣланные заказы, а объявляемъ здѣсь только о тѣхъ, которыя уже изготовляются и будутъ разосланы гг. подписчикамъ въ непродолжительномъ времени:

1) **Шекспиръ** съ четырьмя превосходными гравюрами на веленевой бумагѣ.

2) **Гравюра** на толстой веленевой бумагѣ, заказанная въ Лондонѣ.

Матъ, поэма **А. Михайлова** съ восемью гравюрами.

По мѣрѣ изготовленія слѣдующихъ премій о нихъ будетъ заявлено своевременно.

Для помѣщенія въ будущихъ нумерахъ своего журнала Редакція «Живописнаго Обозрѣнія» имѣетъ уже въ своемъ распоряженіи слѣдующія произведенія:

1) **Андронъ Голованъ,** иллюстрированная повѣсть **Н. Н. Каразина.**

2) **Наши сосѣди и ихъ дѣти,** повѣсть **А. Михайлова.**

3) Оригинальный рисунокъ академика **А. И. Мещерскаго.**

4) **Устала ждать,** повѣсть **А. Г. Сахаровой.**

5) **Измѣненіе понятій о нравственности,** профессора невшательской академіи доктора **Ж. Е. Ало.**

6) **Произвольныя измѣненія человѣческаго тѣла,** доктора **Рюдингера** (съ рисунками).

7) **Графы Игнатьевы.**

8) **Дашкевичъ,** ст. **Д. Л. Мордовцева.**

Въ разосланныхъ нами объявленіяхъ не было упомянуто въ числѣ сотрудниковъ имени **Е. Л. Маркова** (извѣстнаго автора романовъ «Барчуки» и «Черноземныя поля»), потому что мы только что недавно получили согласіе его на участіе въ нашемъ журналѣ. Въ первомъ нумерѣ начнется печатаніемъ его произведеніе **„Уголки Юга“.**

Нечеловѣческая месть.

Романъ Анри Тесье.

(*Окончаніе.*)

Часть вторая.

Глава XIII.

Продолженіе предъидущей.

Исполняя требованіе графа, Веберъ взболталъ стклянку, вылилъ изъ нея нѣсколько капель па ложку и подалъ ее больному. Подкрѣпительное средство оживило старика; онъ пролежалъ молча нѣсколько минутъ.

— Надо мнѣ сократить разсказъ... масло въ лампѣ догораетъ! сказалъ онъ отрывисто.

— Вы преувеличиваете! прервалъ его Веберъ.— Пульсъ у васъ хорошъ, бьется ровно...

— Я знаю, что говорю! перебилъ его, въ свою очередь, графъ съ тѣмъ же невозмутимымъ хладнокровіемъ.—Слушайте же. Дойдя до тѣхъ убѣжденій, о которыхъ я упомянулъ, я сообщилъ вамъ мои желанія, не объясняя ихъ причинъ, и мы сообща придумали... устраненіе Поля Ленди, трапезу Мулена и сценаріо ресторана Маньи... Я сожалѣю только, что Жаменъ не пощадилъ молодую женщину... смерти ея вовсе пе требовалось!... Да, кстати, надо будетъ послать денегъ этому Жамену; онъ знаетъ слишкомъ много... Не позабудьте, также выпустить на свободу мальчишку, слугу покойнаго живописца... его простота пригодилась намъ болѣе, чѣмъ самое продувное мошенничество; вы подарите ему нѣсколько луидоровъ и онъ скоро позабудетъ самъ о тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя доставилъ намъ безсознательно...

— Будьте покойны!

— Что касается похищенія молодой герцогини.. вы оплошали... но оставимъ это.

— Вамъ извѣстно, меня едва не поймали...

— Да, какъ вы хотите, но это мнѣ непонятно... потому что я вполнѣ довѣряю Тоби, а Тоби говоритъ, что никакая опасность не угрожала.. Но все равно; въ общемъ итогѣ, все совершилось согласно моимъ желаніямъ... Вы выполнили все, что я требовалъ отъ васъ; теперь мой чередъ исполнить мои обѣщанія. Вы мой единственный наслѣдникъ, Веберъ! Я оставляю вамъ, приблизительно, пять милліоновъ франковъ... Хорошенькое состояньице, не такъ ли?... Чтобы оно стало окончательно вашимъ, вамъ остается сдѣлать еще очень немногое...

— Я готовъ, алчно перебилъ американецъ.

— О, я въ этомъ не сомнѣваюсь!... У Тоби хранится копія моего завѣщанія; онъ передастъ ее вамъ какъ только я закрою глаза, но вы должны будете исполнить въ точности мою послѣднюю волю... Впрочемъ, на сколько я знаю вашу силу характера, прибавилъ старикъ съ саркастическимъ движеніемъ головы,—это вамъ будетъ не трудно: просидѣть ночь надъ покойникомъ... сдѣлать небольшую поѣздку... вотъ и все. Исполнивъ эти условія, вы можете, завтра же, вступить господиномъ въ этотъ домъ... Согласны вы?

— Безъ сомнѣнія! воскликнулъ докторъ съ живостью.

— И такъ, это дѣло рѣшеное, сказалъ графъ, закрывая глаза.—Если моя жена, продолжалъ онъ, не поднимая вѣкъ,—если моя жена, говорю я, не захотѣла бы васъ принять... потому что я васъ къ ней посылаю... вы скажете, что явились отъ Баптиста Мулена... и это имя откроетъ передъ вами дверь!... Найдя, такимъ образомъ, доступъ къ ней, вы только отдадите ей письмо и станете отвѣчать на вопросы, которые она не замедлитъ вамъ предложить...

Онъ усмѣхнулся язвительно, при чемъ все его мертвенное лицо съежилось въ безчисленныя морщины, и пробормоталъ глухо:

— О, это будетъ прелюбопытный разговоръ... и я дорого далъ бы, чтобы присутствовать при немъ... Впрочемъ, если говорятъ правду о безсмертіи души... то я услышу все... оттуда, гдѣ буду находиться.

Въ эту минуту, раздался стукъ въ дверь, и Тоби вошелъ въ комнату, не дожидая на то позволенія. Онъ былъ уже снова въ своей черной лакейской ливреѣ и несъ нѣсколько писемъ на подносѣ.

— Прошу извиненія у вашего сіятельства, сказалъ онъ,—но я не могъ не явиться, не смотря на вашъ приказъ не мѣшать, потому что слуга г. доктора настаивалъ на немедленной передачѣ этихъ писемъ...

— Ничего, ничего, Тоби, сказалъ старикъ.— Кстати, не уходи далеко... ты мнѣ можешь понадобиться.

— Слушаю, произнесъ Тоби, исчезая, между тѣмъ какъ Веберъ распечатывалъ письма.

Одно изъ нихъ было отъ Эсмеральды и заключало въ себѣ слѣдующія строки:

«Милый! Людовику XIV, чуть было не пришлось дожидаться, а я прождала взаправду! Полагаю, что ты представишь мнѣ превосходнѣйшія причины въ объясненіе твоего страннаго отсутствія... Я приму ихъ безъ всякаго спора, если онѣ будутъ написаны... на бумагѣ французскаго государственнаго банка. Прошу тебя поторопиться, потому что срокъ наступаетъ.

«Цѣлую тебя.

«Эсмеральда».

«P. S. Мнѣ есть что поразсказать тебѣ на счетъ улицы Дюпюитренъ... и странное, и страшное».

Веберъ нахмурился и передалъ записку Морлаку.

— Что бы это значило? спросилъ онъ.

Старикъ прочелъ письмо и отвѣтилъ небрежно:

— Она узнала! Вотъ и все.

— Но она знала и третьяго дня.

— Такъ разузнала лучше.

Веберъ взялъ послѣднее изъ принесенныхъ писемъ, разорвалъ конвертъ и воскликнулъ съ изумленіемъ:

— Отъ Жамена!

Графъ полуоткрылъ глаза.

— Что угодно этому достоуважаемому мерзавцу? проговорилъ онъ.

— Онъ грозитъ, чортъ возьми! воскликнулъ американецъ.

— Неужели?

— Онъ требуетъ высылки пятисотъ луидоровъ, по его словамъ, обѣщанныхъ ему нами. Жизнь въ Генуѣ дорога, онъ безъ копейки...

— Мошенникъ! прошипѣлъ графъ.

— Если черезъ три дня по полученіи этого письма мы не удовлетворимъ его требованія, говоритъ онъ,—онъ донесетъ на насъ...

— Отвратительное отродье!... Пошлите ему деньги тотчасъ же... Что дѣлать... бѣшенымъ собакамъ надо надѣвать намордники, Веберъ!

Но американецъ не слушалъ болѣе своего собесѣдника. На его лицѣ, искаженномъ тысячью дурныхъ помысловъ, выражалось изумленіе, близкое къ ужасу, между тѣмъ какъ глаза его оставались какъ бы прикованными къ листку, дрожавшему въ его рукахъ.

— Что это съ вами? спросилъ старикъ съ язвительною сухостью. — Неужели этотъ подлецъ обладаетъ способностью тронуть васъ?

— Меня, нѣтъ! возразилъ Веберъ,—приписка въ письмѣ относится къ вамъ...

— Что тамъ еще? Покажите, сказалъ графъ съ невыразимой надменностью, протягивая руку къ письму.

Но едва успѣвъ бросить на него небрежный взглядъ, онъ поднялся на своей постели, блѣдный и ужасный, какъ привидѣніе.

— Неправда! закричалъ онъ, задыхаясь.—Онъ лжетъ!... Помогите!... Тоби! Веберъ!... Я умираю!

Въ припискѣ Жамена заключались слѣдующія слова:

«Я только что просмотрѣлъ тотъ дневникъ, который велъ когда-то по приказанію г. Морлака, и замѣчаю теперь, что у меня вкралась,— вѣроятно совершенно невольно,—маленькая ошибка въ хронологическомъ смыслѣ.

«Вы можете, поэтому, сообщить г. графу одно извѣстіе, которое, безъ сомнѣнія, порадуетъ его, а именно: г. Ван-Линденъ прибылъ изъ Батавіи въ Блуа только въ апрѣлѣ 1851 г., то есть, «за четыре мѣсяца до рожденія его сына, Анри; что касается старшаго мальчика, Жоржа, ему былъ уже годъ въ это время».

«Такимъ образомъ, мой уважаемый господинъ былъ только обманутъ внѣшностью, и оба его сына могутъ назваться, по всей истинѣ, его плотью и кровью!»

Веберъ понялъ сразу то впечатлѣніе, которое должны были произвести эти маккіавелическія строки на больного, и подалъ ихъ ему съ затаенною мстительной радостью.

Запоздалое признаніе Жамена, подобно стрѣлѣ парфянина, подрѣзывало въ корнѣ все злодѣйское сооруженіе, надъ которымъ работалъ, втеченіе двухъ десятковъ лѣтъ, съ такою несокрушимою злобою, графъ де-Морлакъ. Его ненависть, служившая въ его собственныхъ глазахъ достаточнымъ извиненіемъ всѣхъ его преступленій, не имѣла дѣйствительной основы. Все, совершенное имъ, не имѣло даже повода быть. Его жена, которую онъ лишилъ всякаго счастія, была невинна! Дѣти, которыхъ онъ травилъ, какъ дикихъ звѣрей, и одного изъ которыхъ онъ уже подвелъ подъ ножъ наемныхъ убійцъ, принадлежали ему! Всѣ эти гнусности, обдуманныя такъ тщательно, всѣ эти убійства, разсчитанныя съ такимъ хладнокровіемъ, не имѣли ни цѣли, ни повода. Быть одураченнымъ, испытывать все бѣшенство неудачи и, среди всего этого, чувствовать грозный гнетъ пробуждающейся совѣсти... это было слишкомъ ужасно!

Веберъ читалъ всѣ эти мысли, какъ въ открытой книгѣ, на искаженномъ лицѣ больного. Послѣ своего перваго крика ужаса, старикъ какъ бы замеръ, но это безмолвіе говорило краснорѣчивѣе всякихъ воплей... Онъ сидѣлъ на своей постели, окаменѣлый, едва переводя духъ и какъ бы прислушиваясь къ какимъ-то отдаленнымъ голосамъ... Вдругъ, изъ груди его вырвался глухой стонъ, и онъ упалъ навзничь, трепеща всѣмъ тѣломъ.

— Довольно... довольно... бормоталъ онъ, между тѣмъ какъ грудь его колыхалась и всѣ члены корчились въ судорогахъ.—Это не можетъ быть... неправда... это послѣдній обманъ этого негодяя... Могъ-ли я убивать... какъ тигръ... безъ повода, только ради самого убійства... Какъ! я подготовилъ самое адское мщеніе... и все это... напрасно... Нѣтъ, не можетъ быть... читалъ же я... читалъ...

И онъ бился по своей постели, извиваясь, какъ змѣй, и продолжая кричать.

— Впрочемъ... припоминаю! Онъ говоритъ правду, разбойникъ!... Она такъ оправдывалась... и потомъ, онъ... этотъ... такъ похожъ на меня!... О, что я сдѣлалъ... и какъ помочь... Веберъ!... я здыхаюсь... Тоби... сюда!... Разорви завѣщаніе... я не хочу... Слышишь-ли, не хочу!... Я уничтожаю все... Тоби.. завѣщаніе.. завѣщаніе...

Веберъ поднялся съ мѣста и сталъ возлѣ постели, стиснувъ зубы, широко раскрывъ глаза и видимо занятый неотвязною мыслью...

Когда старикъ сталъ призывать Тоби, въ глазахъ доктора сверкнула молнія; онъ нагнулся къ умирающему, зажалъ ему ротъ рукою и проговорилъ глухимъ голосомъ:

— Молчать!... Я не хочу чтобы кто-нибудь вошелъ..

Старикъ устремилъ на него свой помутившійся взглядъ...

— Онъ!... Онъ!.. простоналъ онъ съ раздирающимъ выраженіемъ.

Въ эту минуту, дверь отворилась и вошелъ Тоби.

Глава XIV.

Кровавое море.

Американецъ сдѣлалъ нечеловѣческое усиліе чтобы снова овладѣть собой, и подалъ слугѣ знакъ приблизиться.

— Скорѣе, Тоби... подай лауданумъ... съ графомъ былъ страшный припадокъ.

Бывшій сыщикъ направился къ этажеркѣ, не измѣняя своему обычному хладнокровію, и подалъ Веберу стклянку съ лекарствомъ. Веберъ машинально подлилъ нѣсколько капель лауданума въ ту микстуру, которую уже давалъ прежде больному, съ трудомъ вставилъ ложку ему въ ротъ и заставилъ его проглотить эту смѣсь.

Тоби смотрѣлъ на него какъ-то въ упоръ и прошепталъ:

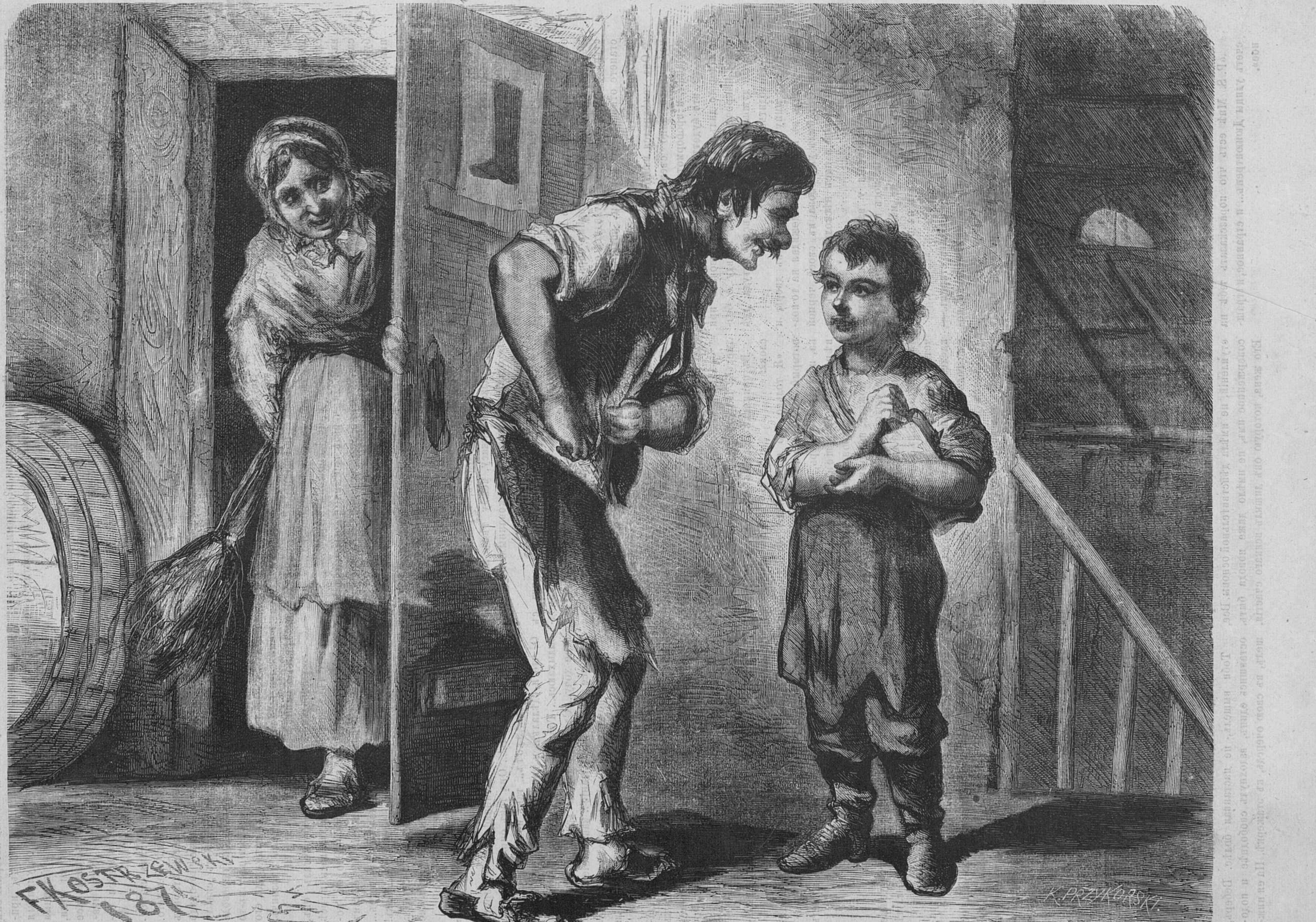
— Это... конецъ?

Американецъ утвердительно кивнулъ головою.

— Желаете вы, чтобы я посидѣлъ съ вами, докторъ? спросилъ Тоби.

— Нѣтъ, это лишнее. Приготовьте только грѣлокъ; я боюсь, что станутъ остывать конечности. Когда понадобится, я позвоню.

Тоби вышелъ, не настаивая болѣе. Веберъ, оставшись одинъ, вздохнулъ свободнѣе и подошелъ, въ свою очередь, къ этажеркѣ. На ея ниж-


F. KOSTRZEWSKI
187
K. PRZYKORSKI

Тайна открыта.

ней полкѣ, какъ бы нарочно на виду, была поставлена стклянка съ надписью: «упасъ». Американецъ схватилъ ее, судорожно сжалъ въ своихъ пальцахъ, и возвратился къ постели старика, который бормоталъ что-то, не открывая глазъ. Веберъ нагнулся къ нему и сталъ слушать.

— Вотъ они... вотъ всѣ... шепталъ умирающій, на лицѣ котораго изображался возраставшій ужасъ.—Зачѣмъ они идутъ ко мнѣ?... Чего имъ надо?... Оставьте... оставьте меня... Мнѣ страшно... страшно...

Онъ умолкъ, задыхаясь подъ гнетомъ грознаго кошмара, и только хватался руками за одѣяло и пряталъ голову въ подушки, какъ бы стараясь избавиться отъ преслѣдующихъ его мрачныхъ призраковъ. Все прошедшее возставало передъ нимъ, вызванное угрызеніями совѣсти, къ его изголовью.... Одна за другою проходили передъ нимъ его жертвы... Герцогъ Жанъ Рейнольдъ съ своею невѣстой... Анри Ван-Линденъ и его молодая жена... Баптистъ Муленъ съ Натти и Бланшъ... Всѣ они выстроились передъ нимъ молча и тогда онъ замѣтилъ, что у каждаго изъ нихъ былъ на груди кровавый знакъ, какъ бы отъ удара кинжаломъ. Наконецъ, показался Поль Ленди, поддерживаемый обезображеннымъ Арми, вся голова котораго представляла собою отвратительную язву... Вдругъ, умирающій увидѣлъ и самого себя.... или, по крайней мѣрѣ, Вебера, своего двойника... Онъ подходилъ къ каждому призраку и дотрогивался до него рукою... И вотъ, съ лѣвой руки Поля, именно изъ той родинки, которая служила его роковымъ признакомъ, вытекла капля крови... Она упала, багровая и совсѣмъ теплая, на постель графа, который почувствовалъ ея прикосновеніе на своей рукѣ.

Въ то же мгновеніе, какъ бы по данному сигналу, всѣ раны прочихъ жертвъ начали тоже точить кровь... Она текла тихо... потомъ пошла быстро, обратилась въ дождь, капли котораго тяжело падали на постель убійцы.. Онъ чувствовалъ ихъ сквозь свое бѣлье, которое смачивалось ими и холодѣло вокругъ него... И все шире и шире струились ручьи крови изъ груди призраковъ... Полъ комнаты исчезало уже подъ кровавымъ покровомъ, а страшный приливъ не переставалъ увеличиваться и умирающему казалось, что волны приподнимаютъ уже его постель.... Она колыхалась, какъ челнокъ среди бурнаго потока... А онъ, этотъ страшный потокъ, все вздымается выше, бьетъ о стѣны, смываетъ ихъ и разливается безбрежнымъ моремъ, среди котораго носятся только роковые призраки, питающіе его своими неистощимыми кровавыми родниками... Несчастный борется съ пѣнящимися волнами, которыя заливаютъ его, подбрасываютъ, какъ щепку, свистятъ ему въ уши, врываются къ нему въ ротъ... Онъ чувствуетъ ихъ отвратительный вкусъ и пьянѣетъ какъ отъ хмѣльного напитка. Все принимаетъ въ его глазахъ багровую окраску... А приливъ все усиливается, волны превращаются въ валы, подкидываютъ попавшееся имъ тѣло и заставляютъ его сталкиваться съ каждымъ призракомъ, при чемъ умирающій испытываетъ страшную боль и молитъ о пощадѣ. Но безжалостныя волны уносятъ его опять и бросаютъ на встрѣчу новому призраку. Наконецъ, бездна начинаетъ разступаться. Онъ чувствуетъ, что не можетъ болѣе держаться на поверхности и начинаетъ тонуть. А кровь, теплая, липкая кровь проникаетъ ему въ горло, въ ноздри... душитъ его, ослѣпляетъ... Ему кажется, что она вбирается даже въ его мозгъ... Тщетно борется онъ, послѣ каждой попытки тѣло его опускается ниже и ниже въ кровавую бездну... Наконецъ, Поль дѣлаетъ знакъ рукою, волны разверзаются въ послѣдній разъ, и убійца исчезаетъ подъ ними, испуская отчаянный вопль.

. . . .

— Пейте, говорилъ въ эту минуту Петрусъ Веберъ, обезумѣвшій отъ страха.

И въ то-же время, раздвинувъ силою челюсти умирающаго, онъ опрокинулъ ему въ ротъ стклянку съ упасомъ. При прикосновеніи стекла, старикъ поднялъ свои вѣки, изъ-подъ которыхъ выглянули потускнѣвшіе глаза. Онъ узналъ Вебера и, въ судорожномъ усиліи, приподнялся снова, задыхаясь и отплевывая упасъ, который горло его отказывалось проглотить.

— Ты!... Жоржъ!... Ты, который... хрипѣлъ онъ.—О!... Провидѣніе... ты... мстишь мнѣ за то... что я... Я угадалъ...

Онъ внезапно опрокинулся навзничъ, выпрямясь, какъ лукъ, тетива котораго сорвалась, и прошепталъ среди предсмертной икоты:

— Я догадывался... что онъ... отравитъ меня... Онъ!... мой с...

Послѣднее слово замерло въ его горлѣ, вмѣстѣ съ его послѣднимъ вздохомъ.

Петрусъ Веберъ, съ взъерошенными волосами и лицомъ, покрытымъ холоднымъ потомъ, стоялъ, прислонясь къ спинкѣ кресла, чтобы не упасть. Втеченіе двухъ минутъ... двухъ вѣковъ!... онъ простоялъ такимъ образомъ, неподвижный, окаменѣлый... Наконецъ, поборовъ одолѣвшій его упадокъ силъ, онъ встряхнулся и сказалъ:

— Что жь такое?... Это слѣдовало сдѣлать... и я сдѣлалъ!

И, овладѣвъ снова собою, онъ заткнулъ пробкой стклянку съ упасомъ, спряталъ ее къ себѣ въ карманъ, вытеръ кровавую пѣну, вытекшую изъ рта старика и громко позвонилъ. Тоби оявился такъ быстро, какъ будто вынырнулъ изъ-подъ пола.

— Графъ скончался, сказалъ Веберъ сдержаннымъ голосомъ.

— А!... протянулъ Тоби съ своею обычною флегмою.

Потомъ, подойдя къ покойному, чтобы лично убѣдиться въ его смерти, онъ вынулъ изъ своего кармана большой запечатанный конвертъ и подалъ его Веберу.

— Графъ приказалъ передать это вамъ тотчасъ послѣ его смерти, сказалъ онъ тѣмъ же монотоннымъ голосомъ.

— Болѣе ничего? спросилъ Веберъ.

— Пока ничего! Но я долженъ ежечасно удостовѣряться въ томъ, что вы исполняете послѣднюю волю графа... и потомъ, въ назначенный имъ срокъ, я долженъ засвидѣтельствовать, что вы соблюли все въ полной точности.

— Хорошо, Тоби. Исполняйте, какъ приказано.

Тоби поклонился, какъ автоматъ, и вышелъ неслышными шагами изъ комнаты.

Американецъ остался наединѣ съ мертвецомъ. На дворѣ уже разсвѣло; въ окна проникалъ бѣлесоватый свѣтъ; Веберъ придвинулъ одно изъ креселъ къ окну и усѣлся. Лихорадочною рукою распечаталъ онъ пакетъ, переданный ему Тоби, и вынулъ изъ него завѣщаніе графа, написанное его собственною рукою, и второй конвертъ съ надписью:

«Графинѣ де-Морлакъ, въ иночествѣ сестрѣ Маріи-Жозефѣ, въ монастырѣ визитандинокъ, въ Мансѣ.»

Завѣщаніе гласило, что покойный назначаетъ своимъ единственнымъ полнымъ наслѣдникомъ Натаніэля-Петруса Вебера, доктора медицины, подъ условіемъ:

1) Чтобы онъ передалъ прилагаемое письмо лично и въ собственныя руки графинѣ де-Морлакъ.

2) Чтобы онъ провелъ тридцать шесть часовъ сряду возлѣ тѣла завѣщателя, не покидая его ни на минуту.

— Странныя, но очень снисходительныя требованія! сказалъ Веберъ, взглядывая на трупъ.

Но вдругъ улыбка замерла на его губахъ и онъ поблѣднѣлъ самъ, какъ мертвецъ. Ему показалось, что на лицѣ мертваго обрисовалась язвительная усмѣшка, которая тотчасъ же снова сгладилась... Съ рѣдкою рѣшимостью, онъ направился къ кровати и нагнулся къ самому лицу Морлака. Дыханія не было. Онъ пощупалъ тѣло, оно уже охолодѣло и становилось твердымъ.

«Что я за идіотъ! подумалъ Веберъ, усмѣхаясь и садясь снова на свое мѣсто. — Однако... тридцать шесть часовъ! длинновато!... Чтобы убить время, прочтемъ, что пишетъ графъ своей супругѣ...»

И онъ безцеремонно распечаталъ конвертъ, адресованный сестрѣ Маріи-Жозефѣ. Письмо было не короткое. Веберъ придвинулъ къ себѣ еще стулъ, протянулъ на него ноги, усѣлся вполнѣ покойно и тогда уже началъ читать.

Графъ писалъ:

«Милостивая государыня

«Когда вы будете читать эти строки, я уже перестану существовать, что, безъ сомнѣнія, доставитъ вамъ не малое облегченіе. Съ цѣлью противодѣйствовать вашей радости, я желаю сообщить вамъ кое-что изъ содѣяннаго мною, — и вамъ по всей вѣроятности, еще неизвѣстнаго. Читайте же далѣе; я убѣжденъ, что разсказъ мой васъ заинтересуетъ.

«Помѣстивъ «вашихъ» дѣтей (я не говорю «моихъ», имѣя на то свои причины), я навелъ справки о вашемъ возлюбленномъ и узналъ, что онъ уѣхалъ въ Батавію. — Отправился и я туда Къ моему удовольствію, мнѣ удалось убѣдиться, что любовь, такъ «плодотворно» обращенная имъ на васъ, не устояла даже противъ простой морской качки: черезъ какой-нибудь годъ послѣ вашего удаленія въ монастырь, г. Ван-Линденъ женился! Я долженъ прибавить, въ его извиненіе, что жена его была прелестнѣйшее созданье.

«Я прибылъ въ Батавію какъ разъ во время ихъ медоваго мѣсяца, съ полною рѣшимостью отомстить во что бы то ни стало—а вы знаете, иду-ли я на уступки!—за свою поруганную честь. Познакомиться самому лично съ молодыми супругами, хотя бы и подъ моимъ вымышленнымъ именемъ, было слишкомъ рисковано, но я подыскалъ себѣ агента, человѣка ловкаго и преданность котораго ко мнѣ вознаграждалась двумя тысячами флориновъ въ мѣсяцъ. Этотъ агентъ донесъ мнѣ, что при г-жѣ Ван-Линденъ находился молодой слуга изъ мозамбикскаго племени, черный какъ уголь, но обладавшій античною красотой. Этотъ темнокожій Антиной, которому шелъ всего осьмнадцатый годъ, поглядывалъ втайнѣ на свою госпожу самыми любострастными глазами.—Таковъ былъ результатъ наблюденій моего Тоби.

«Какъ принялись мы за работу,—эти подробности не могутъ быть любопытны для васъ, не такъ ли? Суть дѣла въ томъ, что негръ, подкупленный Тоби, употребилъ наркотическое средство, приготовленное мною самимъ (вы помните, можетъ быть, что я умѣю довольно искусно приготовлять аптечныя зелья), и воспользовался нѣсколько разъ безсознательнымъ положеніемъ Эмми Ван-Линденъ.

«Тоби обѣщалъ оградить негра отъ всякихъ непріятныхъ послѣдствій, подъ условіемъ только, чтобы онъ бѣжалъ съ полученными деньгами тотчасъ же «по исполненіи возложеннаго на него порученія». Я выбираю свои выраженія чтобы не оскорбить вашего благочестиваго иноческаго слуха!... Но, увы! Обезумѣвъ отъ страсти, нашъ черный красавецъ позволилъ захватить себя на мѣстѣ... Ван-Линденъ убилъ его и, благодаря нѣкоторымъ заранѣе подготовленнымъ комбинаціямъ, былъ самъ приговоренъ къ пожизненному заключенію за преднамѣренное убійство.

«Въ свое время жена его разрѣшилась отъ бремени... мулатомъ! Вы можете себѣ представить, какъ заговорилъ объ этомъ происшествіи весь островъ! Ван-Линденъ съ отчаянія повѣсился въ своей тюрьмѣ. А жена его, какъ до меня дошли слухи недавно, умерла съ горя и стыда.

«Такова первая глава моего разсказа, дорогая графиня, но продолжайте читать; увѣряю васъ, что дальнѣйшее будетъ не менѣе интересно!»

— Брръ! промычалъ Веберъ, повертывая страницу и пробѣгая остальную часть письма глазами,—это мнѣ извѣстно... та исторія, въ которой я игралъ роль... принесшую мнѣ пять милліоновъ франковъ. Перейдемъ къ концу.

«Вы видите, уважаемая сестра, что я сдержалъ всѣ свои обѣщанія... и съ излишкомъ! Какъ новый Тарквиній, я срубилъ всѣ тѣ головки мака, которыя напоминали мнѣ о моемъ позорѣ! Но и этого было мнѣ еще недостаточно; злоба моя жаждала послѣдней, утонченнѣйшей приправы! То, что я сдѣлалъ, повергнетъ васъ въ страшное горе, я въ этомъ не сомнѣваюсь; но и горе проходитъ, и вы еще достаточно молоды для того, чтобы ваша рана залечилась! Существуетъ только нѣчто одно, неподдающееся излеченію: это безчестіе, позоръ... И я подготовилъ для васъ подобную муку.

«Вглядитесь хорошенько въ подателя этого письма. По адской игрѣ природы, онъ такъ похожъ на знакомаго вамъ человѣка, что вамъ будетъ невозможно его не признать!... Попросите его, впрочемъ, показать вамъ его лѣвую руку.... и тогда вы поймете еще лучше мои слова. Его родинка такъ краснорѣчива... Я прибавлю, что я выбралъ его, именно его, для убійства вашего второго сына,— Поля Ленди, и подослалъ отраву старику Мулену и мулату Ван-Линдену.

«Онъ уже убійца, братоубійца... и, на сколько я его изучилъ, не прочь посягнуть и на родительскую жизнь»....

Письмо дрожало въ рукахъ доктора, но онъ продолжалъ его читать, блѣдный и съ искаженнымъ лицомъ...

«Его зовутъ — за неимѣніемъ настоящаго имени — Петрусъ Веберъ! Я надѣюсь, что вы сами объясните ему его заблужденіе!.. Впрочемъ, изъ боязни, что вы, по послѣдней и непростительной снисходительности, не рѣшитесь отправить его на эшафотъ, я распорядился доставить полицейскому префекту донесеніе обо всемъ, совершенномъ нами сообща, — то есть, мною и имъ, Жоржемъ де-Морлакъ, вашимъ сыномъ!

— Я!.. простоналъ американецъ задыхающимся голосомъ.—Я!.. Жоржъ де-Морлакъ... обвиняемый въ убійствахъ!..

И онъ повторялъ въ изступленіи:

— Я... я...

Онъ сорвалъ съ себя платье, засучилъ рукавъ рубашки и смотрѣлъ на свою руку, на сгибѣ которой ярко выдавалась кровавая родинка...

— Проклятіе! проревѣлъ онъ, ломая себѣ руки въ припадкѣ безумной злобы. — Такъ это была правда!.. И я убилъ его... моего отца!.. въ ту минуту, когда Жаменъ ему сообщалъ... О, это ужасно... ужасно... и я самъ надѣлъ себѣ петлю на шею...

Въ это мгновеніе, дверь подъѣзда захлопнулась съ зловѣщимъ грохотомъ, и чей-то повелительный голосъ провозгласилъ:

— Именемъ закона!

Эти слова донеслись ясно, звонко и грозно до Вебера среди окружавшей его могильной тишины...

Онъ испустилъ глухой ревъ, какъ дикій звѣрь, загнанный собаками, измѣряя, въ то же время, въ своемъ умѣ, степень опасности и средства избѣгнуть ея. Собравъ съ быстротою молніи всѣ свои бумаги, упавшія на коверъ, онъ отцѣпилъ отъ стѣны малайскій кинжалъ, висѣвшій надъ изголовьемъ покойника, и бросился въ уборную, изъ которой шла боковая лѣстница. Но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ взяться за замокъ, она отворилась и на порогѣ ея показался Лера съ револьверомъ въ рукѣ.

— Не позволено проходить! произнесъ онъ насмѣшливо.

Докторъ повернулся назадъ, блѣдный, искаженный отъ страха. Въ дверяхъ библіотеки стоялъ полицейскій комисаръ, подпоясанный своимъ шарфомъ; изъ прихожей показались: Дени и докторъ Ямловъ. Сзади нихъ Натти и полицейскій агентъ, съ помощью Жана Брюне, удерживали Тоби, который рвался отчаянно, произнося ругательства на голландскомъ языкѣ.

Комиссаръ и Дени вошли въ комнату, увидали трупъ графа и подошли къ Веберу.

— Докторъ Веберъ, именемъ закона, арестую васъ! произнесъ комиссаръ.

Американецъ вздрогнулъ съ ногъ до головы, глаза его налились кровью и онъ пригнулся, держа кинжалъ впередъ и какъ бы готовясь кинуться на осаждающихъ. Но въ то же время, прежде, чѣмъ кто-нибудь изъ присутствовавшихъ могъ угадать его намѣреніе, онъ выхватилъ изъ своего кармана склянку съ ядомъ.

— Сдаться!.. Мнѣ!.. Никогда! воскликнулъ онъ съ адскимъ смѣхомъ и осушая разомъ всю стклянку.

Дени бросился къ нему, но опоздалъ. Американецъ пошатнулся, какъ пораженный громомъ и тяжело рухнулся на полъ...

Полицейскій инспекторъ и комиссаръ остановились въ оцѣпѣненіи. Ван-Линденъ, наклонясь надъ постелью графа, повторялъ, между тѣмъ, со злобою:

— Умеръ!.. Умеръ!

Ямловъ нагнулся къ трупу американца, но Дени произнесъ съ отвращеніемъ:

— На счетъ этого человѣка, докторъ, я увольняю васъ отъ всякаго употребленія вашихъ противоядій!

Онъ вырвалъ изъ судорожно сжатыхъ рукъ мертвеца письмо и завѣщаніе, и пробѣжалъ ихъ глазами.

— Что это? спросилъ комиссаръ.

— Доказательства злодѣйствъ этихъ двухъ мерзавцовъ! отвѣтилъ Дени.—Но, прибавилъ онъ со вздохомъ,—я обѣщалъ одной особѣ, которую уважаю, что мы заглушимъ это дѣло!.. По счастью, эта двойная смерть облегчаетъ работу.

— Вы забываете этого... свидѣтеля! произнесъ комиссаръ, указывая на связаннаго Тоби.

— Предоставьте его мнѣ, г. комиссаръ! воскликнулъ Натти.—Онъ принадлежитъ мнѣ, въ силу всего того зла, которое онъ сдѣлалъ моему семейству и мнѣ лично! И я хочу предоставить его въ руки моего отечественнаго правосудія, уже приговорившаго его къ смерти!

— Пусть будетъ такъ, сказалъ Дени.

— Ну, нечего сказать, досталось поработать! проворчалъ Жанъ Брюне, румяное лицо котораго было блѣдно на этотъ разъ, — но, слава Богу, покончили!

Эпилогъ.

Черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ описанныхъ нами происшествій, сен-жерменское предмѣстье ликовало... Колокола церкви Св. Франсуа-Ксавье звонили на весь городъ. Органъ гремѣлъ подъ высокими сводами и швейцары въ парадной ливреѣ, съ булавами въ рукахъ, стояли шпалерами на пути именитыхъ гостей. Вся парижская знать собралась на торжество. А на паперти, изъ-за угла, раздавался обычный голосъ нищаго:

— Христа ради, добрые господа! Не забудьте бѣднаго старичка!

Вдругъ, къ ступенямъ храма, покрытымъ ковромъ, подкатилась коляска, запряженная кровными рысаками. На козлахъ сидѣлъ недвижно, величественно, Жанъ Брюне, держа, по положенію, свой бичъ стоймя на бедрѣ, и твердою рукою подобравъ возжи; лицо у него сіяло, и казалось еще пунсовѣе обыкновеннаго подъ бѣлымъ парикомъ; глаза метали молніеносные взгляды на толпу пѣшеходовъ...

Въ ту минуту какъ экипажъ остановился у церкви, два грума спрыгнули на землю, но Атанасъ, опередивъ своего товарища, успѣлъ открыть дверцу и опустить подножку. Герцогъ Рейнольдъ, веселый, смотрѣвшій молодцомъ, живо вышелъ на тротуаръ и подалъ руку Эрминѣ, которая казалась еще прекраснѣе, чѣмъ обыкновенно, въ своемъ подвѣнечномъ вѣнкѣ и длинномъ вуалѣ. Слѣдомъ за ними показался Дени, блѣдный отъ волненія, но въ черномъ фракѣ съ иголочки. Въ петлицѣ этого фрака рдѣлась ленточка ордена почетнаго легіона. За нимъ шелъ принцъ X..., который узнавъ о дѣйствіяхъ Дени и услугахъ, оказанныхъ имъ семейству герцога, поставилъ достойнаго полицейскаго чиновника на одну ногу съ собою и даже уступилъ ему дорогу при выходѣ изъ экипажа.

Изъ второй коляски вышелъ Поль Ленди, то есть, графъ де-Морлакъ; онъ съ почтительною нѣжностью подалъ руку высокой, стройной женщинѣ, сохранившей еще замѣчательную красоту. Трудно было угадать бѣдную монастырскую затворницу въ этой счастливой матери, сіявшей теперь блескомъ наряда и радостью. Она вошла въ церковь, опираясь на руку своего сына, вмѣстѣ съ Эрминой, которую велъ старый герцогъ. За ними слѣдовали четыре свидѣтеля: принцъ и Дени со стороны невѣсты, Ямловъ и Кероэль со стороны жениха.

……………………………………

Дени нѣсколько на удачу пообѣщалъ, что доставитъ сестрѣ Маріи-Жозефѣ черезъ три или четыре дня вѣсти о ея дѣтяхъ. Провидѣніе дозволило ему исполнить его обѣщаніе. На третій же день, въ монастырь постучался телеграфный разсыльный, что взволновало всю благочестивую общину. Онъ передалъ графинѣ такую депешу:

«Вашъ мужъ умеръ, но я отыскалъ вашего сына Анри, достойнаго васъ и той любви, которую вы такъ нѣжно сохранили къ нему. Я буду завтра же въ Мансѣ.

«Дени.»

Герцогъ Рейнольдъ, узнавъ отъ Контуа и Эрмины о страшныхъ событіяхъ, совершившихся, такъ близко и такъ невѣдомо отъ него, призвалъ къ себѣ полицейскаго инспектора и поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ къ сестрѣ Маріи-Жозефѣ, которую оба они привезли къ постели выздоравливавшаго Поля Ленди.

Въ отношеніи Эсмеральды, Дени употребилъ особую тактику. Онъ преувеличилъ передъ нею послѣдствія ея связи съ Веберомъ, почему она, зажмуря глаза, приняла ангажементъ въ Ріо-Жанейро, гдѣ одинъ изъ вельможъ не замедлилъ осыпать ее бриліантами съ ногъ до головы.

Жанъ Брюне, представшій передъ герцогомъ, увидѣлъ на яву осуществленіе одной изъ самыхъ безумныхъ своихъ грезъ: онъ былъ удостоенъ чести возсѣдать на козлахъ осьми рессорной кареты, запряженной чистокровными англійскими конями. Но онъ не рѣшался на разлуку съ Лагуга и Султаномъ, и выхлопаталъ имъ, дозволеніе провести остатокъ дней своихъ среди сочныхъ пастбищъ помѣстья Рейнольдъ.

Что касается Атаназа, онъ смѣнилъ свой поварской костюмъ на нарядную ливрею фамиліи Отфоръ.

Дени, согласно своему обѣщанію, успѣлъ распорядиться такъ, что публика осталась въ полномъ невѣдѣніи относительно злодѣйствъ бывшаго графа Кольмара. Смерть его была сочтена совершенно естественной, а на счетъ Вебера, всѣ газеты повторили слухъ о томъ, что причиною его самоубійства было полное раззореніе, къ которому привелъ его слишкомъ роскошный образъ жизни.

Ламбленъ и Давіоль были приговорены къ десятилѣтней каторжной работѣ, какъ бѣжавшіе съ каторги.

Натти, женившійся на Бланшъ, возвратился въ Батавію, на томъ же кораблѣ, который везъ и пойманнаго преступника, Тоби Гортерруга.

Наканунѣ свадьбы Поля и Эрмины, полицейскій префектъ, узнавшій отъ герцога о заслугахъ Дени и Лера, просилъ министра дать первому изъ нихъ орденъ почетнаго легіона, а второму—мѣсто съ хорошимъ жалованьемъ.

Въ этотъ вечеръ, воротясь домой въ сопровожденіи вѣрнаго Лера, Дени обнялъ свою жену и дѣтей съ дѣйствительными слезами на глазахъ. Потомъ, подойдя къ чучелѣ собаки онъ сказалъ съ чувствомъ:

— О, мой бѣдный Левъ, зачѣмъ нѣтъ тебя! Ты былъ бы тоже счастливъ!

— Однако, неужели вы никогда не разскажете мнѣ исторію этой доброй собаки? тихо спросилъ Лера.

— О, разскажу, мой другъ, разскажу!.. Это бѣдное животное было истиннымъ героемъ! произнесъ со вздохомъ Дени.

……

Вѣнчальный обрядъ былъ оконченъ. Молодая графиня де-Морлакъ вышла изъ церкви, опираясь на руку своего мужа и въ сопровожденіи толпы друзей.

Герцогъ Рейнольдъ, пріободряясь, шелъ рядомъ съ бывшею сестрою Маріею-Жозефой.

— Что, графиня, сказалъ онъ ей весело, провожая взглядомъ новобрачныхъ, — прелестная парочка, не такъ ли?

— О, да! отвѣчала счастливая мать съ восхищеніемъ.

— Знаете, даже смотрѣть завидно... Такъ и вызываютъ на подражаніе... Да что, въ самомъ дѣлѣ!.. Еслибы вы только захотѣли, графиня... Я же готовъ... не смотря на мои восемьдесятъ лѣтъ!.. Что же, не обвѣнчаться ли и намъ?

Исповѣдь Гретхенъ.

(Изъ Фаллерслебена.)

«Ты-бъ пришла еще позднѣй!
Баста! прясть ходить не смѣй!»
— Что-жь бранишься ты, родная?
Тамъ такая тишина!
Сказки слушая, пряла я...
Въ чемъ-же тутъ вина?

«Что за сказки? объ иной
Даже думать—грѣхъ большой!»
— Мама, нѣтъ! о феяхъ разныхъ,
(Даже дрожь пройдетъ въ крови)
О драконахъ безобразныхъ,
О тоскѣ любви...

«Правды, Гретхенъ, ты не скрой:
Кто разсказщикъ? Чей такой?»
— Милый Генрихъ: мама, мама,
Какъ разсказываетъ онъ!
И меня всегда цѣлуетъ,
Какъ пряду я ленъ.

«Славно! что мнѣ дѣлать съ ней!
Баста! прясть ходить не смѣй!»
— Это—фантъ: игру такую,
Право, мама, знаетъ всякъ.
За три фанта разъ цѣлую:
Развѣ-жь много такъ?!

Л. Е. Оболенскій.

Тайна врача.

Разсказъ **Роберта Гальта.**

— Опухоль носа, платокъ, запятнанный кровью —вотъ все, что останется отъ происшествія.

— Драчунъ могъ бы провести ночь въ полиціи; мы были у вашихъ дверей, я вамъ привелъ его, докторъ; я вашъ сосѣдъ.

— А его противникъ?

— Ушелъ, смѣясь, такъ же, какъ и пришелъ. Они и подрались-то оттого, что онъ смѣялся. Пока раненый моется въ вашемъ кабинетѣ, хотите послушать эту исторію. Новинка... О ней заговорятъ завтра въ газетахъ. Дѣло въ томъ, что часъ тому назадъ я былъ въ залѣ засѣданія исправительной полиціи, гдѣ судили трехъ спиритовъ, обвиняемыхъ въ мошенничествѣ. Одинъ изъ нихъ, фотографъ, признался съ полной откровенностью и добродушіемъ, на которыя рѣдко способны плуты нашего легковѣрнаго свѣта. Онъ продавалъ спиритамъ ихъ фотографическія карточки съ прибавленіемъ къ нимъ изображенія того изъ дорогихъ имъ мертвецовъ, котораго они требовали: отца, сестры, брата, или жены.

—- Да я видалъ это. Это фигура въ саванѣ, съ неясными чертами лица. Что же дальше?

— Фотографъ указалъ на столъ уликъ, на два предмета, взятые у него: куклу безъ головы и ящичекъ, заключающій въ себѣ двѣсти или триста фотографическихъ карточекъ и разсказалъ слѣдующее: «Я фотографъ-спиритъ. Посѣтителей принимаетъ моя кассирша, женщина смышленная, которая сперва преклоняетъ колѣна и вызываетъ духа, потомъ заставляетъ посѣтителя разговориться; узнаетъ какихъ лѣтъ и наружности былъ мертвецъ, фотографію котораго я долженъ чудодѣйственно воспроизвести, и немедленно присылаетъ мнѣ объ этомъ записку. Я ищу тогда въ этомъ ящикѣ карточку, подходящую къ ея описанію, прикалываю ее къ шеѣ этой безголовой куклы, накрываю ее небольшимъ покровомъ, въ родѣ савана, и беру на клише въ моей секретной лабораторіи. Это клише я ставлю въ аппаратъ, предъ которымъ позируетъ спиритъ; его изображеніе присоединяется къ изображенію на клише. Надѣюсь: вы не сочтете меня очень преступнымъ. Я зарабатываю свой насущный хлѣбъ, пользуясь человѣческой глупостью, а слѣдовательно, поступаю также честно, какъ многіе другіе.

— И чего стоила ему эта честность?

— Годъ тюремнаго заключенія. Но не въ этомъ интересъ исторіи; интересъ въ 25 свидѣтеляхъ, 25 глупцахъ, присутствовавшихъ на судѣ. Предсѣдатель разсказываетъ каждому изъ нихъ подробности мистификаціи, онъ показываетъ имъ и даетъ трогать куклу и ящикъ съ фотографіями. Ни одинъ изъ нихъ не вѣритъ предсѣдателю. Фотографъ встаетъ, повторяетъ свое показаніе, указываетъ на куклу; ни одинъ не вѣритъ фотографу; всѣ остаются убѣждены въ фотографическомъ чудѣ; многіе сердятся; трое отвѣчаютъ, что они не уступятъ, не смотря даже на пытку. Десятый свидѣтель, Поль Дидье, побитый, находящійся въ вашемъ кабинетѣ, яростно нападаетъ на насмѣшниковъ; онъ предлагаетъ судьямъ вывести ихъ изъ заблужденія. Слушатели были поражены. Не смотря на признаніе обвиняемаго, на улики мошенничества, свидѣтели не колеблятся. Что же побуждаетъ ихъ къ такому упрямству? Самолюбіе, стыдъ признать себя обманутымъ, безсиліе посмѣяться надъ собой.

— Я видѣлъ много примѣровъ, что человѣческій мозгъ способенъ на все.

— И такъ, докторъ, вы врачъ душевныхъ болѣзней и будете лѣчить Дидье. Мнѣ бы слѣдовало привести къ вамъ всѣхъ свидѣтелей... Но вотъ, судъ окончился и фотографъ приговоренъ къ годичному тюремному заключенію. Я выхожу изъ зданія суда и на концѣ новаго моста нахожу Поля Дидье, говорящаго съ дикимъ возбужденіемъ съ однимъ молодымъ человѣкомъ, котораго онъ желалъ убѣдить въ плутовствѣ фотографа и въ честности духовъ. Слушатель засмѣялся. Дидье хватаетъ его за шиворотъ, начинается драка...

— Побѣда на сторонѣ матеріи, метафизика побита.

— Тутъ подъ вашими окнами, докторъ, и пока побѣдитель уходитъ, продолжая смѣяться, я привожу ее къ вамъ; покончите съ нею.

Сказавъ это, любезный проводникъ Дидье простился съ докторомъ и вышелъ.

Дикій, страшный крикъ раздался въ кабинетѣ. Врачъ, хорошо знакомый съ этимъ крикомъ, поспѣшилъ туда; онъ вошелъ въ ту минуту, когда раненый, какъ подкошенный, упалъ навзничъ. Судорожныя движенія всего тѣла, пѣна на губахъ, языкъ, закушенный зубами, множество синихъ пятенъ, появившихся вдругъ на лбу,—все доказывало, что это былъ припадокъ падучей болѣзни. Докторъ тотчасъ же принялъ предосторожности, зная, что немедленное бѣшенство или полное разслабленіе могло послѣдовать за припадкомъ. Онъ осмотрѣлъ карманы больного: не было ли тамъ оружія и позвалъ своего слугу, обладавшаго большою физическою силой.

Поль Дидье бѣгалъ по кабинету, декламируя стихи Гомера, перемѣшивая ихъ бранью противъ фотографа. Онъ опрокинулъ стулъ и засмѣялся, потомъ схватилъ съ камина букетъ и бросилъ его на полъ. Послѣ этого онъ упалъ на диванъ и долго лежалъ неподвижно. Наконецъ, онъ какъ бы проснулся и спросилъ, гдѣ онъ и зачѣмъ здѣсь находится? Онъ вспомнилъ мало по малу о процессѣ, о кулачномъ боѣ, о своемъ окровавленномъ лицѣ, но о припадкѣ падучей болѣзни и его послѣдствіяхъ онъ не помнилъ.

Докторъ проводилъ его домой и узналъ отъ швейцара, что Поль Дидье былъ самый акуратный, самый скромный и здоровый молодой человѣкъ; что онъ уже шесть мѣсяцевъ живетъ въ этомъ домѣ и уѣзжаетъ каждыя шесть недѣль на югъ, на свою родину.

На другой день утромъ Поль пришелъ поблагодарить доктора, который оставилъ его у себя завтракать. Молодой человѣкъ былъ съ нимъ очень откровененъ. Онъ разсказалъ, что онъ сирота, имѣетъ 15,000 франковъ годового дохода, родился въ Кастель-Сарозенѣ и живетъ въ Парижѣ уже 6 мѣсяцевъ, чтобы заниматься въ національной библіотекѣ изученіемъ манускриптовъ, относящихся къ исторіи альбигойцевъ. Онъ былъ разговорчивъ, вѣжливъ и предупредителенъ. Его лицо было пріятно и интелигентно. Онъ припомнилъ вчерашній процессъ и такъ взволновался при имени фотографа, что докторъ поспѣшилъ перемѣнить разговоръ.

— Да, сказалъ Поль,—мы, вѣроятно, много говорили объ этомъ вчера, потому что я вернулся домой довольно поздно; кстати, докторъ, неужели-же этотъ ударъ кулака такъ на меня сильно подѣйствовалъ, что вы сочли нужнымъ проводить меня? Сегодня утромъ опухоль моего носа почти совсѣмъ пропала.

— Съ вами было не хорошо.

— Не спалъ-ли я?... да?

Онъ поблѣднѣлъ и продолжалъ, не много погодя:

— Мой кошмаръ... Это въ третій разъ. Я жилъ въ Кастель-Сарозенѣ у моей старой тетки. Однажды зимой, вечеромъ, проходя лѣсомъ, я наткнулся на громадную лошадь, облитую кровью, которая долго брыкалась и убѣжала, страшно заржавъ. Въ слѣдующую ночь, какъ разсказывала моя тетка, у меня былъ сильный кошмаръ и потомъ, нѣсколько времени спустя, онъ повторился.

— Вы совѣтовались съ докторомъ?

— Нѣтъ, моя тетка не желала этого.

— Она пріѣхала вмѣстѣ съ вами въ Парижъ?

— Уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ она впала въ состояніе почти ребячества.

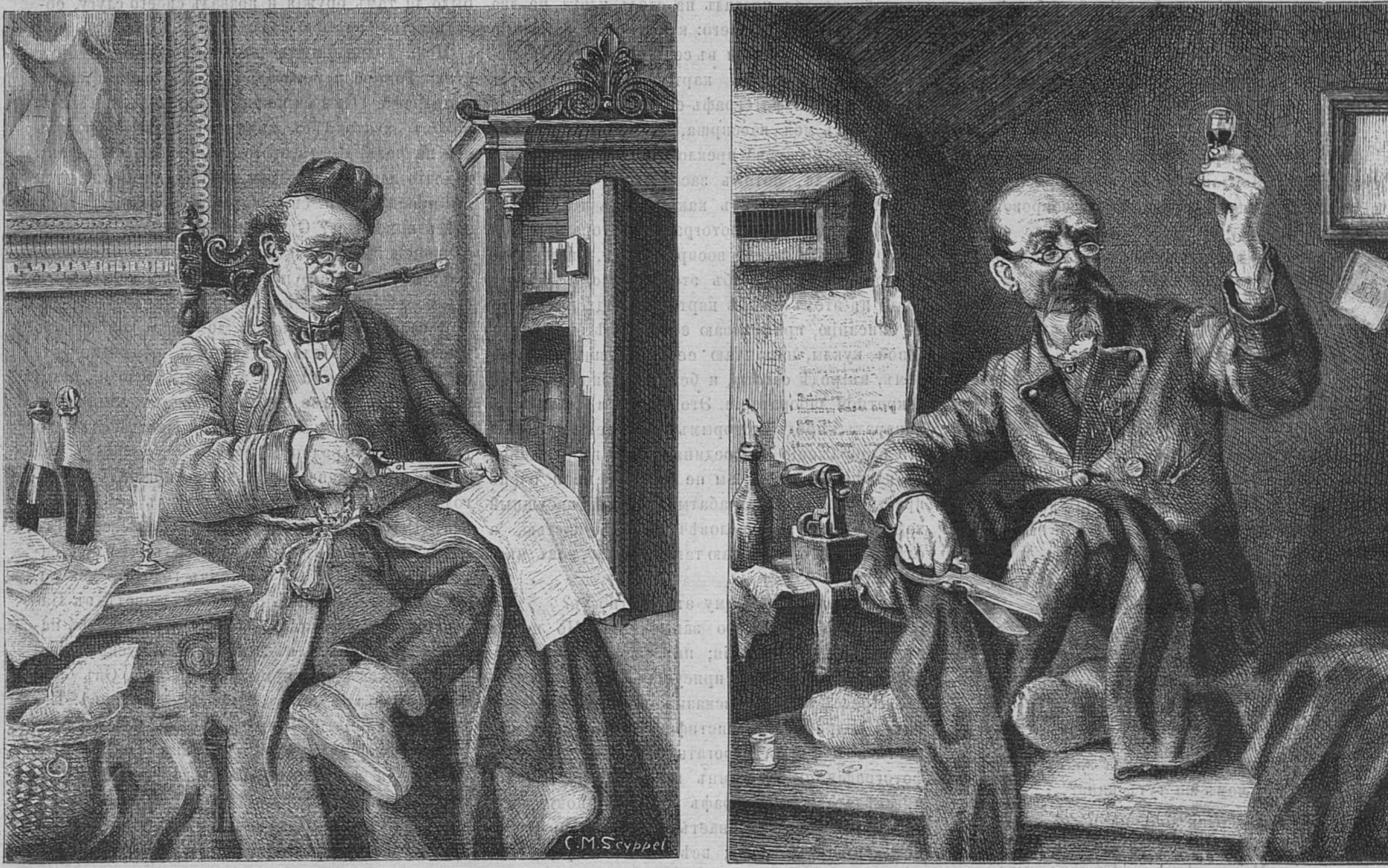
— Вамъ надо лечиться.

— Но, сказалъ Поль, блѣднѣя,—я не боленъ.

— Вы нервны. Вамъ надо прервать нѣкоторое время сношенія съ духами, знакомство съ которыми вамъ вредно. Занимайтесь исторіей альбигойцевъ... да и альбигойцы... гмъ.. гмъ... Вамъ слѣдовало бы заняться ботаникой, гулять, берите холодныя ванны, пейте воду съ краснымъ виномъ и не ухаживайте за женщинами. Заходите навѣстить меня.

Поль Дидье сталъ часто ходить къ доктору и тотъ привязался къ нему. Сердце доктора Ла-Миньера, не смотря на его долголѣтнюю медицинскую практику и на его знаменитость, было нѣжное и любящее; человѣческія страданія трогали его глубоко и онъ самъ мучился оттого, что не былъ въ состояніи исцѣлить ихъ.

Три недѣли спустя, Поль исчезъ. Это обезпокоило доктора. Онъ сталъ справляться о немъ и только мысль о періодическихъ путешествіяхъ Поля на югъ, о которыхъ разсказывалъ ему швейцаръ, нѣсколько успокоила его. Но зачѣмъ эти путешествія? Поль Дидье, котораго онъ два раза объ этомъ спрашивалъ, ничего не отвѣтилъ ему.



Два закройщика.

II.

Мѣсяцъ спустя, къ доктору пришелъ господинъ приличной наружности, но съ смущеннымъ видомъ. Онъ долго не могъ рѣшиться заговорить.

— Милостивый государь, сказалъ онъ,—у меня есть дочь, моя единственная радость и утѣшеніе со смерти моей бѣдной жены. О, это прелестное дитя; она красива, здорова, добра и умна. Вотъ уже два года, какъ въ нее влюбленъ одинъ молодой человѣкъ, очень милый мальчикъ, состоятельный и изъ хорошаго семейства. Онъ сирота. Бракъ зависѣлъ единственно отъ моей воли и такъ какъ моей дочери минуло 18 лѣтъ, то я собирался дать свое согласіе, какъ вдругъ, три дня тому назадъ, я узналъ грустную новость.... Молодой человѣкъ имѣлъ на своей родинѣ старую родственницу г-жу Лормье, которая умерла на прошлой недѣлѣ. Одна очень уважаемая особа, подруга этой родственницы, пріѣхала ко мнѣ, чтобы сказать, что мой будущій зять подверженъ серьезной болѣзни. Она узнала объ этомъ отъ самой г-жи Лормье, сдѣлавшей это признаніе, для облегченія своей совѣсти; но она ни слова не сказала объ этомъ своему племяннику, чтобы не огорчить его. Она не назвала его болѣзни. Если эта болѣзнь дѣйствительно существуетъ, вы ее знаете, потому что еще наканунѣ этого неожиданнаго удара, молодой человѣкъ разсказывалъ намъ о докторѣ Ла-Миньерѣ, какъ о человѣкѣ, у котораго онъ часто бывалъ. Я бросилъ все, чтобы пріѣхать въ Парижъ и привезъ съ собою дочь, которая въ настоящую минуту находится въ сосѣднемъ домѣ. Меня зовутъ Эмберъ; я тулузскій негоціантъ.

— О комъ вы меня спрашиваете?

— О Полѣ Дидье.

— Я не знаю Поля Дидье. Вы, вѣроятно, не знаете того, что всякій врачъ обязанъ сохранять тайны, касающіяся его профессіи.

— Тайны?

— Да, потому что спокойствіе, независимость даже часто честь бываютъ въ его рукахъ. Вы застали меня въ расплохъ. Я думалъ, что вы желаете сдѣлать мнѣ общій вопросъ, иначе я остановилъ бы васъ ранѣе. Извините меня...

Эмберъ пробормоталъ нѣсколько словъ сожалѣнія и вышелъ. Доктора обезпокоило это посѣщеніе. Его совѣсть была щекотлива, а умъ изъ тѣхъ умовъ, которые привыкли обсуждать вопросы со всѣхъ сторонъ; къ тому же у него было доброе сердце. Волненіе этого отца, его честная наружность, будущность, жизнь молодой дѣвушки трогали его не менѣе, чѣмъ несчастье Поля Дидье. «Легче просто исполнять свой долгъ, чѣмъ вдумываться въ него и наши лучшіе сознательные поступки никогда не обходятся безъ нѣкотораго колебанія.» Онъ думалъ это, сидя у камина вечеромъ, черезъ два дня послѣ взволновавшаго его посѣщенія, когда вдругъ вошелъ къ нему Поль Дидье. На его лицѣ было написано волненіе, губы блѣдные, взглядъ суровый.

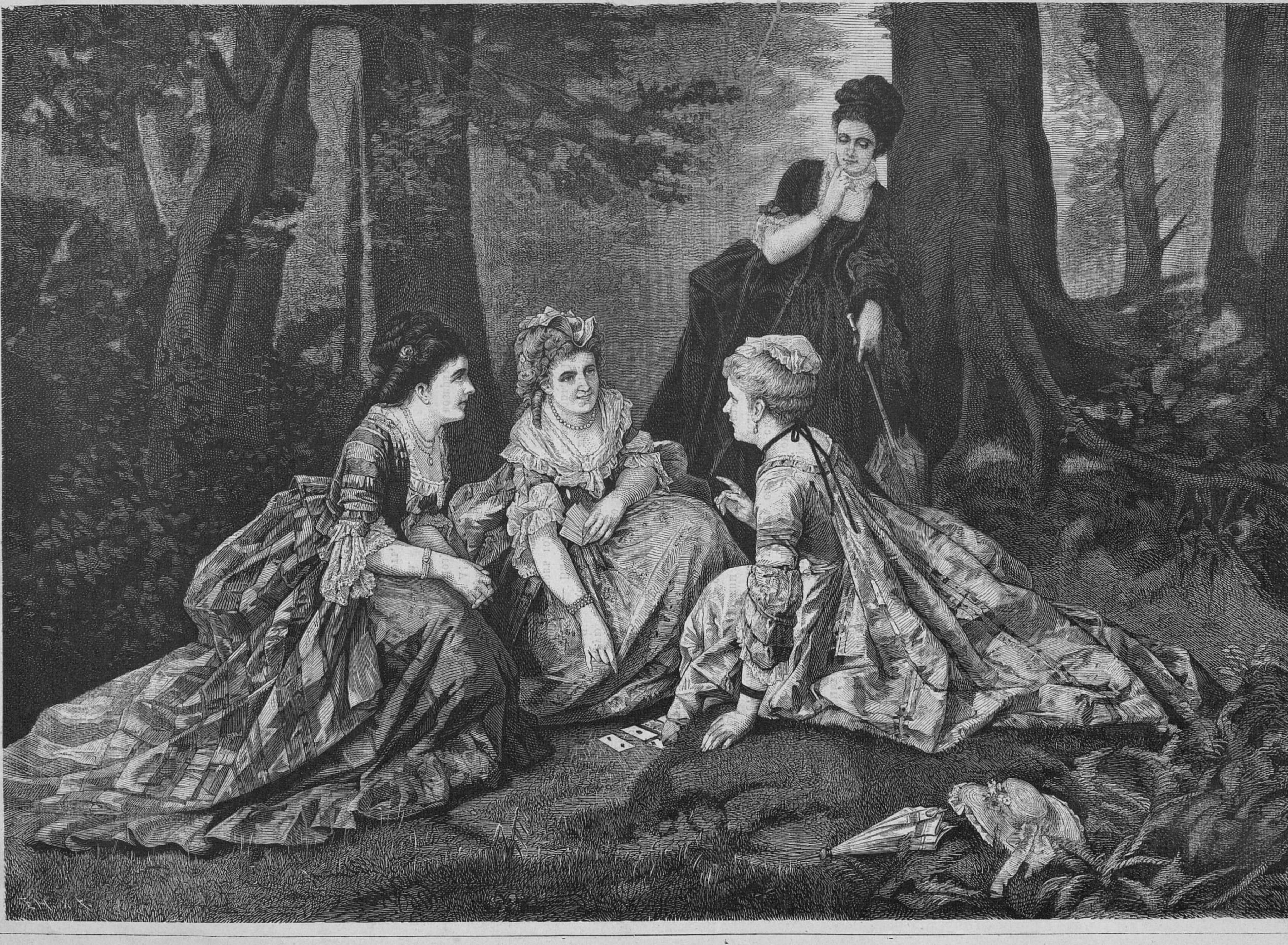
— Приходилъ-ли вчера къ вамъ, сказалъ онъ, —г. Эмберъ изъ Тулузы, спросить о состояніи моего здоровья. Вы сказали ему, что я опасно боленъ.

Докторъ протестовалъ.

— Вы сказали ему это своимъ молчаніемъ, стоившимъ самой ужасной рѣчи. Обязанность врача хранить секреты вы исполняете вѣрно только въ Парижѣ, но она не имѣла своей силы для Тулузы. Да, вы написали туда, или поручили сказать это какому нибудь сплетнику; безъ этого, какимъ образомъ пріѣхалъ бы издалека г. Эмберъ совѣтываться съ вами. Вы сказали, что вамъ нельзя отвѣчать, а это значитъ прокричать о фактѣ такъ, чтобы глухіе услыхали. Г. Эмберъ отлично понялъ это. Я пришелъ не затѣмъ, чтобы требовать доказательствъ несуществующей болѣзни, я пользуюсь замѣчательнымъ здоровьемъ; я пришелъ сказать вамъ, что уже два года, какъ я обожаю Елену Эмберъ, что я долженъ былъ жениться на ней и вы не разстроите этотъ бракъ и не разобьете мою жизнь. Г. Эмберъ вернется, я просилъ его объ этомъ и онъ согласился на мою просьбу. Вы потрудитесь повторить ему слѣдующія слова: «Есть два Поля Дидье; одинъ изъ нихъ, котораго вы лечили (я допускаю, что вы лечили меня), другой, который пользуется лучшимъ здоровьемъ въ мірѣ—это я. Я предполагаю, что обязанность врачей хранить тайны не помѣшаетъ исправленію ошибки.

Докторъ позвонилъ и приказалъ никого не принимать, потомъ сдѣлалъ знакъ лакею, чтобы онъ далеко не уходилъ.

— Видите, сказалъ онъ съ твердостью, — я



Гаданіе.

не приму г. Эмбера; я поступаю такъ, какъ я хочу, а не такъ, какъ вы мнѣ предписываете. Г. Эмберъ поступилъ неосторожно, сказавъ вамъ о своемъ посѣщеніи меня; вы же сдѣлали глупость въ Тулузѣ, сказавъ ему о своемъ знакомствѣ со мной. Вотъ всѣ мои сообщенія въ провинцію на вашъ счетъ. Теперь же позвольте мнѣ незаниматься болѣе вашими дѣлами и прекратить объ этомъ разговоръ.

— Берегитесь! вскричалъ Поль Дидье, глаза котораго вдругъ засверкали.

— Берегитесь вы сами, холодно сказалъ докторъ, замѣтивъ перемѣну въ его голосѣ и приливъ крови къ лицу молодого человѣка. Но эти угрожающіе симптомы скоро исчезли. Поль успокоился. Выраженіе глубокой скорби замѣнило гнѣвъ на его лицѣ, двѣ слезы скатились изъ его глазъ.

— Извините меня, дорогой докторъ, сказалъ онъ,—и сжальтесь надо мною, спасите меня. Если бы вы знали, какъ я люблю ее! Два года тому назадъ ей было 16 лѣтъ, она проходила по улицѣ съ большимъ пучкомъ цвѣтовъ въ рукахъ, улыбающаяся, я ее не зналъ; наивно, съ уваженіемъ, я пошелъ къ ней на встрѣчу и, не говоря ни слова, посмотрѣлъ на нее. Она подумала, что я прошу у нея цвѣтовъ и протянула мнѣ цѣлый пучекъ съ такимъ милымъ граціознымъ движеніемъ... и ушла, унося съ собой мое сердце. Одинъ отъ моихъ друзей представилъ меня ея отцу. Я былъ сирота, имѣлъ 15,000 франковъ годового дохода и кромѣ того надѣялся получить порядочное наслѣдство отъ старой тетки. Я вскорѣ попросилъ у Эмбера руку его дочери. Онъ отвѣчалъ, что она еще слишкомъ молода и что онъ не желалъ бы отдать свою дочь человѣку, ничѣмъ не занятому. До тѣхъ поръ лѣнь была моимъ преобладающимъ качествомъ; страсть къ работѣ вдругъ охватила меня. Я взялся за книгу. Произведеніе Фаріеля: «Крестовый походъ противъ альбигойцевъ» первое попало мнѣ подъ руку. Ученіе катарейцевъ привело меня въ такую экзальтацію, что я сдѣлался альбигойцемъ. Я приготовлялся воскресить катаризмъ, эту восточную вѣру, дополненную поэзіей манихейскаго ученія и гностической метафизикой. Я хотѣлъ перевернуть весь свѣтъ. Я надолго заперся въ Тулузской библіотекѣ и такъ какъ тамъ мнѣ недоставало нѣкоторыхъ источниковъ, то я пріѣхалъ въ Парижъ. Тутъ я встрѣтилъ одного спирита. Спиритизмъ увлекъ меня также, какъ катаризмъ, или, вѣрнѣе, сталъ для мени объясненіемъ катаризма. Я назвалъ свои вѣрованія катаро-спиритизмъ. Второе имя Елены, Екатерина; замѣтьте: Екатерина, Катаро, Катара.

— Вы не говорили о вашемъ катаро-спиритизмѣ м-ль Эмберъ и ея отцу? спросилъ докторъ.

— Нѣтъ, я боялся, что обращеніе ихъ, если бы я за него взялся, замедлитъ мой бракъ и я отложилъ его. Югъ еще не знаетъ меня. Эмберъ думаетъ, что я просто пишу о войнѣ альбигойцевъ. Обыкновенно я прилежно работалъ 5 или 6 недѣль въ Парижѣ, а потомъ возвращался въ Тулузу, чтобы повидаться съ любимой дѣвушкой. Вчера, я собирался идти завтракать къ невѣстѣ, какъ вдругъ получилъ извинительное письмо; отецъ и дочь уѣзжали изъ Тулузы на неопредѣленное врэмя. Страшное предчувствіе овладѣло мною; прислуга отказалась говорить; инстинктивно я бросился на станцію, гдѣ одинъ изъ служащихъ сообщилъ мнѣ, что Эмберъ взялъ два билета въ Парижъ и что поѣздъ ушелъ уже съ часъ. Я поѣхалъ съ вечернимъ поѣздомъ, я зналъ, гдѣ ихъ найти. На улицѣ, у самаго подъѣзда, я встрѣчаю сестру хозяина квартиры Эмбера, старую дѣву, которую видалъ прежде. Она не хочетъ впустить меня. Я удивляюсь, прошу, требую объясненія. Она смотритъ на меня со вниманіемъ, съ какимъ-то страннымъ сожалѣніемъ и, наконецъ, говоритъ: «Какъ ваше здоровье? Дидье, подумайте о своемъ здоровье!» — Мое здоровье, что это значитъ? Она беретъ съ меня обѣщаніе покориться обстоятельствамъ, сохранить тайну и сообщаетъ о визитѣ Эмбера къ вамъ. Въ одинъ мигъ я вбѣгаю въ третій этажъ къ Эмберу, въ расплохъ нападаю на него. Онъ не можетъ отпереться, онъ въ отчаяніи. «Какъ, говорю я ему, вы осмѣливаетесь отказываться отъ своихъ обѣщаній, отъ даннаго слова, вы хотите отнять у меня Елену, убить меня? Онъ смотритъ на меня съ тѣмъ же страннымъ вниманіемъ, какъ и старуха; онъ молчитъ, поднимаетъ руки къ небу. Тутъ ошибка въ личности, говорю я. У меня желѣзное здоровье, вся моя болѣзнь заключается въ томъ, что я подрался съ однимъ негодяемъ, который осмѣливался отрицать существованіе міра духовъ, основывая свои доказательства на куклѣ безъ головы. Меня проводили немного ушибленнаго къ доктору, котораго впослѣдствіи я пришелъ поблагодарить, какъ уже говорилъ вамъ. Болѣе ничего. — Что же онъ отвѣтилъ вамъ? спросилъ я «Онъ отказался отвѣчать.»—И изъ этого вы заключили... А! послушайте, согласитесь на это условіе: пойдемте къ нему вмѣстѣ, на этотъ разъ онъ вамъ отвѣтитъ, что есть два Поля Дидье, одинъ больной, а другой здоровый, т. е. я. Эмберъ молчитъ. — Но отвѣчайте же, ради Бога! закричалъ я. Вѣроятно, выраженіе моего лица, мой голосъ убѣдили его, потому что онъ отвѣтилъ:—Я увижусь еще разъ съ докторомъ, но безъ васъ. Этого требуетъ деликатность; вы должны это понять. Я обѣщаю вамъ, что увижусь съ нимъ.—А Елена, знаетъ ли она?—Нѣтъ. —Позвольте мнѣ увидаться съ ней! я ей скажу! ее, по крайней мѣрѣ, я заставлю повѣрить мнѣ! Я разразился рыданіями. Онъ началъ увѣрять меня, клясться въ томъ, что его дочь отдыхаетъ и что онъ мнѣ немедленно дастъ отвѣтъ. Я ухожу отъ него къ вамъ. Откажетесь ли вы опять отвѣчать Эмберу?

Докторъ долго заставилъ ждать отвѣта.

— Вы имѣете, наконецъ, сказалъ онъ,—15,000 франковъ годового дохода? Эти 15,000 франковъ не принадлежатъ вамъ.

— Какимъ образомъ?

Эго состояніе неправильно нажито, украдено, его нужно возвратить. Я докажу вамъ это.

— А!

— Получивъ доказательства, возвратите ли вы его?

— Да.

— Вотъ, что я долженъ еще сказать вамъ: м-ль Эмберъ находится въ эту минуту въ страшной опасности.

— Я бѣгу къ ней, вскричалъ Поль Дидье, бросаясь къ двери,—я спасу ее!

— Вамъ придется рисковать жизнью.

— Моя жизнь! О, пусть она возьметъ ее!

— Сядьте. Я разсчитывалъ на этотъ энергическій, честный порывъ. Вы храбрый и честный человѣкъ. Ваше состояніе вполнѣ принадлежитъ вамъ, а м-ль Эмберъ спокойно отдыхаетъ. Позвольте мнѣ разсказать вамъ одинъ случай, свидѣтелемъ котораго я былъ 10 лѣтъ тому назадъ. Одинъ человѣкъ, подверженный ужасной болѣзни, женился. Теперь онъ умеръ; его жена тоже умерла его же болѣзнью, родивъ троихъ дѣтей: одного слѣпого и двухъ идіотовъ, три новые подарка обществу! Женясь, онъ зналъ о своей болѣзни и объ ея послѣдствіяхъ. Что скажете вы объ этомъ человѣкѣ?

Поль Дидье вздрогнулъ и посмотрѣлъ на доктора, который не спускалъ съ него своего холоднаго взора.

— Я нервенъ, вы сказали мнѣ это, но не предполагаете же вы, докторъ, чтобы я былъ боленъ?

— А если бы вы дѣйствительно были больны и та, которую вы любите, подвергалась бы большой опасности?

За этими словами послѣдовало молчаніе.

— Что же? повторилъ докторъ.

— Тише, докторъ, сказалъ Поль, поднося руку къ головѣ, — звукъ вашего голоса, точно большихъ колоколовъ, до того громокъ, что моя голова трещитъ.

Онъ всталъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ бы о чемъ то раздумывая потомъ, и, снова тронувъ свою голову, засмѣялся.

— А, сказалъ онъ,—я понимаю. Онъ считаетъ меня сумасшедшимъ! Онъ докторъ душевныхъ болѣзней и вездѣ видитъ манію! Онъ поймалъ меня и хочетъ сдѣлать мнѣ душъ.

Смѣхъ его сдѣлался пронзительно-звонокъ.

— Нѣтъ, мой другъ, вы не болѣе сумасшедшій, чѣмъ другіе, отвѣчалъ докторъ.

— Хе, хе, сказалъ мономанъ, продолжая смѣяться,—я спиритъ.

— Вы умны, но вы больны.

— Назовите мою болѣзнь.

Докторъ съ участіемъ взялъ его за руки. Поль выдернулъ ихъ.

— Я хочу доказательствъ, сказалъ онъ строго,—я ихъ требую!

— Но, вамъ невсзможно ихъ дать. Но даже еслибъ они были вполнѣ очевидны, вы все-таки не увидали бы ихъ. Они были уже разъ даны въ этомъ самомъ кабинетѣ... Вы должны повѣрить мнѣ.

— Повѣрить вамъ во имя чего?

— Во имя моей нѣжной отеческой привязанности къ вамъ. Повѣрить слову врача.

— И я былъ тутъ въ этомъ кабинетѣ при доказательствѣ моей болѣзни? Я самъ?

— Да, вы сами, но вы были безъ сознанія, и теперь должны вѣрить на слово единственному свидѣтелю факта и честно поступить относительно общества, до котораго этотъ фактъ касается. Вашъ умъ еще пока здоровъ, ваши слова сейчасъ доказали это, вы сами отвѣтите Эмберу, а не я... Другъ мой, вамъ нельзя жениться.

Поль заметался, пробормоталъ нѣсколько непонятныхъ словъ, потомъ, весь въ слезахъ, спросилъ тихо:

— Докторъ, что со мной? скажите, я все въ силахъ выслушать.

— Вы подвержены серьезнымъ нервнымъ припадкамъ.

— Болѣзнь моя серьезна?.. скажите, какъ она называется? Умоляю васъ.

— Мое бѣдное дитя! сказалъ взволнованный докторъ и обнялъ Поля.

— Говорите, докторъ, говорите; чтобы имѣть силу дѣйствовать—нужно знать.

— У васъ падучая болѣзнь.

Поль вырвался изъ объятій доктора и отодвинулся въ самый уголъ кабинета.

— 15 дней тому назадъ, на этомъ самомъ мѣстѣ съ вами былъ припадокъ, т. е. то, что ваша тетка называла кошмаромъ; вы упали съ пѣной на губахъ, съ синими пятнами на лбу, въ конвульсіяхъ. Узнайте, какія бы были послѣдствія отъ вашей болѣзни для вашего потомства! Прочтите это...

Онъ подалъ ему открытую книгу. Поль прочелъ одну страницу и, закрывъ лицо руками, зарыдалъ.

— Да, цѣлое поколѣніе, испытавъ всевозможныя страданія, придетъ къ полному уничтоженію! Что ждетъ дѣвушку, которую вы любите? вы отравили бы всю ея жизнь, вы приговорили бы ее къ вѣчному отчаянію, если бы она осталась съ вами и къ безнравственности или къ ужасу одиночества, если она бы потребовала развода,— развѣ вы этого хотите? Любите же ее больше самого себя! Состояніе вашего разума неправненно лучше вашего состоянія физическаго; вы человѣкъ честный, великодушный. Одно усиліе ваше, мое дорогое дитя, одинъ благодарный порывъ! Вы имѣете возможность честно отказаться и настоящая причина вашего отказа останется тайной. Вы сошлетесь на ваше самолюбіе, оскорбленное подозрѣніями отца Елены. Напишите ему, что вы удаляетесь, благодаря его недовѣрію. Та, которую вы любите, будетъ васъ оплакивать, потомъ, успокоившись, сохранитъ къ вамъ въ своемъ сердцѣ — чувство самое дорогое, самое рѣдкое, какимъ женщина можетъ наградить мужчину: тихое сожалѣніе и трогательное воспоминаніе вашего образа, который всегда несравненно будетъ лучше оригинала. Вы напишите г. Эмберу?

Онъ взялъ больного за руку. Поль разразился рыданіями, прерываемыми отчаянными криками, которые онъ тщетно старался заглушить, зажимая себѣ ротъ.

— Докторъ, сказалъ онъ наконецъ, — я сдаюсь... да я сдаюсь... я ее болѣе не увижу... Мою радость, мою жизнь!.. Я уѣду, умру... Не покидайте меня, прибазилъ онъ, бросаясь въ объятія доктора, — я такъ несчастенъ. О, ужасное состояніе. Приговоренъ къ смерти! И за что? За преступленіе родиться на свѣтъ! И зачѣмъ я родился!

— Не будемъ терять времени, мой другъ, вотъ перо и бумага, пишите.

Поль Дидье сѣлъ, закинувъ голову, какое то глухое рокотанье слышалась въ его гортани, слезы катились изъ его закрытыхъ глазъ.

«Долго-ли еще выдержатъ его нервы?» подумалъ докторъ и подалъ Полю перо. Въ эту минуту раздался звонокъ, за нимъ второй.

— Это Эмберъ, вскричалъ Поль, вскочивъ, — можетъ быть, и она вмѣстѣ съ нимъ! А! позвольте мнѣ увидѣть ее еще одинъ послѣдній разъ!

— Она? для чего же бы она пришла сюда? Спросить о состояніи, въ которомъ вы находитесь?

Онъ былъ уже у двери, но эти послѣднія слова остановили его. Онъ вернулся, походилъ нѣсколько минутъ съ рѣзкими движеніями, потомъ остановился съ видомъ человѣка, рѣшившагося на что-нибудь.

— Кто-то высшій предпишетъ мнѣ мое поведеніе, сказалъ онъ, — я посовѣтуюсь съ духами.

Онъ сталъ на колѣни и поднялъ кверху глаза.

— Духи не водятся въ кабинетѣ доктора, сказалъ Ла-Миньеръ. — Вернитесь къ разуму и добрымъ чувствамъ, одушевлявшимъ васъ сію минуту. Встаньте.

Но Поль остался на колѣняхъ еще минуты двѣ, потомъ быстро вскочилъ и сказалъ:

— Гдѣ у меня былъ разсудокъ? зачѣмъ отчаяваться? Я не потерялъ еще Елены. Вотъ что говорятъ духи: «если ты боленъ, этотъ докторъ вылѣчитъ тебя».

— Я буду васъ лѣчить.

— Сколько времени продолжится лѣченіе?

— Этого я не знаю.

— Какъ, сказалъ Поль, — этого вы не знаете, а знаете, что я боленъ? Хороша же ваша наука. Вы знаете все, что должно погубить меня, а не знаете того, что можетъ меня спасти... О! это сонъ, кошмаръ, но кто ему подверженъ? Вы или я? А здѣсь два разсудка, который изъ нихъ больной, который здоровый? который долженъ подчинить себѣ другой? Если я скажу, что это мой, — кто насъ разсудитъ? вы или ваши друзья? Но развѣ не случается, что одинъ человѣкъ бываетъ болѣе правъ, чѣмъ тысячи? Укажите же мнѣ, прошу васъ, неоспоримые признаки вашей правды. Однажды случай заводитъ меня къ вамъ, вы приглашаете меня опять; вы заставляете меня разговориться; я открываюсь вамъ. Вскорѣ къ вамъ является незнакомецъ; онъ требуетъ у васъ мой смертный приговоръ; вы немедленно даете его ему; я прибѣгаю, протестую; вы отвѣчаете мнѣ, что я долженъ умереть.

Онъ протянулъ руку и рѣшительнымъ голосомъ произнесъ:

— М. Г., у васъ былъ другъ, вы его продали; вы были связаны долгомъ, вы нарушили его; вы подлецъ! А! а! я безумецъ, что позволилъ вамъ говорить, когда дѣло такъ ясно. Здѣсь заговоръ противъ меня. Осмѣльтесь отвергать, что вы стоите во главѣ моихъ гонителей! Не перебивайте меня, я вамъ запрещаю это. Вамъ нечего говорить, вы должны дѣйствовать. Хоть капля совѣсти, быть можетъ, въ васъ еще осталась; я взываю къ ней. Вы не хотите видѣть г. Эмбера, хорошо: но вы можете написать ему, что существуетъ два Поля Дидье, один больной, а другой здоровый — я. Вотъ перо! Я больной, а вы докторъ. Долгъ врача хранить тайны, г. докторъ. Законъ васъ обязываетъ къ нему. Вы должны держать тайны. Возьмите перо! Тайна!

Онъ кричалъ изо всей силы.

— Берегитесь, сказалъ докторъ, — у васъ будетъ припадокъ!

— Припадокъ... припадокъ! Ну чтожъ! пусть онъ приходитъ... Припадокъ! я его увижу! кричалъ онъ. — Ну чтожъ! подходи, припадокъ! Смѣлѣй, г. припадокъ! тебя ждутъ! Появись и онъ правъ, если нѣтъ, онъ съумасшедшій! Припадокъ... онъ придетъ... онъ не придетъ... а! а! а!

И онъ началъ судорожно хохотать. Докторъ подошелъ къ двери и удостовѣрился, что лакей былъ близко.

— Ну чтожъ, сказалъ Поль Дидье, продолжая смѣяться, но на этотъ разъ уже естественно, — онъ не пришелъ. Вы осуждены. Посмѣйте повторить мнѣ теперь, что я боленъ, или что я былъ боленъ. Вы должны сознаться, что, будучи врачемъ душевныхъ болѣзней, вы вездѣ видите умалишенныхъ, или что вы сами страдаете падучей болѣзнью. Или признавайтесь, или вы негодяй, мой гонитель. Середины нѣтъ.

— Послушайте, сказалъ докторъ, — ступайте вонъ! Я потерялъ много времени; у меня есть работа. Прощайте!

Онъ отворилъ дверь.

Но съумасшедшій спокойно сѣлъ, со всѣми признаками человѣка, вполнѣ владѣющаго собой и началъ проповѣдывать о важности и о необходимости совѣсти у врачей въ такихъ умныхъ выраженіяхъ, съ такъ хорошо подведенными доказательствами, такимъ серьезнымъ тономъ, что если бы въ эту минуту вошелъ судья, онъ навѣрно арестовалъ бы доктора, лихорадочныя движенія котораго изобличали крайнее раздраженіе.

— Не волнуйтесь, продолжалъ больной, — это вамъ ни къ чему не послужитъ; я доведу васъ до того, до чего вы должны дойти. Отвѣчайте: связываетъ ли доктора долгъ хранить тайны?

— Да, сказалъ докторъ, — кромѣ тѣхъ случаевъ, когда докторъ долженъ стоять послѣ человѣка и маленькій профессіональный долгъ послѣ великаго общественнаго.

— Значитъ вы не скажете Эмберу, что существуетъ два Поля Дидье?

— Нѣтъ.

— Что же вы ему скажете?

— Правду, если онъ придетъ. Ступайте вонъ!

— Хорошо; предположимъ, что вы искренни и что я боленъ, что скажете вы о моей болѣзни.

— Все, что необходимо, чтобы оправдать совѣты, которые я вамъ сейчасъ давалъ.

— Если вы ошибаетесь?

— Послушайте, сказалъ докторъ, выведенный изъ терпѣнія, — долго еще будете вы мнѣ надоѣдать. У меня есть работа.

— Прекрасно. Я ухожу. Выслушайте мои послѣднія слова. Вы сговорились убить меня, я не допущу этого. Я обожаю Елену. Я совершенно здоровъ.

Онъ сильно ударилъ себя въ грудь, которая издала здоровый звукъ; онъ сильно потрясъ руками и ногами, чтобы показать ихъ гибкость; потомъ три раза прыгнулъ очень высоко отъ полу.

— Я пришлю къ вамъ Эмбера, сказалъ онъ. — Если вы его не примете, если вы ему не отвѣтите такъ, чтобы онъ возвратилъ мнѣ ту, которую вамъ поручили у меня отнять... я васъ убью. Это также вѣрно, какъ то, что вы передо мною стоите.

При этихъ словахъ докторъ, который до сихъ поръ едва сдерживался, вышелъ изъ себя.

— Вы меня убьете! вскричалъ онъ. — Но это я долженъ бы былъ убить васъ, существо безполезное, опасное, которое въ моей власти и которое я бы не долженъ былъ выпустить живымъ. Да, эпилептикъ, съумасшедшій, маніакъ, вотъ что вы такое! Самоубійство или убійство вотъ исходъ вашего болѣзненнаго состоянія. Да, черезъ минуту, черезъ годъ, или черезъ нѣсколько лѣтъ, все равно это случится. Я уже видѣлъ васъ здѣсь во время припадка. Если вы избѣжали повторенія его, вы тѣмъ не менѣе организмъ физіологически испорченный и осужденный. Я забочусь о человѣчествѣ, а вы для меня ничтожество. Слышите ли вы? Я сначала говорилъ съ вами съ добротой, какъ съ несчастнымъ, съ нѣжностью, какъ съ другомъ, одну минуту ваше сердце какъ бы почувствовало, поняло...

Онъ остановился, чтобы видѣть впечатлѣніе, произведенное его словами; но лицо съумасшедшаго оставалось холодно; онъ протянулъ ему руку; но тотъ оттолкнулъ ее.

— Да, вы правы, довольно нѣжничать! продолжалъ докторъ, ходя большими шагами по кабинету и говоря самъ съ собою. — Да, будемъ грубы, неумолимы; надо передѣлать существо вещей, особенно человѣка. Посмотрите на этотъ безумный свѣтъ, въ которомъ человѣкъ занимается улучшеніемъ породы своихъ быковъ, собакъ,ословъ, не думая о своемъ собственномъ совершенствованіи, какъ будто бы совершенствованіе его расы должно вдругъ свалиться съ неба! Посмотрите, какъ слабость, отравленіе, смерть уважаются у насъ! Вы заключаете въ себѣ страшный зародышъ болѣзней, безсилія, страданія и мы спокойно допустимъ васъ распространять его, вы свободно будете размножаться и спокойно увѣковѣчивать всѣ эти ужасы! Нѣтъ! нѣтъ! это преступленіе не должно продолжаться.

Въ своемъ увлеченіи онъ подошелъ къ съумасшедшему.

— Вы видите, моей обязанностью было бы уничтожить васъ. Уходите скорѣй!

Онъ его вытолкнулъ изъ комнаты.

— До завтра, закричалъ Поль Дидье у дверей. — Я вамъ даю 24 часа на размышленіе.

— Хорошо, сказалъ докторъ, — вы меня убьете, но не женитесь.

III.

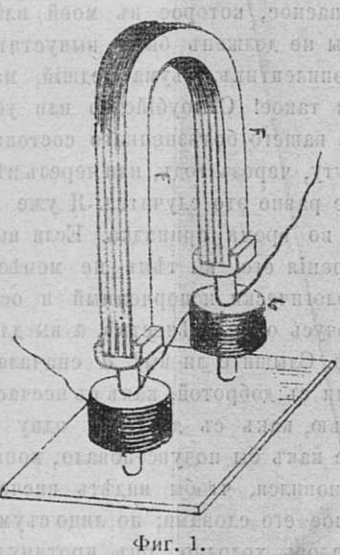
На другой день докторъ получилъ слѣдующее письмо: «Мылостивый государь, Окажите мнѣ великую милость и примите меня къ себѣ сегодня въ 4 часа. Горесть П. Д. приводитъ меня въ отчаяніе; его увѣренія смущаютъ меня. Я приходилъ вчера къ вамъ, но не былъ принятъ; онъ настаиваетъ; васъ не было дома, говоритъ онъ, а вы сами желаете меня видѣть. Что предположить? Въ 4 часа умоляю васъ. Свидѣтельствую вамъ мое глубокое уваженіе,

«Эмберъ

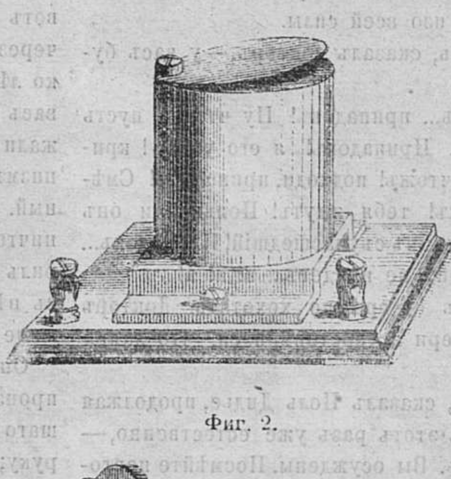
«Я распечаталъ мое письмо, чтобы приписать. Викторина, горничная моей дочери, увѣдомила меня объ очень важномъ фактѣ. Вчера вечеромъ П. Д. далъ ей банковый билетъ въ тысячу франковъ съ тѣмъ, чтобы она помогала ему въ похищеніи моей дочери. Къ этимъ деньгамъ онъ прибавилъ угрозы смерти, которыя привели ее въ ужасъ. Было рѣшено, что сегодня, послѣ полудня, она выйдетъ съ своей госпожей подъ предлогомъ прогулки и приведетъ ее въ улицу св. отцовъ, гдѣ онъ будетъ ждать въ каретѣ. Эта дѣвушка, не устоявъ противъ угрызеній совѣсти, и вся въ слезахъ, передала мнѣ этотъ возмутительный проектъ человѣка, очевидно доведеннаго до крайности сознаніемъ своего ужаснаго положенія и отсрочкой отвѣта, отъ котораго, можетъ быть, зависитъ его судьба. Неужели же, милостивый государь, я долженъ еще долго жить въ подобномъ страхѣ и неужели вы мнѣ откажете въ милости, о которой я васъ умоляю?»

Въ 4 часа докторъ былъ въ своемъ кабинетѣ, когда его лакей ввелъ къ нему очень молодую дѣвицу. Она остановилась на порогѣ, робкая и улыбающаяся. Лучъ солнца, падая ей на голову, покрылъ золотыми искрами ея бѣлокурые волосы; ея щеки, покрытыя румянцемъ, имѣли бархатистую свѣжесть персика. Гибкая талія, полный станъ заканчивали типъ прелестнѣйшей дѣвушки.

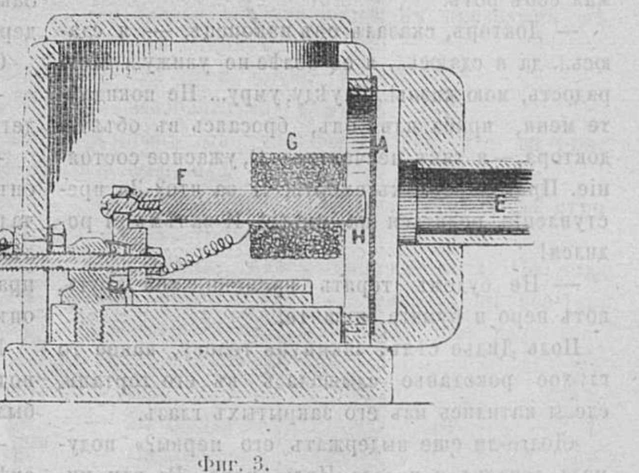
— Рубенсовская красота, прошепталъ докторъ, большой любитель живописи.—И какое еще дитя, прибавилъ онъ, взглянувъ на невинное выраженіе ея личика, которое не согласовалось съ красивѣйшей округлостью ея формъ. Онъ любезно предложилъ ей войти и сѣсть. Она начала говорить, немного конфузясь, что ее послалъ отецъ, и, пристально посмотрѣвъ на доктора своими наивными, чудными глазами, продолжала:



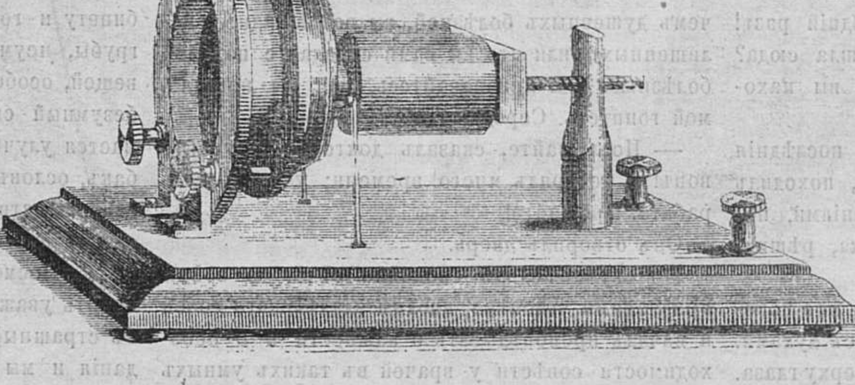
Фиг. 1.



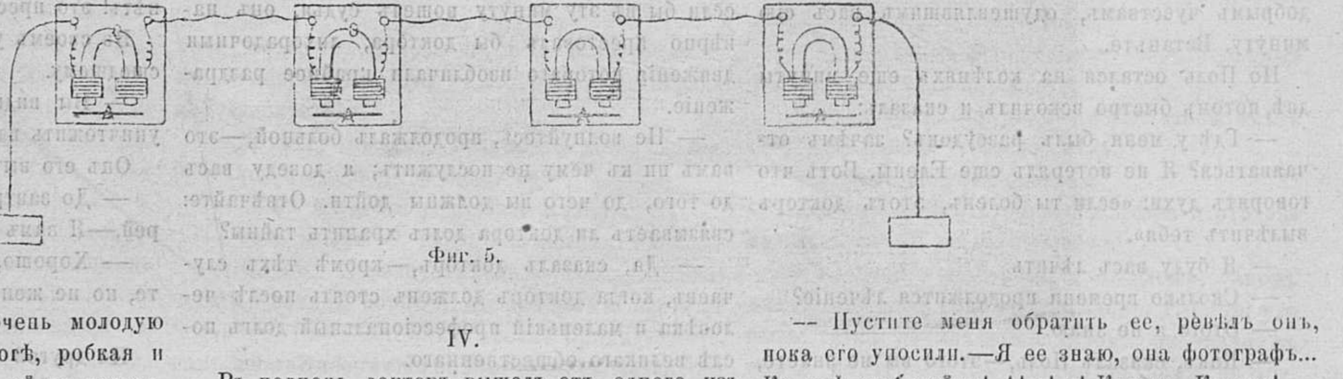
Фиг. 2.



Фиг. 3.



Фиг. 4.



Фиг. 5.

— Вы, кажется, очень добры; какимъ же образомъ можете вы быть врагомъ, гонителемъ Поля Дидье?

При этихъ словахъ вошелъ Эмберъ.

— Я хотѣлъ, чтобы вы ее сперва увидали, шепнулъ онъ доктору,—и послалъ ее впередъ себя.

Докторъ увелъ его въ амбразуру окна.

— Покиньте немедленно домъ, въ которомъ вы живете, скройтесь на нѣкоторое время. Идите, не теряйте ни минуты, идите.

Тонъ его голоса, его взглядъ дополнили его слова, Эмберъ подавилъ едва было не вырвавшійся крикъ и увелъ свою удивленную дочь.

— Это было бы преступленіемъ! сказалъ докторъ, смотря ей вслѣдъ.

IV.

Въ полночь, докторъ вышелъ отъ одного изъ своихъ собратовъ. Придя домой и запирая дверь на улицу, онъ почувствовалъ, что его схватили за воротъ и, не давъ опомниться, ударили ножемъ между плечъ. Онъ упалъ. Убійца наклонился надъ нимъ, дотронулся до крови, вытекавшей изъ раны и сказалъ: «О, какая пріятная, теплая! Это за Елену и за духовъ!...» Потомъ онъ вышелъ, заперевъ за собою дверь. Одинъ изъ жильцовъ, войдя чрезъ нѣсколько секундъ, наткнулся на тѣло и позвалъ на помощь. Сбѣжались люди. Жертва еще дышала. Лакей доктора прибѣжалъ, рыдая. Вскорѣ весь домъ собрался со слезами и вопросами.

Докторъ сдѣлалъ знакъ, всѣ замолчали, и, собравъ свои послѣднія силы, онъ произнесъ слѣдующія слова:

— Убійца, съумасшедшій... эпилептическая манія... скажите это судьямъ

Четверть часа спустя онъ умеръ.

IV.

Черезъ мѣсяцъ Поль Дидье былъ найденъ въ одной деревнѣ, въ окрестностяхъ Парижа.

Однажды утромъ, толпа окружила человѣка, бьющагося въ припадкѣ падучей болѣзни. Припадокъ, казалось, окончился; больной стоялъ на ногахъ, какъ вдругъ, испустивъ дикое рычаніе и выхвативъ изъ кармана ножъ, онъ бросился на одну молодую дѣвушку и ударилъ ее въ плечо.

У него вырвали оружіе, повалили его на землю и связали.

— Пустите меня обратить ее, ревѣлъ онъ, пока его уносили.—Я ее знаю, она фотографъ... Ко мнѣ альбигойцы! А! а! а! Катаро, Катаро!

Несчастный находится теперь въ съумасшедшемъ домѣ.

Телефонъ.

Между изобрѣтеніями, оказавшими громадное вліяніе на судьбы человѣчества, телеграфу безспорно принадлежитъ очень видная роль. Какъ извѣстно, помощью телеграфа мы въ состояніи передать свою мысль на громадныя разстоянія, чрезъ океаны и пустыни и притомъ съ невѣроятною скоростью. Но телеграфъ — приборъ сложный, требующій спеціальнаго изученія и передающій человѣческую рѣчь буквами или же условными знаками, что, при автоматическомъ дѣйствіи прибора и при весьма понятныхъ ошибкахъ телеграфистовъ, часто сопровождается искаженіемъ смысла передаваемой депеши. Самое проведеніе телеграфной линіи, содержаніе телеграфныхъ станцій и штата спеціально подготовленныхъ телеграфистовъ требуетъ значительныхъ расходовъ, а это обстоятельство, въ свою очередь, по необходимости, обусловливаетъ высокую норму платы за телеграфныя депеши.

Непрошенныя учительницы.

Вотъ почему уже издавна физики отыскивали болѣе простой способъ передачи мысли, задавшись идеею изобрѣтенія такого прибора, помощью котораго мысль передавалась бы въ живыхъ звукахъ человѣческой рѣчи. Но всѣ достигнутые въ этомъ смыслѣ результаты были сомнительны и даже лучшій аппаратъ, изобрѣтенный профессоромъ физики Рейсомъ, дѣйствовалъ несовершенно и лишь на небольшихъ разстояніяхъ. Кромѣ того всѣ изобрѣтатели старались пріурочить свой приборъ къ передачѣ музыкальныхъ звуковъ и только въ послѣднее время идея начала вырабатываться преимущественно по отношенію къ перадачѣ членораздѣльныхъ звуковъ человѣческаго голоса. Въ результатѣ всего ряда этихъ попытокъ получился телефонъ,—приборъ, которому, повидимому, суждено совершить переворотъ въ существующихъ способахъ быстрой передачи мысли на большія разстоянія. Помощью телеграфа мы пишемъ, помощью же телефона мы говоримъ.

Честь изобрѣтенія телефона принадлежитъ Соединеннымъ Штатамъ сѣверной Америки, которые вообще сильно усовершенствовали телеграфное дѣло. Первый телефонъ, бывшій на филадельфійской выставкѣ 1876 г., изобрѣтенъ жителемъ Бостона, шотландскимъ выходцемъ Александромъ Грэгемомъ Беллемъ. Въ городѣ Салемъ (штатъ Массачузетсъ) Белль читалъ лекцію о новоизобрѣтенномъ имъ аппаратѣ въ присутствіи представителей прессы, членовъ разныхъ учебныхъ заведеній и аудиторіи, состоящей изъ пятисотъ интеллигентныхъ слушателей. Помѣстивъ телефонъ на столѣ и соединивъ его предварительно проволокою съ такимъ же аппаратомъ, находящемся въ Бостонѣ, на разстояніи 143 англійскихъ миль отъ Салема, Белль выяснилъ сначала идею изобрѣтенія и затѣмъ произвелъ начальный опытъ надъ новоизобрѣтеннымъ приборомъ. Звуки органа, пѣнія, кашля, смѣха, самыя отрывистыя восклицанія вродѣ good night (покойной ночи), произнесенныя въ Бостонѣ, были отчетливо слышны публикѣ аудиторіи въ Салемѣ. Трудно передать общій восторгъ присутствующихъ. Газеты разнесли славу новаго изобрѣтенія, а въ настоящее время существуютъ уже телефонныя линіи сообщенія и остроумное изобрѣтеніе приковало къ себѣ вниманіе всего міра.

На прилагаемыхъ рисункахъ (фиг. 1 и 2) изображенъ телефонъ Белля въ его первоначальномъ видѣ. Приборъ отправляющій (ф. 2) состоитъ изъ горизонтальнаго электро-магнита, расположеннаго на подпоркѣ въ 7,8 сантиметровъ вышины, которая, въ свою очередь, прикрѣплена къ деревянной платформѣ. Противъ полюса магнита расположено вертикально латунное кольцо, затянутое перепонкой, которая натягивается и ослабляется помощью трехъ винтиковъ. Въ серединѣ перепонки укрѣплена продолговатая и очень тонкая пластинка изъ мягкаго желѣза, направленная къ полюсамъ магнита. Звуковыя волны, посредствомъ воздуха, вызываютъ дрожаніе перепонки и прикрѣпленной къ ней тонкой желѣзной пластинки, которая, прикасаясь къ электро-магниту, возбуждаетъ электрическій токъ въ изолированной, шелкомъ обмотанной, проволокѣ, обвивающей электромагнитъ. Возбужденный такимъ образомъ электрическій токъ соотвѣтствуетъ колебаніямъ перепонки, а слѣдовательно, и звуковымъ волнамъ, колеблющимъ перепонку. Токъ направляется затѣмъ по обыкновенной телеграфной проволокѣ до другой станціи, гдѣ находится принимающій аппаратъ (ф. 1). Этотъ послѣдній состоитъ изъ вертикальнаго электро-магнита, замкнутаго въ короткій цилиндръ изъ мягкаго желѣза. Надъ нимъ прикрѣплена крышка изъ тонкой желѣзной жести такимъ образомъ, что она можетъ свободно колебаться надъ электро-магнитомъ. Электрическій токъ, направленный изъ отправляющей станціи, вызываетъ дрожаніе или вибрацію крышки принимающаго аппарата соотвѣтственно звуковымъ волнамъ на отправляющей станціи. Наконецъ, дрожаніе крышки передается окружающему воздуху, который вызываетъ въ слуховомъ органѣ принимающаго депешу ощущеніе звука голоса того лица, которое говоритъ на отправляющей станціи.

Ясное дѣло, что при такомъ устройствѣ телефона на каждой станціи долженъ бы быть и отправляющій и принимающій аппараты. Но въ настоящее время Белль устранилъ это неудобство. Новый усовершенствованный телефонъ Белля (ф. 4 и 5) состоитъ изъ сильнаго подковообразнаго магнита F, оба конца или полюсы котораго обернуты изолированною проволокою G. На передней сторонѣ H обоихъ полюсовъ находится тонкая желѣзная пластинка A, а передъ нею отверстіе голосовой трубки E, концентрирующей звуки и сообщающей ихъ желѣзной пластинкѣ A. Весь аппаратъ помѣщается въ деревянномъ ящикѣ, а магнитъ F устроенъ такимъ образомъ, что, помощью винта I, его можно приблизить или удалить отъ пластинки или діафрагмы A.

Изъ физики извѣстно, что колебаніе стали или желѣза противъ полюсовъ магнита вызываетъ въ обвивающей магнитъ изолированной проволокѣ электрическій токъ, продолжающійся ровно столько, сколько будетъ продолжаться колебаніе желѣзной пластинки близкой къ магниту. Если затѣмъ звуковыя волны, положимъ, человѣческаго голоса, начинаютъ колебать желѣзную пластинку A, то въ проволокѣ G проявляется соотвѣтственный этимъ колебаніямъ электрическій токъ, который по обыкновенной телеграфной проволокѣ можно направить куда угодно. На принимающей станціи токъ входитъ въ приборъ совершенно такой же, какой мы сейчасъ описали, только входитъ по проволокѣ съ задней стороны аппарата; затѣмъ начинаетъ колебать діафрагму A, эта послѣдняя передаетъ колебаніе воздуху въ трубѣ E и ухо наблюдателя въ совершенствѣ получаетъ впечатлѣніе звука, исходящаго изъ первой станціи. Въ случаѣ большихъ разстояній устраиваются станціи, какъ это видно на рисункѣ (фиг. 3).

Вотъ остроумная идея этого прибора, изложенная въ нашей замѣткѣ настолько спеціально, насколько позволяетъ характеръ нашего журнала. Въ настоящее время идея телефона постоянно совершенствуется, хотя основной принципъ остается неизмѣннымъ. Въ продажѣ явились телефоны для домашняго употребленія и стоимость ихъ настолько невысока, а обращеніе съ ними настолько просто, что употребленіе телефона необходимо сдѣлается весьма распространеннымъ. Въ Петербургѣ пара телефоновъ продается отъ 10 р. Но въ Берлинѣ цѣна ихъ дошла до 1 р. 50 коп. на наши деньги. Наше телеграфное вѣдомство весьма чутко отнеслось къ новому изобрѣтенію и уже устроило телефонную линію между Петербургомъ и Колпиномъ на разстояніи 24 верстъ. Во многихъ частныхъ домахъ тоже усроены телефоны, а на станціи Петерб.-Варш. жел. дороги телефономъ соединяются двѣ конторы эксплуатаціи дороги, имѣющія между собою безпрестанныя служебныя отношенія. Говорятъ, что и военное вѣдомство обратило вниманіе на этотъ аппаратъ, съ цѣлью примѣнить его на театрѣ военныхъ дѣйствій и, нѣтъ сомнѣнія, результаты получатся самые удовлетворительные, такъ какъ для обращенія съ телефономъ не требуется спеціальныхъ знаній.

Мы имѣли случай бесѣдовать по телефону и личнымъ своимъ опытомъ въ состояніи подтвердить все, что до сихъ поръ говорилось и писалось объ этомъ изобрѣтеніи. Звуки, передаваемые телефономъ, при всей ихъ отчетливости, имѣютъ тембръ, такъ сказать, придавленный, что придаетъ голосу волшебную таинственность

Телефонъ, въ настоящее время уже дѣйствуетъ между Франціей и Англіей. «Morning Post» сообщаетъ слѣдующія подробности о первомъ опытѣ, произведенномъ 13 ноября, между бухтою Сент-Маргаретъ, на англійскомъ берегу, и Сангаттомъ на французскомъ берегу,—т. е. на разстояніи 30 верстъ. Для опыта былъ употребленъ подводный кабель изъ четырехъ проволокъ, служащихъ проводниками. Сначала одну изъ этихъ проволокъ привели въ сообщеніе съ обыкновеннымъ телеграфнымъ аппаратомъ въ Сент-Маргаретѣ; затѣмъ, когда всѣ приготовленія были окончены, корреспонденту, находившемуся въ Сангаттѣ, телеграфировали, чтобы онъ приготовилъ телефонную трубку для воспріятія звука. Когда это было сдѣлано, вопросъ: «Готовы-ли вы?» дошелъ съ французскаго берега до слуха инспектора телеграфныхъ сообщеній Соединеннаго королевства; слова эти были слышны такъ явственно, какъ если бы говорившее лицо находилось всего въ нѣсколькихъ футахъ разстоянія. Затѣмъ впродолженіи почти двухъ часовъ происходилъ обмѣнъ вопросовъ и отвѣтовъ то на французскомъ, то на англійскомъ языкѣ. Одна дама спросила: «Знаете-ли вы, кто я?» Отвѣтъ: «Нѣтъ, но я узнаю женскій голосъ.» Одинъ господинъ, сдѣлавъ шутливое замѣчаніе, приложилъ вслѣдъ затѣмъ ухо къ телефону и воскликнулъ: «Я слышу смѣхъ нѣсколькихъ человѣкъ!» Нѣсколько молодыхъ людей были приглашены пѣть и насвистывать сначала на англійскомъ берегу, а потомъ на французскомъ,—звуки эти передавались съ полнѣйшею отчетлявостью. «Times» сообщаетъ, что телефонъ подвергся въ Англіи различнымъ видоизмѣненіямъ, дозволяющимъ расширить сферу его примѣненія. Нашли способъ придѣлать его къ каскѣ водолазовъ, такъ что разговоръ можетъ происходить подъ водою съ такою же легкостью, какъ еслибъ собесѣдники стояли другъ подлѣ друга. Такъ какъ воздухъ, которымъ дышетъ водолазъ представляетъ давленіе нѣсколькихъ атмосферъ, то надо было изобрѣсти особое приспособленіе, помощью котораго звуковыя волны могли бы передаваться изъ сжатаго воздуха въ обыкновенную атмосферу, и обратно. Два инженера напали на мысль придѣлать къ анемометру,—прибору, указывающему движеніе воздуха, вводимаго въ шахты посредствомъ машинъ для накачиванья воздуха, небольшую стальную пружинку, которую зубчатое колесо приводитъ въ движеніе передъ магнитомъ, расположеннымъ недалеко отъ нея. Дрожаніе это передается посредстомъ телеграфной проволоки другой металлической пластинкѣ, движенія которой позволяютъ опредѣлить, насколько удовлетворительна вентиляція подъ землею. Какъ въ Англіи, такъ и во Франціи, начинаютъ убѣждаться, что не слѣдуетъ употреблять одну и ту же трубу для передачи и для воспріятія звуковъ, такъ какъ чрезвычайно неудобно прикладывать поочередно, къ одному тому же отверстію, то ротъ, то ухо. Для того, чтобы дѣйствовать хорошо, телефоны должны состоять изъ двухъ совершенно одинаковыхъ аппаратовъ, изъ которыхъ одинъ служитъ для передачи звуковъ, другой—для воспріятія ихъ. Кромѣ того, нужно, чтобъ электрическій сигналъ позволялъ переговаривающимся предупреждать другъ друга.

Нѣмцы не желаютъ признавать славы изобрѣтенія телефона за американцами. «Neue Freie Presse» получила отъ физическаго общества во Франкфуртѣ-на-Майнѣ слѣдующее заявленіе: «По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ всѣми газетами, едва ли можно еще сомнѣваться въ важности и пользѣ телефона; но объ изобрѣтателѣ этого замѣчательнаго прибора распространяются нѣкоторые ложные слухи. Теперь, кажется, всѣмъ уже извѣстно, что это изобрѣтеніе не американское, а нѣмецкое; по этому поводу не можетъ быть и спора, такъ какъ въ Ежегодникѣ физическаго общества во Франкфуртѣ-на-Майнѣ за 1850—61 г. помѣщено описаніе прибора, составленное самимъ изобрѣтателемъ, съ рисунками. Франкфуртскій професcоръ Бетгеръ, членъ общества, въ то время весьма интересовался этимъ приборомъ и былъ, такъ сказать, крестнымъ отцомъ изобрѣтенія; приборъ былъ изготовленъ въ механической мастерской Альберта. Въ учебникѣ физики Пулье-Мюллера, въ «Книгѣ открытій» и пр., находятся чертежи и описанія этого прибора. Имя изобрѣтателя—Филиппъ Рейсъ, бывшій учителемъ во Фридрихсдорфѣ (близь Гомбурга); онъ умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Мѣсто его рожденія—Гельнгаузенъ (въ Кургессенѣ). Недавно д-ръ Теодоръ Клеменсъ изъ Франкфута-на-Майнѣ заявилъ притязанія на первенство въ этомъ изобрѣтеніи, говоря, что онъ еще въ 1853 году производилъ относящіеся сюда опыты; но такъ какъ онъ опубликовалъ свѣдѣнія о своемъ приборѣ только въ 1863 году, то, по принятому въ наукѣ обыкновенію, долженъ уступить право первенства Филиппу Рейсу.»

Новости наукъ и жизни.

— Общество вскрытія труповъ. Въ «Бирж. Вѣд.» пишутъ: въ гезетѣ «Temps» сообщаютъ, въ Парижѣ существуетъ «общество взаимнаго... чего бы вы думали? — вскрытія труповъ!» Нѣсколько антропологовъ, ученыхъ и медиковъ собрались и составили уставъ, въ силу котораго каждый членъ «общества» обязанъ завѣщать ему трупъ свой. Въ параграфѣ, относящемся къ этому обязательству, сказано, что остающіеся въ живыхъ члены могутъ распоряжаться трупомъ своего собрата, какъ имъ угодно, лишь бы это послужило въ пользу наукѣ. «Общество» считаетъ уже достаточное количество членовъ. У нихъ происходятъ собранія. Какъ только кто-нибудь изъ членовъ умретъ, тотчасъ же приступаютъ къ дѣлу. Вскрытіе совершается по всѣмъ правиламъ науки. Ни одной слезы не бываетъ пролито. Чувствительность у людей науки есть слабость. Больные органы сохраняются; ихъ откладываютъ въ сторону. Вечеромъ, послѣ этого пріятнаго дня, дѣйствительные члены устраиваютъ банкетъ. Спиритуалисты пьютъ за будущую жизнь покойника; другіе просто для утоленія жажды. И чѣмъ интереснѣе была болѣзнь, тѣмъ выразительнѣе и многочисленнѣе тосты. Театромъ этихъ празднествъ бываетъ зала въ одномъ ресторанѣ. Когда головы разгорячатся, цвѣты, украшающіе столъ, снимаются и, словно по волшебству, замѣняются какимъ-то таинственнымъ пріемникомъ. Президентъ встаетъ и, торжественно приподнявъ стеклянный колпакъ, открываетъ рядъ стклянокъ, наполненныхъ спиртомъ, гдѣ находятся драгоцѣнные останки сочлена, завѣщаніе котораго послужило предлогомъ къ этому пріятному развлеченію. Этимъ дѣло не ограничиваются. «Общество» составляетъ протоколы, которымъ предназначено храниться въ архивахъ. Оно завело музей, гдѣ красуются подъ разными ярлычками любопытные экземпляры предметовъ вскрытія. Музей смотритъ очень привѣтливо, такъ что порождаетъ въ посѣтителѣ желаніе заснуть тамъ сномъ непробуднымъ. Но, оставляя шутки, это парадоксальное «общество» все-таки имѣетъ свое raison d'être. Оно, очевидно, имѣетъ цѣлью протестовать противъ отвращенія существующаго въ большей части общества ко вскрытію труповъ. Извѣстно, напримѣръ, что еще весьма недавно вдова Тьера воспротивилась бальзамированію тѣла ея мужа. Но предразсудки живучи, и новому «обществу», вѣроятно, не скоро удастся достигнуть желаемой цѣли.

Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій.

Втеченіе прошлой недѣли получены слѣдующія телеграммы его императорскаго высочества Главнокомандующаго изъ Богота:

1) Отъ 13-го декабря. — Князь Рейссъ телеграфируетъ, черезъ Берлинъ, что въ Константинополь привезены и водворены въ сераскеріатѣ наши плѣнные офицеры: сѣвскаго полка штабсъ-капитанъ Сучковъ, орловскаго полка командиръ полковникъ Клевезаль, штабсъ-капитаны: Домбровскій и Резовъ, подпоручики Сотскій и Уласкевичъ; всѣ ранены. Состояніе ихъ здоровья удовлетворительно.

Румыны заняли, 10-го декабря, Орцелпаланку, которую турки очистили безъ боя, и начали укрѣпляться.

11-го декабря, на восточномъ фортѣ дивизіонъ чугуевскихъ уланъ съ двумя орудіями, посланный на развѣдку, встрѣтилъ у Сида турецкій транспортъ, захватилъ 100 лошадей, 400 быковъ и 600 барановъ, изрубилъ 26 человѣкъ, взялъ въ плѣнъ 18, а остальное прикрытіе преслѣдовалъ почти до Яслара; у насъ два улана ранены, офицеръ и два улана контужены.

Въ прочихъ пунктахъ новаго ничего нѣтъ; морозъ продолжается; рукава Дуная у куржевскаго берега замерзли. Въ Орханійской долинѣ морозъ дошелъ вчера до 18-ти градусовъ, а въ горахъ больше 20-ти. Плѣнные турки уже всѣ отсюда отправлены.

По точному счету, численность взятой въ плѣнъ арміи Османа-паши оказалась 44,000, не считая убитыхъ и умершихъ отъ ранъ въ день боя 28-го ноября. Теперь еще осталось въ Плевнѣ 3,600 раненыхъ и больныхъ турокъ на нашемъ попеченіи.

2) Отъ 14-го декабря. — Генералъ Арнольди доноситъ, что, по занятіи Берковца, былъ выдвинутъ на дорогу къ Бѣлградчику эскадронъ маріупольскихъ гусаръ, который 9-го декабря вошелъ въ связь съ сербами, выдвинувшими небольшой отрядъ отъ св. Николая къ Чупрену. На другой день 10-го декабря, эскадронъ лейбъ-гвардіи гродненскаго гусарскаго полка и эскадронъ харьковскихъ уланъ двинулись отъ Берковца чрезъ Чипровацъ и Чупренъ къ Пироту; теперь должны уже быть тамъ. Въ Белисмирѣ встрѣченъ сербскій разъѣздъ при офицерѣ, отъ котораго получено свѣдѣніе, что моравскій отрядъ Лешанина обложилъ Нишъ, что тимокскій отрядъ Хорватовича обложилъ Пиротъ, а шумадійскій отрядъ Бѣломарковича подступилъ къ Акъ-Паланкѣ.

Сербскія войска обложили Нишъ и Акъ-Паланку, выдвинули отрядъ на дорогу изъ Бѣлградчика въ Берковацъ къ Чупрену и вошли въ связь съ нашими войсками, а наши съ сербами къ Пироту.

На восточномъ фронтѣ наши разъѣзды ходили вчера до Бушизмы, Иванъ-Чифтлика, Костанцы. За послѣднею деревнею замѣтили довольно большой лагерь. При отбитіи турецкаго транспорта, 12-го декабря, отрядомъ командовалъ полковникъ Полтарацкій; настоящее дѣло было не у Сида, а у Аяслара, гдѣ и взятъ транспортъ, а прикрытіе разбито и обращено въ бѣгство; у Сида были отбиты только лошади. Особую похвалу заслужилъ взводъ 18-й конной батареи штабсъ-капитана Адреянова; у насъ контуженъ чугуевскаго уланскаго полка поручикъ Ене.

На Дунаѣ сильный сплошной ледоходъ.

3) Отъ 17-го декабря.—На восточномъ фронтѣ турки, повидимому, вездѣ отступили, оставивъ лишь заслоны изъ небольшихъ отрядовъ войскъ и вооруженныхъ жителей. Послѣдніе, уходя въ лѣсъ, зажигаютъ деревни. Наши видѣли, какъ турецкая пѣхота разбирала строенія Іованъ-Чифтлика; Аясларъ нашли уже въ пламени. У Мехтемера разъѣздъ почти увязъ въ глубокомъ снѣгу. Всѣ горныя рѣчки сперва разлились, а потомъ стали покрываться льдомъ; мосты на нихъ почти всѣ снесены.

Сербы взяли 7-го декабря проходъ св. Николая, съ потерею 3 убитыми и 13 ранеными. 11-го декабря атаковали Куршумле, занятое 400 человѣками низама и 2,000 арнаутовъ и баши-бузуковъ, выбили ихъ и овладѣли этимъ пунктомъ, взявъ лагерь, оружіе, боевые припасы и лошадей.—12-го декабря, послѣ 8-ми часового боя, сербы взяли Акъ-Паланку и отбросили турокъ на Лесковецъ, овладѣвъ при этомъ тремя орудіями; потеря незначительна, благодаря тому, что сербамъ удалось, пользуясь туманомъ, перейти Нишаву незамѣтно и обойти турецкую позицію.

Послѣ неимовѣрно труднаго похода черезъ снѣжныя горы по обледенѣлымъ тропинкамъ, при жестокомъ морозѣ и вьюгѣ, таща на своихъ плечахъ 9-ти фунтовыя орудія, пролагая новыя дороги, авангардъ войскъ Западнаго отряда овладѣлъ выходами изъ Балканъ между Арабконакомъ и Софіей, а кавалерія стала уже на софійскомъ шоссе. Благодаря тому, что непріятель былъ захваченъ врасплохъ, мы потеряли при дебушированіи изъ горъ только пять человѣкъ ранеными (два въ преображенскомъ полку и три кавказской казачьей бригады). На сколько труденъ переходъ черезъ Балканы въ настоящее время года, видно уже изъ того, что отъ Врачеша до Негошева, Елишницъ и Желявъ пришлось идти почти три дня. Дальнѣйшихъ подробностей еще не получено.

— Нашъ доблестный флотъ снова отличился блистательными подвигами. О нихъ сообщено въ слѣдующихъ трехъ телеграммахъ главнаго командира черноморскаго флота:

Получивъ телеграмму отъ командира парохода «Россія», флигель-адъютанта Баранова, честь имѣю донести слѣдующія подробности: Пароходъ «Россія», на пути отъ Босфора къ Пендеракліи, приблизился къ ней ночью, имѣя въ виду произвести рано утромъ атаку, но, съ разсвѣтомъ замѣтивъ въ морѣ дымъ, значительность котораго обнаруживала большое судно, измѣнилъ свой курсъ, взявъ нѣсколько мористѣе, чтобы при встрѣчѣ съ болѣе сильнымъ противникомъ сохранить за собою свободу дѣйствій и не быть прижатымъ къ берегу. Въ 8 час. утра 13-го декабря ясно обозначился корпусъ трехмачтоваго винтоваго судна, шедшаго прямо на пароходъ «Россію», который поднялъ свой флагъ и, подойдя ближе, сдѣлалъ выстрѣлъ подъ носъ встрѣчнаго судна, которое, не поднимая флага, измѣнило свой курсъ и бросилось въ берегъ. Съ «Россіи» данъ былъ еще выстрѣлъ и затѣмъ она стала прижимать пароходъ въ бухту, послѣ чего на турецкомъ пароходѣ на нѣсколько мгновеній былъ поднятъ трехполосный флагъ. Опасаясь продлить погоню до Пендеракліи, командиръ рѣшилъ кончить съ этимъ пароходомъ и, приблизившись еще, послалъ ему 8-ми дюймовую бомбу, которая легла вплотную и заставила его остановить ходъ, послѣ чего «Россія» сталъ еще болѣе приближаться къ нему и командиръ парохода послалъ на паровомъ катерѣ лейтенанта Зарина сдѣлать осмотръ парохода и его бумагъ, имѣя въ виду, въ случаѣ сопротивленія, сосредоточеннымъ залпомъ уничтожить его. Черезъ нѣсколько минутъ на пароходѣ взвился турецкій флагъ, тотчасъ замѣнившійся русскимъ, подъ которымъ поднятъ былъ турецкій. Овладѣвъ такимъ образомъ пароходомъ и приблизительно приведя въ извѣстность находившееся на немъ, оказалось, что кромѣ команды, взятъ цѣлый таборъ анатолійскаго низама съ командиромъ, штабъ-офицеромъ и десятью оберъ-офицерами, военно- и просто плѣнныхъ 700 человѣкъ. Временнымъ командиромъ приза назначенъ старшій офицеръ капитанъ 2-го ранга Сутковой и «Россія», взявши турецкій пароходъ на буксиръ, повела его въ Севастополь. Въ моментъ выхода изъ бухты по правому траверсу было хорошо видно большое паровое судно, шедшее въ Пендераклію, которое, однако, не рѣшилось преслѣдовать «Россію». На слѣдующій день утромъ пароходъ «Россія», вмѣстѣ съ взятымъ имъ призомъ, прибылъ въ Севастополь, и сдавъ тамъ плѣнныхъ и оставивъ призъ, отправился по назначенію.

2) По дополнительнымъ свѣдѣніямъ, полученнымъ мною отъ контръ-адмирала Попандопуло и флигель-адъютанта Баранова оказывается, что на взятомъ пароходѣ нижнихъ чиновъ 785, штабъ-офицеровъ 4, оберъ-офицеровъ 9, морской лейтенантъ 1, двѣ кавалерійскихъ лошади, 12 женщинъ съ дѣтьми, много провіанта и много казенныхъ денегъ. По приказанію моему назначена портовая коммисія для приведенія всего въ извѣстность. Всѣ плѣнные сданы въ Севастополь: 58 поступило въ сухопутный лазаретъ; 14 офицеровъ, 133 унтеръ-офицера и 12 женщинъ съ дѣтьми, командиръ взялъ съ собою на «Россію», для доставленія въ Одессу. По показанію турецкихъ офицеровъ, оказывается, что взятый винтовой пароходъ былъ одинъ изъ трехъ конвоированныхъ двумя броненосцами.

3) Командиръ парохода «Константинъ», капитанъ-лейтенантъ Макаровъ, доноситъ мнѣ подробности дѣла, о которомъ спѣшу телеграфировать вашему превосходительству, въ дополненіе ко вчерашней моей телеграммѣ. Пароходъ «Константинъ», въ сумерки 15-го числа, подошелъ къ Поти и узналъ отъ коменданта, что въ послѣднее время здѣсь находятся шесть турецкихъ судовъ, изъ которыхъ два бомбардировали укрѣпленіе Николая, два стояли у Цихидзири и два въ Батумѣ. Макаровъ, стараясь ускорить дѣло, подошелъ вплоть къ Батуму, немедля спустилъ минные катера: «Чесму», съ самодвижущеюся миною, командиръ лейтенантъ Зацаренный, волонтеръ мичманъ Залѣскій; катеръ «Синопъ» съ такою же миною на отдѣльномъ плотѣ, командиръ лейтенантъ Щетинскій, гардемаринъ Твердомедовъ, механикъ Красноштановъ; катеръ «Сухумъ-Кале», командиръ мичманъ Нельсонъ-Гирстъ, штурманъ Максимовичъ; катеръ «Наваринъ», командиръ лейтанантъ Вишневецкій, дворянинъ Велиховъ. Начальствующимъ надъ всѣми катерами назначенъ былъ лейтенантъ Зацаренный. Катера, отваливъ отъ борта въ 10 часовъ, долго искали Батума, по случаю темной ночи, отсутствію маяковъ и городскихъ огней, и потому только въ полночь вошли на рейдъ, гдѣ увидѣли два броненосца. Зацаренный, рѣшивъ напасть на трехмачтовый, типа «Махмудъ», и выбравъ выгодное положеніе, пустилъ мину съ «Чесмы»; ему принадлежитъ честь перваго боеваго выстрѣла самодвижущеюся миною въ настоящую войну; мина хорошо подошла и взорвалась подъ трубою броненосца: раздались крики ужаса; по всему берегу открылся сильный ружейный огонь; вслѣдъ затѣмъ, съ катера «Синопъ» также хорошо направилъ и спустилъ мину Щетинскій, которая взорвалась подъ гротъ-мачтою броненосца, причемъ послѣдовали снова крики отчаянія; затѣмъ всѣ катера быстро выбѣжали изъ подъ выстрѣловъ, и, благодаря Бога, не смотря на сильный огонь, убитыхъ и раненыхъ нѣтъ. Увидя сигналъ приближающихся катеровъ, пароходъ «Константинъ» далъ полный ходъ и почти вбѣжалъ въ бухту, съ цѣлью скорѣе подхватить катера; тѣмъ не менѣе, катера «Сухумъ» и «Наваринъ» разлучились, и капитанъ Макаровъ, послѣ поисковъ до пяти часовъ утра, принявъ свои катера, отправился въ Севастополь. Командиръ парохода, отдавая въ своемъ донесеніи полную справедливость отличному приспособленію этихъ минъ въ Николаевѣ, произведенному лейтенантовъ Рончевскимъ и подпоручикомъ Максимовымъ, отзывается съ особенною похвалою о Зацаренномъ и Щетинскомъ, командовавшими катерами; о старшемъ офицерѣ лейтенантѣ Давыдовѣ, мичманѣ Залѣскомъ и механикахъ: Павловскомъ и Красноштановѣ. Вчерашняя телеграмма моя была основана на донесеніи Обезьянинова.

Телеграммы.

Бѣлградъ, 16-го декабря. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, сербская армія, послѣ двухдневнаго боя, взяла сильную и хорошо защищенную позицію Пиротъ. Сегодня, въ 11 часовъ утра, серб-

ЧА-1-Д-3540

скія войска торжественно вступили въ городъ, гдѣ и были восторженно встрѣчены населеніемъ, съ епископомъ во главѣ. Потери сербовъ еще не приведены въ извѣстность. Сербскія войска захватили орудія, ружья и много боевыхъ припасовъ. Подробностей пока нѣтъ.

Парижъ, 15-го декабря. Порта безусловно рѣшила продолжать войну, по крайней мѣрѣ, до открытія засѣданій парламента въ Лондонѣ; если парламентское большинство выразитъ одобреніе политикѣ кабинета лорда Биконсфильда, то Порта разсчитываетъ на союзъ съ Англіей. Если парламентъ не сдѣлаетъ такого постановленія, то Порта намѣрена войдти въ прямые переговоры съ Россіей. Этимъ заявленіемъ Порта надѣется произвести давленіе на общественное мнѣніе и парламентъ Англіи.

— 15-го декабря. По просьбѣ испанскаго правительства, Донъ-Карлосу послано оффиціозное приглашеніе выѣхать изъ Франціи, съ тѣмъ, что если онъ не выѣдетъ добровольно, то получитъ приказаніе удалиться.

Лондонъ, 17-го декабря. Англія оффиціально отвѣтила на запросъ султана, что она дастъ свое согласіе на открытіе мирныхъ переговоровъ съ Россіей.

— 17-го декабря. Сентъ-джемскій кабинетъ непосредственно обратится къ русскому правительству, сообразно ходатайству Порты относительно посредничества, въ видахъ открытія мирныхъ переговоровъ.

Берлинъ, 19-го декабря. Здѣсь получены свѣдѣнія изъ дипломатическихъ источниковъ, объясняющія цѣли англійскаго посредничества за Турцію. Англія домогается разузнать условія мира, на которыхъ настаиваетъ Россія. Имѣя въ рукахъ отвѣтную русскую ноту, лордъ Биконсфильдъ надѣется усилить въ Англіи воинственное настроеніе, указывая на требованія Россіи. Въ здѣшнихъ дипломатическихъ кружкахъ полагаютъ, что Россія не пойдетъ на эту удочку, а выждетъ время, пока Турція обнаружитъ искреннее расположеніе, что оба ходатайства о посредничествѣ сдѣланы Портою подъ давленіемъ Англіи.

◆

Наши гравюры.

Тайна открыта, рисунокъ г. **Ф. Костшевскаго.**

Мы уже говорили о способности г. Ф. Костшевскаго передавать народные типы и будничныя сцены изъ жизни простолюдиновъ. Рисунокъ, помѣщенный въ настоящемъ нумерѣ «Жив. Об.», передаетъ одну изъ самыхъ обыкновенныхъ сценъ: мастеровой потихоньку посылаетъ своего сынишку или ученика въ кабакъ за водкой; эти походы мальчишки остаются неизвѣстными «самой», т. е. хозяйкѣ, которая удивляется гдѣ, успѣваетъ напиваться ея «несчастный пропойца»; наконецъ, послѣ долгихъ наблюденій, ей удается подстеречь мальчугана, приносящаго водку, и горе заговорщикамъ!—теперь имъ не будетъ пощады и на долгое время прекратятся ихъ похожденія за водкой.

Гаданье.

Нужно ли говорить о чемъ гадаютъ эти молодыя женщины? Конечно, это понятно само собою! Въ эти годы этимъ богатымъ и хорошенькимъ женщинамъ только и можно гадать что о любви. О ней гадаютъ онѣ лѣтомъ среди цвѣтущаго парка, звенящаго птичьимъ пѣніемъ,—о ней же будутъ гадать онѣ на святкахъ, зимой, когда, не смотря на морозъ и снѣгъ, хочется и послушать у чужого окна, и спросить объ имени перваго встрѣчнаго прохожаго.

Непрошенныя учительницы.

«Бѣда, коль сапоги начнетъ тачать пирожникъ»... Объ этомъ мудромъ изрѣченіи забываютъ, очень часто нѣкоторыя хозяйки и въ особенности нѣмки. Вмѣшиваться въ дѣла повара—это ихъ любимое дѣло. Онѣ вычитываютъ изъ первой попавшейся поваренной книги, сколько чего нужно взять для такого-то блюда, приказываютъ исполнить ихъ предписанія повару, поваръ съ улыбочкой исполняетъ ихъ приказанія, дѣлаетъ все, что онѣ вычитаютъ изъ книги, и въ концѣ концовъ подаетъ на столъ отвратительнѣйшее кушанье, за которое онъ, конечно, «не отвѣчаетъ», такъ какъ «такъ сама барыня приказали сдѣлать». Разумѣется, въ этихъ случаяхъ дѣло не обходится безъ маленькихъ «передержекъ» повара, въ интересахъ котораго «отучить барыню разъ на всегда отъ хожденія по кухнямъ». Это, впрочемъ, видно уже изъ той усмѣшки, съ которою онъ выслушиваетъ приказанія добровольныхъ кухарокъ...

Почтовый ящикъ.

Курскъ. — 7. 10. Напечатано не будетъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи. Нечеловѣческая месть (оконч.).—Стихотвор. «Исповѣдь Гретхенъ».—Тайна врача.—Телефонъ. — Новости наукъ и жизни. — Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій. — Телеграммы. — Наши гравюры.—Почтовый ящикъ.—Объявленія.

Гравюры: Въ траншеяхъ въ отрядѣ генерала Скобелева.—Тайна открыта.—Два закройщика.—Гаданіе.—Четыре рисунка (къ статьѣ «Телефонъ». — Непрошенныя учительницы.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Объявленія

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ:

„НАРОДНАЯ ШКОЛА“ въ 1878 г. (годъ десятый).

Журналъ одобренъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, Учебнымъ Комитетомъ при св. Синодѣ и удостоенъ золотой медали отъ Имп. Вольно-Экономическаго Общества.

„Народная Школа“ будетъ выходить въ 1878 году, ежемѣсячными книжками, по той же программѣ и въ томъ же направленіи, какъ издавалась она въ теченіи 9 лѣтъ, при ближайшемъ сотрудничествѣ **В. А. Евтушевскаго** и **А. П. Пятковскаго.** Годовая цѣна журнала, со всѣми приложеніями, четыре рубля пятьдесятъ коп. съ пересылкою и доставкою. Подписка принимается: для иногородныхъ **исключительно** на Васильевскомъ островѣ, 6 линія, № 25; для городскихъ же подписчиковъ, кромѣ означеннаго адреса, во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Декабрьская книжка за текущій годъ выйдетъ въ скоромъ времени. Январьская книжка на 1878 г. будетъ выпущено своевременно.

МОДНЫЙ СВѢТЪ,

лучшій и полнѣйшій изъ всѣхъ выходящихъ въ Россіи семейныхъ журналовъ, съ приложеніями. Подписка на 1878 г. открыта.

ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ.

Большой иллюстрированный журналъ, съ безплатнымъ приложеніемъ „Иллюстрированной Хроники Войны“. Подписка на 1878 годъ открыта.

„ТРУДЫ“ ИМПЕРАТОРСКАГО ВОЛЬНАГО ЭКОНОМИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

въ **1878** году.

„Труды“ И. В. Э. Общества въ 1878 году будутъ издаваться по новой, утвержденной Обществомъ 13 января 1877 года, программѣ, которая состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ.

I. **Сельское хозяйство**, куда входятъ статьи, относящіяся къ сельскому хозяйству и главнѣйшимъ его отраслямъ, предметы естественно-историческаго содержанія, направленнаго къ разъясненію вопросовъ земледѣльческихъ, доклады и журналы засѣданій I Отдѣленія. Сюда же будетъ отнесенъ прежде бывшій въ „Трудахъ“ особый отдѣлъ „Пчеловодство“, статьи котораго будутъ помѣщаться въ видѣ особой рубрики, подъ тѣмъ же заглавіемъ „Пчеловодство“.

II. **Техническія производства**, тѣсно связанныя съ сельскимъ хозяйствомъ, какъ то: обработка льна и другихъ волокнистыхъ растеній, маслобойное дѣло, сыровареніе, картефельно-паточное производство и т. п., земледѣльческая механика, доклады и журналы засѣданій II Отдѣленія.

III. **Политическая экономія и статистика**, гдѣ помѣщаются статьи политико-экономическаго и статистическаго содержанія по предметамъ, касающимся круга дѣятельности Общества, доклады и журналы засѣданій III Отдѣленія.

IV. **Сельско-хозяйственное обозрѣніе**, гдѣ дается ежемѣсячный обзоръ экономическихъ явленій русскаго народнаго хозяйства вообще и сельскаго по преимуществу, а также сообщаются свѣдѣнія о болѣе замѣчательныхъ явленіяхъ и открытіяхъ по сельскому хозяйству за границею.

V. **Библіографическое обозрѣніе** посвящается оцѣнкѣ появляющихся въ свѣтъ сельско-хозяйственныхъ и вообще экономическихъ отдѣльныхъ сочиненій и журнальныхъ статей на русскомъ языкѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаются указанія на болѣе замѣчательныя иностранныя сочиненія.

VI. **Корреспонденція Общества**, куда входятъ небольшія и отрывочныя сообщенія по предметамъ занятій Общества изъ провинцій, разнаго рода запросы землевладѣльцевъ и отвѣты на нихъ со стороны Общества или непосредственно отъ Редакціи.

Въ концѣ каждой книжки помѣщаются „Объявленія“ о продажѣ сельско-хозяйственныхъ орудій и машинъ, сѣмянъ, растеній, книгъ и т. п., о предстоящихъ сельско-хозяйственныхъ выставкахъ, съѣздахъ и пр.

„Труды“ Общества будутъ выходить разъ въ мѣсяцъ книжками, каждая отъ семи до восьми печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе „Трудовъ“ остается прежняя:
безъ пересылки . . . . 3 р. 50 к.
Съ пересылкою по почтѣ внутрь имперіи, а равно и съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ . . . . 4 „ — „

Подписка на „Труды“ на 1878 годъ принимается въ С.-Петербургѣ (на углу 4-й роты Измайловскаго полка и Царскосельскаго проспекта), въ домѣ В. Э. Общества и въ сѣменной торговлѣ А. В. Запѣвалова (за Казанскимъ соборомъ, въ домѣ Лѣсникова). Иногородные благоволятъ адресоваться въ С.-Петербургъ, въ домъ В. Э. Общества.

Редакторъ **А. Совѣтовъ.**

ОБЪ ИЗДАНІИ

„МОСКОВСКОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ГАЗЕТЫ“

въ 1878 году.

(Годъ двадцать первый.)

Общество Русскихъ Врачей въ Москвѣ продолжаетъ изданіе „Московской Медицинской Газеты“ и въ наступающемъ 1878 году.

Программа изданія состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ:

I. Санитарный отдѣлъ, куда входятъ свѣдѣнія о состояніи и устройствѣ санитарной и медицинской частей въ земствѣ; извѣстія о составѣ и дѣятельности санитарныхъ комитетовъ въ Москвѣ и другихъ городахъ и мѣстностяхъ Россіи; свѣдѣнія о состояніи больницъ, школъ, казармъ и другихъ общественныхъ учрежденій; свѣдѣнія о заболѣваемости и смертности, а также извѣстія о появленіи и ходѣ эпидемій въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи.

II. Дѣятельность Русскихъ Медицинскихъ Обществъ и Корпорацій, какъ московскихъ, такъ и иногородныхъ по протоколамъ этихъ обществъ и частнымъ корреспонденціямъ.

III. Научно-практическая Медицина и Хирургія со всѣми ихъ отраслями: самостоятельныя изслѣдованія, клиническая казуистика, рефераты и обозрѣнія періодической медицинской литературы — русской и иностранной.

IV. Судебная Медицина; обзоръ дѣятельности врачебной экспертизы; отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ съ участіемъ врачей-экспертовъ.

V. Критика и Библіографія новѣйшихъ медицинскихъ сочиненій, выходящихъ внѣ періодической печати.

VI. Хроника событій и вопросовъ, тѣсно связанныхъ съ бытомъ русскаго врачебнаго сословія.

„Московская Медицинская Газета“ выходитъ еженедѣльно въ объемѣ отъ полутора до двухъ печатныхъ листовъ, исключая Рождественскихъ праздниковъ и Свѣтлой недѣли, т.-е. 50 №№ въ годъ.

Цѣна изданію **восемь рублей** въ годъ съ пересылкой въ города и доставкой на домъ. За полгода—5 рублей.

Подписка принимается въ Москвѣ: въ лѣчебницѣ Общества Русскихъ Врачей на Арбатѣ, въ своемъ домѣ и въ книжныхъ магазинахъ: И. Г. Соловьева и А. Л. Васильева на Страстномъ бульварѣ; въ С.-Петербургѣ: у книгопрод. К. Риккера, Невскій. № 14. Иногородныхъ просятъ адресоваться исключительно въ Москву, въ редакцію „Московской Медицинской Газеты“.

Редакторъ: докторъ **В. Ельцинскій.**
докторъ **Н. Миллеръ.**

Въ января 1878 года будетъ выходить новый ежемѣсячный ученолитературный журнаоъ

„ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА“

Программа „Исторической Библіотеки“ будетъ заключать въ себѣ два отдѣла: беллетрическій и научный, въ составъ которыхъ войдутъ оригинальные и переводные романы, повѣсти, разсказы, очерки и мемуары, преимущественно историческаго содержанія, оригинальныя и переводныя историческія сочиненія, изслѣдованія, монографіи, матеріалы, историко-юридическія, этнографическія, топографическія статьи и библіографическій указатель съ краткимъ разборомъ выходящихъ книгъ историческаго содержанія какъ у насъ, такъ и заграницей. Сюда же войдутъ статьи, посвященныя трудамъ по археологіи. По этому предмету учредитель археологическаго института въ Петербургѣ г. предсѣдатель коммиссій объ устройствѣ архивовъ въ Россіи, Н. В. Калачовъ будетъ сообщать наиболѣе важныя и интересныя свѣдѣнія какъ о ходѣ занятій, такъ и о матеріалахъ, хранящихся въ разныхъ архивахъ. Редакціи обѣщали свое содѣйствіе: Н. В. Калачовъ (ближайшимъ участіемъ по историко-юридической части), В. П. Безобразовъ, Н. И. Костомаровъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, В. С. Соловьевъ, Г. И. Данилевскій, Д. Л. Мордовцевъ, И. Е. Забѣлинъ, В. О Ключевскій, А. Д. Галаховъ, И. В. Вернардскій, П. В. Павловъ, Н. А. Матвѣевъ, Ю. Е. Афонасьевъ, В. П. Авенаріусъ и друг. Въ настоящее время въ Редакціи уже имѣются слѣдующія оригинальныя произведенія: Сводная былина о добромъ молодцѣ и рѣкѣ Смородинѣ В. П. Авенаріуса; Капитанъ гренадерской роты, истор. ром. Всев. С. Соловьева: Прекраса, ист. ром. изъ жизни сѣверныхъ Славянъ X вѣка В. Ладова; Престолъ и монастырь, истор. пов. конца XVII в. Ш.; Понизовыя вольницы, изъ дѣлъ Сыскнаго приказа, сообщ. Н. В. Калачовымъ; Сороковые годы въ исторіи русскаго народа Д. Л. Мордовцева; Московское княжество въ 1-ой половинѣ XIV ст., истор. этюдъ И. В. Полежаева; Основныя эпохи въ исторіи Англіи Д. Павлова и др. Кромѣ того, въ Редакцію сообщены Н. В. Калачовымъ, какъ истор. матеріалъ, въ числѣ другихъ статьи о народныхъ празднествахъ и театрѣ въ ц. Анны Іоановны: Н. Н. Оглоблинымъ: Описаніе путешествія Арсенія Архіепископа Алансонскаго въ Россіи въ 1588 г. Изъ числа переводныхъ стасей имѣются: Россія и Турція Бухарова; Супружества Генриха VIII; Государственная тюрьма временъ Людовика XIV, сообщ. Матвѣевымъ; Любовь Марата, ром. Мете и мн. друг. Затѣмъ Редакція ожидаетъ получить: истор. р. Г. П. Данилевскаго; Москов. княж. XVI в. Н. В. Калачева; изъ исторіи Болгаріи Галавацкаго; О мѣстномъ самоуправленіи во Франціи въ концѣ XVIII вѣка Ю. Е. Афонасьева, а также произведенія Н. И. Костомарова и К. Н. Бестужева-Рюмина.

Историческая Библіотека будетъ выходить ежемѣсячно книгами отъ 10—15 листовъ.

Цѣна годовому изданію **6** руб. **50** коп., съ пересылкой и доставкой **8** руб.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ Редакціи журнала больш. Садовая, домъ 121 кв. 12) и въ книжномъ магазинѣ Черкесова и К°, Невскій просп. противъ Публич. Библіотеки, д. № 54.

Гг. Иногородные благоволятъ адресоваться: въ Петербургъ, въ Редакцію журнала Исторической Библіотеки (бол. Садов., домъ 121, кв. 12).

Редакторъ-издатель **П. В. Полежаевъ.**

О ПОДПИСКѢ НА 1878 ГОДЪ НА

„ВЕЧЕРНЮЮ ГАЗЕТУ“

ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ.

Подписная цѣна съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ губерніи:

на 12 м. 8 р. — к.	на 8 м. 6 р. — к.	на 4 м. 3 р. 50 к.
„ 11 „ 7 „ 50 „	„ 7 „ 5 „ 50 „	„ 3 „ 2 „ 50 „
„ 10 „ 7 „ — „	„ 6 „ 5 „ — „	„ 2 „ 1 „ 70 „
„ 9 „ 6 „ 50 „	„ 5 „ 4 „ 20 „	„ 1 „ — „ 90 „

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи „Вечерней Газеты“, въ С.-Петербургѣ, по литейному проспекту, домъ № 42, не иначе какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Разсрочка платежа подписныхъ денегъ допускается для служащихъ—по третямъ чрезъ ихъ казначеевъ; для неслужащихъ — по личному или письменному соглашенію съ редакціею, для чего необходимо обращаться въ главную контору „Вечерней Газеты“.

Подписчики, которымъ допускается разсрочка въ платежѣ, за годовой экземпляръ съ пересылкою въ губерніи и доставкою въ Петербургѣ,—высылаютъ деньги въ слѣдующіе сроки: при самой подпискѣ 3 рубля, въ концѣ марта 3 рубля и въ началѣ августа 2 рубля.

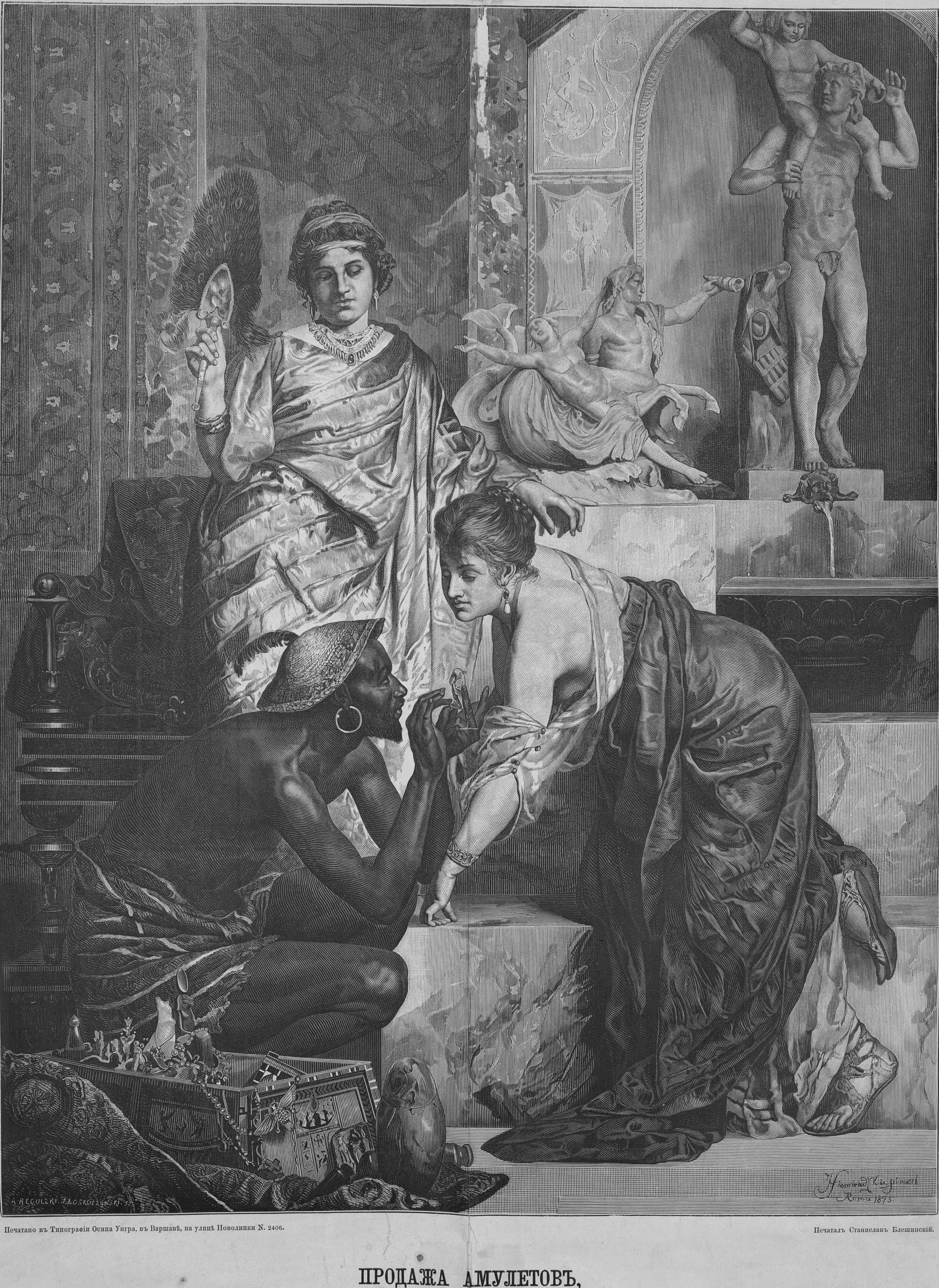
Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 Декабря 1877 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

Ш-I-D-3540

ПЕРВАЯ ПРЕМІЯ ДЛЯ ПОДПИСЧИКОВЪ ЖУРНАЛА

„ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

ВЪ 1877 ГОДУ.


A. REGULSKI. T. ŁOSKOCZYŃSKI. SC.
Henryk Siemiradzki
Roma 1875

Печатано въ Типографіи Осипа Унгра, въ Варшавѣ, на улицѣ Новолипки N. 2406.

Печаталъ Станиславъ Блешинскій.

ПРОДАЖА АМУЛЕТОВЪ,

СНИМОКЪ СЪ КАРТИНЫ ПРОФЕССОРА ГЕНРИХА СЕМИРАДСКАГО.

Дозволено Цензурою. Варшава, 10 Апрѣля 1877 г.

Цѣна въ бумажкѣ 3 руб.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27 Января 1878 года.

1 1877
124 низ т. 1-2
м/ф № 1-52